КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

ЯНВАРЬ

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

ЯНВАРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20-го января 1882 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1882 г.

I. КІЕВЪ, ЕГО СУДЬБА И ЗНАЧЕНІЕ СЪ XIV ПО XVI СТ., **Вл. Антоновича** 1

II. ЮЖНО-РУССКІЕ АРХІЕРЕИ XVI—XVII В. **О. Левицкаго** . 49

III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ (Лизогубы), **А. Лазаревскаго** . 101

IV. ДНЕВНИКЪ ОСВѢЦИМА (въ извлеченіи и переводѣ), съ предисловіемъ **В. А.** 126

V. АЛЬБОМЪ М. А. МАКСИМОВИЧА, **С. Пономарева** . . 152

VI. ПОСМЕРТНЫЙ РАЗСКАЗЪ О. АНТОНІЯ КОВАЛЬСКАГО (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губ. 1855 г.), сообщ. **П. Л-въ** 174

VII. АРХИВЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГІИ при Харьковскомъ Университетѣ, **П. Ефименко** 193

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Указатель книгъ и статей по исторіи южной Россіи за 1881 г. 2) Библіографическія замѣтки: а) Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, выпускъ 1-й. — б) Остерскій уѣздъ. Вып. 1-й, ч. 1-я. М. Н. Александровича.—в) Памятная книжка кубанской области, Е. Д. Фелицына.—г) Гальшка княгиня Острожска, оповѣдане историчне д-ра Из. Шараневича 193

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Хмельницкій въ представленіи Кромвеля,—б) Властная гетманша,—в) Петръ 1-й въ Русской Равѣ въ 1698 г.,—г) Осиротѣлые колокола,—д) Скоромная водка,—е) Процессъ церковнаго суда въ малорусскихъ междометіяхъ,—ж) Забавная родословная (рисунокъ и стихи) и з) Къ портрету Хмельницкаго 212

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Хмельницкаго (снимокъ съ оригинала XVII в.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины.“ Кіевъ, Бульваръ № 36-й.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ I. 1882 г.

Январь.

I. КІЕВЪ, ЕГО СУДЬБА И ЗНАЧЕНІЕ СЪ XIV ПО XVI СТ., **Вл. Антоновича.** 1
II. ЮЖНО-РУССКІЕ АРХІЕРЕИ XVI—XVII В. **О. Левицкаго** . . 49
III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ (Лизогубы), **А. Лазаревскаго**. . 101
IV. ДВЕВНИКЪ ОСВѢЦИМА (въ извлеченіи и переводѣ), съ предисловіемъ **В А.** 126
V. АЛЬБОМЪ М. А. МАКСИМОВИЧА, **С. Пономарева.** . . . 152
VI. ПОСМЕРТНЫЙ РАЗСКАЗЪ О. АНТОНІЯ КОВАЛЬСКАГО (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губ. 1855 г.), сообщ. **П. Л-въ.** 174
VII. АРХИВЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГІИ при харьковскомъ университетѣ, **М. Ефименко.** 193
VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Указатель книгъ и статей по исторіи южной Россіи за 1881 г. 2) Библіографическія замѣтки: а) Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, выпускъ 1-й.—б) Остерскій уѣздъ. Вып. 1-й, ч. 1-я. М. Н. Александровича.—в) Памятная книжка кубанской области, Е. Д. Фелицына.—г) Гальшка княгиня Острожска, оповѣдане историчне д-ра Из. Шараневича . . 199
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Хмельницкій въ представленіи Кромвеля.—б) Властная гетманша.—г) Петръ 1-й въ русской Равѣ въ 1698 г.—г) Осиротѣлые колокола.—д) Скоромная водка.—е) Процессъ церковнаго суда въ малорусскихъ междометіяхъ.—ж) Забавная родословная (рисунокъ и стихи) и з) Къ портрету Хмельницкаго 212
ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Хмельницкаго (снимокъ съ оригинала XVII в).

Февраль.

I. ПАНЫ ХОДЫКИ, воротилы городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XIV—XVII ст., **Вл. Антоновича** 233
II. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ ПОЛЬШИ въ періодъ ея раздѣловъ 262
III. ПОЛЯКИ и РУСИНЫ (къ исторіи ихъ бытовыхъ отношеній). **Л. Мацѣевича**. 301
IV. РАЗГОВОРЪ ВЕЛИКОРОССІИ СЪ МАЛОРОССІЕЙ (Литературный памятникъ 2-й пол. XVIII в.) съ предисловіемъ Н. И. Петрова. . 313
V. ДНЕВНИКЪ ОСВѢЦИМА, съ предисловіемъ **В. А.** (*Продолженіе*). . 366
VI. ПОСМЕРТНЫЙ РАЗСКАЗЪ О. АНТОНІЯ КОВАЛЬСКАГО (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губ. 1855 г), сообщ. П. **Л-въ**. (*Окончаніе*) 386
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Указатель книгъ по исторіи южной Россіи за 1881 г. (*Окончаніе*). 2) Библіографическія замѣтки: а) Терскіе козаки съ стародавнихъ временъ. Соч. Ивана Попко. Выпускъ первый—гребенское войско. В. А.—б) Исторія сѣверской земли до половины XIV в. Петра Голубовскаго. Д. Б.—в) Моравія и мадьяры съ половины IX до нач. X вѣка. К. Я. Грота. — г) Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной. издаваемые по Высоч. соизволенію В. Прохоровымъ. В. И. 397
VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Соборъ вмѣсто собора (къ исторіи кіевскихъ соборовъ).—б) Православный монастырь и его уніатская лѣтопись (къ исторіи сатановскаго монастыря подольской епархіи).—в) Компанейскія иголки.—г) Покрытка. Ст. фонъ-Носъ.—д) Илія Човпила, бѣсамъ въ службу записавшійся (изъ области народныхъ суевѣрій).—е) Gaudeamus igitur кіевской академіи.—ж) Запорожское расхищеніе (двѣ пѣсни о томъ, кому достались запорожскія земли.—з) Объясненіе приложенія 413
ПРИЛОЖЕНІЕ: Кіевская академія и ея студенты (1697—1702 г.).

Мартъ.

I. ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ КІЕВА . . . . . I—VI
II. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ ПОЛЬШИ, въ періодъ ея раздѣловъ (*Окончаніе*). **Е. Крыжановскаго** . . 441
III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. (Милорадовичи), **Ал. Лазаревскаго** . 479
VI. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ. Письма Иннокентія 1820—1825 г., съ предисловіемъ **Л. М.** . . . 499

V. ОПИСАНІЕ БѢДСТВІЯ, ПОСТИГШАГО УМАНЬ И ВСЮ УКРАИНУ въ 1768 году 520
VI. СКАЗАНІЕ О БОНДАРЕНКѢ по народнымъ преданіямъ. . . 530
VII. ОБРАЗЦЫ ОБЛИЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ МАЛОРОССІИ. **П. Ефименко** 538
VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Матеріалы для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи.—б) Описаніе рукописей виленской публичной библіотеки. Составилъ Ф. Добрянскій. Вильно. 1882 г.—в) Ченстоховская чудотворная икона Богоматери. Свящ. Н. С—лова. Вильно. 1881 г.—г) Исторія русской церкви. Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Т. X. Спб. 1881 г. 560
IX. ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Историческое общество Нестора-лѣтописца въ 1881 г. —б) Неосуществившійся университетъ въ Новгородъ - Сѣверскѣ.—в) Древній способъ публикаціи. — г) Одинъ изъ протестовавшихъ. — д) Исключеніе Т. Г. Шевченка за самовольную отлучку.—е) Мѣсторожденіе Семена Палія.—ж) Легенда и три пѣсни о Семенѣ Паліѣ.—з) Одесское общество исторіи и древностей въ 1881 году. . . 581
АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ I томѣ.

Богдан Хмельницький
Гетьман

Кіевъ, его судьба и значеніе

съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569).

При изученіи исторіи Кіева и всей юго западной Руси мы находимъ въ дошедшихъ до насъ источникахъ значительный пробѣлъ. Съ того времени, какъ кончились свѣдѣнія южныхъ лѣтописей въ исходѣ XIII столѣтія и до появленія новаго цикла лѣтописныхъ и архивныхъ извѣстій во второй половинѣ XVI вѣка, исторію южной Руси мы привыкли или обходить молчаніемъ, или, что гораздо хуже для исторической истины, очерчивать судьбы ея нѣсколькими штрихами, состоящими изъ общихъ мѣстъ и догадокъ, выдаваемыхъ за историческую характеристику, основанную будто бы на фактическихъ данныхъ.

Одно изъ такихъ общихъ мѣстъ, установившихся съ конца XVI столѣтія и, вслѣдствіе частаго повторенія, сдѣлавшихся общепринятымъ историческимъ убѣжденіемъ, составляетъ то мнѣніе, будто послѣ Батыева нашествія Кіевъ былъ превращенъ въ развалины, кіевская область совершенно опустѣла и перестала принимать какое-бы то ни было участіе въ политической и культурной жизни Руси. Опираясь на это общее положеніе и желая объяснить себѣ происхожденіе населенія, существовавшаго въ краѣ, по свидѣтельству историческихъ источниковъ конца XVI столѣтія, многіе историки пытались объяснить дѣло гипотезами болѣе или менѣе тенденціозными, не лишенными смѣлости, но къ несчастію не основанными ни на какихъ фактическихъ данныхъ. Такъ съ одной стороны Погодинъ предположилъ, что населеніе южной Руси будто поголовно убѣжало отъ татарскаго нашествія на сѣверъ, (замѣтимъ, гораздо болѣе юга пострадавшій отъ монголовъ) и мѣ-

сто его заняло новое племя, спустившееся съ Карпатъ на днѣпровскія равнины, причемъ переселеніе цѣлыхъ народныхъ массъ произошло будто ни для кого незамѣтно и не оставило никакого слѣда въ бытописаніи. Съ другой стороны пробѣломъ историческихъ свѣдѣній воспользовались польскіе писатели: Грабовскій, Шайноха и другіе и, настаивая на мысли мнимаго запустѣнія края, колонизовали его польскими выходцами, забывая при томъ пояснить, почему эти выходцы, пришедшіе будто-бы съ береговъ Вислы, представляютъ въ XVI вѣкѣ сплошную массу съ характеромъ русской, а не польской народности. Туманъ историческій, сгущаясь все болѣе и болѣе отъ частаго повторенія вымысловъ и фантастическихъ прикрасъ, сталъ сбивать съ пути и такихъ писателей, которые должны были-бы отличать въ данномъ случаѣ тенденціозность польскихъ писателей и нѣсколько болѣе критически относиться къ прошлому своей родины. Въ этомъ отношеніи, полагаю, достаточно указать, какъ на образецъ увлеченія чуждою исторической истины теоріею, на введеніе въ „исторію возсоединенной Руси“ г. Кулиша.

Между тѣмъ, вглядѣвшись безъ предъубѣжденія въ тѣ немногія, но точныя историческія свѣдѣнія, какія дошли до насъ о судьбѣ южной Руси съ XIII по XVI столѣтіе, мы не можемъ не признать, что общепринятое мнѣніе о запустѣніи ея въ это время есть не болѣе какъ историческій миражъ. Батыево разореніе есть послѣднее постигшее Кіевъ бѣдствіе, записанное древними русскими лѣтописями; затѣмъ, послѣ долгаго перерыва, въ XVI столѣтіи, путешественники, посѣщавшіе Кіевъ или писавшіе о немъ: Герберштейнъ, Гваньини, Ляссота, Гейденштейнъ и пр., описываютъ развалины, загромоздившія нагорную часть Кіева, и сожалѣютъ объ упадкѣ величія этого, нѣкогда знаменитаго, города. Уже съ исхода XVI вѣка мы замѣчаемъ у лѣтописцевъ стремленіе связать и сопоставить оба факта, какъ причину и послѣдствіе. Стремленіе это выражается у составителей лѣтописныхъ сводовъ дополненіями и приставками совершенно произвольныхъ подробностей къ исторіи Батыева погрома. Въ древнѣйшемъ извѣстіи о взятіи Кіева Батыемъ, записанномъ въ ипатской лѣтописи, указано только разрушеніе десятинной церкви, своды которой обрушились подъ тяжестью столпившагося на нихъ народа; затѣмъ о разрушеніи города нѣтъ вовсе упоминаній; говорится лишь, что изъ Кіева Батый прошелъ по Волыни, разрушилъ нѣсколько городовъ, другіе миновалъ или не успѣлъ взять и, по совѣту плѣннаго боярина Дмитрія, не оста-

навливаясь на пути, поспѣшилъ ворваться въ Венгрію, чтобы захватить эту страну въ расплохъ, а въ обратномъ пути его указываются грабежи, причиненные татарами въ сѣверной части волынскаго Полѣсья. Несомнѣнно, страна, лежавшая на западъ отъ Днѣпра, пострадала отъ орды въ весьма слабой степени, сравнительно, напримѣръ, съ разореніемъ земель ростовской или рязанской; между тѣмъ никому изъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ и историковъ не приходитъ въ голову утверждать, что земли эти запустѣли вслѣдствіе Батыева погрома; происходитъ же это лишь потому, что о послѣдующей судьбѣ тѣхъ земель позднѣйшіе составители лѣтописныхъ сводовъ и историки находили цѣлый рядъ послѣдовательныхъ сказаній въ дошедшихъ до нихъ лѣтописяхъ, между тѣмъ какъ свѣдѣній такихъ о кіевской землѣ не имѣли и позднѣйшее запустѣніе города пытались объяснить послѣднимъ, извѣстнымъ имъ, бѣдственнымъ событіемъ. Такъ въ лаврентіевскомъ лѣтописномъ спискѣ, дошедшемъ до насъ въ редакціи конца XIV столѣтія, въ той части его, которая составлена уже не въ кіевской землѣ, а въ ростовской, вмѣсто обстоятельнаго и исполненнаго подробностей разсказа ипатской лѣтописи, помѣщена краткая только замѣтка, но къ ней прибавлено нѣсколько фразъ объ ограбленіи церквей и поголовномъ истребленіи жителей Кіева. Составитель густинскаго списка, не смотря на то, что пользовался при составленіи своего свода ипатскимъ спискомъ, не ограничился его извѣстіями, но прибавилъ къ нимъ нѣсколько фразъ о разореніи города: „татаре изсѣкше людей безъ числа, а прочихъ связанныхъ въ плѣнъ поведоша, а градъ Кіевъ огнемъ и монастырѣ всѣ запалиша“. Воскресенскій сводъ дополняетъ эту картину разоренія еще болѣе печальными подробностями; по его словамъ: „иные (жители) бѣжаша въ дальные страны, иные-же крыяхуся въ пещерахъ земныхъ и въ горахъ и въ лѣсѣхъ“. Наконецъ Кіевскій Синопсисъ, сводя разсѣянные въ лѣтописяхъ легендарные наросты, изображаетъ слѣдующую картину: „татаре всея Россіи стольный и во всей подсолнечной славный царственный градъ Кіевъ взяша, церкви божественныя разориша, городъ и мѣсто огнемъ сожегоша, людей иныхъ посѣкоша, а иныхъ плѣниша и все государство кіевское ни во что обратиша“. Затѣмъ слѣдуетъ подробный разсказъ о разореніи окончательномъ кіево-печерскаго монастыря и храма. Такимъ образомъ, посредствомъ постоянныхъ наростовъ и украшеній, къ концу XVII столѣтія составилась полная картина разоренія Кіева

и запустѣнія кіевской области, освобождавшая писателей отъ дальнѣйшаго разсказа о ея судьбѣ, что было-бы для нихъ весьма затруднительно за отсутствіемъ источниковъ. Успокоившись на томъ, что объ исторіи пустыни писать нечего, лѣтописцы и историки свободно переходили изъ Кіева къ исторіи великаго княженія владимірскаго и московскаго и продолжали разсказъ, пользуясь источниками лѣтописными, уцѣлѣвшими въ сѣверо-восточной Руси. По разъ проложенному пути пошли дальнѣйшіе историки и установилось мнѣніе, что въ теченіи трехъ столѣтій о южной Руси, запустѣвшей и какъ бы изчезнувшей, слѣдуетъ умалчивать, такъ какъ полагать должно, что все это время она не могла оправиться отъ погрома.

Къ счастью, однако, составители лѣтописныхъ сводовъ были слишкомъ добродушны и владѣли слишкомъ слабыми критическими пріемами для того, чтобы тенденціозно провести придуманную гипотезу. Пользуясь краткими, доходившими до нихъ замѣтками о кіевской землѣ, они добросовѣстно вносили ихъ въ свои своды, не замѣчая противурѣчія, въ которомъ замѣтки эти находились съ сказаніемъ о Батыевомъ разореніи. Постараемся свести хотя нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ съ половины XIII по конецъ XIV столѣтія, чтобы убѣдиться, насколько картина запустѣнія Кіева и его области не подтверждается даже тѣми источниками, которые подали поводъ къ ея возникновенію.

Исторія всей второй половины XIII столѣтія пространно описана въ концѣ ипатской лѣтописи: мы не только не усматриваемъ въ разсказѣ этой лѣтописи признаковъ запустѣнія юго-западной Руси, но, напротивъ того, можемъ прослѣдить постепенный ростъ могущества галицко-волынскаго княжества подъ управленіемъ Даніила Романовича и его ближайшихъ наслѣдниковъ. Но сверхъ исторіи этого княжества, ипатская лѣтопись сообщаетъ въ данное время весьма интересныя извѣстія о земляхъ: подольской, болоховской, потетеревской, звягельской (двѣ послѣднія входили въ составъ кіевской области) и т. д., добровольно подчинившихся монголамъ и состоявшимъ въ зависимости отъ хановъ на весьма льготныхъ условіяхъ. Собственно о кіевской области лѣтопись говоритъ мало, такъ какъ область эта не входитъ въ районъ, избранный лѣтописцемъ, но по нѣсколькимъ намекамъ видно, что Кіевъ не былъ превращенъ въ пустыню. Подъ 1250 г. разсказано пребываніе Даніила Романовича на пути въ орду въ выдубецкомъ монастырѣ, а подъ 1257-мъ упоминается о намѣ-

реніи Даніила завоевать съ помощью литовцевъ Звягель и Кіевъ. Изъ помѣтокъ занесенныхъ въ густинскій сводъ, мы видимъ, что съ 1243—1249 г. Кіевъ находился подъ властью Ярослава Всеволодовича на основаніи ярлыка, полученнаго имъ отъ хана; затѣмъ на томъ-же основаніи владѣли Кіевомъ Александръ Ярославичъ (1249—1263) и Ярославъ Ярославичъ (1263—1271). Въ XIV столѣтіи таже лѣтопись называетъ кіевскихъ князей: Ѳеодора (1331—1362), Владиміра Ольгердовича (1362—1392), Скиргайла Ольгердовича (1392—1396) и Іоанна Борисовича (1396—1399).

Относительно состоянія города и украшавшихъ его церквей въ данное время мы находимъ весьма точныя свѣдѣнія. Кіево-печерскій монастырь и церковь его продолжали существовать въ XIII и XIV столѣтіяхъ: такъ подъ 1274 годомъ густинская и воскресенская лѣтописи занесли фактъ посвященія архимандрита кіево-печерскаго Серапіона въ епископы во Владиміръ. Подъ 1289 годомъ, при описаніи похоронъ волынскаго князя Владиміра Васильковича, упоминается другой архимандритъ кіево-печерскій—Агапитъ. Третій архимандритъ того-же монастыря, Давидъ, извѣстенъ какъ духовникъ второй жены Ольгерда. Въ концѣ XIV столѣтія мы имѣемъ свѣдѣнія о погребеніи въ кіево-печерскомъ монастырѣ многихъ знатныхъ лицъ: нареченнаго митрополита Діонисія (1385 г.), князя Іоанна (Скиргайла) Ольгердовича (1396 г.) и князя Владиміра Ольгердовича. Въ 1399 году кіево-печерскій монастырь, откупаясь отъ орды Темиръ-Кутлука, напавшей на Кіевъ, далъ татарамъ „окупу 30 рублевъ". Такія-же данныя можно привести и о сохранности кіево-софійскаго храма: въ 1280 году въ соборѣ кіевскомъ погребенъ былъ митрополитъ Кириллъ, скончавшійся въ Переяславѣ суздальскомъ. Въ 1288—1289 годахъ митрополитъ Максимъ рукополагалъ „въ святѣй Софіи въ Кіевѣ" Іакова въ епископы владимірскіе и Тарасія—въ ростовскіе. Замѣтимъ притомъ, что послѣдній изъ нихъ до рукоположенія своего былъ игуменомъ въ кіевскомъ богословскомъ монастырѣ. Съ 1375 по 1380 г. и потомъ съ 1382 по 1390 г. въ Кіевѣ, на митрополичьемъ дворѣ, у св. Софіи, жилъ непризнанный въ Москвѣ Дмитріемъ Ивановичемъ митрополитъ Кипріянъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ никоновская лѣтопись описываетъ его второй пріѣздъ въ Кіевъ: „пришедъ въ Кіевъ на свое мѣсто митропольское въ соборной церкви кіевской, матери всѣмъ церквамъ русскимъ. И пріятъ былъ митрополитъ отъ всѣхъ со многою честью и сретоша его далече отъ града со кресты и князи, и боляре, и вель-

можи и народы мнози съ радостью..... и пребываше Кипріянъ митрополитъ въ кіевскихъ странахъ..... и вси послушаху и чествоваху его". Въ 1396 году, за нѣсколько дней до своей кончины, кіевскій князь Скиргайло пировалъ „на митрополичьемъ дворѣ, у святой Софьи", у намѣстника Ѳомы. Полагаемъ, что приведенныхъ фактовъ достаточно для того, чтобы устранить положеніе о совершенномъ запустѣніи края и города.

Но если мы обратимъ вниманіе на степень развитія политическаго могущества и значенія Кіева въ XIII столѣтіи, то мы должны признать несомнѣнный политическій упадокъ кіевской области. Упадокъ этотъ былъ результатомъ событій, предшествовавшихъ монгольскому нашествію; причины его заключались въ той продолжительной борьбѣ, которую вели упорно въ теченіи XII столѣтія разныя вѣтви русскаго княжескаго рода за обладаніе кіевскимъ столомъ, съ которымъ связано было представленіе о старшинствѣ и гегемоніи на Руси. Ни одна изъ княжескихъ вѣтвей не успѣла упрочиться въ кіевской области, постоянныя же ихъ распри не дозволили самой землѣ выработать сколько нибудь правильный общественный строй. Убѣдившись въ невозможности прочно овладѣть Кіевомъ и основать на этомъ владѣніи свое главенство, князья вступаютъ на новый политическій путь: они стремятся унизить Кіевъ и перенести понятіе о старшинствѣ въ русской землѣ въ другіе, новые центры. Мало по малу около новыхъ средоточій государственной силы и дѣятельности группируются разрозненныя земли, нѣкогда подвластныя великимъ князьямъ кіевскимъ. Между ними первое мѣсто по могуществу занимаютъ: Владиміръ на Клязьмѣ и прикарпатскій Галичъ; затѣмъ—на второмъ планѣ: Новгородъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Черниговъ, Рязань. Каждый изъ этихъ городовъ притягиваетъ къ себѣ болѣе или менѣе обширную территорію, къ Кіеву-же тянетъ только его коренная незначительная область—„русская земля" въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Это древнее достояніе первыхъ кіевскихъ князей заключалось въ тѣсныхъ границахъ, опредѣлявшихся теченіемъ рѣкъ Случи, Припяти, Днѣпра и Роси. Между тѣмъ какъ съузилась территорія области и, вмѣстѣ съ съ тѣмъ, падало ея политическое значеніе, князья старались ускорить это паденіе, нанося древнему политическому центру Руси все болѣе и болѣе тяжелые удары. Въ раздраженіи борьбы они не щадятъ ни спорной области, ни ея стольнаго города. Среди княжескихъ междоусобій Кіевъ подвергся два раза разоренію го-

раздо болѣе тяжелому, по словамъ современныхъ лѣтописей, чѣмъ позднѣйшее разореніе Батыево. Такъ въ 1169 году Мстиславъ Андреевичъ, во главѣ многочисленной рати, посланной Андреемъ Боголюбскимъ и его союзниками, овладѣлъ Кіевомъ и предалъ его разграбленію; три дня суздальцы и черниговцы грабили и жгли церкви и дома и хватали жителей въ полонъ. Въ 1203 году князь Рюрикъ Ростиславичъ, оспаривавшій кіевскую область у Романа галицкаго, раздраженный предпочтеніемъ, оказаннымъ кіевлянами его сопернику, овладѣлъ Кіевомъ съ помощью половцевъ и отдалъ городъ и церкви на разграбленіе, а жителей въ полонъ своимъ союзникамъ. Конечно, послѣ этихъ ударовъ, должно было оскудѣть богатство Кіева и быстро понизилось его политическое значеніе.

Въ этомъ состояніи политическаго безсилія кіевская область прожила XIII-е и большую половину XIV-го столѣтій. Она не только потеряла значеніе первенствующаго, старшаго княженія, но, среди раздробившихся русскихъ областей, занимала мѣсто второстепенное, незамѣтное. Но въ XIV столѣтіи въ судьбѣ Руси случился новый историческій поворотъ, начертавшій и для Кіева новую политическую роль на новомъ поприщѣ. Въ это время разъединенныя, ослабѣвшія русскія земли начинаютъ вновь объединяться въ болѣе крупные и прочно связанные политическіе организмы. Стремленіе это происходитъ одновременно на двухъ закраинахъ русскаго міра: между тѣмъ какъ въ сѣверо-восточной Руси, благодаря настойчивой и предусмотрительной политикѣ владимірскихъ и московскихъ великихъ князей, возникаетъ новое сильное русское государство, юго-западныя русскія земли находятъ точку опоры въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ 1362 году, вслѣдствіе побѣды, одержанной Ольгердомъ Гедиминовичемъ надъ тремя татарскими темниками, Кіевъ вмѣстѣ съ подольскою землею переходитъ безъ сопротивленія со стороны мѣстнаго населенія подъ власть великихъ князей литовскихъ, успѣвшихъ уже до того времени объединить подъ своею державою княжества: полоцкое, туровское, брянское, черниговско-сѣверское и волынское, и вскорѣ послѣ занятія Кіева овладѣвшихъ Смоленскомъ. Такимъ образомъ многочисленныя русскія земли оказались вновь соединенными въ предѣлахъ быстро развившагося русско-литовскаго государства. Государство это состояло изъ двухъ элементовъ, разнородныхъ въ этнографическомъ, религіозномъ, бытовомъ и культурномъ отношеніяхъ. Инородческое племя,

положившее начало государству и выдвинувшее изъ своей среды княжескую династію, оказалось, послѣ объединенія западно русскихъ земель этою династіею, слабѣйшимъ и въ количественномъ, и въ культурномъ отношеніяхъ. Занимая менѣе $^{1}/_{10}$ доли всей территоріи великаго княжества литовскаго, литовцы не обладали ни развитою культурою, ни письменностью, ни выработанными формами общественнаго быта, ни историческою государственною традиціею. Между тѣмъ, вошедшія въ составъ литовскаго государства, русскія земли, составлявшія болѣе $^{9}/_{10}$ всего его пространства, принесли съ собою старую общественную культуру, выработанную продолжительною историческою жизнью и почерпавшую постоянно новыя силы въ христіанствѣ, единственномъ тогда проводникѣ высшихъ формъ развитія. При взаимномъ воздѣйствіи обоихъ національныхъ началъ, несомнѣнно—литовское должно было подчиниться русскому, заимствовать его цивилизацію и занять въ общемъ государствѣ второстепенное мѣсто. Дѣйствительно въ XIV столѣтіи, подъ руководствомъ Гедимина и Ольгерда, жизнь великаго княжества литовскаго и слагается въ этомъ направленіи. Русскія области получили, благодаря объединенію, гарантіи для спокойнаго развитія своей внутренней жизни. Литовскіе князья не только не стѣсняютъ этого развитія, но съ удивительнымъ политическимъ тактомъ и безпристрастіемъ поддерживаютъ его и постепенно подчиняются его культурному вліянію, сознавая, что государство ихъ можетъ развиться, опираясь лишь на русское народное начало. Уже во второмъ поколѣніи русское вліяніе охватываетъ княжескую семью: многочисленные сыновья Гедимина принимаютъ крещеніе по православному обряду, вступаютъ въ родственныя связи съ русскими князьями, живутъ въ русскихъ областяхъ, гдѣ усваиваютъ себѣ языкъ, бытъ, понятія, традиціи и письменность русскаго населенія. Гедиминовичи считаютъ свой родъ вступившимъ во всѣ права русскаго княжескаго рода и примѣняютъ къ себѣ всѣ понятія о княжеской власти и ея отношеніяхъ къ землѣ, выработанныя потомками Владиміра Святаго; русскій языкъ становится языкомъ разговорнымъ и оффиціальнымъ при ихъ дворѣ; на немъ пишутъ грамоты и производятъ судъ не только въ русскихъ, но и въ коренныхъ литовскихъ земляхъ. Православіе распространяется мирнымъ путемъ, незамѣтно, среди литовцевъ; еще при Гедиминѣ въ новооснованной имъ столицѣ—Вильнѣ возникаютъ православныя церкви. Ольгерда окружаетъ православная семья и духовенство и

онъ основываетъ и надѣляетъ помѣстьями православныя церкви. Такимъ образомъ западная Русь, окрѣпнувъ въ политическомъ отношеніи при починѣ литовской народности, пріобщала послѣднюю къ своей цивилизаціи путемъ мирнаго распространенія своей культуры. Къ несчастію, этотъ естественный ходъ развитія слагавшагося западно-русскаго государства встрѣтилъ неожиданную преграду вслѣдствіе внѣшней, политической комбинаціи. Сынъ и наслѣдникъ Ольгерда, великій князь Ягайло, вступивъ въ бракъ съ наслѣдницею польскаго престола, Ядвигою, сталъ королемъ польскимъ. Новое государство отвлекло его вниманіе отъ Литвы и вскорѣ этотъ слабохарактерный потомокъ Гедимина подчинился всецѣло вліянію окружившей его новой среды. Находясь подъ ея давленіемъ, онъ видоизмѣнилъ свои отношенія къ литовскимъ своимъ подданнымъ и намѣтилъ по отношенію къ нимъ то направленіе внутренней политики, котораго потомъ держались всѣ его потомки. Направленіе это состояло въ стремленіи передѣлать государственный строй и убѣжденія жителей великаго княжества литовскаго на подобіе того строя, который выработала польская историческая жизнь. Ягайло считаетъ своею задачею водвореніе въ Литвѣ католичества, польскаго общественнаго порядка, основаннаго на сословной дворянской исключительности, польскихъ юридическихъ установленій, и, наконецъ, пріобщенія къ польской народности жителей великаго княжества литовскаго. Конечно задача эта была невозможна и неисполнима, но подъ вліяніемъ грубаго фанатизма Ягайло рѣшился связать съ ея выполненіемъ призваніе своей династіи; всѣ усилія его потомковъ не могли конечно сдѣлать невозможнаго—измѣнить національныя черты многочисленной и культурной народной группы, но они затормозили ея естественное развитіе, извратили нормальный ростъ и заставили истратить на самозащиту въ внутренней борьбѣ всѣ лучшія силы народнаго духа. Первыя усилія Ягайло обратилъ на области населенныя литовскимъ племенемъ и составлявшія его вотчинное непосредственное владѣніе; не ожидая постепеннаго перехода ихъ въ христіанство при мирномъ вліяніи православія, онъ поспѣшилъ крестить литовскихъ язычниковъ по обряду римскому и назначилъ католическую іерархію въ литовскія епархіи; затѣмъ привилегіею 1400 года онъ объявилъ, что земли эти онъ присоединяетъ навсегда къ польской коронѣ и дворянамъ литовскихъ областей жалуетъ права дворянъ польскихъ подъ условіемъ, что пожалованіе его будетъ относиться лишь къ лицамъ, принявшимъ

католичество. Въ пользу дворянъ католиковъ онъ отказывался отъ своего верховнаго права на находившуюся въ ихъ пользованіи поземельную собственность и снималъ съ нихъ всѣ феодальныя обязательства, вытекавшія изъ литовскаго строя, оговариваясь формально, что льготы эти не будутъ относиться къ послѣдователямъ восточнаго обряда. Затѣмъ, переходя къ русскимъ областямъ великаго княжества литовскаго, онъ потребовалъ отъ удѣльныхъ князей присяги на вѣрность себѣ и коронѣ польской послѣ кончины великаго князя Витовта, котораго онъ вынужденъ былъ признать правителемъ Литвы, и сталъ дѣлить русскія области на католическія епархіи и назначать въ нихъ католическихъ епископовъ, въ надеждѣ, что жители, привлекаемые льготами и сословнымъ интересомъ, вскорѣ обратятся къ римской церкви.

Руси литовской такимъ образомъ стала угрожать опасность со стороны собственнаго правительства, попавшаго теперь подъ вліяніе чуждаго народнаго начала и рѣшившагося проводить свои воззрѣнія безъ всякаго вниманія на національныя, историческія и бытовыя особенности народонаселенія. Русскія области, сознавая наступавшую опасность, стараются отстоять свои національныя начала, отклоняя по возможности стремленія правительства къ объединенію ихъ съ Польшею и отстаивая свои бытовыя особенности. Во главѣ русской реакціи становятся обрусѣвшіе князья Гедиминова рода и, опираясь на сочувствіе своихъ областей, отстаиваютъ самостоятельность литовско-русскаго государства и отклоняютъ введеніе въ немъ польскаго общественнаго строя. Между тѣмъ какъ усилія Ягайла и его наслѣдниковъ опираются на Вильно, весьма рано сдѣлавшееся средоточіемъ административно-полонизаторской дѣятельности правительства, русская партія сосредоточивается въ Кіевѣ и находитъ во всѣхъ слояхъ народонаселенія кіевской области прочную поддержку своимъ стремленіямъ. Представители русской партіи особенно дорожатъ кіевскимъ удѣломъ, и кіевская земля получаетъ значеніе твердыни русской народности. Значеніе это въ борьбѣ съ польско-латинскимъ вліяніемъ она занимаетъ въ исходѣ XIV столѣтія и удерживаетъ за собою до окончательнаго рѣшенія въ южной Руси спорнаго вопроса въ пользу русской народности въ половинѣ XVII ст. Главная задача борьбы остается постоянно неизмѣнною, но мѣняются ея средства и составъ общественныхъ элементовъ, выступавшихъ на защиту своей народности, сообразно съ понятіями и условіями

времени. Борьбу начинаютъ обрусѣвшіе князья литовско-русскаго происхожденія, продолжаютъ ее представители церкви и завершаютъ народныя массы, сгрупировавшіяся подъ знаменемъ козачества. Во всѣхъ трехъ фазисахъ борьбы Кіевъ и его область составляютъ надежную точку опоры для поборниковъ русскаго народнаго начала.

Мы попытаемся, насколько позволяютъ скудные источники, сгруппировать факты, относящіеся къ первому періоду этого народнаго призванія нашего города, такъ какъ два другіе момента борьбы гораздо болѣе изслѣдованы и для уясненія ихъ существуетъ значительное количество цѣльныхъ и давно приведенныхъ въ извѣстность источниковъ.

Первымъ кіевскимъ удѣльнымъ княземъ послѣ присоединенія его къ великому княжеству литовскому былъ одинъ изъ старшихъ сыновей Ольгерда, Владиміръ. Князь этотъ былъ родоначальникомъ извѣстнаго своею преданностью русской народности и православію рода Олельковичей. О тридцатилѣтнемъ княженіи въ Кіевѣ самаго Владиміра до насъ дошло весьма мало свѣдѣній, что впрочемъ естественно, такъ какъ болѣе продолжительная, первая половина его княженія относится къ тому еще времени, когда русская народность не подвергалась опасности со стороны правительства великихъ князей литовскихъ. Владиміръ Ольгердовичъ не принималъ участія въ распряхъ, волновавшихъ Гедиминовичей въ другихъ областяхъ великаго княжества, и очевидно преданъ былъ исключительно интересамъ своей земли. Изъ дошедшихъ до насъ извѣстій видно, что онъ заботился весьма ревностно о судьбѣ православной церкви; кромѣ дарственныхъ и подтвердительныхъ грамотъ въ пользу разныхъ церквей, находившихся въ предѣлахъ кіевской области, онъ извѣстенъ вмѣшательствомъ въ дѣло объ устройствѣ русской митрополіи. Желая возстановить митрополичью каѳедру въ Кіевѣ, Владиміръ Ольгердовичъ призналъ и постоянно поддерживалъ митрополита Кипріяна, не признаннаго Дмитріемъ Ивановичемъ въ Москвѣ, и такимъ образомъ первый споспѣшествовалъ реальному возстановленію кіевской митрополіи; во время смутнаго періода, случившагося послѣ смерти московскаго митрополита Алексія, когда за русскую митрополію спорило нѣсколько лицъ, рукоположенныхъ патріархомъ, кіевскій князь постоянно признавалъ митрополичій санъ за Кипріяномъ, жившимъ въ Кіевѣ, и устранилъ одного изъ

претендентовъ — Діонисія, задержавъ его въ Кіевѣ, гдѣ онъ и скончался.

Послѣ возведенія на польскій престолъ Ягайла, послѣдній, желая примѣнить къ Руси задуманные имъ планы, обращаетъ особенное вниманіе на Кіевъ и старается заручиться согласіемъ брата, княжившаго здѣсь; въ теченіи трехъ лѣтъ (1387—1389) онъ три раза присылалъ кіевскому князю для подписи грамоты, заключавшія въ себѣ обязательство вѣрности „regi, reginae et regno Poloniae". Но очевидно подписи этихъ грамотъ мало обезпечивали вѣрность кіевской земли, потому, что уже три года спустя правитель Литвы — Витовтъ пошелъ войною на кіевскаго князя, выставляя какъ причину похода то обстоятельство, что Владиміръ, „бывши въ Кіевѣ, не всхоте покоры учинити и челомъ ударити". Въ 1392 году Витовтъ занялъ кіевскіе пригороды: Овручъ и Житомиръ, отклонилъ предложеніе мира, сдѣланное ему Владиміромъ, и перевелъ его въ ничтожный и отдаленный копыльскій удѣлъ, передавъ кіевское княженіе Скиргайлу Ольгердовичу. Владиміръ Ольгердовичъ уступилъ Кіевъ не безъ борьбы, онъ отправился искать помощи въ другомъ центрѣ русскаго міра —у Василія Дмитріевича московскаго. Но современныя политическія отношенія не позволяли послѣднему принять подъ свою защиту кіевскаго князя и Владиміръ долженъ былъ смириться; онъ дожилъ вѣкъ въ Копылѣ и только останки его возвратились въ городъ, съ которымъ онъ былъ тѣсно связанъ при жизни,—онъ былъ похороненъ въ кіево-печерской лаврѣ. Впрочемъ эта первая попытка искать поддержки для кіевской Руси въ Руси московской глубоко запала въ память Ягайлы и его потомковъ и сдѣлала въ глазахъ ихъ подозрительными родъ Владиміра Ольгердовича: шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ его смерти, когда его внуки Симеонъ и Михаилъ Олельковичи обратились къ великому князю Казимиру Ягайловичу съ требованіемъ раздѣла между ними кіевской земли, на правахъ вотчины, Казимиръ отказалъ имъ въ этомъ. Онъ заявилъ, что Олельковичи потеряли вотчинное право на Кіевъ, ибо „дѣдъ вашъ, князь Володимеръ, бѣгалъ на Москву и тѣмъ пробѣгалъ отчизну свою Кіевъ".

Преемникомъ Владиміра Ольгердовича на кіевскомъ столѣ былъ родной братъ Ягайлы—Скиргайло Ольгердовичъ, въ крещеніи по православному обряду носившій имя Іоанна. Князь этотъ связанъ былъ съ Ягайломъ тѣснѣйшею личною дружбою и оказалъ ему много услугъ на военномъ и дипломатическомъ попри-

щахъ; владѣя обширнымъ удѣломъ въ кривичской землѣ: Полоцкомъ, Минскомъ и т. д., Скиргайло былъ по убѣжденіямъ, привычкамъ и симпатіямъ всецѣло преданъ русскому народонаселенію, которое и признавало его своимъ представителемъ. О преданности ему русскихъ жителей великаго княжества свидѣтельствуютъ всѣ источники: Длугошъ говоритъ, что „русскіе въ высшей степени преданы Скиргайлу, какъ своему единовѣрцу", Стрыйковскій замѣчаетъ, что князь этотъ „болѣе старался объ умноженіи святыни по греческому обряду, нежели объ распространеніи вѣры католической, потому что съ первоначальнаго возраста онъ воспитывался среди русскихъ". Польскіе и нѣмецкіе источники упоминаютъ имя его съ эпитетомъ „Schismaticus", между тѣмъ какъ русская лѣтопись называетъ его „чюдный, добрый князь Скиргайло".

Послѣ вступленія на польскій престолъ, Ягайло, предвидя сопротивленіе своимъ планамъ въ русскихъ областяхъ и разсчитывая какъ на личную преданность себѣ Скиргайла, такъ и на популярность его на Руси, рѣшился употребить его орудіемъ своей политики и въ 1388 году, не безъ долгаго колебанія, назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Событія не позволяютъ намъ судить, насколько Скиргайло оправдалъ-бы разсчетъ короля; во всякомъ случаѣ, въ теченіи четырехлѣтняго управленія его литовскимъ княжествомъ, мы не встрѣчаемъ ни одного факта, свидѣтельствующаго о томъ, чтобы онъ измѣнилъ свои отношенія къ русской народности и популярность его на Руси нисколько не уменьшается. Вскорѣ впрочемъ свой постъ намѣстника Скиргайло долженъ былъ уступить болѣе сильному сопернику. Двоюродный братъ его Витовтъ Кейстутовичъ заявилъ свои притязанія на великое княженіе литовское. Витовтъ имѣлъ въ виду совершенно самостоятельный образъ дѣйствія, не согласный ни съ видами короля Ягайла, ни съ направленіемъ представителей русской партіи. Если съ одной стороны онъ стремился къ обособленію великаго княжества литовскаго отъ Польши и снисканію ему полной политической самостоятельности, то съ другой онъ считалъ необходимымъ прекращеніе раздробленія государства на удѣлы и замѣну ихъ управленіемъ старостъ и намѣстниковъ, назначаемыхъ великимъ княземъ и зависимыхъ отъ него непосредственно. Послѣднее направленіе нарушало сложившіяся на Руси привычки и тѣ стремленія отдѣльныхъ русскихъ земель къ областной автономіи, которыя нахо-

дили для себя удовлетвореніе въ удѣльной обособленности. Послѣ долгихъ усилій Витовтъ, опираясь на сочувствіе коренныхъ литовскихъ земель, на помощь ордена крестоносцевъ, для которыхъ выгодно было разъединеніе Литвы и Польши, и болѣе всего на личныя выдающіяся дарованія, успѣлъ одолѣть Скиргайла, дѣйствія котораго были въ значительной степени парализированы подозрительностью короля, изъявшаго изъ-подъ его управленія многія области и города и отдавшаго ихъ въ управленіе польскимъ воеводамъ. Но Витовтъ сознавалъ, что онъ можетъ утвердиться на великомъ княженіи литовскомъ лишь въ томъ случаѣ, если уступками успѣетъ снискать симпатію или по меньшей мѣрѣ нейтралитетъ русской части населенія; потому, побѣдивъ Скиргайла, онъ заключилъ съ нимъ договоръ, по условіямъ котораго, въ вознагражденіе за уступку великаго княженія, онъ передалъ ему въ удѣлъ кіевскую область, въ обладаніи которою русская партія видѣла достаточную гарантію для своихъ интересовъ. Дѣйствительно около Скиргайла въ Кіевѣ стала сосредоточиваться вся западная Русь; области и города присылали ему грамоты съ изъявленіемъ преданности и вѣрности. Кіевъ сдѣлался центромъ Руси, съ которымъ великій князь литовскій долженъ былъ считаться и принимать во вниманіе его интересы при установленіи общаго направленія своей политики. Впрочемъ княженіе Скиргайла въ Кіевѣ продолжалось не долго; въ 1396 г. онъ, послѣ пира у митрополичьяго намѣстника, отправился на охоту за Днѣпръ, заболѣлъ, вѣроятно отъ простуды, и скончался на канунѣ Рождества Христова. Молва приписывала его смерть отравѣ. Съ большимъ торжествомъ и горемъ похоронили его кіевляне въ кіевопечерской лаврѣ, у гроба преподобнаго Ѳеодосія.

Послѣ смерти Скиргайла Витовтъ не дозволилъ никому изъ русско-литовскихъ князей утвердиться въ кіевскомъ удѣлѣ и рѣшился управлять имъ непосредственно черезъ своихъ намѣстниковъ. Первымъ такимъ намѣстникомъ или воеводою кіевскимъ былъ одинъ изъ самыхъ приближенныхъ и довѣренныхъ сподвижниковъ Витовта, Іоаннъ Альгимунтовичъ князь Гольшанскій. Объ управленіи первыхъ кіевскихъ воеводъ и объ отношеніяхъ, въ какихъ они стали къ мѣстному населенію, не сохранилось извѣстій. Очевидно, что подъ зоркимъ надзоромъ Витовта и его намѣстниковъ, кіевская область теряетъ на время значеніе средоточія русской партіи и, замѣстившій Скиргайла, представитель этой партіи, младшій изъ Ольгердовичей, Свидригайло, долженъ былъ

передвинуть ея центръ въ другія русскія области, которыми онъ владѣлъ поочередно. Сопротивленіе Руси Витовту, во главѣ котораго стоялъ Свидригайло, попеременно опирается на земли сѣверскую, волынскую и наконецъ сосредоточивается въ вотчинныхъ удѣлахъ Свидригайла: Витебскѣ и Полоцкѣ. Историческіе источники молчатъ о Кіевѣ до самой кончины Витовта, случившейся въ 1430 году, послѣ которой, вмѣстѣ съ преобладаніемъ русской партіи въ великомъ княжествѣ литовскомъ, возвращается и политическая роль старѣйшему изъ русскихъ городовъ.

Послѣдніе годы Витовтъ провелъ въ упорной борьбѣ и съ престарѣлымъ польскимъ королемъ Ягайломъ за обособленіе Литвы въ качествѣ самостоятельнаго независимаго королевства, и съ представителемъ русскаго начала, Свидригайломъ, стремившимся занять великокняжескій столъ и доставить господство въ государствѣ русскому удѣльному строю. Лишь только онъ скончался, Ягайло передалъ должность намѣстника въ великомъ княжествѣ литовскомъ Свидригайлу, разсчитывая, что постоянный антагонистъ Витовта не пойдетъ по пути своего предшественника и будетъ служить покорнымъ орудіемъ въ рукахъ Ягайла для утвержденія въ Литвѣ его политическихъ стремленій. Одновременно съ назначеніемъ Свидригайла поляки заняли землю подольскую и потребовали уступки Волыни; но оказалось, что, ведя многолѣтній споръ съ Витовтомъ, Свидригайло не имѣлъ въ виду потери самостоятельности своего отечества и уступокъ въ пользу Польши. Онъ еще рѣзче, чѣмъ его предшественникъ, сталъ стремиться къ разрыву съ Польшею: посылалъ посольства и вступалъ въ сношенія съ иностранными государствами отъ имени великаго княжества литовскаго, заключалъ договоры отъ своего имени, исключая отъ участія въ нихъ Ягайла, и рѣшительно воспротивился уступкѣ областей требуемыхъ поляками. Когда пришло въ Вильно извѣстіе, о томъ, что поляки измѣною овладѣли Каменцемъ и заняли подольскую землю, Свидригайло пришелъ въ неописанную ярость, арестовалъ короля Ягайла, находившагося тогда въ Вильнѣ, вмѣстѣ съ его совѣтниками, и отпустилъ ихъ только тогда, когда сдѣланы были распоряженія о возвратѣ Подоліи. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправился на Волынь защищать ее отъ посягательствъ поляковъ и, послѣ продолжительной кампаніи, заставилъ короля снять осаду Луцка и отступить въ Польшу. Въ походѣ этомъ приняли участіе многіе князья, сановники и контингенты русскихъ земель. Въ числѣ ихъ мы встрѣ-

чаемъ и кіевскаго воеводу Юршу, который затворился въ луцкомъ замкѣ и стойкостью защиты болѣе всего повліялъ на удачный исходъ кампаніи.

Поведеніе Свидригайла конечно раздражило въ высокой степени польскихъ совѣтниковъ Ягайлы; не будучи въ состояніи смѣнить его при томъ сочувствіи, какимъ пользовался литовскій князь въ западной Руси, они постарались отдѣлаться отъ него путемъ заговора. Въ 1432 году отправлено было въ Литву посольство для заключенія договора съ Свидригайломъ, но, въ сущности, оно имѣло другія, тайныя инструкціи. Польскіе послы вступили въ переговоры съ дворянами литовскими, принявшими католичество и получившими за то многія льготы отъ короля польскаго. Во главѣ организованнаго ими заговора стали: родственникъ жены короля, князь Семенъ Гольшанскій и братъ Витовта, Сигизмундъ Кейстутовичъ, князь стародубскій, внушавшій довѣріе полякамъ какъ ревностный католикъ. Заговорщики напали неожиданно въ городѣ Ошмянѣ на Свидригайла, полонили его семью и дворъ и провозгласили отъ имени Ягайла великимъ княземъ Сигизмунда Кейстутовича. Самъ Свидригайло спасся бѣгствомъ въ Полоцкъ и призвалъ на помощь русскихъ князей. Въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ великое княжество литовское роспадается на двѣ части, согласно племенному составу своихъ жителей: коренныя литовскія земли признаютъ власть Сигизмунда, всѣ русскіе князья и области стоятъ подъ знаменемъ Свидригайла. Оба великіе князья вступаютъ въ упорную борьбу; но Свидригайло, располагавшій безъ сравненія большими силами, лишенъ былъ и политическаго такта и военныхъ способностей, въ слѣдствіе этого онъ терпѣлъ одно пораженіе за другимъ и, наконецъ, въ рѣшительной битвѣ у Вилькомира былъ разбитъ на голову. Болѣе 10 удѣльныхъ князей русскихъ пало на полѣ сраженія или попало въ плѣнъ; русскія области и города: Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ сдались побѣдителю и литовско-польская католическая партія, казалось, окончательно восторжествовала. Въ эту тяжелую минуту Свидригайло и остатки его партіи нашли убѣжище въ Кіевѣ, который вмѣстѣ съ Волынью и остались вѣрны до конца своему представителю. Попытка Сигизмунда овладѣть Кіевомъ была успѣшно отражена кіевлянами и ихъ воеводою Юршею и обѣ земли въ теченіи пяти лѣтъ не признавали надъ собою власти этого великаго князя литовскаго. Это неопредѣленное положеніе прекратилось въ 1440 году смертью Сигизмунда Кейсту-

товича, погибшаго вслѣдствіе заговора, составленнаго волынскими князьями Чарторыйскими, кіевляниномъ Скобейкомъ и нѣкоторыми изъ литовскихъ вельможъ. Послѣ смерти Сигизмунда призванъ былъ на великокняжескій престолъ малолѣтній Казимиръ Ягайловичъ. Управлявшій отъ имени послѣдняго, виленскій воевода Янъ Гаштолдъ счелъ необходимымъ упрочить власть новаго великаго князя широкими уступками въ пользу русской партіи въ великомъ княжествѣ. Среди уступокъ этихъ на первомъ планѣ положено было возстановить кіевскій удѣлъ подъ управленіемъ князя, вполнѣ преданнаго русской народности. Въ 1440 году кіевское княженіе получилъ въ удѣлъ Олелько (Александръ), сынъ смѣщеннаго нѣкогда Витовтомъ Владиміра Ольгердовича. Князь этотъ, остававшійся понынѣ на незначительномъ копыльскомъ удѣлѣ, былъ тѣмъ не менѣе самымъ виднымъ представителемъ русской партіи какъ по происхожденію, такъ и по личному вліянію. Женатъ онъ былъ на Анастасіи, дочери великаго князя московскаго, Василія Дмитріевича и, происходя изъ одной изъ старшихъ линій Ольгердовичей, могъ оспаривать по династическимъ счетамъ права на великокняжескій столъ у потомковъ Ягайлы. Дѣйствительно, послѣ смерти Витовта многіе русскіе князья предлагали избрать его великимъ княземъ литовскимъ. Этотъ несостоявшійся выборъ навлекъ на Олелька Владиміровича сильное гоненіе: послѣ вилькомирской битвы Сигизмундъ Кейстутовичъ, зорко слѣдившій за всѣми русскими князьями, приказалъ схватить его и заточилъ въ темницу вмѣстѣ съ женою и двумя сыновьями, гдѣ онъ и томился въ заключеніи, въ теченіи пяти лѣтъ, до смерти Сигизмунда; освободившись изъ плѣна, онъ вслѣдъ за тѣмъ получилъ свой вотчинный кіевскій удѣлъ. По свидѣтельству современниковъ, князь этотъ отличался выдающимся умомъ, стойкостью и храбростью и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Во время княженія въ Кіевѣ онъ оказалъ огромную услугу русской церкви, предотвративъ первую попытку церковной уніи. Въ 1441 году, митрополитъ Исидоръ, возвращаясь изъ флорентскаго собора, заѣхалъ въ Кіевъ съ цѣлью провозгласить здѣсь унію; но кіевляне, увидѣвъ его „въ кардинальской одеждѣ, оттуда изгнаша его“. Какъ извѣстно, такая-же участь постигла Исидора и въ Москвѣ, и Казимиръ Ягайловичъ, уступая представленіямъ князя Олелька, призналъ власть новопоставленнаго въ Москвѣ митрополита Іоны надъ русскими эпархіями, находившимися въ предѣлахъ ~~великаго~~ княжества ли-

товскаго. Заботы Олелька о кіевской митрополіи видны изъ единственной грамоты его, дошедшей до насъ; въ ней онъ обезпечиваетъ неприкосновенность доходовъ кіевской митрополіи и освобождаетъ отъ княжескаго суда жителей митрополичьихъ помѣстій.

Въ 1455 г. скончался Олелько Владиміровичъ, „князь и наслѣдственный панъ кіевской земли", принявши предъ смертью монашество, какъ гласила надгробная надпись на памятникѣ, воздвигнутомъ надъ его гробомъ въ кіево-печерской лаврѣ. Но этой именно наслѣдственности въ кіевской области за родомъ Олелька не желали признать потомки Ягайла. Когда два сына Олелька: Симеонъ и Михаилъ, обратились къ великому князю съ заявленіемъ желанія раздѣлить между собою кіевскую вотчину, то Казимиръ Ягайловичъ воспротивился этому; онъ не призналъ Кіева вотчиною Олельковичей и далъ его лишь въ пожизненный ленъ старшему изъ братьевъ, Симеону, предоставляя Михаилу на правахъ вотчины Копыль и Слуцкъ.

Симеонъ Олельковичъ отличался, подобно предкамъ своимъ, преданностью православію и русской народности; притомъ, обладая военными дарованіями и храбростью, онъ оказалъ важныя услуги кіевскому княжеству, отражая съ большимъ успѣхомъ нападенія крымской орды, наносившей въ XV столѣтіи самые тяжелые удары кіевской области и разорившей въ нѣсколько пріемовъ стольный ея городъ. Во внутреннихъ отношеніяхъ великаго княжества литовскаго Симеонъ Олельковичъ занимаетъ то положеніе, которое возлагали на него и семейныя его традиціи, и занимаемый имъ постъ кіевскаго удѣльнаго князя,—онъ является постояннымъ поборникомъ и представителемъ русскихъ народныхъ интересовъ. Современникъ его, великій князь Казимиръ Ягайловичъ, отличался совершенною безхарактерностью: вступивъ на польскій престолъ, онъ находился постоянно подъ вліяніемъ двухъ противуположныхъ теченій и поддавался всегда тому изъ нихъ, которое непосредственно его окружало: въ Литвѣ онъ приносилъ присягу въ томъ, что сохранитъ неприкосновенно территорію великаго княжества и не будетъ принуждать его жителей къ уніи съ Польшею; вслѣдъ затѣмъ, переѣзжая въ Польшу, онъ давалъ совершенно противуположныя обязательства и подтверждалъ ихъ также клятвами и грамотами. Литовцамъ онъ обѣщалъ возвратить Подоліе, захваченное поляками; полякамъ клялся присоеди-

нить къ коронѣ Волынь и Подляхію. Конечно, ни того ни другого обѣщанія онъ не исполнилъ и, легкомысленно поддерживая взаимныя претензіи, пререканія и раздраженіе обѣихъ сторонъ, усиливалъ напряженное состояніе въ обоихъ государствахъ, которыя готовы были ежеминутно прибѣгнуть къ оружію для возстановленія своихъ правъ. Такъ какъ Казимиръ большую часть времени проживалъ въ Польшѣ, то положеніе Литвы было обыкновенно болѣе тревожное; русскіе князья и вельможи опасались постоянно, чтобы ихъ великій князь не сдѣлалъ подъ вліяніемъ поляковъ такихъ уступокъ, которыя будутъ грозить опасностью самобытности русскихъ областей. Желая выйти изъ неопредѣленнаго положенія, они рѣшились настоять на томъ, чтобы Казимиръ или безотлучно жилъ въ Литвѣ, или поручилъ управленіе великимъ княжествомъ намѣстнику. Два раза отправляются къ Казимиру посольства изъ Литвы (1456—1461 г.) и оба раза, заявляя указанное требованіе, предлагаютъ въ качествѣ намѣстника кіевскаго князя Симеона Олельковича; оба раза Казимиръ отклонилъ предложеніе, но значеніе Олельковича смутило его; онъ постановилъ принять мѣры для того, чтобы унизить этотъ родъ, стоявшій уже въ лицѣ трехъ поколѣній во главѣ русскаго движенія, и съ этою цѣлью рѣшился отнять у него главную его опору—кіевское княженіе, для чего выжидалъ лишь удобнаго случая.

Между тѣмъ Симеонъ Олельковичъ, охраняя свою область отъ татаръ, заботился не менѣе о народной святынѣ, какъ и о безопасности страны. Еще съ 1416 года кіево-печерская лавра лежала въ развалинахъ; въ этомъ году Эдигей съ крымскими татарами взялъ и разрушилъ Кіевъ; въ числѣ другихъ зданій, татары пожгли и печерскій монастырь и ограбили и разорили въ немъ успенскую церковь; храмъ этотъ пришелъ въ запустѣніе. Симеонъ Олельковичъ, сознавая значеніе этой древнѣйшей кіевской святыни для всего русскаго міра, озаботился ея возстановленіемъ; онъ обновилъ успенскую церковь „едва не отъ основанія воздвигши“, „украсилъ ее иконнымъ писаніемъ и обогатилъ златомъ, и сребромъ, и сосуды церковными“. Это былъ послѣдній подвигъ послѣдняго русскаго удѣльнаго князя кіевской области. Въ 1870 году, кончена была постройка успенской церкви, а въ 1871 г. подъ сводами ея почилъ „умершій по христіански Симеонъ Александровичъ Олельковичъ, наслѣдственный панъ земли кіевской“, какъ значилось на надгробной надписи, вырѣзанной на его гробницѣ.

Смертью Симеона воспользовался Казимиръ Ягайловичъ для того, чтобы устранить Олельковичей изъ Кіева: онъ не передалъ княженія ни брату его Михаилу, ни сыну Василію, но рѣшилъ, что впредь Кіевъ будетъ состоять подъ управленіемъ воеводъ, назначаемыхъ великимъ княземъ; въ качествѣ перваго воеводы и посланъ былъ Мартынъ Яновичъ Гаштолдъ, сынъ бывшаго опекуна Казимира. Извѣстіе о новомъ распорядкѣ ихъ земли привело кіевлянъ въ крайнее смущеніе; они не впустили въ городъ новаго воеводу, „яко не токмо не князь бѣ, но болѣе яко ляхъ бѣ". Затѣмъ кіевляне отправили посольство къ королю, прося назначить правителемъ Кіева Михаила Олельковича, или другого князя православной вѣры, заявляя, что они готовы скорѣе всѣ умереть, или искать другого государя, чѣмъ повиноваться литвину римской вѣры. Король, находившійся тогда въ Вильнѣ, подъ вліяніемъ пановъ литовской католической партіи, остался непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи. Гаштолдъ отправленъ былъ на воеводство съ литовскимъ войскомъ и долженъ былъ начать свое управленіе съ того, что взялъ приступомъ главный городъ своей области. Кіевляне, „принуждены бывша" оружіемъ королевскаго войска, должны были подчиниться присланному воеводѣ.

Впрочемъ удаленіемъ Олельковичей изъ Кіева не была ни подавлена окончательно русская княжеская партія, ни устранено значеніе Кіева, какъ главной поддержки этой партіи. Еще два раза городъ этотъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ послѣднихъ попытокъ русскихъ князей къ возстановленію правъ народнаго начала, все болѣе и болѣе отстраняемаго польско-литовскимъ правительствомъ.

Первая попытка относится къ 1482 году и однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ ея является князь Михаилъ Олельковичъ. Во время смерти брата Симеона, князь этотъ находился въ Великомъ Новгородѣ, въ качествѣ намѣстника Казимира, куда вызванъ былъ партіею Борецкихъ, для противудѣйствія политикѣ Іоанна III. Узнавъ о смерти брата, онъ поспѣшилъ разстаться съ Новгородомъ и отправился въ Кіевъ; но прибылъ сюда слишкомъ поздно: Гаштолдъ владѣлъ уже кіевскимъ замкомъ и управлялъ областью. Скрѣпя сердце, князь Михаилъ направился въ свой копыльскій удѣлъ, но сознаніе обиды, нанесенной его роду, глубоко запало въ его сердце; между тѣмъ все теченіе дѣлъ въ великомъ княжествѣ возбуждало общее недовольство русскихъ князей, результатомъ котораго былъ обширный заговоръ, со-

ставленный въ ихъ средѣ. Руководителями заговора источники называютъ двухъ внуковъ Владиміра Ольгердовича кіевскаго, князей Ѳедора Ивановича Бѣльскаго и Михаила Олельковича копыльскаго, а также родственника королевскаго по матери, одного изъ князей Гольшанскихъ. Цѣль заговора не вполнѣ согласно обозначена въ источникахъ: русская лѣтопись утверждаетъ, что князья имѣли намѣреніе отторгнуть отъ Литвы значительную часть русскихъ земель, прилегавшихъ къ восточной границѣ великаго княжества, и подчинить ихъ великому князю московскому, другіе источники приписываютъ заговорщикамъ намѣреніе посягнуть на жизнь Казимира, третіе предполагаютъ, что по видимому составляетъ самую правдоподобную догадку, что князья имѣли въ виду овладѣть особою Казимира, заставить его отказаться отъ велико-княжескаго стола и возвести на его мѣсто Михаила Олельковича. Въ 1481 году заговоръ предположено было привести въ исполненіе: князь Ѳедоръ Бѣльскій, празднуя свою свадьбу, пригласилъ на празднество Казимира; здѣсь, во время пира, заговорщики должны были овладѣть его особою. Случайно, за нѣсколько дней до осуществленія, заговоръ былъ открытъ, слуги Бѣльскаго арестованы и подъ пыткою дали показанія, компрометировавшія князей. Узнавъ объ арестѣ своихъ слугъ, князь Федоръ Бѣльскій вскочилъ ночью съ постели и, полуодѣтый, бросился на коня и ускакалъ за московскій рубежъ. Менѣе счастливы были другіе заговорщики: князья Гольшанскій и Михаилъ Олельковичъ были арестованы и заключены въ темницу въ кіевскомъ замкѣ; надъ ними произведенъ судъ, вѣроятно въ глубокой тайнѣ, потому что ни одного документа, относящагося къ процессу, не сохранилось ни въ подлинникѣ, ни въ копіи. По приговору суда, утвержденному великимъ княземъ, оба подсудимые были приговорены къ смертной казни, которая и приведена была въ исполненіе. Въ Кіевѣ, на лобномъ мѣстѣ, передъ воротами кіевскаго литовскаго замка, 30 августа 1482 года, кіевляне увидѣли обезглавленный трупъ одного изъ представителей излюбленнаго ими княжескаго рода, котораго нѣкогда они призывали, какъ своего отчича, на княжескій столъ своей земли.

Послѣдняя попытка реакціи русскихъ князей противъ польско-литовскаго направленія вспыхнула въ 1508 году подъ руководствомъ князя Михаила Львовича Глинскаго. Этотъ князь происходилъ изъ знатнаго татарскаго рода, переселившагося въ Русь и принявшаго крещеніе еще при великомъ князѣ Витовтѣ. Имѣ-

нія, пожалованныя князьямъ Глинскимъ и выслуженныя ими въ теченіи цѣлаго столѣтія у господарей литовскихъ, были весьма обширны и богаты; большая часть ихъ расположена была въ княжествѣ кіевскомъ и въ земляхъ, тянувшихъ къ кіевской области, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, сверхъ того многія волости Глинскихъ лежали въ бассейнѣ Припяти и далѣе за Припятью въ Бѣлой и Черной Руси. Въ XV столѣтіи родъ Глинскихъ распадался уже на нѣсколько вѣтвей и многіе его представители занимали важныя областныя должности намѣстниковъ или старостъ, по большей части въ земляхъ кіевской и сѣверской. Такъ документы того времени упоминаютъ князей Глинскихъ: Богдана Федоровича, намѣстника путивльскаго, Ивана Борисовича, намѣстника черниговскаго, Григорія Борисовича, намѣстника овручскаго, Михаила Ивановича и его 5 братьевъ, господарскихъ дворянъ въ волковыскомъ повѣтѣ и т. д. Но, среди всѣхъ вѣтвей княжескаго рода Глинскихъ, знатностью и богатствомъ найбольше отличались три брата Львовичи: Василій, Иванъ и Михайло; послѣднему и суждено было занять видную роль въ исторіи своей родины. По способностямъ и образованію, князь Михаилъ превосходилъ далеко современное ему общество: всю молодость онъ провелъ за границею, вначалѣ занимаясь науками, потомъ состоя на службѣ у разныхъ иноземныхъ государей. Поочередно онъ перебывалъ въ Саксоніи, при дворѣ германскаго императора Максимиліана, въ Испаніи и Италіи. За границею онъ пріобрѣлъ репутацію даровитаго военнаго человѣка, участвуя въ кампаніяхъ: итальянской, на службѣ у императора, и фрисландской, на службѣ у саксонскаго курфирста Альбрехта. На родину князь Михаилъ возвратился уже человѣкомъ не молодымъ и сразу занялъ видное положеніе въ средѣ литовско-русскихъ вельможъ; по родственнымъ связямъ, симпатіямъ, вѣрѣ и происхожденію онъ примкнулъ къ русской княжеской группѣ и на услугу русскому дѣлу рѣшился посвятить свои дарованія и вліяніе. Первый разъ мы его встрѣчаемъ во главѣ многочисленной группы русскихъ князей: Олельковичей, Гольшанскихъ, Мстиславскихъ и т. д. Послѣ смерти Казимира Ягайловича, при выборѣ его преемника, русскіе князья, желая предъупредить сліяніе вновь въ одномъ лицѣ управленія польскою короною и великимъ княжествомъ литовскимъ и зная, что въ Польшѣ будетъ избранъ Іоанъ Альбрехтъ Казимировичъ, поспѣшили возвести на великокняжескій столъ его младшаго брата, Александра, и такимъ образомъ добились обособленія Литвы отъ Польши. Этотъ

искусный политическій шагъ, равно какъ и способности и образованіе Глинскаго сразу сблизили его съ новоизбраннымъ великимъ княземъ. Александръ пожаловалъ князя Михаила въ званіе дворнаго маршала и сталъ постоянно пользоваться во всѣхъ дѣлахъ его совѣтомъ и слѣдовать его взглядамъ. Вліяніе свое Глинскій направилъ къ укрѣпленію русской партіи и членамъ ея сталъ доставлять значеніе, должности, помѣстья и вліяніе. Литовская католическая партія, привыкшая при Казимирѣ искать опоры и находить ее въ Польшѣ, смотрѣла съ неудовольствіемъ на то, какъ русскіе мало по малу оттискали ее изъ литовской рады, овладѣвали должностями и землями въ великомъ княжествѣ; сторонники ея пытались протестовать противъ новаго теченія, требуя несмѣняемости административныхъ чиновниковъ, но протестъ ихъ оказался безплоднымъ; тогда они обратили все свое раздраженіе на Глинскаго и стали его заподозрѣвать и обвинять въ измѣнѣ. Они упрекали его то въ желаніи постепенно захватить власть въ великомъ княжествѣ и потомъ, усилившись, присвоить себѣ великокняжескій столъ, то указывали на его связи въ кіевской землѣ, на преданность ему жителей этой области и утверждали, что онъ стремится къ возстановленію въ свою пользу самостоятельнаго кіевскаго княжества, независимаго отъ Литвы, то наконецъ подозрѣвали, что Глинскій имѣетъ намѣреніе передать всю литовскую Русь во власть великаго князя московскаго. Но, пока живъ былъ Александръ, ропотъ противъ Глинскаго раздавался лишь сдержанно или, въ случаѣ болѣе рѣзкихъ обвиненій, подвергалъ обвинителей немилости великаго князя. Такъ, когда въ 1506 году, послѣ смерти кіевскаго воеводы, князя Дмитрія Путятича, должность эта передана была, по совѣту Михаила Глинскаго, его брату князю Ивану Львовичу, то самый упорный изъ противниковъ Михаила, троцкій воевода Янъ Заберезинскій, обвинилъ его въ явной подготовкѣ къ обособленію русскихъ земель. Основать впрочемъ своего предположенія на точныхъ доказательствахъ обвинитель не могъ и самъ былъ лишенъ троцкаго воеводства, которое передано было одному изъ друзей Глинскаго. Но въ 1507 году обстоятельства внезапно и круто измѣнились; великій князь Александръ тяжело заболѣлъ и Глинскій, возвратившись изъ похода, въ которомъ одержалъ блистательную побѣду надъ татарами, засталъ его при смерти. Немедленно послѣ кончины Александра на престолъ литовскій вступилъ его младшій братъ Сигизмундъ, воспитанный и проведшій всю молодость въ Польшѣ; онъ конечно сблизился съ партіею

враждебною Глинскому и сталъ дѣйствовать въ направленіи противуположномъ своему предшественнику: русскіе люди должны были уступить мѣста и вліяніе литовцамъ-католикамъ, и, въ случаѣ ихъ жалобъ, имъ отвѣчали подозрѣніями въ измѣнѣ и въ неблагонадежности. Такъ въ 1507 году князь Иванъ Глинскій былъ лишенъ безъ вины кіевскаго воеводства въ пользу литвина Юрія Монтовтовича и на жалобу князя Михаила Заберезинскій отвѣтилъ обвиненіемъ его въ государственной измѣнѣ. Глинскій потребовалъ суда, но никакими средствами не могъ его добиться у великаго князя, знавшаго, что Заберезинскій не имѣетъ доказательствъ въ подтвержденіе своего обвиненія. Тогда только Глинскій созналъ, что путемъ законнымъ русскіе не успѣютъ добиться не только причитающейся имъ доли вліянія въ великомъ княжествѣ, но и обыкновенной справедливости суда, и рѣшился прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Онъ вошелъ въ сношенія съ Василіемъ Ивановичемъ московскимъ и, заручившись его помощью, рѣшился отторгнуть отъ Литвы ея русскія области. Весною 1508 года онъ поднялся съ братьями и небольшимъ вооруженнымъ отрядомъ въ окрестности Гродна, захватилъ и приказалъ казнить своего главнаго врага, Заберезинскаго, и направился, медленно подвигаясь къ востоку, на встрѣчу московской рати, зазывая на помощь все русское населеніе края и предлагая ему отложиться отъ Литвы; въ тоже время онъ отправилъ брата Василія съ такими-же предложеніями въ Кіевъ. Жители кіевскаго княжества встрѣтили Василія Глинскаго радушно. Узнавъ, что попытка Глинскихъ клонится къ возстановленію самостоятельнаго русскаго княжества, города отворяли ему ворота, земяне являлись въ его лагерь и приносили присягу. Знаменитый староста черкасскій и каневскій, Остафій Дашкевичъ, соединился съ нимъ во главѣ ополченія своихъ повѣтовъ. Кіевляне полагали, что пришло время, когда городъ ихъ опять станетъ главою обширнаго русскаго княжества. Къ несчастью, обаяніе это продолжалось не долго; другія русскія земли отнеслись далеко не съ такимъ сочувствіемъ къ попыткѣ возстановить народное дѣло. Въ сѣверозападной Руси Михаилъ Глинскій встрѣтилъ или равнодушіе, или враждебное настроеніе: въ земляхъ этихъ преобладало сословіе земянъ (т. е. мелкихъ дворянъ, обязанныхъ государству военною службою), которое давно уже свыклось съ мыслью о всевозможныхъ сословныхъ благахъ, которыя низольются на него при развитіи въ Литвѣ польскаго

права. Земяне сѣверозападнаго края не были воодушевлены, подобно кіевскимъ, національнымъ стремленіемъ и предпочли сословныя выгоды отъ ожидавшейся уніи съ Польшею возстановленію народной политической самобытности; они остались глухи къ призыву Глинскаго или отнеслись къ нему враждебно, а между тѣмъ, по тогдашней организаціи государства, они составляли главную военную силу края. Князья, сочувствовавшіе Глинскому и нѣкогда поддерживавшіе его стремленія, оказались изолированными, многіе скрылись, другіе рѣзко повернули на сторону правительства; только немногіе второстепенные князья: Друцкіе и Лигвеновичи-Мстиславскіе, имѣли достаточно мужества, чтобы стать на сторону предпріятія, успѣхъ котораго становился весьма сомнительнымъ. Между тѣмъ московская помощь медлила приходомъ, а съ другой стороны приближался Сигизмундъ съ сильною польскою арміею. Глинскій послѣ нѣсколькихъ безъуспѣшныхъ переходовъ, увидѣлъ, что дѣло его проиграно; вмѣстѣ съ братьями и болѣе скомпрометированными сторонниками, онъ отступилъ въ предѣлы великаго княжества московскаго.

Такъ кончилась послѣдняя попытка княжеской Руси, предпринятая въ защиту своего народнаго дѣла. Очевидно, княжеское сословіе было безсильно въ этой борьбѣ; его сословныя понятія, удѣльно-федеративные идеалы были въ то время уже анахронизмомъ, они не обнимали интересовъ всего населенія и не могли его подвинуть на борьбу за общее народное дѣло. Княжеская партія сталкивалась съ интересами или съ равнодушіемъ другихъ сословныхъ группъ и оказалась для своего времени немощною. Первый актъ борьбы западной Руси съ польскимъ вліяніемъ, веденный подъ стягомъ русско-литовскихъ князей, былъ проигранъ. Но въ нѣдрахъ кіевской области, стойко поддерживавшей до конца этотъ стягъ, скрывались зародыши новыхъ общественныхъ силъ, которымъ суждено было вступить въ борьбу съ большимъ успѣхомъ въ послѣдующую эпоху.

Разсмотримъ составъ и отношенія разныхъ общественныхъ группъ въ кіевской области въ разсматриваемое нами время, укажемъ на характеръ и условія самой территоріи и мы найдемъ въ этихъ данныхъ объясненіе дальнѣйшаго политическаго значенія Кіева и его области.

Послѣ присоединенія къ Литвѣ кіевскаго княжества, предѣлы его нѣсколько видоизмѣнились и раздвинулись, частью вслѣдствіе присоединенія къ Кіевщинѣ порубежныхъ округовъ сосѣднихъ княжествъ, частью вслѣдствіе колонизаціи южныхъ степей,

двигавшейся медленно, но упорно внизъ по Днѣпру. Съ конца XIV до половины XVI столѣтія границы кіевскаго княжества могутъ быть приблизительно очерчены въ трехъ направленіяхъ. На западѣ оно отдѣлялось отъ земли брацлавской, т. е. отъ той части Подолія, которая осталась подъ властью великихъ князей литовскихъ, „Чернымъ Шляхомъ". Такъ назывался путь, пролегавшій по водораздѣльной линіи между бассейнами южнаго Буга съ одной стороны, Роси и Припяти съ другой; по этому пути обыкновенно врывались въ юго-западную Русь татаре, избиравшіе эту дорогу во избѣжаніе переправъ и болотъ. Отъ „Чернаго шляха" граница переходила на русло рѣки Случи въ окрестности города Любара и совпадала съ ея теченіемъ вплоть до ея впаденія въ Припять, отдѣляя кіевскую землю отъ волынской. Далѣе отъ устья Случи сѣверная граница кіевскаго княжества на нѣкоторомъ пространствѣ шла по теченію Припяти и затѣмъ переходила на сѣверный берегъ этой рѣки, захватывая здѣсь обширный мозырскій повѣтъ, и опять возвращалась къ Припяти не вдалекѣ отъ ея впаденія въ Днѣпръ. Отъ устья Припяти Днѣпръ составлялъ восточную границу Кіевщины на небольшомъ только пространствѣ: она переходила на лѣвую его сторону и охватывала въ низовьяхъ Десны и вдоль по теченію ея притока Остра—повѣтъ остерскій.—Съ южной стороны границы кіевской области постоянно колебались и потому не могутъ быть установлены даже приблизительно. Когда въ началѣ XV столѣтія Витовтъ осилилъ на время татаръ, предѣлы Кіевщины быстро раздвинулись и достигли береговъ Чернаго моря. Витовтъ немедленно оградилъ эти новыя южныя границы рядомъ крѣпостей и поселеній: вдоль по Днѣпру онъ возстановилъ и укрѣпилъ Каневъ, основалъ Черкасы, Кременчугъ, Мишуринъ Рогъ, таможню на островѣ Тавани. Затѣмъ на берегу моря была построена крѣпость Дашовъ (Очаковъ) и устроена гавань на отнятой у татаръ стоянкѣ Хаджи-бей (на мѣстѣ нынѣшней Одессы). При устьѣ Днѣстра, противъ генуезской крѣпости Монкастро (Аккермана), воздвигнутъ былъ новый литовскій замокъ, а нѣсколько выше по Днѣстру построена крѣпость Тягинь (Бендеры). Сверхъ того въ степи упоминаются крѣпости и замки: Караулъ, Гербедеевъ, Упскъ, слѣдовъ и мѣстоположенія которыхъ невозможно опредѣлить.—Но эти широкія границы, начертанныя для Кіевщины Витовтомъ, исчезли чрезъ полъ-вѣка послѣ его смерти подъ напоромъ крымской орды. Основатель ея могущества, ханъ Менгли-Гирей, воспользовав-

шись вялостью и нерадѣніемъ Казимира Ягайловича, разрушилъ дѣло Витовта; онъ овладѣлъ возникшими крѣпостями и, уничтоживъ ихъ, опустошилъ страшными набѣгами всю кіевскую область, на сѣверныхъ же берегахъ Чернаго моря онъ расположилъ кочевья подвластной ему ногайской орды. Между этими кочевьями и заселенною частью кіевскаго княжества образовалось обширное, почти пустынное пространство, пролегавшее отъ береговъ Роси до пороговъ и средняго теченія Ингула; на этомъ пространствѣ велась постоянная партизантская война между удальцами татарскими и русскими и подъ прикрытіемъ послѣднихъ медленно и постепенно выдвигалась въ степь южнорусская колонизація изъ кіевской области.

Къ сѣверу отъ Роси страна, не смотря на татарскіе набѣги, была заселена и правильно устроена. Подъ властью кіевскаго удѣльнаго князя, кромѣ стольнаго города его земли, находились многочисленные кіевскіе пригороды: Овручъ, Житомиръ, Звенигородъ, Переяславль, Каневъ, Черкасы, Остеръ, Чернобыль, Мозырь. Большинство названныхъ пригородовъ возникли еще до XIII столѣтія и вмѣстѣ съ Кіевомъ достались Литвѣ, другіе, какъ Мозырь, Остеръ и Переяславль присоединены были къ кіевскому княженію отъ сопредѣльныхъ русскихъ княжествъ уже послѣ литовскаго завоеванія; нѣкоторые, какъ Черкасы и Чернобыль, возникли по иниціативѣ литовскихъ князей.—Пригороды эти, въ разсматриваемый періодъ времени, носятъ названіе „замковъ господарскихъ“ и получаютъ важное административное значеніе; удѣльный кіевскій князь назначалъ въ нихъ правителей, носившихъ названіе намѣстниковъ, державцевъ или старостъ. Намѣстникъ княжескій управлялъ не только городомъ, въ которомъ находился господарскій замокъ, но и обширнымъ территоріальнымъ округомъ, который тянулъ къ замку. Округи, на которые распадалось кіевское княженіе, носили названіе „повѣтовъ“ [1]). Всѣ жители повѣта, къ какой-бы сословной категоріи ни принадлежали, были подчинены намѣстнику въ военномъ, судебномъ и

---

[1]) Терминъ „повѣтъ“ возникъ вѣроятно отъ того, что намѣстникъ созывая жителей своего округа „на военную потребу“, призывая ихъ въ судъ или сообщая имъ административныя распоряженія, „повѣщалъ“ ихъ или „давалъ имъ вѣсти“, какъ тогда выражались офиціально. Для разсылки „вѣстей“ староста располагалъ особыми „замковыми слугами“ или такъ называемыми „путными боярами“, которые по его приказанію „ѣздили въ путь“ развозить „вѣсти“.

административномъ отношеніяхъ, несли по его распоряженію извѣстныя въ пользу князя повинности и давали намѣстнику извѣстныя дани. Удѣльный князь оставлялъ за собою верховную власть, выражавшуюся въ подчиненіи ему намѣстниковъ, въ правѣ верховнаго предводительства на войнѣ контингентами всѣхъ повѣтовъ, въ правѣ аппеляціи къ нему отъ суда намѣстниковъ и, наконецъ, въ исключительномъ правѣ раздачи въ пользованіе поземельной собственности. Когда кіевское княжество было переименовано въ воеводство и удѣльныхъ князей замѣнили кіевскіе воеводы, то вмѣстѣ съ тѣмъ и разрушено было административное единство кіевской земли. Великій князь вошелъ во всѣ права бывшаго князя удѣльнаго и самъ сталъ назначать старостъ въ замки кіевскаго княжества; старосты замковъ господарскихъ оказались въ прямой зависимости отъ особы великаго князя, который ихъ назначалъ и смѣнялъ, судилъ и контролировалъ; такимъ образомъ связь пригородовъ съ главнымъ городомъ области изчезла и каждый повѣтъ сталъ независимою отъ Кіева единицею областнаго управленія. Кіевскій воевода оказался, съ другимъ только титуломъ, равноправнымъ съ намѣстниками пригородовъ, административнымъ чиновникомъ, и отличался отъ нихъ только тѣмъ, что подъ властью его находился болѣе богатый городъ съ его непосредственнымъ округомъ и что, по причинамъ, не разгаданнымъ для насъ, два сѣверные повѣта: мозырскій и чернобыльскій, остались въ зависимости отъ него въ военномъ отношеніи; жители этихъ повѣтовъ обязаны были ходить на войну не подъ начальствомъ своего старосты, а „при воеводѣ кіевскомъ, якъ ихъ обошлетъ“.—Такимъ образомъ при замѣнѣ князей воеводами кіевская земля потеряла связь административную, объединявшую ея повѣты, распалась на нѣсколько независимыхъ отъ главнаго города областей, но понятіе объ историческомъ единствѣ земли сохранилось какъ въ сознаніи жителей, такъ и въ отношеніи къ нимъ правительства. Еще Витовтъ, упраздняя кіевское княженіе, выдалъ его жителямъ „право добровольное христіанское“, т. е. уставную грамоту, обезпечивавшую ихъ права и опредѣлявшую отношеніе къ нимъ великокняжеской власти. Права эти и отношенія были одинаковы для всѣхъ повѣтовъ кіевскаго княжества и въ числѣ ихъ было обязательство со стороны великаго князя—раздавать намѣстничества въ кіевскихъ пригородахъ и поземельную собственность въ предѣлахъ кіевскаго княжества исключительно только уроженцамъ этой

области [1]). Уставная грамота Витовта подтверждалась потомъ много разъ его наслѣдниками: Казимиромъ, Александромъ, Сигизмундомъ и послужила основаніемъ, объединявшимъ жителей кіевской земли, послѣ того, какъ разрушена была внѣшняя связь отдѣльныхъ ея частей.

Изъ текста этой грамоты, данной всей землѣ кіевской, равно какъ изъ грамотъ болѣе частныхъ Витовта и его преемниковъ, опредѣляются и взаимныя отношенія жителей страны между собою, и распредѣленіе ихъ на общественныя группы.—Послѣ установленія новаго литовскаго распорядка въ кіевской землѣ общественный строй ея значительно измѣнился, сравнительно съ тѣмъ, какимъ онъ былъ при удѣльныхъ русскихъ князьяхъ: основнымъ принципомъ новаго порядка вещей служило то положеніе, что вся земля принадлежитъ государству и состоитъ въ распоряженіи князя, который раздаетъ ее въ пользованіе частнымъ лицамъ, въ видѣ временнаго условнаго владѣвія, подъ условіемъ исполненія извѣстной государственной службы. Такъ какъ государство прежде всего заботилось о томъ, чтобы обезпечить и организовать свои военныя силы, то исполненіе военной повинности составляло первое и важнѣйшее условіе землевладѣнія. Земельная собственность была раздѣлена на опредѣленные участки, такъ называемыя „службы"; каждая служба заключала 10 литовскихъ волокъ (199 десятинъ) и то лице, которое получало землю въ пользованіе, обязано было, по каждому призыву князя или его намѣстника, доставлять съ каждой „службы" одного вооруженнаго воина. Лица, получавшія на такихъ условіяхъ землю, назывались „земянами" и составляли классъ землевладѣльческій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, военное сословіе края. Земяне могли владѣть землею лично, во все время, пока исполняли возложенную на нихъ повинность, но, если они оказывали важныя услуги и снискивали расположеніе князя, имъ давалось право передачи своей земли по наслѣдству на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ сами ею владѣли; въ такомъ случаѣ служба ихъ называлась „выслугою" или „отчиною". Впрочемъ „выслуга" могла быть передана только прямымъ наслѣдникамъ земянина или же постороннимъ лицамъ по завѣщанію, но отчуждать ее при жизни, мѣнять, дѣлить, отказывать въ пользу церкви и т. п. выслужившій ее земянинъ не могъ безъ разрѣшенія князя.

---

[1]) „А волости кіевскія—Кіяномъ держати, а иному никому. А городки кіевскіе, въ нашой воли: Кіяномъ будемъ давати, кому ся будетъ годити".

Уже съ XIV столѣтія слагается такимъ образомъ въ кіевской землѣ классъ землевладѣльцевъ; въ XV и XVI столѣтіяхъ количество раздаваемыхъ князьями выслугъ все болѣе и болѣе умножается и образуется многочисленное военное сословіе, связанное съ областью и происхожденіемъ, (такъ какъ, по уставной грамотѣ Витовта, князья обязаны были службы и выслуги въ кіевской землѣ раздавать исключительно уроженцамъ этой земли), и землевладѣніемъ, и мѣстомъ постояннаго жительства. Классъ этотъ впрочемъ былъ неравномѣрно распредѣленъ на территоріи кіевскаго княжества: въ сѣверной, лѣсной его полосѣ земяне были весьма многочисленны и отчины въ этой мѣстности были разобраны весьма рано; всѣ болѣе древніе и богатые роды земянскіе помѣщались въ этой территоріи; жалованныя грамоты на свои земли они выслужили „на великихъ князьяхъ": Витовтѣ, Казимирѣ и Александрѣ, или получили ихъ отъ кіевскихъ князей Олельковичей. Такъ въ повѣтахъ: мозырскомъ, овручскомъ, чернобыльскомъ, въ сѣверныхъ частяхъ кіевскаго и житомирскаго мы встрѣчаемъ въ теченіи многихъ поколѣній представителей всѣхъ знатныхъ и богатыхъ земянскихъ родовъ кіевской земли [1]). Совершенно другое отношеніе встрѣчаемъ въ южныхъ, черноземныхъ и степныхъ повѣтахъ: въ черкаскомъ, каневскомъ, въ южныхъ частяхъ кіевскаго и житомирскаго; здѣсь земяне или вовсе не берутъ службъ и выслугъ, или берутъ ихъ весьма неохотно; только въ началѣ XVI столѣтія мы встрѣчаемъ въ каневскомъ повѣтѣ нѣсколько выслугъ земянскихъ, и то онѣ принадлежатъ земянамъ, имѣвшимъ главныя отчины и постоянно жившимъ въ кіевскомъ Полѣсьи, и едва можемъ назвать 2—3 рода земянъ, поселившіеся во всей степной полосѣ княжества [2]).—Наконецъ, въ двухъ самыхъ южныхъ повѣтахъ: звенигородскомъ и переяславскомъ земянъ вовсе не было; правда, оба эти повѣта были

---

[1]) Вотъ перечень болѣе выдающихся земянскихъ родовъ въ Кіевщинѣ: въ мозырскомъ повѣтѣ: Обухи, Балакиры, Еськовичи, Лозки, Костюшковичи, Леньковичи, Служки; въ чернобыльскомъ и кіевскомъ: Кмитичи, Проскуры, Горностаи, Сурины, Заморенки, Полозовичи, Дашковичи, Тыши, Волчковичи, Лемеши; въ овручскомъ и житомирскомъ: Немировичи, Дедовичи, Ельцы, князья Сенскіе, Халецкіе, Щеневскіе, князья Капусты, Тышковичи, Стрыбелы, Вороны, Прежовскіе, Корчевскіе и т. д.

[2]) Въ описаніи господарскихъ замковъ 1552 года въ каневскомъ повѣтѣ названо только нѣсколько земянскихъ отчинъ, принадлежавшихъ: Дашковичамъ, Служкамъ, Балакирамъ, Ельцамъ, князьямъ: Капустамъ, Глинскимъ и Корецкимъ; въ черкасскомъ-же повѣтѣ были только два земянскіе роды: Морозовичи и князья Домонты-Черкашенины.

въ XV столѣтіи совершенно опустошены татарами, замки разорены и князья перестали даже посылать намѣстниковъ въ эти опустѣвшія области. Причина неравномѣрнаго распредѣленія земянъ заключалась какъ въ самыхъ условіяхъ землевладѣнія, такъ и въ современномъ экономическомъ положеніи края. Южные повѣты, подверженные постояннымъ татарскимъ набѣгамъ не могли представить удобной почвы для прочнаго установленія хозяйства, а между тѣмъ военная служба съ земли была гораздо тягостнѣе, земяне должны были проводить большую половину времени то въ походахъ, въ погонѣ за татарами, то въ караулахъ или такъ называемой „полевой сторожѣ" на стоянкахъ, устроенныхъ украинными старостами въ степи, для предъупрежденія набѣговъ.

Съ другой стороны степныя черноземныя пространства, представлявшія одну изъ лучшихъ мѣстностей для земледѣлія, при тогдашнихъ экономическихъ условіяхъ не обѣщали богатаго дохода; хлѣбъ не составлялъ предмета вывозной торговли и хлѣбопашествомъ занимались только въ размѣрахъ необходимыхъ для собственнаго прокормленія; напротивъ, хозяйство въ лѣсныхъ округахъ изобиловало всѣми продуктами вывозной торговли. Пересматривая дошедшія до насъ описи имѣній, составленныя даже въ XVI столѣтіи, мы видимъ, что главными статьями поземельнаго дохода признавались „борти" и вообще продукты пчеловодства, „бобровыя гоны" и вообще мѣха, затѣмъ рыбная ловля и продукты лѣснаго хозяйства. Не удивительно потому, что земяне позаботились главнымъ образомъ занять земли въ Полѣсьи, относительно безопасныя отъ татарскихъ набѣговъ и дававшія болѣе цѣнные въ то время предметы для сбыта.

Кромѣ сословія земянъ въ кіевской землѣ находимъ еще другое сословіе, обязанное также нести военную службу. Сословіе это носило названіе „бояръ" и составляло какъ бы переходъ отъ земянъ къ сословіямъ мѣщанскому и крестьянскому; бояре по всему вѣроятію были потомки бывшихъ княжескихъ дружинниковъ. Въ концѣ удѣльнаго періода на Руси дружинники стремятся поселиться въ мѣстахъ своего пребыванія и не переходить вслѣдъ за каждымъ княземъ изъ области въ область; они предпочитаютъ, оставаясь въ данномъ княжествѣ, поступать на службу къ тому князю, который овладѣетъ областью. Такимъ образомъ дружина привязывается къ землѣ, а не къ лицу, т. е. становится „земскою". Въ литовское время за земскими дружинниками сохраняется названіе „бояръ"; они приписаны къ госпо-

дарскимъ замкамъ, въ районѣ которыхъ владѣютъ поземельною собственностью, по большей части весьма не значительною, и обязаны нести военную службу не только полевую, но и гарнизонную въ самой крѣпости и отбывать разнаго рода повинности, какъ въ пользу государства, такъ и въ пользу намѣстника. Они отличались отъ земянъ тѣмъ, что служба ихъ, гораздо болѣе тяжелая, не находилась въ зависимости отъ количества земли, бывшей въ ихъ пользованіи, но возлагалась на нихъ въ силу того, что они принадлежали къ боярскому сословію. Съ конца XV вѣка, когда окончательно утвердилось земянское сословіе, оно мало по малу не только превзошло бояръ знатностью и богатствомъ, но и подчинило ихъ себѣ въ значительной степени; подчиненіе это выразилось въ томъ, что въ случаѣ, если земельные участки, принадлежавшіе боярамъ, находились въ селахъ розданныхъ земянамъ, то князья и ихъ намѣстники уступали въ пользу послѣднихъ свою военную, а въ послѣдствіи и судебную власть надъ боярами, или, какъ тогда выражались, бояре обязаны были „служити и послушными быти" земянину, а, въ случаѣ неповиновенія, должны были оставить свою землю и съѣхать прочь, сохраняя за собою лишь движимое имущество.

Вся остальная масса сельскихъ жителей составляла категорію крестьянъ или „людей", какъ ихъ тогда называли, и если они жили на земляхъ „замковыхъ", т. е. государственныхъ, то назывались „людьми служилыми", а если земли, обработываемыя ими, розданы были земянамъ, то они и сами опредѣлялись терминомъ „люди панскіе и земянскіе". Какъ тѣ, такъ и другіе лично были свободны и имѣли право перехода съ мѣста на мѣсто; поселяясь на данной землѣ, они обязаны были нести извѣстную долю натуральныхъ повинностей и давать опредѣленныя дани деньгами и натурою въ пользу владѣльца земли, сообразно съ договоромъ и установившимся обычаемъ; многіе изъ нихъ притомъ владѣли собственною землею, составляя категорію такъ называемыхъ „данниковъ", и обязаны были давать государству съ земли своей дань, въ качествѣ подати. Дань эту, взимавшуюся по большей части натурою, правительство уступало въ пользу земянъ, обязанныхъ, въ такомъ случаѣ, сообразно съ количествомъ дохода отъ данниковъ, усиливать контингенты, доставляемые ими на войну. Во всякомъ случаѣ большинство крестьянъ сидѣло не на своей землѣ и пользовалось лишь свободою перехода. Эта свобода въ Кіевщинѣ была весьма заманчива; между тѣмъ, какъ въ населен-

ной части княженія умножалось народонаселеніе и постепенно тяжелѣе становились условія пользованія землею, въ южной полосѣ много было незанятой земли и она, за рѣдкими исключеніями, не была даже de jure роздана въ частное владѣніе; крестьянину слѣдовало только подняться съ мѣста, перейти за Рось и поселиться на пустоши, чтобы пользоваться землею безусловно и безконтрольно и развести богатое хозяйство. Современные документы свидѣтельствуютъ, что такіе переселенцы дѣйствительно пользовались своимъ положеніемъ: „пашутъ, гдѣ хотятъ и сколько хотятъ", говоритъ описаніе одного замка; „уставичне въ каневскихъ уходахъ живутъ на мясѣ, на рыбѣ, на меду и сытятъ тамъ собе медъ яко дома", свидѣтельствуетъ другой такой-же документъ.—Благоденствіе это впрочемъ доставалось не безъ риска: крестьяне, разводившіе въ степи хозяйство, находились подъ постояннымъ страхомъ татарскаго набѣга и, очевидно, должны были думать о защитѣ и организовать ее, если хотѣли обезпечить свой трудъ и свое пребываніе въ степи. Въ этомъ отношеніи они нашли опору, поддержку и руководство въ представителяхъ мѣстнаго управленія—въ старостахъ украинныхъ замковъ какъ Кіевщины, такъ и сопредѣльной съ нею Брацлавщины. Старосты хмѣльницкіе, брацлавскіе, винницкіе и особенно каневскіе и черкаскіе берутъ на себя иниціативу въ дѣлѣ организаціи крѣпкой военной силы изъ народонаселенія, поставленнаго, изъ-за экономическихъ своихъ выгодъ, въ необходимость самозащиты. Старосты эти относятся къ пришлому и все болѣе и болѣе умножающемуся народонаселенію, какъ къ единственному средству защитить свои повѣты, охранить свои замки и возстановить русскую колонизацію въ подвѣдомственныхъ имъ округахъ. Почти при полномъ отсутствіи земянъ въ этихъ округахъ, малочисленные бояре и мѣщане рѣдкихъ городовъ конечно не могли составить сколько нибудь значительнаго военнаго ополченія; недостатокъ этотъ пополняли стремившіеся въ плодоносныя степи „люди". Уже съ конца XV столѣтія въ источникахъ появляется упоминаніе объ образованіи изъ этихъ „людей" новаго сословія въ южныхъ степяхъ Кіевщины;—появляется новый терминъ, заимствованный у татаръ—„козаки". Подъ нимъ не разумѣются ни мѣщане, ни бояре; это сословіе состоитъ изъ людей свободныхъ, но въ большинствѣ бездомныхъ, ищущихъ занятія и осѣдлости. Встрѣчаются козаки въ городахъ въ услуженіи у бояръ и мѣщанъ, упоминаются и такіе, которые имѣли

уже свои дома; одни изъ нихъ ходятъ на низъ Днѣпра на звѣриный и рыбный промыселъ и ведутъ торговлю продуктами этихъ промысловъ, другіе занимаются хлѣбопашествомъ и разводятъ пасѣки, третіе промышляютъ угономъ лошадей и захватомъ добычи у татаръ. Старосты не только не противудѣйствуютъ переходу населенія въ южные повѣты, но, напротивъ, поощряютъ его, облагая лишь самыми льготными пошлинами всѣ козацкія промыслы и занятія. Такъ, жившіе въ Черкасахъ козаки не несутъ никакихъ повинностей, а только за право пользованія рыбною и звѣриною ловлею или другимъ промысломъ на всемъ пространствѣ обширнаго староства (въ низъ по Днѣпру до пороговъ, а также по Орели, Самарѣ, Ворсклѣ, Тясьмину и обоихъ Ингулахъ) платятъ „колядки" по 6 грошей въ годъ и косятъ 2 дня въ годъ сѣно—„толокою, за стравою и за медомъ" старосты.— Въ Каневѣ старосты признавали собственностью козаковъ всякую добычу, захваченную ими въ татарской землѣ, подъ условіемъ, что незначительная часть ея должна быть отдана въ подарокъ старостѣ и т. п. При такихъ отношеніяхъ болѣе энергическіе и предпріимчивые сельскіе люди изъ сѣверной Кіевщины стремились постоянно въ степь и въ каневскомъ и черкасскомъ староствахъ быстро формировались свободныя, воинственныя, козацкія „околицы", доставлявшія вооруженныя „роты" для походовъ на татаръ. Съ начала XVI столѣтія предпріимчивые старосты украинскіе: Остафій Дашковичъ, Михаилъ и Дмитрій Вишневецкіе, Лянцкоронскій, кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій, находятъ возможнымъ, опираясь на козацкія ополченія, перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ татаръ. Въ степной Кіевщинѣ, подъ охраною сформировавшихся козацкихъ ополченій, колонизація становится смѣлѣе; новые выходцы изъ кіевскаго Полѣсья не ограничиваются уже староствами каневскимъ и черкаскимъ, а занимаютъ новыя мѣста; съ одной стороны вновь заселяется поднѣпровская часть бывшаго переяславскаго княжества и пріобщается къ козачеству, съ другой народонаселеніе двигается въ опустѣлый въ XV столѣтіи повѣтъ звенигородскій и образуетъ поселенія въ никому не подвѣдомственныхъ и никѣмъ неуправляемыхъ пустыряхъ между Тясьминомъ, Синюхою и Росью; заселяются обширныя пространства, такъ называемые „грунты уманскій и звенигородскій", въ которыхъ только въ концѣ XVI столѣтія правительство оффиціально признаетъ существованіе поселеній и лишь въ началѣ XVII назначаетъ коммиссію для

осмотра края и опредѣленія его пространства.—Такимъ образомъ съ конца XV столѣтія въ Кіевщинѣ зарождается новое военное и землевладѣльческое сословіе, сформировавшееся на основаніяхъ равноправности между его членами и внесшее въ свой бытъ старые принципы вѣчеваго строя. Сословію этому предназначено было въ скоромъ времени вступиться за національныя права Кіевской Руси, упорно за нихъ бороться и выиграть дѣло, проигранное раньше привилегированными сословіями страны.

Кромѣ перечисленныхъ сословій: земянъ, бояръ, крестьянъ и, выдѣлявшихся изъ среды послѣднихъ, козаковъ, въ Кіевщинѣ было еще сословіе мѣщанское. Какъ въ самомъ Кіевѣ, такъ и во всѣхъ пригородахъ кіевской земли, жители ихъ составляли особенныя городскія общины, отличавшіяся правами, повинностями и устройствомъ своимъ отъ другихъ жителей края. Но не вездѣ община городская пользовалась въ равной степени независимостью и обязанности, лежавшія на ней, не вездѣ были одинаковы; въ большинствѣ пригородовъ община городская была въ полной зависимости отъ старостъ, находилась подъ ихъ „присудомъ“ и обложена была довольно тяжелыми повинностями: на мѣщанъ возлагалась обязанность нести военную службу какъ полевую, такъ и гарнизонную, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они обложены были многочисленными податями и данями въ пользу правительства и намѣстниковъ. — Другое положеніе было мѣщанской общины въ самомъ городѣ Кіевѣ: еще великій князь Витовтъ обезпечилъ ея права особою грамотою, которая, къ несчастью, не дошла до насъ и вѣроятно погибла во время разоренія кіевскаго замка Менгли—Гиреемъ. Въ 1494 году, двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ этого разоренія, ее возобновилъ великій князь Александръ Казимировичъ, а въ 1499 онъ пожаловалъ городу Кіеву новую грамоту, обезпечивавшую самоуправленіе жителей по магдебургскому праву, которымъ разрѣшалось имъ пользоваться въ полномъ его объемѣ, безъ всякихъ исключеній, наравнѣ съ жителями стольнаго города Вильна. Въ силу этой грамоты, кіевскіе мѣщане становились независимыми и неподсудными мѣстному воеводѣ; городомъ управляли двѣ выборныя коллегіи подъ предсѣдательствомъ выборнаго-же войта; городскіе промыслы, торговля и занятія были или вовсе освобождены отъ пошлинъ, или обложены умѣренною и точно опредѣленною въ грамотѣ податью въ пользу государства и воеводы; сверхъ того кіевскіе мѣщане получили право безпошлинной торговли во всѣхъ зем-

ляхъ и городахъ великаго княжества литовскаго. Обязанности, возложенныя на общину состояли въ томъ, что мѣщане должны были по призыву воеводы ѣздить въ погоню за татарами, держать полевую сторожу на татарскихъ шляхахъ и „отправовати оборону и сторожу“ въ кіевскомъ замкѣ.

Подъ охраною названныхъ привилегій городская община быстро развилась, пріобрѣла значительныя богатства и силу. Съ незапамятныхъ временъ, благодаря своему удобному географическому положенію, Кіевъ служилъ центромъ обширной торговли: складочнымъ мѣстомъ продуктовъ вывоза со всего днѣпровскаго бассейна съ одной стороны, и предметовъ привоза торговли цареградской и восточной съ другой [1]). Это значеніе торговаго центра Кіевъ удерживаетъ въ описываемое время. Въ Кіевъ направлялись многочисленные караваны сухимъ путемъ и водою изъ крымской орды и изъ Царьграда; первые переправлялись черезъ Днѣпръ у Тавани, слѣдовали по большей части сухимъ путемъ вдоль Днѣпра до Черкасъ или Канева, здѣсь перегружались на „комяги“ и достигали такимъ образомъ Кіева. Царьградскіе товары отправлялись изъ Хаджибея, а послѣ разрушенія его Менгли-Гиреемъ въ 1490 году, изъ генуезскаго Монкастра (Аккермана) и, слѣдуя по степи черезъ мосты, построенные на Бугѣ Витовтомъ, доставлялись въ Кіевъ. Благодаря указаніямъ современныхъ актовъ, мы можемъ указать хотя нѣкоторые товары, привозимые этими караванами; это были—шелковыя и парчевыя восточныя ткани, „камка александрійская на золоте“, восточные ковры, шелкъ, восточныя издѣлія изъ кожи: «сафьянъ, тижмы и тебенки» и восточныя пряности: перецъ, „дзиндзиверъ“ шафранъ и т. п. Тѣми-же путями изъ Кіева отправлялись караваны на востокъ; они везли мѣха бобровъ, лисицъ, горностаевъ, куницъ, бѣлокъ и т. п., готовыя шубы, „шлыки“ и колпаки; затѣмъ издѣлія кіевскихъ оружейныхъ мастеровъ: луки, стрѣлы, сагайдаки, сѣдла и т. п. Сверхъ того черезъ Кіевъ прохо-

---

[1]) Не говоря о многочисленныхъ указаніяхъ на обширную торговлю Кіева съ Царьградомъ и дальнимъ востокомъ въ удѣльное время, укажемъ только на свидѣтельства о районѣ кіевской торговли, въ гораздо болѣе древнее время, доставляемыя намъ монетными кладами, находимыми въ Кіевѣ и его области. Въ этомъ отношеніи довольно указать на большой кладъ римскихъ монетъ времени Антониновъ, найденный нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Чернобылѣ, на такой-же кладъ монетъ, чеканенныхъ въ Антіохіи, III—IV ст., открытый въ 1875 году въ самомъ Кіевѣ, и на нѣсколько кіевскихъ кладовъ съ монетами Саманидскими IX—X столѣтій.

дили караваны съ „коштовными“ товарами изъ Москвы въ Турцію и Крымъ и обратно. Въ предѣлахъ кіевской земли купеческіе караваны пользовались покровительствомъ и охраною властей: старосты остерскіе, черкаскіе и каневскіе и воеводы кіевскіе снабжали ихъ вооруженнымъ конвоемъ, оберегавшимъ купцевъ отъ нападеній татаръ въ степи, и получали за то отъ каравана опредѣленные обычаемъ и грамотами подарки. Кромѣ этой обширной внѣшней торговли, склады которой находились въ Кіевѣ, въ силу особой на то привилегіи, пожалованной городу в. к. Александромъ, Кіевъ представлялъ богатый рынокъ и для внутренней торговли: здѣсь находились склады соли, привозимой изъ береговъ Чернаго моря и расходившейся потомъ по всему великому княжеству литовскому, рыбы, доставлявшейся съ „низу“ и „съ верху“ Днѣпра, воску, меду, хлѣба и т. п. Торговая дѣятельность Кіева привлекала въ этотъ городъ многочисленныхъ иноземцевъ; уже въ XV столѣтіи въ Кіевѣ существовала многолюдная армянская колонія, члены которой владѣли домами и лавками въ городѣ и землями въ кіевскихъ повѣтахъ; сверхъ того въ XV-же вѣкѣ въ Кіевѣ имѣли торговый дворъ генуезцы и проживали многочисленные торговцы: турецкіе, татарскіе, московскіе, греческіе, молдаванскіе и польскіе.

Торговля не составляла впрочемъ единственнаго занятія кіевскихъ горожанъ; разнообразныя ремесла развиты были среди городского населенія. Въ XV уже столѣтіи документы указываютъ на многочисленные цехи, состоявшіе подъ присудомъ кіевскаго магистрата, въ числѣ ихъ поименованы слѣдующіе: „кравцы, кушнеры, шевцы, постригачи, золотари, лучники, стрѣльники, сѣдельники, ковали, конвисары, винники, хлѣбницы, перекупники, рыболовы, плотники, цырульники“. Между ними особенно славились золотари, металлическія издѣлія которыхъ находили обширный сбытъ во всей Руси и Литвѣ, и стрѣльники, стрѣлы которыхъ, кованныя изъ желѣза и обдѣланныя въ древка съ орлиными перьями, составляли одинъ изъ предметовъ сбыта въ Крымъ; Михалонъ Литвинъ сохранилъ извѣстіе, что за 10 такихъ стрѣлъ татаре давали обыкновенно въ обмѣнъ возъ соли.

Вслѣдствіе богатой торговли и производительности рано чувствуется потребность въ постоянныхъ знакахъ цѣнности. Уже съ XIV столѣтія въ Кіевѣ находился монетный дворъ; до насъ дошли монеты кіевскаго чекана, носящія имена князей: Владиміра Ольгердовича, Витовта и Казимира; деньги эти чеканились, какъ кажется, по образцу генуезскихъ монетъ города Кафы и очевидно

возникли изъ-за потребности облегчить торговыя сношенія съ Крымомъ; нѣкоторыя изъ нихъ носятъ на лицевой сторонѣ изображенія и надписи христіанскія, на оборотѣ же тамги и надписи татарскія.

Самостоятельность, обезпеченность и богатство кіевской городской общины доставляютъ ей первенствующее значеніе въ землѣ. Кіевскіе воеводы относятся съ уваженіемъ къ ея правамъ и привилегіямъ и, въ случаѣ попытки нарушить ихъ, получаютъ строгіе выговоры и напоминанія отъ великихъ князей; земяне кіевской области тяготѣютъ къ городу, пріобрѣтаютъ въ его чертѣ дома, роднятся съ знатными мѣщанскими семействами и нерѣдко переходятъ въ мѣщанское сословіе, и обратно—встрѣчаемъ частые случаи, когда богатые мѣщане пріобрѣтаютъ куплею или на основаніи княжеской жалованной грамоты земли и „службы" и становятся въ ряды земянъ; встрѣчаются такіе роды, какъ Крикуновичи, Криницкіе, Шавулы, Мелешкевичи, которые появляются поочередно то въ качествѣ земянъ, то въ рядахъ кіевскаго мѣщанства. Въ началѣ XVI столѣтія, когда польскія понятія объ исключительности дворянскаго сословія проникаютъ въ среду русскихъ земянъ и когда появляется у нихъ желаніе установить внѣшніе признаки своего родоваго достоинства, земяне кіевской земли находятся въ весьма затруднительномъ положеніи: они не владѣютъ потомственными гербами, подобно польскому дворянству, и употребляютъ лишь печати съ начальными буквами своихъ именъ и прозвищъ; оказывается зато, что единственное сословіе края (кромѣ княжескихъ родовъ), владѣвшее выработанными геральдическими знаками, было кіевское мѣщанство; ихъ фамильныя клейма и печати и послужили матеріаломъ для установленія дворянской туземной геральдики въ южной Руси послѣ люблинской уніи 1569 года.

Вообще, обозрѣвая сословія, на которыя распадалось народонаселеніе кіевской области въ данную эпоху, мы не можемъ не замѣтить общей черты въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ: сословія не отдѣляются рѣзко другъ отъ друга, сливаются и смѣшиваются между собою на всѣхъ пунктахъ; понятія о потомственности и незыблемой наслѣдственности правъ и сословныхъ преимуществъ не существуетъ; старыя вѣчевыя преданія о равноправности всѣхъ жителей земли продолжаютъ господствовать среди всѣхъ слоевъ населенія и довольно свободно укладываются въ литовскій распорядокъ, который открываетъ самый широкій

просторъ для личныхъ дарованій и личныхъ заслугъ. Такъ земяне, хотя и представляютъ сословіе землевладѣльческое, стремящееся установить потомственно свои права на землю, но оно далеко еще не упрочилось въ этомъ направленіи: земянинъ, не исполнявшій службы, привязанной къ землѣ, находившейся въ его пользованіи, терялъ эту землю, хотя бы она и составляла выслугу его предковъ; онъ обязанъ былъ переуступить ее другому лицу, способному исполнять службу; пріобрѣтателемъ являлось нерѣдко лице, принадлежавшее до того времени къ другому сословію [1]) и становилось послѣ пріобрѣтенія въ ряды земянъ. Уступки эти совершались вполнѣ, законно съ разрѣшенія князя или его намѣстника. Земянинъ, оставившій свою землю и службу, свободно переходилъ въ сословіе мѣщанское или боярское, или отправлялся искать счастья въ козачествѣ. Мѣщане точно также, по смыслу княжескихъ грамотъ, могли во всякое время оставить свою общину, переселиться въ другой городъ или перейти въ другое сословіе. Мы уже указали на то, что переходъ въ козачество крестьянъ былъ совершенно нормальнымъ явленіемъ, но такой переходъ былъ не единственнымъ возможнымъ выходомъ изъ крестьянскаго сословія: въ грамотѣ, данной великимъ княземъ Александромъ на имя кіевскаго воеводы, князя Дмитрія Путятича, послѣднему предписано, чтобы онъ не воспрещалъ магистрату зачислять въ мѣщане всѣхъ тѣхъ людей „митрополичихъ, воеводиныхъ, панскихъ и земянскихъ", которые, проживая въ Кіевѣ и въ селахъ кіевскаго повѣта, занимаются торговлею или ремесломъ. Такимъ образомъ кіевская городская община, притягивая въ свой составъ и знатныхъ земянъ, и промышленниковъ изъ крестьянскаго сословія, являлась центромъ, въ которомъ сливались всѣ сословныя категоріи кіевской земли и фактически устанавливалась между ними земская равноправность.

Постараемся теперь собрать разрозненныя черты для того, чтобы составить себѣ понятіе о физіономіи самого города въ описываемое время.

Въ разные періоды своего историческаго существованія центръ города Кіева передвигался въ различныя мѣстности, сооб-

---

[1]) Такъ напримѣръ бояринъ Зубрикъ пріобрѣтаетъ у путивльскаго князя земли въ черкаскомъ повѣтѣ и становится черкаскимъ земяниномъ; такъ кіевскій мѣщанинъ Ходыка-Криницкій пріобрѣтаетъ громадную поземельную собственность въ переяславскомъ повѣтѣ и занимаетъ самое видное мѣсто среди его земянъ; такъ „козакъ звенигородецъ" Дмитрій Базановскій, владѣетъ селами въ грунтѣ звенигородскомъ и т. д.

разно съ историческими условіями его быта. Въ древнѣйшее время извѣстнаго намъ существованія города, еще вѣроятно въ до-княжескую эпоху, центръ городской жизни помѣщался правдоподобно на нынѣшней Оболони и на окаймляющихъ ее взгорьяхъ; въ этой по крайней мѣрѣ мѣстности найдены понынѣ древнѣйшіе монетные клады и языческія кладбища. Послѣ того, какъ Кіевъ сдѣлался центромъ обширнаго государства, князья устроили крѣпость на вершинѣ горъ, господствующихъ надъ Подоломъ. Княжескій дворецъ, лучшія церкви и частные дома расположены были на такъ называемой „Горѣ", у подошвы которой разстилался торговый городъ „Подолье". Великій князь Ярославъ раздвинулъ предѣлы верхняго города, включивъ въ его составъ загородное поле; онъ „осыпа" этотъ „великій Кіевъ—великимъ валомъ" и устроилъ въѣзжія Золотыя Ворота. Послѣ Ярослава нагорная часть Кіева не расширялась дальше намѣченныхъ имъ предѣловъ и вѣроятно оскудѣла среди княжескихъ усобицъ и половецкихъ набѣговъ, не разъ обрушивавшихся на старый княжескій стольный городъ. Литовскіе князья, овладѣвъ Кіевомъ, устроили центръ своего управленія на новомъ мѣстѣ; они выбрали для своего жительства одну изъ горъ, стоящихъ отдѣльно отъ всего нагорнаго кряжа, и потому болѣе безопасную отъ нападеній; гора эта, названная впослѣдствіи Киселевкою, по имени послѣдняго польскаго воеводы, обитавшаго на ней, Адама Киселя, находилась между старымъ нагорнымъ городомъ и торговымъ Подоломъ. Здѣсь былъ построенъ „литовскій замокъ", въ которомъ жили Олельковичи и гдѣ, въ 1374 году, кіевскій воевода Мартинъ Гаштолдъ принималъ венеціанскаго посла, Амвросія Кантарини. Изъ словъ послѣдняго мы знаемъ, что замокъ этотъ былъ срубленъ изъ дерева и что внутри его ограды находился домъ воеводы, но подробнаго описанія его мы не имѣемъ. Замокъ этотъ въ 1482 году былъ взятъ Менгли-Гиреемъ и совершенно разрушенъ, а жившій въ немъ въ то время кіевскій воевода Иванъ Ходкевичъ уведенъ въ плѣнъ, въ которомъ и скончался. Новый замокъ построенъ былъ на мѣстѣ стараго только въ первомъ десятилѣтіи XVI вѣка; для постройки его вызваны были „добродеревцы зъ верху", т. е. жители кіевскаго Полѣсья, слывшіе хорошими плотниками. Замокъ этотъ занималъ всю вершину горы Киселевки, стѣны его были срублены изъ прочнаго дерева и укрѣплены столбами; распадались онѣ на 133 участка или „городни", каждую городню городили земяне или жители извѣстныхъ

волостей, и каждая волость или отдѣльное лице, строившее городню, имѣло право къ внутренней сторонѣ ея примкнуть постройку для храненія своихъ пожитковъ и для собственнаго помѣщенія во время осады. На стѣнахъ выдавались 15 башень—башни были шестиугольныя, каждая въ 3 этажа, и каждый этажъ снабженъ былъ бойницами; въ двухъ башняхъ помѣщались въѣзжія ворота: одни были обращены на сѣверъ, противъ горы Щекавицы, и назывались „Воеводиною брамою", другія на югъ, противъ горы Клинецкой и носили названіе „брамы Драбской". Небольшая площадка передъ этими воротами, находившаяся внѣ замковыхъ укрѣпленій, на уступѣ горы, составляла лобное мѣсто, на которомъ приводились въ исполненіе смертные приговоры. На одной изъ башень замка помѣщались большіе городскіе часы, которыми кіевляне очень дорожили. Для наблюденія надъ ними и для ихъ починки назначено было особое жалованье, довольно значительное для того времени (15 копъ грошей и 5 локтей французскаго сукна); жалованье это получалъ обыкновенно одинъ изъ замковыхъ пушкарей (артилеристовъ), умѣвшій обращаться съ механизмомъ часовъ. На внутренней площади замка тѣснились многочисленныя постройки: здѣсь былъ домъ воеводы, ротмистра, командовавшаго гарнизономъ, 30 домовъ, въ которыхъ помѣщались солдаты; затѣмъ здѣсь-же находился „шпихлеръ", въ которомъ сберегали порохъ, ядра, пули, свинецъ и т. п., и „шопа", въ которой хранилась крѣпостная артилерія, состоявшая (въ 1545 г.) изъ 17 пушекъ и около 100 гаковницъ. Кромѣ этихъ зданій въ замкѣ находилось 3 православныя церкви, въ томъ числѣ важнѣйшая, по преимуществу „замковая церковь св. Николая", и одна католическая каплица, имѣвшая вѣроятно значеніе домовой церкви воеводы, если послѣдній былъ католикомъ. Сверхъ того болѣе знатныя лица изъ числа земянъ и мѣщанъ добивались постоянно возможности имѣть свои дома въ замкѣ: здѣсь мы встрѣчаемъ домъ пана войта, домъ пана Горностая, пана Ходыки и т. п. У подножія замка простирался Подолъ, застроенный неровными и тѣсными улицами, въ которыхъ кипѣла торговая и промышленная жизнь горожанъ. Всѣ дома были деревянные, невзрачные и плохіе, по свидѣтельству Кантарини [1]); принадлежали они мѣщанамъ, земянамъ, духовенству и служилымъ людямъ. Среди Подола находился также и армянскій кварталъ съ

[1]) Pan Martin fece mi dare un alloggiamento, assai cattivo, secondo il paese. (Библ. иностр. писат. о Россіи,—изд. Семенова, стр. 135).

своею церковью и генуезскій торговый дворъ. Старый городъ въ концѣ XV столѣтія пришелъ въ запустѣніе. Два раза въ теченіи этого столѣтія онъ подвергался татарскому разоренію: въ 1416 сподручникъ Тамерлана, Эдигей, овладѣвъ городомъ, ограбилъ его и сжегъ; не успѣлъ еще городъ оправиться подъ управленіемъ Олельковичей, какъ въ 1482 году „перекопскій царь Менгли-Гирей „Кіевъ взя и огнемъ сожже". Послѣ этого удара старый городъ не подымался уже изъ развалинъ до половины XVII столѣтія. Еще въ концѣ XVI вѣка кіевскій воевода, князь Константинъ Острожскій, вкопалъ около церкви св. Софіи, „на горѣ, межи валы", столбъ и зазывалъ на слободу „на оное мѣсто, здавна пустое, людей вшелякого стану вѣры христіанское"; среди опустѣвшаго, нѣкогда великокняжескаго города, по словамъ Герберштейна, Гвагнини и Гейденштейна, виднѣлись лишь „слѣды церквей и опустѣвшихъ монастырей и зданій". Ляссота, видѣвшій Кіевъ въ 1594 году, нашелъ въ верхнемъ городѣ тоже запустѣніе; среди развалинъ уцѣлѣли лишь церкви св. Софіи и св. Михаила и небольшая церковь на Золотыхъ Воротахъ. Видъ этихъ развалинъ, возбуждая въ путешественникахъ соболѣзнованіе о паденіи нѣкогда великолѣпнаго города, и подалъ поводъ къ утрированнымъ разсказамъ о кіевскомъ разореніи. Такъ Ляссота невольно, подъ вліяніемъ непосредственнаго впечатлѣнія, рисуетъ слѣдующую картину: „Кіевъ былъ очень укрѣпленъ на обширномъ пространствѣ и украшенъ великолѣпными церквами и зданіями, какъ можно судить объ этомъ по древнимъ развалинамъ, равно и по валу, охватывавшему городъ, и простиравшемуся, какъ говорятъ, на *девять миль (?)* въ окружности". Конечно такія преувеличенныя картины, дававшія впослѣдствіи тему для разсказовъ о мнимомъ запустѣніи Кіева послѣ Батыева погрома, относились только къ нагорной части Кіева и свидѣтельствовали лишь о бѣдствіи, постигшемъ городъ въ 1482 году, и о томъ, что центръ городской жизни и дѣятельности передвинулся теперь въ другую часть города.

Кромѣ указанныхъ нами сторонъ общественной и народной жизни Кіева въ разсматриваемую нами эпоху, мы должны въ заключеніе обратить вниманіе на религіозное значеніе Кіева, которое не только не ослабѣло, но было въ значительной степени возстановлено въ теченіи указаннаго времени.

Въ половинѣ XIII столѣтія религіозное значеніе Кіева нѣсколько поколебалось по причинѣ политическаго его упадка. Ми-

трополиты кіевскіе, вслѣдствіе развитія болѣе могущественной государственной жизни въ сѣверо-восточной Руси, равно какъ и вслѣдствіе возникновенія многихъ новыхъ епископскихъ каѳедръ на сѣверѣ, должны были обратить на этотъ край особенное вниманіе; они значительную часть времени жили во Владимірѣ на Клязьмѣ, а въ началѣ XIV столѣтія и вовсе туда переселились, изрѣдка только посѣщая свою митрополичью столицу и управляя кіевскою церковью посредствомъ намѣстниковъ. Послѣ присоединенія кіевской области къ Литвѣ, какъ литовскіе великіе князья, такъ и удѣльные князья кіевскіе стремятся къ возстановленію митрополіи на прежнемъ мѣстѣ. Уже Владиміръ Ольгердовичъ успѣлъ на время достигнуть этой цѣли, пригласивъ въ Кіевъ митрополита Кипріяна, непринятаго въ Москвѣ; послѣ его смерти великій князь Витовтъ рѣшился возстановить самобытность кіевской митрополіи и подчинить ей православныя епархіи въ великомъ княжествѣ литовскомъ; онъ не призналъ жившаго въ Москвѣ митрополита Фотія и, созвавъ въ 1414 году девять православныхъ епископовъ западной Руси на помѣстный соборъ въ Новгородокъ-Литовскій, предложилъ имъ избрать отдѣльнаго кіевскаго митрополита [1]). Выборъ этотъ состоялся и на кіевскую митрополичью каѳедру вступилъ Григорій Цимвлакъ. Впрочемъ возстановленіе митрополіи утвердилось не сразу; въ теченіи пятидесяти лѣтъ послѣ выбора Цимвлака замѣчаемъ колебаніе: кіевская митрополія то объединяется съ московскою, то управляется отдѣльнымъ іерархомъ. Причина этого колебанія заключается въ опасеніи православныхъ жителей западной Руси, чтобы отдѣльные кіевскіе митрополиты, находясь подъ давленіемъ своего правительства, не приняли церковной уніи съ Римомъ и не подчинились папѣ, такъ какъ къ тому именно времени относилась первая попытка уніи, провозглашенная на флорентинскомъ соборѣ;

---

[1]) Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Витовтъ мотивировалъ свое предложеніе собору въ грамотѣ, изданной имъ къ православнымъ жителямъ великаго княжества литовскаго: „извѣщаемъ всѣхъ русскихъ, состоящихъ въ послушаніи кіевской митрополіи, что мы издавна усмотрѣли, что митрополія эта управляется не въ должномъ порядкѣ, но съ дня на день все болѣе и болѣе ослабѣваетъ и скудѣетъ; уже въ наше правленіе нѣкоторые митрополиты управляли ею не такъ, какъ слѣдовало по старинѣ; они собирали церковные доходы и увозили ихъ за границу; ризницы, казну и св. мощи изъ здѣшнихъ церквей они отнимали и увозили въ чужую страну (перечисляются мощи и церковные предметы); да и кто можетъ перечислить, сколь многочисленные сборы золота и серребра они нагромоздили и сколь значительные убытки причинили кіевской церкви.“

Тѣ-же мотивы приводитъ и густынская лѣтопись (стр. 353).

въ силу этого опасенія кіевскіе князья Олельковичи, дорожившіе болѣе всего возстановленіемъ кіевской митрополіи, оставляютъ свое стремленіе и заботятся о признаніи власти московскаго митрополита. Не смотря на ихъ сопротивленіе, въ 1458 году рукоположенъ былъ уніатскимъ константинопольскимъ патріархомъ Исидоромъ его ученикъ, болгаринъ Григорій, въ кіевскіе митрополиты и явился въ Литву съ намѣреніемъ, подъ покровительствомъ Казимира Ягайловича, принять въ управленіе митрополію; но нерасположеніе православныхъ жителей в. к. литовскаго къ уніи было столь сильно, что правительство не было въ силахъ установить власть новаго митрополита. Источники не сохранили свѣдѣній о дѣятельности Григорія: правдоподобно онъ проживалъ при княжескомъ дворѣ и не вступалъ въ управленіе митрополіею. Въ Кіевѣ имя этого митрополита умалчивали; такъ напримѣръ, помѣчая фактъ обновленія кіево-печерской лавры въ 1470 году, еще при жизни Григорія, и лѣтопись, и надгробная надпись Симеона Олельковича упоминаютъ, что событіе это случилось „при королѣ Казимирѣ и при архимандритѣ Іоаннѣ", но имени митрополита не упоминаютъ. Въ 1472 году Григорій умеръ въ Новогродкѣ-Литовскомъ и избранный на его мѣсто въ 1474 году смоленскій епископъ Михаилъ возстановилъ окончательно кіевскую митрополію и вмѣстѣ съ тѣмъ отклонилъ попытки ввести унію, испросивъ посвященіе у константинопольскаго патріарха. За Михаиломъ слѣдуетъ уже непрерывный рядъ кіевскихъ митрополитовъ до конца XVI вѣка, управлявшихъ православною западно-русскою церковью и признававшихъ себя въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Великіе князья литовскіе: Казимиръ, Александръ и Сигизмундъ не стѣсняютъ независимости ихъ духовной власти; напротивъ того, цѣлымъ рядомъ грамотъ подтверждаютъ полную свободу церковнаго управленія, гарантируютъ и точно опредѣляютъ независимость митрополичьяго суда въ дѣлахъ, касавшихся религіознаго ученія и правильнаго устройства семейныхъ отношеній, а также неприкосновенность поземельной собственности митрополичьей и церковной. Представители православной церкви по собственной иниціативѣ безпрепятственно собираютъ помѣстные соборы, производятъ выборы высшихъ духовныхъ сановниковъ и т. д. Кіевъ становится вновь центромъ религіозной жизни западной полосы Россіи и сообщаетъ церковному устройству свойственныя древней христіанской церкви черты чисто соборнаго управленія: мі-

ряне получаютъ право голоса въ выборѣ епископовъ и право участія въ засѣданіяхъ соборовъ; образуются церковныя братства для охраненія чистоты православнаго ученія и наблюденія за нравственною жизнью какъ мірянъ, такъ и духовныхъ лицъ, не исключая епископовъ. Чувствуя себя живыми членами церкви, православные жители западной Руси проникнуты глубокою къ ней любовью и искреннимъ религіознымъ чувствомъ; черты эти явственно видны въ исторіи всѣхъ кіевскихъ церквей и духовныхъ учрежденій. Татарское разореніе, два раза въ теченіи XIV столѣтія обратившее въ развалины Кіевъ и большинство кіевскихъ церквей, не уничтожило святыни, находившей прочную поддержку послѣ каждаго удара въ готовности всего народонаселенія нести всевозможныя жертвы въ пользу ея возстановленія. Такъ кіевская печерская обитель, возобновленная Симеономъ Олельковичемъ послѣ погрома 1416 года и вновь разрушенная въ 1482, весьма скоро возстановляется усиліями духовенства и содѣйствіемъ всѣхъ кіевлянъ. Уже въ 1522 году архимандритъ Игнатій получилъ грамоту отъ великаго князя Сигизмунда, въ которой подтверждались древнія права монастырской общины; великій князь освобождаетъ ее вполнѣ отъ всякой зависимости отъ кіевскихъ воеводъ и признаетъ право на управленіе общиною исключительно за архимандритомъ; послѣдняго должны выбирать „старцы, совмѣстно съ князьями, панами и земянами кіевской земли“, великій же князь даетъ обязательство не утверждать другого архимандрита, кромѣ кандидата представленнаго ему избирателями. Обитель кіево-печерская быстро оправляется отъ претерпѣннаго ею разоренія; вслѣдствіе отказовъ, получаемыхъ постоянно путемъ дарственныхъ записей и духовныхъ завѣщаній, поземельныя владѣнія общины достигаютъ громадныхъ размѣровъ: во всѣхъ повѣтахъ кіевскаго княженія кіево-печерскій монастырь владѣетъ многочисленными землями и угодьями, въ остерскомъ же повѣтѣ большая часть земли составляетъ его собственность. Вскорѣ владѣнія этой обители, пользовавшейся громаднымъ уваженіемъ въ западной Руси, простираются далеко за предѣлы кіевской области, монастырь получаетъ въ даръ земли и имѣнія на сѣверномъ берегу Припяти: въ Бѣлой Руси и Литвѣ, въ повѣтахъ: слуцкомъ, логойскомъ, глускомъ, бобруйскомъ, могилевскомъ и виленскомъ, и становится однимъ изъ самыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества литовскаго.

Усердіе православныхъ къ благосостоянію церкви не ограничивается кіево печерскою обителью,—дарственныя записи и отказы имущества распредѣляются и между другими кіевскими церквами и монастырями. Между ними первое мѣсто занимаетъ кіевскій пустынно-николаевскій монастырь. Объ обители этой мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній до начала XV столѣтія и не знаемъ, кѣмъ и когда она была основана; но съ 1411 года, когда мы встрѣчаемъ первое о ней точное извѣстіе, она быстро возрастаетъ и пользуется особенною любовью князей, воеводъ и земянъ кіевской земли. И великіе князья Казимиръ и Александръ, и кіевскіе православные воеводы Юрій Монтовтовичъ и Андрей Немировичъ, и всѣ почти знатные земянскіе роды кіевской земли: князья Глинскіе, Дашковичи, Тышковичи, Полозовичи, Горностаи, Лозки и т. д. наперерывъ отказываютъ въ пользу этого монастыря имѣнія, земли, угодія, села и разнаго рода имущество. Онъ владѣетъ помѣстьями во всѣхъ повѣтахъ кіевскаго княжества и занимаетъ послѣ кіево-печерской обители первое мѣсто какъ по богатству, такъ и по уваженію къ нему кіевлянъ. Религіозное настроеніе жителей кіевской области въ XV столѣтіи выразилось не только въ заботахъ объ устройствѣ церковной іерархіи, о церковностроительствѣ и обезпеченіи церковнаго достоянія; оно глубоко проникло въ убѣжденія, руководило поступками какъ общественной, такъ и повседневной, частной жизни кіевлянъ. Всѣ грамоты, записи, документы носятъ въ слогѣ и выраженіяхъ признаки неподдѣльнаго глубокаго религіознаго чувства. Настроеніе это выразилось въ XV столѣтіи еще тѣмъ важнымъ для характеристики общества признакомъ, что два новыя лица были причтены къ лику святыхъ, вслѣдствіе сложившагося о ихъ дѣятельности народнаго убѣжденія въ современномъ обществѣ.

Первый изъ нихъ принадлежалъ къ знатному княжескому роду—это былъ князь Ѳедоръ Даниловичъ Острожскій. Жизнь этого князя протекла среди военныхъ подвиговъ какъ въ отечествѣ, такъ и внѣ его предѣловъ. Первое упоминаніе о немъ относится къ 1386 году, когда великій князь Витовтъ и король Ягайло утвердили въ его владѣніи княжества: острожское, заславское и корецкое на Волыни. Затѣмъ въ первой четверти XV столѣтія князь Ѳедоръ Острожскій появляется въ числѣ сподвижниковъ Сигизмунда Корибутовича, ходившаго по порученію Витовта съ сильнымъ русскимъ ополченіемъ въ Чехію на подмогу

гусситамъ. Въ теченіи восьми лѣтъ (1422—1430) онъ принималъ весьма дѣятельное и видное участіе въ геройской борьбѣ чеховъ со всѣми силами германской имперіи; [1]) но въ 1430 году онъ долженъ былъ возвратиться на родину, вслѣдствіе важныхъ событій, происходившихъ тогда въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ этомъ году скончался Витовтъ и возгорѣлась борьба между Ягайломъ, желавшимъ присоединить къ Польшѣ спорныя русскія области, и Свидригайломъ, отстаивавшимъ достояніе литовскаго княжества. Въ борьбѣ этой князь Ѳедоръ Острожскій принялъ самое дѣятельное участіе; на долю его пришлось защищать или скорѣе возвратить занятую уже поляками подольскую землю. Несмотря на превосходство польскихъ силъ, благодаря энергіи и дѣятельности князя Ѳедора, цѣль эта была въ значительной степени достигнута: онъ успѣлъ отстоять все южное Подоліе до Буга и Мурахвы, образовавшее впослѣдствіи такъ называемую Брацлавщину, и даже временно овладѣлъ Каменцемъ. Дѣльнѣйшимъ его успѣхамъ помѣшала подозрительность Свидригайла, отозвавшаго его изъ Подоліи. Тѣмъ не менѣе, три года спустя, князь Ѳедоръ является опять въ числѣ многихъ другихъ русскихъ князей на защиту Свидригайла въ его борьбѣ съ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ. Но когда русскіе князья потерпѣли рѣшительное пораженіе у Вилькомира, престарѣлый князь Ѳедоръ Острожскій почувствовалъ, что энергія его сокрушена вмѣстѣ съ тѣмъ народнымъ русскимъ дѣломъ, которому онъ служилъ всю жизнь и которому теперь, какъ казалось, нанесенъ былъ окончательный ударъ. Онъ рѣшился удалиться отъ міра и искать успокоенія въ тиши монастыря. Прибывъ въ Кіевъ въ печерскую обитель, князь Ѳеодоръ Даниловичъ, „оставивъ прелесть міра сего и княжескую славу, взявъ на себя святое иночество, и такъ подвизався крѣпко, угождаючи Богу ажъ до смерти, душу свою всяко украшаючи, Господеви въ руцѣ отдалъ“. Онъ „сподобился

---

[1]) Пребыванію князя Ѳедора Даниловича въ Чехіи военное искусство въ южной Руси обязано было весьма важнымъ нововведеніемъ: княземъ этимъ усвоенъ былъ изобрѣтенный чешскими таборитами новый военный строй, названный по ихъ имени „таборомъ“. Строй этотъ состоялъ въ томъ, что войско двигалось во время похода какъ бы въ подвижной крѣпости, составленной изъ нѣсколькихъ рядовъ повозокъ: благодаря изобрѣтенію этого строя предводитель таборитовъ, славный Янъ Жижка, одержалъ много блистательныхъ побѣдъ надъ нѣмцами. Перенесенный въ южную Русь Ѳеодоромъ Острожскимъ „таборъ“ былъ впослѣдствіи усвоенъ козаками, которымъ онъ доставилъ не одну побѣду надъ турками, татарами и поляками.

стать превыше въ сонмѣ святыхъ отцевъ печерскихъ", гдѣ по нынѣ почиваютъ его нетлѣнныя мощи.

Другой святитель, причтенный къ лику святыхъ, былъ кіевскій митрополитъ Макарій. Въ 1495 году избранный въ митрополиты изъ архимандритовъ виленскаго троицкаго монастыря, св. Макарій, получивъ благословеніе константинопольскаго патріарха, отправился въ 1497 году въ Кіевъ, чтобы принять въ управленіе свою каѳедру. Онъ уже достигъ предѣловъ кіевской земли, проѣхалъ Мозырь и направился оттуда къ Кіеву, но на переправѣ черезъ Припять у села Скриголова его застигъ загонъ татарской орды, ворвавшейся тогда въ кіевское Полѣсье, и митрополитъ былъ убитъ хищниками. Тѣло его перевезено въ Кіевъ, гдѣ мощи его почиваютъ по нынѣ въ кіево-софійскомъ соборѣ.

Вотъ тѣ черты быта кіевской области, какія можно было собрать въ весьма скудныхъ историческихъ источникахъ даннаго времени. Конечно, по дошедшимъ до насъ источникамъ составить подробной и полной картины не возможно, но историческій матеріалъ, по нашему мнѣнію, достаточенъ для того, чтобы признать, что въ описываемую эпоху Кіевъ съ своею областью не представлялъ полнаго запустѣнія, ожидавшаго иноземныхъ колонистовъ, но, напротивъ, принималъ дѣятельное участіе въ исторической жизни западной половины Россіи, по большей части руководилъ развитіемъ этой жизни и, во всякомъ случаѣ, занималъ въ ея теченіи весьма почетное мѣсто.

В. Антоновичъ.

Южно-русскіе архіереи

въ XVI—XVII в. *).

Извѣстно, что конецъ XVI вѣка въ исторіи южно-русской церкви, т. е. время непосредственно предшествовавшее введенію уніи, характеризуется поразительнымъ упадкомъ чистоты нравовъ въ средѣ высшаго южно-русскаго духовенства. Между пред-

---

*) Подъ этимъ заглавіемъ авторъ предлагаемой статьи располагаетъ представить на страницахъ нашего изданія рядъ бытовыхъ очерковъ изъ жизни южно-русскаго высшаго духовенства въ XVI и XVII ст. Съ помощью такихъ очерковъ намъ яснѣе представится тогдашнее неестественное положеніе южно-русской церкви и рѣзче очертится значеніе уніи, какъ очистительнаго клапана или какъ болѣзненнаго нарыва, открывшаго истокъ для скоплявшихся вѣками нечистыхъ соковъ въ церковно-общественномъ организмѣ. Путемъ долгихъ и тяжкихъ страданій южно-русскій народъ вырабатывалъ потомъ въ себѣ сознаніе неестественности союза, къ которому онъ приведенъ былъ силою исторической судьбы, и необходимости сплотиться въ одно цѣлое съ другою, давно оторванною и не менѣе его страдавшею частію обще-русскаго организма. Глядя съ этой точки зрѣнія на событія избираемой авторомъ эпохи и сферы, намъ нечего смущаться предъ густотою самыхъ темныхъ красокъ, какими судебные акты и извѣстія частныхъ лицъ рисуютъ намъ явленія того времени въ такой сферѣ, которую мы привыкли считать высшею и болѣе свободною отъ недостатковъ, а разсматривая эти явленія въ общемъ тогдашнемъ государственномъ и общественномъ строѣ, во многихъ изъ нихъ мы усмотримъ скорѣе проявленія общаго недуга, нежели личной слабости и порока. Такими въ особенности представляются намъ эти безпрерывные „гвалтовные наѣзды“ и страсть къ самоуправству, отъ которой, по словамъ автора, не свободны были и лучшіе изъ православныхъ южно-русскихъ іерарховъ. Въ тѣ времена всеобщаго безправія, полнаго безсилія королевской власти, такъ рѣзко обозначившагося въ правленіи Сигизмунда III, отсутствія власти административной, слабости власти общественной, самому правому и спокойному человѣку что оставалось дѣлать, какъ не прибѣгать къ помощи внѣшней силы для огражденія своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ? Тѣмъ болѣе позволительнымъ казался такой способъ въ тѣхъ случаяхъ, когда попираемы

ставителями тогдашней православной іерархіи можно указать не мало лицъ, обладавшихъ блестящимъ образованіемъ и разносторонней ученостью, но весьма трудно найти между ними людей, нравственныя качества которыхъ строго соотвѣтствовали бы высотѣ ихъ пастырскаго служенія. Обыкновенно это явленіе объясняютъ тогдашней системой замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей въ православной іерархіи. Древній обычай свободнаго избранія клиромъ и народомъ лицъ, достойныхъ занятія высшихъ церковныхъ должностей, къ началу XVI в. почти совсѣмъ вышелъ изъ практики и былъ замѣненъ простой рекомендаціей претендента со стороны особенно-знатныхъ духовныхъ или свѣтскихъ сановниковъ. Польскіе же короли, унаслѣдовавъ отъ литовскихъ великихъ князей право утвержденія избранныхъ кандидатовъ, съ теченіемъ времени распространили это право до того, что, не прибѣгая къ избранію, сами назначали на высшія іерархическія мѣста въ южно-русской церкви, кого хотѣли. Послѣ короля Сигизмунда-Августа, особенно сильно злоупотреблялъ этимъ правомъ Стефанъ Баторій, назначившій однажды (правда, по ошибкѣ) архимандритомъ минскаго православнаго монастыря явнаго католика [1]). Его преемникъ Сигизмундъ III, именуя себя „верховнымъ подавцею столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ", также неограниченно пользовался правомъ раздачи по своему усмотрѣнію православныхъ епископій и монастырей лицамъ шляхетскаго сословія, оказавшимъ какія-нибудь услуги республикѣ [2]), или же иногда просто вносившимъ за это въ ко-

были права церкви и ни во что ставились королевскія и сеймовыя опредѣленія. Такимъ способомъ и въ такихъ обстоятельствахъ, при величайшемъ изъ кіевскихъ іерарховъ Петрѣ Могилѣ, игуменъ Антоній Мужиловскій съ 500 вооруженныхъ „подгорнулъ подъ его власть св. Софію, отбивши замки, лѣта нароженія Божого 1633 іюля 12". Во всякомъ случаѣ въ самоуправствѣ отдѣльнаго лица трудно разобраться между печальною необходимостью и личнымъ стремленіемъ, между порокомъ общимъ и частнымъ. Тоже должно сказать и объ этихъ непрерывныхъ „позвахъ", которые обнаруживаютъ, по видимому, въ тогдашнемъ духовенствѣ одну лишь страсть къ сутяжничеству. Ихъ вызывали непрерывныя правонарушенія въ самой безобразной и насильственной формѣ, а усиливали и поддерживали судебныя „волокиты", тянувшіяся, какъ показываетъ одинъ изъ процессовъ львовскаго ставропигіальнаго братства, по 150 и болѣе лѣтъ. Ред.

[1]) Акты Зап. Россіи, т. III, № 110.

[2]) Такъ, напр., изъ актовъ Литовской Метрики (Зап. кн. 77, л. 111) видно, что по кончинѣ полоцкаго архіепископа Аѳанасія Терлецкаго король Сигизмундъ, грамотою своею отъ 16 февраля 1592 г., предоставилъ полоцкую епархію *ротмистру* Богдану Селицкому въ награду за *военные его подвиги*. Вступивъ въ монашество, онъ принялъ имя Наѳанаила и былъ послѣднимъ православнымъ владыкою на полоцкой каѳедрѣ.

ролевскую казну извѣстную денежную сумму; подобная же система, какъ извѣстно, употреблялась польскимъ правительствомъ при раздачѣ староствъ, королевскихъ имѣній и другихъ бенефицій. Такъ какъ православныя епархіи въ южной Руси и большинство монастырей обладали значительными имѣніями, пожалованными имъ древними князьями русскими, великими князьями литовскими и другими благочестивыми лицами, то отсюда понятно стремленіе шляхтичей, часто изъ знатныхъ русскихъ фамилій, всякими путями пріобрѣтать королевскія жалованныя грамоты на извѣстныя епископіи или архимандритства, причемъ пріобрѣвшій могъ передать свое право другому лицу за извѣстное вознагражденіе [1]). Конечно, при такомъ способѣ замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей почти вовсе не было обращаемо вниманіе на нравственныя качества претендента, на его призваніе и подготовку къ пастырскому служенію; отчего нерѣдко случалось, что въ составъ южно-русской іерархіи, вопреки каноническимъ постановленіямъ, попадали, напр., второженцы, какъ Онисифоръ Дѣвочка, митрополитъ кіевскій, и даже лица, совершившіе убійства и другія уголовныя преступленія, какъ Тимоѳей Злоба, архимандритъ супрасльскій, и др. Получивъ королевскую грамоту, шляхтичи не особенно спѣшили принимать посвященіе въ церковный санъ: иногда они по нѣскольку лѣтъ управляли пожалованными имъ епархіями или монастырями, оставаясь въ свѣтскомъ званіи и нося титулъ *нареченныхъ* владыкъ или архимандритовъ, и часто нужны были со стороны митрополита чрезвычайныя понудительныя мѣры, въ родѣ неблагословенной грамоты или жалобы королю, чтобы заставить подобныхъ своевольцевъ принять посвященіе [2]). Нѣкоторые вступали въ управ-

---

[1]) См. напр., такую переуступочную запись Станислава Жолковскаго, намѣстника староства белзскаго, владимірскому епископу Мелетію Хребтовичу въ 1580 году, въ которой Жолковскій заявляетъ, что, получивъ отъ короля Стефана Баторія жалованную грамоту на епископію владимірскую, онъ уступилъ свое право Мелетію Хребтовичу, который за эту уступку „ему *досыть учинилъ*". Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I. т. 1, № 24.

[2]) Для примѣра укажемъ на шляхтича Марка Жоравницкаго, который съ 1561 по 1567 годъ, т. е. до самой своей смерти, управлялъ луцкой епархіей, оставаясь въ мірскомъ состояніи, а также на его преемника Ивана Борзобогатаго-Красенскаго, который лишь на четвертомъ году своего управленія епархіей, да и то вынужденный крайними мѣрами митрополита, принялъ посвященіе подъ именемъ Іоны. Ibidem, стр. XXV—XXVI.

леніе епархіями и монастырями, имѣя живыхъ женъ, и посвятившись не разводились съ ними, но продолжали вести прежнюю семейную жизнь; такъ въ 1585 году галицко-русскіе православные дворяне упрекали митрополита Онисифора Дѣвочку въ томъ, что, благодаря его небреженію о порядкахъ церковныхъ, на епископскихъ каѳедрахъ сидятъ такія лица, которые „съ жонами своими кромъ всякаго стыда живутъ и дѣтки плодятъ, а въ монастырехъ честныхъ, вмѣсто игуменовъ и братьи, игумены съ жонами и дѣтми живутъ и церквами святыми владѣютъ и рядятъ: съ крестовъ великихъ малые чинятъ и собѣ поесы и ложки и сосуды злочестивые къ своимъ похотемъ справуютъ, изъ ризъ—саяны, съ петрохилевъ брамы“ [1]). Въ другой разъ, въ 1592 году, львовское братство доносило патріарху константинопольскому Іереміи, что епископы—холмскій Діонисій Збируйскій и пинскій Леонтій Пельчицкій „со женами живутъ, еще же и перемышльскій владыка (Михаилъ Копыстенскій) со женою на епископство възведенъ“ [2]).

Нечего и говорить, что, выросшіе и воспитанные въ нравахъ и привычкахъ тогдашней дворянской среды, южно-русскіе владыки, вопреки иноческимъ своимъ обѣтамъ, и въ новомъ званіи нисколько не измѣняли прежняго образа жизни; напротивъ, привлеченные въ большинствѣ случаевъ къ духовному сану богатствами церковныхъ имѣній, они въ своемъ частномъ быту старались во всемъ походить на знатныхъ пановъ и подобно имъ вели праздную, роскошную и веселую жизнь, ничѣмъ въ своихъ поступкахъ не отличаясь отъ богатыхъ мірянъ. А нравы тогдашняго шляхетно-русскаго общества были таковы, что самый снисходительный моралистъ не могъ бы отнестись къ нимъ иначе, какъ съ строгимъ порицаніемъ. Извѣстно, что XVI вѣкъ вообще характеризуется рѣзкимъ переломомъ въ общественномъ быту литовско-русскаго государства. То было время, когда Литва, благодаря начавшемуся еще раньше сближенію съ западной Европой, сдѣлала блестящіе успѣхи въ развитіи своей гражданственности, выразившіеся въ расширеніи промысловъ и торговли, умноженіи и укрѣпленіи городскихъ общинъ, улучшеніи благосостоянія частныхъ лицъ, распространеніи образованности и проч. Естественно, что всѣ эти культурныя перемѣны въ соціальномъ строѣ произвели сильныя измѣненія въ понятіяхъ, нравахъ и

[1]) Акты зап. Россіи. т. III, № 146.

[2]) Ibidem, т. IV, № 33.

обычаяхъ если не всего западно-русскаго общества, то по крайней мѣрѣ въ средѣ высшихъ его сословій. Рядомъ съ усвоеніемъ новыхъ понятій и формъ европейской цивилизованной жизни, въ обществѣ западно-русскихъ дворянъ быстро изчезала простота и патріархальность старыхъ предковскихъ обычаевъ и соединенная съ нею строгость и чистота нравовъ. Въ этомъ отношеніи гибельнѣе всего вліяло на общественные нравы юго-западной Руси сближеніе съ Польшей, гдѣ въ средѣ высшей шляхты, а особенно при дворѣ тогдашнихъ польскихъ королей, нравственная распущенность достигла высшаго развитія. Литовско-русскіе писатели XVI в. единогласно жалуются на упадокъ нравовъ въ современномъ имъ обществѣ, а въ позднѣйшихъ редакціяхъ литовскаго Статута замѣчается все большее усиленіе строгости по отношенію къ цѣлому ряду преступленій, о коихъ въ первой редакціи Статута совсѣмъ не упоминается. Наиболѣе распространенными пороками тогдашняго общества были: пьянство, разнаго рода противосемейныя преступленія, тайныя убійства при помощи ядовъ и отравы [1]), поединки и особенно склонность къ самоуправству, выражавшаяся въ отнятіи собственности, буйствахъ и убійствахъ. Общая нравственная распущенность коснулась и высшаго католическаго духовенства, которое въ то время въ Литвѣ и Польшѣ, какъ и во всей западной Европѣ, необузданно предавалось страсти къ обогащенію, заботилось лишь о суетѣ мірской и утопало въ разнаго рода пресыщеніяхъ и открытомъ развратѣ, что̀ и способствовало болѣе всего быстрому распространенію здѣсь реформаціи. По свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ актовъ виленской капитулы, развратъ въ средѣ столичнаго литовско-католическаго духовенства дошелъ до такой степени, что загородныя дачи и фольварки виленскихъ канониковъ и даже прелатовъ сдѣлались чуть не публичными домами, а въ 1629 г. виленская капитула, стараясь хоть чѣмъ-нибудь удержать отъ распутства своевольное духовенство, вынуждена была изгнать изъ предѣловъ епархіи всѣхъ развратныхъ женщинъ [2]). Въ то же время, когда реформаціонное движеніе появилось въ Литвѣ и Польшѣ, оно наглядно обнаружило нравственную несостоятельность католическаго духовенства и отсутствіе въ немъ искренности вѣры и твердости убѣжденій. Извѣстно, что въ первое

---

[1]) По свидѣтельству современныхъ польско-литовскихъ писателей, порокъ этотъ былъ занесенъ въ Польшу и Литву королевой Боной, италіанкой, и ея дворомъ.

[2]) Jaroszewicz, Obraz Litwy, III, 10 и 161.

время духовенство оказалось безсильнымъ для борьбы съ новымъ движеніемъ и само подчинилось ему. Не говоря о низшемъ клирѣ, члены котораго охотно женились и переходили въ протестантизмъ, извѣстны случаи, когда прелаты и бискупы (какъ, напр., кіевскій бискупъ Пацъ) легко измѣняли своему долгу и становились вѣроотступниками. Съ другой стороны, тѣ изъ лицъ высшаго католическаго духовенства, которые выступали на борьбу съ реформаціей, почти всегда обнаруживали грубое безразличіе въ выборѣ къ тому средствъ и пріемовъ, сплошь и рядомъ прибѣгали къ возмутительнымъ насиліямъ и при случаѣ не гнушались тайными убійствами своихъ противниковъ.

Тѣ-же пороки и въ тѣхъ же формахъ мы встрѣчаемъ и въ жизни представителей высшаго православнаго духовенства того времени. Современникъ, постриженецъ Аѳона, Іоаннъ Вишенскій не находитъ достаточно выразительныхъ словъ, когда обличаетъ современныхъ ему владыкъ, архимандритовъ и игуменовъ въ любостяжательствѣ, сребролюбіи, корыстолюбіи, въ пьянствѣ, чревоугодіи и другихъ пресыщеніяхъ; тѣ-же обличенія повторяются почти всѣми южно-русскими писателями того времени. Развратъ среди высшаго южно-русскаго духовенства, правда, не доходилъ до такой степени или, по крайней мѣрѣ, не совершался такъ открыто, какъ то бывало у католическихъ каноников и прелатовъ; но тѣмъ не менѣе сохранилось нѣсколько судебныхъ актовъ XVI—XVII в., изъ которыхъ видно, что и южно-русскіе пастыри были не совсѣмъ чужды этому грѣху. Такъ, въ 1594 году луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій формально на судѣ былъ обвиняемъ въ изнасилованіи нѣкоей „дѣвки“ Палажки (о чемъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ), а въ одной актовой луцкой книгѣ мы находимъ декретъ духовнаго митрополичьяго суда по дѣлу объ архимандритѣ жидичинскаго монастыря Никодимѣ Мокосіи Шибинскомъ, обвиненномъ въ убійствѣ, растратѣ монастырскихъ имѣній и наконецъ въ томъ, что онъ, разогнавъ братію, „в монастыре своемъ наложницъ ховалъ и съ ними справу Богу и людемъ добрымъ мерзкую мевалъ“ [1]). Говорить-ли о слабости вѣры у тогдашнихъ православныхъ архіереевъ, о шаткости и непостоянствѣ ихъ религіозныхъ убѣжденій, о слабомъ развитіи сознанія ими пастырскаго долга, когда исторія введенія въ южной Руси церковной уніи представляетъ живую картину легкомысленнаго

---

[1]) Книга гродская Луцкая 1627 года, л. 350.

равнодушія большей части тогдашнихъ южно-русскихъ іерарховъ къ вопросу объ истинности того или другаго христіанскаго исповѣданія и преступной рѣшимости ихъ „для лакомства нещасного“ и ради „дочасныхъ пожитковъ сегосвѣтныхъ“ предать самыя завѣтныя вѣрованія своей паствы! А затѣмъ, когда введеніе уніи встрѣтило извѣстное противодѣйствіе со стороны православныхъ, то уніатскіе владыки, подражая своимъ католическимъ собратьямъ, выказали такое же возмутительное безразличіе въ выборѣ средствъ для борьбы и съ тѣмъ же безсердечіемъ и жестокостью пускали въ ходъ и ложные доносы, и открытое насиліе, и покушенія на жизнь противниковъ посредствомъ отравы, и тайныя убійства. И благо, еслибы еще этотъ бездушный фанатизмъ могъ быть оправданъ искренностью убѣжденія въ правотѣ своего дѣла, такъ вѣдь о большинствѣ ревнителей уніи и этого нельзя сказать.

Но самыми распространенными среди высшаго южнорусскаго духовенства пороками нужно признать тѣ, которые были найболѣе господствующими и въ современномъ имъ обществѣ: то были—склонность къ самоуправству, выражавшаяся въ безпрестанныхъ наѣздахъ на имѣнія сосѣдей и сопряженныхъ съ этимъ безчинствахъ, буйствахъ и грабежахъ, и—страсть къ нескончаемымъ тяжбамъ. Отъ перваго изъ этихъ пороковъ рѣшительно не были свободны даже лучшіе изъ православныхъ іерарховъ XVI—XVII в. Владѣя громадными средствами, получаемыми изъ церковныхъ имѣній, южнорусскіе владыки содержали многочисленные отряды слугъ, гайдуковъ и ратныхъ людей, вооружали ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, даже пушками, и часто лично предводительствовали ими въ наѣздахъ, разбояхъ, грабежахъ, штурмомъ брали и отнимали чужія имѣнія, мѣстечки и села, и въ свою очередь часто выдерживали въ своихъ укрѣпленныхъ замкахъ и монастыряхъ правильныя осады со стороны такихъ же самоуправцевъ. Случалось, что они отказывались иногда подчиняться невыгоднымъ для нихъ распоряженіямъ правительства и въ такихъ случаяхъ, при помощи своихъ людей, силой отражали посылаемыя противъ нихъ по приказу короля повѣтовыя ополченія [1]). А въ промежутки между этого рода военными занятіями владыки разъѣзжали по гродамъ и трибуналамъ, заносили въ судовыя книги свои протестаціи, манифестаціи, позвы

---

[1]) См. Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. 1, т. I, стр. XXIII.

и апеляціи, требовали возныхъ, являлись на „*рочки*“ [1]), подвергались „*банниціямъ*“, сносили ихъ и снова навлекали новыя и т. д. Такимъ образомъ знаменитый Іоаннъ Вишенскій былъ совершенно правъ, когда обличалъ современныхъ ему владыкъ въ томъ, что они, „вмѣсто правила, книжного чтенія и изученія закона Господня, день и ночь *надъ Статутомъ* и лжею (т. е. сочиненіемъ апеляцій и репротестацій) весь вѣкъ свой упражняются“ [2]). Свидѣтельство Вишенскаго вполнѣ подтверждается судебными документами того времени. Всякій, напримѣръ, кому случалось знакомиться съ актовыми книгами, хранящимся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, безъ сомнѣнія былъ поражаемъ обиліемъ судебныхъ процессовъ, которые велись тогдашними русскими духовными сановниками; иной разъ кажется, будто гродскіе и земскіе суды того времени ничѣмъ другимъ и не занимались, какъ исключительно процессами православнаго духовенства. И нельзя не замѣтить, что въ веденіи большей части этихъ процессовъ видна знающая и искусная рука, навыкшая къ юридической практикѣ и при случаѣ не чуждая казуистическихъ фортелей. Оно и понятно, если вспомнить, что нѣкоторые изъ православныхъ владыкъ въ предшествовавшій, мірской періодъ своей жизни занимались про-

---

[1]) *Рочками* назывались сессіи тогдашнихъ судовъ, а суды тогда были двухъ родовъ: *гродскіе* въ городахъ, открытые для всѣхъ въ теченіи всего года, и *земскіе*, открывавшіе свои засѣданія въ повѣтахъ три раза въ годъ, по тогдашнему *рокъ*, откуда и названіе *рочки*. *Банниціею* называлось опредѣленіе суда гродскаго или земскаго, которымъ извѣстное лице объявлялось лишеннымъ покровительства законовъ. При отсутствіи въ то время административной или иной власти, которая могла бы заставить подсудимаго явиться въ судъ или выполнить его рѣшеніе, банниціи употреблялись какъ единственное побудительное для сего средство, а не какъ мѣра наказанія за извѣстное преступленіе. По тогдашнимъ порядкамъ и правамъ подвергшійся банниціи рисковалъ своею безопасностію и даже имуществомъ и жизнью, такъ какъ всякій, изъ побужденій корысти, мести или просто своевольства, могъ произвести надъ нимъ какое угодно насиліе, даже просто убить его, не подвергаясь за то преслѣдованію суда и наказанію. Впрочемъ банниціи скоро утратили свое значеніе и какъ мало ихъ пугались, лучшимъ примѣромъ можетъ служить извѣстный въ польской исторіи коронный стражникъ первой половины XVII ст. Самуилъ Лащъ, который, по свидѣтельству Ерлича, получивъ 236 банниціи и 37 инфамій, сшилъ изъ нихъ или подшилъ *ферезію* и въ такомъ костюмѣ явился въ королевскій дворецъ, возбудивъ тѣмъ лишь удивленіе короля такой находчивости и не подвергшись наказанію за такое наругательство надъ закономъ. Правда, впослѣдствіи король, Владиславъ IV лишилъ Лаща за новыя его буйства и насилія должностей, староствъ и имѣній, но для приведенія въ исполненіе королевскаго декрета понадобилось объявить поголовное ополченіе и кіевскій воевода Тишкевичъ во главѣ 12,000 ополченцевъ шелъ выселять Лаща изъ его имѣнія Макарова.

[2]) Акты Ю. и З. Р. т. 2, стр. 226.

фессіонально адвокатурой; такъ о холмскомъ епископѣ Діонисіи Збируйскомъ упомянутый выше Іоаннъ Вишенскій свидѣтельствуетъ, что онъ, до вступленія въ духовное званіе, „коли въ Луцку жилъ, Саксономъ и Майдебурскимъ правомъ свое черево кормилъ." [1]) Поэтому многіе изъ упомянутыхъ процессовъ между одними и тѣми-же лицами тянулись по нѣскольку лѣтъ, восходили по аппеляціи на рѣшеніе трибунала и часто прекращались лишь за смертью одного изъ тяжущихся. Нечего и говорить о томъ, какой богатый матеріалъ для исторіи южнорусской церкви вообще и для характеристики нравовъ высшаго духовенства XVI и XVII в. въ частности представляютъ судебные акты того времени, относящіеся къ означеннымъ процессамъ и сохранившіеся въ огромномъ количествѣ въ книгахъ кіевскаго центральнаго архива. Достаточно намѣтить извѣстное іерархическое лице того времени и выбрать изъ актовыхъ книгъ всѣ касающіяся его жалобы, протестаціи, судебныя рѣшенія, чтобы въ результатѣ получилась рельефная картина нравовъ и быта высшихъ церковныхъ сановниковъ данной эпохи. А матеріаловъ такъ много, что невольно затрудняешься ихъ выборомъ. Для означенной цѣли можно было-бы съ одинаковымъ удобствомъ воспользоваться, напримѣръ, судебными процессами Ѳеодозія Лозовскаго, епископа холмскаго, взявшаго штурмомъ епископскій замокъ и соборную церковь въ г. Владимірѣ и впослѣдствіи утвердившагося на этой каѳедрѣ; Марка Жоравницкаго, нареченнаго владыки луцкаго, или его преемника Іоны Красенскаго, умершаго банитомъ, и многихъ другихъ. Но изъ цѣлаго ряда личностей этого типа я останавливаю свой выборъ на судебныхъ актахъ, относящихся къ біографіи человѣка, получившаго впослѣдствіи печальную извѣстность по дѣятельному участію въ проведеніи брестской уніи, — разумѣю Кирилла Терлецкаго, епископа луцкаго и острожскаго, въ жизни котораго всего рельефнѣе обрисовываются типическіе пороки владыкъ того времени. Я не имѣю, впрочемъ, въ виду представить здѣсь полную біографію этого въ своемъ родѣ замѣчательнаго человѣка, хотя, замѣчу мимоходомъ, подобный трудъ былъ-бы весьма желателенъ, а при богатствѣ изданныхъ по настоящее время историческихъ документовъ онъ къ тому-же легко выполнимъ. Біографическій элементъ войдетъ въ мой очеркъ лишь настолько, насколько даютъ матеріаловъ избранные мною источники и насколько это окажется нужнымъ

[1]) Тамъ-же стр. 231.

для указанной частной задачи. Такъ, дѣятельности Терлецкаго по проведенію церковной уніи я совсѣмъ не намѣренъ касаться, а буду обращать преимущественное вниманіе на его частныя дѣла и отношенія, насколько указанія о нихъ сохранились въ актовыхъ книгахъ, при чемъ съ большею относительно подробностью изложу тѣ судебные процессы, которые представляютъ особенно важный интересъ для моей цѣли.

I.

Кириллъ Семеновичъ Терлецкій происходилъ изъ обѣднѣвшей отрасли нѣкогда знатнаго русско-шляхетскаго рода, имѣвшаго свои помѣстья въ перемышльскомъ повѣтѣ. Правдоподобно родиной его можно считать пинскую область въ Полѣсьѣ, гдѣ онъ въ г. Пинскѣ былъ первоначально священникомъ замковой церкви св. Дмитрія, при чемъ, по свидѣтельству І. Вишенскаго, былъ такъ небогатъ, что въ качествѣ слуги „только дячка за собою волочилъ, которому кермашами пирожными заплату чинилъ.“ Въ 1576 г., по смерти пинскаго епископа Макарія Евлашевскаго, Кириллъ Терлецкій, по жалованной грамотѣ короля Стефана Баторія, „яко человѣкъ цнотливый, во всякихъ справахъ духовныхъ статечный и въ писмѣ наученый,“ былъ возведенъ въ санъ епископа пинскаго и туровскаго,[1]) откуда въ 1585 г. былъ переведенъ на епископію луцкую и острожскую. О болѣе раннемъ періодѣ жизни Терлецкаго, главное же о его образованіи, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, хотя, судя по его последующей дѣятельности, необходимо заключить, что онъ обладалъ кое-какимъ богословскимъ[2]) и юридическимъ образованіемъ, пріобрѣтеннымъ, какъ кажется, путемъ начитанности, чему много помогали его блестящія способности, восполнявшія недостаточность его школьнаго образованія.[3]) Обращаясь къ нравственной характеристикѣ личности Терлецкаго, нужно отмѣтить прежде всего, какъ найболѣе выдающіяся черты его характера, хитрость,

---

[1]) Акты Западн. Р. т. III, № 65.

[2]) Въ жалованной королевской грамотѣ Терлецкому упоминается, что Кіевскій митрополитъ Іона рекомендовалъ его королю какъ человѣка „в писмѣ святомъ добрѣ научоного“.

[3]) О „*значительномъ*“ образованіи, какое приписываетъ Терлецкому авторъ „Литовской Церк. Уніи“ г. Кояловичъ, не можетъ быть рѣчи уже по тому одному, что, какъ достовѣрно извѣстно, Терлецкій не былъ знакомъ съ латинскимъ языкомъ, исключительнымъ органомъ тогдашняго школьнаго образованія.

изворотливость и склонность къ проискамъ; не даромъ одинъ изъ современниковъ Кирилла охарактеризовалъ его мѣткимъ прозвищемъ „*райскаго змія*“ и *коварной лисицы*.“ [1]) Далѣе, это былъ человѣкъ безмѣрно честолюбивый, раздражительный и мстительный до жестокости. Въ своей частной жизни онъ рѣшительно не отличался свойственными его сану добродѣтелями и, какъ увидимъ ниже, ему были вполнѣ присущи всѣ пороки того вѣка. Современные южно-русскіе лѣтописцы и историки заклеймили память этого человѣка рядомъ позорнѣйшихъ преступленій. Такъ неизвѣстный авторъ „Перестороги“, а за нимъ составители „Книги о единой вѣрѣ,“ густынской лѣтописи и другіе единогласно свидѣтельствуютъ о сребролюбіи Терлецкаго, о его невоздержаніи, чужеложствѣ, убійствахъ и „иныхъ симъ подобныхъ выступкахъ“, о коихъ „мало не весь свѣтъ вѣдалъ“; въ частности же обвиняютъ его въ убійствѣ какого-то Филиппа маляра и попа Стефана, въ преступной связи съ невѣсткой, женой брата, въ дружбѣ съ ворами и дѣланіи фальшивой монеты и проч. Нѣсколько раньше порочность Терлецкаго вызвала противъ себя обличенія даже изъ отдаленнаго востока, со стороны южно-русскаго монаха аѳонской горы, Іоанна Вишенскаго. Вотъ тѣ обвиненія, которыя бросилъ ему открыто, предъ лицемъ всей Руси, этотъ знаменитый современникъ его и строгій ревнитель чистоты нравовъ въ своемъ окружномъ посланіи къ высшему южно-русскому духовенству: „пощупайся только въ лысую голову, ксенже бискупе луцкій, колко еси за своего священства живыхъ мертво къ Богу послалъ: одныхъ—сѣканою, другихъ—водотопленою, третихъ—огнепалною смертію отъ сея жизни изгналъ. Такъ розумѣю, ижъ (что) помятаешъ, ваша милость, всѣхъ тыхъ, если схочешъ покаятелное исповѣди правду отригнути. Вспомяни и *Филиппа маляра* многопѣняжного: камо тые румяные золотые по его неволномъ отходѣ осталися и въ чіемъ нынѣ везеню седятъ [2])“?

Подобныя же обвиненія часто повторялись и послѣдующими историками и, казалось, репутацію Терлецкаго можно было считать прочно установившеюся въ исторіи. Но въ послѣднее время,

---

[1]) Въ 1595 г. митрополитъ Мих. Рагоза въ одномъ изъ своихъ писемъ къ князю Острожскому, такъ выразился о Терлецкомъ: „найболѣе же благоволите в. м. беречься того *райскаго змія* и *коварной лисицы*, о которомъ я говорилъ вашей милости.“ Апокризисъ, стр. 25—26. и Опис. Кіево-Соф. Собора м. Евгенія, приложеніе № 14, ст. 63.

[2]) Акты Ю. и З. Р. т. II, стр. 230.

и притомъ въ одномъ изъ наиболѣе цѣнныхъ сочиненій по исторіи южнорусской церкви, сдѣлана была попытка обѣлить этотъ печальный образъ одного изъ виновниковъ уніи и представить его „достойнѣйшимъ между западнорусскими епископами того времени“: попытка эта была сдѣлана г. Кояловичемъ въ его книгѣ „Литовская церковная унія“. „Провѣряя, говоритъ онъ, безпристрастною историческою критикою всѣ общепринятыя извѣстія о порочности Кирилла, мы никогда не признавали ихъ вѣрными. Преувеличенія и ненависть въ нихъ слишкомъ явны и не подтверждаются никакими оффиціальными памятниками того времени“ [1]) Исходя изъ этого соображенія, г. Кояловичъ весьма рѣшительно отвергаетъ всѣ неблагопріятныя для памяти Терлецкаго извѣстія его современниковъ, объясняя ихъ злобой его недоброжелателей или, по отношенію къ позднѣйшимъ историкамъ, ошибочнымъ перенесеніемъ на него дѣяній, совершенныхъ его предшественникомъ, Іоной Красенскимъ. Не будемъ входить въ споръ съ почтеннымъ историкомъ. Задача нашего изслѣдованія иная и пріемы, какъ увидитъ читатель, другіе. Положительныхъ доказательствъ въ пользу Терлецкаго г. Кояловичъ не представляетъ, а факты говорятъ противное его умозаключеніямъ. Очень можетъ быть, что нѣкоторыя изъ приписываемыхъ Терлецкому преступленій (какъ напр., дѣланіе фальшивой монеты, кровосмѣшеніе) взведены на него и незаслуженно, подъ вліяніемъ злобы за его измѣну православію; но на немъ тяготѣетъ такая масса обвиненій, что однимъ этимъ предположеніемъ никакъ нельзя обѣлить его, а тѣмъ болѣе поставить его въ рядъ „достойнѣйшихъ“ іерарховъ того времени. Не одинъ Терлецкій измѣнилъ тогда православію, однако ни о комъ изъ подобныхъ ренегатовъ современники не передаютъ такихъ позорящихъ извѣстій, хотя сподвижникъ Терлецкаго, Ипатій Потѣй, несравненно энергичнѣе его преслѣдовалъ православныхъ и занималъ болѣе видное мѣсто въ уніатской партіи. Притомъ же, такъ называемые г. Кояловичемъ „оффиціальные памятники“, если таковыми считать судебные акты того времени, не только въ главныхъ чертахъ подтверждаютъ извѣстія современниковъ о порочной жизни Терлецкаго, но, какъ увидимъ ниже, свидѣтельствуютъ сверхъ того о цѣломъ рядѣ другихъ, еще болѣе тяжкихъ, его преступленій. Конечно, не всегда обвиненія и на судѣ бываютъ вполнѣ добросовѣстны. Но судеб-

---

[1]) Кояловичъ, т. I, стр. 269.

ные акты того времени тѣмъ и драгоцѣнны, что въ нихъ съ равнымъ безпристрастіемъ заносились какъ данныя обвиненія, такъ равно и доказательства защиты; поэтому, при изложеніи болѣе важныхъ процессовъ Терлецкаго, я постараюсь передавать и сущность судебныхъ преній, если онѣ сохранились, и такимъ образомъ читатель самъ будетъ поставленъ какъ бы въ положеніе судьи даннаго дѣла.

Луцкая епархія, править которою былъ призванъ Кириллъ Терлецкій, была одною изъ самыхъ богатыхъ въ юго-западной Руси. Ей принадлежали четыре мѣстечка и тридцать четыре селенія, изъ коихъ нѣкоторыя мѣстечки имѣли укрѣпленные замки съ пушками, гаковницами и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Вступивъ въ управленіе всѣмъ этимъ богатствомъ, владыка зажилъ по обычаю магнатовъ того времени: его окружала многочисленная толпа бояръ и слугъ, въ числѣ которыхъ находился и молодой князь Флоріанъ Гедройть, потомокъ нѣкогда знаменитаго литовскаго рода; сундуки въ его „коморахъ" были переполнены „шатами златоглавыми, сукнами фалендышевыми, аксамитами и едвабами, мѣхами куньими и собольими" [1]); въ его кладовыхъ постоянно хранился неистощимый запасъ, цѣлыми бочками, мальвазіи, рейнскаго и другихъ напитковъ [2]), а въ луцкомъ замкѣ всегда былъ наготовѣ многочисленный и хорошо вооруженный отрядъ гайдуковъ, услугами которыхъ владыка пользовался довольно часто и притомъ не противъ однихъ только татаръ. Сверхъ того Терлецкій окружилъ себя многочисленной родней, которую онъ тотчасъ же вызвалъ изъ Полѣсья и Подгорья въ помощь себѣ по управленію церковными имѣніями. Такъ при немъ жила его родная дочь Ганна, выданная имъ впослѣдствіи замужъ за Ивана Велятицкаго, писаря земскаго пинскаго. Одинъ изъ его родственниковъ, Иванъ Терлецкій, былъ урядникомъ въ с. Терем-

---

[1]) См. въ I т. Актовъ Ю. и З. Россіи (№ 128) опись части имущества Терлецкаго, отданной имъ на храненіе пинскому мѣщанину Гр. Крупѣ, съ обозначеніемъ стоимости каждаго предмета. Если перевести тогдашнюю монету на нынѣшнюю, то окажется, что общая цѣнность всей этой части его имущества, вмѣстѣ съ долговыми расписками разныхъ лицъ, простиралась на сумму свыше 22,000 рубл. Любопытно, что въ числѣ должниковъ Терлецкаго мы встрѣчаемъ здѣсь и такихъ магнатовъ, какъ князь Острожскій, воевода кіевскій и др.

[2]) См. осмотръ возымъ кладовыхъ Терлецкаго въ Луцкѣ. Архивъ Юго-зап. Р., ч. 1, т. I, № 76.

номъ, принадлежавшемъ епископіи луцкой; другой—Прокопъ управлялъ м. Фалимичами. Въ такой же должности, какъ кажется, состоялъ и двоюродный братъ владыки, Василій Григорьевичъ Терлецкій, владѣлецъ нѣсколькихъ селъ въ повѣтѣ перемышльскомъ. Но самымъ довѣреннымъ лицемъ владыки, такъ сказать его правой рукой, былъ родной его братъ Ярошъ Терлецкій, котораго онъ держалъ при себѣ неотлучно въ замкѣ луцкомъ и всегда посвящалъ его въ самыя сокровенныя свои намѣренія. У этого же Яроша была жена Марина Богухваловна Туровна, о которой тогда злые языки говорили, будто бы владыка съ нею „въ чужоложствѣ мѣшкаетъ“ [1]).

Не прошло и года по вступленіи Терлецкаго въ управленіе новой епархіей, какъ въ судебныхъ актахъ того времени встрѣчаются уже жалобы разныхъ лицъ на слишкомъ рѣшительныя его дѣйствія. Дѣло въ томъ, что новый владыка нашелъ свою епископію въ самомъ жалкомъ видѣ: одни изъ церковныхъ имѣній были совершенно опустошены, другія присвоены разными лицами, крестьяне отовсюду разогнаны и пр. Одно изъ такихъ имѣній, именно м. Жабче, оказалось въ незаконномъ пользованіи старостича луцкаго, Марка Жоравницкаго. Вмѣсто того, чтобы возстановить нарушенное право владѣнія при помощи суда, Терлецкій поступилъ проще: онъ послалъ отрядъ своихъ гайдуковъ, которые, изгнавъ незаконныхъ владѣльцевъ, овладѣли имѣніемъ и силою подчинили его власти епископа. Подробности этого наѣзда, изложенныя въ жалобѣ Жоравницкаго, по ихъ грубости поразительны даже для того вѣка. Отрядъ Терлецкаго, по своей численности, простирался свыше 1000 человѣкъ; въ составъ его входили, кромѣ архіерейскихъ слугъ, гайдуковъ и крестьянъ, множество татаръ, венгровъ, сербовъ и волоховъ, съ пушками, гаковницами, полгаками [2]), ружьями и топорами. Отрядомъ предводительствовалъ братъ владыки, Ярошъ Терлецкій, а помощниками его были клирошане капитулы луцкой. Нападеніе сдѣлано было ночью, „праве на свѣтаню“. Такъ какъ м. Жабче имѣло укрѣпленный замокъ, то нападавшіе осадили его со всѣхъ сторонъ и, устроивъ шанцы, открыли стрѣльбу и вообще принялись штурмовать его по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Самого Жаровницкаго въ то время не было въ имѣніи, но здѣсь гостили его сестры, которыя, заслышавъ пальбу, укрылись

[1]) Акты зап. Россіи т. 4, стр. 210.

[2]) Особый видъ ружья.

со страху въ отдаленную комнату дома, окруживъ себя женской прислугой. Между тѣмъ осаждавшіе ворвались въ замокъ и потомъ во дворъ, гдѣ началась дикая оргія убійствъ и грабежа. Нѣкоторые вломились въ домъ, ограбили его, раздѣли до нага перепуганныхъ женщинъ и многихъ изнасиловали. Къ счастью, сестры жалобщика успѣли къ тому времени тайно уйти изъ замка и укрылись въ сосѣднемъ имѣніи [1]). Жоравницкіе два раза подавали въ судъ жалобу объ этомъ насиліи, но король Стефанъ Баторій принялъ епископа подъ свое покровительство, оправдалъ его и самыя жалобы въ актовыхъ книгахъ приказалъ уничтожить [2]).

Не менѣе строго поступилъ Терлецкій и съ подчиненнымъ своимъ, Саввой, священникомъ Фалицкимъ, который, будучи урядникомъ въ одномъ изъ церковныхъ имѣній, причинилъ владыкѣ какіе-то убытки и выпустилъ изъ подъ ареста убійцу Ивана Малышка, который умертвилъ слугу епископскаго Морочка. За это владыка приказалъ схватить нераспорядительнаго священника вмѣстѣ съ женой и дѣтьми и посадить ихъ въ тюрьму, гдѣ и морилъ ихъ голодомъ и холодомъ болѣе шестнадцати недѣль, имущество же ихъ велѣлъ отобрать въ свою пользу [3]). Тесть священника, шляхтичъ Вижовскій, позвалъ было за это Терлецкаго къ суду; но, два года спустя, Савва помирился съ владыкой и представилъ въ судъ подписку о прекращеніи дѣла.

Скоро, однако, времена перемѣнились. Покровитель Терлецкаго, король Стефанъ Баторій умеръ и на польскій престолъ вступилъ Сигизмундъ III, покровитель будущей уніи. Наступило время, когда Терлецкій не только опасался нападать на другихъ, но ему самому приходилось постоянно защищаться отъ преслѣдованій и оскорбленій, коимъ съ того времени все чаще стали подвергаться лица православнаго духовенства со стороны королевскихъ сановниковъ католическаго исповѣданія. Такъ въ 1590 г. дворянинъ и королевскій секретарь Броневскій сдѣлалъ воору-

---

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. I, т. I, №№ 51 и 52.

[2]) Кромѣ этого дѣла, въ актахъ Люблинскаго трибунала мы находимъ еще жалобу, относящуюся къ 1586 г., шляхтича Александра Вороны-Боронынскаго на Кирилла Терлецкаго объ отнятіи у него грунта, урочища Завальнаго, и „о позбиванье паробковъ его дворныхъ и о порубанье плуговъ его“ (Кн. Трибунала 1591 г. справа 45). Трибунальскій судъ предоставилъ Воронѣ-Боротынскому позвать владыку къ духовному суду, рѣшеніе котораго намъ неизвѣстно.

[3]) Арх. Югозап. Россіи, ч. I, т. I, № 56.

женный наѣздъ на принадлежавшее луцкой епископіи м. Филимчи и заграбилъ находившееся тамъ церковное и архіерейское имущество [1]). Вслѣдъ за тѣмъ Терлецкому пришлось вынести упорную вражду со стороны луцкаго старосты Александра Семашка, потомка древней русской фамиліи, незадолго предъ тѣмъ перешедшаго въ католичество и потому со всею яростью ренегата преслѣдовавшаго православнаго епископа. Такъ какъ луцкая соборная церковь Іоанна Богослова и епископскій дворъ находились въ верхнемъ замкѣ луцкомъ, состоявшемъ въ завѣдываніи старосты, то Семашко имѣлъ возможность дѣлать на каждомъ шагу притѣсненія Терлецкому и его клиру. Такъ въ одно время онъ у входа въ замокъ поставилъ отрядъ гайдуковъ, приказавъ имъ брать мыто за право входа въ церковь съ духовенства и народа, а въ праздникъ пасхи 1591 года и совсѣмъ не пустилъ въ замокъ никого изъ духовенства, кромѣ одного епископа, вслѣдствіе чего въ соборной церкви въ тотъ день не было совершено богослуженіе; самъ же староста, будучи навеселѣ, проводилъ время въ притворахъ церковныхъ, гдѣ заводилъ танцы и игры, а гайдукамъ приказалъ для развлеченія стрѣлять въ куполъ и крестъ церкви [2]). Въ другой разъ онъ не пропустилъ въ замокъ строительныхъ матеріаловъ, приготовленныхъ Терлецкимъ для починки церкви; а вслѣдъ затѣмъ возбудилъ лично противъ епископа судебное преслѣдованіе, какъ противъ нарушителя общественнаго спокойствія, за то, что будто бы тотъ во время судебныхъ засѣданій входилъ въ замокъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, что̀ было строго запрещено закономъ [3]). Сверхъ того староста постоянно вмѣшивался въ духовную юрисдикцію епископа и бралъ подъ свою защиту духовныхъ лицъ, подвергаемыхъ имъ наказанію, при чемъ однажды, во время разбора жалобы одного священника, когда Терлецкій, отстаивая свое право юрисдикціи надъ подвластнымъ ему духовенствомъ, упрекалъ жаловавшагося священника въ порочной жизни, то староста въ присутствіи суда, публично заявилъ, что онъ знаетъ немало грѣховъ и за самимъ епископомъ, при чемъ, обратившись къ адвокату священника, шепнулъ: „ска-

---

[1]) Архивъ Югоз. Россіи, ч. I, т. I, № 67. Жалоба объ этомъ Терлецкаго 1590 г., октября 4.

[2]) См. жалобу объ этомъ Терлецкаго — тамъ же № 70.

[3]) Тамъ-же, № 73.

жи, что къ владыкѣ приводили развратную женщину" [1]). Нѣсколько лѣтъ продолжались эти преслѣдованія епископа со стороны старосты. Терлецкій не разъ обращался съ жалобами въ суды гродскій и трибунальскій, которые иногда постановляли рѣшенія въ его пользу; но это нисколько не останавливало своевольнаго старосту, дѣйствовавшаго, какъ кажется, въ данномъ случаѣ не безъ воли польскаго правительства, разсчитывавшаго быть можетъ посредствомъ подобныхъ преслѣдованій поколебать въ Терлецкомъ вѣрность его православно-пастырскому долгу и приготовить въ его лицѣ покорное орудіе для замышляемаго тогда церковнаго переворота. И точно, честолюбивый владыка не былъ способенъ долѣе переносить тѣхъ униженій, какимъ иногда подвергалъ его самоуправный староста. Онъ обратился къ князю Константину Острожскому и браславскому воеводѣ князю Яну Збаражскому съ просьбой примирить его съ Семашкомъ, и тѣ взяли на себя заботу уладить всѣ возникшія между противниками несогласія. Въ іюнѣ 1592 года Терлецкій и Семашко явились въ гродскій владимірскій судъ и подали заявленіе о томъ, что они навсегда уничтожаютъ возникшія между ними тяжбы и взаимныя обвиненія [2]). Съ этихъ поръ староста дѣйствительно прекратилъ прежнія преслѣдованія епископа, за то послѣдній становится открытымъ другомъ и поборникомъ уніи.

Примирившись со старостой и заручившись снова расположеніемъ польскаго правительства, Кириллъ Терлецкій не имѣлъ болѣе побужденій сдерживать буйные порывы своей широкой натуры, и съ этого времени въ актовыхъ книгахъ безпрестанно встрѣчаются самыя разнообразныя жалобы на своеволіе епископа.

Прежде всего Терлецкій задумалъ отобрать церковное имѣніе м. Фалимичи, которое присвоилъ было королевскій секретарь Мартинъ Броневскій въ то время, когда епископъ былъ занятъ тяжбой съ луцкимъ старостой. Онъ вооружилъ своихъ слугъ и, поручивъ начальство надъ ними своему зятю Ивану Велятицкому. ночью 27 ноября 1592 послалъ ихъ въ Фалимичи. Здѣсь въ то время проживалъ пріятель Броневскаго, шляхтичъ воеводства люблинскаго, Петръ Гижовскій. Во время штурма онъ былъ тяжело раненъ пулей и ему отрубили кисть правой руки. Когда его, истекавшаго кровью, привели къ Терлецкому, послѣдній не

---

[1]) Тамъ же, № 75.

[2]) Тамъ же, № 79.

только воспретилъ допустить къ нему фельдшера для подачи необходимой помощи, но еще приказалъ посадить несчастнаго шляхтича въ тюрьму, гдѣ голодомъ и холодомъ морилъ его въ теченіи 12-ти недѣль, приказывая по временамъ истязать его въ своемъ присутствіи. Когда Гижовскій получилъ свободу, онъ позвалъ епископа къ суду. Защитительная рѣчь повѣреннаго Терлецкаго, произнесенная во время судебныхъ преній по этому дѣлу, можетъ служить прекраснымъ образцемъ діалектическихъ ухищреній южно-русскихъ софистовъ XVI вѣка. Терлецкому хотѣлось всячески уклониться отъ подсудности по этому дѣлу свѣтскому суду, и вотъ его адвокатъ, при помощи ссылокъ и на конституціи польскихъ королей, и на правила св. отецъ, силился доказать, что епископъ, какъ особа духовная, можетъ подлежать только духовному суду, при чемъ некомпетентность свѣтскаго суда въ рѣшеніи уголовныхъ проступковъ духовныхъ лицъ онъ доказывалъ слѣдующимъ софизмомъ: кара, опредѣленная закономъ за уголовныя преступленія, можетъ быть приведена въ исполненіе надъ духовнымъ лицемъ не прежде, какъ по снятіи съ него духовнаго сана, а это послѣднее дѣйствіе принадлежитъ всецѣло духовной власти; слѣдовательно, свѣтскій судъ, произнося надъ духовнымъ лицемъ приговоръ по уголовному дѣлу, тѣмъ самымъ вторгается какъ-бы въ предѣлы юрисдикціи духовнаго суда. Гродскій судъ, однако, не согласился съ доводами софиста-адвоката и призналъ дѣло Гижовскаго съ Терлецкимъ себѣ подсуднымъ; но по аппеляціи обвиняемаго оно было перенесено въ трибуналъ и дальнѣйшая судьба его не извѣстна [1]).

Дѣло Гижовскаго не было еще окончено, какъ противъ Кирилла Терлецкаго возбуждено было обвиненіе, представляющее по своей чрезвычайности, быть можетъ, единственный примѣръ въ лѣтописяхъ уголовныхъ проступковъ высшаго православнаго духовенства. Нѣкто Адамъ Закревскій, слуга шляхтича Циминскаго, явился 2 го февраля 1594 г. въ гродскій владимірскій судъ и занесъ слѣдующую жалобу на Терлецкаго. Посылалъ-де его наканунѣ панъ Циминскій въ с. Копыловъ къ пану Подорецкому за полученіемъ долга на большую сумму. Возвращаясь назадъ, Закревскій взялъ съ собою „швачку“ своей госпожи, дѣвку Палажку, которую пани Погорецкая „позычала на потребу свою“. Такъ какъ въ пути ихъ застигла ночь, то они заѣхали въ м.

[1]) Жалоба Гижовскаго и судебное разбирательство ея находятся въ гродскихъ владимірскихъ книгахъ 1592 и 1594 г., л. 404 и 56.

Фалимичи, церковное имѣніе луцкой епископіи, гдѣ и остановились ночевать у одного крестьянина Ювка Петрашеняты. Поздно ночью, когда уже всѣ спали, сюда неожиданно явился въ пьяномъ видѣ и съ большимъ числомъ слугъ самъ его милость владыка луцкій, проживавшій въ то время въ любимомъ имъ фалимичскомъ замкѣ. Онъ началъ бранить за что-то Закревскаго, отобралъ у него „торбу" съ деньгами, лошадь, возъ съ упряжью и разнымъ имуществомъ и приказалъ отправить все это въ свой дворъ; затѣмъ онъ взялъ съ собою дѣвку Палажку, привелъ ее къ себѣ въ замокъ и, запершись съ нею „въ коморѣ", изнасиловалъ ее, послѣ чего приказалъ слугамъ посадить ее въ погребъ, откуда она, улучивъ удобную минуту, въ туже ночь убѣжала во Владиміръ, гдѣ и встрѣтилась съ Закревскимъ.—Въ виду чрезвычайности жалобы, судъ въ тотъ же день отрядилъ для провѣрки ея возныхъ, которые подвергли Палажку допросу и она лично подтвердила все вышесказанное, представивъ имъ на то свои вещественныя доказательства; когда же возные выразили подозрѣніе, не была-ли то „прирожоная кровь", то Палажка подъ присягой подтвердила, что это подлинные знаки насилія, совершеннаго надъ ней его милостью владыкой луцкимъ [1]).

На другой день въ тотъ же гродскій владимірскій судъ явился и Кириллъ Терлецкій и занесъ въ книги свой протестъ противъ обвиненія, взведеннаго паномъ Циминскимъ чрезъ посредство своихъ слугъ, называя его жалобу наглой клеветой, разсчитанной на то, чтобы лишить его, владыку, добраго имени. 14-го марта того же года обѣ стороны были позваны въ судъ для производства слѣдствія. Такъ какъ по закону Палажка, какъ особа нешляхетскаго званія, не могла быть обвинительницей шляхтича, то на судѣ въ роли обвинителя долженъ былъ явиться ея помѣщикъ Циминскій. Терлецкій прибылъ на судъ съ своимъ повѣреннымъ Андреемъ Дахновичемъ, лучшимъ изъ тогдашнихъ адвокатовъ луцкихъ, тѣмъ самымъ, который защищалъ его по дѣлу съ Гижовскимъ. Такъ какъ въ актовыхъ книгахъ, къ счастью, сохранился подлинный протоколъ судебныхъ преній по настоящему дѣлу, то въ виду особой важности процесса мы приведемъ важнѣйшіе доводы, представленные сторонами за и противъ обвиненія.

Предварительно обѣ стороны, по требованію суда, лично дали присягу въ томъ, что не подкупали и не нанимали свидѣте-

[1]) Архивъ Юго Зап. Р. ч. 1, т. 1, № 94 и 95.

лей по настоящему дѣлу. За тѣмъ повѣренный Циминскаго потребовалъ, чтобы и Палажка, какъ обвинительница, была допущена къ такой же присягѣ, но судъ отказалъ ему въ этомъ требованіи. Тогда повѣренный Терлецкаго заявилъ, что владыка, прежде чѣмъ приступить къ доказательствамъ своей невинности, требуетъ, чтобы Циминскій, какъ не имѣющій въ мѣстномъ повѣтѣ земельной собственности, представилъ за себя, согласно статуту, надежнаго поручителя, такъ какъ обвиняемый не удовлетворится однимъ оправданіемъ со стороны суда, въ которомъ онъ заранѣе увѣренъ, но сверхъ того намѣренъ привлечь Циминскаго къ отвѣтственности за безчестіе и клевету. Противъ этого Циминскій возразилъ, что онъ находитъ неумѣстнымъ требованіе противной стороны относительно поручительства, потому что обвиненіе возбуждено не имъ, а его служанкой, отъ имени которой онъ, въ качествѣ ея господина, обязанъ по закону искать на судѣ удовлетворенія, такъ какъ она, будучи простаго званія, лишена права сама сдѣлать это; притомъ же всѣмъ извѣстно, что онъ владѣетъ родовымъ имѣніемъ с. Шкленемъ, на что и представилъ суду надлежащіе документы. На это повѣренный обвиняемаго замѣтилъ, что владыка считаетъ себя оклеветаннымъ не со стороны Палажки, противъ обвиненія которой, какъ лица простаго званія, онъ, будучи знатнымъ шляхтичемъ, по закону не обязанъ оправдываться, а со стороны Циминскаго; ибо, допустивъ даже справедливость обвиненія, трудно предположить, чтобы потерпѣвшая, простая служанка, могла, никѣмъ не руководимая, являться въ суды, заносить протестаціи, требовать возныхъ и исполнять другія законныя формальности. Ясно, что она дѣйствовала при помощи и по подговору своего господина. Что же касается вопроса объ осѣдлости, то обвинитель напрасно указываетъ на яко-бы принадлежащее ему с. Шклень, такъ какъ, вопервыхъ, это имѣніе записано имъ своей женѣ, а во вторыхъ—оно находится въ другомъ повѣтѣ, луцкомъ. Судъ объявилъ, что онъ признаетъ достаточными доказательства Циминскаго относительно его осѣдлости въ воеводствѣ волынскомъ, и, удаливъ стороны, приступилъ къ допросу представленныхъ ими свидѣтелей.

На другой день, въ присутствіи многочисленной публики, судъ возобновилъ засѣданіе по тому же дѣлу, причемъ Циминскій, въ дополненіе къ даннымъ произведеннаго уже слѣдствія, представилъ копіи жалобъ и заявленій, своевременно учиненыхъ потерпѣвшей Палажкой въ судахъ: гродскомъ, бурмистровскомъ и

войтовскомъ, и сверхъ того присяжныя показанія двухъ „вѣрныхъ", производившихъ по порученію войтовскаго суда дознаніе и видѣвшихъ знаки насилія „на кошули у тое-то Палажки". Послѣ этого судъ приказалъ сторонамъ приступить къ преніямъ по существу дѣла. Тогда повѣренный владыки, возражая противъ дѣйствительности самого предмета обвиненія, представилъ слѣдующія соображенія: а) нельзя предположить, чтобы Циминскій могъ довѣрить полученіе значительной суммы долга отъ п. Подорецкаго своему шинкарю Закревскому; б) невѣроятно, чтобы Закревскій, имѣя при себѣ большія деньги, рѣшился выѣхать въ путь противъ ночи и остановиться для ночлега въ имѣніи владыки, зная о непріязненныхъ отношеніяхъ послѣдняго къ его пану, тѣмъ болѣе, что по пути ему раньше встрѣчалось с. Хоболтово, гдѣ онъ съ большею безопасностью могъ бы переночевать; в) допустивъ, что все случилось подлинно такъ, какъ разсказано въ жалобѣ, спрашивается: какая была нужда владыкѣ, лицу столь почтенному, собственой особой вторгаться ночью въ домъ своего подданнаго? развѣ онъ не могъ-бы приказать слугамъ отправиться туда и привести къ нему Палажку? г) какимъ образомъ могло случиться, что Палажка, убѣжавъ будто-бы изъ погреба владыки, ушла не домой, а въ г. Владиміръ, гдѣ въ это время находился уже и Закревскій? Наконецъ повѣренный обвиняемаго представилъ въ судъ трехъ свидѣтелей: п. Томаша Шимковича Шкленскаго, живущаго въ одномъ селѣ съ Циминскимъ, его боярина Ивана Лазкевича и п. Евфима Ощовскаго, которые по совѣсти показали, что Палажка—вовсе не дѣвка, а что она около трехъ лѣтъ уже находится въ замужествѣ и дѣтей имѣетъ, причемъ Лазкевичъ заявилъ, что онъ эту Палажку изъ своего дома и замужъ выдалъ за крестьянина п. Циминскаго. На основаніи этихъ данныхъ повѣренный Терлецкаго просилъ судъ признать настоящее обвиненіе клеветой, посредствомъ которой Циминскій хотѣлъ отомстить владыкѣ за то, что послѣдній неоднократно заставлялъ его, путемъ судебныхъ декретовъ, возвращать захваченныя имъ церковныя земли, причемъ Циминскому приходилось уплачивать значительные штрафы; что онъ и раньше неоднократно пробовалъ обвинять владыку въ вымышленныхъ преступленіяхъ: въ укрывательствѣ воровъ-цыганъ [1]), въ грабежѣ 500 золотыхъ и

[1]) Кстати, не этотъ-ли случай послужилъ поводомъ къ тому, что современники Терлецкаго обвиняли его „в обцованю съ злодѣями, которые волы до кухни его воживали"? Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти въ актовыхъ книгахъ слѣдовъ этого дѣла.

проч., но затѣмъ самъ отказывался отъ своихъ обвиненій. Въ заключеніе адвокатъ Терлецкаго обратилъ вниманіе суда на отсутствіе въ обвиненіи Циминскаго прямыхъ и ясныхъ доказательствъ, а всѣ сомнительные случаи судъ обязанъ по закону истолковать въ пользу обвиняемаго.

На эти возраженія повѣренный обвинителя представилъ слѣдующія объясненія: а) фактъ посылки Закревскаго за долгомъ къ п. Подорецкому Циминскій доказываетъ представленіемъ суду подлиннаго письма Подорецкаго, въ которомъ послѣдній извѣщаетъ его о посылкѣ денегъ чрезъ Закревскаго; б) Закревскій не остановился ночевать въ Хоболтовѣ, а заѣхалъ въ Филимичи—во-первыхъ, потому что Фалимичи лежатъ на самой дорогѣ, а Хоболтовъ въ полмилѣ отъ нея; во вторыхъ, имѣя при себѣ большія деньги и ѣдучи съ дѣвушкой, онъ опасался остаться ночевать въ Хоболтовѣ, гдѣ въ корчмахъ собираются по ночамъ и пьянствуютъ подозрительные люди; в) относительно возраженія: какая была нужда владыкѣ лично врываться въ домъ своего подданнаго и самому похищать Палажку?—обвинитель напомнилъ, что владыка былъ въ то время очень пьянъ и, вѣроятно, плохо сознавалъ, что дѣлалъ; г) что касается встрѣчи Палажки съ Закревскимъ на другой день во Владимірѣ, то она естественно объясняется тѣмъ, что Закревскій, послѣ того какъ былъ ограбленъ владыкой въ Фалимичахъ, въ ту-же ночь отправился въ городъ, чтобы занести въ судъ жалобу, куда утромъ для той же цѣли явилась и Палажка, убѣжавъ изъ заключенія. Относительно замужества Палажки, Циминскій, отвергая показанія свидѣтелей противной стороны, какъ имѣвшихъ противъ него личныя неудовольствія, сослался на свидѣтельство самой Палажки, которая, будучи спрошена судомъ, лично показала, что она Лазковича, выдавшаго будтобы ее замужъ, никогда не знала, мужа никогда не имѣла и оставалась дѣвицей до того дня, когда владыка обезчестилъ ее, что́ она готова подтвердить и присягой. Возражая далѣе на замѣчаніе противной стороны, будто защита владыки болѣе доказательна, чѣмъ обвиненіе его противника, повѣренный Циминскаго замѣтилъ, что такъ какъ владыка несомнѣнно богаче и знатнѣе его повѣрителя, то поэтому ему „все дей не трудно и все снадне (легко) приходитъ“. Притомъ же весьма трудное дѣло доказывать на судѣ подлинность подобныхъ настоящему преступленій, которыя всегда совершаются скрытно и тайно, тѣмъ болѣе что данный проступокъ совершенъ владыкой въ своемъ имѣніи: не могутъ же свидѣтельство-

вать противъ противъ него собственные его слуги и подданные, а еслибы и согласились, то по закону ихъ показанія не могутъ имѣть никакой силы. По его мнѣнію, главный свидѣтель въ настоящемъ дѣлѣ — это сама потерпѣвшая, которую судъ и обязанъ допустить къ присягѣ и показанію. А что владыка ссылается на постановленіе статута, по которому онъ будтобы не обязанъ оправдываться противъ обвиненія со стороны лица простаго званія, то это постановленіе относится лишь къ тѣмъ случаямъ, когда нѣтъ вещественныхъ уликъ совершеннаго преступленія, а въ настоящемъ дѣлѣ значеніе такихъ уликъ имѣютъ кровавые знаки насилія. Поэтому онъ настаиваетъ, чтобы потерпѣвшая была спрошена на судѣ, оставляя за собой право въ другомъ мѣстѣ и въ другое время доказать, что „его милости пану владыкѣ не естъ новина такіе и тымъ подобные выступки пополнять (совершать).“

Обмѣнявшись еще нѣсколькими неважными замѣчаніями, стороны прекратили пренія, послѣ чего судъ объявилъ слѣдующее рѣшеніе: имѣя въ виду, что его милость владыка луцкій свидѣтельствомъ лицъ извѣстныхъ и вѣры годныхъ и другими способами явно доказалъ свою невинность, а панъ Циминскій не представилъ достаточныхъ доказательствъ въ пользу своего обвиненія, ссылаясь главнымъ образомъ на показаніе своей служанки, со стороны которой голословный оговоръ особы знатной, духовной и шляхетскаго званія по закону не можетъ имѣть никакой силы, судъ объявляетъ владыку вполнѣ оправданнымъ отъ взведеннаго противъ него обвиненія. — Циминскій заявилъ недовольство этимъ рѣшеніемъ и потребовалъ аппеляціи въ трибуналъ, а Терлецкій въ свою очередъ заявилъ, что онъ намѣренъ преслѣдоватъ судомъ Циминскаго за безчестіе и клевету; вслѣдствіе чего судъ назначилъ обѣимъ сторонамъ срокъ для перенесенія ихъ дѣла въ трибуналъ. [1])

Чтобы не нарушать порядка предметнаго въ изложеніи, я позволю себѣ забѣжать нѣсколько впередъ. Дѣло это почему-то тянулось еще девять лѣтъ и лишь въ маѣ 1603 года, когда потерпѣвшей Палажки не было уже въ живыхъ, состоялось наконецъ трибунальское опредѣленіе, которымъ декретъ владимірскаго гродскаго суда относительно Терлецкаго былъ

---

[1]) Архівъ Юго-зап. Россіи, ч. і. т. I. №№ 98—100

утвержденъ, но въ искѣ его къ Циминскому за безчестье было отказано. [1])

Таковы сущность и рѣшеніе изложеннаго процесса. Было-ли въ дѣйствительности совершено Терлецкимъ приписываемое ему преступленіе, или же онъ въ этомъ случаѣ явился лишь жертвой низкой интриги—для меня это вопросъ второстепенный и потому я вполнѣ предоставляю его рѣшеніе усмотрѣнію читателя, для характеристики же вѣка совершенно достаточно уже того, что одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей церковной іерархіи нѣсколько лѣтъ публично выступаетъ въ столь унизительномъ процессѣ и это нисколько не смущаетъ его самого, не колеблетъ его служебнаго и общественнаго положенія, не лишаетъ благосклонности короля, не нарушаетъ его личныхъ отношеній. Но еслибы кто-либо, отрицая виновность Терлецкаго, сталъ объяснять дѣйствія его обвинителей побужденіями религіозной мести и злобы на епископа за его измѣну православію, тому, въ интересахъ исторической правды, я долженъ противупоставить, что а) изъ судебныхъ актовъ не видно, чтобы обвинитель Терлецкаго шляхтичъ Янъ Циминскій былъ лицемъ православнымъ, и въ такомъ случаѣ самъ Терлецкій въ своей защитѣ, вѣроятно, не преминулъ-бы указать на религіозные мотивы, руководившіе обвинителемъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ сослался лишь на ссоры и тяжбы съ Циминскимъ за церковныя имѣнія; б) не нужно забывать, что въ февралѣ 1594 года, когда началось это дѣло, всѣ продолжали еще считать Терлецкаго лицемъ православнымъ; по крайней мѣрѣ спустя полгода послѣ этого, 27 іюля того-же года, онъ еще участвовалъ въ сокальскомъ съѣздѣ православныхъ епископовъ и на него здѣсь было возложено порученіе отправиться къ королю съ просьбой о защитѣ православія отъ притѣсненія католиковъ, [2]) извѣстная же поѣздка Терлецкаго въ Римъ къ папѣ относится къ концу слѣдующаго 1595 года; в) нужно знать, что Циминскій, вчиная настоящее дѣло, подвергалъ себя очень серьезной опасности: по литовскому Статуту лице, возбудившее противъ кого-либо ложное обвиненіе, само подлежало той карѣ, какая опредѣлялась закономъ за преступленіе, служившее предметомъ обви-

---

[1]) Кн. Главнаго Трибуьана Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1603 г., справа 555.

[2]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. I, т. I, № 109.

ненія, т. е. въ данномъ случаѣ лишенію жизни. — Покойный проф. Иванишевъ, также отвергавшій дѣйствительность приписываемаго Терлецкому преступленія, ссылался на оправдательное рѣшеніе суда по этому дѣлу. Но я полагаю, что, послѣ изложенныхъ мною подробностей процесса, ссылка на оправдательное рѣшеніе суда не можетъ имѣть никакой доказательной силы, такъ какъ для всякаго ясно, что при тогдашнемъ порядкѣ судопроизводства, когда въ дѣлахъ, касавшихся шляхтичей, показанія лицъ недворянскаго званія немогли быть принимаемы судомъ, Терлецкій, или всякій другой шляхтичъ на его мѣстѣ, несомнѣнно былъ-бы оправданъ и въ томъ случаѣ, когда-бы дѣйствительно совершилъ подобное преступленіе. Весьма знаменательно, что люблинскій трибуналъ не согласился подвергнуть Циминскаго наказанію за клевету, какъ того добивался Терлецкій, тогда какъ это было-бы лучшимъ средствомъ окончательно смыть позоръ, нанесенный репутаціи владыки обвиненіемъ Циминскаго. А не нужно забывать, что въ то время, когда трибуналъ постановлялъ свое рѣшеніе по этому дѣлу, т. е. въ 1603 году, само правительство польское не могло не быть заинтересовано возстановленіемъ добраго имени Терлецкаго, какъ одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей уніатской партіи.

Дѣло о Палажкѣ не было еще окончено, когда въ томъ же 1594 г. на Терлецкаго была подана со стороны шляхтича Якима Обуховича жалоба о томъ, что епископъ, воспользовавшись смертью жены Обуховича и отсутствіемъ въ то время его самого, неизвѣстно по какому праву забралъ все движимое имущество жалобщика и даже присвоилъ его домъ въ Луцкѣ. [1]) Окончаніе этого дѣла, тянувшагося многіе годы, намъ не извѣстно. Въ томъ же году сосѣдка Терлецкаго по имѣнію, шляхтянка Смыковская жаловалась, что владыка, самъ своею особой, съ отрядомъ до 200 человѣкъ своихъ пріятелей, слугъ, бояръ и другихъ людей, конныхъ и пѣшихъ, съ гаковницами, полгаками и другимъ оружіемъ, напалъ на ея земли въ с. Смыковѣ, выгналъ законныхъ владѣльцевъ, послѣ чего, согнавъ до ста плуговъ своихъ крестьянъ, приказалъ перепахать прежнія межи и присоединилъ отнятыя земли къ своимъ имѣніямъ. [2]) Каковы были по-

---

[1]) Книга Луцк. земская 1597. г., л. 625.

[2]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. I т. I, № 103.

слѣдствія этой жалобы, на это въ актовыхъ книгахъ указаній не находится. Весьма вѣроятно, что судъ, по волѣ правительства польскаго, не далъ хода этой жалобѣ, такъ какъ Терлецкій былъ занятъ въ то время приготовленіями къ важному государственному дѣлу, именно къ отъѣзду въ Римъ къ папѣ; по крайней мѣрѣ въ іюлѣ слѣдующаго 1595 г. послѣдовало открытое распоряженіе короля Сигизмунда III о томъ, что всѣ судебныя дѣла, касающіяся епископовъ Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя, отправленныхъ къ папѣ по государственному дѣлу, должны быть пріостановлены. [1])

Едва успѣлъ Терлецкій возвратиться изъ Рима, какъ у него начался процессъ съ архимандритомъ жидичинскаго николаевскаго монастыря Григоріемъ (въ монашествѣ Гедеономъ) Балабаномъ, продолжавшійся до самой смерти владыки луцкаго. Главной причиной непріязненныхъ отношеній между ними служило давнее стремленіе Терлецкаго получить въ свою власть жидичинскій монастырь съ его значительными имѣніями. Нужно замѣтить, что богатства этого монастыря и раньше не разъ служили яблокомъ раздора между православными владыками. Такъ въ 1570 г. жидичинскимъ монастыремъ завладѣлъ Іона Красенскій, епископъ луцкій, который въ теченіе десятилѣтняго управленія имъ успѣлъ такъ сильно раззорить его казну и имѣнія, что король Стефанъ Баторій въ 1580 г. приказалъ князю Константину Острожскому отобрать у Іоны монастырь и передать въ управленіе Ѳеофану Греку, епископу мегилинскому. Но Іона рѣшился воспротивиться королевской волѣ и однажды, собравъ отрядъ вооруженныхъ людей, выгналъ Ѳеофана и снова овладѣлъ монастыремъ. Тогда король приказалъ старостѣ луцкому, князю Александру Пронскому, вторично водворить Ѳеофана въ жидичинскомъ монастырѣ, изгнавъ узурпатора. Первое нападеніе князя Пронскаго Красенскій успѣлъ отразить силою, встрѣтивъ его отрядъ ружейными выстрѣлами; но когда Пронскій вторично подступилъ подъ монастырь съ увеличеннымъ отрядомъ и съ пушками, Іонѣ пришлось бѣжать, послѣ чего король объявилъ его баннитомъ [2]). Но и Ѳеофанъ не долго управлялъ жидичинскимъ монастыремъ: въ слѣдующемъ 1585 г. монастырь этотъ силою былъ отнятъ у него львовскимъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, успѣвшимъ потомъ выхлопотать

---

[1]) Тамъ-же, № 110.

[2]) Арх. Югозап. Россіи, ч. I, т. I, стр. XXVII—XXVIII.

себѣ и королевскія привилегіи на архимандрію жидичинскую. Самъ Гедеонъ, впрочемъ, не долго пользовался своимъ правомъ и въ 1589 г. уступилъ его своему племяннику Григорію Балабану, бывшему прежде королевскимъ коморникомъ, каковая передача была утверждена грамотой Сигизмунда III. Что за личность былъ этотъ Григорій, можно видѣть отчасти изъ слѣдующаго случая: однажды въ имѣніи жидичинскомъ сгорѣло монастырское гумно съ хлѣбомъ. Подозрѣвая въ поджогѣ Ѳеофана Грека, епископа Меглинскаго, Григорій Балабанъ искалъ случая отомстить ему, и когда однажды Ѳеофанъ, отправляясь съ письмами патріарха Іереміи къ владимірскому епископу Мелетію Хребтовичу, остановился ночевать въ м. Чернеховѣ, имѣніи кіевскаго судьи Іосифа Немирича, сюда неожиданно прибылъ съ толпой слугъ Григорій Балабанъ, схватилъ нечаявшаго бѣды епископа, жестоко избилъ его, отнялъ бывшія при немъ деньги и имущество, затѣмъ отвелъ его въ дворъ Немирича и просилъ посадить его въ тюрьму, какъ поджигателя. Ѳеофанъ началъ было дѣло въ судѣ по этому поводу, но скоро прекратилъ его, получивъ отъ львовскаго епископа Гедеона въ удовлетвореніе за побои, нанесенные его буйнымъ племянникомъ, полтораста червоныхъ золотыхъ [1]).

Такой то человѣкъ теперь оказался ближайшимъ сосѣдомъ Терлецкаго, такъ какъ жидичинскій монастырь находился почти въ самомъ предмѣстьи Луцка. Какъ извѣстно, ссоры между львовскимъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ и луцкимъ владыкой, и главнымъ образомъ за жидичинскій монастырь, начались задолго до этого времени. Еще въ 1589 г. ихъ судилъ по этому дѣлу патріархъ константинопольскій Іеремія, ставшій на сторону Терлецкаго [2]). Послѣ того, какъ Гедеонъ Балабанъ въ іюлѣ 1595 года торжественно разоблачилъ продѣлку Терлецкаго съ бланками, врученными ему православными епископами на сокальскомъ съѣздѣ, и громко протестовалъ противъ замышляемой тогда уніи,—отношенія къ нему Терлецкаго сдѣлались еще враждебнѣе. Ненависть къ своему врагу Терлецкій, какъ видно, перенесъ и на его племянника, тѣмъ болѣе что Григорій Балабанъ, находясь въ близкомъ сосѣдствѣ, имѣлъ возможность слѣдить за

---

1) Тамъ же, № 65. Мировая сдѣлка Ѳеофана съ Гедеономъ, при посредничествѣ митрополита и другихъ епископовъ.

2) Акты Зап. Россіи, т. IV, № 21.

каждымъ шагомъ Терлецкаго и доносить обо всемъ своему родственнику. Отсюда легко могло зародиться въ Терлецкомъ стремленіе всякими средствами освободиться отъ непріятнаго сосѣда и при этомъ кстати подчинить себѣ жидичинскій монастырь съ его богатствами. И вотъ въ актовыхъ книгахъ мы находимъ жалобу Григорія Балабана о двукратномъ покушеніи на его жизнь со стороны владыки луцкаго.

Первое покушеніе совершилось такимъ образомъ. Въ мартѣ 1595 г. Григорію Балабану было доставлено однимъ изъ священниковъ капитулы луцкой письмо, присланное изъ Рима Терлецкимъ и Потѣемъ и адресованное на имя львовскаго владыки, Гедеона. Григорій Балабанъ долго не рѣшался принять это письмо, а тѣмъ болѣе отказывался вскрыть его; но посланецъ Терлецкаго съумѣлъ возбудить его любопытство, намекнувъ, что письмо безъ сомнѣнія должно заключать въ себѣ интересныя новости изъ Рима,—и Балабанъ рѣшился, наконецъ, распечатать его. Едва онъ поднесъ письмо къ свѣчѣ, чтобы разобрать подпись, какъ его вдругъ обдало какою-то пылью („порохомъ") и онъ внезапно впалъ въ обморокъ. Къ счастью, при немъ случился его братъ, который бывалъ въ чужихъ земляхъ и зналъ, что тамъ подобные ядовитые порошки часто посылаются въ письмахъ и даются инымъ способомъ, причемъ ему извѣстны были нѣкоторыя противоядія, при помощи которыхъ и удалось спасти Григорія отъ явной смерти. А затѣмъ случайно пріѣхалъ на богомолье въ монастырь князь Константинъ Острожскій и, найдя Балабана больнымъ, помогъ ему своими лѣкарствами [1]).

Не успѣлъ Балабанъ оправиться послѣ этого случая, какъ совершена была вторичная попытка отравить его. 23-го апрѣля того же года, въ то время, когда Балабанъ сидѣлъ съ гостями во своемъ домѣ въ монастырѣ жидичинскомъ, къ нему пришли слуги Терлецкаго, не задолго предъ тѣмъ возвратившіеся изъ Рима: портной Василій Коростель и пѣвчій Павелъ. Войдя въ комнату и прокричавъ громко привѣтствіе: „вашей милости наша служба!"—они подошли къ Балабану и протянули ему руки.

---

[1]) Книга гродск. Владимірская 1595 г., л. 106 (Документъ напечатанъ въ Архивѣ Югозап. Россіи, ч. I, т. I, № 116). Кстати, благодаря лишь этому случаю, для насъ сохранилось и самое письмо Терлецкаго и Потѣя объ ихъ пребываніи въ Римѣ, такъ какъ Балабанъ, при своей жалобѣ, занесъ въ актовыя книги и это письмо, послужившее орудіемъ для его отравленія.

Наученный горькимъ опытомъ, осторожный Балабанъ не сразу подалъ имъ свою руку, а распросивъ, кто они и зачѣмъ пришли, сказалъ: „вы были въ Италіи и потому хорошо знаете италіанскіе обычаи: такъ поцѣлуйте же прежде свои руки, а потомъ уже я буду здороваться съ вами". Слуги Терлецкаго махнули руками мимо своихъ устъ, послѣ чего Балабанъ довѣрчиво поздоровался съ ними пожатіемъ рукъ и сталъ подчивать ихъ медомъ. Выпивъ и самъ, Балабанъ вытеръ ротъ рукою. „Тотчасъ, жаловался онъ, я обомлѣлъ и почувствовалъ необыкновенную слабость: ядъ и отрава изъ руки вошли въ уста и распространились во мнѣ; я измѣнился въ лицѣ, сталъ блѣденъ, а по тѣлу у меня появились желтыя пятна". Его полумертвымъ вынесли изъ комнаты; слуги Терлецкаго тотчасъ бѣжали. На другой день больнаго осматривалъ возный и донесъ уряду, что нашелъ его едва живымъ, а на тѣлѣ его видѣлъ желтыя пятна величиною съ таляръ; возный свидѣтельствовалъ также слюну больнаго, которая была столь густа, что тянулась непрерывной нитью длиннѣе человѣческаго роста [1]).—Балабанъ долго болѣлъ послѣ этого случая, а выздоровѣвъ, позвалъ на судъ Кирилла Терлецкаго, обвиняя его въ двукратномъ покушеніи на его жизнь. Дѣло это разсматривалось въ луцкомъ гродскомъ судѣ почему-то лишь три года спустя послѣ совершенія преступленія, причемъ судъ съ явнымъ пристрастіемъ и вопреки справедливости принялъ сторону Терлецкаго, отказавшись, согласно настоянію послѣдняго, приступить къ разспросу свидѣтелей подъ тѣмъ предлогомъ, что истецъ и отвѣтчикъ, будучи лицами духовными, должны подлежать духовному, а не свѣтскому суду. Недовольный этимъ рѣшеніемъ, Балабанъ аппеллировалъ въ трибуналъ, но его дѣло и тамъ не было рѣшено [2]).

Послѣ этого Терлецкій открыто и настойчиво началъ преслѣдовать Григорія Балабана. Не успѣвъ отравить, онъ задумалъ выгнать его изъ жидичинскаго монастыря, воспользовавшись, какъ предлогомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что Балабанъ все еще продолжалъ оставаться лицемъ свѣтскимъ. Съ этой цѣлью Терлецкій въ августѣ того же 1596 года посылалъ своему про-

---

[1]) Жалоба Балабана и осмотръ его вознымъ—Архивъ Югозап. Россіи, ч. I, т. I, № 117.

[2]) Судебное преніе по жалобѣ Балабана на Терлецкаго объ отравленіи—книга гродск. Луцкая 1599 г., л. 422.

тивнику оффиціальнымъ порядкомъ, т. е. чрезъ вознаго, „напоминальный листъ", въ которомъ требовалъ, чтобы Балабанъ, какъ человѣкъ свѣтскій, не смѣлъ долѣе оставаться въ жидичинскомъ монастырѣ и управлять монастырскими имѣніями, или, въ крайнемъ случаѣ, чтобы онъ поспѣшилъ явиться къ нему, какъ своему владыкѣ, для принятія установленнаго посвященія въ санъ духовный [1]). Хотя Балабанъ, получивши этотъ листъ, велѣлъ возному передать, что-де владыкѣ нѣтъ до него никакого дѣла, но, желая, однако, отнять у Терлецкаго предлогъ къ дальнѣйшему вмѣшательству въ его управленіе монастыремъ, онъ рѣшился принять посвященіе, тѣмъ болѣе, что и митрополитъ кіевскій Рагоза не разъ напоминалъ ему о томъ-же. Для этого Балабанъ немедленно отправился къ своему дядѣ, львовскому епископу Гедеону, и принялъ отъ него рукоположеніе въ санъ архимандрита подъ именемъ Гедеона же, послѣ чего владыка львовскій, желая укрѣпить права своего племянника на жидичинскій монастырь, явился въ гродскій владимірскій судъ и лично внесъ въ актовыя книги новую переуступочную запись на означенный монастырь, въ коей отрекся навсегда въ пользу своего родственника даже отъ титула архимандрита жидичинскаго [2]).

Но это мало упрочило положеніе молодаго Балабана. Два мѣсяца спустя, въ октябрѣ 1596 г. происходило засѣданіе извѣстнаго брестскаго собора по дѣлу объ уніи. На этомъ соборѣ партіей уніатскихъ епископовъ, съ митрополитомъ Рагозой во главѣ, торжественно провозглашено было отлученіе тѣмъ изъ членовъ высшаго православнаго духовенства, которые не согласились на принятіе уніи, причемъ эти лица были объявлены лишенными духовнаго сана. Въ частности, такому отлученію въ числѣ прочихъ подверглись и оба Балабаны. Это было какъ нельзя болѣе на руку Терлецкому. Воспользовавшись соборнымъ опредѣленіемъ, онъ побудилъ митрополита немедленно обратиться къ королю съ ходатайствомъ о приведеніи въ исполненіе стариннаго постановленія Сигизмунда Августа, по которому лица, преданныя церковному отлученію, лишались права владѣть церковными имѣніями, причемъ прежде всего обратилъ вниманіе короля на жидичинскій монастырь. Слѣдствіемъ этого былъ королевскій универсалъ отъ 24 декабря того же года на имя луцкаго ста-

---

[1]) Кн. гродск. Луцкая 1596 г. л. 585 на обор.

[2]) Кн. гродск. Владимірск. 1596 г., л. 336.

ростя Александра Семашка, въ коемъ король, ссылаясь на постановленіе брестскаго собора касательно церковнаго отлученія обоихъ Балабановъ, приказывалъ старостѣ немедленно отобрать отъ Григорія Балабана жидичинскій монастырь со всѣми его землями и имуществомъ и присоединить его, впредь до дальнѣйшаго распоряженія, къ замку луцкому. Любопытно, что въ этомъ универсалѣ Григорій Балабанъ постоянно именуется „свѣтскимъ человѣкомъ", причемъ указывается, что онъ и церковному отлученію подвергся главнымъ образомъ будто бы за то, что, не смотря на частыя напоминанія со стороны своихъ старшихъ, „взять на себе посвященія не хочетъ, але, свѣтскимъ будучи, отъколько лѣтъ въ томъ манастыру мешкаетъ" [1]). Очевидно, что Терлецкій и Рагоза, а чрезъ нихъ и правительство польское, не хотѣли признать законнымъ посвященіе, которое Григорій Балабанъ несомнѣнно принялъ въ августѣ того же года отъ рукъ своего дяди, владыки львовскаго.

Получивъ королевскій универсалъ, Семашко чрезъ вознаго немедленно увѣдомилъ объ этомъ Балабана, приказавъ ему въ теченіе 12-ти недѣль оставить монастырь и вывезти оттуда свое частное имущество. Срокъ этотъ приходилъ къ концу, а Балабанъ и не думалъ исполнять приказанія старосты. Между тѣмъ нужно замѣтить, что отношенія къ нему старосты издавна были враждебны. Такъ еще въ 1591 г. Балабанъ жаловался въ судъ на Семашка о насильственномъ вторженіи въ жидичинскій монастырь, о присвоеніи монастырскихъ доходовъ, о побояхъ и грабежѣ; [2]) въ другой разъ мы находимъ жалобу Балабана о томъ, что староста, питая къ нему давнюю злобу за недопущеніе присвоить монастырскія земли, чинилъ противъ него угрозы, обѣщая лишить его жизни и проч. [3]). Подобныя преслѣдованія продолжались до тѣхъ поръ, пока Балабанъ не выхлопоталъ себѣ въ 1593 г. заручный королевскій листъ, въ коемъ предписывалось Семашку оставить Балабана въ покоѣ, подъ закладомъ 2000 копъ грошей литовскихъ, въ случаѣ нарушенія имъ этого предписанія. Понятно послѣ этого, съ какою готовностью Семашко вступилъ въ союзъ съ Терлецкимъ для борьбы противъ ихъ общаго врага, архимандрита жидичинскаго. Потерявъ на-

---

[1]) Книга гродск. Луцкая 1595—1597 г., л. 86.

[2]) Архивъ Югозап. Россіи ч. I, т. I. № 71.

[3]) Книга земск. Луцкая 1597 г., л. 550.

дежду вытѣснить его изъ монастыря законнымъ путемъ, союзники прибѣгли къ обыкновенному въ то время средству—насилію. Для этого они собрали многочисленный отрядъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, изъ бояръ, слугъ и гайдуковъ старосты, а равно изъ слугъ и подданныхъ владыки, вооружили его надлежащимъ образомъ и, подъ предводительствомъ урядниковъ грода луцкаго и нѣкоторыхъ своихъ пріятелей, послали его въ жидичинскій монастырь. Это было въ ночь съ 20 на 21 августа 1597 года. Подъѣхавъ къ монастырю и окруживъ его со всѣхъ сторонъ, отрядъ по данному сигналу разомъ открылъ ружейную пальбу и съ крикомъ бросился на монастырскія стѣны. Проломавъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ частоколъ и отбивши ворота, хищники толпой ринулись во дворъ, гдѣ немедленно обступили архимандричій домъ и открыли частую стрѣльбу по немъ, другіе же начали отбивать двери и окна. Балабанъ и нѣсколько человѣкъ ночевавшихъ у него гостей спали въ то время. Разбуженные необычайнымъ шумомъ, всѣ они въ испугѣ выбѣжали чернымъ ходомъ на дворъ, чтобы узнать, что случилось. Увидя, что весь дворъ наполненъ вооруженными людьми и понявъ всю опасность своего положенія, Балабанъ, пользуясь темнотою ночи, бросился по лѣстницѣ на крышу главной монастырской церкви; его примѣру послѣдовали растерявшіеся со страху гости и нѣсколько человѣкъ слугъ. Нападавшіе не сразу замѣтили, куда дѣвался архимандритъ. Онъ былъ уже высоко на церкви, когда въ толпѣ вдругъ раздалось: „онъ Балабанъ! бый. забый!“—и ему въ слѣдъ пущено было нѣсколько выстрѣловъ. Пуля одного изъ нихъ ранила его въ ногу, а его слугу въ руку. Наконецъ, подъ градомъ выстрѣловъ, бѣглецы достигли шеи церковнаго купола („бани“) и тамъ укрылись.

Не видя возможности лично схватить Балабана, нападавшіе принялись грабить и уничтожать все, что попадалось имъ подъ руки. Прежде всего они отбили двери церковныя и, забравшись въ церковь, пограбили все, что нашли: деньги, серебро, золото, иконы съ ризами, свѣчи, облаченія и проч. Отсюда бросились въ домъ архимандрита, гдѣ похитили: шкатулку съ деньгами и документами, книги, посуду, оружіе и дорогія сѣдла, платье, бѣлье и проч. Не перечисляя всего заграбленнаго имущества Балабана, я назову лишь такіе предметы, присутствіе которыхъ сколько нибудь рисуетъ домашній бытъ южно-русскаго духовенства того времени; такъ, въ числѣ прочихъ вещей, въ домѣ архимандрита

были похищены: „мережа одна, неводовъ два, заячихъ сѣтей три, тетерячихъ двѣ, куропатвенныхъ чотыри"; кромѣ того: „котелъ броварный одинъ, бань двѣ, котловъ горѣлчаныхъ два" [1]). Затѣмъ были разграблены монастырскія кладовыя, гдѣ, въ числѣ другихъ предметовъ, было взято: „меду присного колодъ шесть, солоду пшеницкого мартового мацъ дванадцать, а житного и зъ ячменемъ солодовъ—шесть, *солонины* полтевъ сорокъ, *сала*—тридцять, вялыхъ осетровъ десять и рыбъ сухихъ полтораста, и иншихъ рыбъ немало; пива пшеницкого у пивници бочокъ пять, меду пять бочокъ, росходного пива бочокъ дванадцать, вина полъ-кофы, горилки бочка" и пр. Такому же грабежу подверглись скотный и птичій дворы, откуда было уведено штукъ до 80-ти рогатаго скота, лошади и разная домашняя птица, въ числѣ которой упоминаются „журавливъ осмь выхованныхъ, заправленыхъ, зъ пирьми бѣлыми",—указаніе, что южно-русскіе монахи и въ то время, какъ и теперь, любили вскармливать эту птицу. Затѣмъ грабители забрались въ монастырскій садъ, гдѣ разорили пасѣку, а также „щепы грушевыя и яблоневыя добрыя о килька-десять поломили, попсовали, а въ виногради все вино выламали, витоптали, овощи—груши, яблука потрясли и попсовали; рыбу изъ сажавокъ одну зловили, а другую безводя поморили" и проч. Цѣлыхъ пять дней продолжался открытый грабежъ монастырскаго имущества, причемъ даже хлѣбъ съ монастырскихъ полей былъ свезенъ на гумна старосты и его помощниковъ [2]).

Между тѣмъ въ теченіи всего этого Балабанъ съ своими людьми сидѣлъ на церкви, окруженный внизу толпой гайдуковъ, которые, принявъ лѣстницы, день и ночь стерегли плѣнниковъ и для развлеченія время отъ времени стрѣляли въ куполъ церковный. Не разъ пріѣзжали сюда возные и урядники гродскіе и требовали отъ имени старосты, чтобы Балабанъ, не сопротивляясь королевской волѣ, сошелъ внизъ и уступилъ имъ монастырь, грозя, въ случаѣ дальнѣйшаго его упорства, взорвать порохомъ

---

[1]) *Баня*—снарядъ для перегонки водки. Читая это, невольно вспоминаешь то мѣсто изъ посланія І. Вишенскаго, гдѣ онъ обличая тогдашнее высшее духовенство въ роскошной и сластолюбивой жизни, говоритъ: „горѣлки пропущаные курите, пиво троя кое превыборное варите и въ пропасть несытнаго чрева вливаете, сами и съ гостьми своими просыщаетесь" и пр.

[2]) Жалоба Гедеона Балабана—книга гродск. Владимірская 1597 г., л. 602. Книга Луцкая земск. того же года. л. 187, 206, 208, 219.

церковь, на которой онъ укрывался. Но Балабанъ настаивалъ лишь, чтобы они вывели изъ монастыря толпу своевольцевъ, и рѣшительно отказывался уступить кому бы то ни было монастырь, ссылаясь на то, что онъ управляетъ имъ на основаніи „королевскаго привилегія“ и по уполномочію своего дяди и потому считаетъ послѣднее королевское распоряженіе основаннымъ на недоразумѣніи, въ которое очевидно король былъ введенъ старостой и владыкой луцкими. Наконецъ, потерявъ надежду сломить упорство архимандрита, урядники обратились къ монастырской братіи съ требованіемъ сдать монастырь на имя старосты, что́ послѣдними безпрекословно было исполнено. Трудно сказать, какъ долго Балабанъ просидѣлъ бы еще на церкви, еслибы не вмѣшался въ это дѣло его братъ Ѳеодоръ. Онъ пригласилъ изъ другого повѣта возныхъ и пріѣхалъ съ ними въ жидичинскій монастырь, гдѣ они и составили протоколъ о томъ раззореніи, какое нашли здѣсь, послѣ чего толпа грабителей удалилась и злосчастный архимандритъ могъ, наконецъ, спуститься изъ своего страннаго заключенія, просидѣвъ въ немъ почти пять сутокъ. Монастырь, однако, остался въ рукахъ урядниковъ старосты.

Торжество Семашка и Терлецкаго было непродолжительно: спустя двѣ недѣли послѣ того, Балабанъ, при помощи брата, въ свою очередь собралъ вооруженный отрядъ, неожиданно напалъ съ нимъ на жидичинскій монастырь и овладѣлъ имъ вооруженною рукою, изгнавъ оттуда старостинскаго урядника [1]). А вслѣдъ за тѣмъ онъ занесъ въ земскій луцкій судъ жалобу на Александра Семашка и его помощниковъ—Кирилла Терлецкаго и многихъ другихъ, принимавшихъ участіе въ наѣздѣ и ограбленіи жидичинскаго монастыря, причемъ, въ подтвержденіе своей жалобы, представилъ донесенія возныхъ, видѣвшихъ слѣды монастырскаго разоренія и свидѣтельствовавшихъ раны, нанесенныя архимандриту въ то время, когда онъ уходилъ на церковь. 10-го октября 1597 г. происходило судебное разбирательство по жалобѣ Балабана. Главныя возраженія обвиняемыхъ заключались въ слѣдующемъ: они указывали, что Балабанъ, какъ лице преданное церковному проклятію на брестскомъ соборѣ, долженъ считаться, наравнѣ съ баннитами, лишеннымъ покровительства законовъ; что онъ, будучи свѣтскимъ, самовольно и самозванно присвоилъ санъ архимандрита, не бывъ никѣмъ по-

---

[1]) Кн. гродск. Луцк. 1597 г. л. 695.

священъ въ тотъ санъ, а потому не имѣетъ права вести искъ о монастырскомъ имуществѣ, и что, наконецъ, никакого наѣзда на жидичинскій монастырь никѣмъ не было совершено, а было лишь со стороны старосты отобраніе этого монастыря, согласно королевскому распоряженію, причемъ Балабанъ, сопротивляясь волѣ короля, спрятался съ своими слугами на церкви, предварительно заготовивъ тамъ для себя продовольствіе, а также оружіе и веревки. Судъ не принялъ, однако, во вниманіе этихъ возраженій и приказалъ сторонамъ перейти къ дальнѣйшимъ преніямъ по существу обвиненія. Обвиняемые продолжали настаивать на прежнихъ своихъ заявленіяхъ и потребовали перенесенія ихъ дѣла въ надворный королевскій судъ или въ трибуналъ. Но тутъ въ самомъ составѣ суда произошелъ разладъ: судья и подсудокъ разошлись въ оцѣнкѣ законности этого требованія, и дѣло на этотъ разъ не было окончено [1]). Тогда Балабанъ возобновилъ свою жалобу въ гродскомъ луцкомъ судѣ, гдѣ въ іюнѣ 1599 г. происходило ея разбирательство. Но и здѣсь повторилась та-же исторія: обвиняемые протестовали противъ подсудности дѣла гродскому суду и требовали аппеляціи въ трибуналъ; судъ уважилъ ихъ требованіе и передалъ это дѣло на рѣшеніе люблинскаго трибунала [2]).

Между тѣмъ въ сентябрѣ 1599 г. Балабанъ принесъ въ луцкій гродскій судъ новую жалобу на Терлецкаго, въ коей, перечисляя всѣ прежнія свои обиды и притѣсненія со стороны послѣдняго, жаловался, что онъ не имѣетъ покоя вслѣдствіе безпрестанныхъ угрозъ Терлецкаго лишить его здоровья и имущества; что не задолго предъ тѣмъ, когда онъ однажды находился въ полѣ при своихъ жнецахъ, его замѣтилъ проѣзжавшій мимо владыка, остановился и послалъ къ нему своихъ слугъ, которые, подъѣхавъ ближе, бранили его „соромными и ущипливыми словами“ и между прочимъ сказали: „счастливъ ты, что теперь на полѣ людей много, а то заснулъ бы ты здѣсь на вѣки, какъ Гулевичи недавно позасыпали! [3]). Однако знай, что рано или поздно тебя постигнетъ такая же участь; не только ты самъ, но

---

[1]) Кн. земск. Луцкая 1597 г., л. 389, 399, 407, 416 и др.

[2]) Кн. гродск. Луцк. 1599 г., л. 537, 585, 587, 624, 640 и др.

[3]) Намекъ на случившееся незадолго предъ тѣмъ возмутительное убійство трибунальскаго депутата Демьяна Гулевича и его родственниковъ изъ побужденій личной мести.

и все имущество твое въ рукахъ пана нашего будетъ" [1]). Узнавъ объ этомъ, Терлецкій немедленно внесъ въ гродскія книги свой протестъ, объявляя жалобу противника клеветой, измышленной съ цѣлью лишить его добраго имени, и жалуясь, что напротивъ Балабанъ постоянно злоумышляетъ на его жизнь и здоровье [2]).

Въ то же время Терлецкій съ успѣхомъ пользовался и другимъ средствомъ для борьбы съ своимъ противникомъ: онъ постоянно жаловался на него королю, въ чемъ ему охотно содѣйствовалъ его пріятель, староста, съ своей стороны доносившій на Балабана. Результатомъ этого было то, что король въ декабрѣ 1597 г. выдалъ Терлецкому жалованную грамоту на жидичинскій монастырь, приказавъ старостѣ немедленно ввести его во владѣніе новой бенефиціей. Получивъ же донесеніе о вторичномъ захватѣ Балабаномъ монастыря, король особымъ универсаломъ обратился ко всѣмъ обывателямъ волынскаго воеводства, приказавъ имъ содѣйствовать старостѣ въ отобраніи у Балабана жидичинскаго монастыря и передачѣ его Терлецкому. Скоро послѣ того Александръ Семашко умеръ. Его преемникъ не разъ пытался исполнить королевское повелѣніе, но не имѣлъ успѣха: Балабанъ рѣшительно отказывался оставить монастырь, соглашаясь явиться по этому дѣлу въ задворный королевскій судъ. Напрасно также Сигизмундъ III угрожалъ ему инфаміей (лишеніемъ чести) и штрафомъ въ 10,000 копъ, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства: Балабанъ оставался непреклоненъ. Тогда въ іюнѣ 1599 г. послѣдовалъ королевскій декретъ, по коему Балабанъ былъ объявленъ баннитомъ, т. е. лишеннымъ покровительства законовъ; но и это не заставило его покориться. Наконецъ въ августѣ 1600 г. король осудилъ его на изгнаніе изъ отечества, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ почему то отмѣнилъ свой декретъ или, вѣрнѣе, отсрочилъ его исполненіе, позвавъ Балабана въ свой королевскій судъ въ ближайшее засѣданіе сейма. Состоялся ли этотъ судъ и какое послѣдовало на немъ рѣшеніе, объ этомъ я не нашелъ указаній въ актовыхъ книгахъ. Достовѣрно лишь извѣстно одно, что Терлецкому до самой смерти не удалось получить въ свои руки жидичинскій монастырь и изгнать оттуда своего противника. Балабанъ до конца своей жизни оставался жидичинскимъ архимандритомъ, признаваемый въ этомъ званіи

---

[1]) Кн. гр. Луцкая 1599 г., л. 663.

[2]) Тамъ же, л. 714.

и польскимъ правительствомъ[1]). Мало того, ему удалось даже возмѣстить убытки, понесенныя имъ во время наѣзда въ 1597г. на монастырь бывшаго старосты, когда Балабану пришлось спасаться на церкви,—такъ какъ люблинскій трибуналъ рѣшилъ, наконецъ, это дѣло и притомъ въ его пользу. Рѣшеніе это послѣдовало лишь въ іюнѣ 1608 года: ни Александра Семашка, ни самого Терлецкаго, ни большинства участниковъ наѣзда не было уже въ живыхъ; изъ числа 22-хъ лицъ, поименованныхъ въ жалобѣ Балабана, на трибунальскій судъ въ качествѣ отвѣтчиковъ были позваны всего два лица: вмѣсто умершаго владыки, его братъ Ярошъ Терлецкій и нѣкто шляхтичъ Ѳеодоръ Свищовскій. Перваго, какъ не участвовавшаго въ наѣздѣ, судъ призналъ свободнымъ отъ отвѣтственности, но предоставилъ Балабану право требовать съ имущества умершаго владыки Кирилла Терлецкаго удовлетвореніе за причиненные ему послѣднимъ убытки; что же касается Свищовскаго, отказавшагося явиться къ разбирательству дѣла, то судъ за неявку объявилъ его пожизненнымъ баннитомъ, а за грабежъ монастыря присудилъ взыскать съ имущества осужденнаго въ пользу жалобщика крупную сумму 6,120 золотыхъ польскихъ.

Въ то время, когда Кириллъ Терлецкій велъ упорную борьбу съ архимандритомъ жидичинскимъ и измышлялъ всевозможныя средства къ тому, чтобы вытѣснить его изъ монастыря, противъ него самого было возбуждено новое позорное обвиненіе. Въ генварѣ 1597 года шляхтичъ Ѳеодоръ Шемковичъ-Шклинскій занесъ жалобу о томъ, что владыка, получивъ отъ него денежный долгъ и выдавъ надлежащую квитанцію, удержалъ у себя именной бланкъ долговой записи Шимковича подъ предлогомъ, будто онъ сгорѣлъ или былъ украденъ слугой, а впослѣдствіи продалъ этотъ бланкъ врагу Шимковича, гродскому владимірскому писарю Станиславу Кандыбѣ, который, подложно написавъ въ немъ вымышленное долговое обязательство на сумму 200 копъ грошей литовскихъ, представилъ его въ судъ и взы-

---

[1]) Это обстоятельство, равно какъ и явно благосклонное отношеніе къ нему короля, даетъ основаніе предполагать, что Балабанъ, приблизительно около 1600 г., принялъ унію. По крайней мѣрѣ его преемникъ по архимандріи жидичинской, Никодимъ Шибинскій, былъ несомнѣнно уніатомъ.

скалъ съ жалобщика означенную сумму [1]). Дальнѣйшій ходъ этого процесса, къ сожалѣнію, не извѣстенъ.

Спустя полгода послѣ того, своевольному владыкѣ неожиданно самому пришлось стать жертвою насилія со стороны своевольцевъ, въ числѣ которыхъ находились самыя близкія ему лица. Въ сентябрѣ 1597 года, когда Терлецкій, отпявъ незадолго предъ тѣмъ у Балабана жидичинскій монастырь, поѣхалъ въ Варшаву хлопотать о выдачѣ жалованной грамоты на жидичинскую архимандрію, противъ него былъ составленъ заговоръ со стороны его сосѣдей и давнихъ враговъ, земянъ Костюшковичей-Хоболтовскихъ и Яковицкихъ, къ которымъ присоединился зять Терлецкаго, извѣстный уже намъ Иванъ Велятицкій, вмѣстѣ съ своей женой Ганной Кирилловной. Этотъ буйный шляхтичъ и раньше не разъ ссорился съ своимъ тестемъ, отнималъ у него имѣнія, присвоилъ однажды 12 барокъ съ хлѣбомъ, отправленныхъ Терлецкимъ въ Гданскъ для продажи. Теперь онъ открыто перешелъ на сторону его враговъ, готовый на самыя рѣшительныя противъ него дѣйствія. Прежде всего Костюшковичи и Яковицкіе, вооруживъ своихъ людей, напали на епископское имѣніе м. Фалимичи, овладѣли тамошнимъ замкомъ, забрали находившіяся тамъ пушки и военные припасы и все найденное здѣсь имущество перевезли въ свои имѣнія. Зная, что владыка долженъ былъ самъ скоро пріѣхать въ Фалимичи, заговорщики задумали напасть на него и, если окажется возможнымъ, лишить его жизни. Для этого они разставили по дорагамъ развѣдчиковъ для наблюденія за проѣздомъ Терлецкаго, а сами устроили засаду у плотины, при въѣздѣ въ Фалимичи, и спрятавъ здѣсь вооруженныхъ людей, стали ждать своего врага. На другой день, лишь только архіерейскій экипажъ взъѣхалъ на плотину, заговорщики выскочили изъ-за засады и встрѣтили его градомъ ружейныхъ выстрѣловъ, при чемъ самого Терлецкаго опасно ранили въ ногу и убили подъ нимъ лошадь. Слугамъ архіерейскимъ съ трудомъ удалось защитить своего владыку отъ дальнѣйшей опасности и, повернувъ назадъ, они увезли его изъ-подъ выстрѣловъ и укрылись съ нимъ въ ближайшемъ крестьянскомъ дворѣ. Но заговорщики не хотѣли оставить въ покоѣ свою жертву и, окруживъ дворъ, принялись обстрѣливать его со всѣхъ

---

[1]) Кн. Земск. Луцкая 1597 г., л. 44.

сторонъ. Раненный и истекавшій кровью владыка принужденъ былъ искать болѣе надежнаго убѣжища въ другомъ мѣстѣ пока слуги его, при помощи подоспѣвшихъ на мѣсто происшествія сосѣднихъ крестьянъ, успѣли прогнать своевольную толпу. На другой день раненнаго владыку осматривалъ возный и нашелъ его лежавшимъ въ крестьянской хатѣ въ Фалимичахъ; платье на немъ было во многихъ мѣстахъ прострѣлено, а на лѣвой ногѣ зіяла свѣжая „кривавая" рана; многіе изъ архіерейскихъ слугъ также оказались ранеными.

Выздоровѣвъ, Терлецкій позвалъ къ суду своихъ зложелателей и въ томъ числѣ—зятя и родную свою дочь, обвиняя ихъ въ посягательствѣ на его жизнь съ цѣлью овладѣть его маетностями [1]).

Помимо того, Терлецкій уничтожилъ написанное имъ еще въ 1595 году духовное завѣщаніе и взамѣнъ его составилъ новое, по которому устранилъ ихъ отъ участія въ наслѣдствѣ по его смерти. „Вѣдають, писалъ онъ въ завѣщаніи, почтивые люди, што ся мнѣ дѣяло отъ нихъ (зятя и дочери) и дѣеть, якъ добродѣйство мое мнѣ отдали и заплатили: на горло мое стояли, кровь мою разливалъ панъ зять мой, стреляючи самъ зъ ручницы на мене,—нехай онымъ Богъ заплатить!" [2]). Чѣмъ кончилось начатое Терлецкимъ судебное дѣло о покушеніи на его жизнь—не извѣстно; но спустя нѣсколько лѣтъ онъ примирился съ своими бывшими врагами и возвратилъ зятю и дочери отнятое было у нихъ право на участіе въ наслѣдствѣ по его смерти.

Въ 1598 году, въ самый разгаръ тяжбы Терлецкаго съ жидичинскимъ архимандритомъ, противъ него было возбуждено новое тяжкое обвиненіе, о которомъ неоднократно упоминаетъ авторъ „*Перестороги*",—въ убійствѣ и утопленіи священника Стефана Добринскаго. Обстоятельства этого неслыханнаго между христіанскими пастырями злодѣянія представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Стефанъ Добринскій былъ священникомъ въ спасскомъ черничицкомъ монастырѣ, находившемся въ самомъ предмѣстьѣ Луцка, Черничахъ, имѣніи князя Константина Острожскаго. Это былъ весьма популярный человѣкъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ

---

[1]) Кн. гродск. Луцк. 1597 г., л. 577, и такая же книга 1599 г., л. 550.

[2]) Археограф. Сборникъ, т. I, стр. 218.

народѣ. Онъ присутствовалъ на брестскомъ соборѣ 1596 года и его имя мы встрѣчаемъ въ числѣ лицъ, подписавшихъ соборный актъ и давшихъ здѣсь торжественный обѣтъ стоять крѣпко за вѣру православную и всѣми силами противодѣйствовать распространенію уніи [1]). За это онъ, въ числѣ другихъ ревнителей православія, былъ преданъ проклятію со стороны уніатскаго синода и объявленъ лишеннымъ священническаго сана [2]). Живя въ черничцкомъ монастырѣ, подъ защитой могущественнаго князя Острожскаго, Стефанъ Добринскій смѣло и открыто боролся противъ уніи и, пользуясь огромнымъ вліяніемъ среди православнаго населенія, оказывалъ сильное противодѣйствіе замысламъ уніатской партіи. Когда Кириллъ Терлецкій принялся въ Луцкѣ обращать православныя церкви въ уніатскія, то луцкіе горожане, лишенные своихъ православныхъ пастырей, всѣ, по словамъ автора „Перестороги", „обернулись" къ черничцкому священнику „и тамъ у него набоженства заживати почали". Этого не могъ простить о. Стефану владыка луцкій и, со свойственною ему неразборчивостью въ средствахъ къ достиженію задуманной цѣли, готовился прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, чтобы только избавиться отъ вреднаго сосѣда.

Однажды, въ началѣ декабря 1597 года, Стефанъ Добринскій былъ по дѣламъ въ Луцкѣ, гдѣ, между прочимъ договорилъ какого то кузнеца Павла подковать ему лошадь. Многіе видѣли кахъ о. Стефанъ, въ сопровожденіи кузнеца, поздно вечеромъ 13-го декабря отправился пѣшкомъ въ свой монастырь, но потомъ оказалось, что онъ не возвращался домой и вообще съ той поры какъ его самого, такъ равно и бывшаго съ нимъ Павла кузнеца и слѣдъ простылъ. Когда слухъ о таинственномъ исчезновеніи о. Стефана распространился въ Луцкѣ, то многіе—сначала шепотомъ, а далѣе все громче—стали называть виновникомъ его гибели Кирилла Терлецкаго: говорили, что священникъ былъ убитъ слугами владыки и тѣло его утоплено въ рѣкѣ; но толки эти были довольно неопредѣленны и дѣло о гибели Добринскаго грозило уже быть преданнымъ вѣчному забвенію. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Но весною, когда рѣка Стырь вскрылась, случайно были найдены тѣла погибшихъ: сначала Павла кузнеца подъ Луцкомъ, а въ апрѣлѣ всплыло тѣло и самого о. Стефана въ нѣсколькихъ верстахъ ниже, подъ с. Маловшами.

[1]) Архивъ Юго-Зап. Р. ч. I. т. I, стр. 529.

[2]) Акты Зап. Россіи, т. IV, стр. 149.

Случай этотъ разомъ возбудилъ полузабытые толки народа о виновникѣ гибели священника. Нашлись лица, которыя открыто обвиняли въ этомъ дѣлѣ владыку луцкаго, называли по именамъ слугъ Терлецкаго, совершившихъ убійство священника, передавали подробности преступленія. Тогда братъ погибшаго священника шляхтичъ Николай Добринскій, собравъ ходившіе въ народѣ слухи и основываясь на показаніяхъ крестьянъ чернчицкаго монастыря, занесъ въ судъ жалобу на владыку луцкаго, обвиняя его въ убійствѣ и утопленіи своего брата Стефана. Но въ рукахъ обвинителя долгое время небыло достаточныхъ уликъ противъ Терлецкаго, какъ виновника преступленія, такъ какъ единственными свидѣтелями убійства священника могли быть только слуги епископа, которые не имѣли побужденій или боялись его выдать. Многіе, возмущенные совершеннымъ злодѣяніемъ, всѣми мѣрами старались содѣйствовать открытію его виновниковъ. Въ числѣ такихъ лицъ были слуги и урядники князя Острожскаго, дѣйствовавшіе въ этомъ случаѣ, вѣроятно, не безъ воли своего патрона. Съ помощію хитрости и даже насилія, имъ удалось однажды увезти изъ города нѣкоторыхъ слугъ Терлецкаго, на которыхъ молва указывала, какъ на свидѣтелей преступленія, и передать ихъ въ руки обвинителя, который не замедлилъ представить ихъ въ судъ, какъ очевидцевъ и участниковъ убійства и утопленія его брата. Показанія этихъ лицъ сразу пролили яркій лучъ свѣта на это темное дѣло. Вотъ, для примѣра, показаніе архіерейскаго дьяка Демяна, которое дышетъ такой живостью и непосредственностію, что не можетъ быть передано иначе, какъ подлинными его словами: „милъ (имѣлъ) давній вазнь (ненависть) владыка луцкий на попа чернчицкого и заказовалъ, абы жаденъ (никто) у него не бывалъ и сакраменту не приймовалъ, и мене неразъ посылалъ, которыи тамъ хожували, абымъ я описывалъ. И часу одного в декабру, в року прошлымъ, здамися (кажется) дня осмого, на свято Миколы руского, панъ владыка луцкий в пятницю, поздно, не вимъ отъкуль до Луцка приехалъ, и назавтрее в суботу сказано ему, же (что) тутъ попъ спаский чернчицкий есть в месте (въ городѣ). Онъ заразъ послалъ мене и другого хлопця Мартинка, абысьмы того попа вышпекговали (выслѣдили). И мы его вышпекговавши, бо на тотъ часъ до коваля до Луцка приходилъ, и скоро есмо пану владыце дали знаты, заразъ послалъ Войтеха кухара, Василя Коростеля, Вижкгу венгрина и мы з Мартинкомъ хлопцемъ

шли есмо за ними. Тамъ же, догонивши того попа с ковалемъ противко церкви Воскресения Христова, мовили есмо попови, абы до владыки шолъ. А было то година въ ночъ. Тотъ попъ пьяный былъ и не хотивъ ити; оны его, яко пьяного, узяли и вели берегомъ Глушца, мимо двора пана воеводы Киевского, на гору, дирею, до замку. Тамъ же кгды (когда) его привели, оддали его до рукъ владыце, на покой до него. Тамъ же намъ тылко двомъ хлопятамъ до избы ити не казано, одно они, што его привели, зостались и избу замкнули, а намъ никому поведати казали (т. е. приказали никому не разсказывать). А потомъ не вимъ, што се з нимъ дияло. Тылко жъ назавтрее, в недилю, кгды руморъ (молва) межи людми почалъ быти, же попъ згинулъ, и ему самому сказано у столу (за обѣдомъ), владыка реклъ: „ото проклятство Берестейское и молитвы наши его побили!“ а потомъ самъ реклъ: „ахъте мни! ахъте мни! Люди змовятъ, же (что) владыка попа втопивъ!“ [1]).

Въ октябрѣ 1598 года Кириллъ Терлецкій былъ позванъ въ луцкій гродскій судъ для участія въ производствѣ судебнаго разслѣдованія по дѣлу объ убійствѣ священника Добринскаго. Самъ владыка не явился въ судъ, а прислалъ вмѣсто себя повѣреннаго, славившагося тогда въ Луцкѣ адвоката Войтеха Станишевскаго. Не приступая къ производству слѣдствія, повѣренный Тарлецкаго заявилъ, что его кліентъ не намѣренъ оправдываться по возбужденному противъ него обвиненію передъ свѣтскимъ судомъ, такъ какъ не признаетъ его компетентности въ настоящемъ дѣлѣ, а что онъ, какъ особа духовная, считаетъ себя подсуднымъ единственно суду духовному, предъ которымъ готовъ будетъ представить доказательства своей невинности. Тогда между сторонами возгорѣлся жаркій споръ о „форумъ“, т. е. о подсудности даннаго дѣла гродскому суду. Адвокатъ Терлецкаго, основываясь на тѣхъ соображеніяхъ, что въ данномъ случаѣ особа духовная обвиняется въ убійствѣ особы, принадлежавшей къ тому же сословію, что установленная закономъ кара за убійство не можетъ быть исполнена надъ духовнымъ лицемъ прежде, чѣмъ оно подвергнется со стороны духовныхъ властей лишенію церковнаго сана,—доказывалъ, что свѣтскій судъ не только не компетентенъ въ рѣшеніи настоящаго дѣла, но даже не долженъ производить разслѣдованіе о немъ, въ подкрѣпленіе чего защитникъ ссылался на краковскій статутъ короля Сигизмунда

[1]) Книга гродск. Луцк. 1598 г., л. 415.

I. Противъ этого обвинитель Добринскій возразилъ, что въ данномъ случаѣ какъ судъ, такъ и стороны должны руководствоваться не правами и статутами „коронными“ т. е. собственной Польши, а правомъ Волынскимъ, которое учитъ, что всѣ сословія, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, отъ князей и до лицъ низшаго стана, должны быть судимы однимъ правомъ, по силѣ котораго всѣ уголовные проступки подлежатъ юрисдикціи суда гродскаго или земскаго; что церковному суду духовныя лица должны подлежать лишь по такимъ преступленіямъ, которыя касаются области вѣры, т. е. нарушенія ими церковныхъ законовъ или обязанностей пастырскаго сана, а въ данномъ случаѣ владыка обвиняется въ преступномъ дѣяніи, которое должно быть отнесено къ разряду общихъ, а никакъ не церковныхъ проступковъ; что наконецъ, задача настоящаго суда состоитъ пока не въ разрѣшеніи самаго существа даннаго дѣла, а лишь въ производствѣ судебнаго слѣдствія, которое одинаково необходимо, будетъ ли дѣло рѣшаться въ свѣтскомъ, или въ духовномъ судѣ. Выслушавъ эти „контроверсіи“, судъ объявилъ, что онъ присоединяется къ доводамъ обвинителя, и приказалъ сторонамъ приступить къ производству самаго слѣдствія. Защитникъ обвиняемаго не хотѣлъ подчиниться этому рѣшенію и потребовалъ перенесенія дѣла въ трибуналъ, но судъ отказалъ ему въ этомъ требованіи, какъ незаконномъ. Тогда повѣренный Терлецкаго торжественно протестовалъ „*о граваменъ*“, т. е. что его кліентъ терпитъ якобы насиліе въ своихъ правахъ, и затѣмъ оставилъ мѣсто судебнаго засѣданія. Судъ нашелъ возможнымъ и безъ его присутствія приступить къ производству слѣдствія. Тогда обвинитель Добринскій принесъ обычную присягу въ томъ, что онъ не нанималъ и не подкупалъ представленныхъ имъ свидѣтелей, послѣ чего эти послѣдніе были допрошены въ присутствіи суда. Къ сожалѣнію, мы лишены возможности знать ихъ показанія, такъ какъ по обычаямъ тогдашняго судопроизводства свидѣтельскія показанія не были вносимы въ судебные протоколы, а записывались отдѣльно и затѣмъ въ запечатанныхъ конвертахъ вручались сторонамъ для представленія въ тотъ судъ, на рѣшеніе котораго восходило самое дѣло. [1]).

Дальнѣйшій ходъ этого любопытнаго процесса не вполнѣ извѣстенъ. Восходилъ ли онъ обычнымъ порядкомъ на разсмотрѣніе высшей судебной инстанціи, т. е. люблинскаго трибунала, или

---

[1]) Книга гродск. Лупк. 1598 г. л. 265.

былъ переданъ на рѣшеніе духовнаго суда, объ этомъ въ судебныхъ актахъ кіевскаго архива не имѣется свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ ни тамъ, ни здѣсь онъ не получилъ окончательнаго рѣшенія, такъ какъ спустя два года дѣло объ убійствѣ чернчицкаго священника было перенесено Добринскимъ на рѣшеніе варшавскаго сейма, происходившаго въ началѣ 1600 года. Въ то же самое время православные обыватели рѣчи-посполитой позвали на сеймовый судъ Терлецкаго и его сподвижника по введенію уніи Ипатія Потѣя, обвиняя ихъ въ вѣроотступничествѣ и въ самовольномъ подчиненіи южнорусской православной церкви папѣ римскому, а также въ томъ, что, не взирая на опредѣленіе брестскаго православнаго собора о низложеніи и церковномъ отлученіи обоихъ названныхъ владыкъ, они продолжаютъ оставаться въ епископскомъ санѣ и вопреки всѣмъ церковнымъ и гражданскимъ законамъ, пользуются церковными имѣніями. [1]).

О томъ, что происходило на варшавскомъ сеймѣ, мы находимъ свѣдѣнія въ извѣстной „Пересторогѣ", историко-полемическомъ сочиненіи начала XVII вѣка. По словамъ автора „Пересторогі", дѣло Добринскаго было назначено еще къ разсмотрѣнію предшествовавшаго сейма 1598 года, но „за зволокою" не было тогда разсмотрѣно и вмѣстѣ съ другими церковными „справами" отложено до слѣдующаго сейма. Въ виду этого Николай Добринскій обратился къ православнымъ депутатамъ отъ воеводства волынскаго, отправлявшимся на сеймъ, съ просьбой настоять, чтобы дѣло объ убійствѣ Терлецкимъ его брата было наконецъ разсмотрѣно сеймомъ и чтобы король „обачилъ справы того, который унѣю чинитъ и зводитъ." Дѣйствительно, при самомъ почти закрытіи своихъ засѣданій сеймъ приступилъ къ разсмотрѣнію жалобы Добринскаго совмѣстно съ дѣломъ по обвиненію Терлецкаго и Потѣя относительно уніи. По словамъ „Перестороги," уніатскіе архіереи съ видомъ угнетенной невинности „удались" подъ защиту своего всегдашняго покровителя, короля Сигизмунда III, съ представленіемъ, что вотъ-дескать, милостивый господарь, совершается „новая и неслыханая рѣчъ: овечки на пастырей жалуются и насъ за пастырей своихъ не признаваютъ, а мы почувалися, же-смо ничого такого не учинили, для чого вряды и достоинства наши духовные маемо тратити" и т. под. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ депутатовъ, членъ православнаго братства

[1]) Позовы Терлецкаго и Потѣя на сеймовый судъ—кн. гродск. Луцк. 1599—1600 г., л. 411 и 412.

львовскаго, произнесъ длинную обвинительную рѣчь, въ которой между прочимъ укорялъ уніатскихъ архіереевъ, что они ожесточенно преслѣдуютъ ревнителей православія, проливаютъ кровь, совершаютъ убійства, „о чомъ свѣдѣтства полные книги в судѣхъ знайдешъ,“ и этимъ такъ успѣли устрашить многихъ, что тѣ боятся открыто ратовать за свою вѣру, справедливо опасаясь, что бы ихъ „не поткала бѣда, якъ Стефана попа, котораго в Луцкой рѣцѣ утоплено за тое, ижъ противъ васъ (уніатовъ) стояти обѣцался и оповѣдался. И мѣщаномъ львовскимъ и виленскимъ, церковному братству, и тежъ берестейскимъ мѣщаномъ дали еще ся знати: вѣдаетъ то ихъ хребетъ и мѣшокъ, и попъ ихъ Павло в Берестью, якъ есте в темницѣ смродливой его мордовали, и иншимъ побожнымъ священникомъ головы и бороды есте пообголѣвали. И самого отца Никифора, великого протосингела, в заточеніе отпровадивши, уморили; и Стефана Зизания, дидаскала школного и казнодѣю (проповѣдника), обезчестнили есте и на его здоровье такъ есте ся важили, ажъ черезъ коминъ (печная дымовая труба) вытиснувшися, утекъ з Вилна.“ [1]) Въ общемъ интересъ возбужденнаго противъ Терлецкаго и Потѣя обвиненія касательно уніи былъ такъ великъ, что, можно думать, совершенно заслонилъ вниманіе сейма отъ другаго, сравнительно меньшей важности дѣла — объ убійствѣ священника. Не извѣстно даже, состоялось-ли какое либо сеймовое рѣшеніе по этому дѣлу. Можно предполагать, что польское правительство всѣми мѣрами постаралось замять это дѣло, столь сильно компрометировавшее одного изъ главныхъ дѣятелей уніятской партіи; по крайней мѣрѣ въ королевской грамотѣ отъ 16 марта 1600 г., выданной въ подтвержденіе сеймоваго декрета по жалобѣ православныхъ на уніатскихъ архіереевъ, ничего не упоминается о дѣлѣ Добринскаго.

Насколько доказательнымъ представляется обвиненіе Терлецкаго въ убійствѣ чернчицкаго священника, объ этомъ пусть судитъ самъ читатель. Съ своей же стороны напомнимъ, что это убійство составляетъ не единственное преступленіе подобнаго рода, приписываемое луцкому епископу: современники обвиняли его сверхъ того въ убійствѣ какого-то Филиппа маляра „многопѣняжного“ съ цѣлью присвоенія его „румяныхъ золотыхъ“, въ чемъ будто-бы Терлецкій формально былъ уличенъ предъ лицемъ

1) Акты Зап. Россіи, т. IV, л. 221—225.

князя Константина Острожскаго [1]), а знаменитый Іоаннъ Вишенскій, какъ мы видѣли, обличалъ луцкаго владыку, что онъ кромѣ того и многихъ другихъ „живыхъ мертво къ Богу послалъ: однихъ сѣканною, другихъ—водотопленою, третихъ—огнепалною смертью“.

Въ началѣ 1600 года Кириллъ Терлецкій ѣздилъ въ Пинскъ хоронить свою тетку, жену какого-то Андрея Терлецкаго, и пробылъ тамъ съ мѣсяцъ. Когда онъ возвратился домой, его ожидала здѣсь новая непріятность и при томъ со стороны одного изъ многочисленныхъ его родственниковъ, которыхъ онъ пріютилъ возлѣ себя, раздавъ имъ въ управленіе церковныя имѣнія. Въ его отсутствіе шляхтичъ Иванъ Терлецкій, какъ кажется, двоюродный братъ епископа, подалъ на него въ гродскій судъ жалобу слѣдующаго содержанія: скоро послѣ занятія епископской каѳедры, луцкій владыка вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ярошемъ, „частыми и густыми“ просьбами и выгодными обѣщаніями склонили его, Ивана Терлецкаго, къ тому, что онъ, продавъ свою маетность въ перемышльскомъ повѣтѣ, пріѣхалъ съ семействомъ въ Луцкъ и вмѣстѣ съ сыномъ Яномъ поступилъ на службу къ Кириллу Терлецкому, выговоривъ за то плату: 60 золотыхъ польскихъ, платье изъ фалендышоваго сукна и лисій мѣхъ на шубу—ежегодно. Владыка сдѣлалъ его управляющимъ въ церковномъ имѣніи с. Теремномъ, и Иванъ Терлецкій въ теченіе семи лѣтъ усердно исполнялъ свою должность. Но однажды, въ маѣ 1597 г., Кирилль Терлецкій, разсердившись за что-то, приказалъ отобрать у него все движимое имущество и прогналъ съ должности. Въ другой разъ владыка пришелъ въ столь ужасную ярость, что, забывъ страхъ Божій и свой санъ духовный, поносилъ его, стараго человѣка, бранными „неучтивыми“ словами, собственной рукой вырвалъ ему бороду, сбилъ съ ногъ и безчеловѣчно билъ его ногами въ грудь, „съ которого ударенія (жаловался потерпѣвшій) заразъ кишки по-за шкурою надолъ пошли и теперъ межи удомъ на нозе висятъ, съ чого и хромота на ногу левую сталасе“. Избитаго и окровавленнаго Ивана Терлецкаго въ свое время свидѣтельствовалъ возный и оффиціально удостовѣрилъ передъ урядомъ, что дѣйствительно видѣлъ у него бороду вырванную, рану въ пахѣ лѣвой ноги, „съ которое кишки надолъ пошли“, и дру-

---

[1]) Акты Зап. Россіи т. IV, стр. 210.

гихъ ранъ „синихъ, битыхъ“ не мало; хромота же у него осталась потомъ навсегда. Объ этихъ побояхъ Иванъ Терлецкій хотѣлъ было жаловаться на епископа, но послѣдній „перепросилъ“ его и снова принялъ къ себѣ на службу. А затѣмъ въ январѣ 1600 года владыка, „взявши передъ себе якийсь злый умыселъ, безъ данния причины слушное“, снова прогналъ жалобщика, не заплативъ за пять лѣтъ условленнаго жалованья и вообще неразсчитавшись съ нимъ такъ, „якъ ся доброму и бачному пану належало и годило“; когда же Иванъ Терлецкій сталъ требовать удержанную плату, то владыка, вмѣсто „нагороды“, „зложилъ его и злаялъ словами неучтивыми, стану его духовному непристойными“ [1]).

Лишь только Кириллъ Терлецкій узналъ объ этой жалобѣ, какъ тотчасъ внесъ въ гродскія книги свою „репротестацію“, въ которой писалъ, что родственникъ его Иванъ Терлецкій, пропивъ свою родовую маетность въ перемышльской землѣ, пѣшо и голо прибрелъ на Волынь и впросился къ нему на службу, но продолжалъ и здѣсь пьянствовать и вслѣдствіе этого дурно исполнялъ порученную ему обязанность. За это владыка не разъ лишалъ его службы и даже хотѣлъ однажды предать суду за растрату церковнаго добра, но, снисходя къ его просьбамъ и обѣщаніямъ исправиться, снова принялъ къ себѣ, помогалъ воспитывать его дѣтей и всѣми мѣрами старался удерживать его отъ пьянства и распутной жизни. Вмѣсто благодарности за всѣ эти милости и благодѣянія, Иванъ Терлецкій, вступивъ въ товарищество съ врагами епископа, взвелъ на него позорную клевету, будто владыка нанесъ ему какіе то побои и удержалъ жалованье. Возмущенный такимъ поступкомъ своего родственника, Кириллъ Терлецкій заявлялъ въ своей репротестаціи, что онъ не хочетъ оставить безъ наказанія столь дерзкое посягательство на его честь и доброе имя и намѣренъ позвать на судъ какъ самого Ивана Терлецкаго, такъ равно и его подустителей [2]).

Дѣло не дошло, однако, до суда. Спустя полгода Иванъ Терлецкій примирился съ владыкою и внесъ въ гродскія книги „ревокаціонную“ запись объ уничтоженіи прежней своей жалобы, объясняя, что онъ тогда написалъ ее „съ подущеня злыхъ людей“, враговъ епископа, увѣрившихъ его, будто владыка, бывши

---

1) Книга гродск. Луцк. 1599 и 1600 г., л. 399 и 400.

2) Тамъ-же, л. 421.

въ Римѣ, отрекся тамъ отъ православной вѣры и потому-де его родственики обязаны разорвать всякія связи съ нимъ, какъ съ вѣроотступникомъ; что владыка жаловался на него общимъ ихъ родственникамъ, живущимъ на Подгорьи, въ перемышльской землѣ, и тѣ не одобрили поступка Ивана Терлецкаго и убѣждали его извиниться передъ невинно оскорбленнымъ владыкою, „яко старшимъ въ ихъ дому"; что онъ и самъ теперь сожалѣетъ о своемъ „необачномъ и нерозсудномъ" поступкѣ, и не желая, чтобы его „никчемная" жалоба въ глазахъ стороннихъ людей, особливо же непріятелей владыки, въ чемъ либо „дотыкала доброй славѣ его милости", онъ торжественно „касуетъ и уморяетъ" ее и предоставляетъ владыкѣ право исхлопотать надлежащее разрѣшеніе на то, чтобы она была даже вычеркнута изъ судебныхъ книгъ. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ 1601 году Кириллъ Терлецкій выпросилъ у короля спеціальную грамоту, въ которой повелѣвалось старостѣ луцкому „вымазать" въ судебныхъ книгахъ жалобу Ивана Терлецкаго, чтобы о ней на будущее время не осталось никакого помину [1]).

Послѣдніе годы жизни Кирилла Терлецкаго прошли въ ссорахъ и тяжбахъ съ луцкимъ старостой Николаемъ Семашкомъ, отецъ котораго Александръ, также староста луцкій, былъ сначала злымъ врагомъ Терлецкаго, а впослѣдствіи, примирившись, сталъ его пріятелемъ и вмѣстѣ съ нимъ предпринималъ походы противъ архимандрита жидичинскаго. Что послужило поводомъ этой ссоры—не извѣстно, но только съ конца 1602 года Николай Семашко начинаетъ систематичести притѣснять епископа и его клиръ, и эти притѣсненія во многомъ напоминаютъ тѣ, какимъ подвергался Терлецкій раньше со стороны его отца. Сначала Семешко отнялъ одно за другимъ епископскія имѣнія с. Ставокъ и Тровщину и самоуправно продалъ ихъ въ чужія руки. Когда владыка и луцкое соборное духовенство обратились съ жалобой по этому поводу къ королю, Семешко сталъ притѣснять ихъ въ самомъ епископскомъ дворѣ, который вмѣстѣ съ соборной церковью Іоанна Богослова находился, какъ извѣстно, въ верхнемъ замкѣ луцкомъ, гдѣ старостѣ принадлежали права и власть коммендanta крѣпости. Прежде всего онъ приказалъ разобрать и обратить на дрова „цвинтаръ" или заборъ, которымъ былъ ограж-

[1]) Книга гродск. Луцкая 1598—1600 г., л. 300. Такая же книга 1602—1603 г., л. 24.

денъ церковный дворъ, затѣмъ велѣлъ отбить замки у „светлицъ“ архіерейскихъ, забрать оттуда всѣ столы и „лавы“ и употребить ихъ на постройку моста черезъ крѣпостной ровъ при въѣздѣ въ замокъ, а самыя свѣтлицы обратить въ конюшни для своихъ лошадей. Все это (жаловался владыка) было сдѣлано старостой не для чего иного, какъ только „ку взгардѣ (уничиженію) и соромотѣ моей“. Терлецкій заготовилъ было для починки церкви лѣсные матеріалы и сложилъ ихъ въ своемъ дворѣ, а староста приказалъ употребить ихъ на дрова для своей кухни; съ тою-же цѣлью онъ приказалъ разобрать капитальную постройку надъ входомъ въ „склепы“ архіерейскіе, гдѣ хоронились тѣла умершихъ епископовъ. [1]) Нѣсколько разъ Терлецкій жаловался лично королю на эти опустошенія и только въ мартѣ 1605 года ему удалось выхлопотать королевскій листъ, которымъ предписывалось старостѣ: возвратить отнятыя имъ церковныя имѣнія, на свой счетъ возобновить раззоренный епископскій дворъ, вознаградить владыку и соборное духовенство за причиненные имъ убытки и потери и впредь не дѣлать имъ никакихъ притѣсненій. [2]) Послушался-ли Семешко королевскаго приказанія — не извѣстно, но только съ тѣхъ поръ Терлецкій не жаловался на него больше.

Испытавъ столько огорченій, старый владыка хотѣлъ какъ-нибудь поразвлечься и, вѣроятно, съ этой цѣлью въ 1604 году предпринялъ одну изъ тѣхъ отважныхъ экспедицій, какія онъ съ такой смѣлостью и постоянной удачей совершалъ въ болѣе былые годы. Въ іюлѣ того-же года сосѣдъ Терлецкаго по имѣнію, шляхтичъ Гойскій, жаловался, что владыка издавна чинилъ ему „шкоды и кривды великіе“: отнималъ земли, нарушалъ межи, выпасывалъ его поля и т. под. Не довольствуясь всѣмъ этимъ, онъ учинилъ еще слѣдующее: въ одинъ воскресный іюльскій день, когда Гойскаго не было дома, а его крестьяне с. Угринова были въ церкви, владыка, „не маючи поваги на день святый недилный, яко особа духовная, который повиненъ зъ себе прикладъ давати,“ собралъ вооруженную толпу своихъ слугъ и крестьянъ, часть ихъ оставилъ въ засадѣ за валомъ, надъ ставомъ с. Угринова, а другой части приказалъ согнать изъ своихъ имѣній нѣсколько сотъ головъ скота и умышленно нагнать ихъ на поля угриновскія, гдѣ дозрѣвали хлѣба Гойскаго и его крестьянъ. Лишь только увидѣли это угри-

---

[1]) Кн. Гр. Владим. 1604. г. л. 356

[2]) Книга Гр. Владимірск. 1605 г., л. 138.

новскіе крестьяне, они тотчасъ оставили церковную службу и бросились толпой защищать свои поля. Но въ это время скрытые въ засадѣ вооруженные слуги Терлецкаго ударили имъ въ тылъ и быстрымъ натискомъ разсѣяли врага, причинивъ ему немалую потерю въ раненыхъ и избитыхъ, а сами безпрепятственно принялись до конца истреблять посѣвы. Три дня спустя эта военная эволюція была повторена въ той же формѣ, но на этотъ разъ подъ личнымъ предводительствомъ самого владыки. При этомъ повторительномъ нашествіи, бѣдные угриновскіе крестьяне даже и не пытались защищать свои трудовыя нивы. [1])

Это былъ послѣдній подвигъ Терлецкаго въ этомъ родѣ. Владыка переживалъ старческій періодъ своей жизни и часто болѣлъ, а спустя три года (въ маѣ 1607 г.) онъ умеръ, пробывъ въ санѣ епископа 30 съ небольшимъ лѣтъ. Если предположить, что Терлецкій вступилъ на епископскую каѳедру по крайней мѣрѣ въ сороколѣтнемъ возрастѣ, то продолжительность всей его жизни нужно принять въ 70 съ лишнимъ лѣтъ.

Мѣсяца за полтора до своей смерти Терлецкій написалъ свой „тестаментъ" или духовное завѣщаніе. Готовясь къ послѣднему разсчету и мысленно обозрѣвая свою мятежную жизнь, старый грѣшникъ не могъ не испытывать душевной тревоги и ужаса предъ наступавшей для него вѣчностью и вотъ что писалъ онъ въ своемъ завѣщаніи: „рахуючи в зуполности смысла реестра сумненя (совѣсти) своего, а споминаючи тяжкие грѣхи мои, которыми Творца и Збавителя моего завжды ображалъ есмь, прошу Его святое Бозское милости, абы, не паметаючи злостей моихъ, не входилъ зо мною въ судъ и не выконывалъ надо мною грозного и страшного справедливого декрету своего, але по невымовному милосердю своему святому, въ которомъ я надѣю (надежду) мою покладаю, былъ милостивъ души моей грѣшной" [2]).

Въ томъ же завѣщаніи Терлецкій распредѣлилъ остававшееся послѣ него богатое наслѣдство между своими родственниками. Брату своему Ярошу онъ завѣщалъ недвижимую собственность, имѣнія въ брестскомъ и пинскомъ повѣтахъ: с. Дубую, Корсуни, Гридковичи съ приселками, Тевковичи, Мотолы и Рѣчицу; въ послѣднемъ, какъ найболѣе близкомъ къ Луцку, былъ устроенъ

---

[1]) Жалоба Гойскаго и свидѣтельство вознаго— книга гр. Луцк. 1604 г.,л. 261.

[2]) Книга гр. луцкая 1608 г., л. 481. То-же дух. завѣщаніе Терлецкаго, съ большими ошибками, было напечатано въ I т. „Археографич. Сборника".

„коштовный“ дворецъ и здѣсь чаще всего проживалъ владыка. Относительно зятя и дочери Терлецкій писалъ въ своемъ завѣщаніи, что хотя раньше и лишилъ было ихъ права на наслѣдство, но впослѣдствіи, смягченный ихъ покорностью и уступая ходатайству „зацныхъ людей“, онъ, какъ отецъ, „отпустилъ сердцемъ то все, чемъ оны его были образили“ и отписалъ имъ всю свою богатую движимость: „готовыхъ грошей немалые сумы, золото, серебро, клейноты (драгоцѣнности), перла (жемчугъ), шаты и футра соболіе, рысіе и иные, ковры и килимы“, мѣдную и оловяную посуду, лошади, экипажи, „стрѣльбу“, т. е. ружья и пушки, и проч. Сверхъ того Велятицкимъ достались векселя на большія денежныя суммы, которыя были „винни“ епископу многіе мѣщаны, купцы—христіане и евреи и знатные шляхтичи, изъ числа коихъ, напр., долгъ жмудскаго каштеляна Нарушевича простирался на крупную сумму 14,000 червонцевъ. Всѣ эти долги были обезпечены залогами соотвѣтственной стоимости: землями, имѣніями или цѣнными вещами. Кромѣ названныхъ наслѣдниковъ, ни о комъ изъ остальныхъ членовъ многочисленной родни Терлецкаго въ его завѣщаніи не упоминается.

Кириллъ Терлецкій завѣщалъ похоронить себя „учтиво, соборомъ, звычаемъ закону греческого хованья тѣлъ епископскихъ“, въ соборной луцкой церкви Іоанна Богослова, при гробахъ его предмѣстниковъ, владыкъ луцкихъ. На сорокоустъ и для раздачи бѣднымъ онъ назначилъ 200 золотыхъ, „абы убогіе помочными были своими молитвами до Господа Бога о отпущенье грѣховъ“ его; сверхъ того онъ завѣщалъ 150 золотыхъ на постройку церкви въ луцкомъ успенскомъ женскомъ монастырѣ. Этимъ и ограничились его пожертвованія на дѣла благотворительности и нужды церковныя, тогда какъ всѣ другіе уніатскіе архіереи (напр. Ипатій Потѣй) обыкновенно записывали въ своихъ „тестаментахъ“ крупныя суммы на этотъ предметъ.

Заканчивая этимъ настоящій очеркъ, напомнимъ читателю то, что сказали въ началѣ. Мы не имѣли въ виду писать обстоятельной біографіи Кирилла Терлецкаго, какъ историческаго дѣятеля. Наша задача состояла въ томъ, чтобы, на основаніи архивныхъ матеріаловъ, въ большей части не бывшихъ доселѣ извѣстными, представить по возможности въ живомъ, конкретномъ видѣ черты быта и нравовъ высшаго южнорусскаго духовенства избранной нами эпохи. Для этого намъ казалось удоб-

нѣе всего воспользоваться біографическими матеріалами, относящимися къ дѣятельности Терлецкаго, такъ какъ въ жизни этого человѣка всего рельефнѣе обрисовываются типическія черты быта и нравовъ владыкъ того времени. Можно, конечно, допустить извѣстную долю преувеличенія въ тѣхъ многочисленныхъ и тяжкихъ судебныхъ обвиненіяхъ, какимъ подвергался Терлецкій въ свое время, но нѣтъ основаній подвергать сомнѣнію ихъ относительную достовѣрность. Притомъ же, намъ хотѣлось показать, что порочность Терлецкаго не должна быть разсматриваема исключительно какъ выраженіе испорченности его воли и необузданности его мятежной натуры, но что въ значительной части порочность эта обусловливалась всѣмъ строемъ современнаго ему общества. Особенность положенія тогдашнихъ южнорусскихъ архіереевъ въ томъ именно и состояла, что они, внѣ круга своихъ спеціально-церковныхъ обязанностей, ничѣмъ не выдѣлялись изъ рядовъ того сословія, изъ среды котораго прямо и непосредственно восходили на епископскія каѳедры: подобно всѣмъ шляхтичамъ, они владѣли имѣніями, покупали, продавали, брали и сами отдавали ихъ въ залогъ, отправляли всѣ земскія и общественныя обязанности, участвовали въ сеймахъ, трибуналахъ и „посполитыхъ рушеніяхъ",—однимъ словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ были и считались такими же шляхтичами, какъ и остальные ихъ братья, только „духовного стану". Весьма естественно, поэтому, что и въ своемъ частномъ быту южнорусскіе архіереи ничѣмъ не отличались отъ своихъ пасомыхъ, такъ что къ нимъ вполнѣ можетъ быть приложима извѣстная пословица, только въ переиначенномъ видѣ: „каковъ приходъ, таковъ и попъ".—Безспорно, что, для избѣжанія упрековъ въ нѣкоторой односторонности настоящаго очерка, намъ слѣдовало бы, рядомъ съ біографическими чертами, рисующими частную жизнь Кирилла Терлецкаго, представить такія же черты изъ жизни и дѣятельности другихъ южнорусскихъ архіереевъ избранной эпохи, благо актовыя книги даютъ вполнѣ достаточные для того матеріалы; но это можетъ послужить предметомъ будущихъ нашихъ работъ подобнаго же рода.

Орестъ Левицкій.

Люди Старой Малороссіи *).

I. ЛИЗОГУБЫ

Лизогубы были уроженцы переяславскаго мѣстечка Глемязова [1]). Тамъ жилъ козакъ Кондратъ Ивановичъ Лизогубъ, котораго два сына—Иванъ и Яковъ, вступивъ въ ряды козачьяго войска, приняли живое участіе въ гетманскихъ междоусобицахъ, начавшихся въ Малороссіи вслѣдъ за смертью Богдана Хмельницкаго. Способности обоихъ братьевъ скоро выдвинули ихъ изъ рядоваго козачества въ старшину: Иванъ Лизогубъ уже въ 1661 г. былъ уманскимъ полковникомъ [2]), а Яковъ—поставленъ былъ отъ Сомка каневскимъ полковникомъ въ 1662 году [3]). Яковъ Лизогубъ оставался каневскимъ полковникомъ и при Брюховецкомъ, отъ котораго ѣздилъ въ 1667 г. посланцомъ въ Москву [4]). Послѣ смерти Брюховецкаго, младшій Лизогубъ сталъ сторонникомъ Дорошенка, отъ котораго посланъ былъ на лѣвый берегъ Днѣпра, уговаривать народъ—приставать къ Дорошенку [5]) Въ 1674 г. Дорошенко,

---

*) Начало настоящихъ очерковъ было напечатано въ Русск. Архивѣ 1875 и 1876 гг. и въ Историческ. Вѣстн. 1880 г.

[1]) Акты Ю. и З. Россіи, XI, 162 и духовное завѣщаніе Якова Лизогуба 1698 г.

[2]) Акты Ю. З. Р., VII, 333. Въ этомъ же году Иванъ Лизогубъ былъ „нобилитованъ“, какъ видно изъ грамоты Яна Казиміра, приложенной къ дѣлу о родѣ Лизогубовъ (Арх. Черниг. Двор. Депут. Собран.) Нобилитація дана была за то, что Иванъ Л—бъ „показывалъ неустрашимый духъ свой мужественный, защищая при всякомъ разѣ собственною грудью, цѣлость республики во время возмущенія козаковъ, съ великою славою на перерывъ предъ другими, храброю рукою оныхъ поражая, устилалъ поле сраженія ихъ трупаии, служа полковникомъ.....“

[3]) Лѣтоп. Самовидца изд. 1878 г., 68. Акты Ю. З. Р., V, 125.

[4]) Т. Ж., V, 159. Въ эту поѣздку Яковъ Л—бъ былъ пожалованъ отъ царя—дворянствомъ „за многія службы“.

[5]) Т. Ж., IX, 161 и 181.

убоявшись той популярности, которую Лизогубъ заслужилъ межъ козаками праваго берега Днѣпра, лишилъ его вліятельнаго полковничьяго уряда, назначивъ генеральнымъ есауломъ. Можетъ быть поэтому, а можетъ и вслѣдствіе того, что Лизогубъ сталъ убѣждаться въ неспособности Дорошенка стать во главѣ гетманщины, низложенный полковникъ рѣшилъ перейти на сторону Самойловича. Рѣшеніе это было поддержано тогдашнимъ переяславскимъ полковникомъ Дмитріемъ Раичемъ, который незадолго передъ тѣмъ тоже покинулъ Дорошенка. Еще въ началѣ 1673 г. Раичъ посылалъ къ Лизогубу одного грека переговорить, что нужно переходить на сторону Самойловича. Лизогубъ раичеву посланцу отвѣчалъ: „приходятъ де на ихъ сторону лихіе времена; разволокутъ ихъ турскіе люди всѣхъ!—И онъ де Яковъ со всѣмъ городомъ Каневомъ, желаетъ—какъ бы ему отъ Дорошенка отлучиться и быть подъ его царскаго величества рукою“ [1]).—Но Лизогубу хотѣлось перейти подъ царскую руку именно съ городомъ Каневомъ, чтобы сохранить при себѣ полковничій урядъ. Поэтому и Самойловичу Лизогубъ переказывалъ, что передаться къ нему онъ хочетъ вмѣстѣ съ Каневомъ, а это можно сдѣлать—лишь въ виду царскаго войска, которое могло бы въ случаѣ нужды, защитить его, Л—ба, отъ Дорошенка.—„Если де ему съ городомъ Каневымъ отъ Дорошенка отлучиться“, говорилъ Лизогубъ, „а помочи имъ не будетъ—и Дорошенко всѣми силами его, Якова, доступитъ и мученію паче всѣхъ человѣкъ предастъ и домъ разоритъ, потому что въ свойствѣ (онъ, Л—бъ, съ Дорошенкомъ). Радъ бы онъ, Яковъ, совсѣмъ своимъ домомъ и пожитки на сторону царскаго величества, за Днѣпръ перейти, да—славу свою утеряетъ: тутъ де онъ—начальнымъ знатнымъ человѣкомъ и всѣ тое стороны люди его слушаютъ“ [2]). Черезъ годъ послѣ этихъ переговоровъ Самойловичъ пришелъ въ Каневъ съ царскимъ войскомъ и—Яковъ Лизогубъ передался на сторону правобережнаго гетмана и на вѣрное подданство царю крестъ цѣловалъ [3]).

Но у Самойловича не было силы вернуть Лизогубу каневское полковничество; поэтому онъ могъ предложить новому своему стороннику лишь переселеніе на правый берегъ Днѣпра, съ правомъ поселиться гдѣ захочетъ. Въ это же время оставилъ Доро-

---

[1]) Тамъ-же, XI, 158.

[2]) Тамъ-же, 165.

[3]) Тамъ-же, 371—374.

шенка и другой его полковникъ—Федоръ Кандиба, изъ Корсуня. Лизогубъ и Кандиба вмѣстѣ оставили правый берегъ и направились со всѣми своими пожитками и стадами, въ Конотопъ, гдѣ и стали заводить себѣ новыя хозяйства, на „вольныхъ" и „пустовскихъ" земляхъ. По разсказу старожиловъ нач. XVIII в., Лизогубъ „не мѣючи гдѣ подѣться съ товаромъ" (рогатымъ скотомъ) сталъ искать свободныхъ земель—между селами Сосновкою и Мал. Самборомъ. Старожилы послѣдняго разсказывали въ 1723 г., что село ихъ за Хмельницкаго было—большое, имѣвшее и земель много, „а якъ настали чигиринскія войны (1674—76 г.) то одно, за переходами военными великороссійскихъ людей подъ Чигиринъ, а другое—за оскудѣніемъ дровъ, люди—изъ того села на трактѣ великомъ лежачого—поросходились и осталось въ М. Самборѣ только семнадцать хатъ и—грунта ихъ того часу запустѣли". Вотъ на эти то „пустовскія поля" и обратилъ свое вниманіе Яковъ Лизогубъ, „ибо въ то время пустовскія поля помежнымъ жильцамъ занимать было кому хотя вольно", какъ разсказывали тѣ-же старожилы. Столѣтній старецъ конотопскаго села Поповки Грицько Вертѣй разсказывалъ въ 1730 г., что лѣтъ за пятьдесятъ передъ тѣмъ, пахалъ онъ разъ ниву свою за Сосновкою и—подъѣхалъ къ нему верхомъ покойный Яковъ Лизогубъ, требуя показать „вольный гдѣ пляцъ незайманый, для займы себѣ сѣножати". И онъ, Вертѣй указалъ ему на пустыя земли въ урочищѣ Перелазкѣ, которыя Лизогубъ тогда же занялъ и плугами оборалъ. Перегнавши сюда стада свои, Лизогубъ сталъ тамъ и поля распахивать. Другой старожилъ добавилъ, что Лизогубъ часто и самъ наѣзжалъ на новые свои земли, ставилъ на могилѣ свой „наметъ" (палатку), и распоряжалъ на мѣстѣ свое хозяйство; а могила, гдѣ ставился наметъ, съ тѣхъ поръ и зовется—лизогубиною могилой, пояснили другіе старожилы [1]). Степное хозяйство нуждалось въ лѣсахъ и водяныхъ мельницахъ; тѣ и другія Лизогубъ тогда же сталъ скупать по берегамъ Сейма, около Конотопа [2]). Занявъ часть малосамборскихъ земель, Лизогубъ скоро пріобрѣлъ себѣ здѣсь и сосѣда—стараго своего товарища по службѣ у Дорошенка и будущаго гетмана—Мазепу. Извѣстно, что Мазепа былъ у Дорошенка ротмистромъ его „надворной корогвы" (тѣлохранителей). Въ 1773 г. Дорошенко послалъ Мазепу въ Крымъ—отвезти Хану въ подарокъ

---

[1]) Рукоп. нашей б-ки.

[2]) Обозр. Румянцовск. Описи, 230 и друг.

нѣсколько плѣнныхъ запорожцевъ; на дорогѣ, Мазепа былъ захваченъ запорожскимъ отрядомъ и приведенъ въ Сѣчь; здѣсь запорожцы хотѣли было его убить, но по заступничеству тогдашняго кошеваго Сѣрка, смерть замѣнена была заключеніемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, Мазепа выкупленъ былъ у запорожцевъ Самойловичемъ и принятъ былъ въ число гетманскихъ „дворянъ". Скоро за тѣмъ Самойловичъ надѣлилъ новаго своего дворянина и маетностью, давъ ему село Мал. Самборъ, гдѣ и сталъ Мазепа заводить свое хозяйство. Достатки будущаго гетмана въ это время были настолько малы, что по словамъ его сосѣдей,—у него не было и четырехъ паръ воловъ, чтобы запречь самому свой плугъ, и онъ, „пока не ожился", велѣлъ своему старостѣ „спрягаться" съ Иваномъ Охрѣменкомъ, малосамборскимъ козакомъ, и—распахалъ вмѣстѣ съ нимъ, четыре „лана" около земель, занятыхъ передъ тѣмъ Лизогубомъ. У Мазепы неставало иногда сѣна и тогда онъ покупалъ его у сосѣда своего Лизогуба. Прежняя совмѣстная служба у Дорошенка и новое сосѣдство по малосамборскимъ землямъ очень пригодились Лизогубу впослѣдствіи.

Въ Конотопѣ Лизогубъ оставался до 1687 года; въ этомъ году онъ пошелъ съ Самойловичемъ, въ числѣ прочихъ войсковыхъ товарищей, въ крымскій походъ. Какъ извѣстно, на этомъ походѣ—у Коломака Самойловичъ былъ низложенъ; въ низложеніи этомъ и Лизогубъ принималъ, повидимому, не малое участіе, потому что вслѣдъ за избраніемъ Мазепы Лизогубъ тутъ же на походѣ, получилъ черниговское полковничество, ставшее вакантнымъ послѣ Григорія Самойловича, лишеннаго уряда вмѣстѣ съ отцомъ. Мазепа видѣлъ въ Лизогубѣ человѣка уже опытнаго не только въ военномъ дѣлѣ, но и въ тѣхъ интригахъ, безъ которыхъ новому гетману нельзя было обойтись, утверждая за собою такъ нежданно полученную булаву.—На возвратномъ пути изъ-подъ Коломана, Лизогубъ выпросилъ себѣ у новаго гетмана село Сосновку, около котораго онъ занялъ раньше „пустовскія земли" въ урочищѣ Перелазкѣ [1]). Желая привлечь стараго полковника въ число своихъ сторонниковъ, Мазепа далъ въ 1688г. единственному сыну Якова Лизогуба, Ефиму, сначала урядъ генеральнаго хорунжаго, а потомъ—и три села: Погребки, Хижки и Крапивную. Въ 1689 г. Лизогубъ ходилъ съ гетманомъ въ чи-

---

[1]) Универсалъ Лизогубу на Сосновку, подписанъ Мазепою 17 августа 1687 г., въ Ромнѣ.

слѣ прочихъ полковниковъ, во второй крымскій походъ, по возвращеніи изъ котораго Мазепа раздалъ старшинѣ множество маетностей, такъ какъ козаки были недовольны этимъ неудавшимся походомъ (собственно за то, что недокончена была осада Перекопа и козакамъ не удалось поживиться въ немъ добычею) и гетману необходимо было приласкать старшину. Щедрѣе другихъ надѣленъ былъ при этомъ Лизогубъ, получившій два большихъ села, Слабинъ и Бѣгачъ, и шесть приселковъ: Шестовицу, Зопотинку, Козороги, Андреевку, Гнилушу и Соколовку.—Въ томъ же 1689 г. Мазепа ѣздилъ въ Москву, куда бралъ съ собою и Лизогуба, въ числѣ четырехъ старѣйшихъ полковниковъ.

На урядѣ черниговскаго полковника Яковъ Лизогубъ особенно отличился въ 1696 г., при взятіи Азова, гдѣ онъ былъ наказнымъ гетманомъ. Служба козаковъ при осадѣ Азова подробно описана Гордономъ въ его дневникѣ; при этомъ Гордонъ хвалитъ и расторопность Лизогуба. Но интересно, что малороссійскія лѣтописи взятіе Азова приписываютъ прямо одному Лизогубу; такъ черниговская лѣтопись говоритъ объ этомъ: „Петръ Алексѣевичъ, царь московскій, ходилъ подъ Азовъ другій разъ и взялъ его, за поводомъ и отвагою Якова Лизогуба полковника черниговскаго, который то Лизогубъ казалъ козакамъ своимъ засыпати фосу ровно зъ валомъ и—взялъ его“ [1]). Впрочемъ и самъ Петръ В. оцѣнилъ заслуги Лизогуба по осадѣ Азова: извѣщая патріарха о взятіи этого города, царь хвалилъ и Лизогуба, „мужа искуснаго въ добродѣтели и въ военныхъ трудахъ“ [2]).

Взятіемъ Азова Лизогубъ кончилъ военную свою службу, будучи въ то время уже глубокимъ старикомъ. Послѣдніе два года жизни Лизогубъ прожилъ на покоѣ, въ полковомъ своемъ городѣ Черниговѣ. Здѣсь, лѣтомъ 1698 г., написалъ онъ свое завѣщаніе. Начинается оно такъ: „Яко всему христіанскому народови есть вѣдомъ праведный вырокъ (слово) Божій, ижъ хто колвекъ родится на сей временный свѣтъ, муситъ (долженъ) умѣрати, такъ и я, его царского пресвѣтл. величества войска запорожского черн̂ѣговскій полковникъ Яковъ Кондратовичъ Лизогубъ, о томъ досконале и завше (всегда) на мыслѣ моей, иле (тѣмъ

---

[1]) Черниг. лѣтоп. по списку нашей б—ки.

[2]) Устряловъ, Истор. Петра В., II, 288.

болѣе) въ нынѣшнихъ лѣтехъ шендивыхъ (преклонныхъ) маючи подходячій терминъ смертельный, отъ которого нѣхто есть вольнымъ, овшемъ подлугъ его святого праведного выроку бозского, подлѣгати муситъ оной, теди умислилемъ теперъ, еще при здоровю, моемъ, добра (имѣнія) мои працею (трудомъ) набутіе такъ рухоме (движимыя) яко и лежачіе (недвижимыя) за живота своего распорядити и дѣтей моихъ, дочокъ и внуковъ, хто чого зъ нихъ годенъ есть, слушне (надлежаще) оными добрами подѣлити и уконтентовати порядкомъ". Черниговскія свои имѣнія: Слабинъ, Шестовицу, Золотинку, Козороги, Гнилушу, Андреевку, и рыбныя ловли Лизогубъ завѣщалъ сыну Ефиму, съ условіемъ чтобы онъ „при женѣ моей, а своей матцѣ единокупно жилъ, абы еи, матки своей, ни въ чомъ, ховай Боже, не раздражалъ и не квилячи, повольность сыновскую противъ ней оказовалъ такъ властне, якъ надлежитъ, тоесть жебы оную чтивъ, шановавъ и поважавъ и во всемъ слухалъ". При этомъ старый полковникъ совѣтовалъ сыну—подѣлить въ свое время, внуковъ такимъ образомъ, чтобы старшему—Андрею достались конотопскія и кролевецкія имѣнія, а младшимъ Якову и Семену,—черниговскія. Болѣе всего заботился Яковъ Лизогубъ о своемъ внукѣ Яковѣ, какъ видно своемъ любимцѣ, напоминая сыну, чтобы тотъ какъ нибудь „не задѣлилъ Якова внука подстаршаго". Самъ дѣдъ завѣщалъ этому внуку особо с. Бѣгачъ и разные небольшіе „грунта", но съ тѣмъ, чтобъ надъ этимъ имѣніемъ жена его, полковника, была „головою", а „онъ, Яковъ внукъ, вѣдая то, что будетъ хозяиномъ этихъ имѣній, старался бы заслужить милость и ласку своей бабы, которую бы чтилъ, шановалъ и поважалъ какъ мать и даже больше того"....

Дочерямъ своимъ, „сколько ихъ есть", Лизогубъ оставлялъ по 500 золотыхъ (золотой=20 коп.), а остальныя деньги поручалъ женѣ, чтобъ она сама уже подѣлила ихъ межъ дѣтьми, когда и какъ захочетъ. Исключеніе было сдѣлано для одной только дочери Марьи: „дочкѣ моей старшей Маріи съ мужемъ ея Степаномъ Бутовичемъ, нынѣшнимъ седневскимъ сотникомъ, за ихъ ко мнѣ упреймую зычливость (искреннюю пріязнь) а особенно за устройство моего хозяйства, отписываю два сельца—Солоновку и Боромыки, если на то будетъ милость ясневельможнаго п. гетмана" [1]). Серебро свое въ вещахъ Лизогубъ завѣщалъ—подѣлить на всѣхъ дѣтей,

[1]) Солоновка и Боромыки принадлежали къ числу полковыхъ маетностей и, завѣщая ихъ дочери своей, Лизогубъ надѣялся, что гетманъ подтвердитъ волю завѣщателя—особымъ своимъ универсаломъ.

добавивъ только, что „роструханъ милостиваго царскаго жалованья еще за живота моего, Яковововому сыну, а моему правнуковѣ, далемъ на память собѣ. Корабликъ вѣсомъ въ шесть гривенъ и еще роструханъ какой добрый или коновку, отписую ясневельможному его милости п. гетману, милостивому моему добродѣеви". Не забылъ полковникъ и дальнихъ своихъ родичей: сродниковъ моихъ, живущихъ въ бѣдности въ м. Глемязовѣ, поручаю женѣ моей—надѣлить ихъ скотомъ рогатымъ, давъ каждому по три и по четыре головы, чтобы помнили меня. „За душу свою, для отправленія сорокоустовъ и для вписанія имени своего въ суботники", Лизогубъ назначилъ въ церкви кіевскія—печерскую и софійскую и въ черниговскую борисоглѣбскую—по сто червонцевъ, въ елецкій монастырь, гдѣ завѣщалъ похоронить себя—тысячу золотыхъ (т. е. 200 р.) и затѣмъ на разные другіе монастыри и церкви: по 20 р. на монастыри и по 10 талеровъ (6 р.) на церкви; да бѣднымъ завѣщалъ раздать—200 рублей. Въ заключеніе Лизогубъ проситъ жену—точно исполнить послѣднюю его волю относительно распредѣленія „худобы", которую онъ собралъ за долговременную свою службу Войску Запорожскому, причемъ „не разъ приходилось ему и кровь свою проливать".

Исполнителями посмертной своей воли, кромѣ жены, Лизогубъ назначилъ—генеральнаго обознаго Василія Борковскаго и генеральнаго бунчучнаго Ивана Скоропадскаго, „которыхъ устне о томъ просилося, такъ и теперь симъ моимъ тестаментомъ прошу и злецаю (поручаю) ихъ милостемъ, чтобы они высокимъ своимъ разсмотрѣніемъ сіе мое распоряженіе поправили и чего бы не потрафилъ—якъ леговати (завѣщать) съ добръ моихъ, то чтобы ихъ милости яко выскій розумъ маючіе, ведлугъ уваги своей (по своему усмотрѣнію) дѣтей моихъ какъ надлежитъ поименованными добрами подѣлили, а они, дѣти мои, должны исполнить волю ихъ милостей. Тутъ же прошу ихъ милостей, чтобы они по смерти моей, какъ жену, такъ и дѣтей имѣли въ особливомъ своемъ призрѣніи".

Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ завѣщанія, Лизогубъ, предоставляя Борковскому и Скоропадскому—измѣнить его завѣщаніе по ихъ усмотрѣнію, былъ конечно увѣренъ, что душеприказчики не станутъ неремѣнять его воли, но за то довѣріе, которое оказывалъ имъ старый ихъ товарищъ, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ отнесутся къ сиротѣлой семьѣ. Вниманіе это главнымъ образомъ должно было выразиться въ предстательствѣ Борковскаго и Ско-

ропадскаго у гетмана за остававшагося сына и трехъ внуковъ, за ихъ дальнѣйшую судьбу, за предоставленіе имъ хорошихъ урядовъ въ войскѣ.... Написавъ завѣщаніе лѣтомъ 1698 г,, Яковъ Лизогубъ въ томъ же году и умеръ. Сынъ его Ефимъ вмѣстѣ съ отцовскими имѣніями унаслѣдовалъ и отцовскій урядъ: вслѣдъ за смертью стараго Лизогуба, Мазепа поставилъ черниговскимъ полковникомъ Ефима Лизогуба, который до этого времени сохранялъ урядъ хорунжаго.

Ефимъ Лизогубъ извѣстенъ лишь тѣмъ, что женатъ былъ на дочери Петра Дорошенка. Интересный разсказъ объ этой женитьбѣ переданъ самимъ Яковомъ Лизогубомъ, который говоритъ, что онъ хотѣлъ женить сына на падчерицѣ бездѣтнаго Дмитрія Раича, славившагося своимъ богатствомъ, и что на эту женитьбу согласенъ былъ и Раичъ. Но въ старой Малороссіи былъ такой обычай, что высшая старшина женила своихъ сыновей неиначе какъ съ вѣдома гетмана; поэтому Яковъ Лизогубъ, сговорившись съ Раичемъ, заявилъ о своемъ намѣреніи Дорошенку. Послѣднему сватовство это не понравилось: онъ нашелъ, что какъ только Лизогубъ женитъ сына на падчерицѣ Раича, то онъ и самъ перейдетъ на правый берегъ Днѣпра, гдѣ жилъ Раичъ, и съ нимъ „многіе люди въ соединеніи будутъ и оттого будетъ смятеніе". Посовѣтовавшись съ митрополитомъ Тукальскимъ, Дорошенко отвѣчалъ Лизогубу: „напрасно де онъ съ Дмитрашкомъ (Раичемъ) о свойствѣ ссылку чинитъ; они (Раичи) де люди богатые и будутъ имъ (Лизогубомъ) гордить и въ свойствѣ ему съ нимъ быть не пристойно; знатно (должно быть) де онъ (Лизогубъ) его, Дорошенка, не смѣетъ (просить выдать его дочь за своего сына) потому что (онъ, Дорошенко) гетманъ, и онъ де Дорошенко имъ, Яковомъ, и сыномъ гордить не будетъ и у него Дорошенка, дочь есть. И взявъ его, Якова, за руку, говорилъ: пусть де онъ Яковъ будетъ сватомъ Дорошенку, а не Дмитрашку. И велѣлъ ему, Якову, сына своего прислать и дочь его Дорошенкову имать въ скорыхъ часѣхъ. И онъ, Яковъ убоясь его Дорошенка, не отговариваясь ничѣмъ, сына своего на его Дорошенковой дочери женилъ" [1]).

Ефимъ Лизогубъ оставался черниговскимъ полковникомъ, какъ и отецъ, тоже до смерти, кажется въ 1705 г. О немъ мы знаемъ очень мало; общественная дѣятельность Ефима Л—ба не

---

[1]) Акты Ю. З. Р. XI, 163.

оставила ровно никакихъ слѣдовъ. Какъ видно, онъ исключительно занятъ былъ своими маетностями, которыя, сколько могъ, пріумножалъ, пользуясь своею полковничьей властью [1]).

Ефимъ оставилъ трехъ сыновей: Андрея, Якова и Семена, которые всѣ три были настолько замѣтными людьми въ малороссійскомъ обществѣ первой половины XVIII в., что о каждомъ изъ нихъ можно сказать особо.

Старшій изъ нихъ—Андрей Ефимовичъ Л—бъ получилъ въ наслѣдство маетности конотопскія и кролевецкія, т. е. Сосновку, Крапивную, Хижки, Погребки и всѣ тѣ лѣса и мельницы, которые пріобрѣтены были между Конотопомъ и Сеймомъ, еще дѣдомъ его. Женитьбою на дочери стародубскаго полковника Миклашевскаго, Андрей пріобрѣлъ еще раньше, при жизни отца, особыя маетности. Уже въ универсалѣ 1694 г. читаемъ, что Мазепа „респектомъ знатныхъ услугъ полковника стародубскаго Мик. Миклашевскаго и хорунжаго генеральнаго Ефима Лизогуба, надалъ зятю перваго, а послѣдняго сыну—Андрею Лизогубу, село Старое Почепище". Получивъ эту маетность, Андрей Л—бъ туда и перебрался, чтобы подъ защитою вліятельнаго тестя, начать устройство собственнаго хозяйства, пока дойдетъ чередъ до наслѣдства.—Стародубскій полкъ въ это время заселенъ былъ еще не густо и пріобрѣтеніе въ немъ земель не особенно было затруднительно, особенно для полковничьяго зятя. Поэтому Лизогубъ, недовольствуясь Почепищемъ, сталъ скупать тамъ земли, на которыхъ поселилъ слободу Лизогубовку и хуторъ Дадеровскій.

Въ стародубскомъ полку Лизогубъ пріобрѣталъ земли пока живы были отецъ и тесть. А когда умеръ сначала отецъ, а потомъ убитъ былъ тесть, Мазепа немедленно измѣнилъ отношенія свои къ Андрею Л—бу: Миклашевскій былъ убитъ весною 1706 г., а осенью того же года Мазепа отнялъ у Андрея—с. Ст. Почепъ, объясняя въ своемъ универсалѣ, что „за время управленія стародубскимъ полкомъ Миклашевскаго, всѣ села, какія принадлежали къ ратушѣ города Почепа, розданы державцамъ; оставалось едва ли не послѣднее село Ст. Почепъ, но и то отдано было Андрею Л—бу, по настоятельнымъ просьбамъ его тестя, и что, вслѣдствіе такой раздачи ратушныхъ селъ, населеніе г. Почепа окончательно обнищало". Поэтому гетманъ нашелъ нужнымъ с. Ст. Почепъ возвратить почепской ратушѣ, чтобы „почепскіе жители

---

[1]) Обозрѣніе Румянц. Описи, 36.

на своихъ одержалися осѣдлостяхъ и свои недостатки привели до полности"; а универсалъ, данный передъ симъ Андрею Л—бу на с. Ст. Почепъ, гетманъ „касуетъ", приказывая, чтобы Лизогубъ уступилъ то село безъ всякаго возраженія [1]). Такъ Мазепа дѣлалъ очень часто: пока отецъ и тесть Андрея Л—ба были живы, онъ находилъ возможнымъ награждать его не смотря на то, что за Андреемъ никакихъ службъ не было; какъ только нужные Мазепѣ люди умирали, онъ немедленно отбиралъ у ихъ родичей то, что̀ давалъ прежде. Старое Почепище возвращено было впрочемъ Андрею Л—бу Скоропадскимъ, вслѣдъ за измѣною Мазепы, въ ноябрѣ 1708 г., но не надолго: 9 іюля 1709 г. Скоропадскій подарилъ почепскую сотню Меншикову, который тогда все отнялъ у Лизогуба: и Почепище, и поселенныя имъ слободы [2]).

Потерявъ почепскія имѣнія, Андрей Лизогубъ переселился въ Конотопъ. Отсюда онъ и управлялъ своими маетностями (Погребками, Хижками, Сосновкою и Крапивною), которыя достались ему по смерти его отца. Управленіе заключалось главнымъ образомъ въ увеличеніи земель посредствомъ разныхъ насилій. При этомъ наиболѣе страдали козаки, у которыхъ Лизогубъ сначала отнималъ земли, а потомъ и хозяевъ ихъ „версталъ" въ крестьяне. Дѣлалось это такимъ образомъ: козакъ бралъ въ долгъ у Лизогуба деньги, на какую нибудь крайнюю нужду, или „напивалъ" въ долгъ въ шинкѣ его, а въ обезпеченіе долга отдавалъ въ залогъ свою землю; если долгъ въ срокъ не уплачивался, то должникъ выдавалъ волей неволей Лизогубу на заложенную землю купчую запись. Козакъ с. Погребковъ Григорій Шкуренко разсказываетъ, что какъ задолжалъ онъ Лизогубу 50 золотыхъ (10 р.) то послѣдній говорилъ ему: дай мнѣ „въ арештъ" грунта свои, а я буду ждать долга, пока спроможешься съ деньгами.—Я и отдалъ, продолжаетъ Шкуренко, Лизогубу свой грунтикъ, но „не во владѣніе, а въ застанову" (въ залогъ); а какъ насталъ срокъ платежа уплаты, сталъ я просить Лизогуба подождать—пока продамъ свой скотъ, который нарочно выготовилъ для продажи. А Лизогубъ—задержалъ меня въ своемъ дворѣ и держалъ двѣ недѣли, требуя отдачи долга.—Со слезами просилъ я Лизогуба—отпустить меня домой, такъ какъ жена моя въ то время лежала „на смертной постелѣ", обѣщая скоро и долгъ уплатить.

---

[1]) Черниг. Губ. Вѣд. 1853 г., № 34.

[2]) Т. Ж.

Но Лизогубъ тогда же вмѣстѣ съ своимъ „господаремъ“ оцѣнилъ мой грунтикъ и насильно послалъ меня къ конотопскому соборному попу, говоря: иди къ попу и какъ попъ будетъ писать—будь при томъ!—Попъ написалъ купчую, но безъ свидѣтелей съ моей стороны и безъ объявленія купчей въ ратушѣ. Тогда Лизогубъ отпустилъ меня домой, а вслѣдъ за мною прислалъ слугу своего, чтобъ я выходилъ изъ своего двора.—Такъ п. Лизогубъ и завладѣлъ моимъ грунтомъ, хотя я ему и деньги потомъ носилъ.....

Обезземеливъ такимъ образомъ козака, Лизогубъ уже безъ труда „версталъ“ его затѣмъ въ крестьяне: сначала онъ принималъ такого козака къ себѣ—подсосѣдкомъ, поселяя его въ томъже дворѣ, который передъ тѣмъ у него же отнималъ; а потомъ—принуждалъ подсосѣдка отбывать повинности наравнѣ съ крестьянами, угрожая въ противномъ случаѣ—выгнать изъ двора. Если у козака была семья, ему трудно было подниматься съ нею, чтобы идти куда-нибудь „на слободу“; онъ и оставался съ обязательствомъ уже—отбывать „панщину“. При этомъ козакъ зналъ еще и то, что ставъ „подданнымъ“, онъ уже не будетъ ходить въ походы, да, кромѣ того, будетъ избавленъ и отъ многихъ другихъ общественныхъ повинностей, отъ которыхъ будетъ его отстаивать новый панъ, защищая свою рабочую силу.

Такимъ образомъ переводилъ Лизогубъ въ крестьянъ и козаковъ с. Сосновки, гдѣ земель у него было много, а рабочихъ—мало. Но здѣсь онъ встрѣтилъ сначала отпоръ со стороны сосновскаго атамана Ивана Величка, который донесъ гетману, что Лизогубъ производитъ убыль въ его козакахъ „верстаніемъ“ ихъ въ крестьяне. Скоропадскій написалъ Лизогубу—не трогать козаковъ. Приказъ гетмана имѣлъ значеніе въ этихъ случаяхъ, лишь на первое время, пока возвращенные изъ крестьянъ козаки не становились снова въ то положеніе, когда ихъ опять можно было обратить въ подсосѣдковъ... Но Лизогубъ былъ обиженъ дерзостью сосновскаго атамана и рѣшился ему отмстить. У Величка земля была—купленная у сосновскаго козака Дениса Шостаченка. Купилъ Величко у Шостаченка усадьбу и пахатное поле въ 1702 г. и владѣлъ ими лѣтъ десять спокойно. Но сошелся онъ какъ то въ „арендѣ“ (корчмѣ) съ сыномъ Дениса Шостаченка, и тотъ сталъ доказывать, что купля Величка была неправильная и онъ долженъ возвратить землю ему, Шостаченку, сыну продавца. Возникъ споръ, за разрѣшеніемъ котораго обѣ сто-

роны обратились къ конотопскому сотнику. Но пока состоялся судъ, Шостаченко отправился къ Лизогубу и выдалъ ему купчую на спорную землю, зная, что это будетъ лучшій способъ отнять у Величка продажу своего отца. Получивъ купчую на землю, которою Величко владѣлъ болѣе десяти лѣтъ уже, Лизогубу нужно было прогнать Величка, такъ какъ послѣдній не хотѣлъ уступать землю добровольно. Лизогубъ употребилъ силу: „не терпѣлъ я такой муки", пишетъ въ своей жалобѣ Величко, „и будучи на турецкой каторгѣ въ плѣну, какую пришлось терпѣть отъ него, п. Лизогуба!—приковалъ онъ меня за шею къ дымовой трубѣ („до комена грубного") и душилъ („пурилъ") дымомъ недѣль семь, да еще въ самую рабочую пору... Хвалился и застрѣлить меня... А потомъ забралъ дворъ и пашню мою, а я принужденъ былъ—уходить и скитаться въ полтавскомъ полку лѣтъ тринадцать..." Въ этихъ скитаніяхъ Величко прослышалъ наконецъ, что вмѣсто гетмана, стала въ Глуховѣ править дѣлами коллегія, которая будто бы не только принимаетъ жалобы на пановъ, но и разрѣшаетъ эти жалобы справедливо... Величко вернулся въ Сосновку и прямо отправился въ свою хату; но Лизогубъ прислалъ своего старосту и—Величко изъ хаты былъ удаленъ. Величко обратился къ своему полковнику (нѣжинскому), но такъ какъ Лизогубъ былъ бунчуковымъ товарищемъ, то судить его могъ только гетманъ; а такъ какъ гетмана въ это время не существовало, то жалоба Величка была передана тогдашнимъ „правителямъ" генеральной канцеляріи. По жалобѣ Величка поручено было произвести слѣдствіе одному изъ канцеляристовъ, который долженъ былъ рѣшить—чья купчая на земли Шостаченка крѣпче, Величка или Лизогуба?—Лизогубъ сталъ доказывать, что купчая Величка составлена подложно и что объясненіе Величка, что купчую эту писалъ умершій сосновскій дьякъ Василій—не справедливо, причемъ сослался на учениковъ умершаго дьяка—сосновскаго священника и новаго дьяка, которые учились писать у Василія и „на его руку". Для сличенія почерковъ, найдено было у одного козака, писанное умершимъ дьякомъ завѣщаніе, съ которымъ и сличена была купчая Величка, „по лѣтерахъ, силлябахъ, дикціяхъ и строфахъ, чи сходны лѣтери зъ лѣтерами?—Теди, не мало слова зъ словами не были сходны, поневажъ того старого дьяка на духовницѣ—старый и характеръ, а купчая Величкова здается не давно писана, хочай давній годъ (1702) въ ней написанъ". Такимъ образомъ купчая

Величка признана была подложною. Величко долженъ былъ навсегда отказаться отъ тѣхъ земель, которыя несомнѣнно проданы были ему Шостаченкомъ, потому что послѣ этой продажи, Величко болѣе десяти лѣтъ прожилъ на этихъ земляхъ безъ всякихъ возраженій со стороны сына продавца. Трудно было селянамъ бороться съ Лизогубомъ, который, хорошо понимая безсиліе тогдашней власти, зналъ, что насилія его останутся безнаказанными.—Въ мѣетностяхъ Лизогуба ни козакъ, ни крестьянинъ не смѣли продавать своихъ земель кому нибудь другому, какъ только ему, Лизогубу. Такъ водилось вообще въ маетностяхъ сильныхъ пановъ; но Лизогубъ умѣлъ этотъ обычай усилить еще прямымъ запрещеніемъ для своихъ сосѣдей покупать земли въ его маетностяхъ. Въ этомъ отношеніи мы встрѣтили очень интересный документъ 1707 г., по которому извѣстный Кочубей, бывшій тогда генеральнымъ судьею, запрещаетъ козакамъ и крестьянамъ глуховскаго села своего Ярославца брать въ залогъ земли у жителей с. Погребковъ, принадлежавшаго Лизогубу [1]). Вотъ этотъ документъ. „Вамъ, якъ козакамъ, такъ и посполитымъ людемъ села моего Ярославца, даю приказъ симъ моимъ писаніемъ, кто бы колвекъ вамъ мѣлъ зъ людей погребскихъ якій колвекъ грунтъ, либо поле або гай (лѣсъ) въ заставу пускать, потребуючи себѣ у васъ грошей, абысте потай (безъ вѣдома) тамошнего старшого (разумѣется старшій—поставленный отъ Лизогуба) яко то старостиного дозволеня и освѣдченя, албо войтового, не въ кого ниякого грунта не важилися пріймовати и грошей своихъ позичати (давать въ долгъ), але за дозволенемъ и освѣдченемъ старшого тое чините, яко въ каждомъ городѣ и селѣ такій звичай есть для своего пожиткованя; бо донесено мнѣ, же (что) нѣкоторіи назвишъ (выше названные, т. е. жители с. Погребковъ) гроши забравши, отъ своего застановленного грунту, прочъ уходятъ, зачимъ ежели потай отъ сего часу такую заставу хто пріймetъ, не ознаймившись старшимъ, то гроши его пропадутъ“ [2]).

Кромѣ „скупли“ козачьихъ земель, Лизогубъ богатѣлъ еще занимаясь и торговлею; торговалъ онъ преимущественно быками,

---

[1]) Большинство своихъ земельныхъ отчужденій козаки и крестьяне производили такимъ образомъ, что сначала земли эти отдавали въ залогъ, а потомъ, не имѣя средствъ выкупить эти земли, выдавали уже на нихъ купчія.

[2]) Частн. архивъ.

которыхъ сначала выпасывалъ на крапивянскихъ своихъ степяхъ, а потомъ гонялъ ихъ въ Данцигъ, гдѣ былъ главный тогдашній рынокъ этого товара. Впрочемъ данцигскіе торговцы и сами пріѣзжали за быками въ Малороссію, которая и тогда славилась своимъ „украинскимъ" скотомъ [1]).

Конотопскія свои богатства Лизогубъ увеличилъ преимущественно за время своего сотничества въ Конотопѣ. Пробывъ около пяти лѣтъ (1714—19) конотопскимъ сотникомъ, Лизогубъ до того тѣснилъ своихъ сотнянъ разными вымогательствами и поборами, что, не смотря на поддержку брата своего Якова, бывшаго въ то время генеральнымъ бунчучнымъ, былъ отставленъ отъ уряда [2]). Остальное время своей жизни Лизогубъ прожилъ въ Конотопѣ, гдѣ онъ построилъ каменную церковь рождества Богородицы—теперешній соборъ.

Умеръ Андрей Лизогубъ въ 1737 г., оставивъ четырехъ дочерей, мужья которыхъ долго спорили между собою, пока не подѣлились тестевскими богатствами. Болѣе всѣхъ задерживалъ дѣло раздѣла Валькевичъ, пользуясь своимъ вліяніемъ въ глуховскихъ канцеляріяхъ. Остальные наслѣдники пожаловались въ сенатъ, откуда въ концѣ 1746 г. полученъ былъ указъ „о высылкѣ въ самой скорости въ Петербургъ генер. есаула Петра Валькевича по дѣлу съ Журавковою о духовной Андрея Лизогуба и о посылкѣ туда всего дѣла, въ генеральной и судовой канце-

---

[1]) Вотъ одинъ изъ документовъ, знакомящій съ этою торговлею. „Року 1708, мѣс. июля 13 дня. Мы Якубъ Шолцъ и Матіашъ Дембровскій, жителѣ, купцѣ и резники Кдавскіе, чинимо вѣдомо симъ нашимъ облѣкомъ, ижесмо взяли у его мил. п. Андрея Лизогуба, значного товарища войскового, жителя конотопскаго, торгомъ въ боргъ (въ долгъ) воловъ тридцять, цѣною каждый волъ по десять талярей безъ золотого (5 р. 80 к.). А до тихъ же воловъ взялисмо еще на мыто грошей талярей 60 зполна, якіе то гроши, должніе за воли и позиченніе на мыто, всѣ—потому будуть червоніе уво Гданску, тоею цѣною маемо сеей зимы знову на Вкраину и въ Конотопъ пригостивши (пріѣхавши) сами всю тую сумму ему, п. Лизогубовѣ, червоными отдати конечне".

[2]) Поводомъ къ удаленію Л—ба отъ уряда была, какъ кажется, растрата „покуховнаго сбора"; въ универсалѣ 1719 г. Скоропадскій пишетъ: „по розыску п. Григорія Яснопольскаго и п. Леонтія Лащинскаго показалося, что бывшій сотникъ конотопскій п. Андрей Лизогубъ въ покуховныхъ грошахъ, тамъ въ г. Конотопѣ до скарбу войскового збираючихся, не далъ слушного выводу, куда оніе и на що рострачены, а доводне тое явилося, же шафарѣ (сборщики) всегда по его сотницкому велѣнію, помянутіе гроши на росходи видавали, которимъ бивало онъ, п. сотникъ бувшій, отказуетъ (отвѣчаетъ) же нехто иншій за рострачене тихъ грошей, але онъ самъ мѣвъ отвѣтовати".

ляріяхъ находящагося" [1]). Сенатъ назначилъ особую коммисію для раздѣла лизогубовскихъ имѣній, которая наконецъ и кончила это дѣло въ 1748 г. При этомъ почепскія имѣнія (Лизогубу они были возвращены послѣ паденія Меншикова) достались Ивану и Антону Тимофеовичамъ Журавкамъ и Алексѣю Покорскому, зятю Якима Кулябки, а конотопскія и кролевецкія—тому же Покорскому и остальнымъ наслѣдникамъ: Кулябкамъ, Кулаковскимъ, Будлянскимъ и Требинскимъ.

Второй сынъ Ефима—Яковъ былъ замѣтнѣе другихъ братьевъ своею болѣе чѣмъ пятидѣсятилѣтнею войсковою службою. Службу эту онъ началъ еще при дѣдѣ, у котораго былъ любимѣйшимъ внукомъ и который вѣроятно рекомендовалъ его гетману; есть извѣстіе, что Мазепа въ 1694 г. посылалъ Якова Ефимовича Лизогуба въ Москву, съ какимъ-то порученіемъ къ царю. Въ это время онъ только что окончилъ ученіе въ кіевской академіи [2]) и былъ еще не женатъ, что не мало заботило дѣда, который по этому поводу въ ноябрѣ 1694 г. писалъ сыну: „милый сыну мой, пане хорунжій генеральный! какъ только установится санный путь и милый вашъ сынъ, а мой внукъ Яковъ отправится въ Москву, по указу рейментарскому, тѣмъ временемъ начни высматривать по людяхъ такую семью, съ которой могли бы мы соединиться истинною пріязнью по законному супружеству внука нашего. Старайся такъ, чтобы по возвращеніи внука изъ Москвы дѣло это можно было немедленно начать и кончить. Я и самъ душевно радъ бы помогти этому дѣлу и, не смотря на старость, готовъ искать „панну" въ какомъ знатномъ домѣ для милаго пріятеля; но самъ знаешь, что тутъ (т. е. около Чернигова) не могу я ничего успѣть, потому что и людей нѣтъ и нѣтъ такой панны, чтобы подходила и подъ мысль внука и подъ нашу достойность. Поэтому старайся ты самъ поставить сына „въ станъ малженскій"; а дастъ Богъ, что дѣло это свершится „актомъ весельнымъ", то я не оставлю внука своего дѣдовскою ласкою и ручаюсь, что у него не будетъ недостатковъ и будетъ на чемъ жить, только бы внукъ былъ разуменъ да не лѣнился около хозяйства заняться. Да не только Яковъ не бу-

---

[1]) Записки Марковича II, 239.

[2]) Говоримъ объ ученіи Якова Еф—ча Л—ба въ кіевской академіи на томъ основаніи, что въ своихъ письмахъ онъ часто примѣшивалъ латинскія слова и выраженія, чѣмъ щеголяли только кіевскіе академисты.

детъ лишенъ моей ласки, въ чемъ свидѣтельствуюсь своимъ дѣдовскимъ словомъ, но и Семену, меньшему, наготовлено уже „пожитье, только бы возрастилъ его Богъ“ [1]).

Въ жены Якову Лизогубу выбрана была дочь переяславскаго полковника Мировича, который по свойству съ Мазепою щедро былъ надѣленъ маетностями, а потому и дочь его была не изъ послѣднихъ невѣстъ въ Малороссіи.—Женившись, Яковъ Л—бъ проживалъ въ доставшемся ему Седневѣ, пока не попалъ въ число генеральной старшины, по выбору Скоропадскаго въ 1717 г. На этомъ урядѣ Лизогубъ оставался незамѣтнымъ лицомъ до смерти Скоропадскаго; а когда послѣдній умеръ и „правленіе дѣлъ“ въ Малороссіи поручено было генеральной старшинѣ подъ главенствомъ Полуботка, Лизогубъ сталъ однимъ изъ „правителей“. Впрочемъ, въ борьбѣ съ Вельяминовымъ Лизогубъ принималъ только пассивное участіе, стараясь по возможности держаться въ сторонѣ. Но когда Полуботокъ съ Савичемъ и Чарнышемъ вызваны были въ Петербургъ, Лизогубу пришлось по необходимости стать во главѣ правленія вмѣстѣ съ Жураковскимъ. Положеніе его въ это время было довольно трудное: Жураковскій принадлежалъ къ числу сторонниковъ Полуботка и, за отбытіемъ послѣдняго въ Петербургъ, старался елико возможно дѣйствовать въ направленіи своего патрона. Очень нерѣдко Лизогубу приходилось выслушивать отъ Жураковскаго упреки за излишнюю осторожность, ради которой Л—бъ часто уклонялся отъ участія въ тѣхъ дѣлахъ, которыя по мнѣнію его могли возбудить неудовольствіе Вельяминова. Однако-же, когда осенью 1723 г. назначенъ былъ Румянцевъ для повѣрки на мѣстѣ жалобъ старшины на Вельяминова, Лизогубъ дѣйствовалъ за одно съ Жураковскимъ во всѣхъ тѣхъ распоряженіяхъ, которыми старшина хотѣла скрыть отъ Румянцева разъединеніе свое съ народомъ. Пріѣхавъ въ Малороссію въ концѣ ноября, Румянцевъ нашелъ нужнымъ удалить отъ „правленія дѣлъ“ какъ Жураковскаго, такъ и Лизогуба; оба они отвезены были на судъ къ царю въ Петербургъ, за единомысліе съ Полуботкомъ. Судъ этотъ кончился, какъ извѣстно, указомъ 8 февраля 1725 г., причемъ большинство обвиненныхъ въ протестѣ противъ учрежденія малороссійской колле-

---

[1]) Изъ архива Н. А. Маркевича. Архивъ этотъ вошелъ теперь въ составъ Румянцевскаго Музея.

гіи поселено было въ Петербургѣ („жить имъ безвыѣздно въ С.-Петербургѣ"). Въ числѣ поселенныхъ былъ и Лизогубъ. Жилъ онъ въ Петербургѣ пять лѣтъ (1724—28), пока не возстановлено было въ Малороссіи гетманство. Поставленный въ гетманы Апостолъ пріѣхалъ въ Москву въ февралѣ 1728 г. и прожилъ до октября, предъявляя правительству разныя ходатайства по возстановленію въ Малороссіи прежнихъ порядковъ; хлопоталъ при этомъ новый гетманъ и о томъ, чтобы правительство утвердило ту генеральную старшину, которую выбрали въ Глуховѣ полковники вслѣдъ за поставленіемъ Апостола въ гетманы. Но верховный совѣтъ не утвердилъ глуховскихъ выборовъ и назначилъ персоналъ генеральной старшины по своему усмотрѣнію [1]), при чемъ генеральнымъ обознымъ, вмѣсто избраннаго въ Глуховѣ Галагана, назначенъ былъ Яковъ Лизогубъ. Очень вѣроятно, что Головкинъ, распоряжавшійся всѣмъ этимъ дѣломъ, сдѣлалъ этотъ выборъ на основаніи личнаго знакомства своего съ Лизогубомъ за время поселенія его въ Петербургѣ, причемъ могъ убѣдиться, что этотъ человѣкъ будетъ безпрекословнымъ исполнителемъ распоряженій правительства.

Двадцать лѣтъ оставался Лизогубъ на урядѣ генеральнаго обознаго, не оставивъ, повидимому, никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности, кромѣ того, что за все это время хорошо уживался съ цѣлымъ рядомъ правителей, которые вѣдали дѣлами Малороссіи отъ смерти Апостола до избранія Разумовскаго.

Во время путешествія императрицы Елизаветы въ Кіевъ, между старшиной возникла мысль о возстановленіи гетманства, которую поддержалъ Алексѣй Разумовскій. Повидимому послѣдній далъ указанія въ Глуховѣ о присылкѣ ко двору депутатовъ для ходатайства по этому дѣлу, причемъ назвалъ и лицъ, которыя должны были ѣхать депутатами. Въ числѣ этихъ лицъ, кромѣ Ханенка и Гудовича, былъ указанъ и Яковъ Лизогубъ [2]). Осенью 1745 г. депутаты были уже въ Петербургѣ и жили тамъ почти два года, пока данъ былъ указъ сенату о дозволеніи быть въ Малороссіи гетману; но депутатовъ не отпустили домой и послѣ этого указа и продержали ихъ въ Петербургѣ до конца 1749 г. [3]).

---

[1]) Записки Марковича, I, 246 и 304.

[2]) Тамъ-же, II, 225

[3]) Подробности четырехлѣтняго пребыванія Лизогуба съ товарищами въ Петербургѣ см. у Васильчикова, семейство Разумовскихъ I, 67—99.

Только что стали депутаты собираться домой, какъ Лизогубъ заболѣлъ: 20 декабря онъ „былъ посѣщенъ параличною болѣзнью". Ожидать выздоровленія товарища—депутатамъ было некогда и они, оставивъ около больнаго трехъ человѣкъ изъ своей свиты, отправились въ Москву. При Лизогубѣ оставлены были: „шваге́ръ" (братъ жены) обознаго—Дмитрій Мировичъ, сотникъ Степанъ Лукомскій и экономъ генеральной артиллеріи Кирилъ Бѣлоровскій, причемъ имъ дана была отъ депутатовъ подробная инструкція, что́ дѣлать на случай выздоровленія или смерти обознаго. Въ инструкціи между прочимъ было сказано: „ежели-бы (чего Боже еще не дай) пришло ему г. обозному животъ свой окончити здѣсь въ С.-Петербургѣ, то какъ самъ онъ, будучи сперва при крайней слабости, намъ объявилъ свою волю—погребсти его тутъ же съ пристойнымъ персонѣ его обрядомъ и на поминовеніе его по нѣкоторимъ церквамъ, раздать по нѣсколько денегъ, какъ здѣсь водится. То же все чинить вамъ съ повелѣнія г. вицеадмирала Александра Ивановича Головина, яко свойственнаго ему г. обозному, и съ совѣту г. маіора при адмиралѣтейской колегіи Василія Ивановича Войникова, за которымъ въ замужествѣ родная его г. обознаго племянница Тетіяна Андреева дочь Лизогубовна, которые обнадежили насъ, что всякое вамъ наставленіе чинить изволятъ".

Чрезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Ханенка и Гудовича въ Москву, Мировичъ съ товарищами 8 января писали имъ о ходѣ болѣзни Лизогуба: „Божескою помощію его вельможность началъ обмогаться, а именно: совершенно и здравымъ языкомъ разговариваетъ, а при разговорѣ ежеденно объявляетъ свою скуку, что въ Москву не ѣдетъ скоро, а желаетъ, получа ослабу, какъ скорѣе возмножно отъѣхать. Лѣвою ногою всею чувствуетъ и мало наступаетъ; и егда сидитъ на ложку (кровати) либо на креслѣ, на которомъ по комнатѣ его возимъ, бываетъ—лѣвую ногу самъ согибаетъ и держитъ; а лѣвою рукою всего отъ позавчерашнего дня началъ чувствовать—точію самъ собою ежели его не подоймутъ и не опустятъ, ни ложиться, ни встать, ни двигнуться еще не можетъ. Егдаже въ лѣвой кулши (бедрѣ) объявилъ боль, то по наставленію доктора г. Синопеа (Синопеуса) сухою припаркою получаетъ облегченіе; ранки двѣ были на лѣвомъ стегнѣ величиною какъ противъ копѣйки сребраной и тѣ ранки толко мало еще не загоены; горячесть извнутра хотя еще не вовся, такмо по болшой части выведена; апетиту и ествію въ него еще мало и нынѣ; только въ томъ жалится и обявляетъ, что лѣвій бокъ

ввесь болитъ не безъ прикрости; однакожъ тотъ боль г. докторъ признаваетъ добрымъ знакомъ ко оздравленію и ничимъ того болю неусмираетъ, которой г. докторъ съ лѣкаремъ прилѣжно его смотрятъ по своей профессіи и ежедневно бываютъ". Но черезъ двѣ недѣли положеніе больнаго сильно измѣнилось къ худшему; 23 января Мировичъ съ товарищами извѣщали Ханенка и Гудовича, что здоровье обознаго стало совсѣмъ плохо: „нынѣ его вельможность сталъ слабъ, что въ силу великую можна, егда станетъ что́ говорить, рѣчей дослышаться; только жъ все чувствуетъ и разсужденія доброго. Повторно исповѣдь и причастіе таинъ божественныхъ принялъ; потомъ же и маслосвятіе соборомъ отправлено, на исходъ души канонъ читанъ и отъ него со всякимъ вниманіемъ слышанъ. И тое все отправлено съ его добраго знанія и волѣ. Докторскихъ лѣкарствъ никакихъ (дней будетъ сѣмъ) не принимаетъ и ежели водою натуралною пожелаетъ закропиться (освѣжиться) то съ великою трудностію проколтнуть можетъ; а нынѣ уже и не можетъ. И по всему видимо, что жизнь его зѣло близка къ смерти. А якое писмо до его высокорейхсъ графского сіятелства Алексѣя Григорьевича (Разумовскаго) отъ его вельможности написано и его рукою закрѣпленное, его вельможность просилъ, дабы тое надписанное въ конвертѣ писмо его сіятелству сами ваши высокородіи вручить изволили".—На другой день послѣ этого письма Яковъ Лизогубъ умеръ и похороненъ въ невской лаврѣ. Въ письмѣ своемъ Алексѣю Разумовскому, писанному за два дня до смерти, обозный просилъ заступничества дѣтямъ: вашего высокорейхсъ графского сіятелства чрезъ сіе нижайше прошу—оставшихся по моемъ отъ сея жизни отшествіи, наслѣдниковъ моихъ Григорія и Илію и унука Якова Лизогубовъ, яко вѣрныхъ подданныхъ ея импер. величества въ службѣ ея жи дѣйствително обрѣтающихся, въ высокой содержать милости, какъ и мене надъ заслуги мои содержать изволили; и въ якихъ своихъ нуждахъ вашему сіятелству они свое нижайшее поднесутъ прошеніе, яко милостивій отецъ высокомилостиво за оными ходатайствовать и предстательствовать соблагоизволите".

Изъ дѣтей Якова Лизогуба ни одинъ не выдѣлился изъ массы тѣхъ богатыхъ наслѣдниковъ, которые, получивъ обширныя маетности, поселялись въ нихъ и затѣмъ не искали уже никакихъ доходныхъ урядовъ. Поэтому и извѣстій объ этихъ людяхъ осталось очень мало, такъ какъ они не принимали почти участія

въ общественной жизни, мирно пользуясь достатками, нажитыми дѣдами и отцами.

Средній сынъ Якова Л--ба—Илья дослужился до полковничьяго чина русской службы, но остался такъ-же неизвѣстнымъ, какъ и другіе его братья. Замѣтенъ онъ былъ одною только своею женитьбою, такъ какъ первую жену онъ выбралъ не изъ мѣстнаго общества, а изъ „смоленской шляхты.“ Малороссійскіе паны познакомились съ смоленскою шляхтою посредствомъ браковъ, еще съ конца XVII в., такъ какъ младшій сынъ гетмана Самойловича—Яковъ былъ женатъ на смоленской шляхтянкѣ—Аннѣ Швейковской. Изъ смоленской шляхты--изъ фамилій Корсаковъ, Храповицкихъ и Энгельгардтовъ--выбрали себѣ женъ и всѣ три сына гетмана Апостола. Невѣсты изъ смоленской шляхты имѣли ту особенность передъ мѣстными невѣстами, что малороссійскіе женихи получали за смолянками въ приданое — „крѣпостныхъ“ крестьянъ, которыми малороссійское шляхетство очень дорожило, пока не получило возможности имѣть своихъ крѣпостныхъ. Илья Лизогубъ первымъ бракомъ былъ женатъ на Татьянѣ Ивановнѣ Рачинской, за которою въ приданое также получилъ крѣпостныхъ крестьянъ, какъ видно изъ слѣдующей „заручной челобитной“ 1748 г. „Бьетъ челомъ вдова Федора Иванова дочь стольника и ротмистра Ивановская жена Ильина сына Рачинскаго, обще съ дѣтьми своими смоленскою шляхтою, мы Самойло, Николай и Денисъ Ивановы дѣти Рачинскіе—въ прошломъ 1744 г. мы Федора—дочь свою, а мы Самойла, Николай и Денисъ—сестру свою родную Татьяну Иванову дочь Рачинсковну—выдали замужъ малороссійскихъ войскъ за бунчука товариша за Илью Лизогуба Яковлева сына, а въ приданое за нею въ то время кромѣ платья, указной части людей и крестьянъ не дано. А нынѣ мы по общему согласію—дали ей Татьянѣ Лизогубовой и дѣтямъ ея въ вѣчное владѣніе, въ приданое бѣльскаго уѣзда юрьевской волости крѣпостныхъ своихъ крестьянъ на вывозъ изъ земли и изъ деревни Брагина Константина Федорова, изъ деревни Мартынова—Павла Терентѣева и т. д. (всего дано было мужчинъ—5 и женщинъ 7) и вышеписанныхъ вывозныхъ крестьянъ обоего полу ей, сестрѣ нашей, содержать на своихъ собственныхъ земляхъ и владѣть ими вѣчно—и дабы повелѣно было сіе наше челобитье въ полковую черниговскую канцелярію принять и записать въ книгу для вѣдома и владѣнія ей, сестрѣ нашей Татьянѣ Лизогубовой и дѣтямъ ея.“

Повидимому приданое въ 12 крестьянъ было не настолько значительно, чтобы искать его путемъ брака; однакожъ мы имѣемъ свѣдѣнія, что малороссійскіе богачи, владѣя сотнями дворовъ „посполитыхъ крестьянъ", очень охотно покупали по два, по три человѣка крестьянъ „крѣпостныхъ". Такъ охотно ихъ покупалъ напр. графъ Гаврила Рагузинскій, у котораго посполитыхъ крестьянъ было болѣе 1000 дворовъ. Покупали крестьянъ рѣдко у русскихъ помѣщиковъ, а больше—у той же смоленской шляхты, которая, не имѣя иногда средствъ чѣмъ и самой прокормиться, не говоря уже о крестьянахъ, сбывала послѣднихъ въ Малороссію—и семействами, и по одиночкѣ. чтобы затѣмъ на вырученныя деньги купить хлѣба. Такъ въ 1735 г. мелкіе смоленскіе шляхтичи привезли на продажу въ Стародубъ нѣсколько семействъ своихъ крестьянъ, чтобы имѣть за что—купить хлѣба; крестьянъ этихъ купилъ гр. Гаврила Рагузинскій и заплатилъ за »бабу съ двумя дѣтьми«—13 рублей, за „двухъ хлопцовъ"—11 р., за „двухъ крестьянъ да жонку одну"—25 р.

Третій сынъ Ефима Яковлевича—Семенъ Лизогубъ былъ женатъ на Иринѣ Скоропадской, дочери гетмана отъ перваго его брака съ дочерью черниговскаго полковаго обознаго Никифора Каленикова. Не смотря на такую близость къ гетману, и этотъ сынъ генеральнаго обознаго—цѣлую жизнь остался бунчуковымъ товарищемъ. Причиною такого равнодушія со стороны Скоропадскаго къ зятю, была повидимому вторая жена гетмана—извѣстная Настасья Марковна, которая могла выхлопотать полковничьи уряды—брату Андрею и зятю Чарнышу (женатому на ея дочери отъ перваго брака съ Голубомъ), но препятствовала Скоропадскому удѣлить какой нибудь урядъ для мужа своей падчерицы.—Настасья Марковна видѣла въ Семенѣ Лизогубѣ опаснаго претендента на наслѣдство стараго гетмана и по возможности старалась оттѣснить и падчерицу, и мужа ея—отъ своей семьи. По смерти Скоропадскаго, споръ за его наслѣдство—между гетманшей и Семеномъ Лизогубомъ—сейчасъ же и возникъ; Настасья Марковна старалась затянуть дѣло о дѣлежѣ наслѣдства и тянула его безпрепятственно пять лѣтъ.—Когда въ 1727 г. разрѣшено было выбрать преемника Скоропадскому, то поэтому случаю отправлены были въ Москву депутаты „съ благодарственными челобитными". Въ число депутатовъ выбранъ былъ и Семенъ Лизогубъ. Узнавъ объ этомъ и боясь, что Лизогубъ станетъ въ Москвѣ жаловаться, вдова Скоропадскаго по-

спѣшила послать къ нему племянника Марковича съ предложеніемъ мировой; при этомъ она предлагала Лизогубу только третью часть недвижимыхъ имѣній умершаго гетмана, да и то не прежде своей смерти. Лизогубъ требовалъ половину маетностей и 10 т. червонцевъ [1]). Дѣло не сладилось. Лизогубъ обратился было къ новоизбранному гетману Апостолу за помощью въ раздѣлѣ тестевскаго имѣнія, надѣясь, что по своей враждѣ къ Марковичамъ, гетманъ охотно возмется за это дѣло; но трудно было спорить съ ловкой Настасьей Марковной, которая, сама поѣхавъ въ Москву въ 1728 г., задарила тамъ вліятельныхъ людей и всѣми мужвиными имѣніями пользовалась до своей смерти. Когда же Скоропадская умерла, Лизогубъ обратился къ дочери ея Ульянѣ Толстой и потребовалъ всѣхъ маетностей, находившихся въ черниговскомъ полку и 20 т. рублей деньгами. Но въ это дѣло опять вмѣшался Яковъ Марковичъ и помирилъ наслѣдниковъ на томъ, что Лизогубъ согласился получить черниговскія маетности и часть одежды, болѣе дорогой, а отъ денегъ отказался. Поэтому раздѣлу Лизогубъ получилъ села Буровку, Выхвостовъ, Дроздовицу, Ваганичи и разные хутора, всего около 600 дворовъ [2]). Вмѣстѣ съ отцовскимъ наслѣдствомъ у Семена образовалось богатство, мало чѣмъ уступавшее богатству его современниковъ—Андрея и Якова Полуботковъ, богаче которыхъ въ то время не было пановъ въ Малороссіи. Не долго только пришлось Лизогубу пользоваться этими богатствами; черезъ четыре года послѣ полученія тестевскихъ имѣній, онъ умеръ въ польскомъ походѣ въ 1734 г., въ Гродно, гдѣ былъ и погребенъ „въ Кляшторѣ Базиліановъ, при пушечной и дробной стрѣльбѣ, съ церемоніей“.

Семенъ Лизогубъ оставилъ четырехъ сыновей, которые казалось могли бы удовольствоваться отцовскими богатствами. Но богатствъ этихъ казалось все еще мало и козаки лизогубовскихъ маетностей сильно терпѣли отъ насилій этихъ самихъ Лизогубовъ. Два козака с. Буровки—Мужука и Лозовой жаловались въ 1742 г., что отцовъ ихъ взялъ къ себѣ въ услуженіе еще гетманъ Скоропадскій, а по смерти гетмана, и наслѣдники его стали требовать „послушанія“ отъ нихъ уже, жалобщиковъ. Когда умеръ Семенъ Лизогубъ, Мужука и Лозовой, пользуясь тѣмъ случаемъ,

---

[1]) Записки Марковича I, 234.

[2]) Т. Ж., I, 345 и 318.

что въ 1737 г., въ виду войны, русское правительство распорядилось—пополнить козацкіе полки посполитыми крестьянами,—выбились изъ лизогубовскаго подданства и стали по прежнему служить козацкую службу. Для полной безопасности отъ притязаній Семена лизогуба, получившаго на свою часть Буровку, Мужука и Лозовой выхлопотали себѣ въ Глуховѣ и указъ Румянцева о своемъ дѣйствительномъ козачествѣ. Но Семену Семеновичу Лизогубу жаль было выпускать изъ рукъ эти двѣ семьи, которыя уже были почти совсѣмъ заполонены въ крестьянство, а теперь ускользали изъ „подданства". Лизогубъ поспѣшилъ захватить все имущество Мужуки и Лозоваго въ свои руки, а матерей ихъ „посадя въ колодки, мучилъ съ пристрастіемъ". Мужука и Лозовой поѣхали жаловаться въ сенатъ, по распоряженіи котораго произведено было слѣдствіе „о козачествѣ" жалобщиковъ. Изъ Глухова слѣдствіе поручили произвести капитану Аристову и черниговскому судьѣ Тимофею Сенютѣ, но послѣдніе „дружа и норовя Лизогубу, дозволили ему забрать, писали Мужука и Лозовой, и достальное наше имѣніе, а крѣности на купленныя земли и реестры что онъ Лизогубъ у насъ позабиралъ—пожитковъ лошадей, скота и грунтовъ,—взяли къ себѣ слѣдователи и по означенному нашему челобитью никакой резолюціи не учинили и крѣпость не возвратили. А прошлого 1741 г. октября 15, онъ же, Лизогубъ, по согласію показаннаго судьи Сенюты, продолжаетъ одинъ изъ жалобщиковъ, меня Мойсея Лозоваго, взялъ изъ козачьяго нашего двора къ себѣ насильно, въ домъ свой, привлекая въ подданство и понынѣ держитъ у себя въ домѣ, скованнаго въ кандалахъ и въ работѣ мучитъ, требуя, чтобъ я на все свое имѣніе и грунты далъ ему Лизогубу крѣпость".

Въ заключеніе приводимъ родословный списокъ Лизогубовъ, хотя вѣроятно во многомъ не полный, но тѣмъ не менѣе достаточно уясняющій фамильныя отношенія этого стариннаго малороссійскаго рода къ таковымъ же другимъ.

---

1. *Кондратъ Ивановичъ Лизогубъ*, козакъ м. Глемязова.
2. *Иванъ*, полковникъ Уманскій 1661. 1
3. *Яковъ*, полковникъ Каневскій 1662—74; эсаулъ генер. Дорошенка 1674; полковникъ Черниговскій 1687—1698. . 1
4. *Пелагея*. М. *Иванъ Гладкій*, сотникъ Лепляевскій 1673 . 2

5. *Ефимъ*, хорунжій генер. 1688—98; полковникъ черниговскій 1698—1705. Ж. *Любовь Петровна Дорошенко* . . 3
6. *Марья*. М. *Степанъ Бутовичъ*, эсаулъ генеральный. . 3
7. *Домникія*. М. *Андрей Федоровичъ Кандиба*, судья генеральн. 3
8. *Дочь*. М. *Степанъ Томара*, полковникъ переяславскій. . 3
9. *Андрей*, сотникъ конотопскій 1715—19; бунчуковый товар. 1737. Ж. *Прасковья Михайловна Миклашевская* . . 5
10 *Яковъ*, бунчучный генер. 1717—29; обозный генер. 1729—49; † 24 января 1749. Ж. *Федора Ивановна Мировичъ* . 5
11. *Семенъ*, бунчук. товарищъ 1715—34. Ж. *Ирина Ивановна Скоропадская* 5
12. *Антонъ*, бунчук. товарищъ † 1725 9
13. *Евдокія*. М. 1, *Якимъ Кулябка*, бунчук. товар. 1725; 2, *Григорій Стороженко*, сотникъ иченскій 9
14. *Марья*. М. *Петръ Валькевичъ*, эсаулъ генер. . . . 9
15. *Елена*. М. 1, *Иванъ Пиковецъ*, сотникъ лукомскій 1750; 2, *Славуй Требинскій*, сербъ 9
16. *Татьяна*. М. 1, *Тимофей Лукьяновичъ Журавка;* 2, *Балтазаръ Ланкау*, капитанъ; 3, *Василій Ивановичъ Войниковъ*, майоръ 1748 9
17. *Иванъ*. Ж. *Анна Михайловна Корсакъ* 10
18. *Григорій*, бунчук. товар. 1751 10
19. *Илья*, бунчук. товар. 1744 полковникъ. Ж. 1, *Татьяна Ивановна Рачинская;* 2, *Катерина Яковлевна Якубовичъ*. Жилъ въ жениномъ с. Липовомъ, роменск. у. Имѣнія: Липовое—71, Ясеновка—26, Березовка—26, Олава—10, х. Боровицкій—6, Коренецкая—6, Кр. Колядинъ—2, Пѣсковъ—112, Скугары—17, Велички—20, Рудня Гуковская—112, Мысы—23, Козлы—12, Седневъ—15 и проч. Всего 561 кр. м. и ж. 10
20. *Дочь*. М. *Михаилъ Сергѣевичъ Солонина*, сотникъ остерскій 1729 10
21. *Марья*. М. *Лаврентій Владиміровичъ Бороздна*, бунчук. товар. 1720—54. 10
22. *Елена*. М. *Иванъ Демьяновичъ Бутовичъ*, бунч. товар. . 10
23. *Константинъ*, бунчук. товар. 1746—72. Ж. *Агафья Ивановна Новицкая*. Имѣнія: Полуботки, Пѣвцы, Ивашковка, Дроздовица, Ст. Гута и д. Александровская . . 11
24. *Василій*. Имѣнія: Слабинъ, Шестовица, Друцкіе, Яновка, Ладинка, Золотинка, Козороги, Гнилуша, Жеведъ, Ан-

дреевка, Велички, Тарасовичевскіе и Процковскіе, Гута, Антоновичи, Шибириновка 11

25. *Семенъ*, бунчук. товар. Ж. *Анна Антоновна Танская.* Имѣнія: Буровка, Выхвостовъ, Невкля, Ловинь. . . 11

26. *Иванъ*, бунчук. товар. Имѣнія: Семаки, Пересажъ, Петрики, Высокинь, Осерѣйки, Зубахи, Каменское . . 11

27. *Яковъ*, бунчук. товарищъ 17

28. *Иванъ*, р. 1762, коллежскій ассесоръ 1805. Ж. *Анна Васильевна Дунина-Борковская.* Имѣнія: Седневъ, Куликовка, Займище, Невкля, Бурковка (Сосницк. у.) Дуниновка (Золотон. у.) 27

Ал. Лазаревскій.

Дневникъ Станислава Освѣцима

(въ извлеченіи)

1643—1651 г.

Въ рукописномъ отдѣленіи института имени Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 224 хранится рукопись, заключающая въ себѣ, въ числѣ другихъ историческихъ матеріаловъ, дневникъ, составленный въ половинѣ XVII столѣтія польскимъ дворяниномъ, Станиславомъ Освѣцимомъ; дневникъ этотъ по количеству, обстоятельности и подробности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній можетъ быть причисленъ къ важнѣйшимъ источникамъ для исторіи козацко польскихъ столкновеній, случившихся въ половинѣ XVII столѣтія. Польскіе историческіе писатели, составлявшіе монографіи объ этомъ событіи (Шайноха, Кубаля и др.), пользовались извѣстіями Освѣцима, заимствуя изъ его дневника многіе факты и характеристики, но самый текстъ рукописи понынѣ не былъ изданъ. Желая восполнить этотъ пробѣлъ въ исторіографіи южно-русскаго края, мы предлагаемъ въ возможно точномъ переводѣ всѣ тѣ отрывки изъ записокъ Освѣцима, которые относятся къ исторіи юго-западной Руси, оставляя въ сторонѣ всѣ извѣстія дневника, относящіеся къ дѣламъ исключительно польскимъ, къ событіямъ, происходившимъ въ западной Европѣ и къ личнымъ и семейнымъ отношеніямъ автора. Не будемъ обременять изданія слишкомъ объемистымъ матеріаломъ, не имѣющимъ непосредственной связи съ исторіею южно-русскаго края. Для характеристики предлагаемаго матеріала мы считаемъ необходимымъ сказать предварительно нѣсколько словъ о біографіи автора записокъ, на основаніи данныхъ, находящихся въ самомъ же дневникѣ, а также предпослать краткое описаніе рукописи, изъ которой извлечены предлагаемые отрывки.

Составитель дневника, Станиславъ Освѣцимъ, происходилъ изъ зажиточнаго дворянскаго семейства, владѣвшаго нѣсколькими помѣстьями въ краковскомъ воеводствѣ и въ Червоной Руси. Въ ранней молодости онъ поступилъ въ военную службу, участвовалъ въ нѣсколькихъ военныхъ походахъ, затѣмъ вышелъ въ отставку и проводилъ время то въ путешествіяхъ за границу, въ теченіи которыхъ онъ посѣтилъ въ нѣсколько пріемовъ: Турцію, Германію, Голландію, Францію и Италію, то на службѣ при дворѣ короля, Владислава IV. Онъ исполнялъ самыя многоразличныя функціи, по преимуществу же, пользуясь репутаціею опытнаго и ученаго педагога, онъ занималъ должность воспитателя молодыхъ магнатовъ (Конецпольскихъ); обязанность эту онъ исполнялъ вѣроятно съ большимъ успѣхомъ, судя потому, что король Владиславъ IV назначилъ его въ 1646 году будущимъ воспитателемъ своего сына; но судьба не дозволила Освѣциму занять эту должность, такъ какъ будущій его питомецъ скончался, не достигнувъ возраста, въ которомъ онъ долженъ былъ поступить подъ руководство педагога. Находясь на службѣ при дворахъ магнатовъ: Конецпольскихъ и Любомирскихъ, Освѣцимъ не ограничивался исключительно педагогическими занятіями; по временамъ онъ исполнялъ должности секретаря, начальника двора и просто придворнаго, приглашаемаго для сопровожденія мецената въ путешествіи и для его „компаніи".—Изъ числа лицъ, у которыхъ принималъ службу Освѣцимъ, онъ особенно былъ близокъ съ великимъ гетманомъ короннымъ, Станиславомъ Конецпольскимъ, котораго дружбою, уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ онъ постоянно пользовался, и при которомъ онъ долго занималъ должности начальника его двора и интимнаго секретаря. Гетманъ Конецпольскій проживалъ постоянно, въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ своей жизни, на границахъ Украины, отражая набѣги татаръ и наблюдая надъ поведеніемъ козаковъ, частыя возстанія которыхъ заставляли польское правительство и въ особенности гетмановъ зорко слѣдить за ними. Въ резиденціяхъ Конецпольскаго, въ Бродахъ и въ Барѣ, проживалъ съ нимъ вмѣстѣ и Освѣцимъ. Онъ составлялъ вмѣстѣ съ Конецпольскимъ проекты по дѣламъ внѣшней и внутренней политики для представленія королю; сопровождалъ его въ поѣздкахъ, предпринимаемыхъ по служебнымъ и частнымъ дѣламъ, и велъ его обширную корреспонденцію.—Служебныя занятія Освѣцима не мѣшали ему принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ въ качествѣ дворянина:

онъ посѣщалъ сеймы и сеймики и отправлялся въ военные походы вмѣстѣ съ дворянами своего воеводства въ тѣхъ случаяхъ, когда призывалось на войну поголовное шляхетское ополченіе.

Среди своей многосторонней дѣятельности, Освѣцимъ почти ежедневно заносилъ въ свой дневникъ всѣ сколько нибудь выдававшіеся факты общественной жизни, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ или участникомъ или которые доходили до его свѣдѣнія путемъ обширной переписки, веденной какъ лично имъ, такъ и тѣми лицами, при которыхъ онъ исполнялъ обязанности секретаря; уцѣлѣвшая, къ несчастью далеко не въ полномъ видѣ, часть этаго дневника сохранилась въ рукописи, изъ которой мы извлекаемъ предлагаемые отрывки.

Фоліантъ, въ составъ котораго вошла рукопись Освѣцима, представляетъ большой томъ въ 1251 нумерованныхъ страницъ, но первыхъ 180 страницъ въ немъ недостаетъ. Рукопись эта представляетъ сборникъ отрывковъ, соединенныхъ въ одну книгу неизвѣстнымъ лицемъ, повидимому въ концѣ XVII столѣтія; въ составъ его вошли записки и замѣтки нѣсколькихъ лицъ, писанныя разными почерками XVII столѣтія частью на польскомъ, частью на латинскомъ языкахъ. Въ началѣ сборника однимъ почеркомъ записаны два дневника о дѣйствіяхъ двухъ польскихъ посланниковъ, отправлявшихся въ Турцію: Красинскаго въ 1636 году (стр. 181—208) и Мясковскаго въ 1640 г. (стр. 281—378); чистые листы, остававшіеся между обоими дневниками, частью (стр. 209—253) были исписаны въ концѣ XVII столѣтія (1691—1696) другимъ, позднѣйшимъ почеркомъ; неизвѣстный собственникъ фоліанта наполнилъ эти страницы всевозможными летучими замѣтками, сеймовыми и надгробными рѣчами, стихами и т. п., остальныя страницы (254—282) остались чистыми.

Только съ 383 страницы начинается дневникъ Освѣцима, который и продолжается до конца рукописи. Дневникъ этотъ писанъ двумя различными почерками, отличными отъ почерковъ первой половины рукописи и чередующимися между собою соотвѣтственно самому содержанію рукописи: однимъ почеркомъ, принадлежащимъ, по всему вѣроятію, самому Освѣциму, записаны на польскомъ языкѣ всѣ извѣстія, относящіяся какъ къ его частной жизни, такъ и къ событіямъ общественнымъ и политическимъ, происходившимъ въ предѣлахъ речи посполитой; другимъ почеркомъ внесены на латинскомъ языкѣ многочисленныя извѣстія, почерпнутыя изъ корреспонденцій о событіяхъ, происходившихъ

за границами польскаго государства, а также подлинные акты и письма, которые составитель счелъ нужнымъ переписать для своихъ записокъ въ качествѣ оправдательныхъ документовъ; этотъ второй почеркъ принадлежитъ вѣроятно писцу, которому Освѣцимъ поручалъ списывать копіи съ рукописей, бывшихъ въ его распоряженіи.

Къ несчастью, дневникъ Освѣцима раньше, чѣмъ поступилъ во владѣніе лица ,сохранившаго его въ составленномъ имъ сборникѣ, подвергся значительнымъ изъянамъ и многія части его были утеряны прежними владѣльцами: въ немъ недостаетъ ни начала, ни конца, въ серединѣ также утеряны значительные отдѣлы. Въ дневникѣ уцѣлѣли только слѣдующіе годы: 1643, 1644, 1645. 1646, 1647, часть 1650 (январь, февраль и мартъ) и весь 1651; этотъ небольшой промежутокъ времени занялъ 868 страницъ in folio, записанныхъ сжатымъ почеркомъ.

Извлекая изъ дневника Освѣцима только тѣ извѣстія, которыя относятся къ южной Руси, мы сохранимъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они расположены въ самой рукописи, причемъ, только въ видѣ краткаго перечня, укажемъ содержаніе опускаемыхъ нами отрывковъ текста.

В. А.

1643 г.

Въ началѣ помѣщены многочисленныя извѣстія, полученныя отъ корреспондентовъ гетмана Конецпольскаго, у котораго Освѣцимъ находился въ то время на службѣ; замѣтки о личныхъ дѣлахъ автора, и копіи рапортовъ, полученныхъ гетманомъ отъ его подчиненныхъ; въ числѣ послѣднихъ, списана копія изъ слѣдующаго письма [1]).

Копія письма отъ его милости пана Николая Зацвилиховскаго, коммисара войска его королевской милости запорожскаго къ его милости, пану кастелляну краковскому, писаннаго изъ Трехтымирова 16 августа 1643 года [2]).

Сегодня я возвратился въ Трехтымировъ отъ князя его милости [3]), куда я ѣздилъ, какъ о томъ я уже доносилъ вашей милости, по причинѣ вторженія орды въ наши границы; появившись неожиданно, орда произвела большія опустошенія какъ въ имѣніяхъ князя, такъ и въ помѣстьяхъ вашей милости, въ области между Хороломъ и Сулою. Не сомнѣваюсь, что объ убыткахъ, причиненныхъ вашей милости, панъ Гульчевскій не замедлитъ представить отчетъ. Орда появилась въ числѣ 4000 человѣкъ, подъ предводительствомъ Умерли-аги и двухъ его сыновей. Князь его милость, какъ я докладывалъ уже въ предыдущемъ письмѣ, имѣлъ уже свой отрядъ на готовѣ; онъ присоединилъ къ нему слугъ и

---

[1]) Стр. рукописи 422—423.

[2]) Николай Зацвилиховскій носитъ титулъ „коммисара войска запорожскаго"; должность эту учредилъ Конецпольскій послѣ усмиренія имъ козацкаго возстанія, вспыхнувшаго въ 1638 году подъ предводительствомъ Остряницы. Коммисаръ, назначаемый гетманомъ изъ польской шляхты, долженъ былъ управлять козаками вмѣсто выборнаго козацкаго гетмана (или „старшаго", какъ его именовало польское правительство). Первымъ коммисаромъ назначенъ былъ Петръ Комаровскій, котораго смѣнилъ Зацвилиховскій. Письмо адрессовано Конецпольскому, соединявшему, по установившемуся обычаю, должности: великаго короннаго гетмана и костелляна краковскаго.

[3]) Это извѣстный впослѣдствіи князь Еремія Михайловичъ Вишневецкій, жившій въ то время въ Лохвицѣ.

людей вашей милости и регестровыхъ козаковъ переяславскаго полка и успѣшно съ ними подвизался между Ревцемъ (sic) и Псломъ, за Сулою. Татаре, узнавъ, что противъ нихъ двигается войско, хотя оно находилось еще въ двухъ миляхъ отъ нихъ, отправили впередъ свой кошъ съ ясыромъ и добычею и оставили позади „заставу" въ 700 лошадей подъ начальствомъ Байранъ-Кази, старшаго сына Умерли-аги. Этотъ Байранъ-Кази по приказанію своего отца управлялъ всѣмъ войскомъ, потому что отецъ, хотя и находился при отрядѣ, но былъ уже очень старъ и слѣпъ. Князь его милость быстро стянулъ часть своего войска и разгромилъ татарскую заставу. Байранъ-Кази, раненный выстрѣломъ, попалъ въ плѣнъ и много отборныхъ татарскихъ воиновъ легло въ этомъ сраженіи; затѣмъ пошли въ погоню за уходившимъ кошемъ и гнались за нимъ на разстояніи двухъ миль. Татаре, убѣгая, обезглавили многихъ плѣнниковъ, остальныхъ-же принуждены были бросить; нѣсколько десятковъ татаръ захвачены въ плѣнъ. Четыре дня спустя послѣ этого погрома Байранъ-Кази умеръ въ Лохвицѣ отъ раны. Отправляясь послѣ сраженія въ обратный путь, князь оставилъ отрядъ въ 200 человѣкъ для погребенія погибшихъ въ бою и для захвата въ плѣнъ отстававшихъ отъ коша татаръ; они привели съ собою трехъ плѣнниковъ, со словъ которыхъ явствуетъ, что въ погоню за остатками бѣжавшей орды отправился изъ-за московскаго рубежа отрядъ въ 3,000 человѣкъ, который принялся разъискивать бѣглецовъ въ лѣсахъ и болотахъ. Словомъ, по благословенію Господа, враги не только не успѣли угнать плѣнныхъ и увезти добычи, но и сами едва-ли возвратятся домой изъ похода. Врага этого разгромили счастливо съ Божьею помощью августа 6-го дня.

Въ рукописи слѣдуетъ извѣстіе объ отправкѣ въ Турцію посланника Бѣгановскаго и списаны копіи данныхъ ему грамотъ и инструкцій. Затѣмъ Освѣцимъ помѣстилъ дневникъ своего путешествія съ гетманомъ Конецпольскимъ изъ Бара въ Гадячь и обратно. Дневникъ этотъ [1]) выписываемъ цѣликомъ, какъ богатый матеріалъ для исторической топографіи края, не лишенный по временамъ и цѣнныхъ историческихъ извѣстій, пропуская лишь многочисленныя извѣстія объ иностранныхъ событіяхъ, которыя Освѣцимъ вписывалъ изъ получаемыхъ корреспонденцій, во время остановокъ, случавшихся на пути.

Сентября 21. Вслѣдствіе рѣшенія его милости пана краковскаго, желавшаго посѣтить и обревизовать свои украинныя по-

---

[1]) Стр. рукописи 433—460.

мѣстья, мы выѣхали изъ Бара. Ночевали въ трехъ миляхъ, въ мѣстечкѣ Межировѣ, принадлежащемъ къ барскому староству.

22. Проѣхавъ 4 мили, мы ночевали въ мѣстечкѣ Красномъ, принадлежащемъ его милости пану старостѣ калусскому.

23. Проѣхавъ 2 мили, отдыхали въ селѣ Торкахъ. Въ двухъ миляхъ оттуда ночевали въ мѣстечкѣ Тульчинѣ.

24. Ночевали въ Александровѣ, мѣстечкѣ, принадлежащемъ его милости (Конецпольскому).

25. Выѣхавъ изъ Александрова, мы, въ $1^1/_2$ мили остановились отдыхать, въ мѣстечкѣ его милости (Конецпольскаго)—Новогродѣ. Здѣсь получено было извѣстіе отъ лазутчика нашего, Стефка, о томъ, что буджацкая орда стоитъ въ степи, готовясь выступить въ походъ. Получивъ это донесеніе, его милость отправилъ немедленно гонца къ е. м. пану старостѣ винницкому съ распоряженіемъ, чтобы онъ придвинулся къ нему съ тѣмъ войскомъ, которое находилось въ лагерѣ у села Плоскаго. Самъ его милость панъ гетманъ выѣхалъ утромъ слѣдующаго дня изъ Новгорода; проѣхавъ добрую милю, онъ отдохнулъ въ своемъ мѣстечкѣ Жабокричѣ, и, пообѣдавъ въ немъ, отправился въ дальнѣйшій путь; проѣхавъ, не останавливаясь въ своей слободѣ на урочищѣ Крикливомъ, онъ прибылъ къ ночи въ свое мѣстечко Марковку, отстоящее въ 2 миляхъ отъ Жабокрикъ и въ одно отъ Крикливаго.

27. Двинувшись изъ Марковки послѣ ранняго обѣда, мы расположились лагеремъ въ разстояніи большой мили отъ нея, у мѣстечка и слободы Вербки, принадлежащихъ его милости; сюда собрались по приказанію гетмана въ количествѣ болѣе 1000 всадниковъ тѣ люди, которые поселены въ украинныхъ городахъ, принадлежащихъ его милости, для охраны ихъ отъ татарскихъ набѣговъ; того же числа поздно вечеромъ прибылъ къ намъ и его милость панъ староста винницкій съ своею конницею, оставивъ обозъ въ лагерѣ у Плоскаго.

30. Лазутчики, которыхъ гетманъ отправилъ было въ разныя стороны для собранія точныхъ свѣдѣній, возвратились съ вѣстью, что враги, освѣдомившись о нашей дѣятельности и готовности дать отпоръ, отказались отъ своего намѣренія произвести набѣгъ на королевскія владѣнія. Потому его милость отдалъ приказаніе войску возвратиться въ лагерь у Плоскаго, самъ же отправился въ предпринятую поѣздку; онъ остановился ночевать въ мили отъ лагеря, въ своемъ мѣстечкѣ, Чечельникѣ.

Октября 1. Выѣхавъ рано изъ Чечельника, мы проѣхали 3 мили и ночевали въ Новогродѣ, гдѣ и прожили затѣмъ нѣсколько дней.

5. Мы отправились изъ Новогрода въ дальнѣйшій путь въ Украину, по дорогѣ проѣзжали слѣдующія мѣстечка: въ разстояніи одной мили Тростянецъ, въ одной мили дальше—Четвертиновка, въ одной мили отъ нея—Ладыжинъ, гдѣ мы и ночевали. Мѣстечко это многолюдно, расположено надъ рѣкою Бугомъ.

6. Въ одной мили отъ Ладыжина—Бубновка; проѣхавъ отъ нея полъ мили, мы обѣдали въ Айсынѣ у его милости пана старосты винницкаго, у котораго мы прогостили весь слѣдующій день.

8. Въ полъ мили отъ Айсына мѣстечко Кислякъ, полъ мили дальше Гинча, въ одной мили оттуда—Рахны—затѣмъ въ одной мили Грудокъ.

9. Въ трехъ миляхъ дальше—Оратовка, затѣмъ въ одной мили Животовъ, гдѣ мы остановились для отдыха и ночлега.

10. Въ одной мили—село Войтовцы, три мили дальше мѣстечко Тетіевъ, гдѣ мы отдыхали и ночевали.

11. Въ трехъ миляхъ отъ Тетіева мѣстечко Ставище, тамъ устроенъ былъ отдыхъ и ночлегъ.

12. Въ двухъ миляхъ отъ Ставищъ урочище Колодежа, называемое иначе Налевайкова Крыница; въ двухъ миляхъ отсюда мѣстечко Косовата—здѣсь мы остановились на отдыхъ и ночлегъ.

13. Въ четырехъ миляхъ отъ ночлега—мѣстечко Стеблевъ на рѣкѣ Роси, оно принадлежитъ къ корсунскому староству; мы остановились для отдыха и ночлега.

14. Отправившись послѣ обѣда изъ Стеблева, мы, проѣхавъ одну милю, достигли къ ночи города Корсуня, староства, принадлежащаго его милости пану хорунжему коронному; здѣсь мы прожили нѣсколько дней. Во время этой остановки запорожскіе козаки чигиринскаго полка принесли жалобу его милости пану гетману на своего полковника [1]), пана Закржовскаго, о томъ, что они терпятъ отъ него большія обиды и притѣсненія, которыми нарушаются права ихъ рыцарскаго сословія. Когда дѣло это разъяснилось передъ судомъ гетмана и передъ всѣми нами, полковникъ былъ отставленъ отъ должности, но не подвергся болѣе

---

[1]) По распоряженію Конецпольскаго съ 1638 года всѣ козацкіе полки состояли подъ управленіемъ полковниковъ не выборныхъ, а назначаемыхъ гетманомъ изъ числа польскихъ шляхтичей.

тяжелому наказанію изъ вниманія къ великимъ заслугамъ, которыми онъ раньше отличился. На его мѣсто его милость назначилъ чигиринскимъ полковникомъ пана Кречовскаго.

18. Пріѣхалъ посолъ отъ силистрійскаго паши по нѣкоторымъ дѣламъ къ его милости; на слѣдующій день ему назначена была аудіенція и онъ былъ отправленъ; того-же числа и мы выѣхали изъ Корсуня; проѣхавъ двѣ мили, ночевали въ Осетровѣ, называемомъ иначе Сахновкою; поселеніе это расположено на берегу Роси у Сахнова моста.

20. Въ одной мили отъ ночлега мы отдыхали въ мѣстечкѣ Березковцахъ, называемомъ также Вольскаго Воля, лежащемъ на рѣкѣ Роси; корсунскій полковникъ, панъ Забокрицкій, котораго резиденція здѣсь находится, угощалъ насъ весьма радушно. Мы ночевали въ двухъ миляхъ дальше, въ мѣстечкѣ Мліевѣ, гдѣ мы провели и весь слѣдующій день.

22. Мы проѣхали мѣстечко Орловецъ, лежащее въ двухъ миляхъ отъ ночлега, затѣмъ, проѣхавъ еще двѣ мили, мы отдыхали въ мѣстечкѣ, называемомъ Баклый. Послѣ обѣда мы проѣзжали лежащее въ двухъ миляхъ отъ Баклыя, на рѣкѣ Серебрянкѣ, мѣстечко-слободу Константиновъ и въ одной мили отъ него мы остановились на ночлегъ въ мѣстечкѣ Тасьминѣ, которое недавно основалъ на рѣкѣ того-же имени, въ качествѣ слободы, его милость (Конецпольскій); здѣсь устроенъ громадныхъ размѣровъ прудъ, разливающійся на пространствѣ двухъ миль.

23. Проѣхавъ три большія мили по татарскому шляху среди дикой и пустынной мѣстности, мы достигли мѣстечка Жаботына, расположеннаго на рѣчкѣ Жаботинкѣ; здѣсь остановились для отдыха и ночлега.

24. Проѣхавъ двѣ большія мили, мы ночевали въ мѣстечкѣ Медвѣдовкѣ, послѣдней слободѣ, принадлежащей его милости въ этой области.

27. Въ полу мили отъ ночлега мы проѣзжали длинные мосты, построенные на болотахъ, которыя на весьма большомъ пространствѣ простираются здѣсь рядомъ съ русломъ рѣки Тасьмина; пробѣжавъ въ этотъ день пять миль, мы ночевали въ мѣстечкѣ Черкасахъ, расположонномъ на берегу Днѣпра. Здѣсь живетъ козацкій черкасскій полковникъ.

28. Переправившись послѣ обѣда черезъ Днѣпръ и проѣхавъ три мили, мы ночевали въ мѣстечкѣ, называемомъ Арклый, при-

надлежащемъ къ черкасскому старостству; здѣсь ночью выпалъ первый снѣгъ весьма обильный.

29. Въ пяти миляхъ оттуда мы ночевали въ мѣстечкѣ Горошинѣ, лежащемъ на берегу рѣки Сулы, владѣніи его милости князя Ереміи Вишневецкаго. Его милость панъ гетманъ, по причинѣ глубокаго снѣга и холоднаго вѣтра, остановился на ночлегъ въ трехъ миляхъ отъ Арклыя въ мѣстечкѣ князя Вишневецкаго —Боромлѣ.

30. Проѣхавъ большихъ шесть миль по дикимъ полямъ, мы ночевали въ городѣ Хоролѣ, владѣніи князя Вишневецкаго, расположенномъ на рѣкѣ Хоролѣ.

31. Проѣхавъ четыре большія мили, мы поспѣли къ обѣду въ городъ Миргородъ, лежащій на рѣкѣ Хоролѣ и состоящій въ державѣ [1]) его милости (Конецпольскаго). Здѣсь мы прожили 12 дней.

Ноября 13. Выѣхавъ послѣ обѣда изъ Миргорода, мы ночевали въ четырехъ миляхъ отъ него въ мѣстечкѣ Рашавкѣ, на рѣкѣ Пслѣ, владѣніи его милости (Конецпольскаго).

14. Въ двухъ миляхъ дальше мы ночевали въ Гадячѣ, состоящемъ въ державѣ и подъ управленіемъ его милости. Здѣсь мы провели и слѣдующій день.

16. Проѣхавъ двѣ мили, мы миновали село Березовую Луку на рѣкѣ Хоролѣ, и въ двухъ миляхъ отъ него остановились для отдыха и ночлега въ мѣстечкѣ Бискахъ.

17. Проѣхавъ двѣ мили, мы пріѣхали къ обѣду въ городъ Лохвицу, расположенный между рѣками Лохвицею и Сулою, въ которомъ въ то время находилась резиденція его милости князя Вишневецкаго; онъ выѣхалъ на встрѣчу пану гетману и пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ. Мы прогостили у него слѣдующій день.

19. Въ трехъ миляхъ отъ Лохвицы, мы ночевали въ мѣстечкѣ Чернухахъ, въ домѣ пана Мясковскаго.

20. Ночевали въ четырехъ миляхъ отъ Чернухъ въ мѣстечкѣ Пирятинѣ.

21. Въ полумили отъ Пирятина мы переправились черезъ рѣку Оржицу и, проѣхавъ еще 2½ мили, ночевали въ мѣстечкѣ Чумхакѣ, принадлежащемъ его милости (Конецпольскому).

---

[1]) „Державою“ называлось государственное имѣніе, отданное частному лицу въ пожизненное владѣніе, съ обязанностью уплачивать въ казну отъ ¼ до ⅓ дохода.

22. Въ двухъ миляхъ отъ Чумхака мы отдыхали въ селѣ Ташани и затѣмъ проѣхавъ еще 4 мили, мы прибыли въ городъ Переяславль, староство его милости, гдѣ прожили болѣе недѣли по причинѣ дѣлъ его милости.

Декабря 3. Послѣ того какъ его милость покончилъ дѣла, ради которыхъ пріѣхалъ въ Переяславль, мы двинулись въ дальнѣйшій путь и, проѣхавъ одну милю ночевали въ Трехтымировѣ. Нѣкогда здѣсь было мѣстечко, но оно разрушено нашими войсками во время войны съ своевольными козаками, возстававшими многократно противъ рѣчи посполитой, такъ какъ во время бунтовъ Трехтымировъ составлялъ центръ для ихъ сборищъ. Теперь здѣсь осталось лишь небольшое сельце, расположенное вдоль самаго берега Днѣпра и крѣпостца, обнесенная полисадами, въ которой живетъ коммисаръ рѣчи посполитой, назначенный, послѣ усмиренія козацкаго своеволія, начальникомъ реестровыхъ козаковъ, оставшихся въ послушаніи рѣчи посполитой; обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы сдерживать реестровыхъ козаковъ военною дисциплиною, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зорко слѣдить за тѣми, которые покушались бы вчинать какія либо своеволія и бунты. Здѣсь мы провели слѣдующій день.

5. Проѣхавъ пять большихъ миль по великой степи, мы ночевали въ мѣстечкѣ Каралыкѣ, расположенномъ на рѣкѣ того же имени.

6. Въ трехъ миляхъ отъ Каралыка мы отдыхали въ мѣстечкѣ Ольшанкѣ и ночевали въ одной мили дальше въ Рокитной.

7. Изъ Рокитной четыре мили до города и староства, Бѣлой Церкви, гдѣ мы ночевали. Такъ какъ здѣсь тогда квартировала хоругвь его милости пана краковскаго [1]), то всѣ товарищи съ челядью выѣхали на встрѣчу его милости. Мы провели здѣсь слѣдующій день.

---

[1]) Панъ краковскій есть тотъ же Конецпольскій, соединявшій должности: гетмана и кастеляна краковскаго; по установившемуся обыкновенію, въ титулѣ слово „кастелянъ“ обыкновенно опускалось въ неоффиціяльной рѣчи. Хоругвью назывался отрядъ конницы, состоявшій изъ 20—25 „товарищей“, т. е. дворянъ, записавшихся на службу и получавшихъ жалованіе, въ счетъ котораго товарищи обязаны были содержать каждый 3 солдата, не дворянъ, такъ называемыхъ „шереговыхъ“ или „челядь“, которые входили вмѣстѣ съ товарищами въ строй хоругви. Если хоругвь получала жалованье не отъ правительства, а отъ частнаго лица, то носила имя этого лица, какъ и въ данномъ случаѣ.

9. Мы проѣхали три мили въ мѣстечко Ружинъ и затѣмъ еще двѣ мили въ Билиловку.

10. Въ трехъ миляхъ отъ Билиловки мы проѣзжали мѣстечка Губинъ и Збаражъ, расположенныя на двухъ противуположныхъ берегахъ одного пруда; затѣмъ, проѣхавъ еще три мили, мы ночевали въ городѣ Прилукѣ.

11. Въ трехъ миляхъ отъ Прилуки мы отдыхали въ городѣ и староствѣ Винницѣ.

12. Проѣхавъ три мили, встрѣтили мѣстечко Браиловъ, а затѣмъ еще въ одной мили—мѣстечко Межировъ, въ которомъ ночевали.

13. Отсюда, проѣхавъ три мили, мы къ обѣду достигли Бара; въ путешествіи этомъ мы провели цѣлыхъ 12 недѣль.

1644 г.

Начало года занято подробнымъ описаніемъ похода Конецпольскаго противъ Татаръ и отчетомъ о сраженіи съ ними у Охматова.—Эту часть дневника выписываемъ цѣликомъ [1]).

Января 17. Его милость панъ краковскій давно уже получалъ многочисленныя предостереженія и достовѣрныя извѣстія какъ отъ господаря волошскаго, такъ и отъ своихъ лазутчиковъ о томъ, что татарскій ханъ готовится ворваться изъ Крыма въ государство короля его милости; потому онъ разослалъ приказанія хоругвямъ, квартировавшимъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, чтобы они передвинулись въ Украину на указанныя мѣста. Самъ гетманъ двинулся изъ Бара въ сопровожденіи своего двора и тѣхъ ихъ милостей, которыхъ полученныя извѣстія заставили вооружиться на услугу рѣчи посполитой. Ночевалъ гетманъ въ Межировѣ.

18. Мы ночевали въ Винницѣ, куда пріѣхалъ панъ Кутновскій, драгоманъ и интимный секретарь господаря волошскаго; онъ въ 24 часа совершилъ путь изъ Яссъ, чтобы сообщить вновь предостереженіе о томъ, что враги совершенно готовы къ походу.

19. Мы ночевали въ Комаровѣ у паніи Кропивницкой, жены брацлавскаго подсудка.

20. Проѣхавъ четыре большія, украинскія мили, мы ноче-

---

[1]) Стр. рукописи 485—523.

вали въ мѣстечкѣ Илинцахъ у князя Корецкаго, гдѣ насъ очень радушно принималъ его слуга, панъ Стоковскій.

21. Также радушно угощалъ насъ въ Кальникѣ (въ 2 миляхъ отъ Илинецъ) панъ Сосинскій. Здѣсь мы промедлили два дня, ожидая болѣе точныхъ извѣстій.

23. Въ двухъ миляхъ отъ Кальника мы прошли мѣстечко Балабановку и въ одной мили отъ него остановились въ мѣстечкѣ Княжа Крыница, принадлежащемъ князю Федору Четвертинскому. Не успѣли мы еще расположиться, какъ получено было извѣстіе (впрочемъ не достовѣрное) о приближеніи непріятеля; потому, не медля, мы двинулись впередъ и, пройдя двѣ мили, миновали мѣстечко Ваховую Греблю и полъ мили дальше мѣстечко Жубриху, лежащее на рѣкѣ Тыкичѣ; затѣмъ, пройдя еще полъ мили, мы ночевали въ мѣстечкѣ Бузовкѣ, имѣніи его милости князя Доминика (Заславскаго).

24. Въ Бузовкѣ панъ краковскій прожилъ нѣсколько дней, расположивъ вблизи все войско. Панъ Голдаковскій, одинъ изъ управляющихъ украинными помѣстьями, прислалъ въ лагерь двухъ крымскихъ татаръ. Одинъ изъ нихъ—Мегметъ-Скирту, родомъ изъ окрестностей Перекопа, уже три года тому назадъ вышелъ изъ Крыма и находился на службѣ въ Очаковѣ у Мустафы-Кіяи; другой Куляй, родомъ изъ села Мангута, оставилъ Крымъ пять лѣтъ тому назадъ и служилъ также въ Очаковѣ у Шабанъ-аги. Они показали, что они пойманы на рѣкѣ Телигулѣ, куда ходили добывать дрова. Они слышали, будто большой отрядъ крымскихъ татаръ выступилъ изъ Крыма подъ начальствомъ перекопскаго бея, который разгнѣванъ сильно тѣмъ, что у него угнали 4,000 лошадей; но они будто возвратились назадъ. Они сообщили также, что татарамъ бѣлгородскимъ и очаковскимъ запрещено подъ угрозою смертной казни выходить въ походъ и потому они вовсе и не собираются. Относительно буджацкихъ татаръ они ничего не знали: ни объ ихъ числѣ, ни о томъ, переправилась ли часть ихъ на нашу сторону (Днѣстра).

Того же дня панъ коммисаръ войска запорожскаго прислалъ въ лагерь также пойманнаго татарина—Мехомета, родомъ изъ Сулнака, котораго поймали на Ирклеѣ; четыре недѣли тому назадъ онъ поступилъ на службу къ повару султана Нуредина; по словамъ его, онъ ходилъ съ товарищемъ добывать дрова въ близи своего отряда; отрядъ Нуредина состоялъ только изъ 150 всадниковъ, все-же остальное войско отправилось въ Польшу;

онъ не знаетъ количества татаръ, вышедшихъ изъ Крыма, но утверждаетъ, что они увели съ собою всѣхъ лучшихъ лошадей и кобылицъ въ походъ, ибо получили приказъ выступать поголовно. Начальниками похода состоятъ: Тугай-мурза—бей перекопскій и Темиръ-ага, казначей султана Нуредина; калаузомъ всего войска (т. е. проводникомъ) назначенъ Гумеръ-ага, такъ какъ онъ хорошо знакомъ съ мѣстностью этой страны. Войско отправилось по приказанію хана; Перекопскій бей имѣетъ намѣреніе, въ случаѣ, если Днѣпръ покрытъ льдомъ, переправиться на сю сторону, въ противномъ же случаѣ сдѣлать набѣгъ на той сторонѣ.

26. Во вторникъ панъ краковскій получилъ извѣстіе въ Бузовкѣ о приближеніи татаръ; для предостереженія войска онъ приказалъ выстрѣлить изъ пушки; но такъ какъ извѣстіе не было вполнѣ достовѣрно, то войско въ этотъ день не тронулось изъ своихъ квартиръ; оно выступило въ походъ только ночью съ вторника на среду. Пройдя четыре мили по страшному холоду, мы на разсвѣтѣ остановились въ мѣстечкѣ Ставищахъ, ожидая болѣе точныхъ извѣстій. О полученіи таковыхъ, равно какъ и о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ будетъ сообщено ниже подробно, при описаніи сраженія съ татарами.

30. Послѣ долгаго ожиданія, наконецъ мы дождались прихода татаръ и съ Божьею помощью одержали надъ ними побѣду. Подробности ея изложены въ слѣдующей запискѣ:

Подлинная записка о побѣдѣ, одержанной кастелляномъ краковскимъ, гетманомъ великимъ короннымъ 30 января подъ Ахматовымъ и Воронным надъ войскомъ татарскимъ, бывшимъ подъ начальствомъ Тугай-бея перекопскаго и Муфтаза-аги.

Гетманъ получилъ увѣдомленіе отъ своего слуги, котораго онъ посылалъ къ хану требовать удовлетворенія за набѣгъ татарскій, совершенный на заднѣпровіи въ прошломъ году, о томъ, что ханъ имѣетъ враждебныя намѣренія противъ державы его королевской милости и что онъ собирается двинуться въ походъ лично, не выжидая обычнаго времени года и не обращая вниманія на строгій запретъ, полученный изъ Царьграда, немедленно послѣ бейрама, который приходился 8 декабря. Гетманъ отправилъ изъ лагеря къ Днѣпру часть войска подъ начальствомъ князя Вишневецкаго, поручивъ ему зорко слѣдить за движеніями непріятеля на обоихъ берегахъ Днѣпра. Другую часть войска, расположенную въ брацлавскомъ воеводствѣ, онъ поручилъ, по

причинѣ болѣзни воеводы брацлавскаго, гетмана польнаго короннаго, пану старостѣ винницкому, поручивъ ему наблюденіе надъ шляхами: Кучманомъ и Чорнымъ. Затѣмъ гетманъ довелъ до свѣдѣнія короля о предстоящей опасности и оповѣстилъ все войско приказомъ, чтобы оно было на готовѣ къ походу и чтобы товарищи не отлучались отъ своихъ хоругвей, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ публиковалъ универсалы въ гродскихъ урядахъ, предостерегая жителей объ опасности и совѣтуя имъ вести себя предъусмотрительно и осторожно; затѣмъ отправлены были письма къ тѣмъ панамъ, которые обыкновенно доставляли свои милиціи въ помощь королевскому войску, приглашая ихъ принять участіе въ предстоящей кампаніи. Когда стали приходить новыя извѣстія какъ отъ лазутчиковъ, такъ и изъ Запорожья отъ бѣглыхъ плѣнныхъ о томъ, что татарскія войска уже двинулись въ походъ, отправлено было приказаніе къ хоругвямъ расположеннымъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, чтобы они къ 27 числу декабря прибыли въ Винницу. Пока собирались отряды войска и отдыхали послѣ поспѣшнаго перехода, 13 января лазутчики принесли извѣстіе о томъ, что ни ханъ, ни султанъ (Калга) не пойдутъ лично, но что они отправили въ походъ всю крымскую силу и даже ханскій дворъ (вовсе не оставивъ въ Крыму гарнизона), подъ начальствомъ Тугай-бея перекопскаго, Мустаза-Аги и Умерли-Аги, пользовавшихся въ Крыму репутаціею самыхъ храбрыхъ и дѣльныхъ воиновъ. Они уже 3 января заняли переправу черезъ Днѣпръ у Тавани. Ханъ уклонился отъ похода потому, какъ онъ утверждалъ, что онъ не могъ притянуть къ нему ногайцевъ ни Большой орды, прикочевавшей отъ Астрахани, ни Малой; ногайцы отказались отъ похода, утверждая, что они опасаются нападенія калмыковъ на свои кочевья и, по приказанію турецкаго султана, должны оберегать Азовъ; притомъ ханъ не желалъ отправляться въ походъ, чтобы явно не дѣйствовать вопреки запрету турецкаго султана, передъ которымъ онъ отправку войска представилъ въ такомъ видѣ, будто оно послано не для войны съ Польшею, а лишь для возврата стадъ, угнанныхъ козаками; кажется впрочемъ, что самая важная причина, заставившая хана и султана (Калгу) воздержаться отъ похода, заключалась въ томъ, что они не довѣряли себѣ и не желали подвергаться риску попасть въ безславіе и немилость турецкаго султана и предпочли поручить дѣло тѣмъ лицамъ, которыхъ почитали болѣе себя мужественными и распорядительными.

Итакъ татарскіе предводители направились, какъ выше было сказано, къ переправѣ у Тавани, но не нашли здѣсь возможности перейти на другой берегъ Днѣпра, ибо средина рѣки не замерзла, а ледъ держался широкою полосою только у береговъ. Они пытались однако переплыть рѣку, но дѣло кончилось лишь тѣмъ, что они искалѣчили множество лошадей, ибо, переплывъ русло, они не могли взобраться на ледъ, окаймлявшій противуположный берегъ.

Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ гонецъ отъ чигиринскаго полковника, находившагося въ то время вмѣстѣ съ полкомъ своимъ на Запорожьи, и присланы два плѣнные татара, захваченные Забускимъ, отправленнымъ для развѣдокъ изъ Запорожья. Всѣ они согласно показывали, что орда, не успѣвши переправиться въ Тавани, пыталась также тщетно искать переправы у Каиры и на Носаковскомъ перевозѣ и, наконецъ, двинулась вверхъ по Днѣпру къ Кучкасову.

Еще раньше полученія этихъ извѣстій, панъ гетманъ двинулся изъ Бара 17 января, въ сопровожденіи пана подчашія короннаго, начальниковъ артиллеріи: Арцишевскаго и Гродзицкаго, пановъ: Сѣраковскаго, Хоинскаго и многихъ другихъ, по большей части молодежи, возвратившейся недавно изъ службы военной за границею, и охотно предложившей свое участіе въ кампаніи для услуги его королевской милости. Узнавъ отъ лазутчиковъ, что непріятель намѣренъ ворваться Чернымъ шляхомъ, гетманъ назначилъ сборный пунктъ для войска у мѣстечекъ, расположенныхъ близко другъ отъ друга: Бузовки, Жубрихи, Зеленаго Рога и Вороннаго; собравшись въ этой мѣстности 23 января, войско съ нетерпѣніемъ ожидало появленія врага.—Другая часть войска, стоявшая у Днѣпра, подъ начальствомъ князя Вишневецкаго, сосредоточилась, по приказанію гетмана, въ имѣніи того-же князя—мѣстечкѣ Мошнахъ, откуда наблюдали оба берега Днѣпра; туда прибылъ панъ кастелянъ кіевскій (Александръ Пясечинскій) съ хоругвями, квартировавшими въ черниговскомъ воеводствѣ, и стянулъ свои полки панъ коммисаръ войска запорожскаго. Получивъ извѣстіе о томъ, что орду видѣли между лѣсомъ Болтысомъ и Лебединомъ, и полагая, что татаре пойдутъ по той дорогѣ, по которой ворвался было четыре года назадъ султанъ Калга подъ Корсунь, князь Вишневецкій передвинулся изъ Мошенъ въ Корсунь. Панъ гетманъ придвинулся также въ ту сторону, желая преградить путь татарамъ, и 27 янва-

ря, на разсвѣтѣ, пришелъ въ Ставища. Здѣсь получено было извѣстіе отъ князя Вишневецкаго и отъ пана коммисара войска запорожскаго о томъ, что къ нимъ пріѣхалъ сотникъ чигиринскаго полка, отправленный изъ Запорожья съ извѣстіемъ, что орда, выждавъ два дня въ Кучкасовѣ, пока ледъ не окрѣпъ, переправилась черезъ Днѣпръ; сотникъ на пути своемъ наткнулся на нее у верховьевъ Саксагани и на Ингульцѣ и чуть было не попалъ въ плѣнъ; онъ утверждалъ, что 23 января онъ видѣлъ лично, какъ орда направилась къ Ингулу. Гетманъ понялъ это движеніе, такъ какъ онъ хорошо знакомъ съ топографіею той мѣстности, и остановился въ Ставищахъ, ожидая дальнѣйшихъ вѣстей о движеніи непріятеля. Вслѣдъ за тѣмъ получено извѣстіе отъ корсунскаго подстаросты, что орду видѣли за Лебединомъ на берегу рѣки Выси; сообщеніе это обрадовало всѣхъ насъ, выжидавшихъ съ нетерпѣніемъ непріятеля и опасавшихся, чтобы онъ не возвратился за Днѣпръ и не пошелъ по Муравской дорогѣ.

Въ теченіи двухъ дней разъѣзды наши ничего новаго не сообщали. Гетманъ послалъ приказъ князю Вишневецкому, чтобы онъ съ своимъ войскомъ шелъ по направленію къ Бояркѣ, затѣмъ 29 января онъ отправилъ для рекогносцировки королевскаго ротмистра, пана Шемберка, съ нѣсколькими десятками всадниковъ: волоховъ и (польскихъ) татаръ; съ ними отправился по приказанію черниговскаго воеводы (Мартина Калиновскаго) его слуга, панъ Суловскій, отлично знающій ту мѣстность и всѣ ея урочища. Отрядъ этотъ на Царскомъ Бродѣ, на рѣкѣ Тыкичѣ, встрѣтилъ бѣгущую стражу, которая сообщила о наступленіи орды. Панъ Шемберкъ послалъ извѣстіе объ этомъ гетману, но самъ остался въ полѣ, желая добиться болѣе точнаго указанія и, если возможно, возвратиться съ языкомъ [1]); дѣйствительно ожиданіе его не обмануло: ему удалось ночью подойти къ татарамъ и вблизи самого ихъ коша захватить двухъ языковъ; уже за полночь онъ доставилъ ихъ въ Ставища. Изъ разспросовъ языковъ мы получили достовѣрныя свѣдѣнія какъ о числѣ ихъ войска, такъ и о его начальникахъ, совершенно согласныя съ прежними извѣстіями. Гетманъ немедленно приказалъ готовиться войску, отправилъ два подъѣзда слѣдить за непріятелемъ, извѣ-

---

[1]) „Языкомъ“ называли перехваченнаго изъ непріятельскаго войска солдата, у котораго распрашивали о числѣ и движеніяхъ враговъ.

стилъ князя Вишневецкаго о томъ, чтобы онъ шелъ къ Ахматову, и самъ туда-же поспѣшно направился.

30 января, въ субботу, на разсвѣтѣ мы двинулись со Ставищъ; день былъ теплый, погода ясная и веселая смѣнила бывшіе до того сильные вѣтры и морозы, что сочтено было нашими хорошимъ предзнаменованіемъ. Войско выступило съ большою охотою, благодаря которой, среди поспѣшности похода, произвело смятеніе. Панъ гетманъ, давъ распоряженіе о порядкѣ распредѣленія войска и табора и поручивъ наблюденіе полковникамъ, самъ съ пріятелями и дворомъ своимъ отправился къ передовому отряду; на пути онъ послалъ слугу своего, пана Хмелецкаго, къ пану старостѣ винницкому (Одрживольскому), который, въ качествѣ старшаго полковника, управлялъ таборомъ, съ порученіемъ наблюдать за порядкомъ табора и построить въ боевой порядокъ охранявшія его хоругви, слишкомъ растянувшіяся по дорогѣ; исполняя это распоряженіе, винницкій староста приказалъ хоругвямъ стать въ строй впереди табора, но онѣ, предполагая, что непріятель уже показался, увлекаемыя излишнею охотою къ битвѣ и не понявъ приказанія и намѣреній гетмана, а также не ожидая окончательной команды, бросились впередъ съ большимъ крикомъ, сами не зная на кого. Гетманъ, находившійся въ передовомъ отрядѣ, услышавъ шумъ, остановился, стараясь разгадать его причину; когда мы увидѣли хоругви, мчавшіяся съ большимъ крикомъ, всѣ мы съ гетманомъ бросились къ нимъ, полагая, что враги напали съ боку. Узнавъ, что вся тревога произошла по ошибкѣ, гетманъ выразилъ порицаніе войску за его легкомысліе, но, не желая смущать солдатъ въ виду предстоящаго сраженія, похвалилъ ихъ отвагу, хотя и неумѣстную, и напомнилъ имъ, что впредь они должны вести себя осторожнѣе и не бросаться безъ гетманскаго приказанія. Затѣмъ онъ лично вновь построилъ войско и мы двинулись въ дальнѣйшій путь.

Когда мы прошли уже половину дороги въ Ахматовъ, прибѣжалъ гонецъ отъ пана Олдаковскаго, шедшаго впереди съ отрядомъ гетманскихъ людей, съ извѣстіемъ, что онъ уже имѣлъ стычку съ татарами и что орда подступаетъ къ Ахматову; вскорѣ потомъ п. Олдаковскій прислалъ татарскаго языка; который подтвердилъ это извѣстіе; онъ притомъ сообщилъ: что бей перекопскій также захватилъ языка, у котораго распрашивалъ о гетманѣ и его войскѣ; плѣнникъ сказалъ, что гетманъ располагаетъ двумя

войсками, услышавъ это, бей повѣсилъ носъ, но когда плѣнникъ сказалъ, что оба наши войска вмѣстѣ менѣе трети татарскаго, онъ развеселился; затѣмъ бей рѣшилъ остановиться на мѣстѣ, отдохнуть, хорошо покормить лошадей и на слѣдующій день на разсвѣтѣ ударить на насъ. Войско тѣмъ охотнѣе продолжало путь, но, когда мы уже подошли къ Ахматову, внезапно опустился густой туманъ, покрывшій насъ почти мракомъ ночнымъ; враги однако увидѣли наше войско, построенное въ таборѣ, и оно показалось имъ очень большимъ и грознымъ; впрочемъ этотъ таборъ столько-же смутилъ непріятеля, сколько и намъ причинилъ затрудненія, ибо когда войско прошло мѣстечко, частью въ обходъ полемъ, частью по льду и по крутизнамъ, таборъ и артиллерія должны были переправляться по плохой плотинѣ въ мѣстечкѣ, что заняло очень много времени. Наконецъ войско наше расположилось у Ахматова; въ тоже время кошъ татарскій расположился у Вороннаго, по ту сторону рѣчки Тыкича. По причинѣ тумана и трудной переправы нельзя было тотчасъ атаковать непріятеля, но пока артиллерія и таборъ переправлялись, всадники герцомъ (т. е. въ разсыпную, по одиночкѣ) сражались съ татарами, при чемъ много ихъ было убито и много взято въ плѣнъ.

Между тѣмъ гетманъ построилъ войско въ боевой порядокъ: чело онъ сдалъ въ управленіе пану старостѣ винницкому, на правомъ крылѣ помѣстилъ людей пана воеводы краковскаго (Станислава Любомирскаго), на лѣвомъ пана воеводы черниговскаго и князя Корецкаго, въ центрѣ расположилъ главный корпусъ арміи: свой полкъ гетманскій подъ начальствомъ хорунжія короннаго, полкъ польнаго гетмана (Николая Потоцкаго) подъ начальствомъ воеводича брацлавскаго (Казановскаго), и отряды: старосты каменецкаго и старосты снятинскаго; всѣ они добивались мѣста впереди, въ чемъ и не получили-бы отказа, если бы не предстояла необходимость образовать резервъ, къ которому присоединены были также отряды: князя конюшія короннаго, старосты калускаго и пановъ Немиричей. Часть артилеріи, подъ начальствомъ пана Гродзицкаго поставлена на правомъ крылѣ, впереди ея пѣхота подъ начальствомъ королевскаго капитана Кохана, а позади половина табора подъ начальствомъ п. Волинскаго; бокъ табора прикрывалъ полкъ драгунъ, подъ начальствомъ Денгоффа; на лѣвомъ крылѣ точно также расположена была артилерія, пѣхота и другая половина табора, подъ начальствомъ п. Бржухан-

скаго, прикрывали-же ее отряды п. Гродзицкаго и другихъ. Наконецъ сзади строй былъ замкнутъ 500 гетманскихъ драгунъ и четырьмя сотнями козаковъ, съ пушками на краяхъ линіи.

Между тѣмъ непріятели, горя нетерпѣніемъ узнать наше расположеніе, переправились черезъ рѣчку и напали на охотниковъ, которые, не смотря на запретъ, выскакивали къ нимъ изъ рядовъ; они должны были отступить передъ татарами; на выручку имъ гетманъ послалъ свой полкъ подъ начальствомъ старосты винницкаго, который быстро прогналъ татаръ съ большимъ урономъ; за послѣдними ихъ отрядами ротмистры королевскіе Ковальскій и Вѣтровскій, съ своими хоругвями, гнались до самаго коша и безъ значительной потери возвратились назадъ.

Въ это время сталъ подыматься закрывавшій насъ туманъ, какъ-бы по Божьему изволенію; рѣшено было двинуть все войско въ аттаку; но въ ту минуту прибѣжалъ къ гетману королевскій ротмистръ п. Маркъ Гдешинскій, посланный отъ кастелляна кіевскаго, князя Вишневецкаго, и отъ коммисара войска запорожскаго, съ просьбою подождать ихъ прибытія и назначить мѣсто въ строю для ихъ отрядовъ. Когда туманъ нѣсколько разсѣялся, они увидѣли нашъ таборъ, но не узнали его, и, полагая, что наткнулись на непріятельское войско, обнажили оружіе и съ большимъ крикомъ бросились къ табору. Услышавъ крикъ и полагая въ свою очередь, что приближаются татаре, обогнувъ наше войско и очутившись позади его, мы стали обращать хоругви назадъ, и начальникъ артиллеріи, панъ Гродзицкій, приказалъ на нихъ направить пушки. Только приблизившись къ табору, они узнали насъ, и наши также, услышавъ звукъ трубъ и бубновъ, сообразили, что приближается другая половина нашего-же войска подъ начальствомъ князя Вишневецкаго; гетманъ, не имѣя времени подробно заняться распредѣленіемъ вновь прибывшихъ отрядовъ, помѣстилъ всѣ на лѣвомъ крылѣ. Въ то-же время прибыли также съ противоположной стороны гетманскіе люди изъ Мліева и другой отрядъ, подъ начальствомъ пана Калискаго, съ береговъ Днѣстра.

Послѣ привѣтствій, гетманъ, не желая долго оттягивать сраженія, двинулъ войско къ переправѣ; заставши здѣсь часть непріятельской конницы, онъ приказалъ немедленно аттаковать ее пану Чарнецкому, поручику хоругви краковскаго воеводы, пославъ подъ его командою нѣсколько хоругвей гусаръ безъ копій;

они напали на татаръ съ такимъ азартомъ, что разсѣяли ихъ, не дозволивъ даже опомниться.

Не менѣе храбро двинулись на лѣвомъ крылѣ кіевскій кастелянъ и князь Вишневецкій; но такъ какъ переправа была тѣсна, то первоначальный строй они должны были видоизмѣнить и панъ воевода черниговскій перешелъ съ лѣваго крыла на правое. Лишь только переправились, они двинулись столь стремительно на врага, что онъ не устоялъ; собственно сражались только тѣ изъ нашихъ, которые имѣли болѣе быстрыхъ коней. Задніе отряды бѣжали быстро въ слѣдъ за передними, оставивъ позади таборъ, двигавшійся въ большомъ порядкѣ, къ которому примкнулъ также таборъ козацкій; они съ завистью взирали на участіе переднихъ рядовъ въ сраженіи. Непріятель оказалъ весьма слабое сопротивленіе и почти сразу обратился въ бѣгство; войско наше преслѣдовало его на протяженіи нѣсколькихъ миль, устилая трупами поле и угоняя многихъ въ плѣнъ; многіе татаре, побросавъ все, даже лошадей, бѣжали пѣшкомъ въ лѣсъ; остальные спаслись, благодаря только темнотѣ наступившей ночи.

Съ перваго взгляда видно было, что главная причина слабости татаръ состояла въ томъ, что лошади ихъ были крайне изнурены; плѣнники разсказывали, что они шли въ теченіи 45 дней по выгорѣвшей степи и притомъ во время сильнѣйшихъ морозовъ; лошади ихъ до того ослабѣли, что, если-бы оставалось еще хотя два часа дня, ни одинъ человѣкъ не спассябы бѣгствомъ. Въ погоню за разбитыми врагами отправленъ панъ коммисаръ войска запорожскаго съ отрядомъ въ 5,000 человѣкъ, чтобы преслѣдовать и уничтожить остатки орды по мѣрѣ возможности. Но татаре переправились черезъ Синюю Воду (здѣсь множество ихъ погибло, ибо ледъ обломался подъ передними рядами, которые потонули; задніе-же переправились по ихъ трупамъ какъ по плотинѣ) и въ степи раздѣлились на три отряда: одинъ направился къ Днѣпру, другой къ Очакову, третій въ буджацкія степи; наши, утомивши своихъ лошадей, не могли гнаться за ними, такъ какъ они не знали, который отрядъ нужно было преслѣдовать.

Трудно разсчитать, сколько татаръ убито было въ битвѣ; тѣхъ, которые пали въ началѣ сраженія, сами татаре снесли въ мельницу и въ нѣсколько домовъ и сожгли; тѣхъ-же, которые погибли во время погони, считать было затруднительно. Плѣнныхъ

было множество какъ у гетмана, такъ и у всѣхъ пановъ, имѣвшихъ свои отряды; ихъ ни у кого не отымали. Гетманъ могъ-бы уничтожить всю орду, если-бы дозволилъ ей пройти далѣе внутрь страны и распустить загоны; въ такомъ случаѣ онъ могъ легко уничтожить кошъ и затѣмъ по одиночкѣ истреблять загоны, но онъ предпочелъ охранить гражданъ отъ разоренія и прогнать врага отъ самаго рубежа государства, чѣмъ приготовить для него худшую гибель. Впрочемъ и постигшее ихъ пораженіе достаточно чувствительно, за что воздадимъ хвалу Господу, оказавшему покровительство нашему оружію. Не оправдалась польская поговорка, что трудно поразить татарина у входа въ государство—легко-же у выхода, когда онъ обремененъ добычею; теперь случилось наоборотъ: побѣда была одержана, по милости Божьей, храбростью королевскаго войска не внутри государства, а на самомъ его порогѣ.

Татаре плѣнные на допросахъ показали слѣдующія подробности. Самъ ханъ и султанъ Калга имѣли первоначально намѣреніе отправиться въ походъ, но потомъ, изъ опасенія турецкаго султана, остались въ Крыму; они призвали къ оружью всѣхъ татаръ, которые собирались въ походъ весьма охотно; такъ какъ въ то время года лошади ихъ не находились дома, а въ стадахъ, то они должны были первоначально отправиться пѣшкомъ къ стадамъ, везя съ собою сѣдла на возахъ. Состояли татаре подъ начальствомъ лучшихъ крымскихъ вождей: Тугай бея перекопскаго, Муртазы-аги и Гумеръ-аги, который служилъ калаузомъ (проводникомъ) всего войска, какъ человѣкъ, знающій отлично географическое расположеніе нашихъ областей. Когда орда достигла Жолтыхъ Водъ, начальники пересмотрѣли войско, и всѣхъ тѣхъ, у кого не было хорошихъ лошадей и вооруженія, отправили обратно въ Крымъ, оставивши лишь 20,000 отборной конницы. Начальники татарскіе имѣли слѣдующія инструкціи отъ хана: 1) не подходить къ Бѣлгороду (Аккерману), изъ опасенія, чтобы многіе татаре не сбѣжали въ ту область изъ за нежеланія возвращаться въ Крымъ; гдѣ тогда свирѣпствовалъ голодъ; 2) избѣгать сраженія съ польскимъ войскомъ и ограничиться лишь такимъ количествомъ добычи, которая могла-бы вознаградить татаръ за тѣ стада, которыя недавно угнали у нихъ запорожскіе козаки, и, получивъ это удовлетвореніе, немедленно возвращаться домой. Въ походѣ принимали участіе многіе мурзы и другія знатныя лица, а именно: Ахметъ-мурза, командовавшій

отрядомъ въ 2000 людей, Темиръ-Ага, казначей султана Нуредина Ибасъ-Азуликъ, братъ хана, Ширинъ-мурза и пять его братьевъ Инджуитъ-мурза и семь его братьевъ, 10 родныхъ братьевъ Джантимиръ-бега, братъ Мехметъ-аги—Шаколы-мурза съ шестью родственниками, Чельзуитъ-мурза съ семью братьями и много другихъ мурзъ, наконецъ, весь дворъ хана.—Изъ малой ногайской орды было 800 человѣкъ; это тѣ ногайцы, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ бѣжали подъ предводительствомъ одного мурзы въ крымскіе предѣлы, въ то время, когда ихъ орда подчинилась московскому правительству. Изъ буджацкой орды было 300 человѣкъ, которые пришли позже всѣхъ.

Тѣ же плѣнные татаре разсказали, что, послѣ выхода изъ Крыма, они въ теченіи двухъ мѣсяцевъ находились въ походѣ, и бейрамъ праздновали на пути; черезъ Днѣпръ они переправились въ Кучкасовѣ. За сутки до сраженія они знали о приближеніи нашего гетмана съ войскомъ, но рѣшились дать битву и не отступать, не испробовавши силъ; потому они и не отпускали въ сторону загоновъ. Однако въ самый день сраженія они его не ожидали, но имѣли намѣреніе этотъ день посвятить отдыху, и только на слѣдующее утро атаковать нашу армію, вопреки вышеприведенной ханской инструкціи. Наконецъ они показали, что въ первой стычкѣ съ герцовниками участвовало только 500 татаръ, но во второй стычкѣ, у мельницы, сражался отрядъ въ 6000 человѣкъ.

Затѣмъ въ рукописи слѣдуетъ подробный перечень польскаго войска и приводятся цифры солдатъ, бывшихъ въ каждомъ отрядѣ, и имена знатныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ битвѣ. Сумма всего польскаго войска достигала цифры 19,130 человѣкъ при 22 пушкахъ; въ томъ числѣ „войска запорожскаго“ 4,000 человѣкъ и польской стражи при коммисарѣ и полковникахъ козацкихъ 650 человѣкъ. Изъ числа контингентовъ, доставленныхъ частными лицами, самый многочисленный—3,000 человѣкъ, принадлежалъ князю Еремiѣ Вишневецкому.

Февраля 6. Одержавъ вышеописанную счастливую побѣду надъ татарами, мы возвратились въ Баръ.

Остальная часть дневника за 1644 годъ посвящена Освѣцимомъ описанію его поѣздокъ съ гетманомъ изъ Бара въ Броды, изъ Бродовъ въ Краковъ, по случаю церемоніи погребенія королевы, и въ отпускъ домой, въ краковское воеводство, по личнымъ дѣламъ.

1645 годъ занятъ описаніемъ поѣздки вмѣстѣ съ Конецпольскимъ на сеймъ въ Варшаву и, затѣмъ, поѣздки въ Парижъ, куда Освѣцимъ ѣздилъ съ порученіями отъ короля, по случаю сватовства и вторичнаго королевскаго брака.

1646 г.

Января 20 [1]). Въ это время татаре, собравшіеся въ походъ еще въ концѣ осени, не находя возможности ворваться въ предѣлы нашего государства, вслѣдствіе готовности къ отпору нашего войска, направились во владѣнія московскія, гдѣ произвели значительныя опустошенія. Гетманъ польный, воевода брацлавскій (Николай Потоцкій), опасаясь, чтобы они на обратномъ пути не опустошили заднѣпровской Украины, расположилъ коронное войско на перепутьи, на муравской дорогѣ; но намѣреніе его не увѣнчалось успѣхомъ по причинѣ сильныхъ морозовъ, вслѣдствіе которыхъ войско его понесло чувствительныя потери, что явствуетъ изъ слѣдующаго письма, писаннаго имъ къ краковскому кастелляну (гетману Конецпольскому) изъ Ахтырки 19 января.

„Я доносилъ вашей милости нѣсколько разъ въ теченіи моего похода объ извѣстіяхъ, которыя я получалъ о движеніи непріятелей, теперь-же вкратцѣ сообщу о результатѣ нашихъ трудовъ. Лишь только небо дозволило мнѣ переправиться черезъ Днѣпръ, я сталъ наблюдать за движеніями врага, угрожавшаго въ равной мѣрѣ какъ московскимъ, такъ и нашимъ границамъ, и ускорилъ свой походъ, сообразуясь съ полученными извѣстіями и желая вмѣстѣ и охранить границы государства, и пріобрѣсти добрую славу, пользуясь воодушевленіемъ войска и тѣхъ ихъ милостей, которыя въ большомъ количествѣ поспѣшили на услугу Рѣчи Посполитой. На пути я получилъ извѣстіе, что враги ворвались въ московскіе предѣлы и уже въ теченіи трехъ недѣль опустошаютъ окрестности Путивля, Бѣльска (Бѣлгорода?), Курска и комаринскую волость. Опасаясь, чтобы, въ случаѣ неудачи въ московскомъ государствѣ, они не вздумали поживиться на нашъ счетъ, я направился на муравскую дорогу и сталъ зорко наблюдать, ожидая обратнаго ихъ шествія. Когда московскія власти извѣстили меня объ отступленіи татаръ, я двинулся изъ Ахтырки на Мерлу, желая перехватить ихъ у Рогозянки; но, когда я сталъ помышлять о движеніи изъ Мерла на муравскую дорогу, случился столь сильный морозъ и пошли такіе холода, что не было никакой возможности тронуться съ мѣста; между тѣмъ татаре прошли мимо нашей стоянки въ $2^1/_2$ миляхъ. Множество людей и лошадей погибло отъ мороза, такъ что всѣ почти наши люди пострадали

---

[1]) Стр. рукописи 825—828.

отъ неблагопріятнаго климата. Испытавъ такое нерасположеніе неба, я долженъ былъ съ большимъ горемъ, простоявъ безъ воды два дня на Мерлѣ, отступить назадъ и распредѣлить войска на зимнія квартиры, принявъ мѣры, чтобы отряды шли въ порядкѣ, не притѣсняя жителей. На сколько могу сообразить, бѣдствіе, постигшее московскія области, было предназначено свыше, ибо Господь и ихъ лишилъ храбрости, вслѣдствіе чего они не сразились съ врагомъ, хотя хвалились многочисленнымъ войскомъ, и намъ не дозволилъ оказать имъ помощи; когда ко мнѣ пріѣзжали ихъ гонцы съ извѣщеніями, я спрашивалъ ихъ, почему они не отражаютъ татаръ; они указывали, какъ на единственную причину, на отсутствіе распорядительности. Орда вышла изъ московскихъ предѣловъ обремененная добычею; полагаю однако, что мало ею воспользуется, ибо лошади ихъ сильно падали, и много плѣнниковъ погибло отъ морозовъ; татаре угоняли въ плѣнъ людей, скота-же вовсе не трогали, и его слѣдовъ не замѣчено было на пути, куда они проходили. Захваченные татарскіе языки передавали, что они вовсе не ожидали непріязненныхъ дѣйствій со стороны нашего войска, ибо ханъ, отправляя ихъ въ походъ, обезпечилъ ихъ въ этомъ отношеніи, называя короля своимъ братомъ и воспретивъ имъ касаться малѣйше нашихъ границъ. По словамъ того-же языка, татаръ было въ походѣ 30,000. Наше войско было очень храбро настроено и многочисленно, какъ это видно изъ справки, которую прилагаю при семъ для свѣдѣнія вашей милости, съ поименованіемъ лицъ, по охотѣ присоединившихся къ войску. Что-же дѣлать, если Господу неугодно было предать въ наши руки враговъ! Въ числѣ другихъ отличился готовностью къ военной службѣ панъ хорунжій коронный (Александръ Конецпольскій, сынъ гетмана), принявшій охотно на себя значительную долю моихъ трудовъ среди столь тяжелой стужи; надѣюсь что онъ будетъ и впредь процвѣтать на славу своего рода и въ утѣшеніе вашей милости. Описавъ чистосердечно наши бѣдствія, утѣшаюсь лишь тѣмъ, что враги не причинили никакого вреда государству короля его милости и уразумѣли, что королевское войско всегда готово отразить ихъ нападеніе; они будутъ помнить храбрость нашего войска, находившагося въ пустынѣ и, если прежде опасались испытаннаго королевскаго счастія и извѣстной распорядительности вашей милости, то впредь еще больше будутъ бояться, увѣрившись, что королевское войско оберегаетъ границы даже на муравской дорогѣ.—Кромѣ языковъ, о которыхъ я сообщилъ, во-

лохи князя Вишневецкаго поймали одного черкеса и 10 татаръ, посланныхъ съ грамотою султана Нуредина къ царю московскому; содержаніе грамоты состоитъ въ томъ, что султанъ требуетъ дани за 10 лѣтъ и угрожаетъ, въ случаѣ неполученія ея, вновь предпринять набѣгъ черезъ 40 дней, когда лошади его отдохнутъ.“

Затѣмъ слѣдуетъ справка о числѣ войска, участвовавшаго въ походѣ въ количествѣ 14,500 человѣкъ, съ распредѣленіемъ его на отряды, и перечень лицъ, доставившихъ свои контингенты; въ числѣ послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ князь Еремія Вишневецкій, явившійся во главѣ отряда въ 4000 человѣкъ.

Остальная часть дневника за 1646 годъ заключаетъ слѣдующія свѣдѣнія: приведенъ текстъ пасквиля, напечатаннаго іезуитами противъ извѣстнаго историческаго писателя, каменецкаго епископа, Павла Пясецкаго, и отвѣтъ послѣдняго на этотъ пасквиль. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе торжества при бракосочетаніи короля. 11 марта записано извѣстіе о смерти гетмана Конецпольскаго, описаны его похороны и внесены надгробныя рѣчи, сказанныя разными лицами; затѣмъ Освѣцимъ передаетъ содержаніе политическихъ плановъ, составленныхъ Конецпольскимъ относительно завоеванія Крыма и устройства козаковъ, и цѣликомъ приводитъ секретную записку, посланную гетманомъ королю по этому поводу. Дальше сообщено о назначеніи великимъ короннымъ гетманомъ Николая Потоцкаго, при чемъ приводится составленный на него пасквиль; затѣмъ описана коронація королевы и засѣданія собравшагося сейма, заставившаго короля отказаться отъ задуманной имъ войны съ Турціею.

Изъ извѣстій, записанныхъ подъ 1647 годомъ, болѣе подробно разсказано дѣло о сочиненіи аріанина Шлихтинга, въ которомъ авторъ оспаривалъ догматъ Св. Тройцы; за изданіе этой книги онъ былъ заочно приговоренъ къ смертной казни, лишенію чести и конфискаціи имущества, всѣмъ-же аріанамъ приказано закрыть школы и училища и истребить типографіи. Потомъ слѣдуетъ дѣло князя Януша Радзивилла, обвинявшагося въ томъ, будто онъ приказалъ опрокинуть крестъ, стоявшій на его землѣ. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о смерти королевича и о предзноменованіяхъ, предвѣщавшихъ ее.

1648 и 1649 года не сохранились въ рукописи; 1650-го года уцѣлѣла только частица, за то весь 1651 посвященъ весьма подробному описанію войны съ Хмельницкимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЬБОМЪ М. А. МАКСИМОВИЧА.

„Что-бъ за жизнь была безъ пѣсенъ,
Безъ поэзіи святой!“
М. Максимовичъ.

Въ нашей журналистикѣ нерѣдко встрѣчались и встрѣчаются жалобы на невниманіе наше къ извѣстнымъ дѣятелямъ литературы. Съ другой стороны—объ этихъ дѣятеляхъ иногда появляются такія мелочи во многихъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, что, читая ихъ, невольно подумаешь: „ну, это для затычки свободной страницы.“ Намъ не хотѣлось-бы впадать ни въ ту, ни въ другую крайность. Удѣляя самое живое вниманіе характернымъ подробностямъ о жизни нашихъ писателей, мы постараемся группировать ихъ въ нѣчто связное и цѣльное.

Въ настоящій разъ мы хотимъ остановить вниманіе читателя на альбомѣ М. А. Максимовича (1804—1873). Не знаемъ, были-ли подобные альбомы у его товарищей по университету, но самъ онъ, добродушный, романтикъ по натурѣ и по времени, не могъ обойтись безъ альбома. Онъ даже придавалъ ему большое значеніе; это видно, во 1-хъ, изъ того, что онъ далеко не всѣмъ своимъ знакомцамъ удѣлялъ мѣсто въ немъ (*„dedié à l'amitié“*—сказано въ немъ на заглавномъ листкѣ), а, во 2-хъ, изъ того, что Максимовичъ, начавъ его въ 1824 году, не разставался съ нимъ почти до самой смерти своей.

Два слова о внѣшности альбома. Это небольшая книжка въ 68 разноцвѣтныхъ листковъ, въ 16 долю, въ родѣ альманаховъ 20-хъ годовъ, но слишкомъ обрѣзанная и глядящая какой-то *„кургузой“*, по выраженію одного изъ вкладчиковъ ея. Переплетенная въ сафьянъ, съ золотымъ обрѣзомъ, вся уже сильно изветшавшая, она самимъ видомъ своимъ показываетъ, что владѣлецъ ея часто

носилъ ее въ своемъ карманѣ. Листки альбома украшены 15-ю рисунками, которые несомнѣнно имѣли въ свое время многоразличное значеніе—историческое, символическое, сердечное; между рисунками встрѣчаются и портреты, къ сожалѣнію, не подписанные.

Составъ альбома—стихи, проза, оригинальные и переводные, выписки, подписи, даже рецепты. Вкладчики избирали себѣ въ немъ мѣсто по произволу. Мы, конечно, не станемъ передавать всего содержанія альбома во всей его прихотливой безпорядочности, а остановимся только на пьесахъ наиболѣе интересныхъ и имѣющихъ *историко-литературное* значеніе; при этомъ мы будемъ приводить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, съ необходимыми поясненіями; въ такомъ видѣ статья наша можетъ получить значеніе матеріаловъ для біографіи достойнаго писателя и человѣка.

Альбомъ начинается въ 1824 году. Въ это время мы видимъ Максимовича въ Москвѣ; онъ уже кандидатъ физико-математическаго факультета, но добровольно записывается еще въ медицинское отдѣленіе и въ то-же время издаетъ „*зоологію*", по Окену. Книга эта обратила на него вниманіе ученаго міра, доставила ему дружбу кн. Одоевскаго (1803—1869) и профессора М. Г. Павлова (1793—1840). Кн. Одоевскій написалъ на книгу Максимовича лестную рецензію, самъ отыскалъ его въ кандитатскихъ нумерахъ стараго зданія московскаго университета и ввелъ его въ литературный кружокъ свой. Соотвѣтственно характеру книги Максимовича, князь первый написалъ ему въ альбомъ пьесу слѣдующаго содержанія:

„ОДИССЕЕВЪ КОНЬ".

„Вы, вѣрно, знаете, друзья мои, милаго, простодушнаго Каллинона. Знаете, какимъ слабоуміемъ, истинно-завиднымъ въ наше время, одарила его природа. Вы, вѣрно, помните, что̀ сдѣлалъ онъ, захотѣвши предаться Морфею: какъ положилъ подъ голову глиняный сосудъ; какъ сосудъ показался ему жесткимъ; какъ, чтобы сдѣлать свое изголовье годнымъ къ употребленію, онъ вздумалъ набить его соломою.

„Про этого самаго Каллинона я нашелъ странное сказаніе въ одной древней рукописи; ученые коментаторы увѣряютъ, что она подложная, но чего они не выдумаютъ! Рукопись, вопреки всѣмъ этимъ господамъ, утверждаетъ, что мой герой находился въ числѣ тѣхъ воиновъ, которые были засажены старикомъ Одиссеемъ въ деревянную лошадь предъ Троею.

„Отяготѣвъ отъ даровъ Вакховыхъ, Каллинонъ безпечно потягивался на самомъ мѣстѣ желудка въ огромномъ чревѣ.

„Какъ душно и темно теперь на свѣтѣ!“ говоритъ онъ своему товарищу.

— Не вѣкъ здѣсь быть!—отвѣчалъ ему воинъ—придетъ время, и мы выйдемъ отсюда; приготовляй оружіе...

„Выйдемъ? Куда?“

— На свѣтъ! въ Трою!

„И—кто тебѣ сказалъ объ этомъ!“—возразилъ Каллинонъ, засмѣявшись; „я давно уже смотрѣлъ во всѣ стороны и теперь твердо увѣрился, что и Греція, и Троя, и цѣлый свѣтъ, все здѣсь, въ этомъ желудкѣ; и больше ничего не существуетъ и существовать не можетъ“....

„Вы, смѣетесь, друзья мои, рѣчи простодушнаго Каллинона, но берегитесь! Смотрите, какъ смѣхъ вашъ расшевелилъ Каллиноновъ нашего времени, какъ грозно выглядываютъ они на васъ изъ своихъ желудковъ, въ которые спрятались съ головой и съ ногами.“

Не имѣя подъ рукою журналовъ двадцатыхъ годовъ, мы не можемъ опредѣлить, на какія литературныя лица намекаетъ эта бойкая пьеска кн. Одоевскаго Въ собраніи его сочиненій (Спб. 1844) мы ея не встрѣчаемъ. По привычкѣ ли, или въ знакъ особой дружбы къ Максимовичу, кн. Одоевскій вписалъ свою притчу въ альбомъ красными чернилами.

Въ то-же самое время, рядомъ съ пьеской кн. Одоевскаго, тѣми-же красными чернилами, вписаны слѣдующіе три отрывка, которые мы относимъ, по внимательномъ сличеніи почерка, профессору М. Г. Павлову:

„Ничто, ничто не утопаетъ
Въ рѣкѣ катящихся вѣковъ:
Душа героевъ вылетаетъ
Изъ позабытыхъ ихъ гробовъ
И наполняетъ бардовъ струны
И на тирановъ шлетъ народные перуны“.

(Греческая пѣснь, 4-я строфа).

„Все во вселенной—и цѣль, и къ лучшему высшему средство“ (Ѳеодицея).

„Volenti nil difficile (мой девизъ)“.

Къ литературному кружку кн. Одоевскаго принадлежалъ В. П. Титовъ (бывшій потомъ посломъ въ Константинополѣ); онъ въ томъ же году помѣстилъ въ альбомѣ переводъ девятой оды

Горація, съ подписью: „дек. 30,1824, Лондонъ № 12 (конечно—гостинница московская). Максимовичъ въ это время лежалъ больной, возвратившись изъ своей ботанической экскурсіи по московской губерніи.

„КЪ ТАЛІОРХУ".

(Изъ Горація: „Vides ut alta"... etc.).

Смотри: бѣлѣетъ вдалекѣ
Соракть, снѣгами покровенный,
Лѣса, подъ игомъ ихъ согбенны;
И воды мразъ сковалъ въ рѣкѣ.
Умѣримъ хладъ! мы дровъ разложимъ груды.
Четырехлѣтнее вино, о царь пировъ,
Лей изъ сабинскаго сосуда!
Оставимъ прочее на произволъ боговъ.
Рекутъ—и бурный вѣтръ мгновенно
На морѣ стихнетъ разъяренный:
Не заколышется ни дубъ, ни кипарисъ.
Заутра будетъ что съ тобою,
Извѣдывать страшись.
Какимъ ни будешь днемъ ты награжденъ судьбою,
День новый прибылью считай!
О, юнота! не презирай
Ни нѣжныя любви, ни пѣсней; наслаждайся,
Доколѣ свѣжъ цвѣтъ жизни твой
И старость далека съ угрюмой сѣдиной.
На полѣ марсовомъ, въ ристалищахъ являйся;
Вдали таящейся младой красы внимай
Шептанье тихое, въ полночный часъ условной;
Прислушивай ея измѣнникъ—смѣхъ... срывай,
Въ залогъ любви, кольцо съ руки легко упорной!"

(Напомнимъ читателямъ, что позднѣйшій переводъ этой же оды Горація они могутъ встрѣтить въ книгѣ А. Фета „Оды Горація" (Спб. 1856, стр. 10); а по сличеніи съ подлинникомъ могутъ убѣдиться въ относительномъ достоинствѣ переводовъ).

Около той-же поры познакомился съ Максимовичемъ И. В. Кирѣевскій и ввелъ его въ домъ матери своей, А. П. Елагиной (1789—1877). Максимовичъ до конца жизни своей вспоминалъ съ величайшимъ наслажденіемъ объ этомъ домѣ—

„Республикѣ привольной
У красныхъ у воротъ“,

объ этой женщинѣ, такъ радушно и достойно согрѣвавшей молодыя дарованія во всѣхъ видахъ искусства и науки. Скоро Максимовичъ тамъ „пришелся ко двору“, и А. П. Елагина постоянно считала его однимъ изъ ближайшихъ друзей своихъ.

Въ февралѣ 1825 года, предъ новой поѣздкой Максимовича по московской губерніи, А. П. Елагина вписала ему на память, на первой страницѣ альбома, стихотвореніе Жуковскаго:

„Друзья! *прости*—словцо святое“!

Оно тогда еще не было напечатано и было новинкой для Максимовича и радостнымъ знакомъ теплаго чувства. Мы не приводимъ его здѣсь, такъ какъ оно было уже напечатано въ 1859 г. въ „Русской Бесѣдѣ“ и вошло въ позднѣйшія собранія стихотвореній Жуковскаго (въ изд. 1878 г., т. 1, стр. 221).

Съ легкой руки А. П. Елагиной, московскія дамы явились самыми усердными вкладчицами въ альбомъ Максимовича и до конца жизни его они остались искренними его почитательницами. Успѣхъ Максимовича въ дамскомъ обществѣ понятенъ всѣмъ, кто зналъ его лично; для другихъ-же скажемъ, что онъ, при доброй, любящей душѣ своей, былъ „соловей рѣчи и соловей неумолкаемый“. Любили его и товарищи, и чуть ли не всѣ знавшіе его, особенно такіе впечатлительные, восторгавшіеся люди, какимъ былъ, напр., С. Е. Раичъ (1792—1855), родной братъ кіевскаго митрополита Филарета (скон. 1857 г.) и наставникъ въ русской словесности многихъ извѣстныхъ писателей (въ томъ числѣ А. Н. Муравьева). Раичъ въ 1825 г. написалъ въ альбомѣ Максимовича слѣдующее стихотвореніе:

АМЕЛА (Viseum album)

Есть растенье на землѣ,
Но земля въ роскошномъ лонѣ
Отреклась его питать,
И—бездомное—на клёнѣ,
Иль на дубѣ вѣковомъ
Пріютясь, цвѣтетъ и зрѣетъ
И пернатымъ сладкій плодъ
На вѣтвяхъ своихъ лелѣетъ.

* * *

Есть созданья на землѣ—
Чада высшаго рожденья,—
Часто имъ пріюту нѣтъ
У дѣтей роскошныхъ тлѣнья;
Всѣмъ просторно на земли;
Лучшимъ въ мірѣ—въ мірѣ тѣсно...
Чада Божьи, не роптать!
Домъ вашъ тамъ—въ дали небесной!"

Пьеска Раича намекала на судьбу самого Максимовича, который два года по окончаніи курса не получалъ никакого мѣста, да и потомъ читалъ лекціи за *ректора* Двигубскаго *безмездно*. Четыре послѣдніе стиха пьесы Раича Максимовичъ повторялъ очень часто, особенно въ послѣдніе годы своей горькой жизни.

1825-й годъ является самымъ обильнымъ въ альбомѣ по стихамъ и рисункамъ. Наиболѣе усердной вкладчицей явилась нѣкая А.....ра Ш....ва (Шаликова?): она вписала нѣсколько пьесъ, въ стихахъ и въ прозѣ, нарисовала цвѣты и вышила шелками на бумагѣ вѣтку клубники; къ этой работѣ прибавила и стихи:

„Вотъ вышита клубника вамъ
И—неискусною рукою.
Природѣ трудно подражать
И тó изображать иглою,
Что на увлаженной землѣ
Согрѣто солнца теплотою,
Росло и зрѣло на стеблѣ
И украшало лугъ собою.
Но здѣсь она не для красы,
Здѣсь вышита съ желаньемъ,
Чтобы въ свободные часы
Служила вамъ воспоминаньемъ".

Къ ея рисунку (Розы) Надеждинъ приписалъ слѣдующіе прекрасные четыре стиха, которыми постоянно восхищался Максимовичъ, какъ ботаникъ и поэтъ:

„Цвѣты, поэзія луговъ,
Поэзія, цвѣты пустынной дебри нашей,
Вы изо всѣхъ земныхъ даровъ
Свѣжей, роскошнѣе и краше".

Извѣстныя писательницы той поры, сестры Г..... (Готовцевы) тогда-же внесли въ альбомъ по стихотворенію. Наталія Г. писала:

„Лучъ ясный играетъ на свѣтлыхъ водахъ,
Но тьма подъ сіяньемъ и холодъ въ волнахъ,
Младыя ланиты румянцемъ горятъ;
Но червыя думы духъ юный мрачатъ.

*
* *

Есть думы о прежнемъ,—ихъ ядъ роковой
Всю жизнь отравляетъ мертвящей тоской;
Ничто не утѣшитъ, ничто не страшитъ,
Не радуетъ радость, печаль не крушитъ.

*
* *

На срубленной вѣткѣ такъ вянетъ листокъ,
Напрасно въ дубровѣ шумитъ вѣтерокъ
И красное солнце льетъ радостный цвѣтъ,—
Листокъ зеленѣетъ, а жизни въ немъ нѣтъ!“—

Пьеса, какъ видите, отзывается излишней субъективностію, въ духѣ той поры, когда любили распѣвать о грусти сердца, о разочарованіи жизнью и проч. Болѣе кстати для альбома и съ бо́льшимъ поэтическимъ чувствомъ писала другая Г., Марія:

„Какъ поздней осенью послѣдніе цвѣты
Задумчивой душѣ весну напоминаютъ;
Какъ пурпурной зари живыя красоты
Еще блестящій день глазамъ изображаютъ;
Какъ древней надписи нестертыя черты
Утраченную жизнь изъ гроба вызываютъ:
Такъ книги памятной священные листы
Разрозненныхъ друзей вездѣ соединяютъ
И блага лучшія и лучшія мечты
Въ бывалыхъ призракахъ отрадно воскрешаютъ“.

Кромѣ писателей и ученыхъ, у Максимовича много было искреннихъ друзей въ ряду безвѣстныхъ его знакомыхъ или товарищей, съ которыми сходился онъ по душевному сродству и съ которыми долго поддерживалъ занимательную и теплую переписку. Изъ нихъ нѣкто Ясновскій написалъ, между прочимъ, слѣдующія строки, характеризующія самого Максимовича:

„И я, другъ мой, великость человѣка полагаю въ обыкновенной жизни, не удаленной отъ вѣчнаго направленія всего частнаго. Дай руку, пойдемъ въ общій путь жизни и расходясь будемъ всегда вмѣстѣ“.

Но Максимовичъ умѣлъ внушать уваженіе и дружбу не только постороннимъ лицамъ, но и роднымъ своимъ, обыкновенно всегда требовательнымъ и почти всегда неблагодарнымъ. Въ этомъ смыслѣ для характеристики Максимовича любопытны строки матери его, которую посѣтилъ онъ въ Шостенскомъ пороховомъ заводѣ:

„Пишу, мой другъ, тебѣ въ альбомъ сердечное мое желаніе, чтобы ты былъ всегда здоровъ и доволенъ собой самимъ, людьми и своею судьбою, и думалъ, что счастіе свое найдешь не въ столицѣ, но на своей родинѣ, въ кругу семейства и въ присутствіи матери твоей, которая полагаетъ въ тебѣ *все свое утѣшеніе и сердечную отраду*. Вотъ, милой мой Мишель, все, чего я желаю тебѣ и о чемъ прошу Бога“.

Позднѣе—приписалъ отецъ Максимовича на той-же страницѣ:

„Всѣхъ благъ и счастія въ мірѣ желаетъ доброму сыну нѣжно любящій отецъ А. М—чъ“.

Въ 1826 г. А. Бюргеръ (издатель впослѣдствіи журнала „Радуга“) вписалъ въ альбомъ переводъ свой изъ Клопштока, а А. Г. Ротчевъ (ум. 1873)—переводъ съ арабскаго; опускаемъ первый, какъ совершенно слабый, и приводимъ второй, какъ болѣе любопытный:

„СЪ АРАБСКАГО“.—

Клянусь коня волнистой гривой
И брызгомъ искръ его копытъ:
Что голосъ Бога справедливой
Надъ міромъ скоро прогремитъ.

*
* *

Клянусь вечернею зарею
И утра блескомъ золотымъ:
Онъ семь небесъ своей рукою
Одно воздвигнулъ надъ другимъ!

*
* *

Не Онъ-ли яркими огнями
Зажегъ сей безпредѣльный сводъ?
И Онъ-же легкими крылами
Парящихъ птицъ хранитъ полетъ!

*
* *

Когда-же пламенной струею
Сверкаютъ гордо небеса:
Надъ озаренною землею
Не Бога-ли блеститъ краса?

*
* *

Безъ вѣры въ Бога—мимо, мимо
Промчится радость бытія!
Пошлетъ-ли Онъ огонь безъ дыма
И дымъ пошлетъ-ли безъ огня?!

Въ 1827 г. Максимовичу посчастливилось открыть и поддержать дарованіе сестеръ Тепловыхъ; онъ печаталъ ихъ стихи въ журналахъ, въ своихъ изданіяхъ и былъ ихъ опорою во всѣхъ невзгодахъ жизни. Молодыя дарованія не остались непризнательными своему другу-покровителю, постоянно и благодарно къ нему писали и нѣсколько пьесокъ внесли въ альбомъ его. Вотъ стихотвореніе Серафимы Тепловой, относящееся къ 1829 году:

„EX UNGUE LEONEM".

„На память отъ меня цвѣтокъ
Примите *Ноготокъ*.
Онъ не краса поры весенней
И не любимый гость земли;
Но въ пору, какъ падетъ послѣдній листъ осенній,
На югъ взовьются журавли,
Когда и розы здѣсь не станетъ,
Когда и лилія увянетъ,
Онъ на землѣ еще цвѣтетъ
Подъ теплымъ солнцемъ, одинокой.....
И самой осенью глубокой
Онъ вамъ меня напомянетъ".

Чувство благодарности долгой, сердечной, выраженное такъ кротко и скромно, доказываетъ добрую душу и поэтическое чутье Максимовича.

Въ томъ-же году встрѣчаемъ въ альбомѣ стихи Шевырева (1806—1864), съ которымъ Максимовичъ сошелся въ домѣ Елагиной. Въ наше время всѣ согласны, что у Шевырева не было поэтическаго таланта, но ему удавались нѣкоторыя стихотворенія, которыя нравились Баратынскому и Пушкину. Слѣдующая пьеса его также одно изъ лучшихъ его произведеній:

„МЫСЛЬ“.

„Падетъ въ нашъ умъ чуть видное зерно
И зрѣетъ въ немъ, питаясь жизни сокомъ;
Но придетъ часъ—и выростетъ оно
Въ созданіи иль подвигѣ высокомъ,
И разовьетъ красу своихъ раменъ,
Какъ пышный кедръ на высотахъ Ливана:
Не подточить его червямъ временъ,
Не смыть корней порывамъ океана,
Не потрясти и бурямъ вѣковымъ
Его главы, увѣнчанной звѣздами,
И не стереть потокамъ дождевымъ
Его коры, исписанной лѣтами.
Подъ нимъ идутъ неслышною столой
Полки вѣковъ—и падаютъ державы,
И племена смѣняются чредой
Въ тѣни его благословенной славы;
И трупы царствъ подъ нимъ лежатъ безъ силъ,
И новыя растутъ для новыхъ цѣлей,
И милліонъ оплаканныхъ могилъ,
И милліонъ веселыхъ колыбелей.
Подъ нимъ и тотъ уже давно истлѣлъ,
Во чьей главѣ зерно то сокрывалось,
Отколь тотъ кедръ родился и созрѣлъ,
Подъ тѣнью чьей потомство воспиталось“...

Къ концу 1829 г., собираясь издать альманахъ свой »Денницу«, Максимовичъ усердно приглашалъ къ сотрудничеству въ ней, между прочими, братьевъ Кирѣевскихъ. Младшій изъ нихъ, Петръ, отправлялся въ это время за границу и не могъ сотрудничать, а въ альбомѣ Максимовича написалъ, какъ любитель пѣсенъ народныхъ, четыре строчки въ подражаніе малороссійской пѣсни и подписался: *Петрусь Кир*...

„Свиснувъ козакъ на коня:
Зоставайтесь, господа!
Я пріѣду, якъ не згину
Черезъ три года“.

Брата его, Ивана Васильевича, тогда 23 лѣтняго юношу, Максимовичъ убѣдилъ написать для „Денницы“ обозрѣніе рус-

ской словесности за 1829 годъ, и такимъ образомъ одинъ изъ первыхъ призналъ силу мысли въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Статья Кирѣевскаго возбудила шумъ и толки; Пушкинъ находилъ ее „краснорѣчивою и полною мыслей". Но въ альбомѣ Максимовича мы встрѣчаемъ только скромный слѣдъ И. В. Кирѣевскаго:

„Есть двѣ надежды: одна якорь, другая—парусъ; ищите послѣднюю, забудьте о первой".

И въ альманахѣ, и въ альбомѣ находимъ новую пьеску Серафимы Тепловой; скромная пьеска эта навлекла однако бурю на Максимовича, на Теплову и на цензора С. Н. Глинку, потому только, что кому-то вздумалось увидѣть въ ней обращеніе къ повѣшенному Рылѣеву:

„Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена,—
О, вѣрь, о, вѣрь, что надъ тобою
Стонъ скорби слышала волна!

—

О, вѣрь, что надъ тобой почило
Прощенье, миръ, а не укоръ;
Что не страшна твоя могила
И не постыденъ твой позоръ!

Сестра Тепловой, Надежда, встрѣчая въ 1831 г. день рожденія Максимовича, вписала въ альбомѣ свой привѣтъ:

„Немногіе изъ нашихъ дней
Имѣютъ свѣтлыя значенья:
Веселый свадьбы юбилей,
День имянинъ, но всѣхъ милѣй
День нашего *рожденья*.

—

Вамъ каждый вашъ означенъ годъ:
Вы мыслили, вы жили;
Пусть *этотъ* годъ вамъ принесетъ,
Что вамъ мечты сулили:
Зеленый миртовый вѣнокъ,
И лавръ благоуханный,
И вами пламенно-желанный
Покоя свѣжій уголокъ".

Въ томъ-же году Языковъ помѣстилъ въ альбомѣ пьеску, которая высказываетъ взглядъ его на собственную музу (она не вошла въ собраніе его стихотвореній, 1858 г., но—помнится—была напечатана Максимовичемъ въ „Парусѣ“ 1859 года):

„Свобода странно воспитала
Мою поэзію: она
Ее пристрастно поливала
Струями славнаго вина;
Сама, нетрезвыми руками,
Ее прямила—и порой
Благоуханными устами
Съ нея сдувала прахъ земной:
Я благодаренъ горделиво
Ей за радушные труды—
И самъ я вижу—и не диво—
Что пьяны вызрѣли плоды“.

Если не больше поэзіи, то гораздо больше сердечности въ отношеніяхъ къ Максимовичу встрѣчаемъ въ слѣдующихъ строкахъ женскаго сердца, написанныхъ въ 1832 году, на той страницѣ, гдѣ помѣщены строки матери и отца Максимовича:

„Я избрала листокъ, освященный рукою родителей вашихъ; желаю исполненія ихъ желаній. И если, по словамъ ихъ, вы должны искать и найдете счастіе *только на родинѣ*, то пусть *хотя листокъ этотъ* будетъ напоминать о *дняхъ*, проведенныхъ вами на чужбинѣ. Марія“.

Трудно придумать болѣе нѣжное и скромное сердечное признаніе. Самый выборъ мѣста и подчеркнутыя слова говорятъ о глубокости чувства. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и прекрасный мотивъ для трогательнаго стихотворенія.

Счастіе служебное улыбнулось однако Максимовичу и въ Москвѣ: въ августѣ 1833 года онъ былъ избранъ въ ординарные профессора московскаго университета, не смотря на нѣкоторыя интриги. Посѣтившіе его по этому поводу М. Г. Павловъ и Н. И. Надеждинъ, не заставъ его дома, написали ему въ альбомѣ, первый:

„Съ профессорствомъ радушно поздравляемъ
И вмѣстѣ съ симъ здоровымъ быть желаемъ“.

А второй представилъ въ стихахъ почти исторію избранія, которую мы можемъ объяснить только на половину:

23 АВГУСТА 1833 г.

Пріятную несемъ тебѣ молву:
Въ дупло сову,
Въ конюшню рыжака загнали!
Теперь забудь свои печали,
Будь бодръ и оживись!
Той—перья ощипали.
А съ этого посбили рысь".

Здѣсь подъ *совою* разумѣется Двигубскій, уволенный тогда отъ службы, подъ *рыжакомъ* И. И. Давыдовъ.

Мы уже говорили о сердечности отношеній многихъ пріятелей Максимовича; вотъ въ доказательство еще строки одного изъ ближайшихъ друзей его, Андрея Велинскаго; онѣ написаны въ то время, когда Максимовичъ былъ назначенъ къ переводу изъ Москвы въ Кіевъ, профессоромъ и ректоромъ новооткрываемаго университета:

„Два друга подобны двумъ созвѣздіямъ: когда одно является въ пучинѣ небесъ, другое спѣшитъ сопровождать. Имя твое да будетъ всегда спутникомъ моего".

Тогда-же Надежда Теплова, поднося цвѣты ему на дорогу, написала въ альбомѣ:

„Цвѣты прелестные Эдема
Поминка неба на земли;
Примите ихъ, они эмблема
Невинности, святой любви,
Сердечнаго воспоминанья;
Взгляните, какъ цвѣтутъ они,
Какъ ароматно ихъ дыханье!
Мое желанье и мольба:
Непостоянная судьба
Да не разлучитъ васъ съ мечтами;
Пусть съ вами радости живутъ
И съ сими милыми цвѣтами
Неувядаемо цвѣтутъ
Въ долинѣ жизни передъ вами".

Въ Кіевѣ Максимовича посѣтилъ въ октябрѣ 1835 г. Надеждинъ, возвращенный изъ ссылки. Надеждинъ только теперь узналъ, что любимая имъ особа, за которой онъ такъ тосковалъ въ ссылкѣ,

вышла за-мужъ. На память этого, Надеждинъ оставилъ въ альбомѣ Максимовича слѣдующее недоконченное четырехстишіе:

„Все прекрасно, я сказалъ—
И домой свой путь направилъ!
Тамъ меня мой ангелъ ждалъ,
Тамъ . . . . . !“

Подъ 1835 годомъ встрѣчаемъ стихотвореніе, написанное неизвѣстной намъ женской рукою:

„Счастливъ, кто отъ хлада лѣтъ
Сердце сохранилъ,
Кто безъ ненависти свѣтъ
Бросилъ и забылъ,
Кто дѣлитъ съ душой родной
Втайнѣ отъ людей
То, что презрѣно толпой,
Или чуждо ей“.

Лѣтомъ 1836 года Максимовичъ путешествовалъ въ Крыму; здѣсь онъ съѣхался съ знаменитымъ Иннокентіемъ, съ которымъ былъ сердечно друженъ и велъ частую переписку; Иннокентій оставилъ слѣдъ и въ альбомѣ, впрочемъ весьма скромный:

„Южный берегъ Крыма. Ялта. Іюня 18, 1836. А. И.“

Тогда-же, въ Керчи, Д. В. Давыдовъ (?) написалъ:

„Двѣ стороны моего характера: получеркесъ, полурыцарь. Я любилъ природу и свободу, какъ азіятецъ нагорный, а женщинъ—какъ паладинъ; не достаетъ надписи ободка, она: (и при этомъ въ альбомѣ сдѣланы сургучемъ двѣ стороны его печати, которыя уже до того истерлись, что ничего нельзя разобрать).“

Отъ 1837 г. сохранилась въ альбомѣ строка:

„Жуковскій. Кіевъ 1837, 8 октября“.

Жуковскій въ это время сопровождалъ цесаревича (нынѣ почившаго Царя-Освободителя) въ его путешествіи по Россіи. Съ Максимовичемъ онъ былъ знакомъ еще раньше, содѣйствовалъ его переводу въ Кіевъ и потомъ сотрудничалъ въ его „Кіевлянинѣ“.

Поэзія слова чередовалась въ альбомѣ съ поэзіей сердца; вотъ что было написано въ 1838 г. неизвѣстнымъ намъ лицемъ:

„Любезный Михаилъ Александровичъ, не забывайте ту Лизу, которую вы такъ ласкали“.

И вслѣдъ за тѣмъ другой рукой прибавлено:

„И ту Соню, которую такъ часто въ центръ губъ цѣловали“.

Подобныя нѣжныя, добрыя отношенія возбуждалъ къ себѣ Максимовичъ не только въ милыхъ представительницахъ прекраснаго пола, но почти во всякомъ, кто съ нимъ близко сходился. Лѣтомъ 1839 г. познакомился съ нимъ въ Кіевѣ Бенедиктовъ и вотъ какое свѣтлое впечатлѣніе вынесъ онъ изъ этого краткаго свиданія:

„Благословляя съ вами встрѣчу,
Благодарю и славлю рокъ,
И съ вами прожитый часокъ
Я въ сердцѣ золотомъ отмѣчу!
Когда мнѣ долгъ твердитъ: „спѣши",
Я долженъ въ даль мой путь направить,
Но я на память вамъ оставить
Готовъ, повѣрьте, полъ-души.
Что-бъ ни назначила судьбина
Потомъ въ удѣлъ душѣ моей—
Я знаю: эта половина
Была-бъ довольнѣй и свѣтлѣй!"

Затѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, вовсе не было вкладовъ въ альбомъ: въ эти годы Максимовичъ былъ тяжело боленъ, такъ что въ 1840 г. подалъ въ отставку и поселился въ своей уединенной усадьбѣ, на Михайловой Горѣ, въ золотоношскомъ уѣздѣ, надъ Днѣпромъ. Въ сентябрѣ 1842 года пріѣздъ Надеждина въ Кіевъ вызвалъ сюда и Максимовича для свиданія съ другомъ. Въ эту пору встрѣчаемъ въ альбомѣ строки А. П. Хвостовой, долго жившей и скончавшейся въ Кіевѣ; о ней желательно бы имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія, чѣмъ какія существуютъ въ нашей литературѣ. Мы знаемъ только, что она была урожденная Хераскова (род. 1767), племянница поэта М. М. Хераскова, въ замужествѣ была за Дм. Сем. Хвостовымъ, скончалась въ 1853 году. Въ литературѣ она извѣстна особенно своею книгою „Каминъ и Ручеекъ" (Спб. 1796), которая достигла трехъ изданій, была переведена три раза на французскій, и по разу на нѣмецкій и англійскій языки [1]). Одинъ изъ почитателей Хвостовой, кн. Бѣлосельскій, написалъ громкую надпись къ ея портрету, въ которой между прочимъ читаемъ:

„Grâces! Vous n'êtes plus trois seules....
Et vous, Muses, vous voilà dix".

---

[1]) О другихъ ея сочиненіяхъ см. Варш. Дневникъ. 1881, № 179.

Вигель нѣсколько разъ говоритъ о ней въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ и эти отзывы желчнаго Вигеля весьма замѣчательны по своему почтительному тону. Отсылая любопытныхъ къ книгѣ Вигеля, обращаемся къ альбомнымъ строкамъ А. П. Хвостовой:

„Мнѣ 80 лѣтъ. Время затоптало всѣ розумичныя способности мои, и жизнь, какъ перегорѣлый уголекъ, едва тлѣется въ разрушающемся бытіи моемъ; но я чувствую еще, что я жива, потому что могу любить и помнить. Не забывайте и вы старуху Хвостову“.

Гораздо затѣйливѣе и курьезнѣе выдался въ томъ же году Юрій Бартеневъ, писавшій въ альбомѣ такъ:

„Братъ Максимовичъ! На кого потратишъ сердце, къ тому какъ то душа особенно стремиться; Пожалуй, Любезной, повернись ко мнѣ всемъ отверзеніемъ любящихъ твоихъ способностей, удовлетвори моему вожделѣванію, я хочу тебя, тебя всего, тебя до выгрыбу; словомъ: хочу дружбы твоей, единенія тѣснаго, о которомъ чистое, оплатонизованное разумѣніе твое совершенно знаетъ; вотъ чего я хочу, вотъ о чѣмъ и пишу въ кургузомъ альбомѣ твоемъ. Dixi“.

Этотъ латинистъ, занимавшій нѣкогда видное мѣсто при кн. А. Н. Голицынѣ, не вполнѣ однако владѣлъ русскою грамотою, какъ видитъ читатель изъ приведенныхъ немногихъ строкъ.

Въ 1843 г. прекраснымъ тонкимъ почеркомъ писало лицо, которое долго считалось невѣстой Максимовича (Ольга Зайцова, скоро потомъ умершая):

„Съ душою, исполненною святыни, взялась я за перо, чтобы вписать вамъ на памятномъ листкѣ пару словъ. Чувство преданности къ вамъ такъ глубоко во мнѣ, что невольно въ памяти вкоренился милый образъ вашъ. Я не выражаю всѣхъ ощущеній, но скажу, что они превышаютъ многое. „Гдѣ много чувствъ, тамъ мало словъ“— вотъ девизъ всего прекраснаго, всего высокаго въ душѣ! Питаюсь отрадною мечтою, что, перелистывая альбомъ, вы прочтете эти строки и хотя на мигъ вспомните обо мнѣ. Ольга З..... Кіевъ 1843, окт. 22“.

И вслѣдъ затѣмъ тою же рукою, но только шпилькой, слегла проведено: „*12 час. полночь*“.

Максимовичъ въ это время опять читалъ лекціи въ университетѣ, по найму, и готовъ былъ снова поступить на службу, но ему назначили преемника, и онъ долженъ былъ снова уда-

литься въ свою убогую усадьбу, и вѣроятно по этой причинѣ семейное счастіе его не состоялось тогда-же.

Въ 1844 году, дядя Максимовича, Е. Ѳ. Тимковскій (впослѣдствіи членъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, сконч. 1875), уѣзжая въ Петербургъ, написалъ въ альбомѣ свои прощальныя строки:

„Волею непостижимаго Промысла, оставляю мою родину на вѣки; но ваша родственная дружба ко мнѣ пребудетъ навсегда лучшимъ залогомъ моей приверженности къ ней и къ вамъ особенно".

Этотъ дядя Максимовича дѣйствительно любилъ и цѣнилъ его: онъ велъ съ нимъ постоянную дружескую переписку, ходатайствовалъ о немъ, помогалъ ему деньгами безъ возврата, присылалъ подарки и проч.

Въ слѣдующемъ году профессоръ А. И. Селинъ, послѣ перваго знакомства съ Максимовичемъ въ Кіевѣ, оставляетъ въ альбомѣ свое почтительное впечатлѣніе:

„Помню, съ какимъ наслажденіемъ бесѣдовалъ я съ Наумомъ въ ранніе годы моей юности; не забуду мгновеній, проведенныхъ съ вами на родинѣ вашей.

„Властителя природы вижу въ художникѣ, жреца священнаго—въ ученомъ, творца нравственнаго человѣка и божественныхъ его дѣяній—въ женщинѣ".

Послѣднія строки намекаютъ на сестру Максимовича, его питомицу, весьма даровитую и симпатичную.

Въ 1847 г. встрѣчаемъ стихи Жуковскаго, подъ которыми *подписалась* Марія Кирѣевская:

„Что ни пошлетъ судьба—все пополамъ!
Безъ робости, дорогою одною,
Въ душѣ добро и вѣра къ небесамъ,
Идти—тебѣ впередъ, намъ за тобою;
Лишь *вмѣстѣ-бы*; лишь только-бъ *за одно*,
Лишь-бы *одна*, въ *одинъ часъ* намъ могила;
Что-жь впрочемъ здѣсь ни встрѣтить—все равно!
Я въ томъ за всѣхъ и руку приложила".

И точно, на этомъ листѣ, вклеенномъ въ альбомъ, была положена крошечная ручка, съ раздвинутыми пальцами, и вся она аккуратно обведена чернильною чертою. Но самые стихи написаны рукою Жуковскаго—это мы положительно утверждаемъ,

очень хорошо зная его почеркъ. Въ изданіи сочиненій Жуковскаго (1878) эта пьеска помѣщена въ I томѣ (стр. 434); но приводимая нами копія отличается нѣкоторыми варіантами и пунктуаціею, которые заслуживаютъ вниманія, какъ принадлежащіе самому поэту.

Тогда-же докторъ В. А. Караваевъ вписываетъ въ альбомъ рецептъ глазныхъ капель, которыя были такъ необходимы и такъ полезны ослабѣвшему зрѣнію Максимовича.

Въ 1851 г. Максимовичъ посѣтилъ своего другаго дядю И. Ѳ. Тимковскаго (бывшаго нѣкогда директоромъ новгородъ-сѣверской гимназіи), жившаго въ своемъ помѣстьѣ Турановкѣ, глуховскаго уѣзда. Дядя набросалъ въ его альбомъ нѣсколько апофѳегмъ, на русскомъ, малорусскомъ и латинскомъ языкахъ, въ стихахъ и въ прозѣ; вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

„Спереди—блаженъ мужъ, да сзади—вскую шаташася.
„Не будь правдивъ вельми, ни мудръ излишне.
„Сила правду на водѣ пишетъ.
„Много дива по свѣту, а дома лучше.

„Мы обмануты бываемъ
Часто мнѣніемъ своимъ,
Утро мудростью встрѣчаемъ,
Днемъ же глупости творимъ“.

„Горе вамъ, фарисеи, лицемѣры, дуросвѣты!
„Вороги твои—„нехай“ и „абыякъ“.
„Память цвѣтетъ на могилѣ, а правда на дѣтяхъ.
„Лучше смолчать, какъ сказать; то послѣдняя наука“.

Въ 1852 г. Максимовичъ снова посѣтилъ его, и онъ опять пишетъ въ альбомѣ:

„Неотдѣлимо на умѣ и сердцѣ у меня, что я родился и взросъ на южной полосѣ Малороссіи, у благодатныхъ береговъ Днѣпра; живу на сѣверномъ краю ея и чувствую гнетущія стужи отъ свѣта. Стихійно приходитъ часто на мысль—увидѣть Кіевъ, Каневъ, Черкасы и родину, небо и землю моихъ предковъ. Но будетъ ли такъ расположено нынѣшнее владѣніе Згарью, чтобы я могъ тамъ, хоть на недѣлю времени, подышать свободно... Илья Тимковскій“.

Желаніе почтеннаго старца не сбылось: онъ заболѣлъ и скончался (1853), успѣвъ не задолго до смерти составить драгоцѣн-

ныя историческія записки о И. И. Шуваловѣ, московскомъ университетѣ, о своемъ воспитаніи и времени [1]).

Засимъ, почти 20 лѣтъ, не встрѣчаемъ въ альбомѣ ни одной строки: страсть къ альбомамъ въ 50-хъ годахъ уже вообще ослабѣла, кромѣ того въ 1853 году Максимовичъ женился, и жизнь семейная, съ ея заботами и радостями, невольно заставила и его забыть о своемъ альбомѣ. И только въ 1871 г. полувѣковой юбилей литературной дѣятельности его снова вызвалъ на сцену альбомъ, въ которомъ вписались тогда Михаилъ Погодинъ, попечитель Антоновичъ, профес. Гр. Е. Щуровскій—лица, наиболѣе близкія Максимовичу, наиболѣе согрѣвавшія его послѣдніе годы своимъ вниманіемъ и заботами о немъ.

Въ 1872 г. Максимовичъ посѣтилъ въ послѣдній разъ Москву и Петербургъ, и въ альбомѣ встрѣчаемъ подписи: Василій Тимковскій, Ап. Майковъ, Н. Барсуковъ... Майковъ, издавшій тогда свой переводъ „Слова о Полку Игоревѣ", написалъ въ альбомѣ:

„Руководителю моему въ незнаемой землѣ за Игоремъ Сѣверскимъ—на память".

Въ Москвѣ встрѣтился съ нимъ въ первый разъ академикъ Я. К. Гротъ и тогда же писалъ намъ объ этой встрѣчѣ:

„Въ короткое пребываніе Максимовича въ Петербургѣ мы не успѣли познакомиться; узнавъ, что онъ въ Москвѣ, гдѣ я былъ проѣздомъ, я поспѣшилъ къ нему и засталъ его поправляющимся отъ болѣзни, которая задержала его въ Бѣлокаменной. При мнѣ навѣстилъ его Лебединцевъ (П. Г.). Какое пріятное впечатлѣніе произвели они на меня! Какой симпатическій человѣкъ Максимовичъ! У него я встрѣтилъ еще малороссійскаго уроженца Маслова, который пріѣхалъ совѣтоваться съ нимъ о біографіи Шевченка. Любопытно мнѣ было прослушать оживленные толки объ этомъ, мало извѣстномъ мнѣ, поэтѣ".

Мы приводимъ эту выписку, какъ новое доказательство того, что Максимовичъ до конца жизни обладалъ рѣдкимъ даромъ возбуждать къ себѣ сердечное сочувствіе и что къ совѣтамъ его постоянно прибѣгали люди всѣхъ возрастовъ.

Давніе друзья его—московскія дамы—встрѣтившія его съ неизмѣнною любовію и выслушивавшія теперь его скорбныя тихія рѣчи о тернистомъ пути его, съ замѣчательнымъ мастер-

---

[1]) См. ихъ въ Москвитянинѣ 1851 г., № 9 и 10: 1852 г., №№ 17, 18 и 20; послѣднія перепечатаны въ исправленномъ видѣ въ Р. Архивѣ 1874, кн. 1, стр. 1377.

ствомъ и нѣжнымъ женскимъ тактомъ избрали для его альбома нѣсколько стиховъ изъ Хомякова; одна изъ нихъ, О. Ѳ. Кошелева, написала въ видѣ напутствія и какъ завѣтъ отъ друга—поэта, уже умершаго:

„Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты:
Спасайся-жъ, пахарь, надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы".

Другая—Д. А Беклемишева,—въ словахъ того же Хомякова, нашла весьма милое обращеніе, которое такъ близко подходило къ Максимовичу, такъ удачно выражало впечатлѣніе отъ встрѣчи съ нимъ:

„Твоей молитвы гимнъ прекрасный,
Твоихъ страданій тихій гласъ,
Все жизнью свѣтлой, мыслью ясной,
Чаруя, оживило насъ".

Это была послѣдняя встрѣча Максимовича съ его московскими друзьями и это—послѣдніе поэтическіе вклады въ его альбомъ: 10 ноября 1873 г. Максимовичъ скончался въ своемъ уединенномъ помѣстьѣ. Семейство и друзья его принесли ему еще одинъ вкладъ—соорудили на могилѣ его прекрасный надгробный памятникъ; а почитатели его таланта предприняли изданіе его сочиненій.

Всею своею литературною дѣятельностію Максимовичъ вполнѣ осуществилъ тотъ идеалъ ученаго, который однажды развилъ въ своей бесѣдѣ преосв. Іаковъ, архіепископъ нижегородскій († 1850); онъ говорилъ: „Честное служеніе наукѣ есть подвигъ евангельскій, ибо оно безкорыстно и требуетъ труда; а трудъ есть ангелъ-хранитель, прогоняющій всѣ пороки, рождаемые праздностью; наука же не даетъ суетнымъ мыслямъ глубоко вкореняться въ душу. Ученые—то-же, что монахи: тѣснымъ путемъ идутъ они".

Признавая въ Максимовичѣ *перваго* дѣятеля на полѣ изученія кіевской старины (послѣ митрополита Евгенія), мы считаемъ нравственнымъ долгомъ отдать ему *первому* честь въ новомъ изданіи—„Кіевской Старинѣ". И намъ и другимъ, вѣроятно, не разъ прійдется возвращаться къ его памяти, и потому считаемъ умѣ-

стнымъ привести здѣсь указанія на статьи, доселѣ посвященныя его имени.

1. Статьи, появившіеся о немъ до его кончины, почти всѣ перечислены въ составленномъ нами біографическомъ и историко-литературномъ очеркѣ, подъ заглавіемъ „М. А. Максимовичъ", Спб. 1872, приложеніе, стр. XIX. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить:

2. „Михайлова Гора", Кіевлянинъ 1871 г., №№ 85 и 86.

3. Юбилей М. А. Максимовича, Кіевъ. 1871. перв. и второе изданіе, Спб. 1872.

4. „Труды Максимовича для русской филологіи и словесности", статья Н. М. въ Филологическихъ запискахъ за 1871 г., вып. 5—6,

5. О 50-ти лѣтнемъ его юбилеѣ: Иллюстрація 1871 г. № 46, съ портретомъ М—ча; Голосъ № 255-й, Моск. Вѣдом. № 201; Народ. Школа № 5.

6. Некрологи: Нов. Время 1873 г., № 24; Петерб. Листокъ, № 231; Извѣстія Географ. Общества 1874 г., № 5, стр. 280.

7. Письмо Д. В. Давыдова къ нему—въ Сочин. Давыдова, М. 1860, ч. III, стр. 169.

8. Письма къ нему Богородскаго, Кіевлянинъ 1881, № 93.

9. Въ настоящее время печатается обширное собраніе писемъ къ нему Погодина въ Сборникѣ II отдѣленія Импер. Академіи Наукъ.

10. Некрологи его: Кіевлянинъ 1873, №№ 137, 138.

11. Вѣстникъ Европы 1874 № 3, ст. М. Драгоманова.

12. Русскій Архивъ 1874, № 12, біографическій очеркъ Н. Чаева, стр. 1055.

13 Сборникъ Отдѣленія Р. Языка и Словесности, т. XI, № 3, стр. 13—18 (1875 г.), А. Никитенко.

14. Памятникъ Максимовичу. Послѣдніе дни его. Портреты въ его помѣстьѣ. Библіотека,—Кіевлянинъ 1875, № 108 (См. также 1877, № 65).

15. Альбомъ сестры его, Кіевлянинъ 1881, № 236.

16. Отзывъ о немъ О. М. Бодянскаго въ книгѣ „О происхожденіи славянскихъ письменъ", М. 1855, стр. LXXII.

17. Въ книгѣ проф. А. А. Котляревскаго „Библіологическій опытъ о древней русской письменности", Воронежъ 1881, стр. 43, 76, 158, 160, 165 и 166.

18. О новомъ изданіи „Сочиненій Максимовича" (Кіевъ 1876—1880) намъ извѣстны статьи: въ Кіев. Унив. Извѣстіяхъ 1877,

№ 7, стр. 254, въ Кіевлянинѣ 1877, №№ 5 и 129; въ Сѣверн. Вѣстникѣ 1877, № 25, статья Н. И. Костомарова.

Издателямъ сочиненій Максимовича можемъ указать еще на двѣ статьи его, доселѣ незамѣченныя:

19. Рецензія на соч. Двигубскаго, въ Сѣв. Пчелѣ 1829, № 131 (при этомъ уяснимъ мѣсто его рецензіи на физику М. Г. Павлова, Сѣв. Пч. 1833, №№ 192 и 207).

20. Рецензія на книгу «Піитическая Игрушка», Моск. Телеграфъ 1830, ч. I, с. 194, подпись: „—*ховъ*"; это—псевдонимъ Максимовича.

21. Въ заключеніе напоминаемъ его статью «*Воспоминаніе о пребываніи въ Москвѣ Мицкевича*", хранящуюся въ Моск. Обществѣ Любителей Россійской Словесности, гдѣ статья лежитъ безъ движенія *двадцать одинъ годъ* (съ 1859 г.). Весьма желательно было-бы видѣть ее поскорѣе напечатанною хоть гдѣ-нибудь, чтобы можно было потомъ помѣстить ее въ „Собраніи сочиненій Максимовича", издаваемыхъ *въ пользу его сиротъ*.

С. Пономаревъ.

Конотопъ.
5 ноября, 1881 г.

Посмертный разсказъ о. Антонія Ковальскаго.

(Къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губерніи 1855 года).

Авторъ этого разсказа, о. Антоній Ковальскій, священствовалъ въ с. Мироновкѣ, кіевской губерніи, каневскаго уѣзда, и умеръ въ 1875 году. Онъ очевидецъ происшествій, о которыхъ говоритъ, и самъ является много пострадавшимъ въ описываемое имъ время. Его разсказъ простъ, богатъ фактами, чуждъ всякихъ сентенцій и выводовъ. Тѣмъ онъ и дорогъ. Разсказъ лишь отчасти касается волненія крестьянъ, но главнымъ образомъ рисуетъ то трудное, мучительное положеніе, въ которое попалъ самъ авторъ и другіе священники охваченной волненіемъ мѣстности, благодаря весьма печальному и, какъ увидитъ читатель, невольному недоразумѣнію со стороны прихожанъ. Такъ называемыя волненія крестьянъ происходили тогда, въ 1855 году, въ нѣсколькихъ уѣздахъ кіевской губерніи; авторъ разсказа говоритъ только о томъ, что происходило въ районѣ его благочинія и что касалось его и потерпѣвшаго съ нимъ духовенства.

Въ основѣ волненій описываемаго авторомъ времени лежали наболѣвшее въ крестьянахъ до послѣдней крайности чувство крѣпостнаго гнета и рѣшительное стремленіе ихъ выбиться изъ-подъ него на волю, идя въ этомъ случаѣ, какъ казалось многимъ изъ нихъ, на призывъ самого Царя. Поводомъ къ такому стремленію послужило своеобразное пониманіе Высочайшаго манифеста 14 декабря 1854 года, въ которомъ выражалась увѣренность, что всѣ сыны Россіи „*съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ*“ станутъ на защиту отечества. Что первое броженіе возникло отсюда, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; но оно должно было совершить свой кругъ, свой внутренній процессъ, чтобы явиться потомъ въ извѣстной формѣ. Лабораторія народнаго чувства и мысли не доступна для насъ и мы не можемъ съ точностью опредѣлить, какъ народъ отъ помятутыхъ словъ манифеста дошелъ до мысли о собственной свободѣ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ искалъ отвѣта на вопросъ, чѣмъ и какъ откликнуться на призывъ Царя. Единичныя мнѣнія, высказывавшіеся на разные лады то тамъ, то здѣсь, переходили въ массу народную, обращались, перерабатывались въ ней. Вспомнилось уцѣ-

лѣвшее неясное преданіе о козачествѣ... Въ какой другой формѣ украинскій народъ могъ проявить свою готовность помочь Царю?—Вѣрный и преданный Ему, но неспособный витать въ области однихъ чувствованій, какъ бы возвышенны они ни были, и не зная, какъ отъ слова перейти къ дѣлу, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ Царь зналъ о его рѣшимости стать на помощь, а въ народѣ каждый выступаетъ самъ собою. Отсюда это поголовное настойчивое желаніе каждаго крестьянина записаться въ козаки, даже просто въ какой-нибудь списокъ, но съ тѣмъ, чтобы всѣ такіе списки посылались... Царю. Этого добивались крестьяне отъ священниковъ, причетниковъ и просто писарей, за это деньги платили, а при отказѣ дѣлали угрозы и разныя оскорбленія. Пока прошла свой кругъ эта первая опредѣленная мысль, созрѣла другая. Кто записался въ козаки, тотъ, значитъ, будетъ служить Царю и слѣд. не долженъ болѣе работать помѣщику. Мысль воплощалась въ слово, отъ слова переходили къ дѣлу: волновались, не шли на барщину; но являлось усмиреніе, наказаніе. Въ одномъ мѣстѣ утихали, въ другомъ поднимались. Слова превращались въ слухи, слухи облетали большія пространства, видоизмѣнялись, переиначивались, пока не явился слухъ, потомъ убѣжденіе, что и указъ на вольность отъ Царя пришелъ. Но указа не читаютъ... Гдѣ же онъ?—У священниковъ, въ церквахъ. Вѣдь не давно „правила *инвентарныя*“ имъ отдали при всѣхъ, и они сперва читали, потомъ перестали читать. Кто же виноватъ теперь, что указа не читаютъ?—Паны-помѣщики. Ихъ прямой интересъ: они подкупили священниковъ. Надо истребовать, вымолить у священниковъ указъ,—не отдадутъ,—силою взять. И вотъ толпами собираются къ священникамъ крестьяне и требуютъ несуществующаго указа на вольность, ищутъ его въ церквахъ, въ числѣ бумахъ, въ евангеліяхъ и пр. и проч. Тѣ не могутъ дать, чего нѣтъ; эти не вѣрятъ. Раздраженіе ростетъ, священниковъ держатъ въ арестѣ, водятъ отъ села до села, ругаются, грозятъ, бьютъ, подвергаютъ истязаніямъ, пока не наступаетъ кровавая развязка.—*Л—въ.*

Въ одной изъ послѣдующихъ книжекъ „Кіевской Старины“ мы надѣемся помѣстить еще одинъ такой разсказъ священника—очевидца, а затѣмъ полный очеркъ крестьянскихъ волненій въ кіевской губерніи 1855 г., основанный на офиціальныхъ свѣденіяхъ и дополненный личными наблюденіями (въ уѣздахъ васильковскомъ, таращанскомъ, каневскомъ и сквирскомъ) того лица, которому мы обязаны сообщеніемъ настоящаго разсказа и которое само было представителемъ духовной власти въ дѣлѣ умиротворенія мятущагося народа. *Ред.*

Въ 1855 году я былъ благочиннымъ церквей 4-го округа каневскаго уѣзда. Округъ мой состоялъ изъ селъ—Выграева, Сытниковъ, Самородни, Сотниковъ, Корниловки, Бровахъ, Сахновки, Нетеребки, Гарбузина, мѣстечка Корсуна (2-хъ церквей—спасской и

ильинской) и села Мироновки. Всѣ эти села, кромѣ Мироновки, принадлежали свѣтлѣйшему князю Павлу Петровичу Лопухину, Мироновка-же, гдѣ я священствовалъ, принадлежала графу Константину Владиславовичу Браницкому.

Возмущеніе крестьянъ въ 1855 году въ кіевской губерніи началось въ *сквирскомъ уѣздѣ* [1]), *въ селѣ Березнѣ*; оттуда стало распространяться въ таращанскій и каневскій уѣзды. Въ каневскомъ уѣздѣ волненія оказались сперва въ мѣст. Медвинѣ и селѣ Карапишахъ; въ послѣднемъ прихожане продержали своего священника Гавріила Яворскаго въ церкви цѣлый день, требуя выдачи имъ грамоты о своей вольности, съ золотыми печатями.

О волненіи крестьянъ въ с. Карапишахъ я узналъ частно, на страстной недѣлѣ, во вторникъ. Въ среду, выходя изъ церкви по окончаніи утрени, вижу—на церковномъ погостѣ стоятъ человѣкъ 50 моихъ прихожанъ съ хозяйственными орудіями (сокирами, цѣпами и т. п.); когда я съ ними поровнялся, они преградили мнѣ дорогу. Я смекнулъ въ чемъ дѣло, но дабы не показать вида, что догадался, я обратился къ нимъ съ такимъ упрекомъ: „развѣ вамъ мало было поста, что вы теперь собираетесь говѣть?“ Они отвѣчали: „мы говѣли уже; но пришли по другому дѣлу,—просить васъ, чтобы вы выдали намъ указъ на вольность“. Я отвѣчалъ, что указа на вольность въ церкви нѣтъ. Долго еще мнѣ пришлось говорить имъ, что такихъ указовъ нѣтъ нигдѣ, и, казалось, удалось разувѣрить. Всѣ пошли изъ погоста, а я отправился домой. Но не прошло минутъ десять, какъ все подворье мое было уже полно людей; я къ нимъ вышелъ и началъ говорить, что „это до добра не доведетъ; вы знаете, что экономъ мнѣ недоброжелатель; узнавши о вашемъ сборищѣ у меня, донесетъ своему начальству, а то далѣе отрепортуетъ и мнѣ выйдетъ плохо“. Они обѣщали призвать сюда эконома. Чрезъ небольшое время пріѣхалъ подъ арестомъ экономъ и мы всѣ пошли въ церковь. Здѣсь я читалъ инвентарныя правила; но крестьяне симъ недовольствовались и начали шушукать въ церкви. Во избѣжаніе безчинія въ церкви, я благословилъ читать часы и они разошлись; остались только одни говѣльщики.

Послѣ сего, ни въ праздникъ Пасхи, ни послѣ праздника ничего мнѣ прихожане не напоминали про указъ и барщину от-

---

[1]) Невѣрно: въ сквирскій уѣздъ волненіе перешло изъ васильк. уѣзда. П. Л—въ.

работывали исправно; списки впрочемъ писали и посылали въ Кіевъ; но въ сихъ спискахъ не было ничего противнаго,—писали, что въ случаѣ надобности, всѣ согласны идти на защиту поголовно.

Въ Корсунскомъ имѣніи, до праздника Пасхи (до 27 марта), незамѣтно было никакого волненія. На свѣтлой недѣлѣ начали уже въ нѣкоторыхъ селахъ собираться крестьяне толпами —толковать про вольность, писать списки, посылать ихъ въ Кіевъ и разсылать нарочныхъ въ другія имѣнія для разспроса; но возмущенія еще не поднимали, требованія помѣщичьи выполняли, къ священникамъ не привязывались. Волненіе въ имѣніи князя Лопухина началось собственно съ ѳоминой недѣли—съ „проводъ", и первоначально оказалось въ селѣ Бровахахъ.

По смерти священника села Бровахъ Леонтія Григоровича, умершаго 22 февраля 1855 года, приходъ бровахскій порученъ мною въ наблюденіе священнику села Корниловки Димитрію Подгаецкому, который, отслуживши въ ѳоминъ понедѣльникъ панихиды въ своемъ приходѣ, во вторникъ пріѣхалъ въ Бровахи для той-же цѣли и здѣсь засталъ уже на служенія новорукоположеннаго въ село Сахновку священника Іосифа Гордіевскаго. Послѣ литургіи священникъ Подгаецкій и Гордіевскій пошли на общее кладбище отпѣвать панихиды; оттуда вдовая священница попросила ихъ отпѣть панихиду въ ея домѣ и пригласила на обѣдъ, на который были приглашены и прихожане. Народа собралось довольно. Когда прихожане подпили, то начали спрашивать священника Подгаецкаго, гдѣ указъ на ихъ вольность, потомъ просили идти въ церковь и выдать имъ сей указъ. Къ счастію, въ это самое время принесли крестить дитя; священникъ Подгаецкій, видя, что крестьяне къ нему сильно пристаютъ, упросилъ св. Гордіевскаго крестить дитя здѣсь, въ домѣ священника, а самъ, улучивши время, когда крестьяне, собравшись въ кучу, толковали между собою, вышелъ изъ дому другими дверями на токъ (гумно) и чрезъ огородъ и леваду ушелъ лѣсомъ домой, въ Корниловку, на разстояніи трехъ верстъ. Побѣга его крестьяне не замѣтили до тѣхъ поръ, пока уже воспріемники вышли и объявили, что дитя окрестилъ священникъ молодой, а корниловскій священникъ давно ушелъ домой. Нѣкоторые крестьяне бросились догонять его, но не догнали; къ священнику-же молодому не привязывались. Когда свящ. Подгаецкій пришелъ въ Корниловку, то въ его приходѣ не слышно было еще никакого возмущенія.

Бровахскіе крестьяне, догонявшіе Подгаецкаго, прибывъ сюда, взволновали и его прихожанъ. На другой день рано собрались на дворъ священника нѣсколько прихожанъ; нѣкоторые вошли въ домъ и просили священника выдать имъ указъ на вольность. Священникъ на первый разъ успѣлъ убѣдить ихъ, что такого указа нѣтъ въ церкви, и они разошлись по домамъ. На слѣдующій день крестьяне опять пришли къ священнику и уже настоятельно требовали идти въ церковь и выдать имъ указъ. Священникъ принужденъ былъ идти; читалъ манифестъ касательно ополченія и инвентарныя правила, но они тѣмъ не довольствовались. Въ это самое время пріѣхалъ въ Корниловку помощникъ пристава Заграйскій. Узнавши о волненіи крестьянъ, онъ пошелъ въ церковь и сталъ увѣщевать ихъ, но они сказали: „мы теперь васъ слушать не будемъ“ и просили его удалиться изъ церкви, что онъ и исполнилъ. Между тѣмъ какъ помощникъ пристава разговаривалъ съ крестьянами, священникъ Подгаецкій успѣлъ какъ-то выйти изъ церкви, чрезъ пономарню, перелѣзъ чрезъ ограду, потомъ сѣлъ на повозку съ вышедшимъ помощникомъ пристава и уѣхалъ въ Корсунъ. Крестьяне, видя себя обманутыми, по выходѣ изъ церкви, заперли ее и ключи отдали не старостѣ церковному, а стороннему человѣку. Потомъ всѣ двинулись въ село Гарбузинъ, гдѣ застали уже на дворѣ священническомъ много крестьянъ, состязающихся съ своимъ священникомъ и домогающихся выдачи указа на вольность. Священникъ (Михаилъ Кудревичъ) сперва говорилъ съ своими прихожанами строго и не хотѣлъ идти съ ними въ церковь, но они насильно одѣли его и повели въ церковь; тутъ заставляли его читать разные прежніе манифесты и пробыли вообще въ церкви до полудня. Въ полдень, узнавши, что въ мѣстечкѣ Таганчѣ собираются крестьяне таганчскаго имѣнія, положили идти туда и вести съ собою своего священника. Священникъ ушелъ было въ домъ и заперся; но крестьяне выломали дверь, взяли его насильно, сняли сапоги и повели босаго въ Таганчу [1]), забравъ въ мѣшки всѣ бумаги изъ церкви.

Между тѣмъ въ селахъ Выграевѣ, Сытникахъ, Сотникахъ, Самороднѣ крестьяне также начали собираться къ священникамъ

---

[1]) М. Таганча, канев. уѣзда, въ 20 верстахъ отъ Корсуни, принадлежало полковнику Августу Осиповичу Понятовскому. Въ Таганчу вели священниковъ крестьяне изъ нѣсколькихъ селъ, получивши въ ночь предъ тѣмъ свѣдѣніе, что туда прибыла коммисіи по усмиренію волненія. П. Л—въ.

и требовать выдачи имъ указа на вольность. 6-го апрѣля священники села Выграева Іоаннъ Загродскій и Сытниковъ Іоаннъ Чернодубравскій прислали ко мнѣ репорты о волненіи въ ихъ приходахъ. Надобно знать, что предъ тѣмъ былъ указъ консисторіи, чтобы въ случаѣ волненія крестьянъ въ какомъ-либо приходѣ, священники этихъ приходовъ должны репортовать благочинному, а благочинный долженъ немедленно являться туда для увѣщанія. Нарочному, принесшему репорты, я словесно сказалъ, что завтра рано буду въ тѣхъ приходахъ; и на другой день рано поѣхалъ одинъ, одною лошадью, безъ погонщика. Около с. Яновки узнаю, что въ Таганчѣ возмущеніе, и что тамъ былъ благочинный Николай Дашкевичъ и воротился уже домой. Благочинный Дашкевичъ, священникъ с. Яновки, мой зять, сестра моя родная за нимъ. Я заѣхалъ въ Яновку; но не успѣлъ разспросить подробно о возмущеніи таганскомъ, какъ пріѣхали туда командированные для умиротворенія крестьянъ: законоучитель бѣлоцерковской гимназіи и благочинный, свящ. Петръ Лебединцевъ, состоящій при генералъ-губернаторѣ подполковникъ Аѳанасьевъ и совѣтникъ кіевскаго губернскаго правленія Янкуліо, въ сопровожденіи пристава Саара. Благоч. Дашкевичъ разсказалъ имъ подробно про таганское дѣло; при семъ и я объявилъ, что въ моемъ вѣдомствѣ, въ селѣ Корниловкѣ, уже началось возмущеніе крестьянъ. Г. Аѳанасьевъ просилъ благ. Дашкевича сейчасъ поѣхать въ Таганчу; и когда тотъ отказывался неимѣніемъ лошадей, то Аѳанасьевъ просилъ меня дать свою лошадь благоч. Дашкевичу [1]), а мнѣ предложилъ ѣхать въ Корсунъ съ становымъ приставомъ Сааромъ и тамъ, разузнавши подробно, донесть ему, въ Таганчу, или явиться лично. Я оставилъ Сытники и Выграевъ, куда намѣревался ѣхать изъ дому, а поѣхалъ въ Корсунъ съ пр. Сааромъ. Тамъ, въ домѣ священника Тимоѳея Стрижевскаго, засталъ священника с. Корниловки Димитрія Подгаецкаго, который подробно разсказалъ о волненіи крестьянъ въ Бровахахъ и Корниловкѣ. Главное корсунское экономическое управленіе кн. Лопухина, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, извѣстило меня, что въ с. Гарбузинѣ крестьяне взяли своего священника и повели въ Таганчу, а потому просило меня поѣхать въ Гарбузинъ для

---

[1]) Благочинный Дашкевичъ остался все-же дома, не совѣтуя и намъ ѣхать въ Таганчу, явился туда утромъ слѣдующаго дня и тамъ былъ задержанъ крестьянами. П. Л—въ.

подробнаго разузнанія. На другой день, рано, діаконъ м. Корсуна Яковъ Костецкій вызвался ѣхать со мною въ Гарбузинъ на его лошадяхъ, и мы съ нимъ поѣхали; но только что выѣхали на дорогу, идущую изъ Гарбузина въ м. Таганчу, какъ увидѣли, что по той дорогѣ идетъ толпа народа. Приблизясь къ идущимъ, мы спросили, куда они идутъ. Тѣ отвѣчали, что вчера прихожане корниловскіе пришли къ нимъ въ Гарбузинъ, взяли ихъ священника и повели въ Таганчу, забрали и бумаги изъ церкви, а они будто идутъ выручать своего священника. Мы не поѣхали уже въ Гарбузинъ, а направились къ Таганчѣ. Пріѣхавши въ деревню Кичинцы, узнали, что священника Кудревича вечеромъ привели въ Кичинцы, гдѣ онъ переночевалъ въ коморѣ у крестьянина, а сегодня повели его въ Таганчу. Въѣзжая въ Таганчу по улицѣ, гдѣ сходятся дороги изъ с. Голяковъ и Мельниковъ, видимъ толпу крестьянъ и между ними священниковъ—с. Сытниковъ Чернодубравскаго и с. Гарбузина Кудревича, сидящихъ порознь одинъ отъ другаго. Когда мы приблизились, священники начали кричать къ намъ, прося защиты, и хотѣли подойти къ намъ, но ихъ не пустили, а намъ сказали: „ѣдьте, куда ѣдете, а то и вамъ будетъ такая-же честь.“ Поѣхали мы далѣе и когда въѣхали въ мѣстечко, то ужаснулись, увидѣвъ здѣсь больше народа, чѣмъ бываетъ во время ярмарки; все народъ мужескаго пола, пѣшій. Въѣхавши на средину мѣстечка, я спросилъ: „есть-ли тутъ чиновники изъ Кіева и гдѣ они квартируютъ?“ Мнѣ отвѣчали, что есть и что они ночевали въ трактирѣ. Я всталъ съ повозки, а діаконъ поѣхалъ къ тамошнему діакону. Я шелъ между народомъ и здоровался, но никто не отвѣчалъ мнѣ. Вошелъ я въ комнату, гдѣ былъ подполковникъ Аѳанасьевъ; онъ стоялъ у окна, глядѣлъ на площадь—на народъ, слезы были на его глазахъ. Онъ не замѣтилъ моего прихода. Сейчасъ-же вошли въ комнату съ площади о. Петръ Лебединцевъ и г. Янкуліо и начали спрашивать меня, что слышно въ Корсунѣ. Я объявилъ, что въ Корсунѣ пока все благополучно, но въ сосѣднихъ селахъ сильное возмущеніе и что двухъ священниковъ моего вѣдомства привели крестьяне въ Таганчу. Когда я началъ просить пособія освободить ихъ, г. Аѳанасьевъ сказалъ мнѣ на это: „мы сами въ опасности, и мнѣ непріятности дѣлали крестьяне; мы сами придумываемъ средства, какъ-бы убраться въ Корсунъ“. Потомъ прибавилъ: „вы, какъ можно скорѣе, старайтесь убраться отсюда, ибо здѣсь опасность большая и для васъ; только не унывайте, ибо не сегодня, то завтра прій-

дутъ войска для усмиренія, Если можно, пойдите къ мѣстному священнику и скажите ему отъ насъ, чтобы онъ ушелъ изъ дому и до времени схоронился" [1]).

Я вышелъ изъ трактира, но не успѣлъ пройти десяти шаговъ, какъ толпа народа окружила меня, стиснула и начала кричать: „берить его, вяжить его, винъ все знае, винъ насъ продавъ, уже сёмый годъ, якъ винъ за насъ забравъ гроши отъ панивъ; пристаньте до него лучше, винъ отдасть наше добро; винъ команда всихъ попивъ". Я спросилъ: „какое добро?" Тутъ посыпались на меня всякаго рода ругательства; называли меня христопродавцемъ, кровопійцею, панскимъ попыхачемъ. Трудно выразить всѣ хулы, какими порицали меня въ сіе время. Я сильно испугался, особенно, когда натискомъ ударили меня въ спину такъ сильно, что я упалъ-бы, если-бы не былъ въ толпѣ. Я спрашивалъ окружавшихъ меня крестьянъ, изъ какихъ они селъ; говорю: „можетъ быть вы меня неузнали?" Тутъ поднялся опять крикъ: „вяжить его, душить, винъ насъ продавъ, ёму паны очи золотомъ позалывалы". Я просилъ ихъ умолкнучь, дабы узнать, чего имъ собственно отъ меня хочется. Тутъ изъ толпы народа выходитъ большой, рыжій человѣкъ; онъ взялъ меня за руку и крикнулъ толпѣ: „молчать!" Немного утишились. Державшій меня за руки говорилъ мнѣ: „пиши до священникивъ, щобъ вони отдали намъ наше добро". Я спросилъ: „какое добро?" Но чуть я проговорю слово, какъ вдругъ опять подымается крикъ: „лучше ёго берить, не жалуйте!" Я увѣрялъ, божился, клялся, чѣмъ только могъ, что такого указа, какого они требуютъ, нѣтъ въ церквахъ; но моя божба ничего не помогала, а еще больше ихъ раздражала. Вижу, что это не шутка; я началъ говорить имъ: „какъ же я могу писать къ вашимъ священникамъ, когда я нахожусь въ неволѣ, и у меня нѣтъ ни бумаги, ни пера, ни чернилъ?" Вдругъ выходитъ человѣкъ небольшаго роста, (какъ я послѣ узналъ, это былъ крестьянинъ с. Корниловки, Корнилій Самуйловичъ Кудликъ, онъ же Заиченко, грамотный и состоялъ писаремъ въ экономической конторѣ), вынимаетъ изъ кармана чернильницу, перо и бумагу и даетъ мнѣ. Я спросилъ: „куда я буду писать?" Одинъ кричитъ: „нашему священнику", другой— „нашему" и т. д. Но тотъ рыжій человѣкъ крикнулъ, все держа

---

[1]) Этого священника прихожане держали предъ тѣмъ два дня въ церкви. П. Л.

меня за руки: „куды хочь пиши, а до насъ пидемъ, то самъ намъ выдасы изъ церкви наше добро“. Я спросилъ: „а ты-же изъ какого села?“ Онъ отвѣчалъ: „изъ Бровахъ“. При сихъ словахъ я еще больше испугался и отъ испугу упалъ-бы, но меня такъ стиснули, что я стоялъ, какъ столбъ. Село Бровахи находится въ концѣ каневскаго уѣзда, въ концѣ корсунскаго имѣнія и въ концѣ моего благочинія, въ большомъ черномъ лѣсу, и отъ села сего очень мало сообщенія съ другими селами; посему я опасался туда идти, ибо думалъ, что какъ меня туда поведутъ, то тамъ, хотя и войско прійдетъ, не скоро дадутъ мнѣ защиту. Поэтому я всячески старался отклонять отъ того, чтобъ туда меня вели, и началъ говорить: „хотя къ вамъ и пойдемъ, то ничего въ вашей церкви не найдемъ. У васъ и за жизни вашего священника не было порядку въ церкви, а теперь тѣмъ болѣе“. Къ счастью моему, кто-то изъ толпы народа крикнулъ: „нема чого ити въ нашу церкву. Димитрій якъ утикавъ на проводы, то забравъ вси бумаги важнійши изъ нашои церкви, то наше добро въ корниловскои церкви“. Тутъ поднялся крикъ: „ведимъ его въ Корниловку“. Я при сихъ словахъ немного обрадовался.

Когда все это происходило со мною, вижу—ѣдутъ Аѳанасьевъ, Янкуліо и о. Петръ Лебединцевъ, а съ ними два жандарма. Двое разсыльныхъ разгоняли толпу, я насильно вырвалъ у того рыжаго человѣка руки, поднялъ обѣ вверхъ и кричалъ, прося помощи; но тѣ, на чью помощь я могъ разсчитывать, сами были въ большомъ страхѣ; они посмотрѣли на меня и уѣхали въ Корсунъ.

Тогда люди начали еще горше меня тиснуть и пихать въ спину, ругаясь самыми срамными словами. Подступили ко мнѣ новые люди, требовали писать къ ихъ священнику и давали мнѣ бумагу; я молчалъ, а они толкали меня подъ бока кулаками. Наконецъ рѣшили идти; я проговорилъ, что у меня есть лошадь. При семъ посыпались новыя ругательства, толпа народа разступилась и меня повели тою дорогою, которою я въѣзжалъ въ Таганчу. За мною ринулась вся толпа. Не много прошли, вижу—на встрѣчу мнѣ ведутъ священника с. Гарбузина Михаила Кудревича. Поровнявшись, мы остановились. Я говорилъ тѣмъ, что вели этого священника: „вы говорили, что идете выручать его, а теперь насмѣхаетесь надъ нимъ“. Вдругъ выбѣгаетъ изъ той толпы человѣкъ и съ размаху бьетъ меня по шеѣ; но рыжій не далъ больше бить меня и сказалъ: „бийте свого, а съ

симъ мы знаемъ, що зробить, якъ не выдасть намъ указа". Тутъ немного постояли и рѣшили обоихъ насъ вести въ Корниловку, только не вмѣстѣ, дабы не сговаривались. Около о. Кудревича шли гарбузинскіе люди, а около меня изъ разныхъ селъ; рыжій постоянно шелъ около меня.

Вышли изъ м. Таганчи въ лѣсъ; тамъ были перекрестныя дороги: вижу, по ней идутъ двѣ женщины; я узналъ, что это моя родная сестра, жена свящ. Дашкевича, и ея дочь. Они узнали меня и остановились, встали съ повозки и хотѣли подойти ко мнѣ, но ихъ отпихнули и не допустили. Спрашивала сестра: „гдѣ мой мужъ?" Я отвѣчалъ: „не знаю, не видѣлъ." А одинъ человѣкъ отвѣчалъ: „твого благочиннаго повели въ Мартыновку, твій ще въ чести—поихавъ повозкою, а цей нехай иде, якъ собака, пишки." Свящ. Кудревичъ спросилъ мою сестру, нѣтъ-ли у нихъ хлѣба. Погонщикъ вынулъ кусокъ хлѣба и далъ. Сестра и я заплакали и разошлись.

Насъ повели далѣе. Свящ. Кудревичъ ослабъ и не могъ идти скоро; его повели торною дорогою, а меня по окраинѣ дороги. Я шелъ-бы скоро, но караульные около меня не позволяли; шло впереди человѣкъ десять и сзади меня тоже человѣкъ десять; шли гуськомъ, я среди ихъ. Если я хотѣлъ ступить шире и идти шибче, передній караульный спиной пихалъ меня назадъ, а задній караульный пихалъ въ спину. Я шелъ какъ арестантъ, и такъ меня вели до деревни Кичинецъ на разстояніи 8 верстъ.

Проходимъ чрезъ Кичинцы, женщины и дѣти выходили изъ домовъ, ругали меня, плевали, бросали щепками и соромъ. Подойдя къ корчмѣ, остановились, поджидая свящ. Кудревича. Предлагали мнѣ пить водку, но я не пилъ. Изъ нихъ никто не пилъ водки, кромѣ Кудлика (грамотнаго); онъ былъ очень пьянъ. Здѣсь присоединился къ караулу моему новый человѣкъ — молодой и слѣпой на одинъ глазъ. Только-что начали отходить отъ корчмы, какъ слѣпой ударилъ меня палкою по спинѣ, приговаривая: „отдай, проклятый, наше добро, не мучь насъ"; хотѣлъ ударить другой разъ, но рыжій не позволилъ. Изъ Таганчи шли лѣсомъ, потому не видно было, сколько идетъ народа. Изъ Кичинецъ до Корниловки шли полемъ подымаясь на гору, оглянулся я и ужаснулся, увидѣвши сколько народу—больше пяти сотъ.

Въ Корниловкѣ остановилисъ около церкви. Я сѣлъ на ступенькахъ и началъ говорить: „люди добрые, намъ всѣмъ въ церковь нѣтъ чего идти: будетъ только безпорядокъ и шумъ;

изберите человѣкъ десять и пойдемъ. Я вамъ покажу всѣ бумаги, ищите себѣ вашего указа.“ На мое предложеніе согласились, въ церковь вошло немного людей. Я взялъ эпитрахиль и приказалъ старостѣ церковному вынести изъ ризницы всѣ бумаги; староста вышелъ съ бумагами; тогда въ церковь вошелъ и Кудликъ (писарь), сильно пьяный. Всякую бумагу я перелистывалъ и отлагалъ въ сторону; нашелся одинъ манифестъ, такъ чисто сохраненный, какъ-бы сейчасъ изъ типографіи. Увидѣвши этотъ манифестъ, Кудликъ громко закричалъ: „есть наше добро!“ На его крикъ набѣжало людей полная церковь. Кудликъ взялъ манифестъ: „ни, це не воно, це о новорожденномъ изъ царскои фамиліи.“ Послѣ, обращаясь ко мнѣ, говоритъ: „наше добро въ Евангеліяхъ.“ Поднялся крикъ: „шукайте тамъ.“ Я вошелъ въ алтарь, взялъ Евангеліе и началъ перелистывать; Кудликъ стоялъ съ одной стороны престола, а съ другой — другой человѣкъ и смотрѣли. Осмотрѣли одно Евангеліе и другое. Кудлику пьяному стало трудно стоять и онъ говоритъ: „мабуть наше добро сховано пидъ престоломъ, пиднимить одежду.“ Я ему отвѣчалъ: „сего я не могу для тебя сдѣлать — разоблачать св. престолъ.“ Стоявшій на сѣверныхъ вратахъ слѣпой крикнулъ на меня: „якъ ты сміешь нашого благородного человика Корнилія Самуиловича называть *ты*; ты его не стоишь; перепроси въ нашихъ очахъ.“ Поднялся шумъ въ церкви, я испугался; но Кудликъ отозвался: „я имъ прощаю, воны ще не знають, що я за человікъ.“ Вижу—входитъ въ алтарь человѣкъ пожилой и говоритъ мнѣ: „О. благочинный, не шукайте нашого добра тутъ. О. Димитрій, якъ утикавъ изъ церкви, то взявъ наше добро, бо бачили у іого за пазухою бумагу.“ Услышавши это, люди подняли крикъ въ церкви, вытащили того человѣка изъ церкви, начали бить кулаками и ногами, приговаривая: „а чому-жъ ты не сказавъ сего тоди?“ Рыжій входитъ въ алтарь и говоритъ мнѣ: „нема чого тутъ намъ сидить, ходимъ въ гарбузинску церковь.“ Я закрылъ св. престолъ, снялъ епитрахиль и пошелъ изъ церкви. Св. Кудревичъ сидѣлъ подъ колокольнею. Направились идти въ Гарбузинъ.

Въ Корниловкѣ жилъ лѣсничій—капитанъ; когда шли мимо его квартиры, онъ вышелъ и началъ увѣщевать народъ не дѣлать замѣшательствъ. Человѣкъ нѣсколько погналось за нимъ и онъ ушелъ въ квартиру.

Пришли въ Гарбузинъ (на разстояніи 3-хъ верстъ отъ Корниловки), а шли такимъ-же порядкомъ, какъ изъ Таганчи (я—подъ

карауломъ). Около церкви вышла жена священника Кудревича съ груднымъ младенцемъ, мать священника съ хлѣбомъ, падали предъ людьми на колѣни, плакали, прося не мучить меня и ея мужа. Люди не обращали на слезныя ихъ просьбы никакого вниманія, а еще смѣялись. Въ дверяхъ церкви стоялъ заштатный священникъ, отецъ мѣстнаго священника, Лука Кудревичъ. Церковь была отворена. Я вошелъ въ церковь. На аналоѣ лежали эпитрахиль и ризы, приготовленные священникомъ; я надѣлъ ризы и вошелъ въ алтарь. Толпа народа вошла за мною въ церковь и закричала: „теперь мы пропали! хто давъ ризы?“ Старосту церковнаго вытолкали въ шею изъ церкви. Я сталъ предъ престоломъ, взялъ Евангеліе и началъ читать. Въ церкви происходили шумъ, крикъ и даже ругательства—зачѣмъ меня впустили въ церковь и дали ризы? Нѣсколько человѣкъ входили въ алтарь, просили и требовали, чтобы я сбросилъ ризы и вышелъ къ нимъ. Я не отвѣчалъ на ихъ слова, а читалъ Евангеліе. Священникъ—старикъ стоялъ на клиросѣ; къ нему не привязывались. Пришелъ въ церковь не скоро и свящ. Михаилъ Кудревичъ, но не долго сидѣлъ,—обомлѣлъ и его отнесли на рукахъ въ домъ. Слѣпой нѣсколько разъ вбѣгалъ въ алтарь, хватался за ризы и хотѣлъ снять съ меня. Я держался, и онъ уходилъ съ ругательствами и похвалками на меня. Я подозвалъ къ себѣ заштатнаго священника и просилъ его (дьячекъ ушелъ въ гарбузинскій монастырь) замѣнить отсутствующаго дьячка при служеніи вечерни, которую я располагалъ тотчасъ начать, причемъ просилъ его пѣть протяжно. Священникъ—старикъ согласился и пошелъ на клиросъ. Пономарь, тоже заштатный, Ѳедоръ Радзивиловскій, глубокій старикъ, взялся прислуживать мнѣ въ алтарѣ. Начали вечерню, отправляли какъ можно медленнѣе; люди въ церкви смолкли, шуму не было; людей сначала было много, а послѣ меньше. Я замѣтилъ, что караулъ стоялъ около церкви подъ окошками, и у иконостаса—на сѣверныхъ и южныхъ вратахъ. Вратъ царскихъ я не отворялъ и кадилъ только около престола, а на средину церкви не выходилъ. Такъ отправлена была вечерня; отслужили и утреню, тропари пѣли, какъ на Свѣтлое Воскресеніе. Когда утреня приходила къ концу, меня занимало, что я буду дѣлать дальше? меня обнималъ страхъ. Ноги у меня подгибались, руки тряслись; присѣсть было не на чемъ, стулья и скамейки повынесли. Я пригласилъ старика Кудревича и просилъ пособлять еще при чтеніи акаѳистовъ Спаси-

телю и Божіей Матери. Въ это время заштатный пономарь Радзивиловскій успѣлъ принесть мнѣ секретно просфоры и вино; сперва за нимъ не присматривали, а послѣ начали слѣдить. Въ Гарбузинѣ жилъ землемѣръ экономическій (Толкуновъ), мнѣ знакомый. Я написалъ секретно записку карандашемъ и вложилъ оную за галстукъ Радзивиловскому, чтобы онъ отнесъ землемѣру. Въ запискѣ я просилъ послать кого-нибудь въ сосѣдній монастырь, дабы пріѣхалъ духовникъ исповѣдать меня, ибо со мною по временамъ дѣлалось дурно. Заштатный свящ. Кудревичъ былъ въ запрещеніи богослуженія, а молодой сынъ его былъ больной. Вскорости Толкуновъ прислалъ мнѣ отвѣтъ, что никто изъ іеромонаховъ не соглашается ѣхать исповѣдывать меня,— боятся возбужденныхъ крестьянъ, и при семъ извѣстилъ, что солдаты уже идутъ въ Корсунъ. По прочтеніи акаѳистовъ, старикъ священникъ попросился идти отдохнуть, а я присѣлъ на полу предъ престоломъ; тихонько входитъ въ алтарь какой-то человѣкъ и, полагая, что я дремлю, схватилъ ризы, бывшія на мнѣ, и хотѣлъ снять, но я удержалъ. Послѣ этого я всталъ и началъ читать молитвы ко св. Причащенію.

Среди народа начался сперва шумъ, а далѣе разговоръ; караульнымъ принесли ужинъ и они сѣли ужинать около клироса. Мнѣ было уныло и тяжело на сердцѣ; я ослабъ, потъ катился съ меня, ноги подкосились и я упалъ; сторожевые вбѣжали въ алтарь и хотѣли меня поднять, но я самъ приподнялся. На стукъ набѣжало много людей въ церковь, а слѣпой вбѣжалъ въ алтарь, схватилъ за ризы и нахально тянулъ меня изъ алтаря; я взялъ въ руки Евангеліе, слѣпой увидѣлъ и оставилъ меня; только идучи изъ алтаря, осыпалъ меня ругательствами и проклятіями.

Вѣрный слуга, пономарь Радзивиловскій съумѣлъ приготовить мнѣ подризникъ, поручи и поясъ. Подъ горнимъ мѣстомъ была скамеечка; пользуясь случаемъ, когда сторожевые вздремнули, я одною рукою поднялъ эпитрахиль и ризы на себѣ, а другою набросилъ на себя подризникъ на ряску. Эту мою находчивость замѣтилъ караульный чрезъ окно алтарное, сейчасъ вбѣжалъ въ церковь, потревожилъ лежавшихъ на сѣверныхъ и южныхъ вратахъ, и тутъ-же завелся между ними споръ и чуть не дошло до драки за то, какъ они допустили мнѣ облачиться во все священническое облаченіе.

Около того времени пришелъ въ церковь землемѣръ Толкуновъ съ своимъ семействомъ и просилъ меня отслужить акаѳистъ

Божіей Матери и молебенъ великомученику Георгію. Я сему случаю очень былъ радъ, чтобы мнѣ не спать и неунывать. Пригласили старика священника Кудревича и я служилъ какъ можно медленнѣе. Спросилъ я сего господина, скоро ли будетъ разсвѣтать. Онъ отвѣчалъ, что чрезъ полчаса. Тогда-же входятъ два человѣка—старика: вошли въ церковь безъ всякаго уваженія ко храму Божію, поздоровались съ караульными и спрашиваютъ: „ащо ничого не помагаеться? не отдае добра? говорятъ, що голякивскій пипъ отдавъ своимъ парахвіанамъ добро, а наше и всихъ насъ и васъ сей благочинный сховавъ пидъ престоломъ въ сотницки церкви и тамъ вси попы присягли не выдавать нашого добра [1]); але возьмимся до нёго лучше, винъ розришить клятьбу и выдасть наши указы". Землемѣръ при семъ глупомъ разсказѣ засмѣялся. Крестьяне это замѣтили и насильно выгнали его изъ церкви съ семействомъ.

Начало свѣтать; я позвалъ Радзивиловскаго пономаря, благословилъ ему звонить и звонить долго, а литургію обѣщалъ начать позже. Время до начатія литургіи я провелъ въ чтеніи Евангелія. Послѣ проскомидіи я опасался выходить съ кадиломъ на церковь, а кадилъ одинъ алтарь; выходя изъ алтаря для малаго входа, я увидѣлъ, что людей было довольно въ церкви и стояли всѣ чинно, на большомъ входѣ я уже кадилъ всю церковь. По окончаніи литургіи (которую я, въ сей разъ, служилъ съ такимъ чувствомъ и благоговѣніемъ, какъ никогда не служилъ во все время моего священства), я раздробилъ просфоры и, раздавая антидоръ, христосовался со всѣми, какъ на праздникъ Воскресенья Христова; послѣ просилъ ихъ забыть все, что происходило между нами недобраго. Но разоблачаться я не думалъ, не довѣряя имъ, и не хотѣлъ выходить изъ церкви; вдругъ сотскій подноситъ мнѣ записку, писанную становымъ приставомъ Деркачевымъ, въ которой строго предписывалось сотскому удерживать крестьянъ отъ ихъ нахальства и нелѣпыхъ претензій къ священникамъ подъ сильною отвѣтственностію. Я прочиталъ записку и отдалъ сотскому. Въ это время нѣсколько человѣкъ—стариковъ вошли въ алтарь съ благоговѣніемъ, положили по земному поклону, испросили у меня благословенія и просили разоблачиться и выходить изъ церкви, обѣщаясь и клянясь не дѣлать мнѣ никакихъ непріятностей. Я повѣрилъ ихъ клятвѣ, разоблачился и вышелъ изъ цер-

[1]) На самомъ дѣлѣ здѣсь священники моего благочинія выполняли присягу на вѣрность и подданство Государю Императору Александру Николаевичу.—*Авт.*

кви, меня провожали и просили благословенія; я ихъ увѣщевалъ и просилъ забыть все прошедшее. Но вдругъ, чуть я вышелъ изъ погоста церковнаго, какой-то старикъ, въ грязной свитѣ, ухватилъ меня за рясу и ударилъ по шеѣ. Отъ внезапнаго испугу, удара, а всего больше отъ усталости, я упалъ на землю и обомлѣлъ; народъ испугался, принесли воды, облили мнѣ рясу и немного привели въ чувство. Я опомнился, но не былъ въ силахъ идти, и сидѣлъ на землѣ, въ грязи. Я еще не совсѣмъ опомнился, какъ опять кто то ударилъ меня ногою въ спину такъ сильно, что я упалъ животомъ на землю и опять обомлѣлъ; подняли меня на рукахъ и замѣтно испугались, ибо стала тишина въ народѣ,— никто не говорилъ ничего. Смотрятъ, пріѣзжаетъ верхомъ человѣкъ (послѣ оказалось изъ с. Сотниковъ); вся толпа къ нему, долго что то говорили тихо; верховой поѣхалъ обратно, а народъ обратился опять ко мнѣ, взяли меня подъ руки и начали вести, не дорогою, а полемъ рабочимъ. Куда вели, я сперва не зналъ. Я просилъ отступить отъ меня, чтобы я шелъ самъ; но слѣпой опять явился, ударилъ меня кулакомъ по спинѣ и сказалъ: „тутъ тоби буде аминь (смерть.") Вели меня все въ гору; я задыхался и спотыкался, случалось, и падалъ; народъ смѣялся. Вышли на гору; тогда я узналъ, что мы около деревни Кичинецъ. Слышу, говорятъ: „поведимъ его, да покупаемъ въ ставу; винъ подужчае"; но одинъ изъ толпы выходитъ и говоритъ: „ему вода не страшна, винъ рыбалка, уміе плавать добре". Говорившій былъ житель с. Бровахъ, Петръ Канобасъ; по мастерству онъ былъ рѣщикъ, дѣлалъ иконостасъ въ мироновскую церковь и потому зналъ меня.—Постоявши немного на горѣ, опять пошли полемъ, а куда, я не спрашивалъ. Только показалось село, я сейчасъ узналъ, что это Корниловка. „А що радостно тоби стало, якъ побачивъ Корниловку? не радій, не будешь бачиться съ своею ріднею" [1]). Тутъ-же другой подхватилъ: „ему родня буде сю ничь—булава, а постеля—сыра земля". Подошли къ селу не дорогою, а чрезъ огородъ, пришли къ одному хозяину. Я истомился, не могъ далѣе идти и сѣлъ на землѣ подъ хатою. Хозяинъ вынесъ мнѣ свитку, положилъ окого меня и просилъ прилечь (хозяинъ назывался Волкъ). Я легъ и тотчасъ уснулъ, и уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Долго-ли я спалъ, не скажу; только послышался крикъ. Я проснулся, открылъ глаза и вижу: около меня женщины съ кіями.

---

[1]) Села Корниловки священникъ Подгаецкій—двоюродный братъ моей жены; при немъ жили двѣ его сестры.—*Авт.*

Женщинъ было около десяти и одна тотчасъ же ударила меня по спинѣ „истыкомъ“ [1]). Поднялся крикъ: „чоловики (мужья) тоби блажять, а мы не будемъ миловати тебе, проклятый; ты нашъ збавитель (губитель), ты насъ мучишь, ты насъ продавъ“—приговариваютъ и бьютъ меня то по головѣ, то по спинѣ; сняли съ меня сапоги, рясу, облили водою, на голову насыпали земли; мужчины смотрятъ и ничего не говорятъ имъ. Потомъ немного успокоились и начали совѣтоваться, что со мною далѣе дѣлать? Одни говорятъ: „посадить въ сажъ—къ свиньямъ;“ другіе: „посадить въ яму, гдѣ на зиму хоронятъ картофель и гдѣ лѣтомъ много жабъ“, третьи говорили: „посадить въ колодезь“, и много еще выдумывали, какъ одна женщина—большаго росту и немолодая—громко крикнула: „беримъ ёго та пидемъ въ переваги зъ нымъ“ [2]) и при сихъ словахъ схватила меня за ноги и потянула по землѣ—по кочкамъ. Я обомлѣлъ и не помнилъ, что со мною дѣлали. Отрезвили меня опять водою, обливши рясу на мнѣ и измаравши грязью; кровь лилась у меня изъ носа и ушей. Придя въ себя, я замѣтилъ, что лежалъ не далеко церкви, подъ частоколомъ, на улицѣ. Какъ меня туда перенесли, я не помню. Около меня теперь не было крестьянъ, только стояла женщина, не изъ простыхъ. Сперва я не узналъ ее, такъ у меня въ глазахъ потемнѣло; а послѣ узналъ, что это вдовая священница, сестра двоюродная моей жены. Я сѣлъ подъ частоколомъ; начали собираться опять люди, сперва мужчины, а потомъ женщины; чрезъ частоколъ дѣти сыпали мнѣ на голову землю и всякую гадость, а женщины начали дѣлать надо мною разныя издѣвательства и насмѣшки. Меня томилъ голодъ и жажда. Жена дьячка принесла мнѣ въ мисочкѣ борщу; одна женщина подбѣжала и разлила. Староста церковный принесъ мнѣ въ ведрѣ безоваго соку; подбѣжали женщины, сокъ выпили, а ведро загадили. Вижу—ѣдетъ воловая подвода и на ней кто-то лежитъ; это былъ свя-

---

[1]) Родъ лопатки для очистки земли на плугѣ.

[2]) Перевага или перевѣшиваніе—дѣтская игра. Она состоитъ въ томъ, что двое мальчиковъ или дѣвочекъ, взявъ длинную доску и положивъ ее поперекъ толстаго бревна или просунувъ чрезъ плетень такъ, чтобы серединой она опиралась на плетень, садятся по краямъ доски и попеременно то подымаясь отъ земли, то опускаясь внизъ, качаются и какъ-бы перевѣшиваютъ другъ друга. Въ шутку подростки пробуютъ положить кого-нибудь изъ своей среды вмѣсто доски; но далѣе шутки такая продѣлка, конечно, не идетъ. Бабы задумали замѣнить доску благочиннымъ, авторомъ разсказа, а онъ былъ очень длиненъ и, что называется, поджаристый. Въ этомъ и высшее озлобленіе и юморъ національный.

Ред.

щенникъ с. Гарбузина Кудревичъ—полумертвый. Для чего они его сюда привезли?—Для одного посмѣянія; онъ и не вставалъ съ повозки. Немного спустя привезли дьячка изъ села Бровахъ Максима Григоровича и принесли мѣшокъ бумагъ, взятыхъ изъ бровахской церкви, положили эти бумаги предо мною и приказывали искать между ними ихъ указа; я отказался, но велѣлъ дьячку пересматриватъ всякую бумагу, въ виду всѣхъ. Между бумагами нашлись вѣнчики раззолоченные; увидѣли женщины и закричали отъ радости: „оце наша грамота, зъ золотыми печатьми; бачь, де цей проклятый, нашъ христопродавець, зховавъ". Я при семъ засмѣялся. Замѣтивши это, женщины схватили меня за ноги и поволокли по дорогѣ, въ колючки. Дьячекъ Григоровичъ хотѣлъ меня защитить, тогда одинъ человѣкъ схватилъ его за волоса и, поваливши, такъ сильно ударилъ о землю, что тотъ обомлѣлъ; всѣ испугались, вскорости принесли воды и освѣжили его; онъ подползъ къ частоколу, гдѣ я сидѣлъ, и легъ, меня-же бросили въ колючкахъ. Начали любопытствовать вѣнчиками, которыхъ былъ цѣлый листъ. Староста церковный, доброй души человѣкъ, началъ имъ объяснять, что это вѣнчики, которые полагаются на умершихъ. Тутъ слѣпой подбѣгаетъ (его долго не было), схватилъ за волосы старосту и повалилъ на землю; послѣ подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ за ноги и, при пособіи другихъ, приволокъ меня на прежнее мѣсто подъ частоколъ. Голова у меня закружилась, я не могъ сидѣть и прилегъ; онъ схватилъ меня за бороду, поднялъ мнѣ голову и посадилъ; гдѣ взялась женщина (говорили, что слѣпаго жена) съ большою палкою и ударила меня по головѣ. Я руками хотѣлъ закрыть голову, меня схватили за руки и кричали: „убій за собаку, де винъ сховавъ те добро, що виграевскій дякъ возивъ по всихъ попахъ" [1]). Какой-то молодой человѣкъ выступилъ изъ толпы и началъ просить, чтобы меня не мучили; женщины кулаками прогнали его далеко. Я сидѣлъ и какъ собака смотритъ на убивающаго ее, такъ я смотрѣлъ пристально на женщинъ, стоявшихъ предо мною съ палками. Какими словами они меня ругали, нельзя выразить. Жена поручика, сестра свящ. Подгаецкаго, женщина пожилая, пришла на позоръ сей и начала увѣщевать ихъ не дѣлать такихъ безчиній и посмѣяній,—ее прогнали съ безчестіемъ.

Послышался въ далекѣ лошадиный топотъ. Всѣ туда обратили взоры; пріѣхалъ верховой. Вся толпа бросилась къ нему; что

[1]) Возилъ онъ одинъ консисторскій указъ по благочинію.—*Авт.*

тамъ было говорено, мнѣ неизвѣстно, только послѣ сего свиданія всѣ впали въ какое-то уныніе. Женщины начали расходиться. Я принялъ дерзновеніе и началъ говорить къ нимъ: „идите да варите ужинъ для гостей". „Для якихъ гостей?" спрашивали меня. Я отвѣчалъ: „и я вашъ гость, а еще, можетъ быть, и другіе будутъ (я разумѣлъ здѣсь солдатъ)". Женщины разошлись, а мужчины остались.

Въ такихъ истязаніяхъ прошелъ цѣлый день; одна благодать Божія меня укрѣпляла! Уже солнце начало заходить за лѣсъ и послышался звонъ въ гарбузинскомъ монастырѣ. Крестьяне начали креститься. Послышался звонъ и въ Корсунѣ. Ко мнѣ подходитъ нѣсколько человѣкъ, просятъ благословить ихъ, просятъ идти служить. Это было въ субботу. Но я сильно ослабъ, съ трудомъ всталъ. Принесли воды—я умылся, рясу вычистили, принесли сапоги, а шляпы не было (у хозяина Волка осталась). Дьячекъ бровахскій лежалъ больной; пономарь Волошинъ уѣхалъ въ Корсунъ,—не съ кѣмъ было служить. Привели грамотнаго мальчика крестьянскаго. Я пошелъ въ церковь, людей собралось полная церковь. Началась всенощная. Мальчикъ опытный, хорошо читалъ и пѣлъ; люди стояли чинно и молились. На утрени, на 9-й пѣснѣ, послышался на колокольнѣ необыкновенный звонъ,—какъ-бы на какую тревогу. Я послалъ старосту узнать; возвратившись, онъ сказалъ мнѣ тихо: „ратники вошли". Я при семъ извѣстіи какъ-бы вновь родился; люди всѣ побѣжали изъ церкви и начался опять необыкновенный звонъ. По окончаніи утрени, остались въ церкви только грамотный мальчикъ, староста и поручикъ Гарасименко. Я сталъ совѣтоваться съ ними, что мнѣ теперь дѣлать? они совѣтовали не выходить изъ церкви. Я полагалъ, что солдаты или ратники пришли въ с. Корниловку; но узнаю, что рота солдатъ пришла въ Корсунъ, а сюда пріѣхалъ разсыльный съ извѣстіемъ. Долго я стоялъ въ раздумьѣ; входятъ человѣкъ около десяти и требуютъ, чтобы я шелъ къ нимъ на дворъ. Я думалъ не идти; но они сказали: „поведемъ по неволі" и я пошелъ. Людей было многое множество; уже смерклось, гулъ отъ говору по лѣсу раздавался страшно; крикъ женщинъ и плачь дѣтей—все это придавало ужасъ всѣмъ, и особенно мнѣ. Только-что я показался предъ толпою, такъ и закричали: „звяжимъ ёго, або спутаймо, а то винъ одъ насъ утиче". Я спросилъ: „куда вы думаете идти?" они отвѣчали: „мы то знаемъ, куда". Но не очень уже занимались, повидимому, мною,

и я началъ ихъ уговаривать, чтобы они оставили худую мысль— идти противъ войска, а чтобы смирились и послали отъ себя понятыхъ въ Корсунъ просить прощенія; то же говорилъ и поручикъ Гарасименко (онъ изъ крестьянъ, былъ отданъ въ солдаты еще въ 1807 году). При сихъ словахъ, внезапно схватили меня за руки, поворотили спиною, связали поясомъ и поручили какому-то человѣку Кузьмѣ меня караулить. Гдѣ взялся рыжій (его долго не было) и говоритъ мнѣ ласково: „вы знаете, що у насъ уже все начальство нове, управляющимъ уже Петро Кукла (крестянинъ изъ Выграева), секретаремъ—Корнилій Самуйловичь. Князя завтра не буде, не буде и Бирона (управляющаго). А вамъ доступъ на добру волю; якъ пидете зъ нами, то даруемъ жизнь; а не пидете, то поведемъ силою и завтра повисимо на тимъ шпили, що, якъ у князя балъ, то вывишують флагъ". Я спросилъ: „да куда-же съ вами идти?". „Мы знаемъ, куда пидемъ", отвѣчали. „Если на добро, то я согласенъ",—отвѣчалъ я. Вдругъ послышался крикъ: „то мы зле думаемъ?" и на меня посыпались кулаки со всѣхъ сторонъ и по спинѣ, и по головѣ, и въ животъ. Я содрогнулся. Поручикъ Гарасименко, стоя около меня, крикнулъ: „меня бейте и убейте; я кровь за васъ проливалъ, а его не бейте, онъ невиновенъ предъ вами; онъ за васъ Богу молился". Слова сего старика воина сильно подѣйствовали; сейчасъ заговорили: „берить его, Несторъ Гарасимовичъ до себе, пидкрiпить его, а мы будемъ радиться, що робить". Я обрадовался и пошелъ съ поручикомъ въ домъ священника. Не успѣлъ я закусить, какъ входятъ три человѣка въ домъ и требуютъ, чтобы я шелъ къ людямъ. Поручикъ вытолкалъ ихъ изъ дому; но чрезъ минутъ пять уже вошло въ домъ человѣкъ нѣсколько и нахально требовали, чтобы я шелъ къ людямъ. Я взялъ кусокъ хлѣба и заплакалъ, жена поручика дала мнѣ и сала; я попрощался со всѣми ими и пошелъ.

Была ночь темная; дулъ вѣтеръ, народъ шумѣлъ, гулъ страшный раздавался по всему селу и по лѣсу.

(Окончаніе будетъ).

Архивъ Малороссійской Коллегіи

при Харьковскомъ Университетѣ.

Въ послѣдніе годы въ русской ученой литературѣ поднятъ вопросъ о необходимости устройства въ провинціяхъ центральныхъ архивовъ, съ цѣлью ихъ научной разработки. Надъ этимъ вопросомъ особенно много работалъ Н. В. Калачевъ, управляющій центральнымъ архивомъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ. Благодаря его-же стараніямъ въ Петербургѣ учрежденъ Археологическій Институтъ для приготовленія ученыхъ архивистовъ и, кромѣ того, подъ его предсѣдательствомъ, при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія учреждена особая коммисія для правильнаго и единообразнаго веденія архивнаго дѣла въ Россіи. Н. В. Калачевъ ожидаетъ особенной пользы отъ устройства въ разныхъ мѣстностяхъ отечества ученыхъ архивовъ и историческихъ обществъ. „Польза эта, по его словамъ, заключается не только въ поощреніи, которое будетъ дано означенными архивами и обществами разработкѣ отечественной исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ— въ возвышеніи въ средѣ народа какъ образованія вообще, такъ и любви къ своей родинѣ и, въ особенности, къ своей мѣстности, которую такъ сильно развиваетъ наглядное изученіе ихъ исторіи и памятниковъ“ (т. IV-й Сборника государственныхъ знаній: Архивы, ихъ государственное значеніе). Въ виду подобной высокой пользы отъ провинціальныхъ научныхъ архивовъ, нельзя не пожелать скорѣйшаго осуществленія мысли г. Калачева о распространеніи у насъ хранилищъ подобнаго рода, по крайней мѣрѣ въ такихъ центрахъ науки, какъ университетскіе города. Это тѣмъ болѣе желательно, что до сихъ поръ наша интеллигенція совершенно равнодушно относилась къ какимъ бы то ни было древлехранилищамъ.

На нашемъ югѣ, напримѣръ, можно сказать, вовсе почти нѣтъ частныхъ хранилищъ письменной и печатной старины, собираемыхъ ея любителями. Даже общественныхъ архивовъ старыхъ дѣлъ, существующихъ съ спеціально-научной цѣлью, у насъ всего одинъ: мы разумѣемъ центральный архивъ юго-западнаго края, состоящій при кіевскомъ университетѣ въ завѣдываніи особой археографической коммисіи. Въ Одессѣ, правда, есть также крайне интересный архивъ, но онъ, къ сожалѣнію, составляетъ недоступную для постороннихъ собственность одного лица, хотя, по всей справедливости, ему слѣдовало-бы сдѣлаться общимъ достояніемъ. Это часть запорожскаго архива, пріобрѣтеннаго г. Скальковскимъ изъ екатеринославскаго губернскаго правленія. Конечно, нельзя не быть признательнымъ г. Скальковскому за сохраненіе упомянутаго архива, который, не попади въ его руки, очень легко могъ-бы погибнуть, какъ погибло много малороссійскихъ архивовъ при разнаго рода присутственныхъ мѣстахъ; при всемъ томъ нельзя не пожелать, чтобы онъ, хотя въ будущемъ, перешелъ въ завѣдываніе какого либо ученаго общества [1]). Г. Харьковъ до послѣдняго времени также не имѣлъ историческаго архива. Но въ 1879 г. вслѣдствіе моего доклада, историко-филологическое общество, состоящее при университетѣ, возбудило вопросъ о пріобрѣтеніи архива старыхъ дѣлъ, находившагося въ г. Черниговѣ при губернскомъ правленіи. Подлежащее вѣдомство, къ которому харьковскій университетъ обращался съ просьбой о передачѣ ему упомянутаго архива для научной разработки, изъявило полное свое согласіе на такую передачу. Въ томъ-же году архивъ былъ перевезенъ мною изъ Чернигова и сданъ харьковскому университету.

Переданный университету архивъ носитъ названіе Архива Малороссійской Коллегіи. Въ составъ его вошли дѣла Генеральной Войсковой Канцеляріи, состоявшей при малороссійскихъ гетманахъ почти со времени присоединенія Малороссіи къ Россіи, и затѣмъ дѣла собственно Малороссійской Коллегіи, которая существовала съ 1722 по 1727 г. и потомъ съ 1764 по 1786 г. Кромѣ того тамъ-же есть часть дѣлъ черниговскихъ полковой канцеляріи и гродскаго суда. Первоначально упомянутый архивъ

[1]) Остальная часть архива Сѣчеваго, какъ говорятъ, хранится въ Петербургѣ при Военномъ Министерствѣ, куда онъ отправленъ былъ генер. Текелли. Очень желательно, чтобы кто либо изъ интересующихся южно-русской стариной навелъ справки на мѣстѣ о существованіи и положеніи этого архива.

находился въ г. Глуховѣ, какъ резиденціи гетмановъ и мѣстопребыванія Малороссійской Коллегіи. По закрытіи послѣдней въ 1786 г. архивъ ея, вмѣстѣ съ дѣлами генеральной войсковой канцеляріи, былъ переведенъ въ Черниговъ, въ учрежденный тогда „губернскій архивъ", переименованный впослѣдствіи въ архивъ губернскаго правленія. Въ томъ-же 1786 г. были переданы въ черниговскій губернскій архивъ рѣшенныя дѣла черниговской полковой канцеляріи и гродскаго суда, закрытыхъ при учрежденіи намѣстничествъ (см. Топографич. Описаніе черниговъ. намѣстничества, составл. въ 1786 г. Шафонскимъ, ч. 1, стр. 135) [1]).

Размѣръ поступившаго въ вѣденіе харьковскаго университета архива довольно значителенъ, но опредѣлить его количествомъ дѣлъ невозможно, такъ какъ при архивѣ имѣются описи только части дѣлъ. Вѣсъ дѣлъ всего около 600 пудовъ, а если разложить дѣла въ одинъ рядъ, высотой въ полулистъ бумаги, то они займутъ пространство длиной въ 120 сажень.

Этотъ архивъ уже тронутъ рукой изслѣдователя. Въ теченіи столѣтняго его нахожденія въ Черниговѣ покой его, вѣроятно, тревожили еще съ прошлаго вѣка разнаго рода любители старины и лица, собиравшія матеріялы для исторіи Малороссіи, въ родѣ Теплова и т. п. А что имъ пользовались разные изслѣдователи съ начала нынѣшняго столѣтія, это положительно извѣстно. Такъ, къ упомянутому архиву обращались за матеріалами южно-русскіе историки Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ. Первый упоминаетъ объ архивѣ черниговскаго губернскаго правленія въ числѣ источниковъ для своей исторіи Малороссіи (изд. 3-е т. 1-й стр. X). Второй, хотя и не упоминаетъ въ своей исторіи объ этомъ источникѣ, но, что онъ работалъ въ архивѣ, это видно изъ его статьи „Черниговъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніи", помѣщенной въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1852 годъ. Затѣмъ черниговскимъ архивомъ пользовались: бывшій предсѣдатель кіевской временной

---

[1]) Нѣкоторые изъ ученыхъ, какъ мнѣ приходилось читать, смѣшиваютъ архивъ Малорос. Коллегіи съ знаменитой Румянцевской Описью Малороссіи, и думаютъ, что она именно передала харьковскому университету. Но это не вѣрно. Послѣдняя хранится въ г. Черниговѣ при тамошнемъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ. Къ сожалѣнію, надо сказать, что нѣкоторыя книги ея уже изчезли послѣ того, какъ опись была взята изъ Казенной Палаты и передана на храненіе въ Стат. Комитетъ.

археографической коммисіи М. Судіенко, издавшій два тома »Матеріаловъ по отечественной исторіи«, извлеченныхъ изъ дѣлъ этого архива; архіепископъ Филаретъ, авторъ историко статистическаго описанія черниговской епархіи; А. М. Лазаревскій, авторъ прекраснаго изслѣдованія по исторіи малорусскаго крестьянства, доставившій много мѣстнаго историческаго матеріала въ разные спеціальные журналы, и любитель старины, врачъ С. Д. Носъ, состоящій нынѣ на службѣ въ г. Люцинѣ, витебской губ. Авторъ настоящей замѣтки также работалъ въ архивѣ и опыты своихъ трудовъ помѣщалъ въ особомъ прибавленіи къ Черниговскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ за 1877 и 1878 годы.

Какъ извѣстно, много дѣлъ изъ черниговскаго архива перешло въ руки частныхъ лицъ. Намъ сообщалъ г. Лазаревскій, что часть дѣлъ попала даже въ Москву въ румянцевскій музей; туда дѣла были переданы замлевладѣльцемъ полтавской губ. Лукашевичемъ, вмѣстѣ со всѣми матеріалами библіотеки историка Маркевича, пріобрѣтенными Лукашевичемъ.

Хотя часть дѣлъ и ускользнула изъ нашего архива, но можно утѣшаться тѣмъ, что это главнымъ образомъ были дѣла, касавшіяся внѣшней исторіи Малороссіи, т. е. исторіи событій, которыя только однѣ и интересовали нашихъ прежнихъ историковъ. Да, кромѣ того, если дѣла *извлекали* историки, то они, конечно, не преминули внести болѣе интересное изъ почерпнутыхъ такимъ образомъ фактовъ въ свои изслѣдованія. Собственно-же для внутренней, бытовой исторіи юга, доселѣ у насъ не разработанной, хотя и болѣе важной, нежели исторія событій, упомянутый архивъ представляетъ неоцѣненный, единственный въ своемъ родѣ источникъ. Мы не можемъ здѣсь перечислить всего богатства этого архива, такъ какъ нѣтъ ни одной бытовой стороны въ прошломъ, которая не отразилась-бы въ его дѣлахъ. Скажемъ только, что въ немъ найдетъ для себя много любопытнаго и историкъ, и филологъ, и статистикъ, и экономистъ, и этнографъ, и юристъ, интересующійся исторіей права.

Къ сожалѣнію, описываемый архивъ до сихъ поръ не открытъ для занятій и вообще не приведенъ въ порядокъ. Правда, городскимъ обществомъ отведено помѣщеніе для архива вблизи университета, но не совсѣмъ удобное, такъ какъ въ одной и той-же залѣ должны помѣститься и архивъ, и музей техническаго общества. Правда, однимъ изъ мѣстныхъ сахарныхъ заводчиковъ (г. Харитоненко), вслѣдствіе просьбы Н. В. Калачева, принимаю-

щаго живое участіе въ судьбѣ архива, пожертвовано 2000 руб. на предварительную разборку дѣлъ и устройство шкафовъ. Но въ будущемъ положеніе архива остается не обезпеченнымъ, такъ что врядъ-ли вскорѣ начнется правильная разборка дѣлъ, не говоря уже объ ихъ разработкѣ. Архивъ не имѣетъ и, при отсутствіи средствъ, не можетъ имѣть постояннаго архиваріуса; изъ оффиціальныхъ ученыхъ или изъ частныхъ лицъ здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, который высказывалъ бы особенное желаніе работать въ архивѣ; университетъ много лѣтъ не имѣетъ даже профессора русской исторіи, который, по одному своему положенію, былъ-бы обязанъ заботиться о разборѣ и разработкѣ архива или лично, или посредствомъ привлеченія къ этому дѣлу студентовъ.

По моему мнѣнію, архивныя дѣла въ относительно небольшихъ архивахъ, каковъ настоящій, должны быть разбираемы по отдѣльнымъ предметамъ, для удобства разработки ихъ, и чѣмъ частнѣе предметъ и дробнѣе группы дѣлъ, тѣмъ лучше. Между тѣмъ лице, присланное отъ археологическаго института для предварительнаго ознакомленія съ архивомъ, работавшее въ теченіи нынѣшняго лѣта, разбило дѣла каждаго отдѣльнаго тюка лишь на три большія группы—дѣла собственно историческія, юридическія и экономическія, т. е. на такія общія группы, которыя очень мало могутъ облегчить изслѣдователя. Но за то упомянутымъ лицемъ составленъ списокъ болѣе интересныхъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ. Надо надѣяться, что этотъ списокъ будетъ помѣщенъ въ Трудахъ археологическаго института. Послѣ такой предварительной работы предстоитъ еще большой трудъ—разбить дѣла на мелкія группы по отдѣльнымъ предметамъ и составить имъ подробную опись, что, конечно, потребуетъ новыхъ расходовъ. Желательно, чтобы кто-нибудь изъ состоятельныхъ лицъ, раздѣляющихъ мысль историка, что *„уваженіе къ своему прошлому есть первый признакъ цивилизованнаго человѣка“*, оказалъ дальнѣйшую поддержку этому возникающему у насъ учрежденію.

П. Ефименко.

Послѣ составленія настоящей замѣтки появилось въ газетѣ „Новое Время“ разъясненіе г. Рагозина, разбиравшаго архивъ Малороссійской Коллегіи, по порученію Археологическаго Инсти-

тута, въ которомъ онъ говоритъ, что въ настоящее время въ архивѣ хранится едва 20-я часть того, что заключалъ въ себѣ черниговскій губернскій архивъ (изъ 478 тыс. дѣлъ сохранилось лишь 30 тыс.), остальное неизвѣстно гдѣ находится.

По этому поводу считаю необходимымъ заявить, что часть дѣлъ черниговскаго губернскаго архива была передана въ Кіевъ и Полтаву, какъ видно изъ того, наприм., что знаменитая Румянцевская Опись Малороссіи хранилась по частямъ и въ Черниговѣ, и въ Кіевѣ, и въ Полтавѣ. Затѣмъ, часть старыхъ дѣлъ оставлена мною въ Черниговѣ въ архивѣ губернскаго правленія (наприм. дѣла новгородъ-сѣверскаго намѣстничества, дѣла, касающіяся первой или второй турецкой кампаніи, веденной при Екатеринѣ 2-й). Этихъ дѣлъ я не могъ перевезти въ Харьковъ по недостатку суммы, отпущенной университетомъ и историко-филологическимъ обществомъ на перевозку архива и потому еще, что мнѣ было поручено взять собственно дѣла бывшей Малороссійской Коллегіи. Наконецъ, остальная часть дѣлъ погибла въ той половинѣ архива черниговскаго губернскаго правленія, которая находилась не при самомъ губернскомъ правленіи, а въ отдаленномъ зданіи, извѣстномъ подъ именемъ мазепинскаго дворца, что на валу. Это зданіе совершенно приспособлено для разложенія и уничтоженія архивныхъ дѣлъ. Оно состоитъ изъ трехъ этажей, въ которыхъ въ лѣтнее время обнаруживается три различныхъ климата. Въ нижнемъ, подвальномъ этажѣ—холодный и необыкновенно сырой, въ среднемъ—умѣренный и въ верхнемъ, состоящемъ изъ чердака подъ желѣзной крышей, необыкновенно жаркій. Все, что попадало въ нижній этажъ, до такой степени проникалось сыростью, что изъ связокъ можно было выжимать воду. Если-же дѣла оттуда переносились для просушки въ верхній этажъ, то они вскорѣ засыхали и принимали видъ бурыхъ плитокъ, совершенно похожихъ на плитки татарскаго чаю. Говорятъ, что въ прежнее время въ нижнемъ этажѣ хранились именно старыя дѣла (разумѣется, невозвратно погибшія); въ мое же время тамъ находились лишь дѣла недавно упраздненныхъ административныхъ присутственныхъ мѣстъ.

Въ виду такихъ и подобныхъ изчезновеній старыхъ дѣлъ желательно-бы, чтобы были приведены въ извѣстность всѣ мѣста, гдѣ хранятся старыя дѣла и чтобы остатки прежнихъ архивовъ были сосредоточены въ нашихъ центрахъ просвѣщенія, въ университетскихъ городахъ. П. Е.

Библіографія.

I.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ И СТАТЕЙ ПО ИСТОРІИ ЮЖНОЙ РОССІИ ЗА 1881 Г.

Считаемъ излишнимъ оговариваться, что предлагаемый библіографическій указатель не имѣетъ претензіи на полноту даже и въ намѣченной имъ сферѣ. Наша цѣль будетъ достигнута, если мы укажемъ наибольшее число сочиненій и статей за прошлый годъ, относящихся къ исторіи и этнографіи южной Россіи, и вызоветъ дополненія и поправки спеціалистовъ по этому предмету. Указатель составленъ въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ, если они извѣстны, или-же сочиненій, если неизвѣстны ихъ авторы.

Авсѣенко В. Г.—Школьные годы,—отрывки изъ воспоминаній (Историческій Вѣстникъ, Апрѣль, 1881 г.). Здѣсь говорится о Кіевскомъ Университетѣ въ 1860-хъ годахъ.

Александровичъ М. Н.—Остерскій уѣздъ. Выпускъ 1. Историческое описаніе. Часть 1. До окончанія смутъ въ Восточной Украйнѣ (1669 г.). Кіевъ. 1881.

Амвросій Келембетъ, архіепископъ тобольскій и сибирскій, какъ проповѣдникъ (Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 г., № 12 и слѣд.).

Антоновичъ В. Б.—О произведеніяхъ Т. Г. Шевченка, касающихся историческихъ событій (газета »Трудъ«, 1881 г., № 10).

Антоновъ В., свящ.—Кіево-Печерская Ольгинская церковь (Кіевскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 34 и 35).

Аполлосъ Терешкевичъ, слободско-украинскій епископъ (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 21).

Архимандритъ Августинъ Полонскій, 1791—1865 г. (Тамъ же, № 11).

Багалѣй.—Исторія Сѣверской Земли до половины XIV вѣка (Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1881 г., №№ 2—10).

Балабушевичъ В.—Каменецкій столбъ (Литовскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 г., №№ 24 и 25).

Бартошевичъ Ю.—Князь Курбскій на Волыни (Историческій Вѣстникъ, Сентябрь, 1881).

Бахталовскій Г.—Посадъ Вилковъ. Историко-статистическій и бытовой очеркъ. Кишиневъ. 1881. (Изъ Кишиневскихъ Епарх. Вѣдомостей).

Березинъ В.—Описаніе рукописей почаевской лавры. Кіевъ. 1881.

Beseda na jarmarku w Żaszkowi Sawy iz Monastyrisez chrystyjanynom iz Humanszyny. Ukrainec iz Humania. Krakow. 1881.

Биберштейнъ Г.—Народныя преданія въ Подоліи. Каменецъ-Подольскъ. 1881.

Богоявленскій М.—Варлаамъ Ясинскій, митрополитъ кіевскій. Историческая монографія (Литовскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 № 34 и слѣд.).

Брикнеръ А. Г.—Путешествіе Императрицы Екатерины въ Могилевъ въ 1780 году (Русскій Вѣстникъ, августъ и Сентябрь, 1881 г.).

Будиловичъ А.—Порядокъ образованія недвижимой собственности церковной въ Западной Россіи (Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ, 1881 г., №№ 3, 4, 6 и 8).

Великановъ А. С.—Развѣдки о доисторическихъ временахъ Русь-славянскаго народа. Москва. 1881.

Веселовскій А.—1) Южно-русскія былины. С.Петербургъ. 1881 г., 2) Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. III—V. С.Петербургъ. 1881.

Владиміровъ А.—О введеніи русскаго языка въ богослуженіе католической и протестантской церкви въ сѣверо-западномъ краѣ (Вѣстникъ Европы, мартъ, 1881 г.).

Гаврилковъ М. протоіерей:—Письма о штундизмѣ (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 1 и 2).

Ганицкій М.—Бессарабская Старина (Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 г., №№ 1, 3 и 4).

Гаркави А. Я.—Русь и русское въ средневѣковой еврейской литературѣ. С.Петербургъ 1881.

Гербель Н. В.—1) Игорь князь сѣверскій. Переводъ слова о Полку Игоревѣ. Изданіе 6-е. С.Петербургъ. 1881., 2) Гимназія высшихъ наукъ и Лицей князя Безбородко (въ Нѣжинѣ). С.Петербургъ 1881., 3) Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова. Украинская дума. Стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, октябрь, 1881 г.).

Гиляревскій А. К.—Русскій паломникъ Барскій. Изслѣдованіе. (Русскій Архивъ, 1881 г., т. 1).

Гладкій В. О.—Осипъ Ивановичъ Гладкій, кошевой атаманъ Запорожской Сѣчи 1789—1866 г. Біографическій очеркъ. (Русская Старина, 1881 г., т. 1).

Годовой отчетъ о составѣ и дѣятельности историческаго общества Нестора Лѣтописца за 1880 годъ. Кіевъ. 1881.

Голубевъ С. Т.—Нѣсколько новыхъ данныхъ относительно поѣздки Мелетія Смотрицкаго на Востокъ и перехода его въ унію (газета »Кіевлянинъ«, 1881 г., №№ 6, 9 и 11).

Голубинскій Е.—Исторія русской церкви. Томъ 1. Періодъ первый, кіевскій или до-монгольскій. Вторая половина тома. Москва. 1881.

Горжковскій Маріанъ.—Monumenta ruthenica. Краковъ. 1881.

Григоровичъ. Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени (въ 29 т. Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. С.Петербургъ 1881).

Григоровичъ П.—Нѣсколько историческихъ свѣдѣній о модрынской святопокровской церкви, люблинской губерніи (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 12).

Де-Пуле М. Ѳ.—Къ исторіи украинофильства (Русскій Вѣстникъ, мартъ 1881).

Ефименко А.—Малорусскій языкъ въ народной школѣ (журн. »Слово«, январь, 1881).

Ждановъ И.—Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи. Кіевъ 1881.

Залѣсскій Брониславъ. Żywot księcia Adama Jerzego Czartoryskiego. T. 1 Poznań. 1881.

Знаменскій П. В.—Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Казань. 1881.

Зотовъ В.—Исторія всемірной литературы въ общихъ очеркахъ, біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ. Томъ III: литература Франціи, Румыніи и Славянскихъ земель. С.Петербургъ. 1881. Здѣсь на послѣднемъ мѣстѣ помѣщенъ обзоръ »русинской литературы«

И. Х.—Изъ записокъ Юліана—Урсина Нѣмцевича о Костюшкѣ. (Русскій Архивъ, 1881 г., т. 1).

Иловайскій Д.—Вопросъ о народности руссовъ, болгаръ и гунновъ. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Мартъ, 1881).

Истоминъ М. П.—О князьяхъ Всеволодѣ и Игорѣ Ольговичахъ (Кіевлянинъ, 1881 г., № 6).

Корженевскій І.—Состояніе варшавской епархіи подъ управленіемъ преосвященнаго Іоанникія (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 13).

Костомаровъ Н. И.—1) Черниговка. Быль второй половины XVII вѣка. С.Петербургъ. 1881. 2) Малорусское слово (Вѣстникъ Европы, январь, 1881); 3) Украинофильство (Русская Старина, февраль, 1881); 4) По вопросу о малороссійскомъ словѣ (Вѣстникъ Европы, мартъ, 1881); 5) Еще по поводу малорусскаго слова Московскимъ Вѣдомостямъ (тамъ же, апрѣль); 6) »Изъ поѣздки въ Батуринъ въ 1878 г. (газета »Порядокъ«, 1881 г., въ одномъ изъ апрѣльскихъ №).

Котляревскій А. А.—1) Библіологическій опытъ о древней русской письменности. Введеніе. Воронежъ, 1881., 2) Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ

временъ, сочиненіе И. Е. Забѣлина. Т. 1 и 2. М. 1876—79 г. Критическая оцѣнка. Кіевъ. 1881., 3) Рѣчь объ историческомъ значеніи народныхъ поэтическихъ произведеній (Газета »Трудъ«, 1881 г., № 8).

Крамаренко І.—1) Пребываніе преосвященнаго Іереміи въ Переяславѣ (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 5. Допол., 2) Свято-Троицкая церковь въ м. Великихъ Будищахъ, полтавской епархіи, зѣньковскаго уѣзда (тамъ же, № 9).

Крашевскій.—Безумная (Szalona). Повѣсть изъ жизни соціалистическаго кружка, мѣсто дѣйствія и сходки котораго происходятъ въ Кіевѣ на Подолѣ. Переводъ, съ польскаго. С.Петербургъ. 1881.

Крыжановскій Е. М.—Князь В. А. Черкаскій и холмскіе греко-уніаты (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 18).

Крыловъ.—Драма страстей Христовыхъ (Вѣстникъ Европы, мартъ и апрѣль 1881).

Кулишъ П. А.—Поэтъ Шевченко въ полномъ разцвѣтѣ,—изъ воспоминаній П. А. Кулиша (газета „Трудъ", 1881 г., № 6).

Ластивка Е.—Ганна, поэма—былиця. Кіевъ. 1881.

Левицкій И. С.—1., Бурлачка. Повисть І. Левицького. Кіевъ. 1881., 2. Прыятелі (въ альманахѣ „Луна" на 1881 годъ, ч. 1. Кіевъ. 1881); 3., Шевченкова могила (тамъ-же).

Линейкинъ (псевдонимъ).—Гимназическая переписка, собранная бывшимъ инспекторомъ татаровской гимназіи Иваномъ Линейкинымъ, съ дополненіями, почерпнутыми изъ юридической практики судебнаго слѣдователя Петра Линейкина. Кіевъ. 1881.

Лукьяновичъ П.—Къ вопросу объ острожской школѣ XVI вѣка (Волынскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 г., № № 23—27).

Луна (эхо). Украіньсьыый Альманахъ на 1881 р. Частына перша. Выданне Л. В. Ильвицького, Кіевъ. 1881.

М. Н.—Дополнительныя свѣдѣнія о Гавріилѣ Бодони, впослѣдствіи митрополитѣ кишиневскомъ (Херсонскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № № 13 и 14).

Маврицкій В. А.—Штундисты (Православное Обозрѣніе, февраль и мартъ, 1881 года).

Макарій м. московскій.—Исторія русской церкви. Т. X. Москва. 1881. Этотъ томъ заключаетъ, между прочимъ, исторію западно-русской митрополіи въ борьбѣ съ уніею, подъ гнетомъ уніатскихъ митрополитовъ.

Макушевъ.—1. Чтенія о старопольской письменности. Варшава. 1881 г., 2. Южно-русскія сказанія по рукописи библіотеки Оссолинскихъ въ Львовѣ (Журн. Минист. Народ. Просвѣщенія, май, 1881 г.).

Малышевскій И. И.—1. Рецензія на исторію русской церкви Е. Е. Голубинскаго, удостоенная Академіей Наукъ большой золотой медали (въ Запискахъ Академіи Наукъ), 2. Село Будаевка (Кіевскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 46—47).

Матеріалы для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи (Екатеринославскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 1 и 2).

Матеріалы для исторіи полтавскаго духовнаго училища (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 21).

Матусякъ С.—Historya Polska w opowiadaniu ludu Kraków, 1881.

Махно А. и М.—Сборникъ малороссійскихъ узоровъ, Кіевъ. 1881 г.

Милюковъ А. П.—Встрѣча съ Гоголемъ,—отрывокъ изъ воспоминаній (Истор. Вѣстникъ, январь, 1881 г.).

М. Е.—О древнѣйшемъ существованіи русской народности въ Галиціи, въ губерніяхъ люблинской, сѣдлецкой и другихъ мѣстностяхъ Привислянскаго края (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 2).

Мозговой В. Г.—Очеркъ кіевской губерніи. Кіевъ. 1881.

(Продолженіе будетъ).

II.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Историческіе Матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, выпускъ 1, издалъ редакторъ неоффиціальной части „Кіескихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ А. А. Кіевъ 1882.

Въ послѣднее время неоффиціальная часть „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ приняла характеръ гораздо болѣе интересный и полезный, чѣмъ обыкновенно имѣютъ губернскія вѣдомости. Новая редакція „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ съумѣла отнестись къ своему дѣлу не какъ къ формальной и скучной обязанности, а какъ къ изданію, которое въ скромныхъ рамкахъ губернскаго листка можетъ собрать и сгруппировать многія данныя, весьма цѣнныя для всесторонняго изученія той области, оффиціальнымъ органомъ которой изданіе должно служить. Въ числѣ другихъ рубрикъ, назначенныхъ для сохраненія научнаго матеріала, относящагося къ губерніи, редакція предназначила мѣсто и для историческаго матеріала, который извлекала изъ той части архива губернскаго управленія, которая не вошла въ опись и потому недоступна или съ трудомъ доступна для изслѣдователей мѣстной старины. Извлекая постепенно изъ кучи полуистлѣвшихъ дѣлъ отдѣльныя связки, редакторъ нечаталъ ихъ въ извлеченіяхъ или in extenso, иногда передавая въ своемъ изданіи только краткое содержаніе бумагъ, стараясь сохранить отъ гибели „всѣ крупицы историческаго матеріала“, попадавшіеся ему при поискахъ въ архивѣ. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ извлеченій этихъ собралось столько, что издатель нашелъ возможнымъ составить изъ нихъ небольшой сборникъ, который и вышелъ отдѣльно подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ.

Документы и извлеченія изъ дѣлъ не сгруппированы по сюжетамъ и связаны между только собою общностью территоріи и единствомъ источника, изъ котораго они извлечены; по времени они всѣ относятся ко второй половинѣ прошлаго столѣтія. Большинство дѣлъ и актовъ относятся къ исторіи кіевскихъ монастырей и духовенства, кіевскаго городскаго хозяйства, кіевской губернской администраціи, а такъ-же къ пограничнымъ отношеніямъ съ польскимъ государствомъ, котораго границы въ прошломъ столѣтіи примыкали близко къ городской чертѣ Кіева. Сверхъ перечисленныхъ дѣлъ, нѣкоторые документы относятся къ отдѣльнымъ событіямъ, имѣвшимъ болѣе или менѣе важный интерессъ для края. Такъ мы встрѣчаемъ: цѣлый очеркъ дѣйствій русскихъ властей, направленныхъ къ тому, чтобы обезопасить польскую границу отъ вторженія гайдамакъ (1752 г.), описаніе голода, постигшаго кіевскую область въ 1799 г., и мѣръ, предпринятыхъ для облегченія голодавшихъ, свѣдѣнія о скотскомъ падежѣ, открывшемся въ чертѣ города въ 1790 г., и т. д.

Среди документовъ историко-статистическаго характера, встрѣчаемъ интересныя свѣдѣнія о переписи евреевъ, произведенной въ кіевской губерніи въ 1792 году, съ указаніями на занятія и происхожденіе еврейскаго населенія (которое передвигалось въ Кіевщину частью изъ Польши, частью изъ Бѣлоруссіи, принадлежавшей тогда уже къ Россіи). Вообще все еврейское населеніе губерніи въ тогдашнемъ ея составѣ не достигало цифры 1000 человѣкъ (въ томъ числѣ въ городѣ Кіевѣ только 73 души) и по большей части „упряжнялось въ мастерствѣ".

Нѣсколько документовъ относятся къ разнымъ отраслямъ мѣстной промышленности: есть намеки на шелководство, винодѣліе, приготовленіе варенья, которое выписывалось изъ Кіева въ большомъ количествѣ къ „Высочайшему двору", и т. д.

Конечно, всѣ эти свѣдѣнія не представляютъ особенно крупныхъ историческихъ данныхъ, но мы не можемъ не выразить глубокой признательности скромному губернскому листку за сохраненіе хотя разрозненныхъ, но весьма цѣнныхъ бытовыхъ историческихъ чертъ, которыя несомнѣнно найдутъ себѣ мѣсто при составленіи общаго очерка жизни въ XVIII столѣтіи нашего города и области.

Остерскій уѣздъ Вып. 1-й. Историческое описаніе. ч. 1-я. До окончанія смутъ въ Восточной Украйнѣ. 1669 г. М. Н. Александровича. Кіевъ. 1881. 8⁰ 109 стр.

Передъ нами книжка, принадлежащая автору, печальная кончина котораго въ Кіевѣ въ прошломъ году, еще на свѣжей памяти тѣхъ, кто его зналъ. Митрофанъ Николаевичъ Александровичъ былъ безспорно очень даровитый человѣкъ; но частью личный характеръ, а частію та среда, въ которой проходила его общественная дѣятельность, препятствовали полезному выраженію дарованій умершаго.—Литературныя занятія покойный Александровичъ началъ, сколько помнится, сотрудничествомъ въ „Основѣ", гдѣ онъ помѣщалъ небольшіе, но исполненные наблюдательности

этнографическіе очерки, подписываясь подъ ними Митромъ Олельковичемъ. Отвлеченный впослѣдствіи отъ литературы общественною дѣятельностью, Александровичъ, кажется, ничего уже болѣе не печаталъ до изданія, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, книжки, заглавіе которой приведено выше. Изъ заглавія видно, что умершій авторъ имѣлъ въ виду представить системное и подробное описаніе той мѣстности, которой посвящена была большая половина его общественой дѣятельности. Уже по началу работы видно, что авторъ приступилъ къ ней послѣ обстоятельнаго знакомства съ литературой предмета, не только печатной, но и рукописной, архивной.

Историческое описаніе уѣзда авторъ начинаетъ съ IX в., объясняя, что по своему положенію территорія остерскаго уѣзда долженствовала быть поприщемъ историческихъ событій, какъ пограничье сначала трехъ великихъ княжествъ древней Руси: Кіева, Переяслава и Чернигова, а потомъ польско-литовскаго королевства, московскаго царства и татаръ. Главный интересъ книжки Александровича заключается въ совершенно новыхъ, неизвѣстныхъ въ печати, свѣдѣніяхъ о заселеніи остерскаго уѣзда въ нач. XVI и нач. XVII в. При этомъ авторъ приводитъ въ подлинникахъ люстраціонныя описи Остра и его староства: 1552, 1616, 1622, 1628 и 1633 гг. Эти описи заключаютъ въ себѣ въ высшей степени интересныя подробности какъ о времени возникновенія отдѣльныхъ поселеній, составлявшихъ остерское староство, такъ и объ отношеніяхъ ихъ жителей къ польскому панству. Съ помощью напечатанныхъ въ книжкѣ Александровича матеріаловъ, исторія народнаго быта Малороссіи лѣваго берега Днѣпра восполняется положительными данными тамъ, гдѣ до настоящаго времени приходилось имѣть дѣло большею частью съ одними лишь догадками. Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ—откуда взяты имъ приводимыя люстраціонныя описи, за исключеніемъ одной—1552 г., взятой изъ Литовской Метрики. Можно догадываться, что оттуда-же заимствованы и остальныя описи; но такъ какъ мы до сихъ поръ не имѣемъ полнаго описанія Литовской Метрики, хранящейся въ сенатскомъ архивѣ и почему то забытой Археографической Коммиссіей, то догадка наша такъ и должна остаться догадкой.

Описывая тѣ историческія событія, которыя касаются территоріи остерскаго уѣзда, авторъ представляетъ обстоятельный разсказъ о послѣднемъ вторженіи поляковъ въ восточную Малороссію—о походѣ Яна Казиміра 1663—64 г., сообщая при этомъ особенно интересныя подробности объ осадѣ Глухова. При описаніи глуховской осады, мѣстные историки обыкновенно кратко говорятъ о какой-то особенной храбрости генер. судьи Животовскаго, который, задержавъ короля пять недѣль подъ Глуховымъ, далъ тѣмъ возможность собраться русскимъ войскамъ, которыя затѣмъ и заставили поляковъ поспѣшно уходить изъ Малороссіи. Не болѣе подробностей сообщено о глуховской осадѣ и Костомаровымъ въ его „Руинѣ". Между тѣмъ болѣе двадцати лѣтъ уже, какъ изданы гр. Брёлемъ—Платеромъ въ его

сборникѣ „Памятниковъ“ [1]) подробныя свѣдѣнія какъ объ осадѣ Глухова, такъ и вообще о походѣ Яна Казиміра, заключающіяся въ частныхъ письмахъ нѣкоторыхъ изъ участниковъ похода, писанныхъ къ одному изъ Любомирскихъ [2]). Письма эти ни словомъ не упоминаютъ о Животовскомъ, приписывая неудачу глуховской осады распорядительности одного Дворецкаго (кіевскаго полковника). который, по тѣмъ-же письмамъ, былъ и начальникомъ глуховскаго гарнизона.—Дворецкій родомъ былъ острянинъ, что и подало поводъ Александровичу распространиться объ осадѣ Глухова. Во всякомъ случаѣ, книжка Александровича впервые сообщаетъ на русскомъ языкѣ обстоятельныя свѣдѣнія о послѣдней попыткѣ поляковъ уничтожить дѣло Богдана Хмельницкаго.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы наслѣдники умершаго автора описанія остерскаго уѣзда сохранили тотъ матеріалъ, который былъ имъ собранъ для продолженія такъ обстоятельно начатой монографіи.

Памятная книжка кубанской области, изданная 1881 года.—Составилъ дѣйствительный членъ кубанскаго областнаго статистическаго комитета Е. Д. Фелицынъ. Екатеринодаръ, 1881.—Изданіе статистическаго комитета.

Названная книга занимаетъ почетное мѣсто среди лучшихъ изданій русскихъ статистическихъ комитетовъ какъ по разносторонности содержанія, такъ и по обработкѣ предлагаемаго матеріала. Составитель ея, Е. Д. Фелицынъ, извѣстенъ русскимъ археологамъ и антропологамъ какъ составитель прекрасной археологической карты кубанской области, которую онъ представилъ на антропологическую выставку въ Москвѣ въ 1879 г., и какъ дѣятельный членъ 5-го археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ.

Среди многочисленныхъ статей статистическаго и справочнаго характера, при составленіи памятной книжки кубанской области отведено мѣсто и для историческихъ изслѣдованій. Такъ, при статистическомъ описаніи городовъ: Екатеринодара, Ейска, Темрюка и Майкопа разсказана исторія ихъ основанія и постепеннаго развитія, затѣмъ помѣщена статья г. Кравцова *«Наказные атаманы бывшаго кавказскаго линейнаго козачьяго войска»*, содержащая краткія біографіи и характеристики атамановъ; наконецъ въ составъ книжки вошла весьма обстоятельная и подробная статья г.І. Бентковскаго: *«Заселеніе Черноморія—матеріалы для колонизаціи сѣвернаго Кавказа»*. Статья эта, составленная главнымъ образомъ по архивнымъ источникамъ, сообщаетъ весьма точныя, подтвержденныя

---

[1]) Zbiór Pamiętników do dziejów polskich. Wydał Wł. St. hr. de Brocl-Flater. Warszawa. 1858—59. 4 ре тома.

[2]) Томъ 4-й, стр. 133—158.

статистическими цифрами данныя о постепенномъ приливѣ южно-русскаго населенія въ кубанскую область послѣ того, какъ ногайцы выселились изъ нея къ берегамъ Каспійскаго моря. Первые поселенцы, занявшіе кубанскую область, были козаки бывшаго запорожскаго войска, которымъ императрица Екатерина II пожаловала для поселенія земли между рѣками Кубанью и Еею, грамотою 30 іюня 1792 года переименовавъ запорожцевъ въ „черноморское войско". Уже 25 августа 1792 года первый отрядъ запорожцевъ, около 4000 человѣкъ, высадился въ Тамани подъ начальствомъ войскового полковника Саввы Билого: за нимъ послѣдовалъ кошевой атаманъ Захаръ Чепига, зимовавшій въ ханскомъ городкѣ на рѣкѣ Еи и впослѣдствіи (1794 г.) основавшій кошъ черноморскаго войска на Кубани (нынѣшній Екатеринодаръ), и войсковой писарь Тимофей Котляревскій. Вообще въ теченіи трехъ лѣтъ (1792—1795) въ кубанскую область переселилось 17,000 душъ мужескаго пола; въ томъ числѣ были и остатки запорожской общины и бужскіе козаки, сформированные Потемкинымъ во время второй турецкой войны, и, наконецъ, многочисленные крестьяне изъ намѣстничествъ: екатеринославскаго, кіевскаго, черниговскаго, харьковскаго, воронежскаго и новгородъ-сѣверскаго, бѣжавшіе отъ крѣпостнаго права и, подъ видомъ бывшихъ козаковъ, примкнувшіе къ новымъ поселеніямъ и вошедшіе въ составъ черноморскаго войска съ согласія козаковъ и ихъ старшинъ. Въ этомъ отношеніи особенно усердно заботился объ успѣшномъ ходѣ колонизаціи войсковой судья Антонъ Головатый, давшій императрицѣ на прощальной аудіенціи обѣтъ отъ имени войска: „воздвигнуть грады, населить села и сохранить безопасность предѣловъ". Въ теченіи цѣлаго года онъ оставался въ новороссійскомъ краѣ, на рѣкѣ Слободзеи, и отправлялъ на Кубань постоянно новыя партіи переселенцевъ.

Послѣ прибытія въ пожалованную имъ область, черноморцы основали городъ Екатеринодаръ, въ которомъ, кромѣ общественныхъ зданій и частныхъ домовъ, выстроили 40 куреней по образцу запорожской сѣчи, для козаковъ бездомныхъ и холостыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ разныхъ урочищахъ края основали 40 куренныхъ селъ (переименовенныхъ впослѣдствіи въ станицы). Не смотря на бѣдствія, постигшія переселенцевъ въ первые годы пребыванія ихъ на новыхъ мѣстахъ: неурожаи, падежи скота и эпидемическія болѣзни, похитившія до 15% населенія, приливъ новыхъ охотниковъ, записывавшихся въ войско, былъ столь значителенъ, что количество черноморцевъ не только не уменьшалось, но, напротивъ безпрестанно усиливалось. По сохранившимся даннымъ статистической переписи, народонаселеніе области въ 1802 году достигло уже цыфры 33,000 душъ. Но не смотря на этотъ постоянный приростъ народонаселенія, количество его было далеко не достаточно какъ для защиты границы вдоль Кубани отъ нападенія горцевъ, въ чемъ и состояла главная задача службы черноморскаго войска, такъ и для успѣшнаго водворенія земледѣльческаго хозяйства въ обширной области, заключавшей площадь въ 30,000 квадратныхъ верстъ. На пространствѣ всей области народонаселеніе было

столь жидко, что въ среднемъ выводѣ приходился почти 1 только житель на каждую квадратную версту и каждое куренное село владѣло по среднему разсчету 80,000 десятинъ земли. Потому, уже съ первыхъ годовъ XIX столѣтія, и мѣстныя областныя власти и высшее начальство хлопочутъ о переселеніи въ Черноморскую землю малоземельныхъ козаковъ и крестьянъ изъ малороссійскихъ губерній. Въ 1880 году, по иниціативѣ войсковаго атамана, Федора Бурсака, и по ходатайству херсонскаго генералъ-губернатора, герцога Ришельё, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на переселеніе изъ малороссійскихъ губерній въ Черноморье 25,000 душъ мужескаго пола; въ слѣдующемъ году новые переселенцы стали прибывать въ Черноморье и были распредѣлены по куренямъ. Въ теченіи трехъ лѣтъ, 1809—1811 г. число переселенцевъ явившихся изъ Малороссіи для усиленія контингента Черноморскаго войска, достигло цифры 41,500 душъ обоего пола. Очевидно, что результаты переселенія оказались весьма выгодными какъ для самихъ переселенцевъ, такъ и для усиленія производительныхъ силъ области и для умноженія доставляемаго ею военнаго контингента, потому что въ 1820 году главнокомандующій кавказскою арміею, генералъ Ермоловъ, получившій въ управленіе и черноморское войско, немедленно вступилъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи новаго переселенія малоземельныхъ козаковъ черниговской и полтавской губерній въ землю войска черноморскаго. Въ томъ же году послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе о добровольномъ переселеніи 25,000 малоземельныхъ козаковъ изъ малороссійскаго генералъ-губернаторства. Самое переселеніе началось въ слѣдующемъ году и продолжалось въ теченіи пяти лѣтъ (1821—1825); оно усилило народонаселеніе области новыми 48,000 душъ обоего пола. Въ 1831 году главнокомандующій кавказскою арміею, графъ Паскевичъ, вошелъ съ новымъ ходатайствомъ о разрѣшеніи третьяго переселенія въ размѣрѣ равномъ двумъ первымъ, но неблагопріятныя для переселенія условія —неурожай и холера, свирѣпствовавшіе въ 1831 году, заставили отложить исполненіе этого ходатайства. Оно было возобновлено графомъ Воронцовымъ и, вслѣдствіе исходатайствованнаго имъ разрѣшенія, въ 1848 году послѣдовало новое и послѣднее переселеніе въ землю войска черноморскаго 2,000 семействъ изъ губерній черниговской, полтавской и харьковской, доставившее контингентъ въ 5,000 душъ мужскаго пола и, вѣроятно, столько-же женскаго. Такимъ образомъ вслѣдствіе четырехъ послѣдовательныхъ колонизацій, привлекавшихъ жителей въ нынѣшнюю Кубанскую область цѣлыми массами, а также вслѣдствіе постоянной спорадической эмиграціи людей, искавшихъ въ этой области убѣжища отъ крѣпостнаго права, и образовался главный элементъ ея народонаселенія, превратившій въ теченіи 90 лѣтъ пустынныя кочевья ногайцевъ въ область населенную, культурно-воздѣланную, обладающую нынѣ двумя портовыми городами и постоянно развивающую земледѣльческую производительность, благодаря выгоднымъ условіямъ климата и почвы и трудолюбію южно-русскаго населенія, вспахавшаго плугомъ почву, долго попираемую лишь копытами стадъ кочевниковъ.

Главные факты колонизаціи, вкратцѣ намѣченные нами, въ статьѣ г. Бентковскаго разсказаны весьма подробно и подтверждены многочисленными статистическими таблицами о состояніи народонаселенія страны въ различные моменты его существованія и прироста, а также многочисленными документами, которые подробно излагаютъ мѣры, принимавшіяся властями для регулировки переселенія и устройства переселенцевъ.

Гальшка княгиня Острожска, оповѣдане историчне, д-ра Из. Шараневича, у Львовѣ, 1880 г.

Профессоръ львовскаго университета, г. Исидоръ Шараневичъ, извѣстенъ давно въ русской исторіографіи, какъ одинъ изъ самыхъ добросовѣстныхъ тружениковъ на полѣ южно-русской исторіи. Кромѣ принадлежащаго ему капитальнаго труда „Исторіи Галицко-Володимірской Руси до 1453 года", г. Шараневичъ издалъ понынѣ много монографій и изслѣдованій о галицко-русской исторіи, между ними важнѣйшія: „Критическій взглядъ на исторію карпатскихъ народовъ"; „Критическій разборъ ипатской лѣтописи"; „Изслѣдованія о стародавнемъ Львовѣ и Галичѣ"; „Очеркъ внутренняго состоянія Галицкой Руси въ XV столѣтіи" и т. д. Всѣ труды г. Шараневича отличаются основательнымъ изученіемъ источниковъ, критическими пріемами, стоящими на уровнѣ современной исторической науки, и яснымъ логическимъ изложеніемъ. Такими-же качествами отличается и послѣдняя монографія, изданная редакціею львовскаго „литературнаго и ученаго" журнала „Заря". Сюжетомъ монографіи послужила судьба извѣстной княжны Гальшки Ильиничной Острожской, внучки знаменитаго гетмана Константина Ивановича и племянницы славнаго въ исторіи южной Руси поборника православія, кіевскаго воеводы князя Константина-Василія Константиновича. Братъ послѣдняго, князь Илья Константиновичъ, староста брацлавскій и винницкій, скончался въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ громадное состояніе единственной наслѣдницѣ—дочери своей, Гальшкѣ (Елисаветѣ). Обширныя помѣстья, принадлежавшія молодой княжнѣ, и были причиною бѣдствій, преслѣдовавшихъ ее въ теченіи всей жизни. Вдова князя Ильи—Беата Костелецкая, руководившаяся исключительно эгоистическими разсчетами, воспитывая дочь, постаралась лишить ее всякой самостоятельности и сдѣлать совершенно пассивнымъ орудіемъ для того, чтобы не выпускать изъ своихъ рукъ опеки надъ дочерью и управленія ея обширными помѣстьями. Между тѣмъ, уже съ 13-ти лѣтняго возраста Гальшки, многочисленные женихи стали добиваться ея руки; мать употребляла всевозможныя усилія для того, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, при чемъ по отношенію къ болѣе знатнымъ, пускала въ ходъ всевозможныя, иногда весьма сложныя, интриги, опираясь главнымъ образомъ на покровительство короля Сигизмунда Августа. Наконецъ, дѣло сватовства кончилось самымъ неожиданнымъ образомъ: одинъ изъ жениховъ, князь Дми-

трій Федоровичъ Сангушко, получившій было согласіе матери и, вслѣдъ за тѣмъ, отказъ, рѣшился добиться брака какими-бы то ни было средствами. Опираясь на дружбу и помощь дяди невѣсты, князя Василія Константиновича, князь Дмитрій Сангушко овладѣлъ, частью хитростію, частью силою, острожскимъ замкомъ и повѣнчался съ Гальшкою, не смотря на протестъ матери. Но княгиня Беата не считала свое дѣло проиграннымъ; она принесла жалобу королю, который кассировалъ бракъ, какъ насильственный и приговорилъ князя Сангушка къ потерѣ чести, имущества и къ смертной казни. За исполненіе этого приговора взялись многочисленные польскіе друзья Беаты, въ числѣ которыхъ были многіе соискатели руки ея дочери. Чувствуя грозу, князь Сангушко бѣжалъ вмѣстѣ съ женою за границу, но за нимъ направилась погоня. Въ чешскомъ мѣстечкѣ Лысой бѣглецовъ нагнали воевода Мартинъ Зборовскій съ сыномъ, братья Гурки и другіе польскіе паны, и послѣ долгихъ звѣрскихъ истязаній, продолжавшихся въ теченіи нѣсколькихъ дней, убили князя Сангушка въ городѣ Яромирѣ. Княжна Гальшка, искренно привязавшаяся къ погибшему мужу, была возвращена матери. Опять начался новый періодъ сватовства и опять княгиня Беата противудѣйствовала женихамъ всевозможными интригами. Въ числѣ жениховъ выступаютъ на первомъ планѣ два самые дѣятельные гонители князя Сангушка: Мартинъ Зборовскій и Лука графъ Гурка; послѣдній, заручившись покровительствомъ короля, успѣлъ повѣнчаться въ придворной королевской церкви съ Гальшкою, не смотря на то, что княжна заявляла о своемъ несогласіи вступать въ бракъ; немедленно послѣ вѣнца, молодая убѣжала къ матери и обѣ княгини, послѣ разныхъ странствованій, нашли убѣжище въ львовскомъ Доминиканскомъ монастырѣ. Но и здѣсь онѣ не долго наслаждались спокойствіемъ: спустя 4 года послѣ вѣнчанія, графъ Лука Гурка явился во Львовъ съ королевскимъ приказамъ львовскому старостѣ о выдачѣ ему жены. Когда-же княжна отказалась отправиться къ насильно навязанному ей мужу, то графъ Гурка вмѣстѣ со старостою осадили монастырь и стали бросать въ ограду его бомбы; нѣсколько разъ пытались взять его приступомъ, наконецъ, перерѣзали водопроводныя трубы и жаждою принудили осажденныхъ къ сдачѣ. Между тѣмъ оказалось, что княгиня Беата приняла мѣры другого рода. Пока гр. Гурка осаждалъ монастырь, туда пробрался по призыву княгини Беаты, переодѣвшись нищимъ, князь Симеонъ Олелькович; княгиня Беата перевѣнчала его съ дочерью, вытребовавъ предварительно у зятя запись, по которой онъ предоставлялъ тещѣ въ пожизненное владѣніе всѣ имѣнія жены. Когда, послѣ сдачи монастыря, графъ Гурка вступилъ въ него, оказалось, что уже 6 дней, какъ жена его была повѣнчана съ другимъ. Начался безконечный процессъ гражданскій, уголовный и духовный, который затянулся до самой смерти графа Луки Гурки. Въ теченіи всего этого времени жертвою процесса оказалась невѣста. Графъ Гурка, овладѣвъ ею, впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла, заточилъ ее въ тюрму, въ одномъ изъ своихъ замкомъ въ окрестности Познани, и продержалъ въ темницѣ 14 лѣтъ; только послѣ его смерти, несчастная Гальшка

выдана была ея дядѣ, князю Костантину Острожскому, и поселилась въ Острогѣ; но печальная судьба не прошла для нея даромъ: она страдала постоянною меланхоліею, переходившею по временамъ въ припадки помѣшательства, и, девять лѣтъ спустя послѣ своего освобожденія скончалась, отказавъ свои имѣнія дядѣ и его сыновьямъ.

Всѣ указанные факты разсказаны г. Шараневичемъ весьма живо и картинно, и обставлены точными ссылками на весьма тщательно разработанные имъ источники. Весьма хорошіе эпизоды разсказа составляютъ прекрасныя историко-топографическія описанія городовъ Львова и Острога въ половинѣ XVI столѣтія. Весь очеркъ оканчивается любопытною главою, въ которой разсказана исторія послѣднихъ князей Острожскихъ, дѣтей и внуковъ князя Константина, и судьба громадныхъ, принадлежавшихъ имъ имѣній.

А.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

а) Хмельницкій въ представленіи Кромвеля.

Въ числѣ рукописей, хранящихся въ институтѣ Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 113 находится записная книга, принадлежавшая неизвѣстному намъ лицу, вписывавшему въ нее въ половинѣ XVII столѣтія историческіе отрывки изъ прочтенныхъ книгъ и рукописей, документы, рѣчи, письма и т. п. Среди многихъ другихъ статей и замѣтокъ составитель желалъ внести въ свою книгу ходившую по рукамъ грамоту Кромвеля къ Хмельницкому, но, къ несчастью, списалъ только (на 831 страницѣ книги) первыя три строки, содержавшія титулъ или обращеніе, самой же грамоты или письма не переписалъ, по неизвѣстной причинѣ. Уцѣлѣвшія три строчки открываютъ совершенно новый и въ высокой степени любопытный фактъ сношеній Кромвеля съ Хмельницкимъ; но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ другихъ указаній—на время, предметъ и продолжительность этихъ сношеній. Тѣмъ не менѣе уцѣлѣвшія строки до того наглядно обрисовываютъ взглядъ Кромвеля на значеніе Богдана Хмельницкаго, что мы рѣшаемся предложить ихъ вниманію любителей отечественной исторіи, интересующихся данною эпохою. Вотъ это оригинальное обращеніе:

Theodatus Chmielnicki, Dei gratia generalissimus ecclesiae Graecorum, imperator omnium cosacorum Zaporoviensium, terror et exstirpator nobilitatis Poloniae, fortalitiorumque expugnator, exterminator sacerdotum Romanorum, persecutor ethnicorum, Antechristi et Iudaeorum.

(Богданъ Хмельницкій, Божіею милостью генералиссимусъ греко-восточной церкви, вождь всѣхъ козаковъ запорожскихъ, гроза и искоренитель польскаго дворянства, покоритель крѣпостей, истребитель римскаго священства, гонитель язычниковъ, антихриста и іудеевъ).

б) Властная гетманша.

Власть гетмановъ малороссійскихъ была вообще весьма значительна. Исключительныя обстоятельства доводили ее до широкихъ размѣровъ, давали ей высшія прерогативы. Было время, когда Хмельницкій велъ сношенія съ сосѣдними державами, въ качествѣ независимаго владѣтеля, принималъ ихъ пословъ, отправлялъ своихъ и ни одна держава не находила такого его положенія ненормальнымъ,—имѣлъ пословъ даже отъ своего короля въ ту пору, когда еще не порвалъ съ нимъ всѣхъ связей. Вообще же гетманъ былъ полновластный пожизненный правитель страны, по избранію народа, въ лицѣ войска запорожскаго, не ограниченно и безотчетно распоряжавшійся ея силами, средствами и всѣмъ достояніемъ. Онъ объявлялъ походы, заключалъ миръ, имѣлъ право жизни и смерти, каралъ и миловалъ, жаловалъ чины и маетности.

Правительскую свою волю гетманы выражали обыкновенно въ формѣ универсаловъ, которые исходили отъ нихъ непосредственно и скрѣплялись ихъ подписью.

Власть свою гетманъ могъ передать временно тому или другому лицу изъ войсковой старшины, которое въ такихъ случаяхъ титуловалось наказнымъ гетманомъ. Случаевъ, когда гетманъ могъ-бы передавать свою власть женѣ, пообычаямъ „*Войска Запорожского*", повидимому быть не могло. А между тѣмъ такой случай былъ и гетманская власть была передана женѣ никѣмъ другимъ, какъ самимъ Богданомъ Хмельницкимъ. Въ одномъ старинномъ перечнѣ грамотъ и универсаловъ, данныхъ густынскоскому монастырю на маетности, мы нашли слѣдующее упоминаніе объ универсалѣ *гетманши: „1655 году іюля 22 дня. Унѣверсалъ отъ гетмановой Богдановой Хмельницкой Анны, приказуючій обывателямъ прилуцкимъ, въ грунта бы до монастыря отъ княжатъ Вишневецкихъ наданные и унѣверсаломъ малжонка* (мужа) *еи, гетмана Хмельницкаго конфирмованніе, не втручалися и жадныхъ бы перешкодъ не чинили, подъ виною тисячи талярей до скарбу войскового и подъ суровымъ каранемъ. Виправилъ игуменъ Іосифъ Ѳеодоровичъ*". Былъ-ли этотъ универсалъ единичнымъ случаемъ, или же бывали и другіе случаи выдачи универсаловъ, хотя-бы тою-же Анною Хмельницкою,—рѣшить трудно. Тѣмъ не менѣе выдача и одного универсала *гетманшею*—фактъ очень интересный, указывающій на то значеніе, которымъ пользовалась третья жена Богдана

Хмельницкаго—Анна Никифоровна, урожденная Золотаренкова, такъ какъ универсалъ 22 іюля 1655 г. былъ выданъ ею [1]).

Интересно было бы найти самый универсалъ. Земельные документы густынскаго монастыря хранятся, сколько мы знаемъ, въ архивѣ черниговской казенной палаты, вмѣстѣ съ такими-же документами другихъ монастырей.

Ал. Лазаревскій.

в) Петръ I въ Русской Равѣ въ 1698 году.

Помѣщенный ниже разсказъ принадлежитъ современнику и участнику описываемаго событія, русскому (т. е. червонорусскому воеводѣ Яну-Станиславу Яблоновскому, изъ записокъ котораго онъ извлеченъ. Записки эти хранятся въ рукописномъ отдѣленіи Института Оссолинскихъ во Львовѣ (№ 437) и обнимаютъ собою только 3 года: 1698—1700. Отрывокъ, о пребываніи Петра Великаго въ Червоной Руси, сообщаемъ въ точномъ переводѣ.

Русскій царь Петръ, по условію съ королемъ, хотя совершенно неожиданно для насъ, явился въ Раву на обратномъ пути изъ Вѣны. Мѣстечко это лежитъ въ 5 миляхъ отъ Львова, въ воеводствѣ белзскомъ; принадлежитъ роду Глоговскихъ. Оба монарха условились встрѣтиться въ этомъ мѣстѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Извѣстно всѣмъ, что царь Петръ возъимѣлъ безпримѣрное дотолѣ въ Россіи желаніе посѣтить чужіе края. Съ этою цѣлью онъ снарядилъ большое посольство, во главѣ котораго находился французъ Лефортъ (послѣдователь Кальвина), бывшій нѣкогда учитель фехтованія и выдвинутый царемъ на мѣсто перваго министра. Другой посланникъ, товарищъ Лефорта, былъ русскій—канцлеръ Головинъ. Ихъ окружала свита, состоявшая болѣе чѣмъ изъ 200 лицъ; самъ царь находился среди свиты подъ именемъ простаго дворянина и для виду даже прислуживалъ посланнику, хотя и свои, и иностранцы хорошо знали, кто скрывается подъ принятымъ incognito; но государю угодно было стать товарищемъ и даже слугою посланниковъ. Отправившись кораблемъ изъ Архангельска, посольство высадилось прежде всего въ Пилявѣ, въ Пруссіи брандебургской (т. е. восточной). Здѣсь устроилось свиданіе царя съ Фридрихомъ, электоромъ брандебргскимъ, и оба монарха гостили вмѣстѣ въ Кенигс-

---

[1]) Соч. Максимовича, I, 430.

бергѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ то именно время, когда подъ Варшавою происходили совѣщанія избирательнаго сейма. Изъ Кенигсберга царь писалъ настоятельныя письма къ штатамъ рѣчи постолитой и къ примасу, поддерживая кандидатуру Августа, курфирста саксонскаго, и даже угрожая войною, въ случаѣ, если-бы избранъ былъ сеймомъ его соискатель, герцогъ Конти. Это послужило основаніемъ дружбы и довѣрія, установившихся между царемъ и королемъ Августомъ.

Русское посольство вмѣстѣ съ царемъ Петромъ отправилось въ дальнѣйшій путь и, посѣщая многія земли и государства, странствовало въ теченіи 2½ лѣтъ. Оно объѣхало Данію, Англію, Голландію. Въ амстердамскомъ портѣ царь самъ занимался плотничествомъ при постройкѣ корабля; оттуда онъ отправился въ Вѣну, желая потомъ посѣтить Венецію и Римъ. Но во время пребыванія въ Вѣнѣ, гдѣ императоръ Леопольдъ принималъ царя съ величайшими почестями, послѣдній получилъ извѣстіе о сильномъ возмущеніи противъ него, произшедшемъ въ Москвѣ, которое подавилъ весьма удачно Шереметьевъ; однако царь, не зная послѣдняго обстоятельства, рѣшился лично поспѣшить, черезъ Польшу и Литву, для укрощенія мятежа. Бросивъ свиту и багажъ, онъ вмѣстѣ съ Лефортомъ и Головинымъ, на десяти простыхъ повозкахъ, нанимая лошадей отъ города до города, даже не взявъ для себя коляски, пріѣхалъ въ Краковъ, а оттуда въ Раву.

Отецъ мой [1]) въ то время, ожидая пріѣзда короля во Львовъ, призвалъ туда своего товарища, гетмана польнаго короннаго, Феликса Потоцкаго, и многихъ сенаторовъ, пановъ и военныхъ чиновниковъ. Вдругъ къ нему явился саксонскій офицеръ съ собственноручнымъ письмомъ короля Августа, извѣщавшимъ о неожиданномъ пріѣздѣ царя въ Раву. Король писалъ, что постарается удержать царя, и приглашалъ гетмана пріѣхать для свиданія съ нимъ.—Любопытство и желаніе видѣть царя въ Польшѣ, особенно такого царя, котораго называли чудомъ среди монарховъ, заставили пановъ гетмановъ поторопиться; мы собрались поспѣшно и прилично. Случилось это въ 1698 году, послѣ праздника св. Іоанна (т. е. послѣ 24 іюня). За ¼ мили передъ Равою гетманы и сопровождавшіе ихъ паны сѣли на верховыхъ лошадей, ихъ окружилъ отрядъ отборной конницы до полуторы тысячи. На рынкѣ города Равы мы увидѣли королевскія палатки, примыкавшія къ еврей-

---

[1]) Станиславъ Яблоновскій, гетманъ великій коронный.

скимъ домамъ, въ которыхъ квартировали царь и король. Король ожидалъ насъ въ палаткѣ и, поговоривъ немного съ отцомъ моимъ, сказалъ: „Мой гость немного своенравный, потому пойду спрошу: много-ли лицъ онъ пожелаетъ принять вмѣстѣ съ вашею милостію?“ Возвратившись, король сказалъ, что царь желаетъ видѣть только гетмановъ и сенаторовъ; потому пригласили насъ только 8 человѣкъ (меня въ качествѣ русскаго воеводы) и король провелъ насъ частнымъ ходомъ чрезъ заднюю улицу въ домъ, гдѣ царь остановился. Отецъ мой сказалъ привѣтственную рѣчь по польски, благодарилъ за честь, оказанную посѣщеніемъ королю и всей рѣчи посполитой, и вспомнилъ о древней дружбѣ и союзѣ между обоими государствами. Во время этой рѣчи царь какъ-будто нѣсколько отстранялся. когда-же мой отецъ кончилъ рѣчь, онъ быстро подошелъ и сказалъ: „благодарю *вашей милости, шосьте брата моего Августа королемъ обрали*“ [1]); затѣмъ онъ увѣрялъ насъ въ дружбѣ своей къ полякамъ. Вслѣдъ затѣмъ король пригласилъ царя и всѣхъ насъ присутствовавшихъ къ обѣду, приготовленному въ другомъ домѣ. Въ срединѣ стола сидѣли король и царь; послѣдній съ лѣвой стороны, потому—что онъ все таки настаивалъ на своемъ incognito. Затѣмъ возлѣ короля мой отецъ и всѣ мы, польскіе сенаторы; возлѣ царя его посланники, а за ними саксонскіе генералы. За обѣдомъ случилось три произшествія: первое—всѣ мы до пьяна напились; второе—царь приказалъ принести драгунскій барабанъ и исполнилъ на немъ всѣ сигналы такъ искусно, какъ не съумѣлъ-бы исполнить ни одинъ музыкантъ въ арміи. Виновникомъ третьяго произшествія былъ панъ Потоцкій, тогда стражникъ коронный, а впослѣдствіи воевода белзскій; разсердившись за то, что его не допустили къ царю и не пригласили къ столу (хотя та же участь постигла и моихъ братьевъ, обознаго и хорунжаго коронныхъ), онъ побилъ пана Пребендовскаго, управлявшаго въ то время дворомъ королевскимъ. Его насилу успокоили тѣмъ, что допустили его послѣ обѣда въ царскую комнату.

Цѣлую недѣлю прожили мы на глазахъ у обоихъ монарховъ, наши-же собственные глаза были слишкомъ слабы для того, чтобы прозрѣть дѣла, занимавшія вѣнценосцевъ; они очень секретно, безъ вѣдома рѣчи посполитой, трактовали тогда о тяжелой войнѣ со Швеціею и обязались дѣйствовать совмѣстно. Для того,

---

[1]) Подчеркнутыя слова въ подлинникѣ по русски—оставлены безъ перемѣны.

чтобы прикрыть свои переговоры благовиднымъ предлогомъ, король пригласилъ однихъ только гетмановъ, будто на тайное совѣщаніе, мнѣ-же предоставилъ честь быть на этой конференціи въ качествѣ переводчика, знающаго французскій и русскій языки. На совѣщаніи король жаловался царю на германскаго императора за то, что онъ, безъ вѣдома своихъ союзниковъ, подписалъ предварительныя условія мира съ Турціею въ Карловичѣ, весьма для насъ тягостныя, именно условіе, по которому каждому признавалось право на тѣ области, которыми онъ владѣлъ; между тѣмъ мы не завладѣли никакою турецкою областью, а турки сохраняли Каменецъ. Затѣмъ онъ спросилъ царя, какія инструкціи онъ далъ своимъ уполномоченнымъ въ Карловичѣ: подписать-ли трактатъ совмѣстно съ императоромъ, принявъ это условіе, или продолжать войну съ турками въ случаѣ, если императоръ, отставши отъ союзниковъ, заключитъ трактатъ только отъ своего имени?—Царь отвѣтилъ: „хотя указанный пунктъ для меня не вреденъ, ибо я овладѣлъ славнымъ приморскимъ городомъ Азовомъ и двумя турецкими крѣпостями, расположенными на Днѣпрѣ: Асланъ керменомъ и Кизикъ-керменомъ, однако, ради любви къ брату моему Августу и ради интересовъ рѣчи посполитой, я готовъ продолжать войну съ турками, хотя-бы императоръ и заключилъ отдѣльный миръ безъ нашего участія.“ Все это говорилъ онъ, согласившись предварительно съ королемъ, для того, чтобы скрыть условленную войну противъ Швеціи, предполагая вести ее безъ согласія рѣчи посполитой. Кончилъ онъ рѣчь свою увѣреніемъ, что онъ останется вѣрнымъ союзникомъ речи посполитой и братомъ и другомъ короля Августа и т. п. Такимъ образомъ мы, поляки, не имѣли и тѣни подозрѣнія относительно шведской войны и заключеннаго съ королемъ по этому поводу союза, пока дѣло это не разразилось два года спустя.

Между тѣмъ мы провели цѣлую недѣлю среди пьянства и маневровъ саксонскаго войска, котораго отъ 7 до 8,000 кавалеріи и пѣхоты король собралъ подъ Равою. Оба монарха забавлялись ежедневно маневрами и потомъ сильно пили. Царь, одѣтый въ простое сѣрое платье, страшно бѣгалъ по полямъ во время маневровъ. Однажды въ толпѣ на него нечаянно натолкнулся лошадью конюшій польнаго гетмана, Феликса Потоцкаго. Царь немедленно ударилъ его нагайкою. Тогда конюшій (не знаю, узналъ ли онъ лице или нѣтъ) обнажилъ саблю; то-же сдѣлали его товарищи и быстро бросились на него. Царь бѣжалъ отъ нихъ, пока

кто-то, узнавъ его, не крикнулъ: „остановитесь, это царь". Царь прибѣжалъ запыхавшись къ королю, возлѣ котораго стояли мы съ отцемъ, и сказалъ моему отцу: „*Твои Ляхи хотилы мене розрубаты!*" [1]). Отецъ мой хотѣлъ немедленно произвести слѣдствіе и наказать виновныхъ; но царь остановилъ его, утверждая, что онъ первый кого-то ударилъ; вѣроятно онъ не желалъ придавать дѣла огласкѣ. Моего отца царь полюбилъ чрезмѣрно и повторялъ ему нѣсколько разъ: „еслибы ты былъ моимъ подданнымъ, то я бы уважалъ тебя и выслушивалъ, какъ отца". Меня всегда называлъ „*сусидомъ*" по поводу Бѣлой Церкви [2]), и ради этой чести я долженъ былъ пить вмѣстѣ съ нимъ водку, пока отъ нея не заболѣлъ. Наконецъ, кончивши частные переговоры съ королемъ, царь уѣхалъ въ королевской колыскѣ, въ сопровожденіи своихъ тележекъ, направляясь черезъ Литву въ Москву, а гетманы возвратились во Львовъ, ожидая прибытія туда короля.

г) Осиротѣлые колокола.

Осенью минувшаго года, въ Черниговѣ сдѣлана слѣдующая случайная находка. Во дворѣ чиновника Терлецкаго, по воздвиженской улицѣ, находящемся между домомъ Кранца и садомъ Оришкевича, рыли погребъ и на глубинѣ трехъ съ половиною аршинъ открыли три старые колокола. Форма ихъ не представляетъ ничего особеннаго, надписей на нихъ нѣтъ никакихъ. Вѣсъ большаго изъ колоколовъ около двухъ пудовъ. Колокола значительно повреждены: у того уши отбиты, у другого языки, или кольца нѣтъ. Замѣтно, что они были въ огнѣ, и уши ихъ немного повреждены отъ этого. Всѣ колокола покрыты внутри мѣдною окисью.

Первый изъ колоколовъ найденъ лежащимъ ва боку, а два остальные, въ разстояніи полъ аршина отъ него, найдены стоящими почти вмѣстѣ одинъ съ другимъ. Не далеко отъ нихъ найдены и два желѣзные языка. Внутри и вокругъ колоколовъ значительное количество золы и древеснаго угля; ниже этого глина—материкъ, выше, до трехъ съ половиною аршинъ, черная насыпная земля.

---

[1]) Въ подлинникѣ по русски—слова оставлены безъ измѣненія.

[2]) Авторъ былъ старостою бѣлоцерковскимъ, слѣдовательно староство его прилегало къ тогдашнимъ границамъ Россіи. Слово „сусидомъ" въ текстѣ по русски.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это колокола церковные, т. е. принадлежали когда-то какой-то церкви; но какой именно и какъ они попали въ землю на такую глубину?—Смотря на планъ бывшей черниговской крѣпости архитектора Дитерихштейна, мы можемъ отмѣтить, что мѣсто, гдѣ найдены колокола, находилось въ сѣверо-западномъ углу крѣпости, около крѣпостнаго вала, недалеко отъ западныхъ крѣпостныхъ воротъ. Но въ этомъ мѣстѣ на планѣ не обозначено никакой церкви, а значатся вообще въ бывшей черниговской крѣпости только слѣдующія церкви: 1) соборная преображенская, 2) архангело-михайловская на востокъ за соборомъ; 3) каѳедральный каменный монастырь съ архіерейскимъ домомъ (нынѣ борисоглѣбскій теплый соборъ) и 4) каменная церковь великомученицы Варвары (нынѣ церковь Екатерины).

Между тѣмъ по лѣтописямъ значится, что въ черниговскомъ замкѣ, т. е. крѣпости болѣе ранняго времени, была церковь деревянная во имя князя *Михаила* и болярина его *Ѳеодора* и что она пользовалась ругою московскаго правительства съ 1500 года [1]), т. е., со времени подчиненія черниговскаго княжества московскому государству, а слѣдовательно и построена раньше 1500 г. По описи 1766 года значится: „въ замку (въ Черниговѣ) церковь деревянная во имя черниговскихъ чудотворцевъ кн. Михаила и болярина его Ѳеодора“ [2]). По епархіальному-же списку всѣхъ церквей г. Чернигова и числа прихожанъ ихъ, за 1770 годъ, церкви кн. Михаила и болярина его Ѳеодора уже вовсе нѣтъ [3]). Когда-же именно церковь эта могла уничтожиться или сгорѣть такъ, что даже не позаботились взять изъ пепла колокола и они оставались до настоящаго времени въ землѣ?

Галятовскій, въ „Скарбницѣ“[4]), разсказывая о томъ, какъ поляки въ 1611 году взяли обманомъ Черниговъ и сожгли острогъ его, пишетъ слѣдующее: „Черниговъ од Горностая (региментара польскаго войска) спаленный былъ и през многіе лѣта пустый заставалъ.... По Горностаю въ 12 лѣтъ почали знову до Чернигова люде збиратися и будуватися“.

Сгорѣла-ли деревянная церковь, въ честь черниговскихъ мучениковъ князя Михаила и болярина его Ѳеодора, еще во время

---

[1]) Черн. Епарх. Изв. за 1863 г. ч. неоф. стр. 340.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibid. p. 351.

[4]) Ibidem. p. 67.

погрома „*ласкаваго пана*“ Горностая, и въ числѣ другихъ была потомъ вновь отстроена и существовала еще въ 1766 г., на что указываетъ опись церквей этого года, или она погибла отъ пламени 1766—1770 г., остается неизвѣстнымъ для насъ.

Когда-бы ни случилось это, съ достовѣрностію полагать можно, что мѣсто храма, которому принадлежали найденные колокола, находилось долго въ запустѣніи и получило наслоеніе земли, а впослѣдствіи, при уравненіи мѣстности, еще болѣе засыпано землею, особливо въ то время, когда разрывали валъ черниговской крѣпости. Отъ того такъ глубоко подъ землею и остались колокола.

Какъ-бы то ни было, мѣста всѣхъ прежде бывшихъ въ Черниговѣ церквей хорошо извѣстны, извѣстно одно только мѣсто бывшей деревянной церкви черниговскихъ мучениковъ князя Михаила и болярина его Ѳеодора, и никто изъ старожиловъ не знаетъ, чтобы на мѣстѣ, гдѣ найдены колокола, была когда-нибудь церковь, и никто не знаетъ мѣста, гдѣ была церковь въ честь черниговскихъ мучениковъ. Найденные колокола, окруженные слоемъ золы и угля, какъ кажется намъ, и открываютъ то мѣсто, гдѣ была церковь въ честь князя Михаила и болярина его Ѳеодора.

К.

д) Скоромная водка.

1809 года 12 ноября изъ духовной консисторіи молдавской митрополіи разослано было предписаніе: „подтвердить всѣмъ благочиннымъ и священникамъ, дабы они отнынѣ впредь никакъ не дерзали служить на винѣ, продаваемомъ жидами, ниже покупать отъ жидовъ никакихъ напитковъ; а притомъ объявляли-бы въ церквахъ, чтобы христіане остерегались отъ напитковъ, продаваемыхъ жидами: ибо доказано, что они оскверняютъ напитки, продаваемые ими христіанамъ, запрещенными веществами, какъ напримѣръ: *мѣстами* (или плодомъ), что родильницы послѣ младенцовъ выбрасываютъ, и другими скверностями, каковыя найдены въ сосудахъ (бочкахъ), которые отъ нихъ проданы съ дрождьями виноградными“.

Особеннаго впечатлѣнія не произвело это предписаніе; о немъ въ Бессарабіи забыли: тамъ каждый хозяинъ, владѣтель ви-

нограднаго сада, имѣлъ свое вино и изъ виноградныхъ выжимокъ выкуривалъ свою водку. Но вотъ Бессарабія присоединена къ Россіи; помѣщики получили исключительное право выдѣлывать и продавать водку. Это право они переуступали арендаторамъ евреямъ и евреи со всею свойственною имъ страстностью накинулись на водочный гешефтъ. Въ казенныхъ имѣніяхъ, въ городахъ правительство предоставляло водочное право откупщикамъ, которыми были преимущественно евреи. Никто не только не имѣлъ права выдѣлывать водки, но и покупать внѣ предѣловъ откупа или аренды. Откупщики и арендаторы врывались въ дома, производили обыски, печатали погреба. Тогда-то возникъ своеобразный народный протестъ среди крестьянъ нынѣшняго аккерманскаго уѣзда, гдѣ особенно было развито виноградарство.—Въ с. Таракліи заложили церковь; закладку нужно было, по обычаю народному, вспрыснуть. Арендаторъ отпустилъ водки *въ горшкѣ*.

Не будемъ пить, проклятый жидъ оскоромилъ водку, замѣтилъ кто-то изъ людей, собравшихся на закладку.

— Неправда, сказала баба, державшая чарку.

— Да въ этомъ горшкѣ жидъ мясо варилъ.—Дѣло было въ Петровку, 21 іюня 1813 года.

— Вотъ по краямъ горшка видны куски мяса. Развѣ не видишь, глупая баба?

— Да мы давно уже примѣчаемъ, что нашъ арендаторъ съ умысломъ въ постные дни скоромитъ всѣ напитки, отозвался церковный староста.

Въ тотъ же день отвезли горшокъ съ водкой въ Аккерманъ къ цинутному протопу.

— Жалуемся вамъ, а вы, панотче, донесите, куда слѣдуетъ. Можно-ли жидамъ ругаться такъ надъ нашею вѣрою?

— Да, и у насъ вотъ аккерманскій откупщикъ *евреинъ* запечаталъ погребъ у отца благочиннаго. Донесу обо всемъ этомъ архіерею, сказалъ протопопъ.

„Поступокъ аккерманскаго откупщика послѣдовалъ въ противность *мнѣнію*, учиненному по имянному повелѣнію бывшимъ бессарабскимъ господиномъ гражданскимъ губернаторомъ и кавалеромъ Скарлатомъ Дмитріевичемъ Стурзою, и сообщенному генваря 14 дня 1813 года, при отношеніи къ его высокопреосвященству святѣйшаго правительствующаго синода члену и ексарху Гавріилу митрополиту, коего *мнѣнія* въ 7 пунктѣ между прочимъ сказано: „священникъ или діяконъ не свободны держать вино или

другіе напитки въ домахъ своихъ для продажи: ибо сіе право одному только помѣщику принадлежитъ; но вино изъ собственныхъ своихъ виноградовъ и другой напитокъ, для собственнаго своего дому, а не для продажи, можетъ держать безъ всякаго препятствія со стороны помѣщика. Таковое отношеніе къ священникамъ и діяконамъ должны блюсти и арендаторы вотчины. Свободно также священнику или діякону, когда не будетъ имѣть своихъ виноградовъ, покупать вино или другіе напитки, откуду хочетъ, собственно для своего дому, а не для другихъ". Поэтому „бессарабскаго областнаго правительства 1-й департаментъ строго приказалъ откупщикамъ, дабы они священникамъ и діяконамъ отнюдь не дѣлали никакихъ притѣсненій и не препятствовали имъ имѣть для домашняго ихъ обихода все дозволенное помянутымъ пунктомъ".

Съ погреба аккерманскаго благочиннаго печати, наложенныя откупщикомъ, были сняты; а народъ православный вынужденъ былъ, по прежнему, пить еврейскую водку—скоромную!

1-е января 1882 г.
Кишиневъ.

Notus.

е) Процессъ стариннаго церковнаго суда, выраженный въ малорусскихъ междометіяхъ.

Прошлое нашего церковнаго суда пользуется, какъ это всѣ знаютъ, не совсѣмъ хорошею репутаціею. Консисторская судная процедура оставила по себѣ не лестные слѣды въ историческомъ преданіи... Извѣстенъ курьезный комментарій термина *докладъ*, примѣняемый вообще къ прежнему русскому суду и въ особенности—къ консисторскому. Не мѣшаетъ здѣсь вспомнить этотъ комментарій:

Докладъ — канцеляріи,
Окладъ — секретарю,
Кладъ — члену,
Ладъ — отвѣтчику,
Адъ — истцу.

Въ дополненіе къ этому историко-бытовому, юридически-грамматическому курьезу сообщаемъ другой подобный. Въ немъ посредствомъ характерныхъ, звучныхъ малорусскихъ междометій выражена исторія жертвы—какого-нибудь сельскаго священника

Къ стран. 223.

Родословная и доказательство Хама потомственны

ДАНИЛЕЯ КУКСЫ

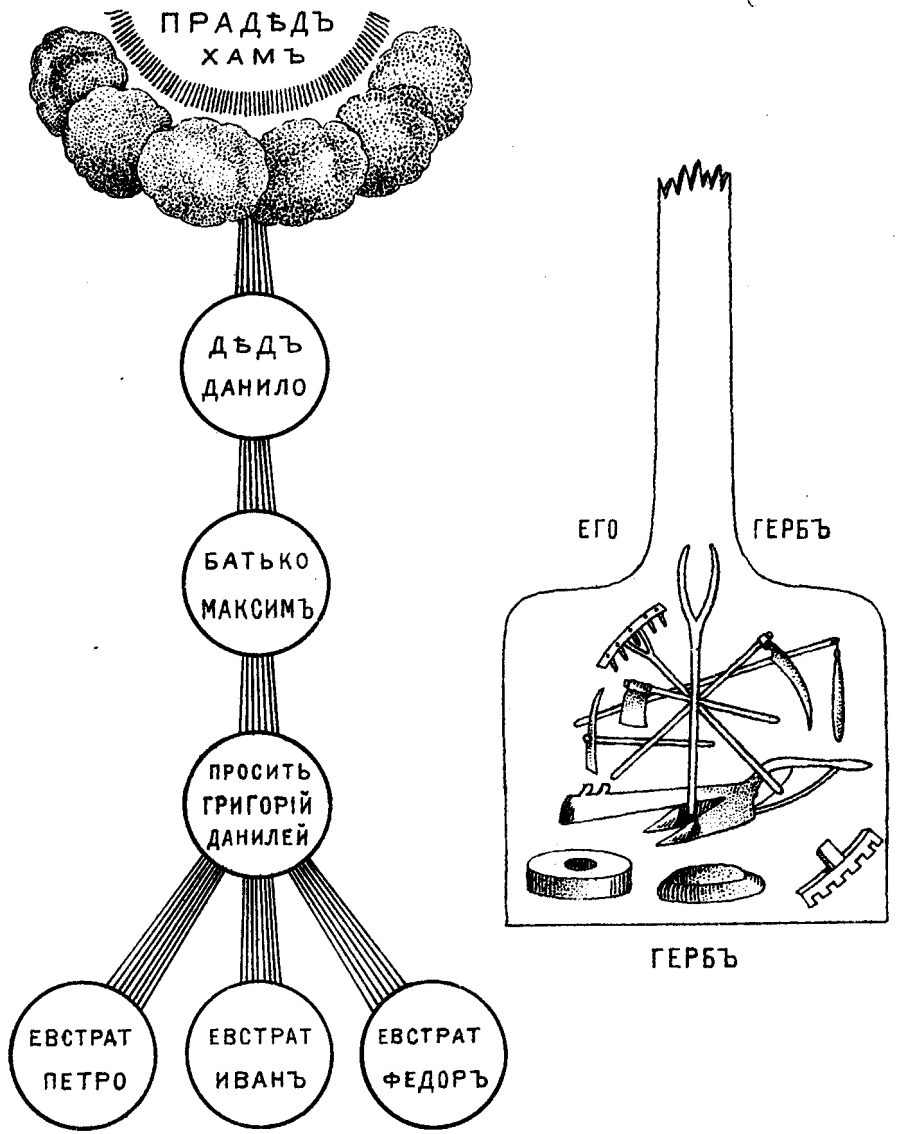

или дьячка, имѣвшаго несчастіе попасть въ горнило прежняго церковно-суднаго процесса. Начинается дѣло съ *тихонькаго* „доношенія“ отца благочиннаго и кончается *громкимъ* ниспаденіемъ жертвы въ преисподняя какого-нибудь монастыря—на »черныя работы“... Вотъ эта старинная звукоподражательная церковно-судная послѣдовательность:

Благочинный — *шу-шустъ* въ правленіе!
Правленіе — *тарáхъ* до архіерея!
Архіерей — *бебéхъ* въ консисторію!
Консисторія — *ге--гéпъ* въ монастырь!..

Это бытовое преданіе мы записали въ Кишиневѣ, со словъ рѣдкаго знатока стариннаго южнорусскаго быта—Л. С. *Радкевича*. Онъ владѣетъ богатѣйшимъ запасомъ всевозможныхъ народно-бытовыхъ анекдотовъ, и съ нѣкоторыми изъ нихъ намъ еще не разъ прійдется знакомить читателей „Кіевской Старины“. Уроженецъ Подоліи, воспитанникъ подольской духовной семинаріи, взятый за тѣмъ въ Петербургъ—въ придворную пѣвческую капеллу и получившій здѣсь прекрасное музыкальное образованіе, перешедшій наконецъ на службу въ Каменецъ и проходившій здѣсь многоразличныя должности какъ по гражданскому, такъ и по духовному вѣдомству,—Л. С. Радкевичъ, при природномъ своемъ юмористическомъ талантѣ, имѣетъ за собою продолжительный и разнообразнѣйшій жизненный опытъ, и его *воспоминанія*, которыя онъ давно уже началъ писать, представятъ собою любопытнѣйшіе историко-бытовые эскизы...

Левъ Мацѣевичъ.

ж) Забавная родословная.

(Рисунокъ и стихи).

Помѣщаемое ниже стихотвореніе по многимъ признакамъ принадлежитъ концу XVIII или вѣрнѣе началу XIX ст. и относится къ разряду памятниковъ весьма распространенной въ это и болѣе раннее время обличительной малорусской литературы. Оно сообщено намъ А. М. Лазаревскимъ, а имъ получено отъ одного изъ черниговскихъ его знакомыхъ, которымъ случайно найдено въ одномъ изъ тамошнихъ архивовъ, если не ошибаемся, въ

„дѣлѣ“ о дворянскихъ правахъ какого-то рода. Стихотвореніе представляетъ собою ѣдкую сатиру на нарождавшуюся тогда уже изъ посполъства мелкую чиновную буржуазію, не уходившую далѣе своего русла, но выбивавшуюся изъ узкой своей тропы на дворянскую стезю, къ привилегированному дворянскому положенію, посредствомъ нехитраго ученья и полученія чина регистратора (*евстрата*) съ помощію подарковъ и подкуповъ. Стихотвореніе писано, или переписано безъ знаковъ препинанія и занимаетъ двѣ страницы обыкновеннаго листа, а на первой его страницѣ помѣщенъ прилагаемый здѣсь отдѣльно рисунокъ, представляющій краткую генеалогію измышленнаго рода и гербъ въ видѣ лопаты со всѣми принадлежностями быта крестьянскаго рабочаго класса. Мы удерживаемъ и оригинальное заглавіе стихотворенія и отчасти его орѳографію.

„Доказательства Хама Данилея Куксы потомствены.

Да вжежъ наши дворяне гербы посилають,
А що я бувъ дворянинъ, то то й не знають.
Я надумався й соби пѣсеньку спивати
И дворянство по свойму гербу доказати.
Онъ у мене гербъ якій—въ деревянімъ цвити,
Що ни в кого не було в остерськімъ повити:
Лопата написана держаломъ у гору
(Побачивши, скаже всякъ, що воно безъ спору),
У середыни грабли, вила и сокира,
Якими було роблю, хоть якая сквира;
Также ципомъ молотывъ, скажу правду матку,
Що ажъ скинешъ було шапку;
Взявши косу на плечи, ходивъ въ косовицю,
А щобъ не голодный бувъ, бравъ и молодицю,
Якъ же витеръ, то бижу до млина из поля,
Бо й худоба тамъ моя,—отъ мини неволя!
Дализъ трохи, якъ розживсь, той годи робыти,
А надумавсь отдати въ школу свои дѣти.
Якъ вивчились, въ судъ упхавъ—учиця писати,
Да вже того й гляди—гостинци давати,
Щоб воны такъ, якъ люде, *Евстраты* *) получили,

*) Чины калѣзкии регистрат.

Бо мене розумные на те паны вчили,
Хочъ було и имъ даси борошна потроху,
А инколи, якъ уродить, той чвертку гороху.
Якъ винницю поставивъ, ставъ гнаты горилку
И за купця у Остеръ отдавъ свою дивку,
Зъ казенного мужика зробывся я паномъ
И дворянство доказавъ, хоть уже й недаромъ.
А дали сыны мои стали вси Евстраты,
За старшого взявъ дочку з маіорскои хаты:
Защожъ мене неговать, за що волочити,
Коли стали панами ужей мои диты?
Кажуть, що я у вынници робити не буду,
Сталось лихо на старость, не знаю видкуду;
Греблю до Жуковки зробывъ черезъ воду,
Да й тутъ сказалы, що я мужикъ зроду.
Нехай же й такъ, що паномъ мини не буваты;
Дайте ридъ свий до конца спершу росказаты.

Якъ стари вики бували,
Якъ прадидъ мий бувъ,
Его вси Хамомъ звали,
Дай самъ того я не забувъ;
И дидъ у мене бувъ Данило,
Ни що було ему не мило,
Якъ тилько у млини сидить,
А батько мій Максимъ звався
И Данилеемъ прозивався,
Чого и я хочу просить—

Щобъ я хамовимъ бувъ внукомъ,
И Данилеемъ прозивавсь,
Щобъ такъ горилку пивъ кубкомъ,
Якъ батько мій впивавсь,
Щобъ минѣ добре пани зробыли,

И такъ щобъ гербъ мій утвердили,
Якъ есть въ гаи столитній дубъ,
Щобъ гербовимъ Хамомъ звався,
Щобъ бильше биди не сподивався
И щобъ нихто не бравъ зачубъ.

3) *Къ портрету Хмельницкаго.*

Выступая съ изданіемъ, посвященнымъ всецѣло исторіи южно-русскаго народа, мы сочли наиболѣе сообразнымъ съ цѣлями его, въ видѣ перваго приложенія, представить вниманію нашихъ читателей наилучше обставленный образъ того лица, которому принадлежитъ первенствующая роль въ судьбахъ южно-русскаго народа и которому теперь вся Россія воздвигаетъ памятникъ въ древнемъ Кіевѣ, матери градовъ русскихъ, гдѣ приносилъ онъ благодарную молитву Господу Богу за побѣду надъ врагами, подготовившую соединеніе двухъ разрозненныхъ половинъ великаго нынѣ русскаго народа.

Готовилась фототипія портрета;—она не удалась и вмѣсто нея приходится предложить фотографію, правда болѣе отвѣчающую цѣлямъ археологическимъ и стоющую гораздо дороже, но имѣющую нѣкоторыя другія неудобства. Не наша въ томъ вина: таковы мѣстныя средства, а другихъ подъискать мы не могли за крайне позднимъ разрѣшеніемъ изданія.

Переходя къ самому портрету, скажемъ, что прилагаемый фотографическій снимокъ сдѣланъ съ стариннаго подлинника, обязательно сообщеннаго намъ В. В. Тарновскимъ изъ его богатой коллекціи всякаго рода памятниковъ южно-русской старины, которые собраны имъ съ достойною уваженія любовію, съ затратою большихъ денежныхъ средствъ и хранятся въ его имѣніи, Качановкѣ, борзен. уѣз., черниг. губерніи.

Подлинникъ портрета, по свѣдѣніямъ, несомнѣнности которыхъ мы не могли провѣрить, находился въ субботовской церкви, построенной Хмельницкимъ; оттуда онъ попалъ въ сосѣдній медвѣдовскій монастырь, изъ него въ монастырь кіево-выдубицкій и уже отсюда перешелъ къ нынѣшнему его владѣльцу. Какъ-бы ни было, подлинникъ происхожденія давняго и во всякомъ случаѣ не позднѣе конца XVII в. Писанъ на холстѣ масляными красками. Вышина его 1 арш. 9 в., и ширина 1 арш. 3½ в. Работа нѣсколько простая, но тщательная. Собственно это даже не портретъ въ строгомъ смыслѣ, а картина, на которой любимый гетманъ представленъ со всѣми знаками его достоинства, власти и славы. Хмельницкій изображенъ въ сравнительно молодые годы его жизни: художникъ или не имѣлъ подъ рукою другаго образца, или не хотѣлъ нарушать основной цѣли своего изображенія,

рисуя гетмана-батька нѣсколько старымъ, осунувшимся, какимъ мы видимъ его на другихъ портретахъ и гравюрахъ.

Но прежде объ этихъ портретахъ, а потомъ о нашей картинѣ.

Въ былое время, сравнительно даже весьма недавнее, портреты Хмельницкаго составляли предметъ благодарной памяти весьма распространенный. Гетманъ, *„свободивій церковь Божію и отечество отъ враговъ и оних до основанія поколебавій“*, встрѣчался, въ большихъ и малыхъ изображеніяхъ, не только въ частныхъ домахъ, но и въ церквахъ. Покойный М. А. Максимовичъ видѣлъ еще въ 1834 г. прекрасный портретъ Хмельницкаго, во весь ростъ, въ кіево-печерской лаврѣ, на сѣверной стѣнѣ великой церкви, подлѣ мощей митрополита Михаила; но въ этомъже году портретъ былъ замазанъ, по поводу Высочайшаго повелѣнія объ устраненіи изъ церквей вообще изображеній не святыхъ лицъ. Съ того, кажется, времени портреты Хмельницкаго начали рѣдѣть, пока не стали достояніемъ любителей. Тѣмъ не менѣе и теперь находится еще значительное число ихъ, какъ писанныхъ масляными красками, такъ и гравированныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ XVII-му вѣку. Вотъ они-то и требуютъ особаго изслѣдованія. Но печатныя свѣдѣнія объ этихъ портретахъ такъ кратки и недостаточны, что нужно сначала собрать матеріалы. Къ этому мы приглашаемъ тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые обладаютъ или свѣдѣніями о портретахъ, или самыми портретами, предлагая въ свою очередь имѣющіяся у насъ свѣдѣнія.

Отмѣтимъ прежде всего весьма цѣнный портретъ Хмельницкаго масляными красками, XVII в., бывшій у М. А. Максимовича. Объ этомъ пишетъ намъ извѣстный библіографъ нашъ С. И. Пономаревъ, видѣвшій этотъ портретъ не разъ, за достоинства-же его ручаются намъ вкусъ и пониманіе такого знатока южно-русской старины, какимъ былъ М. А. Максимовичъ. Къ сожалѣнію, ничего болѣе пока объ этомъ портретѣ сказать не можемъ и ждемъ обстоятельныхъ о немъ свѣдѣній.

Интересно было-бы получить болѣе подробныя свѣдѣнія о другомъ портретѣ Хмельницкаго, писанномъ масляными красками и относящемся также къ XVII в., о которомъ упоминаетъ польскій журналъ Kłosy (томъ XXIV, № 604). Вотъ это упоминаніе: „w galeryi Króla Stanisława zachowywał się z natury wizerunek (Bohdana Chmielnickiego) w połowie figury, olejno malowany, w pąsowej czapce, z dwoma piórami, w *delii* futrzanéj téjże barwy, w białym bogatym na żupanie pasie, trzymającego w prawéj ręce buławę

ozdobną, jako znak godności hetmana Ukrainy, lewą ściskającego rękojeść szabli.—Obraz ten z galeryi Królewskiey przeszedł w posiadanie Tomasza Swięckiego, autora „Starożytnej Polski", a teraz znajduje się w zbiorach K. Wł. Wójcickiego" [1]).

(Въ картинной галлереѣ короля Станислава сохранялось изображеніе съ натуры въ половинѣ фигуры Богдана Хмельницкаго, писанное масляными красками,—въ красной шапкѣ съ двумя перьями, въ мѣховой *кирси* того-же цвѣта, держащаго въ правой рукѣ разукрашенную булаву, какъ знакъ достоинства гетмана Украины, лѣвою рукою сжимающаго рукоятку сабли.—Портретъ этотъ изъ королевской галлереи картинъ перешелъ къ Ѳомѣ Свѣнцицкому, автору „Starożytnej Polski", а въ настоящее время находится въ коллекціи К. В. Войцицкаго).

Гравированныхъ портретовъ Хмельницкаго въ Словарѣ Ровинскаго (стр. 171) перечислено—16-ть; но описаніе ихъ сдѣлано до того кратко, что трудно разобрать, къ какому времени относятся гравюры, названныя подъ №№ 2, 4, 5, 11 и 13—16. Повидимому, наиболѣе интересный портретъ представляетъ гравюра, такъ описанная у него подъ № 1: „поясн. G. Hondius Sculp. Р. очень рѣдк. у Мюсаера 10 ф.". Эта гравюра есть, между прочимъ, въ собраніи В. В. Тарновскаго. Судя по внѣшности этого портрета, она *вполнѣ* сходна съ только что приведеннымъ описаніемъ портрета, о которомъ говорятъ Kłosy. На этой гравюрѣ имѣется слѣдующая подпись: „*Bohdan Chmielnicky Exercitus S. R. M-tis Zaporohscensis Praefectus.* Guilh Hondius sculpsit Genadi at. MDCLI". Кругомъ герба, сдѣланнаго на гравюрѣ вверху лѣвой стороны—русскія буквы: „Б. Х. Г. В. Е. К. М. За". Изъ подписи такимъ образомъ видно, что гравюра сдѣлана за шесть лѣтъ до смерти Хмельницкаго и, очень можетъ быть, что сдѣлана на основаніи того портрета, о которомъ говорятъ Kłosy, такъ какъ описаніе одежды, приведенное этимъ журналомъ, вполнѣ сходится съ тою одеждою, въ которой изображенъ Хмельницкій и на гравюрѣ Хондіуса. Послѣдняя важна и въ томъ отношеніи, что несомнѣнно она служила прототипомъ наиболѣе извѣстныхъ русскихъ *печатныхъ* портретовъ Хмельницкаго, въ томъ числѣ напр. приложенныхъ къ книгамъ Бантышъ-Каменскаго и Ригельмана. Во всѣхъ этихъ портретахъ выглядываетъ изъ подъ шапки даже и тотъ клокъ *чуба*, который ясно видѣнъ на гравюрѣ Хондіуса. Гравюра портрета Хмельницкаго 1683 г., описанная у Ровинскаго подъ № 3, представляетъ черты лица совсѣмъ уже другія и нужно полагать, что эта гравюра, помѣщенная въ книгѣ Ellogii di Capit. illustr., сдѣлана по рисунку фантастическому.

---

[1]) Замѣтка эта сдѣлана по поводу помѣщенія въ томъ-же номерѣ журнала портрета Хмельницкаго работы Матейко.

Въ собраніи А. М. Лазаревскаго, котораго указаніями и свѣденіями на этотъ разъ мы пользуемся, имѣется снимокъ съ гравюры, какъ полагать надо, той самой, которая у Ровинскаго, показана подъ № 11. Надпись на ней: „Boguslaus Chmielnicki Cosacorum dux generalis". Гравюра по внѣшнимъ признакамъ принадлежитъ также XVII вѣку. Портретъ поясной; Хмельницкій изображенъ въ шапкѣ безъ перьевъ; булавы также нѣтъ; руки опущены. Едва-ли не фантазіею рисовальщика изображенъ и этотъ портретъ.

Болѣе свѣденій о портретахъ Хмельницкаго на этотъ разъ представить не можемъ, потому переходимъ къ тому портрету, снимокъ съ котораго предъ глазами читателя.

У ногъ Богдана Хмельницкаго изображена á vol d'oiseau система рѣкъ, орошающихъ Украину: Днѣпръ, съ притоками, Днѣстръ и Бугъ, а лежащими на берегахъ этихъ рѣкъ булавами (собственно, должны-были быть изображены не булавы, а перначи, какъ знаки полковничьяго достоинства) отмѣчены казацкіе полки, находившіеся подъ управленіемъ гетмана. У каждой булавы надпись обозначаетъ названіе полка. На низовьяхъ Днѣпра изображена палатка, съ воткнутыми у входа ея бунчукомъ и булавою. Палатка эта изображаетъ Сѣчь Запорожскую; булава и бунчукъ могутъ быть приняты, какъ атрибуты власти кошеваго; но, быть можетъ, живописецъ имѣлъ въ виду этими знаками гетманской власти припомнить, что выборъ въ гетманы Богдана Хмельницкаго состоялся именно въ Запорожьѣ весною 1648 года. Перечень полковъ заставляетъ предполагать, что композиція портрета должна быть отнесена не ко времени, близкому Хмѣльницкому, а къ болѣе позднему, когда козачество сосредсточилось на лѣвой сторонѣ Днѣпра и было почти совсѣмъ вытѣснено изъ правой, т. е. по крайней мѣрѣ къ концу XVII столѣтія. Къ такому предположенію приводятъ слѣдующія данныя: въ числѣ полковъ названы: 1) лубенскій, возникшій уже въ гетманство Выговскаго 1659 года, вмѣсто бывшаго при Хмельницкомъ кропивянскаго; 2) стародубскій, учрежденный гетманомъ Брюховецкимъ въ 1663 г., и 3) богуславскій, возникшій только въ 1685 и теряющійся въ 1712 г., во время попытки Самуся и Палія возстановить козачество на правой сторонѣ Днѣпра. Какъ стародубскій, такъ и богуславскій полки не существовали при Хмельницкомъ. Сверхъ того въ перечнѣ полковъ есть ошибки, которыя могли быть сдѣланы только въ то время, когда изгладилось ясное

воспоминаніе о состояніи Украины при Хмельницкомъ; такъ на берегу Днѣстра названы два полка: подольскій и могилевскій, составлявшіе постоянно одинъ полкъ подольскій съ полковымъ городомъ Могилевомъ; за то пропущены, существовавшіе нѣкоторое время при Хмельницкомъ, полки: лисянскій, паволоцкій, овручскій, звягельскій, брагинскій, гадячскій и ичанскій.

На предлагаемомъ портретѣ Хмельницкаго, фигура гетмана окружена нѣсколькими группами и эмблемами. По правую руку гетмана виднѣется группа козаковъ, идущихъ съ распущенными знаменами; группа состоитъ изъ 23 человѣкъ, отвѣчающихъ 23 полкамъ, обозначеннымъ булавами на картѣ. Впереди группы выступаетъ войсковой „*довбышъ*", ударяющій въ лежащіе передъ нимъ 2 котла, замѣнявшіе въ козацкомъ войскѣ барабаны. Надъ этою группою въ медальонѣ читается слѣдующая надпись въ 12 строкъ: »*Бонданъ. Зіновіи. Хмельницкіи. Малой—Росіц. войскъ. Запорожкіхъ. козацкіхъ. гетманъ свободівий. церковъ. Божію. и отечество отъ враговъ. о нихъ до основанія поколѣбавій вѣчно да славится: Преставися. 1657 года: Августа 17 числа, погребенъ Суботовѣ полку Чегринскомъ*".

По лѣвую руку гетмана, у ногъ его помѣщена группа, состоящая изъ трехъ поляковъ; одинъ изъ нихъ упалъ на колѣни, всѣ три выпустили изъ рукъ сабли и изображаютъ жестами и выраженіемъ лица (на сколько оно видно въ рисункѣ) страхъ, смущеніе и безпокойство. Подъ этою группою слѣдующая подпись въ 4 строки: „*А Ляхамъ такъ страшно, что гдѣ либо повѣютъ вѣтри, вси яко Хмилницкій идетъ разумѣютъ*".

Надъ группою поляковъ изображена гетманская палатка, охраняемая двумя сторожевыми козаками съ мушкетами и осѣненная многочисленными знаменами и бунчуками, водруженными за нею; черезъ открытую портьеру палатки видѣнъ внутри ея войсковой писарь (вѣроятно, Иванъ Выговскій), сидящій на креслѣ у стола и внимательно пишущій—грамоту или универсалъ. На горѣ, возвышающейся сзади за палаткою, на второмъ планѣ, виднѣется каменное одноэтажное зданіе съ башнею на одномъ крылѣ,—можетъ быть субботовскій каменный домъ Богдана Хмельницкаго. Наконецъ еще выше, на одномъ уровнѣ съ медальономъ противуположной стороны, среди арматуры, составленной изъ знаменъ, пушекъ, сабель и булавъ, изображенъ „гербъ войска запорожскаго"—козакъ съ мушкетомъ на плечѣ.

Такова композиція портрета—картины. Самые анахронизмы въ ней доказываютъ сильнѣйшее желаніе неизвѣстнаго творца представить Хмельницкаго въ такомъ видѣ, чтобы память о немъ не ослабѣвала въ народѣ. Достойны вниманія заключительныя слова приведенной выше надписи на медальонѣ: *„вѣчно да славится“*. Не мѣшаетъ и нынѣшнему времени помнить эти глубоко правдивыя слова.

Мы не сопровождаемъ приложенія никакимъ другимъ текстомъ, въ видѣ какой либо монографіи о Хмельницкомъ. Такая монографія не можетъ быть дѣломъ краткаго времени, да едва ли въ ней и есть надобность послѣ блестящей монографіи знаменитаго исторіографа нашего Н. И. Костомарова. Къ ней и отсылаемъ желающихъ за подробностями о жизни и подвигахъ Хмельницкаго, суть-же его дѣлъ обозначена здѣсь, на портретѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

въ 1882 году

будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей** и съ пересылкою **шесть рублей 50 коп.** Въ случаѣ выхода *приложеній* (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20 %.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета Св. Владиміра, въ Кіевѣ.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, № 4, и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Литова),

Каждая книжка **Извѣстій**, за исключеніемъ текущихъ оффиціальныхъ свѣденіи посвященныхъ Университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ сочиненій и статей научнаго содержанія, которые распредѣляются въ такомъ порядрѣ: отдѣлъ I—*историко-филологическій*; отдѣлъ II—*юридическій*; отдѣлъ III—*физико-математическій*; отдѣлъ IV—*медицинскій*; отдѣлъ V—*научная хроника*, въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности учебныхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ; отдѣлъ VI—*критико-библіографическій*. Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, составляетъ въ годъ до 500 страницъ. Кромѣ того въ *прибавленіяхъ* къ каждой книжкѣ печатаются научные матеріалы и переводы болѣе замѣчательныхъ сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЮТСЯ:

Выпускъ 1-й. Отдѣлъ Историко-Филологическій. Содержаніе: Объ основахъ для критики текста Динарховыхъ рѣчей. Карла Томазина. Осетинскіе этюды. Всеволода Миллера. Цѣна 1 р. 75 к.

Выпускъ 1-й Отдѣла Юридическаго. Содержаніе: Формальныя ограниченія свободы завѣщаній въ римской классической юриспруденціи. И. П. Боголѣпова. Цѣна 2 руб.,

Выпускъ 1-й Отдѣла Физико-Математическаго. Содержаніе: Объ интегрированіи дифференціальныхъ уравненій съ частными производными. П. С. Назимова.— Изъ теоріи электричества (по Кирхгоффу и Гельмгольцу) А. П. Соколова. Цѣна 1 р. 50 коп.

Выпускъ 1-й Отдѣла Естественно-историческаго. (Съ 10-ю таблицами рисунковъ) Содержаніе: О корпускулахъ и половомъ процессѣ у голосѣменныхъ. И. Н. Горожанкина.—Tetrastes griseiventris n. sp. М. А. Мензбира цѣна 2 руб.

Выпускъ 2-й Отдѣла Физико-Математическаго. Содержаніе: Курсъ теоротической механики. Профессора Ѳ. А. Слудскаго. Цѣна 1 р. 50 коп.

Выпускъ 2-й Отдѣла Юридическаго. Содержаніе: О соучастіи въ преступленіи Г. Е. Колоколова.—Изслѣдованія о Русской Правдѣ. П. Мрочекъ-Дроздовскаго. Цѣна 2 р. 75 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Выпускъ 3-й Отдѣла Физико-Математическаго. Содежаніе: Курсъ теоретической механики. (Окончаніе). Ѳ. А. Слудскаго.

„ЮГЪ“
УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Журналъ „**ЮГЪ**“ выходитъ ежемѣсячно въ размѣрѣ отъ **десяти** до **пятнадцати** листовъ по слѣдующей программѣ:

I. *Словесность*: романы, повѣсти, разсказы, драматическія произденія и стихотворенія (оригинальныя и переводныя.)

II. *Наука*: популярныя статьи по антропологіи, исторіи, искуствамъ, философіи, политическкимъ, юридическимъ и естественнымъ наукамъ.

III. Критика и библіографія русскихъ и иностранныхъ книгъ.

IV. Сельско-хозяйственная хроника и статьи по сельскому хозяйству.

V. Коммерческая хроника.

VI. Внутреннее обозрѣніе, общественая жизнь — преимущественно юга Россіи.

Подписная цѣна 10 руб.; съ доставкой въ г. Одессѣ 11 руб.; съ пересылкой въ другіе города 12 руб.

Подписка принимается въ г. Одессѣ въ конторѣ редакціи журнал „Югъ“: Надеждинская ул. д, Савича, въ книжныхъ магазинахъ: В. И. Бѣлаго, Е. П. Распопова, библіотекѣ для чтенія Бортневскаго.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться въ контору редакціи.

Редакторъ-издатель **В. Яковлевъ**.

ВЪ ХАРЬКОВѢ,

ВЫХОДИТЪ

Ежемѣсячный Политическій, Литературный, Научный и Экономическій Журналъ.

„МИРЪ“

по слѣдующей, утвержденной правительствомъ, программѣ:

1. Статьи по различнымъ отраслямъ знанія, имѣющія своей задачею, въ доступной формѣ, знакомить читателей съ текущими вопросами и пріобрѣтеніями въ области наукъ.

2. Внутреннее и иностранное обозрѣніе главнѣйшихъ явленій политической и общественной жизни.

3. Экономическая, земская и промышленная хроника, преимущественно по отношенію къ югу Россіи.

4. Словесность: романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія и другія производенія литературы русской и въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ.

5. Обозрѣніе текущей литературы русской и иностранной (критика и библіографія).

6. Смѣсь: корреспонденціи и другія сообщенія касательно текущей жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ.

7. Справочный отдѣлъ и объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки.	*Съ доставкою.*	*Съ пересылкою.*
Годъ	10 р. — к.	11 р. 50 к.	12 р. — к.
Полгода	6 „ — „	7 „ — „	7 „ 50 „
Четверть года . .	3 „ — „	3 „ 50 „	4 „ — „
Мѣсяцъ	1 „ 25 „	„ „ — „	1 „ 50 „

Подписка принимается въ конторѣ редакціи при Книжномъ Магазинѣ В. А. Сыхра, по Екатеринославской улицѣ № 1-й, въ Харьковѣ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Издатель **В. А. Сыхра.**

Редакторъ **А. П. Шимковъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

„ХУДОЖЕСТВЕННАГО ЖУРНАЛА“

съ приложеніемъ

„ХУДОЖЕСТВЕННАГО АЛЬБОМА“,

въ которомъ принимаютъ участіе слѣдующіе художники: *И. Айвазовскій, А. Богомлбовъ, М. Боткинъ, П. Брюлловъ, В. Верещагинъ, В. Васнецовъ, Е. де-Вилье, Е. Волковъ, И. Крамской, баронъ М. П. Клодтъ, П. Кузнецовъ, Л. Лагоріо, К. Лемохъ, В. Маковскій, В. Масаловъ, А. Мещерскій, Г. Мясоѣдовъ, В. Поленовъ, И. Прянишниковъ, И. Рѣпинъ, К. Савицкій, В. Суриковъ, К. Трутовскій, И. Шишкинъ, Шишкозъ и Шарлемань.*

Программа журнала заключается въ слѣдующемъ: 1) **Беллетристическій отдѣлъ.** Повѣсти, разсказы, сцены и т. п., по преимуществу изъ жизни русскихъ художниковъ. Біографіи художниковъ (въ повѣствовательной формѣ), а также и замѣчательныхъ дѣятелей въ искусствѣ. 2) **Критическій отдѣлъ.** Критическія статьи по искусству. Художественный фельетонъ. Рецензіи и критическія замѣтки, касающіяся, какъ художественныхъ произведеній, такъ равно и книгъ по искусству. 3) **Смѣсь.** Теоретическія и практическія указанія и совѣты какъ художникамъ, такъ и любителямъ. Обзоръ дѣятельности русскихъ художественныхъ обществъ и

школъ существующихъ въ Россіи. Разныя мелкія замѣтки, извѣстія и слухи. 4) **Послѣдняя страница.** Справочный отдѣлъ, въ который входятъ, по преимуществу, отвѣты на вопросы публики и художниковъ. 5) **Приложеніе. „ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ“.**

„Художественный Альбомъ“ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) картинъ и портретовъ въ форматѣ журнала и 2) картинъ въ форматѣ большаго альбома.

Рисунки и портреты въ „Художественномъ Журналѣ“ исполняются посредствомъ **фототипіи, фотогравюры и гравюры на мѣди** (офортъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ форматѣ большой книги отъ трехъ до четырехъ листовъ.

Годовые подписчики получаютъ журналъ съ приложеніемъ, которое состоитъ изъ 24 оригинальныхъ рисунковъ, портретовъ и **отдѣльнаго большаго альбома**, который данъ будетъ въ видѣ преміи; полугодовые же подписчики получатъ журналъ съ рисунками и портретами, но безъ преміи.

„Художественный Альбомъ“ (**ПРЕМІЯ**) 1881 г. состоитъ изъ трехъ большихъ картинъ, величиной 1 аршинъ на $^3/_4$ арш.

Первый листъ — Крахъ банка. Картина В. Маковскаго.

Второй листъ — Утро стрѣлецкой казни. Картина В. Сурикова.

Третій листъ — Подъ липами. Картина В. Каульбаха.

Иногородніе подписчики для пересылки премій— **„Художественнаго Альбома“** за 1881 г., благоволятъ дослать 50 коп. марками. Подписчики Петербурга и Москвы, когда будетъ объявлено о выховѣ премій, могутъ получать въ Петербургѣ, въ конторѣ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, а въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Мамонтова, на Кузнецкомъ.

«Художественный Альбомъ» (премія) въ 1882 году будетъ выходить по третямъ.

Количество премій или большихъ картинъ **„Художественнаго Альбома“** будетъ зависѣть отъ количества подписчиковъ; но во всякомъ случаѣ всѣхъ премій будетъ выдано не менѣе **трехъ** и не болѣе **пяти**.

Первый листъ альбома выйдетъ вмѣстѣ съ январскимъ нумеромъ.

ОФОРТЪ И. И. ШИШКИНА.

Величина этого офорта **одинъ аршинъ $2^1/_2$ вершка** вышины и $^3/_4$ **аршина** ширины.

Офортъ этотъ печатается въ Берлинѣ, въ знаменитой мастерской Л. Беккера. Чтобы судить о трудности вполнѣ художественнаго выполненія этого громаднаго офорта, мы должны указать на то обстоятельство, что г. Беккеръ взялся исполнить этотъ офортъ при печатаніи его не болѣе двадцати экземпляровъ въ сутки.

Иногородные подписчики на 1882 г. для полученія преміи—**„Художественного Альбома“** по третямъ благоволятъ добавлять къ подписной цѣнѣ 1 руб. 50 коп. Эту же сумму должны добавлять и тѣ изъ городскихъ подписчиковъ Москвы и Петербурга, которые пожелаютъ получить премію съ доставкою на домъ .

Цѣна **„Художественнаго Журнала“** съ приложеніями и съ **„Художественнымъ Альбомомъ“** остается та-же. Съ пересылкою и доставкою на годъ:

6 рублей и на полгода 4 рубля; съ пересылкою за границу 8 рублей. Съ пересылкою премій 7 рублей 50 копѣекъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Петербургѣ—въ конторѣ редакціи, на углу Невскаго и Троицкаго (подъѣздъ съ Троицкаго), д. Ростовцева, кв. № 24; въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“, на Невскомъ д. № 58, и Мамонтова, на б. Садовой, д. № 12 и въ эстампныхъ: Фельтена и Беггрова, на Невскомъ; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, на Никольской; Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту и въ эстампныхъ: Даціаро, на Кузнецкомъ и Осберга, на Петровкѣ.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ контору редакціи: Петербургъ, уголъ Невскаго и Троицкаго, домъ Ростовцева.

Редакторъ издатель **Н. Александровъ.**

Открыта подписка
на ежемѣсячный журналъ модъ и рукодѣлій
„Женскій трудъ“
на 1882 годъ.
(годъ третій.)

„ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ“ будетъ издаваться въ 1882 г. по той-же программѣ какъ и въ 1881 г. Объемъ каждаго нумера журнала состоитъ не менѣе 32 стр.

Программа журнала слѣдующая:

1. Моды дамскія, дѣтскія, бѣлья и шляпъ.
2. Рукодѣлья: тамбурныя, канвовыя, филейныя, гипюрныя, филе-гипюрныя и вязанія на спицахъ.
3. Монограмы.
4. Романы, повѣсти и разсказы.
5. Разныя общеполезныя свѣдѣнія въ домашнемъ быту.
6. Ребусы и загодки.

КАКЪ ПРИЛОЖЕНІЯ БУДУТЪ:

а) листы выкроекъ; б) листы узоровъ; в) вырѣзныя выкройки въ натуральную величину; г) изящныя, раскрашенныя картинки дамскихъ и дѣтскихъ модъ; д) раскрашенные рисунки канвовыхъ работъ; е) монограммы.

Подписная цѣна на 1882 г., остается та-же что 1881 г., т. е.

НА ГОДЪ:		НА ПОЛГОДА:	
Безъ доставки	3 р. 50 к.	Безъ доставки	2 р. — к.
Съ доставкой и пересылкой	4 „ — „	Съ доставкой и пересылкой	2 „ 50 „

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ С. Петербургѣ, Моховая ул., д. № 24; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова и въ провинціи у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Для служащихъ въ различныхъ учрежденіяхъ, по особому соглашенію съ конторою редакціи, допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ.

Издатель **Гетце.**

ОБЪ ИЗДАНІИ „ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННАГО ВѢСТНИКА“ ВЪ 1882 ГОДУ.

Съ будущаго 1882 года «Церковно-Общественный вѣстникъ» превращается въ **ПОЛУЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ** и будетъ выходить аккуратно черезъ день; исключая времени скопленія нѣсколькихъ праздниковъ въ недѣли Св. Пасхи и Рождества Христова.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее его интересовать

въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Рядомъ съ вопросами о духовенствѣ, и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политичесвихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества.

Для лицъ, незнакомыхъ съ нашимъ изданіемъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что «Цертовно-Общественный Вѣстникъ» наравнѣ съ другими газетами выходитъ безъ предварительной цензуры и не имѣетъ никакого отношенія къ духовному вѣдомству. Просимъ также не смѣшивать наше изданіе съ журналомъ «Церковный Вѣстникъ», издающемся при здѣшней духовной академіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» въ 1882 г. будетъ изданъ въ видѣ безплатнаго приложенія «**Календарь для духовенства**», въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, мы имѣемъ въ виду, помѣстить **собраніе узаконеній**, относящихся какъ къ организаціи, такъ и къ разнообразнымъ правамъ и обязанностямъ духовенства, заимствуя ихъ, частію изъ «Полнаго собранія законовъ Россійской Имперіи», частію изъ дѣйствующаго «Свода Законовъ», а равно и изъ другихъ источниковъ.

При «календарѣ» будетъ приложенъ также подробный **адресъ-календарь** лицъ служащихъ по духовному вѣдомству, преосвященныхъ архіереевъ, начальствующихъ и учащихъ въ духовныхъ заведеніяхъ и пр.

Условія подписки на «Церковно-Общественный Вѣстникъ» тѣ-же какъ и въ предыдущіе годы, т. е. на годъ 7 рублей, на полгода 4 рубля, на три мѣсяца 2 рубля 50 копѣекъ, на мѣсяцъ 1 руб. Годовая цѣна за границей 10 рублей—Отдѣльные № № по 10 копѣекъ.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: «въ редакцію «Церковно-Общественнаго Вѣстника», мъ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., д. № 3, кв. 5.

Объявленія для напечатанія въ газетѣ принимаются въ конторѣ редакціи въ размѣрѣ 10 коп. за мѣсто занимаемое строкой петита. За разсылку отдѣльныхъ объявленій взимается по 5 руб. съ тысячи.

Редакторъ-издатель **А. И. Поповицкій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„СТРАННИКЪ“

ВЪ 1882 ГОДУ.

Журналъ »Странникъ« **издается** по слѣдующей **программѣ:**

1) Общедоступныя статьи по *русской церковной исторіи.*

2) Общедоступныя статьи по *общей церковной исторіи.*

3) Церковныя *слова*, *поученія*, рѣчи, бесѣды и другія правоучительныя произведенія.

4) *Разсказы*, *повѣсти*, *характеристики*, *очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.

5) *Бытовые очерки.*

6) Стихотворенія.

7) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе.*

8) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.

9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.

10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ

11) *Иностранное обозрѣніе*: церковно-религіозной жизни на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ.*

12) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій.

13) *Свѣтскіе журналы*, газеты и книги: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.

14) *Новыя книги:* критическія и библіографическія статьи.

15) *Книжная лѣтопись*: ежемѣсячный указатель русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подъ духовной цензурой; библіографическія новости.

16) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и др. обществъ, и проч.; новости; корреспонденціи; отвѣты редакціи.

17) Объявленія.

Журналъ выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца, книгами отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе журнала *съ пересылкою внутри Имперіи и доставкою въ С.-Петербургѣ* **шесть рублей**; съ пересылкою за границу **восемь рублей**.

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просимъ обращаться съ требованіями исключительно по слѣдующему адресу: **въ редакцію журнала »Странникъ«, въ С.-Петербургѣ** (Невскій просп., д. № 105 кв. № 1).

Редакторы-издатели:

А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.

"ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ"

въ **1882** году.

будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, *ежемѣсячно*, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе **„Православнаго Собесѣдника"** на 1882 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: **съ доставкою на домъ по г. Казани и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи.**

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается въ Казани, въ Редакціи „Православнаго Собесѣдника", при Духовной Академіи.

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

издаваемыя при „Православномъ Собесѣдникѣ" съ 1867 года, будутъ выходить и въ 1882 г. два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна »**Извѣстій**« для мѣстъ и лицъ **другихъ епархій** и **другихъ вѣдомствъ:** а) отдѣльно отъ »Православнаго Собесѣдника« **четыре** руб., б) а для

выписывающихъ и »Православный Собесѣдникъ« **три** руб. Всего за оба изданія **десять** руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также въ редакціи «Православнаго Собесѣдника».

„ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

въ 1882 году

будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ.

Православное обозрѣніе, учено-литературный журналъ богословской науки и философіи, особенно въ борьбѣ ихъ съ современнымъ невѣріемъ, церковной исторіи, критики и библіографіи, современной проповѣди, церковно-общественныхъ вопросовъ и извѣстій о текущихъ церковныхъ событіяхъ внутреннихъ и заграничныхъ, выходитъ **ежемѣсячно** книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна съ пересылкою **7 рублей**. Подписка принимается въ Москвѣ, у редактора журнала священника при церкви ѲеодораСтудита, у Никитскихъ воротъ, **П. Преображенскаго** и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Иногородніе благоволятъ адресоваться исключительно такъ: въ редакцію Православнаго Обозрѣнія въ Москвѣ.

Просимъ обратить **особенное вниманіе**: желая облегчить пополненіе церковныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства и Министерства Народнаго Просвѣщенія, для коихъ „Православное Обозрѣніе“ рекомендовано учебнымъ начальствомъ, редакція „Православнаго Обозрѣнія“ находитъ возможнымъ доставить подписчикамъ это изданіе за 1876, 1877, 1878, 1879, 1880 и 1881 гг., по слѣдующимъ **пониженнымъ цѣнамъ** для выписывающихъ его за одинъ какой либо годъ—**пять** руб. за два года—**семь** руб. за три—**десять** руб., за четыре—**тринадцать** руб., за пять лѣтъ—**пятнадцать** руб. съ пересылкою.

Редакторъ Свящ. **П. Преображенскій.**

ВЪ 1882 ГОДУ

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

будутъ издаваться

ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННЫМЪ ПРОГРАММАМЪ:

1, Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости.

Церковная, по преимуществу мѣстная, *газета*. Программа ея въ общемъ слѣдующая: **Отдѣлъ оффиціальный**: Высочайшіе манифесты и повелѣнія, сѵнодальные указы и правительственныя распоряженія, относящіяся къ Кіевской епархіи, мѣстныя административныя распоряженія и извѣстія и проч. **Отдѣлъ неоффиціальный**: мѣстныя церковныя историко-статистическія извѣстія и до-

стопримѣчательные письменные памятники, хроника мѣстная и общецерковная, извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ церковной жизни въ церкви русской, восточной, западной и проч.

2, Воскресное Чтеніе.

Журналъ *религіозно-нравственнаго* содержанія и характера въ общедоступномъ и общеназидательномъ изложеніи и въ томъ духѣ, направленіи и видѣ, какъ онъ издавался *первоначально*. Въ немъ будутъ помѣщаемы общепонятныя статьи, служащія къ уразумѣнію Слова Божія, богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утвержденію въ сердцѣ любви, вѣры и упованія христіанскаго, краткія житія святыхъ и тому под.

3, Труды Кіевской Духовной Академіи.

Журналъ *научнаго* содержанія и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей и никакъ не въ видѣ сырыхъ матеріаловъ. При журналѣ **будутъ продолжаться переводы твореній блаженнаго Іеронима** и **Августина**.—Изъ твореній бл. Іеронима въ слѣдующемъ 1882 г. будутъ издаваться его **толкованія на ветхозавѣтныя книги**; изъ твореній бл. Августина—его твореніе **о градѣ Божіемъ**.

Такимъ образомъ изданія Кіевской духовной академіи имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей: 1, своевременнаго знакомства съ текущими церковными событіями (*газетное* чтеніе,—„Епархіальныя Вѣдомости"); 2, *религіозно-нравственнаго*, общеназидательнаго и общепонятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе"), и 3, научнаго образованія, богословскаго („Труды Кіевской Духовной Академіи").

„Епархіальныя Вѣдомости" будутъ выходить *два раза* въ мѣсяцъ, въ 8 долю, *не менѣе двухъ листовъ*. „Воскресное Чтеніе" будетъ выходить *еженедѣльно*, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, въ два столбца, *не менѣе одного листа въ недѣлю*. „Труды Кіевской Духовной Академіи" будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками *отъ 10 до 12* листовъ, изъ коихъ отъ 3 до 4 листовъ будутъ заняты переводомъ твореній блаж. Іеронима и Августина и не менѣе 7—оригинальными статьями. Изъ годоваго изданія „Трудовъ" составятся: **одинъ томъ** твореній **бл. Августина**, **одинъ томъ** твореній бл. **Іеронима** и **три тома** статей, съ особымъ счетомъ страницъ.

Цѣна *за годъ* съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.;

Воскреснаго Чтенія—4 р; Трудовъ Кіевской Духовной Академіи—7 р. Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей *вмѣстѣ* съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р.; Епарх. Вѣдомостей съ Трудами—10 р; Воскреснаго Чтенія съ Трудами—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудами—12 р. с.

Адресъ: въ Редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, *или* Воскреснаго Чтенія, *или* Трудовъ, при Кіевской духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, 2) Игн. Л. Тузова—въ С.Петербургѣ, 3) А. Н. Ферапонтова—въ Москвѣ.

Открыта подписка на 1882 годъ

экономической, общественной, политической и литературной газеты

„ТРУДЪ.“

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. **Оффиціальный отдѣлъ:** Правительственныя распоряженія по всѣмъотраслямъ государственнаго управленія. II. **Руководящія статьи** по разнымъ государственнымъ вопросамъ въ сферахъ: законодательной, судебной и административной, а также обсужденіе вопросовъ, порождаемыхъ общественною жизнью, въ сферахъ: экономической, образовательной и въ сферѣ самоуправленія. III. *Статьи, относящіяся къ политическому, экономическому и соціальному положенію Южнаго и Югозападнаго края.* IV. *Статьи по вопросамъ городскаго хозяйства и управленія. Хроника городскихъ событій и происшествій.* V. *Статьи по части исторіи, статистики, педагогіи, этнографіи и другимъ отраслямъ человѣческаго знанія* VI. **Критика и библіографія.** VII. Отдѣлъ **„Среди газетъ и журналовъ“.** VIII. **Фельетонъ.** Очерки и разсказы беллетристическаго характера въ прозѣ и стихахъ. Обозрѣнія и статьи литературно-критическія. Рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Фельетонъ изъ мѣстной общественной жизни и мѣстныхъ событій и происшествій. IX. **Корреспонденціи.** X. **Политическія заграничныя новости,** заимствуемыя изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ. **Отдѣльныя статьи** по разнымъ вопросамъ иностранной политики. XI. **Телеграммы** международнаго телеграфнаго агентства, Гавасъ и собственныхъ корреспондентовъ. XII. **Судебная хроника** безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. XII. **Финансовая, торговая, акціонерная и биржевая хроника.**

XIV. **Справочный отдѣлъ:** базарныя цѣны, приходъ и отходъ пароходовъ и поѣздовъ, зрѣлища и увеселенія; перечень дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ. XV. **Объявленія.**

Газета ВЫХОДИТЪ въ форматѣ обыкновеннаго газетнаго листа три раза въ недѣлю: **по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ**, съ *ПРИЛОЖЕНІЯМИ ПО МѢРѢ НЕОБХОДИМОСТИ.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Кіевѣ:	на годъ	**6**	руб.	—	коп.,	на полгода	**4**	руб.
Безъ доставки	» » »	**4**	»	**50**	»	» »	**3**	»
Съ пересылкою иногороднимъ	» »	**8**	»	—	»	» »	**5**	»

Пріемъ подписки и объявленій въ главной конторѣ редакціи, въ Кіевѣ. на Михайловской ул., въ д. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Кромѣ того, подписка принимается: въ **С.-Петербургѣ**—въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова.—Въ **Москвѣ:** въ отдѣл. варшавск. агентства Райхмана и Френдлера, малая Лубянка, д. Обидиной, при Славянской библ., въ центр. конторѣ объявленій, бол. Дмитровка, и въ конторѣ Плетникова, Москва, Софійка, церковн. домъ.—Въ **Парижѣ,** Agence Havas et C-ie—Place de la Bource 8, à Paris.—Въ **Варшавѣ,** аген. объявл. Райхманъ и Френдлеръ, Сенаторск., № 22.—Въ **Черниговѣ,** у гг. Кранца и Данюшевскаго, въ **Нѣжинѣ** у г. Куриленка, въ **Стародубѣ** у г. Неронова, въ **Харьковѣ** у г. Сыхры, въ **Екатеринославѣ** у г. Голубовскаго, въ **Полтавѣ** и г. Бойно-Родзевича, въ **Елисаветградѣ** у г. Н. К. Менчица, въ **Каменецъ-Подольскѣ** у г. Симоновскаго, въ **Житомірѣ** у г. Будкевича.

Редакторъ-издатель **Г. Т. Корчакъ-Новицкій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную общественную, литературную и политическую газету

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

1882 ГОДА.

(Второй годъ изданія).

Программа газеты: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства.

IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ »Южнаго Края« и телеграфныхъ агентствъ. VI. Послѣднія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи »Южнаго Края« и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Политическое обозрѣніе. IX. Внѣшія корреспонденціи. X. Фельетонъ научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библіографія. XIII. Смѣсь. XIV, Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ южной Россіи: *въ Азовѣ, Александровскѣ, Ахтыркѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бирючѣ, Бахмутѣ, Валкахъ, Волчанскѣ, Боронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Зѣньковѣ, Зміевѣ, Изюмѣ, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Константиноградѣ, Кременчугѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кутаисѣ, Лебединѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Маріуполѣ, Нѣжинѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Одессѣ, Острогѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Пути, Переяславѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таганрогѣ, Херсонѣ, Черниговѣ и Ялтѣ.*

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петероурга и Москвы, редакція позаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы и Америки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	Нт 1 мѣс.
Безъ доставки . . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою . . .	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногород. .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается только, съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ д. Харьковскаго Университета, № 7-й при „Публичной библіотикѣ“ А. А. Іозефовича, принимаетъ подписку и объявленія.

Издатель **А. А. Іозефовичъ.**

Редакторъ **А. Н. Стояновъ.**

2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ,

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„ЗАРЯ“.

Открыта подписка на 1882-й годъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ

I. Телеграммы. Важнѣйшія событія русской и иностранной жизни.

Кромѣ телеграммъ „Международн. Телеграфнаго Агентства“, редакція получаетъ телеграфическія извѣстія отъ спеціальныхъ корреспондентовъ заграницей, въ Петербургѣ (ежедневно), Москвѣ и въ главныхъ городахъ Юга Россіи.

II. Отдѣлъ внутренній. А) Извѣстія о дѣйствіяхъ правительства, о законодательныхъ мѣрахъ и предположеніяхъ, Б) руководящія статьи, по важнѣйшимъ вопросамъ общественной жизни Россіи, какъ-то: по вопросамъ государственнаго хозяйства, путей сообщенія, народнаго образованія, земскаго, городскаго и крестьянскаго самоуправленія; В) корреспонденціи изъ столицъ и краевыя; Г) свѣдѣнія изъ другихъ періодическихъ изданій; Д) обозрѣніе русской и иностранной печати; Е) вопросы хозяйства, промышленности и торговли въ районѣ южной полосы Россіи, въ губерніяхъ входящихъ въ составъ генералъ-губернаторствъ: юго-западнаго, одесскаго и харьковскаго.

III. Отдѣлъ городской. А) Хроника г. Кіева, Б) вопросы городскаго благоустройства.

IV. Отдѣлъ судебный. А) Руководящія статьи по юридическимъ вопросамъ, Б) отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ.

V. Отдѣлъ иностранный. А) Руководящія статьи по вопросамъ внѣшней политики; Б) корреспонденціи изъ иностранныхъ государствъ; В) извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ общественной и политической жизни заграницей.

VI Фельетонъ. Очерки и разсказы (оригинальные и переводные). Обозрѣнія и статьи литературно-критическія, рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Научная хроника.

VII. Смѣсь. Разныя извѣстія, важнѣйшія изобрѣтенія въ области наукъ искусствъ и промышленности и проч.

VIII. Отдѣлъ торговый. Свѣдѣнія объ урожаяхъ, о цѣнахъ на зерновые продукты и на главные товары, составляющіе главный предметъ мѣстнаго производства или мѣстной торговли. Торговыя корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ внутреннихъ рынковъ. Свѣдѣнія о состояніи полей. Биржевыя телеграммы и бюллетени. Курсы русскихъ и иностранныхъ монетъ, цѣнныхъ бумагъ и проч. Періодическія торговыя и биржевыя обозрѣнія.—Желѣзнодорожная хроника.

IX. Отдѣлъ справочный. Желѣзно-дорожное и пароходное движеніе. Метеорологическій бюллетень. Судебный указатель по судебнымъ учрежденіямъ округа кіевской судебной палаты: списокъ назначенныхъ къ разсмотрѣнію дѣлъ и резолюціи. Ежедневные списки получателей груза по юго-западн. жел. дор. и свѣдѣнія о наложенныхъ платежахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ доставкой или пересылкой.	Безъ доставки.
На годъ	10 руб.	8 руб.
„ 6 мѣсяцевъ	6 руб.	5 —
„ 3 мѣсяца	4 руб.	3 —
„ 1 мѣсяцъ	1 руб. 50 к.	1 —

Выписывающимъ газету *съ 1-го января 1882 года на цѣлый годъ* допускается **разсрочка** годоваго взноса, причемъ при подпискѣ вносится 3 руб., 1-го марта 3 руб., 1-го іюня 2 р. и 1-го сентября 2 р. Подписывающіеся въ срединѣ года разсрочкой не пользуются.

Правительственныя, общественныя и частныя учрежденія могутъ выписывать газету въ кредитъ по письменнымъ, на бланкѣ этихъ учрежденій, предложеніямъ. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ выписка газеты въ кредитъ допускается чрезъ ихъ казначеевъ.

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ, въ главной Конторѣ газеты „ЗАРЯ“, на Крещатикѣ, при книжномъ магазинѣ Л. В. Ильницкаго.

Иногородніе благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ Главную Контору или подписываться у агентовъ ся, обозначенныхъ въ каждомъ нумерѣ газеты.

Редакторъ-издатель *П. А. Андреевскій.*

годъ 2-й. **годъ 2-й**

Открыта подписка

на литературную и общественную

газету

„ПОДОЛЬСКІЙ ЛИСТОКЪ“

(второй годъ изданія).

„Подольскій Листокъ“ будетъ выходить въ 1882 г., какъ и прежде, три раза въ недѣлю, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, въ форматѣ обыкновеннаго газетнаго листа, по нижеслѣдующей программѣ:

а) Распоряженія Правительства и мѣстной администраціи. б) Руководящія статьи по вопросамъ внутренней жизни края. в) Хроника каменецъ-подольской городской жизни. г) Судебная хроника (мѣстная).

д) Фельетонъ: разсказы, повѣсти, научныя свѣдѣнія и т. п. е) Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ края. ж) Среди газетъ. з) Краткія свѣдѣнія изъ политической жизни иностранныхъ державъ. и) Телеграммы. і) Смѣсь: анекдоты, случаи и т. п. к) справочный листокъ *(перечень дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Каменецъ-Подольскомъ Окружномъ Судѣ, краткія резолюціи по дѣламъ,* свѣдѣнія о пріѣзжающихъ, и т. п.) л) Объявленія.

Подписная цѣна „Подольскаго Листка".

	на годъ.	на полг.	на 3 м.	на 1 м.
Для иногороднихъ подписчиковъ съ пересылкою. .	6 р. 50 к.	4 р.	2 р. 50 к.	1 р. 30 к.

Иногородніе обращаются съ своими требованіями: **въ Каменецъ-Подольскъ, въ редакцію газеты „Подольскій Листокъ"**.

Редакторъ-издатель **Б. Сторожевскій**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на газету
„ДОНСКОЙ ГОЛОСЪ"

(3-й годъ существованія).

НА 1882-Й ГОДЪ

Какъ сроки выхода (по воскресеньямъ и четвергамъ), такъ и размѣръ газеты остаются прежніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкой по почтѣ и доставкой на домъ городскимъ подписчикамъ

на годъ	6 руб.
на полгода	3 руб. 50 к.
одинъ мѣсяцъ . . .	« 75 к.

Просятъ адресоваться: въ Новочеркаскъ въ редакцію «Донскаго Голоса».

Редакторъ-издатель **Е. Жигмановскій.**

ОТКРЫТА
ПОДПИСКА
НА ГАЗЕТУ
„ВОРОНЕЖСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“
на 1882 годъ.

Газета будетъ выходить въ 1882 году, какъ и прежде, три раза въ недѣлю:

ПО СРЕДАМЪ, ПЯТНИЦАМЪ И ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

Согласно принятой программѣ, работа «Воронежскаго Телеграфа» состоитъ:

1) въ обсужденіи вопросовъ изъ жизни общественной, нравственной и умственной; 2) выясненіи нуждъ и потребностей общественныхъ; и 3) своевременной передачи всѣхъ событій и новостей общественной жизни, въ возможной полнотѣ и разнообразіи.

Подписная цѣна на „Воронежскій Телеграфъ“:

ЗА ГОДЪ:		ЗА ПОЛГОДА:	
въ Воронежѣ безъ доставки	4 р. 50 к.	въ Воронежѣ съ доставкой	2 р. 75 к.
» » » съ доставкой	5 р. — к.		
съ пересылкою въ др. город.	6 р. — к.	съ пересылкою въ др. гор.	3 р. — к.

ЗА ТРЕТЬ ГОДА:

въ Воронежѣ съ доставкой 2 руб. 25 коп.
съ пересылкою въ др. гор. 2 руб. 75 коп.

Подписка на «Воронежскій Телеграфъ» принимается въ конторѣ редакціи, при типографіи Исаева, въ Воронежѣ, въ д. доктора Столль, на Большой Дворянской улицѣ.

Редакторъ издатель **В. И. Исаевъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на общественную и литературную газету

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

(СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ, 1882).

Въ газету войдутъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности оренбургскаго края. 2) Общія политическія извѣстія и полити-

ческія телеграммы. 3) Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. 4) Сообщенія о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. 5) Фельетонъ:въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. 6) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзно-дорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, мѣстный и метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія. 7) Прибавленіе къ „Оренбургскому Листку"

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ"

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеніямъ, а «Листокъ Объявленій» по четвергамъ.

Подписная цѣна годовому изданію **ПЯТЬ РУБЛЕЙ** съ доставкою и пересылкой.

Для оренбургскихъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписныхъ денегъ.

Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать въ Оренбургъ, въ редакцію газеты **„Оренбургскій Листокъ"**, Перовская улица, домъ № 33, близь театра, при типо-литографіи Ивана Ивановича Евфимовскаго—Мировицкаго.

Редакторъ-издатель **Ив. Евфимовскій—Мировицкій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„Тамбовскія Губернскія Вѣдомости"
1882 года.

«Тамбовскія Губернскія Вѣдомости» будутъ издаваться въ 1882 году по слѣдующей програмѣ, разрѣшенной правительствомъ:

I. Часть оффиціальная. II. Отдѣлъ неоффиціальный.

Программа неоффиціальнаго отдѣла:

1. Правительственныя распоряженія. Придворныя извѣстія. Телеграммы. Статьи о предметахъ внутренняго управленія и внѣшней политики, а также о выдающихся явленіяхъ и потребностяхъ мѣстной общественной жизни; вопросы городскаго благоустройства.

2. *Мѣстная хроника.* Текущія событія въ г. Тамбовѣ и въ губерніи. Корреспонденціи и извѣстія изъ различныхъ мѣстъ губерніи. Свѣдѣнія и матеріалы, касающіеся мѣстнаго края: историческіе, географи-

ческіе, топографическіе, археологическіе и проч. Статьи о сельскомъ хозяйствѣ, урожаѣ, промыслахъ, торговлѣ, фабрикахъ, ярмаркахъ, рынкахъ, состоявшихся торговыхъ и другихъ обществахъ. Некрологи извѣстныхъ въ губерніи лицъ. Извѣстія (былевые очерки) изъ прошлой жизни губерніи.

3. *Внутренній отдѣлъ*, посвященный обозрѣнію важнѣйшихъ событій въ Россіи, имѣющій общій и одинаковый интересъ для всѣхъ.

4. *Внѣшнія извѣстія*, посвященные обозрѣнію выдающихся событій иностранной жизни.

5. *Разныя извѣстія*. Полезныя и интересныя извлеченія изъ журналовъ и газетъ; общеполезныя свѣдѣнія изъ жизни, наукъ и искусствъ.

6. *Справочный отдѣлъ*. Метеорологическія и календарныя свѣдѣнія. Биржевыя извѣстія. Движенія желѣзныхъ дорогъ.

Неоффиціальный отдѣлъ будетъ занимать **цѣлый особый печатный листъ**. Газета будетъ печататься только **на хорошей бѣлой бумагѣ** и выходить по прежнему три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, за исключеніемъ дней праздничныхъ и послѣ праздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ	На полг.	На 3 м.	На 1 м.
Съ доставкою на домъ въ Тамбовѣ	5 р.	3 р.	2 р. — к.	„ р. 75 к.
Съ пересылкою.	6 р.	4 р.	2 р. 50 к.	1 р. — к.

Отдѣльные №№ газеты продаются въ редакціи по 10 коп.

Подписка принимается въ редакціи „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, у всѣхъ уѣздныхъ исправниковъ и городскихъ головъ тамбовской губерніи.

Редакторъ неоффиц. отдѣла **Мих. Григоровскій**.

ВЪ ЕКАТЕРИНОГРАДѢ
издается
„КУБАНЬ“

газета общественная, литературная и политическая

Срокъ выхода въ свѣтъ газеты— отъ одного до двухъ разъ въ недѣлю, въ размѣрѣ одного газетнаго листа средняго формата. Въ экстренныхъ случаяхъ будутъ выходить особыя прибавленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

для городскихъ подписчиковъ		для иногородныхъ	
съ доставкою на годъ	6 р.	съ пересылкою на годъ	7 р.
на полгода	3 р. 50 к.	на полгода	4 р.

для служащихъ допускается разсрочка.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи на Красной улицѣ, при типографіи Н. Г. Мойсеенко, куда просятъ адресовать статьи, письма и мелкія сообщенія.

Редакторъ-издатель **Н. Г. Мойсеенко.**

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **«Новаго Времени»** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 58. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **«Новаго Времени»**, Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа **»Историческаго Вѣстника«**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **»Историческому Вѣстнику«** прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отечество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

ФЕВРАЛЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1882 г.

I. ПАНЫ ХОДЫКИ, воротилы городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI—XVII ст. **Вл. Антоновича**. 233

II. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ ПОЛЬШИ въ періодъ ея раздѣловъ 262

III. ПОЛЯКИ и РУСИНЫ (къ исторіи ихъ бытовыхъ отношеній). **Л. Мацѣевича** 301

IV. РАЗГОВОРЪ ВЕЛИКОРОССІИ СЪ МАЛОРОССІЕЙ. (Литературный памятникъ 2-й пол. XVIII в.) съ предисловіемъ Н. И. Петрова. 313

V. ДНЕВНИКЪ ОСВѢЦИМА, съ предисловіемъ **В. А.** *(Продолженіе)*. 366

VI. ПОСМЕРТНЫЙ РАЗСКАЗЪ О. АНТОНІЯ КОВАЛЬСКАГО (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губ. 1855 г.), сообщ. **П. Л-въ**. *(Окончаніе)* 386

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Указатель книгъ по исторіи южной Россіи за 1881 г. *(Окончаніе)*. 2) Библіографическія замѣтки: а) Терскіе козаки съ стародавнихъ временъ. Соч. Ивана Попка. Выпускъ первый—гребенское войско. В. А.—б) Исторія сѣверской земли до половины XIV в. Петра Голубовскаго. Д. Б.—в) Моравія и мадьяры съ половины IX до нач. X вѣка. К. Я. Грота. — г) Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые по Высоч. соизволенію В. Прохоровымъ. В. И. 397

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Соборъ взѣсто собора (къ исторіи кіевскихъ соборовъ).—б) Православный монастырь и его уніатская лѣтопись (къ исторіи сатановскаго монастыря подольской епархіи). — в) Компанейскія иголки — г) Покрытка. Ст. фонъ-Носъ. — д) Илія Човнила, бѣсамъ въ службу записавшійся (Изъ области народныхъ суевѣрій).—е) Gaudeamus igitur кіевской академіи.—ж) Запорожское расхищеніе (двѣ пѣсни о томъ, кому достались запорожскія земли).—з) Объясненіе приложенія. 413

ПРИЛОЖЕНІЕ: Кіевская академія и ея студенты (1697—1702 г.).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины.“ Кіевъ, Бульваръ, № 36-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

ФЕВРАЛЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20-го февраля 1882 года.

Кіевская Академія и ея студенты

(1697—1702 г.).

ПАНЫ ХОДЫКИ,

ВОРОТИЛЫ ГОРОДСКАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ ВЪ КІЕВѢ

въ XVI—XVII ст.

Въ исходѣ XV вѣка городъ Кіевъ получилъ отъ великаго князя литовскаго Александра Казимировича уставную грамоту, дававшую мѣщанамъ полный самосудъ и самоуправленіе по магдебургскому праву, а также предоставлявшую кіевской общинѣ многія льготы и привиллегіи, которыя поощряли развитіе городской торговли и промышленности. Благосостояніе города, и до того значительное, вслѣдствіе выгоднаго въ торговомъ отношеніи его географическаго положенія, должно было значительно возвыситься; благодаря самостоятельности городской общины, ея самоуправленію и полученнымъ льготамъ, мѣщане должны были получить значительный просторъ дѣйствія, обезпеченность труда и легкость сбыта его продуктовъ; можно было ожидать развитія города во всѣхъ отношеніяхъ и полнаго процвѣтанія городской общины. Ожиданія эти однако не вполнѣ оправдались. Правда, торговля оживилась, капиталы умножились, многіе мѣщанскіе роды разбогатѣли, стали пріобрѣтать поземельныя владѣнія и переходить въ сословія: земянское, а послѣ 1569 года въ шляхетское; но богатство и значеніе были достояніемъ только немногихъ избранныхъ. Новыя льготы не отозвались плодотворно на поднятіи уровня благосостоянія всей массы городскаго населенія; образовалась городская аристократія, кружокъ, тѣсно связанный интересомъ и заботившійся лишь о расширеніи своего богатства и вліянія; кружокъ этотъ не только не обращалъ вниманія на нужды болѣе бѣдныхъ согражданъ, но, напротивъ, употреблялъ всевозможныя мѣры для того, чтобы, захвативъ въ свои руки городскія должности и опираясь на авторитетъ городскаго

уряда, эксплуатировать остальное народонаселеніе. Причина этого ненормальнаго явленія въ жизни кіевской городской общины лежала не исключительно въ эгоистическихъ инстинктахъ и побужденіяхъ къ захвату лицъ, успѣвшихъ выдвинуться въ передовые ряды; стремленія къ наживѣ находили богатую почву въ самомъ устройствѣ городскаго самоуправленія. Магдебургское право, по статьямъ котораго должно было управляться и судиться кіевское мѣщанство, представляло кодексъ, сложившійся въ другое время, среди другаго племени и при другихъ историческихъ условіяхъ; его юридическія понятія, формы городскаго суда и самоуправленія могли быть въ полнѣ примѣнимы къ быту саксонскихъ городовъ X—XI столѣтій, гдѣ сложилось и магдебургское право, какъ результатъ понятій и нуждъ своего времени и своей страны, но право это не имѣло ничего общаго съ русскими городами вообще, развивавшимися на другихъ началахъ, стремившимися къ порядку вѣчевому, а не коллегіальному, и слѣдовавшими въ обычномъ правѣ другимъ юридическимъ понятіямъ и воззрѣніямъ. Не вытекая изъ мѣстныхъ потребностей, не выработавшись на мѣстной почвѣ, магдебургское право представляло юридическую почву незнакомую, непонятную для жителей русскихъ городовъ и, притомъ, весьма часто противурѣчившую ихъ убѣжденіямъ и взглядамъ; право это оставалось для нихъ чуждымъ кодексомъ, истиною чисто формальною,—мертвою, хотя обязательною буквою, не согласною съ тѣми понятіями о юридической правдѣ, какія сложились въ мѣстныхъ воззрѣніяхъ и привычкахъ. Случилось то, что бываетъ обыкновенно въ странахъ, управляемыхъ по законоположеніямъ заимствованнымъ, не выросшимъ на данной почвѣ; формальная истина противуполагалась правдѣ по народному пониманію и, никѣмъ не считаясь дѣйствительно правдивою, послужила лишь оружіемъ въ рукахъ дѣльцовъ, пожелавшихъ воспользоваться ею для личныхъ выгодъ, во вредъ массѣ, которой навязана была эта чуждая ей юридическая норма, уснащенная безконечнымъ количествомъ статей и параграфовъ, мало понятныхъ и еще менѣе симпатичныхъ.

Для того, чтобы воспользоваться такого рода положеніемъ юридическихъ отношеній, конечно, каждое лице, желавшее поживиться и стать въ ряды городской аристократіи, должно было представлять извѣстный, мало привлекательный нравственный образъ; для этого необходимо было отречься отъ народныхъ воззрѣній и народной морали,—отказаться отъ правилъ совѣсти, при-

нести все нравственное свое достоинство въ жертву личному интересу и стремленію къ наживѣ, искать точки опоры внѣ своей общины, постоянно враждебно настроенной къ кружку своихъ заправителей, въ силахъ внѣшнихъ, чуждыхъ или враждебныхъ ей, и только при такихъ условіяхъ можно было, пользуясь то буквою писаннаго закона, то внѣшними связями, то солидарностью между собою членовъ небольшаго кружка знатныхъ сотоварищей, производить всевозможныя дѣйствія, правда, весьма выгодныя для усиленія богатства и значенія дѣльцевъ, но далеко не отвѣчавшія ни законамъ даже азбучной справедливости, ни интересамъ всей городской общины.

Понятно, что стать въ ряды на такихъ началахъ зарождавшейся городской аристократіи труднѣе было туземнымъ, старожилымъ кіевскимъ мѣщанамъ, которыхъ родственныя связи, пріобрѣтенныя отъ своей среды понятія и привычка къ уваженію общественнаго мнѣнія согражданъ, значительно сдерживали; препятствій этихъ не существовало для инородцевъ и для лицъ, примкнувшихъ къ мѣщанству изъ другихъ сословій края; тѣ и другіе поступали въ составъ городской общины исключительно съ цѣлью захватить должности, скопить состояніе и потомъ бросить вскормившій ихъ городъ для того, чтобы продолжать карьеру на болѣе выгодномъ поприщѣ. Дѣйствительно, пересматривая дошедшія до насъ документы XVI столѣтія, мы среди городской знати встрѣчаемъ множество именъ иноземныхъ: литовцевъ, поляковъ, армянъ, грековъ, крещенныхъ татаръ, а также лицъ, приписавшихся къ городу изъ сословій земянскаго и боярскаго. Коренные кіевскіе мѣщане, составлявшіе значительное большинство кіевскаго населенія, находятся въ постоянной борьбѣ съ кружкомъ пришельцевъ, но кіевляне дѣйствуютъ гораздо менѣе солидарно и болѣе застѣнчиво; они менѣе способны на интригу, менѣе нахальны и потому имъ рѣдко удается выдвинуть своего кандидата въ войты или райцы. Между тѣмъ пришельцы исключительно лишь заняты тѣмъ, чтобы держать городское управленіе въ своихъ рукахъ; для этого они пускаютъ въ ходъ всевозможныя средства: роднятся съ болѣе богатыми кіевлянами и такимъ образомъ увлекаютъ ихъ въ свою партію, другихъ склоняютъ обѣщаніями доли въ своихъ выгодахъ, на иныхъ вліяютъ связями съ воеводою и застращиваютъ авторитетомъ королевской власти, съ которою они будто находятся въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, чѣмъ ихъ противники, наконецъ, стараются поселить

раздоръ и личныя ссоры среди старожиловъ и такимъ образомъ ослабить ихъ силы.

Какъ эпизодъ, характеризующій всѣ вышенамѣченныя явленія въ жизни кіевской городской общины XVI—XVII столѣтій, мы представляемъ разсказъ, извлеченный изъ документовъ, хранящихся частью въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, частью въ кіевскомъ центральномъ архивѣ. Это разсказъ о судьбѣ знатной мѣщанской семьи, составившей въ Кіевѣ колосальное для того времени состояніе и выдвинувшей изъ среды своей трехъ кіевскихъ войтовъ. Семья эта, по мѣрѣ того, какъ перемѣнялось ея положеніе въ обществѣ, носила разныя фамильныя названія, въ городѣ-же, въ періодъ своего преобладанія, носила прозвище: *Ходыки*.

Въ началѣ XVI столѣтія среди бояръ, приписанныхъ къ мозырскому замку, жила семья Кобызевичей. Родъ Кобызевичей былъ татарскаго происхожденія: предокъ ихъ Кобызъ [1]) находился въ числѣ татарскихъ пленниковъ, поселенныхъ Витовтомъ въ окрестности Мозыря и приписанныхъ имъ къ числу замковыхъ слугъ. Съ теченіемъ времени Кобызевичи крестились и вошли въ составъ мозырскаго боярства, пріобрѣвъ небольшую боярскую землю: „третину земли Боковскіе, фольварокъ Пашковщину и Чортковщину, а въ нихъ 4 волокъ поля". Земля эта возлагала на владѣльцевъ обязанность военной службы и не подлежала дѣлежу между сонаслѣдниками; поэтому, когда представителями семьи въ началѣ XVI вѣка оказались два родные брата, Федоръ и Иванъ, то староста мозырскій отдалъ землю во владѣніе старшему брату Федору, младшій-же, Иванъ, получилъ только половину движимаго наслѣдства и долженъ былъ искать занятія на сторонѣ, почему отправился въ Кіевъ. Не знаемъ, какимъ промысломъ онъ занялся здѣсь, но въ теченіи 30 лѣтъ онъ разбогатѣлъ, купилъ домъ на Боричевомъ Току и оставилъ сыну обезпеченное состояніе. Сынъ этотъ Устимъ, принявшій новую фамилію „Фицъ", занималъ уже одну изъ важныхъ магистратскихъ должностей—райцы и держалъ отъ города въ арендѣ „мѣстскіе корчмы", т. е. городскіе шинки. Въ 1578 году Устимъ Фицъ-Кобызевичъ умеръ безпотомственно.

---

[1]) Слово *Кобызъ* или Кобузъ по татарски означаетъ музыкальный инструментъ, заимствованный у нихъ впослѣдствіи козаками подъ именемъ *кобзы*.

Между тѣмъ какъ Иванъ и Устинъ Кобызевичи богатѣли въ Кіевѣ, представитель другой вѣтви ихъ рода, Федоръ, оставался на родинѣ, въ мозырскомъ повѣтѣ. Обстоятельства его были далеко не блестящи; судьба надѣлила его весьма многочисленною семьею; у него было 10 душъ дѣтей: 8 сыновей и двѣ дочери, и его небольшая боярская вотчина оказалась недостаточною для содержанія семейства. Федоръ Кобызевичъ долженъ былъ искать новыхъ средствъ для усиленія своихъ доходовъ. Возложивъ обязанность военной службы и завѣдываніе боярскимъ помѣстьемъ на старшихъ сыновей, онъ перебрался съ младшими дѣтьми въ Мозырь. Здѣсь онъ пріобрѣлъ дворъ съ маленькимъ участкомъ „поля на косогорѣ" и лавку въ городскомъ рынкѣ и занялся торговлею. Въ 1569 году умеръ Федоръ Кобызевичъ, и многочисленная его семья приступила къ дѣлежу наслѣдства; но братья и сестры не могли уладить дѣла миролюбиво и потому обратились къ мозырскому старостѣ, пану Федьку Балакиру, съ просьбою распредѣлить между ними отцевское имущество. По рѣшенію старосты, послѣдовавшему 8-го февраля 1569 г., состоялся дѣлежъ на слѣдующихъ основаніяхъ: боярская поземельная вотчина досталась старшему изъ братьевъ Кузьмѣ, находившемуся въ то время въ походѣ, лавка и дворъ въ Мозырѣ отданы другому брату Лазарю, приписавшемуся уже давно къ мозырскимъ мѣщанамъ и завѣдывавшему торговлею еще при жизни отца; Лазарь уплатилъ при этомъ въ пользу братьевъ и сестеръ излишекъ стоимости доставшейся ему собственности; затѣмъ въ пользу незамужней сестры Авдотіи, выдѣлено было, въ качествѣ приданнаго 39 копъ грошей литовскихъ [1]), остальными-же деньгами и движимымъ имуществомъ должны были подѣлиться поровну 6 остальныхъ братьевъ, 1 сестра замужняя и мать ихъ, вдова Федора Кобызевича, Зоня. Изъ движимаго имущества староста выдѣлилъ одинъ полный мужескій костюмъ и полный наборъ оружія и приказалъ эти вещи оставить „при дому для господарской службы". Когда сонаслѣдники приступили къ дѣлежу остальной движимости, то оказалось, что на долю каждаго пришлось лишь слѣдующее: по 1 копѣ и 6½ грошей денегъ, по одной серебряной ложкѣ, по двѣ оловянныя тарелки („цыні: одна миса и 1 талеръ"), по одному мѣдному котлу, по саблѣ, сѣдлу и сагайдаку; сверхъ того каждый изъ сонаслѣдниковъ получилъ по одному коню, волу, коровѣ и свиньѣ и по 2 овцы.

[1]) Копа равняется 7½ руб.

Получивъ скудныя доли своего наслѣдства, молодые Кобызевичи должны были немедленно подумать объ устройствѣ своей будущей судьбы. Трое изъ нихъ: Василій, Федоръ и Іовъ рѣшились отправиться искать счастья въ Кіевѣ, гдѣ на первое время разсчитывали найти поддержку въ лицѣ своего двоюроднаго брата, тогда уже магистратскаго райцы—Устина Фица-Кобызевича. Планъ этотъ предложилъ братьямъ старшій изъ выселявшихся Василій. Это былъ человѣкъ, обладавшій огромнымъ запасомъ энергіи, предпріимчивости и находчивости: онъ рѣшился во что-бы то ни стало сдѣлать карьеру и добиться значенія и богатства. Для достиженія своей цѣли Василій Кобызевичъ намѣренъ былъ не разбирать средствъ и пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, не стѣсняясь ни моралью, ни совѣстью; онъ чувствовалъ, что при такихъ нравственныхъ данныхъ онъ найдетъ въ Кіевѣ широкое поприще для дѣятельности и съ полною увѣренностью устремился на это поприще. Оставляя родной городъ, онъ хотѣлъ скопить возможно большую сумму въ запасъ для начала будущихъ оборотовъ; всѣ три брата продали съ этою цѣлью доставшуюся на ихъ долю движимость, но вырученная сумма оказалась слишкомъ ничтожною и потому Василій принялъ мѣры для ея увеличенія. Заручившись согласіемъ матери, онъ отправился въ домъ, принадлежавшій отсутствующему брату Кузьмѣ, взломалъ двери его „свѣтлицы“ и присвоилъ себѣ все его имущество: деньги, одежду, оружіе, скотъ и т. д. Между прочими вещами Кузьма, перечисляя впослѣдствіи въ жалобѣ убытки, указываетъ на то, что у него были взяты даже два десятка стрѣлъ, которыя „коштовали копу и четыре гроши литовскіе“. Продавъ все захваченное, Василій немедленно вмѣстѣ съ братьями „подъ присудъ замку Кіевского зъѣхалъ“ и отмалчивался потомъ на всѣ жалобы брата, до смерти послѣдняго, и не являлся въ судъ мозырскаго староства, не смотря на многократные вызовы.

Въ Кіевѣ братья Кобызевичи были радушно приняты родственникомъ. Богатый, пріобрѣвшій значеніе и вліяніе, но бездѣтный Устинъ Фицъ радъ былъ на старости лѣтъ обществу лицъ, связанныхъ съ нимъ кровными узами; онъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы доставить братьямъ выгодныя занятія и долю въ торговыхъ предпріятіяхъ. Но медленное, постепенное приращеніе благосостоянія было не по нраву Василію Кобызевичу, мечтавшему о быстрой и блестящей карьерѣ. Въ теченіи нѣсколь-

кихъ лѣтъ, промышляя службою у богатыхъ купцовъ, то мелочною торговлею, то отдачею въ ростъ небольшихъ своихъ денегъ, Василій Кобызевичъ выжидалъ случая, который позволилъ бы ему повести дѣла въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Случай такой доставило ему общественное бѣдствіе. Съ 1569 года въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Литвѣ и южной Руси свирѣпствовалъ голодъ; въ 1571 году урожай былъ обильный, но вдругъ лѣтомъ случился во время цвѣтенія хлѣба трехдневный морозъ, уничтожившій всѣ надежды на новый сборъ; осенью хлѣба вовсе не было. По свидѣтельству лѣтописей, въ Полѣсьи, на Волыни, въ Подоліи и Литвѣ люди умирали и вообще сильно страдали отъ голода; въ началѣ слѣдующаго года отъ истощенія, гнилой и нездоровой пищи появилось во многихъ мѣстностяхъ „моровое повѣтріе" (чума). Зараза коснулась и Кіева, хотя не въ особенно сильныхъ размѣрахъ. Въ числѣ жертвъ, пострадавшихъ отъ моровой язвы, было богатое семейство купцовъ Митковичей. Митковичи принадлежали къ числу кіевскихъ старожилыхъ мѣщанъ и уже въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній вели богатую торговлю сукномъ и тканями; имъ принадлежало нѣсколько „крамныхъ коморъ" (т. е. лавокъ) въ рынкѣ, нѣсколько домовъ въ городѣ и за городомъ, большіе склады сукна и различныхъ тканей и т. д. На фамильной печати Митковичей красовались эмблема ихъ торговли—два „локтя", лежащіе крестообразно, и двѣ букви: Ѳ. М. въ воспоминаніе предка, Ѳедора Митковича, положившаго основаніе торговой фирмѣ. Въ 1572 году надъ этою семьею разразилась бѣда: въ теченіи нѣсколькихъ дней чума, посѣтившая ихъ домъ, унесла отца—Митка (Дмитрія) Богдановича, мать Татьяну Кругликовну, четырехъ дочерей и сына, а также многихъ слугъ и челядниковъ; изъ многочисленной семьи остались въ живыхъ только молодая дѣвушка Пося (Евфросинія) и малолѣтній братъ ея Федоръ Митковичъ. Прежде чѣмъ прошла паника, поразившая городъ при появленіи чумы, прежде чѣмъ магистратъ успѣлъ принять мѣры для охраненія имущества Митковичей и назначить опеку надъ оставшимися дѣтьми, Василій Кобызевичъ уже воспользовался положеніемъ ихъ семьи. Онъ предложилъ Посѣ свои услуги для того, чтобы временно завѣдывать торговыми дѣлами, не побоялся посѣщать домъ, пораженный чумою, отъ котораго бѣжали друзья и родственники Митковичей, и постепенно сблизился и подружился съ дѣтьми. Не прошло и мѣсяца со времени катастрофы, постигшей Митковичей, какъ сосѣди узнали, что наслѣдница ихъ

обвѣнчалась съ новымъ своимъ прикащикомъ. Василій Кобызевичъ, немедленно послѣ брака, обратился въ магистратъ съ просьбою поручить ему и его женѣ, какъ ближайшимъ родственникамъ, опеку надъ малолѣтнимъ Федоромъ и его имуществомъ; магистрату ничего не оставалось, какъ принять это предложеніе, и такимъ образомъ Василій сталъ представителемъ одной изъ самыхъ крупныхъ торговыхъ фирмъ въ Кіевѣ. Изъ распоряженія магистрата по этому поводу мы узнаемъ, что братья Кобызевичи носили уже тогда новую фамилію, данную имъ въ видѣ клички въ Кіевѣ, именно фамилію „Ходыкъ", и магистратъ выдаетъ распоряженіе о врученіи опеки „славетному Василію Кобызевичу Ходыкѣ". Въ послѣдствіи всѣ три брата подписываются исключительно этою послѣднею фамиліею, вѣроятно желая предать забвенію свое первоначальное, не знатное происхожденіе.

Въ теченіи одинадцати лѣтъ Василій Ходыка управлялъ безконтрольно добромъ Митковичей [1]) и, помимо половины имущества, принадлежавшей по наслѣдству его женѣ, скопилъ изъ торговыхъ оборотовъ значительныя суммы. Сверхъ того, онъ пріобрѣлъ значеніе и огромное вліяніе въ городѣ: онъ породнился или вошелъ въ сдѣлки со всѣми болѣе вліятельными членами маги-

[1]) Въ 1582 году Федоръ Митковичъ достигъ совершеннолѣтія и потребовалъ у Ходыки возврата своего имущества и отчета за время опеки; но Василій Ходыка отказалъ въ томъ и другомъ, и магистратъ, состоявшій изъ друзей, родственниковъ и союзниковъ Ходыки, до того вяло относился къ жалобамъ Митковича, усложнялъ формальности и путался въ казуистическихъ отвѣтахъ Ходыки, что, годъ спустя, Митковичъ предпочелъ покончить дѣло съ зятемъ миромъ и принять всѣ предложенныя имъ условія. Сдѣлка состоялась на слѣдующихъ условіяхъ: Ходыка выдѣлилъ Митковичу по своему усмотрѣнію половину отцевскаго имущеетва, Митковичъ-же выдалъ ему квитанцію, въ которой призналъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ и принималъ обязательство, подъ опасеніемъ штрафа въ 1500 копъ грошей, никогда не заявлять претензіи и не требовать отчета за время опеки. Перечень предметовъ, составившихъ долю Митковича, сохранился и мы приведемъ изъ него извлеченіе для характеристики обстановки, въ которой жили зажиточные кіевскіе мѣщане XVI столѣтія. Федоръ Митковичъ получилъ во владѣніе въ 1583 году: „два дома: одинъ въ рынку и одинъ на Болоню (Оболони), двѣ крамныя коморы въ рынку, готовыхъ денегъ 544 копы грошей литовскихъ, векселей разныхъ лицъ на 98 копъ грошей, серебра: кубковъ позлотистыхъ 4, кубковъ срибныхъ 5, ложекъ позлотистыхъ 12, поясъ кованый серебряный 1; одежды: шубъ 5 (2 соболія, 2 лисія, одна бѣличья), суконъ и жупановъ 7, всѣ съ позлотистыми пуговицами, ковры восточные 2, —посуды: цини (оловяной): мисъ и полумисковъ 10, талеровъ (т. е. тарѣлокъ) 36, конвей 3, фляшъ 2,—мѣди: котелъ медосытный великій 1, котловъ побеляныхъ 7, медница 1, панвей медяныхъ 6,—оружіе: конь, сѣдло, панцеръ, 2 сагайдаки, лукъ, стрѣлы" и т. д. (слѣдуетъ перечень разныхъ мелочей), наконецъ товаровъ въ складѣ на 300 копъ грошей литовскихъ.

страта и заручился такими связями, при которыхъ всякое затѣянное имъ дѣло рѣшалось по его волѣ, было ли оно спорно или даже явно беззаконно. Вліяніе свое Ходыка направилъ къ тому, чтобы вывести въ люди своихъ родственниковъ, но еще болѣе къ тому, чтобы всякими правдами и неправдами увеличивать собственное состояніе. Теперь онъ намѣчаетъ новую цѣль для своихъ стяжаній: свое вліяніе и средства онъ стремится употребить на пріобрѣтеніе поземельной собственности, которая дала бы ему возможность занять видное мѣсто въ рядахъ „шляхты" кіевской земли, получившей послѣ люблинскаго сейма 1569 года громадное политическое значеніе и привилегированное положеніе въ краѣ.

Въ 1583 году Василій Ходыка засѣдалъ уже въ магистратѣ въ качествѣ „райцы". Большая часть членовъ верховной городской коллегіи была съ нимъ связана родствомъ или общностью интересовъ: братъ его Федоръ женатъ былъ на внукѣ войта, Василія Черевчея, рядомъ съ нимъ сидѣли: райцы Мартынъ Жолнеръ, женатый на сестрѣ Ходыки, Федорѣ, Гаврило Рай и Федоръ Левоновичъ, породнившіеся тоже съ Ходыкою, хотя степени ихъ родства документы не указываютъ; остальные члены магистрата или находились въ кумовствѣ съ нимъ, или, подобно бурмистру Стефану Крывковичу, состояли его должниками. Не удивительно, что члены магистрата по тѣмъ или инымъ причинамъ поддерживали постоянно во всѣхъ дѣлахъ Ходыку и составляли прочную точку опоры для дальнѣйшихъ его предпріятій. Вслѣдствіе того, что польскій строй общества, введенный *de jure* послѣ люблинской уніи, не успѣлъ еще прочно установиться и только постепенно вытѣснялъ понятія, привычки и обычаи, сложившіяся въ литовское время, въ юридическихъ отношеніяхъ царствовалъ въ краѣ значительный безпорядокъ; разныя судебныя учрежденія не установили еще точныхъ границъ своего вѣдомства и каждое считало себя компетентнымъ въ дѣлахъ, выходившихъ по смыслу новоустановленнаго закона за районъ его подсудности; такимъ хаотическимъ положеніемъ дѣлъ и пользовались ловкіе люди для того, чтобы получать выгодныя для себя судебныя рѣшенія, въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ они пользовались протекціею или вліяніемъ, даже въ такихъ дѣлахъ, которыя не были подсудны данному учрежденію. Положеніемъ этимъ воспользовался и Василій Ходыка для пріобрѣтенія поземельной собственности. Мы увидимъ, что большинство дѣлъ, касавшихся захвата имъ помѣстій у разныхъ лицъ, онъ умѣлъ направить въ судъ магистратскій, въ бла-

гопріятномъ рѣшеніи котораго онъ былъ вполнѣ увѣренъ. Но прежде, чѣмъ Ходыка выступилъ на это поприще, онъ позаботился о томъ, чтобы обезпечить за собою право владѣть земскою собственностью, а это право, по литовскому статуту, признавалось исключительно за лицами дворянскаго происхожденія. Не оставляя занятія торговлею и должности райцы магистрата, онъ началъ собирать документы, о своемъ будто-бы дворянскомъ происхожденіи. Такъ, въ 1586 году, онъ невѣдомыми путями владѣлъ уже свидѣтельствомъ, выданнымъ будто еще въ 1568 году литовскимъ гетманомъ, Григоріемъ Александровичемъ Ходкевичемъ (умершимъ въ 1569 г.), въ томъ, что „земянинъ господарскій повѣту овруцкого, Василей Ходычичъ-Кобызевичъ, отбылъ службу военную въ два коня", [1]) и кіевскій магистратъ посвидѣтельствовалъ достовѣрность этого документа. Три года спустя, въ 1589 г., у него является уже другой, гораздо болѣе важный документъ,— онъ предъявляетъ королевскую привилегію, которая гласила, что, по представленію гетмана Яна Замойскаго, сеймъ призналъ „кіевскихъ жителей": Василія, Федора и Іова Ходыкъ-Кобызевичей потомственными дворянами за услуги, оказанныя ими при покойномъ королѣ Стефанѣ Баторіѣ во время московской войны, въ которой они принимали будто участіе на свой счетъ. Хотя братья Ходыки въ продолженіе московской кампаніи (1579—1581 г.) не отлучались изъ города и занимались торговлею, хотя документъ, заявленный Ходыкою былъ весьма сомнительнаго достоинства, магистратъ призналъ его безъ всякаго колебанія дѣйствительнымъ.

Запасаясь постепенно документами, которые должны были со временемъ открыть ему доступъ въ шляхетство, Василій Ходыка сталъ пріобрѣтать и поземельную собственность: въ 1586 году онъ купилъ у шляхтича Гулевича село Криничи, „въ четырехъ миляхъ отъ замку кіевского", и съ того времени сталъ именоваться Ходыкою-Криницкимъ, а впослѣдствіи сынъ его подписывался просто Федоромъ Криницкимъ, положивъ такимъ образомъ начало новому дворянскому роду. Подробности о пріобрѣтеніи Ходыкою Криничъ не сохранились въ документахъ, но о способѣ пріобрѣтенія слѣдующаго помѣстія—Юревичъ мы имѣемъ весьма характеристическія данныя. Село Юревичи издав-

---

[1]) Изъ предидущей біографіи Ходыки мы знаемъ, что въ 1568 году онъ былъ бояриномъ, не земяниномъ, жилъ въ Мозырѣ, не въ овруцкомъ повѣтѣ, и не носилъ вовсе еще фамиліи Ходыки.

на принадлежало въ качествѣ „выслуги“ старому роду земянъ кіевскихъ—Суринамъ. Въ 1579 году два брата Сурины: Гордей и Потей продали это имѣніе кіевскому мѣщанину Ваську Крывковичу, который и владѣлъ имъ спокойно до 1593 года; но въ этомъ году Василій Ходыка рѣшился овладѣть имъ тѣмъ или другимъ способомъ. Затѣявъ ссору съ Крывковичемъ, поводъ которой намъ неизвѣстенъ, Ходыка съ толпою вооруженныхъ слугъ напалъ на домъ Крывковича въ Юревичахъ, овладѣлъ имъ и посадилъ самого Крывковича въ тюрьму, находившуюся при квартирѣ кіевскаго подвоеводія, Яна Аксака. Всѣ протесты Крывковича оставались тщетными, такъ какъ Аксакъ, подкупленный Ходыкою, не внималъ его жалобамъ, кіевскій-же воевода, князь Константинъ Острожскій, проживалъ на Волыни: только послѣ 14 недѣль заточенія Крывковичъ успѣлъ освободиться изъ тюрьмы и немедленно принесъ жалобу на насиліе, причиненное ему Ходыкою; но предсѣдательствующій въ судѣ, тотъ-же Аксакъ, опираясь на свидѣтельскія показанія членовъ кіевскаго магистрата, нашелъ, что жалоба Крывковича о нападеніи на его домъ и самовольное лишеніе свободы, совершенная ложь, и приговорилъ Крывковича за клевету къ уплатѣ штрафа въ 20 копъ грошей литовскихъ въ пользу Ходыки. Крывковичъ апеллировалъ на это рѣшеніе въ трибуналъ, куда между прочимъ представилъ свидѣтельство отъ кн. Константина Острожскаго въ томъ, что Аксакъ поступалъ въ его дѣлѣ пристрастно. Но у Ходыки, какъ оказалось, была рука и въ трибуналѣ, дѣло по апелляціи затянулось на дѣсятки лѣтъ. Ходыка скоплялъ между тѣмъ приговоры къ штрафамъ въ свою пользу, высчитывалъ отъ нихъ проценты и насчитывалъ судебныя издержки, пока наконецъ утомленный и разорившійся Крывковичъ не согласился покончить дѣла миромъ. Въ 1607 году онъ призналъ за собою обязательство уплатить въ пользу Ходыки 120 копъ грошей литовскихъ и выдалъ на эту сумму закладную запись на село Юревичи; три года спустя кончился срокъ закладной записи, Крывковичъ оказался несостоятельнымъ плательщикомъ и Юревичи, по приговору кіевскаго земскаго суда, были признаны потомственною собственностью Ходыки. Пока продолжалось дѣло съ Крывковичемъ, Ходыка купилъ еще одно имѣніе, село Шульжинцы, въ двухъ миляхъ отъ Кіева надъ Днѣпромъ, и оттягалъ часть земель, принадлежавшихъ кіевскому кириловскому монастырю, сопредѣльныхъ съ его владѣніями.

Всѣ эти пріобрѣтенія составляли впрочемъ лишь мелочи въ сравненіи съ крупнымъ дѣломъ, которое намѣтилъ Василій Ходыка, засѣдая въ качествѣ райцы въ магистратѣ, и которое рѣшился преслѣдовать съ свойственною ему настойчивостью; оно должно было, правда не безъ большихъ усилій и препятствій, доставить ему въ собственность столь обширныя владѣнія, какими могли располагать лишь потомки удѣльныхъ князей. Дѣло это заключалось въ пріобрѣтеніи имѣній басанскаго и быковскаго и требуетъ болѣе подробнаго разъясненія.

Еще въ концѣ XV столѣтія, послѣ окончательнаго опустошенія южной части кіевскаго княженія Менгли-Гиреемъ въ 1482 г., переяславскій повѣтъ представлялъ одну изъ областей болѣе всего пострадавшихъ отъ татарскаго погрома; повѣтовый городъ и его замокъ были разрушены татарами; народонаселеніе или уведено въ рабство, или бѣжало въ сѣверную часть Кіевщины; на протяженіи всего повѣта оставались только рѣдкіе хутора и пасѣки, селъ не было вовсе. Оставшуюся впустѣ землю долго никто не хотѣлъ брать ни за службу, ни въ выслугу. Наконецъ въ 1503 г. великій князь Александръ грамотою, данною на имя кіевскаго воеводы, князя Дмитрія Путятича, пожаловалъ всю сѣверную половину переяславскаго повѣта, лежавшую по Трубежу и Супою, въ качествѣ выслуги, дворянину своему Дашку Ивановичу, котораго сынъ, извѣстный своими подвигами черкаскій и каневскій староста Остафій Дашковичъ, прочною организаціею фармировавшагося тогда козачества создалъ надежный оплотъ для отраженія татарскихъ набѣговъ, и далъ быстрый ходъ новой колонизаціи южныхъ частей Кіевщины, а вмѣстѣ и собственныхъ переяславскихъ „выслугъ", въ которыхъ „на грунтахъ басанскомъ и быковскомъ" вскорѣ явилось 2 мѣстечка: Басань и Быковъ и 9 селъ [1]). Обширныя имѣнія эти, по смерти Остафія Дашковича, перешли къ старшей племянницѣ его по сестрѣ, Духнѣ, вышедшей замужъ за земянина Стефана Дублянскаго въ 1530 г., сынъ котораго Григорій, по причинѣ большихъ долговъ, продалъ, въ 1578 году, эти вотчины разбогатѣвшему кіевскому мѣщанину (изъ крещеныхъ татаръ) Андрею Кошколдовичу, зятю кіевскаго войта Василія Черевчея. Когда между тестемъ и зятемъ послѣ этой покупки возникъ споръ и Черевчей потребовалъ отъ Кошколдовича возврата

---

[1]) Старая Басань, Марковъ, Юрковъ, Павловъ, Максимовъ, Брегинцы, Кулажинъ, Карпиловка и Воронковъ.

какихъ-то векселей, выданныхъ 11 лѣтъ назадъ еще Григоріемъ Дублянскимъ на имя кіевскаго войта Семена Мелешкевича, пріобрѣтенныхъ впослѣдствіи Черевчеемъ и заставившихъ главнымъ образомъ Дублянскаго продать свои имѣнія, то, по позву Черевчея противъ Кошколдовича, кіевскій магистратъ снарядилъ для разбора дѣла коммисію, которая состояла изъ райцевъ: Гаврила Рая, Василія *Ходыки* и Леона Федоровича. Райцы потребовали отъ Кошколдовича документы, на основаніи которыхъ онъ владѣлъ Басанью и Быковымъ, и когда документы были представлены, они не отдали ихъ Кошколдовичу, требуя, чтобы онъ прежде удовлетворилъ претензію Черевчея, а на протесты Кошколдовича отвѣчали побоями, во время самаго засѣданія, и заключеніемъ его въ тюрьму, въ которой продержали нѣсколько мѣсяцевъ. Хотя, по жалобѣ Кошколдовича къ кіевскому воеводѣ князю Константину Острожскому, назначенная, по ходатайству сего послѣдняго, отъ короля особая коммисія, разсмотрѣвъ дѣйствія магистрата, приговорила райцевъ къ уплатѣ 4,000 золотыхъ штрафа за обиды, нанесенныя Кошколдовичу, и воевода приступилъ было уже ко взысканію этой суммы изъ имущества виновныхъ; но неожиданно, потерпѣвшій заявилъ, что онъ вслѣдствіе посредничества „зацныхъ пановъ и добродѣевъ“ отказывается отъ полученія присужденной ему суммы. Оказалось, что въ промежуткѣ Василій Ходыка далъ дѣлу совершенно неожиданный оборотъ: съ одной стороны онъ припряталъ документы, отнятые у Кошколдовича въ магистратѣ, и пріобрѣлъ у Черевчея право на векселя, составлявшіе главную причину спора, съ другой—успѣлъ сблизиться съ Кошколдовичемъ и женить на его единственной дочери и наслѣдницѣ, Богданѣ, своего брата Федора. Затѣмъ попеременно, то оказывая на него вліяніе, какъ на близкаго родственника, то угрожая нескончаемымъ процессомъ, вслѣдствіе захваченныхъ документовъ и векселей, онъ довелъ Кошколдовича постепенно къ заключенію сдѣлки, въ силу которой послѣдній за возвратъ векселей и обязательство, данное Ходыкою не подымать процесса, а также оказывать постоянную помощь своему брату Федору, переуступалъ ему всѣ свои права на имѣнія басанское и быковское и оставлялъ за собою лишь право владѣнія ими до смерти. Въ 1592 году Кошколдовичъ умеръ и Василій Ходыка предъявилъ свои права на пріобрѣтенныя имѣнія. Вдова Кошколдовича, Палагея Черевчіевна, и дочь его, Богдана Ходыкова, признали подлинность предъявленной имъ уступочной записи. Такимъ образомъ Василій Ходыка-Криницкій сталъ

самымъ богатымъ шляхтичемъ-землевладѣльцемъ кіевскаго воеводства. Теперь онъ переуступилъ свое мѣсто въ магистратѣ и свои торговыя дѣла брату своему Федору, самъ-же, проживая по большей части въ Басани и Переяславлѣ, занялся устройствомъ и округленіемъ своего имущества. Съ этою цѣлію прежде всего онъ перезывалъ въ свои села крестьянъ изъ разныхъ полѣсскихъ имѣній и велъ по этому поводу нескончаемыя тяжбы съ ихъ бывшими владѣльцами: Лозками, Тышами, Ратомскими и т. д. Замѣтивъ, что остерское староство врѣзывается клиномъ въ его владѣнія, онъ съ вооруженнымъ отрядомъ, занялъ мѣстечко Дѣвицу, избилъ, ограбилъ и прогналъ старостинскихъ слугъ и урядниковъ, и присоединилъ мѣстечко къ своимъ владѣніямъ, не смотря на продолжительную тяжбу съ остерскими старостами. Получая изъ своихъ помѣстій значительные доходы, онъ сталъ сосѣдямъ шляхтичамъ занимать крупныя суммы подъ залогъ имѣній и, при неустойкѣ плательщиковъ, отбиралъ ихъ имѣнія въ свое владѣніе, за суммы, далеко не отвѣчавшія ихъ стоимости; такъ онъ пріобрѣлъ: села Варевичи и Рыжки отъ Харленскихъ, Бугаевку и Давидковичи отъ Солтановъ и т. п. Въ самомъ городѣ Кіевѣ, сверхъ трехъ домовъ, доставшихся ему по наслѣдству отъ Митковичей и отъ двоюроднаго его брата Устина Фица, Василій Ходыка-Криницкій выстроилъ большой домъ на улицѣ, соединявшей рынокъ съ Днѣпромъ, и другой въ оградѣ замка; сверхъ того онъ пріобрѣлъ въ разныхъ частяхъ города 10 дворовъ, на которыхъ настроилъ „халупъ для куничниковъ“ (т. е. наемныхъ помѣщеній), 6 сѣножатей на „кіевскомъ Болонью“, нѣсколько садовъ на Кудрявцѣ и т. д.

Впрочемъ всѣмъ этимъ добромъ Василій Ходыка не сразу могъ владѣть совершенно спокойно; темные пути, которыми онъ пріобрѣлъ басанское и быковское имѣнія, возбудили сомнѣніе въ законности этого владѣнія и раздражили инстинкты стяжанія нѣсколькихъ предпріимчивыхъ соперниковъ, отъ притязаній которыхъ Ходыка отдѣлался лишь съ крайними усиліями, благодаря своей неистощимой настойчивости и изворотливости. Первымъ такимъ соискателемъ явился королевскій секретарь, Захарій Еловицкій. Въ 1596 году онъ выпросилъ у короля жалованную грамоту на Басань и Быковъ, какъ на помѣстья, составлявшія выслугу Дашковичей и послѣ прекращенія ихъ рода не подлежавшія отчужденію безъ королевскаго разрѣшенія; но Ходыка не допустилъ Еловицкаго къ владѣнію имѣніемъ и въ теченіи возникшаго процесса успѣлъ столь прочно обставить свои права на спорныя имѣ-

нія, что самъ король въ 1605 году кассировалъ свою жалованную грамоту и взамѣнъ ея выдалъ Еловицкому другую на имѣнія въ остерскомъ повѣтѣ.

Пока Василій Ходыка велъ процессъ съ Еловицкимъ, права на Басань и Быковъ предъявилъ новый, совершенно неожиданный соискатель, опиравшійся на права почти фантастическія, но тѣмъ не менѣе, причинившій Ходыкѣ гораздо больше хлопотъ и безпокойства. Новый этотъ соперникъ, называвшій себя княземъ Юріемъ Семеновичемъ со Сквира Рожыновскимъ-Половцемъ, выдвинутъ былъ кіевскимъ подвоеводіемъ, Яномъ Аксакомъ, мирволившимъ нѣкогда Ходыкѣ, но теперь съ завистью смотрѣвшимъ на его неимовѣрный успѣхъ.

Янъ Аксакъ, кіевскій подвоеводій, впослѣдствіи судья земскій кіевскій, представлялъ типъ весьма близкій къ Василію Ходыкѣ. Происходя изъ захудавшаго земянскаго рода, владѣвшаго лишь небольшимъ сельцомъ Путиловщиною въ овруцкомъ повѣтѣ, онъ упорно, не разбирая средствъ, всю жизнь скоплялъ имущество и оставилъ дѣтямъ въ собственность 4 мѣстечка съ замками и 15 селъ въ воеводствахъ кіевскомъ и волынскомъ. Карьерою своею Аксакъ былъ обязанъ главнымъ образомъ своимъ юридическимъ познаніямъ и способностямъ. О немъ установилось мнѣніе, какъ о самомъ опытномъ знатокѣ судопроизводства по литовскому статуту, и современники высказываютъ наивно въ похвалу Яну Аксаку то, что онъ умѣлъ всякій приговоръ такъ обставить, что его не рѣшался кассировать ни трибуналъ, ни королевскій задворный судъ, хотя-бы онъ явственно противурѣчилъ справедливости. Исполняя обязанности кіевскаго подвоеводія и судьи, Аксакъ, опираясь на свою репутацію первокласснаго юриста, всегда готовъ былъ, конечно за соотвѣтственное вознагражденіе, покривить душею, оправдать виновнаго и обвинить праваго, примѣръ чему былъ выше представленъ въ дѣлѣ Ходыки съ Крывковичемъ; но, не ограничиваясь посулами, Аксакъ сталъ самъ высматривать сомнительныя дѣла и подставлять лицъ для вчинанія исковъ, если при этомъ онъ ожидалъ сколько нибудь крупной для себя прибыли. Зная отлично пріемы и юридическія данныя своего бывшаго кліента, Василія Ходыки, Аксакъ рѣшился вступиться въ дѣло покупки имъ басанскаго и быковскаго имѣній, въ полной увѣренности, что такъ или иначе онъ изъ этого дѣла извлечетъ для себя барышъ. Обдумавъ обстоятельства дѣла, онъ выдвинулъ

подставное лице, именовавшее себя княземъ Юріемъ Половцемъ-Рожыновскимъ.

Въ кіевскомъ княженіи съ весьма давняго времени существовалъ родъ князей Половцевъ со Сквира Рожыновскихъ. По фамильному преданію этого рода, онъ происходилъ отъ половецкаго хана Тугорхана (тестя Святополка II Изяславича), сынъ котораго Карыманъ переселился въ русскую землю, принялъ крещеніе подъ именемъ Льва и получилъ обширный удѣлъ въ кіевскомъ княжествѣ, будто еще отъ Владиміра Мономаха. Трудно рѣшить, на сколько было достовѣрно это фамильное преданіе князей со Сквира Половцевъ-Рожыновскихъ; несомнѣнно однако то, что въ XIV и XV столѣтіяхъ этотъ родъ владѣлъ обширными землями въ кіевскомъ княжествѣ, на которыя получилъ подтвердительныя грамоты отъ князей: Владиміра Ольгердовича и Олелька Владиміровича. Земли эти лежали частью около самаго Кіева, частью-же распредѣлялись по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Одна большая половина земель ихъ находилась между рѣками: Стугною, Тетеревомъ и Росью, вдоль по басейнамъ рѣкъ: верхняго Ирпеня, Раставицы и Каменки, и центромъ этой части, а равно резиденціею князей Половцевъ былъ ими-же основанный замокъ Сквиръ (нынѣ городъ Сквира). Другая также обширная половина ихъ владѣній находилась на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ повѣтахъ остерскомъ и переяславскомъ, между рѣками: нижнимъ теченіемъ Десны, Сновью, Остромъ и Удаемъ; центромъ этой половины владѣній былъ замокъ Рожыновъ, лежавшій въ остерскомъ повѣтѣ. Къ этой половинѣ владѣній князей Половцевъ со Сквира Рожыновскихъ принадлежали города: Нѣжинъ, Басань и Быковъ съ окружавшими ихъ грунтами и селами. Татарское разореніе, постигшее Кіевщину въ концѣ XV столѣтія, легло всею своею тяжестью на имѣнія князей Половцевъ: замки ихъ были разграблены и разрушены, села разорены, народонаселеніе угнано въ полонъ или бѣжало, словомъ, по выраженію грамоты великокняжеской: „помѣстія ихъ вельми спустошали отъ недруговъ нашихъ“. Два послѣдніе представителя рода, князья: Михайло Юрьевичъ и сынъ его, Яцко Михайловичъ напрасно пытались, „не литуючи здоровья и маетностей“, отражать нападенія хищниковъ; они были почти совершенно разорены и числились лишь de jure владѣльцами обширныхъ земель, не приносившихъ имъ теперь никакой дѣйствительной пользы. Въ 1536 году умеръ князь Яцко Михайловичъ, поручая опеку надъ своими дѣтьми и иму-

ществомъ своимъ пріятелямъ, земянамъ кіевскимъ: Ивану Немиричу и Юрію Скобейку. Въ дошедшемъ до насъ его духовномъ завѣщаніи онъ проситъ опекуновъ заложить немногія, остававшіяся въ окрестности Кіева свои помѣстья, а деньги употребить на выкупъ сына Демьяна, попавшаго въ татарскую неволю, и на обезпеченіе другаго малолѣтняго сына Семена, въ заключеніе-же, какъ-бы предчувствуя скорое прекращеніе своего рода, онъ отказываетъ, въ случаѣ бездѣтной кончины своихъ дѣтей, все остававшееся имущество Ивану Немиричу. Не знаемъ, возвратился-ли князь Демьянъ Половецъ изъ плѣна, но во всякомъ случаѣ какъ онъ, такъ и братъ его, Семенъ, скончались безпотомно, потому что 30 лѣтъ спустя послѣ смерти князя Яцка, сынъ Ивана Немирича—Іосифъ, предъявилъ великому князю Сигизмунду Августу завѣщаніе Яцка съ просьбою передать ему права на всѣ владѣнія вымершаго рода князей Половцевъ. Такъ какъ заявленіе Немирича послѣдовало до люблинской уніи, когда дѣйствовало еще литовское право по отношенію къ землевладѣнію, то требованіе его не было удовлетворено; имѣнія вотчинныя и выслуженныя, въ случаѣ прекращенія рода владѣльцевъ, должны были поступить въ государственную собственность; на этомъ основаніи имѣнія князей Половцевъ-Рожыновскихъ были частью приписаны къ господарскимъ староствамъ, частью розданы, въ качествѣ службъ, новымъ лицамъ, въ томъ числѣ незначительная доля и Іосифу Немиричу.

Всю эту давно уже минувшую и забытую исторію вспомнилъ, около 1600 года, Янъ Аксакъ и рѣшился сдѣлать изъ нея оружіе противъ Ходыки. Онъ ознакомился съ документами и генеалогіею послѣднихъ представителей рода князей Половцевъ и рѣшился воскресить его. Замокъ Рожыновъ и окружавшее его мѣстечко были приписаны еще въ 1568 году къ остерскому староству; въ числѣ другихъ жителей мѣстечка было нѣсколько боярскихъ семействъ, несшихъ службу въ пользу остерскаго замка и, по мѣсту жительства, называвшихся боярами Рожыновскими. Одинъ изъ этихъ бояръ: Юрій Семеновичъ Рожыновскій въ 1592 году оказался причастнымъ къ козацкому возстанію Косинскаго и за эту вину остерскій староста, Ратомскій, конфисковалъ его боярскую отчизну. Возвратившись въ Остеръ, Юрій Рожыновскій долженъ былъ въ качествѣ „рукодайнаго слуги“ поступить въ услуженіе къ старостѣ. Конечно, положеніе его было далеко не блестящее; между тѣмъ случайное созвучіе его фамиліи и

отчества обратили вниманіе Аксака, по совѣту котораго, вѣроятно въ отсутствіи Ратомскаго, Юрій Рожыновскій взломалъ двери въ комору, гдѣ хранился архивъ старостинскій, и похитилъ всѣ хранившіеся въ немъ документы, относившіеся къ роду князей Половцевъ-Рожыновскихъ и къ ихъ имѣніямъ, и сбѣжалъ съ ними въ Кіевъ. Здѣсь онъ передалъ документы Аксаку и, выдавая себя за сына князя Семена Яцковича Половца-Рожыновскаго, поручилъ Аксаку хлопотать о возстановленіи своихъ правъ на наслѣдственныя имѣнія своихъ предковъ. Въ 1602 году Аксакъ и Рожыновскій заключили формальный договоръ, по которому Аксакъ обязывался на свой счетъ „доходить" имѣній, растраченныхъ опекунами мнимаго отца Рожыновскаго, послѣдній-же, не имѣя возможности „ложить великихъ коштовъ и накладовъ, для своего убожества", уступаетъ Аксаку половину „дойденнаго" имущества. Вооружившись этою сдѣлкою, Аксакъ велъ одновременно искъ и противъ остерскаго старосты Ратомскаго, и противъ Василія Ходыки, требуя возвращенія своему кліенту наслѣдства князей Половцевъ-Рожыновскихъ; онъ предъявлялъ въ поддержаніе иска грамоты князей Владиміра Ольгердовича-Олелька Владиміровича, завѣщаніе князя Яцка Михайловича Половца и документы, свидѣтельствовавшіе о томъ, что кліентъ его есть дѣйствительно Юрій Семеновичъ Рожыновскій.

Какъ ни было сомнительно родство послѣдняго съ князьями Половцами, дѣло въ рукахъ столь опытнаго дѣльца, какъ Аксакъ, становилось грознымъ для его противниковъ. Дѣйствительно, пользуясь тѣмъ, что староста Ратомскій, принявшій горячее участіе въ дѣлѣ перваго лже-Димитрія, находился въ отсутствіи изъ староства, Аксакъ успѣлъ выиграть дѣло во всѣхъ инстанціяхъ и въ 1606 году вступилъ во владѣніе замкомъ Рожыновымъ и окружавшими его селами и засчиталъ эти имѣнія въ свою долю, въ пользу-же мнимаго князя Половца обязался возвратить имѣнія быковское и басанское. Онъ повелъ дѣло съ Ходыкою такъ, что, не вникая въ правильность покупки имъ имѣній у Кошколдовича и не оспаривая правъ прежнихъ владѣльцевъ, доказывалъ, что самъ Остафій Дашкевичъ владѣлъ этими имѣніями неправильно и что отецъ его получилъ жалованную на нихъ грамоту только потому, что великій князь Александръ не зналъ, что пустынныя въ то время земли принадлежали по праву князьямъ Половцамъ-Рожыновскимъ, предкамъ его кліента. Встрѣтивъ сильнаго и опаснаго противника въ лицѣ Аксака, Ходыка употребилъ всѣ

силы для защиты; онъ и доказывалъ несостоятельность генеалогіи Рожыновскаго, и выхлопоталъ изъ литовской метрики копіи документовъ Дашкевичей, и наконецъ, несмотря на всевозможные приговоры, не допускалъ противника къ фактическому владѣнію имѣніями, причемъ онъ находилъ опору въ протекціи кіевскаго воеводы, князя Константина Острожскаго, не любившаго Аксака и считавшаго его злостнымъ казуистомъ и лихоимцемъ. Сообразивъ положеніе дѣла, не нуждаясь притомъ болѣе въ своемъ кліентѣ, такъ какъ остерскія волости уже находились въ его рукахъ, Аксакъ, желая отдѣлаться вмѣстѣ и отъ Ходыки, и отъ Рожыновскаго, присовѣтовалъ послѣднему, вмѣсто продолжительнаго и безплоднаго процесса, удовлетвориться небольшимъ, но дѣйствительнымъ вознагражденіемъ. Слѣдуя его совѣту, мнимый князь Половецъ-Рожыновскій уступилъ въ началѣ 1605 года за нѣсколько сотъ копъ грошей свои притязанія на Басань и Быковъ переяславскому старостѣ, князю Янушу Константиновичу Острожскому, сыну кіевскаго воеводы. Такимъ образомъ Ходыка лишился важнѣйшей своей опоры и пріобрѣлъ могущественнаго противника. Немедленно, въ 1605 году, князь Янушъ Острожскій занялъ съ помощью вооруженнаго отряда Басань и Быковъ и на жалобу Василія Ходыки отвѣтилъ встрѣчнымъ искомъ. По совѣту Аксака, вмѣсто того, чтобы доказывать свои права на спорныя имѣнія, князь Острожскій напалъ на самую слабую сторону Ходыки: онъ обвинилъ его въ незаконномъ присвоеніи себѣ шляхетскаго званія, за что тотъ по закону долженъ былъ подлежать конфискаціи имущества; притомъ кн. Острожскій утверждалъ, что если-бы Ходыка даже и могъ доказать дворянское происхожденіе, то онъ потерялъ дворянскія права, такъ какъ въ теченіи многихъ лѣтъ живя въ городѣ, занимался торговлею и отдавалъ деньги въ ростъ. Ходыка долженъ былъ предъявить документы, доказывавшіе его дворянство; онъ и представилъ вышеупомянутыя свидѣтельства: гетмана Ходкевича 1568 года и короля Стефана 1589 г., но, въ виду столь сильныхъ противниковъ, какъ князь Острожскій и Аксакъ, онъ не осмѣлился показать сомнительныхъ, вѣроятно, подлинниковъ, а представилъ лишь копіи, посвидѣтельствованныя кіевскимъ магистратомъ, утверждая, что подлинныя грамоты сгорѣли въ 1600 году во время пожара, истребившаго въ замкѣ домъ Ходыки, въ которомъ хранились будто всѣ его документы. Къ копіямъ этимъ Ходыка присоединилъ свидѣтельство, выданное ему кіевскимъ войтомъ Яцкомъ Балыкою

и всѣмъ магистратомъ, въ томъ, что, хотя онъ и велъ нѣкоторое время торговлю, но не занимался ею лично, а поручалъ ея веденіе факторамъ, со времени-же полученія грамоты о дворянствѣ въ 1589 году и вовсе ее оставилъ.

Среди юридическихъ препирательствъ процессъ затягивался все дальше и дальше, а между тѣмъ переяславскія помѣстья находились во владѣніи князя Острожскаго. Для Ходыки важнѣе всего было получить возможность завѣдыванія ими, и для того, чтобы достигнуть этой цѣли, въ 1607 году онъ предложилъ князю Острожскому кончить дѣло миромъ. Обѣ стороны согласились на слѣдующія условія: Ходыка продалъ князю Янушу свои права на басанское и быковское имѣнія, получилъ въ задатокъ 3,000 золотыхъ, а остальную сумму долженъ былъ получить при окончательномъ совершеніи крѣпостнаго акта; между тѣмъ, впредь до его совершенія, князь Острожскій возвратилъ ему имѣнія для приведенія въ порядокъ движимаго имущества. Получивъ обратно помѣстья, Василій Ходыка сталъ оттягивать подъ разными предлогами совершеніе продажной записи, пока въ 1608 году не умеръ кіевскій воевода князь Константинъ Острожскій. По смерти отца, князь Янушъ Константиновичъ былъ постоянно занятъ то раздѣломъ волынскихъ имѣній съ братомъ, то сенаторскими обязанностями въ качествѣ краковскаго кастелляна; онъ проживалъ постоянно то въ столицѣ, то въ Острогѣ и сталъ мало заботиться о переяславскихъ помѣстьяхъ. Ходыка воспользовался этимъ положеніемъ, не совершилъ вовсе продажной записи и даже отказался возвратить задатокъ. Послѣдніе 8 лѣтъ жизни Василій Ходыка прожилъ относительно спокойно: онъ повыдавалъ многочисленныхъ своихъ дочерей замужъ, частью за богатыхъ мѣщанъ, частью за дворянъ кіевскаго воеводства, и заботился главнымъ образомъ о выплатѣ имъ приданнаго, всю-же поземельную собственность, умирая въ 1616 году, отказалъ единственному сыну Федору Васильевичу, который подписывался уже Крыницкимъ, а не Ходыкою. Федоръ этотъ, отличавшійся безпокойнымъ нравомъ и склонностью къ самоуправству, встрѣчается въ многочисленныхъ тяжебныхъ дѣлахъ до 1640 года. Громадное наслѣдство онъ еще увеличилъ новыми пріобрѣтеніями, по большей части захваченными насильно. Впрочемъ это большое состояніе, пріобрѣтенное не трудомъ, а темными средствами, оказалось непрочнымъ; козацкая гроза, поднявшаяся въ 1648 году, захватила всю территорію, на которой помѣщались маетности пановъ Крыниц-

кихъ и уничтожила безслѣдно ихъ благосостояніе: Быковъ и Басань вошли, въ качествѣ сотенныхъ мѣстечекъ, въ составъ переяславскаго козачьяго полка, а внуки Василія Ходыки-Крыницкаго должны были искать убѣжища на Волыни и проживать тамъ на весьма скудныя средства.

О братьяхъ Василія Ходыки и потомствѣ ихъ до насъ, къ сожалѣнію, дошло гораздо менѣе документовъ, чѣмъ объ основателѣ знатности ихъ рода. Постараемся извлечь, на сколько дозволяютъ дошедшія до насъ свѣдѣнія, данныя о судьбѣ другихъ представителей рода Ходыкъ, остававшихся въ средѣ кіевскаго мѣщанства. Когда Василій Ходыка пріобрѣлъ переяславскія помѣстья, онъ передалъ свою городскую торговлю брату Федору, успѣвшему еще раньше подъ его покровительствомъ скопить довольно значительное состояніе. Федоръ Ходыка, уступавшій брату въ способностяхъ, не отличался отъ него ни нравственными качествами, ни пріемами въ достиженіи практическихъ цѣлей. Занимая должность кіевскаго райцы, онъ постепенно расширялъ свои связи и вліяніе въ кружкѣ городской аристократіи и въ началѣ XVII столѣтія сталъ добиваться избранія въ войты. Впрочемъ достичь этого избранія было не легко: войтомъ кіевскимъ съ 1592 года былъ представитель партіи старожилыхъ мѣщанъ, Яцко Балыка, котораго, при нормальномъ теченіи дѣлъ въ теченіи 18 лѣтъ не могли сдвинуть съ мѣста приверженцы Ходыки. Но съ конца XVI столѣтія борьба мѣщанскихъ кіевскихъ партій осложнилась весьма важнымъ вопросомъ, имѣвшимъ широкое значеніе для жизни всего края,—это былъ вопросъ о введеніи церковой уніи, горячо покровительствуемой польскимъ правительствомъ. Лишь только унія была превозглашена на брестскомъ соборѣ, она немедленно отразилась на жизни Кіева; этотъ городъ, вмѣщавшій въ себѣ важнѣйшіе храмы и святыни православныя и бывшій мѣстомъ пребыванія православнаго митрополита, необходимо было уніятамъ завоевать для упроченія своего дѣла; не удивительно поэтому, что усилія іерарховъ, подписавшихъ унію, и поддерживавшаго ихъ правительства въ самомъ-же началѣ устремились къ тому, чтобы овладѣть віевскими церквами и духовными учрежденіями. Уже съ 1597 года встрѣчаемъ распоряженія: объ отнятіи кіевской архимандріи у ревностнаго поборника православія, архимандрита Никифора Тура, о передачѣ митрополичьихъ и монастырскихъ имѣній въ распоряженіе принявшаго унію митрополита Михаила Рогозы и его

пріемника Ипатія Потея, о передачѣ уніятамъ кіевскихъ церквей и монастырей и т. д. Но распоряженія эти долго оставались безъ послѣдствій: кіевское какъ бѣлое, такъ и монашествующее духовенство не признало уніи и не хотѣло подчиниться власти уніятскихъ митрополитовъ; попытки овладѣть церквами были отражены при помощи кіевскаго населенія, дружно поддерживавшаго свое духовенство; правительству необходимо было прежде опереться на какую-нибудь вліятельную партію въ городѣ и попытаться провести съ ея помощью задуманное дѣло. Оно и обратилось къ кружку городской аристократіи, состоявшему по преимуществу изъ лицъ пришлыхъ, не связанныхъ ни происхожденіемъ, ни солидарностью убѣжденій съ массою жителей и готовому служить всякому направленію изъ-за удовлетворенія личнаго корыстолюбія и честолюбія. Главнымъ представителемъ этого кружка въ данное время былъ райца Федоръ Ходыка, давно уже ожидавшій удобнаго случая для того, чтобы съ помощью правительства усилить свое вліяніе въ городѣ; онъ сразу заявилъ себя горячимъ поборникомъ уніи и вѣрнымъ слугою правительства и не переставалъ подстрекать какъ уніятскаго митрополита, такъ и польскаго воеводу къ примѣненію строгихъ мѣръ для проведенія насильно задуманной религіозной перемѣны.

Между тѣмъ заботы правительства о введеніи уніи, равно какъ и начавшіяся смуты крестьянскія и козацкія, дѣлали положеніе края все болѣе и болѣе тревожнымъ. Среди неудовольствія народонаселенія, крутыя дѣйствія польскаго правительства и покровительствуемыхъ имъ партій вызывали все болѣе и болѣе рѣзкія вспышки въ народныхъ массахъ. Собиралась медленно гроза, которая должна была разразиться черезъ сорокъ лѣтъ страшною катастрофою; но для людей такого закала, какъ Ходыка, будущее страны было безразлично; обыкновенно люди безпринципные, стремящіеся къ удовлетворенію исключительно личнаго интереса, сосредоточиваютъ все свое вниманіе и всю дѣятельность на сегоднешнимъ днѣ, о будущемъ они не думаютъ; чѣмъ болѣе общее положеніе общества смутно и тревожно, тѣмъ съ большимъ удобствомъ они бросаются на поживу. Среди накопившагося раздраженія и въ городѣ, и въ кіевской области, въ 1609 году назначенъ былъ кіевскимъ воеводою человѣкъ рѣшительный и крутой по характеру, но весьма распорядительный, энергичный и пользовавшійся репутаціею опытнаго администратора и искуснаго полко-

водца. То былъ Станиславъ Жолкевскій. Федоръ Ходыка умѣлъ снискать его милость, выставляя своихъ противниковъ—войта Балыку и поддерживавшую его городскую партію людьми злонамѣренными, склонными къ смутамъ и бунту, ищущими популярности и потому мирволящими незаконнымъ инстинктамъ городской черни. Между прочимъ было два дѣла, въ которыхъ войтъ и магистратъ пассивнымъ поведеніемъ навлекли на себя неодобреніе властей: одно изъ нихъ состояло въ бездѣйствіи городского уряда въ вопросѣ о передачѣ православныхъ церквей уніятамъ, и даже въ косвенной поддержкѣ православнаго духовенства, другое—въ томъ, что магистратъ уклонялся отъ расходовъ на возобновленіе укрѣпленій кіевскаго замка. Въ виду смутнаго положенія края, на сеймѣ 1607 г. постановлено было вновь отстроить и укрѣпить въ Кіевѣ замокъ и воеводѣ поручено было возложить расходы на жителей воеводства, главнымъ же образомъ на богатую городскую общину; но ни народонаселеніе, ни магистратъ не желали расходовать своей казны на постройку укрѣпленій, возведеніе которыхъ конечно они не считали для себя особенно желательнымъ Оба дѣла сразу поставили магистратъ въ холодныя отношенія къ воеводѣ и послужили вмѣстѣ съ тѣмъ точками сближенія между нимъ и Федоромъ Ходыкою и его партіею.

Между тѣмъ, надѣясь на поддержку новаго воеводы, уніатское духовенство рѣшилось дѣйствовать смѣлѣе. Уже нѣсколько лѣтъ проживалъ въ Кіевѣ уполномоченный оффиціалъ уніятскаго митрополита Потея, нѣкто Антоній Грековичъ. Въ 1605 году, Грековичъ, бывшій тогда еще діакономъ, подлежалъ духовному суду за какой-то скандалъ, „ексцессъ", совершенный въ стѣнахъ монастыря. Вѣроятно онъ и поплатился-бы за свой проступокъ, еслибы Потей, въ виду его преданности уніи, не защитилъ его своимъ покровительствомъ. Вскорѣ милость къ нему Потея усилилась до того, что, быстро повышая въ должностяхъ своего любимца, онъ, наконецъ, сдѣлалъ его своимъ оффиціаломъ и поручилъ ему важное дѣло—отнять у православныхъ въ Кіевѣ церкви и монастыри. Въ первое время порученіе это оказалось весьма труднымъ; Грековичъ успѣлъ завладѣть, и то не безъ большихъ препятствій, однимъ только выдубицкимъ монастыремъ и, постоянно встрѣчая отказъ духовенства и ропотъ жителей, не зналъ, что дальше предпринять. Но послѣ назначенія воеводою Жолкевскаго, онъ заручился поддержкою свѣтскаго уряда и рѣшился поступать энергичнѣе. Въ воскресенье, на первой недѣлѣ великаго поста, въ

1610 году, когда всѣ приходскіе священники города собрались для совершенія соборомъ церковной службы въ храмѣ святой Софіи, туда явился съ конвоемъ Грековичъ; онъ предъявилъ грамоту Потея, назначавшую его митрополичьимъ намѣстникомъ и, когда духовные не согласились признать его, онъ выгналъ ихъ изъ церкви, принялъ храмъ въ свое вѣденіе и опечаталъ его. Дѣйствія эти возбудили въ народѣ страшное негодованіе: находившіеся въ церкви: войтъ Яцко Балыка, бурмистры Матвѣй Мачоха и Денисъ Мартыновичъ, а также другіе члены магистрата, протестовали противъ поступка Грековича, объявили, что городъ не признаетъ его духовной власти, и съ угрозами удалились изъ церкви. Въ тотъ-же день вечеромъ толпа народа собралась у выдубицкаго монастыря и изъ среды ея одинъ изъ козаковъ выстрѣлилъ изъ мушкета въ Грековича; послѣдній едва успѣлъ спастись, выбѣжавъ изъ монастырской ограды и укрывшись на берегу Днѣпра. Духовенство, магистратъ, православные дворяне кіевскаго воеводства и находившіеся въ Кіевѣ козаки подали жалобы на Грековича въ гродскій судъ о насиліи и буйствѣ въ церкви; съ своей стороны Потей жаловался на духовенство и на членовъ магистрата за самоуправство, и послѣднихъ упрекалъ въ томъ, что они состоятъ въ сношеніяхъ съ козаками и подстрекаютъ ихъ къ бунту; въ доказательство Потей предъявилъ письмо, полученное кіевскимъ подвоеводіемъ отъ козацкаго гетмана, Григорія Тискиневича, въ которомъ послѣдній угрожалъ „оного ростригу (Грековича), еслибы умыслу свого отмѣнити не мѣлъ, гдѣжъ колвекъ здыбавши, якъ пса убити". Начался продолжительный процессъ, исходъ котораго намъ неизвѣстенъ, но до конца его не дожилъ кіевскій войтъ Яцко Балыка. Въ 1613 году должность войта была уже вакантною и за нее вступили въ борьбу двѣ сильныя партіи: большинство мѣщанъ выбрало одного изъ сыновей послѣдняго войта—Дениса Балыку [1]), но воевода настоялъ на утвержденіи не его, а кандидата меньшинства—Федора Ходыки. Впрочемъ положеніе новаго войта въ магистратѣ было не особенно удобно; большинство райцевъ и бурмистровъ принадлежали къ числу его противниковъ и городское населеніе вообще относилось къ нему враждебно. Немедленно послѣ своего

---

[1]) Яцко Балыка оставилъ 4 сыновей: Александра, Созона, Дениса и Богдана; послѣдній составилъ весьма интересныя записки о своемъ участіи въ московскомъ походѣ 1612 года, которыми вскорѣ подѣлимся съ читателями „Кіевской Старины".

назначенія, Ходыка поднялъ вопросъ о постройкѣ замка на городской счетъ, но представители цеховъ и городскихъ корпорацій отказались отъ участія въ этомъ дѣлѣ; въ то-же время выдвинуто было другое, совершенно противуположное предложеніе, и магистратъ, согласившись съ нимъ, показалъ, что идетъ не по одной съ паномъ войтомъ дорогѣ. Дѣло въ томъ, что послѣ занятія Грековичемъ софійскаго храма православные лишены были соборной церкви; желая восполнить этотъ недостатокъ, магистратъ рѣшилъ возобновить древнюю каменную церковь Успенія Пресвятой Богородицы, развалины которой находились въ рынкѣ (на Подолѣ). Церковь эта построена была еще при кіевскихъ князьяхъ, но въ 1482 году ее сожгли татаре. Магистратъ, цехи, богатые граждане и „посполство" приняли участіе въ сборѣ денежныхъ средствъ и усердно принялись за дѣло подъ руководствомъ архитектора, италіянца Севастіяна Брачи, жившаго уже давно въ Кіевѣ [1]), „а дозорцею той работы былъ панъ Созонъ Балыка, упрошоный отъ всего мѣста". Отстройка началась 13 мая, а 1 октября была уже окончена. Войтъ совершенно устранился отъ этого общаго городскаго дѣла и не переставалъ хлопотать о постройкѣ замка, но только послѣ трехлѣтнихъ усилій, благодаря безпрестаннымъ настояніямъ воеводы, успѣлъ наконецъ начать ее. Въ 1616 году подъ его руководствомъ принялись планировать гору Уздыхальницу, господствовавшую надъ замкомъ [2]), но вскорѣ работа эта была прекращена и Ходыка долженъ былъ отказаться на время отъ должности войта. Въ 1618 году Жолкевскій получилъ должность канцлера и мѣсто его на кіевскомъ воеводствѣ занялъ чело-

---

[1]) Дочь Севастіяна Брачи была замужемъ за Богданомъ Балыкою.

[2]) Замокъ находился на горѣ *Киселевкѣ*, которая господствовала надъ Подоломъ со стороны нынѣшняго флоровскаго монастыря, а гора *Уздыхальница*—лежащая противъ *Киселевки*, находится нынѣ по правую сторону андреевскаго спуска. Въ ту пору она была значительно выше, а понижена частію тогда-же, частію въ позднѣйшее время, особливо въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ генералъ-губернаторство Бибикова. Свѣдѣнія о постройкѣ успенской церкви и о планировкѣ Уздыхальницы заимствованы изъ неизданной кіевской лѣтописи Ильи Кощаковскаго. Вотъ что говоритъ лѣтопись о послѣднемъ сооруженіи: „Року 1616 при воеводѣ кіевскомъ Станиславѣ Жолковскомъ, старанемъ и коштомъ пановъ мещанъ кіевскихъ: пана войта на тотъ часъ Федора Ходыки и бурмистра Матвея Мачохи и всего посполства мѣста Кіева, копали гору Уздыхальницу, которая стоитъ предъ замкомъ кіевскимъ; а выкопали полшеста сажня у звышъ, а нашли тамъ печерку трохъ саженей у гору, и вширь сажень; тамъ нашли горщикъ порожній и написано на стѣнѣ имя: Павелъ; знать, же то колись былъ пустельникъ".

вѣкъ болѣе мягкій и терпимый—Ѳома Замойскій; притомъ въ томъже году Кіевъ, благодаря политическому такту Петра Сагайдачнаго, подчинился вліянію козацкаго гетмана; одновременно съ этими событіями въ городѣ произведены были новые выборы и должность войта занялъ, въ качествѣ представителя народной партіи, Семенъ Мелешкевичъ.

Пока живъ былъ Сагайдачный и пока надъ православною и народною партіею въ Кіевѣ простиралось его покровительство, мы не находимъ въ документахъ упоминаній о Федорѣ Ходыкѣ. Но послѣ смерти славнаго козацкаго гетмана, когда польское правительство нашло возможнымъ возвратиться къ продолженію въ Кіевѣ насильственныхъ мѣръ противъ православія, онъ опять является на сцену въ прежней роли пособника и рачителя правительственныхъ заботъ о разширеніи уніи. Уже въ концѣ 1621 года Ходыка вновь занимаетъ должность войта и начинаетъ исправленіе своего уряда жалобою королю на кіевскихъ мѣщанъ въ томъ, что они уклоняются отъ обязанности „прикладатися до муниціи замка", очевидно, онъ продолжаетъ прежнюю тактику, подымая старый вопросъ о возведеніи и содержаніи кіевскихъ укрѣпленій на счетъ города; точно также отнесся онъ и къ другому щекотливому вопросу—о передачѣ уніятамъ кіевскихъ православныхъ церквей. Исполнить это намѣреніе теперь было значительно труднѣе, чѣмъ во время занятія софійскаго собора Грековичемъ. Теперь, благодаря дѣятельности Сагайдачнаго, возстановлена была церковная православная іерархія; притомъ православіе пріобрѣло многочисленныхъ и усердныхъ защитниковъ въ усилившемся козачествѣ. Опасность рѣзкихъ мѣръ испыталъ на себѣ самъ Грековичъ. Въ 1618 году онъ предъявилъ королевскую грамоту, выданную еще въ 1612 г., о подчиненіи михайловскаго златоверхаго монастыря уніятскому митрополиту, и собирался овладѣть имъ насильно, но 15-го февраля на Звѣринцѣ былъ задержанъ квартировавшими тамъ козаками и „противъ Выдубицкаго монастыря подъ ледъ посаженъ воды пити" [1]).

Наученный опытомъ Грековича, Ходыка медлилъ исполненіемъ передачи церквей уніятамъ, выжидая удобныхъ для того обстоятельствъ; наконецъ таковыя по его мнѣнію представились въ 1624 году. Въ концѣ предъидущаго года погибъ въ Витебскѣ подъ ударами выведенныхъ имъ изъ терпѣнія мѣщанъ, гонитель

---

[1]) Также изъ лѣтописи Ильи Кощаковскаго.

православія Іосафатъ Кунцевичъ; смерть его вызвала въ польско-католическомъ обществѣ страшное раздраженіе и побудила правительство къ крайне репрессивнымъ мѣрамъ противъ православія. Желая воспользоваться удобною минутою и оказать правительству услугу, соотвѣтственную его настроенію, Федоръ Ходыка рѣшился покончить дѣло передачи церквей въ Кіевѣ. Въ сопровожденіи бурмистровъ, райцевъ и мѣщанъ своей партіи и какого-то священника Ивана Юзефовича, перешедшаго въ унію, онъ отправился опечатывать православныя церкви. Но оказалось, что въ средѣ кіевскихъ мѣщанъ страхъ передъ правительственною реакціею, грозно и жестоко покаравшею Витебскъ, былъ слабѣе преданности своей церкви и своей народности. Ходыку окружила толпа мѣщанъ и квартировавшихъ въ городѣ козаковъ; среди нареканій и попрековъ войтъ и его товарищи были схвачены: священнику Юзефовичу отрубили голову, войтъ-же Федоръ Ходыка раздѣлилъ участь Грековича,—его также бросили въ Днѣпръ „воды пити“.

Послѣ трагической смерти Федора Ходыки осталось три сына его: Іосифъ, Иванъ и Андрей. Свѣдѣнія о нихъ въ архивныхъ источникахъ весьма скудны и разрознены, но, хотя до нѣкоторой степени, даютъ характеристику ихъ дѣятельности: всѣ три брата продолжаютъ играть въ городѣ видную роль и слѣдуютъ направленію отца, они постоянно находятся въ рядахъ той, слабой числомъ, но сильной поддержкою польскаго правительства городской аристократической партіи, которая стремилась къ проведенію антинаціональныхъ цѣлей среди кіевскаго городскаго населенія. Братья Ходыки являются не только, подобно отцу, поборниками уніи, они, по примѣру большинства дворянъ кіевской земли, стараются примкнуть къ господствовавшей народности, усваивая себѣ ея національныя характеристическія черты. Всѣ дошедшіе до насъ акты, составленные Ходыками, даже въ оффиціальныхъ сношеніяхъ ихъ съ магистратомъ, писаны по польски, а не по русски, всѣ подписи ихъ, въ качествѣ райцевъ и свидѣтелей также на польскомъ языкѣ. Данныя, собранныя нами о судьбѣ ихъ, заключаются въ слѣдующихъ немногихъ свѣдѣніяхъ, которыя мы перечислимъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ 1631 году всѣ три брата занимали должности райцевъ въ магистратѣ, что видно изъ процесса, который они вели съ

своимъ двоюроднымъ братомъ Федоромъ Васильевичемъ Крыницкимъ, пограбившимъ у нихъ лошадей и возы съ товарами въ своемъ имѣніи Басани, а также изъ подписей ихъ на купчихъ крѣпостяхъ, совершенныхъ въ этомъ году.

Въ 1637 году Іосифъ Ходыка занималъ уже должность кіевскаго войта, а братъ его Андрей—должность райцы; имя Ивана не упоминается среди членовъ магистрата. Вскорѣ потомъ умеръ Іосифъ Ходыка и на его мѣсто избранъ былъ войтомъ Самуилъ Мехидовичъ, но въ 1644 г., и этотъ войтъ скончался и король Владиславъ IV грамотою, данною 18-го мая, утвердилъ кіевскимъ войтомъ Андрея Ходыку. Выбирая его изъ числа 4 кандидатовъ, предложенныхъ магистратомъ, король слѣдующимъ образомъ мотивируетъ оказанное имъ предпочтеніе: „потвержаемъ Андрея Ходыку, сына славетнаго негды Федора Ходыки, войта кіевскаго, добре намъ и мѣсту заслуженнаго мужа, который, противъ бунтовъ козацкихъ крѣпко стоячи при достоинствѣ нашемъ господарскомъ, горломъ запечатовалъ, а брата родного зошлого негды Іосифа Ходыки, войта также кіевскаго, добре урядъ справуючаго". Притомъ король указываетъ на опытность Андрея Ходыки, которую онъ пріобрѣлъ, „засѣдаючи зъ молодыхъ лѣтъ своихъ на вряде помененного мѣста Кіева". Въ дальнѣйшемъ текстѣ грамоты король поручаетъ новому войту: „бунтовникамъ и шкодливымъ замишкомъ въ мѣстѣ нашомъ Кіевѣ вчасно забѣгати, и выкротныхъ и непослушныхъ въ войтовскомъ присуду водлѣ права карати". Инструкцію эту усердно исполнялъ Андрей Ходыка до 1648 года, пока не вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго. Не сообразивъ послѣдствій и не предугадавъ его размѣровъ, Ходыка продолжалъ усиленно преслѣдовать въ городѣ лицъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи козакамъ и принималъ строгія мѣры противъ мѣщанъ „зуфалыхъ" (непокорныхъ). Между тѣмъ событія слѣдовали съ поразительною быстротою и вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ, что на этотъ разъ козацкое движеніе восторжествуетъ; кіевское населеніе стало заявлять все болѣе и болѣе свое сочувствіе движенію и козаки приближались къ городу. Положеніе войта и его партіи сдѣлалось весьма труднымъ. Нѣкоторые члены магистрата, жаловался впослѣдствіи Андрей Ходыка, составили заговоръ противъ войта и рѣшились не только лишить его уряда, но даже отнять имущество и самую жизнь. Долгое время войтъ принужденъ былъ скрываться и, наконецъ, въ на-

чалѣ 1649 года, онъ подписалъ отреченіе отъ должности и письменно призналъ незаконными всѣ свои дѣйствія въ теченіе четырехлѣтняго управленія городомъ. Мѣсто войта занялъ представитель народной партіи—Богданъ Сомковичъ.

Въ 1651 году, послѣ берестецкой битвы и занятія Кіева Радзивилломъ, появляется еще разъ Андрей Ходыка и спѣшитъ возбудить искъ противъ лицъ, заставившихъ его отречься отъ должности; но съ удаленіемъ польскаго войска, онъ изчезаетъ навсегда изъ города. Имущество, скопленное мѣщанскою вѣтвью рода Ходыкъ, разсѣялось также безслѣдно, какъ и имѣнія, захваченныя ихъ родственниками Крыницкими. Ходыки должны были оставить Кіевъ вмѣстѣ съ тѣмъ иноземнымъ правительствомъ, въ угоду которому они попирали интересы своихъ согражданъ. Дальнѣйшая судьба ихъ рода намъ неизвѣстна, но въ рядахъ кіевскаго мѣщанства послѣ 1651 года имени Ходыкъ болѣе не встрѣчается.

В. Антоновичъ.

Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши

ВЪ ПЕРІОДЪ ЕЯ РАЗДѢЛОВЪ.

Поставивъ заглавіе статьи, прежде чѣмъ дать слово автору оной, считаемъ нужнымъ по поводу ея сказать отъ себя нѣсколько словъ. Предлагаемая статья, по намѣренію автора, должна быть руководящею или пояснительною къ тѣмъ дорогимъ и доселѣ неизвѣстнымъ документальнымъ свѣдѣніямъ о состояніи народнаго образованія въ періодъ раздѣловъ Польши на обширныхъ пространствахъ Украйны, Волыни, Подоліи, Бѣлоруссіи и Литвы, Подлясья и Холмщины, съ которыми онъ намѣренъ познакомить читателей «Кіевской Старины», въ видѣ подлинныхъ донесеній и отчетовъ тогдашнихъ инспекторовъ или ревизоровъ школьныхъ. Но, помимо этой ближайшей и, такъ сказать, случайной цѣли, она имѣетъ самостоятельное, весьма важное значеніе. Она даетъ намъ глубоко задуманный и съ точки высшаго взгляда освѣщенный очеркъ той системы общественнаго образованія и воспитанія, которая создана была въ Польшѣ въ эпоху ея политической агоніи въ прямыхъ видахъ возрожденія отчизны, которая представляетъ собою первый въ Европѣ опытъ перехода народнаго образованія отъ вольной профессіи подъ опеку государства и въ разрядъ его задачъ, была примѣнена на всемъ протяженіи польско-русскихъ областей и вмѣстѣ съ ними перешла къ намъ и нами принята и поддержана.... По этой системѣ воспитались цѣлыя поколѣнія въ сѣверо и юго-западномъ краѣ нашемъ, по ней многіе годы слагалось здѣсь умственное и политическое настроеніе открытыхъ для нея сферъ, ею пропитаны были всѣ вновь зарождавшіяся подъ вліяніемъ событій симпатіи и стремленія интеллигентной массы, она проникала во всѣ изгибы строя общественнаго, отпечатлѣвалась на всемъ складѣ и характерѣ жизни, ея духъ царилъ и тогда, когда измѣнились ея формы. Помѣщаемая статья обнимаетъ эту систему въ ея основаніяхъ, открываетъ ея идею, духъ и характеръ, чего мы не имѣемъ относительно послѣдующихъ господствовавшихъ у насъ системъ образованія. О другихъ сторонахъ и качествахъ настоящаго изслѣдованія представляемъ судить самимъ читателямъ,—мы-же сочли нужнымъ сказать эти нѣсколько словъ лишь съ цѣлію предупредить читателя о значеніи статьи и отношеніи, какое она имѣетъ къ программѣ журнала. Только ознакомившись по ней

съ системой національнаго польскаго образованія, господствовавшею долгое время на территоріи сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, мы можемъ уяснить и правильно оцѣнить въ ихъ прошломъ многія явленія внѣ сферы народнаго образованія и тѣмъ болѣе въ самой этой сферѣ, равно проникнуться сознаніемъ необходимости и желаніемъ собрать уцѣлѣвшія свѣденія о состояніи у насъ образованія въ такой періодъ, о которомъ мы почти или совсѣмъ ничего не знаемъ, а собравъ ихъ постепенно, произвести потомъ правильную группировку и оцѣнку. Уважаемый авторъ статьи полагаетъ солидное начало такому дѣлу и мы глубоко признательны ему какъ за поднятіе такого первостепенной важности вопроса въ исторіи нашего недавняго прошлаго, такъ и за твердую и широкую его постановку. Ждемъ обѣщанныхъ имъ «визитъ» и «рапортовъ»; всѣхъ-же, кому вѣдомы и доступны такіе и подобные имъ матеріалы, просимъ подѣлиться ими съ читателями «Кіевской Старины».

Ред.

Въ судьбахъ русскаго народа, входившаго въ составъ польской рѣчи посполитой, одна изъ самыхъ видныхъ ролей принадлежитъ безъ сомнѣнія школамъ. Это были тѣ могучія орудія ассимиляціи русскаго народа съ польскимъ, которыя неизмѣнно и вѣрно дѣлали свое дѣло, не смотря на бурю потрясающихъ политическихъ событій, не смотря на отчаянное противудѣйствіе цѣлямъ ихъ со стороны духовенства, запорожья и простаго народа, не смотря на могущественное заступничество со стороны русскаго царства. Польскія школы поглотили сперва древніе русскіе княжескіе роды, потомъ дворянство, высшее духовенство, измѣнили сельское духовенство, мѣщанъ [1]). Новый духъ и бытъ руководящихъ классовъ неизбѣжно вліялъ на бытъ остальнаго, простаго народа. Благодаря преимущественно школамъ, Польша вернула Россіи древнее достояніе ея, Русь сѣверо и юго-западную, только въ видѣ нищаго духомъ и тѣломъ, невѣжественнаго и забитаго крестьянства, которое смутно представляло свое родство съ вели-

---

[1]) Конечно, уважаемый авторъ не отвергаетъ въ этомъ дѣлѣ значенія и другихъ историческихъ факторовъ, каковы: система внутренней, въ своемъ родѣ международной политики въ Польшѣ, со временъ городельской и люблинской уніи, унія церковная съ орудіями ея распространенія, соціальное подчиненіе массы русскаго населенія польскому землевладѣльческому классу, отношенія экономическія, строго-общественныя и семейныя, особливо смѣшанные браки въ высшихъ классахъ, на что указывалъ еще авторъ „*Пересторои*“ (Акты зап. Рос. т. IV). *Ред.*

кимъ сѣверно-русскимъ населеніемъ и предстало въ такомъ складѣ своего быта, своихъ симпатій и антипатій, что русское правительство вынуждено было употреблять и доселѣ употребляетъ чрезвычайныя усилія для измѣненія этого быта, а русскіе публицисты принуждены время отъ времени напрягаться въ доказательствахъ того, что „это край русскій, русскій, русскій“....

Школа—лучшій и наиболѣе надежный другъ семьи и общества, церкви и государства. Но она можетъ быть наиболѣе злымъ и наиболѣе опаснымъ врагомъ ихъ. Не смотря на потерю въ сѣверо и юго-западномъ краѣ высшихъ, руководящихъ классовъ, Россія получила въ нихъ болѣе прочную опору, чѣмъ какую вѣками создала себѣ въ нихъ Рѣчь Посполитая, опору въ національности и церковномъ обрядѣ народа, и если бы мы сознавали могущественную силу школы, какъ сознавала ее польская Рѣчь Посполитая, намъ не пришлось-бы видѣть потрясающихъ событій въ этомъ краѣ, искуственныхъ средствъ къ обрусѣнію его, не пришлось-бы теряться въ доказательствахъ о національности „этого края“, не пришлось-бы смущаться пугаломъ (дѣйствительнымъ, или мнимымъ) сепаратизма. Къ сожалѣнію, вышло наоборотъ: созданныя и одушевленныя послѣднимъ напряженіемъ Польши школы въ сѣверо и юго-западномъ краѣ продолжали существовать и даже получать поддержку до 1831 года! Затѣмъ всѣ онѣ разомъ закрыты, и медленно, туго, съ боязнію появлялись вмѣсто ихъ русскія учебныя заведенія, а низшія, сельскія школы казались невозможными до самаго 19 февр. 1861 года....

Исторія польскаго общественнаго образованія раздѣляется на два періода—первымъ раздѣломъ Польши. До 1773 года оно было дѣломъ свободной профессіи, католическая церковь успѣла соединить въ своихъ рукахъ всѣ нити его, наложить на него печать свою; съ этого-же года оно строго подчиняется государству, становится гражданскимъ, національнымъ. То, что извѣстно русской публикѣ о просвѣщеніи въ Польшѣ, относится почти исключительно къ первому періоду его. Учебники исторіи русской литературы теребятъ этотъ періодъ на всѣ лады, чтобы опредѣлить характеръ южно-русскаго просвѣщенія въ XVI и XVII в. и объяснить значеніе его въ тогдашней литературѣ сѣверно-русской. Насколько въ самомъ началѣ своемъ наука исторіи русской литературы раздувала значеніе польскаго образованія для Россіи, такъ что Гречъ называетъ XVII вѣкъ „польскимъ періодомъ“ въ исторіи просвѣщенія Россіи и даже Ѳеофана Прокоповича относитъ

къ „польскимъ писателямъ Россіи", настолько нынѣшніе изслѣдователи исторіи русской литературы умаляютъ это значеніе его, сводя его къ іезуитскимъ школамъ и относясь къ нему съ презрительною улыбкою. Наши учебники и руководства ничего не знаютъ о борьбѣ іезуитскихъ школъ съ стариннымъ представителемъ образованія въ Польшѣ — краковскою академіей, открытою въ 1401 году, по образцу парижскаго и англійскихъ, а не итальянскихъ университетовъ. Эта почти двухвѣковая борьба была не менѣе ожесточенная, чѣмъ борьба іезуитовъ съ школами диссидентовъ, и сопровождалась всѣми пріемами іезуитства: обличеніями въ неправомысліи и безвѣріи, пасквилями, уличными свалками и т. п. Въ основаніяхъ этой борьбы заключается объясненіе многихъ противуположностей, которыя такъ поражаютъ насъ въ польскомъ характерѣ XVII вѣка. Не іезуиты, но краковская академія, не смотря на свой упадокъ, поддерживала въ Польшѣ связь съ европейскимъ просвѣщеніемъ. Тогда какъ іезуитское образованіе сполна проникнуто было практическимъ характеромъ, стремленіемъ къ господству надъ совѣстью и чувствомъ населенія, традиціи краковской академіи, даже во времена полнаго ослабленія ея, держали ее преимущественно на интересахъ науки и въ связи съ своими прототипами, на которые она указывала соотечественникамъ, искавшимъ высшаго образованія. Въ учрежденіи южно-русскихъ училищъ того времени, особенно кіевской академіи, странно сошлись оба эти теченія тогдашней польской образованности. Отсюда внутреннее противурѣчіе и несостоятельность ихъ.

Въ половинѣ XVII вѣка въ Польшѣ появляется малочисленная и скромная по виду духовная община, такъ же поставившая своею задачею общественное образованіе. Король Владиславъ IV, такъ много сдѣлавшій для южно-руссовъ возстановленіемъ православной кіевской митрополіи, поддержкой плановъ Петра Могилы, покровительствомъ народа, вызвавъ въ Польшу эту общину, не обманулся въ своихъ надеждахъ на нее. Піаристы сразу обнаружили въ своихъ школахъ стремленія, рѣзко расходившіяся съ іезуитскими. Далеко уступая іезуитскимъ школамъ въ численности, въ широтѣ курса и въ богатствѣ, піаристскія школы, своими учебными планами, своими методами преподаванія и задачами обученія, болѣе соотвѣтственными потребностямъ просвѣщенія, скоро пошатнули громадное зданіе іезуитской образованности. Съ реформою, произведенною въ піарскихъ школахъ *Конарскимъ* (въ 1740 г.), звѣзда іезуитской образованности закатилась въ Польшѣ

Ея не могли поддержать появившіяся на помощь ей съ конца XVII вѣка базиліанскія училища. Учрежденный съ тою же цѣлію въ отношеніи къ русскому народу, съ какою орденъ іезуитовъ установленъ былъ въ католическомъ мірѣ, возбужденномъ реформаціей, базиліанскій орденъ въ самомъ началѣ своемъ поставленъ былъ въ тѣсныя отношенія съ іезуитами. Намѣренія папства, выраженныя въ учрежденіи уніи, не допускали самостоятельности въ учрежденіи базиліанскихъ школъ и требовали близкой опеки надъ ними. Поэтому базиліанскія школы не имѣли оригинальности и всегда находились въ хвостѣ іезуитскихъ школъ.

Школы въ Польшѣ учреждали и другіе монашескіе ордена, какъ то: бенедиктины, миссіонеры, цистерны, каноники регулярные, доминикане, театины, тринитары, коммунисты, реформаты; но онѣ были весьма незначительны, то открывались, то закрывались, и не имѣли вліянія на ходъ образованія въ Польшѣ.

Школы диссидентовъ, въ томъ числѣ и православныя, преслѣдуемыя религіознымъ фанатизмомъ, существовали не долго (исключая академію кіевскую). Однѣ протестанскія школы удержались до раздѣла Польши.

Всѣ эти школы, различаясь между собою количествомъ классовъ и учебныхъ предметовъ, имѣли одинъ основной типъ, грамматико-риторическій, къ которому, смотря по средствамъ, прибавляли еще: математику, иногда философію, право, или богословіе. Полный составъ школъ, учреждаемыхъ краковскою академіей (filia academia cracoviensis), былъ слѣдующій: *грамматика*, *риторика*, *математика*, *философія* и *право*. Въ самой академіи за этимъ курсомъ слѣдовали факультеты: *богословскій*, *философскій*, *медицинскій* и *юридическій*. Въ іезуитскихъ школахъ было пять классовъ: *инфима*, *грамматика*, *синтаксисъ*, *риторика* и *поэзія*. Въ іезуитскихъ коллегіяхъ за этимъ курсомъ слѣдовали: *философіа* и *богословіе*. Въ іезуитской виленской академіи были факультеты: *философскій* и *богословскій*, впослѣдствіи и *юридическій*. Піарскія школы, до реформы Конарскаго, имѣли одинъ типъ и состояли изъ семи классовъ: *pro forma* или *parva infima*, *infima maior*, *грамматика*, *синтаксисъ*, *поэзія*, *риторика* и *философія*. Въ каждой пятиклассной и въ піарскихъ семикласныхъ школахъ курсъ каждаго класса продолжался одинъ годъ и учителя были классные. Въ іезуитскихъ коллегіяхъ философіи (этика, физика, логика, метафизика и математика) обучали три года, богословію четыре года.

Всѣ эти школы подвѣдомственны были только тому учрежденію, которое устроило ихъ. По старинному праву, краковская академія открывала свои филіи, или принимала подъ свое покровительство школы, по желанію частныхъ лицъ—ихъ устроителей. Эти школы носили названіе *академическихъ*. Орденскими школами завѣдывали *провинціалы* каждаго ордена.

Всѣхъ такихъ школъ въ Польшѣ, ко времени перваго раздѣла ея, было около 116, именно: академическихъ 10, іезуитскихъ 67, піарскихъ 27, протестантскихъ 5 и базиліанскихъ 7 (въ *Бучачѣ*, *Умани*, *Любарѣ*, *Шарогродѣ*, въ *Вильнѣ*, *Владимірѣ*, *Жировицахъ*) [1]. Изъ этого числа школъ не меньше половины приходилось на русскія области Польши [2]).

Ни краковская академія, ни монашескія ордена не заботились начальнымъ обученіемъ и не имѣли въ своемъ вѣдѣніи ни одной первоначальной школы. Это обученіе сполна принадлежало приходскому духовенству и устроено было сообразно приходскимъ нуждамъ его. Такія школы первоначально устроялись при главныхъ церквахъ или соборныхъ (fara) и назывались *фарными*. Въ нихъ обучали латинскому языку и порядкамъ католическаго богослуженія, съ цѣлію приготовлять органистовъ, которымъ въ прежнее время открыта была дорога и къ духовному сану. По образцу этихъ школъ открывались, по милости благодѣтелей, школы и въ нѣкоторыхъ приходахъ. Лукашевичъ (1, 455) насчитываетъ ихъ въ 1740 году до 1500, но безъ всякихъ основаній. Ко времени перваго раздѣла Польши ихъ оказалось въ Малопольшѣ 60, въ Великопольшѣ 45 и, судя по многимъ даннымъ, особенно по школьнымъ рапортамъ и визитамъ послѣдующаго времени, ихъ было въ цѣлой Польшѣ не болѣе 400. Въ русскихъ

---

[1]) *Historya szkół w Koronie i w Wielkiem Ks. Litewskiem, od najdawniejszych czasów aż do roku 1794 r. Przez Józefa Lukaszewicza.* IV *t. Poznań 1851 r.* Трудъ обширный и весьма добросовѣстный, но безъ надлежащей критики, особенно во второмъ томѣ, въ которомъ означается реформа, произведенная Конарскимъ въ піарскихъ школахъ, а затѣмъ особою коммиссіей въ цѣломъ составѣ школъ.

[1]) Въ это число школъ не входятъ такъ называемыя *Studia*, съ курсомъ философіи и богословія, называемыя еще *новиціаты*, для приготовленія молодыхъ людей, получившихъ образованіе, къ поступленію въ монашескій орденъ. Такихъ *студій* базиліане имѣли въ эту пору 11, именно: въ Вильнѣ, Львовѣ, Лавровѣ, Свержнѣ, Полоцкѣ, Жировицахъ, Витебскѣ, Владимірѣ, Луцкѣ, Жидичинѣ и въ Холмѣ.—Не входятъ въ это число школъ и духовныя семинаріи (seminarium) для приготовленія приходскихъ священниковъ. Изъ всѣхъ попытокъ основать отдѣльную семинарію для уніатовъ удалось только холмскому епископу *Рылу*, который открылъ семинарію въ Холмѣ въ 1760 г.

(православныхъ и уніатскихъ) приходахъ въ это время повсюду почти видимъ при церквахъ школы, въ которыхъ церковный *дякъ* обучаетъ охотниковъ чтенію и пѣнію церковному. Въ XVIII вѣкѣ это были послѣднія и единственныя убѣжища русской народности въ Польшѣ, а потому простой народъ и низшее, сельское духовенство чрезвычайно дорожили ими и не жалѣли на поддержку ихъ своихъ приношеній хлѣбомъ, зерномъ и т. п., тѣмъ болѣе, что при школѣ въ это время пріючивались и нищіе, калѣки, сироты.

Но если о первомъ періодѣ польскаго общественнаго образованія мы получаемъ недостаточныя свѣдѣнія, то о второмъ періодѣ его въ русской литературѣ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. Что извѣстно ей о реформѣ народнаго образованія, послѣдовавшей за первымъ раздѣломъ Польши и долженствовавшей между прочимъ окончательно ассимилировать въ Польшѣ русскую народность? Что извѣстно ей о дѣятельности „*эдукаціонной избы*“ варшавскаго герцогства, закрѣпившей за польскимъ общественнымъ образованіемъ начала, выработанныя этою реформою, и завѣщавшей созданному Россіей Царству Польскому опредѣленный типъ польскаго національнаго образованія, ставшій школьнымъ культомъ поляковъ? Что мы знаемъ о противудѣйствіи этому культу въ самомъ польскомъ обществѣ, со стороны польскихъ славянофиловъ, не мало вліявшемъ на возникновеніе событій 1831 года? Этотъ культъ руководилъ и учебною реформою маркиза Велепольскаго....

Между тѣмъ, реформа учебныхъ заведеній въ Польшѣ и вообще этотъ второй періодъ польскаго общественнаго образованія успѣлъ перевоспитать поляковъ въ сѣверо и юго-западномъ краѣ, господствуя въ немъ до самаго 1831 года, и не безслѣдно прошелъ въ исторіи русскихъ учебныхъ заведеній. Одинъ изъ близкихъ друзей и совѣтниковъ молодаго императора Александра I, сынъ Адама Чарторыйскаго, главы польскихъ реформаторовъ временъ раздѣловъ Польши, не мало вліялъ на систему преобразованія русскихъ учебныхъ заведеній при учрежденіи въ Россіи министерства народнаго просвѣщенія, и, если сравнить тогдашніе протоколы, записки, журналы и самую организацію учебныхъ заведеній съ уставами польской коммисіи народнаго просвѣщенія 1783 года, то окажется не мало заимствованій изъ нихъ.

Намѣреваясь познакомить читателей „Кіевской Старины“ съ состояніемъ учебныхъ заведеній въ сѣверо и юго-западномъ краѣ

въ періодъ раздѣловъ Польши по рапортамъ визитаторовъ ихъ, нигдѣ еще не напечатаннымъ [1]), считаемъ нужнымъ предварительно сообщить свѣдѣнія объ учебной организаціи въ Польшѣ того времени или о послѣдовавшей тогда реформѣ общественнаго образованія [2]).

Въ 1773 году въ католическихъ странахъ произошло событіе, давшее сильный толчекъ правительственнымъ заботамъ объ общественномъ образованіи. Это было уничтоженіе іезуитскаго ордена. Послѣ іезуитовъ оставались огромные капиталы, поземельныя владѣнія, зданія, назначенныя на содержаніе учебныхъ заведеній. Нужно было распорядиться этимъ наслѣдствомъ, нужно было подумать о дальнѣйшей судьбѣ іезуитскихъ школъ, составлявшихъ большинство почти въ каждой изъ этихъ странъ. Стали появляться первые проекты ближайшей опеки государства надъ общественнымъ образованіемъ и общаго типа учебныхъ заведеній.

Въ Польшѣ это событіе совпало съ другимъ событіемъ, потрясшимъ ее до основанія, именно съ первымъ раздѣломъ ея.

---

[1]) Одинъ изъ этихъ рапортовъ, именно: *Ks. Szczepana Hołowczyca Rapotr wizyty generalnej południowo-wschodnich wydziałów szkolnych... w roku 1782*, напечатанъ въ *Archivum do dziejów literatury i oświaty w Polsce.* Краковъ 1877 г. т. I, стр. 21—70.

[2]) Источниками этихъ свѣдѣній служили для насъ:

а) *Ustanowienie kommissyi nad edukacią młodzi narodowej szlacheckiej dozormającej. W Warszawie 24 października 1773 r.*

б) *Mowa w dzień rocznicy otwarcia towarzystwa do ksiąg elementarnych na sessyi dnia 7 marca 1778—1786 r. Przez Ks. S. Piramowicza. Warszawa.* Эти рѣчи Пирамовича, бывшаго секретаремъ коммисіи просвѣщенія и означеннаго общества, а на самомъ дѣлѣ душею обоихъ этихъ центральныхъ учрежденій, были публичными отчетами о ходѣ реформы общественнаго образованія и служатъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для объясненія побужденій и цѣлей, вообще смысла преобразованій. Онѣ печатались ежегодно отдѣльными брошюрами. Одна изъ рѣчей, именно 1780 года, принадлежитъ піаристу Поплавскому, члену того-же общества.

в) *O rosporządzeniu i wydoskonaleniu edukacyi obywatelskiej. Projekt podany.... kommissyi edukacyi w marcu 1774 r*; напечатано *w Warszawie 1775 r.*; 184 стр. in 8°. Принадлежитъ тому-же піаристу Поплавскому. Проектъ Поплавскаго легъ въ основу уставовъ коммисіи просвѣщенія, въ составленіи которыхъ авторъ проекта принималъ съ Пирамовичемъ самое дѣятельное участіе.

г) *Przepisy dla rektorów, prefekta, dyrektorów, na szkoły wojewodzkie i do szkół parafijalnych. Warszawa 1776 r.*

д) *Ustawy kommissyi edukacyi narodowej dla stanu akademickiego i na szkoły w krajach Rzeczypospolitej przepisane. W Warszawie 1783 r.* in fol. 64 стр.

Въ одномъ и томъ-же мѣсяцѣ (августѣ) появились и булла Климента XIV объ уничтоженіи іезуитскаго ордена, и опредѣленіе сейма объ *„уступкѣ“* сосѣднимъ государствамъ значительныхъ областей. И прежде, со времени поселенія б. польскаго короля Станислава Лещинскаго въ Парижѣ, съ огромнымъ дворомъ, привлекавшимъ изъ Польши множество посѣтителей, особенно со времени реформы піарскихъ школъ, произведенной воспитанникомъ этого двора Конарскимъ, въ Польшѣ раздавались голоса противъ іезуитскаго образованія и вообще противъ существующаго устройства школъ. Кружокъ піаристовъ дружно работалъ въ направленіи и духѣ новыхъ идей о воспитаніи, распространявшихся по Европѣ, надъ разрушеніемъ іезуитской риторики, метафизики, „альваровскихъ“ методовъ, толковалъ о *правѣ натуры* и морали, какъ основаніяхъ для воспитанія человѣка, составлялъ учебники. Локкъ, Кондильякъ и Гельвецій найболѣе приходились по душѣ польскимъ мыслителямъ. Съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ при дворѣ установился цѣлый кругъ новыхъ людей, въ которомъ подвергалось осмѣянію все іезуитское и вмѣстѣ съ нимъ все старое, начиная отъ кунтушей. Какъ въ средѣ аристократіи гордо поднимали напудренныя головы свои маркизы, доморощенные Вольтеры и т. п., такъ въ средѣ духовенства обращали на себя вниманіе свои Кондильяки, аббаты философы, по-

---

текста и нѣсколько листовъ съ образцами рапортовъ, распредѣленіемъ учебныхъ предметовъ по классамъ, по днямъ и часамъ и т. п.

Въ русскомъ переводѣ этотъ уставъ (не въ полномъ видѣ) напечатанъ въ *Сборникѣ административныхъ постановленій Царства Польскаго, вѣдомства нар. просвѣщенія.* Т. I, 1868 г. Варшава.

Въ дополненіе къ уставу коммисія просвѣщенія издала еще: *Przepis dla dyrektorów*, и особо *dla professorów*, а въ 1787 г. *Powinności nauczyciela, mianowicie zaś w szkołach parafialnych i sposoby ich dopełnienia. Warszawa.* 211 стр. и 13 стр. предисловія. Это послѣднее (безъ сомнѣнія и первыя два) наставленіе составлено Пирамовичемъ.

е) *Wizyty* и *Rapporta* о состояніи учебныхъ заведеній того времени, хранящіяся въ варшавскомъ центральномъ архивѣ, которымъ мы пользуемся благодаря просвѣщенному вниманію старшаго предсѣдателя варшавской судебной палаты, т. с. Герарда.

Изъ сочиненій по этому предмету можно указать только на *Historya szkół*— Лукашевича. Изложеніе этого періода заключается во второмъ т. стр. 166—492, съ восторженными похвалами реформѣ.

Упомянемъ еще о напечатанномъ въ 1878 г. въ Варшавѣ *Dawne wychowanie szkolne* (въ Польшѣ), *przez Jana Zaruskiego*—только для того, чтобы предостеречь читателя отъ этой компиляціи, переполненной собственными измышленіями, лживыми цифрами и крайне пристрастными сужденіями автора.

кончившіе съ „предразсудкомъ“, принявшіе духовный костюмъ и обѣтъ безженства единственно ради всецѣлаго посвященія себя наукѣ. И въ прежнее время, начиная еще съ короля Іоанна-Казиміра, появлялись хотя и робкіе голоса о шаткости польскаго общественнаго и государственнаго строя, о шляхетской разнузданности, угнетенномъ и бѣдномъ положеніи низшихъ классовъ, въ особенности крестьянъ и т. п. Теперь, въ виду тяжкаго удара и грозной опеки со стороны трехъ сильныхъ державъ, всѣ голоса соединились въ напряженныхъ поискахъ за панацеей отъ всѣхъ золъ, за средствомъ поддержать и укрѣпить государство, восторжествовать надъ политикою сосѣднихъ державъ. Быстро всѣ сошлись въ убѣжденіи, что главною причиною всѣхъ золъ была прежняя система воспитанія, что отнынѣ государство, доселѣ считавшее школу постороннимъ для себя, частнымъ и свободнымъ занятіемъ, должно взять ее въ исключительное свое вѣдѣніе и въ основу всѣхъ своихъ улучшеній положить правильное образованіе. Тотъ-же сеймъ, который утвердилъ *„уступку“* значительныхъ областей сосѣднимъ державамъ, по предложенію литовскаго подканцлера Хребтовича, постановилъ: учредить особую коммиссію (министерство) для завѣдыванія какъ всѣмъ имуществомъ по-іезуитскимъ, такъ и всѣми учебными заведеніями въ краѣ, *„не исключая ни одного“*. Предсѣдателемъ этой коммиссіи сеймъ назначилъ виленскаго епископа князя *Игнатія Массальскаго*, членами: плоцкаго епископа князя *Понятовскаго* (дядю короля), гнѣзненскаго воеводу *Сулковскаго*, подканцлера литовскаго *Іоакима Хребтовича*, писаря литовскаго *Игнатія Потоцкаго*, генерала *Адама Чарторыйскаго*, ордината *Андрея Замойскаго* и старосту копаницкаго *Понинскаго*. Это были люди различныхъ партій политическихъ, но слывшіе за самыхъ образованныхъ въ средѣ аристократіи и, исключая перваго, третьяго и послѣдняго, которые готовы были ловить въ мутной водѣ рыбу, за самыхъ преданныхъ интересамъ Польши [1]). Изъ среды всѣхъ этихъ членовъ наиболѣе выдѣлялся всецѣлымъ посвященіемъ себя

---

[1]) До 1793 г. коммисія не получала для себя самой подробнаго устава. Такой уставъ составленъ былъ членомъ этого сейма, извѣстнымъ въ Польшѣ математикомъ, краковскимъ профессоромъ *Яномъ Снядецкимъ*, при сотрудничествѣ ректора виленскаго университета *Тогобута*, и утвержденъ сеймомъ. Этотъ уставъ напечатанъ въ исторіи Лукашевича, т. II, стр. 169—180, въ примѣчаніи. Весьма любопытнымъ коментаріемъ къ нему служатъ письма самого Снядецкаго изъ Гродна къ своимъ пріятелямъ (*Listy Jana Śniadeckiego. Poznań 1878 r.*).

трудамъ коммисіи, 24 лѣтній Игнатій Потоцкій. Хилый, болѣзненный, онъ рано сталъ было мечтать о посвященіи себя на служеніе церкви; но домашній учитель его, эксъ-іезуитъ *Григорій Пирамовичъ*, отклонилъ его отъ этого намѣренія и убѣдилъ посвятить себя покровительству и реформѣ образованія въ Польшѣ. Игнатій Потоцкій является потомъ во главѣ всѣхъ начинаній и важнѣйшихъ дѣлъ коммисіи. Въ польской литературѣ онъ признается душею всей дѣятельности коммисіи (Лукаш. 11, 257). На самомъ дѣлѣ душею коммисіи и самого Потоцкаго былъ секретарь ея, тотъ-же домашній учитель и другъ Потоцкаго, эксъ-іезуитъ Пирамовичъ [1]), принадлежавшій къ той новой религіозной школѣ, которая примиряла христіанство съ философіей Локка и Кондильяка (сенсуализмъ). Преданный до энтузіазма идеѣ возрожденія Польши, безпредѣльно вѣрившій въ силу новыхъ идей, въ возможность быстраго созданія „новыхъ людей", необыкновенно дѣятельный, даровитый, пылкій, Пирамовичъ постоянно стоялъ за спиною своего друга, постоянно выдвигалъ его впередъ для вліянія въ аристократическихъ сферахъ въ пользу всѣхъ проэктовъ коммисіи, авторомъ которыхъ былъ по преимуществу онъ самъ. Впослѣдствіи, при измѣнившемся составѣ коммисіи, когда по выраженію Снядецкаго, „одни изъ членовъ ея скучали (въ засѣданіяхъ), другіе, занятые иною службою, не могли удѣлить своего вниманія для такой важной отрасли государственнаго управленія, а третьи присутствовали только для вида (dla figurowania) [2]), Пирамовичъ одинъ съ своимъ другомъ аристократомъ несъ на себѣ трудъ коммисіи просвѣщенія.

Для пріема и устройства имущества, оставшагося послѣ іезуитовъ, сеймъ назначилъ двѣ коммисіи, одну для Короны, другую для Литвы. Понятно, что это были коммиссіи, огромныя по числу

---

[1]) Пирамовичъ род. во Львовѣ въ 1735 г. Онъ происходилъ отъ русскихъ родителей, обучался у іезуитовъ и самъ сталъ іезуитомъ, но скоро почувствовалъ къ своему ордену глубокое отвращеніе. Братъ его Михаилъ Пирамовичъ былъ кіевскимъ каноникомъ и оффиціаломъ; онъ хлопоталъ объ устройствѣ въ Житомірѣ уніятской духовной семинаріи, для которой пожертвовалъ двѣсти тысячъ злотыхъ, а король подарилъ мѣсто подъ постройку зданій; но событія 1789 года на Волыни и послѣдовавшіе затѣмъ раздѣлы Польши остановили это дѣло въ самомъ началѣ. Григорій Пирамовичъ написалъ много педагогическихъ сочиненій, имѣвшихъ большое значеніе въ польской литературѣ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы встрѣтимся ниже. Умеръ въ 1801 году въ Куровѣ, въ должности пробоща куровскаго и каноника каменецкаго.

[1]) *Listy Jana Śniadeckiego*, стр. 16.

членовъ. Въ составъ ихъ втерлось много такихъ лицъ, которыя искали случая поправить свое состояніе, разстроенное послѣдними событіями или слишкомъ широкою жизнію. По повѣркѣ имущества, оказалось, что представители іезуитовъ, въ ожиданіи своей участи, не ушли изъ Польши съ пустыми руками: наличныя суммы, серебро и драгоцѣнности большею частію изчезли, вѣковыя лѣса вырублены или запроданы, многія земельныя угодья и поля оказались въ чертѣ другихъ владѣній. Но гораздо больше іезуитовъ причинили ущербъ этому имуществу, предназначенному служить основнымъ и пока исключительнымъ фондомъ для расходовъ по устройству общественнаго образованія, эти сами коммисіи и во главѣ ихъ самъ предсѣдатель коммисіи просвѣщенія, епископъ Массальскій, съ членомъ ея Сулковскимъ. Коммисіи должны были обезпечить по-іезуитскія имущества такимъ образомъ: хранившіяся въ разныхъ рукахъ суммы раздать желающимъ магнатамъ и шляхтичамъ за опредѣленный вѣчный процентъ, подъ залогъ ихъ имѣній, а имѣнія, по оцѣнкѣ ихъ, отдать въ вѣчную аренду. Началось грабительство этихъ денегъ и имѣній самими членами коммисій (rozdawniczych), полученіе большихъ суммъ подъ залогъ разоренныхъ или не стоющихъ имѣній, полученіе земель за ничтожную аренду и безъ всякой гарантіи въ уплатѣ ея. Однихъ капиталовъ разграблено такимъ образомъ болѣе семи милліоновъ злотыхъ. Одинъ Сулковскій взялъ 584,658 злотыхъ, и эти деньги пропали! Епископъ Массальскій истратилъ гораздо больше [1]). Оставшіеся при школахъ іезуиты, не получая содержанія, бросили занятія, школы закрылись, ученики разбѣжались.

Но это грабительство государственнаго эдукаціоннаго имущества, такъ быстро смѣнившее благородные порывы къ возрожденію государства посредствомъ образованія, эта мрачная картина разоренія тѣхъ средствъ, на которыхъ главнымъ образомъ опиралась дѣятельность коммисіи просвѣщенія, не остановили и не ослабили намѣреній другихъ дѣятелей этой коммисіи, хотя во главѣ ея продолжалъ оставаться тотъ-же Массальскій, а также и многихъ частныхъ лицъ. Ходили разныя теоріи и планы устройства учебныхъ заведеній. Болѣе и болѣе оживлялись піаристы и одерживали верхъ началами своихъ школьныхъ преобразованій.

---

[1]) *Historya szkół*—Лукашевича, т. II, стр. 189—248. Впослѣдствіи Массальскій былъ повѣшенъ въ Варшавѣ, на улицѣ, возмутившеюся чернію, по подозрѣнію въ продажности непріятелямъ Польши.

Въ коммисію просвѣщенія стали поступать письменныя сообщенія о необходимости поспѣшить преобразованіемъ учебныхъ заведеній и самые проекты реформы ихъ. Изъ нихъ всего болѣе обратилъ на себя общее вниманіе проектъ, поданный въ мартѣ 1774 года піаристомъ Поплавскимъ, бывшимъ учителемъ и префектомъ варшавскихъ піарскихъ школъ. Это было упомянутое нами сочиненіе его: *O ropzorządzeniu i wydoskonaleniu edukacyi* (*объ организаціи и улучшеніи обученія*), напечатанное въ слѣдующемъ году. Поплавскій развиваетъ въ немъ тѣ начала, какія уже проводились въ піарскихъ школахъ со времени Конарскаго. Признавая всю прежнюю систему только драпировкою образованія, прикрывавшею внутреннюю пустоту и распущенность, онъ требуетъ дѣйствительнаго воспитанія и усовершенствованія физическаго и нравственнаго. Чтобы стать дѣйствительнымъ, воспитаніе должно быть какъ можно болѣе *естественнымъ* и основываться на изученіи *естества* (*jestestwo*—модное въ то время слово въ польскомъ ученомъ кругѣ), т. е. наукъ естественныхъ, математики, науки о правѣ натуры и о естественной нравственности. Греческій языкъ, преподававшійся во всѣхъ прежнихъ школахъ, онъ находитъ излишнимъ, латинскій—полезнымъ по свѣдѣніямъ, заключающимся въ сочиненіяхъ римскихъ писателей, и по историческимъ причинамъ. Изученіе новѣйшихъ языковъ, французскаго и нѣмецкаго, считаетъ полезными въ быту. Изученіе религіи въ объемѣ курса прежнихъ школъ находитъ совершенно излишнимъ и замѣняетъ его воспитаніемъ въ духѣ общей религіозной идеи, оставляя только самыя элементарныя свѣдѣнія о христіанской религіи, необходимыя для присутствованія при главныхъ богослуженіяхъ и при исполненіи важнѣйшихъ обрядовъ, и какъ можно болѣе требуетъ заботъ о моральномъ руководствѣ воспитанниковъ. Въ преподаваніи рѣшительно требуетъ замѣнить латинскій языкъ польскимъ и все направленіе образованія строго сообразовать съ благомъ отечества. Эту идею Поплавскій прилагаетъ къ высшимъ, среднимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ и къ частнымъ училищамъ, и проэктируетъ сообразные съ нею новые курсы и порядки въ каждомъ изъ этихъ училищъ [1]). Въ концѣ своего проекта онъ обращается съ горячимъ словомъ ко всему народу польскому. Онъ говоритъ (между прочимъ): „присмотрись только и

[1]) Между прочимъ онъ предлагалъ открыть четыре университета: въ Познани, Калишѣ, Острогѣ и Вильнѣ, и въ каждомъ сельскомъ приходѣ школу.

разсуди, есть ли совѣщаніе въ сеймахъ, есть ли справедливость въ судахъ? какова исполнительность высшаго правительства и чиновниковъ? Многосложна наша конституція, но мало въ ней благодѣтельныхъ установленій. Вмѣсто свободы—своеволіе, благородство—въ почетномъ имени, добродѣтель и заслуга—не только въ забвеніи, но и въ пренебреженіи. Страна—безъ войска, народъ—безъ уваженія, отечество—безъ сыновъ, собственность—безъ свободы и увѣренности, обширныя поля—безъ обработки, обширныя провинціи—безъ населенія! Откуда-же этотъ упадокъ, это несчастіе? Слѣдствіе не бываетъ безъ причины, а плодъ безъ сѣмени. Если станешь постепенно и вѣрно идти отъ причины къ причинѣ, то придешь къ несомнѣнному убѣжденію, что всѣ эти потери и страшныя послѣдствія произошли отъ пороковъ въ цѣломъ строѣ нашего общественнаго управленія".

„Что преимущественно служитъ источникомъ зла, то прежде всего нужно и поправлять. Ты согрѣшилъ, несчастный народъ, установленіемъ дурнаго управленія, ты и терпѣлъ отъ него; устройствомъ надлежащаго управленія ты поднимешь твое благополучіе и станешь высоко счастливымъ. *Къ этому ничто не приведетъ тебя такъ вѣрно и успѣшно, какъ надлежащее народное образованіе и воспитаніе*".

Этотъ сильный голосъ простаго ксендза произвелъ большое впечатлѣніе въ цѣломъ польскомъ обществѣ. Онъ заглушилъ всѣ другіе голоса, тѣсно совпалъ съ убѣжденіями главныхъ дѣятелей коммисіи просвѣщенія и самого короля, и задача учебной реформы рѣшена была быстро и окончательно. Заманчивая картина естественности воспитанія, возстановленія счастья въ цѣлой странѣ, побѣда надъ политикою сосѣднихъ державъ, находившихъ нужнымъ обезсилить Польшу, льстила всѣмъ партіямъ. Противные голоса, не имѣя силы краснорѣчія Поплавскаго, довольствовались ворчаніемъ по угламъ или отрывочными и тощими фразами [1]). Какимъ образомъ исторія подготовила поляковъ къ увлеченію философіей Локка и

---

[1]) Изъ другихъ тогдашнихъ проектовъ напечатаны были: 1) *Edukacya obywatelska, przez A. K. Warszawa 1774 r.* 186 стр. Авторъ этого проекта, піаристъ *Адольфъ Каменскій*, совѣтуетъ не дѣлать крутаго перелома въ системѣ образованія и соблюсти постепенность. Онъ настаиваетъ на необходимости основать школу по философіи съ древними языками, хотя въ курсъ его входятъ и естественныя науки съ самою модною въ то время изъ *наукъ*—„*правомъ натуры*", и требуетъ, чтобы устроенъ былъ особый классъ философіи съ преподаваніемъ: логики, психологіи. онтологіи, космо-

Кандильяка, какимъ образомъ изъ прежней пылкой поклонницы и любимой дочери папскаго Рима встала теперь поклонница верховнаго права натуры, обезличивающаго христіанство и подчиняющаго церковь служенію политическимъ и патріотическимъ задачамъ, мы не будемъ объ этомъ говорить. Но несомнѣнно, что глубокое потрясеніе въ цѣлой странѣ и тяжкій ударъ, нанесенный самолюбію шляхты раздѣломъ,—съ одной стороны, съ другой пропасть, раскрывшаяся предъ глазами поляковъ, были причиною того быстраго вихря идей, который привелъ ихъ въ заколдованный рай и закрѣпилъ въ немъ мечты ихъ. Политика и школа заключили между собою священный союзъ въ стремленіи къ одной и той-же цѣли, съ полной увѣренностью въ скоромъ и прочномъ исполненіи ея.

Впечатлѣніе, произведенное проэктомъ Поплавскаго, высоко поставило піаристовъ въ общественномъ мнѣніи. Они стали ближайшими сотрудниками коммисіи просвѣщенія по устройству новой учебной организаціи; ихъ школы должны были прежде всего осуществить идею реформы, представить новыя программы, методы, учебники и т. п. Тѣмъ временемъ возстановлялись закрытыя іезуитскія школы, выбирались охочіе и способные изъ бывшихъ іезуитовъ и назначались на должности учителей; базиліанскіе монахи привлечены къ большему участію въ общественномъ образованіи и въ нѣсколькихъ мѣстахъ сдѣланы наслѣдниками школьныхъ іезуитскихъ зданій подъ условіемъ содержать школы; разыскивались и призывались *академики* (учившіеся въ краковской академіи) для занятія учебныхъ должностей, особенно въ средѣ католическихъ священниковъ. Чтобы успѣшнѣе возстановить школы и пока установить въ нихъ какой-нибудь порядокъ, постепенно обновляя и упрочивая его, коммисія просвѣщенія прежде всего раздѣлила всю тогдашнюю Польшу на десять учеб

логіи и т. п. Способамъ изложенія мыслей онъ совѣтуетъ учить только тогда, когда самая мысль ученика будетъ уже достаточно содержательною и прочною, такъ что обученіе краснорѣчію въ проектѣ его относится къ послѣднему классу. Каменскій даетъ между прочимъ совѣтъ учредить „Общество для изданія учебниковъ", пригласивъ къ нему лучшія силы. 2) *Sposob edukacyi w XV listach opisany, ktore do kommissyi edukacyi narodowej od bezimiennego autora były przesyłane. R. P. 1775* 244 стр. Авторъ, писарь коронный *Францишекъ Бѣлинскій*, сильно нападаетъ на всегдашнее увлеченіе Польши иностраннымъ воспитаніемъ и въ послѣднее время французскимъ. Проектъ Бѣлинскаго, заключая въ себѣ мало оригинальности относительно самаго устройства учебныхъ заведеній, заботится преимущественно о приготовленіи хорошихъ учителей и гувернеровъ для дѣтей и объ уваженіи къ національнымъ началамъ.

ныхъ округовъ (wydziałów): въ каждомъ изъ этихъ округовъ назначила одно учебное заведеніе окружнымъ (szkoły wydziałowe), прочія назвала подокружными (szkoły podwydziałowe), сельскія—приходскими (parafialne). Ректоръ окружной школы поставленъ былъ во главѣ цѣлаго округа, проректоръ подокружной школы имѣлъ въ своемъ ближайшемъ вѣдѣніи находившіяся въ районѣ ея школы сельскія [1]). Такими округами и окружными школами были назначены: 1) *великопольскій*—въ Познани, 2) *малопольскій*—въ Краковѣ, 3) *мазовецкій*—въ Варшавѣ, 4) *волынскій*—въ Кременцѣ, 5) *украинскій*—въ Винницѣ, 6) *піарскій*—обнимавшій школы піаристовъ, разбросанныя по цѣлой Польшѣ. Эти шесть округовъ носили общее названіе коронныхъ. Прочіе четыре назывались литовскими и были слѣдующіе: 7) *литовскій*—въ Гроднѣ, 8) *русскій*—въ Новогрудкѣ, 9) *польскій*—въ Брестѣ литовскомъ и 10) *жмудскій*—въ Крожахъ. Всѣхъ окружныхъ и подокружныхъ школъ было 70, считая въ томъ числѣ и піаристскій конвиктъ подъ Варшавой. Ректоры окружныхъ школъ обязаны были заботиться о пріисканіи кандидатовъ на учительскія мѣста и о руководствѣ какъ ихъ, такъ и бывшихъ учителей въ подготовкѣ къ новому курсу и способу обученія.

За этими заботами послѣдовали заботы о приготовленіи учебниковъ, на основаніи предположенныхъ учебныхъ плановъ. Предстоялъ трудъ огромный. Сразу замѣнить въ цѣломъ преподаваніи и изученіи латинскій языкъ польскимъ, когда доселѣ не было даже польской грамматики, предупредить въ школахъ появленіе той варварской смѣси словъ польскихъ съ латинскими, которая въ то время господствовала во всѣхъ польскихъ канцеляріяхъ, составить польскую учебную терминологію и т. д., все это требовало соединенія многихъ и опытныхъ рукъ и работы продолжительной. Коммиссія просвѣщенія воспользовалась совѣтомъ піариста Адольфа Каменскаго и учредила общество для изданія учебниковъ (*Towarzystwo elementarne*, иначе *Towarzystwo do ksiąg elementarnych*). Предсѣдателемъ этого общества назначенъ былъ Игнатій Потоцкій, секретаремъ Пирамовичъ. Главный контингентъ членовъ его давали піаристы,

---

[1]) Коммисія просвѣщенія удержала старыя названія среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Словомъ *школа* (schola) обозначался собственно классъ. *Школа*—училище съ однимъ классомъ (элементарное), а всякое учебное заведеніе, имѣющее болѣе одного класса, называлось *школами*; имѣющее не менѣе трехъ классовъ именовалось *школами высшими* (szkoły wyzsze).

изъ которыхъ особенно дѣятельными были: Поплавскій, Копчинскій, Клюкъ и др. Въ составѣ этого общества появился тогда еще молодой, прославившійся блестящими успѣхами своими въ наукахъ въ Римѣ, уроженецъ Волыни *Гуго Колонтай*, каноникъ краковскій; онъ сразу выдвинулся своими высокими дарованіями, необыкновенною энергіей и непоколебимою вѣрою въ возможность быстраго обновленія всего строя государственнаго посредствомъ реформы образованія. Впослѣдствіи это былъ одинъ изъ самыхъ видныхъ политическихъ дѣятелей Польши и противниковъ политики сосѣднихъ государствъ. Ему главнымъ образомъ принадлежитъ *„конституція 3-го мая“*. Когда Польша окончательно уже погибала, когда всѣ видные дѣятели ея или сложили оружіе для мирной жизни, или искали теплаго пріюта при новыхъ дворахъ, онъ одинъ оставался неукротимымъ съ своею вѣрою въ воскресеніе Польши, въ силу новой школы польской и свою вѣру завѣщалъ послѣдующимъ вождямъ ея [1]). Общество торжественно открыто было 7 марта 1776 года, въ присутствіи короля, многихъ магнатовъ и поборниковъ учебной реформы. Пирамовичъ произнесъ восторженную рѣчь: онъ говорилъ преимущественно на тему, что „вся надежда государства—Рѣчи Посполитой—въ направленіи воспитанія молодежи“. На учебники и руководства онъ указывалъ въ этой рѣчи, какъ на главныя основы и орудія школы и къ дѣлу ихъ привязывалъ весь смыслъ и духъ реформы. Съ этихъ поръ *„Общество для изданія учебниковъ“* становится главнымъ дѣятелемъ по исполненію реформы. Коммисія просвѣщенія, члены которой мало знакомы были съ техникой школы, охотно уступила обществу всю учебную и воспитательную часть и скоро превратилась въ бюрократическое учрежденіе, которое такъ громилъ Снядецкій въ своихъ письмахъ къ Колонтаю [2]). Всѣ проекты, инструкціи, уставы и наставленія, приготовляемыя обществомъ, разсматривались въ коммисіи просвѣщенія и издаваемы были отъ ея имени.

Общество объявило на составленіе учебниковъ конкурсъ, а само преимущественно занялось разработкою уставовъ и подроб-

---

[1]) Въ этомъ отношеніи изъ многочисленныхъ сочиненій его выдаются: *Listy do Stanisława Małachowskiego i Thadeusza Czackiego*, о предметахъ политики и образованія. Krakow 1842. 4 тома; *O stanie oświecenia w Polsce w ostatnich latach panowania Augusta* III. *Poznań 1841; Uwagi o Księstwie Warszawskiem. Warszawa 1808 r.*

[2]) Listy Jana Śniadeckiego, стр. 14—51.

ныхъ наставленій о преподаваніи и воспитаніи. Въ томъ-же 1776 году оно приготовило, а коммисія издала *Przepis dla rektorów, prefekta, dyrektorów, na szkoły wojewodskie i do szkół parafialnych* (*Наставленіе для ректоровъ, префекта, директоровъ для школъ воеводскихъ и приходскихъ*), опредѣляющій общія отношенія и задачи главныхъ органовъ воспитанія въ школахъ. Въ 1777 г. Чарторыйскій осмотрѣлъ всѣ школы на Украйнѣ и Подоліи. Въ слѣдующемъ году въ первый разъ осмотрѣны были всѣ школы визитаторами, назначенными коммисіей изъ среды членовъ общества для изданія учебниковъ [1]). Въ 1781 году коммисія просвѣщенія издала выработанный Пирамовичемъ *Projekt ustaw dla stanu akademickiego i na szkoły w krajach Rzeczy pospolitej* (*Проэктъ устава академій и другихъ школъ въ областяхъ Рѣчи Посполитой*) и предписала, чтобы съ началомъ учебнаго 178$^1/_2$ г. ученіе во всѣхъ школахъ открыто было по новымъ планамъ. Въ то-же время Колонтай командированъ былъ въ Краковъ для лучшаго руководства преобразованіемъ академіи. Въ 1782 года коммисія командировала четырехъ членовъ „Общества изданія учебниковъ", для осмотра всѣхъ учебныхъ заведеній и для соображеній на мѣстѣ, насколько въ каждомъ изъ нихъ примѣненъ учебный планъ и насколько этотъ планъ соотвѣтствуетъ своему назначенію на дѣлѣ. Визитаторы (между которыми былъ и Пирамовичъ, осматривавшій школы на Подлясьѣ и въ Бѣлоруссіи [2]), ректоръ виленской академіи *Почобутъ* (іезуитъ, извѣстный въ свое время астрономъ) и Колонтай, въ качествѣ ректора краковской академіи, составили, по порученію коммисіи просвѣщенія, особую коммисію подъ предсѣдательствомъ Игнатія Потоцкаго для разсмотрѣнія результатовъ этой ревизіи. „Въ теченіи шести недѣль, ежедневно по нѣсколько часовъ", по словамъ Пирамовича (въ рѣчи 7 мар. 1783 г.), эта коммисія въ полномъ засѣданіи разсматривала всѣ подробности ревизіи, исправила и пополнила первоначальный проэктъ устава, который, по разсмотрѣніи его въ полномъ засѣданіи коммисіи просвѣщенія, изданъ былъ въ 1783 году (*Ustawy kommissyi edukacyi narodowej dla stanu akademickiego i na szkoły w krajach Rzeczy pospolitej przepisane* (*Правила, предписанныя коммисіею народнаго образованія для академій*

---

[1]) Объ этихъ двухъ осмотрахъ упоминается въ рѣчи Пирамовича 7 мар. 1777 г.

[2]) Визитаторомъ школъ украинскихъ и волынскихъ былъ въ это время Кс. Головчицъ; о визитѣ его мы упомянули выше. Отчетъ Пирамовича доселѣ не отысканъ. Предполагается, что это долженъ быть одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ отчетовъ.

и всѣхъ школъ Рѣчи Посполитой). Такимъ образомъ, насколько быстро рѣшены были общія основанія реформы и направленіе образованія, настолько медленно и осторожно подвигалась разработка самой системы обученія, и окончательная регламентировка этой системы послѣдовала только послѣ тщательной повѣрки ея на самомъ дѣлѣ. Такъ заботились реформаторы о томъ, чтобы каждое правило и каждое явленіе въ школьной жизни вполнѣ проникнуты были направленіемъ и духомъ реформы.

Въ рѣчи своей 7 марта 1786 года, Пирамовичъ, коснувшись существовавшаго въ нѣкоторыхъ польскихъ кругахъ недовольства новымъ обученіемъ въ школахъ, говорилъ: „кто хочетъ судить о дѣйствіяхъ, намѣреніяхъ и духѣ коммисіи просвѣщенія, тотъ долженъ судить объ этомъ только послѣ тщательнаго разсмотрѣнія и на основаніи утвержденныхъ ею положеній. За этотъ документъ мы отвѣчаемъ". Пирамовичъ выражаетъ увѣренность, что отечество наградитъ ихъ похвалою за принятую систему образованія. Дѣйствительно, поляки доселѣ съ гордостью указываютъ на этотъ уставъ и выражаютъ несомнѣнное убѣжденіе, что если бы три державы не вмѣшались во внутреннія дѣла Польши и не прекратили самого существованія ея, новая система образованія скоро и вѣрно обновила бы все государство и высоко поставила бы его въ Европѣ. Послѣдуемъ совѣту Пирамовича и разсмотримъ не только уставъ, но и всѣ дополненія къ нему.

Общею задачею образованія уставъ полагаетъ нравственное и физическое воспитаніе учащихся.

Академіи краковская и виленская именуются *главными школами* (Szkoła główna) и каждая заключаетъ въ себѣ четыре факультета: богословскій, философскій (съ математическими науками), медицинскій и юридическій. Всѣ дѣла главной школы рѣшаются въ совѣтѣ, состоящемъ подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ предсѣдателей коллегій, заслуженныхъ профессоровъ, ординарныхъ или дѣйствительныхъ (aktualnych) профессоровъ и „имѣющихъ степень профессора". Этому совѣту подчиняются и всѣ школы, находящіяся въ краѣ (въ Коровѣ—краковскому, въ Литвѣ—виленскому), для ревизіи которыхъ онъ избираетъ изъ среды своихъ членовъ *визитаторовъ*, на два года, наблюдая главнымъ образомъ за точнымъ исполненіемъ въ школахъ установленій коммисіи просвѣщенія и единствомъ духа и направленія ихъ. Для непосредственнаго наблюденія за преподаваніемъ въ главной школѣ и для рѣшенія вопросовъ, вызываемыхъ состояніемъ его

учреждены двѣ коллегіи—наукъ физическихъ (медицыны, естествознанія, математики) и моральныхъ (богословія, философіи, исторіи, литературы и права), изъ всѣхъ преподавателей соотвѣтственныхъ предметовъ. Коллегіи разсматриваютъ также ученыя сочиненія и присуждаютъ ученыя степени. Предсѣдатель коллегіи обязанъ посѣщать лекціи профессоровъ по предметамъ ея. Ректоръ главной школы избирается на четыре года—особымъ, оригинальнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ всѣхъ профессоровъ и изъ депутатовъ отъ студентовъ всѣхъ факультетовъ и даже отъ учениковъ (!) школы, состоявшей при главной школѣ. Ректору поэтому предоставлены и особыя полномочія: онъ былъ судьею всѣхъ профессоровъ, учителей и всѣхъ служащихъ въ округѣ главной школы; онъ имѣлъ право по своему усмотрѣнію устранить отъ должности каждаго профессора и учителя, лишить его жалованья, уволить учителя безъ права поступленія вновь на учительскую службу. Предсѣдатели коллегій избираемы были совѣтомъ также на четыре года. Профессорскій кругъ составляли: *заслуженные* профессоры, окончившіе срокъ на пенсію (за видный срокъ—всего шестнадцать лѣтъ службы!),—они пользовались отъ главной школы квартирою, получали двѣ трети послѣдняго своего содержанія, состояли непремѣнными членами совѣта и коллегій и могли, если бы пожелали, быть вновь назначены къ преподаванію; *ординарные* профессоры, ихъ *товарищи*, избираемые для помощи профессорамъ въ преподаваніи, и *вице-профессоры*, заступающіе въ необходимыхъ случаяхъ мѣсто профессоровъ. Всѣ профессоры избираются совѣтомъ по конкурсу. Кандидаты представляютъ сочиненія по предмету, на который объявленъ конкурсъ; мѣсто предоставляется тому, чье сочиненіе окажется лучшимъ. Ректоръ, предсѣдатели коллегій и профессоры утверждаются въ своихъ должностяхъ коммисіей просвѣщенія. Выборъ ректора коммисія могла кассировать по своему усмотрѣнію.

Главная школа должна была служить не только образовательнымъ центромъ своего округа, но и ученымъ учрежденіемъ, обязаннымъ распространять науки въ цѣломъ краѣ, поддерживать ихъ на высотѣ, которой онѣ достигли въ Европѣ, для чего издавать ученыя сочиненія, учреждать публичныя лекціи и публичныя ученыя засѣданія, производить ученыя изслѣдованія въ краѣ, сноситься съ заграничными академіями и т. п. Главная школа, говоритъ Пирамовичъ въ своей рѣчи 1783 года, будетъ

вмѣстѣ и ученою академіей, по подобію заграничныхъ, и прибавляетъ: „между заграничными и нашими академіями будетъ та разница, что наши будутъ служить исключительно пользѣ отечества“.

Какимъ-же образовательнымъ и ученымъ интересамъ главнымъ образомъ должна служить главная школа? Что именно она должна поставить центромъ образованія и мѣрою учености? „Науку о природѣ“, отвѣчаетъ Пирамовичъ въ той-же рѣчи, объясняя главную мысль организаціи главныхъ школъ. Онъ сильно нападаетъ на противниковъ этой науки и глубоко вѣритъ въ могущественную силу ея. „Естественная исторія, говоритъ онъ, одною рукою указываетъ намъ на Творца, возбуждая къ Нему почтеніе, удивленіе и благодарность, другою—на способы пользованія этими дарами для нуждъ, удобства и удовольствія разумнаго существа (jestestwa)... Если она еще многое не открыла въ природѣ, то это для того, чтобы поумѣрить (zatamować) слишкомъ смѣлые порывы человѣческаго ума къ постиженію высшихъ тайнъ, обнаружить слабость его и посредствомъ ограниченія излишняго любопытства побудить его употреблять свои силы и время на добываніе своего счастья изъ тѣхъ свѣдѣній, которыми она надѣлила его въ достаточной для этого мѣрѣ.... Наука о природѣ, которая, преимущественно предъ всѣми науками, въ самой высокой степени усовершенствовала открытія древняго и новаго міра, освобожденная отъ заблужденій, такъ долго связывавшихъ искренность ея, эта наука, заключающая въ себѣ *физику*, *химію*, *естественную исторію* и *математику*, станетъ давать изъ своего лона неизмѣримыя богатства на пользу цѣлаго края и каждаго человѣка. *Наука права*, въ неразлучномъ товариществѣ съ политикой и общественной экономіей, озаренная свѣтомъ здраваго разсудка и предводительствуемая наукою о *правѣ натуры* и нравственности (obyczajów), стряхнетъ съ себя ту мерзость, которую набросили на нее дикія понятія и обычаи грубыхъ вѣковъ, а также невѣжественные, прямо противные естестественной правдѣ пріемы, существующіе подъ именемъ права (prawności). Въ изученіи божественныхъ таинъ и откровеній (въ природѣ), при руководствѣ основаній вѣры, безбожіе будетъ посрамлено, побѣждено и потеряетъ силу сбивать философію съ истиннаго пути. Религія, поставленная въ своемъ дѣйствительномъ (!) видѣ, освѣщая умъ высшимъ свѣтомъ, даетъ сердцу самыя сильныя побужденія къ добродѣтели,—скрѣпляя узы общественности, удерживаетъ людей въ предѣлахъ обязан-

ностей ихъ,—дѣлая ихъ вѣрными своему долгу, приводитъ къ неизмѣнному счастью. Эти виды, прибавляетъ ораторъ, управляли всѣми нашими усиліями, при разсужденіи о томъ предметѣ, о которомъ мы сказали" *(объ организаціи учебной части въ главной школѣ)*.

Польскіе школьные реформаторы черпали такимъ образомъ свои идеи изъ первыхъ источниковъ. Не естественныя науки, которыя въ то время отнюдь не предъявляли подобныхъ претензій, а философскія мечтанія, сулившія свѣту новую породу людей, скорое обновленіе всего міра, управляли воззрѣніями ихъ. Дѣлаемъ польскимъ реформаторамъ честь и соглашаемся, что они не были слѣпыми подражателями Базедова, воспитательная система котораго быстро распространялась тогда въ Германіи и обѣщала сдѣлать людей добродѣтельными и мудрыми безъ всякаго труда и напряженія, полагаясь единственно на природу. Нѣтъ, они *самостоятельно* опирались на Руссо. Аббатъ Кондильякъ пособилъ польскимъ аббатамъ-реферматорамъ выдти съ этою основою на гладкую дорогу. „Духъ человѣческій есть продуктъ природы; въ природѣ присутствуетъ и дѣйствуетъ Богъ". Этими двумя основными положеніями философіи Кондильяка польскіе реформаторы вполнѣ достигали своихъ цѣлей: удовлетворяли старое, ревнивое чувство вѣры, которое іезуиты въ Польшѣ только разжигали и фонатизировали, а не просвѣщали и укрѣпляли, и тѣмъ успѣшнѣе прививали на польской почвѣ идею естественнаго развитія, какъ лучшаго средства скоро получить новыхъ людей и обновить государство. Оставалось только обратить всѣ усилія на *направленіе* образованія и воспитанія.

Мы именно сомнѣваемся, чтобы польскіе роформаторы, сосредоточивая университетскую науку на физическихъ предметахъ и на естественной нравственности, имѣли въ виду прямую ученую разработку этихъ предметовъ и приложеніе ея къ тѣмъ „дарамъ природы, которыми Творецъ надѣлилъ Польшу", какъ выражается Пирамовичъ въ той-же рѣчи. Безъ сомнѣнія отдѣльныя личности, подобно Снядецкому, Сташицу и др., понимали значеніе этихъ наукъ въ прямомъ смыслѣ. Быть можетъ даже цѣлый составъ профессоровъ краковской главной школы глядѣлъ на эти науки глазами Снядецкаго, ненавидѣвшаго Канта за его „критику чистаго разума". Но тотъ-же Снядецкій, въ своихъ письмахъ, о которыхъ мы уже не разъ упоминали, впадаетъ въ сильное раздраженіе при одномъ воспоминаніи о коммисіи просвѣщенія, за

ея нерадѣніе и небрежность въ отношеніи къ научнымъ потребностямъ краковской главной школы, особенно по предметамъ естественныхъ наукъ, за преслѣдованіе профессоровъ, преданныхъ своему дѣлу, за измѣну ея ею-же изданнымъ уставамъ, за назначеніе лицъ, негодныхъ къ дѣлу, за тормозъ всѣхъ дѣлъ, за то, что коммисія просвѣщенія совсѣмъ иного ожидала отъ главной школы, а не спокойнаго служенія наукѣ. Не можемъ не привести нѣсколько выписокъ изъ этихъ писемъ. По поводу протеста отъ имени всѣхъ профессоровъ краковской главной школы противъ дѣйствій коммисіи просвѣщенія, въ 1788 г., Снядецкій пишетъ: „мы всѣ, исполняя свои обязанности, спокойно ожидаемъ рѣшенія, отъ котораго для многихъ изъ насъ будетъ зависѣть, продолжать-ли службу или бросить ее. Таково уже несчастное назначеніе въ Польшѣ академіи, что самыя старательныя заботы ея не могутъ доставить корпораціи ея ни вниманія, ни довѣрія; заботятся гораздо болѣе о преслѣдованіи честныхъ тружениковъ, чѣмъ о поддержкѣ и поощреніи ихъ“ (стр. 8). Упоминая объ увольненіи коммисіей безъ всякой причины профессора Богдановича и о назначеніи ею, по собственному усмотрѣнію, на должность предсѣдателя физической коллегіи никуда негоднаго Тщцинскаго, чѣмъ оскорблены были всѣ профессоры, онъ въ отчаяніи восклицаетъ: „далъ бы Богъ, чтобы Рѣчь Посполитая дала другое какое-либо назначеніе учебнымъ суммамъ, когда ихъ употребляютъ на униженіе труда и заслуги и на прямой ущербъ наукѣ и краю“ (стр. 11). „Ты самъ, пишетъ онъ Колонтаю, найлучше знаешь, что коммисія просвѣщенія то какъ-будто спитъ, то работаетъ, но всегда извращая то, что установила, и не держась настоящей и твердой системы въ своихъ работахъ. Уже три года мы испытываемъ на себѣ крайнюю нерегулярность ея; касса ея не только нерегулярно отпускаетъ жалованье, но даже не удостоиваетъ отвѣтомъ; не знаю, что дальше будетъ. Нужно установить законы, чтобы сдѣлать коммисію болѣе дѣятельною, но не такъ смущающею людей своими противурѣчіями и постояннымъ нарушеніемъ своихъ уставовъ, какъ то было доселѣ [1]). Неустойчивость въ законахъ, доселѣ бывшая заразою и даже характеромъ польскаго правительства, никогда не привяжетъ талантливыхъ людей къ дѣлу обра-

[1]) Выше мы уже упоминали, что на гродненскомъ сеймѣ Снядецкій добился утвержденія устава для самой коммисіи, имъ составленнаго.

зованія. Эта неустойчивость извратила все, что было въ нашей академіи хорошо устроено, и такъ глубоко, что если не наступитъ еще одна прочная реформа, именно относительно трехъ сотъ тысячъ (положенныхъ на содержаніе ея), расходуемыхъ ежегодно, то можно сказать, что большая половина этой суммы погибла и обращена во вредъ наукамъ и образованію" (стр. 17). Часто упоминая о своихъ долгихъ и тщетныхъ просьбахъ и стараніяхъ исходатайствовать необходимую сумму на пріобрѣтеніе математическихъ инструментовъ, „совершенно необходимыхъ для лекцій", Снядецкій восклицаетъ: „измучила меня эта медленность и это недовѣріе" (стр. 34). То же самое было, по его словамъ, съ другими снарядами, о которыхъ ходатайствовала главная школа. Инструментовъ и пособій по другимъ предметамъ, о которыхъ ходатайствовалъ совѣтъ, коммисія не пріобрѣла; ботаническій садъ оставался въ запущеніи; клиника отдана была по распоряженію коммисіи въ синекуру любимцу нѣкоторыхъ членовъ ея, какому-то ксендзу Мирошевскому, который поселился въ ней съ комфортомъ и, „ничего не дѣлая и не умѣя дѣлать", широко тратилъ средства ея на содержаніе себя, цѣлаго штата прислуги при себѣ, своихъ собакъ, лошадей, чѣмъ глубоко возмущены были всѣ профессоры (стр. 39—44). Снядецкій завѣряетъ, что „въ цѣломъ краѣ установилось мнѣніе, что коммисія ни о чемъ не заботится по нерадѣнію" (przez leniwstwo). Члены коммисіи позволяли себѣ писать ректору главной школы оскорбительныя письма; профессоры назначаемы были не по выбору, а по протекціи лицъ, служащихъ въ коммисіи; такъ-же точно производилась раздача окладовъ, прибавокъ и т. п. „Профессоры были того мнѣнія, что коммисія поступаетъ съ академіей, какъ со стадомъ скота" (стр. 49). Протесты совѣта и ходатайства оставались безъ вниманія. Ко времени втораго раздѣла Польши цѣлый совѣтъ рѣшился занести въ сеймъ жалобу на дѣйствія коммисіи (что Снядецкій и сдѣлалъ на гродненскомъ сеймѣ).

Мы увѣрены, что между коммисіей и главною школою существовало только простое недоразумѣніе: послѣдняя хлопотала исключительно въ интересѣ науки, тогда какъ коммисія заботилась главнымъ образомъ о направленіи и духѣ, во имя котораго предпринята была реформа. Не академіи съ ихъ наукою, но среднія и низшія школы, выпускающія главный контингентъ молодыхъ силъ для края, были главнымъ предметомъ заботъ коммисіи. Къ нимъ мы и перейдемъ.

Мы сказали, что школы раздѣлены были на окружныя и подокружныя. Это раздѣленіе основывалось преимущественно на недостаткѣ учителей. Въ окружныхъ школахъ было положено шесть классовъ, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ, исключая пятаго класса, курсъ котораго былъ двухгодичный. Въ подокружныхъ школахъ полагалось три класса, каждый съ двухгодичнымъ курсомъ, и предметы преподаванія положены были въ нихъ тѣ-же самые и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ школахъ окружныхъ. Въ окружныхъ школахъ штатъ былъ слѣдующій: ректоръ, префектъ, шесть учителей, проповѣдникъ и два учителя иностранныхъ языковъ; въ подокружныхъ: проректоръ, три учителя, проповѣдникъ и учители иностранныхъ языковъ. Въ окружной школѣ въ первомъ и второмъ классѣ, а въ подокружной въ первомъ классѣ учители были классные, въ прочихъ классахъ предметные.

Въ *уставѣ* намѣчены были лишь самыя общія опредѣленія каждаго курса. Въ дополненіе къ уставу коммисія издала наставленія (Przepisy) для учителей съ болѣе подробнымъ изложеніемъ предметовъ преподаванія, но преимущественно со стороны воспитательной. Учебники издавались медленно. Поэтому, какъ подтверждаютъ и школьные рапорты, составъ программъ на дѣлѣ далеко не всюду былъ одинаковъ. Представимъ основныя начала ихъ.

Въ *первомъ классѣ* положено было проходить: грамматику (склоненія и спряженія), ариѳметику (до дробей), нравственность (обязанности дѣтей въ отношеніи къ родителямъ, учителямъ и товарищамъ), начатки географіи и естественной исторіи. Всякія письменныя упражненія, кромѣ чистописанія, запрещены были для этого класса. Упражненія изустныя требовалось преимущественно сосредоточивать на выговорѣ, который долженъ быть „громкимъ, ровнымъ, выразительнымъ и приличнымъ (przyzwoity).

Во *второмъ классѣ*—продолженіе тѣхъ-же наукъ: грамматика съ общими правилами синтаксиса, ариѳметика до тройнаго правила, по естественной исторіи оканчивается ботаника, по нравственности объ отношеніи слугъ къ панамъ своимъ и обратно, о добрыхъ и дурныхъ поступкахъ [1]); по географіи не указанъ предѣлъ для этого класса.

---

[1]) Учебникъ нравственности для этихъ двухъ классовъ составленъ и изданъ прежде всѣхъ другихъ—тѣмъ-же піаромъ Ант. Поплавскимъ, проектъ котораго о реформѣ школъ имѣлъ наибольшій успѣхъ. Это была книжечка въ 92 стр., изданная въ

То-же самое положено было пройти въ первомъ классѣ подокружныхъ школъ.

Далѣе учители раздѣлялись по предметамъ, точнѣе—по группамъ предметовъ, которые они преподавали.

Учитель краснорѣчія (wymowy) въ III, IV и V классахъ продолжалъ съ учениками *грамматику* и занималъ ихъ переводами латинскихъ авторовъ; въ VI классѣ преподавалъ *краснорѣчіе* и *поэзію*. Учебникомъ по грамматикѣ служила: *Grammatyka dla szkół narodowych przez X. Onufrego Kopczyńskiego, zawierająca prawidła języka polskiego i łacińskiego.* (*Грамматика для народныхъ школъ кс. Онуфрія Копчинскаго, содержащая правила польскаго и латинскаго языка*). Въ первый разъ она напечатана была въ 1778 г. и тотъ часъ предписана къ употребленію въ школахъ. Это была не только первая грамматика польскаго языка, но и первая проба присвоенія польскому языку того мѣста, которое занималъ доселѣ въ польскихъ школахъ языкъ латинскій. Въ отношеніи къ общему духу и характеру новой учебной системы, это была попытка не только отнять у латинской грамматики значеніе дрессировки мысли, пріученія къ труду, и низвести латинскій языкъ въ разрядъ другихъ, живыхъ языковъ, изучаемыхъ для обыкновенныхъ практическихъ потребностей, но и отнять это значеніе у грамматики вообще, направивъ ее преимущественно на матеріальную, а не формальную сторону языка. По словамъ Копчинскаго, грамматика его имѣетъ основою общую грамматику, или природу (natura) языка, а „природный и единственный способъ изученія всякаго языка есть слушаніе, чтеніе и повтореніе его". На этомъ основаніи онъ помѣстилъ въ своей грамматикѣ только тѣ правила, которыя свойственны каждому языку. Конечно, что такимъ образомъ первая польская учебная грамматика вышла крайне скуднымъ и поверхностнымъ руководствомъ къ изученію этого языка, лишивъ его оригинальности и самобытности. Но что должно было въ такой грамматикѣ остаться отъ латинскаго языка, въ особенности послѣ знаменитаго Альвара [1]), на которомъ глав-

---

первый разъ въ 1776 году подъ заглавіемъ: *Nauka moralna dla szkół narodowych na klassę I i II.* Всѣ статьи имѣютъ характеръ простыхъ наставленій. Все основывается на *правѣ натуры*, которая производитъ и потребности, и соотвѣтственныя имъ обязанности. Наставленія ученикамъ занимаютъ 24 стр., въ остальной части изложены наставленія учителямъ о преподаваніи этой науки.

[1]) *Emmanuelis Alvari e societate Jesu de institutione Grammatica, libri tres.* Изданій этой грамматики было много десятковъ.

нымъ образомъ покоилось зданіе іезуитскаго школьнаго образованія! Учители, воспитанники прежнихъ школъ, засыпали коммиссію просвѣщенія возраженіями противъ этой грамматики. Копчинскій писалъ опроверженія, объясненія [1]), въ концѣ которыхъ въ сущности выходило, что этихъ недоумѣній и возражевій не было бы, если бы учители знакомы были съ новою философіей и съ логикою Кондильяка! Изученіе польскаго языка въ грамматикѣ Копчинскаго идетъ сравнительно съ латинскимъ и первый служитъ цѣлію, второй пособіемъ. Такимъ образомъ латинскій языкъ не составлялъ отдѣльнаго предмета изученія. Въ наставленіяхъ (przepisy) учителямъ коммисія предписывала кромѣ того въ преподаваніи грамматики „первѣе всего заботиться объ отечественномъ языкѣ, а потомъ о латинскомъ" и наблюдать, чтобы дѣти на лекціяхъ говорили „чистымъ польскимъ языкомъ". „Отселѣ, прибавляетъ наставленіе, ученики къ школахъ будутъ говорить попольски" (а не полатыни, какъ было дотолѣ). Не меньшій, но умный и благодѣтельный переворотъ произведенъ и въ наукѣ краснорѣчія. Наставленіе учителямъ выясняетъ различіе между красторѣчіемъ и риторикой и доказываетъ, что риторика можетъ пособить, но не сдѣлаетъ краснорѣчивымъ. „Краснорѣчіе не должно быть краснословіемъ (krasomówstwo). Нужно хорошо изучить движенія, управляющія человѣческимъ сердцемъ, которое нужно возбуждать, склонять, побѣждать". Наставленія особенно предостерегаютъ учителей отъ упражненія учениковъ въ диспутахъ, опугнахъ, доказательствахъ и опроверженіяхъ данныхъ положеній и т. п. іезуитскихъ школьныхъ пріемовъ краснорѣчія. Къ сожалѣнію учебникъ въ этомъ новомъ духѣ вышелъ только въ 1792 г. [2]), когда въ цѣломъ краѣ уже окончательно рушился всякій порядокъ. Учителямъ все время предоставлено было въ этой наукѣ руководствоваться частными наставленіями Квинтилліана и Лонгина и образцами изъ Цицерона, Тита Ливія,

---

[2]) Эти объясненія Копчинскаго напечатаны у Лукашевича т. II, стр. 456—464 въ примѣчаніи.

[1]) Это было сочиненіе самого Пирамовича: Wymowa i poezyia dla szkół narodowych pierwszy raz wydana. W Krakowie 1792 r. 403 стр. Разсылая его по школамъ, коммисія просвѣщенія отзывалась о немъ, какъ о „прекрасно составленномъ и во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчающемъ своему назначенію". Учебникъ Пирамовича пользуется въ польской учебной литературѣ большою славою и, вмѣстѣ съ Грамматикой Копчинскаго, принятъ былъ въ школахъ Варшавскаго Герцогства и Царства Польскаго.

Тацита, Фенелона и Ролленя, а также—что было тоже новостью—изъ „отечественныхъ ораторовъ". Для поэзіи также не было учебника до 1792 года. Наставленія учителямъ требовали составлять (zbierać) свои руководства „по Аристотелю, Горацію, Виду, Боало, Дюбоа, Риппеню и Фенелону". Требовалось сообщать ученикамъ только общія свѣдѣнія о стихосложеніи и не терять времени на занятія частными стихотворными формами, которыя въ іезуитскихъ школахъ составляли главную статью поэтическихъ упражненій. Требовалось дать понятіе прежде о польскомъ стихосложеніи, потомъ о латинскомъ и при разборѣ образцовъ указывать „сходство между Виргиліемъ и Тассомъ, между Гораціемъ и Кохановскимъ и т. д.". Письменныя упражненія, задаваемыя на домъ (zabawy domowe), должны были состоять въ составленіи разсказовъ и писемъ различнаго рода. Предписывалось также заохочивать учениковъ составлять стихи, но не принуждать ихъ къ тому.

Учитель нравственности и права преподавалъ: *нравственность* (nauka obyczajów), *право натуры*, *право политическое*, *экономію*, *исторію* и *географію*. Всѣ эти науки вмѣстѣ, по мысли коммисіи просвѣщенія, должны были имѣть одну основу—природу человѣка, одинъ общій предметъ—справедливость и одну цѣль—усвоить ученику основаніе и духъ естественной правды въ личныхъ поступкахъ, въ общественномъ устройствѣ, въ политикѣ и въ исторіи. Впереди очевидно должна была идти наука о естественномъ правѣ (prawo natury). До конца этого періода коммисія не издала учебника по этому предмету, если не считать: *Nauka prawa przyrodzonego, politycznego, ekonomiki politycznej i prawa narodów* (*Наука о правѣ естественномъ и политическомъ, политическая экономія и право международное*), изданной въ 1785 году въ Вильнѣ профессоромъ главной школы Стройновскимъ и назначенной для студентовъ, а не для учениковъ. По отрывочнымъ опредѣленіямъ этой науки въ уставѣ и въ наставленіяхъ учителямъ трудно составить себѣ понятіе о полной системѣ этой науки въ школахъ. Въ школьныхъ рапортахъ (отчетахъ) о ходѣ преподаванія говорится объ этой наукѣ вскользь, или туманно и неопредѣленно, въ формѣ разсужденія о пользѣ и значеніи этой науки, того или другого предмета въ ней и т. п., такъ что нѣтъ возможности составить себѣ программу занятій и бесѣдъ учителя съ учениками. Въ рапортѣ петроковскихъ школъ, считавшихся между лучшими піарскими школами, за 1784 г., говорится объ этой нау-

кѣ нѣсколько опредѣленнѣе, чѣмъ въ другихъ, просмотрѣнныхъ нами: „естественнымъ правомъ называется все то, что предписываетъ человѣку внутренній инстинктъ и здравый умъ, указывая ему, что для него полезно, что вредно, дабы, повинуясь этимъ указаніямъ, онъ могъ сдѣлать себя счастливымъ. Естественное право получило свое начало отъ вѣчнаго права—самой премудрости Божіей. Изъ разсматриванія состава человѣка и душевной дѣятельности его ясно видно, что онъ имѣетъ въ себѣ все то, что нужно для познанія естественныхъ правъ и для пользованія ими". Эти права и правила пользованія ими даны человѣку самимъ Богомъ. Эти права и правила, „это Божіе распоряженіе въ себѣ человѣкъ познаетъ посредствомъ внутренняго вдохновенія (natchnienia) и таинственнаго побужденія своей воли къ добру". Это опредѣленіе въ устахъ учителя—монаха естественно вызывало сомнѣніе въ необходимости искупленія человѣчества отъ первороднаго грѣха и самой откровенной религіи. О первомъ учитель умалчиваетъ (естественное право не признавало его), о второй онъ замѣчаетъ: „поелику природный умъ самъ собою не могъ установить приличныхъ *обрядовъ богослуженія*, то отсюда слѣдуетъ, что естественная религія сама по себѣ недостаточна и нужна религія откровенная". Просто и ясно! Широкое поле для мечтаній учителя, широкая дорога для „природныхъ" потребностей и симпатій ученика! На этомъ-то основаніи долженствовала быть построена и наука *о нравственности*. Кромѣ учебника для перваго и втораго классовъ, тотъ-же Поплавскій издалъ, уже въ 1787 году, учебникъ для третьяго класса: *Moralna nauka dla szkół narodowych na trzecią klassę pierwszy raz wydana. W Krakowie 1787 r.* Она содержитъ въ себѣ трактатъ о личныхъ поступкахъ каждаго человѣка, или объ общихъ отношеніяхъ къ товарищамъ (добродѣтели и пороки). Для дальнѣйшихъ классовъ вовсе не было руководства [1]). По рапортамъ нужно полагать, что болѣе или менѣе общими предметами въ дальнѣйшихъ занятіяхъ этою наукою служили обязанности каждаго человѣка въ отношеніи къ самому себѣ и къ другимъ людямъ; о собственности, ея происхожденіи, разныхъ способахъ пріобрѣтенія, о духовномъ завѣщаніи, о просрочкахъ

---

[1]) Піаристы напечатали въ 1788 году для своихъ школъ французскій текстъ съ польскимъ сочиненія: *La veritable politique de Qualité.* Varsovie. 1788. Эта книжка не была распространена въ другихъ училищахъ.

и т. п.; объ общественности и обязанностяхъ въ отношеніи къ ней. Къ этому прибавляли иные о христіанскихъ добродѣтеляхъ въ отношеніи къ самому себѣ, ближнимъ и къ Богу. Объясненія сопровождались переводами изъ латинскихъ авторовъ о разныхъ добродѣтеляхъ, причемъ, конечно, въ большей части школъ эти переводы служили альфою и омегою нравственныхъ наставленій. Преимущественно переводили изъ Цицерона: *de officiis*, *de prudentia*, *de justicia*, *de fortitudine*, а также нравственные отрывки изъ Овидія и Виргилія. Если принять во вниманіе, что латинскій языкъ вообще поставленъ былъ въ школахъ своею матеріальною, а не формальною стороною, то приходится удивляться, какимъ образомъ реформаторы разсчитывали создать изъ учениковъ „новую породу людей" по нравственнымъ наставленіямъ Цицерона, Овидія, Виргилія. Въ высшемъ классѣ наука нравственности сливалась съ наукою *права политическаго и экономіей*. Уставъ ограничивается только слѣдующимъ замѣчаніемъ о преподаваніи этого предмета. „Въ наукѣ права нужно быть какъ можно осмотрительнѣе, дабы всѣ начала его основаны были на правѣ естественномъ и строжайшей справедливости и дабы молодые умы подготовлены были къ пониманію *недостатковъ въ законахъ каждой страны и способовъ усовершенствованія законодательствъ* (przygotowywać umysty młodzi do postrzegania w szczegòlnyh ustawach każdego kraju ich niedostatki i upatrywania sposobòw wydoskonalenia prawodawstwa (!). Наставленія учителю ограничиваются изложеніемъ значенія этой науки и направленія въ преподаваніи ея. Онѣ придаютъ главную силу общимъ разсужденіямъ о достоинствѣ такой или иной политики, доказательствамъ, что „всѣ почти неурядицы, заблужденія, анархія происходятъ отъ *незнанія* своихъ правъ и обязанностей", что „ничего нѣтъ проще и легче политики правды" и т. п. Учитель обязывается всячески и ежеминутно оберегать эту *политику правды*, основанную на правѣ естественномъ, подвергая съ учениками критикѣ всѣ политическія событія въ краѣ. „Такъ, поясняетъ наставленіе. когда появится новое постановленіе, учитель будетъ разбирать его на основаніи правилъ (политики правды); когда онъ услышитъ о какой-либо несправедливости, покажетъ, откуда она произошла и какъ вредна для всѣхъ; когда случится говорить о какомъ-либо правительствѣ, долженъ показать, въ чемъ оно не согласуется съ счастьемъ народа" и т. п. Изъ этихъ наставленій можно видѣть, что главными пунктами ея были: понятіе объ управленіи

въ государствѣ, назначеніе правительства, обязанности его (на основаніи естественнаго права)—обезпеченность собственности и правъ каждаго гражданина, счастье всѣхъ и каждаго, обязанности гражданъ—исполненіе законовъ (praw), уплата податей и т. п. Усердіе, способности и благоразуміе учителя должны были составить по этимъ указаніямъ планъ цѣлой науки. Въ лучшихъ школахъ показывается пособіемъ для учителя по этому предмету: *Essais sur divers sujets interresants de politique*—Ваттера. Въ нѣкоторыхъ школахъ находимъ, вслѣдъ за трактатами о взаимныхъ обязанностяхъ правительства и гражданъ, трактатъ о политикѣ международной, который состоялъ изъ чтенія и разбора договоровъ, начиная съ вестфальскаго и оканчивая версальскимъ (или и далѣе). Затѣмъ знакомили учениковъ съ организаціей Рѣчи Посполитой польской (король, сенатъ, шляхта, сеймы, финансы, войско и т. п.), по книгѣ піариста Скшетульскаго: *O samowładności rządu w narodzie polskim* (1785 г.).—Наука *экономіи* должна была познакомить учениковъ съ обязанностями человѣка въ отношеніи къ дому и хозяйству (powinnosci człowieka w rządzie domowym, gospodarskim). Въ наставленіи учителю эта наука представляется благодѣтельною для края, въ которомъ хозяйство находилось въ первобытномъ состояніи, шляхта тратила свои средства на разгульную жизнь, ремесла и производства были въ младенчествѣ отъ пренебреженія къ нимъ въ шляхетскомъ сословіи. Но учителю не дана даже общая программа этой науки и только внушалось „тѣмъ временемъ собирать, что найдетъ лучшаго по этому предмету для нашего края“, да рекомендовалось водить учениковъ къ ремесленникамъ для ознакомленія ихъ съ разными орудіями, ихъ назначеніемъ, способомъ производства и т. п.,—въ лавки, гдѣ продается одежа, разная посуда, мебель и т. п.,—на базары для ознакомленія съ цѣнами на зерновый хлѣбъ, причинами повышенія и паденія цѣнъ на него и т. п. Преподаваніе исторіи и соединенной съ него географіи требовалось соединять съ чтеніемъ источниковъ. Всообщая исторія оканчивалась паденіемъ западной римской имперіи. Польская исторія преподаваема была по книгамъ: *Widok królestwa polskiego*—Бѣлинскаго, а потомъ по *Historya xiążąt i królów polskich*—Ваги. Лучшіе учители у піаровъ сначала читали съ учениками лѣтопись Кромера, потомъ *Historya narodu polskiego*—Нарушевича (начинается введеніемъ христіанства въ Польшѣ, оканчивается домомъ піастовъ) и затѣмъ переходили къ учебнику ксендза

Ваги.—Главною цѣлью исторіи наставленія (przepisy) полагаютъ „обученіе добродѣтелямъ и нравственности“.

Учитель физики также соединялъ въ своихъ рукахъ нѣсколько наукъ, каковы: *огородничество*, *земледѣліе*, наука *о сохраненіи здоровья*, *естественная исторія*, *физика*, *химія* и наконецъ *исторія искусствъ и ремеслъ*, особенно о строительномъ искусствѣ. Эти науки шли въ такомъ порядкѣ: въ III классѣ преподавалось *огородничество*, при чемъ читаемы и переводимы были отрывки о томъ-же предметѣ изъ латинскихъ авторовъ. Въ IV классѣ проходили *земледѣліе* съ такими-же статьями изъ латинскихъ авторовъ. Обѣ эти науки должны были служить „введеніемъ въ физику“. Въ V классѣ (двухгодичномъ) положена была: *физика*, *минералогія*, *ботаника* и наука *о сохраненіи здоровья*. Первая, вторая и четвертая также сопровождались чтеніемъ латинскихъ авторовъ. Требовалось также ознакомить учениковъ съ зоологіей, но только желающихъ. Въ VI классѣ оканчивалась *физика* и проходилась химія и *исторія искусствъ и ремеслъ*. Послѣдняя требовала отъ учениковъ письменныхъ упражненій (разсказовъ, писемъ и даже разсужденій) „о болѣе любопытныхъ предметахъ“. При совершенномъ недостаткѣ учебниковъ и программъ (кромѣ зоологіи, изд. въ 1789 г., ботаники, изд. въ 1785 г. и физики, о которыхъ см. у Лукашевича т. II, стр. 454 и 455), уставъ не преминулъ указать и для этихъ предметовъ статьи (wypisy) изъ римскихъ авторовъ, которыя учители съ учениками должны были переводить на лекціяхъ, въ особенности изъ Плинія. Изъ искусствъ преимущественное вниманіе обращалось на постройки и подъ громкимъ именемъ архитектуры сообщались свѣдѣнія объ общихъ требованіяхъ постройки жилищъ, сараевъ и т. п. Относительно ремеслъ, учитель долженъ былъ прибѣгать къ тому-же способу обученія, какой рекомендованъ учителю права по части экономіи, именно—посѣщенію съ учениками мастерскихъ, базаровъ и т. п. Что касается физики, то наставленіе учителю, въ ожиданіи выхода задуманнаго коммисіей учебника (Губе, директоръ варшавскаго кадетскаго корпуса вызвался составитъ ее, но медлилъ и едва издалъ первую часть ея въ 1792 году), даетъ такой совѣтъ: „чтобы восполнить недостатокъ содержанія физики (brak w materyach fizycznych), учитель поставитъ для себя правиломъ—сообщать ученикамъ то, что наиболѣе полезнаго открыли въ природѣ *великіе философы* (wielcy filozofowie)“(!), и какъ во всѣхъ наукахъ естественныхъ, такъ въ частности и въ

физикѣ совѣтуетъ учителю не входить въ то, что мало извѣстно ему и останавливаться только на свѣдѣніяхъ ему извѣстныхъ, обращая вниманіе учениковъ на практическую пользу этихъ свѣдѣній и „тѣмъ самимъ дѣлая эту науку полезною“

Учитель математики преподавалъ: въ III и IV кл. *геометрію*, въ IV и V *алгебру*, въ VI *тригонометрію* и *логику*. Преподаваніе геометріи требовалось примѣнять къ практическимъ цѣлямъ, для чего ходить съ учениками за городъ для измѣреній. Въ преподаваніи логики, по мнѣнію наставленія учителямъ, „немного потребуется времени на изложеніе основныхъ правилъ, но приложеніе этихъ правилъ должно быть постоянное, въ каждомъ практическомъ случаѣ“. Направленіе этой науки достаточно опредѣляется руководствомъ, которое рекомендуетъ для нея уставъ,—логикой Кондильяка, хотя она не была переведена на польскій языкъ до 1802 года. Учители пользовались ею преимущественно въ обработкѣ, сдѣланной піаристомъ Казиміромъ Нарбутомъ и напечатанной въ первый разъ въ 1766 г. (*Loika*—Kaz. Narbuta).

Языки французскій и нѣмецкій были обязательными. Греческій языкъ конечно не былъ положенъ ни обязательнымъ, ни необязательнымъ.

Наконецъ *религія*, которой долженъ былъ обучать *проповѣдникъ* (kaznodzieja). Соотвѣтственно новымъ идеямъ, она перемѣщалась съ классной каѳедры на церковную. То, что приписывалось въ то время праву натуры, конечно дѣлало излишнимъ обученіе религіи откровенной, потому-что нельзя-же было вводить ее въ кругъ учебныхъ предметовъ ради однихъ обрядовъ, для которыхъ она появилась, по словамъ петроковскаго учителя-піариста, выражавшаго общее убѣжденіе реформаторовъ. Только признаніе первороднаго грѣха и догмата объ искупленіи ведетъ за собою цѣлую систему истинъ, не похожихъ на естественныя свѣдѣнія и требующихъ изученія. Одна религіозная мораль, на которую сведено было тогда христіанство (сколько и теперь къ тому попытокъ подъ видомъ благочестія и добродѣтели!), достаточно могла быть внушена богослуженіемъ и проповѣдію.—Въ польскихъ школахъ разсматриваемаго времени классное обученіе религіи полагалось только для I и II классовъ. Оно производилось въ праздничные и воскресные дни предъ литургіей по получасу и ограничивалось обученіемъ: символу вѣры, молитвѣ Господней, ангельскому поздравленію Богоматери, десяти заповѣдямъ, заповѣдямъ церковнымъ и таинствамъ. Послѣ обѣда въ тѣ-же дни ученики

слушали чтеніе изъ священной исторіи. Вотъ и все обученіе! За то всѣ ученики должны были ежедневно въ 7 часовъ утра собираться въ костелъ на литургію и каждый мѣсяцъ исповѣдываться!

Вотъ курсъ, которому предназначено было обновить молодыя поколѣнія Польши и возродить польское государство къ новой жизни. Это курсъ, выражаясь языкомъ нашего времени, реальный. Существенное отличіе его отъ современнаго намъ реализма заключается въ господствѣ идеи надъ фактомъ, отвлеченной теоріи надъ явленіемъ. Въ основѣ этой системы лежитъ, проходя по всему строю ея, не индукція—основное орудіе естественныхъ наукъ, но тотъ-же старый, такъ злоупотребляемый іезуитами силлогимъ, дедукція. Это система идей о природѣ, полученныхъ путемъ умозрѣнія и имѣющихъ слишкомъ отдаленныя и поверхностныя отношенія къ дѣйствительной природѣ Сенсулизмъ на христіанской почвѣ превратился въ натурализмъ, вселивший Бога въ природу и покланявшійся ей,—поэтическій, мечтательный, обнаружившій много прекрасныхъ, благородныхъ порывовъ, но еще больше горькихъ заблужденій (мистическія секты). Живая, пылкая натура поляковъ, съ своею традиціонною порывистою преданностью религіи, въ виду своеволія шляхты, составлявшей главную опору общественной и государственной жизни, въ виду извращенія религіи іезуитами, обратившими ее въ роскошную декорацію и подавшими руку шляхетской распущенности, эта натура, чувствуя, какъ шатается и быстро уходитъ подъ ногами ея традиціонная почва, легко увлеклась ученіемъ, которое было въ то время едва ли не самымъ искреннимъ и чистымъ въ своихъ стремленіяхъ и задачахъ и обѣщало сохранить самое дорогое достояніе ея—государство и религію [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что реформаторы польской школы, рѣшаясь замѣнить всѣ существовавшія дотолѣ системы образованія одною и сдѣлать ее обязательною для всѣхъ, исключительною, открывая первый примѣръ въ Европѣ государственной школы, должны были взвѣсить всю важность своей задачи и послѣдствія ея. Нужно отдать имъ справедливость: они старались сдѣлать свой курсъ гораздо болѣе серьезнымъ, чѣмъ тѣ легкомысленныя си-

---

[1]) Въ Польшѣ никогда не прививалась философія и не было самостоятельныхъ философскихъ системъ. Приведенные длиннымъ ходомъ событій въ эту философскую сферу, поляки остались въ ней надолго. Попытки самостоятельной философіи оказались только результатами и развѣтвленіями этой сферы (Товіанскій).

стемы обновленія человѣчества, которыя быстро распространялись тогда въ Германіи. Но тѣмъ не менѣе голоса́, въ родѣ го́лоса Адольфа Каменскаго и Бѣлинскаго (см. выше въ примѣчаніи), вниманіе къ смыслу оппозиціи, въ рядахъ которой могли быть и люди серьезные, показавшіе свои заслуги въ наукѣ, какъ напр. ректоръ виленскаго университета Почобутъ [1]), могли бы вывести польскихъ реформаторовъ на болѣе прямую дорогу. Извращеніе іезуитами классическаго міра было глубоко; нравственныя результаты школьной системы ихъ были весьма печальны; эти результаты сильно вліяли на весь гражданскій бытъ и всѣ католическіе государства соединились въ требованіи уничтоженія іезуитскаго ордена. Если и въ наше время, сто лѣтъ спустя послѣ этого событія, многіе мучатся призракомъ іезуитизма при одномъ имени классицизма, то что-же было въ цѣлой Европѣ тотъ-часъ послѣ прекращенія двухвѣковаго плѣна у іезуитовъ? Что было въ Польшѣ въ тотъ историческій моментъ, когда предъ нею съ одной стороны раскрылась бездна, въ которую толкали ее іезуиты, какъ увѣрены были тогда всѣ благомыслящіе люди ея, съ другой стороны быстро очистилось поле, занимаемое этимъ чорнымъ воинствомъ? Свѣжія тяжкія раны страны требовали быстрой помощи, изъ Европы приливали идеи, обѣщавшія не только быстрое излеченіе, но и полное обновленіе государства въ слѣдующемъ-же поколѣніи. Пылкая натура не выдержала: стыдъ предъ потомками, стыдъ предъ Европою, опасность окончательной погибели порѣшили дѣло, основа и направленіе школьной реформы принята быстро, порывисто. Въ роковой моментъ поляки поторопились...

Послѣдствіемъ торопливости были внутреннія противурѣчія новой учебной системы, которыя должны были дать послѣдствія, противуположныя возбужденнымъ ею надеждамъ.

Стараясь поставить свою систему возможно серьёзнѣе, реформаторы ввели въ нее цѣлую фалангу предметовъ. Даже при найлучшихъ учителяхъ и учебныхъ пособіяхъ эта многопредметность могла скорѣе подавить и ослабить, нежели оживить и развить молодые умы, и дать имъ желанный реформою просторъ.

---

[1]) По свидѣтельству Колонтая (Лукаш. т. II, стр. 264 въ примѣчаніи), Почобутъ, оставаясь ректоромъ до конца этого періода, никогда не сочувствовалъ реформѣ и никогда не исполнялъ ея всецѣло.

Отъ этихъ многообразныхъ свѣдѣній получается просторъ скорѣе для воображенія и чувства, чѣмъ для молодаго ума. При недостаткѣ системы и основательности, возбужденіе молодыхъ умовъ ведетъ къ претензіямъ на знанія и всесторонніе свѣдѣнія, что далеко болѣе приноситъ вреда, чѣмъ пользы, обществу и государству.

Въ дѣйствительности этотъ вредъ долженъ былъ простираться далеко. Не говоря о крайнемъ обремененіи учителей многочисленными предметами, которое могло подавлять даже найлучшихъ изъ нихъ, учители, которыми располагала новая школа, и учебныя средства ея были почти противоположны успѣху реформы. За весьма рѣдкими исключеніями, которыи достигались путешествіемъ за границу, новыя школы наполнены были старыми учителями. Благая рѣшимость открыть учительскія семинаріи могла быть исполнена только въ 1786 году. Открыты были учительскія семинаріи при университетахъ: краковскомъ на 16 воспитанниковъ, виленскомъ на 8 воспитанниковъ. Но до конца разсматриваемаго періода семинаристы отличались отъ студентовъ только тѣмъ, что получали на свое содержаніе учительскія стипендіи; посѣщая избранные ими факультеты на ряду со всѣми студентами, они не слушали ни педагогики, ни методики, не было даже школы для практики ихъ. Дѣятельность Поплавскаго, какъ руководителя краковскихъ стипендіатовъ, ограничена была только наблюденіемъ за квартирою и общимъ столомъ ихъ и за исправностью факультетскихъ ихъ занятій. Піаристы, имѣвшіе свою, хотя и скромную учительскую семинарію, выславъ въ Краковъ и Вильно своихъ кандидатовъ, скоро возвратили ихъ оттуда и предпочли продолжать образованіе ихъ въ собственной семинаріи и за границей [1]). Проэктированный для семинаріи трехлѣтній курсъ на дѣлѣ замѣненъ былъ такимъ образомъ четырехлѣтнимъ, факультетскимъ, и первые учители, „спеціально“ приготовленные къ своей службѣ, стали появляться въ школахъ только съ 1790 года, когда по цѣлому краю начинался уже послѣдній безпорядокъ. Въ теченіи всего этого періода только въ піарскихъ школахъ и въ нѣсколькихъ другихъ, облагодѣтельствованныхъ мѣстнымъ покровительствомъ (напр. краковская, виленская, кременецкая), собирались „академики“, любившіе свой

---

[1]) Лукашевичъ т. II, стр. 268, въ примѣчаніи.

кружокъ и ненавидѣвшіе старыхъ учителей. Въ остальныхъ школахъ преобладали или исключительно учили старые пробощи и заматорѣлые на Альварѣ іезуиты. Всего типичнѣе выступала эта система въ школахъ базиліанскихъ, продолжавшихъ пользоваться учителями изъ *студій* и *новициатовъ*. Въ 1782 году, т. е. спустя годъ послѣ разсылки во всѣ школы проекта новаго устава съ предписаніемъ точно сообразоваться съ изложеннымъ въ немъ курсомъ ученія и росписаніемъ учебныхъ предметовъ, визитаторъ школъ, участникъ реформы, ксендзъ Головчицъ такъ отзывается объ уманскихъ базиліанахъ: „на собраніяхъ всего болѣе я занимался съ ними (ректоръ, префектъ, учители) чтеніемъ уставовъ коммисіи. Цѣлый уже годъ лежатъ у нихъ эти уставы, а они доселѣ не знаютъ, что въ нихъ написано. Я долженъ былъ употребить при этомъ и убѣжденія, и угрозы“ [1]). Визитаторы въ теченіи всего этого періода, тщательно описывая всѣ стороны школьнаго быта, о преподаваніи отзываются неопредѣленно и уклончиво: „исполняется по уставу коммисіи“, на лекціяхъ ученики „отвѣчали (popisywali się) хорошо“,—общія всѣмъ визитаторскимъ рапортамъ выраженія.

Что касается учебныхъ пособій, которыхъ такую массу предполагаетъ эта многочисленность естественныхъ предметовъ, то, кромѣ учебниковъ, появлявшихся уже къ концу этого періода, мы не видимъ въ школахъ почти ничего, исключая самыхъ простыхъ геометрическихъ приспособленій для измѣреній полей и въ нѣкоторыхъ съ десятокъ инструментовъ для математики, физики и химіи. Не одна скудость матеріальныхъ средствъ препятствовала коммисіи снабжать школы пособіями. „Нѣсколько сотъ тысячъ, говоритъ Слядецкій [2]), бросается (коммиссіей) на фабрики; стыдно жалѣть нѣсколькихъ тысячъ на инструменты, существенно необходимые для преподаванія“. Если такъ было съ университетами, то, понятно, что было со школами. Обыкновенный пріемъ занятій во всѣхъ, даже лучшихъ школахъ, было чтеніе и объясненіе учебника, потомъ заучиваніе его. При недостаткѣ учебника, болѣе способный и образованный учитель бралъ въ руки иностранное пособіе, переводилъ ученикамъ выбранные отрывки, тѣ записывали ихъ и заучивали. Найболѣе

---

[1]) *Archivum do dziejów literatury i oświaty w Polsce*. Краковъ. 1877 годъ. т. I, стр. 49.

[2]) *Listy J. Śniadeckiego*, стр. 34.

общимъ въ этомъ случаѣ было чтеніе классическихъ писателей, отрывки изъ которыхъ и цѣлые трактаты ученики заучивали то въ латинскомъ подлинникѣ, то въ польскомъ переводѣ, который дѣлали въ классѣ. Настойчивое указаніе наставленія учителямъ, дабы отнюдь не требовать отъ учениковъ заучиванія на память того, чего они не поняли, очевидно понято было учителями своеобразно: про заучиваніе сплошь и рядомъ говорится въ школьныхъ рапортахъ.

Не можетъ также не поражать это рѣшительное отрицаніе образовательнаго значенія классическихъ писателей и вмѣстѣ съ тѣмъ обращеніе къ нимъ за свѣдѣніями естественными и поученіями нравственными,—эта ботаника и минералогія по Плинію, это земледѣліе и огородничество по Овидію и Горацію, хотя бы и Катону, — эта мораль, долженствовавшая возродить общество и государство, по римскимъ стоикамъ и эпикурейцамъ! Если бы даже это была временная уступка старымъ учителямъ, не владѣвшимъ живыми языками, но хорошо владѣвшимъ латинскимъ языкомъ, или неизбѣжная дань шляхтѣ, въ огромномъ большинствѣ скучавшей за іезуитами и враждовавшей противъ новой школы, на половину мирившейся съ нею на Виргиліѣ, Гораціѣ, Цицеронѣ и т. п., то и тогда оставалось-бы отложить надежды на „обновленіе“...

Но чѣмъ ближе къ основаніямъ учебнаго курса, тѣмъ глубже противурѣчія его съ главною его задачею. Что могло принести Польшѣ право натуры и основанная на немъ добродѣтель? Ничего больше, кромѣ тѣхъ-же, только на новый ладъ, произвола и распущенности, противъ которыхъ она направлена была. Ученіе объ инстинктахъ, какъ откровеніи божества въ природѣ человѣка, о здравомъ смыслѣ, какъ сознаніи этихъ инстинктовъ, о довлѣемости ихъ для счастья человѣка—въ своемъ конечномъ результатѣ имѣетъ только грубое развитіе своего *я*, самопоклоненіе, упругія эгоистическія отношенія, которыя только разрушаютъ и общественность, и государственность, а не укрѣпляютъ ихъ. Съ этимъ самомнѣніемъ, такъ легко воспламеняющимся, 14—16-лѣтній юноша принимается трактовать о „политикѣ правды“, подвергать критикѣ, по указаніямъ этой политики правды, всѣ законы своей страны, всѣ распоряженія своего правительства, всѣ общественныя явленія, высказывая свои мнѣнія въ классѣ точно на сеймѣ, ищетъ „неправды“ въ законодательствахъ другихъ государствъ, строитъ идеалъ польскаго государства и

т. д., съ полнымъ убѣжденіемъ, по внушенію самой коммисіи просвѣщенія, что „нѣтъ ничего проще и легче политики правды"!..

Далѣе, эта система прямо противурѣчила тому пылкому патріотизму, который возбудилъ ее для своего блага. Нельзя дѣйствительно не сочувствовать всею душою той глубокой печали, которою поражались лучшіе люди Польши, при взглядѣ на ея внутреннія болѣзни и раны. Нельзя не отдать полнаго уваженія этимъ благороднымъ заботамъ объ исправленіи мѣстнаго зла. Но что-же давала новая школа, эта политика правды, основанной на правѣ натуры, эта естественная нравственность съ общими добродѣтелями? Она давала, такъ сказать, общечеловѣковъ, всемірныхъ гражданъ, съ пренебреженіемъ относившихся ко всему національному, самобытному, имѣющему право на уваженіе со стороны другихъ народовъ. На этихъ началахъ, идеалъ отечества долженъ былъ складываться не по дѣйствительнымъ условіямъ и нуждамъ его, но по отвлеченнымъ стремленіямъ, слишкомъ удаленнымъ отъ всего того, чѣмъ дѣйствительно болѣла и чѣмъ дѣйствительно могла-бы оздоровѣть страна. Чѣмъ глубже и сильнѣе укрѣпляются такіе идеалы, тѣмъ тяжелѣе для страны послѣдствія ихъ. Польскіе школьные реформаторы такъ и поступили; они съ особенною заботою, съ большею чѣмъ къ подробностямъ учебной программы, отнеслись къ воспитанію учениковъ въ духѣ и направленіи этой системы.

Послѣдуемъ и мы за ними и разсмотримъ эту воспитательную систему.

(Окончаніе будетъ).

Поляки и русины.

(Къ исторіи ихъ бытовыхъ отношеній).

Въ бытовой исторіи южно-русскаго народа есть область отношеній, достойныхъ особеннаго вниманія изслѣдователя старины. Это—отношенія южно-руссовъ къ полякамъ. Политическая судьба этихъ двухъ народностей, весьма близкихъ и родственныхъ, заключающая въ себѣ что-то роковое, провиденціальное, какъ для нихъ самихъ, такъ и для *третьяго*—старшаго члена этой великой славянской группы—великорусса, достаточно разработана и извѣстна. Но бытовое, внутреннее ихъ взаимоотношеніе еще ждетъ разработки и освѣщенія, на основаніи частныхъ изслѣдованій тѣхъ или другихъ сторонъ ихъ совмѣстной жизни. Въ высшей степени было-бы интересно прослѣдить это бытовое взаимоотношеніе поляковъ и южно-руссовъ съ временъ древнѣйшихъ.

Мы дѣлаемъ попытку положить начало такого рода изслѣдованіямъ или очеркамъ. Людей, болѣе насъ свѣдущихъ, приглашаемъ продолжить начатое нами, пояснить или поправить насъ, вообще сказать больше и лучше, чѣмъ мы можемъ. Въ претензіи ни въ какомъ случаѣ мы не будемъ;—выиграетъ одна лишь исторія. А исторія намѣчаемыхъ нами отношеній и любопытна, и поучительна. Оговариваемся: мы удаляемся въ область исторіи, не касаясь настоящихъ отношеній.

Для южно-русса полякъ былъ вообще *ляхомъ*, иногда *ляшкомъ*, въ смыслѣ уменьшительномъ, шутливомъ, саркастическомъ,—по временамъ *ляшурою*, въ смыслѣ увеличительномъ, тонѣ бранномъ, сердитомъ; для поляка—южно-руссъ всегда былъ только *русинъ*, развѣ съ прибавленіемъ *pies*, или другаго ласкающаго слова. Эти названія сами по себѣ, безъ всякихъ измѣненій или приставокъ къ нимъ, опредѣляли національно-практическое различіе двухъ род

ственныхъ народовъ. Тотъ и другой терминъ заключалъ уже въ себѣ, какъ данныя, норму отношеній одного народа къ другому, и особый образъ ихъ взгляда одного на другаго. Названія: *ляхъ* и *русинъ* опредѣляли собою двоякій *народный типъ*, никогда не смѣшивавшійся одинъ съ другимъ и не могшій, *при существованіи основныхъ своихъ чертъ*, взаимно уничтожить одинъ другаго. Различіе, полагаемое этимъ типомъ, рѣзко раздѣляло и раздѣляетъ оба народа на два этнографическіе стана и нѣсколько напоминаетъ собою то различіе, которое выражено древнею поговоркою: *не прикасаются жидове самаряномъ*. Интересно найти черты этого различія, этой *неприкасаемости* двухъ народныхъ типовъ, насколько онѣ проявились и запечатлѣлись въ историческомъ преданіи. Здѣсь прежде всего представляется вопросъ, какъ черты эти выразились въ народномъ словесномъ творчествѣ. Между южно-русскими пѣснями есть много такихъ, гдѣ рисуются бытовые взгляды одной народности на другую, съ разнообразныхъ сторонъ, даже до отношеній любовныхъ. Такъ напр. въ одной пѣснѣ говоритъ *русинка:*

„Не тупай, не тупай, ляшку, ногою:
Не ляжу, не ляжу, спати зъ тобою,
А хоть и ляжу,—не поцілую,
До свого серденька не примилую....

А въ другой представляется говорящею уже *полька:*

А ты—русинъ, а я—полька,
Не торкайся до камзолька!...

А сколько есть народныхъ анекдотовъ, шутокъ, пословицъ, въ которыхъ такъ или иначе представляется ляхъ въ воззрѣніяхъ южно-русса! Въ свою очередь и въ области польскаго народнаго творчества есть много свидѣтельствъ о томъ, какъ смотрѣли поляки на южно-руссовъ въ народно-бытовомъ отношеніи *). Едва-ли не самымъ древнѣйшимъ памятникомъ въ такомъ рядѣ надо считать извѣстную поговорку, идущую по крайней мѣрѣ съ XVI в., обращавшуюся въ устахъ обоихъ народовъ и дошедшую до насъ въ двухъ текстахъ—русскомъ и польскомъ:

Якъ свѣтъ свѣтомъ
Не буде русинъ ляху братомъ.
Jak świat światem
Nie będzie rusin polakowi bratem.

---

*) Вотъ именно такіе памятники народнаго творчества, особливо незаписанные, неизвѣстные, представляютъ наиболѣе цѣнный матеріалъ для уясненія исторически-бытовыхъ взаимоотношеній того и другаго народа, и мы просимъ какъ почтеннаго автора настоящей статьи, такъ и другихъ, владѣющихъ запасомъ такихъ памятниковъ, сообщать оные намъ для помѣщенія на страницахъ нашего изданія. *Ред.*

Есть старинный сборникъ *Пословицъ польскихъ*, составленный іезуитомъ *Григоріемъ Кнапскимъ*, съ различными, очень любопытными къ нимъ комментаріями. Тамъ можно найти много указаній на предметъ, о которомъ у насъ теперь рѣчь[1]).—Выходя изъ области народной литературы, укажемъ на старинныя польскія *„казáня“* (проповѣди), какъ на богатую сокровищницу народныхъ польскихъ воззрѣній на русиновъ и обратно. Эти казанья, по обычаю того времени, изобиловали анекдотами, шутками, остротами— и вотъ здѣсь-то подчасъ и запечатлѣвались, сюда вносились самыя рельефныя проявленія воззрѣній одного народа на другой. Польская проповѣдь XVII и первой половины XVIII в. замѣняла собою то, что у насъ теперь зовется *публицистикой*, и представляла возможность „казнодзѣямъ“ — ораторамъ касаться всевозможныхъ сторонъ политической и общественно-бытовой жизни. Когда мы занимались изслѣдованіемъ проповѣдей характернѣйшаго польскаго „казнодзѣя“ XVII в. іезуита *Ѳомы Млодзяновскаго*, то находили у него много мѣстъ, гдѣ говорится о полякахъ и русинахъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ и проводятся параллели между этими народностями, бывшими тогда подъ одной польской Короной. Намъ припоминается теперь одно мѣсто изъ Млодзяновскаго, гдѣ онъ, выставляя на видъ то, что праздникъ пасхи называется у поляковъ *Wielká-noc* (великая ночь), а у русиновъ *Великъ-день*, дѣлаетъ поэтому поводу нѣкоторые политическіе намеки и съ грустью говоритъ о національной розни обоихъ народовъ. Ибо, замѣчаетъ онъ, что̀ у поляковъ *ночь*, то у русиновъ *день*.—Переходя отъ національныхъ отношеній къ *соціальнымъ*, встрѣчаемъ уже другую бытовую терминологію. Послѣ того, какъ всѣ древнерусскіе, княжескіе и дворянскіе роды, съ Чарторыйскими, Сапѣгами, Тышкевичами во главѣ, перешли въ католичество и совсѣмъ ополячились, а русскаго помѣщика замѣнилъ польскій, для русина ляхъ былъ большею частію *паномъ*, а потому и встрѣчаемъ постоянно такое сопоставленіе въ народной литературѣ: *ляшки-панки;* для поляка русинъ опять таки вообще былъ *хлопомъ*. Если въ національномъ отношеніи, при всемъ различіи народнаго типа, все-таки предполагалась и бывала въ дѣйствительности *терпи-*

---

[1]) Полное заглавіе труда Кнапскаго таково: *Thesaurus latino-polono-graecus*, три тома. Томъ третій называется: *Thesauri polono-latino-graeci adagia* и заключаетъ въ себѣ *польскія пословицы*, сравненныя съ русинскими, латинскими, греческими и друг. Этотъ томъ есть въ кишиневской семинарской библіотекѣ. *Л. М.*

мость между двумя сторонами, двумя этнографическими лагерями, все-таки оказывалась возможность солидарности между ними и нѣкоторыхъ соглашеній, то соціальная терминологія уже ясно указываетъ на очевидный симптомъ образовавшейся *вражды* между двумя народностями. Полякъ всегда изъявлялъ притязаніе на *панство*, на господство надъ русиномъ—*хлопомъ* и этимъ возбуждалъ въ послѣднемъ ненависть, всасываемую съ молокомъ матери. Въ полякѣ всегда преобладала аристократическая тенденція, въ русинѣ-же всегда билась демократическая жилка. Полякъ, особенно шляхтичъ считалъ для себя приличными только военныя, *рыцарскія* занятія. Онъ уклонялся отъ труда промышленнаго, земледѣльческаго. Эту уклончивость отъ полевой, земледѣльческой работы раздѣляли и польскія женщины. И бѣда приходилась русину, если какъ-нибудь доставалась ему въ жены полька. Вотъ какъ изображаетъ такой супружескій союзъ народная пѣсня:

Бида польку спокусила,
Выйшла полька за русина.
Русинъ каже: »ходимъ жаты«,
Полька каже: »ляжмо спати«.
Пишла полька въ поле жати,
Та забула серпа взяти.
Серпъ узяла, хлибъ забула,
Таки полька дома була.

Свивши себѣ гнѣздо на Руси, польское шляхетство предоставило торговлю и промышленность жидамъ, а всякія *черныя работы* возложило на русиновъ—*хлоповъ*, а *хлопъ* и въ самой Польшѣ назывался *быдломъ*, т. е. трактовался на равнѣ съ домашнимъ скотомъ. Мыслящіе изъ поляковъ еще въ старыя времена предвидѣли дурной конецъ отъ праздной жизни шляхты и отъ притѣсненія хлоповъ. Таковъ былъ упомянутый нами Млодзяновскій. Вотъ напр. что доворитъ онъ въ одной своей проповѣди: „Панове шляхта сдѣлали для себя всѣ дни *недѣлей* (воскресеньемъ)“, которая на польскомъ языкѣ называется такъ отъ *недѣланія*; ибо дѣлать, работать въ этотъ день не годится „Иностранцы упрекаютъ насъ за то, что наша шляхта вѣчно въ праздности... Вѣдь вы слышали слѣдующіе стишки:

Nobiles poloni
Equites boni;

Gens bellicosa,
Sed otiosa[1]).

Проводя такимъ образомъ время постоянно въ праздности, шляхта и сдѣлала для себя всѣ дни *недѣлей*. Не хочу я упрекать въ этомъ шляхетскій народъ, но все-таки настаиваю на своемъ, именно, что шляхта сдѣлала для себя всѣ дни *недѣлей*. Какъ-же это? Нужно позаимствовать науки и у инфимистовъ.—Милые инфимисты, какъ по латыни *недѣля* (воскресенье)? Инфимисты отвѣчаютъ: *dies Dominicus*, до слова значитъ: *панскій день*. И такъ *недѣля* это панскій день. А поѣдь-ка, хлопъ, на торгъ, на мельницу, а иногда и по дрова, вѣдь это *недѣля*, день панскій, *день панщины*; въ понедѣльникъ будешь орать (пахать). во вторникъ молотить, и такъ день за днемъ—все *день панскій*, день панщины. А вѣдь такое положеніе дѣлъ не можетъ нравиться Господу Богу... Ибо хлопы суть только подданные. а не рабы, невольники. Нужно имѣть въ виду, чтобы таковое обращеніе съ ними не надоѣло уже имъ слишкомъ... *Sapienti sat*!"—Да, оно надоѣло, оно не могло не надоѣсть, въ особенности русинамъ, при ихъ національной и вѣроисповѣдной розни съ поляками. Унижаемый и оскорбляемый въ качествѣ *хлопа* русинъ сдѣлался по отношенію къ поляку—*пану* сначала *козакомъ*, а потомъ и *гайдамакомъ*. *Козакъ*—это былъ представитель *выдѣлявшагося* изъ южнорусскаго народа *рыцарства*, въ противовѣсъ рыцарству или шляхетству польскому, для защиты народной чести и свободы... *Гайдамакъ*—это уже былъ представитель *поголовнаго* народнаго возстанія противъ угнетателей—пановъ и ихъ сподручниковъ—жидовъ. Козачество и гайдамачество русинское и подрѣзало корни польскаго государства. Такимъ образомъ, *соціальныя* бытовыя отношенія поляковъ и русиновъ подготовили политическое паденіе Польши, а религіозныя притѣсненія первыми послѣднихъ довершили оное. Значеніе русиновъ въ составѣ польскаго государства было очевидно, какъ и ихъ рознь съ поляками. Явилась мысль для упроченія государственнаго единства *ополячить* русиновъ. Избранъ для этого путь, по тогдашнимъ понятіямъ казавшійся найболѣе дѣйствительнымъ, именно путь объединенія *въ вѣрѣ*. Но вмѣсто единенія, мира, согласія возникла вражда и ненависть

---

[1]) „Благородные поляки—прекрасные всадники; народъ воинственный, но праздный".

религіозная, завязалась ожесточенная борьба на жизнь и смерть. Въ этотъ періодъ образовались особые бытовые термины, выражавшіе взаимныя отношенія сторонъ въ этой области. Со стороны поляковъ пошли въ ходъ бранныя слова: *отщепенцы*, *схизматики*. Польскіе іезуиты особенно были щедры на эти попреки и раздували пламя религіозной вражды. Млодзяновскій бросалъ ими направо и налѣво. Такъ, въ своей проповѣди на праздникъ св. дѣвъ, объясняя евангельскую притчу *о десяти дѣвахъ*, онъ говоритъ между прочимъ: „между этими десятью дѣвами были, вѣроятно, польки, литовки, прусачки, а также дѣвы изъ другихъ польскихъ земель; ибо, дѣйствительно, есть между ними и мудрыя, и глупыя. Св. писаніе не докладываетъ намъ, къ какой собственно странѣ принадлежали тѣ десять дѣвъ, и поэтому даетъ свободу думать, что тамъ были дѣвы изъ всякихъ странъ. Все таки однако прилично будетъ спросить: были-ль между ними и *русскія по вѣрѣ?* Glossa отвѣчаетъ: не было! Но вѣдь и между русскими есть, положимъ, глупыя, но есть же и мудрыя: почему-же онѣ не искали Господа?—Потому что онѣ *схизматички*. Вотъ что говоритъ Глосса: *Exierunt obviam Sponso et Sponsae, id est concordaverunt voluntati sponsi et matris Ecclesiae*[1]). Да, кто не послушенъ св. костёлу, тотъ не пойдетъ на встрѣчу Іисусу Христу“! Вотъ какими инсинуаціями тогдашніе польскіе политическіе мудрецы подготовляли государственное единство Польши! Они стали проповѣдывать и насильственно навязывать *русинамъ унію*, которая, по мысли этихъ мудрецовъ, имѣла быть только переходнымъ мостомъ къ *католичеству* и за тѣмъ къ *ополяченію*, т. е. къ потерѣ не только вѣры, но и языка. Противясь *уніи*, русинъ сталъ защищать вѣру отцовъ, какъ *благочестіе*. Равнодушный до тѣхъ поръ къ *польской вѣрѣ*, онъ сталъ постепенно впитывать въ себя ненависть къ *уніатамъ* и *католикамъ*. Во времена гайдамачества эта ненависть достигла поражающихъ размѣровъ. При нѣкоторомъ равенствѣ силъ, двѣ народности, составлявшія одинъ государственно-общественный организмъ, могли бы совершенно уничтожить другъ друга. Кажется, что къ этому періоду ихъ взаимоотношеній должно относить, правда, не возникновеніе, но пол-

---

[1]) Вышли на встрѣчу Жениху и Невѣстѣ, т. е. подчинились волѣ Жениха и Матери-Церкви.

ную популяризацію бытовыхъ терминовъ: *psia wiara, psia krew!* съ переводомъ для отвѣта: *собача вира, собача кровъ!* Поражающее своимъ сопоставленіемъ извѣстное присловье: *панъ, жидъ та собака—все вира однака!* принадлежитъ несомнѣнно этому времени. Понятное дѣло, что при такихъ взаимоотношеніяхъ двухъ главныхъ столповъ польскаго государства, оно не могло дольше существовать. Русинъ долженъ былъ оставить поляка—угнетателя. Онъ рѣшился отойти жить къ другому брату, съ которымъ разлучила его когда-то давно злая судьбина. И онъ отошелъ, въ полной надеждѣ, что этотъ единовѣрный братъ не погубитъ его вѣры и языка. Онъ отошелъ и вотъ, вмѣсто *русина*, называемый уже то *малоруссомъ*, то *южноруссомъ*, то *черкасомъ* или *черкешаниномъ*, а то и просто *хохломъ*, онъ подперъ своей головой московское царство, помогъ ему превратиться въ *Россійскую Имперію* и въ концѣ концовъ поспособствовалъ ему *покорить подъ ноги* и третьяго брата, прежняго своего пана. Гордый полякъ жестоко былъ наказанъ за свое презрѣніе къ меньшему брату. Польша была разорвана на части. Но что-же? Національную государственную корону полякъ потерялъ, а панская корона ему все-таки оставлена. Надъ русиномъ ему все таки предоставили быть паномъ! Австрія предоставила ему быть паномъ въ Галиціи, а Россія въ западной и юго-западной своей части. Отношенія соціальныя не измѣнились и національныя остались въ прежнемъ видѣ. Правобережные русины, отошедшіе къ московскому брату и думавшіе найти у него защиту отъ поляка-пана-брата, принуждены были сложить новую печальную *пѣсню рабства* и не на рѣкахъ вавилонскихъ, а на своихъ родныхъ рѣкахъ, ручейкахъ и пригоркахъ... Вотъ начало этой пѣсни про новую *польскую панщину* подъ скипетромъ Россіи:

Була, була Польща, та стала Вкраина;
Не одбуде сынъ за батька, а батько за сына!

Полякъ по прежнему тѣшилъ себя фантомомъ аристократизма и по прежнему питалъ презрѣніе къ русину — плебею, хлопу, *гречкосію*..., даже больше: онъ какъ будто вымещалъ на русинѣ паденіе Польши и покореніе себя москалемъ. Онъ по прежнему удалялся производительнаго труда, по прежнему считалъ только себя *рыцаремъ* по природѣ, которому одному прилично носить оружіе....

Сова сову плодитъ,
Мечта мечту родитъ....

Полякъ, оставался все тѣмъ-же паномъ и ему мечталась старая Польша въ прежнемъ *шляхетскомъ* видѣ и въ прежнемъ пространствѣ—*отъ моря до моря*. Явилось возстаніе 1830 года... Полякъ велъ себя еще какъ истый старо-польскій панъ, полный сознанія своихъ старыхъ правъ надъ русиномъ; но и чувства послѣдняго не измѣнились. Вотъ къ этой-то эпохѣ и относится одно не записанное преданіе о двухъ письменныхъ памятникахъ, живо рисующее подогрѣтыя вновь чувства поляковъ и русиновъ. Это преданіе мы разскажемъ въ такомъ видѣ, какъ оно сообщено намъ однимъ почтеннымъ любителемъ и знатокомъ южно-русской старины[1]).

Дѣло происходило въ Каменцѣ-Подольскомъ. Въ одно утро на всѣхъ главныхъ улицахъ города, на болѣе видныхъ мѣстахъ, появились афиши. На каждой изъ нихъ, на большомъ листѣ бѣлой бумаги, большими буквами были написаны по-польски слѣдующіе стихи:

Ty polaku,
Stôj w szyszaku
Z orężem do boju!
Ty, rusinie,
Sk..... synie.
Z widłami—do gnoju!

Очевидно, что это было дѣло польскихъ рукъ, въ насмѣшку надъ русскими и для возбужденія духа въ полякахъ. Преданіе прибавляетъ: идутъ по улицѣ два поляка и видятъ афишу. „Co to? Co to? Czytaj!“ — говоритъ одинъ другому. Начинаютъ читать: „Ty, polaku, stój w szyszaku z orężem do boju“.... O, jak to slicznie, panie, „z orężem do boju“! O, tak, tak!—Coż to dalej?—„Ty, rusinie, sk..... synie, z widłami do gnoju!“—O, jak to do ładu napisano! O, tak, tak tym szelmam rusinam i trzeba“!.. Въ городѣ толки, насмѣшки надъ русскими! Поляки высоко стали поднимать головы. Пасквиль попалъ въ тактъ съ ихъ задушевными историческими чувствами и мечтами. Призывъ на бой, напоминаніе о столь драгоцѣнной привиллегіи стоять съ оружіемъ въ рукахъ и защищать свой гоноръ такъ льстило ихъ рыцарскимъ идеаламъ! Съ другой стороны, обреченіе измѣнника—русина на черныя и самыя низкія работы такъ согласовалось съ ихъ давнишнимъ аристократическимъ презрѣніемъ къ хлопу, къ мужику! И вотъ, во

---

[1]) Ѳедоромъ Владим. *Яцимирскимъ* въ Кишиневѣ.

всемъ Каменцѣ волненіе, возбужденіе.... Русскимъ досадно, стыдно, неловко. Какъ тутъ быть? Сейчасъ-же стали вездѣ срывать пасквильные листы, донесли губернатору. Начали разыскивать, кто писалъ и наклеивалъ афиши.... Но все это ни къ чему не привело. А впечатлѣніе отъ пасквиля росло все больше и больше.... Составился совѣтъ изъ русскихъ представителей разныхъ вѣдомствъ. Совѣтовались, совѣтовались и порѣшили, что нужно отомстить не иначе, какъ *тѣмъ-же самымъ способомъ*, т. е. отвѣтить на стихи стихами-же и этимъ сгладить впечатлѣніе, сбить спѣсь полякамъ. Въ совѣтѣ предложили написать тому—другому изъ среды его-же членовъ и другихъ лицъ. Явилось нѣсколько отвѣтовъ, стали читать: нѣтъ, все какъ-то вяло, безжизненно, не мѣтко.... Тогда представитель семинаріи сказалъ: „есть у насъ одинъ семинаристъ, онъ любитъ писать стихи и пишетъ бойко—остро. Не предложить ли ему? Авось онъ отвѣтитъ, какъ слѣдуетъ". Согласились. Призвали семинариста. Фамилія его была, кажется, *Гербановскій*. Предложили ему,—говорятъ: такъ и такъ.... Тотъ согласился написать отвѣтные стихи, но только не иначе, какъ *по малороссійски*. „Ничего, пиши и по малороссійски", сказали ему, только чтобъ вышло хорошо. Написалъ. Приноситъ. Читаютъ:

Ты, поляку,
Цілуй въ с....
Русина и грека!
Гляди жъ себе,
Буде зъ тебе....
Стій, свине, зъ далека!

На пасквиль вышелъ пасквиль, только болѣе рѣзкій, настоящій хлопскій, мужицкій, плебейскій, демократическій. Многимъ въ совѣтѣ онъ не понравился, особенно архіерею.... Но обсудили и нашли, что онъ какъ-разъ кстати, что лучшаго въ данномъ случаѣ и желать нельзя. Рѣшено—расклеить его по всѣмъ улицамъ - на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ былъ наклеенъ польскій пасквиль. И вотъ, опять таки по тому-же комментарію, рано утромъ паны нечаянно натыкаются на новую афишу. Co to? Znów coś napisano. Czytaj! Czytaj! To już coś po russku.... A nu, nu—czytaj. И они начинаютъ разбирать по слогамъ, какъ говорится *сылябизовать*: „Ты, по-ля-ку, ці-луй въ...." To coś kiepśko, czart wie co.... To pewnie jakiś *knysz* napisał.... И они ушли со злобой. Читаютъ другіе, третьи и т. д. Къ вечеру контръ-пасквиль произвелъ свое дѣйствіе и прежняго возбужденія среди поляковъ, прежняго

поднятія головъ какъ не бывало.... То было время обоюднаго возбужденія, раздраженія, взаимной страстности въ отношеніяхъ между двумя издревле враждующими народностями. Этимъ и объясняется циничность выраженій въ обоихъ пасквиляхъ. Но для исторіи все интересно знать.... Интересно и это слово: *грека*. Оно цѣликомъ выхвачено изъ живаго преданія, или недавнихъ сравнительно актовъ и указываетъ на рознь вѣроисповѣдную. Вмѣсто „православной вѣры" говорили „греческой" и православнаго величали грекомъ. „А нутежъ, нуте, лучше того грека"...., приговаривалъ уніатскій оффиціалъ Мокрицкій, когда въ 1766 г., по его приказанію, въ м. Корсунѣ били нещаднымъ боемъ одного православнаго священника, сказавшаго о себѣ, что онъ вѣры греческой, и не желавшаго принять уніи. Характерно и это слово: *кнышъ*, т. е. поповичъ, котораго поляки считаютъ авторомъ русскаго пасквиля. Они хорошо чуяли, что отъ поповичей, отъ дѣтей церковническихъ, главнымъ образомъ идетъ, какъ и прежде шла, нравственная защита народности русинской противъ всяческихъ ея враговъ и притѣснителей. Не даромъ поэтому къ поповичамъ этимъ поляки были особенно непріязненны. Не даромъ поэтому въ извѣстномъ польскомъ *проэктѣ* прошлаго вѣка объ искорененіи русинской народности въ Украйнѣ, особенныя репрессіи предполагались противъ священниковъ и ихъ сыновей—*поповичей*. Это былъ интеллигентный слой южно-русскаго народа, не оторвавшійся отъ него, бывшій за одно съ нимъ....

И такъ къ 30 годамъ еще вполнѣ, во всей неприкосновенности, сохранялись взаимныя отношенія и чувства поляковъ и русиновъ, выработанныя прошлымъ тяжелымъ временемъ ихъ совмѣстной политической жизни—подъ польской Короной.

Изъ ближайшаго къ этому времени сохранился слѣдующій характерный разсказъ и относящійся къ нему неписанный памятникъ. Дѣйствіе происходитъ въ Украйнѣ. Въ воскресный день въ одномъ селѣ шла „служба Божа". Въ церкви присутствовалъ мѣстный панъ-экономъ. При выходѣ крестьянъ отъ обѣдни, онъ остановилъ ихъ у крыльца колокольни для какихъ-то внушеній. Долго длились нотаціи. Вышелъ священникъ, но его путь былъ прегражденъ столпившимся народомъ. Поглядѣлъ онъ на пана въ сѣромъ кунтушѣ, съ гладкими и свѣтлыми металлическими пуговицами, и на понуро стоявшихъ вкругъ него крестьянъ, поднялъ глаза къ небу и произнесъ такую краткую рѣчь: „украсивъ Богъ небо звіздами, а землю людями, а ляха *гудзями* (пуговицами)".

Народъ разступился при видѣ священника и тотъ спокойно пошелъ домой.

Взаимныя отношенія поляковъ и русиновъ на родной землѣ сихъ послѣднихъ не измѣнялись еще долгое время. Нѣкоторую перемѣну въ нихъ должны были произвести такъ называемыя инвентарныя правила, введенныя въ управленіе генералъ-губернатора Бибикова и по его мысли. При объявленіи этихъ правилъ произошли два слѣдующіе извѣстные намъ случая, а что они говорятъ, понятно будетъ всякому. Въ одномъ селѣ кіевской губерніи, послѣ объявленія ихъ, мѣстный помѣщикъ, желая порисоваться предъ прибывшей коммисіею (исправникъ, предводитель дворянства и благочинный) своимъ патріотизмомъ, вздумалъ при выходѣ своихъ крестьянъ изъ церкви, сказать имъ по поводу событія *нѣсколько словъ*. Но лишь только онъ въ заключеніе затянулъ хриплымъ и ненатуральнымъ голосомъ продолжительное ура, какъ кто-то изъ толпы прокричалъ: *„на свою голову“*! Въ другомъ мѣстѣ исправникъ-полякъ желалъ поглумиться надъ старикомъ священникомъ, потребовавъ отъ него произнесенія приличной случаю проповѣди, но попалъ въ просакъ, какъ и полякъ-помѣщикъ со своими якобы вѣрноподданническими чувствами, всю фальшъ которыхъ понималъ простой мужикъ. Малообразованный, никогда ничего не писавшій священникъ робкимъ голосомъ сказалъ то, что подсказало ему сердце: „благочестивые прихожане! Какъ нѣкогда Господь избавилъ евреевъ отъ работы египетскія, такъ нынѣ Благочестивѣйшій, Самодержавнѣйшій Государь нашъ Императоръ избавляетъ васъ отъ работы ляхамъ“. Народъ молчалъ, не смѣя выразить своихъ чувствъ; коммисія (тотъ-же составъ съ придачею становаго) смутилась. Священникъ почтительно обратился къ предсѣдателю со словами: „ваше благородіе! извольте читать“ (самыя т. е. правила).

„Правила“ не измѣнили положенія дѣла и, по многимъ причинамъ, весьма мало облегчили тяжелый яремъ русина-крестьянина. Господствующій полякъ распоряжался, какъ прежде, народомъ, въ народѣ-же возникли толки, недоразумѣнія, волненія, тяжело отразившіяся на его-же спинѣ. Въ находящемся у насъ дневникѣ священника Фоки Струтинскаго есть очень интересныя объ этомъ свѣденія и мы не замедлимъ подѣлиться ими съ читателями „Кіевской Старины“.

Отношенія двухъ народностей, державшіяся все это время на почвѣ соціальной, обострялись до крайности и ближайшимъ

свидѣтелямъ этихъ отношеній можно было опасаться трагической ихъ развязки. Украинскій народъ свое положеніе подъ русскою державою считалъ не естественнымъ и ждалъ ему конца; по мѣстамъ онъ хранилъ оружіе дѣдовъ и прадѣдовъ, и вѣрилъ, и открыто выражалъ, что настанетъ время, когда оно пригодится... Оружіе было отобрано въ 1849 г. случайно, при отобраніи онаго у пановъ, которымъ Кошутъ внушалъ много не сбывшихся надеждъ. Паны вымещали и эту неудачу на хлопахъ—русинахъ, а они, не зная своего прошлаго, въ недоумѣніи вопрошали: „за що насъ Царь въ неволю ляхамъ отдавъ"?

„Кіевскія народныя волненія" 1855 г. легли всею своею тяжестію вмѣсто панскихъ на поповскія плечи, по особому недоразумѣнію; но поголовное стремленіе въ народѣ къ давно вымершему козачеству и то ожесточеніе, съ какимъ незлобивые пасомые старались муками и пытками исторгнуть у своихъ пастырей несуществовавшій указъ о вольности, ясно показали, что народъ не можетъ сносить далѣе двойнаго вѣковаго ярма.

1861 г. положилъ конецъ напряженнымъ до крайности отношеніямъ поляковъ и русиновъ и открылъ имъ возможность забыть старые счеты, устроить новый *modus vivendi*, положить начало новымъ отношеніямъ и новымъ чувствамъ. Какъ обозначились и въ чемъ выразились эти новыя отношенія, объ этомъ надѣемся со временемъ сказать свое слово.

Л. Мацѣевичъ.

Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей.

(Литературный памятникъ второй половины XVIII вѣка).

Стихотворное произведеніе подъ этимъ заглавіемъ мы имѣемъ въ трехъ неполныхъ спискахъ. Одинъ изъ нихъ, заключающій меньше половины сохранившагося текста „Разговора", найденъ г. П. Ефименкомъ въ рукописномъ сборникѣ второй половины XVIII вѣка, писанномъ, судя по одному заключающемуся въ немъ прошенію дьяка коропской школы, 1761 года, въ глуховской сотнѣ, нынѣшней черниговской губерніи. Другіе же два списка, болѣе полные, но все таки безъ окончанія и съ пропускомъ въ серединѣ, хранятся въ Румянцевскомъ Музеѣ, куда они поступили вмѣстѣ съ другими бумагами И. Е. Бецкаго. Изъ нихъ одинъ относится тоже ко второй половинѣ XVIII вѣка, а другой сдѣланъ въ 1833 году. Впрочемъ, разница между послѣдними двумя списками состоитъ только въ томъ, что въ древнѣйшемъ спискѣ не сохранилось начала „Разговора", которое, надо полагать, утрачено уже послѣ снятія втораго списка, въ которомъ сохранилось это начало. Затѣмъ, новѣйшій списокъ представляетъ изъ себя буквальное воспроизведеніе древняго, съ нѣкоторыми искаженіями и значительными промахами противъ него. Копіистъ 1833 года до того рабски слѣдовалъ своему оригиналу, что не обратилъ вниманія на путаницу въ пагинаціи его и переписалъ его въ безпорядкѣ, перенесши середину въ конецъ, а конецъ въ середину. По видимому, переписчикъ признавалъ этотъ „Разговоръ" законченнымъ, между тѣмъ какъ по тщательномъ разсмотрѣніи его оказывается, что онъ дошелъ до

насъ безъ конца[1]). Но этотъ позднѣйшій списокъ важенъ замѣтками И. Е. Бецкаго о происхожденіи и судьбѣ рукописи.

О происхожденіи и судьбѣ списковъ Румянцевскаго Музея И. Е. Бецкій говоритъ слѣдующее: „сочиненіе получено было мною отъ В. Т. Анастасевича съ слѣдующею надписью: „копія списана для г. Домонтовича и послана 29 іюля 1833. Къ митрополиту Евгенію послалъ выписку изъ оной о Шереметевѣ; онъ въ отвѣтѣ своемъ называетъ ее прелюбопытною". Сочиненіе это получено было г. Анастасевичемъ въ проѣздъ его изъ Вильны обратно въ С.-Петербургъ чрезъ *Смѣлое* (полтавской губ., роменскаго уѣзда). Должно думать, писано въ царствованіе Елизаветы, послѣ 1739-хъ годовъ, кои явно упоминаются прошедшими".

Бецкій придавалъ этому „Разговору" большое значеніе и хотѣлъ издать его въ своемъ альманахѣ „Молодикъ", выходившемъ въ 1843—1844 годахъ. „Самъ Нарушевичъ, писалъ онъ,— столь важнѣйшія имѣвшій сокровища для своей исторіи, часто ссылается на современныя съ описываемыми имъ событіями пѣснотворенія. У насъ-же и рудникъ едва начатъ. Есть множество списокъ различныхъ въ журналахъ, въ этомъ кладбищѣ русской прошедшей жизни... Доказано древнѣйшими примѣрами, что исторія началась стихами и что первые историки были поэты; всякій народъ начинаетъ свою исторію пѣснями, сочиненными задолго до принятія письма и изображающими событія; всякое племя имѣетъ своихъ баяновъ, какъ греки имѣли своего Омира. Сѣверные исторіографы и теперь прибѣгаютъ къ помощи рунъ и сагъ. Въ семъ отношеніи найпаче малороссійская исторія достопамятна; пѣсни до сихъ поръ не всѣ изданы". Но желаніе Бецкаго издать „Разговоръ" не увѣнчалось успѣхомъ. Начальникъ III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи Дубельтъ, имѣвшій сильное давленіе на тогдашнюю цензуру и литературу, на цензурномъ спискѣ этого „Разговора" написалъ слѣдующее: „Если-бы я былъ цензоръ, то не допустилъ-бы къ напечатанію, потому что тутъ обида Россіи, обида и Малороссіи: первая дѣлаетъ глупые вопросы, вторая хвастаетъ, какъ старая баба и наконецъ—сердце ея изнемогаетъ отъ нашего ига!??"

---

[1]) Краткія свѣдѣнія объ этихъ спискахъ „Разговора" сообщены въ „Историческомъ Вѣстникѣ", за май 1881 г., стр. 199—200.

Къ удивленію, самъ г. Бецкій не замѣтилъ спутанности пагинаціи и текста „Разговора“, который вслѣдствіе этого доходитъ, мѣстами, до положительной темноты и безсмыслицы. Г. Дубельтъ увидѣлъ въ этомъ „Разговорѣ“ что-то нескладное и неладное и понялъ это въ дурную сторону, будто-бы сердце Малороссіи, по ея словамъ, изнемогаетъ отъ нашего, т. е. великорусскаго ига. Въ самомъ дѣлѣ, въ обоихъ румянцевскихъ спискахъ „Разговора“ онъ заканчивается выраженіемъ какой-то глубокой скорби со стороны Малороссіи,—скорби, которую можно принять за скорбь о потерѣ Малороссіей своей самостоятельности. Вотъ какъ она плачется здѣсь на свою участь:

Глаза имѣя, безъ глазъ стоимъ оцѣпенѣвъ,
Безъ рукъ кажемся храбри, прежде руки имѣвъ.
Уже и лица наша потупились, слезы
Падаютъ колеблющись и колѣна дрожа,
Изнемогаютъ сердца каменемъ утѣснена.

Послѣднія слова, подчеркнутыя Дубельтомъ, онъ и понялъ въ смыслѣ сѣтованія Малороссіи на московское будто-бы иго. А между тѣмъ они суть не что иное, какъ только продолженіе стихотворнаго плача Малороссіи по поводу смерти любимаго ея гетмана Богдана Хмельницкаго, оторванное отъ естественнаго своего начала и поставленное не кстати въ самомъ концѣ рукописи, гдѣ оно имѣетъ какой-то неопредѣленный, загадочный смыслъ.

Возстановивъ естественный порядокъ и смыслъ рукописи, мы, напротивъ, не находимъ въ „Разговорѣ“ ничего обиднаго ни для Россіи, ни для Малороссіи: первая спрашиваетъ Малороссію объ ея происхожденіи, историческихъ судьбахъ и заслугахъ ея для Россіи; вторая разсказываетъ свою исторію и перечисляетъ заслуги свои, оказанныя русскому народу и государству. Вотъ краткое содержаніе „Разговора“.

Малороссія ведетъ свой родъ отъ древнихъ козаровъ (хазаръ) и разсказываетъ, что она сначала управлялась своими вождями, потомъ подчинилась польскимъ королямъ, а наконецъ добровольно отдалась подъ власть россійскихъ государей и оказывала, и оказываетъ имъ важныя услуги. Послѣдовательная исторія Малороссіи ведется только съ 1506 года, съ гетманства Леслава Ляцкоронскаго. За нимъ слѣдовали: Венжикъ Хмельницкій, поразившій въ 1534 году крымскую орду подъ Заславлемъ; Свирговскій, одержавшій надъ турками 14 побѣдъ; Богданко, разбившій въ 1576

году на голову крымскихъ татаръ; Шахъ, побившій въ 1577 году молдаванъ, и Петръ Конашевичъ, взявшій городъ Кефу и сражавшійся съ турками подъ Хотиномъ. Всѣ эти гетманы дѣйствовали въ согласіи съ поляками и имѣли общіе съ ними интересы. Но попытки поляковъ привесть козаковъ къ западной церкви и обложить ихъ данью вызвали цѣлый рядъ козацкихъ возстаній, подъ предводительствомъ Наливайка, Тараса Трясилы и др. Упомянувъ кратко объ этихъ возстаніяхъ, Малороссія съ подробностію касается эпохи Богдана Хмельницкаго, перечисляетъ всѣ его побѣды надъ поляками: на Желтыхъ Водахъ, подъ Корсуномъ, Пилявцами, Збаражемъ, Жванцемъ и въ другихъ мѣстахъ, восписываетъ похвалу этому гетману и оплакиваетъ его кончину. Послѣ Богдана Хмельницкаго Малороссія входитъ въ общую жизнь Россіи; она не хочетъ уже говорить о своихъ подвигахъ, которые совершаются теперь на глазахъ самой Россіи и потому должны быть извѣстны ей; но Великороссія желаетъ отъ самой Малороссіи слышать правдивый разсказъ о послѣдующей ея судьбѣ. Малороссія исполняетъ ея желаніе и разсказываетъ объ отраженіи польскаго короля Яна Казиміра отъ Глухова при гетманѣ Брюховецкомъ (1664 г.), о побѣдѣ того-же Брюховецкаго надъ Яблоновскимъ подъ Бѣлой-Церковью (1665 г.), о пораженіи татаръ переяславскимъ полковникомъ Думитрашкомъ надъ Ташлыкомъ (1674 г.), о сожженіи очаковскаго уѣзда козаками (1690 г.), объ осадѣ Очакова (1692 г.) и вообще о сторожевой службѣ козаковъ противъ татарскихъ набѣговъ. Особенное сочувствіе высказываетъ Малороссія къ бѣлоцерковскому полковнику Семену Палѣю, борзенскому уроженцу, который съ охотнымъ отборнымъ войскомъ своимъ оберегалъ границы русскія отъ татарскихъ набѣговъ. Онъ ходилъ въ Бендерщину и въ Бѣлогородчину (Аккерманъ), посылалъ своихъ козаковъ въ Буджакъ, дважды добывалъ Очаковъ и при этомъ однажды ворвался въ крѣпость на плечахъ самихъ турокъ. Схваченный коварно поляками и сосланный въ Магдебургъ, онъ бѣжалъ оттуда, поразилъ поляковъ подъ Фастовомъ и обратилъ въ бѣгство польскаго полковника Рустича. Въ 1695 году всѣ малороссійскіе, слободскіе и запорожскіе козаки участвовали въ походѣ Бориса Петровича Шереметева противъ татаръ и турокъ, взяли четыре каменные города, плѣнили множество турокъ, разорили Кази-Керменъ и Муберенъ и въ 1696 году много содѣйствовали взятію Азова. Подъ Азовомъ было козацкаго войска пятнадцать тысячъ, подъ начальствомъ полковниковъ гадячскаго Михаила Бо-

роховича, лубенскаго Леона Свѣчки, прилуцкаго Димитрія Горленка и черниговскаго Якова Лизогуба, который былъ въ то время наказнымъ гетманомъ. Въ то-же время запорожскій атаманъ Яковъ Чалый съ малымъ числомъ козаковъ ходилъ по морю и взялъ восемь турецкихъ кораблей. Черезъ 37 лѣтъ послѣ взятія Азова, т. е. 1733—4 г., полковникъ Галаганъ разбилъ приверженцевъ *ex*-короля польскаго Лещинскаго подъ Солодковцами, а въ 1735—1739 годахъ козаки участвовали въ осадѣ Очакова и Хотина.

Перечисливши всѣ эти подвиги и заслуги козаковъ въ хронологическомъ порядкѣ, Малороссія хотѣла оглянуться назадъ и припомнить заслуги престарѣлаго Палѣя во время полтавской битвы 1709 года. По этому поводу Великороссія укоряетъ свою собесѣдницу измѣной Мазепы. Малороссія отвѣчаетъ:

...Измѣна тогда не всей меня была,
Отъ одного Мазепы толко произойшла,
Съ коимъ никогда о томъ не соглашалась я,
Естли-же сіе меня не можетъ оправдить,
И буди то, что онъ былъ, станешь вѣкъ твердить,
То вспомни ты сама всѣхъ измѣнниковъ своихъ.

Затѣмъ слѣдуетъ перечень всѣхъ этихъ измѣнниковъ, къ числу коихъ въ „Разговорѣ" отнесены: стрѣльцы, князь Василій Голицынъ, сосланный въ Сибирь за взятый ими отъ татаръ подкупъ (1689 г.), Шереметевъ, отданный во время чудновской битвы поляками татарамъ въ неволю (1660 г.), въ которой пробылъ больше 20 лѣтъ, Лопухинъ, казненный Петромъ I по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, графъ Петръ Андреевичъ Толстой, Шеинъ, не подавшій козакамъ помощи въ сраженіи ихъ съ татарами на Черной Долинѣ въ 1736 году, генералъ-адмиралъ и кабинетъ-министръ Андрей Остерманъ, оберъ-гофмаршалъ Левенвольдъ, канцлеръ Михайло Головкинъ, коммерцъ-коллегіи президентъ Менгденъ и др. Въ противоположность этимъ русскимъ якобы измѣнникамъ, Малороссія указываетъ, за послѣднее время, на Разумовскихъ, оказавшихъ важныя услуги русскимъ государямъ:

Знаешь-ли Разумовскихъ, родившихся во мнѣ?
Какъ Елисаветѣ одинъ изъ тѣхъ услужилъ,
Какъ и Екатеринѣ другой вѣрность открылъ?

На этомъ и прерывается „Разговоръ" по имѣющимся у насъ спискамъ его, очевидно составленный не ранѣе царствованія Екатерины II.

Большая часть историческихъ свѣдѣній, заключающихся въ „Разговорѣ“, заимствована авторомъ изъ „Краткаго описанія Малороссіи“, составленнаго неизвѣстнымъ авторомъ около 1734 года [1]); но есть и такія свѣдѣнія, которыя или несогласны съ извѣстіями „Краткаго описанія“, или представляются совершенно новыми. Несогласно съ „Краткимъ описаніемъ Малороссіи“ авторъ „Разговора“ говоритъ о происхожденіи козаковъ отъ козаровъ или хазаръ и представляетъ неудачныя битвы Богдана Хмельницкаго съ поляками подъ Берестечкомъ и Бѣлою-Церковью въ благопріятномъ для козаковъ свѣтѣ. Новыми являются свѣдѣнія о Семенѣ Паліѣ, ворвавшемся въ Очаковъ на плечахъ турковъ, о подвигахъ Якова Чалаго подъ Азовомъ въ 1696 году, географическія подробности о пораженіи полковникомъ Галаганомъ поляковъ подъ Солодковцами въ 1734 году, а также свѣдѣнія о посылкѣ, въ царствованіе Анны Іоанновны, избранныхъ козаковъ въ Пруссію для обученія воинскому искусству, объ участіи козаковъ въ осадѣ Очакова и Хотина въ 1735—1739 годахъ и проч.

Но главный интересъ разсматриваемаго „Разговора“, по намѣренію его автора, состоялъ не въ сообщеніи новыхъ свѣдѣній, а въ группировкѣ уже извѣстныхъ и освѣщеніи ихъ опредѣленною мыслію.

Уже само „Краткое описаніе Малороссіи“, легшее въ основу нашего „Разговора“, не есть собственно хроника, но задается опредѣленною историческою мыслію. „Строго говоря, *Краткое описаніе Малороссіи*, пишетъ его издатель, нельзя назвать хроникой или лѣтописью, т. е. погодной запиской о прошлыхъ событіяхъ; скорѣе это краткая систематическая исторія Малороссіи съ эпохи великокняжеской до 30-хъ годовъ XVIII вѣка, хотя и изложенная по годамъ. Составленіе ея указываетъ на тотъ любопытный моментъ въ исторіи общественнаго развитія въ южной Руси, когда здѣсь періодъ лѣтописанія приходилъ къ концу, и въ средѣ болѣе образованныхъ слоевъ малороссійскаго общества явилась потребность въ систематически связной исторіи края. Первой попытки удовлетворить эту потребность нельзя не видѣть въ замѣчательномъ для своего времени трудѣ гадяцкаго

---

[1]) Оно издано въ книгѣ: „Лѣтопись Самовидца по новооткрытымъ спискамъ, съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ „Хмельницкой“, „Краткаго описанія Малороссіи“ и „Собранія историческаго“. Кіевъ. 1878.

полковника Григорія Грабянки, человѣка ученаго и книжнаго, близко знакомаго съ малороссійскимъ и польскимъ лѣтописаніемъ. Составляя около 1710 года свою „Исторію о презѣльной брани", онъ предпослалъ ей введеніе „о началѣ проименованія козаковъ, отъ коего рода и племени, купно-же и древнѣйшихъ ихъ дѣйствіяхъ", послѣ чего слѣдуетъ у него сказаніе, „како Малая Россія подпаде лядскому игу", начинающееся отъ стараго Владиміра и междоусобія его сыновей. Но Грабянка не съумѣлъ до конца выдержать роли историка: съ эпохи Богдана Хмельницкаго его исторія болѣе и болѣе впадаетъ въ тонъ лѣтописи. Можетъ быть поэтому, а вѣрнѣе вслѣдствіе разбросанности и многорѣчивости, трудъ Грабянки не вполнѣ удовлетворялъ требованіямъ земляковъ, желавшихъ имѣть связную исторію своей родины. И въ отвѣтъ на эти требованія явилось „Краткое описаніе Малороссіи". Основная мысль этого сочиненія — поставить собственно козацкій періодъ исторіи Малороссіи въ непосредственную связь съ эпохой болѣе ранней—великокняжеской. Эта мысль, помимо содержанія, видна уже въ самомъ заглавіи „Краткаго описанія", гдѣ неизвѣстный историкъ Малороссіи ставитъ себѣ задачей показать, „какъ оная, послѣ самодержавія великаго князя Владиміра, была подъ польскимъ владѣніемъ, и какъ нескоро послѣ того, по изгнаніи изъ оной ляховъ гетманомъ Зиновіемъ Богданомъ Хмельницкимъ, приведена подъ высокодержавную руку государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, самодержца всероссійскаго", и проч. Исходя изъ этой мысли и въ виду цѣлей преимущественно систематизаціи, автору „Краткаго описанія" не было нужды собирать историческія свѣдѣнія, подобно своему предшественнику, „зъ розныхъ лѣтописцовъ и изъ діаріушовъ и самобитныхъ старожиловъ свидѣтельствъ": воспользовавшись довольно обстоятельнымъ трудомъ Грабянки, онъ выбралъ изъ него все, что считалъ болѣе важнымъ въ исторіи Малороссіи, и передалъ это въ формѣ простаго и чрезвычайно сжатаго, но яснаго разсказа, доведя изложеніе событій по 1734 годъ. Что „Краткое описаніе" есть компиляція или, вѣрнѣе, выборка изъ лѣтописи Грабянки, въ этомъ легко убѣдиться, сличивъ эти сочиненія между собою; но, нужно отдать справедливость, компиляція эта составлена весьма искусно, такъ что представляетъ гораздо болѣе стройности и цѣлостности, чѣмъ ея оригиналъ. Языкъ „Описанія" гораздо болѣе приближается къ русскому литературному языку XVIII вѣка, нежели

въ другихъ малороссійскихъ лѣтописяхъ; въ немъ нѣтъ подражательности польско-латинскому стилю, какая замѣчается въ лѣтописи Велички, и оно совершенно чуждо вычурности и церковно-славянской риторики лѣтописи Грабянки. Собственно въ немъ отброшена многорѣчивость послѣдней и принято только фактическое ея содержаніе, отчего „Описаніе", будучи по объему вдвое меньше лѣтописи Грабянки, немного уступаетъ въ полнотѣ содержанія своему оригиналу... Не смотря на множество фактическихъ и хронологическихъ ошибокъ, „Краткое описаніе Малороссіи", благодаря краткости и ясности своего изложенія, вполнѣ, какъ видно, пришлось по вкусу современникамъ и вскорѣ получило широкое и довольво разнообразное употребленіе. Такъ, историкъ Малороссіи Н. Маркевичъ свидѣтельствуетъ, что гетманъ Разумовскій приказалъ сдѣлать съ этой хроники копію, оригиналъ которой онъ подарилъ потомъ академіи наукъ. Копія впослѣдствіи находилась въ яготинской библіотекѣ князя Василія Николаевича Рѣпнина, а имъ получена по наслѣдству отъ матери его, княгини Варвары Алексѣевны, урожденной графини Разумовской, родной внуки гетмана. Этимъ же спискомъ пользовался и самъ Н. Маркевичъ, постоянно называя его въ своихъ ссылкахъ „лѣтописью гетмана Разумовскаго". Вслѣдъ затѣмъ, въ 1777 году, членъ Вольнаго Россійскаго Собранія при московскомъ университетѣ Василій Григорьевичъ Рубанъ издалъ свою „Краткую лѣтопись Малыя Россіи", будто-бы полученную имъ отъ преосвященнаго Георгія Конисскаго; но эта лѣтопись есть не что иное, какъ буквальный почти списокъ „Краткаго описанія". Небольшая разница между ними замѣчается въ томъ, что языкъ лѣтописи Рубана новѣе и чище, и кромѣ того нѣкоторыя событія (напр. войны Хмельницкаго) переданы болѣе сжато, иныя-же дополнены по другимъ записямъ; но для насъ ясно, что эти, чисто стилистическія, впрочемъ, измѣненія должны быть приписаны кіевскому полковнику, впослѣдствіи канцлеру и свѣтлѣйшему князю, Александру Андреевичу Безбородку, который, какъ видно изъ предисловія, дополнилъ лѣтопись Рубана изложеніемъ событій съ 1734 по 1776 годъ, а также составилъ „Изъявленіе образа правленія въ Малой Россіи" и приложилъ списокъ гетмановъ и другихъ старшинъ. Спустя 16-ть лѣтъ послѣ изданія лѣтописи Рубана, та-же самая хроника „Краткое описаніе" послужила основой и для другаго историческаго сочиненія о Малороссіи, изданнаго въ 1788 году въ Парижѣ Шереромъ,

подъ заглавіемъ: "Annales de la Petite Russie". Между прочимъ, этой хроникѣ суждено было войти, хотя отчасти, въ составъ одного изъ самыхъ цѣнныхъ памятниковъ малороссійской исторической письменности — лѣтописи Самовидца. Это случилось въ половинѣ прошлаго вѣка. Одинъ изъ переписчиковъ лѣтописи Самовидца, желая округлить ее, списалъ изъ „Краткаго описанія" начало, гдѣ разсказывается о событіяхъ въ Малороссіи до войнъ Хмельницкаго, приточилъ къ лѣтописи Самовидца въ видѣ историческаго введенія къ ней, и продолжилъ эту лѣтопись, прерывающуюся 1702 годомъ, разсказомъ о событіяхъ по 1734 годъ, списавъ его изъ того-же „Описанія". Въ такомъ видѣ одинъ изъ списковъ лѣтописи Самовидца попалъ въ руки Бодянскаго, который при изданіи лѣтописи слѣдовалъ этому списку преимущественно [1]).

Авторъ „Разговора Великороссіи съ Малороссіей", очевидно, тоже принадлежалъ къ числу почитателей „Краткаго описанія Малороссіи"; но онъ не ограничился лишь заимствованіемъ историческаго матеріала изъ этого описанія и восполненіемъ его изъ доступныхъ ему источниковъ, а повелъ дѣло далѣе, подчинивъ этотъ матеріалъ опредѣленной, тенденціозной мысли и придавъ ему посильную литературную отдѣлку.

Мы уже знаемъ, что основною мыслію „Краткаго описанія Малороссіи" было поставить собственно козацкій періодъ исторіи Малороссіи въ непосредственную связь съ эпохой болѣе ранней—великокняжеской. Эта-же мысль отражается и на разсматриваемомъ нами „Разговорѣ"; но ближайшею, непосредственною задачею его было показать исконныя родственныя связи Малороссіи съ Великороссіей, существовавшія уже при первыхъ русскихъ князьяхъ, которыя временно нарушены были польскимъ владычествомъ надъ Малороссіей, но тѣмъ не менѣе всегда побуждали послѣднюю возсоединиться съ Великороссіей, а по возсоединеніи оказывать ей и русскимъ государямъ важныя услуги. Отсюда самъ собою слѣдуетъ выводъ, что Малороссія заслуживаетъ полной признательности и справедливости со стороны Великороссіи. Ближайшимъ поводомъ къ составленію „Разговора" могла быть перемѣна правительственныхъ отношеній къ

---

[1]) Лѣтопись Самовидца съ приложеніями, Кіевъ, 1878 г., предисловіе стр. III—VIII.

Малороссіи, послѣдовавшая со смертію Елизаветы Петровны, когда Екатерина II задумала уничтожить гетманское достоинство въ Малороссіи и сравнять послѣднюю съ Великороссіей и въ другихъ отношеніяхъ. Изъ „Разговора“ видно, что на Малороссію теперь стали уже смотрѣть довольно косо, какъ на авантюристку, переходившую отъ одного государства къ другому, которая присоединилась къ Россіи только по необходимости, вслѣдствіе крайняго истощенія своихъ силъ въ борьбѣ съ врагами, и подъ владычествомъ Россіи запятнала себя измѣною въ лицѣ Мазепы. Чины малороссійскіе считались ниже соотвѣтствующихъ чиновъ великорусскихъ, да и самая Малороссія признавалась какъ бы вассальною страною по отношенію къ Великороссіи. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ началѣ царствованія Екатерины II нѣкоторые изъ малорусскихъ архіереевъ жаловались на приниженіе малорусскихъ духовныхъ лицъ предъ великорусскими въ это время. Въ 1763 году бѣлгородскій епископъ Іоасафъ Миткевичъ писалъ одному полтавскому пріятелю своему слѣдующее: „Бѣда да горе! всѣ теперъ малороссіяне вездѣ въ крайнемъ презрѣніи; самые честные люди остаются съ нашыхъ, а въ Тферъ, а въ Владиміръ промованы, которіи еще и недавно монахами съ русскихъ, однакъ добріе люде и достойные. Сіе по прочетѣ прошу сожечъ; а я разсуждая теперъ пребѣдное отчества состояніе, плачу и воздыхаю. Господи помилуй“ [1]). Въ виду такихъ обстоятельствъ, авторъ „Разговора“, какъ малорусскій патріотъ, старается доказать историческими фактами, что Малороссія искренно и чистосердечно присоединилась къ московскому государству и оказала ему громадныя услуги, что на нее не должно падать нареканіе за измѣну Мазепы, какъ единичнаго лица, которому не сочувствовала Малороссія, и что подобныхъ Мазепѣ измѣнниковъ своимъ государямъ въ самой Великороссіи было гораздо больше, чѣмъ въ Малороссіи. А какъ добровольно присоединившаяся къ московскому государству и постоянно остававшаяся ему вѣрною, она имѣетъ права на нѣкоторыя своеобразныя особенности, унаслѣдованныя отъ прежнихъ временъ, и на равенство съ Великороссіей въ чинахъ. Вотъ какъ отвѣчаетъ Малороссія Великороссіи въ „Разговорѣ“:

---

[1]) Нѣсколько страницъ изъ хроники южнорусской епархіальной жизни въ прошломъ вѣкѣ, въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“, 1880 г., т. II, стр. 344.

Не тебѣ, государю твоему поддалась,
При которыхъ ты съ предковъ своихъ и родилась.
Не думай, чтобъ ты сама была мой властитель,
Но государь твой и мой общій повелитель.
А разность наша есть въ приложенихъ именахъ.
Ты Великая, а я Малая живемъ в смежнихъ странахъ.
Что-жъ я Малой называюсь, а ты Великой,
То какъ тебѣ, такъ и мнѣ ни мало не дико.
Ибо твои предѣлы пространнѣе моихъ,
А мои обширностями поменше твоихъ...
Такъ мы с тобою равни и одно составляемъ
Одному, не двумъ государямъ присягаемъ,—
Почему почитаю тебя равну себѣ.
Не говори: какъ обществу поддалась и тебѣ!
Самодержецъ твой и мой шлетъ тебя я меня,
Одинъ онъ отзываетъ изъ походу шля,
А не ты республикою повелѣваешь мною.
Ничѣмъ не умаленна царемъ я предъ тобою,
Оставленна также я при своихъ чинахъ всѣхъ,
Обнадежена и впредь милостію тѣхъ.

Послѣднія слова даютъ понять, что „Разговоръ" составленъ до упраздненія гетманскаго достоинства, съ отказомъ Разумовскаго отъ гетманства въ 1764 году. Это отчасти подверждаетъ и самый языкъ „Разговора", по словамъ Бецкаго, значительно „омоскалившійся", который на этомъ пути занимаетъ середину между „Краткимъ описаніемъ Малороссіи" 1734 года и „Краткою лѣтописью Малыя Россіи" Рубана, 1777 года.

Въ видахъ публицистическихъ, авторъ придалъ своему „Разговору" литературную форму и отдѣлку. „Разговоръ", очевидно, писанъ лицомъ, получившимъ образованіе въ южно-русскихъ школахъ прошлаго вѣка и, можетъ быть, въ кіевской академіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ силлабическія вирши „Разговора", также нѣкоторые излюбленные южно-русскими школьниками сюжеты, попадающіеся въ „Разговорѣ", наконецъ и самая литературная форма этого произведенія. Послѣ появленія тоническаго стихосложенія Ломоносова, силлабическія вирши продолжали употребляться только въ южнорусскихъ школахъ и употреблялись здѣсь приблизительно до 1767 года[1]). Здѣсь, съ легкой руки Ѳеофана Прокопо-

[1]) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ кіевской академіи" отъ начала ея до преобразованія въ 1819 году", въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи", за іюль, 1866 г., стр. 330.

вича, седмая элегія Овидія въ 1-й книгѣ его Tristium передѣлывалась южнорусскими стихотворцами на разные лады[1]). Подобную передѣлку той-же самой элегіи мы встрѣчаемъ и въ „Разговорѣ Великороссіи съ Малороссіей", влагаемую здѣсь въ уста козаковъ, оплакивавшихъ смерть Богдана Хмельницкаго. Самая форма произведенія,—разговоръ или діалогъ, тоже очень нерѣдко встрѣчается въ южнорусской школьной литературѣ. Такъ, мы встрѣчаемъ въ XVIII вѣкѣ, между произведеніями южнорусскихъ ученыхъ: „Разговоръ гражданина съ селяниномъ да дьячкомъ или пѣвцомъ" и „Разговоръ гражданина съ тектономъ или древодѣлемъ" Ѳ. Прокоповича, Діалогъ двухъ учениковъ предъ Елизаветою Петровною въ 1744 году, Діалогъ пастырей, писанный послѣ 1750 года, Разговоръ священника съ іеромонахомъ объ ожидаемомъ улучшеніи быта духовенства, послѣ 1775 года[2]), Стихотворный сатирическій разговоръ кіево-печерскихъ монаховъ, 1 мая, 1786 года, по поводу предстоявшаго отобранія монастырскихъ имуществъ въ казну[3]), и др. По своему строю и складу, „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей" ближе всего подходитъ къ разговорамъ Ѳеофана Прокоповича и отчасти къ „Разговору священника съ іеромонахомъ", отличаясь отъ нихъ только стихотворнымъ размѣромъ. Что-же касается содержанія и характера, то въ этомъ отношеніи нашъ „Разговоръ" стоитъ гораздо выше означенныхъ разговоровъ Ѳ. Прокоповича и „Разговора священника съ іеромонахомъ" и можетъ быть поставленъ рядомъ съ замѣчательнымъ по своему времени драматическимъ произведеніемъ кіевской академіи, подъ заглавіемъ „Милость Божія", 1728 года. Послѣдняя пьеса написана по поводу возшествія на престолъ Петра II и возстановленія гетманскаго достоинства въ лицѣ Даніила Апостола и съ благоговѣніемъ воспоминаетъ Богдана Хмельницкаго, какъ идеальную личность въ козацкой исторіи[4]). Равнымъ образомъ и „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей", пробѣгая всю почти исторію Малороссіи, съ особливою внимательностію и любовію останавливается на эпохѣ Богдана Хмельницкаго и ставитъ его въ центрѣ мало-

[1]) Тамъ-же за январь, 1867 г., стр. 101. См. мои „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.", 1881 г., стр. 17.

[2]) „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.", 1881 г., стр. 26 и др.

[3]) Изданъ въ „Русской Старинѣ" за 1880 годъ.

[4]) „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка" 1880 г., стр. 51 и слѣд.

русской исторіи. Сходенъ нѣсколько и анализъ чувствъ дѣйствующихъ лицъ въ обѣихъ пьесахъ. Но авторъ „Разговора“ писалъ уже его не на школьной скамьѣ и присматривался къ дѣламъ внутренней политики Россіи не изъ-за школьныхъ стѣнъ, а болѣе близко и непосредственно. Очень можетъ быть, что онъ и самъ участвовалъ въ нѣкоторыхъ воинскихъ дѣлахъ, о которыхъ въ первый разъ сообщаются свѣдѣнія въ его „Разговорѣ“.

Передаемъ самый текстъ „Разговора“, насколько онъ сохранился, съ подстрочными примѣчаніями къ нему, допустивъ въ орѳографіи его, въ мѣстахъ потребныхъ, *ы* вм. господствовавшаго *и*.

Н. Петровъ.

Разговоръ Великороссіи съ Малороссіею.

Великороссія. Кто ты такова родомъ, откуду взялася?
Скажи, скажи начало, съ чего произвелася?

Малороссія. Отъ древнихъ казаровъ родъ веду и начало [1]),
Названій сперва было у меня немало;
Ибо, по полунощныхъ разсѣянна странахъ,
Въ готскихъ, жмудскихъ и другихъ слыла я именахъ.

В.-Р. И нынѣ какъ зовешся—обяви точно мнѣ,
Подъ кимъ прежде жила, иль кто подлежалъ къ тебѣ?

М.-Р. Отъ разсѣяній Малой Россіею слыву [2]),
Издавна своими было вождами живу
И непріятелямъ многимъ сопротивлялась,
Силно, храбро и бодро съ оними сражалась,
Потомъ къ полскимъ королямъ стала ужъ надлежать,
А оттуда отдалась другихъ царей искать.

---

[1]) О казарскомъ происхожденіи козачества довольно любопытную статью г. Изопольскаго помѣстилъ Виленскій сборникъ Atheneum, издав. г. Крашевскимъ. См. »Исторію Новой Сѣчи«, А. Скальковскаго, 2 изд. 1846 г., ч. 1, стр. 23.

[2]) О производствѣ названія Россіи отъ »россѣянія« см. »Синопсисъ« Иннокентія Гизеля, Кіевъ, 1678 г., лист. 7.

В.-Р. Кому послѣ в защиту себя привернула
И кому повѣкъ ужо служить присягнула?
М,-Р Россійскаго Государя предъ всѣми почла,
Ему доброволно себя вѣчно предала
В.-Р. Зачимъ было тебѣ отъ Полши отдиляця,
Зачимъ другому государю предаваця?
Видно, что не можешъ при одномъ долго служить,
Рвешся толко туда и сюда переходить;
Одна самоволность тебя к тому доводитъ,
Которая ненависть к тебѣ другихъ родитъ.
М.-Р. Сего вправду сказать ты не можетъ про меня,
Будто по самоволности перехожу я:
Но видя толь славнаго россійскаго царя,
Поддаласъ ему вѣчно, на турковъ несмотря,
Кои много разъ ко мнѣ дары присылали
И поддачи моей имъ всемѣрно желали.
Я-жъ христианскаго государя предпочла,
Ему в защищеніе повѣкъ себя дала;
Ибо тамъ силы мои много истощались,
Когда поляки злобно надо-мною здѣвались,
Почему здѣсь я уже на вѣкъ утвержденна,
Силною рукою отъ враговъ будучи спасенна.
В.-Р. Такъ ты толко видно тѣмъ вздумала поддаця,
Что не могла своею тамъ силою защищаться,
А не по усердію и вѣрности прямой,
И сидя спокойно ползуешся толко мной?
М.Р. Усердіе мое и вѣрность видишь явну,
Доброволну поддачу почетъ за вещь главну,
Чего ежелибы во мнѣ вправду не было,
Войско бы мое себя ему не поддало,
Но искало-бъ въ защиту свою власти другой.
Вспомни, что̀ представила я выше предъ тобой!
И сего не можешь промолвить ты устами,
Будто одними живу твоими трудами;

Ибо в мирно толко время спокойно сижу,
А в воинское и своихъ всѣхъ силъ не щажу.
В.-Р. Да гдѣ и какіе твои силы и сколко?
М.-Р. Войска моего щитается нынѣ столко,
Что можно сто иль болше еще тысячь набрать.
Ежели просто толко числомъ полки щитать,
Но имѣю десять весма доволныхъ полковъ [1]),
Кои изъ самихъ лучшихъ состоятъ козаковъ.
А о мѣстѣ и качествѣ спрашивать странно,—
Оно въ своихъ предѣлахъ стройно и пространно.
В.-Р. Есть ли экзерциція воинская у нихъ,
И были-ль гдѣ в походахъ и именно в какихъ,
Кто надъ оними былъ и естъ комендиръ главной,—
Представъ, буди знаешь ты, свой видъ какой явной.
М.-Р. Хотя экзерциціи далной у мене нѣтъ,
Однакъ к воинскимъ дѣламъ привыкла з давнихъ лѣтъ
И неутомимой храбростію своей
Притупила непріятелскихъ много мечей.
Про проворство-жъ мое воинское в походѣ
Скажу тебѣ, что было в трицятъ пятомъ годѣ.
Анны імператрици послѣдовалъ указъ
Выбрать изъ козаковъ сто для пробы одинъ разъ
И отослать онихъ до пруского короля,
Чтобъ обучить военной регули немедля,
Дабы из того лучше было можно усмотрѣть,
Какихъ козацкая храбрость есть въ себѣ примѣтъ,
Кои за одинъ годъ такъ остро обучены,
Что когда в Санктъ-Питербурхъ были приведены
И предъ самимъ Государыни оной лицемъ
Регулу воинскую оказали во всемъ;

---

[1]) Въ 1776 году были слѣдующіе 10 полковъ: стародубскій, черниговскій, кіевскій, нѣжинскій, прилуцкій, переяславскій, лубенскій, гадячскій, миргородскій и полтавскій. См. »Изъясненіе настоящаго образа правленія Малыя Россіи«, при »Краткой лѣтописи Малыя Россіи«, Рубана, 1777 года.

То Государыня при многихъ тамъ господахъ
Дивуясь, изволила открится в сихъ словахъ:
Доволна-бъ я была,
Когда-бъ гвардія моя такъ явится могла.
И такъ онимъ козакамъ награжденіе давъ,
Къ Глухову означенны (х) при указѣ пославъ [1]).
Бросили козаковъ учить регули съ поръ тѣхъ,
Разсуждая, что природна храбрость у нихъ всѣхъ.
За той же Государыни на четвертой годъ (1739)
Минихъ, ненавидя малороссійской народъ,
Когда на вопросъ отъ Ея Величества данъ
Злобно похулить вздумалъ всѣхъ малороссіянъ,
То притомъ другой фелтмаршалъ Лессій обличилъ
Оную Миниха неправость и обявилъ,
Что малороссійской народъ во всомъ усердній,
Россійскому государству нелестно верній
И въ сопротивленіяхъ воинскихъ такъ открытъ,
Что никто себя тамъ по вѣрности нещадитъ [2]).
В.-Р. С нетерпеливостію жду отъ тебя отвѣта,—
Бывала-ль въ походахъ и которого лѣта!
Скажи мнѣ и про своихъ началниковъ главнихъ!
А стройность твою уже вижу въ видахъ явнихъ.

---

[1]) Въ полномъ собраніи законовъ российской имперіи мы не нашли такого указа.

[2]) О неблагопріятныхъ отзывахъ Миниха насчетъ козаковъ см. »Исторію Россіи«, Соловьева, т. XX, стр. 98, 117 и др. По словамъ-же Географическаго Словаря (ч. II, стр. 18), »нѣсколько тысячъ человѣкъ (запорожскихъ козаковъ) ходили въ 1736 году съ фельдмаршаломъ графомъ Лассіемъ въ Крымъ и чинило арміи вспоможеніе при завоеваніи Перекопа, Козлова и ханской столицы Бахчисарая. За что фельдмаршалъ храбрые ихъ поступки при дворѣ такъ выхвалилъ, что имъ присланы были отъ Ея Величества, вмѣстѣ съ милостивою грамотою, одинъ большой и четыре малыхъ штандарта, съ государственнымъ гербомъ, бунчукъ, обшитый золотою парчею, серебрянная позолоченная булава для кошеваго и другіе позолоченные серебряные и каменьями осыпанные знаки, также знатная сумма денегъ въ подарокъ«. См. Исторію Новой Сѣчи А. Скальковскаго, 2 изд. 1846 г., т. II, стр. 101.

М.-Р Тысяча пятьсотъ шестого года
Первой гетманъ мой былъ сенаторскаго рода
Леславъ Ляцкоронскій. Сей когда мною управлялъ
Многократно съ козаками турковъ побиждалъ.
Двацять восѣмъ лѣтъ спустя Венжикъ Хмелницкій былъ:
Сей гетманъ подъ Заглавемъ орду мною поразилъ,
Которая какъ многочисленна ни была,
Храбрости однакъ моей одолѣть не могла.
Послѣ сорока лѣтъ потомъ гетманъ Свѣрговскій,
С которымъ вмѣстѣ былъ и господаръ волоскій,
Одержалъ надъ турками четырнадцать побѣдъ,
Побивъ и плѣнныхъ много погнавъ за собою вслѣдъ.
Году тысяча пятьсотъ семъдесятъ шестого
Гетманъ Богданко татаръ крымскихъ плѣнилъ много,
А осталныхъ тамже наголову побилъ всѣхъ,
Повоевавъ разорилъ в татарскихъ странахъ тѣхъ [1]).

В.-Р. Знаю ужъ, что начальники твои гетманы.
Скажи еще признаки (про знаки) и кимъ прежъ имъ даны,
О побѣдахъ также, естли болше имѣла,
Скажи, надъ кимъ и съ какимъ при комъ гдѣ успѣла!

М.-Р. Я въкратцѣ выше сего обявила тебѣ,
Много распространять не хотѣла о себѣ
И тѣмъ побѣдъ своихъ пропустила не мало;
Но когда хочешъ слушать, скажу и начало.

---

[1]) О первыхъ гетманахъ здѣсь сказано на основаніи »Краткаго описанія Малороссіи« 1734 г. Мы приводимъ изъ него соотвѣтствующія мѣста по кіевскому изданію 1878 года. »И въ року 1506 первий былъ гетманъ войскъ запорозскихъ изъ фамилии сенаторской именуемый Прецлавъ Лянцкоронскій. Сей многократно землю турецкую съ козаками щастливо воевалъ... 1534. Послѣ того былъ гетманомъ запорожскимъ козакъ Венжикъ Хмелнѣцкий и побылъ великую орду под Заславямъ на Волинѣ. 1574. Опослѣ же, при королѣ полскомъ Генрикѣ французѣ, былъ гетманъ запорожскій Свѣрговскій, который з Иванею, господаремъ волоскимъ, по 14 щастливихъ имъ войнахъ на турковъ, на остатокъ от турковъ в Волохахъ убитъ зосталъ со всѣмъ войскомъ. 1574. Послѣ былъ гетманъ Богданко. Сей повоевалъ Кримъ». (стр. 212 и сл.).

Козаки издавна воинскими дѣлами
Бывали весма храбри своими полками.
На крѣпкой тотъ городъ Цариградъ наступали,
Турковъ и татаръ безчисленно поражали,
Самоволно ходили в помочь царствамъ инимъ,
Безъ платежа служили королевствамъ другимъ,
По воинской охотѣ себе не щадили,
Рѣки переплавали, моря преходили.
Одна та к принятію великихъ нуждъ гнала,
Одна та войной прославлятся понуждала,
Не могла терпѣть и лѣта моя живна кровь,
Чтобъ не послать куда на брань своихъ козаковъ.
Да и сами они нарѣкали на меня,
Если когда скрою войну, в дому ихъ держа.
С великимъ стремленіемъ бѣжали сражаться,
В несказанніи труды горѣли вдаватся,
За отечество, вѣру и вѣрность всѣ бились.
В многихъ опасностяхъ безстрашни находились.
„Доставь, доставь, небо, предковъ нашихъ цѣлость намъ!
Доставь,—кричали,—чтобъ мы не служили врагамъ“!
Россія Малая в цѣлости своей зовусь,
За сыновъ своихъ з непріятелями в кровь бьюсь.
Сыновя мои вѣрни пребудутъ в вѣкъ при мнѣ,
Додержатъ до конца добру храбрость при себѣ
Самопалы, обухи, луки, колчаны стрѣлъ
И списы—оружіе ихъ было из давнихъ временъ.
Тѣмъ однѣмъ предѣлы свои прежь защищали,
С тѣмъ однѣмъ и вдаль к непріятелю ступали.
А о множествѣ толь храбрыхъ козаковъ моихъ
Напомню тебѣ то, что̀ нѣкто сказалъ про нихъ.
Когда салтанъ турецкій объ нихъ спрашивать сталъ,
Именемъ всего общества одинъ отвѣчалъ:
„У насъ что лоза или байракъ, то и козакъ“.
Ибо в малыхъ куреняхъ жили по сту, двѣстѣ
И поболше козаковъ согласно всѣ вмѣстѣ,

Коихъ упражненіе состояло въ войнѣ.
Гнали непріятелей звнутръ себя и внѣ
И такимъ образомъ славились побѣждая,
Богатились, воински добычи взимая.
В тысяча пятъсотъ пятомъ году татаръ збили,
Огнемъ и мечемъ всю землю ихъ поразили.
До тѣхъ поръ козаки с выборними своими
Продолжали брань кровну з землями чужими.
Потомъ Стефанъ Баторій король полскій славній
Привелъ козаковъ еще в лучшій строй и главный;
Ибо чрезъ годъ гетмана над ними поставилъ,
Волности вновь надалъ и прежніе доставилъ,
И прислалъ ему арматы, бунчукъ з булавою
И всякіе воинскіе припасы з корогвою,
Учредивъ тожъ по гетманѣ обозныхъ судей,
Асауловъ, здѣлавъ порядокъ в ихъ странѣ всей,
Опредѣливъ также и полковниковъ в полкахъ,
Привилегіями ствердилъ въ вѣчныхъ временахъ.
При семъ королѣ первій гетманъ опредѣленъ,
Кой в исчисленіи краткомъ выше обявленъ.
На тысячу миль Азію повоевали,
Тогда и Трапезонъ в турковъ козаки взяли
И подъ Константинополемъ с своими браты
Побрали тожъ добычи многія богаты.
А при гетманѣ Шаху (1577 года) молдавцовъ побили,
Такъ что все ихъ войско в крайней бѣдѣ стѣснили.
Гетманъ Петръ Канашевичъ Кефу городъ досталъ
И многихъ плѣнныхъ своихъ отъ турковъ назадъ взялъ.
Онъ же и подъ Хотѣню такъ ихъ преодолѣлъ,
Что из всего войска едва полкъ остался цѣлъ [1]).

---

[1]) О гетманахъ со времени Стефана Баторія, упоминаемыхъ въ »Разговорѣ«, въ »Краткомъ описаніи Малороссіи« говорится слѣдующее: »При Стефанѣ-же Баторіи королѣ полскомъ, в томъ же 1576 году, козаки въ лучшій порядокъ устроени, который, ради ихъ мужества, поставилъ самъ имъ гетмана, давъ имъ коруговъ, бунчукъ и булаву и печать съ гербомъ, то есть рицеръ с самопаломъ,

Видишъ, какъ силна я войскомъ своимъ была
Прежде, и какъ подъ полскою короною жила!
Сего обявленія храбрости отъ меня
Доволно уже, думаю, будетъ для тебя.

В.-Р. Ахъ, какъ ты скучна! уже-ль тебѣ говорить лѣнь?
Для сихъ забавъ пожалуй, проводи со мною день!

М.-Р. Достанется и ночи, какъ загремлю войною.
Храбрость моя пространна,—бодрствуй толко со мною!
Я тебе къ той точкѣ привела своею рѣчью,
Какъ жила подъ Полщею з Запорожской Сѣчю
И на войнахъ была з своими козаками,
Побѣждая и обладая городами.
А нынѣ обявлю ужъ со славой то время,
Какъ сложивъ зъ себя ляховъ несносное бремя,
Воевала с ними и з другими народы,
Проходя многотрудно горы, поля, воды;
Покажу и причину, зачимъ отдалилась;
Представлю, что не без обиды съ нею билась.
Начали ляхи к западной церквѣ приводить,
Несносни дани налагать, за недачу-жъ бить;
Козацкихъ дѣтей в котлахъ тирянско варили,
Женамъ сосцы отрѣзовали и мертвили [1]).

на головѣ колпакъ перекривленый, и рогъ при боку... Да тотъ же король Баторій и старшину войсковую у нихъ учредиль: обозних, судей, писарей. асауловъ, полковниковъ, сотниковъ, атамановъ... В то время козаки, напавши в Азию, на 1000 миль повоевали, Трапезонтъ взяли и изсѣкли, Синопъ до фундаменту опровергли и под Константинополемъ користи побрали (стр. 214)... Да въ томъ же 1577 году былъ гетманъ запорожскій... Шахъ, при которомъ козаки... многіе бѣды волохамъ нападками дѣвали... Петръ Конашевичъ Сагайдачный гетманомъ отозвался, который съ козаками Кафу, турецкій городъ надъ моремъ (нынѣ Ѳеодосія), звоевалъ и, многихъ християнъ оттуду свободивши, съ богатими користми вернулся... Року 1621 Сагайдачный пакъ учиненъ гетманомъ, который..., собравши 6000 реестровихъ козаковъ, ходилъ съ ляхами подъ Хотѣнь на турка, котораго тамъ и побѣдили« (стр. 215—216).

[1]) Соотвѣтствующее мѣсто въ »Краткомъ описаніи Малороссіи« читается такъ: поляки »великую свободу козакамъ отняли и тяжкие и вымыслные подати

И что толко ко озлобленію вздумать могли,
Производили въ дѣло: грабили домы, жгли.
Для того за такое нарушеніе церквей
И страшное мученіе козацкихъ дѣтей,
Выбравъ гетманомъ Тараса надъ собой всѣми,
Сыграли войну подъ Переясловомъ с тѣми,
Гдѣ поляковъ побито премногое число;
Не мало тожъ и в полонъ въ мою страну пришло [1]).
До тогожъ за трицятъ одинъ годъ в полскихъ странахъ
Гетманъ Наливайко Слуцкъ и Могилевъ сжегъ въ прахъ
И безмѣрное побилъ тамъ множество ляховъ,
Приводившихъ къ западу восточныхъ козаковъ [2]),
Кои с тѣхъ поръ начало к войнѣ возимѣли,
На ляховъ с полками своими запшумѣли.
Почему тѣ со мною то лестно примирались,
То опять, нарушая миръ, дратся вновь рвались.
И какъ ни начинали жестокую войну,—
Поражали козаки силу ихъ не одну.
По переясловской войнѣ десятъ лѣтъ спустя,
Ляхи козаковъ войною погубить всѣхъ хотя,
Не толко успѣху в мысляхъ не получили,
Но и сами еще себя тамъ погубили;
Ибо в прежестокомъ вимерзли всѣ морозѣ
И с лошадей падая погибли в обозѣ [3]).

наложили необычно, церквы и образы церковные жидамъ распродали, дѣтей козацкихъ въ котлахъ варили, жонкамъ перси деревомъ витискали и протчая« (стр. 218).

[1]) »1628. Ради великихъ тягостей и озлобленій не токмо козакамъ, но и церквамъ русскимъ, отъ поляковъ творимыхъ, повставши козаки на ихъ, обрали гетмана Тараса и, учинивши съ ляхами баталію подъ Переясловомъ, множество ихъ побили и примирились«. Тамъ-же, стр. 217.

[2]) »За тую ж унѣю (1594) взявшись потомъ противъ ляховъ, гетманъ запорожский Наливайко съ козаками Слуцкъ и Могилевъ спалилъ и ляховъ многихъ спалилъ«. Тамъ же, стр. 215.

[3]) »Въ томъ року 1638 собралися—били козаки с Полторакожухомъ гетманомъ на Мерлѣ, но тамъ розбѣглися, послихавши о приходѣ князя Вишневец-

А при свободители всей Малой Россіи
Какъ славно пораженны были ляхи сіи.
Храбрій тотъ Хмелницкій козаковъ предводитель
Много разъ оставался надъ ними побѣдитель.
Онъ отдалилъ отъ Полши всю козаковъ силу,
Окружилъ ляховъ войскомъ спреды и стылу.
Тамъ отъ ревучого треску стогнала земля,
Пала на мѣстѣ не одна тысяча стеня.
Звукъ огненныхъ оружій давалъ эхо лѣсамъ,
Стался густой дымъ в поляхъ по полскимъ головамъ;
Рвы, долины ровнялись съ холмами, горами,
Наполненны были кровавими рѣками.
А кои имѣли щастіе в живихъ остатъся,
Начали всѣ отъ страху въ бѣгство обращатся.
Почему тогда Потоцкій гетманъ коронный,
Ободряя всякой полкъ свой пѣшій и конный,
Принуждалъ къ сопротивленію козакамъ тѣмъ:
Стыдно, говорилъ, не защищать себя намъ всѣмъ.
И хотя ляхи оправиться опять рвались,
Однакъ какъ снопи при силнихъ мечахъ валялись.
Причемъ преужасному дожду быть случилось,
Итакъ все ружье ихъ огненно помочилось.
Симъ образомъ поляки главно пораженни,
Такъ что всѣ ужъ къ послѣдней бѣдѣ приведенни.
Сынъ Потоцкого, два рази раненъ стрѣльбою,
Палъ с лошадѣ и умеръ на ономъ же бою.
Обозъ ихъ разграбленъ, протчіе побраны в плѣнъ.
Одна толко мертвихъ осталась на поляхъ тѣнь,
Да Грешинскій, которий по щастію убѣжалъ,
Но и тотъ отъ козаковъ много ранъ тамъ досталъ [1]).

кого. Однакожъ тогда и безъ войны поляковъ многое число погибло от жестокихъ морозовъ«. Тамъ-же, стр. 218.

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь о битвѣ надъ Желтыми Водами, 1648 г. »По веснѣ гетманъ коронный и каштелянъ Павелъ Потоцкій командировалъ сына своего Стефана въ 6,000 ляховъ полемъ, а Барабаша, учинивши за присягою гетманомъ

Потомъ того-жъ шестьсотъ сорокъ осмого году
Ляхи, ваявъ еще своего много народу,
Собрались подъ Корсуномъ съ армѣею другой,
Гдѣ услишавъ о славной козацкой силѣ той,
Стали было отъ страху проломомъ уходить,
Чтобъ и другой арміи также не погубить.
Но козаки приспѣвъ ляховъ с лошадей збили
А пѣхоту полску такъ крѣпко воспятили,
Что поляки и нехотя зсѣдши съ лошадей
Войну имѣли с козаками нѣсколко дней,
Гдѣ побити на голову многіе изъ нихъ,
И обозъ также ввесь тамъ бѣдно разграбленъ ихъ.
Здѣсь козаки, при помочѣ кримскаго хана,
Плѣнили Потоцкого полского гетмана
И другого Калѣновского въ полонъ взяли,
Причемъ и полководцовъ много тежъ побрали [1]).

запорожскимъ, въ 6,000 реестровихъ козаковъ водою днѣпровою при жолнѣрахъ нѣмецкихъ, зовемыхъ гусария, на Запорожье виправилъ ловить тамъ и разгромить Хмелницкого... Но Хмелницкій вишолъ з луговъ въ поле на Жолтые Воды, первѣ послалъ Ганджу до реестровыхъ козаковъ къ Днѣпру перемовлять ихъ на свою сторону и перемовилъ, где заразъ Барабаша Хвилонъ Дженджелѣй скололъ сонного, а потомъ и всю старшину ихъ и лядскихъ полковниковъ то побили, то потопили, и из драгунѣею нѣмецкою, ляхамъ измѣнившею, до Хмелницкаго пришли. И такъ, когда генералъ сынъ Потоцкого наспѣлъ съ войскомъ своимъ до Жолтихъ Водъ, тотъ часъ баталѣя сдѣлалась и прогнаны ляхи къ Княжимъ Байракамъ, где Потоцкій убитъ зосталъ, а с нимъ и комѣсаръ казацкій, и войско его иное въ полонъ взято..., а иныхъ посѣчено съ помощию татаръ«. См. »Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 220. Но здѣсь ничего не говорится о Грепинскомъ, упоминаемомъ въ »Разговорѣ«.

[1]) »Того жъ року (1648), якъ собралися гетмани полскіе, самъ Потоцкій коронній и Калѣновскій полный, съ войскомъ полскимъ отъ Стеблева, за милю будучи къ Корсуну, и начали битися съ козаками и татарами«. Обманутые ложнымъ извѣстіемъ о приближеніи большихъ силъ татарскихъ и козацкихъ, они пошли было на проломъ и заведены провожатымъ козакомъ въ долины, яруги и болото. »Когда ляхи одни на гору ступали, а другие въ болото входили, тогда Хмелницкій вдарилъ на нихъ и обозъ разгромилъ весь, и ихъ посѣкши, козаки користи забрали, гетмановъ-же обѣихъ съ прочими панами полскими взяли татаре въ полонъ«. См. »Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 220—1.

Заставляла поляковъ кровна побѣда та
Просить у козаковъ оставшимся живота.
В томже годѣ тотъ-же гетманъ Зѣновій Богданъ
Подъ Пилявцами городомъ имѣлъ с ними брань,
Гдѣ онъ с четирма тисячами козацкихъ силъ
Да татаръ столко жъ ужасно ляховъ поразилъ.
Шестъдесятъ тысячъ рядовихъ поляковъ пало,
А и знатнаго шляхетства также не мало [1]).
Страхъ и трепетъ Хмельницкій полского народа,
Побѣдилъ ихъ и подъ Збаражемъ того-жъ года,
Онъ же и подъ Зборовомъ далъ себя славно знать,
Вѣчно будутъ ляхи тотъ проиграшъ вспоминать.
Во время ужасного бою на мѣстѣ томъ,
В пророчество бѣды полякамъ, ударилъ громъ.
И когда трѣскучіе облака наступили,
То и знамена и корогви ихъ разбили.
Не было пищи имъ, ни корму ихъ лошадямъ,
Для того всѣхъ онихъ отогнали къ козакамъ,
А сами по неволѣ той пѣши остались,
Не бились уже, но жизни отчаевались.
Ибо окопалъ ихъ Хмелницкій округъ валомъ
И стѣснилъ войско оныхъ в одномъ мѣстѣ маломъ,
Такъ что послѣдній конецъ приходилъ имъ уже.
Поѣли бывшіе съистние припаси всѣ,
Почему здѣлался великой голодъ у нихъ:
Начали ляхи искать у полѣ костей гнилихъ;
З жадностію и́ли мясо смрадних лошадей;
Ловили для пищи кошекъ, собакъ и мишей.

---

[1]) »Да того жъ 1648 року, сентеврия послѣдныхъ чиселъ, под Пѣлявкою городкомъ страшная война была съ превеликою ляховъ бѣдою, где шестдесятъ тысячъ ляховъ пановъ, а слугъ и пахолковъ ихъ стройно шесть тисячъ, ружейныхъ втрое противъ того числа, Хмелницкій съ козаками и съ 4000 татаръ при Карачѣ бею Мурзѣ, побѣдивши, однихъ порубилъ, другихъ прогналъ«. Тамъ-же, стр. 222.

За одну песю лапку другъ зъ другомъ въ кровь билиеь.
Страшно и жалко смотрѣть было, какъ живились:
За маленкую криху (по другому списку — *крису*) на поединокъ шли,
Одну оную на тисящния части влекли;
Инии-жъ жарку землю кусали зубами,
С конскимъ навозомъ рвали оную устами [1]).
Смотри, до чего храбрость козацка привела!
Разсуждай, какъ Полща отъ ней стѣснена была!
Но сего недоволно,—скажу еще много,
Что̀ было ей того-жъ году сорокъ осмого.
Козаки подъ Берестечкомъ с помочю татаръ
Вступили с ляхами в силной сраженія жаръ,
Гдѣ славны ротмистри с полковникомъ Стаднѣцкимъ
И прочие знатнѣйшіе побити Хмелницкимъ.
Знатнѣйшихъ число до пятисотъ простиралось,
А рядовихъ всѣхъ нѣсколко тысячъ считалось.
Одинъ же тотъ годъ и подъ Бѣлу-Церковь водилъ,
Одинъ тотъ-же ляховъ и тамъ силно поразилъ.
Хмелницкого предводителство и тамъ было,
Хмелницкого щастіе и тамъ войнѣ помогло.
Онъ безстрашно и горячо вступилъ въ брань с ними,
Розбилъ тожъ все ихъ войско полками своими.

---

[1]) »Ханъ кримскій съ ордою самъ до Хмелницкаго пришолъ въ 1649 року, съ которымъ когда войско козацкое совокупилось под Збаражемъ, то и поляки, виведши полки, обози свои валомъ обнесли. Однако въ окопѣ многіе отъ стрѣлбы козацкой пропали, чего ради тѣснѣйше другіе вали здѣлали себѣ и потомъ еще узшіе, далѣе же конѣ свои за окопъ къ козакамъ вигнали, а на остатокъ для стѣсненія ихъ самъ Хмелницкій велѣлъ окопать вкругъ валомъ, где поляки, по истощаніи живности, съ голоду конские мяса и собачие и кошечие и миши ѣли, землю спеклую кусали зубами; тамъ козаки ляховъ облеженцовъ, близко къ нимъ приходячи, неисповѣдимо ругали и укоряли по-своему«. Поляки дали тайно знать о своемъ положеніи королю, который съ 20,000 отборнаго войска уже приближался къ Збаражу. »Но Хмелницкій, туда съ комонникомъ и с татарами пошедши противъ короля и нечаянно вдаривши на обозъ под Зборовомъ, первѣе пѣхоту, раздѣлившуюся въ маршѣ, а потомъ конницу людскую посѣкъ«. Тамъ-же, стр. 224—225.

Мертвыми тѣлами поля были покрити,
Тысячи самихъ знатнѣйшихъ ляховъ побити,
Чего и Воловичъ главній ихъ не избѣжалъ,
Силною рукою ввесь изсѣченъ мертвъ на землю палъ.
Стенаніе раненыхъ отдавала земля,
Шумѣла горячой побитихъ кровю кипя.
Тамъ солнечніе лучи тупо проходили,
Густыя тѣни тѣлъ мертвыхъ холми покрыли;
Поля багряннымъ были залиты всѣ блескомъ,
Рвались лѣса козацкимъ огненнымъ трескомъ;
Усугублялъ облаки тамъ густой дымъ с огнемъ;
Грозилъ еще козакъ ляхамъ кровавымъ мечемъ,
Рвался, ярился или самому в конецъ пасть,
Иль до остатку избить всю области ихъ часть;
Свивалась пѣна бѣлымъ клубкомъ въ устахъ его,
Казала еще громъ на ляха врага того,
Искалъ онъ по вертепамъ, пропастямъ земнымъ, рвамъ,
Хотѣлъ и память истребить к вѣчнымъ временамъ[1]).
Такимъ убѣжденни будучи ляхи страхомъ,
Даби не пошла вся земля ихъ въ конецъ прахомъ,
Слезно козаковъ начали о мирѣ просить,
Обѣщая имъ всѣ волности возстановить,
Почему Хмелницкій со всѣмъ козацкимъ зборомъ
И заключилъ с ними миръ с онимъ договоромъ.
Но и слѣдуючему лѣту понеже опять
Лестніе ляхи стали козаковъ утѣснять
И препятствовали сыну его во всю мочь
Взять за себя волоского (вар. молдавского) господаря дочь;

[1]) Здѣсь говорится о битвахъ козаковъ съ поляками подъ Берестечкомъ и Бѣлою-Церковію, происходившихъ не въ 1648 году, какъ значится въ «Разговорѣ», а въ 1651 году. Битвы эти были несчастны для козаковъ; но «Разговоръ» умалчиваетъ объ этомъ и даже, вопреки всѣмъ источникамъ, представляетъ козаковъ побѣдителями. Ничего подобнаго нѣтъ въ «Краткомъ описаніи Малороссіи», которымъ авторъ «Разговора» преимущественно пользовался въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія.

Для того Хмелницкій, с татарами согласясь,
Мечемъ порубилъ ляховъ, с Калѣновскимъ сразясь,
Которій полской оной короны тотъ гетманъ
На семъ страшномъ сраженіи также смерти преданъ,
И Собецкій староста Красноставскій скончалсь
Побижденъ и убитъ, какъ силно ни опиралсь.
Калѣновскому татаринъ голову срубилъ,
На копьи принесъ и Хмелницкому сообщилъ.
А Самуилъ, синъ Калѣновского гетмана,
Побѣжавъ отъ козаковъ и крымского хана,
Утонулъ в Бубновки, на мосту обвалился,—
Такъ погубивъ жизнь, с оними и не сразился.
Здѣсь ни одинъ изъ ляховъ не остался в живихъ,
Пали всѣ на Батозѣ в немощахъ силъ своихъ [1]).
По той побидѣ нѣсколко времени спустя
Побиты и под Жванцемъ, сами побить хотя [2]).

---

[1]) «По веснѣ (1652 г.) Хмелницкій... повелѣлъ войску в поле выходить и послалъ къ молдавскому господарю, требуя по уговору дочери его сину своему в жену, инакоже грозя въ 100,000 войска прийти къ нему въ гостину; чего ради волохи всѣ, боясь разоренія землѣ своей, настояли на своего господаря, дабы не отрѣкалъ Хмелницкого сыну дочери своей, и хвалились самого его, естли того не учинитъ, видать. Господарь же тайно послалъ къ королю полскому, просячи препятствия, и потому Калѣновский, гетманъ полный, притяглъ, сталъ на Батозѣ с войскомъ конницѣ 6,000, а регулярной пехоти 3,000, кромѣ охотного, и заступили дорогу Хмелницкому до Волохъ; куда къ Калѣновскому и братъ его, в Нѣжинѣ квартировавший, прибилъ съ войскомъ... Тогда жъ, какъ сошлися козаки и татаре съ ляхами, тотъ часъ козаки и нехотя ударили на обозъ лядский, а татаре на войско лядское, которое, не вѣдая козаковъ, опановавшихъ обозъ ихъ, туда обратилися; ажъ козаки, запаливши обозъ ихъ, противу нихъ бросились, а тутъ рѣка Бугъ. И такъ ляховъ всѣхъ висѣкли, въ томъ числѣ и самого гетмана Калѣновскаго, котораго и голову до Хмелницкого на копьи принесено, и Собецкого старосту красноставского; прочіихъ же избѣгшихъ посполство, изволѣкая от болота, убивали нещадно, а сынъ Калѣновскаго въ Бубновцѣ, бѣжа мостомъ, обвалився, утонулъ; иныхъ же многочисленныхъ татаре были-побрали, но и сихъ Хмелницкій, мстячись за Берестецкое надъ козаками немилосердіе, всѣхъ велѣлъ порубать». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 234—235.

[2]) «Въ 1653 году король знову похотѣлъ самъ ити войною на Хмелницкого, котораго съ войскомъ увидячи онъ Богданъ Хмелницкий под Жванецъ, скуд-

Такимъ образомъ они в безмѣрной страхъ пришли,
Чтобъ къ послѣдней бѣдѣ козаки не привели:
Бросили жилища свои пусты в городахъ,
Разбѣжались всѣ по пустиняхъ, горахъ (вар. поляхъ) и рвахъ
И мертвія тѣла, кои уже сотлѣли,
Вигребали, какъ звѣри, отъ гробовъ и ѣли.
»Жрѣте тлѣнны человѣческія приправи!
Кричали козаки,—всѣ вы ляхи лукави!
Такимъ кушанемъ кормить васъ давно достойно!
Не умѣли вы нами управлять спокойно.
Зачимъ было вѣру нашу ламать стараться?
Зачимъ било над нами явно издѣваться?
Для того-ль мы с войскомъ своимъ жили под вами,
Чтобъ пожитки наши грабили вы з жидами [1]).
Дадѣте отвѣтъ за тиранския мученя,
Отмститъ еще болше небо за озлобления.
Уже-лъ вамъ не ставало пищи, чѣмъ жизнь прожить,
Что начали и дѣтей нашихъ в котлахъ варить?
Вспомнѣте, сколко вы с нами миръ заключали!
Представте-жъ, какъ скоро и часто нарушали!
Лесть ваша одна съ злобою дѣйствовала во всемъ.
Хотѣли истребить насъ, смучить, побить мечемъ.
Справедливость однако наша побѣдитель,
Предсталъ намъ Хмелницкій, общій нашъ свободитель.
Пребудетъ память его у насъ в роди родовъ,
Пребудетъ во вѣкъ и слава, храбрость козаковъ.

ное на все мѣсто, пустилъ вѣсти, что будто-бы, не вѣдая о смерти сыновей, ѣдетъ въ Волощину своимъ въ помощъ; которому путь воспящая, король сталъ на Жванцѣ. Куда какъ Хмелницкій, нечаянно съ ханомъ пришедши, обступили полское войско, такъ оное въ тѣснотѣ отъ голоду изнемогать стало, отчего изъ 15,000 пѣхоты полской толко 4,000 осталось, и конного многое число отъ меча и голода пропало«. Тамъ-же, стр. 238.

[1]) Доселѣ текстъ »Разговора« сохранился въ спискахъ Румянцевскаго Музея и г. Ефименка: слѣдующія-же страницы найдены колько въ спискѣ г. Ефименка.

Защита ваша правда не отъемлется вамъ,
Послѣдуетъ всегда погибель нашимъ врагамъ.
Толко ушъ полно вамъ сили наши в страхъ истощать!
Найдемъ державу, которая будетъ защищать.
Утѣснялъ Булканъ троянъ,—вступился Аполлонъ.
Злилась Юнона на Енея, вожда троянъ;
Однако онъ отъ Венери к обидѣ не данъ.
Свирѣпъ Нептунъ хотѣлъ отнять Улиссовъ животъ,
Но Минерва вступила за него въ кривавій потъ.
Поидетъ солнце прежде отъ запада на востокъ,
Нежель мы преступимъ, ужъ давъ, оной свой зарокъ.
Воды в рѣкахъ своихъ скорѣе назадъ потекутъ,
Нежель воини наши себя вамъ предадутъ.
Звѣзды на землѣ прежде крѣпко утвердятся,
Земледѣлцы на небѣ съ сохою населятся,
Вода вспламенится, отъ огня пойдутъ воды,
Нежель обратимся к вамъ въ вѣчние роди» [1].
Затѣмъ, какъ Хмелницкій от Полши вовся отсталъ,
Салтанъ турецкій Османа-агу прислалъ,
Дабы со всѣмъ войскомъ своимъ ему поддался,
К полскому королю вѣчно не возвращался,
И в знакъ милости чрезъ того-жъ Османа-агу
Прислалъ ему саблю, булаву и корогву [2].

В.-Р. Ты же про турковъ говорила со мною,
Скажи, кто еще хотѣлъ обладати тобою?

М.-Р. Не разъ и не два должно-бъ про нихъ еще сказать;
Ибо премного тѣ старались меня склонять.

---

[1]) »Въ елегіи Овидій славній ромскій стихотворецъ, посланъ будучи в силку и ідучи моремъ, окруженъ волнами, такимъ образомъ написалъ въ книгѣ 1 своей, въ елегіи 2, стих. 5—10, гдѣ сию рѣчь проводилъ онъ к Августусу Цесарю, которимъ сосланъ билъ, также жалуяся на друга своего въ 1 книгѣ, в елегіи стих. 1—4«. Примѣч. автора.

[2]) »Того-жъ року (1650) Асманъ—ага, от турецкого султана чаушъ, присланный къ Хмелницкому, привезъ шаблю, хоруговъ и булаву, совѣтуя ему съ Украиною, отъ полского короля отступивъ, подклонится под турецкую область«. См. »Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 229.

Да и крымскому хану хотѣлось мною владѣть,
И другимъ думалось то склонить, то одолѣть.
Однакъ ни на ково изъ всѣхъ онихъ не смотря,
Хмелницкій созвавъ войско свое и ободря,
Російскому Государю себя извѣстилъ,
Ему со всею Украиною поддалъ и покорилъ
И предъ россійскимъ бояриномъ Бутурлиномъ
В Переясловлѣ тогда-жъ присягнулъ вѣчно в томъ.
Алексѣй Михайловичъ, самодержецъ главній,
Доброволной поддачи видя мой знакъ явній,
Монаршую грамоту волностямъ доставилъ,
Всѣ прежние статьи утвердилъ и возставилъ [1]).
И такъ, когда Россіи надлежать ужъ стала,
Покажу, какъ и при ней храбра прежде бывала.

В.-Р. Знаешъ-ли, с кимъ говоришь, иль ты забиваешъ?
Вить я Россия! Зачимъ меня пропущаешъ?
Для чего не придаешь мнѣ точно подачу
И отнимаешь у меня свою удачу?
Будто къ другой Россіи, не ко мнѣ принадлежишь,
И при мнѣ, будто без меня, войнами гримишъ!

М.-Р. Знаю, что ты Россія, да и я такъ зовусь.
Что ты пугаешь меня? Я и сама храбрусь.
Не тебѣ, Государю твоему поддалась,
При которыхъ ты съ предковъ своихъ и родилась.
Не думай, чтобъ ты сама была мой властитель,
Но государъ твой и мой общій повелитель.
А разность наша есть в приложенихъ именахъ.
Ты Великая, а я Мала живемъ в смежнихъ странахъ.

---

[1]) »Присланъ ближній бояринъ и дворецкій Василій Васильевичъ Бутурлинъ съ иними боярами и столниками и дворянами до гетмана Хмелницкаго и всего войска для постановленія статей и съ обѣщаниемъ великой милости государевой. И тогда Хмелницкий со всею старшиною, приехавъ въ Переяславль, на Богоявление Господне 1654 года, позволилися быть всѣ обще под единовѣрнимъ монархомъ всероссійскимъ..., на чемъ и присяги учинили«, и проч. См. »Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 239.

Что-жъ я малой называюсь, а ты великой,
  То какъ тебѣ, такъ и мнѣ нимало не дико.
Ибо твои предѣлы пространнѣе моихъ,
  А мои обширностями поменше твоихъ.
Уже-ль гора собою надо мной обладаетъ?
  Нѣтъ, нѣтъ! но какъ сей (?), такъ та къ тому принадлежитъ.
Такъ мы с тобою равни и одно составляемъ,
  Одному, не двумъ государямъ присягаемъ,—
Почему почитаю тебя равну себѣ.
  Не говори: какъ обществу, поддалась и тебѣ!
Самодержецъ твой и мой шлетъ тебя и меня,
  Одинъ онъ отзываетъ изъ походу шля,
А не ты республикою повелѣваешь мною.
  Ничѣмъ неумаленна царемъ я предъ тобою,
Оставленна также я при своихъ чинахъ всѣхъ,
  Обнадежена, и впредь милостію тѣхъ.
А ты при своихъ достоинствахъ пребываешь,
  Кои отъ того-жъ Государя получаешь.
И такъ не можешь и въ семъ всю меня обидѣть;
  Какъ бы ни тщилась чины мои ненавидѣть;
Отъ ково ты получаешь, и я отъ того.
  Не достанетъ толко у насъ с тобою одного
Того, что чины твои инако зовутся,
  А мнѣ также инимъ названіемъ даются.
Но сіе-ль для тебя можетъ казаться странно?
  Обойди умомъ всѣ государства пространо,
Во всякомъ почти найдешь различие в чинахъ...[1])

Здѣсь слѣдуетъ небольшой перерывъ въ спискахъ „Разговора“. Малороссія должна была разсказывать Великороссіи о заслугахъ, оказанныхъ Богданомъ Хмельницкимъ русскому государству. Въ имѣющихся у насъ спискахъ мы имѣемъ только

---

[1]) На этомъ прерывается списокъ г. Ефименка. Дальнѣйшій текстъ »Разговора« изложенъ по спискамъ Румянцевскаго Музея.

окончаніе этого разсказа, которое заключаетъ въ себѣ плачъ по умершемъ Богданѣ Хмельницкомъ и прославленіе его подвиговъ!

Какъ Геркулесъ древный пройшол бы с войскомъ скори,
Широкій и пространній путь для всѣхъ далъ бы тамъ,
Кровной побѣдой грозил-бы тамошнимъ жильцамъ:
Но ниже слѣдовало ити туда ему.
Ни онъ старался нанесть войну свѣту всему,
А бились столко с непріятелми такими,
Коихъ ко обществу своему узнавалъ злими.
Мужъ имени и чина того достойнѣйшій
Побѣждать враговъ, нежель вступать, былъ скорѣйшій.
Гетманъ многоразсудный, бодрый и дерзновенній,
Скоропостижный въ трудахъ, нуждахъ невтомленій,
Ко всякимъ злоключеніямъ воинскимъ обикшій,
Холодъ, жаръ и нужды вдобь носить первѣйшій
И протчія многотрудныя неспокойства;
Испыталъ трудовъ различныхъ перемѣнъ свойства
Мало радилъ о себѣ, толко-бъ всѣмъ угодилъ,
Общество-бъ и отечество цѣло сохранилъ:
Первой на войну, послѣдней сходилъ с оной [1]),
Дрался, боролся своей храброй обороной.
По многихъ наконецъ славнихъ воинскихъ дѣлахъ
Умеръ, оставивъ память и по днесь в козакахъ.
Печаль, жалость в послѣдніе роди незабвенна
Казалась тогда всѣмъ ввѣкъ быть неумаленна.
Слезили осиротѣвшіе мои дѣти,
Являлы другъ другу печалніе привѣты,
Оплакивали з жалосты неутѣшимой,
Не чаяли никакой отрады любимой,

---

[1]) »Краткое описаніе Малороссіи« такъ характеризируетъ Хмельницкаго: »мужъ по прямому имени гетманъскаго достойный, дерзновенный, многоразсудный, бодрый и трудолюбивый, всякое злоключеніе, и холодъ, и жаръ, и голодъ, и прочіе неспокойства и хлопоти легко терпѣть приобикшій и о себѣ какъ-бы пренебрегшій, толко-бы обществу угодилъ; первій на баталію, послѣдный по баталіи исходилъ« (стр. 249).

Не думали себѣ ужь быть отцу такому,
Не мыслили, чтобъ такъ удавалось другому.
»Пала уже вся надежда наша,—кричали,—
Не воскреснетъ защита, вѣчно потеряли.
Вселюбезній отче нашъ, любезній!
Чего-ль дождали мы, чтобъ ты намъ лилъ токъ слезній?
Отче нашъ любезній, вселюбезній отче нашъ!
Уже-ль оставшихся сыновъ своихъ врагамъ дашь?
Отецъ нашъ вселюбезній, любезній нашъ отець!
Уже-ль хищнымъ волкамъ попустишь кроткихъ овецъ?
Любезній нашъ отець, отець нашъ любезнѣйшій!
Уже-ль будеть намъ без тебя гонитель злѣйшый?
Не страшенъ былъ ни одинъ супостатъ при тебѣ,
Нынѣ-жь боимся многихъ оставшіесь в себѣ.
Уже-ль станутъ менять насъ за хлѣбъ, соль и воду,
Какъ то было от ляховъ намъ одного году?
Когда-бъ естли-бъ не ты нами храбро управлялъ,
И память-бы нашу непріятель давно скончалъ.
Пробудись в радость намъ хоть на малое время!
Ощутись, встань, облегчи тоски нашей бремя,
Посмотри хоть собравшихся дѣтей своихъ всѣхъ,
Взглянь еще хотя послѣдній разъ уже на тѣхъ,
Которія утѣшенія не имѣють,
Какъ овцы заблудши по пастырѣ жалѣють!
Они не для того всѣ вмѣсто собрались,
Дабы с тобою отцемъ своимъ на-вѣкъ прощались,
Но чтобъ руководствовалъ ты, какъ прежде, имъ,
Казал-бы, училъ, ка́къ противиться врагамъ злымъ.
Молви хоть одно, отче любезній, намъ слово!
Вотъ все войско твое пришло, слушать готово!
Собери его вмѣсто, защищай, охраняй,
Покровителствуй, милосердуй и соблюдай,
Поднимись, естли ручей слезъ нашихъ жалѣешь!

Иль ты уже любви к намъ прежней не имѣешь?
Взведись, естли отчаяннымъ хочешь пособить,
Встань, естли оставленныхъ желаешь ободрить!
Да! завтре устанеть, завтре ободрить, утѣшитъ насъ!
Прерывалъ хлипмющими словами общества гласъ.
Не такъ, видно, заснулъ онъ, чтобъ встать уже к намъ могъ.
Встанеть развя, какъ затрубитъ при послѣдкѣ рогъ.
Тогда ушь сберемся къ отцу своему с полками
И тогда развя разговоримсь с нимъ и онъ с нами.
А нынѣ послѣдній свой долгъ отдадимъ ему,
Которой вѣкъ незабвенъ будетъ войску всему.
Но ахъ! всѣ силы наши превосходить печаль, —
Не можемъ и тѣла твоего несть отсель вдаль.
Мы бы хоть на оное со страдою смотрѣли,
Желали-бъ, чтобъ тебя пред собою вѣкъ имѣли.
Грозила-бъ еще и тѣнь твоя нашимъ врагамъ,
Боялся-бъ непріятель при ней приступить к намъ.
Ахъ, отче! оставилъ дѣтей осиротѣлыхъ,
Оставилъ в уныніи бывшихъ тобой смѣлыхъ.
Всѣ веселія утѣхи отсель насъ минують!
Пособи! вотъ уже враги с нами воюють,
Напустять грусти, скуки, скорби и гоненія.
Отврати намъ непріятелей нападенія!
Вотъ всадятъ насъ в разженного мѣдного вола.
Скончай мученія наши, дай радость, что была!
Мы на тебя глядя вздохъ тяжкій испущаемъ,
От тебе спасенія своего ожидаемъ:
Оставившаго спящаго тревожимъ, будимъ,
Трудившагось, потѣвшаго еще томимъ, трудимъ.
Не отступимъ отъ ногъ твоихъ, ходившихъ с нами!
Пробудись и води насъ прежними стезями!
Заблудимъ безъ тебя, разбредемся разно овцы.
Не встаешь, пастыръ? поразятъ насъ мироломцы,

Ищезнеть слава наша, бывшая при тебѣ.
Увялъ цвѣтъ нашъ, увянетъ с тѣмъ и храбрость у себѣ.
Которыхъ многіе прежъ ужасались страны,—
И от малыхъ полковъ будуть уже попраны.
Оставилъ полководецъ, отсталъ, пошолъ вождь прочь,
Не устоитъ безъ тебя одна уже наша мочь.
Которіе в сраженія смѣло входимъ было,
Тѣхъ сіе нещастіе нынѣ в робость впред ввело.
Ну, куда ити намъ без тебя и что начать?
Потерявъ голову, можно-ль ногами ступать?
Глаза имѣя, без глазъ стоимъ оцепенѣвъ;
Безъ рукъ кажемся храбры, прежде руки имѣвъ.
Уже и лица наша потупились слезя,
Падаютъ колеблющись и колѣна дрожа,
Изнемогаютъ сердца каменемъ утѣснена,
Пронзенна грудь, терзается духъ уязвленій,
Недоумѣваетъ умъ, страхъ мысль ужасаетъ,
Борущуюсь отраду скорбь одоливаетъ;
Проходитъ сквозь кости кровь з густотою смѣшена,
Поднимаетъ кожу, кипитъ в глазамъ червлена;
Встаютъ бурны вѣтры, рвутъ волосы нашихъ главъ;
Блѣднѣетъ видъ, даетъ перемѣны весь составъ.
Лишились мы отца, предводителя войны,
Остались осиротѣлы ужъ дѣти одни.
Коихъ его щастіе вскормило, взрастило,
Тѣхъ мнѣ нещастіе судбою вѣк поразило!«
Симъ образомъ дѣти мои плакались надъ нимъ,
Давали вопль, стенаніе по всѣмъ полкамъ своимъ,
Одни казали жалость явными слезами;
Другіе в слихъ спивали, зѣвая устами;
Инніе с необычнымъ шумомъ голосили;
Нѣкоторіе по грудямъ сами себя били.
Часть в скрытомъ мѣстѣ лѣла токъ жалостныхъ ручей;

Часть предъ всѣмъ обществомъ рѣки пущала с очей:
Часть от задумчевости такъ окамѣнѣла,
Что какъ нѣма стоя и гласу не имѣла,
А казала толко в лицѣ знаки различны,
Безкровны, почернѣлы, робки, необычны.
Протчіе стоя над мертвымъ тѣломъ кричали:
Одинъ былъ у насъ отецъ, и того стеряли!
Во всемъ томъ напослѣдокъ ставъ полками стройно,
Проводили гробъ со всею старшиною достойно;
Несли с Чигирина с церемонѣею войсковой,
Погребли въ Субботовѣ въ каменной церкви той,
Которую самъ от себя онъ сооружилъ [1])
.... ещо тамъ положенъ быть ствердилъ.
Козаки, отвращая ту печаль помалу,
Стали приходить опять к своему началу
И къ различнымъ войнамъ вновь приготовлялись,
Прежную храбрость себѣ доставить старались.
Но полно, думаю, свои силы представлять!
А намирена на Хмелницкомъ всю рѣчь скончать.

В.-Р. Куда, право, ты каковъ имѣешь нравъ чудній!
Хочешь, чтобъ тебя просилъ ввесь зборъ многолюдній!
Приведши в самой жаръ, тутъ меня оставляешь.
Болше говорила, в меншомъ изнемогаешь.
Не облѣнись рѣчи до нашихъ временъ довесть,
Чтобъ достовѣрніе я могла правду почесть!
Я бы такъ уже, чемъ ближе до насъ доходитъ,
Яснѣе понимать стала, что слухъ мнѣ родитъ.

М.-Р. Доволно мнѣ казалось до тѣхъ довесть временъ,
Какъ россійскому цару Хмелницкій покоренъ,
И какую оказивалъ онъ вѣрность ему,

---

[1]) »Умершаго Хмелницкого тѣло старшина и чернь съ войсковою церемоніею и с сожалениемъ проводили изъ Чигрина въ Субботовъ и тамъ въ церквѣ каменной, от самого его ж сооруженной, в неделю погребли«. См. »Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 249.

Войскомъ своимъ обществу угождая всему.
А послѣ ево что происходило во мнѣ,
Спроси подругъ своихъ, тѣ обявлятъ тебѣ.
Ибо когда сюда стала надлежать,
С кимъ и какъ воевала—могутъ и оны знать.

В.-Р. Не томи-жъ меня ссылкой, отсылая к моимъ!
Я и сама знаю, что всякъ пристрастенъ к своимъ.
Они про храбрость твою хоть и знаютъ точь в точь.
Однакъ свою болше прославлять станутъ мочъ,
А твоей не изяснятъ силы совершенно,
Пропустятъ, можетъ быть, в тебѣ незабвенно.
И такъ не можно вовсе положится на нихъ.
Скажи еще, пожалуй, сама мнѣ про своихъ!
Ни прекословить не буду, ниже не вѣрить,
Справедливою стану все мѣрою мѣрить.

М.-Р. Докуку твою тѣмъ болѣе признаю милой,
Чимъ меншь могу остатся в славѣ своей силой;
Почему и не хотя продолжу еще рѣчь,
Представлю и далную воинскую свою сѣчь.
Прибылъ под Глуховъ король полскій Казимиръ Янъ,
Минуя протчіихъ, какъ былъ Бруховецкій гетманъ,
Которого чрезъ пять недель сряду доставалъ
И на жестокость зимы не смотря воевалъ.
Но козаки, выскочивъ из города сего,
В скоромъ времени одолѣвъ силу его,
Порубили, плѣнили, разграбили обозъ,
А осталное войско храбро прогнали сквозь.
Былъ тогда судя генералній Животовскій.
Онъ командовалъ, онымъ прогнанъ король полскій.
Такимъ образомъ король города не доставъ,
Бежалъ со стыдомъ, войска не мало потерявъ [1]).

---

[1]) »Въ 1664 годѣ Янъ Казимѣръ, король полскій, прибывши под Глуховъ зимою, чрезъ 5 недель тамъ затворившихся съ Животовскимъ, судіею генералнымъ, козаковъ крѣпко подкопами и гранатами доставалъ; но козаки, противясь и на одпоръ исходя, многочисленныхъ ляховъ и нѣмцовъ ихъ убивали«. Услышавъ о

Тотъ-же гетманъ Бруховецкій годъ потомъ спустя,
Калмыковъ с казаками в войски совокупя,
Подъ Бѣлу Церковь противъ поляковъ самъ ходилъ,
Гдѣ Яблонского армію силно побѣдилъ,
Которой какъ ни казалось великъ и силой золъ,
С малымъ числомъ шляхты насилу в Полщу ушолъ [1]).
Полковникъ переясловскій Дмитрашко потомъ
Побѣдилъ многихъ татаръ, возвратился съ торжествомъ,
Кой посланъ от Самойловича гетмана,
И не мала команда была ему дана.
Тамъ на четыри мили пестрѣли в даль поля,
Лежали побитіе непріятелей тѣла.
А которіе из нихъ осталися в живыхъ,
Забраны всѣ в неволю от козаковъ моихъ [2]).
За того-жъ гетмана на четвертой потомъ годъ
Козаки поступали на турецкій народъ.
Тогда под Чигириномъ былъ ужасной туркамъ страхъ:
Гнали ихъ, мертвили, истребляли память в прахъ,—
И такое ужасное сраженіе было,
Какого в тотъ вѣкъ нѣгдѣ случиться не могло.
Под самимъ везиромъ двохъ лошадей убили,

приближенія московскихъ войскъ и гетмана Бруховецкаго, »король съ под Глухова уступилъ съ великимъ войска урономъ, на котораго тотъ-часъ козаки з города устремительно наскакивая, осталцовъ поляковъ били и людей разграбляли«. См. »Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 262.

[1]) «Еще гетманъ Бруховецкій, 1000 колмыковъ затягъ, съ козаками под Бѣлую-Церковъ ходилъ року 1665, съ которыми Яблонский, послѣ Чернецкаго рейментаръ, многократную войну дѣлалъ, послѣди же, уронивъ много знатныхъ товарищей, въ Полшу помаршировалъ.» Тамъ же стр. 264.

[2]) »Въ Маи (1674) Самуйловичъ гетманъ командировалъ съ 20,000 войска Думитрашка, полковника переяславскаго, съ двумя полками великороссійскими и съ 15 арматами подъ Смѣлую, где, когда новый салтанъ съ 20,000-ми орды и съ Андрѣемъ Дорошенкомъ многолюднымъ под Орловцемъ тайно на полки гадяцкій, уманскій и торговицкій напали, Думитрашко, почувши о стрелбѣ и тудажъ приспѣвши, татаръ и Дорошенка над Ташликомъ такъ поразили, что трупомъ на четире милѣ поле услали, а прочиихъ живыхъ побрали«. Тамъ же, стр. 277.

А рядовыхъ турковъ безчислено побили.
Не щитая, какъ бились ружейною палбою,
Дрались и руками, какъ на кулачномъ бою.
Непріятелей войска такъ мало осталось,
Что едва в третей части оного щиталось.
Почему премногихъ тѣ втерявъ своихъ людей,
Богатства запасы и подемныхъ лошадей,
Ничего уже инного въ спасеніе не ждали,
Токмо что в свою землю безчестно бежали [1]).
Послѣ-жъ десяти лѣтъ то дѣйство произвели.
Что очаковскій уѣздъ ввесь козаки сожгли,
Разорили плачевно тамошнихъ людей всѣхъ,
Плѣнили бѣдствено кто ни былъ зъ жителей тѣхъ [2])
Чрезъ два года опять подъ Очаковъ ходили,
Гдѣ жилля многихъ татаръ вовся попалали;
Брали скотъ и самихъ ихъ поражали мечемъ;
Били женъ и младенцевъ не щадили ни в чемъ [3]).
Козаки, собравшися, ходили в сѣхъ годахъ
Для защищенія границъ своихъ в дикихъ степахъ
И чтобъ оберегать и освобождать кристіянъ
От нападенія и плѣненія бусурманъ,

---

[1]) 1678 года московскія и малороссійскія войска, послѣ неуспѣшной осады Чигирина, отступили къ Днѣпру, »при великомъ от неприятеля наступленіи, и толко двѣ милѣ за два дни вошли и во вторникъ при Днѣпрѣ окопалися, за которыми тотъчасъ прійшовши, вейзѣръ и ханъ и Хмелниченко (Юрій Хмельницкій) цѣлую неделю ихъ доставали, хотячи обозъ съ вождами взять, Но тамъ наставлениемъ гетманскимъ такую баталію съ турками свели, якая въ сей вѣкъ нѣгде не случается, и подъ самымъ вейзѣромъ, прі убѣйствѣ безчисленныхъ турковъ, коней двухъ убили; где, кромѣ стрелбы, и рукопашъ козаки съ ними билися, чего для они принуждены от войскъ россійскихъ назадъ съ ненаградимымъ убыткомъ уступить до Чигирина, оттуда же и далѣе какъ найскорѣе во свояси чуть у третей части войскъ бюсурмавскихъ ушли«. Тамъ же, стр. 284—285.

[2]) »Въ року 1690-мъ войско козацкое ходило под Очаковъ, где жилля попалили и обиды татарамъ подѣлали«. См. »Краткое описаніе Малоросіи«, стр. 289.

[3]) »Въ року 1692-мъ .. войско городовое и компания знову подъ Очаковъ пошедши, посады сожгли и з яссіромъ пришли«. Тамъ же, стр. 291.

Коихъ отбивали от татаръ силной рукой,
Отпущали ихъ в отечество сами собой,
И малыми людми на оныхъ нападая,
Розбивая татаръ, многихъ побѣждая,
И на томъ бою плѣнивъ немалое число,
Гнали в Москву и въ Полщу, куда ближе было.
Ибо ляхи видя, что войной не успѣли,
С россійскимъ государемъ миръ тогда имѣли.
За что велику себѣ милость получала
И жалованя много отъ монарховъ брала [1]).
Здѣсь и о Палѣю вспомянуть не премину,
Кой гналъ непріятелску партію не одну.
Полковникъ тотъ бѣлоцерковскій Семенъ Палѣй,
Родомъ изъ Борзны, казалъ ревность Россіи всей.
Онъ охотное войско при себѣ имѣя,
Прогонялъ от Россіи не одного злодѣя
И выборнымъ войскомъ не толко не допущалъ,
Чтобъ татары и с Россіи и Полщу воевалъ,

---

[1]) »По заднѣпрскомъ гетманѣ Могилѣ король Собецкій устроилъ гетманомъ Самуся, а въ которомъ году—неизвѣстно, и далъ ему привилеи и клейноты, плату же войску и з скарба папѣжского, и резидовалъ Самусь в Вѣнницѣ на Поднѣстру. Въ тѣхъ городахъ многіи, прибравши къ себѣ охотныхъ козаковъ запорожцовъ или городовыхъ и подѣлавшись ватагами то полководцами, безъ указу, своею охотою, ради защишенія християнъ от нападенія бѣсурманского и для обороны границъ, го дикихъ степахъ, на обѣихъ сторонахъ Днѣпра татаръ съ людми, въ Полшѣ и Россіи набранными, поворочающихъ разбивали, отбивая конѣ ихъ и оружье себѣ, а християнъ плѣненныхъ въ землѣ ихъ и въ отчества отпущали и проводили; ездячи же на тѣхъ пустоширокихъ степахъ, иногда звѣриннымъ мясомъ кормилися, а иногда толокна толко да сухарей толченымъ в сутки разъ вкушали, съ великимъ от татаръ опасеніемъ, не имѣя ни дороги, ни слѣда, и конямъ ржати не допущая, и безъ огня, будто звѣры, по тернахъ и комышахъ кормилися и пути свои, порознившися, теряли, но паки познавая оніе в день по солнцу и кряжахъ земныхъ и могилахъ, ночью же по звѣздахъ, вѣтрахъ и рѣчкахъ, сходилися и, тако высмотрѣвши татаръ, нечаянно малымъ людомъ великія ихъ купы разбивали и живыхъ въ Москву или въ Полшу (кому куда способнѣе) отвозили, получая за то милость монаршую«. Между сими ватажками былъ и Семенъ Палѣй. Тамъ-же, стр. 289—290.

Но въ Бендерщину ходилъ еще самъ собою
И въ Бѣлогородчину (Аккерманъ) ступалъ к тому-жъ бою,
И на Буджаки посылалъ козаковъ своихъ.
Хотѣлося татарскихъ силъ ему не однихъ,
С которыхъ многіе и разорялъ главно,
Покорялъ городы и побѣждалъ всѣхъ славно.
Да и Очаковъ дважды доставалъ с удачей,
Бралъ иногда от жилцовъ тѣхъ искупъ с наддачей,
А иногда всѣ богатства забиралъ въ ономъ,
Что роздавалъ на войско с турецкимъ урономъ.
Такъ малое число козаковъ при немъ было,
Коихъ множество турковъ одолѣть не могло,
Воинское искуство ему пособляло,
Храбрость и щастіе славу побѣды давало.
Причемъ одножды такую смѣлость возимѣлъ,
Что на янычарахъ какъ-бы на лошадяхъ сѣлъ
И такимъ образомъ в саму крѣпость ввалился,
Гдѣ сѣдя на самихъ ихъ плечахъ с ними бился
И яничаръ многое число вырубилъ, збилъ,
И самого салтана чуть было не плѣнилъ.
Зачимъ турки, войну ту проклиная страшну,
Засыпали оную городскую башню,
Которой янычарми Палѣй в Очаковъ вдрался
И сидя тогда на ихъ плечахъ с ними-жъ сражался,
И понынѣ под самою крѣпостю башня та
Палѣева зовется, гдѣ туркамъ страсть была.
А однажды сражаясь с татарскими силы,
И самаго ихъ хана козаки плѣнили.
Гдѣ мой-же Патѣй былъ главный предводитель.
Онъ оставался над ними главной побидитель.
Почему татары миръ с нуждой заключали
И великіе ему дары присылали.
Потомъ поляки, благодѣянія забывъ
И всѣ услуги его в забвеніе пустивъ,

Взяли оного въ Майбургъ коварнымъ обманомъ.
И такъ в сылку сосланъ былъ короннымъ гетманомъ,
Гдѣ ему вѣрной его слуга лошадь поддалъ.
И такъ онъ вырвавсь в желѣзахъ къ своимъ прибѣгалъ.
Почему гетманъ тотъ, желая его достать,
Выправилъ на него полскихъ гусаровъ опять,
С коими нимецка пѣхота шла,
Да и алтилерія тамже с ними была.
Но Палѣй над Хвастовомъ всѣхъ оныхъ поразилъ,
Побилъ, прогналъ и немалое число плѣнилъ.
За что поляки, разгнѣванны необычно,
Отправили войско на Палѣя вторично,
Гдѣ такъ остались они побѣждены,
Что и тысячней с мѣста не ушолъ спасеній.
Заграбили тамже козаки ввесь обозъ ихъ,
Великими добычми богатили своихъ.
А Рустичъ полковникъ, видя таку свирѣпость,
В Менжелѣевку бѣжалъ—былъ первіе въ крѣпость.
Потомъ с оной тихонко чрезъ валъ спустился
И такъ у Полщу убежалъ, от козаковъ свободился.
Тотъ-же Палѣй посля того на четвертой годъ
Собравъ кіевского полку козацкой народъ,
С полковникомъ ихъ Очаковъ другой разъ досталъ.
И с переяславскимъ тожъ какъ на нихъ воевалъ,
По нѣсколко партій турецкого войска збилъ
И триста человѣкъ турковъ живыхъ полонилъ,
Коихъ знаменами ихъ в Батуринъ пригнали [1]).
Такимъ образомъ с туркомъ козаки играли.

---

[1]) Семенъ Палѣй, родимецъ борозенскій, оженився за Днѣпромъ въ Фастовѣ и держа при себѣ войско охотное, не токмо не допущалъ ордѣ Полщу и Россію воевать, но и самъ ходя и посылая жолнѣровъ на Бу(д)жаки и Бѣлагородчину, села татарскіе и Очаковъ разорялъ, и где нападали на него татаре, онъ мужественно ихъ побѣждалъ съ великою християнскою ползою: одиножды же самого ими командующого салтана взялъ, и тогда татаре, примиряяся с нимъ, знатными

Черезъ годъ потомъ всѣ малороссійскіе полки,
Слободскіе и запорожскіе козаки,
С Борисомъ Петровичемъ Шереметовымъ ставъ,
Побѣдили турковъ, на оныхъ силно напавъ.
Взяли каменніе четыре ихъ города,
Сами-жъ в себѣ остались без далного вреда.
Началниковъ тамошнихъ турецкихъ над Днѣпромъ
И янчаровъ многихъ взяли жъ в городѣ томъ.
Подѣлили богатство всей арміи своей,
Побрали женъ, забрали также ихъ дѣтей,
Пригнали в Россію Великую и Малу
И подчинили всѣхъ къ россійскому началу.
А Кази-Керминъ (Кизи-Керменъ) с основаніемъ разорили,
И Муберенъ тожъ городъ совсѣмъ спустошили [1]).

дарами обсылали аго. Утишив же Заднѣпре, ожился былъ какъ удѣлный панъ, и располагая войско свое по Полѣсю, десятины с пасѣкъ и индукту почитай со всей оной Украины, даже до Днѣстра и Случи, на себе взималъ. Потомъ ляхи, запомнѣвши Палѣевыхъ благодѣяній, обманою взяли были его и въ Малборгъ заслали. Но онъ и оттуда, на подведеннаго коня всѣвши, къ своимъ въ кайданахъ прибѣглъ; за чимъ гетманъ коронный выправилъ на него гусарское войско съ пѣхотою нѣмецкою и полскою под Фастовъ при арматѣ съ гранатами. Но Палѣй какъ сокрилъ войско свое въ лѣсахъ, самъ затворился въ городѣ, и какъ подступили к нему поляки, такъ войско оное з поля на лядскій обозъ, а Палѣй з города на шанцѣ ихъ ударивши, принудилъ ихъ же миръ з собою учинить и съ стыдомъ прочъ пойти... Еще потомъ на Палѣя и друговъ его полковниковъ ординовали ляхи рейментара Рустича съ великимъ войскомъ, въ которомъ и высокородныи панове были ради отбирания своихъ маетностей. Тогда Самусь, вмѣсто Палѣя, на войну не пошовшаго, съ войскомъ его Палѣевымъ и съ полковниками Абазиномъ и Искрою и иными пошедши, под Бердичевомъ оныхъ ляховъ збилъ и в замокъ манджалѣевскій вгналъ, где принужденъ Рустичъ, оставя свое войско козакамъ на зарѣзъ и весь обозъ на жакъ, з муру спустуится и съ недоумѣніемъ о животѣ прочъ бѣжать». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 290—291. Но въ «Описаніи» нѣтъ разсказовъ о томъ, какъ Палѣй въѣхалъ въ Очаковъ на янычарахъ, и о другомъ походѣ его на Очаковъ съ полковниками кіевскимъ и переяславскимъ. Кажется, авторъ «Разговора» воспользовался здѣсь устнымъ преданіемъ о Паліѣ и самъ лично провѣрилъ его въ Очаковѣ.

[1]) «1695 года Борисъ Петровичъ Шереметевъ съ разными великороссійскими и слободскими полками, тазже и Мазепа со всѣми полками городовыми и

Въ году-жъ тысяча шестъсотъ девяносто шестомъ,
Какъ въ ужаспомъ сраженіи козаки были томъ,
Они с туркомъ въ Озовѣ (Азовѣ) невтомимо бились,
В страшномъ огнѣ на непріятеля валились,
Казали государу вѣрность и прислугу,
Достать городы пособляли другъ другу;
Палили тамъ своя ружя безпрерывно,
Хватали турецкіе партіи отрывно.
При вреву россійскихъ бомбъ, свой огонь давали:
Мечемъ вооружены, враговъ устрашали;
Схватывались с копіями на градскія онія стѣны.
Не искали в кровныхъ трудахъ перемѣны
И турковъ убивали не толко стрѣлбою,
Но и безчисленныхъ ихъ хватали рукою.
Громъ, туча, трескъ ужасной казался тогда и стукъ.
Вирывали знамена ихъ силою из рукъ
И бросали оніе в свое войско с валу.
Великую тѣхъ силу збивали помалу
Зацепляли *пали* канатами водными,
Сворачивали с валу силами своими,
Разбивали, ломали каменныхъ стѣнъ заборъ,
Ступали неровной в болшой еще задоръ,
Такимъ образомъ в городъ пролазъ учинили,
В которой одни другихъ ввалится тѣснили.
Почему турки, видя своей палбы неуспѣхи,
Зажигали с порохомъ цѣліе уже мѣхи
И бросалы за стѣны на упадъ козаковъ,
Изрыли близ валу и глубокой там же ровъ.
Но и то козаковъ воспятить не могло:
Вели ихъ до побѣды весело.

охотними и низовими козаками, четиры турецкіе городы каменные над Днѣпромъ в спасовъ мясопустъ взяли и началниковъ и янчаровъ съ людми и женами и дѣтми и съ богатствомъ въ Великую и Малую Россію забрали, а Казикерменъ и Муберекъ до фундамента разорили. Тамъ-же, стр. 293.

И такъ турки чалмами в нуждѣ замахали
И, знамена наклонивъ, мира просить стали:
»Помилуй, россійской государь побидитель!
Даруй оставшимся животъ, будь нашъ свободитель!
Обще просимъ,—кричали,—с монархией цѣлой.
Доволно для тебя хвалъ, превосходишь насъ силой!«
Почему, при полученіи милости той,
Здали со всею аммуницею городъ свой:
Отдали всѣ бывшіе припасы, богатства,
Мечетніе и городовіе изрядства.
Пятнаднать тысячъ моего войска было здесь.
Которой къ Лизогубу надлежалъ корпусъ ввесь.
Черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ тотъ
В воинскомъ семъ дѣйствіи проливалъ трудовъ потъ.
Онъ то время будучи гетманомъ наказнымъ,
В прислугу отечеству учинился способомъ разнымъ:
Управлялъ, показывалъ примеръ самъ собою,
При великороссійскихъ слылъ и в своемъ бою.
И с какимъ стремленіемъ твои рвались полки,
С толикою ревностью и мои бились козаки.
Гдѣ з Лизогубомъ были знатнѣйшіе в войнѣ
Три полковники, командующіе во мнѣ,—
Михайло Бороховичъ гадяцкой полковникъ,
Леонъ Свѣчка лубенской такой-же чиновникъ,
Прилуцкій полковникъ Горленко Димитрій,
Всѣ сіи отбывали турковъ проэктъ хитрій.
Государь, видя вѣрность с усердіемъ моихъ,
Пятнаднать тысячъ рублевъ роздалъ на рядовыхъ,
А знатнѣйшимъ сотникамъ і полковымъ старшинамъ
По пятнадцати червонцовъ указалъ и самъ.
Полковники-жъ з Лизогубомъ болшъ награждены,
Соболями и денгами обогащенны [1]).

---

1) «1696 года... виправился повторно под Азовъ его царское величество государь Петръ Алексѣевичъ съ множайшими войсками и запасомъ стройно, куда повелѣлъ и малороссійскаго войска 15000 ступать, которое тотчасъ гетманъ вы-

Напомяну еще, какъ турковъ корпусъ не малый
Розбилъ атаманъ запорозкій Яковъ Чалый.
С малымъ числомъ козаковъ онъ по морю ходилъ,
Восѣмъ кораблей взялъ, самыхъ ихъ много плѣнилъ [1]).
А чрезъ тридцать семь лѣтъ по сраженіи ономъ
С какимъ отошли ляхи отъ меня урономъ!
Ибо какъ въ Полщѣ баталѣя учинилась
И подъ Солодковцами моя часть сразилась,
То партизанты Ля(е)щинского прогнаты прочь,
Не могли управится, употребя всю мочь.
И все войско полское отъ козаковъ збито,
Такъ что поля на десять верстъ было покрыто,
По которымъ мертвіе и тѣла лежали,
Кои какъ снопы все пространство устилали.
А особливую заслуживаетъ хвалу
Галаганъ полковникъ, оказавшійся въ войну ту.

правилъ, опредѣлилъ над ними командира чернѣговскаго полковника Якова Лизогуба и съ нимъ полковниковъ: гадяцкаго Михайла Бороховича, прилуцкаго Димитрия Горленка и лубенскаго Леона Свѣчку... Когда изъ города турки выпоромъ а и с поля орда на козацкій обозъ шкодливо нападать стали, тогда козаки, нѣмецкихъ подкоповъ и штурмовъ не дожидаясь, сами дерзновенною охотою чрезъ валъ азовскій съ турками великій бой вщинали и цѣлый день в огнѣ страшномъ на неприятеля валячися, прислугу свою государю являли тамъ, з оружжя палячи непохибно и с конями на стѣну скачучи, не токмо турковъ стрелбою, но и зручъ ламали и убивали, хоругви ихъ хватали и, канатами водними за палѣ градскіе закідая, з валу оные ворочали, и въ городъ диру дѣлали, и на диру тую одни пред другуми въ городъ ввалитись тщились и заохочивали себе. А такъ турки, не могучи козаковъ оружиемъ отбить, мѣшкаки съ порохомъ, приправляя огонь, за стѣны кидали и козаковъ обжигали; потомъ ровъ глубокій въ городѣ близъ штурму ископали на упадъ козакамъ. Но ни мѣшки, ни ровъ не помогли туркамъ; козаки бо, когда турецкій блякавзъ 17 іюля подкопали, и оного ночю доставши, четире орматы тамъ и прочего взяли, тогда турки рано, увидѣвши сіе, также и тое, что еще они-жъ смѣлѣе собираются въ великіе партіи и, нещадя себе, силно нападать на городъ начинаютъ, предъ очима его царского величества, оня 18 іюля замахали шапками и, хоругви наклонивши, стали на миръ взывать и милость у государя просить, что и получили». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 294—5.

[1]) О Чаломъ ничего не сказано въ «Краткомъ описаніи Малороссіи». Что въ 1696 г. онъ былъ кошевымъ атаманомъ, объ этомъ см. «Исторію Новой Сѣчи» А. Скальновскаго, 2 изд. 1846 г., т. II, стр. 133.

Онъ своимъ полкомъ протчіихъ славою превосходилъ,
Страшилище и грозу полякомъ наводилъ[1]).
Укрощали козаки турковъ тожъ свирѣпость,
Когда доставали и Очаковъ ихъ крѣпость.
Тогда какъ похулилъ моихъ преданность Минихъ,
Помниш-ли, какъ оправдалъ Лессій сихъ невинныхъ?
Да и подъ Хотѣню козаки бодрость и вѣрность
Возобновляли прежню храбру свою древность.
Не думай, что не могу похвалится славою,
Какъ и з шведами была война подъ Полтавою,
Гдѣ славной тотъ мой, хотя дряхлъ уже былъ, Палѣй
Грозилъ непріятелской шведской арміи всей[3]).

В.-Р. Ага, такой-то в тебѣ храбрости примѣта,
Что измѣнила ты около того лѣта!

М.-Р. Ахъ, ахъ! куда какая спесь и строптивость права!
Естли опомнишся, не останешся права.

---

[1]) «Король полскій Августъ Вторый въ 1733 году умерлъ, и того ради, къ воспященію умысла короля Станѣслава Лѣщинскаго (францкому королю тестя) и къ усмиренію многихъ поляковъ—партизонтовъ, а къ возведенію на тронъ Августово сына Фридерика, командированы от ея величества государини императрицы войска великороссійскіе и малороссійскіе въ Полщу, где оные войска и зимовалы на 1734 годъ и далѣй; а надъ малороссійскимъ войскомъ и надъ бунчуковыми былъ въ томъ походѣ главнымъ командиромъ обозный генеральный Яковъ Ефимовичъ Лизогубъ... Да тогда-жъ зимою еще пошли многіе полки великороссійскіе и малороссійскіе, съ полковникомъ прилуцкимъ Галаганомъ, при князѣ Алексѣи Шаховскомъ, въ полскую сторону для разоренія маетностей партизантовъ или конфедератовъ короля Станѣслава, и имѣли съ ляхами баталію и побѣдили ихъ; тамъ Галаганъ мужественно показался». Тамъ-же, стр. 316—7. Но въ «Описаніи» нѣтъ подробностей и мѣста сраженія.

[2]) Объ отзывѣ Миниха относительно козаковъ см. выше. Объ участіи козаковъ во взятіи Хотина въ 1739 году см. «Исторію Россіи», Соловьева, т. XI, стр. 156—157. См. «Исторію Новой Сѣчи», Скальковскаго, 1846 г., т. II, стр. 105 и 109.

[3]) «1709 року напередъ указомъ государевимъ Палѣя з Сѣбѣра сискано и милость къ нему показано, который удостоился видѣть побѣду над шведами под Полтавою и самъ тамже на конѣ, хотя уже поддерживанный, ездилъ, побуждая войско, дабы непріятелю сламанному не дали ободритись (вар. обозрѣтись), пока весма ослабѣютъ и сдадутся». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 301.

Ты сама обѣщалась ужъ мнѣ вѣрить,
Непрекословить и праведной мѣрой мѣрить.
А за чимъ опять злобной начинаешъ задоръ,
Вступаешь в ненавистной и враждебной вновь споръ?
Вовся несправедливо язвишь и обидно.
Тебѣ-бъ и думать такъ про меня, право, стыдно.
Ибо измѣна тогда не всей меня была —
Отъ одного Мазепы толко произойшла,
С коимъ никогда о томъ не соглашалась я.
Естли же сіе меня не можетъ оправдить
И буди то, что онъ былъ, станешь вѣкъ твердить:
То вспомни ты сама всѣхъ измѣнниковъ своихъ
И разныхъ государственныхъ преступниковъ злыхъ!
Ты одного такого с жаждой нашла во мнѣ,
А я легко видѣла сто подобныхъ въ тебѣ.
А естли еще стрѣлцовъ и другихъ мѣлкихъ счесть,
То и к болшимъ порокамъ могу тебя довесть.
И то ты поступаешь; менѣ-жъ двохъ сотъ лѣтъ еще нѣтъ,
Какъ поддалась, да такихъ не видишь во мнѣ примѣтъ.
И буди не знаешь иль забыла родъ связныхъ
Измѣнниковъ своихъ и преступниковъ разныхъ,
Кои казненны во вѣчной ссылки по смерть жили,
Разжалованы и под карауломъ были;
То я здесь-же пред тобою счислять стану,
Представлю, какъ было, и скажу без-обману.
Кои противъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичевъ в змѣни обличенъ
И князь Василій Голицынъ на Сибирь сосланъ,
Потому что когда былъ противъ татаръ посланъ,
Воротился назадъ празденъ, Перекопъ оставилъ,
Что̀ онъ здѣлалъ для татаръ, обрадовавшись вдругъ,
Какъ скоро поднесли ему червонцовъ бурдюгъ,
Въ которомъ сверху толко добри лежали

А в средину ложніе в обманъ наполняли [1]).
Да и Шереметевъ что получивъ,
Когда россійскому государю изминивъ?
Не отъ самихъ-ли ляховъ отданъ былъ в неволю,
Гдѣ болшь двадцати лѣтъ проплакалъ свою долю!
Коего какъ самого, такъ и войско его
Держали татаре во утѣсненіи всего.
Ибо бояринъ оной великороссійской,
Какъ напалъ на него и козаковъ ханъ крымской
И поляки, то с ними усовѣтовался онъ,
Чтобъ войско россійское ис Кіева вывесть вонъ
И ляховъ туда пустить, а козаковъ бы всѣхъ,
Бывшихъ при себѣ, выдать татарамъ в мѣстахъ тѣхъ.
Какой Шереметовой измѣны не стерпѣвъ,
Цицюра наказній мой гетманъ, кой сколко зрѣвъ,
Какъ начали уже татарскому народу
Отдавать всѣхъ козаковъ за хлѣбъ, соль и воду,
Почему, оставивъ его, сквозь татаръ пробились
И такъ от нихъ хотя с урономъ свободились·
Дали-жъ Шереметева ляхамъ тѣмъ,
Что не вдоволствовалъ ихъ в договорѣ своемъ:
Ибо не токмо не могъ впустить въ Кіевъ ляховъ,
Но недопущенъ туда и самъ от козаковъ.
Такимъ образомъ хотѣлъ онъ моихъ погубить,

---

[1]) «Въ року 1689 повторно на Кримъ князь Василій Василіевичъ Голицинъ и гетманъ Мазепа и боярини—Шейнъ, Долгоруковъ, Змѣевъ, Шереметевъ и Шепелевъ, съ обоенародними войсками пошедши, под Самарю въ априлѣ стали», а отсюда пришли подъ Перекопъ. Но татаре, «вдавшися до хитростей, когда войска начали под Перекопъ шанцами приступати,...—мира иская, поступили князю Голицину искупъ и ложными червонцами, въ бурдюги насипанными, его обманули, сверху толко добрими прикривши. И тако все войско, хотя съ трудомъ, однакъ охотно, ради користи и славы, Криму достигшее, принуждено от стѣнъ градскихъ съ жалемъ и руганіемъ на гетмана отступить, который мусѣвъ пред войско виехать и, его невинность показівая, лагодно ихъ укротить». Бояре за измѣну были казнены и Голицынъ на Сибирь сосланъ. Тамъ-же, стр. 288—289.

Но самъ попалъ в неволю, какъ вздумалъ измѣнить [1]).
Что̀-бъ россійскіе наши цари здѣлали с нимъ,
Если-бъ не татарамъ, но достался бъ тогда имъ?!
Но сего недоволно: еще былъ злой навѣтъ,
Пребывъ толко послѣ сего пятдесятъ осмь лѣтъ.
И вспомни, и кого и за что Петръ первій казнилъ,
Какъ с иностранныхъ землей в отечество прибылъ!
Не Лопухина-ль и другихъ сверстниковъ того?
Не за измѣну-ль противъ Величества Его?
Свидителемъ чему Скоропадскій мой гетманъ,
Бывшій с полковниками своими тогда тамъ,
Кой с Москвы за государомъ ѣздилъ в Питербургъ,
Отъ кого с милостію отпущенъ обратно в мой кругъ [2]).

---

[1]) «Юрій Хмелницкій, учинивши на Кодачку совѣтъ съ бояриномъ Василіемъ Васильевичемъ Шеромотьевимъ ступать войною в Полщу, въ року 1660, сам Гончарихою особенно, а бояринъ з Цюцюрою, наказнимъ гетманомъ, на Котелню пошли, намѣревая оба подъ Львовомъ сойтись». Но король польскій и ханъ крымскій неожиданно «напали на великороссіанъ и козаковъ под Чудновомъ и Слободищами и, побѣдивши, многихъ осадили. Где Хмелницкій, въ особности будучи, многократно бой дѣлалъ. Видя-же неприятелскую силу великую и умножающуюсь, смирился пред ляхами; а Шереметевъ, не во время познавши, что напрасно съ гетманомъ порознился, по долгомъ своемъ и нуждномъ и холодномъ и безводномъ съ Цюцюрою облежении, утрактовалъ съ поляками, чтобъ козаковъ, при немъ сущихъ, выдать татарамъ, войско россійское съ Киева виведши, ляховъ туда впустить и прочая. Якой неправости не терпя Цюцюра, — ибо уже начали татарамъ за хлѣбъ, за соль, за воду козаковъ отдавать, — оставивъ Шереметьева, и хотя съ потеряниемъ войска своего, сквозь татаръ пробился. Тогда убо Шереметевъ, какъ не возмоглъ статей мирнихъ въ дѣло привесть, понеже князь Барятинский, въ Кіевѣ съ войскомъ обрѣтаясь, не токмо ляхамъ, но ему Шереметеву не далъ и близко до Кіева приступить, — а таки ляхи, его атаковавши, живого самого и войско его в награжденіе татарамъ отдали, у которыхъ въ неволѣ онъ Шереметевъ болше дванадцяти лѣтъ сидѣлъ; офѣцеровъ-же его для окупу себѣ поляки оставили». Тамъ-же, стр. 256—257.

[2]) «Возвратясь з Франціи, его царское величество государь Петръ Алексѣевичъ въ 1718 году билъ въ Москвѣ со всѣмъ дворомъ его монаршимъ, когда сужено Лопухина и другихъ казнено за измѣну, куда и гетманъ Скоропадскій съ полковникомъ чернѣговскимъ Павломъ Полуботкомъ, да съ лубенскимъ полковникомъ-же Андреемъ Марковичемъ и съ писаромъ войсковимъ Семеномъ Савичемъ и

А чрезъ десять потомъ лѣтъ кто подъ караулъ взятъ
И кого велено из твоихъ в сылку послать?
Не графъ-ли Петръ Андреевичъ Толстой прозывался?
Не тотъ-ли за преступленіе туда попался? [1])
Въ тысяча семьсотъ тридцать шестомъ году потомъ,
Какъ козаки в сраженіи съ татарами были томъ,
Кое происходило на Черной Долинѣ,
По перемѣнной с обохъ сторонъ судбинѣ
Гдѣ многихъ тѣхъ прежъ мои было порубили,
Потому когда татаре себя укрѣпили,
То оныхъ запорозскихъ козаковъ прогнали.
У слободскихъ полкахъ премногихъ погубляли,
Куда бывшій в тебѣ Шеинъ генералъ посланъ былъ,
Чтобъ россійску партію ту отъ татаръ прикрылъ;
Но понеже, могучи, онъ помочи не далъ,
То суди сама, не в змѣну-ль чрезъ то попалъ
И не в вѣчніе-ли былъ салдаты осужденъ [2])?

прочими ездилъ до государя, а зъ Москви онъ-же гетманъ зъ старшиною ездилъ за государемъ до Санктъ-Петербурга для повиданія строения онаго, — и съ милостію монаршою отпущены». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 304.

[1]) 1721 года «напередъ, по взятіи старого Толстого съ товарищи за караулъ и въ ссилку, велено и сыну его, полковнику нѣжинскому, сехать з Малой Россіи на житло въ Великую Россію». Тамъ же, стр. 311—312.

[2]) О сраженіи у Черной Долины извѣстно слѣдующее: въ 1736 году, во время крымскаго похода, бывшій кошевой Иванъ Малашевичъ съ охотниками окруженъ былъ татарами у Черной Долины (урочище Черная Долина, нынѣ станція на перекопской почтовой дорогѣ, днѣпровскаго уѣзда), но не только спасся самъ со многими козаками, но еще и сотни плѣнныхъ татаръ—ногайцевъ къ Миниху представилъ. См. «Исторію Новой Сѣчи», А. Скальковскаго, 2 изд. 1846 года, ч. II, стр. 95. Но едва-ли была какая-либо измѣна со стороны Шеина, хотя онъ и могъ подвергнуться какому-либо штрафу или наказанію отъ вспыльчиваго и опрометчиваго Миниха. Въ 1742 году послѣднему ставили въ вину, между прочимъ, и то обстоятельство, что онъ, въ «свою при арміи бытность не токмо съ меньшими россійскими офицерами. и многажды и безъ суда, не по достоинству офицерскому, въ штрафахъ поступалъ, но и на штабъ-офицеровъ солдатской штрафъ налагалъ; и въ первомъ перекопскомъ походѣ нѣкоторыхъ изъ старыхъ шляхетскихъ фамилій россійскихъ полковниковъ, ругаясь, подъ ружье ставилъ, и такъ

Но и еще не ввесь зборъ такимъ в тебѣ сочиненъ.
Напомню тебѣ генерала-адмирала
И кабинетъ-министра, коего ты знала,
Андрея Остермана, графа бывшаго тежъ;
Напомню фелтмаршала въ годки тѣжъ,
Но сего помилованного уже оставлю.
Левенволда-жъ оберъ-гофъ-маршала представлю!
Спрошу тебя,—гдѣ Михайло Головинъ дѣвался,
Тотъ, которій еще канцлеромъ твоимъ щитался!
Гдѣ Мейгденъ комерцъ-колежской президентъ бывшой?
Да гдѣ и с тѣми развѣ в чести прежде жившій,
Кой дѣйствителній статской былъ уже совѣтникъ?
Не здѣлался-ль и сей помянутымъ причетникъ?
И не всѣ-ли оны в измѣнѣ обличены?
Не всѣ-ль къ смертной казни были осуждены
За погрѣшность противъ государева лица
И зъ государственнія многія воровства?
Но всемилостивѣйша однакъ Елисаветъ,
Что̀ присудилъ—было тѣмъ ввесь генералѣтетъ,
По милосердію изволила то унять
И вмѣсто смертной казни вѣчно в сылку сослать[1]).

ихъ предъ всею арміею водилъ, изъ нихъ-же нѣкоторыхъ и скованныхъ держалъ; свойственниковъ-же своихъ и адгерентовъ не по ихъ достоинству производилъ«. См. Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи, т. XI, манифестъ 22 генваря 1742 г., стр. 572.

[1]) Свѣдѣнія объ этихъ измѣнникахъ основаны исключительно на высочайшемъ манифестѣ императрицы Елизаветы Петровны отъ 22 генваря, 1742 года, объ отмѣнѣ смертной казни приговореннымъ къ оной генеральнымъ судомъ государственнымъ преступникамъ Остерману, Миниху, Головкину, Левенвольду, Менгдену и Темирязеву, изобличеннымъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ къ устраненію отъ наслѣдія императорскаго всероссійскаго престола императрицы Елизаветы Петровны и къ доставленію онаго потомству принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской. Генеральный судъ положилъ всѣхъ этихъ государственныхъ преступниковъ казнить смертію, «а именно: Остермана колесовать, Миниха четвертовать, а Головкину, Левенвольду, Менгдену и Темирязеву отсѣчь головы, а движимыя и недвижимыя ихъ имѣнія взять» на государыню. Но императрица Елизавета Петровна всемилости-

Вотъ, смотри! однымъ ты меня попрекнула разъ,
А я сколко сосчитаю твоихъ къ царямъ уразъ!
Мазепу толко твердишь, а своихъ забыла,
Недавно тысячными глаза заслѣпила.
Ибо одного легче помнить и усмотрѣть,
Многими-жъ глаза можно помрачить, какъ глядѣть.
Упомяну противъ того славной в себѣ:
Знаешь-ли Разумовскихъ, родившихся во мнѣ,—
Какъ Елисаветѣ одинъ изъ тѣхъ услужилъ,
Какъ и Екатеринѣ другой вѣрность открылъ?...

вѣйше «указала ихъ отъ той приговоренной смертной казни освободя, сослать въ заточеніе, а именно: Андрея Остермана въ Березовъ, Миниха въ Пелымъ, Головкина въ Германгъ, Менгдена въ колымской острогъ, Левенвольда къ Соли-Камской, Темирязева въ ссылку въ Сибирь, въ которыя мѣста, какъ его Остермана, такъ и прочихъ женъ, ежели похотятъ, отпустить-же съ мужьями, а всѣ ихъ собственныя движимыя и недвижимыя имѣнія взять» на ее—государыню. См. Полное собраніе законовъ Росс. Имперіи, т. XI, стр. 567 и слѣд.

Дневникъ Станислава Освѣцима

(*въ извлеченіи*)

1643—1651 г.

(*Продолженіе*).

1650 г.

Начало года посвящено описанію засѣданій сейма, собравшагося въ Варшавѣ, при чемъ записано слѣдующее извѣстіе о посольствѣ, явившемся на сеймъ отъ Хмельницкаго [1]).

Января 6. Прибыли въ Варшаву послы отъ войска Запорожскаго. Присылка ихъ была давно обѣщана: ихъ ожидали и, наконецъ, надежду уже потеряли. Вмѣстѣ съ послами возвратился стольникъ варшавскій, Станиславъ Гульчевскій, который посланъ былъ къ козакамъ по настоянію Хмельницкаго, для того, чтобы присутствовать при составленіи переписи войска запорожскаго въ количествѣ 40,000, согласно статьямъ договора, заключеннаго подъ Зборовымъ. Пословъ козацкихъ было пять: первымъ былъ Максимъ Несторенко, старый и заслуженный въ ихъ войскѣ козакъ, отъ всей души ненавидящій ляховъ, что онъ многократно доказалъ, особенно-же при взятіи Кодака. Послѣ долгой осады гарнизонъ этой крѣпости сдался, полагаясь на слово и торжественную присягу Несторенка, обѣщавшаго сохранить сдавшимся жизнь и имущество; но онъ слова не сдержалъ и присягу нарушилъ, ибо, когда солдаты разошлись уже по селамъ, онъ напалъ на нихъ, однихъ отдалъ въ тяжелую неволю, другихъ жестоко перебилъ. Другой посолъ былъ Ясько Войченко изъ Крылова; третій—Иванъ Креховецкій, писарь войска запорожскаго; четвертый—Нагнитъ изъ Черкасъ; пятый—Щербина изъ Канева.

---

[1]) Стр. рукописи 1017—1019.

7 числа. Вышеупомянутые козацкіе послы изложили порученное имъ въ частной аудіенціи у короля и отъ имени своего гетмана передали вновь составленный, согласно съ условіями зборовскаго договора, регистръ войска запорожскаго. Составленіе этого регистра было лучшимъ доказательствомъ искренности и повиновенія Хмельницкаго, а также гарантіею хотя кое какого замиренія. Большинство пановъ нашихъ, опытныхъ въ политикѣ, были убѣждены, что Хмельницкій не имѣлъ желанія и, еслибы даже желалъ, то не былъ въ состояніи исполнить этого условія, до того казалось труднымъ изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ возставшихъ хлоповъ столь малое число признать козаками, всѣхъже остальныхъ вновь обратить въ крѣпостное состояніе. Однако въ этомъ дѣлѣ онъ выказалъ столько ума и сообразительности (мы это признать должны), что умѣлъ совершить то, что обѣщалъ, хотя дѣло всѣмъ казалось невозможнымъ. Книга, въ которой списаны регистры, форматомъ въ листъ и довольно толстая, ибо столько именъ и фамилій должно было занять много мѣста. Такъ какъ вся книга для скораго прочета неудобна и по своему объему и потому, что вся написана русскимъ письмомъ, то послы, для удобства короля и другихъ лицъ, которымъ необходимо было ознакомиться съ дѣломъ, представили краткое извлеченіе, скрѣпленное гербовою печатью и подписью Хмельницкаго, заключающее въ себѣ перечень полковъ и сотень съ обозначеніемъ количества козаковъ въ каждой.

Въ рукописи приложена копія этого перечня; мы ее не помѣщаемъ, потому что полный регистръ былъ уже напечатанъ покойнымъ О. М. Бодянскимъ въ 1875 году. Въ перечнѣ Освѣцима общая цыфра козаковъ выставлена 40,477.

Затѣмъ въ рукописи слѣдуетъ описаніе засѣданій сейма, дневникъ путешествія Освѣцима въ Венецію и обратно и описаніе пріема московскаго посольства, пріѣхавшаго въ Варшаву 16 Марта. Дневникъ продолжается только до 1 апрѣля, остальные 9 мѣсяцевъ 1650 года утеряны и продолженіе начинается только съ 24 января 1651 года.

1651 г.[1]).

Января 24. Вчера выѣхалъ изъ Львова кастеллянъ краковскій, гетманъ великій коронный (Николай Потоцкій); передъ выѣздомъ онъ получилъ письма отъ ротмистра Мазовецкаго, от-

---

[1]) Дневникъ за 1651 годъ занимаетъ страницы рукописи 1088—1250.

правленныя 28 декабря минувшаго года изъ Турціи. Мазовецкій еще осенью отправленъ былъ въ качествѣ агента въ Турцію и ему поручено было стараться отклонить турокъ отъ союза съ Хмельницкимъ, убѣдить Порту, чтобы она не допустила брака Тимофея на дочери господаря и попытаться выхлопотать оффиціальный приказъ татарамъ, для удержанія ихъ отъ войны. По сообщенію его въ упомянутомъ письмѣ, турки не довольны союзомъ татаръ съ козаками, но не могутъ ему воспрепятствовать, такъ какъ силы ихъ заняты войною съ Венеціею, почему они должны смотрѣть сквозь пальцы на эту дружбу и притворно ее разрѣшать; они также сильно не одобряютъ предполагаемый бракъ и отправили приказъ господарю молдавскому, чтобы онъ не отдавалъ дочери въ супружество бунтовщику; вообще всѣ дѣйствія турокъ въ пользу Хмельницкаго предпринимаются лишь для того, чтобы выиграть время, ибо въ настоящемъ они не имѣли-бы возможности сопротивляться его могуществу. Мазовецкій прислалъ притомъ вполнѣ вѣрное извѣстіе, что Хмельницкій, желая привлечь хана къ участію въ предпріятіи относительно женитьбы сына (на свадьбу-же онъ не желалъ отправляться безъ оружія), жаловался ему черезъ своихъ пословъ, будто мы, нарушая статьи договора, нападаемъ на него и готовимъ ему гибель. Но посольство это возвратилось съ неблагопріятнымъ отвѣтомъ, ибо ханъ нашелъ невозможнымъ для себя прійти ему въ помощь со всѣмъ своимъ войскомъ, такъ какъ силы его были значительно ослаблены потерею людей и лошадей, какъ во время осенней экскурсіи въ Волощину, такъ и вслѣдствіе сраженія съ калмыками, случившагося зимою; онъ совѣтовалъ Хмельницкому не выступать изъ своихъ границъ и выдержать натискъ до весны, забавляя ляховъ посольствами и напоминаніями о заключенномъ договорѣ; въ случаѣ крайности онъ обѣщалъ прислать въ помощь 12,000 орды, весною-же явиться со всѣми своими силами.

Въ то-же время король получилъ предостереженіе отъ императора о томъ, что изъ числа солдатъ, распущенныхъ послѣ водворенія мира въ имперіи, 4,000 отборныхъ воиновъ поступили на жалованье къ Хмельницкому, и что они намѣрены вторгнуться въ Польшу со стороны Спижской земли, поднять тамъ крестьянское возстаніе въ горахъ, и затѣмъ напасть на Краковъ и попытаться такимъ образомъ развлечь наши силы.

Въ это-же время, какъ это обыкновенно случается во время войны, заразы и другихъ общественныхъ бѣдствій, стали рас-

пространяться различные неблаговидные слухи и подозрѣнія на счетъ разныхъ особъ, въ томъ числѣ и на счетъ князя Вишневецкаго. Завистливые люди утверждали, будто онъ, находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ враги лишили его всѣхъ помѣстій, обращался съ просьбою о займѣ значительной суммы къ Ракочію (князю семиградскому), тайному врагу нашего отечества и неизмѣнному союзнику Хмельницкаго, и предлагалъ ему отдать въ залогъ своего сына [1].—Удивительно злословіе коварныхъ людей! Будто сынъ столь знатнаго и славнаго вельможи, занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ отечествѣ, единственное украшеніе своего рода, зѣница ока своего отца, могъ быть отданъ подъ залогъ денежной суммы явному врагу отечества! Будто князь Вишневецкій лишенъ былъ въ отечествѣ друзей и родственниковъ, которые-бы не отказали ему въ помощи. Вѣдь мы видѣли, что многіе, совершенно ему посторонніе люди, не связанные съ нимъ узами родства, руководимые лишь уваженіемъ къ его славѣ и заслугамъ, представляли въ его распоряженіе и пользованіе свои дома и помѣстья. Поводомъ къ этимъ толкамъ злонамѣренныхъ людей послужило, между прочимъ, то обстоятельство, что князь, получивъ отъ короля порученіе нанять 700 людей для предстоящей войны, отказался отъ этого и возвратилъ полномочіе; князь поступилъ такимъ образомъ потому, что онъ хотѣлъ отрядъ этотъ доставить на службу Рѣчи-Посполитой на свой счетъ и не желалъ отдавать въ наемъ собранной имъ милиціи. Поскупокъ этотъ былъ перетолкованъ людьми, привыкшими вмѣшиваться въ чужія дѣла, и послужилъ основаніемъ приведенныхъ подозрѣній и сплетень.

Февраля 12. Въ Украйнѣ собиралась страшная гроза. Хмельницкій, не успѣвши устроить брака своего сына въ Волощинѣ, по причинѣ препятствій, встрѣченныхъ имъ со стороны нашего войска, рѣшился силою осуществить свое намѣреніе и возобновить съ нами войну, расторгнувъ договоръ, скрѣпленный присягою и отстранивъ коммисію, назначенную для разсмотрѣнія этого дѣла; болѣе заслуженные козаки высказывали однако въ тайнѣ, что они удовлетворены королемъ, что Хмельницкій посягаетъ на то, что ему не слѣдуетъ и долженъ самъ нести отвѣтственность за свое предпріятіе, они-же готовы отстать отъ него, лишь бы пользоваться спокойствіемъ.

---

[1]) Будущаго польскаго короля—Михаила.

Желая обезпечить себя, Хмельницкій всѣми силами хлопоталъ о томъ, чтобы ханъ далъ ему вспомогательное войско и чтобы онъ самъ принялъ участіе въ походѣ. Но такъ какъ ханъ не могъ лично явиться по вышеизложеннымъ причинамъ, то отправилъ въ походъ своего брата, султана Нуредина, съ 10,000 отрядомъ, давъ ему притомъ тайный наказъ избѣгать сраженій и состоять лишь въ качествѣ стражи при Хмельницкомъ, въ случаѣ-же большой опасности немедленно о томъ извѣстить его, обѣщая, въ такомъ случаѣ, двинуться на помощь со всею ордою съ наступленіемъ весны. Полагаясь на это обѣщаніе и на вспомогательный отрядъ султана Нуредина, Хмельницкій выступилъ изъ Чигрина 16 февраля и направился въ Баръ. За недѣлю до его выступленія поднялась вся почти Украйна—взрослые и малолѣтніе, старые и молодые, помышляя объ истребленіи насъ, не думая вовсе о предположенной коммисіи и желая лишь предупредить соединеніе нашихъ войскъ. Но въ этомъ отношеніи надежда ихъ не оправдалась, ибо польный коронный гетманъ Калиновскій, которому поручено было въ то время главное начальство надъ войскомъ (великаго гетмана, Николая Потоцкаго, король удержалъ при себѣ подъ предлогомъ необходимости пользоваться его совѣтами, но правдоподобнѣе, какъ носились слухи, потому, что не довѣрялъ его распорядительности), совокупилъ все войско у Бара, какъ о томъ выше было сказано, и, узнавъ о томъ, что крестьяне возстаютъ въ Брацлавщинѣ и собираются въ отряды, рѣшился заблаговременно предупредить ихъ и не дозволить имъ соединиться. Онъ выступилъ 19 февраля изъ Бара по направленію къ Линцамъ, съ цѣлью преградить путь врагамъ, и того-же числа вечеромъ остановился въ мѣстечкѣ Станиславовѣ. Здѣсь онъ узналъ, что брацлавскій полковникъ Нечай, одинъ изъ главнѣйшихъ бунтовщиковъ, котораго козаки считали первымъ лицемъ послѣ Хмельницкаго, вопреки статьямъ договора, которыя воспрещали обѣимъ сторонамъ переходить пограничную черту, занялъ мѣстечко Красное, лежащее за назначенною чертою, и расположился въ немъ. Гетманъ Калиновскій воспользовался этимъ предлогомъ для нападенія и 20 февраля, въ понедѣльникъ на масляницѣ, выступилъ изъ Станиславова, отправивъ впередъ часть войска подъ начальствомъ брацлавскаго воеводы, Станислава Лянцкоронскаго. Послѣдній съ тремя козацкими хоругвями (старосты черкаскаго Киселя, старосты улановскаго Казимира Пясечинскаго и Криштофа Корицкаго) неожиданно за-

хватилъ въ расплохъ врага, не помышлявшаго объ опасности, и, ворвавшись въ мѣстечко, привелъ козаковъ въ большое смятеніе. Нечай, бывшій въ то время на-веселѣ, когда его извѣстили о приходѣ войска, полагалъ, что въ Красное прибылъ съ козаками сотникъ Шпакъ изъ Мурахвы; потомъ, убѣдившись, что дѣло не шуточное, вскочилъ на коня, сталъ сражаться, какъ подобало храброму юнаку, и перначомъ своимъ подгонялъ козаковъ въ битву; но среди безпорядка и суматохи онъ не могъ организовать сопротивленія и, храбро защищаясь, палъ въ битвѣ самъ, а вмѣстѣ съ нимъ легло много козаковъ. Между тѣмъ болѣе знатные сотники: Гавратынскій, Красносельскій, братъ Нечая, Кривецкій, Степко [1]) и другіе съ значительнымъ количествомъ стрѣлковъ отступили въ замокъ. Хотя крѣпость эта была неприступна съ трехъ сторонъ, съ четвертой-же стороны охранялась прорубями, подѣланными во льду, гетманъ, желая сразу воспользоваться замѣшательствомъ непріятеля, приказалъ немедленно иноземной пѣхотѣ идти на штурмъ; но враги отбили приступъ съ успѣхомъ; затѣмъ польская конница, охотно спѣшившись, стала поддерживать въ штурмѣ отступившую пѣхоту и вбѣжала съ развернутыми знаменами на валы; но Провидѣнію угодно было иначе распорядиться и наши, не одержавъ успѣха, должны были продолженіе сраженія отсрочить до слѣдующаго дня. На разсвѣтѣ конница выстроилась въ боевой порядокъ, иностранному-же (наемному) войску, какъ пѣхотѣ, такъ и драгунамъ, гетманъ приказалъ опять идти на приступъ. Между тѣмъ враги ночью сожгли всѣ зданія, мѣшавшія защитѣ, и солдаты

---

[1]) Изъ „регистра войска запорожскаго", составленнаго въ 1649 году и представленнаго королю въ 1650, мы знаемъ, что брацлавскій полкъ принадлежалъ къ числу болѣе многолюдныхъ и обширныхъ; въ немъ числилось 2,662 козака, и въ составъ его входило 22 сотни. Изъ числа лицъ, упоминаемыхъ въ разсказѣ Освѣцима, въ регистрѣ, кромѣ полковника Данила Нечая, въ сотнѣ брацлавской записаны были два брата его: Матвѣй и Иванъ. Погибшій въ Красномъ, вмѣстѣ съ братомъ Даниломъ, былъ Матвѣй, такъ какъ Ивана мы встрѣчаемъ впослѣдствіи (1654) въ званіи бѣлорусскаго полковника въ Быховѣ. Романъ Шпакъ былъ въ 1649 сотникомъ браиловскимъ, съ того-же времени очевидно перешелъ на сотничество въ Мурахву. Солтанъ Красносельскій уже въ 1649 году былъ, по всему вѣроятію, сотникомъ полковой брацлавской сотни; упоминаемый-же у Освѣцима Степко—это Степко Білоченко, сотникъ багдановскій. Василь Кривецкій и Грицько Кривенко числились въ 1649 году козаками брацлавской-же сотни. Въ селѣ Салинцахъ, райгородской сотни записанъ Василь Жидовчинъ,—можетъ-быть его разумѣетъ Освѣцимъ подъ именемъ Жидкевича; наконецъ Гавратынскаго мы не нашли въ регистрѣ брацлавскаго полка.

наши, по причинѣ усталости не имѣли успѣха, не смотря на то, что и кавалеристы польскіе, соскочивъ охотно съ лошадей, пѣшкомъ до поздняго вечера шли на валы на приступъ. Самъ гетманъ, цѣня мужество солдатъ и раздѣляя ихъ опасности, сошелъ съ коня и, поддерживая рѣшимость солдатъ, лично ходилъ на приступъ; даже конь его былъ раненъ выстрѣломъ. Во время штурма раненъ былъ полковникъ Денгофъ и многіе товарищи; нѣсколько офицеровъ и до 150 челяди и пѣхотинцевъ убиты. Наконецъ ночь раздѣлила сражавшихся и наши хоругви расположились вокругъ замка. Между тѣмъ козаки потеряли самоувѣренность и стали ночью перескакивать черезъ палисадъ, желая спастись бѣгствомъ; но это не удалось имъ и многіе сложили голову: шляхтичъ Гавратынскій, занимавшій у нихъ должность сотника, попалъ въ плѣнъ и потомъ былъ разстрѣлянъ въ Мурахвѣ; Жидкевичъ, писарь Нечая, также былъ взятъ въ плѣнъ, но онъ былъ впослѣдствіи освобожденъ. Степко палъ въ сѣчѣ, Красносельскій пропалъ безъ вѣсти, братъ-же Нечая и Кривенко погибли вмѣстѣ со многими другими во время штурма (второго дня). Гетманъ тотчасъ отправилъ однѣ хоругви въ погоню за убѣжавшими, другія-же послалъ въ замокъ, куда ворвавшись, онѣ изрубили всѣхъ остававшихся тамъ враговъ. Такъ счастливо кончилось это первое столкновеніе,

Февраля 23. Гетманъ сжегъ городъ и замокъ въ Красномъ и отправился въ Мурахву, зная, что тамъ собралось 2,000 козаковъ подъ начальствомъ сотника Шпака; но они, узнавъ о движеніи войска и не полагаясь на свои слишкомъ слабыя силы, заблаговременно отступили по направленію къ Днѣстру. Мѣщане и крестьяне изъ окрестныхъ селъ затворились въ городѣ и упорно защищались, не желая впустить нашего войска, но потомъ должны были отступить изъ города и затворились въ замкѣ, который очень сильно укрѣпили. На слѣдующій день осажденные сдались, выдали пушки и порохъ и принесли присягу, равно представили одного изъ среди себя, утверждая, что онъ былъ зачинщикомъ бунта; наконецъ они обратились къ гетману съ просьбою, чтобы онъ оставилъ гарнизонъ въ замкѣ для охраны отъ своевольныхъ людей, вслѣдствіе чего и былъ оставленъ отрядъ пѣхоты. Между тѣмъ войсковая челядь стала ходить въ замокъ, будто для покупки припасовъ, дѣйствительно-же солдаты принялись разбивать коморы, грабить провизію, медъ и другіе предметы. Гетманъ, желая вначалѣ-же пресѣчь этотъ безпорядокъ,

приказалъ, для примѣра другимъ, повѣсить пойманнаго на мѣстѣ преступленія одного солдата изъ отряда воеводы брацлавскаго (Лянцкоронскаго). Хотя распоряженіе это и раздосадовало воеводу, но онъ принужденъ былъ на этотъ разъ проглотить обиду въ молчаніи.

Февраля 27. Усмиривши жителей Мурахвы, на сколько это возможно было въ то время, войско двинулось въ Шаргородъ. Мѣщане этого города заблаговременно озаботились о своей безопасности, за два дня до прихода войска, они прислали къ гетману изъявленіе своей покорности и высказали готовность, какъ вѣрные королевскіе подданные, допустить войско въ городъ. Обѣщанія свои они дѣйствительно сдержали. Когда войско занимало въ теченіи нѣсколькихъ дней квартиры въ Шаргородѣ, пріѣхала къ гетману депутація мѣщанъ изъ Черніевецъ съ заявленіемъ готовности выдать оружіе и принести присягу вѣрности; точто также поступили и другіе близлежащіе города.

Марта 1. Гетманъ рѣшилъ остановиться въ Шаргородѣ до конца зимы и распредѣлилъ квартиры для войска, но потомъ, по неизвѣстной причинѣ, перемѣнилъ намѣреніе и войско, не занявъ назначенныхъ квартиръ, выступило въ Черніевцы, гдѣ и остановилось на ночлегъ 2 марта.

Марта 3. Оттуда войско двинулось къ мѣстечку Стину, въ которомъ затворились козаки и крестьяне изъ разныхъ мѣстечекъ. Во время похода пріѣхали къ войску двое мѣщанъ изъ упомянутаго мѣстечка, посланные, какъ кажется, войтомъ безъ вѣдома черни; они просили мира отъ имени всѣхъ жителей и взялись проводить войско въ Стину. Но едва наши приблизились, изъ мѣстечка въ лежащіе на пути хутора выбѣжало множество хлоповъ, вооруженныхъ самопалами, луками и другимъ оружіемъ. При приближеніи войска они стали стрѣлять, произносить угрозы, преподносить кукиши и, забывъ всякое приличіе, выставлять заднія части тѣла. Довольно долго они защищали входъ въ хутора и въ нижній городъ; наконецъ нѣсколько козацкихъ [1]) хоругвей, бросившись впередъ съ рѣшимостью, прогнали хлоповъ въ городъ и овладѣли хуторами; съ другой стороны воевода брацлавскій, принявъ на-

---

[1]) Упоминаемыя въ составѣ польскаго войска козацкія хоругви не состояли изъ козаковъ; это были отряды легкой конницы польскаго войска, вооруженные по образцу козаковъ, почему и носили названіе хоругвей козацкихъ, въ противуположность тяжелой конницѣ, называвшейся: гусарами и панцырниками.

начальство надъ пѣхотою и частью конницы, атаковалъ нижній городъ и вскорѣ, съ Божьею помощью, заставилъ враговъ отступить въ городъ верхній. Послѣдній защищенъ неприступнымъ мѣстоположеніемъ и доступъ къ нему возможенъ лишь съ одной стороны. Потому хотя гетманъ и покушался взять его приступомъ, но не имѣлъ никакого успѣха; пальба изъ пушекъ также мало вреда наносила осажденнымъ; послѣдніе-же отказались рѣшительно сдаться и выдать свою старшину. Начались переговоры; осажденные предлагали дать для удовлетворенія войска 4,000 злотыхъ и просили гетмана не проливать ихъ крови, увѣряя, что они вѣрные подданные калусскаго старосты, пана Яна Замойскаго. Гетманъ, видя что невозможно ничего добиться силою, согласился принять такое доказательство ихъ покорности и удовлетворился лишь тѣмъ, что потребовалъ у нихъ присяги.

Марта 4. Послѣ принесенія присяги, изъ города прислали вмѣсто обѣщанныхъ 4,000 злотыхъ только 1,000. По опредѣленію общаго совѣта гетманъ отправилъ обратно эти деньги черезъ товарища хоругви брацлавскаго воеводы и отпустилъ назадъ тѣхъ хлоповъ, которые ихъ принесли.

Марта 5. Приказано было войску выступать въ Черніевцы, но въ одной лощинѣ вблизи города оставлены были въ засадѣ три хоругви. Когда войско наше удалилось, хлопы, ничего не опасаясь, вышли изъ города въ оставленный нами лагерь. Тогда хоругви выскочили изъ засады, отрѣзали хлоповъ отъ города и, бросившись на нихъ съ крикомъ: „Галла! Галла!“; перебили ихъ до 150. Въ тотъ-же день гетманъ послалъ полки князя воеводы русскаго (Іереміи Вишневецкаго) и пана хорунжія короннаго въ мѣстечко Ямполь. Они ночью захватили Ямполь въ расплохъ, перерѣзали поголовно всѣхъ жителей, мѣстечко сожгли и овладѣли богатою добычею. Между тѣмъ войско, отступивъ отъ Стины, расположилось на трехдневный отдыхъ въ Черніевцахъ.

Въ тотъ-же день кіевскій воевода, Адамъ Кисель [1]), назначенный коммисаромъ короля и Рѣчи Посполитой для обсужденія

---

[1]) Адамъ Кисель принадлежалъ къ древнему русскому дворянскому роду и былъ православный, вслѣдствіе этого польское правительство поручило ему сношенія съ Хмельницкимъ. Въ перепискѣ съ козацкимъ гетманомъ Кисель постоянно выставляетъ на видъ свое русское происхожденіе и даже примѣшиваетъ къ польскому тексту своихъ писемъ малорусскія слова и выраженія. Желая сохранить эти особенности рѣчи въ переводѣ, мы, въ письмѣ Киселя, будемъ подчеркивать и приводить въ выноскахъ слова подлинника.

всякихъ претензій обѣихъ сторонъ, обратилъ вниманіе на то, что гибель Нечая и многихъ козаковъ и нападеніе на нихъ гетмана, вѣроятно, сильно раздражатъ Хмельницкаго и вызовутъ месть съ его стороны, а потому рѣшился, хотя до нѣкоторой степени, успокоить его, указавъ, что причину къ столкновенію подали исключительно своевольные козаки. Съ этою цѣлью онъ написалъ къ Хмельницкому слѣдующее письмо:

Милостивый панъ гетманъ, мой любезный панъ и братъ! Отъ начала вселенной случается такъ, что среди пшеницы попадаются плевелы и часто рядомъ *съ церковью Божею* [1]) злой духъ устраиваетъ свою капеллу. Помазанникъ Божій, король его милость, прилагалъ постоянно и теперь прилагаетъ всѣ старанія для того, чтобы доставить спокойствіе своему государству; *я несчастный* [2]) со времени сейма, въ теченіи трехъ лѣтъ безпрестранно нахожусь въ разъѣздахъ и хлопотахъ, вслѣдствіе чего я совершенно потерялъ силы и здоровье; я постоянно нахожусь въ сношеніяхъ съ вашею милостью, моимъ милостивымъ паномъ и братомъ, желая снискать облегченіе угнетенному нашему отечеству и спасти отъ гибели послѣднюю горсть нашего русскаго народа. Ваша милость также не мало *печаловались* [3]) и трудились, какъ подобало вѣрному королевскому подданному и слугѣ, принесшему присягу, для того, чтобы потушить вспыхнувшій пожаръ. Между тѣмъ Нечай, которому нынѣ да оставитъ Господь его прегрѣшенія, привыкъ было безъ вѣдома вашей милости творить всякое зло: зазывать татаръ противъ соотечественниковъ, проливать кровь, избивать дворянъ. Такъ и въ послѣднее время онъ овладѣлъ артиллеріею въ Брацлавѣ, двинулся къ Линцамъ и напалъ на квартиры польскаго войска, понося письмами и на словахъ знатныхъ вождей и гетмановъ; потому, по справедливому изволенію Господа, онъ и нашелъ то, чего искалъ и получилъ награду по заслугамъ. Узнавъ объ этомъ столкновеніи и имѣя въ виду данное мнѣ порученіе о сохраненіи мира, я королевскимъ именемъ удержалъ польнаго гетмана и воеводу брацлавскаго отъ дальнѣйшаго движенія за пограничную черту и вашу милость извѣщаю о томъ, что коммисія, назначенная для умиротворенія, спокойно ожидаетъ начала своего дѣйствія, о чемъ и гетманъ польный извѣщаетъ вашу милость отдѣльнымъ письмомъ. Отправляя къ вашей милости это посланіе, отъ себя удостовѣряю васъ именемъ короля, *что миръ считаю ненарушеннымъ и что коммисія готова по прежнему приступить къ своимъ дѣйствіямъ* [4]). Когда она откроется, брацлавскій воевода предъявитъ въ ея засѣданія *обидныя* [5]) письма и угрозы, присланныя ему Нечаемъ. Король его милость глубоко сожалѣетъ объ этомъ поступкѣ и о возникшей ссорѣ, но онъ увѣренъ, что все это случилось

---

[1]) Въ текстѣ: „*При костелѣ, а по нашему при церкви Божей*". [2]) „*Неборакъ*". [3]) „*Горовалъ*".

[4]) „*Что миръ—миромъ и коммисія—коммисіею*". [5]) „*Плюгавыя*".

безъ вѣдома вашей милости, и пребываетъ къ вамъ по прежнему благосклоннымъ; онъ желаетъ, чтобы коммисія поскорѣе начала свои дѣйствія и счастливо довела ихъ до конца во избѣжаніе новыхъ вспышекъ и кровопролитія,—и чтобы собранныя военныя силы соединились противъ общаго врага, вмѣсто того, чтобы взаимно себя истреблять. Извѣщая объ этомъ вашу милость, прошу, чтобы вы изволили. согласно съ даннымъ обѣщаніемъ, назначить въ возможно скоромъ времени день съѣзда въ Паволочи. Мы будемъ ожидать въ Линцахъ. Всемогущій Богъ властенъ покончить въ одинъ часъ дѣло, которое мы не могли рѣшить въ теченіи года. Слѣдуетъ лишь обратиться къ Нему съ молитвою отъ всей души и благословеніе Его будетъ намъ ниспослано, враги-же наши не возрадуются отъ паденія нашего. Моля объ этомъ Господа, заключаю письмо мое просьбою о скоромъ и благосклонномъ отвѣтѣ. Гонцу своему я назначилъ срокъ возврата 12 марта (по римскому календарю) и если къ этому сроку не получу отвѣта, то долженъ буду самъ потерять всякую надежду на коммисію и миролюбивое окончаніе дѣла. Не дай того Господи! Вѣдь отъ этого зависитъ судьба святой нашей вѣры, судьба русскаго народа и пролитіе христіанской крови. При семъ случаѣ поручаю себя благосклонности вашей милости. Изъ Гощи, марта 3-го дня 1651 года. Кіевскій воевода (Адамъ Кисель).

Марта 6. Гетманъ собралъ совѣтъ для того, чтобы опредѣлить выборъ главной квартиры, такъ какъ нужно было на время пріостановить военныя дѣйствія, ибо вскорѣ ожидалась оттепель и необходимо нужно было дождаться прихода подкрѣпленій, сформированныхъ изъ вновь навербованныхъ солдатъ, о приближеніи которыхъ не было пока никакихъ извѣстій. На совѣтѣ рѣшили провести остатокъ зимы въ Винницѣ, какъ въ городѣ болѣе обширномъ. Въ это-же время король, предчувствуя угрожающую Рѣчи Посполитой опасность и не довѣряя прочности мира, заключеннаго съ бунтовщиками, нашелъ необходимымъ созвать сеймъ и потому къ 9 марта созвалъ сеймики во всемъ королевствѣ.

Между тѣмъ гетманъ, согласно съ постановленіемъ военнаго совѣта, выступилъ 6 марта изъ Черніевецъ въ Винницу. Войско направилось черезъ Мурахву и Красное и 10 марта остановилось на ночлегъ въ Сутискѣ. Въ ту-же ночь гетманъ отправилъ впередъ къ Винницѣ брацлавскаго воеводу съ его полкомъ на рекогносцировку; послѣдній узналъ на пути отъ захваченныхъ языковъ, что въ Винницѣ расположился въ качествѣ гарнизона кальницкій полковникъ Богунъ съ отрядомъ въ 3,000 козаковъ; вслѣдствіе этого онъ ускорилъ походъ, не смотря на очень глубокій снѣгъ. Такъ какъ козаки не поставили сторожеваго отряда за мостомъ, то наши ворвались въ предмѣстья неожиданно и если-бы

они шли въ большемъ порядкѣ, то безъ сомнѣнія захватили-бы городъ, подобно Красному. Когда хоругви наши приблизились къ городу, козаки замѣтили ихъ и какъ пѣшіе, такъ и конные вышли на встрѣчу на ледъ на рѣкѣ Бугѣ, гдѣ они заблаговременно надѣлали было кругомъ города прорубей. Проруби эти, высѣченныя нѣсколько дней назадъ, успѣли покрыться тонкимъ слоемъ льда и занесены были снѣгомъ и потому незамѣтны; козаки выстроились на льду позади ихъ. Брацлавскій воевода съ двумя хоругвями (пана Киселя и пана Мелешка) бросился на нихъ, не осмотрѣвъ мѣстности. Онъ и самъ попалъ въ прорубь, и оба ротмистра погибли, и много людей изъ обѣихъ хоругвей. Козаки взяли знамя воеводы и оба знамена хоругвей; изъ хоругви пана Киселя погибло семь товарищей, а изъ хоругви пана Мелешка три; притомъ много лошадей потонуло или погибло отъ выстрѣловъ. Хоругви отступили въ безпорядкѣ къ замку, который между тѣмъ заняли драгуны, и расположились вокругъ его укрѣпленій, гдѣ впрочемъ сильно страдали отъ выстрѣловъ козацкой артиллеріи. Затѣмъ уже отыскали брацлавскаго воеводу, который едва выкарабкался изъ проруби и лежалъ на льду, сильно избитый прикладами самопаловъ. Его уложили въ сани, чтобы согрѣть, и онъ отправилъ гонца къ гетману съ приглашеніемъ ускорить приходъ главнаго отряда.

Марта 11. Подъ вечеръ пришелъ съ войскомъ гетманъ и, расположивъ его въ опредѣленныхъ позиціяхъ, осадилъ городъ. Онъ однако не предпринималъ военныхъ дѣйствій, ожидая прихода артиллеріи; войско оставалось постоянно въ строю. Козаки, не довѣряя своимъ силамъ, въ полночь съ субботы на воскресенье зажгли городъ во многихъ мѣстахъ, сами-же затворились въ монастырѣ. Наши немедленно вступили въ городъ и, лишь только разсвѣло, пошли на приступъ, но козаки дѣятельно отстрѣливались изъ за полисада, такъ что бой длился цѣлый день въ воскресенье и слѣдующую ночь, съ небольшими перерывами.

Въ понедѣльникъ, когда наши стали готовиться къ новому штурму, козаки сомкнулись внутри второй линіи укрѣпленій, оставивъ первую линію полисада. Съ наступленіемъ ночи на нихъ повели приступъ со всѣхъ сторонъ при безпрестанной пальбѣ; но и они очень храбро защищались какъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, такъ и отбиваясь косами, дубинами и камнями; при этомъ съ обѣихъ сторонъ погибло много людей. Штурмъ продолжался до полуночи, пока наконецъ обѣ стороны не отправились на отдыхъ. Съ нашей стороны погибло до 20 охотниковъ и болѣе ста пѣхотинцевъ, между

прочими два поручика: панъ Либишовскій и панъ Холоневскій (изъ хоругвей князя Дмитрія Вишневецкаго и старосты калусскаго). Во вторникъ козаки вступили въ переговоры; они прислали къ гетману своихъ сотниковъ, которые предлагали дать въ качествѣ выкупа 4,000 воловъ и 50 бочекъ меду. Гетманъ потребовалъ, чтобы они кромѣ того выдали свои пушки и знамена и своего полковника Богуна. Они соглашались на первое, но выдать полковника или кого-либо изъ старшины отказались на отрѣзъ. Переговоры кончились тѣмъ, что они обязались возвратить взятыя у насъ знамена и удовлетворить убытки житомирскаго старосты, имущество котораго они было разграбили; въ удостовѣреніе сего они должны были дать заложниковъ, а также возвратить лошадей, взятыхъ у насъ въ стычкѣ у прорубей, или уплатить ихъ стоимость деньгами. Когда условія эти были заключены, они собирались выйти въ среду и требовали, чтобы войско наше очистило поле передъ монастыремъ. Войску нашему дѣйствительно приказано было отступить съ поля и укрыться въ замкѣ, а также въ улицахъ и среди домовъ въ городѣ, но оставаться въ строю. Предполагалось употребить слѣдующую хитрость: когда козаки выйдутъ изъ укрѣпленій, окружить ихъ въ полѣ со всѣхъ сторонъ и потребовать выдачи старшинъ и оружія, а если они не согласятся, разгромить ихъ окончательно. Но намѣреніе это не удалось исполнить; козаки, замѣтивъ-ли сами засаду или получивъ о ней предостереженіе, отказались выходить: возобновивъ переговоры, они потребовали отъ насъ заложниковъ (посланы были: панъ Залевскій и панъ Лыткевичъ) и дали намъ въ замѣнъ своихъ. При переговорахъ требовали, чтобы гетманъ со всѣмъ войскомъ отступилъ за милю отъ города, а когда онъ не согласился исполнить это условіе, прекратили переговоры, объявивъ, что всѣ готовы погибнуть въ бою. Дѣйствительно козаки немедленно пошли было на проломъ, но были съ большимъ урономъ отбиты. Тогда они отступили въ третюю черту фортификацій, укрѣпили ее и храбро въ ней засѣли; при этомъ часть лошадей своихъ они выгнали и когда челядь наша покушалась овладѣть ими, многихъ перестрѣляли. Наши окружили ихъ укрѣпленія валами и постоянно сторожили, но не могли отрѣзать ихъ отъ воды; громили осажденныхъ пушками и бросали въ ихъ станъ бомбы, но бомбы козаки успѣвали тушить и въ сущности мы ничего не могли имъ сдѣлать. Между тѣмъ войско наше выбилось изъ силъ, такъ какъ все время солдаты и лошадей не разсѣдлывали, и сами не оставляли оружія.

18 марта въ субботу обозный коронный (единственный сынъ польнаго гетмана) отправился въ Кальникъ на рекогносцировку съ частью войска, желая собрать точныя свѣдѣнія какъ о томъ, гдѣ находится Хмельницкій, такъ и о томъ, не подходитъ-ли какое подкрѣпленіе на выручку Богуну. Возвратился 20 числа въ четыре часа вечера безъ успѣха: дошелъ лишь до Липовца, лежащаго въ 5 миляхъ отъ Винницы; оттуда отправилъ по направленію къ Кальнику для развѣдокъ пана Кондрацкаго; но послѣдній, едва выступилъ въ поле, наткнулся на передовой козацкій отрядъ и замѣтилъ въ сторонѣ большое войско. Въ то-же время другіе козаки (полтавскаго полка) напали на нашихъ, расположившихся въ Липовцѣ, и привели ихъ въ немалое замѣшательство. Только выбѣжавъ въ поле, панъ обозный успѣлъ привести въ порядокъ хоругви, но всѣ разсѣдланныя лошади были потеряны; притомъ козаки, прежде чѣмъ напали на Липовецъ, заняли дорогу въ Кохановку и потому та часть отряда, которая сопровождала обозъ съ припасами, потерпѣла также значительный уронъ. Панъ Кондрацкій едва успѣлъ спастись, потерявъ много товарищей и солдатъ изъ разныхъ хоругвей (отправляясь въ разъѣздъ, онъ взялъ съ собою изъ каждой хоругви по 5 человѣкъ челяди). Панъ обозный привелъ нѣсколько человѣкъ захваченныхъ въ плѣнъ запорожскихъ козаковъ, которые показали, что Хмельницкій былъ въ Бѣлой Церкви и уже выступилъ оттуда на встрѣчу нашему войску. Въ виду этого извѣстія, гетманъ, считая свои силы недостаточными, рѣшился отступить въ какую-либо мѣстность болѣе удобную для продовольствованія войска, ибо ледъ на Бугѣ уже тронулся, а по сію сторону рѣки невозможно было найти фуража. Но прежде онъ хотѣлъ попытать счастья, не удасться-ли взять приступомъ осажденныхъ. Штурмъ начался съ разсвѣтомъ; козаки немедленно произвели вылазку, при чемъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ попало въ плѣнъ, они-же захватили двухъ нашихъ. Вообще козаки сражались храбро и съ каждой стороны пало до 20 челонѣкъ. Пока продолжался штурмъ, нѣсколько часовъ послѣ восхода солнца, подоспѣлъ на выручку Богуну уманскій полковникъ (Іосифъ Глухъ) съ отрядомъ козаковъ въ 10,000 человѣкъ. Хотя о его приближеніи войско имѣло кое-какія извѣстія, но онъ появился неожиданно; козаки съ большимъ крикомъ заняли новый городъ и расположились въ немъ, отдѣленные отъ нашего войска только мостомъ на разстояніи одного выстрѣла изъ лука. Въ нашемъ войскѣ произошло страшное замѣшательство, солдаты не

слушали распоряженій и разорвали боевой строй; на трубахъ играли тревогу, что еще болѣе усиливало страхъ и смущеніе; наконецъ, наши, бросившись на лошадей, выбѣжали въ поле къ Якушинцамъ и здѣсь построились въ боевой порядокъ, часть же хоругвей осталась на мѣстѣ прежней стоянки передъ фронтомъ монастыря, въ которомъ затворились козаки. Панъ воевода съ нѣсколькими десятками драгунъ и съ нѣсколькими козацкими хоругвями бросился къ мосту, за которымъ стоялъ непріятель и вступилъ съ нимъ въ перестрѣлку. Вся эта тревога была совершенно напрасна, хотя-бы они явились и въ большемъ количествѣ, ибо Бугъ уже тронулся и они не могли переправиться на нашу сторону. Но челядь, бывшая у обоза, не обративъ на это вниманія, бросивъ возы и лошадей, обратилась въ бѣгство; примѣру ихъ послѣдовали и товарищи изъ разныхъ хоругвей; между тѣмъ другіе, увидѣвъ, что возы оставлены безъ присмотра, бросились къ нимъ и свои стали грабить своихъ. Дѣло вышло очень похожее на пилявецкую битву, съ тою развѣ разницею, что пѣхота и часть хоругвей, оставшаяся въ строю, сомкнулись и въ порядкѣ отступили по направленію къ Бару. На прощанье козаки, выбѣжавъ на валы, провожали нашихъ обычными криками, прилагая къ ляхамъ разные оскорбительные эпитеты: „цыгане, бѣглецы, безмозглые, пилявчики! кричали они, *утикайте дальше за Вислу, не тутъ ваше діло!*“ [1]) Гетманъ былъ очень смущенъ по причинѣ этого безпорядка и слишкомъ поспѣшнаго отступленія; солдаты негодовали на него за отсутствіе распорядительности; они сами были страшно утомлены, лошади изнурены и въ заключеніе они лишились возовъ, запасныхъ лошадей, челяди, съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ. Въ большомъ смятеніи, усилившемъ самоувѣренность враговъ, отступило войско отъ Винницы, прекративъ осаду, и отправилось въ Баръ, куда пришло 24 числа.

Главною причиною смятенія и безпорядка нашего войска было соревнованіе и ссоры вождей, т. е. гетмана польнаго и брацлавскаго воеводы. Послѣдній желалъ распоряжаться независимо отъ гетмана; притомъ онъ хотѣлъ удержать у себя серебрянный перначъ Нечая, но долженъ былъ отдать его гетману, который выбранилъ его по этому случаю. Другой разъ они столкнулись въ Шарогродѣ: здѣсь, во время разговора, воевода упомянулъ о томъ, что онъ увѣщевалъ солдатъ повиноваться гет-

---

[1]) Подчеркнутыя слова въ текстѣ написаны по-русски.

ману, но послѣдній, вспыливъ, отвѣтилъ: *„ваши увѣщанія имѣли столько-же вѣса, какъ этотъ кукишъ“*, причемъ онъ показалъ кукишъ воеводѣ. По истинѣ стыдно и позорно для вождей заниматься такими школьническими выходками! Воевода ничего не отвѣтилъ, но вышелъ изъ комнаты. Въ третій разъ гетманъ обругалъ воеводу, когда послѣдній попрекнулъ его въ томъ, что онъ въ письмахъ къ королю исключительно себѣ приписываетъ всякое успѣшное дѣйствіе.

Какъ образецъ безобразія, до котораго дошло войско вслѣдствіе этихъ ссоръ и неуваженія подчиненныхъ къ вождямъ, приведу одинъ грустный случай. Когда 18-го марта козаки очистили Прилуку, туда отправились для собранія фуража нѣсколько тысячъ войсковыхъ слугъ. На обратномъ пути, солдаты изъ полковъ гетманскаго и князя воеводы русскаго (Іереміи Вишневецкаго) ограбили солдатъ брацлавскаго воеводы. Утверждали, что зачинщикомъ безпорядка былъ какой-то товарищъ изъ хоругви князя Вишневецкаго. Брацлавскій воевода, требуя по этому поводу удовлетворенія у гетмана, попрекалъ указаннаго товарища; присутствовавшій при этомъ панъ Незабитовскій, поручикъ той роты, въ которой служилъ товарищъ, замѣтилъ воеводѣ: „ваша милость постоянно къ намъ придираетесь“. Разговоръ обострился; наконецъ, воевода сказалъ пану Незабитовскому: *„тебѣ пристало скорѣе быть быкомъ, чѣмъ солдатомъ“;* панъ Незабитовскій отвѣтилъ на это: *„а тебѣ подобаетъ скорѣе быть козьимъ пастухомъ, нежели сенаторомъ“*. Воевода замолчалъ, а панъ Незабитовскій вышелъ. Разговоръ происходилъ въ присутствіи гетмана, но когда ему пожаловался воевода, то онъ не вступился за него и отвѣтилъ пословицею: *„гдѣ брѣютъ, тамъ и бьютъ“*; потому воевода чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ данномъ случаѣ болѣе гетманомъ, чѣмъ Незабитовскимъ.

Между тѣмъ по всему государству пронеслась молва о пораженіи брацлавскаго воеводы во время перваго приступа къ Винницѣ по льду у прорубей; его неосторожности приписывали гибель многихъ заслуженныхъ людей, о которыхъ сожалѣли многочисленные родственники и друзья. Чувства эти выразилъ кіевскій воевода (Адамъ Кисель) въ письмѣ къ кіевскому кастеляну, въ которомъ онъ порицалъ неосторожность, погубившую столько добрыхъ воиновъ и въ томъ числѣ его единственнаго брата [1]). Вотъ текстъ этаго письма:

---

[1]) Кастелянъ кіевскій Збигневъ Горайскій, къ которому адресовано это письмо, состоялъ членомъ коммисіи, назначенной подъ предсѣдательствомъ Адама Киселя для

Да вознаградитъ Богъ Вашу милость за сочувствіе, которымъ вы изволите утѣшать безконечное горе, которое меня вгонитъ въ могилу. Единственный, дорогой братъ мой палъ въ битвѣ, подобно моему дѣду, прадѣду, пращуру, двумъ дядямъ и двумъ двоюроднымъ братьямъ; всѣ они легли въ боевыхъ могилахъ. Еслибы судьба позволила, слѣдовало бы мнѣ въ гробу замѣнить брата: онъ былъ въ нашемъ домѣ цвѣтущею розою, мѣжду тѣмъ какъ я представляю въ немъ терпъ изсохшій. Безбожные и завистливые люди, оклеветавшіе древнюю честь и славу нашего дома, были причиною тому, что братъ мой рѣшился устыдить ихъ, добровольно искалъ смерти и доказалъ нашу доблесть пролитіемъ собственной крови. Съ этою рѣшимостью онъ и отправлялся въ походъ и еслибы разрушенное здоровье не помѣшало мнѣ, я охотно раздѣлилъ-бы его участь; въ настоящее время отраднѣе пасть въ битвѣ, чѣмъ смотрѣть на то направленіе, къ которому склоняется судьба отечества. Мы отвергаемъ благоразумные совѣты, затѣяли гибельную войну, то и дѣло налегаемъ лишь на нашу храбрость, а кровавыя ея послѣдствія ежедневно у насъ предъ глазами. Прійдетъ, хотя слишкомъ поздно, время, когда вспомнятъ мои дружественныя увѣщанія. Увы! нѣкогда цѣнили болѣе одного гражданина, чѣмъ тысячу хлоповъ, нынѣ-же безумный духъ времени производитъ то, что хлопы, укрываясь за стѣнами, остаются невредимы, а сыны Короны, съ открытою грудью устремляясь на стѣны, погибаютъ смертью храброю, но безполезною и причиняющею большое горе отечеству. Впрочемъ я уже потерялъ все, что могъ потерять, и болѣе объ этомъ предметѣ писать не буду. О коммисіи и другихъ возложенныхъ на меня порученіяхъ я теперь и знать ничего не хочу; единственно о томъ молю Господа, чтобы онъ скорѣе дозволилъ мнѣ сомкнуть глаза послѣ того, какъ погибла единственная надежда моего дома. О кровавомъ наслѣдствѣ я заботиться не стану: Господь призритъ сироту, если отечество о немъ забудетъ; пусть утѣшаются наслѣдствомъ тѣ, которые послали жертву на гибель. Тяжелое горе не дозволяетъ мнѣ болѣе писать. Я распоряжусь о томъ, чтобы проводить отсюда остатки брата, погибшаго на глазахъ всего войска, и самъ, изнывая отъ горя, попрощаюсь съ этимъ краемъ.—Изъ Гущи.' Марта 23 дня, 1651 г.

Въ томъ-же письмѣ слѣдующая приписка:

Жена моего брата имѣетъ пожизненное право владѣнія на Черніевъ. Относительно черкаскаго староства я не только не претендую на Вашу милость, но, напротивъ искренно желалъ-бы, чтобы Ваша милость получили его предпочтительно передъ другими соискателями; староство это намъ досталось послѣ другихъ, естественно, къ другимъ оно должно перейти отъ насъ; для меня отраднѣе будетъ, если наслѣдство брата перейдетъ во владѣніе друга, чѣмъ оно досталось-бы врагу. Ни изъ Кіева, ни отъ двора королевскаго, ни отъ Хмельницкаго я не

переговоровъ съ козаками; погибшій въ битвѣ братъ Адама Киселя—Николай, староста черкаскій, былъ также членомъ этой коммисіи.

получаю никакихъ извѣстій; въ сношенія эти впередъ уже не хочу и не буду вмѣшиваться. Изъ словъ товарищей и слугъ покойнаго брата, которые сопровождали его останки, я сообразилъ, что въ войскѣ нашемъ дѣла идутъ плохо: Богуна еще не взяли, а ежедневно гибнетъ множество людей. Вообще затѣяли эту войну для истребленія лишь польской шляхты. Если Господь не помилосердствуетъ и ханъ съ ордою прійдетъ, тогда все погибло; вмѣсто того чтобы спасти потерянное, мы навлечемъ крайнюю опасность на всю Рѣчь Посполитую и останемся съ длинными ушами. Еще война не началась, а войско уже разстроено, лучшіе воины погибнутъ и пораженіе явится скорѣе, чѣмъ мы ожидали. Войско наше, какъ мнѣ сказали, малочисленно, подкрѣпленія неизвѣстно гдѣ находятся; если враги это замѣтятъ и окружатъ наши силы, то Господь одинъ знаетъ, какія могутъ быть послѣдствія.

Между тѣмъ польный гетманъ стоялъ въ Барѣ съ войскомъ сильно ослабѣвшимъ отъ неудачной осады Винницы и разграбленія обоза. Стѣсняясь въ средствахъ для прокормленія войска въ предѣлахъ одного барскаго староства, онъ распредѣлилъ отряды въ окрестныхъ волостяхъ, желая дать солдатамъ отдыхъ и возможность нѣсколько окрѣпнуть послѣ перенесенныхъ трудовъ; но быстрое появленіе врага не дозволило осуществить это намѣреніе. Брацлавскій воевода, отправляясь въ Хмельникъ, гдѣ ему назначена была гетманомъ квартира, встрѣтилъ на пути, въ Летичевѣ, гдѣ онъ ночевалъ 30 марта, извѣстія о движеніи непріятелей. Въ Летичевъ бѣжали изъ Новаго Константинова многіе жители, вслѣдствіе появленія татаръ и козаковъ. Желая собрать о нихъ болѣе точныя извѣстія, воевода отправилъ въ Константиновъ двѣ хоругви (пановъ Сапѣговъ и пана Янджула). Посланные достигли этого города въ полночь и съ большимъ крикомъ напали на хлоповъ (полковникомъ которыхъ былъ Крысенко) и татаръ, неожидавшихъ нападенія, расположившихся на ночлегъ безъ стражи и по большей части пьяныхъ. Эти немедленно пустились бѣжать, бросивъ свои знамена и лошадей какъ верховыхъ, такъ и вьючныхъ; убито ихъ немного, но гораздо больше потонуло въ Бугѣ; наши, захвативъ нѣсколько козаковъ, двухъ татаръ и до 20 татарскихъ лошадей, скоро отступили, опасаясь, чтобы непріятели не напали на нихъ, придя въ порядокъ. Послѣ отступленія нашихъ, непріятели лишь утромъ возвратились въ городъ, собрали оставшееся свое имущество, перерѣзали многихъ людей, городъ сожгли и отступили въ Хмельникъ, гдѣ расположились въ замкѣ и въ городѣ. Плѣнные показали, что въ этомъ отрядѣ было до 300 татаръ и нѣсколько тысячъ козаковъ. Наши хоругвинѣ сколько разъ ходили на рекогносцировку къ Хемльнику, но имъ не удалось

болѣе захватить языка; враги стали осторожны; они сожгли постройки на нашей сторонѣ Буга и разрушили мостъ. Такимъ образомъ воевода вмѣсто Хмельника, долженъ былъ квартировать въ Летичевѣ, гдѣ отрядъ его сильно страдалъ отъ голода.

Апрѣля 3. Гетманъ, получивъ извѣстія съ разныхъ сторонъ о томъ, что враги, собравъ большія силы, быстро двигаются въ нашу сторону, предпочелъ ожидать ихъ въ болѣе удобномъ для защиты мѣстѣ, у Каменца. Потому онъ оставилъ въ Барѣ гарнизонъ: 300 человѣкъ нѣмецкой пѣхоты и 3 козацкія хоругви (брацлавскаго воеводы, каменецкаго старосты и пана Яскульскаго), остальнымъ-же полкамъ приказалъ двинуться на сборное мѣсто къ Зинькову. Оттуда онъ отправился въ дальнѣйшій путь и самъ съ своимъ полкомъ расположился въ Чернокозинцахъ, въ двухъ миляхъ отъ Каменца, остальные-же отряды размѣстилъ въ близъ лежащихъ волостяхъ. Полкъ брацлавскаго воеводы былъ отправленъ въ Гродокъ, гдѣ онъ сильно страдалъ отъ голода; здѣсь, въ ту ночь, когда войско заняло квартиры, задержанъ былъ разъѣздомъ лазутчикъ, посланный Богуномъ; онъ на допросѣ показалъ только то, что Богунъ отправилъ его изъ Винницы слѣдомъ за войскомъ, поручивъ узнать, гдѣ оно остановится и какъ будетъ расположено. Этого лазутчика отправили въ Гусятинъ, къ гетману.

Апрѣля 12. Сборище хлоповъ напало на Баръ; нѣмцы затворились въ замкѣ, а конныя хоругви отступили къ войску, не захвативши даже языка; они утверждали, что у враговъ огромныя силы. Гетманъ отправилъ 10 хоругвей для выручки осажденныхъ нѣмцевъ, но послѣдніе успѣли невредимо уйти изъ Бара, ибо хлопы, разграбивъ мѣстечко и не покушаясь на приступъ къ замку, пробывъ здѣсь лишь нѣсколько часовъ, ушли дальше. Гетманъ, негодуя на то, что хоругви безъ повода ушли изъ Бара, отдалъ поручиковъ, начальствовавшихъ ими, подъ военный судъ.

Апрѣля 13. Король ясно видѣлъ, что, вслѣдствіе произшедшаго столкновенія съ козаками, нечего уже думать о коммисіи, но слѣдуетъ принять мѣры для веденія войны; потому онъ поручилъ великому коронному гетману, кастеляну краковскому, собрать всѣ вновь навербованныя войска и расположиться лагеромъ у Владиміра. Желая подать примѣръ другимъ, онъ и самъ лично выѣхалъ въ Люблинъ, въ четвергъ, на свѣтлой недѣлѣ.

Апрѣля 23. Между тѣмъ гетманъ польный, видя наступленіе военнаго времени и узнавъ, что кастелянъ краковскій основалъ лагерь у Владиміра, приказалъ всѣмъ хоругвямъ собраться у Каменца, гдѣ онѣ расположились лагеремъ по сю сторону рѣки, около замка. Каждый сталъ по возможности запасаться провіантомъ, который пришлось покупать по неимовѣрно высокимъ цѣнамъ. Постоянно приходили извѣстія о томъ, что враги находятся уже въ сборѣ и вскорѣ подойдутъ, такъ что наши ожидали ихъ появленія ежеминутно. Такъ простояли въ лагерѣ цѣлую недѣлю; наконецъ собранъ былъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса: слѣдуетъ-ли враговъ ожидать у Каменца или постараться соединиться съ войскомъ великаго гетмана, собиравшимся у Владиміра. На совѣтѣ мнѣнія раздѣлились въ пользу обоихъ предположеній; гетманъ самъ долго колебался, опасаясь, чтобы отступленіе отъ Каменца не было истолковано въ дурную сторону; наконецъ онъ рѣшилъ двинуться въ королевскій лагерь, не избѣгая на пути стычекъ съ непріятелемъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Посмертный разсказъ о. Антонія Ковальскаго.

(Къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губерніи 1855 года).

(Окончаніе).

Когда меня вели къ толпѣ, страхъ меня обнялъ такой, что я какъ-бы не живой шелъ. Пройдя немного, встрѣтили посланцевъ за мною. Когда я подошелъ къ толпѣ, то замѣтилъ, что у многихъ были въ рукахъ или за поясами топоры и долота. Сейчасъ мнѣ вопросъ: „ащо пидете зъ нами"? Я отвѣчалъ: „не пойду". Тутъ подошелъ ко мнѣ человѣкъ въ чистой одеждѣ, не старый, взялъ благословеніе и далъ рубль серебр., проговоривши: „помолитесь за мене Богу". Такіе и подобные возгласы повторялись многими другими. Вдругъ вся толпа направилась въ лѣсъ, по дорогѣ къ Сотникамъ; женщины подняли плачъ. Я безпрепятственно воротился съ церковнымъ старостою въ домъ священника.

Что теперь мнѣ предстояло дѣлать, я недоумѣвалъ; домой ѣхать? Боялся разстоянія;—35 верстъ и дорога лѣсомъ. Могъ я попасть въ руки или этихъ самихъ крестьянъ, или другихъ. Разсудилъ ѣхать въ Корсунъ. Пономарь воротился изъ Корсуна и далъ лошадей, а староста церковный повезъ меня проселочными дорогами. Пріѣхали въ Корсунъ на разсвѣтѣ. Смотримъ—солдаты. На площади, вблизи церкви, поставивъ ружья въ козлы, они отдыхали, какъ потомъ я узналъ, послѣ длиннаго и быстраго перехода. Я заѣхалъ къ священнику Стрижевскому; здѣсь засталъ о. Петра Лебединцева, о. Димитрія Подгаецкаго, свящ. Михаила Кудревича и свящ. с. Сытниковъ Іоанна Чернодубравскаго. Сего послѣдняго солдаты привезли наканунѣ съ собою, со всѣмъ его семействомъ, и это случилось такъ. Солдаты шли

изъ Кагарлыка въ Корсунъ и шли шибко. Это была резервная рота; къ ней свѣжо было прикомандировано около ста рекрутъ изъ смоленской и витебской губерній. Рекруты молодые и слабосильные, идя шибко, поустали. Мимоходомъ отрядили нѣсколько солдатъ въ с. Сытники, лежащее недалеко дороги, взять подводы подъ ослабѣвающихъ рекрутъ. Солдаты вошли въ село въ то самое время, когда крестьяне сытниковскіе водили св. Чернодубравскаго босаго по колючкамъ. Солдаты бросились отнимать священника. Произошла схватка: одного крестьянина солдатъ ранилъ штыкомъ, а одному солдату крестьянинъ пробилъ голову коломъ. Но вошла вся рота, крестьяне бѣжали, куда попало. Семь человѣкъ спрятались на колокольнѣ; ихъ арестовали и привели въ Корсунъ, а съ ними привезли измученнаго священника Чернодубравскаго съ семействомъ. Подполковникъ Аѳанасьевъ и совѣтникъ Янкуліо, узнавъ, что я прибылъ въ Корсунъ, позвали меня къ себѣ въ становую квартиру; я вкратцѣ разсказалъ про свое положеніе въ предшествовавшіе дни. Г. Аѳанасьевъ просилъ меня указать виновнѣйшихъ изъ крестьянъ; я объяснялся, что въ чужихъ приходахъ не знаю людей и указалъ только на Корнилія *Кудлика рыжаго*, Василія изъ Бровахъ и *слѣпаго* Никиту изъ Кичинецъ. Меня отпустили отдохнуть. О. Петръ Лебединцевъ, въ свою очередь, разспросивши меня обо всемъ, начертилъ рапортъ митрополиту Филарету.

Былъ недѣльный день, памятное 10-е апрѣля. Литургію въ спасской церкви совершалъ о. Петръ Лебединцевъ; огромная церковь была полна народу. О. Петръ предполагалъ служить молебенъ соборнѣ и сказать проповѣдь; но Аѳанасьевъ отклонилъ его отъ сказыванія проповѣди, а на молебенъ неприлично было нѣкоторымъ изъ насъ, священниковъ, и выходить, ибо о. Кудревичъ, Чернодубравскій и я ходили въ туфляхъ: въ сапогахъ отъ боли нельзя было ходить. Литургія окончилась въ 11-ть часовъ; священниковъ, вынужденныхъ оставить свои дома и приходы, собралось здѣсь больше 10-ти; всѣ мы пошли къ священнику Стрижевскому на чай и закуску, куда изъ княжеской кухни прислано было все потребное. Не успѣли выпить по стакану чаю, какъ послышался около церкви барабанный бой на тревогу. Кто-то побѣжалъ къ церкви и, возвратившись, принесъ вѣсть, что пріѣхалъ козакъ экономическій и объявилъ, что отъ Сотниковъ идетъ въ Корсунъ огромная масса народа. Мы бросили чай и побѣжали къ церкви; смотримъ, по дорогѣ отъ Таганчи къ Корсуну

выступаютъ несмѣтныя толпы. Солдаты были на обѣдѣ въ помѣщичьихъ казармахъ; по окончаніи обѣда, они, по барабанному бою, прибѣжали и стали къ ружью. Въ ротѣ считалось 250 человѣкъ, изъ нихъ 60 новыхъ рекрутъ, не обмундированныхъ еще по военному и не державшихъ ружья въ рукахъ. Капитанъ Лопатьевъ не молодой, но ни разу не бывшій въ сраженіи, недоумѣвалъ, какъ роспорядиться; изъ солдатъ оказалось только семь бывшихъ въ венгерской кампаніи; офицеры молодые.

Совѣтовались, гдѣ лучше ихъ поставить. Шедшихъ къ Корсуну крестьянъ можно было считать тысячами. Что они думали, на что рѣшились, никто не зналъ. Мнѣ отданъ приказъ послать на колокольню причетника высматривать, много-ли идетъ людей и не имѣютъ-ли они при себѣ какихъ-нибудь орудій; съ тою-же цѣлію изъ становой квартиры посылались верховые. Причетникъ Евсевій Кротевичь съ колокольни кричалъ: „народу, якъ хмари"! да и намъ стало видно, что толпы его покрыли всю покатость горы. Страхъ обвялъ всѣхъ, священство совѣтовалось идти въ церковь и тамъ затвориться. Пошли; вдругъ священникъ корсунскій Стрижевскій отъ испугу обомлѣлъ, его освѣжили водою и рѣшили быть при военной командѣ.

Я находился при коммисіи, которую составляли: о. Петръ Лебединцевъ, подполковникъ Аѳанасьевъ и совѣтникъ Янкуліо. Меня уже не бралъ страхъ: я уже привыкъ къ мужицкимъ пріемамъ обращенія, а другимъ священникамъ все видимое казалось страшнымъ. Князь Лопухинъ прислалъ просить дать ему отрядъ солдатъ для защиты,—онъ опасался, что крестьяне изъ села Карашины чрезъ его садъ пробѣгутъ на островъ и нападутъ на его домъ. Ему отказано. Онъ прислалъ изъ своего склада 15 ружей, подъ разною оправою, для обороны. Одно ружье дано было и мнѣ, совсѣмъ безъ надобности, и я ложе отнялъ и отбросилъ, а стволъ оставилъ у себя. Всѣ мы, т. е. коммисія, священство, полиція и солдаты находились на площади предъ спасскою церковью. Сюда отъ базарной посреди мѣстечка площади шла широкая улица, спускавшаяся позади церкви къ острову, образуемому рукавами р. Роси, на которомъ расположены дворецъ и садъ князя Лопухина. На линіи площади, противуположной церкви, находился, на углу улицы и площади, большой двухъ-этажный домъ для княжескихъ музыкантовъ и пѣвчихъ, за нимъ становая квартира, а рядомъ домъ священника о. Тимофея Стрижевскаго. По всему выходило, что сюда направятся приближавшіеся кресть-

яне; тутъ мы ихъ и ждали. Между тѣмъ страхъ увеличивался между солдатами и между присутствующими часъ отъ часу. Солдатъ поставили за угломъ дома, гдѣ помѣщались музыканты и пѣвчіе княжескіе; съ улицы ихъ не видно было; оставалась открытою дорога, идущая на островъ, гдѣ жилъ князь Лопухинъ. Съ колокольни причетникъ Кротевичъ далъ знать, что крестьяне вошли уже въ мѣстечко и идутъ на базарную площадь. Скоро съ церковной площади можно было видѣть массы народа, двигавшіяся отъ базара къ церкви. Капитанъ Лопатьевъ строилъ солдатъ и замѣтно самъ робѣлъ. Приказъ былъ отданъ сперва на воздухъ стрѣлять для страха. Мы вышли на улицу. Исправникъ надѣлъ шинель на рукава и ходилъ какъ живой мертвецъ. Массы народа придвигались къ намъ все ближе. Впереди шли семь человѣкъ рядомъ и одинъ изъ нихъ несъ хлѣбъ въ рукахъ на бѣломъ платкѣ, это былъ крестьянинъ с. Выграева, по прозванію Святенко; въ другомъ ряду шло человѣкъ 12-ть и т. д., а послѣ уже шли въ безпорядкѣ. Подполковникъ Аѳанасьевъ, видя, что идутъ съ хлѣбомъ, пошелъ имъ на встрѣчу; съ нимъ вмѣстѣ пошли о. Петръ Лебединцевъ, совѣтникъ Янкуліо, исправникъ и капитанъ Лопатьевъ; слѣдовалъ за ними и я. Издали Аѳанасьевъ вскричалъ: „*на колѣни*“? всѣ люди пали на колѣни: онъ подошелъ къ нимъ ближе, на разстояніи 3-хъ сажень, началъ ихъ спрашивать: „зачѣмъ пришли“? Они объявили, что пришли жаловаться за обиды отъ князя и что хотятъ быть вольными. Аѳанасьевъ требовалъ покорности, раскаянія, говорилъ, что никакой воли не будетъ, пригрозилъ тяжелымъ наказаніемъ. Разговоръ длился минутъ десять. Вдругъ съ правой стороны, въ толпѣ, кто-то, схватившись на ноги, поднялъ дубинку вверхъ и вскрикнулъ: „гикъ“! такой-же сигналъ сдѣланъ и на лѣвой сторонѣ, и мигомъ вся толпа поднялась на ноги и ринулась впередъ. Всѣ стоявшіе предъ ней, какъ-то: Аѳанасьевъ, Янкуліо, исправникъ, о. Петръ Лебединцевъ и я побѣжали за уголъ, проскакивая за солдатъ, которые, выдвигаясь впередъ, перегородили собою улицу отъ пѣвческаго корпуса до воротъ діакона Костецкаго. Крестьяне, подбѣжавъ къ солдатамъ, бросились на нихъ и стали отнимать ружья. Унтеръ-офицеръ скомандовалъ: „*пли*“, но въ тоже мгновеніе надъ нимъ блеснулъ топоръ и онъ палъ замертво,—голова распалась надвое и мозги выпали. Между тѣмъ раздались выстрѣлы: толпа заколыхалась, мгновенно порѣдѣла, много человѣкъ повалилось на землю, иные

замертво, другіе отъ ранъ. Рядомъ съ унтеръ-офицеромъ лежалъ проколотый насквозь штыкомъ крестьянинъ. При видѣ убитыхъ и раненыхъ, при звукѣ выстрѣловъ, жужжаньи пуль, толпа бросилась бѣжать, куда попало. Выстрѣлы продолжались, хотя и на воздухъ; летѣли шапки вверхъ, спасался всякій, кто какъ могъ. Убѣгая, многіе говорили: *„се чортъ и бачивъ,—стрилять на живыхъ людей“*. Солдаты преслѣдовали бѣгущихъ, стрѣляя вверхъ. Но скоро ударили въ барабанъ отбой, и солдаты воротились на свое мѣсто. Тутъ выпустили рекрутъ и приказали бѣжать за уходившими крестьянами, ловить ихъ и приводить на позицію. Ловили большею частью раненныхъ. На позиціи сейчасъ связывали пойманнымъ руки назадъ, заковывали ноги въ желѣзныя пута и отправляли въ пѣвческій корпусъ, на второй этажъ. Здѣсь въ корпусѣ уже содержалось семь человѣкъ, приведенныхъ изъ с. Сытниковъ. Послѣ ухода крестьянъ насобирали кольевъ два воза, на нѣкоторыхъ изъ нихъ были насажены долота—въ родѣ пикъ; но сего незамѣтно было, когда крестьяне шли въ мѣстечко, ибо шли они тѣсно одинъ съ другимъ. Когда все окончилось, насчитали на мѣстѣ убитыхъ 11-ть, раненыхъ 23. Г. Аѳанасьевъ подозвалъ къ убитымъ меня и свящ. Подгаецкаго и сказалъ: „узнавайте, нѣтъ-ли здѣсь между убитыми вашихъ пріятелей“. Я посмотрѣлъ и увидѣлъ, что тутъ лежитъ и тотъ *слѣпой*, что такъ много мучилъ меня. Свящ. Подгаецкій сказалъ, что это его прихожанинъ; посмотрѣлъ на другаго убитаго и говоритъ: „и это мой прихожанинъ, первый хозяинъ въ Корниловкѣ“. (То былъ тотъ самый, что далъ мнѣ рубль сер. на молитвы). Кровь изъ убитыхъ лилась, лежали они въ безпорядкѣ. Я пошелъ къ діакону напиться воды; жена діакона даетъ мнѣ кій дубовый вершка 1½ толщины—осмаленый. Г. Аѳанасьевъ, увидѣвъ этотъ кій у меня, взялъ себѣ для памяти. Вдругъ послышался съ колокольни крикъ причетника: „ловить, ловить Кудлика“! По указанію причетника, рекруты побѣжали въ огородъ, поймали Кудлика и привели его на площадь. Г. Аѳанасьевъ спросилъ меня, точно ли это Кудликъ? Я отвѣчалъ: „онъ“; тоже подвердилъ и св. Подгаецкій. Г. Аѳанасьевъ самъ вложилъ руку свою въ его карманы, вынулъ изъ нихъ кипу бумагъ, перо и чернильницу и передалъ становому приставу, самого-же Кудлика взялъ за волоса, привелъ къ лежащимъ убитымъ и наклонивъ его къ нимъ, проговорилъ: „это твоя работа, это ты ихъ кровь пролилъ“. Сейчасъ Кудлика заковали по ногамъ и рукамъ и отвели въ корпусъ. Веревокъ и

путъ желѣзныхъ привезли изъ лавки цѣлый возъ. Послѣ сотскій привелъ съ десятскими и *рыжаго*, раненаго; онъ хотѣлъ скрыться у еврея въ сараѣ; его заковали по рукамъ и ногамъ. Вскорѣ десятскіе нашли еще одного убитаго, найденнаго въ мѣстечкѣ. Арестованныхъ было 53.

Г. Аѳанасьевъ пошелъ въ становую квартиру, туда позвали и меня; составили журналъ и мнѣ дали приказъ — вызвать въ Корсунъ причетниковъ изъ ближайшихъ селъ: на ночь составляли караулъ изъ солдата, причетника и десятскаго и разставляли на большихъ дорогахъ и въѣздахъ въ Корсунъ и для ночнаго обхода по мѣстечку. Для моей квартиры назначенъ караулъ изъ двухъ солдатъ [1]). Въ эти дни въ коммисіи полученъ доносъ отъ св. Чернодубравскаго, что дьячекъ сытницкой церкви Кириллъ Ѳедоровичъ—виновникъ возмущенія крестьянъ въ Сытникахъ. Приказано мнѣ представить сего дьячка и чрезъ десятскихъ онъ представленъ; но оказалось, что доносъ несправедливъ и дьячекъ освобожденъ былъ отъ ареста.

Въ тотъ-же день кн. Лопухинъ прислалъ за мной; я пошелъ; онъ разспрашивалъ о всемъ происходившемъ; разсказалъ, какъ онъ испугался, когда прошли чрезъ садъ его крестьяне изъ села Карашины, и какъ они, видя, что нельзя изъ сада переправиться чрезъ Рось въ мѣстечко, потому что всѣ лодки и баркасы были прикованы со стороны княжескаго дворца, ругали его и дѣлали разныя похвалки. Не окончился разсказъ князя, какъ входитъ въ его кабинетъ офицеръ, кажется, жандармскій. Онъ подалъ князю какія-то бумаги и при этомъ спросилъ: „считаете-ли себя безопаснымъ отъ домашней вашей прислуги“? Князь отвѣчалъ, что его прислуга вполнѣ предана ему. Офицеръ развернулъ какую-то бумагу, на которой были подписи крестьянъ м. Корсуна. Была-ли это жалоба, или одна изъ тѣхъ записей въ козаки, которыя составлялись тогда вездѣ, не знаю. Бумага передана была отъ губернатора и первымъ изъ подписавшихся тутъ былъ Несторъ Березовый. Князь оторопѣлъ, слезы показались на глазахъ и онъ плачевно сказалъ: „это первѣйшій мой камердинеръ“. Тутъ-же въ спискѣ были подписи и другихъ крестьянъ изъ княжеской прислуги.—Отпуская меня на квартиру, князь просилъ сдѣлать распоряженіе о погребеніи на его счетъ

---

[1]) Если это и было, то не болѣе, какъ для одной ночи съ 10 на 11-е апрѣля. *П. Л.*

убитаго унтеръ-офицера со всевозможной торжественностію. Тутъ-же отданъ приказъ княземъ его дворецкому—выдавать все нужное ястіе и питіе духовенству, которое собралось въ Корсунъ въ числѣ 14 священниковъ.

Возвращаясь отъ князя, я замѣтилъ между солдатами и всѣми присутствующими новое смятеніе. Оказалось, что крестьяне селъ Сотниковъ, Выграева, Сытниковъ и Кичинецъ, бѣжавшіе изъ Корсуна послѣ побоища, встрѣтились на дорогѣ за мѣстечкомъ съ идущею въ Корсунъ толпой крестьянъ изъ м. Таганчи и другихъ селъ помѣщика Понятовскаго. Причетникъ, наблюдавшій на колокольнѣ за направленіемъ разбѣгавшихся, замѣтилъ этихъ крестьянъ, направлявшихся къ мѣстечку по той же дорогѣ, по которой двигались бѣжавшіе изъ Корсуна, и сдѣлалъ тревогу. Солдатъ начали опять ставить къ ружью. Сдѣлалась опять суматоха, стало страшнѣе прежняго. Но, къ счастью, обѣ толпы, постоявъ нѣкоторое время на горѣ, двинулись вмѣстѣ обратно къ с. Сотникамъ. Стало веселѣе, а особенно, когда къ вечеру пришелъ дивизіонъ уланъ изъ Умани.

Тѣло убитаго унтеръ-офицера было перенесено въ пожарную башню, что среди мѣстечка; гробъ убрали, какъ найлучше, я приставилъ двухъ причетниковъ для постояннаго чтенія псалтыри. Погребеніе происходило на 3-й день, во вторникъ. Выносъ въ спасскую церковь и отпѣваніе совершено о. Петромъ Лебединцевымъ соборнѣ съ 12 священниками; пѣли пѣвчіе князя, играла музыка его и военная; стеченіе народа было необыкновенное, провожалъ отрядъ солдатъ и была, по окончаніи погребенія, пальба изъ ружей. Тѣла убитыхъ крестьянъ, по распоряженію коммисіи, отвезены безъ всякаго церковнаго обряда за мѣстечко и погребены въ одной ямѣ, справа дороги въ Богуславль, въ урочищѣ, называемомъ *Фощанка*.

Въ то-же воскресенье, 10 апрѣля, поздно вечеромъ, пришла въ Корсунъ еще рота солдатъ. То были саперы изъ Триполья. Съ ними прибыли въ Корсунъ моя жена и сестра (жена бл. Дашкевича). Сестра моя видѣла, какъ вели мѣня изъ Таганчи, дала знать о семъ моей женѣ и та поспѣшила въ Корсунъ. Въ полночь ходилъ я съ ефрейторомъ осматривать караулы. На заставѣ, по дорогѣ въ Корсунъ изъ Богуслава, задержанъ крестьянинъ, села Яблуновки житель, на верховой лошади, съ запасомъ сѣна и овса. Оказалось, что это одинъ изъ разсыльныхъ, которые разсылались тогда изъ всякаго села разузнавать, гдѣ что дѣлается. Въ

полночь-же посѣщалъ я арестованныхъ и раненыхъ. Одинъ изъ раненыхъ особенно страдалъ: двѣ пули прошли у него на сквозь чрезъ животъ и спину; онъ былъ почти въ безпамятствѣ: отъ нестерпимой боли разорвалъ животъ, внутренности вывалились, и такъ валялся на полу, пока не испустилъ духъ. Осматривая камеры, я предлагалъ раненымъ и арестованнымъ исповѣдываться. Многіе просили выполнить это таинство, и я послалъ двухъ священниковъ, какъ раньше сего о. Петръ Лебединцевъ. Исповѣдывались всѣ, не захотѣлъ одинъ только Кудликъ. При разбирательствѣ слѣдственною коммисіей оказались виновными болѣе прочихъ Кудликъ Корнилій, староста приписной церкви кичинской Георгій Шаблинъ (онъ-же Писмененко) и сынъ выграевскаго крестьянина Петра Кукли Григорій (грамотный); этотъ послѣдній скрылся и не отысканъ. Кромѣ ихъ, указали еще на другихъ не арестованныхъ и находившихся по домамъ. По распоряженію коммисіи всѣ были представлены въ Корсунъ; многіе были отпущены домой, изъ виновныхъ одни подвергнуты были наказанію розгами при полиціи, другіе отправлены въ таращанскую тюрьму. Въ послѣдствіи судъ уголовный рѣшилъ: шесть послать въ Сибирь на поселеніе, десять наказать по военному и разослать по тюрьмамъ въ другіе уѣзды на четыре года.

Въ понедѣльникъ пріѣхалъ въ Корсунъ священникъ села Выграева Іоаннъ Загродскій; молодой, слабый здоровьемъ, онъ явился совершенно изможденнымъ. Крестьяне выграевскіе взяли его дома, 10 апрѣля, тотъ-часъ послѣ обѣдни, и повели къ пруду; тутъ выбрали человѣка большаго ростомъ и поручили ему въ кафтанѣ и рясѣ купать священника въ прудѣ. До такой степени его измучили, что онъ чуть не утонулъ; полумертваго принесли на церковный погостъ и бросили; здѣсь онъ лежалъ до вечера, а потомъ взятъ въ домъ свой и едва приведенъ въ чувство.

Во вторникъ я поѣхалъ домой; меня уволили, но съ тѣмъ, чтобы въ среду опять я прибылъ въ Корсунъ. Затрудняло меня, какою дорогою ѣхать мнѣ домой: разнесся слухъ, что крестьяне поставили отъ себя нарочыхъ по дорогѣ, идущей изъ Корсуна въ Мироновку, дабы схватить меня, почему я съ женою поѣхалъ на м. Стеблевъ и Богуславъ, прибавивши болѣе пятнадцати верстъ пути. Пріѣхавши домой на разсвѣтѣ, застали дѣтей въ плачѣ, ибо разнесся слухъ, что меня крестьяне убили.

Сельскій сотскій, придя ко мнѣ, объявилъ, что крестьянинъ мироновскій Иванъ Собка въ субботу ночью, противъ воскре-

сенья, въ которое была стычка въ Корсунѣ, отвезъ какого-то ляшка, шедшаго пѣшкомъ изъ Кіева, въ Корсунъ и что сей ляшокъ хорошо заплатилъ Собкѣ за то, что тотъ своевременно доставилъ его въ Корсунъ. Позванный Иванъ Собка сознался, что возилъ какого-то человѣка въ Корсунъ и что, пріѣхавши въ Корсунъ, этотъ чоловѣкъ не захотѣлъ ѣхать по большой улицѣ, а приказалъ свернуть въ сторону, причемъ они ѣздили по глухимъ переулкамъ и въѣхали въ какой-то дворъ чрезъ проломъ въ плетнѣ. Это обстоятельство наводило меня на нѣкоторыя подозрѣнія и я донесъ объ немъ коммисіи въ Корсунъ. Было разслѣдованіе, но ничего не открылось, и человѣка того не отыскали, а подозрѣніе возникало изъ того, что, нанимая подводу у Ивана Собки, онъ говорилъ, что ему необходимо быть въ Корсунѣ въ воскресенье, ибо тамъ въ этотъ день будетъ что-то особенное. Сидѣлецъ въ мироновской корчмѣ Иванъ Куць тоже донесъ, что побилетный солдатъ изъ села Роскопинецъ въ корчмѣ распускалъ слухи, что воля крестьянамъ давнымъ давно дарована, но что начальство скрываетъ это отъ крестьянъ. Солдатъ этотъ былъ арестованъ, отосланъ въ Корсунъ и оттуда отправленъ въ Кіевъ въ острогъ.

Оказалось послѣ, что изъ Мироновки былъ нарочно отряжаемъ въ м. Таганчу крестьянинъ мироновскій Иванъ Лещенко, который слѣдилъ за мною, когда меня водили по селамъ; только онъ не былъ въ Корсунѣ, а привозившій въ Корсунъ ляшка былъ тамъ во время самой стычки.

Въ Корсунъ возвратился я въ среду ночью, спустя двѣ недѣли послѣ побоища. Во все это время повсюду въ окрестностяхъ разыскивали виновниковъ и участниковъ волненія. Ихъ арестовывали и доставляли въ Корсунъ и Таганчу. На этотъ разъ имѣла прибыть въ Корсунъ изъ Таганчи большая партія арестованныхъ. Мнѣ предложено было присутствовать при встрѣчѣ и пріемѣ ихъ дежурнымъ офицеромъ.

Тяжелое было это для меня зрѣлище. Когда стало извѣстно о приближеніи арестантовъ,—людей, а особенно евреевъ собралось за заставой безчисленное множество. Дежурный офицеръ и унтеръ-офицеръ вышли за мѣстечко, пошелъ съ ними и я. Арестованныхъ вели по той самой дорогѣ, по которой прежде шли бунтовщики. Впереди ѣхалъ уланскій офицеръ, за нимъ горнисты на лошадяхъ; далѣе отдѣленіе пѣшихъ солдатъ съ ружьями, въ полномъ вооруженіи; тутъ шли арестанты-крестьяне, всѣ почти

старики съ длинными сѣдыми бородами, закованные по ногамъ; впереди ихъ шелъ дьячекъ изъ села Мельниковъ Іоакимъ Левитскій (не закованный); вокругъ крестьянъ шли пѣшіе солдаты съ ружьями на перевѣсъ, потомъ ѣхали уланы съ обнаженными саблями, а за ними опять отрядъ пѣшихъ солдатъ и далѣе эскадронъ уланъ на лошадяхъ. При въѣздѣ въ мѣстечко горнисты протрубили маршъ. Подошли къ башнѣ; тутъ офицеръ, приведшій арестантовъ, всталъ съ лошади, вынулъ списокъ и по списку передавалъ приведенныхъ имъ; дежурный унтеръ-офицеръ принималъ и отправлялъ въ башню.

Еще болѣе тяжелый видъ имѣла произведенная вслѣдъ за симъ военно-полицейская экзекуція надъ виновными. Въ видахъ устрашенія и приведенія къ покорности всего населенія крестьянскаго предварительно вызвано было изъ ближайшихъ селъ (на разстояніи 50 верстъ) въ Корсунъ по два человѣка. Собралось множество народа. Виновнѣйшимъ опредѣлено было давать по 800 розокъ, другимъ по 600, инымъ по 500, но меньше 300 не было [1]). Всякаго наказываемаго клали на землю; два крестьянина держали: одинъ, сидя на головѣ, другой, на ногахъ; два солдата били; для перемѣны стояли еще по два солдата; били березиною тонкою; однако человѣкъ четырехъ понесли полумертвыми съ мѣста наказанія.

Горько было заблужденіе сихъ людей, тяжело ихъ наказаніе; но страшно подумать о томъ, что могъ-бы произвести разъяренный народъ, если бы не былъ остановленъ во-время и приведенъ къ повиновенію.

Дьячка села Мельниковъ Іоакима Левитскаго, арестованнаго по донесенію мѣстнаго священника и приведеннаго вмѣстѣ съ крестьянами изъ Таганчи, и дьячка села Сытниковъ Ѳедоровича, тоже арестованнаго по донесенію мѣстнаго священника, вскорѣ освободили, такъ какъ противъ нихъ не было ясныхъ уликъ.

Не участвовали въ семъ волненіи жители м. Корсуна и селъ: Нетеребки, Сахновки и деревни Набутова; ни одинъ человѣкъ не присталъ къ общему движенію. Объясняли это тѣмъ, и кажется правдоподобно, что, когда въ 1800 г. корсунское имѣніе переходило во владѣніе князя Лопухина и жители упомянутыхъ

---

[1]) Размѣры наказанія сильно преувеличены. П. Л—въ.

мѣстностей подняли бунтъ, то понесли такое наказаніе, что оно было въ памяти не только отцовъ, но и внуковъ.

Крестьяне корсунскіе, бывшіе 10 апрѣля въ церкви (а ими была полна церковь), тотъ-часъ по окончаніи литургіи разошлись по домамъ и не являлись ни во время стычки солдатъ, ни послѣ; всѣ они сидѣли по домамъ при своихъ семействахъ.

Замѣчательно: въ приходахъ, гдѣ волновались крестьяне и гдѣ притѣсняли священниковъ, во все время волненій не было ни одной требы; въ теченіи всего этого времени въ тѣхъ приходахъ не родилось ни одного дитяти, никто не умеръ и никто не требовалъ исповѣди.

Священники, надъ которыми производили издѣвательства ихъ прихожане, именно: села Сытниковъ Іоаннъ Чернодубравскій, с. Сотниковъ Рафаилъ Туробольскій, села Пишекъ Симеонъ Смирницкій, села Самородни Александръ Борлѣвичъ, села Выграева Іоаннъ Загродскій, села Корниловки Димитрій Подгаецкій и м. Корсуна Тимоѳей Стрижевскій--всѣ померли, почти преждевременно. Остаемся въ живыхъ, по милости Божіей, я и св. с. Гарбузина Михаилъ Кудревичъ; но и я уже по слабости здоровья уволенъ въ заштатъ.

Библіографія.

I.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ И СТАТЕЙ ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ ЮЖНОЙ РОССІИ ЗА 1881 Г.

(*Окончаніе*).

Народный календарь для южной Россіи на 1882 годъ. Харьковъ. 1882.

Незначный Борисъ.—Еврейскій кагалъ, организація еврейскихъ общинъ, ихъ могущество, способъ дѣйствій и т. д. по указаніямъ покойнаго Брафмана. Кіевъ. 1881 г.

Некрасова Е. С.—Изъ воспоминаній Вельтмана о времени пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ (Вѣстникъ Европы, мартъ, 1881).

Носовичъ.—Дополненіе къ бѣлорусскому словарю, С.-Петербургъ. 1881.

Обычаи молдаванъ въ дни рождественскихъ святокъ и въ первый день новаго года (Кишиневскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 1).

Одинъ, или два были монастыря въ с. Четвертнѣ, луцкаго уѣзда, основанныхъ князьями Четвертинскими (Волынскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 25).

О Кирилловской церкви въ Кіевѣ (газета »Трудъ«, 1881 г., № 61).

Очеретяный Н.—Оповидання. Кіевъ 1881.

Пероговскій В.—Отрывокъ изъ исторіи г. Староконстантинова (Волынскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 3, 4, 6, 7, 9 и 10).

П. И. Ѳедонька.—Очеркъ изъ южнорусскаго быта (Вѣстникъ Европы, январь, 1881).

П—чъ Л.—Село Мокрецъ (Кіевскія Епархіальн. Вѣдомости, 1881 г., №№ 51—52).

Павловскій И. Д.—1) Симонія въ украинскомъ духовенствѣ первой четверти XVIII в. (Историч. Вѣстникъ, мартъ, 1881); 2) Консисторско-судныя мытарства,—къ біографіи протоіерея Андрея Прокоповича (тамъ-же, іюль); 3) Иванъ Ивановичъ Мартыновъ за время ученія его въ славенской дух. семинаріи (Полтавскія

Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 4); 4) О календаряхъ польскихъ, злостію вымышленныхъ (тамъ-же, № 7).

Петровъ Н. И.—1) Извѣстія церковно-археологическаго общества при кіевской дух. академіи за 1880 годъ. Кіевъ. 1881. 2) Отчетъ того-же общества за 1880 годъ. Кіевъ. 1881. 3) Миньятюры и заставки въ греческомъ евангеліи XI—XII в. и отношеніе ихъ къ мозаическимъ и фресковымъ изображеніямъ въ кіево-софійскомъ соборѣ. Кіевъ. 1881. (Изъ Трудовъ кіевской дух. академіи); 4) О степени самобытности украинской литературы (Кіевлянинъ, 1881 г., №№ 38, 39, 44, 52, 63, 64, 69 и 89); 5) Очерки изъ исторіи украинской литературы нынѣшняго вѣка (Историч. Вѣстникъ, августъ, сентябрь и октябрь, 1881).

Польскій колдунъ панъ Твардовскій. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Изданіе книгопродавца Прѣснова. Москва. 1881.

Пономаревъ А.—Рождественскіе обряды—мистеріи въ средніе вѣка (Странникъ, декабрь, 1881).

Пономаревъ С. И.—1) Историко-литературный календарь (въ Русскомъ Календарѣ на 1881 годъ, А. Суворина); 2) Письма Л. И. Боровиковскаго къ М. А. Максимовичу (Историческій Вѣстникъ, май, 1881); 3) Еще изъ писемъ м. Евгенія (Кіевлянинъ, 1881 г., № 92); 4) Кіевская старина и новина (тамъ-же, №№ 93, 236 и 272).

Порфирьевъ.—Исторія русской словесности. ч. II. Новый періодъ. Отдѣлъ I. Казань. 1881. Здѣсь дано сравнительно больше мѣста южнорусской литературѣ XVIII вѣка.

Потапенко И.—Новый. Изъ хроники южно-русскаго села (Дѣло, апрѣль, 1881 г.).

Потебня А. А.—Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Этимологическія и другія замѣтки. Варшава, 1881 г.

Прозоровскій Д.—1) Собраніе польскихъ и другихъ печатей, принадлежащее академіи художествъ. С.-Петербургъ. 1881. 2) Новый опытъ объяснительнаго изложенія Слова о полку Игоревѣ. С.-Петербургъ. 1881.

Прохоровъ В.—Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые по Высочайшему соизволенію В. Прохоровымъ. С.-Петербургъ. 1881. Рѣчь идетъ о скиѳахъ—славянахъ, населявшихъ нынѣшній югъ Россіи.

Прусское посольство въ Крымъ въ семилѣтнюю войну (Историч. Вѣстникъ, сентябрь, 1881).

Пчілка Олена.— Переклади зъ Гоголя. Кіевъ. 1881.

Пыпинъ А. Н.—1) Исторія славянскихъ литературъ, Пыпина и Спасовича. 2 изданіе. 2 т. С.-Петербургъ. 1879—1881; 2) Малорусско-галицкія отношенія (Вѣстникъ Европѣ, январь, 1881).

Ровинскій Д.—Русскія народныя картинки, собранныя и описанныя Д. Ровинскимъ. С.-Петербургъ. 1881.

Розовъ А.—Отношенія православныхъ югозападной Россіи къ протестантамъ въ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка (Литовскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 15, 16, 21, 25 и др.).

Рудченкова Зинаида.—Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ въ гомельскомъ уѣздѣ, черниговской губ., и изданныхъ для одного голоса съ аккомпаниментомъ фортепіана.

Самоквасовъ Д. Я.—Вещественные памятники древности въ предѣлахъ Малороссіи. Изъ протоколовъ антропологической выставки. Москва.

Сахаровъ В.—Очерки русской мистеріи въ ея представителяхъ (Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, октябрь, 1881).

Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владиміра. Выписки I—III. Кіевъ. 1881. Здѣсь, между прочимъ, помѣщены: Исторія сѣверской земли до половины XIV столѣтія, Голубовскаго, и Вѣче въ кіевской области, Линниченка.

Семеновичъ Ст.—Начало уніи въ холмской епархіи (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 21).

Сементовскій Н.—Кіевъ, его святыня, древности, достопамятности и свѣдѣнія, необходимыя для его почитателей и путешественниковъ, и проч. 6-е исправленное и дополненное изданіе. Кіевъ. 1881.

Серафимовъ С.—Историческое описаніе херсонскаго успенскаго собора (Херсонскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 1, 3—5, 9, 15—18).

Смирновъ П.—Свят. Іоакимъ патріархъ московскій. Москва. 1881.

Собѣсскій.—О львовской русской гимназіи. 1881.

Соколовъ Н.—Ченстоховская чудотворная икона Богородицы и церковь въ г. Ченстоховѣ. Вильна. 1881.

Сокологорская Е.—Сборникъ древнеславянскихъ и южнорусскихъ народныхъ узоровъ. Кіевъ. 1881.

Спасовичъ В. Д.—Маркизъ А. Велепольскій, его жизнь и политика въ польско-русскомъ конфликтѣ и вопросѣ (Вѣстникъ Европы, февраль, май, іюнь и іюль. 1881).

Старицкій М.—1) Пісні і думи. Переклавъ Старицькій. Виданне Ильницького. Кіевъ. 1881.

Стасовъ.—О національности руссовъ арабскихъ писателей. С.-Петербургъ. 1881 г.

Стефановскій Т.—Матеріалы для біографіи царскаго духовника протоіерея Ѳеодора Дубянскаго (Черниговскія Епарх. Извѣстія, 1881 г., №№ 27—28).

Сулимовка въ Кіевѣ (Кіевлянинъ, 1881 г., №№ 247 и 248).

Сумцовъ Н.—О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Харьковъ. 1881 г.

Т. Ал.—Василій Игнатьевичъ Пероговскій. Некрологъ (Кіевлянинъ, 1881 г., № 156).

Тарановскій Н. Г.—Кіевъ и его окрестности, съ топографическимъ планомъ города Кіева, 9 видами, 2 плапами театровъ, адресъ-календаремъ и мѣсяцесловомъ на 1881 г. Кіевъ.

Тихомировъ Е.—Полтавскій бой. Историческій очеркъ. Москва. 1881.

Тихомировъ Н.—О составѣ западно-русскихъ такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей,—рукопись, удостоенная академіей наукъ преміи въ 500 р.

Толстой М. В., графъ.—Посмертныя записки іеромонаха кіево-печерской лавры о. Антонія (Русскій Вѣстникъ, май, іюнь и ноябрь, 1881).

Толстой Ю. В.—Записки о возсоединеніи греко-уніатскаго духовенства и народа въ Бѣлоруссіи и на Волыни съ православною церковію, Василія, архіепископа полоцкаго (Русскій Архивъ, 1881 г., т. II).

Томашенко.—О черноморскихъ готахъ. Вѣна. 1881.

Уваровъ А. С., графъ.—Каменный вѣкъ въ Россіи. Москва. 1881. Здѣсь рѣчь идетъ и о кіевскихъ пещерахъ, существовавшихъ задолго до христіанства.

Украинофильство и г. Костомаровъ (Русскій Вѣстникъ, апрѣль, 1881).

Украиньскимъ дітямъ. Кіевъ. 1881.

Уманецъ Ѳ. М.—Малороссіяне въ Польшѣ XVII вѣка (Историч. Вѣстникъ, сентябрь, 1881).

Фелицынъ.—Памятная книга Кубанской области. 1881.

Филевичъ И. П.—Забытый уголъ (о Холмской Руси. Историч. Вѣстникъ, май, 1881).

Хойнацкій А. Ѳ., протоіерей.—1) Святитель Михаилъ греческій, нетлѣнно почивающій въ нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Кіевъ. 2) Варлаамъ Шишацкій, архіепископъ могилевскій. Изъ исторіи 1812 года (Историч. Вѣстникъ, іюль, 1881); 3) Почаевская лавра подъ властію уніатовъ (Христіанское Чтеніе, 1881 г.).

Хорошуновъ Ѳ., свящ.—Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ черниговскій. Историко-біографическій очеркъ (Русская Старина, 1881 г., т. 1).

Хрущовъ А. П.—Отрывки изъ дневника (Историч. Вѣстникъ, май, 1881).

Чапковскій А. Т.—Н. В. Гоголь. Воронежъ. 1881.

Чистовичъ И. А —Уніатская церковь въ Россіи при императорѣ Николаѣ I (Православное Обозрѣніе, январь и апрѣль. 1881).

Шайноха К.—Ядвига и Ягайло, перев. съ 2-го полнаго изданія В. Чуйко. 2 т. С.-Петербургъ. 1881.

Шевченко Т. Г.—1) Батрачка. Повѣсть. С.-Петербургъ. 1881 г. 2)—Несчастный. Неизданнаая повѣсть Т. Г. Шевченка (Историческій Вѣстникъ, январь, 1881); 3)—Хустына (въ альманахѣ »Луна«, на 1881 годъ. Кіевъ. 1881);

4) Изъ неизданной повѣсти Т. Г. Шевченка (газета »Трудъ«, 1881 г., № 122 и приложенія 12, 17 и 29 декабря).

Щелковъ К. П. — Харьковъ (историко-статистическій опытъ). Харьковъ. 1881 г.

Щербина Ф.—Очерки южно-русскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ. Одесса 1881 г.

Эльцинъ.—Рѣчи звенигородскаго раввина Эльцина. Звенигородка. 1881.

Юго-западный общедоступный календарь на 1882 годъ. Кіевъ. 1881.

Южный Алексѣй.—На Днѣпровскихъ порогахъ и два дня у штундистовъ. Замѣтки путешественника (Вѣстникъ Европы, іюль, 1881).

Юшкевичъ.—Литовскія народныя пѣсни. Выпуски 3—4. Казань. 1881.

Яворовскій Н.—Подольская старина: посмертная легенда о князѣ Петрѣ Христіановичѣ Витгенштейнѣ (Подольскія Епарх. Вѣдомости, 1881, №№ 20 и 21. Дополненіе къ этой статьѣ—тамъ-же, № 35).

Яновскій И.—Мѣстечко Бѣлоцерковка и его приходъ. Историко-статистическій и эгнографическій очеркъ (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 8 и 18).

Z. Z.—Яковъ-Іосифъ Лейбовичъ Франкъ. Изъ исторіи іудейства XVIII вѣка (Подольскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 33 и 34).

II.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Терскіе козаки съ стародавнихъ временъ.—Историческій очеркъ, соч. Ивана Попко. Выпускъ первый—Гребенское войско. С.-Петербургъ 1880 г.

Въ началѣ октября минувшаго года, терское козацкое войско праздновало 300 лѣтній юбилей своего существованія. Къ этому времени, одинъ изъ старыхъ и заслуженныхъ офицеровъ этого войска, генералъ Иванъ Попко, приготовилъ историческій очеркъ судьбы терскаго козачества. Г. Попко извѣстенъ уже въ литературѣ прекраснымъ и первымъ по времени очеркомъ быта черноморскихъ козаковъ, ихъ судьбы, устройства и этнографіи, изданнымъ еще въ 1858 году. Новый трудъ г. Попко составленъ съ полнымъ знаніемъ литературы своего предмета, и притомъ основанъ на многочисленныхъ рукописныхъ источникахъ, собранныхъ авторомъ въ архивахъ городовъ: Ставрополя, Кизляра, Астрахани, въ терскомъ войсковомъ архивѣ, въ рукописныхъ запискахъ Федюшкина и Буткова и т. д. Сверхъ того г. Попко близко и наглядно знакомъ съ мѣстностью притерекскаго края, съ его этно-

графіею и пользуется многими преданіями и воспоминаніями, уцѣлѣвшими въ памяти народа; этнографическій и бытовой матеріалъ въ значительной степени оживляетъ разсказъ и придаетъ изображаемымъ авторомъ картинамъ большую живость и рельефность. Собранный г. Попко матеріалъ оказался на столько обильнымъ и разсказъ его на столько подробенъ, что первый выпускъ сочиненія, составляющій впрочемъ весьма объемистый томъ, заключаетъ въ себѣ лишь исторію гребенскаго войска, т. е. одного только изъ десяти полковъ, входящихъ въ составъ терскаго козацкаго войска; исторію остальныхъ полковъ г. Попко обѣщаетъ разработать въ дальнѣйшихъ выпускахъ своего сочиненія, теперь-же, чтобы ознакомить читателя хотя въ общихъ чертахъ съ планомъ своего сочиненія, онъ предпослалъ исторіи гребенскаго войска «Вступительный очеркъ трехвѣковой жизни терскихъ козаковъ», въ которомъ намѣтилъ главные моменты его исторической жизни, указалъ его составныя части и время и обстоятельства возникновенія каждой изъ нихъ. Все терское войско составилось изъ 10 разновременно возникшихъ козацкихъ группъ, которыя носили слѣдующія названія: гребенское войско, терско-кизлярское войско, терско-семейное войско, моздокій полкъ, волгское войско, горскій полкъ, два владикавказскіе полки 1-й и 2-й и два сунжинскіе.

Древнѣйшее козацкое поселеніе на Кавказѣ составили *гребенскіе* козаки: явились они на Терекѣ и у подножія кавказскихъ горъ еще въ началѣ XVI столѣтія. Послѣ присоединенія великаго княжества рязанскаго къ московской державѣ, рязанскіе козаки, населявшіе Червленый Яръ и охранявшіе юго-восточные предѣлы княжества, опасаясь принудительнаго выселенія въ сѣверо-восточныя области государства, сѣли на струги, поднялись по Дону, переволоклись въ Волгу и приплыли къ устьямъ Терека; здѣсь они вошли въ сношенія съ кабардинскими владѣльцами и получили отъ нихъ для поселенія земли у подножія горной цѣпи. Послѣ подчиненія кабарды русскимъ царямъ, козаки гребенскіе зачтены были въ царскую службу: они нѣсколько разъ мѣняли мѣсто жительства, пока наконецъ не основались окончательно на лѣвомъ берегу Терека, гдѣ въ 1712 году они построили пять городковъ, существующихъ по нынѣ: Червленскій, Шадринскій, Новогладковскій, Старогладковскій и Курдюковскій.

Въ концѣ XVI столѣтія (1580) въ устьяхъ Терека появилась новая группа козацкаго населенія, это была часть волжскаго козачьего войска, почему-то опасавшаяся опалы на родинѣ и бѣжавшая по морю на югъ. Новые переселенцы построили у самаго устья Терека городокъ Трехстѣнный и поселились въ немъ, подъ именемъ *терскаго* козачьего войска. Впослѣдствіи Петръ Великій пытался передвинуть это поселеніе къ югу, но попытка его не увѣнчалась успѣхомъ. Въ 1736 году, послѣ возврата Персіи завоеванныхъ у нея областей, русскіе поселенцы, въ томъ числѣ и терскіе козаки, возвратились на прежнія мѣста жительства и заняли берега Терека отъ его устья до Кизляра; съ этого времени они и стали называться терскимъ-кизлярскимъ войскомъ.

Въ томъ-же 1736 году, для того чтобы сомкнуть цѣпь козацкихъ поселеній на Терекѣ—между терско-кизлярскимъ и гребенскимъ войсками организовано было правительствомъ новое козацкое войско, получившее названіе *терско-семейнаго*; для этой цѣли вызвана была изъ донской области одна тысяча козацкихъ семействъ и поселена въ трехъ новыхъ городкахъ. По другую восточную сторону поселеній гребенскихъ козаковъ въ 1763 году построено было небольшое укрѣпленіе на урочищѣ Мриздогъ (дремучій лѣсъ) и правительство приступило къ образованію вокругъ него новаго козачьего войска. Въ составъ его вошли въ значительномъ количествѣ выходцы изъ разныхъ горскихъ племенъ, къ которымъ присоединены были 350 козачьихъ семействъ, выведенныхъ изъ Дона, и 517—съ Волги, также 200 семействъ калмыковъ и 335 семействъ козацкой саратовской милиціи; всѣ эти разнородные элементы образовали *моздокскій* козачій полкъ.

Подвигая козацкія поселенія дальше въ томъ-же направленіи отъ востока къ западу, въ 1777 году, правительство переселило на средній Терекъ и на притокъ его—Малку, а также въ окрестности Пятигорска остававшихся еще на Волгѣ козаковъ, и образовало изъ нихъ 5 станицъ, которыя и составили новый отдѣлъ терскаго козачества подъ именемъ *волгскаго войска*; составъ этого войска усилился впослѣдствіи припискою нѣсколькихъ селъ, населенныхъ однодворцами и государственными крестьянами.

Въ 1824 году, генералъ Ермоловъ, желая увеличить козачій контингентъ на Кавказѣ, выдѣлилъ нѣсколько станицъ изъ состава моздокскаго и волгскаго полковъ и, присоединивъ къ нимъ 2 селенія осетинскія и 4 селенія малорусскія, выселившіяся по причинѣ малоземельности изъ уѣздовъ курской и воронежской губерній, образовалъ новый козачій полкъ *горскій*.

Всѣ шесть полковъ составляли отдѣльныя единицы въ военномъ и административномъ отношеніяхъ до 1832 года; тогда они, по представленію главнокомандующаго на Кавказѣ, графа Паскевича, были объединены подъ однимъ управленіемъ и получили общее названіе *кавказскаго линейнаго войска*. Впрочемъ послѣ этого преобразованія, козачество продолжало еще нѣкоторое время развиваться на Кавказѣ и колонизировать новыя пространства. Такъ въ 1837 году на верхнемъ Терекѣ поселены были два малороссійскіе полка, сформированные въ 1831 году для дѣйствій противъ поляковъ и впослѣдствіи передвинутые на Кавказъ; они составили *1-й владикавказскій полкъ*, увеличивъ въ послѣдствіи свой составъ многочисленными переселенцами, бѣжавшими отъ крѣпостнаго права изъ губерній: черниговской, харьковской, полтавской, воронежской и др. Наконецъ, въ послѣднее уже время, съ 1845 по 1860 годъ, образовались три новые полка, занявшіе территорію между Владикавказомъ и Моздокомъ по рѣкамъ Камбилею и Сунжѣ. Эти полки образовались частью изъ семействъ, выведенныхъ изъ болѣе старыхъ козацкихъ поселеній, частью изъ приписанныхъ къ козачеству крестьянъ, солдатъ и т. д.

Вотъ вкратцѣ очеркъ колонизаціи сѣверовосточнаго Кавказа, подробное развитіе котораго г. Попко намѣренъ представить въ своемъ сочиненіи. Первая часть его—исторія гребенскаго полка выполнена весьма тщательно и удовлетворительно. Авторъ разсказываетъ подробно исторію поселенія гребенскихъ козаковъ, участіе ихъ какъ въ внутреннихъ смутахъ, бывшихъ въ Россіи въ XVII столѣтія, такъ и въ войнахъ, которыя вело на Кавказѣ русское правительство, затѣмъ представляетъ весьма интересный очеркъ распространенія среди гребенцевъ старообрядчества и разныхъ толковъ церковнаго раскола и даетъ весьма полную картину: управленія, служебныхъ обязанностей, хозяйства, промысловъ, быта, нравовъ, вооруженія, костюма и т. д. Несомнѣнно, книга г. Попки занимаетъ видное мѣсто среди историческихъ монографій, посвященныхъ областной русской исторіи и мы съ нетерпѣніемъ ждемъ дальнѣйшихъ выпусковъ столь хорошо начатаго предпріятія. Не можемъ, впрочемъ, не замѣтить, что книга г. Попки значительно выиграла-бы, если бы авторъ удержался отъ субъективнаго, нѣсколько тенденціознаго взгляда, вслѣдствіе котораго онъ по временамъ оцѣниваетъ съ точки зрѣнія современнаго публициста событія давно минувшихъ дней, происходившія въ другое время и при историческихъ условіяхъ, не примѣнимыхъ къ нашему времени и къ современнымъ намъ взглядамъ. По временамъ также авторъ склоненъ увлекаться историческими гипотезами, не основанными на точныхъ данныхъ, и очень упорно отстаиваетъ эти гипотезы, не смотря на отсутствіе фактической почвы; такова, по нашему мнѣнію, попытка автора связать происхожденіе козачества съ княжескими дружинами въ качествѣ двухъ непосредственно преемственныхъ явленій; между тѣмъ какъ явленія эти ни по времени существованія, ни по характеристическимъ чертамъ своимъ не представляютъ аналогіи. Во всякомъ случаѣ эти небольшія, чисто теоретическія, погрѣшности почти незамѣтны, благодаря живости разсказа, изобилію фактическаго матеріала и новизнѣ и высокому интересу содержанія книги.

Въ заключеніе г. Попка приложилъ къ своей книгѣ довольно объемистыя примѣчанія и весьма интересныя приложенія, состоящія изъ документовъ, извлеченныхъ имъ изъ архивовъ, которые констатируютъ разнообразныя данныя, относящіяся къ исторіи управленія, къ промысламъ, къ общественному хозяйству, статистикѣ народонаселенія и т. п. Наконецъ, въ числѣ приложеній мы находимъ 7 народныхъ гребенскихъ пѣсень историческаго и бытоваго содержанія и два патріотическія стихотворенія современнаго намъ поэта изъ гребенскихъ козаковъ, г. Парфенія Кулебякина.

В. А.

Исторія сѣверской земли до половины XIV в. Петра Голубовскаго. Кіевъ, 1881 г.

Названное сочиненіе написано на тему, заданную историко-филологическимъ факультетомъ кіевскаго университета. Нельзя не признать выбора подобной темы очень удачнымъ. Изученіе удѣльнаго періода русской исторіи въ настоящее время подвинулось много впередъ сравнительно съ недалекимъ прошлымъ. Изложеніе Карамзина и Соловьева насъ не удовлетворяетъ болѣе. Теперь уже никто, подобно Карамзину, не разсматриваетъ Руси удѣльнаго періода, какъ единое государство со столицею Кіевомъ; мало по малу теряетъ свое значеніе и теорія исключительно родовыхъ отношеній, рельефно выраженная въ соч. Соловьева «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома». Все большее и большее право гражданства получаетъ теорія областная, которая въ удѣльно-вѣчевой Руси видитъ рядъ областей, связанныхъ единствомъ княжескаго дома, происхожденія, быта, но стремившихся и достигавшихъ внутренней автономіи. Фундаментъ для себя областная теорія нашла въ этнографической, представителями которой являются Ешевскій, Щаповъ, Костомаровъ. Въ результатѣ получились труды, представляющіе богатый вкладъ въ русскую историческую литературу: цѣлый рядъ областныхъ монографій — Костомарова, Иловайскаго, Корсакова, Зубрицкаго, Шаранѣвича; въ послѣднее время появилось также нѣсколько цѣнныхъ монографій — Антоновича «Очерки исторіи В. К. Литовскаго», Дашкевича «Болоховская земля», Никитскаго «Очерки изъ исторіи Новгорода и Пскова», Полежаева «Московское княжество въ I половинѣ XIV в.» Сюда же нужно отнести и трудъ г. Голубовскаго.

Источники по исторіи сѣверской земли довольно разнообразны, хотя очень отрывочны. Основнымъ источникомъ является лѣтопись въ разныхъ ея спискахъ и редакціяхъ; наибольше свѣдѣній доставляетъ такъ называемая ипатьевская лѣтопись, заключающая, какъ кажется, отрывки не дошедшей до насъ сѣверской. Раскопки въ черниговской губерніи г. Самоквасова даютъ богатый матеріалъ для характеристики погребальныхъ обрядовъ и культуры сѣверянъ; извѣстія арабскихъ и византійскихъ писателей не менѣе любопытны; кое-какія данныя доставляютъ и памятники словесности; современнымъ этнографическимъ матеріаломъ крайне затруднительно пользоваться по разбросанности его. Но не смотря на сравнительное обиліе матеріала до сихъ поръ не было ни одной сколько-нибудь удовлетворительной попытки написать исторію черниговской области; это тѣмъ болѣе удивительно, что она, сравнительно съ другими землями, отличалась особеннымъ характеромъ. Мы можемъ только указать на сочиненіе бывшаго профессора кіевскаго университета Домбровскаго «Очеркъ города Чернигова и его области въ древнее и новое время», совершенно не соотвѣтствующее своему заманчивому заглавію. Это — тощая брошюрка, передающая нѣкоторыя обще-извѣстныя лѣтописныя извѣстія. Гораздо больше значенія имѣетъ недавно вышедшее сочиненіе г. Иловайскаго «Исторія Рос-

сіи. Владимірскій періодъ», гдѣ одна глава посвящена исторіи черниговo-сѣверской земли; жаль только, что этотъ прекрасный очеркъ не достаточно полонъ и систематиченъ.

Такимъ образомъ книга г. Голубовскаго является весьма кстати. Вся она состоитъ изъ 12 главъ, изъ коихъ первыя двѣ посвящены вступленію общаго содержанія.

Въ 1-й главѣ, посвященной колонизаціи, г. Голубовскій старается доказать фактъ наступательнаго колонизаціоннаго движенія сѣверянъ на югъ къ черноморскому и азовскому побережьямъ и на сѣверо-востокъ въ область Муромы, Мери, радимичей и вятичей. Очень вѣроятна гипотеза о славянскомъ (собственно сѣверянскомъ) населеніи бассейна Дона, которое г. Голубовскій ставитъ въ связь съ бродниками—прототипомъ козачества. Не менѣе любопытны соображенія объ этнографическомъ сродствѣ населенія Тмуторакани съ населеніемъ Подесенья и Посемья. Въ слѣдующей главѣ г. Голубовскій на основаніи археологическихъ раскопокъ и арабскихъ писателей старается опровергнуть извѣстіе нашей лѣтописи о первоначальной дикости сѣверянъ, радимичей и вятичей. Оказывается, что рядомъ съ звѣроловствомъ существенную роль играло земледѣліе; процвѣтали гончарное, бондарное и столярное ремесла; торговля велась съ Новгородомъ, Византіей и отдаленнымъ востокомъ. Другихъ сторонъ внутренняго быта сѣверянъ г. Голубовскій къ сожалѣнію не касается. «Должно сознаться, говоритъ онъ, что по необходимости въ нашемъ сочиненіи мы должны были оставить два пробѣла, именно ничего не сказать о «религіи и бытѣ» сѣверянъ и выпустить «историко-топографическое описаніе» ихъ страны. Это произошло по недостатку научныхъ средствъ. Для очерка религіи сѣверянъ мы имѣемъ рѣдкія указанія, разсыпанныя по Губернскимъ и Епархіальнымъ Вѣдомостямъ черниговской губерніи, но собрать ихъ невозможно въ полномъ составѣ; притомъ сѣверяне занимали не одну черниговскую губернію, а курскую, часть харьковской и Подонье. Собрать матеріалъ изъ всѣхъ этихъ областей невозможно, какъ по недостатку времени, такъ и средствъ. *Извѣстія лѣтописи и арабскихъ писателей даютъ общія мѣста, которыя могутъ относиться ко всѣмъ славянамъ вообще.* Историко-топографическое изслѣдованіе, хотя и при существованіи матеріяла въ видѣ списковъ населенныхъ мѣстъ, книги «Большаго Чертежа» и т. д., невозможно было по неимѣнію подъ руками картъ». Мы признаемъ эти опущенія главнымъ недостаткомъ труда г. Голубовскаго, и при томъ ихъ не два, а нѣсколько больше. Не сказано ничего о городищахъ въ черниговской губ., которыя перечисляетъ г. Самоквасовъ въ приложеніи къ своему сочиненію «Древніе города Россіи»; нѣтъ характеристики погребальныхъ обрядовъ языческихъ сѣверянъ, между тѣмъ какъ богатѣйшія данныя по этому вопросу заключаются въ замѣчательной статьѣ г. Самоквасова «Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи»; не говоря уже объ извѣстіяхъ Ибнъ-Фоцлана, которыя также можно сюда пріурочить. Историко-топографическое описа-

ніе земли сѣверянъ могло быть исполнено тѣмъ легче, что начало такой работы положено трудами Погодина, Арцыбашева, Барсова. Желательно было-бы болѣе подробное изложеніе вопроса о предѣлахъ сѣверянскихъ поселеній и колонизаціи въ разныя эпохи существованія сѣверской земли. Мы полагаемъ, что въ этомъ отношеніи можно было-бы провести такія грани: 1) до половины XI ст., т. е. до обособленія Сѣверщины въ самостоятельное княжество, 2) до половины XIII ст., т. е. до татарскаго нашествія, когда центральнымъ пунктомъ являлись Подесенье и Посемье съ городами Черниговомъ и Новгородъ-Сѣверскомъ, 3) до половины XIV ст., когда значеніе Чернигова и Новгородъ-Сѣверска падаетъ, центръ исторической жизни переносится на сѣверъ въ Брянскъ, дробленіе княжествъ достигаетъ maximum'а своего развитія. Очень жаль также, что не сгруппированы хотя отрывочныя и немногочисленныя данныя о внутреннемъ бытѣ сѣверской земли въ періодъ удѣльный: о церковной іерархіи, храмостроительствѣ и т. д.

Очень любопытна 3-я глава, изображающая отношенія къ сѣверянамъ хозарскаго каганата. Конечно, не одни сѣверяне жили въ Хозаріи, но и другія славяно-русскія вѣтви; но несомнѣнно, что по своему географическому положенію сѣверяне находились въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ хозарамъ; нѣкоторые факты убѣждаютъ насъ, что сѣверянское населеніе въ видѣ оазисовъ сохранилось въ хозарской (тогда уже половецкой) землѣ даже въ XII в.

Слѣдующая 4-я глава названа «Христіанскимъ періодомъ», хотя въ соотвѣтствіи съ предъидущей ее лучше было-бы назвать «Кіевскимъ періодомъ» (до 1054 г,).

Въ слѣдующихъ 8 главахъ г. Голубовскій даетъ намъ очеркъ жизни, дѣятельности и историческаго значенія сѣверскихъ князей. Нельзя не признать этого очерка внѣшней политической исторіи очень удачнымъ. Характеристики написаны живо и смѣло; всѣ политическія комбинаціи, отдѣльные эпизоды объяснены болѣе или менѣе удовлетворительно. Таковы характеристики Олега и Давида Святославичей, Всеволода Ольговича и др. И здѣсь съ нѣкоторыми утвержденіями и объясненіями автора согласиться нельзя, но въ общемъ получается вѣрная картина событій. Заканчивается сочиненіе подпаденіемъ сѣверской земли подъ власть Литвы въ половинѣ XIV ст.

Въ концѣ концовъ нельзя не воздать должной благодарности автору за усердный и кропотливый трудъ, освѣтившій первые вѣка жизни лѣваго берега Днѣпра. Да будетъ оно началомъ послѣдующихъ трудовъ по исторіи лѣвобережной Украйны отъ XV—XVIII ст.

Д. Багалѣй.

Моравія и мадьяры съ половины IX до начала X вѣка К. Я. Грота. Спб. 1881. 436. Ц. 2 р.

Еще недавно авторъ означеннаго сочиненія издалъ свой первый трудъ: »Извѣстія Константина Багрянороднаго о сербахъ и хорватахъ«, историко-этнографическое изслѣдованіе (Спб. 1880 г.), вызвавшее весьма подробныя замѣчанія со стороны г. Флоринскаго въ Журналѣ мин. нар. просв. (CCXIV и CCXV). Новый его трудъ, заглавіе котораго мы выписали выше, составляетъ диссертацію на степень магистра по славянской филологіи и пополняетъ обширную серію трудовъ по исторіи славянъ, изданныхъ въ послѣднее время учеными петербургскаго университета (гг. Успенскимъ, Соколовымъ, Флоринскимъ). Такимъ образомъ, въ видѣ этихъ трудовъ русская наука пріобрѣтаетъ весьма цѣнные вклады въ исторію славянства. Нельзя не порадоваться и не привѣтствовать такого дружнаго участія новыхъ силъ въ разработкѣ этой исторіи, все еще мало извѣстной у насъ, не смотря на позднѣйшія политическія отношенія наши къ южному славянству.

Новый трудъ г. Грота имѣетъ для »Кіевской Старины« иной интересъ. Въ немъ затрогиваются вопросы, близкіе къ исторіи кіевской земли въ ея древнѣйшій періодъ. Мы разумѣемъ вопросы о происхожденіи и переселеніи угровъ, занимающихъ видное мѣсто въ изслѣдованія автора Укажемъ сначала общее содержаніе этого труда, а затѣмъ остановимся, на сколько позволяютъ размѣры библіографической замѣтки, на означенныхъ вопросахъ.

Разсматриваемое изслѣдованіе состоитъ изъ *четырехъ* обширныхъ главъ. *Первая* изъ нихъ представляетъ вступительный очеркъ, посвященный обзору судьбы средне—и нижне-дунайскихъ земель до начала IX вѣка; *вторая* даетъ очеркъ политическихъ отношеній на среднемъ Дунаѣ передъ мадъярскимъ погромомъ; *третья*—посвящена переселеніямъ мадъяръ до водворенія ихъ на среднемъ Дунаѣ; въ *четвертой* авторъ разсматриваетъ поселеніе мадъяръ на среднемъ Дунаѣ и Тиссѣ и ихъ торжество въ борьбѣ съ Моравіей и восточно-франкской державой. Въ заключеніе авторъ дѣлаетъ общіе выводы о переворотѣ, произведенномъ мадъярами на среднемъ Дунаѣ. Къ книгѣ приложенъ указатель личныхъ и географическихъ именъ.

Понятно, что III-я глава, притомъ самая обширная (149—304 стр.), имѣетъ для насъ главный интересъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она представляется болѣе обработанною и болѣе полною. Прослѣдимъ результаты изслѣдованій автора въ этихъ вопросахъ.

Къ даннымъ, основаннымъ на толкованіи именъ »мадъяръ« и »угровъ« именами, передаваемыми древними греческими и латинскими писателями, и къ догадкамъ средневѣковыхъ историковъ авторъ относится скептически. Только съ конца IX в. онъ находитъ возможнымъ слѣдить за исторіею этого народа. Также

сомнѣвается онъ въ возможности удачно объяснить означенныя имена и найти ихъ корень и первоначальное значеніе. Но во всякомъ случаѣ корня имени »мадъяръ« всего естественнѣе, по его мнѣнію, искать или въ самомъ мадъярскомъ языкѣ, или въ другихъ родственныхъ уральскихъ нарѣчіяхъ финскаго языка. Имя-же »угры« несомнѣнно находится въ непосредственномъ родствѣ съ нашею „югрою« и »югричами« русскихъ лѣтописей, съ именемъ народа, къ которому принадлежали предки вогуловъ, остяковъ и ихъ родичей, и имѣетъ такую-же прямую связь съ нѣкоторыми географическими названіями въ предѣлахъ Россіи. Сравнительно-лингвистическими изслѣдованіями наука пришла уже довольно давно къ признанію финскаго, точнѣе восточно-финскаго (финно-уральскаго) происхожденія мадъяръ. Это положеніе стало съ нѣкоторыхъ поръ уже общепризнаннымъ и окончательнымъ ея достояніемъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дознано и существованіе въ мадъярскомъ языкѣ (кромѣ другихъ разнородныхъ элементовъ) значительныхъ элементовъ языка турецкихъ народностей, въ близкомъ сосѣдствѣ и подъ непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ которыхъ когда-то очевидно жили угры. Турецко-татарскія черты въ языкѣ, исторіи и нѣкоторыхъ сторонахъ жизни мадъяръ сказываются на столько сильно, что есть ученые (Вамбери), считающіе мадъяръ, ихъ языкъ и древнюю культуру просто результатомъ смѣшенія финно-угорскихъ элементовъ съ турецко-татарскими. Еще въ средніе вѣка (съ XIII в.) предпринимались путешествія въ восточную Россію съ цѣлью изысканія слѣдовъ родины и родичей угровъ. Такъ, монахъ Юліанъ, отправленный королемъ Бѣлою IV, побывавъ въ Волжской Болгаріи, нашелъ народъ, говорившій на языкѣ, понятномъ для мадъяръ. Съ тѣхъ поръ не прекращались изслѣдованія въ этомъ направленіи; но только послѣ долгихъ усилій удалось восторжествовать этому мнѣнію надъ предположеніемъ о гунскомъ, турецкомъ и даже еврейскомъ происхожденіи мадъяръ. Необходимо также замѣтить, что въ XV вѣкѣ молва о существованіи на сѣверо-востокѣ Россіи племени, говорящаго на языкѣ сходномъ съ мадъярскимъ, была сильна въ Угріи при Матвѣѣ Корвинѣ, который собирался даже отправить людей для собиранія свѣдѣній объ этомъ народѣ, и что въ XVI в. извѣстный путешественникъ по Россіи, Герберштейнъ, въ описаніи »Московіи« сообщаетъ о землѣ Югаріи, изъ которой происходили будто-бы угры и въ которой говорятъ на языкѣ, понятномъ для мадъяръ.

Авторъ подробно слѣдитъ за всѣми перипетіями этого вопроса въ XVII, XVIII и XIX столѣтіяхъ, снабжая свои сопоставленія обстоятельнымъ указаніемъ на его литературу (стр. 155—167). Установивъ такимъ образомъ племенную связь мадъяръ съ древнею Югрою, и позднѣйшими, родственными ей, вогулами и остяками, авторъ, на основаніи цѣлаго ряда существующихъ данныхъ и мнѣній (при чемъ онъ признаетъ извѣстія венгерскихъ хронистовъ не заслуживающими вниманія), опредѣляетъ приблизительно древнія жилища мадъяръ по сосѣдству съ болгарами и башкирами); затѣмъ говоритъ объ ихъ древней культурѣ и образѣ жизни; на-

конецъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на переселеніяхъ мадъяръ на нижній Дунай и, между прочимъ, на пребываніи ихъ въ южныхъ степяхъ Россіи. Въ общей сложности это странствованіе по Россіи длилось едва-ли болѣе семи десятковъ лѣтъ.

Отвергнувъ свидѣтельство Анонима объ этомъ странствованіи, какъ позднѣйшую національную тенденцію, основанную на постороннихъ данныхъ (авторъ разбираетъ это въ особомъ примѣчаніи, стр. 181—184, а также 203—204), г. Гротъ останавливается главнымъ образомъ на извѣстіяхъ Константина Багрянороднаго, Ибнъ-Даста (араб. писат. нач. X в.) и древней русской лѣтописи (Нестора), »не многія строки которой объ уграхъ, по его словамъ, имѣютъ для насъ все-таки первостепенное значеніе«. Въ извѣстіи Константина о мадъярахъ онъ видитъ отчасти хозарскій, отчасти славянскій источникъ.

Основываясь на общей связи событій, выходъ мадъяръ изъ ихъ прародины приходится отнести къ началу IX вѣка; а будучи полукочевымъ народомъ, они, подобно другимъ кочевникамъ, безъ особеннаго труда перемѣщались съ мѣста на мѣсто. Поводомъ-же къ такому передвиженію должно признать какой-либо внѣшній толчокъ, напр. напоръ съ востока турецкихъ племенъ, быть можетъ и печенѣговъ, кочевавшихъ уже тогда въ степяхъ между Волгой и Яикомъ, но также весьма вѣроятно, что выселеніе это могло произойти вслѣдствіе какого нибудь неизвѣстнаго намъ движенія или давленія русскихъ славянъ на финновъ (Ламанскій, Объ изуч. греко-славян. міра, Спб. 1871, 313). Путь ихъ лежалъ въ юго-западномъ направленіи и весьма вѣроятно, что самое движеніе совершилось при участіи сосѣднихъ имъ турецкихъ кочевниковъ (башкиръ и др.). Историческія свидѣтельства застаютъ угровъ уже въ южныхъ степяхъ Россіи, въ сосѣдствѣ съ хозарами, потомъ около днѣпровской Руси, на берегахъ Чернаго моря, и далѣе на юго-западъ. При этомъ авторъ разсматриваетъ извѣстія объ уграхъ К. Багрянороднаго, Ибнъ-Даста, Паннонскаго житія Константина философа и русской лѣтописи (о проходѣ угровъ мимо Кіева подъ 898 годомъ; въ другихъ мѣстахъ ея упоминается—о бѣлыхъ уграхъ, объ уграхъ черныхъ и Угорское подъ Кіевомъ). Эти извѣстія сообщаютъ свѣдѣнія о пребываніи мадъяръ на берегахъ Понта и ихъ набѣгахъ вплоть до нижняго Дуная (около половины IX вѣка). Извѣстіе русской лѣтописи о *прохожденіи* угровъ мимо Кіева показываетъ, что они оставили по себѣ у днѣпровской Руси воспоминаніе какой-то странствующей орды, прослѣдовавшей мимо и только *временно* располагавшейся кочевьями въ ея сосѣдствѣ. Путь, по которому двигались мадъяры (угры), авторъ обозначаетъ такъ: по Камѣ и Волгѣ на Оку и вверхъ по Окѣ къ верховьямъ Дона, по которому продолжая идти, они вступили во владѣнія хозаръ, съ которыми имѣли прежде торговыя связи. Страна, занятая мадъярами, называется у К. Багрянороднаго Лебедіей (авторъ указываетъ на сохранившіяся до сихъ поръ подобныя-же названія мѣстностей въ этомъ районѣ и здѣсь-же рѣчка Угринъ по Больш. Чертежу). Затѣмъ авторъ указываетъ

на вліяніе хозаръ и славянъ на бытъ мадъяръ. Вліяніе послѣднихъ отразилось преимущественно въ сферѣ внутренняго, домашняго и семейнаго быта; такъ, названія предметовъ, относящихся къ земледѣлію, заимствованы мадъярами у славянъ. Ибнъ-Дастъ разсказываетъ, напротивъ, о набѣгахъ мадъяръ на славянъ, плѣнниковъ которыхъ они вымѣнивали у грековъ на греческія матеріи и товары. Вліяніе хозаръ отразилось преимущественно на военномъ устройствѣ. Другія извѣстія сообщаютъ свѣдѣнія о набѣгахъ мадъяръ на берега Чернаго моря вплоть до Дуная. Наконецъ авторъ подробно разбираетъ свидѣтельства русскаго лѣтописца объ уграхъ, изъ которыхъ главное относится къ 898 г. и заключаетъ въ себѣ извѣстіе о передвиженіи всей мадьярской орды на западѣ, по вытѣсненіи ея изъ «Лебедіи» печенѣгами, причемъ онъ касается смысла лѣтописнаго указанія о бѣлыхъ и черныхъ уграхъ (во вступительномъ разсказѣ къ лѣтописи), опредѣляя его какъ *видовое* различіе одного и того-же народа, на что существуютъ указанія въ другихъ источникахъ (235—248).

Это переселеніе авторъ относитъ къ 80-мъ годамъ IX вѣка, признавая хронологическое показаніе русской лѣтописи совершенно невѣрнымъ (250). Относительно-же самаго разсказа лѣтописца объ этомъ передвиженіи онъ говоритъ такъ: «изъ этого свидѣтельства мы имѣемъ, кажется, право заключить, что мадъяры, по крайней мѣрѣ нѣкоторая часть ихъ, на своемъ пути къ Дунаю были подъ Кіевомъ и стояли нѣкоторое время «вежами» неподалеку отъ него. По всей вѣроятности главная ихъ масса проходила черезъ Днѣпръ южнѣе, а отдѣльные отряды, предпринимая набѣги въ сторону, подходили и къ Кіеву». Но онъ признаетъ несостоятельность разсказа лѣтописи о дальнѣйшемъ странствованіи угровъ «черезъ горы великія», т. е. Карпаты. Какъ извѣстно, г. Иловайскій (Ист. Рос. II, 514—515), въ слѣдъ за Шлецеромъ (Несторъ, II, 236), производитъ названіе «угорьское» отъ «горы» и полагаетъ, что угры не могли быть вовсе подъ Кіевомъ.

Въ связи съ этимъ, авторъ касается нѣсколькихъ частныхъ вопросовъ, какъ-то: соотвѣтствія года прохожденія угровъ подъ Кіевомъ съ показаніемъ К. Багрянороднаго, мнѣній объ угорскомъ происхожденіи Аскольда и Дира, направленіи дальнѣйшаго пути угровъ (къ устьямъ Дуная, а не черезъ Карпаты), о составныхъ элементахъ мадъярскаго языка на новыхъ жилищахъ мадъяръ и т. п.

Мы не станемъ слѣдить за дальнѣйшимъ изложеніемъ автора, такъ какъ оно выходитъ уже за предѣлы вопросовъ, составляющихъ предметъ изслѣдованія мѣстнаго изданія. Дальнѣйшей судьбѣ угровъ до начала X вѣка посвящена IV-я глава.

Утвердившись на среднемъ Дунаѣ, они наносятъ рѣшительный ударъ съ одной стороны Моравіи, а съ другой—нѣмцамъ. Но какъ ни тяжелъ былъ онъ для западной Европы вообще, для славянъ, по мнѣнію автора, онъ имѣлъ иное значеніе. Вся тяжесть мадъярскаго погрома обрушилась въ особенности на германскій міръ. Славяне-же, напротивъ, силою вещей должны были сблизиться съ мадъярами, такъ какъ одинаково-враждебныя отношенія къ западу дѣлали ихъ интересы

нѣкоторымъ образомъ общими. «Если мадъяры, говоритъ авторъ, своимъ вторженіемъ въ дунайскую равнину и поселеніемъ въ ней и нанесли глубокую рану славянамъ и стали для нихъ причиной многихъ бѣдствій и въ прошедшемъ, и въ настоящемъ, за то своимъ своевременнымъ вмѣшательствомъ въ жестокую борьбу нѣмецкой народности съ дунайскими славянами и неизмѣримымъ вредомъ, нанесеннымъ Германіи и всему западу, они въ концѣ концовъ дали благопріятный оборотъ славянскому дѣлу на Дунаѣ въ IX вѣкѣ и надолго остановили дальнѣйшій ростъ политическаго, культурнаго и всякаго вообще преобладанія нѣмцевъ на среднемъ Дунаѣ, принимавшаго тогда уже весьма значительные размѣры и грозившаго великимъ и роковымъ для всего западнаго славянства несчастіемъ».

Таковъ заключительный выводъ автора по вопросу объ исторической роли угровъ въ ряду народныхъ переселеній въ западную Европу. Считаемъ необходимымъ повторить, что какъ по разсмотрѣннымъ нами вопросамъ, такъ и въ остальныхъ авторъ подкрѣпляетъ свои доводы множествомъ указаній на ихъ литературу и источники.

В. И.

Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые по Высоч. соизволенію В. Прохоровымъ. Спб. 1881 г. Ц. 15 р.

Въ послѣднее время появилось нѣсколько изданій, имѣющихъ цѣлью ознакомить съ внѣшнимъ бытомъ русскаго народа въ его историческомъ развитіи. Къ сожалѣнію до сихъ поръ ни одно изъ нихъ не представляетъ достаточной полноты и до сихъ поръ не доведено до конца. Настоящее изданіе представляетъ обширный выборъ предметовъ древности, добытыхъ путемъ раскопокъ, или снятыхъ съ другихъ памятниковъ. При томъ авторъ воспользовался и позднѣйшими разъисканіями, ставшими уже достояніемъ науки. Снимки сдѣланы отчетливо, а отчасти раскрашены. Правда, они выполнены не такъ изящно, какъ въ изданіи Стрекалова (Русскія одежды, 1876 г.), подходящемъ болѣе къ альбому, но гораздо лучше, нежели атласъ Погодина, составляющій приложеніе въ извѣстной его исторіи.

Изданіе г. Прохорова сопровождается обширнымъ текстомъ. Въ немъ разсмотрѣны: скиѳскіе памятники, славяно-русскія языческія могилы, курганы черниговской и кіевской губерніи, изображенія въ лицевыхъ минеяхъ (визант.) X вѣка, фрески на лѣстницѣ кіево-софійскаго собора, сборникъ Святослава XI вѣка, матеріалы русской одежды XII вѣка, матеріи. Изъ этого перечня видна уже вся неполнота и недостатокъ опредѣленной системы въ распредѣленіи и описаніи предметовъ внѣшняго быта; о нѣкоторыхъ авторъ дѣлаетъ обширныя выписки изъ того или другаго источника, о другихъ вовсе не упоминаетъ, а предоставляетъ догадываться читателю. Вообще текстъ изданія страдаетъ отрывочностью, а иногда и небрежностію въ изложеніи (напр. на стр. 27: «У славянъ былъ обычай сожигать покойника, а у финскихъ племенъ похоронять безъ сожженія» и т. п.).

В. И.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

СОБОРЪ ВМѢСТО СОБОРА.

(Къ исторіи кіевскихъ соборовъ).

Не многимъ изъ нынѣшнихъ жителей г. Кіева, переполненнаго, какъ и въ старые годы, разношерстнымъ людомъ, извѣстно, что на Подолѣ есть старая, очень старая церковь во имя Успенія Божіей Матери. Если-бы кому-либо изъ ея нынѣшнихъ прихожанъ, или вообще тѣмъ изъ кіевлянъ, которые видѣли и знаютъ ее, напомнить слова древняго сказанія о томъ, что стоитъ она въ рынкѣ,—это имъ показалось-бы очень страннымъ. Никакого тутъ рынка теперь нѣтъ: по сторонамъ не мало кабаковъ, противъ алтаря красные ряды, небольшая вокругъ площадь вся свободна. Изъ ряда другихъ церквей Кіево-Подола церковь успенская ничѣмъ не выдѣляется, если не считать того, что разъ въ году, въ день *Преполовенія*, т. е. когда проходитъ *половина* времени отъ Пасхи до Вознесенія, въ ней совершается торжественно, большею частію архіерейское богослуженіе и отсюда совершается крестный ходъ на Днѣпръ для водоосвященія. Еще недавно въ офиціальной перепискѣ она значилась „градскимъ" соборомъ и значится, кажется, и теперь; но какъ давно и по какому случаю она получила это названіе и значеніе, оставалось неизвѣстнымъ. А было время, когда успенская церковь была единственнымъ православнымъ соборомъ въ Кіевѣ и отъ того, конечно, времени идетъ ея названіе, какъ собора, ставшее нынѣ анахронизмомъ.

Когда и по какому случаю она стала *соборомъ*, объ этомъ сообщаются свѣденія въ статьѣ „*Паны Ходыки*", помѣщенной въ

началѣ этой книжки, но какъ приспособлена къ своему новому назначенію, о томъ сохранилось современное сказаніе ея-же священника Кирилла Ивановича, съ которымъ мы и хотимъ познакомить здѣсь нашихъ читателей. Эпизодъ этотъ изъ исторіи Кіева интересенъ по той энергіи, какую обнаружила кіевская городская община въ виду облегавшей ее со всѣхъ сторонъ уніи. Для полноты его мы приведемъ въ связь сказанія *„о церкви соборной мурованой, иже есть въ Кіевѣ, на Подолѣ, яко поправлена на старомъ фундаментѣ“*, съ свѣдѣніями о превращеніи ея въ соборную.

Уже потому, какъ глубоко теперь сидитъ успенская церковь въ землѣ, можно догадываться о ея древности. Названное нами современное сказаніе относитъ одно изъ ея освященій, но не постройку, къ XV в., упоминаетъ и о разореніи ея Менгли-Гиреемъ, вскорѣ послѣ того (1482 г.) послѣдовавшемъ, съ каковаго, вѣроятно, времени церковь эта находилась въ развалинахъ до втораго десятилѣтія XVI в. Подолъ изобиловалъ и въ ту пору церквами, въ большей части деревянными; о возобновленіи успенской церкви, лежавшей въ центрѣ Подола, никто не заботился. Требовалось особое испытаніе Божіе, въ видѣ своего рода чумы—римской уніи, чтобы заставить горожанъ возстановить церковь столь долго лежавшую въ запустѣніи и дать ей первенствующее въ городѣ значеніе. Тяжело было положеніе Кіева и его православныхъ жителей съ введеніемъ уніи. Уже съ перваго ея появленія въ 1596 г. Кіевъ лишился своего митрополита; оставшіеся вѣрными православію два епископа: Гедеонъ львовскій и Михаилъ перемышльскій умерли къ концу перваго десятилѣтія XVI в. и съ наступленіемъ втораго десятилѣтія на всемъ пространствѣ обширной кіевской митрополіи не было ни одного православнаго архипастыря. Православное населеніе повсюду стѣснено было до крайности въ своихъ исконныхъ правахъ, претерпѣвало жестокія, невыносимыя преслѣдованія. Повсюду церкви и монастыри переходили во власть уніатовъ, не выдерживало по мѣстамъ и священство, оставляя вѣру отцевъ, ради сквернаго прибытка, и народъ русскій на своей родной землѣ оставался безъ „службы Божіей“, безъ наученія вѣрѣ, безъ святыхъ таинъ и требъ. Та-же участь готовилась Кіеву. Уже отъ нѣсколькихъ лѣтъ къ богатѣйшимъ и древнѣйшимъ монастырямъ и церквамъ Кіева, къ св. Лаврѣ и св. Софіи, простирались жадныя и своевольныя уніатскія руки. Въ Кіевѣ преобладала не числомъ,

но богатствомъ и вліяніемъ польская партія. Намѣстникъ и войтъ тянули въ сторону правительства, всѣми средствами вводившаго унію. Кіевлянъ заставляли копать гору, строить зàмокъ себѣ-же на страхъ и гибель. Намъ, спокойно живущимъ теперь въ своей вѣрѣ, не понятны эти тревоги за вѣру и сила такого ощущенія. Не то было тогда. Начало надвигавшейся грозы разразилось „гвалтовнымъ" отнятіемъ у православныхъ св. Софіи, среди торжественнаго служенія въ недѣлю православія, и позорнымъ изгнаніемъ изъ нея собравшагося со всего Кіева священства. Михайловскій монастырь стоялъ на очереди; церкви: десятинная, Спаса на Берестовѣ и св. Василія лежали въ развалинахъ.

Что оставалось дѣлать кіевлянамъ, гдѣ пріютиться имъ, гдѣ служить службу Божію въ тѣ великіе дни, когда она совершалась соборомъ всего священства и такъ торжественно? Иновѣріе торжествовало; шагъ за шагомъ оно все могло отнять и оставить древнее православіе ни съ чѣмъ.

Встрепенулась кіевская община: вспомнили церковь, „иже въ рынку на Подолѣ", собрали деньги, испросили привиллегію короля (тогда и это нужно было), благословеніе патріарха (митрополита, епископовъ не было), устроили собственный дозоръ, пригласили строителя иностранца, родственника бурмистра, устранили войта Ходыку. Въ февралѣ или мартѣ потеряли св. Софію, въ половинѣ апрѣля „почали изъ фундаменту церковь Успенія Пречистой поправляти", а къ половинѣ августа слѣдующаго года окончили и „почали служити, ажъ и до днесь". Потерпѣвшему священству гарантирована безопасность „отъ мятежныхъ и бурливыхъ геретиковъ", свобода отъ податей, наѣздовъ и постоя, независимость отъ военной силы и самого пана воеводы. Сказаніе, содержаніе котораго мы передали, вошло въ составъ двухъ лѣтописныхъ сборниковъ, писанныхъ въ Кіевѣ въ XVII столѣтіи: въ сборникъ Ильи Кощаковскаго, составленный около 1690 года и въ сборникъ, принадлежавшій семейству мѣщанъ Морозовъ въ половинѣ прошлаго столѣтія. Оба рукописные варіанта весьма близки другъ къ другу и взаимно себя дополняютъ. Мы приводимъ текстъ этого мѣстнаго кіевскаго сказанія, исправленный посредствомъ сличенія обѣихъ рукописей.

„О церкви соборной мурованой, иже есть въ Кіевѣ, на Подолѣ, якъ поправлена на старомъ фундаментѣ".

„З первого початку старого нигдѣ у кройникахъ (лѣтописяхъ) не обрѣтохомъ, токмо сей антиминсъ на томъ-же престолѣ

старомъ, сице подписаный: „осветися олтарь великого Бога и Спаса нашего Иісуса Христа, пресвятыя Богородицы честного Ея Успенія преосвященнымъ архіепископомъ и митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси Мисаиломъ при великомъ короли Казимери, и положонъ бысть здѣ, вь лѣто 6982 (1474) индикта 7, марта 30 дня, на паметь преподобного отца нашего Іоанна Лѣствинника.“ Из обычного всемогущего милосердія Спасителя нашего Бога, найпаче-же нынѣ, за нашихъ родовъ (sic) посети насъ благостію своею, аще и мало что отъ нашихъ исправленій, но помощь и молитвы святыхъ древнихъ богоносныхъ отецъ о насъ дѣйствоваша ко Богу и наше прошеніе не бысть тощно.—

За фортунного (счастливаго) панованя найяснейшого господаря и великого короля нашего Жигимонта, а за держанія воеводства кіевского велможного его милости пана Станислава Жолковскаго, а во отступленіи митрополитовъ кіевскихъ вдовствующи митрополіи кіевской, понеже они въ то время вси уклонишася во купе ку западу; мы-же оныхъ мерзость возненавидѣвше, наслажаемся пророческихъ словесъ, глаголющихъ: „отъ Сіона изыде законъ и слово Господне из Іерусалима, а не з Рима.“ Вь тоже время во освещенныхъ кѵръ патріарха констентенопольского Тимофея, а здѣ, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ всихъ обще живущихъ православныхъ христіанъ, сыновъ святыя восточныя церкви, присныхъ во вѣрѣ, найпаче пана войта, Деонисія Балыки, а по немъ наставшего войта пана Феодора Ходыки, а за бурмистра пана Созона, сына того-жъ войта Балыки, року 1613, месеца априля 15 дня, на паметь стятыхъ апостолъ: Трофима, Пуда, Аристарха, за привиліемъ найяснейшого господаря нашого, великого короля Жигимонта, а за благословенемъ вышмененого патріарха Тимофея, почали изъ фундаменту поправляти церковь святой Пречистое Успеніе соборную, стоячую в рынку мѣстѣ Кіевскомъ, внутри и з надворя, бо опала и ошарпалася была велми и розвалялася: верху всего не было; старый муръ по верхніе окна весь верхъ збивали и знову муровали; самую баню (куполъ) и тые 4 бани около—знову робили, бо прежде тыхъ малыхъ бань не было, толко было дощкамы покрыто. А поправлялъ тую церковь майстеръ з Влохъ (Италіи) Савостіанъ Брачу. Почали месеца мая 13 дня на Вознесеніе Господне: выношено все изъ церкви и вси обряды церковные; почали изъ середины робити з исподу и заробили болшую баню месеца сентебря 4 дня, на паметь святого мученика Вавилы. Тогожъ месеца 28 дня во второкъ поставили

крестъ на церкви, тойжъ таки, што и прежде былъ, але позлотили знову. Месеца октоврія 1 дня домуровали и остатней бани на рогу отъ Урмянское церкви. Тогожъ року декабря 5 дня, на паметь преподобного отца Саввы, почали служить всенощное и службу Божую и служили презъ всю зиму, же не лзѣ было зимою робить майстрамъ аж до недѣли Мироносицъ. И опять вси обрады были выношены до Воскресенія Христова з церкви. И през тое лѣто робили и доробили за помочю Божиею месеца августа 14 дня, образы постановили и почали служити, аж и до днесь.

Обретохомъ въ кройнице, ижъ первей того сія Божественная церковь была изнищона и ободрона и все побрано: сребро, и злото, кресты, иконы полуплены и все попалено отъ поганого царя перекопского Менди-Гирия и отъ нечестивыхъ его агарянъ.

А былъ приставомъ и дозорцею до той роботы панъ Созонъ Балыка, упрошоный отъ всего мѣста.

Да не возмни нихто сихъ словъ ложно, но вѣруй, истинна бо есть все; и азъ недостойный во іереехъ—Кирило Ивановичъ, на тотъ часъ будучи мнѣ уставникомъ при той церкви, огледахъ все очима своими и написахъ достовѣрно.

А сама церковь ввышки отъ земли до самого верху болшей бани—30 локотъ и 3 локти и чтверть локтя.

А въ то время въ томъ-же богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ быша служители святыхъ церквей, священницы: Василей матеребозскій, Мина притискій, Іоаннъ воскресенскій, Никита спаскій, Климентей наберезскій, Матвей доброникольскій, Михайло борисоглѣбскій, Климентей рождественскій и діяконъ Деміянъ. А вси тые вышеймененные священницы каждый недѣлю свою служили въ той церкви соборной святой Пречистое, за господаря короля Бога просили и за пана воеводу кіевского, и за ктиторовъ, и за всихъ православныхъ христіанъ; а оны за тое отъ господаря короля и отъ пана воеводы кіевского и отъ всихъ намѣстниковъ его тымъ были пожалованы тогда и в потомные часы, жебы отъ мятежныхъ и бурливыхъ на церковь Божю геретиковъ во вшелякомъ покою зоставали и мешкали и отъ вшелякихъ подачокъ, и наѣздовъ, и станцѣй (постоя) околичныхъ, и войскъ, и отъ самого пана воеводы, жебы были волны".

ПРАВОСЛАВНЫЙ МОНАСТЫРЬ И ЕГО УНІАТСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(*Къ исторіи сатановскаго монастыря подольской епархіи*).

Въ проскуровскомъ уѣздѣ подольской губерніи, на берегу рѣки Збруча, отдѣляющей русское Подоліе отъ австрійскаго, расположено мѣстечко Сатановъ. Въ двухъ верстахъ къ югу отъ мѣстечка находится древній свято-троицкій православный монастырь, называемый, по имени мѣстечка, сатановскимъ. Ни время его основанія, ни первоначальная исторія намъ неизвѣстны. Мы знаемъ только, что онъ существовалъ уже въ 1600 году, затѣмъ въ 1707 имъ завладѣли уніаты и только послѣ 1793 года онъ былъ возвращенъ въ православіе. Такихъ монастырей и церквей, которые получили свое начало во времена повсемѣстнаго въ южной Руси господства православія, переведены были въ унію, пережили ея мятежную судьбу и потомъ снова возвратились въ нѣдра православія,—найдется не мало на обширномъ пространствѣ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края Россіи, даже Холмщины и Подлясья; одинъ лишь яблочинскій монастырь, лежащій въ послѣднемъ, никогда не былъ въ уніи. Извѣстна каменная церковь св. Николая въ Замостьѣ, издревле православная, потомъ бывшая церковью уніатскаго базиліанскаго монастыря и мѣстомъ засѣданій памятнаго въ лѣтописяхъ уніи замостскаго собора 1720 г., а съ 1875 г. ставшая опять православною. Были даже деревянныя церкви, срубленныя еще до уніи, т. е. 1596 г., и пережившія всѣ бури уніи до послѣдняго времени. Одна изъ такихъ церквей находилась еще въ 1865 г. въ с. Бабицахъ, люблинской губерніи, съ 1847 г. ставшая вновь православною, другая тамъ-же въ м. Тарногродѣ, остававшаяся въ 1865 и послѣдующіе годы въ уніи. Обѣ замѣнены потомъ каменными, послѣдняя не доживъ до православія лишь нѣсколькихъ лѣтъ.

Наши православныя обители рѣдко ведутъ свои лѣтописи. Ихъ записи и архивы однообразны и скучны, какъ и самая ихъ жизнь, въ большей части строго подвижническая, иногда очень простая и грубая съ такими-же пороками. Обители уніатскія, постепенно устроившія свой бытъ по образцу польскихъ кляшторовъ, входили въ большее соприкосновеніе съ міромъ; ихъ представители усваивали пріемы лучшаго обращенія, пробирались въ панскіе дома, собирали вообще обильную жатву и жили съ большимъ удобствомъ и большею свободою, чѣмъ православные

ихъ собраты. Въ обителяхъ уніатскихъ водка замѣнялась венгерскимъ, рыба мясомъ; иноки уніатскіе держали постъ по очереди—одинъ за всѣхъ, изощряя вкусъ свой въ венгерскомъ, точали басни въ родѣ той, какъ волкъ былъ обреченъ судомъ обиженныхъ имъ крестьянъ на монашескую пищу,—ѣсть лишь то, что въ водѣ, и какъ потомъ, вытащивъ свинью изъ болота и попавъ на тотъ-же судъ, оправдывался въ такихъ выраженіяхъ: „przepraszam, panowie, nigdy nie byłem zakonnikiem, nie wiedziałem, co to jest ryba“.... (т. е. извините, господа; никогда я не былъ монахомъ и не зналъ, что такое рыба); измышляли огромныя рюмки безъ подставокъ съ оригинальнымя надписями: dogodzając ludzie odjęli mi nogę; więc ja lepiej im dogodzę, gdy odbiorę u nich obie“ (т. е. угождая мнѣ люди, лишили меня ноги; но я имъ лучше угожу, отобравъ у нихъ обѣ), вообще-же жили весело и игриво. Но и ихъ жизнь омрачаема была суровыми карами, способными напомнить сажаніе на колоду и „чепь“ и нещадный бой ремнями и плетьми въ обителяхъ православныхъ. Таковы сатанинскія кляузуры сатановскаго монастыря.

Эти немногія свѣдѣнія мы сочли нужнымъ предпослать исторіи сатановскаго монастыря, которая извѣстна только за время пребыванія его въ уніи. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ уніатскихъ игуменовъ, управлявшихъ сатановскимъ монастыремъ, Модестъ Сильницкій, въ 1770 году возъимѣлъ мысль вести монастырскую лѣтопись; для этого онъ собралъ всѣ преданія какъ среди братіи, такъ и у окрестныхъ старожиловъ о предшествовавшей судьбѣ монастыря и записалъ ихъ въ книгу въ видѣ введенія; затѣмъ какъ онъ самъ, такъ и его преемники вносили въ эту книгу по годамъ всѣ событія, относившіяся какъ къ жизни монастыря, такъ и къ судьбѣ ближайшей области. Лѣтопись продолжалась до 1793 года, на которомъ и прекращается. Такимъ образомъ уцѣлѣли свѣдѣнія объ исторіи сатановской обители почти за цѣлое XVIII столѣтіе. Въ настоящее время лѣтопись эта хранится въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ во Львовѣ (№ 2106); это небольшая книга in folio въ 56 листовъ сѣрой бумаги, писанная по польски нѣсколькими почерками конца XVIII вѣка и носящая слѣдующее заглавіе: „книга исторіи сатановскаго монастыря, ордена св. Василія, русской провинціи—сооружена 5 іюня, 1770 года“ [1]).

---

[1]) Xięga historji monasteru Satanowskiego, Z. S. Bazylego w prowincji Ruskiej—roku 1770, die 5 miesiąca Czerwca sporządzona.

Между листами лѣтописи въ книгу вставлены циркуляры провинціаловъ базиліанскаго ордена, рукописныя ихъ письма и распоряженія, а также копіи монастырскихъ документовъ; вставки эти составляютъ 17 листовъ, такъ, что только остальные 39 заняты собственно лѣтописью. Мы передадимъ вкратцѣ ея содержаніе, такъ какъ сообщаемыя ею извѣстія, помимо мѣстнаго интереса, представляютъ бытовыя черты для характеристики отношеній, существовавшихъ въ краѣ въ прошломъ столѣтіи.

Въ 1770 году монахи помнили, что старая церковь, деревянная, находилась у подножія горы, на которой стоитъ нынѣшняя каменная церковь; она была разрушена только въ 1744 году за ветхостью; на куполѣ ея былъ вырѣзанъ „1600 рокъ". Отъ старой церкви остались лишь прилегавшія къ ней, высѣченныя въ скалѣ пещеры. Во время турецкаго господства въ Подоліи (1672—1699) монастырь не переставалъ существовать и къ этому времени относится первое уцѣлѣвшее въ памяти монаховъ имя игумена—это былъ Исаія Рудыка, скончавшійся въ 1701 году; семьдесятъ лѣтъ спустя монахи указывали еще въ монастырскомъ саду посаженную имъ яблоню. Преемникомъ его былъ Сильвестръ, утонувшій въ рѣкѣ Збручѣ, о чемъ еще въ 1770 году свидѣтельствовала надпись на каменномъ крестѣ, стоявшемъ на его могилѣ на монастырскомъ огородѣ. Послѣ смерти Сильвестра уніаты завладѣли монастыремъ и первымъ уніатскимъ игуменомъ былъ Варѳоломей Холодискій, сынъ приходскаго священника сатановскаго предмѣстія: *„святопокровскіе фольварки"*. Во время одного изъ татарскихъ набѣговъ, отецъ Варѳоломея былъ обезглавленъ татарами въ церкви, во время отправленія литургіи; это обстоятельство потрясло сына и заставило его поступить въ монахи. Въ игуменство Холодискаго сатановскій монастырь посѣтилъ Петръ Великій. Возвращаясь изъ прутскаго похода, онъ гостилъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней въ сатановскомъ замкѣ у его владѣльца, великаго короннаго гетмана, Адама Сенявскаго. При посѣщеніи монастыря, царя встрѣтилъ весьма краснорѣчивою рѣчью іеромонахъ Іосифъ Чижевскій. Рѣчь его была прервана довольно страннымъ образомъ; къ оратору подкрался царскій шутъ, и обрѣзалъ ему бороду. Петръ приприкнулъ на шута и приказалъ вознаградить іеромонаха за обиду. Пострадавшій Чижевскій считался въ то время лучшимъ проповѣдникомъ базиліанскаго ордена; благодаря своему краснорѣчію, онъ имѣлъ большое вліяніе на гетмана Сенявскаго, у котораго

выхлопоталъ въ пользу сатановскаго монастыря дарственную запись на садъ, огородъ, 180 дней поля и 100 дней сѣнокоса (всего до 200 десятинъ), а также на право пользованія владѣльческимъ лѣсомъ.

Затѣмъ лѣтопись сообщаетъ, почти безъ всякихъ подробностей имена четырехъ игуменовъ: Леонтія Ординскаго родомъ изъ Гусятина, Моисея Стопчанскаго, служившаго долго въ чинѣ поручика въ панцырной хоругви Сенявскаго, на старости лѣтъ постригшагося въ монахи и внесшаго значительные вклады въ монастырскую кассу, Добржанскаго, изъ дворянъ теребовельской земли и Діонисія Вишньовскаго. Съ 1732 по 1762 годъ игуменомъ сатановскаго монастыря былъ Варлаамъ Савицкій, человѣкъ весьма дѣятельный и энергическій; на собранныя имъ пожертвованія построена была новая (понынѣ существующая) каменная церковь, оконченная въ 1744 году, затѣмъ выстроено новое каменное двухэтажное зданіе для монастыря, пріобрѣтено много церковной утвари, ризъ и т. д. Послѣ перехода Савицкаго игуменомъ въ первоклассный унеевскій монастырь, въ Сатановѣ былъ игуменомъ (1762—1765) Бонифатій Рыхловскій, но въ 1765 г. Савицкій уступилъ ему свое мѣсто въ Унеевѣ, а самъ возвратился въ Сатановъ, гдѣ и скончался въ 1766 году; погребенъ въ церкви у праваго клироса. Преемникомъ его былъ составитель лѣтописи Модестъ Сильницкій (1766—1771), успѣвшій впрочемъ записать за время своего игуменства только два болѣе крупныя событія: пожертвованіе въ пользу монастыря суммы въ 30,000 злотыхъ извѣстнымъ каневскимъ старостою, Николаемъ Потоцкимъ, и извѣстіе о чумѣ, свирѣпствовавшей въ Подоліи въ 1770 году. Зараза посѣтила и монастырь, въ которомъ жертвами ея пали 6 монаховъ и до 150 монастырскихъ крестьянъ. Послѣ перехода Сильницкаго въ Каменецъ, игуменомъ въ Сатановѣ былъ (1771—1772 г.) Анатолій Водлинскій; онъ очень подробно вносилъ въ лѣтопись описанія церковныхъ церемоній, циркуляры и распоряженія орденскаго базиліанскаго начальства, свѣдѣнія о пожертвованіяхъ, о посѣщеніяхъ монастыря знатными панами, о своихъ спорахъ съ управителями сатановскаго имѣнія и т. д.; но среди этихъ мелкихъ извѣстій мы не встрѣтили ничего особенно интереснаго. Преемникъ его Константинъ Улашевичъ (1772—1775) почти не оставилъ слѣда въ лѣтописи; послѣ его перехода игуменомъ въ люблинскій уніатскій монастырь, въ Сатановѣ сталъ игуменомъ Левъ Заславскій (1775—1777). При этомъ игуменѣ въ лѣтописи записанъ очень ха-

рактерный фактъ: на провинціальномъ съѣздѣ представителей базиліанскаго ордена рѣшено было избрать сатановскій монастырь мѣстомъ для вѣчнаго заточенія монаховъ, приговоренныхъ судомъ ордена къ погребенію за-живо; игуменъ внесъ въ лѣтопись копію присланной ему по этому поводу провинціаломъ инструкціи. Онъ долженъ былъ приготовить келью опредѣленныхъ размѣровъ въ концѣ монастырскаго корридора: устройство келіи, размѣры окна и желѣзной въ немъ решетки, устройство отхожаго отверстія въ стѣнѣ, составъ постели, одежды, бѣлья и пищи узниковъ опредѣлены въ ней съ кропотливою точностью. Вскорѣ оказалось, что келія была заказана не даромъ: въ 1775 году въ Сатановъ присланъ былъ, убѣжавшій изъ одного изъ уніатскихъ монастырей, іеромонахъ Филимонъ Витошинскій, впослѣдствіи арестованный и, по опредѣленію властей ордена, приговоренный къ пожизненному тюремному заключенію. 12 октября онъ былъ введенъ въ келію и, съ соблюденіемъ всѣхъ предписаній инструкціи, заживо похороненъ. Препровождая его въ келію, совершали погребальное богослуженіе и отпѣвали, какъ покойника; призванные игуменомъ каменьщики задѣлали двери кирпичною кладкою, оставивъ лишь маленькое отверстіе, черезъ которое узникъ долженъ былъ получать пищу и въ опредѣленные сроки исповѣдываться и причащаться. Изъ приложенной къ лѣтописи копіи приговора не видно, за какія проступки наказанъ былъ Витошинскій; въ приговорѣ указана только его самовольная отлучка изъ монастыря и прибавлена общая фраза о томъ, что вообще поведеніе его неисправимо („super incorrigibilitate vitae"). Послѣ акта погребенія, въ теченіи 18-ти лѣтъ лѣтопись умалчиваетъ о немъ совершенно; такъ какъ не внесено въ нее извѣстія ни о его смерти, ни о помилованіи, то можно предположить, что онъ дожилъ до 1793 года и, въ такомъ случаѣ, вѣроятно былъ освобожденъ при переходѣ края подъ власть русскаго правительства. Преемникомъ Заславскаго былъ игуменъ Амвросій Гнатовичъ (1777—1785), оставившій самыя подробныя замѣтки въ лѣтописи. Изъ помѣченныхъ имъ фактовъ болѣе интересны слѣдующіе: 1778 года произведенъ первый рекрутскій наборъ въ Галиціи (съ 1772 г. она присоединена была къ Австріи); въ томъ-же году 4 іюня громъ разрушилъ куполъ монастырской церкви; 1779 года сооружена серебрянная риза на образъ. Въ 1780 отлитъ новый колоколъ 38½ пудъ вѣсомъ; отливалъ его „мастеръ, людвисаръ (литейщикъ) въ Черномъ Островѣ, Василій Островскій". Въ сентябрѣ того-же года саранча налетѣла

изъ-за Днѣстра и зарылась въ землю въ Подоліи. Въ октябрѣ появилась въ Волочискахъ чума, завезенная туда изъ Балты. Весною 1781 года саранча развилась, ее стали очень усиленно уничтожать, но новыя массы ея пришли изъ-за Днѣстра и покрыли поля слоемъ „толщиною въ полъ колѣна". Она улетѣла на западъ, но въ августѣ возвратилась и вновь зарылась въ землю. Въ томъ-же году польскій король Станиславъ выѣзжалъ въ Вишневецъ на Волыни на встрѣчу наслѣднику русскаго престола, великому князю Павлу Петровичу, проѣзжавшему въ Вѣну. Въ 1782 г. въ Австріи закрыты были женскіе монастыри. Записано наконецъ, что Іосифъ II посѣтилъ Галицію, проѣхалъ на границу въ Жванецъ и оттуда осматривалъ мѣстоположеніе и укрѣпленія Хотина.

Подъ 1782 годомъ помѣщена интересная замѣтка о смерти каневскаго старосты: это тотъ извѣстный Николай Потоцкій, староста каневскій, который такъ прославился неукротимымъ самодурствомъ, жестокостью и развратомъ. Многочисленныя разсказы о подвигахъ „пана каневского", какъ называетъ его народъ, остались по нынѣ въ памяти всѣхъ сословій югозападнаго края, особенно въ Каневѣ и его окрестностяхъ. Староста каневскій поочередно то затворялся въ одинъ изъ уніатскихъ монастырей, гдѣ предавался особаго рода богомолію, соединяя аскетизмъ, кощунство и развратъ, то переселялся въ каневскій замокъ, и, окружившись слугами шляхтичами и надворными козаками, проводилъ время въ оргіяхъ, среди которыхъ стрѣлялъ въ цѣль въ людей, топталъ народъ лошадью, душилъ евреевъ, укладывая ихъ въ видѣ сноповъ на возы и придавливая до смерти „рублемъ" (шестомъ) и т. д. Одно изъ любимыхъ развлеченій его состояло въ томъ, что онъ приказывалъ похищать дѣвушекъ, вечеромъ вѣнчался на нихъ, а на другой день приказывалъ бросать ихъ въ рѣку, зашивъ въ кожаный мѣшокъ. Одинъ изъ такихъ подвиговъ послужилъ основою для прекрасной народной пѣсни: „Бондаривна". Въ старости панъ каневскій сталъ помышлять о будущей жизни и щедростью въ пользу монастырей католическихъ и особенно базиліанскихъ старался искупить грѣхи своей жизни. Упомянутая замѣтка характеризуетъ отношеніе къ нему облагодѣтельствованнаго имъ уніатскаго духовенства. Вотъ его текстъ: „скончался ясневельможный Николай Потоцкій, воеводичь белзскій, кавалеръ мальтанскаго ордена, вельможа, отличавшійся неимовѣрною щедростью въ пользу монастырей, особенно нашихъ (т. е. уніатскихъ), находящихся въ Польшѣ. Отъ

его щедротъ и нашъ сатановскій монастырь получилъ значительную поддержку—капиталъ въ 30,000 злотыхъ. Вельможа этотъ, проживъ 76 лѣтъ, переселился въ вѣчность 13 дня апрѣля въ Почаевѣ, гдѣ онъ былъ неимовѣрно щедрымъ ктиторомъ и основателемъ монастыря. Всѣ ордена и монастыри, особенно-же наши, неимовѣрно о немъ сожалѣютъ и за его многочисленныя благодѣянія обязаны вѣчной благодарностью и должны неусыпно молиться о душѣ его. Погребенъ онъ въ Почаевѣ съ должнымъ благолѣпіемъ при стеченіи многочисленныхъ духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ двухъ епископовъ, украсившихъ своимъ присутствіемъ погребальную церемонію: луцкаго уніатскаго епископа е. м. Стецкаго, и латинскаго викарнаго епископа Качковскаго. Надгробныя рѣчи говорили священники: Порфирій Скарбекъ-Важинскій, бывшій генералъ базиліанскаго ордена, нынѣ архимандритъ жидичинскій и Іосафатъ Охоцкій, нареченный архимандритъ овручскій. Въ нашемъ монастырѣ, помимо поминальнаго богослуженія, обязательнаго какъ за ктитора, отправленъ былъ парастасъ и соборное служеніе всею братіею. Колокола неумолкаемо звенѣли въ теченіи цѣлой недѣли".

Послѣ перевода Гнатовича игуменомъ въ Мильчъ, въ Сатановѣ должность игумена занялъ Ипатій Кухальскій (1785—1788). Многочисленныя зависи, внесенныя имъ въ лѣтопись, посвящены почти исключительно подробностямъ его спора съ управляющимъ сатановскимъ имѣніемъ, только подъ 1786 годомъ помѣчена кончина генерала базиліанскаго ордена, Іосифа Моргульца, а подъ 1788 свѣдѣніе о взятіи Хотина русскими и австрійскими войсками. Въ заключеніе Кухальскій помѣстилъ польское двустишіе и латинскій къ нему комментарій слѣдующаго содержанія:

Dzban gdy wypił wieczorem, rano bolał Janek;
Wolałby sto wieczorów niźli jeden ranek.
Mihi hoc applicui P. Hypatius Kuchalski

(Ваня, выпивъ вечеромъ кувшинъ, утро проболѣлъ!
Предпочелъ-бы онъ сто вечеровъ утру одному.
Это я примѣняю къ себѣ—Ипатій Кухальскій).

Преемникомъ этого веселаго игумена былъ Онуфрій Тучанскій (1788—1793). При немъ, подъ 1793 годомъ, записано, что 4 апрѣля русскій капитанъ Ильинъ пріѣзжалъ въ монастырь приводить монаховъ къ присягѣ на вѣрвость императрицѣ Екатеринѣ II,

а 16 іюня того-же года назначенъ былъ въ Сатановскій монастырь новый игуменъ Бенедиктъ Орачевскій. На етомъ извѣстіи и прекращается монастырская лѣтопись. В. А.

КОМПАНЕЙСКІЯ ИГОЛКИ.

Подъ этимъ заглавіемъ помѣщаемъ любопытный универсалъ, объявляющій полкамъ малороссійскимъ, что, въ силу Высочайшаго указа, монопольное право продажи иголокъ въ Малороссіи, подобно какъ и въ другихъ областяхъ государства, пожаловано товариществу рязанскихъ купцовъ: Томилина и Рюмина. Документъ выписанъ изъ подлинной книги генеральной войсковой канцеляріи за 1722 годъ;— сообщаемъ текстъ его съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

„Пану полковникови N, старшинѣ его полковой, сотникомъ и всѣмъ градскимъ и селскимъ урядникамъ, и кому-бы колвекъ вѣдати надлежало, симъ универсаломъ нашимъ ознаймуемъ, ижъ принесена до насъ Монаршая, всепресвѣтлѣйшого Императорского Величества грамота з государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи, на имя еще покойного ясневельможного его милости пана гетмана Скоропадского писанная, з тимъ обявленіемъ, что Его Императорское Величество указалъ компанѣйщикамъ: Сидору Томилину и Панкрату Рюмину въ россійскомъ своемъ государствѣ, въ уѣздѣ рязанскомъ, или гдѣ похотятъ, розмножити иголний заводъ и оніе игли во всей Его Величества державѣ продавати одни; а другихъ з заграницы и з иншихъ порубѣжныхъ мѣстъ отнюдъ не вивозити под запрещеніемъ взятя тихъ иголъ в казну и зверхъ того наложеніемъ великого штрафа. А поневаж помянутий компанѣйщикъ, Сидоръ Томилинъ, в государственную бергъ-коллегію подавалъ таковое доношеніе, что хоча именнимъ Его Императорского Величества указомъ запрещено игли з иностранныхъ государствъ привозити, однакъ многіе тотъ Императорскій Его Величества указъ презрѣвши, з Гданска и з Шліонска [1]) и з протчіихъ порубѣжныхъ мѣстъ в Россію и через малороссійскіе города отъ Азова в черкаский городъ игли тайно привозять и въ продажу потребляют, от чего ихъ, компанѣйщиковъ, россійского дѣла игламъ продажи нѣтъ, и черезъ тое

---

[1]) Изъ Данцига и изъ Силезіи.

имъ немалая ест остановка и убитокъ, того ради Его Императорское Величество, яко повелѣлъ везде в государствѣ своемъ, и до насъ в Малую Россію одправити Монаршіе свои укази, чтобы такихъ иголъ разных чиновъ люде з зарубѣжа не привозили, но всеконечно покупали-бы оные россійского дѣла, в вѣдомѣ предречоныхъ компанѣйщиковъ будучого. Такъ мы, на мѣстцу гетманскомъ правленіемъ всяких россійских дѣлъ нынѣ вѣдаючые, довлетворачи тому премощнѣйшому Его Императорского Величества указовѣ, и по оному во всѣ полки надлежащіе наши унѣверсали одправивши, предлагаемъ симъ-же универсаломъ и в полкъ N. И вишеизображеннымъ монаршимъ указомъ всякимъ торговимъ и гандлями бавлячимъся людемъ, якіе в томъ полку N суть: з заграницъ иголъ от сего времени вивозити весма запрѣщаемъ, а вмѣсто оныхъ в Малую Россію ввозити-бъ и продавати игли россійского дѣла, которые дѣлаются на заводах вище обявленыхъ компанѣйщиковъ. А хто з нихъ, торговниковъ, до сего настоящого указу вывозние з заграници имѣетъ у себе игли, тимъ на спродане оныхъ даетъся сроку, в той-же Монаршой грамотѣ означонного, на полгода; ежели-жъ и в полгода будутъ неспроданы, то послѣ того сроку оніе игли торговимъ малороссійскихъ городовъ промишленникамъ вивезти за границу или тыхъ-же заводовъ компанѣйщикамъ: Томилину и Рюмину продати; самимъ зась имъ, по вийстю полрочного сроку, отнюд уже чужосторонними иглами не торговать под штрафомъ. А если хто по нынѣшнему явиться впред в преступленіи, таковый всякъ, узнавши якую за тое себѣ непомислност и страту, не отговорувалъся невидѣніемъ оного указу; чого ради, абы панъ полковникъ N зараз в полку своемъ сей универсалъ наш везде опублѣковалъ и о собитыи выраженного в нем Монаршого Его Императорского Величества указу тщательное имѣлъ и подкомендной своей старшинѣ приказалъ имѣти должное прилѣжаніе, пилно жадаемъ. Данъ в Глуховѣ з войсковой енералной канцеляріи, августа 15 дня, року 1722.

Звышь менованный полковникъ и наказній гетманъ (Павелъ Полуботокъ) рукою власною (М. П.).

Войсковий енералний писар Семенъ Савичъ.

Василій Жураковский, асаулъ енералный".

„ПОКРЫТКА“.

Это имя въ нашемъ народѣ носитъ женщина, утратившая свою дѣвичью честь и которой вслѣдствіе того покрываютъ голову платкомъ, какъ и прочимъ замужнимъ женщинамъ. Не какъ о лицѣ хотимъ мы сказать здѣсь о „покрыткѣ“, но какъ объ обычаѣ народномъ, который связанъ съ этимъ именемъ,—обычаѣ мудромъ, благодѣтельномъ, прежде повсемѣстномъ, теперь утрачивающемъ свою силу, отживающемъ свой вѣкъ, подъ вліяніемъ новыхъ измѣненій въ жизни народной.

„*Покрытка*“, „*скрытка*“, „*накрытка*“—одинъ изъ обыкновенныхъ бытовыхъ терминовъ въ южнорусскомъ народѣ и ни въ комъ онъ не вызываетъ особаго осужденія или презрѣнія. Это не значитъ, что бы и самое явленіе, имъ обозначаемое, было обыкновенно и такъ сказать заурядно. Относительное цѣломудріе малороссіанокъ, строгость народныхъ воззрѣній на святость брачнаго союза и преступность всякихъ иныхъ отношеній двухъ половъ—слишкомъ извѣстны, чтобы объ нихъ говорить; но жизнь мирится съ случаями вольнаго и невольнаго увлеченія, беретъ виновныхъ, падшихъ, несчастныхъ подъ свою опеку и только отмѣчаетъ ихъ особымъ способомъ—„скрываньемъ“ или „покрываньемъ“, дабы отвратить другихъ отъ такого-же увлеченія, а самихъ виновныхъ отъ болѣе тяжкой вины и ея ужасающихъ послѣдствій.

Обычай, о которомъ говоримъ, требуетъ покрытія платкомъ головы той „дівчины“, которая имѣла несчастье „прошкодить“, „прогрішить“, т. е. лишиться невинности. Это прежде всего знакъ того, что виновная въ потерѣ дѣвичьей чести недостойна носить названія дѣвушки и должна примкнуть къ разряду замужнихъ женщинъ, но подъ особымъ имеменъ „покрытки“. Коса—честь, краса дѣвушки, по народному воззрѣнію; и по Апостолу „*власы жены—слава ей*“ [1]). И вотъ эта честь, краса и слава „*скрывается*“, по винѣ прогрѣшившей. Самый обрядъ „скрыванья“ совершается скоро и просто. Въ селѣ не то, что въ городѣ: тутъ жизнь каждой и каждаго открыты для всѣхъ и каждый шагъ ихъ извѣстенъ. Когда станетъ извѣстнымъ, что какая-либо дѣвушка утра-

[1]) 1-е Коринѳ., гл. II, ст. 15.

тила свою честь, двѣ или болѣе степенныя (пожилыя) женщины приходятъ къ ней и, объявивъ ей ея вину, тутъ-же „скрываютъ“ ее, т. е. повязываютъ голову по замужнему [1]). Сила нравственнаго чувства и закона такъ велика, такъ глубоко пустила корни въ народѣ, что подъ вліяніемъ ихъ виновныя въ потерѣ своей невинности иногда сами спѣшатъ себя покрыть, прежде, чѣмъ исполнятъ это другіе. „Якъ прошкодила я“, объясняла одна изъ такихъ своей подругѣ,—„сама себе покрыла“.

Обычай этотъ оглашаетъ новое воздѣйствіе жизни и въ этомъ-то оглашеніи вся мудрая сила его къ предупрежденію дальнѣйшихъ послѣдстій преступленія.

Дѣвушка, или, по совершеніи обряда, „покрытка“ не выдѣляется изъ семьи, или дома, гдѣ до того находилась; она продолжаетъ свою обычную жизнь и только называется покрыткою. Надъ ней посмѣются, ее при случаѣ попрекнутъ, не выйдетъ она на „улыцю“, не пойдетъ на „вечерници“, сама съ собой потужитъ, помучится стыдомъ и угрызеніями совѣсти и терпѣливо будетъ ждать того, что должно послѣдовать неизбѣжно. Ничто уже не предрасположитъ ее къ мысли о сокрытіи плода, а тѣмъ болѣе дѣтоубійствѣ. И то и другое становится для нея безцѣльнымъ, да и не можетъ она посягнуть на подобный рискъ;—за нею всѣ слѣдятъ, она оглашена въ своемъ поступкѣ, объ немъ предъувѣдомлено все село, какъ о совершившемся фактѣ. Ея пригнетенное положеніе заранѣе предрасполагаетъ въ ея пользу, привлекаетъ къ ней состраданіе, участіе. Стыдъ и нравственное угнетеніе не настигаютъ ее внезапно *въ моментъ родовъ*, — доводя до преступленія, но гораздо раньше, не въ такихъ тяжкихъ условіяхъ, потому сами собою притупляются, или смягчаются участіемъ—готовымъ ко времени родовъ. И второе слѣд. обстоятельство, вызывающее на преступленіе,—*безпомощность* также преграждается. Не то въ другихъ народностяхъ: подъ угнетающимъ давленіемъ беременности какъ часто видимъ гибель двухъ существъ, выкидыши и смерть роженицы! Благоговѣемъ предъ симъ мудрымъ обычаемъ! Благоговѣютъ предъ нимъ

---

[1]) Въ предѣлахъ поселенія южнорусскаго народа есть мѣстности, гдѣ повязываютъ головы и замужнія и не замужнія женщины, но неодинаково: какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ повязка чалмою,—по турецки, но у дѣвушекъ средина головы, *макушка*, открыта и волоса видны; когда „скрываютъ дівчину“, то завязываютъ голову „пидъ листокъ“, т. е. макушку головы также покрываютъ.

и сами „прогрѣшившія“ и, какъ сказано уже, сами добровольно подчиняются иногда его силѣ и дѣйствію.

Невольно припоминается намъ при этомъ картина подобнаго жизненнаго явленія, начерченная украинскимъ пѣснотворцемъ Т. Г. Шевченкомъ въ его поэмѣ „Катерина“ также просто, какъ просто оно проходитъ въ народной жизни.

.... Не счулася, та-й байдуже,
Катрусю накрыли!...

И потомъ

Не здужае Катерина,
Ледви, ледви дыше...
Вычуняла, та въ запичку
Дытыну колыше!...

(Кобз. стр. 26 и 27).

Обычай „скрыванья“, какъ и прочіе, съ поглощеніемъ живаго обычнаго права схоластикою, буквою суда, самъ собою падаетъ. Нельзя не пожалѣть о семъ. Чтобы понять мудрость и благодѣтельную силу этого обычая, надо присутствовать при судебно-медицинской криминалистикѣ. И теперь видится мнѣ торжественно-печальная нравственная исповѣдь одной провинившейся (себежскій уѣздъ, витсб. губ.), когда она повинялась во грѣхѣ и присутствующихъ при слѣдствіи молила: „*простите мене, добрі люди, простите*“, на всѣ четыре стороны кланяясь и у ногъ падая!

Ст. фонъ-Носъ.

ИЛІЯ ЧОВПИЛА, БѢСАМЪ ВЪ СЛУЖБУ ЗАПИСАВШІЙСЯ.

(Изъ области народныхъ суевѣрій).

Не знаемъ, уцѣлѣло-ли еще гдѣ-либо въ нашемъ народѣ древнее суевѣріе, считавшее возможнымъ войти въ ближайшее сношеніе съ нечистою силою и пріобрѣтать ея содѣйствіе цѣною записи во власть оной собственной души и тѣла. Нужда и безпомощность людская породили это дикое суевѣріе и держали его долго въ средѣ нашего, какъ и другихъ народовъ. Тамъ, гдѣ теперь и самый простой человѣкъ раскинетъ своимъ умомъ и поможетъ своей бѣдѣ, въ прежнее время не видѣли другаго средства, какъ записаться чорту съ душею и тѣломъ,—совершенный контрастъ *обѣтамъ* Богу и святымъ у людей вѣрующихъ.

Въ дѣтствѣ мы слышали, какъ неясное уже преданіе, разсказъ о фактѣ подобнаго суевѣрія. По этому преданію, желавшій пользоваться услугами сатаны, дѣлалъ себѣ надрѣзъ на мизинцѣ, своею кровію записывалъ на клочкѣ бумаги во власть его свою душу и тѣло или только душу, на срокъ или на всю вѣчность, выходилъ съ этой запиской на перекрестокъ или кладбище, призывалъ трижды имя бѣса и, бросая въ воздухъ записку, быстро уходилъ. Съ того момента, по повѣрью, все ему удавалось. что-бы онъ ни задумалъ.

Въ наше время фактъ подобнаго суевѣрія не привлекъ-бы вниманія даже урядника или иной сельской власти. Не то было лѣтъ сто назадъ или немного болѣе: о такихъ случаяхъ велась переписка, доходившая до высшихъ властей, виновные подвергались продолжительному суду и заключенію и тяжелымъ наказаніямъ. Извѣстны суровыя мѣры Петра I-го противъ чародѣйства, колдовства и вообще суевѣрій, даже вѣры въ ложныя чудеса,— простиравшіяся на лѣвобережную Украйну. Законодательство польское, дѣйствовавшее въ остальныхъ частяхъ южной Россіи, относилось къ такимъ явленіямъ народной жизни еще съ большею жестокостію: уличенные напр. въ колдовствѣ сожигались живьемъ и намъ извѣстны изъ архивныхъ дѣлъ два такіе случая изъ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Архивы лѣвобережные переполнены дѣлами о судившихся за суевѣрія. Вотъ отрывокъ изъ одного такого дѣла первой половины XVIII в.

„Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійскія изъ святѣйшаго правительствующаго сѵнода во обрѣтающуся въ Глуховѣ войсковую генеральную канцелярію.

По указу ея императорскаго величества святѣйшій правительствующій сѵнодъ слушали доношенія преосвященнаго Рафаила, архіепископа кіевскаго о содержащемся въ полковомъ лубенскомъ секвестрѣ полковника лубенскаго Петра Апостола служителѣ Илье Човпилѣ, записавшемся кровію своею князю бѣсовскому и всѣмъ бѣсомъ въ службу с душею и тѣломъ на тридесять лѣтъ, и пріобщенной с того его своеручнаго писма и произведеннаго ему въ полковомъ лубенскомъ судѣ о томъ допросу копіи, из коего допросу показуется, что онъ объ ономъ отвѣтствовалъ весма несправедливо. Приказали: онаго Илью Човпила из вышереченнаго полковаго суда, для надлежащаго в пополненіе с подобающимъ о показаніи самыя истинны увѣщаніемъ допроса, и по нему со всякимъ испытаніемъ изслѣдованія и учиненія, какъ святыхъ

ЗАПОРОЖСКОЕ РАСХИЩЕНІЕ.

(Двѣ пѣсни о томъ, кому достались запорожскія земли).

Извѣстно запорожское разсѣяніе, едва-ли извѣстно запорожское расхищеніе. Никто не можетъ назвать уничтоженіе Запорожья безвременнымъ: оно сослужило свою славную, вѣковую службу, но отжило свой вѣкъ, стало анахронизмомъ. Формы его быта не согласовались съ новымъ развитіемъ жизни, само оно утратило свой исключительный духъ; наступали событія, которыя самое существованіе его дѣлали излишнимъ. Оно должно было или измѣнить свой строй и бытъ, или быть уничтожено. Совершилось послѣднее, и нѣтъ въ томъ исторической ошибки или неправды. Иное дѣло судьба упраздненныхъ рыцарей и ихъ земель, унитанныхъ ихъ же кровію. Послѣдній сѣчевой атаманъ Калнишевскій попадаетъ въ Соловки и тамъ томится до глубокой старости, а Запорожье, какъ поется въ первой изъ помѣщаемыхъ пѣсенъ, плачется на него за свое разоренье и безсильное въ своей судьбѣ питаетъ надежду на короля Польши, также доживавшей послѣдніе годы свои. Разоренные въ своемъ гнѣздѣ сѣчевики разбрелись, куда могли и хотѣли — въ Украйну, Турцію и даже Австрію, а земли ихъ раздѣлили „паны сенатори, пребольшіи генерали", такъ что оставшіеся на мѣстѣ и вновь сформированные Потемкинымъ запорожцы, сослуживъ послѣднюю службу во вторую турецкую войну, не имѣли уже и клочка земли и съ немалымъ трудомъ выпросили себѣ пустынную и болотистую Тамань. На земли и не настолько свободныя, какъ бывшія запорожскія, всегда были охотники. Вкушеніе отъ казеннаго пи. рога, хищеніе не новость для насъ. Такъ было съ Бѣлоруссіею, такъ сталось и съ Запорожьемъ. Вскорѣ мы надѣемся представить болѣе обстоятельныя по этому предмету свѣдѣнія, а теперь приводимъ пѣсни, вѣрно воспроизводящія минувшую дѣйствительность.

I.

Та-же не світъ, та-же не світъ,
Та-же не світае,
Та хитрый москаль запорожську землю
А кругомъ объізжае.

Та объіхавши запорожську землю,
Ставъ степъ межувати,
Ой ставъ городи, панськи слободи
По річкахъ сажати.

—

Ой обсадивши панськи слободи,
Та не буде владіти,
Ой очисте Кроль сюю Украину
А по саму линію.

—

Та летить крячокъ—по той бочокъ,
Та летячи кряче,
Та уже військо запорожське
На Калниша плаче.

II.

Ой з-підъ города Елисавета
Сизі орли вылітали,
Ой стали собиратись паны сенатори
Пребольшіи генерали.
Вони думали-гадали:
Ой якъ-бы намъ панамъ сенаторамъ
Запорожську землю взяти,
Ой якъ-бы намъ, ой якъ-бы намъ
Всі волости одибрати.
Ой якъ одибрали всі волости запорожськи
Зачали на планы ділиты.
Ой Січь мати, ой Січь мати,
Та въ Січи добре жити,
Ой тильки спати, спати та лежати
Та горілочку кружати. *)

Сообщ. **И. Манжура.**

---

*) Обѣ пѣсни записаны въ с. Богатой ново-москов. уѣзда, екатеринослав. губ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ПРИЛОЖЕНІЯ.

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ „Кіевской Старины" фототипный снимокъ съ старинной гравюры представляетъ намъ зданіе кіевской академіи и группу ея питомцевъ, — „спудеевъ", какъ они тогда назывались. На гравюрѣ не означены ни время, ни мѣсто ея изданія; но первое опредѣляется временемъ управленія академіею того лица, для котораго гравюра была предназначена и относится къ промежутку 1697—1702 г., а второе именемъ ея автора Иннокентія Ширскаго, лучшаго изъ кіевскихъ граверовъ XVII в., монаха ордена св. Василія В. [1]).

Эта драгоцѣнная въ археологическомъ отношеніи гравюра нѣсколько лѣтъ назадъ отыскана кіевскимъ каѳедральнымъ протоіереемъ П. Г. Лебединцевымъ на одной изъ старыхъ латинскихъ книгъ софійской библіотеки, которыхъ покоя, за ненадобностію ихъ, никто не тревожилъ, и въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ была фотографирована для любителей мѣстной старины; одинъ экземпляръ ея достался и церковно-археологическому музею при кіевской духовной академіи. Но фотографическій снимокъ не давалъ вполнѣ отчетливаго представленія обо всѣхъ деталяхъ гравюры; — потребовалось много усилій и осторожности, чтобы очистить гравюру отъ многолѣтнихъ наслоеній и получить ее въ настоящемъ ея видѣ.

Гравюра грубымъ способомъ была наклеена на толстой обложкѣ книги *in folio*, подъ заглавіемъ: *Arbor omnium opinionum moralium* (нѣчто въ родѣ нравственной философіи), составленной медіоланскимъ кармелитомъ XVII в. Кассіаномъ и посвященной тридентскому епископу Іосифу Виктору Альберти, а изданной въ Болоньѣ въ 1691 г. Появленіе на ней гравюры можно объяснять простою случайностью: кто-нибудь наклеилъ ее для лучшаго сбереженія; но можно допускать, что самъ Щирскій, поднося ректору тогдашней кіевской академіи, Петру Колачинскому, въ день его рожденія, указанное сочиненіе, имѣвшее вѣроятно, интересъ новости и авторитета въ наукѣ, приложилъ къ нему и гравированное имъ изображеніе академіи. Такъ думать остается, за неимѣніемъ какихъ-либо указаній на другое, самого-

---

[1]) Такъ назывались не одни уніатскіе, но и православные монахи XVII и XVIII ст:

ли Щирскаго, или инаго автора сочиненіе, къ которому эта гравюра была-бы приложена. Что гравюра изготовлена какъ подарокъ ко дню рожденія ректора, это прямо сказано въ подписи. Принадлежалъ-ли Щирскій къ составу академіи, неизвѣстно; но его близость къ ней и сочувствіе очевидны изъ всего содержанія гравюры и подписи на ней. Композиція гравюры довольно сложная и требуетъ нарочитаго разъясненія.

На первомъ планѣ въ гравюрѣ—группа студентовъ академіи, стоящихъ впереди новаго тогда, только что отстроеннаго Мазепою, зданія академическаго. Стоятъ они подъ знаменемъ, водруженнымъ на гербѣ ректора Колачинскаго, а знамя держитъ Паллада или Мниерва—богиня мудрости. На обширномъ знамени, покрывающемъ собою академію, изображенія трехъ святыхъ, а вверху ихъ эмблемы отличающихъ каждаго изъ нихъ добродѣтелей и вмѣстѣ главныхъ христіанскихъ добродѣтелей. По срединѣ апостолъ Петръ, патронъ славнаго митрополита Петра Могилы, основателя академіи, съ лѣвой стороны преподобный Прокопій Декаполитъ, съ правой св. мученикъ Прокопій, — соименники и патроны тогдашняго ректора академіи Прокопія Колачинскаго. Надъ первымъ вѣнокъ съ видомъ скалы, обуреваемой волнами, и подписью: *non praevalebunt, не одолѣютъ*, — символъ вѣры, твердой, какъ каменная скала; надъ вторымъ—въ вѣнкѣ якорь, символъ надежды или упованія, съ надписью: *non movebor, не двинусь;* надъ третьимъ опять вѣнокъ, а въ срединѣ его пламя и простирающій къ нему руки человѣкъ, — эмблема всесогрѣвающей любви, съ надписью: *accedunt, dum extingvunt, приступаютъ пока не потушатъ.* Вверху знамени, Тройца святая, источникъ названныхъ добродѣтелей; внизу его двѣ надписи, указывающія на воинствующее положеніе академіи, боровшейся съ римскою куріею въ лицѣ Польши и уніи, и на ея безопасность подъ изображеннымъ знаменемъ. Справа значится: *Cur aquilas tollis! tollis quid Roma leones! зачѣмъ дразнить орловъ? зачѣмъ, о Римъ, будишь львовъ?* (т. е. эти молодыя, народныя силы въ лицѣ студентовъ, будущихъ воителей, во славу народа); слѣва слѣдуетъ: Tufior hoc Signo Mohila Pallas erit, т. е. подъ этимъ знаменемъ могилянская Минерва (академія, храмъ науки) будетъ безопаснѣе.

Находящаяся подъ картиной подпись объясняетъ ея назначеніе и происхожденіе и еще болѣе доказываетъ ея внутренній, глубоко-патріотическій замыселъ. Приведемъ ея текстъ, нѣсколько

поврежденный на самой гравюрѣ, но возстановленный нами по смыслу рѣчи и уцѣлѣвшимъ частямъ буквъ и словъ.

Labarum triumphale Triados, trino virtutum theologicarum choro, per divinissimos tutelares adumbrato illustre, sub signis Almae orthodoxae Kiiowo-Mohylanae Palladis militantibus praefixum, ac natales reverendissimi in Christo patris Procopii Kołaczyński ejusdem almi orthodoxi collegii rectoris emeritissimi intra ferias a divinctissimo suo nomini Innocentio Szczyrski, monacho O(rdinis) D(ivi) B(asilii) praesentatum.

Торжественное знамя Тройцы, славное хоромъ трехъ богословскихъ добродѣтелей, осѣненнымъ божественными покровителями, водруженное впереди воинства, собраннаго подъ стягомъ православной кіево-могилянской Паллады—кормилицы, преподнесенное въ день рожденія высокоуважаемаго отца во Христѣ, Прокопія Колачинскаго, ректора этой православной коллегіи—кормилицы, преданнѣйшимъ ему Иннокентіемъ Щирскимъ, монахомъ ордена св. Василія.

Сказавъ все, что слѣдовало, подноситель, увлеченный своимъ презентомъ, его завѣтною основною мыслію, *злобою* такъ сказать тогдашняго дня, еще разъ возвращается къ излюбленному сюжету картины, спрашиваетъ и отвѣчаетъ слѣд.:

Quae vexilla micant? tonat et quis classica mavors?

Est labarum Triados, dant cui signa tua: Spes, Amor, Fides, referunt quas stemmate Divi.

Sub quis Rossiadum proelia Pallas agit.

Какія знамена развѣваются? Какой богъ войны подаетъ сигналъ на трубѣ?

Это знамя Тройцы, отмѣченное твоими символами, Богомъ вѣнчанными: Надеждою, Любовію, Вѣрою.

Подъ стягомъ ихъ сражается Россійская Паллада.

Это изображеніе поистинѣ народнаго и всенароднаго храма науки (академія тогда не была сословною, какъ теперь, но всесословною), это воспроизведеніе воинствующаго народа, отстаивающаго свою вѣру и самобытность и всю надежду и спасеніе свое полагающаго въ образованіи, освѣщаемомъ, согрѣваемомъ и укрѣпляемомъ христіанскими добродѣтелями, эти лучшіе его представители, его цвѣтъ, краса, надежда и утѣха, эти орлы и львы, которыхъ опасно затрогивать, эти типы, живьемъ выхваченные изъ народной жизни, эти питомцы матери-кормилицы и сама эта

Alma Mater—все это полно самаго высокаго интереса, самаго глубокаго смысла. Да, это вполнѣ живое и живущее учрежденіе, сознающее свою связь съ народомъ, свое назначеніе, свое положеніе, свою крѣпость и силу. И посмотрите, съ какимъ достоинствомъ и сознаніемъ своихъ силъ стоятъ эти спудеи и какъ отразились въ нихъ народное настроеніе и характеръ. Судить легче по первому изъ нихъ, болѣе очерченному, выдающемуся. Высокій, стройный, широкоплечій, поза нѣсколько искуственная, но граціозная: онъ отставилъ одну ногу впередъ, правую руку заложилъ за поясъ, придерживая платокъ, въ лѣвой держитъ отороченную барашкомъ шапку, едва способную прикрыть горячую голову; на немъ кунтушъ, какой носили тогда зажиточные классы, туго подвязанный поясомъ, сверху кирея, слегка накинутая, застегнутая на пряжки, голова высоко подстрижена, если даже не подбрита. И такъ у всѣхъ; у иныхъ—усы, а бороды, конечно, брились.

Зданіе?—Оно только-что отстроено, вмѣстѣ съ церковію, гетманомъ Мазепою: нижній этажъ каменный, верхній деревянный, въ обоихъ галлереи; крыша черепичная, на ней три башни. Нижній этажъ существуетъ и доселѣ, верхній снесенъ митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ, а въ замѣнъ его построенъ каменный съ прекрасною колоннадою, къ сожалѣнію, заложенною въ недавнее время дня устройства помѣщенія библіотеки.

Настоящій снимокъ объясненной гравюры—фототипія, около половины величины оригинала.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ ХАРЬКОВѢ

ВЫХОДИТЪ

ежемѣсячный политическій, литературный, научный и экономическій журналъ

„МИРЪ“

по слѣдующей, утвержденной правительствомъ, программѣ:

1. Статьи по различнымъ отраслямъ знанія, имѣющія своей задачею, въ доступной формѣ, знакомить читателей съ текущими вопросами и пріобрѣтеніями въ области наукъ.

2. Внутреннее и иностранное обозрѣніе главнѣйшихъ явленій политической и общественной жизни.

3. Экономическая, земская и промышленная хроника, преимущественно по отношенію къ югу Россіи.

4. Словесность: романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія и другія произведенія литературы русской и въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ.

5. Обозрѣніе текущей литературы русской и иностранной (критика и библіографія).

6. Смѣсь: корреспонденціи и другія сообщенія касательно текущей жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ.

7. Справочный отдѣлъ и объявленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: М. М. Алексѣенко (проф.), С. Я. Бѣликовъ, Н. Василенко, Кн. Н. Волконскій, К. Гаттенбергеръ (проф.), Даневскій (проф.), Е. Дубровина, Ѳ. Зеленогорскій (проф.), В. Кандинскій, А. И. Кирпичниковъ (проф.), В. Лашкевичъ (проф.), А. Лебедевъ (проф.), М. Неручевъ, А. Орловскій, Л. Павловичъ (проф.), Н. Сумцевъ, Ценковскій (проф.), А. П. Шимковъ (проф. и редакторъ журнала), Г. Юрко и мног. др.

Въ вышедшихъ трехъ книжкахъ журнала (октябрь, ноябрь и декабрь 1881 года) „Миръ“, составляющихъ I томъ (болѣе 45 листовъ, до 800 стр.), помѣщены, между прочимъ, слѣдующія произведенія:

„Въ болотѣ“, сцены изъ жизни провинціальнаго захолустья, въ пяти дѣйствіяхъ, Г. Юрко.—„Поздняя любовь“, повѣсть А. Орловскаго.—„Юнкеръ Дубяга“, разсказъ Г. Юрко.—Дорогая партія на билліардѣ, разсказъ Альфонса Доде.—„Кто виноватъ?“ эскизъ А. Д-иной.—„Чаша переполнилась“, разсказъ Г. Шаллямель.—„Раздвоенное сердце“, разсказъ П. Гейзе.—„Роковая ссора“, разсказъ Линдау.—„Два креста“, повѣсть Конрада Мейера.—„Благодатный край“, кн. Н. Волконскаго.—„Реформа гражданскихъ законовъ“, Ст. Бѣликова.—„Реально-психологическая политическая экономія“, Г...—„Положеніе сельского хозяйства въ харьковскомъ раіонѣ“, Л. Павловича.—„Къ вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей“, М. Неручева.—„Вечерницы“, культурно-историческій очеркъ, Н. Сумцова.—„Современный монизмъ“, популярно-философскій этюдъ Виктора Кандинскаго,—„Запасы энергіи въ природѣ“, А. Шимкова.—„О товариществахъ земледѣльцевъ“, Н. В-нко.—„По поводу высшаго техническаго училища въ Харьковѣ“, П.—„Политическая проза“, Рейнбота.—„Церковныя отлученія“ въ бѣлогородской эпархіи въ XVIII вѣкѣ. А. Лебедева.—„Памяти Н. И. Пирогова“, W. —„Податная реформа и земская статистика“, М. А.—Внутреннія обозрѣнія.—Литературная хроника.—Библіографія.—Корреспонденціи.—Смѣсь и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки.	*Съ доставкою.*	*Съ пересылкою.*
Годъ	10 р. — к.	11 р. 50 к.	12 р. — к.
Полгода	6 „ — „	7 „ — „	7 „ 50 „
Четверть года . .	3 „ — „	3 „ 50 „	4 „ — „

ПРИ ПОДПИСКѢ НА ГОДЪ ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА

для иногородныхъ: при подпискѣ **6** руб., по полученіи четвертой книги **3** руб. и по полученіи шестой книги **3** руб., для городскихъ—по соглашенію съ конторой редакціи

Для подписывающихся единовременно на вышедшія три книжки 1881 г. и на весь 1882 годъ (всего 15 книгъ) цѣна журнала 15 руб. съ пересылкою и 12 р. 50 к. безъ пересылки.

ВЪ 1882 Г.

журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 12—15 листовъ, по той-же программѣ, стараясь давать въ каждой книжкѣ статьи, по возможности, разнообразнаго содержанія. Годовой экземпляръ журнала будетъ состоять изъ 12 книжекъ, которыя составятъ къ концу года—четыре большихъ тома, болѣе 2500 страницъ плотной и четкой печати.

Гг. подписчики, при подпискѣ на годъ, благоволятъ увѣдомлять редакцію желаютъ-ли они получать его съ октября 1881 года, т. е. съ первой книжки, или съ января 1882 года.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ Харьковѣ, (Екатеринославская, 1), при книжномъ магазинѣ Владиміра Александровича Сыхра.

Для ознакомленія съ журналомъ, первая книжка разослана во многіе книжные магазины и библіотеки столичныхъ и провинціальныхъ городовъ.

Объявленія всякаго рода для печатанія въ журналѣ „Миръ" принимаются въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ: одна страница —10 р., $^1/_2$ стр.—6 р. и $^1/_4$ стр.—3 р. 50 к.

Издатель **В. А. Сыхра**

Редакторъ **А. П. Шимковъ.**

„ЮГЪ"

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Журналъ „**ЮГЪ**" выходитъ ежемѣсячно въ размѣрѣ отъ **десяти до пятнадцати** листовъ по слѣдующей программѣ:

I. *Словесность*: романы, повѣсти, разсказы, драматическія произденія и стихотворенія (оригинальныя и переводныя.)

II. *Наука*: популярныя статьи по антропологіи, исторіи, искусствамъ, философіи, политическимъ, юридическимъ и естественнымъ наукамъ.

III. Критика и библіографія русскихъ и иностранныхъ книгъ.

IV. Сельско-хозяйстенная хроника и статьи по сельскому хозяйству.

V. Коммерческая хроника.

VI. Внутреннее обозрѣніе, общественная жизнь—преимущественно юга Россіи.

Подписная цѣна 10 руб; съ доставкой въ г. Одессѣ 11 руб.; съ пересылкой въ другіе города 12 руб.

Подписка принимается въ г. Одессѣ въ конторѣ редакціи журнала „Югъ": Надеждинская ул. д, Савича, въ книж-

ныхъ магазинахъ: В. И. Бѣлаго, Е. П. Распопова, библіотекѣ для чтенія Бортневскаго.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться въ контору редакціи.

Редакторъ-издатель **В. Яковлевъ.**

ВЪ 1882 ГОДУ
ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ
будутъ издаваться

ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННЫМЪ ПРОГРАММАМЪ:

1, Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости.

Церковная, по преимуществу мѣстная, *газета*. Программа ея въ общемъ слѣдующая: **Отдѣлъ оффиціальный**: Высочайшіе манифесты и повелѣнія, сунодальные указы и правительственныя распоряженія, относящіяся Кіевской епархіи, мѣстныя административныя распоряженія и извѣстія и проч. **Отдѣлъ неоффиціальный**: мѣстныя церковныя историко-статистическія извѣстія и достопримѣчательные письменные памятники, хроника мѣстная и общецерковная, извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ церковной жизни въ церкви русской, восточной, западной и проч.

2, Воскресное Чтеніе.

Журналъ *религіозно-нравственнаго* содержанія и характера въ общедоступномъ и общеназидательномъ изложеніи и въ томъ духѣ, направленіи и видѣ, какъ онъ издавался *первоначально*. Въ немъ будутъ помѣщаемы общепонятныя статьи, служащія къ уразумѣнію Слова Божія, богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утвержденію въ сердцѣ любви, вѣры и упованія христіанскаго, краткія житія святыхъ и тому под.

3, Труды Кіевской Духовной Академіи.

Журналъ *научнаго* содержанія и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей и никакъ не въ видѣ сырыхъ матеріаловъ. При журналѣ **будутъ продолжаться переводы твореній блаженнаго Іеронима** и **Августина**.—Изъ твореній бл. Іеронима въ слѣдующемъ 1882 г. будутъ издаваться его **толкованія на ветхозавѣтныя книги**; изъ твореній бл. Августина—его твореніе **о градѣ Божіемъ**.

Такимъ образомъ изданія Кіевской духовной академіи имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей: 1, своевременнаго

знакомства съ текущими церковными событіями (*газетное* чтеніе,— „Епархіальныя Вѣдомости"); 2, *религіозно-нравственнаго*, общеназидательнаго и общепонятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе"), и 3, научнаго образованія, богословскаго („Труды Кіевской Духовной Академіи").

„Епархіальныя Вѣдомости" будутъ выходить *два раза* въ мѣсяцъ, въ 8 долю, *не менѣе двухъ листовъ*. „Воскресное Чтеніе" будетъ выходить *еженедѣльно*, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, въ два столбца, *не менѣе одного листа въ недѣлю*. „Труды Кіевской Духовной Академіи" будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками *отъ 10 до 12* листовъ, изъ коихъ отъ 3 до 4 листовъ будутъ заняты переводомъ твореній блаж. Іеронима и Августина и не менѣе 7 — оригинальными статьями. Изъ годоваго изданія „Трудовъ" составятся: **одинъ томъ** твореній **бл. Августина, одинъ томъ** твореній **бл. Іеронима и три тома** статей, съ особымъ счетомъ страницъ.

Цѣна *за годъ* съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.; Воскреснаго Чтенія—4 р; Трудовъ Кіевской Духовной Академіи—7 р. Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей *вмѣстѣ* съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р.; Епарх. Вѣдомостейсъ Трудами—10 р; Воскреснаго Чтенія съ Трудами—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудами—12 р. с.

Адресъ: въ Редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, *или* Воскреснаго Чтенія, *или* Трудовъ, при Кіевской духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, 2) Игн. Л. Тузова—въ С.Петербургѣ, 3) А. Н. Ферапонтова—въ Москвѣ.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ"

(Еженедѣльное изданіе, отъ 2-хъ до 4-хъ печатаныхъ листовъ въ номерѣ) и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ"

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24-хъ печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ) будутъ издаваться при с.-петербургской духовной академіи въ 1882 году на прежнихъ основаніяхъ. Въ обоихъ журналахъ въ теченіи года напечатается болѣе 260 листовъ убористаго шрифта. При „Христіанскомъ Чтеніи" въ слѣдующемъ году будетъ продолжаться начатое съ 1879 г. печатаніе

Толкованій на Ветхій Завѣтъ

съ особымъ счетомъ страницъ, такъ что къ концу 1882 года составится *четвертый* выпускъ „Толкованій" (въ четвертомъ выпускѣ будетъ продолжаться печатаніе „*Толкованія на книгу Псалмовъ*").

Годовая цѣна въ **Россіи** за оба журнала и съ **„Толкованіями на Ветхій Завѣтъ“**—*семь руб.* съ пересылкою: отдѣльно за **„Церковный Вѣстникъ“**—*пять руб.*, за **„Христіанское Чтеніе“** съ **„Толкованіями“**—*пять руб.* **За границей для всѣхъ мѣстъ:** за оба журнала **9 р**, за каждый отдѣльно **7 р**.

Номера **„Церковнаго Вѣстника“** по 15 коп.

Въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ печатаются *стороннія объявленія*: авторовъ и книгопродавцевъ о вновь выходящихъ книгахъ, банковъ объ ихъ операціяхъ, магазиновъ и т. д., по опредѣленной и съ прошлаго года пониженной таксѣ, именно *по 15 коп.* за строчку петита (въ $5^1/_2$ квадратовъ), если объявленіе печатается въ одномъ номерѣ, и *по 10 к.*, если повторяется въ двухъ и болѣе номерахъ. При „Церковномъ Вѣстникѣ“ разсылаются отдѣльныя объявленія и прейсъ-куранты—по *пяти* руб. съ каждой тысячи.

Иногородные надписываютъ свои требованія прямо: *Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ въ С.-Петербургѣ.*

Адресъ отдѣленія конторы, гдѣ принимаются: объявленія для напечатанія и для разсылки при журналахъ, а также подписка на журналы отъ петербургскихъ подписчиковъ и гдѣ можно получать отдѣльныя изданія редакціи: Солдатскій переулокъ, между Знаменской и Преображенской улиц., домъ Иванова № 5, квар. № 3-й.

Кромѣ того можно подписываться у коммисіонеровъ редакціи *въ Петербургѣ* при книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова (бывшемъ Кораблева), *въ Москвѣ*—при книжномъ магазинѣ А. Н. Ферапонтова.

Запросины до предплаты на малоруску часопись

„ДѢЛО“,

выдавану во Львовѣ (въ Галичинѣ—Австрійской Имперіи).

Удостоившись Выс. призволу на допустъ нашои часописи „Дѣло“ въ границѣ Россійскои Имперіи, запрошуемо симъ письмомъ до предплаты на „Дѣло“ зъ слѣдуючимъ рокомъ 1882.

„Дѣло“ буде и въ р. 1882 выходити *два* разовъ въ тыждень, що середы и суботы въ великомъ листѣ печатномъ (in folio).

Головни отдѣлы „Дѣла“ ось яки:

I. Вступни артикулы о справахъ, дотычачихъ малоруского народа.

II. Дописи зъ Галичины, Буковины, Угорщины и Украины.

III. Политичный переглядъ всѣхъ европейскихъ державъ, зъ особеннымъ увзглядненьемъ славяньскихъ народовъ.

IV. Новинки и дробны вѣсти.

V. Литературни вѣсти и замѣтки.

VI. Послѣдни вѣсти политични и телеграммы.

VII. Фейлетонъ: литературни и наукови розвѣдки, критики, литературни и артистични перегляды малоруской литературы и штуки, повѣсти и оповѣдання.

Яко литературный додатокъ „Дѣла" выходитъ:

„Бібліотека повѣстій" подае передъ всѣмъ повѣсти зъ другихъ европейскихъ литаратуръ переложени на малорускій языкъ; однако тѣмъ не выключаються зъ програмы и оригинальни малоруски повисти.

Предплата на „Дѣло":

безъ додатку: Библ. повѣстій		зъ литер. додаткомъ:
на цѣлый рокъ	8 рублей.	12 рублей.
на 1/2 року	4 рубля	6 рублей.
на 1/4 року	2 рубля	3 рубля.

Предплата на „Библіотеку повѣстій" (безъ „Дѣла"):

на цѣлый рокъ 5 рубл.
на 1/2 року 2 р. 50 к.

Предплату такъ на „Дѣло" якъ и на „Библіотеку повѣстій" треба присылати въ оплаченныхъ листахъ подъ адрессою: *Въ администрацію Дѣла во Львовѣ* (Галичина—Австрія).

Всѣ письма до редакціи „Дѣла" треба высылаты: Въ редакцію „Дѣла" во Львовѣ, ул. Академична ч. 8 (Галичина—Австрія).

Володимиръ Барвѣньскій редакторъ „Дѣла".

Открыта подписка на 1882 годъ

экономической, общественной, политической и литературной

газеты

„ТРУДЪ."

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. **Оффиціальный отдѣлъ:** Правительственныя распоряженія по всѣмъотраслямъ государственнаго управленія. II. **Руководящія статьи** по разнымъ государственнымъ вопросамъ въ сферахъ: законодательной, судебной и административной, а также обсужденіе вопросовъ, порождаемыхъ общественною жизнью, въ сферахъ: экономической, образовательной и въ сферѣ самоуправленія. III. *Статьи, относящіяся къ политическому, экономическому и соціальному положенію Южнаго и Югозападнаго края.* IV. *Статьи по вопросамъ городскаго хо-*

зяйства и управленія. Хроника городскихъ событій и происшествій. V. *Статьи по части исторіи, статистики, педагогіи, этнографіи и другимъ отраслямъ человѣческаго знанія* VI. **Критика и библіографія.** VII. Отдѣлъ **„Среди газетъ и журналовъ“.** VIII. **Фельетонъ.** Очерки и разсказы беллетристическаго характера въ прозѣ и стихахъ. Обозрѣнія и статьи литературно-критическія. Рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Фельетонъ изъ мѣстной общественной жизни и мѣстныхъ событій и происшествій. IX. **Корреспонденціи.** X. **Политическія заграничныя новости,** заимствуемыя изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ. **Отдѣльныя статьи** по разнымъ вопросамъ иностранной политики. XI. **Телеграммы** международнаго телеграфнаго агентства, Гавасъ и собственныхъ корреспондентовъ. XII. **Судебная хроника** безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. XII. **Финансовая, торговая, акціонерная и биржевая хроника.** XIV. **Справочный отдѣлъ:** базарныя цѣны, приходъ и отходъ пароходовъ и поѣздовъ, зрѣлища и увеселенія; перечень дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ. XV. **Объявленія.**

Газета ВЫХОДИТЪ въ форматѣ обыкновеннаго газетнаго листа три раза въ недѣлю: **по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ,** съ *ПРИЛОЖЕНІЯМИ ПО МѢРѢ НЕОБХОДИМОСТИ.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Кіевѣ:	на годъ	**6**	руб.	—	коп.,	на полгода	**4**	руб.
Безъ доставки	»	»	»	**4**	»	**50**	»	»	»	**3**	»
Съ пересылкою иногороднимъ	»	»		**8**	»	—	»	»	»	**5**	»

Пріемъ подписки и объявленій въ главной конторѣ редакціи, въ Кіевѣ, на Михайловской ул., въ д. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Кромѣ того, подписка принимается: въ **С.-Петербургѣ**—въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова.—Въ **Москвѣ:** въ отдѣл. варшавск. агентства Райхмана и Френдлера, малая Лубянка, д. Обидиной, при Славянской библ., въ центр. конторѣ объявленій, бол. Дмитровка, и въ конторѣ Плетникова. Москва, Софійка, церковн. домъ.—Въ **Парижѣ,** Agence Havas et C-ie—Place de la Bource 8, à Paris.—Въ **Варшавѣ,** аген. объявл. Райхманъ и Френдлеръ, Сенаторск., № 22.—Въ **Черниговѣ,** у гг. Кранца и Данюшевскаго, въ **Нѣжинѣ** у г. Куриленка, въ **Стародубѣ** у г. Неронова, въ **Харьковѣ** у г. Сыхры, въ **Екатеринославѣ** у г. Голубовскаго, въ **Полтавѣ** у г. Бойно-Родзевича, въ **Елисаветградѣ** у г. Н. К. Менчица, въ **Каменецъ-Подольскѣ** у г. Симоновскаго, въ **Житомірѣ** у г. Будкевича, въ **Немировѣ** у г. Шерра, въ **Тифлисѣ** въ главномъ агентствѣ газетъ г. Петрова.

Редакторъ-издатель **Г. Т. Корчакъ-Новицкій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную общественную, литературную и политическую газету

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

1882 ГОДА.

(Второй годъ изданія).

Программа газеты: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ »Южнаго Края« и телеграфныхъ агентствъ. VI. Послѣднія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи »Южнаго Края« и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Политическое обозрѣніе. IX. Внѣшія корреспонденціи. X. Фельетонъ научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библіографія. XIII. Смѣсь. XIV, Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ южной Россіи: *въ Азовѣ, Александровскѣ, Ахтыркѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бирючѣ, Бахмутѣ, Валкахъ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Зѣньковѣ, Зміевѣ, Изюмѣ, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Константиноградѣ, Кременчугѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кутаисѣ, Лебединѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Маріуполѣ, Нѣжинѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Одессѣ, Острогѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Пути, Переяславѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таганрогѣ, Херсонѣ, Черниговѣ и Ялтѣ.*

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція позаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы и Америки.

Подписная цѣна:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	Нт 1 мѣс.
Безъ доставки . . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою . . .	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногород. .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается только, съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ д. Харьковскаго Университета, № 7-й при „Публичной библіотикѣ“ А. А. Іозефовича, принимаетъ подписку и объявленія.

Издатель **А. А. Іозефовичъ.**

Редакторъ **А. Н. Стояновъ.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

„КІЕВЛЯНИНЪ“

на 1882 годъ.

ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ВЪ 1882 Г.

ВЪ УВЕЛИЧЕННОМЪ ФОРМАТѢ:

Редакція увеличивая форматъ „Кіевлянина“ до средняго формата столичныхъ газетъ, предполагаетъ расширить въ особенности отдѣлы корреспонденцій и беллетристики.

Для ГОДОВЫХЪ подписчиковъ ГОРОДСКИХЪ допускается разсрочка по третямъ или по соглашенію съ конторой „Кіевлянина“; ИНОГОРОДНІЕ годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, могутъ вносить: къ 1 января 4 руб., къ 1 апрѣля 3 руб., и къ 1 іюля 3 руб. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года.

2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ,

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„ЗАРЯ“.

Открыта подписка на 1882-й годъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ

I. Телеграммы. Важнѣйшія событія русской и иностранной жизни.

Кромѣ телеграммъ „Международн. Телеграфнаго Агентства“, редакція получаетъ телеграфическія извѣстія отъ спеціальныхъ корреспондентовъ заграницей, въ Петербургѣ (ежедневно), Москвѣ и въ главныхъ городахъ Юга Россіи.

II. Отдѣлъ внутренній. А) Извѣстія о дѣйствіяхъ правительства, о законодательныхъ мѣрахъ и предположеніяхъ, Б) руководящія статьи, по важнѣйшимъ вопросамъ общественной жизни Россіи, какъ-то: по вопросамъ государственнаго хозяйства, путей сообщенія, народнаго образованія, земскаго, городскаго и крестьянскаго самоуправленія; В) корреспонденціи изъ столицъ и краевыя; Г) свѣдѣнія изъ другихъ періодическихъ изданій; Д) обозрѣніе русской и иностранной печати; Е) вопросы хозяйства, промышленности и торговли въ районѣ южной полосы Россіи, въ губерніяхъ входящихъ въ составъ генералъ-губернаторствъ: юго-западнаго, одесскаго и харьковскаго.

III. Отдѣлъ городской. А) Хроника г. Кіева, Б) вопросы городскаго благоустройства.

IV. Отдѣлъ судебный. А) Руководящія статьи по юридическимъ вопросамъ, Б) отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ.

V. Отдѣлъ иностранный. А) Руководящія статьи по вопросамъ внѣшней политики; Б) корреспонденціи изъ иностранныхъ государствъ; В) извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ общественной и политической жизни заграницей.

VI Фельетонъ. Очерки и разсказы (оригинальные и переводные). Обозрѣнія и статьи литературно-критическія, рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Научная хроника.

VII. Смѣсь. Разныя извѣстія, важнѣйшія изобрѣтенія въ области наукъ искусствъ и промышленности и проч.

VIII. Отдѣлъ торговый. Свѣдѣнія объ урожаяхъ, о цѣнахъ на зерновые продукты и на главные товары, составляющіе главный предметъ мѣстнаго производства или мѣстной торговли. Торговыя корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ внутреннихъ рынковъ. Свѣдѣнія о состояніи полей. Биржевыя телеграммы и бюллетени. Курсы русскихъ и иностранныхъ монетъ, цѣнныхъ бумагъ и проч. Періодическія торговыя и биржевыя обозрѣнія.—Желѣзнодорожная хроника.

IX. Отдѣлъ справочный. Желѣзно-дорожное и пароходное движеніе. Метеорологическій бюллетень. Судебный указатель по судебнымъ учрежденіямъ округа кіевской судебной палаты: списокъ назначенныхъ къ разсмотрѣнію дѣлъ и резолюціи. Ежедневные списки получателей груза по юго-западн. жел. дор. и свѣдѣнія о наложенныхъ платежахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ доставкой или пересылкой.	Безъ доставки.
На годъ	10 руб.	8 руб.
„ 6 мѣсяцевъ	6 руб.	5 —
„ 3 мѣсяца	4 руб.	3 —
„ 1 мѣсяцъ	1 руб. 50 к.	1 —

Выписывающимъ газету *съ 1-го января 1882 года на цѣлый годъ* допускается **разсрочка** годоваго взноса, причемъ при подпискѣ вносится 3 руб., 1-го марта 3 руб., 1-го іюня 2 р. и 1-го сентября 2 р. Подписывающіеся въ срединѣ года разсрочкой не пользуются.

Правительственныя, общественныя и частныя учрежденія могутъ выписывать газету въ кредитъ по письменнымъ, на бланкѣ этихъ учрежденій, предложеніямъ. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ выписка газеты въ кредитъ допускается чрезъ ихъ казначеевъ.

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ, въ главной Конторѣ газеты „ЗАРЯ", на Крещатикѣ, при книжномъ магазинѣ Л. В. Ильницкаго.

Иногородніе благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ Главную Контору или подписываться у агентовъ ея, обозначенныхъ въ каждомъ нумерѣ газеты.

Редакторъ-издатель *П. А. Андреевскій.*

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, 1 и 15 чиселъ каждаго мѣсяца, въ объемѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей при Екатеринославской Семинаріи.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою и доставкою 5 руб. серебромъ.

ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

выходятъ три раза въ мѣсяцъ въ г. Кременцѣ Волынской губ.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою 5 руб.,—безъ перес. 4 руб.

ХЕРСОНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

(ГОДЪ 23-й).

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна 5 руб. съ пересылкою.

Адресъ: въ городъ Одессу.

Годъ 8-й. *Годъ 8-й.*

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА.

политико-литературная, художественная и ремесленная,

иллюстрированное изданіе, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю,

въ важныхъ случаяхъ выходитъ, вмѣсто одного, по два раза въ недѣлю.

Сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія правительства, новости торговыя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искусствъ и наукъ, такъ что, кромѣ телеграммъ, она во всѣхъ отношеніяхъ, можетъ замѣнить и ежедневныя газеты и отчасти журналы.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и разсказы преимущественно историческіе, и стихотворенія.

Кромѣ того въ „Газетѣ А. Гатцука" помѣщаются статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также *Критика, Библіографія и Моды* съ рисунками. Въ теченіи года газета дастъ въ текстѣ до 400 худож. исполненныхъ рисунковъ.

Въ газетѣ участвуютъ извѣстнѣйшіе наши литераторы, ученые и художники (Ѳ. М. Буслаевъ, Д. И. Иловайскій, Н. И. Костомаровъ, Н. С Лѣсковъ, Д. Л. Мордовцевъ и друг.)

Годовые подписчики на 1882 годъ получатъ прекрасный **олеографическій портретъ Государя Императора Александра III**, въ концѣ-же года— Крестный календарь на 1883 г. на лучшей бумагѣ и 3-й выпускъ иллюстрированныхъ драмъ Шекспира.

Подписная цѣна: безъ перес. на годъ 4 руб.; съ пересылкою-же на годъ 5 руб., на 1/2 г. (съ Янв. и Іюля) 2 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 75 коп.

Адресъ конторы Редакціи: Москва, Никитскій бульваръ, д. Гатцука; отдѣленіе ея— Кузнецкій мостъ д. Торлецкаго. Редакторъ **А. А. Гатцукъ.**

ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРѢ

издается

„КУБАНЬ"

газета общественная, литературная и политическая

Срокъ выхода въ свѣтъ газеты— отъ одного до двухъ разъ въ недѣлю, въ размѣрѣ одного газетнаго листа средняго формата. Въ экстренныхъ случаяхъ будутъ выходить особыя прибавленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

для городскихъ подписчиковъ		для иногороднихъ	
съ доставкою на годъ	6 р.	съ пересылкою на годъ	7 р.
на полгода	3 р. 50 к.	на полгода	4 р.

для служащихъ допускается разсрочка.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи на Красной улицѣ, при типографіи Н. Г. Мойсеенко, куда просятъ адресовать статьи, письма и мелкія сообщенія.

Редакторъ-издатель **Н. Г. Мойсеенко.**

ОБЪ ИЗДАНІИ КІЕВСКИХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ въ 1882 году.

КІЕВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ

въ 1882 году, будутъ выходить три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, заключая въ себѣ двѣ части: оффиціальную и неоффиціальную, изъ которыхъ каждая будетъ представлять особый листъ средняго газетнаго размѣра.

Въ оффиціальной части печатаются распоряженія правительства и мѣстной администраціи, а также казенныя объявленія разнаго рода.

Въ неоффиціальной части будутъ помѣщаться:

1) *Мѣстный отдѣлъ:* Сообщенія о текущихъ новостяхъ мѣстной жизни, имѣющихъ общій интересъ, статьи и матеріалы по статистикѣ, этнографіи, топографіи и исторіи края, статьи, замѣтки объ экономической жизни губерніи, о сельско-хозяйственной, фабричной и кустарной промышленности, о дѣятельности городскихъ думъ и крестьянскихъ обществъ, словомъ все то, что относится ко всѣмъ сторонамъ мѣстной жизни (природы и человѣка).

2) *Общій отдѣлъ:* Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ и явленіяхъ жизни русской вообще, краткіе очерки—сельско-хозяйственные, этнографическіе, статистико-экономическіе и т. п. другихъ, преимущественно сосѣднихъ съ кіевскою губерніею мѣстностей, а равно краткія извѣстія о наиболѣе крупныхъ событіяхъ иностранныхъ государствъ и о тѣхъ или другихъ сторонахъ жизни ихъ, имѣющихъ общій интересъ.

3) *Общеполезныя свѣдѣнія* по сельскому и домашнему хозяйству и общедоступной медицинѣ.

4) Частныя объявленія.

Имѣя въ виду, главнымъ образомъ, заботиться о полнотѣ мѣстнаго отдѣла, редакція неоффиціальной части, обѣщая съ своей стороны употребить всѣ усилія, чтобы придать этому отдѣлу возможно большій интересъ, обращается съ покорнѣйшею просьбою къ своимъ читателямъ помочь ей въ исполненіи этой задачи сообщеніемъ разныхъ свѣдѣній о мѣстной жизни.

Подписка принимается въ газетномъ столѣ губернскаго правленія.

Годовая плата съ пересылкою и доставкою 5 р. 40 к.

Желающіе получать *одну лишь неоффиціальную часть* платятъ за годовое изданіе съ пересылкою и доставкою три рубля пятьдесятъ коп., за полугодовое 2 р.; безъ пересылки и доставки: годовое 2 р. 50 к. и полугодовое 1 р. 50 к.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

МАРТЪ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1882 г.

I. ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ КІЕВА . . . . . I—VI

II. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ ПОЛЬШИ въ періодъ ея раздѣловъ. (*Окончаніе*). **Е. Крыжановскаго** . 441

III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ (Милорадовичи). **А. Лазаревскаго** 479

IV. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ. Письма Иннокентія 1820—1825 г., съ предисловіемъ **Л. М.** 499

V. ОПИСАНІЕ БѢДСТВІЯ, ПОСТИГШАГО УМАНЬ И ВСЮ УКРАИНУ въ 1768 году 520

VI. СКАЗАНІЕ О БОНДАРЕНКѢ по народнымъ преданіямъ . . 530

VII. ОБРАЗЦЫ ОБЛИЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ МАЛОРОССІИ. **П. Ефименко** 538

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Матеріалы для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи. — б) Описаніе рукописей виленской публичной библіотеки. Составилъ Ф. Добрянскій. Вильно. 1882 г —Ченстоховская чудотворная икона Богоматери. Свящ. Н. С—лова. Вильно. 1881 г.—г) Исторія русской церкви. Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Т. X. Спб. 1881 г. 560

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Историческое общество Нестора-лѣтописца въ 1881 г. — б) Неосуществившійся университетъ въ Новгородъ Сѣверскѣ.—в) Древній способъ публикаціи.—г) Одинъ изъ протестовавшихъ.—д) Исключеніе Т. Г. Шевченка за самовольную отлучку.—е) Мѣсторожденіе Семена Палія.—ж) Легенда и три пѣсни о Семенѣ Паліѣ.—з) Одесское общество исторіи и древностей въ 1881 году 581

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ I томѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины.“ Кіевъ, Бульваръ, № 36-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

МАРТЪ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 19-го марта 1882 года.

Тысячелѣтіе Кіева.

«И сѣде Олегъ, княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: «се буди *мати* градомъ русскимъ».

Это было въ 882-мъ году.

Значитъ, проходитъ ровно тысяча лѣтъ.

Такъ какъ Олегъ спустился къ горамъ кіевскимъ *по Днѣпру*, то начало княженія его въ Кіевѣ можно относить, приблизительно, къ маю мѣсяцу, вообще къ лѣтней порѣ. Вотъ когда совершится тысячелѣтіе Кіева, какъ *столицы*, какъ *матери* градовъ русскихъ.

Читатель, намъ хочется думать, что эта историческая годовщина возбудитъ васъ, чѣмъ-бы вы ни были заняты, и повѣетъ на васъ ощущеніемъ величія, святости, образованія, тяжелой борьбы и страданія. Судьбы Кіева—это нѣкоторымъ образомъ судьбы всей Россіи, преимущественно ея духовной жизни, и намъ кажется, что тысячелѣтіе Кіева должно быть праздникомъ не только кіевлянъ, но и всѣхъ русскихъ....

Пробѣгая мыслію прошедшее тысячелѣтіе Кіева, поражаясь обиліемъ и значеніемъ событій, въ немъ совершившихся, мы сознаемъ свое безсиліе представить полный и яркій историческій очеркъ ихъ. Нужны усилія многихъ, чтобы привести въ извѣстность и уяснить самыя событія.

Мы теперь представляемъ только простое оповѣщеніе о наступающемъ тысячелѣтіи и попытаемся сдѣлать лишь бѣглый очеркъ судебъ кіевскихъ, внимательно слѣдуя старѣйшимъ дѣятелямъ, изучавшимъ его исторію.

Оглядываясь на минувшее, невольно поражаемся прежде всего тѣмъ, какъ измѣнился Кіевъ, самая мѣстность его, въ теченіе тысячелѣтняго существованія. Гдѣ былъ лугъ и боръ, тамъ

городъ; гдѣ былъ городъ, тамъ поле; легли горы, встали бездны; устьевъ Почайны нѣтъ и слѣдовъ; самый Днѣпръ измѣнилъ свое русло; вѣка изгладили стѣны и башни, дворцы и храмы до самаго основанія. Остались только святыя пещеры, средина церкви Спаса на Берестовѣ, „Нерушимая Стѣна", гробница Ярослава, остатки Золотыхъ Воротъ... только тамъ вы вполнѣ можете переноситься въ вѣкъ Владиміра святаго и Ярослава мудраго. Всѣ остальные слѣды прежней жизни и величія Кіева можно только разгадывать, а отъ многаго уцѣлѣли одни лишь старыя имена...

Переходя къ жизни Кіева, мы невольно прежде всего останавливаемъ свой взоръ на его первыхъ князьяхъ, руководителяхъ его судебъ. Вотъ вѣщій, мудрый Олегъ: это нашъ первый *историческій* князь. Едва занявъ Кіевъ, онъ, словно вдохновенный, именуетъ его *матерію городовъ русскихъ*. И дѣйствительно, отъ этой матери произошла вся русская земля. Уже при его ближайшихъ преемникахъ—Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ, имя Кіева становится извѣстнымъ и грознымъ въ Хозаріи, Тмуторокани, у подножія Кавказа, на азіятскихъ берегахъ Чернаго моря и въ Дунайской Болгаріи. При удальствѣ и предпріимчивости Святослава, побѣда слѣдуетъ за побѣдой. Это сильно возвышаетъ народное чувство и внушаетъ уваженіе къ Кіеву, ибо изъ Кіева исходили такіе славные подвиги. При Святославѣ Кіевъ наполняется богатою и разнородною добычею. Владиміръ присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ Волынь и Галицію. Кіевъ становится центромъ управленія городовъ не только близкихъ, но и болѣе далекихъ. Принявъ христіанство, Владиміръ просвѣщаетъ имъ народъ свой, велитъ кіевлянамъ учить дѣтей грамотѣ, и народъ, уразумѣвъ просвѣтительное значеніе дѣйствій князя, величаетъ его *Краснымъ Солнышкомъ* русской земли. Чѣмъ сталъ Кіевъ во времена Владиміра, видимъ изъ словъ нѣмецкаго историка Титмара; въ своей хроникѣ подъ 1018 г. онъ говоритъ, что Кіевъ обширный и богатый городъ, что въ него во множествѣ стекаются инземцы, что въ немъ болѣе 400 церквей и 8 рынковъ. Пусть это и преувеличенные разсказы торговцевъ—гостей кіевскихъ, но несомнѣнно то, что Кіевъ, какъ издавна торговое мѣсто, былъ уже городомъ обстроеннымъ и богатымъ, который обогащался еще и данью: одинъ Новгородъ ежегодно платилъ ему 2000 гривенъ. Ярославъ обнародываетъ первые на Руси писанные законы, разбиваетъ окончательно печенѣговъ и украшаетъ Кіевъ болѣе всѣхъ князей: онъ распространяетъ Кіевъ на югъ, воздвигаетъ Золотыя Ворота, закладываетъ

и освящаетъ софійскій храмъ, обводитъ городъ земляным валомъ, каменными стѣнами, строитъ княжій дворъ, закладываетъ дѣтинецъ, полагаетъ основаніе народному книгохранилищу при софійскомъ соборѣ. При немъ сталъ заселяться Подолъ. Кіевъ развивается и хорошѣетъ такъ, что современникъ Ярослава, историкъ Адамъ Бременскій, называетъ Кіевъ соревнователемъ константинопольскаго скипетра.

Знаменательно, что въ христіанскомъ Кіевѣ первый князь получаетъ названіе *святаго*, а его преемникъ—имя *мудраго*: такимъ образомъ вѣра и мудрость какъ-бы подаютъ другъ другу руки, чтобы воспитывать Кіевъ. Всему старокіевскому добру полагаетъ *начало* св. вѣра; она даетъ тонъ всей послѣдующей жизни Кіева: лучшіе люди усердно приходятъ и поступаютъ въ его печерскую обитель; князья пріѣзжаютъ туда для душевнаго отдыха, для назиданія; игумены обители примиряютъ враждующихъ бояръ и князей; иноки пишутъ лѣтописи, переводятъ творенія св. отцевъ, составляютъ житія своихъ предшественниковъ; списки всѣхъ этихъ трудовъ расходятся во всѣ концы Руси, и такимъ образомъ печерскій монастырь является обильнымъ источникомъ народнаго просвѣщенія.

Много добраго возникаетъ и въ политической жизни княжества кіевскаго: княжескіе съѣзды, служилыя думы, общинныя вѣча, церковные соборы, выборное начало въ управленіи, словесный присяжный судъ, народное ополченіе. Всѣ другіе города развиваются по образцу Кіева: отъ него заимствуютъ они вѣру, законы, князей, служителей церкви, грамоту и языкъ книжный; по образцу его строютъ палаты, храмы, монастыри. Но къ великому горю, кіевская Русь не имѣетъ спокойнаго времени, чтобы окрѣпнуть и развиться окончательно. Скоро послѣ смерти Ярослава въ землѣ кіевской посѣялись и взросли усобицы, вслѣдствіе того, что кіевскіе князья дробили свою землю и отдавали города дѣтямъ въ удѣлы. Князья размножаются, начинаютъ ссориться и воевать другъ съ другомъ за распространеніе своихъ удѣловъ, за родовое старшинство, за титулъ великаго князя; золотой престолъ Кіева влечетъ ихъ неодолимо. Они сознаютъ, что въ Кіевѣ *столъ отенъ и дѣденъ*, что это *старѣйшій городъ въ землѣ во всей*, что отсюда *есть пошла земля русская* и что сама земля эта называется Кіевомъ; но въ ослѣпленіи злобы и вражды не замѣчаютъ, какъ сами нищатъ мать земли родной, городъ дѣдовъ и отцевъ. Князья роднятся съ польскими и венгерскими королями, зовутъ ихъ къ себѣ

на помощь въ своихъ семейныхъ распряхъ... и платятъ имъ своими городами. Внутренніе раздоры открываютъ путь въ Россію дикимъ ордамъ половцевъ, а часто ихъ призываютъ и сами русскіе князья. Свои и чужіе какъ-бы наперерывъ ослабляютъ обширное и могущественное княжество кіевское и подготовляютъ паденіе Кіева.

«Не долго могъ онъ быть главою
И землю русскую стеречь».

Въ 1169 г. князья сѣверо-восточной Руси берутъ Кіевъ приступомъ и отдаютъ его войску на разграбленіе. Великимъ княземъ является князь владимірскій, и столицею Руси становится Владиміръ на Клязьмѣ.

Кіевъ столицею Руси пробылъ всего 286 лѣтъ. И въ теченіе ихъ какъ часто онъ терпѣлъ бѣды за бѣдами и едва выходилъ изъ своихъ развалинъ, какъ опять обращался еще въ горшія. Затѣмъ настаютъ гораздо болѣе тяжкія времена татарщины... Больно вспоминать, не только разсказывать, весь рядъ страданій Кіева отъ печенѣговъ, половцевъ, поляковъ, торковъ, берендѣевъ, монголовъ и самихъ русскихъ. Сколько разъ онъ былъ завоевываемъ, отбираемъ, опустошаемъ, сжигаемъ, разрушаемъ! Подлинно—*многострадальный, святой городъ!*...

И во время невзгоды татарской Кіевъ имѣетъ однако своихъ князей. Пало его политическое значеніе, другіе политическіе центры формируются на его глазахъ; но въ дѣлахъ вѣры онъ остается главою всѣхъ древне-русскихъ областей и, безсильный по внѣшней жизни своей, онъ остается сильнымъ своею вѣрою и сохраненными имъ началами древне-русской жизни. Незамѣтно и быстро растетъ рядомъ съ нимъ другая столица—юнаго могучаго государства литовскаго, съ которымъ Кіеву суждено было связать свою жизнь; но его вѣра, его языкъ, культура скоро превратили это государство и столицу въ чисто-русскія, православныя, и потомки Гедимина и Ольгерда замѣняютъ для Кіева потомковъ Владиміра св. Подъ покровомъ первыхъ, эти послѣдніе выдвигаютъ снова Кіевъ, какъ центръ исконной русской жизни, въ противовѣсъ польскимъ стремленіямъ, послѣ того, какъ Польша соединилась съ Литвою. Въ это время Кіевъ слишкомъ два вѣка, болѣе или менѣе спокойно, развиваетъ свою внутреннюю жизнь, но съ паденіемъ Литвы и усиленіемъ стремленій Польши слить съ собою коренныя русскія области, подавивъ ихъ вѣру и языкъ,—Кіевъ, едва отдохнувъ отъ борьбы съ востокомъ, на-

чинаетъ новую, тяжкую, кровавую борьбу съ западомъ, за право жить своею жизнію и вѣровать своею вѣрою. На защиту Кіева является козачество, братство; духъ народа увлекаетъ за собою представителей духовенства и власти. Кіевъ является великимъ поборникомъ православія и одерживаетъ побѣду съ честію. Онъ становится средоточіемъ народной дѣятельности и источникомъ духовнаго просвѣщенія Россіи. Богоявленское Братство показываетъ въ тогдашнемъ кіевскомъ обществѣ замѣчательную силу духовной самодѣятельности: братство заводитъ общественно-образовательную школу, съ цѣлію воспитанія духовныхъ пастырей церкви и защитниковъ православія; школа открываетъ свои двери для юношей всѣхъ званій, становится для нихъ училищемъ—и духовнымъ, и свѣтскимъ, и низшимъ, и среднимъ, и высшимъ,— и скоро пріобрѣтаетъ себѣ широкую извѣстность и благодарную славу въ народѣ.

Каково было значеніе Кіева уже въ XVI вѣкѣ, видно изъ словъ, которыя сказалъ крымскій ханъ польскому королю (кажется—Баторію): „Взойди я на кіевскія горы, такъ однимъ глазомъ я смотрѣлъ-бы оттуда на свой Бахчисарай, а другимъ на твой Краковъ". Этому хану нельзя отказать въ смѣкалкѣ.

Но вотъ загорается война съ Польшею за самое право спокойнаго существованія, и послѣ трехъ блистательныхъ побѣдъ, Хмельницкій вступаетъ въ Кіевъ торжествующимъ освободителемъ его. При видѣ Кіева, плачутъ козаки... плачутъ закаленные рыцари, сколько отъ радости, видя его святыню и красу, столько отъ горя, что святыня его поругана, что краса его опозорена...

Наконецъ Кіевъ возвращается подъ крѣпкую руку единовѣрной Россіи и 17 января 1654 присягаетъ на вѣрноподданство престолу русскому. Еще прежде сего онъ даетъ Москвѣ первыхъ насадителей тамъ просвѣщенія, справщиковъ церковныхъ книгъ, устроителей церковныхъ порядковъ. Просвѣщеніе ростетъ, новыя силы приливаютъ изъ Кіева, сѣверъ и югъ Россіи связываются снова и начинается новая совмѣстная жизнь ихъ. Съ Петра Великаго положеніе и вліяніе Кіева постепенно и замѣтно ростетъ. Кіевскіе люди помогаютъ Петру въ преобразованіи Россіи, истолковываютъ народу понятія и цѣли правительства. Закаленные въ борьбѣ съ папствомъ, развившіе въ себѣ побѣдительную силу мысли, кіевскіе ученые сдерживаютъ русскихъ людей отъ слѣпаго увлеченія западною Европою, укрѣпляютъ народный русскій смыслъ, развиваютъ общественную логику. И какъ много-

численны эти борцы за православіе, эти проводники образованія! Одинъ списокъ ихъ занялъ-бы цѣлыя страницы. А сколько добра пронесли они по всей великой Россіи!...

Вѣра и наука идутъ объ руку въ Кіевѣ и въ позднѣйшіе годы. Въ 1834 г. въ немъ открывается университетъ и руководящей мыслію своею ставитъ слова: *„во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ“*. Люди, съ глубокимъ пониманіемъ естествовѣдѣнія, сохраняютъ невозмутимый свѣтъ вѣры; среди обителей встрѣчаются старцы, въ лицѣ которыхъ какъ-бы выглянули изъ отдаленныхъ вѣковъ первые печерскіе подвижники. *„Христіанинъ есмъ“*—можетъ сказать о себѣ Кіевъ, вспоминая послѣднее слово своего послѣдняго князя среди мученій татарскихъ.

И нынѣ, не смотря на всѣ перемѣны, Кіевъ, Кіевъ! какъ имя твое любезно сердцу русскому! Отъ береговъ Балтійскаго моря и до Камчатки нѣтъ мѣста, гдѣ-бы имя твое не наполняло благоговѣніемъ сердца христіанъ, истинныхъ дѣтей твоихъ. Святою вѣрою, разлившеюся изъ тебя, развилась, спаслась и утвердилась народная самобытность всего нашего отечества. Много на Руси славныхъ мѣстъ, но, по вліянію на весь народъ, не было и быть не можетъ равнаго тебѣ, святой и прекрасный Кіевъ!

И кромѣ этого, кромѣ твоей вѣковѣчной святыни, сколько еще другаго добра въ тебѣ, сколько сдѣлано тобою въ самые позднѣйшіе годы! Дома призрѣнія бѣдныхъ; рукодѣльныя школы; пріюты для дѣтей; пріюты для недостаточныхъ дѣвицъ; дешевыя квартиры и столовыя; общества пособія студентамъ, ученикамъ и ученицамъ; лѣчебницы; общины сестеръ милосердія; попечительство о слѣпыхъ; ночлежный домъ... Все это и многое другое, ясно свидѣтельствуя о прямомъ вліяніи Христовой вѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ громко говоритъ намъ, что ты, святопрекрасный, остаешься вѣренъ своему названію *„матери“*.

Въ живомъ сочувствіи къ такой дѣятельности, кто не порадуется твоей тысячелѣтней годовщинѣ, кто не скажетъ отъ всей души: да благословитъ тебя Богъ постоянно развиваться въ чувствѣ любви къ ближнимъ и прослыть въ новомъ тысячелѣтіи твоей жизни матерію не *городовъ* только, но и *селъ* русскихъ, а главное—*матерію* бѣдныхъ и дѣтей!...

Одинъ изъ народа.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Давая мѣсто въ нашемъ изданіи слѣдующему предъ симъ заявленію одного изъ сотрудниковъ нашихъ, мы вполнѣ сочувствуемъ его глубоко патріотической мысли и желали бы ей полнаго и наилучшаго осуществленія.

Наступающее тысячелѣтіе Кіева, тысячелѣтіе его несомнѣннаго историческаго существованія и государственнаго значенія принадлежитъ къ тѣмъ великимъ историческимъ моментамъ нашей жизни, которые способны со дна души нашей поднять и всколебать наше народное чувство. Напряженный скептицизмъ, микроскопическая переверстка въ хронологіи лѣтописной не можетъ имѣть здѣсь мѣста; пока не утверждены наукою на нашемъ историческомъ пути новые хронологическіе знаки, мы въ-правѣ по старымъ вести счетъ нашей исторической жизни, а нынѣшній годъ, какъ мы сказали, есть тысячный годъ жизни Кіева въ качествѣ матери градовъ русскихъ.

Но не одно чувство будитъ въ насъ желаніе, что-бы этотъ годъ въ жизни первопрестольнаго Кіева былъ отмѣченъ особымъ торжествомъ; судьбы Кіева и его участіе въ общей жизни Россіи оправдываютъ голосомъ исторіи движеніе сердца. Исторія Кіева даетъ основаніе, внутреннее чувство—побужденіе къ тому, чтобы этотъ годъ не прошелъ незамѣченнымъ въ нашей жизни.

Праздновалось семисотлѣтіе Москвы (1847 г.), тысячелѣтіе Россіи (1862 г.), трехсотлѣтіе Сибири (1881 г.), праздновались столѣтніе юбилеи разныхъ нашихъ городовъ и разволѣтніе юбилеи отдѣльныхъ лицъ. Ужели древнѣйшая столица Россіи, *мати градомъ русскимъ*, колыбель православія, купель крещенія всего народа русскаго,—славный, многострадальный Кіевъ лишенъ былъ-бы такой чести? - Не думаемъ, не вѣримъ.

Ни на минуту не сомнѣваемся, что праздникъ тысячелѣтія Кіева былъ бы по душѣ всѣмъ истинно русскимъ по всей Россіи, ободрилъ и поднялъ бы ихъ религіозное чувство, которое вотъ ужъ нѣсколько вѣковъ считаетъ Кіевъ *Іерусалимомъ земли русской*,

какъ и Царь-Освободитель назвалъ его, въ день своего коронованія, въ рескриптѣ кіевскому митрополиту. Духовное торжество Кіева произвело бы подъемъ народнаго духа и хотя на время ослабило бы матеріальное, разлагающее направленіе нашихъ дней.

Праздникъ тысячелѣтія Кіева возбудилъ бы умственную дѣятельность нашихъ историковъ, археологовъ, вдохновилъ бы нашихъ писателей и художниковъ, освѣжилъ бы наши періодическія изданія, отвлекъ бы умы отъ напрасныхъ словопреній, отъ праздныхъ мечтаній, отъ этого шатанія, низменныхъ помысловъ и чувствъ, далъ бы случай и побужденіе еще разъ подняться до высшей ступени народнаго самосознанія и дохнуть полною широкою русскою грудью... Словомъ: праздникъ государственнаго значенія Кіева могъ бы самъ имѣть значеніе государственное.

Мы поднимаемъ нашъ голосъ за осуществленіе этого праздника; но чувствуемъ, что голосъ нашъ слабъ, одинокъ и слишкомъ недостаточенъ. Мы надѣемся, что кіевское наше представительство приметъ на себя починъ въ этомъ дѣлѣ и дастъ ему желаемое направленіе. Мы разсчитываемъ, что наши литературные органы, преимущественно газеты, соединятся въ одномъ съ нами чувствѣ благоговѣйнаго почтенія къ сѣдой древности Кіева, къ его тысячелѣтней жизни и дадутъ нашему заявленію необходимое и желаемое распространеніе. Мы даже просимъ тѣ изъ редакцій, которыя раздѣлятъ нашъ взглядъ на наступающій историческій моментъ, дать мѣсто нашему заявленію на страницахъ своихъ изданій,—въ какомъ угодно объемѣ и формѣ.

Скажемъ въ заключеніе всѣмъ, кто откликнулся бы на нашъ голосъ: не говорите—поздо. „На доброе дѣло не поздо никогда“ и „лучше поздо, чѣмъ никогда“. Времени довольно впереди,—мы хотимъ праздновать годъ, а не день или мѣсяцъ. Намъ кажется, что сентябрь былъ бы самымъ удобнымъ временемъ желаемаго празднества. Къ тому времени пройдутъ и выставка, и коронація, и лѣтнія экскурсіи ученыхъ, и знойныя работы трудящагося люда, и всякія прохладительныя путешествія и прогулки... Къ тому времени несомнѣнно поспѣетъ и столько ожидаемый памятникъ освободителю Кіева и всей тянувшей къ нему страны, Зиновію-Богдану Хмельницкому. Въ сентябрѣ храмовой праздникъ св. Софіи кіевской,—древнѣйшей кіевской и всероссійской святыни. Къ тому времени со всякими приготовленіями поспѣть можно.

Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши.

ВЪ ПЕРІОДЪ ЕЯ РАЗДѢЛОВЪ.

(Окончаніе).

Идеи, управлявшія стремленіями и надеждами на скорое обновленіе человѣчества, не согласовались ни съ данными, которыми располагала наука, ни съ научными методами. Поэтому наука, не входила въ систему образованія, опиравшагося на эти идеи, какъ главное орудіе его, и должна была играть въ ней роль второстепенную. Развитіе умственныхъ силъ поставлено въ зависимость отъ простора и оживленія инстинктовъ природы, а потому средоточіемъ этой системы было воспитаніе. Наука должна была только возбуждать инстинкты природы и приводить ихъ въ сознаніе; воспитаніе должно было оживить ихъ, укрѣпить, дать имъ единство и направленіе дѣятельности. Наука казалась простою и легкою, воспитаніе считалось дѣломъ труднымъ, требующимъ большихъ усилій. Эти основанія разъясняютъ намъ недоразумѣнія между коммисіею просвѣщенія и главными школами, которыя и своимъ положеніемъ, и своими традиціями, и примѣромъ Европы тяготѣли къ наукѣ. Эти недоразумѣнія достаточно опредѣлились въ отношеніяхъ между краковскою академіей и *эдукаціонною дирекціей* Варшавскаго Герцогства, поставившей для себя священною задачею слѣдовать во всемъ примѣру своей предшественницы, коммисіи просвѣщенія, но болѣе энергически[1]).

[1]) Предсѣдателемъ *эдукаціонной дирекціи* былъ родной братъ Игнатія Потоцкаго Станиславъ Потоцкій, имѣвшій домашнимъ своимъ учителемъ того-же Пирамовича. Станиславъ Потоцкій былъ женатъ на дочери Адама Чарторижскаго, одного изъ ревностныхъ поборниковъ реформъ во время раздѣловъ. Ему наиболѣе обязаны своими успѣхами школы Варшавскаго Герцогства и Царства Польскаго до 1821 года.

Въ противоположность другимъ, умножавшимся тогда въ Европѣ школьнымъ системамъ, польскіе школьные реформаторы не только не обрѣзывали учебнаго курса до минимума, но напротивъ старались включить въ него возможно большее число наукъ, признанныхъ новыми идеями. Это множество наукъ не пугало ихъ, потому что не могло обременять учениковъ; назначеніемъ ихъ было захватить возможно большій кругъ инстинктовъ, чтобы подвергнуть ихъ оживленію и всѣ сосредоточить въ одномъ направленіи, приготовить для одной цѣли, которою было польское государство.

При такомъ значеніи воспитанія, понятно, что коммисія просвѣщенія, не слишкомъ торопясь подробнымъ изложеніемъ учебныхъ программъ и изданіемъ учебниковъ, употребитъ всѣ усилія для развитія и точнаго исполненія воспитательной системы. Къ этому главнымъ образомъ направляемы были всѣ средства, которыми располагала школа.

Въ этомъ отношеніи новыя идеи далеко опередили свой вѣкъ и во многомъ могли-бы служить поученіемъ и для нашего времени. Что сдѣлали для законодательства идеи Монтескьё и Беккаріи, то самое сдѣлали для воспитанія тогдашнія воспитательныя системы. Въ частныхъ, отдѣльныхъ ихъ положеніяхъ много глубокихъ поученій, прекрасныхъ правилъ, которыя слѣдовало-бы почаще напоминать нынѣшнимъ воспитателямъ; въ общемъ ихъ духѣ высокая человѣчность, но вмѣстѣ съ тѣмъ идеализація, возбуждающая порывистость и страстность, при этомъ непремѣнное условіе—быстрое практическое исполненіе, влекущее за собою нравственную драпировку, новое фарисейство. Воспитательная система польскихъ школьныхъ реформаторовъ заключаетъ въ себѣ всѣ показанныя достоинства, но и всѣ приведенные недостатки новаго воспитанія. Она прибавляетъ къ нимъ чрезвычайную тщательность и заботливость о всестороннемъ бытѣ учителей и учениковъ, о развитіи въ особенности чувства чести и достоинства и, въ противуположность прорывавшимся тогда коммунистическимъ попыткамъ, уваженія къ собственности, но отличается отъ нихъ нагроможденіемъ наблюдательныхъ порядковъ и крайне себялюбивыми практическими приложеніями. „Всемірные граждане“, создаваемые новымъ воспитаніемъ на западѣ, стремились ко всемірному благу, тѣ-же граждане, выростающіе на польской школьной системѣ, обязаны были заботиться

только о Польшѣ. Думалось, что легко втиснуть всемірнаго гражданина въ тѣсныя рамки Польши,—что легко разомъ поднять тогдашнюю Польшу на точку міровыхъ государственныхъ идеаловъ. Реформаторы не щадили къ тому никакихъ мѣръ и потому часто хватали черезъ край или удалялись въ сторону. Отсюда внутреннія противорѣчія въ воспитательной системѣ и ея несостоятельность. Остановимся на болѣе характеристическихъ чертахъ этой воспитательной системы.

Прежде всего, школы подвержены были строгому контролю. Проректоръ под-окружной школы обязанъ былъ въ теченіе каждаго учебнаго года посѣтить находящіяся въ районѣ этой школы элементарныя училища. Ректоръ окружной школы долженъ былъ осмотрѣть всѣ подъокружныя школы, а такъ-же и элементарныя, находящіяся въ округѣ его, въ теченіе октября и ноября. Визитаторъ академическій обязанъ былъ осмотрѣть всѣ окружныя, подъокружныя и по возможности элементарныя школы, составляющія округъ главной школы. Независимо отъ сего коммисія просвѣщенія назначала особыхъ визитаторовъ изъ среды своихъ членовъ и членовъ общества для изданія учебниковъ, которымъ поручала осмотръ нѣсколькихъ округовъ. Члены коммисіи имѣли право во всякое время, по собственному усмотрѣнію, осматривать каждую школу. Ревнителямъ и патронамъ просвѣщенія всегда открыты были школьныя двери. Наконецъ вся публика разъ въ году приглашаема была въ школу, на *публичный экзаменъ*, причемъ она пользовалась правомъ осмотра всей школы и ея дѣятельности, правомъ запросовъ, рѣчей, похвалъ, порицаній.

Въ каждой школѣ система наблюденія развита была до крайности. Можно сказать, что всѣ находились на каждомъ шагу подъ наблюденіемъ всѣхъ. Ректоръ былъ главою школы; свободный отъ уроковъ, онъ обязанъ былъ преимущественно наблюдать надъ исполненіемъ всѣми своихъ обязанностей. Префектъ, также свободный отъ уроковъ, долженъ былъ неотступно слѣдить за всѣмъ во время уроковъ, часто посѣщать классы для наблюденія, исполняютъ-ли учителя свои обязанности по уставу, каждый мѣсяцъ съ ректоромъ производить экзамены. Въ свою очередь учителя обязаны были наблюденіемъ надъ ректоромъ, или проректоромъ. Въ случаѣ уклоненія отъ своихъ обязанностей того или другаго, старшій лѣ-

тами службы учитель напоминаетъ ему объ этомъ. Когда личныя напоминанія не дѣйствуютъ, учитель дѣлаетъ виновному предостереженіе въ собраніи всѣхъ учителей. Если и за симъ ректоръ будетъ не исправенъ, старшій учитель предаетъ его суду совѣта учителей, опредѣленія котораго посылаютъ ректору главной школы. Ближайшее наблюденіе надъ учениками, кромѣ ректора, префекта и учителей, имѣютъ въ классѣ—*декуріоны*, въ квартирахъ *директоры*, тѣ и другіе избираемые изъ лучшихъ учениковъ. Директоръ, имѣя въ своемъ вѣдѣніи учениковъ разныхъ классовъ, имѣетъ право относиться къ учителю по дѣламъ уроковъ; въ случаѣ несогласія съ учителемъ, жалуется префекту и ректору, а при обидѣ со стороны этихъ послѣднихъ имѣетъ право жалобы на нихъ въ коммисію просвѣщенія.

Эта система взаимныхъ наблюденій, произведенная особенною заботливостью коммисіи просвѣщенія объ охранѣ дорогаго для ней дѣла, проникнута въ уставѣ добрыми намѣреніями единодушія, общей любви къ благу школы и общей заботы о немъ. Но сами служащіе были воспитанниками прежней воспитательной системы, на которую іезуиты имѣли большое вліяніе. Въ результатѣ добрыхъ намѣреній оказались частыя ссоры въ учебномъ составѣ, шпіонство, доносы, судебныя разбирательства и т. п. Въ этомъ отношеніи польская почва оказалась наиболѣе неблагопріятною для новыхъ идей.

Коммисія просвѣщенія, поспѣшно замѣщая учительскія должности лицами прежняго строя, хорошо понимала несоотвѣтствіе ихъ съ новымъ духомъ и задачами школы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко вѣруя въ силу новыхъ идей, она надѣялась на скорое перерожденіе учительскаго состава, когда онъ сполна будетъ введенъ въ духъ этихъ идей. „Всѣ почти несправедливости, заблужденія и неурядицы происходятъ отъ *незнанія* каждымъ своихъ правъ и обязанностей“, говорится въ наставленіи учителю права и нравственности. Поэтому коммисія озаботилась подробнымъ изложеніемъ учительскихъ правъ и обязанностей. Эти права и обязанности изложены въ уставѣ и въ особой инструкціи. Какихъ послѣдствій ожидала коммисія просвѣщенія отъ своихъ правилъ и наставленій, это видно изъ рѣчи Пирамовича въ публичномъ собраніи 7 марта 1781 года, по случаю изданія проекта устава и наставленій, когда еще далеко было до учрежденія учительскихъ семинарій и до выпуска студен-

товъ главныхъ школъ, въ которыхъ преобразованія начаты съ 1780 года. Устраняя типъ прежняго учителя, Пирамовичъ мечтаетъ, что учитель, котораго приготовляетъ коммисія („którego kształcimy") будетъ совершенною противоположностью ему. „Нашъ учитель это почтенный и просвѣщенный гражданинъ. Поставленный образованіемъ на высшую точку, онъ смотритъ на отечество, какъ на общую мать, которая, поручивъ ему для образованія своихъ дѣтей, получаетъ отъ него добрыхъ и полезныхъ сыновей. Все, что составляетъ личное счастье человѣка: здоровье, честь, добрая жизнь, здравый умъ, домашній порядокъ, любовь, пріязнь и почтеніе къ другимъ,— все, что составляетъ общественное благополучіе: равная ко всѣмъ и самая точная справедливость, защита края, достоинства гражданина, крѣпость убѣжденій, самое святое уваженіе къ чужой собственности, все это онъ ставитъ цѣлію своего призванія и своей службы. На физическія и нравственныя науки, о преподаваніи которыхъ онъ получилъ отъ высшей власти полную инструкцію, онъ смотритъ не иначе, какъ на средства къ тому, чтобы просвѣщенный и честный гражданинъ зналъ, какъ онъ долженъ поступать въ домашнемъ и гражданскомъ быту. Зная, что свойства его вліяютъ на душу ученика, онъ употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы самому прежде стать такимъ, какимъ хочетъ его видѣть. Онъ мыслитъ, говоритъ и поступаетъ такъ, чтобы его вліяніе на умъ и сердце молодаго питомца охраняло его отъ порчи и соблазна свѣта, отъ заразы заблужденій и подлости, отъ безпечности и пустой траты лѣтъ".

Чтобы удобнѣе достигнуть этого идеала, коммисія просвѣщенія обратила учительскій кругъ въ особое сословіе въ государствѣ (stan akademicki), всецѣло посвященное своему призванію, на подобіе католическихъ орденовъ. Поступающій на учебную службу долженъ былъ отказаться отъ всякихъ другихъ занятій и носить особый костюмъ (suknia akademicka, на подобіе костюма ксендзовъ). Всѣ учителя непремѣнно должны были жить въ зданіи школы (безплатно), имѣть общій столъ (женатымъ дозволялось имѣть отдѣльный столъ, но жить они должны были въ томъ-же зданіи) и общую кассу: на пищу, прислугу, свѣчи и больницу. Касса хранилась у ректора, расходы производились по постановленіямъ совѣта *провизоромъ*, избираемымъ совѣтомъ изъ среды своихъ членовъ на

полгода. Въ кассу положено было высчитывать изъ жалованья каждаго учителя по 650 злотыхъ въ годъ. Это сословіе имѣло свой отдѣльный судъ, всѣ дѣйствія котораго покрыты были строгой тайной. Привлеченіе къ суду учителей производилъ ректоръ или проректоръ; послѣднихъ, а также и префекта подвергалъ суду, какъ мы уже сказали, старшій лѣтами службы учитель. Предварительно долженъ быть три раза прочитанъ въ собраніи всѣхъ служащихъ, исключая обвиняемаго, обвинительный актъ, составленный лицомъ, привлекающимъ къ суду. Затѣмъ приглашали обвиняемаго, которому ставились вопросные пункты и предоставлялось защищать себя. По окончаніи разбирательства, обвиняемый удалялся и присутствовавшіе подавали голоса письменно, на особыхъ карточкахъ, безъ подписи своей фамиліи, но обвинитель не имѣлъ при этомъ права голоса. Большинствомъ голосовъ опредѣлялось наказаніе виновному. Немедленному исполненію надъ виновнымъ подвергались приговоры: запрещеніе выхода изъ школьнаго дома или изъ квартиры въ теченіе положеннаго срока, лишеніе права голоса въ совѣтѣ на одинъ годъ (это послѣднее наказаніе неизбѣжно было для того, кто выдавалъ секретъ судебныхъ засѣданій), денежные штрафы за манкировку, именно: за выѣздъ безъ позволенія главной школы больше чѣмъ на шесть дней ректоръ платилъ дневное свое жалованье; проректоръ тоже платилъ за отъѣздъ больше чѣмъ на четыре дня; проректоръ и префектъ за небытность на экзаменѣ платили половину дневнаго жалованья; учитель, опоздавшій на урокъ на полчаса, платилъ полудневной окладъ, а на часъ—дневной. Эти штрафы распредѣлялись между тѣми изъ служащихъ, которые не были замѣчены въ манкировкѣ. Дальнѣйшія наказанія исполнялись только послѣ утвержденія протокола суда ректоромъ или совѣтомъ главной школы. Это были: лишеніе прибавки къ жалованью, лишеніе жалованья на срокъ (кромѣ части, поступающей въ кассу), лишеніе права голоса въ совѣтѣ на три года и болѣе, временное устраненіе отъ должности и совершенное увольненіе изъ учебнаго званія.

Учебная служба по времени вполнѣ была обезпечена. Ректоръ получалъ 1800 злотыхъ, учитель по 1200 злотыхъ. Это жалованье, по истеченіи шести лѣтъ службы, увеличивалось ежегодно на 100 злотыхъ, до 20 лѣтъ службы, когда оканчивался срокъ на пенсію.

Если по истеченіи 20 лѣтъ учитель выходилъ въ отставку, онъ получалъ названіе эмерита, получалъ отъ школы квартиру и двѣ трети своего содержанія, если-же онъ пожелалъ продолжать службу и былъ вновь утвержденъ въ ней, то къ послѣднему окладу его прибавляемо было 1000 злотыхъ и онъ получалъ названіе *заслуженнаго учителя*.—Ректоръ, проректоръ и префектъ избираемы были совѣтомъ учителей на 4 года и утверждались въ своей должности коммисіей просвѣщенія. Всѣмъ служащимъ въ школѣ предоставлено было исключительное право на особенныя занятія съ учениками за условленную съ родителями плату. Награды состояли главнымъ образомъ въ сокращеніи срока на пенсію и на званіе заслуженнаго, а также въ полученіи бенефицій и прелатуръ, т. е. доходовъ съ имѣній, составлявшихъ собственность церквей, которые правительство и епископы во множествѣ предоставили для этой цѣли въ распоряженіе коммисіи просвѣщенія. Часто такая бенефиція или прелатура приносила учителю въ пять и десять разъ больше, чѣмъ давало жалованье. Въ общемъ, если принять во вниманіе тогдашнія цѣны и кругъ потребностей, матеріальному положенію тогдашняго польскаго учителя позавидуютъ нынѣшніе учителя всей Европы.

Лишившіеся здоровья, при выходѣ въ отставку, получали, если прослужили меньше 10 лѣтъ, 400 злотыхъ; прослужившіе-же болѣе 10 лѣтъ получали 600 злотыхъ и при этомъ почти всегда бенефицію, въ которой могли поселиться на жительство.

За то учитель долженъ былъ сполна проникнуться тѣмъ идеаломъ, который онъ призванъ осуществить на ученикахъ. „Учитель, говоритъ инструкція, долженъ быть философомъ, ясно сознавать свое дѣло, знать основы человѣка, привычки, свойственную каждому возрасту воспріимчивость, понимать связь всѣхъ наукъ, быть чуткимъ, спокойнымъ, справедливымъ, заботливымъ о благѣ учениковъ и общемъ благѣ человѣческаго рода. Рѣшившись посвятить себя на это служеніе отечеству, хорошо взвѣсь принимаемыя на себя обязанности и свои силы, которыя ты посвящаешь ему. 1) Читай книги нравственнаго содержанія, которыя, основываясь на религіи, заповѣдующей любовь къ ближнимъ, какъ основаніе всѣхъ поступковъ, учили-бы любить всѣхъ людей и никому не причинять обиды, оскорбленія. 2) Читай книги о способѣ ученія, хорошія ру-

ководства по логикѣ, изъ которыхъ можешь узнать ходъ и связь мыслей человѣка. 3) Давай отчетъ самому себѣ о школѣ, разсуждай о твоихъ поступкахъ и обязанностяхъ. 4) Гораздо больше размышляй, чѣмъ читай." Въ этомъ духѣ продолжаются наставленія учителю о самоусовершенствованіи.

Всѣ свои силы и заботы учитель долженъ посвятить воспитанію ученика, для его „личнаго и общаго счастія". Учитель долженъ проникнуться убѣжденіемъ, что „въ воспитаніи все отъ него зависитъ." По Кондильяку, главному учителю польскихъ школьныхъ реформаторовъ, духъ человѣка выростаетъ изъ ощущеній, всѣ духовные процессы, въ томъ числѣ комбинація идей и хотѣніе, должны быть разсматриваемы только какъ видоизмѣненныя ощущенія. Ощущенія, т. е. внѣшнее и внутреннее чувство ученика—вотъ сфера, которою главнымъ образомъ долженъ быть озабоченъ учитель, по требованію инструкціи. Возбуждать благородныя ощущенія, инстинкты, совершенствовать и направлять ихъ къ личному и отечественному благу, устранять дурные, вотъ къ чему должна быть сведена вся дѣятельность учителя и все преподаваніе его. Наставляя учителя въ томъ, какъ дѣйствовать на ученика примѣромъ и словомъ въ каждомъ случаѣ, *инструкція* въ особенности заботится о томъ, чтобы все преподаваніе и классное обученіе проникнуть воспитательнымъ духомъ и направленіемъ и каждую науку обратить въ строго воспитательное орудіе. Знаніе, свѣдѣніе само по себѣ не имѣетъ никакого значенія, если оно не служитъ всецѣло возбужденію добрыхъ инстинктовъ, къ утвержденію ученика во всѣхъ добродѣтеляхъ, необходимыхъ для его личнаго и общаго счастія. „Иначе, прибавляетъ инструкція, лучше вовсе не имѣть школьнаго образованія".

Въ частности, итструкція, намѣчая главнѣйшія части каждой науки, или только основные методы ея, внушаетъ:

Учителю математики „постоянно имѣть въ виду усовершенствованіе душевной дѣятельности въ отношеніи не только ясныхъ представленій въ понятіяхъ и сужденіяхъ, но также и передачи другимъ того, что извѣстно". Ему-же, какъ учителю логики, внушается: „изложеніе основныхъ правилъ логики не много потребуетъ времени; но приложеніе этихъ правилъ должно быть постоянное, неразлучное на практикѣ съ каждымъ дѣломъ", въ чемъ—дается подробное указаніе.

Учителю краснорѣчія предписывается „не выпускать изъ виду, что наука краснорѣчія обязана возбуждать и развивать добродѣтель, почтеніе и добрую жизнь“.

Учитель физики, химіи и естественной исторіи „долженъ соображать, чего въ нихъ остерегаться, съ чѣмъ и какъ обращаться“, ограничиваясь только такими свѣдѣніями, которыя „приносятъ прямую пользу, и тѣмъ дѣлая эту науку полезною“.

Учитель исторіи обязанъ помнить, что „главнѣйшая задача ея есть обученіе добродѣтели и добрымъ обычаямъ“. „Преподаваніе исторіи, не направленное къ воспитанію сердца, къ возбужденію любви къ добродѣтели, къ исправленію поступковъ,—преподаваніе, выставляющее предъ учениками величіемъ то, что было пустымъ дѣломъ, храбростью — что было насиліемъ, политикою — хитрость, ставящее въ примѣръ то, что служитъ соблазномъ, такое преподаваніе исторіи заражаетъ сердце и дастъ молодому уму направленіе вредное для общественности“. Передавая событіе, учитель долженъ тутъ-же присовокупить похвалу или порицаніе“. „Напримѣръ, тотъ или другой монархъ *завоевалъ край:* сейчасъ нужно присовокупить, что завоевалъ несправедливо; не говори, что его политика восторжествовала, но скажи лучше, что онъ поступилъ вѣроломно, или обманулъ, или нарушилъ честное слово“. Этотъ оригинальный способъ преподаванія исторіи и особенная цѣль его, которую опасно было открыто называть въ публичныхъ инструкціяхъ, такъ какъ посланники сосѣднихъ державъ зорко слѣдили за всѣмъ, дѣлаются понятнѣе изъ слѣдующаго наставленія о томъже предметѣ въ уставѣ: учитель долженъ „отмѣчать въ дѣяніяхъ человѣческихъ все то, что несогласно съ справедливостью, человѣчностью, довѣріемъ и вѣрностью своему слову. Поэтому онъ никогда не долженъ называть политикой, т. е. искусствомъ правительства, ни богатырскимъ подвигомъ того, что было *хитростью, измѣною, подлостью, грабежемъ, насиліемъ, наѣздомъ, присвоеніемъ чужой собственности*“. Понятно, что дѣло идетъ о раздѣлѣ польскихъ областей. Это придаетъ своеобразный оттѣнокъ частымъ и порывистымъ упоминаніямъ въ уставѣ и инструкціи объ уваженіи къ чужой собственности, какъ одной изъ важнѣйшихъ добродѣтелей, которыя требуется внушать ученикамъ, и о хитрости, какъ объ одномъ изъ самыхъ дурныхъ свойствъ

Наибольшія надежды инструкція возлагаетъ, безъ сомнѣнія, на *право* и *мораль*. Въ подробностяхъ ея по этому предмету много прекрасныхъ правилъ, въ общемъ — черты духа, внутренняго расположенія, а не внѣшней обрядности, мягкость и теплое участіе— свойства, отличающія преобразовательныя идеи XVIII вѣка, но въ конечной цѣли и задачѣ та-же односторонность, составляющая общую болѣзнь польской школьной реформы и въ частности воспитанія. Наука морали обращается въ практическое руководство. Отъ учителя требуется „не обременять учениковъ пространными объясненіями нравственности, не ограничивать своихъ занятій поученіями... не откладывать нравственнаго обученія до назначенныхъ часовъ, но на каждомъ мѣстѣ, во всякое время и при каждомъ случаѣ обращаться къ нему, возбуждая учениковъ противъ какой-либо несправедливости и подлости, напротивъ увлекая ихъ примѣромъ должнаго поступка, справедливости". Тотъ-же пріемъ внушается и въ преподаваніи права, причемъ на урокахъ требуется: „говоря объ обязанностяхъ, подтверждать объясненія примѣрами, какъ это предписано въ наставленіяхъ о преподаваніи исторіи".

Дабы ученики никогда не оставались безъ надзора, вліянія добрыхъ примѣровъ и постояннаго нравственнаго руководства, коммисія просвѣщенія установила квартирное *директорство*. Въ этомъ учрежденіи, вызванномъ крайнею заботливостью реформаторовъ о воспитаніи учениковъ въ цѣляхъ и задачахъ новой системы, еще больше высказалась глубокая вѣра ихъ въ силу своихъ наставленій и крайній идеализмъ воспитанія. Не будемъ говорить о различіи этого учрежденія отъ прежней системы цензоровъ, центуріоновъ, декуріоновъ,—оно, конечно, устроено на совершенно новыхъ началахъ.

„Директоры" избираемы были изъ лучшихъ учениковъ двухъ старшихъ классовъ, а часто и четвертаго класса (въ подокружныхъ школахъ изъ втораго и третьяго классовъ). Каждая ученическая квартира ввѣрялась особому директору, который жилъ съ своими кліентами и не отлучался отъ нихъ, развѣ на лекціи въ школы. Квартиросодержатель и родители учениковъ обязаны были принять на себя содержаніе директора и кромѣ того послѣдніе давать ему плату. Коммисіею просвѣщенія издано подробное изложеніе обязанностей директоровъ (Przepis dla dyrektorów). „Директоры должны

помнить, что примѣръ ихъ будетъ служить для дѣтей самымъ сильнымъ побужденіемъ къ добру или злу. Что будетъ видѣть дитя на своемъ директорѣ, то легко будетъ усваивать, цѣнить, или оставлять безъ вниманія, считать зломъ.... Поэтому директоръ долженъ увлекать дѣтей примѣромъ своимъ къ опрятности, воздержности въ пищѣ и питіи, разсудительности и осторожности въ поступкахъ, терпѣнію въ неудачахъ, старанію въ наукахъ, любви къ труду, вѣрности слову и обѣщанію, вѣжливости къ равнымъ себѣ, почтенію къ старшимъ, снисхожденію къ меньшимъ, благодарности къ родителямъ и благодѣтелямъ, справедливости ко всѣмъ, благотворительности, почитанію и благодарности къ Богу" (§ 1). За этимъ общимъ опредѣленіемъ слѣдуютъ подробныя указанія разнообразныхъ ученическихъ обязанностей, дѣтскихъ поступковъ, свойствъ и расположеній, а также способовъ, при помощи которыхъ директоры успѣшнѣе могутъ пользоваться своимъ примѣромъ, наставленіями, объясненіями, замѣчаніями и наказаніями.

Директоръ обязанъ хорошо изучить каждаго изъ порученныхъ ему учениковъ, его „темпераментъ, состояніе здоровья, способности, характеръ, добрыя и дурныя свойства, безъ чего нельзя знать, какъ относиться къ нимъ" (§ 12). Для этого директоръ долженъ держать себя такъ, чтобы его кліенты совершенно свободно вели себя въ его присутствіи, что даетъ ему возможность „узнать желанія и склонности ихъ" (§ 2). Въ особенности онъ долженъ быть внимательнымъ къ привычкамъ ихъ, исправлять и направлять ихъ (§ 4). „Если дитя сдѣлаетъ какой-либо добрый поступокъ, директоръ тотъ-часъ долженъ похвалить его, даже поставить его въ примѣръ другимъ. Этимъ способомъ будетъ вкореняться въ сердцѣ чувство чести (punkt honoru), то благородное и приличное человѣку побужденіе, которое, имѣя основаніемъ самолюбіе, не позволяетъ ему унижать себя и позорить какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ другихъ. Чтобы не ослаблять и не убивать этого чувства, директоръ не долженъ дѣлать взысканій съ виновнаго при другихъ. Предъ посторонними онъ долженъ только объяснить, что въ поступкѣ достойно наказанія... Если ученикъ провинился словомъ или дѣломъ въ присутствіи другихъ, благоразумный директоръ долженъ выразить знакомъ или физіономіей, что онъ осуждаетъ его поступокъ, расправу-же произвести наединѣ" (§ 4). Ди-

ректоръ долженъ беречь ученика отъ дурнаго товарищества и дружбы; инструкція обращаетъ особенное вниманіе родителей и директоровъ на выборъ слугъ (каждому ученику дозволялось имѣть свою прислугу) (§ 6). Онъ не долженъ оставлять дѣтей безъ занятій или безъ опредѣленныхъ игръ и развлеченій и безъ надзора за ними (§ 7). Дѣйствуя на ученика предостереженіемъ, объясненіями, примѣромъ и убѣжденіемъ, директоръ долженъ постоянно обращать вниманіе его на плоды, происходящіе отъ его поступковъ для него самого, и дать ему на дѣлѣ почувствовать такіе плоды. Приводятся примѣры и даже формулы изреченій, въ которыхъ директоръ можетъ дать ученику почувствовать плоды его поступковъ. „Привыкаетъ дитя лгать, пускай на себѣ самомъ испытаетъ плоды лжи, именно, что *лжецу никто не вѣритъ*. Хочетъ ученикъ поиграть, проситъ позволенія, обѣщая приложить потомъ всѣ старанія къ приготовленію урока, директоръ можетъ сказать: *„кто трудится, долженъ послѣ труда отдохнуть и развлечься.—Развѣ я могу вѣрить твоимъ обѣщаніямъ и словамъ, когда ты столько разъ рѣшался обманывать меня?—Заслужи довѣріе — и я буду тебѣ вѣрить.—Какъ ты хотѣлъ, такъ люди и поступаютъ съ тобою.— Частая твоя ложь возбудила во мнѣ недовѣріе къ тебѣ и, можетъ быть, большую, чѣмъ слѣдуетъ, непріятную для тебя осторожность. — Убѣдись-же, что, причиняя другимъ обиду, самъ на себѣ несешь ее“* (§ 8). Директоръ будетъ пользоваться привязанностью и послушаніемъ со стороны дѣтей, если самъ будетъ обходиться съ ними „съ полною нѣжностью, справедливостью, осторожностью, вѣжливостью и любовію“. Строго запрещается ему въ отношеніяхъ къ своимъ кліентамъ „брань, порывистость, злость или мщеніе, употребленіе оскорбительныхъ словъ, прозвищъ, проклятій, побоевъ и насилій“ (§ 9). Директоръ долженъ строго выдерживать свое достоинство; „только-бы въ собственномъ примѣрѣ и поступкахъ не давалъ никакого соблазна (żadnej okazyi i zaczepki), легко тогда можетъ руководить дѣтей и управлять ими“ (§ 10). „Принявъ свою должность, директоръ тотъ-часъ долженъ смотрѣть на своихъ кліентовъ, какъ на собственныхъ дѣтей, имѣя къ нимъ отеческое сердце на самомъ дѣлѣ («jak na własne dzieci, okazując ojcowskie ku nim serce rzeczą samą») (§ 12). На директорѣ сполна лежитъ забота о пріученіи дѣтей ко всему домашнему порядку, чистотѣ и

приличіи въ цѣлой внѣшности ихъ, объ исправномъ приготовленіи ими уроковъ, о соблюденіи должнаго такта въ отношеніи ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ къ нимъ отношеніе. Онъ долженъ также съ тѣмъ или другимъ изъ кліентовъ его „часто дѣлать визиты старшимъ, ровесникамъ, роднымъ, навѣщать больныхъ въ госпиталяхъ, оказывать съ нимъ помощь и утѣшеніе несчастнымъ“ (§ 13)...

Полагаемъ, что этихъ выписокъ достаточно для того, чтобы убѣдиться съ одной стороны въ крайней заботливости школы о воспитаніи и глубокой гуманности воспитательныхъ пріемовъ, съ другой стороны—въ крайней идеализаціи воспитанія и въ глубокихъ противурѣчіяхъ его. Всякій родитель и воспитатель нашего времени подпишется подъ этимъ гуманизмомъ и въ то-же время остановится въ недоумѣніи предъ цѣлою воспитательною системою. Крайняя идеализація, напрасная вѣра въ силу наставленій и предписаній выступаетъ со всею яркостью, когда просматриваемъ тогдашніе списки учениковъ и вѣдомости о директорахъ. Возрастъ учениковъ по этимъ спискамъ оказывается весьма разнообразнымъ, отъ 6 до 28 лѣтъ. Въ каждомъ классѣ лучшіе изъ учениковъ—меньшаго и средняго возраста. Огромное число директоровъ — въ возрастѣ отъ 14 до 16 и 17 лѣтъ, а не мало директоровъ, имѣвшихъ всего по 13 и 12 лѣтъ! И вотъ изъ какихъ отроковъ составляется воспитательный орденъ, который всецѣло долженъ посвятить себя своему призванію и въ точности выполнять идею воспитанія! Эта-то первая юность и отрочество обязывается проникнуться отеческими чувствами къ ученикамъ, хотя-бы и меньшимъ себя, „смотрѣть на нихъ, какъ на собственныхъ дѣтей, имѣть къ нимъ отеческое сердце на самомъ дѣлѣ“! Это-то дѣтство возводится въ священное учрежденіе, имѣющее право несогласія и апелляціи не только въ отношеніи къ учителямъ, но и къ префекту и къ ректору! Что могло быть плодомъ этого учрежденія, кромѣ извращенія чувства чести и собственнаго достоинства—того самаго чувства, о которомъ такъ тщательно и найболѣе заботится вся эта система! Что могло произойти въ цѣломъ поведеніи директоровъ и учениковъ, кромѣ яркихъ декорацій всѣхъ возможныхъ добродѣтелей, педантизма, самомнѣнія, напускнаго благородства! Не говоримъ о противурѣчіи въ самомъ основаніи нравственности, которая требуетъ воспитывать дѣтей на христіанской любви къ ближнимъ и къ Богу

и вмѣстѣ съ тѣмъ вкоренять въ сердцахъ ихъ то „чувство, которое имѣетъ основаніемъ самолюбіе“.

Наконецъ—ученики, эта среда, на которую направлены всѣ эти напряженныя заботы о самоотверженіи и силѣ вліянія учительскаго состава, о направленіи всего преподаванія, о значеніи директоровъ, — этотъ матеріалъ, изъ котораго должна возникнуть новая порода людей, имѣющихъ преобразовать и спасти отечество. Послѣ сказаннаго о направленіи и духѣ преподаванія, о задачахъ института директоровъ, понятенъ типъ примѣрнаго ученика. Этотъ типъ окончательно обрисовывается въ изложеніи обязанностей учениковъ, заключающемся въ уставѣ (преимущественно въ главахъ 18, 19, 21, 24, 25) и въ инструкціяхъ ректорамъ, учителямъ и директорамъ.

Въ школы (среднія и высшія учебныя заведенія) принимались только шляхетскія дѣти. Какъ ни глубоко проникнуты были школьные реформаторы идеями равенства, но, до реформы государственнаго строя, должны были сдѣлать эту уступку закоренѣлому сословному предразсудку шляхты. Тѣмъ рѣшительнѣе однако была коммисія просвѣщенія въ своихъ требованіяхъ отъ учениковъ—будущихъ гражданъ, во имя отечества. Въ историческомъ характерѣ шляхты школьная система находила много полезнаго для своихъ цѣлей матеріала: гоноръ, честолюбіе, значеніе гражданина Рѣчи Посполитой и защитника отечества. Первый параграфъ спеціальной главы устава объ ученикахъ (18) внушаетъ новоприбылому, какъ первую обязанность, смотрѣть на себя, какъ на молодаго гражданина, который долженъ, „стремиться къ тому, чтобы стать гражданиномъ зрѣлымъ“. Въ силу такого взгляда на ученика, послѣдній обставленъ всѣми гарантіями шляхетскаго права и гонора. Онъ имѣлъ право самъ о себѣ хлопотать, начиная съ записи себя въ число учениковъ до личныхъ жалобъ не только на директора, но и на учителей, префекта, даже на ректора (предъ визитаторомъ) (18, 4). Внушая учителю отвѣчать ученикамъ на урокахъ „вѣжливо, съ предупредительностью“, уставъ напоминаетъ ему, что онъ „имѣетъ дѣло съ людьми разсудительными, хотя и дѣтьми“ (14, 2). Въ наставленіяхъ всѣмъ служащимъ и директорамъ требуется особенно заботиться объ осторожности въ отношеніи къ чувству чести и собственнаго достоинства ученика.

При поступленіи въ школу, молодой шляхтичъ былъ освобожденъ отъ всякихъ формальностей: достаточно было явиться къ префекту и записаться въ число учениковъ, на всѣ предметы и классы, начиная съ перваго, или только на нѣкоторые предметы. Никакого экзамена при поступленіи въ школу не требовалось. Никакой платы за право ученія не полагалось. За неуспѣхъ въ наукахъ не полагалось исключеніе изъ школъ; шляхтичъ воленъ былъ сидѣть за скамьею, сколько ему угодно, лишь-бы велъ себя хорошо. Возрастъ для поступленія въ школу не былъ опредѣленъ: въ спискахъ встрѣчаемъ даже семи и шестилѣтнихъ дѣтей и въ то-же время въ одномъ съ ними классѣ видимъ пятнадцати и шестнадцати-лѣтнихъ. Въ старшихъ классахъ, наряду съ 14—15 лѣтними сидѣли двадцатисеми и двадцативосьми-лѣтніе. Удаленіе изъ школы допускалось, послѣ предувѣдомленія родителей, но „безъ оглашенія". Исключенія изъ школы допускались только за нѣкоторые нравственные проступки. Но и въ этомъ случаѣ, ученикъ былъ гарантированъ правомъ апелляціи къ визитатору и тѣмъ болѣе могъ расчитывать на успѣхъ своей апелляціи, что протоколъ совѣта школы объ исключеніи не подлежалъ немедленному исполненію, а представляемъ былъ предварительно на усмотрѣніе академическаго визитатора, или ректора главной школы, который могъ утвердить или отмѣнить это постановленіе совѣта школы (Уст. гл. 26, 11).

За это уваженіе къ достоинству гражданина, ученикъ обязанъ былъ всецѣло отдаться въ распоряженіе новой системы воспитанія. Непослушаніе начальникамъ и учителямъ считалось въ числѣ четырехъ грѣховъ (другіе три: воровство, пьянство и распущенность), въ случаѣ которыхъ либеральнымъ идеямъ повязывали глаза и молодаго гражданина сѣкли розгами (о семъ безъ опредѣленія числа ударовъ, гл. 26, 6—9). Самыми обыкновенными наказаніями, послѣ замѣчаній и выговоровъ, были также не идущія въ тактъ съ чувствомъ чести и самолюбіемъ, именно: стояніе въ классѣ на колѣняхъ, стояніе въ коридорѣ при проходѣ учениковъ съ таблицей въ рукахъ, на которой было написано: *лѣнивъ, неуживчивъ, непослушенъ и т. д.* Ученикъ обязанъ былъ учиться въ теченіе десяти мѣсяцевъ въ году безъ перерыва и не выѣзжать къ родителямъ ни на какіе праздники, кромѣ лѣтнихъ каникулъ, положенныхъ съ 29 іюля по 29 сентября (по новому стилю). Наканунѣ Рождества Хри-

стова уроки прекращались и возобновлялись на третій день праздника. Равнымъ образомъ ученіе прекращалось въ страстной четвергъ и возобновлялось на третій день пасхи. Родители видѣли въ этомъ распоряженіи неуваженіе къ религіи и, по старому обычаю, забирали дѣтей на праздники. Но коммисія просвѣщенія ревниво оберегала это требованіе: директорамъ, учителямъ и начальствующимъ предписывалось объяснять родителямъ благотворность этого порядка, а учениковъ за отъѣздъ на праздникъ положено было оставлять въ томъ-же классѣ на второй годъ безусловно, а за вторичный отъѣздъ не принимать въ тѣ-же школы.

Ежедневно въ семь часовъ утра всѣ ученики должны были присутствовать въ костелѣ на литургіи. Изъ костела расходились по классамъ. Ежедневно, кромѣ вторника и четверга, полагалось по четыре часовыхъ урока, отъ 8 до 10 и отъ 2 до 4 часовъ. Отъ 10 до 11 часовъ положены были необязательные предметы — иностранные языки. По вторникамъ и четвергамъ полагалось только утреннихъ два урока, и эти дни назывались поэтому рекреаціонными. Если въ одинъ изъ прочихъ четырехъ дней случится праздникъ, то въ слѣдующій рекреаціонный день уроки полагались и послѣ обѣда.

Въ квартирахъ каждый ученикъ долженъ былъ все время непремѣнно быть чѣмъ-нибудь занятъ. Послѣ приготовленія уроковъ и другихъ работъ, данныхъ учителями на домъ, ученики должны были заниматься своимъ домашнимъ хозяйствомъ: наблюдать за храненіемъ и выдачею съѣстныхъ припасовъ, непремѣнно чистить свое платье, обувь, стлать постель, содержать всѣ свои вещи и себя самихъ въ чистотѣ и опрятности, устраняя всякую роскошь въ одежѣ, равно какъ и скупость въ ней, ежедневно провѣтривать квартиру, сами должны (малые—съ директоромъ) ходить къ своимъ портнымъ, сапожникамъ и под., въ случаѣ необходимости заказать или починить платье, обувь и т. под., вообще должны были укрѣплять себя въ быту, свойственномъ мущинѣ, въ упражненіяхъ, закаливающихъ силу, и стыдиться въ себѣ „нѣжности и деликатности женской“ (niewieściej). По приведеніи въ порядокъ всѣхъ своихъ дѣлъ, ученики занимались играми по назначенію директора, или подъ предводительствомъ его отправлялись на базаръ, въ лавки, аптеки, мастерскія и

под., сообразно указаніямъ въ инструкціи для учителей экономіи, искусствъ и ремеслъ. Въ девять часовъ ложились спать.

Въ дни рекреаціонные, а такъ-же въ праздники, послѣ обѣда, всѣ ученики, во главѣ своихъ директоровъ, должны были отправляться на прогулку „безъ отговорки непогодой, развѣ префектъ отмѣнитъ". Прогулка происходила за-городомъ и состояла въ разнообразныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, подъ наблюденіемъ и руководствомъ префекта или учителя. „Эти упражненія, говоритъ уставъ (гл. 25, 2), должны служить для развитія крѣпости, гибкости, ловкости тѣла, мужества и отваги, и соотвѣтствовать цѣли. Таковы: игра въ мячъ, при которой нужно живо убѣгать и возвращаться; игра въ балонъ или большой мячъ, бросаніе камней въ воду, бѣгъ въ перегонку до назначеннаго мѣста, верховая ѣзда, измѣреніе огородовъ; полей, трудныхъ для приступа мѣстъ и т. п.". „Но наиболѣе предписываются *упражненія военныя,* которыя, развивая гибкость и ловкость тѣлесную, вмѣстѣ съ тѣмъ развиваютъ силу и крѣпость духа, вдохновляютъ чувствомъ чести" (глава 21, 3). „Свойственными шляхетской молодежи должны считаться упражненія, состоящія въ солдатской выправкѣ, въ штурмѣ и оборонѣ какого-либо мѣста, вообще научающія *военному строю, порядку и военному закону.* Ничто болѣе не помогаетъ возбужденію мужества, силы духа, благороднаго великодушія и стародавняго рыцарскаго духа, какъ эти упражненія молодежи. Юноши, надлежаще руководимые, научатся различать благородную отвагу отъ истиннаго мужества и храбрости, заранѣе убѣдятся въ той истинѣ (и приготовятся къ исполненію ея), что каждый гражданинъ во всѣхъ странахъ, особенно въ республикѣ (rzeczy pospolitej) долженъ быть солдатомъ, т. е. охранителемъ своего отечества, не глядящимъ вспять, но руководимымъ справедливостью и честью. Начальствующіе и руководящіе воспитаніемъ должны самымъ тщательнымъ образомъ предохранять молодежь въ этихъ играхъ и развлеченіяхъ отъ всякаго коварства, вѣроломства, притѣсненія и обиды слабыхъ сильными, отъ пустаго удальства, и строго наказывать за подобные поступки. Съ другой стороны, много поможетъ дѣлу, когда отважныхъ, безстрашныхъ, храбрыхъ, побѣдителей на играхъ и упражненіяхъ они будутъ открыто хвалить, не унижая другихъ, награждать ихъ вѣтками или вѣнками, ставить ихъ на челѣ другихъ во

время подобныхъ упражненій; когда будутъ при этомъ заохочивать учениковъ воспѣвать своего товарища (побѣдителя) въ стихахъ. Такое нераздѣльное, физическое и нравственное воспитаніе способно будетъ дать обществу почтенныхъ людей, а отечеству добрыхъ гражданъ" (гл. 25, 2).

Приходится сказать при этомъ, въ заключеніе нашего обозрѣнія системы среднихъ школъ: „а ларчикъ просто открывался!" Всѣ эти разсужденія о значеніи военныхъ упражненій для шляхетской молодежи, для развитія великодушія и рыцарства, сами собою падаютъ, при сравненіи ихъ съ наставленіемъ учителю сельской школы, воспитывавшей не гражданъ, но безправныхъ лицъ, въ строго крѣпостномъ духѣ;—ему внушалось коротко, лаконически—въ играхъ сельскихъ дѣтей соблюдать всѣ установленія, какія предписаны для среднихъ школъ. Эти разсужденія очевидно нужны были только для отвода глазъ зоркихъ наблюдателей—посланниковъ сосѣднихъ державъ, которыя не могли бы ожидать равнодушно (какъ это потомъ и случилось), пока вся страна превратится въ одинъ сплошной военный лагерь и все молодое поколѣніе, безъ различія сословій, въ сплошную армію. Къ сожалѣнію, нужно признать, что это именно было завѣтною мыслію тогдашнихъ школьныхъ реформаторовъ, это было отдаленною и конечною цѣлію системы ихъ. Наставленія учителю исторіи, права и морали относительно политики завоеваній, эти пылкія и настойчивыя внушенія возбуждать учениковъ противъ того, „что было хитростью, подлостью, насиліемъ, грабежомъ, наѣздомъ, присвоеніемъ чужой собственности", все это, въ соединеніи съ порывистостью заботъ о военныхъ упражненіяхъ, отравляло новую школьную систему въ самомъ источникѣ ея [1]): образованіе стало неразлучно съ задорной

---

[1]) Любопытны мотивы, къ которымъ прибѣгали впослѣдствіи для защиты этой системы и основной ея задачи поборники ея во времена Варшавскаго Герцогства, когда на вѣнскомъ конгрессѣ рѣшенъ былъ вопросъ объ учрежденіи Царства Польскаго. Въ организаціонномъ комитетѣ, учрежденномъ по этому случаю, поднялись сильныя нареканія на систему образованія за ея враждебность истинной религіи, за матеріализмъ, за солдатчину. Одинъ изъ членовъ этой коммисіи и тогдашнихъ министровъ, другъ главнаго представителя этой системы Станислава Потоцкаго, извѣстный своимъ напыщеннымъ краснорѣчіемъ Матусевичъ, отвергая упреки въ анти-религіозности и матеріализмѣ, о военныхъ упражненіяхъ учениковъ такъ от-

политикой и съ мечтами о возстановленіи Польши въ старыхъ границахъ...

Первоначально военныя упражненія, какъ и прочія игры, производились дѣйствительно подъ руководствомъ префектовъ. Забавно было это молодое воинство подъ командою ксендза-префекта! Странны были эти почтенные монахи-піаристы, найболѣе ретиво упражнявшіе своихъ питомцевъ въ военныхъ „муштрахъ". Но скоро дѣло вышло на болѣе прямую дорогу: для военныхъ упражненій нанимаемы были отставные унтеръ-офицеры, появились деревянныя сабли, ружья, пушки, даже военная форма на ученикахъ, во время упражненій, устроялись примѣрныя сраженія, взятіе и оборона крѣпостей. Даже каневскіе базиліане, содержавшіе съ ничтожнымъ пособіемъ отъ коммиссіи просвѣщенія едва-ли не самую плохую въ цѣломъ краѣ школу, не нашли чѣмъ лучше встрѣтить прибывшаго въ 1787 году на свиданіе съ императрицею Екатериною II польскаго короля Станислава Понятовскаго, какъ выставкою своихъ учениковъ, сполна одѣтыхъ и вооруженныхъ по-солдатски. („Dziennik podróży króla Stanisława Augusta na Ukrainę" r. 1787.—*Дневникъ поѣздки короля Станислава Августа на Украйну 1787 г.*—

зывался: »польскій народный характеръ отличаютъ двѣ важныя черты: рыцарскій духъ и любовь къ отечеству. Онѣ не противны религіи и потому ихъ нужно укрѣплять. Раждаются для насъ новыя обязанности благодарности къ монарху, котораго справедливо можно назвать коронованнымъ ангеломъ. Чѣмъ-же мы отвѣтимъ ему на благодѣянія, если не *станемъ для него щитомъ, который могъ бы защищать его* (!). Нынѣшнее состояніе края таково, что неизбѣжно ведетъ его къ уменьшенію войска. Чтобы за этимъ не послѣдовалъ упадокъ военнаго духа, надлежитъ еще въ школахъ впаять его въ сердца молодежи и даже играмъ учениковъ давать рыцарскій характеръ, дабы всегда имѣть солдата, наименѣе обременительнаго для страны и найболѣе приготовленнаго на случай нужды (do potczeby). Пускай будутъ на челѣ образованія обязанности добраго христіанина, но, вмѣстѣ съ правилами религіи, пускай оно проникается тѣмъ, что возбуждаетъ обязанности обывателя и солдата, словомъ—пускай девизомъ его будетъ: Богъ, отечество, слава«. (Изъ дѣлъ архива варшавскаго учебнаго округа 1815 г. Akta... ustaw organiezuych № 1, vol. 1, lit. A). Предсѣдателемъ организаціонной коммисіи былъ Ланской, однимъ изъ членовъ Новосильцовъ.—Поборники школьной системы, завѣщанной временемъ реформы, успѣли отстоять ее для Царства Польскаго, но въ 1820 году она пала вмѣстѣ съ Станиславомъ Потоцкимъ, послѣ чего началось сильное броженіе въ краѣ.

Лукаш. 11, 327 и 328 въ примѣчаніи). Молодое войско, воспитанное въ новыхъ идеяхъ, гордое своимъ предназначеніемъ, рвалось сразиться съ врагами идеальнаго отечества. Такихъ враговъ въ то время Польша имѣла внутри себя гораздо больше, чѣмъ извнѣ. Молодое войско, особенно въ большихъ городахъ, такъ-же имѣло предъ собою живыхъ враговъ отечества. То была для нихъ главнымъ образомъ *Палестра*—пріютъ многочисленной, большею частію не окончившей курса шляхетской молодежи, практически обучавшейся канцелярской судебной казуистикѣ. Для школьниковъ палестранты были представителями дикой старины, противниками новаго духа, въ особенности послѣ того, какъ приготовленное, по порученію сейма 1776 г., однимъ изъ членовъ коммиссіи просвѣщенія, Андреемъ Замойскимъ, новое судебное уложеніе[1]) было отвергнуто послѣдующимъ сеймомъ, какъ неблаговременное. Вспомнимъ рѣзкій отзывъ Пирамовича объ этомъ старомъ польскомъ судопроизводствѣ (prawnictwo), какъ о мерзости, подъ которою скрыли истинное право „дикія понятія и обычаи грубыхъ вѣковъ" (въ рѣчи 1783 г.). Визиты и школьные рапорты жалуются, что палестранты первые нападали; молодое войско принимало бой. Но вслѣдъ за тѣмъ на сторонѣ палестры появлялись толпы праздношатающихся молодыхъ шляхтичей—кунтушниковъ и городскихъ мѣщанъ, и бой принималъ такіе размѣры, что для прекращенія его часто требовалось содѣйствіе дѣйствительныхъ войскъ.

Новыя идеи сильно враждовали съ сословностью, съ привиллегіями высшихъ классовъ и проповѣдывали равенство всѣхъ, братство. Школьные польскіе реформаторы не могли помириться съ старшиною, сдѣлавшею образованіе исключительною принадлежностью шляхты. Они хорошо понимали эту застарѣлую болѣзнь Польши, исключавшую всю массу мѣщанъ и крестьянъ изъ числа гражданъ—защитниковъ отечества. Въ кружкѣ этихъ реформаторовъ давно уже бродили мысли о надѣленіи мѣщанъ правами гражданства и даже объ освобожденіи крестьянъ, какъ найлучшемъ способѣ усилить организмъ Польши. Но они понимали, что шляхта составитъ необоримую стѣну противъ этихъ попытокъ и скорѣе

[1]) *Zbiór praw sądowych. Warszawa, r. 1788.*

разрушитъ Польшу, чѣмъ откажется отъ своихъ правъ, потому что, по убѣжденію ея, Польша—это она. Потому-то только робко, стороною высказывались тогда эти мысли. Реформаторы школы нашли средство, не трогая правъ шляхты, приложить могущественную силу школы ко всѣмъ низшимъ, безправнымъ классамъ, чтобы обратить ихъ въ надежныхъ защитниковъ отечества. Нужна была ловкость Пирамовичей, чтобы не возбудить въ шляхтѣ подозрѣнія и не уничтожить этого дѣла въ самомъ началѣ. Вотъ какъ объясняетъ идею сельской школы Пирамовичъ въ рѣчи своей 7 марта 1786 г., по случаю выхода въ свѣтъ перваго полнаго учебника для этихъ школъ[1]). „Въ составѣ и въ цѣломъ содержаніи этого учебника издатели руководились тѣмъ правиломъ, чтобы все направлено было къ истинному (?) просвѣщенію, которое опредѣляется потребностями народа и его обязанностями въ отношеніи къ своимъ панамъ, сельскому быту и къ самимъ себѣ. Если посполитые люди пойдутъ по указанію наукъ, назначенныхъ для нихъ, то они не могутъ стать иными, какъ только вѣрными краю и своимъ панамъ, старательными въ исполненіи своихъ обязанностей, справедливыми, полными любви и милосердія къ ближнимъ, любящими правду, трезвость, добрый домашній порядокъ и трудъ. Нѣтъ ничего желательнѣе, чтобы образованіе равномѣрно распространялось по всему краю и изливало свои благодѣянія на всѣ сословія народа. Ревность побуждаетъ распространять свѣтъ просвѣщенія во всѣхъ слояхъ, на которые Провидѣніе подѣлило человѣческій родъ. Высшіе классы, призванные къ управленію страною, имѣютъ свои науки, которыя должны руководить ихъ въ законодательствѣ и судѣ, возвышать души ихъ къ благородству, свойственному имъ по самому рожденію, укрѣплять въ нихъ сознаніе того, что они—опекуны и охранители страны, совѣтники и стражи отечества. Тѣ-же, которымъ свыше предопредѣлено посвящать свой трудъ на продовольствіе правителей и охранителей своихъ и воздѣлывать плоды земные для общей пользы и выгоды, или заниматься приготовленіемъ ремесленныхъ издѣлій и предметовъ, необходимыхъ для владѣтелей, землевладѣльцевъ и для всѣхъ тѣхъ, кто нуждается въ нихъ, тѣ найдутъ въ назначенныхъ для дѣтей ихъ наукахъ нрав-

[1]) О немъ будетъ ниже

ственныя и физическія свѣдѣнія, соотвѣтственныя призванію ихъ. Осторожность всегда должна управлять рукою, которая берется раскрывать истину,—осторожность, основанная на ясномъ пониманіи обстоятельствъ и взглядовъ страны. Опасно было-бы вдругъ ниспровергать общее убѣжденіе. Истина должна приводить только къ добродѣтели и ни къ чему другому. Если-бы блескъ ея разомъ ударилъ на слабыя и неприготовленныя очи, то могъ-бы лишить ихъ и остатка свѣта, навсегда ослѣпить".

Приготовляя новую организацію для низшихъ школъ, коммисія просвѣщенія 1) тщательно развѣдывала, гдѣ имѣлись школьные фундуши и спѣшила взять ихъ въ свое вѣдѣніе; 2) при распредѣленіи по-іезуитскихъ костеловъ и зданій между епархіальными учрежденіями, она постановляла непремѣннымъ условіемъ содержаніе при нихъ первоначальныхъ школъ; 3) обращалась къ содѣйствію помѣщиковъ для учрежденія школъ въ имѣніяхъ ихъ; 4) открыла нѣсколько школъ на счетъ общихъ эдукаціонныхъ суммъ. По установленіи организаціи этихъ училищъ, названныхъ *парафіальными*, коммисія сдѣлала распоряженіе о воспрещеніи училищъ инаго типа и о немедленномъ закрытіи таковыхъ, если-бы онѣ гдѣ нибудь появились, о чемъ должны развѣдывать проректоры, ректоры и визитаторы школъ.

Уставъ постановилъ лишь самыя общія правила о *парафіальныхъ* школахъ (гл. 22). Въ развитіе этихъ правилъ издано было особое распоряженіе (Przepis) объ организаціи ихъ. Парафіальныя школы раздѣлялись на большія и меньшія (większe i mniejsze). Въ первыхъ положено было обучать: религіи, нравственности, чтенію и письму, счету, началамъ измѣренія, огородничеству, земледѣлію, сохраненію здоровья, леченію скота, сообщать свѣдѣнія о мѣстной торговлѣ, промыслахъ, ремеслахъ, хозяйственныхъ орудіяхъ, постройкахъ и т. п. „Въ меньшихъ школахъ, въ которыхъ обыкновенно учатся только сельскія дѣти, эти науки преподаются въ меньшемъ размѣрѣ, приспособительно къ мѣстнымъ потребностямъ" (глав. 22, 4). Для обученія этому курсу какъ въ большихъ, такъ и въ меньшихъ школахъ, положенія (Przepis) назначаютъ ни больше, ни меньше, какъ 12 лѣтъ! „А потому, говорятъ онѣ, дѣти должны начинать первое свое обученіе съ четырехъ и пяти лѣтъ, дабы въ семнадцать или восемнадцать лѣтъ они уже могли быть

приготовленными на службу отечества."—Время ученія для деревенскихъ школъ назначается отъ св. Михаила до св. Войцѣха (29 сент. до 23 апр. по нов. ст.); въ городскихъ училищахъ тотъ-же срокъ, что и для „высшихъ школъ".—Коммисія выражала желаніе, чтобы такія школы устроены были въ каждомъ городѣ и въ каждомъ сельскомъ приходѣ.

Но если могло быть обойдено затрудненіе съ предубѣжденіемъ шляхты, то какъ обойти его съ учителями? Какимъ образомъ не только надѣлить каждый приходъ учителями новаго духа, но и преобразить хотя нѣсколькихъ наличныхъ учителей—органистовъ по идеямъ Руссо и Кондильяка? Хотя коммисія просвѣщенія постановила учредить учительскіе институты въ Ловичѣ и въ Кѣльцахъ, хотя въ 1787 году примасъ Польши Михаилъ Понятовскій приступалъ къ учрежденію этихъ институтовъ на свой счетъ, а Пирамовичъ тогда-же составилъ планъ организаціи ихъ, но добросовѣстный Лукашевичъ[1]) сознается, что онъ нигдѣ не нашелъ какихъ-либо документовъ, доказывающихъ дѣйствительное существованіе этихъ институтовъ, хотя ему доступны были всѣ бумаги тогдашней коммисіи просвѣщенія и документы всѣхъ школъ. Коммисія просвѣщенія, издавая *Положеніе* (Przepis) о парафіальныхъ школахъ, хотя и выразила свой идеальный взглядъ на начальнаго учителя, однако благоразумно покорилась необходимости. „Коммисія народнаго просвѣщенія, говорится въ самомъ началѣ этого *положенія*, желала-бы, чтобы каждый, посвятившій себя учительству, прежде всего поступалъ на должность учителя парафіальной школы и, начиная съ этого перваго ступеня, постепенно восходилъ по лѣстницѣ учительской до самыхъ высшихъ степеней въ академіяхъ. Но, пока это осуществится, пока не устранено будетъ лож-

---

[1]) *Historya szkół* т. II, стр. 417 и 418. Не смотря на ясное указаніе Лукашевича, не смотря на то, что доселѣ не имѣется какихъ либо документовъ дѣйствительнаго существованія этихъ институтовъ, послѣдующіе польскіе историки и обозрѣватели этого періода доселѣ продолжаютъ утверждать, что институты не только существовали, но приносили краю ожидаемые отъ нихъ плоды, а г. *Заруцкій* (Dawne wychowanie w Polsce. 1878 г.) насчитываетъ десятокъ тысячъ школъ, появившихся будто-бы въ Польшѣ спустя всего пять лѣтъ послѣ открытія институтовъ!..

ное мнѣніе о низкомъ уровнѣ поста парафіальнаго учителя, пока не будутъ приготовлены для этихъ мѣстъ способные кандидаты, тѣмъ временемъ приходскіе священники поставятъ на эти мѣста такихъ лицъ, какихъ найдутъ способными" (§ 1 и 2). Первыя парафіальныя школы съ новымъ курсомъ могли появиться только въ 1786 году, такъ какъ въ 1785 году коммисія просвѣщенія издала первый учебникъ основнаго курса ихъ. Это былъ: Elementarz dla szkół parafialnych narodowych" (*Букварь для приходскихъ народныхъ школъ*), напеч. въ Краковѣ и заключающій въ себѣ: 1) *Обученіе чтенію и письму*, съ статьями для чтенія и наставленіями для учителя, состав. піаристомъ Копчинскимъ, 2) *Краткій катехизисъ*, 3) *Нравственныя наставленія* (nauka obyczajów), состоящія въ изложеніи общихъ обязанностей ученика и человѣка низшаго класса, составл. самимъ Пирамовичемъ, 4) *Счисленіе* (nauka rachunków), составл. піаристомъ Гавронскимъ и заключающее въ себѣ первыя четыре дѣйствія ариѳметики съ понятіями о мѣрѣ, вѣсѣ и т. п.[1]). По основному своему духу, по пріемамъ обученія, какъ и по составу своему, этотъ учебникъ такъ-же далеко отстоялъ отъ тогдашнихъ букварей, съ неизбѣжными въ нихъ нѣжными похвалами розгѣ, какъ желанные коммисіей просвѣщенія учители—отъ наличныхъ тогда сельскихъ органистовъ. Кромѣ того, этотъ учебникъ далеко не обнималъ собою всѣхъ предметовъ, положенныхъ въ курсѣ начальныхъ школъ и требовавшихъ для прохожденія его двѣнадцать лѣтъ. Пылкій Пирамовичъ, глубоко вѣрившій въ силу наставленій, рѣшился съ одной стороны восполнить учебникъ, съ другой стороны приготовить наличныхъ учителей къ исполненію мыслей коммисіи въ возможной полнотѣ ихъ. Съ этою цѣлію онъ составилъ: „Powinności nauczyciela, mianowicie zaś w szkołach parafialnych i sposoby ich dopełnienia", (Обязанности учителя, главнымъ образомъ въ приходскихъ школахъ и способы выполненія ихъ), сочиненіе напечатанное въ 1787 г. и предписанное коммисіей въ руководство для всѣхъ парафіальныхъ учителей.

Едва-ли какая либо педагогическая литература представитъ другое, такое же полное и всестороннее наставленіе начальному

[1]) О лицахъ, участвовавшихъ въ составленіи Букваря, упоминается въ рѣчи Пирамовича 7 мар. 1786 года.—*Nauka obyczajów*—Пирамовича издана была особо въ 1862 году редакціей варшавской *Gazety rolniczej*, служившей органомъ извѣстнаго тогда земледѣльческаго общества.

учителю, какое дастъ эта книга Пирамовича (13+211 стр. in 8). Это писалъ не только человѣкъ просвѣщенный, хорошо соображавшій всѣ, даже самыя мелкія подробности своей задачи и имѣвшій обширныя свѣдѣнія о предметѣ, но энтузіастъ, фанатикъ идеи, безпредѣльно преданный ей и безусловно вѣрившій въ силу ея, въ возможность для тогдашняго сельскаго учительскаго типа проникнуться духомъ ея и осуществить ее на крестьянскихъ дѣтяхъ, съ помощію только напряженія воли. Это не простое изложеніе наставленій, не рядъ спокойныхъ объясненій и указаній, но одна непрерывная педагогическая проповѣдь, горячая, идущая отъ сердца; авторъ направилъ все свое вниманіе на чувство и воображеніе учителя, онъ старается увлечь его, покорить, проникнуть духомъ своей идеи. Польская деревня представляется ему крѣпостническимъ раемъ, въ которомъ благодѣтельные паны сходятся въ благородномъ и самоотверженномъ служеніи счастью крестьянина и высоко ставятъ постъ сельскаго учителя,—учитель, просвѣщенный образецъ всѣхъ нравственныхъ достоинствъ, возлагаетъ на олтарь отечества всѣ свои силы,—крѣпостной человѣкъ, надѣленный всѣми добродѣтелями своего званія, охотно несетъ ихъ на службу своимъ панамъ и отечеству! Каждое положеніе и наставленіе въ отдѣльности проникнуто гуманностью, многія изъ нихъ глубоко педагогичны и приложимы къ сельской школѣ во всякое время и въ каждомъ мѣстѣ, не мало такихъ наставленій и правилъ, которыя слѣдовало бы зарубить каждому современному учителю начальной, особенно сельской школы; но всѣ онѣ вмѣстѣ, въ своемъ духѣ и направленіи, производятъ тяжелое впечатлѣніе напряженныхъ усилій позолотить польское крѣпостное ярмо, сдѣлать тѣло и душу крестьянина возможно лучшею машиною панскихъ выгодъ и политическихъ видовъ Польши. И здѣсь Пирамовичъ строитъ все свое педагогическое зданіе на *правѣ натуры*, въ которой сокрыта, по тогдашнему міровоззрѣнію, воля Божія, а натура крестьянъ—крѣпостное состояніе! „Божія воля, говоритъ онъ, предопредѣлила имъ такое состояніе“... Если бы авторомъ руководила дѣйствительно христіанская мысль, состраданіе къ угнетенному и приниженному классу, забота о воспитаніи человѣка—христіанина, который и въ неволѣ сознаетъ себя свободнымъ, сыномъ Божіимъ, тогда вся филиппика Пирамовича получила бы иное направленіе и иное освѣщеніе. Но это холодное

предопредѣленіе, эта воля натуры, дающая только обязанности и никакихъ *правъ*, освящающая рабство, это есть нѣчто единственное въ христіанскомъ педагогическомъ мірѣ, обнаруживающее всю страстность постороннихъ, политическихъ видовъ, орудіемъ которыхъ сдѣлана школа.

Безъ сомнѣнія, потребуется большое усиліе, чтобы воспитать учителя, способнаго исполнить эту задачу. Пирамовичъ хорошо зналъ человѣка и способы возбужденія его. Онъ сразу поднимаетъ учителя на такую высоту, на которой и у современнаго учителя закружилась бы голова. „Человѣкъ, призванный къ завѣдыванію парафіальною школою и къ обученію дѣтей въ деревняхъ и мѣстечкахъ, долженъ смотрѣть на свою службу, какъ на дѣло величайшей важности во всѣхъ отношеніяхъ. Задача призванія его состоитъ въ томъ, чтобы въ своемъ обученіи онъ обнялъ все, что составляетъ благо ввѣренныхъ ему учениковъ, какъ въ дѣтствѣ ихъ, такъ и въ дальнѣйшей жизни". Для лучшаго уразумѣнія своихъ обязанностей, Парамовичъ требуетъ отъ учителя: 1) „прежде всего обращайся съ молитвою къ отцу свѣта Богу, чтобы Онъ подкрѣплялъ тебя въ твоихъ трудахъ и занятіяхъ, поддерживалъ твое усердіе и услаждалъ горечь"; 2) „употреби все усиліе, чтобы въ разговорахъ съ умными и опытными людьми почерпать для себя необходимыя для тебя свѣдѣнія, получать рѣшеніе твоихъ недоумѣній, какъ лучше поступать съ учениками во всѣхъ отношеніяхъ; 3) совѣтуетъ читать педагогическія книги, изъ которыхъ однако не указываетъ ни одной [1]), „а пока добудешь другія книги, читай эту,

---

[1]) На польскомъ (и на латинскомъ) языкѣ печатались въ то время преимущественно рѣчи при открытіи ученія въ высшихъ школахъ, на публичныхъ экзаменахъ, рѣчи профессоровъ при вступленіи въ должность и под., проэкты и уставы школьной организаціи и т. п. Общій педагогическій интересъ, но слишкомъ отдаленный для сельскаго учителя, имѣли слѣдующія книги: *Rozmowa filozofa z politykiem o trojakiem w Polsce młodzi wychowaniu*, 1756, графа Тарновскаго; *Rozmowa o celu i najpierwszym edukacyi końcu*, 1757,—произведеніе учениковъ піарскихъ школъ (конечно выправленное); *Przyaciel młodych*, 1781 г., перев. съ французскаго: *O edukacyi dzieci*, 1781, Локка, переводъ съ франц. изданія; *Adela i Theodor*, 1787,—письма о воспитаніи M-me de Gentis; *O publicznej edukacyi porównanej z prywatną*, 1789, *O domowym ćwiczeniu dzieci w naukach*, 1784, Ролленя, переводъ Толочки; *Spo-*

она достаточно поможетъ тебѣ въ твоей задачѣ, если ты будешь часто, внимательно совѣтоваться съ нею и повѣрять сю все твое поведеніе". Четвертое и пятое правило внушаетъ предварительно обдумывать каждый свой урокъ, всякое слово, поступокъ, движеніе и т. п. на урокахъ. Какъ учителямъ высшихъ школъ, такъ и начальному учителю въ особенности онъ внушаетъ болѣе всего размышленіе съ самимъ собою. Онъ даетъ ему даже формулу ежедневныхъ размышленій съ самимъ собою: „размышляй самъ съ собою ежедневно: волею Бога, любвеобильнаго Отца всѣхъ людей, я призванъ посвятить всѣ свои силы обученію дѣтей, чтобы сдѣлать ихъ людьми набожными, добродѣтельными, знающими въ своемъ хозяйствѣ, здоровыми и крѣпкими, вообще счастливыми. О, Боже, какъ велика, какъ похвальна задача моего служенія! Вижу, каковъ мой долгъ и мои обязанности".

Эти обязанности весьма сложны. Учитель долженъ хорошо знать тѣ предметы, которымъ будетъ обучать дѣтей; онъ долженъ имѣть ясное и полное пониманіе всѣхъ нуждъ селянина, или горожанина, каждой работы, каждаго ремесла и орудія, всякаго сельскаго производства, торговли, садоводства, земледѣлія, всѣхъ домашнихъ принадлежностей и т. п., и всему научить ученика, что нужно для его личнаго счастія и счастія отечества, отнюдь не выводя его за черту крѣпостнаго быта, дабы не возбудить противныхъ обязанностямъ его стремленій. Учитель—„все" для ученика. „Провидѣніе поставило его отцомъ и опекуномъ для дѣтей". Онъ долженъ имѣть къ ученикамъ: „любовь, отеческое сердце, заботливость, стараніе о благѣ ихъ". Онъ главный распорядитель ихъ не только въ школѣ, но и дома; онъ долженъ часто посѣщать ихъ дома и наблюдать, все-ли исполняютъ они по указаніямъ его, имѣютъ-ли необходимое платье, постель, здоровую пищу, провѣтривается-ли ежедневно изба, достаточно-ли родители даютъ имъ времени для прогулокъ и т. п., и, если-бы замѣтилъ неисправность за

---

sób zaszepienia w dzieciach obyczajów i nauk, podany rodzicom i tym, którzy się zatrudniają perwiastkowym ich przysposobieniem do tych dwoch zamiarów, 1787. Послѣднія два сочиненія ближе всѣхъ касаются интересовъ начальнаго учителя, но только образованнаго. Не упоминаемъ здѣсь о французскихъ перепечаткахъ того времени.

самими родителями, долженъ имъ замѣтить о томъ „наединѣ“ и т. п. „Но недостаточно умѣть исполнять обязанности учителя, нужно еще имѣть свойства и надлежащія качества сердца, воли и быта“. „Цѣлою своею жизнію и цѣлымъ своимъ бытомъ онъ долженъ давать дѣтямъ примѣръ набожности, почтенія, трезвости и чистоты“ и т. д., „въ словахъ, движеніяхъ, во всемъ поведеніи своемъ сохранять приличіе и достоинство, не придавая себѣ смѣшной манеры въ походкѣ, говорѣ“ и т. д. Если-бы учитель нашелъ необходимымъ наказать кого-либо изъ учениковъ, въ особенности обратиться къ тѣлесному наказанію (do chlosty i plag), онъ „долженъ предварительно дать понять провинившемуся и другимъ ученикамъ, что онъ вынужденъ взяться за розгу, заклинать ихъ и просить, чтобы не давали ему поводовъ къ тому“, долженъ наказывать „съ тяжелою скорбію“ (z umartwieniem), „пускай болѣетъ сердцемъ (ubolewa) надъ виновнымъ и ожидающимъ наказанія“. Подобные пріемы доброты учителю диктуются во всѣхъ другихъ положеніяхъ. Облегчая такимъ образомъ учителю исполненіе его задачи, Пирамовичъ не забываетъ главнаго рычага естественной нравственности, самолюбія и всюду обращается къ нему, какъ лучшему средству возбудить и укрѣпить энергію его. Всего болѣе онъ старается проникнуть его чувствомъ собственнаго достоинства, мыслію о высокой важности его призванія, о чемъ внушаетъ ему ежедневно размышлять и съ самимъ собою, черпая въ собственномъ чувствѣ и совѣсти главное утѣшеніе для себя. „Что за радость, что за утѣшеніе для того человѣка, которому собственная совѣсть даетъ доказательства того, что онъ своимъ стараніемъ и трудомъ содѣйствовалъ благу людей“! Онъ увѣряетъ также учителя—этого прежняго слугу приходскаго ксендза, униженно выпрашивавшаго на панскомъ дворѣ то кусокъ поля, то мѣрку *збожа,* подобострастно ловившаго улыбку панскаго *эконома,*—что „всѣ разумные и почтенные граждане, родители дѣтей, даже пастыри духовные, равно служащіе при панскомъ дворѣ, помѣщики и всѣ паны, зная, какою великою заботою о людскомъ благѣ занятъ учитель, будутъ имѣть службу и личность его въ почтеніи и уваженіи“.

Не будемъ останавливаться на подробностяхъ самой программы обученія по руководству Пирамовича, отмѣтимъ только болѣе характеристическія черты его.

Общею чертою наставленій по каждому предмету служитъ непремѣнное указаніе выгодъ этого предмета и занятій имъ для дѣтей и для родителей ихъ. Вмѣстѣ съ указаніемъ такихъ сторонъ, которыя мѣтко совпадаютъ съ нуждами сельскаго быта, Пирамовичъ въ каждомъ случаѣ выражаетъ и заботу о томъ, чтобы учитель не выступилъ за черту крѣпостнаго сословія и не возбудилъ въ дѣтяхъ стремленій къ тѣмъ понятіямъ и ощущеніямъ, которыя не свойственны ихъ „званію".

Обученіе чтенію и письму рекомендуется совмѣстное, что было цѣлымъ переворотомъ сравнительно съ прежнимъ *силлябизованіемъ*. Для чтенія требуется дѣлать строгій выборъ книгъ и статей, сообразно „званію" дѣтей и ихъ родителей. Всего лучше читать: „наставленія объ обязанностяхъ", изложенныя въ Букварѣ 1785 г., статьи религіозныя, а также „отрывки изъ священной исторіи, о хозяйствѣ, огородничествѣ, о нѣкоторыхъ болѣзняхъ людей и скота, о леченіи ихъ и т. п., ничего не сообщая при этомъ, что выше ихъ пониманія и состоянія". Для упражненій въ письмѣ полагается составленіе „просьбъ, документовъ и разсказовъ, краткихъ и ясныхъ, притомъ о такихъ дѣлахъ, которыя случаются или могутъ случиться въ деревняхъ и мѣстечкахъ, какъ напримѣръ нужда пойти съ просьбою во дворъ (къ помѣщику) или къ другимъ властямъ (сельскимъ). Толковый учитель долженъ дать имъ образцы на эти случаи. Смотря по времени и обстоятельствамъ хозяйственнымъ, пускай записываютъ, сколько на которомъ полѣ посѣяно, сколько и какого зерна собрано, умолочено, продано и под. Иногда прикажетъ имъ написать свойственныя ихъ возрасту и сословію письма, содержаніемъ которыхъ долженъ быть или спросъ о чемъ-нибудь, или донесеніе, или совѣтъ. Такимъ способомъ учитель сдѣлаетъ эту науку и полезною, и безупречною". „Грамотность, наставляетъ Пирамовичъ, тогда только была-бы вредною, когда крестьянинъ, считая себя грамотнымъ, пренебрегалъ-бы своими обязанностями, опускалъ-бы хозяйство, оставлялъ отцовское жилище, бросалъ-бы земледѣльческое, ремесленное или торговое сословіе и уносился-бы напраснымъ любопытствомъ въ чтеніе книжекъ, безполезныхъ для него". „Красивое письмо, заключаетъ онъ наставленіе, для этихъ людей не нужно, напрасно ушло-бы на это много времени и принужденія... Прикажетъ имъ только писать чисто, не пачкать бумагу".

При обученіи *счисленію,* требуется брать примѣры исключительно изъ крестьянскаго быта и особенно упражнять учениковъ въ составленіи реестровъ хозяйственныхъ предметовъ, для чего „брать у хорошихъ дворскихъ счетчиковъ образцы счетовъ зерноваго хлѣба и денегъ, по которымъ ученики должны составлять свои реестры“.

Выгоды обученія *измѣренію* Пирамовичъ указываетъ въ томъ, что при немъ удобнѣе соразмѣрить количество посѣва и сбора и что знатока этого дѣла могутъ „взять во дворъ“, такъ какъ помѣщики въ то время всюду приступали къ измѣренію своихъ полей. Обученіе должно было идти исключительно практическимъ способомъ. „Показавши ученикамъ инструменты и давши понятіе о каждомъ изъ нихъ, учитель выходитъ съ ними въ поля, огороды, на площади и на дѣлѣ показываетъ употребленіе ихъ и способы измѣренія“. Въ школѣ ученики будутъ чертить эти инструменты, причемъ не должно заботиться о красотѣ рисунка: „черченіе хотя и неловкое будетъ для нихъ упражненіемъ (zabawa), для красивыхъ чертежей есть школы“ (высшія). При измѣреніи требуется обучать мѣрамъ и вѣсамъ—краевымъ и пограничнымъ.

Наука о *постройкахъ* также производилась практическимъ или нагляднымъ способомъ. Учитель, объяснивъ ученикамъ, каковъ долженъ быть матеріалъ для построекъ, какъ его обработываютъ, складываютъ, заставляетъ дѣтей чертить сельскія строенія, также не заботясь „о красотѣ чертежа“; потомъ обходитъ съ дѣтьми деревню, указывая удобства или неудобства постройки того или другаго предмета, какъ-то: домовъ, сараевъ, крышъ, стѣнъ, оконъ, дверей и т. п., входитъ съ ними въ мельницы и т. д. „Но наиболѣе принесетъ пользы, говоритъ Пирамовичъ, если ученики, во время работъ при костелѣ или на панскомъ дворѣ, будутъ присматриваться, какъ складно строятъ деревянныя зданія филипоны (русскіе раскольники) и горали“ (жители карпатскихъ горъ). Пирамовичъ надѣется, что этимъ способомъ обученія школы будутъ доставлять деревнѣ и цѣлому краю „мельниковъ, пильщиковъ, бочарей, плотниковъ“ и т. п.

Совершенно въ томъ-же духѣ и тѣмъ-же способомъ должно производиться обученіе: торговлѣ, промысламъ, земледѣлію и огородничеству, причемъ то-же внушается учителю „не говорить съ

учениками о такихъ предметахъ, которые не имѣютъ отношенія къ ихъ званію и средѣ.

Что касается *физическаго воспитанія*, то для него предписываются тѣ-же пріемы и способы, какіе положены для „высшихъ школъ", тѣ-же прогулки, игры, тотъ-же „военный муштръ". Различіе только въ томъ, что при военныхъ упражненіяхъ не упоминается о возбужденіи чувства чести, рыцарскихъ доблестей и т. п., а требуется исключительно закаливать (hartować) силы учениковъ, съ употребленіемъ и нѣкоторыхъ особенныхъ пріемовъ, „свойственныхъ ихъ званію", напр. „пріучать ходить босыми, безъ обуви, развѣ ужъ слишкомъ холодно, или болѣзнь случится, или приключится что-либо другое, требующее обуви".

Нравственное воспитаніе, выходя изъ признанія крѣпостнаго состоянія Божіимъ предопредѣленіемъ, имѣло задачею всѣ добродѣтели, свойственныя этому званію, именно: „справедливость, любовь къ ближнему, милосердіе, терпѣніе, стыдливость, трезвость, повиновеніе закону, панамъ своимъ и всему высшему начальству". Безъ сомнѣнія, при этомъ не упоминается ни о какомъ правѣ натуры крѣпостнаго человѣка. Если Пирамовичъ говоритъ иногда объ уваженіи къ самолюбію крестьянскихъ учениковъ, то, не имѣя для него опоры въ натурѣ крѣпостнаго человѣка, онъ часто самъ себѣ противурѣчитъ, напр. когда совѣтуетъ учителю „наиболѣе употреблять тѣ наказанія, которыя пристыжаютъ виновнаго". Нравственное воспитаніе ставилось выше всего и безусловно подчиняло себѣ всѣ прочія задачи школы. „Если-бы учитель, говоритъ Пирамовичъ, напрягалъ всѣ свои усилія къ достиженію этой цѣли (т. е. воспитанію учениковъ въ указанныхъ добродѣтеляхъ) и успѣвалъ въ ней, то хотя бы ему не удалось научить дѣтей чему-либо другому, онъ не имѣлъ-бы въ чемъ винить себя предъ Богомъ и людьми и былъ-бы достоинъ похвалы и награды". Крестьянскія дѣти воспитываются въ добродѣтеляхъ иначе, чѣмъ шляхетскія. „Вся наука, говоритъ Пирамовичъ, должна состоять, выражусь такъ, въ заправѣ ихъ къ добру посредствомъ навыка". Предлагаются разные способы этой заправы, состоящіе въ пользованіи разными случаями, чтобы дѣтей натолкнуть на доброе дѣло и отвлечь отъ порока. Большою новостью въ начальной школѣ являлось пѣніе свѣтскихъ пѣсень, замѣнявшихъ собою прежнее совершенствованіе въ пѣніи латинскихъ

стиховъ, литаній и т. п. Пирамовичъ находитъ, что пристойныя и веселыя пѣсни много помогаютъ воспитанію. Пѣсня развеселитъ, оживитъ, дастъ пріятное развлеченіе; „посредствомъ пѣсни можно даже влагать въ душу дѣтей набожность, любовь къ ближнему, охоту къ труду, разныя добродѣтели, отвращать отъ проступковъ, праздности и т. п.“

Проектъ парафіальной школы остался неисполненнымъ, — не потому, какъ думаютъ польскіе историки, что раздѣлъ Польши помѣшалъ исполненію его, но по неприложимости его на дѣлѣ. Кромѣ внутренняго противурѣчія, какое представляетъ система воспитанія идеальнаго крѣпостнаго человѣка, важнымъ препятствіемъ къ учрежденію школъ служило отсутствіе опредѣленныхъ средствъ къ существованію школы и учителя, разсчетъ исключительно на великодушіе и милость пановъ и ксендзовъ. Только по границамъ Пруссіи, успѣвшей въ это время, при помощи простаго практическаго способа (школьные эффораты и обязательность школьныхъ складокъ), быстро распространить школы по деревнямъ, стали появляться *парафіальныя* школы, содержимыя при костелахъ по старому типу. Достаточно заглянуть въ тогдашнія «wizyty», чтобы убѣдиться въ крайней фантастичности школьной статистики г. Заруцкаго (Dawne wychowanie szkolne w Polsce), насчитывающаго въ Польшѣ въ 1790 году 9,316 парафіал. школъ и 296,400 учащихся въ нихъ.

Намъ остается сказать о женскомъ образованіи. Но о немъ мы можемъ сказать не многое. Коммисія просвѣщенія оказалась совершенно безсильною въ преобразованіи воспитанія славившейся тогда въ цѣлой Европѣ польки. Тутъ всѣ старанія коммисіи разбивались о примѣры въ семействахъ даже самихъ членовъ ея, какъ напр. одного изъ наиболѣе видныхъ Адама Чарторыжскаго, жена котораго была извѣстною въ Европѣ красавицей и куртизанкой, или—въ домѣ предсѣдателя ея, епископа Массальскаго, племянница котораго, герцогиня де-Линь, обратила епископскій домъ въ пріютъ едва-ли не самой веселой жизни на Литвѣ и найболѣе содѣйствовала растратѣ дядей ея огромныхъ суммъ изъ по-іезуитскихъ капиталовъ,—или жена даже самаго преданнаго учебной реформѣ Игнатія Потоцкаго, его брата Станислава Потоцкаго, бу-

дущаго продолжателя плановъ коммисіи... Широкимъ потокомъ разливалось въ высшихъ кругахъ тогдашней Польши модное воспитаніе, такъ тѣсно совпадавшее съ слабыми сторонами польской женщины, любившей веселиться и нравиться. Французскіе пансіоны, французскія гувернантки низвели все воспитаніе до умѣнья читать, писать, говорить по-французски, играть на клавикордахъ и гитарѣ, прелестно танцовать, всего-же болѣе—нравиться [1]). „Что сказать о женскомъ воспитаніи?—пишетъ Колонтай къ Малаховскому. Жалкое подражаніе намножило въ столицѣ пансіоновъ. Модѣ принесены въ жертву добрые обычаи; хорошій тонъ превратилъ благородныхъ панепокъ въ комедіантокъ, въ искусныхъ танцовщицъ... Мы трудимся надъ воспитаніемъ женщины только для того, чтобы она развлекала насъ и кружила намъ головы, нисколько не думая о томъ, чтобы она заботилась о нашемъ характерѣ и нашихъ обычаяхъ, чтобы она укрѣпляла въ насъ мужество и содѣйствовала доброму управленію...“ Большинство шляхты продолжало держаться противоположной крайности, лишавшей женщину всякаго знакомства со свѣтомъ и дѣлавшей ее крайне не опытною и не твердою въ отношеніи къ соблазнамъ свѣта, именно—монастырскаго воспитанія. Главными воспитательными пріютами служили для этой части шляхты [2]) монастыри *визитокъ* и *сакраментокъ*. Въ 18 вѣкѣ является стремленіе къ воспитанію женщины низшихъ классовъ, чѣмъ занялись спеціально *шаритки* (сестры милосердія) и *фелиціанки*. Эта заботливость о бѣдныхъ классахъ сосредоточилась преимущественно на русскихъ областяхъ, на русской простой женщинѣ, начиная отъ границъ сплошнаго польскаго населенія, по которымъ расположены были школы шаритокъ (Холмъ, Бѣла, Бѣлостокъ). Въ половинѣ 18 вѣка появились *маріавитки*, съ спеціальною задачею обращенія евреекъ въ христіанскую вѣру; но онѣ поселились и развили свою дѣятельность исключительно въ Бѣлоруссіи, подъ руководствомъ ксендза Іосифа Турчиновича. Онѣ имѣли свои монастыри и школы: въ Минскѣ, Мстиславлѣ, Слонимѣ, Полоцкѣ, Оршѣ, Головчинѣ, Витебскѣ, Гроднѣ, Новогрудкѣ, Мозыри, Пинскѣ, Бобруйскѣ и др. На Волыни и Украйнѣ напротивъ не видимъ ни одного

---

[1]) Лукашевичъ, т. II, стр. 439.

[2]) Лукашевичъ, т. II, стр. 435, 436.

изъ этихъ пріютовъ.—монахини пугались казацкихъ бунтовъ и народнаго настроенія.

Коммисія просвѣщенія, не имѣя никакихъ средствъ къ учрежденію общественныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, ограничивалась заохочиваніемъ монахинь къ развитію учебной дѣятельности и подчиненіемъ всѣхъ частныхъ пансіоновъ вѣдѣнію ректоровъ окружныхъ школъ и визитаторовъ, постановивъ при этомъ, чтобы 1) содержаніе пансіоновъ разрѣшаемо было только способнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ благонадежнымъ дамамъ, 2) курсъ обученія составляли: чтеніе и письмо по-польски, счисленіе, ручныя работы, исторія, особенно отечественная, географія, религія и нравственность. Но визитаторы доносили, что нѣтъ возможности заставить содержательницъ подчиниться требованію коммисіи. Послѣдняя рѣшилась испробовать для успѣха женскаго образованія средство, съ помощію котораго Пруссія въ концѣ этого столѣтія успѣла сильно распространить первоначальныя школы, именно—*эффораты*, т. е. мѣстныя общества для содѣйствія успѣхамъ школъ, для ближайшаго надзора за ними и т. п. Дамскіе Эффораты—надѣялась коммисія—привлекутъ дамъ высшаго круга, измѣнятъ взгляды высшаго общества на воспитаніе женщины. Но эта рѣшимость пришла уже тогда, когда три державы направляли свои арміи для прекращенія въ Польшѣ всякихъ проектовъ и самаго бытія ея.

Надежды польскихъ реформаторовъ не исполнились: школа не спасла Рѣчь Посполитую отъ полнаго разрушенія. Поляки жалуются, что имъ не дали достроить начатое зданіе по уставамъ 1783 года и по конституціи 3-го мая; они выражаютъ полную увѣренность, что завершеніе этого зданія поставило-бы Польшу въ ряду самыхъ цвѣтущихъ государствъ Европы. Но учебные уставы, планы, наставленія, способы ихъ исполненія, цѣли и задачи воспитанія, ходъ и успѣхи его, словомъ, наиболѣе жизненный нервъ предположеннаго польскаго государства, полный и ясный обликъ идеальнаго зданія—на лицо: система, полная внутреннихъ противурѣчій, не могла внести единства въ разрозненныя и враждующія общественныя силы, напротивъ только увеличивала антагонизмъ ихъ; естественная, эгоистическая нравственность не могла примирить

двѣ враждующія народности, обуздать произволъ шляхты, поднять низшіе классы на степень живыхъ органовъ общества и государства; безсвязное нагроможденіе наукъ, съ ослабленіемъ образовательнаго элемента въ пользу узкаго, поверхностнаго практицизма, дрессировка воли подъ вліяніемъ возбужденнаго чувства и воображенія приводили не къ сознанію дѣйствительныхъ болѣзней и нуждъ общества и государства, но къ постройкѣ воздушныхъ замковъ, отвлеченнаго, призрачнаго отечества,—не къ дѣйствительному, спокойному и упорному труду надъ обновленіемъ народныхъ силъ, но къ мечтаніямъ о легкой возможности осуществить идеалъ сильнаго польскаго государства и къ постояннымъ нареканіямъ на препятствія извнѣ. Европа охотно уступитъ Польшѣ честь „перваго примѣра устройства отдѣльной государственной магистратуры надъ общественнымъ образованіемъ" (министерства народнаго просвѣщенія)[1]) и перваго объединенія системы образованія въ государствѣ. Въ замѣнъ того Европа получаетъ отъ Польши первое доказательство того, какъ опасно обращать школу въ орудіе политическихъ видовъ.. Отдаемъ полную честь попыткамъ Польши приложить къ школѣ то, что было лучшаго въ воспитательныхъ идеяхъ XVIII вѣка, и распространить благо просвѣщенія на все свое населеніе. Понимаемъ всѣ трудности первой пробы этого важнаго дѣла и неизбѣжность увлеченій и ошибокъ, цѣнимъ усилія дѣятелей реформы. Польшѣ выпала трудная доля созидать эту реформу среди взволнованныхъ страстей цѣлаго края, среди грома пушекъ, глядя въ раскрытую предъ нею бездну... Тѣмъ глубже и ошибки! Тѣмъ непростительнѣе было-бы повторять эти ошибки, воздвигать на нихъ алтарь національнаго образованія, какъ это сдѣлано во времена Варшавскаго Герцогства и въ первые годы Царства Польскаго, указывать на эту реформу, какъ на извѣстный памятникъ національной дѣятельности, какъ это доселѣ видимъ въ польской литературѣ (и въ исторіи школъ—Лукашевича).

Въ частности, что обѣщала эта реформа въ виду долгой и упорной борьбы между двумя основными народностями бывшей Польши? То, что такъ рельефно представлено было извѣстнымъ

[1]) Это выраженіе взято нами изъ докладовъ Станислава Потоцкаго саксонскому королю—варшавскому герцогу и императору Александру I въ 1814 году. Эти доклады имѣются въ дѣлахъ архива варшавскаго учебнаго округа.

организаторомъ новой общественности въ Галиціи, гр. Голуховскимъ въ знаменитомъ его изреченіи: „мазуръ+русинъ=полякъ". Въ этомъ отношеніи польская, дореформенная старина была снисходительнѣе и благоразумнѣе просвѣтительной новизны. Реформа, безусловно исключающая всѣ другіе типы школы на всемъ пространствѣ Рѣчи Посполитой, не сдѣлала ни единой уступки въ пользу русской народности; народность, составлявшая половину государства, такъ ярко доказавшая преданность своимъ началамъ продолжительною и упорною борьбою съ нимъ, почеркомъ реформаторскаго пера уничтожена; реформа видитъ на ея мѣстѣ только поляка, громящаго политику русскаго царства въ отношеніи исконныхъ, родныхъ областей ея именемъ „хитрости, наѣзда, насилія, грабежа, присвоенія чужой собственности". Даже базиліане, наиболѣе соотвѣтственные слуги Рѣчи Посполитой, нашлись вынужденными вступить въ борьбу со школьною реформою. Если первоначальное невниманіе къ ней со стороны какихъ-нибудь уманскихъ, или каневскихъ базиліанскихъ монаховъ могло быть только послѣдствіемъ невѣжества, то дальнѣйшая оппозиція и распространеніе ея во всѣхъ базиліанскихъ школахъ должны были имѣть иной смыслъ. Оппозиція усилилась до того, что коммисія просвѣщенія угрожала закрыть всѣ базиліанскія школы, если они не будутъ исполнять уставы ея въ точности. Угроза подѣйствовала и въ 1785 году. Провинціалъ базиліанскій увѣдомилъ коммисію, что отселѣ базиліане будутъ исполнять эти уставы во всѣхъ отношеніяхъ [1]). Но и послѣ этого базиліане въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжали упорствовать. Не можетъ быть, чтобы эта оппозиція имѣла основаніемъ, какъ думаетъ Лукашевичъ, слѣпое пристрастіе къ Альвару и старой риторикѣ. Въ визитаторскихъ рапортахъ часто попадаются нареканія, что базиліане не хотятъ праздновать въ своихъ школахъ римско-католическихъ праздниковъ. Одинъ изъ числа первыхъ четырехъ визитаторовъ, посланныхъ отъ имени коммисіи просвѣщенія, Головчицъ, выражается о любарскихъ базиліанахъ, что они „портятъ своимъ греческимъ обрядомъ и соблюденіемъ своихъ праздниковъ единство (въ религіозномъ обученіи), указанное въ уставахъ коммисіи" [2]). Какъ въ той-же визитѣ, такъ и другихъ выражается

[1]) Historya szkół II, стр. 444 въ примѣчаніи.

[2]) Archivum do dziejów literatury i oswiaty w Polsce. 1877. Краковъ.

сожалѣніе, что хотя большинство базиліанскихъ учениковъ, а иногда и всѣ почти ученики ихъ римско-католики, но базиліане празднуютъ и свои праздники, что, по мнѣнію визитаторовъ, отнимаетъ много времени отъ науки. Съ 1789 г.,—года народныхъ волненій на Волыни, эти жалобы визитаторовъ прекращаются или выражаются мягче. Это уже не религіозная нетерпимость прежняго, стараго времени, но фанатизмъ политическій, который, предпочитая нравственность естественную, подчинилъ политическимъ видамъ и свою римско-католическую религію [1]). — Съ другой стороны, коммисія просвѣщенія не дала никакого мѣста въ школахъ русскому языку. Что въ русскихъ областяхъ Польши было въ то время стремленіе къ изученію своего языка и къ усвоенію общерусскаго литературнаго языка, это показываетъ изданіе въ Полоцкѣ (въ 1770 г.) и въ Почаевѣ (въ 1778) русской грамматики. Авторъ послѣдняго изданія, базиліанинъ Любовичъ, посвящая свою книгу: „Grammatyka rossyiska" извѣстному Адаму Чарторыжскому, владѣльцу обширнѣйшихъ имѣній на Волыни, говоритъ въ своемъ посвященіи, что русскій языкъ пользуется „особеннымъ вниманіемъ" при дворѣ этого князя. Авторъ изданнаго въ Варшавѣ въ 1825 году русско-польскаго словаря, Якубовичъ, въ предисловіи къ нему говоритъ, что у него имѣлась рукопись подъ заглавіемъ: *Начальная наука польская съ россійскою 1795 года.* Извѣстно такъ-же изданіе, напечатанное въ 1795 г. Микульскимъ: Łatwy sposób nauczenia się po rossyjsku i po polsku (Легкій способъ выучиться по-русски и по-польски).

Между тѣмъ, оставалось во всей силѣ постановленіе сейма 1764 года о томъ, чтобы сыновья русскихъ священниковъ (popowicze), не поступившіе до пятнадцатилѣтняго возраста на духовную службу или не записавшіеся въ ремесло, обращаемы были въ крѣпостные крестьяне мѣстнаго владѣльца—коллятора. Какая духовная служба возможна для пятнадцатилѣтняго мальчика? Легко-ли было переходить въ податное сословіе—ремесленника? Лука-

Т. I, стр. 47. Тамъ-же, см. отзывы Головчица объ этомъ предметѣ въ другихъ базиліанскихъ школахъ, подъ рубрикою: *Nabożeństwo.*

[1]) Базиліанскихъ школъ было въ это время 13, именно: въ югозападномъ краѣ 9: въ Барѣ, Бучачѣ, Умани, Каневѣ, Любарѣ, Овручѣ, Острогѣ, Шарогродѣ и Владимірѣ волынскомъ, въ сѣверозападномъ краѣ четыре: въ Вильнѣ, Жировицахъ, Березвечѣ и въ Борунахъ.

шевичъ признаетъ этотъ законъ „варварскимъ“, но утѣшается тѣмъ, что онъ побудилъ священниковъ къ крайнимъ усиліямъ, чтобы дать своимъ сыновьямъ образованіе, и что новыя школы, особенно базиліанскія, наполнялись священническими сыновьями, которые потомъ поступали или въ священники, или въ канцеляріи, въ учители, или наконецъ въ частную службу (къ помѣщикамъ). Но неизвѣстный авторъ сочиненія: „Uwagi polityczne do prawideł religii i zdrowej filozofii zastosowane“ (Варшава, 1789 г.) свидѣтельствуетъ, что послѣдствіемъ этого закона, „свойственнаго XI и XII, а не XVIII вѣку“, была вражда священниковъ къ Польшѣ и бѣгство священническихъ сыновей „за границу“, т. е. въ русское царство, „для избавленія отъ крѣпостнаго состоянія“. Итакъ, одна часть единственной въ то время свободной русской молодежи (исключительно уніатская), поступая въ школы, принуждаема была въ нихъ чуждаться своего обряда и языка, чтобы потомъ окончательно потеряться въ канцеляріяхъ и панскихъ дворахъ, другая (преимущественно православная) предпочитала этому образованію бѣгство изъ родныхъ пепелищъ! Но стало затруднительнымъ для русскаго мальчика научиться даже грамотѣ. Коммисія просвѣщенія не успѣла распространить въ русскихъ областяхъ узаконеннаго ею типа парафіальныхъ училищъ; но она строго наблюдала посредствомъ визитаторовъ, дабы всѣ школы иного образца не были допускаемы. Церковныя школы, эти единственные пріюты русской народности въ краѣ, прекращали свое долговѣчное существованіе и свою послѣднюю поддержку русской народности! Становилось невозможнымъ въ цѣломъ краѣ научиться даже церковно-славянскому чтенію, чтобы церкви не оставались безъ богослуженія. Бунтъ на Волыни (1789 г.), испугавшій визитатора того времени до того, что онъ поспѣшилъ вернуться въ Краковъ, вѣроятно не даромъ заставилъ польскіе суды искать главныхъ виновниковъ его въ средѣ русскихъ священниковъ...

По визитѣ 1789 года мы и начнемъ знакомство съ школами, существовавшими въ южной Руси, т. е. на Украйнѣ, Подольи и Волыни, на пространствѣ отъ Холма до Винницы и Бара. Къ этому времени окончены почти всѣ приготовленія коммисіи просвѣщенія къ точному исполненію новыхъ уставовъ во всѣхъ школахъ. Визита 1789 г. полнѣе визитъ другихъ лѣтъ (визиты оканчиваются 1792 годомъ). 1789 годъ имѣлъ рѣшительное значеніе въ судьбѣ юго-западнаго края.

Е. Крыжановскій.

Люди Старой Малороссіи.

2. МИЛОРАДОВИЧИ.

Милорадовичи вышли въ Малороссію изъ Сербіи около 1713 г., въ числѣ трехъ братьевъ: Александра, Михаила и Гавріила. Случилось такъ: въ началѣ 1711 г., Петръ Великій, готовясь къ войнѣ съ турками, искалъ искусныхъ агентовъ между подчиненными Турціи славянами, для возбужденія послѣднихъ противъ мусульманъ. Однимъ изъ такихъ агентовъ вызвался быть сербъ Михаилъ Милорадовичъ. Въ отвѣтъ на предложеніе Милорадовича—служить царю, Головкинъ, въ письмѣ 3 марта 1711 г., отвѣчалъ, что царь, „познавъ искусство и вѣрность Милорадовича въ воинскихъ дѣлахъ противъ враговъ христіанскаго имени и св. креста, опредѣлилъ его полковникомъ христіанскихъ войскъ", при чемъ Милорадовичу послано было пятьсотъ червонцевъ, съ обѣщаніемъ, что если онъ успѣетъ „возбудить христіанъ къ брани противъ врага креста Христова, то получитъ высокую милость и награжденіе". Въ концѣ 1712 г. Милорадовичъ пріѣзжалъ въ Москву „отъ черногорскаго народа" за жалованьемъ для войны съ турками [1]), а въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ братьями, переѣхалъ въ Россію искать обѣщанныхъ „милостей", такъ какъ, по его словамъ, въ войнѣ съ турками онъ потерялъ все свое состояніе.

Въ это время Петръ Великій началъ уже вводить въ Малороссіи новые порядки, желая лишить гетманскую власть прежняго значенія и тѣмъ сдѣлать гетманщину на будущее время безопасною. Съ этою цѣлью, Царь старался полковничьи уряды замѣщать людьми по личному своему выбору, на вѣрную службу которыхъ онъ могъ-бы разсчитывать болѣе, чѣмъ на службу

---

[1]) Опись Сенатскаго Архива, Баранова, № 247.

людей мѣстныхъ, получавшихъ уряды отъ гетмана. Видя въ Милорадовичѣ человѣка способнаго, Царь рѣшилъ — дать ему полковничій урядъ въ Малороссіи, надѣясь, что бездомный выходецъ постарается заслужить эту милость. Хотя свободныхъ полковничьихъ урядовъ въ это время и не было, но тогдашній гадяцкій полковникъ Чарнышъ легко могъ быть смѣщенъ за свои насилія, на которыя давно уже жаловались его полчане. Затрудненіе было только въ томъ, что Чарнышъ былъ женатъ на падчерицѣ Скоропадскаго, котораго царю не хотѣлось обижать. Но когда умеръ генеральный судья Туранскій, царь приказалъ на мѣсто послѣдняго перевести Чарныша, а гадяцкое полковничество отдалъ Михаилу Милорадовичу.

Гадяцкіе полчане, терпѣвшіе уже передъ тѣмъ, въ продолженіи пяти лѣтъ, „несносныя кривды" отъ Чарныша, поворно приняли новаго полковника, хотя Чарнышъ попробовалъ было, чрезъ своихъ агентовъ, вооружать народъ противъ Милорадовича [1]). Скоро однакоже оказалось, что новый полковникъ, не заботясь объ устройствѣ „полковыхъ порядковъ", поставилъ себѣ исключительною цѣлью—личную наживу на счетъ полчанъ, для чего не стѣснялся никакими мѣрами. Встрѣтивъ сначала нѣкоторое противодѣйствіе въ своихъ насиліяхъ со стороны полковой старшины, Милорадовичъ постарался устранить послѣднюю отъ всякаго участія въ управленіи полкомъ, замѣняя, гдѣ нужно было, полковыхъ урядниковъ — своими слугами, тоже сербами. Извѣстный лѣтописецъ Григорій Грабянка, бывшій въ это время гадяцкимъ полковымъ судьею, писалъ гетману, что „съ назначеніемъ Милорадовича, всѣ слуги его въ дѣла судейскія вмѣшиваются и сами суды судятъ, а къ настоящему судьѣ и къ другой полковой старшинѣ запрещаютъ обращаться; сельскихъ урядниковъ кіями бьютъ, въ колодки забиваютъ и уряды отъ нихъ отнимаютъ. Теперь весь городъ нашъ въ большомъ смятеніи: полковничьи слуги толпами ходятъ съ кольями по рынку; хватаютъ людей, мучатъ ихъ, бросаютъ въ тюрьмы и держатъ тамъ пока не откупятся. А кто сталъ было жаловаться полковнику на своеволіе его слугъ, то тѣхъ „Милорадовичъ самъ за лобъ

---

[1]) Вслѣдъ за назначеніемъ Милорадовича, „подписокъ" Чарныша ѣздилъ по гадяцкому полку, возбуждая козаковъ противъ Милорадовича: „дурніи козаки! для чого вы слухаете сего полковника (Милорадовича)—плута, цыгана, шалвѣра! — Сей такій, якъ и запорожци,—може и васъ съ собою за море запровадить, альбо за границу выведши, вѣчне запропастить"! Арх. генер. канц., № 369.

ворочаючи по двору и кіемъ бьючи немилостиво, примовляетъ, что и многимъ тутъ нужно дать знать себе"!

И дѣйствительно Милорадовичъ далъ знать себя гадяцкимъ полчанамъ.

Черезъ три года послѣ назначенія его полковникомъ, гадяцкіе полковые урядники писали Скоропадскому: „въ счастливое рейментарство ясневельможности вашей, по всѣмъ полкамъ старшина и народъ, оправившись послѣ шведской руины, благодарятъ Бога, великаго государя и вельможность вашу. Только мы, гадяцкіе полчане, несчастливы: едва стали мы приходить въ себя, послѣ разоренія жилищъ нашихъ шведами, какъ „затурбовалъ" насъ полковникъ своими строгостями; сталъ онъ отбирать на себя городскіе и старшинскіе доходы, отчего запустѣли въ полку ратуши, а потомъ отдалъ власть надъ полкомъ и судовое управленіе—слугамъ своимъ; а тѣ слуги чинятъ въ полку великія бѣдствія: козаковъ заставляютъ исполнять самыя низкія работы, позаѣзжали на смерть лошадей ихъ, бѣгая за добычами; разбиваютъ людей по дорогамъ и грабятъ по ярмаркамъ. И вотъ четвертый годъ ждемъ мы избавленія отъ этого ярма!—Теперь мы, полковые урядники, только носимъ титулы, а въ дѣйствительности не имѣемъ никакого значенія, такъ какъ полковникъ, уничтоживъ общіе для козаковъ и крестьянъ ратушные суды, сдѣлалъ судилищемъ свой полковничій домъ, въ которомъ и отправляетъ всякіе суды вмѣстѣ съ своими слугами, минуя насъ, старшину, чтобъ мы не мѣшали дотла обдирать безвинныхъ людей. И стало теперь у насъ такъ: что слуга—то и судья, а полковые есаулы—слуги да возницы! полковничій приказчикъ—полковникъ наказный. И разоряя такими порядками народъ, запрещаютъ еще и жаловаться, говоря, что никто уже насъ не можетъ оборонить. А когда мы, видя уничтоженіе козацкихъ вольностей и тяжкія полчанамъ обиды, отважились было просить полковника, чтобы пересталъ онъ мучить козаковъ, чтобы не позволялъ женѣ своей и сыну мѣшаться въ полковыя дѣла и называть старшину полковую и сотниковъ собаками, а старшинскихъ женъ — „нецнотами"; то на просьбу нашу получили такой отвѣтъ: „дамъ, говоритъ, фискаламъ—старшинѣ по триста кіевъ и какъ отобью кожу отъ костей, тогда скажу ѣхать къ государю съ жалобою"!—Получивши такой „суровый" отвѣтъ и потерявши уже всякую надежду на улучшеніе нашего горькаго положенія, рѣшились мы просить вашу ясневельможность избавить

насъ отъ такого тяжкаго ярма или дозволить подать жалобы царскому величеству, ибо не вѣдаемъ, что и чинить намъ далѣе. Часть полковой старшины и теперь уже оставила полковой городъ, не смѣя оставаться въ домахъ, гдѣ приходилось запираться и мѣсяца по два сидѣть, не видя свѣта, какъ только въ окно. Умилосердися, ясневельможный пане, и не дай отъ такой враждебной завзятости нашего полковника въ конецъ намъ разориться"! [1]).

Просьба эта осталась безъ всякихъ послѣдствій, такъ какъ гетманъ не имѣлъ власти судить поставленнаго царемъ полковника.

Однакоже Милорадовичъ, узнавъ объ этой жалобѣ, рѣшился принять мѣры, чтобы крѣпче утвердиться на мѣстѣ, и поѣхалъ въ Москву просить на свой урядъ царской грамоты. Зная, что гетманъ полученную имъ жалобу можетъ представить царю, Милорадовичъ пожелалъ заручиться свидѣтельствомъ мѣстнаго духовенства, въ которомъ послѣднее должно было опровергнуть обвиненія полковой старшины, заявивъ, напротивъ, о достоинствахъ своего полковника. Для этого Милорадовичъ самъ составилъ „благодарственный листъ" о томъ, что гадяцкіе полчане, будучи вполнѣ довольны своимъ полковникомъ, „чинятъ благодарствіе пресвѣтлѣйшему монарху за присылку такого расторопнаго и отважнаго „кавалера" [2]), добронравнаго, доступнаго и ко всѣмъ милостиваго полковника". Листъ этотъ Милорадовичъ послалъ сначала въ сотенные свои городки — въ Зеньковъ и Опошню, къ тамошнимъ протопопамъ, предлагая имъ, вмѣстѣ съ остальнымъ духовенствомъ, подписать тотъ листъ, при чемъ увѣрялъ ихъ, что такой точно листъ уже подписанъ гадяцкимъ протопопомъ и всѣми сотниками. Получивъ листъ съ подписями зеньковскихъ и опошанскихъ священниковъ, Милорадовичъ сталъ требовать подписей и отъ сотниковъ, изъ которыхъ многіе и подписались. Но гадяцкій протопопъ не только самъ отказался подписывать „благодарственный листъ", но и священникамъ своей протопопіи запретилъ. Съ послѣдними Милорадовичъ расправился самъ, заставивъ ихъ подписаться на „листѣ"—побоями и грабежомъ имущества, а на протопопа пожаловался кіевскому архіе-

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Михаилъ Милорадовичъ въ своихъ подписяхъ называлъ себя почему-то „македонскимъ кавалеромъ".

рею и „привелъ протопопа подъ запрещеніе, что отъ Богоявленія даже до Вознесенія не священнодѣйствовалъ, доколѣ при крестномъ цѣлованіи не выполнилъ воли полковника". Добывъ наконецъ желаемый „благодарственный листъ", Милорадовичъ отправился съ нимъ въ Москву и выхлопоталъ тамъ царскую грамоту, подтверждавшую за нимъ гадяцкое полковничество [1]). Такъ передаетъ современникъ Милорадовича подробности полученія имъ грамоты, добавляя, что, возвратившись съ этою грамотою въ Гадячъ, Милорадовичъ „сталъ еще больше гнать тѣхъ, кто не хотѣлъ подписываться на томъ листѣ. Самъ Милорадовичъ разсказывалъ одному изъ своихъ сотниковъ, что, кромѣ грамоты, просилъ онъ у гр. Головкина еще и денежнаго награжденія за свои потери въ турецкую войну, но канцлеръ отвѣчалъ: „имѣешь теперь гадяцкій полкъ—такъ съ него и наживайся себѣ!"

Обезпечивъ себя царскою грамотою, Милорадовичъ „учинился въ полку самовластителемъ, какъ-бы въ своей отчинѣ", не стѣсняясь уже ни чѣмъ въ своихъ преслѣдованіяхъ той старшины, которая не хотѣла вполнѣ подчиниться его произволу. Вотъ одинъ изъ случаевъ, какъ Милорадовичъ безпричинно оскорблялъ своихъ сотниковъ, разсказанный очевидцемъ: „въ нынѣшній походъ подъ Царицынъ, полковникъ, въ виду всего войска, избилъ полковаго сотника, Ивана Пиратинскаго, почтеннаго и всѣми уважаемаго старика, за то только, что борзая собака сотника на охотѣ перегнала полковничьихъ собакъ и поймала зайца. Пойманнаго зайца сотникъ хотѣлъ было поднести полковнику, но лишь только подошелъ къ нему, какъ тотъ, не давши ему и слова вымолвить, ударилъ сотника оловянною фляшкою въ спину, а затѣмъ сталъ бить его кулаками по головѣ. Сотникъ обратился было къ находившейся тутъ-же старшинѣ съ просьбою написать объ этомъ случаѣ протестъ, но Милорадовичъ закричалъ: „писали вы уже челобитную гетману, такъ я ту челобитную употребилъ, какъ самъ зналъ" (что срамно и пояснять),—„тоже будетъ и съ новою вашею жалобою!..." [2]) Убѣдившись, вѣроятно, этимъ доводомъ, Пиратинскій никакой жалобы и не подавалъ.

---

[1]) Этою грамотою, царь, подтверждая Милорадовичу чинъ полковничества гадяцкаго, „повелѣвалъ гетману, генеральной старшинѣ и полковникамъ—Милорадовича въ томъ чинѣ надлежащимъ образомъ имѣть, а гадяцкаго полка старшинѣ и козакамъ онаго почитать и всякое должное ему послушаніе отдавать и принадлежащими къ тому уряду маетностями и доходами владѣть". Черниг. Губ. Вѣд. 1855 г., № 51.

[2]) Арх. генер. канц., № 369.

Лишивъ полковую старшину всякаго значенія, Милорадовичъ сталъ распоряжаться козаками, какъ своими „подданными", заставляя ихъ нести личную себѣ службу.—Такъ козаки полковой сотни жаловались, что загоняютъ ихъ понедѣльно—сторожить полковничій дворъ, чего прежде никогда не бывало, и заставляютъ при этомъ печи топить, дрова рубить, кони поить, воду таскать. Вдовъ козачьихъ также загоняютъ къ полковнику для всякой работы: бѣлье моютъ, посуду на кухнѣ чистятъ, хаты бѣлятъ и всякое дѣло дѣлаютъ, что прикажутъ, наравнѣ съ наемными работницами"[1].

Прибывъ въ гадяцкій полкъ бѣднякомъ, Милорадовичъ поставилъ главною себѣ цѣлью—нажиться. Въ этомъ отношеніи полковничьи уряды были самыми выгодными мѣстами для наживы, такъ какъ полковникъ всегда получалъ большіе доходы отъ одного полковаго суда, предсѣдательствуя въ которомъ, онъ опредѣлялъ по своему усмотрѣнію размѣръ „судовыхъ накладовъ", которые взыскивались съ подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ. Обыкновенно бывало такъ, что за всякое болѣе или менѣе важное преступленіе (разбой, кражу, прелюбодѣяніе) подсудимый отдавалъ на судей весь свой скотъ, а часто поступался и земельнымъ имуществомъ. Полковникъ дѣлилъ „наклады" между полковыми урядниками, оставляя себѣ львиную часть. Кромѣ того полковники получали возможность пріобрѣтать отъ своихъ полчанъ земельные участки по низкой цѣнѣ, запрещая бѣднякамъ продавать ихъ участки другимъ, кромѣ его, полковника, лицамъ. При этомъ полковники впрочемъ старались по возможности давать этимъ покупкамъ хотя внѣшнюю законную форму. Но Милорадовичъ даже и этого не дѣлалъ: окруживъ себя слугами, выведенными изъ Сербіи, онъ открыто насильничалъ съ помощью этихъ слугъ надъ своими полчанами, ни чѣмъ не стѣсняясь. Но главною помощницею Милорадовича въ этихъ насиліяхъ была жена его, Ульяна Степановна, ~~колоритная личность которой рѣзко выдѣляется изъ современныхъ ей „паній"~~.

Милорадовичъ вышелъ изъ Сербіи вдовцомъ съ однимъ сыномъ, Степаномъ. Черезъ годъ послѣ полученія полковничества, онъ женился на дочери генеральнаго есаула Степана Бутовича—

---

[1]) Тамъ-же, № 754.

Ульянѣ. Между прочимъ браку этому предшествовали уже близкія отношенія между вѣнчавшимися, послѣдствіемъ которыхъ было то, что на пятомъ мѣсяцѣ послѣ брака Ульяна Степановна уже родила Милорадовичу сына, Николая. Не смотря на такое начало сближенія, Милорадовичъ нашелъ во второй женѣ ревностную помощницу въ заботахъ объ устройствѣ своего благосостоянія.

~~Ульяна Степановна~~ Это была женщина замѣчательной энергіи, при чемъ вся эта энергія направлена была къ одной стяжательности, для удовлетворенія которой она, какъ и мужъ, тоже не разбирала средствъ. Заботясь объ умноженіи своего благосостоянія, Ульяна Степановна распоряжалась въ полку, какъ хозяйка. На полковыя дѣла она имѣла такое вліяніе, что гадяцкая старшина просила гетмана, чтобы „пани полковница въ дѣла полковыя не вмѣшивалась, старшину не безчестила, судовъ не судила, декретовъ старшиною писанныхъ не уничтожала, указовъ своихъ по полку не разсылала и женъ ихъ не безчестила-бъ"[1]. См. Ф. Ханенко 476.

Получивъ отъ отца въ приданое слободку Бутовку (близъ Городни, черниговск. губ.), Ульяна Степановна сама распоряжала въ ней хозяйство изъ Гадяча, за 300 верстъ, письменно наставляя тамошняго своего старосту въ веденіи „господарства", и не упускала при этомъ никакихъ мелочей. Сохранившіяся ея письма къ бутовскому старостѣ хорошо рисуютъ дѣятельную полковницу. Въ одномъ изъ нихъ напр. полковница пишетъ: „Семене, слуга нашъ, пишешь ты, что городняне очень тѣснятъ нашихъ бутовскихъ людей, въ ихъ поляхъ[2]); поэтому крѣпко тебѣ приказываемъ не уступать городнянамъ и по возможности отбиваться отъ нихъ. Если случится, что наши люди застанутъ на своихъ поляхъ городнянъ, приказываемъ грабить ихъ лошадей и воловъ; да вообще дѣлай при этомъ такъ: если городняне заграбятъ у бутовчанъ десять лошадей,—ты заграбь у нихъ двадцать!—Да управляйся въ господарствѣ рачительнѣе: смотри за хоромами, перекрой конюшню и амбаръ, чтобы крыши не протекали.—Слышно намъ здѣсь, что свиней у тебя совсѣмъ мало

---

[1]) Тамъ-же, № 369.

[2]) Бутовка была поселена на земляхъ, отнятыхъ Бутовичемъ у жителей Городни, вслѣдствіе чего послѣдніе продолжали и въ это время спорить съ бутовскими слобожанами за отнятыя земли.

и то конечно отъ твоего нерадѣнія: какъ пригонятъ свиней съ поля, то вы сгоняете всѣхъ ихъ въ одну кучу и при этомъ свиньи ѣдятъ поросятъ. Ты долженъ досматривать, чтобъ этого не было. Если плохой свинарь попался, такъ прикажи войту, чтобы нанялъ хорошаго, за цѣну, какую и люди платятъ".

Будучи такою рачительною хозяйкою, Ульяна Степановна требовала отъ слугъ безпрекословнаго исполненія своихъ приказаній и за малѣйшія провинности наказывала ихъ иногда съ ужаснымъ звѣрствомъ. Одинъ изъ ея „подданныхъ", крестьянинъ с. Малыхъ Будищъ, Андрей Пугачъ, жаловался въ 1733 г. тогдашнему гадячскому полковнику Грабянкѣ, что отдалъ онъ малолѣтнюю свою дочь, Ефросинью, бывшей полковницѣ Ульянѣ на прокормленіе и услугу, ради своего убожества и вдовства, у которой полковницы та дочь его и жила лѣтъ семнадцать, безъ всякой платы, занимаясь тканьемъ ковровъ. Случилось, что въ этомъ году, лѣтомъ, въ отлучку Ульяны изъ дому, дочь пришла къ нему, отцу, въ гости; но не пробыла она у него и трехъ дней, какъ прибѣжали за нею слуги Милорадовички и взяли ее въ Гадячъ. И какъ только привезли дочь въ Гадячъ, продолжаетъ Пугачъ, Милорадовичка сейчасъ-же приказала тѣмъ слугамъ, положивши дочь его на полу, бить канчуками (нагайками) сначала по спинѣ и животу, а потомъ, раздвинувъ ноги, по прочимъ частямъ, сама-жъ Милорадовичка „черевиками" очи ей выдавила и зубы повыбивала... Отъ такого безчеловѣчнаго истязанія изуродованная дочь его умерла на третій день. И хотя гадячскій намѣстникъ и запрещалъ священнику хоронить Ефросинью, пока не осмотрятъ ея гражданскія власти, однако тотъ священникъ, будучи подкупленъ Милорадовичкою, замученную Ефросинью похоронилъ..."[1]

Съ такою женою Милорадовичъ успѣшно устраивалъ свое благосостояніе.

„На рангъ" гадяцкаго полковника принадлежали два мѣстечка: Комышная и Рашавка, которыя при Мазепѣ присоединены были къ „гадячскому замку", (принадлежавшему „на булаву" гетмановъ), а потомъ опять возвращены гадяцкимъ полковникамъ, при Чарнышѣ, по родству послѣдняго съ Скоропадскимъ. Крестьяне этихъ мѣстечекъ отданы были и Милорадовичу „въ послушаніе".

---

[1]) Арх. генер. канц., № 402.

Жители Комышной и Рашавки, занимаясь преимущественно ремеслами, отличались своею зажиточностью; но уже Чарнышъ наложилъ было на нихъ руку, увеличивъ размѣръ прежнихъ повинностей, а Милорадовичъ, кромѣ того, привлекъ къ „послушанію“ и козаковъ, жившихъ въ его ранговыхъ маетностяхъ, хотя козаки были всегда свободны отъ „подданническихъ повинностей“, отбывая только воинскую службу.

Комышанскіе козаки жаловались гетману, что Милорадовичъ „лѣса ихъ рубитъ и пустошитъ самовольно, и то дерево на свои строенія употребляетъ, а ихъ принуждаетъ косить ему сѣно, орать, жать, молотить, и тѣ всѣ работы отбываютъ они полковнику, наравнѣ съ посполитыми“. — Посполитые комышанскіе терпѣли разумѣется еще больше: „они были замучены ежедневною панщиною, такъ что на свое хозяйство не оставалось и времени.“ „Ежегодно даемъ, писали Комышане, осенщиву—отъ вола и отъ коня по 12 шаговъ (грошей) и по четверику овса; силою заставляютъ насъ покупать панскій сыръ, по 50 золотыхъ (20 к. ас.) за бочку, икру по полталера за 10 фунт., ягоды водочныя по гривнѣ за ведро“.—Тоже самое было и у рашавчанъ; но какъ послѣдніе были преимущественно ремесленники, то Милорадовичъ бралъ съ нихъ повинности натурою—тулубами, сапогами и прочими ихъ издѣліями.

Еще въ Сербіи Милорадовичъ занимался купеческимъ промысломъ[1]; тамъ онъ вѣроятно и пріобрѣлъ тотъ опытъ, который такъ легко и выгодно было ему прилагать къ дѣлу на гадяцкомъ полковничествѣ. Сынъ его, Степанъ, разсказываетъ о торговыхъ оборотахъ отца въ Гадячѣ, что съ октября 1715 по 1719 г. по всему гадячскому полку шинковалась водка только его отца; при этомъ каждая куфа (бочка) продавалась по 20 р. и болѣе, а покупалась у глуховскаго войта по 12 рублей, а у другихъ и дешевле,—что отецъ бралъ также подряды на поставку водки въ Москву, по нѣскольку тысячъ ведеръ, что въ 1724 г., когда отецъ назначенъ былъ командиромъ малороссійскаго отряда, посланнаго въ сулацкій походъ, взялъ онъ съ собою 57 бочекъ водки и продалъ тамъ бочку по 140 рублей, да кромѣ того во-

---

[1] Одинъ сербскій монахъ разсказывалъ въ 1721 г., что онъ пріѣхалъ въ Малороссію „по знаемости своей съ п. полковникомъ гадяцкимъ (т. е. Милорадовичемъ) въ Бухарештахъ, еще подъ часъ житія его тамъ купеческимъ способомъ“. Арх. генер. канц., № 191.

зилъ онъ туда-же для продажи табакъ, сало и масло. Въ 1725 г., туда-же выправлено было 30 бочекъ водки, которая продана была по той-же цѣнѣ. Торговалъ отецъ и волами, которыхъ ежегодно до самой смерти отправлялъ онъ въ Шліонскъ (Силезію) и въ Петербургъ партіями по пять и по шесть сотъ воловъ"[1]. Такихъ размѣровъ торговые обороты для того времени были очень значительны, при чемъ Милорадовичъ получалъ тѣмъ большіе барыши, что весь механизмъ этихъ оборотовъ производилъ онъ даровымъ трудомъ своихъ полчанъ. Посылая на Сулакъ водку, Милорадовичъ за вырученныя деньги приказывалъ накупать тамъ мѣстныхъ товаровъ—шелковъ, сафьяновъ и проч., которые затѣмъ раздавалъ насильно своимъ полчанамъ, для мелочной продажи. При этомъ онъ назначалъ товарамъ цѣну высшую противъ стоимости и продавецъ волей-неволей долженъ былъ платить за распроданный товаръ цѣну, назначенную полковникомъ. Для мелочной распродажи этихъ товаровъ, Милорадовичъ выбиралъ изъ своихъ крестьянъ—людей зажиточныхъ, которые-бы, на всякій случай, могли отвѣтить предъ нимъ и своимъ имуществомъ.

Приводимъ нѣсколько показаній тѣхъ крестьянъ, которымъ Милорадовичъ поручалъ распродажу своихъ товаровъ.

Григорій Моренецъ разсказываетъ, что Милорадовичъ поручалъ ему не разъ продавать шелкъ, цѣну которому назначалъ по десять золотыхъ за фунтъ, а онъ, Моренецъ, не могъ сбыть его и по два талера за фунтъ;[2] за сафьянъ назначалъ цѣну по 5 рублей за „бунтъ", а продавалъ Моренецъ по семи копъ (3 р. 50 к.) за бунтъ; цѣна рису назначена была по рублю за камень (50 фунт.), а проданъ; по талеру за камень. Да кромѣ того ѣздилъ онъ, Моренецъ, по приказу Милорадовича въ Крымъ за виномъ, на своихъ лошадяхъ и на своихъ же харчахъ, посыланъ былъ также въ „Шлёнскую дорогу" два раза, и гонялъ туда по 200 быковъ, тоже на своихъ харчахъ и своими лошадьми, на что истратилъ 34 р. 73 к.

Андрей Туръ говоритъ, что Милорадовичъ принуждалъ его распродавать свои товары, при чемъ назначалъ имъ цѣны высшія противъ стоимости: шелкъ отданъ былъ полковникомъ по 1 р. 80 к.

---

[1]) Арх. генер. канц., № 4206.

[2]) Золотой=20 коп. асс., а талеръ=60 коп. асс. „Битый" же талеръ равняется серебряному рублю.

за фунтъ, а проданъ по 1 р.; за „бунтъ“ сафьяна назначено было 5 р., а проданъ по 3 р. 50 к.; „китаю два тюма“—по 10 р., а проданъ по 7 р. Посылалъ полковникъ Тура и въ Крымъ—продавать тамъ его масло; а въ Крыму покупалъ онъ вино; а на дорожные расходы полковникъ денегъ не давалъ.

Семенъ Кириченко, козакъ м. Комышной, отца котораго Милорадовичъ повернулъ въ посполитые, также точно распродавалъ полковничные товары, при чемъ приходилось полковнику уплачивать гораздо больше, чѣмъ выручалось отъ продажи. Да возилъ Кириченко въ Царицынъ и въ Крымъ водку и масло, на своихъ подводахъ, и не получалъ отъ полковника за то никакой платы.— Такими способами наживался Милорадовичъ на счетъ своихъ крестьянъ, которые кромѣ того платили ему „чиншъ“ и отбывали усиленную „панщину“.

Земельныя свои богатства Милорадовичъ пріобрѣталъ и увеличивалъ на счетъ козаковъ, у которыхъ безнаказанно отнималъ разнаго рода угодья. Какія насилія позволялъ себѣ при этомъ Милорадовичъ, примѣромъ можетъ служить исторія его съ козакомъ Балясным. Въ 1720 г., Балясный устроилъ, съ позволенія гетмана, селитренный заводъ около м. Веприка и варилъ селитру два года свободно. Приготовился варить онъ селитру и на третій годъ, какъ неожиданно получилъ приказъ отъ полковницы (Милорадовичъ въ это время былъ въ Москвѣ) прекратить вареніе, такъ какъ она сама думаетъ устроить на томъ мѣстѣ, которое принадлежало Балясному, свою селитроварню. Балясный хотѣлъ было жаловаться въ Малороссійскую Коллегію (это было въ 1724 г.) но, припомнивъ, какъ много полковница поувѣчила людей, рѣшился терпѣть насиліе, „здоровья ради“, и найдя удобное мѣсто, подъ с. Цѣпками, сталъ устраивать другой заводъ. Но Ульяна и здѣсь не позволила Балясному варить селитру, объявивъ, что право селитроваренія въ гадяцкомъ полку должно принадлежать одному полковнику. Балясный пробовалъ было просить полковницу не мѣшать ему варить селитру подъ Цѣпками, уступая за то уже отнятый веприцкій свой заводъ, но позволенія не получилъ. Тогда имѣя въ рукахъ позволеніе гетмана, подтвержденное и Коллегіей, Балясный сталъ варить селитру въ своемъ новомъ заводѣ, не обращая вниманія на запрещеніе. Вскорѣ затѣмъ возвратился въ Гадячъ и самъ Милорадовичъ. Призвавъ Балясного къ себѣ, полковникъ предложилъ ему—или прекратить селитровареніе подъ Цѣпками, или уступить ему, Милорадовичу, веприцкій заводъ, выдавъ

уступочный актъ. Балясный согласился на послѣднее условіе и выдалъ полковнику актъ на веприцкій заводъ, оговоривъ, что уступаетъ одинъ заводъ, безъ буртовъ. Вслѣдъ затѣмъ Балясный умеръ, а Милорадовичъ отправился въ Сулацкій походъ. Пользуясь отсутствіемъ полковника, Балясный—сынъ пожаловался Вельяминову, описавъ, какъ у отца его отнятъ былъ веприцкій заводъ, на которомъ селитровареніе разрѣшено было Балясному —отцу самою Коллегіей. Въ отвѣтъ на жалобу Вельяминовъ спросилъ у гадяцкаго наказнаго полковника, варитъ ли Балясный селитру. Наказный Штишевскій отвѣчалъ, что ни Балясный - отецъ не варилъ послѣдніе годы, ни сынъ его не варитъ, „того ради, что полковникъ своею волею тотъ заводъ изволилъ занять на свою особу".

Возвратившись изъ похода и узнавъ о поданной жалобѣ въ Коллегію, Милорадовичъ призвалъ Балясного и приказалъ ему дополнить полученный отъ отца его на веприцкій заводъ актъ прибавкою объ уступкѣ и тамошнихъ буртовъ. Балясный не согласился. Затѣмъ Милорадовичу случилось быть въ м. Опошнѣ, гдѣ жилъ Балясный. Придравшись къ послѣднему, что тотъ не выѣхалъ къ нему на встрѣчу, полковникъ „приказалъ Балясного оковать на арматѣ (пушкѣ) двумя цѣпями, въ самый праздникъ сошествія св. Духа, и велѣлъ держать подъ такимъ крѣпкимъ карауломъ, что и нужды ради человѣческой пускать не велѣлъ". Отпустивъ наконецъ съ арматы Балясного, Милорадовичъ снова сталъ требовать уступки веприцкихъ буртовъ; но Балясный не уступалъ. Желая добиться требуемой уступки, полковникъ приказалъ посадить Балясного „на самой бездѣльной лошади и гналъ его передъ собою въ свой хуторъ, за 30 верстъ отъ Опошни. А пріѣхавъ въ хуторъ, держалъ Балясного въ индичникѣ два дня, подъ тайнымъ карауломъ. Но Балясный все не соглашался на уступку буртовъ. Тогда Милорадовичъ отослалъ непокорнаго полчанина въ Гадячъ, гдѣ Балясного снова приковали къ пушкѣ. Въ это время Милорадовичъ получилъ указъ Малороссійской Коллегіи ѣхать въ Глуховъ „для отвѣтствія противъ челобитчиковъ" и—Балясный, изъ опасенія, былъ освобожденъ.

Въ Глуховъ однакожъ Милорадовичъ не поѣхалъ, отговариваясь болѣзнями. По возвращеніи изъ Сулацкаго похода онъ дѣйствительно сталъ болѣть и написалъ въ это время свое завѣщаніе, по которому всѣ свои гадяцкія имѣнія, городскіе дворы, мель-

ницы, хутора и разныя земли, назначилъ женѣ и сыну Николаю вмѣстѣ. Сыну Степану Милорадовичъ ничего не оставлялъ потому, что, какъ объяснилось въ завѣщаніи, онъ ему „досталъ маетность своимъ стараніемъ" и кромѣ того выдѣлилъ уже часть, когда Степанъ женился.

Въ сентябрѣ 1726 г. Михайло Милорадовичъ умеръ. Имѣніями умершаго, на основаніи духовнаго завѣщанія, завладѣла вдова его вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ. Старшій сынъ Милорадовича —Степанъ въ это время жилъ въ с. Позникахъ (около Лохвицы), которое получилъ за женою отъ тестя своего, Михаила Гамалѣи, и которое утверждено было за нимъ, по старанію отца, и царскою грамотою.

Находя, что братъ Николай, какъ незаконный сынъ отца, не имѣетъ права на завѣщанное ему наслѣдство, Степанъ Милорадовичъ обратился въ генеральную канцелярію съ просьбою, чтобы вдова отца выдала ему часть отцовскаго наслѣдства. [1]) Но Ульяна Степановна поспѣшила помириться съ пасынкомъ; миръ со-

---

[1]) Приводимъ здѣсь перечень этихъ требованій. „Вѣдѣніе добръ отца моего, полковника гадяцкого Михаила Милорадовича, коликое число требую я отъ панеи, кромѣ того, що дѣтямъ моимъ legовано въ духовницѣ отческой.—Портретъ его императ. величества (Петра В.), отцу моему еще не женатому пожалований. — Крестъ щиро-злотний, зъ Македоніи вивезенний.—Грамоту его импер. величества, данную на чинъ полковничества.—Писма его-жъ императ. величества, въ нашу сторону (въ Сербію) до отца писанніе.—Денегъ тысячу рублей.—Дворъ въ Гадячу, который еще не женившися отецъ мой мало бувъ не достроивъ.—Два шинка, одинъ въ Гадячомъ, а другий въ с. Бабкахъ—Вѣлчуру лямпартовую, подшитую пескамы, зъ gузиками большими срѣбными позлоцаними, которие отецъ у мене взялъ.—Соболей паръ трохъ.—Шабель двѣ, которие отецъ изъ собою въ Гадячъ привезъ: одна каменіями осажена, а другая сребромъ окована, турецкая.—Кубковъ два срѣбныхъ позлоцанихъ большихъ и кружку сребряную позлоцаную большую жъ, что привезъ зъ собою зъ Москвы.—Коней двоє верховихъ зъ кулбаками и рондами, а именно: тую кулбаку, что отецъ мой зъ Москви привезъ зъ собою, подъ срѣбро оправную и рондъ камѣниемъ осажованой, а другую кулбаку зъ рондомъ, что гетманъ съ конемъ далъ.—Пистолѣтовъ паръ трохъ, пару французскихъ, а двѣ тулской работы.—Флинту турецкую оправную подъ сребро и подъ позлоту.—Гвинтовку тулской работи.—Коней четверо стада покойнаго отца моего.—Кобылъ девять и дриганта (жеребца).—Воловъ 20, коровъ 10 и бугая.—Лисичихъ футеръ шлямовихъ завойковихъ двѣ жъ, съ тихъ лисицъ, что отецъ мой зъ Сулаку прислалъ.—Овецъ съ баранами 70.—Барсовъ два—коней верховихъ покривать.—Алембикъ одинъ.—Казанковъ дворовыхъ три.—Виннчнихъ казановъ два.—Тарѣлокъ цѣнованихъ 12 и полумисковъ 12. Селѣтри зъ обохъ заводовъ 2 куфи (бочки).—Жита осмачокъ—15, пшеницы 10, гречки—8 и овса—6. Стефанъ Милорадовичъ". Архивъ генер. канцел., № 4206.

стоялся при посредствѣ тогдашняго Глуховскаго дѣльца Валькевича и Степанъ Милорадовичъ выдалъ мачихѣ обязательство „о нечелобитствованіи впредь объ отцовскихъ имѣніяхъ". Въ послѣдствіи Степанъ утверждалъ, что росписку эту онъ выдалъ „по своему чужестранству, въ невѣдѣніи малороссійскихъ правъ и порядковъ," при чемъ и былъ обманутъ мачихою. Однакоже дѣло этимъ и кончилось. Вдова Милорадовича скоро вышла вторично замужъ, за Петра Черныша, и продолжала владѣть имѣніями Милорадовича, болѣе двадцати лѣтъ, пока не явились новые претенденты на эти имѣнія, въ лицѣ сыновей Степана Милорадовича.

Въ царствованіе Елисаветы Петровны, многіе сыновья малороссійскихъ пановъ стали начинать свою службу при дворѣ, поступая туда камеръ-лакеями. Мѣста эти получались вѣроятно при посредствѣ Алексѣя Разумовскаго, который не отказывалъ въ покровительствѣ своимъ землякамъ. Камеръ-лакеемъ при дворѣ началъ службу и старшій сынъ Степана Милорадовича—Петръ. Живя при дворѣ, Петръ Милорадовичъ имѣлъ возможность получить совѣты знающихъ людей относительно возможности начать новое дѣло объ имѣніяхъ дѣда съ его вдовою. Знающіе люди находили, что можно начать дѣло о незаконномъ рожденіи Николая Милорадовича и на этомъ основаніи можно и отобрать у него отцовскія имѣнія. Но такъ какъ право на этотъ споръ принадлежало жившему еще старшему брату Николая—Степану, то требовалось, чтобы послѣдній свое право на отысканіе отцовскаго наслѣдства передалъ сыновьямъ, что и было сдѣлано, съ помощью извѣстнаго по Литовскому Статуту „улиточнаго" акта. Заручившись этимъ актомъ, Петръ Милорадовичъ подалъ въ 1747 г., вмѣстѣ съ братьями, въ сенатъ челобитную, въ которой объяснялъ, что „дѣдъ ихъ, истцовъ, въ 1716 г., въ послѣднихъ числахъ іюля, по причинѣ своего вдовства, женился въ Малой Россіи на дочери генеральнаго есаула Бутовича, бывшей въ дѣвкахъ Ульянѣ, которая, живя съ дѣдомъ ихъ въ законномъ супружествѣ, тогожъ года въ декабрѣ противъ 6-го числа, то есть на пятомъ, по выходѣ своемъ въ замужество, мѣсяцѣ, родила не законно въ дѣвкахъ еще ею прижитаго сына Николая, который, будучи нынѣ въ совершенномъ возрастѣ, считается между бунчуковыми товарищами и пишется рода ихъ прозваніемъ Милорадовичемъ; а понеже о не законномъ рожденіи бабою ихъ Ульяною сына Николая извѣстно почти во всей Малой Россіи и таковые не законнорожденные въ число степенныхъ фамилій не пріемлются, того ради не законно-

рожденнаго сына Бутовичевны Николая отъ наслѣдія имѣній Михайла Милорадовича истцы просили „отрѣшить". Прося передать эту челобитную для рѣшенія въ генеральный судъ, истцы заявляли отводъ отъ участія въ рѣшеніи противъ есаула Валькевича, подскарбія Скоропадскаго и судьи Лысенка. Перваго Милорадовичи устраняли потому, что онъ, при рѣшеніи дѣла писаря генеральнаго суда Пиковца и бунчуковаго товарища Журавки, „обличенъ явнымъ плутовствомъ"; Скоропадскаго—потому, что „онъ Валькевичу другъ и одинъ съ другимъ при рѣшеніи дѣлъ, никогда не спорятъ и безъ взаимнаго согласія ничего не дѣлаютъ"; наконецъ Лысенка—на томъ основаніи, что „онъ по своему простосердечію, при рѣшеніи дѣлъ не споритъ, а соглашается съ сентенціею Валькевича и Скоропадскаго, о чемъ и сенату довольно извѣстно". Просьба Милорадовичей была во всемъ сенатомъ уважена и дѣло передано было для рѣшенія въ генеральный судъ. Взявъ отпускъ, Петръ Милорадовичъ пріѣхалъ въ Глуховъ хлопотать, чтобъ не было „волокиты", хотя сенатъ и повелѣлъ суду „учинить по челобитной Милорадовичей рѣшеніе безъ наималѣйшаго продолженія".

Въ концѣ января 1748 г. изъ суда посланъ былъ канцеляристъ Дембовскій „за сыскомъ отвѣтчицы Бутовичевны". Но отыскать Ульяну Степановну было не легко; прослыхавъ о челобитной дѣтей пасынка, она стала переѣзжать съ мѣста на мѣсто и „ѣздила болѣе ночью, а не днемъ", почему Дембовскій вернулся въ Глуховъ, не сыскавъ отвѣтчицы Милорадовичей. Судъ послалъ другаго канцеляриста, Леонтовича, приказавъ, „чтобъ онъ, гдѣ ее заслышитъ, туда и ѣхалъ", для врученія указа о вызовѣ къ суду на 7 марта. Отвѣтчица наконецъ найдена была въ Прилукѣ, въ домѣ племянника своего, Якова Тарновскаго, но оказалась больною. Судъ предложилъ ей прислать вмѣсто себя повѣреннаго; но Ульяна Степановна хотѣла дѣло затянуть... Петръ Милорадовичъ съ своей стороны настаивалъ на скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла, указывая на то обстоятельство, что онъ „за несвоевременную свою явку изъ отпуска ко двору, опасуется отвѣта". Судъ приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла безъ явки отвѣтчицы и допросилъ свидѣтелей о не законномъ рожденіи Николая. Нѣсколько свидѣтелей положительно утвердили, что Михайло Милорадовичъ женился на Ульянѣ Бутовичевнѣ въ

концѣ іюля 1716 г., а въ декабрѣ того-же года Ульяна родила сына Николая. На основаніи этихъ показаній, судъ въ іюлѣ 1748 г. рѣшилъ дѣло Милорадовичей тѣмъ, что Ульяна Степановна, какъ вышедшая замужъ вторично, должна быть лишена права на имѣніе перваго мужа, а сынъ ея Николай, какъ не законнорожденный, не имѣетъ права на наслѣдство Михайла Милорадовича и не долженъ зваться Милорадовичемъ. Отказалъ судъ только въ отобраніи отъ Ульяны Степановны села Козловки, которое она выхлопотала себѣ съ сыномъ, по смерти Милорадовича, за его службы; тутъ ужъ суду ничего нельзя было сдѣлать потому, что на Козловку Ульянѣ лично дана была царская грамота.

Генеральный судъ неправильно рѣшилъ это дѣло, такъ какъ и Ульяна Степановна и сынъ ея Николай имѣли законное право на имѣнія Михайла Милорадовича, на основаніи его духовнаго завѣщанія, о которомъ судъ ничего не сказалъ въ своемъ рѣшеніи. Лишенный не только имѣній, но и отцовскаго прозвища, Николай поѣхалъ было хлопотать о перевершеніи дѣла въ Петербургъ, но не имѣя тѣхъ знакомствъ, какія были у его племянника Петра, ничего повидимому не добился и безслѣдно гдѣ-то потерялся [1]).

Придворная служба Петра Милорадовича дала ему возможность вполнѣ устроить свое благосостояніе: сначала онъ получилъ черниговское полковничество, а потомъ, въ 1763 г., женился на правнукѣ извѣстнаго Павла Полуботка, за которою взялъ въ приданое половину Полуботковскихъ имѣній и сдѣлался однимъ изъ первыхъ богачей черниговскаго намѣстничества. Онъ умеръ въ глубокой старости въ 1798 г., въ лохвицкомъ своемъ селѣ Гамалѣевкѣ, гдѣ въ тамошней церкви и похороненъ.

Какъ только умеръ Михайло Милорадовичъ, младшій его братъ Гаврило немедленно отправился въ Москву — искать тамъ гадяцкаго полковничества. Гаврило Милорадовичъ выѣхалъ въ Россію вмѣстѣ съ Михайломъ; послѣдній награжденъ былъ полковничествомъ, а Гаврилу даны были въ Малороссіи два села: Нехаевка и Калюжинцы.

---

[1]) Въ дневникѣ Ханенка за 1749 г., во время пребыванія въ Петербургѣ, отмѣчено: „явился у насъ бывшаго полковника Милорадовича сынъ nothus Николай и о матери своей спрашивалъ“.

Ставъ „державцею“, Гаврило Милорадовичъ немедленно началъ тѣснить козаковъ, жившихъ въ его маетностяхъ, чтобы на счетъ ихъ увеличить свои богатства. При этомъ онъ производилъ такія-же насилія, какъ и братъ его надъ гадяцкими полчанами. Уже въ 1715 г. нехаевцы подали гетману длинный перечень тѣхъ обидъ, которыя имъ пришлось испытать отъ „полковника македонскаго“ въ первые-же годы его „державства“. Вотъ эти обиды:

1) Нестора Доценка, козака, тирански истязалъ за то, что купилъ ниву у мужика (крестьянина Милорадовича) еще прежде его державы; ниву отнялъ и не только денегъ не возвратилъ, но еще сковалъ его съ тѣмъ мужикомъ за ноги и держалъ такъ недѣлю, пока Доценко не откупился, давъ талеръ.

2) Ивана Осовика, козака, такъ избилъ, что тотъ нѣсколько недѣль пролежалъ, а билъ за то, что тотъ „изволеніемъ Божіимъ“ погорѣлъ; да еще требовалъ и корову.

3) Яцка Хоменка, козака, безъ всякой вины, билъ такъ, что кровь сквозь одежду выступала, а потомъ отнялъ у него лѣсъ и вырубилъ его на свои постройки.

4) У Хвеська Манджоса, крестьянина, отнялъ лѣсъ, стоившій золотыхъ 100; а пока не отнялъ, хотѣлъ Хвеська повѣсить, да только желѣзомъ оковалъ; и тотъ, не смогши носить на себѣ желѣза, долженъ былъ лѣсъ уступить, а самъ пошелъ въ другое село.

5) Ирину крестьянку тирански истязалъ и вѣшалъ за руки къ сволоку и за то только, что купила кварту водки у солдата (а не въ шинкѣ Милорадовича), и отслуживаетъ теперь Ирина свою вину уже другой годъ.

6) Дмитра Свинарчука „стремглавъ“ повѣсивши, по пятамъ такъ билъ, что недѣли три лазилъ на колѣняхъ, пока раны зажили; а билъ безъ всякой вины.

7) Пива наварилъ много бочекъ; только то пиво прокисло и стало никуда негоднымъ: не пили его не только люди, но и свиньи; а онъ, Милорадовичъ, приказалъ то пиво раздавать крестьянамъ; и—принимали то пиво съ плачемъ и тутъ-же, при старостѣ, вонъ выливали, а платили за пиво, что хотѣлъ [1]).

Получивъ эту жалобу, Скоропадскій написалъ Милорадовичу, чтобы онъ не обращался такъ „сурово“ съ людьми; но Милорадовичъ не признавалъ надъ собою власти гетмана, о чемъ ему

---

[1]) Арх. генер. канц., № 1018.

прямо и заявилъ. Не зная, что съ нимъ дѣлать, Скоропадскій писалъ въ 1718 г. царю: „полковники Василій Танскій и Гаврило Милорадовичъ, имѣя въ Украинѣ маетности, живутъ *ни подъ чіею командою, самовольно;* и того-бъ ради объ оныхъ сдѣлать опредѣленіе, подъ чьею командою имъ быть и кому ихъ, по челобитнымъ на ихъ въ разныхъ дѣлахъ, судить; а его де, гетмана, они не слушаютъ“ [1]). Не получивъ никакого разрѣшенія на свою просьбу и получая постоянныя жалобы на Гаврила Милорадовича, за его насилія, Скоропадскій рѣшился наконецъ произвести по этимъ жалобамъ слѣдствіе; для этого посланъ былъ, въ 1720 г., въ Нехаевку бунчуковый товарищъ Чуйкевичъ. Но Милорадовичъ не призналъ за гетманомъ права производить надъ нимъ слѣдствіе. Чуйкевичъ изъ Нехаевки донесъ Скоропадскому, что Милорадовичъ, „при не укротимой своей противъ козаковъ завзятости“, не допускаетъ его къ слѣдствію. Призвалъ Чуйкевичъ одного козака для очной ставки, а Милорадовичъ приказалъ того козака забить въ колодки; а когда я сталъ возражать, говоритъ Чуйкевичъ, то Милорадовичъ, „оказавши противъ меня свои сарказмы“, захватилъ всѣ мои бумаги и ушелъ къ себѣ домой. Видя, что производство порученнаго ему слѣдствія невозможно, Чуйкевичъ вернулся въ Глуховъ [2]). Послѣ этого Скоропадскій уже и не трогалъ „македонскаго кавалера“, который продолжалъ жить „ни подъ чіею командою“ и самовластвовать въ своихъ маетностяхъ, пока не умеръ братъ его Михайло. Гаврило Милорадовичъ переѣхалъ въ Россію, какъ и старшій братъ его вдовцомъ. Бывая въ Москвѣ, онъ тамъ высваталъ себѣ вторую жену, какую-то Прасковью Андреевну, „служительку отъ двора князя Меншикова“. Узнавъ о смерти брата Михайла, Гаврило Милорадовичъ отправился въ Москву вмѣстѣ съ женою, которая должна была ему помочь въ искательствѣ гадяцкаго полковничества. Но хлопоты о полковничествѣ оказались не легкими: около года пришлось жить Милорадовичу въ Москвѣ, пока наконецъ удалось ему выпросить у Меншикова гадяцкое полковничество.

Прослыхавъ объ этомъ искательствѣ, гадяцкіе полчане надѣялись, что только что поставленный гетманъ Апостолъ сможетъ отстранить Гаврила Милорадовича и дастъ возможность

---

[1]) Чтенія моск. общ. ист. и др. 1859, I, 282.

[2]) Арх. генер. канц., № 652.

гадячанамъ выбрать себѣ полковника „вольными голосами". Съ такою просьбою и обратились къ гетману гадяцкіе полковые урядники, какъ только Апостолъ провозглашенъ былъ гетманомъ. „Довольно натерпѣлись мы бѣдъ, писали они гетману, отъ Чарныша и Михайла Милорадовича, которые, наѣхавъ въ нашъ полкъ со стороны и желая съ другими „застарѣлыми" полковниками въ богатствѣ сравняться, прежде всего стали добывать себѣ „грунта", чѣмъ такъ стѣснили народъ, что чуть не пустъ остается нашъ полкъ теперь. А теперь слышно, что о гадяцкомъ полковничествѣ старается Гаврило Милорадовичъ; этотъ пожелаетъ тоже прежде всего нажиться, какъ видно и изъ писемъ его, которыя онъ сюда пишетъ. Скупитъ онъ послѣдніе грунта у людей и станетъ порабощать остальныхъ козаковъ для работъ на тѣхъ-же грунтахъ. А порядковъ никакихъ въ полку онъ намъ не устроитъ. Если Гаврило Милорадовичъ назначенъ будетъ полковникомъ, то должно быть прійдется и намъ, старшинамъ, уступать ему свои грунта, потому что козаки, какіе имѣли грунтики, уже распродали ихъ, а сами разошлись въ разныя мѣста; а въ полку скоро некому будетъ и войсковую службу отбывать". Въ заключеніе старшина просила гетмана—позволить гадяцкимъ полчанамъ выбрать полковника изъ среды себя вольными голосами. Исполнить эту просьбу Апостолъ не имѣлъ права; впрочемъ и заявлена она была поздно: вслѣдъ за подачею ея гетману, изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ полученъ былъ указъ о назначеніи гадяцкимъ полковникомъ Гаврила Милорадовича. При этомъ говорили, что полковничество выхлопотала Милорадовичу жена его черезъ Меншикова.

Вступивъ въ управленіе полкомъ, Гаврило Милорадовичъ скоро доказалъ на дѣлѣ, что опасенія полчанъ были вполнѣ основательны.

Въ началѣ 1728 г., гадяцкій судья Штишевскій писалъ гетману, что, противъ желанія полчанъ, присланъ въ Гадячъ полковникомъ Гаврило Милорадовичъ, не имѣющій ни заслугъ, ни способностей („кромѣ—что онъ двора князя Меншикова служительку за собою держитъ"); пріѣхавъ въ полкъ, онъ сейчасъ-же сталъ „затѣвать полчанамъ нестерпимыя обиды, здирства и побои". Затѣмъ Штишевскій перечисляетъ насилія Милорадовича,—какъ беретъ онъ взятки за судъ, отнимаетъ у козаковъ земли, рубитъ ихъ лѣса и проч. Донесеніе Штишевскаго подтверждали всѣ гадяцкіе полчане, подавшіе гетману особую жалобу, что

Милорадовичъ, „оставя правленіе полковыхъ дѣлъ, уѣхалъ въ ранговыя свои маетности и тамъ только тѣмъ и занимается, что однихъ полчанъ безмилосердно кіями бьетъ, а другихъ по тюрьмахъ и на арматахъ (пушкахъ) окованныхъ по нѣсколько недѣль истязуетъ". Правду этой жалобы засвидѣтельствовали своими подписями, между прочими, и игумены двухъ гадяцкихъ монастырей. Впрочемъ Апостолъ и не сомнѣвался въ правдивости жалобъ, такъ какъ, имѣя свой домъ въ Сорочинцахъ, поблизу ранговыхъ маетностей Милорадовича—Рашавки и Комышной, онъ зналъ все, что тамъ дѣлается. Поѣхавъ вслѣдъ затѣмъ въ Москву, Апостолъ просилъ коллегію иностранныхъ дѣлъ защитить гадяцкихъ полчанъ отъ Милорадовича. А между тѣмъ изъ Гадяча приходили новыя жалобы, которыя гетманъ препровождалъ въ ту-же коллегію. Насилія Милорадовича были такъ явны, что Головкинъ наконецъ разрѣшилъ Апостолу произвести слѣдствіе по жалобамъ гадяцкихъ полчанъ, а потомъ въ іюлѣ 1728 г. распорядился, чтобы Милорадовича прислали въ Москву „для изслѣдованія показанныхъ отъ него козакамъ обидъ" [1]). Произведенное по жалобамъ на Милорадовича слѣдствіе отослано было въ Москву чрезъ Штишевскаго, который долженъ былъ личными уликами еще болѣе подтвердить справедливость слѣдствія. Судъ надъ Милорадовичемъ въ Москвѣ тянулся около года; только въ іюнѣ 1729 г. гетманъ получилъ наконецъ указъ, что такъ какъ Милорадовичъ сознался въ своихъ преступленіяхъ, „того ради полковникомъ ему не быть, а жить ему, Милорадовичу, въ Нѣжинѣ и довольствоваться пожалованными маетностями—Нехаевкою и Калюжинцами" [2]). Милорадовичъ однако-же поселился не въ Нѣжинѣ, а въ Калюжинцахъ, гдѣ, проживъ годъ, осенью 1730 г. умеръ [3]).

Гаврило Милорадовичъ оставилъ единственнаго сына — Антона, сыновья котораго были первыми предводителями дворянства въ глинскомъ уѣздѣ полтавской губерніи [4]).

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) Матер. для отечеств. исторіи, Судіенка, I, 17, 39, 59, 86.

[2]) Арх. генер. канц.

[3]) Вдова его вышла вторично замужъ за кн. Ивана Шаховскаго.

[4]) Родословная графовъ и дворянъ Милорадовичей. Каменецъ-Подольскъ. 1880. 8°. 13 стр.

Матеріалы для исторіи кіевской духовной академіи.

Кіевская академія не имѣетъ своей исторіи за время отъ преобразованія ея въ 1819 г., послѣ котораго она утратила свой вѣковой общеобразовательный и общесословный характеръ и стала спеціальнымъ, высшимъ духовнымъ учебнымъ заведеніемъ. Хотя въ 1869 году она торжественно и съ глубокимъ сочувствіемъ всей Россіи отпраздновала 50-ти лѣтній юбилей этого новаго своего существованія, хотя этотъ юбилей вообще возбудилъ въ средѣ академіи интересъ къ изученію родной старины и далъ толчокъ къ открытію при ней церковно-археологическаго общества и музея древностей, хотя, наконецъ, и послѣ юбилея прошла уже больше, чѣмъ десятилѣтняя давность; однако все-таки объ исторіи кіевской академіи, исторіи полной, систематической, до сихъ поръ ничего не слышно. Никто изъ современныхъ дѣятелей академіи не рѣшился еще спеціально погрузиться въ ея архивъ и вынесть оттуда хотя такой трудъ, какой сдѣлалъ для петербургской академіи г. Чистовичъ[1]), не говоря уже о такомъ, какимъ недавно почтилъ московскую академію воспитанникъ ея и нынѣшній почтенный ректоръ, о. протоіерей С. К. Смирновъ[2]). Правда, есть книжка покойнаго В. И. Аскоченскаго, посвященная исторіи новой кіевской академіи[3]). Но эта книжка представляетъ лишь внѣшній и бѣглый обзоръ академической жизни, притомъ доведенный только до 50-хъ

---

[1]) Исторія С.-Петербургской духовной академіи—сочиненіе *Иларіона Чистовича*. Спб. 1857 г.

[2]) Исторія Московской духовной академіи—до ея преобразованія (1814—1870). Москва, 1879 г.

[3]) Исторія Кіевской духовной академіи, по преобразованіи ея въ 1819 г.« Спб. 1863 г.

годовъ, и не можетъ идти въ сравненіе съ другимъ капитальнымъ его трудомъ, посвященнымъ старой кіевской академіи и извѣстнымъ подъ заглавіемъ: *Кіевъ, съ древнѣйшимъ его училищемъ—академіею*[1]). Составленный проф. И. И. Малышевскимъ ко времени юбилея кіевской академіи въ 1869 г. и тогда-же вышедшій очеркъ ея исторіи съ 1819 года написанъ, правда, рукою искусною, но основанъ не столько на изученіи первичныхъ источниковъ, сколько на обобщеніи хранящихся въ средѣ академіи мнѣній и преданій о характерѣ главныхъ руководителей ея въ это время. Почтенный во всякомъ случаѣ этотъ трудъ[2]) уважаемаго профессора, въ связи съ другимъ его, болѣе уже документальнымъ, трудомъ: *Дѣятельность митр. Евгенія въ званіи предсѣдателя конференціи кіевской духовной академіи*,[3]) — будетъ имѣть важное руководительное значеніе для будущаго прагматическаго историка кіевской академіи. Но все это болѣе матеріалы, или подготовительныя работы для исторіи академіи, а не сама желаемая исторія, которой давно-бы уже пора появиться на свѣтъ Божій, прежде всего—какъ желанному знаку любви современнаго академическаго поколѣнія къ старинѣ дорогаго для него учрежденія, затѣмъ—въ удовлетвореніе любознательности и въ поученіе новому студенчеству и наконецъ для опредѣленія и уясненія значенія кіевской академіи въ общемъ ходѣ русскаго просвѣщенія въ текущемъ столѣтіи. Прежніе академическіе дѣятели (пр. митр. Макарій Булгаковъ и Аскоченскій) засвидѣтельствовали свою любовь къ воспитавшему ихъ заведенію капитальными трудами по исторіи *старой* академіи—до 1819 г. Новымъ дѣятелямъ, для которыхъ академія съ 1819 г. тоже сдѣлалась уже *старою*, пора вспомнить любовно своихъ отошедшихъ въ область исторіи предшественниковъ. Это было-бы дѣломъ и сердечной дани *академическому братству*, которое, по самой идеѣ своей, должно помнить не только живыхъ, но и умершихъ своихъ членовъ и поминаетъ послѣднихъ и доселѣ ежегодной заупокойной молитвой 31-го

---

[1]) Вышелъ въ Кіевѣ—въ 1856 году, въ двухъ томахъ.

[2]) См. книгу: „*50-лѣтній юбилей Кіевской д. Академіи*". Кіевъ. 1869 г.

[3]) См. въ „*Трудахъ Кіевской дух. Академіи*" 1867 года. Вышелъ и отдѣльной брошюрой.

декабря, по установленію еще приснопамятнаго *Петра Могилы*. Рядомъ съ этою умилительною памятію объ отшедшихъ въ вѣчность братьяхъ—дѣятеляхъ науки и просвѣщенія—еще большій интересъ получали-бы ученыя изслѣдованія ихъ жизни и трудовъ. Главнѣйшимъ источникомъ для желаемой исторіи кіевской академіи долженъ, конечно, послужить академическій архивъ: сюда существенно должно быть направлено вниманіе изслѣдователя прошлыхъ академическихъ судебъ. Но есть много матеріаловъ для этого и внѣ архива, и болѣе, можетъ быть, цѣнныхъ, чѣмъ матеріалы архивные, большею частію офиціальные, представляющіе дѣло только съ внѣшней формальной стороны. Болѣе интереса представила-бы академія внѣ офиціальныхъ рамокъ ея дѣятельности,—въ частномъ бытѣ ея служащихъ и студентовъ, въ судьбѣ и дѣятельности ея воспитанниковъ на различныхъ жизненныхъ путяхъ; но объ этомъ архивъ академическій очень мало или вовсе ничего не дастъ. Вотъ такіе-то матеріалы должны розыскивать и приводить въ извѣстность сами воспитанники академіи, гдѣ-бы кто изъ нихъ ни находился, чтобы подготовить побольше данныхъ для всесторонней исторіи своей Almae matris... И это должно дѣлать тѣмъ скорѣе и настойчивѣе, что представителей первыхъ курсовъ кіевской академіи почти вовсе не осталось. Есть-ли напр. еще въ живыхъ воспитанники перваго курса кіевской академіи, товарищи знаменитаго Иннокентія?! А между тѣмъ личныя воспоминанія воспитанниковъ—это лучшій матеріалъ для исторіи академіи... Но гдѣ эти воспоминанія? кто собиралъ ихъ?... Помнится, вскорѣ послѣ юбилея кіевской академіи, въ 1869 г., уважаемый нашъ библіографъ, С. И. Пономаревъ, котораго теплая душа отзывается на всякое выдающееся жизненное явленіе, не будучи воспитанникомъ кіевской академіи, приглашалъ всѣхъ ея воспитанниковъ собирать матеріалы для ея исторіи и присылать ихъ къ нему [1]). Чѣмъ кончилась попытка почтеннаго библіографа, мы не знаемъ; но тотъ-же юбилей навелъ и насъ на мысль—собирать матеріалы для исторіи кіевской академіи, и до сихъ поръ намъ удалось найти нѣкоторые цѣнные матеріалы, которыми время-отъ времени мы намѣрены дѣлиться съ читателями „Кіевской Старины“.

---

[1]) Ст. *Кіевскія Еп. В.* 1870 г. №№ 5—6-й.

Пріобрѣтеніемъ этихъ матеріаловъ мы обязаны главнымъ образомъ семейству такого лица, о которомъ, по связи предметовъ, приходится сказать здѣсь нѣсколько словъ. Это также одинъ изъ воспитанниковъ кіевской академіи перваго ея курса, Александръ Ивановичъ Бѣлюговъ, товарищъ извѣстнаго проповѣдника Иннокентія. Онъ, по окончаніи академическаго курса въ 1823 г., былъ назначенъ въ Кишиневъ профессоромъ духовной семинаріи по классу физико-математическихъ наукъ, но скоро оставилъ духовно-училищную службу для гражданской. Сначала (въ 1826 г.) онъ поступилъ чиновникомъ въ столь извѣстный изъ біографіи Пушкина попечительный комитетъ о колонистахъ южнаго края и служилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, подъ начальствомъ хранителя и пѣстуна Пушкина, Ивана Никитича Инзова, ставшаго послѣднему *во отца мѣсто,* во время его изгнаннической жизни въ Кишиневѣ. Съ 1840-хъ годовъ Бѣлюговъ служилъ въ бессарабской палатѣ государственныхъ имуществъ, а за упраздненіемъ оной, вышелъ въ отставку и жилъ въ Кишиневѣ, на покоѣ, въ чинѣ статскаго совѣтника, получая пенсію. Умеръ онъ глубокимъ старикомъ въ 1878 г. Семейство Бѣлюговыхъ издавна пользовалось въ Кишиневѣ самымъ искреннимъ уваженіемъ и слыло здѣсь однимъ изъ наиболѣе интеллигентныхъ. Дочь Бѣлюгова, дѣвица Любовь Александровна, займетъ свѣтлую страницу въ исторіи просвѣщенія Бессарабіи: она первая основала въ Кишиневѣ на свои средства женскую гимназію и повела ее такъ хорошо, что земство взяло ее подъ свое вѣденіе, оставивъ въ ней начальницей Любовь Александровну, и теперь эта гимназія—*земская гимназія.* Смерть Любови Ал. Бѣлюговой (въ 1872 г.) была оплакана не одними ея родителями: на могилѣ ея кишиневское общество поставило памятникъ, а въ основанной ею гимназіи учредило стипендію ея имени. Съ Ал. Ив. Бѣлюговымъ намъ удалось познакомиться, къ сожалѣнію, только за годъ до его смерти. До конца жизни своей онъ интересовался своею родною академіею и въ день ея юбилея въ 1869 г. послалъ ей восторженную привѣтственную телеграмму [1]). Вдова Александра Ивановича, многоуважаемая Вѣра Егоровна, по нашей просьбѣ, передала въ наше распоряженіе письма слѣдующихъ лицъ къ ея мужу: 1) сту-

---

[1]) См. „*Пятидес. юбилей кіевской д. академіи*“, стр. 332.

дента петербургской духовной академіи *Луки Епифановича*—1818—1821 г., 2) инспектора кіевской академіи, архимандрита (впослѣдствіи архіепископа) *Смараида*—1824—1825 г., 3) *Ивана Алексѣевича*, въ послѣдствіи *Иннокентія, Борисова*—1820—1825 г., 4) баккалавра кіевской академіи *Якова* (впослѣдствіи епис. *Іустина*) *Михайлова*—1823—1827 г., 5) учителя бѣлогородской семинаріи *Петра Иваницкаго*—1830—1831 г., 6) инспектора калужской д. семинаріи, игумена *Антонія (Жуминскаго)*—1830—1832 г., 7) академика *Юрія Венелина*—1832—1833 г., и 8) подполковника *Бородаевскаго*—1835—1836 г.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ писемъ мы сообщаемъ въ настоящій разъ письма *Иннокентія,* этого первенца кіевской академіи, перваго магистра перваго ея курса. Всѣхъ его писемъ шесть. Три писаны еще во время его студенчества въ кіевской академіи; три другія изъ Петербурга, гдѣ Иннокентій сначала былъ инспекторомъ семинаріи, а потомъ—баккалавромъ академіи. Студенческія письма Борисова показываютъ, что между нимъ и Бѣлюговымъ существовала во время ихъ студенческой жизни самая нѣжная, сердечная дружба. Первое письмо писано изъ *Минска,* куда авторъ ѣздилъ на каникулы 1820 г. Письмо это не представляетъ особаго интереса: въ немъ описывается дорога отъ Кіева до Минска, бывшая не безъ приключеній, рисуются картины береговъ Днѣпра и Березины, по поводу послѣдней вспоминается извѣстный эпизодъ отечественной войны; вообще письмо дышетъ молодымъ, еще пахнущимъ школой, краснорѣчіемъ, но въ немъ уже видѣнъ будущій великій ораторъ и стилистъ. Второе письмо 1821 года, писанное также изъ Минска въ Кіевъ, интересно лишь тѣмъ, что рисуетъ теплое отношеніе автора—студента къ академіи, не смотря на нѣкоторыя неудобства жизни въ ней, зависѣвшія „паче всего *отъ эконома*“... Третье письмо писано въ каникулы 1823 г., значитъ—уже по окончаніи Борисовымъ академич. курса; оно писано изъ Харькова; въ немъ Борисовъ открылся своему другу, что *далъ обѣщаніе поступить въ монашество* и радуется данному обѣщанію. Къ сожалѣнію, отъ этого письма остался только конецъ, а начало опять возвратилось къ автору—уже *Иннокентію,* въ Петербургъ, какъ это узнаемъ мы изъ письма 4-го, писаннаго въ 1824 г. въ Кишиневъ изъ Петербурга, гдѣ авторъ былъ уже инспекторомъ

семинаріи. Поступленіе въ монашество и начавшаяся служебная дѣятельность охладили нѣсколько пылъ дружескихъ чувствъ бывшаго студента Борисова, теперь уже *Иннокентія,* къ его товарищу, и онъ цѣлый годъ не писалъ Бѣлюгову. Бѣлюговъ, вмѣсто того, чтобы самому писать, послалъ Иннокентію первую половину его собственнаго прошлогодняго письма, какъ-бы въ улику измѣны чувствъ со стороны прежняго горячаго друга... Иннокентій понялъ такой пріемъ Бѣлюгова именно какъ слѣдствіе *„любви нѣжной,* но *раздраженной“*, и вотъ всѣми силами старается увѣрить друга, что онъ *тотъ-же,* преданный ему всѣмъ сердцемъ. Какъ ни задушевно это письмо, но видно, что жизненные интересы прежнихъ друзей разошлись. Для того, повидимому, чтобы опять соединить ихъ, Иннокентій дѣлаетъ тонкій намёкъ другу о поступленіи въ монашество... Пятое письмо послѣдовало скоро за предъидущимъ и было отвѣтомъ на откровенную бесѣду друга, заявившаго о своемъ не желаніи принять монашество. Иннокентій повидимому хвалитъ его за такое рѣшеніе; но въ сущности этотъ отказъ и былъ, вѣроятно, причиной, почему между прежними друзьями уже не могло быть прежнихъ отношеній... У Иннокентія были другіе идеалы... Онъ не безъ удовольствія пишетъ о своихъ связяхъ съ членами синода... Монашество, какъ по всему видно, онъ принялъ по твердо-обдуманному намѣренію, — безъ страха передъ нимъ... Въ этомъ случаѣ онъ совершенно отличенъ отъ другаго своего товарища и земляка *Якова Евдокимовича Михайлова,* впослѣдствіи *Іустина.* Письма этого послѣдняго къ Бѣлюгову, писанныя непосредственно послѣ принятія имъ монашества, полны самаго глубокаго трагизма... Иннокентій—это была натура болѣе крѣпкая, практическая. Шестое и послѣднее письмо писано чрезъ годъ, именно какъ-бы въ доказательство того, что между прежними друзьями разстояніе все болѣе и болѣе увеличивалось, вслѣдствіе установившейся у нихъ неодинаковости первѣйшихъ жизненныхъ интересовъ. На этомъ письмѣ и оборвалась переписка между бывшими задушевнѣйшими друзьями за студенческой скамьей. Между ними не нашлось новыхъ близкихъ точекъ соприкосновенія. Иннокентію хотѣлось имѣть друга, но уже не на почвѣ сердечныхъ отношеній, не на почвѣ прошлаго, юношескаго, а на почвѣ одинаковости стремленій въ будущемъ. На вопросъ Бѣлюгова: здоровъ-ли онъ, Иннокентій, съ понятнымъ

желаніемъ участія, рисуетъ предъ академическимъ товарищемъ состояніе своего *умственнаго* здоровья. Эта страница Иннокентіевскаго письма—есть драгоцѣнное автобіографическое показаніе. Она вводитъ насъ въ самую, такъ сказать, лабораторію тогдашней умственной жизни великаго русскаго богослова—мыслителя и проповѣдника, въ самую глубь его задушевныхъ думъ. Иннокентій въ это время перешелъ уже изъ семинаріи въ петербургскую академію—профессоромъ богословія и всецѣло погрузился въ мыслительную дѣятельность, въ умственное созерцаніе. Его пытливый умъ жаждалъ пищи. Начиная описывать это свое душевное состояніе, эту нравственную свою „скептику", онъ называетъ ее *болѣзнію ума своего;* но въ концѣ концовъ находитъ эту постоянную неудовлетворенность ума, это вѣчное стремленіе его къ истинѣ—самымъ *здоровымъ,* самымъ привлекательнымъ и желательнымъ для себя состояніемъ. Для насъ дорогъ этотъ свѣжій, могучій голосъ въ защиту правъ человѣческаго разума даже въ религіозной области. Правда, въ немъ видно нѣкоторое увлеченіе господствовавшими тогда идеями Шеллинга, какъ сознается и самъ Иннокентій. Но безъ увлеченій въ *процессѣ исканія* истины никогда не можетъ быть неостывающаго, всегда горячаго увлеченія и къ *самой истинѣ,*—положительной, уже найденной, откровенной... Безъ внутренней теоретической борьбы съ самимъ собою, — той борьбы, которую переживалъ Иннокентій и которую онъ описываетъ въ своемъ письмѣ,—безъ этой священной борьбы никогда не выходитъ крѣпкихъ умовъ, плодовитыхъ для человѣчества и церкви Божіей на землѣ. Приверженцы умственнаго застоя въ богословской области, къ которымъ отчасти принадлежалъ и положительный умъ митрополита Евгенія (на это намекаетъ и самъ Иннокентій въ письмѣ своемъ) упрекали Иннокентія въ *неологизмѣ.* Но если-бы въ средѣ властныхъ представителей русской церкви и вообще среди русскихъ богослововъ было побольше такихъ неологовъ, такихъ горячихъ поборниковъ и талантливыхъ работниковъ живой, творческой богословствующей мысли, — тогда не закралась-бы въ нашу церковно - богословскую область эта умственная апатія, эта приниженность, забитость мысли, и богословствующей, и проповѣдующей, это раболѣпство предъ рутиной, это мудрованіе сообразно съ обстоятельствами, „по стихіямъ міра", а не по Христу... Тогда не могло-бы быть противъ нашей

церкви и тѣхъ упрековъ въ недостаткѣ *духа мудрости,* какіе теперь раздаются на страницахъ газеты „Русь". Да, Иннокентій былъ великій геній отечественной церкви!

Помѣщаемыя теперь письма его представляютъ первые проблески его ума, таланта, стиля, краснорѣчія... Впрочемъ приглашаемъ самихъ читателей оцѣнить ихъ интересъ и значеніе.

Л. М.

I

ПИСЬМА ИВАНА АЛЕКСѢЕВИЧА (А ПОСЛѢ ИННОКЕНТІЯ) ВОРИСОВА КЪ А. И. ВѢЛЮГОВУ.

1820—1825 г.

1).

Милой Сашинька!

Исполняя обѣщаніе, пишу къ тебѣ изъ Минска. Не знаю, съ чего начать? Описывать ли то, что я видѣлъ въ дорогѣ, или, не утомляя твоего воображенія бѣгомъ за нашею колесницею, прямо представить предъ него картину Минска. Послѣдняя пріятнѣе, но и перваго нельзя оставить. Наша дорога къ Минску едва не содѣлалась путемъ къ Стиксу, и твой другъ былъ, можетъ быть, на одинъ шагъ отъ Хароновой лодки. Не спрашивай, какъ это могло быть; я самъ горю нетерпѣніемъ разсказать тебѣ сіе. Слушай!—Отъ Кіева до Чернигова мы ѣхали такъ покойно, такъ весело, какъ только можно было намъ желать. Ласковый пріемъ черниговскихъ профессоровъ заставилъ насъ забыть, что мы въ дорогѣ. Отъ Чернигова мы еще имѣли двѣ или три хорошія станціи, доколѣ не свернули съ петербургскаго тракта. Вмѣстѣ съ нимъ удалялось отъ насъ спокойствіе. Дорога наша длинными песчаными отлогостями вела насъ къ Днѣпру.[1]) Днѣпръ здѣсь совсѣмъ не тотъ, что въ Кіевѣ. Утесистые, покрытые дремучимъ лѣсомъ и пескомъ берега издали грозятъ путнику. Необыкновенный разливъ воды придавалъ ужаса картинѣ. Между тѣмъ мы переправились благополучно, ѣхавъ паромомъ около 5 верстъ по

---

[1]) Въ подлинникѣ вездѣ пишется *Днепръ* чрезъ *е*.

большой дорогѣ. Слѣдующія станціи стоятъ всѣ на правомъ берегу Днѣпра. Какіе виды! Неопытные, мы любовались ими, незная, что насъ окружаютъ тысячи опасностей, изъ коихъ каждая можетъ быть гибельною. Такъ мы начали думать, когда на одной изъ станцій разсказали намъ, что шайка разбойниковъ, составившаяся въ продолженіи 1812, 13 и 14 годовъ, и доселѣ ограничивавшаяся нападеніемъ на однихъ беззащитныхъ, нынѣ съ ужаснымъ остервененіемъ грабитъ и разбиваетъ самыя почты. Сіи разсказы насъ смутили: но мы немного поуспокоились, когда Днѣпръ, теперь уже непріятный спутникъ—началъ отходить отъ нашей дороги. Спокойствіе сіе продолжалось не долго. Предъ нами, какъ предъ богатырями въ сказкѣ, опять рѣка Березинъ.[1]) Она не болѣе Десны, но ужаснѣе Днѣпра. Берега ея, особенно правой крутъ, лѣсистъ, дикъ и неприступенъ. Намъ надобно было ѣхать около 40 верстъ по ея берегу: но мы рѣшились тутъ же переправиться чрезъ нее, промѣнявъ почтовую дорогу на проселочную. Краткость пути и то, что послѣдняя была нарочно дѣлана для Государя, насъ соблазнили. Переѣздъ состоитъ изъ 40 верстъ, а мы при самомъ началѣ осмеркли. Я не суевѣръ: но желаю разсказать вамъ случай, встрѣтившійся намъ при переправѣ чрезъ Березинъ. Переправившись, начали впрягать лошадей: одна изъ нихъ, вырвавшись изъ рукъ ямщика, ушла въ воду и поплыла назадъ. Тремя лодками едва могли ее воротить. Можетъ быть, это было случайнымъ слѣдствіемъ упрямства сего животнаго: только послѣдующее показало, что это можно было почесть предвѣстіемъ. Мы ѣхали около 4 часовъ по берегу. Глубокіе пески, казалось, тянули назадъ нашихъ тощихъ коней. Унылый звонъ колокольчика умножалъ меланхолію; мы, какъ бы предчувствуя угрожающее намъ нещастіе, сидѣли молча, утѣшаясь тою мыслію, что удаляемся, какъ казалось, отъ береговъ Березина, на которые мы не могли взирать безъ ужаса. Вдругъ лѣсъ, насъ окружавшій, уступаетъ нашимъ взорамъ, мы видимъ себя на высокой горѣ, между двумя рѣками—Березиномъ и Днѣпромъ. Тѣни набережныхъ деревъ, отражаясь въ зеркальныхъ пучинахъ сихъ рѣкъ, кажется, стерегли сіе ужасное мѣсто. Одинъ видъ, при полночной тишинѣ, могъ устрашить безстрашнаго. Таковъ театръ нашей

---

[1]) Авторъ употребляетъ это имя въ мужескомъ родѣ: *Березинъ*, хотя ниже переходитъ и въ женское *Березина*.

опасности: вотъ она! Едва успѣли мы достигнуть средины сего ужаснаго мѣста, вдругъ сзади насъ раздается свистъ; изъ стремнины, прилегающей къ Днѣпру, выбѣгаетъ тройка и во весь опоръ скачетъ за нами! Я не могу описать вамъ того, что мы тогда чувствовали, пусть ваше воображеніе дополнитъ сіе. Скажу только, что сабля, вооружаясь коею я считалъ себя неприступнымъ, теперь выпала изъ моихъ рукъ. Едва-ли не таже участь постигла пистолетъ въ рукахъ Александра Андреевича. [1]) Опомнившись отъ страха, мы всѣ трое принялись гнать лошадей, и быстротѣ ихъ ногъ обязаны тѣмъ, что злодѣи, видя невозможность догнать, свернули въ бездну, изъ которой выбѣгли. Одна опасность миновалась: но кто могъ увѣрить насъ, что другая, ей подобная, не ожидаетъ на пути? Таковые расчеты заставили насъ, немедля, искать скораго убѣжища, которымъ содѣлалась лежащая въ сторонѣ деревня. Здѣсь бутылка добраго вина подкрѣпила наше малодушіе, и мы предались мечтаніямъ о случившемся съ нами. Что, естьлибы наши враги выбѣгли намъ на встрѣчу? Намъ не миновать-бы ихъ рукъ. Можетъ быть, сія ночь была бы послѣднею, и пучины Днѣпра служили бы для насъ могилою. Въ сихъ мрачныхъ мысляхъ мы продолжали путь, столь-же ужасный по мѣстоположенію. Приближаясь къ Бобруйской крѣпости, мы встрѣчены были новостію, увеличившею и оправдавшею наши опасенія. 10 человѣкъ изъ каторжныхъ работниковъ, коихъ присылаютъ въ сію крѣпость, ушли. Такихъ людей единственное убѣжище лѣсъ, а занятіе разбои, а мы путники: какъ же не бояться?—Въ семъ страхѣ достигли мы до Бобруйска. Сію крѣпость называютъ щитомъ средней Россіи. По сему не излишне будетъ сказать о ней нѣсколько словъ. Она стоитъ на правомъ берегу Березина, и съ сей стороны кажется неприступна. Съ другой—ограждена валами земляными, точно такъ, какъ печерская. Только она пространнѣе печерской; а теперь еще распространяется вверхъ по теченію рѣки на версту. Внутренность крѣпости наполнена каменными, огромными и прекрасными зданіями. Онѣ всѣ казенныя. Обыватели живутъ въ форштатахъ, которые окружаютъ со всѣхъ сторонъ крѣпость,

---

[1]) Кто былъ этотъ *Александръ Андреевичъ?* Въ одномъ письмѣ изъ Петербурга Иннокентій тоже вспоминаетъ его, уже какъ живущаго въ Петербургѣ, и называетъ его своимъ единственнымъ другомъ.—Мы склоняемся думать, что это былъ *Александръ А. Максимовичъ*, бывшій баккалавромъ кіевской академіи, а затѣмъ перешедшій въ Петербургъ на гражданскую службу.

разстояніемъ отъ нея на 1 версту. Въ сихъ форштатахъ стояла осадная французская армія, и по долговременномъ, безуспѣшномъ усиліи, принуждена была отступить. Отъ Бобруйска оставалось намъ еще 180 верстъ пути. Березинъ, кажется, преслѣдовалъ насъ. Мы ѣхали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на одинъ сажень отъ воды. Мѣсто перехода французской арміи, которое по разчетамъ нашихъ полководцевъ должно было послужить для нея общею могилою, и которое въ самомъ дѣлѣ содѣлалось такою для третьей части его (sic!) многочисленнаго войска, удовлетворяя нашему любопытству, ослабило, естьли не изгнало нашъ страхъ. Березина воды, кажется, совершенно забыли громъ войны, на нихъ раздававшійся. Едвали какая рѣка сравнится съ нею въ тихости теченія. Берега ея вообще унылы, дики и покрыты дремучими лѣсами. Они-то затрудняли болѣе переходъ для Наполеона, который безпрепятственно перешагивалъ Рейнъ, Ельбу, Гвадалквивиръ - въ сравненіи съ Березиной великаны. На семъ мѣстѣ нѣтъ никакого памятника, и, безъ указанія, трудно его узнать. Уже три года Березинъ разливается въ необыкновенной степени —какъ бы желая обмыть берега свои, упоенные кровью убитыхъ. Съ умиленіемъ мы проѣхали сіе мѣсто. Березина ушла отъ насъ въ право. Одинъ лѣсъ остался неотлучнымъ спутникомъ нашимъ до самаго Минска. Около 500 верстъ проѣхать лѣсомъ, нигдѣ не прерывающимся, всегда густымъ, не рѣдко занимающимъ самую дорогу—это составляетъ разительный контрастъ съ россійскими дорогами, гдѣ видишь себя непрестанно окруженнымъ желтѣющимися нивами, и ожидаешь лѣса, какъ пріятной защиты отъ палящаго солнца. Наконецъ, сквозь тысячи опасеній, мнимыхъ и дѣйствительныхъ страховъ, добрались мы до Минска, тому уже двѣ недѣли. Ласковый пріемъ заставляетъ забыть всѣ непріятности дороги. Городъ довольно хорошій, особенно садъ общественный. Онъ едвали не превосходитъ кіевскаго—разнообразностію. Жидовъ здѣсь столько, сколько ихъ нѣтъ во всѣхъ *нашихъ* губерніяхъ. Въ шабашъ городъ кажется пустынею. Каждый жидъ есть живая лавка. Вамъ стоитъ только сказать ему слово: и все, что угодно, предъ глазами. Мы имѣли довольно случаевъ видѣть ихъ услужливость и способность обманывать. Но для васъ это не новость. Приближающійся конецъ бумаги напоминаетъ о окончаніи письма: но заключить жидами не пріятно. Скажу еще нѣчто о себѣ. 7 или 8 мы примемъ обратный путь;—опять вступимъ въ длинную аллею опасностей. Представленіе ихъ такъ пугаетъ мое воображе-

ніе, что я желалъ бы не выѣзжать изъ Кіева. Естьли щастливо достигнемъ нашихъ пенатовъ; то вмѣстѣ съ тобою воскурю имъ фиміамъ; естьли-же.... воспоминаніе друга есть единственная жертва, коей я отъ тебя требую. До свиданія!—Цѣлую тебя.

Тебя любящій студентъ Борисовъ.

1820. Августа 3.

Моимъ любезнымъ номерантамъ засвидѣтельствуйте мое почитаніе. Ульяну Петровичу[1]) я имѣлъ намѣреніе писать особенно; но краткость времени, доказательствомъ и выраженіемъ коей служитъ сіе письмо, не допустили меня его исполнить. Дайте ему прочесть сіе письмо—а болѣе никому. Онъ добрый человѣкъ и искренній другъ.

Прощай, Сашичька!

2.

Любезный другъ!
Александръ Ивановичъ!

Пишу къ тебѣ не для того, чтобы занять тебя письмомъ симъ, но единственно въ томъ намѣреніи, чтобы исполнить данное при отъѣздѣ обѣщаніе писать къ тебѣ. А по сему не стану описывать того, что случалось съ нами въ дорогѣ, ни того, что мы видѣли въ Слуцкѣ, хотя то и другое стоило-бы Донкишотовыхъ мѣльницъ. Скажу только, что мы такую щастливую дорогу имѣли до Слуцка, что желали-бы и теперь найти ее таковою-же. Равнымъ образомъ въ Слуцкѣ семинарскіе экзамены заняли насъ такъ хорошо, что мы и не видѣли, какъ протекла цѣлая недѣля. Какъ пріятно и легко испытывать другихъ, и какъ трудно и скучно самому быть испытываему! Въ Минскѣ живемъ мы, кажется, болѣе двухъ недѣль; и думаемъ скоро выѣхать. Въ Кіевъ, естьли не будетъ задержекъ на дорогѣ, надѣемся прибыть, по крайней мѣрѣ, къ 15 августа. Какъ ни хорошо, говорятъ, въ гостяхъ, но дома лучше. Мы истину сей пословицы теперь испытываемъ на себѣ. Кажется-бы—не къ чему спѣшить въ Кіевъ—за дубовые столы, подъ визгъ колокольчика, а паче

---

[1]) Ульянъ Петровичъ *Пѣшковскій*—товарищъ Борисова и Бѣлюгова, поступившій въ академію изъ *послушниковъ*. Онъ вышелъ изъ академіи, не окончивши курса; куда,—не знаемъ.

подъ благотворительную протекцію отца эконома: между тѣмъ я сейчасъ желалъ бы перенестись въ вашъ кругъ и сѣсть съ вами за бранныя скатерти академическія. Вѣрно, опасности дорожныя тревожатъ тебя,—скажешь ты. Правда, онѣ стоютъ того, чтобы объ нихъ позаботиться, а паче съ моимъ живымъ воображеніемъ, которое привыкло черное рисовать втрое чернѣйшимъ. Впрочемъ, на меня и то уже много наводитъ скуки, что я—не въ своемъ кругѣ, то есть академическомъ: онъ, при всѣхъ невыгодахъ, въ моихъ глазахъ имѣетъ какую-то особенную прелесть.

Я полагаю, что ко мнѣ есть письма, или отъ брата или отъ домашнихъ. Даю вамъ полное право ихъ взять и распечатать. Полагаю также, хотя не на вѣрное, что можетъ быть кто-либо изъ родныхъ, какъ они обѣщались въ письмѣ, пріѣдетъ въ Кіевъ на богомолье. Не нашедъ меня въ академіи и думая, что я не скоро пріѣду, онѣ могутъ рѣшиться на обратный путь, не дожидаясь меня. И такъ вы, естьли то нужно будетъ, постарайтесь увѣрить, что я скоро возвращусь.

Любящій тебя другъ Ив. Борисовъ.

1821, іюля 30 дня.

Приложенную при семъ записку доставьте Ульяну Петровичу. P.S. Моимъ любезнымъ землякамъ и Захару Ивановичу [1]) поклонитесь отъ меня.

3. [2])

....Всѣмъ господамъ сономерантамъ засвидѣтельствуйте отъ меня глубочайшее почтеніе.

Будь веселъ, милой Сашинька, будь веселъ до моего пріѣзда. Какъ жаль, что намъ доведется прожить вмѣстѣ съ тобою не болѣе полмѣсяца. По крайней мѣрѣ мы успѣемъ снова сблизить наши сердца, такъ что онѣ не разрознятся до послѣднихъ предѣловъ нашей жизни.

Я не сказалъ тебѣ, Саничька! что я далъ обѣщаніе поступить въ монашество. Я думалъ, что, увидѣвъ свѣтъ, пожалѣю о семъ. А теперь, увидѣвъ его, радуюсь. Прощай. Цѣлую тебя сто разъ. Кланяйся отъ меня всѣмъ знакомымъ. Естьли долго проживу здѣсь, то буду писать еще.

---

[1]) Товарищъ—Захаръ Ивановичъ *Трояновскій*.

[2]) Отъ этого письма сохранился только *конецъ*—по причинѣ, которую мы изложили выше—въ предварительной замѣткѣ.

4.

Санктпетербургъ. 1824 г., августа 17 дня.

Твердо вѣрю, любезный Александръ Ивановичъ, что между *нашими* сердцами существуетъ какое-то непостижимое сострастіе, хотя не могу объяснить, въ чемъ именно оно состоитъ и отъ чего происходитъ. За недѣлю предъ тѣмъ, какъ я получилъ отъ васъ письмо, у меня родилась непреодолимая охота писать къ вамъ. Только мое отсутствіе (я былъ въ Сергіевой пустынѣ) [1]) было причиною того, что я не осуществилъ моего желанія на самомъ дѣлѣ. Можетъ быть, уединеніе пустынной, при морѣ лежащей обители, заставившее невольно воспомянуть о всемъ прошедшемъ, миломъ для сердца;—можетъ быть, возвращеніе того времени года, въ которое я, бывши въ Харьковѣ, мечталъ о васъ,—можетъ быть, возвращеніе сердца въ то состояніе, въ которомъ я любилъ находить успокоеніе въ васъ;—можетъ быть и другое что... только сдѣлало то, что мое сердце почитало необходимостію излиться предъ вами въ своихъ чувствованіяхъ. Какъ досадовалъ я на медленность нашего возврата въ городъ тогда, когда всѣ скучали его скоростію! — Пріѣзжаю — и первый предметъ, представившійся моему взору, было полдюжины писемъ, лежащихъ на моемъ учебномъ столѣ. Вы не можете вообразить, съ какимъ удовольствіемъ, пробѣгая адресы, я замѣтилъ между ими новый, хотѣлъ сказать—неизвѣстный, нѣтъ! извѣстный, стократъ извѣстный почеркъ вашъ. Сердце мое такъ забилось при семъ случаѣ, какъ-бы я долженъ былъ тотчасъ итти къ отвѣту. Но оно еще сильнѣе забилось, когда со всѣмъ нетерпѣніемъ раз печатавъ письмо ваше, я нашелъ пустой полистъ, мало того пустой, наполненной такою колкою матеріею, каково должно быть для меня мое рукописаніе. Признаюсь, такъ писать свойственно только любви, любви нѣжной, но раздраженной, такой, какова ваша. Чѣмъ могъ-бы я оправдываться противъ себя самого? развѣ новою виною. Не хочу, раздраженный собственнымъ проступкомъ, даже осуждать себя. И судъ и осужденіе себѣ предоставляю вашей любви, той любви, которая умѣетъ цѣнить и вину и виновнаго. Болѣе говорить о семъ значило-бы не довѣрять ни себѣ, ни вамъ. Все, что я могу сказать въ семъ отно-

---

[1]) *Троицко-Сергіева пустыня*—въ 10-ти верстахъ отъ Петергофа. Основана въ 1734 г.

шеніи, состоитъ въ томъ, что я готовъ загладить мою вину чѣмъ вамъ угодно.

Изъ всего сказаннаго мною (какъ оно мало въ сравненіи съ тѣмъ, что я чувствую!) вы видите, что ваше время молчанія должно уступить времени глаголанія. Говорите, говорите, любезный Александръ Ивановичъ, все, что вамъ будетъ диктовать ваше сердце. Я весь для васъ ухо. Самъ не начинаю, и не могу начинать бесѣды съ вами потому, что для ней нуженъ будетъ не малый лоскутокъ бумаги, а цѣлая жизнь. Теперь хочу только увѣрить васъ, что я тотъ-же преданный вамъ всѣмъ сердцемъ, коего видали вы въ извѣстныя, незабытыя для меня, и можетъ быть для васъ минуты нашего сердечнаго уединенія или лучше сказать единства. Опишите все, что почтете нужнымъ раздѣлить съ тѣмъ, который почитаетъ васъ принадлежащимъ къ собственному своему существу. Я не замедлю отвѣчать вамъ тою же искренностію, тѣмъ же раздѣломъ съ вами *себя самого*.

Вашъ Иннокентій.

P.S. Что за восклицаніе съ словами: китайская миссія?

Я слышалъ, что вы намѣрены поступить въ монашество. Увѣдомте подробнѣе о семъ намѣреніи. Я хочу и долженъ вамъ сообщить многое касательно сего...

Василію Григорьевичу [1]) засвидѣтельствуйте мое искреннѣйшее и усерднѣйшее почтеніе. Я всегда вспоминаю о немъ съ удовольствіемъ.

Увѣдомте, чѣмъ кончились и кончились-ли ваши несогласія съ ректоромъ? [2])

5.

Санктпетербургъ. 1824. Сентября 26 дня.

Не вамъ однимъ, любезный Александръ Ивановичъ, не нравится новое мое имя, и со мною бываютъ минуты, когда я охотно бы промѣнялъ его на другое—прежнее. Но что дѣлать? Въ мірѣ много такихъ именъ, кои не по людямъ, ихъ носящимъ, или лучше—много такихъ людей, кои не по именамъ, которые они носятъ. Я почитаю себя въ числѣ первыхъ изъ сихъ людей. Не-

---

[1]) Вас. Гр. *Левчановскій*—товарищъ, поступившій вмѣстѣ съ Бѣлюговымъ профессоромъ въ кишин. семинарію.

[2]) Ректоромъ кишиневской семинаріи былъ въ то время извѣстный *Иринней Нестеровичъ*.

винность, выражаемая моимъ наименованіемъ, такъ далеко отъ меня, какъ востокъ отъ запада; только Тотъ, Кто удаляетъ отъ насъ въ такой-же мѣрѣ беззаконія наши, можетъ приблизить его ко мнѣ, — и тогда имя вѣрно столько-же бы понравилося вамъ, сколько, хотѣлъ было сказать, нравится именуемый,—теперь по видимому не нравится. Для успокоенія васъ довольно, что я въ отношеніи къ вамъ тотъ-же самый, какимъ вы нѣкогда меня видѣли, и признаюсь, что прежнее наименованіе, вами возобновленное, пробудило въ моей душѣ много такихъ чувствъ, какихъ давно въ ней не бывало, и какихъ я желалъ-бы имѣть гораздо чаще. Ахъ! Любезный Сашинька! для чего мы не всегда остаемся въ томъ возрастѣ, въ коемъ живемъ болѣе сердцемъ, нежели умомъ? Для чего намъ суждено проходить хладное училище опыта? — Но приговоры судьбы не отвратимы; будемъ повиноваться имъ и хладность настоящаго согрѣвать воспоминаніемъ прошедшаго.

Вы любопытствуете знать, что происходитъ со мною? Ничего необыкновеннаго. Живу, учу, учуся, исправляю, исправляюся,—и только. Друзей не имѣю, исключая Александра Андреича, и не надѣюсь скоро имѣть. Знакомыхъ довольно. Съ академистами ладимъ. Преосвящ. *Григорій* [1]) ко мнѣ весьма расположенъ, по крайней мѣрѣ такимъ кажется. Преосв. *Серафимъ* [2]) такъ-же, какъ я слышалъ, смотритъ на меня хорошо. Члены синода всѣ меня знаютъ; съ преосв. Іоною *у насъ* старая связь, еще сѣвская [3]). Вотъ вамъ и описаніе моихъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Внутреннія я и самъ не совсѣмъ знаю. Непрестанныя развлеченія ужасно какъ разсѣваютъ. Одно утѣшеніе, что это развлеченіе должности, а не прихоти. Съ семинаріею своею, сколько можно судить, мы въ мирѣ; въ семинаристахъ нахожу къ себѣ и любовь и почтеніе, а это на моемъ мѣстѣ всего важнѣе [4]). Главное утѣшеніе въ моемъ одиночествѣ доставляютъ книги, коихъ я досталъ и достаю посредствомъ здѣшнихъ книго-

---

[1]) *Григорій Постниковъ* — епископъ ревельскій, тогдашній ректоръ с.-петербургской дух. академіи, впослѣдствіи петербургскій митрополитъ.

[2]) *Серафимъ* — тогдашній митрополитъ с.-петербургскій.

[3]) *Іона Павинскій* — архіепископъ тверской;—во время ученія Иннокентія въ орловской семинаріи, онъ былъ епископомъ орловскимъ и сѣвскимъ. Послѣ переведенъ въ Казань.

[4]) Иннокентій былъ въ это время инспекторомъ с.-петербургск. семинаріи.

продавцовъ изъ Германіи Но пристрастіе къ нимъ сопровождается новою невыгодою; отъ сей покупки я такъ сдѣлался, не смотря на значительное жалованье, нищъ, какъ вы только можете вообразить.

Благодарю васъ, что вамъ понравились разсужденія въ нашихъ „Опытахъ"[1]). Только онѣ не всѣ мои; среднее „о совѣсти" принадлежитъ Василію Яковлевичу[2]), и мнѣ, также какъ и вамъ, очень нравится. Жаль, что по окончаніи курса не выдали поправить. А болѣе жаль, что въ нихъ вкралось множество типографскихъ ошибокъ. При семъ случаѣ не могу не замѣтить, какъ люди вездѣ ищутъ своихъ-си. Безъ сомнѣнія, корректорами были наши товарищи-сочинители. Въ ихъ сочиненіяхъ нахожу почти все исправленнымъ; въ моихъ, на каждомъ пунктѣ, встрѣчаются грубыя погрѣшности, отъ коихъ иногда происходитъ безсмыслица.

Въ Христіанскомъ Чтеніи дѣйствительно я участвую по силамъ. Статьи о бытіи Божіемъ*) и нѣкоторыя другія принадлежатъ мнѣ. Но я это говорю только для васъ; ибо хвастать такими бездѣлками стыдно.

Ректору вашему, по всей вѣроятности, здѣсь будетъ очень хорошо[3]). Преосвященный Димитрій[4]), безъ сомнѣнія, будетъ его и правою и лѣвою рукою. А съ такими руками много можно подѣлать. Касательно его будущаго преображенія предъ нами—вѣрю, ибо случалось уже видѣть здѣсь подобныя преображенія.

Вы почитаете пустыми происходившія у васъ размолвки. Нѣтъ, онѣ не совсѣмъ-то пусты. Объ нихъ писано было къ преосв. Димитрію, а отъ него перешло и къ преосв. Григорію. Только

---

[1]) Разумѣется книга: *„Собраніе опытовъ студентовъ Кіевской Академіи перваго курса"*.

[2]) Вас. Як. *Орловъ*—товарищъ—остался въ академіи кіевской баккалавромъ. Аскоченскій въ своей „Исторія Кіевской Академіи" тоже приписалъ разсужденіе *о совѣсти* Борисову.

*) *Христ. Чтеніе*—1824. XIII, 144.

[3]) Архимандритъ *Иринеи* былъ тогда вызванъ въ С.-Пет. „на чреду" и посвященъ послѣ въ епископы.

[4]) Это архіепископъ кишиневскій *Димитрій Сулима*. Онъ тогда присутствовалъ въ св. синодѣ. Онъ издавна былъ покровителемъ *Иринея*, какъ своего родственника.

добродушіе преосв. Димитрія сдѣлало ихъ пустыми. Впрочемъ это буди сказано для однихъ васъ.

Весьма хорошо вы сдѣлали, что отложили свое монашество. Время еще не уйдетъ, а между тѣмъ вы можете получше разсмотрѣть себя. Объ этомъ предметѣ мы съ вами поговоримъ въ послѣдствіи по-подробнѣе. Только прошу васъ, не увѣдомивши меня, не подавать просьбы.

Пишете ли вы въ Кіевъ и къ кому? У меня тамъ преисправный корреспондентъ Иванъ Дмитріевичъ[1]). Часто пишетъ и о. Смарагдъ. Прочихъ товарищей и я готовъ вмѣстѣ съ вами назвать спѣсивыми. Отвѣчая на ихъ письма, я даже просилъ ихъ писать; между тѣмъ до сихъ поръ не вижу ни пол-слова. Съ Михаиломъ Васильевичемъ[2]) мы напротивъ постоянно переписываемся. Любезная душа!

Столица наша по отъѣздѣ Государя какъ тѣло безъ души. Съ возвращеніемъ его будутъ представлены кандидаты на казанскую архіепископію. Думаютъ, что она достанется калужскому Филарету[3])

За секретъ: не пишетъ-ли чего обо мнѣ—есть-ли только и къ нему пишетъ—о. инспекторъ академіи къ Василію Григорьевичу?[4]) Естьли можете знать, то увѣдомте меня. Для меня это нужно по нѣкоторымъ причинамъ, о которыхъ вы узнаете послѣ.

По просьбѣ моей взятъ въ здѣшнюю академію недавно одинъ изъ прежнихъ моихъ товарищей семинарскихъ—Иродіонъ Ивановичъ Соловьевъ,[5]) взятъ изъ одного монастыря, въ которомъ онъ заключилъ было себя послѣ своего учительства послушникомъ.

6.

Санктпетербургъ, 1825. Іюня 10 дня.

Получивъ, любезный Сашинька, письмо твое, я долженъ былъ стыдиться самъ себя. Не смотря на краткость его, оно внятно

---

[1]) Ив. Дм. *Грузинъ*, товарищъ Иннокентія, оставленъ при академіи баккалавромъ. Но скоро вмѣстѣ съ братомъ своимъ *Карпомъ*, тоже баккалавромъ, должны были оставить академію по настояніямъ митр. Евгенія.

[2]) Тоже по службѣ и землякъ—М. В. *Филипповъ*.

[3]) Досталась она упомянутому выше архіеп. *Іонѣ Павинскому*; а *Филаретъ Амфитеатровъ* (впослѣдствіи митр. кіевскій) получилъ Казань только по смерти Іоны—въ 1828 г.

[4]) Т. е. архим. *Смарагдъ* къ В. Т. *Левчановскому*.

[5]) Это впослѣдствіи столь извѣстный Кіеву ректоръ семинаріи и академіи архим. *Іеремія*, послѣ викарій кіевскій. Иннокентій ему покровительствовалъ съ начала до конца. Назначенный ректоромъ кіевской академіи, Иннокентій привезъ съ собою *Іеремію* инспекторомъ ея.

говорило мнѣ, что я премного виноватъ предъ вами. Такъ! я слишкомъ даже виноватъ. Напрасно бы я сталъ искать извиненія для себя въ занятіяхъ и другихъ мѣлочахъ. Онѣ извинили-бы меня предъ всякимъ, но не предъ вами. Хотя-бы я съ Августомъ управлялъ всею вселенною, и тогда, не пиша къ вамъ, былъ-бы не извинителенъ. Вотъ какъ я думаю!

Вы желаете знать по крайней мѣрѣ, здоровъ-ли я? Чувствую всю цѣну сего желанія и тѣмъ болѣе стыжусь. Здоровъ для тебя, любезный Сашинька, мало—здоровъ, безсмертенъ. Повѣришь-ли? — Одна изъ главныхъ причинъ, почему я не писалъ къ тебѣ, состоитъ въ томъ, что я могу не писать къ тебѣ долго, не опасаясь однакоже, чтобы ты осердился на меня. Къ другимъ въ семъ отношенія я бываю аккуратнѣе. Значитъ, я злоупотребляю твоимъ дружескимъ терпѣніемъ?—Такъ!—И когда я не злоупотреблялъ имъ? припомни! — Чувствую, что въ семъ случаѣ виноватый (я) нападаетъ на праваго (на себя): но что дѣлать? Развѣ не такъ бываетъ въ мірѣ человѣческомъ? — А мы развѣ не въ немъ? Будемъ говорить о томъ, что дѣлается; ибо мы иногда дѣлаемъ и то, о чемъ и не говоримъ.

Вашъ вопросъ: здоровъ ли я—заключаетъ въ себѣ множество вопросовъ. Есть-ли слушать даже обыкновенныхъ моралистовъ, то уже должно допустить два рода здоровья, тѣлесное и душевное. Но душа, по ихъ-же суду, слагается изъ ума и воли.

И такъ, здоровъ-ли я по уму?—Крайне не здоровъ. Вы знаете изъ обращенья со мною, что природа дала мнѣ пытливый умъ, который съ продолженіемъ времени сдѣлался еще пытливѣе. Сами можете судить, можно-ли быть здоровымъ, находясь подъ вліяніемъ безпокойнаго духа пытливости. Ахъ, любезнѣйшій Сашинька, для чего мы, люди, поставлены въ прискорбную необходимость давать самимъ себѣ отчетъ во всемъ томъ, что существуетъ, тогда какъ все существующее—и мы сами для себя—неразрѣшимая проблема! — Я говорю: неразрѣшимая! Ибо кто разрѣшитъ ее? И есть-ли надежда, чтобы кто разрѣшилъ? Что сказали въ разрѣшеніе ея великіе умы древняго и новаго міра?—Гдѣ-же искать успокоенія? Въ откровеніи. Такъ! Здѣсь успокоивается смиренное сердце, но бѣглый умъ? — Онъ равно невнятенъ, находится-ли въ училищѣ великаго откровенія—міра, или малаго—библіи. Тѣже недоумѣнія, которыя колебали его въ первомъ, срѣтятъ и во второмъ. Откровеніе дано для сердца, а не для ума, по крайней мѣрѣ не для ума философствующаго, или

что тоже—недовольнаго самимъ собою. Что-же дѣлать? Отказаться отъ умозрѣнія *безсердаго* ума и предаться *чаяніямъ* умнаго сердца?—Такъ присовѣтовалъ роду человѣческому мудрецъ кенигсбергскій. Но каково слѣдовать сему совѣту? Не тоже-ли, что выколоть себѣ глаза потому, что, смотря на предметы, можно спотыкнуться,—и взяться за посохъ—въ надеждѣ, что онъ предохранитъ отъ паденія? — Нѣтъ! Естьли человѣку суждено на сей землѣ не видѣть истины—такой, которая могла-бы успокоить его умъ, то я всегда лучше соглашусь съ Шеллингомъ теряться въ *безконечномъ*, нежели съ Кантомъ и ему подобными быть запертымъ, подобно птицѣ, въ клѣткѣ категорій и другихъ формъ.

Прости, любезный Сашинька, что я вдался въ такія мечты. Отъ избытка сердца невольно глаголютъ уста. Чувствую, что сей избытокъ хуже скудости иной. Но что дѣлать? Sic nati sumus!

Вы адресовались ко мнѣ — въ семинарію. Но я въ концѣ прошедшаго года оставилъ оную и баккалаврствую въ здѣшней академіи—по богословію. Къ нещастію моему, досталось мнѣ заниматься такою частію, которая еще болѣе разогрѣла во мнѣ охоту къ скептикѣ—полемикою. Слава Богу, что теперь я развязался съ сею скучною наукою. Писать на водѣ, или какъ говорили латиняне—laterem candidum navare [1]),—непріятно.

Съ 25 прошедшаго мѣсяца у насъ началось испытаніе и теперь продолжается. Ревизоромъ нашъ-же преосв. Григорій. Въ коммисіи духовныхъ училищъ давно идутъ совѣщанія касательно новаго преобразованія духовныхъ училищъ. Предполагаютъ перемѣнить многое. Вообще кругъ наукъ думаютъ сократить и понизить. По дѣломъ!—Мы слишкомъ просвѣщены!—Думаютъ перемѣнить магистерскіе кресты, сдѣлать новыя правила для испытанія студентовъ, не вдругъ по выходѣ изъ академіи давать пенсію—и тому подобное.

Преосв. Евгеній [2]) ко мнѣ довольно благосклоненъ. Я часто ѣзжу къ нему; служу съ нимъ и обѣдаю у него. Онъ благорасположенъ къ ученымъ; но ученіе наше кажется ему подозрительнымъ.

---

[1]) *Laterem candidum navare* — дѣлать кирпичъ бѣлымъ—или просто: *laterem lavare*—мыть кирпичъ—значитъ: *терять время напрасно, по пусту трудиться.*

[2]) Митр. віевскій *Евгеній* тогда присутствовалъ въ св. синодѣ. Между прочимъ и онъ принималъ участіе въ вышеупомянутыхъ гоненіяхъ на духовное просвѣщеніе.

Отецъ Ириней вашъ находится, кажется, подъ крестомъ, который присталъ къ нему болѣе Владиміра и Анны. Впрочемъ, не теряетъ надежды. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь *вытерпитъ* [1]).

Satis! Время итти на испытаніе.—Пиши чаще!

Странный случай!—письмецо сіе, которое я не думалъ никогда снова видѣть, опять въ моихъ рукахъ! Гг. почтмейстеры здѣшніе не разобрали, въ Кишиневъ-ли я посылаю его, или въ Кашинъ,—и оно воротилось. Что-жъ мнѣ еще сказать вамъ? Да, вы когда-то просили извѣщать васъ о Христ. Чтеніи. Оно окончится совершенно съ настоящимъ годомъ. Sic aetas tulit! Въ семъ году я помѣстилъ въ немъ своего *Кипріана — жизнь и его сочиненія. Покайтеся.* Думаю помѣстить, если пропуститъ цензура, *жизнь и характеръ апостола Павла.* Можетъ быть, рѣшусь отдать на жертву публики и нѣкоторыя проповѣди.

Tuus usque ad cineres [2]).

Василію Григорьевичу — почтеннѣйшему — усердное мое почтеніе.

(Помѣта Бѣлюгова: *получ. 20 іюня*).

---

[1]) Дѣйствительно, *Ириней* не скоро получилъ епископство, только въ 1826 г., а между тѣмъ былъ вызванъ въ Петербургъ еще въ 1824 г.—Назначенъ былъ въ Пензу.

[2]) То есть: *твой до гроба.*

Описаніе бѣдствія, постигшаго Умань и всю Украину въ 1768 году.[1])

Не смотря на относительно важное значеніе въ исторіи южно-русскаго края крестьянскаго волненія, разразившагося въ 1768 году такъ называемою «Коліивщиною», событіе это пока мало изслѣдовано и количество изданныхъ, поясняющихъ его историческихъ матеріаловъ весьма скудно. До настоящаго времени приведены въ извѣстность лишь нѣсколько разрозненныхъ документовъ, напечатанныхъ спорадически въ разнородныхъ повременныхъ изданіяхъ, нѣсколько народныхъ пѣсень, нашедшихъ мѣсто въ этнографическихъ сборникахъ и, наконецъ, нѣсколько польскихъ мемуаровъ, представляющихъ пока самый связный и цѣльный, хотя конечно одностороній матеріалъ, такъ какъ составители, принадлежа къ заинтересованной и сильно пострадавшей сторонѣ, могли смотрѣть на данное событіе только съ точки зрѣнія исключительно субъективной. Изданные по нынѣ польскіе мемуары, числомъ пять, слѣдующіе:

1., *Липомана*. Бунтъ Гонты и Желѣзняка.
2., Павла *Младановича*. Уманская рѣзня.
3., *Тучапскаго*. Краткое описаніе уманской рѣзни.
4., Элеоноры *Кребсъ*. Автентическое описаніе уманской рѣзни.
5., Адама *Мощинскаго*. Записки, относящіяся къ польской исторіи за время королей Августа III и Станислава Августа.

Всѣ пять мемуаровъ изданы въ Познани; первые три въ 1851 году отдѣльною книжкою, записки Кребсъ также отдѣльною брошюрою еще въ 1840 году, наконецъ записки Мощинскаго въ 1863 году. Изъ нихъ въ переводѣ на русскій языкъ извѣстны только два: Тучапскаго (переводъ помѣщенъ въ приложеніи къ сочиненію г. Скальковскаго «Наѣзды гайдамакъ на западную Украину» и потомъ вторично въ «Основѣ») и Кребсъ (переводъ г. Ревы изданъ въ Кіевѣ отдѣльною книжкою въ 1879 г.).

---

[1]) Opisanie klęski Humańskiej i całej Ukrainy, w roku 1768 poniesionej.

Названные мемуары составлены были въ различное время и приразличныхъ условіяхъ. Ближе всѣхъ по времени составленія къ описываемымъ событіямъ мемуаръ Тучапскаго; авторъ, если самъ и не былъ свидѣтелемъ событій, то во всякомъ случаѣ жилъ въ Украинѣ въ 1768 году и собралъ свои извѣстія отъ современниковъ и очевидцевъ. Младановичъ и Элеонора Кребсъ находились во время катастрофы въ самой Умани и спасены были отъ смерти крестьянами съ разрѣшенія Гонты,—но въ то время они были очень молоды и записки свои писали впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, по воспоминаніямъ. Липоманъ и Мощинскій составили свои записки еще гораздо позже, по расповсамъ у старожиловъ,—участниковъ и свидѣтелей событій, описываемыхъ ими, при чемъ Липоманъ пользовался рукописями Тучапскаго и Элеоноры Кребсъ.

Но этими изданными мемуарами не исчерпывается ихъ запасъ. Въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 163, хранится весьма интересный рукописный сборникъ, носящій слѣдующее заглавіе: «Исторія Польши, или важнѣйшія событія, случившіяся въ царствованіе свѣтлѣйшаго короля польскаго, Станислава Августа, съ 1768 по 1770 годъ».[1]) Въ составъ сборника вошли копіи всевозможныхъ документовъ, брошюръ, отчетовъ, записокъ и т. д. Въ томъ числѣ, на страницахъ 93—107, помѣщенъ мемуаръ, носящій вышеприведенное заглавіе.—Мемуаръ этотъ мы приводимъ въ возможно точномъ переводѣ. Онъ въ ряду другихъ имѣетъ, какъ намъ кажется, то достоинство, что написанъ во время самыхъ событій, подъ непосредственнымъ ихъ впечатлѣніемъ. Въ послѣднихъ строкахъ записки авторъ выражается въ настоящемъ времени и разсказываетъ то, что происходитъ во время самаго составленія разсказа. Можно точно утверждать, что мемуаръ написанъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1768 года, т. е. послѣ взятія Умани гайдамаками (19 іюня) и раньше усмиренія возстанія русскими войсками (6 августа).—Объ управленіи въ это время Желѣзняка въ Уманщинѣ авторъ говоритъ, какъ о фактѣ текущемъ, обязательномъ для жителей уманской волости. Судя по тому, что главный интересъ разсказа сосредоточенъ на судьбѣ уніатскаго духовенства, на разрушеніи уніатскихъ церквей и на участи, постигшей монаховъ базиліанскаго ордена, можно полагать, что анонимный составитель записокъ былъ уніатскій священникъ въ одномъ изъ 120 приходовъ, насильно обращенныхъ въ унію владѣльцемъ Уманщины—Силезіемъ Потоцкимъ. Вотъ текстъ «Описанія».

---

[1]) Dzieje Polski, czyli pszypadki znaczniejsze, za panowania najjaśniejszego Stanisława Augusta, króla Polskiego, W. X. L., zdarzone 1768—1770.

Это ужасное и горестное бѣдствіе началось и возникло въ Мотренинскомъ монастырѣ, вслѣдствіе безбожнаго поступка игумена этого монастыря, который, подговоривъ нѣсколько десятковъ запорожскихъ козаковъ, призвалъ ихъ къ себѣ въ качествѣ зачинщиковъ и возбудилъ къ бунту громады сосѣднихъ селъ. Онъ благословилъ ихъ истреблять, безъ угрызенія совѣсти, всѣхъ ляховъ, уніатовъ, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ, а также евреевъ,—не исключая ни преклонныхъ стариковъ, ни малыхъ дѣтей, дозволивъ оставлять въ живыхъ только тѣхъ поляковъ и уніатовъ, которые обратятся въ дизунію (православіе). Получивъ благословеніе игумена, собранная имъ сволочь тронулась съ мѣста для осуществленія предпринятаго тиранскаго намѣренія. Къ нимъ немедленно примкнули въ большомъ количествѣ козаки и хлопы изъ окрестностей: Чигрина, Черкассъ, Смилы, Лысянки и Бѣлой церкви; они разбрелись по всей Украинѣ,—по мѣстечкамъ и селамъ, и принялись за убійства. Въ Лысянкѣ они опустошили монастырь францисканцевъ, однихъ ксендзовъ они повѣсили тутъ-же, другихъ, успѣвшихъ укрыться въ лѣсу, разъискивали съ помощью крестьянъ и убивали. Между тѣмъ дворяне и евреи со всей Украины бѣжали въ Умань, надѣясь спасти жизнь, укрывшись въ сильной уманской крѣпости. Узнавъ объ этомъ, гайдамаки стали всячески помышлять о томъ, чтобы произвести разбой въ Умани, однако не двинулись быстро къ этому городу, но стали мало по-малу появляться въ Уманьщинѣ, стараясь прежде снискать себѣ содѣйствіе крестьянъ, принадлежащихъ къ уманскому имѣнію. Однимъ они разсказывали, будто имѣютъ указъ русской Императрицы, разрѣшающій имъ безбожное предпріятіе; расположеніе другихъ снискивали то напитками, то обѣщаніемъ распредѣлить между крестьянами должности по управленію краемъ; они похвалялись, что не допустятъ болѣе польскимъ панамъ господствовать надъ крестьянами и утверждали: „мы всю Украину отнимемъ у Польши и захватимъ Волынь и Подоліе!“ Дѣйствія свои въ Уманьщинѣ гайдамаки начали съ села Ризаной: здѣсь они явились неожиданно, захватили жившихъ въ этомъ селѣ шляхтичей въ расплохъ и перебили ихъ вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и слугами; нѣсколькихъ шляхтичей, защищавшихся въ своихъ домахъ, они истребили огнемъ, сжегши дома. Затѣмъ они отправи-

лись въ мѣстечко Буки, отстоящее въ одной только мили отъ Ризаной. Въ то время въ Букахъ отправляли миссію священники базиліанскаго ордена; но крестьяне, узнавъ о волненіи, немедленно стали обнаруживать признаки бунта, осыпали монаховъ угрозами. перестали ходить въ церковь, слушать ихъ поученія и запретили дѣтямъ посѣщать проповѣди. Мѣстный приходскій священникъ тоже отшатнулся отъ уніи и сталъ поощрять къ бунту прихожанъ. Въ виду такого настроенія, базиліанскіе миссіонеры, не окончивъ миссіи, должны были въ бѣгствѣ искать спасенія.—Гайдамаки между тѣмъ разбрелись по всей Уманьщинѣ, разнося смерть и тиранство; изъ Буковъ они отправились въ Соколовку и другія близлежащія села, и убивали всѣхъ захваченныхъ поляковъ, въ томъ числѣ въ Соколовкѣ они умертвили пана Гиновскаго, русина, но уніатскаго исповѣданія. Такимъ образомъ они свирѣпствовали въ Уманьщинѣ въ теченіи пяти дней.

Раньше, чѣмъ эти бездѣльники приблизились къ Умани, оба полковника уманскихъ надворныхъ козаковъ, паны Обухъ и Магнушевскій, вышли на встрѣчу имъ, во главѣ вооруженнаго отряда конныхъ козаковъ, желая отразить отъ Умани этихъ убійцъ. Вѣроятно, они исполнили-бы это съ успѣхомъ, если-бы сотники, Гонта и Уласенко, остались вѣрны и не отказались-бы повиноваться полковникамъ; но упомянутые сотники вошли въ сношенія съ гайдамаками и согласились съ запорожцами, чтобы погубить Умань. Узнавъ, что гайдамаки выступили уже изъ Соколовки и грабятъ окрестности, сотники двинулись за ними, но не для того, чтобы разгромить ихъ, а единственно для того, чтобы соединиться съ ними. Гонта и Уласенко объявили полковникамъ, что не желаютъ болѣе оставаться подъ ихъ командою и присовокупили: „бѣгите. если хочете оставаться въ живыхъ; въ противномъ случаѣ погибнете, если не отъ руки гайдамаковъ, то отъ нашей!“ Лишь только полковники отъѣхали въ сторону отъ своего отряда, они наткнулись на засаду: въ лѣсу на нихъ напали семь человѣкъ разбойниковъ, укрывшихся тамъ, долго ихъ преслѣдовали и убили двухъ трубачей, не успѣвшихъ спастись бѣгствомъ вмѣстѣ съ полковниками.

Въ городѣ Умани постоянно принимались военныя предосторожности. Мѣры эти теперь еще болѣе были усилены въ виду

предстоящаго несомнѣнно нападенія. Городъ былъ достаточно снабженъ пушками, гранатами и вооруженнымъ гарнизономъ. Въѣздъ въ городъ былъ оставленъ открытымъ только въ одни ворота, всѣ-же другія ворота были заграждены палисадами и баррикадами извнутри; у воротъ и на валахъ кругомъ поставлены были пушки, а у бойницъ размѣщены были многочисленные стрѣлки: козаки, шляхтичи, мѣщане, слуги, студенты [1]), евреи и хлопы. Всѣ почти были хорошо вооружены, кромѣ евреевъ, у которыхъ не оказалось оружія; тѣмъ не менѣе и они въ большомъ количествѣ приняли участіе въ защитѣ города, вооружившись топорами, а также ножами и косами, которые придѣлали къ длиннымъ шестамъ. За день до появленія враговъ многіе паны, предчувствуя измѣну со стороны козаковъ, хотѣли уѣхать изъ города, чтобы избѣжать опасности, даже сами управляющія городомъ власти стали собираться въ путь; но евреи никого не выпустили и едва не убили пана губернатора: [2]) „погибайте вмѣстѣ съ нами, говорили они, если вы насъ по нынѣ вводили въ заблужденіе относительно безопасности!“

Гайдамаки стали атаковать городъ съ утра, часу въ одинадцатомъ. Желая начать приступъ, они бросились густою толпою къ воротамъ и попали неожиданно подъ выстрѣлы пушекъ; но артилеристы не узнали ихъ, и полагая, что это отрядъ своихъ козаковъ, не воспользовались этою ошибкою.—Тогда гайдамаки разсѣялись кругомъ всего города, зажгли предмѣстья и стали въ нихъ обыскивать дома, винокурни и риги, разъискивая евреевъ и поляковъ и предавая ихъ смерти. Полъ-часа спустя на помощь гайдамакамъ явился Гонта съ своимъ отрядомъ и, поклонившись Максиму Желѣзняку, начальнику бунтовщиковъ, переѣхалъ на другую сторону города; соединивъ свои силы для кроваваго дѣла, они совмѣстно стали подготовлять приступъ. О, Господи! какой страхъ

---

[1]) Ученики базиліанскаго училища.

[2]) Губернаторами назывались управляющіе помѣщичьими имѣніями; въ качествѣ лица, заступавшаго пана, губернаторъ, кромѣ завѣдыванія хозяйствомъ, имѣлъ право суда гражданскаго и уголовнаго, съ правомъ смертной казни надъ крестьянами управляемаго имъ имѣнія. Если помѣстье было обширно и если владѣлецъ имѣлъ укрѣпленный замокъ и надворную милицію, то губернаторъ соединялъ должности коменданта крѣпости и главнаго начальника милиціи.

объялъ народъ, затворившійся въ городѣ, когда стало очевидно, что измѣнили уманскіе сотники. Нѣсколько разъ они приносили присягу на вѣрность и обѣщали, въ случаѣ нужды, защищать городъ хотя-бы съ опасностью жизни; ихъ усиленно упрашивали начальники, задобривая ихъ тысячами рублей, подарками и напитками; сами они постоянно выдавали себя преданными и вѣрными; нынѣ тѣ-же сотники нарушили присягу и заключили союзъ съ разбойниками для истребленія и погибели осажденныхъ. Страшному горю предавались какъ міряне, такъ особенно монахи и все духовенство, въ виду столь грозной опасности, столь богопротивнаго презрѣнія къ костеламъ, столь тяжелаго разоренія своего имущества и невозвратимой его потери.

Всѣ, находившіеся въ городѣ, приняли участіе въ защитѣ. Съ одиннадцати часовъ утра, лишь только началось нападеніе, до вечера и въ теченіе всей наступившей ночи не умолкала пушечная и ружейная пальба, продолжавшаяся до 10 часовъ слѣдующаго утра. Тѣ христіане, которые не сражались, проводили время въ молитвѣ въ костелѣ, въ церквахъ, въ храмѣ отцевъ базиліановъ; многіе исповѣдывались, другіе отправились крестнымъ ходомъ (процессіею) вокругъ города, сопровождая образъ Богородицы, находившійся въ базиліанскомъ костелѣ, котораго заступничество во многихъ случаяхъ было испытано. Когда несли этотъ образъ, даже невѣрующіе евреи со слезами и глубокими вздохами падали на землю и вознося къ образу руки, взывали: „спаси насъ, пресвятая Богородица!“ До двадцати лицъ евреевъ при этомъ изъявили желаніе креститься, что и было исполнено. Съ помощію Божіею и пресвятой Богородицы не допустили-бы до кровопролитія, еслибы сотникъ Гонта дьявольскою хитростью не смутилъ защищавшихся. Онъ, замѣтивъ храбрость бойцевъ, хотя и не составлявшихъ регулярнаго войска, но защищавшихся хорошо и, видя, что всѣ пушки исправно дѣйствуютъ, сталъ бѣгать вокругъ города и кричать: „сдавайтесь, ничего вамъ не сдѣлаемъ“! Вслѣдствіе этого въ городѣ произошло смятеніе: многіе кричали, что нужно положить оружіе. Отворили ворота и вышли на встрѣчу гайдамакамъ. Надѣялись, что жизнь будетъ спасена, были убѣждены, что въ этомъ отношеніи дана будетъ гарантія. Горькая ошибка! Лишь только оружіе было сложено и ворота добровольно отворены, часть гайда-

макъ бросилась съ одной стороны рубить палисады, другіе огромною толпою ворвались въ ворота и сразу принялись творить жестокости. Нужно-бы омочить перо не въ чернила, а въ горькія слезы, чтобы описывать то страшное пролитіе христіанской и еврейской крови, то опустошеніе храмовъ Господнихъ, тѣ богохульныя оскорбленія Господа и Его пресвятой Матери, которыя были совершены, когда убійцы ворвались въ городъ. Одни разсѣялись по улицамъ, площадямъ и домамъ, другіе у воротъ стали умерщвлять собравшихся тамъ. Войдя въ костелъ, они вывели оттуда на погостъ вѣрныхъ, пребывавшихъ въ молитвахъ, и стали ихъ варварски мучить и убивать. Тутъ были замучены: панъ Ржонжевскій, стольникъ брацлавскаго воеводства, съ женою, паны: Марковскій, скарбникъ Корженевскій, Лежинскіе, Завадзкій, Винницкій, Цесельскій, Томашевскій, писарь государственной таможни, и многіе другіе, почтенные и именитые шляхтичи, числомъ около 2000. Здѣсь погибъ панъ губернаторъ уманскій Младановичъ съ женою и дѣтьми; одну дочь его четыре раза поразили копьемъ [1]). Изъ церквей также вытаскивали людей и убивали. Во время этихъ убійствъ, въ костелѣ отцевъ базиліановъ служили обѣдню съ пѣніемъ; разъяренные палачи, вбѣжавъ въ костелъ, удержались до конца службы. Но когда кончилась обѣдня и прочтены были другія, прибавочныя молитвы, они сейчасъ принялись стрѣлять въ людей въ костелѣ, истязать, вытаскивать на дворъ и тамъ убивать. Ксендза ректора базиліанскаго ранили выстрѣломъ, потомъ стали его допрашивать о мѣстѣ храненія денегъ, отвели въ монастырь, тамъ кололи копьями, наконецъ на монастырскомъ дворѣ втолкнули въ канаву. Въ костелѣ они кололи вице-ректора и били его нагайками и дубинами. Отца закристіяна, миссіонера, раздѣли до одной рубахи и всего изранили и окровавили; потомъ всѣхъ троихъ связали, водили кругомъ рынка, истязали безъ милосердія побоями и посадили подъ стражу; но и тамъ не долго оставили; они вновь ихъ вывели на улицу и закололи до смерти; тѣла ихъ нѣсколько дней валялись на улицѣ не похороненными. Монастырь базиліановъ разграбили совершенно.

---

[1]) Извѣстіе это не справедливо: Гонтѣ удалось спасти двое дѣтей Младановича: дочь Элеонору (впослѣдствіи по мужу Кребсъ) и малолѣтняго сына Павла. Оба они составили впослѣдствіи описаніе какъ катастрофы уманской, такъ и собственнаго спасенія.

Многіе хлопы особенно настаивали на истребленіи базиліановъ и даже нѣкоторые мѣщане указывали студентовъ уніатовъ, побуждая разъяренныхъ убійцъ умерщвлять ихъ. Костелы, принадлежавшіе бѣлому духовенству, постигла таже участь. Приходскаго (католическаго) священника, послѣ всяческихъ истязаній, повѣсили. Св. дары разбросали, топтали, растирали руками, ѣли и клали въ свои трубки. Распятіе Іисуса Христа съ богохульными рѣчами повѣсили на веревкѣ. Образъ Богородицы кололи копьями, стрѣляли въ него, топтали, приговаривая: „пусть онъ васъ теперь защититъ, вчера вы таскались по городу, ожидая отъ него спасенія!“ Рѣзныя изъ дерева статуи святыхъ апостоловъ Петра и Павла они поставили у воротъ, обзывали ихъ конфедератами и стрѣляли въ нихъ; потомъ перенесли ихъ на болото, привязали къ нимъ цѣпи и съ кощунственными насмѣшками приглашали ихъ молотить грязь. Статую святаго Іоанна волокли по городу, привязавъ къ лошади, отрубили ей голову топоромъ и всю изрубили на куски. Всѣ образа и книги, латинскія и польскія изъ католическаго костела и русскія — изъ базиліанскаго, сожгли. Одѣвшись въ ризы ксендзовъ, ходили по улицамъ, по площади и заходили въ шинки, гдѣ напившись зазывали прохожихъ подходить къ нимъ подъ благословеніе или кощунствовали, представляя отправленіе миссы и другихъ церемоній и обрядовъ богослуженія. Однимъ словомъ: окончательно ограбили храмы, оставивъ въ нихъ лишь покойниковъ въ гробахъ. Затѣмъ опустошили весь городъ, роясь даже въ землѣ, чтобы разъискать спрятанныя деньги. Трудно исчислить всѣ совершенныя гайдамаками убійства: однихъ они разстрѣляли, другихъ искололи, третьихъ убивали топорами и дубинами, малыхъ дѣтей подкидывали на копья, беременнымъ женщинамъ распарывали животы. Крестьянамъ приказали совершать такія-же варварства въ селахъ и разъискивать дворянъ, укрывавшихся въ лѣсахъ, на поляхъ и въ степи, и тѣ очень усердно исполняли это приказаніе. Они жестоко мучатъ и убиваютъ тѣхъ крестьянъ и священниковъ русскихъ, которые, увлекаясь милосердіемъ, дали у себя пріютъ кому-либо изъ поляковъ, уніятовъ или евреевъ, или-же припрятали ихъ имущество. Уже многихъ священниковъ и простолюдиновъ постигла эта участь. Впрочемъ нѣкоторыхъ дѣвицъ и замужнихъ женщинъ, а также ихъ дѣтей и родственниковъ они пощадили: нѣсколько молодыхъ шлях-

тичей, учившихся въ школѣ, записали въ регистръ своего войска, предварительно крестивъ ихъ по своему обряду; многихъ дѣвицъ шляхетскихъ повѣнчали съ хлопами. Нѣсколько тысячъ убитыхъ труповъ вывезли за городъ и вблизи его бросили, не прикрывъ землею, на съѣденіе собакамъ. Въ самомъ городѣ колодезь въ 30 сажень глубиною наполнили трупами. Вообще страшно и вспомнить обо всѣхъ ужасахъ, страшно проходить у города живому человѣку: вездѣ опустошеніе, вездѣ валяются трупы; страшный смрадъ отъ ихъ разложенія заражаетъ окрестныя поля и лѣса. Они совершенно разграбили и опустошили какъ городъ, такъ и всю уманскую волость, причинили убытки на цѣлые милліоны и захватили несмѣтныя суммы денегъ.

Управившись такимъ образомъ, гайдамаки оставили гарнизонъ въ городѣ, главныя-же свои силы расположили лагеремъ за городомъ. Во всѣ мѣстечка и села они командировали по нѣсколько десятковъ козаковъ, которые продолжали тамъ производить убійства, отдали помѣстья въ управленіе хлопамъ, помѣщичія-же стада, лошади и пасѣки конфисковали. Отъ людей, бывшихъ въ ихъ лагерѣ и смотрѣвшихъ на преступный дѣлежъ ими добычи, я слышалъ, что они продолжительно мѣряли золото соусникомъ, а серебро огромною мѣдною чашкою; богатыя шелковыя платья рвали на тряпки, нагрузивъ ими предварительно цѣлые возы; лошадей согнали громадное стадо; коляски и кованные возы продавали по рублю, сабли-же и солдатскіе палаши иностранные торговцы покупали у нихъ за нѣсколько десятковъ грошей.

Максимъ Желѣзнякъ основалъ свою резиденцію въ уманскомъ замкѣ. Онъ отправилъ предписаніе ко всѣмъ священникамъ въ Уманьщинѣ, чтобы они отправлялись къ переяславскому епископу отрекаться отъ церкви Божіей (т. е. отъ уніи) и приносить присягу на благочестіе (т. е. православіе). Онъ объявилъ имъ, что если хотятъ сохранить жизнь и приходы, то должны запастись въ Переяславлѣ благословеніемъ епископа, его уставною грамотою и антиминсомъ. Одни по собственной охотѣ, другіе по принужденію послѣдовали уже этому приказанію и даже тѣ, которые не имѣли ни малѣйшаго желанія переходить въ благочестіе, боясь за свою жизнь, уѣхали уже въ Переяславль рукополагаться у заграничнаго епископа.

Между тѣмъ разбойники продолжаютъ свирѣпствовать въ Уманщинѣ; они пріѣхали въ маньковецкій базиліанскій монастырь, построенный въ лѣсу, и перебили въ немъ монаховъ. Вообще, по словамъ точнаго извѣстія, всѣхъ базиліянъ погибло 12, а именно: въ Умани 4, въ окрестности города 3, въ маньковецкомъ монастырѣ 2 и на дорогѣ въ Умань 3. Остальные монахи какъ маньковецкаго, такъ и уманскаго монастырей убѣжали въ лѣсъ, но, какъ носится слухъ, были тамъ перебиты. Говорятъ, что видѣли на дорогѣ трупъ монаха ордена камедуловъ. Крестьяне изъ Уманьщины бѣгутъ за границу. Вообще во всей Украинѣ господствуетъ страхъ и смятеніе.

Сказаніе о Бондаренкѣ по народнымъ преданіямъ.

Бондаренко принадлежалъ къ числу предводителей гайдамацкихъ отрядовъ, сформировавшихся въ 1768 году. Въ то время, когда главныя силы возставшихъ крестьянъ, подъ предводительствомъ Желѣзняка, двигались изъ Мотренинскаго монастыря на Умань, Бондаренко съ своимъ отрядомъ направился въ кіевское полѣсье. По дорогѣ онъ пытался было овладѣть Бѣлоцерковскою крѣпостью, но, встрѣтивъ сильный отпоръ со стороны гарнизона и артиллеріи, которою крѣпость была достаточно вооружена, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Миновавъ Бѣлую Церковь, онъ направился къ сѣверу, сталъ занимать села и мѣстечка, истреблять пановъ и жидовъ и возбуждать народъ къ возстанію. Такимъ образомъ достигъ онъ до мѣстека Макарова и овладѣлъ имъ; но здѣсь и кончились его подвиги. Въ Макаровѣ на Бондаренка наступила надворная милиція, отправленная противъ него владѣльцемъ Чернобыльскаго имѣнія, графомъ Ходкевичемъ; застигнутые въ расплохъ, гайдамаки были разсѣяны; многіе, въ томъ числѣ и Бондаренко, захвачены въ плѣнъ; они были доставлены въ Чернобыль, гдѣ, по приговору доминіальнаго суда, Бондаренко былъ казненъ смертью. Жители Чернобыля понынѣ указываютъ высокій курганъ, находящійся у выѣзда мѣстечка по дорогѣ въ село Залѣсье, на которомъ, по словамъ преданія, совершена была казнь; курганъ этомъ народъ называетъ «Бондаренковою могилою». Этотъ гайдамацкій предводитель былъ родомъ изъ села Грузкой, лежащаго въ 50 верстахъ къ западу отъ Кіева. Преданіе о немъ сохранилось довольно живо на его родинѣ и послужило сюжетомъ многочисленныхъ разсказовъ и пѣсень. Въ 1867 году одинъ изъ крестьянъ—старожиловъ села Грузкой, Иванъ Лобанъ, попытался свести сохранившіяся преданія въ одинъ связный разсказъ, который мы и предлагаемъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ подъ пера составителя, позволивъ себѣ сдѣлать лишь самыя незначительныя и необходимыя стилистическія поправки. Конечно, разсказъ г. Лабана важенъ не фактическими историческими подробностями, которыхъ богатства и точности и нельзя ожидать отъ народнаго преданія; весь интересъ разсказа, какъ намъ кажется, заключается въ воспроизведеніи того образа гайдамачества, который запечатлѣлся въ народномъ представленіи. Бонда-

ренко, какъ типъ гайдамацкаго ватажка, не носитъ въ народномъ воспоминаніи характера кровожаднаго бандита или безпощаднаго грабителя; онъ, напротивъ того, является веселымъ, разгульнымъ, исполненнымъ юмора и добродушія удальцемъ, преклоняющимся передъ правилами народной морали и народныхъ приличій, уважающимъ земледѣльческій трудъ крестьянина и даже, по отношенію къ шляхтичамъ, болѣе склоннымъ мстить имъ насмѣшками и шутками, чѣмъ кровавою расправою. Вотъ текстъ этого оригинальнаго сказанія:

Болѣе ста лѣтъ тому назадъ, во времена царицы Екатерины, въ селѣ Грузкой, кіевскаго уѣзда, принадлежавшемъ тогда помѣщикамъ Харлинскимъ, жила вдова Бондариха. У нея былъ сынъ лѣтъ шестнадцати. Такъ какъ они не имѣли возможности вести хозяйство, то помѣщикъ взялъ сына въ услуженіе въ свой дворъ и опредѣлилъ его сторожемъ при кухнѣ. На его долю досталась очень тяжелая работа, которая въ равной мѣрѣ требовалась и въ праздничные дни и въ будни; притомъ за неисправность Бондаренко подвергался часто побоямъ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ переносилъ свое тяжелое положеніе; но, наконецъ, терпѣніе его истощилось. Исполнившись злобы, онъ сказалъ себѣ: „дай Боже ноги, куда очи глядятъ, туда и дорога!“, тайно бѣжалъ съ помѣщичьяго двора и отправился на Украину искать себѣ пріюта. Здѣсь, вслѣдствіе нищенской обстановки своей, онъ не могъ поступить на работу къ зажиточному хозяину и потому присталъ къ ватагѣ гайдамаковъ Швачки и Желѣзняка. Среди нихъ, по словамъ нашихъ стариковъ, онъ нашелъ неразлучнаго товарища—Нечаенка и вскорѣ сдѣлался настоящимъ „лицаремъ и характерникомъ:“ онъ научился заговаривать оружіе, такъ что пуля его не брала.

Послѣ долгаго отсутствія, мать получила отъ него письмо съ обѣщаніемъ скораго посѣщенія, что онъ дѣйствительно и исполнилъ, какъ о томъ поется въ пѣсни:

Не захотивъ Бондаренко на Украйни жити,
Да приіхавъ до Бышова жидивъ, ляхивъ бити;
Не багато винъ постоявъ на Бышевскомъ мости,
Да приіхавъ до Грузькои до матери въ гости.

Бондаренко пріѣхалъ въ Грузьку съ своимъ отрядомъ, поклонился матери, привѣтствовалъ родственниковъ и занялъ квартиру въ домѣ приходскаго священника. Онъ немедленно сталъ распрашивать священника о помѣщикахъ,—которые заблаговременно бѣжали изъ села.

— Гдѣ, отче, помѣщики?

— Ихъ дома нѣтъ, пане атамане.

— Жаль, мнѣ слѣдовало ихъ поблагодарить за службу; но если ихъ нѣтъ, то, такъ и быть, принимаю „волю“ и отъ отсутствующихъ. Теперь, отче, благослови меня повеселиться на своей родинѣ.

Священникъ осѣнилъ его крестомъ.—Да благословитъ тебя, чадо, Господь на всякое дѣло благое!

Бондаренко поцѣловалъ крестъ и отвѣтилъ: спасибо, отче, за благое, а на зло я и самъ „потраплю“.—Кто-же, отче, живетъ теперь въ панскомъ дворѣ?

— Остались только шапаръ (ключникъ) Ярошъ и господыня (ключница) Марыська.

— Прекрасно! сказалъ Бондаренко и вышелъ къ своей ватагѣ.— Позовите ко мнѣ, хлопцы, говорилъ онъ, панскаго ключника!

Шапаръ пришелъ, снялъ шапку еще за воротами; о немъ доложили Бондаренку.

— Здоровъ бувъ, старый!

— Здоровъ, пане атамане! отвѣчаетъ шапаръ, дрожа какъ осиновый листъ.

— Что-же, ты узналъ меня?

— Узналъ, батьку!

— Прекрасно! теперь еще лучше познакомимся. Какъ-же тебѣ живется? Такъ какъ прежде?

— Какъ прежде.

— Ну, прекрасно! Не можешь-ли пока угостить насъ?

— Чѣмъ прикажете?

— Да что пожалуешь.—Пойдите, хлопцы, принесите, что онъ отпуститъ. Принесли изъ двора въ изобиліи напитковъ и съѣстного.

— Да ты, старый, кутишь, сказалъ Бондаренко: ты не разстраивай хозяйства, оставь еще кое-что къ моей свадьбѣ, вѣдь знаешь, что мнѣ нужно жениться? Ну, да теперь угости насъ!

Налилъ шапаръ чарку и поднесъ Бондаренку, но тотъ отклонилъ ее со словами: пей самъ прежде, а то, чего добраго, ты насъ околдуешь! Пошло затѣмъ угощеніе, но среди веселія вдругъ Бондаренко обратился къ шапару: что, старикъ! у тебя по прежнему много денегъ?

— „Нема!“ отрывисто отвѣтилъ шапаръ.

— Не вѣрится, сказалъ Бондаренко. Хлопцы, крикнулъ онъ, поищите-ка пакли, окрутите ему руки, облейте смолою и зажгите!

Не успѣли еще хлопцы приступить къ старику, какъ онъ вскричалъ: „Постой, батьку! у меня есть кое-что заслуженное, не много, правда, да рублей сто старыми „карбованцями“ наберется; сверхъ того я припряталъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ, полученныхъ изъ шинка!

— Заслуженными ты подѣлись со мною по правдѣ:—вѣдь служили мы оба и моя работа была тяжелѣе твоей. Что-же касается мѣдныхъ панскихъ денегъ изъ шинковъ, то они больно тяжелы и чтобы тебя облегчить, я пошлю за ними. Ступайте, сказалъ онъ двумъ дюжимъ гайдамакамъ и принесите столько мѣди, сколько подымете, за остальную-же купите боченокъ водки такой, чтобы четверо изъ васъ могли его принести сюда. Затѣмъ онъ обратился къ асауламъ и другимъ сельскимъ урядникамъ: зовите сюда всѣхъ нашихъ людей, я желаю съ ними возобновить знакомство.

Вскорѣ на дворъ священника пришло нѣсколько человѣкъ; къ нимъ вышелъ Бондаренко и поклонился: здоровы, молодци, мои стари знакоми!

Люди сняли шапки и поклонились.—Здоровъ, пане отамане!

— Откуда вы знаете, что я отаманъ?—А гдѣ вашъ панъ?

— Пана нѣтъ;—потому мы и знаемъ, что ты отаманъ.

— Значитъ, еслибъ паны исчезли, то всѣ были-бы козаками и атаманами.—Почему васъ такъ мало?

— Теперь жнива; люди въ полѣ убираютъ жито.

— Дѣло похвальное! пусть Богъ вамъ поможетъ! Собирайте хлѣбъ и свой и панскій. Что-бы ни случилось, даръ Божій не долженъ пропадать; хотя паны и не возвратятся,—хлѣбъ нуженъ будетъ.

Кто-то изъ толпы замѣтилъ, что маленькій панскій ребенокъ остался въ селѣ. Бондаренко услышалъ, приказалъ розыскать и

привести паныча. Привели его вмѣстѣ съ бабою Царихою, которая пріютила его въ своей хатѣ.

— Чей это, бабо, мальчикъ у тебя? спросилъ Бондаренко.

— Панскій, батьку! отвѣтила баба, низко кланяясь.

— Правда! сказалъ Бондаренко, всматриваясь въ мальчика: хотя онъ родился въ моемъ отсутствіи, но и глаза у него большіе, и носъ орлиный, и весь онъ въ отца. Онъ погладилъ дитя по головкѣ, далъ ему пряникъ и сказалъ бабѣ: бери его въ свой домъ и береги. Затѣмъ обратился къ людямъ и проговорилъ съ грустью: берегите мальчика и приласкайте его, вѣдь будетъ-же онъ вашимъ паномъ. Затѣмъ встрепенулся и крикнулъ Ярошу: подавай, старикъ, водки и закусокъ, угощай людей!

Выпили, повеселѣли. Бондаренко вскорѣ поднялся и поклонился: прощайте, панове громадо!—прошу на завтра къ себѣ въ гости, теперь пора отдыхать.

На другой день Бондаренко приказалъ раскинуть палатки передъ домомъ священника, призвалъ шапаря и приказалъ ему доставить изъ панскаго двора водки, наливки, пива и закусокъ; затѣмъ потребовалъ къ себѣ ключницу Марысю,—ее привели.

— Здорова, старая вѣдьма!—узнала меня?

— Узнала, батьку! отвѣтила Марыся, низко кланяясь.

— Прекрасно! теперь еще лучше познакомимся! Ты вѣдь по старому за господыню?

— За господыню, батьку.

— Значитъ, въ твоемъ распоряженіи много домашней птицы! Идите-же, хлопцы, съ нею и возьмите сколько нужно къ обѣду: куръ, гусей и индюковъ, и ее приводите назадъ, мнѣ нужно будетъ поблагодарить ее за прежнюю дружбу. Затѣмъ онъ обратился къ асауламъ: ступайте по всему селу, зовите ко мнѣ на пиръ всѣхъ людей: стариковъ и парубковъ, старухъ и молодицъ, дивчатъ и мальчиковъ; просите, чтобы приходили въ праздничныхъ одеждахъ. Да призовите музыку, смотрите, чтобы была настоящая, *троиста:* скрипки, цымбалы и басъ.

По приглашенію люди со всего села сошлись къ Бондаренку; онъ вышелъ къ нимъ въ козацкой одеждѣ: въ плисовыхъ шараварахъ, въ синемъ жупанѣ, въ барашкой шапкѣ съ краснымъ атласнымъ верхомъ; вышелъ онъ изъ палатки и поклонился на всѣ стороны.

— Здорови булы, старые и молодые—сказалъ онъ. Узнали вы меня, своего стараго знакомаго?

— Узнали, батьку! отвѣтили люди съ поклономъ и поднесли ему хлѣбъ и соль.

— Спасибо за хлѣбъ, за соль! Жаль только, что межъ вами нѣтъ вашихъ пановъ! Что дѣлать?—выпьемъ за панское здоровье; они вѣдь трудились, чтобы приготовить намъ угощеніе.

Пошелъ пиръ горою, заиграла музыка. Бондаренко то двигался средь народа, угощая и упрашивая пить, то отплясывалъ съ молодицами. Въ пиру принимали участіе гайдамаки; Нечаенко танцовалъ безъ устали, припѣвая веселыя, охочія пѣсни. Бондаренко схватилъ мѣшокъ съ мѣдными деньгами; „гей, диты, сюда!“ крикнулъ онъ и въ толпу дѣтей посыпались гривны, пятаки, гроши и копѣйки. Дѣти хватаютъ, дерутся—кутерьма страшная. Бондаренко хохочетъ. Вдругъ онъ что-то вспомнилъ и обратился къ асауламъ: а гдѣ-же моя Марыся?—Есть, батьку! отвѣтили; она было сбѣжала, но мы ее поймали.

— Сбѣжала? значитъ, совѣсть ея не чиста; затворите-же ее въ „куну коло звиныци“[1]). Марысю заперли въ куну; Бондаренко зарядилъ пистолетъ холостымъ зарядомъ и направился къ колокольнѣ, въ сопровожденіи толпы народа. Пришли, отворили двери. „Ну, старая вѣдьма, сказалъ Бондаренко, приготовила ты мнѣ горячихъ „пляцковъ“ (сладкихъ лепешекъ) такихъ, какъ приготовляла для пановъ?

— Не приготовила, батьку атамане!—отвѣтила, дрожа всѣмъ тѣломъ Марыся.

Бондаренко выхватилъ пистолетъ, взвелъ курокъ: бахъ! и—Марыся упала, какъ мертвая, съ крикомъ: „Іезусъ—Марія, змилуй се наде мно!“

„Чи бачъ? вона вже и померла“,—сказалъ Бондаренко. Нужно ее воскресить,—заряжайте другой пистолетъ, да подавайте скорѣе. Марыся вскочила на ноги и вскричала: „помилуй, пане атамане!“

— „Воскресла и заговорила! слава тебѣ, Господи!—сказалъ Бондаренко, среди всеобщаго хохота, и приказалъ отвести Марысю въ

[1]) Родъ карцера, находившагося обыкновенно у колокольни приходской церкви, въ видѣ желѣзной скобы, которою виновнаго приковывали за руку.

панскій дворъ и уложить въ постель, чтобы она отдохнула „відъ переляку". Затѣмъ принесли изъ панскаго погреба старый медъ и, угощаясь, пировали до заката солнца. Подъ вечеръ Бондаренко созвалъ хозяевъ и сказалъ имъ: веселіе—веселіемъ, а дѣло дѣломъ; погуляли мы сегодня, да люди толкуютъ о жнивахъ; а потому, чтобы не сказали, что Бондаренко помѣшалъ всѣмъ работать, завтра я прошу васъ лишь зайти съ утра ко мнѣ „на поправку", а потомъ какъ кому угодно: по желанію—оставайтесь гулять, а кому необходимо—идите работать.

Затѣмъ, призвавъ Нечаенка, онъ снарядилъ его съ отрядомъ гайдамакъ въ походъ, приказавъ свозить къ себѣ всякое добро, но бѣдныхъ не трогать и избѣгать убійствъ. „До души намъ діла не мае",—сказалъ онъ въ заключеніе. Нечаенко немедленно выступилъ въ походъ съ вооруженнымъ отрядомъ; Бондаренко-же приказалъ ключнику вновь приготовить угощеніе на слѣдующій день.

Съ утра сошлись люди и недоумѣваютъ, что имъ дѣлать. Вышелъ къ нимъ Бондаренко, поздоровался и спрашиваетъ: „а что, люди добрые, порѣшили, что будете дѣлать сегодня"? — „Нѣтъ, не порѣшили"! — „Такъ я вамъ посовѣтую: пусть съ каждаго двора одинъ человѣкъ идетъ на работу, остальные оставайтесь у меня въ гостяхъ". Работники выступили впередъ; Бондаренко угостилъ ихъ прилично и отправилъ съ Богомъ на работу, обѣщавъ выслать имъ обѣдъ въ поле. Остальнымъ онъ задалъ такой-же пиръ, какъ на канунѣ.

Слѣдующаго дня возвратился изъ похода Нечаенко; привезъ онъ много добычи съ собою. Во главѣ его отряда шелъ странный поѣздъ: четыре вола тащили сани, хотя дѣло было лѣтомъ, на саняхъ навалено было множество всякой живности: сало, масло и т. п.; среди узловъ и боченковъ повсюду торчали жерди, на которыхъ развѣшаны были колбасы; вѣнки изъ колбасъ украшали рога воловъ. За санями шли цѣлыя стада быковъ, коровъ, телятъ; затѣмъ везли мѣшки съ деньгами: тутъ было и золото, и серебро, и мѣдь.

Бондаренко взглянулъ на добычу и обратился къ гайдамакамъ: „спасибо, хлопцы! хорошо управились. Идите теперь, погуляйте на моей родинѣ".—Гайдамаки отправились пить и плясать. Бондаренко между тѣмъ призвалъ свою мать и родственниковъ и сказалъ имъ: берите все это золото и серебро и уѣзжайте за Днѣпръ,

тамъ перемѣните свои фамиліи и живите мирно въ довольствіи. Здѣсь мнѣ не вѣчно можно будетъ распоряжаться, а когда меня не станетъ, бѣда обрушится на васъ. Такимъ образомъ онъ выселилъ весь свой родъ изъ села.

Между тѣмъ польское войско узнало о мѣстѣ остановки Бондаренка и въ Грузку отправленъ былъ отрядъ гусаръ, съ приказаніемъ взять Бондаренка и сжечь село. Про это нападеніе гусаръ и сказано въ пѣсни:

Наїхали гусары Грузьку палыти,
Бондаренко зъ Нечаенкомъ стали боронити:
Нечаенко на дзвиныцю міхъ пороху тягне,
Бондаренко въ прави руци рушныцю готуе.
Ой якъ стреливъ Нечаенко—коника підстреливъ,
Ой якъ стреливъ Бондаренко—гусарина встреливъ.
Ой рушилы гусаре зъ Грузькои втикати—
Бондаренко зъ Нечаенкомъ стали доганяти.

Гусары успѣли сжечь только одинъ дворъ въ концѣ села и отступили въ Макаровъ. Бондаренко послѣ того не долго уже оставался въ Грузкой; онъ раздалъ всѣ стада коровъ и быковъ—дѣвушкамъ на приданное, особенно щедро награждая тѣхъ, которыя понравились ему въ танцѣ; роздалъ замужнимъ все пріобрѣтенное въ добычу—ткани, одежды, мониста и выѣхалъ съ товарищами изъ Грузкой въ Макаровъ. Здѣсь онъ былъ взятъ въ плѣнъ козакомъ Щербиною [1]) изъ Корнина и потомъ казненъ въ Чернобилѣ.

Конецъ исторіи Бондаренка. Писалъ Иванъ Лобанъ изъ села Грузкой, 7 генваря 1867 года.

---

[1]) Имя Щербины народное преданіе сохранило вѣрно. Въ запискахъ Липомана сказано также, что начальникъ наворныхъ козаковъ, взявшихъ въ плѣнъ Бондаренка въ Макаровѣ, назывался Щербина и былъ родомъ изъ мѣстечка Корнина. За эту услугу Щербинѣ на сеймѣ было пожаловано дворянство, а также нѣкоторая сумма денегъ для покупки имѣнія.

Образцы
ОБЛИЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ МАЛОРОССІИ*).

Въ 16 и 17 столѣтіяхъ гласное обсужденіе общественной дѣятельности и общественныхъ дѣятелей Малороссіи было не мыслимо, такъ какъ обличительной печати не было и въ поминѣ. Конечно, это не исключало диѳирамбовъ лицамъ, занимающимъ видное общественное положеніе.

Въ 16-мъ и первой половинѣ 17 вѣка общественные дѣятели, въ особенности духовныя власти, восхвалялись въ предисловіяхъ къ разнороднымъ изданіямъ, посвященнымъ этимъ лицамъ. Съ половины 17-го столѣтія появилась у насъ спеціальная литература панегириковъ, въ которыхъ воспѣвались добродѣтели, дѣйствительныя и мнимыя, сановныхъ людей—свѣтскихъ и духовныхъ. Максимовичъ, касавшійся этого рода литературы, радовался тому, что „вся эта безпредѣльная лесть, весь этотъ холодный, риторическій, стекляный блескъ ума и слова выражался панегиристами по польски и по латыни, а не языкомъ южнорусскимъ". Конечно, изслѣдователь языка и словесности можетъ утѣшаться подобнымъ обстоятельствомъ; но для изслѣдователя общественныхъ явленій оно едва-ли можетъ имѣть какое либо значеніе. Въ прошломъ столѣтіи литература панегириковъ продолжала развиваться, увеличивая изліяніе лести, въ особенности въ пѣснопѣніяхъ, посвященныхъ высшимъ правителямъ Малороссіи. Въ извѣстномъ панегирикѣ послѣднему гетману Кириллу Разумовскому, лесть доведена до геркулесовыхъ столбовъ. Въ этомъ панегирикѣ авторъ безъ зазрѣнія совѣсти рѣ-

*) Читано 5 ноября 1880 г., въ засѣданіи историко-филологическаго общества, состоящаго при харьковскомъ университетѣ.

шился доказывать происхожденіе сына простаго козака Разума отъ извѣстной аристократической фамиліи князей Ружинскихъ, на основаніи измышленныхъ имъ генеалогическихъ данныхъ. Явная ложь не только была терпима, но и принималось офиціально: такъ, въ указахъ Елизаветы Петровны, писанныхъ гетману Разумовскому, во главѣ другихъ титуловъ всегда ставилось—„высоко и благоурожденному гетману, такому-то".

Съ литературой малороссійскихъ панегириковъ, въ особенности конца 17-го вѣка, знакомитъ насъ, хотя отчасти, Максимовичъ въ своей статьѣ „Книжная старина южнорусская" (Полн. собр. соч., т. 3, стр. 708). Но, кажется, еще никто не обращалъ вниманія на существовавшую издавна въ Малороссіи обличительную литературу, появлявшуюся на свѣтъ Божій лишь въ письменной формѣ. Въ старой Малороссіи, какъ мы сказали, гласности въ печатной литературѣ не существовало. А между тѣмъ въ обществѣ проявлялась потребность дать общественную, гласную оцѣнку,—наложить, такъ сказать, штемпель—на факты, совершающіеся вокругъ, и на лица, отъ которыхъ исходятъ эти факты. Отъискивая выходъ, эта потребность и нашла его въ рукописныхъ обличительныхъ произведеніяхъ, которыя обращались по рукамъ въ разныхъ мѣстностяхъ и, вѣроятно, пользовались тамъ большею или меньшею популярностью. Такъ какъ эти обличенія составляли, такъ сказать, подпольную литературу, то они часто переходили за предѣлы приличій, принимали характеръ пасквилей, касаясь не только фактовъ общественной дѣятельности, но и нравственности, семейныхъ отношеній и чисто личныхъ чертъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которыхъ находила нужнымъ затрогивать рукописная обличительная литература; въ особенности въ болѣе позднихъ произведеніяхъ, въ эпоху уничтоженія самоуправленія и общественной самодѣятельности нашей родины, литература этого рода стала принимать личный характеръ.

Объ обличительной литературѣ въ Малороссіи въ первый разъ мы узнаемъ, кажется, по поводу подметныхъ писемъ или „пашквилей", направленныхъ противъ гетмана Мазепы. Первый пашквиль на Мазепу появился въ Кіевѣ въ 1690 году. Но по существу это былъ собственно безъимянный подметный доносъ, предназначавшійся правительству. Мазепа въ упомянутомъ пасквилѣ обвинялся въ продажѣ людей правобережной Украйны туркамъ, въ участіи въ

заговорѣ стрѣльцовъ и въ намѣреніи погубить государя. Въ составленіи пасквиля, по словамъ Маркевича, былъ заподозрѣнъ чернецъ Соломонъ, котораго пытали въ Москвѣ и казнили въ Батуринѣ „казнью жестокою, смертною". Не считая нужнымъ распространяться объ этомъ пасквилѣ, такъ какъ онъ напечаталъ въ Исторіи Малороссіи Маркевича (т. 4 стр. 145), переходимъ къ тѣмъ обличительнымъ произведеніямъ, которыя находятся у насъ въ рукахъ.

Вслѣдствіе слабаго развитія въ прошломъ столѣтіи книжной литературы и книжнаго дѣла, грамотные люди въ Малороссіи имѣли обыкновеніе заводить у себя тетради, въ которыя они вписывали болѣе интересовавшія ихъ разнородныя статьи изъ прочитанныхъ книгъ или изъ рукописныхъ-же сборниковъ; сюда-же вносились иногда и собственныя произведенія переписчиковъ. Такіе-же сборники велись еще и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ числѣ выписокъ, помѣщаемыхъ въ подобныхъ сборникахъ, можно встрѣтить стихотворенія, статьи историческія, духовнаго содержанія, медицинскія наставленія, юридическіе акты, письма и т. п. Тутъ-же попадаются и тѣ обличительныя произведенія, о какихъ мы говоримъ. Въ послѣднее время у меня было въ рукахъ три рукописные сборника: два я досталъ въ Черниговѣ, а третій полученъ изъ кіевской губерніи. Изъ числа черниговскихъ сборниковъ одинъ относится къ первымъ годамъ настоящаго вѣка, другой къ двадцатымъ или тридцатымъ годамъ нашего столѣтія, а кіевскій относится ко второй половинѣ прошлаго вѣка. Въ каждомъ изъ перечисленныхъ сборниковъ оказалось по одному обличительному произведенію. Изъ этого можно заключать, что обличительная литература у насъ была значительно развита и распространена.

Въ кіевскомъ сборникѣ находится стихотвореніе, обличающее злоупотребленія властей и сословные пороки вообще; оно имѣетъ такимъ образомъ болѣе общій характеръ, характеръ сатиры. Въ своей сатирѣ авторъ возвышается до признанія безотраднаго положенія своего „отчества", т. е. Малороссіи. Впрочемъ, онъ свое произведеніе, такъ сказать, иллюстрируетъ указаніемъ на злоупотребленія отдѣльныхъ лицъ и, такимъ образомъ, его стихотвореніе переходитъ въ личное обличеніе. Второе произведеніе касается одного лица, именно черниговскаго архіерея Виктора Садковскаго, и обличаетъ его слабости и пороки, касаясь, какъ общественной

дѣятельности, такъ и частной жизни святителя. Третье, самое позднее, состоитъ изъ короткихъ указаній на общественные и личные недостатки многихъ лицъ, составлявшихъ, такъ сказать, цвѣтъ черниговскаго общества.

Первое произведеніе, какъ видно изъ подписи подъ нимъ, написано 23 декабря 1764 года. Неизвѣстный авторъ его, обозначившій свое имя и фамилію только первыми буквами, К. З., называетъ себя сельскимъ учителемъ, человѣкомъ не чиновнымъ, и не подвергнутымъ также вѣдомству войта, т. е. не мѣщаниномъ. Судя по тому, что стихотворецъ обличаетъ главнымъ образомъ властей города Зѣнькова, можно думать, что онъ былъ житель тамошнихъ мѣстъ. Языкъ сатиры представляетъ замѣчательную смѣсь тогдашняго книжнаго русскаго языка съ народнымъ малороссійскимъ. Стихи нескладные и темные, на столько, что общее содержаніе нуждается во многихъ предварительныхъ поясненіяхъ. Редакція стихотворенія плохая, многія мѣста испорчены, по всей вѣроятности, вслѣдствіе того, что оно перешло чрезъ руки многихъ переписчиковъ.

Надобно сказать, что настоящая сатира появилась за нѣсколько мѣсяцевъ до прекращенія гетманскаго правленія въ Малороссіи, когда Разумовскій отказался отъ званія гетмана. Этотъ гетманъ въ послѣдніе годы своего правленія (именно въ 1761 году) издалъ универсалъ объ ограниченіи винокуренія въ Малороссіи. Нападеніемъ на указанную мѣру и начинаетъ авторъ свою сатиру. Авторъ сѣтуетъ на запрещеніе винокуренія крестьянамъ и находитъ, что отъ свободнаго производства водки поспольствомъ, т. е. народомъ, не было никакого вреда, тѣмъ болѣе, что въ народѣ не замѣчалось особаго расположенія къ пьянству, за исключеніемъ такихъ мѣстъ, какъ гг. Погаръ и Стародубъ и запорожской Сѣчи. По мнѣнію автора, лучше было-бы, если-бы сильные истребляли пороки вмѣсто того, чтобы запрещать производство горѣлки. Въ защиту автора, надобно сказать, что хотя упомянутое ранѣе распоряженіе гетмана относительно винокуренія издано, повидимому, съ благой цѣлью, съ цѣлью сохраненія лѣсовъ, сохраненія хлѣба и уничтоженія пьянства, но оно не достигало своей цѣли. Съ одной стороны, оно было несправедливо, потому что лишало извѣстныхъ правъ одни классы, не касаясь другихъ, и такимъ образомъ

вносило новую сословную привиллегію; крестьянамъ, мѣщанамъ, разночинцамъ и великороссіянамъ винокуреніе вовсе воспрещалось, а у помѣщиковъ, духовенства и козаковъ лишь нѣсколько ограничивалось въ размѣрахъ. Съ другой стороны, хотя, вслѣдствіе винокуренія, дѣйствительно истреблялись лѣса въ Малороссіи, но за то оно давало возможность земледѣльцу имѣть въ зимнее время отличный кормъ для скота, въ видѣ барды, и такимъ образомъ содѣйствовало развитію скотоводства. По словамъ старожиловъ, свободное винокуреніе и оптовая продажа вина, при малыхъ размѣрахъ его у козаковъ, не отражалась вредно на населеніи; „пьянства не было, было только постоянное питье понемножку и честованье". Историкъ нашей родины, Маркевичъ, приводитъ цѣлый рядъ аргументовъ противъ универсала Разумовскаго, считая его весьма стѣснительнымъ для тогдашней народной промышленности (т. 2-й, стр. 648). Такимъ образомъ, слова автора сатиры противъ запрещенія винокуренія у посполитыхъ людей нельзя считать неосновательнымъ обличеніемъ.

Далѣе авторъ сатиры намекаетъ на то, что водочныхъ промышленниковъ дѣлаютъ чиновными людьми. Здѣсь, конечно, заключается намекъ на произведенную въ 1763 году въ Малороссіи *вербунку* въ пикинеры, мысль о которой была подана Мельгуновымъ. При вербункѣ бѣднѣйшіе люди и „великіе опіяки" записывались въ рядовые, а грамотные шинкари и церковники становились ротмистрами и порутчиками. Но болѣе всего обличитель говоритъ о неправосудіи и взяточничествѣ въ судахъ, о господствѣ въ обществѣ людей порочныхъ и даже запятнанныхъ преступленіями, но располагающихъ матеріальными средствами, о выборѣ такихъ-же людей на административныя должности. Бѣлое духовенство, по словамъ обвинителя, не только не обличаетъ пороковъ и злоупотребленій властей, не искореняетъ въ народѣ предразсудковъ, въ родѣ *понедилкуваньня,* т. е. держанія поста по понедѣльникамъ, и воздержанія отъ работъ въ пятницу; оно, напротивъ, само погрязло въ любостяжаніи. Но особенно достается отъ автора черному духовенству: оно обвиняется въ объяденіи, пьянствѣ, развратѣ, роскоши, бродяжничествѣ и обдираніи монастырскихъ подсусѣдковъ, когда тѣ отходятъ на житье въ привольныя степи; сутяжничество и ябедничество въ судахъ также представляются, какъ пороки мо-

наховъ. Здѣсь-же описывается и то, какое впечатлѣніе произвело на монашество совершившееся въ тѣ годы распоряженіе правительства объ отобраніи вотчинъ отъ монастырей. Въ заключеніе, авторъ выражаетъ упованіе на Управителя солнца, луны, звѣздъ и земли, что онъ исправитъ все, жестоко наказавъ пороки, и что общественныя бѣдствія пройдутъ, подобно тому, какъ миновали смертельные удары крымскихъ татаръ. По всей вѣроятности, авторъ считаетъ желаннымъ посланникомъ небесъ новое русское правительство (въ лицѣ Екатерины 2-й), которое должно было внести въ общество свѣжую струю законности и поднять нравственность. Прежде нежели перейти къ самому произведенію, нельзя не остановиться на одномъ интересномъ словѣ, употребляемомъ авторомъ. Какъ видно, общество всегда придумываетъ для себя слова, которыя служили-бы ему пугаломъ; такія слова у послѣдующихъ поколѣній теряютъ свое ужасное значеніе, а иногда принимаютъ даже самый обыденный смыслъ. Подобнымъ словомъ, соотвѣтствующимъ позднѣйшимъ „вольнодумецъ, вольтеріанецъ“ было первоначально слово „патуралистъ“, которое означало атеиста и матеріалиста въ самомъ грубомъ смыслѣ послѣдняго слова.

Приводимъ самую сатиру.

„Милостивый государь.

Вѣдая вашу къ наукамъ охоту,
Посылаю отъ себе къ вамъ работу;
Она похожа какъ-бы на сатиру,
Только достойна-ли явиться міру?
Ежели она недостойна того виду,
Прошу не привести мене въ обиду:
Ежели якая дурна машкара
Здѣсь—содрать, бросить,—пусть счезнетъ, какъ мара.
Не знаю, съ чего папамъ запретить пристало,
Чтобъ люди не робили горѣлки нимало:
Или у нихъ толстые поспухаютъ брюхи,
Ежели наробятъ немягкои сивухи,
Или у нихъ въ корпусѣ умалится росту,
Какъ гнатиметь поспольство горѣлку не просту?
И предъ симъ всѣ посполу горѣлку робляли,
Равно люде хлѣбъ ѣли, а тѣ пановали.

Думаютъ-ли, что и въ насъ такъ, какъ у Погарѣ,
Иной можетъ просидѣть съ виномъ дней три пары?
Или такъ, какъ въ Стардубѣ, закуска литвину,
Что съ похмѣлья за вино отдалъ-бы дитину
Хоть соборному дяку, хоть отцу Давиду?
Но ихъ хоть-бы кто не зналъ, то видно изъ виду.
Въ насъ до неи не така охота, какъ въ Сѣчи,
Гдѣ иной выхмелится на годъ всего двѣчи,
А которой безсилокъ, то только однажды,
И то въ страстну пятницю,—говорю безъ вра́жды.
Говорили-жь, что жиды, народъ въ свѣтѣ гнусной,
Въ таковомъ дѣлѣ только неискусной;
Но не видно съ нихъ такихъ, не такъ поступаютъ,
Кто волею не беретъ—силой накидаютъ.
Хорошъ промыслъ, когда-бъ такъ усякому вольно,
Промышленниковъ такихъ было-бы довольно.
Такихъ еще становлятъ смотрѣть въ такомъ дѣлѣ:
Кто будетъ жить въ правду, кто будетъ смѣлый,
Кто будетъ по всему врагъ и въ дѣлѣ, и въ словѣ,
Всякой день ходить пьяный отъ людской крови,
Всего-жъ горшъ, когда будетъ шибеницѣ годный,
Смотри—придаютъ ему и чинъ благородный;—
Что хотя-бъ кто и схотѣлъ поискать росправы,
Такъ тотъ чортъ и въ судейской сидитъ-же на лавѣ.
Увы! отечество, отечество любезно,
Въ какой ты досталось часъ и горькой и слезной:
Было-ль тебѣ когда-нибудь тое на мысли,
Чтобъ тебе въ сіе время толь бѣды притисли!
Гдѣ твой мужественный духъ, гдѣ скора расправа?
Счезла, вмерла, пропала, мовъ съѣла иржава!
Теперь, якъ кто съ патрономъ да денегъ довольно,
Тому убить, и грабить, и разбивать вольно;
И всякимъ, какимъ схочетъ, торгомъ промышляти,
Былъ-бы хоть мало моторъ, та къ тому богатый.
Когда-жъ такой кто рѣчи схочетъ посумнѣтись,
Тому хоть однимъ окомъ въ Зѣнковъ присмотрѣтись:
Тутъ испервоначала выйдетъ панъ Розовскій,

А потомъ милостивецъ стрѣнетъ панъ Бурковскій,
Что накормили людей и хлѣбомъ и силью,
Не одного загнали съ дѣтьми въ богадѣльню,
Но и тамъ не дали жить съ покоемъ, безъ лиха,
Не осталось, съ чего сшить и на сумку мѣха
Въ того руки острѣйши, нежель кохти въ чорта,
Въ того зубы бо́льшіе, нежъ въ большо́го хорта;
Хоть-бы радъ погладить или поцѣловати—
Тому нельзя не вколоть, тому треба вдрати.
Тотъ, якъ былъ въ Зенковѣ тамъ на долгій часъ паномъ,
Человѣкъ и со сто съѣлъ съ хатами, съ барканомъ.
Иль далѣ за рѣку Псёлъ, въ Сорочинецъ городъ,
Сколько тамъ въ слезахъ сыщешь самихъ сѣдыхъ бородъ!
Ни одного не сыщешь малого куточка,
Чтобъ гдѣ лиха не была великая бочка.
Но на такихъ жаль-не жаль, какъ-бы на природу,
Иль на атеистъ, что зло дѣлаютъ народу;
На такихъ жаль, что Бога и что права̀ знаютъ,
Но какъ *натуралисты* во всемъ поступаютъ:
Панъ сотникъ радуется, какъ ангелъ хранитель,
Какъ проявится гдѣ воръ иль дѣвства губитель:
До свѣта прибѣжитъ къ атаману поспѣшно,
Какъ уже гдѣ есть ловля, нѣби что потѣшно.
Добродѣю вѣрный: хлѣбъ, какъ Романъ прокрався,
Гдѣ Иванъ Чечекало зъ дѣвкою попався.
„Исполать де тебѣ, другъ, за такія вѣсти!
Малой, подай скорѣй стулъ—атаману сѣсти,
Да налей водки доброй по срѣбномъ стакану;
Будетъ обоимъ, братецъ, по нову каптану,
Какъ де тотъ уже въ смерку выломилъ тамъ стѣну,
А той, прощайте, Химцѣ народивъ дитину.
Но за сіе не треба великого датку:
Пусть обидва принесутъ рублей по десятку,
Да потомъ ихъ испроситъ: нѣтъ-ли чего горше?
Такъ въ тѣ поры можно взять съ нихъ еще и больше,
Ой, было-бъ что взять у нихъ—есть добры коровы!
А обидва плохіи, лишь робить здоровы;

А хоть-бы стали искать,—чи въ насъ не патрони—
Судья, писарь, асаулъ, хорунжій, обозный?
Для зачину, искусныхъ воровъ выпускаютъ
И, будто сами втекли, въ народъ разглашаютъ.
Для покупки лошадей, платья строевого,
Козакамъ нельзя продать грунту никакого;
Воровства-жъ или бою сотнику въ заплату,
Продать вольно имъ зъ грунтомъ и самую хату.
Говорилъ-бы и больше, но нѣту охоты;
Пусть имъ кули, порохъ и войсковы клейноты!
Попы молчатъ, какъ гости, будто и не знаютъ,
Только и дѣла, что акафисты читаютъ.
Но пущай-бы и тое съ трелями читали,
Но хоть-бы простой рѣчью въ томъ ихъ обличали.
Еще праздники кажутъ впередъ за седмицу,
Чтобъ люде приносили для просфиръ пшеницу;
Не такъ радъ нашъ батюшка середь тижня святу,
Какъ перепадетъ тоже, что отцу Кондрату.
Кадитъ, молитву дѣетъ, маетъ взоръ набожный,
А мыслитъ, какъ-бы вынесть карманъ не порожній.
Однимъ глазомъ въ параклисъ умильно взираетъ,
Другимъ въ блюдце, гдѣ деньги, быстро поглядаетъ;
Какъ у попа къ серебру жаръ воспламенится,
Ни кутьею, ни сытою не утолится;
Того не зритъ, какіе въ людяхъ забубони:
. . . . . [1])
„Ой, я понедѣлкую и осталась мужа,
Не роблю и въ пятницю, бо була недужа“.
Чернеци еще трохи духовные люде,
Какъ они ужь знакомы—довольно съ нихъ буде.
Предъ симъ было въ подземныхъ пещерахъ кочуютъ,
Теперь и каменными избами бракуютъ,
За одно ужъ добрыи—гордостью не пьяны,—
Хоть въ роскошахъ погрязли, какъ мѣлъ въ океанѣ;

[1]) Здѣсь одна строка пропущена.

Какъ заморить себе бѣдній, вийдетъ изъ кельѣ,
Въ силу мертвецъ за брухомъ дойдетъ до вечернѣ.
Не разсуждаютъ плотски, но мислятъ по духу,
На скрѣпленье стомаха пьютъ добре сивуху;
Гдѣ старецъ стоитъ соборной, въ начальной скважнѣ,
Рѣдькой да горѣлкою смердитъ на три сажнѣ.
То только держатъ они себѣ за святиню,
Чтобы украсить златомъ старую пустиню.
Ставлять въ иловахъ (?) часовнѣ и льютъ колоколи,
Тамъ-же нищь мразомъ таетъ, не одѣнутъ, голій.
Въ суботу да въ недѣлю старцямъ по полушки,
А для своей болшъ рубля на всякій день душки;
Но не вездѣ такъ, лишь гдѣ болшія користи,
Что иному въ годъ прійдетъ большъ рублей нежъ двисти.
Многи, однако, и тамъ щедро подаваютъ,
И ангельскія ризи въ полицю скидаютъ;
Къ чему не могу пристать, ниже иму вѣру,
Будто хлопцѣ ихъ крестятъ, только не чрезъ мѣру.
Есть у нихъ тѣ, что читаютъ за ихъ псалтири,
Бо въ соборного такихъ есть два, три, четири.
За внутреню пустиню имѣютъ Триполья,
Гдѣ отправляютъ добре свои богомолья,
Кои сильнѣйшіи, идуть и къ Василькову [1]),
Потомъ возвращаются въ монастырь изнову,
Какъ из-за Іордана, зъ глубокой пустинѣ,
Полни плодовъ духовнихъ, полни благостини;
Иніи въ Римъ [2]) странствуютъ, той что на Подолѣ,
Но папѣстовъ виводятъ оттоль поневолѣ.
Якъ велитъ роздѣть чернець бѣдного съ кожуха,
Во имя Отца и Сина, говоритъ, и Духа.
Якъ ѣздитъ въ степъ, въ сусѣде, себѣ на погибель,
Мнитъ, я синъ обителѣ, треба чинить прибиль.

---

[1]) Триполье—мѣстечко, Васильковъ,—уѣздный городъ кіевской губерніи. Для лѣвобережныхъ это были заграничныя мѣста—въ предѣлахъ Польши. Тутъ были монастырскія имѣнія.

[2]) Не намекъ-ли на кіевскую академію и ея якобы неправославіе?

Адамъ столько не плакалъ, какъ они ридали,
Какъ изгнанье изъ отчинъ свое послихали,
Какъ де Адамъ былъ изгнанъ, но изгнанъ зъ женою,
Имъ сидѣть было въ кельи зъ едной бородою.
Тотъ имѣлъ въ своей власти вси полскіе звѣри,
Имъ было достались одни книги сѣри.
Тотъ не изгнанъ, но загнанъ на земли пространство,
А имъ лишь было-бъ глядѣть въ церквѣ убранство.
Но сколько-же было плачу, сколько утрати,
Какъ велѣли изъ вотчинъ скотъ свой продавати:
Что стояло трохъ рублей, за таку скотину
Велѣли брать всего рубль и одну полтину.
За позовъ такъ держатся, какъ чорти за душу,
Въ росталь, снѣгъ, скрозь слёту, идуть какъ-бы у сушу;
Одинъ, знаю, и теперь лѣчитъ праву голень,
Что бѣгивалъ у Глуховъ, какъ до води олень;
Но тотъ уломилъ ногу, другой скосилъ очи,
Что сидѣлъ съ бумажками ноябрьскія ночи.
Но пущай би тотъ храмалъ, другой смотрѣлъ криво,
Чего-бъ уже языкомъ говорити лживо?
Еще у нихъ іерей есть Давидъ набожний,
А карманъ тридцать ябедъ лживыхъ не порожній.
Въ монастырѣ—дряхліе только да калѣки,
Всѣ жъ—гдѣ села, мелницѣ, гдѣ зъ хлѣбомъ засѣки;
Иль така заслужена и честна особа,
Что ужъ ей тамъ сидѣти крайне неподоба:
Тотъ уже въ манастирѣ молитви читаетъ,
То въ лавкахъ матерію, то чай покупаетъ:
„Что въ мене чай, такого ни въ самомъ Китаю,
Дванадцати водами одинъ наливаю,
Смотри-жъ какой травянистъ, какой де душистой,
Да и сахаръ, посмотри, самой канаръ чистой.
Еще одной покупкой тебѣ похвалюся,
Да нѣтъ ли какой порчи и самъ подивлюся:
Не матерьялъ, не квѣтъ, а какая плотина“.[1])

[1]) Плотность.

Какъ ви сами скажете:—изрядна люстрина?
—„Почему куповали вы тую люстрину?“—
„Сталъ мнѣ локоть въ два рублѣ и одну полтину,
Хотѣлъ было купити чего подороже,
Хлопець сказалъ, что и въ сей мнѣ будетъ пригоже.
Сей-же, только свѣтлѣйшей, бралъ Инокентій,
Сподѣюся, посилати комусь въ презенти;
Онъ поболшъ меня взялъ—аршиновъ пятнадцать,
А я себѣ, постаравшись, взялъ зъ лишкомъ двадцять“.
Здаетця мнѣ, говорятъ въ пещерахъ святіи
Къ вамъ, соборніи чернци, въ слухъ слова такіи:
Хоть ваше вездѣ блещитъ сребро и злато,
Но намъ яснѣше наше пещерное блато.
Наши излежаліе власяніе ряси
Дороже, нежель ваши штофи и отласи.
Наши многоцвѣніи и худіе руби
Крѣпше, нежель въ васъ люстрина, бархати груби“.
Сама ограда кричитъ, самий прахъ бездушной,
Келіи, колокольня, на вашъ уборъ бучний:
„Чуть вы, отци святіи, отъ ризъ, что на тѣлѣ,
По внутреннему виду равно не счернѣли“.

Казалъ бы, какъ носится старинная мова,
Что подражаютъ князю подданни до слова:
Но въ насъ въ президенціяхъ вездѣ чинъ исправной
Найпаче же живетъ всякъ зъ насъ безобавной.
Всякой изъ насъ бережетъ только интереса,
А другое дѣлаетъ горшъ самого бѣса.
Одинъ только и важенъ нам первій да вторій,
А большъ многимъ не страшенъ уже ни которій.
Убійство, нападенье и всякое дѣло
Съ деньгами да съ патронами отправлять смѣло.
Бѣглой юристъ, какъ перомъ нѣчего не зможетъ,
Непорожнѣмъ карманомъ въ томъ себѣ поможетъ.
Хочъ учуетъ за вину далеку Камчатку,
Но если воръ лишь ставитъ денежную взятку,

Знаетъ, что наберетъ денегъ хоть и разбоемъ,
По всей моди чаетъ жить дома и съ покоемъ.
На что на иностранныхъ враговъ мечъ острити,
Когда внутреннимъ врагомъ попускати жити?
Лучше одного спасти изъ своихъ подданнихъ,
Нежели убити сто враговъ иностраннихъ—
Иначе нѣчимъ будетъ надѣлять калѣку,
Бо послѣдню старшина отойметъ копѣйку (?).
Ось слишно у насъ будутъ нови подкомори,
Когдабъ лишь съ нихъ по прежнему не били вори:
Какъ будутъ смотрѣть себѣ людьскои користи,
То хотя би и заразъ побравъ ихъ нечистый.
Лучше би пороки у сильныхъ истребляти,
Нежель робить горѣлку бѣднымъ запрещати.
Когда Богъ насъ милуетъ и казнитъ во свѣтѣ,
Можна въ поправки худа надежду имѣти:
Дѣлали предъ симъ бѣды крымскіе татари,
А теперъ минули ихъ смертніе удари.
Слонца, луни, звѣздъ, земли вѣрній Управитель
Исправитъ все и бѣднихъ будетъ защититель,
Потрясетъ громомъ страшнимъ кругъ неба широкой,
И пороки всемѣрно накажетъ жестоко:
Казнь Божая, кажутъ намъ, ходитъ на костыляхъ,
Но догонитъ, хоть бы билъ кто отъ ней въ сто миляхъ.

Не громкая моя бѣдна коляда,
Полно лежать въ селѣ, ступай въ города;
Не очень робѣй, хоть не съищешь брата,
Требуютъ того слѣдующи свята.
Ежели кто спроситъ: „что въ городъ погнало?“
Сказуй:—у селѣ користи мнѣ мало.—
Не Картезій философъ, не славній Виргилій,
Но селянинъ трудился въ неважномъ семъ дѣлѣ:
Ни умъ, ниже способность, но отъ самой скуки
Захотѣлъ писать сіе, перо взявши въ руки;

Кто я таковъ,—не пишу; така мнѣ примѣта:
Хотя не живъ чиновнимъ, не тягну до войта.

За сей пашколь, а не сатиру,
Наругательній всему міру,
Издателя висѣкти кнутомъ,
Въ справедливость прочимъ піитомъ;
Послѣ чрезъ ката предать огню,
Такой заплати достоинъ, мню.

Второе обличительное произведеніе имѣетъ также стихотворную форму и носитъ заглавіе: „Епитафія Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Черниговскому и Нѣжинскому Виктору". Оно, конечно, написано было въ годъ смерти этого архіерея, т. е. въ 1803 году. Авторъ его подписалъ свою фамилію—С. Крещеновскій. Изъ самаго стихотворенія видно, что это лицо было если не духовнаго званія, то, во всякомъ случаѣ, близкое къ духовной сферѣ. Произведеніе Крещеновскаго интересно тѣмъ, что оно раскрываетъ такую сторону дѣятельности и жизни Садковскаго, лица извѣстнаго въ исторіи малорусской іерархіи, о которой умалчивается въ другихъ источникахъ. Изъ источниковъ болѣе офиціальнаго характера (наприм. изъ Историко-статистическаго описанія черниговской епархіи Филарета, кн. 1 стр. 103 и изъ др.) извѣстно, что Викторъ Садковскій съ 1774 года, будучи игуменомъ Тупичевскимъ, служилъ при варшавскомъ посольствѣ, затѣмъ былъ намѣстникомъ кіевской митрополіи и вмѣстѣ съ тѣмъ архимандритомъ слуцкимъ и въ этомъ званіи, какъ завѣдывавшій многими церквами и монастырями польскаго королевства, далъ присягу на вѣрность королю и получилъ привиллегію. Но въ 1789 г., во время волненій въ провинціяхъ, населенныхъ малорусскимъ народомъ, заподозрѣнъ поляками въ возбужденіи православнаго населенія Польши противъ поляковъ и за это арестованъ и подвергнутъ тюремному заключенію. Послѣ второго раздѣла Польши, Садковскій наименованъ епископомъ минскимъ, а съ 1796 г. переведенъ въ Черниговъ, гдѣ „мирно почивъ 11 ноября 1803 года", погребенъ въ кафедральномъ ильинскомъ монастырѣ. Портретъ его украшается надписью: „Ар-

хіерея зришъ, который взятъ въ полонъ, премного пострадалъ за правду—свой законъ". Подобные факты, какъ страданіе за вѣру, хотя оно совершилось и не добровольно, а, такъ сказать, по долгу службы, и аттестація на портретѣ, могутъ подкупить историка въ пользу Виктора и побудятъ его составить лишь одно свѣтлое представленіе. Между тѣмъ обличительное произведеніе указываетъ на такую тѣневую сторону въ дѣятельности Садковскаго, которая значительно ослабляетъ обаяніе вышеприведенныхъ фактовъ. *) Въ предлагаемой эпитафіи Садковскій представляется лицомъ, довѣрявшимся во всемъ своимъ любимцамъ Юдѣ, или Юдицкому, докладчику Григорію и діякону Левонькѣ; эти лица заправляли ходомъ всѣхъ епархіальныхъ дѣлъ: по ихъ указанію, посвящалъ Садковскій священниковъ, назначалъ ихъ въ духовныя правленія и т. п., а его любимцы брали съ назначаемыхъ взятки. Священническія мѣста давались людямъ недостойнымъ, простымъ ремесленникамъ и т. п. Съ своими любимцами святитель ѣлъ, пилъ и упивался; они же, послѣ его смерти, захватили все его имущество, состоявшее въ разнородныхъ напиткахъ и дорогихъ матеріяхъ. Наконецъ, Садковскій обвиняется въ сѣченіи какого-то Камлыкова, вѣроятно, сначала тоже любимца его, непочтившаго надлежащимъ образомъ Юдицкаго; при чемъ замѣчается, что послѣдствіемъ истязанія была смерть Камлыкова.

---

*) О строгости пр. Виктора Садковскаго, точнѣе, его раздражительности и суровыхъ наказаніяхъ,—наслѣдія временъ прежнихъ, сохранилась изустныя преданія, не придающія однако его личности никакихъ другихъ темныхъ качествъ. Его довѣріе къ своимъ приближеннымъ и злоупотребленіе этихъ послѣднихъ—слишкомъ обыкновенное явленіе, встрѣчающееся и въ позднѣйшее время, при томъ не въ одной духовной сферѣ. Значеніе эпитафіи сильно ослабляется «посланіемъ Виктора съ того свѣта», тѣмъ же авторомъ составленнымъ. Предпочитаніе кандидатовъ священства простыхъ, но вѣрующихъ и благоговѣйныхъ, такъ называемымъ ученымъ, но маловѣрнымъ и заносчивымъ, указываетъ на какое-то странное направленіе тогдашней черниговской семинаріи, не дающей почему-то и въ настоящее время достаточнаго числа священниковъ для черниговской епархіи. Отвѣтъ Виктора аналогиченъ съ мнѣніемъ о семъ же предметѣ, не рѣдко проводимымъ въ современной печати. Оба произведенія неизвѣстнаго пасквилянта, былъ ли то консисторскій ярыжка, или семинаристъ, способный писать *pro* и *contra*, имѣютъ значеніе болѣе, какъ памятники вообще тогдашней особаго рода литературы. *Ред.*

Епитафія высокопреосвященнѣйшему архіепископу черниговскому и нѣжинскому Виктору.

Кава́леръ молодой и пожилой святитель
Се отлетѣлъ отъ насъ въ небесную обитель.
Востань, архіерей! востани, генералъ!
Се предстоитъ тебѣ Юдицкій совѣстьдралъ!
Онъ всѣ сокровища твои съ великой честью
Принесъ ужъ своему возлюбленному тестю,
Ключи съ печатью онъ отъ кладовыхъ твоихъ
Принесъ, чтобъ поручить другимъ съ рукъ въ руки ихъ.
Нѣтъ въ погребахъ вина, нѣтъ полпива въ бутылкахъ,
Ихъ отвезли туда-жъ, иль отнесли въ носилкахъ.
Атласъ, плисъ, бархатъ, штофъ, и съ водкою бадьи
Все вихремъ поднялось къ никольской попадьи.
Востань, архіерей! возьми ключи съ печатью
И будь Петромъ теперь, какъ Юда съ благодатью.
Послушай, что тебѣ на ухо говоритъ
Григорій, младый твой докладчикъ, фаворитъ:
„Востань, Архіерей! еще живи ты съ нами,
Еще не всѣхъ бродягъ мы сдѣлали попами,
Есть много конюховъ, портныхъ, чеботарей,
Которые могутъ служить у алтарей;
А богословамъ вить вездѣ мѣста открыты,
Они же могутъ быть и безъ поповства сыты....“
—Такъ любушки*), такъ, такъ! архіерей сказалъ
И въ исповѣди быть портному написалъ.
На завтра нашъ портной идетъ изъ церкви въ рясѣ,
А на предбудущъ день и чеботарь въ запасѣ,
И очередь давно ужъ конюху пришла,
А отъ Григорія ловушка не уйшла:
Портной далъ сто рублей, а конюхъ полтораста,
Сапожникъ приносилъ по пятдесятъ изчаста.
И такъ Григорію златой открылся вѣкъ,
Онъ полубогъ попамъ, не простый человѣкъ.
Какъ ѣдетъ въ дрожечкахъ, схватившись у боки,
Попы безъ шляпъ стоятъ, поклоны бьютъ глубоки,

*) Любимое выраженіе Садковскаго.

Но онъ летитъ, борзясь, какъ быстренькой соколъ,
И прилетѣлъ къ крыльцу, съ владыкой сѣлъ за столъ.
Тутъ вытянулъ пукалъ, и три, и пять до суха,
Сталъ такъ благовѣстить владыкѣ въ оба уха:
„Гаврило протопопъ, тотъ славный винокуръ,
Что часто возитъ къ намъ свиней, гусей и куръ,
Быть можетъ награжденъ палицей, скуфіею,
И въ дикастеріи за столъ сѣсть судіею".
И въ тотъ же самый часъ сей золотой оселъ,
Схвативъ всѣ почести, за столъ судейскій сѣлъ.
О, милые друзья, Григорій и Левонька!
Поймали Виктора за уши излегонька;
Такихъ чудъ не творилъ Илья и Елисей,
Какъ ради васъ творилъ владыка Викторъ сей.
Левонька, вспомни, какъ въ бѣдахъ ты былъ по уши,
Когда былъ на тебѣ чинокъ—полякъ, конюшій:
Когда пришлось тебѣ и съ кожею пропасть,
То ты умѣлъ свалить на Виктора напасть;
А Викторъ, чтобъ сіе скорѣй окончить дѣло,
Брякъ поляка тотчасъ въ діаконы на смѣло.
„О чудо веліе, кричитъ полякъ, на мнѣ:
Мнѣ быть діакономъ не снилось и во снѣ;
Что дѣлать мнѣ теперь, какъ надѣвать мнѣ ризу,
Откуду книгу честь—иль сверху или снизу?
Я выросъ въ римарствѣ, семъ ремеслѣ простомъ,
Къ чему-жъ годится мнѣ кадило со крестомъ?
Я знаю починять коляски и кареты,
И не могу входить въ церковные секреты.
Какой-же чортъ меня въ діаконы поджогъ?
О Юда, чтобъ тебя перуномъ побилъ Богъ!
Григорій! проклятъ ты съ Юдицкимъ буди, буди,
Вы сдѣлали мнѣ то, что не гожуся въ люди:
Теперь ни римарь я, ни конюхъ, ни полякъ,
А кто? Діаконъ?—Нѣтъ, изъ дураковъ дуракъ".
Ну! полно-же тебѣ, полякъ, сердиться столько;
Архіерейскихъ вить дѣтей бранить неловко:
Когда владыко самъ изволилъ ихъ женить,

Такъ смѣешь-ли ты ихъ злословить и бранить?
Владыко съ ними жилъ такъ, какъ живетъ братъ съ братомъ,
Любилъ ихъ какъ дѣтей, и былъ за ними сватомъ;
Они, бывало, съ нимъ и кушаютъ, и пьютъ,
Подъ пьяный вечерокъ, какъ по щекамъ не бьютъ,
Напали молодцы на пастыря святого,
Водили за носокъ, какъ старика слѣпого.
О Викторе! взгляни ты на своихъ дѣтей:
Они слезятъ, что ты ушелъ изъ ихъ когтей;
Когда-бъ пожилъ еще годокъ ты съ половиной,
Изъ благодарности они къ тебѣ единой
Женили-бъ и тебя, какъ оженилъ ты ихъ.
Они-бъ были сваты, а ты бы былъ женихъ!
Но видно, Камлыковъ на томъ заплакалъ свѣтѣ,
Что ты его въ своемъ сѣкъ больно кабинетѣ.
Не правда-ль, Камлыковъ, не правда-ль, милой другъ,
Что розокъ триста тамъ тебѣ всыпали вдругъ?
За что, скажи, за что? Иль говорить я буду:
За то, что не почтилъ проклятого Іуду,
За то ты сѣченъ былъ, за то ты пострадалъ,
Былъ въ ссилкѣ полгода и Богу духъ отдалъ.
Такъ, видно, Камлыковъ челомъ ударилъ Богу,
Богъ не стерпѣлъ—послалъ за Викторомъ смерть строгу;
Смерть повлекла его тотчасъ въ извѣстный путь,
Не разсмотрѣвъ, свою чѣмъ онъ украсилъ грудь.
Но гдѣ посадитъ Богъ его послѣ суда?
Пождите, Камлыковъ дастъ скоро знать сюда!..

Посланіе Виктора съ того свѣта.

Писатель молодой и стихотворецъ дерзкой,
Ты изострилъ на смерть мою языкъ свой мерзкой!
Почто коснулся ты умерша старика?
Я былъ тебѣ отецъ, моя тебя рука
Отъ бѣдъ избавила и вытащила съ грязи,
Устроила тебѣ, что ты живешь со съ князи.
Такъ ты благодаришь за хлѣбъ мою и соль?
Надъ мертвымъ сынъ отцомъ таку играетъ роль!

Непрощенны твои да будутъ наглы кости,
Что мертвыхъ ты костей съ одной коснулся злости!
Въ чемъ только погрѣшилъ я—Богу далъ отвѣтъ;
Я грѣшникъ не одинъ, во злѣ лежитъ весь свѣтъ.
Что не ученыхъ я большъ постригалъ попами,
Тому ученые причиною вить сами.
„Я не хочу попомъ, рече ко мнѣ, студентъ,
Вели дать аттестатъ—быть льщусь юриспрудентъ.
Какъ мнѣ за похоронъ пирогъ брать, паляницу?
Я чистый дворянинъ, поѣду я въ столицу;
Не лучше-ль быть мнѣ тамъ хотя-бъ секретаремъ,
Чѣмъ тутъ на поминкахъ сидѣть съ пономаремъ“?
Итакъ учены всѣ разсѣялись по свѣту,
Кому-же въ церкви пѣть и въ ризу быть одѣту?
Послушай, мой сынокъ, что я тебѣ скажу:
Лишь только простяка я рукоположу,
Мнѣ въ защищеніе сіи слова годятся:
Богъ буія избра, да мудри постыдятся.
Апостолы тогда не книжные были,
На рыбу волоки и постолы плели,
Однако-жъ мудрецовъ подъ ноги покорили
И дивныя дѣла одни они творили.
Въ простѣйшихъ Богъ живетъ воистину сердцахъ;
Некнижные въ себѣ имѣютъ Божій страхъ,
Со трепетомъ они всѣ въ церкви поступаютъ,
И хульныхъ никакихъ блеять словъ не дерзаютъ.
Учены кракаютъ: на свѣтѣ Бога нѣтъ—
Ну? какъ-же таковымъ въ церквахъ священныхъ пѣть?
Напрасно ты бранишь моихъ питомцевъ смѣло:
Въ имѣніи моемъ твое какое дѣло?
Кто мнѣ усерденъ былъ и жизнь мою хранилъ,
Тому я отъ любви свое все подарилъ;
Родни нѣтъ у меня, родня моя Юдицкій,
Оставилъ я ему, что въ домѣ есть пожитки.
Когда Григорію рублей десятковъ пять
Отъ чести кто дарилъ, скажи, кто виноватъ?
У свѣтскихъ большъ даютъ,—и то считаютъ жарты,

Когда прокидаютъ за ночь ста два у карты;
Оставь-же, юноша, шутить со старикомъ.
Совѣтъ мой: не пиши худенькихъ словъ нишкомъ,
Себя знай самого, о сотворенномъ кайся,
И къ мертвымъ болѣе уже не прикасайся.

Приведенный отвѣтъ Виктора съ того свѣта подписанъ буквами С. К., слѣдовательно, принадлежитъ тому-же автору, что и эпитафія.

Третье обличеніе написано прозой. Внѣшняя форма его—объявленіе о продажѣ новыхъ книгъ, будто-бы сочиненныхъ обличаемыми лицами. Эта форма придумана въ первый разъ не авторомъ настоящаго обличенія; онъ заимствовалъ ее у другихъ. Что подобныя-же формы обличенія существовали раньше, видно изъ указа сената отъ 24 января 1765 года, которымъ предписывалось „о сожженіи разсѣянныхъ въ Москвѣ, подъ именемъ нѣкоторыхъ ругательныхъ сочиненій, состоящихъ въ каталогахъ на французскомъ и россійскомъ языкахъ, пасквилей, какъ чтенію недостойныхъ, публично, на площади, чрезъ палача". Наше обличеніе, или, вѣрнѣе сказать, пасквиль, написано въ Черниговѣ не позже тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Авторъ его не извѣстенъ; но можно предполагать, что имъ былъ Грембецкій, писавшій въ то время стихи, которые были распространены въ Черниговѣ и попадаются въ томъ самомъ сборникѣ, изъ котораго заимствовано настоящее обличеніе. По содержанію своему это произведеніе представляетъ обличеніе цѣлаго сонма административныхъ и частныхъ лицъ г. Чернигова,—первыхъ въ разнаго рода злоупотребленіяхъ, вторыхъ въ личныхъ недостаткахъ и порокахъ.

Объявленіе.

Безъ дозволенія начальства, въ Черниговѣ продаются новыя книги:

I.

1) Уроки строгости, самое обширное сочиненіе, съ разными новоизобрѣтенными способами, изданіе 16-е, сочиненіе Г. П. Милорадовича.

2) Опытъ супружескаго согласія, вѣрности и примѣрнаго благоразумія, съ разными картинами; сочиненіе С. Г. М.

3) Курсъ скораго обогащенія, сочиненіе совѣтника Ивана Павловича Масловича.

4) Продается совѣсть и честь за самую сходную цѣну. Спросить въ домѣ совѣтника Павла Фил. Боголюбова.

5) Езопъ девятаго на десять вѣку. Спросить Ивана Яковлевича Лизогуба.

6) Уголовное право, на изнанку вывороченное. Спросить у президента перваго департамента.

7) Школа злословія, старинное изданіе; сочиненіе Аграфены Племянниковой, урожденной Дурасовой.

8) Опытъ любви или воинъ селадонъ, сочиненіе полковника Зыбина.

9) Сочиненіе Телемахиды; сіе сочиненіе само по себѣ удивительно, какъ и обширностію сочинительницы, Настасіи Петровны Бутовичевой; раздается оное безденежно и каждодневно.

10) Карточный игрокъ, совершенно знающій карточную игру, ищетъ себѣ занятія; объ немъ спросить въ домѣ вдовы Стоинской.

II.

1) Продается чистая книга, въ которой можно писать, что угодно; спросить у префекта черниговской губерніи.

2) Школа кокетства, по которой въ краткое время можно получить большіе успѣхи; сочиненіе Маріи Кузьминишны Должиковой.

3) Законы и права разнаго званія людей, у Дубровы продаются и въ наймы отдаются.

4) Необходимо нуженъ человѣкъ, который-бы взялся на десять лѣтъ поставлять бѣлилы и румяны цѣлыми обозами; благоволятъ явиться для торгу въ домъ Варвары Шафонской.

5) Нуженъ женихъ не свыше 69 лѣтъ, не дальняго ума, какой-бы наружности и происхожденія ни былъ, только-бы имѣлъ большое богатство; благоволитъ явиться въ домъ Маркова.

Желающіе познакомиться съ издателемъ сего объявленія могутъ найти меня, отъ 10-ти до 3-хъ часовъ, на Казанской большой площади, близь церкви сего-же наименованія, подъ четырнадцатымъ столбомъ, по правую руку.

Приведенныя обличительныя произведенія указываютъ на существованіе у насъ издавна рукописной обличительной литературы,

которая вызывалась, съ одной стороны, господствомъ безнаказаннаго произвола въ средѣ правящихъ классовъ, съ другой стороны, потребностью, хотя письменно, оглашать передъ обществомъ этотъ произволъ, проявлявшійся въ различныхъ формахъ. Правда, въ произведеніяхъ этого рода иногда обличалось то, что, по современнымъ понятіямъ, не подлежитъ обличенію и суду общества, т. е. частная жизнь, какъ общественныхъ дѣятелей, такъ и частныхъ лицъ, и даже поведеніе женщинъ, стоявшихъ совершенно вдали отъ всякаго рода общественной дѣятельности. Но, съ какимъ-бы направленіемъ ни являлись эти рукописныя обличенія, они, во всякомъ случаѣ, имѣютъ большое значеніе для исторіи общества, такъ какъ, замѣняя собой современную гласность, они могутъ служить интереснымъ матеріаломъ для характеристики нравовъ, воззрѣній и потребностей всего стариннаго общества, въ томъ числѣ и самихъ обличителей. Въ виду указаннаго значенія подобныхъ произведеній, желательно, чтобы на собираніе ихъ было обращено вниманіе лицъ, интересующихся прошлымъ нашей родины.

П. Ефименко.

Библіографія.

Матеріалы для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи. Церкви и приходы XVIII ст. Вып. 1-й. Екатеринославъ. 1880. 8°. 573 стр.

Среди южной Россіи екатеринославская губернія представляетъ собою *мѣста новыя*, на которыхъ гражданская жизнь начинается лишь съ прошлаго вѣка. До того, вся территорія этой губерніи состояла почти исключительно, по выраженію старинныхъ актовъ, изъ „яловыхъ полей", которыхъ хозяевами считались запорожскіе козаки и крымскіе татары. И тѣ и другіе не знали границъ своихъ владѣній, потому что при отсутствіи населенія и знать ихъ было незачѣмъ. Еще въ началѣ XVIII в. случалось, что во время мирныхъ отношеній между запорожцами и татарами, послѣдніе безпрепятственно кочевали съ своими табунами по южному берегу Орели, т. е. около границы настоящей полтавской губерніи; и запорожцы имъ въ этомъ не мѣшали, потому что степныхъ пастбищъ ужъ слишкомъ было много сравнительно съ потребностью населенія.

Заселеніе этихъ степей начато было запорожцами, которые съ начала XVIII в. стали устраивать, по берегамъ рѣчекъ, свои „зимовники", служившіе первоначально пристанищемъ въ зимнее время для табуновъ. Изъ зимовниковъ современемъ стали возникать „слободы", когда тѣснимое державцами малороссійское крестьянство не находило уже болѣе свободныхъ отъ „панскаго начала" мѣстъ въ гетманщинѣ. Тогда изъ послѣдней народъ сталъ двигаться за Орель, какъ говорилось—въ Запорожье. Но это движеніе было не велико: какъ ни заманчивы были запорожскія слободы, по отсутствію въ нихъ всякаго „панскаго начала",

но жизнь въ этихъ слободахъ подвергалась постоянной опасности отъ татарскихъ грабежей.

Дѣйствительное заселеніе запорожскихъ степей началось послѣ уничтоженія Запорожья (1775 г.), когда правительство стало раздавать здѣсь земли разнымъ служебнымъ людямъ „въ ранговую дачу и по чину особо". Земли раздавались подъ условіемъ немедленнаго заселенія полученнаго участка „народомъ семейнымъ и осѣдлымъ, вольнымъ и свободнымъ, изъ мѣстъ дозволенныхъ и незапрещенныхъ". Получивъ земли, владѣльцы „осаживали слободы", зазывая къ себѣ поселенцевъ обѣщаніемъ разныхъ льготъ. Недостатка въ охотникахъ къ заселенію слободъ не было, крестьяне со всѣхъ сторонъ въ массѣ надвинулись въ эти слободы, разсчитывая найти здѣсь въ дѣйствительности тѣ льготы, въ обѣщаніи которыхъ конечно не скупились новые земельные собственники. Какъ только въ слободѣ поселялось нѣсколько десятковъ хатъ, собственникъ ея спѣшилъ устройствомъ церкви, такъ какъ при существованіи послѣдней, народъ селился въ слободѣ охотнѣе. Въ 1779 г. новороссійской губернской канцеляріи чиновникъ, губернскій секретарь Петръ Папчинскій получилъ себѣ въ ранговую дачу участокъ земли въ нѣсколько тысячъ десятинъ. Черезъ три года на этомъ участкѣ явилась уже слобода и въ началѣ 1782 г. Папчинскій писалъ въ славянское духовное правленіе: „по отдаленности слободы моей Петровской, состоящей саксаганскаго уѣзда на рѣчкѣ Мокрой-Сурѣ, отъ всѣхъ таковыхъ мѣстъ, гдѣ имѣются церкви (ибо самое ближайшее къ оной село Карнаухóвка разстояніемъ до 35-ти верстъ), дабы отвлечь нужду въ полученіи христіанскихъ требъ поселеннымъ въ оной людямъ, кои, будучи недавно выведены изъ Польши [1]) и другихъ позволенныхъ мѣстъ, не успѣли еще и нужнымъ домостроительствомъ обзавестись, возымѣлъ я намѣреніе своимъ коштомъ состроить въ той моей слободѣ деревянную церковь во имя св. ап. Петра и Павла, для которой лѣсные матеріалы всѣ уже въ заготовленіи, а также нѣкоторыя церковныя книги и священническія облаченія имѣются; для священника жъ съ церковнослужителями 120 десятинъ земли отмежевано, на которую и планъ въ надлежащее время представить имѣю. Въ той же слободѣ моей состоитъ нынѣ дѣйствительно въ поселеніи 47

---

[1]) Здѣсь подъ Польшей разумѣется теперешній юго-западный край Россіи.

дворовъ, да и впредь поселеньемъ людей пріумножить число оныхъ я намѣренъ; а сверхъ того, въ окружности моей слободы поселяются слободцы—отст. ротм. Бучинскаго, л.-гв. преображ. полка сержанта Ушакова, кинбургскаго драг. полка премієръ-маіора Тутолмина, капитана Верменки, подпоруч. Сахновскаго и прочихъ помѣщиковъ, жители которыхъ могутъ безнужно отъ сей мною къ постройкѣ намѣреваемой церкви христіанскія требы получать; въ тѣхъ-же всѣхъ слободахъ въ поселеніи состоитъ кромѣ людей, до 100 дворовъ". Осенью 1784 г. церковь въ слободѣ Петровской была готова, а въ февралѣ слѣдующаго и освящена. Такъ быстро селились и устраивались и другія слободы.

Какъ ни щедро производилась раздача запорожскихъ степей, но свободныхъ земель все еще оставалось много. И на этихъ земляхъ селились слободы, безъ всякаго съ чьей-либо стороны разрѣшенія. Мѣстами для поселенія этихъ вольныхъ слободъ служили большею частью прежніе запорожскіе зимовники. Впослѣдствіи слободы эти объявлены были „государственными казенными слободами". Впрочемъ государственныя слободы селились и по распоряженію самаго правительства. Особенное стараніе о поселеніи ихъ прилагалъ азовскій губернаторъ Чертковъ, который болѣе другихъ потрудился въ дѣлѣ гражданскаго устроенія теперешней екатеринославской губерніи.

Первый выпускъ „Матеріаловъ" заключаетъ въ себѣ очерки возникновенія населенныхъ мѣстностей четырехъ уѣздовъ: екатеринославскаго, верхнеднѣпровскаго, новомосковскаго и павлоградскаго. Такъ какъ „Матеріалы" извлечены почти исключительно изъ консисторскихъ архивовъ, то помѣщенные въ нихъ очерки касаются преимущественно свѣдѣній о времени построенія въ слободахъ церквей. Другія свѣдѣнія о слободахъ очень коротки и состоятъ большею частью изъ общихъ мѣстъ. Неизвѣстный авторъ „Матеріаловъ" жалуется на бѣдность мѣстныхъ архивовъ, сообщая при этомъ слѣдующія не безъинтересныя свѣдѣнія о ихъ судьбѣ: „изъ разсмотрѣнныхъ и прочитанныхъ нами старинныхъ дѣлъ въ архивахъ консисторскомъ, древняго самарскаго монастыря и архіерейскаго дома ясно видимъ, что, по учрежденіи и открытіи, въ 1775 году, екатеринославской епархіи, подъ названіемъ Славенской и Херсонской, въ полтавскій крестовоздвиженскій монастырь, въ которомъ первоначально помѣщались каѳедра и епархіальная консисторія екатеринославскихъ епископовъ, въ теченіи 1776—78 гг., разновременно, при проме-

моріяхъ, съ подробными описями доставлены были изъ консисторій—кіевской и переяславской, воронежской и бѣлгородской—всѣ дѣла, справки и свѣдѣнія о всѣхъ тѣхъ поселенныхъ мѣстностяхъ и православныхъ приходахъ, кои, по географическому положенію своему, вошли въ первоначальныя границы новой екатеринославской епархіи. Но съ одной стороны, вслѣдствіе перенесенія екатеринославской епархіальной каѳедры, въ началѣ 1798 г., въ г. Новомиргородъ, а въ 1804 году — въ Екатеринославъ, многія изъ консисторскихъ епархіальныхъ дѣлъ, офиціальныхъ справокъ и документальныхъ свѣдѣній, при перевозкѣ ихъ изъ Полтавы въ Новомиргородъ и изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ, пропали, исчезли и улетучились безслѣдно; составленная въ Екатеринославѣ, въ 1807 г., по сему случаю комисія ни къ чему не привела: виновниковъ растраты не указала, потерянныхъ бумагъ не отыскала и даже слѣдовъ преступленія не нашла. А съ другой стороны, по отдѣленіи изъ обширнѣйшей, по пространству своихъ предѣловъ, екатеринославской епархіи и по образованіи, въ сосѣдствѣ съ нею, новыхъ самостоятельныхъ епархій,—въ 1795 г. подольской и брацлавской, въ 1799 г. слободско-украинской и харьковской, въ 1803 г. полтавской и переяславской, въ 1813 г. кишиневской и хотинской и въ 1837 г. херсонской и таврической,—всѣ дѣловыя бумаги и письменные документы, касавшіеся мѣстностей, отъ екатеринославской епархіи отошедшихъ въ предѣлы новоучрежденныхъ епархій, разновременно переданы и отправлены изъ екатеринославской консисторіи въ консисторіи новыхъ епархій.

Наконецъ пресловутое Запорожье и новороссійскій край собою, своею судьбою и положеніемъ своихъ жителей, нѣкогда интересовали многихъ и привлекли къ себѣ вниманіе любителей русской старины. Было время, 1830—1840 годы, когда не только мѣстные антикваріи терпѣливо рылись въ пыли екатеринославскихъ архивовъ и извлекали оттуда интересныя и любопытныя свѣдѣнія о русской старинѣ, но пріѣзжали въ Екатеринославъ даже изъ далекихъ мѣстъ любознательные изыскатели древностей, долго жили здѣсь, внимательно разбирали архивы и уѣзжали отсюда съ большими запасами и пріобрѣтеніями. При разборѣ бумагъ екатеринославскихъ архивовъ—консисторскаго, архіерейскаго дома и самарскаго монастыря — ясно видно, что бумаги эти, перемѣшанныя и перебитыя, были уже во многихъ рукахъ и потерпѣли не малую убыль: на многихъ бумагахъ раз-

ныхъ годовъ и различныхъ связокъ имѣются помѣтки разныхъ рукъ со многими замѣчаніями, соображеніями и указаніями; во многихъ дѣлахъ, по существу своему весьма интересныхъ, вырваны цѣлыя бумаги, въ нѣкоторыхъ связкахъ нѣтъ полныхъ, цѣликомъ дѣлъ. Не удивительно послѣ сего, что въ мѣстныхъ архивахъ мы не находимъ обстоятельныхъ свѣдѣній о древнихъ знаменитыхъ и славныхъ въ Запорожьѣ городахъ, какъ наприм. Старая Самара, Старый Койдакъ, Романково и проч.

Такимъ образомъ краткость историческихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ „Матеріалахъ", объясняется тѣмъ небреженіемъ, въ какомъ издавна находятся наши провинціальные архивы. Не смотря однакожъ на эту краткость, „Матеріалы" представляютъ не мало интересныхъ свѣдѣній для исторіи колонизаціи и гражданскаго устроенія южной Россіи. Вообще дѣло разработки южнорусской церковной старины подвигается довольно успѣшно. Мы имѣемъ классическое описаніе харьковской епархіи, принадлежащее архіепископу Филарету (Гумилевскому), который напечаталъ въ этой книгѣ массу историческихъ документовъ, извлеченныхъ изъ мѣстныхъ архивовъ. Другое описаніе—черниговской епархіи хотя принадлежитъ тому-же автору, но далеко уступаетъ первому какъ по краткости сообщаемыхъ свѣдѣній, такъ и по тѣмъ поспѣшнымъ выводамъ, которыми оно наполнено. Одна только полтавская епархія хранитъ до сихъ поръ глубокое молчаніе о своихъ минувшихъ судьбахъ. Даже такой извѣстный монастырь, какъ мгарскій (около Лубенъ), куда ежегодно приходитъ множество народа на поклоненіе мощамъ Аѳанасія сидящаго, по настоящее время не имѣетъ описанія. Книга Арандаренко, которой давно уже нельзя найти въ продажѣ, и отрывочныя статьи Максимовича—продолжаютъ оставаться единственными источниками для знакомства съ стариною полтавской епархіи.

Описаніе рукописей виленской публичной библіотеки, церковно-славянскихъ и русскихъ. Составилъ Ф. Добрянскій. Вильна. 1882.

Въ послѣдніе годы начинаютъ мало по малу появляться описанія рукописныхъ коллекцій, находящихся въ юго-западной Россіи. Доселѣ извѣстны были слѣдующія описанія мѣстныхъ коллекцій рукописей: 1) Описаніе рукописей церковно археологическаго

музея при кіевской дух. академіи, Н. Петрова, въ трехъ выпускахъ. Кіевъ 1875—1879 гг. 2) Описаніе рукописей черниговской дух. семинаріи, Лилѣева. С.-Петербургъ. 1880 г., и 3) Описаніе рукописей почаевской лавры, хранящихся въ библіотекѣ музея при кіевской дух. академіи, В. Березина. Кіевъ. 1881 г. Къ этимъ описаніямъ присоединилось въ настоящемъ году озаглавленное выше описаніе, представляющее значительный интересъ.

Въ рукописномъ отдѣленіи виленской публичной библіотеки, кромѣ документовъ историческаго и юридическаго содержанія, на языкахъ русскомъ, латинскомъ и польскомъ, находится въ настоящее время значительное количество рукописныхъ книгъ собственно литературнаго содержанія. Рукописи послѣдняго рода раздѣляются на два главные отдѣла: а) на рукописи иностранныя и б) рукописи церковно-славянскія и русскія. Второй изъ этихъ отдѣловъ и составляетъ собственно предметъ разсматриваемаго описанія.

Начало собиранія рукописей при виленской публичной библіотекѣ положено въ 1856 году, когда графомъ Е. П. Тышкевичемъ былъ основанъ музей древностей и при немъ образована Археологическая Коммисія. Въ отчетѣ музея за 1856 годъ показано уже 538 рукописей и 2077 древнихъ грамотъ, актовъ и автографовъ. Но послѣ преобразованія музея въ 1865 году и послѣ перехода управленія въ руки русскихъ людей, нѣкоторыхъ рукописей изъ числа 538, показанныхъ въ отчетѣ, не оказалось, а рукописей на церковно-славянскомъ языкѣ не было никакихъ. Собраніе собственно церковно-славянскихъ рукописей началось послѣ основанія въ 1865 году виленской публичной библіотеки и поддерживалось попечителями виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловымъ, П. Н. Батюшковымъ и особенно Н. А. Сергіевскимъ. При первомъ изъ нихъ поступило въ рукописное отдѣленіе библіотеки 80 церковно-славянскихъ рукописей, изъ которыхъ большая половина (45) доставлена гг. Рачинскимъ и Соколовымъ. По почину П. Н. Батюшкова составленъ и изданъ въ 1871 г. въ Вильнѣ г. Гильтебрандомъ первый выпускъ „Перечневой описи рукописей виленской публичной библіотеки", въ которомъ описано 82 церковно-славянскія рукописи. Всѣ остальныя церковно-славянскія и русскія рукописи библіотеки, коихъ число доходитъ нынѣ до 329, поступили сюда уже при Н. А. Сергіевскомъ изъ литовской духовной семинаріи, наслѣдовавшей эти рукописи отъ жировицкаго монастыря, изъ супрасльскаго и витебскаго марковскаго монастырей и отъ част-

ныхъ лицъ. Къ сожалѣнію, монастырскія рукописныя библіотеки, составляющія нынѣ главный фондъ рукописнаго отдѣленія виленской публичной библіотеки, еще до передачи ихъ сюда утратили многое изъ своихъ древностей. Особенно это нужно сказать о библіотекѣ супрасльскаго монастыря, на которую наложилъ свою руку извѣстный ученый каноникъ Бобровскій, бывшій профессоръ виленскаго университета. Благодаря его безпечности, потеряна для Вильны и лицевая пергаменная псалтирь 1397 года, принадлежавшая виленской свято-николаевской церкви и взятая Бобровскимъ для изученія и научнаго описанія. Но эта рукопись не погибла совершенно, какъ думаетъ, по видимому, составитель описанія, и находится въ настоящее время въ Варшавѣ, въ библіотекѣ графовъ Замойскихъ[1]).

Всѣ поступившія въ виленскую публичную библіотеку рукописи описателемъ ихъ раздѣлены на слѣдующіе разряды: 1) рукописи на пергаменѣ, 2) тексты св. писанія, 3) творенія св. отцовъ, 4) исторія, 5) богослуженіе, 6) смѣсь, и 7) рукописи на русскомъ языкѣ.

Между пергаменными рукописями библіотеки цѣльныхъ всего только три номера: мстижское евангеліе XIV в., бесѣды Григорія Двоеслова XIV в. и тріодь XV в.; остальные же 16 номеровъ—отрывки и между ними извѣстный отрывокъ изъ туровскаго евангелія XI вѣка. Изъ нихъ заслуживаетъ вниманія отрывокъ изъ сборника XVI в., подъ № 6-мъ, заключающій слово Иринея, епископа Палиньскаго (Ліонскаго?), рѣдко встрѣчаемое между славянскими рукописями.

Разрядъ текстовъ св. писанія заключаетъ 33 номера. Въ нихъ переводъ библіи, особенно книгъ ветхозавѣтныхъ, примыкаетъ къ семьѣ переводовъ западно-русскихъ, сдѣланныхъ съ вульгаты. Языкъ большинства этихъ книгъ—языкъ бѣлорусскій, Скорининскій, съ немалыми, впрочемъ, отличіями отъ печатнаго изданія переводовъ Скорины. Между рукописями книгъ ветхозавѣтныхъ сохранился также переводъ псалтири Скорины съ его предисловіемъ. Печатный экземпляръ пражскаго изданія этой книги, по свидѣтельству г. Каратаева, не дошелъ до насъ, что придаетъ особенную важность этой рукописи. Книги новозавѣтныя, особенно дре-

---

[1]) См. рефератъ г. Скамборовича о рукописной псалтири XIV в. въ трудахъ III археологическаго съѣзда въ Россіи. Кіевъ, 1878 г., т. II, стр. 147—150.

внѣйшія евангелія, носятъ слѣды болгарскаго происхожденія, въ позднѣйшихъ же замѣчаются слѣды вліянія западно-русскаго нарѣчія.

Въ отдѣлѣ „Твореній св. отцевъ" (20 №№) помѣщены творенія Василія Великаго, Григорія Богослова 16 словъ, съ толкованіями Никиты Ираклійскаго, Григорія Двоеслова, Григорія Синаита, аввы Дороѳея, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Іоанна Златоустаго, Кирилла Іерусалимскаго, Симеона Богослова и др. Большею частію рукописи этого отдѣла писаны еще до введенія уніи и поэтому, происходя изъ одного источника съ восточно—и южно-русскими рукописями того-же рода, въ сравненіи съ ними не представляютъ никакихъ отличій.

Гораздо своеобразнѣе отдѣлъ исторіи (39 №№), къ которому отнесены хронографы, палеи, четь-минеи и прологи, патерики, помянники и проч. Изъ нихъ нѣкоторые имѣютъ мѣстный историческій характеръ, а другіе носятъ на себѣ слѣды западнаго вліянія. Въ сборникѣ XVI в. (№ 103), къ похвальному слову Златоустаго на Зачатіе пресв. Богородицы, 9 декабря, сдѣлана замѣчательная прибавка, съ перечисленіемъ христіанскихъ народовъ: „Поистинѣ-бо, святая, кто тебе не славитъ? кто-ли не хвалитъ и молитъ? роцими-ли (римляне), или грецы, или болгаре, или роусь—новое Твое стадо, или римяне иовазноу (?) и веризи и алани, перси-же и переи, индии, еѳіопи, алмази ж и испруци, серпи (сербы) же, тарвати (харваты), самъ-же и искири, оуандили и евипиди (вандалы и гепиды), пач варди и власи, сарди-же и внятцы (венеціане), маравляне и различни словени, чуди-же и ѳилни (финны) и ини мнози языци" (стр. 216). Въ хронографѣ подъ № 109 есть, между прочимъ, не встрѣчающаяся въ другихъ хронографахъ статья о нѣкоемъ Совіи или объ обычаѣ литовцевъ сожигать тѣла умершихъ (стр. 249—250). Въ Четь-Минеѣ XVII в., подъ № 80-мъ, въ концѣ житія Кирилла философа, учителя славянскаго, читаемъ слѣдующую позднѣйшую прибавку: „потомъ, минувшимъ многимъ лѣтомъ, пришедъ Войтѣхъ, бискупъ латынскій у Муравъ и въ чехи и въ ляхи, вѣру русскую, науку и писмо отверже, латынскую ж вѣру и грамоту устави, а правовѣрные епископы и попы изсѣче, а иныхъ разогна, и иде у прускую землю, хотя ихъ у свою вѣру привести, и тамо вбіенъ бысть" (стр. 122). Въ помянникѣ или синодикѣ 1631 г., представляющемъ копію съ древняго пергаменнаго супрасльскаго помянника, дополненную позднѣйшими памятями, перечисляются

кіевскіе митрополиты, съ обозначеніемъ фамилій ихъ и годовъ кончины, а также епископы и различные паны (№ 89). Въ другомъ жировицкомъ помянникѣ XVIII вѣка (№ 91), послѣ поминовенія именъ усопшихъ, приложены аннотаціи или примѣчанія къ нимъ, съ историческими свѣдѣніями о поминаемыхъ лицахъ. Изъ этихъ аннотацій мы узнаемъ, напр., что уніатскій митрополитъ Іосифъ-Вельяминъ-Рутскій происходилъ „отъ родителей еретиковъ, которые незадолго передъ тѣмъ переселились изъ Москвы", что холмскій уніатскій епископъ Александръ-Августинъ Лодзяла будто-бы отравленъ былъ въ 1691 году „схизматиками черезъ одного монаха кіевскаго" и проч. (стр. 189—190). Въ нѣкоторыхъ анонимныхъ и псевдонимныхъ поученіяхъ есть довольно рѣзкія обличенія нравственнаго упадка высшаго духовенства передъ началомъ уніи и въ первые ея годы. „И въ насъ ставятъ митрополита по своей воли, а не по правиломъ св. отець; вчера съ псы по полю за заецомъ, а нынѣ святительская свершаеть, а не тако, какъ св. Василіе говоритъ: „дондеже вся степени священническія пройдетъ, тогда святитель бываетъ" (стр. 254). Въ другой рукописи дѣлается такое сопоставленіе древняго духовенства съ новымъ: „они (т. е. древніе) сильни словомъ и дѣломъ, сіи-же имѣніемъ и скотомъ и коньми и стады, селами и повары и красными трапезами, сластолюбія яденіемъ и питіемъ исполненны, и о сихъ точію днію и нощію бесѣдующе, а о словеснѣмъ стадѣ безсловесни суть, о немъ же имутъ слово воздати въ день онъ великій судный. Аще-ли кто вопрошаетъ ихъ о книгахъ, то отвѣщаютъ глаголюще: убози есмы, не имамы чимъ книгъ стяжати. Ходятъ же не яко убози, но ризы носяще свѣтлы и блещащеся, разширяюще воскрылія, или-же яко у телцовъ, иже на заколеніе упитанныхъ; ученикъ много, паче же поваровъ и поводящихъ множество, а другаи-же студъ и глаголати, отъ многаго богатства окупники пріобрѣтоша извѣтомъ роботствія" (стр. 243). Много есть также въ историческомъ отдѣлѣ памятниковъ литературныхъ и историческихъ мѣстнаго происхожденія, какъ-то: житіе преподобной Евфросиніи полоцкой, страданіе литовскихъ мучениковъ — Іоанна, Антонія и Евстафія, слова Григорія Цимвлака и проч. Между послѣдними особеннаго вниманія заслуживаетъ „Григорія, архіепископа кіевскаго и всея Руси, слово похвалное иже у Фролентіи и у Костентіи собору галатомъ, италомъ и римляномъ и всѣмъ галатомъ" (стр. 226). Наконецъ, особую категорію повѣствовательно — историческихъ

сочиненій въ этомъ отдѣлѣ составляютъ сочиненія западнаго, католическаго происхожденія. Есть здѣсь хронографъ XVII в., особаго состава, въ которомъ заключаются свѣдѣнія о событіяхъ изъ исторіи разныхъ государствъ западной Европы и о папахъ, бывшихъ въ Римѣ (№ 110). Западный римско-католическій элементъ во времена уніи проникалъ замѣтно въ Четь-Минеи, прологи, патерики и т. п. Въ Четь-Минеяхъ (№ 81—82), писанныхъ въ XVII в. на бѣлорусскомъ нарѣчіи, есть много памятей католическихъ святыхъ, со сказаніями объ ихъ жизни, напр. „Мука пахоляти св. Семеона преденскаго (тридентскаго)", Іуара аквитанскаго, Авита вердюнскаго. Рукописный сборникъ XVII вѣка (№ 107) очень похожъ по своему составу на legenda aurea Іакова де-Варашне, speculum exemplorum и тому подобные католическіе сборники чудесъ и, вмѣстѣ со сказаніями восточныхъ патериковъ и собесѣдованій Григорія Двоеслова о жизни италійскихъ подвижниковъ, заключаетъ въ себѣ легендарные разсказы въ католическомъ духѣ, напр. разсказъ о чудѣ въ Бононіи и разсказъ какого-то монаха о хожденіи его въ „пекло" и о видѣнныхъ имъ тамъ мукахъ.

Отдѣлъ богослужебныхъ книгъ виленской публичной библіотеки, самый обширный по числу рукописей (121 №), вмѣстѣ съ тѣмъ есть одинъ изъ самыхъ характеристичныхъ. Большая часть богослужебныхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ догматическую и обрядовую сторону исповѣданія, имѣетъ совершенно особенный мѣстный характеръ сравнительно съ такими же книгами восточной Руси. Въ этихъ книгахъ мы встрѣчаемся съ молитвами, обрядами и цѣлыми службами, частью цѣликомъ заимствованными изъ латинскихъ богослужебныхъ книгъ, частію передѣланными и измѣненными сообразно съ требованіями римско-католической церкви и, впослѣдствіи, уніи. Кромѣ службъ и обрядовъ, въ церковное чествованіе внесено также много святыхъ римской церкви, не признаваемыхъ греко-восточною церковію. Въ этомъ отношеніи рукописи виленской библіотеки представляютъ богатый матеріалъ для изученія тѣхъ особенностей и перемѣнъ, которыя во время уніи постепенно были вводимы въ богослуженіе православной церкви, и значительно могутъ восполнить тѣ свѣдѣнія о состояніи уніатскаго богослуженія, какія мы имѣемъ въ книгѣ свящ. А. Ѳ. Хойнацкаго: „Западно-русская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ. Кіевъ, 1871". Изъ отдѣльныхъ рукописей этого отдѣла заслуживаютъ вниманія нѣкоторые нотные ирмо-

логіи, въ которыхъ встрѣчаются пѣсни и гимны, принадлежащіе болѣе западной церкви, чѣмъ восточной. Гимнъ Амвросія Медіоланскаго „Тебе Бога хвалимъ", вошедшій въ наши богослужебныя книги сравнительно въ недавнее время, находится въ большинствѣ ирмологіевъ виленской библіотеки. Въ нѣкоторыхъ попадаются и такіе гимны, какъ напр. знаменитый requiem „Dies irae", приписываемый Ѳомѣ Целако. Заслуживаютъ также вниманія нѣкоторые „чины исповѣданія", встрѣчающіеся и въ видѣ отдѣльныхъ рукописей, и въ сборникахъ службъ. Въ нихъ особенно любопытно перечисленіе грѣховъ, не встрѣчающееся даже въ старинныхъ печатныхъ уніатскихъ изданіяхъ. Въ одной общей минеѣ XVIII в. (№ 137) помѣщено „слово о збуреніи пекла", представляющее разговоръ Люцифера съ адомъ, въ стихотворной формѣ, на бѣлорусскомъ нарѣчіи.

Отдѣлъ „Смѣсь" (40 №№) заключаетъ въ себѣ различные сборники, кои авторъ описанія дѣлитъ на двѣ категоріи: сборники установившіеся съ опредѣленнымъ составомъ и содержаніемъ, какъ-то: Златоструи, Измарагды, Маргариты, Златыя Чепи и т. п., и сборники болѣе или менѣе случайнаго происхожденія и характера. Изъ сборниковъ второй группы заслуживаютъ вниманія сборникъ Іосафата Кунцевича (№ 261), состоящій изъ черновыхъ замѣтокъ и проповѣдей этого уніатскаго епископа; извѣстный переводъ латинской книги „Тайная Тайныхъ" (Secreta secretorum). Въ нѣкоторыхъ сборникахъ встрѣчаются сочиненія извѣстнаго уже намъ Григорія Цимвлака и Кирилла Туровскаго. Рукописные богогласники виленской публичной библіотеки только отчасти сходны съ извѣстнымъ богогласникомъ, изданнымъ уніатами въ почаевской лаврѣ; въ сущности, это—сборники духовныхъ, а иногда и мірскихъ народныхъ пѣсней, составленные совершенно самостоятельно.

Отдѣлъ рукописей на русскомъ языкѣ не великъ (57 №№) или, покрайней мѣрѣ, мало замѣчателенъ. Изъ рукописей этого отдѣла можно указать на „Книжку естествознанія", съ прибавленіемъ извѣстной таинственной книги Альберта Магнуса и Михаила Скотта; тоже извѣстный лечебникъ „Вертоградъ прохладный"; мнѣніе смоленскаго дворянства по вопросу о переходѣ крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные, представленное Государю Императору Николаю Павловичу 4 февраля, 1849 г., чрезъ предводителя дворянства, князя М. Друцкаго-Соколинскаго; „О бѣлорусскомъ нарѣчіи въ могилевской губерніи", Ив. Носовича;

„Отрывки изъ литовской миѳологіи“, изъ рукописей К. фонъ-Шмита; Отчетъ о состояніи раскола въ нижегородской губерніи, Мельникова, 1854 г.; Письма высокопреосвященнаго Иннокентія, архіепископа херсонскаго и Таврическаго (№ 321), и др.

При описаніи каждой отдѣльной рукописи, составитель Описанія раскрываетъ ея содержаніе, указываетъ отдѣльныя статьи ея, или-же только болѣе замѣчательныя, выписываетъ заглавія и начальный текстъ этихъ статей и часто передаетъ содержаніе болѣе интересныхъ статей, или же дѣлаетъ изъ нихъ точныя выписки. Мы не видимъ здѣсь указанія первоисточниковъ рукописей или отдѣльныхъ статей ихъ; не находимъ также указанія на соотвѣтствующіе памятники въ другихъ извѣстныхъ собраніяхъ рукописей, за небольшими развѣ исключеніями. Даже тождественныя статьи, встрѣчающіяся въ разныхъ рукописяхъ виленской публичной библіотеки, не указаны въ самомъ текстѣ Описанія и лишь отчасти только могутъ быть находимы по алфавитному указателю, приложенному въ концѣ Описанія. Но за это мы и не винимъ автора, не обладающаго такими научными средствами и эрудиціей, какія мы видимъ въ классическомъ „Описаніи рукописей синодальной библіотеки“ покойныхъ Горскаго и Новоструева. Намъ кажется, что авторъ „Описанія рукописей виленской публичной библіотеки“ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если-бы вовсе не дѣлалъ попытокъ къ опредѣленію происхожденія и важности извѣстныхъ рукописей или статей, такъ какъ эти попытки часто оказываются весьма неудачными. Вотъ нѣсколько примѣровъ. На стр. 110 излагается содержаніе слова о св. Іоаннѣ Богословѣ, „како словомъ навчи человѣка писати иконы“, какъ замѣчательнаго, между тѣмъ какъ это слово помѣщается въ печатномъ прологѣ. Излагая содержаніе „Исторіи скиѳійской“ Андрея Лызлова, авторъ Описанія не справился даже съ „Обзоромъ русской духовной литературы“ преосвященнаго Филарета черниговскаго и чуть-ли не считаетъ эту исторію новымъ откровеніемъ науки. Подъ 324 №, изложивъ кратко содержаніе комедіи „Тресотиніусъ“, авторъ Описанія замѣчаетъ о ней слѣдующее: „Очевидно, это одна изъ тѣхъ многочисленныхъ комедій, интермедій и т. п., которыя въ прошломъ столѣтіи въ изобиліи сочинялись и разыгрывались студентами академій“. А между тѣмъ это есть извѣстная комедія Сумарокова, направленная противъ „профессора элоквенціи, паче-же піитическихъ хитростей“, Василія Кириловича Тредіаковскаго.

Въ виду такихъ промаховъ Описанія, мы совѣтовали бы начинающимъ свою дѣятельность ученымъ съ осторожностію относиться къ собственнымъ замѣчаніямъ составителя Описанія и смотрѣть на это Описаніе, какъ на сырой только матеріалъ, требующій тщательной разработки.

Н. П.

Ченстоховская чудотворная икона Богородицы и церковь во имя св. Кирилла и Меѳодія въ г. Ченстоховѣ, св. Н. С—лова. Вильно. 1881 г.

Озаглавленная книжка, по словамъ ея автора, есть „первый трудъ историческаго описанія ченстоховской иконы Богородицы на русскомъ языкѣ“ и слѣдовательно служитъ выразителемъ поступательнаго движенія русской исторической науки въ такую область, которая доселѣ для нея была недоступна и невѣдома. Авторъ старался доказать и, на нашъ взглядъ, доказалъ несомнѣнно, что ченстоховская икона, находящаяся теперь въ ченстоховскомъ латинскомъ монастырѣ ордена паулиновъ или павликіанъ, есть достояніе православной церкви, а не католической, и находится, такъ сказать, лишь въ плѣну у латинянъ. Есть даже преданіе, которое связываетъ судьбу этой иконы съ судьбою города Кіева, что придаетъ книжкѣ о. С—ва еще большій интересъ въ нашихъ глазахъ. Вотъ въ общихъ чертахъ судьба этой иконы, по изслѣдованію автора разсматриваемой книжки:

Происхожденіе этой иконы преданіе приписываетъ евангелисту Лукѣ. Сначала она находилась будто-бы въ Іерусалимѣ, въ домѣ возлюбленнаго ученика Христова, Іоанна Богослова; но въ 66 году по Р. Хр., предъ грознымъ нашествіемъ Веспасіана и Тита на Іерусалимъ, вынесена была отсюда христіанами и поставлена въ Пеллѣ, городкѣ, расположенномъ между горами, въ одной пещерѣ, гдѣ вѣрующіе собирались для совершенія богослуженій. Въ 326 году св. царица Елена вывезла этотъ святой образъ изъ Палестины въ Константинополь, гдѣ въ V вѣкѣ дочь императора Аркадія, благочестивая Пульхерія, соорудила въ честь ея особый храмъ. Во времена иконоборства, супруга Льва IV исаврянина Ирина сохранила св. икону сама, взявъ ее изъ храма къ себѣ въ царскія палаты, и тамъ соблюдала ее у себя все время, заповѣдавъ приближеннымъ и единомышленнымъ съ нею

людямъ благочестно и неприкосновенно беречь святыню и въ послѣдующія времена. О дальнѣйшей же судьбѣ св. иконы сказанія расходятся. По однимъ сказаніямъ, ею благословили въ 988 году греческую царевну Анну, супругу равноапостольнаго князя Владиміра, при отправленіи въ новопросвѣщаемую россійскую страну, братья царевны Василій и Константинъ. Въ Кіевѣ она находилась въ великокняжеской церкви и считалась фамильною, родовою иконою блаженной княгини. Отсюда, въ X же вѣкѣ, икона перешла въ Галицію, въ белзское княжество, въ г. Белзъ или Безъ, Бѣльскъ, къ княжескому роду, владѣвшему белзскимъ замкомъ. Уніатъ Яковъ Суша прямо говоритъ, что св. образъ Богородицы, находящійся нынѣ въ Ченстоховѣ, посвященъ былъ г. Бѣльску или Белзу самимъ великимъ княземъ Василіемъ-Владиміромъ. По другимъ сказаніямъ, образъ Богородицы въ началѣ IX вѣка поднесенъ былъ греческимъ императоромъ Никифоромъ I Логоѳетомъ Карлу Великому, въ признательность за помощь въ войнѣ съ сарацинами, находился въ Аквигранѣ, въ надъ-рейнской провинціи, и переданъ былъ князю Льву Галицкому тоже въ благодарность за охраненіе западныхъ странъ отъ монголовъ, князь Левъ помѣстилъ св. икону въ своемъ белзскомъ или бѣльскомъ замкѣ, гдѣ она и оставалась до послѣдней четверти XIV вѣка. Каноникъ Н. Фелинскій въ своемъ „Описаніи св. иконы ченстоховской" говоритъ, что эта св. икона, послѣ 500-лѣтняго нахожденія ея въ Константинополѣ, проходила по многимъ мѣстамъ славянскихъ княжествъ, находилась въ Галичѣ, Болгаріи, Моравіи, Чехахъ и на Руси; „перенесли ее туда св. равноапостольные Кириллъ и Меѳодій", а впослѣдствіи, чрезъ семейныя родственныя связи, она досталась въ руки Опольскаго князя Владислава, который и перенесъ ее на ясную гору ченстоховскую. Иные же говорятъ короче, что эту св. икону привезъ на Русь изъ Константинополя русскій князь Левъ, княжившій въ городѣ Львовѣ, и прямо поставилъ ее въ своемъ белзскомъ замкѣ. Авторъ книжки болѣе склоняется къ мнѣнію Фелинскаго о принесеніи св. иконы къ славянамъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Какъ-бы то ни было, ченстоховскій образъ Богоматери, попавши на Русь, долгое время находился въ г. Белзѣ, въ нынѣшнемъ жолковскомъ округѣ, въ сѣверо восточномъ углу Галиціи. Въ XIV вѣкѣ Галиція перешла подъ власть польскаго короля Казиміра,—и этотъ Казиміръ, по сообщенію современныхъ лѣтописцевъ, „сотворилъ много зла православнымъ христіанамъ

и святыя церкви претворилъ въ латинское служеніе". Послѣ смерти Казиміра, галицкая Русь хотя стала на нѣкоторое время самостоятельнымъ княжествомъ; но княземъ ея поставленъ былъ нѣкто Ладиславъ или Владиславъ Опольскій, изъ православія перешедшій въ латинство и называвшійся „апостоломъ латинства", —вассалъ преемника Казимірова Людвика Венгерскаго. Послѣдніе изъ белзскихъ русскихъ князей никакъ не могли свыкнуться съ подчиненіемъ своего княжества польскому владычеству и, при помощи литовскихъ князей, часто поднимались противъ поляковъ и угровъ. Во время этой борьбы, белзскій замокъ, гдѣ находилась икона Богородицы, не разъ подвергался осадѣ и даже не разъ бывалъ взятъ поляками и уграми. При такихъ-то обстоятельствахъ, въ 1377 году, по взятіи замка, захвачена была изъ него св. икона и увезена въ городъ Львовъ, уже состоявшій въ полномъ владѣніи поляковъ. Наконецъ Ладиславъ или Владиславъ, утомленный въ борьбѣ съ православными галичанами, рѣшился совсѣмъ удалиться изъ Галиціи и поселиться въ своихъ давнихъ западныхъ областяхъ, въ велюнскомъ княжествѣ, болѣе спокойномъ для него по отсутствію тамъ роковой борьбы за вѣроисповѣданіе и народность. Предоставивъ Галицію исключительному господству Людвика Венгерскаго, онъ въ 1382 году отправился изъ Львова въ велюнскую область, въ Ополье, и взялъ съ собою образъ Богородицы. На пути въ Велюнь, онъ остановился у селенія Ченстохова и рѣшился совсѣмъ остаться въ этихъ мѣстахъ на постоянное жительство, а образъ Богоматери помѣстилъ въ ченстоховской приходской деревянной церкви, на мѣсто которой устроилъ каменный храмъ съ монастыремъ и вызвалъ туда изъ венгерскаго монастыря Ноштры 16-ть монаховъ паулиновъ, латинскаго ордена св. Павла пустынника. Такъ св. икона Богородицы поступила въ вѣдѣніе павликіанъ, у которыхъ съ тѣхъ поръ остается и понынѣ, именуясь отъ мѣстности Ченстохова ченстоховскою. Въ 1717 году эта икона коронована была по католическому обычаю и такимъ образомъ по наружному виду приняла католическій колоритъ. Въ 1872 году сооруженъ былъ въ Ченстоховѣ православный храмъ во имя св. Кирилла и Меѳодія, и въ немъ поставлена была въ 1878 году точная копія подлинной иконы Богородицы, напоминающая собою происхожденіе и судьбу этой св. иконы.

Къ тексту книжки о. Н. С-ва приложены примѣчанія, которыя занимаютъ болѣе двухъ третей ея. Изъ нихъ видно, что ав-

торъ долго и съ большимъ усердіемъ собиралъ всевозможныя свѣдѣнія о ченстоховской иконѣ Богоматери изъ латинскихъ, русскихъ и особенно польскихъ источниковъ, не пренебрегая иногда и свѣдѣніями, заимствованными изъ учебниковъ по исторіи, напр. Иловайскаго. Но нельзя сказать, чтобы всѣ эти свѣдѣнія и источники были критически провѣрены авторомъ и служили твердымъ основаніемъ для его текста. Такъ напр., изслѣдуя судьбу описываемой имъ иконы въ Палестинѣ и Цареградѣ, о. С-въ не касается исторіи другихъ иконъ Богородицы, приписываемыхъ евангелисту Лукѣ, и возбуждаетъ въ читателѣ сомнѣніе, дѣйствительно ли это та самая икона, о пребываніи которой въ Цареградѣ говорятъ источники, или другая изъ многихъ съ именемъ евангелиста Луки, находящихся нынѣ въ православной и католической церквахъ. Не видно также твердыхъ основаній и для того, почему авторъ книжки присталъ къ мнѣнію каноника Фелинскаго о принесеніи св. иконы къ славянамъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Въ одномъ изъ примѣчаній авторъ прямо называетъ переводную книжку Фелинскаго безграмотною, а въ текстѣ старается подтвердить мнѣніе этой брошюрки собственными доводами; но и эти доводы—чисто предположительнаго свойства и опираются чуть-ли не на желаніи автора оправдать посвященіе православной ченстоховской церкви во имя св. Кирилла и Меѳодія. По крайней мѣрѣ, слушая мнѣнія о появленіи иконы Богородицы въ Белзѣ или чрезъ кіевскихъ князей, или же чрезъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, мы болѣе расположены склониться къ первому изъ этихъ мнѣній, т. е. о прибытіи иконы въ Белзъ черезъ Кіевъ. Противъ этого мнѣнія авторъ говоритъ слѣдующее: „Весьма трудно вполнѣ согласиться и съ тѣмъ, что св. ченстоховская икона Богородицы появилась въ г. Белзѣ чрезъ св. князя Владиміра. Эта св. икона, по своей древности и святости, а также и по своему происхожденію изъ священной Палестины, вообще столь почтенна, что едва ли бы св. великій Князь или кто либо изъ дѣтей его рѣшился отпустить изъ стольнаго города Кіева, гдѣ, по самому положенію христіанства на Руси, особенно нуждались въ преимущественныхъ и древнихъ святыняхъ и, конечно, весьма дорожили ими. Если же и случились бы что либо подобное, то лѣтописцы, вообще столь чуткіе даже къ малѣйшимъ событіямъ въ жизни и исторіи князей и княжествъ, не преминули бы упомянуть объ этомъ, какъ упоминали о переходахъ и передачахъ другихъ наиболѣе важныхъ святыхъ иконъ изъ однихъ мѣстъ нахожденія ихъ въ другія, и

такимъ образомъ навсегда сохранили бы свѣдѣнія о св. иконѣ Богородицы, которою мы заняты. Но именно такихъ-то свѣдѣній ни у кого изъ лѣтописцевъ нашей страны не имѣется". На это замѣтимъ, что 1) нѣтъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о переходѣ изъ Кіева въ другіе города и другихъ иконъ Богоматери, напр холмской, тоже приписываемой евангелисту Лукѣ, 2) о переходѣ нынѣшней ченстоховской иконы изъ Кіева въ Белзъ не могло быть лѣтописныхъ свѣдѣній и потому, что въ Кіевѣ она была родовою великокняжескою иконою, а не общественнымъ достояніемъ, 3) что недостатокъ лѣтописныхъ извѣстій объ этой иконѣ восполняется болѣе поздними о ней свѣдѣніями, приводимыми авторомъ книжки, и 4) что въ кіево-кирилловской церкви, основанной въ XII в., и понынѣ есть и особо чтится древняя копія ченстоховской иконы Богоматери, которую можно считать отзвукомъ преданія о пребываніи когда-то этой иконы въ Кіевѣ. Мы, впрочемъ, не рѣшаемся твердо отстаивать мысль о пребываніи ченстоховской иконы Богоматери въ древнія времена въ Кіевѣ, и своими возраженіями хотѣли показать только непрочность основаній и выводовъ автора книжки.

Во всякомъ случаѣ, трудъ автора заслуживаетъ вниманія по своей добросовѣстности и полнотѣ матеріала, который не только даетъ возможность для критическаго разбора существующихъ мнѣній о происхожденіи ченстоховской иконы Богоматери, но и вообще освѣщаетъ исторію православія въ краѣ, котораго касается авторъ, говоря о мѣстопребываніи иконы.

Н. П.

Исторія русской церкви. Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Т. X. Спб. 1881 г.

Съ настоящаго X-го т. „Исторіи русской церкви", какъ поясняется въ предисловіи къ нему, историкъ вступаетъ въ третій періодъ ея, начинающійся съ учрежденія патріаршества въ 1589 г. и продолжающійся доселѣ. Это „періодъ самостоятельности русской церкви, который можно назвать также и періодомъ постепеннаго возсоединенія разрозненныхъ частей ея", а въ частности —„и періодомъ въ ней раскола, именующаго себя старообрядствомъ". Такимъ образомъ историкъ остается вѣренъ тому взгляду на ходъ исторической жизни русской церкви, который высказанъ

имъ въ первомъ томѣ, при построеніи общаго плана исторіи русской церкви. Этотъ взглядъ имѣетъ свое основаніе; довольно можетъ быть оправдана и та оригинальность его по отношенію къ третьему періоду исторіи русской церкви, что онъ начинается не съ вѣка реформы, а вѣкомъ ранѣе, и этимъ дается представленіе о болѣе близкой и существенной связи событій и явленій XVII вѣка съ событіями и явленіями послѣднихъ двухъ столѣтій, чѣмъ та, какую допускаетъ большинство другихъ нашихъ историковъ. Цѣлый третій періодъ раздѣляется далѣе на два частные періода или отдѣла, обнимающіе: а) время патріаршества и б) время синодальнаго управленія, а первый изъ нихъ еще на два частнѣйшіе отдѣла: первый съ 1589 до 1654 года, въ которомъ послѣдовало присоединеніе Малороссіи къ московскому государству, подготовившее и присоединеніе кіевской митрополіи къ московскому патріархату, а второй съ 1654 до 1721 года, въ которомъ учрежденъ св. Синодъ. Настоящій десятый томъ обнимаетъ только часть перваго частнѣйшаго отдѣла, а именно время отъ учрежденія патріаршества въ 1589 г. и начала уніи въ 1596 году до 1619—20 гг., т. е. до возстановленія московскаго патріаршества въ лицѣ патр. Филарета и возстановленія западно русской іерархіи въ лицѣ митр. Іова Борецкаго и др. Послѣ ряда предыдущихъ томовъ, новый томъ „Исторіи русской церкви" еще болѣе усиливаетъ слагающееся у читателя на основаніи всѣхъ ихъ представленіе о томъ, въ какой постепенности, съ теченіемъ вѣковъ, затѣмъ и десятилѣтій, наросталъ подъ руками историка матеріалъ историческій, возростало и усложнялось самое содержаніе церковной жизни, подлежавшее воспроизведенію въ его многотомномъ и многолѣтнемъ трудѣ. Для перваго періода исторіи русской церкви, обнимающаго время въ два съ половиною столѣтія (988 - 1240 г.) оказывалось достаточнымъ трехъ, сравнительно небольшихъ, томовъ. Для втораго періода — въ три съ половиною столѣтія (1240—1588 г.) потребовалось уже шесть томовъ и притомъ все болѣе и болѣе объемистыхъ. Теперь небольшой промежутокъ времени въ 25—30 лѣтъ далъ содержаніе цѣлому тому въ 500 страницъ. Такой же небольшой промежутокъ времени (1620 - 1654 г.) далъ еще болѣе обильное содержаніе уже вышедшему XI тому въ 628 стр.

Десятый томъ, о которомъ теперь рѣчь у насъ, начинается исторіею учрежденія патріаршества въ Россіи. Затѣмъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ тома въ первомъ изложена исторія московскаго патріаршества при патріархахъ Іовѣ, Гермогенѣ, Игнатіѣ и въ

междупатріаршество, заключаясь общимъ взглядомъ на состояніе церкви въ это время. Во второмъ, нѣсколько болѣе обширномъ, излагается исторія кіевской митрополіи въ борьбѣ съ уніею, подъ гнетомъ уніатскихъ митрополитовъ Михаила Рагозы, Ипатія Поцѣя и Вельямина Рутскаго, съ общимъ заключительнымъ взглядомъ на борьбу православія съ уніею въ данный періодъ.

Общепризнанныя достоинства громаднаго историческаго труда преосв. Макарія слишкомъ извѣстны, чтобы здѣсь еще говорить о нихъ, по поводу настоящаго X тома. Ближе интересующая насъ въ этомъ томѣ исторія западно-русской церкви или кіевской митрополіи въ то тяжелое и бурное время, какимъ было время съ 1596 по 1620 г., представлена здѣсь полнѣе и цѣлостнѣе, чѣмъ гдѣ-либо доселѣ. Историкъ соединяетъ и обобщаетъ здѣсь результаты цѣлаго ряда монографическихъ изслѣдованій и другихъ ученыхъ трудовъ и изданій, касающихся настоящаго времени, восполняетъ ихъ и новыми изысканіями, новыми болѣе точными или болѣе вѣрными разъясненіями, какъ относительно историческаго матеріала, такъ и относительно дѣйствующихъ лицъ и событій эпохи, благодаря, между прочимъ, близкому знакомству съ такими хранилищами памятниковъ, какъ виленская публичная библіотека и архивъ бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ при св. синодѣ. Видное мѣсто въ общей исторіи западно-русской церкви этого времени занимаютъ кіевскія событія. Роль Кіева въ начавшейся тогда напряженной борьбѣ православія съ уніею была нѣсколько особенною. Далеко не такъ доступенъ онъ былъ насильственнымъ дѣйствіямъ уніатской и латино-польской пропаганды, даже власти самого короля, ее поддерживавшаго, какъ Вильно, Новогродекъ, Минскъ, Львовъ и др. Блистательный отпоръ давали здѣсь затѣямъ пропаганды, а митрополиты уніатскіе, титулуясь кіевскими, не смѣли, вопреки желаніямъ, показать и глазъ сюда, не исключая самого Поцѣя, которому не удалось побывать здѣсь и на короткое время и котораго весь успѣхъ ограничился занятіемъ на унію полуопустѣлаго софійскаго собора и издавна принадлежавшаго митрополитамъ выдубицкаго монастыря. А относительно лавры сами король и папа нашлись вынужденными разстаться съ мыслію о много разъ обѣщанномъ и провозглашенномъ подчиненіи ея уніатскому митрополиту. Это болѣе независимое и смѣлое положеніе Кіева въ борьбѣ съ уніею и съ самою властію короля—фанатика объясняется и большею отдаленностью его отъ центровъ литовско-

польскаго государства и большею силою въ Кіевѣ многовѣчныхъ преданій родной вѣры и святыни исторической, и наконецъ еще тѣмъ, что здѣсь на защиту родной вѣры и религіозно-народной свободы, кромѣ другихъ общественныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ прочихъ городахъ и областяхъ, ближе и явственнѣе заявляла себя формирующаяся новая сила общенародной обороны въ лицѣ козачества. Благодаря такому болѣе независимому положенію Кіева въ борьбѣ съ уніатскою и латино-польскою пропагандою, сюда, еще съ первыхъ десятилѣтій XVII в., начинаютъ приливать изъ другихъ мѣстностей юго западной и западной Руси и духовныя силы для борьбы съ пропагандою, имѣвшія затѣмъ развить свою дѣятельность и въ болѣе широкихъ интересахъ историческаго развитія церкви и страны, и въ частности въ интересахъ просвѣщенія, первоначально направленныхъ къ подкрѣпленію той-же борьбы съ пропагандою. Основалось въ 1615 г. кіевское богоявленское братство съ его школою, ставшею потомъ главою и для всего края, оказавшею великую услугу не ему только, но и дѣлу образованія всей Россіи въ вѣкъ реформы. Но здѣсь, въ связи съ сейчасъ сдѣланнымъ указаніемъ на подготовлявшееся уже съ даннаго времени сосредоточеніе въ Кіевѣ духовныхъ силъ для борьбы съ чуждою пропагандою, отмѣтимъ, въ заключеніе настоящей замѣтки, одно изъ знаменательныхъ общихъ явленій въ этой исторіи, констатируемыхъ историкомъ. Послѣ той закоснѣлости и распущенности, которыми характеризуется печальное состояніе церкви предъ временемъ уніи и о которыхъ такъ сильно горевалъ тогдашній попечитель церкви князь Острожскій, теперь, съ первыхъ десятилѣтій возникшей тяжкой церковно-общественной борьбы, ощущается настающій подъемъ нравственный, порывъ къ духовному обновленію, сказывающійся то въ подвигахъ благочестія людей простой, но глубокой вѣры, то въ трудахъ для просвѣщенія людей, болѣе развитыхъ, то наконецъ вообще въ стремленіи къ лучшему благоустройству церковному. Смѣло и съ надеждою, немного спустя, говорили объ этомъ лучшіе современники, какъ знаменитый Лаврентій Древинскій. Слѣдуетъ признать обнаруженіе подобныхъ явленій и въ уніатской сторонѣ, особенно со времени Вельямина Рутскаго, болѣе своихъ предмѣстниковъ сознававшаго, что не на внѣшней защитѣ короля и польскаго правительства должна покоиться вся надежда уніи, а что послѣдняя нуждается въ развитіи внутреннихъ духовныхъ силъ въ своей средѣ. И то, что дѣ-

лалось въ этомъ направленіи для уніи, дѣлалось не для нея одной, дѣлалось отчасти и для цѣлой среды, ее окружавшей. На этомъ знаменательномъ фактѣ сказывалось торжество исторіи или Высшей Силы, ею управляющей, и въ самыхъ потрясеніяхъ, постигающихъ народъ въ критическія эпохи, открывающей ему средства къ выходу на лучшій путь историческаго самовоспитанія и саморазвитія и дальнѣйшаго движенія его исторической жизни. Знаменателенъ и самый фактъ одновременности сильнаго потрясенія въ обѣихъ половинахъ Руси,—здѣсь уніею, тамъ самозванщиной и иноземнымъ вторженіемъ. Онъ указывалъ и на одинаковую потребность духовнаго обновленія въ ихъ обѣихъ и на потребность союза ихъ для выполненія предстоящей задачи общими силами и при взаимной помощи. Въ этомъ, быть можетъ, наиболѣе общій историческій смыслъ событій того 25—30-лѣтняго момента нашей церковной исторіи, который составляетъ содержаніе X тома труда глубоко-ученаго и неутомимаго архипастыря-историка. Этимъ значеніемъ даннаго историческаго момента наиболѣе освѣщается та ближайшая, внутренняя связь его и съ вѣкомъ реформы и дальнѣйшимъ временемъ до настоящаго включительно, по которой и можетъ быть съ указаннаго момента начатъ новый періодъ исторіи русской церкви, какъ именно и начинаетъ его историкъ.

М.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО НЕСТОРА-ЛѢТОПИСЦА ВЪ 1881 Г. [1])

Существующее въ Кіевѣ Общество Нестора-лѣтописца, особымъ публичнымъ собраніемъ въ одной изъ университетскихъ залъ, 14-го февраля с. г., праздновало девятую годовщину своего существованія и научной дѣятельности.

Въ исторіи Общества этотъ годъ будетъ отмѣченъ, какъ годъ тяжелой утраты. Въ теченіи этого года оно лишилось своего предсѣдателя и двухъ членовъ. Въ памяти членовъ сохранится надолго энергичное, живое слово его предсѣдателя, проф. А. А. Котляревскаго, которымъ онъ не разъ одушевлялъ собранія Общества и украшалъ скромныя годичныя его празднованія. Въ теченіе своего почти четырехлѣтняго служенія въ должности предсѣдателя Общества Нестора-лѣтописца, и ранѣе, Александръ Александровичъ Котляревскій много потрудился на пользу его, представивъ не мало интересныхъ сообщеній и обстоятельно отмѣчая движеніе исторической и филологической литературы въ Россіи и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Его заслуги на поприщахъ научномъ, литературномъ и преподавательскомъ признаны всѣми и оцѣнены съ полнымъ единодушіемъ [2]).

---

[1]) Читано въ формѣ отчета секретаремъ общества Н. П. Дашкевичемъ въ торжественномъ собраніи общества, 14 февраля 1882 г.

[2]) См. «Вѣстникъ Европы» 1881, № 11; «Миръ» 1881, № 1, «Журналъ минист. народнаго просвѣщенія» 1881, № 11; «Югъ» 1882, № 1; «Archiv f. Slavische Philologie» 1881; «Sbornik Slovansky» Ielinek'a 1881, str. 173—174, и цѣлый рядъ газетныхъ некрологовъ.

Кромѣ А. А. Котляревскаго, Общество Нестора еще два имени должно исключить изъ списка своихъ членовъ, именно: Андрея Николаевича Попова, секретаря московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ и Василія Игнатьевича Пероговскаго. Если въ первомъ понесла крупную утрату вообще русская историческая наука, то смерть послѣдняго представляетъ значительный ущербъ для исторіи мѣстной. Онъ тщательно собиралъ матеріалы для нея и написалъ цѣлый рядъ монографій по археологіи, исторіи и этнографіи Волыни. Къ сожалѣнію, эти монографіи были помѣщены въ мало распространенныхъ провинціальныхъ изданіяхъ — въ Волынскихъ Вѣдомостяхъ, Губернскихъ и Епархіальныхъ [1]). Конечно, статьи Пероговскаго не исчерпывали весь матеріалъ, не представляли строгой обработки его, но онѣ сообщали много интересныхъ данныхъ, въ томъ числѣ не изданные до того времени документы, списанные собирателемъ въ архивахъ. Да не останется достойный примѣръ Пероговскаго единственнымъ! Въ новоначавшемся періодическомъ изданіи, „Кіевская Старина", мы имѣемъ теперь свой мѣстный историческій органъ, могущій стать средоточіемъ трудовъ по южнорусской исторіи.

---

[1]) Вотъ списокъ извѣстныхъ намъ статей Пероговскаго: 1) «Городъ Староконстантиновъ, исторія его и настоящее состояніе» («Волынскія губ. вѣд.» 1867, №№ 105, 106, 108, 116—118 и 1868, №№ 3—7. Отд. оттискъ: Житомиръ, 1868; 155 и 3 стр. in—12°), 2) «Историческія воспоминанія о Волыни» («Волынск. губ. вѣд.» 1867, № 12. Отд. оттискъ—6 стр.), 3) «Анна-Алоизія, княжна острожская, вдова по воеводѣ виленскомъ, гетманѣ великаго княжества литовскаго, Янѣ-Карлѣ Ходкевичѣ, фундаторша іезуитскаго коллегіума въ Острогѣ» («Вол. губ. вѣд.» 1868, №№ 53—59, 62 и 63. Отд. оттискъ—Житомиръ, 1868, стр. 110 in—16°), 4) «Мѣстечко Берестечко и битва 1651 г.» («Вол. губ. вѣд.» 1869. Отд. оттискъ—стр. 63, in 16°), 5) «Городъ Заславъ» (Вол. губ. вѣд.» 1868; въ отд. отт. 28 стр. in—16°), 6) «Мѣстечка заславскаго уѣзда: Славута, Шепетовка, Судилковъ, Грицовъ, Бѣлогородка, Корница, Лабунь, и селенія: Городище, Полохова и Зѣлницы» («Вол. губ. вѣд.» 1868; въ отд. оттискѣ 31 стр. въ 16 д.), 7) «Новоградволынскъ» (въ отд. оттискѣ 26 стр. въ 12 д.), 8) «Городъ Дубно», 9) «Историческія и статистическія свѣдѣнія о Житомирѣ», 10) «Волынскія украинскія пѣсни», 11) «Изъ исторіи присоединенія на Волыни уніятовъ къ православію» и 12) «Историческій очеркъ волынской духовной семинаріи». — Краткое воспоминаніе о В. И. Пероговскомъ напечатано въ № 46 газеты «Трудъ» 1881 г.

Почтивъ память А. А. Котляревскаго сочувственными словами въ особомъ засѣданіи [1]), а также панихидой и посылкой вѣнка на гробъ его, въ Москву, Общество избрало въ должность предсѣдателя на трехлѣтіе съ 11 октября минувшаго года профессора университета св. Владиміра, В. Б. Антоновича. Въ члены совѣта общества, сверхъ числящихся въ немъ, избраны М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Ѳ. Я. Фортинскій, Н. П. Дашкевичъ и С. Т. Голубевъ; послѣдній вмѣстѣ съ тѣмъ вновь принялъ на себя должность казначея общества.

Въ 1881 году Общество пріобрѣло 1 почетнаго и 6 дѣйствительныхъ членовъ. Включеніемъ въ число почетныхъ членовъ львовскаго ученаго, каноника А. С. Петрушевича, Общество выразило свое уваженіе къ неустанной дѣятельности его по разработкѣ галицко-русской исторіи и къ многочисленнымъ, важнымъ трудамъ его въ этой области. Въ дѣйствительные члены избраны: И. М. Каманинъ и А. А. Андріевскій, занимающіеся изслѣдованіемъ архивныхъ матеріаловъ, и молодые ученые А. В. Стороженко, Д. И. Багалѣй, П. В. Голубовскій и И. А. Линниченко, заявившіе себя достойными вниманія научными работами.

Въ настоящее время Общество числитъ въ своемъ составѣ 75 членовъ, 12 почетныхъ и 63 дѣйствительныхъ; изъ нихъ иногородныхъ—33.

Въ научной дѣятельности Общества принимали участіе только члены, жительствующіе въ Кіевѣ и при томъ не отвлеченные занятіями въ другихъ ученыхъ обществахъ.

Въ собраніяхъ Общества вниманіе референтовъ сосредоточивалось преимущественно на вопросахъ и данныхъ русской исторической науки, при чемъ нѣкоторыя изъ сообщеній касались матеріаловъ, не подвергавшихся доселѣ изслѣдованію или бывшихъ не извѣстными.

Значительное количество чтеній относилось къ древне-русской исторіи.

Товарищъ предсѣдателя, И. И. Малышевскій, ознакомилъ Общество съ началомъ своего обширнаго труда „О брачныхъ союзахъ

---

[1]) Некрологъ А. А. Котляревскаго и поминальныя рѣчи напечатаны въ 10 № «Университетскихъ Извѣстій» и отдѣльною брошюрою, которая войдетъ во II-й выпускъ Чтеній Общества.

русскихъ княжескихъ фамилій съ иностранными владѣтельными фамиліями въ кіевскій періодъ нашей исторіи". По словамъ почтеннаго изслѣдователя, „въ тѣ начальные вѣка русской исторіи, когда нашъ Кіевъ многовѣчный былъ во главѣ городовъ русскихъ, а великій князь кіевскій во главѣ князей русскихъ, русскія княжескія фамиліи находились въ гораздо болѣе широкихъ семейныхъ союзахъ съ иностранными владѣтельными домами, чѣмъ то было потомъ... На этихъ союзахъ болѣе или менѣе отражались національныя, политическія, вѣроисповѣдныя и культурныя отношенія Руси къ другимъ націямъ и странамъ. Знакомство съ этими союзами можетъ, до нѣкоторой степени, въ извѣстныхъ случаяхъ, освѣщать для насъ черты семейнаго и нравственно-общественнаго быта среды, въ которой они слагались". Указанію на эти интересныя данныя до конца XI-го стол. и была посвящена рѣчь г. Малышевскаго.

Д. чл. П. В. Голубовскій подвергъ подробному разбору новую гипотезу г. Стасова о томъ, будто извѣстія Ибнъ-Фодлана о руссахъ не относятся собственно къ руссамъ. Г. Голубовскій призналъ невозможнымъ согласиться съ доводами г. Стасова и подтвердилъ свое мнѣніе цѣлымъ рядомъ фактовъ.

Д. чл. А. В. Стороженко предложилъ критическія замѣчанія на монографію преподавателя исторіи русскаго права въ московскомъ университетѣ г. Мрочекъ-Дроздовскаго: „Опытъ изслѣдованія источниковъ по вопросу о деньгахъ Русской Правды". Онъ указалъ на крупный недостатокъ этого труда, состоящій въ томъ, что авторъ сталъ разсматривать вопросъ объ оборотныхъ цѣнностяхъ и денежной системѣ въ древней Руси въ эпоху „Русской Правды", не разсмотрѣвши предварительно торговли и ея орудій въ эпоху, предшествовавшую „Русской Правдѣ". Менѣе важные промахи объясняются незнакомствомъ автора съ лучшими трудами по русской исторіи, а также и языкознанію. Г. Стороженко передалъ затѣмъ сущность сообщенія г. Усова, читаннаго 6 ноября минувшаго года, въ засѣданіи московскаго археологическаго общества, по вопросу о древнерусской денежной системѣ, и высказалъ мнѣніе, что, въ случаѣ подтвержденія гипотезы г. Усова еще нѣсколькими изслѣдованіями, она будетъ самымъ простымъ изъ всѣхъ существующихъ рѣшеній этого вопроса.

Съ этимъ мнѣніемъ не согласились д. чл. Ѳ. Я. Фортинскій и В. Б. Антоновичъ, отмѣтивъ неточности и натяжки въ объясненіи названій монетныхъ единицъ, предложенномъ г. Усовымъ.

Исторіи древней сѣверской земли было посвящено три сообщенія.—Д. чл. М. П. Истоминъ, въ своемъ очеркѣ „Князья Всеволодъ и Игорь Ольговичи въ Кіевѣ", старался показать, что въ сѣверской землѣ въ XII в. установилась болѣе прочная, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Руси (исключая, быть можетъ, суздальской области), связь между князьями и землей. Сѣверяне, въ особенности-же вятичи, были, по его мнѣнію, преданы своимъ князьямъ и почти всегда оказывали имъ сильную поддержку. Сѣверскіе князья являлись какъ-бы весьма состоятельными собственниками, и богатство было въ рукахъ ихъ орудіемъ для поддержанія притязаній ихъ. На сѣверскую землю они смотрѣли, какъ на наслѣдственный удѣлъ. Все это даетъ поводъ думать, что въ сѣверской землѣ княжеская власть достигла сравнительно значительнаго развитія; послѣднее подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что у нѣкоторыхъ князей этого рода, начиная съ самаго Олега, не разъ проглядываетъ высокое понятіе объ авторитетѣ княжеской власти. Въ Кіевѣ, гдѣ было развито вѣчевое начало, Олеговичи рано или поздно должны были столкнуться съ проявленіями общественныхъ стремленій. Такъ, дѣйствительно, и случилось, когда Всеволодъ Олеговичъ захотѣлъ ввести въ Кіевѣ право наслѣдованія великокняжескаго стола по завѣщанію. Результатомъ этихъ стремленій—съ одной стороны усилить свою власть, съ другой отстоять стародавній порядокъ—и была извѣстная катастрофа съ Игоремъ Олеговичемъ. Олеговичи Всеволодъ и Игорь являются, такимъ образомъ, одними изъ первыхъ князей, пытавшихся усилить княжескую власть и ограничить право вѣча.

Д. чл. Д. И. Багалѣй охарактеризовалъ внутренній строй сѣверской земли въ удѣльный періодъ (отъ половины XI до половины XIV стол.). Сѣверская земля стремилась, подобно другимъ областямъ, къ обособленію и къ удержанію самостоятельной вѣтви княжившаго дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ Святославичи постоянно пытались овладѣть кіевскимъ столомъ, что объясняется географическимъ положеніемъ сѣверской земли (близостью къ Кіеву), размноженіемъ рода Святослава и неясностью родовыхъ правъ претендентовъ на

Кіевъ. Постоянное тяготѣніе сѣверскихъ князей къ Кіеву препятствовало установленію обособленности этой земли. Еще болѣе ослабили ее неудачныя попытки князей ея утвердиться въ Галичѣ. Татарское нашествіе окончательно подорвало ея силы. Черниговъ и Новгородъ Сѣверскій отошли на второй планъ; на мѣсто ихъ возвысился Брянскъ, но онъ не обладалъ надлежащею силою и въ половинѣ XIV-го стол. подпалъ подъ власть Литвы; князья остальныхъ городовъ постепенно превратились въ служилыхъ московскихъ. Независимо отъ размноженія княжеской семьи, на ослабленіе княжеской власти вліяло непосредственно монгольское иго. Князья огрубѣли и стали почти атаманами разбойничьихъ шаекъ. Авторитетъ князей упалъ также вслѣдствіе усиленія вѣча въ татарское время. Сѣверское вѣче, мало чѣмъ проявлявшее себя до татарскаго нашествія, пріобрѣло послѣ него силу и мощь и начало успѣшно бороться съ княжескою властью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дошли до крайности раздробленіе и децентрализація, и это окончательно уничтожило силу земли [1]).

Товарищъ предсѣдателя И. И. Малышевскій разобралъ замѣтку г. Похилевича о мѣстоположеніи города Вщижа.

Секретарь Общества Дашкевичъ, въ сообщеніи о половецко-персидско-латинскомъ словарѣ 1303 г., изданномъ въ 1880 г. венгерскою академіею наукъ, представилъ выборку словъ, интересныхъ для исторіи иностраннаго элемента въ русскомъ языкѣ (въ частности въ малорусскомъ нарѣчіи). Уже здѣсь встрѣчается слово козакъ въ смыслѣ стража и т. п. По нѣкоторымъ словамъ можно судить о культурномъ вліяніи русской народности на половцевъ.

Остальныя сообщенія историческаго содержанія касались позднѣйшаго періода южно-русской исторіи.

Предсѣдатель В. Б. Антоновичъ познакомилъ общество съ результатами своихъ изслѣдованій во Львовѣ и съ крайне интересными матерьялами, найденными имъ въ львовскихъ хранилищахъ рукописей. Имъ открытъ важный сборникъ лѣтописей XV и XVI столѣтій, а также списаны важные источники для исторіи позднѣй-

---

[1]) Очеркъ г. Багалѣя напечатанъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1881 г. и отдѣльно въ его книгѣ: »Исторія сѣверской земли до половины XIV столѣтія«, Кіевъ, 1882.

шаго времени. Въ южной Руси существовала очень долго, въ силу особенностей ея культуры, областная литература. Города, даже мѣстечки имѣли свои лѣтописи. Въ ряду ихъ лѣтопись Юзефовича займетъ видное мѣсто. Г. Антоновичъ сообщилъ также о серіи неизданныхъ мемуаровъ, принадлежащихъ перу князей Яблоновскихъ, занимавшихъ видные посты въ Рѣчи Посполитой *).

Д. чл. И. М. Каманинъ въ сообщеніи, составленномъ по документамъ здѣшняго центральнаго архива, о движеніи еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ въ прошломъ столѣтіи (1765—1790), изложилъ слѣд. весьма интересные выводы: 1) возрастаніе еврейскаго населенія и уменьшеніе его зависѣли отъ политическихъ событій, происходившихъ въ краѣ; смуты вліяли на пониженіе количества евреевъ и наоборотъ; 2) вмѣстѣ съ тѣмъ приращеніе его совпадало съ тяжестью крестьянскихъ повинностей; оно было прямо пропорціонально имъ; 3) въ селахъ евреи занимались арендаторствомъ и шинкарствомъ; послѣднее являлось преобладавшимъ занятіемъ евреевъ и въ городахъ; торговля занимала второе мѣсто; всѣ легкія и прибыльныя ремесла также находились въ рукахъ евреевъ, на долю-же христіанъ выпадалъ тяжелый, бездоходный трудъ; 4) со времени переписи 1787 г. по 1873 годъ еврейское населеніе увеличилось почти въ 6 разъ, а христіанское только вдвое. Референтъ не нашелъ данныхъ для рѣшенія вопроса, произошло-ли самое увеличеніе евреевъ естественнымъ путемъ или чрезъ наплывъ ихъ изъ другихъ мѣстъ; во всякомъ случаѣ изъ наблюденія надъ числомъ раждающихся видно, что приращеніе еврейскаго населенія совершалось гораздо быстрѣе, чѣмъ возрастаніе христіанскаго **).

Д. чл. И. В. Лучицкій сообщилъ свѣдѣнія о „Румянцевской Описи“ Малороссіи. Это одно изъ самыхъ интересныхъ и оригинальныхъ описаній поземельной собственности, съ которымъ не могутъ сравняться сохранившіяся заграницей. По Румянцовской Описи

---

[1]) Прочитанный въ засѣданіи общества г. Антоновичемъ въ русскомъ переводѣ отрывокъ изъ мемуаровъ Станислава Яблоновскаго, воеводы русскаго, повѣствующій о пребываніи Петра В. въ 1698 г. въ Галичинѣ, въ г. Русской Равѣ, напечатанъ въ № 1 »Кіевской Старины«.

[2]) Болѣе подробное изложеніе содержанія сообщенія г. Каманина, см. въ № 114 »Труда« 1881 г., а также въ газетахъ »Кіевлянинъ« и »Заря«.

можно возстановить передвиженіе земель за все время XVIII стол. и отчасти цѣны на землю. Въ Описи сохранились указанія и на способы, какими переходили земли изъ рукъ въ руки. Въ виду богатства матеріаловъ, заключающихся въ Описи, г. Лучицкій предложилъ на статистическомъ съѣздѣ въ Полтавѣ, въ іюнѣ минувшаго года, издать извлеченіе изъ нея въ видѣ особыхъ таблицъ. Для образца тѣхъ выводовъ относительно экономическаго строя, какіе могутъ быть сдѣланы на основаніи Описи, г. Лучицкій прослѣдилъ постепенное развитіе землевладѣнія въ золотоношскомъ уѣздѣ и указалъ на особую форму общиннаго землевладѣнія, тамъ существовавшую.

Нѣкоторыя изъ сообщеній относились къ исторіи русской словесности.

Д. чл. Д. И. Багалѣй въ своей статьѣ „Догадка объ авторѣ Слова о полку Игоревѣ", старался установить *возможность* того предположенія, что въ сѣверской землѣ издавна существовала литературная дѣятельность. Развитіемъ такой мѣстной литературы объясняется, по его мнѣнію, появленіе тамъ „Слова о полку Игоревѣ". Имя автора этого произведенія неизвѣстно, но можно установить съ большою вѣроятностью его происхожденіе. Основываясь на близкомъ знакомствѣ автора Слова со степью и кочевниками, со взаимными отношеніями южно-русскихъ князей, на его желаніи воспѣть *несчастный* походъ сѣверскаго князя, на его симпатіи къ Ольговичамъ, пользовавшимся на Руси недоброю славою, референтъ пришелъ къ заключенію, что авторъ Слова скорѣе всего могъ быть сѣверянинъ. Никто другой не могъ такъ вѣрно понять отношеній сѣверскихъ князей къ половцамъ. Слово всѣми силами ратуетъ противъ политики ихъ, которая не могла, или не умѣла, или не хотѣла возвыситься до идеи единства всей русской земли. Въ этомъ отношеніи взглядъ поэта-дружинника совершенно подходитъ къ воззрѣнію сѣверянина—Даніила паломника и одного проповѣдника, также по всей вѣроятности, сѣверянина. Подобный же взглядъ замѣтенъ въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ, относящейся также къ Чернигову. Такимъ образомъ, дружинникъ (въ „Словѣ"), проповѣдникъ (въ проповѣди) и народъ (въ былинѣ) сошлись въ своемъ воззрѣніи на отношенія сѣверскихъ князей къ половцамъ.—Гипотеза

г. Багалѣя была встрѣчена въ засѣданіи общества цѣлымъ рядомъ возраженій.

Д. чл. В. Н. Малининъ представилъ сравнительное изслѣдованіе *житія св. Агапія и хожденія его въ рай*, по четыремъ спискамъ, изъ которыхъ доселѣ былъ извѣстенъ одинъ, по прологу XIII вѣка (см. Памятники старинной русской литературы, графа Кушелева-Безбородко, вып. III, стр. 134). Открытые списки распадаются на двѣ редакціи: полную, извѣстную по сборникамъ юго-славянской и русской редакціи (2 списка), и краткую, проложную, представляющую видимое сокращеніе первой. По своему характеру и содержанію житіе относится къ области тѣхъ-же легендъ востока, къ которымъ примыкаютъ житія св. Макарія и Зосимы, и составляетъ какъ-бы дополненіе послѣднихъ. Г. Малининъ имѣлъ въ виду въ своемъ сообщеніи объяснить составъ и происхожденіе легенды путемъ сопоставленія ея содержанія какъ съ однородными легендарными и апокрифическими сказаніями о раѣ, такъ и однородными воззрѣніями на рай и загробную жизнь.—Древность легенды доказывается упоминаніемъ о ней въ извѣстномъ посланіи Василія, архіепископа новгородскаго, спискомъ пролога XIII вѣка и очевиднымъ пользованіемъ ею на западѣ въ XII вѣкѣ [1]).

Д. чл. В. Б. Антоновичъ, по случаю двадцатилѣтія, исполнившагося со дня смерти Шевченка, посвятилъ особое чтеніе оцѣнкѣ историческаго значенія тѣхъ произведеній поэта, въ которыхъ описаны историческія событія. Высоко художественное возсозданіе минувшей жизни въ поэмахъ Шевченка обаятельно дѣйствовало на читавшую публику, которая готова была видѣть въ нихъ точное фактическое изображеніе историческихъ событій. Но нельзя отождествлять поэта съ историкомъ. У Шевченка встрѣчаемъ замѣчательную художественную обрисовку воспроизведенныхъ имъ эпохъ, характеръ которыхъ всегда вѣрно угаданъ поэтомъ; историческое изслѣдованіе подтвердило правдивость его картинъ и, безъ сомнѣнія, еще подтвердитъ многое въ нихъ въ будущемъ; но въ подробностяхъ немало неточностей и фактическихъ ошибокъ, происшедшихъ отъ того, что у поэта было немного историческаго матеріала; нужно

---

[1]) Статья г. Малинина появится въ »Трудахъ кіевской духовной академіи«.

удивляться, какъ онъ съумѣлъ предъугадать многое, что было установлено потомъ историческимъ изслѣдованіемъ на основаніи данныхъ, приведенныхъ позже въ извѣстность. Подобныя мелкія ошибки, въ которыхъ неповиненъ поэтъ, не имѣютъ значенія въ виду правдивыхъ историческихъ картинъ, мастерски нарисованныхъ поэтическою кистью художника [1]).

Въ качествѣ вступленія къ этому чтенію, покойный предсѣдатель А. А. Котляревскій предпослалъ нѣсколько словъ объ историческомъ значеніи народныхъ поэтическихъ произведеній [2]).

Древней исторіи славянства касалось сообщеніе д. чл. А. Д. Воронова о новооткрытомъ сборникѣ папскихъ писемъ, принадлежащемъ британскому музею. По мнѣнію г. Воронова, эти документы заимствованы непосредственно или посредственно изъ папскихъ регистровъ или книгъ, въ которыя съ древнихъ временъ вносились копіи всѣхъ офиціальныхъ декретовъ папскихъ. Тѣ изъ новооткрытыхъ документовъ, которые имѣютъ отношеніе къ исторіи славянства и преимущественно къ исторіи св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго, подтверждаютъ отрицаемый нѣкоторыми разсказъ пространнаго житія св. Меѳодія о гоненіи противъ него со стороны латино-нѣмецкаго духовенства и его заточеніи въ Швабіи, обогащаютъ этотъ разсказъ новыми подробностями. Самъ папа Стефанъ VI былъ виновникомъ разрушенія того дѣла, которое оберегали его предшественники; самъ папа уничтожилъ православно-славянскую церковь Моравіи и Панноніи и враждебно отнесся къ ея основателю [3]).

Д. чл. Ѳ. Я. Фортинскій высказалъ несогласіе съ предположеніемъ, что новоизданныя письма были заимствованы изъ регистровъ папской канцеляріи.

Во многихъ засѣданіяхъ Общества удѣлялось вниманіе обзору современнаго движенія исторической науки.

---

[1]) Изложеніе содержанія рѣчи г. Антоновича напечатано нами въ № 10 »Труда« 1881 г.

[2]) Рѣчь А. А. Котляревскаго напечатана въ № 8 »Труда« 1881 г.

[3]) Чтеніе А. Д. Воронова напечатано въ „Трудахъ Кіевской духовной академіи“ 1881 года, № 8, подъ заглавіемъ „Научное движеніе по вопросу о свв. Кириллѣ и Меѳодіи“.

Покойный предсѣдатель Общества, нынѣшній предсѣдатель В. Б. Антоновичъ и д. чл. В. С. Иконниковъ неоднократно сообщали о новыхъ книгахъ и статьяхъ по археологіи и русской исторіи. Секретарь Общества Дашкевичъ отмѣчалъ замѣчательнѣйшія явленія иностранной научной литературы, представлявшія интересъ для русской исторіи и исторіи русской словесности.

Предсѣдатель В. Б. Антоновичъ остановилъ вниманіе Общества на рефератахъ тифлисскаго археологическаго съѣзда, выдававшихся новизною взглядовъ или фактовъ, по отдѣламъ первобытныхъ древностей, христіанскихъ искуствъ и художествъ и исторической географіи [1]).

Д. чл. В. С. Иконниковъ, въ особомъ засѣданіи, посвященномъ памяти въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, прочелъ рѣчь объ успѣхахъ историко-филологическихъ наукъ въ его царствованіе.

Покойный предсѣдатель А. А. Котляревскій въ особыхъ рѣчахъ указалъ на заслуги въ русской литературѣ и наукѣ скончавшихся предъ тѣмъ писателей и ученыхъ: Ѳ. Б. Миллера, А. Ѳ. Писемскаго, Ѳ. М. Достоевскаго, проф. Колосова и Лешкова. Научная и литературная дѣятельность самого Котляревскаго была помянута въ обществѣ секретаремъ, а д. чл. А. В. Стороженко предложилъ собранію воспоминаніе о дѣятельности А. А. Котляревскаго, какъ профессора славяновѣдѣнія въ университетѣ св. Владиміра.

Сообщались по временамъ извѣстія объ археологическихъ находкахъ.

Такова была дѣятельность Общества Нестора въ истекшемъ году.

Главная задача Общества—поддержаніе взаимнаго научнаго общенія лицъ, заботящихся объ успѣхахъ исторической науки, и разработка вопросовъ, выдвигаемыхъ ею. Общество наше сдѣлало, что могло, въ предѣлахъ имѣющихся у него средствъ. Оно объединяло мѣстныхъ дѣятелей на поприщѣ историческаго изслѣдованія.

---

[1]) Содержаніе доклада г. Антоновича изложено нами въ №№ 105 и 106 »Труда« 1881 г.

Многія работы членовъ были предназначены именно для Общества, а не являлись лишь случайнымъ вкладомъ. Многія сообщенія вызывали весьма оживленный обмѣнъ мыслей со стороны присутствовавшихъ членовъ и иной разъ весьма обстоятельныя дополнительныя замѣчанія.

Къ сожалѣнію, Общество не могло расширить своей дѣятельности научными предпріятіями, какъ-то: научными экскурсіями, раскопками, изданіемъ памятниковъ, историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ[1]) являлся въ этомъ случаѣ помѣхой.

Но Общество можетъ утѣшаться вниманіемъ, какое встрѣчаютъ его труды въ просвѣщенной публикѣ. Одной изъ задачъ его является распространеніе интереса къ изученію старины, въ широкомъ смыслѣ слова. Русская историческая наука можетъ быть силою, объединяющею общество: она равно дорога и равно интересна для всѣхъ. По словамъ нашего знаменитаго историка, исторія есть народное самопознаніе. Развитіе въ возможно большей степени такого самопознанія составляетъ конечную цѣль нашей науки и первое условіе процвѣтанія народной жизни. Если Общество наше поддерживаетъ, хотя-бы и въ скромныхъ размѣрахъ, интересъ къ отечественной исторіи и любовь къ родной старинѣ, то оно трудится не безслѣдно.

НЕОСУЩЕСТВИВШІЙСЯ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ НОВГОРОДЪ-СѢВЕРСКѢ.

(Два письма о немъ 1802—1803 г.)[2])

Помѣщаемыя здѣсь два письма по предмету учрежденія университета въ Новгородъ-Сѣверскѣ получены нами отъ одного изъ родственниковъ Ивана Ивановича Халанскаго, бывшаго сначала директоромъ новгородсѣверскаго училища, которое существо-

---

[1]) Въ настоящее время въ кассѣ общества состоитъ 419 р. 72 коп.

[2]) Письма эти съ необходимыми къ нимъ поясненіями обязательно сообщены намъ Н. В. Шугуровымъ.

вало въ этомъ городѣ до учрежденія гимназій, а потомъ съ образованіемъ гимназій — первымъ директоромъ новгородсѣверской гимназіи. При этомъ первое письмо есть подлинникъ, подписанный бывшимъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ кн. Куракинымъ и полученный отъ него Халанскимъ, а второе — исправленная Халанскимъ и подписанная имъ копія, которую Халанскій оставилъ у себя, отославъ подлинникъ письма по принадлежности кн. Куракину. Какой дальнѣйшій ходъ имѣла мысль объ учрежденіи университета въ Новгородсѣверскѣ, намъ неизвѣстно.

Едва-ли впрочемъ и могла имѣть большой ходъ эта странная мысль — учредить университетъ въ глухомъ городкѣ, бывшемъ губернскимъ безъ году недѣлю и лежавшемъ не вдалекѣ отъ Кіева, предназначеннаго для той-же цѣли высшимъ правительствомъ. Не сама эта мысль имѣетъ какое-либо значеніе въ исторіи мѣстнаго просвѣщенія, но то развитіе, какое давали ей два почтенные мужа того времени, печаловавшіеся по самой должности своей о нуждахъ народнаго образованія, одинъ — высшій администраторъ, другой—популярный въ свое время и въ своемъ мѣстѣ педагогъ. Оба они очень заняты мыслью объ университетѣ; но ни одного изъ нихъ не озабочиваетъ вопросъ, для кого нуженъ проэктируемый университетъ и откуда онъ могъ получать необходимый контингентъ питомцевъ. Въ обоихъ письмахъ ни слова о томъ, для какого района онъ предназначается, какъ велико пространство этого послѣдняго, его населеніе, каково положеніе въ немъ средняго и низшаго образованія, какое число среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и учащагося въ нихъ юношества, чѣмъ вызывается и вызывается-ли потребность въ высшемъ образованіи для данной мѣстности. и пр. и пр. По тогдашнимъ соціальнымъ условіямъ и воззрѣніямъ не могло быть и рѣчи о потребностяхъ и благѣ всего населенія,—имѣлись въ виду лишь классы привилегированные; но насъ поражаетъ эта легкость, съ какою смотрятъ эти прожектеры на дѣло такой великой важности, какъ университетъ. Кн. Куракинъ желаетъ „проэктовъ полныхъ", но мѣру ихъ полноты едва-ли и самъ могъ-бы опредѣлить; директоръ Халанскій брался за вопросъ: „о наукахъ, языкахъ и о искусствахъ, о способѣ преподаванія" и пр., но потомъ самъ „обуялъ свою мысль", т. е. нашелъ ее пустою и не его касающеюся. Все сводится за тѣмъ на вопросы о средствахъ содержанія и устройства помѣщенія для университета. И

посмотрите, съ какимъ усердіемъ „состарѣвшійся“ педагогъ, вооружившись чувствами благочестія и вѣрноподданства, силился подвести своего патрона подъ монастырь новгородъ-сѣверскій, съ цѣлію овладѣть его имуществомъ для осуществленія излюбленной мысли, и игнорируя даже архимандрита *„со словесностію“*. Интересно и то, что многорѣчивый педагогъ въ пользу учрежденія университета въ Новгородъ-Сѣверскѣ не представилъ ничего, кромѣ свѣжаго воздуха и большой церкви.

I. Письмо малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Куракина къ директору новгородсѣверскаго училища Халанскому.

Милостивый государь мой, Иванъ Ивановичъ.

Относительно устроенія предполагаемаго вами университета въ Новгородкѣ-Сѣверскомъ, при изъясненіи вамъ искренней признательности, о дѣлѣ толико споспѣшествующемъ благу общему, покорно васъ, милостивый государь мой, прошу принять на себя трудъ, сочинивъ полные проэкты, съ расположеніемъ всѣхъ потребныхъ на содержаніе его издержекъ, и съ нужнымъ постановленіемъ въ немъ порядка, доставить ко мнѣ для дальнѣйшаго заключенія о средствахъ сіе намѣреніе исполнить. Между тѣмъ почитаю нужнымъ васъ увѣдомить, что плановъ и фасадовъ, снятыхъ вами съ домовъ Осипа Степановича [1]), я не получалъ.

Есмь впротчемъ съ истиннымъ почтеніемъ вашего высокоблагородія, милостиваго государя моего, покорный слуга кн. Алексѣй Куракинъ.

№ 3358. Полтава. Декабря 5 дня 1802 года.

II. Письмо Халанскаго къ кн. Ал. Б. Куракину.

(по титулѣ слѣдующее):

Представляя о сообщеніи мнѣнія вашего сіятельства графу Петру Васильевичу, г. министру народнаго просвѣщенія, чтобы учредить въ Новгородѣ-Сѣверскѣ университетъ, по случаю Высочайше даннаго указа правительствующему сенату въ 8-й день сен-

---

[1]) Вѣроятно—Судіенка. *Н. Ш.*

тября прошлаго 1802 года [1]), докладывалъ я вашему сіятельству объ одномъ только, извѣстномъ мнѣ съ лишкомъ черезъ 14 лѣтъ моего служенія директоромъ, что положеніе сего города здоровое, выгоды хозяйственныя не нужны, а сверхъ сего и паче всего то преимущество, что по немноголюдному сему городу ни что не будетъ отвлекать учащихъ и учащихся отъ упражненія въ наукахъ, кои безъ сумнѣнія доставятъ просвѣщенныхъ гражданъ для всѣхъ родовъ службы и должностей общественныхъ. Ваше сіятельство, милостиво сіе одобривши, яко дѣло споспѣшествующее общему благу, изволили приказать мнѣ, сочинивъ полные проэкты съ расположеніемъ всѣхъ потребныхъ на содержаніе издержекъ и съ нужнымъ постановленіемъ въ немъ порядка, доставить къ вашему сіятельству, для дальнѣйшаго заключенія сіе намѣреніе исполнить. Вслѣдствіе чего я, какъ состарѣвшійся съ нетерпѣливымъ желаніемъ учрежденія университетовъ, дѣлалъ всѣ мои соображенія, дабы написать положеніе о наукахъ, языкахъ и о искусствахъ, о способѣ преподаванія, о времени окончанія ученія, объ испытаніяхъ и о другихъ необходимостяхъ: но прочитавши Высочайшій указъ правительствующему сенату, данный 24-го генваря сего года и при ономъ предварительныя правила народнаго просвѣщенія [2]), обуялъ я мою мысль; а посему и имѣю честь представить объ одномъ только выгоднѣйшемъ зданіи, яко первѣйшей и немаловажной по-

---

[1]) 8 сентября 1802 г. послѣдовалъ указъ сенату объ учрежденіи министерствъ (Собр. зак., т. XXVII, № 20. 406).

[2]) 24 января 1803 г. былъ данъ указъ сенату объ учрежденіи учебныхъ заведеній, съ назначеніемъ для каждаго губерній (Собр. зак. т. XXVII, № 20598), а 26 того-же января послѣдовалъ указъ объ устройствѣ училищъ, который вѣроятно разумѣлъ Халанскій, сдѣлавъ ошибку въ обозначеніи числа. Указомъ этимъ утверждались «предварительныя правила народнаго просвѣщенія», которыя приложены къ указу. Этими правилами опредѣляются четыре рода училищъ «для нравственнаго образованія гражданъ, соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія»: 1) училища приходскія (которыя должны были существовать въ каждомъ церковномъ приходѣ, или по крайней мѣрѣ одно на два прихода), 2) уѣздныя, 3) губернскія, или гимназіи и 4) университеты. Для университетовъ, кромѣ существовавшихъ въ Москвѣ, Вильно и Дерптѣ, и учреждавшихся въ С.-Петербургѣ, Казани и Харьковѣ, предназначались города: Кіевъ, Тобольскъ, Устюгъ Великій и «другіе, по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными» (Собр. зак., т. XXVII, № 20597).

требности, могущей быть удобнымъ способомъ къ учрежденію университета въ Новгородѣ-Сѣверскомъ. Для надлежащаго и выгоднаго помѣщенія университета потребно зданіе пространное, выгодное и прочное, на сіе нужна великая сумма денегъ, но время на построеніе онаго, на пріуготовленіе его такъ, чтобы оно могло быть для живущихъ въ немъ безвредно, болѣе всякой неисчетной суммы; а потому для сохраненія драгоцѣннаго времени докладываю, какъ вѣрноподданный моего государя императора, слѣдующее: благочестивые люди, отдавая монастырямъ свое богатство, хотѣли безъ сумнѣнія, чтобы оно было употреблено на благодѣтельныя заведенія. Великая Екатерина, знавши, что строгій монашескій чинъ долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ земныхъ попеченій, столь несообразныхъ съ его святостію, совершила намѣреніе Петра Великаго, отдавъ монастырскія деревни подъ начальство свѣтское, опредѣливъ достаточныя суммы для всѣхъ потребностей духовенства и для благолѣпія церквей, а прочіе доходы повелѣла употребить на успокоеніе престарѣлыхъ воиновъ и на содержаніе духовныхъ училищъ. Такимъ образомъ исполнилось съ одной стороны желаніе благочестивыхъ людей: но какъ учрежденіе университетовъ было и есть благочестивыхъ людей желаніе, то съ благоговѣніемъ почитая Высочайшее соблагоизволеніе, чтобы учредить тамъ университеты, гдѣ оныхъ еще нѣтъ, осмѣливаюсь для споспѣшествованія исполненію намѣреній правительства народнаго просвѣщенія мыслить, что можно испросить Высочайшую волю, дабы занять на университетъ находящійся въ Новгородѣ-Сѣверскѣ спасо-преображенскій монастырь, обращенный, за упраздненіемъ новгородско-сѣверской губерніи и бывшаго въ немъ дому архіерейскаго, въ первокласный. Положеніе сего монастыря на горѣ, при портовой рѣкѣ Деснѣ, самое здоровое; а что потребнѣе, какъ воспитывать сыновъ отечества въ здоровыхъ мѣстахъ, не отдаляя ихъ отъ мѣстъ своего рожденія, и жить имъ въ такихъ зданіяхъ, которыя многими лѣтами осушены? Монастырь, мною указываемый, довольно вашему сіятельству извѣстенъ, какъ равно и то, что онъ окруженъ садами, имѣетъ каменную ограду, внутри которой великолѣпный храмъ, Великою Екатериною созданный, но онъ отдѣланъ только вчернѣ, цѣною съ лишнимъ семьдесятъ тысячъ рублей, въ коемъ да осчастливятся питомцы новгородско-сѣверскаго университета воспѣть по достоянію вѣчную па-

мять въ Бозѣ почивающей Великой Екатерины, основательницы народнаго просвѣщенія, и вкупѣ да пролютъ теплыя свои молитвы ко Господу о продолженіи благоденственной жизни нынѣ царствующаго нашего государя императора, пекущагося о усовершенствованіи ихъ просвѣщенія, содѣлывающаго родителей ихъ благополучнѣйшими. Сверхъ сего великолѣпнѣйшаго храма имѣются еще двѣ каменныя теплыя церкви, начальничій домъ о двухъ этажахъ преогромный, каменныхъ тоже, не включая деревянныхъ флигелей, много, въ которыхъ живали монахи великимъ числомъ и не тѣсно, да особо каменное-же строеніе о двухъ этажахъ, которое было занимаемо духовною семинаріею, состоявшею изъ 8-ми классовъ, въ немаломъ числѣ учениковъ; но теперь, сіятельнѣйшій князь, во всемъ этомъ обширномъ устроеніи великаго числа зданій, вѣками устроенныхъ, дерзаю сказать, живетъ только одинъ архимандритъ, мужъ впротчемъ со словесностію, и съ нимъ монаховъ съ небольшимъ десять, которые весьма удобно могутъ быть перемѣщены съ ихъ достояніемъ въ рыхловскій пустынно-Николаевскій монастырь, также великимъ иждивеніемъ воздвигнутый; положеніе его не далѣе 50-ти верстъ отъ Новгорода - Сѣверска среди лѣсу, ему-же принадлежащаго, садовъ и при всѣхъ выгодахъ для пустынножительствующихъ. Коллежскій совѣтникъ Иванъ Халанскій.

Марта числа 1803 года. Новгородъ-Сѣверскій.

ДРЕВНІЙ СПОСОБЪ ПУБЛИКАЦІИ.

Часто возникающая, какъ для властей, такъ и для частныхъ лицъ, необходимость доводить о чемъ-либо до всеобщаго свѣдѣнія должна была издревле вызвать установленіе обычаемъ извѣстныхъ правилъ и формальностей для всенароднаго объявленія. Такою формальностью оказывается въ древней Руси „заповѣданіе“ или „закликаніе“, т. е. провозглашеніе, которое должно было происходить въ мѣстѣ наибольшаго скопленія народа, именно „на торгу“. Обычай этотъ, съ характеромъ обязательно-юридическимъ, былъ настолько общеизвѣстенъ еще въ XI в., что „Русская Правда“ находитъ излишнимъ дѣлать о немъ какія-либо поясненія, а упоминаетъ только мимоходомъ, какъ объ общепринятой предварительной формальности въ нѣко-

торыхъ случаяхъ. Этимъ способомъ публиковалось о потеряхъ: „Аще кто конь погубить, или оружіе, или портно (одежу), а *заповѣдаеть на торгу*, а послѣди познаеть въ своемъ градѣ, свое ему лицемъ взяти“ [1]); такъ-же объявляли и о бѣгломъ рабѣ: „Оже челядинъ крыется, а *закличють й съ торгу* [2]), а за три дни не выведуть его, а познають й въ третій день, то свой челядинъ пояти“.

Тотъ-же самый обычай упоминается позднѣе, въ литовскихъ статутахъ, но также безъ всякихъ поясненій. Здѣсь публичное объявленіе называется „заказомъ“ или „заповѣдью“. Въ статутѣ 1529 года, разд. XI, арт. 10, сказано: „Естли-бы отъ кого челядинъ втекъ, мужикъ або жонка неволная, а который-бы, ведаючы *черезъ заказъ або заповедь*, ижъ то чужая челядь бежитъ, вказалъ имъ дорогу, або хлеба далъ, або ихъ въ себе переховалъ,... тогда маеть тому, чия челядь, платити“. Статутъ 1566 года, повторяя то же правило (разд. XII, артик. 10), дополняетъ его (разд. XIII, арт. 5) особымъ постановленіемъ: „*Яко челядь невольная втеклая маетъ быти заповѣдана*“, гдѣ, между прочимъ, указано и мѣсто для такихъ публикацій: „Естьли-бы кто чію-челядь въ себе ховалъ, а тотъ по колко кроть заповѣди (чинилъ) и *по торгу закликалъ*, оповѣдаючи ее“ и т. д. Такое-же постановленіе о заклинаніи на торгу находимъ и въ послѣднемъ статутѣ 1588 года, въ разд. XII, арт. 17. Такимъ образомъ мы видимъ, что статуты удерживали въ силѣ постановленія „Русской Правды“, но только по одному предмету публикацій, именно о бѣглыхъ невольникахъ. Извѣстно однако по памятникамъ, что тотъ-же способъ объявленія употреблялся и въ другихъ случаяхъ, напр. при основаніи слободъ, причемъ „закликали волю“. Такъ, при основаніи слободы на опустѣвшемъ въ XVI вѣкѣ Старомъ Кіевѣ, бывшій тогда воеводою кн. Константинъ Острожскій „казалъ волю обволати именемъ его королевское милости на летъ двадцать и чотири, до того столпъ поставити на месте горнемъ Киевскомъ около церкви святого Софея (sic)“ [3]). Преданія

---

[1]) Карамз. Списокъ, ст. 29.

[2]) Тамже, ст. 27. По изданію 1799 г. подчеркнутая фраза правильнѣе: «а закличеть на торгу» (стр. 35).—Ср. Карамзина Ист. Гос. Рос. (по изд. Эйнерлинга), т. II, стр. 31.

[3]) Актовая книга кіев. центр. архива № 8, листъ 206 на оборотѣ.

о такомъ способѣ объявленія объ основаніи слободъ въ XVIII вѣкѣ сохранялись еще недавно, и на основаніи ихъ г. Кулишъ говоритъ: „Обыкновенно осадчіе кликали кличъ въ разныхъ сборныхъ пунктахъ,—на *ярмаркахъ*, на переправахъ, на церковныхъ и монастырскихъ праздникахъ,—и переманивали къ себѣ народъ разными обѣщаніями. Есть преданіе изъ временъ заселенія Смѣлянщины, что князь Ксаверій Любомирскій велѣлъ окличникамъ провозглашать на ярмаркахъ, что кто придетъ къ нему съ чужой женою и чужими волами, онъ и такого не выдастъ, а за такого будетъ стоять“ [1]).

Мало по малу, обычай объявленій „на торгахъ“ исчезаетъ изъ законодательства, по крайней мѣрѣ такое объявленіе, сдѣланное частнымъ лицомъ, теряетъ свою обязательно-юридическую силу. Уже въ „Сводѣ правъ, по которымъ судился малороссійскій народъ“, хотя упоминаются „публикаціи“ о бѣглыхъ крѣпостныхъ (гл. XXVII, арт. 21, § 3), но публикаціи эти должны были совершаться черезъ посредство суда: „если-бы чии люде неволние бѣжали, а тотъ, отъ кого ушли, *въ судъ* объявилъ о нихъ для публикованія“; „кто же чиихъ бѣглихъ людей и неволнихъ, вѣдая объ нихъ *съ суда публикацію*, поймавъ задержитъ“ (тамъ-же, арт. 20, § 1 и 2). Но въ практикѣ неофиціальной, въ области права обычнаго, закликаніе или, по позднѣйшей терминологіи, *выкликаніе* на *ярмаркахъ*, какъ способъ публикаціи, удерживалось до самаго послѣдняго времени, а можетъ быть мѣстами сохранилось еще и теперь. Считаю нелишнимъ привести упоминающій объ этомъ обычаѣ народный разсказъ, записанный мною въ с. Красномъ Кутѣ уманскаго уѣзда, интересный еще и по выраженному въ немъ взгляду на „справедливый“ дѣлежъ находки.—Шли по дорогѣ мужикъ и беременная женщина, и нашли деньги: панъ потерялъ „велику силу“ денегъ. Спустились въ ровъ и стали дѣлиться. Мужикъ разложилъ деньги на три кучки и говоритъ: „бери себѣ двѣ части, а мнѣ одна часть: можетъ мнѣ будетъ на счастье, можетъ тебѣ, а можетъ тому, что въ тебѣ,—такъ бери себѣ двѣ части, а мнѣ одна“. Пришли они *„на ярмарокъ“*, а тамъ паны *выкликаютъ* (т. е. о потерѣ),—они и хотѣли сказать о находкѣ. Но слетѣлъ ангелъ съ неба и говоритъ: „Мол-

---

[1]) Записки о южной Руси, т. I, стр. 85.

чите! Я и самъ сказалъ бы, да потому молчу, что по правдѣ передѣлились".

Объявленія посредствомъ „выкликанія" на ярмаркахъ производились по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Я лично помню, какъ лѣтъ 25—30 назадъ этимъ способомъ, въ центральной части кіевской губерніи, помѣщики созывали рабочихъ для уборки хлѣба, если пространство засѣянныхъ „лановъ" превышало силы наличныхъ крѣпостныхъ имѣнія. При этомъ обыкновенно объявлялось, „за какой снопъ" сдается уборка,—денежная плата тогда вовсе еще не была въ ходу. Такой способъ вознагражденія за жатву употребляется мѣстами еще и теперь, только норма вознагражденія сильно понизилась: вмѣсто обычнаго прежде пятаго, шестого, а при хорошемъ урожаѣ четвертаго и иногда даже третьяго снопа, теперь считается хорошимъ вознагражденіемъ восьмой и девятый, а иногда плата за жатву падаетъ до $^1/_{12}$ и $^1/_{13}$ собраннаго.

Приведенныя нами свидѣтельства памятниковъ не содержатъ никакихъ указаній на самую процедуру закликанія. По недавнему обычаю происходило оно такъ: объявляющій о чемъ нибудь становился на возу, снималъ шапку и, вертя ее на рукѣ или на палкѣ надъ головой, громкимъ голосомъ троекратно произносилъ особую призывную формулу, съ цѣлью обратить на себя вниманіе „ярмаркующаго" народа, а потомъ уже сообщалъ сущность дѣла. Такая формула, хотя въ очень краткомъ видѣ, напечатана въ сборникѣ малорусскихъ пословицъ и поговорокъ М. Т. Симонова (Номиса, стр. 119 № 6124): „Эй миряне, шевці—кравці, крамарі—шапарі, сходи́ться, сходи́ться, рады послухати, табаки понюхати!" Обыкновенно, она была гораздо обширнѣе; привожу ее здѣсь, какъ она была записана Ѳ. Т. Панченкомъ въ кіевской губерніи, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ: „Коноводы, воловоды, люлешники, табашники, шилники, мылники, селяне, городяне, міщане, крамарі, шинкарі, дехтярі, торговці, покупці, шаповалы, коновалы, шевці, кравці, проіжжі, прохожі, домові, ярмаркові, миряне, жиды, цыгане,—добрі люде! А сходьтесь, сходьтесь, сходьтесь! Рады послухаете, табаки понюхаете, а я щось скажу!" Повторяя этотъ призывъ три раза, каждый разъ прибавляютъ. „Отò скажу, отò скажу!"

Существованіе такой формулы, которую удержать въ памяти могъ, конечно, не всякій, наводитъ на мысль, что для закликанія должны были быть своего рода спеціалисты; они были необходимы, когда объявленіе приходилось дѣлать женщинѣ или вообще лицу, необладающему зычнымъ голосомъ и замѣтной фигурою; не рѣдки бывали случаи, когда заинтересованное лицо не находило для себя приличнымъ дѣлать объявленіе непосредственно, напр. если это былъ помѣщикъ, священникъ и т. под. Памятники не даютъ намъ указаній о томъ, кто именно дѣлалъ провозглашенія отъ имени частныхъ лицъ. Власти имѣли для этого особыхъ герольдовъ, „бирючей". Такъ напримѣръ, въ лѣтописномъ разсказѣ о единоборствѣ въ 993 году русскаго „отрока" съ печенѣжскимъ богатыремъ на берегахъ Сулы говорится, что Владиміръ, получивъ вызовъ печенѣжскаго князя, „приде въ товары (лагерь), посла *бирячи* по товаромъ, глаголя: нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ печенѣжиномъ?" [1]) На обязанности бирючей лежало, между прочимъ, и собираніе вѣча; въ новгородской лѣтописи, цитируемой Карамзинымъ [2]), подъ 1148 годомъ сказано: „Послаша подвойскіе и биричи..., повелѣ (Изяславъ) звонити вѣче". Въ статутовое время обязанность производства публикацій возлагалась на возныхъ, но публиковали они только постановленія и приговоры судовъ, въ помѣщеніи послѣднихъ. Исключеніе составляли только случаи убійства, о которыхъ возный, по освидѣтельствованіи трупа, публиковалъ *на рынкѣ* и въ другихъ мѣстахъ города. Кто дѣлалъ объявленія о бѣглыхъ невольникахъ, мы не знаемъ. Въ приведенномъ выше преданіи о слободахъ упоминается о какихъ-то *окличникахъ*. Желательно было бы получить отъ старожиловъ, хорошо помнящихъ ярмарочныя выкликанія, разъясненіе о томъ, кто именно производилъ ихъ, и не составляло-ли такое производство публикацій спеціальнаго занятія, въ видѣ особой профессіи?

Ив. Новицкій.

---

[1]) Полн. собр. лѣтоп., т. I, стр. 53.

[2]) Т. II, примѣч. 315.

ОДИНЪ ИЗЪ ПРОТЕСТОВАВШИХЪ.

Съ окончательнымъ уничтоженіемъ гетманства, которое сопровождалось назначеніемъ въ правители Малороссіи гр. Румянцева—въ 1765 году,—прекратила свое существованіе политическая автономія Малороссіи. Дѣло исторіи—безпристрастно оцѣнить, на сколько гетманство соотвѣтствовало своему назначенію, на сколько оно стремилось къ общему благу малороссійскаго народа, на сколько порядки и формы жизни послѣдующей эпохи были для Малороссіи сравнительно лучше, прогрессивнѣе и благодѣтельнѣе. Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ до сихъ поръ остается открытымъ,—остается открытымъ, не смотря на то, что онъ былъ поставленъ къ рѣшенію болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Тогда онъ вызвалъ два противуположныхъ мнѣнія, высказанныхъ П. А. Кулишомъ и покойнымъ Максимовичемъ [1]). Пусть этотъ важный историческій вопросъ будетъ снова возбужденъ и поставленъ. Новая постановка можетъ вызвать и новыя рѣшенія, лучше прежнихъ обставленныя фактами.

При постановкѣ и рѣшеніи этого важнаго вопроса, нельзя не остановиться на одной любопытной сторонѣ его, которую я и дѣлаю предметомъ настоящей замѣтки. А именно, какъ отнесся малороссійскій народъ къ факту уничтоженія гетманства: принялъ-ли онъ радостно этотъ фактъ, или-же покорился ему, какъ печальной необходимости; были-ли протесты противъ уничтоженія гетманства и заявленія о необходимости его возстановленія; если были протесты и заявленія, то изъ какой среды они шли? Относительно этой стороны мы, къ сожалѣнію, также мало, или, точнѣе сказать, почти ничего не знаемъ, хотя и можно было-бы освѣтить ее нѣсколько при посредствѣ матеріала, скрывающагося въ нашихъ архивахъ.

---

[1]) Мы разумѣемъ здѣсь предисловіе П. А. Кулиша къ Запискѣ члена малороссійской коллегіи Теплова »о непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи«. (См. Записки о южной Руси, Кулиша, т. 2-й, стр. 169) и отвѣтъ Максимовича въ статьѣ »О Григоріѣ Николаевичѣ Тепловѣ и его Запискѣ о непорядкахъ въ Малороссіи«, помѣщенной въ Русской Бесѣдѣ за 1858 г. Кн. IV, стр. 61; перепеч. въ сочиненіяхъ Максимовича, т. I, стр. 545—564.

Черезъ полтора года послѣ уничтоженія гетманства представился, такъ сказать, легальный поводъ всѣмъ малороссійскимъ сословіямъ, за исключеніемъ крестьянъ, высказаться въ пользу или противъ недавно уничтоженной формы управленія малороссійскимъ краемъ. Мы говоримъ о призывѣ въ началѣ 1767 года представителей отъ дворянства, горожанъ и козаковъ для участія въ выборѣ депутатовъ въ надѣлавшую столько шуму „коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія" и для составленія наказовъ депутатамъ, въ которыхъ требовалось заявить о нуждахъ и недостаткахъ какъ отдѣльныхъ сословій, такъ и всего общества. Какъ-же высказались представители разныхъ сословій Малороссіи въ своихъ наказахъ по вопросу, о которомъ идетъ рѣчь?

„Всѣ почти шляхетскіе наказы начинаются обращеніемъ ко временамъ присоединенія Малой Россіи къ державѣ русскихъ государей и просятъ подтвержденія старинныхъ правъ и привиллегій, удержанныхъ малороссійскимъ краемъ по переяславскому договору"[1]). Но эти просьбы выражались въ черезъ-чуръ общихъ фразахъ, въ родѣ слѣдующихъ: „всенижайше просимъ, дабы въ будущемъ новомъ уложеніи упомянутъ былъ и край малороссійскій, чтобъ оный, въ случаѣ касающихся дѣлъ, трактованъ былъ по своимъ правамъ, прежнимъ обычаямъ, по подтвержденнымъ пунктамъ"[2]). Надо думать, что, говоря о подтвержденіи договорныхъ пунктовъ, малороссійское шляхетство вмѣстѣ съ тѣмъ подразумѣвало и возстановленіе гетманскаго достоинства, безъ возстановленія котораго было немыслимо выполненіе пунктовъ. Только, кажется, одно нѣжинское шляхетство прямо рѣшилось просить объ избраніи гетмана. Но, какъ извѣстно, за эту рѣшимость многіе были арестованы и преданы суду. Замѣчательно, что сами-же паны выдавали начальству участниковъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ, наприм., когда въ деревню къ отставному генеральному подскарбію Якову Марковичу явился, съ цѣлью укрыться отъ преслѣдованія, тулигуловскій сотникъ Щигловскій, замѣшанный въ этой исторіи, то Марковичъ, какъ самъ пишетъ въ своихъ запискахъ, „представилъ его при старостѣ въ коллегію съ доношеніемъ моимъ"[3]).

---

[1]) »Малороссія въ 1767 году«. В. Авсѣенко. Кіевъ. 1864 г. стр. 36.

[2]) Тамъ-же, стр. 37.

[3]) Дневныя записки Якова Марковича М. 1859 г., ч. 2-я, стр. 410.

Городскія сословія не дѣлали даже и такихъ скромныхъ заявленій, какъ шляхетство; однако и тамъ находились отдѣльныя лица, которыя не видѣли ничего хорошаго въ предпріятіи правительства и враждебно высказывались противъ его начинаній, считая ихъ пустымъ нововведеніемъ. Такъ, въ г. Погарѣ войтъ Панасъ уговаривалъ жителей „новины не слушать и къ оной не склоняться и не смотрѣть ни на какіе сторонніе страхи, говоря, что новинѣ передъ стариною во многомъ стыдно и показаться,—новина-де того, что въ старину сдѣлано, не точію поправить, но и сдержать не можетъ“ [1]). Но вотъ козаки прилуцкаго полка не убоялись въ своемъ наказѣ прямо заявить себя сторонниками гетманскаго правленія: „въ Малой Россіи, говорятъ они, первый недостатокъ, что не имѣется гетмана. Того ради просятъ козаки у ея императорскаго величества, дабы повелѣно было въ Малой Россіи избрать гетмана вольными голосами“ [2]). Какой отвѣтственности были подвергнуты прилуцкіе козаки за это заявленіе—неизвѣстно. Недовольство отмѣной гетманства и мысль о возстановленіи гетманскаго званія продолжали проявляться между козаками и въ послѣдующіе годы, какъ показываетъ приводимый ниже эпизодъ [3]).

Въ половинѣ прошлаго вѣка, въ выбельской сотнѣ [4]), черниговскаго полку, былъ сотеннымъ асауломъ нѣкто Матвѣй Новикъ. По происхожденію онъ принадлежалъ къ выборнымъ козакамъ своей сотни, исправлялъ должность куреннаго атамана. Въ сотенные асаулы онъ попалъ въ награду за долговременную службу и за „сгодность“. Болѣе двадцати лѣтъ исполнялъ онъ „добропорядочно“ свои обязанности по асаульству. Наконецъ за старостью и калѣцствомъ попросился въ отставку. Отставка была дана Новику въ мартѣ 1768 года; а въ іюлѣ того-же года случилось съ старикомъ неожиданное приключеніе, которое окончилось для него очень печально, хотя могло кончиться и еще печальнѣе.

---

[1]) Малороссія въ 1767 году, стр. 22.

[2]) Тамъ-же, стр. 129.

[3]) Эпизодъ изложенъ по дѣлу, производившемуся въ малороссійской коллегіи въ 1768 г.

[4]) Село Выбли близь Чернигова, по дорогѣ на Нѣжинъ.

1 іюля утромъ Матвѣй Новикъ пришелъ на домъ къ выбельскому священнику Савичу и просилъ, чтобъ онъ дозволилъ школярамъ запѣть ему псальмы. Для пѣнія позвалъ въ домъ священника дьячка и „великороссійскаго" подлекаря Чепелева, который жилъ въ школѣ и былъ нанятъ другимъ дьячкомъ дьячковать вмѣсто него. Пропѣли одну псальму. Матвѣй Новикъ пригласилъ священника и подлѣкаря Чепелева въ шинокъ госпожи Полуботчихи. Пришли, выпили по чаркѣ, а вѣроятно, и не по одной. Новикъ, какъ человѣкъ бывалый, заводитъ рѣчь о своихъ старыхъ походахъ. Какъ-то дѣло доходитъ и до Малороссіи. Подвыпившій старикъ держитъ рѣчь въ такомъ родѣ.

— Лишилась Малороссія своей прежней вольности, и запорожцы немало утѣснены! А когда господинъ Скуропадскій будетъ гетманомъ [1]), но прежней вольности возстановлено не будетъ, то малороссійскіе козаки съ запорожцами—а можетъ быть призовутъ въ помощь и татаръ—ударятъ на москалей, при чемъ съ перваго Румянцева голову снимутъ.

— А гдѣ-же запорожцы и малороссійскіе козаки возьмутъ людей на уронъ?"—спросилъ хитрый подлекарь, который насторожилъ уши на эти рѣчи, и хотѣлъ повывѣдать что-нибудь и еще.

— Уронъ гдѣ взять—умѣютъ,—отвѣчалъ асаулъ.

Священникъ ничего не говорилъ, но слушалъ. Вышли изъ шинка. Чепелевъ пошелъ со священникомъ къ нему въ домъ. Онъ уже рѣшилъ воспользоваться пьяной откровенностью отставнаго асаула; но чтобъ воспользоваться ею, необходимо было втянуть въ дѣло священника. Ничего не могло выйти, если-бы священникъ,—единственный свидѣтель, вздумалъ отречься отъ того, что онъ слышалъ.

— А какъ вы думаете, и въ правду не можетъ-ли сдѣлаться это великое дѣло?—начинаетъ свой подходъ къ священнику подлекарь.

— Какъ знать!—простодушно отвѣчаетъ священникъ: можетъ быть, и подлинно сіе произойдетъ! Малороссіяне и запорожцы давно вели-

---

[1]) Мы не знаемъ, котораго изъ двухъ Скоропадскихъ, народная молва прочила въ гетманы: генеральнаго-ли асаула Ивана Михайловича, который былъ избранъ депутатомъ въ Москву, въ коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, или Якова, генеральнаго бунчучнаго. Вѣроятно, перваго.

кое притѣсненіе терпятъ; а при томъ-же запорожцы ни откуда инуда, какъ болѣе изъ людей малороссійскихъ, и какъ ихъ, запорожцевъ, дѣды, батьки и братья, такъ бабы, матки и вся родня состоятъ въ Малой Россіи.

Изъ этихъ рѣчей подлекарь Чепелевъ могъ понять, что священникъ неохотно вступилъ-бы въ роль свидѣтеля противъ Новика. Надо было его къ тому принудить. Чепелевъ наединѣ разсказалъ о рѣчахъ, которыя онъ слышалъ отъ асаула, другому дьячку и сообщилъ ему, что онъ хочетъ донести объ этомъ куда слѣдуетъ. Дьячекъ передалъ все священнику. Священникъ, видя, что дѣло получаетъ огласку, и укрывательство можетъ повлечь и для него крайне невыгодныя послѣдствія, сказалъ, что и онъ тѣ рѣчи Новика слышалъ.

Узелъ былъ завязанъ... За подлекарскимъ доносомъ тотчасъ-же воспослѣдовало соотвѣтствующее распоряженіе, и прикосновенные къ дѣлу были забраны и доставлены въ Глуховъ въ малороссійскую коллегію.

Показанія Чепелева бросали сильную тѣнь и на священника Савича. Поэтому священникъ, по видимому человѣкъ крайне робкій, заботился только о томъ, чтобы выгородить себя, обнаруживая полную готовность выдать Новика съ руками и ногами. Онъ подтверждалъ всѣ подлекарскія показанія и чтобы выставить рельефнѣе свою благонамѣренность, сдѣлалъ на Новика добавочный доносъ. Суть этого доноса заключалась въ слѣдующемъ. Когда асаула и священника везли вмѣстѣ въ Глуховъ, Новикъ нашелъ какъ-то случай, во время перемѣны лошадей, говорить съ священникомъ. Новикъ просилъ священника „не осиротить дѣтей“ и ничего противъ его, Новика, не показывать,—при этомъ онъ говорилъ, что самъ будетъ запираться во всемъ, если даже будутъ приводить къ присягѣ.

И дѣйствительно, асаулъ Новикъ запирался во всемъ. Старый воробей, умудренный своимъ многолѣтнимъ должностнымъ опытомъ, онъ не могъ не знать всей цѣны прекрасной формулы: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“. Но послѣ нѣсколькихъ допросовъ и увѣщаній, онъ наконецъ сознался во всемъ, оправдываясь тѣмъ, что былъ пьянъ. Онъ показалъ, что одна женщина, возвратившись въ Выбли изъ Глухова, разсказывала о томъ, какъ въ Глуховѣ народъ ожидаетъ пріѣзда господина Скоропадскаго, который пріѣдетъ гет-

маномъ). Все это женщина разсказывала публично, въ присутствіи многихъ людей, въ числѣ которыхъ былъ и онъ, Новикъ. Всего-же остального о запорожцахъ и о прочемъ онъ ни отъ кого не слыхалъ, а вымыслилъ все это самъ съ пьяна.

Дѣло это повергалось на Высочайшее разсмотрѣніе. По разсмотрѣніи послѣдовалъ слѣдующій указъ Екатерины II на имя Румянцева:

Секретно.

Графъ Петръ Александровичъ!

Присланный отъ васъ въ сенатъ отъ 5-го числа августа рапортъ и при томъ подлинное дѣло по доносу подлекаря Гаврили Чепелева о содержащихся въ Глуховѣ черниговскаго полку села Вибѣль отставномъ сотѣнномъ асаулѣ Матвѣе Новикѣ, попе Якове Савиче, дьячке Никите Андрѣеве и казацкой жене Палагѣе Толстаго, Мы разсматривали; изъ котораго оказалось, что асаулъ Новикъ говорилъ показанные по тому дѣлу дерзкіе слова, кои онъ вымыслилъ самъ собою, такъ какъ и самъ онъ наконецъ показалъ, что ни отъ кого никогда и ни гдѣ оныхъ словъ не слыхалъ, теми-жъ вымышленными имъ словами осмѣлился онъ и объ васъ, какъ о своемъ начальникѣ, говорить непристойныя слова, и что онъ-же показаннаго по дѣлу попа, яко свидѣтеля, уговаривалъ и склонялъ, чтобъ при слѣдствіи истинны на него не показывалъ. За которое его преступленіе по законамъ достоинъ онъ Новикъ, яко нарушитель между тамошнимъ народомъ спокойствія, тяжкому осужденію! Но поелику существо сихъ дерзкихъ словъ ничего иного въ себѣ не содержитъ, какъ одно самое пустое, да еще и вымышленное и збыться не могущее вранье, то сего ради отъ тяшкаго осужденія его Новика избавляемъ. А чтобъ однако-жъ сіе его вымышленное и дерзкое разглашеніе вовсе безъ наказанія оставлено не было, да и впредь бы онъ и ему подобные такихъ развращающихъ плевелъ вымышлять и разсказывать, равно и начальниковъ своихъ поносить не осмѣливались, повелѣваемъ за сіе вранье, вымыселъ и ложное сплетеніе учинить ему публичное наказаніе батоги, и послѣ сего изъ подъ караула свободить. Попъ Яковъ Савичъ, слыша отъ

---

[1]) Вѣроятно, народъ ожидалъ возвращенія изъ Москвы Ив. М. Скоропадскаго, находившагося тамъ депутатомъ въ коммисіи для сочиненія проэкта новаго уложенія.

означеннаго асаула объявленныя дерзскія слова, объ оныхъ по долгу присяги своей, и такъ какъ человѣкъ свѣдущій законы, не донесъ! за что и дабы онъ впредь, буде иногда отъ кого услышитъ какіе непристойныя и дерзскія слова, доносилъ въ свое время безъ наималѣйшаго упущенія, посадить его подъ началъ въ монастырь на двѣ недѣли, и потомъ освободить. Дьячка Никиту Андрѣева, такъ-же и жонку Палагѣю изъ подъ караула освободить: ибо показанные на оную жонку отъ асаула Новика слова сами по себѣ ничего не значатъ. Показанной-же доноситель подлекарь Чепелевъ за правой его извѣтъ по справедливости заслуживаетъ награжденіе, которое ему имѣете учинить вы по вашему разсмотрѣнію.

Екатерина.

Сентября 3-го дня.
1768 года.
С.-Петербургъ.

Въ силу настоящаго повелѣнія, Матвѣй Новикъ былъ наказанъ батогами на площади въ городѣ Глуховѣ публично, съ барабаннымъ боемъ, а священникъ Савичъ отправленъ съ нарочнымъ компансейцемъ къ кіевскому митрополиту Арсенію, для исполненія назначеннаго ему наказанія.

П. Ефименко.

ИСКЛЮЧЕНІЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ЗА САМОВОЛЬНУЮ ОТЛУЧКУ.

Шевченко, передъ своимъ арестомъ въ 1846 году, состоялъ въ качествѣ рисовальщика при кіевской „Временной Коммисіи для разбора древнихъ актовъ“, издававшей тогда мѣстныя „Древности“, получая въ годъ 150 р. жалованья. Послѣ его ареста, состоялось такое журнальное постановленіе коммисіи:

„1847 марта 1 дня. Временная коммисія для разбора древнихъ актовъ, имѣя въ виду, что сотрудникъ коммисіи Шевченко безъ всякаго согласія коммисіи (sic) отлучился изъ Кіева и по коммисіи не занимается,—опредѣлили: исключить его изъ числа

сотрудниковъ коммисіи, съ прекращеніемъ производившагося ему жалованья по 12 руб. 50 коп. серебр. въ мѣсяцъ".

Подписи: Предсѣдатель К. Писаревъ.—Членъ коммисіи В. Чеховскій.—Членъ коммисіи Ал. Ставровскій.—Членъ коммисіи А. Селинъ.—Дѣлопроизводитель коммисіи Н. Иванишевъ.

Сообщилъ **Ив. Н.**

МѢСТОРОЖДЕНІЕ СЕМЕНА ПАЛІЯ.

Счастливый случай, при разборѣ склада бумажной рухляди въ мѣстечкѣ Красный Колядинъ (конотопскаго уѣзда, черниговской губерніи), въ домѣ Николая Николаевича Забѣлы, потомка извѣстнаго нѣжинскаго полковника, навелъ меня на судебный актъ, въ которомъ выясняется стоявшее въ туманѣ мѣсторожденіе столь виднаго въ украинской старинѣ лица, Семена (какъ значится, по акту, *Филиповича)* Палія.

И теперь вижу предъ собою любителя украинской старины, архіерея черниговскаго, Филарета Гумилевскаго, любимымъ героемъ котораго былъ Семенъ Палій. Сколько онъ трудовъ и поисковъ предпринималъ для уясненія родины Семена Палія! Въ бесѣдахъ со мною высокочтимый трудовникъ и изслѣдователь какими только предположеніями, соображеніями и догадками не задавался по занимавшему его долгое время вопросу! При одномъ свиданіи узнаешь, что „по всѣмъ имѣющимся доводамъ Палій долженъ быть родомъ остерскаго уѣзда, деревни Пуховки", при другомъ иное. Теряясь въ догадкахъ и предположеніяхъ, съ какимъ-бы восторгомъ встрѣтилъ онъ такой доказательный документъ, какъ приводимый здѣсь отрывокъ изъ судебнаго процесса—объ *отчистомъ* домѣ—брата Семена Палія, Ѳедора, съ Тимошемъ Шевцемъ. Вотъ подлинныя слова изъ этого документа, не оставляющія болѣе сомнѣнія въ мѣсторожденіи и отчествѣ славнаго украинскаго героя.

„Року тысяча шестсотъ девятдесятъ четвертого, мѣсяца ноеврія кг дня.

По злеценю его милости, пана Стефана Петровича Забѣли, полковника нѣжинского, на вряде нашомъ борзенскомъ, передо мною Та-

расомъ Тарасовичемъ Забѣлою, сотникомъ борзенскимъ, Петру Макаровичу отаману городовомъ, Кирилу Марковичу войту, Савѣ Даниловичу бурмистру. Постановившися очевисто *Федоръ Филиповичъ, его милости, пана Семена Палья, рожоний братъ,* сполне зъ Тимошемъ Шевцемъ, *жители наши борзенскіе,* претендовали намъ о томъ свою праву: иж яко будучи они в заводѣ и алтернаціи промежду собою вышъ помененіе Федоръ Филиповичъ з онимъ Тимошемъ о *той отчистый ихъ над речкою Сорокою стоячий....*"

По этому поводу позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ вообще о нашихъ письменныхъ памятникахъ, собираніе и сбереженіе которыхъ такъ важно для исторіи южной Россіи.

Большой грѣхъ лежитъ на душѣ тѣхъ, которые не берегутъ рукописныхъ сокровищъ, нерѣдко валяющихся въ домашней рухляди, и хранящихъ въ себѣ подъ-часъ такія драгоцѣнныя свѣдѣнія, какихъ не найти въ офиціальныхъ хранилищахъ. Не въ однихъ казенныхъ, но и частныхъ архивахъ находятся массы документовъ, которые обнимаютъ собою всю внутреннюю минувшую жизнь нашу, свѣдѣнія о которой у насъ такъ бѣдны; топографію, экономическій бытъ, медицину народа, обычаи, обычный судъ, матеріалы для изученія украинскаго слова и проч, и проч. Съ упраздненіемъ старыхъ формъ жизни и вѣдавшихъ ее учрежденій, съ введеніемъ въ частности размежеванія—всѣ прежнія дѣла остались не нужными, и должны погибнуть безвозвратно, а съ ними и всѣ свѣдѣнія о внутренней нашей жизни прежняго времени. Опредѣляя многоразличное значеніе ихъ для исторіи по тѣмъ выводамъ и соображеніямъ, которыя черпаются изъ прочтенія ихъ, можно бы составить обширную статью. Сколько приносится жертвъ отъ богатыхъ, торговыхъ дѣятелей и прочихъ видныхъ людей на заурядные предметы, уже до-сыта пользующіеся дарами припотеній! Но объ образованіи капитала, о сборѣ пожертвованій на учрежденіе хранилища къ сбереженію историческихъ письменныхъ и другихъ памятниковъ, въ видахъ самоизученія въ прошедшей жизни, въ жизни нашихъ предковъ, со скорбію сказавши, нѣтъ и почину. Потому съ сердечною радостію примешь вѣсть, въ родѣ заявленной газетно въ прошломъ году, что почтенный цѣнитель старины и изслѣдователь, Гр. А. Милорадовичъ, беретъ на себя половину средствъ для уст-

ройства дома къ помѣщенію документовъ, куда заявляетъ желаніе передать и свои. На такое заявленіе сочувственно отозвался черниговскій городской голова В. М. Хижняковъ. Будемъ ожидать благаго начинанія! Мнѣ кажется, что починъ обыкновенной складчины и подписки, прошедшій по всей странѣ, далъ-бы соотвѣтственный капиталъ!

Ст. фонъ-Носъ.

ЛЕГЕНДА И ТРИ ПѢСНИ О СЕМЕНѢ ПАЛІѢ.

Приводимая легенда и три пѣсни о Семенѣ Паліѣ представляютъ намъ въ общихъ, особою фантазіею пріукрашенныхъ чертахъ—и свѣтлый образъ украинскаго рыцаря Семена Палія, вѣрно служившаго своей родинѣ и общему отечеству — Россіи въ памятный день полтавской битвы, и мрачную тѣнь Мазепы, какъ она отпечатлѣлась въ фантазіи и памяти народной, и взаимныя ихъ отношенія, и Паліеву опалу, и первоначальную близость Мазепы къ царю, и послѣднюю судьбу немногихъ увлеченныхъ имъ козаковъ. Для насъ драгоцѣнны эти общія черты двухъ выдающихся дѣятелей нашей исторіи, сохранившіяся на мѣстѣ бывшаго Запорожья. Любопытно это объясненіе народною фантазіею близости Мазепы къ царю и способа превращенія его въ царскаго отступника. Подъ конецъ 2-й пѣсни хронологическая вѣрность теряется въ памяти народной и она придвигаетъ Палія едва-ли не ко времени Екатерины II и послѣднихъ годовъ Запорожья. *Ред.*

ЛЕГЕНДА.

Мазепа якъ пародивсь—то ёго хрестивъ Петро Первый. Отъ якъ гуляли хрестини, а тамъ и Семенъ Палій бувъ, то Семенъ Палій и каже: гляди, царю, бо сей Мазепа тебе з царства ссадить!— „Що ты кажешь!... озьмить ёго та завезить за Піскове море“! А те Піскове море, Богъ ёго святий знае, де воно вже, а переіхати, кажуть, можно тильки меделянами! [1]).

---

[1]) Порода собакъ. Указаніе на ѣзду на собакахъ въ мѣстѣ ссылки Палія.

Отъ якъ ставъ швецькій король підмовлять Мазепу, шобъ той йшовъ Петра Первого воювать, Мазепа й каже: якъ-же я піднімусь на ёго, то вінъ мені хрещений батько? (то, бачь, зна—шо гріхъ). А ты, каже швецькій король, піди у церкву, та на царськихъ вратахъ потончи евангелію—будешь ты тоді проклятый,—тоді тобі не гріхъ. Мазепа послухавъ тай потоптавъ евангелію; за те-жъ теперъ ёго и звуть проклятымъ.

Отъ якъ зачали підійматись,—той с цеі стороны, а той с тіі, посідають Полтаву. А Петро Первый и жаліется: шо якъ-бы хто одстоявъ Полтаву, то не пожалівъ-бы Богъ знае чого.—Э, кажуть ёму, Семенъ Палій—вінъ може одстояти. Подать ёго сюди!—Такъ вінъ, кажуть ёму, за Пісковимъ моремъ, треба меделянами іхать, не вистигне [1]). Виспівайте [2]), а я тутъ поки самъ одбиватимусь!—Заразъ метнулись—привозять ёго. А вінъ уже старый та сідый—аж трімтить [3]).—А шо, каже, царю, не правда моя?—Отъ сіли, пообідали, Семенъ Палій и каже: піду я, на ёго військо подивлюсь. Та перекинувсь собакою тай побігъ у ёго лагері. А Мазепа та взявъ до себе джуру [4]) Семенового; то той джура побачивъ, тай каже: онъ, шось собака біга, то не спроста. А Мазепа каже: адже намъ іісти хочется, такъ и ёму, хай біжить!—Отъ якъ Семенъ Палій все вже розглядівъ, чого ёму було треба, побігъ до своіхъ тай хвалится: трохи було мене джура мій не пізнавъ—та добре, шо я—якъ вчивъ ёго—одного ше слова не сказавъ. Та якъ взявъ стрілу, якъ пустивъ, а вона прямо у борщъ Мазепі.—Э, тікаймо, каже, бо вже старый собака тутъ!—Військо-жъ лягло, а вони десь, кажуть, ажъ у Турцію подались, та тамъ одинъ одного й порізали!

Сл. Богатая, екатеринос. губ., новомосковск. уѣзда, на р. Богатой и Орели, отъ старика лѣтъ 90.

ПѢСНЯ 1-я.

Ой з-за гаю, гаю зеленого
Та орелъ вилітае,
От тамъ же проклятый Мазепа—
Та наметъ розбивае:
Шовковими все килимами
Та столи застеляе,

---

[1]) Не поспѣетъ. [2]) Поспѣшайте. [3]) Трясется, дрожитъ. [4]) Слугу, оруженосца.

Та Семена, Семена Палія
  У гостоньки зазивае:
„Просю ж тебе, Семене Палію,
  Та на бенкетъ до себе“.
—Ой боюся, проклятый Мазепо,
  Щобъ ты мене не зрадивъ.
„Ой далебі, Семене Палію,
  А далебі не зрадю,
Ой я тебе, Семене Палію—
  На все добре порадю:
Ой ти будешь, Семене Палію,
  Королемъ королювати,
А я буду, Семене Палію,—
  Та царемъ царювати!“
—„Не достоінъ, проклятый Мазепо,
  Та царемъ царювати,
Ты достоінъ, проклятый Мазепо,—
  Въ ката въ стовпа постояти!“
Ой садовить та свои гайдуки—
  Тай усе по за стиллю,
А Семена, Семена Палія—
  Тай усе по ослонахъ.
Ой напувае та свои гайдуки
  Все медомъ солоденькимъ.
А Семена, Семена Палія—
  Все виномъ зелененькимъ,
Ой не много та Семенъ Палій,
  А не много випивши,
А буйною та головочкою—
  На скалню схилився.
Ой як крикне проклятый Мазепа
  Та на свои гайдуки:
Беріть, беріть Семена Палія
  Та все стиха підъ руки,
Ой узявши истиха підъ руки—
  А залийте в кайданы,
А заливши та у ті кайданы—

Закидайте въ темницю,
А я жъ хочу з королемъ швецькимъ
До царя на скалницю!
Ой змовивъ та Семенъ Палій
Та сидячи в темниці:
Ой брешешь, брешешь, проклятый Мазепо,
Та въ царя на скалниці!

Сл. Богатая, новом. уѣзда. Пѣлъ тотъ-же дѣдъ, и какъ поясненіе, разсказалъ предъидущее преданіе.

ПѢСНЯ 2-я.

Ой пьють, тай пьють та два козаченьки,
Вони пьють та гуляють,
Та вони съ собою Семена Палія
На охоту підмовляють.
Та поідьмо, Семене Палію,
На охоту изъ нами,
Бо вже не буде, Семене Палію,
Тобі зрізноньки падъ нами.
Та не вспівъ же та Семенъ Палій
Та меду вина напиться,
Ой поспішився проклятый Мазепа
До Палія примоститься.
Ой та беріте, хлопці Харшавці,
Семена Палія під руки,
Та забийте Семена Палія—
Та у кріпкі заліза,
Ой посадіте Семена Палія—
Та у темну темницю,
Та в залізную клітку,
За залізниі двери.
А як оглядiлась та наша цариця
Та не звечера в ранці:
Ой десь немае Семена Палія
В моему білому царстві.—
Ой дай же намъ, та наша цариця,
Тай двойное жалування—

И шей красну одежу:
Тоді можемъ знати, можемъ розіськати
Тай Семена Палія—
Ой Семена, Семена Палія—
Превеликаго лицаря.

Сл. Старая Водолага, харьк. губ. валковскаго уѣзда.

ПѢСНЯ 3-я.

Ой ты Семене, Семене Палію,
Ти преславный козаче,
За тобою, Семене Палію,
Та вся Украіна плаче.
Ой не такъ же тая Украіна—
А якъ город Полтава,—
Тамъ торгуе проклятый Мазепа
А виномъ зелененькимъ,
Та частуе Семена Палія
А кубочкомъ повненькимъ.
Баче, баче проклятый Мазепа,
Шо Семенъ Палій спився,
Вінъ своему коню вороному
Та на гривочку схилився.
Ой як крикне проклятый Мазепа
Та на своіхъ гайдарівъ:
Берітъ его, превражого сына,
Заливайте в кайданы,
Ой заливши ёго у кайданы,
Закидайте в темницю,
А закинувши ёго у темницю
Бийте з ружьивъ, пістолетівъ,
Шобъ Семена, Семена Палія—
Шобъ на світі було *нѣту*,

Сл. Банная,—противъ Святогорскаго монастыря, харьковск. губ., изюмскаго уѣзда. Записана отъ бабы.

Сообщ. **И. Манжура.**

ОДЕССКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ 1881 ГОДУ. *)

Это уже 42-й годъ существованія Общества. Къ концу этого года въ составъ Общества, состоящаго подъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества, Государя Императора, входили: 17 почетныхъ членовъ, 4 должностные члена, 82 дѣйствительныхъ и 42 сотрудниковъ и корреспондентовъ,—всего 146 лицъ. Общество имѣло пять засѣданій, на которыхъ предложены были слѣдующіе матеріалы и статьи:

Н. Н. Мурзакевича: 1) Ходатайство французскаго негоціанта А. Антуаня въ 1786 году у князя Потемкина-Таврическаго объ открытіи торговыхъ сношеній г. Херсона съ Марселью; 2) два письма генералъ-маіора Мих. Илар. Голенищева-Кутузова 1790 и 1791 годовъ; 3) Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ, новороссійскій колонизаторъ, и 4) Свѣдѣнія о Гавріилѣ Бодони, митрополитѣ—экзархѣ кишиневскомъ.

В. П. Юргевича—изъясненія: 1) Воспорской надписи царя Аспурга 301—309 понтійской эры, 5—13 по Р. Хр.; 2) надписи царя Асандра; 3) памятника Алемена, сына Агаѳоклова; 4) пяти надписей эллинскихъ и трехъ римскихъ, принадлежащихъ понтоевксинскому городу Томи, и 5) древне-греческой надписи, найденной въ 1881 году въ Херсонесѣ, посвященной Аристону, сыну Артина.

А. П. Чиркова—Описаніе строеній, бывшихъ въ херсонской крѣпости и адмиралтействѣ при состояніи ихъ съ 1806 по 1825 годъ, съ планомъ.

К. Е. Гемшельмана—фотографическіе снимки: 1) древней надписи, посвященной херсонитянину Аристону, сыну Артина, найденной 28 мая отчетнаго года; 2) императора Зинона о построеніи въ древнемъ Херсонѣ башни въ 512 году по Р. Хр. адмираломъ Діогеномъ.

---

*) Не установивъ еще непосредственныхъ сношеній для своевременнаго сообщенія ближайшихъ обстоятельныхъ свѣдѣній о дѣятельности Общества въ области мѣстной исторіи, мы ограничиваемся на этотъ разъ передачею такихъ свѣдѣній по отчету его за минувшій годъ, изданному отдѣльною брошюрою въ этомъ году въ Одессѣ. Вскорѣ мы представимъ свѣденія по отчетамъ другихъ нашихъ обществъ, дабы имѣть возможно полный очеркъ ученыхъ работъ, сгруппированныхъ въ отдѣльныхъ кружкахъ на пространствѣ южной Россіи. Желательно-бы имѣть свѣденія о хранилищахъ южнорусскихъ письменныхъ и другихъ памятниковъ древности; но это дѣло дальнѣйшаго времени. *Ред.*

А, К. Накко—Свѣдѣніе о находкѣ древняго глинянаго сосуда, выкопаннаго въ 1881 году около р. Бендеръ.

Г. П. Алексѣева—копія герба правителя екатеринославскаго намѣстничества Н. И. Синельникова, убитаго подъ Очаковомъ въ 1788 году.

О. Ф. Ретовскаго—Отчетъ о состояніи ѳеодосійскаго музея древностей въ 1880 году.

А. П. Недзѣльскаго—Заявленіе объ открытіи слѣдовъ древности херсонесскаго водопровода, идущаго къ нынѣшнему монастырю св. Владиміра, съ чертежомъ.

П. А. Китицына—Городъ Кобеляки, полтавской губерніи, нѣкогда числившійся въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ.

Священника І. Пяга—Описаніе старинной молдавской церкви XVI в. въ м. Каушанахъ, кишиневской епархіи.

Г. И. Попандопуло—Планъ и фасадъ севастопольскаго путеваго дворца Екатерины II въ 1787 году.

М. П. Паризо—Планъ села свято-троицкаго и землянаго укрѣпленія при р. Бугѣ, насыпаннаго въ 1709 году шведскимъ королемъ Карломъ XII.

В. Н. Цикуленко—Актъ о находкѣ у села Троицкаго, что при устьѣ р. Тилигула, древней ольвійской амфоры съ гончарнымъ клеймомъ.

А. Н, Кудрявцева—Переводъ турецкой измаильской надписи 1209—1791 года.

Большая часть этихъ рефератовъ вошла въ составъ изданнаго въ 1881 году XII тома Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей", гдѣ помѣщено, между прочимъ, „Топографическое описаніе самарскаго николаевскаго монастыря, находящагося екатеринославской губерніи въ двухъ верстахъ отъ города Новомосковска", Чиркова.

Дѣятельность Общества въ отчетномъ году выразилась также въ археологическихъ изысканіяхъ и сохраненіи мѣстныхъ памятниковъ. Раскопки, произведенныя съ нѣкоторыми перерывами въ Херсонесѣ, доставивъ незначительное количество мѣдныхъ вещицъ и монетъ, увѣнчались весьма важной находкой. По случаю расчистки прямой улицы отъ приморской базилики съ востока на западъ къ новостроимому монастырскому собору, 28 мая открыто на бывшемъ

древнемъ городскомъ водопроводѣ мраморное подножіе статуи, поставленной нѣкогда здѣсь въ честь херсонитянина Аристона за разнообразныя, оказанныя имъ городу Херсонесу общественныя услуги, исчисленныя въ десяти изсѣченныхъ рельефно на камнѣ оливковыхъ вѣнкахъ, по примѣру, существовавшему въ Аѳинахъ. Надпись эта принадлежитъ времени римскаго императора Адріана (132—153 г. по Р. Х.), у котораго Аристонъ, между прочимъ, ходатайствовалъ о возстановленіи въ Херсонесѣ издревле бывшаго въ немъ самоуправленія. Аристоновъ памятникъ есть четвертый письменный мѣстный документъ, послѣ сказаній греческаго географа Страбона (глава 7), непосредственно касающійся города Херсонеса. Кромѣ того, въ находящемся неподалеку отъ херсонскаго монастыря виноградникѣ севастопольскаго жителя случайно открыты слѣды *водопровода*, въ древности снабжавшаго Херсонесъ прѣсною водою. Во время осады Корсуня (какъ называется Херсонесъ съ IX в. у русскихъ) кіевскимъ великимъ княземъ Владиміромъ I Святославичемъ, въ 988 году, этотъ водопроводъ, по указанію грека Анастаса, былъ перекопанъ, чѣмъ великій князь и вынудилъ жителей города сдаться. Съ конечнымъ разореніемъ Херсонеса литовскимъ княземъ Ольгердомъ въ 1398 году, водопроводъ забитъ; лишь его слабыя отрасли питали виноградники, существовавшіе до 1783 года, т. е. до начала заселенія Севастополя.

Въ вѣдѣніи Общества состоятъ музеи: одесскій, ѳеодосійскій и керченскій, и библіотека Общества.

Въ 1881 году въ библіотеку Общества поступило до 40 названій, а въ одесскій музей свыше 500 предметовъ. А затѣмъ, коллекціи общества представляютъ слѣдующую числимость: а) по библіотекѣ 4200; б) по музею—памятниковъ эллинскихъ, римскихъ, венеціано-генуэзскихъ, монголо-татаро-турецкихъ, отечественныхъ, литовско-польскихъ, инородныхъ, египетскихъ—2183, и монетъ, медалей, жетоновъ и знаковъ отличія 12757,—всего 21140. Въ ѳеодосійскій музей поступило въ 1881 году 152 предмета, кои съ прежними поступленіями доходятъ до 2378 №№.

На первой страницѣ Отчета помѣщенъ снимокъ съ серебряной монеты кіевскаго князя св. Владиміра (980—1015 г.).

Н. П.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ I томѣ „Кіевской Старины", 1882 г.*)

Августинъ Полонскій, архим., 199.
Августъ, король польскій, 215—218.
Авсѣенко В. Г., 199.
Агапитъ, архим. печерскій, 5.
Академія виленская, 266, 280.
Академія краковская, 265, 267, 280.
Аксакъ Янъ, подвоеідій кіевскій, потомъ судья, 243, 247, 249, 250.
Александровичъ М. Н., 199, 204.
Александръ-Августинъ Лодзяла, еписк. уніатскій, 568.
Александръ Казимировичъ, в. кн. литовскій, († 1507), 22, 23, 35, 37, 39, 233, 244.
Александръ Ярославичъ, Невскій, кн. кіевскій (1249—1263), 5.
Алексій, митр. моск., 11.
Амвросій Келембетъ, архіеп. тоб., 199.
Анастасевичъ В. Г., библіографъ, 314.
Анастасія, дочь в. кн. моск. Вас. Дм., жена кіевск. кн. Олелько, 17.
Андрей Боголюбскій, кн., 7.
Андреевъ Никита, дьячокъ, 607.
Андріевскій А., ред. Кіев. Губ. Вѣд., 203.
Антоній Жуминскій, инспект. калужск. сем., 503,
Антоновичъ Вл. Б., проф, к. ун., его статьи: »Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI ст.«, 1—48; »Петръ I-й въ Равѣ«, 214—218; »Паны Ходыки«, 233—261; предисловіе къ Дневнику Освѣцима, 126—129; »Православный монастырь и его уніатская лѣтопись, 418—425; рецензіи, 209—211, 401—404; рефераты 586, 589, 591; упомин. 199.
Антоновичъ П. А., бывш. попечит. кіев., 170.
Антоновъ В., свящ. 199.
Аполлосъ Терешкевичъ, еписк. укр. 199.
Апостолъ Д., гетманъ, 117, 120, 122, 496, 497, 498.
Арандаренко Н. И., полт. губ., писатель, 564.
Арцишевскій, начальн. польск. артилл. 141.
Аскоченскій В. Ип. 499.
Аѳанасьевъ, подполковн., 179, 180, 182, 387—391.

—

Багалѣй Д. И., его рецензія 405—407; рефераты 585, 588; упомин. 199.
Базановскій Дм., козакъ, 39.
Байранъ-Кази, предвод. орды, 131.
Балабанъ Григ. (Гедеонъ), архим. жидичинск., 74—86.
Балабанъ Ѳедоръ, 81.
Балабушевичъ В., 199.
Балакиръ Федька, староста мозырск. 237.
Балакиры, 30.
Балыка Богданъ, 256.
— Денисъ 256, 416.

*) Цифры указываютъ страницы тома.

Балыка Созонъ, 257, 416.
— Яцко, съ 1592 г. войтъ кіевск. 251, 253, 256.
Балясный, козакъ, 489, 490.
Бантышъ-Каменскій Дм. Н., 195.
Бартеневъ Юр., 167.
Бартошевичъ Ю., 200.
Батюшковъ П. Н., 565.
Бахталовскій Г., 200.
Безбородко, кн. Алдръ Андр., 201, 320.
Беклемишева Д. А., 171.
Бенедиктовъ Влад. Гр., его стихи, 166.
Бентковскій І., 206.
Березинъ В., 200, 565.
Березовый Несторъ, 391.
Бецкій. Ив. Е., издат. »Молодика«, 313—315, 323.
Биберштеинъ Г., 200.
Бибиковъ Дм. Гавр., ген.-губ., 311.
Билоченко Степко, сотникъ багдановскій, 371.
Билый Савва, полк. войсков., 207.
Бобровскій, каноникъ, профес. вилен. ун., 566.
Богданко, гетманъ, 315, 329.
Богдановичъ, проф. краковск., 284.
Боголюбовъ П. Ф., 558.
Богородскій С. Ос., проф., 172.
Богоявленскій М., 200.
Богунъ, полк. кагальницк. 376, 378, 384.
Бодянскій Ос. Макс. 172, 367.
Бона, королева польск. (итальянка), 53.
Бондаренко, предводит. гайдамаковъ, 530—537.
Борзобогатый Красенскій Ив., управл. луцкой епарх., 51.
Борковскій Вас., генеральн. обозный, 107.
Борлѣвичъ Алдръ, свящ. 396.
Боровиковскій Л. И., 398.
Бородаевскій, подполк., 503.
Бороховичъ Мих., полк. гадячск., 317.
Брачи Севастіанъ, архит., 257, 416.
Брель-Платеръ, графъ, 205.
Бржуханскій, панъ, 144.
Бринкнеръ А. Г., 200.
Броневскій, королевс. секретарь, 63, 65.
Брюховецкій, гетм., 316, 349, 350.
Будиловичъ А. С., проф. варш. унив. 200.
Бурковскій, чин. зѣнков., 545.
Бурсакъ Федоръ, войсков. атаманъ, 208.
Бутовичева Наст. Петр., 558.
Бутовичъ Степ., сотн. седневскій 106; генеральн. есаулъ, 484, 485.
Бѣгановскій, послан. польскій, 131.
Бѣлинскій Францишекъ, писарь корон. 276, 296.
Бѣлоровскій Кир., артилл. экономъ 118.
Бѣлюгова В. Е., 502.
Бѣлюгова Люб. Алдр., 502.
Бѣлюговъ А. И., товарищъ преосв. Иннокентія, 502—519.
Бюргеръ А., издат. »Радуги«, 159.

—

Вага, ксендзъ, 292.
Валькевичъ Петръ, ген. есаулъ, 114, 492, 493.
Варлаамъ Шишацкій, архіеп. могилев. 400.
Василій Дм., в. кн. моск., 12, 17.
Василій Ив., в. кн. моск., 24.
Велякановъ А., 200.
Велинскій Анд., пріятель М. А. Максимовича, 164.
Величко Ив., атам. сосновскій, 111—113.
Вельяминовъ, 116, 490.
Вельяминъ Рутскій, митр. уніатскій, 568, 579.
Велятицкій Ив., писарь пинскій, 61, 65, 86, 99.
Венелинъ Юр. Ив., 503.
Вертѣй Грицько, козакъ, 103.
Веселовскій А., 200.
Вигель Ф. Ф., 167.
Викторъ Садковскій, архіеп. черниг., 540, 551—557; Епитафія ему, 553—555; отвѣтъ отъ имени его, 555—557.
Вижкга—венгринъ, 89.
Вижовскій, шляхтичъ, 63.
Винницкій, панъ, 526.
Витовтъ Кейстутовичъ, кн. литовскій, 10, 12—14, 26, 29, 35, 37, 43, 236.
Витошинскій Филимонъ, іером., 422.
Вишенскій Іоаннъ, постриженецъ Аѳона, 54, 56—59, 81, 94.
Вишневецкіе Дм. и Мих., старосты украинскіе, 34.

Вишневецкій Іеремія, кн., 130, 135, 141, 142, 145, 146, 369, 374, 381.
Вишньовскій Діон., игум. сатановск., 421.
Владиміровъ А., 200.
Владиміръ Васильковичъ, кн. волынскій, 5.
Владиміръ Ольгердовичъ, кн. кіевскій, 5, 11, 12, 37, 43.
Владиміръ св., кн., 8, 573, 575.
Владиславъ IV, кор. польск., 56, 265.
Воллинскій Анатолій, игум. сатан., 421.
Войниковъ В. И., маіоръ, 118.
Войтѣхъ, биск. лат. 567.
Войченко Яськo, посолъ Хмельницкаго, 366.
Волинскій, п. 144.
Волчковичи, 30.
Вороновъ А. Д. 590.
Воронцовъ гр. М. С., 208.
Вороны, кн., 30.
Вороны-Боронынскій А., шляхтичъ, 63.

—

Гавратынскій, сотникъ, 371, 372.
Гаврилковъ М., протор., 200.
Гавріилъ Банулеско, митроп. бессар., 221.
Галаганъ, полк. прилуцк., 317, 318, 358, 359.
Галицкій, кн. Левъ. 573.
Галятовскій І., 219.
Гамалѣя Мих., 491.
Ганицкій М. 200.
Ганна, дочь Терлецкаго, 61.
Гарасименко, поруч., 191, 192.
Гаркави А Я., 200.
Гаштолдъ М. Я., воевода кіевск., 20, 40.
Гаштолдъ Янъ, воевода вил., 17.
Гваньини, 2, 42.
Гдешинскій М., панъ, 145.
Гедиминъ, кн. лит., 8.
Гедройтъ Флоріанъ, кн., 61.
Гейденштеинъ, 2, 42.
Герардъ, предсѣд. варш. суд. палаты, 270.
Гербановскій, семинар. кам-подольск., 309.
Гербель Н. В., 200.
Герберштеинъ, 2, 42.
Гижовскій Петръ, шляхтичъ люблин., 65, 66.
Гильтебрандъ П., 565.
Гиляревскій А. К., 200.
Гиновскій, п., 523.
Гладкой В. О., 200.
Глинскій кн. Вас., 24.
Глинскій кн. Ив., 24.
Глинскій кн. Мих. Льв., 20, 22, 24, 25.
Глухъ Іос., полк. уманск., 379.
Гнатовичъ Амвр., игум. сатан., 422.
Гоголь Н. В.. 400.
Голдаковскій, п., 138.
Гойскій, шляхтичъ, 97.
Голицынъ кн. Вас., 317, 360.
Головатый Апт., войск. судья, 207.
Головинъ А. И., вице-адмиралъ, 118.
Головянъ, канцлеръ, 214.
Головкинъ Мих., канцлеръ, 117, 317, 364, 479, 483, 498.
Головчицъ, ксендзъ, 269, 279, 298, 477.
Голубевъ С. Т., 201.
Голубинскій Е. Е., проф. моск. акад., 201.
Голубовскій П. В., 399, 403—407, 584.
Гольшанскіе, князья, 21.
Гольшанскій Сем., кн., 16.
Гонта, полк., 523—525.
Горайскій Збигнѣвъ, кастелянъ кіев., 381.
Гордіевскій Іос., свящ., 177.
Гордонъ, 105.
Горжковскій М., 201.
Горленко Дм., полк. прилуцк., 317, 357.
Горностаи, 30.
Горностай, п. въ Кіевѣ, 41.
Горностай, региментаръ польскаго войска, 219—220.
Готовцева Марія, ея стихи, 158.
Готовцева Н., ея стихи, 157—158.
Грабовскій М., 2.
Грабянка Гр., полк гад., 319, 480.
Грековичъ Антоній, 255, 256, 258.
Грембецкій, сатирикъ, 557.
Гречъ Н. И., 264.
Григорій Постниковъ, списк. рев., послѣ митроп. спб., 514, 515.
Григорій Цимлякъ, митр. кіев., 43, 44, 568.
Григоровичъ, дьячокъ, 190.
— П., 201.

Григоровичъ, 201.
Гродзицкій. нач. артил., 141, 144, 145.
Гротъ К. Я., магистръ спб. универ., 408—412.
Гротъ Я. К., академикъ, 170.
Грузины братья Ив. и Карпъ, 516.
Губе, директ. варш. кад. корп., 293.
Гулевичъ Демьянъ, трибун. депутатъ, 83.
Гулевичъ, шляхтичъ, 242.
Гульчевскій, 130.
Гульчевскій Станисл., стольникъ варш. 366.
Гурко, гр. Лука, 210.

—

Давидъ, архим. печ., 5.
Давыдовъ, Д. В., 172.
Даніилъ Романовичъ, кн. галицк., 4.
Дахновичъ А., адвокатъ луцк., 67
Дашкевичъ Н. П., 581, 586, 596.
Дашкевичъ Н., свящ., 179.
Дашковичи, 30.
Дашковичъ Остафій, староста черк. и кан. 24, 34, 244, 250.
Дворецкій, полк. кіевскій, 206.
Дедовичи, 30.
Дембовскій, канцеляристъ, 493.
Демянъ, дякъ Терлецкаго, 89.
Денгофъ, полк., 144, 372.
Де-Пуле М. О., 201.
Деркачевъ, становой, 187.
Димитрій Ивановичъ, в. кн. моск., 5.
Димитрій Сулима, архіеп. кишин., 515, 516.
Дитерихштейнъ, архитект., 219.
Добржанскій, игум. сатановск., 421.
Діонисій, нареч. митр. кіев., 5, 12.
Длугошъ, историкъ польск., 12.
Добринскій Никол., 89—92.
— Стеф., свящ., 87, 88. 93.
Добрянскій Ф., 564.
Должикова М. К., 558.
Домбровскій В. Ѳ., проф. кіев. унив., 405.
Домонты Черкашенины князья, 30.
Доценко Несторъ, козакъ, 495.
Драгомановъ М. И., 172.
Древинскій Лаврентій, 579.
Друцкіе, князья, 25.
Друцкій-Соколинскій. кн. М., 570.
Дубельтъ Л. В., нач. III отд., 314, 315.
Дублянскій Гр., 244, 245.
— Стеф., 244.
Дуброва, черниг. житель, 558.
Дубянскій Ѳедоръ, духовн. царск., 399.
Думитрашко-Раичъ, полков. переясл., 102, 108, 316, 350.

—

Евгеній Болховитиновъ, митр. кіевск., 314, 398, 500, 516, 518.
(Ейковичъ) Димитрій, воевода кіев., 2.
Екатерина II, 322. 607, 608.
Елагина А. П., 155, 156.
Еловицкій Захар., королевск. секретарь, 246, 247.
Ельцы, 30.
Епифановичъ Лука, 503.
Ерличъ, истор., 56.
Ермоловъ А. П., генер., 208, 403.
Ельковичи, 30.
Ефименко А., 201.
Ефименко П., его статьи: «Архивъ Малор. коллегіи», 193—198; «Образцы обличит. литературы», 538—559: «Одинъ изъ протестовавшихъ», 602—608; упомин. 313.

—

Ждановъ И., 201.
Желѣзнякъ Макс., предвод. козак. 521, 524, 528—531.
Животовскій, судья генер., 205, 206, 349.
Жидкевичъ (Жидовчинъ Вас.), 371, 372.
Жижка Янъ, предвод. таборитовъ, 47.
Жолкевскій Стан., воевода кіев., потомъ канцлеръ, 256, 257, 416
Жолковскій Стан., намѣстникъ староства Белзскаго, 51.
Жолнеръ Март., райца, 241.
Жоравницкій Маркъ, шляхтичъ, управл. луцкой епархіей, 51, 57, 62, 63.
Жуковскій В. А., 165, 168 (стихи его).
Журавкова, г-жа, 114.
Журавко Ант., 115.
— Иванъ, 116.
— бунч. товарищъ, 493.
Жураковскій, асаулъ генер., 116, 426.

—

Заберезинскій Янъ, воевода. троцкій, 23, 24.
Забокрицкій (Жабокрицкій ?), полк. корс., 134.

Забѣла Н. Н., 609.
Завадзкій, п., 526.
Заграйскій, помощникъ пристава, 178.
Загродскій Іоаннъ, свящ., 179, 393, 396.
Зайцова Ольга, нев. Максимовича, 167.
Закревскій Адамъ, шинкарь, 66, 69.
Закржовскій, полк. чигир., 133.
Залевскій, п., 378.
Залѣсскій Брониславъ, 201.
Замойскій Андр., ординатъ, 271, 460.
— Ѳома, воев. кіев., 258.
Заморенки, 30
Заруцкій Янъ, 270, 463.
Заславскій, игум. сатан., 421.
Заславскій, кн. Доминикъ, 138.
Зацвилиховскій Никол., коммисаръ, 130.
Збируйскій Діонис., еписк. холмскій, 52, 57.
Зборовскій Мартинъ, 210.
Зизаній Стеф., 93.
Злоба Тимофей, архим. супрасльск., 51.
Знаменскій П. В., 201.
Зотовъ Вл. Р., 201.
Зубринъ, бояр., 39.
Зыбинъ, полк., 558.

—

Иваницкій П., 503.
Иванишевъ Н. Д., проф. к. ун., 73, 609.
Ивановичъ Кириллъ, свящ. усп. церкви въ Кіевѣ, 414—417.
И. В., его рецензіи, 408, 412, 591.
Игнатій, архим. печ., 45.
Изопольскій, 325.
Иловайскій Д., 201.
Ильинъ, капит., 424.
Иннокентій Борисовъ (преосв. архіеп. херс.), 166, 503—506; письма его къ А. И. Бѣлюгову, 506—519.
Ипатій Потѣй (Поцѣй), 60, 74, 76, 92, 93, 254—256, 578.
Ириней Нестеровичъ, ректр. кишин., еписк. пенз., 513, 515, 519.
Исидоръ, митр., отступникъ, 17, 44.
Истоминъ М. В., 201, 585.
И. Х., 201.

—

Іаковъ, архіеп. нижегор., 171.
Іаковъ, еписк. влад., 5.
Іеремія, патр. конст., 52.
Іеремія Соловьевъ, ректр. кіев., еписк. полт., нижегор., 516.
Іоаннъ Альбрехтъ Казимировичъ, 22.
Іоаннъ Альгимунтовичъ, кн. гольшанскій, 14.
Іоаннъ Борисовичъ, кн. кіев., 5.
Іоаннъ III, в. кн. моск., 20.
Іоаннъ-Казиміръ, кор. польск., 271.
— Ольгердовичъ Свиргайла, 17.
Іоасафъ Миткевичъ, еписк. бѣлг., 322.
Іона, митр. моск., 17.
Іона Навинскій, архіеп. тверск., каз. 514, 516.
Іосафатъ Кунцевичъ, еписк. уніат., 259, 569.
Іосифъ II, имп. австр., 423.
Іустинъ Михайловъ, баккалавръ к. ак., 503, 504.

—

К., 218—220.
Казановскій, воеводичъ брацлавскій, 144.
Казиміръ Ягайловичъ, в. кн. литов., 12, 17—20, 29, 37.
Казиміръ, кор. польскій, 573.
Калачовъ Н. В., 193.
Калиновскій Мартинъ, воевода черниг., 142, 144.
Калиновскій, гетм. коронн., 339, 370.
Калискій, п., 145.
Калнишевскій, послѣдній сѣчевой атаманъ, 435.
Каманинъ И. М., 583, 587.
Каменскій Адольфъ, піаристъ, 275, 277, 296.
Камлыковъ, 552—555.
Кандиба Федоръ, 103.
Кандыба Станис., писарь владим., 85.
Канобасъ Петръ, рѣзчикъ, 188.
Кантарини Амвросъ, посолъ венец., 40, 41.
Капусты, князья, 30.
Караваевъ В. А., докторъ, 169.
Каратаевъ, библіофилъ, 556.
Карчевскіе, 30.
Карыманъ Левъ, 248.
К. З., сатирикъ, 541.
Киприанъ, митроп. кіев., 5, 6, 11, 42.
Кириллъ, митроп. кіев., 5.
Кириллъ Терлецкій, см. Терлецкій.
Кириченко Сем., козакъ, 489.
Кирѣевскій Ив. В., 155, 161—162.

Кирѣевскій П. Вас., 161.
Кисель Адамъ, воевода кіев., 40, 374; письма его къ Богдану Хм., 375—376; къ Горайскому, 381—383.
Кисель Николай, староста черкасскій, 370, 382.
Кіевъ, 233—261; замокъ кіевскій, 255, 257.
Киятичи, 20.
Кнапскій Гр., іезуитъ, 303.
Кобызевичева Авдотья, 237.
— Зоня, 237.
Кобызевичи, 236.
Кобызевичъ Вас., 238—240; см. Ходыка.
— Иванъ, 236—244.
— Іовъ, 238.
— Кузьма, 237.
— Лазарь, 237.
— Устинъ, 236—238 (Фицъ).
— Ѳеодоръ, 236—237.
Ковальскій Ант., свящ., его разсказъ о крестьянск. волненіяхъ 1855 г., стр. 175—192, 386, 396.
Колачинскій Петръ, ректоръ кіевск., 437—438.
Колонтай Гуго, каноникъ краковскій, 278, 279, 296, 473.
Комаровскій Петръ, коммисаръ, 130.
Конарскій, 265, 270.
Конашевичъ, см. Сагайдачный.
Кондильякъ, 448.
Кондрацкій, панъ, 379.
Конецпольскій Александръ, 150.
— Станиславъ, гетманъ, панъ краковскій (отецъ предыдущаго), 127—151.
Конотопъ, 103, 104, 110, 114.
Копчинскій Онуфрій, ксендзъ, 287, 288.
Копыстенскій Мих., владыка перемышльскій, 52.
Корецкій, кн., 144
Корженевскій І., 201.
Корженевскій, скарбникъ, 526.
Корицкій Криштофъ, 370.
Корниловъ И. П., 565.
Коростель Вас., 76.
Костелецкая Беата, вдова кн. Острожскаго, 209—210.
Костецкій Як., діаконъ, 180.
Костомаровъ Н. И., 173, 201, 231.
Костюшковичи, 30.
Костюшковичи-Хоболтовскіе, 86.
Котляревскій А. А., проф. к. унив., 172, 201, 581, 590, 591.
Котляревскій Тимофей, писарь войсков., 207.
Кочубей, генер. судья, 113.
Кошелева О. О., 171.
Кошколдовичъ Андрей, 244, 245.
Кощаковскій Илья, 257, 415.
Кояловичъ М., 58, 60.
Кравцовъ, 206.
Крамаренко І., 202.
Красенскій Іона, владыка луцкій, 57, 60, 74.
Красносельскій Солтанъ, сотникъ, 371, 372.
Краткое описаніе Малороссіи, 318—320.
Крашевскій, 202.
Кребсъ Элеонора, 520, 521, 526.
Креховецкій Ив., посолъ Хмельницкаго, 366.
Кречовскій, полк. чигиринскій, 134.
Крещеновскій С., 551, 557.
Кривецкій Вас., сотникъ, 371.
Кривковичъ Васько, 243.
— Стефанъ, бурмистръ, 241.
Крикуновичи, 58.
Криницкіе, 38.
Криницкій Ѳедоръ (сынъ В. Ходыки), 242, 252, 260.
Кромвель, 212.
Кропивницкая, 137.
Кротевичъ Евсевій, причетникъ, 388, 389.
Крыжановскій Е. М., 202; его статья: »Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши, въ періодъ ея раздѣловъ«, 262—300, 441—478.
Кудликъ Корнилій, крестьян. (Рыжій), 181, 183, 184, 192, 387, 390, 393.
Кудревичъ Лука, свящ., 185.
— Мих., свящ., 178, 180, 182, 183, 185, 190, 386, 387, 396.
Кукля Григорій, 393.
Кукля Петро, 192, 393.
Кукса Хамъ, 224.
Кулишъ П. А., 2, 202, 599, 602.
Кулябка Якимъ, 115.

Куракинъ, кн. А. Б. 593—594.
Кутновскій, драгоманъ, 137.
Кухальскій Ипат., игум. сатан , 424.
Кунь Ив., сидѣлецъ, 394.

—

Лазаревскій А. М., его статьи: Лизогубы, 101—125; Вольная гетманша, 213—213; Милорадовичи, 479—498; упомин. 196, 223, 229.
Лазкевичъ Ив., 69, 70.
Ластивка Е., 202.
Лащинскій Леонтій, 114.
Лебединцевъ П. Г., свящ. (нынѣ каѳедр. протоіерей), 170; его предисловіе къ разсказу А. Ковальскаго, 174—175,176, 178, 179, 180, 182, 386—389, 391, 392, 395, 437.
Левенвольдъ, оберъ-гофмаршалъ, 317, 364.
Левитскій Іоакимъ, дьячекъ, 395.
Левицкій И. С., 202.
Левицкій Ор., его статья: »Южно русскіе архіереи въ 16 и 17 в.«, 49—100.
Левоновичъ О., райца, 241,(Сличи 245)
Левчановскій В. Т., 513, 516.
Лежинскіе, 526.
Лемеши, 30.
Леньковичи, 30.
Леонтовичъ, канцеляристъ, 493.
Леопольдъ, имп. австр., 215.
Лессій, фльдмарш., 328.
Лефортъ, 214, 215.
Лещенко Ив., крестьянинъ, 394.
Либишовскій, поруч., 378.
Лигвеновичи-Мстиславскіе, князья, 25.
Лизогубы, о нихъ статья, 101—125; ихъ родословная, 123—125.
Лизогубъ Андрей, сотникъ конотопскій, 106, 109—114.
— Ефимъ, 104, 106.
— Иванъ, полковн. уман., 101, 158.
— Илья, 120.
— Семенъ, 106, 121, 122.
— Яковъ Кондрат , полковникъ каневск., 101, 103, потомъ
— полк. черниговск., 104, 105, 317, 357.
— Яковъ (внукъ), 106, 115, генер. обозный, 117—119.
Лилѣевъ, 565.
Линейкинъ (псевдонимъ), 202.
Линниченко И., 399.
Липоманъ, 520, 521.
Лобанъ Ив., 530; его сказаніе о Бондаренкѣ, 531—537.
Лодзяла, см. Александръ-Августинъ Л.
Лозенскій Ѳеодосій, еп. холмскій, 57.
Лозки, 30.
Лозовой, козакъ, 122.
Лопатьевъ, капитанъ, 388, 389.
Лопухинъ, кн. П. П., 176, 388, 389, 391.
Лукашевичъ, библіофилъ, 196.
— ксендзъ, историкъ, 267, 463.
Лукомскій Степ., сотникъ, 118.
Лукьяновичъ П., 202.
Лучицкій И. В., 587.
Лызловъ А., 571.
Лысенко, судья, 493.
Лыткевичъ П., 378.
Лѣтопись Самовидца, 321.
Лѣщъ Самуилъ, корон. стражникъ, 56.
Любовичъ, базиліанинъ, 477.
Любомирскій Ксаверій, 599.
Любомирскій Стан., воевода крак., 144.
Людвикъ венгерскій, 574.
Лянцкоронскій, староста укр., 34.
Лянцкоронскій Леславъ (Прецлавъ), гетманъ, 315, 329.
Лянцкоронскій, Стан , воевода брацлавскій, 370, 373, 377, 380, 382.
Лясота, путеш., 2, 42.

—

М., 576—580.
Маврицкій В., 202.
Магнушевскій, полк. уманскій, 523.
Мазепа Ив., гетманъ, 103—105, 109, 115, 116, 440, 539, 611—615.
Мазовецкій, ротмистръ, 367—368.
Майковъ А. Н., 170.
Макарій Булгаковъ, митр. моск., 202, 576—580.
Макарій Евлашевскій, еписк. пинскій, 58.
Макарій, митр, кіевск., 48.
Максимовичъ М. А., статья о его аль-

бомѣ, 152—173; упомин. 227, 539, 602.
Максимъ, митроп. кіев., 5.
Макушевъ, 202.
Малашевичъ Ив., кошевой, 363.
Малининъ В. Н., 589.
Малышевскій Ив. Игн., проф. кіев. ак., труды его, 202, 500; его рецензія 576—580, рефераты 583, 586.
Малышка Ив., 63.
Манджосъ Хвесько, коз., 495.
Манжура И., сообщилъ двѣ пѣсни о запорожскомъ расхищеніи, 435—436, легенду и три пѣсни о Семенѣ Палѣ, 611—615.
Маркевичъ Н. А., историкъ, 195, 540, 542.
Марковичъ Як., 117, 122, 603.
Марковскій, п., 526.
Мартинка, хлопецъ Терлецкаго, 89.
Мартиновичъ Ден., бурмистръ, 256.
Мартыновъ Ив. Ив., 397.
Марыська, ключница, 532—535.
Масловичъ И. П., 558.
Масловъ, біографъ Шевченка, 170.
Массальскій кн. Игн., вил. еписк. 271, 273.
Матусевичъ, членъ комитета, 458.
Матусякъ С. 203.
Махно А. 203.
Мацѣевичъ Л. С., его статья »Поляки и русины«, 301—312; сообщ. Процессъ стар. церк. суда, 222—223; »Gaudeamus igitur« К. д. ак., 431—434 (на стр. 434, грубая опечатка: знай, должно быть: злой); его »Матеріалы для исторіи К. д. ак.«, 498—506 и письма преосв. Иннокентія, 506—519.
Мачоха Матвѣй, бурмистръ, 256, 257.
М. Е., 203.
Мелешкевичи, 38.
Мелешкевичъ Сем., войтъ кіев., 245.
Мелешко, панъ, 377.
Мельгуновъ, 542.
Менгденъ, комм. коллегіи президентъ, 317, 364.
Менглй-Гирей, ханъ, 25, 35, 40, 41, 244, 414, 417.
Мехидовичъ Самуилъ, войтъ. 260.
Миклашевскій Н., полк. старод., 109.
Милорадовичи, 479—498.
Милорадовичъ Антонъ, 498.
— Гаврило, 494—498
— Григорій, 557.
— Михаилъ 479—491.
— Николай, 485, 491—494.
— Петръ, 492—494.
— Степанъ, 484, 487, 491.
— Ульяна Степ., 485, 486, 489, 491—494.
Милорадовичъ, гр. Г. А., 610.
Милюковъ А. П., 203.
Мировичъ, полк. переясл., 116.
Мировичъ Дм., 118.
Мирошевскій, ксендзъ, 285.
Мисаилъ, митр. кіевск., 44 (опечатка: Михаилъ), 416.
Митковичи, купцы, 239.
Митковичъ Ѳ. Б., 239.
— Ѳ. Д. 239 240.
— Евфросинія, 239.
— Татьяна, 239.
Михаилъ, кн. черниг. 219—220.
Михаилъ Олельковичъ, намѣстникъ Казимира въ Новгородѣ, 20, 21.
Михаилъ Рагоза, митроп. 59, 78, 79, 253.
Михалонъ Литвинъ, 37.
Мицкевичъ Ад., 173.
Младановичъ, губерн. уман., 526.
— Павелъ, сынъ, 520, 521.
Млодзяновскій Ѳома, іезуитъ, 303, 306.
М. Н., 202.
Могила Петръ, митроп. кіев., 50.
Мозговой В. Г., 203.
Мокрицкій, оффиціалъ уніат., 310.
Монастыри:
Выдубицкій, 255.
Кирилловскій, 243.
Михайловскій, 258.
Монтовтовичъ Юрій, литвинъ, 24, 46.
Морецецъ Григ., крестьян. 488.
Морозовичи, 30.
Морозовы, мѣщане, 415.
Морочка, слуга Терлецкаго, 63.
Мощинскій Адамъ, 520, 521.
Мрочекъ Дроздовскій, проф. моск. ун. 584.
Мстиславъ, сынъ кн. Боголюбскаго, 7.
Мужиловскій Ант., игуменъ, 50.
Мужуха, коз. 122.
Муравьевъ А. П., 156.

Мюллеръ (опечатка: Мюсаера), 228.
Мясковскій, панъ, 135.

—

Нагнитъ, посолъ Хмельницкаго, 366.
Надеждинъ П. Ив., его стихи, 157, 164, 165.
Наливайко, гетманъ, 3 33.
Нарбутъ Казимиръ, піаристъ, 294.
Нарушевичъ, историкъ польск. 292.
Незабитовскій, панъ. 381.
Некрасова Е. С., 397.
Немиричъ Ив.. 249.
— Іосифъ, кіев. судья, 75; 249.
Немировичи, 30.
Немировичъ Андрей, кіев. воевода, 46.
Несторенко Макс., посолъ Хмельницк., 366.
Нечаенко, товарищъ Бондаренка, 531, 536, 537.
Нечай Дан., полк. брацлавск., 370, 371.
— Иванъ, 371; Матвѣй, 371.
Никитенко А. В., 172.
Никифоръ, протосингелъ, 93.
Никифоръ Туръ, архим. печерск., 253.
Н. М., 172
Новикъ Матвѣй, асаулъ, 604—608.
Новицкій Ив. П., его статьи: »Древній способъ публикаціи«, 597—601; «Исключеніе Шевченка за самовольную отлучку«, 608—609.
Носовичъ, 397.
Носъ Ст. Д., его статьи: »Покрытка«, 427—429; Мѣсторожденіе Семена Палія, 609—611; упомин. 196.
Notus, 220—222.
Нурединъ, султанъ, 138. 151.
Нѣжинъ, 248.

—

Обухи, 30.
Обуховичъ Якимъ, шляхтичъ, 73.
Обухъ, полк. уманск., 523.
Одинъ изъ народа (псевдонимъ), его статья: »Тысячелѣтіе Кіева«, книга 3-я, стр. I—VI (между 440 и 441 стр.).
Одоевскій, кн. Вл. Ѳ., его статья въ альбомѣ Максимовича, 153—154.
Одрживольскій, староста винницк., 143.
Олдаковскій, панъ, 143.
Олелько Влад., кн. кіевскій, 17, 18.
Олельковичъ, кн. Симеонъ, 210.
Олельковичъ Митро—псевдонимъ М. И. Александровича, 205.
Ольгердъ Гедиминовичъ, кн. литов., 7, 8.
Онисифоръ Дѣвочка, митр. кіев., 51, 52.
Опольскій Владиславъ, 574.
Ординскій Леонт., игум. сатан. 421.
Орловъ В. Я., 515.
Освѣцимъ Стан., дневникъ его (въ извлеченіи), 126—151, 366—385.
Осовикъ Ив., козакъ, 495.
Остерманъ Андрей, 317, 364.
Острожская, княжна Гальшка, 209—211.
Острожскій, кн. Конст. Ив., староста украинскій, 34, 42, 74, 76, 88, 89.
Острожскій, кн. Конст. Конст. († 1608), 243, 251, 598.
Острожскій, кн. Янушъ Конст., 251, 252.
Острожскій, кн. Ѳедоръ Данил., 46, 47, 48.
Охрѣменко Ив., козакъ, 104.
Очеретяный Н., 397.
Ощовскій Ефимъ, 69.

—

Павелъ Петровичъ, в. кн., 423.
Павелъ, кузнецъ, 88.
Павелъ, пѣвчій, 76.
Павловскій Ив. Дан., 397.
Павловъ М. Г., проф. моск. ун., 154, 163.
Палажка, дѣвка Циминскаго, 54, 66—73.
Палѣй Семенъ Филипповичъ, мѣсторожденіе его, 609—610; легенда и три пѣсни о немъ, 611—615; упом. 316—318, 353—355, 359.
Палѣй Ѳедоръ, 609—610.
Панасъ, войтъ, 604.
Панченко О. Т., 600.
Папчинскій Петръ, 561.
Паскевичъ, графъ И. Ѳ., 208, 403.
Пацъ, бискупъ кіев., 54.
Пельчицкій Леонтій, еписк. пинск., 52.
Пероговскій В. И., 397, 400, 582.
Петрашенята Ювко, 67.
Петровъ Н. И., профес. к. ак., его предисловіе къ »Разговору Великороссіи съ Малороссіею«, 313—325; рецензіи 564—572—576; извле-

ченіе изъ Одесск. Общества, 616—618; труды его 398.
Петрушевичъ А. С., каноникъ, 583.
Петръ Великій, 214—218, 420, 611—612.
Пиковецъ, писарь генерал. суда, 493.
Пирамовичъ Григ., ксендзъ, 269, 272, 277—282, 288, 444, 460, 461, 464, 465, 468—472.
Пирамовичъ Мих., 272.
Пиратинскій Ив., поляков. сотн., 483.
Писаревъ К., 609.
Племянникова Аграфена, 558.
Погодинъ М. П., 1, 170, 172.
Погорецкая, 66.
Погорецкій, шляхтичъ, 70.
Подгаецкій Дам., свящ., 177, 179, 386, 390, 396.
Покорскій Ал., 115.
Полозовичи, 30.
Полуботки Андр. и Яковъ, 122.
Полуботокъ Пав., наказн. гетм., 116, 426.
Полуботчиха, 605.
Повинскій, староста копаницк. 271.
Пономаревъ А., доцентъ спб. д. ак. 398.
Пономаревъ Ст. Ив., его статья: »Альбомъ М. А. Максимовича«, 152—173; труды его 398; упомян. 227, 501.
Понятовскій Мих., примасъ Польши, 463.
Попко Ив., 401.
Поплавскій Ант., піаристъ, 274—276, 286, 290, 297.
Порфирьевъ И. Я., проф. каз. д.ак., 398.
Потапенко И., 398.
Потебня А. А., проф. харьк. ун., 398.
Потоцкій Игнатій, писарь лит. 271, 272.
— Николай, гетм. корон., 144, 149, 151, 334, 335, 367, 370—385.
— Николай, староста каневскій, воеводичъ белзскій, 421, 423—424.
— Силезій, 521.
— Станиславъ, 441, 459, 475.
— Феликсъ, 215, 217.
Похилевичъ Л. И., 586.
Почобутъ, 277, (опечатка: Тогобутъ), іезуитъ, ректоръ виленск., 279, 296.
Пребендовскій, панъ, 216.
Прежовскіе, князья, 30.
Прозоровскій Д., 398.
Прокоповичъ Андр., протоі. харьк. 397.
Пронскій, кн. Алексдръ, 74.
Проскуры, 30.
Прохоровъ В., 398. 412.
Пугачъ Андрей, крестьян., 486.
Путятичъ, кн. Димитрій, воевода кіев. 23, 39, 244.
Пчілка Олена, 398.
П—чъ Л. (Похилевичъ?), 397.
Пыпинъ А. Н., 398.
Пѣшковскій У. П., 510, 511.
Пясецкій Пав., еписк. каменецк. 151.
Пясечинскій Алдръ, кастеллянъ кіевс., 141.

—

Рагозинъ, разб. Архивъ Мал. Колл. 197.
Рагузинскій, гр. Гаврило, 121.
Радкевичъ Л. С., 223
Радзивиловскій Ѳед., 185—187.
Радзивилъ, кн. Янушъ, 151.
Разумовскіе, 117, 317, 365.
Разумовскій Ал—й, 117, 119, 492.
— К. Гр., гетманъ, 320, 323, 538, 541, 542.
Рай Гаврило, райца, 241, 245.
Раичъ Дим., полк. персясл., см. Думитрашко-Раичъ.
Раичъ С. Е., его стихи, 156—157.
Ракочій, кн. семиградскій, 369.
Ратомскій, староста остерскій, 249, 250.
Рачинская Татьяна Ив., въ замужествѣ Лизогубъ, 120, 124.
Рачинскій, 565.
Рева, его переводъ, 520
Ровинскій Д., 228, 398.
Рожыновскій Половецъ Демянъ, 249.
— — Мих., 248.
— — Сем., 249.
— кн. Юрій Сем., 247—250.
— Яцко Мих., 248.
Розовскій, 544.
Розовъ А. 398.
Ротчевъ А. Г., его переводъ съ арабск., 159.
Рубанъ В. Гр., 320.
Рудченкова Зинаида, 399.
Рудыка Исаія, игум. сатан., 420.

Ружинскіе кн., 539.
Румянцовъ гр. П. А., 602, 605, 607.
Рылла, еп холмскій, 267.
Рыхловскій Бон., игум. сатан., 421,
Рѣпнинъ, кн. В. Н. 320.
Рюминъ, ряз. купецъ, 425—426.
Рюрикъ Ростиславичъ, кн. кіев., 7.

—

Сааръ, приставъ, 179.
Савицкій Варлаамъ, игум. сатан., 421.
Савичъ Семенъ, генер. писарь, 426.
— Яковъ, свящ. выбельскій, 605—608.
Сагайдачный Петръ, гетм., 258, 316, 331.
Самойловичъ, гетманъ, 102, 104, 350.
Самоквасовъ Д. Я., 399, 405, 406.
Сангушко, кн Дм. О., 210.
Сахаровъ В., 399.
Свидригайло Ольгердовичъ, 14—16, 47.
Свинарчукъ Дм., козакъ, 495.
Свирговскій гетманъ, 315, 329.
Свищовскій Ѳед., шляхтичъ, 85.
Свѣчка Леонъ, полк. лубенск., 317, 357.
Святенко, крестьян., 389.
Селинъ А. И., проф., 168, 609.
Селицкій Богданъ, ротм., въ монаш. Наѳанаилъ, полоцк. владыка, 50.
Семашко Александръ, староста луцкій, 64, 65, 79, 81, 84, 85, 96.
Семашко Николай, сынъ его, 96—97.
Семеновичъ Ст., 399.
Сементовскій Н. М., 349.
Сенскіе, князья, 30.
Сенюта (Семенюта?) Тимоф., судья черниг., 123.
Сенявскій Адамъ, корон. гетм., 420.
Серапіонъ, архим. печ., 5.
Серафимовъ С., 399.
Серафимъ Глаголевскій, митр. спб., 514.
Сергіевскій Н. А., 565.
Сигизмундъ, кн. литовск., 23, 25.
Сигизмундъ III, король польскій, 49, 50, 63, 74, 75, 78, 84.
Сигизмундъ Кейстутовичъ, кн. стародубскій, 16, 17, 47.
Сигизмундъ Корибутовичъ, 46.
Сильвестръ, игум. сатан., 420.
Сильницкій Модестъ, игум. сатан., 421.
Симеонъ Олельковичъ, кн. кіев., 19.
Симеонъ Ольгердовичъ, 12, 18.
Симоновъ М. Т., 600.
Синопеусъ, докторъ, 118.
Скальковскій, историкъ, 194.
Скиргайло Ольгердовичъ. кн. кіев., 5, 6, 12—14.
Скобейко, кіевлянинъ, 17.
Скобейко Юрій, кіевл., 249.
Скорина, 566.
Скоропадская Наст. Марк., 121, 122.
Скоропадскій Ив., генер. бунч., потомъ гетм., 107, 110, 111, 116, 121, 362, 495, 496.
Скоропадскій Ив. Мих., депутатъ, 650—607.
Скоропадскій, подскарбій, 493.
Скоропадскій Як., 605.
Скшетульскій, піаристъ, 292.
Служки, 30.
Смарагдъ Крыжановскій, архим., инспекторъ кіев. ак., потомъ архіеп. ряз., 503.
Смирницкій Симеонъ, свящ., 396.
Смирновъ П., 399.
Смыковская, шляхтянка, 73.
Снядецкій Янъ, проф. крак., 271, 278, 283—285, 298.
Собко Ив., крестьян., 393, 394.
Соколовъ Н., свящ., 399, 572—576.
Сокологорская Е. И., 399.
Соломонъ, чернецъ, 540.
Сомковичъ Богданъ, войтъ, 261.
Сосинскій, п., 138.
Спасовичъ В. Д., 399.
Ставровскій А. И., проф., 609.
Стадницкій, полк., 337.
Станиславъ Понятовскій, кор. польскій, 270, 459, 521.
Станишевскій Войтехъ, адвок. луцк., 90.
Старицкій М., 399.
Стасовъ В , 399.
Стефановскій Т., 399.
Стефанъ Баторій, кор. польск., 50, 51, 58, 63, 74, 531.
Стефанъ, попъ, 59.
Стоковскій, панъ, 138.
Стопчанскій Мойс , игум. сатан., 421.
Стороженко А. В., 584, 591.
Стрижевскій Тимоф., священ., 179, 386—388, 396.
Стройновскій, профес. виленскій, 289.
Струтинскій Фока, свящ., 311.

Стрыбели, кн., 30.
Стурдза С. Д., бессар. губерн., 221.
Судіенко М. О., 196.
— Ос. Ст., 594.
Сулковскій, воевода гнѣзнен., 271, 273.
Сумароковъ А. П., 571.
Сумцовъ Н., 399.
Сурины, 30
Суринъ Гордей, 243, Потей. 243.
Суша Яковъ, уніатъ, 573.
Сѣраковскій, нач. артиллеріи, 141.

—

Танскій Вас., полк., 496.
Тарановскій Н. Г., 400.
Тарновскій В. В., 226, 228.
— Яковъ, 493.
— графъ, 466.
Тарасій, еписк. рост., 5,
Текелли, генер., 194.
Темиръ-Кутлукъ, 5.
Теплова Над., 162.
Теплова Серафима, ея стихи, 160, 162.
Тепловъ Гр. Н., 602.
Терлецкая Ганна, дочь Кирилла, 61.
— Марина, жена Ярошa, 62.
Терлецкій Андрей, 94.
— Афанасій, архіеп. полоцк., 50.
— Вас. Гр., 62.
— Иванъ, урядникъ, 61, 94, 95, 96.
— Кириллъ, еписк. луцк., 54, 57—100.
— Прокопъ. 62.
— Ярошъ, 62, 85, 98.
Тимковскій Е. О., 168.
Тимковскій Илья Ѳед., 169.
Тискиневичъ Григ., гетманъ коз., 256.
Титовъ В. П., 155.
Тихомировъ Е. 400.
— Н. 400.
Товіанскій, мистикъ, 295.
Толкуновъ, землемѣръ, 186.
Толстой, графъ М. В., 400.
— — Ю. В. 400.
— — Петр. Андр. 317, 363.
Томашевскій, п., 526.
Томашенко, 400.
Томилинъ, ряз. куп., 425—426.
Тредьяковскій В. К., 571.
Трояновскій З. И. 511.
Тугай-бей, предвод. татаръ, 139—147.
Тугорханъ, полов. ханъ, 248.
Туробойскій Рафаилъ, свящ., 396.
Турчиновичъ Іос., ксендзъ, 473.
Туръ Андрей, крест., 488.
Тучапскій Онуфрій (опечатка: Тучанскій), игум. сатан. 424, 520, 521.
Тщцинскій, проф. крак. 284.
Тыши, 30.
Тышкевичъ, воевода кіев., 56.
Тышкевичъ, графъ Е. П. 565.
Тышковичи, князья, 30.

—

Уваровъ, графъ А. С. 400.
Уздыхальница, гора, 257.
Уласенко, товарищъ Гопты, 523.
Улашевичъ Конст., игум. сатан., 421.
Уманецъ. Ѳ. М., 400.

—

Фалицкій Сава, свящ., 63.
Федоровичъ Леонъ, райца, 245 (сличи 241).
Фелинскій, каноникъ, 573, 575.
Фелицынъ Е. Д., 206, 400.
Филаретъ Гумилевскій, архіеп. черниг., 196, 400, 564, 609.
Филевичъ И. П., 400.
Филиппъ, маляръ, 59, 93.
Фицъ, см. Кобызевичъ Устинъ.
Фотій, митр. моск., 43.

—

Халанскій И. И., директоръ новгородъ-сѣв. гимн., 592, 594—597.
Халецкіе, князья, 30.
Харитоненко, 196—197.
Хвостова А. П., 166, 167.
Хижнякъ В. М., черн. гор. голова, 611.
Хмельницкая Анна, 213.
Хмельницкій Богданъ, въ представленіи Кромвеля, 212; къ портрету Б. Х, 226—231; упомин., 213, 316, 324, 329, 334—342, 344—348, 366—370, 375, 379.
Хмельницкій Венжикъ, 315, 329.
— Юрій, 362.
Ходкевичъ, графъ, 530.
— Ив., кіев. воев., 40.
Ходыка-Криницкій Вас. (Кобызевичъ), райца, 39, 41, 238,—252.
Ходыка Іовъ, 238 242.
Ходыка Федоръ, райца и войтъ, 241, 245, 246, 253, 254, 256, 258,

259, 416; его дѣти—Андрей, 260, 261; Иванъ, Іосифъ, 259, 260.
Ходыки, паны, 233—261.
Ходыкова Богдана, 245.
Хойнацкій А Ѳ., протоіер., 400, 569.
Хоинскій, нач. артил. польск., 141.
Холодисскій Варе, игум. сатан., 420.
Холоневскій, поруч., 378.
Хоменко Яцко, коз., 495.
Хорошуновъ Ѳ., свящ., 400.
Хребтовичъ Іоакимъ, подканцлеръ лит., 271.
Хребтовичъ Мелетій, еп. влад., 51, 75.
Хрущовъ А. П., 400.

—

Церковь успенская на Подолѣ, 257, 413—417.
Цегельскій, п., 526.
Циминскій, шляхтичъ, 66—68, 70.
Цицюра, гетманъ нак., 361.

—

Чаевъ Н., 172.
Чалый Яковъ, атам. запор., 317.
Чапковскій А. Т., 400.
Чарнецкій, поруч., 145.
Чарнышъ, полк. галицк., 116, 121, 480, 486, 487, 497.
Чарторыйскіе, князья, 17.
Чарторыйскій Адамъ, 271, 477, 479 (жена его, 472).
Чепелевъ, подлекарь, 605—608.
Чепига Зах., кошев. атаманъ, 207.
Черевчей Вас., войтъ кіевскій, 241, 244, 245.
Черевчіевна Палагея, 245.
Черниговъ, 194, 195, 405, 540.
Чернышъ Петро, 492.
Чернодубравскій Іоаннъ, свящ., 179, 180, 386, 387, 396.
Четвертинскій, кн. Ѳеодоръ, 138.
Чечекало Ив., 545.
Чижевскій Іосифъ, іером., 420.
Чистовичъ И. А., 400, 501.
Човпила Илья, 429—431.
Чуйкевичъ, бунчук. товарищъ, 496.

—

Шаблинъ Георгій, крестьян., 393.
Шавула, 38.
Шайноха, истор., 2, 126, 400.
Шаликова Ал—ра, 157.
Шараневичъ Из., проф. львов., 209—211.
Шафонская Варвара, 558.
Шаховской, кн. Ив., 498.
Шахъ, гетм., 316, 331.
Шевченко Т. Г., 170, 400, 589—590, 608.
Шевыревъ С. П., 160—161.
Шеинъ, генер., 363.
Шемберкъ, ротм., 142.
Шереметевъ, Бор. Петр., 314, 316, 355, 361.
Шибинскій Никод., архим. жидич мон., 54, 85.
Шимковичъ Шклинскій Томашъ, шляхтичъ, 69.
— — Ѳеодоръ, 85.
Шкуренко гр., коз., 110.
Шляхтингъ, аріанинъ, 151.
Шостаченко Ден., коз. 111, 112.
Шпакъ Романъ, сотникъ, 371, 272.
Штишевскій, наказн. гадяцк. полк. 490; судья, 497, 498.
Шугуровъ Н. В. 592.

—

Щелковъ К. П. 401.
Щеневскіе, князья, 30.
Щербина, козакъ, 537.
— посолъ Хмельницкаго, 367.
— Ф., 401.
Щигловскій, сотникъ тулиголов. 603.
Щирскій Иннокентій, граверъ, 437, 438.
Щуровскій Гр. Еф., проф. моск. ун., 170.

—

Эдигей, предвод. татаръ, 19, 41.
Эльцинъ, раввинъ, 401.

—

Юдицкій, фаворитъ Виктора Садковскаго, 552, 553
Юзефовичъ Ив., свящ., 259.
Юзефовичъ, 587.
Юрша, воевода кіев., 16.
Юшкевичъ, 401.

—

Яблоновскій Янъ Стан., воевода червонорусск, 214.
Яворовскій, 401.
Яворскій Гавр., свящ., 176.
Ягайло, в. кн. лит., кор. польск., 9, 13.
Ядвига, супруга Ягайлы, 9, 12, 15, 16.
Языковъ Н. М., 63.
Яковицкіе, 86.

Янкуліо, совѣтникъ, 179, 180, 182, 387—389.
Яновскій И., 401.
Ярославъ Владиміровичъ, в. кн. кіев., 40.
Ярославъ Всеволодовичъ, кн. кіев., 5.
Ярославъ Ярославичъ, кн. кіев., 5.
Ярошъ, ключн., 532.
Ясновскій, другъ М. А. Максимовича, 158.
Яснопольскій Григ., 115.
Яцимірскій Ѳед. Вл., 308.

—

Ѳедоровичъ Кириллъ, дьячекъ, 391, 395.
Ѳеодоровичъ Іосифъ, игум., 213.
Ѳеодоръ Ив. Бѣльскій, 21.
Ѳеодоръ, кн. кіев., 5.
Ѳеодоръ, кн. острожскій, 46—48.
Ѳеофанъ грекъ, еписк. меглинск. 74, 75.
Ѳеофанъ Прокоповичъ. 324.
Ѳома, намѣстн. кіев., 6.

—

Z. Z., 401.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ I. 1882 г.

Январь.

I. КІЕВЪ, ЕГО СУДЬБА И ЗНАЧЕНІЕ СЪ XIV ПО XVI СТ., **Вл. Антоновича.** 1
II. ЮЖНО-РУССКІЕ АРХІЕРЕИ XVI—XVII В. **О. Левицкаго** . . 49
III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ (Лизогубы). **А. Лазаревскаго**. . 101
IV. ДВЕВНИКЪ ОСВѢЦИМА (въ извлеченіи и переводѣ), съ предисловіемъ **В А.** 126
V. АЛЬБОМЪ М. А. МАКСИМОВИЧА, **С. Пономарева.** . . . 152
VI. ПОСМЕРТНЫЙ РАЗСКАЗЪ О. АНТОНІЯ КОВАЛЬСКАГО (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губ. 1855 г.), сообщ. **П. Л-въ.** 174
VII. АРХИВЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГІИ при харьковскомъ университетѣ, **М. Ефименко.** 193
VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Указатель книгъ и статей по исторіи южной Россіи за 1881 г. 2) Библіографическія замѣтки: а) Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, выпускъ 1-й.—б) Остерскій уѣздъ. Вып. 1-й, ч. 1-я. М. Н. Александровича.—в) Памятная книжка кубанской области, Е. Д. Фелицына.—г) Гальшка княгиня Острожска, оповѣдане историчне д-ра Из. Шараневича . . 199
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Хмельницкій въ представленіи Кромвеля.—б) Властная гетманша.—г) Петръ 1-й въ русской Равѣ въ 1698 г.—г) Осиротѣлые колокола.—д) Скоромная водка.—е) Процессъ церковнаго суда въ малорусскихъ междометіяхъ.—ж) Забавная родословная (рисунокъ и стихи) и з) Къ портрету Хмельницкаго 212
ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Хмельницкаго (снимокъ съ оригинала XVII в.).

Февраль.

I. ПАНЫ ХОДЫКИ, воротилы городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XIV—XVII ст., **Вл. Антоновича** 233
II. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ ПОЛЬШИ въ періодъ ея раздѣловъ 262
III. ПОЛЯКИ и РУСИНЫ (къ исторіи ихъ бытовыхъ отношеній). **Л. Мацѣевича**. 301
IV. РАЗГОВОРЪ ВЕЛИКОРОССІИ СЪ МАЛОРОССІЕЙ (Литературный памятникъ 2-й пол. XVIII в.) съ предисловіемъ Н. И. Петрова. . 313
V. ДНЕВНИКЪ ОСВѢЦИМА, съ предисловіемъ **В. А.** (*Продолженіе*). . 366
VI. ПОСМЕРТНЫЙ РАЗСКАЗЪ О. АНТОНІЯ КОВАЛЬСКАГО (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губ. 1855 г), сообщ. Н. **Л-въ**. (*Окончаніе*) 386
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Указатель книгъ по исторіи южной Россіи за 1881 г. (*Окончаніе*). 2) Библіографическія замѣтки: а) Терскіе козаки съ стародавнихъ временъ. Соч. Ивана Попко. Выпускъ первый—гребенское войско. В. А.—б) Исторія сѣверской земли до половины XIV в. Петра Голубовскаго. Д. Б.—в) Моравія и мадьяры съ половины IX до нач. X вѣка. К. Я. Грота. — г) Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной. издаваемые по Высоч. соизволенію В. Прохоровымъ. В. И. 397
VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Соборъ вмѣсто собора (къ исторіи кіевскихъ соборовъ).—б) Православный монастырь и его уніатская лѣтопись (къ исторіи сатановскаго монастыря подольской епархіи).—в) Компавейскія иголки.—г) Покрытка. Ст. фонъ-Посъ.—д) Илія Човпила, бѣсамъ въ службу записавшійся (изъ области народныхъ суевѣрій).—е) Gaudeamus igitur кіевской академія.—ж) Запорожское расхищеніе (двѣ пѣсни о томъ, кому достались запорожскія земли.—з) Объясненіе приложенія 413
ПРИЛОЖЕНІЕ: Кіевская академія и ея студенты (1697—1702 г.).

Мартъ.

I. ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ КІЕВА . . . . . I—VI
II. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ ПОЛЬШИ, въ періодъ ея раздѣловъ (*Окончаніе*). **Е. Крыжановскаго** . . 441
III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. (Милорадовичи), **Ал. Лазаревскаго** . 479
VI. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ. Письма Иннокентія 1820—1825 г., съ предисловіемъ **Л. М.** 499

V. ОПИСАНІЕ БѢДСТВІЯ, ПОСТИГШАГО УМАНЬ И ВСЮ УКРАИНУ въ 1768 году 520
VI. СКАЗАНІЕ О БОНДАРЕНКѢ по народнымъ преданіямъ. . . 530
VII. ОБРАЗЦЫ ОБЛИЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ МАЛОРОССІИ. **П. Ефименко** 538
VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Матеріалы для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи.—б) Описаніе рукописей виленской публичной библіотеки. Составилъ Ф. Добрянскій. Вильно. 1882 г.—в) Ченстоховская чудотворная икона Богоматери. Свящ. Н. С—лова. Вильно. 1881 г.—г) Исторія русской церкви. Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Т. X. Спб. 1881 г. 560
IX. ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Историческое общество Нестора-лѣтописца въ 1881 г. —б) Неосуществившійся университетъ въ Новгородъ - Сѣверскѣ.—в) Древній способъ публикаціи. — г) Одинъ изъ протестовавшихъ. — д) Исключеніе Т. Г. Шевченка за самовольную отлучку.—е) Мѣсторожденіе Семена Палія.—ж) Легенда и три пѣсни о Семенѣ Паліѣ.—з) Одесское общество исторіи и древностей въ 1881 году. . . 581
АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ I томѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

„ХУДОЖЕСТВЕННАГО ЖУРНАЛА“

съ приложеніемъ

„ХУДОЖЕСТВЕННАГО АЛЬБОМА“,

въ которомъ принимаютъ участіе слѣдующіе художники: *И. Айвазовскій*, *А. Боголюбовъ*, *М. Боткинъ*, *П. Брюлловъ*, *В. Верещагинъ*, *В. Васнецовъ*, *Е. де-Вилье*, *Е. Волковъ*, *И. Крамской*, *баронъ М. П. Клодтъ*, *Н. Кузнецовъ*, *Л. Лагоріо*, *К. Лемохъ*, *В. Маковскій*, *В. Масаловъ*, *А. Мещерскій*, *Г. Мясоѣдовъ*, *В. Полѣновъ*, *И. Прянишниковъ*, *И. Рѣпинъ*, *К. Савицкій*, *В. Суриковъ*, *К. Трутовскій*, *И. Шишкинъ*, *Шишковъ* и *Шарлеманъ*.

Программа журнала заключается въ слѣдующемъ: 1) **Беллетристическій отдѣлъ**. Повѣсти, разсказы, сцены и т. п., по преимуществу изъ жизни русскихъ художниковъ. Біографіи художниковъ (въ повѣствовательной формѣ), а также и замѣчательныхъ дѣятелей въ искусствѣ. 2) **Критическій отдѣлъ**. Критическія статьи по искусству. Художественный фельетонъ. Рецензіи и критическія замѣтки, касающіяся, какъ художественныхъ произведеній, такъ равно и книгъ по искусству. **Смѣсь**. Теоретическія и практическія указанія и совѣты какъ художникамъ, такъ и любителямъ. 3) Обзоръ дѣятельности русскихъ художественныхъ обществъ, школъ существующихъ въ Россіи. Разныя мелкія замѣтки, извѣстія и слухи. 4) **Послѣдняя страница**. Справочный отдѣлъ, въ который входятъ, по преимуществу, отвѣты на вопросы публики и художниковъ. 5) **Приложеніе**. **„ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ“**.

„Художественный Альбомъ“ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) картинъ и портретовъ въ форматѣ журнала и 2) картинъ въ форматѣ большаго альбома.

Рисунки и портреты въ „Художественномъ Журналѣ" исполняются посредствомъ **фототипіи, фотогравюры и гравюры на мѣди** (офортъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ форматѣ большой книги отъ трехъ до четырехъ листовъ.

Годовые подписчики получаютъ журналъ съ приложеніемъ, которое состоитъ изъ 24 оригинальныхъ рисунковъ, портретовъ и **отдѣльнаго большаго альбома**, который данъ будетъ въ видѣ преміи; полугодовые же подписчики получатъ журналъ съ рисунками и портретами, но безъ преміи.

„Художественный Альбомъ" (**ПРЕМІЯ**) 1881 г. состоитъ изъ трехъ большихъ картинъ, величиной 1 аршинъ на $^{3}/_{4}$ арш.

Первый листъ — Крахъ банка. Картина В. Маковскаго.

Второй листъ — Утро стрѣлецкой казни. Картина В. Сурикова.

Третій листъ — Подъ липами. Картина В. Каульбаха.

Иногородные подписчики для пересылки премій — „**Художественнаго Альбома**" за 1881 г., благоволятъ дослать 50 коп. марками. Подписчики Петербурга и Москвы, когда будетъ объявлено о выходѣ преміи, могутъ получать въ Петербургѣ, въ конторѣ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени", а въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Мамонтова, на Кузнецкомъ.

«**Художественный Альбомъ**» (премія) въ 1882 году будетъ выходить по третямъ.

Количество премій или большихъ картинъ „**Художественнаго Альбома**" будетъ зависѣть отъ количества подписчиковъ; но во всякомъ случаѣ всѣхъ премій будетъ выдано не менѣе **трехъ** и не болѣе **пяти**.

Первый листъ альбома выйдетъ вмѣстѣ съ январскимъ нумеромъ.

ОФОРТЪ И. И. ШИШКИНА.

Величина этого офорта **одинъ аршинъ $2^{1}/_{2}$ вершка** вышины и $^{3}/_{4}$ **аршина** ширины.

Офортъ этотъ печатается въ Берлинѣ, въ знаменитой мастерской Л. Беккера. Чтобы судить о трудности вполнѣ художественнаго выполненія этого громаднаго офорта, мы должны указать на то обстоятельство, что г. Беккеръ взялся исполнить этотъ офортъ при печатаніи его не болѣе двадцати экземпляровъ въ сутки.

Иногородные подписчики на 1882 г. для полученія преміи—**„Художественного Альбома“** по третямъ благоволятъ добавлять къ подписной цѣнѣ 1 руб. 50 коп. Эту же сумму должны добавлять и тѣ изъ городскихъ подписчиковъ Москвы и Петербурга, которые пожелаютъ получить премію съ доставкою на домъ.

Цѣна **„Художественнаго Журнала“** съ приложеніями и съ **„Художественнымъ Альбомомъ“** остается та-же. Съ пересылкою и доставкою на годъ:

6 рублей и на полгода 4 рубля; съ пересылкою за границу 8 рублей. Съ пересылкою премій 7 рублей 50 копѣекъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Петербургѣ—въ конторѣ редакціи, на углу Невскаго и Троицкаго (подъѣздъ съ Троицкаго), д. Ростовцева, кв. № 24; въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“, на Невскомъ д. № 58, и Мамонтова, на б. Садовой, д. № 12 и въ эстампныхъ: Фельтена и Беггрова, на Невскомъ; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, на Никольской; Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту и въ эстампныхъ: Даціаро, на Кузнецкомъ и Осберга, на Петровкѣ.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ контору редакціи: Петербургъ, уголъ Невскаго и Троицкаго, домъ Ростовцева.

Редакторъ издатель **Н. Александровъ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ

РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА

въ 1882 году.

Подписка на 1882 г. (4-ый годъ изданія) открыта.

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои затребованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу:

Варшава. Въ редакцію Русскаго Филологическаго Вѣстника.

Русскій Филологическій Вѣстникъ выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (XN) отъ 10 до 15

листовъ каждая. (Двѣ книги (два NN) составляютъ томъ). Общее число листовъ годоваго изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Изслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библіографія, научная хроника.

Къ каждому N журнала будетъ, сверхъ того, прибавляемо нѣсколько листовъ (IV) Педагогическаго отдѣла, въ который войдутъ:

а) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ, по преимуществу среднихъ;

б) Критика учебниковъ по этимъ предметамъ;

в) Пробные листы новыхъ учебниковъ по языку и словесности;

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

ПОДПИСКА

на ежедневную общественную, литературную и политическую газету

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

1882 ГОДА.

(Второй годъ изданія)

Программа газеты: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ »Южнаго Края« и телеграфныхъ агентствъ. VI. Послѣднія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи »Южнаго Края« и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Политическое обозрѣніе. IX. Внѣшнія корреспонденціи. X. Фельетонъ научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библіографія. XIII Смѣсь. XIV, Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ южной Россіи: *въ Азовѣ, Александровскѣ, Ахтыркѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бирючѣ, Бахмутѣ, Валкахъ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Зѣньковѣ, Зміевѣ, Изюмѣ, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Константиноградѣ, Кременчугѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кутаисѣ, Лебединѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Маріуполѣ, Нѣжинѣ, Новочеркаскѣ, Новомосковскѣ, Одессѣ, Острогѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Пути, Переяславѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таганрогѣ, Херсонѣ, Черниговѣ и Ялтѣ.*

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція позаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы и Америки.

Подписная цѣна:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки . . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою . . .	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногород. .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается только, съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ д. Харьковскаго Университета, № 7-й при „Публичной библіотекѣ“ А. А. Іозефовича, принимаетъ подписку и объявленія.

Издатель **А. А. Іозефовичъ.**

Редакторъ **А. Н. Стояновъ.**

Подписка на 1882 годъ

экономической, общественной, политической и литературной

газеты

„ТРУДЪ.“

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. **Оффиціальный отдѣлъ:** Правительственныя распоряженія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. II. **Руководящія статьи** по разнымъ государственнымъ вопросамъ въ сферахъ: законодательной, судебной и административной, а также обсужденіе вопросовъ, порождаемыхъ общественною жизнью, въ сферахъ экономической, образовательной и въ сферѣ самоуправленія. III. *Статьи, относящіяся къ политическому, экономическому и соціальному положенію зяйства и управленія. Хроника городскихъ событій и происшествій.* V. *Статьи по части исторіи, статистики, педагогіи, этнографіи и другимъ отраслямъ человѣческаго знанія* VI. **Критика и библіографія.** VII. Отдѣлъ **„Среди газетъ и журналовъ“.** VIII. **Фельетонъ.** Очерки и разсказы беллетристическаго характера въ прозѣ и стихахъ. Обозрѣнія и статьи литературно-критическія. Рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Фельетонъ изъ мѣстной общественной жизни и мѣстныхъ событій и происшествій. IX. **Корреспонденціи.** X. **Политическія заграничныя новости,** заимствуемыя изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ. **Отдѣльныя статьи** по разнымъ вопросамъ иностранной политики. XI. **Телеграммы** международнаго телеграфнаго агентства, Гавасъ и собственныхъ корреспондентовъ. XII. **Судебная хроника** безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. XII. **Финансовая, торговая, акціонерная и биржевая хроника.** XIV. **Справочный отдѣлъ:** базарныя цѣны, приходъ и отходъ пароходовъ и поѣздовъ, зрѣлища и увеселенія; перечень дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ. XV. **Объявленія.**

Газета ВЫХОДИТЪ въ форматѣ обыкновеннаго газетнаго листа три раза въ недѣлю: **по понедѣльникамъ средамъ и пятницамъ**, съ *ПРИЛОЖЕНІЯМИ ПО МѢРѢ НЕОБХОДИМОСТИ.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Кіевѣ:	на годъ	6	руб.	—	коп.,	на полгода	4	руб.
Безъ доставки	»	»	»	4	»	50	»	»	»	3	»
Съ пересылкою иногородняхъ	»	»	8	»	—	»	»	»	5	»

Пріемъ подписки и объявленій въ главной конторѣ редакціи, въ Кіевѣ, на Михайловской ул., въ д. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Кромѣ того, подписка принимается: въ **С.-Петербургѣ**—въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова.—Въ **Москвѣ**: въ отдѣл. варшавск. агентства Райхмана и Френдлера, малая Лубянка, д. Обидиной, при Славянской библ., въ центр. конторѣ объявленій, бол. Дмитровка, и въ конторѣ Плетникова, Москва, Софійка, церковн. домъ.—Въ **Парижѣ**, Agence Havas et C-ie—Place de la Bource 8, à Paris.—Въ **Варшавѣ**, аген. объявл. Райхманъ и Френдлеръ, Сенаторск., № 22.—Въ **Черниговѣ**, у гг. Кранца и Данюшевскаго, въ **Нѣжинѣ** у г. Куриленка, въ **Стародубѣ** у г. Неронова, въ **Харьковѣ** у г. Сыхры, въ **Екатеринославѣ** у г. Голубовскаго, въ **Полтавѣ** у г. Бойко-Родзевича, въ **Елисаветградѣ** у г. Н. К. Менчица, въ **Каменецъ-Подольскѣ** у г. Симоновскаго, въ **Житомірѣ** у г. Будкевича, въ **Немировѣ** у г. Шерра, въ **Тифлисѣ** въ главномъ агентствѣ газетъ г. Петрова.

Редакторъ-издатель **Г. Т. Корчанъ-Новицкій**.

Запросины до предплаты на малоруску часопись

„ДѢЛО",

выдавану во Львовѣ (въ Галичинѣ—Австрійской Имперіи).

Удостоившись Выс. призволу на допустъ нашои часописи „Дѣло" въ границѣ Россійскои Имперіи, запрошуемо симъ письмомъ до предплаты на „Дѣло" зъ слѣдуючимъ рокомъ 1882.

„Дѣло" буде и въ р. 1882 выходити *два* разовъ въ тыждень, що середы и суботы въ великомъ листѣ печатномъ (in folio).

Головни отдѣлы „Дѣла" ось яки:

I. Вступни артикулы о справахъ, дотычачихъ малоруского народа.

II. Дописи зъ Галичины, Буковины, Угорщины и Украины.

III. Политичный переглядъ всѣхъ европейскихъ державъ, зъ особеннымъ увзглядненьемъ славяньскихъ народовъ.

IV. Новинки и дробны вѣсти.

V. Литературни вѣсти и замѣтки.

VI. Послѣдни вѣсти политични и телеграммы.

VII. Фейлетонъ: литературни и наукови розвѣдки, критики, литературни и артистични перегляды малоруской литературы и штуки, повѣсти и оповѣдання.

Яко литературный додатокъ „Дѣла" выходитъ:

„Бібліотека повѣстій" подае передъ всѣмъ повѣсти зъ другихъ европейскихъ литаратуръ переложени на малорускій языкъ; однако тѣмъ не выключаються зъ програмы и оригинальни малоруски повисти.

Предплата на „Дѣло“:

безъ додатку: Библ. повѣстій		зъ литер. додаткомъ:
на цѣлый рокъ	8 рублей.	12 рублей.
на 1/2 року	4 рубля	6 рублей.
на 1/4 року	2 рубля	3 рубля.

Предплата на „Библіотеку повѣстій“ (безъ „Дѣла“):
на цѣлый рокъ 5 рубл.
на 1/2 року 2 р. 50 к.

Предплату такъ на „Дѣло“ якъ и на „Библіотеку повѣстій“ треба присылати въ оплаченныхъ листахъ подъ адрессою: *Въ администрацію Дѣла во Львовѣ* (Галичина—Австрія).

Всѣ письма до редакціи „Дѣла“ треба высылаты: Въ редакцію „Дѣла“ во Львовѣ, ул. Академична ч. 8 (Галичина—Австрія).

Володимиръ Барвѣньскій редакторъ „Дѣла“.

ВОСТОКЪ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Газета ВОСТОКЪ служитъ органомъ православныхъ восточныхъ народовъ, выходитъ два раза въ недѣлю.

ПОДПИСКА

	съ доставкою и пересылкою	За границу
За годъ	8 р. — к.	10 р. — к.
За полгода . . .	4 р. 50 к.	5 р. — к.

Въ Москвѣ въ редакціи, у Малаго Каменнаго моста, д. Полякова; Ферапонтова на Никольской и др., въ С.-Петербургѣ на Большой Садовой ул. д. Коровина № 16, въ книжномъ магазинѣ И. Л. Тулова и въ Одессѣ у И. Ю. Вучина, на Итальянской улицѣ и у г. Омиро-Георгіади.

2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ,

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„ЗАРЯ“.

Открыта подписка на 1882-й годъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ

I. Телеграммы. Важнѣйшія событія русской и иностранной жизни.

Кромѣ телеграммъ „Международн. Телеграфнаго Агентства“, редакція получаетъ телеграфическія извѣстія отъ спеціальныхъ корреспондентовъ заграницей, въ Петербургѣ (ежедневно), Москвѣ и въ главныхъ городахъ Юга Россіи.

II. Отдѣлъ внутренній. А) Извѣстія о дѣйствіяхъ правительства, о законодательныхъ мѣрахъ и предположеніяхъ, Б) руководящія статьи, по важнѣйшимъ вопросамъ общественной жизни Россіи, какъ-то: по вопросамъ государственнаго хозяйства, путей сообщенія, народнаго образованія, земскаго, городскаго и крестьянскаго самоуправленія; В) корреспонденціи изъ столицъ и краевыя; Г) свѣдѣнія изъ другихъ періодическихъ изданій; Д) обозрѣніе русской и иностранной печати; Е) вопросы хозяйства, промышленности и торговли въ районѣ южной полосы Россіи, въ губерніяхъ входящихъ въ составъ генералъ-губернаторствъ: юго-западнаго, одесскаго и харьковскаго.

III. Отдѣлъ городской. А) Хроника г. Кіева, Б) вопросы городскаго благоустройства.

IV. Отдѣлъ судебный. А) Руководящія статьи по юридическимъ вопросамъ, Б) отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ.

V. Отдѣлъ иностранный. А) Руководящія статьи по вопросамъ внѣшней политики; Б) корреспонденціи изъ иностранныхъ государствъ; В) извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ общественной и политической жизни заграницей.

VI Фельетонъ. Очерки и разсказы (оригинальные и переводные). Обозрѣнія и статьи литературно-критическія, рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Научная хроника.

VII. Смѣсь. Разныя извѣстія, важнѣйшія изобрѣтенія въ области наукъ искусствъ и промышленности и проч.

VIII. Отдѣлъ торговый. Свѣдѣнія объ урожаяхъ, о цѣнахъ на зерновые продукты и на главные товары, составляющіе главный предметъ мѣстнаго производства или мѣстной торговли. Торговыя корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ внутреннихъ рынковъ. Свѣдѣнія о состояніи полей. Биржевыя телеграммы и бюллетени. Курсы русскихъ и иностранныхъ монетъ, цѣнныхъ бумагъ и проч. Періодическія торговыя и биржевыя обозрѣнія.—Желѣзнодорожная хроника.

IX. Отдѣлъ справочный. Желѣзно-дорожное и пароходное движеніе. Метеорологическій бюллетень. Судебный указатель по судебнымъ учрежденіямъ округа кіевской судебной палаты: списокъ назначенныхъ къ разсмотрѣнію дѣлъ и резолюціи. Ежедневные списки получателей груза по юго-западн. жел. дор. и свѣдѣнія о налогахъ и прочихъ платежахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ доставкой или пересылкой.	Безъ доставки.
На годъ	10 руб.	8 руб.
„ 6 мѣсяцевъ	6 руб.	5 —
„ 3 мѣсяца	4 руб.	3 —
„ 1 мѣсяцъ	1 руб. 50 к.	1 —

Выписывающимъ газету *съ 1-го января 1882 года на цѣлый годъ* допускается **разсрочка** годоваго взноса, причемъ при подпискѣ вносится 3 руб., 1-го марта 3 руб., 1-го іюня 2 р. и 1-го сентября 2 р. Подписывающіеся въ срединѣ года разсрочкой не пользуются.

Правительственныя, общественныя и частныя учрежденія могутъ выписывать газету въ кредитъ по письменнымъ, на бланкѣ этихъ учрежденій, предложеніямъ. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ выписка газеты въ кредитъ допускается чрезъ ихъ казначеевъ.

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ, въ главной Конторѣ газеты „ЗАРЯ", на Крещатикѣ, при книжномъ магазинѣ Л. В. Ильницкаго.

Иногородніе благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ Главную Контору или подписываться у агентовъ ея, обозначенныхъ въ каждомъ нумерѣ газеты.

Редакторъ-издатель *П. А. Андреевскій.*

ПОДОЛЬСКІЯ
Епархіальныя Вѣдомости

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна съ пересылкою 5 р.

ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

выходятъ три раза въ мѣсяцъ въ г. Кременцѣ Волынской губ.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою 5 руб.,—безъ перес. 4 руб.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, 1 и 15 чиселъ каждаго мѣсяца, въ объемѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей при Екатеринославской Семинаріи.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою и доставкою 5 руб. серебромъ.

ХЕРСОНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

(ГОДЪ 23-й).

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна 5 руб. съ пересылкою.

Адресъ: въ городъ Одессу.

КИШИНЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

выходятъ два раза въ мѣсяцъ 1-го и 15-го чиселъ.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою и доставкою на домъ 6 р.

ПОЛТАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

(ГОДЪ 20-й),

выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна съ пересылкою 5 р. 60 к.

„ЧЕНСТОХОВСКАЯ ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА БОГОРОДИЦЫ.

Историческое изслѣдованіе, съ изложеніемъ нахожденія этой иконы въ г. Ченстоховѣ. Г. Вильно. 1881 года“.

Въ книгѣ нѣсколько рисунковъ, каждый въ цѣлую страницу книги.

ПРОДАЕТСЯ: въ Вильнѣ, у законоучителя учительскаго института Никодима Соколова, на Большой улицѣ,—по 40 коп. съ пересылкою (можно высылать марками), а за 3 экз. 1 р. съ перес.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

АПРѢЛЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ II. 1882 г.

Апрѣль.

стр.

I. КІЕВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ ПЕТРЪ МОГИЛА (біографическій очеркъ), **Ф. Терновскаго** 1

II. СОЦИНІАНСТВО въ Польшѣ и юго-западной Руси. **Ор. Левицкаго** . 25

III. КНЯЗЬЯ РУЖИНСКІЕ. (Памяти М. А. Максимовича). **И. П. Новицкаго** 58

IV. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПОТЕРПѢВШАГО во время крестьянскихъ волненій 1855 г. Прот. **Вас. Сикорскаго** 85

V. ФИЛИППЪ ОРЛИКЪ и запорожцы. **А. Скальковскаго**. . . 106

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Древнѣйшія русскія монеты вел. княжества кіевскаго. Гр. Ив. Ив. Толстаго.—б) Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе. Ор. Новицкаго.—в) Iózef Dunin-Karwicky. Szkice obyczajowe i historyczne.—г) Исторія русской церкви, митр. Макарія. Т. XI. кн. II-я 133

VII. ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) церковно-археологическое общество при кіевской духовной академіи въ 1881 г.—б) Рукописи румянцевскаго музея по исторіи Кіева.—в) Коденская книга и три бандуриста.—г) Выборные священники.—д) Пасхальная вирша.—е) Козаки въ партикулярной надобности.—ж) Бенефисъ для малороссійскаго дворянства.—з) Къ портрету Петра Могилы 153

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Петра Могилы.

Май.

I. КІЕВСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПРЕЖНЯГО ВРЕМЕНИ . . 177

II. СОЦИНІАНСТВО въ Польшѣ и юго-западной Руси. *(Продолженіе).* **Ор. Левицкаго** 193

стр.

III. АРХІЕРЕЙСКІЯ ПЕЧАЛИ. **К. Березы** 226
IV. ПОѢЗДКА ВЪ БѢЛУЮ-ЦЕРКОВЬ. **Н. Костомарова** . . . 241
V. ДНЕВНИКЪ ОСВѢЦИМА, перев. **В. А.** *(Продолженіе)* . . 257
VI. МАТЕРІАЛЫ для исторіи народнаго образованія. . . . 276
VII. МАНИФЕСТЪ императрицы Екатерины II, 9 іюля 1768 г. . . 308
VIII. ЭКСТРЕННЫЕ РАСХОДЫ изъ суммъ малороссійской коллегіи. . 312
IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Харьковъ, историко-статистическій опытъ. К. П. Щелкова.—б) Описаніе кіево-софійскаго собора. П. Г. Л.—в) Народныя преданія въ Подоліи. Графъ Мотыка. Соч. гр. Биберштейна.—г) Wiadomość o malarzach bazylijańskich. Podał ks. Sadok Barącz.—д) Księga pamiętnicza majora A. Ptaszyńskiego 1769—1793. Przep. d-r Antoni J. 316
X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Подарокъ кіевскому церковно-археологическому музею.—б) Излишніе малороссійскіе монахи конца XVIII ст.—в) Старинные малороссійскіе портреты.—г) Гетманскіе клейноды (1758 г.).—д) Потомки запорожцевъ на островѣ Лети.—е) Гайдамацкій кутъ.—ж) Курьезный бракъ.—з) Скорбь кіевлянъ.—и) Панщина въ пѣсняхъ и молитвѣ 327

Іюнь.

I. ПОЧАЕВСКАЯ УСПЕНСКАЯ ЛАВРА въ концѣ іюля 1855 года. **Кн. Н. С. Голицына** 365
II. О НАЧАЛѢ КНИГОПЕЧАТАНІЯ ВЪ КІЕВѢ. **Ст. Т. Голубева** . 382
III. СОЦИНІАНСТВО въ Польшѣ и югозападной Руси. *(Окончаніе).* **Ореста Левицкаго** 401
IV. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. Перев. **В. А.** *(Продолженіе)* 433
V. МАТЕРІАЛЫ для исторіи народнаго образованія. *(Окончаніе).* . 451
VI. ИНТИМНАЯ ПЕРЕПИСКА ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА съ Яковомъ Марковичемъ. Сообщ. **Н. Петровъ** 498
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) «Хуторна поэзія» и «Крашанка». **П. А.** Кулиша.—б) Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. **Дмитрія** Багалѣя.—в) Szujski. Die Polen uud Ruthenen in Galizien. Wien und Teschen, 1882.—г) Kupajło, tudzież zabawy doroczne i inne, z dodatkiem niektórych obrzędów i pieśni weselnych ludu ukraińskiego z okolic Białej-Cerkwi. Zebrała i opisała Józefa Moszyńska. W Krakowie, 1881, in 8° . . . 509

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Рѣчь Д. Г. Бибикова къ дворянству юго-западнаго края.—б) Земляные валы близь с. Кудинки.—в) Старинные тракты, или дороги въ южной Россіи.—г) Искорость—древній Коростень или Скоростень.—д) Гдѣ именно жили запорожцы во время подчиненія своего крымскому хану (1709—34).—е) Поселенія запорожцевъ въ Банатѣ—ж) Неизвѣстные памятники памятныхъ лицъ.—з) Пѣсня запорожцевъ о выселеніи въ Турцію по уничтоженіи Сѣчи.—и) Пѣсня черноморскихъ козаковъ на взятіе Измаила.—і) Обманутый солдатъ. (*Стихотвореніе*) 530

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ замѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, упоминаемыхъ во II томѣ.

P 3591 E IV 5/22

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

51.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ II.

АПРѢЛЬ.

1882 г.

Императорская Публичная Библиотека

КІЕВЪ.

Типографія К. Н. Милевскаго, Крещатикъ, домъ Зейделя.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ II.

АПРѢЛЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія **К. Н. Милевскаго**, Крещатикъ, домъ Зейделя.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31-го марта 1882 года.

Петръ Могила Архіепископъ
Кіевскій Галицкій и всея Руссіи

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила.

(Біографическій очеркъ).

Одинъ изъ давнихъ нашихъ ученыхъ (помнится, Венелинъ) выразился такъ: «это еще вопросъ, который Петръ произвелъ болѣе значительную реформу и болѣе заслуживаетъ имя *Великаго*—Петръ ли I-й или Петръ Могила?» Отзывъ парадоксальный, но не лишенный нѣкоторой доли правды. Петръ Великій и Петръ Могила—двѣ историческія величины, если не равныя, то во всякомъ случаѣ соизмѣримыя; ихъ можно сопоставлять между собою. Оба они знакомили Русь съ западнымъ просвѣщеніемъ, оба были люди идеи, съ тою энергіею и послѣдовательностію, съ тѣмъ пренебреженіемъ частныхъ отношеній и смѣлымъ устраненіемъ препятствій, стоящихъ на пути къ цѣли, однимъ словомъ—съ тѣми качествами, которыя всегда свойственны людямъ идеи. Можно сказать, что и исходный пунктъ дѣятельности у обоихъ Петровъ былъ одинаковъ: это сознаніе русской отсталости и невѣжества, ради коихъ Русь находится въ положеніи бѣдственномъ и приниженномъ и служитъ *притчею во языцѣхъ*. И лекарство для уврачеванія русскаго недуга у обоихъ Петровъ предполагалось одно и тоже, состоявшее въ томъ, чтобы на время пойти въ науку къ иноземцамъ. Оба Петра одинаково подвергались у современниковъ упрекамъ въ ксеноманіи, и одинаково упреки эти были несправедливы, ибо оба Петра, прежде всего и паче всего, добра хотѣли русской землѣ. Вотъ черты сходства; что же касается различія, то оно такъ велико и такъ очевидно, что распространяться о немъ нѣтъ ни малѣйшей надобности. Главное и существенное различіе состоитъ конечно въ томъ, что Петръ Могила пересаживалъ на Русь латино-польское просвѣщеніе, а Петръ I-й—просвѣщеніе, выросшее на почвѣ протестантизма.

Мы далеки отъ мысли въ настоящей статьѣ представить біографію знаменитаго архипастыря; но, съ помѣщаемымъ въ настоящей книжкѣ *Кіевской Старины* портретомъ и facsimile Петра Могилы, хотимъ припомнить читателямъ лишь главныя черты его жизни и дѣятельности [1]).

Петръ Могила происходилъ изъ фамиліи молдавскихъ бояръ Могилъ и родился—должно полагать—21 декабря 1596 года. Родной дядя его по отцу, Іеремія, былъ господаремъ Молдавіи (1593—1607), а отецъ Симеонъ—господаремъ Валахіи (1601—1602) и потомъ Молдавіи (1607—1609). Оба эти господари отличались приверженностію къ православію, покровительствовали львовскому православному братству и присылали ему значительныя денежныя пособія на постройку братской церкви [2]). Гдѣ воспитывался Петръ Могила, мнѣнія различны; но болѣе вѣроятнымъ представляется, что онъ воспитывался во львовскомъ братскомъ училищѣ, гдѣ и могъ проникнуться тою горячностію къ православной вѣрѣ и непріязнію къ уніи, какими отличался впослѣдствіи. Вѣроятно также, что, по окончаніи обученія въ львовскомъ училищѣ, Могила слушалъ лекціи и въ заграничныхъ академіяхъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что Могила былъ отлично по тому времени образованъ и свободно владѣлъ латинскимъ и греческимъ языками. Бѣдствіе, разразившееся надъ господарскимъ домомъ Могилъ въ 1612 г. (когда Петру было 16 лѣтъ), заставило ихъ искать убѣжища въ Польшѣ, гдѣ они имѣли сильныя родственныя связи. (Двоюродныя сестры Петра Могилы, четыре дочери дяди его Іереміи, были въ замужествѣ за польскими аристократами: *Регина*—за княземъ Михаиломъ Вишневецкимъ, *Марія*—за Стефаномъ Потоцкимъ, *Катерина*—за княземъ Самуиломъ Корецкимъ, *Анна*—за Максимиліаномъ Пжерембскимъ и т. д.). Въ Польшѣ Петръ Могила сначала поступилъ-было въ военную службу и 24 лѣтъ отъ роду участвовалъ въ извѣстной битвѣ и побѣдѣ подъ Хотинымъ. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, благодаря, кажется, вліянію кіевскаго

[1]) При составленіи этого біографическаго очерка мы имѣли подъ рукою недавно вышедшій XI томъ *исторіи русской церкви* м. Макарія и еще не вышедшую въ свѣтъ диссертацію С. Т. Голубева о Петрѣ Могилѣ, часть которой напечатана въ журналѣ „Странникъ“ на 1882 г.

[2]) Портреты этихъ господарей во весь ростъ, вышитые по канвѣ и осыпанные жемчугомъ, были на археологической выставкѣ III арх. съѣзда въ Кіевѣ; они составляютъ собственность одного монастыря въ Буковинѣ.

митрополита Іова Борецкаго, Петръ Могила рѣшился принять монашество и поступить въ кіево-печерскую лавру. На кіевскомъ соборѣ въ сентябрѣ 1627 г. Петръ является еще міряниномъ, а въ самыхъ послѣднихъ дняхъ года онъ былъ уже *кіево-печерскимъ архимандритомъ*. Ему было тогда 31 годъ. Въ санѣ кіево-печерскаго архимандрита Петръ Могила пробылъ около пяти лѣтъ. Къ первому году его архимандритства относится торжественное осужденіе *апологіи* Мелетія Смотрицкаго, состоявшееся въ присутствіи самого автора, на соборѣ въ день лаврскаго праздника, 15 августа 1628 года. Будучи печерскимъ архимандритомъ, какъ настоятель ставропигіальной лавры, Петръ Могила признавалъ надъ собою только номинальную власть константинопольскаго патріарха, но не былъ подчиненъ никому изъ русскихъ архіереевъ, занималъ среди русскаго духовенства самое почетное и независимое положеніе и титуловался *великимъ архимандритомъ*. Впрочемъ къ митрополиту кіевскому, Іову Борецкому, Петръ Могила относился съ сыновнимъ почтеніемъ, а Іовъ умирая (2 марта, 1631 г.) отказалъ Петру Могилѣ свои греческія и латинскія книги и сдѣлалъ его своимъ душеприкащикомъ, поручивъ ему достроить михайловскую колокольню и заботиться о кіево-братской школѣ. Совсѣмъ иныя были отношенія Петра Могилы къ преемнику Іова Борецкаго, митрополиту Исаіи Копинскому. Быть можетъ, Петръ Могила былъ увѣренъ въ томъ, что покойный митрополитъ желалъ имѣть своимъ преемникомъ именно его, Петра, а не кого другаго. Какъ бы то ни было, но въ избраніи на митрополію Исаіи Копинскаго, печерскій архимандритъ видѣлъ несправедливость и личную для себя обиду. Неудовольствіе П. Могилы высказалось во 1-хъ въ томъ, что онъ долго не пускалъ новаго митрополита въ михайловскій монастырь, замѣстивъ михайловское игуменство печерскимъ намѣстникомъ Филоѳеемъ Кизаревичемъ, въ 2-хъ въ томъ, что, оставивъ безъ вниманія братскую школу на Подолѣ, Петръ Могила задумалъ основать и дѣйствительно основалъ новое высшее училище въ лаврѣ, *для преподаванія свободныхъ наукъ на греческомъ, славянскомъ и латинскомъ языкахъ*. Лаврское училище съ широкою программою (грамматика, реторика, діалектика, ариѳметика, музыка, геометрія, астрономія, ѳеологія) существовало не болѣе двухъ лѣтъ. Петръ Могила смиловался надъ братскою школою и не сталъ

подрывать ее лаврскимъ училищемъ,—послѣ того какъ богоявленскіе братчики дали ему письменное удостовѣреніе, что онъ, *какъ старшій братъ, будетъ пожизненнымъ блюстителемъ и опекуномъ не только братскихъ школъ, но и братскаго монастыря, со всѣми ихъ имѣніями... съ тѣмъ, чтобы призванные имъ учителя всѣ неизмѣнно состояли подъ благословеніемъ цареградскаго патріарха.* Изъ этого удостовѣренія, писаннаго вѣроятно подъ диктовку Петра Могилы, видно, что братская школа становилась въ полную независимость отъ мѣстнаго митрополита; а этого только и нужно было властолюбивому печерскому архимандриту, для того, чтобы, согласно завѣщанію Іова Борецкаго, взять братскую школу подъ свое протекторство. Завѣдуя лаврскою типографіею и братскою школою, управляя обширною и богатою лаврою, *великій архимандритъ* и въ то время былъ уже болѣе сильнымъ и вліятельнымъ лицемъ, чѣмъ митрополитъ Исаія, *обнищавшій до зѣла* и едва втѣснившійся въ михайловскій монастырь, гдѣ, по его словамъ, не нашелъ даже *ни одного святительскаго епитрахиля.* Петру Могилѣ недоставало только митрополичьяго сана, для того, чтобы представительность положенія стала въ уровень съ его силою и вліятельностію. Скоро былъ полученъ и митрополичій санъ.

Въ 1632 г. 30 апрѣля скончался король Сигизмундъ III. На избирательный сеймъ, предшествующій выбору новаго короля, главнымъ духовнымъ посломъ изъ Кіева отправился печерскій архимандритъ, имѣвшій полномочія не только отъ всего духовенства, но и отъ самого митрополита. На сеймѣ печерскій архимандритъ горячо хлопоталъ въ пользу православной церкви и добился значительнаго расширенія ея правъ, но не забылъ и самого себя. Православная церковь получила права легальнаго существованія въ польскомъ государствѣ, которыхъ лишена была со времени брестскаго собора 1596 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло было поставлено такъ, что наличные православные владыки (на которыхъ польское правительство смотрѣло также, какъ напр. русское правительство смотритъ на архіепископа Антонія Шутова и его собратій) были игнорированы и каѳедры ихъ были сочтены вакантными. Петръ Могила конечно ничего не имѣлъ противъ такой постановки дѣла, ибо она была для него выгодна. Тутъ же на сеймѣ онъ избранъ православными дворянами (въ числѣ 49) кандидатомъ на кіевскую митрополію, былъ

утвержденъ новымъ королемъ Владиславомъ въ этомъ званіи, съ сохраненіемъ и кіево-печерской архимандріи, и поѣхалъ посвящаться во Львовъ. Почему во Львовъ, а не въ Кіевъ, догадаться не трудно. Въ Кіевѣ жилъ прежній митрополитъ Исаія, котораго привыкли уже считать за настоящаго митрополита, и многіе, въ томъ числѣ и самъ Исаія, были убѣждены, что онъ устраненъ только по честолюбію и проискамъ Петра Могилы, который, воспользовавшись обстоятельствами, исходатайствовалъ себѣ грамату на митрополію при живомъ митрополитѣ. Поэтому въ Кіевѣ, если бы здѣсь состоялось посвященіе Петра Могилы, могли произойти какія-либо демонстраціи и протестаціи со стороны приверженцевъ Исаіи и самого Исаіи. А послѣ Кіева оставался одинъ Львовъ, гдѣ могло совершиться посвященіе новаго митрополита съ подобающимъ благолѣпіемъ. Во Львовѣ имѣлъ пребываніе единственный православный епископъ, сохранившій свою каѳедру, Іеремія Тиссаровскій, титуловавшійся *экзархомъ константинопольскаго патріарха* и слѣд. имѣвшій право совершить посвященіе кіевскаго митрополита отъ имени вселенскаго патріарха. Къ назначенному сроку прибыли во Львовъ всѣ три православные епископа, хотя и уволенные отъ своихъ епархій: Авраамій (бывшій пинскій и туровскій), Исаакій (бывшій луцкій) и Паисій (бывшій холмскій) и множество православныхъ духовныхъ и мірянъ. Первое посвященіе (т. е. нареченіе) Могилы, по словамъ мѣстнаго лѣтописца, происходило въ среду на св. недѣлѣ, второе (вѣроятно въ санъ епископа) въ субботу, а третье (въ санъ митрополита) въ недѣлю проводную или Ѳомину, которая въ 1633 году приходилась 28 апрѣля. Посвященіе Петра Могилы совершилъ патріаршій экзархъ Іеремія Тиссаровскій съ тремя другими, названными выше, русскими епископами, въ великолѣпной, недавно оконченной церкви львовскаго ставропигіальнаго братства, на построеніе которой много жертвовала фамилія Могилъ. Новый митрополитъ прожилъ во Львовѣ около двухъ мѣсяцовъ и въ концѣ іюня отправился торжественно, съ преднесеніемъ ему креста, на свою каѳедру въ Кіевъ. Петру Могилѣ было отъ роду 36 съ половиною лѣтъ. Въ Кіевѣ многіе встрѣтили первосвятителя съ великою радостію; ему были поднесены два панегирика: одинъ отъ лавры, другой отъ Кіево-братскаго училища. Но не одни панегирики ждали Петра Могилу въ Кіевѣ; здѣсь ждали его и большія непріятности.

Самымъ появленіемъ своимъ въ Кіевѣ новый *упривилегированный* митрополитъ, по выраженію хроникера, *деградовалъ*, т. е. низлагалъ съ каѳедры стараго митрополита Исаію. Исаія не захотѣлъ добровольно подчиниться своей участи и рѣшился бороться съ сильнымъ соперникомъ. Могила съ своей стороны прибѣгъ къ крутымъ мѣрамъ. Онъ запретилъ или низложилъ поповъ, посвященныхъ Исаіею, а самого Исаію велѣлъ перевезти изъ михайловскаго монастыря въ лавру, чтобы старый митрополитъ былъ лишенъ возможности заявлять свои прошенія и жалобы гдѣ бы то ни было. Впрочемъ, спустя немного времени, неизвѣстно по какому побужденію, Петръ Могила выпустилъ изъ лавры стараго митрополита, который опять поселился въ михайловской обители и управлялъ ею до 10 августа 1635 года, когда выѣхалъ изъ нея уже навсегда. Поѣхалъ м. Исаія жаловаться королю на *кривды*, *шкоды* и *оппрессіи* со стороны Петра Могилы и его сторонниковъ, но желаемой «управы» не получилъ. 1 февраля 1637 г. соперничествующіе митрополиты встрѣтились въ Луцкѣ, въ домѣ мѣстнаго епископа, и сдѣлали попытку къ примиренію. Исаія *квитовалъ* Могилу *изо всѣхъ на него починенныхъ протестацій*. Но едва соперники разстались, какъ Исаія передумалъ, опротестовалъ свой квитъ и занесъ этотъ протестъ въ гродскія книги владимірскія. Жилъ послѣ этого м. Исаія гдѣ-то въ глуши на Полѣсьѣ и ограничивался тѣмъ, что сообщалъ своимъ приверженнымъ монахамъ компрометирующія Могилу извѣстія. «Кіевскій-де митрополитъ Петръ Могила», писалъ Исаія въ лубенскій и прилуцкіе монастыри въ 1638 г., «вѣры хрестьянской нынѣ отпалъ, и благословенъ-де митрополитъ Петръ Могила отъ папы римскаго нынѣ въ великій постъ въ патріархи, будто быть патріархомъ христьянскія вѣры. А присегалъ-де онъ, Петръ Могила, королю и всѣмъ панамъ роднымъ и всѣмъ арцибискупамъ ляцкимъ, что ему хрестьянскую вѣру ученьемъ своимъ попрать» и т. д. Досадная борьба Петра Могилы съ слабымъ, но упорнымъ соперникомъ, не имѣвшимъ великодушія отказаться отъ власти, удержать которую былъ не въ состояніи, продолжалась до самой смерти Исаіи (+ 5 окт. 1640 г.). Были у Петра Могилы и другія непріятныя столкновенія—съ уніатами, съ непослушными монахами никольскаго пустыннаго монастыря и т. д.

Но, миновавъ эту *злобу дня*, обратимся къ свѣтлымъ и па-

мятнымъ для исторіи сторонамъ митрополичьей дѣятельности Петра Могилы. И здѣсь для порядка мы должны разсказать отдѣльно: о возсозданіи Петромъ Могилою православныхъ храмовъ, объ устройствѣ братскаго училища и объ изданіи нужныхъ и полезныхъ для церкви книгъ.

Въ силу королевской привилегіи Петръ Могила, хотя и съ трудомъ, взялъ изъ рукъ уніатовъ Софійскій соборъ, Выдубицкій монастырь, и другіе храмы. Но всѣ они были въ разоренномъ видѣ. Софійскій соборъ былъ не только пустъ внутри, но и стоялъ безъ крыши, и нѣкоторыя стѣны его обвалились. «*Взялъ отецъ Могила*, пишетъ отступникъ православія Саковичъ, *церковь св. Софіи въ Кіевѣ отъ колико сотъ лѣтъ пусту сущу, а нынѣ такъ ее украсилъ, что отъ всѣхъ имать похвалу*». Выдубицкій монастырь въ 1635 г. перешелъ отъ уніатовъ въ руки Могилы также разореннымъ и опустошеннымъ, а въ слѣдующемъ году Могила могъ уже называть себя «*ктиторомъ* и *обновителемъ того святого монастыря выдубицкаго, по конечномъ запустѣніи и разрушеніи его отъ отступныхъ уніатъ*. Въ тоже время Могила воздвигъ изъ развалинъ находившуюся близи лавры церковь Спаса на Берестовѣ, построенную, по преданію, еще св. кн. Владиміромъ. Другую болѣе знаменитую церковь Владимірову—*десятинную*, нѣсколько вѣковъ лежавшую въ развалинахъ, отъ которой едва выдавалась на поверхность часть одной стѣны, митрополитъ велѣлъ раскопать въ 1635 г., открылъ подъ развалинами гробъ и въ немъ мощи св. князя Владиміра, и началъ было также возобновлять; но, не успѣвъ окончить самъ, завѣщалъ окончить по смерти своей, для чего и назначилъ тысячу злотыхъ. А третью древнѣйшую церковь, во имя св. Василія или трехъ святителей, отобранную у уніатовъ, митрополитъ приписалъ для обновленія и устроенія къ кіево-братскому училищному монастырю. Въ тоже время кіево-фроловскій монастырь былъ обновленъ и приведенъ въ добрый порядокъ игуменьею Агафіею Гуменицкою, *подъ протекціею и урядомъ духовнымъ* м. Петра Могилы. Всѣ такія постройки, особенно возобновленіе Софійскаго собора, требовали громадныхъ суммъ; и Могила употреблялъ для этого частію свои средства и средства лавры, частію пожертвованія другихъ, и наконецъ испрашивалъ милостыню у московскаго государя.

Другимъ предметомъ заботъ Могилы было кіево-братское учи-

лище, которое называлось то *школами*, то *гимназіею*, то *коллегіею*, и которому митрополитъ старался, но не успѣлъ исходатайствовать у короля имя *академіи*. На содержаніе училища Могила назначилъ два лаврскихъ имѣнія — Вишеньки и Гныдинъ и свой собственный фольваркъ Позняковщину, который купилъ за 4000 злотыхъ. Построилъ для училища въ братскомъ монастырѣ особую деревянную церковь во имя св. муч. Бориса и Глѣба, которая называлась *конгрегаціонною*, такъ какъ въ ней собиралась на молитву *конгрегація* воспитанниковъ. Для помѣщенія классовъ соорудилъ большое двухъэтажное зданіе; завелъ при училищѣ библіотеку, а для бѣдныхъ учениковъ учредилъ бурсу. О внутреннемъ устройствѣ училища при Петрѣ Могилѣ подробныхъ свѣденій не сохранилось; но несомнѣнно, что учебное дѣло было поставлено хорошо. *По истинѣ, въ школахъ учатъ хорошо*, заявлялъ самъ Петръ Могила. Для хорошаго ученья необходимъ хорошій составъ профессоровъ, и объ этомъ особенно радѣлъ Могила. Многіе профессора предварительно нарочито посылаемы были Могилою за границу для довершенія своего образованія въ заграничныхъ академіяхъ. Первымъ ректоромъ коллегіи былъ Исаія Трофимовичъ Козловскій, *докторъ богословія* и *премудрый богословіи учитель*, духовникъ Могилы. Затѣмъ упоминаются какъ ректоры коллегіи: Іосифъ Кононовичъ Горбацкій, Игнатій Оксеновичъ Старушичь, Иннокентій Гизель; въ числѣ профессоровъ были Сильвестръ Коссовъ, Софроній Почасскій и др. Ученики, вѣроятно обучаемые *высшимъ наукамъ*, именовались *студентами* и *спудеями*. Школьное дѣло настолько процвѣтало, что чрезъ нѣсколько лѣтъ Петръ Могила имѣлъ возможность отправить изъ своихъ питомцевъ *благообразныхъ иноковъ* и *добрѣ ученыхъ учителей* валашскому господарю и выражалъ желаніе оказать туже услугу московскому государю. Отеческія отношенія Петра Могилы къ школѣ всего лучше видны изъ предисловія къ изданной имъ книгѣ: *Анѳологіонъ—сирѣчь молитвы и поученія душеполезныя въ душевную пользу спудеевъ* и т. д. (24 мая 1636). «Постаравшись съ Божіею помощію (говорится въ предисловіи) при моихъ слабыхъ силахъ, на мои собственныя средства, обновить гимназію, т. е. школы въ Кіевѣ, отчасти уже бывшія въ упадкѣ и опустѣлыя, я снабжалъ васъ, снабжаю и до конца жизни не престану снабжать книгами, учителями, содержаніемъ бѣдныхъ

сотоварищей—студентовъ и прочими надобностями. Но мнѣ желательно также, чтобы въ этихъ школахъ не только преподавались *высшія науки*, а еще болѣе и выше всего посѣевалось и вкоренялось въ сердцахъ вашихъ благочестіе.... Я самъ рѣшился, какъ бы для отдохновенія отъ другихъ ежедневныхъ трудовъ и заботъ, взять на себя обязанность, чтобы въ весеннее цвѣтущее время вашему цвѣтущему дѣтскому и юношескому возрасту собрать на лугахъ богодухновенныхъ церковныхъ наукъ и св. писаній благоуханные цвѣты благочестивыхъ размышленій и умиленныхъ молитвъ, и вамъ, всему содружеству, т. е. конгрегаціи кіевскихъ школъ, въ въ знакъ отеческой любви, въ даръ принести,—что теперь и исполняю».—За свои труды и заботы по училищу Петръ Могила на первый разъ былъ довольно худо награжденъ. «*Въ то время*, сообщаетъ одинъ изъ позднѣйшихъ кіево-могилянскихъ воспитанниковъ—Гавріилъ Домецкій, *отъ неученыхъ поповъ и отъ козаковъ велїг было негодованіе: на што латинское и польское училище заводите, чего у насъ дотуду не бывало, и спасались? Было - хотѣли самого Петра Могилу и учителей до смерти побити: едва ихъ уговорили*». Еще тяжеле для Могилы, конечно, было то, что кіевскій воевода Янъ Тышкевичъ, горячій католикъ, вымещалъ на студентахъ свое нерасположеніе къ митрополиту и къ православію. Такъ въ 1640 г., въ отсутствіе митрополита изъ Кіева, студентъ Ѳеодоръ Гоголевскій былъ схваченъ, обвиненъ въ ночномъ буйствѣ и безъ суда и слѣдствія обезглавленъ. Это обстоятельство очень огорчило митрополита. Кіево-братской коллегіи митрополитъ былъ преданъ до смерти. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ отказалъ коллегіи 75000 злотыхъ по документамъ и 6000 наличными; всю свою библіотеку, хуторъ Позняковщину, всѣ свои дома, (пріобрѣтенные имъ вѣроятно въ Кіевѣ,) и разныя вещи. Отцовъ же коллегіатовъ митрополитъ просилъ, чтобы они кіевскую коллегію сохранили въ цѣлости, согласно съ фундаціею, а по душѣ его совершали богослуженіе каждую недѣлю въ четвергъ и ежегодно въ день его кончины.

Не мало потрудился Петръ Могила и для обогащенія церковной литературы, для изданія нужныхъ и полезныхъ церковныхъ книгъ. Для пособія священникамъ въ проповѣданіи издано было въ въ лаврѣ въ 1637 г. *Евангеліе учительное*, или собраніе поученій на всѣ годовыя недѣли и праздники,—патріарха константинополь-

скаго Каллиста. Это *евангеліе*, употребляющееся у насъ въ славянскомъ переводѣ издавна, напечатано было на западно-русскомъ языкѣ въ 1616 г. иноками виленскаго свято-духовскаго монастыря. Теперь Могила издалъ это *евангеліе* на общепонятномъ для народа языкѣ вновь и приложилъ отъ себя предисловіе, въ которомъ увѣщевалъ священниковъ, чтобы они какъ можно чаще читали то *евангеліе* и сами поучались изъ него и поучали народъ.

Для руководства священниковъ П. Могила издалъ также (къ концу 1646 г.) свой знаменитый *евхологіонъ, альбо молитвословъ или требникъ*, огромный фоліантъ въ 1529 страницъ. «Вѣдая несомнѣнно», пишетъ митрополитъ въ предисловіи, «что противники наши... называютъ нашихъ духовныхъ неучами и невѣждами въ совершеніи божественныхъ таинствъ и другихъ богослуженій, утверждаютъ, что Русь православная уклонилась въ ересь, не знаетъ ни числа, ни формы, ни матеріи, ни интенціи, ни обрядовъ божественныхъ таинствъ, не умѣетъ дать о нихъ отчета и въ совершеніи ихъ держится различнаго способа, я, потрудившись по силамъ моимъ о укрѣпляющемъ меня Іисусѣ, предпринялъ отнять такое тяжкое поношеніе противниковъ отъ православнаго причта св. россійской церкви. И, по благодати Божіей, не вотще потрудился, какъ можетъ видѣть каждый просвѣщенный и благочестивый читатель этой книги, названной *требникомъ*». Требникъ состоитъ изъ трехъ частей: въ первой помѣщены чинопослѣдованія всѣхъ семи таинствъ съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ соприкосновенныхъ чиновъ; во второй—чины различныхъ освященій, какъ то: освященія воды, церквей и церковныхъ вещей и т. д.; въ третьей—чины различныхъ молебновъ и молитвъ по разнымъ случаямъ—въ день пятдесятницы, въ день новолѣтія, и т. д. Кромѣ того находятся въ *требникѣ* объяснительныя статьи о значеніи того или другаго таинства, о поведеніи священника при томъ или другомъ чинопослѣдованіи и т. д. Всего помѣщено въ требникѣ П. Могилы до 126 чиновъ и статей. Источниками его были евхологіи греческіе, харатейные славянскіе требники и даже ритуалы римскіе.

Для всѣхъ православныхъ христіанъ Петръ Могила далъ весьма полезное руководство въ *катихизисѣ*, извѣстномъ подъ его именемъ. Въ тотъ вѣкъ вѣроисповѣдныхъ споровъ каждому православному приходилось часто сталкиваться съ латинами и протестан-

тами и нужно было твердо знать догматы своей вѣры, а для этого нужно было имѣть такое же точное изложеніе догматовъ православія, какое имѣли латины и протестанты для своихъ исповѣданій. Однимъ словомъ нуженъ былъ *православный катихизисъ*. Первые опыты составленія такой символической книги были неудачны. Катихизисъ Мелетія Смотрицкаго уклонился къ латинству; катихизисъ, изданный въ 1629 г. въ Женевѣ, подъ именемъ патріарха Лукариса, уклонился къ кальвинству. Зная, какой осторожности и обдуманности требуетъ изданіе символической книги для православной церкви, Петръ Могила, составивъ совмѣстно съ своимъ духовникомъ и *премудрымъ богословіи учителемъ*, Исаіею Трофимовичемъ Козловскимъ, *православное исповѣданіе*, подвергъ эту книгу публичному обсужденію сначала на соборѣ кіевскомъ (въ кіево-софійскомъ храмѣ, въ сентябрѣ 1640 г.), а потомъ на соборѣ ясскомъ 1643 г., и отправилъ на разсмотрѣніе всѣхъ восточныхъ патріарховъ. Книга *православнаго исповѣданія* хотя и была одобрена и утверждена подписомъ всѣхъ восточныхъ патіарховъ, но заложена, какъ говорится, *въ долгій ящикъ*, и напечатана въ первый разъ въ Амстердамѣ на греческомъ языкѣ въ 1662 г., много лѣтъ спустя послѣ смерти Петра Могилы. Не дождавшись возвращенія съ востока своей рукописи *православнаго исповѣданія*, Петръ Могила, чтобы удовлетворить вопіющей нуждѣ времени, издалъ въ печерской типографіи сокращеніе книги, подъ заглавіемъ: *собраніе короткой науки объ артикулахъ вѣры православно-каѳолической христіанской*, сначала на польскомъ, а потомъ въ 1645 г. и на русскомъ языкѣ. Содержаніе и составъ *православнаго исповѣданія* Петра Могилы хорошо извѣстны всѣмъ получившимъ образованіе въ духовныхъ училищахъ, гдѣ эта книга еще въ недавнее время числилась какъ особый предметъ преподаванія.

Издавалъ Петръ Могила книги и для назидательнаго чтенія. Таковы сочиненія—Сильвестра Коссова Paterikon, abo zywoty s. s. ojców pieczarskich... 1635 г. и Аѳанасія Кальнофойскаго Τερατουργήμα, lubo cuda, które były tak w samym swięto-cudotwornym Monastyru pieczarskim kiiowskim, jako y w obudwu s. pieczarach... 1638 г. Для второй изъ этихъ книгъ матеріаломъ послужили, между прочимъ, собственноручныя записки Петра Могила съ повѣствованіями о разныхъ чудесахъ и знаменіяхъ отъ святыхъ печерскихъ. Такъ какъ

обѣ книги, служащія къ прославленію печерской обители, изданы на польскомъ языкѣ, то должно думать, что издатель имѣлъ въ виду не однихъ только русскихъ и православныхъ читателей, а главнымъ образомъ поляковъ и латинянъ.

На польскомъ же языкѣ и очевидно съ тѣмъ же назначеніемъ издана другая книга Петра Могилы апологетическаго содержанія, направленная противъ сочиненія отступника отъ православія Кассіана Саковича, подъ заглавіемъ: Ἐπανόρθωσις abo perspectywa i objasnienie błędow, heresiey i zabobonów w grecko-ruskiey cerkwi dizunickiey... w Krakowie 1642. Отвѣтъ на это сочиненіе, если не составленный то по крайней мѣрѣ проредактированный Петромъ Могилою, озаглавливается такъ: Λίθος albo kamień z praszczy prawdy cerkwie swiętey, prawosławney ruskiey na skruszenie faleczno-ciemney Perspectiwy od Kassiana Sakowicza wydaney, wypuczczony przez pokornego oyca Eusebia Pimina... 1644. Книга *Лиѳосъ* весьма объемистая и обстоятельная; характеръ полемики, какъ и въ *Перспективѣ*, желчный и бранчивый.—Много было задумано и другихъ важныхъ литературныхъ изданій Петромъ Могилою. Онъ хотѣлъ подарить русское общество *житіями святыхъ*,—трудомъ, который чрезъ полвѣка былъ исполненъ св. Димитріемъ ростовскимъ. Для сей цѣли Могила досталъ съ Аѳона греческій подлинникъ житій Метафраста и распорядился переводомъ ихъ на славянскій языкъ. Петръ Могила трудился надъ исправленіемъ текста славянской библіи и собиралъ уже деньги для новаго изданія ея, болѣе исправнаго, чѣмъ острожское, т. е. приступилъ къ предпріятію, которое осуществилось не ранѣе, какъ чрезъ сто лѣтъ, при императрицѣ Елизаветѣ.

Ранняя смерть пресѣкла начинанія Петра Могилы. Онъ скончался въ 4 часу ночи подъ 1 генваря 1647 года, ровно 50 лѣтъ отъ роду, слѣдовательно, далеко не доживъ до нормальнаго предѣла человѣческой жизни. Въ умѣ, энергіи, широтѣ замысловъ и строгости жизни никто, даже самые враги никогда ему не отказывали. Отступникъ отъ православія Кассіанъ Саковичъ свидѣтельствуетъ о Могилѣ, что онъ *монастыри строитъ, и школы заводитъ, и много доброва народу въ странѣ своей дѣлаетъ. И если бы только схизму хотѣлъ оставить.., безъ всякаго размышленія не только митрополіи, но и патріаршескаго сана достоинъ бы быти.* Кіевскій лѣтописецъ Іерличь, видимо не расположенный къ Могилѣ при

его жизни, тѣмъ не менѣе свидѣтельствуетъ, что митрополитъ *жилъ на этомъ свѣтѣ богобоязненно, хорошо и трезво, и подвизался въ дѣлахъ благочестивыхъ, всегда заботясь о цѣлости церкви Божіей и оберегая свое стадо, хотя и не чуждался мірской славы.*

Въ русской литературѣ довольно много писано о Петрѣ Могилѣ. Нѣтъ ни одного учебника по русской исторіи вообще и въ частности по исторіи церкви и литературы, гдѣ бы не шла рѣчь о Петрѣ Могилѣ. Есть и спеціальныя изслѣдованія, напр. о *требникѣ* Петра Могилы, и въ особенности объ основанной имъ кіево-могилянской коллегіи. Личная жизнь Петра Могилы менѣе подвергалась изслѣдованію, хотя и объ этомъ есть не мало хорошихъ страницъ въ XI томѣ *исторіи* митр. Макарія (Спб. 1882 г.) и въ диссертаціи С. Т. Голубева. Но замѣчательно, что біографы Петра Могилы обращали преимущественное вниманіе на одинъ фактъ его жизни: именно на то, что Могила занялъ кіевскую каѳедру при живомъ митрополитѣ. Апологія Петра Могилы по этому обстоятельству составляетъ главную заботу его біографовъ; между тѣмъ какъ самъ Могила, думается намъ, вовсе не придавалъ этому дѣлу особенно важнаго значенія. Подобныя недоразумѣнія часто бываютъ съ историками. Карамзинъ, напр., очень совѣстится за Владиміра Мономаха, вѣроломно перебившаго половецкихъ заложниковъ, и едва находитъ возможнымъ оправдать его тѣмъ, что «вѣкъ извиняетъ человѣка»; между тѣмъ самъ Мономахъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи хладнокровно замѣчаетъ: *чадъ Итлареву избиша*, и нисколько не думаетъ въ этомъ оправдываться. Въ такомъ же точно положеніи, кажется намъ, стоитъ и Петръ Могила по отношенію къ вопросу о *деградованіи* Исаіи Копинскаго. Внутренняя правда въ этомъ поступкѣ была на сторонѣ Петра Могилы, ибо онъ искалъ митрополіи, ради блага православной паствы, и получивъ митрополію, доказалъ, что былъ того достоинъ; что же касается до нарушенія внѣшней легальности, то это было такимъ ежедневнымъ и заурядным въ Польшѣ явленіемъ, которое не могло никого ни возмущать, ни даже удивлять.

Менѣе было обращаемо вниманіе историками на внутреннюю духовную жизнь Петра Могилы; по крайней мѣрѣ мы не знаемъ ни одной попытки охарактеризовать его міросозерцаніе, взгляды и убѣжденія. Между тѣмъ для такой характеристики имѣется не ли-

шенный значенія матеріалъ въ собственноручныхъ запискахъ Петра Могилы, которыя хранятся въ библіотекѣ кіево-софійскаго собора и отчасти уже испорчены временемъ. Часть этихъ записокъ вошла въ составъ *Тератургимы* Кальнофойскаго; нѣсколько сказаній помѣщено въ *Кіевск. Епарх. Вѣдомостяхъ* 1861 г., небольшой отрывокъ въ *Литовскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ* 1881 г.; остальныя сказанія еще ждутъ издателя, а всѣ, какъ изданныя и неизданныя, ждутъ прилежнаго читателя и изслѣдователя. Вообще записки Петра Могилы не останавливали на себѣ вниманія изслѣдователей. О существованіи *записокъ* знали; иные, можетъ быть, и перелистывали ихъ въ рукописи, но ни читать, ни издавать ихъ не спѣшили. Какъ ни страннымъ кажется такое холодное отношеніе любителей старины къ запискамъ Петра Могилы, но оно легко объяснимо. Должно думать, что и тѣ немногіе, которые перелистывали ихъ, отходили отъ нихъ съ чувствіемъ неудовлетворенности. Отъ записокъ Могилы очевидно ждали чего-то большаго, лучшаго; онѣ казались слишкомъ простыми, наивными, суевѣрными, во всякомъ случаѣ не такими, какія подобало бы написать Могилѣ, быть можетъ даже роняющими его историческое значеніе. Но что́ дѣлать! Историческихъ дѣятелей мы должны брать такими, какими они были въ дѣйствительности, хотя бы эта дѣйствительность и не приходилась по нашему вкусу.

Содержаніе сказаній Петра Могилы, при всемъ ихъ разнообразіи, очень просто и однородно. Всѣ они представляютъ варіацію на одну тему, распадающуюся на два положенія, которыя можно выразить такъ: *и теперь еще есть святые подвижники въ православной церкви; и теперь еще совершаются Богомъ чудеса въ православной церкви, свидѣтельствующія объ ея истинности.* Эта тема не принадлежитъ исключительно одному Петру Могилѣ. Она обща тогдашней церковной литературѣ. Захарія Копыстенскій въ своей *Палинодіи* (часть 2, разд. 10, арт. 6) цѣлую главу посвящаетъ доказательству того, что *много святыхъ и чудотворныхъ у грековъ, у сербовъ, у болгаръ и у руссовъ сталося по одорваньюся латинниковъ отъ грековъ.* Очевидно, что эта тема выдвигалась впередъ самою жизнію и тогдашними отношеніями латинъ къ православнымъ. Разница между Копыстенскимъ и Могилою въ разработкѣ этой темы та, что Копыстенскій посвятилъ ей нѣсколько страницъ въ своемъ обширномъ сочиненіи и заимствовалъ примѣры изъ книгъ,

а Петръ Могила, такъ сказать, хронически занимался разработкою этой темы, заимствуя примѣры изъ текущей жизни, изъ личнаго опыта, изъ бесѣдъ съ иноками и набожными христіанами, несомнѣнно вѣруя въ дѣйствительность повѣствуемыхъ чудесъ, добросовѣстно стараясь *констатировать факты*, указать время, мѣсто, свидѣтелей и т. д. Для нашего времени Петръ Могила покажется, пожалуй, довольно легковѣрнымъ, а индѣ и суевѣрнымъ, но примемъ во вниманіе, что тогда былъ вѣкъ XVI, а нынѣ XIX.

Представляемъ нѣсколько разсказовъ изъ записокъ Петра Могилы на любимую имъ тему, расположивъ ихъ по двумъ рюбрикамъ: I., *о современныхъ подвижникахъ въ православной церкви.* II., *о современныхъ чудесахъ въ православной церкви.*

Думаемъ, что эти разсказы не лишены будутъ значенія для характеристики того, кто былъ ихъ тщательнымъ собирателемъ. Кромѣ того, всѣ эти сказанія писаны со словъ современниковъ и очевидцовъ и потому носятъ на себѣ тотъ колоритъ мѣста и временъ, который всегда присущъ подобнымъ разсказамъ.

I.,

О современныхъ подвижкнинахъ въ православной церкви.

Изъ жизни современныхъ подвижниковъ въ *запискахъ* Петра Могилы содержатся разсказы: о Леонтіѣ Карповичѣ, о схимникѣ Іезекіилѣ и о Григоріѣ Межигорскомъ.

О Леонтіѣ Карповичѣ.

Разсказывалъ намъ отецъ Исаія Трофимовичъ, іеромонахъ виленскаго братства, о своемъ архимандритѣ Леонтіѣ Карповичѣ слѣдующее: однажды въ виленскомъ общежитіи было такое безденежье, что оставалось въ братской сокровищницѣ всего ½ гроша. И созвавъ отецъ Леонтій братію, говорилъ такъ: «думаю, братіе, что такое оскудѣніе могло постигнуть насъ ради двухъ причинъ: или между нами есть святотатецъ, скрывающій свое частное стяжаніе, и за него Богъ караетъ всю братію, или Богъ искушаетъ насъ, дѣйствительно ли мы желаемъ быть ревнителями нищеты Христовой».

Тотъ же братъ Исаія разсказывалъ намъ, что авва Леонтій, если задумывалъ какое нибудь доброе дѣло и не находилъ сочувствія въ братіи, то говорилъ: *не отъ Бога ваши мысли*, и дѣлалъ, какъ задумалъ.

Еще: однажды молился авва Леонтій, по обыкновенію, съ затворенными дверями, и вотъ пришли братія и толкнувшись доложили аввѣ, что князь Богданъ Огинскій желаетъ съ нимъ видѣться. По неволѣ старецъ вышелъ (ибо князь былъ ктиторъ и великій благодѣтель обители), но прежде всплакнулъ, что ради угожденія человѣку ему приходится оставить молитву прежде конца.

Однажды тотъ же авва Леонтій, когда ему слѣдовало идти въ путь, по обычаю затворившись творилъ молитву утреннюю. А дорожный товарищъ его, мірянинъ Максимъ Смотрицкій, въ нетерпѣніи много разъ подходилъ къ окну келліи и говорилъ: *отче! пора въ путь;* наконецъ, соскучившись, поѣхалъ впередъ, ученика же старцева Іосифа наустилъ, чтобы онъ распорядился закладкою лошадей. Старецъ, кончивъ молитву, вышелъ изъ келліи и, увидавъ запряженныхъ лошадей, приказалъ ихъ распречь и кормить.—Дальнѣйшія строки рукописи испорчены; но конецъ разсказа таковъ, что старецъ, отправившись въ путь, увидалъ Максима плетущимся въ раскаяніи назадъ на поломанномъ возѣ и изрекъ слѣдующее нравоученіе: «Богъ да проститъ тя, чадо; но знай, что преслушаніе всегда такіе плоды даетъ, а молитва ничему не мѣшаетъ, а во всемъ помогаетъ».

Тотъ же авва имѣлъ обычай ежедневно совершать божественную литургію, а когда ему говорили, что не слѣдуетъ такъ часто приступать къ божественнымъ тайнамъ, что-бы не впасть въ небреженіе, старецъ отвѣчалъ: «кто часто выходитъ на солнечный свѣтъ, тотъ видитъ на себѣ и малую черноту, такъ равно и приобщающійся чаще божественнымъ тайнамъ яснѣе видитъ свои согрѣшенія». И еще: «на бѣломъ платкѣ и маленькая капля чернилъ очень замѣтна, а на черномъ и большая не видна. Такъ и человѣкъ, имѣющій чистую совѣсть, если впадетъ и не очень въ *большой* грѣхъ, тотчасъ придетъ въ чувство и покается, а человѣкъ съ нечистою совѣстію не скоро замѣчаетъ свое паденіе, не скоро и исправляется».

О Іезекіи скитскомъ старцѣ.

Въ 1600 году пришелъ изъ Греціи въ русскую землю монемвасійскій митрополитъ Іоасафъ и проживалъ въ монастырѣ уневскомъ. И пришелъ къ митрополиту изъ своего монастыря блаженный Іезекіиль скитскій ради благословенія. Митрополитъ съ радостію принялъ старца, ибо былъ мужъ весьма человѣколюбивый, и удержалъ старца на обѣдъ. Зная, что старецъ не ѣстъ ни масла, ни яицъ, митрополитъ захотѣлъ искусить его и приказалъ всѣ кушанья приготовить съ масломъ. Подали обѣдать. По благословеніи митрополитъ и всѣ присутствовавшіе стали кушать; старецъ же только ѣлъ хлѣбъ, а кушанья не касался. Митрополитъ спросилъ: «старче! почто не ѣшь?» Старецъ молча поклонился. Митрополитъ, поднявъ руку, благословилъ и сказалъ: «кушай, старче, благословляется тебѣ». Тогда старецъ съ великою поспѣшностію взялъ ложку и вкусилъ кушанья только разъ. Митрополитъ, видя, что старецъ положилъ ложку, опять сказалъ: «благословлено уже, чего ради не ѣшь, старче?« Старецъ вставъ поклонился и сказалъ: *что потребно было для послушанія—исполнилъ: прочее прости мя, отче.* Митрополитъ, услышавъ этотъ многоразсудный отвѣтъ, похвалилъ старца и приказалъ подавать ему кушанья безъ масла.— Смотри, какъ мудръ былъ сей преподобный: и послушаніе исполнилъ, и воздержаніе сохранилъ.

Пришелъ однажды сей блаженный старецъ къ княгинѣ Корецкой, она же по обычаю радостно приняла его и стала угощать. Первыя два кушанья старецъ вкушалъ прилѣжно, такъ что присутсутствующіе дивились и пересуживали его; а послѣ третьяго блюда, когда стали подавать еще многія кушанья, старецъ совсѣмъ пересталъ ѣсть. Мальчикъ, пажъ княгини, говоритъ: кушай, отче! эти кушанья лучше прежнихъ. А старецъ отвѣщалъ: «я не ищу вкуса въ снѣдяхъ, а хочу только удовлетворить требованіе природы». И всѣ присутствующіе удивились и сказали: «вотъ истинный монахъ»! И всегда старецъ имѣлъ обычай не вкушать болѣе двухъ или изрѣдка трехъ снѣдей. И когда его просили кушать болѣе, отвѣчалъ: «болѣе уже будетъ дѣло объяденія, а не насыщенія».

Разсказъ Петра Могилы о томъ, какъ авва Іезекіиль обратилъ къ православію княгиню Анну Корецкую, напечатанъ въ *Кіев. Епарх. Вѣдомостяхъ* 1861 года, стр. 575.

О Григоріѣ межигорскомъ.

Въ 1620 г. четверо такъ называемыхъ *севрюковъ* (т. е. обитателей земли сѣверской) отправились для ловли звѣрей и рыбъ въ пустыню *Орельскую*. Тамъ они заблудились и проплутали двѣ седмицы и крайне проголодались, ибо оскудѣла у нихъ пища. И вотъ, когда они въ уныніи бродили по пустынѣ, Божіимъ произволеніемъ увидали они узенькую недавно протоптавшую тропинку, съ радостію пошли по ней, и нашли небольшую хату, надъ которой курился дымъ. Внутри хаты они нашли столъ, на которомъ стояли дикія груши въ меду,—небольшую печь, ископанную въ землѣ, гдѣ сушились груши, и небольшой горшокъ съ грушевымъ сокомъ. Увидавъ это, севрюки тотчасъ же пошли вонъ изъ хаты, съ ужасомъ думая, что набрели на разбойничій притонъ. Тѣмъ не менѣе два изъ нихъ спрятались съ одной, и два съ другой стороны хаты и, приготовивъ самопалы, ждали возвращенія разбойниковъ во свояси. И вотъ видятъ севрюки,—идетъ изъ пустыни мужъ святолѣпный, брадатый, долговолосый, въ одеждѣ сплетенной изъ лыкъ, длиною ниже колѣнъ и съ рукавами по локоть, въ лыковыхъ сапогахъ и въ лычаномъ наглавникѣ въ родѣ иноческаго подкапка; въ рукѣ у старца была сѣкира. Подошедъ къ своей кущѣ старецъ тотчасъ же духомъ позналъ, что тутъ есть люди, и побѣжалъ въ пустыню. Севрюки погнались за пустынножителемъ и стали кричать: *не бѣгай отъ насъ, человѣче Божій; мы христіане, сбившіеся съ пути.* Старецъ остановился, привѣтствовалъ гостей именемъ Божіимъ, пригласилъ ихъ въ свою кущу, угостилъ грушами. Вечеромъ пустынникъ вмѣстѣ съ гостями сталъ на молитву и приказалъ имъ слушать молитвы, смотря долу.

Но одинъ изъ севрюковъ не утерпѣлъ и взглянулъ на старца и увидалъ, что онъ стоитъ не на землѣ, а на воздухѣ, съ руками, простертыми къ небу.—На другой день чуть стало разсвѣтать, старецъ разбудилъ гостей, говоря: «вставайте! пора уже молиться Богу и вывесть васъ изъ пустыни». Дорогой старецъ распрашивалъ севрюковъ о церквахъ православныхъ, и о монастыряхъ печерскомъ и межигорскомъ, и объ архимандритѣ Печерскомъ Елисеѣ, живъ ли онъ (а онъ тогда еще былъ живъ). Старецъ шелъ впереди, а одинъ изъ этихъ козаковъ, идя позади, дѣлалъ отмѣтки на деревь-

яхъ, чтобы найти обратную дорогу къ старцу. Наконецъ чрезъ два дни старецъ вывелъ севрюковъ на прямую дорогу къ ихъ городу. На прощанье севрюки стали умолять пустынника, чтобы онъ сказалъ имъ, кто онъ и откуда, и какъ зашелъ въ пустыню, и долго ли живетъ въ пустынѣ. Старецъ, понуждаемый ими, неохотно разказалъ слѣдующее: «я, чада, инокъ межигорскаго монастыря, и по дьявольскому прельщенію впалъ въ грѣхъ, а потомъ, благодатію Божіею, очувствовался и увидѣлъ свое паденіе. И пришелъ мнѣ въ сердцѣ помыслъ: *выдь изъ монастыря и иди въ пустыню и тамъ обрящешь покаяніе.* И принялъ я этотъ помыслъ за голосъ Божій, и пошелъ въ пустыню, и вотъ уже 13 лѣтъ живу здѣсь одинъ, питаясь плодами пустынными. А имя мое—грѣшный и непотребный рабъ Божій Григорій».—Спустя много времени эти севрюки съ нѣкоторыми благочестивыми людьми захотѣли опять отыскать раба Божія, подобнаго Павлу Ѳивейскому, и добрались до его кельи;—и нашли все, какъ и прежде,—и горшокъ съ грушами, но груши уже сгнили и были поклеваны птицами. И уразумѣли, что человѣкъ Божій ушелъ въ болѣе дальнюю пустыню, бѣгая похвалы человѣческой.—Все это четыре самовидца, оброчные монастырю печерскому, повѣдали братіямъ, отъ которыхъ и я слышалъ и записалъ во славу Бога, и донынѣ прославляющаго угодниковъ своихъ и являющаго блаженное житіе ихъ на пользу нашу, на утвержденіе православныя нашея восточныя вѣры.

Въ запискахъ П. Могилы есть также нѣсколько отрывковъ изъ монашескаго, такъ сказать, эпоса, которые взяты изъ современной иноческой жизни, но по тону и содержанію напоминаютъ сказанія древнихъ патериковъ. Мы озаглавимъ разсказы Петра Могилы по тому нравоученію, которое вытекаетъ изъ каждаго изъ нихъ.

1) Противъ запаздыванія къ богослуженію.

Разсказывалъ намъ Исаакій Борисковичъ, епископъ луцкій, слѣдующее: въ 1597 году при архимандритѣ печерскомъ Никифорѣ Турѣ, когда я былъ еще пономаремъ, совершалось всенощное бдѣніе на праздникъ преп. отца нашего Ѳеодосія печерскаго. Архимандритъ же не пришелъ къ началу службы, но медлилъ въ кельѣ, бесѣдуя съ князьями и благородными людьми. И вотъ мы—я и іерей

съ діакономъ—видимъ, что на архимандритскомъ мѣстѣ стоитъ мужъ благообразный и святолѣпный, лицемъ блѣдный, съ короткою бородою. Не домышлялись мы, кто это такой, но думали, что во всякомъ случаѣ это архимандритъ, пошли и поклонились ему, приняли благословеніе и поцѣловали руку его. И всю службу стоялъ на архимандричьемъ мѣстѣ сей мужъ, подобный св. Ѳеодосію, такъ какъ пишется на иконѣ,—и, когда діаконъ начиналъ кадить на поліелеѣ и на 9-й пѣсни, по обычаю благословлялъ. И вотъ, когда начали пѣть славословіе, пришелъ архимандритъ Никифоръ съ князьями и боярами. А мы, стоя въ алтарѣ, ужаснулись, говоря между собою: если теперь только пришелъ архимандритъ, то кто же всю ночь стоялъ на его мѣстѣ и отъ кого мы принимали благословеніе? Осмотрѣлись, а его уже нѣтъ. И тотчасъ мы уразумѣли, что это былъ самъ преподобный отецъ нашъ Ѳеодосій, честь праздника его сохраняя и увѣряя насъ, что никогда не отступаетъ отъ насъ (на полѣ: *аще и лѣнивыхъ правителей имамы*). По окончаніи утрени разсказали мы архимандриту видѣнное, а онъ со слезами отвѣчалъ: «меня ради, чада, было это видѣніе, да навыкну, что архимандиту прежде всѣхъ подобаетъ быть на церковномъ правилѣ и на всякомъ дѣлѣ богодухновенномъ». И съ того времени архимандритъ Никифоръ началъ чаще бывать въ церкви и внимательнѣе наблюдать за собою.

2) Противъ чревоугодія.

При архимандритѣ Елисеѣ Плетенецкомъ былъ въ Лаврѣ печерской старецъ, именемъ Ѳеодосій, родомъ москвитинъ, большой подвижникъ. И вотъ ненавистникъ добра діаволъ, видя его постническіе подвиги и труды, вознамѣрился побѣдить его сластолюбіемъ, и вложилъ ему въ помыслъ, что не грѣхъ инокамъ ѣсть мясо, и такъ распалилъ его къ мясоядѣнію, что старецъ говорилъ: *если не поѣмъ мяса, умру, и буду осужденъ, какъ самоубійца.* Такимъ образомъ не позналъ діавольскаго искушенія и будучи побѣжденъ своимъ нетерпѣніемъ, старецъ приказалъ послушнику купить и приготовить мяса и поставилъ горшокъ на печи, чтобы съѣсть мясо, когда останется одинъ. Прошло два часа. Старецъ взялъ сосудъ съ мясомъ и отверывъ ощутилъ великій смрадъ;—о чудо! сосудъ

былъ полонъ червями. Видѣвъ это, старецъ тотчасъ же пришелъ въ чувство, палъ на землю и просилъ у Бога прощенія, потомъ, показавъ братіи смрадное мясо, исповѣдалъ свое грѣхопаденіе.

3) Противъ корыстолюбія.

Разсказывали намъ братія св. Лавры печерскія, что однажды при архим. Елисеѣ Плетенецкомъ пришелъ къ нему келарь и сказалъ, какъ много хлѣбовъ раздается каждый день нищимъ. Архимандриту непріятно показалось такое иждивеніе, и вотъ онъ пошелъ въ келарню и, увидѣвъ множество нищихъ, еще болѣе огорчился, потому что наряду съ недужными было много и здоровыхъ. И приказалъ архимандритъ раздавать хлѣбы только недужнымъ, то есть слѣпымъ, хромымъ и подобнымъ, а здоровыхъ отпускать ни съ чѣмъ. Едва только успѣлъ архимандритъ возвратиться въ свою келью, какъ вдругъ, о чудо! пошелъ сильный градъ, и,—всѣ жита монастырскія въ окрестностяхъ лавры побилъ, истопталъ и съ землею смѣшалъ. И ничему не повредилъ. этотъ градъ, кромѣ монастырскихъ нивъ. Съ тѣхъ поръ приказалъ старецъ невозбранно раздавать хлѣбъ всѣмъ просящимъ. И когда кто-либо изъ келарей возражалъ противъ этого, старецъ говорилъ: *дай, злой рабъ, требующимъ: обитель святая никогда не оскудѣетъ* [1]).

II.

О современныхъ чудесахъ въ православной церкви.

Захарія Копыстенскій, говоря въ своей *Палинодіи* о чудесахъ, подтверждающихъ истину православной церкви, обращаетъ особенное вниманіе на постоянныя или, по крайней мѣрѣ, періодически повторяющіяся чудеса, которыя всегда могутъ быть, такъ сказать, провѣрены современниками. Авторъ *Палинодіи* упоминаетъ о святомъ огнѣ, сходящемъ ежегодно въ пасхальную ночь на гробъ Спасителя, и египетскихъ мертвецахъ, которые выступаютъ изъ земли и лежатъ поверхъ ея отъ Пасхи до Пятьдесятницы, и о Лимносскомъ прахѣ, который выбрасывается ежегодно 6 августа.

---

[1]) Подобные же по содержанію разсказы сообщаются Петромъ Могилою изъ жизни аѳонскихъ монастырей Діонисіатскаго и Симеона Петрскаго.

Петръ Могила, архимандритъ *чудотворной* лавры печерской, видѣлъ неизсякаемый и постоянный источникъ чудесъ въ мощахъ св. угодниковъ печерскихъ и оставилъ много записей о такихъ чудесахъ. Эти записи распадаются на два рода: однѣ гласятъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ и вообще о чудесной помощи Божіей набожнымъ людямъ, съ вѣрою притекающимъ ко св. мощамъ; другіе—гласятъ о чудесныхъ наказаніяхъ Божіихъ тѣмъ невѣрамъ, которые относились къ мощамъ съ пренебреженіемъ и кощунствомъ и дерзали похищать частицы мощей. Всѣ эти записи напечатаны въ *Тератургимѣ* Кальнофойскаго; потому мы и не будемъ здѣсь повторять ихъ.

Приведемъ въ заключеніе два разсказа о чудесахъ, заимствуемые Могилою изъ его личнаго опыта.

1) О благоуханіи отъ иконы.

Въ 1629 г. октября 27 случилось мнѣ быть въ городѣ Туровѣ. Изъ усердія къ Пресвятой Богородицѣ и къ чудотворной иконѣ ея, и по благословенію епископа Аврамія совершилъ я по утрени въ каѳедральной церкви молебное пѣніе; по совершеніи котораго поклонившись лобзалъ чудотворный образъ Пресвятой Богородицы. О чудо! такое благоуханіе ощутилъ я отъ иконы, что я думаю съ нимъ не сравнятся никакіе ароматы на землѣ. И не только тѣлесно я усладился, но и душа исполнилась неизреченнаго веселія. И тотчасъ я повѣдалъ это епископу и спросилъ, всегда ли бываетъ благоуханіе отъ иконы!—Благоуханія я никогда не ощущалъ, сказалъ епископъ, но вѣрно, что икона чудотворная, и разсказалъ о чудесномъ исцѣленіи своего брата іеромонаха Матвѣя.

2) О превращеніи воды въ вино.

Въ лѣто 1629, іюля, 15 въ день св. кн. Владиміра, пришлось мнѣ быть въ моей монастырской деревнѣ Рубежовкѣ, у слуги моего Станислава Третьяка. Тамъ я освятилъ новопостроенный имъ домъ, совершилъ по обычаю малое освященіе воды; жена же Третьякова, собравъ оставшуюся священную воду въ стеклянный сосудъ, сохра-

нила ее въ особомъ мѣстѣ. Прошелъ годъ. Посмотрѣвъ ту воду, Третьяки нашли ее превратившуюся въ вино и весьма удивились и прославили Бога. Случилось же мнѣ въ 1630, году 20 іюля, быть въ томъ же селѣ, и вотъ пришли ко мнѣ оба, Третьякъ и жена его, показывая сосудецъ съ водою и разсказывая, что та вода, которую я освятилъ въ прошломъ году на освященіе дома, превратилась въ вино. Я удивился, взялъ сосудецъ, понюхалъ, и ощутилъ что пахнетъ виномъ, вкусилъ и нашелъ, что это волосское вино. Удивившись еще болѣе, говорю имъ: «правда ли, что это вода превратилась въ вино; вѣдь это не вода, а волосское вино». Они же съ клятвою стали говорить, что въ нынѣшнемъ году мы у себя въ домѣ и вина не видали, а въ этомъ сосудѣ и вина никогда не бывало, и это не вино, а вода, которую ты оставилъ въ прошломъ году. А я, чтобы удостовѣрить дѣло при многихъ бывшихъ тогда людяхъ и братіяхъ, опять сказалъ имъ, угрожая клятвою св. отецъ: «говорите правду, не выдумываете ли небывальщину.» И они стали клясться великими клятвами, что дѣйствительно это вода, а не вино. И, слышавъ ихъ великія клятвы, я удостовѣрился и прославилъ Бога. А воду взялъ съ собою, и до нынѣ она у меня невредима, имѣетъ вкусъ и запахъ вина, какъ и тогда, не окисла, не измѣнилась ни вкусомъ, ни запахомъ. А записалъ я это для того, чтобы мы узнали, какъ многообразно Богъ показываетъ и въ сіи послѣднія времена силу своего пресвятаго Духа, дѣйствующую въ нашей восточной греческой церкви; отсюда очевидно, что вѣра наша истинна, ибо для удостовѣренія и утвержденія ея, а равно для посрамленія и искорененія всякаго зловѣрія и отступничества совершаются благодатію Божіею сіи преславныя и сверхъестественныя чудеса.

Для характеристики того времени не лишены значенія разсказы о чудесныхъ наказаніяхъ, постигшихъ иновѣрныхъ пановъ за принужденіе православныхъ крестьянъ работать и въ праздники.

Не правда ли, что по прочтеніи разсказовъ Петра Могилы нравственный образъ его рисуется нѣсколько въ иныхъ чертахъ, чѣмъ какъ мы привыкли представлять его доселѣ? Является предъ

нами не смѣлый реформаторъ, не двигатель просвѣщенія и искусный администраторъ, а прежде всего ревнитель православной вѣры, насквозь пропитанный тѣми представленіями, которые другой реформаторъ (Петръ Великій) не стѣсняясь называлъ уже *старческими бреднями.* Привлекателенъ или нѣтъ образъ Петра Могилы, рисующійся въ его *запискахъ,* но онъ вѣренъ съ дѣйствительностію. И по прочтеніи тѣхъ записокъ, мы признаемъ вполнѣ возможнымъ, что Петръ Могила на первыхъ порахъ своего монашества дѣйствительно *острою власяницею и желѣзнымъ ланцухомъ стискалъ и умерщвлялъ тѣло свое.*

Ф. Терновскій.

СОЦИНІАНСТВО

ВЪ ПОЛЬШѢ И ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

I.

Лишь только юго-западная Русь, объединенная въ XIV вѣкѣ подъ властью литовскихъ князей, нѣсколько оправилась послѣ тяжкаго удара, постигшаго ее со стороны монголовъ, и получила возможность спокойнаго развитія своей внутренней жизни, она снова вступаетъ въ близкія связи и сношенія съ западной Европой, прерванныя на нѣкоторое время монгольскимъ нашествіемъ. Литовское завоеваніе не только не препятствовало этимъ сношеніямъ, а скорѣе способствовало ихъ возобновленію, введя русскія земли въ непосредственное сосѣдство съ европейскими государствами. Сношенія эти прежде всего были торговыя. Извѣстно, что въ XIV в. Вильно, Полоцкъ, Могилевъ и другіе литовско-русскіе города имѣли постоянныя торговыя связи съ Ригой, Кролевцемъ (Кенигсбергомъ), Гданскомъ (Данцигомъ) и другими мѣстами Пруссіи; Львовъ, Галичъ, Перемышль и другіе города Червоной Руси издавна вели торговлю съ Венгріей, Силезіей и Чехіей; нѣсколько позже литовско-русскіе купцы ѣздили съ товарами въ Лейпцигъ, Франкфуртъ и въ другія мѣста сѣверной Германіи. Само собою разумѣется, что иноземные купцы въ свою очередь посѣщали литовско-русскіе города; такъ въ Кіевѣ въ XV ст. существовала многолюдная армянская колонія, здѣсь же имѣли торговый дворъ генуэзцы и проживали многочисленные торговцы: турецкіе, греческіе, молдаванскіе и польскіе. Въ Вильнѣ въ началѣ XVI в. часто проживали: греки, италіанцы и англичане, а нѣмцевъ ремесленниковъ и купцовъ было такъ много, что они имѣли въ городѣ даже особую улицу «нѣмецкую».

Кромѣ торговыхъ связей, Литва издавна находилась въ постоянныхъ политическихъ сношеніяхъ съ западными сосѣдями. Въ 1429 году въ Луцкѣ былъ отправленъ памятный съѣздъ европейскихъ государей, на которомъ, кромѣ литовскаго князя Витовта, присутствовали: польскій король Ягелло, германскій императоръ Сигизмундъ, датскій король Эрикъ VII, магистры прусскій и ливонскій, ханъ крымскій, господарь молдавскій, папскій легатъ и послы греческаго императора Іоанна Палеолога. На этомъ съѣздѣ обсуждались способы къ совмѣстному противодѣйствію угрожавшей въ то время всеобщей опасности со стороны возраставшаго могущества оттомановъ [1]). Особенно близки были сношенія Литвы съ Чехіей. Въ 1403 г. сюда пріѣзжалъ знаменитый сподвижникъ Іоанна Гусса, Іеронимъ Пражскій, а года два спустя, возвращаясь изъ Англіи, онъ снова посѣтилъ Литву и Русь и посѣялъ здѣсь сѣмена гусситскаго ученія, слѣды котораго остались до временъ реформаціи [2]). Когда начались гусситскія войны, чешскіе послы приглашали Витовта на престолъ Чехіи; вслѣдствіе этого въ 1424 году было отправлено въ Чехію на помощь гусситамъ многочисленное русское ополченіе, подъ начальствомъ князя Сигизмунда Корибутовича. Цѣлыхъ восемь лѣтъ русскіе оставались въ Чехіи и принимали дѣятельное участіе въ геройской борьбѣ чеховъ съ войсками нѣмецкаго императора, къ коей покрылъ себя военной славой доблестный южно-русскій князь Ѳеодоръ Острожскій.

Но болѣе всего западная Европа влекла къ себѣ литовско-русскихъ людей своими школами и просвѣщеніемъ. Еще въ 1379 году польская королева Ядвига, въ видахъ укрѣпленія задуманнаго при ней политическаго соединенія Литвы съ Польшею, заложила на свой счетъ при Пражскомъ университетѣ особый интернатъ для студентовъ литвиновъ и русскихъ, а въ 1409 г. такой же интернатъ (contubernium pauperum) учрежденъ былъ при краковской академіи [3]). По всему видно, что въ данномъ случаѣ поляки ста-

---

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ съѣздѣ можно найти въ хроникахъ Бѣльскаго и Стрыйковскаго.

[2]) На констанцскомъ соборѣ, во время суда надъ Іеронимомъ Пражскимъ, въ числѣ другихъ обвиненій, ему было поставлено въ вину и то, что въ бытность свою въ Литвѣ и *на Руси* онъ старался отторгнуть отъ католической церкви тамошнихъ жителей. Iaroszewicz, Obraz Litwy, t. II, p. 178—179.

[3]) Iaroszewicz, Obraz Litwy, t. II, p. 41.

рались воспользоваться для своихъ цѣлей уже существовавшимъ среди русскихъ и литовскихъ людей обычаемъ посылать своихъ сыновей для полученія образованія въ заграничныя школы. Не даромъ великій князь Казиміръ Ягайловичъ въ своей жалованной грамотѣ 1457 года, въ числѣ другихъ правъ и свободъ, дарованныхъ имъ русско-литовскому дворянству, счелъ нужнымъ предоставить имъ право свободнаго выѣзда въ чужія земли «для набывання лѣпшои фортуны а любо для цвиченя (обученія) въ учинкахъ рыцерскихъ» [1]). Этотъ фактъ ясно свидѣтельствуетъ о существованіи въ тогдашнемъ русско-литовскомъ обществѣ стремленія къ постоянному, живому общенію съ западно-европейскими народами, которое должно было еще болѣе усилиться со времени дарованія означеннаго права. Объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей конца XV и начала XVI в., князѣ Михаилѣ Глинскомъ, мы знаемъ, что онъ всю свою молодость провелъ за границей, вначалѣ занимаясь науками, а потомъ состоя на службѣ у разныхъ иноземныхъ государей: при дворѣ германскаго императора Максимиліана, саксонскаго курфирста Альбрехта, а также въ Испаніи и Италіи, и пріобрѣлъ тамъ репутацію даровитаго воина, участвуя въ кампаніяхъ италіанской и фрисландской. Таковъ же, безъ сомнѣнія, былъ и его ученый современникъ, «въ лекарскихъ наукахъ докторъ», Францискъ Скорина, напечатавшій въ 1517—1519 г. въ чешской Прагѣ свой знаменитый переводъ библіи на западнорусскій языкъ, «Богу ко чти и людемъ посполитымъ къ доброму навченю» [2]). Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе укоренялся въ средѣ литовско-русскаго дворянства обычай посылать своихъ дѣтей для образованія въ заграничные университеты или приглашать къ нимъ иностранныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, учителей; такъ въ XVI вѣкѣ Радзивиллы, Ходкевичи, Глѣбовичи, Сапѣги, Кишки и др. учились за границей. Извѣстный ревнитель православнаго просвѣщенія, издавшій въ 1568—1569 г. въ своей заблудовской типографіи славянское «учительное евангеліе», гетманъ литовскій Григорій Ходкевичъ пригласилъ въ учители къ своимъ сыновьямъ Андрею и Александру саксонца Яна Миліуса, увѣнчаннаго поэта; другой Ходкевичъ, Янъ,

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т. I, № 61.

[2]) Достойно вниманія, что первый *польскій* переводъ библіи былъ изданъ лишь въ 1561 г., т. е. почти полустолѣтіемъ позже изданія библіи *русской*.

староста Жмудскій, слушалъ науки въ Виттенбергѣ, Левъ Сапѣга—въ Лейпцигѣ [1]). Тотъ же обычай, безъ сомнѣнія, существовалъ и въ средѣ южнорусскихъ богатыхъ пановъ. Когда въ 1564 г. на Волыни поселился извѣстный московскій эмигрантъ, князь Андрей Курбскій, то, подъ вліяніемъ господствовавшаго здѣсь стремленія къ европейской образованности, самъ на старости лѣтъ принялся за изученіе латинскаго языка, а своего молодого родственника, князя Михаила Оболенскаго, уговорилъ оставить дома жену и дѣтей и отправиться сначала въ краковскую академію, а затѣмъ и въ Италію «совершенія ради въ вышнихъ наукахъ» [2]). Наконецъ, помимо цѣлей образовательныхъ, литовско-русскіе дворяне издавна любили ѣздить въ Германію, Швейцарію и въ другія мѣста Европы для поступленія на службу къ иноземнымъ дворамъ, а часто безъ всякихъ опредѣленныхъ цѣлей. Король Сигизмундъ Августъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ датскому королю, жалуется на эти безцѣльныя шатанія по чужимъ землямъ, говоря, что они приводятъ лишь къ проживанью состояній, растратѣ силъ и здоровья и къ внесенію въ отечество чужихъ обычаевъ [3]). Часто случалось, что подобные туристы и женились за границей на иноземкахъ.

Такія близкія связи и сношенія съ европейскими странами и народами имѣли своимъ естественнымъ послѣдствіемъ то, что въ общественный бытъ Литвы и югозападной Руси съ очень давняго времени начали проникать многія понятія и формы западно-европейской культуры и общественности. Съ особенной чуткостью воспринимались здѣсь всякаго рода религіозныя вольномыслія, которыя столь сильно волновали западную Европу въ XV и XVI столѣтіяхъ. Вотъ почему, когда въ концѣ первой четверти XVI в. въ Германіи и Швейцаріи возникло реформаціонное движеніе, оно нашло для себя въ Литвѣ и югозападной Руси вполнѣ приготовленную почву. Многіе литовско-русскіе дворяне учились въ Саксоніи и были слушателями Меланхтона и даже самого Лютера, другіе приглашали нѣмецкихъ учителей—протестантовъ. Кромѣ того, кружившаяся въ то время по всей Европѣ шляхта, возвращаясь въ отечество, привозила съ собой протестантскія сочиненія, которыя затѣмъ во мно-

[1]) Łukaszewicz, Dzieje kościołow wyznania helweckiego w Litwie, p. 4.
[2]) Сказанія князя А. Курбскаго, т. II, стр. 155.
[3]) S. Augusti Epistolae, legationes et responsa, Leipsiae, p. 480.

жествѣ циркулировали и читались на расхватъ въ цѣлой Литвѣ и Руси. Чтобы положить предѣлъ широкому распространенію реформаціонныхъ идей въ подвластныхъ ему государствахъ, король Сигизмундъ I издалъ было въ 1541 году запрещеніе, чтобы никто изъ его подданныхъ не отваживался ввозить въ отечество сочиненія Лютера и его послѣдователей, а равно приглашать нѣмецкихъ учителей и посылать молодыхъ людей въ нѣмецкіе университеты; но въ Литвѣ эта мѣра не исполнялась: за литовскихъ дворянъ всегда заступался склонный къ реформаціи королевичъ Сигизмундъ-Августъ, изъ богатой виленской библіотеки котораго также расходились по рукамъ сочиненія Лютера, Меланхтона, Кальвина и др. [1]).

Не будемъ подробно слѣдить за успѣхами реформаціи въ Литвѣ: это не входитъ въ нашу задачу. Скажемъ только, что обнаружившееся въ первый разъ въ Вильнѣ въ 1539 г. реформатское вѣроученіе, благодаря главнымъ образомъ патронатству могущественнаго при дворѣ Сигизмунда-Августа князя Николая Радзивилла Чернаго, въ короткое время распространилось по всей Литвѣ и соединеннымъ съ нею русскимъ областямъ. Самые богатые и вліятельные литовско-русскіе роды, каковы: Ходкевичи, Глѣбовичи, Сапѣги, Вишневецкіе, Войны, Абрамовичи, Воловичи, Зѣновичи, князья Пронскіе, Головчинскіе, Дорогостайскіе, Пузыны, Горскіе и др. приняли новое ученіе. Слѣдуя ихъ примѣру, и остальная литовско-русская шляхта, въ особенности католическая, охотно бросала вѣру предковъ и немедленно обращала въ своихъ имѣніяхъ костелы, а часто и православныя церкви, въ реформатскіе молитвенные дома, такъ что изъ 700 католическихъ приходовъ къ 1576 году осталось во всей Литвѣ не болѣе шести [2]), всѣ же остальные перешли въ протестантство. Разливъ новаго вѣроученія былъ такъ стремителенъ, что католическое духовенство оказалось безсильнымъ для борьбы и само подчинилось ему: не только ксендзы охотно нарушали обѣты безбрачія и становились кальвинскими пасторами, но даже прелаты и бискупы (какъ напр. жмудскій бискупъ Янъ Пяткевичъ и кіевскій Николай Пацъ) нерѣдко увеличивали собою ряды вѣроотступниковъ. Успѣхи новой вѣры среди православнаго южнорусскаго дворянства хотя

---

[1]) Łukaszewicz, Dzieje kośc. wyznania helw. w Litwie, p. 4—9.
[2]) Ibidem p. 15—16.

и не достигли такихъ крайнихъ размѣровъ, но все же были очень значительны [1]). Такіе же быстрые успѣхи протестантизмъ имѣлъ и въ Польшѣ, гдѣ онъ появился первоначально въ Краковѣ около 1520 г., т. е. раньше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ самой Саксоніи, и откуда онъ быстро распространился не только въ коренныхъ польскихъ провинціяхъ, но также и въ Руси Червоной, Подольи, Волыни и на Украйнѣ, находя себѣ адептовъ какъ въ средѣ католиковъ, такъ равно и среди православныхъ дворянскихъ родовъ [2]). Всѣ усилія правительства и высшаго католическаго духовенства задержать этотъ могучій потокъ, разлившійся по всему государству и угрожавшій смыть самое основаніе католической церкви въ Литвѣ и Польшѣ, не имѣли никакого успѣха. Тогда на помощь погибавшему католичеству были призваны іезуиты, и только ихъ искуснымъ усиліямъ, да еще желѣзной энергіи короля-фанатика Сигизмунда III, въ теченіе 45-лѣтняго своего царствованія упрямо преслѣдовавшаго одну вѣроисповѣдную политику, римская церковь въ Польшѣ была обязана своей побѣдой надъ иновѣріемъ. Но эта побѣда была пріобрѣтена слишкомъ дорогой цѣною: она внесла въ политическій организмъ Рѣчи-Посполитой сѣмена разложенія и привела ее сначала къ козацкимъ войнамъ и шведскому вторженію, а черезъ полтора вѣка и къ окончательной гибели польскаго государства.

II.

Церковная реформа Лютера и его послѣдователей далеко не удовлетворила всѣхъ тѣхъ, которые, отвергнувъ, подобно ему, внѣшній церковный авторитетъ, стремились установить разумное отношеніе къ предметамъ вѣры. Какъ извѣстно, основная идея реформаціи заключалась не въ переработкѣ идей христіанства, а лишь въ преобразованіи церкви и ея внѣшняго устройства. Первоначальной точкой отправленія для реформаторовъ служила критика цер-

[1]) Łukaszewicz, Dzieje kośc. wyzn. helweckiego w Litwie, p. 13—17. Говоря о быстромъ распространеніи протестантства среди западнорусскаго и южнорусскаго населенія, мы разумѣемъ лишь дворянъ и отчасти мѣщанъ, но отнюдь *не простой народъ*, который всегда твердо держался отцовской вѣры и оставался въ сторонѣ отъ реформаціоннаго движенія.

[2]) Его же, Dzieje kośc. wyzn. helweckiego w Małej Polsce, стр. 20.

ковныхъ установленій римской куріи и рѣзкое порицаніе ея злоупотребленій, а не какія-либо догматическія разногласія съ католической церковью. Поэтому представители реформаціи преслѣдовали исключительно практически-религіозный интересъ и коснулись лишь нѣкоторыхъ, второстепенной важности, предметовъ христіанскаго вѣроученія, каковы: вѣра и дѣла, грѣхъ и оправданіе, церковь и таинства и т. п.; самую же внутреннюю сторону христіанства—догматы о единствѣ Бога, о троичности лицъ въ божествѣ, объ отношеніи Сына къ Отцу и другіе—они оставили не прикосновенными, ибо это не входило въ планъ практическихъ задачъ реформаціи и не подавало повода къ разсужденіямъ. Но явились смѣлые умы, которые, исходя изъ того же принципа критики установленій римской церкви, пошли другою дорогою и обратили главное вниманіе на внутреннюю сторону римскаго вѣроученія, на ея догматы и вѣроопредѣленія. Имъ казалось. что римская церковь испорчена не съ внѣшней только и практической стороны своего ученія, но главнымъ образомъ въ самыхъ основныхъ членахъ вѣры, отъ которыхъ собственно и зависитъ все остальное; что римская система вѣроученія, при всѣхъ ея діалектическихъ тонкостяхъ, полна злоупотребленій, и что истинной задачей реформаціи должно быть не видоизмѣненіе лишь старой церкви, а созиданіе новой. Опираясь на провозглашенный Лютеромъ принципъ религіозной свободы и отвергнувъ всякій авторитетъ въ дѣлахъ вѣры, эти мыслители рѣшились подвергнуть критикѣ самые догматы христіанскіе, руководствуясь единственно священнымъ писаніемъ и провѣряя ихъ человѣческимъ разумомъ, и здѣсь прежде всего подвергли отрицанію самый основной догматъ христіанства—о св. Тройцѣ, какъ недоступный человѣческому пониманію и требующій отъ человѣка безусловной вѣры. Таково было происхожденіе того ученія, которое въ исторіи извѣстно подъ именемъ *антитринитаріанства* (противутроичности). Родиной его считается Швейцарія и сосѣднія съ нею нѣмецкія земли, а основателемъ этого ученія былъ испанскій врачъ Михаилъ *Серветъ*, извѣстный въ исторіи медицины своимъ открытіемъ хода кровообращенія. Еще въ 1531 году онъ напечаталъ въ Базелѣ книгу «*De trinitatis erroribus*», въ которой провозгласилъ, что догматъ о св. Тройцѣ есть злоупотребленіе римской церкви, ниспосланное Богомъ въ наказаніе человѣчеству. Болѣе

двадцати лѣтъ Серветъ пропагандировалъ свое ученіе въ Швейцаріи, Германіи, Франціи и Италіи, издалъ въ защиту его множество сочиненій, вступалъ въ полемику съ Кальвиномъ, но въ 1553 году былъ имъ схваченъ, преданъ суду за еретическій образъ мыслей и по приговору этого холоднаго фанатика сожженъ на кострѣ [1]).

Но судьба людей вовсе не рѣшаетъ судьбы принциповъ. Идеи Сервета, съ одной стороны, были усвоены весьма многими среди нѣмецко-голландскихъ анабаптистовъ, скоро придавшихъ имъ мистическую окраску; съ другой стороны, онѣ въ тоже время проникли въ Италію, которая по умственному развитію стояла тогда впереди всѣхъ европейскихъ странъ и въ которой среди высшихъ образованныхъ сословій, подъ вліяніемъ знакомства съ литературой древнихъ классическихъ народовъ, давно уже распространены были сѣмена философскаго невѣрія. Здѣсь ученіе Сервета было сочувственно принято гуманистами и другими свободными мыслителями, которые скоро выработали изъ него цѣльную религіозную доктрину съ преобладающимъ раціоналистическимъ направленіемъ. Въ числѣ этихъ свободныхъ мыслителей особенно выдавался Лелій *Социнъ*, патрицій г. Сіенны, родившійся въ 1525 году. Его отецъ былъ профессоромъ юридическихъ наукъ въ падуанскомъ университетѣ, противъ котораго въ то время было возбуждено обвиненіе въ томъ, что онъ служилъ долгое время средоточіемъ атеизма. Молодой Социнъ получилъ хорошее образованіе, зналъ латинскій, греческій, еврейскій и даже арабскій языки и былъ предназначенъ отцемъ къ юридической спеціальности. Изучая право и желая согласить основанія этой науки съ свящ. писаніемъ, Социнъ пришелъ къ выводу, что ученіе римской церкви во многомъ противорѣчитъ откровенію. Занятый этими вопросами и не смѣя открыто разсуждать о нихъ, Социнъ около 1546 образовалъ въ Венеціи тайный кружокъ свободныхъ мыслителей, состоявшій болѣе чѣмъ изъ сорока лицъ, въ числѣ коихъ были: Бернардъ Охинъ, Валентинъ Gentilis, Павелъ

---

[1]) Подробности казни Сервета возмутительны по своей жестокости. Въ продолженіи двухъ часовъ его жгли на медленномъ огнѣ, не смотря на его просьбы, ради Бога, подложить сухихъ дровъ или какимъ бы то ни было образомъ покончить пытку. Присутствовавшій при казни женевскій викарій Кальвина поминутно обращался къ страдальцу съ воззваніемъ: Crede in aeternum Dei Filium Iesum Christum! на что послѣдній непоколебимо отвѣчалъ: Ego credo Christum esse verum Dei Filium, *sed non aeternum*.

Альціатъ и другіе болѣе или менѣе извѣстные послѣдователи антитринитаріанскихъ идей Сервета. На сходкахъ и совѣщаніяхъ этого кружка и было окончательно выработано основное положеніе антитринитаріанства, т. е. отрицаніе ученія о св. Тройцѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ предвѣчнаго божества І. Христа и всего таинства искупленія. Но скоро римская инквизиція открыла дѣйствія этого кружка, и одни изъ его членовъ были преданы казни, другіе заключены въ тюрьму, а остальные бѣжали изъ Италіи. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Лелій Социнъ. Четыре года онъ скитался по разнымъ концамъ Европы, побывалъ въ Франціи, Англіи, Голландіи, Германіи, Швейцаріи и наконецъ въ 1551 году посѣтилъ Польшу, гдѣ, впрочемъ, не долго оставался, а возвратился въ Швейцарію и поселился въ Цюрихѣ. Здѣсь онъ занялся окончаніемъ прежнихъ и составленіемъ новыхъ своихъ богословскихъ трактатовъ, большая часть которыхъ была издана, однако, послѣ его смерти. Ученость Социна доставила ему дружбу и уваженіе образованнѣйшихъ людей того времени. Самъ Меланхтонъ, не смотря на свойственную ему религіозную нетерпимость, относился къ Социну съ большой расположенностью и въ 1557 г. просилъ за него германскаго императора Максимиліана II и польскаго короля Сигизмунда Августа, чтобы они исходатайствовали Социну позволеніе съѣздить на родину для устройства его частныхъ и фамильныхъ дѣлъ. Живя въ Швейцаріи, Социнъ часто сталкивался съ Кальвиномъ, который въ одномъ изъ своихъ писемъ весьма недвусмысленно пригрозилъ ему gravibus tormentibus, если онъ не будетъ воздерживаться открыто выражать свои еретическія мнѣнія. Социнъ не побоялся, однако, годъ спустя послѣ казни Сервета, обнародовать направленное противъ женевскаго реформатора сочиненіе, въ коемъ онъ рѣшительно оспаривалъ мнѣніе Кальвина о дозволительности преслѣдованія и казни еретиковъ. Остается непонятнымъ, какъ этотъ мрачный фанатикъ, «женевскій папа», простилъ подобную смѣлость. Около 1558 г. Лелій Социнъ вторично посѣтилъ Польшу, а оттуда свою родину, но скоро снова возвратился въ Цюрихъ, гдѣ и жилъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 1562 году [1]).

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Л. Социнѣ можно найти въ соч. Bibliotheca Antitrinitariorum, Biblioth. Fratrum Polonorum и другихъ социніанскихъ сочиненіяхъ.

III.

Двукратное посѣщеніе Леліемъ Социномъ Польши не мало способствовало укорененію здѣсь антитринитаріанскаго ученія, сѣмена котораго занесены были сюда нѣсколько раньше. Еще въ первый свой пріѣздъ въ Польшу въ 1551 г. Социнъ нашелъ здѣсь, при дворѣ польской королевы Боны, италіанки, многочисленный кружокъ своихъ земляковъ, которымъ были уже извѣстны антитринитарныя идеи. Виднымъ человѣкомъ въ этомъ придворномъ кружкѣ былъ духовникъ королевы, итальянецъ Францискъ Лизманини (впослѣдствіи извѣстный антитринитарій), въ библіотекѣ котораго имѣлись сочиненія не только Лютера и Кальвина, но и нѣкоторыхъ италіанскихъ антитринитаріевъ, напр. Б. Охина. Проповѣдь тѣхъ же идей одновременно доходила сюда и изъ Голландіи, со стороны тамошнихъ анабаптистовъ, усвоившихъ ученіе Сервета. Сохранилось неясное извѣстіе о какомъ-то захожемъ голландскомъ анабаптистѣ Адамѣ Пасторисѣ (у другихъ онъ называется Spiritus Belga), который, будучи въ гостяхъ у одного знатнаго и ученаго краковскаго пана, пріятеля Лизманини, и случайно раскрывъ молитвенникъ, гдѣ встрѣтилъ молитвы, обращенныя особо къ каждому лицу св. Тройцы, смутилъ присутствовавшихъ вопросомъ: Tres-ne vos habetis Deos, o boni (трехъ-ли Боговъ имѣете, мои милые)? Между тѣмъ въ 1553 г. въ Женевѣ послѣдовала казнь Сервета. Его несчастный конецъ ясно показалъ антитринитаріямъ, кружившимся тогда по всей Европѣ, насколько они были безопасны даже въ протестантскихъ странахъ, не говоря уже о странахъ католическихъ, гдѣ за каждымъ ихъ шагомъ зорко слѣдила «священная» инквизиція и гдѣ многіе изъ нихъ успѣли поплатиться жизнію за свои вѣрованія. Спасаясь отъ преслѣдованій, выдающіеся представители антитринитаріанства безпрестанно разъѣзжаютъ въ это время по разнымъ концамъ Европы: Швейцаріи, Франціи, Британіи, Голландіи, Германіи, Венгріи и др., ища безопасности и въ то же время повсюду разсѣевая сѣмена своего ученія. Но ни одна страна въ тогдашней Европѣ не представляла для нихъ столь важныхъ удобствъ въ смыслѣ безопаснаго убѣжища, какъ польско-литовское государство. Польша еще съ давняго времени пріобрѣла въ Европѣ славу такого уголка, гдѣ всякій, кому по какимъ либо причинамъ

было тѣсно въ своемъ отечествѣ, могъ найти безопасное убѣжище, а иногда и радушный пріемъ. Ея столица—Краковъ, всесвѣтный тогдашній торговый рынокъ, видный пунктъ ганзейскаго союза, всегда былъ переполненъ тысячами чужеземцевъ изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ Европы и Азіи. По этому, еще съ XII в., не было, можно сказать, въ Европѣ ересіарха или вообще религіознаго новатора, не было политическаго мечтателя или соціальнаго утописта, наконецъ не было того искателя приключеній, который бы не побывалъ въ Краковѣ. Въ концѣ XII вѣка въ Польшѣ нашла пріютъ уцѣлѣвшая горсть несчастныхъ изгнанниковъ, дѣтей веселаго Прованса, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ вальденсовъ или альбигойцевъ; сюда въ началѣ XIV ст. проникло изъ сосѣдней Чехіи и Силезіи ученіе мечтателя Дульцина, провозглашавшаго общность женъ и имуществъ, побудившее папу Іоанна XXII ввести въ Польшу для его истребленія священную инквизицію; здѣсь въ половинѣ того-же столѣтія проявилась секта бегвиновъ, а нѣсколько спустя сюда-же проникло и ученіе Виклефа. [1]) Наконецъ въ началѣ XIV вѣка въ Польшѣ и Литовской Руси распространяемо было самимъ Іеронимомъ Пражскимъ ученіе Гусса и нашло здѣсь многихъ послѣдователей; а когда въ 1517 г. въ Виттенбергѣ раздалось первое слово проповѣди Лютера о реформаціи, то въ Краковѣ оно было услышано раньше, чѣмъ во многихъ мѣстностяхъ самой Саксоніи. Сюда же, на эту обѣтованную страну свободы мнѣній и вѣротерпимости, обратили свои взоры и представители новой антитринитарной доктрины, гонимые съ одной стороны римской іерархіей, а съ другой—нетерпимостью нѣмецкихъ реформаторовъ. Правда, и въ Польшѣ, какъ мы упомянули, существовала съ давняго времени священная инквизиція, сжегшая на кострѣ еще въ 1539 г. одну краковскую мѣщанку за юдаизмъ; но это «благочестивое» учрежденіе, столь блистательно расцвѣтавшее среди романскихъ и отчасти германскихъ народовъ, рѣшительно не привилось на славянской почвѣ и, не смотря на энергію римской куріи, давало здѣсь чахлые плоды. Помимо своего несогласія съ духомъ націи и ея историческими традиціями, инквизиція коренным образомъ про-

---

[1]) Ярошевичъ, Obraz Litwy, т. III, стр. 165; здѣсь читатель найдетъ ссылки на первоисточники.

тиворѣчила польскимъ понятіямъ о правахъ и вольностяхъ шляхетскаго сословія и потому всегда встрѣчала съ его стороны рѣшительное противодѣйствіе, окончившееся тѣмъ, что по конституціи 1552 года инквизиторы были совсѣмъ лишены права привлекать шляхтичей къ суду по дѣламъ вѣры. [1]) Наконецъ, нужно помнить, что италіанскіе антитринитаріи могли расчитывать въ Польшѣ на покровительство королевы Боны, вліяніе которой въ политическихъ дѣлахъ было всегда сильно, какъ при жизни мужа, такъ и въ царствованіе ея сына Сигизмунда - Августа. Вслѣдствіе такихъ благопріятныхъ условій, съ половины XVI в. начался широкій наплывъ въ Польшу антитринитаріевъ изъ Италіи, Швейцаріи, Франціи, Голландіи, Германіи и другихъ мѣстъ, не прекращавшійся затѣмъ въ теченіи цѣлаго столѣтія.

Въ Польшѣ и Литвѣ представители антитринитаризма нашли какъ нельзя болѣе благопріятную почву для ихъ дѣятельности: здѣсь они застали въ полномъ разгарѣ протестантское движеніе, успѣвшее уже пошатнуть господствующее положеніе римскокатолической церкви, но само еще колебавшееся въ выборѣ и предпочтеніи той или другой протестантской системы. Антитринитаріямъ оставалось лишь примкнуть къ общему реформаціонному движенію и подъ его покровомъ предпринять пропаганду своего вѣроученія. Не сразу они выдѣляются въ отдѣльную секту, но продолжаютъ нѣкоторое время идти объ руку съ кальвинистами, участвуютъ въ протестантскихъ съѣздахъ или соборахъ, помогаютъ имъ организоваться, стараясь, однако, придать организаціи кальвинизма направленіе въ духѣ идей антитринитаризма. Въ первый разъ антитринитаріи выступили открыто съ своимъ ученіемъ о св. Тройцѣ лишь въ 1556 г., на соборѣ польско-литовскихъ протестантовъ, бывшемъ въ Сецеминѣ, въ сандомирской области, гдѣ ихъ представитель Гонезіусъ старался доказать, что хотя Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ, но Онъ ниже Отца, который только одинъ, поэтому, есть единый истинный Богъ. Въ 1558 г. на соборѣ пинчовскомъ туже доктрину проповѣдывалъ италіанецъ Юрій Бландрата, впослѣдствіи придворный врачъ короля Стефана Баторія; а на слѣдующемъ соборѣ въ 1561 г. французскій выходецъ Петръ Статоріусъ выступилъ съ новымъ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 29 и 166—167.

ученіемъ о св. Тройцѣ, въ духѣ іудейскаго монотеизма, при чемъ утверждалъ ненужность молитвъ къ другимъ лицамъ св. Тройцы, кромѣ одного Бога Отца. Правда, ни одинъ изъ такихъ соборовъ не принялъ ученія антитринитаріевъ, но эта открытая проповѣдь привлекала къ нимъ все большее число новыхъ послѣдователей, между которыми скоро нашлись могущественные покровители новаго вѣроученія. Такъ въ 1562 г. антитринитаріямъ удалось привлечь на свою сторону знатнаго шляхтича Николая Олесницкаго, владѣльца г. Пинчова, бывшаго до того времени центромъ протестантскаго движенія въ Польшѣ. Онъ изгналъ отсюда кальвинистовъ и пригласилъ на ихъ мѣсто своихъ единовѣрцевъ, отдавъ въ ихъ распоряженіе находившійся въ Пинчовѣ храмъ, школу и типографію. Это былъ первый, такъ сказать, стратегическій пунктъ, съ котораго новое ученіе стало побѣдоносно распространяться во всѣ концы Польши и Литвы и гдѣ оно начало свою самостоятельную организацію. Антитринитаріи очень дорожили Пинчовомъ и называли его «purae veritatis nidum, a Deo electum». Они приложили всѣ мѣры къ процвѣтанію тамошней школы и дѣятельно пользовались предоставленной въ ихъ распоряженіе типографіей для распространенія своихъ сочиненій. Теперь они гораздо рѣшительнѣе стали выступать съ открытою пропагандою своего вѣроученія среди кальвинистовъ польскихъ, отъ которыхъ они пока существенно отличались лишь въ ученіи о св. Тройцѣ и таинствѣ искупленія, сходясь съ ними въ остальныхъ догматахъ и церковныхъ обрядахъ. Они по прежнему посѣщаютъ протестантскіе соборы и поднимаютъ на нихъ горячія богословскія пренія, а въ 1565 году въ Петроковѣ, во время происходившаго тамъ сейма, они устроили публичный диспутъ съ кальвинистами. Диспутъ окончился тѣмъ, что кальвинисты объявили окончательный разрывъ съ антитринитаріями и запретили самое общеніе съ ними, какъ съ еретиками, подобными древнимъ Эвіону, Фотину, Павлу Самосатскому, Арію и другимъ. Къ этому ихъ и раньше побуждалъ неоднократно самъ Кальвинъ, одно изъ посланій котораго въ этомъ смыслѣ было напечатано въ Краковѣ въ 1562 г., на которое со стороны антитринитаріевъ послѣдовалъ рѣзкій отвѣтъ, составленный шляхтичемъ Яномъ Казановскимъ и напечатанный въ 1564 г. Независимо отъ этого, нѣкоторые кальвинисты, сильные при королевскомъ дворѣ, стали воз-

буждать правительство противъ антитринитаріевъ и даже предлагали изгнать ихъ изъ предѣловъ государства. Но этому воспротивились теперь сами католики, понимавшіе, что изгнаніе антитринитаріевъ могло быть полезно только протестантамъ, уничтоживъ тѣмъ существовавшій въ ихъ средѣ опасный расколъ, вредившій успѣхамъ реформаціи. Послѣ этого антитринитаріи увидѣли, что имъ нечего болѣе думать о союзѣ съ кальвинистами, а надобно собрать и объединить собственныя силы и организоваться въ секту совершенно самостоятельную. Съ этою цѣлью, начиная съ 1566 г., они стали созывать свои особые соборы; таковы были соборы въ Ланцутѣ, въ перемышльской области, и въ Скриннѣ [1]), въ сандомирской. Послѣдній отличался особеннымъ многолюдствомъ: однихъ пасторовъ и знатныхъ патроновъ собралось до 110 лицъ. Здѣсь были представители отъ всѣхъ антитринитаріанскихъ общинъ, существовавшихъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ. На этомъ соборѣ впервые предпринята была попытка къ соглашенію разногласій въ средѣ самыхъ антитринитаріевъ по вопросу о предвѣчномъ существованіи Сына Божія и другихъ догматахъ. Хотя такое соглашеніе и не было достигнуто, однако было постановлено: не нарушая согласія изъ-за разности мнѣній, продолжать изслѣдованіе спорныхъ вопросовъ въ духѣ братской любви и мира и прежде всего заняться исправленіемъ библіи и переводомъ ея на польскій языкъ. [2]) Переводъ этотъ былъ скоро оконченъ и изданъ въ Несвижѣ, въ 1570 году. Съ этого времени началась усиленная учено-литературная дѣятельность въ средѣ польско-литовскихъ антитринитаріевъ. Секта пріобрѣтаетъ нѣсколько новыхъ центровъ и между ними г. Раковъ въ сандомирск. области, скоро затмившій славу Пинчова; въ ея рукахъ находится множество видныхъ общинъ: въ Краковѣ, Люблинѣ, Вильнѣ и другихъ значительныхъ городахъ, много школъ и нѣсколько типографій. Цѣлый рядъ знатныхъ дворянскихъ фамилій становится въ ряды ея послѣдователей: Бонары, Фирлеи, Морштыны, Циковскіе, Олесницкіе, Филиповскіе, Ласоцкіе, Кишки и др. Многочисленныя протестантскія общины съ лучшими и наиболѣе учеными пасторами то и дѣло отрывались отъ кальви-

---

[1]) Нынѣ посадъ радомской губерніи, опоченскаго уѣзда.

[2]) Lubienicci, Historia Reformationis, Lib. III, p. 218. Freistadii, 1685.

низма и переходили въ новую секту. Словомъ сказать, во всемъ польско-литовскомъ государствѣ открылось движеніе въ пользу новаго вѣроученія, отчасти напоминающее по своей стремительности тотъ разливъ, съ какимъ недавно еще распространялась здѣсь реформація.

IV.

Но преуспѣвая въ ростѣ, антитринитаріанство было слабо внутренно и еще болѣе, чѣмъ протестантство, страдало недостаткомъ внутренней организаціи и отсутствіемъ строго выработанной системы вѣроученія. Какъ мы видѣли, новая секта слагалась изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Кромѣ италіанскихъ выходцевъ, придерживавшихся раціоналистической системы Лелія Социна и представлявшихъ собою *чистыхъ антитринитаріевъ*, въ Польшу нахлынули изъ Германіи и Голландіи многіе анабаптисты, усвоившіе ученіе Сервета и привнесшіе въ него многія мистическія черты ихъ прежнихъ вѣрованій. Они отличались отъ чистыхъ антитринитаріевъ нѣкоторыми особыми мнѣніями и составляли изъ себя *крайнюю* или *полужидовствующую* партію въ сектѣ. Изъ этихъ особыхъ мнѣній отмѣтимъ главнѣйшія: 1) что Сынъ Божій прежде всего былъ созданъ Богомъ изъ ничего и чрезъ него уже Богъ произвелъ міръ; 2) что Христу не должно воздавать божескаго поклоненія и призывать Его въ молитвахъ, такъ какъ Онъ не есть истинный Богъ, равный Богу Отцу; 3) вѣрованіе въ имѣющее открыться обновленіе всего міра, послѣ чего наступитъ тысячелѣтнее царство Христово, земное и чувственное, исполненное силы и величія, подобно мессіанскому царству іудеевъ, которые тоже должны войти въ это царство и соединиться съ христіанами; 4) мнѣніе о пользованіи властью и употребленіи оружія: въ то время, какъ партія чистыхъ антитринитаріевъ, исходя изъ новозавѣтныхъ принциповъ христіанской любви, кротости и братскаго равенства, объявляла недозволеннымъ для своихъ послѣдователей пользоваться властью и оружіемъ, т. е. занимать въ государствѣ правительственныя должности, вести войну и казнить преступниковъ,—представители крайней партіи энергично настаивали на противномъ, ссылаясь на ветхозавѣтныя представленія о Богѣ крѣп-

комъ и сильномъ, Царѣ и Судіи міра, имѣющемъ возвеличить свое царство и сокрушить враговъ его.—Кромѣ этихъ двухъ главныхъ партій, въ составѣ польско-литовскихъ антитринитаріевъ было много такихъ лицъ, которыя и по вступленіи въ секту продолжали придерживаться нѣкоторыхъ прежнихъ своихъ вѣрованій — протестантскихъ, анабаптистскихъ и другихъ и настаивали на ихъ признаніи всѣми. Наконецъ мы должны обратить вниманіе на крайне интересный фактъ существованія въ то время въ Литвѣ своего *мѣстнаго* антитринитаріанства. Это литовско-русское антитринитаріанство, зародившееся здѣсь еще въ XV ст., первоначально проявилось, однако, не въ Литвѣ, а въ сѣверной Руси: въ Новгородѣ и Москвѣ, подъ именемъ ереси жидовствующихъ. Ересь эта [1]) заключала въ себѣ элементы жидовства, но также и элементы самороднаго раціонализма, очень сходнаго съ ученіемъ крайнихъ антитринитаріевъ. Подавленная суровыми казнями, ересь эта и въ XVI в. не разъ вспыхивала отдѣльными искрами и всякій разъ по возбужденію изъ Литвы; но въ половинѣ этого столѣтія она, съ не большими видоизмѣненіями, снова ожила въ ученіи московскихъ вольнодумцевъ: Матвѣя Башкина, игумена Артемія и особенно Ѳеодосія Косого, Вассіана, Игнатія и другихъ старцевъ. Преданные суду и заточенію, нѣкоторые изъ этихъ вольнодумцевъ успѣли бѣжать въ Литву и, очутившись на свободѣ, скоро разошлись по разнымъ дорогамъ, сообразно различію ихъ направленій. Болѣе умѣренный и разсудительный изъ нихъ, Артемій, удалился въ Слуцкъ къ князю Юрію Слуцкому и, живя подъ его покровительствомъ, скоро пріобрѣлъ репутацію ученаго защитника православія; другіе пристали къ протестантству. Но Ѳеодосій Косой и Игнатій съ нѣкоторыми сообщниками энергично выступили съ проповѣдью антитринитаріанства и притомъ въ смыслѣ его крайняго полужидовствующаго направленія. Ѳеодосій, напр., проповѣдывалъ монотеизмъ въ іудейской формѣ и ставилъ Моисеевы книги выше евангелія. Онъ отрицалъ таинство св. Тройцы, божество Іисуса Христа, во-

---

[1]) Возникла она первоначально на почвѣ споровъ о платѣ за требоисправленіе. Разрывъ паствы съ пасомыми *de facto* повелъ къ отверженію іерархіи, затѣмъ и всей внѣшней стороны въ христіанствѣ и наконецъ къ измѣненію ученія объ Іисусѣ Христѣ и св. Тройцѣ; но теоретическую основу подвелъ жидъ Схарія, прибывшій изъ Кіева. *Ред.*

площеніе, искупленіе, всѣ таинства, призываніе святыхъ, преданія церкви и писанія св. отцевъ, отвергалъ іерархію и монашество, обряды называлъ идолослуженіемъ, иконы—идолами, храмы—кумирницами, и проч. Отвергая церковную власть, Ѳеодосій и его послѣдователи отвергали и всякую мірскую власть, утверждая, что не нужно ни царей, ни властей гражданскихъ и воинскихъ, ни самой войны, ни господъ, ни рабовъ, ни податей, ибо все это не совмѣстно съ понятіемъ о христіанствѣ, какъ братскомъ союзѣ людей; не нужно почитать родителей, ибо одинъ у всѣхъ отецъ—Богъ; не слѣдуетъ презирать чужія вѣры, ибо всѣ вѣры равны и всѣ люди одинаковы предъ Богомъ: татары, евреи, нѣмцы и всѣ другіе народы. Ѳеодосіяне требовали, чтобы ихъ послѣдователи дѣлали имъ матеріальныя приношенія за ихъ духовный разумъ, слѣдуя примѣру первыхъ христіанъ, полагавшихъ свои имѣнія у ногъ апостоловъ.

Не смотря на абсурдность, крайнюю рѣзкость и даже нѣкоторую грубость своей проповѣди, ѳеодосіане очень скоро пріобрѣли громадное число послѣдователей во всей Литвѣ и югозападной Руси. Тайна быстраго распространенія ученія Ѳеодосія заключается именно въ томъ, что сѣмена этого ученія давно уже существовали въ Литвѣ въ томъ мѣстномъ литовско-русскомъ антитринитаріанствѣ, о которомъ было упомянуто раньше. Вотъ почему и польскій иноземный антитринитаризмъ, проникнувъ въ Литву и западную Русь, распространился и первоначально утвердился здѣсь именно въ формѣ крайняго полужидовствующаго направленія, съ которымъ скоро слились и сами ѳеодосіане съ своими послѣдователями.

Такое разномысліе мнѣній и направленій въ польско-литовскомъ антитринитаріанствѣ не могло долго продолжаться, такъ какъ оно угрожало самому существованію секты, нуждавшейся въ объединеніи своихъ силъ въ виду напора внѣшнихъ враговъ. Это прекрасно сознавали сами антитринитаріи, и вотъ со времени скринскаго собора 1567 года въ ихъ средѣ оказалось сильное движеніе въ пользу объединенія различныхъ партій секты и примиренія существовавшихъ между ними разногласій. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала представителямъ партіи чистыхъ антитринитаріевъ, старѣйшей и наиболѣе многочисленной, имѣвшей свои общины въ краковской, люблинской, сандомирской, самборской, перемышльской и другихъ областяхъ Малой Польши и Червоной Руси. Въ числѣ

этихъ общинъ особеннымъ значеніемъ пользовались пинчовская и потомъ раковская общины. Здѣсь находились лучшія антитринитаріанскія школы и типографіи, здѣсь жили ученѣйшіе представители секты и отсюда распространялись по всей Польшѣ, Литвѣ и даже западно-европейскимъ странамъ антитринитаріанскія сочиненія. Естественно было ожидать, что партія, располагающая такими силами, рано или поздно должна была достигнуть преобладанія надъ остальными, тѣмъ болѣе, что она продолжала получать новыя подкрѣпленія извнѣ, въ лицѣ постоянно прибывавшихъ изъ Италіи ученыхъ антитринитаріевъ.

Въ числѣ этихъ выходцевъ явился наконецъ человѣкъ, которому суждено было стать преобразователемъ антитринитаріанской секты и дать ей свое имя: то былъ Фавстъ *Социнъ*, родной племянникъ Лелія Социна (1539—1604). Съ дѣтства воспитанный въ началахъ новаго ученія, молодой Социнъ рано долженъ былъ бѣжать изъ отечества вслѣдствіе тѣхъ гоненій, какимъ подверглась вся ихъ фамилія, подозрѣваемая въ ереси. Онъ нашелъ, правда, дружескій пріемъ при дворѣ флорентинскаго герцога, Франциска Медичи; но когда умеръ его дядя, Лелій Социнъ, завѣщавшій ему свои рукописи, то молодой Фавстъ, вопреки всѣмъ настояніямъ расположеннаго къ нему герцога, оставилъ его дворъ и твердо рѣшился посвятить себя дѣлу, начатому его дядей. Въ 1574 году онъ уѣхалъ въ Швейцарію и, поселившись въ Базелѣ, съ жаромъ предался изученію богословскихъ наукъ. Послѣ нѣсколькихъ странствованій по разнымъ мѣстамъ Европы, Фавстъ Социнъ прибылъ въ 1579 г. въ Польшу, гдѣ и жилъ до конца своей жизни. Познакомившись съ польскими антитринитаріями, онъ даже въ пинчовской и раковской общинахъ нашелъ примѣсь мнѣній и обычаевъ кальвинскихъ и сразу не сошелся съ ними, а поселился въ *Луклавицахъ*, близъ Кракова, и скоро предпринялъ жаркую полемику съ представителями крайней полужидовствующей антитринитаріанской партіи, какъ самой раскольнической въ сектѣ. Болѣе двадцати лѣтъ Социнъ велъ энергическую борьбу съ представителями разныхъ оттѣнковъ антитринитаризма въ Польшѣ и Литвѣ, устраивалъ частые диспуты съ ними, издавалъ множество полемическихъ и символическихъ сочиненій и наконецъ таки добился того, что одни изъ его противниковъ пристали къ его мнѣніямъ, другіе уда-

лились въ Венгрію и Трансильванію, гдѣ съ тѣхъ поръ надолго утвердилось полужидовствующее антитринитаріанство, остальные, наконецъ, сошли со сцены, потерявъ своихъ послѣдователей. Такимъ образомъ въ Польшѣ къ концу XVI вѣка окончательно утвердилось чистое антитринитаріанское ученіе, возведенное Фавстомъ Социномъ на степень опредѣленной и послѣдовательно развитой доктрины, получившей впослѣдствіи отъ имени своего преобразователя названіе *социніанства;* самъ же Социнъ и его послѣдователи называли себя *unitarii* [1]) или *fratres poloni* (польскіе братья), а въ народѣ и въ устахъ послѣдователей другихъ исповѣданій они всегда слыли подъ именемъ *аріанъ.*

Въ чемъ же состояла социніанская доктрина?

Въ послѣдній годъ своей жизни Социнъ занялся составленіемъ катихизиса, оконченнаго уже послѣ его смерти, въ которомъ кратко изложилъ сущность своей доктрины [2]). При чтеніи этой книги, становится понятнымъ, почему не только католики, но даже протестанты не иначе какъ съ ужасомъ выражались о «безбожной, нечестивой» ереси социніанской, считая ее хуже язычества, и почему экземпляръ социніанскаго катихизиса, посвященный, въ 1609 г. англійскому королю Якову I, впослѣдствіи, именно въ 1653 г., по рѣшенію парламента, былъ публично сожженъ въ Англій рукою палача. Дѣйствительно, хотя социніане любили называть себя *истинными, избранными христіанами,* возстановителями чистой, первобытной христіанской истины, но въ ихъ догматикѣ отъ христіанства осталось не много больше одного названія. Въ основаніе своей доктрины

---

[1]) Буквально: единобожники или единоличники, т. е. признававшіе изъ трехъ лицъ св. Троицы лишь одно лице Бога Отца.

[2]) Катихизисъ этотъ былъ оконченъ раковскимъ социніанскимъ пасторомъ Валентиномъ Смальціемъ (Smalcius) и изданъ въ 1605 г. въ Раковѣ на польскомъ языкѣ. Въ 1609 г. онъ былъ переведенъ на латинскій яз. и изданъ съ посвященіемъ Якову I, королю англійскому. Тотъ же Смальцій перевелъ этотъ катихизисъ на нѣмецкій языкъ и издалъ въ Раковѣ въ 1608 г., посвятивъ его Виттенбергскому университету. Это обстоятельство вызвало настоящій переполохъ среди протестантскихъ профессоровъ. Послѣ долгихъ разсужденій, было поставлено ими: составить опроверженіе на социніанскій катихизисъ, чтобы молчаніемъ не дать повода торжествовать социніанамъ. Съ того времени появился цѣлый рядъ ученыхъ опроверженій со стороны протестантскихъ богослововъ. Самый же этотъ катихизисъ былъ впослѣдствіи многократно издаваемъ на языкахъ польскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и голландскомъ, съ различными сокращеніями и дополненіями.

социніане ставили провозглашенное еще нѣкогда Виклефомъ положеніе, что Богъ не требуетъ, чтобы люди вѣровали въ то, чего они не въ состояніи понимать; поэтому хотя источникомъ социніанскаго вѣроученія объявлялось единственно священное писаніе, но высшимъ критеріумомъ его признавался разумъ человѣческій. Затѣмъ собственно догматическое ученіе социніанъ заключалось въ слѣдующихъ главнѣйшихъ чертахъ. Одинъ Богъ, отецъ Господа І. Христа, Богъ Израилевъ. І. Христосъ по своей природѣ былъ обыкновенный человѣкъ, получившій свое бытіе въ извѣстное историческое время, хотя и зачатый отъ Духа св. и рожденный Маріею Дѣвою. Но такъ какъ Христосъ принесъ съ неба людямъ волю Божію, запечатлѣвъ истинность ея своею почти божескою праведностью, чудесами и самою смертью, то воскрешенный Богомъ, онъ получилъ божескую власть на небѣ и на землѣ и сдѣлался навѣки истиннымъ Сыномъ Божіимъ. Духъ же святой есть не личность, а только сила Божія. Всѣ остальные христіанскіе догматы о лицѣ І. Христа, именно: о Его божеской природѣ и предвѣчномъ существованіи, о Его участіи въ творенія міра, о таинствѣ воплощенія и проч. были отрицаемы социніанами. Точно также они отрицали христіанское ученіе объ искупительной жертвѣ, принесенной Христомъ за грѣхи людей, утверждая, что такое ученіе не только ошибочно, но и опасно тѣмъ, что отнимаетъ у человѣка побужденіе къ нравственному самоусовершенствованію и можетъ служить какъ-бы нѣкоторымъ попустительствомъ къ грѣху. Миссія Христа, по ученію социніанъ, единственно состояла въ томъ, что Онъ былъ посредникомъ въ заключеніи новаго завѣта между Богомъ и людьми и объявилъ людямъ путь ко спасенію въ исполненіи воли Божіей. О человѣкѣ социніане учили, что онъ созданъ смертнымъ, но вѣруя во Христа и исполняя волю Божію, онъ становится участникомъ безсмертной жизни въ будущемъ вѣкѣ, когда всѣ вѣрные будутъ жить на небѣ въ качествѣ сыновъ Божіихъ. Человѣкъ одаренъ свободной волей, которой онъ не лишился и послѣ грѣхопаденія. Существованіе первороднаго грѣха и вообще порчу нравственной природы человѣка чрезъ грѣхопаденіе первыхъ людей социніане совсѣмъ отрицали. Съ особенной силой они отвергали ученіе Кальвина о предопредѣленіи, а въ противность Лютеру учили, что одна вѣра безъ добрыхъ дѣлъ не ведетъ ко спасенію. Далѣе социніане

отвергали: священное преданіе, призываніе святыхъ, почитаніе иконъ, вообще всю внѣшнюю церковную обрядность и наконецъ всѣ таинства. Правда, они совершали причащеніе или, какъ они называли, «вечерю Господню» (coenam Domini), но считали это простымъ религіознымъ обрядомъ, установленнымъ въ воспоминаніе смерти Христовой, не связывая съ нимъ никакой духовной силы и значенія. Точно также они признавали крещеніе, но разсматривали его какъ простой внѣшній обрядъ и съ особенною силою вооружались противъ мнѣнія о томъ, что въ крещеніи совершается духовное возрожденіе человѣка. Сверхъ того, социніане совершали крещеніе только надъ взрослыми, исходя изъ того соображенія, что крещеніе есть внѣшній обрядъ, посредствомъ котораго человѣкъ сознательно и открыто исповѣдуетъ свою вѣру въ Бога, а такое сознаніе, какъ и самая вѣра, не возможны со стороны ребенка, не умѣющаго отличить правой руки отъ лѣвой.

Такимъ образомъ догматическая часть социніанскаго ученія представляетъ, какъ мы видѣли, чистѣйшій *раціонализмъ*, хотя и основанный на евангеліи. Въ своемъ ученіи о церкви социніане хотя и признавали начальствующихъ: сеньеровъ, пресвитеровъ и даже епископовъ, но не соединяли съ этими должностями никакого іерархическаго значенія, а одно дисциплинарное: заботиться о порядкѣ церковномъ и служить нуждамъ церкви, особенно нуждамъ бѣдныхъ. Учить же въ церкви, по ихъ мнѣнію, можетъ всякій, кто обладаетъ чистотою нравственной жизни и способенъ къ учительству; для этого не требуется никакого особеннаго призванія. Въ противоположность ортодоксальной исключительности протестантскихъ конфессій, социніанскій катихизисъ выгодно отличается характеромъ терпимости и снисходительности къ инымъ, несогласнымъ съ нимъ, религіознымъ мнѣніямъ и установленіямъ. Такъ, самый основной догматъ социніанства о единоличности Божіей излагается въ такой мягкой формѣ, которая исключаетъ всякую нетерпимость къ ученію объ этомъ предметѣ другихъ христіанскихъ исповѣданій. «Свойства Божіи, говорится въ катихизисѣ, дѣлятся на два разряда: одни—знаніе которыхъ безусловно необходимо для спасенія, и другія—знаніе коихъ весьма полезно ко спасенію. Свойства перваго рода: единство Божіе, вѣчность, правосудіе, премудрость и всемогущество. Свойства второго рода: главное изъ нихъ—знать,

что въ существѣ Божіемъ только одно лице. Хотя же вообще въ христіанствѣ вѣруется, что не только Отецъ, но и Сынъ и Духъ св. суть лица въ томъ же существѣ Божіемъ, но вѣрующіе такъ ошибаются и невѣрно понимаютъ нѣкоторыя мѣста свящ. писанія». Еще яснѣе эта терпимость проглядываетъ въ социніанскомъ ученіи о церкви. Здѣсь проводится мысль, что человѣкъ можетъ спастись, живя въ общеніи съ какимъ угодно обществомъ христіанскимъ, если только онъ исповѣдуетъ спасительное ученіе; ибо всякій, кто содержитъ спасительное ученіе, тѣмъ самымъ уже находится въ истинной Церкви Христовой. Точно также въ отдѣлѣ ученія о крещеніи встрѣчается вопросъ: «Что нужно думать о тѣхъ, которые совершаютъ крещеніе надъ младенцами? Отвѣтъ: хотя они въ этомъ случаѣ заблуждаются, но не слѣдуетъ, однако, осуждать ихъ, будто они въ нѣкоторомъ родѣ суть идолопоклонники, особенно, если они живутъ по заповѣдямъ Христовымъ и не преслѣдуютъ другихъ, несогласныхъ съ ихъ мнѣніями. Ибо царствіе Божіе состоитъ не въ этихъ внѣшностяхъ, но въ правдѣ, мирѣ и радости о Духѣ святомъ». Такая терпимость къ религіознымъ мнѣніямъ другихъ христіанъ являлась, впрочемъ, логическимъ послѣдствіемъ того основнаго социніанскаго положенія, по которому для человѣка считалось обязательнымъ вѣрить лишь въ то, что онъ считалъ разумнымъ и справедливымъ.

Въ отдѣлѣ нравственнаго ученія социніанскій катихизисъ предписывалъ обыкновенныя правила христіанской нравственности, основанныя на евангельскихъ заповѣдяхъ и Моисеевомъ десятословіи. Оригинальная сторона этого ученія заключалась лишь въ социніанскихъ предписаніяхъ касательно празднованія седмаго дня и вопроса о пользованіи властью и употребленіи оружія. По первому предмету социніане учили, что Христосъ не установлялъ замѣны дня субботняго днемъ воскреснымъ, и апостолы не отмѣнили субботы, которую и сами праздновали; но такъ какъ и воскресеніе (dies dominica) было празднуемо съ древнѣйшихъ временъ христіанства, то каждому предоставляется въ этомъ отношеніи полная свобода. По вопросу о правѣ пользованія властью социніане, въ видѣ какъ-бы уступки, допускали, что, такъ какъ всякая власть отъ Бога, то поэтому истиннымъ христіанамъ не предосудительно нести обязанности правительственныя, только бы не вопреки законамъ и заповѣдямъ Христовымъ. Но за то они горячо вооружались противъ

права пользованія оружіемъ, разумѣя подъ этимъ веденіе войны и право смертной казни. Противъ послѣдняго социніане возставали особенно энергично и на основаніи самыхъ разнообразныхъ аргументовъ рѣшительно отнимали это право у христіанскихъ правительствъ, какъ противное основнымъ заповѣдямъ Божіимъ. Они доказывали, что смертная казнь рѣзко противорѣчитъ духу христіанской любви и братской снисходительности къ проступкамъ ближнихъ и приводили въ примѣръ Христа, отказавшагося осудить на смерть явную блудницу, ссылались на евангельское выраженіе: «всѣ, поднявшіе мечъ, отъ меча погибнутъ», прибѣгали къ силлогизму, что такъ какъ человѣкъ созданъ по образу Божію, то слѣдовательно, предавая преступника казни, власть посягаетъ какъ-бы на образъ Божій; наконецъ провозглашали, что смертная казнь есть въ сущности не что иное, какъ замаскированный видъ мести, а евангеліе предписываетъ христіанину скорѣе перенести новую обиду отъ врага, нежели прибѣгать къ возмездію, хотя бы оно и было обставлено извѣстными юридическими формальностями. Эта проповѣдь гуманности, безъ сомнѣнія, не мало должна была способствовать успѣху социніанской пропаганды, особенно среди южнорусскаго населенія, которое никогда не отличалось расположенностью къ этому страшному роду наказанія.

Разсматривая человѣческія отношенія исключительно съ точки зрѣнія евангельскихъ принциповъ любви и братскаго равенства, социніанство, казалось бы, не должно было оставить безъ вниманія такого явнаго попранія этихъ принциповъ, какимъ всегда и вездѣ былъ институтъ рабства или закрѣпощенія одного сословія въ пользу другихъ. Дѣйствительно, вопросъ о правѣ истинныхъ христіанъ имѣть подданныхъ или рабовъ былъ возбуждаемъ въ средѣ социніанъ еще въ 70-хъ годахъ XVI в. и, какъ кажется, рѣшался партіею чистыхъ антитринитаріевъ въ отрицательномъ смыслѣ. По этому вопросу происходилъ однажды диспутъ между польскимъ социніанскимъ пасторомъ Якубомъ Калиновскимъ и представителемъ полужидовствующаго антитринитаріанства Симеономъ Буднымъ. Послѣдній издалъ въ 1583 г. одно сочиненіе, въ которомъ старался доказать что христіанину не предосудительно имѣть подданныхъ и рабовъ, лишь бы только онъ богобоязненно пользовался ихъ ус-

лугами (bogobojnie ich używał) [1]). Такой взглядъ былъ совершенно въ духѣ ветхозавѣтно-іудейскихъ понятій о соціальныхъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, въ катихизисѣ социніанскомъ мы не находимъ никакихъ указаній о взглядахъ самого Социна на этотъ вопросъ. Можно думать, что социніане находили практически неудобнымъ выступить рѣшительно съ своимъ ученіемъ о правѣ содержать рабовъ, такъ какъ это ученіе должно было поколебать самую основу соціальнаго строя въ тогдашней Польшѣ.

Кромѣ проповѣди гуманности, были въ социніанствѣ и другія привлекательныя черты, которыя особенно должны были располагать къ нему образованную часть дворянскаго сословія: это прежде всего—заботы социніанъ о школахъ и образованіи. Лишь только гдѣ-либо основывалась новая социніанская община, первое, о чемъ заботились ея сеньеры, было: постройка молитвеннаго дома и школы и снабженіе послѣдней хорошими учителями. Быть можетъ, никто въ Польшѣ не сдѣлалъ такъ много для образованія въ XVI и XVII вѣкахъ, какъ именно социніане. Но за то ни въ одномъ исповѣданіи не было столько ученыхъ сеньеровъ или пасторовъ и такихъ образованныхъ учителей, какъ у социніанъ же. Вотъ почему къ нимъ часто перебѣгали ученѣйшіе протестантскіе пасторы. Изъ множества социніанскихъ школъ особенно славилась раковская, основанная въ 1602 году и скоро возведенная на степень академіи. Слава объ учености ея профессоровъ, вызванныхъ изъ разныхъ странъ Европы, и объ успѣшности ихъ преподаванія распространилась повсюду, такъ что въ короткое время число учениковъ въ раковской академіи достигло тысячи человѣкъ, изъ коихъ около трехсотъ принадлежали къ шляхетскому сословію. Въ числѣ ихъ были не одни дѣти изъ социніанскихъ семействъ, но и молодые шляхтичи изъ католиковъ, протестантовъ и даже православныхъ изъ южной Руси. Въ раковской академіи практиковалось прекрасное правило, чтобы всякій ученикъ, какого-бы званія онъ ни былъ, изучалъ сверхъ общеобразовательныхъ предметовъ еще и какое-либо ремесло. Это весьма цѣнилось родителями средняго класса и особенно трудолюбивымъ и предпріимчивымъ населеніемъ самого Ракова. Вообще исторія раковской общины крайне интересна: она даетъ наглядное понятіе о характерѣ и направленіи социніанской

[1]) A. Jocher, Obraz Literatury i nauk w Polsce, II, 262 и 546.

секты, ибо здѣсь она достигла наиболѣе полнаго своего обнаруженія. Основанный въ 1569 г., среди песчаныхъ пустырей, Раковъ [1]) былъ заселенъ разновѣрцами и преимущественно антитринитаріями, которымъ покровительствовалъ владѣлецъ города Янъ Сенинскій. Пользуясь предоставленной имъ полной свободой, сектанты, сильные духомъ братства и свойственнымъ всякой религіозной корпораціи воодушевленіемъ, энергично взялись за дѣло, и въ короткое время новая колонія стала цвѣтущимъ и многолюднымъ городомъ, съ прекрасными домами, отлично обработанными полями и огородами, съ развитой торговлей, ремеслами, промыслами и фабриками. Съ 1575 года здѣсь появляется типографія, для нуждъ которой заводится значительная бумажная фабрика. Съ открытіемъ академіи Раковъ вступаетъ въ періодъ высшаго своего процвѣтанія и съ этого времени окончательно пріобрѣтаетъ значеніе главной, какъ-бы центральной социніанской общины. Социніане усваиваютъ ему громкое названіе «*сарматскихъ Аѳинъ*», указывающее на высокое развитіе здѣсь научной и литературной дѣятельности.

Кромѣ Ракова, социніане имѣли въ разныхъ мѣстахъ Польши и Литвы множество и другихъ общинъ, коихъ они въ началѣ XVII в. насчитывали до 150-ти; но мы не будемъ перечислять ихъ, а перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о распространеніи и судьбѣ социніанства въ собственно русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой, и особенно на Волыни и Украйнѣ.

V.

Мы уже упомянули, что въ Литвѣ и прилегавшей къ ней западной Руси проповѣдь антитринитаріанства во второй половинѣ XVI вѣка шла одновременно съ двухъ сторонъ: въ Бѣлоруссіи и другихъ западно-русскихъ мѣстностяхъ ученіе это было распространяемо московскими выходцами ѳеодосіанами и ихъ дружиной, а изъ внутренней Литвы такая же пропаганда шла со стороны польскихъ и другихъ захожихъ антитринитаріевъ. Проповѣдь ѳеодосіанъ, совершаемая русскими людьми и на русскомъ языкѣ, имѣла

[1]) Нынѣ это самое бѣдное и жалкое мѣстечко Радомской губерніи, опатовскаго уѣзда, съ одно-классной школой и ничтожнымъ числомъ учащихся. Глядя на песчаныя пустыри Ракова и его лачуги, трудно повѣрить, что здѣсь нѣкогда кипѣла торговля и процвѣтали науки. Отъ прежняго благосостоянія Ракова остался лишь заброшенный, опустѣлый костелъ, одиноко стоящій на сугробахъ песчаныхъ. *Ред.*

необыкновенный успѣхъ среди западно-русскаго населенія. Одинъ изъ тогдашнихъ православныхъ апологетовъ (Зиновій Отенскій) съ прискорбіемъ признается, что еретики пріобрѣли многихъ послѣдователей не только изъ людей небоящихся Бога и грѣхолюбивыхъ, но и богобоязненныхъ и смиренныхъ, въ числѣ коихъ были даже православные священники и другія духовныя лица. «По истинѣ, восклицаетъ онъ, какъ Магометъ развратилъ своимъ ученіемъ востокъ, Лютеръ западъ, такъ Ѳеодосій Литву!» Но и заносное антитринитаріанство имѣло неменьшій успѣхъ въ Литвѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ оно пріобрѣло здѣсь могущественнаго патрона въ лицѣ каштеляна виленскаго, Яна Кишки, богача, владѣвшаго 70-ю мѣстечками и 400-ми селами. Это былъ потомокъ старинной литовско-русской фамиліи, получившій заграницей блестящее образованіе [1]) и женатый на дочери князя Константина Острожскаго. Сдѣлавшись усерднымъ послѣдователемъ антитринитаріанства, Кишка собиралъ у себя учителей этой секты, отдавалъ имъ находившіяся въ его имѣніяхъ протестантскія и даже католическія и православныя церкви, созывалъ соборы, устраивалъ школы и заводилъ типографіи, въ коихъ съ 1574 года начали во множествѣ издаваться антитринитаріанскія сочиненія. Таковы были типографіи: въ Лозкахъ (ошмянскаго уѣзда, виленск. губ.), Любчѣ (новогрудск. уѣзда, минской губ.), Заславѣ (минскаго уѣзда) и въ Несвижѣ [2]) (слуцк. уѣзда, минской губ.), гдѣ въ 1570 г. былъ напечатанъ социніанскій переводъ библіи, совершенный при главномъ участіи извѣстнаго социніанскаго ученаго Симеона Буднаго. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ могущественныхъ средствахъ пропаганды антитринитаріанство съ поразительной быстротой охватило всю Литву и западную Русь и причинило немалый ущербъ православію въ этихъ странахъ. О размѣрахъ этого ущерба мы можемъ отчасти судить по одному свидѣтельству извѣстнаго іезуита Петра Скарги, который въ своемъ сочиненіи о Брестскомъ соборѣ 1596 года, упрекая православныхъ за дружбу съ аріанами, говоритъ, что эти мнимые друзья, а на самомъ дѣлѣ волки, въ одномъ новогрудскомъ воеводствѣ отняли до 650 православныхъ церквей

[1]) Янъ Кишка былъ ученикомъ и восторженнымъ почитателемъ извѣстнаго Кастальона, которому онъ по его смерти поставилъ богатый монументъ. Bibliotheca Antitrinitariorum, p. 82.

[2]) Послѣдній городъ находился въ числѣ имѣній князей Радзивилловъ.

и упразднили въ нихъ службу Божію, и что изъ 600 дворянскихъ фамилій этого воеводства едвали осталось *шестнадцать* такихъ, которые ушли отъ еретической новокрещенской, т. е. антитринитаріанской, заразы. Конечно, въ словахъ Скарги есть извѣстная доля преувеличенія; но что православіе несло въ Литвѣ большія потери со стороны антитринитаріанской пропаганды, это фактъ несомнѣнный. Кромѣ новогрудскаго воеводства, тоже самое можно сказать о воеводствахъ: брестскомъ, въ коемъ раньше и быстрѣе всего распространилась секта, минскомъ, виленскомъ, витебскомъ и другихъ мѣстностяхъ западно-русскаго края.

Мы сказали уже, что въ Литвѣ антитринитаріанство первоначально утвердилось въ формѣ его крайняго или полужидовствующаго направленія, почвой для котораго служили издавна таившіяся здѣсь сѣмена мѣстнаго раціоналистически-жидовствующаго вольномыслія, оживленнаго проповѣдью ѳеодосіанъ. Но съ конца XVI в. оно и здѣсь постепенно смѣняется чистымъ социніанствомъ, на сторону котораго одинъ за другимъ переходятъ выдающіеся вожаки секты, наприм. Симеонъ Будный, Мартинъ Чеховичъ и др. При этомъ наблюдается слѣдующее любопытное явленіе: въ то время, какъ въ Польшѣ, южной Руси и другихъ мѣстностяхъ реформа Фавста Социна способствовала лишь большему укрѣпленію и распространенію секты, въ литовской Руси замѣчается какъ будто обратное явленіе. Въ XVII вѣкѣ антитринитаріанство далеко не имѣло здѣсь такой силы, какъ въ предшествовавшемъ столѣтіи, и чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже встрѣчаются о немъ извѣстія. Раньше всего социніанство исчезаетъ въ Бѣлоруссіи. Долѣе всего держится оно въ предѣлахъ Вильны и Новогрудка; но и здѣсь въ одномъ лишь Любчѣ социніанская община удерживается до 1655 года, остальныя же гораздо раньше прекращаютъ свое существованіе: несвижская около 1586 года, лозская также въ концѣ XVI ст., а въ Новогрудкѣ социніанская община была закрыта въ 1618 году, по распоряженію короля Сигизмунда III. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ другихъ причинъ, способствовавшихъ упадку социніанства въ Литвѣ, много значила смерть могущественнаго покровителя секты Яна Кишки (въ 1592 г.) и переходъ его богатыхъ помѣстій въ членамъ католическихъ и протестантскихъ фамилій; но нельзя отрицать и того, что вообще новое, чисто раціоналистическое на-

правленіе антитринитаріанской секты пришлось не по духу западно-русскому и особенно бѣлорусскому населенію. За то здѣсь съ особеннымъ успѣхомъ въ это же время прививается и распространяется церковная унія.

VI.

Изъ Литвы и Бѣлоруссіи перейдемъ въ южную Русь и поищемъ здѣсь слѣдовъ социніанства.

Широкою волною прошло по южной-Руси реформаціонное движеніе и надолго оставило въ ней слѣды въ видѣ порожденнаго имъ религіознаго вольномыслія и всякаго разновѣрія. «Поеретичѣли вси обитальницы Малой-Россіи и отъ Бога далече устранишася, къ невѣрію и зложитію припрагше, егда на латинскую и мірскую мудрость ся полакомили! Овъ бо зовется папежникъ, овъ зась нынѣ зъ евангелія вылѣзъ—евангелиста (т. е. евангеликъ-кальвинистъ), овъ зась нововыкрещенный (антитринитарій), овъ зась суботникъ (жидовствующій)»,— такъ въ самомъ началѣ XVII в. жаловался русскій постриженецъ Аѳона Іоаннъ Вишенскій въ своихъ посланіяхъ ко всѣмъ православнымъ жителямъ Малой-Россіи, одно изъ которыхъ онъ такъ и адресуетъ: «Тобѣ, народу русскому, въ роздѣленыхъ сектахъ и вѣрахъ розмаитыхъ мешкаючому!» [1]).

Оставимъ въ покоѣ «папежниковъ» и «евангелистовъ», а прослѣдимъ лишь за «нововыкрещенцами» и «суботниками» въ Малой Россіи и прежде всего станемъ искать ихъ на родинѣ Іоанна Вишенскаго, въ Руси Галицкой, которая раньше другихъ русскихъ земель подпала культурному польскому вліянію. Говоря о польскомъ антитринитаріанствѣ, мы упоминали, что раньше и прочнѣе всего оно утвердилось въ областяхъ Малой Польши: краковской, люблинской и особенно сандомирской, въ коей находились начальные центры секты, Пинчовъ и потомъ Раковъ. А въ ближайшемъ и непосредственномъ сосѣдствѣ съ этимъ очагомъ польскаго антитринитаріанства и находились именно земли Червоной Руси: львовская, перемышльская, саноцкая, галицкая и холмская. Естественно по этому предположить, что антитринаріанство проникло сюда очень рано, т. е. не позже 50-хъ годовъ XVI в. Въ слѣдующемъ десяти-

[1]) См. Посланія Іоанна Вишенскаго во 2 т. Актовъ Ю. и З. Россіи.

лѣтіи антитринитаріи устраивали даже здѣсь свои съѣзды или соборы: таковъ былъ соборъ 1566 года, происходившій въ Ланцутѣ, въ перемышльской области. Кромѣ Ланцута, извѣстны еще антитринитаріанскія общины въ Бучацѣ (въ галицкой области) и въ Крыловѣ (въ холмской) [1]). Но лучшимъ свидѣтельствомъ ранняго существованія антитринитаріанской пропаганды и именно среди *православно-русскаго* галицкаго населенія служитъ одинъ крайне любопытный литературный памятникъ, получившій свое происхожденіе въ Галиціи: мы говоримъ о знаменитомъ *Письмѣ половца Ивана Смеры* къ великому князю Владиміру святому. По свидѣтельству социніанскихъ писателей, сохранившихъ для насъ текстъ этого письма, хотя и въ латинскомъ переводѣ, оно было будто-бы найдено около 1567 г. русскимъ діакономъ Андреемъ Колодынскимъ (впослѣдствіи антитринитаріемъ) въ русской церкви св. Спаса, въ области перемышльской, не подалеку отъ древняго Самбора, гдѣ похороненъ славный русскій князь Левъ. Подлинникъ этого письма, будтобы, былъ начертанъ на мѣдныхъ доскахъ желѣзными буквами на болгарскомъ или древнеславянскомъ языкѣ [2]), съ котораго діаконъ Андрей сдѣлалъ южнорусскій и польскій переводы, списки которыхъ ходили между польско-русскими антитринитаріями XVI и XVII ст. и сохранялись нѣкоторыми ихъ писателями. Подложность письма давно доказана русской наукой [3]), но отъ этого оно нисколько не теряетъ своего историческаго интереса, какъ литературный памятникъ южнорусскаго антитринитаріанскаго движенія въ XVI в., представляющій многія любопытныя данныя относительно исторіи секты и ея пропаганды среди южно-русскаго населенія, въ интересахъ которой совершенъ и самый подлогъ памятника. Вымышленный авторъ этого письма половецъ Иванъ Смера, придворный врачъ и риторъ князя Владиміра, былъ

---

[1]) О нихъ упоминается въ запискахъ Эразма Отвиновскаго, антитринитаріанскаго писателя конца XVI и начала XVII в. См. у Андрея Венгерскаго Slavoniae Reformatiae Lib. IV, p. 524—530.

[2]) Социніанскій писатель XVII в. Сандъ приводитъ даже строку facsimile подлинника этого письма, состоящую изъ ряда знаковъ, похожихъ на греческія буквы, изъ которыхъ однако не возможно сложить какое-либо слово. Facsimile это приведено также и въ исторіи Карамзина.

[3]) Объ этомъ, между прочимъ, см. прекрасное изслѣдованіе проф. кіев. духовн. акад. И. Н. Малышевскаго, помѣщенное въ іюньской и іульск. книгахъ „Трудовъ Кіев. Академіи“ за 1876 годъ.

посланъ, будтобы, въ 980 году въ Грецію для изслѣдованія вѣры и состоянія тамошнихъ христіанъ. Послѣ долгихъ и трудныхъ странствованій по европейскимъ и азіатскимъ владѣніямъ греческаго императора, половецъ Смера достигъ наконецъ Александріи, гдѣ нашелъ какихъ-то совершеннѣйшихъ христіанъ, по вѣрѣ и нравамъ совсѣмъ отличныхъ отъ остальныхъ грековъ. Плѣнившись обычаями и ученіемъ этихъ христіанъ, нашъ посолъ принялъ ихъ вѣру и самъ вступилъ въ ихъ общество; узнавши же, что Владиміръ тѣмъ временемъ принялъ вѣру отъ грековъ, Смера рѣшился никогда не возвращаться на Русь, а написалъ будтобы князю вышеупомянутое письмо. Въ письмѣ этомъ описываются весьма привлекательными чертами нравы и обычаи совершеннѣйшихъ александрійскихъ христіанъ, подъ видомъ которыхъ составители письма старались изобразить современныхъ имъ антитринитаріевъ. Это честные и благочестивые люди, богословы (т. е. говорящіе о Богѣ), которыхъ другіе народы называютъ народомъ святымъ, Божіимъ и новымъ Израилемъ. Они выше всего любятъ миръ и тишину и суть подлинно какъ-бы ангелы Божіи. У нихъ есть не мало молитвенныхъ домовъ христіанскихъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ идоловъ, а только столы и скамьи; сюда они ежедневно, по повелѣнію Божію, сходятся для наученія и молитвы—передъ восходомъ и потомъ послѣ заката солнца, иногда также въ третій и девятый часы дня. Далѣе въ письмѣ излагается догматическое ученіе этихъ необыкновенныхъ христіанъ, которое во всемъ оказывается сходнымъ съ ученіемъ антитринитаріевъ и именно полужидовствующаго направленія, преимущественно распространеннаго тогда среди южно-русскихъ сектантовъ. Но эти честные и благочестивые христіане терпятъ тяжкія преслѣдованія со стороны грековъ, подъ видомъ которыхъ составители письма разумѣли отчасти православныхъ, а больше, кажется, современныхъ имъ католиковъ, дѣйствительно преслѣдовавшихъ тогдашнихъ антитринитаріевъ. Греки эти, хотя и велятъ называть себя новымъ Израилемъ, но нравами болѣе похожи на аспидовъ и василисковъ. Они хитры, надменны, ложь могутъ выдать за дѣло справедливое, подражая въ этомъ случаѣ нѣкоторымъ римскимъ ученіямъ и учрежденіямъ. Своимъ коварствомъ они стараются завлечь простыхъ людей въ свои синагоги и церкви. Они приказываютъ, чтобы въ ихъ роскошныя, хотя и созданныя

насиліемъ, божницы люди собирались для служенія идоламъ съ ѳиміамомъ и свѣчами и всякаго рода яственными жертвами, послѣ чего они оскверняются объяденіемъ, топаютъ ногами, плещутъ руками, издаютъ разноголосое пѣніе на подобіе музыки и ведутъ себя до такой степени безстыдно, что нельзя ни говорить, ни писать объ этомъ; сверхъ того они велятъ, чтобы по смерти ихъ были почитаемы и славимы на вѣчныя времена ихъ изображенія. А тѣхъ благочестивыхъ христіанъ нечестивые греки приневоливаютъ служить себѣ, платить дань и причиняютъ имъ многія другія обиды; по этому первые собираются въ укрытыхъ мѣстахъ, въ гробахъ, въ горахъ, лѣсахъ, говоря, что избѣгаютъ нечестиваго рабства, причемъ пророчествуютъ о скорой гибели надменныхъ грековъ, а равно и тѣхъ, которые усвоятъ ихъ вѣру и обычаи. Въ числѣ этихъ пророчествъ достойно особеннаго вниманіе одно, долженствовавшее, по мысли составителей письма, относиться именно съ самимъ антитринитаріямъ: это пророчество о возстаніи въ послѣднемъ поколѣніи славянскаго народа судей и обличителей грековъ, которыхъ они будутъ называть псами, сочинителями басенъ, лжецами и обманщиками, а сами, по призванію отъ Бога, обратятся къ изслѣдованію всѣхъ писаній себѣ во спасеніе. Путь ихъ будетъ тяжелъ среди богатыхъ грековъ и другихъ однонравныхъ съ ними людей. Но гонители скоро увидятъ свой позоръ и гибель и идолы ихъ войдутъ въ притчу у чужихъ народовъ. А судьба гонимыхъ измѣнится къ лучшему; ибо въ лицѣ ихъ послѣднее поколѣніе славянскаго народа соединится съ великою ревностью для похвалы и исповѣданія единаго Бога израилева, который освободитъ свой вѣрующій народъ отъ грѣховъ его. Съ нимъ и послѣдній іудейскій родъ познаетъ вмѣстѣ съ прочими народами ученіе Христа и получитъ спасеніе, потому что покорится волѣ Бога своего. Тогда-то для тѣхъ истинныхъ христіанъ настанетъ время наслѣдовать всякую честь и власть за свое ученіе и образъ жизни, какъ то указывается въ древнѣйшемъ писаніи. Письмо заключается убѣжденіемъ, чтобы Владиміръ не принималъ обычаевъ и вѣры греческой (въ другихъ спискахъ прибавлено: и римской).

Нужно замѣтить, что письмо половца Смеры не есть единственный памятникъ, свидѣтельствующій о попыткахъ тогдашнихъ сектантовъ вести пропаганду своего ученія при помощи сочиненій

и книгъ на русскомъ языкѣ. Въ тоже самое время составлялись и издавались такія же книги въ Литвѣ, при содѣйствіи главнымъ образомъ извѣстнаго антитринитаріанскаго писателя и учителя Симеона Буднаго, о которомъ есть извѣстіе, что въ молодости онъ исповѣдывалъ православіе. Еще въ бытность свою кальвинскимъ пасторомъ, Будный издалъ въ 1562 г. въ Несвижѣ на русскомъ языкѣ *кальвинскій катихизисъ*, назначая его «для простого народа руского и для христіанскихъ дѣтокъ рускихъ» [1]). Посвящая изданіе дѣтямъ князя Радзивилла, издатель выражаетъ радость, что въ новооснованной несвижской типографіи начинаютъ печататься книги на издавна славномъ и далеко распространенномъ языкѣ славянскомъ и поставляетъ въ честь молодымъ князьямъ, чтобы они, изучая языки чужеземные, любили и свой родной. Въ томъ же году Будный издалъ другое, уже съ скрытыми антитринитаріанскими тенденціями, сочиненіе на русскомъ языкѣ: «*Оправданіе грѣшнаго человѣка предъ Богомъ*», посвятивъ его Евстафію Воловичу, маршалку и писарю великаго княжества литовскаго. Сверхъ того, въ предисловіи къ катихизису Будный обѣщалъ выпустить скоро другое болѣе полное изданіе этой книги и напечатать новую «*О крещеніи и вечери Сына Божія*». Кромѣ несвижскихъ изданій Буднаго, существовали и другія сектантскія изданія на русскомъ языкѣ, изъ коихъ до нынѣ извѣстны, напр. *духовныя пѣсни* (всѣхъ 50), переведенныя съ нѣмецкаго [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что рукописныхъ антитринитаріанскихъ сочиненій существовало немалое количество. Объ одной изъ такихъ рукописей мы будемъ имѣть случай говорить нѣсколько ниже, при обзорѣ пропаганды антитринитаріанской секты на Волыни. Разставаясь же съ галицкимъ антитринитаріанствомъ, о которомъ вообще сохранились крайне скудныя извѣстія, припомнимъ одинъ, съ перваго взгляда весьма странный упрекъ, какой сдѣлали въ 1585 г. галицкорусскіе православные дворяне тогдашнему кіевскому митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ. Исчисливъ въ своемъ посланіи всѣ обиды и притѣсненія, какимъ подвергалось въ Галиціи православіе отъ иновѣрцевъ, они прибавляютъ: «а што еще ктому порубання крестовъ святыхъ, побрання звоновъ кгволи (въ

---

[1]) Катихизисъ этотъ былъ потомъ изданъ вторично, въ Вильнѣ, въ 1584 г.

[2]) Пѣсни эти напечатаны въ Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и др. россійскихъ 1846 г. № 1.

угоду) *жидамъ?* И еще ваша милость и листы отворенные (т. е. открытые) противу церкви Божое *жидомъ на помощь даешъ*, къ потѣсѣ имъ и къ большому оболженю закону нашого и къ жалю нашому» [1]). Кто были эти жиды, открыто нападавшіе на православныя церкви въ Галиціи и лишавшія ихъ крестовъ, колоколовъ и другой утвари, и притомъ съ открытыми митрополичьими листами въ рукахъ? Не были-ли то жидовствующіе антитринитаріи, которые дѣйствительно во многихъ мѣстахъ отнимали иногда у православныхъ церкви и обращали ихъ въ свои молитвенные дома, лишая ихъ при этомъ крестовъ, иконъ и вообще всей обстановки отвергаемой ими церковной обрядности; причемъ они дѣйствовали не по одному праву сильнаго, а на основаніи признаваемаго польскими законами права свѣтскаго патронатства въ дѣлахъ вѣры, по которому, напр., помѣщики сплошь и рядомъ отнимали находившіяся въ ихъ имѣніяхъ православныя церкви и отдавали ихъ уніатамъ. При такомъ предположеніи станетъ хотя отчасти понятнымъ отношеніе къ означеннымъ дѣйствіямъ митрополита Онисифора Дѣвочки, который вообще отличался крайнимъ нерадѣніемъ къ дѣламъ церкви, за что и былъ низложенъ патріархомъ Іеремією, по желанію православныхъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Орестъ Левицкій.

---

[1]) Акты Зап. Россіи, III, № 146.

КНЯЗЬЯ РУЖИНСКІЕ.

(*Памяти М. А. Максимовича*).

Генеалогическая и біографическая сторона русской исторіи, особенно западнорусской, до сихъ поръ такъ мало еще разработана, что даже спеціалисты подчасъ становятся втупикъ въ хаосѣ разнорѣчивыхъ показаній, невольно впадаютъ въ ошибки, смѣшивая и отождествляя лица въ сущности различныя, приписывая одному то, что относится совсѣмъ къ другому. Такое смѣшеніе ведетъ иногда къ анахронизмамъ, къ перестановкѣ во времени историческихъ фактовъ, а тѣмъ самымъ и къ невѣрному ихъ освѣщенію. Такимъ образомъ, точное установленіе генеалогическихъ и біографическихъ фактовъ, повидимому мелочныхъ и не имѣющихъ самостоятельнаго значенія, получаетъ и общій историческій интересъ, подобно тому, какъ полуистершаяся древняя монета даетъ иногда возможность окончательно принять или отвергнуть извѣстіе, представлявшееся для однихъ несомнѣннымъ историческимъ фактомъ, а для другихъ— только легендой.

Точныя свѣдѣнія о князьяхъ Ружинскихъ, родѣ вообще небогатомъ исторически-замѣчательными личностями, представляютъ именно такого рода интересъ. Появляются эти князья въ исторіи лишь на короткое время, въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, и такъ же быстро исчезаютъ безъ слѣда; выдвинувшаяся отрасль рода вымираетъ, богатыя ея владѣнія переходятъ въ чужія руки, а прочія вѣтви рода, хотя и не бѣдныя представителями, худаютъ и теряются въ массѣ мелкопомѣстной или и совсѣмъ безземельной шляхты. Но въ этомъ родѣ есть одинъ князь, имя котораго тѣсно связано съ весьма важнымъ фактомъ южнорусской исторіи: по словамъ нашихъ лѣтописцевъ и

историковъ, при гетманѣ князѣ Ружинскомъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ была введена первоначальная организація козачества, игравшаго въ этой исторіи такую видную роль. Самая однако личность этого дѣятеля до сихъ поръ не выяснена, и мы въ настоящемъ очеркѣ постараемся указать, по крайней мѣрѣ, ея вѣроятное положеніе въ генеалогіи рода,—въ ряду другихъ свѣдѣній объ этомъ родѣ и его представителяхъ.

Послѣднее слово въ литературѣ вопроса о гетманѣ Ружинскомъ принадлежитъ покойному М. А. Максимовичу. Когда былъ изданъ кіевскою археографическою комиссіею первый томъ актовъ о козакахъ (Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 1863 г.),—Максимовичъ напечаталъ нѣсколько писемъ къ предсѣдателю комиссіи, М. В. Юзефовичу, по поводу вступительной статьи В. Б. Антоновича къ этимъ актамъ. Эта статья, первая по времени въ ряду изслѣдованій по исторіи югозападной Руси, положившихъ прочное начало ученой репутаціи г. Антоновича, не могла однако не обладать и нѣкоторыми недостатками, какіе носятъ въ себѣ вообще *первые* труды, эти, такъ сказать, корректурные оттиски начинающаго писателя; авторъ главнѣйшимъ образомъ обратилъ вниманіе на изложеніе своей теоріи происхожденія козачества [1]) и на соотвѣтственную ей новую группировку фактовъ,—за то мѣстами была слаба детальная ихъ провѣрка. Эти-то фактическіе недосмотры и составляли попреимуществу предметъ возраженій Максимовича, въ числѣ ихъ и неточность относительно времени гетманства Ружинскаго, а слѣдовательно и реформъ въ козацкомъ устройствѣ. Максимовичъ былъ сильнѣе всего именно въ фактахъ и любилъ по каждому частному вопросу изъ извѣстнаго ему матеріала (а зналъ онъ и помнилъ замѣчательно много) выжимать уже все, до послѣднихъ мелочей, подбирая послѣднія иной разъ въ такихъ источникахъ, которые, казалось-бы, не содержатъ по данному предмету ни одной іоты. Не его, конечно, бывала вина, если иногда, вмѣсто точнаго рѣшенія, приходилось ограничиваться догадками по недостаточности самаго ма-

[1]) Главную суть статьи составляетъ сближеніе общины козацкой съ общиной древнерусской, всенародной. Если теорія эта и не представлялась *вполнѣ* доказательною, то она во всякомъ случаѣ указывала новый путь, окончательно устраняя прежнее „баснословіе“, выводившее козаковъ отъ козаръ, черкассовъ и т. п., какъ выводили когда-то Литву отъ Палемона, какъ продолжаютъ еще, несмотря на всѣ усилія г. Иловайскаго, выводить Русь отъ варяговъ.

теріала; отчасти такъ было и на этотъ разъ относительно Ружинскихъ, совершенно затемненныхъ разногласіями лѣтописцевъ, какъ современниковъ, такъ еще болѣе позднѣйшихъ компиляторовъ. Только новые матеріалы, частію съ тѣхъ поръ изданные вполнѣ, частію только описанные въ кіевскомъ центральномъ архивѣ [1]), позволяютъ теперь нѣсколько вѣрнѣе возстановить генеалогію Ружинскихъ, а тѣмъ опредѣлить и степень возможнаго ихъ участія въ козацкой исторіи.

Нѣкоторыя лѣтописи, какъ напримѣръ Грабянки, Самовидца (во введеніи къ ней), исторія Руссовъ, за ними Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ,—а изъ нихъ всѣхъ бралъ свои данныя и г. Антоновичъ въ той статьѣ,—начинаютъ рядъ козацкихъ гетмановъ съ Прецлава Лянцкоронскаго и съ 1506 года, за нимъ ставятъ Дмитрія Вишневецкаго и Евстафія Ружинскаго, а тогда Венжика Хмельницкаго съ 1534 годомъ; нѣкоторые даютъ болѣе опредѣлительныя мѣста Вишневецкому (1512—1514) и Ружинскому (1514—1534). Максимовичу не трудно было доказать, что здѣсь анахронизмъ: дѣятельность Вишневецкаго по современнымъ свидѣтельствамъ относится лишь къ половинѣ XVI вѣка, смерть къ 1564 г., слѣдовательно и Ружинскаго Евстафія нужно было искать *послѣ* этого времени; Максимовичъ дѣйствительно и отыскалъ его въ 1569 г., на службѣ у черкасскаго старосты, кн. Михайла Вишневецкаго, а потомъ въ Кіевѣ, воеводскимъ намѣстникомъ, съ 1575 по 1581 годъ [2]). Оказывалось, что Евстафій и не гетманъ, хотя, конечно, возможно, что въ службѣ при черкасскомъ старостѣ и при кіевскомъ воеводѣ, которые имѣли тоже *своихъ* козаковъ, онъ и былъ при какомъ нибудь случаѣ предводителемъ ихъ отряда. Мы имѣемъ теперь возможность указать и первоначальный источникъ хронологической ошибки: нѣкоторые южнорусскіе хронисты-компиляторы, пользуясь польскими источниками, въ томъ числѣ и Гваньини, вслѣдъ за извѣстіями 1516 г. помѣщали взятый оттуда же краткій гео-

[1]) До сихъ поръ изданы архивомъ двадцать двѣ описи актовыхъ книгъ, по архивному списку №№ 1—12, 14, 16 и 18—25; изъ нихъ описи 1, 4, 5, 8, 9 и 10 составлены покойнымъ К. Е. Козловскимъ, съ котораго и началось ихъ изданіе; № 11—А. П. Свидницкимъ; № 14—Л. В. Ильницкимъ; № 19 и 25—А. Т. Бѣлоусовымъ; № 22—24—Г. В. Донцовымъ; остальные мною. При дальнѣйшихъ ссылкахъ я буду указывать № описи и листъ подлинной книги, гдѣ помѣщенъ цитируемый актъ.

[2]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, (Кіевъ, 1876 г., т. I. Стр. 277—316: „Письма о козакахъ“.

графическій и историческій обзоръ козачества; такъ напр. Лукомскій, въ своемъ «Собраніи историческомъ», говоритъ, послѣ извѣстій 1516 г., о географіи сѣчевыхъ окрестностей, «точними словами Гвагниновыми»: «въ тѣ жъ времена дѣлали они (т. е. козаки) полякамъ великія безъ сомнѣнія прислуги, яко же они издревле били воини храбріи и туркамъ и татарамъ всегда страшніи, найпаче же при своихъ гетманахъ: при князѣ Дмитріи Вишневецкомъ, при козачіихъ вождахъ—при Бирулѣ, при Темрюкѣ Пятигорцѣ, при *Александрѣ*, при *Михайлѣ* и при *Евстафіи* князяхъ *Ружинскихъ*, *старостахъ черкасскихъ*, при Прецлавѣ Лянцкоронскомъ, а особливо при Зборовскомъ, при *князѣ Ружинскомъ* (sic), при Косѣнскомъ, при Иванѣ Свѣрговскомъ и при иныхъ своихъ гетманахъ» [1]). Перечень этотъ, заключая въ себѣ лица дѣйствительныя, историческія (Бируля—ошибка вм. Бирута), не имѣетъ однако ни малѣйшей претензіи на хронологическую послѣдовательность, такъ какъ тѣ же лица упоминаются и позже, и не въ томъ порядкѣ; но относительно собственно Ружинскихъ, которыхъ здѣсь поименно перечислено три, сдѣлано столько же и ошибокъ. Такъ какъ вслѣдъ за этимъ приводятся два извѣстія 1518 и 1528 годовъ, гдѣ упоминается, безъ фамиліи, черкасскій староста Евстафій (т. е. *Дашковичъ*), а компилятору извѣстенъ былъ по другимъ источникамъ Евстафій Ружинскій, то онъ смѣшалъ оба лица, перенесъ Ружинскаго за полвѣка назадъ, гдѣ онъ и пребывалъ по всѣмъ «исторіямъ», пока не извлекъ его оттуда Максимовичъ. Точно также понятна ошибка объ Александрѣ и Михайлѣ: компиляторъ имѣлъ уже въ своемъ распоряженіи одинъ княжескій родъ, и еще эти два лица, тоже съ княжескимъ титуломъ, но безъ фамиліи: не долго думая, онъ свелъ ихъ въ родство. На самомъ же дѣлѣ это родные братья князья *Вишневецкіе*; старшій изъ нихъ, Михайло Александровичъ, впослѣдствіи кіевскій каштелянъ, упоминается въ званіи черкасскаго старосты въ 1569—1576 гг.,—при немъ-то и служилъ въ Черкасахъ Евстафій Ружинскій [2]), а меньшой, Александръ Александровичъ, получилъ староства черкасское и каневское послѣ брата и владѣлъ ими въ 1581—1593 гг. [3]). Такимъ образомъ, этотъ

[1]) Лѣтопись Самовидца, по кіевскому изданію, стр. 332.

[2]) Жизнь кн. Курбскаго, т. I, стр. 22, 24.—Архивъ югозап. Россіи, ч. V, т. I, стр. 69 и 71.

[3]) Архивъ ю.-з. Рос., ч. III, т. I, стр. 55—57; ч. V, т. I, стр. 71, 84—86 и 541.

quasi-лѣтописный текстъ, съ тремя именами гетмановъ Ружинскихъ, разрѣшается только въ прежнее недоумѣніе, безсознательно выразившееся и у самого компилятора въ томъ, что рядомъ съ ними оставилъ онъ еще и четвертаго Ружинскаго, безыменнаго.

Въ одномъ изъ актовъ, по поводу которыхъ писалъ Максимовичъ свои «Письма», упоминается подъ 1585 г. гетманъ князь Михайло Ружинскій [1]); конечно, свидѣтельство современнаго урядоваго документа, въ которомъ притомъ же эта личность не является ни заинтересованной стороной, ни объектомъ интереса чьего бы то ни было, не могло подвергаться сомнѣнію. Принимая его въ списокъ гетмановъ, Максимовичъ попытался опредѣлить его генеалогическое мѣсто; встрѣтивъ въ числѣ Ружинскихъ одновременно два лица этого имени, онъ затруднялся было, къ которому пріурочить гетманство. Въ спискѣ волынскихъ дворянъ владимірскаго повѣта, присягавшихъ въ 1569 г. на люблинскую унію, упомянуто шесть лицъ этого рода: къ присягѣ явились лично *Михайло* и Дмитрій *Ивановичи* и заявили при этомъ, что братъ ихъ князь Григорій служитъ у князя Романа, воеводы брацлавскаго (т. е. Сангушка), и «держитъ урядъ его королевское милости въ Рѣчицѣ», т. е. состоитъ тамъ подстаростою или намѣстникомъ [2]), а другой братъ, князь Остафій, служитъ черкасскому старостѣ князю Михайлу Вишневецкому и ѣдетъ съ нимъ къ королю въ Люблинъ; князь же Стефанъ Ружинскій заявилъ при присягѣ, что братъ его князь *Михайло* на ту пору осѣдлости не имѣетъ, всю часть свою заставилъ [3]) и поѣхалъ къ пріятелямъ въ Польшу [4]). Максимовичъ очень удачно усмотрѣлъ предшествовавшее этимъ шести лицамъ поколѣніе Ружинскихъ въ князьяхъ Роговицкихъ или Ероговицкихъ, упомянутыхъ въ описаніи волынскихъ замковъ 1545 года [5]): его навела

---

[1]) Архивъ ю.-з, Рос., ч. III, т. I, стр. 16.

[2]) Князь Романъ Сангушко, кромѣ должности Брацлавскаго воеводы, былъ еще старостой Житомирскимъ и „державцей" Рѣчицкимъ.

[3]) Застава—особый видъ залога недвижимости, при которомъ, вмѣсто платежа процентовъ, въ пользованіе кредитора передавалось само закладываемое имущество, впредь до выкупа; застава была залогомъ безсрочнымъ, такъ что на право выкупа не вліяла давность, но самый выкупъ могъ производиться только въ извѣстные періодическіе сроки (чаще всего каждые три года), опредѣленные въ первоначальномъ договорѣ; при невыкупѣ въ срокъ, собственникъ не терялъ своего права, но могъ приступить къ выкупу только снова по истеченіи такого же промежутка времени, и т. д.

[4]) Жизнь кн. Курбскаго, т. I, стр. 20, 22, 23.

[5]) Памятники, изд. кіев. коммисіей, т, IV, отд. II, стр. 23, 41, 110.

на мысль принадлежность этой нигдѣ болѣе не встрѣчающейся фамиліи имѣнія Ружина и упоминаніе въ числѣ ея представителей князя Ивана, соотвѣтствующаго отчеству четырехъ выше упомянутыхъ братьевъ; отсюда онъ опредѣлилъ, что князья Стефанъ и Михайло были по отцу Федоровичи. «Я вижу теперь [1]), говоритъ Максимовичъ, что не Михайло Ивановичъ Ружинскій, человѣкъ семейный и степенный, а этотъ другой, бездомовный Михайло Ружинскій, ѣздившій къ своимъ пріятелямъ въ Польшу, отправился впослѣдствіи козаковать на Запорожье и былъ тамъ гетманомъ въ 1585—1588 годахъ» [2]). Догадка эта казалась очень вѣроятной и могла бы быть признана за доказанную, если бы только нашлось указаніе, что именно «этотъ» Михайло Федоровичъ появлялся когда нибудь въ Днѣпровской Украинѣ. Но теперь мы имѣемъ актъ 1606 года о раздѣлѣ имѣнія Ружина между сонаслѣдниками, позволяющій намъ возстановить съ большею точностію генеалогію Ружинскихъ. Въ актѣ этомъ говорится: «тотъ померъ справеный и розмероный есть на три части, водлугъ трохъ давныхъ продковъ братий рожоныхъ князевъ Ружинскихъ, которыхъ именами звано Иванъ, Василій а Ѳедоръ» [3]),—это тѣ именно имена, съ какими за шестьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ упомянуты Роговицкіе, чѣмъ и оправдывается догадка относительно ихъ Максимовича. Напрасно только самое имя считалъ онъ за описку или ошибку: это такое же прозваніе по мѣстности, какъ и Ружинскіе; послѣднее произошло отъ имѣнія Ружина, въ тогдашнемъ владимірскомъ повѣтѣ, а первое—по имѣнію Роговичамъ, въ повѣтѣ луцкомъ, которое принадлежало имъ же [4]); деревня эта существуетъ и въ настоящее время, въ южной части владимирскаго уѣзда, относившейся тогда къ Луцку. Въ числѣ потомковъ этихъ трехъ братьевъ, въ линіи Федора, встрѣчаемъ Александра и Григорія Михайловичей, т. е. признанный за гетмана по своей «бездомовности» Михайло Федоровичъ былъ на самомъ дѣлѣ человѣкомъ одомашнившимся, женился на Раинѣ Стакорской и оставилъ потомство; съ другой стороны «семейный и степенный» Ми-

---

[1]) Максимовичу былъ извѣстенъ данный актъ еще въ рукописи, и въ одной своей болѣе ранней статьѣ онъ поставилъ въ число гетмановъ кн. Михайла *Ивановича* Ружинскаго. Собр. соч., т. I, стр. 242.

[2]) Собр. соч., т. I, стр. 300—301.

[3]) Архивъ ю.-з. Рос., ч. VI, т. I, стр. 315—316.

[4]) Памятники, т. IV, отд. II, стр. 110.

хайло Ивановичъ передалъ въ наслѣдство своимъ тремъ сыновьямъ прибавочное отчество «Бурдиновичей», мало говорящее въ пользу его степенности, такъ какъ польское слово «burda» означаетъ ссору, драку, свалку, и поэтому прозваніе «Бурдинъ» всего вѣрнѣе будетъ перевести «Забіякой». Не искать ли намъ, по этому признаку, гетмана въ князѣ Михайлѣ Ивановичѣ?

Но въ актахъ кіевскаго архива мы находимъ еще одно лицо того же имени, именно Михайла *Евстафьевича* Ружинскаго,—лицо наиболѣе и единственно соотвѣтствующее искомому гетману Ружинскому: по службѣ отца—онъ уроженецъ и постоянный житель Поднѣпровья; князья Кирикъ и Николай, братъ которыхъ, по Папроцкому, былъ гетманомъ,—его родные братья; наконецъ, въ томъ самомъ актѣ, гдѣ онъ названъ по отчеству, хотя не говорится о его гетманскомъ достоинствѣ, за то сказано ясно, что онъ дѣлалъ одинъ наѣздъ, «маючи помочниками зъ собою бояръ и подданныхъ его милости (кн. Януша Острожскаго) Сапоговскихъ и Рублевскихъ о колко сотъ, а особливо *своихъ козаковъ,* людей незнаемыхъ, гультаевъ люзныхъ, которыхъ право посполитое ховати боронить, а онъ *ихъ при собе обецне переховываетъ»* и т. д. Отсюда ясно, что гетманомъ былъ именно «этотъ» Михайло, и генеалогическія отношенія извѣстныхъ намъ пока двадцати шести лицъ изъ рода Ружинскихъ выясняются вполнѣ.

Представляемъ эту генеалогію въ слѣдующей схемѣ, гдѣ цифры *передъ* каждымъ именемъ идутъ по порядку, а *послѣ* каждаго имени—указываютъ число, подъ которымъ значится отецъ.

1. Неизвѣстный по имени, въ началѣ XVI вѣка.
2. Иванъ, упоминается въ 1545 г. . . . . 1.
3. Василій, † до 1545; жена его Настасія . . . . . 1.
4. Федоръ, † до 1545; жена его Василиса (?) . . . 1.
5. Григорій Ивановичъ, упом. въ 1569 г. . . . . 2.
6. Остафій Ивановичъ, упом. въ 1569—1586; . . . 2.
7. Михайло Ивановичъ, упом. въ 1569; . . . . . 2.
8. Дмитрій Ивановичъ, упом. въ 1567 и 1569 . . . 2.
9. Адамъ Григорьевичъ, упом. въ 1600—1625 . . . 5.
10. Михайло Евстафьевичъ, гетманъ, упом. въ 1585—1588. 6.
11. Николай Евстафьевичъ, упом. въ 1588—1591; жена Галжбета Касперовна . . . . . 6.

12. Кирикъ Евстафьевичъ, упом. въ 1577—1598; жена его Ядвига, во 2-мъ бракѣ кн. Чорторыйская . . . 6.
13. Романъ Кириковичъ, упом. съ 1600, † 1610; жена Софія Карабчевская, во 2-мъ бракѣ Ходкевичева . . 12.
14. Настасья-Томила, † ранѣе 1611 г. . . . . 12.
15. Елена, въ замужествѣ за Угровецкимъ, упом. въ 1609—1611 . . . . . 12.
16. Янъ Михайловичъ Бурдиновичъ, упом. въ 1606 . . 7.
17. Иванъ Михайловичъ Бурдиновичъ, упом. въ 1606 . 7.
18. Григорій Михайловичъ Бурдиновичъ, упом. въ 1606 7.
19. Стефанъ Федоровичъ, упом. въ 1569. . . . . 4.
20. Абрамъ Федоровичъ, † до 1569; жена Катерина Духовна. 4.
21. Михайло Федоровичъ, упом. въ 1569; жена Раина Ставорская . . . . . 4.
22. Александръ Федоровичъ, † до 1569; . . . . . 4.
23. Иванъ Стефановичъ, упом. въ 1606—1611; . . . 19.
24. Александръ Михайловичъ, упом. въ 1606 . . . . 21.
25. Григорій Михайловичъ, упом. въ 1606; . . . . . 21.
26. Богданъ (Михайловичъ?), упом. въ 1575; † 1576 . 7 или 21?

Большая часть этихъ лицъ прожила безвѣстно, и сказать о нихъ нечего; лишь нѣкоторые изъ нихъ принимали большее или меньшее участіе и въ жизни общественной, а потому заслуживаютъ болѣе подробнаго упоминанія.

Князь *Адамъ Григорьевичъ* (№ 9) записался въ члены Львовскаго православнаго братства около 1600 года, потомъ проживалъ на Украинѣ, у своего двоюроднаго племянника Романа, отдавшаго ему въ пользованіе имѣніе Вчерашнее, принималъ участіе въ его наѣздахъ на сосѣдей, а потомъ ходилъ съ нимъ же на Москву, къ Тушинскому вору; возвратясь оттуда въ 1610 г., онъ жилъ на Волыни, въ Ружинѣ, какъ видно изъ того, что еще въ 1625 г. однажды здѣсь собирался копный судъ на которомъ присутствовали и всѣ «паны» Ружинскіе, по жалобѣ крестьянина «урожоного князя Адама Ружинского» [1]).

Князь *Дмитрій Ивановичъ* (№ 8) былъ полковникомъ отряда кн. Сангушко, въ походѣ противъ Москвы 1567 г., при гетманѣ Григоріѣ Ходкевичѣ, и участвовалъ въ битвахъ при Чашникахъ и Иваняхъ [2]).

---

[1]) Архивъ, ю.-з. Рос., ч. VI, т. I, стр. 350, 454.

[2]) Niesiecki, Korona Polska, т. III изд. (1740), стр. 898.

О князѣ *Евстафіѣ Ивановичѣ* (№ 6) было уже говорено выше; достовѣрныя извѣстія о немъ сводятся къ слѣдующему: въ 1569 г. онъ служитъ у Черкасскаго старосты; въ 1575, какъ говоритъ Максимовичъ на основаніи рукописныхъ документовъ Межигорскаго монастыря, онъ уже въ Кіевѣ, воеводскимъ намѣстникомъ; здѣсь же мы видимъ его и въ 1581 г., но вскорѣ онъ оставляетъ эту должность, такъ какъ уже въ 1582 г. намѣстникомъ названъ Григорій Мацевичъ, а послѣ (съ 1585) занимаетъ ее князь Матушъ Воронецкій, извѣстный своимъ самоуправствомъ и постоянными раздорами съ кіевской лаврой, съ мѣщанами, а потомъ и съ запорожскими козаками. Въ послѣдній разъ встрѣчаемъ кн. Евстафія въ 1586 г., когда онъ, будучи опекуномъ земянина Корчовскаго, участвовалъ, вмѣстѣ съ другими опекунами, въ ограбленіи опекаемаго [1]).

Князь *Николай Евстафьевичъ* (№ 11) встрѣчается въ актахъ 1588—1591 гг., какъ владѣлецъ переданныхъ ему братомъ Кирикомъ имѣній, Паволочи, Котельни, Ружина, Иргачова и другихъ; слѣдовательно, владѣнія Ружинскихъ занимали тогда сѣверную часть нынѣшняго Сквирскаго уѣзда и прилегающую мѣстность Житомирскаго; отсюда же мы видимъ, что здѣшній Ружинъ вовсе не былъ родовымъ имѣніемъ Ружинскихъ, какъ это думали прежде [2]), а только преобразованъ ими въ городъ и переименованъ, прежнее же названіе этой мѣстности было Счербовъ или Щербовъ [3]); названіе Иргачова сохранилось только въ народномъ преданіи [4]), теперь же это село Рогачи въ сквирскомъ уѣздѣ. Жена кн. Николая названа въ актахъ Галжкою Касперовною, а въ одной позднѣйшей грамотѣ Елисаветою, что впрочемъ не составляетъ противорѣчія, такъ какъ послѣднее имя въ тогдашнемъ языкѣ имѣло также форму «Галжбета» (ср. польское Elżbieta), откуда и Галжка; нужно однако замѣтить, что текстъ этой грамоты, приводимой Похилеви-

---

[1]) Курбскій, т. I, стр. 20—23.—Опись № VIII, листы 4 на оборотѣ, 10, 108, 174.

[2]) Niesiecki, т. III, стр. 897.—Похилевичъ, Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губ., стр. 209, смѣшивая князей Ружинскихъ съ князями Половцами-Рожиновскими, выморочное наслѣдство которыхъ подало поводъ къ тяжбамъ и подлогамъ въ актахъ XVI и начала XVII вѣка, пріурочиваетъ къ Ружину даже и ихъ. Объ этомъ дѣлѣ см. въ статьѣ В. Б. Антоновича „Паны Ходыки“ въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины“, стр. 248 и слѣд.

[3]) Опись № XVIII, л. 102 на об.—Bracławszczyzna (въ сборникѣ Kwiaty i Owoce, wyd. Trusiewicz, K., 1870), стр. 295.

[4]) Похилевичъ, стр. 216.

чемъ въ переводѣ, по его обыкновенію безъ указанія источника, очень сомнителенъ, такъ какъ она называетъ князя Николая Ружинскаго, подъ 1591 годомъ, «кіевскимъ воеводою», какимъ никогда ни одинъ Ружинскій не былъ, а былъ на ту пору—да задолго раньше и послѣ—князь Константинъ Константиновичъ Острожскій [1]); но дѣйствительно въ этомъ году кн. Николаю даны были «за военныя заслуги» пустыя земли, гдѣ вскорѣ возникло м. Романовка [2]).

Князь *Михайло Евстафьевичъ* (№ 10) гетманъ козацкій, упоминается въ этомъ званіи въ концѣ 1585 г.; года полтора спустя, весною 1587, мы встрѣчаемъ его на границахъ Волыни, жителемъ села Рублевки (теперь Врублевка новградволынскаго у.), которое онъ арендовалъ у волынскаго воеводы, князя Януша Константиновича Острожскаго; отсюда онъ дѣлалъ иногда наѣзды на сосѣдей, какъ напр. на село Колодежную, съ участіемъ своихъ козаковъ (выписка изъ акта приведена выше), причемъ захватилъ силою двадцать четыре крестьянскихъ семьи со всѣмъ имуществомъ и переселилъ въ другое имѣніе Острожскаго, Сапогово (имя это сохранилось только въ названіи рѣчки Сапоговки); скоро впрочемъ кн. Михайло поссорился со своимъ патрономъ, выселился въ наслѣдственную Паволочь, а отсюда даже наѣзжалъ на имѣнія самого Острожскаго. Съ конца 1587 г., въ мѣстныхъ актахъ мы его не встрѣчаемъ, а потому очень вѣроятно, что именно его слѣдуетъ видѣть въ томъ гетманѣ Ружинскомъ, который былъ во Львовѣ съ козаками въ слѣдующемъ году [3]). Въ томъ же самомъ году, вмѣстѣ съ братомъ Кирикомъ, онъ оказывается и на Запорожьи. Царь Ѳедоръ Іоанновичъ писалъ тогда крымскому султану Казы-Гирею: «Прежде, какъ былъ на крымскомъ юртѣ Исламъ-Гирей, то мы послали рать свою большую на Донъ и Волгу, со многими воеводами а идти было имъ съ Муратъ-Гиреемъ царевичемъ на Исламъ-Гирея царя, за его неправды. Да и на Днѣпръ за пороги къ князю Кирику и къ князю Михайлу Ружинскимъ, къ атаманамъ (т. е. ихъ обоихъ считаютъ атаманами, что́, по тогдашней московской

[1]) Опись № VIII, л. 328.—№ IX, л. 24.—Похилевичъ, стр. 189.

[2]) Baliński i Lipiński Starożytna Polska, т. II, стр. 524. — Семеновъ, Геогр.-статист. словарь, т. IV, стр. 314.—Moraczewski, Starożytności Polskie, т. II, стр. 368.

[3]) Опись № VIII, лл. 114 на об., 227 на об., 280, 303.—Архивъ ю.-з. Рос., ч. III, т. I, стр. 16.—Т. VI, т. I, стр. 170—174.—Зубрицкій, Хроника мѣста Львова, стр. 213.

номенклатурѣ, могло означать и гетмана), и къ черкасамъ, послали мы головъ Лихарева и Хрущова, велѣли имъ идти со всѣми черкасами на Крымъ. Но когда услыхали мы, что ты воцарился, то походъ отложили, и послали къ тебѣ языка, татарина, котораго прислали къ намъ съ Днѣпра головы Лихаревъ и Хрущовъ и князья Ружинскіе [1]).

Князь *Кирикъ Евстафьевичъ* (№ 12) чаще другихъ упоминается въ современныхъ источникахъ, и потому имѣемъ о немъ болѣе свѣдѣній, хотя данныя собственно актовыя относятся больше къ его частной жизни, чѣмъ къ дѣятельности общественной. За свои военныя заслуги онъ получилъ отъ короля Стефана «урочище Котельню», что было потомъ подтверждено и сеймомъ 1581 г.; впрочемъ, князь Кирикъ не бѣденъ былъ и раньше: такъ можно судить по крайней мѣрѣ потому, что ему случалось покупать дорогія для того времени вещи, а продавцы ихъ оказывали ему кредитъ; онъ не торопился однако уплачивать свои долги [2]). Получивши Котеленское имѣніе, онъ не разъ прибѣгалъ къ обычному въ то время способу «округленія границъ»—къ наѣздамъ и захвату сосѣднихъ земель; бо́льшая часть упоминающихъ о немъ документовъ заключается въ жалобахъ на него сосѣдей, которые, въ свою очередь, прибѣгали къ самозащитѣ, а иногда самоуправству, представляя тѣмъ поводы къ жалобамъ со стороны Ружинскаго. Во все время съ 1583 по 1590 г. (за болѣе раннее время, а равно за десятилѣтіе 1591—1600 книгъ кіевскаго воеводства не сохранилось) не прекращаются спорныя дѣла о границахъ, о захватѣ земель, мельницъ, скота, объ уводѣ крестьянъ, о обоюдныхъ насиліяхъ надъ слугами и крестьянами сосѣда; владѣльцы помельче, каковы были здѣсь напр. Котлубаи, владѣвшіе Ильяшевымъ и Волынецкимъ грунтомъ, Стрижовскіе, которымъ принадлежало Вербовое, а по другимъ извѣстіямъ и самый Щорбовъ [3]),—не были въ

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Рос., т. VII, стр. 319. Въ слѣдующемъ году предводителемъ запорожскаго похода на Крымъ является уже атаманъ Кулага, убитый при разграбленіи Козлева (Евпаторіи). Тамже, 320.

[2]) Въ духовномъ завѣщаніи Брацлавскаго каштеляна Василія Загоровскаго, 1577 г., читаемъ: „Мнѣ князь Кирикъ Ружинскій за ланцухъ мой сто золотыхъ польскихъ, то есть сорокъ копъ грошей, описавшися подъ добрымъ словомъ квитомъ своимъ, *одъ часу немалого* винеиъ зосталъ". Архивъ ю.-з. Рос., ч. I, т. I, стр. 76, 77.

[3]) Bracławszczyzna, стр. 295.

силахъ выдерживать эту ежедневную войну, и избавлялись отъ нея только продажею своихъ имѣній кому-либо изъ болѣе сильныхъ сосѣдей: ими руководило то-же стремленіе, какое вынуждало нерѣдко свободныхъ земледѣльцевъ записываться за господъ въ крестьяне [1]). Но другіе выдерживали борьбу не безъ успѣха, опираясь на свое богатство, связи, вооруженную челядь, отражали силу силою, и сами захватывали земли Ружинскихъ; таковы были здѣсь: Берестейскій воевода Гаврило Горностай, владѣлецъ Лещина и Тулина; Матвѣй Немиричъ, предокъ извѣстныхъ Юрія и Стефана,— ему принадлежала Ивница; Фридрихъ Тышкевичъ, владѣвшій Коднею; владѣлецъ Ловкова Богданъ Стрыбыль и др. [2]). Имѣнія Горностая Ружинскій пытался присвоить себѣ сполна, утверждая, что они входятъ въ составъ полученнаго имъ пожалованія и переданы ему вмѣстѣ съ Котельней королевскими комиссарами; этотъ споръ повелъ къ назначенію новой комиссіи для отвода границъ, и мы встрѣчаемъ слѣды ея, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго Станислава Жолкевскаго, еще въ 1597 году [3]). Въ ряду актовъ встрѣчаемъ нелишенныя интереса, хотя отрывочныя, указанія, что князь Кирикъ дѣйствовалъ и въ Поднѣпровьѣ: къ нему, вмѣстѣ съ княземъ Михайломъ, обращалось «за пороги» московское правительство въ 1588 году; съ нимъ вели дѣло о насиліяхъ съ его стороны каневскіе бояре; на связи его съ козаками указываетъ и упоминаніе козацкаго сотника Дашка, «подданого князя Кирика Ружинского зъ Заволоча», не говоря уже о братѣ-гетманѣ; возможно, что и Кирикъ былъ съ козаками во Львовѣ въ 1588 г., такъ какъ имя его встрѣчаемъ въ числѣ членовъ Львовскаго братства; а именно въ это время онъ отсутствовалъ изъ Укра-

[1]) Авторъ только что цитированной статьи, придерживаясь общепринятаго у польскихъ писателей мнѣнія (недавно снова внесеннаго и въ русскую литературу прежнимъ его противникомъ П. А. Кулишомъ) о колонизаціи югозападной Руси помѣщиками, и преимущественно крупными, повторяетъ нѣсколько разъ, что мелкіе владѣльцы сбывали имъ свои имѣнія подъ вліяніемъ разорявшихъ ихъ татарскихъ набѣговъ; но акты показываютъ, что сосѣдство сильнаго пана становилось à la longue разорительнѣе татарскихъ нашествій: послѣднія повторялись изрѣдка, тогда какъ крупный сосѣдъ притѣснялъ ежедневно, такъ сказать хронически, и поневолѣ приходилось уступать ему свои земли, въ виду той неутѣшительной дилеммы, какую выражаетъ мѣстная поговорка: „або дай,—або выдеру"....

[2]) Всѣ упомянутыя имѣнія находятся по сосѣдству съ Котельней, въ юговосточномъ углу Житомирскаго уѣзда.

[3]) Опись № VIII, л. 99; № I, лл. 27, 33.

ины, и жалобы по дѣламъ занесены его женою [1]); если предположить, что онъ уѣзжалъ тогда на сеймъ, то вѣроятно княгиня Ядвига не преминула бы упомянуть объ этомъ, какъ упоминаетъ она о подобномъ обстоятельствѣ въ другое время [2]). Взаимныя отношенія его съ козаками скоро стали впрочемъ очень недружелюбны; въ 1597 г. козацкій гетманъ Матвей Шаула писалъ къ нему изъ Кіева съ упреками за враждебное положеніе, припоминалъ прежнюю службу козаковъ Ружинскимъ, просилъ посредничества для примиренія козаковъ съ преслѣдовавшимъ ихъ короннымъ гетманомъ Станиславомъ Жолкевскимъ, обѣщая вѣрную и дѣятельную по прежнему службу за порогами; но нѣсколько раньше этого письма вышелъ изъ Кіева-же полковникъ Сасько для разоренія имѣній Ружинскаго. Кирикъ Евстафьевичъ, бывшій со своимъ отрядомъ впереди польскаго войска, напалъ на козаковъ врасплохъ, захватилъ многихъ въ плѣнъ и казнилъ изъ нихъ болѣе пятидесяти; Жолкевскій былъ видимо возмущенъ этимъ поступкомъ: «я, замѣчаетъ онъ, не считая убитыхъ въ сраженіи, уберегъ свои руки отъ ихъ крови; я предпочолъ бы лечить заражонные члены, чѣмъ отсѣкать; впрочемъ, прибавляетъ онъ въ извиненіе, не диво и князю Ружинскому: и всю эту землю (т. е. мѣстныхъ земянъ), а его въ особенности проняли козаки до живого» [3]). Князь Кирикъ и по своимъ мѣстнымъ связямъ, и по военной опытности, и по значительности находившихся въ его распоряженіи военныхъ средствъ, былъ однимъ изъ самыхъ опасныхъ противниковъ козакамъ въ тогдашней войнѣ. Такъ, видя недостатокъ артиллеріи при Жолкевскомъ, онъ обѣщалъ ему десятка полтора орудій со всѣми боевыми снарядами [4]). Ему въ значительной степени обязаны поляки быстрымъ окончаніемъ войны; къ его приходу въ кіевское воеводство, дѣла были въ такомъ положеніи: одинъ изъ козацкихъ отрядовъ, Наливайка, былъ нѣсколько разъ разбитъ Жолкевскимъ, деморализованъ и, въ отступленіи изъ брацлавскаго воеводства въ Кіевщину, постоянно уменьшался въ числѣ; Лобода съ Саськомъ занималъ Бѣлую Цер-

---

[1]) Опись № VIII, л. 160 на об.—Архивъ ю.-з. Рос., ч. III, т. I, стр. 58.—Опись № VIII, лл. 335, 359 на об.—Соловьевъ, т. VII, стр. 319.

[2]) Опись № IX, л. 5 на об.

[3]) Listy Stanisława Żołkiewskiego, Краковъ, 1868, стр. 74, 75.

[4]) „Swoich kilkunastu dział obiecał, do których powiada że ma dostatki wszystkie“ Тамже, стр. 72.

ковь, а Шаула, при которомъ была вся козацкая артиллерія, подвигался изъ Могилевскаго края къ Кіеву. Узнавъ о пораженіи Наливайка, Лобода побоялся ожидать наступленія поляковъ, двинулся тоже къ Кіеву; но едва присоединились къ нимъ свѣжія силы, едва получили они артиллерію, челны и съѣстные припасы (то и другое было заготовлено Шаулою еще въ Пропойскѣ и Быховѣ), козаки пріободрились, провозгласили Шаулу гетманомъ, Сасько, какъ мы видѣли, былъ отряженъ къ Паволочи, а главныя силы выступили для занятія вновь Бѣлой Церкви и навстрѣчу Наливайку. Ружинскому приказано было отъ Жолкевскаго итти впередъ осторожно, провѣдывать о козакахъ и ждать главныхъ силъ въ Паволочи; но князь Кирикъ, разбивъ Саська, подступавшаго со стороны Каменки (рѣчка въ нынѣшнемъ Васильковскомъ уѣздѣ), поспѣшилъ воспользоваться своимъ успѣхомъ и быстрымъ движеніемъ опередивъ козаковъ, занялъ Бѣлую Церковь, представлявшую для того времени немаловажную крѣпость. Мы находимъ его здѣсь уже 28 марта, а соединенныя козацкія силы,—къ нимъ прибылъ уже и Наливайко, у котораго также оставалось нѣсколько пушекъ и пожалованное въ 1594 г. запорожцамъ эрцгерцогомъ Максимиліаномъ знамя,—всего до 7000 человѣкъ, подступили къ городу только 2 апрѣля. Они стали было приступать къ крѣпости, но и они, и Ружинскій—знали о приближеніи Жолкевскаго. Обезпеченный этимъ, Ружинскій сдѣлалъ смѣлую и успѣшную вылазку, во время которой козаки хотя и ворвались было другими воротами въ городъ, но онъ успѣлъ ихъ выбить оттуда. Къ приходу на другой день Жолкевскаго, козаки отступили отъ города и двинулись къ Триполью, окруживъ себя по обыкновенію «таборомъ» изъ пяти рядовъ повозокъ, вооруженнымъ слишкомъ двадцатью пушками. Жолкевскій преслѣдовалъ ихъ издали до вечера, и только узнавъ отъ перебѣжчиковъ о смутахъ между козаками, рѣшился на нападеніе. Онъ приписываетъ себѣ побѣду, и дѣйствительно, козаки понесли большія потери: Сасько былъ убитъ, Шаулѣ ядромъ оторвало руку, и на его мѣсто гетманомъ избранъ Наливайко, хотя тоже раненый; но изъ того, что таборъ остался неразорваннымъ, и козаки могли продолжать на всю ночь отступленіе, тогда какъ поляки не только не рѣшились на немедленное преслѣдованіе, а даже, переночевавъ на мѣстѣ битвы, отошли назадъ къ Бѣлой Церкви, оставивъ козаковъ

безпрепятственно переправляться за Днѣпръ,—изо всего этого видна нерѣшительность исхода. Если таковъ оказался онъ въ открытомъ полѣ, то тѣмъ труднѣе было бы полякамъ, если бы Ружинскій, согласно данному ему приказанію, ожидалъ въ Паволочи, а козаки заняли Бѣлую Церковь, которую самъ Жолкевскій называетъ недурнымъ замкомъ, а при хорошемъ гарнизонѣ—неприступнымъ [1]).

Мы ограничиваемся однимъ этимъ эпизодомъ козацкой войны 1596 года, такъ какъ не имѣемъ указаній на участіе въ ней раньше или позже кого либо изъ Ружинскихъ. Но и здѣсь мы уже убѣдились, что популярность князя Кирика въ своемъ краѣ была имъ заслужена; не даромъ Жолкевскій называетъ его владѣнія «вѣдомыми слугами этихъ странъ» [2]). На него расчитывало польское правительство и обращалось къ нему, de jure частному человѣку, наряду съ должностными лицами; такъ въ 1594 году, когда опасались татарскаго нападенія, Жолкевскій разослалъ листы канцлера Замойскаго о добываніи вѣстей тремъ лицамъ: князю Булыгѣ, намѣстнику Бѣлоцерковскому, Яну Даниловичу, тогда уже (?) старостѣ Корсунскому, и—князю Ружинскому; послѣдній, впрочемъ, и не дожидая приглашенія, извѣщалъ о движеніяхъ татаръ около Очакова [3]). Точно такъ же, въ 1597 г., къ нему въ Котельню пріѣзжаютъ съ Запорожья козаки съ вѣстями, а онъ ихъ немедленно сообщаетъ лицу должностному, именно каменецкому старостѣ Якову Потоцкому; передаетъ ему о междоусобіяхъ между козаками, о вооруженномъ столкновеніи между партіей мира, остававшейся за порогами, и партіей непокорной, которая выходила подъ начальствомъ Метлы «на волость», т. е. въ заселенныя мѣста, противъ пановъ; въ этомъ столкновеніи Метла былъ убитъ, а сообщникъ его Гедройць пойманъ и арестованъ; непокорные заняли всѣ дороги и не пропускаютъ на Запорожье припасовъ; смирившіеся же просятъ назначенія имъ гетмана отъ короля и увоза съ Запорожья артиллеріи, болѣе ста орудій, присутствіе которой способствуетъ своевольству [4]); и т. д. Князь Кирикъ не занималъ никакой посто-

---

[1]) Listy St. Żołk., стр. 69—80.

[2]) Listy Żołk., стр. 73: „Kniaź Roziński, ktori tu majętnaści swe, sługi wiadome tich kraiów. przijaczieli w tem kraiu ma“.

[3]) Listy Ż., стр. 52.

[4]) Listy Ż., стр. 86—87.

янной должности въ своемъ земствѣ, но мѣстное дворянство возлагало на него обязанности, свидѣтельствующія объ особенномъ довѣріи: такъ во время безкоролевья послѣ смерти Баторія, онъ былъ избранъ каптуровымъ судьей кіевскаго воеводства [1]); его избирали депутатомъ на сеймы, сколько мы знаемъ, въ 1590 г. [2]), а также въ 1598, когда онъ назначенъ былъ отъ сейма въ число комиссаровъ для разграниченія кіевскаго воеводства отъ повѣта мозырскаго [3]). Это послѣднее точное о немъ упоминаніе; кажется, вскорѣ онъ умеръ: въ началѣ 1602 г. Котеленскимъ имѣніемъ владѣетъ уже его сынъ, упоминается о наслѣдствѣ [4]), а въ непродолжительномъ времени и вдова его, княгиня Ядвига, оказывается уже въ новомъ замужествѣ, за княземъ Юріемъ Чарторыйскимъ. Въ тождествѣ личности, помимо именъ, насъ убѣждаютъ позвы къ суду княгини Ядвиги Ружинской, а потомъ, по тѣмъ же самымъ дѣламъ, Ядвиги Чарторыйской, и другого отвѣтчика, Романа Кириковича Ружинскаго [5]).

Князь *Романъ Кириковичъ*, (№ 13) которому Нѣсецкій придаетъ еще второе имя Яна, родился, судя по показанію о возрастѣ, въ какомъ онъ умеръ,—въ 1575 г.; въ январѣ 1602 г. онъ названъ королевскимъ ротмистромъ, а потому мы полагаемъ, что именно онъ, а не отецъ его, тогда уже глубокій старикъ, участвовалъ въ молдавскомъ походѣ Яна Замойскаго, въ сраженіи 14 октября 1600 г. съ воеводою Мигаломъ или Михаиломъ [6]); за этотъ-то, вѣроятно,

---

[1]) Опись № VIII, лл. 221, 223 на об.—Въ Польшѣ со смертью короля, и до избранія новаго, прекращалось обычное теченіе юстиціи, и суды пріостанавливали свою дѣятельность. Судъ по возникавшимъ въ это время преступленіямъ поручался особо въ каждомъ воеводствѣ избраннымъ на время безкоролевья судьямъ, которые назывались каптуровыми депутатами.

[2]) Опись № IX, л. 5 на об.

[3]) Volumina legum (по изд. 1859), т. II, стр. 372.

[4]) Опись № IX, лл. 33, 62.

[5]) Опись № IX, лл 69 на об., 92 на об., 93, 94.—Здѣсь обнаруживается ошибка какой-то рукописи, цитируемой Нѣсецкимъ, будто *дочь* князя Кирика была за однимъ изъ Чарторыйскихъ; этотъ князь Юрій Ивановичъ должно быть тотъ самый, который впослѣдствіи былъ женатъ на княжнѣ Александрѣ Андреевнѣ Вишневецкой.—Ср. Niesiecki, Kor. Pol., т. I (1728 г.), стр. 370.—Дочерей же у князя Кирика было двѣ: одна, Настасья, иначе Томила, умерла незамужнею, а другая Елена, была за Угровецкимъ. Опись № X, л. 310;—№ XI, л. 130; № XII, л. 266, 282.

[6]) Въ дислокаціи войскъ, писанной самимъ Замойскимъ, упомянутъ князь Ружинскій, но безъ означенія имени.—Ambroży Grabowski, Starożytności Polskie, т. I, стр. 109.

походъ онъ получилъ новое пожалованіе изъ королевскихъ земель [1]. По актовымъ даннымъ, кн. Романъ является такимъ же самоуправнымъ магнатомъ, какимъ былъ и его отецъ, и точно такъ же ведетъ постоянные споры съ сосѣдями.

Собираясь въ 1608 году въ походъ въ московское государство, на помощь тушинскому самозванцу, Романъ Кириковичъ, вѣроятно, въ надеждѣ на будущую добычу, надѣлалъ массу долговъ, а всѣ свои имѣнія пораздавалъ въ аренду или заставу, оставляя въ непосредственномъ распоряженіи жены, княгини Софіи изъ Карабчевскихъ, одну только Паволочь съ окрестными селами. Два другіе города были отданы въ заставу: Ружинъ пану Криштофу Кевличу, а Котельня—львовскимъ купцамъ Торосовичамъ. Кромѣ ихъ мы насчитываемъ еще пятнадцать различныхъ лицъ, у которыхъ находились въ 1605—1610 годахъ имѣнія Ружинскихъ въ заставѣ и частію въ арендѣ. Но и помимо заставниковъ, встрѣчаемъ въ актахъ еще многихъ кредиторовъ князя Романа, долги которыхъ не имѣли спеціальныхъ обезпеченій; число ихъ, по дошедшимъ до насъ остаткамъ процессовъ, простирается до шестнадцати, кромѣ упомянутыхъ семнадцати, владѣвшихъ имѣніями. Эти же самые документы позволяютъ намъ опредѣлить предѣлы владѣній князя Романа и степень ихъ заселенности въ первые годы XVII вѣка. Подраздѣляясь на три волости, Ружинскую, Паволочскую и Котеленскую, имѣнія эти занимали смежныя части нынѣшнихъ уѣздовъ бердичевскаго, сквирскаго и житомирскаго. Большая часть упоминаемыхъ въ актахъ селеній сохранилась донынѣ подъ тѣми же именами [2], а о дальнѣйшемъ движеніи колонизаціи въ этой мѣстности въ XVII вѣкѣ мы можемъ судить по инвентарю 1683 года тѣхъ же самыхъ волостей, перешедшихъ въ полномъ составѣ въ

---

[1] Опись № IX, л. 83; годъ 1602.—Здѣсь впервые упоминается жена Романа, Софья Карабчевская.

[2] Приводимъ перечень имѣній Романа Ружинскаго, упоминаемыхъ въ актахъ того времени: Верховня, Войтовцы, Волица на Чортовой рудѣ, Волица Минцова (теперь Миньковцы), Волица Янцкаго иначе Лебединыя Озера (Лебединцы), Воля Маркова (часть с. Сокольчи), Воля Орановская (Гарановка), Вчорайше, Галчинъ, Жердеевъ (Жердели), Жидовцы, Иргачовъ (Рогачи), Карабчевъ, Котельня, Красноселка Лозовики, Лынцы, Макаровка, Недзгурцы (Малыя Низгурцы), Озераны, Опаринсы (Парынсы), Оранского слобода, Оршимицы, Паволочъ, Погребища, Попельна, Радогоща, Романовка, Ружинъ, Саворцы, Ставища, Харлеевка, Черигвка, Чорнишовка, Ягнятинъ. Описи № IX- XII, passim.

родъ Конецпольскихъ. Этотъ инвентарь составленъ при передачѣ имѣній Яну Александру Конецпольскому, по смерти Станислава, каштеляна краковскаго [1]).

Князь Романъ и передъ московскимъ походомъ сидѣлъ дома мало. Вскорѣ по возвращеніи изъ Молдавіи встрѣчаемъ его въ числѣ ротмистровъ квартянаго [2]) войска, которое собиралъ Жолкевскій противъ вторгнувшихся въ Подолье татаръ, осенью 1605 года. Когда часть этого войска въ слѣдующемъ году образовала «рокошъ», т. е. организованное возстаніе противъ Сигизмунда III, подъ предводительствомъ краковскаго воеводы Зебржидовскаго,—Ружинскій остался вѣренъ королю и принималъ дѣятельное участіе въ преслѣдованіи рокошанъ, особенно въ битвѣ подъ Гузовомъ, 6 іюля 1607 года. Затѣмъ, какъ передаетъ очевидецъ Маскевичъ, князь Романъ около полугода оставался безъ дѣла, во все время стоянки войска подъ Завихостомъ. Когда войска стали расходиться отсюда, одни домой, другіе въ Волощину, на помощь претенденту на тамошній престолъ, сыну прежняго господаря Іереміи, Константину, Ружинскій, во главѣ значительнаго коннаго отряда, отправился ко второму Лжедимитрію, находившемуся въ то время въ Орлѣ. Съ Ружинскимъ было, по словамъ Маскевича, тысяча человѣкъ, а по хроникѣ Буссова, (приписываемой также Мартину Беру), четыре тысячи [3]). Ружинскій, не смотря на молодыя лѣта (33 года), пользовался большою извѣстностью, какъ военный, да кромѣ того являлся, въ сравненіи съ другими начальниками прибывшихъ къ Лжедимитрію польскихъ отрядовъ, знатнымъ магнатомъ, а потому легко получилъ главное начальство надъ войсками «царика», устранивъ командовавшаго ими до того времени Мѣховецкаго. Князь Романъ оправдалъ свою репутацію полководца, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилъ необузданное самовластіе, а въ жестокости далеко пре-

---

[1]) Архивъ ю.-з. Рос., ч. VI, т. 1, Приложеніе, стр. 153.

[2]) Пожизненные владѣльцы коронныхъ имѣній, старосты и державцы, имѣли право пользоваться только тремя четвертями дохода съ нихъ; послѣднюю четверть (quarta) должны были вносить въ казну, и деньги эти обращались на жалованіе войску, которое потому и называлось квартянымъ, въ отличіе отъ посполитаго рушенья, служившаго безъ жалованья, и войскъ надворныхъ, содержимыхъ частными лицами.

[3]) Дневникъ Маскевича у Устрялова, „Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ“ (по изд. 1834 г.), т. V, стр. 4, 14, 27.—Беръ (Буссовъ), тамже, т. I (1831 г.), стр. 134.—Бутурлинъ, „Ист. смутнаго времени“, т. II, стр. 109.—Rerum Rossicarum Scriptores exteri, т. I, стр. 82; Петрей, тамже, стр. 216.

взошелъ своего отца, казнившаго всѣхъ попавшихся ему въ руки козаковъ Наливайка и Лободы. Мѣховецкій, первый приставшій къ Самозванцу и даже, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, подавшій ему мысль назваться Димитріемъ, очевидно, долженъ былъ пользоваться значительнымъ вліяніемъ и послѣ передачи начальства Ружинскому. Послѣдній, раздраженный какимъ-то противорѣчіемъ Мѣховецкаго, собственноручно убилъ его въ самозванцевой ставкѣ [1]). Двинувшись изъ Орла, войска Самозванца, въ числѣ которыхъ было до 7000 полковъ и до 8000 козаковъ, встрѣтились съ царскою ратью подъ селомъ Каменкою, между Орломъ и Болховымъ. Начальники служившаго Шуйскому нѣмецкаго отряда, Ламсдорфъ, Бергъ и фонъ-Ааленъ вошли въ сношенія съ Ружинскимъ, предлагая перейти на сторону Лжедимитрія, но передъ битвой перепились и не успѣли склонить своихъ подчиненныхъ къ выполненію задуманнаго ими плана. Именно нѣмецкій отрядъ сдержалъ въ первый день сраженія натискъ войскъ Лжедимитрія и прикрылъ отступленіе царской рати. Озлобленный Ружинскій, заподозривъ здѣсь предумышленную измѣну, отдалъ приказъ впредь не оставлять въ живыхъ ни одного нѣмца. На другой день, 24 апрѣля 1608 г., преслѣдуемыя Ружинскимъ къ Болхову царскія войска обратились въ бѣгство; Ламсдорфъ только теперь предложилъ своимъ передаться; большинство не согласилось, опасаясь за участь оставшихся на Москвѣ своихъ семействъ, и за Ламсдорфомъ послѣдовало только двѣсти человѣкъ. Несмотря на то, что они явились въ лагерь Самозванца добровольно, предлагая свои услуги, Ружинскій приказалъ ихъ всѣхъ перерубить, что и было буквально исполнено запорожцами. Вслѣдствіе болховской побѣды, Самозванцу былъ открытъ свободный путь къ Москвѣ, и въ концѣ іюня онъ расположился близъ города, при томъ селѣ, которое дало ему съ тѣхъ поръ имя тушинскаго вора. Передавать здѣсь о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, впродолженіе полуторагодовой стоянки Самозванца въ Тушинѣ, полагаемъ излишнимъ, такъ какъ событія эти болѣе или менѣе общеизвѣстны. Намъ достаточно только упомянуть, что во все это время главное руководство дѣйствіями тушинцевъ принадлежало князю Роману. Его военныя способности на столько признавались всѣми, что распоряженіямъ его одинаково

[1]) Kobierżycki, Hist. Vlad., стр. 90.—Устряловъ, т. V, стр. 183.—Бутурлинъ, на основаніи дневника Яна Сапѣги, т. II, стр. 110.

подчинялись и превосходившій его знатностью рода князь Адамъ Вишневецкій, и приведшій къ «царику» изъ Польши семитысячный отрядъ кіевскій каштеляничъ Янъ-Петръ Сапѣга, и самовольный Лисовскій, и козаки, и наконецъ самъ Самозванецъ. Личное вліяніе и значеніе князя Романа хорошо сознавало и правительство царя Василія. Въ одной вѣстовой отпискѣ смоленскихъ лазутчиковъ, въ 1609 году, замѣтно отразилось общественное мнѣніе того времени о Ружинскомъ: «И теперь много пріѣхало съ-подъ Москвы купцовъ, сказуютъ, што воръ хочетъ побѣжати, и *боитца Ружинскаго исъ козаками*» [1]). Въ перемирномъ договорѣ царя Шуйскаго съ поляками, заключенномъ въ іюлѣ 1608 г. содѣйствіе Самозванцу со стороны поляковъ выставлено главнымъ упрекомъ, причемъ поименно упомянуты только Ружинскій и, на второмъ уже мѣстѣ, Адамъ Вишневецкій [2]). Наконецъ и самъ король Сигизмундъ III, вступивъ въ предѣлы государства московскаго и желая привлечь къ себѣ многочисленныя польскія силы, находившіяся въ тушинскомъ станѣ, отправилъ туда послами пѣскольскихъ пановъ, именно перемышльскаго каштелана Стадницкаго, брацлавскаго старосту Скумина и Андрея Казановскаго [3]). Привезенное ими королевское посланіе къ шляхтѣ было адресовано на имя Ружинскаго, и съ нимъ велись всѣ переговоры, втайнѣ отъ Самозванца, который замѣтилъ наконецъ, что отъ него что-то скрываютъ, и рѣшился обратиться съ прямымъ вопросомъ къ князю Роману. Послѣдній согласился уже съ другими панами бросить царика и перейти въ королевскій лагерь, и потому не видѣлъ необходимости дольше стѣсняться съ надоѣвшимъ ему грубымъ, невѣжественнымъ и циническимъ авантюристомъ. Отвѣтъ князя Самозванцу былъ болѣе чѣмъ непочтителенъ, князь пригрозилъ даже побить его булавою [4]), — недаромъ царикъ

[1]) Акты Ист., т. II, стр. 202.

[2]) Бутурлинъ, т. II, приложенія, стр. 68 и 69.

[3]) Маскевичъ въ „Сказ. совр.", т. V, стр. 25. — Буссовъ называетъ другія имена: по его словамъ, послами, кромѣ Стадницкаго, были: Зборовскій (? Borusski; у Устрялова, т. I, стр. 157, — Збаражскій), Людвигъ Вейгеръ (у Устрялова, ошибочно, Мейеръ) и какой-то ротмистръ панъ Мартинъ (у Устр. Манчинъ).

[4]) Буссовъ, а за нимъ и Петрей, такъ передаютъ слова Ружинскаго: „Rosinski...., itzt aber truncken und voll war, fuir mit unbescheodenen Schelten und Dräuen herauss und sprach: du moscowiterscher Huren-Sohn, dräuete ihm auch mit der Belawen zu schlagen. Was begehrestu zu wissen, was die Gesandten bey mir zu verrichten haben. Der Teufel weiss, wer du bist ? Wir Polen haben so lange unser Blut umb deinentwillen vergossen, aber unsere Besoldung noch nie bekommen". R. R. Scriptores exteri, т. I, стр. 97, Петрей, почти буквально, тамже, стр. 227.

опасался его и прежде. Растерявшійся Самозванецъ бѣжалъ въ Калугу, а Ружинскій отправился съ войскомъ въ королевскій лагерь подъ Смоленскъ. Впрочемъ, не пришлось уже ему стяжать здѣсь новыхъ лавровъ: къ веснѣ онъ заболѣлъ и умеръ 8 апрѣля 1610 года. Тѣло его привезено было въ Кіевъ, вѣроятно, участвовавшимъ въ его походѣ княземъ Адамомъ Ружинскимъ, и торжественно погребено при доминиканскомъ монастырѣ, что нынѣ церковь Петра и Павла при духовной семинаріи. Еще въ 1613 году боевые товарищи князя Романа ходатайствовали передъ королемъ о вознагражденіи его вдовы за понесенные имъ труды и расходы, которые, какъ мы видѣли выше, далеко превышая его наличныя средства, вовлекли его въ весьма значительные долги и заставили роздать въ чужія руки почти всѣ свои имѣнія [1]).

Впрочемъ, княгиня Софья, оставаясь дома и соревнуя, вѣроятно, военной славѣ своего мужа и желая показать себя вполнѣ его достойною, устроила грандіозный даже для того времени наѣздъ на сосѣднее имѣніе князей Корецкихъ, мѣстечко Черемошну [2]). Пригласивъ въ главные распорядители арендатора Ружина пана Криштофа Кевлича, а при немъ арендатора Котельни Бондзынскаго, она собрала вооруженный отрядъ изъ бояръ и крестьянъ всѣхъ своихъ имѣній, заручилась помощью отъ князя Адама Ружинскаго и разныхъ сосѣднихъ владѣльцевъ, какъ напр. Адама Олизара, бѣлоцерковскаго подстаросты князя Дмитрія Васильевича Булыги, пана Завилии, Вильги, кіевскаго гродскаго судьи Михайла Силы Новицкаго, Олбрихта Брестскаго и др.,—всего у нея составилось до шести тысячъ человѣкъ. Съ этимъ отрядомъ [3]), «съ великой арматой, съ пищалями, пушками, ружьями, мушкетами, сагайдаками, съ копьями, рогатинами, и инымъ войнѣ надлежащимъ оружь-

---

[1]) Виленскій Археогр. Сб., т. V, стр. 156.—Князь Адамъ въ концѣ 1609 г. былъ еще на Москвѣ, равно какъ и сосѣдъ князя Романа, владѣлецъ Коростышева, Адамъ Олизаръ-Волчковичъ; но къ началу 1611 г. оба они оказываются уже дома, на Украинѣ. Опись № XI, лл. 113 на об., 348 на об., 362 на об.; № XII, лл. 13 на об. 59 на об., 202.

[2]) Теперь деревня Черемошна Бердичевскаго уѣзда; не слѣдуетъ смѣшивать съ селомъ Черемошнымъ, того же уѣзда.

[3]) Дальнѣйшее изложеніе составляетъ *дословную* передачу акта, только съ замѣною нѣкоторыхъ неудобопонятныхъ словъ, съ опущеніемъ мѣстъ чисто дѣлового характера и, быть можетъ, съ невольнымъ распространеніемъ на весь разсказъ того тона, какимъ въ подлинникѣ проникнута большая его часть.—См. Архивъ ю.-з. Рос., ч. VI, т. 1, стр. 349—352.

емъ, конно и пѣшо, оружно, съ знаменами, бубнами, трубами и литаврами, обычаемъ вражескимъ, на городъ и замокъ, силой, насильемъ, нежданно, негаданно, съ великими силами наступивъ и наѣхавъ, первѣе всего тѣмъ всѣмъ войскомъ замокъ и городъ вокругъ обступивши, пушки, пищали, армату на городъ и замокъ направивъ, а въ трубы, литавры и бубны ударивъ, и крикъ учинивши великій, изъ пушекъ, пищалей и ружей стрѣлять почали; а послѣ, ударивши штурмомъ на городъ и замокъ, до самаго вечера, языческимъ вражескимъ свычаемъ, великой навальностью добывали. А городъ и замокъ великою силой добывши, въ мѣстечкѣ и замкѣ мужчинъ всѣхъ и женщинъ, безъ всякой пощады, безъ Божьяго страха, жестоко, безжалостно, съ женами, съ дѣтьми побили, стрѣляли, посѣкли, замучили и поранили; а городъ и замокъ разграбивъ, языческимъ, вражескимъ свычаемъ, до корня спалили, и ни во что повернули». Немногіе оставшіеся въ живыхъ жители были уведены отрядомъ княгини Ружинской. Очевидно, она чувствовала за собой большую силу, если рѣшилась нападать на такого могущественнаго сосѣда, какимъ былъ князь Іоахимъ Богушевичъ Корецкій, сильный еще и связями жены, урожденной Ходкевичевой.

Смерть мужа мало имѣла вліянія на отношенія княгини къ своимъ сосѣдямъ; замѣчаемъ только, что она постепенно перессорилась со своими сподвижниками по походу на Черемошну, и въ актахъ встрѣчаются указанія на разнаго рода насилія и самоуправства ея въ отношеніи этихъ самыхъ лицъ. Такъ она захватила имѣніе Михайла-Силы Новицкаго Селезеновку, продолжала распри съ Корецкими, съ Фридрихомъ и Евстафіемъ Тышкевичами и многими другими лицами; въ свою очередь бѣлоцерковскій подстароста, князь Янъ Курцевичъ-Булыга, собравъ крестьянъ изъ сс. Петуховъ и Булыжиной Волицы надъ р. Каменицею, ограбилъ ея имѣніе Романовку. Изъ наѣздовъ княгини Софьи выдается за это время грандіозная порубка дубравъ литовскаго надворнаго подскарбія Остафія Тышкевича въ имѣніяхъ Черлеской и Мошковцахъ; княгиня насылала сюда изъ Котельни каждый разъ по нѣскольку сотъ подводъ за лѣсомъ, такъ что осматривавшій мѣсто порубки возный насчиталъ болѣе ста тысячъ пней дубовъ и березъ. Въ другой разъ княгиня устроила наѣздъ для захвата лещанскихъ земель кіевскаго подкоморія Самуила Горностая, собравши отрядъ въ 1800

человѣкъ, а въ тоже время Горностай на ея котелянскихъ земляхъ заграбилъ до десяти тысячъ копенъ хлѣба. Объ одномъ крупномъ наѣздѣ княгини, именно о разрушеніи укрѣпленнаго замка Нехворощи, находимъ въ актахъ только неопредѣленное упоминаніе [1])

Въ непродолжительномъ времени княгиня Софья, оставшись единственной владѣтельницей мужнихъ имѣній, вступила въ новый весьма выгодный бракъ, съ виленскимъ каштеляномъ Іеронимомъ Ходкевичемъ. Подъ этимъ новымъ именемъ, а чаще подъ однимъ титуломъ «виленской пани», еще долгое время является она въ актахъ, то призываемая къ суду за долги перваго мужа, то по разнымъ сдѣлкамъ объ имѣніяхъ, то снова въ жалобахъ сосѣдей на ея самоуправства и наѣзды.

Съ Романомъ Кириковичемъ кончается поселившаяся на Украинѣ отрасль Ружинскихъ, да и мелкопомѣстные волынскіе представители этого рода больше намъ не попадаются въ актахъ. Разъ только встрѣчаемъ неясное упоминаніе о какой то княжнѣ Ружинской, бывшей въ замужествѣ за сыномъ московскаго выходца Нецевича; ея сыновья служили въ польскихъ войскахъ во время войнъ Богдана Хмельницкаго, и въ 1653 г. волынское дворянство ходатайствовало о дарованіи имъ индигената [2]).

Генеалоги выводятъ родъ Ружинскихъ отъ Гедимина; Папроцкій предкомъ ихъ считалъ Коріата Гедиминовича, но Окольскій, а за нимъ и Нѣсецкій, родоначальникомъ ихъ признаютъ другого Гедиминовича, Наримунта. Окольскій ссылается на свидѣтельство надгробныхъ памятниковъ Ружинскихъ, видѣнныхъ имъ въ Кіевѣ, будто бы въ доминиканскомъ костелѣ; но мы знаемъ, что они были православными, даже Романъ, впослѣдствіи перешедшій въ католичество, вписанъ въ число членовъ Львовскаго братства [3]); да и цитируемый Нѣсецкимъ Кобержицкій говоритъ прямо, что Романъ Ружинскій первый и послѣдній изъ своего «зараженнаго схизмою»

---

[1]) Опись № X, лл. 40, 95, 235; № XI, лл. 128 на об., 170, 227 на об., 283, 327 на об.; № XII, лл. 25, 87 на об., 160, 221 на об., 236, 248, 386.

[2]) Архивъ ю.-з. Рос., ч. II, т. I, стр. 453, 454.

[3]) Памятники, т. III, отд. I, стр. 91.

рода перешелъ въ католицизмъ [1]) Это, впрочемъ, не устраняетъ вѣрности показанія Окольскаго о генеалогическомъ указаніи на памятникахъ; князь Романъ самъ подписывался въ разнаго рода бумагахъ 1602, 1603 и 1608 г. «Романъ Кириковичъ». [2]) Наримунтомъ называетъ его и находившееся съ нимъ въ московскомъ походѣ войско, уже послѣ его смерти [3]), а въ приводимомъ Коберзицкимъ письмѣ его изъ того же похода передѣлано «z litewska» и самое имя: Remand Narymundowicz. Однако всѣ эти свидѣтельства не вполнѣ достаточны, чтобы признать происхожденіе Ружинскихъ отъ Гедимина, хотя княжеское ихъ достоинство не подлежитъ сомнѣнію: не стали бы понапрасну титуловать ихъ князьями современники, еще въ пору ихъ безвѣстности, да притомъ такіе, какъ напримѣръ князья Острожскіе, у которыхъ они вдобавокъ состояли на службѣ. Но выводить свои роды, за неимѣніемъ достовѣрныхъ данныхъ, отъ владѣтельныхъ князей литовскихъ, стало лестно и безопасно съ той именно поры, когда пресѣклась литовская династія Ягеллоновъ на польскомъ престолѣ; рѣшались на это, впрочемъ, тѣ только роды, представители которыхъ успѣли выдвинуться въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ своею дѣятельностію и своимъ богатствомъ, а слѣдовательно и вліяніемъ. Такъ, кажется, произвели въ свои предки Корибута Гедиминовича князья Вишневецкіе и Збаражскіе [4]); такъ могъ поступить и Романъ Ружинскій, изъ предковъ котораго ни одинъ не называлъ себя Наримунтовичемъ,— благодаря лишь той извѣстности и состоянію, какія успѣли пріобрѣсти его дѣдъ, дядя-гетманъ и особенно отецъ. Если бы родъ его продолжился, да украсился еще нѣсколькими именами государственныхъ сановниковъ (dygnitarzy),—навѣрно нашлись-бы услужливые панегиристы, которые, для прославленія патроновъ, для назиданія потомству и для вящшаго затемненія и безъ того запутанныхъ древнихъ сказаній, не замедлили бы провести послѣдовательную генеалогію отъ Гедимина и до тѣхъ трехъ братьевъ, которыхъ

[1]) Historia Vladislai Poloniae principis (1655), стр. 232.

[2]) Опись № XVIII, лл. 106, 107 на обор., 110.

[3]) Виленскій Археогр. Сборн., т. V, стр. 156.

[4]) Нѣкоторые новѣйшіе польскіе изслѣдователи, разобравъ несостоятельность генеалогіи Вишневецкихъ отъ Корибута, склонны видѣть въ нихъ князей самозванныхъ, вышедшихъ изъ земянскаго рода Денисковъ-Мокосіевъ. См. статью Бартошевича въ „Encyklopedia powszechna“, Стадницкаго „Synowie Gedymina“, также Стецкаго „Wołyń“, т. II.—Что Вишневецкіе не Гедиминовичи, въ этомъ, послѣ названныхъ работъ, трудно сомнѣваться; но объ ихъ дѣйствительномъ происхожденіи есть нѣкоторыя основанія думать и иначе, чѣмъ думаютъ упомянутые авторы.

мы встрѣчаемъ впервые подъ именемъ Роговицкихъ. Но князь Романъ умеръ бездѣтнымъ, и генеалоги стараго времени получили возможность добросовѣстно оставить пробѣлъ, пополнять который не беремся и мы.

Нашъ генеалогическій очеркъ рода Ружинскихъ повидимому оконченъ; говоримъ: повидимому, такъ какъ остается еще одно лицо съ этой фамиліей у генеалоговъ и историковъ, котораго мы не коснулись. Это князь *Богданъ Михайловичъ* Ружинскій. По Папроцкому, было въ его время четыре князя этого рода: Михаилъ, а у него три сына: Кирикъ, Николай и Богданъ, гетманъ низовыхъ козаковъ, «mąż serca wielkiego»,—хотя авторъ и не сообщаетъ, въ чемъ именно выразилось величіе души этого мужа. «Сказаніе Папроцкаго о четырехъ князьяхъ Ружинскихъ принято въ исторію, какъ сказаніе современника», замѣчаетъ Максимовичъ [1]). Но изъ приведенныхъ нами данныхъ видно, что въ этомъ сказаніи заключается невѣрность, такъ какъ князь Михайло былъ не отцомъ Кирика и Николая, а братомъ; о князѣ же Богданѣ въ документахъ не находимъ пока никакого указанія. Тѣмъ не менѣе, существованіе этого лица подтверждается и другими источниками. Нѣсецкій, ссылаясь на близкое по времени сочиненіе Пашковскаго, упоминаетъ, что одинъ изъ Ружинскихъ [2]), предводительствуя козаками, сдѣлалъ набѣгъ на Крымъ и взялъ Асламъ-Керменъ, одну изъ крѣпостей, выстроенныхъ турками на берегахъ и островахъ Днѣпра близъ Тавани, т. е. нынѣшняго мѣстечка Каховки, днѣпровскаго уѣзда, таврической губерніи, для прегражденія козакамъ выхода въ низовья Днѣпра и въ Чорное море. Этотъ Ружинскій по имени здѣсь не названъ, но у другого современника, Бѣльскаго, тотъ же самый походъ въ Крымъ, въ 1575 году, приписанъ гетману Богданку, не называемому по фамиліи, который *впослѣдствіи* былъ убитъ подъ Асламъ-городкомъ [3]). Вполнѣ согласно съ Бѣльскимъ выра-

---

[1]) Собр. соч. т. I, стр. 298.

[2]) Korona Polska, т. III, стр. 898.—Paszkowski, Dzieje Tureckie i utarczki kozackie z Tatary (1616 г.), стр. 21.

[3]) Разсказавъ о татарскомъ набѣгѣ 1575 года на Волынь, Бѣльскій добавляетъ: „Lecz kozacy tym czasem nie próżnowali y wpadszy za Przekop z wodzem swym *Bogdankiem* (który *potem* pod Assemgrodkiem zginął) welkie Tatarom szkody poczynili, y także brali, palili, y nikogo nieżywili, nawet dzieci małe na pale wbiiali ale nie stało za nasze“. Kronika Polska, стр. 722.

жаются и южнорусскія лѣтописи болѣе поздняго времени [1]). Если бы и затѣмъ еще оставалось для насъ какое-нибудь сомнѣніе о тождествѣ гетмана Богданка съ неизвѣстнымъ Пашковскому по имени Ружинскимъ, то оно разрѣшается вполнѣ современнымъ документальнымъ указаніемъ на письмо, посланное въ тоже время московскимъ правительствомъ на Запорожье, къ князьямъ Кирику и Михайлу Ружинскимъ [2]). Тѣмъ болѣе кажется страннымъ, что въ сохранившихся актовыхъ книгахъ кіевскаго воеводства 1580-хъ годовъ объ этомъ лицѣ не упоминается ни однимъ словомъ, и мы позволяемъ себѣ высказать слѣдующее предположеніе: Папроцкій указываетъ намъ о Богданѣ Ружинскомъ, вопервыхъ, что онъ былъ братомъ Кирика и Николая, и вовторыхъ, что онъ былъ гетманомъ козацкимъ; оба эти признака вполнѣ совмѣщаются и въ личности князя Михайла Остафьевича. Если принять во вниманіе, что въ ту пору употребленіе двойного имени было довольно распространено, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что оба имени, Михайла и Богдана, принадлежатъ одному и тому же лицу, подобно тому, какъ Константинъ Константиновичъ Острожскій имѣлъ второе имя Василія, какъ дочь князя Кирика Ружинскаго. Настасья называлась также Томилою, какъ еще гораздо позже Хмельницкій носилъ двойное имя Зиновія-Богдана.

Мы остановились на имени князя Богдана потому главнымъ образомъ, что съ его личностью южнорусскія лѣтописи, а за ними и историки, связываютъ фактъ первоначальнаго упорядоченія южно-

---

[1]) Сто лѣтъ спустя, кошевой Сѣрко, въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ хану крымскому, говоритъ: „Року 1575 Богданко съ козаками Кримъ воевалъ и плюндровалъ". Величка, т. II, стр. 380.—У Грабянки, стр. 21: „Вскорѣ (1575) козаки воздали имъ и за сіе (т. е. татарамъ за набѣгъ), егда вшедше за Перекопъ въ вожемъ своимъ Богданкомъ, такожде огнемъ и мечемъ повоевапа"; тамже, стр. 260: „Року 1576 былъ гетманъ запорожскій Богданко; сей воевалъ Кримъ". — Послѣднія слова буквально повторены въ „Краткомъ Описаніи Малороссіи", но подъ годомъ 1574, въ кіевскомъ изданіи Лѣтописи Самовидца, стр. 214.—Лукомскій въ „Собраніи Историческомъ" еще ближе передаетъ слова Бѣльскаго, ссылаясь при этомъ на Гваньини: „Тогожъ 1575 года козаки татарамъ туто на Подоліи ними учиненую обиду отмстили. Ходили они съ гетманомъ своимъ Богданкомъ за Перекопъ и, въ Кримъ впадши, многіе шкоды татарамъ подѣлали. Кримъ разорили, жилля ихъ сожигали, татаръ, женъ и дѣтей ихъ не щадя, кого ни попадали, всѣхъ мертвили, токмо гетмана своего Богданка, который подъ Асламъ-городкомъ убитъ, потеряли. Однако сами съ великою добычею возвратились въ Украину благополучно". Тамже, стр. 349.

[2]) Соловьевъ, Ист. Р., т. VII, стр. 361. Изд. 2-е, 1861 г.

русскаго козачества польскимъ правительствомъ, именно королемъ Стефаномъ Баторіемъ. Фактъ этотъ, насколько онъ можетъ быть утвержденъ или отвергнутъ, заслуживаетъ, по своей важности, особаго и подробнаго разсмотрѣнія; но оно выходитъ изъ рамокъ настоящей статьи, и потому мы заканчиваемъ ее тѣми генеалогическими о нихъ свѣдѣніями и соображеніями, которыя на этотъ разъ преимущественно имѣлись нами въ виду.

И. П. Новицкій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПОТЕРПѢВШАГО

ВО ВРЕМЯ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ВОЛНЕНІЙ 1855 Г.

1855 годъ былъ двадцатымъ годомъ моего священства. Приходъ мой былъ село Малая Березна, сквирскаго уѣзда, кіевской губерніи. Въ этомъ году послѣдовала кончина Императора Николая I-го. Всѣ служащіе и помѣщики, ближайшіе къ уѣздному г. Сквирѣ, были вызваны туда для выполненія присяги на вѣрность Императору Александру II. Приставъ 1-го стана, послѣ присяги въ сквирскомъ соборѣ, возвращаясь въ свой станъ, въ первомъ селѣ онаго, созвалъ мѣстныхъ крестьянъ и привелъ ихъ къ присягѣ. Какъ извѣстно, крестьяне, по закону, въ такихъ случаяхъ не были допускаемы къ присягѣ,—присягали только лица свободныхъ сословій. Неопытный приставъ немедленно былъ вызванъ въ Сквиру, гдѣ ему разъяснили неправильность его дѣйствій, и хотя подобный случай болѣе не повторялся, но онъ отразился на послѣдовавшихъ вскорѣ волненіяхъ крестьянъ, о которыхъ я хочу говорить.

Слухъ о принесенной въ одномъ изъ селъ присягѣ сталъ извѣстнымъ въ другихъ селахъ и заставилъ многихъ крестьянъ ждать присяги, которой быть не могло. Самый слухъ о семъ, по необычности дѣла, не могъ не занимать крестьянъ, не будить въ нихъ толковъ, быть можетъ, желаній и надеждъ. Въ с. Березнѣ, гдѣ я священствовалъ, крестьяне также ждали пристава и приведенія къ присягѣ на вѣрность новому Царю. Ожиданіе ихъ усугубилось, когда мною были приведены къ присягѣ здѣсь же въ Березнѣ священно и церковно служители моего благочинія. Мѣсяцъ спустя дѣйствительно пріѣзжаетъ въ Березну приставъ, требуетъ къ себѣ въ квартиру 12-ть домохозяевъ и мнѣ, мѣстному священнику, пред-

лагаетъ привести ихъ къ присягѣ. Призванные подумали, что будутъ присягать на вѣрность Царю; но были очень смущены, не слыша въ присягѣ имени Царя, а только извѣстное обѣщаніе показывать сущую истину по дѣлу, о которомъ будутъ спрашиваемы. Еще болѣе смутились они и обидѣлись, когда приставъ тутъ же послѣ присяги обратился къ нимъ съ такими словами: «а знаете вы рябу кобылу, что недавно украдена у такого-то хозяина»? Производилось обыкновенное дознаніе объ украденной лошади, никогда ничего, кромѣ безпокойства и потери времени, ни свидѣтелямъ, ни хозяину не приносящее. На этотъ разъ оно сдѣлало нѣчто большее. Приставъ уѣхалъ со звонкомъ, крестьяне разошлись. Уходя иные ворчали: «се такого ца свѣтѣ не було—на рябу кобылу присягать»!

Съ того времени мои прихожане не разъ выражали свою досаду на распоряженіе мѣстной власти и вмѣстѣ на меня. Они говорили: «развѣ мы не люди у нашего Царя? Всѣ паны, и попы, и жиды Царю присягали, а намъ не дали присяги! Мы на смѣхъ на рябу кобылу присягали». Этимъ меня постоянно упрекали, когда начались ихъ волненія, и не вѣрили никакимъ моимъ словамъ и убѣжденіямъ.

Приблизились дни страстной седмицы. Праздникъ Благовѣщенія совпалъ съ великою пятницею. По многолюдству села Березны, говѣльщиковъ на этотъ день было очень много. Заутреня отошла съ вечера. Утромъ, какъ только взошло солнце, сами прихожане, не дожидая моего распоряженія, зазвонили къ обѣдни, и я, не подозрѣвая ничего худаго, пошелъ въ церковь и началъ литургію. До того времени я не слыхалъ ни о какихъ безпорядкахъ, начавшихся въ средѣ крестьянъ въ разныхъ мѣстахъ, а мои прихожане провѣдали, что въ сосѣднемъ селѣ Логвинѣ крестьяне уже держатъ своего священника подъ арестомъ около церкви, принуждая его объявить имъ ихъ «добро», какъ называли тогда вездѣ крестьяне ожидаемую ими свободу свою отъ панщины.

Послѣ обѣдни пріѣхалъ ко мнѣ исправникъ и поразилъ меня новостію, что во многихъ сосѣднихъ селахъ, въ томъ числѣ въ с. Логвинѣ моего благочинія, волнуются крестьяне. Онъ требовалъ, чтобы и я ѣхалъ съ нимъ въ Логвинъ для убѣжденія тамошнихъ крестьянъ. Я тотчасъ поѣхалъ. Это было въ страстный пятокъ. Въ

Логвинѣ мы подъѣхали къ церкви около двухъ часовъ по полудни; здѣсь застали священника и всѣхъ его прихожанъ. Какъ только послѣдніе увидѣли насъ, то сказали исправнику: «спасыби вамъ, пане, що вы привезли намъ сего батюшку; онъ намъ объявитъ наше добро». Исправникъ началъ ихъ бранить, называя ихъ бунтовщиками; одинъ изъ среды крестьянъ грубо отвѣтилъ; тотъ вспылилъ и ударилъ грубіяна по лицу. Тогда всѣ закричали противъ исправника, схватили его, положили въ его же экипажъ и проводили за село, а насъ повели въ домъ священника и начали принуждать объявить имъ волю ихъ, которая, по ихъ словамъ, давно уже будто бы дана Царемъ, но которую священники, сговорившись съ помѣщиками, утаиваютъ отъ нихъ. Много времени прошло въ безплодныхъ тяжкихъ переговорахъ. Никакое слово убѣжденія не дѣйствовало. Наступила ночь. Волненіе не прекращалось, число возмутившихся болѣе и болѣе умножалось. Не видя конца ихъ приставаньямъ и успѣха моимъ убѣжденіямъ, я просилъ старшихъ изъ крестьянъ, чтобы мнѣ дозволили заснуть на дворѣ, успокоиться и приготовиться къ утреннему богослуженію. Мнѣ дозволили, а къ своему священнику болѣе и болѣе приступали, требуя своего «добра».

Вышедши на дворъ, я отъ своего кучера узналъ, что въ домѣ помѣщика ночуютъ исправникъ и приставъ, и не смотря на страшную темноту и даль, рѣшился огородами пробраться къ помѣщику. Идя въ темнотѣ, я неоднократно спотыкался и падалъ въ яму, а болѣе всего терпѣлъ отъ собакъ, которыя изорвали на мнѣ одежу. Въ домѣ помѣщика дѣйствительно засталъ я исправника и пристава съ разсыльными. Объявивъ имъ о нашемъ беззащитномъ положеніи, я просилъ ихъ ѣхать въ домъ священника для вразумленія крестьянъ, но они отказались содѣйствовать намъ въ ночное время. Не успѣлъ я кончить, какъ прибѣжала сюда жена священника, въ страхѣ и трепетѣ, обливаясь слезами. Она также просила о защитѣ ея мужа, говоря, что крестьяне грозятъ ему топоромъ, если онъ не объявитъ имъ указа объ ихъ волѣ. Но пошла и она ни съ чѣмъ, долго плача и рыдая о своей беззащитности. Я остался ночевать въ домѣ помѣщика и цѣлую ночь просидѣлъ, не раздѣваясь и раздумывая о томъ, какъ мнѣ быть и что ждетъ меня на утро. Я могъ бы легко ночью возвратиться домой, но жаль

мнѣ было оставлять сосѣда-священника въ рукахъ взволнованной черни, а къ тому же и лошади мои содержались подъ арестомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ застала меня великая суббота. Только начало разсвѣтать, я въ нерѣшимости пошелъ къ усадьбѣ священника и тутъ на меня обрушилась бѣда. Волновавшаяся чернь только и ожидала моего появленія и встрѣтила меня съ крикомъ и бранью: «такъ ты до пана на пораду ходивъ! ты жаловался на насъ! ты думаешь, что мы пановъ боимся; мы теперь сами паны и тебя принудимъ объявить намъ нашу волю». Потомъ старшій изъ крестьянъ сказалъ: «панове громада! поны насъ еще долго морочить будутъ; поведемъ ихъ въ Ольшанку,—пусть они сами узнаютъ, что тамъ уже народъ вольный». Впрягли моихъ лошадей и насильно повезли насъ по дорогѣ къ Бѣлой Церкви. Ко мнѣ съ священникомъ посадили 2-хъ сторожей, а сами, т. е. всѣ почти Логвинскіе крестьяне слѣдовали за нами пѣшкомъ. Такимъ порядкомъ мы прослѣдовали около 10 верстъ, какъ догналъ насъ приставъ съ четырьмя вооруженными разсыльными. Одинъ изъ послѣднихъ, подскакавъ къ моей повозкѣ, ударилъ плетью сторожа, правившаго моими лошадьми, приказывая ѣхать скорѣе, чтобы уйти отъ слѣдовавшей за нами толпы крестьянъ; но тѣ, увидѣвъ это, бросились къ намъ и, окруживъ насъ, подняли гвалтъ и крикъ: «такъ се насъ бьють!» Нѣкоторые порывались бить разсыльныхъ, но большинство стало кричать: «вертайся назадъ!—назадъ поповъ, додому! тамъ мы зъ ными расправимся по своему». И въ слѣдъ за этимъ поворотили моихъ лошадей, и мы поѣхали обратно въ Логвинъ. Приставъ съ разсыльными слѣдовалъ издали за нами. Вдругъ онъ опять погналъ лошадей и, когда проѣзжалъ мимо насъ, то священникъ Логвинскій перескочилъ съ моей повозки на его повозку. Приставъ и священникъ умчались, оставивъ меня въ рукахъ разъяренной толпы. Тогда подбѣгаетъ ко мнѣ крестьянинъ Олѣйникъ, схватываетъ меня за шею, однимъ взмахомъ бросаетъ на землю и начинаетъ наносить мнѣ удары своею палкою. Онъ подозрѣвалъ, что я подговорилъ ихъ священника уйти отъ нихъ и, продолжая бить меня, кричалъ въ изступленіи: «я твій катъ (палачъ); не выпущу тебе живымъ, поки не отдаси намъ нашего добра». Но тутъ одинъ изъ крестьянъ сжалился надо мною, вырвалъ меня изъ рукъ Олѣйника и защитилъ отъ дальнѣйшихъ побоевъ.

Этотъ же самый крестьянинъ еще два раза потомъ освобождалъ меня отъ рукъ того же Олѣйника. Вдругъ вижу,—на мою повозку садится душъ 15 крестьянъ и давай дубьемъ бить моихъ лошадей и крикомъ понуждать ихъ бѣжать скорѣй. По нескладному говору можно было догадаться, что крестьяне задумали догнать пристава, но молодыя лошади мои не привыкли къ подобной тяжести; неистовый крикъ еще болѣе пугалъ ихъ и онѣ не пошли съ мѣста, сколько ихъ ни били; притомъ самая повозка не вынесла чрезмѣрной тяжести и затрещала. Тогда лошадей отпрягли и двое верховыхъ поскакали впередъ. Тотъ же Олѣйникъ принуждалъ меня тянуть повозку; но я, измученный его побоями, упалъ и не могъ подняться. Меня подняли, и Олѣйникъ, толкая меня въ шею, понуждалъ идти. Такъ тащили меня верстъ 10; крики и ругательства не прекращались, надо мной издѣвались самымъ непристойнымъ образомъ, то и дѣло упрекали въ побѣгѣ священника и утайкѣ ихъ добра. Впереди насъ шелъ какой-то кацапъ (великороссъ) и до самаго села, не умолкая, кричалъ: «бей ихъ, бей ихъ! попы аршинники» и проч. Пристава съ священникомъ догнали уже въ Логвинѣ. Лошадей моихъ совершенно загнали. Священникъ успѣлъ скрыться въ одной сельской избѣ; но его скоро отыскали и привели въ его домъ. Наконецъ и меня измученнаго и избитаго приволокли сюда же. Тутъ былъ исправникъ; видя меня въ крайнемъ изнеможеніи, онъ распорядился положить меня въ постель и послалъ разсыльнаго за цырюльникомъ. Тотъ нашелъ необходимымъ открыть мнѣ кровь; но я уже послѣ того ничего не помнилъ.

Въ такомъ положеніи застала меня пасхальная ночь. Около 12 часовъ обозвала меня служанка священника: «тутъ, говоритъ, какіе то люди сильно стучатъ въ дверь со двора, что дѣлать: пускать ли ихъ, или нѣтъ?» Я сказалъ ей впустить, навѣрное зная, что они и сами насильно вломились бы въ комнату. Оказалось, что то были мои прихожане. Узнавъ о моемъ заключеніи въ Логвинѣ, они пришли выручить меня, чтобы имъ не быть безъ священника въ свѣтлый праздникъ. Хотя я былъ совершенно разслабленъ и, имѣя руку на перевязи, не могъ самъ ни подняться съ постели, ни одѣться; но прихожане мои помогли мнѣ въ томъ и другомъ. Бывшіе тутъ же логвинскіе люди съ негодованіемъ говорили имъ: «берить, берить свого попа, а мы своему и сами раду дамо» (упра-

вимся). Въ слѣдъ затѣмъ они повели своего священника въ церковь къ заутрени, а я съ своими прихожанами отправился домой.

Меня не радовала моя мнимая свобода; мои спутники все о чемъ то шептались. Я спросилъ ихъ: «можетъ быть, и вы тоже замышляете, что и логвинскіе?—то лучше было не выручать меня, пусть бы я терпѣлъ отъ чужихъ». Они отвѣчали: «не бойтесь, батюшка! мы того не сдѣлаемъ; но вы сами читали свидѣтельство, данное громадѣ березнянской въ томъ, что она не приставала къ гайдамакамъ». [1])

Въ такихъ и подобныхъ переговорахъ мы приблизились къ р. Роси. Ночь тогда была такъ темна, что не можно было отличить воды отъ земли. Рось находилась въ полномъ разливѣ и только плескъ волнъ отъ сильнаго вѣтра давалъ знать о близости воды.— Посадили меня съ однимъ крестьяниномъ въ *човенъ* (челнъ) или просто корыто, отчалили отъ берега и пустили на «*Божу волю*». Какъ мы ѣхали и какъ переѣхали Рось, я уже не помнилъ отъ страха, и очнулся, когда наша ладья ударилась о камень. Я выпрыгнулъ изъ нея и дошелъ до берега по колѣна въ водѣ. На берегу ожидала нашего прибытія новая партія моихъ прихожанъ. Лишь только я ступилъ на землю, мнѣ предложили идти прямо въ церковь. Тутъ я засталъ уже полное праздничное освѣщеніе и множество своихъ прихожанъ; но не многихъ узнавалъ,—такими страшными они мнѣ казались. О, ночь пасхальная! Таинственная ночь!.. Было уже около часу по полуночи и я, имѣя на перевязи правую руку, съ трудомъ началъ пасхальную заутреню. Пѣли «Христосъ воскресе»! Пѣли радостныя, божественныя пѣсни; но радость праздничная далека была отъ меня, и будто камень лежалъ у меня на сердцѣ. Семейство мое, зная о моемъ заключеніи въ Логвинѣ и послышавъ вдругъ звонъ колоколовъ, страшно перепугалось, но узнавъ о моемъ освобожденіи, обрадовалось. Напрасно.

Литургисать я не могъ. Отслужилъ часы и «пасхи» освятилъ. Вышли изъ церкви, разговѣлись не какъ въ прежніе годы. Первый день Пасхи прошелъ спокойно, по крайней мѣрѣ никакіе тревожные слухи не безпокоили меня. На другой день, послѣ литургіи, пріѣхалъ ко мнѣ своякъ мой, священ. Бобровницкій, чтобы вмѣстѣ со мною ѣхать къ нашему родственнику въ село Любчу, таращан-

[1]) Къ сожалѣнію, авторъ разсказа не поясняетъ, что это за свидѣтельство.—*Ред.*

скаго уѣзда, на крестины; но я, считая неблаговременнымъ въ такое тревожное время оставлять приходъ, не поѣхалъ и о. Капитону отсовѣтовалъ. Оказалось послѣ, что меня уже сторожили мои прихожане и все равно не выпустили бы изъ прихода. Къ вечеру приходилъ ко мнѣ прихожанинъ съ извѣстіемъ, что въ корчмѣ весь почти приходъ. Узнаю,—злостная молва между ними противъ меня, что я ихъ всѣхъ продалъ въ рабство, утаивъ ихъ свободу, и—недоброе противъ меня замышляютъ. Священ. Бобровницкій и жена моя совѣтовали мнѣ уѣхать изъ дому.

На третій день Пасхи была также литургія; прихожане удалились изъ церкви, я сталъ разоблачаться въ алтарѣ; вдругъ отъ клироса послышался мнѣ плачъ. Я выглянулъ изъ алтаря и увидѣлъ плачущими брата моего діакона Зосиму и грамотнаго прихожанина Петра Замарюку. На вопросъ мой, чего они плачутъ, братъ показалъ мнѣ на отворенную въ церкви дверь и я, взглянувши, увидѣлъ, что весь народъ около церкви. Съ замираніемъ сердца, окончивъ молитвы, я вышелъ изъ церкви, поздравилъ прихожанъ съ праздникомъ и спросилъ: «чего вы, люди добрые, тутъ ждете?»—«А щожъ, хиба мы не таки, якъ люди»?—былъ ихъ отвѣтъ. «Въ другихъ селахъ добрые священники уже объявили людямъ царскую волю, а вы, батюшка, мовчите. Объявите намъ наше добро, и мы вамъ спасибо скажемъ, будемъ вамъ работать, будемъ вамъ послушны; а не захочете сдѣлать намъ добро, то мы васъ принудимъ и домой уже васъ не пустимъ». Всѣ мои увѣщанія и увѣренія, что я не скрываю отъ нихъ того, чего они требуютъ, но что указа о волѣ нигдѣ нѣтъ, что ихъ люди недобрые обманываютъ и только сдѣлаютъ ихъ несчастными за неповиновеніе помѣщикамъ и властямъ, ни къ чему не повели; голосъ мой былъ заглушенъ громомъ укоризнъ и ругательствъ.

Съ того времени до самой Ѳоминой недѣли я не видѣлъ уже своего дома, ночь и день находясь подъ дождемъ, снѣгомъ и стужею, будучи моримъ голодомъ и холодомъ.

Священникъ о. Капитонъ Бобровницкій, видя, что меня уже взяли и домой не пускаютъ, скорѣе выѣхалъ изъ Березны. Жена моя прислала для меня обѣдъ къ церкви, но разъяренная толпа не дозволила мнѣ покушать, говоря: «мы тебе примусимо голодомъ явить намъ добро наше». Нѣкоторые изъ толпы продолжали: «вотъ въ Ябло-

новкѣ (село васильковскаго уѣзда), тамъ старенькій священникъ объявилъ уже своимъ прихожанамъ волю и далъ имъ такую бумагу за церковною печатью, а бумагу ту, послѣ проводъ, люди повезутъ къ губернатору». Я утверждалъ, что это ложь и обманъ, что этого нѣтъ и быть не можетъ.—«Бреши вже самъ, отвѣчали мнѣ, а оно такъ есть, истинная правда! Гдѣ только священники хорошіе, тамъ уже люди стали вольны; а тебе паны (помѣщики) закупили, ты и отдавъ всіхъ въ неволю. Ты еси царскій брехунъ (т. е. лжешь именемъ Царя, искажаешь, утаеваешь его слова),—нашъ ворогъ и непріятель! Ты насъ запропастывъ, не давъ намъ присяги на вѣрность Царю».—Опять говорили: «будетъ тебѣ, какъ тому Дибичу [1]); чего, чего онъ не имѣлъ отъ Царя: честь, кресты, людей, деньги, и всего того было ему мало. Измѣнилъ Царю и—пропалъ.—Такъ и тебѣ будетъ: люди тебѣ работаютъ, кормятъ тебя, ты получаешь жалованье, но тебѣ еще мало, ты и нашу волю продалъ панамъ и взялъ за то отъ нихъ полкорца карбованцовъ. Не добрый и тебѣ конецъ будетъ!»—Все это слышано было мною не одинъ разъ, повторялось на разные лады. Что могъ я, избитый, измученный, сказать въ свое оправданіе, въ опроверженіе нелѣпыхъ басней, къ вразумленію людей? Лишь только я заикнусь—они мнѣ: «а ты насъ на рябу кобылу до присяги приводивъ?!»...

Прошелъ день, настала ночь; меня заперли въ колокольнѣ вмѣстѣ съ крестьянами-сторожами.—Утромъ разсыльный привезъ мнѣ бумаги изъ сквирскаго духовнаго правленія. Я долженъ былъ читать въ слухъ всѣхъ здѣсь находящихся; между бумагами былъ указъ о панихидѣ по покойномъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. «Вотъ видите, говорю, указъ! Надо его исполнить; пойдемъ, люди добрые, въ церковь, Богу помолимся за покойнаго Царя». Долго спорили они между собою. одни соглашались пустить меня въ церковь, другіе были противнаго мнѣнія,—наконецъ сговорились и дозволили. Чтобы болѣе быть на свободѣ, я сказалъ причетникамъ пѣть медленно пасхальные часы, а потомъ панихиду, такъ что это продолжалось до трехъ часовъ. Нетерпѣніе крестьянъ возрасло до

[1]) Въ народѣ такъ и осталось убѣжденіе, что извѣстный фельдмаршалъ графъ Дибичъ измѣнилъ въ польскую кампанію. Занесено оно, конечно, мѣстными солдатами, бывшими въ кампаніи, и поводомъ къ нему служило одно лишь не русское происхожденіе графа. Скорая смерть его отъ холеры объяснялась принятіемъ яда.—*Ред.*

того, что они стали шумѣть въ церкви и, подступая ко мнѣ все ближе и ближе, требовали прекратить служеніе. Я не внималъ имъ. Вдругъ нѣсколько человѣкъ схватили меня за руки, сняли съ меня облаченіе, въ бѣшенствѣ свалили меня на полъ и поволокли изъ церкви. Идущіе за мною наступали мнѣ на волосы, иные пѣли: «святый Боже», какъ надъ покойникомъ. Жена моя, услыхавъ, что меня хотятъ вести куда то изъ села, пришла на погостъ церковный съ дѣтьми. Увидѣвъ дѣлаемыя мнѣ поруганія, она начала плакать, дѣти подняли крикъ и вопль. Тутъ одна крестьянка, съ неподдѣльнымъ къ нимъ состраданіемъ, обращаясь къ дочери моей, говоритъ: «не плачьте, сердце, панно! Нехай тильки батюшка вашъ отдасть людямъ тую грамоту, що самъ Царь написавъ и, умочивши свою руку въ золото, до неи приложивъ,—то люди зновъ будуть батюшку вашого жаловать, а не то, то уже и въ село его не привезуть». Крестьяне же, что несли меня, говорили: «мы его за селомъ на камени убьемъ». При видѣ жены, дѣтей, сердце мое рвалось на части. Я недоумѣвалъ, что будетъ со мной,—ждалъ смерти, творилъ мысленно молитву. Вдругъ меня подняли высоко и бросили въ возъ *драбинякъ* безъ всякой постилки. На осяхъ были колеса безъ ободьевъ съ одними лишь спицами. Это нарочно придумали для меня. Такъ и повезли по дорогѣ въ село Сквирку. Запряженные волы шли своимъ обычнымъ шагомъ; все почти мужеское населеніе моего прихода слѣдовало за возомъ. На дорогѣ два раза дѣлали привалъ, садились вокругъ воза, кушали «пасхи» и другія пасхальныя яства, а мнѣ говорили: «вотъ мы ѣдимъ, а ты съ голоду здохнешь за твою кривду, что ты намъ дѣлаешь». Такъ прослѣдовали мы чрезъ деревню Городище и селеніе Сквирку. Тамъ и здѣсь выбѣгали смотрѣть люди *«на злотника попа, що продавъ свою громаду»* [1]), и поражали меня всевозможными укорами и ругательствами. Слѣдуя чрезъ Сквирку, я замѣтилъ на земляномъ валу (тутъ есть остатки какихъ то укрѣпленій) множество людей, окружившихъ одного человѣка. Погонщикъ воловъ, на которыхъ меня везли, на запросъ мой объяснилъ мнѣ, что то мѣстные крестьяне записываются въ козаки, а священникъ ихъ ушелъ съ прихода.

Мы пріѣхали въ село Яблоновку, васильковскаго уѣзда, куда собственно и везли меня.

[1]) „Злотникъ"—золотыхъ дѣлъ мастеръ.

Все почти село,—мужчины и женщины были въ сборѣ около корчмы. Всѣ радовались и торжествовали свою волю; они громко говорили, что свободны уже отъ панщины. Былъ четвертый день праздника—среда. Въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, въ этотъ день была уже барщина: мужчины отправлялись въ поле съ ралами и боронами обсѣменять панскіе «ланы». Теперь Яблоновцы не шли уже на барщину съ этого именно дня, у нихъ въ рукахъ была уже грамота объ ихъ свободѣ...

Смотря на ликующихъ Яблоновцевъ, мои прихожане, завидуя ихъ счастью, усилили надо мною свои наругательства, а я, сидя на воловомъ возу, на позоръ своихъ и мѣстныхъ людей, желалъ бы лучше сквозь землю провалиться. Но что мнѣ оставалось дѣлать, слыша нестерпимыя издѣвательства и брань? Одинокій, беззащитный среди разъяренной толпы слѣпаго народа, оставленный на произволъ своихъ истязателей, которые вотъ уже два дня морятъ меня голодомъ, безсонницею и всегдашнимъ понужденіемъ говорить къ нимъ, я не выдержалъ и горестно заплакалъ; но плачь мой еще больше ожесточилъ ихъ и удвоилъ ругательства. Въ это время подходитъ ко мнѣ діаконъ села Сквирки, котораго я давно замѣтилъ въ народѣ, и голосомъ убѣжденія и состраданія говоритъ мнѣ: «О. Благочинный! пожалѣйте себя; довольно съ васъ, вы уже не похожи на себя; объявите имъ ихъ добро, пусть болѣе не мучатъ васъ!»—«Какое добро?»—спросилъ я. Онъ отвѣчалъ: «дайте имъ грамоту объ ихъ вольности». Услышавъ такія слова отъ діакона, мои и яблуновскіе прихожане съ новою яростію бросились на меня, настоятельно требуя грамоты, существованіе которой въ глаза доказывалъ мнѣ діаконъ.—Отошелъ діаконъ, подступилъ гвардеецъ, мѣстный житель, отставной унтеръ-офицеръ. «Батюшка, говоритъ, что это вы морочите бѣдныхъ людей? Я служилъ 25 лѣтъ въ самомъ царскомъ дворцѣ и точно знаю, что указъ о вольности еще три года назадъ тому вышелъ. Гдѣ вы его дѣвали, нечто съ блинами съѣли?» Я взялъ его за руку и, чуть не цѣлуя, говорилъ ему: «Яковъ Петровичъ! (такъ называли его всѣ и я за ними) на что вамъ смущать слѣпой народъ? Вы бы лучше его уговорили, успокоили; они бы вамъ болѣе всего повѣрили»; но онъ съ гнѣвомъ и грубостію противъ меня стоялъ на своемъ. Это еще болѣе увѣрило крестьянъ, что грамота царская существуетъ, и тогда еще

болѣе обрушилась на меня злоба моихъ прихожанъ. Они въ недоумѣніи начали спрашивать другъ друга, что дѣлать имъ, какія мѣры употребить, чтобы понудить меня объявить имъ ихъ «добро».

Въ эти тяжкія для меня минуты, я началъ просить торжествующихъ Яблоновцевъ показать мнѣ свою грамоту, которою они хвалились предъ моими прихожанами, и они принесли мнѣ листъ бумаги весь исписанный,—однако въ руки мнѣ не дали, а только съ благоговѣніемъ два человѣка, предо мною, развернувъ, держали. Пробѣжавъ мысленно написанное, я, при всемъ моемъ горѣ, не могъ не засмѣяться. Тогда они начали меня просить, чтобы я прочиталъ ихъ грамоту; но я, бывъ много опечаленъ ихъ насмѣшками надъ собою и недовѣріемъ, отказался читать, и они пошли искать грамотнаго изъ крестьянъ, а грамотные по селамъ были въ то время великая рѣдкость.

Чрезъ нѣкоторое время привели къ моему возу какого то полуграмотнаго, развернули предъ нимъ листъ, что прежде мнѣ показывали, и окруживъ нѣсколькими пальцами начальныя слова, заставили его читать. Тотъ читалъ по словамъ каждое слово. Грамота начиналась: «Мы, крестьяне графа Браницкаго, какъ по настоящее время работали панщину, такъ и впредь будемъ работать— мы и наши дѣти....» и прочее въ такомъ родѣ. Какъ только услышали крестьяне о панщинѣ, то, какъ ни худо читалъ грамотѣй, съ разу поняли смыслъ грамоты и всѣ въ одинъ голосъ закричали: «не треба, не треба намъ такои грамоты!» и начали бранить и проклинать отсутствующаго писаку за его обманъ. Писака однако былъ себѣ на умѣ; онъ, очевидно, такъ соображалъ: отказаться писать, — побьютъ, писать, чего хотятъ, — можно подъ отвѣтъ попасть; а не дурно и лишнюю гривну заработать. И онъ писалъ, что взбрело ему на умъ. Писалъ одно, читалъ другое. Тутъ всякія выписки, правила, фразы, пѣсни, присказки; никакой связи, никакого смысла, одно только глумленіе и обманъ. Успокоившись немного, Яблоновцы пробовали слушать далѣе. Дали приказъ чтецу, тотъ пошелъ по складамъ: «въ царскихъ титулахъ переносовъ не дѣлай»... Далѣе подобная жъ безсмыслица; всего не помню. Какъ только прочитано слово «титулы», всѣ закричали: «яки то шкатулы? на врага намъ шкатулы! на що намъ панщина? мы уже съ нею попрощались. Мы его просили написать,

что мы вольны отъ пановъ и панщины проклятой, а онъ опять насъ и нашихъ дѣтей закабалилъ. Мы ему такому-то сыну по двѣ гривны отъ души заплатили, а онъ вотъ что написалъ!» И при этомъ, обратившись къ моимъ прихожанамъ, сказали: «спасибо вамъ, что вы съ своимъ священникомъ къ намъ пришли и такимъ случаемъ мы обманъ свой познали. А то мы хотѣли завтра эту самую бумагу нести въ Кіевъ къ губернатору, чтобы онъ утвердилъ ее своею властію».

Когда я заглянулъ еще разъ въ бумагу, то увидѣлъ на концѣ подпись мѣстнаго священника Ан. Руткевича и церковныя печати, одну сургучную и четыре накопченныя... Стали искать сочинителя бумаги и нашли его въ смежномъ селеніи Сквиркѣ, гдѣ онъ, какъ упомянуто выше, сидя на валу, мѣстнымъ жителямъ подобную же написалъ бумагу. То былъ мѣщанинъ г. Сквиры, а фамиліи его не помню. Его привели, раздѣли и подвергли жестокому наказанію, прогнавъ его по военному чрезъ строй: били безъ милости толстыми палками.

Наказавъ сего обманщика, послали за своимъ священникомъ, который своею подписью и печатями утвердилъ такое насиліе.

Священникъ, осьмидесятилѣтній старецъ, въ страхѣ и трепетѣ предсталъ на судъ обманутыхъ имъ прихожанъ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ и меня держали, и когда я обратился къ нему, почему онъ, по іерейской своей совѣсти, не объявилъ своимъ прихожанамъ, что никакой грамоты царской объ ихъ свободѣ не было и не убѣдилъ ихъ не слушать клеветниковъ, распускающихъ ложные о томъ слухи, но своимъ подписомъ и печатьми способствовалъ къ большему возбужденію темнаго и безграмотнаго народа, и не только своихъ, но и чужихъ прихожанъ ввелъ въ заблужденіе, то онъ съ плачемъ объяснялся, что его страшными угрозами, даже лишеніемъ жизни принудили подписать и утвердить печатями сказанную бумагу. Прихожане яблоновскіе, познавъ свой обманъ и, видя, что ихъ надежда на «добро» рушилась, съ озлобленіемъ повели съ площади своего священника. И мои прихожане пришли въ уныніе и даже къ той мысли, что слухи объ ихъ свободѣ должны быть ложны. Они рѣшили провесть ночь въ Яблоновкѣ и возвратиться домой; большая часть ихъ тотчасъ же удалилась, а только четыре человѣка остались ночевать около меня на площади подъ возомъ. Остав-

шіеся, имѣя обильные запасы съѣстнаго, стали ужинать, но мнѣ не предложили. Со вторника отъ литургіи (а это уже была ночь противъ четверга) я ничего не вкушалъ и отъ голода, безсонницы и цѣлодневныхъ досадъ и оскорбленій приходилъ въ изнеможеніе.

Въ четвергъ утромъ привезли меня на конной подводѣ въ Березну, но въ домъ не пускали, а заключили по прежнему въ колокольню, пока соберется и разсудитъ о мнѣ «громада».

Тутъ я узналъ, что жена моя, не считая себя безопасною въ Березнѣ и не надѣясь на мое возвращеніе, въ чемъ ее увѣрили мои прихожане, забравши дѣтей, бѣжала въ Сквиру, въ темную, дождливую ночь, на искалѣченныхъ въ Логвинѣ лошадяхъ и надломанной повозкѣ, съ крестьянскимъ мальчикомъ, пастухомъ ягнятъ. Всю ночь странствовала перепуганная моя семья и едва съ разсвѣтомъ, съ великою бѣдою, добралась до Сквиры. На дорогѣ, въ лѣсу, она встрѣтила родственника нашего, о. Капитона Бобровницкаго, скрывавшагося здѣсь отъ своихъ прихожанъ, и съ нимъ прибыла въ городъ. Здѣсь ихъ пріютилъ о. Филиппъ Руткевичъ, и принялъ горячее участіе при лѣченіи тяжко заболѣвшей здѣсь жены моей, питалъ и, сколько можно, утѣшалъ несчастное мое семейство.

Въ Березнѣ въ это время начиналось уже настоящее народное волненіе.

Прихожане мои, оставивъ меня въ колокольнѣ, начали на дворѣ неизвѣстную для меня раду; въ это время послышался со стороны говоръ массы народа:—это Логвинскіе прихожане, предводительствуемые извѣстнымъ уже крестьяниномъ Иваномъ Олѣйникомъ, привели сюда своего священника, а послѣ нихъ прибыли, также съ священникомъ, и крестьяне с. Антоновки. Вся площадь около церкви была запружена мѣстными и пришедшими людьми.

Сидя въ колокольнѣ, я услышалъ страшный и знакомый мнѣ голосъ Олѣйника. Онъ кричалъ: «Вы, Березнянская громада, хочь велика, та дурна (глупа); до сего часу не могли справиться съ своимъ попомъ. Отъ давайте его мені, я не стану съ нимъ панькаться (церемониться).» Вывели меня: со страхомъ предсталъ я предъ своего палача. Поднимая свою палку, онъ неестественнымъ голосомъ закричалъ: «доки ты будешъ морочить бідный народъ»? И, схвативъ меня за грудь, такъ сдавилъ, что чуть меня не уду-

шилъ. Потомъ закричалъ: «роздіньте его, сниміть съ него чоботы»! Я трое сутокъ не снималъ съ себя одежи и обуви. Бросились снимать безъ снисхожденія, безъ жалости и съ такимъ остервененіемъ, что повредили мнѣ правую ногу, которая, хотя и была излѣчена мною, но впослѣдствіи болѣзнь возобновилась и я и понынѣ постоянно ею страдаю. Раздѣвъ меня со смѣхомъ и разными поношеніями (издѣвались и мущины и женщины), навязали на меня веревку и сперва водили меня по колючимъ растеніямъ, которыми заросла густая панская усадьба, а искалѣчивъ меня до крови, повели къ рѣкѣ, съ которой недавно сошелъ ледъ, и держали въ водѣ часа три. На берегу стояла масса народа, со всѣхъ сторонъ сыпались на меня насмѣшки, ругательства, проклятія; нѣкоторые говорили: «онъ нашихъ дѣтей купаетъ въ водѣ (при крещеніи), можно и его покупать». Стояли женщины съ дѣтьми разныхъ возрастовъ. Указывая на меня, говорили: «дивитеся, дітки, щобъ и вы памятали, якъ батьки ваши на волю выходили и що тоді попамъ робили». Тоже дѣлали и съ братомъ моимъ, Алексѣемъ Сикорскимъ. Въ четвергъ, пятницу и субботу свѣтлой седмицы днемъ водили насъ на веревкѣ по будякамъ (колючкамъ) и топили въ рѣкѣ, а ночью, съ конца въ конецъ села, въ дождь и слякоть, водили почти нагими, по колѣни въ грязи, моря голодомъ и безсонницею. Все требовали отдать имъ ихъ «добро», или записать въ козаки и привести къ присягѣ, что они свободны отъ помѣщиковъ. Сострадальцемъ нашимъ при этомъ былъ и сынъ Алексѣя Сикорскаго, села Логвина священникъ; но насъ не сводили вмѣстѣ, а подвергали истязаніямъ каждаго отдѣльно, и мы о томъ не вѣдали, что кто изъ насъ терпѣлъ.

Въ Ѳомино воскресенье, я просилъ прихожанъ, чтобы пустили меня въ церковь помолиться, ради дня воскреснаго, но мнѣ въ моей просьбѣ отказали и вмѣсто того повели меня въ рѣку и, продержавъ въ водѣ не малое время, стали вести къ церкви. Тутъ на встрѣчу намъ новыя двѣ «громады»: Петрошевская и Бѣлѣевская, но безъ священниковъ. Съ укоромъ и досадительствомъ стали онѣ упрекать Березнянскую «громаду», что она, будучи такъ славна и многолюдна, до настоящаго времени не припудила своего священника явить ей ея «добро». «Вотъ мы, говорятъ,—ваши сосѣди, на васъ смотримъ. Ждемъ своего священника и тогда рѣшимъ: какъ

вы сдѣлаете, такъ и у насъ пусть будетъ. И то должно быть сегодня же сдѣлано, ибо послѣ «проводъ» уже будетъ поздно,—всѣ останутся, по прежнему, помѣщичьими крестьянами». Услышавъ это, Олѣйникъ и другіе вожаки народнаго волненія свели насъ священниковъ, первый разъ, вмѣстѣ и сказали намъ: «вотъ вы посовѣтуйтесь между собою и рѣшайтесь—написать насъ всѣхъ вольными козаками, дать намъ присяги, что мы уже не панскіе (не помѣщичьи), что поля и лѣса—наши и все, что есть у пановъ—наше жъ. Оно и есть такъ, ибо мы и наши предки за все это уже отработали. Сдѣлаете по нашему, мы васъ освободимъ и будемъ, по прежнему, вамъ послушны; а не захотите,—миловать васъ больше не станемъ. То пустое, что мы вамъ дѣлали; насъ, женъ нашихъ и дѣтей горше мучили и терзали паны; вотъ какъ мы васъ *желѣзомъ* припечемъ!... И къ тому у насъ уже все готово».

Это средство къ нашему мученію, какъ я узналъ послѣ, присовѣтовала одна 80-ти лѣтняя старуха. Стала она людямъ говорить: «(в)отъ якъ бы вы ихъ (священниковъ) шиною припекли—може помогло-бъ. Колись давно, якъ я еще дівчиною була, (в)отъ тутъ на симъ пляцу (площади) пекли шиною якихъсь двохъ чоловікивъ, то заразъ повинились, и я сама своими очима то бачила (видѣла), а за що пекли, не відаю, бо ще дурна (глупа) тогді була». Мучители наши тотчасъ рѣшили прибѣгнуть къ испытанному средству и о томъ, какъ я уже сказалъ, намъ объявили. Услышавъ такой приговоръ, мы, идя за церковь, стали другъ друга спрашивать, что намъ теперь дѣлать, и въ недоумѣніи и страхѣ ублажали воиновъ севастопольскихъ, которые находились тогда подъ непріятельскими пулями. Мы еще ничего не рѣшили, какъ уже Олѣйникъ приблизился ко мнѣ, чтобы съ меня начать истязаніе, и хотѣлъ уже взять меня. Вдругъ зазвонили на колокольнѣ во всѣ колокола и со всѣхъ сторонъ начали вскакивать на погостъ церковный крестьяне съ разными вооруженіями: съ вилами, косами, топорами и заступами. Ближайшіе къ намъ, толкая насъ въ шею, потащили въ церковь. На вопросъ, что это значитъ, отвѣчали мнѣ: «то твоя попадя та панъ наробили! Утекли до Сквиры и зачали до начальства писать. Теперь иде сюда сила войска, и якъ намъ біда буде, то тобі перше (прежде)». При этомъ многіе громко выражали сожалѣніе, зачѣмъ выпустили изъ села мою жену: «если-

бы она была здѣсь, говорили, то принявшись за нее и дѣтей, мы имѣли бы въ рукахъ наше добро, а теперь уже поздно». Насъ троихъ заперли въ западный церковный придѣлъ и къ каждому приставили по 4 сторожа, а Олѣйника особо ко мнѣ. Онъ поминутно угрожалъ мнѣ погибелью, считая меня всему своему неуспѣху причиною.

Звонъ продолжался на колокольнѣ. Одинъ изъ нашихъ сторожей вышелъ изъ придѣла и, возвратившись, говорилъ прочимъ, что солдатъ идетъ очень много,—растянулись почти на версту. Послѣ мы узнали, что солдатъ было всего двѣ роты. Это были саперы, которыхъ двинули сюда изъ полтавской губерніи, а предъ тѣмъ въ нашей мѣстности не было ни одного солдата. Объ этомъ всѣ крестьяне вѣдали, а потому и дѣйствовали безбоязненно. Когда прибыли сюда начальствующія лица для усмиренія волненія (вице-губернаторъ Веселкинъ, маіоръ Громека [1]), исправникъ и др.),—имъ не вѣрили, ихъ подымали на смѣхъ, называя переодѣтыми ляхами и жидами. Много мнѣ послѣ разсказывали забавнаго и печальнаго о томъ, какъ шли отъ властей увѣщанія взволновавшимся крестьянамъ. Прибыла къ толпѣ комиссія и во главѣ вице-губернаторъ. Говорилъ онъ сильно, внушительно; народъ притихъ, въ толпѣ шептали: «губернаторъ.... губернаторъ!...»—«Се Крохмаль, жидъ—лікарь зъ Білой Церкви, крикнулъ кто-то изъ толпы; его паны наняли и до насъ прислали. Не слухайте, що вінъ бреше!...» О другомъ говорилъ кто-то: «се Гершко зъ Потока [2]); вінъ валашкивъ скуповуе (барановъ скупаетъ). Торикъ (прошлый годъ) купивъ у мене въ ярмарку пять».... И толпа разражалась смѣхомъ, подымала шумъ и гикъ, а начальствующіе съ конфузомъ и скорбію уходили. Но скоро потомъ не до смѣха уже было.

Сидя въ заключеніи въ придѣлѣ, находясь поминутно между страхомъ смерти и надеждою жизни, мы съ плачемъ на колѣняхъ Богу молились. Почти до трехъ часовъ дня мы не имѣли свѣдѣній, что дѣлается внѣ церкви. Но именно въ это время, какъ послѣ мы узнали, происходили увѣщанія отъ начальства къ кресть-

---

[1]) Впослѣдствіи Сѣдлецкій губернаторъ.

[2]) Мѣстечко каневскаго уѣзда.

янамъ. Народу было до 5000. Говорили сперва ко всѣмъ собравшимся, потомъ чрезъ ихъ выборныхъ, чтобы покорились и успокоились. Всему спокойно внимали крестьяне, но лишь рѣчь заходила о панахъ, о панщинѣ,—слышать не хотѣли, а о насъ говорили, что никакихъ священниковъ у нихъ нѣтъ. Послѣ безуспѣшныхъ увѣщаній выдвинули солдатъ. Толпа крестьянъ быстро направилась къ нимъ, чтобы окружить ихъ и отнять у нихъ ружья. Тогда скомандовали стрѣлять; выстрѣлили залпомъ, но на воздухъ; пули далеко залетали, нѣкоторыя попали въ стѣны церкви и колокольни. Отъ выстрѣла произошелъ страшный громъ въ церкви; сторожа наши пришли въ неописанный страхъ, сдѣлались изъ красныхъ бѣлыми, тряслись, какъ въ лихорадкѣ. Слыша громъ выстрѣловъ, одинъ изъ насъ сказалъ сторожамъ: «вотъ это по вашей козачинѣ!»—«Не радуйтесь, отцы! былъ отвѣтъ; достанется и вамъ»! И мгновенно блеснули у нашихъ стражей большіе ножи.... Толпа продолжала напирать на солдатъ и послѣ сдѣланнаго въ нее выстрѣла. Она была вооружена—пиками, косами, топорами, дубинами. Одинъ изъ крестьянъ—нечаянно или намѣренно—задѣлъ дубиной солдата по рукѣ. Передніе солдаты взяли въ штыки.... Лава налегала. Скомандовали стрѣлять: раздался залпъ, другой.... Послышался крикъ, гамъ невообразимый.... Скоро все обратилось въ бѣгство и мы чрезъ окно видѣли, какъ народъ во всѣ стороны разсыпался. Уже бѣгущихъ солдаты преслѣдовали пулями и штыками. Огромныя массы повалили къ церкви, желая въ ней найти спасеніе: ветхія ея стѣны трещали, но стража наша крѣпко подперла двери, никого не впустила и—тутъ явилась груда убитыхъ. Намъ стали слышаться многіе голоса: «гдѣ священники, гдѣ священники?» но никто не указалъ мѣста нашего заключенія. Мы просили сторожей отворить церковь, но они съ угрозами приказывали намъ молчать. Преслѣдовавшіе солдаты нѣсколько сотъ крестьянъ успѣли загнать въ ограду церковную, нѣсколько десятковъ стащили съ колокольни, поражая безпощадно ружейными прикладами. Между схваченными здѣсь былъ и староста церковный, и ключи церковные были у него въ карманѣ; но онъ не явилъ ни нашего заключенія, ни ключей, хотя начальство и спрашивало его. Тогда становой приставъ, доставши топоръ въ квартирѣ діакона, нѣсколькими ударами обуха въ дверь, отворилъ наше заключеніе. Тутъ

мы увидѣли своихъ освободителей и своихъ мучителей; послѣдніе, трепеща, съ поднятыми вверхъ руками, стояли на колѣняхъ. Къ ближайшему изъ нихъ обратился вице-губернаторъ: «будешь повиноваться помѣщикамъ»?—«Нѣтъ, не буду!» отвѣчалъ онъ. Другаго начальникъ отряда о томъ же спросилъ, но получилъ такой-же отвѣтъ. Тогда всѣхъ захваченныхъ повели на панскій дворъ и тамъ безъ пощады сѣкли розгами, начиная съ старосты церковнаго. Этотъ до самого моего выбытія изъ прихода собирался выместить на мнѣ, считая меня виновникомъ его наказанія.

Всѣ бывшіе тутъ разныхъ селъ крестьяне пришли сюда съ большими запасами пасхальныхъ яствъ, которыя сложены были въ церкви. У многихъ, говорятъ, были значительныя деньги. Что думалъ этотъ темный, жалости достойный народъ, трудно съ точностію узнать. Собираясь въ козаки, многіе продавали воловъ, коровъ и лошадей и всѣ деньги при себѣ имѣли, но все оставили въ добычу побѣдителямъ. Жены убитыхъ плакали надъ ними, свидѣтельствуя, что у нихъ были деньги, но находили карманы порожними.

О числѣ убитыхъ свидѣтельствуетъ метрическая книга Березняпской церкви [1]); раненыхъ безчисленное множество. Многіе померли, а которые изъ другихъ селъ приходили въ Березну за вольностію, о тѣхъ на мѣстѣ ничего не было извѣстно при моей бытности.

Изъ крестьянъ, стоявшихъ по другую сторону Роси и не принимавшихъ участія въ волненіи, нѣкоторые свидѣтельствовали, что уходившими изъ Березны вся рѣка, бывшая тогда въ разливѣ, была запружена, только были видны головы, какъ будто пни, послѣ срубленнаго мелкаго лѣса.

Единственная старуха, бывшая въ моемъ домѣ, и едва не пострадавшая отъ пули, вонзившейся около нея въ заборъ, разсказывала, что когда начиналась неумолкаемая пальба, бѣдный скотъ на моей загородѣ ревѣлъ, скакалъ и не находилъ для себя мѣста. Два человѣка чужіе,—не изъ моего прихода, шли чрезъ мое подворье къ рѣкѣ, неся на рукахъ вывалившіяся свои внутренности и, войдя въ воду, тамъ и умерли.

---

[1]) По офиціальному современному донесенію 20.—*Ред.*

Всего происходившаго, послѣ погрома волновавшихся, невозможно вмѣстить здѣсь.

Нижніе чины изъ нашихъ освободителей разгавливались и услаждали себя запасами мятежныхъ пришельцевъ, а начальствущіе были угощены обѣдомъ въ панскомъ домѣ, гдѣ и мы, пострадавшіе, не были забыты. И я пообѣдалъ, послѣ пятидневнаго поста.

Такъ какъ многіе изъ зачинщиковъ спаслись бѣгствомъ, то я, не считая себя въ домѣ безопаснымъ, просилъ губернатора отправить меня въ Кіевъ и съ командою военною поѣхалъ въ с. Яблоновку. Здѣсь собственно началось волненіе, отсюда оно и въ Березну перешло; но и здѣсь уже все кончилось,—всѣ жители на колѣняхъ изъявили свою покорность. Мы остались въ экономіи (помѣщич. домѣ) ночевать. Ночью я заболѣлъ отчаянно, исповѣдывалъ меня о. Руткевичъ и я уже отчаялся въ жизни. Въ два часа ночи,—въ Ѳоминъ понедѣльникъ, начальствующіе съ командою пошли усмирять село Трушки; тамъ также безпрекословно крестьяне покорились. Ко мнѣ привезли изъ Бѣлой Церкви врача, который принесъ мнѣ не малое облегченіе, такъ что я на слѣдующій день былъ отправленъ съ управляющимъ тамошнимъ имѣніемъ въ г. Сквиру. Тутъ надѣялся я застать свое семейство; но жена моя, услыхавъ о прекращеніи волненія, еще въ понедѣльникъ возвратилась домой. При въѣздѣ въ село, она встрѣтила множество подводъ, на которыхъ везли убитыхъ на кладбище. Всѣ, сопровождавшіе ихъ, какъ разсказывала мнѣ жена, неистово смотрѣли на возвращающееся мое семейство, а нѣкоторые разразились при этомъ рыданіемъ и ругательствами противъ меня, который, по ихъ мнѣнію, сдѣлалъ ихъ несчастными.

Волненіе народное и мои безпокойства и страданія этимъ не окончились; цѣлое лѣто до самой осени меня тревожили разные слухи, распускаемые со стороны моихъ же прихожанъ, особенно израненныхъ и изувѣченныхъ во время усмиренія. Ихъ нельзя было разубѣдить и успокоить; всѣ сдѣлались ко мнѣ недовѣрчивы, всѣ стали страшными недоброжелателями моими изъ добрѣйшихъ, честнѣйшихъ и истинно набожныхъ моихъ прихожанъ. Какъ велико ихъ было недовѣріе ко мнѣ, слѣдующій случай можетъ показать. Спустя недѣлю послѣ усмиренія, викарій кіевскій, преосвященный Аполлинарій, посѣщая епархію, собственно для успокоенія народнаго, былъ въ Березнѣ; но никто изъ жителей не явился добро-

вольно въ церковь. Самого преосвященнаго Аполлинарія не признавали епископомъ; иные утверждали, что подъ видомъ его пріѣзжалъ братъ мой, монахъ кіево-михайловскаго монастыря, а чтобы удостовѣриться въ этомъ, посылали нарочно въ Кіевъ узнать, находятся ли на мѣстѣ преосвященный.

Возвратясь изъ Сквиры въ свой домъ, я вскорѣ снова заболѣлъ и, не могши самъ осмотрѣть церковь, послалъ пономаря, чтобы онъ очистилъ ее и привелъ въ порядокъ. Сдѣлавши, что слѣдовало, онъ пришелъ ко мнѣ и принесъ много бумагъ, отысканныхъ имъ за иконою. Разсмотрѣвши ихъ, я узналъ, что это были прошенія крестьянъ изъ 20-ти окружныхъ селеній на имя губернатора, въ коихъ они жаловались на разныя обиды и притѣсненія со стороны помѣщиковъ. Прошенія эти я, при своей бумагѣ, препроводилъ военному слѣдователю, маіору Громекѣ, квартировавшему въ домѣ помѣщика. Здѣсь же были собраны, незнаю для чего, и сосѣдніе помѣщики. Слѣдователь принялъ мою бумагу, и я не зналъ, какъ онъ поступитъ съ прошеніями; но чрезъ часъ прибѣгаетъ ко мнѣ озлобленный исправникъ и говоритъ: «что вы надѣлали мнѣ, батюшка! для чего вы мнѣ не дали тѣхъ бумагъ.»? Впрочемъ, скоро дѣло улажено было. Слѣдователь, узнавши содержаніе прошеній и обратившись къ помѣщикамъ, сказалъ: «теперь всѣ вы, господа, въ моихъ рукахъ; вотъ гдѣ причина бунта крестьянъ»! [1]) Но помѣщики, зная, что изъ этого выйдетъ и чѣмъ можно прекратить грозившую отвѣтственность, тотъ же часъ *погодились* съ слѣдователемъ, и прошенія остались безъ послѣдствій. [2]) Такъ мнѣ передавалъ добродушный и словоохотливый исправникъ. Съ этой поры мѣстные и окружные помѣщики сильно ко мнѣ не доброжелательствовали.

Въ виду озлобленія противъ меня моихъ прихожанъ, въ виду недоброжелательства помѣщиковъ и претерпѣнныхъ мною истязаній, митрополитъ Филаретъ и пр. Аполлинарій не разъ совѣтовали мнѣ

---

[1]) За нѣсколько лѣтъ предъ этимъ, въ началѣ управленія краемъ генералъ-губернатора Васильчикова, введены были *дополненія* къ инвентарнымъ правиламъ, которыхъ не допустилъ Д. Г. Бибиковъ. Они совершенно парализовали самыя правила. Никогда утѣсненія крестьянъ помѣщиками не достигали такой сильной степени, какъ въ это время.—*Ред.*

[2]) Извѣстное безкорыстіе С. С. Громеки освобождаетъ, кажется, его память отъ такого подозрѣнія.—*Ред.*

оставить Березну, предлагая мнѣ разные очень выгодные приходы; но мнѣ не хотѣлось оставить мѣсто, гдѣ я 20 лѣтъ священствовалъ и обзавелся хорошимъ хозяйствомъ. Такъ оставался я въ Березнѣ почти до осени 1856 года, каждый день и особенно ночь трепеща за свою жизнь. Въ концѣ лѣта того года шли чрезъ Березну резервныя войска къ Севастополю. Остановившись на дневку, начальствующіе посѣтили меня. Чрезъ солдатъ и другихъ имъ стало извѣстно о моемъ не безопасномъ и во всякомъ случаѣ тревожномъ положеніи и они убѣдили меня уходить изъ Березны. По ихъ словамъ, крестьяне продолжали считать меня причиною своей зависимости отъ помѣщиковъ, говорили и вѣрили, что я помѣшалъ имъ быть вольными, что по моей винѣ десятки женъ остались вдовами, а сотни дѣтей—сиротами.

Тяжело было мнѣ слышать незаслуженныя мною нареканія, еще тяжелѣе видѣть несчастныхъ, которые меня считаютъ причиною своего несчастія, и я рѣшился просить перевода въ село Пустоваровку; но пр. митрополиту Филарету благоугодно было самому перевести меня на мѣсто уѣзднаго протоіерея въ г. Звенигородку. Трудно было мнѣ привыкать къ городу послѣ столькихъ лѣтъ удобной сельской жизни; къ томуже, по причинѣ стеченія здѣсь разныхъ войскъ, и квартиру трудно было отыскать. Я просилъ епархіальное начальство возвратить меня въ Березну, но просьба моя уже не была уважена. Такъ я и остался въ Звенигородкѣ. Прежніе мои прихожане Березнянскіе, убѣдившись въ моемъ къ нимъ доброжелательствѣ и что безъ вины мучили меня, неоднократно обращались ко мнѣ съ просьбою, чтобы я возвратился и паки въ Березну, обѣщая мнѣ великія блага, просили, покрайней мѣрѣ, дозволить сыну моему, который тогда кончилъ курсъ, идти къ нимъ священствовать; но, послѣ всѣхъ претерпѣнныхъ мною бѣдствій, волю начальства моего я считалъ опредѣленіемъ Божіимъ и не тронулся съ мѣста, на которое подвинула меня судьба.

Протоіерей Василій Сикорскій.

Г. Звенигородка. 1882 г. Февраля 21 дня.

ФИЛИППЪ ОРЛИКЪ

и запорожцы [1]).

I.

Нѣтъ сомнѣнія, что большей части просвѣщенныхъ русскихъ людей извѣстна хотя вкратцѣ исторія южной половины нашего великаго отечества, особенно Малороссіи и ея козачества. Послѣ драгоцѣнныхъ сочиненій Бантыша Каменскаго и Маркевича, нѣкоторымъ источникомъ для изученія исторіи этого края и русскихъ колоній въ степяхъ (Новороссіи и Черноморіи) была книга наша, подъ заглавіемъ: *Исторія Новой Сѣчи* или *послѣдняго Коша Запорожскаго*, изданная въ Одессѣ въ 1841 г. въ одномъ, а въ 1846 году въ трехъ томахъ. Въ послѣдствіи времени собраны были нами еще новые документы, для исторіи Украины весьма драгоцѣнные, особенно тѣ, которые добыты нами въ частныхъ архивахъ юго-западной Россіи. Такъ какъ подобные историческіе матеріалы мало кому извѣстны и, вѣроятно, не будутъ нами напечатаны; то мы рѣшились подѣлиться ими съ читателями столь полезнаго, хотя и еще новаго изданія, какъ «Кіевская Старина», въ надеждѣ, что онѣ пригодятся для многихъ изыскателей исторіи южной Россіи, которые, подобно намъ, встрѣчали не разъ большія затрудненія отъ скудости письменныхъ достовѣрныхъ памятниковъ.

Изъ числа такихъ документовъ предлагаемъ пока три письма 1730-хъ годовъ, по нашему мнѣнію вполнѣ достойныя вниманія и ученыхъ людей и простыхъ любителей отечественнаго лѣтописанія. Это, во 1-хъ, письмо Филиппа Орлика къ казакамъ запорожскимъ; и во 2-хъ, отвѣты ему и хану крымскому отъ запорожцевъ. Къ этимъ

[1]) Изъ документовъ архива „Послѣдняго Коша Запорожскаго", собранныхъ въ 1839—1845 годахъ.

письмамъ, подъ одною нумераціею, присоединяемъ и тѣсно связанныя съ ними три письма кіевскаго генералъ-губернатора, графа Вейсбаха, къ Запорожскому Кошевому.

Всѣмъ знакомымъ съ исторіею Малороссіи памятны имена Мазепы и его главныхъ учениковъ и сообщниковъ: Орлика, Дорошенка и Герцика. Мы напомнимъ здѣсь вкратцѣ тѣ только событія, которыя необходимы для уразумѣнія предлагаемыхъ документовъ. Въ упомянутой книгѣ нашей (части II стр. 53—59) читатели найдутъ сказаніе о бѣгствѣ запорожскихъ козаковъ, увлеченныхъ Мазепою въ армію Карла XII, сперва въ Бессарабію, въ лагерь его близь Бендеръ, а послѣ, при помощи хановъ крымскихъ, въ сѣверныя степи таврической губерніи. Тамъ основали они въ 1709 году Кошъ или Сѣчь въ Алешкахъ [1]), на берегу Днѣпра, гдѣ и пробыли до 1733 г., то есть до окончательнаго переселенія, съ дозволенія русскаго правительства, въ предѣлы нынѣшней екатеринославской губерніи. Здѣсь, подъ покровительствомъ кіевскаго генералъ-губернатора, графа Вейсбаха, основали они на рѣчкѣ *Подпольной,* впадающей въ Днѣпръ, «Новую» и послѣднюю «Сѣчь», гдѣ и оставались до упраздненія всего Войска Запорожскаго въ 1775 году.

Филиппъ Орликъ, скитавшійся сперва въ Швеціи, а послѣ во Франціи, нашелъ себѣ наконецъ убѣжище въ Турціи, гдѣ онъ и сложилъ свою преступную голову. Но равно изъ Швеціи, какъ и изъ разныхъ мѣстъ турецкаго и ханскаго владычества, онъ подсылалъ къ казакамъ запорожскимъ и письма и эмиссаровъ, бунтуя ихъ противъ Россіи и убѣждая оставаться въ предѣлахъ крымскаго ханства. Одно изъ такихъ его писемъ столь оригинально, что мы предлагаемъ его во всей цѣлости. Мы просимъ читателей нашихъ обратить вниманіе на языкъ и слогъ обоихъ казачьихъ документовъ. Письмо Орлика, воспитаннаго, подобно Мазепѣ, на польскихъ вельможескихъ дворахъ, имѣетъ претензію на дипломатическіе обороты и нѣкоторыя познанія въ политическихъ событіяхъ,—напротивъ отвѣты запорожцевъ весьма просты и убѣдительны.

---

[1]) Нынѣ уѣздный городъ Таврической губерніи.

1.

Письмо Орлика къ Запорожцамъ.

«Мои вельце ласкавіе пріятели и братя, пане Атамане Кошовій и все старшее и меншее Войска Запорожскаго Низоваго товариство.

«Будучи въ далекихъ и отъ вашмостей, добрыхъ молодцевъ, Войска Запорожскаго, одлеглихъ краяхъ до Салонику запровоженный, а повернувшися оттуль въ сихъ дняхъ до боку Найяснѣйшаго Хана, его милости, одобралемъ тутъ, не такъ для мене, бо я не ищу моего особливаго щастія и пожитку, яко найбарзей для самыхъ же вашмостей, добрыхъ молодцевъ, для отчизны и для всего народу тамошнего, единоземцевъ вашихъ, непотѣшную вѣдомость, же вашмость, добрые молодци, запомнявши присяги своей, которою предъ Богомъ на непорочномъ Его Евангеліи обовязалистеся и обѣщали всѣ едностайне и единодушно, не только житія, але и послѣдней крове капли не жаловати, для вызволенія (освобожденія) тоей жь отчизны своей отъ тяжкаго и тиранскаго подданства московскаго, жаднимъ (никакимъ) обѣтницамъ ихъ не вѣрити, на сторону ихъ не склонятися и поти зъ ними войны не кончити, поки отчизна наша, зо всѣмъ народомъ войсковымъ и посполитымъ, не будетъ до первобытныхъ своихъ правъ и вольностей привернена и отъ незноснаго ярма московскаго высвобождена. Теперь власне (особенно), когда до выполненя тоей присяги щастяный, издавна пожаданій (желанный) пришолъ часъ, когда зъ едной стороны найяснѣйшій Король, его милость, французскій, найсильнѣйшій и найпотужнѣйшій (najpotężniejszy, самый могущественный) въ цѣломъ христіанствѣ непобѣдимый Монарха, соединившися съ королевскимъ величествомъ Гишпанскимъ, дядькомъ своимъ, и зъ королевскимъ величествомъ Сардинскимъ, братомъ своимъ, противъ Цесаря, его милости, христіанскаго и противъ Москвы, праведную и слушную выказалъ имъ войну и знатное уже, помощію Божіею, не тилько надъ войсками цесарскими въ Италіи звѣтяжество (zwycięztwo, побѣду) одержалъ, але и цѣлое тамъ королевство Ломбардѣйское и два великія княженія: Медіоланское и Мантуанское за мали жь барзо (очень) часъ,

бо тылько въ трехъ мѣсяцевъ, отъ цесарскаго величества одобралъ. А опричь тихъ силъ и войскъ союзнихъ французскихъ, гишпанскихъ и сардинскихъ, которыхъ 150.000 въ Италіи теперь знайдуется, особливо двѣстѣ еще тысячей самаго войска французскаго, одобравши двѣ княженія отъ князя Лотаринскаго, зятя цесарскаго, и добывши килька фортецъ Цесарскихъ надъ рѣкою Реномъ, переправилися уже черезъ тую рѣку и идутъ теперь до панства цесарскаго и у Вѣдны (до Вѣны), которымъ такъ великимъ силамъ въ Италіи французскамъ же Цесарское Величество малолюднымъ своимъ войскомъ не выдолаетъ постояти, звлаща (тѣмъ болѣе), когда и отъ турковъ треба стрегтися и въ поготовости быти, и же не тилько союзной себѣ Москвѣ жадной помощи давати, але и себе самого оборонити не можетъ. Не иначей о томъ цѣлый свѣтъ разумѣетъ и по человѣческу разсуждаетъ, знаючи добре, же Королевское Величество французское самъ еденъ, опрочь силъ союзныхъ гишпанскихъ и сардинскихъ, мѣетъ самимъ дѣломъ войскъ своихъ на морю и на земли 500,000; а до того цѣле уже Цесарское Величество, утративши надѣю, которую покладало на помощи Англіи и Голландіи, также на оборонѣ короля Дуньскаго (Датскаго) и Прусскаго, князя Баварскаго и иныхъ князей государства нѣмецкаго, не знаетъ и самъ, якъ мѣетъ съ собою поступити, и якъ тую войну провадити. Поневажь (ибо) всѣ тіи королевства и панства видячи, же Цесарское Величество и Москва неслушне и неналежне, а до того и богопротивно, на права и вольности Рѣчи-Посполитой Польской, до себѣ ни въ чемъ не належачой, гвалтовно наступуютъ, въ чужомъ панствѣ владѣти хотятъ и вольными голосами отъ всѣхъ едностайне найяснѣйшаго короля е. м. Станислава [1]), за Пана обранаго (избраннаго) законно, зъ королевства польскаго вызути (wyzuć, отрѣшить) усилуютъ,— не хотѣли и не хотятъ Цесарскому Величеству и Москвѣ въ войнѣ, зъ ихъ стороны неправедной, допомогати, же бы за тое Богу не одповѣдали и за пролитіе крови неповинной помсты (мщенія) отъ себя зъ неба не натягнули. И то есть зъ едной стороны, гдѣ можете вашмость, добрые молодци, видѣти и уважити, якъ великіе суть силы, которые намъ могутъ быти помощные, зъ другой зась (же) стороны, когда найя-

---

[1]) *Станислава Лещинскаго*, соперника Августа II Саксонскаго, которому помогалъ Петръ В.

снѣйшій король, е. м., польскій Станиславъ, тесть королевскаго величества французскаго, вольними голосами отъ цѣлой Рѣчи-Посполитой на королевство польское обраній, затягнувши въ Пруссахъ не мало войска чужеземскаго, а до того мѣючи въ помощь себѣ присланнихъ кильконадцять тысячей шведовъ и французовъ, рушилъ (ruszył, выступилъ) уже съ Гданска въ злученье зъ войсками польскими и литовскими, противъ Москвы; когда всѣ воеводства земли и повѣты такъ въ Коронѣ Польской, яко и въ великомъ Княжествѣ Литовскомъ, сприсягшися единодушно боронити достоинства Е. К. В. Польскаго, за Пана и Монарху отъ себя обраннаго, также отчизны правъ и вольностей своихъ, едни уже посполитымъ рушенемъ [1]) на кони противъ Москвы всѣли, а другіе всядаютъ; когда войска польское и литовское всюде въ Польщи и Литвѣ Москву громятъ и зносятъ (znoszą, уничтожаютъ); когда Швеція, учинивши съ королевскимъ величествомъ французскимъ и польскимъ союзъ, на войну противу Москвы приуготовляется, когда Порта Оттоманская безличонныя свои войска въ поготовности до порушенія держитъ, когда Ханъ его милость такъ сильные и такъ великіе орды двигнулъ и ку границамъ польскимъ уже зъ оными рушился;— въ тотъ часъ, теды, такъ погодній, такъ счастливій, такъ помисльній и такъ до ратованія отчизны способній,—далисте вашмость, добріе молодци, Войско Запорожское, увести и звестись Московскими хитрыми и прелестными обѣтницами, которыхъ, яко рѣдко кому додержують, такъ и вашмостемъ, добримъ молодцамъ, Войску Запорожскому, тимъ барзей не додержать, нимъ барзей имъ и всему нашему народу отъ давнихъ часовъ головными (главными) суть непріятельми. Не удивлялъбымся, если бысте, вашмость, добріи молодци, Войско Запорожское, не досвядчивши (испытавши) на себѣ самихъ ошуканства Московскаго, удалистеся на ихъ сторону, але то мнѣ есть дивно, же вашмость, добрые молодци, милая братія моя, мѣючи свѣжіе и живіе еще, опричь давнихъ доводовъ, приклады (примѣры) ложнаго упевненія Московскаго такъ на себѣ, яко и на отчизнѣ своей, латво (легко), порывчо (опрометчиво) и непомысльно теперь оному увѣрилисте? Авжежь (развѣжь) выгасло тое вашмостемъ, добримъ молодцемъ, зъ памяти, якъ Москва при

[1]) *Посполите рушенье* (*pospolite ruszenie*)—всеобщее вооруженіе дворянства, по приговору сейма.

добываню Сѣчи (1709), звабивши (приманивъ) прелестнимъ ласки царской упевненемъ (увѣреніемъ) старшину войсковую и товариство до присяги, утинала (ucinała, рубила) имъ въ таборѣ своемъ головы?—Якъ передъ тимъ давнѣй, нимъ еще взято Казикерманъ [1]), хотячи для утисненя и выкорененія Войска Запорожскаго Низоваго, городки Самарскіе садити (заселить, osadzić) и Каменный-Затонъ уфундовати, подъ покрывкою змышленою зложенія тамъ провіантовъ и запасовъ военныхъ,—грамотами царскими тоежъ Войско Запорожское упевняно, же, по окончанію зъ турками и татарами войны, знесенни будутъ тыи городки на Самарѣ и Фортеца на Каменномъ Затонѣ, але, що обѣшано, неисполненно?—Якъ подъ часъ войны Шведской, затягнувши на службу свою не мало товариства низоваго и упевнивши ихъ платою, запроваженно до Питербурга, а тамъ ихъ на каторги пороздаванно, гдѣ всѣ «погинули»? Не вонтплю (не сомнѣваюсь) о томъ, же Москва, видючи на себѣ отъ усюль войну тяжкую и не безпечную (опасную), схочетъ вашмостей, добрыхъ молодцивъ, Войско Запорожское, гладити, льстючи, золотыя имъ горы обѣцати, жалованьемъ грошевимъ потѣшати и всякими вольностями упевняти, лечь по конченю войны що съ вашмостями, добрыми молодцами, станется и до якого несчастія и згубы (гибели) своей, чего не жичу (не желаю), прийдется? Сами на себе дознаете и будете того жаловати (жалѣть), що теперь порывчо и неразмыслне, не зглядаючися на задніе колѣса, учинилисте, такъ власне (именно), якъ теперь цѣлій народъ Украинскій, братія ваша, сродники и единоземцы ваши, жалосьне и слезне на себе нарекаютъ, же, не послухавши зичливыхъ и правдивыхъ, славной памяти небожчика (покойнаго) гетмана Мазепы пересторогъ, увѣривши неприязненнымъ и ошуканскимъ московскимъ упевненямъ, которые въ грамотахъ царскою рукою властною подписанныхъ и стверждениихъ всюди въ Украинѣ по всѣхъ городахъ и по всѣхъ церквахъ публичнымъ читанемъ оголошали и Бога самаго на тое въ свидѣтельство представляючи, Войско Запорожское городовое и Низовое и цѣлый народъ упевняли, же права и вольности войсковіе ни вчемъ ни когда въ вѣчніе часы не будутъ зъ стороны ихъ Московской нарушенни и зламани, але вси люде войсковіи и поспо-

---

[1]) *Кази-Керменъ*, нынѣ *Бериславъ*, городокъ на Днѣпрѣ, въ херсонской губерніи. Каменнаго Затона остались одни слѣды.

литіи въ такихъ власне вольностяхъ будутъ жити, въ якихъ передъ тимъ зоставали за дній житія, славной памяти небожчика, гетмана Богдана Хмельницкаго. Если прето (przeto, слѣдственно) Москва додержала своихъ обѣтницъ, поприсяжныхъ, вѣдомо то есть барзо добре не только вашмостемъ, добрымъ молодцемъ, Войску Запорожскому, але и цѣлому свѣту. Поблажала вправде Москва зъ початку всему нашему народу Украинскому, осипала копѣйками старшину всю и значное товарищество войсковое и городовое, одѣвала ихъ соболями, роздавала имъ маетности, поки надъ шведами подъ Полтавою не одержала звитяжства (побѣды), по которомъ заразъ першъ войска свои въ Украину впровадила и всюды въ городахъ и селахъ на квартирахъ расположила, такъ далеце, же а ни енеральныхъ особъ [1]), а ни полковничіе, а ни поповскіе, а ни козацкіе домы не моглы быти отъ станцій (постоя) тихъ московскихъ вольніе. Потомъ зась, якъ скоро зъ шведами таяжь Москва войну скончила и покой (миръ) съ ними потвердила, такъ заразъ обѣтницы свои поприсяжные и граматами царскими отверженніе отмѣнила, вольности всѣ поломала, судъ и права (законы) свои мучительскія въ Украину впровадила и установила, а наши войсковіе знесла, Урядъ (urząd, чинъ) Гетманскій отстановила и искоренила, Коллегіумъ якоесь свое зъ 12 народу своего особъ, а барцей зъ 12 окрутныхъ (жестокихъ) мучителей зложенное, въ Глуховѣ утвердила, которые якъ людей нашихъ зъ худобъ здирали, едному зъ другимъ на единѣ розмовляти не позволялы, тиранско мучили, кнутовали, на страстку (встряску, пытку) тянули, ребра ломали, якъ свиней повязавши на жару пекли, смолою кипячею поливали, вѣшали, стинали (рубили головы), чвертовали и иные многія мучительства, въ свѣтѣ неслыханные, надъ народомъ нашимъ пополняли! И когда енеральніе особы, полковники и вся старшина, зо всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ городовымъ и зо всѣмъ народомъ, до Царскаго Величества покорне и слезне, чрезъ пословъ своихъ, захованье правъ и волностей своихъ и о додержаніи слова царскаго упевненя и обѣтницъ грамотами подтвержденныхъ суплиховали (supplicare, просили) и упоминалися, теди, всѣхъ ихъ забравши и до Питербурга подъ вартою (карауломъ) запровадивши, единихъ помученно, другихъ въ ссылку на выгнане позасиланно, а иныхъ

[1]) „Генеральная Старшина": Гетманъ, Эсаулъ, Судья, Писарь войсковые и др

въ тяжкомъ вязенню (więzienie, тюрьмѣ) осажено, въ якомъ мусилъ килка лѣтъ страждати и самъ кривоприсяжца и отступникъ нашъ, небожчикъ, миргородскій (полковникъ) Данило Апостолъ, любо добре барзо Москвѣ прислужился, зламавши присягу свою и отступивши отъ насъ на сторону противную, за котораго вашмость, добріе молодци, оставивши мене гетмана своего, вольными отъ себя голосами не такъ обраннаго, яко до принятія того уряду примушеннаго, казалисте въ церкви своей черезъ килка лѣтъ Бога молити за тую его ку себѣ присягу: же Москвѣ Калагана [1]) залецилъ (рекомендовалъ) на зруйноване Сѣчи Запорожеской. Наконецъ, хотячи Москва Войско Запорожское городовое не тилько обезсилити, але и вигубити, винайшла была на тое способъ—копанье (рытіе) якогось тамъ, въ далекой своей сторонѣ, каналу и фундоване въ Персіи фортецъ, на якіе мѣсца такъ одлегліе по кількадесятъ тысячей козаковъ указами своими спровадивши, еднихъ тяжкими и незвычайными работами помордовалы, другихъ голодомъ поморилы, а иныхъ борошномъ гнилымъ струхлымъ, зъ ящурками и зъ вапномъ (известью) помѣшаннимъ, потруили. Уважте теди вашмость, добрые молодци, Войско Запорожское, до якихъ идете, чили одошлисте приятелей! Пишу тое все, що и передъ симъ многократне и обширнѣ до вашмостей, добрыхъ молодцовъ, Войска Запорожскаго для предостороги имъ писалемъ [2]). А если неправду пишу, обличите мене о неправдѣ; лечь сподѣюся, не можетъ мнѣ никто изъ самихъ неприятелей лжи въ томъ давати, поневажь все тое, щоколвѣкъ тутъ вашмостемъ, добримъ молодцемъ, прекладаю (совѣтую) и въ чемъ ихъ перестерегаю, цѣлому свѣту есть вѣдомо и многіе суть межь вашмостями, добрими молодцами, отъ мучительства московскаго избѣгшіи, которіе, сами того самовидцами будучи, могутъ тое, що теперь пишу, посвѣдчити и правду мнѣ признати. Пытаю теди вашмостей, добрыхъ молодцевъ, Войска Запорожскаго: що такъ ведлугъ (по) присяги своей, на непорочномъ Евангеліи передъ симъ виконанной, отчизнѣ, отцемъ, братіи своей и сродникамъ и всему народу нашему украинскому учинилисте, удаючися подъ владзу и

---

[1]) Полковника Галагана, взявшаго и разорявшаго „Старую Сѣчь“ ихъ на Чертомлыкѣ въ 1709 году.

[2]) Изъ Стокгольма писанное его посланіе напечатано въ Исторіи *Маркевича* Т. IV. стр. 350 и изъ Рашлава стр. 356.

пановане московское? Если (или) поправились те права и вольности войсковіе, отъ Москви зламаніе и отнятіе? Если договорилисте и утвердили тое крѣпцѣ, жебы Москва гетманскаго уряду въ потомніе часы не зносила и городовъ въ власть свою не отбирала, и войсками своими не осажовала? Албо жебы Москва гетмана зъ своей стороны москаля или волошина якого и гвалтовне не накидала,—лечь вольное на урядъ той гетманской избраніе войску зоставала? Если войска московскіе зъ Украины будуть зведенни и николи тамъ въ потомніе часы не будуть на станціяхъ разставляны? Если Москали, Волохи, Сербы и иніи чужеземцы, равно какъ и перехристы отъ урядовъ тихъ и иныхъ войсковихъ будуть отставленни, а на ихъ мѣйсце козаки, добре въ войску заслуженни, обрани и постановлени? Если козаки, опричь належитой себѣ службы войсковой, до жадныхъ тяжкихъ и незносныхъ работизнъ небудуть примушенны? Если зъ Полтавы, зъ Глухова и зъ иншихъ городовъ, опричь Кіева, Чернигова и Переяславля, Москва будеть спроважена? Если города и села, разнимъ особамъ народу Московскаго, волосскаго и сербскаго въ подданство розданніе, будуть отъ нихъ отобраны и подъ гетманскую власть привернены? Если обваровалисте вашмость, добріе молодци, и тое, жебы Москва въ права наши не мѣшалася, а свои, которые установила въ Украинѣ, знесла, до судовъ своихъ людей нашихъ не потягала, справъ (дѣлъ) жадныхъ не судила, людей нашихъ не карала ни смертіею, ни на худобѣ, ни на здоровьи, подарками жадними, данинами, подводами далекими и иными незличоными тяжарами (ciężary, тягости), не утеменжала (uciemiężać отягощать)? Если на остатокъ Войско Запорожское городовое и низовое по прежнему при правахъ и вольностяхъ своихъ, ни въ чомъ никогда не нарушенныхъ, будетъ зоставати, и до реименту гетманскаго, а не до власти и повеленія воеводъ и енераловъ московскихъ належати?—Лечь знаю добре, же вашмость, добріе молодци, Войско Запорожское, все тее оставивши и жадной помощи и облегченія отъ тягостей и отъ тиранства московскаго, всему народу такъ войсковому, яко и посполитому не учинивши, и оставивши также всѣ свои угодія, пожитки и здобычи въ Днѣпрѣ, въ Богу (Бугѣ) и въ всѣхъ, по обоимъ сторонамъ Днѣпра, рѣчкахъ и поляхъ до Москвы належачихъ, удалистеся или удаетеся въ сторону московскую, себи и ясему народу своему не-

приязненную и вражлебную. Хочу прето (поэтому) вѣдати: гдѣ вашмость, добрія молодци, Войско Запорожское умислили и урадили Сѣчь себѣ заложити и уфундовати? Певне по тамтой сторонѣ Днѣпра? Турки и татаре вамъ того не допустятъ, поневажь (ибо) тамъ тотъ край, гдѣ найбольшіе ваши знайдутся пожитки и угодія, яко то въ Самарѣ и на иншихъ мѣйсцахъ, въ область Турецкую и Татарскую вѣчними часы отъ Москвы есть отдани мирными договорами подтвержденными и ажь по Орель [1]) рѣку отграничены; яко и самы, вашмость, добрые молодци, знаете, понеже отъ нихъ же самихъ войсковое товариство было до коммисаровъ турецкихъ на разграничене приданное. По сей же сторонѣ Днѣпра ани на едну пядь земли нигдѣ Москва, опрочь Кіева, Триполя и Василькова, не мѣеть, наветь (даже) и самая Сѣчь-Старая [2]) до оной не належить, и вѣчными часы неповинна належати, що есть моцно межъ Портою оттоманскою и Москвою, першь подъ Прутомъ, потомъ въ Стамбулѣ, а по трете въ Адріянополѣ тимижь мирными договорами утверждено и обварованно. А до того и вся сегобочная пустыня зъ полями, рѣками и рѣчками, една до Рѣчи-Посполитой Польской, Украинѣ сегобочной прилученна и въ областѣ Ляцкую не только тимижь самими Прутскими, але и давнѣйшими Карловицкими договорами подтвержденна и отграничена; а другая до турковъ и татаръ, по самый Очаковъ, належитъ. Разсудите прето, вашмость, добрые молодци, Войско Запорожское, и розумными своими головами уважте: гдѣ подъ московскою владзою осядете, гдѣ будете напотимъ на соли, на рыбѣ и на звѣрѣ здобыватися, гдѣ будете пасѣки свои мѣти и стада, которые подъ обороною Хана е. м. расплодилисте, ховати и пасти? Певне Москва не схощетъ для васъ ани зъ турками, ани зъ татарами за тіе земли, по обоимъ сторонамъ Днѣпра зостаючія, войны провадити, овшемъ (напротивъ) рада будеть, (чтобъ) и имени тамъ никогда Войска Запорожскаго низоваго не было, яко тое былъ уже постановилъ небожчикъ государь царь Петръ Алексѣевичъ, тилько чекалъ (ждалъ) докончеия войны зъ шведами. Не хочу быти пророкомъ на несчастье вашмостей, добрыхъ молодцовъ, Войска Запо-

---

[1]) Орель, рѣчка въ екатер. губ.

[2]) *Старая Сѣчь*, нынѣ с. Капуловка, ек. губ. и уѣзда.

рожскаго, котораго никогда, яко естемъ зичливый ихъ приятель, не жичу (не желаю), але якъ въ зеркалѣ ясно тое вижу, же Москва, привабивши (заманивши) вашмостей, добрыхъ молодцовъ, Войско Запорожское, до себе на войну противъ Турковъ, Татаръ, Ляховъ и Шведовъ, по скончену оной будучи тожъ великими силами притисненна, цале (вовсе) и не схощетъ и не возможетъ, для покою своего при мирныхъ договорахъ, избы за нихъ отворити и о тіе пустые мѣйсца, мнѣй себѣ потребніе, упоминатися, але мѣючи причину, же, не могучи вашмостей, добрыхъ молодцовъ, Войска Запорожскаго, ни гдѣ по обоимъ сторонамъ Днѣпра осадити, исполнитъ латво давное свое намѣреніе и неприязненные замыслы, и забравши вашмостей, добрыхъ молодцовъ, Войско Запорожское, занесетъ ихъ за Волгу рѣку и искоренитъ тимъ самимъ въ вѣчные часы и гнѣздо войсковое и имя Войска Запорожскаго низоваго. До кого прето напотимъ, въ таковомъ своемъ несчастю, въ оборону удастеся (обратитесь)? Певне ани Турки, ани Татары, ани Ляхи, дале не схотятъ васъ приняти, охоронити и оборонити, видя вашъ теперишній, такъ безчестній и такъ срамотній нестатокъ (непостоянство), якимъ на сей часъ по себѣ цѣлому свѣту показалисте и славу свою войсковую, на которую предки ваши и вы сами кровію и отвагами своими, на морѣ и на земли, себѣ и наслѣдникомъ своимъ заробляли. Признаюся вашмостемъ, добрымъ молодцемъ, милой братіи моей, же мушу (muszę долженъ) теперь не тилько предъ Портою Оттоманскою, але и предъ такъ великимъ монархомъ, королевскимъ величествомъ французскимъ, королевскимъ величествомъ польскимъ и королевскимъ величествомъ шведскимъ стыдитися, для теперешняго вашего непостояннаго поступку, поневажъ такъ Порта Оттоманская, яко и всѣ тіе монархи, будучи отъ мене многими письмами (гдыжь я въ Солонику чрезъ 12 лѣтъ руки зложивши даремне не сидѣлъ) упевненни и добре увѣдомленни о мужествѣ, отвагахъ и о статечномъ (постоянномъ) и непоколебимомъ вашмостей, добрихъ молодцовъ, Войска Запорожскаго, едностайномъ и поприсяжномъ, ку высвобожденню отчизны предсявзятіи (предпріятіи) и замыслахъ, обѣщали намъ, при помощи Божой и при помощи найяснѣйшаго Хана, цѣлымъ сердцемъ намъ жичливаго и ласкаваго, всякими способами и войною и мирными договорами намъ въ томъ допомогати. Памятайте теды вашмость, добріе молодци

Войско Запорожское, на Бога и на присягу свою Ему, на непорочномъ Евангеліи виконанную, которую весполь (вмѣстѣ) зо мною обязалистеся ратовати отчизну свою отъ тяжкаго и незноснаго подданства московскаго. Ужальтеся надъ отцами, братіею, сродниками и всѣми единоземцами вашими, мучительствомъ, здирствомъ и несноснымъ тиранскаго московскаго панованя ярмомъ обтеженными (отягощенными), а що найгоршое—не могучими быти вольними ани въ худобахъ, ани въ здоровю, ани въ житіи, ани въ жонахъ, ани въ дочкахъ своихъ отъ войскъ московскихъ, всюда по гродахъ и селахъ въ Украинѣ на станціяхъ расположеннихъ. Будутъ они на вашмостей, добрихъ молодцовъ, плакати и о помсту до Бога волати (призывать), ежели ихъ въ большую и тяжшую, отходомъ своимъ до Москви, впровадите неволю. На насъ они по Богѣ висвобоженя своего имѣютъ сталую (постоянную) надѣю, яко мене о томъ часто чернци зъ монастырей кіевскихъ и иныхъ украинскихъ, чрезъ Салоникъ купами до горы святой Аѳонской переходячи, и розніи купцы упевняли и плачь людскій объявляли. Не оставте прето вашмость, добріи молодци, Войско Запорожское, милой своей отчизны безпомощной и безнадежной! Не вонтплю (nie wontpię, не сомнѣваюсь) о томъ, же Москва, ежели еще не подтягла, то запевне схощетъ вашмость, добрыхъ молодцевъ, подтягти до виконаня на вѣрность себѣ присяги, але о томъ вонтплю, аби таяжь Москва схотѣла зъ стороны своей поприсягнути на додержаніе того всего, чимъ вашмостей, добрихъ молодцевъ, упевняетъ, чего она николи не учинитъ, а если учинитъ, то для большаго вашего ошукання (обмана), жебы своею ложною присягою могла васъ прельстити и погубити; лечь знайте вашмость, добріе молодци, же тая присяга, если оную уже выконалисте (совершили), не есть важная и предъ Богомъ грѣшная, поневажь першъ присягнувши единодушно на висвобожене отчизны, теперь двоедушно присягнулисте, чили мѣете присягати на погибель тоейжъ своей отчизны? И гдижь Москва, мѣючи вашмостей, добрихъ молодцовъ, себѣ присяглихъ, якъ схочетъ, такъ зъ вами и зъ отчизною нашею поступитъ, а такъ присяга ваша таковая могла бы вамъ на души зашкодити, а отчизну въ погибель впровадити и ваши вольности погубити. За чимъ прошу вашмостей, добрыхъ молодцевъ, Войско Запорожское, и обовязую ихъ любовію ку отчизнѣ и тоюжь самою присягою, которую

предъ Богомъ учинилисте и предъ Нимъ обѣщали боронити и увольняти туюжь свою отчизну до послѣдней крове капли,—аби, оставивши тое свое намѣреніе, якое предъ себе забралисте, чили забираете,—удатися на сторону себѣ и отчизнѣ своей враждебную, не опущали такъ погоднаго и счастливаго часу, который намъ теперь подается, при такъ великихъ и не звитянженнихъ силахъ до исполненя нашихъ поприсяжныхъ обовязковъ (obowiązków, обязанностей), и гдижь если непостоянствомъ нашимъ утратимо сей часъ до высвобожденія милой нашей отчизны, николи уже такого не знайдемъ и не дочекаемся въ потомніе часы. Упевняю наконецъ вашмостей, добрыхъ молодцевъ, Войско Запорожское, же я тутъ при Хану его милости зостаючи, всякое пильное, зичливое и неусыпное о васъ мѣю старане и выразумѣлемъ тое совершенно зъ его Ханской милости, же есть яко зъ натуры ласкавій панъ, до вашмостей, добрихъ молодцевъ, Войска Запорожскаго, цѣлимъ сердцемъ прихильнѣнъ и всего вамъ и отчизнѣ нашей добра желаючій; потреба тилько, абысте вашмость, добріе молодци, Войско Запорожское, одозвалистеся до его Ханской милости, чрезъ посланнихъ своихъ листовне и освядчилистеся предъ нимъ, же никогда не мыслитесте въ противную сторону московскую удаватися и отдалятися отъ оборони и отъ владзи его Ханской милости, а тутъ же и въ поготовности зоставати до походу военнаго, по первомъ его Ханской милости указу. Я зась христіанскимъ сумнѣнемъ (совѣстію) упевняю вашмостей, добрихъ молодцевъ, Войско Запорожское, же небудете того жаловати и не тилько плату, але и слушную (надлежащую) нагороду за праци (труды) и отваги свои отберете, и имѣти будете въ польской сторонѣ пожитечніе и выгодніе станціи. Пишу тое все до вашмостей, добрихъ молодцевъ, Войска Запорожскаго, ревностно, зъ щирой моей ку нимъ и ку отчизнѣ любви и приязни, яко той, который непрестане зостаю

«Вашмостемъ, добримъ молодцемъ, Войску Запорожскому, щиро зичливый, всего добра приятель и братъ, «Филипъ Орликъ, гетманъ Войска Запорожскаго».

Зъ Каушанъ. 23 Апрѣля, 1734 року [1]).

[1]) *Каушаны*,—мѣстечко бендер. уѣзда въ Бессарабіи, лѣтняя резиденція хановъ крымскихъ и постоянная ставка ногайскихъ сераскировъ буджацкой (южно-бессараб.) орды.

Императорской Библиотека Кiевск. Дух. Академiи

2.

Отвѣтъ Запорожцевъ Орлику.

«Ясне вельможнiй мосце Пане, Филиппъ Орликъ, Гетмане, нашъ вельце ласкавiй мосце Пане и добродѣю.

«Получивши мы, Войско Запорожское Низовое, два листы сего мая 6, единъ отъ Г(х)анскаго величества, а другой отъ вельможности вашей, нарочне съ паномъ гетманомъ и стражникомъ дубоссарскимъ присланнiе, и онiе вычитавши публичне въ общой Нашой войсковой радѣ, зъ онихъ, а найпаче зъ вашего гетманскаго листу всѣ довольнiе пункта положеннiе виразумѣлисьмо. Перве, что теперешняго часу Порты Оттоманской зъ града Солуни до боку Ганскаго величества и къ Каушанамъ прибулисте, а потомъ въ немъ объявляете: же много французскаго войска, гишпанскаго и сардинскаго, сколько сотъ тысячей, на Цесаря Христiанскаго и на войско Е. И. В. московское войну точить (вести) прибралися, албо то вже точивши битву надъ цесарскимъ войскомъ, гдѣсь въ Италiи, звитяжества одержали и королевство Ломбардѣйское и два княженiя Медiоланское и Мантуанское отъ Цесарскаго Величества одобрали, албо рачей (или лучше сказать) шведское и литовское войско приуготовилось и мислитъ за Станислава Лещинскаго на тоежь христiанское войско московское и царское помсту чинить, причитуючи и Гана Крымскаго зъ Ордами за тогожь Лищинскаго въ помощь статы. Только вельможность ваша на насъ, Низовое Запорожское Войско, зѣло скорбите, же на сiй часъ за нимъ Ганомъ крымскимъ тамо не пойшли и въ помощь зь вами ему не стали, но удалисьмыся отъ него подъ протекцiю прежняго Нашего православнаго Монарха, сiе есть Е. И. В. Въ якiй будто теперешнiй барзо погоднiй часъ, за поводомъ реименту вашего, моглибъ себѣ отчизну малороссiйскую совокупне, для пожитку и для вольностей, отстоять, припоминаючи намъ, Воиску, и тое, якiе вольности и права въ Е. И. В. вимовили, албо карностью (строгостью) московскою страшите, жебы по первомъ, якъ Сѣчь Старую взяли, албо якъ негдись зъ подъ городковъ Казикерменскихъ на службу у войско нашихъ козаковъ затягши потратили, и на каторги позадавали и теперь тако же показнили. Да къ томужъ и народъ малороссiйскiй вспоминаете, ижбы на насъ,

Войско, о помсту до Бога не волалъ, чи то не плакалъ, что за нашимъ войсковымъ же нерадѣніемъ отъ подданства московскаго при правахъ таковыхъ, якъ за Богдана Хмѣльницкаго было, не зосталъ.

За чимъ проты оныхъ пунктовъ до вашей вельможности отвѣтствіе сіе наше листовное воздаючи, тако ознаймуемъ. *Первое*, ижь нужды ради таковой отъ Ганскаго величества мы мусѣли (были вынуждены) отдалитися, же превеликую кривду отъ татаръ за утѣкающіе ихъ крымскіе и ногайскіе невольники маемъ, албо рачей за кони, товаръ а овци, невѣстъ гдѣ погибающіе, по суду ихъ татарскому, на пастне платячи и снашби нашей дале не стало; *другое*, Ногайци, взявши отъ Лиману великаго горѣ (въ верхъ) по саміе пороги, увесь Днѣпръ и степь отняли, же мало есть зъ чего намъ войску контентоватися; *третое*, яко може сами вельможность ваша слышали, нашихъ козаковъ на полтори тысячи за Бегли-Герей-Гана (*Менгли-Гарей II, Ханъ, сынъ Селимъ Гирея-Хана 1724*) у Бѣлогородщины на каторги запродали, якимъ не по волѣ, но усиловнѣ теразнѣйшій (нынѣшній) Адиль-Герей, Кама-Султанъ, поднимаючи Бѣлогородскую орду на Кримъ, зъ Богу рѣки и до себе затягалъ; и весьма тогда помилованія отъ нихъ не имѣли, опрочей тихъ еще нашихъ казаковъ, что Наши Очаковскіе много попродали, а подъ Азовомъ, за звѣринною добычею коло Камніуса рѣки ходячихъ, на килко десятъ въ неволю забрали; далей мовивши, и ляхамъ Е. М. Ганъ въ драчу насъ допустилъ, а за нашихъ козаковъ, которыхъ въ Брацлави и по иныхъ городкахъ украинскихъ за торгомъ зъ рыбами ходящихъ, ляхи, невинне позабиравши, повѣшали и худобами ихъ завладѣли, а и зыску жадного намъ Войску не достоялъ; а на остатокъ, горше всѣхъ тихъ причинъ уважаючи себѣ тое, если бысмо пошли за нимъ Ганомъ и за вами Гетманомъ, въ помощь проты войска Е. И. В., то яко Орда не звикла городковъ добувать, токмо людей нашихъ христіанскихъ набрала бы, якъ минувшихъ годовъ подъ Бѣлою Церквою и подъ слободамы и вступивши въ Крымъ зъ собою въ неволю вѣчную запровожала, то певне (вѣрно) вжебы тогда сугубое неблагословенство отъ Бога за плачь христіанскій и за пролитіе крови невинной и проклятіе вѣчное одержали, и милости бы еже отъ Е. И. В. о принятіи никогда подъ Ея область весьма не надѣялися. Для чего можете разсудити и въ томъ не тако, яко у вашемъ письмѣ

положено, что будто мы, Войско, на прелестніе письма московскіе отъ Гана удалисмося, але саміе мы, по изволенію нашемъ войсковомъ, челобитніе наши писма до Е. И. В. уносили и просили: чтобы давнихъ нашихъ преступленій, якіе, будучи зъ препростаго нашего козацкаго ума и невѣжества, за поводомъ и указомъ покойнаго Мазепы, сотворили и о принятіе до первой ласки о милость просилисьмо. Аже, слава Богу найвысшему, и получили и во томъ не вонтпимо; воля Е. И. В. да будетъ насъ Войско казнить, или зволитъ животомъ даровать, то гдѣ же собыстся грѣхъ, тамо нехай буде и покута (покаяніе). Еднакже яко она милостивая есть Императрица, видячи наши войсковые вѣрніе услуги, якіе впредь обѣцалисьмося показовать Ей, надѣемося, же не подастъ насъ, Войско, никому въ поруганіе и по заслугамъ нашимъ при ласцѣ своей императорской содержоватиметъ. Раяли бы (совѣтовали) мы, войско, и вельможности вашей впредѣ еще сего Гханскаго походу, аще бы гдѣ въ недалекомъ отъ насъ мѣстцу зоставали, зъ нами войскомъ посполу (вмѣстѣ) до Ея жъ Императорскаго Величества доношенія подносить и о милость такуюжь, якъ и мы, прохать; то и вашу особу, чаемъ, изволила бы принять и при давнихъ вашихъ угодіяхъ и маетностямъ тримати (содержать). А теперь ежели въ союзъ зъ Гханскимъ величествомъ соединилися,—на увагу (разсужденіе) тое, якъ поволите, чинити слагаемъ, ибо хотя Ганъ Крымскій и Украину,—чего не дай ему Боже!—отстоялъ бы, то не сподѣваемся, ижбы подъ вашъ рейментъ вручилъ, то такъ знайдетъ онъ вспять иному кому,—якъ прежде сего ляхамъ былъ на поруганіе нашей вѣры и обращеніе святыхъ церквей до уніи подалъ,—отлучити. Зачимъ уже сего ради жадной помощи къ вамъ нашего войска да не изволите большъ до насъ писати, занеже естесмо уже Ея Императорскаго Величества мы, Войско Запорожское, слуги, а не Гханскіе, Которой имѣемо до живота, отъ рода въ родъ, служить и за счастливое Ея владѣніе и всего посполитаго христіанскаго народу становитися. Тако отвѣтствуемъ и поклонъ нашъ войсковый вашей вельможности воздаючи, назавше зостаемъ

«Вельможности вашей всего добра желательствующіе и до услугъ готовые

«Ея Императорскаго Величества Войска Запорожскаго Низоваго Атаманъ Кошовій Иванъ Милашевичъ, со всѣмъ товариствомъ.

3.

Отвѣтъ запорожцевъ на требованіе Капланъ-Гирея хана соединиться съ Орликомъ.

«Найяснѣйшій и сильнѣйшій мосце Пане, Капланъ-Гирей Ганъ, великихъ Ордъ Крымскихъ, Бѣлгородцкихъ, Буджацкихъ, Ногайскихъ, Черкасскихъ і протчихъ державцо, намъ вельце ласкавый мосце пане и особливый добродіе!... [1])

«Листъ вашъ Ганскій, парочно чрезъ посланнаго вашего, пана гетмана и стражника дубоссарскаго, до насъ, Войска Запорожскаго Низоваго, присланій, благопріятно мы войско до своихъ рукъ одобрали (odebrali, получили) и оній, по обычаю нашему войсковому, въ общой радѣ нашей всѣмъ вслухъ, также при немъ и другій пана *Филиппа Орлика* гетмана поданій вычитавши, увѣдомилисмося, что ваше Гханское величество изволите насъ войско вспять подъ свою протекцію принять, и даете на первое мѣстце внизъ Днѣпра и къ Олешкамъ и Кардашину и Сырти и Кошемъ осѣстись (osieść się, основаться), обѣцаючися при первой ласцѣ (милости) и вольностяхъ Днѣпровыхъ насъ Войско содержати, а найпаче помянутаго пана гетмана Орлика, якій по указу Порты Оттоманской зъ Солуни града до боку вашего Гханскаго величества прибувъ, ведлѣ (по) его до насъ написаннаго листу слушати и за водза (вождя) его себѣ мѣти. Для чего якъ перве, при отходѣ нашемъ зъ подъ державы вашей Крымской, писалисмо подякованье наше належитое войсковое вельможности вашей воздаючи, такъ и теперь повторне отвѣтствуючи, найвышему Богу хвалу и честь возсылаемъ и вашей Гханской милости и всему Панству Крымскому, до земли ажъ покланяемся и дякуемъ (dziękujem, благодаримъ) за хлѣбъ и соль, что чрезъ которые лѣта подъ вашею протекціею мѣшкаючи (обитая), кормилисьмося, и желаемо уже не тайно, лечь (но) явно, подъ властью и обороною Ея Императорскаго Величества, первыхъ нашихъ православныхъ монарховъ наслѣдницы теперешней и Самодержицы Всероссійской, въ вѣчніе часы (времена) жить и Ей вѣрно служить. А умысльне ради того подъ протекцію Ея Императорскаго Величества удалисмося (за что тоже на насъ войско и

[1]) Весь титулъ писанъ по формуламъ польской дипломаціи.

гнѣвъ ваше Гханское Величество мѣете),—что барзо (очень) превеликую нужду отъ ногайскихъ ордъ мѣлысмо, которые взявши отъ низу Днѣпра, великаго Лимана ажъ по самые пороги, горѣ Днѣпръ, со всѣми тамошними по тый сторонѣ степовыми угодіями и пожитками, отняли; тымъ же то ногайцамъ и своимъ крымскимъ татарамъ, за утѣкающіе невольники, за овцы, кони и достатокъ (пожитки), гдѣ моглосябъ подѣти, допустили великую на насъ драчу. Сіе есть не дивнобъ намъ за виннаго, котораго мы войско не токмо доплатки не заступаемо, але и смертной казни предавать не жалѣли, але дивнѣйше, самую правду рекши, за тое, что хочь якъ за невинность нашу присягаемъ, предъ судами вашими мѣсурманскими, якіе звыкли були чрезъ султановъ и нѣкоторыхъ мурзъ часто присягаючи постановлять, но ни въ чемъ вѣра не была намъ дана, и едно тими присягами души свои попроклинали; другое—и невиннее платючи за невольники, товаръ (скотъ) и кони своижъ субстанціи (имущество) позбавляли. Также ляхамъ до драчи допустили; а наши козаки, якихъ сами знаете, что зъ рыбами бывало ходятъ у Брацлавъ и по иныхъ городахъ, на килько сотъ повѣшали, всѣ марне попропадали, и зыску за нихъ намъ отъ стороны польской, жадной (никакой) не учинили. Къ томужъ уважаючи и на тое, яко то прошлыхъ лѣтъ Адиль-Герей его милость, а нынѣшній Калги-Султанъ [1]), всю орду Бѣлогородскую [2]), на Крымъ за пановання (царствованія) бывшаго его милости Бели (Менгли) Герей-Гана поднялъ былъ, и нашихъ козаковъ зъ Богу до себѣ затягъ, а гдѣ его милость Ганъ-Бели-Герей, зъ войскомъ своимъ крымскимъ, противу его въ повѣтъ бѣлогородскій выходилъ и тамо его салтанское войско распудилъ (rozpędził, разогналъ); то жаднаго своего и единаго турка, а ни простаго татарина смертно не скаралъ, а ни въ неволю не спродалъ, тилько нашихъ козаковъ повиноватили и на полторы тысячи душъ на каторги запродали, а потомъ, сами вѣсте (wiecie знаете), за тотъ поднёмъ его милости Калги-Салтана жадней нашей вины не было. Азовскіе также татаре, что на томъ боку степу, около Калмуса рѣки, козаковъ невинне ходящихъ за звѣремъ побрали сколько десять и колько разъ упоминалисмося и

[1]) Кама султанъ—наслѣдникъ ханскаго престола.

[2]) Орда „бѣлогородская", т. е. кочующая на степяхъ буджацкихъ, между Акъерманомъ (Бѣлъ-городомъ) и Бендерами.

прохали вашего величества, и милостью не визволили (не освободили). То и теперь аще бы мы войско за вашимъ Гханскимъ величествомъ на помощь Ляхамъ пойшли, жебъ на потомъ яки напастнѣ не вышли и такъ, якъ при Калжиномъ походѣ, побравши не попродавали, албо здѣсь ногайцы не забрали, або не вырубали, яко же слышите давно, что шесть козаковъ ходячихъ подъ Орельскіе городки порубали въ смерть. Ситцевой прето нужды, все наше Войско Запорожское Низовое изволило подъ своего православнато монарха, Ея Императорскаго Величества державу склонитись и единой стороны берегтись, а въ не свѣдомыхъ нападеніяхъ сами себѣ загублять. Таковый отвѣтъ вашему Гханскому величеству смиренно мы Войско воздаючи и за ласку вашу повторы дякуючи, пребываемъ на всегда

«Вашему Гханскому величеству всего доброжелателіе и нижайшіе до услугъ

«*Иванъ Милашевичъ*, Атаманъ Кошовій Войска Запорожскаго Низоваго, зъ товариствомъ.

„зъ Коша, Мая 8, року 1734".

II.

Въ предъидущей перепискѣ козаковъ съ Орликомъ, мы уже намекнули объ участіи графа Вейсбаха въ возвращеніи запорожцевъ изъ Алешекъ, т. е. изъ подданства крымскихъ хановъ, на родину, въ предѣлы новороссійскаго края и основаніи «Новой Сѣчи» на рѣчкѣ *Подпольной*. [1]). Прилагаемые здѣсь его «ордера», т. е. приказы находятся въ тѣсной связи какъ съ перепискою Орлика, такъ и съ водвореніемъ запорожцевъ въ новомъ ихъ Кошѣ». Кіевскому генералъ губернатору, Богемскому графу Фонъ-Вейсбаху, какъ ближайшему пограничному начальнику, подчинена была та часть Новороссіи, которая номинально или по трактатамъ считалась русскою областью, хотя она дѣйствительно занимала лишь сѣверныя окраины нынѣшней херсонской и екатеринославской губерній. Ему слѣдственно, въ знакъ своей преданности императорскому престолу, запорожцы передавали какъ подлинныя письма

[1]) Близь Никополя екатеринославской губерніи и уѣзда, гдѣ нынѣ селеніе *Покровское*, принадлежащее е. и. в. великому князю Михаилу Николаевичу.

Орлика или хановъ крымскихъ «неразпечатанныя», [1]) такъ и свои отвѣты, и просили наставленія и покровительства отъ враждебныхъ сосѣдей: поляковъ и татаръ. Между 1734 и 1775 гг. одна орда, именно Едисанская, кочевала въ нынѣшнемъ одесскомъ уѣздѣ, херсонской губерніи, а двѣ другія: Едичкуляская и Джамбуйлукская, занимали всѣ почти степи на лѣвомъ берегу Днѣпра до самыхъ границъ полтавской и харьковской губерніи.

Мы вполнѣ увѣрены, что письма графа Вейсбаха также достойны нашего вниманія, какъ подлинные историческіе памятники о періодѣ и краѣ наименѣе намъ извѣстныхъ.

№ 4.

«Благородный и почтенный Господинъ Кошевой Атаманъ.

«Вашего благородія письмо отъ 11 сего декабря, и при томъ копію съ письма, писаннаго къ вашему благородію отъ рейментаря Свидзинскаго [2]), мною 19 числа въ Кіевѣ, при письмѣ полковника и полтавскаго коменданта г. Чигерина, получено, и изъ онаго вашего письма усмотря, отвѣтствую: о полученіи вашимъ благородіемъ письма нашего и собственной при томъ копіи съ всемилостивѣйшей Е. И. В. грамоты и что изъ оной, увидя Е. И. В., нашей всемилостивѣйшей государыни, объявленную милость, какъ ваше благородіе, такъ и все войско запорожское утверждаете себя приносить къ Е. И. В. вѣрные службы и зычливости, извѣстился. И паки я обнадеживаю, что за оныя ваши вѣрности и найвяще имѣете отъ Е. И. В., нашей всемилостивѣйшій государыни, высочайшую милость и награжденіе получить. За увѣдомленіе же онымъ письмомъ о присланныхъ къ Хану крымскому изъ Польши отъ стороны Лещинскаго посланцевъ, и что другіе посланцы отправлены въ Стамбулъ для прошенія за заплату въ помощь Орды и о прочемъ, вашему благородію и всему Товариству благодарствую: и какія впредь имѣть будете отъ Крымской стороны и изъ Стамбула извѣстія, прошу о нихъ не умедля, по вѣрности своей къ Е. И. В., меня черезъ нарочныхъ же увѣдомлять, и тѣмъ нарочнымъ прика-

---

[1]) Какъ сказано въ одномъ письмѣ гр. Вейсбаха.

[2]) *Swidzinski Regimentar partij Ukrainskiey*, т. е. начальникъ земскихъ войскъ Западной Украины, пограничной съ Запорожьемъ.

зать въ Полтавѣ отповеди отъ меня ожидать. Что же ваше благородіе на присланное къ вамъ отъ рейментаря Свидзинскаго чрезъ означенныхъ посланцовъ письмо (которымъ просилъ отъ Вашего низоваго войска козаковъ въ помощь), въ отвѣтѣ къ нему Свидзинскому письменно объявили: яко «вашему благородію Крымскій Ханъ чрезъ вашего посланнаго, бывшаго кошевого атамана пана Милашевича, приказалъ въ жадные (никакіе) затаги безъ его ханскаго вѣдома никуда не ходить», и что посланъ вамъ войсковой до гардоваго [1]) вашего войсковаго полковника указъ; дабы онъ польскихъ воровскихъ затящиковъ, до рѣки Богу проходящихъ, престерегалъ и изловивши до васъ въ Кошъ присылалъ; также что панъ Милашевичь, по данному ему отъ Бога искусному смыслу, Везирю Крымскому на вопросъ его везирской (коимъ пробуя вѣрности вашей къ хану крымскому) отвѣтствовалъ: якобы оной «панъ Ми-«лашевичъ и ваше благородіе есть всему Панству Крымскому «вѣрны и нездрайцы (неизмѣнники)», которому отвѣту увѣрялся для присяги въ той вѣрности какъ ваше Благородіе, такъ и всѣхъ куренныхъ атамановъ къ той присягѣ и не призывали, и оное отвѣтствіе изрядно. А что онымъ письмомъ изволите отъ меня требовать наставленія: «егда бы ханъ крымскій имѣлъ орду въ помощь полякамъ посылать и вашему бы войску приказалъ съ собою идти, что тогда съ онымъ ханомъ чинить и какъ поступить?» и на оное вашему благородію объявляя мой совѣтъ: въ то время къ оному хану отвѣтствовать, что до походу готовиться будете, и надобно готовиться, точію то приготовленіе чинить не въ помощь ихъ, но для показанія вѣрной вашей къ Е. И. В. службы противъ ихъ, и получа о томъ готовленіи отъ хана указъ, изволите немедленно меня увѣдомить. А буде же бы изъ Крыма Орда въ Польшу пошла, и вашему войску приказалъ бы ханъ конечно идти въ Польшу, то изволите ему хану объявить такъ: что «Войску вашему низовому Запорожскому въ Польшу на помощь идти не можно, для того яко въ Польшѣ имѣется многое войско е. и. в., и ежели въ противность оному е. и. в. войску итти низовому Запорожскому Войску, то увѣдавъ о томъ, можетъ быть и стоящего въ Малороссіи и въ Польшѣ е. и. в-ва войска по способности послано быть

[1]) *Гардъ* (буквально рыбный заводъ), запорожскій форпостъ на Бугѣ, противъ с. *Константиновки*, елисаветгр. уѣзда, херс. губ.

въ Сѣчь и курени ваши разорить, понеже де тамъ многое войско стоитъ, и отъ того можете прійти въ разореніе и просить, дабы войска вашего туда не требовали». Буде же бы на томъ отвѣтѣ оный ханъ не удержался, и конечно велѣлъ въ Польшу или въ другое какое мѣсто итти, и для высылкибъ того войска имѣлъ къ вамъ прислать кого нарочнаго, и въ тотъ походъ принуждать,— то въ то время объявить: «что войско низовое запорожское не суть во владѣніи хана крымскаго, но состоитъ подъ высокою державою е. и. в. вашей всемилостивѣйшей государыни», и того присланнаго изъ Сѣчи выгнать, или искарать: а обрѣтающейся нынѣ вверху Днѣпра выше и ниже Старой Сѣчи Ногай съ разореніемъ въ то время разогнать, дабы ихъ отнюдь близъ Сѣчи не было, и тѣмъ имѣетъ явная ваша къ е. и. в. заслуга показана быть. Къ тому жь ознаймую: понеже вашему благородію и всему войску запорожскому довольно извѣстно, что въ Польшѣ войска е. и. в. не малое число уже отъ весны имѣетца, а нынѣ еще по всемилостивѣйшему е. и. в. указу отправлены отъ меня въ польскую область къ Браславлю и въ Волынію, для поиска вышеозначеннаго региметаря Свидзинскаго и для разоренія противничьихъ маетностей (имѣній) и деревень, кои держатъ сторону Станислава Лещинскаго и въ противности состоятъ е. и. в. и нововыбранному королю, Курфирсту Саксонскому, «господинъ генералъ-лейтенантъ и кавалеръ князь Шаховской зъ генералъ-маіоромъ Кейтомъ, и при нихъ регулярнаго войска знатный корпусъ и з довольною артиллеріею, которые уже въ польскую область вступили и слѣдуютъ просто до Браславля, а оттуда пойдутъ и въ прочіе мѣста. Къ которому корпусу имѣетъ прибыть и совокупитца и выше объявленнаго обрѣтающагося внутри Польши е. и. в. войска довольное число, которыхъ противниковъ чрезъ Божескую помощь можетъ оное много войско искоренить и маетности ихъ и деревни разорить. А хотябъ и Крымская Орда въ помощь тѣмъ противникамъ пришла, то высокимъ е. и. в. оружіемъ (надѣясь на помощь всемогущаго Бога) имѣетъ побѣждена быть. А для охраненія вашего низоваго запорожскаго войска отъ Крымской Орды, дабы оная не могла какой противности показать, нынѣ въ польской же области, въ мѣстечкахъ Медвѣдовкѣ и Боровицахъ, поставленъ отъ насъ команды нашей полковникъ съ тысячнымъ числомъ драгунъ: и ежели бы ханъ крым-

ской за подлинно имѣлъ для учиненія войску вашему низовому запорожскому какихъ обидъ отправить въ Сѣчь изъ Крыму нѣсколько Крымской Орды, то, получа о томъ отъ вашего благородія подлинную вѣдомость и требованіе, прикажу означенному стоящему въ Медвѣдовкѣ и въ Боровицахъ съ тысячнымъ числомъ драгунъ приступить къ Сѣчи, и отъ той Крымской Орды охранять, и куреней вашихъ до разоренія не допускать. Точію прошу меня не умедля чрезъ нарочнаго своего увѣдомить, сколько войска запорожскаго оружейнаго къ военному случаю можетъ собраться, изъ чего бы могъ я подлинно вѣдать, и во время случая въ надеждѣ быть; къ томужъ дать свой совѣтъ, егда ханъ крымской пошлетъ Орду въ помощь въ Польшу, въ то время низовому вашему запорожскому войску, къ показанному стоящему въ Медвѣдовкѣ и въ Боровицахъ полковнику съ тысячнымъ числомъ драгунъ, въ Польшу, противъ оной Орды во отмщеніе ихъ противностей итти, или въ крымскую область для разоренія тамошнихъ мѣстъ. Ибо такъ признаю, что за отправленіемъ въ Польшу Орды, такожъ и за невозвращеніемъ посланной съ двумя салтанами подъ Кабарду (о которой изволили въ письмѣ своемъ объявить, что оные Салтаны съ Ордою стоять и нынѣ по Кубани), въ Крыму мало войска останетца и при такомъ случаѣ легко можно имъ крымцамъ знатное разореніе показать. А ежели изволите ваше благородіе признать, что къ Войску вашему, къ такому военному случаю, означенной тысячной драгунской команды, стоящей въ Медведовкѣ и въ Боровицахъ, не такъ будетъ довольно, то по полученіи отъ васъ извѣстія, прикажу еще въ прибавку надлежащее число командировать. Но и о семъ прошу меня увѣдомить, гдѣ означенной тысячной драгунской командѣ, для охраненія Войска вашего, способнѣе стоять и, въ случаѣ, поскорѣе къ Сѣчи прибыть,—въ показанныхъ ли мѣстахъ: въ Ведмедовкѣ, или въ Браславлѣ, гдѣ имѣется и собственная рейментаръ Свидзинскаго резиденція? И буде способнѣе быть въ Браславлѣ, то помянутому полковнику съ тысячною командою велю туда перейти и до указу тамъ стать, или гдѣ въ Польской Области другіе способные къ Сѣчи мѣста можете знать, въ которыхъ бы могъ означенной полковникъ съ командою стоять, и о томъ прошу меня увѣдомить. При томъ же за извѣстіе вашему благородію ознаймую, что я сюда прибылъ для отправленія выше объявленнаго корпуса въ Польшу и може

что здѣсь нѣсколько и забавлюся, а потомъ паки имѣю отправитца въ Полтаву, и когда изволите отъ себя нарочныхъ къ намъ съ письмами посылать, то онымъ приказать ѣхать просто въ Полтаву, и ежели бы они прибыли туда въ небытность мою, тобъ посланные съ ними письма отдавали полтавскому коменданту, а онъ будетъ къ намъ отправлять чрезъ своихъ нарочныхъ. А ваши присланные имѣютъ ожидать тамъ (и ежели похотятъ) отъ меня на оные письма отвѣтствія. Такожъ какъ и съ присланной при письмѣ вашемъ копіи съ письма, писаннаго къ вашему благородію отъ рейментаря Свидзинскаго, усмотрѣно мною, что изъ отправленныхъ въ Стамбулъ польскихъ посланцевъ одинъ, а именно Мировичь, бывшаго полковника переяславскаго сынъ имѣетъ прибыть къ вамъ въ Сѣчь, и у вашего благородія приятно прошу приказать,—«въ вѣрность къ Е. И. В. вашей службы»,—какъ оной Мировичь въ Сѣчь прибудетъ, а изъ Сѣчи въ Польшу отправитца, то послать за нимъ тайно пристойную команду и приказать, его поймавъ, прислать въ Переволочну и отдать его тамошнему коменданту, котораго по приняти оттуда имѣютъ прислать ко мнѣ въ Полтаву. И ежели оное учинено будетъ, то изволите въ вѣрной надеждѣ быть, что ваше благородіе получите отъ Е. И. В. особливое всемилостивѣйшее немалое награжденіе, въ чемъ я объ ономъ остаюсь на вѣрности вашей благонадеженъ. А въ прибытіе онаго Мировича въ Сѣчь, по требованію его, ничего въ пользу чинить не надлежитъ, но отпустить его подъ видомъ дружбы, а по отпускѣ изволите чинить по вышеписанному моему объявленію. А хотябъ онъ съ собою и деньги привезъ, которые бъ могъ лутчѣе къ тому въ подзывы войска прельстить, но оные деньги у него, показывая будтобы вправду намѣреніе ту посылку учинить, взявъ, и по вышеупомянутому догнавъ его въ пути разграбить и то разграбленное на себе раздѣлить, а его самого ко мнѣ прислать». Впрочемъ пребываю

«Вашему Благородію доброжелательнымъ слугою

Gr. Weisbach».

Декабря 21 дня,
1733-го года.
Кіевопечерская крѣпость.

№ 5.

«Благородный и высокопочтенный Кошевой Атаманъ!

«Вашего Благородія письмо, отправленное съ бывшимъ Кошевымъ Атаманомъ Иваномъ Бѣлицкимъ, который купно и съ шестью

Куренными Атаманами сего Іюня 19 дня сюда прибылъ, мною исправно и со вложенными письмами, писанными къ вашему благородію и ко всему Низовому Запорожскому Войску, одно возмутительное и прелестное отъ измѣнника и злоумышленника Орлика и другое отъ Хана Крымскаго, съ котораго и переводъ и двѣ копіи съ отвѣтственныхъ и помянутому измѣннику Орлику и къ Хану писемъ, да копію жь челобитной, писанной отъ Низоваго Войска къ Е. И. В. получено, изъ котораго о полученіи в. бл. трехъ моихъ писемъ увѣстился. А за умной вашъ къ помянутымъ измѣннику и къ Хану на письма ихъ (какъ въ копіяхъ значитъ), по всеподданнѣйшей вашей и всего Низоваго Войска къ Е. И. В. вѣрности, отвѣтъ благодарствую. О которой вашей и всего Низоваго Войска вѣрности, при посланіи означенныхъ писемъ и копій,—къ Е. И. В. всеподаннѣйше доносилъ. И ежели впредь отъ реченнаго измѣнника или отъ Хана Крымскаго таковые же возмутительные, или бъ и о другомъ чѣмъ письма къ в. бл. имѣли присланы быть, то потомужъ безъ удержанія, по прежнему моему письменному объявленію, изволите ко мнѣ присылать съ нарочными. А присланныхъ людей, до полученія на тѣ отъ меня письма отвѣту, удерживать при Кошѣ. На протчее жь отвѣтствую: по прибытіи сюда вышеупомянутый господинъ Кошевой Атаманъ Бѣлицкій и съ Куренными Атаманами въ особливомъ текстѣ запечатанную войсковою печатью челобитную, подлежащую къ Е. И. В. нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ, мнѣ подалъ; о которой челобитной ваше благородіе и все Низовое Войско изволили письмомъ своимъ просить, да и оной господинъ бывшой Кошевой Атаманъ Бѣлицкій и г.г. Куренные Атаманы просили, чтобъ оную съ ними я отправилъ къ Высочайшему Е. И. В. двору, въ С.-Петербурхъ. А какъ я изъ письма вашего благородія и съ пріобщенной при томъ съ оной челобитной копіи усмотрѣлъ, что оною челобитною все Войско Низовое Запорожское у Е. И. В. нашей Всемилостивѣйшей Государыни проситъ: когдабъ отъ Оттоманской Порты или отъ Хана Крымскаго будетъ за ту сторону (т. е. за то мѣсто), гдѣ нынѣ Войско Низовое Запорожское Кошемъ зостаетъ (находится), имѣло упоминатца, чтобъ съ того мѣста не повелѣно было сходить, понеже де то мѣсто отъ давнихъ лѣтъ Низовому Войску надлежащее и никѣмъ «не разграниченное». За которую Е. И. В.

августѣйшую милость, въ томъ мѣстѣ будучи, обѣщаетеся, хотя въ добрыхъ фортунахъ или въ какихъ и отъ противной стороны нападеніяхъ, не склоняясь ни на какіе прелестные письма, до живота своего, и по всѣмъ Е. И. В. указамъ служить, ведлугъ прежнихъ повѣденій отъ крымской и турецкой стороны, всему великороссійскому и малороссійскому народу стражниками быть. И хотя отъ меня бывшему кошевому атаману Бѣлицкому и гг. куреннымъ атаманамъ персонально объявлено было, яко въ скорости имѣютъ прежде посланные отъ меня къ Е. И. В. вашего Низоваго Войска: бывшій судья Решетила да атаманъ Прокофій Федоровъ, возвратно сюды прибыть, и могутъ они о всемъ вашемъ прошеніи отъ Е. И. В. всемилостивѣйшую резолюцію ко мнѣ привесть, тогобъ ради отправленіемъ они гг. атаманы, до прибытія онаго судьи изъ Санктпетербурха, пообождали. Точію какъ оный господинъ бывшій кошевой Бѣлицкій, такъ и куренные атаманы,—съ немалою докукою меня просили, дабы ихъ ко двору Е. И. В. отправить, по которой просьбѣ болѣе не могъ ихъ здѣсь удержать, но онаго г. Бѣлицкаго и съ нимъ трехъ куренныхъ атамановъ, съ означенною присланною ко мнѣ отъ Войска Низоваго челобитною къ Е. И. В. отправилъ, и прочихъ трехъ атамановъ отпустилъ возвратно къ в. б. въ Сѣчь. И какъ онымъ всѣмъ атаманамъ устно объявлялъ, тако и симъ в. б. и всему Низовому Войску объявляю, что на нынѣшнемъ новомъ мѣстѣ, гдѣ уже Кошемъ поселились, безъ всякаго опасенія изволите житіе свое препровождать; а ежели отъ татаръ какое имѣлобъ быть на васъ нападеніе, то при такомъ случаѣ военною рукою себя охранять, а ко мнѣ дать знать, по которому извѣстію въ самой скорости велю учрежденнымъ полкамъ на сикурсъ приступить, и могутъ безъ продолженій прибыть, ибо не малое число войска Е. И. В. нарочно, по способности къ вашей Запорожской низовой Сѣчи, компанентами, по сей сторонѣ Днѣпра, поставлено; а дондеже отъ татаръ къ Войску Низовому никакова нападенія происходить не будетъ, то и съ вашей стороны надлежитъ спокоемъ жить и никакихъ имъ татарамъ обидъ не показывать. Чтожъ в. б. на письмо мое въ отвѣтъ требуете отъ меня увѣдомленія, на которое время 1000 чел. комоннаго войска изготовить, понеже де подъ нынѣшній лѣтній часъ Войско разошлось для добычи рыбной внизъ Днѣпра, и въ полевые рѣчки, и на оное объявляю: на ко-

торое время оному тысячному числу отъ Низоваго Войска козакамъ ко мнѣ прибыть, нынѣ объявить не можно, но токмо прошу приказать тому тысячному числу быть къ военному случаю какъ въ ружьѣ, такъ въ коняхъ и въ протчемъ во всѣмъ въ готовности, и когда придетъ время, чтобъ въ опредѣленное мѣсто могли по полученномъ отъ меня къ вашему благородію письму прибыть ко мнѣ, а до того времени могутъ оные козаки въ своихъ дачахъ исправлятца. Впрочемъ пребываю

«Вашему благородію доброжелательнымъ слугою

I. E. V. Weisbach».

Іюня 22 дня
1734 г. Кіевъ.

№ 6.

«Благородный и высокопочтенный господинъ Кошевый Атаманъ! Сего іюня 13 дня отправленные отъ меня бывшій судья Решетила да атаманъ Федоровъ Войска Запорожскаго, при имянномъ Е. И. В. указѣ ко мнѣ, прибыли и при семъ отправлены. Чрезъ которыхъ можете, какая отъ Е. И. В. Высочайшая милость явилась, увѣститься, да и въ ономъ указѣ изображено: оные де Решетило и Федоровъ предъ Е. И. В. допущены были и о оставленіи всему Войску Низовому Запорожскому винъ и о содержаніи всемилостивѣйшей Е. И. В. протекціи изустно отъ Е. В. обнадежены, и тамъ обрѣтались они во всякомъ довольствіи да и отпущены съ довольнымъ награжденіемъ, а именно: выдано имъ на тамошнее содержаніе съ пріѣзду ихъ маія съ 15 числа обоимъ 110 рублевъ, да при отпускѣ отуда каждому 100 червонныхъ. Сверхъ того сдѣлано имъ платье новое, которое стало въ семьдесятъ семъ рублевъ и отъ меня на дорогу имъ въ то время дано 150 рублевъ. И ваше благородіе изволить быть о томъ извѣстны. Впрочемъ пребываю

Вашего благородія доброжелательнымъ слугою

I. E. V. Weisbach».

Іюля 15 дня
1734 г. Кіевъ.

А. Скальковскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Древнѣйшія русскія монеты Великаго Княжества Кіевскаго. Нумизматическій опытъ графа Ив. Ив. Толстаго (съ 19-ю таблицами рисунковъ). С.-Петербургъ. 1882.

Это изящное изданіе задумано графомъ Толстымъ, по случаю пріобрѣтенія имъ въ 1877 году нумизматической коллекціи русскихъ монетъ М. В. Юзефовича. Между монетами этой коллекціи особеннаго вниманія заслуживали 43 экземпляра изъ числа монетъ, найденныхъ въ 1852 году въ землѣ близь Нѣжина. Часть монетъ этого же клада была уже описана г. Волошинскимъ, именно монеты, находящіяся въ коллекціи университета св. Владиміра. „Сознавая всю важность,—говоритъ графъ Толстой,—которую имѣетъ для русской археологіи опубликованіе находящихся въ частныхъ рукахъ памятниковъ русской старины, мы намѣревались издать описаніе 43 монетъ нашей коллекціи, подобно г. Волошинскому, въ видѣ каталога. Но уже при первой разработкѣ имѣвшагося у насъ матеріала мы усомнились въ вѣрности единственной до сихъ поръ классификаціи монетъ нѣжинскаго клада, классификаціи г. Волошинскаго. Возникшее сомнѣніе заставило насъ обратиться къ довольно обширной литературѣ вопроса о разбираемыхъ монетахъ. Тутъ наши свѣдѣнія получили болѣе реальную почву, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы были поражены величайшей разнообразностью воззрѣній на наши монеты: одни утверждали, что это монеты первыхъ русскихъ князей; другіе отрицали ихъ русское происхожденіе, считая ихъ болгарскими или арабскими; одни считали ихъ ходячею монетой, другіе медалями; въ классификаціи,—опредѣленіи относительнаго старшинства отдѣльныхъ разрядовъ монетъ,—тоже несогласіе; насчетъ частностей высказывались также различныя мнѣнія,—каждый объяснялъ по своему какъ изображенія на монетахъ, такъ и подписи. Вслѣдствіе сего у насъ возникла мысль сопоставить всѣ разнообразныя мнѣнія и доискаться истины; но у насъ не доставало главнѣйшимъ образомъ одного,—вещественныхъ доказательствъ для тѣхъ убѣжденій, къ которымъ мы приходили. Намъ казалось слишкомъ смѣлымъ рѣшать вопросы по нашимъ 43 монетамъ, составлявшимъ всего часть одного только нѣжин-

скаго клада, и мы готовы были уже отказаться отъ своей мысли и возвратиться къ первоначальному нашему плану изданія простаго каталога, но рѣшились обратиться сперва къ содѣйствію лицъ, обладавшихъ подобными нашимъ монетами. Тутъ мы встрѣтили столько сочувствія и желанія помочь осуществленію нашего изданія, что получили возможность располагать такой массой матеріала, какой едва ли скоро удастся располагать кому либо. Такимъ образомъ мы разсмотрѣли и каталогизировали свыше 170 монетъ, большею частью нигдѣ еще не изданныхъ и составляющихъ наслѣдіе такой эпохи нашей исторіи, отъ которой до насъ сохранились лишь скудныя современныя свѣдѣнія и небольшое количество памятниковъ, вслѣдствіе чего разсматриваемыя монеты представляются вдвойнѣ интересными". Значительная масса монетнаго матеріала доставлена была графу Толстому изъ Кіева здѣшнимъ университетомъ, Церковно-Археологическимъ Обществомъ при кіевской духовной академіи, С. В. Бодилевскимъ и М. Д. Свиридовымъ,—не говоря уже о М. В. Юзефовичѣ, у котораго пріобрѣтена гр. Толстымъ первоначальная его коллекція русскихъ монетъ.

Самое видное мѣсто въ своемъ трудѣ авторъ даетъ описанію изслѣдованныхъ имъ монетъ, своду мнѣній различныхъ нумизматовъ о нихъ и таблицамъ рисунковъ монетъ, частію фотоціалотипированнымъ, частію гравированнымъ, и смотритъ на свой трудъ, какъ на сборникъ только матеріала и справочную книгу по всему, что касается изслѣдуемыхъ монетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приходитъ и къ положительнымъ выводамъ, частію представляющимъ завершеніе трудовъ прежнихъ нумизматовъ, частію совершенно оригинальнымъ и самостоятельнымъ. „При изслѣдованіи нашего матеріала, говоритъ авторъ, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ: 1) что описанныя монеты суть не сомнѣнно русскія; 2) что онѣ относятся ко времени княженія Владиміра Святаго, Святополка I и Ярослава I; 3) что онѣ имѣли значеніе денежныхъ знаковъ; 4) что замѣтно непосредственное вліяніе на нихъ византійскаго искусства, хотя, вѣроятно, онѣ—дѣло рукъ не византійскихъ, а мѣстныхъ художниковъ (исключеніе составляютъ, можетъ быть, монеты Ярослава, III типа)". На этихъ выводахъ мы и остановимся и укажемъ главныя основанія ихъ и нѣкоторыя интересныя детали.

„Фактъ чеканки собственныхъ денежныхъ знаковъ въ древней Руси домонгольскаго періода,—говоритъ графъ Толстой,—какъ извѣстно, оспаривается нѣкоторыми даже до сихъ поръ. Рѣшеніе вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ не можетъ быть безразлично не только для археолога, но даже и для историка: не говоря уже о томъ, что существованіе или отсутствіе у народа въ данную эпоху собственныхъ денежныхъ знаковъ

указываетъ на высшую или низшую степень культуры его въ эту эпоху, по монетамъ можно судить о вліяніи сосѣдей на искусство, объ исторіи искусства (по отдѣлкѣ штемпелей), о монетной системѣ, о распространенности и значительности торговли (по мѣстамъ и количеству находокъ) и т. д.“—Фактъ чеканки собственныхъ денежныхъ знаковъ въ домонгольской Руси прежде всего оспаривали тѣ нумизматы, которые приписывали изслѣдуемыя монеты или галичскимъ государямъ, или юго-славянскимъ. Къ числу первыхъ нумизматовъ принадлежитъ графъ С. Г. Строгановъ, занявшійся опредѣленіемъ времени чеканки исключительно ярославовыхъ монетъ путемъ сравненія съ византійскими; но его мнѣніе не имѣло ходу и значенія и оставлено графомъ Толстымъ въ сторонѣ. Первымъ представителемъ другаго мнѣнія о юго-славянскомъ происхожденіи разсматриваемыхъ монетъ былъ Рейхель, соблазнившійся тѣмъ, что одна изъ предполагаемыхъ прежде русскихъ медалей оказалась, по опредѣленію г. Априлова, монетою царя болгарскаго Святослава. Это открытіе г. Априлова принято было Рейхелемъ за счастливый случай, который разрѣшалъ вопросъ о національности и остальныхъ монетъ—медалей, которыхъ онъ не признавалъ русскими. Между тѣмъ, сторонники южно-славянскаго происхожденія нашихъ монетъ едва ли даже знали хорошенько тѣхъ государей, которымъ они ихъ приписывали. Не говоря уже о томъ, что южно-славянскаго Ярослава совсѣмъ неизвѣстно, они не знали, кому изъ двухъ малоизвѣстныхъ и не игравшихъ важной роли въ исторіи государей приписать монеты съ именемъ Владиміра,—сербскому или болгарскому. Мнѣніе Рейхеля отразилось даже на новѣйшемъ трудѣ кроатскаго нумизмата Любича, который включилъ въ своемъ сочиненіи, появившемся въ 1875 г., золотую монету Св. Владиміра въ число юго-славянскихъ, приписавъ ее болгарскому царю Владиміру (885—893). Но наши монеты, кромѣ кириллицы, не имѣютъ ничего общаго съ юго-славянскими, какъ это наглядно можно видѣть въ трудѣ самого Любича. Русское происхожденіе нашихъ монетъ доказывается: 1) замѣчательнымъ совпаденіемъ дознаннаго времени чеканки ихъ и времени княженія на Руси тѣхъ государей, имена которыхъ находятся на монетахъ; 2) мѣстомъ находки монетъ въ предѣлахъ самой Россіи, или смежныхъ съ нею; 3) совершенно обособленнымъ характеромъ нашихъ монетъ и въ частности свойственными имъ однимъ надписями, которыя рѣзко отличаютъ ихъ отъ монетъ всѣхъ другихъ народовъ: „Владиміръ (Святополкъ) на столѣ, а се его сребро (серебро); Владиміръ, а се его серебро (злато); Ярославле сърebро (сребро); 4) изображеніемъ на нашихъ монетахъ, съ лѣвой стороны князя, хоругви или знамени (въ смыслѣ отличительнаго знака герба) великихъ князей кіевскихъ. Доселѣ принимали эту хоругвь за

трезубецъ, трикирій или паникадило, птицу (голубя), якорь, франциску, верхушку скипетра, порталъ и за хоругвь (labarum). Авторъ остановился на названіи фигуры хоругвью или знаменемъ и воздержался отъ дальнѣйшаго объясненія ея, но привелъ два чужія мнѣнія объ этомъ предметѣ, именно: академика А. А. Куника и А. В. Толстаго. „Въ первоначальной своей формѣ,—говоритъ Куникъ,—фигура является на золотыхъ и на нѣкоторыхъ серебряныхъ монетахъ Владиміра. Золотыя монеты по величинѣ, по вѣсу и по типу указываютъ на нѣкоторыя византійскія, какъ на прототипы. По лѣвую сторону императоровъ X столѣтія мы часто видимъ изображеніе державы (которую они держатъ въ лѣвой рукѣ), какъ символъ унаслѣдованной отъ староримскихъ императоровъ власти надъ вселенной (orbis) или imperium—a mundi. Заимствовать этотъ символъ не имѣло бы смысла для кіевскаго великаго князя; да и Византія навѣрно протестовала бы противъ этого, такъ какъ она еще въ X столѣтіи отказывалась признавать за потомками Карла Великаго право пользованія титуломъ βασιλεύς. Естественно предположить, что Владиміръ или самостоятельно, или по совѣту братьевъ своей жены, помѣстилъ на мѣсто державы другой символъ, который, сообразно съ данными условіями, долженъ былъ выражать ту же политическую идею по отношенію къ государямъ Руси, какую имѣла держава по отношенію къ императорамъ Новаго Рима (Νέα Ρώμη). Во всякомъ случаѣ, фигура имѣла ближайшее отношеніе къ великому князю, такъ какъ она первоначально является рядомъ съ его изображеніемъ. Этому не противорѣчитъ и то обстоятельство, что на послѣдующихъ типахъ серебряныхъ монетъ Владиміра фигура помѣщена вмѣсто лика Спасителя. Напротивъ, надпись: *а се его сребро* болѣе соотвѣтствовала знамени великаго князя, но не изображенію Спасителя или Св. Георгія“. Еще въ XVI в. сохранялось на Руси преданіе объ этомъ знамени, какъ это видно изъ соборной грамоты 1560 г. о признаніи за Иваномъ Грознымъ права ношенія Царскаго титула. Въ грамотѣ сказано, что византійскіе императоры Василій и Константинъ, совмѣстно съ патріархомъ, „послаша тогда пресщенного митрополита Ефесскаго и Антіохійскаго изрядно начальнейшаго епарха и вѣнчаша благочестиваго великаго князя Владиміра на царство и дароваша его тогда царскимъ вѣнцемъ на главу его и діадимою, украшенною бисеромъ, и *инымъ царскимъ знаменемъ* (καὶ τἆλλα βασιλικὸ σημεῖα) и дары“. Но, можетъ быть, это царское знамя было только утверждено византійскими императорами, какъ готовое, родовое знамя Владиміра, встрѣчающееся и на монетахъ двухъ его сыновей, Святополка и Ярослава, и возникло изъ „знаковъ собственности“, бывшихъ въ употребленіи преимущественно у народовъ, не имѣвшихъ еще азбуки. Съ своей

стороны, для объясненія этого знамени, графъ И. Толстой указываетъ на монеты кіевскаго князя Владиміра Ольгердовича, XIV в., на которыхъ, по его мнѣнію, находится видоизмѣненіе этого знамени, и сообщаетъ о намекѣ, данномъ ему А. В. Толстымъ по поводу загадочной фигуры знамени. Въ „Краткомъ историческомъ извѣстіи о Кіевѣ", напечатанномъ въ кіево-печерской лаврѣ въ 1795, на стр. 4 находится слѣдующая замѣтка: „Касательно города Подола (часть Кіева), гдѣ по большой части жительствуютъ мѣщане, была прежде печать съ изображеніемъ древней стрѣльбы оружія, на подобіе лука съ тетивой, называемаго *куша*. Но нынѣ оная не употребляется. А. В. Толстой думалъ, что можно было бы найти какое-либо соотношеніе между этой печатью и фигурой знамени на монетахъ. Но авторъ изслѣдованія не нашелъ нигдѣ описанія или изображенія таинственной *куши*. Во всякомъ случаѣ, фигура на монетахъ была знаменемъ великихъ князей кіевскихъ.

Существовали и существуютъ и другія мнѣнія о несуществованіи монетъ въ до-татарскій періодъ Руси, но онѣ разсматриваются авторомъ изслѣдованія при рѣшеніи другихъ поставленныхъ имъ вопросовъ, и именно вопроса о томъ, дѣйствительно ли это монеты, имѣвшія значеніе денежныхъ знаковъ, или же только медали.

Извѣстно, что при самомъ появленіи нашихъ монетъ не посмѣли признать ихъ ходячими, а предположили, что это—медали. Главнымъ аргументомъ противъ признанія этихъ монетъ денежными знаками служило молчаніе будто бы лѣтописей о существованіи ихъ въ до-монгольской Руси. Но гр. Толстой, со словъ Волошинскаго, указываетъ на нѣкоторыя мѣста въ памятникахъ древней письменности, повидимому указывающія на существованіе монеты. Такъ, въ Ипатьевскомъ спискѣ Нестора, подъ 1115 годомъ говорится: „6623 г. индикта 8, совокупишася братья Русціи князи Володимеръ, зовемый Мономахъ, сынъ Всеволожь, и Давидъ Святославичъ и Олегъ братъ его, и сдумаша перенести мощи Бориса и Глѣба.... и взяша раку Борисову, и вставиша и на возила и поволокоша.. и не бѣ льзѣ везти отъ множества народа;... и повелѣ Володимеръ, рѣжючи наволоки, орницы, бѣль разметати народу, овоже *сребреники* метати людемъ, сильно налегшимъ, а быша легко внесли въ церковь". Г. Волошинскій думаетъ, что *сребренники*, можетъ быть, были ходячей монетой, подобной нашимъ, на которыхъ читаемъ: а се его *сребро*. Подобнымъ образомъ, по мнѣнію г. Волошинскаго, и въ посланіи епископа Симона къ Поликарпу (въ Патерикѣ Печерскомъ) выраженіе: „аще бы и тысяща *сребра* истратити" указываетъ, вѣроятно, на *сребро* не какъ на металлъ (ибо въ такомъ случаѣ здѣсь не было бъ смысла), но какъ на ходячую монету, которая тоже могла заимствовать свое названіе отъ

надписи оборотной стороны нашихъ монетъ. Затѣмъ, въ пользу монетнаго значенія разсматриваемыхъ авторомъ чеканныхъ знаковъ говорятъ: 1) значительное количество найденныхъ монетъ; 2) стертость большинства экземпляровъ, указывающая на то, что монеты много ходили по рукамъ; 3) находка отдѣльныхъ монетъ въ такихъ мѣстахъ, куда едва-ли могли попасть приближенные къ князю, могшіе получать отъ него медали; 4) находка отдѣльныхъ экземпляровъ между иностранной *ходячей* же монетой; 5) самый наружный видъ и надписи, и 6) находка значительнаго числа монетъ въ одномъ кладѣ (нѣжинскомъ). Противъ существованія русскихъ монетъ въ до-монгольскій періодъ не говоритъ и то обстоятельство, что не сохранилось или не чеканилось монетъ въ промежутокъ времени послѣ Ярослава до Ивана II (1353—1359 г.); причиной того могла быть безпорядочная эпоха нашей исторіи, коснувшаяся всѣхъ сторонъ народной и политической жизни Руси, именно удѣльно—вѣчевая. Извѣстно, что этотъ періодъ начался вслѣдъ за смертью Ярослава и продолжался и подъ игомъ татаръ вплоть до торжества московскаго монархическаго принципа. Въ это смутное время часто смѣщаемые князья, можетъ быть, и не заботились о чеканкѣ собственной монеты.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что число нумизматовъ, признающихъ существованіе русскихъ денежныхъ знаковъ въ до-монгольскій періодъ Руси, является преобладающимъ, и графъ Толстой опровергалъ противоположныя устарѣлыя мнѣнія, повидимому, только для полноты труда. Важнѣе и труднѣе былъ другой вопросъ о классификаціи древнѣйшихъ русскихъ монетъ и пріуроченіи ихъ къ извѣстнымъ русскимъ князьямъ, такъ какъ относительно этого не было доселѣ твердыхъ основаній. Такъ напр., Волошинскій, основываясь на различной отдѣлкѣ монетъ съ однимъ и тѣмъ-же именемъ, приписывалъ эти монеты разнымъ князьямъ, носившимъ одно имя. Содержащіяся въ надписяхъ нашихъ монетъ имена (Владиміръ, Ярославъ, Святополкъ, Георгій),—говоритъ онъ,—въ связи съ различіемъ фабрикъ самихъ монетъ и способовъ отдѣлки, составляя пять отдѣльныхъ классовъ, относятся къ пяти великимъ князьямъ нашимъ: Владиміру Святому, Ярославу Владиміровичу, Святополку Изяславичу, Владиміру Всеволодовичу Мономаху и Георгію (можетъ быть Юрію Владиміровичу Долгорукому), или, что тоже, къ промежутку времени отъ 988 по 1157 годъ". Графъ Толстой, не останавливаясь на опроверженіи классификаціи г. Волошинскаго, предлагаетъ свою классификацію, основанную на неопровержимыхъ фактахъ. Онъ нашелъ между разобранными имъ монетами нѣсколько перечеканенныхъ монетъ, на которыхъ одинъ чеканъ новѣйшій нанесенъ на другой старѣйшій, и которыя, поэтому, несомнѣнно рѣшаютъ сравнительное старшинство этихъ чека-

нокъ. Эти перечеканки показываютъ, что всѣ четыре разновидности монетъ съ именемъ Владиміра старше монетъ Святополка. При помощи другихъ археологическихъ доказательствъ, которыми авторъ подтверждалъ русское происхожденіе разсмотрѣнныхъ имъ монетъ, онъ пришелъ къ заключенію, что Святополковы монеты старше монетъ Ярослава—Георгія. Общій выводъ относительно сравнительной древности монетъ слѣдующій: золотыя и серебряныя четырехъ типовъ монеты св. Владиміра чеканены между 988—1015 гг., серебряныя Святославовы въ 1016 г., Ярославовы 1-го и 2-го типовъ въ 1016—1017 г. и третьяго типа послѣ 1018 года.

Доказавъ, что разсматриваемыя монеты—русскія и принадлежатъ опредѣленной эпохѣ, графъ Толстой задался вопросомъ, какой или какіе народы имѣли непосредственное вліяніе на монетное дѣло въ Руси. Византійское вліяніе было несомнѣнно и указано уже Кунакомъ. Но извѣстно, что до исхода XI столѣтія въ Россіи въ большомъ количествѣ обращались куфическія монеты; поэтому естественно изслѣдовать, не имѣли ли и онѣ вліянія на наши монеты. Первый обратилъ вниманіе на такое вліяніе Н. А. Бартоломей, который въ 1861 г., въ письмѣ къ Кунику, писалъ слѣдующее: „Въ Россію начали привозить куфическіе диргемы въ VIII столѣтіи; этотъ привозъ усиливался въ IX-мъ, еще болѣе усилился въ половинѣ X столѣтія, потомъ вдругъ уменьшился во второй половинѣ того же столѣтія и внезапно прекратился въ XI-мъ. Причиною тому было вторженіе въ Хорасанъ и въ Персію огромныхъ массъ кочующихъ племенъ тюркскихъ, прекратившихъ торговлю въ завоеванныхъ ими странахъ съ Сѣверной Европой и черезъ Россію. Съ прекращеніемъ торговли перестали ввозить и деньги. Слѣдов., при св. Владимірѣ большіе тонкіе саманидскіе диргемы, которые такъ часто находятся въ русскихъ кладахъ, были еще въ значительномъ обращеніи.. При Владимірѣ I-мъ, въ концѣ X и началѣ XI столѣтія, естественно предпочли, для собственнаго серебра, соображаться *въ отношеніи размѣровъ* съ ходячими тогда у насъ большими тонкими диргемами разныхъ династій мусульманскихъ, а наиболѣе Самангизовъ“. Если бы это мнѣніе подтвердилось, то оказалось бы, что древнѣйшія русскія монеты чеканились подъ двумя вліяніями: размѣръ ихъ сообразовался съ размѣромъ куфическихъ диргемовъ, а изображенія на монетахъ дѣлались подъ вліяніемъ византійскихъ образцовъ. Но графъ Толстой отказался глубже изслѣдовать вопросъ о восточномъ вліяніи на древнѣйшія русскія монеты, по незнакомству съ восточной нумизматикой.

Къ труду приложены, кромѣ библіографическаго списка и указателей, двѣ особыя главы: 1) о поддѣльныхъ монетахъ и 2) о монетахъ съ

именемъ Болеслава, кириллицей, кіевскаго князя Владиміра Ольгердовича и печати съ именемъ Ратибора. Первая изъ этихъ прибавочныхъ главъ касается вопроса о поддѣлкахъ въ русской нумизматикѣ, почти не затронутаго, хотя онъ и составляетъ больное мѣсто почти всякаго нумизмата. Въ этой главѣ рѣшаются слѣд. частнѣйшіе вопросы: 1) съ какихъ оригиналовъ скопированы наши поддѣлки; 2) когда, хотя приблизительно, изготовлены наши поддѣлки и 3) насколько близко онѣ скопированы со своихъ оригиналовъ, и если есть отличія отъ нихъ, то какія, т. е. иными словами: каковы характерныя черты нашихъ поддѣлокъ? Вторая изъ прибавочныхъ главъ о монетахъ Болеслава, Владиміра Ольгердовича и печати Ратибора вся почти состоитъ изъ описанія и нѣкоторыхъ замѣчаній авторовъ, описывавшихъ ихъ, безъ критики этихъ замѣчаній. О монетахъ Ольгердовича, а можетъ быть и о печати Ратибора графъ Толстой предоставляетъ себѣ право сказать нѣсколько словъ позже, въ другомъ своемъ нумизматическомъ трудѣ; но о монетахъ Болеслава не берется судить, не будучи достаточно знакомъ съ польской и чешской нумизматикой. Строчинскій полагалъ, что кирилловская монета Болеслава чеканена въ Кіевѣ, который въ 1018 году на короткое время былъ занятъ Болеславомъ I Храбрымъ; по догадкѣ же Лелевеля, она выбита была въ южной Польшѣ для обитателей русскаго племени. Но оба эти мнѣнія пока еще не доказаны.

Въ заключеніе, укажемъ еще на одну частность въ трудѣ графа Толстаго. На разсмотрѣнныхъ имъ монетахъ находятся единственныя дошедшія до насъ подлинныя изображенія нашихъ первыхъ христіанскихъ князей; какія бы онѣ ни были, а все же это портреты св. Владиміра и его сыновей—Святослава и Ярослава. На основаніи монетныхъ изображеній воспроизведенъ на заглавномъ листѣ изданія увеличенный портретъ великаго князя св. Владиміра. Несмотря на нѣкоторую поэтическую вольность художника, этотъ портретъ ближе долженъ подходить къ оригиналу, чѣмъ распространенныя иконописныя изображенія этого св. князя.

Н. П.

Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе. Сочиненіе Ореста Новицкаго. Изданіе второе, передѣланное и дополненное. Кіевъ. 1882.

Первое изданіе этой книги послѣдовало въ 1832 году и долгое время было капитальною книгою по данному предмету. Не менѣе капитальною книгою является и второе изданіе, такъ такъ оно передѣлано

и дополнено на основаніи всѣхъ важнѣйшихъ матеріаловъ и источниковъ, появившихся послѣ 1832 года. Главнымъ предметомъ изслѣдованія служитъ собственно духоборческая секта, хотя авторъ касается часто и другой секты, молоканской, которая часто смѣшиваема была съ духоборческою и имѣла нѣкоторое наружное сходство съ нею. И духоборцы и молокане равно отвергаютъ таинства церкви и всѣ ея постановленія, всю наружную сторону религіи. Но при всемъ томъ обѣ эти секты существенно различаются между собою. „Различій этихъ два,—говоритъ авторъ: во первыхъ, духоборцы невысоко цѣнятъ св. писаніе; они руководствуются въ своихъ воззрѣніяхъ тѣмъ, что возвѣстили имъ отцы ихъ, т. е. человѣческимъ преданіемъ, и притомъ не писаннымъ, а хранимымъ единственно въ памяти и сердцахъ; напротивъ того, молокане держатся исключительно св. писанія, какъ руководства въ ихъ религіозныхъ понятіяхъ, хотя изъясняютъ его односторонне и потому ошибочно; во вторыхъ, духоборцы признаютъ преимущественное пребываніе Божества лишь въ своемъ духоборческомъ родѣ и считаютъ себя внутреннимъ храмомъ этого Божества, а потому весь наружный культъ богопоклоненія считаютъ совершенно ненужнымъ для себя, или что тоже, отрицаютъ, всю внѣшнюю сторону религіи съ своей субъективной точки зрѣнія; напротивъ того, молокане признаютъ самостоятельное существованіе Бога, какъ духа, и отрицаютъ всѣ таинства церкви и всю ея внѣшность съ объективной точки зрѣнія, на основаніи лишь текста св. писанія: „Богъ есть духъ, и покланяющіеся ему должны покланяться въ духѣ и истинѣ (Іоан. 4, 24)“. Обѣ эти секты въ своемъ историческомъ развитіи имѣли соотношеніе съ Южной Россіей и, по всей вѣроятности, оставили въ ней замѣтные слѣды. По изслѣдованію г. Новицкаго, начало духоберческой сектѣ положилъ нѣкто иностранецъ, называвшій себя отставнымъ прусскимъ унтеръ-офицеромъ, который около 1740—1750 г. поселился въ харьковской губерніи, въ селеніи Охочемъ, и проповѣдывалъ здѣсь ученіе, совершенно согласное съ духомъ ученія квакерскаго. Послѣдователями и преемниками его ученія были Силуанъ Колесниковъ (1750—1775 г.) и сыновья его, Кирилъ и Петръ, жившіе въ селѣ Никольскомъ, екатеринославскаго округа. Ихъ ученіе систематизировано въ „Исповѣданіи ученія духоборцевъ екатеринославскихъ“, 1791 года, которое не безъ основанія приписывается извѣстному украинскому философу и народному учителю Сковородѣ. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ „Исповѣданіи“ сглажены грубыя крайности секты и внесены чуждые ей элементы, и потому оно не можетъ считаться вѣрнымъ отображеніемъ духоборческаго ученія. Изъ Слободской Украйны духоборческое ученіе занесено было, въ XVIII же в., въ тамбовскую губернію, гдѣ главными коноводами духоборческой секты

были Побирохинъ и отставной капралъ гвардіи Капустинъ, привнесшіе въ духоборское ученіе элементы ученія хлыстовъ, а также анабаптистовъ или менонитовъ. Наконецъ, обѣ эти отрасли духоборческой секты, слободско-украинская и тамбовская, сошлись на Молочныхъ Водахъ, въ мелитопольскомъ уѣздѣ, таврической губерніи, куда духоборцы, по ихъ желанію, переселяемы были въ царствованіе Александра I, съ цѣлію защитить духоборцевъ отъ нелюбви народной, а народъ православный отъ соблазна. Здѣсь, подъ руководствомъ Капустина, въ сосѣдствѣ съ нѣмецкими колонистами — менонитами, духоборцы практически закрѣпили начала своего ученія въ духоборческой общинѣ. Но со смертію Капустина, послѣдовавшей въ 1824 г., начались у мелитопольскихъ духоборцевъ безпорядки и открылись тяжкія преступленія, вслѣдствіе чего въ 1843—5 годахъ они переселены были, по Высочайшему повелѣнію, съ Молочныхъ Водъ на Кавказъ, въ числѣ четырехъ слишкомъ тысячъ. Отъ этого переселенія освобождены лишь тѣ, кои пожелали возвратиться въ лоно православной церкви. „Значительное число духоборцевъ предпочло остаться на мѣстѣ и подчиниться предложенному условію обращенія въ православіе: 27-мь душъ въ самомъ началѣ предложенія вступили въ нѣдра православной церкви. А нѣкоторые возвратились съ мѣста ихъ высылки, гдѣ положеніе ихъ вообще оказалось затруднительнымъ, и подчинились тому же условію". О дальнѣйшей судьбѣ духоборчества на югѣ Россіи авторъ изслѣдованія не говоритъ ни слова. Но нельзя думать, чтобы съ выселеніемъ мелитопольскихъ духоборцевъ на Кавказъ духоборческое ученіе совершенно исчезло на югѣ Россіи; мы знаемъ, что далеко не всѣ духоборцы выселялись изъ Слободской Украйны на Молочныя Воды. Многіе оставались на мѣстахъ прежняго жительства, сохраняя втайнѣ свое ученіе. По всѣмъ признакамъ, оно и возникло въ болѣе позднее время подъ названіемъ *шалопутства*, которое, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается неизслѣдованнымъ.

Другая параллельная духоборчеству секта, молоканская, о которой г. Новицкій говоритъ въ своемъ изслѣдованіи только мимоходомъ, хотя возникла и не на югѣ Россіи, но съ теченіемъ времени перешла сюда и, по видимому, больше оставила слѣдовъ послѣ себя, чѣмъ духоборчество. Первыя сѣмена молоканства авторъ видитъ еще у Матвѣя Семенова Бакшина, XVI в., котораго сами молокане считаютъ основателемъ ихъ секты. Ихъ „надписанія", т. е. перечень текстовъ ветхаго и новаго завѣта, имѣющихъ отношеніе къ ихъ ученію, унаслѣдованы ими отъ лекаря Дмитрія Тверитинова, который проповѣдывалъ около 1713 года кальвинское ученіе и осужденъ былъ на послѣднемъ россійскомъ соборѣ въ 1714 году. Въ 1765 году, въ донесеніи тамбовской консисторіи св. синоду, эта секта

получила даже опредѣленное названіе *Молоканіи*. Вскорѣ послѣ этого въ молоканствѣ является замѣчательный человѣкъ Уклеинъ, зять извѣстнаго уже намъ духоборца Побирохина. Около 1780 года онъ объединилъ тамбовскихъ молоканъ, жившихъ въ разныхъ мѣстахъ, привнесъ въ молоканство нѣкоторые элементы духоборческіе и распространилъ свое ученіе въ нѣсколькихъ сосѣднихъ губерніяхъ. Между прочимъ, молоканство появилось, около 1788 года, и въ Слободской Украйнѣ. Здѣсь вѣроятно молокане познакомились съ сочиненіями Григорія Савича Сковороды и прониклись глубокимъ уваженіемъ къ нимъ. На сколько намъ извѣстно, говоритъ г. Новицкій, Григорій Савичъ Сковорода имѣлъ сильное вліяніе на молоканъ. И донынѣ они распѣваютъ въ домахъ въ праздничные дни нѣкоторые его стихи, и нѣкоторые псалмы изъ библіи поютъ его напѣвомъ. Изъ печатныхъ сочиненій его въ большомъ употребленіи у молоканъ: 1) Библіотека духовная, Спб. 1798 г.; 2., Начальная дверь къ христіанскому добронравію, 1766 г. (и въ Сіонскомъ Вѣстникѣ за 1808 г.), 3., Дружескій разговоръ о душевномъ мірѣ, Моск. 1837 г. Самый журналъ „Сіонскій Вѣстникъ" до того популяренъ у молоканъ, что, кромѣ публичныхъ библіотекъ, его по преимуществу можно встрѣтить только у нихъ. Рукописныя сочиненія Сковороды охотнѣе всѣхъ списывали и сознательнѣе всѣхъ читали молокане; онъ же былъ извѣстенъ у нихъ подъ именемъ *Апостола Христіанства*. Въ 1804—5 гг. молокане, смѣшиваемые правительствомъ съ духоборцами, присылаемы были на Молочныя Воды подъ именемъ духоборцевъ; но они не были приняты духоборцами въ свою общину, поселены отдѣльно, въ сосѣдствѣ съ татарами и менонитами, и вѣроятно во многомъ подчинились вліянію послѣднихъ. Вслѣдствіе такихъ наращеній на основу молоканства стороннихъ элементовъ, само оно съ теченіемъ времени распалось въ своемъ вѣроученіи на нѣсколько толковъ—тамбовскій, владимірскій, донской и проч.; и молокане закавказскіе, послѣдователи Уклеина, не хотятъ имѣть ничего общаго съ молоканами изъ Саратова и Молочныхъ Водъ. Тамошніе старики, покачивая головами, съ тяжелымъ вздохомъ говорятъ: „поползло вкривь и вкось все наше молоканство".

Оставило ли молоканство какіе-либо слѣды на югѣ Россіи, объ этомъ авторъ изслѣдованія не говоритъ ничего, да и не считалъ себя въ правѣ говорить, не отступая отъ главнаго предмета. Мы съ своей стороны проведемъ нѣсколько дальше нить его изслѣдованія и постараемся намѣтить въ общихъ чертахъ связь одного изъ толковъ молоканскихъ съ современной штундой. Мы выше видѣли, что между молоканскими толками извѣстенъ толкъ молоканъ изъ Саратова и Молочныхъ Водъ, съ которыми кавказскіе молокане не хотятъ имѣть ничего общаго. Этотъ-то

толкъ и имѣетъ наибольшее отношеніе къ современной штундѣ. Мы имѣемъ подъ руками рукописное „вѣроисповѣданіе евангелическихъ христіанъ, бывшихъ молоканами", иначе „молоканъ воскресниковъ" Саратовскихъ, сообщенное намъ К. Д. Поповымъ. Оно заключаетъ въ себѣ главные пункты ученія этихъ молоканъ, очень сходные и почти тождественные по содержанію съ извѣстными, „десятью правилами" штундистовъ. (См. Разборъ десяти правилъ вѣроученія штундистовъ, свящ. Кл. Ѳоменко. Кіевъ. 1873). Вотъ нѣкоторые изъ этихъ молоканскихъ пунктовъ: 1) „Вѣруемъ, по ученію Спасителя, въ трехъ-ѵпостаснаго Бога (Матѳ 28, 19) и поклоняемся истинному Богу, Отцу и Сыну и св. Духу; 4) Вѣруемъ, что Господь Іисусъ Христосъ своею кровію стяжалъ намъ вѣчное искупленіе (Римл. 3, 23—25), установилъ и освятилъ: а., крещеніе водою (Іоан. 3, 5; Дѣян. 8, 38—39) и духомъ содѣловаетъ новое рожденіе человѣка; б, причащеніе плоти и крови; по обѣтованію Его (Іоан. 6, 54) уповаемъ имѣть жизнь и воскресеніе; 7., Вѣруемъ, что Богъ установилъ въ Церкви должности; по новому завѣту, во всѣхъ церквахъ избирались и рукополагались (Дѣян. 14, 23; Тимоѳ. 3, 1; 1 Тит. 1, 5) пресвитеры и діаконы (Ефес. 4, 12), для совершенія святыхъ на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова. 9., Церковь избираетъ служителей по качеству даровъ должности, согласно слова Божія (1 къ Тимоѳ. 3, 2—10; къ Титу, 1, 6—10), и служба ихъ продолжается, пока въ нихъ будутъ дары должности; по нарушеніи же правилъ, увольняются братствомъ отъ службы; 10., На моленіе мы собираемся безъ различія полу и возраста каждое воскресенье и годовые праздники Христовы; молимся два раза въ день и, по слову Спасителя (Матѳ. 12, 50), всѣ мы братья и сестры; 11., Моленіе наше изливаемъ къ всемогущему Богу (1 посл. къ Тимоѳ. 2, 1—3) за себя, за Царя и Царицу, августѣйшихъ монарховъ нашихъ, и за высокодостойное семейство ихъ, и за всѣхъ, иже во власти суть, да тихое и безмятежное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ; 12., По ученію Спасителя и св. апостоловъ, мы обязаны отдавать Царю царское, а Богу—божье, (Матѳ. 22, 21), и всякой власти повиноваться изъ усердія (Римл. 13, 1—9), и никому ни въ чемъ должными не оставаться, кромѣ взаимной любви; 13., Къ богослужебнымъ дѣйствіямъ принадлежитъ: а., Крещеніе; пресвитеръ вѣрующаго крещаетъ водою въ покаяніе, во имя Отца и Сына и св. Духа (Матѳ. 28, 19); б., прежде вечери Господней, по повелѣнію Господнему, омываемъ ноги другъ другу (Іоан. 13, 5 и 14); в, причастіе на вечери; пресвитеръ молится и говоритъ: Господь І. Христосъ на послѣдней вечери (Лук. 22, 19; 1 Кор. 11, 23—24) взялъ хлѣбъ, преломилъ и сказалъ: „сіе есть тѣло Мое, которое за васъ предается", по примѣру Спасителя, разламываетъ хлѣбъ, самъ вкушаетъ и всѣ при-

сутствующіе. Также послѣ вечери и чашу съ краснымъ виномъ взялъ и подалъ ученикамъ и сказалъ: „сія чаша есть новый завѣтъ въ моей крови, которая за васъ проливается; сіе творите въ мое воспоминаніе". И мы въ память Его страданія распиваемъ сію чашу и по обѣтованію Его уповаемъ имѣть жизнь и воскресеніе. г) Помазаніе елеемъ больнаго исполняемъ, согласно повелѣнію св. апостола Іакова (Марк. 6, 13; Іаков. 1, 14). д) Погребеніе усопшихъ: не погребаемъ скороспѣшно и если кто умираетъ скоропостижно,—о томъ доносимъ мѣстному начальству; моленіемъ, пѣніемъ и наставленіемъ совершается погребеніе. в) Бракосочетаніе: вѣруемъ, что Богъ сочетаетъ супружниковъ (Марк. 10, 9); пресвитеръ допускаетъ до брака совершеннолѣтнихъ и безъ нарушенія степеней родства; тогда родители благословляютъ дѣтей, и пресвитеръ молится и проситъ отъ Бога на нихъ благословенія; пѣніемъ и наставленіемъ оканчивается бракъ, каковой почитаемъ нерасторгаемымъ. ж) Въ церкви имѣемъ общее влагалище (Марк. 12, 41 и сл.; Лук. 21, 1 и сл.; Іоан. 13, 29; Евр. 13, 16); каждый членъ церкви каждое воскресенье приходитъ въ собраніе и опускаетъ свою лепту, сколько его совѣсть велитъ ему подавать, въ пользу бѣдныхъ членовъ, вдовъ и сиротъ; влагалищемъ руководствуются дьяконы по совѣту братства (Дѣян. 6, 3 и 5). 14) О церковномъ сужденіи: Церковь руководствуется духовно-гражданскими правами, по ученію Спасителя и св. апостоловъ (Матѳ. 18, 15—18; 1 Коринѳ. 5,1—6): а) наставляя одинъ другаго любовію, б) кто впадаетъ въ соблазнъ, того тщательно увѣщеваемъ къ обращенію, в) но если кто либо воспротивится и не послушаетъ церкви, того исключаемъ изъ братства (Матѳ. 18, 17), г) если возникаетъ раздоръ или обида, то избранные церковію члены стараются помирить, чтобы дѣло не доходило до судовъ (Коринѳ. 6, 5) и д) церковь внушаетъ каждому члену преданность Государю и вѣрность въ службѣ. 15) Наконецъ объявляемъ, что вѣра, упованіе наше, заимствована единственно изъ священнаго слова Божія, и въ дѣлахъ вѣры не допускаемъ никакое лице или общество лицъ проповѣдывать другое вѣроупованіе, и, кромѣ ветхаго и новаго завѣтовъ, никакія книги не почитаемъ богодухновенными и никакія изображенія не имѣемъ и не желаемъ имѣть, взирая на Начальника и Совершителя вѣры І. Христа и его св. апостоловъ".

Мы не будемъ здѣсь сличать эти пункты молоканскаго вѣроисповѣданія съ десятью правилами штундистовъ и замѣтимъ только, что послѣднія представляютъ только болѣе систематическую редакцію первыхъ, съ замѣтнымъ анабаптистическимъ или менонитскимъ оттѣнкомъ. Но въ заключеніе позволимъ себѣ привести извлеченіе изъ статьи Ф. Щербины о вѣрованіяхъ и обычаяхъ штундистовъ николаевскаго уѣзда, хер-

сонской губерніи, помѣщенной въ 15 № „Кіевскаго Телеграфа" за 1876 годъ. Изъ этой статьи мы наглядно, такъ сказать, убѣждаемся, что жизнь херсонскихъ штундистовъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ появленія штунды, совершенно соотвѣтствовала изложеннымъ нами молоканскимъ пунктамъ вѣроученія и какъ будто устроялась по нимъ. По сообщенію г. Щербины, догматическая сторона штунды пока еще нисколько не опредѣлена. Понятіе о Богѣ, о троичности лицъ и проч., все это такіе вопросы, которыхъ штундисты пока еще совершенно не касались. Нѣсколько яснѣе и опредѣленнѣе взгляды штундистовъ на таинства, изъ которыхъ безусловно необходимымъ они признаютъ собственно только одно—бракъ, и то не въ церковномъ смыслѣ. Таинство крещенія остается еще пока спорнымъ пунктомъ. Всѣ остальныя таинства отвергаются, хотя и существуетъ у нѣкоторыхъ штундистовъ такъ называемое преломленіе хлѣбовъ, напоминающее собою таинство причащенія. Бракъ, по понятіямъ штундистовъ, не есть таинство, а просто самый обыкновенный житейскій актъ, совершаемый тѣмъ не менѣе съ нѣкоторою обрядностію и церемоніями. Въ прежнее время бракъ совершался такъ называемымъ „старшимъ братомъ" (пресвитеромъ). Въ настоящее время онъ устанавливается нѣсколькими личностями. Дѣло обыкновенно бываетъ такъ: женихъ и невѣста, раньше сговорившіеся, заявляютъ нѣсколькимъ штундистамъ о своемъ желаніи вступить въ бракъ. Въ назначенный день всѣ они собираются вмѣстѣ, читаютъ при этомъ нѣкоторыя мѣста изъ евангелія, поютъ стихи, пѣсни и псалмы, говорятъ проповѣди и рѣчи и тутъ же объявляютъ состоявшимся бракъ. Этимъ дѣло и оканчивается. Почти такимъ же образомъ совершается и крещеніе. При совершеніи его точно также собирается нѣсколько штундистовъ, обыкновенно вечеромъ, на берегу рѣки. Здѣсь они также поютъ духовныя пѣсни и псалмы, импровизируютъ рѣчи и проч. Самъ крестящійся входитъ въ рѣку и окунается. Такое крещеніе называется вводнымъ крещеніемъ и прежде совершалось старшимъ братомъ, но въ послѣднее время нѣкоторыми штундистами былъ поднятъ вопросъ о томъ, что вводное крещеніе есть не что иное, какъ обрядъ, и что поэтому оно совершенно излишне для вступающихъ въ штунду, для которыхъ оно собственно и было установлено. Всѣми штундистами отвергаются также иконы и крестъ. Самая молитва признается необходимою, но какихъ нибудь постоянныхъ, разъ навсегда установленныхъ молитвъ нѣтъ. Какъ совершается погребеніе,—неизвѣстно; но когда въ одно время штундистамъ не было позволено хоронить мертвеца на общемъ кладбищѣ, они замѣтили: „намъ все равно, лишь бы гдѣ нибудь похоронить". Наконецъ, празднованіе воскресенья, несмотря на то, что соблюдается почти всѣми, многими отвер-

гается, и по этому поводу въ настоящее время у сектантовъ бываютъ самые оживленные толки и разсужденія. Что касается духовной іерархіи, то она положительно не признается штундистами. Прежде имѣлъ еще нѣкоторое значеніе такъ называемый старшій братъ. Въ настоящее время вмѣсто старшаго брата необходимыми признаются одни общія собранія. Общія собранія бываютъ каждое воскресенье. На нихъ участвуютъ оба пола, мужескій и женскій. Собранія начинаются обыкновенно общимъ пѣніемъ духовныхъ пѣсней и псалмовъ; затѣмъ читается по обыкновенію евангеліе, желающій или желающая разъясняетъ и толкуетъ прочитанное; говорятъ цѣлыя проповѣди, рѣчи и импровизаціи,—и все собраніе принимаетъ, такъ сказать, полемическій характеръ. По отношенію къ дѣйствительности штундисты остаются самымъ мирнымъ и самымъ безобиднымъ народомъ. Это—ея послушныя, покорныя дѣти. Сила и насиліе не въ ихъ характерѣ, ложь и подкопы—точно также. Но мы погрѣшили бы противъ истины,—говоритъ г. Щербина,—если бы сказали, что идея о братствѣ не имѣла положительно никакого вліянія на складъ жизни самихъ штундистовъ. Вліяніе ея въ этомъ отношеніи довольно замѣтно, хотя далеко еще не полное. Для штундистовъ дѣйствительныя братскія отношенія составляютъ вопросъ первѣйшей важности. Всякіе раздоры и ссоры между собою, въ семьѣ ли, на собраніяхъ, въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, штундисты всячески стараются уладить и пресѣчь. Миръ и согласіе—отличительныя черты ихъ жизни. Всѣ вообще штундисты—братья и сестры; потому, какъ бы въ подтвержденіе этой мысли, штундисты зовутъ другъ друга братьями и цѣлуются при встрѣчѣ; тоже дѣлаютъ и женщины. Таковъ въ общихъ чертахъ идеалъ взаимныхъ отношеній, который штундисты всячески стараются примѣнить къ своей жизни.

Если вѣрить г. Щербинѣ, штундисты съ теченіемъ времени отступаютъ мало по малу отъ первоначальныхъ правилъ своей секты,—и очень возможно, что съ теченіемъ времени они примутъ форму какой либо другой новой секты. Но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что первоначальное штундистское ученіе сходно и почти тождественно съ ученіемъ нѣкоторыхъ молоканскихъ толковъ и, безъ сомнѣнія, изъ него выродилось. Въ такомъ случаѣ штундизмъ нужно изучать не въ однихъ только современныхъ его проявленіяхъ, но и въ его исторіи, когда онъ въ зачаточномъ своемъ состояніи скрывался еще въ другихъ формахъ бытія, заключался въ другихъ сектахъ съ иными названіями. Понятно послѣ этого, что труды, подобные изслѣдованію г. Новицкаго, должны имѣть важное значеніе, при изученіи современнаго состоянія сектанства и въ южной Россіи и особенно раціоналистическихъ, отрицательныхъ сектъ.

Н. П.

Jozef Dunin-Karwicki.—Szkice obyczajowe i historyczne. Warszawa. 1882.

(Іосифъ Дунинъ-Карвицкій.—Очерки нравовъ и исторіи).

Книга г. Карвицкаго посвящена исключительно Волыни. Она заключаетъ въ себѣ десять отдѣльныхъ очерковъ, изъ которыхъ четыре посвящены разнымъ историческимъ воспоминаніямъ края, не представляющимъ впрочемъ особенно важнаго научнаго интереса. Въ статьѣ „Воспоминанія о Луцкѣ, Острогѣ и Олыкѣ" авторъ представилъ въ краткомъ очеркѣ сводъ извѣстныхъ историческихъ данныхъ о названныхъ городахъ; три другія статьи представляютъ извлеченія изъ современныхъ записокъ начала XVIII столѣтія о событіяхъ слишкомъ частнаго и мѣстнаго характера; это—описаніе торжества вѣнчанія короною чудотворной иконы Богоматери въ костелѣ мѣсточка Подкаменя (1727 г.), описаніе похоронъ гетмана Адама Сѣнявскаго (1726 г.) и девникъ праздненствъ, отправленныхъ при бракосочетаніи гетмана Денгофа (1724 г.)

Гораздо интереснѣе остальныя шесть статей, посвященныя быту Волыни въ началѣ текущаго столѣтія, составленныя по воспоминаніямъ самаго автора и поколѣнія непосредственно ему предшествовавшаго.—Весьма живо написаны очерки, посвященные біографіи Ѳаддея Чацкаго и исторіи возникновенія основаннаго имъ волынскаго лицея въ Кременцѣ. Авторъ придаетъ, нѣсколько увлекаясь воспоминаніями прошедшаго, гораздо болѣе серьезное значеніе научной дѣятельности этого лицея, чѣмъ она была въ дѣйствительности и считаетъ особенно цѣлесообразнымъ то направленіе „гуманитарно-энциклопедическое", [1]) которымъ отличалось это учебное заведеніе. Описывая подробно бытъ учившейся молодежи, онъ совершенно вѣрно изображаетъ, какъ они, подъ вліяніемъ окружавшаго общества, предавались гораздо болѣе салоннымъ увеселеніямъ и свѣтской жизни, чѣмъ научнымъ работамъ, и видитъ въ этомъ направленіи въ высокой степени похвальное и отрадное, съ своей точки зрѣнія, явленіе. Затѣмъ двѣ статьи посвящены воспоминаніямъ о пребываніи на Волыни вел. кн. Константина Павловича и императора Александра I. Съ особеннымъ сочувствіемъ г. Карвицкій собралъ преданія о вел. кн. Константинѣ Павловичѣ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ постоянно посѣщавшемъ Волынь въ качествѣ генералъ-инспектора кавалерійскаго корпуса,

---

[1]) Статья Е. М. Крыжановскаго: „Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ", помѣщенная въ февральской и мартовской книжкахъ „Кіевской Старины", даетъ вѣрное и полное понятіе объ этомъ направленіи.

расположеннаго въ то время въ волынской губерніи. Характеристика личности великаго князя самая симпатическая. Авторъ описываетъ неутомимую дѣятельность Константина Павловича, его исполненныя благоволенія и дружелюбія отношенія къ волынскому аристократическому обществу и высокое его образованіе; съ большою любовью передаетъ много анекдотовъ, относящихся къ его жизни на Волыни, и характеристику болѣе выдававшихся лицъ окружавшей его свиты.

Двѣ остальныя главы посвящены біографически-бытовымъ очеркамъ двухъ крупныхъ землевладѣльцевъ Волыни: генерала Михаила Бржостовскаго и князя Романа Сангушка;—характеристика и лицъ и еще болѣе окружавшей ихъ обстановки представляетъ много интересныхъ чертъ для бытовой исторіи данной мѣстности и общественной среды.

Личная точка зрѣнія автора на событія и общественныя отношенія нѣсколько субъективна. Онъ интересуется исключительно бытомъ крупныхъ землевладѣльцевъ и признаетъ ихъ дѣятельность почти исключительно полезною для края; по временамъ, съ сдержаннымъ чувствомъ грусти, онъ относится къ нововведеніямъ, сожалѣетъ объ экономическомъ и юридическомъ ограниченіи вліянія магнатовъ и, повидимому, съ трудомъ мирится съ фактомъ освобожденія крестьянъ. Отстранивъ впрочемъ субъективныя ощущенія автора, вѣроятно принадлежащаго къ поколѣнію болѣе связанному съ прошедшимъ, чѣмъ съ настоящимъ, мы не можемъ не указать на его книгу, какъ на сборникъ весьма интересныхъ фактическихъ и бытовыхъ данныхъ объ одной изъ областей юго-западнаго края.

Исторія Русской Церкви, Макарія, митрополита московскаго.

Т. XI. Спб. 1882 г. Патріаршество въ Россіи. Книга II.

Первая изъ двухъ частей этой книги озаглавлена: *Патріархъ Филаретъ и два его преемника.* Здѣсь представлена исторія сѣверно-русской церкви или московскаго патріаршества при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, Іоасафѣ I и Іосифѣ, съ общимъ заключительнымъ взглядомъ на тогдашнее состояніе церкви въ сѣверовосточной Россіи. Вторая, подъ общимъ заглавіемъ: *Западно-русская митрополія въ борьбѣ съ уніею, подъ управленіемъ православныхъ митрополитовъ,* содержитъ слѣд. частнѣйшіе отдѣлы: Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ и возобновленіе имъ западно-русской іерархіи; митрополитъ Іовъ Борецкій, м. Исаія Копинскій, м. Петръ Могила; общій взглядъ на состояніе западно-русской митрополіи. Эта вторая часть значительно обширнѣе первой, составляя почти двѣ трети книги. Обстоятельство—не случайное, указывающее именно

на то, что церковная жизнь въ московскомъ патріаршествѣ въ данное время оказывалась менѣе содержательною, въ сравненіи съ церковною жизнію въ западно-русской митрополіи. Тамъ вниманіе историка привязывается, за рѣдкими исключеніями, къ одному центру, къ столицѣ, гдѣ, въ дѣятельности высшей церковной власти и также дѣятельности государственной власти по отношенію къ церкви, сосредоточиваются преобладающіе интересы церковной жизни, ограниченные болѣе или менѣе однообразными мѣропріятіями къ возстановленію внѣшняго церковнаго порядка, съ слабыми попытками „церковныхъ исправленій" обрядоваго характера и съ еще болѣе слабыми, едва замѣтными, стремленіями къ улучшеніямъ болѣе широкимъ и существеннымъ, напр. въ области нравственнаго развитія церкви или въ области духовнаго просвѣщенія, которое, какъ справедливо замѣчаетъ историкъ, ни на шагъ не подвинулось въ сѣверо-восточной Руси за данное время. То, что изрѣдка начиналось или предпринималось здѣсь въ этомъ направленіи, возникло только подъ стороннимъ вліяніемъ,—вліяніемъ захожихъ грековъ и пришлыхъ ученыхъ южно и западно-руссовъ, но не прививалось къ мѣстной средѣ, въ слѣдствіе продолжавшейся въ ней наклонности къ національной замкнутости и закоснѣлости и отсюда—подозрительности, даже антипатіи къ пришлымъ ученымъ и учителямъ. Въ этомъ то недостаткѣ мѣстныхъ возбужденій и силъ для просвѣтительнаго движенія, съ которымъ неразлучно и нравственное развитіе, заключалась причина малосодержательности церковной жизни въ сѣверо-восточной Россіи даннаго времени,—не смотря на тѣ надежды, какія могло внушать недавнее время величественнаго подъема въ ней народно-религіознаго духа въ борьбѣ съ бѣдствіями и смутами безъ государя. Но время ея было еще впереди. Для западной Руси и ея церкви именно данное время было временемъ новаго, усиленнаго напряженія духовныхъ и общественныхъ силъ. Потому и ея исторія за это время является обильнѣе и разнообразнѣе содержаніемъ. Здѣсь, начиная съ Кіева, гдѣ послѣдовало въ 1620 г. возстановленіе западно-русской іерархіи и кіевской митрополіи, въ лицѣ Іова Борецкаго, и гдѣ окончательно возстановлена начальная Кіево-Софійская каѳедра ея, при м. Петрѣ Могилѣ, взоръ историка проходитъ по всему пространству юго-западной и западной Руси, повсюду встрѣчаясь съ разнообразными проявленіями мѣстныхъ, личныхъ и коллективныхъ силъ и усилій, направленныхъ въ общемъ для всѣхъ интересѣ, интересѣ защиты родной вѣры и церкви, и, въ связи съ тѣмъ,—въ интересѣ лучшаго благоустройства церкви во всѣхъ сферахъ ея жизни, съ особенными при этомъ заботами о развитіи образовательныхъ учрежденій для церкви и цѣлой страны, съ заботами о просвѣщеніи. Самый сжатый очеркъ всего, столько обильнаго и разнообраз-

наго содержанія исторіи западно-русской церкви за обнимаемый настоящимъ томомъ 26 лѣтній періодъ ея, съ 1620 г. до конца 1646 г., или до кончины м. Петра Могилы, не вмѣстился бы въ немногихъ строкахъ библіографической замѣтки. Заключимъ ее двумя—тремя замѣчаніями объ этомъ великомъ іерархѣ, начиная съ заключительнаго отзыва о немъ историка, съ свойственною ему ученостію, критическимъ талантомъ и добросовѣстностію обработавшаго въ настоящемъ томѣ біографію и характеристику Могилы. „Имя Петра Могилы, говоритъ онъ, одно изъ лучшихъ украшеній нашей церковной исторіи. Онъ, несомнѣнно, превосходилъ всѣхъ современныхъ ему іерарховъ не только мало-русской, но и велико-русской церкви и даже всей церкви восточной: превосходилъ своимъ просвѣщеніемъ, еще болѣе любовію къ просвѣщенію и своими подвигами на пользу просвѣщенія и церкви". Частнѣе обозначивъ великія услуги, оказанныя Петромъ Могилою мало-русской церкви, историкъ отмѣчаетъ въ особенности ту великую услугу, какую оказалъ онъ всей русской церкви основаніемъ и обезпеченіемъ своей коллегіи, послужившей разсадникомъ и образцомъ для духовно-учебныхъ заведеній. Припомнимъ съ своей стороны, что эту коллегію знаменитый іерархъ въ своемъ завѣщаніи называлъ *„единственнымъ залогомъ своимъ"*, давая понять, что именно въ силѣ просвѣщенія, имѣвшаго вырабатываться изъ среды коллегіи, видитъ онъ главную силу, могущую направить церковь и страну къ лучшей будущности. Великіе умы обнимаютъ предметы шире, чѣмъ умы обыкновенные. Если и Петръ Могила, подобно своимъ предмѣстникамъ и другимъ тогдашнимъ представителямъ южно-русской церкви, обращался къ сѣверной Россіи съ просьбами о вещественныхъ пособіяхъ и съ надеждами на болѣе сильную помощь въ будущемъ, то онъ одинъ съ замѣчательною опредѣлительностію и, какъ онъ выражается, *паче всѣхъ прошеній своихъ"*, предъявлялъ въ грамотѣ отъ 1640 г. 7 апр. къ царю Михаилу Ѳеодоровичу прошеніе о томъ, чтобы приказалъ соорудить въ Москвѣ особый монастырь, въ которомъ могли бы жить старцы и братія кіевскаго братскаго монастыря и обучать *дѣтей боярскихъ и простаго чину людей* грамотѣ греческой и славянской и пр. Такъ въ своихъ помыслахъ о просвѣщеніи онъ обнималъ всю русскую церковь, всю Россію и въ этомъ смыслѣ былъ истиннымъ предтечей Петра В., былъ предтечей и нашего времени, ибо помышлялъ объ образованіи не высшихъ только классовъ, но и простаго чину людей. Съ мыслію объ училищахъ, въ наиболѣе удобномъ тогда видѣ училищныхъ монастырей, Петръ Могила питалъ и старался осуществить мысль объ иноческихъ ученыхъ братствахъ, призванныхъ къ книжнымъ, ученымъ трудамъ. Эта мысль, занимавшая и Петра В., поднимавшаяся иногда и послѣ него, осталась, къ великому сожалѣ-

нію, заброшенною, и наше пореформенное монашество, за исключеніемъ учебно-служебнаго и выходящаго изъ среды его іерархическаго, спускалось все ниже и ниже въ просвѣщеніи, до нашихъ дней комплектируясь, за весьма и весьма рѣдкими исключеніями, изъ недоучекъ, изъ людей малограмотныхъ и даже просто безграмотныхъ. Наша привычка къ такому до крайности странному явленію заставляетъ предполагать, будто наше пониманіе вещей стало далеко ниже возвышенныхъ и свѣтлыхъ идей двухъ Петровъ—Петра Могилы и Петра Великаго. Не говоря о другихъ дѣйствіяхъ Петра Могилы на пользу церкви, какъ напр. составленіе имъ первой въ нашей церкви символической книги, извѣстной подъ названіемъ „*Православнаго Исповѣданія*" его имени, не можемъ не вспомнить, какъ назидательно было бы вдуматься и сопоставить съ нашимъ временемъ такіе, въ частности, учрежденія и обычаи, мѣропріятія и начинанія Могилинскаго и ближайшаго къ нему времени, какъ поддержка церковной проповѣди съ помощію постоянной должности проповѣдниковъ, обычные, каждый годъ или рѣже, епархіальные соборы, фактъ существованія которыхъ подкрѣпленъ новыми указаніями въ настоящемъ томѣ „Исторіи" преосв. Макарія, далѣе—участіе общественныхъ, личныхъ и коллективныхъ представителей въ завѣдываніи церковными учрежденіями, даже попытка образовать, особо отъ епархіальной администраціи или каѳедральной капитулы, судебную коллегію изъ 24 пресвитеровъ—„въ священническій судъ, чтобы они судили, какъ капитула", каковая попытка заявлена была именно на кіевскомъ соборѣ 1640 г., созванномъ Петромъ Могилою. Въ ряду многихъ, весьма интересныхъ совѣщаній и разсужденій, бывшихъ на соборѣ, равно предложеній внесенныхъ на соборъ, заслуживаетъ вниманія предложеніе признать *докторомъ богословія* игумена Исаію Трофимовича Козловскаго, который былъ однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ Петра Могилы по устройству коллегіи, по многимъ другимъ дѣламъ, болѣе всѣхъ потрудился въ составленіи „Православнаго Исповѣданія" и вполнѣ достоинъ былъ докторской степени. Вообще сопоставляя Могилянское время съ нашимъ, придемъ къ сознанію, что многое, что есть хорошаго, даже лучшаго теперь, коренится своими начатками въ томъ далекомъ прошломъ, но что эта отдаленная эпоха вырабатывала еще и такія идеи и стремленія, которыя оказываются какъ бы не подъ силу нашему времени, хотя были бы безспорно полезными и для нашего и для будущаго времени, бывъ согласованы съ новыми условіями нашей церковной и общественной жизни.

М.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

Церковно-археологическое Общество при к. д. академіи въ 1881 г.

Церковно-археологическое Общество, существующее при кіевской духовной академіи съ конца 1872 года, въ 1880 г. принято подъ покровительство Е. И. В. вел. кн. Владиміра Александровича. Къ концу 1881 года въ составъ Общества входили: предсѣдатель, 31 почетный членъ, 83 дѣйствительныхъ члена и 43 члена-корреспондента, всего съ предсѣдателемъ 158 человѣкъ. Въ прошломъ году Общество проектировало дополненія и измѣненія въ своемъ уставѣ, касавшіяся главнымъ образомъ усиленія дѣятельности Общества чтеніемъ въ немъ рефератовъ и печатаніемъ ихъ, равно какъ отчетовъ и сообщеній членовъ онаго, въ академическомъ или одномъ изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій, отдѣленія музея отъ академической библіотеки и избранія особаго завѣдывающаго музеемъ и помощника секретаря. По утвержденіи этихъ дополненій и измѣненій св. синодомъ, нѣкоторыя изъ нихъ стали практиковаться уже въ прошломъ году. Собранія общества сдѣлались очередными мѣсячными. На нихъ пересматривался уставъ Общества и музея, назначались коммиссіи и отдѣльные члены для исполненія разныхъ археологическихъ порученій, обсуждались мнѣнія и доклады этихъ коммиссій и членовъ, сообщались рефераты и проч. Такъ членъ Общества, проф. Н. И. Петровъ принималъ участіе въ занятіяхъ V археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ; товарищъ предсѣдателя, протоіерей П. Г. Лебединцевъ и члены П. А. Лашкаревъ и Н. И. Петровъ приглашены Императорскимъ русскимъ археологическимъ обществомъ, первый—въ качествѣ предсѣдателя, въ составъ особой коммиссіи, для возобновленія фресковъ XII в. въ кіево-кириловской церкви членомъ названнаго и вмѣстѣ кіевскаго церковно-археоло-

гическаго Общества, проф. А. В. Праховымъ; тотъ же протоіерей П. Г. Лебединцевъ и тѣже члены Лашкаревъ и Петровъ, въ составѣ особой коммиссіи, со включеніемъ въ нее и членовъ Прахова и Сычугова, по предварительномъ освидѣтельствованіи, составили особыя указанія, направленныя къ сохраненію остатковъ древности, при производствѣ работъ, по обновленію свято-троицкой, XII вѣка, церкви, надъ святыми вратами кіево-печерской лавры онъ же П. Г. Лебединцевъ и члены Малышевскій, Лашкаревъ, Праховъ, Сычуговъ и свящ. Кл. Ѳоменко, въ составѣ нарочитой коммиссіи и въ тѣхъ же видахъ, обсуждали планъ и способъ производства нѣкоторыхъ перестроекъ въ кіево-софійскомъ соборѣ, съ цѣлію обращенія онаго въ теплый; наконецъ членъ Общества П. А. Лашкаревъ, по порученію Общества, вслѣдствіе отношенія кіевской консисторіи, осматривалъ трещину, образовавшуюся на сѣверо-западномъ углу лѣваго придѣла кіево-печерской, спасской на Берестовѣ, церкви и представилъ особыя соображенія объ исправленіи означеннаго угла, безъ нарушенія въ чемъ либо памятниковъ древности.

Изъ рефератовъ, предложенныхъ на засѣданіяхъ церковно-археологическаго Общества въ 1881 году, отмѣтимъ слѣдующіе: Объ Острожской печатной библіи, по поводу ея трехсолѣтія, два реферата С. М. Сольскаго и С. Т. Голубева; о рукописномъ разговорѣ Великороссіи съ Малороссіей второй половины прошлаго вѣка, спискѣ предметовъ церковно-археологическаго музея, имѣющихъ какое либо отношеніе къ занятіямъ V археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ, о ходѣ работъ по открытію фресковыхъ изображеній въ кіево-кирилловской церкви XII вѣка и о графитахъ въ этой церкви, равно о поѣздкѣ на V археологическій съѣздъ въ Тифлисъ,—Н. И. Петрова; о первоначальныхъ временахъ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ, С. Т. Голубева; когда, гдѣ и кѣмъ учреждено празднованіе св. Владиміру 15 іюля, И. И. Малышевскаго. Кромѣ того, членъ профессоръ Ѳ. А. Смирновъ продолжалъ описаніе филаретовской коллекціи иконъ церковно-археологическаго музея.

Независимо отъ внутренней дѣятельности своей, церковно-археологическое Общество имѣло сношенія со всѣми русскими подобными учрежденіями, съ хорватскимъ археологическимъ Обществомъ въ Загребѣ и др.

Денежныя средства Общества въ 1881 году были слѣдующія:

Оставалось отъ 1880 года 954 р. 89 к.; вновь поступило 323 р. 57 к. Пріобрѣтено облигацій перваго восточнаго займа номинальной стоимостью въ 1100 р. Израсходовано на нужды Общества и музея 56 р. 40 к.; на покупку облигаціи 1025 р. 20 коп. Оставалось къ 1882 году облигаціями 1100 руб. и наличными деньгами 196 р. 86 к. сер., всего 1296 р. 86 к. серебр.

При Обществѣ существуетъ церковно-археологическій музей, главнымъ образомъ обогащающійся приношеніями членовъ Общества, а также посѣтителей музея и другихъ лицъ. Въ 1881 году всѣхъ жертвователей было свыше 90 человѣкъ. Пожертвовано и пріобрѣтено слѣдующее количество предметовъ:

а) въ музей:

Памятниковъ церковной архитектуры, живописи, скульптуры, разной утвари и т. п.	69
Медалей, жетоновъ, монетъ и ассигнацій	391
Религіозныхъ памятниковъ разныхъ народовъ и древнихъ памятниковъ военнаго и домашняго быта	847
Актовъ, грамотъ, писемъ и т. п.	14
Рукописей	66
Старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ	48
Гравюръ, чертежей, фотографическихъ снимковъ и т. п.	263

б) въ библіотеку музея:

Книгъ и брошюръ	64
Всего	1762

Болѣе важныя изъ этихъ поступленій были слѣдующія: чеканное современное изображеніе Петра В. на большой мѣдной круглой бляхѣ, со зданія кіевской городской думы, сгорѣвшаго въ 1811 году, отъ М. Д. Свиридова; восемь томовъ профессорскихъ лекцій иннокентіевскаго періода кіевской дух. академіи, отъ священника Л. П. Демяновскаго; коллекція индѣйскихъ и японскихъ (синтоистскихъ и буддійскихъ) предметовъ древности и религіознаго культа и быта, числомъ 52, отъ члена православной японской миссіи ар-

химандрита Анатолія; глиняные и металлическіе предметы изъ кургана близь деревни Корытищъ, каневскаго уѣзда, кіевской губерніи, отъ помѣщика Н. Я. Тарнавскаго; снимокъ съ ольвійской греческой надписи I вѣка по Р. Христовѣ, двѣ ольвійскія тессеры, два бронзовые наконечника стрѣлъ и 10 монетъ, найденныхъ на мѣстѣ древней Ольвіи, девять пантикапейскихъ сосудцевъ и серебряная римская монета Секта Помпея изъ Аккермана (древняго Тираса)— отъ И. К. Суручана; золотой кабинетный крестъ отъ наслѣдниковъ покойнаго протоіерея І. Игнатовича, кіевскаго старожила; коллекція рисунковъ и акварелей отъ Т. В. Кибальчича; каменный образокъ св. Николая, изъ костромской губ., отъ протоіерея А. М. Воскресенскаго; старообрядческій деревянный иконостасикъ о 15-ти створкахъ, изъ харьковской губерніи, отъ преосвященнаго харьковскаго Іустина; 20 черногорскихъ и герцеговинскихъ рукописей съ XIV по XVIII вѣкъ, и 32 церковно-славянскія книги XVI—XVIII в., изъ коихъ нѣкоторыя доселѣ неизвѣстны были нашимъ библіографамъ, отъ настоятеля русской посольской церкви въ Вѣнѣ, протоіерея Раевскаго; связка документовъ относительно имѣній луцкой и острожской епископіи и жидичинскаго монастыря, XVI—XVIII в., отъ настоятеля тригурскаго монастыря, волынской епархіи, архимандрита Модеста; 658 кремневыхъ орудій, 20 бронзовыхъ и желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, 8 глиняныхъ пряслицъ и 25 фрагментовъ бусинъ и стеклянныхъ браслетовъ изъ окрестностей села Вишеновъ, остерскаго уѣзда, черниговской губерніи, отъ мѣстнаго священника Ѳ. Яновскаго; клыкъ мамонта и большая картина страшнаго суда, на холстѣ, отъ священника села Конончи, черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи, А. Славинскаго; 145 древне-греческихъ, римскихъ, византійскихъ и другихъ монетъ отъ преосвященнаго астраханскаго Евгенія; 17 татарскихъ, куфическихъ и другихъ восточныхъ монетъ изъ клада, найденнаго въ белебеевскомъ уѣздѣ, уфимской губерніи, отъ учителя уфимской дух. семинаріи И. Троицкаго; 20 кипрскихъ и палестинскихъ древностей отъ настоятеля русской миссіи въ Іерусалимѣ архимандрита Антонина; 52 таблицы фотографическихъ снимковъ съ предметовъ первобытной культуры, полученныхъ путемъ раскопокъ или пріобрѣтенныхъ предварительнымъ комитетомъ V археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ, а также съ древнихъ грузинскихъ иконъ, отъ начальника кавказ-

скаго военно-народнаго управленія, генералъ-лейтенанта А. В. Комарова.

Въ совокупности съ поступленіями предыдущихъ годовъ, коллекціи Общества къ 1 января 1882 года представляли слѣдующую численность:

а) по музею.

Церковныхъ памятниковъ архитектуры, живописи, ваянія, скульптуры, разной утвари и т. п.	1494
Памятниковъ церковныхъ	5968
Фотографическихъ снимковъ, гравировальныхъ досокъ, гравюръ чертежей и т. п.	2392
Актовъ, грамотъ, писемъ и т. п.	1286
Рукописей	733
Старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ	505

б) По библіотекѣ музея:

Книгъ и брошюръ	468
Всего.	12846

Предметы музея распредѣлены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) первобытныя историческія древности, преимущественно языческія; 2) акварели, гравюры и снимки; 3) муравьевская коллекція древностей и святыни; 4) принадлежности церковнаго богослуженія; 5) и 6) иконы; 7) картины и портреты; 8) статуи; 9) памятники медальорнаго искусства—монеты, медали и проч.; 10) образцы письма и печати; 11) старопечатныя книги и рукописи. Первые шесть отдѣловъ размѣщены въ особенныхъ залахъ или комнатахъ, послѣдующіе четыре—въ галлереѣ музея и одинадцатый въ библіотекѣ кіевской академіи. Преметамъ, находящимся въ музеѣ, составленъ и изданъ указатель, равно какъ составлено и издано описаніе рукописей церковно-археологическаго музея.

Въ теченіи 1881 года, за исключеніемъ вакаціальнаго времени, музей открытъ былъ по воскресеньямъ для членовъ Общества, студентовъ академіи и сторонней публики. Стороннихъ посѣтителей, платившихъ за входъ въ музей, было до 250 человѣкъ.

Н. П.

Рукописи Румянцевскаго Музея по исторіи Кіева.

Въ монументальномъ трудѣ Востокова: «Описаніе рукописей Румянцевскаго Музеума» (Спб. 1842) нерѣдко встрѣчаются указанія на сочиненія и акты, касающіеся кіевской земли, упоминаются историческія лица края, описываются предметы и совершившіяся здѣсь событія; все это невольно возбуждаетъ желаніе—познакомиться ближе съ самими рукописями Музеума, извлечь изъ нихъ все относящееся къ исторіи Кіева, или по крайней мѣрѣ сдѣлать имъ болѣе подробную опись, болѣе опредѣленную оцѣнку, чѣмъ это сдѣлано Востоковымъ. Ему, составившему книгу въ 900 стр., трудно было сдѣлать больше для мѣстной исторіи; великое спасибо ему и за то, что онъ приложилъ къ своей книгѣ указатель, облегчающій возможность пользоваться ею. Изъ этого указателя я привожу все, что упоминается въ немъ по отношенію къ Кіеву и располагаю эти указанія въ хронологическомъ порядкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ по ихъ содержанію. По этимъ указаніямъ, лицу, стоящему близко къ Музеуму, легче будетъ сдѣлать нужныя справки и, можетъ быть, составить рядъ статей, весьма полезныхъ для исторіи края вообще и для «Кіевской Старины» въ частности.

А. Историческія сочиненія вообще.

1., Лѣтописцы, говорящіе между прочимъ о кіевскихъ событіяхъ, №№ CCLII, CCXLVII.

2., Переводъ съ польскаго о княженіи русскомъ кіевскомъ, 1600 г., стр. 145.

3., Синопсисъ кіевскій, № CCCLXXXIX, стр. 766.

Б. По исторіи церкви.

4., Патерикъ печерскій, писанный въ 1462 г., № CCCV, с. 427—434.

5., Тоже, списокъ для гр. Румянцова, № CCCVI, стр. 434.

6., Похвала препод. Ѳеодосію Печерскому (изъ Патерика Печерскаго), стр. 679.

7., Ѳеодосія Печерскаго поученія въ дни великаго поста, стр. 615 и дал.

Его же поученія о казняхъ Божіихъ, стр. 686.

Не ему-ли принадлежитъ и житіе князя Владиміра? стр. 434.

8., Вопрошеніе кн. Изяслава къ игумену печерскому Ѳеодосію о латинѣхъ, стр. 308.

9., Кириллъ III, митр. кіевскій, его поученіе къ попомъ, стр. 280.

10., Исторія, сирѣчь повѣстникъ о епископіяхъ, елико подлежатъ и послушны суть митрополиту кіевскому и всея Руси, стр. 643.

11., Форма грамоты митрополичьей на намѣстничество въ Кіевѣ, стр. 38.

12., Герасимъ, келарь печерской лавры; Іона, философъ, уставникъ; Давидъ, ключникъ,—всѣ 1446 года, стр. 111.

13., Іосифъ Солтанъ, нареченный митрополитъ кіевскій, 1499 и 1514 г., стр. 138 и 277.

14., Игнатій, игуменъ пустынскій въ Кіевѣ, 1514 г., стр. 277.

15., Кончина митр. Петра Могилы показана 1647 г., декабря 31, въ четвергъ; стоялъ въ св. Софіи до 9 марта, стр. 709. Родъ ею въ Синодикѣ, стр. 575.

16., Іоанникій Голятовскій, его «Бесѣда Бѣлоцерковская», с. 555.

17., Жалованная грамота митрополиту Гедеону Святополку кн. Четвертинскому, 1686 г., стр. 144.

18., Соизволительная грамота констант. патріарха Діонисія на посвященіе Гедеона, стр. 145.

19., Переписка моск. патріарха Іоакима съ кіев. митрополитомъ Гедеономъ, № CCCCLXXI, стр. 797.

20., Надпись на антиминсѣ кіево-соф. собора, стр. 150.

21., Выписки изъ синодиковъ выдубицкаго монастыря, михайловскаго, межигорскаго, николаевскаго, печерской Лавры, софійскаго собора, стр. 574—581.

22., Митрополитовъ кіевскихъ роспись (въ синодикѣ софійскаго собора), стр. 581—582.

23., Краткое извѣстіе о кіево-братской иконѣ Божіей Матери, стр. 524.

24., Монастырь выдубицкій, стр. 219, 574.

25., Вежгалъ, кн. Миколай, бискупъ кіевскій 1529 г., стр. 118. (Онъ же) Вѣжкгайлъ, бискупъ жомонтскій, 1531 г., стр. 119.

В. Историческіе акты.

26., Грамота царя Алексѣя Михайловича 1654 г., с. 139.

27., Челобитье кіевскихъ мѣщанъ, 1669 г., стр. 146.

Г. Кіевляне, событія и мѣстности кіевскія.

28., Олельковичей князей родъ, стр. 576.

29., Путятича, воеводы кіевскаго, родъ (въ синодикѣ), с. 581.

30., Юрьша, панъ воевода кіевскій, 1438 г., стр. 110.

31., Ходкевичъ, панъ Иванъ, намѣстникъ кіевскій въ XV в., стр. 127, 128.

32., Селивестръ Поповичъ, мѣщанинъ кіевскій, 1514 г., стр. 276.

33., Андрей Немировичъ Якубовичъ, панъ воевода кіевскій, 1514—1522—1526 г., стр. 112, 124, 277.

34., Ходкевичъ, панъ Григорій Александр., воевода кіев., 1555 г., стр. 122.

35., Балица, панъ Яковъ, войтъ кіевскій, 1608 г., стр. 709.

36., Усовичъ Василій, синдикъ кіевскій, № CCCCXII, 1566, стр. 633.

37., Хмельницкій, гетманъ, стр. 141, 576.

38., Моровое повѣтріе въ Кіевѣ, 1710 г. (?), стр. 576.

39., Голицынъ Алексѣй, кіевскій губернаторъ, 1717—1719 г., стр. 139.

40., Збруевъ, плацъ маіоръ въ Кіевѣ, 1722 г., стр. 141.

41., Воейковъ Ѳед. Матв., генералъ аншефъ, кіевскій губернскій главный командиръ, 1768 г., стр. 115.

42., Кіевскія окрестности, историческія выписки Берлинскаго, с. 220.

Д. Поэзія.

43., Слово (легендарное) о Димитріѣ, купцѣ кіевлянинѣ, стр. 565, 569; сказаніе о немъ же, с. 546.

44., Въ сборникѣ стихотвореній, воспѣваемыхъ слѣпцами на торжищахъ (стр. 623) есть стихъ «на прибытіе имп. Екатерины II», но куда—неизвѣстно, стр. 625. Нужна справка въ самомъ Музеѣ.

Изъ всего этого иное давно уже напечатано, но, можетъ быть, нелишнимъ будетъ сличеніе съ рукописью; иное, конечно, мелочно, но въ своемъ мѣстѣ и оно пригодится; наконецъ иное можетъ быть уяснено простою справкою съ книгою Востокова, въ которой часто приведены существенныя выписки. Поэтому надѣемся, что настоящій указатель будетъ не безполезенъ для всѣхъ тѣхъ, кому близки судьбы Кіева.

С. П.

ИМПЕРАТОРСКОЙ БИБЛІОТЕКИ КІЕВСК. ДУХ. АКАДЕМІИ

КОДЕНСКАЯ КНИГА
и
три бандуриста.

Предъ нами столѣтніе листы, писанные не перомъ и чернилами, но топоромъ и кровью. Это такъ называемая «Коденская Книга», сборникъ допросовъ, справокъ, протоколовъ и рѣшеній суда надъ гайдамаками съ 1769 по 1772 годъ. Книга эта спасена отъ утраты М. А. Максимовичемъ и отъ него перешла къ достойному участнику и продолжателю его изысканій въ области южно-русской исторіи, В. Б. Антоновичу. Пользуясь благосклонностію послѣдняго мы будемъ отъ времени до времени сообщать отдѣльные выдающіеся случаи изъ этой записной книги ужаса и смерти.

Широкимъ пламенемъ кроваваго пожарища освѣтила Украину Коліивщина; но оно вспыхнуло на мгновенье и такъ же быстро потухло, точнѣе потушено было. Черными тучами звѣрства, ужасовъ и смерти покрывали ее и сосѣднюю Волынь въ теченіи 4-хъ лѣтъ расправа и судъ надъ участниками народнаго возстанія 1768 года. Съ лишнимъ четыре года ихъ предавали самымъ невѣроятнымъ мучительнымъ казнямъ,—четвертовали, на колъ сажали, сдирали полосами и всю въразъ кожу, солью посыпали и вновь ее надѣвали, отрѣзали на перекрестъ руку и ногу, или только уши, и такъ въ свѣтъ пускали, жгли желѣзомъ и смолою, словомъ: *катовали* Украину, по выраженію народнаго пѣвца. Вытерпѣла многострадальная!

Первоначальнымъ мѣстомъ этого страшнаго судилища было мѣстечко Кодня на Волыни, въ 30 верстахъ отъ Житомира; отсюда и названіе: коденскій судъ, коденскія казни, коденскія книги. Сюда стянули главныя силы украинскаго и подольскаго отрядовъ войскъ, какъ три года предъ тѣмъ стянулъ Вороничъ въ центръ Украины подъ Ольшану для предупрежденія народнаго волненія и всенароднаго въ средѣ обоза сожженія мліевскаго ктитора Даніила Кушнира. Тутъ была главная квартира, *коменда* главнаго начальника короннаго войска, тутъ творился судъ, совершались казни; но картины ежедневныхъ по нѣскольку десятковъ смертей съ оглашающими всю окрестность криками и стонами были до того ужасны, что ихъ не вынесли нервы владѣльца Кодни, Глембоцкаго, и онъ

отказалъ судилищу въ гостепріимствѣ. Тогда региментарь Стемпковскій, стяжавшій себѣ въ короткое время безсмертное имя въ потомствѣ, перенесъ резиденцію судилища въ м. Трояновъ, на Волыни-жъ, а оттуда на Украину въ м. Тетіевъ и др. пункты,—по тойже ли причинѣ, или для вылавливанія гайдамакъ, либо совершенія казни по мѣсту жительства преступниковъ, не знаемъ. Такъ называемая нами *коденская книга* (въ одномъ переплетѣ) состоитъ изъ 608 страницъ въ форматѣ большаго листа толстой писчей бумаги. Листы писаны различными почерками, испещрены всевозможными отмѣтками и крестами на маринесахъ и переплетены безъ всякой системы: ни номераціи актовъ, ни хронологической послѣдовательности. Такъ напр.: предварительныя показанія, собранныя въ 1769 году на мѣстѣ поимки гайдамакъ, находятся и въ началѣ книги, и въ серединѣ, списокъ-же казненныхъ въ томъже году по этимъ уликамъ помѣщенъ въ самомъ концѣ; различные акты, относящіеся къ одному и тому-же дѣлу, разбросаны по всей книгѣ; сначала вклеены протоколы 1772 года, а за ними слѣдуютъ 1771-го или еще болѣе давніе, при чемъ коденскіе акты перемѣшаны съ трояновскими, тетіевскими и др. Количество дѣлъ, занесенныхъ въ протоколы суда въ Трояновѣ, преобладаетъ надъ другими; это обстоятельство даетъ нѣкоторое право полагать, что книга, о которой идетъ рѣчь, есть только часть всего сборника актовъ вышеупомянутой главной квартиры Стемпковскаго, а именно—четвертая и послѣдняя его часть (на что есть указаніе въ самомъ текстѣ),—послѣдняя потому, что обнимаетъ то время, когда этотъ судъ смерти засѣдалъ уже не въ самой Кодни, но въ Трояновѣ. Въ такомъ случаѣ остается открытымъ вопросъ: гдѣ-же три первыя части сборника, если только онѣ уцѣлѣли? Но, съ другой стороны, здѣсь-же имѣются акты, помѣченные и въ Кодни, и въ Тетіевѣ 1772-мъ годомъ и показывающіе, такимъ образомъ, что это судилище не имѣло въ послѣдніе годы своего существованія постояннаго мѣста засѣданія, названіе-же «коденскаго» удержалось за нимъ по мѣсту открытія первыхъ его дѣйствій. Если-же къ разбросанности актовъ въ самой книгѣ прибавимъ то обстоятельство, что, не смотря на многословіе протоколовъ суда въ послѣдніе годы его существованія въ Трояновѣ, коденскій судъ въ началѣ своихъ операцій проявилъ больше энергіи по количеству казненныхъ чрезъ повѣшеньє и от-

сѣченье головъ, руководствуясь, должно быть правиломъ, «больше дѣла, меньше словъ», то съ одинаковымъ правомъ можемъ полагать, что имѣющаяся въ нашемъ распоряженіи книга есть именно сборникъ протоколовъ коденскаго суда за *весь* періодъ 1769—1772 года, засѣдалъ-ли онъ въ Кодни, Трояновѣ или въ другомъ какомъ-нибудь пунктѣ. По крайней мѣрѣ, пока не отыщутся тѣ три части, о которыхъ упоминается въ самомъ текстѣ нашей книги, и пока, слѣдовательно, не будетъ доказано, что эти три части не вошли въ одинъ переплетъ имѣющагося сборника, до тѣхъ поръ вопросъ этотъ можемъ считать открытымъ.

Перечитывая коденскую книгу, мы остановили прежде всего наше вниманіе на казни трехъ лицъ, по видимому, всего менѣе причастныхъ къ дѣлу возстанія. Это три пѣвца народныхъ думъ, три бандуриста.

Почти всѣ народы, переживая героическій періодъ, имѣли своихъ рапсодовъ, бардовъ, баяновъ, въ душѣ которыхъ были, такъ сказать, конденсированы всѣ помыслы и желанія народа. Такими пѣвцами являются по большей части слѣпые старики, въ силу уже этой особенности способные къ большей сосредоточенности, къ болѣе глубокому мышленію, воспріятію и прочувствованію совершающагося на бѣломъ свѣтѣ, увидѣть котораго имъ не суждено. Выбирая изъ жизни нѣсколькихъ современныхъ имъ поколѣній болѣе выдающіеся факты, эти сѣдовласые пѣвцы складываютъ подъ звуки какого-нибудь музыкальнаго инструмента тѣ эпопеи, которыя переходятъ потомъ по наслѣдству къ внукамъ и правнукамъ такъ, какъ нѣкоторыя изъ подобныхъ пѣсней были восприняты ими самими отъ отцовъ и дѣдовъ. Народъ смотритъ на нихъ, какъ на «людей Божьихъ», съ любовію и благоговѣніемъ; слушающій ихъ думы и пѣсни и самъ задумывается, а подъ часъ и до слезъ растроганный слышитъ въ ихъ голосѣ будто собственную пѣсню про свое тяжкое горе или полное славы прошлое своего народа, и по неволѣ, самъ того не замѣчая, воспитывается въ духѣ отцовъ. Такое значеніе и такое вліяніе имѣли въ свое время индійскіе пѣвцы съ виною, татарскіе съ бзурою, греческіе рапсоды съ пандурою, сербскіе «слѣпачки пѣвваци», великорусскіе сказатели былинъ, древне-

славянскіе баяны съ гуслями, наши кобзари съ бандурою. Съ незапамятныхъ временъ по обоимъ берегамъ Днѣпра раздавались звуки многострунной бандуры, безъ которой немыслима была для южно-русса и самая жизнь: въ дни-ли шумныхъ семейныхъ радостей, въ уединенномъ-ли уголкѣ его пасѣки, или въ открытомъ полѣ, наканунѣ битвы съ врагомъ. Вѣщій пѣвецъ сопровождаетъ Игоря Святославича въ его трудномъ походѣ на половцевъ; кобзарь— непремѣнный членъ запорожскаго «товариства»; бандуристы сопровождали и гайдамацкія ватаги.

Въ гайдамацкихъ ватагахъ бандуристы были облагораживающимъ элементомъ: они поднимали чувство самосознанія какъ личности, такъ и всего народа, вносили въ дѣло кровавой борьбы высшія начала Божія суда и правды, чувства героизма, любви къ родинѣ, высшей рыцарской чести, выразителями которыхъ они и были въ періодъ козачества. Народъ, слушая ихъ думы и пѣсни о прежнихъ воителяхъ за вѣру отцевъ, за землю и рѣчь родную, не могъ не возвышаться до той мысли, что и онъ возсталъ не изъ одного чувства мести и борьбы за существованіе, но за вѣру поруганную и попранную свободу. Бандуристы вдыхали въ возставшихъ мужество и отвагу, поддерживали бодрость духа, заставляли не дорожить жизнію, но только свободою, съ презрѣніемъ смотрѣть на смерть и всѣ ея ужасы. Ихъ значеніе понимали должно быть и тѣ, которые творили судъ надъ возставшими: этимъ и объясняется отчасти строгость коденскаго суда относительно тѣхъ трехъ бандуристовъ, которые захвачены были во время всеобщей ловли гайдамакъ и о казни которыхъ мы на этотъ разъ хотимъ сказать. Исторія ихъ смерти не многословна, какъ и всѣхъ судившихся въ коденскомъ судилищѣ.

На страницѣ 497 коденской книги записанъ слѣдующій обвинительный актъ 2-го января 1770 г. «*Прокопъ Скряга* бандуристъ изъ Остапова. Этотъ навелъ (naprowadził) донскихъ козаковъ (dońców) на грабежъ пана Спендовскаго и самъ его вязалъ, и билъ, и грабилъ». Сознался-ли обвиняемый въ взводимомъ на него преступленіи, была-ли его виновность доказана свидѣтельскими показаніями, не извѣстно; только противъ этихъ трехъ строчекъ стоитъ еще болѣе краткій вердиктъ: ten ma być sciętу (этотъ долженъ быть обезглавленъ), а на страницѣ 604, въ поименномъ спискѣ казненныхъ, значится, что Прокопъ Скряга купно съ четырмя дру-

гими за проступки (excessa) гайдамацкіе обезглавленъ того-же дня, т. е. 2 января 1770 года.—Коротко и ясно.

На страницѣ 491 той-же книги записано: «*Михайло Сокового зять* изъ села Шаржиполя, консельскаго имѣнія [1]), обвиняется въ грабежѣ мѣстечка Цыбулева вмѣстѣ съ гайдамаками; въ этомъ онъ не сознается, а признаетъ только то, что его взяли (гайдамаки) въ Цыбулевъ съ тѣмъ, чтобы имъ игралъ на бандурѣ. Онъ имъ и игралъ, за что получилъ отъ нихъ жилетъ и брюки барскіе (kamizelkę i spodnie szlacheckie), которые были узнаны и отняты у него паномъ Долинскимъ, какъ принадлежавшіе этому послѣднему. Ни въ грабежѣ, ни въ убійствѣ двухъ евреевъ, которыхъ при немъ убили гайдамаки, не сознается; онъ даже не пособлялъ имъ въ этомъ, но только игралъ, они-же сами при немъ грабили и двухъ жидовъ до смерти убили». Это самовольное присвоеніе шляхецкихъ брюкъ и жилета повлекло за собою приговоръ: «ten winien śmierci (этотъ достоинъ смертной казни) 18 января 1770 г.»—Живо и игриво.

Подобная-же резолюція, недѣлю спустя, написана судилищемъ еще одному бандуристу. На страницѣ 449 читаемъ: «*Василій Варченко* перешелъ изъ Звенигородки въ Козацкую Долину [2]), откуда пошелъ съ ватажкомъ Ремезою и ходилъ съ этимъ послѣднимъ въ Водяники, Кобылячки и Попуринцы, *którym* (гайдамакамъ) *na bandurze grywał*». И этотъ гайдамацкій кобзарь 26-го января 1770 года, вмѣстѣ съ другими двадцатью двумя «різунами», былъ приговоренъ къ смертной казни!.

Съ подавленіемъ гайдамачества, съ уничтоженіемъ Сѣчи Запорожской, съ введеніемъ новаго порядка вещей, измѣнились и отношенія народа къ своимъ бандуристамъ. Народъ все еще продолжаетъ съ благоговѣйнымъ чувствомъ слушать этихъ пѣвцовъ, но предъявляетъ менѣе высокія требованія, охотнѣе слушаетъ шуточныя и плясовыя пѣсни, чѣмъ старыя думы, предпочитаетъ лиру бандурѣ. «Теперь простолюдія якась чудновата: не розуміе, що краще.

---

[1]) М. Конелая, уманскаго уѣзда, кіевской губерніи.

[2]) Нынѣ с. Козацкое, звенигородскаго уѣзда, кіевской губерніи, имѣніе Потемкинское, потомъ Голицыныхъ, у которыхъ проживалъ Крыловъ, по воспоминаніямъ Вигеля, затѣмъ извѣстнаго И. И. Фундуклея. Водяники—того-же уѣзда, а Кобылячки и Попуринцы уманскаго.

Имъ абы згукъ бувъ, абы оця корова (лира) ревла!»—такъ характеризуютъ теперешіе кобзари своихъ базарныхъ слушателей.

К. Ф. У. О.

Выборные священники.

Древнѣйшій, апостольскій обычай избранія прихожанами священника, давно утраченный на сѣверѣ Россіи, въ южной Россіи, даже въ новыхъ ея колоніяхъ, удерживался до недавняго еще времени. Тщетно теперь земства и частныя лица стараются вызвать къ жизни этотъ недавно умершій, во многомъ благодѣтельный и во всякомъ случаѣ естественный порядокъ. Нельзя устроить того, чтобы рука или иная часть нашего организма жили другою жизнію, нежели все тѣло. Случается впрочемъ, что помертвѣютъ одни части, а другія живутъ, засохнетъ одна сторона дерева, а другія зеленѣютъ и плоды даютъ. Такъ и съ названнымъ обычаемъ. Онъ не былъ вдругъ отмѣненъ, но отмѣнялся постепенно и этимъ объясняется сохраненіе его до позднѣйшаго времени въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сама жизнь его поддерживала. Такъ было въ новозаселяемыхъ мѣстахъ и вообще тамъ, гдѣ была нужда въ кандидатахъ священства, и до тѣхъ поръ, пока не явились окончившіе курсы духовныхъ семинарій въ изобиліи. Въ Бессарабіи обычай избранія священниковъ прихожанами существовалъ еще въ 20-хъ годахъ этого столѣтія: рукополагались во священники только тѣ, которые представляли епархіальному архіерею *«одобреніе»* прихожанъ. Вотъ образчикъ такого одобренія.

Мы нижеподписавшіеся, ясскаго цинута, селенія Болнотина прихожане, свидѣтельствуемъ по чистой нашей совѣсти, что желающій быть при нашей Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы церкви священникомъ, города Кишинева, архангельской церкви указный дьячекъ, Климентій Даренскій есть человѣкъ добрый, не пьяница, въ домостроительствѣ своемъ не лѣнивый, не клеветникъ, не сварливъ, не любодѣйца, не убійца, въ воровствѣ и обманахъ не изобличенный, добронравенъ, поведенія честнаго и потому мы его Даренскаго желаемъ имѣть при нашей Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы церкви священникомъ. Въ томъ подписываемся" (слѣдуютъ подписи грамотнаго лица, утвержденныя ва кружкѣ крестикомъ руками неграмотныхъ).

Очень любопытно одобреніе, данное бывшими запорожскими козаками священнику Бобырю.

„Дано сіе отъ насъ нижеподписавшихся бывшихъ запорожскихъ и усть-дунайскихъ войскъ уволенному изъ армейскаго духовенства священнику Іоанну Бобырю въ томъ, что, на основаніи изъявленной намъ Монаршей воли, для постояннаго нашего жительства между Киліею и Аккерманомъ отведенъ участокъ земли—селеніе наше, подъ названіемъ Акмегнетъ [1]), на которомъ участкѣ поселилось насъ хозяевъ болѣе шестдесяти домовъ, тѣмъ болѣе, что переходъ къ заселенію нашего званія людей день отъ дня усугубляетъ. Какъ же мы, зная священника Бобыря съ давныхъ лѣтъ кроткого, воздержливаго и въ домостроительствѣ рачительнаго, а потому желаемъ его Бобыря имѣть въ нашемъ козачьемъ обществѣ для исправленія христіанскихъ требъ священникомъ, съ надеждою, что когда и церковь построимъ, то будетъ онъ Бобырь оставаться при оной навсегда. Подписями нашими удостовѣряемъ 1820 года іюля 18 дня. Отъ арміи поручикъ Кузьма Бѣлой, отъ арміи подпоручикъ Онисимъ Визиръ, полковой хорунжій Григорій Аркуша, полковой хорунжій Иванъ Ломака, полковой хорунжій Игнатъ Федоренко, полковой хорунжій Марко Твердохлѣбъ и все козачье общество,—*я за ихъ неграмотъныхъ и за себя подписался атаманъ Филипъ Скляренко.*“ [2]).

Одобренія эти обязаны были удостовѣрять благочинные. Благочиннымъ было предписано, «дабы они отнюдь заочно никакихъ одобреній не подписывали; но съѣзжали бы на мѣсто и спрашивали лично прихожанъ, и буде прихожане пожелаютъ имѣть кого-либо въ священники, діаконы или причетники, то бы засвидѣтельствовавъ одобреніе, отправляли оное при своемъ рапортѣ къ протопопу, который, естли не встрѣтитъ никакихъ законныхъ препятствій, обязанъ представлять кандидата къ архіерею при доношеніи».

Такой-же обычай и въ тѣхъ-же формахъ удерживался въ предѣлахъ кіевской епархіи и до 40-хъ годовъ, особливо для полученія низшихъ причетническихъ должностей. Было время, когда даже окончившіе курсъ семинаріи должны были представлять «одобренія» отъ прихода, который желали занять; но одобренія становились пустою и тягостною формальностію, когда избираемые были

---

[1]) Нынѣ Акмангитъ аккерманскаго уѣзда.

[2]) См. дѣла кишин. дух. консист. 1820 г. №№ 108 и 451.

вовсе неизвѣстны ихъ избирателямъ. Всячески это было еще единственное право совершенно безправнаго тогда народа.

К. Береза.

ПАСХАЛЬНАЯ ВИРША

„говоренная черноморцами его свѣтлости, великому гетману, князю Потемкину, на Свѣтлой день праздника Пасхи" (въ 1786—1787 г.) [1].

Вирша эта когда то была очень распространена въ Малороссіи, но теперь совсѣмъ забыта и едва ли найдется любитель старины, знающій изъ нея хотя нѣсколько стиховъ. Приготовляя ее къ печати, мы имѣли подъ руками два списка ея: одинъ изъ нихъ сообщенъ намъ А. А. Скальковскимъ, другой переданъ С. И. Пономаревымъ. Послѣдній писанъ собственною рукою Н. В. Гоголя и нѣсколько полнѣе перваго. Оба списка одинаково неисправны, но взаимное сличеніе ихъ дало намъ возможность уяснить затемнявшійся то тамъ, то здѣсь смыслъ и установить такой текстъ вирши, который, быть можетъ, будетъ найболѣе отвѣчать его первоначальному виду.

Списокъ гоголевскій представляетъ двѣ особенности: во 1-хъ описаніе мукъ и наказаній смерти въ немъ гораздо полнѣе, но сильно пародировано и вовсе не удобно для печати; во 2-хъ каждые три стиха по списку А. А. Скальковскаго соединены въ немъ въ одинъ, что облегчаетъ чтеніе, безъ потери для частой риѳмы. Мы приняли здѣсь сводный гоголевскій стихъ, извѣстный подъ именемъ львинаго.

Этотъ своеобразный письменный памятникъ, имѣвшій спеціальное назначеніе, не лишенъ нѣкоторыхъ достоинствъ: языкъ его простъ, краски яркія, картины простыя, даже грубыя, но въ высокой степени характерныя и типичыя, вплоть до сравнительнаго опредѣленія могущества Сатаны. Извѣтный запорожскій юморъ блещетъ въ каждомъ почти стихѣ, въ каждомъ его словѣ. Высокія религіозныя истины, не смотря на дикую, такъ сказать, образность рѣчи, сохранены во всей чистотѣ. Эта странная для нынѣшняго времени популяризація священныхъ истинъ, низведеніе высокаго, идеальнаго въ кругъ будничныхъ представленій были въ ходу гораздо раньше этого времени, и мы видѣли письменный памятникъ XVII

---

[1]) „Черноморцы"—черноморское козачье войско, образованное изъ запорожцевъ въ 1786 году.

вѣка, гдѣ въ такомъ тонѣ и картинахъ изложенъ общій ходъ исторіи человѣчества:—поляки и евреи осуждаютъ на смерть Іисуса Христа и подвергаютъ Его мученіямъ, а козаки въ разныхъ роляхъ окружаютъ Его крестъ и гробъ съ благоговѣйною вѣрностію и любовію. Въ этомъ пріемѣ, кажется, и заключается причина той громадной популярности, какою пользовалось это стихотвореніе въ свое время.—Любопытно, понималъ ли-вельможа—Гетманъ языкъ уничтоженнаго имъ и снова на короткое время воскрешеннаго для надобностей войны Запорожья, на которомъ оно приносило ему поздравленіе съ праздникомъ Пасхи. Мы воспроизводимъ произнесенную предъ нимъ виршу болѣе какъ памятникъ историческій, нежели литературный. Вотъ текстъ вирши.

Христосъ воскресъ! Радъ міръ увесь, дождавшись Божой ласки.
Теперь усякъ наівся въ смакъ свяченой паски.
Вси гуляють, выхваляють воскресшаго Бога.
Уже тая, що до рая, протерта дорога.
Злыи духи, такъ якъ мухи, вси уже послызли:
Загнавъ Ісусъ въ пекло по усъ, щобъ христьянъ не тризли.
А смерть люта, що намъ тута дуже докучала,
По болотамъ, очеретамъ, біжучи кричала.
Тамъ суцига теперъ бига, якъ шалена, зъ ляку;
Бо Богъ съ Христомъ чорта съ хвостомъ прогнавъ, якъ собаку.
Сей чортъ темный, князь пекельный, зъ смертью полыгався;
Всихъ зажерти въ адъ заперти—такъ винъ умовлявся.
Воны тое, вкупи двое, знюхавшясь сацюють,
Хоть старого, хоть малого, всихъ туды лабцюють.
Була воля: хоть и кроля, у рай не пускають,
Хоть бы святыхъ вони и тихъ у пекло таскають.
На всихъ трактахъ и болотахъ сторожи стояли,
Середъ шляху, утюряху, до пекла хапали.
Того отци попы, черныця, не миналы шляху,
Философы крутопопы набирались страху.
Пропавъ вже страхъ, зарисъ той шляхъ купьямъ та болотомъ,
Де той злый духъ глытавъ, якъ мухъ, ненасытнымъ ротомъ.
Теперь скорый шляхъ просторый до рая протерли;
Нема стражи, вси навстяжи ворота отперли.
Уже велять яблука рвать изъ райського древа,

Зъ якого плодъ не велівъ Богъ, а вкусила Ева.
Давно той ужъ (змѣя) кричавъ недужъ, що спокусивъ Еву:
За ту болизнь ажъ полизъ по райскому древу;
Визжить, охлявъ, бо Богъ проклявъ лазити на чреви
За іого гріхъ, що винъ на сміхъ та набрехавъ Еви.
Бідна Ева одну зъ древа вырвала кисличку,—
Збулась власти, треба прясти на гребени мычку.
За неюжъ тамъ бідный Адамъ щось, кажуть, принудивсь:
Землю оравъ, ціпомъ махавъ, Богъ зъ рая пропудивъ.
За одну іду Ева біду заслужила сію;
Честь Адаму—ажъ за браму выбыли у шию.
Дурна жона! сама вона яблука трощила,
За одинъ плодъ увесь народъ въ пекли потопила.
Богъ милостивъ Еву простивъ, Адаму пробачивъ;
Для вызволу самъ до долу зъ неба зійти рачивъ.
Тамъ чортище, старый псище, не хоче смириться,
Крутить хвостомъ, еще съ Христомъ думае сварыться.
Лышень же Богъ самъ на порогъ въ пекло поточився;
То вельзевулъ попустивъ мулъ, зъ ляку омочився;
Завывъ гризно, якъ вовкъ ризко, голосомъ собачимъ;
Кричить пробу, що особу Христову побачивъ.
Давъ Богъ хлосты, що вси косты поломавъ и роги
И самого духа злого пидгарбавъ пидъ ноги.
А смерть, шлюха, стоя слуха, що робиця зъ дядькомъ;
Стала трястись, думала спастись неякимсь порядкомъ:
Пустила дуръ, бьется объ муръ, дереться на стіну,
Якъ шалена, тороплена, попустила слину.
Такъ сихъ покусъ знае Ісусъ хитрыи обманы,—
За те діло на все тіло наславъ злыи раны.
Тамъ крутенько, тутъ хутенько, давъ Богъ всему порай:
Адъ разоривъ, чорта стребивъ, смерть злыха хвора.
Прадідъ Адамъ и дядько Хамъ заиграли въ свиріли,
Закричали, задрожали, якъ Христа згляділи.
Усякъ узникъ крутый узликъ зъ шіи развязали,
Ісусъ-Христу, якъ на листу, усе расказали.
Ева зъгнута була тута отъ злого шайтана.
Сей покуса, злійшій Пруса и Крымскаго Хана,

Мучивъ дармо, у всіхъ ярма зъ шыи не злізали,
Струпъ на плечахъ, бо по печахъ въ адъ дрова возили.
Зъ ярма въ хомутъ, зъ узлами кнутъ, дротяные пуги;
Съ шыи до пьятъ, на спині знать кровавіи смуги.
Щобъ скакали, не брикали, кладуть въ ротъ удилы;
Сікуть плитью, щобъ тамъ митью, ступою ходили.
Всю налогу скоро Богу донесли во уши:
Не забаривъ, адъ розоривъ, выпустивъ вси души.
Святый Афетъ узявъ мушкетъ, выстреливъ на гасло.
Выйшла зъ рая сила не малая, ажъ пекло затрясло.
Гуртомъ ожили, вси загули, якъ весною мухи:
Съ пекла народъ бігъ навзаводъ, а иншій трюхи.
Дочувсь Аврамъ, що вже Адамъ изъ пекла удравъ,
Винъ, зъ Исакомъ, ледви ракомъ, и соби поплыгавъ;
Свята Сара, хочъ и стара, та женщина руча:
Вся пихота шла въ ворота, вона куды луча.
Племенникъ Лотъ въ купу сиротъ якъ изибравъ бідныхъ,
Такъ ни дверей, ни верей не зосталось мідныхъ...
Якъ та туча, куды луча, такъ и покотили
У Божу путь, тилько сопуть, ажъ попотіли.
Мойсей пророкъ въ дверяхъ замокъ и муръ пробивъ рогами,
Адъ сплюндровавъ и помандровавъ пішими ногами.
Якъ той бугай съ кошары въ гай выперся голодный,
Такъ изъ ада йде громада, рада, що свободна.
Рай отпертый, шляхъ протертый, Адамъ поспишайся!
Райскямъ плодомъ зо всимъ родомъ тамъ ты утишайся.
Веди всіхъ врядъ у райскій садъ яблука сбирати;
Іжъ отъ древа, бо билшъ Ева не буде вмирати!

Казаки въ партикулярной надобности.

Слышатся еще у насъ, хотя изрѣдка, жалобы на то, что полиція употребляетъ иногда лошадей пожарной команды на партикулярныя свои надобности; въ старину употребляли на это извѣстныхъ своею храбростію малороссійскихъ козаковъ. Вотъ подлинный документъ, правда, не очень далекаго времени.

Суду гродскому лубенскому.

Козакъ полку лубенскаго, сотни яблуновской, Иванъ Громашевскій, поданнымъ мнѣ настоящаго июня 18 д. доношеніемъ представляетъ, что сотникъ первопирятинской Исаакъ Плѣвковскій, прошедшаго маія 27 числа, собравши выборныхъ сотни своей козаковъ до тридцати человѣкъ, вооруженнихъ, на лошадяхъ, при всемъ военномъ нарядѣ, да до сорока человѣкъ пѣшихъ своихъ людей, разбойническимъ образомъ наналъ ночью наимѣніе его Громашевскаго въ хуторѣ исаенковскомъ состоящее, производилъ съ ружа пальбу и напослѣдокъ выгнавши его Громашевскаго съ женою изъ того хутора, шести человѣкъ его людей и две женщины, тѣснилъ ихъ боемъ и работою въ колодкахъ; въ чемъ и самъ онъ Плѣвковскій, въ проѣздъ мой чрезъ мѣстечко Пирятинъ, сего іюнія 22 числа, предо мною въ употребленіи команди козаковъ, будтобы къ своему собственному защищенію, не запирался; насколь сей его сотника Плѣвковскаго поступокъ въ злоупотребленіи козаковъ на свою партикулярную надобность зъвинаемимъ быть не можетъ, и в содержаніи людей во вязении дерзостенъ, то от меня приказанно чрезъ въторосотенное правленіе забратихъ имъ людей освободить в то мѣсто, гдѣ свое жительство имѣли, которие ежели по претендуемому имѣнию сотнику Плевковскому принадлежитъ, то потому не заслуживаютъ своими персонами, лишившись своихъ домовъ и жителства, терпѣть изтязаніе; А суду гродскому лубенскому долгъ имею рекомендовать примѣрно о употребленіи вооруженной команды на свою партикулярную надобность, в нахалнихъ и дерзостнихъ наѣздахъ, изъслѣдовать строжайше, исполнивъ въ чемъ виновнимъ по изслѣдованія окажется, представить, куда надлежитъ, по командѣ в немедленномъ времени и о томъ обстоятельно меня увѣдомить; бывшимъ же притомъ наездѣ на хухоръ просителя козака Громашевскаго козакамъ именной списокъ козаковъ мнѣ поданъ, причемъ включаю, и дабы впредь употребляемій сотникъ Плѣвковскій не виходилъ с предѣловъ своего званія, судъ гродски не имѣетъ оставить ко удержанію его безъ надлежащаго наблюденія.

С подлиннимъ верилъ
На подлѣнномъ тако:
Андрей Мілорадовичъ.
Градской писарь Андрей Викулскій.

23
7 Іюня
1 80 году.
Пятницъ.

Гродовый (кажется) канцеляристъ Федя Бѣдной.

Бенефисъ для малороссійскаго дворянства.

Южно-русскій народъ не создалъ для себя своего родного театра. Въ Галиціи онъ есть, ну, да тамъ, извѣстно,—одно украинофильство. У насъ... интерлюдіи и интермедіи Довгалевскаго и знаменитаго Георгія Конисскаго представляли хорошіе задатки вполнѣ народнаго театра, но онѣ не подвинулись въ своемъ развитіи и, бывъ ложно поняты, повели къ долгому пародированію языка и духа народнаго, которымъ такъ отдаютъ даже лучшія произведенія въ этомъ родѣ позднѣйшаго времени. А между тѣмъ народъ малороссійскій такъ любилъ всякаго рода зрѣлища. Чѣмъ же онъ удовлетворялъ этой потребности своей? Низшіе и средніе классы—своимъ роднымъ вертепомъ, высшіе—*задніпрянцы* во всемъ въ чужой огородъ любили заглядывать, маетностями обзаводиться, на счетъ козаковъ живиться... Впрочемъ и они любили посмотрѣть вертепъ, послушать псальмы и канты, устроить, гдѣ можно было, даже свой домашній спектакль съ піэсами Котляревскаго и Гоголя—отца, пока не развились другіе вкусы.

Очень любопытно было бы собрать свѣдѣнія о положеніи театровъ въ нашихъ краяхъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Въ нихъ, конечно, ничего народнаго, но много забавнаго и плачевнаго. Театръ былъ въ положеніи кочующемъ, труппы странствующія, исключительно почти польскія, піэсы преимущественно переводныя, сюжеты иностранные, помѣщеніе, обстановка театровъ прискорбныя. Довольно было бы вспомнить судьбу странствовавшаго въ то время кіевскаго театра, помѣщавшагося одно время въ тюрьмѣ, т. е. бывшемъ арестанскомъ зданіи на Подолѣ. Въ Житомирѣ еще около 50-хъ годовъ піэсы разыгрывались въ такъ называемыхъ заѣздахъ, т. е. въ конюшняхъ постоялыхъ еврейскихъ дворовъ, и въ одно изъ представленій внезапно гуси, сидѣвшія на чердакѣ, не отгороженномъ отъ мѣста дѣйствія, влетѣли на сцену. Соотвѣтственныя сцены и отъ публики происходили: въ одномъ изъ театровъ, при самомъ началѣ спектакля, когда взвившійся занавѣсъ открылъ глазамъ зрителей группу какихъ-то средневѣковыхъ рыцарей, или разбойниковъ въ фантастическихъ костюмахъ,—въ первый разъ попавшій въ театръ семинаристъ во всю свою семинарскую пасть затянулъ: а-а-а-а-а!..; въ другомъ—купчикъ въ райкѣ, съ узелкомъ

въ рукѣ, прикурнулъ во время представленія и, очнучись внезапно отъ сильныхъ аплодисменовъ, уронилъ невзначай платокъ съ орѣхами, когда же увидалъ, что орѣхи посыпались на партерную публику, съ просонковъ закричалъ: „орѣшки-то сами на здоровье кушайте, а мнѣ лишь платочекъ подайте»!

Полагаемъ, что не лучше было и въ заднѣпрской сторонѣ, на что имѣемъ любопытный документъ. Въ 1835 г. въ Черниговъ прибылъ содержатель странствующаго театра, нѣкто О. Мокржецкій и такъ запрашивалъ къ себѣ на бенефисъ „великодушное малороссійское дворянство.“

Чрезъ случившійся жестокый пожаръ въ Г. Минскѣ, 31-го Маія сего года, я и прочіе мои сотоварищы лишились всего достоянія, послѣ сего рѣшился я отправится съ моею труппою актеровъ въ губернскій городъ Черниговъ, гдѣ съ 30-го Іюля пользуясь благосклонностію почтеннѣйшей Публики, не смотря на недостатокъ нашихъ талантовъ, имѣли всегда болѣе и менѣе посѣтителей; во время же съѣзда господъ дворянъ для выборовъ, при которомъ мое ожиданіе большихъ для себя надеждъ къ великому нашему сожалѣнію видимъ совершенное забвеніе и невниманіе къ тѣмъ стараніямъ нашимъ, которые мы употребляемъ оказать благороднѣйшему дворянству наши услуги; почему вынужденнымъ нахожусь откровенно сознаться, что если господа дворяне и за симъ изъ одного состраданія къ нашему положенію не здѣлаютъ посѣщенія по крайности на Бенефисъ мой, который буду имѣть счастіе предетавить сего Октября 11-го числа, то долги наши на устройство театра, декораціи и разнаго гардеропа ввергнутъ меня въ такое нещастное положеніе, послѣдствія которыхъ легко можетъ всякъ себѣ представить.

Зная великодушные правила дворянства малороссійскаго, въ полной увѣренности остаюсь, что снисходя нашему положенію, не отринутъ покорнѣйшей моей прозьбы здѣлать честь своимъ посѣщеніемъ театръ, гдѣ нижеподписавшійся будетъ имѣть честь представить.

О. Мокржецкій.

Поставлена была піэса «*Донъ-Жуанъ, Грандъ Испанскій*, наказанный вольнодумецъ, или трапеза духовъ на кладбищѣ, большая траги-комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ съ новымъ гардеропомъ, декораціею и огнемъ.» Начало, какъ и теперь, въ 7 часовъ и цѣны не ниже нынѣшнихъ: кресло 3 р., партеръ 2 р. и раекъ 80 к. «Мѣсто представленія, говорится въ современной афишѣ, въ быв-

щемъ ремесленномъ училищѣ въ домѣ близъ занимаемаго полиціею". Послѣднее—для современныхъ черниговцевъ.

Поправило ли малороссійское дворянство финансы О. Мокржецкаго, остается неизвѣстнымъ.

Къ портрету Петра Могилы.

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ портретъ величайшаго изъ дѣятелей южно-русской исторіи вообще и южно-русскихъ іерарховъ въ частности представляетъ фототипный снимокъ съ портрета его, находящагося въ Императорской Академіи Художествъ и бывшаго на с.-петербургской художественной выставкѣ 1870 года. Интересны въ археологическомъ отношеніи всѣ принадлежности архіерейскаго облаченія того времени, но еще болѣе интереса представляютъ эти мужественныя черты лица великаго святителя. Въ нихъ отражаются его многообъемлющій, далеко видящій умъ, несокрушимая энергія и сила воли, строгость взгляда и самой жизни. Лице отпечатлѣваетъ слѣды жизненной борьбы, но сохраняетъ, не смотря на возрастъ, всѣ признаки мужества, бодрости и силы. Могила умеръ ровно 50-ти лѣтъ; портретъ, снимокъ съ котораго прилагаемъ, представляетъ его очевидно въ послѣднюю пору его жизни. Въ молодые годы, хотя въ санѣ святительскомъ, онъ представленъ на портретѣ находящемся въ актовомъ залѣ кіевской академіи; но тутъ Могила слишкомъ мало напоминаетъ намъ Могилу, какого мы знаемъ по исторіи и какого видимъ на портретѣ Академіи Художествъ. Портретъ Могилы приложенъ къ Исторіи Бантышъ-Каменскаго. Другихъ портретовъ его мы не знаемъ.

Къ тому, что сказано въ настоящей книжкѣ о Могилѣ—въ особой статьѣ и въ библіографической замѣткѣ по поводу XI т. Исторіи русской церкви митр. Макарія, мы прибавимъ здѣсь, что имя его должно стоять на ряду съ именемъ Богдана Хмельницкаго. Если этотъ великій дѣятель нашей исторіи крайнимъ напряженіемъ народныхъ силъ вырвалъ всю истерзанную страну изъ рукъ враговъ и возвратилъ ее къ общему источнику, то Могила залечилъ ея главные нравственные недуги, вдохнулъ въ нее духъ и силу для новой жизни. Для насъ кіевлянъ имя Могилы имѣетъ

особое значеніе не по одной созданной имъ академіи и не по сохранившемуся отъ него учрежденію «пассій», но въ особенности по возстановленію древнѣйшихъ кіевскихъ храмовъ, этихъ вѣковыхъ памятниковъ народной святыни, всегда готовыхъ сказать, что Кіевъ—*мати градомъ русскимъ*, колыбель православія. Но и вообще славныя дѣянія Могилы, связавшія имя его съ именемъ того времени, дѣлаютъ образъ этого іерарха глубоко памятнымъ и симпатичнымъ для всякаго, кому понятно значеніе вѣры и науки въ развитіи и охраненіи народной жизни, кому дорога вѣковѣчная предковская святыня, то воскрешенная имъ изъ праха, то исторгнутая изъ рукъ враговъ, то возвеличенная и украшенная его заботами и средствами. Иноземецъ по рожденію, но воспитанный народомъ и церковію, которымъ отдалъ онъ всю свою жизнь, Могила болѣе русскій, чѣмъ всякій русскій. «Намъ надобно учиться, говорилъ этотъ великій патріотъ, что бы Русь нашу не называли глупою». И какъ памятны должны быть намъ и теперь его слова!

Имя Могилы долго хранилось въ памяти народной и въ молитвенномъ воспоминаніи о немъ всѣхъ кіевлянъ на братско-богоявленской панихидѣ 31 декабря, въ день его кончины. Теперь хранитъ о немъ память лишь книга, да созданная имъ академія въ тотъ же день его кончины.

Воскресимъ образъ великаго святителя, воздадимъ хвалу славнымъ его дѣяніямъ!

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

МАЙ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ II. 1882 г.

Апрѣль.

стр.

I. КІЕВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ ПЕТРЪ МОГИЛА (біографическій очеркъ), **Ф. Терновскаго** 1

II. СОЦИНІАНСТВО въ Польшѣ и юго-западной Руси. **Ор. Левицкаго** . 25

III. КНЯЗЬЯ РУЖИНСКІЕ. (Памяти М. А. Максимовича). **И. П. Новицкаго** 58

IV. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПОТЕРПѢВШАГО во время крестьянскихъ волненій 1855 г. Прот. **Вас. Сикорскаго** 85

V. ФИЛИППЪ ОРЛИКЪ и запорожцы. **А. Скальковскаго**. . . 106

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Древнѣйшія русскія монеты вел. княжества кіевскаго. Гр. Ив. Ив. Толстаго.—б) Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе. Ор. Новицкаго.—в) Iózef Dunin-Karwicky. Szkice obyczajowe i historyczne.—г) Исторія русской церкви, митр. Макарія. Т. XI. кн. II-я 133

VII. ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) церковно-археологическое общество при кіевской духовной академіи въ 1881 г.—б) Рукописи румянцевскаго музея по исторіи Кіева.—в) Коденская книга и три бандуриста.—г) Выборные священники.—д) Пасхальная вирша.—е) Козаки въ партикулярной надобности.—ж) Бенефисъ для малороссійскаго дворянства.—з) Къ портрету Петра Могилы 153

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Петра Могилы.

Май.

I. КІЕВСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПРЕЖНЯГО ВРЕМЕНИ . . 177

II. СОЦИНІАНСТВО въ Польшѣ и юго-западной Руси. *(Продолженіе).* **Ор. Левицкаго** 193

стр.

III. АРХІЕРЕЙСКІЯ ПЕЧАЛИ. **К. Березы** 226
IV. ПОѢЗДКА ВЪ БѢЛУЮ-ЦЕРКОВЬ. **Н. Костомарова** . . . 241
V. ДНЕВНИКЪ ОСВѢЦИМА, перев. **В. А.** *(Продолженіе)* . . 257
VI. МАТЕРІАЛЫ для исторіи народнаго образованія. . . . 276
VII. МАНИФЕСТЪ императрицы Екатерины II, 9 іюля 1768 г. . . 308
VIII. ЭКСТРЕННЫЕ РАСХОДЫ изъ суммъ малороссійской коллегіи. . 312
IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Харьковъ, историко-статистическій опытъ. К. П. Щелкова.—б) Описаніе кіево-софійскаго собора. П. Г. Л.—в) Народныя преданія въ Подоліи. Графъ Мотыка. Соч. гр. Биберштейна.—г) Wiadomość o malarzach bazylijańskich. Podał ks. Sadok Barącz.—д) Księga pamiętnicza majora A. Ptaszyńskiego 1769—1793. Przep. d-r Antoni J. 316
X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Подарокъ кіевскому церковно-археологическому музею.—б) Излишніе малороссійскіе монахи конца XVIII ст.—в) Старинные малороссійскіе портреты.—г) Гетманскіе клейноды (1758 г.).—д) Потомки запорожцевъ на островѣ Лети.—е) Гайдамацкій кутъ.—ж) Курьезный бракъ.—з) Скорбь кіевлянъ.—и) Панщина въ пѣсняхъ и молитвѣ 327

Іюнь.

I. ПОЧАЕВСКАЯ УСПЕНСКАЯ ЛАВРА въ концѣ іюля 1855 года. **Кн. Н. С. Голицына** 365
II. О НАЧАЛѢ КНИГОПЕЧАТАНІЯ ВЪ КІЕВѢ. **Ст. Т. Голубева** . 382
III. СОЦИНІАНСТВО въ Польшѣ и югозападной Руси. *(Окончаніе).* **Ореста Левицкаго** 401
IV. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. Перев. **В. А.** *(Продолженіе)* 433
V. МАТЕРІАЛЫ для исторіи народнаго образованія. *(Окончаніе).* . 451
VI. ИНТИМНАЯ ПЕРЕПИСКА ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА съ Яковомъ Марковичемъ. Сообщ. **Н. Петровъ** 498
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) «Хуторна поэзія» и «Крашанка». **П. А.** Кулиша.—б) Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. **Дмитрія** Багалѣя.—в) Szujski. Die Polen uud Ruthenen in Galizien. Wien und Teschen, 1882.—г) Kupajło, tudzież zabawy doroczne i inne, z dodatkiem niektórych obrzędów i pieśni weselnych ludu ukraińskiego z okolic Białej-Cerkwi. Zebrała i opisała Józefa Moszyńska. W Krakowie, 1881, in 8° . . . 509

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Рѣчь Д. Г. Бибикова къ дворянству юго-западнаго края.—б) Земляные валы близь с. Кудинки.—в) Старинные тракты, или дороги въ южной Россіи.—г) Искорость—древній Коростень или Скоростень.—д) Гдѣ именно жили запорожцы во время подчиненія своего крымскому хану (1709—34).—е) Поселенія запорожцевъ въ Банатѣ—ж) Неизвѣстные памятники памятныхъ лицъ.—з) Пѣсня запорожцевъ о выселеніи въ Турцію по уничтоженіи Сѣчи.—и) Пѣсня черноморскихъ козаковъ на взятіе Измаила.—і) Обманутый солдатъ. (*Стихотвореніе*) 530

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ замѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, упоминаемыхъ во II томѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ II.

МАЙ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 24-го апрѣля 1882 года.

Кіевское представительство прежняго времени.

Съ 1499 по 1834 г., т. е. болѣе трехъ сотъ лѣтъ Кіевъ располагалъ свою внутреннюю жизнь по такъ называемому магдебургскому праву, постепенно обрѣзываемому и ослабляемому до совершенной отмѣны и послѣднихъ его принадлежностей въ 1834 г.

Право это хотя заимствовано съ иноземной почвы и во многомъ не согласовалось съ укладомъ *вѣчевой* общины и мѣстными воззрѣніями и обычаями, тѣмъ не менѣе предоставляло городу, которому жаловалось, полную самостоятельность собственнаго управленія и суда. Первоначально пожалованное Кіеву великимъ княземъ литовскимъ Александромъ, а потомъ расширенное новыми льготами, пожалованными отъ польскихъ королей, оно скоро пришлось по вкусу кіевлянъ и давало Кіеву полную возможность не только жить спокойно по своей волѣ, но, послѣ понесенныхъ имъ разореній, превратиться снова въ богатый и цвѣтущій городъ, если бы его мирнаго развитія не колебала его страдальческая политическая роль, его благосостоянія не подрывали своекорыстныя стремленія его собственныхъ излюбленныхъ правителей. Кіевъ былъ самъ для себя господиномъ: самъ собою управлялъ, самъ себя судилъ. самъ велъ свое хозяйство. Во всѣхъ этихъ отправленіяхъ своей жизни правомъ магдебургскимъ онъ былъ вполнѣ огражденъ отъ власти и вліянія намѣстника или воеводы, а равно судей коронныхъ, и пользовался льготою отъ многихъ общегосударственныхъ повинностей и налоговъ, владѣлъ обширными землями и угодьями, имѣлъ свое *мыто*, самъ собиралъ свои доходы, самъ „и въ потребностяхъ своихъ изворачивался". Городская община представляла изъ себя болѣе сплоченности и внутренняго единства и менѣе разносоставности, нежели община нынѣшняго времени подъ всесословною думою. Бояре (впослѣдствіи шляхтичи) и земяне, купцы и мѣщане не были разграничены и по складу своей жизни разъеди-

нены, но всѣ вмѣстѣ представляли изъ себя, по своему образованію, развитію, воззрѣніямъ, образу жизни и привычкамъ, одну почти сплошную массу, которой части другъ отъ друга разнились лишь большимъ или меньшимъ достаткомъ. Чиновничества въ нынѣшнихъ его размѣрахъ не было и въ зародышѣ. Городъ управлялъ собою посредствомъ своихъ выборныхъ изъ среды указанныхъ группъ, пользовавшихся въ дѣлѣ управленія равными правами. Слова: мѣщанинъ и купецъ отнюдь не имѣли того особаго колорита и значенія, какое пріобрѣли въ послѣднее время, равно какъ шляхтичъ и земянинъ не представляли изъ себя величія недосягаемаго; напротивъ переходъ изъ одной группы въ другую былъ не труденъ и обыкновененъ, и не только снизу вверхъ, но и сверху внизъ.

Правящее учрежденіе города носило названіе Магистрата и было весьма не сложно. Грамотою Сигизмунда-Августа 1544 г. повелѣвалось избирать „судей присяжныхъ, или на уряды потребныхъ людей, числомъ отъ трехъ до двѣнадцати человѣкъ, смотря по надобности и обыкновенію, хранимому издревле“; но къ тому времени, если не ошибаемся, и надобность и обычай утвердили число двѣнадцать. Этотъ общій составъ городскаго управленія распадался на двѣ коллегіи съ равнымъ числомъ членовъ, изъ которыхъ одна вѣдала внѣшній порядокъ и хозяйство городское, а другая творила судъ. Въ первой коллегіи предсѣдательствовалъ обыкновенно *войтъ*, представитель вообще городскаго управленія, избиравшійся на всю жизнь, а члены этой коллегіи назывались *райцами* или *радцами* (отъ словъ: радить, раять, совѣтовать), впослѣдствіи *ратманами*; во второй коллегіи предсѣдалъ бурмистръ, а члены носили названіе *лавниковъ* (отъ лавы или лавки, мѣста сидѣнія), т. е. судей. Коллегія административная вѣдала мелкіе проступки и правонарушенія, коллегіи судебной подлежали болѣе крупные иски гражданскіе и дѣла уголовныя; она карала и миловала, владѣла правомъ жизни и смерти, содержала висѣлицу и палача съ орудіями казни и наказаній. Мечь, которымъ отсѣкались головы преступникамъ, хранился еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ магистратскомъ складѣ. Въ дѣлопроизводствѣ обѣихъ коллегій преобладалъ элементъ устный надъ письменнымъ. Судъ былъ скорый, хотя не всегда милостивый и правый. Впрочемъ, тяжущіеся и подсудимые пользовались всегда правомъ свободной защиты.

Зданіе, въ которомъ помѣщался городской Магистратъ, носило названіе ратуши, остававшееся за нимъ до переименованія Магистрата въ Думу въ 1834 г. Для содержанія онаго король Сигизмундъ III грамотою 15 февр. 1619 г. пожаловалъ кіевлянамъ собственный его грунтикъ,—гору Щековицу, нынѣ царство мертвыхъ.

Кіевъ не обязанъ былъ никому, даже самому королю, отчетомъ въ своемъ хозяйствѣ. Тотъ-же король Сигизмундъ III грамотою 1 апрѣля 1620 г. воспретилъ тогда и „на потомные часы" принуждать кіевлянъ къ дачѣ отчетовъ въ своихъ доходахъ предъ королевскими комиссарами. Одинаково независимъ былъ Кіевъ и въ дѣлахъ собственнаго суда и это гарантировалъ для него еще Сигизмундъ II грамотою 1544 г.

Таковы были „права и вольности, которыхъ Кіевъ уживалъ за славныхъ польскихъ королей". Но „и когда сія древняя столица всеавгустѣйшихъ предковъ россійскихъ государей возвратилась благополучно въ прежнее владѣніе ея, то не токмо всѣ ея привилегіи во всей силѣ высокими самодержцами всероссійскими утверждены, но и общія выгоды и преимущества града сего жалованными высокомонаршими грамотами всемилостивѣйше распространены и умножены...."

Дѣйствительно, тою-же грамотою царя Алексѣя Михайловича (16-го іюля 1654 г.), которою повелѣвалось „мѣщанамъ" (жителямъ) г. Кіева быть подъ крѣпкою рукою его величества, подтверждались и всѣ прежнія его права и привилегіи. Эта подтвердительная грамота въ свою очередь была подтверждаема преемниками Алексѣя Михайловича въ 1700, 1730, 1743 и послѣдующихъ годахъ до царствованія Александра I-го; но отъ всѣхъ этихъ грамотъ, отъ всѣхъ правъ и привилегій, отъ всего городскаго самоуправленія и самосуда, какъ и отъ всей прежней жизни, къ 1835 году не осталось ничего.

И сталось это въ силу неотразимаго хода событій, въ силу особаго строя и чѣмъ дальше, все болѣе измѣнявшагося теченія жизни того государства, съ которымъ Кіевъ вновь соединилъ свою судьбу и уже не въ качествѣ его столицы. Царствованіе Алексѣя Михайловича, при которомъ Кіевъ поступилъ подъ державу россійскую, само по себѣ было послѣднею гранью прежней автономной жизни областей и городовъ, участія земли въ жизни государства.

Абсолютизмъ Петра I-го, централизировавшаго всякую отрасль управленія и подтянувшаго все подъ свою высокую и крѣпкую руку, всего менѣе оставлялъ мѣста какой либо „вольности". Послѣдующія правленія шли въ томъ-же духѣ обобщенія власти и управленія, въ размноженіи служилаго сословія, въ раздѣленіи населенія на касты или классы, въ расширеніи и усиленіи правъ однихъ, порабощеніи и закрѣпощеніи другихъ. При такомъ общемъ строѣ и теченіи жизни, не могли сохранить своей силы никакія прежнія пожалованія и ихъ подтвержденія. Жизнь дѣлала свое и— старые порядки должны были уступать мѣсто новымъ. Въ общемъ потокѣ государственной и общественной жизни не могъ составлять исключенія и Кіевъ, а тѣмъ болѣе его полновластный и независимый Магистратъ. Всѣ прежнія привиллегіи Кіева, начиная съ самостоятельности митрополіи и выборнаго начала въ церковномъ управленіи, падали одно за другимъ. Изъ состава нѣкогда компактной общины городской выдѣлялось, какъ и въ общемъ строѣ общественной жизни, единое привилегированное дворянское сословіе, по жалованной грамотѣ Екатерины II получившее свое особое самоуправленіе. Еще прежде выдѣлилось духовенство въ особую, совсѣмъ замкнутую касту. Выдѣлился и умножился классъ правящій, которому одному открытъ былъ доступъ къ дворянству. По мѣрѣ всего этого принижались, оскудѣвали и въ числѣ уменьшались группы купцовъ и мѣщанъ. Кому и кѣмъ было править, кому и кого было судить?

Открытіе въ Кіевѣ намѣстничества, въ правленіе Екатерины II, и введеніе общаго городоваго положенія, лишь съ нѣкоторыми изъятіями для Кіева, сильно понизило авторитетъ городскаго представительства, ограничило его составъ, съузило кругъ его дѣятельности, словомъ: наносило почти окончательный ударъ автономному управленію Кіева. Правда, въ царствованіе императора Павла I-го, грамотою 19 сентября 1798 г., на нѣкоторое время были возобновлены прежнія права и привилегіи Кіева и Магистратъ былъ возстановленъ въ прежнемъ составѣ и съ прежними названіями членовъ, а въ царствованіе Александра Благословеннаго эти права еще разъ были подтверждены; но прежнія названія были теперь не болѣе какъ пустые ярлыки, а лица, ими обозначаемыя, простыя пѣшки, ничего не значившія въ общемъ ходѣ жизни и управленія города.

При Екатеринѣ II и Александрѣ I перестраивался весь порядокъ государственной и общественной жизни, явился цѣлый рядъ учрежденій административнаго, судебнаго и полицейскаго характера, обнимавшихъ собою всю область предметовъ вѣдѣнія Магистрата и не оставлявшихъ для него почти ничего. Оставалась едва слабая тѣнь прежней административной власти Магистрата и то въ тѣсномъ кругѣ мѣщанства и купечества и его мелкихъ интересовъ. Между тѣмъ все бремя городскихъ повинностей и налоговъ ложилось всею своею тяжестію исключительно на обѣднѣвшее мѣщанство. Мѣщане приносили на это жалобу и въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ составленъ по высочайшему повелѣнію особый комитетъ изъ представителей всѣхъ сословій, для приведенія въ извѣстность и равновѣсіе городскихъ доходовъ съ расходами и уравненія всѣхъ жителей города Кіева въ ихъ повинностяхъ. Стало-ли послѣ этого легче жаловавшимся мѣщанамъ,—мы не знаемъ. Извѣстно только, что для Магистрата составленъ былъ новый штатъ, съ допущеніемъ перевода натуральнаго содержанія на денежные оклады и съ предоставленіемъ городу пользовать своихъ выборныхъ только деньгами, или деньгами и натурою вмѣстѣ.

Такъ влачилъ свои послѣдніе годы кіевскій Магистратъ до совершеннаго его упраздненія и замѣны столько-же безцвѣтною и еще болѣе безсильною Думою. Какъ-бы въ утѣшеніе кіевлянъ до послѣдняго конца ихъ самоуправленія, имъ оставлена была отъ прежнихъ „вольностей“ еще одна забава, но объ ней скажемъ особо, а теперь докончимъ наше слово о старомъ полновластномъ Магистратѣ.

Кіевскій Магистратъ и подъ польскимъ и подъ русскимъ владычествомъ мѣнялся въ составѣ своихъ членовъ, которыхъ было и большее и меньшее число, смотря по надобности, не свыше однако 12-ти, не считая войта; избирались-же они изъ всѣхъ кіевскихъ жителей *„по разуму, способности и достоинству“*. Райцы и лавники отбывали свои сессіи и въ половинномъ составѣ—по очереди, по-годно или по четвертямъ года. Въ послѣдствіи, подъ русскимъ уже владычествомъ, вѣроятно, для облегченія войта, и въ средѣ райцевъ, какъ прежде въ средѣ лавниковъ, является *бурмистръ*. Занятія спеціализируются: завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ переходитъ въ руки *шафаря*, сборъ налоговъ и вообще доходовъ—*ин-*

стигатора; райцы, потомъ *ратманы,* въ послѣднее время называются *ратегерами:* въ штатъ Магистрата, кромѣ писаря, входятъ „урядники, подвойскіе“ или вахмистры, а также канцеляристы.

Денежные оклады городскихъ выборныхъ были не значительны. Такъ жалованье войта грамотою Владислава IV (30 марта 1645 г.) опредѣлялось въ 500 злотыхъ, бурмистру и старшему райцѣ грамотою Яна Казимира (12-го генваря 1650 г.) назначено по 300 злотыхъ. Тѣ же оклады этимъ лицамъ значатся и въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича, а прочимъ 4 райцамъ и 6-ти лавникамъ лишь по 60 злотыхъ въ годъ, „какъ изъ давна повелось“. Въ 1778 г., по штату утвержденному сенатомъ, денежные оклады назначены, „съ прибавленіемъ противу прежняго“, въ слѣдующемъ размѣрѣ: войту 400 р., двумъ бурмистрамъ по 250 р., тремъ ратегерамъ по 200 р., лавнику одному 100 р., инстигатору одному 80 р. и писарю 300 р., всего же, считая содержаніе канцеляріи, урядниковъ, вахмистровъ и пр., 3,560 р.

Гораздо значительнѣе этихъ денежныхъ окладовъ былъ такъ называемый *юргенсъ,* или *акциденція,* по нашему—довольствіе натурою. По введенному издревле обыкновенію, практиковавшемуся и въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, въ видѣ акциденціи или „юргента“ давалось:

Войту горячаго вина, меду и пива по 100 ведеръ, лѣсу сосноваго по 100 бревенъ, дровъ 100 возовъ, да къ двумъ праздникамъ Рождества Христова и Свѣтлаго Воскресенія меду и пива по 10 ведеръ, и сверхъ того „на рангъ“ его войта давался городской хуторъ съ винокуреннымъ заводомъ, сѣнокосъ на 500 копенъ и рыболовное озеро.

Бурмистрамъ и райцамъ вина горячаго по 60 ведеръ, меду варенаго и пива по 100 ведеръ, „кромѣ праздничнаго“, лѣсу сосноваго по 60 бревенъ, дровъ по 60 возовъ и сѣнокоса по 300 копенъ.

Лавнику и инстигатору горячаго вина, меду и пива, „кромѣ праздничнаго“, по 20 ведеръ, лѣсу сосноваго по 20 бревенъ, дровъ по 20 возовъ и сѣнокоса каждому по 100 копенъ.

Урядникамъ горячаго вина, меду варенаго и пива по 12 ведеръ, лѣсу по 12 бревенъ, дровъ по стольку же возовъ, сѣна не полагалось.

Писарю горячаго вина, меду и пива по 50 ведеръ, лѣсу сосноваго 50 бревенъ, дровъ 50 возовъ да сѣнокосу на 200 копенъ.

Канцелярскимъ служителямъ „юргенсъ даванъ былъ“ по разсмотрѣнію бурмистра и райцы не единообразно, тоже подвойскимъ и разсыльщикамъ.

Нѣсколькими словами о прежнемъ помѣщеніи Магистрата мы и заключимъ не многія свѣдѣнія о кіевскомъ представительствѣ прежняго времени.

Издревле главная масса кіевскаго населенія ютилась на Подолѣ: тутъ кипѣла торговая жизнь, тутъ помѣщался и Магистратъ,—управленіе и судилище г. Кіева. Съ XVII въ XVIII вѣкъ отъ прежняго магистратскаго помѣщенія перешли башенные часы съ славянскою надписью 1697 г. Въ XVIII в., по описанію Закревскаго, зданіе Магистрата выдавалось изъ ряда другихъ по своей причудливой архитектурѣ. Это было каменное двухъ-этажное зданіе во вкусѣ *рококо,* съ большимъ выступомъ въ срединѣ для входа, съ обширною надъ нимъ террасою и круглою съ балкономъ башнею, въ 15 саженъ, утвержденною на главномъ фасадѣ. Домъ этотъ оконченъ былъ постройкою въ 1737 г. и находился на пространствѣ между фонтаномъ Самсона и контрактовымъ домомъ, будучи одной стороной обращенъ къ братскому монастырю, а другой къ успенской церкви. Упомянутая терраса заканчивалась красивымъ фронтономъ, на которомъ стояла мѣдная колоссальная статуя Ѳемиды, съ мечемъ въ одной рукѣ и съ вѣсами въ другой. На башнѣ помѣщались часы; къ нимъ прилажена была и съ ними особымъ механизмомъ соединена мѣдная барельефная фигура кіевскаго патрона, архистратига Михаила, до 4-хъ аршинъ въ поперечникѣ. Когда раздавался бой часовъ, стальное копье Архистратига ударяло въ кремнистую пасть лежавшаго у ногъ его змія. Въ темнотѣ сыпались искры и змій огненнымъ казался. Въ опредѣленные часы дня съ высоты балкона раздавалась игра трубачей; на открытой террасѣ 16 музыкантовъ, вечернею порой, въ хорошую лѣтнюю погоду, услаждали слухъ кіевлянъ. Все это вмѣстѣ привлекало иногда къ ратушѣ массы народа. По всему думать можно, что это магистратское помѣщеніе было лучше нынѣшняго его думскаго; но пожаръ 1811 года до тла истребилъ лучшее въ тогдашнемъ Кіевѣ зданіе, которымъ такъ долго любовались кіевляне.

Время снесло вѣковѣчное учрежденіе, пламя пожрало его помѣщеніе и отъ прежняго представительства города осталось лишь туманное воспоминаніе...

Кромѣ самоуправленія и самосуда, Кіевъ издревле пользовался привилегіею или, точнѣе, обязанностію самозащиты.

Говоря объ этомъ, мы не касаемся періода кіевскихъ князей, временъ борьбы князей изъ-за обладанія Кіевомъ, нападенія на него кочующихъ народовъ, разоренія его татарами и порабощенія литовцами, — того отдаленнаго времени, когда самозащита была общимъ всѣхъ и каждаго правомъ и обязанностію, но не имѣла опредѣленной организаціи, являлась импровизированною въ годины несчастій. Въ періодъ литовскаго владычества, эта обязанность, не переставая быть общею въ крайнихъ случаяхъ, связывалась съ правомъ владѣнія землею и, регламентируясь извѣстнымъ образомъ, составляла принадлежность особаго класса людей, какъ-то: бояръ, земянъ и впослѣдствіи козаковъ. Но тутъ различалась служба воинская какъ повинность земли, общегосударственная потребность и какъ самозащита общины при отдѣльномъ на нее нападеніи. Кіевляне въ это время несли ту и другую повинность. Съ превращеніемъ кіевскаго княженія въ намѣстничество и потомъ воеводство, въ Кіевѣ былъ *Замокъ,* солидно укрѣпленный и вооруженный, какъ для отраженія внѣшнихъ нападеній, такъ и для удержанія въ городѣ спокойствія и безопасности; но, пользуясь защитою со стороны государства, кіевляне должны были въ свою очередь участвовать въ огражденіи безопасности ближайшихъ по крайней мѣрѣ къ нимъ областей. Главнѣйшими и постоянными, такъ сказать, врагами кіевской земли и самаго Кіева были въ то время татары. Ихъ набѣговъ въ большей части случаевъ, особливо на пограничьи, нельзя было ни предвидѣть, ни предотвратить. Кромѣ отмѣченныхъ исторіею татарскихъ походовъ и нашествій, мелкія партіи татаръ каждогодно и даже по нѣскольку разъ въ годъ появлялись внезапно то въ той, то въ другой изъ русскихъ областей и дѣйствуя налетомъ и захватомъ, проникая во внутрь, на сколько позволяли ихъ силы и обстоятельства, производили большія или меньшія опустошенія, держа населеніе въ постоянномъ страхѣ. Пока постепенно

формировалось козачество и выдвигался все далѣе къ югу рядъ укрѣпленій, обязанность защиты земли отъ нападеній татаръ была общею и, въ соотвѣтствіе ихъ набѣгамъ, постоянною. И кіевляне обязаны были тогда ежегоднымъ хожденіемъ за татарами въ воеводства волынское, брацлавское и подольское, дабы вылавливать ихъ, какъ впослѣдствіи вылавливали сусликовъ на пространствѣ степей новороссійскаго края. Король Сигизмундъ III, какъ писали впослѣдствіи кіевляне, благоволившій къ Кіеву, „бывшему неоднократно театромъ военныхъ государственныхъ произшествій и отличавшему себя всегда усердными подвигами", грамотою 1624 года освободилъ ихъ отъ обременительнаго и становившагося отчасти уже излишнимъ каждогоднаго хожденія за татарами и повелѣлъ выступать противъ этого врага лишь тогда, когда онъ вторгнется въ кіевское воеводство, или чрезъ оное возвращаться будетъ. Въ этихъ случаяхъ „всѣ кіевскіе мѣщане, находящіеся на лицо, за полученіемъ повелѣнія воеводы кіевскаго съ нимъ или съ подвоеводою его кіевскимъ, обязаны были при королевскомъ войскѣ рушиться *порядно* каждый разъ, когда только сего надобность требовать будетъ".

Мы не имѣемъ въ виду свѣденій о размѣрахъ кіевскаго отряда, съ королевскими войсками въ такихъ случаяхъ выступавшаго, ни свѣденій объ его организаціи и вооруженіи; мы хотимъ сказать лишь о томъ, какъ изъ права самозащиты, извѣстнымъ образомъ организованной, и обязанности общегосударственной защиты выродился впослѣдствіи тотъ *вооруженный корпусъ г. Кіева,* который существовалъ до недавнихъ дней, которымъ гордились кіевляне и о которомъ сохранилось еще столько преданій и разсказовъ очевидцевъ.

Сознавая себя вольными, чувствуя за собою право и обязанность самозащиты, участвуя наконецъ въ защитѣ себя и земли родной, въ походахъ и дѣйствіяхъ военныхъ, кіевляне пріобыкли владѣть оружіемъ, имѣли свои военныя традиціи и не тяготились своею воинскою повинностію, ясно понимая ее, какъ свою собственную самозащиту. На это указываетъ намъ грамота Сигизмунда III-го 22 февраля 1605 г., данная Кіеву по поводу возобновленія кіевскаго замка, сгорѣвшаго передъ тѣмъ отъ громоваго удара. Неоднократно, какъ говорится въ грамотѣ, кіевляне жаловались королю на невозобновленіе въ Кіевѣ замка и на грозившую имъ поэтому

постоянную опасность отъ непріятелей; когда-же королевскій приказъ о семъ кіевскому воеводѣ въ теченіи долгаго времени не былъ выполняемъ, а между тѣмъ, въ виду Кіева, въ томъ же (1605) году, вновь показался непріятель-татаринъ, то кіевляне, „не съ какой-либо повинности, которой при постройкѣ и исправленіи замка не обязаны нести, но съ доброй воли, единственно для собственной защиты, рѣшились на собственный счетъ замокъ дубовымъ палисадомъ укрѣпить и оный застроить". Кіевляне при этомъ просили короля лишь о томъ, чтобы эта добровольная съ ихъ стороны жертва, вызванная чувствомъ самозащиты, не была превращена въ обязательную для нихъ на будущее время повинность, и король ихъ, „какъ людей вольныхъ, магдебургскимъ правомъ пользующихся, тою-же грамотою отъ сего ограждалъ и при всѣхъ ихъ вольностяхъ и на будущее время оставлялъ".

Во время козацкихъ войнъ Хмельницкаго кіевскій замокъ былъ разоренъ до основанія, а самый Кіевъ, возвратившись подъ державу россійскую, былъ освобожденъ отъ участія въ общегосударственной защитѣ и его собственная защита была ограждена со стороны новаго правительства болѣе надежнымъ образомъ, чѣмъ во времена господства королей со стороны воеводъ, возводившихъ и поддерживавшихъ геродскія укрѣпленія, по своему усмотрѣнію, на счетъ получаемыхъ ими отъ воеводства и города доходовъ. Грамотою царя Алексѣя Михайловича 16 іюля 1654 года постановлено, „чтобъ быть кіевскимъ мѣщанамъ отъ ратныя службы уволеннымъ, и въ обозъ не ходить, а оберегать себя въ городѣ". Дарованная теперь льгота подтверждалась и во всѣ послѣдующія царствованія; но скоро и сама защита города оказалась не нужною. Для московскаго государства до преобразованія его въ россійскую имперію и впослѣдствіи для самой имперіи Кіевъ сталъ главнымъ стратегическимъ пунктомъ—со стороны Польши, Турціи и татаръ и на укрѣпленіе его было обращено особое вниманіе новаго правительства: строились укрѣпленія, насыпались валы, возобновлялся замокъ, сооружались башни и бойницы, разставлялись пушки, вводились кавалерійскіе и стрѣлецкіе полки и наконецъ (въ 1706 г.) заложена нынѣшняя печерская крѣпость. Важнѣйшія изъ укрѣпленій относятся ко времени чигиринскаго и прутскаго походовъ и связаны съ именами Алегуковича Черкасскаго и Миниха. Но въ возведеніи

укрѣпленій, въ своей самозащитѣ городъ Кіевъ не принималъ уже никакого участія. Понятія о способахъ государственной обороны повсюду измѣнились, явилось постоянное регулярное войско и защита областей и городовъ стала исключительно достояніемъ государства.

Мы не имѣемъ прямыхъ указаній на время образованія кіевскаго корпуса въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ прошломъ и началѣ нынѣшняго столѣтія; но кажется, что начало его надо отнести именно къ тому времени, когда вооруженная сила городской общины становилась не нужною для ея собственной защиты, принятой на счетъ государства.

Когда бы ни явился этотъ корпусъ, образованіе его совершилось просто и легко. Такъ называемые регистровые, т. е. состоявшіе на постоянныхъ должностяхъ при Магистратѣ составили готовую команду корпуса и отчасти его кавалерію, которая пополнялась охотниками изъ богатыхъ и почетныхъ гражданъ, а пѣхота и вообще масса корпуса явилась также готовою въ лицѣ цеховыхъ, проще—ремесленниковъ разнаго рода или мѣщанъ. Выборное служилое сословіе командовало, выбиравшая масса по командѣ поступала. Корпусъ имѣлъ свои ружья и пушки, блестящую обмундировку, своихъ трубачей и литаврщиковъ, свою музыку и знамя, или хоругвь; его кавалерія носила названіе „товариства золотой коругвы". Только численная сила корпуса была не велика—всего 187 человѣкъ кавалеріи, а пѣхоты по числу цеховыхъ. Какого-либо непріятеля сей вооруженный корпусъ не имѣлъ въ виду, бояться ему было некого и служба его была не тяжела. Разъ или болѣе въ году „высылаемъ онъ былъ въ парадѣ съ музыкою для почестей встрѣчею посѣщающихъ и шествующихъ чрезъ г. Кіевъ высочайшихъ фамилій и проѣзжающихъ чрезъ оный полномочныхъ чрезвычайныхъ россійскихъ пословъ, посланниковъ и другихъ знатныхъ персонъ". Въ высокоторжественные церемоніальные дни, въ дни торжественныхъ освященій воды на Днѣпрѣ, 6-го января и 1-го августа, корпусъ былъ выдвигаемъ въ томъ-же видѣ и для той-же цѣли. Парадировали, мѣняли фронтъ и строй, проходили церемоніальнымъ маршемъ, при чемъ слышалась команда: „товщимъ кинцемъ до пидошвы!", палили изъ пушекъ и ружей, трубили въ трубы,

били въ литавры, играли на инструментахъ... Словомъ: „существовалъ и многіе годы содерживался сей вооруженный корпусъ г. Кіева для вящшаго сея древнія столицы украшенія". Другими словами: это была одна изъ прерогативъ, внѣшнихъ знаковъ представительства г. Кіева, пережившая самое представительство, какъ нерѣдко форма переживаетъ дѣло.

Упомянутыя церемоніи 6-го января и 1-го августа издревле отбывались въ Кіевѣ съ особою торжественностію и нѣтъ сомнѣнія, что кіевская община представляла себя на нихъ такъ или иначе. Объ одной изъ такихъ церемоній упоминаетъ въ своихъ запискахъ завѣдывавшій постройкою кіевскихъ укрѣпленій въ послѣдней четверти XVII в. Гордонъ; но описывая всю церемонію и производившуюся при томъ пальбу, онъ ничего не упоминаетъ о дѣйствіяхъ кіевскаго вооруженнаго корпуса, изъ чего должно заключить, что самый корпусъ организовался позже.

Судьба корпуса была неодинакова. Въ правленіе Бирона онъ былъ уничтоженъ и мѣщанъ брали въ рекруты. Не существовалъ онъ и позже. Возстановленъ вновь въ началѣ царствованія Екатерины II и усиленъ артиллеріею новаго калибра. Въ 1768 году Магистратъ озаботился устройствомъ и содержаніемъ при семъ корпусѣ постояннаго оркестра. Поводомъ къ сему послужили неудобства, которыя испытывали Магистратъ и корпусъ, при внезапныхъ проѣздахъ и посѣщеніяхъ какихъ-либо высокихъ особъ. Приходилось заимствовать трубачей и литаврщиковъ отъ полковъ и другихъ командъ, которымъ они въ свою очередь бывали нужны, платить за нихъ деньги, переодѣвать въ соотвѣтственное платье, а иногда и вовсе оставаться безъ музыкантовъ. Въ особенности постоянные трубачи и литаврщики были нужны „для игранія ежедневной утренней и вечерней зари, а также полуденнаго 12-го часа". Магистратъ постановилъ имѣть собственныхъ магистратскихъ музыкантовъ, въ числѣ 16 человѣкъ, содержать для нихъ капельмейстера и особую школу для постояннаго комплектованія городской „капелліи". Имъ назначено постоянное жалованье, сооружены церемоніальные и повседневные мундиры, даны нужные инструменты. На постоянное содержаніе и освѣщеніе школы и ремонтъ костюмовъ и инструментовъ положено отчислять изъ городскихъ доходовъ ежегодно по 300 р.

Въ 1790 году въ вооруженномъ корпусѣ Кіева почувствовали, по обстоятельствамъ тогдашняго военнаго времени, какъ-бы дѣйствительную потребность и рѣшились дать ему назначеніе, которое отвѣчало-бы его названію, а предварительно на всякій случай приспособить его къ военному дѣлу. Этимъ занялся бывшій тогда въ Кіевѣ губернаторъ Ширковъ, по распоряженію генералъ-губернатора Михаила Ивановича Кречетникова. Составлены были именные списки и по нимъ приведены въ извѣстность всѣ тѣ кіевскіе мѣщане, которые въ случаѣ надобности могли бы быть употреблены на защищеніе и охраненіе города. Раздѣлили ихъ на хоругви, назначили имъ командировъ, выдали изъ магистратскаго военнаго депо оружіе: самопалъ, пистолетъ и пику и внушили хранить оное во всегдашней исправности, а по временамъ и стрѣлять пріучаться. Разъ въ недѣлю, на Оболони, палили мѣщане изъ ружей, дабы къ стрѣльбѣ пріобыкнуть. Кіевскій корпусъ сталъ совсѣмъ вооруженнымъ. Оказалось мало городской артиллеріи, вся она состояла изъ четырехъ пушекъ. Графъ Кречетниковъ далъ еще пять мѣдныхъ пушекъ съ лафетами и къ каждой по 50 ядеръ, по ихъ калибру, со всѣми принадлежностями, для надлежащаго пріобученія корпуса. Однако услугами его такъ и не пришлось воспользоваться. Мѣщане подучились по крайней мѣрѣ исправно палить изъ пушекъ и ружей въ церемоніальные дни.

Въ 1798 году 13 іюля пальба и всякія церемоніи неожиданно были прекращены. Послѣдовало высочайшее повелѣніе, „дабы впредь церковныхъ парадовъ не было, предоставляя сіе единственно резиденціи“. Кіевляне всполошились; собрали всѣ грамоты, привилеи, стали хлопотать чрезъ бывшаго тогда военнаго губернатора Беклетова и еще въ послѣдній день того-же года дождались отмѣны сдѣланнаго запрещенія. Императоръ Павелъ I-й снизошелъ къ просьбѣ кіевскихъ гражданъ и снова дозволилъ имъ „отправлять издавна введенную въ Кіевѣ января 6-го и августа 1-го церемонію, т. е. „всѣмъ цехамъ при саблях и ружьяхъ съ хоругвями выходить, а почетнымъ гражданамъ въ одинаковомъ одѣяніи на лошадяхъ выѣзжать и на рѣкѣ Днѣпрѣ при освященіи воды пальбу производить“.

И производили, хотя ружья подъ часъ безъ замковъ были. За неявку на церемоніи назначался штрафъ: но большинство участни-

ковъ, особливо кавалеристы, являлись охотно. Самолюбію простаго, совсѣмъ мирнаго гражданина, давно забывшаго исторію роднаго города и края, необычайно льстило это внезапное превращеніе два раза въ годъ во образъ почти военнаго человѣка, а для иныхъ и какъ-бы генерала. Вотъ обмундировка этихъ quasi воиновъ вооруженнаго корпуса. На кавалеристѣ атласный фіолетоваго цвѣта жупанъ; поверхъ его кунтушъ темнозеленаго сукна, рукава на *„вылетъ“*; всѣ швы обшиты золотымъ снуркомъ, на головѣ высокая смушевая шапка, верхъ бархатный малиновый, кисть золотая; черезъ плечо лядунка, съ боку сабля на шелковомъ поясѣ; сѣдло, вся сбруя оторочены серебромъ, иногда золотомъ, даже стремена серебряныя; при сѣдлѣ пара добрыхъ пистолей. Пѣхотинцы одѣвались въ простые кунтуши, надѣвали также высокія шапки, имѣли каждый при поясѣ саблю, лядунку и ружье. 15-ю хоругвями ихъ командовали цехмистры, выступавшіе съ обнаженными саблями, всѣмъ корпусомъ и всею церемоніею управлялъ бурмистръ. Подробности церемоніи описаны у Закревскаго. Мы приведемъ изъ него лишь слѣдующія заключительныя слова: „при бѣглыхъ выстрѣлахъ изъ пистолетовъ и ружей, громъ пушекъ, звонъ колоколовъ, игра музыки, гулъ огромнаго барабана, звуки трубъ, грохотаніе литавръ, шумъ волнующейся толпы, крикъ тѣснящихся за освященною водою, визги женщинъ и дѣтей, ржаніе лошадей и вторящее эхо—все это производило хаосъ необъятный, но вмѣстѣ торжественный“.

Оканчивался этотъ оригинальный парадъ, всѣ представители и участники его отправлялись на *закуску:* генералитетъ и кавалерія вооруженнаго корпуса—давнѣе въ ратушу, позже—въ контрактовый домъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ и властями, а пѣхотинцы съ цехмистрами, влагавшими мечь свой въ ножны до слѣдующаго года, —въ управу. Каждому изъ нихъ предоставлялось право палить изъ ружей во весь этотъ день. Еще одно оставшееся право, если не считать неотъемлемаго другаго — пить на радости, сколько кому вздумается. И пили они и при томъ палили, палили и пили, *Руси бо есть веселіе пити.*

Какъ ни съужено и принижено было властное нѣкогда представительство городское, но это двукратное въ годъ участіе его въ пустомъ по видимому парадѣ не оставалось безслѣднымъ. Дважды

въ годъ оно шевелило сонную жизнь города, будило и поддерживало въ его населеніи воспоминаніе о пережитыхъ временахъ „привилеевъ и вольностей“, хранило дорогую традицію о національности и ея соотношеніяхъ и какъ искру подъ пепломъ берегло духъ воинственный на случай нужды. Двумя опытами доказали это кіевляне. Въ 1812 г., когда послѣдняя *гармиза* (гарнизонные солдаты) двинута была на усиленіе дѣйствующихъ армій, старожилы-кіевляне безъ приказа сформировали свой вооруженный корпусъ и до возвращенія войскъ содержали караулы въ городѣ и крѣпости. Позже —во время перваго польскаго возстанія они вновь снарядили свою милицію, состоявшую на этотъ разъ изъ 1000 человѣкъ пѣхоты и 400 человѣкъ конницы, въ теченіи полугода охраняли Кіевъ и кіевскій уѣздъ отъ вторженія непріятеля и получили за то Высочайшую благодарность. Не безъ основанія старожилы-очевидцы бывшихъ церемоній такъ краснорѣчиво повѣствуютъ о гордой осанкѣ, воинственномъ видѣ послѣдняго бурмистра, командира вооруженнаго корпуса—Мажнаго, его блестящемъ костюмѣ, дорогомъ скакунѣ, богатой сбруѣ, величественной командѣ. Не изъ мѣщанскаго только чванства говорилъ не такъ давно умершій, очень извѣстный на Подолѣ купецъ, самъ участвовавшій въ парадахъ: „якъ сяду було на коня, кровь въ сердці заграє, самъ себе не пизнаешь“... и, послѣ описанія собственнаго костюма, вооруженія и коня, прибавлялъ: „с...й сынъ буду, зовсімъ якъ генералъ! навѣть (даже) москали (солдаты), якъ углядять, на караулъ було роблять“. Да, традиція была живуча.

Въ 1835 году послѣдовало уничтоженіе въ Кіевѣ такъ называемаго магдебургскаго права и соединенныхъ съ нимъ внѣшнихъ отличій городскаго управленія. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней чрезъ полицію созвали все представительство городское,—командировъ и нижнихъ чиновъ, на мѣстѣ, гдѣ происходили ихъ quasi военныя эволюціи, выстроили въ ряды и объявили царскую волю. Магистратъ переименованъ въ Думу и вмѣсто войта велѣно избирать голову—изъ купцевъ, а между ними къ тому времени взяли верхъ захожіе, пользовавшіеся нѣкоторыми привиллегіями, великороссіяне: Дехтеревъ, Ходуновъ и др. Традиціонное чувство кіевлянъ глубоко оскорбилось. Недовольство ихъ и какъ-бы плачь о потерѣ древнихъ правъ въ рѣзкой формѣ отразились въ стихотво-

ренія, которое тогда-же написано однимъ изъ состава Магистрата, именно его писаремъ, долго ходило по рукамъ, потомъ забыто и теперь съ трудомъ разыскано нами. По этому стихотворенію можно судить о причинахъ сочувствія, какимъ оно долго пользовалось въ средѣ кіевскихъ гражданъ, можно судить о силѣ впечатлѣнія, произведеннаго на нихъ отмѣною магдебурскаго права. Людей, незнакомыхъ съ обстоятельствами его происхожденія, оно могло бы привести къ ошибочному заключенію, что въ немъ отразилась вражда двухъ національностей, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ тутъ коммерческая вражда двухъ купеческихъ партій—захожей, для которой *мандебурія* была какой-то дикій, съ трудомъ произносимый звукъ, и мѣстной, въ сторону которой тянуло и все кіевское мѣщанство. Мы приведемъ это стихотвореніе въ отдѣлѣ „Извѣстій и Замѣтокъ" настоящей книжки, какъ мѣстный историческій и литературный памятникъ, а теперь закончимъ нашу рѣчь слѣдующимъ краткимъ эпилогомъ.

Кіевляне (купечество и мѣщанство), не въ состояніи будучи понять, что широкія нѣкогда права ихъ самоуправленія снесены потокомъ новой наступившей для нихъ жизни, что отъ нихъ осталась одна лишь форма, звукъ пустой, громко винили, какъ показываетъ упомянутое стихотвореніе, послѣдняго своего войта Киселевскаго въ продажѣ ихъ правъ за деньги, благо онъ деньги любилъ и много вкусилъ отъ общественнаго пирога, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся архивныя дѣла. Онъ самъ терялъ всячески почетное и прибыльное мѣсто, а они винятъ его въ продажѣ, когда и продавать-то стало нечего. Странно повторился здѣсь конецъ Запорожья: послѣдній его Кошевой до глубокой старости томился въ Соловкахъ, а пущенное на всѣ стороны товариство на „Калишиа" въ своихъ думахъ плакалось...

Не дожило старое, вѣковое самоуправленіе кіевское, немного не дожило до эпохи преобразованій минувшаго царствованія, въ которомъ, какъ въ свое время заявляли московскіе старообрядцы, послышался голосъ любезной старины. Отъ этого самоупраленія оставалась, правда, одна форма; но и *forma dat esse rei*, когда снова одухотворитъ ее оживлявшій прежде духъ...

СОЦИНІАНСТВО

ВЪ ПОЛЬШѢ И ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ.

VII *).

Минуемъ сосѣднее съ Галиціей Подолье, о еретичествѣ обитателей котораго у насъ нѣтъ свѣдѣній, и перейдемъ въ другую южнорусскую область, въ которой социніанство надолго свило себѣ теплое гнѣздо: разумѣемъ старинный центръ южнорусской культуры—Волынь. Когда въ концѣ первой половины XVI в. потоки реформаціи достигли южной Руси, волынцы заплатили обильную дань вѣку и, по словамъ современника, „охотно ринулись въ пространный и широкій путь, сирѣчь въ пропасть ереси люторскія и другихъ различныхъ сектъ“ [1]); но протестанство, съ его холоднымъ формализмомъ, не надолго удовлетворило ихъ, и лишь только возникло болѣе радикальное антитринитаріанство, волынцы съ такою же охотою ринулись въ пространный и широкій путь новаго ученія. Извѣстный московскій выходецъ князь Андрей Курбскій, жившій здѣсь съ 1564 по 1586 г., съ прискорбіемъ признавался, что въ его время язвою этого ученія была заражена мало не вся Волынь. [2]) Проповѣдь антитринитаріанства одновременно направлялась сюда съ двухъ сторонъ: съ Литвы и Польши. Съ литовской Руси новое ученіе было принесено сюда, между прочимъ, извѣстными уже намъ ѳеодосіанами, а около 1575 года мы встрѣчаемъ здѣсь и самого Ѳеодосія Косого съ его товарищемъ Игнатіемъ. Послѣдній

---

*) См. «Кіевская Старина», апрѣль, стр. 25—57.

[1]) Сказанія князя Курбскаго, I, 84.

[2]) Тамъ же, II, 224.

нашелъ здѣсь пріютъ и покровительство въ домѣ знатнаго пана Кадьяна *Чаплича-Шпановскаго*, потомка старинной южнорусской фамиліи, владѣвшей на Волыни громадными имѣніями; а Ѳеодосій Косой жилъ у какого-то другаго волынскаго пана. Изъ переписки князя Курбскаго съ Чапличемъ видно, что послѣдній сильно склонялся въ сторону антитринитаріанскихъ мнѣній и, бывая въ гостяхъ или на съѣздахъ въ обществѣ волынскихъ пановъ, любилъ заводить вольнодумныя бесѣды, состоявшія въ еретическихъ толкованіяхъ разныхъ мѣстъ свящ. писанія, въ кощунственныхъ отзывахъ о догматахъ и святыняхъ христіанскихъ, въ нападкахъ на епископовъ и монаховъ за ихъ корыстолюбіе и сластолюбіе, въ неуважительныхъ отзывахъ о твореніяхъ св. отцевъ и т. под. Бесѣды эти велись „съ жартами и шутками", чаще всего за веселой пирушкой, съ кубками мальвазіи въ рукахъ. [1]) Встрѣчаясь съ Курбскимъ, Чапличъ вступалъ съ нимъ въ жаркіе споры по религіознымъ вопросамъ; такъ однажды они сразились въ домѣ родственника Чаплича, волынскаго воеводы князя Богуша Корецкаго, между прочимъ по поводу того, что Курбскій назвалъ Лютера лжепророкомъ. Кромѣ личнаго раздраженія между противниками, споры эти не приводили ни къ какимъ другимъ результатамъ, такъ какъ исходные пункты аргументаціи той и другой стороны были совершенно различны: въ то время, какъ Курбскій въ подтвержденіе своихъ мнѣній любилъ преимущественно ссылаться на отцевъ церкви и постановленія вселенскихъ соборовъ, Чапличъ совсѣмъ отвергалъ авторитетъ церковнаго преданія и опирался въ своихъ преніяхъ единственно на словахъ свящ. писанія, или же приводилъ свидѣтельства „инославныхъ", т. е. антитринитаріанскихъ или вообще протестантскихъ богослововъ. Въ одномъ лишь случаѣ Курбскій не находилъ что возразить своему противнику: это—когда Чапличъ указывалъ ему на корыстолюбіе и вообще безнравственную жизнь тогдашнихъ южнорусскихъ архіереевъ и монаховъ: „Нехай имъ Богъ судитъ, говорилъ онъ, а не азъ: бо маю и свое бремя грѣховъ тяжкое, о немъ же есмь повиненъ отвѣтъ дати праведному Судіи". Одновременно съ Кадьяномъ Чапличемъ жилъ на Волыни и другой Чапличъ, можетъ быть братъ перваго, котораго социніанскіе писатели называ-

[1]) Сказ. кн. Курбскаго, I, стр. 183—190.

ютъ патрономъ антитринитаріанской секты: то былъ Иванъ Чапличъ-Шпановскій, сначала войскій луцкій, а потомъ каштелянъ кіевскій. Онъ пользовался репутаціею образованнаго человѣка и знающаго юриста и потому былъ выбранъ въ 1589 году депутатомъ отъ воеводства волынскаго въ коммисію для исправленія статута, „яко человѣкъ до того годный и права умѣетный“ [1]). Замѣтимъ, что съ этихъ двухъ лицъ начинается цѣлый рядъ антитринитаріевъ въ фамиліи Чапличей, съ которыми мы еще встрѣтимся позже.

Кромѣ Игнатія и Косого, въ письмахъ Курбскаго сообщаются свѣдѣнія еще объ одномъ волынскомъ проповѣдникѣ антитринитаріанства—*Мотовилѣ,* который служилъ у князя Константина Острожскаго и пользовался его благосклонностью. Изъ характеристики его ученія, сдѣланной Курбскимъ, видно, что этотъ Мотовило, по происхожденію очевидно южноруссъ, принадлежалъ къ партіи чистыхъ антитринитаріевъ. Онъ отвергалъ предвѣчное рожденіе Сына Божія отъ Отца и полагалъ начало бытія Его отъ Маріи, не вѣря пророческимъ и апостольскимъ рѣчамъ о предвѣчномъ рожденіи Его и посмѣиваясь надъ ними; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ придерживался нѣкоторыхъ полужидовствующихъ мнѣній, напр. о томъ, что Христосъ еще прійдетъ на землю и установитъ тысячелѣтнее царство вѣрнымъ своимъ, въ которомъ они будутъ ѣсть, пить и веселиться подъ лозами виноградными. По всему видно, что, независимо отъ своихъ еретическихъ вѣрованій, Мотовило былъ знающій и образованный человѣкъ, и князь Острожскій пользовался услугами его, какъ писателя. Такъ, когда въ 1577 году іезуитъ Петръ Скарга издалъ посвященную князю Острожскому книгу „О единствѣ церкви Божіей подъ единымъ пастыремъ и о греческомъ отступленіи отъ этого единства“, въ которой излагался проэктъ уніи, то Мотовило, по желанію князя, написалъ ея опроверженіе. Сочиненіе Мотовила было одобрено княземъ Острожскимъ и онъ послалъ экземпляръ его строгому ревнителю православія князю Курбскому въ подарокъ. Курбскій пришелъ въ негодованіе: „Я уже не могу понять, отвѣчалъ онъ князю: откуда пришла вашему величеству мысль

---

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. II, т. I, 32.

прислать мнѣ книгу, сочиненную сыномъ діавола, явнымъ врагомъ Христа, вѣрнѣе сказать помощникомъ и прямымъ слугою антихриста! О бѣда, достойная плача! О горе, злѣйшее всякаго другаго! Въ такую дерзость и глупость („стултицію") вдалися вожди христіанскіе, что не только не стыдятся держать и кормить въ своихъ домахъ этихъ ядовитыхъ драконовъ, но берутъ ихъ въ защитники и помощники себѣ и, что еще удивительнѣе, этимъ духовнымъ бѣсамъ поручаютъ охранять церковь Божію и велятъ имъ писать книги противъ полувѣрныхъ латинянъ. О слѣпота и безуміе! Кто слышалъ, кто видѣлъ отъ вѣка, чтобы волка поставлять стражемъ овецъ и ядовитаго аспида дѣлать опекуномъ дѣтей? А тутъ дѣлается нѣчто болѣе удивительное и тысячу разъ худшее: ставятъ защитниками православной церкви учениковъ Павла Самосатскаго, Фотина и Арія... Государь мой возлюбленный! И ты еще не стыдишься дружиться и имѣть общеніе съ подобными людьми! Или ты уже пересталъ слушать и отвергся пророковъ и апостоловъ, которые запрещаютъ вѣрнымъ имѣть общеніе съ еретиками, какъ врагами Божіими". [1]) Таковъ былъ взглядъ сѣвернорусса Курбскаго на отношенія къ еретикамъ-иновѣрцамъ. Но князь Острожскій совсѣмъ не раздѣлялъ этого взгляда. Не смотря на мольбы и убѣжденія Курбскаго, онъ не прекращалъ сношеній съ антитринитаріями и продолжалъ пользоваться ихъ литературными услугами; такъ извѣстный „Апокрисисъ" Христофора Филалета (псевдонимъ), изданный въ защиту православнаго брестскаго собора 1596 года противъ книги іезуита Скарги о томъ же соборѣ, по свидѣтельству латино-уніатскихъ и частью нѣкоторыхъ православныхъ писателей, былъ составленъ антитринитаріемъ Христофоромъ Бронскимъ, [2]) за что князь Острожскій подарилъ автору одно изъ своихъ многочисленныхъ имѣній на Волыни. Того же взгляда держались и другіе южнорусскіе паны, какъ православные, такъ и католики, цѣнившіе въ иновѣрцахъ прежде всего образованныхъ людей и поручавшіе имъ не рѣдко даже воспитаніе своихъ дѣтей. Извѣст-

---

[1]) Сказанія Курбскаго, II, 216—226.

[2]) Обстоятельныя соображенія объ авторѣ «Апокрисиса» см. въ ст. С. Т. Голубева «Библіографическія замѣтки о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ» въ Трудахъ К. Дух. Академіи, 1876 г., февраль.

ный своею преданностію католицизму канцлеръ коронный Янъ Замойскій приглашалъ для основанной имъ въ Замостьи академіи учителей изъ разныхъ исповѣданій и въ числѣ ихъ—антитринитаріевъ. Даже православныя братства приглашали иногда преподавателями въ свои школы иновѣрцевъ, какъ поступило напр. виленское братство, получившее за это упрекъ со стороны членовъ братства львовскаго.

Впрочемъ, что касается личныхъ отношеній князя Константина Острожскаго къ социніанамъ, то не одинъ Курбскій находилъ эти отношенія непозволительно-дружественными. Сами социніанскіе писатели считали князя Острожскаго покровителемъ и даже тайнымъ послѣдователемъ ихъ секты, [1]) и на этомъ основаніи одинъ изъ писателей—социніанъ Эразмъ Отвиновскій посвятилъ ему одно изъ своихъ сочиненій. [2]) Конечно, князь Острожскій не могъ раздѣлять основныхъ социніанскихъ догматовъ, ибо они рѣзко противорѣчили его православнымъ убѣжденіямъ; но что онъ очень благоволилъ къ социніанамъ и симпатизировалъ имъ преимущественно предъ другими протестантами, къ которымъ вообще онъ былъ расположенъ,—это фактъ несомнѣнный. Я не стану ссылаться на близкое родство Острожскаго съ извѣстнымъ патрономъ социніанской секты въ Литвѣ, Яномъ Кишкой, женатымъ на его дочери, а укажу на одно письмо къ нему епископа владимірскаго Ипатія Потѣя отъ 25 марта 1595 года. Изъ этого письма видно, что князь Острожскій упрекалъ православныхъ іерарховъ въ томъ, что они не заботятся о просвѣщеніи церковномъ, что неоднократныя постановленія соборовъ объ открытіи въ югозападной Руси школъ, типографій и проч. не приводятся ими въ исполненіе, и

[1]) Въ одномъ апологетическомъ социніанскомъ сочиненіи, въ которомъ достоинство и заслуги секты доказываются перечисленіемъ наиболѣе знатныхъ ея послѣдователей изъ числа польско-литовскаго и южнорусскаго дворянства, о князѣ Острожскомъ говорится такъ: Quin et Constantinus dux in Ostrog, palatinus Kyoviensis, et Romanus Hoyski, dominus in Hoszcza, castellanus Kyoviensis, capitaneus Yolodimiriensis, quamvis religionem unitariam (quam in corde amplectebantur), aperte non sint professi, unitariorum tamen fautores et patroni fuerunt (Biblioth. Antitrinitariorum, p. 283).

[2]) Ibid., p. 83. Это были притчи Христовы, изложенныя польскими стихами.

наконецъ съ укоризной указывалъ имъ на примѣръ иновѣрцевъ и именно *социніанъ*, у которыхъ есть и школы, и типографіи, и хорошіе проповѣдники. Что Острожскій указывалъ православнымъ именно на порядки социніанъ, видно изъ отвѣта Поцѣя, видимо задѣтаго за живое этимъ сопоставленіемъ: „А што ми ваша милость рачишъ залѣцати порядокъ иновѣрцовъ, хотя бы былъ найлѣпший, але коли не на правомъ фундаментѣ, все тое за смѣтье стóитъ—и школы ихъ, и друкарни, и множество казнодѣевъ (проповѣдниковъ). Бо ежели сами суть неприятельми Сына Божого, певно и овощи тые не суть приятны Богу, и все будованье ихъ якъ на песку, а не на мощной опоцѣ (скалѣ), которая есть Христосъ Сынъ Божій, Богъ и человѣкъ правдивый, не сотворенный, але пред всѣми вѣки з Бога урожоный... Хто таковаго исповѣданя вѣры не маетъ, не на каменю, але на песку и на сѣнѣ будуетъ, водлугъ оныхъ словъ: „Хвалы Моее никому не дамъ“, а они мовятъ, яко далъ ее человѣку—Христу, зъ Марыи дѣвицы нарожденому, и учинилъ его другимъ по себѣ Богомъ. А такъ не зазрю (не завидую) я имъ того ихъ порядку: бо гдыбъ еще ся тая трутизна тымъ медомъ не осолодила, певне бы ото тые убогіе мухи на неи не льнули. Отожъ якъ самъ о нихъ не благоволю, такъ и вашу милость перестерегаю: лѣпѣй згожатися зъ правдивыми хвалцами Бога в Тройци Единого, а нижли зъ блюзнирцами и явными неприятельми Сына Божого; лѣпѣй зъ отцами святыми, а нижли зъ Арыемъ проклятымъ... То для того до вашои милости пишу, же (что) ми ся не подобаютъ овые присмаки, которые ваша милость у нихъ (социніанъ) упатруешъ, и не помалу ми ся серце ужасаетъ, слышачи то отъ вашои милости. Але маю я надѣю в милосердю Божомъ, ижъ Онъ самъ якъ почалъ, такъ и до конца вашу милость стеречи будетъ, абы ся не образилъ о тотъ камень не толко сумненя (совѣсти) своего, але и ноги своее“ [1]).

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т. IV, № 93. Достойно замѣчанія, какъ современники князя Конст. Острожскаго разнорѣчиво понимали его религіозныя убѣжденія. Тогда какъ Курбскій и Поцѣй склонны были подозрѣвать его въ наклонности къ социніанству, другой ревнитель православія, Іоаннъ Вишенскій, уже послѣ смерти князя, считалъ его чуть-ли не явнымъ католикомъ. Вотъ какъ онъ отзывался о немъ въ своихъ окружныхъ посланіяхъ: »И чимъ же ся прославилъ Констянтинъ Острож-

И такъ, вотъ изъ-за чего князь Острожскій симпатизировалъ социніанамъ и что ему особенно нравилось у нихъ: это—ихъ школы, типографіи и хорошіе проповѣдники. Дѣйствительно, всѣмъ этимъ славились социніане и превосходили въ этомъ отношеніи даже протестантовъ. Но спрашивается: гдѣ видѣлъ эти порядки социніанскихъ общинъ князь Острожскій? Неужели только въ Польшѣ или въ Литвѣ? Но то были слишкомъ далекіе примѣры для волынскихъ іерарховъ; между тѣмъ въ указаніи князя какъ-бы слышится ссылка на такіе образцы для подражанія, которые находятся у каждаго предъ глазами. Поэтому невольно возникаетъ предположеніе: не было-ли въ то время социніанскихъ общинъ на самой Волыни? Если, по свидѣтельству Курбскаго, еще въ 60-хъ годахъ XVI вѣка мало не вся Волынь была заражена антитринитаріанскимъ ученіемъ, то невозможно предположить, чтобы въ теченіе послѣдующихъ 20—30-ти лѣтъ послѣдователи этого ученія не организовались въ правильныя общины и не имѣли молитвенныхъ домовъ. Въ 1599 году уніатскіе священники луцкой соборной церкви жаловались въ судъ, что панъ Станиславъ Кандыба, писарь гродскій владимірскій и вмѣстѣ слуга князя Константина Острожскаго, отнялъ церковное имѣніе с. Водырады (луцкаго у. волынск. губ.) и, будучи самъ аріаниномъ т. е. социніаниномъ, опустошилъ находившуюся тамъ церковь: утварь церковную, книги, звоны и образа „побралъ и попсовалъ и хвалу божую въ нивечъ обернулъ", т. е. обратилъ ее въ молитвенный социніанскій домъ[1]). Если въ 1599 г. волынскіе социніане пріобрѣтали такіе дома даже путемъ насилія, то раньше они могли просто строить ихъ, или пріобрѣтать инымъ мирнымъ путемъ. А разъ социніанскія общины на Волыни имѣли молитвенные дома, необходимо допустить, что у нихъ были и школы. Правда, первое опредѣлительное указаніе о существованіи здѣсь социніанскихъ школъ мы встрѣчаемъ лишь около 1614 года, но это не исключаетъ возможности предполагать, что онѣ существовали на

скій, который простоту христіанскую отбѣгъ и хитрость мірскую папежской вѣры, яко цяцку прелестную, ухватилъ? Не скоро-ли исчезъ и пропавъ? А чомъ плода по собѣ не оставилъ? Для того, ижъ христіанство стратилъ«. Акты Ю. и З. Россіи, т. II, стр. 217.

[1]) Книга К. Центральнаго Архива гродская луцкая 1599 г., л. 442.

Волыни и раньше, еще въ XVI столѣтіи. Нѣкоторое подтвержденіе этому предположенію надѣемся найти въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Недавно въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей найдена рукопись, заключающая въ себѣ малорусскій переводъ всего Новаго Завѣта. По внимательномъ разсмотрѣніи текста и многочисленныхъ примѣчаній къ нему, сдѣланныхъ переводчикомъ, а равно изъ составленнаго имъ обстоятельнаго предисловія, стало яснымъ, что переводъ сдѣланъ въ духѣ социніанскаго вѣроученія и оригиналомъ для него послужилъ, какъ кажется, польскій социніанскій же переводъ Мартина Чеховича, изданный въ Раковѣ въ 1577 году, хотя малорусскій переводчикъ и увѣряетъ, что онъ сверхъ того имѣлъ подъ рукою старинные греческіе и латинскіе тексты. Имя этого переводчика—*Валентинъ Негалевскій*, а совершилъ онъ свой замѣчательный трудъ *въ 1581 году*, въ с. *Хорошовѣ*, нынѣ острожскаго уѣзда волынской губерніи. По всему видно, что этотъ Негалевскій, очевидно южнорусскій дворянинъ, былъ очень образованный человѣкъ, знавшій хорошо латинскій и греческій языки и знакомый съ правилами библейской экзегетики и научными критическими пріемами. Но при всемъ этомъ трудно повѣрить, чтобы такой важный трудъ, какъ переводъ всего Новаго Завѣта, могъ быть предпринятъ *однимъ* лицемъ и притомъ заброшеннымъ въ какое-то глухое и малоизвѣстное село на Волыни. Въ своемъ предисловіи „до ласкавого чителника“ самъ Негалевскій, упоминая о трудности предпринятаго имъ дѣла, говоритъ, что онъ „не самъ з своеи властное хути“, полагаясь лишь на „розумъ свой и умиетность“ отважился „съ польского языка на речъ рускую писма малого нового тестаменту переложити, а учинилъ то за намовою и напоминанемъ многихъ учоныхъ, богобойныхъ а слово Божее милуючихъ людей, которые писма полского читати не умеютъ, а языка словенского читаючи, писмомъ рускимъ выкладу з словъ его не розумѣютъ“. Признавая за своимъ трудомъ извѣстную степень несовершенства, вслѣдствіе трудности самаго дѣла, онъ отдаетъ свою „працу на розсудокъ иншихъ, ученшихъ од мене людей“. Изъ этихъ словъ можно заключить, что во время Негалевскаго на Волыни было уже много его единовѣрцевъ-социніанъ, не знавшихъ другаго языка, кромѣ южнорусскаго, по просьбамъ и настояніямъ которыхъ былъ предпринятъ и самый переводъ Новаго Завѣта: а во вторыхъ, что

переводчикъ, какъ образованный социніанинъ, былъ здѣсь далеко не одинокъ: при немъ должны были находиться способные и образованные помощники, на судъ которыхъ онъ отдавалъ свою „працу"; ибо только въ кружкѣ такихъ лицъ могла зародиться и быть приведена въ исполненіе смѣлая идея перевода на мало выработанный тогда въ литературномъ отношеніи малорусскій языкъ всего Новаго Завѣта[1]). А такую коллегію ученыхъ социніанъ трудно и представить въ с. Хорошовѣ иначе, какъ въ роли учителей долженствовавшей находиться тамъ или гдѣ-либо по близости социніанской школы. Объ этомъ можно заключать отчасти изъ того, что Хорошовъ состоялъ тогда въ числѣ имѣній богатыхъ южнорусскихъ пановъ Сенютъ-Ляховецкихъ, которые становятся извѣстны въ началѣ XVII в., какъ ревностные покровители социніанской секты, создавшіе для нея видный центръ на Волыни въ своей резиденціи мѣст. Ляховцахъ, недалеко отъ Хорошова.

Такимъ образомъ въ новооткрытомъ малорусскомъ переводѣ евангелія мы имѣемъ новый литературный памятникъ социніанской

---

[1]) Нужно замѣтить, впрочемъ, что малорусскій переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный въ 1581 г. Негалевскимъ, представляетъ далеко не первый и не единственный опытъ въ этомъ родѣ. Со времени изданій доктора Скорины, мысль о переводѣ священныхъ книгъ на общенародный языкъ никогда не умирала въ юго-западной Руси. Литовскій гетманъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ, въ предисловіи къ изданному имъ въ 1568 г. «Учительному Евангелію», сознается, что онъ имѣлъ намѣреніе переложить эту книгу «вырозумѣня ради простыхъ людей», на «простую мову», но не рѣшился только изъ опасенія ошибокъ. А раньше его въ 1556—1561 гг. пересопницкій архимандритъ Григорій перевелъ полное четвероевангеліе «на мову русскую изъ языка болгарского», т. е. съ церковнославянскаго языка на ту малорусскую рѣчь, какою говорили въ то время. Переводъ этотъ предназначался не только для частнаго чтенія, но и для церковно-богослужебнаго употребленія (См. «Описаніе пересопницкой рукописи XVI в.» въ «Трудахъ III Археологическаго Съѣзда» 1874 г.). А спустя лѣтъ двадцать, около 1580 г., т. е. въ то самое время, когда Негалевскій трудился надъ своимъ переводомъ, какое-то малорусское евангеліе было даже напечатано, вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ, въ два столбца, въ типографіи Василія Тяпинскаго (Исторія Русск. Церкви, митроп. Макарія, т. IX, стр. 475). Кромѣ того намъ извѣстны указанія о существованіи двухъ рукописныхъ южнорусскихъ переводовъ евангелія — въ рукописномъ отдѣлѣ виленской публичной библіотеки и въ Москвѣ, въ библіотекѣ Румянцевскаго Музея. Послѣдняя находка рукописи Негалевскаго даетъ основаніе думать, что періодъ подобныхъ открытій у насъ далеко еще не законченъ.

пропаганды въ средѣ южнорусскаго населенія. Что переводчикъ имѣлъ въ виду и православныхъ читателей, видно изъ того, что кромѣ дѣленія текста на главы, онъ удержалъ и церковное дѣленіе по зачаламъ. Изъ надписей же, сохранившихся въ рукописи, видно, что она преимущественно ходила по рукамъ православнаго духовенства. Такъ, въ одномъ мѣстѣ книги почеркомъ XVI в. собственноручно подписался какой-то „Леонтей, недостойный презвѣтер"; въ другомъ мѣстѣ нетвердой рукою можетъ быть малолѣтняго школьника XVI в. надписано: „попова книга; мовлю я то, що попова Гапонова". Есть также подпись конца XVI или начала XVII вв. какого-то „раба Божія Леонтія Сидоровича", очевидно грамотѣя—мѣщанина; и наконецъ въ 1610 г. въ книгѣ своеручно росписался—„Гавриел Крутневичъ, козакъ запорозкий, мешкаючий в Каневѣ".

Чтобы покончить съ XVI вѣкомъ, намъ остается замѣтить, что какъ въ другихъ литовско-русскихъ областяхъ, такъ и на Волыни, въ этомъ столѣтіи было распространено раньше антитринитаріанство крайняго или полужидовствующаго направленія, но къ началу XVII вѣка оно и здѣсь смѣнилось чистымъ социніанскимъ ученіемъ. Въ трудѣ Негалевскаго видно уже вліяніе Ракова: мы упомянули, что оригиналомъ для нашего переводчика послужилъ только что напечатанный тогда въ Раковѣ польскій переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный Мартиномъ Чеховичемъ, который въ то время успѣлъ перейти на сторону мнѣній Фавста Социна. Но подобно тому, какъ въ самой Польшѣ происходила еще тогда борьба между различными антитринитаріанскими партіями и направленіями, такъ и на Волыни антитринитаріанство не сразу организовалось въ особую секту, и долго еще представляло какъ-бы особый видъ религіознаго вольнодумства, въ которомъ заключались въ смѣшанномъ видѣ элементы антитринитаріанскаго раціонализма, полужидовства, кальвинизма и др. Это былъ своего рода „духъ времени", которымъ тогда проникались въ той или другой степени образованные люди независимо отъ ихъ принадлежности къ тому или иному исповѣданію. Объ извѣстномъ уніатскомъ митрополитѣ Ипатіѣ Поцѣѣ разсказывали тогда, что онъ въ молодости „всѣхъ вѣръ спробовалъ": былъ кальвинистомъ, потомъ сталъ *аріаниномъ* и наконецъ „и жидовской вѣры не хибилъ" т. е. былъ послѣдователемъ

полужидовствующаго антитринитаріанства въ духѣ, можетъ быть, ученія ѳеодосіанъ[1]). Изъ письма князя Курбскаго къ волынскому пану Василію Древинскому видно, что этотъ несомнѣнно православный человѣкъ, отецъ знаменитаго впослѣдствіи защитника православія Лаврентія Древинскаго, возбуждалъ въ глазахъ Курбскаго сильное подозрѣніе относительно склонности его къ антитринитаріанскимъ мнѣніямъ[2]) Извѣстный православный учитель и проповѣдникъ Стефанъ Зизаній неоднократно былъ обвиняемъ въ той-же склонности къ аріанскимъ мнѣніямъ и даже подвергся однажды со стороны митрополита Михаила Рагозы церковному отлученію за то между прочимъ, будто онъ, вмѣстѣ съ антитринитаріями, не признавалъ Іисуса Христа ходатаемъ. Наконецъ, въ такомъ-же смыслѣ можно понимать и свидѣтельства социніанскихъ писателей о князѣ Константинѣ Острожскомъ и старостѣ владимірскомъ Романѣ Гойскомъ, какъ о скрытыхъ послѣдователяхъ ихъ секты. На такомъ-же, вѣроятно, основаніи социніане включали въ свои ряды воеводу волынскаго князя Януша Заславскаго, который, отступивъ отъ вѣры своихъ православныхъ предковъ, послѣ нѣкоторыхъ религіозныхъ колебаній, подъ вліяніемъ іезуита Нагаюса принялъ въ 1603 г. католичество; а также князя Владислава Збаражскаго, владѣльца мѣст. Волощищъ (нынѣ Волочискъ, староконст. уѣзда, на австрійской границѣ), православнаго ренегата, подобнаго князю Заславскому,[3]) и нѣкоторыхъ другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если всѣ подобныя лица могли, хотя временно, увлекаться идеями антитринитаризма, то скорѣе ихъ манилъ въ себѣ социніанскій раціонализмъ, нежели, напр., грубыя измышленія невѣжественныхъ ѳеодосіанъ. Послѣдніе, не смотря на проживательство на Волыни самого Ѳеодосія Косого съ его товарищемъ Игнатіемъ, имѣли здѣсь наименьшій успѣхъ. Патронъ Игнатія Кадьянъ Чапличъ, какъ мы видѣли, энергично отстаивалъ въ спорахъ съ Курбскимъ авторитетъ Лютера и ссылался на какихъ-то „инославныхъ“ богослововъ;

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т. IV, стр 209. Опровергая эти толки, Потѣй, однако, не отрицаетъ того, что одно время онъ дѣйствительно былъ кальвинистомъ.

[2]) Сказанія Курбскаго, II, 209—211.

[3]) О социніанствѣ князей Заславскаго и Збаражскаго — см. Bibliotheca Antitrinitar., p. 284.

а его внуки выступаютъ уже какъ чистые социніане. Дольше всего ученіе ѳеодосіанъ удержалось въ сосѣднемъ съ Волынью Полѣсьи, куда оно было занесено, быть можетъ, самимъ Игнатіемъ. Здѣсь представителемъ ѳеодосіанскихъ идей является нѣкто Стефанъ Григорьевичъ Лованъ, земскій судья въ Мозырѣ. По жалобѣ мозырскаго маршалка Стефана Лозки, онъ въ 1591 году былъ позванъ въ трибунальскій судъ за то, что отрицалъ таинство св. Тройцы, божество Іисуса Христа и св. Духа и вообще хульно говорилъ о Богѣ, отвергалъ безсмертіе души, рай, адъ, судъ и будущую жизнь [1]). Здѣсь мы видимъ религіозное вольномысліе, доведенное до самой крайней степени отрицанія, до котораго оно не доходило ни у одного изъ антитринитаріанскихъ учителей, но почти доходило у Ѳеодосія Косого и его дружины.

VIII

Первая четверть XVII ст. была временемъ высшаго процвѣтанія социніанской секты, какъ вообще во всемъ королевствѣ польскомъ, такъ и въ частности на Волыни. Здѣсь въ это время возникаетъ рядъ социніанскихъ общинъ, съ школами и знаменитыми учителями и проповѣдниками. Секта пріобрѣтаетъ многочисленныхъ послѣдователей и покровителей среди южнорусскихъ пановъ, представителей весьма извѣстныхъ фамилій. Первое мѣсто среди такихъ патроновъ безспорно принадлежало фамиліи дворянъ *Чапличей-Шпановскихъ.* Сынъ извѣстнаго уже намъ Кадьяна Чаплича, Ѳедоръ, судья земскій луцкій, былъ человѣкъ православный. Онъ присутствовалъ на брестскомъ соборѣ 1596 года и вмѣстѣ съ другими православными волынскими депутатами подписалъ соборный протестъ противъ дѣйствій представителей уніатской партіи. [2]) Но изъ четырехъ его сыновей старшіе два Мартинъ и Юрій являются ревностнѣйшими послѣдователями социніанской секты. Можно пред-

---

[1]) Чтенія въ Императ. Моск. Общ. исторіи и Древн. росс., 1846 г., № 1, стр. 11.

[2]) Архивъ Юго-зап. Россіи, т. I части 1-й, стр. 516.

полагать, что они учились въ открытой не задолго предъ тѣмъ раковской социніанской академіи; по крайней мѣрѣ уже въ ранней молодости они состояли въ связи съ выдающимися представителями социніанства и исполняли важныя порученія въ интересахъ секты. Въ 1612 году польскіе социніане повторили одну изъ многочисленныхъ, хотя и безуспѣшныхъ, попытокъ къ религіозному соглашенію съ кальвинистами. Они прислали на бывшій въ томъ году въ г. Червцѣ реформатскій синодъ свои условія, на которыхъ были готовы вступить въ унію. Для переговоровъ объ этомъ дѣлѣ со стороны социніанъ прибыли на синодъ ихъ уполномоченные, въ числѣ коихъ, на ряду съ такими лицами, каковы: владѣлецъ Ракова Якубъ Сѣнинскій, Крыштофъ Морштынъ, Станиславъ Любенецкій и др., встрѣчаются и наши волынцы Мартинъ и Юрій Чапличи-Шпановскіе.[1]) Этотъ случай ясно показываетъ, какою извѣстностью и довѣріемъ въ сектѣ пользовались уже въ то время молодые Чапличи.

Вступивъ по смерти отца во владѣніе богатѣйшими имѣніями на Волыни, Чапличи не замедлили воспользоваться своимъ состояніемъ, чтобы принести наибольшую пользу дѣлу социніанства, и съ жаромъ принялись за насажденіе и распространеніе секты въ своей родинѣ. Особенной энергіей въ этомъ отношеніи отличался въ теченіе всей своей жизни младшій братъ, Юрій, владѣлецъ Шпанова, Киселина и многихъ другихъ богатыхъ помѣстій. Онъ основалъ въ своей резиденціи мѣст. *Киселинъ* [2]) социніанскую общину, построилъ для нея богатый каменный храмъ, обращенный впослѣдствіи въ католическій костелъ, и завелъ школу. Однимъ изъ первыхъ пасторовъ киселинской общины былъ южноруссъ Матвѣй Твердохлѣбъ, около 30 лѣтъ занимавшій эту должность. Скоро послѣ того, именно около 1614 года, въ Киселинѣ было открыто Чапличемъ высшее социніанское училище, первымъ ректоромъ котораго состоялъ весьма долгое время волынскій дворянинъ Евстафій Кисель. Это былъ ученый и хорошо знавшій языки человѣкъ, занимавшійся и литературными трудами. Такъ онъ перевелъ на греческій языкъ извѣстную книгу Ѳомы Кемпійскаго „О подражаніи

---

[1]) Łukaszewicz, Dzieje kościoła wyznania helweckiego w Małéj Polsce, p. 270.

[2]) Владиміро-волынскаго уѣзда, волынск. губерніи.

Христу" и напечаталъ свой трудъ въ 1626 г. во Франкфуртѣ на Одрѣ; а въ 1631 году, скоро послѣ выхода въ свѣтъ изданной Мелетіемъ Смотрицкимъ „Апологіи", въ которой послѣдній упрекалъ православную церковь и ея представителей въ сочувствіи къ ученію протестантовъ и другихъ еретиковъ, тотъ-же Евстафій Кисель, подъ псевдонимомъ Геласія Диплица, издалъ и посвятилъ Петру Могилѣ свою „Антипологію", направленную противъ книги Смотрицкаго [1]). Этотъ фактъ всего лучше обрисовываетъ тогдашнія отношенія между православными и социніанами. Изъ преемниковъ Евстафія Киселя по ректорству въ киселинской школѣ сохранились имена: Людвига Hollaisen, Петра Стегмана и Теодора Симонида (иначе называвшагося Филиппъ Cosmius), родомъ изъ Голштиніи, написавшаго какое-то сочиненіе о папствѣ [2]). Въ то-же время братъ Юрія, Мартинъ Чапличъ, основалъ социніанскую общину въ своемъ имѣніи *Берескъ*, неподалеку отъ Киселина, гдѣ также была устроена социніанская школа, хотя и ниже киселинской. Можно предполагать, что социніанскія общины были и въ другихъ имѣніяхъ Чапличей, напр. въ *Галичанахъ*, гдѣ подобная община встрѣчается впослѣдствіи. Въ той-же мѣстности (въ теперешнемъ владиміръ-волынск. уѣздѣ) проживалъ еще одинъ социніанскій патронъ, земскій владимірскій судья Гавріилъ *Иваницкій*, въ имѣніи котораго с. *Иваничахъ* также существовала община социніанская съ молельней.

Другой центральный пунктъ социніанства на Волыни находился въ нынѣшнемъ острожскомъ уѣздѣ, въ м. *Гощѣ*. Владѣльцы этого мѣстечка, Гавріилъ Гойскій, каштелянъ кіевскій, и его братъ Романъ, были лица православныя, но подобно князю Острожскому покровительственно относились къ социніанамъ, особенно Романъ, староста владимірскій, котораго социніанскіе писатели включали наравнѣ съ кн. Острожскимъ въ число тайныхъ послѣдователей секты. Въ Гощѣ съ самаго начала XVII (а можетъ быть даже съ конца XVI) столѣтія прочно утвердились социніане и завели здѣсь свои школы, подобныя киселинской, существовавшія до 1639 года. Изъ профессоровъ этихъ школъ извѣстны: Теофилъ Молиторъ, Да-

---

[1]) Biblioth. Antitrinitariorum, p. 143.

[2]) Biblioth. Antitrinitariorum, p. 143. — Любенецкій, Historia Reform. Polon., p, 227.

ніилъ Durossius, Войтехъ Caperius и славный докторъ медицины Соломонъ Палюдіусъ [1]). А недалеко отъ Гощи, въ с. *Бабинѣ*, жилъ панъ Василій *Бабинскій*, который, изъ православія перейдя въ социніанство, отобралъ старожитную православную церковь въ с. Бабинѣ, въ которой были погребены тѣла его предковъ, и обратилъ ее въ молитвенный домъ для своихъ единовѣрцевъ [2]). Тамъ-же неподалеку лежали помѣстья какого-то п. *Ягодинскаго*, социніанина, на котораго въ 1639 году была подана жалоба, что онъ съ кощунственною цѣлью приказалъ подрубить крестъ съ распятіемъ, стоявшій на выгонѣ м. Гощи [3]).

Въ томъ-же нынѣшнемъ острожскомъ уѣздѣ волынск. губ. находился третій выдающійся центръ социніанскій, именно м. *Ляховцы*. Здѣсь еще во 2-й половинѣ XVI в. утвердились протестанты, какими были и владѣльцы мѣстечка паны *Сенюты*, представители старинной южнорусской фамиліи, владѣвшей громадными помѣстьями въ повѣтахъ луцкомъ и кременецкомъ. Одинъ изъ нихъ, именно Павелъ-Крыштофъ Сенюта, принявъ католицизмъ, выгналъ изъ Ляховцевъ протестантовъ и началъ въ 1612 г. строить костелъ доминиканскій. Отправившись за тѣмъ съ паломническою цѣлью въ Римъ, Сенюта вернулся изъ-заграницы ревностнымъ социніаниномъ, основалъ въ Ляховцахъ социніанскую общину, пригласилъ для нея пастора и до конца жизни былъ усерднымъ покровителемъ секты. Можно думать, что совращеніе Сенюты въ социніанство совершилось не безъ вліянія его родственника Мартина Чаплича, женатаго на его родной сестрѣ Катеринѣ Сенютиной; при томъ же самъ Павелъ Сенюта былъ женатъ на Катеринѣ Немиричовнѣ, дочери кіевскаго подкоморія Стефана Немирича, извѣстнаго социніанина. Такимъ же усерднымъ покровителемъ социніанской секты былъ и братъ Павла, Петръ Сенюта, владѣвшій на Волыни м. Каменемъ и Радогощей, а въ Польшѣ Кобылиномъ и Зданами. Можно думать, что въ Ляховцахъ существовала и школа социніанская. Неподалеку отъ Ляховцевъ находится с. *Тихомль*, которымъ тогда владѣлъ племянникъ Павла, Аврамъ Сенюта, также социніанинъ.

---

[1]) Любенецкій, Historia Reform. Polon., p. 276.

[2]) Книга актовая кіевскаго центр. архива 1633 года, № 2465, л. 148.

[3]) Такая-же книга 1639 года, № 2475, л. 516.

Здѣсь на горѣ, за окопомъ, сохранилась и понынѣ четырехугольная каменная башня или каплица, прозываемая въ народѣ *аріанскою* и служившая когда-то молитвеннымъ домомъ для тамошней социніанской общины). Наконецъ, въ той-же мѣстности лежитъ и с. *Хорошовъ*, гдѣ еще въ 1581 г. социніанинъ Негалевскій совершилъ свой малорусскій переводъ Новаго Завѣта.

Былъ и еще одинъ социніанскій пунктъ на Волыни—это м. *Берестечко* (дубенскаго уѣзда), принадлежавшее фамиліи южнорусскихъ князей Пронскихъ, происходившихъ изъ дома св. Владиміра. Въ 1595 г. князь Александръ Пронскій, староста луцкій, бывъ въ Римѣ, отрекся отъ прародительской „схизмы", т. е. православія и принялъ католичество, но вернулся домой уже кальвинистомъ и отдалъ новымъ своимъ единовѣрцамъ католическій костелъ въ Берестечкѣ. При такой частой перемѣнѣ религій возможно допустить, что князь Пронскій подъ конецъ своей жизни (онъ умеръ около 1600 г.) могъ перейти и въ социніанство; по крайней мѣрѣ польскіе писатели упоминаютъ о какихъ-то князьяхъ Пронскихъ, какъ о социніанахъ [2]). Но то несомнѣнно, что въ XVII вѣкѣ въ Берестечкѣ находились социніане и, какъ кажется, имѣли свою общину, а можетъ быть и школу.

Мы перечислили здѣсь только болѣе выдающіеся пункты социніанской секты на Волыни въ первой четверти XVII в., о которыхъ сохранились сколько нибудь опредѣленныя свѣдѣнія; но нѣтъ

---

[1]) Балинскій, Starożytna Polska, т. II, 931. Въ мѣстномъ населеніи сохранилось слѣдующее темное воспоминаніе о Сенютахъ—социніанахъ. Въ окрестности Ляховцевъ встрѣчается множество отдѣльно разбросанныхъ кургановъ. Народъ утверждаетъ, что *«то все лежатъ Сенюты»*. Точно-ли то социніанскія могилы—объ этомъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго, пока не будутъ произведены археологическія разысканія. Дѣйствительно, у социніанъ былъ обычай хоронить своихъ покойниковъ въ пустынныхъ мѣстностяхъ, большею частію на горѣ, и насыпать надъ ихъ могилами высокіе курганы или ставить каменныя башни. Здѣсь кстати упомянуть еще объ одной особенности похоронныхъ социніанскихъ обычаевъ. Въ окрестностяхъ Пинчова польскій археологъ Тадеушъ Чацкій раскопалъ нѣсколько могилъ социніанскихъ и у каждаго покойника нашелъ въ рукахъ металлическую дощечку съ надписью: «scio, cui credidi», а при боку закупоренную стеклянную бутылку, въ которую было вложено краткое жизнеописаніе умершаго. (Starożytna Polska, т. II, 357).

[2]) Стецкій Тадеушъ, Wołyń, т. I, стр. 132.

никакого сомнѣнія, что число социніанскихъ общинъ въ то время было здѣсь гораздо больше. При томъ же, помимо этихъ, такъ сказать, домашнихъ разсадниковъ социніанства, Волынь продолжала подвергаться усиленному дѣйствію социніанской пропаганды извнѣ. Не говоря о Раковѣ, куда многіе волынскіе паны посылали для образованія своихъ сыновей, существовалъ и другой, болѣе близкій къ Волыни, социніанскій центръ: то былъ Люблинъ, въ которомъ находилось высшее судебное учрежденіе для всей южной Руси, люблинскій трибуналъ. Извѣстно, что южнорусскіе паны были очень большіе охотники вести нескончаемыя тяжбы, поэтому рѣдкіе изъ нихъ въ теченіе года хоть разъ не посѣщали Люблина, другіе же почти безвыѣздно проживали тамъ, навѣдываясь домой лишь въ промежутки между трибунальскими сессіями. Между тѣмъ Люблинъ еще съ половины XVI в. былъ однимъ изъ главныхъ центровъ социніанства въ Польшѣ: здѣсь существовала богатая и хорошо организованная социніанская община, имѣвшая свой храмъ, школу и типографію; здѣсь социніане часто собирались на свои синоды или соборы; здѣсь жили ученѣйшіе вѣроучители секты и даровитѣйшіе проповѣдники, наконецъ здѣсь то и дѣло устраивались публичные диспуты между социніанскими и іезуитскими богословами, нерѣдко происходившіе въ присутствіи членовъ трибунала и многочисленной массы дворянъ, съѣзжавшихся съ разныхъ мѣстъ ко дню открытія засѣданій трибунальскаго суда. Кромѣ самого Люблина, цѣлая околица въ люблинскомъ воеводствѣ, прилегавшая къ холмской землѣ, отъ Пясковъ за Красный-Ставъ и до Крупъ, почти сплошь была заселена шляхтой социніанскаго исповѣданія; то-же можно сказать и о сосѣдней съ Волынью холмской землѣ. Наконецъ многіе изъ тамошнихъ дворянъ, усердныхъ послѣдователей и покровителей секты, каковы: Суходольскіе, Любенецкіе и др., имѣли помѣстья на Волыни и находились въ ближайшихъ сношеніяхъ съ здѣшнимъ дворянствомъ. По этимъ причинамъ социніанская пропаганда широко разливалась по всей Волыни и число послѣдователей секты къ 30-мъ годамъ XVII ст. сильно увеличилось. Кромѣ перечисленныхъ уже нами лицъ, вотъ списокъ волынскихъ дворянъ того времени, о социніанствѣ которыхъ сохранились болѣе или менѣе опредѣленныя извѣстія: Адамъ Гулевичъ-Воютинскій, поборца воеводства волынскаго, и его братъ Александръ; Липев-

скій Стефанъ, судья гродскій владимірскій, и его братъ Михаилъ, депутатъ люблинскаго трибунала отъ воеводства волынскаго въ 1638 г.; Иваницкіе—Товія, женатый на дочери Мартина Чаплича, Ѳеодорѣ, Матвѣй и Павелъ,—сыновья извѣстнаго уже намъ подстаросты владимірскаго Гавріила Иваницкаго; Самуилъ Холоневскій и Александръ Чеховичъ, жившіе въ с. Холоневѣ, нынѣ владим. уѣзда волынск. губерніи; Яковъ Любенецкій, Василій Рогозинскій, Веспасіанъ Бѣневскій, Петръ Фалибовскій, Янъ Стремескій, Андрей Суходольскій, имѣнія котораго: Фусовъ, Шпиколосы и Княже находились во владим. повѣтѣ, и Ярошъ Мошенскій, жившій въ м. Полонной, нынѣ новградъ-волынск. уѣзда [1]). Секта имѣла послѣдователей не только среди дворянства, но и въ средѣ мѣщанъ болѣе значительныхъ мѣстечекъ на Волыни. О мѣщанахъ м. Киселина есть основаніе думать, что они почти поголовно принадлежали къ социніанской сектѣ; такъ въ актовыхъ книгахъ гродскаго владим. суда подъ 1643 годомъ встрѣчается декретъ по дѣлу о бурмистрахъ, мѣщанахъ и предмѣщанахъ киселинскихъ, обвиняемыхъ въ томъ, что они, „ничого не дбаючи на кровъ хрестиянскую, *сами будучи ариянское секты*“, напали на прохожаго мѣщанина—„кравца“ изъ с. Затурецъ и убили его, а затѣмъ, вытащивъ за ворота мѣстечка тѣло убитаго, похоронили его „не якъ хрестиянина, але якъ якого ариянина: толко трохи яму выгребши, укинули“. Кромѣ того есть извѣстіе, что значительная часть мѣщанскаго населенія мм. Гощи и Рафаловки также принадлежала къ социніанской сектѣ; то-же самое можно сказать о мѣщанахъ мм. Ляховцевъ и Берестечка, пользовавшихся въ то время магдебургскимъ правомъ, а также м. Полоннаго и др. О социніанствѣ мѣщанскаго населенія волынскихъ городовъ: Луцка, Владиміра, Кременца и Острога у насъ нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній; но если секта имѣла многочисленныхъ послѣдователей среди населенія мѣстечекъ, то еще бо́льшее число она могла имѣть ихъ среди городскаго населенія. Въ особенности это можно предполагать относительно г. Острога, въ которомъ существовала тогда богатая реформатская община,

---

[1]) Свѣдѣнія о принадлежности всѣхъ этихъ лицъ къ социніанской сектѣ взяты изъ соч. социніанскаго писателя XVII в. Станислава Любенецкаго «Vindiciae pro unitariorum in Polonia religionis libertate» и дополнены по даннымъ, разысканнымъ нами въ актовыхъ книгахъ кіевск. центральнаго архива.

имѣвшая здѣсь высшую школу и при ней духовную семинарію [1]). Ниже мы будемъ имѣть случай упомянуть о попыткахъ къ распространенію социніанства на Волыни даже среди крестьянскаго населенія.

IX.

Болѣе полустолѣтія прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ въ Польшѣ утвердилась антитринитаріанская или социніанская секта, и за все это время она ни разу еще не подвергалась открытому преслѣдованію со стороны правительственной власти. Правда, у социніанъ, какъ и у всѣхъ польскихъ диссидентовъ, были непримиримые враги среди сторонниковъ ультра-католической партіи въ Польшѣ и ея руководителей—іезуитовъ, съ которыми имъ приходилось вести постоянную упорную борьбу за свое существованіе; но до сихъ поръ эта борьба велась со стороны іезуитовъ такими средствами, пользованіе которыми было доступно и для ихъ противниковъ. Большею частію іезуиты старались привлечь на свою сторону патроновъ секты, которые затѣмъ изгоняли изъ своихъ имѣній прежнихъ единовѣрцевъ, а храмы, школы и типографіи ихъ передавали католикамъ; если же это средство не удавалось, тогда они, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ помѣщиковъ-социніанъ, сами или при посредствѣ преданныхъ лицъ покупали у нихъ имѣнія; послѣднимъ способомъ, напр., былъ отобранъ въ 1587 г. главный социніанскій центръ того времени, Пинчовъ. Кромѣ того іезуиты громили социніанъ въ проповѣдяхъ, безпрестанно устраивали публичные богословскіе диспуты съ ними, писали противъ нихъ полемическія сочиненія: книги, брошюры, памфлеты, не пренебрегали и пасквилями и вообще вели жаркую литературную полемику. Но всѣ эти средства не всегда достигали предположенной цѣли: социніане не только не уклонялись отъ диспутовъ, а еще сами вызывали на нихъ своихъ противниковъ и не оставляли безъ надлежащаго отвѣта ни одной направленной противъ нихъ книги или брошюры. Іезуиты видѣли, что однимъ этимъ оружіемъ имъ не сломить своихъ враговъ, и повели противъ нихъ атаку съ другой стороны: они поду-

---

[1]) Стецкій, Wołyń, т. I, 151.

щали своихъ студентовъ, а также городскую чернь, нападать на социніанскія общины, разрушать ихъ школы и молитвенные дома и разгонять учителей и пасторовъ. Еще въ 1598 г. подобное буйство было учинено надъ социніанами въ Краковѣ, при чемъ не мало пострадалъ самъ Фавстъ Социнъ: буйная толпа ворвалась въ его квартиру, избила его до полусмерти, разломала мебель и уничтожила его рукописи. Съ тѣхъ поръ подобныя безчинства іезуитскихъ студентовъ повторялись неоднократно и примѣнялись не къ однимъ социніанамъ, но и къ другимъ диссидентамъ: протестантамъ и православнымъ. Не было также недостатка въ подстрекательствѣ со стороны іезуитовъ польскаго правительства къ принятію какихъ-либо репрессивныхъ мѣръ противъ социніанъ; но свобода религій была такъ твердо и опредѣленно обезпечена буквой государственныхъ законовъ, что даже правительство Сигизмунда III не рѣшалось открыто нарушить ее, по крайней мѣрѣ оно нуждалось въ какомъ-либо благовидномъ предлогѣ и поводахъ къ подобному нарушенію. Такой предлогъ скоро былъ изобрѣтенъ. Въ 1627 г. іезуиты обвинили люблинскихъ социніанъ въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ трансильванскимъ княземъ Гавріиломъ Бетеліемъ, покровителемъ социніанъ, и шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ, считавшимся защитникомъ всѣхъ вообще гонимыхъ папистами. Послѣдовалъ грозный декретъ, которымъ люблинскіе социніане, особенно ихъ главные вожаки, присуждались къ строгимъ наказаніямъ, а ихъ община подлежала закрытію. Но студенты іезуитскаго коллегіума не стали даже дожидаться этого декрета: они еще раньше разорили до основанія социніанскую—да за одно уже съ этимъ и протестантскую—молельни и школы въ Люблинѣ и разогнали ихъ пасторовъ и учителей.

Люблинская катастрофа не замедлила отразиться на Волыни, хотя и далеко не въ такой сильной степени. Въ томъ же 1627 г. пріоръ доминиканскаго монастыря въ м. Ляховцахъ позвалъ на судъ трибунальскій пастора тамошней социніанской общины, извѣстнаго ученаго и писателя социніанскаго, Петра Моршковскаго,[1]) обвиняя его въ томъ, что онъ открыто проповѣдуетъ и распро-

---

[1]) Перечень сочиненій Моршковскаго—см. въ Biblioth. Antitrinitariorum, p. 141.

страняетъ въ Ляховцахъ „науку и секту аріанскую, приводитъ и наворочаетъ въ нее многихъ людей християнскихъ, такъ *зъ религіи греческое,* якъ и католицкое“ и совершаетъ надъ ними „понураня“ (социніанское крещеніе) [1]). Это былъ первый случай привлеченія къ суду за пропаганду социніанства. Къ сожалѣнію, намъ не извѣстно окончаніе этого процесса. Кажется, однако, что Моршковскій вынужденъ былъ оставить Ляховцы; по крайней мѣрѣ около 1635 г. мы встрѣчаемъ его уже пасторомъ социніанской общины въ Крыловѣ, въ холмскомъ повѣтѣ, а затѣмъ въ Чарнковѣ, въ Познани. Удаленіе Моршковскаго, однако, не повело за собою закрытія въ Ляховцахъ общины социніанской. Намъ извѣстно, что владѣлецъ Ляховцевъ Павелъ Крыштофъ Сенюта до конца своей жизни [2]) оставался усерднымъ социніаниномъ и умирая завѣщалъ торжественно похоронить его по социніанскому обряду и пригласить братьевъ своего исповѣданія на церемонію его погребенія.

Начавшіяся было преслѣдованія социніанъ скоро были пріостановлены. Въ 1632 г. умеръ король - фанатикъ Сигизмундъ III. Польскіе диссиденты всѣхъ исповѣданій подняли голову и задумали воспользоваться наступившимъ моментомъ безкоролевья, чтобы возстановить свои права, столь часто нарушаемыя въ минувшее царствованіе. Въ громадномъ числѣ прибыли въ Варшаву на конвокаціонный сеймъ депутаты православные, протестанты и социніане и, вступивъ въ соглашеніе между собою, объявили, что они не приступятъ ни къ какимъ сеймовымъ совѣщаніямъ, ни даже къ избранію новаго короля, раньше, чѣмъ будетъ обѣщано, что свобода вѣры для всѣхъ и вездѣ будетъ обезпечена ясными законами, которые вновь избираемый король обязанъ будетъ подтвердить личною присягою. Тоже самое повторилось и на избирательномъ сеймѣ, на который отъ трехъ южнорусскихъ воеводствъ: волынскаго, кіевскаго и брацлавскаго прибыло 185 депутатовъ и въ числѣ ихъ болѣе десяти человѣкъ однихъ социніанъ. Не смотря на отчаянное сопротивленіе членовъ высшаго католическаго духовенства и представителей ультра-католической партіи, требованія диссидентовъ въ общемъ были удовлетворены, при чемъ болѣе подробная выработка

---

[1]) Книга гродск. луцкая 1627 г., № 2453, л. 199.

[2]) Онъ умеръ въ концѣ 30-хъ годовъ XVII ст.

требуемаго ими закона была возложена сеймомъ на особую коммисію. Съ спокойнымъ сердцемъ возвращались изъ сейма социніанскіе депутаты, радуясь, что отнынѣ ихъ единовѣрцы будутъ ограждены отъ привлеченія къ суду за открытое исповѣданіе своихъ религіозныхъ убѣжденій. Но радость эта была преждевременна: мѣсяцъ спустя въ варшавскія гродскія книги была внесена манифестація ультра-католическихъ членовъ конвокаціоннаго сейма о томъ, что принятое ими сеймовое постановленіе о правахъ диссидентовъ ни въ какомъ случаѣ не должно распространяться на послѣдователей сектъ, отвергающихъ божество Іисуса Христа, каковы: аріане, новокрещенцы, саббатисты и др., такъ какъ послѣдователи этихъ сектъ незаконно прикрываются именемъ христіанъ [1]). Тогда за социніанъ вступились сеймовые депутаты другихъ диссидентскихъ исповѣданій и внесли въ судебныя книги протестъ противъ означенной манифестаціи, въ которомъ заявляли, что такое ограниченіе смысла сеймоваго постановленія, направленное противъ одной части диссидентскаго союза (contra certam dissidentium in religione christiana partem), можетъ угрожать и цѣлому союзу и служить предлогомъ къ нарушенію самаго постановленія; при томъ же ограниченіе это не только сдѣлано безъ согласія сейма, но о немъ не было тамъ и рѣчи, и потому означенная манифестація, какъ выраженіе частныхъ мнѣній отдѣльныхъ лицъ, не должна имѣть никакой обязательной силы. Протестъ этотъ подписали: тогдашній предводитель протестантской партіи въ Польшѣ, литовскій гетманъ князь Крыштофъ Радзивиллъ и его единовѣрецъ Рафаилъ Лѣщинскій, воевода белзскій, а изъ южнорусскихъ социніанъ: Мартинъ Чапличъ-Шпановскій, Матвѣй Иваницкій, Василій Рогозинскій и посолъ отъ воеводства брацлавскаго Николай Ободенскій. Наконецъ подъ этимъ-же протестомъ мы находимъ подписи нѣкоторыхъ волынскихъ дворянъ, извѣстныхъ своею горячею преданностью православной вѣрѣ и энергическою защитою ея правъ и интересовъ, каковы: Лаврентій Древинскій, ловчій волынскій Юрій Пузына и князь Николай Четвертинскій [2]).

---

[1]) Acta relationum grodu warszawskiego, 1632—1634 г., № 6, л. 982, въ главномъ архивѣ варшавскомъ.

[2]) Книга гродск. владимірская 1632 г., № 999, л. 1025.

Первые пять лѣтъ царствованія умнаго и вѣротерпимаго короля Владислава IV прошли для социніанъ совершенно спокойно, но въ слѣдующемъ году ихъ постигло страшное и неожиданное бѣдствіе, виновниками котораго были отчасти они же сами. Въ 1638 г. студенты раковской социніанской академіи, подражая на этотъ разъ студентамъ іезуитскимъ, оскорблявшимъ святыни другихъ исповѣданій, опрокинули и разбили камнями стоявшій за городомъ крестъ съ изображеніемъ распятія. Родители и учители поспѣшили наказать школьниковъ; но дѣло этимъ не могло окончиться. Когда вѣсть о раковскомъ происшествіи достигла Варшавы, тамъ въ это время засѣдалъ сеймъ. Католическое духовенство, давно уже искавшее способовъ къ искорененію главнаго гнѣзда социніанской секты, Ракова, этихъ „Аѳинъ Сарматскихъ", столь вредившихъ славѣ и процвѣтанію школъ іезуитскихъ, воспользовалось какъ нельзя лучше представившимся къ тому случаемъ и подняло страшный вопль на сеймѣ объ оскорбленіи Бога и королевскаго величества. Была назначена чрезвычайная коммисія для разслѣдованія происшествія на мѣстѣ, по докладу которой всѣ раковскіе пасторы и профессора были обвинены въ подущеніи школьниковъ къ преступленію. Въ апрѣлѣ 1638 г. послѣдовалъ грозный сеймовый декретъ, которому тщетно противились не одни социніане, но и многіе изъ южнорусскихъ православныхъ депутатовъ (напр. князь Григорій Святополкъ-Четвертинскій), а также протестантовъ и даже изъ либеральныхъ католиковъ. По этому декрету объявлялись навсегда закрытыми въ Раковѣ молитвенные дома, типографія и академія социніанскія. подъ угрозой взысканія 10,000 червонцевъ за всякую попытку къ ихъ возстановленію; пасторы и профессора были приговорены къ лишенію чести и удаленію изъ Ракова. Скоро послѣ того Раковъ перешелъ въ руки владѣльцевъ-католиковъ, которые совсѣмъ изгнали социніанъ и возстановили въ немъ католическое благочестіе. „Такъ разрушенъ былъ, по выраженію социніанскихъ писателей, этотъ свѣточъ Польши, это убѣжище изгнанниковъ, святилище вѣры и наукъ!" Съ того времени въ Раковѣ поселились евреи, скупившіе за безцѣнокъ имущества изгнанниковъ, и Раковъ, когда-то цвѣтущій городъ, видный центръ промышленности и просвѣщенія, представляетъ нынѣ жалкое, кишащее евреями мѣстечко.

Ударъ, постигшій социніанство въ Польшѣ, не сразу отразился на Волыни; напротивъ, въ первое время онъ скорѣе способствовалъ еще большему процвѣтанію здѣсь секты. Дѣло въ томъ, что социніане, лишившись своего центра въ Польшѣ, задумали снова создать его на Волыни, гдѣ у нихъ было столько единовѣрцевъ и знатныхъ покровителей. Главное вниманіе было обращено на Киселинъ, въ которомъ, кажется, хотѣли создать новые „Аѳины Сарматскіе". Здѣсь еще живъ былъ старикъ Юрій Чапличъ, съ взрослымъ сыномъ Александромъ, столь же ревностнымъ социніаниномъ, какъ и его отецъ; а въ Берескѣ, послѣ смерти Мартына Чаплича, находились его сыновья Андрей и Александръ, учившіеся за границей и подобно отцу преданные интересамъ секты. Сюда были вызваны изгнанные изъ Ракова и Люблина ученые социніанскіе пасторы и профессора: Матвѣй Твердохлѣбъ, Якубъ Гриневичъ-Гижановскій, переименовавшійся впослѣдствіи въ Яна Трембицкаго, и Лука или Іоахимъ Рупневскій, послѣдніе оба—извѣстные социніанскіе писатели. Стараніемъ этихъ ученыхъ киселинская школа была немедленно возведена на степень *академіи*, съ открытіемъ при ней спеціальнаго богословскаго отдѣла для приготовленія социніанскихъ пасторовъ; другое ея отдѣленіе было открыто въ Берескѣ, подъ ректорствомъ Рупневскаго. Новая академія не испытывала недостатка въ учащихся: въ нее охотно поступали дѣти не однихъ социніанъ, но и лицъ другихъ исповѣданій, привлекаемыхъ отчасти успѣхами преподаванія, веденнаго здѣсь болѣе совершеннымъ и менѣе устарѣлымъ, чѣмъ у іезуитовъ, методомъ,[1]) а отчасти—вѣротерпимостью, съ какою здѣсь относились къ питомцамъ другихъ вѣроисповѣданій. Нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени въ Киселинѣ появилась-бы и типографія и закипѣла-бы здѣсь прерванная раковской катастрофой научная и литературная работа... Но въ Луцкѣ сидѣлъ католическій бискупъ, а еще ближе, во Владимірѣ, плебанъ и деканъ Станиславъ Урбано-

---

[1]) Stecki T., Wołyń, I, 152. Отдавая должное достоинству преподаванія въ социніанскихъ школахъ, авторъ, однако, замѣчаетъ, что и социніанскія школы не были свободны отъ общихъ недостатковъ схоластической эпохи: въ нихъ такъ-же, какъ и въ іезуитскихъ коллегіяхъ, ученики «panegiryzowali, prawili oracye i na tympodobnych bredniach większą część czasu marnowali».

вичъ. Въ 1640 г. эти духовные сановники позвали на судъ Юрія и его племянниковъ Андрея и Александра Чапличей-Шпановскихъ, обвиняя ихъ въ укрывательствѣ изгнанныхъ изъ Ракова аріанскихъ пасторовъ и учителей, самовольномъ открытіи аріанскихъ академій и другихъ школъ „на заразу людей молодыхъ и хрестиянскихъ дитей", въ устройствѣ сектантскихъ съѣздовъ или соборовъ и вообще въ распространеніи „декретами сеймовыми и трибунальскими забороненой, а правомъ посполитымъ и одностайнымъ голосомъ за чортовскую декларованой (объявленной) секты аріанской"; вмѣстѣ съ Чапличами были позваны къ суду и всѣ киселинскіе и бересцскіе „министры, предиканты, магистры и бакаляры" социніанскіе. Кромѣ уголовной отвѣтственности, о которой взывали обвинители, они сверхъ того претендовали къ обвиняемымъ о вознагражденіи „шкодъ" или убытковъ, якобы понесенныхъ ими вслѣдствіе распространенія секты въ ихъ епархіи; убытки эти они оцѣнивали ровно въ 200,000 золотыхъ польскихъ [1]). Было произведено судебное слѣдствіе, которое обнаружило, что въ киселинской и бересцской школахъ училось великое множество юношей и дѣтей разныхъ сословій, что устраиваемые здѣсь сектантскіе съѣзды или соборы бывали необыкновенно многочисленны (случалось, что число съѣзжавшихся доходило иногда до трехъ тысячъ человѣкъ, собранныхъ не только изъ разныхъ мѣстъ Польши и Литвы, но даже изъ-заграницы) и что Чапличи успѣли обратить въ ересь многихъ православныхъ священниковъ въ своихъ имѣніяхъ и даже *крестьянъ*, которые за это были освобождаемы отъ всякихъ повинностей и работъ на помѣщика. Дѣло Чапличей тянулось четыре года и только въ 1644 г. послѣдовалъ трибунальскій декретъ о закрытіи въ Киселинѣ и Бересцѣ социніанскихъ школъ и молитвенныхъ домовъ, при чемъ Чапличи обязаны были разрушить и самыя ихъ зданія и изгнать отсюда всѣхъ еретиковъ; сверхъ того Юрій Чапличъ, признанный болѣе виновнымъ, нежели его племянники, уплатилъ въ видѣ штрафа 1000 червонцевъ, половина которыхъ была вручена обвинителямъ, и обязывался подъ угрозою лишенія чести представить на судъ киселинскихъ пасторовъ и учителей [2]). Но приговоръ этотъ не былъ

[1]) Книга земская Владим. 1640 г., № 1209, л. 58 и 60.

[2]) Книга главнаго трибунала люблинскаго, воев. волынскаго, 1644 г., справа 74.

приведенъ Чапличемъ въ исполненіе: школы и молельня въ Киселинѣ не были разрушены, социніане не были отсюда удалены,— да и какъ было удалить ихъ, когда мѣщане киселинскіе почти поголовно принадлежали къ социніанской сектѣ?—наконецъ пасторы и учителя бѣжали въ другія мѣста. Поэтому Юрій Чапличъ былъ присужденъ къ инфаміи и къ вторичному штрафу въ 10,000 червонцевъ; бѣжавшіе изъ Киселина пасторы и ученые были также приговорены къ лишенію чести.

Съ тѣхъ поръ начался на Волыни цѣлый рядъ социніанскихъ процессовъ, возбуждаемыхъ обыкновенно по иниціативѣ католическаго или уніатскаго духовенства. Одновременно съ разгромомъ киселинской общины наступили трудныя времена и для социніанъ ляховецкихъ, противъ которыхъ давно уже начали войну тамошніе доминиканe. Еще въ началѣ XVII ст., когда Павелъ-Крыштофъ Сенюта обратился было на короткое время въ католицизмъ, онъ пригласилъ въ Ляховцы доминиканъ и построилъ для нихъ костелъ, причемъ имѣлъ неосторожность внести въ свой фундушъ такое условіе, что если-бы кто изъ его наслѣдниковъ не былъ католикомъ, то всѣ имѣнія завѣщателя должны принадлежать ордену. Извѣстно, что скоро послѣ того самъ Крыштофъ Сенюта сталъ социніаниномъ, и пока онъ былъ живъ, доминикане волей-неволей мирились съ вѣроотступничествомъ его и лишь время отъ времени звали на судъ покровительствуемыхъ имъ социніанскихъ пасторовъ, какъ поступили они въ 1627 г. съ Петромъ Моршковскимъ. Но въ концѣ 30-хъ годовъ XVII в. Павелъ-Крыштофъ Сенюта умеръ, а ляховецкія имѣнія перешли къ его брату Петру, также социніанину. Тогда наступили большіе и продолжительные споры и раздоры между наслѣдникомъ и доминиканцами, которые, ссылаясь на фундушъ Крыштофа Сенюты, оспаривали его наслѣдственныя права и требовали, чтобы онъ принялъ католичество и изгналъ изъ Ляховцевъ еретиковъ. Сторону доминиканцевъ поддерживало высшее католическое духовенство, а за Петра Сенюту вступились волынскіе дворяне и, отправляя въ 1645 г. своихъ пословъ на варшавскій сеймъ, между прочимъ поручили имъ потребовать на сеймѣ отъ имени всего волынскаго воеводства, чтобы претензіи доминиканцевъ къ Петру Сенютѣ и послѣдовавшіе въ ихъ пользу судебные декреты по этому дѣлу были признаны недѣйствительными, такъ какъ

фундушъ Крыштофа Сенюты не можетъ служить ограниченіемъ наслѣдственныхъ правъ его брата[1]). Тѣмъ временемъ доминикане не прекращали дѣлать попытки къ обращенію своего противника въ католичество и въ 1641 году имъ едва не удалось это дѣло. Въ то время Петръ Сенюта опасно заболѣлъ, и когда лѣчившіе его врачи перестали уже надѣяться на его выздоровленіе, одному ксендзу удалось какъ-то пробраться къ больному и поколебать его социніанскія убѣжденія. По его словамъ, Сенюта выражалъ горькія сожалѣнія объ отступничествѣ своихъ предковъ отъ католической церкви и о своихъ собственныхъ заблужденіяхъ, раскаивался въ своей женитьбѣ на завзятой аріанкѣ,[2]) подъ вліяніемъ которой онъ и самъ изъ кальвиниста сталъ социніаниномъ, исповѣдалъ всѣ догматы католической вѣры, носилъ на груди реликвіи и поручалъ душу свою заступничеству Божіей Матери и передъ образомъ ея далъ клятвенное обѣщаніе въ случаѣ выздоровленія торжественно исповѣдать въ костелѣ свое обращеніе къ католической вѣрѣ. Дѣйствительно, скоро послѣ того онъ выздоровѣлъ; но когда пріоръ ляховецкаго кляштора вздумалъ навѣстить новообращеннаго, то его не пустили даже въ дворъ и пригрозили вытолкать въ шею, если онъ вздумаетъ силой проникнуть въ замокъ. А въ замкѣ Сенюты въ то время социніанскій пасторъ Цяховскій публично отправлялъ богослуженіе и говорилъ проповѣдь въ присутствіи хозяина и его пріятелей—единовѣрцевъ: Павла Иваницкаго и какихъ-то пановъ Куроса и Виноватаго, подъ вліяніемъ которыхъ Сенюта совершенно оставилъ свое прежнее намѣреніе относительно перехода въ католицизмъ. Здѣсь же находился дядя Сенюты, каштелянъ белзскій, Андрей Фирлей, горячій протестантъ, экстренно вызванный въ Ляховцы здѣшними социніанами для предупрежденія грозившей опасности перехода въ католичество его племянника. Съ тѣхъ поръ Петръ Сенюта сталъ держать при себѣ уже не одного, а двухъ социніанскихъ пасторовъ, которые свободно отправляли сектантское богослуженіе и распространяли въ его имѣніяхъ свое

---

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. 2, т. 1, стр. 309.

[2]) Онъ былъ женатъ на полькѣ Ядвигѣ Вилльямовнѣ съ Калишакъ. Niesiecki, Herbarz Polski. VIII. 362.

ученіе; самъ же онъ гораздо дѣятельнѣе сталъ относиться къ своимъ обязанностямъ патрона секты и щедро раздавалъ своимъ единовѣрцамъ земельные участки и другія бенефиціи. Обо всемъ этомъ доминикане въ томъ же 1641 г. подали въ земскій кременецкій судъ пространную жалобу [1]), а спустя нѣсколько времени они возбудили противъ Сенюты новое обвиненіе—въ укрывательствѣ изгнаннаго изъ Ракова ученаго социніанскаго пастора и писателя Яна Стоинскаго. Оба эти дѣла были разсмотрѣны люблинскимъ трибуналомъ и въ 1644 г. по нимъ послѣдовалъ трибунальскій декретъ, по которому социніане изгонялись изъ Ляховцевъ, пасторъ ляховецкой общины Янъ Стоинскій былъ объявленъ лишеннымъ дворянства и приговоренъ къ инфаміи, самъ же Петръ Сенюта былъ подвергнутъ штрафу въ 1500 гривенъ [2]).

Такъ одновременно были разгромлены двѣ наиболѣе видныя социніанскія общины на Волыни, киселинская и ляховецкая. Третій выдающійся здѣсь социніанскій пунктъ, м. Гоща, еще раньше былъ утраченъ социніанами, хотя и по другимъ причинамъ. Въ 30-хъ годахъ XVII ст. умеръ ихъ покровитель, кіевскій каштелянъ Романъ Гойскій, передавъ Гощу въ наслѣдство своей дочери Регинѣ Соломирецкой, каштелянкѣ смоленской. Новая владѣлица Гощи оказалась горячей поборницей православной вѣры и не могла допустить дальнѣйшаго процвѣтанія здѣсь социніанства и его школъ. Для противодѣйствія имъ она основала въ 1638 г. въ Гощѣ монастырь св. Михаила и заложила при немъ высшую православную школу, „абы еретические науки надъ каѳолическою религіею болшъ не триумфовали". Главнымъ опекуномъ надъ этой школой она назначила кіевскаго митрополита Петра Могилу, а первыми ректорами ея были: Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ и знаменитый впослѣдствіи ректоръ кіево-могилянской коллегіи Иннокентій Гизель. Въ слѣдующемъ 1639 г. Регина Соломирецкая выдала игумену гощскаго монастыря отъ себя и отъ имени своихъ наслѣдниковъ формальное обязательство: не дозволять аріанамъ и другимъ ерети-

[1]) Эта жалоба, изъ которой мы заимствовали все вышесказанное, напечатана въ книгѣ Лукашевича: Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Małej Polsce, стр. 354—459.

[2]) Starożytna Polska, II, 928. Архивъ Югозап. Россіи, ч. 2, т. I, стр 294.

камъ въ Гощѣ отправлять свое богослуженіе и основывать аріанскія школы и не терпѣть здѣсь мѣщанъ—послѣдователей аріанской секты; вмѣсто закрытыхъ сектантскихъ училищъ, она устроила въ Гощѣ нѣсколько первоначальныхъ православныхъ школъ, право обученія въ коихъ предоставила исключительно лицамъ, назначаемымъ на то самимъ игуменомъ и подчиненнымъ его надзору [1]). Но эти строгости продолжались не долго. Спустя два года гощское имѣніе пріобрѣлъ знаменитый Адамъ Кисель, впослѣдствіи воевода кіевскій. Хотя онъ въ преданности къ православію не уступалъ своей предшественницѣ, но въ отношеніяхъ къ социніанству руководствовался взглядами Романа Гойскаго и другихъ образованныхъ южноруссовъ. А въ 1644 г. сосѣдъ Киселя, панъ Вильгорскій, обвинялъ его въ томъ, будто онъ „маетъ раду и сполную намову зъ урожонымъ паномъ Крыштофомъ Стоинскимъ, министромъ (пасторомъ) ариянскимъ [2]), которого онъ въ маетности своей Гощи, мимо декрета трибунальские, на заразу вѣры правдивое католицкое, подъ протекциею своею ховаетъ“ [3]). Въ этомъ извѣтѣ справедливо было только то, что Крыштофъ Стоинскій дѣйствительно одно время состоялъ слугою у Адама Киселя. Можно думать, что, благодаря вѣротерпимости новаго владѣльца, гощскіе социніане успѣли возстановить кое-что изъ того, что потеряли при Соломирецкой, но періодъ цвѣтущаго состоянія секты временъ Гойскаго не повторился болѣе никогда.

Между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ Волыни процессы противъ социніанъ не прекращались и секта несла все новыя и новыя потери. Въ 1646 г. были позваны на судъ двор. Веспасіанъ Бѣневскій и войтъ м. Рафаловки Даніилъ Бальцеровичъ по обвиненію въ томъ, что они устроили социніанскія общины и открыли молитвенныя собранія въ имѣніяхъ воеводы дербскаго Андрея Лещинскаго м. *Рафаловкѣ* (луцкаго уѣзда) и въ сосѣднемъ с. *Собѣщинѣ* и пригласили, ревизовавшаго тогда социніанскія общины на Волыни, па-

---

[1]) Книги гродск. луцкія: 1639 г. № 2155, л. 191, и 1640 г. № 2107.

[2]) Роднымъ братомъ извѣстнаго уже намъ ляховецкаго социніанскаго пастора Яна Стоинскаго.

[3]) Книга гродск. Луцкая 1644 г., № 2483, л. 1233.

стора Андрея Виноватаго, совершить у нихъ богослуженіе [1]). Сверхъ того, тотъ-же Веспасіанъ Бѣневскій обвинялся еще и въ томъ, что, ворвавшись въ домъ рафаловскаго священника, учинилъ поруганіе надъ св. иконами, именно — прокололъ ихъ саблею и называлъ „болванами и псами" [2]). Въ томъ-же году уніатскій жидичинскій архимандритъ Никифоръ Лосовскій позвалъ на судъ Андрея Чаплича за укрывательство двор. Яна Стремескаго, социніанина, приговореннаго въ 1644 г. трибунальскимъ судомъ къ инфаміи за то, что въ бытность его арендаторомъ имѣній жидичинскаго монастыря Стремескій одну изъ монастырскихъ церквей превратилъ въ складъ разныхъ хозяйственныхъ запасовъ и даже загонялъ въ нее охотничьихъ собакъ и свиней [3]). Въ слѣдующемъ 1648 г. привлечены были къ суду дворяне Товія Иваницкій и Якубъ Любенецкій по обвиненію въ распространеніи аріанской секты, въ открытіи въ с. *Иваничахъ* молитвеннаго дома и въ публичномъ совершеніи аріанскаго богослуженія и обрядовъ, въ укрывательствѣ осужденныхъ трибуналомъ пасторовъ и проповѣдниковъ секты и наконецъ въ устройствѣ многолюдныхъ аріанскихъ съѣздовъ и сборищъ. Ближайшимъ-же поводомъ къ возбужденію обвиненія послужило то обстоятельство, что иваницкіе социніане въ праздникъ Рождества совершили какое-то нарочито торжественное богослуженіе, при чемъ былъ крещенъ, посредствомъ погруженія въ прудѣ, по социніанскому обряду, одинъ новообращенный знатный католикъ и похоронена въ саду жена Любенецкаго [4]). Въ томъ-же году снова подвергся суду извѣстный намъ Юрій Чапличъ за то, будто онъ разрушилъ каменный крестъ съ распятіемъ, стоявшій при въѣздѣ въ с. Молчановъ; а спустя короткое время послѣдовала жалоба на его сына Александра за кощунственные отзывы о пресв. Богородицѣ и за нанесеніе побоевъ п. Ивану Козикѣ, который хотѣлъ удержать его отъ богохульства [5]).

---

[1]) Книга гродск. луцк. 1646 г., № 2978, л. 200.

[2]) Книга гродск. луцк. 1647 г., № 2487, л. 505.

[3]) Книга гродск. луцк. 1646 г., № 2977, л. 265.

[4]) Книга гродская владимірская 1648 г., № 1016, л. 1252.

[5]) Тамъ же, л. 426.

Приговоры по всѣмъ этимъ дѣламъ въ точности намъ не извѣстны, такъ какъ подобныя дѣла восходили на рѣшеніе высшаго уголовнаго судилища, люблинскаго трибунала, архивъ котораго хранится нынѣ въ Варшавѣ; но эти приговоры легко угадать: то были тяжкіе денежные штрафы, лишеніе дворянства, инфамія и банниція (т. е. лишеніе покровительства законовъ и изгнаніе изъ отечества). Въ то время польскіе клерикалы успѣли превратить трибуналъ въ послушное орудіе ихъ воли, посредствомъ котораго они щедрою рукою метали перуны на своихъ враговъ. По закону, всѣ дѣла, сопряженныя съ интересами католической религіи, разсматривались въ особыхъ засѣданіяхъ трибунала, называвшихся composita judicia и состоявшихъ на половину изъ представителей католическаго духовенства. Но послѣдніе не стѣснялись этой пропорціей и почти всегда численно преобладали надъ свѣтскими депутатами, избираемыми по воеводствамъ [1]); при томъ же, если въ числѣ послѣднихъ встрѣчались лица для нихъ почему-либо неудобныя, то они подъ разными предлогами удаляли ихъ изъ состава суда; такой участи неоднократно подвергались между прочими и волынскіе депутаты-социніане, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ трибуналѣ разсматривались дѣла, касавшіяся ихъ единовѣрцевъ.

Къ чести тогдашнихъ южнорусскихъ дворянъ, безъ различія ихъ исповѣданій, нужно сказать, что всѣ эти религіозныя преслѣдованія, всѣ эти суровые приговоры клерикальнаго трибунала возбуждали въ нихъ чувства глубокаго негодованія. Не было того сейма, на которомъ южнорусскіе депутаты, отъ имени своихъ избирателей, не протестовали бы противъ фанатическихъ дѣйствій клерикальной партіи и всякій разъ настоятельно требовали, чтобы всѣ диссиденты были признаны въ правахъ свободнаго отправленія своихъ обрядовъ и содержанія школъ, чтобы прекращены были всякаго рода преслѣдованія за религіозныя убѣжденія, чтобы правительство обуздало трибуналъ въ его жестокихъ приговорахъ по дѣламъ вѣры и изъяло подобныя дѣла изъ подсудности ему, передавъ ихъ на сеймы, и чтобы въ законахъ положено было строгое наказаніе тѣмъ духовнымъ особамъ, которые, подъ предлогомъ

---

[1]) См. жалобы волынскихъ дворянъ въ 1645 г. на эти злоупотребленія. Архивъ Югозап. Россіи, часть 2, т. I, стр. 307.

якобы охраненія вѣры, по всякимъ пустякамъ тащатъ шляхтичей къ суду и взводятъ противъ нихъ дутыя обвиненія. Въ частности на сеймахъ 1645, 1646 и 1647 годовъ южнорусскіе дворяне, при поддержкѣ диссидентскихъ депутатовъ изъ другихъ областей Польши, требовали отмѣны трибунальскихъ рѣшеній по дѣлу: Петра Сенюты, Яна Стоинскаго, Юрія Чаплича, Юрія Немирича и другихъ социніанъ [1]). Но всѣ гуманныя требованія южнорусскихъ дворянъ какъ о каменную стѣну разбивались о фанатизмъ польской католически-клерикальной партіи, руководимой на сеймахъ самимъ примасомъ и другими высшими духовными сановниками королевства.

Таково было положеніе социніанской секты на Волыни на канунѣ грознаго переворота, который готовилъ для Польши Богданъ Хмельницкій. Не лучше оно было и въ сосѣдней съ Волынью кіевской Украинѣ.

Орестъ Левицкій.

(Окончаніе будетъ).

---

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. 2, т. I, №№ XII, XIII, XIV, XVI, XVII, XXII, XXIII, XXV и XXVI. Лукашевичъ, Dzieje kościołów wyznania helw. w Małej Polsce, стр. 283—285.

Архіерейскія печали.

Авторъ „*Мелочей архіерейской жизни*“ замѣтилъ въ своей любопытной книгѣ, что жизнь архіерея намъ почти неизвѣстна, потому—что въ большинствѣ случаевъ архіерейскія бумаги, обыкновенно тотчасъ послѣ кончины ихъ владѣльца, „обезпечиваются“, и рука изслѣдователя до нихъ добирается очень не скоро, а до иныхъ даже и вовсе не добирается. Случайныя обстоятельства свели насъ съ нѣкоторыми бумагами, оставшимися послѣ смерти бывшаго архіепископа могилевскаго *Анатолія Мартыновскаго*. Бумаги эти представляютъ довольно важный интересъ и отчасти проливаютъ свѣтъ на скорбныя думы русскаго архіерея. Мы намѣрены нѣсколько познакомить читателей съ этими памятниками архіерейскихъ скорбей.

Анатолій явился въ этотъ міръ подъ именемъ *Августина*—въ 1792 году. „Первые начатки чтенія и письма на отечественномъ языкѣ, а также основанія латыни, получилъ онъ отъ своего отца“, какъ самъ разсказываетъ въ своей автобіографіи. Будучи такимъ образомъ нѣсколько подготовленъ, онъ на восьмомъ или на девятомъ году своего возраста отданъ былъ въ школы, находившіяся тогда въ м. Шаргородѣ, подольской губерніи, ямпольскаго уѣзда, и здѣсь усердно занимался изученіемъ правилъ грамматики и поэзіи россійскаго, а равно и латинскаго языковъ. Наконецъ, перешедши въ Каменецъ, онъ до самаго 1812 года изучалъ науку риторики, философіи и богословія, при чемъ мимоходомъ познакомился съ искусствомъ рисованія, съ началами математики, а также съ правилами языковъ греческаго и нѣмецкаго. Къ концу означеннаго года онъ, когда еще слушалъ уроки богословія, былъ опре-

дѣленъ сначала учителемъ рисованія, а потомъ, по окончаніи уже года, учителемъ класса *инфимы;* изъ года въ годъ переходя въ должности учителя въ высшій классъ, онъ такимъ образомъ дошелъ до класса *синтаксимы.* По настоянію родителей, молодой Августинъ, распрощавшись со школою и науками, женился и въ 1817 г. принялъ санъ священства. На второмъ году супружеской жизни овдовѣлъ, снова перешелъ въ Каменецъ на должность учителя, а въ 1822 г. постриженъ былъ въ монашество съ именемъ Анатолія. Въ 1823 году, слишкомъ 30 лѣтъ отъ роду, Анатолій поступилъ въ старшій курсъ кіевской академіи. Въ то и послѣдующее время монашествующіе освобождались отъ слушанія высшаго общеобразовательнаго курса, т. е. наукъ философскихъ, словесныхъ, историческихъ и математическихъ, и поступали прямо въ такъ называемый богословскій курсъ академіи! Получивъ въ 1825 г. (это былъ второй курсъ или выпускъ преобразованной предъ тѣмъ академіи) степень магистра богословія, іеромонахъ Анатолій въ декабрѣ тогоже года опредѣленъ былъ баккалавромъ академіи по каѳедрѣ *польскаго* языка, но въ январѣ слѣдующаго года ему предоставили преподаваніе одной изъ богословскихъ наукъ. Черезъ три съ половиною года, 4 мая 1829 г. зрѣлый по возрасту баккалавръ назначенъ прямо ректоромъ семинаріи въ Курскъ, но въ томъ-же году перемѣщенъ на такую-же должность въ Новгородъ, гдѣ и служилъ около десяти лѣтъ. Съ 1840 года начинается его архіерейская служба сперва въ санѣ и званіи епископа екатеринбургскаго, викарія пермскаго, съ слѣдующаго года въ должности викарія волынской епархіи, съ званіемъ епископа острожскаго, а съ конца 1844 года въ званіи самостоятельнаго епископа могилевскаго и мстиславскаго. Въ Могилевѣ Анатолій возведенъ былъ въ санъ архіепископа, 19 апрѣля 1853 г., и управлялъ могилевскою епархіею до увольненія его по прошенію на покой 1860 г. 17 іюля въ гербовецкій монастырь, бессарабской губерніи, гдѣ и скончался 8 августа 1872 г. [1]).

[1]) См. *«Списки архіереевъ»*, Юрія Толстаго. Спб. 1872 г., стр. 38. Кишин. Епархіал. Вѣдом. за 1872 г. № 16 и за 1878 г. № 9-й. Кромѣ указаннаго, кажется, нигдѣ ничего не напечатано о немъ. Былъ только его некрологъ и списокъ его сочиненій, составленный Г. Н. Геннади, въ Русск. Архивѣ, вошед-

Архіепископъ Анатолій и по рожденію, и по воспитанію, и по главному мѣсту дѣятельности принадлежитъ западному краю Россіи. Неудивительно поэтому, что мысли его сосредоточились на католицизмѣ, важномъ общественномъ элементѣ въ краѣ, соперничествующемъ съ православіемъ; значительные литературные труды его направлены были на изученіе римско-католической церкви и католичество было для него силой, возбудившей его къ дѣятельности. Въ исторіи богословской науки онъ извѣстенъ какъ авторъ сочиненія: *„Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду“* (2 части. 1857 г.). Это сочиненіе, изданное авторомъ въ свѣтъ подъ псевдонимомъ *Авдія Востокова* [1]) и выдержавшее два изданія, доставило Анатолію степень доктора богословія, въ тогдашнее время очень рѣдкую. Извѣстная книга его: *„Вѣра, Надежда и Любовь, изложенныя въ бесѣдахъ и размышленіяхъ, съ присовокупленіемъ духовныхъ стихотвореній“*, выдержавшая пять изданій, обязана своимъ происхожденіемъ римско-католическому стимулу. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ самъ Анатолій.

„Примѣчая въ разныхъ мѣстахъ моего служенія необыкновенное равнодушіе людей такъ называемаго образованнаго сословія къ православному вѣроисповѣданію, частое уклоненіе отъ участія въ общественномъ богослуженіи и пренебреженіе уставовъ церкви, я старался вывѣдать причины того и удостовѣрился, что все это между прочимъ происходитъ отъ чтенія религіозныхъ на французскомъ и другихъ языкахъ, самаго изящнаго изданія, книгъ и кни-

шій потомъ въ его «Словарь русскихъ писателей». Все, сообщенное далѣе нами объ этомъ архіепископѣ, заимствовано изъ бумагъ его, сохранившихся у его племянника—художника Николая Мартыновскаго.

[1]) Подъ этимъ псевдонимомъ Анатолій издалъ и нѣсколько другихъ своихъ сочиненій. Подъ этимъ-же псевдонимомъ, только измѣнивши его на малорусское окончаніе *(Восточенко)* писалъ онъ и свои *Воспоминанія о видѣнномъ и слышанномъ*—въ покойномъ кіевскомъ журналѣ «Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи». Писалъ Анатолій и для «Странника», издававшагося его земляком. Кромѣ указанныхъ извѣстны отдѣльно изданныя его сочиненія: «*Слова и Бесѣды*». Пять частей. Спб. 1853—1866 г.; «*Досуги архіепископа Анатолія*», съ портретомъ автора. Спб. 1868 г.

жонокъ, коими преимущественно наводнены западныя губерніи вмѣстѣ съ полемическими сочиненіями противу отечественной православной церкви, каково напримѣръ: *L'Église Schismatique Russe d'apres les relations récentes du prétendu Saint-Synode. Paris. 1846*; я узналъ еще, что нѣкоторые изъ именующихся православными молятся по французскимъ и польскимъ молитвословамъ. Вразумляемые мною въ такомъ уклоненіи отъ руководства церкви возражали, что они церковнаго языка почти не понимаютъ и даже не умѣютъ читать по славянски, что издаваемые именемъ церкви молитвословы будто-бы печатаются такъ небрежно, съ такими типографическими украшеніями, что не хочется въ руки взять такихъ книгъ. Дайте намъ, говорили возражавшіе,—что-нибудь въ родѣ молитвослова, ясно написанное и опрятно изданное на русскомъ языкѣ, и мы станемъ читать. Съ другой стороны мнѣ случалось встрѣчать, хотя весьма немногихъ, искренно благочестивыхъ людей, которые, не довольствуясь молитвословами церковными, удовлетворяли жаждѣ духа своего списываніемъ изъ разныхъ книгъ различнаго содержанія молитвъ, сочиненіемъ ихъ и составленіемъ для своего употребленія молитвенныхъ тетрадокъ; даже попалась мнѣ книжечка, неизвѣстно кѣмъ составленная, когда и гдѣ печатанная. А еще видѣлъ книжечку, написанную чистымъ русскимъ языкомъ и изданную въ свое время въ Полоцкѣ іезуитами, въ которой заключаются молитвы къ Ксавію, Боргію, Доминику и проч. Всѣ такія свѣдѣнія томили меня, не давали покоя духу моему, пока я не рѣшился составить и издать книгу, которая бы, по моимъ соображеніямъ, могла хотя отчасти удовлетворить вышеизложеннымъ требованіямъ".

Подъ вліяніемъ впечатлѣній стройности и независимости римско-католической церкви, самостоятельности и могущества ея іерархіи у Анатолія слагается отрицательный взглядъ на положеніе русской церкви, создается угнетавшее духъ его разочарованіе.

Скорбь его начинаетъ развиваться съ того времени, какъ, оторванный отъ родины, поставленъ былъ онъ на ректуру въ Новгородѣ. Страна былаго вѣча навела на душу Анатолія страшную тоску. „Тысячу разъ принимался за перо, писалъ онъ высокопоставленному іерарху, и не могъ писать: отъ безпрерывныхъ смущеній убитому скорбями и перо кажется свинцовою гирею. Какъ

страждущему одышкою, такъ мнѣ захватываютъ духъ напасти и скорби. А между тѣмъ необходимо трудиться и тружусь, какъ извощичья лошадь, до упаду... Въ Новгородѣ почти нѣтъ ничего новаго; а если и есть, то про это нужно-бы много писать: но не стоитъ того... До того я дошелъ, что завидую состоянію монаховъ моей обители. Какая мирная и беззаботная жизнь: церковь, трапеза и келія—вотъ и вся сфера заботливости, а отвѣтственности никакой. Вотъ пѣснь, которую я съ переселенія моего въ Новгородъ доселѣ пою—и пою хоть визгливымъ, но часъ отъ часу высшимъ голосомъ—потому часъ отъ часу болѣе допекаетъ...“ Но вотъ Анатолія высылаютъ еще дальше, въ предѣлы сибирскихъ стужъ. „Ахъ, далеко мнѣ ѣхать“, жалуется онъ, „далеко! Какъ я доѣду и что со мною будетъ, Богъ вѣсть“. Иные владыки обыкновенно стараются держать подальше отъ себя людей даровитыхъ, опасныхъ на ихъ взглядъ именно своимъ умомъ; но въ пермскомъ краѣ Анатолія поразило иное, болѣе мрачное. „Въ пермской епархіи, какъ мнѣ съ 1840 г. извѣстно, управляющіе оною думаютъ, что всего удобнѣе управлять людьми, если они будутъ чѣмъ-нибудь запятнаны, опорочены. Вслѣдствіе такого мнѣнія тамъ безпрерывныя господствуютъ ябеды, лживые доносы и притомъ по настроенію свыше“.

Скорбное настроеніе души его не только не ослабѣваетъ, но еще болѣе усиливается по переходѣ на службу въ западный край. Католическая іерархія не даетъ ему покою. „Я хотѣлъ было, пишетъ онъ, собрать и написать что-нибудь въ родѣ статейки о преимуществахъ въ Россіи православной церкви предъ другими вѣроисповѣданіями. Съ этою цѣлію принялся за „Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи“ и нашолъ, что въ 1803 г. декабря 23 дня, по случаю тяжбы митавскаго ксендза, положено защищать церковныя имѣнія, въ томъ числѣ и нашихъ церквей, на равнѣ съ казенными (Полн. собр. закон. Р. И. Т. XXIII, стр. 1088); пожалованныя сыновьямъ лютеранскихъ пасторовъ права при поступленіи на службу усвоены и сыновьямъ нашихъ священниковъ въ 1827 г. (тамъ-же, стр. 629). Затѣмъ взялъ въ руки „Сводъ законовъ Росс. Имп., изданія 1857 г. Т. XI. ч. I, Уставъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій“ и бросилъ, убѣжденный, что мнѣ на старости лѣтъ не по силамъ выводить подобныя параллели, тѣмъ

паче, что высказываются утомительныя для духа антитезы. Подумавши обо всемъ этомъ, я пришелъ къ заключенію, что тотъ былъ-бы великимъ благодѣтелемъ русской православной церкви, кто испросилъ бы у престола царева усвоеніе и ея іерархамъ правъ, дарованныхъ иностраннымъ исповѣданіямъ изъ-за толеранціи".— Анатолій, подавленный мыслями о приниженности русской іерархіи, приходитъ къ унывающему взгляду на состояніе русской церкви. „Содержаніе вашего писанія, говоритъ онъ въ письмѣ къ одному епископу, возбудило во мнѣ такую толпу неотвязчивыхъ мыслей, что голова моя о сю пору не можетъ успокоиться. Сущность тѣхъ мыслей состоитъ въ томъ, что *едвали есть церковь несчастнѣе нашей русской церкви.* Утверждаю это потому, что мнѣ 70 лѣтъ и съ 1812 г. я состоялъ въ училищной службѣ и былъ свидѣтелемъ многихъ произшествій въ нашей церкви. По своему положенію она теперь точно въ такомъ отношеніи къ свѣтскому правительству, въ какомъ отношеніи такъ называемая церковная область къ папскому правительству. А если поставить ее, съ XI томомъ Свода Законовъ изданія 1857 г. въ рукахъ, въ параллель съ другими вѣроисповѣданіями, находящимися въ Россіи, то едвали наша церковь не болѣе всѣхъ стѣснена, связана, унижена болѣе, чѣмъ всякое общество другихъ вѣроисповѣданій" *).

*) Это крайнее и въ крайне рѣзкой формѣ выраженное мнѣніе ревностнаго архипастыря не будетъ казаться намъ ни страннымъ, ни одинокимъ, если сопоставимъ его съ тѣмъ, что еще въ болѣе рѣзкой формѣ высказано въ »Письмахъ о современномъ состояніи Россіи« (Письмо V, стр. 52, 53 и дал. Изд. 2. Спб. 1881 г.) и во многихъ статьяхъ »Руси« и »Востока« Подобныя мнѣнія, хотя въ спокойныхъ, но твердыхъ выраженіяхъ намъ приходилось слышать отъ двухъ недавно скончавшихся архипастырей, занимавшихъ высокое положеніе въ нашей іерархіи, именно пр. Арсенія, митрополита кіевскаго, и пр. Іоанникія, архіепископа варшавскаго, волею судебъ окончившаго дни свои въ Одессѣ. Суть дѣла въ томъ, что миніатюрное первоначально оберъ-прокурорство св. синода, придуманное однако Петромъ I съ явною цѣлію парализованія церковной власти, разрослось потомъ въ огромное учрежденіе съ именемъ «Вѣдомства православнаго исповѣданія», заслонило собою дѣйствительное представительство церкви и ея законную власть и притянуло къ своимъ рукамъ всѣ нити церковнаго управленія. Тому, кто близко знакомъ съ положеніемъ этого дѣла въ его прошедшемъ и настоящемъ, до крайности странными кажутся возгласы о недостаткѣ у насъ вліянія церкви на общество и

Писать и печатать — было непреодолимою потребностію души Анатолія съ самыхъ раннихъ годовъ его церковно-общественной дѣятельности. Но здѣсь налегла на него тогдашняя цензура со всею своею тяжестію. Вопли нашего архіепископа противъ цензуры составляютъ содержаніе многихъ его писемъ разнымъ лицамъ. „Въ нашей церкви, пишетъ онъ къ одному изъ своихъ корреспондентовъ, съ 1812 года по 1822 годъ не явилось и десяти новыхъ назидательныхъ и полезныхъ книгъ ни для народнаго употребленія, ни для пастырей ея; съ того времени нашей духовной цензурѣ даны такія правила для руководства, что каждый цензоръ по произволу могъ одобрить для напечатанія, или нѣтъ, всякое сочиненіе. Даже въ св. синодѣ погибли невозвратно весьма многія преполезныя для церкви сочиненія; многія такія сочиненія не узрѣли свѣта Божія потому только, что разсматривавшіе ихъ дали объ нихъ мнѣніе, что читатели ихъ могутъ о томъ или другомъ подумать то-то и то-то, хотя-бы во вѣки, кромѣ разсматривавшаго, не подумали этого. Многія рукописи, неодобряемыя напримѣръ одною духовною цензурою, были одобряемы другою цензурою или черезъ годъ тою-же самою; многія сочиненія, одобренныя къ напечатанію, не одобрялись тою-же цензурою, безъ всякой причины, для втораго изданія. Въ самомъ синодѣ разсматривающіе сочиненія ревнующихъ о благѣ церкви, принимаясь разсматривать рукопись, предварительно говорятъ сами въ себѣ: „вотъ еще выскочка! взялся сочинять! видно, нечего ему дѣлать!“, а разсматривая рукопись, думаютъ: „вотъ какъ онъ пишетъ, я бы не такъ написалъ,“ — и вообще не могутъ вообразить, что есть еще люди, которые готовы трудиться безкорыстно для блага церкви, со всею ревностію и самоотверженіемъ. И вслѣдствіе такихъ глубокомысленныхъ соображеній оплевываются желчію даже такія сочиненія, въ которыхъ церковь имѣетъ вопіющую нужду... При мысли, что на самыя полезныя для церкви сочиненія нападали съ патріаршею властію свѣтскія лица, служащія

отсутствіи иниціативы въ представителяхъ нашей церкви. Какая-же тутъ можетъ быть иниціатива?.. Въ одномъ изъ трактатовъ по церковн. законовѣдѣнію свящ. Горчакова, помѣщенныхъ въ «Сборникѣ Государств. Знаній», выяснено юридическое положеніе нашего церковнаго управленія вообще и въ частности такое-же положеніе въ немъ оберъ-прокурора св. синода.—*Ред.*

при св. синодѣ, и даже съ наглою злобою выдирали цѣлыя превосходныя статьи изъ журнала „Христіанское Чтеніе“; что наше церковное юношество большею частію учится Богъ вѣсть по какимъ запискамъ, хотя многіе преподаваемые имъ предметы могли-бы изучать уже по книгамъ и весьма хорошимъ; что обременены такимъ множествомъ учебныхъ предметовъ, что отъ такого обремененія ни одного предмета не изучаютъ основательно, тогда какъ изучивъ нѣсколько предметовъ въ возможномъ совершенствѣ, другіе предметы и гораздо больше ихъ могли-бы усвоить себѣ впослѣдствіи посредствомъ одного чтенія; что церковные юноши отъ постояннаго списыванія уроковъ и множества учебныхъ предметовъ получаютъ въ училищахъ такое отвращеніе къ чтенію душеполезныхъ книгъ, что не читаютъ книгъ даже раздаваемыхъ имъ даромъ:—*нельзя не сѣтовать, не сокрушаться сердцемъ, не плакать о судьбѣ нашей церкви и не подумать, что едвали враги церкви не справедливо утверждаютъ, что наша церковь мертва, безжизненна!*“

Удрученный скорбями, архіепископъ Анатолій увольняется на покой; но литературные интересы не оставляютъ его и на покоѣ. Онъ оживляется малѣйшимъ признакомъ того, что настали лучшія времена. Такъ онъ изъ Бессарабіи привѣтствуетъ Филарета черниговскаго. „Другой разъ наслаждаясь чтеніемъ „Православнаго Догматическаго Богословія“ вашего высокопреосвященства, сознаю себя обязаннымъ принесть и отъ всего моего сердца и души приношу глубочайшую благодарность за душевное, неизъяснимо-пріятное наслажденіе, которое ощущаю, читая это безцѣнное произведеніе трудовъ вашихъ. Меня особенно восхищаетъ въ немъ ясность изложенія христіанскихъ догматовъ, твердыя, непоколебимыя ихъ доказательства, точное изъясненіе и приложеніе относящихся къ предмету текстовъ свящ. писанія, меткое пораженіе враговъ православнаго вѣроученія, краткость соединенная съ удовлетворительною полнотою его, почти популярный удобопонятный слогъ, не помраченный мнимымъ краснорѣчіемъ, изумительное обиліе литературныхъ свѣдѣній, которыми при чтеніи восхищаюсь на каждой страницѣ. По истинѣ ваше Богословіе безцѣнный даръ для православной церкви. И хотя я дерзнулъ-бы оспаривать нѣкоторыя положенія того Богословія; но пламенно желаю, чтобы оно переведено было на ино-

странные языки, особенно на нѣмецкій или хоть на французскій. Тогда европейскіе гелерты, я увѣренъ, положили-бы на уста свои перстъ изумленія и не дерзали-бы впередъ оскорблять священный авторитетъ православной церкви. Меня восхищаетъ и то, что ваше Богословіе издано просто съ разрѣшенія комитета кіевской духовной цензуры, а не по одобренію святѣйшаго синода. Ибо къ чему это одобреніе, когда были примѣры, что св. синодъ воспрещалъ употребленіе разныхъ книгъ, которыя прежде того дозволилъ напечатать? Кромѣ того извѣстно, что тѣ, коимъ поручаемо было св. синодомъ разсмотрѣть и представить мнѣніе о какомъ-либо сочиненіи, опасаясь попасть въ просакъ или выставить себя не свѣдущими, не умѣющими критиковать, каждое разсмотрѣнное ими сочиненіе обыкновенно не одобряли вполнѣ или судили объ немъ по предзанятымъ неосновательнымъ мнѣніямъ. Но всего горестнѣе, что произведенія трудовъ благонамѣреннѣйшихъ писателей подвергались еще критикѣ самозванныхъ свѣтскихъ богослововъ — чиновниковъ; что часто преполезныя сочиненія запрещались единственно потому, что, по мнѣнію самозванныхъ богослововъ, читатели того сочиненія могутъ подумать то и то, тогда какъ во вѣки никому бы не пришла въ голову мысль, возникшая въ головѣ самозваннаго богослова. И что за бѣда, если въ книгѣ благонамѣреннаго писателя встрѣтится какая-либо обмолвка, непослѣдовательность мысли: умный читатель извинитъ писателя, а глупый не усмотритъ обмолвки... Отъ этого если какія сочиненія писателей нашей церкви выходили на свѣтъ, то были тощія, безжизненныя, какъ бы замороженныя и никого, особенно изъ мірянъ, не привлекали къ чтенію"...

Въ отвѣтъ на это письмо Филаретъ, изложивъ и свою жалобу на цензурную волокиту, высказалъ однако взглядъ на цензуру благосклонный, сочувственный, не въ тонъ Анатолію. „Благодарю васъ за добрый отзывъ вашъ о Догматикѣ", пишетъ Филаретъ. „Quod potui, feci; faciant meliora alii.—Вы напрасно думаете, что Догматика не проходила сквозь терну цензуры синодальной и академической. Исторія похожденій ея длинна. Согласенъ съ вами, что нынѣшнія облегченія цензуры имѣютъ хорошую сторону. Но убѣжденъ и въ томъ, что цензура умная и благонамѣренная нужна. Она тяжела бываетъ для авторскаго самолюбія: но за то книги могутъ являться не безполезныя или вредныя. Видимъ, что нынѣ

печатается? Правда, въ появленіи нынѣшнихъ книгъ главный виновникъ—несчастный духъ времени. Но противъ злаго духа нужны смирительныя мѣры и между ними первая мѣра—цензура. Впрочемъ, этотъ вопросъ часто бывалъ уже подъ цензурою. Думается, онъ рѣшается, согласно съ Вашею мыслію, словами Апостола: *праведнику законъ не лежитъ,* и, согласно съ моею, его же ученіемъ о всеобщей порчѣ людей, требующей лѣкарствъ.—Скорби времени доводили душу мою до желанія оставить управленіе епархіею. Но мнѣ указали на то, что ваше высокопреосвященство жалѣете о своемъ избраніи уединенной жизни. Правда-ли послѣднее? Мнѣ бы желалось слышать отъ Васъ самихъ извѣстіе о состояніяхъ души вашей. Надобно намъ учиться и учиться.—Всего труднѣе знать себя самого. Самолюбіе слишкомъ много скрываетъ меня отъ меня самого. Примѣры иногда просвѣтляютъ взоръ души на себя самую".

Анатолій съ отвѣтомъ не спѣшилъ и о цензурѣ болѣе не поднималъ вопроса. „Старческое разслабленіе и одышка о сю пору не дозволили мнѣ отвѣчать на почтеннѣйшее писаніе ваше", извинялся отшельникъ. „Вотъ отвѣтъ. Въ продолженіе первыхъ трехъ лѣтъ моего пребыванія въ Бессарабіи, я порывался куда-либо переселиться изъ нея: потому что въ это время перенесъ шесть лихорадокъ самыхъ томительныхъ; преимущественно же я желалъ побывать въ Петербургѣ для того, чтобы подъ своимъ наблюденіемъ издать по моему плану и вкусу хотя нѣкоторыя изъ издѣлій пера моего. Желаніе мое не осуществилось. Затѣмъ съ 1863 года меня не удручала ни малѣйшая болѣзнь, кромѣ одышки и старческаго безсилія. При всемъ томъ, какъ скоро хотя немного прихожу въ силу, тотчасъ занимаюсь какимъ-либо сочиненіемъ, и тогда только скучаю, когда не могу придумать, о чемъ бы писать; а придумать это тѣмъ труднѣе, что моя библіотека скудна, а въ кишиневской семинаріи такая ничтожная, ничтожнѣе которой я не видѣлъ ни въ одной семинаріи. Если-бъ я былъ на Вашемъ мѣстѣ и рѣшился просить объ увольненіи отъ управленія епархіею, то поселился бы вблизи какой-либо духовной академіи и занимался бы изданіемъ еще новыхъ такихъ драгоцѣнныхъ сочиненій, какими ваше высокопреосвященство надѣлили св. церковь". Анатолій не сказалъ Филарету о томъ, что искалъ въ Петербургѣ *мѣста цензора.*

На покоѣ въ Бессарабіи Анатолій постоянно былъ занятъ *мыслію о родинѣ*. И въ Петебургъ онъ стремился, чтобы быть полезнымъ родинѣ. „Въ изданіи моихъ сочиненій, писалъ онъ, не имѣю ни малѣйшей корыстной мысли, хотя намѣренъ издать ихъ на свой счетъ; но вовсе не думаю выручать за нихъ денегъ, какъ не выручалъ и за прежде напечатанныя. Обыкновенно я выдавалъ издателю ихъ денежныя пособія съ условіемъ, чтобы имъ выдано было мнѣ такое количество экземпляровъ напечатанныхъ имъ книгъ, которое по цѣнѣ, имъ самимъ опредѣленной, равнялось бы количеству выданнаго мною ему денежнаго пособія, а полученные мною отъ издателя экземпляры ихъ раздавалъ желающимъ и почти всякому встрѣчному совершенно безмездно, предоставляя издателю выручать за прочіе экземпляры деньги въ свою пользу. Желаю и теперь поступить такимъ образомъ; особенно хотѣлось бы мнѣ напечатать на свой счетъ и отправить въ консисторію моей родины мои проповѣди и бесѣды для безмезднаго надѣленія ими всѣхъ приходскихъ церквей подольской епархіи". Такъ писалъ Анатолій, просясь на цензуру въ Петербургъ. Получивъ отказъ въ этомъ, онъ желалъ по крайней мѣрѣ умереть на родинѣ и для того просилъ о переводѣ въ подольскій шаргородскій монастырь; но ему предложили проситься въ какой-либо монастырь среднихъ епархій.

Огорченный неудачею, Анатолій искалъ утѣшенія въ общеніи съ такими же, какъ онъ, неудачниками: то были два образа печальнаго рыцаря, слишкомъ извѣстные В. И. Аскоченскій и К. Говорскій [1]). Мы не знаемъ, что послужило поводомъ къ сношенію съ ними Анатолія, но сохранившіяся ихъ письма къ нему показываютъ, что и Аскоченскій, и Говорскій, рисуясь своимъ якобы героизмомъ и навязываясь въ дружбу къ Анатолію, разсчитывали на поддержку изъ тощаго анатоліевскаго кармана. Въ этомъ отношеніи очень интересны и характерны для литературныхъ нравовъ ихъ письма къ Анатолію, которыя кстати мы и выпишемъ здѣсь. „Четырнадцать лѣтъ,—писалъ Викторъ Ипатичь, воюю я одинъ, безъ пособниковъ, безъ средствъ, съ глашатаями современнаго

[1]) Первый какъ издатель »Домашней Бесѣды«, второй—»Вѣстника« сперва »Юго-западной и Западной«, а потомъ, съ переходомъ въ Вильно, только »Западной Россіи«.

прогресса и съ врагами правды евангельской; состарила меня эта тяжкая, безъисходная борьба, и если не помогутъ мнѣ наши святители, то я неизбѣжно паду, лишенный всякой возможности продолжать ее.

„Ваше высокопреосвященство! Я знаю, что вы вашими сочиненіями не собрали столько сокровищъ, сколько собралъ ихъ Макарій литовскій; но знаю и то, что вы не расточаете того, что Богъ послалъ вамъ, на созиданіе себѣ кумира, а творите добро десною, не позволяя вѣдать про то шуйцѣ. Вотъ что и даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ вамъ съ усерднѣйшею моею просьбою о помощи, безъ которой опускаются мои руки и прекратится дѣло и дѣланіе мое. Поспѣшите, поспѣшите поддержать труженика, состарѣвшагося въ нескончаемой борьбѣ! Я обращаюсь ко всѣмъ святителямъ земли русской, какъ единственнымъ соучастникамъ и сочувственникамъ моего посильнаго труда.

„Если вашему высокопреосвященству случится увидѣться съ преосвящ. Петромъ [1]), то передайте ему мой старинный, дружескій поклонъ. Онъ знаетъ меня лучше, чѣмъ кто-либо, ибо мы съ нимъ дѣлили когда-то и горе, и радости, которыхъ впрочемъ было у насъ очень—очень мало.

„Въ ожиданіи скорой помощи отъ васъ испрашиваю вашего благословенія на семейство мое и на себя". *4 апрѣля 1841 г.*

Не лучше малограмотное письмо Говорскаго. „Не нахожу словъ, писалъ онъ, достойно возблагодарить вашему высокопреосвященству за оказанное вами *лѣ*стное вниманіе къ моему „Вѣстнику" чрезъ присылку, для помѣщенія въ немъ, въ высшей степени интересной статьи трудовъ вашего высокопреосвященства. Она будетъ напечатана въ двухъ книжкахъ: 8-й и 9-й и велю отпечатать нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ оттисковъ.

„Кромѣ поляковъ, „Вѣстнику" пришлось еще вести борьбу съ пагубными для цѣлости и блага Россіи тенденціями внутреннихъ ея враговъ: хохломановъ, стремящихся къ *объ*особленію Малороссіи и съ нигилистами, усиливаю*щихся* лишить вліянія наш*его*

---

[1]) Епископъ аккерманскій, викарій кишиневской епархіи, въ мірѣ Платонъ Алексѣевичъ Троицкій, воспитанникъ VII курса кіевской академіи, курсомъ выше Аскоченскаго.

духовенств*ва* на народъ, вырвавъ изъ рукъ его естественно ему принадлежащее право и обязанность народнаго образованія.

„Вѣстникъ" цѣлымъ рядомъ статей обличительныхъ неутомимо наносилъ смертельные удары стремленіямъ тѣхъ и другихъ и успѣлъ парализовать почти всѣ ихъ зловредныя затѣи. За то издатель его и ближайшіе дѣятели навлекли на себя ихъ ненависть и непримиримую вражду, а такъ какъ партіи ихъ въ Петербургѣ могущественны и имѣютъ покровителей въ лицѣ даже нѣкоторыхъ министровъ (Головнинъ), то мнѣ приходится много терпѣть разныхъ непріятностей и стѣсненій по изданію журнала. Было время, и очень недавно, что намѣревались его даже запретить. Партіи эти главнымъ образотъ вредятъ изданію, что всѣми мѣрами препятствуетъ его распространенію: по министерству напримѣръ народнаго просвѣщенія, давшему мнѣ въ прошломъ году до 400 подписчиковъ, въ настоящемъ году нѣтъ ихъ и 10-ти. И вообще малочисленность подписчиковъ въ настоящемъ году (не свыше 600) поставляетъ меня въ невозможность продолжать изданіе, такъ что если число ихъ значительно не возрастетъ, то оно прекратится на 10 книжкѣ неминуемо. Наше правительство, часто сыплющее деньги цѣлыми тысячами понапрасну, безъ малѣйшей пользы для общественнаго блага, не оказало никакой поддержки „Вѣстнику", такъ самоотверженно и храбро ратующему, въ *видахъ интересовъ* Россіи, съ ея врагами. Даже наше православное духовенство, честь котораго и права такъ смѣло и небезплодно отстаивалъ этотъ журналъ, оказалось совершенно равнодушнымъ къ поддержанію его существованія и совершенно отвернулось отъ него, не смотря на указы св. синода, рекомендующіе духовенству выписывать этотъ полѣзный органъ и для православія, и для русской народности, не изъ собственнаго кармана, а изъ церковныхъ суммъ. Изъ всей напримѣръ кишиневской епархіи выписываетъ „Вѣстникъ" только одинъ преосвященный. А вѣдь собственно-то за защиту духовенства „Вѣстникъ" лишился нѣсколько сотъ подписчиковъ и нажилъ сильныхъ враговъ!

„По неимѣнію средствъ сгруппировать вокругъ себя дѣльныхъ помощниковъ и сотрудниковъ, журналъ мой не можетъ отличаться внутреннимъ совершенствомъ, котораго при энергіи и патріотизмѣ его издателя могъ-бы онъ достигнуть, если-бы издатель обладалъ этими средствами.

„Кромѣ того, что подъ бременемъ труда, падающаго на меня одного всѣмъ тяжелымъ гнетомъ, я изнемогаю душевно и тѣлесно, я впалъ въ неоплатимые долги и семейство мое лишилъ маленькаго достоянія, которое успѣлъ было въ продолженіи долголѣтней моей службы скопить, отказывая себѣ въ самыхъ невинныхъ удовольствіяхъ, часто даже въ необходимыхъ потребностяхъ житейскихъ, такъ что, если Господь Богъ не ниспошлетъ неожиданно какой-либо помощи, то въ перспективѣ быть можетъ и близкаго будущаго видится мнѣ долговое отдѣленіе, обыкновенная награда у насъ въ Россіи самоотверженныхъ дѣятелей". 9 апрѣля 1864 года.

Совсѣмъ чужды подобной эксплоатаціи и дышатъ глубокою и безкорыстною симпатіею письма къ Анатолію бывшихъ его подчиненныхъ по могилевской епархіи. Особенно сердечны были посланія къ Анатолію отъ воспитанницъ основаннаго имъ въ Могилевѣ училища. Вотъ одно изъ нихъ.

Отецъ нашъ, пастырь несравненный!
Какъ можемъ мы тебя забыть?
Преосвященный Анатолій,
Твои къ тебѣ птенцы сласть.
Какъ голубица подъ крылами
Ты грѣлъ, питалъ своихъ дѣтей;
Ни бѣдъ, ни горестей не знали
Подъ кровомъ мудрости твоей.
Тобой обитель процвѣтала,
Тобою славился пріютъ;
И мы надеждою питались,
Что не оставишь насъ отнюдъ.
Тебя мы ждемъ, но тщетно это;
Ты навсегда оставилъ насъ,
Какъ солнце красное сокрылся
Въ странѣ далекой и чужой.
Не грѣетъ насъ твой взоръ отрадный,
Не ластитъ насъ твоя рука.

Стихи совсѣмъ плохи; но они свидѣтельствуютъ объ искренности и теплотѣ дѣтскихъ чувствъ, равно о томъ, что преосв. Анатолій не чуждался женскаго общества, хотя взглядъ его на женщину

не высокаго сорта. Въ стихотворномъ посланіи изъ мѣста своего заточенія онъ такъ предостерегалъ одного изъ своихъ кліентовъ отъ *„коварныхъ дщерей Евы“*.

„Онѣ во плѣнъ мужей себѣ берутъ
„И терзаютъ будто кнутъ.
„Ихъ кисеи, кринолины—
„Настоящія машины
„Для ловленія людей
„Холостыхъ да и мужей;
„Ихъ булавки, коафюры—
„Цѣпи мужеской натуры“...

Въ послѣдніе дни жизни преосв. Анатолій вообще на все сталъ смотрѣть зловѣщими глазами и высказывать опасенія за будущее. „Велика вамъ, паночку, дяка за вашу память о такимъ, якъ я, грішныку“, писалъ онъ между прочимъ въ отвѣтъ одному изъ своихъ друзей. „Ваше превосходительство скучаете въ Москвѣ многолюдной; щожъ-бы вы сказали, якъ-бы довелось житы въ такій, якъ я, пустыни... Не дивно, що вы все чогось жахаитесь и боитесь. Теперь въ цілымъ світі неспокійно и треба чекати якоись великои біды. Въ Могилеві и во всякому другому западному краі польскій бунтъ и сваволя; а на Руси недобри люде и пишуть, и печатають, и всими мірами тягнуть юношей къ разврату. Да въ самій Москві на масляныці въ императорскомъ театрі пистьнадцатилітні юноши и дѣвицы открыто танцювали развратнѣйшій танецъ, именуемый канканъ, въ которомъ всѣ движенія ихъ представляли любодѣяніе. Чого-жъ писля сіого дочекатись, якъ не страшного гніва Божія и пагубы?“...

Къ концу жизни Анатолій почти лишился слуха и зрѣнія. Ежедневно онъ бывалъ на всѣхъ богослуженіяхъ въ своей домовой церкви, гдѣ всѣ иконы были его собственной художественной работы. Отходилъ онъ ко сну въ девять часовъ вечера; но и во снѣ лежа произносилъ молитвы почти всю ночь. Это обстоятельство часто привлекало къ его постели любопытныхъ иноковъ, по цѣлымъ часамъ наблюдавшихъ сонное моленіе архіепископа и дививщихся знанію имъ наизусть всѣхъ службъ церковныхъ.

Не имѣя подъ руками достаточнаго матеріала, разбросаннаго по разнымъ мѣстамъ, для составленія біографіи замѣчательной во всякомъ случаѣ личности преосв. Анатолія, мы вынуждены ограничиться настоящимъ указаніемъ на нѣкоторыя его мысли и чувства. Онѣ, если и не отличаются оригинальностію и не запечатлѣны высокимъ творчествомъ, за то въ своей совокупности представляютъ типичныя черты архіерея-*печальника* весьма недавняго времени. Въ связи съ этимъ нѣкоторыя посмертныя записки Анатолія, которыя мы надѣемся вскорѣ помѣстить на страницахъ „Кіевской Старины", дадутъ читателю матеріалъ, основываясь на которомъ, онъ можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о мірѣ идей современнаго намъ православнаго западно-русскаго епископа.

К. Береза.

6 марта 1882.

Поѣздка въ Бѣлую-Церковь.

Бѣлая-Церковь—одна изъ замѣчательныхъ историческихъ мѣстностей, игравшихъ важную роль въ исторіи южнорусскаго козачества. Занимаясь этою исторіею, я уже осматривалъ многія историческія мѣстности кіевской губерніи; но Бѣлую-Церковь мнѣ до сихъ поръ удалось видѣть два раза мелькомъ—съ высоты почтовой тележки, да съ крыльца почтовой станціи. Только въ августѣ 1881 года, случайно пріѣхавши по своимъ домашнимъ дѣламъ въ Кіевъ, я сговорился съ Ѳ. Г. Лебединцевымъ (нынѣ почтеннымъ редакторомъ Кіевской Старины) и мы вмѣстѣ отправились туда по желѣзной дорогѣ.

Приходится сознаться, что въ нашемъ любезномъ отечествѣ жившія прежде насъ поколѣнія такъ мало цѣнили памятники старины, что намъ, потомкамъ, нерѣдко по неволѣ, пріѣхавши для осмотра какой нибудь исторической мѣстности, остается довольствоваться припоминаніемъ того, что уже ранѣе было нами читано или могло быть читано въ книгахъ или въ рукописяхъ, намъ извѣстныхъ. Почти то-же случилось и съ нами въ Бѣлой-Церкви. Это богатое и многолюдное мѣстечко, принадлежащее роду графовъ Браницкихъ, представляетъ мало возможности изучать его прежнюю судьбу по вещественнымъ памятникамъ. Изустныхъ преданій, касающихся мѣстной старины, еще менѣе тамъ найти можно: населеніе здѣсь все пришлое и не прямо потомственное тому, которое было здѣсь лѣтъ за двѣсти, притомъ-же оно въ значительномъ большинствѣ состоитъ изъ іудеевъ, которые, живя, какъ извѣстно, совсѣмъ иною духовною жизнію, не могутъ интересоваться преданіями русскаго народа. Самый важный остатокъ старины въ мѣстечкѣ Бѣлой-Церкви—это слѣды вала, указывающія на существованіе тамъ замка, составлявшаго и здѣсь, какъ вездѣ бывало, ядро

и охрану поселенія, что принято на ученомъ языкѣ называть греческимъ терминомъ: *акрополисъ*. Нынѣ остатки земляной насыпи, окружавшей когда-то замокъ, во многихъ мѣстахъ осыпались, а кое-гдѣ и вовсе сгладились. Замокъ былъ расположенъ на берегу рѣки Роси и слѣды его теперь замѣтнѣе со стороны рѣки, чѣмъ со стороны противоположной—отъ мѣстечка.

Существуетъ предположеніе, что Бѣлая-Церковь построена на томъ мѣстѣ, гдѣ находился въ удѣльныя времена до монголовъ городъ Юрьевъ на рѣкѣ Роси, имѣвшій своихъ епископовъ. Но это одно предположеніе, еще менѣе имѣющее за собою точныхъ указаній, чѣмъ предположеніе г. Похилевича (Сказ. о населен. мѣстностяхъ кіевск. губ. стр. 490), что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Бѣлая-Церковь, происходила битва князя Изяслава Мстиславича съ княземъ Юріемъ Долгорукимъ, подробно описанная въ лѣтописи (лѣтоп. по игнатьевск. списку годъ 1151, стр. 301—303, изд. арх. комм. 1871 года). Г. Похилевичъ дѣлаетъ такое предположеніе на томъ основаніи, что въ лѣтописи при описаніи этой битвы упоминаются рѣки, называемыя Великій Рутъ и Малый Рутъ, а въ Бѣлой-Церкви есть ручей Ротокъ, впадающій въ Рось.

Подъ настоящимъ нынѣшнимъ своимъ названіемъ Бѣлая-Церковь впервые упоминается у Стрыйковскаго при описаніи событій, совершавшихся въ XIV вѣкѣ, при великомъ князѣ литовскомъ Ольгердѣ. Стрыйковскій говоритъ, что при Ольгердѣ литовцы учинили свободными отъ татаръ Торговицу, Бѣлую-Церковь, Звенигородъ и всѣ поля отъ Очакова до Кіева и отъ Путивля до устья Дона. Старинное преданіе, сохраняющееся въ народѣ до сихъ поръ, говоритъ, будто названіе Бѣлой-Церкви пошло отъ наружнаго вида первой церкви, построенной тамъ въ новооснованшемся поселеніи: церковь эта была сложена изъ березовыхъ бревенъ, на которыхъ оставалась неободранною бѣлая березовая древесная кора. Но Бѣлая-Церковь дѣлается извѣстнымъ и значительнымъ пунктомъ только со времени основанія въ ней замка. Это произошло въ 1550 году. Основателемъ его былъ кіевскій воевода Пронскій. Этотъ первоначальный замокъ былъ скроенъ, какъ говорится, на живую нитку, такъ что черезъ двадцать лѣтъ новый кіевскій воевода, кн. Василій Острожскій, въ 1570 году, сдѣлалъ королю Сигизмунду-Августу донесеніе, что въ случаѣ непріятельскаго вторженія, котораго

всегда можно было ожидать при татарскихъ набѣгахъ, часто повторявшихся, бѣло-церковскій замокъ не въ силахъ будетъ защищаться: его валъ уже тогда въ нѣсколькихъ мѣстахъ осыпался; его четыре башни и сто пятьдесятъ городень стояли непокрытыми и во многихъ мѣстахъ подгнили, пушекъ было всего три, а другихъ орудій меньшаго размѣра хотя и было въ замкѣ до шестидесяти, но все находилось не въ должномъ порядкѣ. Донесеніе это, которое мы читали въ собраніи автографовъ императорской публичной библіотеки, не осталось, какъ видно, безъ послѣдствій. Въ дѣлахъ Литовской Метрики, хранящейся при правительствующемъ сенатѣ, есть люстрація украинскихъ замковъ, учиненная въ началѣ третьяго десятилѣтія XVII вѣка.*) Въ этой люстраціи уже нѣтъ жалобъ на худое состояніе бѣло-церковскаго замка. Изъ тогдашняго сообщенія мы узнаемъ, что замокъ этотъ, стоя на высокомъ городищѣ и обращенный одною стороною къ рѣкѣ Роси, а другою къ мѣстечку былъ опоясанъ кругомъ землянымъ валомъ, по гребню котораго былъ проведенъ частоколъ; въ замокъ вело четверо воротъ съ башнями надъ ними. Двое изъ этихъ воротъ обозначены особыми названіями: однѣ звались въѣздными, другіе—потайными. Внутри замка находились постройки: каплица (часовня), цейкгаузъ, пороховня, мѣйская комора (городское казначейство), старостинскій дворъ, девять жидовскихъ домовъ. Къ замку прилегалъ „пригородокъ", также опоясанный валомъ съ частоколомъ по гребню его и со рвомъ; по валу поставлено было пять деревянныхъ башенъ. Внутри этого пригородка было тридцать домовъ, которыхъ обитатели съ-обща держали караулы. Въ башняхъ замка и пригородка помѣщались орудія.

За замкомъ и пригородкомъ расположено было „місто", т. е. городъ въ нашемъ смыслѣ: тамъ помѣщались мѣщанскіе дворы, торговыя и промысловыя заведенія. „Місто" было также все окружено валомъ и на наружной сторонѣ вала рвомъ, по гребню вала шелъ частоколъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на извѣстномъ разстояніи воздвигнуты были башенки. Въ „місто" вело четверо въѣздныхъ воротъ, покрытыхъ сверху гонтомъ. За чертою „міста" находилось

---

*) Извлеченіе изъ этой люстраціи, судя по сходству извѣстій, сдѣлано въ

пять мельницъ и десять поташныхъ заводовъ (будъ) въ лѣсахъ прилегавшихъ къ Бѣлой-Церкви. Вотъ какой образъ Бѣлой-Церкви рисуетъ намъ эта люстрація.

Обыватели Бѣлой-Церкви были главнымъ образомъ мѣщане и козаки.

По инвентарю, составленному въ 1570 году для всѣхъ вообще городовъ украинскихъ, мѣщане бѣло-церковскіе, какъ новопоселенцы, пользовались льготами на двадцать лѣтъ. Они обязаны были держать караулы на башняхъ и на свой счетъ починять какъ острогъ, такъ и башни, расположенныя вокругъ „міста". Король Сигизмундъ III подтвердилъ всѣ прежнія привиллегіи своихъ предшественниковъ и въ 1616 году бѣло-церковскіе мѣщане получили отъ сейма навсегда льготу отъ всякихъ податей какъ посполитыхъ (т. е. общихъ для всѣхъ), такъ и особыхъ, слѣдовавшихъ къ королевскому столу: они освобождались отъ чоповыхъ поборовъ (съ винной продажи), отъ сухопутныхъ и водяныхъ мытъ. Ревизоры, производившіе въ тотъ годъ люстрацію, приводили въ доводъ необходимости дать привиллегію Бѣлой-Церкви на вѣчныя времена то обстоятельство, что этотъ городъ былъ пограничнымъ и служилъ оплотомъ противъ татарскихъ набѣговъ; его обывателямъ было много труда: кромѣ карауловъ, которыя надобно было постоянно содержать въ городѣ, они должны были высылать разъѣзды и ставить караулы въ „поляхъ дикихъ". Во время такихъ разъѣздовъ и при отправленіи карауловъ многіе погибали, застигнутые нежданно непріятелемъ.

Въ 1620 году Бѣлой-Церкви дано было магдебургское право и съ тѣхъ поръ мѣщане имѣли свою собственную сословную юрисдикцію, которая отправлялась въ замкѣ: тамъ засѣдали ихъ выборныя должностныя лица: войтъ, бурмистры и лавники.

У козаковъ было свое собственное устройство. Въ 1572 году король Сигизмундъ-Августъ указалъ пребывать въ Бѣлой-Церкви старшему надъ всѣми украинскими козаками. Старшимъ такимъ былъ тогда нѣкій Бадовскій, человѣкъ шляхетскаго происхожденія. Онъ имѣлъ пожалованный ему отъ короля дворъ въ Бѣлой-Церкви. Изъ грамоты, данной королемъ Бадовскому видно, что всѣ низовые козаки должны были одному ему подчиняться, какъ власти, назначенной самимъ королемъ, а замковыя начальства не мѣшались въ ихъ расправу; поэтому-то въ люстраціи 1616 года дворы ихъ на-

зывались непослушными, т. е. неподчиненными старостамъ и ихъ подстаростамъ, въ отличіе отъ другихъ, называемыхъ послушными. Въ тотъ годъ въ Бѣлой-Церкви послушныхъ дворовъ было триста, а непослушныхъ или козацкихъ болѣе трехсотъ. Козаки, составляя спеціально воинское сословіе, всегда охотнѣе брались за оружіе, чѣмъ за мирные промыслы. Походы въ степи и безпрестанныя драки съ татарами были ихъ обычнымъ занятіемъ, такъ какъ и татары почти каждогодно дѣлали вторженія въ жилыя мѣстности и уводили изъ нихъ въ плѣнъ толпами людей. Но какъ татары крымскіе считались данниками Турціи, то воинственные подвиги козаковъ противъ татаръ раздражали турецкаго императора: къ польскому правительству обращались требованія усмирить козаковъ и угрозы войны противъ Польши. Это вынуждало польское правительство еще со временъ Сигизмунда - Августа посылать строгія подтвердительныя грамоты, запрещавшія вообще всѣмъ украинскимъ обывателямъ заводить ссоры съ татарами. Такія королевскія грамоты [1]) посылались старостамъ, на которыхъ возлагалась обязанность удерживать обывателей отъ такихъ ссоръ и потому козаки хотя и были освобождены вообще отъ старостинской юрисдикціи, но въ то-же время въ этомъ отношеніи понуждались ей подчиняться. Отъ этого возникали пререканія между старостами и козаками, а потомъ мало по-малу непріязненное отношеніе козаковъ распространялось вообще на шляхетство по мѣрѣ того, какъ сословіе козацкое расширялось не только въ королевскихъ, но и въ шляхетскихъ наслѣдственныхъ имѣніяхъ, гдѣ по имущественнымъ и личнымъ отношеніямъ возникали столкновенія однихъ съ другими.

Бѣлая-Церковь съ своею территоріею, которая, какъ вездѣ въ малолюдныхъ и пустынныхъ краяхъ, не была точно опредѣлена въ границахъ, составляла коронное владѣніе, а какъ въ Польшѣ коронныя земли съ живущими на нихъ поселянами давались въ пожизненное владѣніе панамъ подъ титуломъ староствъ, то и Бѣлая-Церковь всегда считалась староствомъ и переходила отъ одного

---

[1]) Всѣ документы относящіеся къ козакамъ и къ Украинѣ XVI вѣка хранятся въ дѣлахъ литовской метрики при правительствующемъ сенатѣ. Нѣкоторые были напечатаны въ I томѣ Актовъ Южной и Западной Россіи, издаваемыхъ археографическою коммисіею.

старосты къ другому. Первымъ изъ бѣло-церковскихъ старостъ, извѣстныхъ по документамъ, былъ князь Янушъ Острожскій. Его замѣнилъ въ 1620 году Станиславъ Любомирскій, воевода краковскій. Но уже съ послѣднихъ годовъ XVI столѣтія сильно возрастаетъ и расширяется козачество, а наконецъ въ половинѣ XVII вѣка переворачиваетъ все вверхъ дномъ и создаетъ, хотя не на долго, новый общественный порядокъ. Періодомъ, подготовлявшимъ эпоху Хмельницкаго, можно считать пятьдесятъ пять лѣтъ съ 1593 по 1648 г. Ведется crescendo борьба козачества со шляхетствомъ, переходящая въ борьбу Руси съ Польшею, въ борьбу православія съ латинствомъ, всенароднаго равенства и всеобщей свободы съ привиллегіею и порабощеніемъ низшихъ высшими.

Въ этомъ періодѣ Бѣлая-Церковь была не разъ мѣстомъ совершенія достопамятныхъ историческихъ событій. Такъ въ 1592 году козацкій предводитель Косинскій, открывшій своимъ возстаніемъ рядъ кровопролитныхъ столкновеній козаковъ съ Рѣчью Посполитою, овладѣлъ Бѣлою-Церковью, ограбилъ дворъ подстаросты князя Булыги-Курцевича и забралъ оттуда привиллегію, данную отъ короля князю Янушу Острожскому на бѣло-церковское староство. Это было въ то время еще первое заявленіе домогательства козаковъ властвовать въ Украинѣ вмѣсто польскаго шляхетства и съ тѣхъ поръ въ столкновеніяхъ козачества со шляхетствомъ не разъ встрѣчается подобная черта: овладѣвши обиталищемъ пана, козаки считаютъ первымъ дѣломъ захватить въ свои руки тѣ документы, по которымъ панъ владѣлъ тѣмъ мѣстомъ, откуда его тогда выгоняли козаки. Въ 1595 году другой козацкій вождь Семенъ Наливайко продолжалъ начатое Косинскимъ и неоконченное дѣло. И онъ, такъ-же какъ его предшественникъ, какъ и всѣ его товарищи, воевалъ не только съ панами, но и съ ихъ бумажными документами. И въ эпоху этого козацкаго возстанія Бѣлая-Церковь играетъ немаловажную роль. Наливайко, преслѣдуемый изъ Волыни короннымъ гетманомъ Жолкѣвскимъ, 2 апрѣля 1596 года, ночью, при содѣйствіи расположенныхъ къ нему бѣло-церковскихъ мѣщанъ, вступилъ въ Бѣлую-Церковь; князь Рожинскій, прежде него посланный туда Жолкѣвскимъ, заперся въ замкѣ, но тутъ настигалъ Наливайка Жолкѣвскій и Наливайко не могъ оставаться долѣе на одномъ мѣстѣ и добывать Рожинскаго въ замкѣ. Онъ ушелъ къ Триполью,

а оттуда перебрался на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ рѣшилась печально судьба его.

За тѣмъ въ послѣдующія столкновенія козаковъ съ поляками не разъ является Бѣлая-Церковь на сценѣ историческихъ событій. Обыватели ея постоянно сочувствовали козакамъ, но при козацкихъ неудачахъ, которыя въ первой половинѣ XVII столѣтія были часты, притворно показывали повиновеніе польскимъ властямъ. Такъ въ 1637 году коронный гетманъ Николай Потоцкій, ѣхавши усмирять возстаніе Павлюка, былъ встрѣчаемъ въ Бѣлой-Церкви съ видимыми знаками покорности не только мѣщанами, но даже и бѣлоцерковскими козаками. Иначе и быть не могло. Жители были слабы противъ польскихъ военныхъ силъ; козакамъ въ войнахъ противъ послѣднихъ не было успѣха; а всякія проявленія нерасположенія къ польской власти наказывались безжалостными и свирѣпыми способами. Спасительный страхъ сдерживалъ волненіе до времени.

Но вотъ наступила Хмельнищина, и тутъ Бѣлой-Церкви выпадаетъ жребій быть одной изъ самыхъ видныхъ историческихъ мѣстностей. Въ 1648 году послѣ пораженія Хмельницкимъ польскаго войска подъ Корсуномъ и плѣна обоихъ польскихъ гетмановъ, побѣдитель заложилъ свой станъ подъ Бѣлою-Церковью, отсюда сносился съ панами, толкуя о возможности примиренія, отсюда разсылалъ народу возбудительные свои универсалы, отсюда отправлялъ въ разныя мѣста отряды козацкіе для очищенія южной Руси отъ поляковъ и іудеевъ, сюда приходили каждый день отовсюду громады народа, который хотѣлъ тогда весь окозачиться (то есть освободиться, а свобода ему представлялась не иначе, какъ въ образѣ всеобщаго козачества); здѣсь Богданъ Хмельницкій организовалъ ихъ въ полки, назначалъ полковниковъ и прочихъ козацкихъ старшинъ. Здѣсь, такимъ образомъ, устанавливался тотъ порядокъ гетманщины, съ которымъ впослѣдствіи, поступивши подъ власть московскаго государя, Малороссія, хотя уже обрѣзанная въ границахъ, существовала еще болѣе столѣтія автономнымъ политическимъ тѣломъ, какъ членъ русской державы. Стоянка Хмельницкаго подъ Бѣлою-Церковью продолжалась болѣе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Тогда-то явилось двадцать козацкихъ полковъ въ значеніи территорій съ городами; они покрывали и правую и лѣвую сторону Днѣпра. Однимъ изъ этихъ полковъ былъ полкъ бѣло-

церковскій. На послѣдовавшей въ 1649 году битвѣ противъ поляковъ подъ Зборовомъ этотъ полкъ оказался и многолюднымъ и сильнымъ. Съ этихъ поръ Бѣлая-Церковь съ ея территоріею становится подъ управленіе козацкаго полковника вмѣсто прежнихъ старостъ, какъ было подъ польскою властію. Первымъ бѣло-церковскимъ полковникомъ былъ Гиря, но онъ былъ не долго. Уже въ 1651 г. является тамъ полковникомъ Михайло Громыка.

Послѣ второй войны Хмельницкаго съ поляками на долю Бѣлой-Церкви опять выпала роль не менѣе прежняго видная и важная, хотя и не такъ славная для козаковъ. Двуличное поведеніе союзника Хмельницкаго, крымскаго хана Исламъ-Гирея, который въ критическую минуту битвы съ поляками, покинулъ съ своею ордою козаковъ, а также крайнее напряженіе всѣхъ силъ Рѣчи Посполитой — привели козаковъ къ пораженію подъ Берестечкомъ и къ опустошительному вступленію польскаго и литовскаго войскъ въ средину Украины. Послѣ сего приходилось совершиться развязкѣ всей козацкой драмы инымъ способомъ. Этой развязкѣ суждено было произойти въ Бѣлой-Церкви. Украина, наводняемая шляхетскими силами съ двухъ концевъ—отъ Волыни и отъ Литвы, энергически отбивалась, собирая послѣднія усилія, но ея гетманъ все-таки долженъ былъ подвергнуть свое дѣло уступкамъ, какъ ни противился этому народъ, вкусившій уже свободы и ни за что не хотѣвшій класть своей шеи вновь подъ шляхетское ярмо. Хмельницкій, видя невозможность не только докончить то, что оставалось недоконченнымъ по зборовскому договору, но и вполнѣ сохранить то, что пріобрѣтено было по этому договору, согласился на новый договоръ, составленный и подписанный въ бѣло-церковскомъ замкѣ. По этому новому договору онъ лишался двухъ воеводствъ, входившихъ въ гетманщину по зборовскому договору, и ограничивался только однимъ кіевскимъ воеводствомъ, кромѣ того онъ допускалъ и въ этомъ послѣднемъ располагаться польскимъ войскамъ съ цѣлію охраненія правъ тѣхъ владѣльцевъ маетностей, которымъ народъ не хотѣлъ повиноваться. Заключая этотъ договоръ, Хмельницкій находился истинно въ трагическомъ положеніи. Раздраженная толпа народная порывалась истребить и польскихъ коммисаровъ, заключавшихъ договоръ, и самого своего гетмана. Хмельницкій принужденъ былъ въ угоду панамъ разгонять булавою вторгавшуюся

въ бѣло-церковскій замокъ толпу и нѣсколькихъ положить на мѣстѣ собственноручно. Описывая это печальное событіе, малорусскіе лѣтописатели какъ-бы въ утѣшеніе представляютъ, что въ битвахъ, продолжавшихся во все то время, когда шли сношенія о мирѣ, козаки такъ храбро и стойко отстаивали себя, что задали врагамъ своимъ порядочный ущербъ. И въ самомъ дѣлѣ изъ польскихъ дневниковъ того времени видно, что полякамъ приходилось тогда очень тѣсно, и если-бы Хмельницкій еще подержался, то можетъ быть развязка окончилась бы легче для козацкаго дѣла.

Вся борьба южнорусскаго народа съ Польшею, послѣ многихъ склоненій то въ ту, то въ другую сторону, привела къ подданству московскому государю. Въ 1654 году Бѣлая-Церковь юридически и фактически стала достояніемъ царя Алексѣя Михайловича и московской державы. Леонтій Лопухинъ приводилъ ея жителей къ присягѣ. Внутреннія усобицы, возникшія въ Украинѣ послѣ кончины Богдана Хмельницкаго, довели дѣла страны до того, что на правой сторонѣ Днѣпра поляки опять стали пріобрѣтать господство; они уже помышляли также возвратить его себѣ и на лѣвой. Въ 1663 году въ Бѣлую-Церковь прибылъ польскій король Янъ Казимиръ, слѣдуя съ польскимъ войскомъ за Днѣпръ и намѣреваясь покорить лѣвобережную Украину. Въ Бѣлой-Церкви король отдыхалъ цѣлую недѣлю и въ это время по его желанію епископъ луцкій Пражмовскій устроилъ пиръ для своихъ и для русскихъ духовныхъ, и тогда происходило богословское состязаніе между іезуитомъ Пекарскимъ и православнымъ ректоромъ кіевской коллегіи Іоанникіемъ Галятовскимъ по поводу различія вѣроисповѣдныхъ догматовъ и обрядовъ. Диспутъ этотъ внесенъ цѣликомъ въ Лѣтопись Самуила Величка. Полякамъ не удалось не только покорить лѣвой стороны Украины, но и удержать правобережной, гдѣ поднялось народное возстаніе противъ нихъ, почти такое-же, какъ при Хмельницкомъ, съ тою разницею, что въ Украинѣ не достало головы, которая бы могла сплотить разрозненныя народныя силы, а московская держава не могла такъ кстати, какъ прежде, подать въ пору помощь козачеству. Тѣмъ не менѣе долго не могли поляки овладѣть правобережною Украиною и истребить тамъ враждебные себѣ козацкіе элементы.

Бѣло-церковскій замокъ, которымъ поляки овладѣли, долѣе оставался въ ихъ рукахъ, хотя бѣло-церковскій козацкій полкъ имъ

не подчинялся. Въ бѣло-церковскомъ замкѣ пребывалъ польскій комендантъ съ гарнизономъ изъ польскихъ жолнѣровъ. Такими комендантами были почти все нѣмцы (Лобель съ 1662 по 1671 г. и снова 1672—1678 г., Фитингофъ 1671—1672 г., двое Раппе 1678—1693 г. и Людвигъ де Оргеваль 1694 г.) и самый бѣло-церковскій гарнизонъ состоялъ изъ разноплеменнаго сброда, въ которомъ большинство составляли нѣмцы, служившіе въ польскомъ войскѣ. Власть коменданта не простиралась далѣе крѣпости и то надъ своимъ гарнизономъ. Тѣмъ не менѣе Бѣлая-Церковь въ рукахъ поляковъ стояла козакамъ, такъ сказать, костью въ глоткѣ. По силѣ бучачскаго договора Польши съ Турціею поляки обязались передать ее гетману козацкому Дорошенку, признавшему надъ собою покровительство Турціи, но не думали исполнять подписаннаго ими обязательства и Дорошенко нѣсколько разъ покушался овладѣть Бѣлою-Церковью, принадлежавшею ему по праву; но всѣ его покушенія остались напрасными и Дорошенко палъ, отдавшись на милость московскаго государя, а бѣло-церковская крѣпость продолжала оставаться въ рукахъ поляковъ. За паденіемъ Дорошенка и за неудачнымъ покушеніемъ Юрія Хмельницкаго утвердиться въ Украинѣ, послѣдовало окончательное запустѣніе правобережной Украины и выводъ остававшихся тамъ жителей на лѣвый берегъ Днѣпра. Изъ бѣло-церковскихъ полковниковъ второй половины XVII вѣка нѣкоторыхъ имена стали извѣстными: Тарасенко, вѣрный польскому правительству (1664—1665), Кравченко (1666), Макуха (1676), Буженко, убитый бѣло-церковскимъ комендантомъ (1673 г), Коровченко... во время опустѣнія правобережной Украины. Въ какой степени это опустѣніе постигло бѣло-церковскую территорію, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Но въ концѣ XVII вѣка опустѣлая Украина стала снова заселяться, возстановлялось козачество, а вмѣстѣ съ нимъ воскресала прежняя вражда съ польскимъ шляхетствомъ. Въ 1702 году эта вражда, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ прорывавшаяся спорадическими вспышками, разразилась народнымъ возстаніемъ, которое, по тогдашнему малолюдству, хотя было слабѣе тѣхъ, которыя поднимались при Богданѣ Хмельницкомъ и при Брюховецкомъ, но не уступало имъ въ свирѣпости враговъ другъ къ другу. Душою этого возстанія сталъ тогда Семенъ Палій: онъ былъ козацкимъ полковникомъ, собственно охотницкимъ, то есть

безъ постоянной территоріи, но утвердившись въ Хвастовѣ и призывая подъ свое знамя охотниковъ, онъ назначалъ имъ селитьбы и такимъ образомъ овладѣвалъ пространствомъ территоріи бѣло-церковскаго полка и сталъ фактически бѣло-церковскимъ полковникомъ. Будучи главнымъ руководителемъ народнаго подъема, неустаннымъ борцомъ за свободу противъ польско-шляхетскаго деспотизма, Палій нѣсколько разъ обращался къ московскому царю съ просьбою принять его со всѣмъ его полкомъ (котораго селитьбы раскинулись и на Полѣсье) подъ высокую руку православнаго государя, подобно тому, какъ принялъ царь Алексѣй Михайловичъ Богдана Хмельницкаго со всею Малою Россіею. Все было напрасно. Петръ Алексѣевичъ, по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ, дорожилъ союзомъ съ Рѣчью Посполитою, а Палій, вмѣсто помощи отъ Россіи, могъ встрѣтить съ ея стороны скорѣе содѣйствіе полякамъ къ укрощенію и подчиненію правобережнаго козачества. Палій, вмѣстѣ съ возставшимъ противъ польскаго господства южнорусскимъ народомъ, организовавшимся въ козацкій укладъ, овладѣлъ бѣло-церковскимъ замкомъ и снова предлагалъ царю Петру взять подъ свою власть всю правобережную Украину. Царь въ отвѣтъ приказывалъ Палію сдать полякамъ взятую бѣло-церковскую „фортецу“ и пребывать въ послушаніи королю польскому и Рѣчи Посполитой. Палій не слушался. Тогда по царскому указу гетманъ Мазепа арестовалъ Палія. Онъ былъ сосланъ въ Сибирь на житье въ Томскѣ (1707 г.). Вмѣсто него назначенъ былъ бѣло-церковскимъ козацкимъ полковникомъ Омельченко. Послѣ измѣны гетмана Мазепы Палій былъ возвращенъ изъ Сибири, Омельченко отставленъ, но Палій отъ старости и недуговъ не могъ уже управлять полкомъ и скоро скончался. Полковникомъ бѣло-церковскимъ назначенъ былъ Танскій, зять Палія. Пока въ Польшѣ происходили междоусобія и вмѣсто короля Августа, союзника Петрова, былъ еще другой король Станиславъ Лещинскій, избранный по волѣ шведскаго короля, Бѣлая-Церковь никакъ не могла быть возвращена полякамъ, какъ послѣдніе того домогались; но когда король Августъ снова утвердился, царь Петръ считалъ возможнымъ исполнить прежде данное обѣщаніе относительно Бѣлой-Церкви. Нѣсколько времени задержали передачу ея полякамъ попытки соумышленниковъ Мазепы. Въ 1711 году Орликъ, бывшій при Мазепѣ генеральнымъ писаремъ, а

по смерти Мазепы избранный его преемникомъ козаками, убѣжавшими въ турецкія владѣнія, послѣ полтавскаго разгрома, покушался овладѣть Бѣлою-Церковью, но не имѣлъ успѣха. Отразивши попытки мазепинцевъ отстоять проигранное Мазепою дѣло и успокоивши правобережную Украину, царь Петръ Алексѣевичъ въ 1712 году приказалъ гетману Скоропадскому сдать Бѣлую-Церковь коммисарамъ Рѣчи Посполитой.

Съ этихъ поръ изчезаетъ тамъ козацкое управленіе. Полковниковъ бѣло-церковскихъ болѣе не стало. Край, поступившій въ составъ польской державы, сталъ управляться старостами, какъ коронная маетность. Въ слѣдующемъ 1713 году обыватели кіевскаго воеводства, съѣхавшись на сеймикъ въ Житомирѣ (то былъ главный городъ воеводства послѣ перехода Кіева въ царскую державу), постановили содержать въ бѣло-церковскомъ замкѣ немногочисленный, но постоянный гарнизонъ. Бѣло-церковскія укрѣпленія были реставрированы Свидзинскимъ, региментаремъ (командиромъ) украинской партіи польскаго войска.

Во весь періодъ отъ 1648 года до возвращенія Бѣлой-Церкви подъ польскую державу существовали номинальные старосты, разумѣется, безвластные. По отдачѣ Бѣлой-Церкви старосты бѣло-церковскіе вступаютъ въ прежнія права. Старостами были въ этотъ періодъ: Станиславъ Яблоновскій, воевода русскій († 1731), Станиславъ-Винцентій Яблоновскій, воевода равскій († 1754), Юрій-Вандалинъ Мнишекъ, крайчій коронный. Такъ какъ старосты были знатные вельможи, то фактически управляли бѣло-церковскимъ староствомъ ихъ намѣстники, носившіе поэтому титулъ подстаростъ. Бѣло-церковскими подстаростами были: Шумскій († 1719), Хмелевскій († 1729), Журавскій († 1737), Боровскій († 1750), Козмянъ († 1765), Шимонъ Рыльскій († 1775 г.).

Намъ осталось описаніе Бѣлой-Церкви отъ 1765 года въ польскихъ рукописяхъ импер. публичной библіотеки, извѣстное, какъ видно, составителю польскаго географическаго словаря, издаваемаго въ наше время и еще неоконченнаго.

Крѣпость опоясывалась высокимъ землянымъ валомъ съ четырьмя выступами, называемыми ронделями; по валу шелъ частоколъ, мѣстами въ два, а мѣстами въ три ряда; въ крѣпость вело трое воротъ: однѣ съ шлягментомъ (шлагбаумомъ), другіе со взво-

домъ (ze zwodem), третьи—потайныя въ валу, закрытыя и какъ бы подземныя. Съ трехъ сторонъ около вала на наружной сторонѣ прорытъ былъ ровъ и чрезъ него мостъ, въ то время испорченный, съ четвертой стороны текла рѣка. Внутри крѣпости былъ комендантскій домъ, помѣщеніе для офицеровъ, казарма для солдатъ: строенія эти находились въ полуразрушенномъ состояніи, съ проломанными крышами, въ которыхъ проломы были прикрыты соломою, часовня, цейкгаузъ въ землѣ. Пушекъ на ронделяхъ находилось числомъ 24, а желѣзныхъ мортиръ 2, но лафеты и колеса подъ ними подгнили. Потайной ходъ, шедшій подъ валъ, требовалъ исправленія, колодезь завалился, валъ мѣстами осыпался и въ частоколѣ было не мало подгнилыхъ кольевъ. Комендантъ Карбовскій добивался, чтобы отпущена была сумма на исправленіе этой крѣпости, которая все еще могла служить оплотомъ порубежному краю, особенно отъ украинскихъ гайдамаковъ, которые въ 1750 году пытались было овладѣть этою крѣпостью, а впослѣдствіи въ 1768 году повторили свое покушеніе, но оба раза безуспѣшно, впрочемъ болѣе по причинѣ собственной неподготовки къ такому предпріятію, чѣмъ по причинѣ силы самого укрѣпленія.

По люстраціи того же 1765 года обокъ крѣпости Рѣчи Посполитой значится замокъ старостинскій (nie daleko fortecy); въ немъ были ворота дубовыя со стрѣльницами. Огороженъ былъ онъ частоколомъ; внутри—казарма для надворной пѣхоты и двѣ коморки для арестантовъ, цейкгаузъ крытый дерномъ, деревянный домъ для старосты съ конюшнею, экипажнымъ сараемъ, магазиномъ и помѣщеніемъ для писаря, который велъ дѣла о поступленіи доходовъ.

„Місто“ было опоясано валомъ съ частоколомъ по верху вала; въ него вело двое воротъ, въ которыхъ держали караулъ солдаты надворной команды. Въ „містѣ“ находилось каменное помѣщеніе для іезуитской миссіи, при немъ деревянный костёлъ. Святыни римскокатолическаго вѣроисповѣданія стали воздвигаться въ Бѣлой-Церкви послѣ отдачи ее изъ-подъ русскаго владѣнія въ польское. Іезуитская миссія основалась тамъ въ 1753 году стараніемъ старосты Яблоновскаго. Черезъ три года, въ 1746 году, она уже пріобрѣла славу. Ученые братья Залусскіе, которые оба были епископами, покровительствовали бѣло-церковскимъ іезуитамъ, а одинъ изъ братьевъ—Іосифъ такъ любилъ іезуитовъ, что и по уничтоже-

ніи ихъ ордена домогался, чтобы имъ дозволено было оставаться въ Бѣлой-Церкви хоть бы и простыми свѣтскими людьми. Уніатскихъ церквей, по изслѣдованію Похилевича (Сказаніе о населенн. мѣстностяхъ кіевск. губ. стр. 500) было въ Бѣлой-Церкви въ XVIII столѣтіи семь, число прихожанъ при каждой было не велико. Эти церкви были деревянныя: троицкая (70 домовъ, исповѣдниковъ 300), покровская (50 домовъ, исповѣдниковъ 140), преображенская (35 домовъ, исповѣдниковъ 125), Богородичная (дом. 40, исповѣдниковъ 160), успенская (домовъ 60, изъ нихъ половина въ деревняхъ, исповѣдниковъ 450), петропавловская (дом. 30, изъ нихъ треть въ деревнѣ, исповѣдниковъ 150) и каменная никольская, построенная при Мазепѣ въ 1706 году полковникомъ Мокіевскимъ, а по преданію ранѣе Паліемъ (домовъ 20, исповѣдниковъ 100). По люстраціи 1765 года въ Бѣлой-Церкви въ „містѣ" значилось хатъ (chałup) 475, кромѣ ихъ 38 хатъ, гдѣ помѣщались солдаты крѣпости и старостинской надворной команды, 283 хаты іудеевъ, осѣдлыхъ въ Бѣлой-Церкви. За исключеніемъ хатъ солдатскихъ, съ которыхъ не бралось никакихъ поборовъ, Бѣлая-Церковь, какъ староство, доставляла ежегоднаго дохода злотыхъ 266,166 и грошей 12. Изъ этой суммы платилось жалованья губернатору злотыхъ 1100, на содержаніе писаря и намѣстниковъ: лѣсничаго и ставничаго 2426 злотыхъ. За мостомъ были принадлежавшія старостству три мельницы и кромѣ нихъ еще другія двѣ на прудахъ (na stawach). Къ жителямъ бѣло-церковскимъ причислялись еще городовые козаки, которыхъ было 156; они отправляли службу въ обозахъ украинской партіи польскаго войска.

Въ 1774 году Бѣлую-Церковь постигла важная перемѣна. Сеймъ отдалъ ее во владѣніе королю Станиславу Понятовскому, а тотъ подарилъ ее въ вѣчное владѣніе коронному гетману Браницкому со всѣмъ краемъ, принадлежавшимъ къ бѣло-церковскому старостству. Въ привиллегіи, по которой получилъ ее Браницкій, значатся 134 села и два города: Бѣлая-Церковь и Ставище. Съ тѣхъ поръ до настоящаго времени она остается собственностію фамиліи Браницкихъ.

На мѣстѣ, гдѣ былъ замокъ, на существованіе котораго указываютъ слѣды полуосыпавшагося вала, стоитъ теперь красиво-построенный

вославныхъ церквей въ Бѣлой-Церкви двѣ, обѣ каменныя. Одна преображенская, другая магдалининская: обѣ построены супругою Браницкаго, племянницею славнаго Потемкина, Александрою Васильевною, урожденною Энгельгардтъ, умершею въ глубокой старости въ 1838 году. Ея прахъ покоится въ первой церкви подъ великолѣпнымъ мраморнымъ памятникомъ. Въ первой церкви достопочтенный священникъ о. Ѳедоръ Ганькевичъ показывалъ намъ икону, которою благословила при выходѣ въ замужество графиню Александру Васильевну императрица Екатерина II. Въ той же церкви хранится часть животворящаго крестнаго древа, которую подарилъ іерусалимскій патріархъ Потемкину, а тотъ передалъ своей племянницѣ. Въ углу ея обширной ограды остатки церкви Паліевой,—одинъ изъ ея придѣловъ, очень малый, спасенный отъ разрушенія въ 50-хъ годахъ священствовавшимъ тогда здѣсь о. протоіереемъ И. Г. Лебединцевымъ. Онъ имѣетъ видъ отдѣльной церкви; въ немъ есть замѣчательная икона, на которой повѣшено оригинальное золотое украшеніе, осыпанное камнями, чрезвычайно изящной работы. Говорятъ, что это было ожерелье Домны Розанды, молдавской княжны, дочери господаря Василія Лупула, жены сына Богдана Хмельницкаго Тимоѳея, знаменитой трагическою судьбою и своей семьи, и своего супруга, и собственною своею. Говорятъ, эта вещь какъ-то досталась Палію, а послѣ его паденія была отдана въ церковь. Мы слышали это отъ того-же о. Ѳедора, гостепріимно насъ пріютившаго и показывавшаго намъ достопримѣчательности Бѣлой-Церкви. Онъ руководствовался преданіемъ, переходившимъ издавна изъ устъ въ уста. Конечно, какъ преданіе, оно не можетъ имѣть за собою ничѣмъ неопровержимой достовѣрности, но вѣдь, чтобы и опровергнуть его, едва-ли найдутся доказательства.

Посѣщая Бѣлую-Церковь, нельзя было не повидать Александріи, сада гр. Браницкихъ, пріобрѣвшаго славу во всемъ южно-русскомъ краѣ. Это паркъ, очень обширный, прилегающій къ извилистой Роси; онъ расположенъ верстахъ въ двухъ отъ мѣстечка. Въ немъ съ перваго раза бросается въ глаза то, что если вы спросите: гдѣ же домъ или палацъ Браницкихъ—вамъ укажутъ на рядъ небольшихъ двухъ-этажныхъ домовъ, однообразной, хотя не лишенной изящества архитектуры, стоящихъ одинъ не подалеку отъ другого пря-

мою линіею въ срединѣ сада или парка. Вамъ укажутъ какъ на достопримѣчательность, что въ такомъ-то или другомъ домѣ помѣщалась та или иная высокая особа августѣйшаго дома, посѣщавшая когда-нибудь имѣніе Браницкихъ. Въ разныхъ мѣстахъ парка можно встрѣтить деревья, при которыхъ находится досточка съ надписью, что дерево это было посажено такого-то дня и года такою-то высокою особою. О паркѣ можно сказать мало, кромѣ того, что этотъ паркъ хорошъ, красивъ, какъ подобаетъ быть парку, созданному богатыми аристократами. Встрѣчаете цвѣточныя клумбы, бесѣдки, статуи; изъ послѣднихъ достоинъ замѣчанія мраморный бюстъ Потемкина-Таврическаго изящной работы, къ сожалѣнію, значительно попорченный. Но что особенно понравилось собственно мнѣ въ этомъ паркѣ—это превосходныя деревья, красиво растущія, тѣнистыя; вездѣ какъ будто нескончаемая весна, все свѣжо, молодо!... Хотя время, когда мы посѣщали этотъ паркъ, было половина августа, но, вступивши въ этотъ паркъ, чувствуется какъ будто еще—май. Это въ значительной степени слѣдуетъ приписать заботливому и просвѣщенному уходу за деревьями опытныхъ и знающихъ свое дѣло садовниковъ, но еще болѣе—прекрасной украинской природѣ, производящей такія натуральныя рощи, которыя легко поддаются человѣческому старанію приложить къ нимъ искусство и науку. Паркъ въ Александріи заложенъ былъ тою же графинею Александрою Висильевною Браницкою, которая построила въ мѣстечкѣ каменную церковь, гдѣ почиваетъ прахъ ея. Первымъ садовникомъ у ней былъ французъ Мюффо и ему-то принадлежитъ планъ и первоначальное устройство парка. Въ память имени основательницы паркъ и называется Александріею.

Н. Костомаровъ.

Дневникъ Станислава Освѣцима

(въ извлеченіи).

1643—1651 г.

(Продолженіе). *)

Мая 7. Польный гетманъ, рѣшился наконецъ двинуться изъ лагеря подъ Каменцемъ для соединенія съ главными силами. Выступивъ въ походъ, онъ остановился въ двухъ миляхъ у села Жердь. Сюда явился въ лагерь панъ Шумлянскій съ небольшимъ отрядомъ отборной конницы, отправленный королемъ, до котораго дошелъ ложный слухъ о томъ, будто войско польнаго гетмана осаждено врагами; онъ сообщилъ приказъ — немедленно идти въ королевскій лагерь. Между тѣмъ Хмельницкій сосредоточилъ уже свои силы на урочищѣ Гончарихѣ [1]) и, сознавая, насколько выгодно было-бы для него, еслибы удалось не допустить польнаго гетмана соединиться съ королемъ, отправилъ впередъ нѣсколько отборныхъ полковъ конницы и нѣсколько тысячъ орды, съ приказаніемъ стараться захватить у польскаго войска лошади и такимъ образомъ остановить оное на мѣстѣ, или, по крайней мѣрѣ, задержать его движеніе, пока самъ не подойдетъ съ остальнымъ войскомъ, съ которымъ онъ немедленно и двинулся вслѣдъ за передовымъ отрядомъ.

Такъ какъ онъ опасался движенія литовскаго войска, которое собиралось также выступить изъ своихъ предѣловъ и могло за-

---

*) См. январь, 126—151 стр. и февраль, 366—386 стр. „К. Ст."

[1]) Гончарихою называется обширная открытая мѣстность, лежащая на большой плоской возвышенности, раздѣляющей бассейны Случи и Южнаго Буга, на границѣ нынѣшнихъ губерній: подольской и волынской, между Межибожемъ и Старымъ-Константиновымъ.

нять области, лежавшія за Днѣпромъ, остававшіяся безъ охраны, и такимъ образомъ появиться въ тылу его войска, то, для обезпеченія себя и для охраненія заднѣпровской страны, онъ отправилъ три полка: полтавскій, черниговскій и переяславскій, составлявшіе отрядъ въ 20,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Небабы, опытнаго и хорошаго воина, которому поручилъ не допускать литовскаго войска переправиться черезъ Днѣпръ и зорко слѣдить за его движеніями.

Между тѣмъ полки, отправленные къ Каменцу, исполняя ревностно порученіе Хмельницкаго, двинулись съ такою поспѣшностью, что въ теченіи одного дня, пробѣжавъ 12 миль, изъ подъ Межибожья явились подъ Каменцемъ, но войска здѣсь уже не застали; они частью въ плѣнъ захватили, частью перебили шляхтичей, безпечно остававшихся въ той мѣстности, и немедленно двинулись въ погоню за войскомъ, получивъ новый, настоятельный приказъ отъ Хмельницкаго, чтобы захватить отступавшихъ на любой переправѣ и истребить ихъ или, по меньшей мѣрѣ, задержать. Самъ Хмельницкій со всѣми своими силами поспѣшно слѣдовалъ за ними.

Мая 9. Когда наше войско переправлялось у мѣстечка Пробужной [1]), непріятельскій разъѣздъ напалъ на нашъ аріергардъ; все войско немедленно выстроилось въ боевой порядокъ, развернувшись на пространной равнинѣ, и въ полной готовности ожидало боя, но дѣло кончилось стычками герцовниковъ; нѣсколько человѣкъ съ нашей и съ ихъ стороны было ранено выстрѣлами, одного изъ козаковъ поймали наши живьемъ, другихъ не могли настигнуть, потому что лошади ихъ были отличны. Наканунѣ одинъ изъ нашихъ разъѣздовъ доставилъ гетману нѣсколько человѣкъ татаръ. Въ тотъ-же день, видя, что непріятельское войско не наступаетъ, наши двинулись дальше къ Копычинцамъ [2]).

Мая 10. Войско наше, совершая весьма трудную переправу черезъ рѣку Серетъ у Янова [3]), постоянно ожидало появленія враговъ. Дѣйствительно они имѣли намѣреніе напасть на нашихъ, но этого не случилось, потому что полковники ихъ были отуманены водкою, какъ о томъ впослѣдствіи показали плѣнные.

---

[1]) Пробужная—мѣстечко въ чортковскомъ округѣ Галиціи, на небольшой рѣчкѣ, впадающей въ р. Сиклаву.

[2]) Копычинцы—мѣстечко въ томъ-же округѣ, на рѣкѣ Сиклавѣ.

[3]) Яновъ—мѣстечко въ тарнопольскомъ округѣ Галиціи, на р. Серетѣ.

12 мая. Не менѣе трудную переправу встрѣтило войско наше у Купчинецъ [1]). Когда все войско уже переправилось и гетманъ наблюдалъ за переходомъ обоза, оставивъ на томъ берегу для прикрытія лишь одинъ полкъ пана обознаго коронного, татаре и козаки напали на него внезапно, такъ что оно едва успѣло построиться; отбиваясь, наши стали отступать на другую сторону, расположивъ у переправы пѣхоту, которой нѣсколько десятковъ, въ томъ числѣ и начальникъ Бутлеръ, погибли по причинѣ своей нераспорядительности, ибо, слабо отстрѣливаясь, они сейчасъ-же стали отступать, конница-же не могла имъ подать помощи, по причинѣ весьма вязкой плотины. Воодушевившись этимъ успѣхомъ, непріятель сталъ отважно переправляться,—орда и козаки развернулись въ тылу нашего войска и стали налегать безпрепятственно на нашъ аріергардъ и на обозъ. Гетманъ приказалъ не вступать съ ними въ сраженіе, пока они не будутъ заманутъ подальше отъ переправы и лѣса, а тѣмъ временемъ ихъ забавляли герцовниками. Вскорѣ однако, когда они стали налегать густою массою, нѣкоторыя хоругви, вопреки запрету гетмана, бросились на нихъ въ стремительную атаку, другія-же отрѣзали ихъ отъ лѣса; они были прижаты къ пруду, гдѣ наши много ихъ убили и потопили. Нѣсколькихъ татаръ и козаковъ взяли въ плѣнъ, въ томъ числѣ Нетычай-мурзу, изъ знатной фамиліи мурзовъ даерскихъ, и каневскаго сотника Шабельниченка [2]), который занималъ прежде должность полковника. Согнавши ихъ такимъ образомъ съ поля, войско наше простояло всю ночь въ строю подъ весьма сильнымъ, холоднымъ дождемъ, не подвергаясь новому нападенію.

Того-же дня пріѣхалъ на-легкѣ панъ подканцлеръ коронный (Іеронимъ Радзеевскій) съ посланіемъ отъ кастеляна краковскаго (великаго гетмана, Николая Потоцкаго), который между тѣмъ передвинулъ свое войско изъ подъ Владиміра къ Сокалю [3]), гдѣ и расположился лагеремъ, въ сторонѣ отъ города, на берегу рѣки. Подканцлеръ, вѣроятно, посланъ былъ королемъ съ порученіемъ подготовить заблаговременно примиреніе гетмановъ—ве-

---

[1]) Купчинцы—село въ бережанскомъ округѣ Галиціи на р. Стрипѣ.

[2]) Богданъ Шебельниченко, бывшій въ 1649 году асауломъ каневской сотни; вѣроятно во время одного изъ военныхъ походовъ онъ занималъ должность наказного, т. е. исправляющаго должность полковника.

[3]) Сокаль—городъ въ злочевскомъ округѣ Галиціи, на р. Западномъ Бугѣ. Поморяны и Зборовъ—мѣстечка въ томъ-же округѣ.

ликаго и польнаго, успокоить ихъ пререканія и раздоры и склонить ихъ къ единодушію, безъ котораго не мыслимо хорошее управленіе войскомъ; порученіе это онъ исполнилъ уже раньше по отношенію къ великому гетману.

13 мая наши переправились въ Поморяны; непріятели показывались на пути маленькими отрядами въ 10—20 человѣкъ конницы, но не осмѣливались атаковать. Получивъ точныя свѣдѣнія о томъ, что сзади быстро наступаетъ Хмельницкій, желая перерѣзать путь къ Сокалю, наши сожгли въ Поморянахъ всѣ возы, которыхъ оставалось по 10 на каждую хоругвь; двѣ пушки, порохъ и больныхъ бросили въ замкѣ поморянскомъ и поспѣшили соединиться съ королемъ, проходя по двѣ и по три мили ежедневно. Враги ожидали ихъ на пути у Зборова, но они бросились въ другую сторону и, по милости Божіей, избѣжавъ этой засады съ посрамленіемъ враговъ, невредимо достигли королевскаго лагеря.

Того-же дня и мы съ паномъ конюшимъ коронным (Александромъ Любомирскимъ), собравшись какъ можно приличнѣе, отправились въ лагерь изъ Кульбушевой.

17 мая мы ночевали въ Ланцутѣ у маршала великаго короннаго (Юрія Любомирскаго), который также собрался отправиться въ лагерь.

Того-же дня король прибылъ въ лагерь у Сокаля, куда передвинулъ войско кастелянъ краковскій изъ Владиміра, какъ о томъ было выше сказано, желая воспользоваться болѣе удобнымъ мѣстоположеніемъ, защищеннымъ и рѣкою Бугомъ, и городскими укрѣпленіями. Король приказалъ немедленно возводить валы и укрѣпленія вокругъ лагеря, для большей безопасности войска, въ случаѣ еслибы непріятель аттаковалъ насъ раньше, чѣмъ соберутся всѣ ожидаемые отряды. Опасаясь, чтобы отрядъ, отступавшій отъ Каменца, не подвергся на пути большой опасности отъ преслѣдующаго его непріятеля, король отправилъ на встрѣчу ему короннаго хорунжія, Александра Конецпольскаго, съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Послѣдній впрочемъ, получивъ извѣстіе отъ отступавшихъ, что они находятся уже внѣ всякой опасности, остановился на пути, не желая напрасно утомлять своихъ солдатъ; онъ отправилъ только разъѣздъ подъ начальствомъ Забускаго для собранія свѣдѣній о непріятелѣ, такъ какъ получено было точное извѣстіе, что онъ занялъ уже Тарнополь.

18 мая, т. е. въ день Вознесенія Господня, Забускій въ полумили отъ Тарнополя наткнулся на разъѣздъ, состоявшій изъ 27 старинныхъ козаковъ, которые очень стойко отбивались и храбро и продолжительно защищались; наконецъ онъ разгромилъ ихъ и 9 человѣкъ захватилъ въ плѣнъ. Всѣ они единогласно утверждали, что замыселъ Хмельницкаго состоитъ въ томъ, чтобы всею массою ударить на королевскія силы и, какъ можно скорѣе, съ ними раздѣлаться.

19 мая всѣ мы: ихъ милости, панъ маршалъ и панъ конюшій коронные собрались вмѣстѣ въ путь изъ Ланцута, обѣдали въ Преворскѣ и ночевали въ Ярославѣ.

20 мая мы ночевали въ Любачевѣ, гдѣ промѣшкали и слѣдующій день.

22 мая панъ маршалъ выѣхалъ впередъ и ночевалъ въ Потыличѣ, мы-же, по причинѣ различныхъ дѣлъ, тронулись только вечеромъ. Этого-же дня польный гетманъ съ своимъ войскомъ, трудившимся въ теченіи всей зимы, прибылъ въ Сокаль. Король произвелъ ему общій смотръ, а потомъ всѣ полки и хоругви, каждая порознь, по обычаю, представлялись королю, передъ его палаткою. Войско это прежде достигало числа 12,000, теперь-же оно не превышаетъ 6,000; оно очень утомлено: люди измучены продолжительными трудами и лошади изморены. Хоругви какъ польскія, такъ и иностранныя очень малочисленны; многіе товарищи и большая часть челяди потеряли лошадей и явились пѣшкомъ.

23 мая. Мы соединились опять съ паномъ маршаломъ и совмѣстно ночевали въ городѣ Равѣ.

24 мая мы ночевали въ селѣ Тушковѣ вблизи Белза.

25 мая ночевали въ селѣ Боратынѣ, въ одной только мили отъ Сокаля. Отсюда я послѣ обѣда отправился въ лагерь для того, чтобы переговорить съ панами обозными объ опредѣленіи мѣста стоянки для пана конюшего и его отряда, и того-же дня на ночь возвратился въ Боратынъ. Въ эту ночь въ лагерѣ замѣчены были различныя видѣнія: ротмистръ канцлерской хоругви, находясь на часахъ съ пѣхотинцами, видѣлъ съ одной стороны въ облакахъ короля, сидящаго на золотомъ престолѣ между двумя ангелами, изъ которыхъ одинъ держалъ корону, а другой мечь надъ головою короля. Съ другой стороны венгерцы видѣли среди голубаго облака зеленый вертоградъ, очень красивый, въ срединѣ котораго они прочли латинскую надпись: „Imperator mundi“, изобра-

женную большими золотыми буквами. Они подтвердили присягою, что дѣйствительно читали эту надпись.

26 мая передъ выѣздомъ въ лагерь мы слушали мессу въ сокальскомъ костелѣ. Сюда на встрѣчу намъ выѣхали многіе полковники, сенаторы, паны и офицеры, а также болѣе 1000 товарищей изъ различныхъ хоругвей, которые привѣтствовали ихъ милостей Любомирскихъ и съ большою торжественностію провожали ихъ до королевской палатки. Ихъ милости и всѣ мы привѣтствовали короля, а потомъ ему представлялись отряды войска пана конюшаго, т. е. двѣ хоругви драгунъ и четыре хоругви отличной польской пѣхоты. Король весьма милостиво принялъ это войско.

27 мая король производилъ общій смотръ всего состоящаго на жалованьѣ войска какъ старой, такъ и новой вербовки. Чтобы избѣжать безпорядка отъ смѣшенія конницы и пѣхоты, а также потому, что трудно осмотрѣть все войско въ одинъ день, его раздѣлили на три части: польскую конницу, конницу и пѣхоту иностранную и польскую пѣхоту. По установленіи этого дѣленія, въ первый день произведенъ былъ смотръ польской конницы. Но опасаясь, чтобы непріятель не произвелъ нападенія во время смотра, приняли слѣдующія мѣры: на валахъ, которыми весьма тщательно и сильно укрѣпленъ былъ лагерь со всѣхъ сторонъ, расположена была вся пѣхота какъ польская, такъ и иностранная; въ полѣ, со стороны враговъ, поставлена была иностранная конница, числомъ 2000, также отрядъ пана Сапѣги, подканцлера литовскаго, и надворная королевская гусарская хоругвь, въ составъ которой входило до 400 человѣкъ пановъ и разныхъ урядниковъ.—Обезопасивъ такимъ образомъ лагерь отъ непріятельскаго нападенія, всю польскую конницу вывели изъ лагеря чрезъ мостъ на другую сторону Буга: она построилась въ полѣ и король долго ее осматривалъ, объѣзжая всѣ полки и хоругви. Затѣмъ онъ сталъ у моста въ сопровожденіи военачальниковъ и множества другихъ лицъ, а полки и хоругви, каждая порознь, возвращаясь въ лагерь по мосту, дефилировали передъ нимъ. При этомъ писарь польный коронный, Сигизмундъ Пржыемскій, записывалъ каждую хоругвь и получалъ отъ ея ротмистра или поручика регистръ входившихъ въ ея составъ солдатъ. Всѣ мы пересчитывали при этомъ количество людей и лошадей въ каждой хоругви, по мѣрѣ того, какъ она проходила

по мосту. Полки и хоругви слѣдовали другъ за другомъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Полкъ кастеляна краковскаго (великаго гетмана Николая Потоцкаго),—4 хоругви гусарскія: самаго гетмана, маркграфа Владислава Мышковскаго, воеводы сандомирскаго, Марка Собѣсскаго, старосты красноставскаго, и Юрія Любомирскаго, маршала великаго короннаго; 17 хоругвей козацкихъ: Владислава Лещинскаго, подкоморія познанскаго, Адама Киселя, воеводы кіевскаго, Казановскаго, старосты галицкаго, Юрія Оссолинскаго, старосты любельскаго, князя Чарторыйскаго, старосты кременецкаго, Марка Собѣсскаго, старосты красноставскаго, Яна Собѣсскаго (будущаго короля), старосты яворовскаго, Андрея Потоцкаго, Яна Даниловича, старосты ольштинскаго, стражника войсковаго Яскульскаго, Ѳомы Улинскаго, Станиславскаго, хоружнаго галицкаго, Чурила, Стефана Нѣмцевича, Стрыйковскаго и 2 гетманскія надворныя, подъ начальствомъ ротмистровъ: Чаплинскаго и Горневскаго; 3 хоругви аркебузьеровъ: Груздинскаго, кастеляна набѣльскаго, Колодзинскаго и Станислава Метельскаго.

Полкъ воеводы черниговскаго (польнаго гетмана Мартина Калиновскаго), -4 хоругви гусарскія: самого Калиновскаго, Александра Любомирскаго, конюшія короннаго, Самуила Калиновскаго, обознаго короннаго и Сигизмунда Денгофа, старосты быдгосскаго; 13 хоругвей козацкихъ: двѣ гетмана Калиновскаго, одна Самуила Калиновскаго, Цетнера, хорунжія подольскаго, Улинскаго, двѣ Аксака, Загорскаго, Криштофа Корицкаго, Горскаго, Бенедикта Уйейскаго, Самуила Линевскаго и Пясечинскаго.

Полкъ Симона Щавинскаго, воеводы брестскаго, одна его-же хоругвь гусарская и 9 хоругвей козацкихъ: 2 самаго Щавинскаго, Закржевскаго, Петроконскаго, Черніевскаго, Могильницкаго, Рокитницкаго, Сливинскаго и Феодора Белзецкаго.

Полкъ князя Еремія Вишневецкаго, воеводы русскаго: 3 хоругви гусарскія: князя Еремія, князя Димитрія Вишневецкаго и Яна Барановскаго, стольника брацлавскаго; 6 хоругвей козацкихъ: князя Еремія, 2 князя Димитрія, князя Константина Вишневецкаго, Косаковскаго, подсудка брацлавскаго и Яна Сокола.

Полкъ Станислава Потоцкаго, воеводы подольскаго: 2 хоругви гусарскія: самаго воеводы и Одржывольскаго, кастеляна черниговскаго; 11 хоругвей козацкихъ: 3 воеводы подольскаго, Потоцкаго, старосты галицкаго, Крыштофа Тышкевича, старосты

житомирскаго, Павла Потоцкаго, Карла Потоцкаго, Андрея Рѣчицкаго, Жабецкаго, Вельогорскаго и Хлѣбовскаго.

Полкъ Станислава Лянцкоронскаго, воеводы брацлавскаго: 2 хоругви гусарскія: Лянцкоронскаго и Тобіи Минора; 7 хоругвей козацкихъ: Лянцкоронскаго, Северина Пясечинскаго, подкоморія новогродскаго, Владислава Нѣмцевича, старосты овруцкаго, Сигизмунда Лянцкоронскаго, Яна Минора, Сѣменскаго и Бутлера; одна хоругвь рейтарская Тобіи Минора.

Полкъ князя Корецкаго: одна хоругвь гусарская кн. Корецкаго, 2 хоругви аркебузьеровъ Пигловскаго; 8 хоругвей козацкихъ: Казимира Мазовецкаго, старосты теребовельскаго, Казимира Пясечинскаго, старосты новогродскаго, Ермолая Гордона, Стефана Дембинскаго, Александра Бржуханскаго, Андрея Гноинскаго и Яна Бѣльскаго.

Полкъ Павла Сапѣги, воеводы витебскаго: гусарская хоругвь самаго воеводы и 4 козацкихъ: Яна Сапѣги, Крыштофа Сапѣги, Ѳомы Сапѣги, обознаго литовскаго, и Сапѣги, старосты криницкаго.

Полкъ Александра Конецпольскаго, хорунжія короннаго: его-же гусарская хоругвь и 11 хоругвей козацкихъ: Николая Зацвилиховскаго, Северина Калинскаго, Проскуры, Стрыжовскаго, Стрыбеля, Чоповскаго, Ѳомы Стржалковскаго, Чаплицкаго, Грушецкаго, Войны и Дзѣдушицкаго.

28 мая вошла въ лагерь сотня хорошихъ рейтаръ подскарбія великаго короннаго, Богуслава Лещинскаго.

30 мая. Въ лагерѣ произошло большое замѣшательство, причиною котораго была драка, случившаяся въ полѣ между слугами, поспорившими за украденнаго вола. Вскорѣ смятеніе это улеглось, но вечеромъ возникла еще большая тревога, вслѣдствіе неизвѣстно кѣмъ распространенной вѣсти, будто непріятель приближается и находится уже у Стоянова. Извѣстіе это было совершенно ложно, но неудивительно, что оно встревожило всѣхъ: у насъ скупились на расходы для посылки лазутчиковъ, полагаясь исключительно на захваченныхъ языковъ, поимкою которыхъ безпрестанно утомляли войско, они-же никогда не показывали правды.

31 мая. Ночью съ середы на четвергъ хоругвь воеводы подольскаго, Станислава Потоцкаго, находясь въ полѣ на часахъ, имѣла видѣніе: имъ предстала на воздухѣ женщина, осѣнявшая плащемъ своимъ нашъ лагерь. Полагая, что видятъ Богородицу, они немедленно преклонили колѣна и весьма набожно пропѣли

лоретанскій акаѳистъ. Видѣніе это мы приняли, какъ знакъ высшаго покровительства нашему войску и предзнаменованіе будущей побѣды. И не удивительно; ибо въ нашемъ лагерѣ набожность была весьма усердная; баракъ у королевской палатки, въ которомъ помѣщалась походная церковь и гдѣ на алтарѣ стояла чудотворная икона Богородицы, былъ постоянно, днемъ и ночью, полонъ товарищей, солдатъ и другихъ лицъ, предававшихся молитвамъ съ большимъ благочестіемъ.

1 іюня. Вступилъ въ лагерь князь Еремія Вишневецкій, воевода русскій, съ многочисленнымъ новымъ отрядомъ войска; онъ привелъ: три хоругви козацкія, одну татарскую, одну волошскую, эскадронъ драгунъ и прибавочную хоругвь князя Дмитрія Вишневецкаго. Нѣсколько сотъ однихъ товарищей и много пановъ вышли на встрѣчу этому отряду и провожали его до королевской палатки; обозъ и пѣхоту князь еще раньше прислалъ въ лагерь.

2 іюня. Ротмистры Мыслишовскій и Янджулъ привели десять добрыхъ реестровыхъ козаковъ полтавскаго Пушкаренкового полка, Мишановой сотни, которыхъ они захватили въ среду у Почаева; козаки эти вышли въ минувшее воскресеніе изъ своего лагеря, находившагося тогда у Тарнополи, для собранія борошна, т. е. провіанта. На допросѣ они сказали, что въ минувшую субботу къ нимъ пришло нѣсколько тысячъ бѣлгородской орды, вслѣдъ за которою въ 12 миляхъ находился будто самъ ханъ. Все это была чистая ложь. Затѣмъ они сказали, что въ Литву отправился старшій сынъ Хмельницкаго съ отрядомъ до 20,000 козаковъ, начальство надъ которыми поручено было Джеджалому и другимъ полковникамъ, и что послѣ сего, получивъ письмо отъ сына съ требованіемъ подкрѣпленій, Хмельницкій отправилъ туда тотчасъ Крысу, который долженъ былъ еще по селамъ созывать охотниковъ. Наконецъ, они сказали, что козацкое войско очень многочисленно, но состоитъ преимущественно изъ конницы; пѣхоты весьма мало, и кто является пѣшій, того отсылаютъ обратно домой. Это показаніе подало нашимъ поводъ къ продолжительнымъ преніямъ и къ различныхъ предположеніямъ: одни утверждали, что наборъ исключительно конницы свидѣтельствуетъ о томъ, что козаки думаютъ лишь объ удобномъ бѣгствѣ въ случаѣ, если на нихъ серьезно ударятъ; другіе, зная о томъ, что Хмельницкій состоитъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Ракочіемъ, собирающимъ войска для нападенія на наше государство, и что они часто обмѣниваются посольствами, предполагали, что Хмельницкій

намѣренъ заманить короля и все наше войско на ту сторону лѣсовъ, рѣкъ и неудобныхъ переправъ, а потомъ, когда Рокачій двинется къ Кракову, онъ съ конницею и пѣхотою, захваченною на лошадей по татарскому обычаю, быстро пойдетъ къ Кракову на помощь ему, и пока наше войско, обремененное общими и другими тяжестями, будетъ медленно тянуться, они успѣютъ многое подчинить себѣ и овладѣютъ Краковомъ. Иные высказывали, смотря по личнымъ соображеніямъ, другія догадки, но все это были лишь пустые разговоры, основанные на сомнительныхъ показаніяхъ плѣнниковъ.

3 іюня. Произведенъ былъ за мостомъ смотръ второй части войска, т. е. иностранной конницы и пѣхоты,—такимъ-же образомъ, какъ и первой части. На валахъ разставлена была польская пѣхота, а въ полѣ, на всякій случай, польская конница. Счетъ произведенъ, какъ прежде, при обратномъ переходѣ войска въ лагерь черезъ мостъ. При этомъ оказались слѣдующіе регименты рейтаръ:

Регментъ князя Богуслава Радзивилла, конюшія коронпаго; впереди его вели 4 верховыя лошади, за ними слѣдовали 6 трубачей и затѣмъ семь компаній рейтаръ, числомъ 587, подъ начальствомъ капитановъ: Бутлера, Тервтаузена, Рамбера, Бокама, Дембинскаго и маіора Пербанта. Затѣмъ 88 рейтаръ князя курфюрста брандебургскаго и 87 рейтаръ Сигизмунда Денгофа, старосты быдгосскаго.

Регментъ полковника Майдля, сильно потерпѣвшій во время зимняго похода; въ немъ 4 компаніи (227 человѣкъ) подъ начальствомъ капитановъ Сакена, Остона и Меца; затѣмъ 191 рейтаръ Станислава Денгофа, старосты вѣлюнскаго, и 107 (капитанъ Шлихтинкъ) Богуслава Лещинскаго, подскарбія коронпаго.

Регментъ воеводы мальборкскаго Валера: 435 рейтаръ, въ пяти компаніяхъ, подъ начальствомъ капитановъ: Шафгоца, Фуля, Завадскаго, Жерница и полковника Героля.

Затѣмъ слѣдовали регименты иностранной пѣхоты:

Регментъ королевскій — 1259 человѣкъ, въ восьми компаніяхъ, подъ начальствомъ: полковника Вольфа, подполковника Бутлера, маіора Гизы и капитановъ: Ратке, Циммермана, Кельбруэля, Валля 1-го и Валля 2-го.

Регментъ князя Богуслава Радзивилла—1152 человѣка, въ 8 компаніяхъ, подъ начальствомъ маіора Валля, капитановъ: Френтака, Гульдена, Штрауса, Госа, Берга, Лося и поручика

Берга младшаго. У этого регимента былъ также эскадронъ драгунъ ротмистра Фалькерсана.

Региментъ кастелляна навельскаго; его личная стража: 14 гайдуковъ съ мушкетами въ серебристой одеждѣ. Затѣмъ 801 человѣкъ въ 8 компаніяхъ, подъ начальствомъ подполковника Курдвановскаго, маіора Любовицкаго, капитановъ: Влостовскаго, Гульца, Пржыбыльскаго, Герберга, Бальцера и Мейера.

Региментъ королевича Карла—530 человѣкъ въ 6 компаніяхъ, подъ начальствомъ: полковника Крейца, маіора Крейца, капитановъ: Тоница, Геннера, Гильфельда и Олтаржевскаго.

Региментъ Гонвальда—704 человѣкъ, въ 8 компаніяхъ, подъ начальствомъ подполковника Шенка, маіора Трембока, капитановъ: Саскаго, Костки, Саскаго 2-го, Остофа, Глюкспана и поручика Бѣленскаго.

Региментъ Яцка Розважевскаго—619 человѣкъ въ 6 компаніяхъ, подъ начальствомъ подполковника N и капитановъ: Фляума, Ляпки, Моравца, Шульца и Бояновскаго.

Эскадронъ Яна Конецпольскаго 165 человѣкъ, въ двухъ компаніяхъ; капитаны: Конецпольскій и Витау. Третій капитанъ съ компаніею оставленъ въ Бродахъ въ качествѣ гарнизона.

Затѣмъ слѣдовали регименты конныхъ драгунъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Региментъ короля—150 человѣкъ—полковникъ Молль.

Региментъ воеводы мальборкскаго — 197 человѣкъ—маіоръ Мольтранъ. Этотъ региментъ сильно пострадалъ во время зимняго похода; 51 человѣкъ лишились лошадей и шли пѣшкомъ.

Региментъ Сигизмунда Пржыемскаго, писаря польнаго—291 человѣкъ; капитаны: Вэльтъ и Глогбицъ. Онъ также пострадалъ отъ зимняго похода—17 человѣкъ шли пѣшкомъ.

Региментъ Генриха Денгофа, тоже пострадавшій—291 человѣкъ, въ томъ числѣ пѣшкомъ 79; начальники: полковникъ Фликъ и капитанъ Копіусъ.

Региментъ Корфа, также пострадавшій—235 человѣкъ; капитаны: Перпезе, Яковъ Базель и Бутлеръ.

4 іюня вступилъ въ лагерь Константинъ Любомирскій, староста сандецкій, съ отрядомъ хорошихъ солдатъ, собранныхъ на его счетъ; съ нимъ было двѣ козацкія хоругви и 100 человѣкъ пѣхоты. На встрѣчу ему выѣхали также многіе товарищи. Тогоже дня пріѣхалъ татаринъ, подъ предлогомъ будто навѣстить Нетычай-мурзу, который сидѣлъ въ заперти въ отдѣльной постройкѣ

около королевской палатки, дѣйствительно-же это былъ лазутчикъ, пріѣхавшій высмотрѣть количество нашего войска, его состояніе и принятыя нами мѣры предосторожности; его постоянно не спускали изъ глазъ. Пришелъ также войтъ изъ Стоянова, заявившій, что онъ бѣжалъ изъ-подъ ареста отъ козаковъ, и сообщилъ многое о тайныхъ намѣреніяхъ козаковъ; все это была ложь, но ему сразу повѣрили и наградили его. Между тѣмъ одинъ крещеный еврей изъ Бродъ прислалъ письмо съ предостереженіемъ, что войта этого, прежде чѣмъ онъ бѣжалъ отъ козаковъ, Хмельницкій призывалъ въ свою палатку и далъ ему наставленіе, какъ онъ долженъ поступать въ нашемъ лагерѣ. Письму этому не повѣрили, пока войтъ, высмотрѣвши въ лагерѣ все, что ему было поручено, не убѣжалъ, опасаясь, чтобы наконецъ его не разгадали. Тогда только, хотя слишкомъ поздно, повѣрили предостереженію еврея. Того-же дня при звукѣ трубъ отданъ былъ приказъ, чтобы все войско было готово къ походу.

5 іюня утромъ прибылъ Пясецкій съ двумя хоругвями: конною и пѣшею; послѣ полудня произведенъ смотръ польской пѣхотѣ, которой оказалось 34 хоругви.

7 іюня вступилъ въ лагерь Янъ Замойскій, староста калусскій, съ хорошимъ отрядомъ войска, нанятымъ на его счетъ. У него было 11 хоругвей: 4 пѣхоты, 1 рейтаръ, 1 гусаръ, 3 козацкихъ и 2 драгунъ. Того-же дня пришло 6 хоругвей иностранной пѣхоты, подъ начальствомъ Дюплесси.

8 іюня. Панъ Рончковскій возвратился изъ разъѣзда, съ отрядомъ въ 30 человѣкъ изъ полка пана хорунжія короннаго. Во время разъѣзда онъ встрѣтилъ гдѣ-то у мельницы отрядъ въ 200 козаковъ, которые, увидѣвъ нашихъ, немедленно бѣжали; захватили мы только одного изъ нихъ, стариннаго козака бѣлоцерковскаго полка—Григорія Ресьневецкаго. Въ минувшій вторникъ онъ вышелъ изъ табора и съ шестью товарищами находился въ упомянутой мельницѣ. На допросѣ онъ показалъ слѣдующее: козацкое войско значительно менѣе числомъ, чѣмъ было въ походѣ подъ Збаражъ, но оно имѣетъ болѣе лошадей и лучше вооружено; орда забрала у нихъ почти всѣ *домашнія* ихъ лошади; войско ихъ стоитъ на колодынскомъ полѣ [1]) въ одной съ поло-

---

[1]) Колодно—село въ кременецкомъ уѣздѣ, волынской губерніи, на австрійской границѣ, на дорогѣ изъ Тарнополя въ Вишневецъ. Стояновъ—мѣстечко въ злочевскомъ округѣ Галиціи, на русской границѣ.

вивою мили отъ Вишневца и въ одной мили отъ Збаража; онъ слышалъ отъ своего сотника, будто Хмельницкій собирается выступить съ частью войска въ Стояновъ, но самъ предполагаетъ, что движеніе это скорѣе можетъ направиться къ Дубну. Хана съ ордою они ожидаютъ уже въ теченіи четырехъ недѣль, такъ какъ Хмельницкій и полковники обѣщали его приходъ, но по нынѣ онъ еще не явился; козаки сильно скучаютъ и ропщутъ на то, что ханъ такъ долго не исполняетъ своего обѣщанія. Хмельницкій, опасаясь, чтобы хлопы, собравшіеся въ его лагерѣ, не соскучились отъ долгаго бездѣйствія и не разбѣжались по домамъ вслѣдствіе голода, который начинается чувствоваться въ лагерѣ, созвалъ раду сначала по полкамъ, а потомъ генеральную. На радѣ, желая еще болѣе раздражить чернь противъ насъ и возбудить ея энергію, онъ объявилъ козакамъ, будто король вошелъ въ соглашеніе съ султаномъ и уступилъ ему всѣ украинскія области: кіевскую, бѣлоцерковскую, чигиринскую, черкасскую и другія, что турки ограбятъ всѣ эти области и угонятъ все населеніе въ ясыръ. Чернь, повѣривъ вполнѣ этой выдумкѣ, хотя и совершенно ложной, сильно взволновалась; на радѣ стали кричать: „если король мирится съ султаномъ *на лихо намъ*, то пойдемъ сражаться съ *ляхами*“! Тогда Хмельницкій и полковники стали держать рѣчи: „теперь когда вступимъ въ сраженіе, говорили они, не полагайтесь исключительно на ваши заступы и на ямы, которые вы себѣ роете; теперь нужно будетъ крѣпко постоять, чтобы не потерять славы козацкой и душъ вашихъ не погубить, и т. п.“ Показалъ онъ также, что *борошна* (провіянта) у старшинъ хватаетъ еще на двѣ недѣли, но у черни его уже не достаетъ. На базарѣ въ ихъ лагерѣ съѣстнаго вовсе не продаютъ и можно купить лишь водку и табакъ. Пѣхота козацкая можетъ хорошо сражаться, но конница, или, какъ они говорятъ, *кавонникъ*[1]), очень слаба: одинъ хорошій *юнакъ* одолѣетъ десятокъ конныхъ козаковъ. Татаръ у Хмельницкаго не болѣе 10,000 и потому онъ не посылаетъ ихъ въ разъѣзды, чтобы наши не захватили татарскихъ языковъ.

9 іюня. Получая постоянныя, подтверждающія другъ друга извѣстія о движеніи непріятелей по направленію къ нашему лагерю,

---

[1]) Въ показаніяхъ Ресьпевецкаго всѣ слова и обороты, напечатанные курсивомъ, въ подлинникѣ Освѣцима написаны по русски.

король нашелъ, что у Сокаля мѣсто для будущей битвы не удобно, такъ какъ войску негдѣ было развернуться въ полѣ, потому онъ рѣшилъ перевести войско къ Берестечку, намѣреваясь, въ случаѣ надобности, двинуться и дальше на встрѣчу врагамъ и попробовать счастія въ битвѣ съ нимъ, раньше прихода хана съ татарскою ордою. Опасаясь однако, чтобы непріятель, о котораго движеніяхъ доходили лишь не точныя свѣдѣнія, не предупредилъ насъ и не занялъ переправы (чрезъ Стырь) у Берестечка, король отправилъ хорунжія короннаго (Александра Конецпольскаго) съ значительнымъ отрядомъ войска, поручивъ ему быстро двинуться въ Берестечко, овладѣть городомъ и переправою и удержать ихъ до прихода всего войска.

Въ это время получено было весьма забавное извѣстіе о Хмельницкомъ и о его женѣ: послѣдняя влюбилась въ какого-то часовщика, котораго мужъ ея оставилъ дома въ качествѣ дворецкаго; она вступила съ нимъ въ тѣсную связь и стала вредить мужу, въ чемъ только могла. Долго все это сохранялось въ тайнѣ, пока Хмельницкому не понадобилось прибѣгнуть къ своей денежной казнѣ, храненіе которой онъ поручилъ тому-же часовщику. Вынимая изъ своего хранилища деньги для уплаты татарамъ, онъ не досчитался одного боченка съ червонцами; сразу онъ подумалъ, что боченокъ этотъ могъ взять его сынъ, отправляясь въ походъ въ Литву; но на вопросъ объ этомъ, сынъ заявилъ ему въ письмѣ, что не только не бралъ боченка, но даже и не зналъ о его существованіи; тогда онъ приказалъ подвергнуть пыткѣ своего излюбленнаго казначея и такимъ образомъ вынудилъ у него признаніе не только въ покражѣ боченка, но и въ незаконной связи съ женою. Услышавъ это признаніе, Хмельницкій, не долго думая, перемѣнилъ страстную любовь къ женѣ на гнѣвъ, не столько за покражу золота, сколько за измѣну супружеской вѣрности, и приказалъ обоихъ виновныхъ, раздѣвъ до-нага, связать вмѣстѣ, sicut erant in actione adulterii, и въ такомъ видѣ повѣсить. Все сіе разсказывалъ намъ за ужиномъ самъ король, весьма потѣшаясь этимъ происшествіемъ.

10 іюня. Вступилъ въ лагерь коронный мечникъ, Михаилъ Зебржыдовскій съ прекраснымъ отрядомъ войска; онъ привелъ: хорошую хоругвь польской пѣхоты, хоругвь драгунъ, хоругвь козацкую и прекрасную хоругвь гусаръ. Затѣмъ чашникъ саноцкій, Козловскій, представилъ королю козацкую хоругвь и нѣсколько десятковъ драгунъ, собранныхъ имъ на собственный счетъ. Того-

же дня Андрей Фредро доставилъ хорошую козацкую хоругвь, также на свой счетъ набранную.

Въ это время среди той части войска, которая была давно навербована, начались смуты и безпорядки; войско это во время зимняго похода сильно пострадало отъ усиленной и безпрерывной дѣятельности (какъ это обнаружилось во время смотра); товарищи лишились коней какъ боевыхъ, такъ и ломовыхъ, потеряли челядь и боевые припасы; вслѣдствіе этого они заявили, что не имѣя средствъ для прокормленія и притомъ, лишившись всего, что необходимо исправному воину, они не будутъ въ состояніи тронуться въ походъ съ королемъ противъ непріятеля, если не получатъ значительной денежной суммы, на которую имъ нужно пріобрѣсти все необходимое для похода. Заявленіе это затормозило королевскіе планы и было весьма тягостно какъ для короля, такъ и для всей Рѣчи Посполитой, особенно потому, что случилось въ то именно время, когда рѣшено было двинуться на врага; сладить съ этимъ обстоятельствомъ было трудно, потому что не только не было готовыхъ денегъ для уплаты солдатамъ, но и не предвидѣлась возможность добыть ихъ. Король съ гетманами и сенаторами, находившимися въ лагерѣ, сталъ совѣтоваться о томъ, какія-бы придумать средства для того, чтобы успокоить солдатъ, очевидно сильно нуждавшихся въ поддержкѣ, и уговорить ихъ прекратить пререканія, хотя и справедливыя, и возвратиться къ должному повиновенію власти. Очевидно этого нельзя было достичь безъ денегъ, а послѣднихъ добыть было весьма трудно. Пришлось въ крайности прибѣгнуть къ тому средству, которое недавно Рѣчь Посполитая порицала, называя публично разбоемъ, когда нѣкоторыя лица, точно въ такихъ-же обстоятельствахъ, прибѣгли къ нему во Львовѣ послѣ бѣгства изъ-подъ Пилявы. Необходимость однако, какъ утверждали, заставила обратиться къ тому, что такъ недавно охуждалось. Средство это состояло въ слѣдующемъ: всѣ шляхтичи той мѣстности, полагаясь на укрѣпленія Сокаля, свезли въ этотъ городъ болѣе цѣнное свое имущество и помѣстили его на храненіе въ сокальскомъ монастырѣ, какъ въ мѣстѣ болѣе безопасномъ. Въ совѣтѣ королевскомъ рѣшено было: оповѣстивъ шляхтичей, пересмотрѣть ихъ имущество, а въ случаѣ, если бы они воспротивились, насильно вскрыть ихъ сундуки и хранящіяся въ нихъ деньги взять, въ качествѣ принудительнаго займа, выдавъ владѣльцамъ квитанціи въ обезпеченіе возврата взятыхъ денегъ, и такимъ образомъ удовлетворить сол-

дать. Средство это было ужасно и необычно и вызвало сильное волненіе среди дворянъ той мѣстности; лица высокопоставленныя, сенаторы, по опредѣленію короля и его совѣта, были отправлены для приведенія въ исполненіе столь гнуснаго дѣла, и должны были ломать чужіе сундуки. Это позорное дѣйствіе не принесло впрочемъ желанной пользы, вслѣдствіе-ли сопротивленія шляхтичей, или можетъ быть потому, что большихъ суммъ денежныхъ у нихъ не было. Оказалось необходимымъ обратиться къ другимъ источникамъ; но какъ ихъ не было подъ рукою, то пришлось прибѣгнуть къ подаянію. Стали собирать, будто милостыню, у сенаторовъ, пановъ, офицеровъ и вообще у всѣхъ болѣе зажиточныхъ лицъ. Каждый давалъ въ займы по возможности: нѣсколько тысячъ, нѣсколько сотъ или даже нѣсколько десятковъ злотыхъ, и такимъ образомъ старались сколотить нужную сумму. Но какъ никто не бралъ въ лагерь лишнихъ денегъ и запасался лишь количествомъ необходимымъ для своего содержанія, то собранная сумма оказалась далеко недостаточною; возможно было выдать на каждую хоругвь только по 1,000 злотыхъ. Долго солдаты не желали удовлетвориться столь малою платою, утверждая, что она окажетъ имъ слишкомъ мало помощи; но наконецъ, принявъ во вниманіе невозможность добыть болѣе денегъ и уступая настойчивымъ просьбамъ короля, они рѣшили оставить свое упорство, удовлетвориться пока и незначительною суммою и подождать присылки денегъ, обѣщанныхъ имъ въ скоромъ времени коронным подскарбіемъ.

Іюня 10. Хорунжій коронный прислалъ увѣдомленіе, что, благодаря поспѣшности его движенія, онъ успѣлъ занять раньше прихода непріятелей Берестечко и переправу черезъ Стырь, расположилъ войско для охраны занятой позиціи и отправилъ разъѣзды въ окрестности, въ которыхъ кругомъ дѣйствительно виднѣются въ разныхъ мѣстахъ большіе огни; извѣщаетъ онъ также и о томъ, что козаки опустошаютъ Волынь и Подляхію и угоняютъ весь скотъ, желая подготовить для насъ голодъ.

Іюня 11. Когда вслѣдствіе вышеприведеннаго увѣдомленія, мы собирались уже тронуться, получено было утромъ извѣстіе, хотя и не вполнѣ достовѣрное, что во вторникъ, т. е. 7-го іюня, видѣли хана съ ордою у Винницы. Соображая время, легко было разсчитать, что онъ или соединился уже съ Хмельницкимъ, или подошелъ весьма близко къ его лагерю. Извѣтіе это оказало большое вліяніе на прежнія распоряженія и планы: король вновь рѣ-

шилъ оставаться у Сокаля и ожидать здѣсь прихода враговъ, о которомъ постоянно приходили вѣсти: показалось выгоднымъ не оставлять лагеря, хорошо укрѣпленнаго, кругомъ обнесеннаго валами и сзади обезпеченнаго теченіемъ Буга, судоходнаго въ этомъ мѣстѣ. Вслѣдствіе этихъ соображеній король отправилъ приказъ коронному хорунжію, чтобы онъ возвращался въ лагерь изъ Берестечка. При звукѣ трубъ объявленъ былъ солдатамъ приказъ запасаться провіантомъ, причемъ опубликовано было разрѣшеніе безпрепятственно брать вездѣ съѣстное. Разрѣшеніе такое никогда прежде не давалось сколько нибудь порядочными военачальниками и оно было поводомъ разоренія всей Волыни, ибо немедленно солдаты, слуги и иностранцы разсѣялись отрядами во всѣ стороны и не только стали грабить скотъ, провіантъ и всякое имущество въ домахъ бѣдныхъ крестьянъ, но и дворы и замки, въ которыхъ затворились въ ожиданіи непріятелей шляхтичи съ своими подданными, по-непріятельски брали приступомъ и своихъ-же, подъ предлогомъ, что они русской вѣры, истребляли огнемъ и мечемъ, какъ будто находясь въ непріятельской землѣ.

Въ тотъ-же день пришли дворяне сандомирскаго воеводства и, раздѣлившись на повѣты, расположились за мостомъ, на горахъ, прилегавшихъ къ лагерю. Такъ какъ приближалось поголовное ополченіе дворянъ и другихъ воеводствъ, то для облегченія имъ, въ случаѣ нужды, переправы на нашу сторону, рѣшено было построить другой мостъ на Бугѣ. Писарь польный и съ нимъ насъ нѣсколько человѣкъ ѣздили для выбора удобнаго мѣста; впрочемъ предпріятіе это не осуществилось по причинѣ безурядицы, господствовавшей тогда въ нашемъ лагерѣ.

Въ это время король разсердился на Іеронима Радзеевскаго, подканцлера коронного. Давно уже разные наушники, которыхъ всегда много при дворѣ, сообщали ему сплетни и подозрѣнія о томъ, что подканцлеръ ведетъ частную переписку съ королевою; желая провѣрить эти слухи, король приказалъ перехватить письмо подканцлера, адресованное королевѣ. Все письмо было наполнено разсужденіями о ничтожествѣ и неспособности короля, о неумѣніи его управлять войскомъ, о его легкомысленности и непостоянствѣ и вообще заключало многое, позорящее славу и репутацію короля. Не мало досталось и на долю любимцевъ королевскихъ Тизенгаузена и королевскаго духовника Цѣцишовскаго, издавна враждовавшихъ съ подканцлеромъ. Наконецъ послѣдній упоминалъ съ большимъ раздраженіемъ и о

своей женѣ и жаловался на то, что она состоитъ въ тайной связи съ королемъ. Прочитавъ это письмо, король сильно вспылилъ и немедленно отправилъ придворныхъ коронныхъ чиновниковъ къ подканцлеру съ порученіемъ прочитать ему выговоръ за его вѣроломство и интриги и сообщить запретъ появляться впередъ не только въ палатѣ королевской, но и на засѣданіяхъ совѣта. Тяжелъ былъ этотъ ударъ для подканцлера, когда онъ узналъ, что перехвачена его частная переписка съ королевою и что онъ навлекъ на себя справедливый гнѣвъ монарха; однако онъ повиновался полученному приказанію не столько по обязанности, сколько изъ уваженія къ королю. По прошествіи нѣкотораго времени, вслѣдствіе вліянія сенаторовъ, король разрѣшилъ подканцлеру, какъ важному сановнику, присутствовать на засѣданіяхъ совѣта, но грамотъ и привиллегій, исходившихъ изъ его канцеляріи, не хотѣлъ подписывать. Когда королева узнала объ этомъ происшествіи, то до того разгнѣвалась на жену подканцлера, что не только воспретила ей показываться у двора, но и всѣмъ дамамъ, женамъ сенаторовъ, жившимъ въ Варшавѣ, подъ опасеніемъ своей немилости, запретила навѣщать ее и имѣть съ нею общеніе.

Іюня 12. Обычное непостоянство и перемѣнчивость въ рѣшеніяхъ опять проявились. Король постановилъ было оставаться въ укрѣпленномъ лагерѣ и ожидать въ немъ врага, но теперь вдругъ перемѣнилъ это рѣшеніе и хотѣлъ передвинуть лагерь на другое мѣсто, основываясь на слѣдующихъ побужденіяхъ: 1) что въ лагерѣ накопилось много нечистотъ, воздухъ испортился, и это служитъ причиною болѣзней, которыя начали свирѣпствовать въ войскѣ, особенно среди пѣхоты; 2) что мѣсто неудобно и тѣсно для того, чтобы развернуться столь большому войску, которое еще должно было умножиться послѣ прихода дворянскаго поголовнаго ополченія; 3) что небольшое поле, прилегавшее къ лагерю, неудобно для сраженія и по тѣснотѣ его, и потому, что къ нему прилегаетъ лѣсъ, который намъ будетъ служить препятствіемъ, а врагамъ пособіемъ; 4) что, наконецъ, близость города неудобна, потому что во время битвы трусливые будутъ скорѣе бѣжать съ поля сраженія, надѣясь на городскія укрѣпленія. Руководясь этими соображеніями, король отправилъ польнаго писаря для выбора лучшей мѣстности для лагеря, но тотъ, проѣздивъ цѣлый день, не могъ найти не только лучшаго, но и столько же удобнаго мѣстоположенія, и потому пришлось оста-

ваться на мѣстѣ. Король отправился осматривать валы, старые и осыпавшіеся приказалъ поправить, а новые, гдѣ было нужно, возвести. Замѣтивъ, что князь Вишневецкій, староста калусскій, и другіе расположились лагеремъ внѣ укрѣпленій въ полѣ, онъ приказалъ имъ перейти внутрь вала, затѣмъ кварцяному войску, стоявшему въ полѣ безъ всякихъ ретраншаментовъ, онъ повелѣлъ придвинуться къ городу и укрѣпиться прибавочнымъ валомъ.

Въ тотъ же день панъ Денгофъ привелъ 5 взлодовъ отличныхъ драгунъ и съ его приходомъ пополнился весь комплектъ наемнаго войска Того-же дня пришла еще хоругвь польской пѣхоты, нанятая для услуги Рѣчи Посполитой на счетъ жены подскарбія коронваго.

Мы получили извѣстіе о разгромѣ отряда, состоявшаго изъ хоругвей подканцлера литовскаго и воеводича сандомирскаго. Отрядъ этотъ въ 150 человѣкъ конницы отправился въ разъѣздъ, но не зная мѣстности въ этомъ краѣ, онъ былъ измѣннически преданъ козакамъ какимъ-то хлопомъ; десятка два погибло, остальные разсѣялись.

Іюня 13. Въ лагерь пришла татарская хоругвь князя Корецкаго и представилась королю. Дворяне сандомирскаго воеводства, расположившіеся было повѣтами на горахъ, соединились въ одну дивизію подъ начальствомъ своего воеводы и всѣ вмѣстѣ расположились лагеремъ у самаго берега Буга, между мостомъ и стоянкою дворянъ белзскаго воеводства, которые давно уже пришли и стояли также надъ рѣкою, нѣсколько въ сторонѣ отъ моста. Вечеромъ возвратился въ лагерь изъ Берестечка, вслѣдствіе королевскаго приказанія, хоружій коронный (Алекс. Конецпольскій) съ своимъ отрядомъ.

(Продолженіе будетъ).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ НАРОДНАГО ОВРАЗОВАНІЯ.

(Приложеніе къ статьѣ: Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ. «Кіев. Ст.» февр. и март. кн. 1882 г.).

РАПОРТЪ[1]

Пресвѣтлой Коммисіи Просвѣщенія о генеральномъ осмотрѣ въ 1789 г. школъ:

1) Состоящихъ при главной краковской школѣ;

въ округѣ малопольскомъ:

2) окружныхъ люблинскихъ, академическихъ;

3) подъокружныхъ сандомірскихъ, академическихъ;

въ округѣ волынскомъ:

4) окружныхъ кременецкихъ, академическихъ;

5) подъокружныхъ каменецкихъ, „ „

6) „ „ луцкихъ, „ „

7) „ „ олыцкихъ, „ „

8) „ „ владимірскихъ, базиліанскихъ;

9) „ „ острогскихъ. „ „

10) „ „ шаргородскихъ, „ „

11) „ „ барскихъ, „ „

въ округѣ украинскомъ:

12) окружныхъ винницкихъ, академическихъ;

---

[1]) Заимствованъ изъ книги, хранящейся въ варшавскомъ центральномъ архивѣ подъ № 222: „Rapporta wizyt generalnych od roku 1782 do roku 1793.“ Мы избрали этотъ рапортъ потому, что а) онъ относится къ тому времени, которымъ оканчивался полный курсъ обученія, устроеннаго на основаніи устава 1783 года; б) онъ полнѣе и во многомъ обстоятельнѣе другихъ визитаторскихъ рапортовъ; в) относясь ко времени народныхъ волненій на Волыни и Украйнѣ, онъ даетъ намъ возможность тѣмъ живѣе представить себѣ глубокое противорѣчіе школы мѣстнымъ народнымъ потребностямъ.

13) подъокружныхъ житомірскихъ, академическихъ;
14) „ „ любарскихъ, базиліанскихъ;
15) „ „ овручскихъ, „ „
16) „ „ каневскихъ, „ „
17) „ „ уманскихъ. „ „

въ округѣ піарскомъ:

18) подъокружныхъ межирѣчскихъ;
19) „ „ холмскихъ.

Составленъ ксендзомъ Мушинскимъ, докторомъ двухъ правъ (т. е. церковнаго и гражданскаго) и философіи, вице-профессоромъ наукъ коллегіи моральной, генеральнымъ визитаторомъ, и представленъ въ генварѣ 1790 года".

„Получивъ 25 апрѣля отъ ксендза-секретаря визитаторскія полномочія, выписку нѣкоторыхъ пунктовъ изъ инструкціи пресвѣтлой коммисіи, инструкцію главной школы, рапортъ о прошлогоднемъ генеральномъ осмотрѣ школъ и три рапорта объ осмотрахъ, произведенныхъ ректорами округовъ: малопольскаго, волынскаго и украинскаго, я на другой-же день, не имѣя даже времени осмотрѣться въ обязанностяхъ, возложенныхъ на меня, началъ осмотръ школъ, состоящихъ при главной краковской школѣ, каковой осмотръ продолжался полторы недѣли. Послѣ сего я выѣхалъ въ Сандоміръ, а оттуда въ Люблинъ. Далѣе я не могъ ѣхать, по причинѣ всеобщей тревоги, въ виду распространившихся на Волыни и Украйнѣ волненій[1]), и потому я вынужденъ былъ (на основаніи разрѣшенія, положеннаго въ уставѣ гл. 4, п. 8 въ концѣ) уполномочить къ тому ректоровъ, проректоровъ и префектовъ,

---

[1]) Сущность и характеръ волненій 1789 года, точнѣе польскаго террора этого времени на Волыни и Украйнѣ, достаточно раскрыты въ запискахъ современника, грекоуніатскаго архипресвитера Ѳеодосія Бродовича (напеч. въ *Чтеніяхъ импер. общества ист. и древностей россійскихъ* за 1869 г. кн. I и II). Такія мѣры, какъ закрытіе всѣхъ русскихъ церковныхъ школъ, исключеніе русскаго языка изъ программы среднихъ школъ, принужденіе базиліанскихъ монаховъ устранять въ своихъ школахъ восточные праздники, стѣсненіе восточнаго богослуженія, проэктъ полнаго уничтоженія восточнаго, славянскаго богослуженія въ предѣлахъ Волыни, появившійся на сеймахъ въ 1787 году, могли и сами по себѣ вызвать въ русскомъ населеніи глубокій ропотъ. Поляки отвѣчали на этотъ ропотъ жестокими казнями священниковъ и крестьянъ, арестомъ православнаго епископа, поголовнымъ преслѣдованіемъ уніатовъ и православныхъ жителей.

извѣстныхъ пресвѣтлой коммисіи своими способностями и заслугами. Эти лица исполнили за меня мои обязанности. Одно лицо не могло бы выручить меня, не подвергшись той опасности, которая принудила меня вернуться изъ Люблина въ Краковъ; поэтому я раздѣлилъ мои обязанности между нѣсколькими лицами, которыя, визитуя сосѣднія, ближайшія къ нимъ школы, могли-бы быть спокойными въ дорогѣ за свою жизнь и болѣе соотвѣтственно удовлетворить интересамъ обученія".

Лица, которымъ поручен осмотръ.

I. Я самъ осмотрѣлъ школы: краковскія, люблинскія и сандомірскія.

II. Ксендзъ Вжещъ, каѳедральный каноникъ кіевскій и каменецкій, ректоръ украинскаго округа, осмотрѣлъ школы: кременецкія, винницкія, каменецкія, шарогродскія и барскія.

III. Ксендзъ Трефлеръ, холмскій каѳедральный каноникъ (каѳедры римско-католической), ректоръ малопольскаго округа, осмотрѣлъ только школы холмскія.

IV. Ксендзъ Свѣбоцкій, пробощъ кременецкій, ректоръ волынскаго округа, осмотрѣлъ школы межирѣчскія и острожскія.

V. Ксендзъ Одынецъ, кіевскій каѳедральный каноникъ, депутатъ въ коронномъ трибуналѣ, проректоръ житомірскій, осмотрѣлъ школы: житомірскія, любарскія и каневскія.

VI. Ксендзъ Брошнёвскій, луцкій проректоръ, осматривалъ школы: луцкія, олыцкія и владимірскія.

VII. Ксендзъ Соболевскій, кіевскій каѳедральный каноникъ, эмеритъ, осматривалъ только школы овручскія.

VIII. Г. Кубешевскій, префектъ винницкій, нынѣ проректоръ сандомірскій, осматривалъ только школы уманскія".

„Каждому изъ этихъ избранныхъ (subdelegowanych) мною визитаторовъ я послалъ инструкцію, составленную приспособительно къ общимъ для всѣхъ школъ и къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ этой инструкціи я помѣстилъ рѣшенія пресвѣтлой коммисіи и порученія главной школы. Возникавшія въ разныхъ школахъ затрудненія я устранялъ посредствомъ постоянной корреспонденціи".

„Здѣсь надлежало-бы описать способъ осмотра школъ; но такъ какъ каждый изъ визитаторовъ употреблялъ такой способъ, который признавалъ найлучшимъ, то я дамъ о немъ отчетъ послѣ изложенія самаго осмотра".

ИЗЛОЖЕНІЕ ОСМОТРА[1])

Округъ сольнецкій.

Школы кременецкія[2]), академическія, о шести учителяхъ.

Ректоръ окружной ксендзъ Лука Свѣбоцкій, пробощъ кременецкій.
Префектъ г. Каспаръ Лучевскій, докторъ философіи.
Учителя: I класса—ксендзъ Францишекъ Мысловскій,
II „ ксендзъ Венедиктъ Кшетъ,
Краснорѣчія—г. Іосафатъ Висѣкерскій,
Математики—г. Карлъ Мировскій,
Физики—г. Матвѣй Оцвѣевскій,
Права—г. Антоній Ярковскій.
Преподаватели (metrowie): нѣмецкаго языка—г. Гентцъ и французскаго языка—начинающихъ—г. Антоній Ярковскій, профессоръ права, и успѣвающихъ (postępujących)—г. Карлъ Мировскій, профессоръ математики.

Генеральный осмотръ произведенъ ксендзомъ Вжещемъ, начатъ 20, оконченъ 29 іюля.

Сущность рапорта его.

Школьныя записи (xięgi rządowe) Всѣ найдены мною въ порядкѣ. Я поручилъ завести книгу протоколовъ съ изложеніемъ въ нихъ учительскихъ (мѣсячныхъ) рапортовъ объ ученикахъ.

---

[1]) Опускаемъ осмотръ школъ краковскихъ, сандомірскихъ и люблинскихъ и ограничиваемся школами, находившимися среди сплошнаго русскаго населенія.

[2]) Въ Кременцѣ первоначально существовала іезуитская коллегія, устроенная около 1720 года, на иждивеніи князя Януша Антона Вишневецкаго. По закрытіи іезуитскаго ордена, комиссія просвѣщенія преобразовала эту коллегію въ подъокружныя школы, оставивъ въ нихъ часть профессоровъ—іезуитовъ, а съ 1783 г. въ окружныя. Іезуиты содержали при своей коллегіи два конвикта, одинъ для дѣтей убогой шляхты, другой для новокрещенныхъ или ихъ дѣтей. Оба эти конвикта помѣщались въ двухъ различныхъ зданіяхъ. Комиссія просвѣщенія соединила эти два конвикта въ одинъ, назначивъ въ немъ всѣ вакансіи для бѣдныхъ шляхетскихъ дѣтей. Зданіе коллегіи отведено подъ квартиры учителей. Послѣ присоединенія Волыни къ Россіи (1792), кременецкія школы поступаютъ подъ покровительство извѣстнаго Ѳаддея Чацкаго и, по преобразованіи ихъ въ лицей, служатъ образцомъ и руководителемъ обученія во всѣхъ школахъ Волыни и Украйны до 1830 года (Historya szkół—Лукашевича, т. 4. Здѣсь собраны историческія свѣдѣнія о всѣхъ школахъ, бывшихъ въ Польшѣ. Эти свѣдѣнія во многомъ расходятся съ указаніями, разсѣянными въ извѣстной: *Starożytna Polska*—Балинскаго и Ляпинскаго. Но Лукашевичъ безпристрастнѣе послѣднихъ авторовъ и располагалъ большимъ количествомъ матеріаловъ).

Личныя бесѣды (rozmowe osobiste т. е. съ каждымъ изъ служащихъ наединѣ). Изъ нихъ я узналъ: 1) что ректоръ непріятенъ учителямъ, а еще болѣе нѣкоторые учители ректору. (Заявляли) будто ректоръ, будучи вмѣстѣ и пробощемъ, не заботился о благѣ и цѣлости учебнаго заведенія (zgromadzenia), исходатайствовалъ, во вредъ ему, разрѣшеніе пресвѣтлой коммисіи на отдачу финансовымъ чиновникамъ нѣкоторой части дома и флигелей, особенноже каменныхъ конюшенъ, въ чемъ я вижу большую со стороны ректора ошибку и небрежность (и—нетолько какъ ректора, но и какъ пробоща), такъ какъ онъ не взвѣсилъ, какія изъ этихъ частей дома и флигелей могли быть уступлены, а какія необходимо было оставить въ пользованіи учебнаго заведенія; 2) желанія служащихъ лицъ, о которыхъ скажу въ особой главѣ.

Богослуженіе исполняется по уставу (учебному) въ присутствіи префекта и учителей. О проповѣдникѣ свидѣтельствуютъ, что онъ лучше того, который былъ избранъ въ прошломъ году.

Домъ, училищныя комнаты. Наибольшей починки требуютъ: 1) двѣ башенки—одна надъ училищными воротами, другая надъ коллегіей; 2) значительная часть покрышки надъ помѣщеніемъ ректора и библіотеки; 3) покрышка на башняхъ костела, на зданіяхъ коллегіи и школъ; 4) необходимо исправить крышу на всѣхъ этихъ зданіяхъ, замѣнивъ мѣстами старый матеріалъ новымъ; 5) необходимо снять штукатурку со сводовъ двухъ верхнихъ корридоровъ, въ которыхъ образовались такія трещины, что изъ нихъ выпадаютъ кирпичи,—необходимо затѣмъ положить на нихъ новую штукатурку съ гипсомъ и побѣлить, для того чтобы убѣдиться (a to dla doświadczenia), не будутъ-ли своды еще больше расходиться (!). Если бы это оказалось, въ такомъ случаѣ необходимо будетъ разобрать всѣ своды въ корридорахъ коллегіи верхнихъ и нижнихъ. На всѣ починки, показанныя въ пяти пунктахъ, тщательныя и неотложныя, я призналъ необходимою сумму 4000 (злотыхъ). Въ коллегіи я лично осмотрѣлъ всѣ мѣста подъ крышей, а о зданіи школъ я совѣщался съ ректоромъ и всѣми служащими. Относительно производства этихъ починокъ я сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 1) дабы онѣ, какъ неотложныя, немедленно въ слѣдующемъ мѣсяцѣ начаты были и окончены къ ноябрю и чтобы донесено было главной кассѣ[1]) или объ исполненіи

[1]) Финансовая часть вѣдомства просвѣщенія организована была по уставу 1783 года такимъ образомъ:

починки, или о причинахъ неисполненія нѣкоторыхъ частей ея; 2) дабы нанятъ былъ способный человѣкъ, съ платой 100 злотыхъ за эти три мѣсяца, для попеченія о починкахъ, т. е. для пріисканія матеріаловъ и мастеровыхъ, если бы оныхъ на мѣстѣ не оказалось, и для присмотра за ними во время работъ; 3) упросилъ г. префекта Лучевскаго принять на себя трудъ выдавать плату мастеровымъ и вести вѣдомость о расходахъ какъ на нихъ, такъ и на матеріалы, и 4) дабы отчетъ въ суммахъ, которыя для этой цѣли будутъ отпускаемы по частямъ ксендзомъ-ректоромъ, по окончаніи починокъ и по заключеніи всѣхъ расходовъ отосланъ былъ при рапортѣ въ главную кассу.

Sarta tecta[1]). Эти обширныя и видныя зданія школъ и коллегіи стоятъ самаго заботливаго храненія и поддержки. Осмотрѣвъ всѣ классы, корридоры, квартиры учителей, склады и флигеля, освидѣтельствовъ въ нихъ печи, окна, рамы, двери, замки, скамьи, полы, лѣстницы и крыши, я нашелъ, что на ежегодную починку всѣхъ этихъ предметовъ необходимо до 1000 злотыхъ, и призналъ эту сумму за *sarta tecta*. Кромѣ того, необходимо назначить 200 злотыхъ на содержаніе сторожа для присмотра за состояніемъ воротъ, дверей, оконъ, крышъ, дымовыхъ трубъ и цѣлаго зданія, равно какъ для своевременнаго пріисканія мастера, который тотчасъ поправилъ-бы, что окажется испорченнымъ, дабы предупредить большіе расходы на поправку, какіе доселѣ вызывались.

---

1) „Кромѣ общей (главной) кассы комиссіи просвѣщенія въ Варшавѣ, учреждаются кассы провинціальныя подъ надзоромъ ректоровъ или проректоровъ“.

2) „Каждому ректору или проректору назначенъ будетъ особый округъ, въ предѣлахъ котораго всѣ владѣльцы и арендаторы имѣній или суммъ фундушевыхъ обязаны вносить на ихъ руки, дважды въ годъ, т. е. въ день Трехъ Царей (6 генв.) и въ день св. Іоанна Крестителя (24 іюня), проценты, назначенные въ эдукаціонный фундушъ. Складъ этихъ доходовъ составляетъ провинціальную кассу, а ректоръ или проректоръ поэтому будетъ провинціальнымъ кассиромъ“.

3) „Послѣ каждаго взноса, ректоръ долженъ донести главной кассѣ, всѣ-ли проценты получены имъ или нѣтъ“.

4) „Неисправныхъ плательщиковъ онъ будетъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ“.

5) „Долженъ содержать кассу въ самомъ безопасномъ мѣстѣ. При ней должны быть два замка, отъ которыхъ ключи будутъ храниться одинъ у ректора, другой у префекта“ и т. д. (глава X).

[1]) *Sarta tecta*, — *починенныя*, или *исправленныя зданія*. На юридическомъ средневѣковомъ языкѣ это выраженіе относилось къ суммѣ, признанной необходимою для того, чтобы зданія находились всегда въ исправности.

Провинціальная касса и жалованье служащимъ. Жалованье выдано служащимъ своевременно[1]). Касса находится подъ двумя замками. Наличность ея я посчиталъ, книги свѣрилъ со счетами главной кассы; всѣ суммы имѣются сполна, недостаетъ только 101 зл. въ суммѣ, значащейся по счетамъ въ остаткѣ.

Число учениковъ 463[2]).

Посѣщеніе классовъ. Испытаніе учениковъ по всѣмъ предметамъ продолжалось два дня по 4 часа, утромъ и пополудни. Кромѣ того, публичное испытаніе, совпавшее съ пріѣздомъ моимъ и удостоенное присутствіемъ всѣхъ пріѣзжихъ (время сеймиковъ) и живущихъ въ Кременцѣ господъ и дамъ, продолжалось 4 часа. Я и всѣ присутствующіе остались совершенно довольны охотою, живостью и находчивостью учениковъ, показанными на этомъ испытаніи.

Награды для наиболѣе успѣвающихъ. На основаніи тщательнаго испытанія и единогласнаго мнѣнія учителей, подтвержденнаго ректоромъ, удостоены патентовъ, о которыхъ будетъ сказано въ концѣ рапорта (такъ какъ медали[3]) еще не получены), на золотую медаль благородный панъ Іосифъ Джевицкій, кременецкій подкоморичъ, ученикъ VI класса, на серебрянныя медали: Евсевій Словацкій, ученикъ V класса, и Іосифъ Лагановскій, кременецкій честниковичъ, ученикъ IV класса.

[1]) Жалованье служащимъ до 1790 года отпускалось по полугодіямъ, а не помѣсячно, что повсюду возбуждало большой ропотъ.

[2]) Кременецкіе іезуиты пользовались такою привязанностью со стороны мѣстной шляхты, что, послѣ закрытія іезуитскаго ордена и передачи кременецкой коллегіи въ вѣдомство коммисіи просвѣщенія, долгое время шляхта не хотѣла отдавать своихъ дѣтей въ новыя школы и въ Кременцѣ бывало незначительное число учащихся. Еще въ 1783 году ихъ было всего 119. Лукашевичъ, не имѣвшій въ своихъ рукахъ визитъ и рапортовъ послѣ этого года, поторопился признать, что во весь этотъ періодъ въ кременецкихъ школахъ не бывало значительнаго числа учениковъ (Historja szkół, т. IV, стр. 103).

[3]) Король Станиславъ Понятовскій, для поощренія учениковъ и возбужденія въ шляхтѣ, любившей внѣшнія отличія, расположенія къ новой системѣ обученія и воспитанія, установилъ награды лучшихъ учениковъ медалями. На каждое окружное училище положены были одна золотая и двѣ серебрянныя медали, на каждое подъокружное—только двѣ серебрянныя медали. Медали изготовляемы и разсылаемы были на личныя суммы короля и потому назывались иногда въ оффиціальныхъ актахъ *королевскимъ подаркомъ* или *королевскою наградою.*

Иностранные языки преподаваемы были съ значительною пользою для учащихся. Въ видахъ увеличенія пользы отъ уроковъ этихъ языковъ, я сдѣлалъ особое распоряженіе, о которомъ будетъ сказано въ главѣ: „распоряженія".

Мѣсячные экзамены. Производимы были, какъ установлено, причемъ фамиліи болѣе старательныхъ учениковъ вносимы были въ книгу [1]).

Физическое воспитаніе. Квартиры были посѣщаемы, объ опрятности, общихъ играхъ и упражненіяхъ во время ихъ заботились сообразно съ предписаніями устава. Я назначилъ по шести злотыхъ на уплату унтеръ-офицеру, который будетъ ежегодно въ маѣ приглашаемъ изъ Дубна для обученія учениковъ военной выправкѣ (w mustrze żołnierskiej).

Приходскія школы. Всѣ эти школы посѣщалъ въ этомъ году ксендзъ-ректоръ Свѣбоцкій [2]).

Общій столъ содержится въ этомъ учебномъ заведеніи; завѣдываетъ столомъ провизоръ, избранный на годъ. По недостаточности (суммы на пріобрѣтеніе) хозяйственныхъ принадлежностей собраніе учителей рѣшило принять на общій свой столъ учениковъ, живущихъ въ коллегіи.

Фундушевые ученики. Таковыхъ имѣется 18. Они живутъ въ двухъ особыхъ домикахъ, которые я осмотрѣлъ. Нуждами ихъ и всѣми порядками завѣдываетъ ксендзъ-ректоръ Свѣбоцкій, точно соображаясь съ постановленіями пресвѣтлой коммисіи. Я провѣрялъ расходы на содержаніе ихъ; счеты посылаются въ главную кассу. Распрашивая въ педагогическомъ совѣтѣ о прилежаніи и успѣхахъ этихъ учениковъ, я узналъ, что Станиславъ Залѣскій, ученикъ II класса, пользуясь фундушевымъ содержаніемъ уже четыре года, не оказываетъ ни успѣховъ въ наукахъ, ни способ-

---

[1]) Особая книга, заведенная на этотъ предметъ. Выписки изъ этой книги развѣшиваемы были по классамъ и корридорамъ. Внесенный въ эту книгу получалъ право цѣлый мѣсяцъ носить на своей шляпѣ голубую кокарду. Кто изъ учениковъ получалъ это отличіе цѣлый годъ, тотъ получалъ право носить на шляпѣ своей въ теченіе всего слѣдующаго года кокарду пунцовую (Уставъ 1783 г. гл. XIV, о наградахъ).

[2]) Ректоръ вѣроятно въ этомъ случаѣ обманулъ визитатора. Въ визитѣ 1793 г., произведенной визитаторомъ Треффлеромъ и находящейся въ той-же книгѣ, изъ которой мы заимствовали настоящую визиту, при описаніи кременецкихъ школъ, въ главѣ о приходскихъ школахъ сказано только: „z tych żadnej ani w samym Krzemieńcu, ani w bliskiej okolicy niemasz". Въ прежнихъ сохранившихся визитахъ вовсе не упоминается о приходскихъ школахъ въ районѣ кременецкихъ школъ.

ностей, ни охоты къ ученію, а потому по справедливости долженъ быть лишенъ содержанія. На мѣсто его слѣдовало-бы назначить ученика V класса Филиппа Нѣцѣцкаго, заслуживающаго того по своимъ успѣхамъ и способностямъ и состоящаго нынѣ директоромъ фундушевыхъ учениковъ. Если-бы Залѣскій, не смотря на распоряженіе высшей власти, упорно отказывался (?) подчиниться такому распоряженію, то за это самое долженъ быть лишенъ фундуша и уступить свое мѣсто болѣе способному и цѣнимому товарищу. Между кандидатами на фундушевыя вакансіи находятся слѣдующіе ученики: Валентинъ Канскій, Павелъ Ярковскій, Антоній Малиновскій, Іосифъ Гршецкій, Иванъ Крушковскій; послѣ самыхъ тщательныхъ справокъ о нихъ и о всѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, я просилъ ксендза-ректора, дабы на открывающіяся вакансіи представлялъ коммисіи просвѣщенія болѣе способныхъ и достойныхъ изъ нихъ.

Распоряженія. 1) Не предоставлять обученіе иностраннымъ языкамъ усмотрѣнію учениковъ. Всѣ ученики (т. е. желающіе обучаться иностраннымъ языкамъ) трехъ низшихъ классовъ (исключая начинающихъ) обязаны учиться нѣмецкому языку, а ученики трехъ высшихъ классовъ—французскому, причемъ уроки обоихъ языковъ должны быть расположены такимъ образомъ, дабы способные и желающіе могли бы (одновременно) учиться обоимъ языкамъ. 2) Подтверждены прежнія распоряженія о томъ, дабы ученики не были принимаемы въ коллегію на квартиры и общій (съ учителями) столъ. 3) Наемъ флигелей, допущеніе постороннихъ жильцовъ, передѣлки, разборка (какихъ либо частей въ помѣщеніи), починки, постройки, или важныя перемѣны въ нихъ, все это не должно быть производимо безъ вѣдома и согласія ректора. 4) Если-бы по израсходованіи всей суммы, назначенной на *sarta tecta*, потребовались настоятельныя починки, напр. исправленіе въ учительскихъ квартирахъ печей, дверей, оконъ, замковъ, въ такомъ случаѣ расходъ произвести изъ экстраординарной суммы неотложно. 5) Кромѣ префекта, никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ наблюденіе за исполненіемъ ректорскихъ распоряженій относительно фундушевыхъ учениковъ, наиболѣе успѣвающихъ учениковъ и директоровъ. 6) Если ко дню св. Михаила[1]) не будетъ готово такъ необходимое для

---

[1]) 29 сент., по католическому календарю, день архангела Михаила.

погребенія умершихъ кладбище, устройство котораго предписано пресвѣтлою коммисіей, то ксендзъ-ректоръ обязанъ донести ей о причинахъ и препятствіяхъ къ исполненію этого предписанія.

Засвидѣтельствованіе объ исполненіи распоряженій, сдѣланныхъ по прошлогодней ревизіи. Всѣ исполнены, кромѣ пункта втораго — относительно недопущенія учениковъ къ общему столу (учительскому) и пункта десятаго—относительно записыванія лицъ, жертвующихъ опредѣленныя суммы на поминовеніе благодѣтелей (школъ). Что касается перваго пункта относительно ношенія установленной формы, то онъ какъ нигдѣ, такъ и здѣсь не исполняется. Не понятно, почему учители, которые здѣсь почти всѣ свѣтскіе люди, должны носить длинную черную одежду. Что касается причудливой прически (wymyślnych fryzur)[1], о которой говоритъ инструкція настоящаго года, то здѣсь даже нѣтъ такихъ парикмахеровъ, которые съумѣли бы сдѣлать ее.

Я нашелъ, что фундушевые ученики порядочно и заботливо содержатся, но есть жалобы на распорядителя за опаздываніе въ снабженіи обувью, отчего ученики опускали уроки. Я потребовалъ большей исправности въ этомъ дѣлѣ.

Присовокупляю къ этому донесенію коротко, что нашедши все въ цѣлости и въ надежномъ состояніи (?), въ школахъ спокойствіе, въ составѣ учительскомъ доброе поведеніе, въ обученіи старательность и надлежащую постановку, не встрѣтивъ никакого новаго въ этомъ году случая или факта недоразумѣній между служащими, я рѣшился ограничиться тѣми предостереженіями и напоминаніями, которыя заключались въ моей рѣчи, произнесенной при заключеніи осмотра, и въ которыхъ я видѣлъ необходимую нужду. Пускай эта рѣчь (о возможномъ согласіи и единомысліи между служащими) замѣнитъ собою изложеніе разладицы и внутренняго управленія этого собранія учащихъ. Не осуждая окончательно ректора, нельзя и извинять его. Пресвѣтлая коммисія показа бы наилучшую заботу объ учителяхъ и о немъ самомъ, если бы, по окончаніи послѣдняго года его службы, давши ему награду, замѣстила эту ректорскую должность болѣе исправнымъ и болѣе способнымъ лицомъ.

Желанія. 1) Служащіе усиленно просятъ—и просьба ихъ справедлива,—дабы отобраны были отъ скарбоваго кассира ка-

---

[1]) Разумѣется парикъ, который коммисія просвѣщенія старалась пріобщить къ атрибутамъ академической формы.

менныя конюшни, находящіяся въ концѣ усадьбы и которыхъ нельзя отдѣлить (отъ усадьбы), и чтобы этотъ же кассиръ очистилъ комнату во второмъ этажѣ, доселѣ занимаемую имъ. Послѣдній отказался исполнить это, не смотря на предъявленныя ему, во время ревизіи, постановленіе пресвѣтлой коммисіи и данную мнѣ инструкцію,—отказался освободить крыльцо, которое онъ превратилъ изъ прекрасной галлереи въ сѣни жидовской школы, обрушивъ на немъ всѣ прекрасныя архитектурныя украшенія, наконецъ (отказался прекратить) всякое сообщеніе съ домомъ и съ дворомъ учебнаго заведенія. Кассиръ г. Барбевскій —человѣкъ вспыльчивый, невѣжливый, дикій, съ которымъ, какъ я самъ это видѣлъ, нельзя и трехъ словъ сказать безъ потасовки (trzech słów mówić nie można bez pięści i czubów) [1].

2) Г. Карлъ Мировскій, учитель математики, хорошо зарекомендовавшій себя и преподаваніемъ, и стараніемъ, и поведеніемъ, обучающій также и французскому языку, окончивъ уже пятилѣтній срокъ обязательной учительской службы, проситъ, чтобы главная школа ходатайствовала о зачисленіи ему одного года службы при секретарѣ главной школы, въ качествѣ его помощника, такъ какъ это было обѣщано ему въ то время.

3) Ксендзъ Францишекъ Мысловскій, учитель 1 класса, бывшій эмеритъ, а въ прошломъ году вновь принявшій должность учителя, чтобы пріобрѣсти большее благорасположеніе со стороны пресвѣтлой коммисіи, такъ какъ онъ содержитъ при себѣ престарѣлаго отца, снова проситъ назначить ему эмеритальную пенсію.

Окончаніе осмотра. Я отдалъ справедливую честь труду учителей, которую я признавалъ за каждымъ изъ нихъ, внимательно наблюдая на урокахъ и на экзаменахъ учениковъ, видѣлъ должное (nienaganne) поведеніе ихъ, — они не дали мнѣ никакого повода отнять у нихъ эту честь.

Перемѣны. На мѣсто ксендза Францишка Мысловскаго, который проситъ для себя эмеритальной пенсіи, поступилъ г. Фран-

---

[1]) Это далеко не единственный примѣръ самоуправства и самоуврства шляхтичей и чиновниковъ въ дѣлахъ школьныхъ. При отобраніи отъ іезуитовъ зданій, принадлежавшихъ ордену ихъ, повсюду явились охотники пожаловаться какимъ-либо зданіемъ или квартирою въ нихъ, подъ разными предлогами и безъ всякихъ предлоговъ. Многихъ изъ такихъ непрошенныхъ жильцовъ нельзя было выжить до послѣдняго разрѣшенія Полиціи.

цишевъ Тецланъ, кандидатъ [1]), на мѣсто г. Сярковскаго—г. Старновскій изъ Житомира.

Добавленіе отъ лица визитатора, уполномоченнаго главною школой. Предостереженія, данныя ксендзомъ Вжещомъ, принесли плоды. По донесенію его, теперь это учебное заведеніе наслаждается спокойствіемъ. Будущая визитація найлучше увѣдомитъ объ этомъ пресвѣтлую коммисію.

Каменецкія [2]) подъокружныя школы, академическія, о шести учителяхъ.

Проректоръ г. Непомукъ Тылковскій, докторъ философіи.
Учитель I класса г. Матвѣй Звіовчковскій.
„ II „ ксендзъ Андрей Кобылинскій.
„ краснорѣчія ксендзъ Николай Барановскій, каменецкій каѳедральный каноникъ.
„ математики г. Каетанъ Цишевскій.
„ физики г. Матвѣй Каспровичъ.
„ права ксендзъ Янъ Полячкевичъ, докторъ философіи.
Проповѣдникъ—ксендзъ Андрей Богдановичъ.
Преподаватели: французскаго языка—ксендзъ Николай Барановичъ, учитель краснорѣчія.
„ нѣмецкаго языка—ксендзъ Я. Полячкевичъ, учитель права, безплатно.

Осмотръ производилъ ксендзъ Вжещъ, ректоръ украинскихъ школъ. Осмотръ начатъ 11, оконченъ 17 іюля. Вотъ что пишетъ онъ въ своемъ рапортѣ.

---

[1]) Кандидатъ т. е. рѣшившійся посвятить себя учительской службѣ и назначенный къ поступленію въ педагогическую семинарію. Весьма часты примѣры, что, по недостатку учителей — *академиковъ*, назначаемы были на учительскія должности кандидаты и затѣмъ, въ силу своей учительской практики, утверждаемы были въ должностяхъ.

[2]) Въ Каменцѣ школы основаны іезуитами, въ началѣ XVII вѣка, по приглашенію каменецкаго римско-католическаго епископа Яна-Андрея Прохницкаго. Зданія построены были на иждивеніи: старосты снятинскаго Николая Язловецкаго, старосты скальскаго Станислава Лянцкоронскаго и старосты каменецкаго Валентина-Александра Калиновскаго. Въ содержаніи іезуитскихъ школъ приняла участіе вся шляхта каменецкаго повѣта, о чемъ постановила на сеймикѣ 1611 года. Скоро іезуиты преобразовали эти школы въ коллегію, съ преподаваніемъ въ ней философіи и богословія. По завоеваніи Каменца турками въ 1672 г., іезуитскій костелъ обращенъ въ мечеть фаворитки султана. При Августѣ II, послѣ возвращенія Каменца Польшѣ, іезуиты снова вернулись въ свои зданія и снова открыли въ нихъ коллегію. Коммисія просвѣщенія преобразовала коллегію въ подъокружныя школы, но въ уваженіе многочисленности учениковъ и къ значенію бывшей коллегіи, назначила для нимъ штатъ окружныхъ школъ

Школьныя записи. Всѣ ведутся и хранятся въ порядкѣ; какихъ прежде не было, тѣ теперь заведены.

Богослуженіе во всемъ надлежаще исполняется.

Домъ, костелъ, училищныя комнаты. Весь домъ разваливается и не годенъ къ починкѣ. Въ костелѣ только стѣны прочны, своды ненадежны, съ течью, крыши и всѣ связи потребовали-бы большихъ, но напрасныхъ расходовъ на поправку. Въ зданіи школъ все разваливается; крыша, печи, лавки, особенно потолки, уже обваливающіеся; въ сѣверной стѣнѣ образовалась трещина въ полторы четверти (локтя); камины разваливаются. Домъ этотъ, совершенно негодный для жилья и нестоющій починки, долженъ еще послужить нѣкоторое время; для того, чтобы онъ могъ еще просуществовать, я призналъ необходимымъ возвысить *sarta tecta* съ 400 на 1000 злотыхъ.

Касса провинціальная. Жалованье всѣми получено своевременно. Остаточная сумма въ цѣлости. Касса хранится за двумя замками.

Число учениковъ 312.

Посѣщеніе классовъ. Лекціи идутъ точно, по планамъ учебниковъ. Испытаніе учениковъ изъ всѣхъ предметовъ происходило въ теченіе двухъ дней по 4 и по 5 часовъ, утромъ и послѣ полудня. Кромѣ того, я присутствовалъ на публичномъ экзаменѣ, произведенномъ во время моего пребыванія здѣсь и продолжавшемся 4 часа. На этомъ экзаменѣ присутствовали два епископа, капитулъ и духовенство обоихъ обрядовъ [1]), весь гарнизонъ и всѣ дамы высшаго круга. Я и всѣ присутствовавшіе остались вполнѣ довольны живостью, стараніемъ и сознательностью учениковъ, показанной въ отвѣтахъ ихъ.

Награды. На основаніи тщательнаго испытанія и единогласнаго мнѣнія гг. учителей, одобреннаго г. проректоромъ, удостоены патентовъ на награды: золотою медалью—г. Іосифъ Протасевичъ, ученикъ VI класса, серебряными медалями—г. Матвѣй Шиманскій, ученикъ V класса и г. Ѳаддей Каменскій, сынъ камергера его королевской милости, ученикъ IV класса.

Директоры. Ихъ было 30, изъ нихъ старательнѣйшихъ 12. Совѣщанія съ ними бываютъ, надзоръ за ними бдительный.

Иностранные языки. Французскому языку учитъ, съ большою пользою, ксендзъ Барановичъ, учитель краснорѣчія. Обучается

---

[1]) Т. е. римско-католическаго и греко-уніатскаго.

этому языку 50 учениковъ. Нѣмецкому языку началъ обучать въ этомъ году, по просьбѣ обывателей и г. проректора, ксендзъ Янъ Поляшкевичъ, учитель права, безъ всякой платы; обучается этому языку 70 учениковъ, которые весьма успѣваютъ въ немъ. Я предоставилъ г. проректору Тылковскому рѣшить дѣло о назначеніи въ слѣдующемъ году вознагражденія за этотъ трудъ, сообразно положенію о преподавателяхъ иностранныхъ языковъ[1]).

Мѣсячные экзамены производимы были, какъ предписано; фамиліи учениковъ, наиболѣе успѣвающихъ, вносимы были въ книгу.

Физическое воспитаніе. Г. проректоръ тщательно осматриваетъ квартиры, заботится объ опрятности учениковъ, посѣщаетъ больныхъ. Изъ тѣлесныхъ упражненій главными служатъ теперь военныя экзерциціи; хорошо обученныхъ имѣется до 50. Руководитъ этими играми унтеръ-офицеръ гренадерскаго полка. Этотъ унтеръ-офицеръ долженъ нанимать за себя въ полку (на время его отсутствія), а потому нельзя платить ему меньше 6 злотыхъ, тѣмъ болѣе, что число учениковъ, участвующихъ въ этихъ играхъ, постоянно увеличивается.

Приходскія школы. Есть одна школа въ Купинѣ, въ пяти миляхъ отъ Каменца, состоящая въ вѣдѣніи о. о. кармелитовъ. Элементарныхъ книгъ (т. е. изданныхъ коммисіей просвѣщенія) не употребляютъ въ ней, рапортовъ объ ученикахъ и обученіи не представляютъ. Я просилъ г. проректора, чтобы онъ настоятельно требовалъ всего этого.

Фундушевые ученики. Имѣется ихъ 11. На мѣсто выбывшаго т. Іосифа Бжескаго, о чемъ г. проректоръ своевременно донесъ пресвѣтлой коммисіи, по мнѣнію моему и г. проректора, никто болѣе не отвѣчаетъ требованіямъ устава пресвѣтлой коммисіи о кандидатахъ на фундушевое содержаніе, чѣмъ ученикъ I класса Каетанъ Каменскій, имѣющій 10 лѣтъ отъ роду. Квартируютъ въ трехъ комнатахъ, нанятыхъ въ городѣ; имѣютъ двухъ директоровъ: Матвѣя Шиманскаго и Василія Гроновича, весьма старательныхъ. Всѣ обучаются языкамъ французскому и нѣмецкому, всѣ хорошаго поведенія и способностей. Всѣ нужды ихъ удовлетворены. Вѣдомости о расходахъ, произведенныхъ на содержаніе

---

[1]) Уставъ 1783 г. допускалъ назначеніе жалованья преподавателямъ (metram) иностр. языковъ изъ учебныхъ суммъ только въ важнѣйшихъ городахъ (po samych tylko principalnych prowincyi miastach), въ остальныхъ ученики оплачивали этихъ преподавателей по таксѣ, составленной проректоромъ.

ихъ, мною разсмотрѣны и отосланы въ главную кассу. За старательный и надлежащій надзоръ за этими учениками, соображаясь съ состояніемъ отпущенныхъ на содержаніе ихъ суммъ, я опредѣлилъ выдать изъ этихъ суммъ г. проректору въ награду 400 злотыхъ и конвикторамъ 500 злотыхъ.

Общій столъ въ этомъ году содержится. Мною объявлено распоряженіе пресвѣтлой коммисіи объ отпускѣ 300 злотыхъ изъ экстраординарныхъ суммъ на хозяйственныя принадлежности (стола).

Распоряженія. 1) Если ксендзъ Ижицкій откажется исполнить рѣшеніе пресвѣтлой коммисіи объ очищеніи имъ квартиры предъ первымъ числомъ сентября текущаго года, въ такомъ случаѣ онъ лишается эмеритальной пенсіи. 2) Кто изъ учителей выѣдетъ на продолжительное время самовольно, безъ позволенія г. проректора, что случалось, о томъ донести главной школѣ съ первой почтой, а классъ его соединить съ сосѣднимъ; затѣмъ, если-бы онъ даже во время явился, не долженъ быть допускаемъ къ своей должности до полученія распоряженія главной школы, какъ не повинующійся ясно выраженному опредѣленію своей обязанности [1]) и своему мѣстному начальству. 3) На основаніи разрѣшенія пресвѣтлой коммисіи, г. проректоръ долженъ уплатить г. Касперовичу, учителю физики, стоимость электрической машины, полученной для кременецкаго (школьнаго) кабинета. 4) Такъ какъ по-іезуитская аптека въ Каменцѣ, отъ которой отказался аптекарь, не приноситъ никакой пользы едукаціонному фундушу, то пресвѣтлая коммисія назначитъ аптечныя принадлежности въ продажу съ торговъ. Помѣщенія аптеки, въ случаѣ собраніе (служащихъ въ школахъ) признаетъ не нужными (для школъ), должны быть отданы въ наемъ, съ обязанностію починки, и наемная плата должна быть причислена къ фундушевому капиталу. 5) Не воспрещается фундушевымъ ученикамъ имѣть какое-либо платье и другіе предметы отъ родителей, но ни они, ни родители не могутъ требовать за это вознагражденія (изъ фундушевыхъ суммъ), кромѣ того, что дается всѣмъ ученикамъ.

Желанія. Учитель 1 класса г. Заіончковскій проситъ объ увольненіи его отъ обязательной учительской службы, обязываясь

---

[1]) Уставъ 1783 года, глава XIV, п. 7.

возвратить двухлѣтнее жалованье свое 700 злотыхъ [1]). Такъ какъ онъ отличался всѣми достоинствами усерднаго учителя и заслуживаетъ уваженія, то я полагалъ бы справедливымъ (исполнить просьбу его) и этой милостью поощрить добрыя начинанія его.

Окончаніе осмотра. Прежде всего я отдалъ справедливую честь и выразилъ благодарность г. проректору Тылковскому за самое тщательное и всестороннее исполненіе всѣхъ обязанностей по своей должности, потомъ — гг. учителямъ за значительные успѣхи учениковъ, показанные ими какъ на визитаторскихъ, такъ и на публичномъ экзаменахъ.

Перемѣнъ въ составѣ учителей не было.

Луцкія [2]) подъокружныя школы, академическія, о трехъ учителяхъ.

Проректоръ ксендзъ Эдмундъ Попель-Брошніовскій, докторъ богословія и философіи.

Учители: 1 класса г. Матвѣй Трушинскій,
„ математики и физики г. Войцѣхъ Ярковскій,
„ краснорѣчія и права г. Янъ Навроцкій,
проповѣдникъ—доминиканинъ.

---

[1]) Т. е. получаемое сверхъ 650 злотыхъ въ годъ, уплачиваемыхъ или высчитываемыхъ на общій столъ. Заіончковскій очевидно былъ стипендіатомъ учебнаго заведенія въ главной школѣ, за что, по уставу, долженъ былъ обязательно прослужить въ должности учителя шесть лѣтъ. Въ средѣ шляхтичей, гордившихся своею вольностію и независимостью, эти молодые учители преслѣдовались остротами и насмѣшками и чувствовали себя точно крѣпостными, продавшими свою свободу, а не „вольными шляхтичами". Отсюда стремленіе воскорѣе освободиться отъ этого состоянія.

[2]) Луцкія школы преобразованы изъ іезуитской коллегіи, учрежденной въ началѣ XVII вѣка и утвержденной Сигизмундомъ III въ 1609 г. Коллегія щедро одарена была мѣстною шляхтою, недавними русскими православными фамиліями: Четвертинскимъ Андреемъ, Чарторыйскимъ Николаемъ, Вишневецкимъ Георгіемъ и др., и іезуиты скоро могли открыть въ ней преподаваніе высшихъ наукъ—философіи и богословія. По закрытіи іезуитскаго ордена, коммисія просвѣщенія, ради первенствующаго въ то время значенія Луцка на Волыни, намѣревалась открыть, вмѣсто коллегіи, окружныя школы, но въ 1780 г. пожаръ истребилъ всѣ по-іезуитскія зданія, а предложенное мѣстнымъ капитуломъ зданіе представляло удобство только для помѣщенія трехклассной школы. Мѣстная шляхта постоянно роптала на приниженіе Луцка по школамъ предъ Кременцомъ, даже предъ Каменцомъ и Владиміромъ, и постоянно хлопотала о возведеніи луцкихъ школъ въ окружныя и шестиклассныя, но не успѣла въ томъ. Но что въ луцкихъ школахъ не былъ преподаваемъ французскій языкъ, въ этомъ очевидно всего болѣе виновата сама мѣстная шляхта.

Осмотръ этихъ школъ производилъ ксендзъ Эдмундъ Брошніовскій[1]), мѣстный проректоръ, который началъ его 1-го, окончилъ 4-го іюля. Выписывается изъ рапорта его слѣдующее.

Число учениковъ. Въ этомъ году было ихъ 165, но, вслѣдствіе замѣшательствъ и поступленія нѣкоторыхъ въ военную службу, это число уменьшилось до 144.

Посѣщеніе классовъ. Послѣ (обычной) рѣчи къ учителямъ, я началъ осмотръ съ 1 класса, продолжавшійся три съ половиною часа. Вопросы предлагаемы были мною и учителями высшихъ классовъ прежде всего по закону Божію, потомъ по священной исторіи, географіи, грамматикѣ, ариѳметикѣ. Ученики показывали тетради чистописанія, значительное число ихъ довольно хорошо начинаютъ писать. Испытаніе втораго класса продолжалось 4 часа. Въ теченіе этого времени, ученики рѣшали задачи ариѳметическія и алгебрическія, доказывали геометрическія положенія и практическія примѣненія ихъ, для чего излагали способы измѣренія мѣстностей, съ помощью столбиковъ, веревокъ, циркула, астролябіи и геометрическаго столика. По исторіи огородничества (естественной?) излагали способы разведенія растеній, различные способы устройства огородовъ, полезныя свойства нѣкоторыхъ мѣстныхъ травъ. По латинской прозѣ и поэзіи приводили примѣры (на правила), дѣлали переводы. По наукѣ нравственности, исторіи Персіи, Ассиріи и Греціи излагали преподан-

---

[1]) Въ наше время страннымъ казалось-бы поручать начальнику какого-либо учрежденія ревизію этого учрежденія, т. е. ревизовать и самого себя. Не то было время, когда поляки, устрашенные послѣдствіями шляхетской вольницы и неуваженія къ закону и соблазнившись примѣромъ Пруссіи, обязанной будто-бы своимъ благополучіемъ точности и аккуратности въ исполненіи закона, бросились во всѣхъ учрежденіяхъ подражать пруссакамъ и, по неопытности въ этомъ дѣлѣ, попали въ крайность, заботясь главнымъ образомъ о формѣ и буквѣ закона,—зло, развитое въ особенности, послѣ одиннадцатилѣтняго подчиненія Пруссіи (1796—1806 г.), администраціей варшавскаго герцогства (Dzieje xięstwa warszawskiego, przez Fryderyka hr. Skarbka. Poznań, 1860). Въ настоящемъ случаѣ поводъ къ назначенію луцкаго проректора ревизоромъ луцкихъ-же школъ представляли тогдашнія народныя волненія на Волыни, точнѣе страхъ ожидаемаго народнаго возстанія, учрежденіе въ Луцкѣ слѣдственной коммисіи надъ заговорщиками (мнимыми), множество казней и истязаній, сосредоточеніе въ Луцкѣ войскъ, терроризація сосѣднихъ мѣстностей, по которой казалось небезопаснымъ постороннему лицу пробираться въ Луцкъ. Но установленная ежегодная „генеральная визита“ должна же быть исполнена... Благо, ксендзъ Попель-Брошніовскій удачно воспользовался своею нежданною ролью и его *визита* луцкихъ школъ обстоятельнѣе и полнѣе всѣхъ другихъ, находящихся въ томъ-же рапортѣ генеральнаго визитатора.

ныя имъ свѣдѣнія. Испытаніе III класса продолжалось $4^1/_2$ часа. Причиною этой продолжительности его были: обширность учебнаго матеріала и уменьшеніе охоты къ ученію въ значительной части учениковъ старшаго класса, какъ это стало обыкновеннымъ во всѣхъ школахъ. Отвѣты по краснорѣчію, римской исторіи, праву, изъ математическихъ наукъ по солидометріи, практической геометріи, физикѣ, домашнія упражненія и образцы рисованія дали доказательства пользы, полученной учениками отъ этихъ наукъ.

Иностранные языки. Въ этихъ трехклассныхъ школахъ преподается одинъ только нѣмецкій языкъ. Испытаніе въ немъ учениковъ продолжалось полтора часа. Всѣ ученики обязываются научиться хотя сколько нибудь этому языку; кто изъ нихъ представитъ справедливыя причины, напр. неспособность, нежеланіе родителей, тотъ увольняется отъ изученія его.

Школьныя записи ведутся въ порядкѣ, предписанномъ уставомъ пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія. Сверхъ этихъ записей заведены: 1) особая книга, въ которую вписываются всѣ входящія и исходящія бумаги по кассовымъ и школьнымъ дѣламъ, по которымъ каждый разъ росписывается въ ней почтмейстеръ его королевской милости: 2) книга, въ которую вписываются всѣ ассигновки и росписки въ полученіи денегъ, отсылаемыя при описи въ главную кассу; принято имѣть копіи съ этихъ документовъ, посвидѣтельствованныя цѣлымъ собраніемъ служащихъ, дабы, въ случаѣ пропажи бумаги на почтѣ, или почты съ бумагами (?), можно было возстановить доказательства расхода; 3) книга о состояніи всѣхъ фундушевыхъ имѣній, равно и тѣхъ, на которыхъ числятся фундушевыя суммы, уплачивающихъ аренду и проценты въ луцкую кассу, именно—какія дѣла возникали между ними и фундушемъ, какія изъ нихъ покончены, а какія только начаты, что облегчитъ трудъ преемниковъ, освободивъ ихъ отъ необходимости рыться въ бумагахъ.

Книга, въ которой вписывались бы открытія и важные опыты, [1]) въ луцкихъ школахъ еще не заведена—частію потому, что учитель не имѣетъ (для опытовъ) времени, занимаясь съ учениками въ рекреаціонные дни то практической геометріей, то рисованіемъ и, служа въ школахъ, имѣющихъ только трехъ учителей, требуетъ больше времени для приготовленія,—частію

---

[1]) Рекомендуемая уставомъ и нигдѣ почти не встрѣчаемая нами по визитамъ.

же по недостатку физическихъ приборовъ и инструментовъ, изъ которыхъ въ здѣшнихъ школахъ нѣтъ ни одного.

Домъ, библіотека. Школьный домъ былъ довольно удобнымъ. Но постройка г. Гулевичемъ, луцкимъ хорунжимъ, собственнаго дома, всего въ разстояніи менѣе трехъ локтей отъ него, причинила ему неудобства: корридоры стали темными, снѣгъ падаетъ съ крыши этого дома на окна въ корридорѣ школьномъ и производитъ въ нихъ значительныя поврежденія; стокъ воды съ крышъ обоихъ домовъ въ узкое пространство между ними дѣлаетъ (школьный) домъ невыгоднымъ (по сырости?); постройка дымовыхъ трубъ между крышами его и школьнаго дома причиняетъ ему опасность отъ огня. Перемѣны въ школьной собственности (w inwentarzu) описаны въ особой вѣдомости, которая посылается при этомъ рапортѣ.

Что касается давней, по-іезуитской библіотеки, то собраніе служащихъ заявляло свое мнѣніе о ней, особенно во время генеральнаго осмотра въ 1786 году, о чемъ отмѣчено въ актѣ осмотра (визиты) подъ рубрикою: „домъ", именно, чтобы разрѣшено было разобрать оставшіяся въ ней книги[1]) и полезныя передать школамъ, а остальныя хотя бы кому-нибудь подарить, подъ какимъ-либо условіемъ. Но на это доселѣ нѣтъ разрѣшенія, хотя въ этихъ видахъ уже три раза посылаемъ былъ списокъ этихъ книгъ, какъ о томъ значится въ томъ-же актѣ осмотра. Объ этомъ разрѣшеніи и теперь просимъ, такъ какъ оно и соотвѣтствуетъ желанію капитула относительно перенесенія библіотеки, и недостатку мѣста для нея въ школьной библіотекѣ, и безполезными книгами не будетъ напрасно занято мѣсто.

Въ школьной библіотекѣ не имѣется ни одной необходимой для учителя физики книги по металлургіи и химіи. Если-бы въ другихъ школьныхъ библіотекахъ нашлись излишніе экземпляры такихъ книгъ, или имѣлись-бы дубликаты ихъ въ библіотекѣ Залусскихъ, принадлежащей Рѣчи Посполитой[2]), служащіе въ луцкихъ школахъ просятъ прислать таковыя въ библіотеку ихъ.

---

[1]) Значительная часть поіезуитской библіотеки сгорѣла во время пожара въ 1780 году.

[2]) Это—родовая библіотека графовъ Залусскихъ, собранная въ теченіи долгаго времени цѣлыми поколѣніями. Представители этого рода, братья Іосифъ, р.-к. епископъ кіевскій, и Андрей, епископъ варминскій, оба талантливые писатели (послѣдній за свое проповѣдническое краснорѣчіе прозванъ польскимъ Златоустомъ), свезли все свое ро-

Дворникъ (stróż domu) содержится. Такъ какъ содержаніе *ex sartis tectis* было бы обременительнымъ для этой суммы и въ ущербъ другимъ нуждамъ, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ и школьнымъ слугою, и такимъ образомъ получаетъ *ex sartis tectis* только продовольствіе, а жалованье—изъ ученической складчины.

Экономическая часть ведется по указанію устава пресвѣтлой коммисіи. Проректоръ и учители вносятъ въ кассу опредѣленную часть жалованья, учители же по четвертямъ года завѣдываютъ столомъ. Въ концѣ каждой четверти представляется всему собранію отчетъ въ расходахъ, причемъ избирается новый провизоръ.

Списокъ бумагамъ, имѣющимся въ школьномъ архивѣ, не могъ быть составленъ въ прошломъ году, по причинамъ, изложеннымъ въ актѣ прошлогодняго осмотра, изготовленіе его было тогда только обѣщано. Въ исполненіе этого обѣщанія, посылаю нынѣ списокъ всѣхъ бумагъ этого архива.

Провинціальная касса содержится подъ двумя замками. Жалованье служащимъ исправно выплачивается изъ нея. Относительно исправности записей по приходамъ и расходамъ я не могу свидѣтельствовать о себѣ самомъ, но ссылаюсь на свидѣтельство г. Лелевеля, ливскаго чесника, генеральнаго кассира (коммисіи просвѣщенія), въ томъ, что въ нихъ не оказывалось никакой ошибки и неправды и такое засвидѣтельствованіе я получалъ послѣ каждаго представленія счетовъ отъ этого мужа, наиболѣе заботливаго объ интересахъ фундуша [1]).

Богослуженіе. Литургія совершается для учениковъ въ каѳедральномъ костелѣ. Въ воскресные и праздничные дни, послѣ литургіи, одинъ изъ ксендзовъ-доминикановъ даетъ старшимъ ученикамъ урокъ религіи. Вообще соблюдается все, что относится къ богослуженію.

довое книжное имущество въ Варшаву, построивъ для него особый дворецъ. Здѣсь они весьма значительно умножали его собственными пріобрѣтеніями и въ 1775 году Іосифъ Залусскій подарилъ его Рѣчи Посполитой для публичнаго пользованія. Это было одно изъ дорогихъ книгохранилищъ, по множеству печатныхъ изданій и рукописей. По взятіи Варшавы Суворовымъ, Екатерина II повелѣла перевезти эту библіотеку въ Петербургъ, гдѣ она (говорятъ—далеко неполная) доселѣ хранится, составляя часть императорской публичной библіотеки.

[1]) Янъ Снядецкій въ своихъ, извѣстныхъ уже намъ письмахъ, часто и сильно возмущается поступками этого генеральнаго кассира за отказъ краков. академіи въ суммахъ на самые необходимые предметы и за нѣкоторые непроизводительные расходы изъ этихъ суммъ.

Классы и науки. Въ классахъ было-бы больше учениковъ, притомъ болѣе усердныхъ и старательныхъ, если-бы а) введено было преподаваніе французскаго языка, такъ какъ ради изученія этого языка, родители помѣщаютъ своихъ дѣтей въ другія школы и ученики сами хлопочутъ о своемъ переводѣ въ такія школы; б) если-бы пресвѣтлая коммисія просвѣщенія, по милостивому обѣщанію своему, прислала физическіе инструменты.

Испытанія производятся, какъ требуютъ постановленія. Не было однако экзаменовъ въ мартѣ по случаю произшедшей тревоги. Во время этой тревоги, школьная молодежь, взявшись за оружіе вмѣстѣ съ обывателями, содержала по ночамъ стражу доказавъ послѣднимъ, какихъ дѣятельныхъ защитниковъ будетъ имѣть въ ней отечество[1]). Публичныя испытанія бываютъ весьма многолюдны, такъ какъ въ это время обыкновенно производятся суды по имуществамъ (grodskie). Обыватели и духовенство не жалѣютъ о томъ времени, которое они привыкли дарить отличающейся (popisującej się) молодежи.

Конвиктъ. Конвиктъ для бѣдныхъ шляхетскихъ дѣтей пресвѣтлая коммисія просвѣщенія открыла только въ текущемъ году. Учениковъ въ немъ 18. Всѣ они приняты съ разрѣшенія пресвѣтлой коммисіи, именно: Матвѣй Жураковскій, Іосифъ Словацкій, Петръ Жулинскій, Николай Ярковскій, Янъ Корженевскій, Алоизій Змѣевскій, Павелъ Метлинскій, Каетанъ Кобылинскій, Іосифъ Андреевскій, Викентій Барбовскій, Раймундъ Барбовскій, Іосифъ Ющинскій, Ѳома Русиловичъ, Антоній Хшонщковскій, Францишекъ Карбовскій, Игнатій Тышецкій, Андрей Лопушанскій, Доминикъ Глинскій. Изъ числа этихъ учениковъ, г. Іосифъ Ющинскій не оказываетъ ни усердія, ни успѣховъ, ни доброй нравственности, а потому необходимо удалить его, чтобы онъ не занималъ напрасно мѣста, которое принесло-бы другому пользу, соотвѣтственно видамъ пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія. Вѣдомость о конвикторахъ составляется такимъ образомъ: она раздѣлена на четыре части: въ первую часть вписываются всѣ денежныя выдачи

---

[1]) Первыя вѣсти о готовящемся пароxномъ возстаніи появились въ Дубнѣ во время *контрактовъ* (февр.). Слишкомъ свѣжа еще была память о возстаніи подъ предводительствомъ Гонты и Желѣзняка (1768 г.). Февраль, особенно мартъ были наиболѣе тревожнымъ временемъ, пока поляки не убѣдились, что никакого возстанія нѣтъ и что можно спокойно вымещать свою тревогу на русскомъ населеніи, за высказываемыя имъ надежды на русскую императрицу.

по контрактамъ съ хозяевами, мастеровыми и аптекарями; въ другую—расходы на покупку матеріаловъ, какъ-то: сукна, полотна и бумаги; въ третьей записывается все то, что выдается каждому конвиктору на счетъ фундуша и каждому директору для нуждъ цѣлой квартиры; въ четвертой части каждый конвикторъ самъ вписываетъ годъ и день своего поступленія въ конвиктъ. Конвикторы квартируютъ въ трехъ комнатахъ, по шести въ каждой, имѣютъ трехъ директоровъ, являются (проректору) ежедневно. Всѣ нужды ихъ удовлетворяются. Словомъ, я старался всецѣло исполнить постановленія о нихъ пресвѣтлой коммисіи.

Директоры. Всѣ послушны, а нѣкоторые вполнѣ способны и старательны. Было-бы между ними больше способныхъ, если бы обыватели согласились вносить плату за нихъ на руки проректора. Но обыватели не соглашаются на это, потому что они привыкли то выплачивать имъ деньги по частямъ, что для нихъ легче, то расплачиваться платьемъ, поясами, полотномъ или другими предметами.

Приходскія школы. По условію съ окружнымъ ректоромъ, луцкій проректоръ обязанъ осматривать школу въ Берестечкѣ [1]). Актъ осмотра этой школы отосланъ окружному ректору.

Физическое воспитаніе. Соотвѣтственно предписаніямъ, въ прежніе годы я хотѣлъ ввести военныя упражненія; но тому препятствовало отсутствіе въ Луцкѣ всякаго войска и невозможность устроить обмундированіе. Въ нынѣшнемъ страшномъ году, по случаю возникшаго бунта, въ Луцкѣ появились войска, обыватели надѣли военную форму, которою легко было увлечь учениковъ, хотя еще и не всѣхъ. Военныя упражненія начаты съ учениковъ фундушевыхъ; къ нимъ присоединились и другіе. Устроивъ для фундушевыхъ учениковъ военныя принадлежности, я тѣмъ самимъ только предупредилъ милостивое разрѣшеніе пресвѣтлой коммисіи и не жалѣю объ этомъ расходѣ, не ожидаю даже одобренія (подтвержденія) его, находя полное удовлетвореніе для себя въ пользѣ молодежи, въ довольствѣ обывателей, въ репутаціи школъ и въ сознаніи того, что я исполнилъ мысль и волю пресвѣтлой

---

[1]) Въ *визитѣ* 1793 г. по этому предмету выражено: „z tych żadnych niemasz ani w Łucku, ani w bliskiej okolicy". Лукашевичъ говоритъ (т. IV, стр. 278), что въ Берестечкѣ существовала школа тривитаровъ въ составѣ подъокружныхъ школъ и въ 1787 году посѣщена была королемъ Понятовскимъ. Очевидно, что это была частная школа.

коммисіи просвѣщенія. Въ рекреаціонное время ученики заняты или военными упражненіями, или практическою геометріей и такимъ образомъ играя учатся и учась играютъ. Въ промежуткахъ между этими занятіями, они играютъ въ мячъ, бѣгаютъ въ перегонку. Оберегаются отъ всякихъ нѣжностей (miękkosci i pieszczot). Не смотря на это, многіе ученики болѣли гнилой горячкой и лихорадкой, а отъ потворства родителей, дозволяющихъ дѣтямъ употребленіе даже вредныхъ предметовъ, одинъ изъ учениковъ умеръ отъ гнилой горячки[1]).

Ученики награжденные медалями. На основаніи произведенной мною повѣрки успѣховъ и по разсмотрѣніи вѣдомостей о мѣсячныхъ испытаніяхъ, признаны заслуживающими серебрянаго подарка его королевской милости: Яковъ Опатовскій и Иванъ Гульпановскій, ученики III класса.

Препятствія успѣхамъ ученія. Въ Луцкѣ одинъ изъ латинскихъ каѳедральныхъ викарныхъ ксендзовъ учитъ каѳедральныхъ аколитовъ[2]) латыни давнимъ способомъ, чего нельзя запретить ему, потому что аколиты составляютъ отдѣленіе (низшее) семинаріи и должны поступать въ семинарію. Но въ школу аколитовъ онъ принимаетъ и дѣтей обывательскихъ, на что онъ не имѣетъ права, потому что этимъ способомъ школа его является соперницей нашихъ школъ. Ксендзы тринитары также обучаютъ двухъ шляхетскихъ дѣтей. Изъ этихъ учениковъ одинъ—племянникъ ксендза - провинціала, прибывшій изъ за-кордона, а потому обученіе его можетъ считаться домашнимъ, но другой не могъ быть принятъ. Точно также ксендзы - доминиканe и ксендзы - кармелиты частію занимаются обученіемъ. Это приводитъ къ мысли, что монахи апостольствуютъ противъ образованія. Кажется необходимо, чтобы пресвѣтлая коммисія просвѣщенія разослала циркуляръ всѣмъ ксендзамъ - провинціаламъ монашескихъ орденовъ, съ воспрещеніемъ монахамъ обучать дѣтей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются публичныя школы, и съ внушеніемъ имъ,

---

[1]) Извѣстно, что въ Луцкѣ эти болѣзни доселѣ господствуютъ, особенно весною, отъ сосѣдства болотъ по рѣкѣ Стыри.

[2]) Аколиты—приготовляющіеся въ клерики, въ составъ церковнаго клира. Малоспособные изъ нихъ поступали на низшія службы церковныя, болѣе способные—въ семинарію.

дабы они не брались за обученіе тѣхъ наукъ, въ которыхъ ничего не понимаютъ [1]).

Пособія образованію. Разумѣю двоякое образованіе: общее или безъотносительное и то, которое существуетъ въ практикѣ школьной (osób stanu akademickiego). Что касается перваго, то образцовый уставъ, изданный пресвѣтлою коммисіей просвѣщенія и возбуждающій удивленіе даже въ людяхъ предубѣжденныхъ, прекрасно устроилъ все, что приводило бы его къ найвысшему совершенству. Уставъ тѣмъ скорѣе и прочнѣе достигнетъ своей цѣли, чѣмъ скорѣе эдукаціонный фундушъ снабдитъ школы такъ необходимыми для нихъ и милостиво обѣщанными имъ физическими и математическими инструментами. Но кромѣ сего, для достиженія этой цѣли, необходима бо́льшая субординація служащихъ въ отношеніи къ школьному начальству. Я не могу жаловаться на здѣшнее собраніе (учительское), какъ не жаловался и во время прошлогодней ревизіи. Мужъ просвѣщенный, знаменитый по своимъ высокимъ талантамъ и любящій порядокъ, визитаторъ (генеральный) Крусинскій былъ свидѣтелемъ согласія и взаимнаго почтенія въ здѣшнемъ собраніи, о чемъ мы заботились и въ теченіи настоящаго года. Но что въ другихъ собраніяхъ происходятъ несогласія и раздоры, этого нельзя скрыть, не смотря на узаконенный по этимъ дѣламъ секретъ [2]). Эти раздоры, происходящіе отъ недостатка субординаціи, приносятъ дѣлу образованія только вредъ. По моему мнѣнію, которое представляю на усмотрѣніе высшей власти, право суда надъ начальникомъ школы, присвоенное [3]) себѣ нѣкоторыми учительскими со-

---

[1]) Подобные отзывы, часто въ гораздо болѣе рѣзкихъ формахъ, читаемъ и въ другихъ визитахъ. Но монашествующая братія упорно отказывается отъ исполненія распоряженій коммисіи просвѣщенія, продолжаетъ содержать школы и учитъ по старинѣ. Генеральный визитаторъ 1790 г. Крусинскій, донося о нѣкоторыхъ такихъ школахъ въ Малой Польшѣ, свидѣтельствуетъ, что обыватели во имя стараго обученія охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ монашескія школы, и предлагаетъ употребить всѣ средства, чтобы „примѣрно наказать (монаховъ) за такое публичное поруганіе надъ образованіемъ". Обѣ стороны — старина и новизна не уступали другъ другу въ фанатизмѣ.

[2]) Уставъ 1783 г., гл. 24, п. 13 требуетъ содержать въ тайнѣ всѣ разбирательства и постановленія въ школьныхъ судебныхъ засѣданіяхъ и за выдачу секрета подвергаетъ виновныхъ самымъ строгимъ взысканіямъ.

[3]) Авторъ очевидно игнорируетъ 12 п. 24 гл. устава, предоставляющій это право учительскому собранію.

бравіями, должно быть отнято отъ нихъ. Если преступленіе начальника не такого свойства, чтобы немедленно судить его, то собранію слѣдовало бы отложить свою жалобу до времени генеральной или окружной визитаціи. Если же преступленіе требуетъ немедленнаго суда, въ такомъ случаѣ слѣдовало собранію ограничиться только донесеніемъ о немъ главной школѣ, такъ какъ и теперь постановленіе собранія (по этимъ дѣламъ) ничего не значитъ безъ утвержденія со стороны главной школы, въ противномъ случаѣ собраніе было бы и обвинителемъ и судьею. Главная школа въ такомъ случаѣ назначила бы коммисію или изъ сосѣднихъ обывателей, или изъ членовъ сосѣдняго учебнаго заведенія, или изъ среды эмеритовъ. Расходы на нужды такой коммисіи должна была бы уплотить сторона виновная. Этимъ способомъ устранялись бы неприличные раздоры и возникающее изъ нихъ, явно вредное для дѣла образованія, неповиновеніе.

Еще: я никогда не откажусь отъ моего мнѣнія, что необходимо всѣми мѣрами заботиться объ увеличеніи учениковъ въ школахъ академическихъ (подчиненныхъ академіи, т. е. главной школѣ) Эдукаціонный фундушъ непремѣнно долженъ имѣть своихъ благопріятелей и охранителей. Такихъ друзей онъ не можетъ ожидать для себя въ дѣтахъ, воспитывающихся въ монашескихъ школахъ, или можетъ имѣть таковыхъ изъ нихъ въ крайне ограниченномъ числѣ Привычка производитъ то, что люди гораздо болѣе расположены чувствовать любовь и благодарность къ учрежденію, непосредственно воспитавшему ихъ, чѣмъ къ такимъ (учрежденіямъ и лицамъ), которыя хотя бы и благотворнѣе, но болѣе отдаленно вліяли на образованіе ихъ. Это подтверждается и на Волыни. Гдѣ обыватели преимущественно отдаютъ дѣтей въ монашескія школы, тамъ и болѣе всего нареканій на эдукаціонный фундушъ (на образованіе, установленное на счетъ этого фундуша). Такого рода обывателей—судей нужно ожидать и въ будущемъ, потому что (молодое поколѣніе), слушая толки родителей и получивъ воспитаніе большею частію (!) у монаховъ, будетъ въ особенности отстаивать монаховъ.

По этой-то причинѣ, заставши въ луцкихъ школахъ, при вступленіи въ должность префекта ихъ 1781 года, всего около 50 учениковъ, какъ это значится въ актѣ визитаціи 1782 года, я старался привлечь какъ можно болѣе учениковъ въ эти школы. Теперь ихъ уже больше 160. Больше сего я не могъ сдѣлать, потому что не было помощи. Если какія, то преимущественно

луцкія школы должны получить помощь въ привлеченіи возможно большаго числа учениковъ—по слѣдующимъ причинамъ:

1) Луцкъ служитъ главнымъ городомъ (miasto stołeczne) одного изъ первыхъ воеводствъ, по числу обывателей, богатыхъ, служащихъ и имѣющихъ большое значеніе въ Рѣчи Посполитой.

2) Это самый многолюдный городъ (на Волыни), въ немъ происходятъ самые видные съѣзды воеводскіе. Въ другихъ городахъ происходятъ только повѣтовые съѣзды, а въ Луцкѣ и повѣтовые и общіе (генеральные, цѣлаго воеводства). Здѣсь-же состоитъ и коммисія порядка [1]).

3) Нужно ожидать гораздо болѣе людныхъ съѣздовъ въ Луцкѣ, потому что воеводство настаиваетъ на перенесеніи въ него или контрактовъ изъ Дубна, или части трибунала [2]).

4) Луцкія школы болѣе всѣхъ другихъ имѣютъ сосѣдей-товарищей. Повѣты владимірскій и кременецкій имѣютъ только по одному учебному заведенію, а въ луцкомъ повѣтѣ ихъ четыре: въ Луцкѣ, Олыкѣ, Острогѣ и Межирѣчьи. Недалеко отъ Луцка и домбровицкія школы, принадлежащія къ литовскому (академическому) округу. При такомъ (близкомъ другъ отъ друга) положеніи школъ, ученики не могутъ склоняться къ школамъ академическимъ, если не будутъ чувствовать особливаго понужденія къ тому и если они имѣютъ болѣе побужденій предпочитать иныя школы [3]).

Способы и средства возбудить расположеніе учениковъ къ луцкимъ школамъ могли бы быть слѣдующіе:

1) Помимо всего, эти школы имѣли-бы несравненно болѣе учениковъ, если-бы, имѣя въ прежнее время шесть учителей, не были, послѣ пожара, ограничены тремя учителями. Десятки разъ приходилось объяснять обывателямъ, что дѣти одинаковую пользу

---

[1]) Подходятъ къ нашему губернскому правленію.

[2]) Трибуналъ волынскаго и украинскаго воеводствъ продолжалъ оставаться въ Любливѣ.

[3]) Признаніе довольно знаменательное, показывающее сильное нерасположеніе въ шляхтѣ къ новымъ школамъ (академическимъ) и предпочтеніе школъ монашескихъ. Школы олыцкія и острожскія состояли въ вѣдѣніи базиліанъ, межирѣчскія въ вѣдѣніи піаристовъ. Замѣчательно, что, не смотря на униженіе базиліанъ коммисіей просвѣщенія и на дѣйствительное приниженіе въ нихъ образованія, эти школы всегда были переполнены шляхетскими дѣтьми. Причины тому—простота базиліанъ и вѣрность старымъ школьнымъ порядкамъ.

получаютъ въ школахъ при трехъ, какъ и при шести учителяхъ, и что въ тѣхъ и другихъ школахъ преподаются одни и тѣ же уроки. Но обыватели не хотятъ вѣрить этому, утверждая, что учитель, принужденный полчаса заниматься съ первогодичными учениками, а другой получасъ съ второгодичными, по неволѣ приноситъ всѣмъ ученикамъ меньшую пользу, чѣмъ тотъ, который занимается цѣлый часъ съ одними и тѣми же учениками. Это соображеніе побудило обывателей на прошлогоднихъ сеймикахъ постановить просить пресвѣтлую коммисію объ увеличеніи числа учителей въ луцкихъ школахъ. Объ этомъ были-бы разсужденія и на нынѣшнихъ сеймикахъ, если бы я не употребилъ противъ этого стараній.

Однако это средство къ увеличенію числа учениковъ уже несвоевременно, такъ какъ оно не могло бы быть исполнено безъ покупки у каѳедры части зданій и безъ пристройки къ нынѣшнему школьному зданію, хотя каѳедра охотно и благородно склонилась-бы къ этимъ нуждамъ луцкихъ школъ. Но что сокращеніе числа учителей служитъ причиною малочисленности учениковъ, а въ нихъ и будущихъ ревнителей эдукаціоннаго фундуша, это остается безусловно правдою.

2) Другимъ средствомъ къ привлеченію учениковъ въ луцкія школы послужило-бы установленіе въ нихъ французскаго языка. Правда, что здѣсь болѣе нуждаются въ нѣмецкомъ языкѣ, вслѣдствіе сосѣдства съ австрійскимъ пограничьемъ; но обыватели повсюду признаютъ, что французскій языкъ болѣе пріятенъ и что въ французскихъ книгахъ больше пользы, чѣмъ въ нѣмецкихъ. Я самъ видѣлъ, какъ ученики ѣдутъ чрезъ Луцкъ во Владиміръ, поступая въ эти послѣднія школы единственно ради обученія въ нихъ французскому языку. Многіе ученики хотѣли послѣ вакацій оставить луцкія школы, особенно изъ круга паничей (paniąt), которыхъ слѣдовало-бы заранѣе располагать къ учебному вѣдомству; я удержалъ ихъ только надеждою на то, что съ началомъ учебнаго года будетъ назначенъ учитель французскаго языка, чѣмъ удовлетворены будутъ ожиданія обывателей. Если я обманусь въ этой надеждѣ, то перестану уже и питать ее [1]).

---

[1]) Заботливому автору пришлось обмануться не только въ этой надеждѣ, но и во всѣхъ другихъ своихъ стараніяхъ относительно луцкихъ школъ. До конца этого періода не произошло никакихъ улучшеній въ этихъ школахъ. Самъ авторъ переведенъ

3) Учрежденіе одной золотой медали для здѣшнихъ школъ также послужило бы вышеозначенной цѣли. Награда, надъ которою есть еще высшая, никогда не удовлетворитъ благороднаго стремленія къ найвысшей наградѣ. Золотая медаль, будучи найвысшею наградою, располагаетъ къ усиліямъ всѣхъ тѣхъ, кто чувствуетъ себя способнымъ заслужить ее и имѣетъ средства на путешествіе къ инымъ школамъ (высшимъ). По этому самому золотая медаль отвлекаетъ (отъ луцкихъ школъ) всѣхъ, обладающихъ и бо́льшими умственными способностями, и бо́льшимъ состояніемъ, а между тѣмъ академическое сословіе отъ первыхъ имѣетъ найлучшую для себя репутацію, а отъ другихъ при случаѣ получаетъ найбольшую поддержку.

4) Закрытіе конвиктовъ при школахъ, содержимыхъ монахами и имѣющихъ достаточный фундушъ, привлекло бы въ академическія школы много паничей. Межирѣчскія школы (піарскія), получающія, въ прибавку къ давней ихъ фундаціи, 2000 злотыхъ изъ суммъ пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, равно какъ и школы острожскія, получающія такую же прибавку, должны бы подчиняться постановленію, воспрещающему принимать учениковъ къ общему столу [1]). То-же нужно сказать и о школахъ домбовицкихъ. Если бы послѣдовало такое распоряженіе, то, я увѣренъ, большая часть обывателей предпочитала бы содержать своихъ дѣтей въ городахъ казенныхъ (publicznych), а не въ помѣщичьихъ [2]).

Я изложилъ эти способы и средства (къ увеличенію числа учащихся въ академическихъ школахъ) на основаніи собственнаго убѣжденія, повѣреннаго опытомъ, въ безошибочности ихъ.

Мнѣ остается еще сказать о томъ, что, по мнѣнію обывателей, увеличило бы почтеніе и довѣріе къ академическому сословію.

Вѣрно и несомнѣнно, что платье не вліяетъ на свойства души; но вѣрно и то, что въ настоящее время народъ обра-

---

былъ на другое мѣсто, а проректоромъ луцкихъ школъ назначенъ ксендзъ Прушинскій, о которомъ генеральный визитаторъ 1792 года говоритъ, что онъ „страдаетъ запоемъ, на соблазнъ ученикамъ“ и что по винѣ его въ школахъ много безпорядковъ. Учениковъ въ этомъ году было 140.

[1]) Авторъ придирается къ монахамъ. Запрещеніе принимать учениковъ въ общему учительскому столу едва-ли приложимо къ монашеской трапезѣ, происходившей при иныхъ условіяхъ, на основаніи монашескихъ уставовъ.

[2]) Каковыми были: Межирѣчье, Острогъ и др.

щаетъ вниманіе на платье. Если такъ дѣлается теперь въ Варшавѣ, то на Волыни гораздо давнѣе и упорнѣе заглядываются на платье и соразмѣряютъ съ нимъ степень почтенія. Я не писалъ бы объ этомъ по обязанности визитатора, если бы мнѣ не говорили о томъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ многіе обыватели и дамы. Умолчать объ этомъ я считаю неприличнымъ и несообразнымъ съ инструкціей главной школы коронной.

Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одни обыватели осмѣлились въ насмѣшку называть учителей лакеями, а другіе наивно, въ полномъ невѣдѣніи, спрашивали (встрѣчныхъ или приходившихъ къ нимъ учителей), изъ какого они двора (панскаго). Фракъ и прежде не вызывалъ никакого уваженія въ здѣшнихъ мѣстахъ; тѣмъ менѣе уваженія къ нему теперь, когда г. Корженевичъ, выгнанный изъ рожинской семинаріи [1]), одѣвшись въ костюмъ аббата (in abbe) [2]), бродилъ по Луцку, въ кругу неприличной компаніи. По совѣту съ учителями, я посылалъ къ нему съ требованіемъ или снять этотъ костюмъ, или предъявить патентъ на право ношенія его. Послѣ такого требованія, онъ уѣхалъ изъ Луцка, но въ Острогѣ, по подозрѣнію въ участіи въ бунтѣ, высидѣлъ нѣсколько недѣль подъ арестомъ.

Такъ какъ уваженіе, сочувствіе и почтеніе къ академическому сословію со стороны обывателей, особенно въ здѣшнихъ мѣстахъ, возможны только подъ условіемъ ношенія учителями духовнаго платья (sukni klerickiej) и если ношеніе этого платья не обязываетъ учителя поступать въ ксендзы, то я полагалъ бы необходимымъ подтвердить это учителямъ, предостерегая только, чтобы учители не были обязываемы участвовать въ процессіяхъ и посвящать опредѣленные часы колѣнопреклоненіямъ [3]).

---

[1]) Объ этой семинаріи мы не встрѣчали свѣдѣній.

[2]) Распространившееся въ то время изъ Франціи пренебреженіе къ духовному сословію и къ костюму духовенства побуждало свѣтскихъ учителей обходить постановленіе коммисіи просвѣщенія объ академической формѣ и замѣнять ее костюмомъ, придуманнымъ либеральными французскими аббатами, именно—короткою сутаною съ вырѣзкой спереди на подобіе тогдашнихъ французскихъ аристократическихъ мундировъ или парадныхъ сюртуковъ. Сельская шляхта, тосковавшая по іезуитахъ, глумилась надъ новымъ костюмомъ учителей, приравнивая его къ входившей тогда въ моду ливреѣ для лакеевъ. Нѣкоторые изъ учителей предпочитали носить нѣмецкій фракъ. Тотъ и другой костюмъ шляхта одинаково признавала ненавистнымъ ей фракомъ (fraczek).

[3]) Коммисія просвѣщенія обратила вниманіе на это заявленіе и въ томъ-же году настойчиво подтвердила свое требованіе относительно общаго учительскаго стола и ду-

Благодѣтели школъ. Эдукаціонный фундушъ имѣетъ въ луцкомъ повѣтѣ много враговъ, но не мало есть и друзей образованія, которые бываютъ на публичныхъ экзаменахъ, хвалятъ систему обученія и выражаютъ благодарность пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія. Ясневельможный Филиппъ Олизаръ, литовскій подчашій, кавалеръ польскихъ орденовъ, показалъ себя истиннымъ благодѣтелемъ, защищая въ средѣ обывателей существованіе (отдѣльнаго) эдукаціоннаго фундуша и академическаго сословія. Таковъ и ясневельможный Калясанты Волчкевичъ-Олизаръ, камергеръ его королевской милости, кавалеръ ордена св. Станислава, который на прошлогоднемъ публичномъ экзаменѣ раздавалъ медали, сказалъ рѣчь въ похвалу учащихъ и пригласилъ ихъ, вмѣстѣ съ лучшими учениками и собраніемъ обывателей, на великолѣпный ужинъ.

По порученію пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, я письменно выразилъ ксендзу Кучковскому, луцкому (каѳедральному) писарю, благодарность за постройку дома для элементарной школы.

Постороннія свѣдѣнія (wiadomości poboczne). Въ школахъ межирѣчскихъ (піарскихъ) и острожскихъ (базиліанскихъ) заведены театральныя представленія. Такъ какъ онѣ не имѣютъ основанія въ уставѣ пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, отнимаютъ много учебнаго времени и влекутъ за собою нѣкоторые неприличные и непріятные случаи, то онѣ должны быть воспрещены. Въ Житомірѣ появился манифестъ противъ ксендзовъ—піаристовъ межирѣчскихъ, по поводу смерти конвиктора ихъ г. Галецкаго, происшедшей оттого, что его, больнаго, вывели на сцену, гдѣ ему по причинѣ слабости сдѣлалось дурно, а скоро затѣмъ онъ умеръ. Можетъ быть они оправдаются въ этомъ дѣлѣ, въ противномъ случаѣ несли бы справедливый упрекъ въ томъ, что не сообразуются съ уставомъ. По моему мнѣнію, монашескія школы не должны пользоваться никакими привиллегіями сравнительно со школами академическими. Если суммы ихъ недостаточны для содержанія шести учителей, то лучше ограничить ихъ тремя или четырмя учителями, чѣмъ нарушать для нихъ уставъ[1]).

ховкаго платья. Визитаторъ 1790 года пишетъ, что предписаніе относительно стола еще не всюду соблюдается, а сутаны не носитъ только учитель математики въ ленчицкихъ школахъ.

[1]) Нарушеніе устава въ этомъ случаѣ авторъ видитъ въ томъ, что нѣкоторымъ монашескимъ общинамъ дозволялось имѣть въ своихъ подъокружныхъ школахъ по шести учителей.

Распоряженія. 1) Распоряженія пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія и главной школы, записавъ въ особую книгу, оставляю къ исполненію. 2) Поручаю торжественно совершать открытіе ученія (начало новаго учебнаго года) непремѣнно въ день, назначенный для этого уставомъ, т. е. 29 сентября. 3) Книга совѣтскихъ засѣданій должна быть приносима на каждое засѣданіе и тутъ-же въ нее должны быть вписываемы протоколы совѣщаній. 4) Я просилъ гг. учителей, дабы они и въ будущемъ такъ-же тщательно заботились о пользѣ молодежи, какъ заботились о ней доселѣ.

Желанія. 1) Служащіе въ луцкихъ школахъ просятъ главную школу ходатайствовать предъ пресвѣтлою коммисіей просвѣщенія, дабы она распорядилась поспѣшить изданіемъ остальныхъ учебниковъ. 2) Служащіе просятъ также объясненій къ статистической таблицѣ воеводствъ (одинъ экземпляръ этихъ таблицъ я отослалъ во владимірскія школы, другой оставилъ въ луцкихъ школахъ), именно—для чего предназначаются онѣ: для составленія ли географической карты, или всеобщей переписи, или регулированія податей. Это объясненіе необходимо для того, чтобы требуемое о нихъ мнѣніе наиболѣе соотвѣтствовало цѣли ихъ[1]). Для составленія географической карты эта таблица не годится, такъ какъ квадратныя мили высчитаны только по географическимъ картамъ (существующимъ). Чтобы она полезна была для составленія всеобщей переписи, необходимо раздѣлить въ ней свѣтскія сословія отъ духовныхъ и внести особую графу о жидовскихъ кагалахъ и о числѣ лицъ этого населенія. Эта послѣдняя графа полезна была бы и при установленіи податей, потому что этотъ народъ уплачиваетъ подати соразмѣрно съ количествомъ своего населенія, равно какъ и при опредѣленіи пропорціи между войскомъ и населеніемъ, причемъ жидовское населеніе не принимается въ разсчетъ, потому что жиды не рѣшаются служить въ войскѣ. Необходимо также отвести особую

[1]) Польское правительство заботилось въ то время о выработкѣ программы для составленія подробной статистики Рѣчи Посполитой. Упоминаемыя здѣсь таблицы были бѣглымъ опытомъ, о которомъ собирались мнѣнія. Вслѣдъ затѣмъ образована особая военная коммисія съ спеціальною задачею статистическаго описанія всѣхъ воеводствъ. Эта коммисія начала свои занятія затребованіемъ отъ всѣхъ городовъ, учрежденій и помѣщиковъ необходимыхъ свѣдѣній. Но ея дѣйствія пріостановлены были вторымъ раздѣломъ Польши.

графу для такого класса, который, хотя и не имѣетъ постояннаго мѣста жительства, но и не есть праздношатающійся, напр. бочари, копальщики, рабочіе въ соляныхъ копяхъ, торговцы въ разноску, рудокопы и т. п.

Конецъ. Осмотръ оконченъ прочтеніемъ распоряженій и убѣжденіемъ учителей къ неослабному исполненію своихъ обязанностей.

Перемѣны въ личномъ составѣ. Никакихъ перемѣнъ не было. Самою необходимою была бы та перемѣна, по которой луцкія школы, по милостивому распоряженію пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, получили бы еще трехъ учителей и преподавателя французскаго языка.

(Окончаніе будетъ).

МАНИФЕСТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

къ православному населенію Польши, выданный 9 іюля 1768 года.

Въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 713, хранится рукописный сборникъ, озаглавленный „*Acta publica Poloniae 1764—1768 an.*“ и содержащій многочисленные матеріалы, относящіеся по преимуществу къ исторіи Барской конфедераціи. Среди разнородныхъ документовъ, на листахъ 137 — 139 записанъ въ польскомъ переводѣ манифестъ императрицы Екатерины II къ православному населенію Польши, по поводу народнаго возстанія въ Украйнѣ 1768 года. Этотъ манифестъ ясно устанавливаетъ ту точку зрѣнія, на которой стояло русское правительство по отношенію къ народному возстанію, охватившему польскую Украину въ то время, и проведенный въ немъ взглядъ является діаметрально противуположнымъ тому, который предполагали польскіе мемуаристы XVIII и многіе писатели XIX столѣтія, утверждавшіе, что существовала грамота императрицы, но совершенно иного содержанія. Мы представляемъ текстъ этого манифеста, переложивъ его обратно съ польскаго на русскій языкъ, какъ документъ, имѣющій большое значеніе въ исторіи такъ называемой „Коліивщины“ и рисующій отчасти тогдашнія наши международныя отношенія.

Божіею милостію Мы, Екатерина II, Императрица и Самодержица Всероссійская и пр. и пр.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ греко-восточнаго православнаго исповѣданія единовѣрцамъ, жительствующимъ въ державѣ свѣтлѣй-

шей польской Рѣчи Посполитой, особенно-же въ воеводствахъ кіевскомъ, подольскомъ, волынскомъ, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, къ которымъ сіе наше объявленіе относиться можетъ.

Когда Мы уповали узрѣть вскорѣ желанные плоды Нашихъ усилій и успѣховъ, направленныхъ къ пользѣ православной греко-россійской церкви въ предѣлахъ державы Рѣчи Посполитой польской, особенно послѣ разгрома возставшихъ въ Барѣ возмутителей, враговъ какъ Нашей церкви, такъ и собственнаго отечества, въ это именно время Мы принуждены, съ крайнимъ нашимъ прискорбіемъ, слышать, что единовѣрцы Наши, вмѣсто того, чтобы, принося Всевышнему должную хвалу, спокойно стали пользоваться равенствомъ всѣхъ гражданскихъ правъ, доставленныхъ имъ въ ихъ отечествѣ, еще не испытавъ оныхъ, учали сами творить новые безпорядки; особенно-же крестьяне, отвергнувъ должное повиновеніе какъ начальству, такъ и своимъ помѣщикамъ, затѣяли въ разныхъ мѣстахъ убійства и другія богопротивныя насилія. Извѣстно Намъ, что возставъ, по примѣру Барской смуты, противъ законнаго начальства, грѣшатъ они по невѣжеству и еще болѣе вслѣдствіе обмана шайки разбойниковъ, которая, выдавая себя за отрядъ Нашего вѣрнаго низоваго запорожскаго войска, будто командированный по Нашему приказу, не только сама въ разныхъ мѣстахъ чинитъ грабежи, опустошенія и убійства, но приводитъ еще въ свое сообщество неповинныхъ сельскихъ обывателей, показывая ложные указы, якобы данные отъ Нашего имени. Поелику сія дерзость разбойничей шайки достойна примѣрнаго наказанія, Мы приказали неотложно всѣмъ начальникамъ войскъ Нашихъ, находящимся какъ въ Польшѣ, такъ и на ея границахъ, дабы они приложили всякое тщаніе къ поимкѣ и искорененію сихъ разбойниковъ и ихъ сообщниковъ, дабы они могли быть преданы должной карѣ. Не желаемъ однако равную мѣру наказанія прилагать какъ къ зачинщикамъ зла, такъ и къ тѣмъ, которые ими введены были въ заблужденіе подложными Нашими указами, или-же побуждены были претерпѣваемыми въ послѣднее время или раньше обидами со стороны лицъ, принадлежащихъ къ господствующему въ томъ государствѣ исповѣданію; и потому Мы соизволили, прежде чѣмъ примѣнены къ нимъ будутъ мѣры крайней строгости, объявить имъ для разъясненія и спасенія ихъ отъ неминуемой погибели, должен-

ствующей ихъ постигнуть, въ случаѣ, еслибы они оказались упорными въ своемъ злодѣйствѣ, нижеслѣдующее:

1) Что никто Нами не посылался въ Польшу для того, чтобы поднимать на бунтъ Нашихъ единовѣрцевъ противъ ихъ согражданъ другихъ исповѣданій.

2) Что, слѣдовательно, лица, выдающія себя за отрядъ Нашего вѣрнаго низоваго запорожскаго войска, будто отправленный Нами, въ дѣйствительности суть разбойники, воры и нарушители общественнаго спокойствія.

3) Что всѣ таковые разбойники отъ военныхъ Нашихъ командъ повсюду будутъ преслѣдуемы въ конецъ и, послѣ поимки, будутъ представлены всѣ безъ изъятія въ надлежащій судъ для понесенія справедливой кары.

4) Что тѣ, которые вошли съ ними въ сообщество, вслѣдствіе заблужденія или изъ чувства мести, могутъ еще снискать помилованіе и забвеніе прошлаго, если немедленно возвратятся мирно въ дома свои и жилища, воздержатся совершенно отъ дальнѣйшихъ безпорядковъ и беззаконій и возвратятся къ обязанностямъ своего состоянія и въ совершенное повиновеніе своимъ помѣщикамъ и Рѣчи Посполитой, какъ отъ Бога установленной верховной надъ ними власти.

5) Тѣ, которые сами принимали участіе въ убійствахъ и насиліяхъ, могутъ еще также снискать помилованіе, если, раскаявшись въ своихъ преступленіяхъ, сами помогутъ въ поимкѣ зачинщиковъ, и представятъ таковыхъ ближайшимъ командамъ войскъ Нашихъ.

6) Наконецъ, если мятежные крестьяне, не прекратятъ безпорядковъ немедленно послѣ опубликованія своего манифеста, то въ такомъ случаѣ, они окажутся противными Нашей волѣ и справедливости и навлекутъ на себя всѣ тяжелыя послѣдствія Нашей немилости.

Понеже Мы, по скольку всегда полагали и будемъ полагать себѣ въ долгъ заступничество и защиту нашихъ единовѣрцевъ въ ихъ отечествѣ, доставивъ имъ нынѣ законное уравненіе правъ съ ихъ согражданами, исповѣдующими господствующую вѣру, по стольку-же считаемъ необходимою принадлежностью Нашей монаршей власти оберегать справедливыя пожеланія Рѣчи Посполитой,

съ которой Мы состоимъ въ союзѣ, тѣсной дружбѣ и которой Мы дали вѣчное поручительство оберегать ея образъ правленія, спокойствіе и ненарушимость правъ, постановленныхъ на послѣднемъ варшавскомъ сеймѣ, малѣйшее нарушеніе которыхъ будемъ всегда считать наравнѣ съ обидою, причиненною государству Намъ отъ Бога порученному: затѣмъ возлагаемъ надежду на разсудительность и чувства благодарности къ Намъ единовѣрныхъ съ Нами обывателей польскихъ областей, и не сомнѣваемся, что они будутъ поступать согласно со словами сего манифеста, имѣющаго цѣлью лишь ихъ справедливую пользу и счастіе; такимъ поведеніемъ они заявятъ себя истинными и послушными сынами православной церкви, достойными Нашего покровительства и въ предбудущее время. Данъ въ Петергофѣ 9 іюля 1768 года.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: *Екатерина.*

(М. П.).

ЭКСТРЕННЫЕ РАСХОДЫ

ИЗЪ СУММЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГІИ.

Въ числѣ бумагъ, сообщенныхъ намъ П. С. Ефименкомъ, мы нашли подлинные указы за собственноручною подписью императрицы Екатерины II объ отпускѣ въ разныхъ размѣрахъ суммъ изъ доходовъ малороссійской коллегіи—единовременномъ и постоянномъ, съ возвратомъ и безъ возврата, на опредѣленныя надобности и безъ указанія оныхъ. Такихъ указовъ девять. Мы приводимъ ихъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ и за одною подписью, обозначая лишь дату каждаго. Суммы коллегіи, судя по роду расходовъ, считались свободными и получали назначеніе не прямое; видно окончательно установившееся стремленіе къ объединенію государственныхъ доходовъ.

Печатаемые указы принадлежали, очевидно, къ составу дѣлъ архива б. малороссійской коллегіи; но, какъ поясняетъ уважаемый Петръ Саввичъ, они найдены имъ въ одномъ изъ черниговскихъ архивовъ не только не пристроенными къ какому либо дѣлу или ихъ связкѣ, но просто валявшимися на полу, въ числѣ другихъ бумагъ. Это обстоятельство еще разъ указываетъ на то, какъ недостаточно охранены у насъ историческіе документы, годъ отъ году гибнущіе отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, и отъ чего отъ прежняго громаднаго архива малороссійской коллегіи сохранилась лишь 20-я часть, нашедшая себѣ мѣсто при харьковскомъ университетѣ. Къ свѣденію тѣхъ, кого это можетъ интересовать, сообщаемъ, что значительная часть дѣлъ этого архива находится въ Кіевѣ, въ архивѣ старыхъ присутственныхъ мѣстъ при кіевскомъ губернскомъ правленіи; но они, какъ и всѣ прочія дѣла прошлаго столѣтія, перемѣшаны въ крайнемъ безпорядкѣ и не имѣютъ ни какой описи.

УКАЗЪ НАШЕЙ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГІИ.

I.

Повелѣваемъ оной отпустить Нашему генералу князю Долгорукову на извѣстное Намъ употребленіе изъ скарбовой суммы сто тысячь рублевъ, кои опять въ оную возвращены будутъ.

Въ Санктъпетербургѣ
22-го марта 1772-го года.

II.

Женѣ умершаго генерала маіора князя Мачабелова княгинѣ Прасковьи Мачабеловой всемилостивѣйше повелѣваемъ выдать двѣ тысячи рублей изъ малороссійскаго скарбу.

Марта 11-ть
1777-го года
въ Санктпѣтербургѣ.

III.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ производить генералъ маіору Петру Завадовскому изъ скарбовыхъ доходовъ пансіона по смерть, по пяти тысячь рублей на годъ; и отдавать ему самому, или кому отъ него препоручено будѣтъ.

Іюня 5 дня
1777 года
Царское село.

IV.

Почитаемыя къ возвращенію изъ кабинета Нашего въ казну Нашу вѣдомства малороссійской коллегіи двадцать три тысячи девятьсотъ рублей употребленныя въ число прочей суммы на заплату графу Владиславичу за купленныя у него деревни для Нашего генерала фелдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго, повелѣваемъ числить въ дѣйствительномъ расходѣ и къ возвращенію отъ кабинета неподлежащими.

Въ Санктпетербургѣ
Декабря 14-го дня
1778-го года.

V.

Уволивъ всемилостивѣйше изъ службы надворнаго совѣтника Григорья Дарковскаго по его прошенію, въ уваженіи на труды его Намъ извѣстные, повелѣваемъ производить получаемое имъ до нынѣ жалованье, ежегодно по шестисотъ рублей, по смерть его, изъ доходовъ вѣдомству оной коллегіи принадлежащихъ.

Въ Санктпетербургѣ,
Декабря 7 дня
1779-го года.

VI.

Секундъ-маіору Павлу Воскобойникову, находившемуся при Нашемъ тайномъ совѣтникѣ Завадовскомъ у исправленія дѣлъ, уволенному нынѣ изъ службы, всемилостивѣйше повелѣваемъ производить по смерть его изъ доходовъ вѣдомства малороссійской коллегіи настоящее его жалованье, каково онъ получалъ изъ кабинета Нашего, тоесть по пятисотъ по шестидесяти по два рубли на годъ, начиная дачу сію съ перваго числа сего генваря.

Въ Санктпетербургѣ,
Генваря 17 дня
1780 года.

VII.

Отозвавъ находящагося при его свѣтлости Ханѣ Крымскомъ резидента, надворнаго совѣтника, Андрея Константинова, по прошенію его, для употребленія къ другимъ дѣламъ, указали Мы отправить къ помянутому Хану, въ знакъ отличнаго Нашего благоволенія къ нему и ко всѣмъ татарскимъ вольнымъ и независимымъ народамъ, въ характерѣ чрезвычайнаго Нашего посланника и полномочнаго министра, статскаго совѣтника, Петра Веселицкаго. Оному Веселицкому повелѣваемъ производить жалованье по пяти тысячь рублей на годъ изъ доходовъ вѣдомства малороссійской коллегіи: на проѣздъ же и на заведеніе дома ему четыре тысячи рублей, а Константинову на выѣздъ двѣ тысячи рублей отъ Насъ всемилостивѣйше жалуемыя доставить имъ изъ тѣхже доходовъ.

Въ Санктпетербургѣ,
Февраля 15-го дня
1780 года.

VIII

На строенія потребныя по флоту Нашему черноморскому двѣсти три тысячи шестьсотъ сорокъ рублей повелѣваемъ отпустить изъ доходовъ наличныхъ, въ вѣдомствѣ малороссійской коллегіи имѣющихся, въ диспозицію Нашего генерала-порутчика и флота генерала-цейгмейстера Ганнибала.

Въ Санктпетербургѣ,
Февраля 18 дня
1780 года.

IX.

Генералъ порутчику Семену Ширкову до помѣщенія его въ губернаторы повелѣваемъ производить изъ малороссійскаго скарба по губернаторскому окладу жалованье.

Марта 16 дня,
1780-го года,
въ С-т петербургѣ.

Екатерина.

Библіографія.

Харьковъ, историко-статистическій опытъ К. П. Щелкова. Харьковъ 1881 г.

По странному стеченію обстоятельствъ, не смотря на то, что въ Харьковѣ уже въ теченіи $^3/_4$ столѣтія находится университетъ и такимъ образомъ сосредоточивается научная дѣятельность довольно обширнаго района, областная исторія бывшей Слободской Украины мало привлекала вниманіе харьковскихъ ученыхъ и осталась почти не тронутою. За исключеніемъ капитальнаго труда преосв. Филарета: „Описаніе харьковской эпархіи", едва-двѣ три брошюры посвящены мѣстной исторіи края.—Потому всякая новая книга, относящаяся къ исторіи Слободской Украины, представляетъ интересное для науки явленіе, раскрывая мало пока разработанную область. Книга г. Щелкова имѣетъ цѣлью хотя отчасти восполнить чувствующійся въ этомъ отношеніи пробѣлъ. Она раздѣлена на двѣ большія главы: въ первой заключается очеркъ исторіи города Харькова въ связи съ судьбою ближайшей къ нему мѣстности, во второй—исторія школъ и просвѣщенія въ Харьковщинѣ.

Представивъ краткій очеркъ судьбы южныхъ степей въ то время, когда они служили мѣстомъ кочевья для различныхъ степныхъ ордъ, авторъ указываетъ на зачатки колонизаціи страны въ XVII столѣтіи, вслѣдствіе переселенія жителей изъ приднѣпровской Украины, приблизительно въ половинѣ того же столѣтія, на основаніе самаго города Харькова и затѣмъ разсказываетъ устройство слободскихъ полковъ вообще и судьбы харьковскаго полка въ частности; перечислены походы харьковцевъ противъ татаръ, отраженія набѣговъ послѣднихъ, участіе полка въ разныхъ военныхъ походахъ и дѣйствія полковниковъ: Ивана

Сирка, впослѣдствіи прославившагося, въ качествѣ кошевого, запорожскаго атамана, Григорія Донца-Захаржевскаго, Лаврентія Шидловскаго, Григорія Квитки и т. д. При послѣднемъ полковникѣ Матвѣѣ Куликовскомъ, въ 1765 году, Слободская Украина была преобразована въ харьковскую губернію и особенности ея областнаго устройства упразднены. Бывшіе слободскіе полки перестали существовать и территорія, которую они занимали, вошла въ составъ харьковской губерніи. Въ 1780 году учреждено было харьковское намѣстничество, въ составъ котораго входило 15 уѣздовъ, занявшихъ все пространство харьковской губерніи и прилегающіе къ ней части нынѣшней курской.—Въ 1796 году намѣстничество было упразднено и губернія приведена въ нынѣ существующія границы подъ именемъ слободско-украинской и, наконецъ, 1836 году она окончательно переименована въ харьковскую. Въ очеркѣ г. Щелкова описаны посѣщенія города Харькова государями: Петромъ I, Екатериною II, Александромъ I, Николаемъ I и Александромъ II, а также важными государственными сановниками: Меншиковымъ, Потемкинымъ и т. д.—Изъ внутренней исторіи Харькова особенно интересны данныя о возникновеніи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ церковныхъ братствъ при харьковскихъ церквахъ: соборной, рождественской, троицкой и архангельской.

Въ числѣ воспоминаній частныхъ лицъ о Харьковѣ особенно интересенъ разсказъ академика Зуева, заимствованный авторомъ изъ статьи г. Сухомлинова. Въ 1781 году академикъ Зуевъ во время научной экскурсіи проѣзжалъ черезъ Харьковъ; здѣсь у него случилось пререканіе съ содержателемъ почтовой станціи, маіоромъ Мордвиновымъ, относительно количества слѣдуемыхъ лошадей и прогоновъ; Зуевъ обратился съ жалобою къ губернатору Норову, но губернаторъ обошелся съ просителемъ весьма непривѣтливо: „маіоръ Мордвиновъ, сказалъ онъ,—штабъ офицеръ, дворянинъ, здѣшній помѣщикъ, а ты кто?—Пусть ты офицеръ, да съ кѣмъ же ты говоришь? Знаешь-ли ты кто я?—Отведите его къ намѣстнику", заключилъ губернаторъ. Зуева препроводили къ намѣстнику, генералу Щербинину, гдѣ онъ встрѣтилъ пріемъ еще болѣе рѣзкій. „Намѣстникъ, выслушавъ рапортъ, пишетъ Зуевъ, вскочилъ со стула съ великою яростію, будто драться, и закричалъ: подъ караулъ его, на гауптвахту!" Препровожденный подъ конвоемъ, Зуевъ переночевалъ въ кутузкѣ и на другой день, подъ конвоемъ же былъ доставленъ къ намѣст-

нику для объясненій. Вотъ какъ онъ описываетъ это свиданіе, „Намѣстникъ началъ мнѣ говорить: что, братецъ, куда ты заѣхалъ? Или ты думаешь, что здѣсь невѣжды? Для чего ты неучтиво отвѣчаешь? Да вотъ ты теперь даже и противъ меня неучтивъ; конечно, васъ вѣжливости въ академіи не учатъ; такъ я уже много вашу братью училъ и теперь тебя учить стану. Поставилъ меня у порога, положилъ одну руку за свою пазуху, другую вытянулъ и велѣлъ смотрѣть на него: и такъ-то вотъ надобно стоять, и такъ-то вотъ надобно нагибаться, и такъ-то вотъ надобно говорить,—знай, что я на мѣстѣ генералъ-аншефа и въ должности намѣстника. Въ доказательство же своихъ пустыхъ привязокъ, началъ предо мною читать артикулъ изъ книги учрежденія объ управленіи намѣстничествъ, что должность намѣстника есть смотрѣть за порядкомъ, учтивствомъ, вѣжливостью и проч.". Послѣ продолжительной аудіенція, Зуевъ попросилъ, чтобы ему разрѣшено было выѣхать изъ Харькова. На просьбу эту намѣстникъ отвѣтилъ: „хорошо! мы въ тебѣ нужды не имѣемъ и не имѣли, и зачѣмъ ты пріѣхалъ, Богъ тебя знаетъ; поѣзжай!" Зуевъ, конечно, постарался выбраться поскорѣе изъ Харькова, исполнивъ безпрекословно всѣ вымогательства содержателя почтъ.

Во второй главѣ сочиненія г. Щелкова представленъ весьма подробный очеркъ просвѣщенія въ Слободской Украинѣ. Авторъ обращаетъ особое вниманіе на основаніе и развитіе харьковскаго духовнаго коллегіума, харьковскаго университета и института благородныхъ дѣвицъ, а также сообщаетъ интересныя характеристики умственнаго развитія харьковскаго общества и вліянія, оказываемаго на это развитіе просвѣтительною дѣятельностью названныхъ учрежденій; онъ сообщаетъ при этомъ довольно подробно начерченныя біографіи Каразина и Григорія Квитки-Основяненка, оказавшихъ несомнѣнно большое вліяніе на умственную жизнь современнаго имъ харьковскаго общества. Вообще, вторая глава сочиненія г. Щелкова изобилуетъ подробностями и фактическія данныя ея группируются въ довольно полную картину; это впрочемъ и естественно, такъ какъ, помимо матеріала, добытаго авторомъ, у него были подъ рукою довольно обстоятельныя монографіи о сюжетѣ его изслѣдованія, составленныя г. Данилевскимъ въ его „Украинской Старинѣ".

Въ заключеніе книжки г. Щелковъ помѣстилъ краткій историко-топографическій очеркъ нынѣшняго Харькова и прило-

жилъ записку о состояніи харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ, составленную въ 1844 году Гулакомъ-Артемовскимъ.

Описаніе кіево-софійскаго каѳедральнаго собора. П. Г. Л. Кіевъ. 1882 г.

Кіево-софійскій каѳедральный соборъ имѣетъ свою довольно богатую литературу. Его непремѣнно касались всѣ многочисленные описатели Кіева и его святынь. Ему посвящено немало статей, преимущественно въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, и особыхъ сочиненій. Изъ числа послѣднихъ упомянемъ: „Описаніе кіево-софійскаго собора и кіевской іерархіи" митрополита Евгенія, 1825 г., „Описаніе кіево-софійскаго собора" протоіерея Н. М. Скворцова, 1854 г., „Древности и символики кіево-софійскаго собора", 1863 г., „Кіево-софійскій каѳедральный соборъ", 1869 г. А. Н. Муравьева, и „Древности россійскаго государства. Кіево-Софійскій соборъ", 1873 года. Не смотря на обиліе спеціальныхъ статей о кіево-софійскомъ соборѣ и описаній его, нельзя сказать, чтобы вполнѣ уяснена была для насъ древняя, первоначальная конструкція этого собора и вся дальнѣйшая его судьба. Соборъ этотъ, существующій свыше 800 лѣтъ, въ теченіи долгой жизни своей подвергался различнымъ невзгодамъ, поправкамъ и передѣлкамъ, которыя нерѣдко принимались впослѣдствіи за принадлежности первоначальнаго его состава. Нужно было опредѣлить, что осталось въ соборѣ въ первоначальномъ его видѣ, что утрачено изъ него или что прибавлено послѣ; а для этого потребовался цѣлый рядъ археологическихъ и историческихъ изысканій и сопоставленій. Много было сдѣлано въ этомъ отношеніи для кіево софійскаго собора предъидущими описателями его и особенно митрополитомъ Евгеніемъ; но авторъ разсматриваемаго сочиненія, резюмировавъ труды своихъ предшественниковъ, привнесъ много новаго и отъ себя для разъясненія подлиннаго облика древней Софіи кіевской и ея исторіи. Такъ, на основаніи недавно открытаго гравированнаго вида Софійскаго собора 1651 года, изученія кладки и сравненія съ другими подобными храмами, авторъ съ математическою, можно сказать, точностію опредѣлилъ древній видъ куполовъ софійскаго собора. „На передней, западной сторонѣ храма,—говоритъ онъ,—въ древности возвышались двѣ башни или вежи, съ каменными

лѣстницами внутри, которыми восходили на хоры и на внѣшнія плоскія галлереи, бывшія на боковыхъ папертяхъ. Вежи эти оканчивались куполообразно съ щелеобразными окнами въ стѣнкахъ, подобно вежѣ новгородскаго софійскаго собора, уцѣлѣвшей въ первоначальномъ своемъ видѣ. Верхи вежъ кіевской Софіи въ концѣ XVII в. преобразованы въ купола съ обыкновенными окнами. Кромѣ двухъ башенныхъ верховъ, на софійскомъ соборѣ виднѣлось 13 куполовъ, изъ коихъ главный, на средней его части, 12-ти-гранный имѣетъ въ діаметрѣ 3½ саж.; его окружали 4 меньшихъ купола, которые видны и теперь, и 8 низкихъ куполовъ, которые скрылись подъ позднѣйшею шатровою кровлею собора. Вмѣсто послѣднихъ, на боковыхъ верхнихъ папертяхъ устроены въ концѣ XVII в. 4 новыхъ большихъ купола, по два на каждой изъ нихъ". — Съ такою же точностію опредѣлено происхожденіе и положеніе папертей собора. „Во второй половинѣ XI в., — говоритъ авторъ *Описанія*, — съ трехъ сторонъ — западной, сѣверной и южной, пристроены къ собору одноэтажныя паперти, въ 3 саж. 1½ арш. широты каждая; изъ нихъ уцѣлѣли донынѣ только двѣ — сѣверная и южная, а передняя — западная паперть обрушилась 6 сентября 1625 года". Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ „Описаніи" сравнительный методъ изученія и описанія софійскаго храма и его принадлежностей, восполняющій то, чего не сохранилось въ этомъ соборѣ въ натурѣ. „Надъ главнымъ престоломъ, — говоритъ авторъ, — вѣроятно, была невысокая сѣнь изъ столбовъ лучшаго мрамора съ архитравомъ, который вѣнчался четвероконечнымъ крестомъ, — сѣнь, подобная изображенной древнею мозаикою на запрестольной св. трапезѣ. Во время причащенія священнослужителей, не закрывался отъ взора предстоящихъ алтарь, а закрывался только его престолъ занавѣсами изъ дорогихъ тканей, прикрѣпленными къ архитраву надпрестольной сѣни, какъ было въ Софіи константинопольской. Иконостасы въ видѣ сплошной преграды устроены въ нашемъ софійскомъ соборѣ въ первый разъ въ 1644 году". Благодаря такому тщательному изученію собора, описаніе представляетъ полную, наглядную картину первоначальнаго его состоянія и вида и разновременныхъ наслоеній на него и перемѣнъ въ немъ. Все описаніе собора состоитъ изъ 28 параграфовъ или небольшихъ главъ, къ коимъ приложены въ концѣ: лѣтопись кіево-софійскаго собора и кіевской митрополіи и каталогъ кіевскихъ митрополитовъ, служившій доселѣ камнемъ претыканія для

нашихъ ученыхъ. Къ сожалѣнію, описаніе издано въ формѣ краткаго путеводителя по кіево-софійскому собору, безъ ученаго аппарата и оправдательныхъ цитатъ, безъ указанія и опроверженія противоположныхъ мнѣній. Поэтому читателю не дается сразу, что̀ именно новаго привнесено авторомъ въ сравненіи съ предшествовавшими описаніями, и часто приходится вѣрить автору только на слово. **Н. П.**

Народныя преданія въ Подоліи. Графъ Мотыка. Сочиненіе гр. Биберштейна. Каменецъ-Подольскъ. 1881.

Заманчивое заглавіе брошюрки заставило насъ взять ее въ руки и пересмотрѣть. Въ предисловіи къ ней читаемъ слѣдующее: „Историческая поэма *Графъ Мотыка* найдена нами въ фамильномъ архивѣ нашихъ предковъ еще въ 1868 году, но по разнымъ причинамъ, не интереснымъ для читателя, не могла быть издана. Въ графѣ Мотыкѣ, какъ въ фокусѣ, изображены черты польскаго пана въ Подоліи конца XVIII и начала XIX вѣка. Всѣмъ намъ памятны разсказы и преданія о Каневскомъ, Чарторыйскомъ, Дульскомъ, Мархоцкомъ и другихъ, даже къ намъ близкихъ лицахъ, о коихъ не упоминается потому, что родные ихъ еще находятся въ живыхъ. Описываемая мѣстность, сколько можемъ заключать, это—имѣнія графа Дульскаго, расположенныя въ проскуровскомъ уѣздѣ, а также родныхъ его въ летичевскомъ уѣздѣ. Преданія о постройкѣ въ одну ночь корчмы, овчарни, переносѣ селъ и церквей еще живутъ въ той мѣстности, о коей идетъ рѣчь. За разрушеніе церквей, какъ говорятъ, и секвестрованы его имѣнія. Еще недавно оставались слѣды церкви: село перенесено, а церковь съ священникомъ осталась. Еще потомокъ одного графа въ 40-хъ годахъ скакалъ съ ватагой козаковъ, верхами, чрезъ возы и людей въ Ярмолинцахъ во время ярмарки. Онъ былъ схваченъ жандармами въ Ярмолинцахъ же и вывезенъ въ великороссійскія губерніи въ ссылку за безчинство и другія мало намъ извѣстныя дѣла. Этотъ герой обѣдалъ въ Шаровкѣ, а чай пилъ въ Каменцѣ, куда поспѣвалъ на арабскомъ скакунѣ, и назадъ домой возвращался на ночь. Еще живо преданіе о томъ, какъ одинъ панъ наложилъ жидовъ, какъ сноповъ, на возъ и *перерублевалъ* ихъ, т. е. прикрѣпилъ, какъ прикрѣпляются снопы, толстымъ бревномъ (рубель) и веревками и по-

слалъ одному пану въ подарокъ. Уже въ концѣ царствованія Николая I бывали случаи, что обнаженнаго крестьянина зимой привязывали къ дереву и обливали водой, которая покрывала его ледяной скорлупой. И много-много было такихъ выходокъ, коими отличались средневѣковые рыцари и бароны въ западной Европѣ и у насъ въ Россіи. Стоитъ вспомнить бироновщину, чтобы убѣдиться, чего только не допускалъ себѣ сильный по отношенію къ слабому и безправному! Миновали времена эти, и лишь остались въ старыхъ архивахъ странныя повѣсти и преданія о нихъ. Одну изъ такихъ повѣстей мы нынѣ и предлагаемъ читателю. Эта повѣсть для подолянина не требуетъ объясненій,—она ему понятна; для людей же, мало знакомыхъ съ Подолью, мы сдѣлали кратенькія примѣчанія, насколько, по нашему разумѣнію, мы считали необходимымъ".—Прочитавъ заглавіе брошюрки и предисловіе къ ней, невольно приходимъ къ недоумѣнію, кто же сочинилъ предлагаемую поэму, самъ ли гр. Биберштейнъ, какъ значится въ заглавіи, или же кто либо другой, а гр. Биберштейнъ нашелъ только ее въ своемъ фамильномъ архивѣ, какъ сказано о томъ въ предисловіи. Въ концѣ поэмы опять подписанъ графъ Биберштейнъ. Этого недоумѣнія не рѣшаетъ и сама поэма, написанная плохими малорусскими стихами въ стилѣ Тимка Падурры и другихъ подобныхъ ему украинствующихъ поляковъ, безъ всякой искры поэтическаго таланта. Но досаднѣе всего то, что и самое историческое содержаніе поэмы не возбуждаетъ довѣрія къ себѣ. Авторъ какъ будто хотѣлъ представить въ своей поэмѣ типическое лицо польскаго магната-самодура прежнихъ временъ и приписалъ ему частныя черты, принадлежащія другимъ лицамъ. Словомъ, и въ историческомъ, и въ литературномъ отношеніяхъ поэма ниже всякой критики и мы говоримъ о ней только потому, что она затрогиваетъ дѣйствительно интересный предметъ, стоющій вниманія и обработки. Но намъ нужны не поэмы объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, хотя бы даже и хорошо написанныя, а архивные мемуары или устныя преданія въ подлинномъ, не искаженномъ ихъ видѣ, которыя могли бы, если угодно, послужить матеріаломъ и для поэмы. Въ заключеніе, отмѣтимъ въ брошюрѣ одну частность, касающуюся Кіева. Въ примѣчаніи, на страницѣ 8, авторъ говоритъ слѣдующее: „Во времена Екатерины II на ратушѣ въ Кіевѣ были часы, и во время боя часовъ, какъ въ Прагѣ Спаситель и 12 апостоловъ, такъ здѣсь выходилъ козакъ

и кресалъ *воню*. При каждомъ ударѣ колокола онъ билъ о кремень, и сыпались искры". Вѣрно, да не совсѣмъ. **Н. П.**

Wiadomość o malarzach bazylijańskich. Podał ks. Sadok Barącz (Przegląd bibliograficzno-archeologiczny, 1882 № 3, 4).

Ксендзъ Барончъ извѣстенъ въ галицко-польской исторической литературѣ нѣсколькими спеціальными изслѣдованіями мѣстнаго характера, изъ которыхъ болѣе всего внесло новаго, до сихъ поръ малоизвѣстнаго и кропотливо разработаннаго матеріала, изслѣдованіе о каменецкихъ и львовскихъ армянахъ, подъ заглавіемъ „Żywoty sławnych ormian w Polsce". Новая его статья представляетъ краткій сводъ біографическихъ данныхъ, разсѣянныхъ отрывочно въ большомъ числѣ источниковъ, о монахахъ чина св. Василія, „базиліанахъ", занимавшихся живописью, или вѣрнѣе—иконописаніемъ. Такихъ монаховъ автору, не смотря на тщательныя изысканія (po wielu mozolnych badaniach), удалось найти всего только двѣнадцать. Даже и эта цифра оказывается несовсѣмъ вѣрной, такъ какъ дѣйствительныхъ базиліанъ здѣсь поименовано только десять, а остальные два—монахи православнаго исповѣданія, оба имѣвшіе ближайшее отношеніе къ Кіеву: преподобный Алипій печерскій и св. Петръ митрополитъ кіевскій, родомъ съ Волыни.

Собственно базиліане, упоминаемые у кс. Баронча, всѣ относятся къ XVIII вѣку и почти всѣ проходили ученіе, искусъ или служеніе въ почаевской лаврѣ, бывшей въ эту эпоху почти такимъ же религіознымъ образовательнымъ центромъ для уніатовъ, какимъ былъ для православныхъ южноруссовъ Кіевъ, съ его лаврою и могилинской академіей. Въ періодъ наибольшаго распространенія уніи въ русскихъ областяхъ Польши, непосредственно предшествовавшій ея раздѣламъ, изъ Почаева расходилась главная масса богослужебныхъ книгъ, равно какъ и духовныхъ стиховъ, нерѣдко распѣваемыхъ еще и теперь нищими-слѣпцами и слѣпцами же лириками, даже въ восточной Малороссіи. Сборники этихъ стиховъ носили названіе „Богогласниковъ", а теперь они составляютъ своего рода рѣдкость. Изъ статьи кс. Баронча видимъ, что вліяніе Почаева не ограничивалось книгами и изустно распространявшимися стихами, а отражалось также и на иконописи. Впрочемъ, вліяніе это едва ли достигало далѣе западной Волыни и, конечно, восточной Галиціи, такъ какъ

между почаевскими живописцами не нашлось ни одного выдающагося таланта. Свѣтской живописьк они не занимались почти вовсе, и только о двухъ изъ нихъ упоминается, что они писали и портреты, именно Гловацкій Исихій (Яковъ Игнатьевичъ) и Калиновичъ Іакинѳъ (Иванъ Александровичъ). Первому принадлежитъ портретъ извѣстнаго каневскаго старосты Николая Потоцкаго, сохранившійся въ Бучачѣ, второй рисовалъ портретъ его же въ Злочовѣ, но сохранился ли онъ,—авторъ не упоминаетъ.

Мы не имѣемъ подъ рукой большей части источниковъ, которые служили матеріалами кс. Барончу, а потому не можемъ высказаться опредѣленно ни о степени ихъ достовѣрности, ни о степени критическаго развитія пользовавшагося ими автора. Многое однако наводитъ на большія сомнѣнія въ достоинствахъ того и другаго. Съ первой же строки авторъ говоритъ о *базиліанахъ* въ Кіевѣ еще въ моментъ крещенія св. Ольги, причисляетъ къ нимъ печерскихъ монаховъ конца XI столѣтія и кіевскаго митрополита изъ жившихъ во Владимірѣ Клязьменскомъ, ранѣе даже неудавшейся флорентійской уніи, принятой митрополитомъ Исидоромъ. Въ отдѣльныхъ біографіяхъ Алипія и Петра недосмотровъ тоже немало; въ послѣдней напр. говорится, будто первымъ кіевскимъ митрополитомъ, переселившимся во Владиміръ, былъ Максимъ, „тамже жилъ и преемникъ его Кипріанъ". На самомъ дѣлѣ, въ суздальскую землю перешелъ еще предшественникъ Максима, Кириллъ (III), непосредственнымъ преемникомъ его былъ именно св. Петръ, а между послѣднимъ (1308—1326 г.) и Кипріаномъ (1378—1407 г.) упоминаются еще митрополиты Ѳеогностъ и Алексій. Въ разсказѣ объ Алипіи сбиты въ одно эпизоды изъ его жизни, передаваемые въ Минеяхъ, какъ случаи совершенно отдѣльные, а мелкія подробности обличаютъ очень плохое знакомство съ церковнославянскимъ языкомъ самого-ли кс. Баронча, или послужившаго ему источникомъ писателя,—не знаемъ. Тотъ или другой переводитъ слово „прокаженный" терминомъ „paralityk", а о наученіи Алипія иконописи говорится: „uczył się sztuki malarskiej u greckich malarzy, *a mianowicie u Mojżesza, w Ławrze pracującego*". Въ житіи подчеркнутой подробности нѣтъ, ни по Патерику, ни по Минеямъ; и что же оказывается?—Поводомъ къ ней послужило выраженіе: „украшающымъ иконописцемъ *мусіею* олтарь"; мусію т. е. мозаику переводчикъ принялъ за Мусія т. е. Моисея!...

Ив. Н.

Księga pamiętnicza majora A. Ptaszyńskiego 1769—1793, przepisał dr. Antoni J. Kr. 1881, in 8-o, стр. 53.

Брошюра эта составляетъ не воспроизведеніе мемуаровъ Пташинскаго вполнѣ, а только извлеченіе изъ нихъ тѣхъ мѣстъ, которыя представляютъ свѣдѣнія, до сихъ поръ неизвѣстныя, пополняютъ или исправляютъ изданные ранѣе источники. Такое же извлеченіе, въ русскомъ переводѣ, но значительно короче нынѣшняго, было помѣщено въ Подольскихъ Епарх. Вѣд. 1880 г., и носитъ въ отдѣльныхъ оттискахъ (К.-Под., 1880, 12°, стр. 50) заглавіе: „Подольская Старина, № 1-й". Изъ отрывочныхъ упоминаній въ самихъ мемуарахъ оказывается, что Андрей Пташинскій вступилъ въ военную службу въ гарнизонъ г. Каменца въ 1750 г., въ 1768 былъ уже майоромъ и прослужилъ въ этомъ чинѣ до 1793 г., когда, вслѣдъ за присоединеніемъ Каменца къ Россіи, вышелъ въ отставку, вмѣстѣ со многими другими офицерами мѣстнаго гарнизона. Рукопись мемуаровъ, фоліантъ въ 500 страницъ, принадлежитъ г. Ант. Рациборовскому, содержитъ въ себѣ много извѣстныхъ уже документовъ того времени, иногда съ отрывочными замѣчаніями автора, и писана имъ всегда подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, изо дня въ день, „по исполненіи служебныхъ обязанностей", какъ замѣчаетъ самъ Пташинскій. Вниманіе его останавливалось главнымъ образомъ на происходившихъ по сосѣдству военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ противъ турокъ, и потому мемуары эти заключаютъ въ себѣ едва ли не болѣе матеріаловъ для русской исторіи, чѣмъ для польской; изъ одного выраженія можно заключить, что Пташинскій въ войну 1769—1775 г. находился при русской арміи въ качествѣ волонтера. „Я присутствовалъ, говоритъ онъ, отъ начала войны подъ Хотиномъ до настоящаго времени", до 13 іюля 1775 г. О ходѣ войны 1787 и слѣдующихъ годовъ онъ получалъ въ Каменцѣ извѣстія отъ ген. Іос. Витта и принца Нассаускаго, а извѣстно, что оба они принимали въ этой войнѣ непосредственное участіе. Не вдаваясь въ излишнія подробности, ограничимся перечнемъ содержанія мемуаровъ Пташинскаго, въ томъ ихъ видѣ, какъ они заключаются въ брошюрѣ д-ра Антонія І. (г. І. І. Ролле). Они содержатъ въ себѣ слѣдующее: Описаніе турецкаго лагеря подъ Хотиномъ.—Начало войны 1769 г.—Проѣздъ черезъ Каменецъ бывшаго русскаго посла въ Турціи, Обрезкова.—Расположеніе русскихъ войскъ въ областяхъ Польши въ 1775 г.—Церемоніалъ пе-

переправы чрезъ Днѣстръ русскаго посольства въ Турцію и турецкаго въ Россію.—Проѣздъ въ Турцію послѣдняго крымскаго хана Шагинъ гирея (это показаніе современника, вполнѣ подтверждаемое еще и другою мѣстною записью, исправляетъ мнѣніе многихъ писателей о смерти Шагинъ-гирея въ Россіи). Сосредоточеніе въ Подоліи польскихъ войскъ во время войны 1787 г.—Переписка султана татарскаго Асланъ-гирея съ воеводою русскимъ Щенснымъ Потоцкимъ, и пожертвованія послѣдняго въ пользу арміи.—Отступленіе поляковъ отъ турецкой границы и занятіе ея австрійцами.—Письмо по-этому поводу хотинскаго коменданта Османа паши.—Вступленіе русскихъ войскъ.—Осада и взятіе Хотина.—Четырехлѣтній сеймъ; польское посольство въ Турцію.—Письма: Румянцева къ Щ. Потоцкому, Потоцкаго къ ген. Миллеру; Малаховскаго къ Потоцкому и обратно, къ нему же отъ короля и отъ Коссаковской.—Нѣкоторыя данныя о таргоцкой конфедераціи и состояніе Каменца въ эту эпоху.—Письма ген. А. Злотницкаго, каменецкаго коменданта Орловскаго, того же Потоцкаго и майора Перекладовскаго—Присяга гарнизона и жителей Каменца на вѣрность Россіи; сдача крѣпости.

Уже изъ этого краткаго перечня видно, что записки Пташинскаго представляютъ значительный интересъ для мѣстной исторіи, и нельзя не поблагодарить г. Ролле за обнародованіе этого памятника, особенно въ виду того, что онъ составляетъ частную собственность, доступность же частныхъ архивовъ обусловливается всегда только личными связями и знакомствами, т. е. зависитъ отъ случайности.

Ив. Н.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ПОДАРОКЪ КІЕВСКОМУ ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ МУЗЕЮ.

Въ 1868 и 1871 годахъ служащій при Московской Оружейной Палатѣ художникъ Д. М. Струковъ, по Высочайшему повелѣнію, открылъ, раскопалъ или очистилъ на южномъ берегу Крыма свыше двадцати долбленыхъ пещерныхъ и строенныхъ на землѣ древнихъ христіанскихъ храмовъ и другихъ памятниковъ и сдѣлалъ съ нихъ гипсовыя модели, которыя на московской политехнической выставкѣ удостоены были золотой медали за исполненіе. Затѣмъ, эти слѣпки пріобрѣтены были императорской академіей художествъ. Кромѣ того, художникъ Струковъ исполнилъ въ миньятюрѣ нѣсколько гипсовыхъ же слѣпковъ съ тѣхъ же крымскихъ храмовъ и въ 1874 году пожертвовалъ ихъ въ церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи. Нынѣ поступили въ этотъ музей и тѣ гипсовыя модели г. Струкова, которыя пріобрѣтены были императорской академіей художествъ. Августѣйшій президентъ сей академіи, великій князь Владиміръ Александровичъ, состоящій вмѣстѣ и покровителемъ церковно-археологическаго общества при кіевской академіи, въ прошломъ году повелѣлъ передать въ музей церковно-археологическаго общества означенныя модели, которыя въ февралѣ сего года и были переданы по назначенію. Такимъ образомъ въ Кіевѣ въ настоящее время находится довольно полная, единственная въ своемъ родѣ коллекція моделей древнихъ пещерныхъ и строенныхъ на землѣ крымскихъ христіанскихъ храмовъ и другихъ памятниковъ.

Въ означенныхъ моделяхъ воспроизведены слѣдующіе храмы и памятники: 1., инкерманская скала съ долблеными жилыми помѣщеніями и храмами; 2., храмъ св. Климента, папы римскаго, который, по преданію, совершалъ здѣсь богослуженіе, — въ той же инкерманской скалѣ; 3—6., три долбленые храма въ той-же скалѣ; 7., пещерный храмъ къ сѣверу отъ инкерманской скалы, черезъ балку, на углу другой скалы; 8—9., два долбленые храма на противоположной Инкерману сторонѣ, черезъ Черную рѣчку, на углу скалы; 10., храмъ въ севастопольской бухтѣ, въ южной сторонѣ, въ четырехъ верстахъ отъ моря, на углу скалы, нынѣ уничтоженный; 11., храмъ въ скалѣ близъ селенія Шули, въ 15 верстахъ отъ Инкермана; 12., тепе-керменская скала съ тремя ярусами пещеръ; 13., храмъ въ скалѣ Тепе-Кермень, на краю восточной стороны, въ полугорѣ, съ оригинальнымъ расположеніемъ алтаря; 14., храмъ на скалѣ Мангупъ; 14., построенный на землѣ храмъ въ селеніи Ай-Василь, близъ г. Ялты, съ надписью 801 г.; 15., такой-же храмъ въ деревнѣ Никиты, недалеко отъ Ялты, съ 1784 г. обращенный въ мечеть; 16., алтарь въ формѣ особаго зданія въ природной обширной пещерѣ изъ сталактитовъ, на вершинѣ горы Еграфъ, между селеніями Аутка и Ай-Василь; 17., фундаментъ обширнаго храма и стѣны восточной части алтаря въ деревнѣ Урзуфъ, недалеко отъ деревни Никиты, близъ крѣпости *Горсувитовъ*, построенной въ VI вѣкѣ; 18., остатки стѣнъ храма у подошвы горы Ай-Дагъ, между Ялтой и Алуштой, построеннаго готоійскимъ архіепископомъ Іоанномъ въ VIII в. и возобновленнаго митрополитомъ Даміаномъ въ 1428 году; 19—20., два храма на горѣ Ай-Дагъ; 21., храмъ въ селеніи Артекъ, у подошвы горы Ай-Дагъ; 22., двухъ этажный храмъ на горѣ Демерджи, близъ Алушты, съ живописью; 23., храмъ въ Судакѣ (древн. Сугдаіи, Сугдеѣ, Сурожѣ), близъ древней крѣпости, съ фресковыми изображеніями по стѣнамъ; 24., храмъ въ селеніи Козы, близъ Судака; 25., храмъ близъ селенія Отузы, между Судакомъ и Ѳеодосіей, въ лѣсу; 26—31., шесть памятниковъ, откопанныхъ въ Инкерманѣ, близъ Судака, въ Кикіенизѣ, Мангупѣ; 32., пять памятниковъ, называемыхъ Кельтійскими, близъ деревни Ай-Василь; 33., гробница съ крышкой; 34., разрѣзъ водоема въ Херсонисѣ; 35., проэктъ памятника надъ воинами волынскаго и селенгинскаго полковъ, павшими въ битвѣ 24 октября, 1854 года, на высотахъ инкерманскихъ.

Вмѣстѣ съ моделями передано въ музей нѣсколько оригинальныхъ фрагментовъ разныхъ памятниковъ крымскихъ, изсѣченныхъ крестовъ, надписей и т. п. Представляя общій интересъ для исторіи церковной архитектуры, модели эти могутъ имѣть и частный интересъ для Кіева, такъ какъ крымскія пещеры, по всей вѣроятности, служили прототипомъ кіевскихъ пещеръ.

Н. П.

Излишніе малороссійскіе монахи конца XVIII ст.,

какихъ они были качествъ и какъ доживали свой вѣкъ*).

1786 годъ былъ роковымъ годомъ въ исторіи малороссійскаго монашества. Въ апрѣлѣ сего года состоялся слѣдующій указъ императрицы Екатерины II.

Указъ Нашему Синоду.

Предъуспѣвъ съ помощію Божіею распорядить епархіи и монастыри въ большей части имперіи НАШЕЙ на такомъ основаніи, которое и съ первоначальными правилами благочестивой вѣры христіанской и съ общею пользою сходствуетъ, не могли МЫ въ одно время распространить оныхъ на епархіи и монастыри, въ Малой Россіи состоящіе, по не устроенному до того въ сей области управленію и по не имѣнію въ ней прежде сего ни вѣрной ревизіи, ниже точныхъ правилъ для сбора доходовъ. Съ устроеніемъ нынѣ трехъ намѣстничествъ малороссійскихъ: кіевскаго, черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго, на равнѣ съ прочими губерніями имперіи НАШЕЙ, пріобрѣтаемъ мы удобность ввести надлежащее единообразіе и относительно содержанія архіерейскихъ домовъ и монастырей тамошнихъ, учреждая оное самымъ достаточнымъ образомъ, освобождая духовныхъ властей и чиновъ отъ несвойственныхъ имъ управленія деревнями, заботъ хозяйственныхъ и всего болѣе неприличныхъ духовному сану хожденій въ судахъ по тяжбамъ и ссорамъ, и стараяся отъ сея части заимствовать всевозможную для общества пользу. Посему и повѣлеваемъ.

Первое. Митрополиту кіевскому производить на содержаніе

---

*) По рукописнымъ документамъ архива Св. Синода.

его и дома его ту самую сумму, которая по штатамъ утвержденнымъ отъ насъ въ 1764 г. положена на архіерейской московскій домъ, за исключеніемъ денегъ на Чудовъ монастырь въ тѣхъ штатахъ назначенныхъ.

Второе. Кіевопечерской лаврѣ имѣть свое содерженіе противъ назначеннаго въ штатахъ на троицкую сергіеву лавру. Архимандритомъ кіевопечерскія лавры быть митрополиту кіевскому, получая и положенный архимандриту троицкой сергіевой лавры окладъ; впрочемъ число монашествующихъ такъ распорядить, чтобъ половина оныхъ была изъ ученыхъ и къ высшимъ духовнымъ степенямъ пріуготовляемыхъ, другая же для служенія ко архіерейскому дому и монастырю. А для уединенія престарѣлыхъ назначить по разсмотрѣнію митрополита одну изъ приписныхъ пустынь, вблизи Кіева находящихся.

Третіе. Катедральный кіево-софійскій монастырь переименовать кіевскимъ софійскимъ соборомъ, опредѣля къ нему протопопа и прочихъ священно-и церковно-служителей съ окладомъ наравнѣ съ моск. архангельскимъ соборомъ. Сверхъ того въ семъ монастырѣ помѣщено быть имѣетъ и главное народное училище кіевскаго намѣстничества, по волѣ НАШЕЙ заводимое отъ коммисіи объ установленіи народныхъ училищъ въ имперіи НАШЕЙ.

Четвертое. Ставропигіальный кіевомежигорскій монастырь перевесть въ таврическую область, гдѣ оный въ 1-мъ классѣ учрежденъ будетъ: строеніе же обратится для помѣщенія отставныхъ офицеровъ, призрѣнія по ихъ дряхлости и неимуществу требующихъ. Чего ради по выводѣ монаховъ и отдать все то въ вѣдомство Приказа общественнаго призрѣнія.

Пятое. Изъ монастырей кіевской епархіи быть въ I классѣ кіево-пустынно-николаевскому и кіево-златоверхо-михайловскому, во II кіевскому греческому екатерининскому, лубенскому преображенскому и вознесенскому переяславскому; въ III—кіево-выдубецкому и козелецкому георгіевскому, изъ коихъ первый имѣетъ служить больницею для прочихъ кіевскихъ монастырей. Изъ женскихъ монастырей опредѣлить въ I кл. кіево-фроловскій вознесенскій, во II кіево-богословскій, въ III козелецкій и благовѣщенскій золотоношскій

Шестое. Кіевской академіи со всѣми къ ней принадлежащими заведеніями быть при архіерейскомъ домѣ въ кіево печерской лаврѣ, а братскій монастырь, служащій нынѣ для помѣщенія помянутой академіи, обратить на главный гошпиталь по его положенію.

Седьмое. Черниговскому архіерею имѣть по прежнему свое пребываніе въ катедральномъ борисоглѣбскомъ монастырѣ; на содержаніе его и дóма его производить сумму, по штатамъ на архіерейскіе домы втораго класса опредѣленную.

Осьмое. Черниговъ. преображенскій соборъ, въ разсужденіи древности его, положить на содержаніе новгородскаго софійскаго собора.

Девятое. Изъ монастырей черниговской епархіи быть въ I классѣ черниговскому успенскому елецкому, во II нѣжинскому благовѣщенскому, въ III успенскому домницкому, изъ женскихъ въ III классѣ нѣжинско-введенскому.

Десятое. Новгородско-сѣверскому архіерею имѣть свое пребываніе въ монастырѣ спасо-сѣверскомъ новгородскомъ; на содержаніе же его и дóма его производить ту сумму, которая по штатамъ на архіерейскіе дома II класса опредѣлена.

Первое-надесять. Изъ монастырей новгородско-сѣверской епархіи быть во II классѣ глуховскому петропавловскому и гамалѣевскому харлампіевскому, въ III батурянскому николаевскому; изъ женскихъ же оставить одинъ въ III классѣ по разсмотрѣнію епархіальнаго архіерея.

Второе-надесять. Изъ остающихся за симъ монастырей обратить троицкій ильинскій черниговскій для помѣщенія университета въ семъ городѣ учреждаемаго, пятницкій женскій для главнаго народнаго училища черниговскаго намѣстничества, заводимаго коммисіей объ установленіи народныхъ училищъ въ имперіи НАШЕЙ; и сверхъ того въ каждой губерніи, по сношенію НАШЕГО генерала губернатора съ епархіальными архіереями выбрать по одному мужескому и по одному женскому монастырю, кои съ лучшею удобностію употреблены могутъ быть къ содержанію бѣдныхъ, увѣчныхъ и призрѣнія требующихъ нижнихъ чиновъ и тому подобныхъ людей,—кои и отдать въ вѣденіе Приказовъ общественаго призрѣнія; прочіи же, равно и приписныя къ монастырямъ пустыни, за исключеніемъ упомянутой во 2 пунктѣ сего указа, обратить въ приходскія церкви, стараяся, гдѣ удобно, помѣстить при нихъ малыя народныя школы и богодѣльни, что и относится къ попеченію Приказовъ общественнаго презрѣнія и къ распоряженію НАШЕГО генералъ-губернатора.

Третіе-надесять. На содержаніе кіевской академіи съ принадлежащими къ ней заведеніями указали мы отпускать ежегод-

но по 8400 р., на черниговскую и новгородъ-сѣверскую семинаріи на каждую по 2000 рублей.

Четвертое надесять. Объ отводѣ ко архіерейскимъ домамъ и монастырямъ загородныхъ домовъ, рыбныхъ ловель и земли для выгона и для огородовъ, сходно 12 пункту учрежденія, приложеннаго при штатахъ 1764 года, предписано отъ НАСЪ сенату НАШЕМУ.

Пятое-надесять. Въ постриженіи въ монахи и монахини поступать по точности правилъ въ дух. регламентѣ и въ указахъ и учрежденіяхъ НАШИХЪ относительно прочихъ епархій и монастырей имперіи НАШЕЙ изданныхъ; для лучшаго же объясненія всего вышеписаннаго приложено при семъ росписаніе на всѣ помянутые архіерейскіе дома, соборы и монастыри. Впрочемъ что̀ принадлежитъ до управленія имѣній за монастырями, въ сихъ трехъ епархіяхъ бывшихъ, и сбора доходовъ, данъ отъ НАСЪ особый указъ НАШЕМУ сенату.

С.-Петербургъ
апрѣля 10.
1786 года [1]).

Екатерина.

Изъ этой торжественной и повидимому окончательной декларацiи ни одинъ пунктъ, кромѣ перваго и нѣсколькихъ послѣдующихъ, не былъ осуществленъ съ полною точностію. Остальное все переладилось, измѣнилось или даже и совсѣмъ разбилось въ дребезги при соприкосновеніи съ дѣйствительностію. Достаточно сли-

[1]) **Росписаніе.**

Митрополиту кіевскому содержаніе	3744 р.	40 к.
Служащимъ при домѣ архіерейскомъ и пр. на распоряженіе митрополита.	1521 р.	75 к.
На церковныя и другія надобности	900 р.	„
Въ кіевскую дикастерію	932 р.	90 к.
Прибавочныхъ	500 р.	„
Въ кіево-печерскую лавру	10,570 р.	„
Въ кіевскую академію.	8400 р.	„
Въ кіево-софійскій соборъ.	2058 р.	„
Двухъ православныхъ кіевскимъ монастырямъ по 2317 р. 50 к.	4635 р.	„
Тремъ второклассныхъ по 1511 р. 90 к.	4535 р.	70 к.
Двумъ третьеклассныхъ по 956 р. 30 к.	1912 р.	60 к.
Кіево-фроловскому монастырю	2409 р.	80 к.
Кіево богословскому	675 р.	80 к.
Двумъ женскимъ третьяго класса по 525 р. 60 к.	1051 р.	20 к.
Всего на кіевскую епархію	43,847 р.	15 к.
на черниговскую	14,011 р.	30 к.
на новгородъ-сѣверскую	12,405 р.	70 к.

чить только теперешнее знакомое намъ положеніе вещей въ здѣшнемъ краѣ, чтобы видѣть, какъ разнится приведенный указъ отъ исполненія его въ дѣйствительности. Такъ по 2-му пункту мы не видимъ, чтобы въ печерской лаврѣ половина иноковъ была ученыхъ и къ высшимъ духовнымъ степенямъ пріуготовленныхъ. По 3-му пункту мы не видимъ въ оградѣ кіево-софійскаго собора главнаго народнаго училища. По 4-му пункту мы не видимъ, чтобы межигорскій монастырь былъ перенесенъ въ Тавриду и въ зданіяхъ бывшаго монастыря мы не находимъ помѣщенія для престарѣлыхъ офицеровъ. По 5-му пункту мы не видимъ, чтобы выдубицкій монастырь служилъ больницею для прочихъ кіевскихъ монастырей, да и странно было бы, чтобы онъ служилъ таковою. По 6-му пункту мы не находимъ ни кіевской академіи въ лаврѣ, ни госпиталя на мѣстѣ братскаго монастыря. По 7-му пункту мы не видимъ, чтобы борисоглѣбскій монастырь служилъ мѣстопребываніемъ черниговскаго архіерея, а по 10-му пункту мы и вовсе не находимъ архіерея въ Новгородъ-Сѣверскѣ. По 11-му пункту мы не находимъ въ Черниговѣ ни университета въ ильинскомъ монастырѣ, ни главнаго народнаго училища въ пятницкомъ монастырѣ. Широкіе проэкты просвѣщенія, благотворенія и призрѣнія на счетъ монастырей не осуществились. Такъ всегда впрочемъ бываетъ, когда, напавъ на какую либо новую, въ сущности вѣрную идею, примѣшаютъ къ ней постороннія цѣли. Основная идея задуманной теперь реформы, состоявшая въ отобраніи въ казну монастырскихъ имѣній и въ ограниченіи числа монашествующихъ, была послѣдовательно проведена до конца, но нѣкоторыя ея частности едвали не были странностію и для тогдашняго времени, какъ напр. помѣщеніе всесословной еще академіи въ лаврѣ въ видахъ обращенія братскаго монастыря въ госпиталь, учрежденіе одной общей больницы для кіевскихъ монастырей въ монастырѣ выдубицкомъ, или перенесеніе монастыря межигорскаго въ таврическую область, чтобы въ его зданіяхъ помѣстить отставныхъ дряхлыхъ офицеровъ. Не трудно впрочемъ догадаться, что послѣднимъ распоряженіемъ руководила мысль уничтожить послѣдній слѣдъ разореннаго предъ тѣмъ Запорожья, которое считало межигорскій монастырь своею обителью, дѣлало для нея богатыя приношенія, получало отъ нея духовниковъ

и въ ней же предоставляло возможность окончить жизнь тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые изъявили желаніе *„замолить гріхи свои“* предъ Богомъ, перемѣнивъ суровую сѣчевую обстановку на мрачную келейную и тяжелые подвиги бранной жизни на еще болѣе суровые подвиги отшельничества. Легко также понять, какъ всѣ такія распоряженія глубоко оскорбляли традиціонныя чувства мѣстнаго населенія; но съ этими чувствами тогда не справлялись *).

При уравненіи малороссійскаго монашества съ великороссійскимъ, неизбѣжно должно было послѣдовать закрытіе многихъ монастырей и оставленіе за штатомъ многихъ монашествующихъ. И дѣйствительно, при введеніи штатовъ въ трехъ малороссійскихъ епархіяхъ, оказалось подлежащими закрытію 42 обители, а 466 иноковъ и 510 инокинь остались *въ излишествѣ*, не считая лишнихъ настоятелей и настоятельницъ, которыхъ набралось 29.

Св. синодъ, повидимому, наиболѣе озабочивался безобиднымъ устройствомъ судьбы заштатныхъ настоятелей и настоятельницъ, и съ этою цѣлію требовалъ объ нихъ свѣдѣнія отъ мѣстныхъ малороссійскихъ архіереевъ.

Намъ пришлось читать въ синодальномъ архивѣ слѣдующій докладъ объ нихъ Самуила митрополита кіевскаго:

Настоятели кіевской епархіи *излишніе*:

1) Кіево-братскаго монастыря архимандритъ и кіевской академіи ректоръ *Варлаамъ*.

Качествъ честныхъ, учился съ нижнихъ классовъ и богословія, греческому, нѣмецкому и французскому языкамъ и самъ былъ учителемъ риторики и богословія; нынѣ присутствуетъ въ консисторіи.

2) Кіево-кирилловскаго монастыря игуменъ *Ѳеодосій* 46 лѣтъ.

Качествъ хорошихъ; учился съ низшихъ классовъ и богословія, и самъ былъ учителемъ; нынѣ присутствуетъ въ консисторіи.

3) Кіево-петропавловскаго монастыря игуменъ *Амвросій* 63 л.

Качествъ честныхъ; въ школахъ учился и самъ обучалъ разнымъ языкамъ и наукамъ.

4) Переясловскаго михайловскаго монастыря игуменъ *Аполоній* 38 лѣтъ.

---

*) Межигорская обитель превращена потомъ въ фаянсовую фабрику, но и фабрика лѣтъ двадцать уже не существуетъ и это историческое мѣсто народной святыни едва не стало достояніемъ промышленниковъ-евреевъ.—Ред.

Качествъ хорошихъ; учился съ низшихъ классовъ и богословія и самъ былъ учителемъ.

5) Сорочинскаго михайловскаго монастыря игуменъ *Іоасафъ* 80 лѣтъ.

Качествъ хорошихъ; въ школахъ не обучался; за старостію и слабостію здоровья впредь къ послушаніямъ не способенъ.

6) Залотоношскаго красногорскаго монастыря игуменъ и кіевской академіи префектъ *Димитрій* 40 лѣтъ.

Качествъ хорошихъ; дѣлъ до него никакихъ не касалось.

7) Бывшаго троицкаго больницкаго монастыря игуменъ *Феофилактъ*.

Качествъ добропорядочныхъ въ школахъ обучался латинскому языку и богословію; дѣлъ до него подозрительныхъ не косалось.

8) Кіево іорданскаго монастыря игуменья *Александра*.

Качествъ честныхъ; русской грамотѣ обучена.

Положеніе *излишнихъ* настоятелей было все-таки сравнительно сносно; на содержаніе ихъ ассигновалось изъ казны архимандритамъ по 70 р., игуменамъ по 50 р. въ годъ,—сумма по тогдашнему времени не очень малая. А главное,—они всегда были на виду у начальства и при первой возможности получали штатное мѣсто.

Совсѣмъ иное было положеніе простыхъ іеромонаховъ и монаховъ, оставшихся *въ излишествѣ*. На первое время имъ, по доношенію кіевскаго митрополита, *и жить было негдѣ и пропитываться нечѣмъ*. Скоро впрочемъ, по Высочайшему указу отъ 13 іюля 1786 г., остающимся сверхъ штата монахамъ и монахинямъ опредѣлено было небольшое содержаніе изъ доходовъ деревень, бывшихъ за архіерейскими домами и монастырями малороссійскими, именно іеромонахамъ и іеродіаконамъ по 13 р. въ годъ, прочимъ монашествующимъ по 8 рублей, монахинямъ же всѣмъ по 10 рублей въ годъ. *Сумма на сіе употребляемая*,—гласилъ Высочайшій указъ, *долженствуетъ сокращаться по мѣрѣ убавленія монашествующихъ*. Такимъ образомъ оставшимся *въ излишествѣ* предоставлено было печальное право: стѣснившись въ небольшомъ числѣ уцѣлѣвшихъ монастырей, доживать свой вѣкъ на сверхъ-штатномъ содержаніи, въ ожиданіи того, пока они *смертію не выбудутъ*,—

при чемъ мѣстнымъ архіереямъ предписывалось рапортовать полугодично объ успѣхахъ смерти въ истребленіи излишней монашествующей братіи, а также о поведеніи остававшихся въ живыхъ.

Изъ сохранившихся въ синодальномъ архивѣ донесеній малороссійскихъ епархіальныхъ начальствъ мы можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о томъ, какъ доживали свой вѣкъ заштатные иноки, для которыхъ въ земной жизни не предвидѣлось иной перспективы, кромѣ *выбытія* посредствомъ смерти.

Донесеніе кіевскаго епархіальнаго начальства довольно сдержанны и немногословны. Противъ именъ *излишнихъ* иноковъ стоятъ такія аттестаціи:

Старъ и дряхлъ. состоянія честнаго.

Совсѣмъ глухъ, состоянія честнаго.

Слѣпъ, состоянія честнаго.

Состоянія не худаго, увѣченъ.

Глазами слабъ и мало видитъ. Состоянія не худаго.

Состоянія не худаго; больной жестокою болѣзнію.

Только противъ имени одного инока отмѣчено: „*состоянія слабаго и невоздержаннаго*". Такъ-же не многословны и донесенія черниговскаго епархіальнаго начальства. О всѣхъ заштатныхъ инокахъ общимъ итогомъ отмѣчено: „къ послушанію способны, а состоянія неблагонадежнаго". Или: „къ послушанію способны, требующіе исправленія". Лучше отзывъ о заштатныхъ монахиняхъ: „монахини состоянія честнаго и неподозрительнаго".

Болѣе подробны и откровенны отзывы новгородъ-сѣверскаго епархіальнаго начальства. Заштатные иноки стѣснились въ двухъ уцѣлѣвшихъ монастыряхъ новгородъ-сѣверской епархіи—глуховскомъ и гамалѣевскомъ. О каждомъ монастырѣ епархіальное начальство доноситъ отдѣльно.

Глуховскаго петропавловскаго монастыря (заштатные) іеромонахи:

Самуилъ 58 лѣтъ. Состоянія порядочнаго, честнаго, напивается, но не очень часто, и въ напилости спокоенъ.

Варлаамъ 60 лѣтъ. Изъ польскихъ монаховъ, называемыхъ базиліанъ. Въ трезвости спокоенъ, порядоченъ и обхожденія честнаго; въ пьянствѣ же сердитъ и къ дракамъ охотенъ. Священнодѣйствіе ему запрещено за убой изъ ружья игумена сво-

его, разсердясь на него, будучи еще въ Польшѣ базиліаниномъ.

Макарій 35 лѣтъ. Совѣсти худой, нрава развратнаго, тайно зъ монастыря бродитъ, по селамъ и шинкамъ пьянствуетъ и къ похищенію чужаго добра склоненъ.

Гавріилъ 45 лѣтъ. Изъ Польши, изъ уніатскихъ поповъ; состоянія нынѣ средственнаго.

Монахи: *Евсевій* 45 лѣтъ. Изъ козаковъ запорожскихъ. Состоянія худаго, нрава жестокаго: пьянствуетъ, ссорится и къ дракамъ охотенъ.

Іассонъ 32 лѣтъ. Состоянія совсѣмъ худаго. Всегда пьянствуетъ, многія въ монастырѣ воровства подѣлалъ, днемъ и ночью съ монастыря ходитъ, по селамъ и шинкамъ соблазны дѣлаетъ, страха Божія и стыда лишился, и ко исправленію онаго не предвидится надежды, и т. д.

Харлампіева монастыря *гамальѣевскаго* (заштатные) іеромонахи:

Самуилъ 50 лѣтъ. Напивается, за монастырь самовольно, даже и по селамъ околичнымъ, бродитъ, и въ пьянствѣ злонравный.

Мисаилъ 48 лѣтъ. Состоянія не совсѣмъ худаго.

Амвросій 42 лѣтъ. Самаго преразвратнѣйшаго состоянія: всѣхъ пороковъ скопище прегнуснѣйшее и т. д.

Монахи:

Виталій 60 лѣтъ. Добронравный, но ко бродяжеству склонный.

Натермуѳій 35 лѣтъ. Постояненъ.

Романъ 33 лѣтъ. Тихъ, скроменъ и трезвъ.

Зосима 41 года. На оба глаза слѣпъ, ногами хромъ и одною рукою совсѣмъ не дѣйствителенъ: однако пьянствовать и бродить, да еще въ ночное время, по околичнымъ селамъ охочь.

Объ остальныхъ общимъ итогомъ отмѣчено: *„сіи всѣ ведутъ себя по силѣ своей порядочно“*.

Ф. А. Терновскій.

СТАРИННЫЕ МАЛОРОССІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ.

Малороссійская козацкая старшина любила изображать себя въ портретахъ, которые называла „контерфектами“. Домъ, принад-

лежавшій лицу, занимавшему генеральный или полковничій урядъ, какъ бы обязательно украшался портретами хозяина и хозяйки, а иногда и дѣтей. Потомки, сохраняя предковскіе портреты, присоединяли къ нимъ свои. Недостатка въ мастерахъ—„малярахъ", повидимому, не было, такъ какъ плата за работу портрета сравнительно была не велика.[1]) Часто рисовались портреты въ нѣсколькихъ спискахъ, изъ которыхъ одни оставались въ домѣ, а другіе помѣщались въ церквахъ и монастыряхъ. Право на помѣщеніе портретовъ въ церквахъ и монастыряхъ принадлежало, какъ кажется, только ихъ „фундаторамъ", т. е. строителямъ.

Писаніе портретовъ въ Малороссіи начинается съ первой половины XVII в.; сохранились портреты гетмана Сагайдачнаго (въ гравюрѣ)[2]) и Петра Могилы. До второй половины XVII в. писаніе портретовъ было уже настолько распространено, что мы имѣемъ портреты почти всѣхъ гетмановъ этого времени и значительное число генеральной старшины и полковниковъ, если они занимали свои уряды сколько нибудь продолжительное время.—Въ XVIII в. возможность имѣть свои портреты стала еще болѣе доступною: отъ этого времени сохранились портреты даже сотниковъ. Всѣ эти портреты, по разсказамъ стариковъ, хранились по стариннымъ усадьбамъ, еще въ половинѣ настоящаго вѣка. Достаточно портретовъ приходилось видѣть намъ лично въ помѣщичьихъ усадьбахъ—еще

---

[1]) Приводимъ здѣсь поданную Полуботку въ 1722 г. жалобу одного такого портретиста, дающую нѣкоторыя по этому предмету свѣдѣнія.—«Жалостную мою суплику вашой велможности подаю и святой справедливости прошу зъ пана Алексѣя Туранскаго въ такомъ интересѣ: что старого судію енералного, отца его, контерфектъ малевалемъ, по умертвіи; аже за оній контерфектъ тилко п. Алексѣй за отца своего заплатилъ копъ трехъ, а пять копъ остался виновенъ; ибо и стужалъ я пану Алексѣю съ прошеніемъ многокротъ, аби отдалъ; но онъ, не вѣдаю, коеи ради вины, не отдаетъ. Прошу вашу велможность оного пана Туранскаго предъ велможность вашу сискать и допросить, а по допросу свой указъ панскій учинить, за что долженъ Бога молити навсегда. Велможности вашей нижайшій рабъ Григорій, маляръ глуховскій». Генер. судья Алексѣй Мих—чъ Туранскій умеръ въ 1716 г. Маляръ Григорій жалуется на старшаго сына его—Алексѣя.

[2]) Гравюра эта находится въ рѣдчайшей книжкѣ «Вірши на жалосный погребъ знацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачнаго», напечатанной въ Кіевѣ въ 1622 году. Снимокъ съ гравюры приложенъ къ 3-й кн. Кіевлянина, изд. Маркевича.

лѣтъ двадцать назадъ. Теперь они встрѣчаются рѣже и рѣже; большая часть ихъ погибла по чердакамъ и амбарамъ, куда спроваживали ихъ или сами потомки, находившіе портреты предковъ недостаточно изящными для украшенія перестроенныхъ на новый ладъ домовъ, или же новые владѣльцы старинныхъ усадьбъ — въ лицѣ первогильдейскихъ купцовъ разныхъ національностей, явившіеся послѣ 1861 г. Въ 1862 г. мы лично видѣли въ с. Холмахъ, сосницкаго уѣзда, рядъ портретовъ Дубиныхъ-Борковскихъ, а въ с. Казиловкѣ, того-же уѣзда—Иваненковъ; но лѣтъ черезъ десять всѣ эти портреты изчезли безслѣдно. Очень много погибло портретовъ, находившихся въ церквахъ, откуда они были вынесены по распоряженію св. синода еще въ тридцатыхъ годахъ. Портреты эти если не попадали въ руки любителей, сваливались обыкновенно на колокольнѣ и тамъ истлевали.

Нельзя не пожалѣть о множествѣ утраченныхъ этого рода памятниковъ малороссійской старины. Не говоря объ археологическомъ ихъ значеніи для исторіи одежды, иногда и историку не безполезно взглянуть на обличіе того или другаго дѣятеля прежнихъ временъ.

Въ послѣднее время, впрочемъ, явились люди, которые понявъ значеніе портретовъ, какъ историческихъ памятниковъ, стали ихъ собирать или по крайней мѣрѣ сберегать. Изъ извѣстныхъ намъ собраній старинныхъ малороссійскихъ портретовъ полнѣйшее принадлежитъ В. В. Тарновскому и находится въ качановской его усадьбѣ, борзенскаго уѣзда. Собраніе это составляютъ большею частію копіи, сдѣланныя съ оригиналовъ, которые еще удалось найти собирателю у нѣкоторыхъ бережливыхъ потомковъ.

Помѣщаемъ здѣсь списокъ извѣстныхъ намъ старинныхъ малороссійскихъ портретовъ, писанныхъ масляными красками, въ азбучномъ порядкѣ лицъ, съ которыхъ рисованы эти портреты, обозначая копіи, имѣющіеся въ собраніи В. В. Тарновскаго, буквами В. В. Т.

1—2. *Безбородко* Андрей Яковлевичъ, генеральный писарь (р. 1711 † 1780 г.) и жена его, Евдокія Михайловна, урожденная Забѣла (р. 1716 † 1803 г.). У наслѣдниковъ умершаго Л. Н. Бакуринскаго, въ городницкомъ уѣздѣ, и у гр. Гр. А. Милорадовича,

въ м. Любечѣ, того-же уѣзда. Кромѣ того, портретъ одного мужа, въ думницкомъ монастырѣ.

3. *Борозовичъ* Михаилъ, полковникъ гадяцкій (1687—1704 г.) Копія у В. В. Т.

4—6. *Галаганы* Игнатій (1715—1740 г.) и сынъ его Григорій (1740—1763 г.), полковники прилуцкіе, и жена перваго. Оригиналы хранятся у потомка, Гр. Н. Галагана, въ с. Сокиринцахъ, прилуцкаго уѣзда. Копіиу В. В. Т. Портретъ жены Игнатія Галагана—лучшій изъ извѣстныхъ намъ женскихъ старыхъ малороссійскихъ портретовъ.

7. *Гамалѣя*. Портретъ одного изъ Гамалѣевъ (должно быть Ивана Андреевича, генеральнаго судьи въ отставкѣ, 1760 г.) хранится въ с. Семеновкѣ, конотопскаго уѣзда, въ усадьбѣ Н. Г. Гамалѣи.

8. *Гоголь* Евстафій, полковникъ подольскій, а потомъ могилевскій † 1679 г. О портретѣ его, находившемся въ святодуховской церкви межигорскаго монастыря, упоминаетъ Максимовичъ (Соч. II, 276).

9. *Дарагань* Ефимъ, полковникъ кіевскій 1753 г. Копія у В. В. Т.

10. *Домонтовичъ* Иванъ, генеральный судья 1673 г. Прекрасная копія XVIII в., не знаемъ кому принадлежащая, была на выставкѣ портретовъ 1870 г. Хорошіе снимки этого портрета можно найти въ Спб. у фотографа Лушева [1]).

---

[1]) Домонтовичъ изображенъ стоящимъ у стола, на которомъ находится распятіе, въ лѣвой рукѣ—четки, а въ правой—«ліска» (знакъ судейскаго чина); подъ портретомъ—миніатюрное изображеніе монастыря (должно быть, крупецкаго), по обѣимъ сторонамъ котораго сдѣлана надпись:

Хто на той образъ поглянетъ
А щомъ за чъ (человѣкъ) бывалъ вѣдати желаетъ,—
Вѣдай, якъ вѣрный сынъ отчизны былемъ,
Оной зъ молодыхъ лѣтъ вѣрне служилемъ.
Иоаннъ имя мнѣ отъ Бога данно,
Домонтовичемъ прошеновано.
Судъ енералній на мнѣ залежалъ,
Которій урядъ до смерти додержалъ.
Въ мени своимъ коштомъ церковь змуровалемъ
А потомъ Богу въ руцѣ духа далемъ.

11. *Дунинъ-Бурковскій* Василій Каспаровичъ, генеральный обозный (1686—1703). Лучшій его портретъ хранится въ черниговскомъ елецкомъ монастырѣ, котораго онъ былъ „реставраторомъ." Хорошая копія у В. В. Т.

12. *Журавка* Лукьянъ, полковникъ стародубскій (1708—1715). Оригиналъ хранится у потомка, М. Ф. Покорскаго-Журавко, въ с. Сосновкѣ, конотопскаго уѣзда.

13. Портретъ *жены Л. Журавки*, у гр. Гр. А. Милорадовича въ м. Любечѣ, городницкаго уѣзда.

14. *Кочубей* Василій Леонтьевичъ, генеральный судья († 1708). Портретовъ множество; но какъ на лучшій указываютъ на хранящійся у кого то изъ потомковъ въ Петербургѣ. Интересно бы получить свѣдѣнія объ оригиналахъ, потому что большинство портретовъ Кочубея представляютъ собою списки съ гравюры, приложенной къ Исторіи Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго.

15. *Кочубей* Семенъ Васильевичъ, внукъ предыдущаго, послѣдній генеральный обозный (1751—1762). Копія (?) XVIII вѣка имѣется у насъ.[1])

16. *Марковичъ* Яковъ (1696 † 1770), авторъ „Дневныхъ Записокъ." Оригиналъ хранится у одного изъ потомковъ, П. А. Марковича, въ с. Сварковѣ, глуховскаго уѣзда. Литографія съ этого портрета приложена къ Запискамъ.

17. *Миклашевскій* Михаилъ, полковникъ стародубскій (1690 † 1706). Прекрасный портретъ хранится у одного изъ потомковъ, въ съ Волокитинѣ, глуховскаго уѣзда. Другой оригиналъ имѣется въ выдубицкомъ монастырѣ (Максим. Соч., II. 253). Копія у В. В. Т.

Тутъ въ темномъ гробѣ тѣломъ почиваю,
Молитвы святой отъ тебе желаю.
Року 1673 мѣсяця сентеврія 28.
Скончеваяъ року 1765.

[1]) На портретѣ имѣется надпись: «Семенъ Васильевичъ Кочубей, тайный совѣтникъ, малороссійскій генеральный обозный, коллегія малороссійской членъ и ордина св. Анны кавалеръ, поживе 54 г., умре 1779 г., съ полувочи въ 4 часа декабря 12 противъ 13 числа. Погребенъ въ дубовацкой каменной церкви.» По надписи судя, нашъ экземпляръ долженъ быть копіей, сдѣланной по смерти Кочубея. Но писались портреты и съ мертвыхъ, какъ это сдѣлано было относительно генер. судьи Туранскаго.

18. *Милорадовичъ* Михаилъ, полковникъ гадяцкій (1715 † 1726). Оригиналъ у гр. Гр. А. Милорадовича. Копія (плохая) у В. В. Т.

19. *Палій* Семенъ Филиповичъ († 1710). О портретѣ его, находившемся въ межигорскомъ монастырѣ, гдѣ Палій и погребенъ, упоминаетъ Максимовичъ (Соч., II, 278.)

20. *„Феодосія Палієвая з внуками,"* жена Семена. Прекрасный портретъ находится у Ап. Ив. Ханенка, къ которому поступилъ отъ Танскихъ, потомковъ Палія. Говорятъ, имѣется и другой оригиналъ у кого-то изъ гг. Солонинъ, въ остерскомъ уѣздѣ.

21—24. *Полуботки* Леонтій Артемьевичъ, полковникъ переяславскій (1686), и сынъ его Павелъ, полковникъ черниговскій († 1724). Оригиналы хранятся у гр. Гр. А. Милорадовича. Къ сожалѣнію, по неимѣнію надписей нельзя опредѣлить, который изъ двухъ изображаетъ отца, а который сына. Также у гр. Милорадовича имѣются портреты и двухъ „Полуботчихъ," но опять таки неизвѣстно какихъ. Копіи всѣхъ этихъ четырехъ портретовъ у В. В. Т.

25. *Свічка* Леонтій Назарьевичъ, полковникъ лубенскій (1690 † 1699). Хорошая копія у В. В. Т.

26. *Скоропадская* Настасья Марковна, гетманша († 1729). Оригиналъ хранится у П. А. Марковича въ с. Сварковѣ, глухов. уѣзда. Литографія съ него въ Запискахъ Як. Марковича.

27. *Чарнышъ* Иванъ, генеральный судья († 1729). Копія у В. В. Т.

Здѣсь мы не упоминаемъ о тѣхъ копіяхъ, которыя списаны частью съ гравюръ, приложенныхъ къ первому изданію Исторіи Малой-Россіи, Бантышъ-Каменскаго, а частью съ плохихъ (фантастическихъ?) рисунковъ, имѣющихся въ рукописи Величка.

Отъ любителей мѣстной старины зависитъ пополненіе этого списка, причемъ желательны указанія о мѣстѣ храненія портретовъ и о внѣшнемъ ихъ видѣ, съ приведеніемъ имѣющихся надписей.

Ал. Лазаревскій.

ГЕТМАНСКІЕ КЛЕЙНОДЫ (1758 г.).

„Опись клейнодамъ, оставленнымъ въ Глуховѣ при отъѣздѣ ясневельможнаго высокоповелительнаго гетмана и кавалера (Разумовскаго), подъ надсмотрѣніемъ умершаго подскарбія генеральнаго г. Скоропадскаго, учиненная по смерти его, г. подскарбія.

1. Высочайшая ея императ. величества грамота на достоинство гетманское; при ней печать и шнуръ зъ двумя кистями золотыми; печать въ футлярѣ серебреномъ вызолоченомъ. На оную грамоту футляръ коженой, внутри мѣста оклеены зеленымъ бархатомъ.

2. Высочайшая ея императ. величества грамота на достоинство графское. При ней печать и шнуръ зъ двумя кистями золотыми; печать въ футлярѣ серебреномъ вызолоченомъ. На оную грамоту футляръ коженой красной, а внутри оклеенъ бархатомъ краснымъ.

3. Ящикъ оклеенъ бархатомъ зеленымъ и золотымъ позументомъ, мѣстами серебреныя вызолоченыя бляхи, и внутри оклеенъ бархатомъ же зеленымъ и узенкимъ золотымъ плетеникомъ. Въ немъ: булава золотая зъ брилиянтами, которіе всѣ вцѣлости; бунчукъ зъ принадлежащими къ нему потребностьми; печать войсковая въ оправѣ золотой; на оной ящикъ футляръ коженой красной съ пряшками желѣзными; внутри оклеенъ фланалю бѣлою.

4. Пара литавръ сребреныхъ; къ нимъ два чепраки—по зеленому бархату шиты золотомъ; 12 кистей на шнурахъ золотіе-жъ, въ суконныхъ зеленыхъ чехлахъ; а на литаврахъ футляры коженые красные съ пряшками желѣзними; внутри оклеены байкою бѣлою. Къ литаврамъ-же двѣ подушки бархатныя малиновыя; подношки желѣзныя.

5. Ящикъ деревянной, въ немъ: 4 трубы серебреныя зъ шнурами и кистьми золотыми; при оныхъ трубахъ 4 мундтука серебреные имѣютца у трубачей.

6. Два знамя: одно бѣлое, а другое—желтое и при нихъ—значокъ бѣлой. На нихъ футляръ суконной алой. Къ бѣлому знамю шнуръ шолковой бѣлой. Три деревка: одно до знамя, другое — до бунчука, третье—до прапера.

7. Ящикъ деревяной росписанъ, внутри обитъ тафтою алою. Въ немъ: булава серебреная вызолочена зъ разными каменями; наверху оной нѣтъ трехъ камней, да внизу нѣтъ семи камней.

Другая булава—серебреная мѣстами вызолочена; въ головѣ нѣтъ 2 каменей. Третяя булава серебреная. Бунчукъ старой зъ принадлежащимъ до него приборомъ. Разныхъ перначей серебреныхъ и мѣдныхъ—5, да одинъ буздуканъ зъ головкою желѣзною. Печать суда генералного серебреная на деревѣ. Отъ древка бунчукового желѣзное копье.

По сей описѣ въ генералной войсковой канцеляріи высше писанние высочайшіе грамоти и гетманскіе старіе и новіе клейноди свидѣтельствовани и явилось все въ цѣлости, въ засвидѣтельствованіе чего сие бунчуковому товарищу Ивану Скоропадскому, сыну умершого подскарбія генералного г. Скоропадского, изъ генералной войсковой канцеляріи дано 1758 году генвара *з* дня".

Настоящая опись гетманскихъ „клейнодовъ" найдена нами въ архивѣ генеральной канцеляріи. Интересно-бы получить свѣдѣнія о томъ, куда дѣвались эти „клейноды".

Ал. Л—ій.

ПОТОМКИ ЗАПОРОЖЦЕВЪ НА ОСТРОВѢ ЛЕТИ.

Меня долго занималъ вопросъ, остались ли еще потомки запорожцевъ въ Турціи? Извѣстно, что по разореніи Сѣчи въ 1775 г. значительная часть запорожцевъ переселилась въ Турцію; но въ 1806 году нѣсколько тысячъ ихъ возвратились въ Россію и изъ нихъ было сформировано дунайское козачье войско. Оставшаяся тамъ большая часть ихъ перешла въ Россію въ 1828 г., подъ начальствомъ кошеваго Осипа Мих. Гладкого, но и послѣ сего часть запорожцевъ осталась еще въ Турціи. Судьба этихъ запорожцевъ, пополнявшихся бѣглыми крестьянами изъ малоруссовъ, меня очень интересовала. Сформировалось ли изъ нихъ особое населеніе и съ какими этнографическими особенностями? Сохранили ли они свой языкъ или приняли чужой и, въ такомъ случаѣ, какой? Гдѣ именно они живутъ и т. п.? Но ничего не могъ добиться, пока случайно, разговорившись съ однимъ молодымъ офицеромъ Г—мъ, не узналъ, что полкъ, гдѣ служилъ этотъ офицеръ, простоялъ въ прошлую турецкую войну именно въ мѣстности, гдѣ живутъ потомки запорожцевъ.

Офицеръ этотъ служитъ въ дорогобужскомъ пѣхотномъ полку, входившемъ во время войны въ составъ отряда ген. Цимермана, а

полкъ этотъ былъ расположенъ на островѣ—*Лети*, находящемся въ устьяхъ Дуная.

Островъ Лети издавна принадлежалъ собственно запорожцамъ, почему называется также *запорожскимъ островомъ*. Образовался онъ изъ наносовъ Дуная, потому онъ низменный и болотистый. Жители—потомки запорожцевъ размѣщаются въ четырехъ поселеніяхъ: *Перевозъ, Сатановъ, Лети* и еще одномъ, названіе котораго Г-кій позабылъ. Потомки настоящихъ запорожцевъ живутъ только въ селеніи Лети; они отличаются костюмомъ и характеромъ отъ остальныхъ жителей острова. Всѣ они одѣваются, какъ одѣвались въ старину истые запорожцы — на головахъ носятъ коническія барашковыя шапки, рубахи шитыя, шаровары широчайшія, преимущественно синяго цвѣта. Отличаются они необычайнымъ радушіемъ; не смотря на то, что во время войны островъ былъ переполненъ солдатами, запорожцы съ каждымъ входившимъ къ нимъ въ хаты дѣлились послѣднимъ ломтемъ хлѣба и послѣднимъ глоткомъ вина. Хлѣбопашествомъ они почти не занимаются, а живутъ преимущественно рыбною ловлею и охотою. Для послѣдняго промысла тамъ раздолье, такъ какъ тамъ масса водной дичи (дикихъ утокъ, гусей и т. п.), а въ плавняхъ водится множество кабановъ, волковъ, лисицъ и т. п.

Въ остальныхъ селеніяхъ на запорожскомъ островѣ живутъ обыкновенные малоруссы, вѣроятно потомки бѣглыхъ крестьянъ, съ значительною примѣсью молдованъ. Даже переселившись въ другія мѣста (напр. въ Браиловъ), эти запорожцы не называютъ себя ни русскими, ни украинцами, а—*запорожцами*.

М. Левченко.

ГАЙДАМАЦКІЙ КУТЪ.

На линіи желѣзной дороги изъ Одессы или Бирзулы на Елисаветградъ или Кременчугъ есть станція *Голта* (отъ мѣстечка того же имени, ананьевскаго уѣзда, херсонской губ.). Прилегающую къ ней со всѣхъ сторонъ мѣстность можно считать вполнѣ историческою, а по преобладающему характеру соединенныхъ съ нею воспоминаній можно назвать ее гайдамацкимъ кутомъ, или угломъ. Думаемъ, что сведенныя о ней, хотя и въ бѣглой замѣткѣ,

преданія представляютъ нѣкоторый интересъ для читателей „Кіевской Старины", особливо тѣхъ, которымъ приходилось или придется проѣзжать по указанной мѣстности.

Въ томъ мѣстѣ, о которомъ рѣчь, въ рѣку Бугъ впадаетъ водная рѣчка Синюха. Эти двѣ рѣки, въ прошломъ вѣкѣ, составляли границу трехъ государствъ: Россіи, Польши и Турціи, или, точнѣе, крымскаго ханства. Въ Голтѣ, при сліяніи названныхъ двухъ рѣкъ, границы трехъ упомянутыхъ государствъ соприкасались. Бугъ составлялъ границу между русскими владѣніями и ханскими. Полоса земли между Бугомъ и Днѣстромъ (т. е. нынѣшніе ананьевскій, тираспольскій и одесскій уѣзды) называлась *очаковскою степью* или *Ганьщиною* (т. е. Ханщиною). На этой территоріи мѣстами съ осѣдлымъ населеніемъ были только: *турецкая крѣпость—Очаковъ* и укрѣпленіе *Хаджи-бей* (нынѣшняя Одесса) [1]), русское старовѣрское поселеніе *Балта* и *Голта*, въ то время заселенная разнымъ сбродомъ. Все-же остальное пространство занято было кочевьями татаръ, гдѣ повидимому была единственная каменная постройка—мечеть, зданіе существующее и понынѣ, такъ какъ она обращена въ церковь въ деревнѣ Акмечеткѣ (въ ананьевскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Вознесенска). Въ углу между Бугомъ и Синюхою, какъ и нынѣ, находилось мѣстечко Богополь [2]); близь него и понынѣ существуетъ гранитный трехъ-гранный столпъ, съ высѣченною на немъ надписью: „*Granica Korony Polskiej*". Выше Богополя по Бугу лежитъ село Пороновка [3])—бывшая польская крѣпость *Конецполь*, построенная французскимъ инженеромъ Бопланомъ въ началѣ XVII вѣка. Противъ Богополя, на лѣвомъ берегу Синюхи, находилось русское укрѣпленіе *Орликъ*. По присоединеніи къ Россіи, всѣ эти три поселенія: т. е. Голта, Богополь и Орликъ,

---

[1]) *Ходжибей* переименованъ—Одессою въ 1795 году потому, что тогда думали, что на томъ мѣстѣ находилась греческая колонія *Ордиссосъ* или *Одиссосъ*; позднѣе открыли, что эта колонія находилась въ углу между Тилигульскимъ Лиманомъ и Чорнымъ моремъ,—чуть ли не тамъ, гдѣ теперь дер. Поповка.

[2]) Рѣку Южный Бугъ мѣстные жители называютъ—*Бонъ*; отсюда—*Богополь*.

[3]) Тамъ существуетъ черезъ р. Бугъ паромная переправа, а паромъ, на мѣстномъ нарѣчіи называется—*поронъ*.

соединены были въ одно поселеніе подъ именемъ—Ольвіополя [1]); въ настоящее время это имя удержалось только за бывшимъ Орликомъ. Между Пороновкою и Вознесенскомъ р. Бугъ пересѣкаетъ своимъ теченіемъ гранитный отрогъ Карпатъ, поэтому въ этой мѣстности берега его состоятъ большею частью изъ гранитныхъ скалъ и тамъ часто встрѣчаются очень живописныя мѣстности; по самой же рѣкѣ встрѣчаются пороги, называемые мѣстными жителями—*бронками*. Эти скалы и смежныя границы давали, въ прошломъ вѣкѣ, возможность скрываться тамъ всякому подозрительному люду, извѣстному подъ общимъ именемъ—*збойниковъ* и *гайдамаковъ*. Въ случаѣ преслѣдованія съ русской стороны (а запорожскія команды гайдамакамъ пощады не давали [2]), гайдамаки переходили черезъ Синюху на польскую сторону; если и тамъ имъ не давали покоя, то они перебирались на правый берегъ Буга, на татарскую сторону, въ нынѣшній ананьевскій уѣздъ. Хотя каждый татаринъ могъ безнаказанно не только ограбить, но даже убить каждаго пришлеца въ ихній край, но повидимому, судя по названіямъ урочищъ,

---

[1]) Въ концѣ прошлаго вѣка была какая то манія давать древнегреческія названія вновь устраиваемымъ поселеніямъ. Ольвіополь названъ въ память бывшей греческой колоніи—*Ольвіи*, остатки которой впослѣдствіи открыты на берегахъ Чернаго моря, близь села Парутина, въ урочищѣ Сто-Могилъ.

[2]) Уличенныхъ въ разбоѣ или грабежѣ запорожцевъ судилъ обыкновенно войсковой судья;—чаще всего виновныхъ среди сѣчевой площади приковывали къ пушкѣ, гдѣ каждый запорожецъ имѣлъ право дать столько палокъ, сколько вздумается; кромѣ того употреблялись казни: *ломаніе ногъ*, *висѣлицы*, *сажаніе на колъ* и друг. Въ Буго-гардовской полункѣ, по преданію, было въ ходу—*путаніе*: виновному обмотывали паклею правую руку и лѣвую ногу, обливали паклю смолою и, отведя его шаговъ на 20 или на 30 отъ рѣки, паклю зажигали и въ такомъ видѣ освобождали преступника. Если онъ имѣлъ на столько присутствія духа, что могъ добѣжать до рѣки, и умѣлъ плавать, то спасался, переплывя на правый берегъ Буга, а иначе погибалъ. На лѣвый берегъ также онъ не смѣлъ выходить,—здѣсь его безъ жалости убивали. Близь с. *Константиновки* (въ елис. у.) показываютъ и запорожскую тюрьму,—это небольшая пещера въ скалѣ, нависшей надъ р. Бугомъ. Входъ въ пещеру находится на нѣсколько саженъ выше поверхности воды въ Бугѣ и на нѣсколько аршинъ ниже гребня скалы. Виновнаго на веревкѣ опускали ко входу въ пещеру и на веревкѣ же опускали ему пищу.

гайдамакамъ тамъ жилось привольнѣе, чѣмъ на противоположной сторонѣ Буга.

Нѣсколько выше м. Голты находится с. *Каменка*, при выѣздѣ изъ котораго дорога проходитъ надъ самымъ Бугомъ, потому что съ правой стороны дорога стѣснена скалою, называемою—*сорочинною баттареею*; здѣсь, по преданію, уже во время русскаго владычества, въ началѣ нынѣшняго вѣка, подвизался нѣкій Сорока, который съ этой скалы свергалъ на проѣзжихъ камни, убивалъ и грабилъ ихъ. При выѣздѣ изъ Голты по направленію къ Грушевкѣ первое, что бросается въ глаза, это—*чумная могила*, съ запавшими краями (т. е. какъ будто бы вокругъ сдѣлана канава),—память чумы, кажется 1809 года. Дальше, небольшое квадратное земляное укрѣпленіе; въ 7-ми верстахъ отъ Голты дер. *Грушевка*, а противъ нея, среди Буга, гранитный островокъ—*Мамаевъ кутоловъ*. Мамай [1])—разбойникъ, производившій грабежи въ срединѣ прошлаго вѣка. По неизвѣстной мнѣ причинѣ онъ видимо пользовался большою популярностью между мѣстнымъ населеніемъ; по крайней мѣрѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ я видѣлъ нѣсколько его портретовъ, одинъ изъ которыхъ былъ даже у меня въ рукахъ. Ниже с. Грушевки спадаетъ въ Бугъ *Романкова-Балка*, названная такъ по имени разбойника Романка. Мнѣ говорили, что по краю этой балки (глубокой долины) въ скалѣ высѣчена дорога, почему то называемая *дорогою Богородицы*.

Ниже надъ Бугомъ лежитъ дер. *Свирнево*, гдѣ первымъ поселился какой то разбойникъ—*Свирень* (шворень). Противъ Свирнева, на лѣвомъ берегу Буга, лежитъ сел. *Константиновка*, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была—*буго-гардовская* [2]) запорожская

[1]) Каменныя статуи, прежде нерѣдко встрѣчавшіяся въ Новороссіи, по степямъ (въ одесскомъ историческ. музеѣ ихъ собрано болѣе 20 штукъ), народъ относитъ ко временамъ татарскаго хана Мамая, поэтому и называетъ ихъ *каменными бабами и мамаями*. Статуи тѣ грубой работы, такъ что руки можно замѣтить только при внимательномъ разсматриваніи, поэтому поселяне считаютъ ихъ безрукими и безрукихъ, въ насмѣшку, называютъ—мамаями. По преданію у разбойника, сохранившагося въ памяти народа подъ именемъ—*Мамая*, одна рука была отрублена, почему онъ и получилъ это прозвище.

[2]) Слово *гардь* означаетъ переборку изъ большихъ камней впоперегъ рѣки Буга. Такой гардъ существуетъ тамъ и нынѣ, сколько помню близь с. Мигея; онъ служитъ какою-то помощью для рыболовства.

паланка. Недалеко оттуда (на лѣвомъ берегу Буга)—*Пугачева скеля*, нависшая надъ рѣкою и въ ней пещера, о которой я уже упоминалъ, служившая запорожцамъ тюрьмою. Пугачъ также былъ какимъ то извѣстнымъ гайдамацкимъ ватажкомъ. Недалеко отъ Пугачевой Скели на Бугѣ есть островъ, на которомъ показывали такъ называемыя запорожскія мельницы, т. е. большія ступы, выдѣланныя въ камняхъ, гдѣ запорожцы не мололи, а толкли зерновой хлѣбъ для своего употребленія. Въ буго-гардовской паланкѣ была, по преданію, также небольшая деревянная церковь, перенесенная бывшимъ атаманомъ бужскаго казачьяго войска, Скаржинскимъ, въ его имѣніе дер. *Хмѣлеву*, находящуюся на лѣвомъ берегу Буга, противъ дер. Грушевки. Въ заключеніе замѣтимъ, что верстахъ въ 20-ти отъ Вознесенска (въ ананьев. уѣздѣ) проходитъ балка—*Гайдамацкая*.

Для читающихъ эти строки, я полагаю, нѣтъ надобности распространяться о гайдамакахъ, потому что можно считать общеизвѣстнымъ, что этимъ именемъ въ прошломъ вѣкѣ называли запорожцевъ, занимавшихся разбоемъ, а со времени уманской рѣзни, въ правобережной Украинѣ такъ называли всѣхъ вообще разбойниковъ.

М. Левченко

КУРЪЕЗНЫЙ БРАКЪ. [1])

Дѣло происходило въ Бессарабіи, во время хаотическаго ея состоянія въ первые годы по присоединеніи къ Россіи.

10 августа 1819 года въ с. *Куйзовку*, оргіевскаго цинута, къ благочинному свящ. *Онуфрію Корою* явился житель *с. Погребень* того-же цинута съ жалобой, что жена его безпрестанно пьяна, и вслѣдъ затѣмъ привелъ къ нему и самую жену съ закрытымъ лицомъ. Когда приведенная не согласилась, по требованію благочиннаго, открыть лицо, тотъ открылъ насильно и при этомъ увидѣлъ, что у названной жены усы и борода обриты, а „осмотрѣвъ тѣлесныя ея члены,“ нашелъ, что она не женщина, а мужчина. Тогда благочинный „заковалъ онаго мужчину, именующагося женщиной въ желѣза;“ а капитанъ-де-мазилъ [2]) отправилъ обоихъ въ уголовный судъ.

[1]) Изъ дѣлъ бессарабскаго уголовнаго суда.

[2]) Старшина мазиловъ — однодворцевъ.

Повѣнчалъ ихъ въ 1814 году священникъ с. Погребенъ *Василій Якобовъ* (онъ же и Колца), почему и вызванъ былъ въ дикастерію на допросъ. Въ показаніи своемъ онъ такъ написалъ: „Женщина *Софта*, оказавшаяся мужчиною, пришла съ какого-то хутора въ женскомъ платьѣ въ с. Погребены еще въ 1811 году и нанялась въ услуженіе у тамошняго жителя *Іакова Митряна*, гдѣ и именующійся нынѣ мужемъ ея *Пантелей* служилъ. Въ 1814 году этотъ Пантелей пришелъ ко мнѣ и просилъ свидѣтельство, по которому они могли-бы „выходить себѣ *печатлуитъ*“ [1]) для вступленія въ бракъ. Я, знавши, что они уже нѣсколко лѣтъ служатъ въ нашемъ селѣ, да и Пантелей говорилъ, что онъ знаетъ эту женщину съ давняго времени и что она вдова, выдалъ свидѣтельство и, получивъ отъ благочиннаго печатлуитъ, обвѣнчалъ ихъ, какъ слѣдуетъ.“

Мужъ *Пантелей Ешанъ* и жена *Софроній Унгуряну*, представъ предъ уголовный судъ, каждый по своему объяснили свой бракъ.

„Отъ роду мнѣ 55 лѣтъ,“ расказывалъ на судѣ Ешанъ, „вѣры православной, неграмотенъ, сирота; въ Погребенахъ живу уже десять лѣтъ и пасу скотъ у Якова Митряна, служившаго прикащикомъ у генерала Гартинга. Въ одно время хозяинъ совѣтуетъ мнѣ жениться на *венгеркѣ*, своей служанкѣ. Сначала я отказывался, а потомъ, увидѣвши ту женщину, согласился жениться на ней. Вѣнчальнымъ отцомъ былъ *Исакъ Соловей*, — и свадбу я справилъ, какъ водится. Я уже старъ и внутри поврежденъ, на ночь не остался съ *молодою*, а пошелъ въ степь до скоту и тамъ находился шесть недѣль. Потомъ возвратившись въ село, жилъ съ своею женою, но никогда съ нею не спалъ. Зимнею порою однажды я съ женою отправился въ *Петросулъ* въ гости къ своей сестрѣ. Было холодно; не доходя до *Копаченъ*, прилегли мы съ женой согрѣться, и тогда настояще узналъ я, что то не женщина, а мужчина, о чемъ и объявилъ жителямъ въ Копаченахъ. Насъ отослали подъ карауломъ въ сорокское земское исправничество, тамъ освидѣтельство-

[1]) *Печатлуитомъ* называлось письменное разрѣшеніе благочиннаго на вступленіе въ бракъ. За каждый печатлуитъ благочинный обязывался по 4 лева (40 коп. ассигнаціями) доставлять архіерею.

вали и отослали въ кишиневскую городскую полицію, а оттуда отправили въ городской острогъ. Другаго дня жену выпустили, а меня продержали пять недѣль и также выпустили. Иду я вмѣстѣ съ погребенскимъ жителемъ *Стефаномъ Брагою* въ Погребены. По дорогѣ зашли въ корчму *Гулбока-Чишме* и застали тамъ *Софронія Унгуряна*, называвшагося прежде женщиною *Софтою*, и съ нимъ пошелъ я снова въ *Погребены* и служили вмѣстѣ у Якова Митряна шесть мѣсяцевъ, и въ другихъ мѣстахъ два года, и жилъ я съ нимъ не какъ съ женою, а какъ съ другомъ. Митрянъ пригласилъ меня воротиться къ нему на службу безъ Унгуряна; но когда я пошелъ къ Митряну, то и Унгурянъ туда-жъ пришелъ. Я къ благочинному, а благочинный отправилъ насъ къ генералу *Гартингу*[1]). Гартингъ насъ отпустилъ и мы жили вмѣстѣ, а теперь насъ взяли въ тюрьму... Я до свадьбы не зналъ, что Софта — мужчина, бороды и усовъ у нея не было примѣтно."

Унгурянъ говорилъ на судѣ, что онъ мужеской работы никакой не знаетъ, кромѣ женской; родомъ изъ *Венгріи*. Они съ Ешаномъ приняли между собою по кресту братство, потому что оба иностранцы, а въ законный бракъ не вступали. Затѣмъ Унгурянъ измѣнилъ показаніе и заявилъ, что дѣйствительно обвѣнчанъ въ церкви, и что онъ мужчина, — объ этомъ зналъ ихъ хозяинъ Митрянъ, который своею собственною бритвою его брилъ не одинъ разъ.

Уголовный судъ опредѣлилъ: „подсудимыхъ Пантелея Ешана и Софронія Унгуряна, вступившихъ въ законный бракъ по невѣдѣнію перваго, отъ полоумія произшедшему, что Унгурянъ есть мужчина, а послѣдняго, назвавшагося женщиною по предубѣжденію, также отъ полоумія его, увольнить отъ тѣлеснаго наказанія и съ симъ *Ешана*, какъ совершенно невиннаго, оставить въ призрѣніи общества с. Погребенъ, а *Унгуряна* опредѣлить навсегда въ служители кишиневскаго городскаго госпиталя съ тѣмъ, чтобы онъ употребляемъ былъ къ работѣ, токмо силамъ и способности его соотвѣтственной." Вѣнчавшій же ихъ священникъ „за неосмотрительный поступокъ" посланъ дикастеріею въ монастырь на три мѣсяца „для употребленія въ черную работу."

[1]) Управлявшій бессарабскою областью инженеръ-генералъ-маіоръ Гартингъ,

Тѣмъ и кончилось это оригинальное дѣло, характерное по нѣкоторымъ бытовымъ чертамъ и особенностямъ епархіальнаго управленія въ ново-присоединенномъ краѣ, не подведенномъ еще надъ общую мѣрку.

Кишиневъ, 20 марта 1882 года. *Notus.*

СКОРБЬ КІЕВЛЯНЪ О ПОТЕРѢ МАГДЕБУРГСКАГО ПРАВА (1835 г.)

(современное стихотвореніе.)

Яку раду маемъ слухать:
Чи рушныци снаряжать,
Чи кабаку будемъ нюхать,
Чи въ управу поспішать?
Ой щось пахне—до управы,
Кличуть, каждый щобъ ишовъ—
Слухать новіи уставы,
Що намъ скаже Левашовъ [1])
Чутка—щось погано з нами!
Вже не коней намъ сідлать,
Хочуть насъ рівнять з панами,
Да до церкви загонять.
Да все пішки, не верхами,
Ни капелія не йде,
Ни до курка, ни цехами,
А Часныкъ [2]) чогось иде.
Часный приставъ—командиромъ,..
Се якійсь новий нарядъ—
И десятникъ изъ папиромъ...
Се щось, бачиться, не въ ладъ.
Мабудь декретъ якійсь мають;
Все по пари становлять,
Всіхъ до купы въ стрій ривняють,
Дай не кажуть: по три въ рядъ.
Хиба Мажного [3]) немае?
Глянь-лишень, чи вінъ не тамъ,

---

[1]) Бывш. военный губернаторъ.

[2]) Частный приставъ.

[3]) Бургомистръ или ратегеръ магистрата, командовавшій на церемоніи.

Бо вінъ сей артикулъ знае,
Якій дасть приказъ вінъ намъ.
Де вже тутъ вінъ пішки буде,
Хиба дідько принесе,
Коли було вéрхи іде,
Той дудý съ собой везе.
Ни, вже мабуть не до строю,—
Онъ-де, бачиться, стойть;
Щось кивае головою,
Да щось значить, що мовчить.
Ни, вже мабуть не до того,—
Щось повісивъ дуже нисъ;
Хитяновскій підля его....
Почкай трохи, схаменись:
Щось тутъ буде, коли звонить;
Напередъ идуть паны,
Навпростець до церкви гонять,
А за ними ратманы,
Всі майстрацьки бургомистры,
Головы и всі цехмистры,
И почотне добродійство,
Чиновъ чиньми шалевірство.
Да дивись; нóга въ ногу. .
Десь учились маршовать,
И самъ війтъ тутъ на підмогу,
Я чувъ, буде присягать.
Щожъ се буде?—чи не знаемъ,
Хто се каши наваривъ?
Ось якъ выйдуть, то спытаемъ.
Кажуть, Кравченко зробивъ.
Ой не сёго се робота,
Не прійшовъ либонь указъ,
Чи не требують відчота,
Бо се чувъ я вже не разъ,
Да и въ церкви у неділю
Такъ Призенко говоривъ,
Заблудывши писля хмілю,
Що се Кисиль [1]) натворивъ.

---

[1]) Бывшій войтъ.

Се вінъ натантиривъ,
Левашову щось сказавъ,
Мусівъ той ему повірить,
Да ввесь городъ розчухравъ;
Се вже, кажуть, его справа,
Щобъ ввесь городъ зруйновать.
Дивись, братъ, яка ватага!..
Да все, кажуть, присягать.
Да вже, чутка, вінъ не буде
Уже бильше війтовать,
Дуже щось не гарно буде:
Хочуть голову збирать.
—А жежъ голову мы маемъ?—
Дакъ се жъ, бачишь, для цехівъ,
Сего тилькі мы вважаемъ,
А той буде для панівъ.
Да и ще не съ здѣшнихъ
Збиратимуть чередомъ,—
Се закуска для тутешнихъ,
Бо всі кажуть підъ судомъ.[1])
Хто же се повиненъ бути
У насъ такимъ судіёю?
Се не зъ простыхъ, а надутыхъ,
Да изъ руськихъ зъ бородою.
Се бъ то цапъ пріезжій зъ Тулы,
Чи то зъ Брянска, изъ дібровъ,
Що ливъ колись пушки й вули?...
Чи заводчикъ Ходуновъ,
Той, що свічки выливае?—
Мій кумъ его добре знае.
Отъ же, братці, вы збрехали:
Ему кажуть, видказалы,
Теперь другій поступае,—
Самъ назначивъ Левашовъ,—
Що багацько грошей мае,
Підъбережный Дегтеревъ.
Да ихъ кодла щось чи мало.
Видкиля жъ то?—Изъ Калуги.

[1]) Войтъ и члены магистрата обвинялись тогда въ огромной растратѣ городскихъ суммъ и имущества.

Щось добра у насъ не буде,
Зададуть теперь потуги,
Дай ще въ Тули всі згоріли,
А Калуга розвелась:
Перелізуть до насъ сміло,
Тутъ артиль ихъ завелась;
Поставають всі панами,
Хоть и въ патлахъ зъ бородою,
Хто де швендявъ зъ калачами,
То тутъ буде головою.
Старожилыхъ годі знати
Й золотую корогву,—
Пора муштры забувати
И парадную гульбу.
Всіхъ, здаеця, поривняли,
Хоть черкеску покидай;
Коли права прогуляли,
То и войско забувай.
Кинь рушницю и лядунку,
Бо що скаже *Пилипонъ?* [1])
Сей завдасть намъ иншу думку,
Якъ поставить свій законъ,
Да такій же крючковатый,
Що и бісъ не розбере,
По крюкамъ навчить співаты [2])
Ажъ по серцю подере;
И таке дасть просвіщеньне,
Що въ Парижи не чувать,
Сей покаже наставленьне,
Якъ у лаптяхъ гарцювать.
Всі поробляця панами,
Не вгадаешъ и попивъ,
Бо змішавшись изъ жидами
Всі похожи на цапивъ.
Треба намъ вже не голити
Ни бородъ а ни усивъ,

---

[1]) Пилипонъ—Филипонъ, Филипповецъ, Филиппова согласія раскольникъ. Въ этомъ указаніе на старочѣрчество перваго кіевскаго головы Дегтерева.

[2]) Указаніе на крюковое пѣніе у раскольниковъ.

Да и патлы запустити,
Щобъ походить на цапивъ.
Доброго здоровья, голодрыги,
Поздравляю зъ четвергомъ,
Се втялы мы не до шмыги
И зостались зъ батогомъ!...
А дежъ тіи, що все знали—
Чортма у ихъ языка—
Колись твердо вымовляли,
Та не стало Новака,
Що все було раду радить
Пидля лёху вінъ що дня,
Пить и істи не пидгадить,
Не проливъ, а пивъ до дна.
Пропили права не въ дяку,
Кисиль въ карты прогулявъ,
Чи проіли на кульбаку
Да й самихъ ихъ дідько взявъ.
Ня, не взявъ ихъ, вони ціли,
Тилько въ дурнахъ зостались,
Да щось цупко заговіли,
Мовъ видъ хріну подались.
А ці зъ пузомъ, да безъ грошей—
Ото мабуть богачи!
—Де тамъ!—тильки прудять....
Да лежать все на печи.
Вража бъ мати ихъ пизнала,
Чого вони зъ насъ хотять,
Що ихъ тілько тутъ напхало
И якъ галичъ къ намъ летять.
Жидівъ, бачиться, не стало,
А кацапівъ ватажокъ;
Тихъ зъ десятокъ розхватало,
А сихъ скликавъ бісъ въ рижокъ.
Повітря на ихъ немае,
Не бояця и чумы,
Де бъ не вырвавсь, къ намъ тікае,
Безъ сорочки, безъ сумы.
Де вже хочешь добра ждати
Тамъ, кацапъ де завитавъ,

Кидай жинку, кидай хату,
Куды очи, тай чухрай.
Замутила вража сила,
Мабуть кара и на насъ,
Все до щенту погубила.—
Годі! вже ввирвався басъ...
Наварили горшокъ каши,
Да не вмілы выідать,
Прогуляли права наши,
Москаль буде панувать.
Дуже, бачиться, негожа
Оця шутка для кіянъ,
Се багацько щось похоже
На исходъ израильтянъ.

Получено отъ б. секретаря думы Степана Павловича Вертипорохова, чрезъ Н. Д. Муколова.

ПАНЩИНА

ВЪ ПѢСНЯХЪ И МОЛИТВѢ.

1.

Добре було нашимъ батькамъ
Підъ панами жити,
Бо не вміли стари паны
Панщины робити.
А тепера молодіи
Взялись за роботу:
Увесь тыждень на панщині,
До дому въ суботу.
А въ неділю до схидъ сонця
Усі дзвоны дзвонять,
А десятникъ зъ отаманомъ
На панщину гонять.
Якъ приіхали до лану—
Посідали снідать,
Оглянулись назадъ себе,
Ажъ и панъ нашъ іде.

Якъ приіхавъ панъ до лану,
Ставъ отамана бити.
Ой чомъ же вамъ по си пори
Снопивъ не зносити?—
Ой ради-бъ мы износити,
Такъ рóсяна нива.
Ой побила мене зъ вами—
Лыхая годына.

Сл. Алексѣевка, александр. у.

2.

Добрый нашъ панъ, добрый нашъ панъ,
Добрый до роботы:
Ой якъ займе съ понеділка,
Робе до суботы.
А въ неділеньку раненько
Усі дзвоны дзвонять,
А отаманъ зъ десятникомъ
Снопивъ носить гонять.
Чи носили, не носили,—
Сіли спочивати,
Оглянуця назадъ себе,
Ажъ нашъ паничь іде.
Та кого бье, кого лае,
Кого такъ питае:
Ой чого жъ вы, хлопци, сілы,
Чомъ вы снопивъ не носыли?
Ой тимъ же мы не носыли,
Шо ще нивка мокра,
Буде жито росле.

Тамъ же.

3.

Ой въ неділеньку рано—пораненько
Усі дзвони дзвонять,
А отаманъ зъ десятникомъ—
На панщину гонять.
Ой годи жъ вамъ, миле браття,
До церковці ходыть,

Берить ціпы та лопаты,
Идить пшеныци молотыть.
А помолотымъ всю пшениченьку,
Та повеземъ продавать,
Та продамо всю пшениченьку
За тысячу грошій,
Та справимо свому пану
Два каптаны хорошихъ.
Два каптаны щей два жупаны,
Теперь же мы, миле браття,
На віки пропалы.

4. ДЛЯ УПРАВЛЯЮЩИХЪ.

Померъ, померъ нашъ Демчинській,
Та въ неділю въ ранци,
Положили Демчинського—
Въ світлици на лавці.
А у тихъ же у хоромахъ—
Побиті кілочки,
Идуть жінки на панщину,
Нема въ іхъ сорочки.
Не плачтеся, добри люде,
Ни на мене, ни на кого,
Заплачтеся, добри люде,
На Гендрика молодого.
Ой годи жъ вамъ та старички—
До церкви ходити,
Берить ціпи та лопаты
Та йдіть молотити.
Та змолотимъ стігъ пшеници,
Та повеземъ продавать,
Молодому атаману
Жупаны справлять,
Та справили три жупаны,
Чотыри каптаны,
Ой теперъ мы, пане-браття,
На віки пропалы.

Банное, изюм. у., въѣзіе Потемкинской.

5. ДВОРОВЫЕ ЛЮДИ.

Ой худо жити, худо быти,
У Пурхивци слободі,
Шо въ насъ паны молодиі,
Не розсудлывиі.
На роботу гонять рано,
Хліба соли дають мало.
До роботы принуждають,
А про іжу не спитають.
А якъ прійде день празниишный,
Намъ хочется погулять,
Мы спросимось—не велять.
А мы можемъ обіждать,
Поки баринъ ляже спать,
Тоді мы підемъ гулять.
Не багато прогуляды
Зъ вечера до ютра,
Приходымо по ютру—
На насъ розокъ по пуку.
Кому розка, кому дві,
Кому палки чотыри,
А мы станемо проситься,
Намъ велять скорійшь ложиться.
Мы станемо оправдаться,
Велять скорійшъ раздіваться.
Хочь плечушки болять больно,
Та девушекъ любить вольно,
А хочь плечушки набыти,
Такъ въ насъ девушки нажыти.

Пурхівка, александр. у.

6.

Ой горе—не біда, не гетьманщина,
Надокучила мені вража панщина.
Я на панщину йду—торбу хліба несу,
А изъ панщины йду—спотыкаюся,

Дрібненькими слізоньками умиваюся.
Посыла мене панъ въ далеку дорогу,
Въ далеку дорогу небувалого,
Та дае коня неїжалого,
Якъ поіхавъ же я доломъ долиною,
Та приіхавъ же я до садочка,
Та прильявъ коня та до явора,
А самъ лігъ спати підъ могилою.
А чи спавъ, чи не спавъ—тай прокинувся,
Бідна моя голова—коня десь нема.
Якъ пішовъ же я доломъ долиною,
Та увиділось мені, що огонь горить,
Коло того огню татаринъ сидить.
Ты татаронько мій, я невіронько твоя,
Чи не бачивъ же ты вороного коня?
А пішовъ же твій кинь битыми шляхами,
Битыми шляхами та поміжъ ляхами,
Та въ чистімъ полі траву виідае,
Зъ синёго моря воду выпивае.

Сл. Вербова, александр. у.

7. БѢГСТВО.

Ой гай мати, ой гай мати,
Та гай зелененькій,
Помандрувавъ синегубівській
Козакъ молоденький.
Якъ мандрувавъ—шапочку знявъ,
Низенько вклонився,
Ой прощайте сусідоньки,
Може съ кимъ бранився.
Хоть бранився, не бранився,
Аби попростився.
Якъ зійшовъ на битый шляхъ
Слізоньками вмився.
Не жаль мені доріженьки,
Що закурилася,
А жаль мені та Гнативны,
Що зажурилася.

Ой вернися, Кириловичь,
Вернися до дому!—
Не вернуся та Гнативна,
Бо гордуешь мною:
Буде твое гордуванья
Та передъ тобою,
Брязчатиме гостра шабля
У слідъ за тобою,
А малахаечка дротяночка
По-надъ головою.

Алексѣевка, александр. у.

8. ТОЖЕ.

Ой вже не въ первый, тай не въ останній
А сю біду бідувати,
Ой пидвязавши чоботы сапьянци
Та до моря мандрувати.
Ой помандрувавъ козакъ молоденькій
А ще темненькоі нічки,
За нимъ, за нимъ, молода дівчина
Та врізала на підьязки стрічки.
Ой помандрувавъ козакъ молоденькій
Та калиновымъ мостомъ,
За нимъ, за нимъ молода дівчина
Несе щуку-рыбу зъ оцтомъ.
Ой завернися, молодый козаче,
Та сядемо щуку-рыбу іости.
Ой не вернуся, молода дівчино,
Бо заходять не гарніи звісти.

Сл. Вербовая, алекс. у.

9. ПЕТРУНЯ.

Ой поіхавъ вельможный у діброву на охоту,
Та заславъ Петруню у клуню на роботу.
А вельможная пани—коники запрягае,
До Петруні поізжае.
Ой приіхала вельможная до Петруні въ гості,
Ой скидай же ти, Петруня, а сіріі сімряги,

Та надівай же, Петруня, а отласні жупани.
Ой приіхавъ вельможний до вельможної въ гості
Та поставивъ стороженьку по новихъ порогахъ.
Ой чи мені втікати, чи милости прохати,
А чи смертью страждати.
Ой скоро вельможний уступае у пороги,
А Петруня вельможному низенько у ноги.
Якъ узявъ же вельможний Петруню підъ білні боки,
Та повівъ же Петруню по надъ берегами,
Та карае Петруню вірненько словами.
Та узявъ Петруню підъ білні боки,
Та укинувъ Петруню у Дунай глибокий.
Та попливъ же Петруня крутими бережками,
А вельможная пані все густими лизоньками.
А Петрунева ненька слізонькамн хлипле,
А вельможная пані червінцями сипле.
—„Коли бъ я такого вродила—я бъ озолотила!"
—„Бодай же ты, вельможная, цёго не дождала,
Шо ты мого сына изъ світа зогнала!"

Сл. Сивегубовка.

Примѣч. Болѣе полный варіантъ см. у Головацкаго «Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси». Т. I, стр. 62—64.

10.

Молитва

ЯКЪ ДО ПАНА ЙДЕШЪ.

— Миколай угодникъ, скорий помошникъ, поможи и пособи мені грішному и въ полі, и въ домі, и въ путі, и въ дорозі—отъ злихъ людей, одъ поганыхъ очей, одъ нечистыхъ речей и одъ поганої тварюки.

Это нужно проговорить стоя передъ дверью, затѣмъ не переводя духу, переступая порогъ, произвесть трижды:

Якъ порігъ мовчить, якъ сволокъ мовчить—такъ и ты, пане, мовчи!

Купянскій у., крестьянинъ Разаліонъ—Сотальскихъ.

Сообщ. **И. Манжура.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

ИЮНЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ II.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ II.

ІЮНЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го мая 1882 года.

Почаевская Успенская Лавра

въ концѣ іюля 1855 года.

Болѣе 26½ лѣтъ тому назадъ, въ послѣднихъ числахъ іюля 1855 г., я имѣлъ случай впервые быть въ почаевской успенской Лаврѣ, и хочу здѣсь разсказать, въ какомъ видѣ я нашелъ ее и какое впечатлѣніе она произвела на меня тогда—24 года безъ малаго по обращеніи ея, въ октябрѣ 1831 г., изъ уніи въ православіе и 16 лѣтъ послѣ общаго возсоединенія уніатовъ западно-русскаго края въ 1839 г. съ древне-русскимъ православіемъ. Къ сожалѣнію, я, по обстоятельствамъ, могъ пробыть въ Лаврѣ только очень короткое время, не болѣе 4-хъ сутокъ. За то, дорожа временемъ, я каждый день, съ ранняго утра до поздняго вечера, присутствуя на всѣхъ церковныхъ службахъ, въ промежуткахъ между ними обозрѣвалъ всѣ святыни, примѣчательности и рѣдкости лавры (которыхъ нашелъ не мало), а по вечерамъ знакомился съ исторіей ея, съ древнѣйшихъ временъ, изъ нѣкоторыхъ книгъ и рукописей лаврской библіотеки. Такимъ образомъ, не смотря на краткость пребыванія моего въ Лаврѣ, я успѣлъ достаточно ознакомиться съ ея исторіей и современнымъ положеніемъ. Полной, печатной исторіи ея тогда еще не было: она появилась лишь 23 года послѣ того—въ 1878 г., бывъ составлена намѣстникомъ лавры, архимандритомъ *Амвросіемъ*, по подлиннымъ документамъ, хранящимся въ лаврскомъ архивѣ, и напечатана въ лаврской типографіи, подъ заглавіемъ: „Сказаніе о почаевской успенской Лаврѣ". По этому „Сказанію" я провѣрилъ мои воспоминанія 1855 года, и предлагаю ихъ здѣсь въ краткомъ изложеніи. Но предварительно не могу отказать себѣ въ удовольствіи посвятить нѣсколько строкъ историческому и благодатному волынскому краю, по которому я про-

ѣхалъ съ крайняго востока до крайняго запада—отъ Житоміра до Почаева и обратно. Я бывалъ въ немъ, зналъ и полюбилъ его и прежде, теперь съ истинно отраднымъ чувствомъ снова увидѣлъ его и насладился его красотами. Дѣйствительно—чудный край, вмѣстѣ съ кіевскимъ—колыбель древней Руси, и до-исторической, и языческой, и христіанской,—край, прошедшій чрезъ многовѣковыя историческія невзгоды, природою же надѣленный обильными дарами и красотами.

Изъ Житоміра въ Лавру (300 верстъ) я ѣхалъ по большой почтовой дорогѣ чрезъ Новгородъ-Волынскій на р. Случѣ, Острогъ на р. Горыни и Кременецъ на ручьѣ въ 5 верстахъ отъ р. Иквы. Все это города, основаніе которыхъ относится къ глубокой древности, и въ каждомъ слѣды первыхъ временъ христіанства въ Россіи. Въ Луцкѣ же и Владимірѣ (которые, къ сожалѣнію, лежали въ сторонѣ отъ моего пути), въ особенности, еще доселѣ остаются слѣды ревности равноапостольнаго в. к. Владиміра къ созиданію церквей. А въ Кременцѣ, Почаевѣ и ихъ окрестностяхъ сохраняются и слѣды перваго пещернаго отшельничества, даже болѣе ранняго, кажется, нежели кіево-печерское [1]).

Отъ Житоміра до Острога я ѣхалъ по средней части Волыни—равнинной, живописной, плодородной и хорошо населенной. Но съ поворотомъ на югъ къ Острогу и далѣе къ Кременцу—въ юго-западную часть края, характеръ мѣстности измѣняется, постепенно становясь болѣе и болѣе гористымъ и живописнымъ. Здѣсь край прорѣзывается съ сѣверо-запада на юго-востокъ отраслью Карпатскихъ горъ, достигающихъ въ иныхъ мѣстахъ до 190 саженей и болѣе, а у Кременца, высшаго пункта—даже 1328 ф. надъ поверхностью моря. Здѣсь плотность населенія, множество рѣкъ, рѣчекъ, горныхъ ручьевъ, высокихъ холмовъ и горныхъ грядъ, поросшихъ разнороднымъ и роскошнымъ лиственнымъ, большею частію дубовымъ, лѣсомъ—придаютъ мѣстности необыкновенно живописный характеръ [2]). Кременецъ, особенно, лежитъ въ самой возвышенной и живописной мѣстности, въ глубокомъ горномъ ущельѣ горъ, высящихся по ту и другую сторону, то уступами (по правую

---

[1]) Церк. ист. Иннокентія, отд. II, стр. 99.

[2]) *Стоцкій*: Девять губерній западно-русскаго края. Спб. 1866 г.

сторону), то отдѣльными высотами (по лѣвую). Не даромъ Кременецъ-Волынскій носитъ это названіе, происходящее отъ слова „кремень", подобно тому, какъ Каменецъ-Подольскій—отъ слова „камень": какъ первый сооруженъ на кремнѣ, такъ и второй на камнѣ—высокой каменистой горѣ. И что́ за древность Кременца!—основаніе его относятъ еще къ VIII вѣку по Р. Х., а принадлежность его — славянскому племени дулебовъ! — Въ XIII вѣкѣ онъ прославился своею неприступностью и отраженіемъ осадъ: Батыя—въ 1241 г. и татарскаго полководца Куремсы въ 1255 г. Нынѣ, на уступѣ правыхъ нагорныхъ высотъ, расположено обширное каменное зданіе волынской духовной семинаріи, до осени 1831 года служившее помѣщеніемъ столь извѣстнаго кременецкаго лицея или польско-іезуитскаго коллегіума. А на средней изъ лѣвыхъ, нагорныхъ высотъ хорошо сохранились развалины каменныхъ: замка и башенъ, сооруженныхъ польскою королевой *Боной*, построившею множество такихъ крѣпостей въ Польшѣ. Самый городъ расположенъ улицой вдоль ущелья.

Отъ Кременца до Лавры (24 версты) дорога пролегаетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ по равнинной, отчасти холмистой, и очень живописной мѣстности, среди роскошной лѣсной растительности. За 4 версты до Лавры, по обѣ стороны дороги — густой лиственный лѣсъ; съ приближеніемъ къ Лаврѣ онъ рѣдѣетъ и за нимъ начинается лаврская роща, состоящая большею частію изъ вѣковыхъ дубовъ. Лѣсъ и роща еще скрываютъ видъ Лавры; но проѣхавъ чрезъ расположенное у подошвы почаевской горы, съ трехъ сторонъ, м. Новый-Почаевъ (м. Старый-Почаевъ лежитъ въ 3 верстахъ къ юго-западу), при поворотѣ на право въ поперечную аллею старыхъ и высокихъ деревьевъ—Лавра открывается, во всей своей красѣ, на вершинѣ почаевской горы, вышиною до 35 саженей. Аллеей, идущей въ гору, въѣзжаешь въ св. ворота лаврской ограды, и тотчасъ по въѣздѣ въ нихъ, на лѣво—каменный, 2-хъэтажный архіерейскій домъ, а на право—каменная-же, одно-этажная гостинница съ открытою галлереей — балкономъ, откуда прекрасный видъ на окрестности и кременецкія горы. Въ ней я и остановился, и прежде всего посѣтивъ пребывавшаго тогда въ Лаврѣ, священно-архимандрита ея, варшавскаго и волынскаго архіепископа *Арсенія* (съ 1858 г. митрополита кіевскаго, умершаго въ 1876 г.),

я поспѣшилъ въ соборъ Успенія Божіей Матери, поклониться тремъ главнымъ святынямъ его: стопѣ Божіей Матери и чудотворной почаевской иконѣ ея—въ самомъ соборѣ, а внизу его, въ пещерной церкви св. великомученицы Варвары — мощамъ св. препод. *Іова*, игумена почаевской обители, почившаго 28 октября 1651 г., за 69 лѣтъ до окончательнаго завладѣнія ею базиліановъ - уніатовъ въ 1720 г.

Лаврскій успенскій соборъ поразилъ меня своими: громадностью, красотою и величественнымъ видомъ, снаружи и внутри, своею особенною, смѣлою и прочною архитектурой въ итальянскомъ стилѣ польско-католическихъ церковныхъ построекъ 2-й половины XVIII вѣка. Онъ стоитъ на самомъ утесѣ горы, возвышающейся до 35 саженей надъ окрестною поверхностью земли. Предъ входомъ въ него съ „южной" стороны (алтаремъ онъ построенъ на сѣверъ)— съ трехъ сторонъ площадка, огражденная на краю глубокаго южнаго обрыва желѣзною рѣшеткой. Когда обратитесь къ югу, съ нея открывается предъ вами великолѣпный видъ на широкую долину, ограниченную съ юга, на границѣ восточной Галиціи, на разстояніи 8 верстъ отъ Лавры, горными высотами, на которыхъ, къ юго-западу, видна уніатская обитель, постройкою своею весьма похожая на почаевскую (о ней скажу ниже). Южный фасадъ собора образуютъ 2 выдающіяся, четвероугольныя, высокія башни о 5 этажахъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго карнизами и къ верху съуживающихся. Между башнями—4 колонны съ капителями коринѳскаго ордена, а между 2-мя средними колоннами — главная, южная входная дверь въ соборъ, по каменной лѣстницѣ въ нѣсколько ступеней. Надъ дверью—полуовальное окно съ разноцвѣтною рѣшеткой, на которой желѣзными цифрами означенъ „1771" годъ построенія собора. Надъ карнизомъ 1-го этажа фронтона— икона успенія Божіей Матери. За башнями—фронтонъ самой церкви: въ немъ большое окно, сверху его — Всевидящее Око, а на самомъ верху—крестъ, по обѣ стороны котораго 6-ть высѣченныхъ изъ камня урнъ. Въ нижнемъ ярусѣ башенъ—восточныя и западныя входныя двери въ церковь. Наконецъ въ 4-мъ ярусѣ правой, восточной башни—боевые часы. Стѣны собора снаружи украшены пилястрами съ коринѳскими капителями, высѣченными изъ дикаго камня. Все зданіе собора увѣнчано высокимъ (выше башенъ), 8-ми

граннымъ куполомъ, виднымъ за 40 и болѣе верстъ. Внутри соборъ имѣетъ крестообразную форму, образуемую продольными и поперечными столбами. Въ 1855 г. внутреннее устройство собора уже было обращено изъ уніатскаго въ православное: боковые престолы уничтожены, исключая 1-го отъ входа съ юга, съ правой стороны, обращеннаго въ иконостасъ со спискомъ съ чудотворной иконы почаевской Божіей Матери и съ другими иконами; подъ доскою-же, служившею уніатскимъ престоломъ, находилось круглое отверстіе надъ стопою Божіей Матери, всегда наполненною до края чистою, ключевою водою, никогда не изсякающею. Богомольцы черпаютъ ее, пьютъ и уносятъ съ собою въ небольшихъ стклянночкахъ за лаврскою печатью. Во взятыхъ мною и полученныхъ позже такихъ стклянночкахъ вода болѣе 10 — 15 лѣтъ сохранялась неповрежденною, чистою и свѣжею. Но передъ главнымъ алтаремъ еще находился низкій, одноярусный иконостасъ, со старыми, неизящными мѣстными иконами. Поверхъ его видна была надъ горнимъ мѣстомъ въ алтарѣ, въ богато-украшенномъ кіотѣ, чудотворная почаевская икона Божіей Матери, въ вѣнцѣ на подобіе царской діадемы, украшенномъ драгоцѣнными каменьями, и держащей младенца Іисуса на лѣвой рукѣ; — внизу-же иконы была изображена почаевская гора и на вершинѣ ея—стопа Божіей Матери. Икону эту, подобно кіево-печерской, спускали внизъ на снурахъ, для поклоненія ей и служенія передъ нею молебствій. Списки съ этой иконы, въ маломъ видѣ, приготовлялись въ лаврской иконописной мастерской и продавались богомольцамъ. По сторонамъ собора, въ боковыхъ галлереяхъ, я, къ немалому моему удивленію, видѣлъ сохранившіеся еще уніатскіе „конфессіоналы". Почему они тутъ оставались—24 года послѣ отобранія монастыря отъ базиліанъ—было непостижимо для меня. Видѣлъ я еще и другіе остатки уніатскихъ и католическихъ обычаевъ, напримѣръ: женщинъ простаго званія, лежавшихъ на помостѣ *крестомъ* (по польски „krzyżem"), т. е. на груди, распростерши руки въ обѣ стороны, а также—исповѣдь, если не въ конфессіоналѣ, то подъ эпитрахилью духовника *) (почему и зачѣмъ—не знаю).

---

*) Обычай этотъ общій во всемъ юго-западномъ краѣ и отнюдь не уніатскій. *Ред.*

Подъ соборомъ, внизу, у восточной стороны, находилась небольшая пещерная церковь во имя св. великомученицы Варвары, существовавшая еще прежде сооруженія собора. Пещерною она называется потому, что съ сѣверной стороны ея находилась пещера, въ которой, въ полукруглой нишѣ, въ ракѣ на вскрытіи покоились мощи св. преп. Іова, всенародно и торжественно открытыя 28 августа 1833 г., въ тотъ самый день, въ который за 174 года передъ тѣмъ (въ 1659 г.) они были вынуты изъ земли кіевскимъ митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ.

На первой вечернѣ въ соборѣ, въ день моего прибытія, меня очень удивило то, что чтецы и пѣвцы изъ послушниковъ были не въ подрясникахъ, а *въ сѣрыхъ сюртукахъ и холщевой нижней одеждѣ въ сапоги!*—точно деревенскіе дьячки*). Мнѣ показалось это очень страннымъ и не совсѣмъ приличнымъ. Но очередные іеромонахъ и іеродіаконъ служили по чину. Наканунѣ 1-го августа всенощная служба была совершена во всемъ по чину, какъ слѣдовало. А на другой день позднюю обѣдню въ соборѣ совершалъ соборно и очень торжественно преосвященный *Арсеній*, въ присутствіи множества народа, наполнявшаго соборъ, большею частію мѣщанъ и крестьянъ обоихъ половъ, въ праздничныхъ одеждахъ. Послѣ обѣдни былъ крестный ходъ для освященія воды, причемъ преосвященный *Арсеній*, съ крестомъ въ лѣвой рукѣ и съ кропиломъ въ правой, окроплялъ св. водою большіе пучки хлѣбныхъ и иныхъ растеній и полевыхъ цвѣтовъ, которые держали въ рукахъ крестьянки, стоявшія шпалерами отъ амвона до южныхъ входныхъ дверей. Это старинный, мѣстный, народный обычай.

Въ первые 3 дня передъ тѣмъ, между церковными службами въ соборѣ, обозрѣвая особенныя примѣчательности и рѣдкости, хранившіяся въ лаврѣ, я нашелъ въ нихъ очень много любопытнаго. Посѣтивъ намѣстника лавры, архимандрита *Неофита*, въ его покояхъ, я увидѣлъ въ нихъ, въ экранѣ передъ печью, живописный портретъ отступника отъ православія на флорентійскомъ соборѣ и

*) Если-бы строго держаться обычаевъ вселенской и нашей церкви до Никона, то и священники должны ходить въ одеждѣ міранъ и только для богослуженія надѣвать одежду церковную.—*Ред.*

низложеннаго за то въ Москвѣ митрополита *Неидора*, бѣжавшаго послѣ того въ Римъ и получившаго отъ папы красныя кардинальскія: шапку и мантію. Въ нихъ онъ и былъ изображенъ на этомъ любопытномъ портретѣ. На замѣчаніе мое, что такой исторической рѣдкости слѣдовало-бы находиться въ музеѣ или библіотекѣ Лавры, намѣстникъ, улыбаясь, возразилъ, что „изображенію вѣроотступника, заслужившаго кару вѣчнаго огня, приличное мѣсто—именно передъ временнымъ огнемъ!“ Осматривая потомъ лаврскую библіотеку, не приведенную еще тогда въ должный порядокъ, я получилъ изъ нея, для ознакомленія съ исторіей почаевской обители, 3 старопечатныя книги и 1 рукопись (о которыхъ скажу подробнѣе ниже). А въ одной кладовой, въ которой хранились разныя вещи, я увидѣлъ за перегородкой развѣшанные на стѣнѣ весьма любопытные и замѣчательные, живописные портреты: *Николая Потоцкаго*, старосты каневскаго и соорудителя въ 1771 г. каменныхъ: собора и зданій монастыря,—и супруговъ *Θеодора* и *Еввы Домашевскихъ*, соорудившихъ въ немъ, въ 1649 г., новую и большую каменную церковь во имя св. Тройцы. Эти портреты привлекли особенное вниманіе мое. На портретѣ *Николая Потоцкаго*, послѣдній изображенъ во весь ростъ, почти въ натуральную величину, въ богатомъ полупольскомъ, полу-украинскомъ нарядѣ—кунтушѣ съ закинутыми назадъ рукавами, опоясанномъ широкимъ шалевымъ поясомъ, съ заткнутыми за нимъ пистолетами, съ турецкою саблей при боку, въ широкихъ шароварахъ и красныхъ сапогахъ. Большой бритый лобъ, съ *оселедцомъ* на макушкѣ, правильныя черты продолговатаго овала лица, длинные усы, бритый подбородокъ, умный, но энергическій и суровый взоръ, гордая осанка—съ перваго же взгляда живо изображали этого оригинальнаго человѣка, столь извѣстнаго своими: буйнымъ, неукротимымъ нравомъ, причудами, жестокостью, распутствомъ, но и богатствомъ, и щедростью. Предо мною какъ-бы живой стоялъ этотъ своеобразный типъ тогдашнихъ польскихъ и украинскихъ феодаловъ!

Рядомъ съ его портретомъ находился не менѣе любопытный портретъ супруговъ *Домашевскихъ*, во весь ростъ, писанный на холстѣ. *Θеодоръ Домашевскій* былъ изображенъ старикомъ высокаго роста, съ сѣдыми бородою и усами, и съ волосами на головѣ, остриженными въ кружокъ, въ одеждѣ болѣе греческой или молдавской,

чѣмъ польской. Нижняя одежда—въ видѣ подрясника темно-голубаго цвѣта, а верхняя — въ видѣ греческой полу-ряски съ короткими рукавами, обшитой по краямъ и внизу золотымъ снуркомъ и застегнутой до пояса продолговатыми золотыми пуговицами, а у шеи старинною пряжкою, украшенною драгоцѣнными каменьями. Въ правой рукѣ—трость съ набалдашникомъ слоновой кости; при боку видѣнъ былъ только ефесъ шпаги, въ древнемъ вкусѣ, обложенный серебряными блестками и драгоцѣнными каменьями; на верху ефеса змiиная головка. На верху портрета, съ лѣвой стороны, гербъ: щитъ свѣтло-голубаго цвѣта, съ бѣлымъ на немъ знакомъ въ видѣ трехъ-составнаго якоря; вокругъ щита рѣзная, позолоченная рамка, а сверху корона; по сторонамъ рамки — двѣ пальмовыя вѣтьви, а вокругъ герба—прописныя польскiя буквы: H. T. D. K. G. P. K., означающiя, какъ полагаютъ: Hryckiewicz Theodor Domaszewski, Komornik Granic Powiatu Krzemenieckiego (его званiе и должность). Съ правой стороны—портретъ супруги *Ѳеодора Домашевскаго Евы*, во весь ростъ, лѣтъ 50, въ старинной одеждѣ высшихъ особъ женскаго пола. Голова и шея покрыты бѣлымъ покрываломъ, опущеннымъ на плечи; на головѣ, сверхъ покрывала, голубая шапка съ собольею опушкой. На бѣломъ платьѣ голубой корсетъ, застегнутый золотыми снурками, а верхнее платье въ родѣ женской собольей шубы, изъ бархата зеленаго цвѣта; въ лѣвой рукѣ четки. На верху гербъ такой-же, какъ и *Домашевскаго*, съ тѣмъ лишь различiемъ, что въ щитѣ одинъ знакъ въ видѣ якоря, а другой на глобусѣ съ крестикомъ. Вокругъ герба буквы: B. E. D. K. G. P. K., означающiя, какъ полагаютъ: Bogobojna (богобоязная, благочестивая) Ewa Domaszewska, Komornikowa Granic Powiatu Krzemenieckiego. Въ срединѣ между обоими портретами—видъ церкви, которую супруги держатъ снизу ея, мужъ—лѣвою, а жена—правою руками своими. Церковь въ основанiи—изъ дикаго камня, а выше—изъ кирпича; архитектуры византiйской; главный куполъ восьмигранный, а другiе два меньшiе—круглые. Подъ изображенiемъ церкви столъ, покрытый красною пеленою и на немъ круглая шапка съ собольею опушкой, двѣ книги и четки. Между мужемъ и женою изображены дѣти ихъ, сынъ и дочь, не старѣе 10 лѣтъ, въ длинныхъ одеждахъ, на колѣняхъ, молящiеся со сложенными руками. На полу—круглая шапочка мальчика, съ бѣлою

опушкой, а на шеѣ дочери цѣпочка изъ жемчуга и на головѣ вѣнчикъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Подъ картиной надпись «Fundatorowie starej cerkwi w Poczajowie w. w. (wielmożni) Teodor i Ewa Domaszewscy, komornikowstwo granicy krzem. p. R. 1649». Картина эта, существовавшая болѣе 200 лѣтъ въ почаевской обители, составляла подлинно драгоцѣнную историческую рѣдкость, но примѣтно пришла въ ветхость и, къ крайнему моему удивленію и сожалѣнію, хранилась небрежно, въ кладовой разнаго хлама, за перегородкой [1])! То-же самое слѣдуетъ сказать и о портретѣ *Николая Потоцкаго*, такой-же исторической рѣдкости. Эти драгоцѣнные вещественные памятники юго-западной русской старины заслуживали-бы въ 1855 г., уже 24 года послѣ отобранія монастыря отъ базиліановъ, болѣе уваженія и тщательнаго храненія въ болѣе приличномъ мѣстѣ, нежели въ кладовой. Напрасно искалъ я въ „Сказаніи", гдѣ они хранятся теперь, и нигдѣ не нашелъ указанія на то, что меня не мало удивило. Жаль, что въ Почаевской Лаврѣ нѣтъ, подобно тому, какъ въ Лаврѣ препод. Сергія, ни музея рѣдкостей, картинъ, портретовъ и т. п., ни собственной фотографіи, для изображенія ихъ и живописныхъ видовъ Лавры и ея окрестностей. Расходы на учрежденіе и содержаніе музея и фотографіи окупались-бы доходами отъ покупки произведеній послѣдней богомольцами, которые, какъ извѣстно, очень дорожатъ такими воспоминаніями посѣщенныхъ ими св. мѣстъ и ихъ святынь.

И библіотеку лаврскую также я нашелъ въ 1855 г. въ несовсѣмъ приличныхъ ей помѣщеніи и устройствѣ, хотя въ ней было много рѣдкихъ старинныхъ рукописей и книгъ. Въ „Сказаніи" (1878 г. стр. 280) о библіотекѣ сказано только, что при архимандритѣ Агаѳангелѣ (1866—1876) она изъ года въ годъ постоянно пріобрѣтала „разныя новѣйшія изданія духовнаго содержанія", но нѣтъ свѣдѣній о ея устройствѣ. Въ ней-то, по моему мнѣнію, и слѣдовало бы хранить означенные портреты кардинала *Исидора*, *Потоцкаго* и *Домашевскихъ*, и другіе вещественные памятники лаврской старины.

---

[1]) Въ «Сказаніи о Почаевской Успенской Лаврѣ», стр. 20—22, въ концѣ выноски сказано, что «все нужное къ возобновленію картины сдѣлано,» но гдѣ она хранится — не упомянуто. По моему мнѣнію, ей приличнѣйшее мѣсто въ лаврской библіотекѣ, какъ и портрету *Николая Потоцкаго*.

Изъ библіотеки я получилъ, какъ сказалъ выше, для ознакомленія моего съ исторіею обители, 3 старинныя книги и 1 рукопись, именно: 1) „Новое небо съ новыми звѣздами", сочиненіе ректора кіево-братскаго училища, іеромонаха *Іоанникія Галятовскаго*, напечатанное въ 1655 г. во Львовѣ, 2) „Гора Почаевская", книга, перепечатанная въ 1772 г. базиліанами изъ другой, древней, и 3) одно печатное и 4) одно рукописное „житіе преподобнаго Іова".— Изъ нихъ то я и узналъ слѣдующее, приводимое мною здѣсь вкратцѣ, объ исторіи почаевской обители.

Начало обители относится къ глубокой древности—къ первымъ временамъ христіанства въ древней Руси, хотя въ исторіи нѣтъ на это прямыхъ доказательствъ. Но нѣкоторыя данныя указываютъ на существованіе почаевской обители едва-ли не ранѣе всѣхъ другихъ на Волыни и даже въ Кіевѣ.[1]) Съ тѣхъ поръ она существовала до 1240 г., когда на почаевской горѣ произошло чудо явленія Божіей Матери, оставившей на скалѣ слѣдъ стопы своей, наполненный ключевою водою.[2]) Въ 1241 г. обитель подверглась разоренію Батыя, но, по удаленіи его, была возстановлена и продолжала существовать, распространяться и украшаться. Сначала, въ старину, монахи жили въ пещерахъ почаевской горы, а потомъ построили у подошвы ея деревянную и позже, вмѣсто ея, каменную церковь Успенія Божіей Матери, на свои средства и на пожертвованія, и до половины XVI вѣка владѣли только ею, источникомъ въ столпѣ Божіей Матери на скалѣ и пещерами. Въ 1559 г. владѣтельница помѣстья Орля, вдова *Анна Гойская*, урожденная *Кутинская*, получивъ въ даръ отъ греческаго митрополита *Неофита* привезенную имъ изъ Константинополя икону Божіей Матери, хранила ее у себя въ домѣ до 1597 г. Но въ этомъ году, вслѣдствіе многихъ чудесныхъ исцѣленій отъ этой иконы, она была перенесена въ каменную успенскую церковь на почаевской горѣ, и прославилась своими чудесами (они изложены въ книгѣ „Гора почаевская"). Пятьдесятъ два года спустя, въ 1649 г. *Θеодоръ и Евва Домашевскіе* соорудили на почаевской горѣ, выше успенской церкви, другую, новую, каменную же, но гораздо большую, во имя св. Троицы,

---

[1]) «Сказаніе» стр. 10—14.
[2]) Тамъ же.

богато украсили ее и щедро надѣлили деньгами. Въ концѣ 1-й и въ началѣ 2-й половины XVII вѣка были и другіе православные ревнители и благотворители почаевской обители, изъ князей и дворянъ края, какъ-то: князья *Малышскіе, Пузины, Сташкевичи, Куликовскіе, Ушковскіе, Долинскіе, Жабокритскіе, Ясногорскіе* и др. На вклады ихъ были построены въ обители, въ это время, еще 6 меньшихъ церквей, примыкавшихъ съ обѣихъ сторонъ къ троицкой, именно: преображенская, благовѣщенская, воскресенская, св. великомученика Ѳеодора, побѣды Божіей Матери (надъ татарами) и николаевская. Къ найлучшему поддержанію почаевской обители и православія въ ней много содѣйствовалъ св. препод. *Іовъ*, 50 лѣтъ (1601—1651) бывшій игуменомъ ея. Онъ родился въ концѣ 1-й половины XVI вѣка, въ галичской землѣ, въ предѣлахъ покутскихъ, и въ мірѣ носилъ имя *Іоанна*, по прозванію *Желѣзо*. На 12 году отъ рожденія онъ былъ постриженъ въ монашество въ угорницкомъ преображенскомъ монастырѣ, а по принятіи священства и вскорѣ послѣ того схимы, столько прославился святою жизнію, что знаменитый князь *Константинъ Острожскій* упросилъ его принять игуменство крестовоздвиженскаго монастыря въ г. Дубно. По 20-лѣтнемъ управленіи имъ, преп. *Іовъ*, въ схимѣ *Іоаннъ*, возвратился въ почаевскую обитель, былъ избранъ въ игумены ея и управлялъ ею, какъ сказано, 50 лѣтъ, до смерти своей 28 октября 1651 г., сто лѣтъ отъ роду. А 8 лѣтъ спустя, 28 октября 1659 г., нетлѣнныя мощи его были торжественно открыты кіевскимъ митрополитомъ *Діонисіемъ Балабаномъ*. Со времени основанія почаевскаго общежительнаго монастыря *Анною Гойскою* въ 1597 г. и до порабощенія его уніатами въ 1720 г., капиталы его, обезпеченные недвижимыми имѣніями, постепенно умножались и наконецъ значительно возрасли, и сверхъ того монастырь владѣлъ 7 селеніями и земельными и иными угодіями.

Со времени смерти препод. *Іова*, въ схимѣ *Іоанна*, послѣдовательно было 18 православныхъ игуменовъ почаевскаго монастыря и послѣднимъ въ 1718—1720 г. былъ *Гедеонъ Левицкій*. Но уже при 12-мъ игуменѣ, *Иннокентіи Ясельницкомъ*, избранномъ въ 1693 г., въ монастырѣ начались раздоры, смуты и безпорядки, постепенно увеличивавшіеся со времени брестской уніи 1596 года и борьбы православныхъ съ уніатами и католиками, которые на-

конецъ одолѣли, такъ что въ 1720 г. уніаты-базиліане уже окончательно завладѣли монастыремъ. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіи слѣдующихъ 111 лѣтъ до 2 октября 1831 г., времени отобранія монастыря отъ уніатовъ и обращенія его снова въ православный, онъ, нося названіе „уніатскаго-базиліанскаго", сталъ постепенно болѣе и болѣе превращаться почти въ настоящій польско-католическій. А игумены и монахи его, до 1720 г. еще именовавшіе себя въ тяжебныхъ дѣлахъ „zakonnicy monasteru poczajowskiego swiętego Bazylego Wielkiego ritus graeci" или „nie w unii zostający", съ 1720 г. уже отбросили послѣднія шесть словъ и стали просто именоваться базиліанами, какъ бы уже принадлежа къ католическимъ монашескимъ орденамъ.

Исторія этихъ 111 лѣтъ пребыванія почаевскаго монастыря во власти базиліанъ до крайности прискорбна и я не стану говорить о ней, а коснусь только временъ благодѣтельствованія ему *Николая Потоцкаго* и участія монастыря въ польскомъ возстаніи 1830—31 г.

Николай Потоцкій, староста каневскій, сынъ бельзскаго (въ Галиціи) воеводы *Стефана Потоцкаго* [1]), былъ первоначально римско-католическаго исповѣданія, а въ послѣдствіи перешелъ изъ него въ унію, вознамѣрясь сдѣлать большія денежныя пожертвованія почаевскому монастырю, по слѣдующему случаю. Однажды, ѣдучи въ коляскѣ по ровной дорогѣ въ виду почаевскаго монастыря, онъ былъ опрокинутъ кучеромъ, наѣхавшимъ на большой камень. Лошади съ коляской умчались, а упавшіе *Потоцкій* и кучеръ остались на мѣстѣ. Взбѣшенный *Потоцкій* выхватилъ изъ-за

[1]) Въ книгѣ «Новое небо», въ предисловіи, говорится, что предки *Потоцкихъ* по женской линіи происходили отъ рода молдавскихъ господарей *Могилъ* (которые были православными), а *Николай Потоцкій* писался «Potocki na Złotym Potoku», т. е. что родъ его происходилъ отъ *Потоцкихъ*, которымъ принадлежали имѣнія «Золотой Потокъ» и другое близъ него «Горній Потокъ» (нынѣ въ Царствѣ Польскомъ, люблинской губерніи, близъ Тарногрода, въ 12 верстахъ отъ границы Галиціи). Такъ какъ тамъ было повсемѣстно православіе, то и предки *Николая Потоцкаго* были безъ сомнѣнія православные. И такъ вотъ происхожденіе тѣхъ *Потоцкихъ*, которые теперь сами себя, какъ и поляки ихъ, считаютъ «родовитыми поляками»! Замѣтимъ при этомъ, что въ полтавской губерніи до сихъ поръ существуютъ православные дворяне *Потоцкіе*.

пояса пистолетъ, приставилъ его къ груди кучера и съ словами: „умри, злодѣй!“ спустилъ курокъ, но пистолетъ осѣкся въ то самое время, какъ кучеръ, обратясь къ монастырю, воскликнулъ: „Матерь Божія! спаси меня!“ И такъ было до трехъ разъ. Пораженный этимъ, *Потоцкій* простилъ кучера, и по усмиреніи лошадей, велѣлъ везти себя въ монастырь. Тамъ онъ излилъ свою душу въ молитвѣ предъ чудотворною почаевскою иконою Божіей Матери, и съ тѣхъ поръ (полагаютъ, что это случилось передъ 1760 г.) совершенно измѣнилъ свою жизнь и предался благочестію, горячей любви къ почаевской обители и рѣшимости ничего не жалѣть для ея благолѣпія *). Изъ писемъ его, писанныхъ имъ изъ г. Бучача, въ Галиціи, мѣста пребыванія его, къ прото-архимандриту почаевскаго монастыря *Ипатію Бѣлинскому*, съ 1761 г. по 1772 г., видно, что главнымъ предметомъ заботъ его, *Потоцкаго*, было сооруженіе громадныхъ каменныхъ: соборной церкви и братскихъ корпусовъ, пожертвованіе на то значительныхъ денежныхъ капиталовъ (до 224,400 злотыхъ) и желаніе провесть остатокъ жизни своей въ почаевскомъ монастырѣ, а по смерти быть погребеннымъ въ немъ.

Въ 1771 г. начата была постройка большаго собора и братскихъ корпусовъ и продолжалась 12 лѣтъ—до 1782 г. При этомъ прежняя соборная троицкая церковь *Домашевскихъ* была, къ крайнему сожалѣнію, разобрана, а по южную сторону, на краю горы, въ 1774 г. построена новая церковь во имя св. великомученицы Варвары, и въ 1776 г. полевая каменная церковь Рождества Богородицы. Обѣ эти церкви и большой соборъ были освящены въ 1780 г. Но еще прежде того, 8 сентября 1773 г., съ разрѣшенія папы Климента XIV, былъ торжественно совершенъ католическій обрядъ „коронованія чудотворной почаевской иконы Божіей Матери“. *Потоцкій* прожилъ еще 2 года послѣ освященія собора и двухъ церквей и имѣлъ утѣшеніе видѣть исполненіе завѣтнаго желанія своего. Онъ умеръ 12 апрѣля 1782 г. въ почаевскомъ

*) Имѣемъ полное основаніе утверждать, что онъ куралесилъ и долгое время потоялъ. Въ подобныхъ самодурахъ того времени легко уживались и внѣшнее благочестіе и внутренняя развращенность, а переходы отъ одного къ другой были не только быстры, но и очень часты.—*Ред.*

монастырѣ, въ которомъ жилъ, и по завѣщанію своему еще 1774-го года, былъ торжественно погребенъ, по уніатскому обряду, въ склепѣ, на лѣвой сторонѣ по входѣ въ соборъ [1]).

Въ дополненіе къ этому, приведу слышанное мною въ 1855 г. въ Лаврѣ преданіе, что въ теченіи времени съ 1760 г., обращенія *Потоцкаго* къ иной жизни, до 1780 г., освященія сооруженной имъ соборной церкви, онъ, живя по временамъ въ почаевскомъ монастырѣ, какъ благотворитель и почти полный хозяинъ его, находился въ совершенномъ согласіи съ братіею монастыря. Но однажды, поссорившись съ ними изъ-за чего-то, онъ удалился изъ монастыря въ находившееся верстахъ въ 8-ми на юго-западъ отъ него имѣніе свое (нынѣ въ Восточной Галиціи, на границѣ волынской губерніи), и построилъ тамъ, въ меньшемъ размѣрѣ, точное подобіе почаевскаго собора и при немъ базиліанскій монастырь, въ которомъ и поселился. Вскорѣ однако, примирясь съ почаевской братіею, онъ воротился въ ихъ монастырь и продолжалъ попрежнему благодѣтельствовать ему. Такимъ образомъ, двѣ, построенныя имъ и совершенно схожія между собою церкви, стоятъ теперь одна въ виду другой, одна въ большемъ размѣрѣ—на почаевской горѣ, въ волынской губерніи, а другая въ меньшемъ размѣрѣ—на границѣ Галиціи, и послѣдняя ясно видна простымъ глазомъ съ площадки передъ южнымъ входомъ въ почаевскій соборъ. Когда же въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе, какъ говорили мнѣ въ Лаврѣ, весь южный фасадъ собора, снизу до верху, и весь куполъ собора освѣщаются огнями, точно такъ-же освѣщается и противулежащая уніатская церковь въ Галиціи, что должно представлять очень любопытное зрѣлище. Въ „Сказаніи о Почаевской Успенской Лаврѣ“ я не нашелъ никакихъ свѣдѣній о приведенномъ мною здѣсь преданіи и потому не знаю, на сколько оно достовѣрно.

Касательно же участія почаевскихъ базиліанъ въ польскомъ мятежѣ 1830—31 г. я не слыхалъ ничего въ Лаврѣ въ 1855 г.,

[1]) Въ «Сказаніи» сказано, что «до 1831 г. прахъ *Потоцкаго* находился въ этомъ склепѣ,» но ничего не сказано, гдѣ находятся съ тѣхъ поръ. Въ томъже «Сказаніи» изложены всѣ подробности, касающіяся *Николая Потоцкаго*, его построекъ и пожертвованій для почаевскаго монастыря и всѣхъ событій въ этомъ послѣднемъ—съ 1760 г. до смерти *Потоцкаго* въ 1782 г. Подробности эти еще не были извѣстны мнѣ въ 1855 г.

но въ „Сказаніи“ 1878-го года нашелъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія. Осенью 1823 г. императоръ Александръ I, проѣздомъ изъ-за границы, ночевалъ въ г. Острогѣ и на слѣдующее утро слушалъ обѣдню въ единственной, бѣдной, деревянной, городской, приходской пятницкой церкви. Обѣдню совершалъ волынскій епископъ *Стефанъ*, который послѣ того передалъ находившемуся въ свитѣ Государя генералъ-адъютанту барону *Дибичу* все, что дотолѣ, въ томъ же 1823 г., имъ, епископомъ *Стефаномъ*, было предоставлено св. синоду, *объ обращеніи почаевскаго монастыря въ православіе*. Докладъ синода о томъ былъ представленъ Государю тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ синода, княземъ *Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ*. А 2-го августа 1823 г. княземъ *Голицынымъ* сообщено было митрополиту греко-уніатскихъ церквей въ Россіи, *Іосифу Булгаку*, что „Государю не угодно было изъявить свое согласіе на представленіе синода, по тому уваженію, что въ почаевскомъ монастырѣ находилось значительное общество монаховъ базиліанскаго ордена и содержались учебныя заведенія“. Базиліане возликовали, возлагая надежды свои на князя *А. Н. Голицына*, который, будучи оберъ-прокуроромъ синода, оказался такимъ образомъ „ревнителемъ уніи болѣе, нежели православія“! Баронъ *Дибичъ* обѣщалъ епископу *Стефану* вновь довесть просьбу его до свѣдѣнія Государя, и если онъ исполнилъ это (говорится въ „Сказаніи“), то можетъ быть съ того времени въ Петербургѣ снова стали думать о возвращеніи почаевскаго монастыря въ православіе. Но этому суждено было совершиться не при императорѣ Александрѣ I, а при преемникѣ его императорѣ Николаѣ I, и поводъ къ тому подали сами почаевскіе базиліане. Во время польскаго возстанія въ 1830—31 г., они всѣ явно приняли сторону мятежниковъ, помогали имъ деньгами, издавали прокламаціи съ воззваніемъ къ общему возстанію въ краѣ, и когда польскій генералъ *Дверницкій*, разбитый въ апрѣлѣ 1831 г. генераломъ *Ридигеромъ* при м. Боремлѣ, въ 45 верстахъ отъ Почаева, проходилъ чрезъ это мѣстечко въ Австрію, базиліане встрѣтили его съ радостью и торжествомъ, щедро угощали его, снабдили деньгами и многіе изъ нихъ ушли за нимъ вооруженными. Но кара Божія и государственная постигла наконецъ измѣнниковъ Богу, Государю и отечеству: по совершенномъ подавленіи польскаго мятежа въ сентябрѣ

1831 г., Николай I повелѣлъ: почаевскій базиліанскій монастырь, со всею его церковною принадлежностью, недвижимымъ имѣніемъ и каптиалами, передать въ вѣдомство православнаго духовенства, обращая доходы монастыря на его содержаніе, монаховъ же базиліанскаго ордена, какъ находившихся въ монастырѣ, такъ и содержавшихся въ кіевской крѣпости, размѣстить въ другіе уніатскіе монастыри и сверхъ того принять всѣ нужныя мѣры для передачи монастыря и его имуществъ на законномъ основаніи въ вѣдѣніе православнаго духовенства, и пр. Все это было начато приведеніемъ въ исполненіе уже въ октябрѣ 1831 г., подъ ближайшимъ наблюденіемъ волынскаго и житомирскаго епископа *Амвросія*, который и оставался на своей каѳедрѣ и священно-архимандритомъ почаевскаго монастыря до перевода его 1-го февраля 1832 г. на нижегородскую епархію и до назначенія на его мѣсто курскаго епископа *Иннокентія* (1832—1840). Затѣмъ преемниками послѣдняго были послѣдовательно преосвященные: *Никаноръ* (1840—1848), *Арсеній* (1849—1860), *Антоній* (1860—1866), *Ашванелъ* (1866—1876) и возвращенный нынѣ въ Одессу *Димитрій* (1876—1882). Всѣ они значительно расширили, украсили, благоустроили и упрочили Почаевскую Успенскую Лавру [1]), которая, вслѣдствіе того, достойно занимаетъ свое четвертое мѣсто въ ряду другихъ—кіево-печерской, троицко-сергіевской и александро-невской.

Кн. Н. С Голицынъ.

---

[1]) «Сказаніе о Почаевской Успенской Лаврѣ». Почаевъ 1878 г.

О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ.

Въ исторіи человѣчества вообще и каждаго народа въ частности книгопечатаніе является однимъ изъ важнѣйшихъ двигателей просвѣщенія. Удовлетворяя одной изъ главныхъ нашихъ потребностей—быстраго и широкаго обмѣна мыслей между пишущими и читающими, равно лучшаго храненія и наибольшаго распространенія написаннаго, оно вмѣстѣ съ симъ служитъ, такъ сказать, вывѣскою образованія и извѣстной степени умственной дѣятельности народа. По началу онаго тамъ или здѣсь можно заключать о началѣ въ томъ или другомъ мѣстѣ умственнаго пробужденія, по размѣрамъ его — о силѣ умственнаго движенія, по роду и содержанію книгъ—о сферѣ и степени умственной дѣятельности. Существовало и существуетъ много другихъ формъ и способовъ проявленія умственной нашей жизни; но книгопечатаніе, съ тѣхъ поръ, какъ оно существуетъ, служитъ формою наиболѣе удобною, широкою и плодотворною.

Наше отечество не вдругъ стало пользоваться услугами книгопечатанія; протекло болѣе ста лѣтъ, когда явились у насъ первыя попытки завести оное на своей землѣ. Сѣверъ Россіи могъ-бы имѣть въ этомъ отношеніи рѣшительное преимущество предъ югомъ, если бы смѣлую попытку извѣстнаго діакона Ивана Ѳедорова открыть печатное дѣло на Москвѣ не постигла самая злая участь. Кто знаетъ, какая судьба въ дѣлѣ просвѣщенія и развитія ждала-бы Москву, если бы его попытка удалась; но онъ самъ вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ въ предѣлы южной Россіи.

Эта послѣдняя начала пользоваться типографскими издѣліями еще съ конца XV в., хотя получала ихъ изъ сосѣдняго Кракова, при томъ на первый разъ въ видѣ только церковно-богослужебныхъ книгъ. Со второй половины XVI ст. она заводитъ печатное дѣло у себя; скоро все ея пространство покрывается цѣлою сѣтью

типографій и станокъ печатный оказываетъ ей величайшую, незамѣнимую услугу въ дѣлѣ начинавшейся борьбы съ католичествомъ и зарождавшеюся уніею, а за тѣмъ въ дѣлѣ устроенія церкви и общественнаго образованія. Чтобы судить о быстромъ распространеніи у насъ въ эту пору книгопечатанія, довольно назвать важнѣйшія типографіи, быстро возникавшія одна за другою: въ Львовѣ, Вильнѣ, Острогѣ, Стрятинѣ, Заблудовѣ, Унсіовѣ и многихъ другихъ мѣстахъ. Изданіе библіи, переводъ евангелія на народный языкъ, множество догматическихъ и апологетическихъ сочиненій, знаменитые: Апокризисъ, Ѳриносъ, Лиѳосъ, Грамматика Смотрицкаго, Лексиконъ Памва Берынды и множество другихъ всякаго рода сочиненій послужатъ навсегда памятниками со всею энергіею быстро развивавшейся умственной нашей жизни въ сравнительно короткое время. Довольно сказать, что, при всемъ несовершенствѣ и медленности тогдашняго книгопечатанія, ни одно изъ сочиненій, направленныхъ враждебною намъ пропагандою противъ достоинства нашей церкви и истинности нашей вѣры, не оставалось безъ скораго и сильнаго отвѣта, снабженнаго самою лучшею по тогдашнему времени аргументаціею.

По странному однако стеченію обстоятельствъ, Кіевъ — это ядро духовной жизни южнорусскаго народа не принимаетъ въ этомъ умственномъ движеніи и отпечаткѣ онаго — типографской дѣятельности, на первыхъ порахъ ихъ развитія, никакого участія и центръ того и другой принадлежитъ рѣшительно Вильнѣ и Волыни. Съ своею собственною работой на томъ и другомъ поприщѣ Кіевъ выступаетъ позже; но, разъ ставъ на твердую, другими расчищенную дорогу, онъ не сходитъ съ нея во все послѣдующее время, постепенно расширяя свой умственный центръ и притягивая къ себѣ лучшія силы всего юга Россіи, въ частности же свою первую книгопечатню, свившую себѣ гнѣздо въ печерской лаврѣ, доводитъ къ нашему времени до такого совершенства, что лѣтъ двадцать предъ симъ она не имѣла ничего равнаго себѣ въ Россіи—ни по размѣрамъ своей дѣятельности, ни по способамъ ея выполненія.

Въ этомъ общемъ вопросѣ о ходѣ просвѣщенія на югѣ Россіи и въ частности типографской ея дѣятельности, и частнѣйшій вопросъ о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ получаетъ опредѣленное значеніе и не можетъ казаться ни малозначущимъ, ни еще менѣе празднымъ, помѣщаемое-же здѣсь изслѣдованіе разрѣшаетъ оный на почвѣ положительныхъ данныхъ. **Ред.**

Вопросъ о томъ, какъ рано началось книгопечатаніе въ Кіевѣ, поднятый еще въ концѣ прошлаго столѣтія и съ тѣхъ поръ много разъ обращавшій на себя вниманіе любителей нашей старины, и доселѣ не признается окончательно рѣшеннымъ. Мало того, позднѣйшій по времени изслѣдователь, писавшій о первопечатныхъ кіевскихъ изданіяхъ, утверждаетъ, будто, при имѣющихся данныхъ, вопросъ этотъ и не можетъ быть рѣшенъ вполнѣ удовлетворительно[1]). Нельзя однако согласиться съ такимъ заключеніемъ. Данныхъ для опредѣленнаго рѣшенія по означенному вопросу имѣется достаточное количество и только, съ одной стороны, отсутствіе полнаго сведенія ихъ во-едино, а съ другой — присоединеніе къ нимъ извѣстій неточныхъ, сомнительныхъ, вообще критически не провѣренныхъ, вводятъ нѣкоторыхъ изслѣдователей въ заблужденіе и мѣшаютъ установиться въ наукѣ истинному мнѣнію о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ.

Представимъ сначала, въ послѣдовательномъ порядкѣ, очеркъ мнѣній о началѣ типографской дѣятельности въ Кіевѣ, такъ какъ одно уже сопоставленіе этихъ мнѣній, съ доказательствами въ пользу однихъ положеній и опроверженіями другихъ, имъ противоположныхъ, въ значительной степени можетъ содѣйствовать выясненію даннаго вопроса.

Впервые мнѣніе о времени, къ которому должно быть приурочено книгопечатаніе въ Кіевѣ, высказано было Іоганомъ Бакмейстеромъ, подбибліотекаремъ с.-петербургской академіи наукъ. Въ своемъ „Опытѣ о библіотекѣ и кабинетѣ древностей академіи", изданномъ въ 1776 году, Бакмейстеръ представилъ роспись, въ которой помѣстилъ по одной первопечатной или, по крайней мѣрѣ, самой древнѣйшей, ему извѣстной, книгѣ, вышедшей изъ той или другой древне-славянской типографіи (Le lecteur... verra dans une même table le premier le livre sortis de chaque imprenerie, ou le plus ancien qui soit venu à me connaissance). Въ этой росписи первою книгою, вышедшею изъ кіевской типографіи, считается *Требологіонъ 1618 года*[2]).

[1]) *Кіевскія и волынскія старопечатни*, статья П. А. Гильдебранта въ 1 №. *Древ. и Нов. Россіи*, за 1880 г.

[2]) Essai sur la bibliotheque de l'Akademie sciences 1776 an p. 102—105.

Но близкое къ истинѣ, хотя не совсѣмъ опредѣленно высказанное мнѣніе Бакмейстера не было раздѣляемо кіевскими учеными прошлаго столѣтія. Въ 1791 году вышло изъ типографіи академіи кіевской „*Краткое историческое описаніе кіево-печерскія лавры*", гдѣ о началѣ типографской дѣятельности въ Кіевѣ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія: „1531 года Константинъ Ивановичъ, князь Острожскій, воевода троцкій, гетманъ великаго княжества литовскаго, староста браславскій и винницкій, подарилъ лаврѣ изъ острозкой типографіи буквы и всѣ орудія, къ печатному дѣлу принадлежащія, и на построеніе при лаврѣ типографіи опредѣлилъ многія села и деревни, въ великомъ княжествѣ литовскомъ состоящія. По доставленіи оныхъ буквъ и орудій построенъ былъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, внѣ лавры, противъ николаевскаго монастыря, домъ деревянный и при немъ церковь деревянная святыя Екатерины, въ коемъ производилось печатаніе книгъ съ 1533 по 1706 годъ; а сего года великій государь Петръ первый, начиная строить кіево-печерскую крѣпость, повелѣлъ церковь снять, а домъ печатный перенесть внутрь лавры, что тогда-жъ и исполнено". Впрочемъ далѣе въ томъ-же *Описаніи лавры* послѣднее мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ о первоначальномъ мѣстѣ „печатнаго дома" резонно опровергается, именно говорится, что „изъ книжицы 1638 года, на польскомъ языкѣ въ лаврѣ печатанной (разумѣется Τερατοοργεμα А. Кальнофойскаго), явствуетъ, что еще въ 1638 году была типографія внутрь лавры, и, какъ примѣтить можно, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и нынѣшняя. Во время бывшаго въ 1718 году въ лаврѣ пожара, оной деревянный домъ сгорѣлъ, почему выстроенъ на томъ-же мѣстѣ каменный домъ, въ коемъ и нынѣ печатаніе церковныхъ книгъ производится" [1]).

Архимандритъ Амвросій въ своей *Исторіи россійской іерархіи* (изд. 1810 г.), почти цѣликомъ перепечатывая *Краткое Описаніе кіево-печерскія лавры* (по изданію 1805 г.), не соглашается однако съ высказаннымъ здѣсь мнѣніемъ о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ.

---

[1]) Краткое Опис. к. печер. лавры, изд. 1791 г., стр. 83—86. Означенное мнѣніе о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ повторялось и въ послѣдующихъ изданіяхъ *Описанія лавры*,—изданіяхъ 1795 г., 1797, 1805—до 1817 г. включительно.

Онъ справедливо замѣчаетъ, что въ 1531 году князь Острожскій не могъ снабдить лавру типографскими принадлежностями, „потому что въ самомъ Острогѣ типографія основана не прежде 1580 года“ (точнѣе нужно было сказать около 1578 г.). Поэтому Амвросій склоняется къ мнѣнію Бакмейстера, считая первою книгою, вышедшею изъ лаврской типографіи *Треѳологіонъ* 1619 года. Авторъ „Исторіи россійской іерархіи“ дѣлаетъ даже попытку (но впрочемъ неудачную) объяснить, какимъ образомъ въ *Краткомъ Описаніи кіево-печерскія лавры* вкралось ошибочное мнѣніе о началѣ типографской дѣятельности въ Кіевѣ; онъ говоритъ, что „можетъ быть сія ошибка выведена изъ книги Тератургимы Афанасія Кальнофойскаго, который на страницѣ 33-й въ надписи Константину князю Острожскому означилъ кончину князя въ 1533 году не справедливо; ибо сей князь скончался въ Кіевѣ къ 1608 году“ [1]). Очевидно Амвросій въ данномъ случаѣ смѣшиваетъ отца съ сыномъ — князя Константина Ивановича Острожскаго съ княземъ Константиномъ Константиновичемъ.

Въ 1813 году появилась первая часть извѣстнаго *Опыта россійской библіографіи* Сопикова. Здѣсь самою раннею книгою, вышедшею изъ кіево-печечерской типографіи, обозначенъ *Канонникъ 1614 года*, съ указаніемъ, что онъ будто-бы находится въ библіотекѣ московской духовной типографіи [2]). Впрочемъ, въ предисловіи къ своему труду, Сопиковъ высказываетъ сомнѣніе въ существованіи означенной книги („не видавъ оной, утверждать не смѣю“) и склоняется къ мнѣнію Бакмейстера и Амвросія, что первенцемъ кіевской типографіи былъ Апѳологіонъ (Треѳологіонъ) 1619 года [3]). Новыхъ данныхъ и соображеній въ подтвержденіе этого мнѣнія Сопиковъ не представляетъ.

Въ сентябрѣ 1825 года Строевъ помѣстилъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* статью о началѣ кіево-печерской типографіи. Сказавши

---

[1]) Истор. росс. іерархіи, ч. II, стр. 30—31. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что въ надгробной надписи Константину Ивановичу Острожскому, помѣщенной у Кальнофойскаго, смерть князя дѣйствительно показана невѣрно, но только съ ошибкою не на $^3/_4$ столѣтія, а всего на три года (см. объ этомъ нашу Замѣтку въ Трудахъ кіев. дух. академіи за 1877 годъ).

[2]) Опытъ росс. библіографіи. ч. I, 120.

[3]) Ibid. LXXIV.

нѣсколько словъ о предшествовавшихъ изслѣдователяхъ, касавшихся этого предмета, онъ говоритъ, что ложное мнѣніе, будто-бы въ 1533 году князь Константинъ Острожскій подарилъ кіево-печерской лаврѣ типографскій снарядъ и буквы, какъ явный анахронизмъ, уже отвергнуто. Но Бакмейстеръ, Амвросій, Сопиковъ, не признававшіе означеннаго мнѣнія и считавшіе первенцемъ кіево-печерской типографіи Анѳологіонъ (Треѳологіонъ), по его мнѣнію, тоже не правы. Въ свою статью Строевъ приноситъ новыя данныя касательно разсматриваемаго вопроса. Онъ во 1-хъ приводитъ выдержку изъ предисловія къ Анѳологіону 1619 года, откуда дѣлаетъ выводъ, „что не князь Константинъ Острожскій, а архимандритъ Елисей Плетенецкій снабдилъ кіево-печерскую лавру типографіею, купивъ книгопечатню умершаго Ѳеодора Юрьевича Балабана, которая до того находилась въ родовомъ его имѣніи Стрятинѣ“, во 2-хъ онъ утверждаетъ, что работа въ перенесенной изъ Стрятина въ кіево-печерскую лавру типографіи началась не въ 1619 году (когда изданъ Анѳологіонъ), а гораздо прежде. „Доказательствомъ этому, говоритъ онъ, служитъ (прежде библіографамъ неизвѣстный) Часословецъ, изданный въ началѣ 1617 года тщаніемъ и попеченіемъ преподобнѣйшаго во отцехъ Куръ Елисея Плетенецкаго. Но Сахаровъ имѣлъ подъ руками дурно сохранившіяся предисловія къ цитуемымъ имъ первопечатнымъ кіевскимъ изданіямъ; поэтому сдѣланныя имъ выдержки изъ сихъ предисловій отрывочны и страдаютъ существенными пропусками. Безъ сомнѣнія, это обстоятельство помѣшало Сахарову высказать опредѣленное мнѣніе о первой книгѣ, вышедшей изъ кіево-печерской лавры“. Дѣлая изъ своихъ изслѣдованій тотъ выводъ, что „въ началѣ втораго десятилѣтія XVII вѣка архимандритъ Елисей Плетенецкій, купивъ уничтоженную стрятинскую типографію, перевезъ ее въ лавру и съ тѣхъ поръ производится тамъ книгопечатаніе“, Строевъ не отрицаетъ того, что первою (или точнѣе одною изъ первыхъ) книгою, вышедшею изъ кіево-печерской типографіи, могъ быть упоминаемый Сопиковымъ Канонникъ 1614 года [1]).

Митрополитъ Евгеній въ своемъ *Описаніи кіево-печерской лавры* (впервые изд. 1826 г.), существенно отличающемся отъ прежнихъ

---

[1]) Московскій Телеграфъ. 1825 г. N XVIII, стр. 122—130.

краткихъ описаній сей обители, о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ старается установить уже вполнѣ опредѣленное мнѣніе. Опровергнувши извѣстное сказаніе о томъ, что „якобы типографія подарена лаврѣ въ 1531 году отъ острожскаго князя Константина Ивановича и съ 1533 до 1706 года якобы производила печатаніе книгъ внѣ лавры противъ николаевского монастыря [1])“, преосвящ. Евгеній говоритъ, что вопросъ о томъ, когда и по какому случаю заведена кіево-печерская типографія и откуда получены первыя буквы и снаряды оной, опредѣленно разрѣшается первопечатными кіевскими изданіями. Къ такимъ изданіямъ, кромѣ упоминаемыхъ Строевымъ Часословца и Анѳологіона, онъ относитъ дотолѣ неизвѣстную брошюру: *Вѣзерунъкъ цнотъ* (образецъ добродѣтелей) *преслѣбнаго въ Бозѣ его милости, господина отца Елисея Плетенецкаго, архимандрита кіевскаго, монастыря печерскаго* и проч., изд. 1618 года. Въ брошюрѣ, по словамъ Евгенія, подобно какъ и въ Анѳологіонѣ, ясно говорится о покупкѣ Плетенецкимъ типографскихъ приборовъ въ Стрятинѣ, по смерти основателя тамошней типографіи шляхтича Ѳедора Юрьевича Балабана. Но существеннымъ дополненіемъ къ изслѣдованіямъ Строева по вопросу о началѣ кіево-печерской типографіи было высказанное преосвящ. Евгеніемъ мнѣніе, что первенцемъ кіевской печати долженъ считаться Часословъ, изд. 1616 года (точнѣе 1617 г.) Мнѣніе это обосновано на предисловіи къ сей книгѣ, гдѣ издатели заявляютъ: „хотящимъ намъ помощію Божіею издаяти свѣту книги, инако не подобаше, только отъ молитвы (т. е. книги молитвеннаго содержанія) начати [2])“.

Мнѣніе митрополита Евгенія было принимаемо всѣми послѣдующими библіографіями—Сахаровымъ, Ундольскимъ, Закревскимъ, Максимовичемъ и проч., и могло считаться уже установившимся въ наукѣ. Но въ 1865 году кіевскій священникъ о. Павелъ Троцкій въ своихъ статьяхъ о кіево-печерской типографіи (пространная статья въ Трудахъ кіев. духов. академіи за 1865 г. № 5—6, и

---

[1]) Къ прежнимъ доказательствамъ несостоятельности означеннаго сказанія Евгеній присоединяетъ еще настольную грамоту московскаго патріарха Іоакима, данную (18 Апрѣля 1688 г.) кіево-печерскому архимандриту Варлааму Ясинскому, гдѣ заведеніе типографіи приписывается арх. Елисею Плетенецкому († 1624 г.).

[2]) Описаніе кіево-печер. лавры. Изд. 1826 г. стр. 55—57.

краткая—въ Кіев. Епарх. Вѣд. 1866 г. № 9). явился защитникомъ отвергнутаго мнѣнія кіевскихъ ученыхъ прошлаго столѣтія по вопросу о первопечатныхъ кіевскихъ изданіяхъ. „Мы должны, говоритъ онъ, оказывать больше и больше вниманія тому давнему преданію о началѣ кіево-печерской лаврской типографіи, которое только въ недавнее время было заподозрѣно въ исторической достовѣрности, именно тому преданію, которое приписываетъ основаніе лаврской типографіи князю Острожскому, въ первой половинѣ XVI вѣка... и если не Константину Ивановичу Острожскому—князю отцу, то очень можетъ быть, что Константину Константиновичу Острожскому—князю сыну, воеводѣ кіевскому". Вообще о Троцкій признаетъ за несомнѣнное, что лаврская типографія восходитъ по времени своего основанія по крайней мѣрѣ къ послѣднимъ годамъ жизни Кенстантина Константиновича Острожскаго († 1608 г.) и не теряетъ надежды, что „современемъ найдутся книги лаврской печати шестнадцатаго столѣтія". Указанный поворотъ къ оправданію древняго (?) преданія о началѣ кіево-печерской типографіи о. Троцкій обосновываетъ на слѣдующихъ данныхъ: во 1-хъ на показаніи Сопиковымъ въ своемъ „Опытѣ росс. библіографіи" Канонника, изд. 1614 г. въ Кіевѣ, и во 2-хъ на старинномъ рукописномъ каталогѣ, имѣющемся въ лаврѣ, гдѣ показаны, между прочимъ, слѣдующія три книги лаврской печати, якобы изданныя ранѣе *Часословца* 1617 года, именно: *Минея общая* 1608 г. (въ 4-хъ экземплярахъ), *Псалтирь* 1609 г. (въ 2-хъ экземпляр.) и *Тріодь постная* 1615 г. Хотя о. Троцкій самъ и не видѣлъ означенныхъ книгъ, но „то обстоятельство, говоритъ онъ, что въ упоминаемомъ каталогѣ книгъ говорится о четырехъ однородныхъ экземплярахъ *общей Минеи* изданія печерской лаврской типографіи 1608 года, меньше всего позволяетъ предполагать со стороны составителя каталога какую нибудь описку, при показаніи года".

Статья о. Троцкаго вызвала не большую замѣтку со стороны М. А. Максимовича, помѣщенную въ Кіев. Епар. Вѣдомостяхъ за 1872 г. [1]). Опытный библіографъ, твердо держась мнѣнія, приуро-

---

[1]) См. также собраніе сочиненій М. А. Максимовича т. III. Кіевъ, 1880 г. стр. 716—722.

чивающаго начало книгопечатанія въ Кіевѣ къ 1616 году, считаетъ выводы о. Троцкаго по поводу означеннаго вопроса недоразумѣніемъ. Онъ говоритъ, что Сопиковъ не выдавалъ существованія Канонника 1614 года за достовѣрное и что ссылка, сдѣланная послѣднимъ на библіотеку московской синодальной типографіи, гдѣ будто бы находилась эта книга, не оправдалась:—Ундольскій заявилъ, что въ означенной библіотекѣ канонника 1614 г. нѣтъ и никогда не было. Относительно же книгъ якобы лаврской печати съ 1608 — 1615 годъ Максимовичъ замѣтилъ, что свѣдѣніе о нихъ, какъ почерпнутое изъ новѣйшихъ [о. Троцкій говоритъ старинныхъ] каталоговъ и не свѣренное съ самими книгами, нельзя признать за вѣское доказательство, могущее пошатнуть мнѣніе, оправданное изслѣдованіями и соображеніями строго научными.

Въ 1877—1879 гг. молодой ученый К. Малевичъ помѣстилъ въ Литовскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ рядъ статей о кіево-печерской обители въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, причемъ одну изъ нихъ исключительно посвятилъ разсмотрѣнію вопроса о началѣ лаврской типографіи. Указавши на болѣе существенныя мнѣнія по этому вопросу [1]), г. Малевичъ вполнѣ согласенъ, подобно Максимовичу, съ выводами преосв. Евгенія, но, основываясь на замѣчаніи послѣдняго, что въ лаврскихъ изданіяхъ съ 1619 года замѣчается шрифтъ острожскій, дополняетъ эти выводы другими предположеніями: „признавая, говоритъ онъ, что печатаніе книгъ началось въ лаврской типографіи не раньше 1616 года, мы однако не можемъ съ точностію опредѣлить времени ея возникновенія... По всей вѣроятности покупка стрятинской типографіи Елисеемъ Плетенецкимъ совершена была въ промежутокъ между 1606 и 1610 гг. Но надо полагать, что купленныя въ Стрятинѣ типографскія орудія оказались неисправными, попорченными и т. п., такъ что на первыхъ порахъ печатаніе книхъ оказалось невозможнымъ. Но

---

[1]) Нужно впрочемъ замѣтить, что г. Малевичъ, равно какъ и большинство нашихъ библіографовъ, при обзорѣ литературы по вопросу о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ не упоминаетъ о предшественникахъ митропол. Евгенія и всецѣло приписываетъ послѣднему всѣ существенныя мнѣнія по означенному вопросу, между тѣмъ преосв. Евгеній, какъ мы видѣли, по крайней мѣрѣ на половину повторялъ сказанное ранѣе его другими изслѣдователями.

вотъ въ 1608 году умираетъ знаменитый ревнитель православія Константинъ Константиновичъ Острожскій. Утвержденная имъ острожская типографія продолжаетъ существовать послѣ его смерти только четыре года, до 1612 г., и (не извѣстно впрочемъ, какимъ путемъ) достается печерской лаврѣ. Доставшіяся изъ Острога типографскія снаряды пополняютъ собою недостатки стрятинской типографіи, и въ лаврѣ начинается книгопечатаніе, но не раньше 1616 г. Причиною этого, безъ сомнѣнія, была трудность и новость дѣла; необходимо было время для того, чтобы правильно устроить типографію и затѣмъ уже пустить ее въ ходъ. Такимъ образомъ, печерская типографія составилась изъ двухъ опустѣвшихъ типографій: стрятинской и острожской" [1]). Затѣмъ, говоря о первопечатныхъ книгахъ, вышедшихъ изъ лаврской типографіи, г. Малевичъ, на ряду съ изданіями церковно-славянскими, указываетъ и на польскія. Относя къ числу такихъ изданій, между прочимъ: Verificatią 1621 г., Justificatyą niewinności 1622 г. и Suplicacią 1623 г., Малевичъ даетъ поводъ думать, что кіево-печерская типографія при самомъ началѣ своего существованія снабжена была и польскимъ шрифтомъ.

Наконецъ, два года тому назадъ Н. А. Гильдебрантъ въ статьѣ, написанной преимущественно по поводу указаннаго изслѣдованія Малевича, является защитникомъ мнѣнія о. Троцкаго, т. е. признаетъ вѣроятнымъ, что начало книгопечатанія въ Кіевѣ относится къ концу XVI столѣтія. Вотъ какими соображеніями подкрѣпляетъ это мнѣніе почтенный библіографъ.

„Прежде, говоритъ онъ, изслѣдователи, признававшіе первенцемъ кіевской печати Часословецъ 1617 г., въ подкрѣпленіе своего мнѣнія (митр. Евгеній), между прочимъ, ссылались на то, что до сихъ поръ неизвѣстно ни одной книги, напечатанной въ кіевской старопечатни ранѣе 1617 г.; но въ настоящее время доводъ этотъ не можетъ быть принятъ за окончательно убѣдительный: Сопиковъ указываетъ въ своемъ каталогѣ на Канонникъ кіевской печати 1614 года, а въ другомъ старинномъ каталогѣ указываются кіев-

---

[1]) Литов. Епарх. Вѣдом. 1879 г. № 4.

скія старопечатныя книги, относящіяся къ 1608 и 1609 годамъ. Правда, указываемыхъ Сопиковымъ (и каталогами—прибавимъ) книгъ никто не видалъ и ни въ какой библіотекѣ ихъ нѣтъ; но отсюда еще не слѣдуетъ и никто не можетъ поручиться, что со временемъ онѣ не откроются, и не только онѣ, но и книги кіевскія ранѣе 1608 года. А почемъ знать: можетъ быть извѣстныя полемическія книги *О крестѣ* и *О пресвятѣй Тройцѣ*, приписываемыя Вильнѣ и 1608 году, принадлежатъ этому-же году, но только не Вильнѣ, а Кіеву? Фактъ общеизвѣстный, что древнія западно-русскія типографіи печатали полемическія книги зачастую безъ года и мѣста выхода, во избѣжаніе преслѣдованій... Въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ въ пользу того, что типографія кіевская основана при Плетенецкомъ приводятъ выдержку изъ предисловія къ Часословцу 1617 года и выводятъ отсюда заключеніе, что это была первая книга, вышедшая изъ кіевской старопечатни. Но это заключеніе не неоспоримо: полемика между православными и римлянами указала на весьма значительные пробѣлы въ православной церковно-богослужебной и учительной литературѣ; на это же самое указывало и православное кіевское общество; почему кіевская старопечатня и взяла на себя трудъ восполнить эти дѣйствительно важные пробѣлы... Во второй и третьей, доселѣ извѣстныхъ книгахъ кіевской печати (*Вѣнцунекъ цнотъ, Анвологіонъ*) упоминается, что Плетенецкій купилъ типографскія принадлежности въ Стрятинѣ, по смерти основателя тамошней типографіи, шляхтича Ѳедора Юрьевича Балабана († 1606 г.). Но отсюда можно сдѣлать такое заключеніе, что Плетенецкій приумножилъ средства кіевской старопечатни, и предложить такой вопросъ: неужели въ теченіи 10 лѣтъ (1606—1616 г.) пріобрѣтенныя Плетенецкимъ типографскія принадлежности изъ Стрятина пребывали въ бездѣйствіи, и особенно въ самый разгаръ литературно-полемической дѣятельности? На этотъ вопросъ ничего не отвѣтили и М. А. Максимовичъ, и Закревскій, раздѣлявшіе мнѣніе Евгенія... Относительно вышеупомянутаго десятилѣтняго промежутка г. К. Малевичъ измышляетъ слѣдующія догадки: „по всей вѣроятности (говоритъ онъ), Плетенецкій купилъ стрятинскую типографію между 1606—1610 г.; но надо полагать, что купленныя типографскія орудія оказались испорченными, неисправными и т. п., такъ что на первыхъ порахъ

печатаніе книгъ оказалось невозможнымъ". А мы думаемъ, что стратинскія орудія были пріобрѣтены въ 1606 году, въ совершенно исправномъ видѣ, и что только книги этого періода (1606—1616 г.) кіевской печати не дошли до насъ, а можетъ быть и дошли, и даже и въ нашихъ рукахъ, но безъ года и мѣста печати".—Сверхъ сказаннаго доселѣ г. Гильдебрантъ признаетъ даже возможнымъ, что кіевская старопечатня была основана еще при предшественникѣ Елисея Плетенецкаго знаменитомъ архимандритѣ Никифорѣ Турѣ. „Существуетъ, говоритъ онъ, извѣстіе, что этотъ Н. Туръ писалъ много сочиненій въ защиту православной церкви, только ни одно изъ нихъ не дошло до насъ; но на этомъ основаніи выводить отсюда заключеніе, что Н. Туръ ничего не писалъ (такъ какъ ничего не дошло) было-бы и опрометчиво и неосновательно [1]).

Таковъ былъ послѣдовательный ходъ мнѣній о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ. Изъ него мы видимъ, что „древнее преданіе", приурочивавшее заведеніе типографіи въ кіево-печерской обители къ первой трети XVI столѣтія, безусловно и весьма основательно отвергается, какъ явный анахронизмъ, почти всѣми библіографами, и въ настоящее время, только вслѣдствіе совершеннаго незнакомства съ научными выводами по данному вопросу, нѣкоторые изслѣдователи еще повторяютъ оное [2]). По этому означенное преданіе (въ первоначальномъ его видѣ) въ дальнѣйшихъ опроверженіяхъ не имѣетъ нужды. Но нуждается въ защитѣ противоположное сему преданію мнѣніе, относящее начало типографской дѣятельности въ Кіевѣ къ 1616 году. Мы видимъ, что за позлѣднее время доводы преосвящ. Евгенія, Максимовича, Закревскаго и друг., приводимыя въ подтвержденіе этого мнѣнія, разшатываются и тѣмъ даннымъ, на которыхъ они обоснованы, дается иная постановка, иное толкованіе, при томъ видимъ, что все это дѣлается учеными, хорошо знакомыми съ древне-славянскою библіографіею, какъ П. А. Гильдебрантъ, и на основаніяхъ, съ перваго взгляда не лишенныхъ значенія... Такимъ образомъ, естественно является требующее разрѣшенія неудоумѣніе: дѣйствительно-ли возраженія нѣкоторыхъ

---

[1]) Древняя и Нов. Россія. 1880 г. № 1, стр. 184—187.

[2]) См. Описаніе славяно-русс. рукописей воскресенскаго монастыря (Чтен. въ импер. общ. истор. и древ. рос. 1871 г., книга 1).

позднѣйшихъ библіографовъ противъ мнѣнія преосв. Евгенія и другихъ солидарныхъ съ нимъ въ данномъ случаѣ ученыхъ о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ составляютъ дальнѣйшій шагъ, служащій къ уясненію означеннаго вопроса, или же онѣ должны быть отнесены къ числу тѣхъ недоразумѣній, которыя только затемняютъ дѣло, мѣшая установиться въ наукѣ вполнѣ опредѣленному взгляду о первопечатныхъ кіевскихъ изданіяхъ?

Чтобы дать удовлетворительный отвѣтъ на поставленный вопросъ, слѣдуетъ, какъ мы замѣтили выше, во первыхъ свести во едино всѣ свѣдѣнія о началѣ типографской дѣятельности въ Кіевѣ, заключающіяся въ первопечатныхъ кіевскихъ изданіяхъ (это тѣмъ болѣе необходимо, что библіографами приводились выдержки не изъ всѣхъ изданій, гдѣ значатся означенныя свѣдѣнія, да и приведенныя выдержки сдѣланы неисправно), и во вторыхъ сдѣлать критическую оцѣнку тѣхъ новыхъ данныхъ, на основаніи которыхъ мнѣніе о Часословцѣ 1616 г., какъ первенцѣ кіево-печерской типографіи, отвергается.

Болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о началѣ типографской дѣятельности въ Кіевѣ находятся въ слѣдующихъ четырехъ первопечатныхъ кіевскихъ изданіяхъ: *Часословцѣ 1617 г., Вѣзерункѣ цнотѣ 1618 г., Анѳологіонѣ 1619 г. и Казаньи на честномъ погребѣ Елисея Плетенецкаго 1625 года.*

Въ предисловіи къ Часословцу 1617 года безличный издатель, отстраняя неумѣстное возраженіе, что такая книга не одинъ разъ и не изъ одной типографіи выходила, и сравнивая молитву (и слѣд. молитвенныя книги) съ пищею и посудою для нея, въ которыхъ потребность никогда не прекращается, а равно указывая на усиленныя просьбы объ изданіи такой книги, дабы удовлетворить спросу на нее въ училищахъ православнаго Кіева и другихъ городовъ,—высказывается далѣе: „однако и прилично было намъ, когда мы возпамѣрились издавать въ свѣтъ книги, начать (и иначе и не приходилось) молитвою, которая всему должна быть началомъ“, а за тѣмъ, прося принять, какъ благословеніе преподобныхъ печерскихъ эту цѣлованія (достойную) книгу, чающую сподобиться вскорѣ облобызанія прочими, и молить Бога, да поспѣшитъ тому, что предпринято имъ на пользу православныхъ церквей, заключаетъ, что „нынѣшнее и дальнѣйшее (еже хощетъ

быти) начинаніе онъ отдаетъ на судъ и исправленіе восточной церкви".

Во второй книгѣ, панегирикѣ въ честь Елисея Плетенецкаго, на ряду съ прочими заслугами, доблестный архимандритъ восхваляется и за основаніе типографіи въ такихъ именно словахъ, обращенныхъ къ почившему:

Бось воскресилъ друкарню припалую пыломъ
Балабана . . . . .
Хотѣлъ и допялесь то, яко не лѣнивый,
По зестю его зъ свѣта, друкарню вскресити,
И презъ выданье книгъ церковь украсити.

Въ предисловіи къ Анѳологіону 1619 г. отъ лица иноковъ кіево-печерской обители, между прочимъ, говорится, что по примѣру „многихъ въ различныхъ родѣхъ (народахъ), и самѣмъ тѣмъ нашемъ Россійстемъ, основавшихъ типографіи, и благочестивый и христолюбивый, блаженныя памяти благородный мужъ, господинъ Ѳеодоръ Юрьевичъ Балабанъ, на Хорохорине, сію сооружи и въ дѣло произведе; сему же тлѣнная на вѣчнаа измѣншу, и блаженныхъ мѣста достигшу и ту *празду* оставльшу, преподобнѣйшій въ отцехъ Куръ Елисей Плетенецкій, волею Божіею архимандритъ монастыря печерскаго кіевскаго, цѣною сребра отъ дому того стяжа сію, и принесе въ обитель святую печерскую". За тѣмъ, послѣ разсказа о совѣщаніи Плетенецкаго съ печерскими иноками, какую первую книгу избрать для напечатанія, и рѣшеніи ихъ предпочесть другимъ *Анѳологіонъ*, въ заключеніе прибавляетъ: „сію найпаче книгу изволися истиннымъ церковникомъ и православія непоколебимымъ исповѣдникомъ *въ правыхъ* церкви напечатати и православнымъ, аще и зѣло обычна и отци преданна и любима, якоже даръ многоцѣненъ хитростію типарскою преподати".

Наконецъ въ „казаніи на честномъ погребѣ Елисея Плетенецкаго" Захарія Копыстенскій, перечисляя заслуги почившаго архимандрита о заведеніи имъ типографіи въ кіево-печерской обители, говоритъ слѣдующее: „напослѣдокъ (похвалимъ почившаго) для старости благословенной, которой въ покою доспѣлъ, якъ Ісаакъ и Іаковъ, такъ, ижъ отъ старости на очи ослабѣлъ. Знашолся въ глубокой и маститой старости, а въ той не прожнюючій, але дѣлаючій былъ. *Въ старости бо вѣмъ и типографію выстановилъ*, зъ которой книги божественныи церковныи и училичныи, за исправ-

леніемъ людей учоныхъ, отъ него же на тое мѣсто зведеныхъ порядне и опвите (обильно), якъ нѣколись людъ зъ коня троянскаго на пораженє невѣрныхъ, албо якъ зъ жродла потоки на обмыте грѣховъ каючимся выходятъ и выплываютъ. До которой и папѣрню (бумажную фабрику) въ Радомыслю, маетности церковной, коштомъ не малымъ, на подивене въ томъ краю, якъ рѣчь не бывалую, выставилъ и поднесъ".

Приведенныя выдержки ясно показываютъ, что начало типографской дѣятельности въ кіево-печерской обители относится ко времени настоятельства здѣсь Елисея Плетенецкаго. Этотъ науколюбивый архимандритъ прямо называется *фундаторомъ лаврской друкарни*, при чемъ изъ разсказа о пріобрѣтеніи имъ типографскихъ принадлежностей изъ Стрятина, очевиднымъ становится, что это пріобрѣтеніе не есть только *пріумноженіе книгопечатни*, прежде до него существовавшей, но есть именно *первое обставленіе ею*. Въ предисловіи къ Анѳологіону ясно различаются заведеніе типографій въ разныхъ странахъ и въ Россіи, заведеніе типографіи Ѳедоромъ Юрьевичемъ Балабаномъ, пріостановка дѣйствій оной за смертію его, покупка, перенесеніе и приведеніе снова въ дѣйствіе Елисеемъ Плетенецкимъ. Зачѣмъ архимандриту совѣщаться съ братіею, какую бы имъ *прѣвѣйшую жить своихъ рукъ*, т. е. какую первую книгу выпустить въ свѣтъ, если бы это дѣло не было новое для нихъ? Нѣкоторыя мѣста приведенныхъ выдержекъ даютъ даже основаніе предполагать, что стрятинская типографія была пріобрѣтена лаврою не тотчасъ, но спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти ея прежняго владѣльца, Ѳедора Юрьевича Балабана (1606 г.). Таково именно то мѣсто въ „казаніи на честный погребъ Е. Плетенецкаго", гдѣ трактуется о заведеніи въ кіево-печерской обители типографіи, какъ о вѣнцѣ многоплодной дѣятельности почившаго архимандрита, именно говорится, что онъ „выставилъ" оную въ *глубокой старости*, въ то время, когда уже и *на очи ослабѣлъ*. Подобныя выраженія едва-ли могли бы имѣть мѣсто въ *казаніи* Конистенскаго, современника и ближайшаго сподвижника Е. Плетенецкаго, если бы покупка послѣднимъ стрятинской типографіи состоялась въ 1606-мъ или ближайшихъ къ оному годахъ, когда Елисей Плетенецкій былъ еще не старъ. Таково другое въ *Вѣзерункѣ иноть* мѣсто, именно то, гдѣ говорится, что Плетенецкій

„воскресилъ друкарню Балабана *припалую пыломъ*“, т. е. покрытую пылью, что даетъ понять, что принадлежности въ той типографіи долгое время оставались безъ употребленія прежде, чѣмъ были пріобрѣтены Плетенецкимъ и если до 1616 г. не началось книгопечатаніе, то причиною этому была неисправность стрятинскихъ типографскихъ орудій. Таково и то мѣсто въ Анѳологіонѣ, гдѣ говорится о совѣщаніи архимандрита съ братіею относительно изданія книгъ. Наконецъ — и это самое главное—въ начальныхъ кіево-печерскихъ изданіяхъ мы видимъ не только стрятинскій шрифтъ, стрятинскія гравюры, но даже мелкія заставки, фигурки и украшенія тѣ-же, что и въ стрятинскихъ изданіяхъ, а въ нѣкоторыхъ книгахъ, напр. Служебникѣ 1620 г., стрятинскій и наборъ. Думаемъ, что не малымъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія о пріобрѣтеніи лаврою стрятинской типографіи не вскорѣ послѣ смерти Ѳ. Балабана, а не за-долго до выхода въ свѣтъ *Часословца* 1617 г. (именно въ концѣ 1615 или началѣ 1616 г.), служитъ и слѣдующій фактъ. Обзаводясь типографіею, Плетенецкій одновременно съ тѣмъ сталъ заботиться о привлеченіи въ Кіевъ людей, свѣдущихъ какъ въ *друкарскомъ художествѣ*, такъ и въ приготовленіи къ печати самыхъ книгъ. Между тѣмъ мы видимъ, что появленіе въ Кіевѣ таковыхъ лицъ падаетъ именно на означенные нами годы. Такъ переходъ изъ Львова въ Кіевъ Тарасія Земки, много потрудившагося въ переводѣ и исправленіи первопечатныхъ кіевскихъ изданій, относится *къ 1615 году;* вызовъ въ кіево-печерскую лавру (тоже изъ Львова) ученаго инока Памва Берынды, „справщика книгъ и типографіи печерской директора“, состоялся въ концѣ 1616 года. По всей вѣроятности, къ этому-же времени должно быть приурочено приглашеніе Плетенецкимъ въ лавру и другихъ сотрудниковъ по изданію книгъ (разумѣемъ Захарію Копыстенскаго и Гавріила Дороѳеевича): по крайней мѣрѣ первоначальныя извѣстія о пребываніи ихъ въ Кіевѣ не восходятъ *ранѣе 1616 года*.

Сдѣлаемъ теперь оцѣнку тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ начало книгопечатанія въ Кіевѣ относится ко времени болѣе раннему, чѣмъ 1616 годъ.

Весьма не высокаго достоинства эти данныя. Что касается до указанія Сопиковымъ на *Канонникъ,* якобы изданный кіево-печерскою

лаврою въ *1614 году,* то, какъ мы видѣли, еще Ундольскій доказалъ ошибочность этого указанія: въ той библіотекѣ, въ которой предполагалось мѣстонахожденіе сей книги, *ея нѣтъ и никогда не было.* По этому, при изслѣдованіяхъ о началѣ типографской дѣятельности въ Кіевѣ, означенный Каноникъ уже давно слѣдовало бы оставить въ покоѣ. По видимому, болѣе важное значеніе имѣютъ ссылки о. Павла Троцкаго на рукописные каталоги нѣкоторыхъ церквей, гдѣ обозначено нѣсколько кіевскихъ изданій, вышедшихъ въ свѣтъ *ранѣе 1616 года.* Но и эти ссылки могутъ имѣть значеніе только для тѣхъ, кто мало знакомъ съ рукописными каталогами (въ особенности старыхъ временъ); лица же имѣвшія дѣло съ подобными каталогами знаютъ, съ какою осторожностію слѣдуетъ относиться къ тѣмъ новымъ свѣдѣніямъ, на которыя вообще не скупятся каталогосоставители. Возьмите почти любой рукописный каталогъ и, при внимательномъ разсмотрѣніи, вы найдете въ немъ не мало ошибокъ. За примѣрами ходить не далеко. Такъ, въ лаврскомъ печерскомъ каталогѣ (въ общемъ составленномъ весьма удовлетворительно) относительно нѣкоторыхъ книгъ, вышедшихъ изъ *виленскихъ типографій* въ концѣ XVI стол., замѣчается, что они *печати кіевской.* Въ каталогѣ кіево-михайловскаго монастыря частенько выходъ и мѣсто изданія старопечатныхъ книгъ перепутаны; такъ, напр., Θρῆνος показанъ вышедшимъ въ свѣтъ въ 1605 году (вмѣсто 1610-го). Встрѣчаются ошибки и болѣе курьезныя. Такъ, напр., *Апокрисисъ* Христофора Филалета обозначенъ (въ томъ же михайловскомъ каталогѣ) изданнымъ *въ Рыхлѣ,* и т. д. Явленіе нерѣдкое, что составители каталоговъ, мало знакомые съ библіографіею, встрѣчая книги безъ опредѣленныхъ датъ или не совсѣмъ хорошо сохранившіяся (безъ начальныхъ листовъ, съ испорченнымъ заглавіемъ и т. п.), обозначали мѣсто и время изданія ихъ по *своему разумѣнію,* при чемъ естественно часто и ошибались. Такъ-то поступилъ и составитель михайловскаго каталога, занося въ оный „*Апокрисисъ*" Филалета, хотя имѣлъ подъ руками и хорошо сохранившійся экземпляръ. Книга эта имѣетъ слѣд. заглавіе: „Апокризисъ альбо отповѣдь на книжки о соборѣ берестейскомъ..., черезъ Христофора Филалета *врихлѣ* дана". Слово: *врихлѣ* значитъ вскорѣ, въ непродолжительное время; составителю же каталога, очевидно, не понимавшему его значенія, показалось, что это должно

быть собственное имя, означающее мѣсто изданія, и вотъ онъ заноситъ въ каталогъ, что книга эта, т. е. Апокрисисъ, *издана* (отпечатана) *въ Рыхлѣ*... Вотъ и является новая, доселѣ міру невѣдомая *друкарня Рыхльская!*.. Составитель лаврскаго каталога имѣлъ подъ руками нѣсколько книгъ конца XVI стол. безъ начальныхъ листовъ и, ни что же сумнясь, относитъ ихъ къ изданіямъ кіево-печерскимъ, хотя для знакомаго съ церковно-славянскою старопечатью принадлежность означенныхъ книгъ къ изданіямъ виленскимъ очевидна съ перваго взгляда. Безъ сомнѣнія, подобнымъ-же образомъ отнесены къ кіевскимъ изданіямъ и тѣ книги, на которыя ссылается о. Троцкій. Уже одно выраженіе въ каталогахъ, что онѣ *печати кіевской*, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ; потому что каталогосоставители употребляли подобныя выраженія *(печати кіевской, печати виленской)* въ тѣхъ только случаяхъ, когда описываемыя ими книги или не имѣли заглавныхъ листовъ, или были крайне испорчены, въ противномъ случаѣ (когда описывались экземпляры хорошо сохранившіеся) въ каталогахъ мѣсто печати всегда обозначалось словами: изд. въ Кіевѣ, изд. въ Вильнѣ, Острогѣ, и т. д. Къ этому не лишнимъ будетъ присовокупить и то, что указываемыя о. Троцкимъ книги хотя и были присланы въ лавру (изъ монастырскихъ церквей) сравнительно въ недавнее время; но теперь ихъ, по его же словамъ, въ лаврской библіотекѣ не находится, между тѣмъ какъ изъ послѣдней не было дѣлаемо отчужденій. Куда же дѣвались поименованныя книги?.. Весьма вѣроятно, что онѣ и теперь находятся въ лаврской библіотекѣ, но только позднѣйшимъ составителемъ каталога отнесены къ другому времени...

Сказанное нами, думаемъ, даетъ полное право признать доводы изслѣдователей, старающихся отнести начало книгопечатанія въ Кіевѣ къ концу XVI или самому началу XVII столѣтій, *несостоятельными*, и *категорически утверждать*, что первыми книгами, вышедшими въ свѣтъ изъ типографіи кіево-печерской лавры были: *Часословецъ* 1617 г., *Вѣзерунокъ цнотъ* 1618 г. и *Анѳологіонъ* 1619 г. Въ этомъ не позволяютъ сомнѣваться приведенныя нами ясныя и положительныя свидѣтельства изъ первопечатныхъ кіевскихъ изданій.

Правда, что въ означенныхъ свидѣтельствахъ встрѣчается нѣкоторое противорѣчіе, подрывающее какъ бы ихъ достовѣрность.

Такъ въ предисловіи къ *Анѳологіону* говорится, что эта именно книга была первою избрана для печати по совѣщанію архимандрита съ братіею, а въ предисловіи къ Часословцу тоже утверждается объ этой послѣдней книгѣ, и дѣйствительно она вышла въ 1617 г., т. е. двумя годами раньше Анѳологіона, и между нею и Анѳологіономъ въ 1618 г. является *Визерунокъ цнотъ...* Но указанное противорѣчіе объясняется просто. Книга Анѳологіонъ очень объемиста,—заключаетъ въ себѣ 1048 стр. убористаго шрифта, потому печатаніе ея могло затянуться года на четыре, въ особенности при тѣхъ исправленіяхъ, которыя признавалось за необходимое сдѣлать въ текстѣ; книга же *Часословецъ* какъ по объему, такъ и по ненадобности исправленій въ текстѣ, требовала для печати весьма немного времени, а между тѣмъ въ ней также чувствовалась большая потребность. Обѣ книги могли быть начаты печатаніемъ почти одновременно, но послѣдняя вышла гораздо раньше первой, при чемъ однимъ и тѣмъ-же издателямъ пришлось объяснять появленіе оной особою въ ней потребностію и просьбою разныхъ лицъ о скорѣйшемъ ея изданіи. Вотъ почему общій братскій приговоръ объ *Анѳологіонѣ*, предназначавшемся быть первенцемъ кіево-печерской типографіи, не могъ быть исполненъ съ буквальною точностію. Вообще же скажемъ, что *хотя по времени выхода въ свѣтъ Часословецъ 1617 года и есть первенецъ кіево-печерской типографіи, но первою книгою, начатою печатаніемъ въ означенной типографіи, былъ Анѳологіонъ, вышедшій въ 1619 году.*

Замѣтимъ въ заключеніе, что напрасно г. Малевичъ относитъ къ числу первыхъ кіевскихъ изданій, кромѣ книгъ церковно-славянскихъ, нѣкоторыя книги на польскомъ языкѣ, каковы: Justificatia niewinności 1621 г., Werificatia niewinności 1621 г., и Supplicacya 1623 г., и тѣмъ дастъ поводъ думать, что Елисей Плетенецкій, купивъ стрятинскую типографію, почти одновременно съ тѣмъ обзавелся и польскимъ шрифтомъ. Въ этомъ случаѣ г. Малевичъ только повторяетъ мнѣніе преосв. Евгенія, который (въ Описаніи кіево-соф. собора) нѣкоторыя изъ означенныхъ польскихъ брошюръ считаетъ изданными въ Кіевѣ. Но мнѣніе это ошибочно. Всѣ поименованныя брошюры вышли изъ типографіи виленскаго православнаго братства. Относительно этого есть положительныя ука-

занія какъ въ самыхъ тѣхъ брошюрахъ [1]), такъ и въ другихъ современныхъ памятникахъ. Что же касается до перваго обзаведенія кіево-печерской типографіи польскимъ шрифтомъ, то оно относится къ первой половинѣ *1633 года,* или къ концу *1632 г.*, слѣдов. ко времени настоятельства въ лаврѣ Петра Могилы. Въ *Евфоніи веселобрмячей,*—панегирикѣ, поднесенномъ Могилѣ кіевскими типографами, по пріѣздѣ его изъ Львова въ санѣ митрополита, новопоставленный іерархъ восхваляется между прочимъ и за то, что его стараніями положено уже начало *польской друкарни.*

„Есть добрый *и польской друкарнѣ початокъ,*
Жебы книгъ было розныхъ въ Парнасѣ достатокъ".

Въ это же время ученики могилянской коллегіи, присоединенной къ богоявленской школѣ, тоже поднесли своему патрону панегирикъ, который напечатанъ былъ уже *на польскомъ языкѣ.* Панегирикъ этотъ (Mnemozyne sławy, prac i trudow przeoświęconego w Bogu Ojcu, Jego Mości... Piotra Mohiły... et caet) и есть *первая книжка,* которою начинается рядъ кіево-печерскихъ изданій на польскомъ языкѣ.

Ст. Т. Голубевъ.

---

[1]) Такъ, напр., въ концѣ Werificatii niewinności прямо говорится, что оно издано w Wilnie, roku 1621.

СОЦИНІАНСТВО

ВЪ ПОЛЬШѢ И ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ. *)

(Окончаніе).

X.

Какъ рано появилось социніанство на Украинѣ, объ этомъ не имѣется опредѣленныхъ свѣдѣній. Имѣя въ виду постоянныя близкія связи между Волынью и Кіевомъ, можно думать, что украинское социніанство возникло одновременно съ волынскимъ. Въ одномъ полемическомъ сочиненіи, изданномъ въ Краковѣ въ 1597 г., авторъ, іезуитъ Жебровскій, говоритъ, между прочимъ, что „излишне охранять границы государства со стороны турокъ, когда новокрещенцы, эти внутренніе турки, осѣли Подгорье и Волынь и уже *досягаютъ самого Кіева* [1]). Припомнимъ, что въ эти годы должность каштеляна кіевскаго занималъ извѣстный уже намъ социніанинъ Иванъ Чапличъ-Шпановскій. Раньше всего социніанство возникло и утвердилось въ той части Украины, которая лежала въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Волынью, именно въ житомирскомъ повѣтѣ. Здѣсь въ концѣ XVI и началѣ XVII в., въ числѣ послѣдователей новой секты, мы встрѣчаемъ дворянина Петра Ивановича *Пересѣкаго*, имѣвшаго въ Житомирѣ домъ и фольварокъ и державшаго въ заставѣ имѣніе подскарбія литовскаго Остафія Тышкевича, с. Янковцы [2]). Находясь въ преклонныхъ лѣтахъ, Пересѣц-

---

*) См. апрѣльскую и майскую книжку «Кіевской Старины» на 1882 г.

[1]) Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce, przez Adama Iochera, t. II, p. 133.

[2]) Житом. уѣзда, при рч. Кодынкѣ.

кій въ 1611 г. внесъ въ гродскія житомирскія книги духовное завѣщаніе, составленное имъ въ духѣ социніанскаго исповѣданія. Въ немъ онъ завѣщалъ своему сыну Андрею похоронить его, по социніанскому обыкновенію, „у садку на фольварку“ и внести отъ его имени „до *збору* (т. е. социніанской общины) *чернеховского* на убозство и потребы зборовые грошей копъ литовскихъ 30, а на зборъ любелский зособна копъ литовскихъ 30“ [1]). Отсюда мы узнаемъ, что уже въ 1611-мъ году въ м. *Черняховѣ* (житом. уѣзда) существовала правильно организованная социніанская община, имѣвшая попеченіе о бѣдныхъ единовѣрцахъ и получавшая на это, а равно и на другія церковныя нужды, матеріальныя пожертвованія со стороны болѣе состоятельныхъ своихъ членовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта община имѣла свой молитвенный домъ и содержала при немъ пастора. Скоро послѣ того м. Черняховъ становится такимъже виднымъ центромъ социніанства на Украинѣ, какимъ былъ Киселинъ на Волыни, а его владѣльцы — паны *Немиричи* являются столь-же ревностными покровителями секты, какъ и волынскіе Чапличи. Немиричи были потомки древней южнорусской фамиліи, владѣвшей громадными имѣніями въ кіевскомъ и волынскомъ воеводствахъ; многіе изъ нихъ извѣстны какъ ревностные защитники православія и члены-основатели церковныхъ братствъ. Первымъ послѣдователемъ и покровителемъ социніанства изъ фамиліи Немиричей является Стефанъ Андреевичъ Немиричъ, подкоморій кіевскій и староста овруцкій, жившій въ первой четверти XVII столѣтія. Онъ состоялъ въ родственныхъ связяхъ почти исключительно съ социніанскими фамиліями: его жена Марта Войнаровская происходила изъ рода украинскихъ дворянъ Войнаровскихъ, послѣдователей социніанской секты; одна изъ его дочерей Катерина была замужемъ за извѣстнымъ уже намъ Павломъ-Крыштофомъ Сенютою-Ляховецкимъ, а другая Елена — за Николаемъ Любенецкимъ, членомъ весьма извѣстной социніанской фамиліи въ люблинскомъ воеводствѣ. Въ политической исторіи Малороссіи Стефанъ Немиричъ извѣстенъ по своему участію въ коммисіи, назначенной польскимъ правительствомъ въ 1625 г. для устройства козаковъ, послѣ пора-

[1]) Книга гродская житомирская 1611 г., № 12, л. 205.

женія ихъ подъ Куруковымъ. Вѣроятно ему была обязана своимъ основаніемъ социніанская община въ Черняховѣ.

У Стефана Немирича было три сына: Юрій, Владиславъ и Стефанъ, съ дѣтства воспитанные въ социніанскихъ вѣрованіяхъ и подобно отцу много сдѣлавшіе для пользы секты. Изъ нихъ старшій, Юрій, впослѣдствіи пріобрѣлъ громкую извѣстность по тому участію, какое онъ принималъ въ политическихъ дѣлахъ Малороссіи при Хмельницкомъ и его преемникѣ. Въ молодости Юрій Немиричъ, какъ кажется, учился въ раковской социніанской академіи, гдѣ сдружился съ внукомъ Фавста Социна Андреемъ *Вишоватымъ*, впослѣдствіи знаменитымъ дѣятелемъ и писателемъ социніанскимъ. Въ 1631 г. Юрій Немиричъ, въ сопровожденіи своего друга Вишоватаго, а также Александра Чаплича, Николая Любенецкаго, Петра Суходольскаго и другихъ товарищей-единовѣрцевъ, предпринялъ путешествіе заграницу для довершенія образованія. Черезъ Данцигъ молодые люди пустились въ Голландію, посѣтили университеты въ Лейденѣ и въ Амстердамѣ и встрѣтились здѣсь съ польскимъ социніаниномъ Христофоромъ Арцишевскимъ, который чуть было не уговорилъ ихъ отправиться въ Америку, чтобы тамъ основать социніанскую колонію. Арцишевскій такъ и поступилъ на самомъ дѣлѣ, а наши путешественники отправились въ Англію, отсюда во Францію, гдѣ въ Парижѣ посѣщали Сорбону и слушали знаменитаго Гуго Гроція [1]). Возвратившись на родину, Юрій Немиричъ заявилъ себя ревностнымъ покровителемъ социніанства и немало способствовалъ распространенію его на Украинѣ. Социніанскіе писатели не находятъ словъ, чтобы достойно восхвалить его заслуги въ отношеніи ихъ секты. Одаренный отъ природы живымъ, энергическимъ характеромъ, владѣя природнымъ умомъ и блестящимъ образованіемъ, къ тому же опираясь на свое положеніе богатаго пана и на свои обширныя связи въ сенатѣ и при дворѣ, Немиричъ явилъ собою образъ могущественнаго патрона социніанской секты, въ родѣ тѣхъ, какимъ былъ когда-то Янъ Кишка для литовскихъ социніанъ, а Юрій Чапличъ для волынскихъ. Онъ сразуже занялъ видное положеніе въ средѣ украинскихъ дворянъ и на

---

[1]) Biblioth. Antitrinitariorum, p. 231—233.

него неоднократно были возлагаемы разнаго рода общественныя и политическія порученія, при исполненіи которыхъ Немиричъ не забывалъ и интересовъ секты. Такъ въ 1637 г. онъ былъ выбранъ депутатомъ отъ воеводства кіевскаго въ люблинскій трибуналъ и, благодаря его стараніямъ, въ это время устроенъ былъ въ Люблинѣ публичный диспутъ между социніанскими учеными, изгнанными отсюда еще въ 1627 году, и іезуитами. Въ слѣдующемъ 1638 году случилась извѣстная раковская катастрофа. Немиричъ, бывшій въ то время депутатомъ на варшавскомъ сеймѣ, при помощи своего друга Андрея Вишоватаго и другихъ единовѣрцевъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы предотвратить ударъ, постигшій тогда раковскую общину, и когда его старанія оказались безуспѣшными, онъ громко протестовалъ противъ нарушенія сеймомъ основныхъ государственныхъ законовъ, обезпечивающихъ свободу религіозныхъ убѣжденій каждаго, и свой протестъ внесъ въ судебныя книги [1]). Послѣ того онъ съ особенною энергіею занялся устройствомъ дѣлъ секты на Украинѣ, и въ то время, когда Чапличи и другіе социніанскіе вожди думали вознаградить на Волыни то, что секта потеряла въ Раковѣ, Немиричъ тоже самое задумалъ на Украинѣ. Оставшись послѣ смерти отца опекуномъ младшихъ братьевъ, онъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ управленіе всѣми многочисленными имѣніями своего рода и имѣлъ возможность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ оказывать помощь и покровительство своимъ единовѣрцамъ. Независимо отъ существовавшей уже въ его родовомъ центрѣ, м. Черняховѣ, социніанской общины, онъ основалъ нѣсколько такихъ же общинъ и въ другихъ своихъ имѣніяхъ на Украинѣ. Послѣ раковскаго разгрома, Немиричъ пріютилъ у себя изгнанныхъ оттуда социніанскихъ пасторовъ и ученыхъ и въ числѣ ихъ—трехъ братьевъ Статоріусовъ или *Стоинскихъ,* изъ коихъ старшій Янъ впослѣдствіи состоялъ пасторомъ въ м. Ляховцахъ у Петра Сенюты и, какъ мы упоминали, былъ приговоренъ трибуналомъ къ лишенію дворянства и инфаміи. Другой Стоинскій, Крыштофъ, съ этого времени надолго остался на службѣ у Немирича и былъ его правой рукою въ устройствѣ дѣлъ секты. За его вѣрную службу Немиричъ по-

---

[1]) Biblioth. Antitrinitariorum, p. 278.

дарилъ ему одно изъ своихъ имѣній—с. Минійки (нынѣ деревня радомысльск. уѣзда). [1])

Были у Немирича и другіе сотрудники въ дѣлѣ распространенія социніанства на Украинѣ и организаціи здѣсь сектантскихъ общинъ. Ближайшимъ изъ нихъ былъ его родственникъ Стефанъ *Войнаровскій*, ловчій воеводства кіевскаго, въ имѣніи котораго м. *Шершняхъ* (радомысльск. уѣзда), принадлежавшемъ раньше Стефану Немиричу и имъ же населенномъ, существовала социніанская община, быть можетъ, основанная еще при прежнемъ владѣльцѣ. Въ то же время проживалъ на Украинѣ человѣкъ, весьма знаменитый въ исторіи социніанской секты, посвятившій всѣ силы свои и способности на служеніе ея интересамъ и окончившій жизнь въ изгнаніи: то былъ нѣкто Самуилъ *Припковскій*. Судя по его дѣятельному участію въ сеймиковыхъ дѣлахъ кіевскаго воеводства, необходимо заключить, что онъ принадлежалъ къ числу дворянъ-обывателей этого воеводства и имѣлъ здѣсь земельную собственность [2]). Самуилъ Припковскій былъ весьма ученый человѣкъ и плодовитѣйшій писатель, оставившій послѣ себя болѣе 50 сочиненій, въ числѣ коихъ встрѣчаются: богословскіе и историческіе трактаты, полемическія статьи, апологіи, біографіи, панегирики, эпитафіи, гимны, элегіи, стихотворные перифразы и проч. [3]). При всемъ разнообразіи формы, сочиненія Припковскаго представляютъ единство въ томъ отношеніи, что всѣ они имѣютъ предметомъ разъясненіе или защиту социніанской секты и ея ученія. Литературная дѣятельность Припковскаго начинается еще съ 1628 г.; въ этомъ году онъ издалъ въ Голландіи, подъ псевдонимомъ Иринея Филалета, свое сочиненіе „De pace et concordia ecclesiae“, вторично напечатанное

---

[1]) Книга гродская житомирская 1646 г., № 17, л. 226.

[2]) Имя Самуила Припковскаго встрѣчается въ числѣ дворянъ воеводства кіевскаго, подписавшихъ въ 1645 г. протестъ противъ постановленій провинціальнаго сейма, бывшаго въ томъ же году въ Житомирѣ. Архивъ югозап. Россіи, часть 2, т. I, стр. 279. Нѣсколько раньше, именно въ 1643 г. мы встрѣчаемъ Припковскаго даже въ роли маршалка или предсѣдателя житомирскаго сеймика. Книга гр. житомирская 1643 г., № 16, л. 9.

[3]) Полный перечень сочиненій Припковскаго см. у Санда, въ Biblioth. Antitrinitariorum, p. 123—126.

въ 1630 г. и скоро послѣ того переведенное на нѣмецкій языкъ. Изъ другихъ сочиненій Припковскаго, написанныхъ имъ, быть можетъ, въ періодъ пребыванія его на Украинѣ, отмѣтимъ слѣдующія: панегирикъ въ честь короля Владислава IV, въ 1633 г.; біографію Фавста Социна, въ 1636 г.; краткое изслѣдованіе о вѣрѣ; „братскую декларацію", обращенную къ польскимъ диссидентамъ, изданную въ 1646 г.; сочиненіе о вредѣ монашества; гимнъ на слова символа апостольскаго, и др. Кромѣ Припковскаго, не чуждъ былъ литературнымъ занятіямъ и самъ могущественный патронъ украинскихъ социніанъ, Юрій Немиричъ: ему приписываютъ сочиненіе, заглавіе котораго социніанскій библіографъ Сандъ передаетъ полатыни: „Periphrasis et paraphrasis Panopliae christianorum", а также *молитвы* и *гимны*, составленные имъ конечно для мѣстныхъ социніанскихъ общинъ и изданные впослѣдствіи въ 1653 году, и другія [1]). Эти факты какъ-бы указываютъ на зарождавшееся въ то время литературное движеніе среди украинскихъ социніанъ, параллельное такому же движенію, возникшему нѣсколько раньше на Волыни.

Въ сороковыхъ годахъ XVII ст. социніанство въ кіевской Украинѣ достигло высшаго своего процвѣтанія. Среди здѣшняго дворянства было такъ много послѣдователей секты, что они иногда одни наполняли собою мѣстные провинціальные сеймы и представляли здѣсь преобладающую партію. О распространеніи социніанскаго ученія въ средѣ другихъ сословій на Украинѣ нельзя сказать ничего опредѣленнаго по недостаточности данныхъ, но можно полагать, что въ числѣ послѣдователей секты были и мѣщане болѣе значительныхъ городовъ и мѣстечекъ: Житомира, Овруча, Черняхова, Шершней и др. О Кіевѣ въ этомъ отношеніи ничего не извѣстно, кромѣ лишь того, что учителямъ и преподавателямъ кіево-могилянской коллегіи въ первые годы ея существованія неоднократно приходилось защищаться отъ подозрѣній не столько въ латинствѣ или уніи, сколько въ кальвинизмѣ и *аріанствѣ*, а однажды, по словамъ тогдашняго префекта коллегіи Сильвестра Коссова, рас-

---

[1]) Bibliotheca Antitrinitariorum, p. 145. Ниже мы будемъ имѣть поводъ назвать и остальныя сочиненія Немирича.

пущенная кѣмъ-то клевета въ этомъ смыслѣ возбудила столь грозное движеніе среди кіевскихъ мѣщанъ и козаковъ, что члены ученой коллегіи, „исповѣдавшись, только и ждали, что вотъ начнутъ ими начинять желудки днѣпровскихъ осетровъ, или одного огнемъ, другаго мечемъ отправятъ на тотъ свѣтъ“ [1]). Социніанство было настолько замѣтнымъ явленіемъ въ тогдашней общественной жизни на Украинѣ, что толки и сужденія о немъ составляли предметъ обычныхъ разговоровъ въ обществѣ. При этомъ часто возникали жаркіе споры, приводившіе къ ссорамъ и дракамъ, а иногда подобные диспуты оканчивались даже убійствомъ. Такъ, въ актовыхъ книгахъ подъ 1643 г. встрѣчается жалоба дворянъ-католиковъ Яна и Мартына Крентовскихъ на дворянъ Яна и Якуба Богуцкихъ о томъ, что когда братъ жалобщиковъ Николай былъ однажды въ гостяхъ въ домѣ Богуцкихъ въ с. Некрашахъ [2]), то хозяева между прочимъ завели разговоръ о сектѣ социніанской, при чемъ они усердно хвалили ее, доказывали ея превосходство предъ католической религіей и въ неприлично-кощунственныхъ выраженіяхъ порицали послѣднюю. Крентовскій въ свою очередь старался защитить свое исповѣданіе и наконецъ, не желая слышать богохульныхъ рѣчей хозяевъ, хотѣлъ было уйти изъ дома; но тутъ споръ достигъ крайней степени горячности и неожиданно перешелъ въ ссору и драку. Хозяева схватились за сабли, крикнули на помощь своихъ слугъ и такъ жестоко избили и поранили своего гостя, что онъ черезъ недѣлю умеръ [3]). Подобные случаи естественно порождали въ католической средѣ извѣстное раздраженіе противъ социніанъ и давали поводъ католическому духовенству возбудить преслѣдованіе ихъ, что́ скоро и случилось на самомъ дѣлѣ.

Тѣмъ временемъ на помощь украинской группѣ социніанъ явился новый дѣятель, пріобрѣвшій громкую извѣстность на поприщѣ миссіонерской дѣятельности по распространенію социніанства и считавшійся однимъ изъ ученѣйшихъ представителей секты: то былъ извѣстный уже намъ Андрей Вишоватый, назначенный теперь,

---

[1]) Исторія русской церкви, митроп. Макарія, т. XI, стр. 490—491.

[2]) Нынѣ Некраши—деревня кіевскаго уѣзда, около м. Ясногородки.

[3]) Книга гродск. житомирская 1643 г., № 16, л. 192.

по опредѣленію церковно-социніанскаго синода, главнымъ пасторомъ социніанскихъ общинъ на Украинѣ. Въ 1643 году онъ прибылъ на мѣсто новаго своего назначенія и первоначально поселился въ м. Шершняхъ, у Стефана Войнаровскаго. Между тѣмъ Вишоватаго давно уже звалъ къ себѣ другъ его молодости и спутникъ въ заграничномъ путешествіи, Юрій Немиричъ, и теперь нетерпѣливо желалъ видѣться съ нимъ. Въ эту минуту онъ отправлялся въ свои Орельскія имѣнія, куда пригласилъ съ собою и Вишоватаго. Переправляясь съ нимъ черезъ Днѣпръ, онъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: „преданіе гласитъ, что соименный тебѣ св. апостолъ Андрей проповѣдывалъ въ этихъ странахъ евангеліе скиѳамъ и сосѣднимъ народамъ. Иди и ты со мной въ эти страны и дѣлай тоже“ [1]). Не извѣстно, дѣйствительно-ли Вишоватый проповѣдывалъ въ лѣвобережной Малороссіи социніанское евангеліе, но въ кіевской Украинѣ онъ оставался не долго: въ слѣдующемъ же 1644 г. онъ получилъ новое назначеніе—обозрѣть социніанскія общины на Волыни. Здѣсь оставался онъ до 1648 года и проживалъ попеременно въ Киселинѣ, Бересцкѣ, Галичанахъ, Иваничахъ и другихъ мѣстахъ, утѣшая и ободряя своихъ единовѣрцевъ, которые именно въ эти годы подвергались самымъ упорнымъ преслѣдованіямъ со стороны католическаго духовенства. Самъ Вишоватый однажды былъ позванъ на судъ за то, что публично совершилъ богослуженіе въ м. Рафаловкѣ, и чуть было не подвергся декрету банниціи, т. е. изгнанія изъ отечества. Въ это же время онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью бересцскаго социніанскаго пастора Александрой Рупневской, сестра которой была замужемъ за волынскимъ социніаниномъ Адамомъ Гулевичемъ-Воютинскимъ. Свадьба была отпразднована въ с. Галичанахъ, въ домѣ Александра Чаплича, причемъ, по словамъ біографа Вишоватаго, было совершено нѣчто въ родѣ вѣнчанья „по обычному священному обряду церкви“, изъ чего можно заключить, что у социніанъ существовалъ какой-то особый вѣнчальный обрядъ. Въ слѣдующемъ 1649 г. Вишоватый былъ назначенъ главнымъ пасторомъ въ люблинской области.

Одновременно съ удаленіемъ Вишоватаго изъ Украины для здѣшнихъ социніанъ наступила тревожная пора. Ярые католики

---

[1]) Biblioth. Antitrinitariorum, p. 236.

давно уже съ неудовольствіемъ смотрѣли на возраставшее преуспѣяніе секты на Украинѣ и съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ относились къ главному патрону ея Юрію Немиричу. Когда въ началѣ 1640-хъ годовъ Немиричъ началъ хлопотать о предоставленіи ему должности кіевскаго подкоморія, противъ него выступили съ открытымъ протестомъ кіевскій бискупъ Александръ Соколовскій и извѣстный своею фанатическою нетерпимостью воевода кіевскій и староста житомирскій Янъ Тышкевичъ и во имя интересовъ католической церкви настаивали, чтобы урядъ подкоморія не достался явному безбожнику-аріанину. Король, однако, не уважилъ ихъ настояній и предоставилъ Немиричу просимую должность, хотя послѣдній при этомъ будто-бы далъ обѣщаніе принять католичество. По существовавшимъ обычаямъ Немиричъ обязанъ былъ принести торжественную присягу на новую должность въ засѣданіи кіевскаго земскаго суда; вмѣсто того онъ предпочелъ исполнить этотъ обрядъ въ Житомирѣ, въ отсутствіе старосты, во время засѣданія тамъ реляціоннаго сеймика, который состоялъ почти изъ однихъ социніанъ и предсѣдателемъ или маршалкомъ котораго былъ извѣстный Самуилъ Припковскій. Сознавая себя въ обществѣ друзей, Немиричъ позволилъ себѣ при этомъ легкомысленную выходку, которая впослѣдствіи причинила ему много хлопотъ. Когда кто-то изъ присутствовавшихъ на сеймикѣ замѣтилъ ему: какъ-же это онъ, будучи социніаниномъ, станетъ присягать по обычной формулѣ во имя св. Тройцы?—то Немиричъ, въ слухъ цѣлаго сеймика, произнесъ будто-бы слѣдующій богохульный каламбуръ: что для достиженія своей цѣли онъ готовъ охотно поклясться не только тройкой, но хотя-бы и четверкой. Объ этомъ немедленно донесли старостѣ Тышкевичу, который тотчасъ опротестовалъ поступокъ Немирича и потребовалъ, чтобы его протестъ былъ внесенъ въ акты сеймиковые. Маршалокъ сеймика Припковскій отказался исполнить требованіе старосты. Тогда Тышкевичъ обратился съ жалобой на Немирича и на Припковскаго въ люблинскій трибуналъ [1]). Туда-же представилъ онъ и какое-то сочиненіе Немирича, ходившее по рукамъ на Украинѣ и заключавшее въ себѣ какія-то страшныя бого-

---

[1]) См. жалобу Тышкевича въ гродск. житомирской книгѣ 1643 г., № 16, л. 9.

хульства („скриптъ блюзнерства страшливого противко Пану Богу пелный"). Трибуналъ отнесся къ этому дѣлу весьма серьезно и поручилъ кіевскому бискупу строго разслѣдовать его. Немиричъ понялъ всю опасность своего положенія и при посредствѣ своего родственника, короннаго референдарія ксендза Вацлава Лещинскаго, поспѣшилъ расположить въ свою пользу бискупа-слѣдователя: онъ удовлетворилъ какія-то давнія его претензіи и подалъ ему надежду на счетъ своего перехода въ католичество. Задобренный этимъ бискупъ Соколовскій представилъ въ трибуналъ и къ королю рѣшительный отзывъ въ пользу невиновности Немирича въ взводимыхъ противъ него обвиненіяхъ. Онъ совсѣмъ отвергалъ фактъ произнесенія будто-бы Немиричемъ богохульныхъ словъ о св. Тройцѣ; относительно же написаннаго имъ сочиненія бискупъ высказалъ такое мнѣніе, что Немиричъ составилъ это сочиненіе безъ всякаго умысла оскорбить католическую религію, а единственно съ тою цѣлью, чтобы узнать, чѣмъ могутъ быть опровергнуты со стороны католическихъ богослововъ подобныя еретическія заблужденія [1]). Отзывомъ этимъ Немиричъ былъ избавленъ отъ большой бѣды, къ великому неудовольствію его противника Яна Тышкевича, который не стѣснялся явно поносить бискупа за его якобы человѣкоугодничество и недостатокъ ревности къ славѣ Божіей. Менѣе благопріятный исходъ имѣло для Немирича другое дѣло. Одновременно съ обвиненіемъ въ богохульствѣ онъ позванъ былъ къ суду за укрывательство изгнанныхъ изъ Ракова пасторовъ и ученыхъ социніанскихъ, трехъ братьевъ Стоинскихъ, а также за устройство новыхъ социніанскихъ общинъ въ его имѣніяхъ, въ староствѣ житомирскомъ, и вообще за пропаганду ереси. Обвинителями въ этомъ дѣлѣ выступили: плебанъ житомирскій, ксендзъ Себастіанъ Жебровичъ и дворяне Николай Вышпольскій и Крыштофъ Унитовскій, но нѣтъ сомнѣнія, что главная пружина настоящаго процесса находилась въ рукахъ того же Тышкевича, старосты житомирскаго. Вмѣстѣ съ Немиричемъ были позваны къ суду и братья Стоинскіе, изъ коихъ старшій Янъ немедленно укрылся въ Ляховцахъ, гдѣ

---

[1]) См. письма къ Немиричу кіевскаго бискупа Соколовскаго и референдарія Лещинскаго—книга гродск. луцкая 1643 г., № 2160, л. 533 и 535.

однако, какъ мы упоминали, онъ не миновалъ бѣды, а два другіе принуждены были искать безопасности въ иныхъ мѣстахъ. Дѣло первоначально разбиралось въ іюлѣ 1643 г. въ кіевскомъ гродскомъ судѣ, но не было здѣсь окончено и поступило на рѣшеніе люблинскаго трибунала. Въ качествѣ свидѣтелей по этому дѣлу было вызвано въ судъ болѣе сорока человѣкъ мѣстныхъ дворянъ, между которыми немало находилось и социніанъ. Отъ строгости трибунальскаго суда не спасли Немирича ни могущественныя связи его въ сенатѣ и при дворѣ, ни даже личная расположенность къ нему самого короля Владислава, и въ 1646 г. Юрій Немиричъ былъ приговоренъ къ уплатѣ штрафа въ 10,000 червонцевъ и къ закрытію сектантскихъ общинъ въ своихъ имѣніяхъ [1]). Объ этомъ штрафѣ польскіе диссиденты вспомнили на варшавскомъ сеймѣ 1647 года, когда жаловались правительству на претерпѣваемыя ими религіозныя преслѣдованія.

Въ тоже самое время въ Варшавѣ произошло событіе, нанесшее социніанской сектѣ въ цѣлой Польшѣ новый тяжкій ударъ. Въ началѣ 1640-хъ годовъ однимъ изъ ученѣйшихъ социніанскихъ представителей, бывшимъ когда-то учителемъ раковской академіи, Іоной Шлихтингомъ, была издана новая символическая книга: „Confessio fidei christianae“, заключавшая въ себѣ самое полное и точное изложеніе ученія секты, выраженное преимущественно въ текстахъ св. писанія. Социніане многаго ожидали отъ этой книги и потому разомъ издали ее на нѣсколькихъ языкахъ. Дѣйствительно, конфессія Шлихтинга имѣла большой успѣхъ и въ огромномъ числѣ экземпляровъ стала расходиться по всей Польшѣ и соблазняла многихъ. Между прочимъ, есть извѣстіе, что она сильно распространена была на Волыни и Украинѣ, „къ великой опасности для душъ христіанскихъ [2])“. Этого не могло простить автору католическое духовенство, и въ 1647 году конфессія Шлихтинга, по опредѣленію сейма, была сожжена въ Варшавѣ публично рукою палача, а бѣжавшій заграницу авторъ ея заочно приговоренъ былъ къ ли-

---

[1]) Книга гродск. житомирская 1643 г., № 16, л. 31—35 и 45—46. Dzieje kościołow wyznania helweckiego w Małej Polsce, p. 285.

[2]) Свидѣтельство іезуита Николая Циховскаго, неоднократно полемизировавшаго съ Шлихтингомъ по поводу его конфессіи—Iocher, т. II, стр. 535.

шенію чести и конфискаціи имущества. Вмѣстѣ съ этимъ послѣдовалъ сеймовый декретъ о закрытіи въ цѣлой Польшѣ социніанскихъ школъ и типографій и о запрещеніи всѣхъ напечатанныхъ уже социніанскихъ сочиненій, при чемъ объявлялось, что всякій, кто будетъ уличенъ въ печатаніи, распространеніи и даже храненіи у себя подобныхъ книгъ, подвергнется изгнанію изъ государства и конфискаціи имущества [1]). Этотъ декретъ грозилъ социніанамъ весьма тяжкими послѣдствіями и давалъ въ руки ихъ враговъ новое страшное противъ нихъ оружіе, но на первыхъ порахъ ни на Волыни, ни въ Украинѣ дѣйствіе его не было ощутительно. Не знаемъ, было-ли исполнено въ точности Немиричемъ трибунальское постановленіе относительно закрытія социніанскихъ общинъ въ м. Черняховѣ и другихъ его имѣніяхъ; но знаемъ, что одинъ изъ Стоинскихъ (Крыштофъ) скоро снова появляется на Украинѣ и даже предпринимаетъ въ 1646 г. наѣздъ на имѣніе подстаросты житомирскаго Крыштофа Цисовскаго [2]), а въ 1648 г. мы встрѣчаемъ его состоящимъ на службѣ у Стефана Немирича, съ которымъ онъ разъѣзжаетъ на Волыни и отнимаетъ чужія имѣнія [3]). У самого Юрія Немирича съ 1647 г. появляется на службѣ новое лице изъ числа родственниковъ Вишоватаго, какой-то дворянинъ Венедиктъ Вишоватый [4]). Очевидно, что сеймовые и трибунальскіе декреты не очень-то переполошили социніанъ на Волыни и Украинѣ и они вовсе и не думали слагать оружіе. А между тѣмъ дни существованія здѣсь секты были уже сочтены, хотя этого не могли предвидѣть и сами враги ея, жаждавшіе ея гибели. Они обращали очи свои къ Варшавѣ и Люблину и ждали, что оттуда прійдетъ когда-нибудь гибель ихъ противниковъ; но она пришла совсѣмъ не оттуда и раньше, чѣмъ они надѣялись. Тамъ, на далекихъ порогахъ днѣпровскихъ да въ глухихъ селахъ и хуторахъ Украины, таилась и тлѣла искра гнѣва и мести всенародной, разомъ вспых-

---

[1]) Дневникъ Стан. Освѣцима—рукописное отдѣленіе института имени Оссолинскихъ въ Львовѣ, № 224, стр. 978—979.

[2]) Книга гродск. житом. 1646 г., № 17, л. 226.

[3]) Кн. гродск. луцкая, № 2951, л, 157.

[4]) Книга гр. житом. 1650 г., № 19, л. 595.

нувшая страшнымъ пожаромъ по всему лицу земли южнорусской, потрясшимъ до основанія государственное зданіе шляхетско-католической Польши. Катастрофа эта была направлена отнюдь не противъ социніанъ, а именно противъ ихъ же враговъ; но случилось такъ, что въ пламени вызваннаго ею разгара народныхъ страстей южнорусское социніанство нашло свое конечное аутодафе: ибо, какъ мѣтко выразился самъ вождь возставшаго тогда украинскаго народа, „при сухихъ дровахъ горятъ и сырыя".

XI.

Лишь только распространилась вѣсть о пораженіи поляковъ на Жовтыхъ-Водахъ и особенно подъ Корсунемъ, народное возстаніе разомъ охватило всю Украину, Волынь, Подолье и Червоную Русь и даже отозвалось въ далекой Бѣлоруссіи. Все, что находилось здѣсь не русскаго и не православнаго, или вѣрнѣе—все, что стояло въ общественномъ положеніи надъ массой народной — все это объято было паническимъ страхомъ и бѣжало безъ оглядки въ предѣлы коренной Польши и Литвы. Южнорусскіе социніане, наравнѣ съ дворянами другихъ исповѣданій (не исключая и православнаго), также спасались бѣгствомъ и наравнѣ съ ними же погибали отъ козацкихъ рукъ. Особенно много ихъ погибло при осадѣ и взятіи Хмельницкимъ Староконстантинова, куда укрылись было, въ числѣ другой шляхты, и социніане, бѣжавшіе изъ Украины. Такому же разгрому подверглись и болѣе отдаленныя социніанскія общины въ коренныхъ польскихъ областяхъ: люблинской и сандомирской, откуда въ числѣ другихъ бѣжалъ на границы Пруссіи и Андрей Вишоватый. Біографъ его передаетъ ходившій тогда слухъ, будто козаки съ особенною жестокостью расправлялись съ социніанами изъ-за ихъ вѣроисповѣднаго различія съ ними [1]); а одинъ изъ современныхъ изслѣдователей готовъ объяснять такое поведеніе козаковъ тѣмъ, что они видѣли въ социніанахъ „ересиковъ-аріанъ, иконоборцевъ, нехристей" [2]). Мы не находимъ возможнымъ ни до-

---

[1]) Cosacci... imprimis in arianos (ut audiunt) ob religionem eis invisos saevientes. Biblioth. Antitrinit., p. 241.

[2]) Труды кіевск. дух. академіи, 1876 г., статья: «Подложное письмо половца И. Смеры къ князю Владиміру».

пустить вѣрности передаваемаго слуха, ни тѣмъ болѣе согласиться съ его объясненіемъ. То несомнѣнно, что возставшіе крестьяне и козаки не давали пощады социніанамъ, если послѣдніе попадались имъ въ руки; но они поступали такъ не вслѣдствіе какого-то предрасчитаннаго противъ нихъ озлобленія, а просто потому, что не отличали ихъ отъ массы другихъ польскихъ или ополяченныхъ шляхтичей, каковыми большинство южнорусскихъ социніанъ были и на самомъ дѣлѣ. Если уже *православные* южнорусскіе дворяне бросали все и бѣжали предъ лицомъ возставшаго народа, то о другихъ и говорить нечего. Ясно, что въ сознаніи и дѣйствіяхъ тогдашней массы народной соціально-экономическій мотивъ преобладалъ надъ всѣми другими; о вѣроисповѣдномъ же отличіи социніанской шляхты возставшіе едвали даже имѣли ясное понятіе. Да и послѣдующіе социніанскіе писатели ни однимъ словомъ не жалуются на южнорусскихъ людей, какъ на гонителей ихъ секты и агитаторовъ народной или правительственной расправы надъ нею; напротивъ, они постоянно заступаются за православныхъ и въ войнахъ Хмельницкаго, сопровождавшихся столькими несчастіями для самихъ же социніанъ, видятъ справедливое отмщеніе Польшѣ за нарушеніе ею законовъ, попраніе гражданскихъ и религіозныхъ правъ и посягательство на свободу вѣры. Какъ бы то ни было, но всѣ социніанскія общины были сметены съ лица южной Руси козацкимъ движеніемъ и уже никогда болѣе не возстановлялись въ ней. Поэтому намъ остается лишь прослѣдить судьбу отдѣльныхъ лицъ изъ числа наиболѣе видныхъ представителей южнорусскаго социніанства. Первое мѣсто между ними должно быть отведено высоко-интересной личности кіевскаго подкоморія Юрія Немирича, дальнѣйшая судьба котораго не лишена извѣстнаго рода драматизма.

Когда Хмельницкій, по разбитіи польскаго ополченія подъ Пилявцами, осенью 1648 г. двинулся къ Львову и занялся осадой Замостья, южнорусскіе дворяне стали понемногу возвращаться въ свои имѣнія и занялись приведеніемъ въ извѣстность понесенныхъ ими потерь. Въ числѣ первыхъ возвратившихся былъ и Юрій Немиричъ, при которомъ мы по прежнему встрѣчаемъ, въ качествѣ его слугъ, Крыштофа Стоинскаго и Венедикта Вишоватаго. Но теперь Немиричу некогда было заниматься дѣлами секты: онъ по-

спѣшно организовалъ военный отрядъ и выступилъ съ нимъ противъ козаковъ. Въ Варшавѣ разнеслись слухи, будто Немиричъ соединился съ Хмельницкимъ и передалъ ему тайное порученіе отъ королевича Яна-Казимира содѣйствовать избранію его въ короли, за что послѣдній обѣщалъ удовлетворить требованія козаковъ; говорили даже, будто Хмельницкій сдѣлалъ Немирича своимъ „найвысшимъ писаремъ". Слухи эти интересны единственно въ томъ отношеніи, что показываютъ, какъ подозрительно относились поляки къ Немиричу за его антирелигіозныя и (какъ ниже увидимъ) республиканскія убѣжденія. Въ дѣйствительности же Немиричъ усердно защищалъ свое отечество и, надо думать, обнаружилъ при этомъ значительныя военныя дарованія, потому что когда въ началѣ слѣдующаго года дворяне кіевскаго и волынскаго воеводствъ собрали ополченіе съ цѣлью защиты ихъ со стороны козаковъ и взбунтовавшихся крестьянъ, то генеральнымъ полковникомъ этого ополченія единогласно былъ избранъ Немиричъ; а два года спустя кіевскіе дворяне ходатайствовали на сеймѣ предъ королемъ о награжденіи Немирича, „который, по ихъ словамъ, всегда съ великой похвалой выступалъ на защиту отечества и много потратилъ на то изъ своего состоянія" [1]). Но въ 1655—57 гг., когда шведы вторглись въ самую глубь королевства польскаго и заняли обѣ столицы, для Польши наступили столь тяжкія времена, что самые, по видимому, преданные сыны ея отчаивались въ спасеніи своего отечества и одинъ за другимъ переходили на сторону шведовъ, безъ боя сдавая имъ города и цѣлыя провинціи. Для протестантовъ и социніанъ, противъ которыхъ въ то время католическое духовенство поднимало толпы городской черни, разжигая въ ней фанатическій энтузіазмъ и благословляя ее на грабежъ имущества еретиковъ, не оставалось никакихъ побужденій защищать католическую Польшу и они толпами передавались шведскому королю Карлу X, ища у у него защиты противъ фанатиковъ. Изъ числа южнорусскихъ социніанъ, передавшихся тогда на сторону шведовъ, сами социніанскіе писатели называютъ: на Волыни — извѣстнаго намъ киселинскаго патрона Александра Чаплича и какого-то Андрея Братков-

---

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи, часть 2, т. I, стр. 357.

скаго, а на Украинѣ—кіевскаго подкоморія Юрія Немирича и его младшаго брата Стефана, занимавшаго въ то время должность подчашія кіевскаго [1]). Вѣроятно, въ это именно время Юрій Немиричъ присоединился къ Хмельницкому, съ которымъ тогда находился въ союзническихъ отношеніяхъ шведскій король, начавшій, какъ извѣстно, по его иниціативѣ войну съ поляками; по крайней мѣрѣ впослѣдствіи сами козаки, на запросъ московскаго правительства, показывали, что Немиричъ вступилъ въ запорожское войско еще при Богданѣ Хмельницкомъ, а социніанскіе писатели передаютъ, будто гетманъ сдѣлалъ его даже козацкимъ полковникомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что знатное имя, блестящая образованность и извѣстная опытность Немирича въ веденіи политическихъ дѣлъ сразу же доставили ему видное положеніе среди козацкой старшины, окружавшей гетмана, и Хмельницкій, вѣроятно, не разъ пользовался его услугами (напр. при дипломатическихъ сношеніяхъ съ шведскимъ королемъ), за которыя онъ подтвердилъ его прежнія владѣльческія права на имѣнія въ полтавскомъ полку, по р.р. Ворсклу и Орели. Но въ болѣе видной политической роли Немиричъ выступаетъ въ гетманство преемника Хмельницкаго, Ивана Выговскаго. Еще при Хмельницкомъ среди козацкой старшины и приставшихъ къ козацкому войску православныхъ дворянъ усилилась партія автономистовъ, стремившихся къ образованію изъ Малороссіи самостоятельнаго государства. Представителемъ этой партіи, пытавшимся на дѣлѣ осуществить ея стремленія, былъ самъ Выговскій, но душей этой партіи и творцемъ ея политической программы слѣдуетъ по всей справедливости считать Юрія Немирича, бывшаго правой рукой Выговскаго. Еще въ бытность свою въ Голландіи онъ усвоилъ тамошнія республиканскія понятія, составилъ себѣ идеалъ федеративнаго союза республикъ и теперь задумалъ примѣнить его къ своему новому отечеству. Полнымъ выраженіемъ этого идеала могутъ служить условія Гадячскаго договора Выговскаго съ Польшей въ 1658 г., составленныя самимъ Немиричемъ. По смыслу этого договора, Малороссія соединялась съ Польшею на правахъ самобытнаго государства подъ названіемъ „Великаго Княжества

---

[1]) Biblioth. Antitrinitariorum. p. 291.

Русскаго", долженствовавшаго имѣть свой верховный трибуналъ, своихъ государственныхъ сановниковъ, свое казначейство, свою монету и свое войско. Въ этомъ княжествѣ проэктировались двѣ академіи съ университетскими правами—въ Кіевѣ и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ окажется удобнымъ,—множество другихъ школъ съ свободнымъ преподаваніемъ и совершенно вольное книгопечатаніе. Со всею страстностью своей склонной къ увлеченіямъ натуры Немиричъ занялся осуществленіемъ этого грандіознаго политическаго проэкта и среди новыхъ заботъ совсѣмъ позабылъ о своихъ прежнихъ сектантскихъ увлеченіяхъ. Самъ онъ давно уже принялъ вѣру своихъ предковъ—православіе [1]), конечно съ цѣлію полной, такъ сказать, натурализаціи въ новомъ отечествѣ, и даже задумалъ призвать на служеніе ему прежнихъ своихъ единовѣрцевъ, тѣснимыхъ тогда въ Польшѣ. Въ этихъ видахъ онъ составилъ особое воззваніе, адресованное ко всѣмъ польскимъ диссидентамъ и преимущественно къ социніанамъ, въ которомъ убѣждалъ ихъ обратиться въ лоно православной церкви, чтобы тѣмъ самымъ слиться съ вольнымъ козацкимъ народомъ и войти въ составъ добрыхъ гражданъ „Великаго Княжества Русскаго". Можно полагать, что это воззваніе нѣкогда знаменитаго социніанскаго дѣятеля произвело въ средѣ социніанъ сильное впечатлѣніе, если такой авторитетный между сектантами человѣкъ, какъ извѣстный намъ Самуилъ Приповскій, проживавшій тогда въ Пруссіи изгнанникомъ, нашелся вынужден-

---

[1]) Память о принадлежности Немирича къ социніанской сектѣ не скоро была забыта въ Малороссіи и даже перешла въ Москву, хотя уже въ извращенномъ видѣ. Въ началѣ гетманства Выговскаго, когда личность Немирича стала замѣтно выдѣляться на политическомъ поприщѣ въ Украинѣ, московское правительство обратилось къ гетманскимъ посламъ съ запросомъ: «Кто у нихъ въ войску *люторъ* Юрьи Немиричъ, и для чего гетманъ подавалъ ему городы: Кременчукъ, Переволочно, Кишеньку, Кобелякъ, Бѣлики, Санжаровъ, и сколь давно ему гетманъ тѣ городы далъ, и для чего лютровъ при войску держитъ?... И посланцы говорили: есть-де у нихъ въ войску люторъ Юрьи Немиричъ, а пришолъ въ войско еще при небожщикѣ при прежнемъ гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ, а нынѣшній гетманъ ему тѣхъ городовъ не давывалъ... а называлъ онъ тѣ городы прежними своими надаными маетностями и хотѣлъ о тѣхъ городахъ бити челомъ великому государю»... На это послѣдовало замѣчаніе: «и гетману того лютра въ войску не держать... и говорить, чтобъ онъ его изъ войска выслалъ». Акты ю. и з. Россіи, т. VII, стр. 204—205.

нымъ обнародовать свой отвѣтъ на воззваніе Немирича [1]). Но послѣднему некогда было вступать въ полемику съ социніанскими богословами: весной 1659 г. онъ спѣшилъ съ козацкими послами въ Варшаву на сеймъ, созванный для подтвержденія договора Гадячскаго. Здѣсь Немиричъ произнесъ большую рѣчь, о которой социніанскій библіографъ упоминаетъ въ числѣ другихъ его сочиненій. Договоръ былъ утвержденъ; король ласково принялъ Немирича и, по ходатайству Выговскаго, выдалъ ему привиллегію на должность канцлера „Великаго Княжества Русскаго". Но самое-то „княжество" оказалось блестящимъ проэктомъ, не легко осуществимымъ въ дѣйствительности: лишь только въ Малороссіи узнали о совершившемся союзѣ Выговскаго съ Польшею, народъ поднялъ возстаніе и принялся избивать стоявшіе на Украинѣ польскіе отряды. Юрій Немиричъ, начальствовавшій надъ однимъ изъ такихъ отрядовъ, хотѣлъ было усмирить толпу, но его самого окружили подъ с. Свидовцемъ (черниговск. губ., козелецк. уѣзда) и изрубили въ куски. Таковъ былъ несчастный конецъ этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго человѣка.

Изъ двухъ меньшихъ братьевъ Юрія Немирича, Владиславъ, староста овруцкій, также социніанинъ, хотя и получилъ хорошее образованіе, но по своему характеру представлялъ прямую противоположность старшему брату: это былъ слабый, болѣзненный и апатичный человѣкъ, ничѣмъ не заявившій своей приверженности къ социніанской сектѣ и пріобрѣвшій извѣстность, благодаря одной безчестной продѣлкѣ съ его именемъ, какая была учинена іезуитами послѣ его кончины. Объ этой продѣлкѣ разсказываетъ извѣстный Касперъ Нѣсецкій, самъ іезуитъ, и потому его показаніе не можетъ быть заподозрѣно въ какомъ-либо пристрастіи. Дѣло происходило такъ. Владиславъ Немиричъ умеръ въ молодомъ возрастѣ, не старше 30 тѣтъ. Находясь при смерти, онъ какъ-то попалъ въ руки люблинскихъ іезуитовъ, которымъ удалось вынудить у него отреченіе отъ социніанскихъ заблужденій и согласіе принять исповѣдь и причащеніе по католическому обряду. Больной охотно исповѣдался, но долго колебался приступить къ причащенію:

---

[1]) Отвѣтъ этотъ, вышедшій разомъ на двухъ языкахъ: польскомъ и латинскомъ, упоминается въ перечнѣ сочиненій Припковскаго. Biblioth. Antitrinitar. p. 125.

удерживали-ли его прежнія социніанскія воззрѣнія на форму причастія, или, быть можетъ, въ немъ проснулись фамильныя традиціи его православныхъ предковъ, но только онъ мучился сомнѣніемъ въ спасительности причастія подъ однимъ видомъ и предложилъ духовнику-іезуиту дать ему какое-либо ручательство въ томъ, что оно не повредитъ его душевному спасенію. Ловкій іезуитъ нисколько не затруднился исполнить требованіе больного и тотчасъ выдалъ ему слѣдующее формальное письменное удостовѣреніе: „Я Михаилъ Кисаржевскій, изъ ордена іезуитовъ, удостовѣряю симъ Божіе Величество (divinam Majestatem) въ томъ, что если благородный Владиславъ Немиричъ потерпитъ какой-либо ущербъ предъ судомъ Господнимъ вслѣдствіе принятія католическаго причастія подъ однимъ видомъ, одобреннаго церковью въ теченіе всѣхъ вѣковъ, то я весь этотъ ущербъ принимаю на себя и на душу свою и готовъ буду отвѣчать предъ Величествомъ Божіимъ, вмѣстѣ съ матерью моею, святою католическою и апостольскою церковью, и со всѣми вѣрными. Дано въ Люблинѣ, въ іезуитской коллегіи, 11-го апрѣля 1653 г. Михаилъ Кисаржевскій". Немиричъ не сталъ болѣе сопротивляться и, умирая, велѣлъ похоронить его съ этимъ удостовѣреніемъ въ рукахъ. „Черезъ пять дней послѣ его смерти (разсказываетъ Нѣсецкій), когда собрались спускать тѣло его въ могилу, устроенную въ нашемъ люблинскомъ костелѣ, и передъ тѣмъ открыли гробъ, то, кромѣ документа, бывшаго въ рукахъ покойника, увидѣли другой на его груди, слѣдующаго содержанія: „Я Владиславъ Немиричъ освобождаю превелебнаго Михаила Кисаржевскаго, ксендза іезуитскаго ордена, отъ обязательства, принятаго имъ на свою душу: ибо я получилъ полное удовлетвореніе, по безграничной милости Божьей, и отпущеніе мнѣ всѣхъ грѣховъ въ страшную минуту суда, вслѣдствіе исповѣди и св. причастія, принятаго мною по обряду римской церкви въ минуту моей смерти, въ чемъ удостовѣряю настоящимъ свидѣтельствомъ. Дано въ Долинѣ Покаянія, 16 апрѣля 1653 года. Владиславъ Немиричъ". Оба эти документа, для большей достовѣрности, явлены были въ актовыя книги люблинскаго трибунала 1653 г. ректоромъ іезуитской коллегіи, ксендзомъ Ордою [1]).

---

[1]) Нѣсецкій, Korona polska, т. III, стр. 359.

Другой братъ Юрія, Стефанъ Немиричъ, восхваляется социніанскими писателями за ревностное покровительство сектѣ почти наравнѣ съ Юріемъ. Онъ былъ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, когда на Украинѣ вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго, и потому долгое время состоялъ подъ непосредственнымъ руководствомъ старшаго брата. Вмѣстѣ съ нимъ онъ, въ чинѣ ротмистра, участвуетъ въ 1649 г. въ защитѣ кіевскихъ дворянъ со стороны возмутившагося крестьянства, вмѣстѣ съ нимъ передается на сторону шведовъ и, кажется, по его же слѣдамъ отправляется служить войску запорожскому. Въ годъ заключенія гадячскаго договора онъ получаетъ должность кіевскаго подкоморія, которую передъ тѣмъ только что оставилъ его братъ Юрій для занятія высшаго поста—канцлера „Великаго Княжества Русскаго", и остается въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ бывшимъ гетманомъ Ив. Выговскимъ до конца жизни послѣдняго. Но въ 1664 г. Стефанъ Немиричъ предпринимаетъ одинъ шагъ, который мы отказываемся объяснить при скудости наличныхъ данныхъ: въ этомъ году онъ посылаетъ за границу, для довершенія образованія, дѣтей своихъ братьевъ—сына Юрія Ѳеодора и дочь Владислава Маріанну—и вслѣдъ за ними, безъ вѣдома правительства, самъ лично отправляется туда же и остается за границей довольно долгое время [1]). Такъ какъ за три года передъ тѣмъ польскіе социніане подверглись поголовному изгнанію изъ Польши и въ первое время по прибытіи за границу терпѣли страшныя бѣдствія и лишенія, пока имъ удалось кое-какъ устроиться на новыхъ мѣстахъ, то не стоялъ-ли въ какомъ-либо соотношеніи съ этими обстоятельствами неожиданный отъѣздъ Немирича? Нѣкоторое основаніе этому предположенію можно видѣть въ ходатайствѣ кіевскихъ дворянъ на сеймѣ 1665 года о томъ, чтобы Стефанъ Немиричъ былъ прощенъ, „если въ чемъ проступилъ противъ короля", и былъ вызванъ въ отечество [2]). Подъ этимъ проступкомъ Немирича прежде всего, конечно, разумѣлся самовольный выѣздъ его за-границу, а также, быть можетъ, нарушеніе имъ сеймоваго постановленія, по которому строго воспрещалось оказывать какую-бы то ни было помощь и содѣйствіе изгнаннымъ

---

[1]) Книга гродская житомирская, 1664—1666 г., № 21, л. 14 и 65.
[2]) Тамъ-же, л. 103.

сектантамъ. Вѣроятно, ходатайство кіевскихъ дворянъ было уважено, потому что скоро послѣ того мы встрѣчаемъ Стефана Немирича въ должности сначала каштеляна, а потомъ и воеводы кіевскаго; но это само собою предполагаетъ его отреченіе отъ социніанства и обращеніе въ католичество.

Изъ числа волынскихъ социніанъ объ одномъ лишь Александрѣ Чапличѣ, владѣльцѣ Киселина, сохранились нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія. Кажется, что положеніе, занятое имъ въ тревожный періодъ козацкихъ войнъ, въ общихъ чертахъ сходно съ такимъ же положеніемъ его школьнаго товарища, Юрія Немирича. Подобно ему, онъ передается на сторону шведовъ и за тѣмъ какъ-будто присоединяется къ запорожскому войску [1]). Во всякомъ случаѣ присутствіе Чаплича въ войскѣ при Выговскомъ въ моментъ составленія гадячскаго договора и какое-то участіе его въ этомъ дѣлѣ—фактъ несомнѣнный. Когда на сеймѣ варшавскомъ 1659 г. шло дѣло объ утвержденіи этого договора, то въ числѣ лицъ, о награжденіи которыхъ ходатайствовалъ предъ сеймомъ Выговскій, мы находимъ имя и Александра Чаплича [2]).

О другихъ представителяхъ южнорусскаго социніанства мы не находимъ въ нашихъ источникахъ никакого даже упоминанія. Очевидно, одни изъ нихъ погибли въ войнахъ козацкихъ, другіе удалились во внутреннія области Польши и Литвы, а третьи просто сошли со сцены. Такимъ образомъ войны Хмельницкаго можно считать конечнымъ періодомъ существованія социніанской секты въ югозападной Руси. Намъ остается теперь прослѣдить послѣднюю судьбу социніанства въ самой Польшѣ.

---

[1]) Замѣтимъ, кстати, что число южнорусскихъ дворянъ, передавшихся тогда на сторону шведовъ и затѣмъ поступившихъ на службу къ Хмельницкому, было очень велико, если составители гадячскаго договора нашли нужнымъ въ дополнительныя къ нему статьи внести слѣдующій параграфъ: «Всѣ уголовные приговоры, взысканія, баниціи и процессы, на чемъ-бы они ни остановились и какому-бы ни подлежали суду, должны быть сняты съ тѣхъ, которые *служили у Шведа, а потомъ въ войскѣ запорожскомъ*». (Памятн. кіевск. комм. т. III, отд. 3, стр. 326). Изъ числа такихъ лицъ, кромѣ уже поименованныхъ, намъ извѣстны: бывшій коморникъ черниговскій Прокопъ Верещака и хорунжій черниговскій Гавріилъ Гулевичъ (кальвинистъ).

[2]) Памятн. кіевск. коммисіи, т. III, отд. 3, стр. 328.

XII.

Эпоха войнъ козацкихъ была годиною бѣдствій не для однихъ южнорусскихъ социніанъ, но также и для ихъ польскихъ собратьевъ, и не потому только, что козацкіе отряды, врываясь въ Польшу, изгоняли или истребляли ихъ наравнѣ съ остальной шляхтой, но и по другимъ причинамъ. Страшныя политическія бѣдствія, постигшія тогда Польшу со стороны шведскаго, русскаго и козацкаго оружія, возбудили въ ея населеніи религіозно-патріотическое воодушевленіе, которымъ клерикалы воспользовались для своихъ цѣлей. Они открыто проповѣдывали, что перстъ Божій наказываетъ ихъ отечество за недостатокъ ревности къ интересамъ католической церкви и преступную поблажку ея врагамъ—еретикамъ: протестантамъ и аріанамъ, которыхъ они старались выставить въ глазахъ населенія измѣнниками и предателями отечества, въ тайнѣ сочувствующими его непріятелямъ—шведамъ, подобнымъ имъ еретикамъ, и во имя интересовъ церкви и отечества вопіяли объ ихъ истребленіи. Тогда для польскихъ диссидентовъ наступили дни плача и гнѣва Божія. Имъ запрещали отправлять богослуженіе, собирать съѣзды или соборы, содержать школы и печатать книги; со всѣхъ сторонъ осыпали ихъ доносами и по всякому, хотя-бы завѣдомо ложному, извѣту звали въ трибуналы, которые знатныхъ шляхтичей присуждали къ тяжкимъ денежнымъ штрафамъ, а лицъ неблагородныхъ сословій казнили смертью. Въ Польшѣ возобновились мрачныя времена испанской инквизиціи и цѣлыя сотни еретиковъ погибли тогда на кострахъ [1]). Ксендзы, съ ротами жолнеровъ, разъѣзжали по селамъ, грабили и отнимали имѣнія диссидентовъ, хватали ихъ самихъ, разрушали ихъ храмы, оскорбляли святыни, выбрасывали на поруганіе тѣла покойниковъ и во имя Божіе призывали простой народъ грабить и убивать еретиковъ, выставляя всякое направленное противъ нихъ насиліе благочестивымъ подвигомъ, имѣющимъ умилостивить гнѣвъ Божій, постигшій отечество. Король и болѣе благоразумные представители власти были безсильны остановить эти разнузданные порывы фанатическаго умоизступленія,

---

[1]) Łukasczewicz I., Dzieje kościołow wyznania helweckiego w Małej Polsce, p. 286—287.

такъ какъ клерикальная партія имѣла сильную поддержку въ католической Австріи, у которой тогда заискивало польское правительство. Въ особенности сильно пострадали въ то время социніане, съ которыми клерикалы церемонились еще менѣе, нежели съ протестантами. Біографъ Вишоватаго не находитъ словъ для выраженія своей скорби и ужаса при воспоминаніи бѣдствій, какимъ подверглись въ 1655—56 гг. социніанскія общины въ краковской области, когда толпы поселянъ, вооруженныхъ косами, топорами и пиками, подъ предводительствомъ ксендзовъ, расхаживали изъ одного мѣста въ другое, грабили и разрушали дома и молельни социніанъ, убивали или жгли ихъ самихъ, не щадя ни женщинъ, ни даже дѣтей, и жестокими казнями принуждали ихъ къ отреченію отъ секты и принятію католичества. Самъ Вишоватый вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ и, явившись въ Краковъ, обратился къ шведскому генералу съ просьбой о защитѣ его единовѣрцевъ [1]).

Не довольствуясь этими гоненіями, польскіе клерикалы, особенно іезуиты, пользуясь благопріятнымъ для нихъ настроеніемъ властей и общества, задумали совсѣмъ покончить съ социніанскою сектою. Они откопали забытый всѣми статутъ короля Владислава-Ягелла 1424 года, заключавшій въ себѣ постановленіе объ изгнаніи изъ предѣловъ Польши еретиковъ-гусситовъ, и въ 1658 году предъявили на сеймѣ требованіе, чтобы дѣйствіе этого статута было примѣнено къ социніанамъ; требованіе это они основывали на обвиненіи ихъ въ измѣнѣ отечеству и передачѣ на сторону шведовъ во время недавняго занятія послѣдними королевства польскаго. Хотя въ такомъ предательствѣ социніане повинны были ничуть не больше, нежели протестантскіе и даже весьма многіе католическіе паны, сдававшіе шведамъ укрѣпленные города и цѣлыя области, но нужно было, чтобы кто-нибудь одинъ понесъ наказаніе за грѣхи многихъ, и роль такой очистительной жертвы пала на долю социніанъ. Какъ ни чудовищно было требованіе клерикаловъ, оно не встрѣтило, однако, на сеймѣ почти никакого сопротивленія: всегдашніе союзники социніанъ—протестанты и другіе диссиденты, видя настроеніе большинства, теперь сами дрожали за свою судьбу и не смѣли откры-

---

[1]) Bibliotheca Antitrinitariorum, p. 244—246.

то вступиться за нихъ, опасаясь подвергнуться той же участи. Затѣмъ послѣдовала сеймовая конституція, въ которой объявлялось, что всякій, о комъ будетъ дознано, что онъ исповѣдуетъ, или распространяетъ ученіе аріанской секты и вообще какимъ-бы то ни было образомъ покровительствуетъ ей въ предѣлахъ Польши, Литвы и соединенныхъ съ ними земель и областей, долженъ быть предаваемъ суду и затѣмъ смертной казни, подъ угрозой отнятія должностей у тѣхъ урядниковъ, которые недостаточно ревностно станутъ исполнять это постановленіе. Но, продолжаетъ декретъ, изъ милосердія къ тѣмъ, которые станутъ упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ и не захотятъ добровольно присоединиться къ католической церкви, дается имъ трехлѣтній срокъ, въ теченіе котораго они могутъ распорядиться своимъ имуществомъ, и затѣмъ должны оставить предѣлы государства; но и въ это время они не имѣютъ права отправлять своихъ сектантскихъ службъ, ни занимать какихъ-либо должностей общественныхъ, по истеченіи же льготнаго срока всякій изъ еретиковъ, кто окажется въ Польшѣ, подпадетъ силѣ декрета [1]).

Сектанты впали въ уныніе. Болѣе малодушные изъ нихъ начали обращаться въ католичество, но много было и такихъ, которые любовь къ родинѣ принесли въ жертву своимъ убѣжденіямъ и стали готовиться къ изгнанничеству. Лишенные права открыто собираться, чтобы обсудить свое ужасное положеніе, они, на подобіе первенствующихъ христіанъ, стали устраивать тайныя, ночныя собранія, на которыхъ совершали молитвы и обрядъ преломленія хлѣба, взаимно ободряли себя и утѣшали въ общемъ горѣ и помогали другъ другу. Но католическіе ксендзы зорко слѣдили за подобными собраніями и доносили о нихъ властямъ; тогда социніанъ хватали, сажали въ тюрьмы и предавали казнямъ. Между тѣмъ іезуиты, пользуясь беззащитнымъ положеніемъ сектантовъ, громили ихъ въ проповѣдяхъ и полемическихъ сочиненіяхъ и безнаказанно клеветали на нихъ. Социніане захотѣли еще одинъ, послѣдній разъ сразиться съ своими противниками и въ 1660 г. обратились къ краковскому бискупу за разрѣшеніемъ устроить диспутъ съ католическими богословами. Имъ это было позволено, а одинъ знатный

---

[1]) Volumina Legum, IV, f. 515.

католикъ предоставилъ для дисцута свой обширный замокъ. Со стороны католиковъ диспутантами выступили нѣсколько найболѣе извѣстныхъ своею ученостью іезуитовъ, а со стороны социніанъ— одинъ Вишоватый. Диспутъ длился въ теченіе пяти дней. Вишоватый, по словамъ его біографа, съ такою силою и искусствомъ отстаивалъ свои мнѣнія противъ нѣсколькихъ противниковъ, что сами католики, присутствовавшіе на диспутѣ, выразили ему свое сочувствіе, а одинъ изъ споривших съ нимъ іезуитовъ будто бы выразился, что если бы и всѣ сектантскіе богословы вышли изъ ада, то не могли бы защищать свою вѣру сильнѣе того, какъ защищалъ ее одинъ Вишоватый [1]).

Между тѣмъ предоставленный социніанамъ для устройства ихъ частныхъ дѣлъ трехлѣтній срокъ, по проискамъ іезуитовъ, неожиданно былъ сокращенъ на годъ и 10-е іюля 1660 г. объявлено послѣднимъ днемъ пребыванія ихъ въ Польшѣ. Мѣра эта была расчитана на то, чтобы тѣхъ изъ социніанъ, которые владѣли имѣніями и, слѣдовательно, нуждались въ болѣе продолжительномъ срокѣ для продажи своего имущества и взысканія долговъ, поставить въ особенно затруднительное положеніе и тѣмъ понудить ихъ къ отреченію отъ сектантства. Напрасно социніане протестовали противъ новой несправедливости и нарушенія королевскаго слова: если одни изъ католиковъ сожалѣли о нихъ, то другіе радовались ихъ несчастію—по фанатизму, или изъ расчета воспользоваться добромъ изгнанниковъ. Послѣдовали новыя отреченія отъ секты, оставшіеся же вѣрными ей стали поспѣшно и за безцѣнокъ распродавать свои имущества и готовиться въ далекій и невѣдомый путь. И потянулись одинъ за другимъ несчастные изгнанники изъ своей суровой отчизны искать пріюта въ чужихъ краяхъ: въ Венгріи, Трансильваніи, Силезіи, сѣверной Германіи, Пруссіи, Голландіи и Англіи. На пути имъ приходилось испытывать новыя бѣдствія; такъ, напр., партія, направлявшаяся въ Венгрію, была, по внушеніямъ изъ Польши, совершенно ограблена цесарскими солдатами. Всюду, куда ни появлялись изгнанники, клевета враговъ предшествовала имъ на каждомъ шагу, и потому худо приняли ихъ въ большей части европейскихъ странъ; только въ Венгріи и Тран-

---

[1]) Всѣ эти обстоятельства взяты нами изъ біографіи Вишоватаго, помѣщенной въ сочин. Санда: Biblioth. Antitrinitariorum.

сильваніи, гдѣ издавна существовали ихъ единовѣрцы, а равно въ Пруссіи и особенно въ Голландіи, игравшей тогда роль современной Швейцаріи, социніане нашли спокойное убѣжище. Въ Амстердамѣ осѣлись преимущественно главные вожди и ученые социніанскіе и прозвали этотъ городъ *мѣстомъ упокоенія*, которое избралъ Богъ для вѣрныхъ своихъ. Съ тѣхъ поръ Амстердамъ, вмѣстѣ съ Клавдіополемъ въ Трансильваніи, становятся главными центрами разсѣянныхъ на чужбинѣ социніанъ.

Изложеніе дальнѣйшей исторіи социніанства выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи и потому мы ограничимся краткимъ указаніемъ на главнѣйшія черты дѣятельности собственно польскихъ изгнанниковъ.

Разсѣянные по разнымъ странамъ Европы, польскіе социніане долгое время стараются поддерживать тѣсную связь и взаимныя сношенія между отдѣльными группами своихъ единовѣрцевъ. Въ этихъ видахъ главные вожди секты постоянно странствуютъ изъ одного мѣста въ другое, устраиваютъ частые съѣзды или соборы, разсылаютъ окружныя посланія, ободряютъ и утѣшаютъ своихъ товарищей по вѣрѣ и несчастіямъ и оказываютъ имъ всякаго рода помощь и защиту. Въ тоже время они стараются сблизиться съ населеніемъ тѣхъ странъ, въ коихъ нашли убѣжище, знакомятся съ его языкомъ и учрежденіями и всѣми мѣрами стараются заручиться расположеніемъ мѣстныхъ правителей на пользу своимъ соотечественникамъ. Оторванные отъ родной почвы и поглощенные заботами о самосохраненіи, они уже не задаются широкими планами новой пропаганды секты и сосредоточиваютъ всѣ лучшія силы свои на единственной, вполнѣ доступной для нихъ, сферѣ дѣятельности—литературной. Дѣйствительно, время изгнанничества социніанъ было періодомъ высшаго процвѣтанія и обогащенія социніанской литературы, на поприщѣ которой въ это время подвизались талантливѣйшіе представители секты, каковы: Андрей Вишоватый, Самуилъ Прицковскій, бывшій киселинскій пасторъ Якубъ Гриневичъ-Трембицкій, братья Христофоръ и Станиславъ Любенецкіе и многіе другіе [1]). Центромъ литературно-издательской дѣятельности

---

[1]) Социніанскій библіографъ Сандъ насчитываетъ около 30 именъ ученыхъ: поляковъ, нѣмцевъ, венгерцевъ, англичанъ, голландцевъ и др., подвизавшихся на

ихъ была избрана свободная Голландія, въ которой преимущественно осѣлись ученые вожди секты и въ которой они находили наибольшій просторъ для своей дѣятельности. Характеромъ времени опредѣлялись и главныя задачи тогдашнихъ социніанскихъ писателей. Преимущественное вниманіе ихъ было обращено на разработку исторіи секты, уясненіе ея отношеній къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ и указаніе на ея заслуги для общества и государства польскаго. На ряду съ капитальными изслѣдованіями въ этой области, была предпринята кропотливая работа по собиранію памятниковъ и преданій всей прошлой жизни секты, свѣдѣній о дѣятельности главныхъ учителей ея, пасторовъ и писателей, съ перечнемъ всѣхъ печатныхъ и рукописныхъ ихъ сочиненій, и т. под. Еще бо́льшую потребность сознавали социніане въ защитѣ себя отъ того позора, какимъ покрывалъ ихъ фактъ изгнанія изъ отечества, и тѣхъ обвиненій, какимъ подвергались они со стороны своихъ враговъ. Отсюда—преобладаніе въ ихъ тогдашней литературѣ полемическихъ и апологическихъ сочиненій, въ которыхъ социніане стараются оправдать себя какъ сектантовъ и какъ гражданъ, показать всю несправедливость обрушившихся на нихъ преслѣдованій и вызвать участіе къ постигшимъ ихъ несчастіямъ. Часто такая защита выражалась въ формѣ воззваній и писемъ, обращенныхъ къ прежнимъ соотечественникамъ, съ горькими упреками въ забвеніи и нарушеніи ими старинныхъ завѣтовъ польской свободы и вѣротерпимости и съ горячей мольбой подумать о будущей судьбѣ ихъ отечества и не поддаваться внушеніямъ партіи фанатиковъ, которые готовы ввести въ Польшу испанскую инквизицію и австрійскій деспотизмъ, попираютъ ея стародавніе обычаи и законы и тѣмъ ведутъ ее къ вѣрной гибели. Наконецъ, кромѣ историческихъ и

поприщѣ социніанской литературы въ указанный періодъ. Мы поименовали только болѣе извѣстныхъ изъ числа польскихъ социніанъ—изгнанниковъ. Прибавимъ, что многіе изъ нихъ, кромѣ богословскихъ, историческихъ и др. сочиненій, относящихся къ социніанству, оставили послѣ себя замѣчательныя научныя изслѣдованія въ области философіи, права и естествознанія. Таковъ, напр. былъ названный нами Станиславъ Любенецкій, издавшій въ 1667 г. въ Амстердамѣ капитальное изслѣдованіе о кометахъ (Theatrum Cometicum) въ 3-хъ частяхъ и посвятившій его Фридриху III, королю Даніи и Норвегіи.

апологическихъ сочиненій, социніане и въ этотъ періодъ не прекращали догматической разработки своей доктрины и издали не мало новыхъ богословскихъ трактатовъ. Эта оживленная литературная дѣятельность ихъ не прекращалась до конца XVII в. и, хотя съ меньшей энергіей, продолжалась даже въ слѣдующемъ столѣтіи. Достойно замѣчанія, что послѣднимъ по времени въ ряду извѣстныхъ намъ социніанскихъ писателей является какой-то Д. *Немиричъ*, по всей вѣроятности потомокъ южнорусскихъ пановъ Немиричей. Въ 1695 г. онъ напечаталъ гдѣ-то въ Германіи книгу на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „La Verité et la Religion en visite chez les theologiens en y cherchant leur filles la Charité et la Toleranse", въ которой старался доказать, что эти высшія христіанскія добродѣтели преимущественно присущи послѣдователямъ социніанскаго ученія [1]).

Разбросанные небольшими группами по разнымъ мѣстамъ Европы, польскіе социніане, очевидно, не долго сохранили свои національныя особенности и скоро смѣшались съ другими національностями. Объ этомъ можно заключить изъ того, что, напр., въ Голландіи, гдѣ ихъ поселилось особенно много, послѣднее *польское* изданіе Новаго Завѣта было всего лишь въ 1680 г., то есть при жизни еще перваго поколѣнія изгнанниковъ. Долѣе всего сохранили свою національность тѣ изъ польскихъ социніанъ, которые поселились вблизи границъ своего бывшаго отечества. Имѣются любопытныя свѣдѣнія о судьбѣ двухъ социніанскихъ поселковъ: Рутова и Андреасвальде, основанныхъ польскими изгнанниками въ восточной Пруссіи, близъ границъ Польши. Не смотря на постигшія ихъ въ концѣ XVII ст. преслѣдованія, жители этихъ двухъ общинъ удержали свою вѣру и народность до временъ Фридриха II, который въ 1779 г. далъ имъ позволеніе на постройку храма. Но впослѣдствіи эти общины стали постепенно уменьшаться въ своемъ населеніи, пока около 1803 года одна изъ нихъ, Андреасвальде, разошлась совсѣмъ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда; въ другой же еще въ 1838 году живы были два послѣдніе моги-

---

[1]) Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce, A. Iochera, t. II, p. 304 и 582.

каны социніанской секты въ Пруссіи, — оба очень старые и оба хорошо сознававшіе свою принадлежность къ польской національности. Остальные ихъ земляки, и въ томъ числѣ родные обоихъ старцевъ, всѣ уже были протестантами [1]).

Что касается дальнѣйшей судьбы социніанства вообще, то изложеніе ея составляетъ предметъ общей исторіи религіозныхъ сектъ въ Европѣ. Для нашей цѣли достаточно указать, что, не смотря на повсемѣстныя преслѣдованія въ XVII и XVIII в., социніанская доктрина отнюдь не подверглась забвенію и тѣмъ паче насильственному истребленію: отчасти она сохранилась въ чистомъ видѣ своемъ до нашихъ дней, отчасти послужила матеріаломъ для выработки новыхъ философскихъ и религіозныхъ системъ и ученій. Въ Европѣ социніанство и до сихъ поръ продолжаетъ свое существованіе въ одномъ религіозномъ обществѣ въ Трансильваніи, члены котораго удержали старинное названіе *унитаріевъ*. Не смотря на свою малочисленность, трансильванскіе унитаріи признаются государственными законами Австріи въ равныхъ правахъ съ другими христіанскими исповѣданіями и имѣютъ своего суперъ-интендента, мѣстопребываніемъ котораго служитъ г. Клаузенбургъ. Кромѣ того въ Америкѣ въ настоящее время насчитывается болѣе полумилліона лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ религіознымъ обществамъ, исповѣдующимъ основныя положенія антитринитаризма. Съ другой стороны, тѣже идеи социніанства, подвершись дальнѣйшей философской разработкѣ, привели многихъ къ *деизму* и особенно къ *раціонализму* [2]). Наконецъ многія стороны ученія социніанскаго были приняты нѣкоторыми прежними и вновь образовавшимися религіозными сектами, какъ напр. шведенборгіанами, менонитами, а чрезъ нихъ и нашими штундистами.

Въ заключеніе прибавимъ нѣсколько общихъ замѣчаній о предметѣ нашего изслѣдованія. Исторія почти столѣтняго существо-

---

[1]) Балинскій и Липинскій: Starożytna Polska, т. III, стр. 232.

[2]) Въ Англіи въ прошломъ столѣтіи социніанство пріобрѣло наибольшую силу вмѣстѣ съ распространеніемъ здѣсь деизма; а въ Германіи социніанскія идеи пользовались наибольшею расположенностью среди представителей раціоналистической школы.

ванія социніанской секты въ Польшѣ и югозападной Руси представляетъ съ одной стороны рядъ дѣйствій, запечатлѣнныхъ характеромъ искренняго воодушевленія, смѣлости и несокрушимой энергіи и твердой увѣренности въ правотѣ своего дѣла, а съ другой—рядъ неудачъ и горькихъ разочарованій, упорной борьбы и тяжкихъ преслѣдованій, разрѣшившихся наконецъ страшной катастрофой. Въ основѣ этихъ дѣйствій лежитъ религіозная доктрина, возникшая въ кружкѣ передовыхъ европейскихъ умовъ, боровшихся за права человѣческаго разума въ области вѣры противъ принужденій внѣшняго авторитета. Представляя для своего времени очень смѣлое проявленіе критической мысли въ области религіи, доктрина эта естественно приходится не по плечу для большинства тогдашняго общества и потому находитъ своихъ послѣдователей лишь въ образованныхъ слояхъ его. Въ этой исторіи происхожденія социніанства кроется источникъ его силы и вмѣстѣ слабости, причина его успѣховъ и неудачъ. Сила социніанства заключалась главнымъ образомъ въ его культурномъ вліяніи; въ немъ же и главная заслуга его для современныхъ ему обществъ въ Польшѣ и южной Руси. Социніанство выступало всегда съ характеромъ просвѣтительнаго движенія, въ союзѣ съ наукой и образованіемъ, и лучшими средствами пропаганды считало устройство школъ, заведеніе типографій и литературную дѣятельность; эта черта не осталась незамѣченной со стороны лучшихъ людей того времени, хотя и принадлежавшихъ къ другимъ исповѣданіямъ, въ родѣ напр. Константина Острожскаго, Романа Гойскаго и другихъ, и справедливо вызывала ихъ симпатіи къ социніанской сектѣ. Далѣе, социніанство громко провозглашало принципы свободы мнѣній, вѣротерпимости и уваженія къ чужимъ убѣжденіямъ и всегда горячо протестовало противъ религіозной нетерпимости и исключительности католиковъ и отчасти самихъ протестантовъ. Наконецъ оно являлось проповѣдникомъ высшихъ началъ гуманности, когда внушало своимъ послѣдователямъ отвращеніе къ войнѣ и отвергало безусловно право смертной казни. Но, при всей симпатичности многихъ сторонъ своего ученія и дѣятельности, социніанство имѣло и много важныхъ недостатковъ, больше всего препятствовавшихъ его успѣхамъ. Возникшее первоначально изъ критики римской системы вѣроученія, социніанство вынуждено было сосредо-

точиться преимущественно на разработкѣ догматической стороны своего ученія, вслѣдствіе чего въ немъ всегда преобладала нѣкоторая теоретичность и отвлеченно-философскій элементъ; что же касается элемента нравственнаго, безъ котораго всякая религія перестаетъ быть религіей, а становится философской теоріей или системой, то онъ вообще былъ слабо разработанъ въ социніанскомъ вѣроученіи, что̀ лишало его надлежащей жизненности. Многія нравственныя положенія, имѣвшія ближайшее отношеніе къ практическимъ вопросамъ жизни и логически вытекавшія изъ цѣлой системы социніанскаго вѣроученія, не были развиты до конца, какъ кажется, по недостатку необходимой доли смѣлости; для примѣра укажемъ на то, какъ социніане старательно обходили молчаніемъ поднятый было въ ихъ средѣ вопросъ о тогдашнемъ соціальномъ неравенствѣ и правѣ имѣть крестьянъ, логическое рѣшеніе котораго устрашило ихъ богослововъ, тогда какъ, будь это рѣшеніе громко провозглашено, секта несомнѣнно привлекла-бы къ себѣ взоры и симпатіи милліоновъ рабовъ, стонавшихъ тогда подъ тяжестью помѣщичьяго и арендаторскаго произвола. Но въ томъ именно и заключался главный и коренной недостатокъ социніанства, что оно почти совсѣмъ игнорировало народныя массы и, за малыми исключеніями, всегда и вездѣ оставалось преимущественно дворянской религіей. Въ особенности это должно сказать о южнорусскихъ социніанахъ, контингентъ которыхъ почти исключительно состоялъ изъ шляхтичей, по большей части не употреблявшихъ даже языка своего народа. Если первые послѣдователи социніанской секты въ южной и западной Руси заботились еще объ изданіи для простаго народа сектантскихъ книгъ (Будный) и даже о переводѣ на народный языкъ Новаго Завѣта (Негалевскій), то слѣдовавшее за ними поколѣніе, воспитанное въ польско-латинскихъ социніанскихъ школахъ, вполнѣ является носителемъ польской цивилизаціи и даже гнушается рѣчью своего народа. Мы не знаемъ, на какомъ языкѣ слушали социніанскую проповѣдь и богослуженіе киселинскіе мѣщане и крестьяне Юрія Чаплича, совращенные имъ въ секту, но то достовѣрно извѣстно, что знаменитый Юрій Немиричъ бо́льшую часть своихъ сочиненій и въ томъ числѣ молитвы и гимны, вѣроятно употреблявшіяся при богослуженіи въ украинскихъ социніанскихъ общинахъ, писалъ на *польскомъ* языкѣ, а не на южнорусскомъ, какъ

можно было-бы ожидать отъ украинскаго патрона секты. Въ этой оторванности социніанства отъ народной массы, въ этомъ пренебреженіи къ ея интересамъ заключалась причина безпочвенности социніанской секты, при которой она всегда могла подвергнуться гибели. Можно-ли удивляться тому, что южнорусскій народъ, во время возстанія при Хмельницкомъ, не различалъ социніанъ отъ ихъ враговъ—католиковъ и наравнѣ съ послѣдними предавалъ ихъ истребленію? Протестантскія общины въ южной и западной Руси, по видимому, были устроены прочнѣе социніанскихъ, а между тѣмъ и онѣ народнымъ движеніемъ были сметены съ лица земли, подобно социніанскимъ, ибо не имѣли корней въ народной почвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что катастрофа, постигшая польскихъ социніанъ въ 1658 году, была-бы не возможна, еслибы они ближе стояли къ народной жизни и не гнушались ея интересами. А то, при своей безпочвенности, польское социніанство (пользуемся евангельскимъ сравненіемъ) было подобно красивому зданію, построенному на пескѣ. Начались дожди, и потекли воды, и унесли зданіе въ море на жертву бурямъ и непогодамъ, и не осталось слѣда тамъ, гдѣ еще такъ недавно оно горделиво высило свою главу. Такъ и должно было случиться: ибо только то и долговѣчно въ исторіи, что созидается на основѣ народныхъ интересовъ.

Орестъ Левицкій.

Дневникъ Станислава Ѳсвѣцима

(въ извлеченіи).

1643—1651 г.

(Продолженіе). *)

Іюня 14. Было много причинъ неустройства въ нашемъ войскѣ, но главнымъ поводомъ къ нему служило отсутствіе твердости и постоянства въ рѣшеніяхъ военнаго совѣта; если на одномъ совѣтѣ было порѣшено что-либо существенное, то при первой перемѣнѣ вѣтра, или вслѣдствіе полученія новаго извѣстія, хотя-бы и недостовѣрнаго, немедленно прежнія распоряженія общаго совѣта отмѣнялись и слѣдовали новые приказы, внушаемые частнымъ вліяніемъ немногихъ лицъ, что производило всеобщее смятеніе. Безпорядокъ въ войскѣ происходилъ отъ того, что тутъ господствовало страшное смѣшеніе различныхъ вѣдомствъ, чего предъ тѣмъ никогда не бывало. При прежнихъ короляхъ, когда они являлись въ лагерь, верховная власть оставалась за ними, но гетманы и другіе военные начальники сохраняли вполнѣ свою власть въ подлежащихъ имъ вѣдомствахъ; каждый изъ нихъ исполнялъ свои обязанности и потому въ общемъ господствовалъ порядокъ. Теперь-же король, по собственному-ли почину, или, быть можетъ, подчиняясь внушеніямъ иностранцевъ (которые желали присвоить себѣ власть, съиздавна принадлежавшую установленнымъ должностнымъ лицамъ), сталъ пренебрегать постоянныхъ военныхъ чиновниковъ и то, что относилось къ ихъ должностямъ, поручать постороннимъ лицамъ: гетманы, обозный, стражникъ и другіе начальники были лишены возможности ис-

*) См. январь, 126—151 стр. февраль, 366—386 стр. и май 257—275 стр. „К. Ст."

полнять свои обязанности; король сосредоточилъ таковыя въ своихъ рукахъ, или поручалъ ихъ отправленіе лицамъ, не имѣвшимъ на то никакого права; дѣйствительные-же начальники, видя, что ихъ устраняютъ и пренебрегаютъ, вовсе не заботились объ обязанностяхъ, относящихся къ ихъ должностямъ, и такимъ образомъ дѣла оставались безъ движенія, ибо никто не заботился о томъ, во что всякій вмѣшивался. Вслѣдствіе этого въ войскѣ господствовала страшная неурядица: планы военныхъ дѣйствій мѣнялись чуть не черезъ каждый часъ, люди опытные въ военномъ дѣлѣ пребывали въ большомъ смущеніи; никто не старался о томъ, чтобы освѣдомляться о замыслахъ и движеніяхъ непріятелей; каждый, полагаясь на другихъ, не заботился о посылкѣ лазутчиковъ, и извѣстія добывались исключительно отъ „языковъ", для поимки которыхъ войско должно было постоянно нести лишній трудъ, между тѣмъ изъ ихъ показаній никогда не было возможности добиться истины. Отсутствіе точныхъ свѣдѣній было главною причиною частой перемѣны плановъ. Случалось, плѣнникъ скажетъ, что Хмельницкій двигается на насъ, и мы сейчасъ опускали носы и рѣшали ожидать его и защищаться на мѣстѣ; но проходило дня два, Хмельницкій не появлялся, а новый языкъ сообщалъ противуположное первому извѣстіе, и мы немедленно предавались радости и возгорялись охотою идти ему на встрѣчу. Это повторялось нѣсколько разъ и случилось опять въ означенный день. Хмельницкій не подходилъ, и мы, основываясь исключительно на невѣрныхъ показаніяхъ языковъ (семъ единственномъ основаніи нашихъ плановъ, такъ какъ мы скупились на посылку лазутчиковъ, отъ которыхъ могли-бы получать точныя свѣдѣнія о врагѣ), воспылали желаніемъ идти къ нему на встрѣчу; но не могли рѣшить двухъ вопросовъ: куда идти? и въ какомъ порядкѣ? Относительно перваго вопроса высказаны были различныя мнѣнія. Одни совѣтовали идти къ Берестечку, утверждая, что непріятель, расположившись у Вишневца, ясно имѣетъ намѣреніе двинуться на наше войско, а не въ иную сторону; толковали, что онъ не можетъ миновать Берестечка, потому слѣдуетъ овладѣть раньше его прихода переправами; къ тому-же указывали, что въ окрестности Берестечка находятся обширныя поля, удобныя для сраженія и обильныя кормомъ для лошадей, рѣка-же Стырь составитъ безопасное прикрытіе для войска; если-же Хмельницкій намѣренъ отступать въ Украину, какъ о томъ ходили слухи, то изъ-подъ Берестечка легче будетъ

перерѣзать ему путь къ Кіеву. Другіе, основываясь на показаніяхъ языковъ, что непріятель собралъ будто исключительно конницу, предполагали, что онъ желаетъ насъ заманить за переправы и затѣмъ, бросивъ наше войско, быстро двинется къ Кракову; потому совѣтовали передвинуть войско къ Глинянамъ, гдѣ удобнѣе было-бы пользоваться фуражемъ для войска и гдѣ много еще неистребленныхъ пастбищъ для лошадей. Отъ Глинянъ, думали, легко преградить врагу путь къ Кракову, а въ случаѣ, еслибы онъ не предпринялъ этого похода, также удобно пойти ему на встрѣчу, какъ и изъ Берестечка. Многіе держались того мнѣнія, чтобы вовсе не трогаться съ мѣста и ожидать появленія врага у Сокаля, усиливаясь постояннымъ приходомъ отрядовъ поголовнаго ополченія. Основою такого мнѣнія служитъ то, что многіе, сознавая неспособность въ военномъ дѣлѣ короля и гетмановъ, значительное численное превосходство врага и медлительность поголовнаго ополченія, опасались, чтобы во время перехода, вслѣдствіе неурядицы, войско не потерпѣло погрома отъ враговъ. Наконецъ взяло верхъ мнѣніе тѣхъ лицъ, которыя совѣтовали двинуться къ Берестечку, но немедленно явился новый спорный вопросъ относительно самаго способа передвиженія. Одни обращали вниманіе на то, что огромное количество возовъ, сопровождающее обыкновенно польскія арміи, служитъ страшнымъ препятствіемъ на каждой переправѣ и тормозитъ всякое предпріятіе, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда успѣхъ зависитъ отъ быстроты движенія; потому они совѣтовали двинуться лишь на-легкѣ, съ одною конницею, оставивъ въ укрѣпленномъ лагерѣ пѣхоту, всѣ возы, багажи и слугъ, подъ охраною небольшаго отряда наемной конницы и поручивъ начальство надъ лагеремъ какому нибудь знатному лицу. Другіе возражали, что слѣдуетъ или вовсе не трогаться съ мѣста, или, если предпринимать походъ, то не иначе какъ со всѣмъ обозомъ и слугами, не раздѣляя войска на части: эти указывали, что многіе *товарищи* не имѣютъ средствъ держать столько челяди, чтобы часть ея взять съ собою въ качествѣ рядовыхъ солдатъ, другую-же часть оставить въ лагерѣ въ качествѣ слугъ; они заявляли при томъ, что никакой начальникъ не будетъ въ состояніи управиться съ такимъ огромнымъ количествомъ прислуги, съ которою очень часто не знаютъ, какъ сладить, ея собственные господа, и что слѣдуетъ сильно опасаться, чтобы челядь, послѣ ухода господъ, не подняла бунта и не разграбила возовъ и по-

житковъ, что неоднократно уже случалось и бывало поводомъ большихъ пораженій войска. Вслѣдствіе упорства короля, перевѣсъ остался на сторонѣ мнѣнія Стефана Чарнецкаго, поручика хоругви великаго коронпаго гетмана: рѣшено было идти подъ Берестечко съ одною конницею, всею массою вмѣстѣ, возы-же и обозъ должны были отправляться туда-же отдѣльно, тремя различными дорогами для избѣжанія трудностей при переправахъ. Рѣшеніе это опубликовано было послѣ обѣда при звукѣ трубъ; но оно подало поводъ въ войскѣ для различныхъ пререканій и ропота: всѣ возмущались безъурядицею, неопредѣленностью и непостоянствомъ распоряженій, особенно-же тѣмъ, что рѣшенія военнаго совѣта перемѣнялись вслѣдствіе частныхъ внушеній. Слыша всеобщій ропотъ, писарь польный коронный (Пржыемскій), который также не ожидалъ добра отъ непостоянства, измѣнчивости и несогласій, устроилъ частное совѣщаніе, въ которомъ принимали участіе мы всѣ, его близкіе друзья, и отправился къ королю. Благодаря своему вліянію на короля, онъ, послѣ долгаго разговора, высказавъ всѣ наши доказательства, успѣлъ къ вечеру побороть королевское упрямство: рѣшено было, что все войско съ обозомъ и возами двинется вмѣстѣ, не раздѣляясь на части. Но тутъ возникло новое затрудненіе: войско распредѣлено было на три дивизіи, по иностранному образцу (въ голландскомъ войскѣ это называется бригадами) и порядокъ, въ которомъ онѣ должны были двигаться, былъ изображенъ на чертежахъ, составленныхъ въ частномъ совѣщаніи у короля и потомъ планы эти розданы были гетманамъ, полковникамъ и другимъ начальникамъ, мало ознакомленнымъ съ иностранными порядками. Новизна эта вызвала въ войскѣ ропотъ; я лично слышалъ, какъ кастелянъ краковскій (великій гетманъ Николай Потоцкій) заявлялъ, что, среди такого замѣшательства и неурядицы, онъ откажется отъ гетманства; когда-же его стали уговаривать,— онъ воскликнулъ: „оставьте меня въ покоѣ, не то — я проколю себя ножемъ“. Въ дѣйствительности это нововведеніе было не дурно, и я лично наблюдалъ его пользу и удобство въ голландскомъ войскѣ, но нужно было ввести его въ практику раньше или, по крайней мѣрѣ, предложить для обсужденія и предварительнаго изученія; теперь-же, въ самый моментъ выступленія, напрасно было вводить новый, никогда прежде не виданный и среди поспѣшности малопонятный порядокъ; несвоевременность

его введенія могла вызвать лишь полное замѣшательство, которое дѣйствительно и произошло.

Такъ какъ поголовное ополченіе дворянъ изъ нѣсколькихъ воеводствъ уже прибыло и расположилось за рѣкою, то король, желая, чтобы ополченцы приняли участіе въ походѣ войска, послалъ пригласить ихъ въ путь; но они на отрѣзъ отказались, утверждая, что будутъ ждать прихода ополченій другихъ воеводствъ и только вмѣстѣ съ ними отправятся на службу Рѣчи Посполитой. Между тѣмъ хорунжій коронный (Александръ Конецпольскій), для обезпеченія похода, двинулся съ своимъ отрядомъ опять подъ Берестечко, чтобы занять переправы; король же вновь раздѣлилъ все войско на десять полковъ, нѣсколько видоизмѣнивъ прежнее распредѣленіе, исчисленное при описаніи смотра.

Слѣдуетъ подробный перечень хоругвей конницы и пѣхоты, съ указаніемъ ихъ новаго распредѣленія на 10 полковъ, состоявшихъ подъ начальствомъ самаго короля, гетмана великаго коронного Николая Потоцкаго, гетмана польнаго коронного Мартына Калиновскаго, воеводы брестскаго Симеона Щавинскаго, воеводы русскаго князя Іеремія Вишневецкаго, воеводы подольскаго Станислава Потоцкаго, воеводы брацлавскаго Станислава Лянцкоронскаго, маршала великаго коронного Юрія Любомирскаго, подканцлера литовскаго Льва Сапѣги и хорунжія коронного Александра Конецпольскаго.

15 іюня. Утро дня, назначеннаго для похода, было покрыто густымъ туманомъ; выступили сначала обозы, а потомъ, поручаясь Божьему Промыслу, и все войско. Движеніе началось среди страшнаго замѣшательства; вышеупомянутые чертежи, опредѣлявшіе порядокъ движенія, не были вовсе примѣнены къ дѣлу, и многочисленные возы смѣшались и спутались до того, что на встрѣченныхъ переправахъ приходилось добиваться очереди съ бою. Смятеніе продолжалось въ теченіи цѣлаго дня. Вечеромъ король расположился на ночлегъ на мѣстѣ заранѣе опредѣленномъ, въ одной мили отъ бывшаго лагеря, у села Тартакова, принадлежащаго Николаю Ржечицкому; но многіе отряды войска, по причинѣ безъурядицы, сбились съ пути, забрели въ непроходимыя болота и остановились на ночлегъ въ трехъ различныхъ мѣстностяхъ въ такомъ безпорядкѣ, что если бы непріятель подступилъ, то одни не были бы въ состояніи оказывать помощи другимъ.

Въ теченіи этого дня возвратился изъ лагеря Хмельницкаго Маркъ, драгоманъ маршала коронного. По его сообщенію, во вторникъ, когда онъ уѣзжалъ изъ козацкаго табора, ханъ еще не соединился съ Хмельницкимъ, и пришло только извѣстіе о томъ,

что орда находится у Паволочи; въ козацкомъ войскѣ число пѣхоты не превышало 90,000, а число конницы 20,000, татаръ въ лагерѣ только 7,000; когда пришло къ нимъ извѣстіе, что войско наше направилось противъ нихъ налегкѣ, то въ таборѣ распространилась тревога. Разсказывалъ онъ и многое другое, что успѣлъ узнать за время своего пребыванія въ козацкомъ лагерѣ. Отъ хорунжія коронного прислано сообщеніе, что возставшіе волынскіе крестьяне, составивши отрядъ въ 20,000 человѣкъ, осадили городъ и замокъ Олыку, принадлежащіе канцлеру литовскому, князю Станиславу Радзивиллу.

16 іюня. Обозъ двинулся въ такомъ-же безпорядкѣ, какъ и вчерашняго дня; за нимъ послѣдовало войско. Въ одной мили отъ ночлега случилась весьма затруднительная переправа, которую мы прошли среди пререканій и споровъ, во время которыхъ нѣсколько человѣкъ было ранено. Затѣмъ, переправившись черезъ плотину въ селѣ Кнѣжѣ, мы расположились лагеремъ у села Фузовой, имѣніи пана Цетнера. Здѣсь соединились съ нами тѣ части войска, которыя отдѣлились отъ насъ наканунѣ.

17 іюня. Обозъ сталъ переправляться черезъ болото, прилегавшее непосредственно къ мѣсту ночлега. Между тѣмъ король выдвинулъ все войско на открытое, пространное поле, желая на опытѣ испробовать боевой строй, планъ котораго былъ начерченъ на бумагѣ, и сталъ размѣщать отряды пѣхоты и конницы сообразно съ планомъ. Установка эта, впрочемъ, сопряжена была съ нѣкоторымъ безпорядкомъ и происходила весьма медленно; на нее потрачена была большая половина дня и все таки планъ не могъ быть выполненъ, такъ какъ часть войска, бывшая подъ начальствомъ хорунжія коронного, ушла подъ Берестечко. Все войско въ строю распредѣлялось на три части; въ каждой части находилось 18 эскадроновъ, каждый эскадронъ заключалъ въ себѣ нѣсколько (иногда до 20) хоругвей. На видъ войско было громадно: фронтъ его занималъ болѣе полумили, но въ глубь строй былъ не густой и не особенно исправный, такъ что въ этомъ отношеніи планъ слѣдовало видоизмѣнить. Свидѣтелемъ этого смотра былъ татаринъ, пріѣхавшій для свиданія съ мурзою, о которомъ выше я упоминалъ; онъ внимательно все разсматривалъ. Многіе считали излишнимъ его присутствіе, полагая, что не слѣдуетъ обнаруживать передъ врагомъ своей неопытности и неумѣлости, но придворные льстецы находили, что все происходитъ прекрасно: солдаты были однако иного мнѣнія о ходѣ смотра и думали, что

напрасно утомляютъ людей и лошадей, передвигая безпрестанно хоругви съ мѣста на мѣсто среди весьма знойнаго дня. Затѣмъ мы остановились на ночлегъ между селами Брамою и Долгомъ. Но едва мы расположились, какъ около восьми часовъ вечера случилась сильная тревога: слуги, находившіеся съ лошадьми въ полѣ, поссорились между собою; услышавъ шумъ и увидавъ сверканіе сабель, челядь, находившаяся въ полѣ, засуетилась и сообщила смятеніе солдатамъ, бывшимъ въ лагерѣ; полагая, что уже наступаютъ враги, все войско бросилось къ оружію и хоругви выбѣжали опрометью на лагерную площадь. Хорунжій надворной королевской хоругви, войскій люблинскій—Михаловскій разбудилъ короля и встревожилъ его, чуть не присягая, что видѣлъ врага собственными глазами. Король приказалъ трубачу трубить тревогу и самъ, обнаживъ саблю, сталъ у входа въ свою палатку. Въ этомъ происшествіи обнаружилась исправность нашего войска и готовность его, въ случаѣ настоятельной необходимости, быстро стать въ боевой порядокъ; почти въ одно мгновеніе и пѣхота, и конница выстроились на площади. Но въ тоже время обнаружилась неумѣлость и нерадѣніе вождей, особенно-же самаго короля: онъ потревожилъ все войско сигналомъ, довѣривъ рапорту лица, не имѣвшаго вовсе опытности въ военномъ дѣлѣ, болѣе, чѣмъ увѣреніямъ войсковаго стражника, который подъ присягою ручался, что извѣстіе ложно, такъ какъ онъ расположилъ кругомъ лагеря исправно стражу и отъ нея не получалъ никакихъ тревожныхъ вѣстей. Не менѣе важная ошибка состояла въ томъ, что король вмѣсто того, чтобы похвалить исправность хоругвей, явившихся къ нему въ порядкѣ по первому сигналу, сталъ неприлично ругать всѣхъ, произнося королевскими устами площадныя слова и матерную брань, что многихъ сильно скандализировало. Когда польный гетманъ (Калиновскій) и русскій воевода (кн. Вишневецкій) стали порицать сигналъ, поданный на тревогу, утверждая, что къ средству этому должно прибѣгать лишь въ крайнемъ случаѣ, при очевидной и несомнѣнной опасности (хотя и въ такихъ случаяхъ хорошіе вожди, не желая смущать войска, предпочитаютъ собирать его другими средствами), и требовали, чтобы трубачъ былъ казненъ смертью, король отвѣтилъ: „простите его, онъ не виноватъ: я самъ далъ ему приказъ трубить". Всѣ замолчали, но происшествіе это породило въ войскѣ толки о легкомысліи и малодушіи короля. Въ это время хорунжій коронный прислалъ рапортъ отъ Суходольскаго, начальника части отряда краковскаго

воеводы, князя Доминика Заславскаго. Суходольскій стоялъ въ лагерѣ у Дубна и наблюдалъ за движеніями непріятелей; онъ извѣстилъ, что нѣсколько тысячъ козаковъ возвращаются съ добычею изъ Волыни и просилъ прислать ему подкрѣпленіе для того, чтобы онъ могъ на нихъ ударить.

Іюня 18. Мы прошли мѣстность гористую и весьма неудобную и остановились на ночлегъ у села Немировки. Ночью лагерь оберегался усиленною стражею: въ самомъ легерѣ ее отправляло десять хоругвей подъ начальствомъ подольскаго воеводы, а въ полѣ 18 другихъ хоругвей. Распоряженіе это послѣдовало по двумъ причинамъ: первая состояла въ томъ, что король, желая знать, о чемъ ведутъ разговоры между собою плѣнный мурза и пріѣхавшій навѣстить его татаринъ, который присутствовалъ при производствѣ смотра, приказалъ найти товарища, знающаго хорошо татарскій языкъ и, переодѣвши его въ мундиръ солдата королевской стражи, отправилъ въ качествѣ часового, который обыкновенно сторожилъ мурзу въ палаткѣ. Товарищъ сталъ курить табакъ и играть въ карты съ другими солдатами и притворился, что не обращаетъ никакого вниманія на плѣнника. Татаре, видя, что всѣ солдаты одѣты въ нѣмецкое платье, говорили совершенно свободно, безъ всякой предосторожности: они разсказывали о безпорядкѣ, господствующемъ въ нашемъ войскѣ, какъ во время похода, такъ и въ лагерѣ, о медлительности и неумѣніи располагать войско въ боевой строй и о непостоянствѣ нашего военнаго совѣта, хвалили исправность козаковъ и заявляли о готовности ихъ ударить на наше войско во время похода или на ночлегѣ, смотря по обстоятельствамъ. Всѣ ихъ разговоры товарищъ внимательно выслушалъ и сообщилъ. Другая причина усиленныхъ предосторожностей состояла въ показаніяхъ нѣкоего перебѣжчика, явившагося къ намъ изъ козацкаго лагеря; онъ утверждалъ также, что козаки готовятся напасть на насъ, или ночью на стоянкѣ, или во время похода на любой переправѣ. Оба показанія были тождественны, потому рѣшено было съ того времени ограждать лагерь усиленною стражею, дабы войско не подвергалось опасности отъ нерадѣнія. Такъ какъ хорунжій коронный (Конецпольскій) ушелъ впередъ съ слишкомъ слабымъ отрядомъ, то для усиленія его былъ отправленъ ротмистръ Янъ Соколъ съ отрядомъ въ 1200 человѣкъ.

Іюня 19. Пройдя одну милю съ половиною и встрѣтивъ на пути нѣсколько весьма трудныхъ переправъ, мы расположи-

лись лагеремъ между мѣстечками Струмильцемъ и Берестечкомъ, на берегу рѣки Стыри, окаймленной по обѣ стороны широкими полосами болотъ. Здѣсь мы простояли нѣсколько дней, ожидая прихода поголовнаго ополченія дворянъ, которые на силу собирались, а также устройства переправы у Берестечка, которую король приказалъ изготовить какъ можно поспѣшнѣе.

Того-же дня прислано было извѣстіе отъ коронного хорунжія. Получивъ подкрѣпленіе, онъ хотѣлъ совершить подвигъ для пользы Рѣчи Посполитой и снискать себѣ славу; взявъ отрядъ въ 3,500 человѣкъ, онъ направился къ Дубну, желая соединиться съ Суходольскимъ и аттаковать козаковъ, возвращавшихся съ добычею. Но, прибывъ того-же дня въ Дубно, онъ получилъ точное извѣстіе, что козаки, возвращавшіеся съ добычею изъ Олыки, направились не прямо въ лагерь Хмельницкаго, но, опасаясь встрѣчи съ нашимъ войскомъ, вмѣсто Дубна пошли къ Острогу. Хорунжій сообразилъ, что догнать ихъ невозможно, ибо они тронулись съ мѣста еще въ минувшій четвергъ, и потому, не желая напрасно утомлять войска, воздержался отъ этого предпріятія. Замѣтивъ однако, что козаки изъ лагеря Хмельницкаго постоянно снуютъ въ той мѣстности небольшими отрядами, въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, собирая провіантъ по селамъ, онъ отправилъ на слѣдующій день своего ротмистра, Ѳому Стржалковскаго, съ отрядомъ въ 400 человѣкъ для ихъ истребленія. Стржалковскій въ тотъ же день наткнулся въ трехъ миляхъ отъ Дубна, въ дубенской-же волости, на небольшой таборъ, въ которомъ находилось нѣсколько сотъ козаковъ. Не смотря на храбрую защиту, онъ изрубилъ ихъ, другихъ прогналъ и, захвативъ десятка два въ плѣнъ, возвратился назадъ.

Въ тотъ-же день разъѣздъ нашъ, встрѣтивши татаръ у Почаева, былъ разгромленъ и возвратился съ извѣстіемъ или, правильнѣе, съ предположеніемъ, что ханъ уже соединился съ Хмельницкимъ, ибо татары стали отправляться въ разъѣзды, чего прежде не осмѣливались дѣлать по причинѣ своей малочисленности.

Іюня 20. Карлъ Корніактъ привелъ въ лагерь хорошую козацкую хоругвь, нанятую на его счетъ.

Пріѣхали монахи изъ почаевскаго монастыря, извѣстные измѣнники и ненавистники *ляховъ* [1]). Они просили короля дать

[1]) Слово это употреблено въ подлинникѣ.

имъ охранный универсалъ для безопасности отъ нашихъ солдатъ. Просьба эта вызвала толки и предположенія (о которыхъ и раньше носились слухи), будто козаки рѣшились отступить въ Украину, почему монахи и опасаются раздраженія нашего войска; другіе-же утверждали, что поступокъ монаховъ задуманъ измѣннически и предпринятъ исключительно съ тою цѣлью, чтобы увѣрить насъ въ мнимомъ отступленіи козаковъ. Вслѣдъ затѣмъ явились мѣщане изъ Вишневца съ такою-же просьбою. Они утверждали, что у нихъ въ мельницахъ ежедневно бываютъ козаки и что изъ словъ ихъ они увѣрились, что Хмельницкій рѣшилъ окончательно отступить къ Константинову или къ Маначину, объяснивъ черни, что этого требуютъ отъ него татаре, желающіе занять позицію на мѣстѣ открытомъ, болѣе удобномъ для битвы, что въ той мѣстности находятся необозримыя равнины, между тѣмъ какъ настоящая ихъ стоянка находится въ мѣстности неудобной и тѣсной. Мѣщане эти обѣщали, если имъ будетъ выданъ охранный универсалъ, черезъ каждые три дня сообщать извѣстія о движеніяхъ непріятеля.

Іюня 21. Для того, чтобы получить точныя свѣдѣнія о замыслахъ непріятеля, отправленъ былъ Середа, ротмистръ хоругви сандецкаго старосты, храбрый юнакъ, съ отрядомъ въ 700 человѣкъ; ему было поручено придвинуться къ лагерю враговъ и постараться добыть языка. Несомнѣнно, что точное извѣстіе гораздо удобнѣе было-бы получить черезъ лазутчика, не утруждая напрасно людей; языкъ можетъ быть захваченъ только изъ непріятельскаго разъѣзда или изъ числа стражи, оберегающей пасущихся лошадей; трудно ожидать, чтобы онъ могъ знать что-либо о намѣреніяхъ своихъ вождей; между тѣмъ хорошій лазутчикъ можетъ всегда проникнуть въ лагерь, придумавъ вымышленную для себя роль; онъ можетъ присутствовать на сходкахъ и совѣщаніяхъ, многое видѣть, слышать, распросить и доставить гораздо болѣе обстоятельныя извѣстія.

Іюня 22. Въ лагерь пришли двѣ хоругви старосты войницкаго Оссолинскаго: одна козацкая, другая вооруженная на иностранный ладъ. Въ тотъ-же день иностранные отряды нашего войска переправились у города на ту сторону Стыри и заняли мѣсто, предназначенное для лагеря. Вечеромъ того-же дня войсковой судья, гетманскій порутчикъ, Стефанъ Чарнецкій отправился въ разъѣздъ съ отрядомъ въ 1000 рейтаръ, 500 драгунъ и 10 козацкихъ хоругвей; онъ имѣлъ въ виду приблизиться къ ла-

герю враговъ, стараться освѣдомиться о ихъ намѣреніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ попытаться перехватить второй козацкій отрядъ, возвращавшійся изъ-подъ Олыки, о движеніи котораго сообщили языки. Многіе полагали, что главное побужденіе къ посылкѣ этого разъѣзда состояло въ томъ, чтобы посрамить хорунжія коронпаго, предпринявшаго было съ значительными силами разъѣздъ къ Дубну и возвратившагося безъ всякаго успѣха. Дай Господи, чтобы Чарнецкій былъ болѣе счастливъ.

Іюня 23. Польскіе отряды войска стали переправляться черезъ Стырь; но такъ какъ переправы устроены были плохо, то успѣла переправиться только половина отрядовъ. Пока возы переходили черезъ рѣку у города и занимали мѣста въ лагерѣ, конница и пѣхота выстроились въ полѣ, гдѣ король, не желая терять времени, располагалъ ихъ въ боевой строй по новому плану, придуманному Гофвальдомъ. Разстановка эта происходила весьма медленно и безпорядочно; лошади и люди были страшно изморены, какъ отъ палящей жары, такъ и отъ постояннаго передвиженія съ мѣста на мѣсто, и цѣль не была достигнута, ибо половина войска оставалась на той сторонѣ рѣки, и притомъ многіе отряды находились въ разъѣздахъ. Не выполнивъ плана, войско возвратилось въ лагерь. Мы расположились на ночлегъ въ безпорядкѣ, въ разсыпную; еслибы непріятель подступилъ въ то время съ сколько нибудь значительными силами, то могъ-бы причинить намъ значительный уронъ; онъ могъ-бы привести въ замѣшательство любую половину нашей арміи, раздѣленной на двѣ части русломъ рѣки.

Вечеромъ приведенъ былъ языкъ, захваченный въ Кременцѣ; онъ утверждалъ, что Хмельницкій намѣренъ двинуться въ Збаражъ, а оттуда въ Ожіевцы. Такое-же извѣстіе сообщилъ калаузъ (конвойный, проводникъ) брацлавскаго воеводы; онъ заявилъ притомъ, что Хмельницкій потерялъ всякую надежду на приходъ хана; послѣдній будто проникъ было уже на довольно значительное разстояніе, но, узнавъ на пути, что калмыки собрались напасть на Крымъ, разорилъ всю Украину и повернулъ назадъ. Извѣстія эти подтверждали разсказы почаевскихъ монаховъ и мѣщанъ изъ Вишневца; но вскорѣ обнаружилось, что всѣ эти вѣсти были измышлены измѣннически съ разсчетомъ на то, чтобы вызвать у насъ безпечность. Въ тотъ-же день плѣннаго мурзу отправили въ Сокаль, а оттуда приказано было препроводить его въ Варшаву. Дворянскія ополченія стали прибывать къ арміи и располагались

на взгорьяхъ по ту сторону рѣки, въ ожиданіи, пока переправится регулярное войско. Въ тотъ-же день получено было письмо отъ подкоморія мстиславскаго, подвоеводы смоленскаго, писанное изъ Смоленска 20 іюня, объ опасности, угрожающей Литвѣ, и о вторженіи въ нее козаковъ черезъ предѣлы великаго княжества московскаго, вѣроятно съ разрѣшенія московскаго правительства. Вотъ текстъ этого письма:

„Нападеніе на Рославль, о которомъ я васъ извѣщалъ, привело къ тому, что сволочь эта заняла Рославль безъ борьбы и безъ кровопролитія, ибо находившіеся тамъ въ весьма незначительномъ количествѣ шляхтичи, а также и подстароста бѣжали изъ Рославля. Подстароста явился сюда очень посрамленный и со слезами повѣствовалъ о своемъ бѣдствіи; въ сущности винить его нельзя, ибо если бы онъ и остался на посту, то, съ помощью десятка лишь дворянъ, не могъ бы оказать сопротивленія. Прошу вашу милость доложить объ этомъ королю и вѣрить истинѣ этихъ словъ. Рославль занятъ врагами 16 іюня, ночью съ четверга на пятницу. Непріятельскій отрядъ состоитъ изъ 7,000 человѣкъ, при нихъ семь пушекъ. Всѣ они имѣютъ прекрасныхъ лошадей и сами одѣты въ бѣлыя свитки. Они прошли черезъ московскіе предѣлы и въ Брянскѣ приводили въ порядокъ свои сотни и окончательно снаряжались. Первое извѣстіе объ нихъ получено было, когда они отправили впередъ разъѣзды для собиранія провіанта. Мосты для переправъ въ московской землѣ они сами себѣ строили съ царскаго разрѣшенія. Какъ я уже писалъ о томъ вашей милости, они получили царскую грамоту къ пограничнымъ воеводамъ, разрѣшавшую пропустить ихъ еще на русскаго Николая (9 мая); но Брянскій воевода задержалъ ихъ и послалъ просить вновь царскаго распоряженія, такъ какъ наши послы находились въ то время въ столицѣ. Приказано было задержать козаковъ впредь до выѣзда пословъ, а послѣ ихъ отпуска (они уже возвратились въ Смоленскъ) пропустить. Изъ Брянска возвратился посланный туда лазутчикъ. Онъ посѣщалъ бояръ, живущихъ въ окрестности Брянска, особенно-же Леонтьева и Семеева. Послѣдняго, я полагаю, ваша милость помнитъ; вы встрѣчали его, веселящагося у меня, въ послѣднюю вашу бытность. Это человѣкъ очень хорошій; онъ передалъ мнѣ весьма обстоятельныя извѣстія. По его словамъ, по царскому указу и по распоряженію брянскаго воеводы, мѣстные бояре провожали козацкое войско. Онъ даже назвалъ лично всѣхъ бояръ, а именно провожатыми были: онъ

самъ, Тимофей Голыновъ, Федоръ Безобразовъ, Алексѣй Требашный, Константинъ Мясоѣдовъ и до двадцати другихъ, именъ которыхъ лазутчикъ не помнитъ. Изъ Брянска въ Рославль они вели козаковъ по слѣдующему маршруту: Брянскъ, Леденево, Бирощекъ, Миловники, Клевитовъ, Новоселки, Черебинъ, Хорошково, Жарево. Люстрацію войска (по московски *смотръ*) [1]) производили въ Брянскѣ въ четвергъ, т. е. 15 іюня; войска оказалось 4,000, и имъ приказано было немедленно готовиться въ походъ. Московскаго войска очень много расположено на границѣ. Послы наши не имѣли въ Москвѣ успѣха: имъ отъ имени царя данъ былъ такой отвѣтъ: „управьтесь сами со своими хлопами, а потомъ уже я вамъ окажу помощь противъ татаръ". Ясно изъ этого, на сколько искренно относятся къ намъ въ Москвѣ. Такъ какъ притомъ они не обѣщали прислать къ намъ своего посольства и постоянно поступаютъ вѣроломно, то я полагаю, что, вслѣдъ за отправкою нашихъ пословъ, слѣдуетъ ожидать вторженія ихъ войска подъ Смоленскъ. Сегодня я опять получилъ точное извѣстіе, что начальникъ этой сволочи, Тарасенко, уже разослалъ разъѣзды изъ Рославля: одинъ въ Прудки и Череповъ, лежащій въ восьми миляхъ отъ Смоленска, другой—въ Ельню и Дорогобужъ; послѣднимъ городомъ они овладѣли, захватили въ немъ пушки и запасъ пороху, склонили къ бунту всѣ окрестныя волости и намѣрены изъ Дорогобужа идти на Кричевъ, Мстиславъ, Могилевъ и Оршу и затѣмъ, овладѣвъ этими городами, покуситься взять приступомъ Смоленскъ. Пожаръ приближается къ намъ; уже хлопы у насъ бунтуютъ, а между тѣмъ я не располагаю никакими средствами защиты. Въ разъѣзды мнѣ некого послать, кромѣ козаковъ, обязанныхъ службою за земли [2]); но послѣдніе не годятся для разъѣздовъ: отправивъ ихъ, я бы только доставилъ врагамъ языковъ, ибо козаки эти на клячахъ, взятыхъ отъ сохи, не въ состояніи ничего сдѣлать и сами безъ нужды погибнутъ. Изъ числа помѣщиковъ здѣсь нѣтъ никого; они медлятъ, затѣяли созвать сеймикъ, а между тѣмъ враги уже опустошаютъ страну, овладѣваютъ селами и съ каждымъ днемъ усиливаются и становятся опаснѣе. Проводивъ посланниковъ, я намѣренъ немедленно, сегодня-же, затвориться въ замкѣ съ ничтожнымъ отрядомъ солдатъ; между тѣмъ

---

[1]) Слово это въ подлинникѣ по русски.

[2]) Въ подлинникѣ: „jeżeli nie gruntowego kozaka".

пѣхота ропщетъ, вчинаетъ распри и несогласія; я-же не имѣю ни денегъ, ни провіанта, потому не смѣю рѣшительно распорядиться и не могу положиться на солдатъ, запасъ хлѣба въ Смоленскѣ незначителенъ, словомъ: я не въ состояніи помочь бѣдѣ. Во время послѣдней осады Смоленска, запасовъ было вдоволь и ихъ свозили отовсюду. Рожь во время осады стоила шесть злотыхъ, между тѣмъ какъ теперь уже за нее платятъ больше 10 злотыхъ и слѣдуетъ ожидать постояннаго повышенія цѣнъ. Одному Богу извѣстно, кто будетъ вкушать новый хлѣбъ; урожай въ волѣ Господней и долго придется ожидать его. При казакахъ находится отрядъ въ 600 всадниковъ московскихъ татаръ. Благоволите, ваша милость, извѣстить обо всемъ этомъ немедленно короля и гетмановъ, не колеблясь и не сомнѣваясь въ достовѣрности этихъ извѣстій. Я вполнѣ беру на себя отвѣтственность и потому благоволите немедленно сообщить королю все содержаніе этого письма".

Въ тотъ-же день получены извѣстія о возстаніяхъ хлоповъ какъ въ великой Польшѣ, такъ и въ Подгоріи, возлѣ Кракова, подстрекаемыхъ разными лицами, вѣроятно подосланными Хмельницкимъ съ тою цѣлью, чтобы отвлечь наши силы бунтами, вспыхивающими въ разныхъ мѣстностяхъ. Прежде всего получены слѣдующія показанія, отобранныя на допросѣ въ Любачевѣ [1]) отъ арестованныхъ измѣнниковъ, главнымъ же образомъ отъ Андрушки Ворожбитовича изъ Подымщины:

„Въ пятницу послѣ дня святой Тройцы, т. е. 2-го іюня 1651 года. Годъ тому назадъ передъ жнивами я ушелъ изъ дому по причинѣ долговъ, и отправился въ Езерну и въ Зборовъ; на пути меня встрѣтилъ мой близкій родственникъ, священникъ Яцко Пицунъ изъ Жукова, проживающій нынѣ въ селѣ Иваницы, въ окрестности Гадяча. Онъ спросилъ меня: „куда ты ходилъ?" Я отвѣтилъ: „въ Зборовъ и въ Езерну". Онъ мнѣ сказалъ: „садись на мою повозку! Я хотѣлъ было навѣстить брата въ Жуковѣ, но раздумалъ;—ѣздить туда опасно". Я поѣхалъ съ нимъ и прожилъ въ его домѣ до Пасхи, а къ Свѣтлому Воскресенію я отправился въ Кіевъ. Изъ Кіева пошелъ въ Васильковъ, гдѣ гостилъ въ теченіи недѣли у родственниковъ, откуда отправился въ Паволочь и тамъ оставался три дня въ домѣ моего шурина;

---

[1]) Любачевъ городъ, принадлежавшій къ белзскому воеводству, нынѣ находится въ жолковскомъ округѣ Галиціи. Зборовъ и Езерна—мѣстечка въ злочевскомъ округѣ.

въ Паволочь въ то время собирался кіевскій полкъ, въ составѣ котораго было болѣе 2,000 человѣкъ; я слышалъ, что они собирались въ походъ въ Литву. Изъ Паволочи я вышелъ вмѣстѣ съ двумя товарищами; мы отправились въ Любаръ, а оттуда на Волынь; здѣсь насъ ограбили козаки, но потомъ въ числѣ ихъ встрѣтился мой знакомый Яцко Мутянка изъ Цѣшанова; онъ узналъ меня, возвратилъ намъ всѣ отнятыя вещи и пригласилъ съ собою въ Тарнополь. Мы пришли въ козацкій лагерь Хмельницкаго, расположенный между Тарнополемъ и Езерною. Оттуда мы отправились въ Сассовъ[1]) вмѣстѣ съ Яцкомъ, заявившимъ, что онъ пойдетъ съ нами навѣстить своего брата, живущаго въ Сассовѣ. Едва мы вышли въ поле, на насъ напалъ отрядъ волоховъ, которые меня взяли въ плѣнъ, товарищи-же мои убѣжали къ козакамъ". — Все это Ворожбитовичъ показалъ на предварительномъ допросѣ, но потомъ, когда его подвергли пыткѣ, сказалъ, что священникъ Пицунъ отправилъ его на родину съ тою цѣлью, чтобы онъ уговорилъ братьевъ и родственниковъ священника переселиться въ Украину, а проживающій въ Гадячѣ Яцковскій далъ ему такое-же порученіе къ своему сыну, что Яцко Мутянка, козакъ изъ Цѣшанова, похвалялся переселить въ Украину своихъ братьевъ, а священникъ Пицунъ говорилъ ему о томъ, что Хмельницкій послалъ приглашать къ себѣ орду, что онъ отъ Яцка Мутянки слышалъ, будто Хмельницкій отправилъ въ Польшу 150 шпіоновъ, переодѣтыхъ нищими, а козаки полка Богуна сказывали ему, что имъ приказано было двигаться вдоль по берегу Днѣстра, вмѣстѣ съ другимъ отрядомъ козацкимъ въ 4000 человѣкъ и съ половиною татаръ, бывшихъ при Хмельницкомъ, стараясь истребить польское войско, стоявшее у Каменца, что въ Литву отправили другую половину орды съ Васькомъ Чегринцемъ, что туда-же посланъ былъ и Крыса, но послѣднему потомъ приказано было возвратиться и что сынъ Хмельницкаго остался дома и долженъ дождаться прихода орды и прійти вмѣстѣ съ нею. Козаки говорили ему также, что великій коронный гетманъ посылалъ въ орду гонца съ цѣлью отклонить хана отъ союза съ Хмельницкимъ; но татаре не обратили на это вниманія и отвѣтили, что постараются гетмана вторично взять въ плѣнъ. О польномъ гетманѣ Калиновскомъ они выра-

---

[1]) Сассовъ мѣстечко въ злочевскомъ округѣ.

жались такъ: „его если-бы мы и захватили, то отпустили-бъ, потому что онъ хорошій человѣкъ“.—О королѣ, по словамъ ихъ, татары выражались съ озлобленіемъ, упрекали его въ нарушеніи мира, подтвержденнаго присягою и угрожали въ отмщеніе перерѣзать поголовно все народонаселеніе въ его владѣніяхъ.—Эти угрозы татаръ побудили, будто, главнымъ образомъ подсудимаго выйти изъ козацкаго лагеря, такъ какъ онъ желалъ предупредить своего отца объ угрожавшей опасности. Далѣе онъ показалъ: Яцко Мутянка говорилъ ему, что онъ разъ уже поджегъ замокъ въ Цѣшановѣ и намѣренъ поджечь оный вторично, равно какъ и городскія постройки, а Яцковскій похвалялся, что когда онъ отправится въ походъ, то будетъ искать случая, чтобы захватить въ плѣнъ белзскаго старосту. Въ дальнѣйшихъ показаніяхъ допрашиваемый оговорилъ слѣдующихъ лицъ: какого-то подмастерія портного изъ Любачева, имя котораго онъ забылъ,—Чупчаковскаго, Мотычина и Кашуба изъ села Брусьня, четырехъ крестьянъ изъ села Басьни, названій которыхъ не помнитъ, Грыцька Поповича изъ Ловчи, Данилика изъ Подымщины, Андрушка изъ Цеблева, Андрушка изъ Тушкова, Андрушка и Хведька изъ Жабца, которые похвалялись, что уже дважды поджигати городъ Белзъ и намѣрены были вновь оный поджечь,—Ивана Вычинскаго, слугу пана Домарадзкаго изъ Жолкви, который въ числѣ другихъ долженъ былъ отправиться въ окрестности Ярославля, Якова Поляка изъ Олыки, который пошелъ въ Люблинъ, двухъ жителей изъ Перемышля, которые отправились въ Краковъ. По словамъ допрашиваемаго, онъ, вмѣстѣ съ двумя товарищами Андрушкомъ и Хведькомъ изъ Жабца, имѣлъ порученіе отправиться черезъ Мосты въ Белзъ, всѣмъ поименованнымъ лицамъ поручено было подстрекать народъ къ возстанію и жечь города; сборный пунктъ для нихъ назначенъ былъ въ окрестности Замостья, руководителемъ же всѣхъ состоялъ священникъ Андрей изъ Цѣшанова—онъ каждому указывалъ маршрутъ и направленіе пути, поручалъ все внимательно наблюдать и возвращаться въ лагерь Хмельницкаго. О Яцкѣ Мутянкѣ прибавилъ, что тотъ уговаривалъ ихъ взять въ плѣнъ белзскаго старосту, если они его застигнутъ въ Цѣшановѣ. О козацкомъ войскѣ показалъ, что оно очень многочисленно и что орда еще не пришла; исчислилъ 12 полковъ, а именно: 1) Полкъ чигиринскій Хмельницкаго, 2) полкъ изъ Варвы — полковникъ Косачъ, 3) полкъ черкасскій — полковникъ Иванъ Маткевичъ, 4) полкъ уманскій—полковникъ Григорій Державовскій, 5) полкъ бѣлоцер-

ковскій—полковникъ Грушка, 6) полкъ Богуна, 7) полкъ Кривоносика, 8) полкъ изъ Сахновки—полковникъ Гаркуша, 9) полкъ корсунскій—полковникъ старый Андрей Губайло, 10) полкъ паволоцкій — полковникъ Войтъ, 11) полкъ хвастовскій — полковникъ Иванъ Дзикъ, 12) полкъ боровицкій—полковникъ Хведько.

Вслѣдъ затѣмъ изъ Великой Польши получено было извѣстіе о такомъ-же подстрекательствѣ къ бунту; оно заключалось въ письмѣ отъ пана Твардовскаго, намѣстника познанскаго епископа. Письмо писано въ Калишѣ 4 іюня. Оно слѣдующаго содержанія: „Хоругвь познанскаго кастеляна доставила намъ сюда арестанта, задержаннаго паномъ Недзвѣдзкимъ, арендным владѣльцемъ села Кроликовецъ. Онъ назвалъ себя шляхтичемъ Сѣрадзкаго воеводства, Радомскаго повѣта, по фамиліи Кулаковскимъ; мать его, урожденная Вольская, пользуется гербомъ—разщепленная стрѣла. Онъ служилъ прежде въ войскѣ челядникомъ у разныхъ пановъ, въ послѣднее время у старосты Бржезинскаго во время похода подъ Пиляву, а потомъ у пана Гойскаго, въ хоругви Бутлера, квартировавшей въ Острешовѣ; послѣ Зборовскаго похода онъ заболѣлъ и былъ оставленъ хоругвью. Въ это время съ нимъ встрѣтился нѣкто Петръ Гржыбовскій, который сказывалъ о себѣ, будто онъ возвратился изъ татарскаго плѣна и собираетъ милостыню для уплаты выкупа; въ удостовѣреніе этого Гржыбовскій имѣлъ свидѣтельство отъ коронныхъ гетмановъ за ихъ подписями и печатями, но свидѣтельство это было, вѣроятно, подложно, такъ какъ онъ его не показывалъ въ шляхетскихъ домахъ, а лишь тамъ только, гдѣ пановъ не было: въ селахъ, городахъ и мѣстечкахъ или при встрѣчѣ съ людьми необразованными и неопытными. Гржыбовскій пригласилъ Кулаковскаго идти вмѣстѣ; передъ масляною они пришли въ Познань и тамъ остановились на квартирѣ въ рынкѣ, въ маленькомъ домѣ Якова Колодѣя, куда собралась цѣлая компанія неизвѣстныхъ лицъ. Гржыбовскій, напоивъ Кулаковскаго, предложилъ ему поступить въ ихъ общество, обѣщая богатую добычу и впослѣдствіи награду, если онъ согласится стать съ нимъ за одно, если будетъ соблюдать тайну и приметъ дѣятельное участіе въ общемъ дѣлѣ. Кулаковскій изъявилъ согласіе и подтвердилъ оное присягою. Дѣятельность членовъ компаніи должна была состоять въ слѣдующемъ: притворясь нищими, освѣдомляться о состояніи и зажиточности шляхетскихъ дворовъ и подстрекать крестьянъ къ возстанію противъ пановъ, особенно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ власть послѣднихъ была особенно тяжела,

какъ, напримѣръ, въ мѣстности между Познанемъ и Межиричемъ. Гржыбовскій сообщилъ ему, что подъ его начальствомъ въ Великой Польшѣ находится 80 человѣкъ, во всей же Польшѣ до 2,000 подъ главнымъ начальствомъ какого-то полковника Стасенка. Кромѣ Гржыбовскаго, онъ зналъ еще до 20 лицъ изъ его компаніи, но по большей части не знаетъ ихъ именъ; онъ могъ назвать только слѣдующихъ: двухъ Островскихъ—старшій изъ нихъ имѣетъ большую черную бороду, ѣздитъ въ повозкѣ на сѣрой лошади и показываетъ двухъ обезьянъ, изъ которыхъ одна, большая и слѣпая, пріучена просить милостыню; другой Островскій моложе и называетъ старшаго дядею. Кромѣ того допрашиваемый назвалъ Остроленцкаго и Пясецкаго, которыхъ ростъ, тѣлосложеніе и примѣты подробно описалъ; другихъ фамилій не припомнилъ. Всѣ они условились, послѣ того какъ поголовное ополченіе дворянъ тронется въ походъ, собраться въ мѣстности между селомъ познанскаго епископа—Ціонженемъ и лѣсомъ, принадлежащимъ аббату Ляндскому—въ деревняхъ: Ковалевкѣ, Ярошинѣ, Ляндкѣ и Воли. Тамъ они устроятъ совѣщаніе и отправятся въ разныя мѣста по указанію Гржыбовскаго. Они пріймутся тогда поджигать гумна, села и города, грабить дома и дворы шляхтичей, бунтовать хлоповъ, словомъ: творить всякое зло. Онъ сообщилъ слѣдующія примѣты предателей: Гржыбовскій—мужчина рослый, среднихъ лѣтъ, лице покрыто оспинками, усы черные, волосы острижены въ кружекъ; онъ не владѣетъ двумя пальцами лѣвой руки: указательный торчитъ неподвижно и не сгибается, мизинецъ-же согнутъ контрактурою; у конца лѣвой брови черный шрамъ отъ залѣченной раны. Пясецкій человѣкъ рослый, лѣтъ около 40; лѣвое плечо у него выше праваго, женатъ, разъѣзжаетъ въ повозкѣ на бѣлой лошади. Младшій Островскій также большого росту, не владѣетъ правою рукою.

Вчера мы судили Кулаковскаго согласно всѣмъ предписаніямъ закона и приговорили подвергнуть его пыткѣ.

Изъ письма пана Адама Недзвѣдзкаго отъ 7 іюня изъ Кроликовецъ видно, что въ лѣсу у Кроликовецъ предатели стали собираться и укрѣпляютъ валами свою стоянку. Числомъ они достистигаютъ 2,000, ротмистромъ ихъ состоитъ Гржыбовскій; многіе ходятъ въ одеждѣ пилигримовъ, ксендзовъ и даже женщинъ и высматриваютъ нужное. Они сожгли уже нѣсколько мельницъ.

Получены новыя письма изъ Литвы, въ которыхъ извѣщаютъ, что нѣкто Фокса (sic), посланный Хмельницкимъ для того, чтобы поднять крестьянское возстаніе, идетъ на Могилевъ съ отрядомъ въ 20,000 человѣкъ. Извѣстіе это сильно встревожило короля и весь дворъ. *(Продолженіе будетъ).*

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

(Приложеніе къ статьѣ: Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ. «Кіев. Ст.» февр. и март. кн. 1882 г.).

(Окончаніе).

Ольцкія подъокружныя школы, академическія, о трехъ учителяхъ.

Проректоръ ксендзъ Матвѣй Романевскій, ольцкій (каѳедральный) схоластикъ.

Учители: 1 кл. ксендзъ Иванъ Хмѣлевскій,

„ математики и физики Иванъ Лучинскій,

„ краснорѣчія и права ксендзъ Уловичъ.

Осмотръ этихъ школъ производилъ ксендзъ Эдмундъ Попель-Брошніовскій, докторъ богословія и философіи, проректоръ луцкихъ школъ, на правахъ уполномоченнаго визитатора. Осмотръ начатъ 5, оконченъ 8 іюля 1789 г. Вотъ какъ онъ пишетъ объ этомъ:

Объ осмотрѣ объявлено въ засѣданіи.

Всѣхъ учениковъ 54 [1]).

Осмотръ классовъ. Въ присутствіи нѣсколькихъ почетныхъ лицъ (фамиліи которыхъ означены въ рапортѣ), послѣ обычной рѣчи, началъ осмотромъ 1 класса, продолжавшимся 3 часа. На математику употреблено болѣе трехъ часовъ, на физику и право около 4 часовъ (о всѣхъ предметахъ во всѣхъ классахъ говорится въ рапортѣ съ похвалою учителямъ).

Учители, при усиленной заботливости ксендза проректора, стараются, насколько можно, поставить обученіе на ту точку,

---

[1]) Въ 1786 г. было здѣсь 106 учениковъ, а въ 1792 г. 100. Въ разсматриваемое время сокращеніе числа учениковъ зависѣло отъ плохаго состава учителей, хотя визитаторъ и хвалитъ ихъ, какъ бывшихъ своихъ учениковъ, и отъ отсутствія преподавателей иностранныхъ языковъ.

на которой оно стоитъ всюду. Говорю: *насколько можно*, потому что, не имѣя никакихъ математическихъ приборовъ, они не могутъ заниматься практической геометріей, или—когда ни учители, ни ученики не имѣютъ ни одного циркула, то нельзя заниматься рисованіемъ. Ксендзъ-схоластикъ проректоръ, просвѣщенный и весьма заботливый о пользѣ учениковъ и объ исполненіи всѣхъ установленій пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, даетъ для пользованія (pożycza) собственныя географическія карты. Учитель краснорѣчія и права, ксендзъ Уловичъ, бывшій ученикъ луцкихъ школъ, получившій медаль въ 1787 году, человѣкъ степенный, старательный и довольно способный. Учитель математики и физики, ксендзъ Лучинскій, такъ же бывшій ученикъ луцкихъ школъ, получившій медаль въ 1786 году, имѣетъ хорошія способности къ этому предмету, старателенъ, степененъ, обучалъ этимъ предметамъ два года. Нынѣ онъ слушаетъ лекціи въ главной школѣ. Учитель 1 класса ксендзъ Янъ Хмѣлевскій учитъ другой годъ. Онъ уже не способенъ къ преподаванію, къ тому же заикается; но на жалованье въ 1020 злотыхъ лучшаго нельзя найти.

Окончивъ осмотръ классовъ, я объявилъ ученикамъ, что фамиліи болѣе старательныхъ изъ нихъ я помѣщу въ рапортѣ; тѣмъ, которые не ровно занимались, я сказалъ, что фамиліи ихъ тогда только будутъ напечатаны и отечество тогда только будетъ видѣть въ нихъ опору, когда они хорошо окончатъ курсъ ученія: пускай и ждутъ этого въ силу того только, что когда то хорошо начали оное.

Школьныя записи. Минуя другія книги, которыя мною подписаны, скажу только о слѣдующихъ: въ книгу мѣсячныхъ экзаменовъ вносимы были только фамиліи наиболѣе старательныхъ учениковъ,—я указалъ, какъ нужно вести записи въ ней; книги объ особыхъ событіяхъ и происшествіяхъ [1]) не имѣется,—ксендзъ-схоластикъ проректоръ объясняетъ, что въ мѣстечкѣ, какъ Олыка, кромѣ торговъ и ярмарокъ, ничего замѣчательнаго не бываетъ.

Личныя бесѣды. Я имѣлъ особыя бесѣды съ гг. служащими, начиная съ ксендза-схоластика проректора. Изъ нихъ я узналъ, что на будущій годъ математика останется безъ учителя. Объ

---

[1]) Рекомендовавъ уставъ. Многіе не понимали, что именно нужно вносить въ эту книгу.

этомъ я тотчасъ письменно донесъ главной школѣ; но на скудное жалованье въ 200[1]) злотыхъ, вмѣстѣ за математику и физику, она не могла прислать въ Олыку учителя.

Богослуженіе производится по уставу.

Иностранные языки. Одинъ изъ директоровъ, прибывшій изъ-за цесарской (австрійской) границы, обучаетъ нѣмецкому языку. Такъ какъ онъ училъ не по обязанности и безъ опредѣленныхъ условій, то просилъ, чтобы ученики что-нибудь заплатили ему за его трудъ. Но это не состоялось, а потому онъ обучаетъ теперь только двухъ учениковъ. Этотъ директоръ имѣетъ произношеніе *австрійское,* говоритъ по навыку, учить правиламъ языка не умѣетъ.

Экзамены частные и публичные. Экзамены производятся ежемѣсячно. Одинъ изъ нихъ былъ опущенъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, по причинѣ тревоги въ краѣ и приближавшихся праздниковъ (Пасхи). На публичныхъ испытаніяхъ обыкновенно бываютъ тѣ гости, которые присутствовали и на испытаніи во время визитаціи. Больше ихъ и ожидать нельзя въ неуѣздномъ городкѣ.

Физическое воспитаніе. Во время рекреацій дѣти играютъ въ мячъ, бѣгаютъ до назначенной меты. Въ теченіе года всѣ пользовались здоровьемъ.

Директоры оказываютъ должное уваженіе учителямъ, представляютъ мѣсячные рапорты, провожаютъ дѣтей въ школы и въ костелъ.

Ученики награжденные медалями. Хотя ученикъ III класса Григорій Лопуховичъ не изъ лучшихъ въ математикѣ, но принявъ во вниманіе, что это произошло не по недостатку прилежанія въ немъ, а по недостаточности первоначальныхъ основаній въ этомъ предметѣ, вынесенныхъ изъ низшихъ классовъ,—что все собраніе учителей засвидѣтельствовало объ усиленномъ старанія его въ настоящее время и отлично рекомендовало его въ поведеніи,—что въ прочихъ предметахъ, какъ я самъ убѣдился, онъ значительно успѣлъ, вслѣдствіе сего, уважая болѣе усиленное трудолюбіе, чѣмъ таланты, часто безплодные, я назначилъ ему (серебренную) медаль его королевской милости, вмѣстѣ съ Дезидеріемъ Тачановскимъ, ученикомъ II класса.

---

[1]) Т. е. за вычетомъ суммы, положенной на общій столъ.

Пособія образованію. Фундаторы олыцкихъ школъ, кн. Радзивиллы, назначили въ пользованіе ихъ бенефиціи: колковскую, ямпольскую и казимиржецкую; но луцкіе епископы воспротивились этому, и бенефиціи остались въ исключительномъ пользованіи ихъ владѣльцевъ, кромѣ казимиржецкой, на которую назначеніе зависитъ отъ коллегіата (школъ). По сношенію пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія съ кн. Радзивиллами и съ луцкимъ епископомъ, можно бы возвратить школамъ бенефиціи колковскую и казимиржецкую, доходы съ которыхъ поступали бы частію поссесорамъ (изъ учителей, получающихъ ихъ въ награду), частію на викарныхъ (священниковъ). Ямпольская бенефиція, какъ далеко отстоящая отъ школъ, именно въ кременецкомъ повѣтѣ, не могла-бы быть полезна для этой цѣли.

Распоряженія. 1) На основаніи постановленія пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, собраніе учителей, по знакомству съ родителями учениковъ, имѣетъ убѣждать ихъ вносить плату, слѣдуемую директорамъ, на руки начальника школъ, выставляя имъ въ томъ собственную ихъ и дѣтей ихъ пользу. 2) Учители обязаны ежемѣсячно исповѣдываться въ установленные для этого дни. 3) Ксендзъ и проректоръ имѣютъ заблаговременно предъ началомъ учебнаго года представить въ главную школу для утвержденія вѣдомость объ учителяхъ, избранныхъ на слѣдующій годъ. 4) Подтверждено распоряженіе прошлогодней визиты (пунктъ 2), о томъ, чтобы учитель краснорѣчія разговаривалъ съ учениками, а ученики III класса говорили съ нимъ и между собою не иначе, какъ на языкѣ латинскомъ [1]).

Желанія. Собраніе служащихъ проситъ поспѣшить изданіемъ учебниковъ и увеличить ихъ содержаніе. Вслѣдствіе скуднаго жалованья, въ 200 злотыхъ, учитель математики ксендзъ Янъ Лучинскій отказывается отъ дальнѣйшей службы. Ксендзъ проректоръ доселѣ получалъ добавочныхъ 100 злотыхъ, — на дальнѣйшее время ему отказано въ этой прибавкѣ...

---

[1]) Шляхта, болѣе и болѣе недовольная правительствомъ и принимавшая угрожающее положеніе, поколебала наконецъ стойкость коммисіи просвѣщенія. Въ 1788 г. въ угоду ей, предписано старшимъ ученикамъ говорить полатыни. Въ концѣ 1789 года она „разрѣшила“ побуждать къ тому же и учениковъ низшихъ классовъ! При поверхностномъ грамматическомъ изученіи языка, можно судить, что за латынь являлась въ говорѣ учениковъ! Она далеко должна была перещеголять латынь іезуитскую...

Владимірскія [1]) *подъокружныя школы базиліанскія, о шести учителяхъ.*

Ректоръ *коллегіи* (т. е. не только школъ, но монастырей, имѣній и проч.), проректоръ школъ ксендзъ Александръ Баранскій.

---

[1]) Лукашевичъ, какъ и авторы: *Starożytna Polska*, ничего не знаютъ о происхожденіи этихъ школъ. Между тѣмъ это одна изъ древнѣйшихъ русскихъ школъ на югѣ Руси, какъ это дознано по мѣстнымъ документамъ визитаторомъ 1788 года. По словамъ его (въ визитѣ) школы во Владимірѣ основаны стараніемъ и иждивеніемъ брестскаго каштеляна Ипатія Поцея, скоро за симъ принявшаго санъ епископа владимірскаго, въ которомъ онъ пріобрѣлъ такую грустную извѣстность въ исторіи православной церкви и русскаго народа. Въ 1595 году Поцей исходатайствовалъ для этихъ школъ привиллегію Сигизмунда III и поручилъ ее монахамъ чина св. Василія. Помѣщеніе для этихъ школъ онъ отвелъ въ каѳедральныхъ зданіяхъ и содержалъ ихъ на счетъ своихъ доходовъ. Умирая онъ завѣщалъ имъ 3500 злотыхъ. Епископы, преемники Поцея, Глинскій и Залѣсскій продолжали содержать эти школы такъ же на свой счетъ, но постояннаго фундуша не назначили для нихъ. Должно полагать, что затѣмъ устроенный базиліанскій орденъ, принявъ въ свое вѣдѣніе эти школы, содержалъ ихъ изъ своихъ средствъ. Что обученіе въ этихъ школахъ не прекращалось, это извѣстно изъ привиллегіи, данной владимірскимъ базиліанскимъ школамъ Августомъ III въ 1746 году и свидѣтельствующей, что владимірскіе базиліане издавна (od niemałego czasu) содержатъ школы и „учатъ дѣтей шляхетскихъ хорошо, старательно, съ немалою пользою". Въ 1768 году король Станиславъ Понятовскій подтвердилъ эти привиллегіи. Послѣ перваго раздѣла Польши владимірскіе базиліане потеряли почти все, чѣмъ въ послѣднее время надѣляли ихъ благотворители: земельныя угодья ихъ отошли къ Австріи, войска которой притомъ забрали у нихъ провизіи на 15 тысячъ злотыхъ. Въ 1782 въ первый разъ осмотрѣлъ эти школы визитаторъ коммисіи просвѣщенія Головчичъ. Онъ нашелъ въ нихъ: учителей съ префектомъ 5, классовъ 4, учениковъ 380, помѣщенія деревянныя, никуда негодныя, фундушъ крайне убогій; не было ни книгъ, ни геометрическихъ снарядовъ; Альваръ господствовалъ надъ всѣмъ обученіемъ. (Archivum. Краковъ. 1877 г. кн. 1, стр. 38—40). Коммисія просвѣщенія обратилась съ просьбой къ фундаторкѣ бывшей владимірской іезуитской миссіи подарить мѣстнымъ школамъ поіезуитскій костелъ. Но вѣрная своимъ духовнымъ отцамъ, фундаторка Садовская объявила, что она лучше желаетъ видѣть этотъ костелъ въ развалинахъ, чѣмъ въ рукахъ не-іезуитовъ. Наконецъ въ 1786 году Садовская убѣдилась въ своемъ напрасномъ ожиданіи возвращенія іезуитовъ и уступила костелъ базиліанамъ подъ условіемъ, чтобы они выстроили новый домъ для школъ. Коммисія просвѣщенія съ своей стороны назначила въ пособіе этимъ школамъ 2000 злотыхъ. Дѣятельность базиліанъ оживилась, какъ оживилась она и всюду подъ вліяніемъ непріязни польско-католической, особенно проэкта 1787 года объ уничтоженіи православія и уніи. Не смотря на свои крайне скудныя средства, владимірскіе базиліане съумѣли поставить свои школы такъ, что онѣ стояли на ряду съ кременецкими, считавшимися наилучшими на Волыни и Украйнѣ, учредили 6 классовъ съ 6 учителями, завели преподаваніе не только нѣмецкаго и французскаго, но итальянскаго и англицкаго языковъ, и привлекали въ свои школы весьма

Проповѣдникъ и вице-ректоръ ксендзъ Аврелій Сулятицкій.

Префектъ школъ ксендзъ Юліанъ Антоновичъ, состоитъ вмѣстѣ и учителемъ физики, а также языковъ итальянскаго и аглицкаго.

Учители: I класса ксендзъ Макарій Гибинскій,
„ II „ ксендзъ Іассонъ Гедройцъ,
„ математики—ксендзъ Іосафатъ Слободскій,
„ физики—ксендзъ Юліанъ Антоновичъ, префектъ,
„ нравственности и права—ксендзъ Амвросій Калиновскій.

Преподаватели: языковъ нѣмецкаго и славянскаго—ксендзъ Амвросій Калиновскій, учитель права;
„ французскаго — ксендзъ Иларіонъ Хмѣлевскій, учитель краснорѣчія;
„ итальянскаго и аглицкаго—ксендзъ Юліанъ Антоновичъ.

Генеральный осмотръ этихъ школъ произведенъ ксендзомъ Брошніовскимъ (Попелемъ), проректоромъ луцкихъ школъ, уполномоченнымъ со стороны генеральнаго визитатора,—начатъ 25, оконченъ 29 іюня. Ксендзъ Брошніовскій объявилъ о своемъ полномочіи въ собраніи служащихъ, на которомъ распрашивалъ обо всемъ, что относится къ преподаванію, а на другой день приступилъ къ осмотру классовъ. Объ этомъ и о дальнѣйшихъ своихъ занятіяхъ онъ пишетъ въ своемъ рапортѣ слѣдующее.

Осмотръ классовъ. Число учениковъ—337. Хотя это число учениковъ было отъ начала учебнаго года, однако при посѣщеніи мною классовъ ихъ оказалось всего 259. Уменьшеніе учениковъ произошло по случаю поступленія однихъ въ военную службу и отъѣзда другихъ въ домы родителей, вслѣдствіе тревоги, произведенной на Волыни частію извѣстіями о готовившемся бунтѣ, частію насильными вербунками. Добровольно поступило въ военную службу 14 учениковъ.

значительное число учениковъ. Король Станиславъ Понятовскій посѣтилъ эти школы въ 1787 году по дорогѣ въ Каневъ; ученики привѣтствовали его здѣсь на шести языкахъ (исключая русскаго!). Владимірскіе базиліане, польщенные этимъ визитомъ, съ особеннымъ рвеніемъ стали заботиться о патріотизмѣ учениковъ.

Испытаніе учениковъ 1 класса продолжалось три съ половиною часа. По предметамъ религіи я спрашивалъ всѣхъ учениковъ, по прочимъ предметамъ—только лучшихъ изъ нихъ, по особому списку, составленному для этого учителемъ. Иногда я спрашивалъ и такихъ, которые не были помѣщены въ этомъ спискѣ, для убѣжденія, дѣйствительно-ли они мало успѣли. Тѣмъ, которые не отвѣчали на вопросы, я выставлялъ на видъ, какъ не хорошо находиться въ средѣ не успѣвающихъ, а напротивъ для отвѣчавшихъ удовлетворительно я не щадилъ похвалъ. Кромѣ испытанія въ наукахъ я просматривалъ тетради чистописанія и нашелъ, что многіе изъ учениковъ имѣютъ начатки хорошаго письма. Испытаніе II и III классовъ продолжалось по три часа, IV—четыре часа, V—три съ половиною часа, VI класса, наименьшаго по числу учениковъ, два часа.

Префектъ и учители. Префектъ ксендзъ Антоновичъ уже десять лѣтъ служитъ въ школахъ. Онъ—просвѣщенный и трудолюбивый человѣкъ. Я исполнилъ порученіе пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія и выразилъ ректору Баранскому ея почтеніе и память о немъ [1]). Мнѣ кажется, что на будущій годъ слѣдовало-бы оказать подобное вниманіе и ксендзу префекту, достойному того, такъ какъ все управленіе школами и весь порядокъ въ нихъ отъ него зависятъ и имъ поддерживаются, хотя онъ и обязанъ докладами ректору. Исполненіе двухъ обязанностей—префекта и учителя физики и естественной исторіи, особенно-же преподава-

---

[1]) Мы не знаемъ, откуда такое вниманіе коммисіи просвѣщенія къ ректору. Всѣ визитаторы отзываются, что ректоры базиліанскихъ коллегій почти не занимаются школами, а только интересами своего ордена, и часто не присутствуютъ при визитаціяхъ. Надзоръ надъ школами принадлежитъ префекту. Визитаторъ 1788 года весьма невыгодно отзывается о состояніи преподаванія и успѣховъ въ владимірскихъ школахъ. По отзыву его, первый классъ оказался совсѣмъ плохъ: второй классъ—лучше перваго, но въ ариѳметикѣ также плохъ. Прочіе классы брали только памятью, безъ всякаго пониманія. Ученики не имѣли почти никакихъ свѣдѣній по исторіи и праву и „самъ учитель не знакомъ съ естественнымъ правомъ", такъ что визитаторъ долженъ былъ долго наставлять его въ понятіи объ этомъ предметѣ и указать источники для преподаванія его. Но визитаторъ съ большею похвалою отозвался о военной выправкѣ учениковъ. „Ни въ одной школѣ я не видѣлъ такого совершенства въ физическомъ воспитаніи, какъ здѣсь. Военныя упражненія учениковъ представляли прекрасный видъ и, по мнѣнію офицеровъ, присутствовавшихъ при этомъ вмѣстѣ со мною, производимы были съ точностью". Не этотъ ли отзывъ о военныхъ упражненіяхъ вызвалъ лестное вниманіе коммисіи просвѣщенія къ ректору?

теля аглицкаго и итальянскаго языковъ— не легко для него. Я совѣтовалъ ему ходатайствовать предъ своимъ орденскимъ начальствомъ объ увольненіи его отъ учительскихъ обязанностей и оставленіи при одной префекторской должности. Онъ сказалъ, что и самъ объ этомъ думаетъ. Если орденское начальство не согласится на просьбу его, по скудости суммъ, то помогло-бы представленіе со стороны главной школы. Имѣя больше времени, онъ могъ бы посвятить его на физическіе опыты и наблюденія. Вслѣдствіе заботливости его о томъ, чтобы доказать обывателямъ достоинства нынѣшняго образованія, учители усердно трудятся надъ образованіемъ молодежи.

Учитель 1 кл., мнѣ кажется, имѣетъ среднія способности, если только неясность и медленность въ отвѣтахъ учениковъ не происходила отъ несмѣлости, вслѣдствіе перваго опыта ихъ въ этой практикѣ (отвѣтомъ предъ визитаторомъ).

Учитель краснорѣчія показалъ отличныя способности въ этомъ предметѣ и трудолюбіе. Учитель права показалъ меньше чѣмъ среднія способности; но онъ очень старателенъ, что доказалъ, какъ обиліемъ матеріала, преподаннаго ученикамъ, такъ и успѣхами учениковъ.

Иностранные языки. На испытаніе въ этихъ предметахъ посвящено было полтора часа. Преподаватель нѣмецкаго языка показался мнѣ мало знающимъ свой предметъ; успѣхи учениковъ въ этомъ предметѣ вѣроятно зависятъ отъ прежнихъ преподавателей. Въ французскомъ языкѣ ученики достаточно успѣли. Преподаватель довольно хорошо знаетъ этотъ языкъ. Переводили съ аглицкаго и итальянскаго подъ руководствомъ ксендза префекта Антоновича, который, по свидѣтельству многихъ знатоковъ, отлично знаетъ эти языки. Читали скоропись славянскую и русское (!) письмо. Аглицкому языку учится только одинъ ученикъ, прочимъ—по нѣскольку десятковъ. Найболѣе успѣвшіе въ языкахъ показаны мною въ особомъ приложеніи.

По окончаніи испытанія учениковъ, продолжавшагося болѣе двадцати часовъ, поздравивши лучшихъ учениковъ (съ отличіемъ), пожелавъ имъ найбольшихъ успѣховъ и увѣривъ ихъ въ несомнѣнной пользѣ ученія въ будущемъ, я объявилъ ученикамъ, что охотно приму всякаго изъ нихъ въ слѣдующій день, если кто-либо изъ нихъ пожелаетъ заявить мнѣ о какихъ-либо своихъ нуждахъ. Однако ни одинъ ученикъ не пришелъ, кромѣ двухъ, которые въ то время, какъ я уже выѣзжалъ изъ города, оста-

новили меня въ предмѣстьи на дорогѣ и просили о перемѣщеніи ихъ въ луцкія школы, что одноко я отложилъ на дальнѣйшее время.

Кандидаты. Ни одинъ изъ учениковъ не выразилъ желанія приготовляться къ поступленію въ академическое сословіе (на учебную службу). Предъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Владиміра, ксендзъ префектъ доложилъ мнѣ объ одномъ ученикѣ, желающемъ приготовить себя къ учительской службѣ. Но, не нашедши этого ученика въ спискѣ найболѣе успѣвшихъ и избранныхъ мною для награжденія, я не хотѣлъ помѣстить его въ своемъ рапортѣ. Префектъ объяснялъ незначительный успѣхъ его въ этомъ году тѣмъ, что онъ долго болѣлъ лихорадкой. Такъ какъ этотъ ученикъ еще только въ пятомъ классѣ, то я рѣшилъ, чтобы онъ подождалъ съ своимъ намѣреніемъ до слѣдующаго года.

Школьныя записи. Я подписалъ ихъ. Но не всѣ онѣ исправны. Записи вновь поступающихъ учениковъ сдѣланы не по образцу, положенному подъ № 15 при уставѣ, и въ нихъ нѣтъ мѣста для записыванія выбывающихъ учениковъ Не записываются въ нихъ также (отдѣльно) ученики, переходящіе изъ другихъ школъ и не отмѣчаются училищныя свидѣтельства ихъ. Описаніе происшествій въ школѣ (domowych) ведется не такъ, чтобы оно могло послужить для составленія или объясненія мѣстной (krajowej) исторіи. Въ нихъ помѣщены только рѣчи, которыми привѣтствуемы были проѣзжія особы и описанія публичныхъ экзаменовъ. Обѣ эти книги также велись и прежде, во время прошлогодней визитаціи; но я не рѣшился сдѣлать выговоръ за неисправность, чтобы это не было сочтено за соперничество между школами—сосѣдями, въ чемъ существуетъ здѣсь предъубѣжденіе. Не заведена книга для описанія открытій и важныхъ опытовъ. Учители заявили, что, обязанные постоянно присутствовать въ школахъ, они не имѣютъ времени, ни даже необходимыхъ пособій для производства опытовъ. Не было также книги для отмѣтокъ поведенія учениковъ во время мѣсячныхъ экзаменовъ, равно какъ и книги протоколовъ о сдачѣ должностей. Я вновь подтвердилъ завести эти книги.

Богослуженіе. Литургія въ обыкновенные дни совершается въ классѣ по той причинѣ, что еще не окончены работы въ подаренномъ пресвѣтлою коммисіей просвѣщенія [1]) костелѣ (по-іезу-

[1]) Точнѣе—Садовской.

итскомъ). Въ праздники однако она совершается въ этомъ костелѣ.

Экзамены мѣсячные и публичный. Въ мартѣ и апрѣлѣ не было экзаменовъ, потому что ученики разбѣжались въ страхѣ отъ угрожавшей рѣзни и отъ насилій вербунковъ. Въ другіе мѣсяцы и годы, какъ свидѣтельствуетъ описаніе школьныхъ происшествій, экзамены бываютъ исправно. На публичныхъ испытаніяхъ охотно присутствуютъ обыватели, если имъ случится на тотъ часъ быть во Владимірѣ. Хотя они и показываютъ, что весьма довольны нынѣшнею системою образованія, однако между ними нѣтъ ни одного, имя котораго можно было-бы огласить, какъ благодѣтеля просвѣщенія. Объ этомъ, на основаніи инструкціи главной школы, я собиралъ свѣдѣнія.

Конвиктъ. По причинѣ скудости фундуша, мѣстныя школы содержатъ конвиктъ для шляхетскихъ дѣтей, безъ помощи котораго не было-бы возможности содержать школъ. Всѣхъ конвикторовъ 15; они живутъ въ отдѣльномъ домѣ и ходятъ на уроки въ школы.

Директоры держатъ себя въ должномъ повиновеніи начальству и почтеніи къ учителямъ. Родители не вносятъ слѣдуемой директорамъ платы на руки префекта, а часто не хотятъ платить и директорамъ.

Приходскія школы. На вопросъ мой о нихъ мнѣ сказали, что есть одна школа въ трехъ миляхъ (отъ Владиміра) въ *Локачахъ*, при мѣстной фарѣ, а другая, такъ-же въ разстояніи трехъ миль, въ *Юржискѣ* содержится базиліанами. Я осмотрѣлъ эти школы и рапортъ о нихъ особо представилъ въ главную школу.

Личныя бесѣды. На основаніи ихъ составлена рубрика: *желанія служащихъ.*

Физическое воспитаніе. Въ теченіе этого года дѣти пользовались хорошимъ здоровьемъ, хотя многіе болѣли перемежающейся лихорадкою. Въ рекреаціонные дни они занимаются военными упражненіями и практическою геометріей. Въ присутствіи моемъ они, въ числѣ 100, показывали (czynili popis) свои успѣхи въ военномъ искусствѣ, а потомъ отборными голосами пѣли пѣсню, составленную ксендзомъ префектомъ и возбуждающую стародавнее польское мужество.

Награда его королевской милости. По окончаніи болѣе чѣмъ двадцатичасоваго испытанія, убѣдившись въ особенныхъ способностяхъ Францишка Висневскаго, сына черняховскаго згродскаго

судьи, въ его успѣхахъ во всѣхъ наукахъ не только сравнительно съ товарищами, но и съ учениками высшаго класса, а такъ же въ его успѣхахъ во всѣхъ языкахъ, исключая славянскаго, узнавши, что онъ старается больше и больше совершенствовать себя посредствомъ чтенія книгъ, которыя онъ выпрашиваетъ у учителей, сожалѣющихъ о слабости глазъ его,—я назначилъ этому Францишку Висневскому, ученику V класса, золотую медаль. На серебренныя медали избраны Антоній Рожанскій и Викентій Шолайскій, сынъ судьи владимірскаго, такъ же ученики V класса.

Препятствія образованію. Я распрашивалъ о нихъ, и въ засѣданіи, и при личныхъ бесѣдахъ, не распространяютъ ли напримѣръ монахи вражды къ нынѣшней системѣ образованія, нѣтъ ли гдѣ частныхъ пансіоновъ, отвлекающихъ молодежъ отъ публичныхъ школъ. Собраніе не знаетъ ни о какихъ подобныхъ случаяхъ.

Распоряженія. 1) Должны быть заведены: книга протоколовъ о сдачѣ должности и книга объ успѣхахъ и поведеніи, показанныхъ учениками на мѣсячныхъ экзаменахъ; первая всегда должна быть наготовѣ, въ послѣднюю вписывать, что слѣдуетъ послѣ каждаго мѣсячнаго экзамена. 2) Безъ патентовъ (отъ школъ, въ которыхъ прежде учился) не должны быть принимаемы въ школы даже шляхетскія дѣти. Кто явится безъ патента, задержать его и письменно снестись о высылкѣ документовъ его. 3) Я просилъ собраніе такъ же тщательно и старательно заботиться объ успѣхахъ молодежи и въ будущемъ, какъ оно заботилось доселѣ.

Желанія служащихъ. 1) Благоволитъ главная школа представить пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія о необходимости поспѣшить изданіемъ остальныхъ учебниковъ. 2) Собраніе проситъ пресвѣтлую коммисію просвѣщенія удостоить и здѣшнія школы тою же милостію, какая сдѣлана другимъ школамъ дозволеніемъ увеличить число физическихъ и математическихъ инструментовъ и исчислить расходъ, необходимый на производство опытовъ, а такъ же нанять солдата для обученія военнымъ упражненіямъ, съ покрытіемъ расходовъ на эти предметы. 3) Алгебра, при своей обширности и при двухъ часахъ (въ недѣлю) для лекцій, не можетъ быть окончена.

Славянская грамматика. Такъ какъ ксендзъ Журавскій въ этомъ году перемѣщенъ (провинціаломъ) въ Литву, то ректоръ письмомъ

по почтѣ сообщилъ (провинціалу же) постановленіе пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія относительно славянской грамматики [1]).

Осмотръ оконченъ обычнымъ способомъ.

Острожскія [2]) подъокружныя школы базиліанскія о четырехъ учителяхъ.

Ректоръ мѣстной коллегіи, состоящій проректоромъ школъ, не вписывается въ актъ визиты и не присутствовалъ въ засѣданіи совѣта.

---

[1]) Уставъ допускалъ обученіе славянскому языку въ числѣ необязательныхъ предметовъ, но не сдѣлалъ никакихъ указаній о преподаванія его, совершенно игнорируя его во всѣхъ работахъ о распорядкахъ преподаванія и отчетности въ немъ. Въ распоряженіяхъ коммисіи просвѣщенія не было никакихъ упоминаній и вопросовъ о немъ. Визитаторы такъ же не считали нужнымъ давать отчетъ о положеніи его, упоминая только иногда о томъ, что базиліане учатъ славянскому чтенію. 1787 годъ—время появленія проэкта объ уничтоженіи уніи и православія—вызвалъ ожесточенные нападки на русиновъ со стороны однихъ и притворное вниманіе къ нимъ со стороны другихъ. Визитаторъ 1787 года, въ обзорѣ владимірскихъ школъ, выражаетъ сожалѣніе, что базиліане учатъ съ большимъ успѣхомъ, и нѣмецкому, и французскому, и англицкому, и итальянскому языкамъ, а „о своемъ природномъ (rodovitem) славянскомъ языкѣ забыли", почему онъ поручилъ ректору просить провинціала назначить въ владимірскія школы учителя этого языка. На слѣдующій учебный годъ назначенъ былъ учителемъ славянскаго языка базиліанинъ Журавскій. Визитаторъ 1788 г. нашелъ въ немъ хорошаго преподавателя и рекомендовалъ коммисіи просвѣщенія поручить ему составить славянскую грамматику. Предложеніе со стороны коммисіи просвѣщенія послѣдовало, но въ слѣдующемъ году провинціалъ перевелъ Журавскаго въ Литву. Тѣмъ дѣло и окончилось.

[2]) Не будемъ говорить о первой, столь извѣстной въ исторіи югозападной Руси, острожской школѣ, основанной преснопамятнымъ княземъ Конст. Конст. Острожскимъ. Прошло всего нѣсколько лѣтъ со времени смерти этого знаменитаго защитника православія и борца противъ козней іезуитовъ, какъ внучка его Анна, вступившая въ бракъ съ великимъ гетманомъ литовскимъ Яномъ Карломъ Ходкевичемъ, оказалась, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, такъ же происходившемъ изъ русскаго православнаго рода, страстною почитательницей іезуитовъ. Въ 1624 году она вызвала ихъ въ Острогъ, устроила для нихъ великолѣпныя зданія, снабдила нѣсколькими помѣстьями (Княгининъ, Мощеницы, Березовъ) и другими доходными статьями и поручила имъ содержать высшую школу. Іезуиты устроили здѣсь коллегію, въ которой обучали и высшимъ наукамъ: философіи и богословію. Къ этой коллегіи принадлежали іезуитскія резиденціи въ Кременцѣ, Овручѣ и Винницѣ, а такъ же нѣсколько миссій. Послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена явилась было мысль воспользоваться величественными и обширными зданіями ихъ для устройства въ нихъ особаго для южнорусскихъ областей польскаго университета. Но недостатокъ средствъ не дозволилъ осуществить этотъ проэктъ. Коммисія

Префектъ ксендзъ Павелъ Кучевскій,
Учитель 1-го класса ксендзъ Граціанъ Крупскій,
„ математики ксендзъ Мартинъ Скибинскій,
„ краснорѣчія и права ксендзъ Маркелъ Дычаковскій,
„ физики ксендзъ Иннокентій Костюкевичъ,

Преподаватели: нѣмецкаго языка—ксендзъ Мартинъ Скибинскій, учитель математики; французскаго языка—ксендзъ Граціанъ Крупскій, учитель 1-го класса.

Генеральный осмотръ произведенъ ксендзомъ Лукою Свѣбоцкимъ, ректоромъ волынскаго округа, который началъ таковой 15, окончилъ 17 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Школьныя записи. Тѣ изъ нихъ, которыхъ не было въ прошломъ году, теперь заведены. Нашедши тѣ и другія въ порядкѣ, я подписалъ ихъ.

Состояніе и управленіе школъ. Префектъ имѣетъ надзоръ за всѣмъ порядкомъ. Ректоръ внимательно относится къ назначенію учителей, избираемыхъ провинціаломъ (ордена). Не смотря на стараніе учителей, учениковъ въ этихъ школахъ мало. Лекціи идутъ установленнымъ порядкомъ; учебники (изданные коммисіей просвѣщенія) введены. Тѣ предметы, по которымъ еще не изданы учебники, изучаются: краснорѣчіе—по руководству автора de Colonia [1]), съ объясненіями Цицерона, Квинтиліана, Тацита и др.; физика—по Гонорату [2]); право—по отрывкамъ изъ сочиненій Строй новскаго и Скшетульскаго [3]); огородничество, минералы и земледѣліе—по сочиненіямъ Клюка [4]). Правда, что уроки по этимъ предметамъ отнимаютъ много времени, которое ученики принуждены

просвѣщенія передала эти зданія базиліанамъ, имѣвшимъ свой монастырь въ Гощи, подъ условіемъ содержать въ нихъ подъокружныя школы. Но на содержаніе этихъ школъ она назначила имъ изъ іезуитскаго наслѣдства только небольшое имѣніе Курозваны и по 2000 злотыхъ, тогда какъ содержаніе однихъ зданій требовало большихъ расходовъ. Къ тому же костелъ іезуитскій, во время случившагося въ Острогѣ пожара, сгорѣлъ и вмѣсто пособія школамъ коммисія просвѣщенія должна была нести большіе расходы на возобновленіе этого обширнаго костела. Изъ обширной іезуитской библіотеки и музея базиліанамъ досталась только малая доля; все прочее расхищено то самими іезуитами, то пріемщиками имущества ихъ.

[1]) *Decolonia Dominik. De arte rhethorica libri quinque.* Lublin. 1712. 1754. 1763.

[2]) Точнаго заглавія этой книги нѣтъ ни въ одной изъ польскихъ библіографій.

[3]) О руководствахъ этихъ лицъ мы упоминали въ своемъ мѣстѣ.

[4]) Тоже.

тратить на списываніе (въ классѣ подъ диктовку). Но, взвѣшивая хорошіе успѣхи однихъ учениковъ и слабые успѣхи другихъ, я нашелъ, что причиною послѣднихъ были и другія обстоятельства, именно: а) недостаточное число директоровъ, которые могли бы повторять съ учениками уроки въ квартирахъ; б) частыя заболѣванія лихорадкою, по причинѣ которыхъ множество учениковъ во время моего посѣщенія имѣли видъ блѣдный, изнуренный; наконецъ, в) теперешнія замѣшательства, вслѣдствіе которыхъ родители для безопасности забирали своихъ дѣтей въ свои домы, а потомъ не во время представили ихъ въ школы, чѣмъ причинили имъ значительный ущербъ въ наукахъ.

Число учениковъ. Всѣхъ учениковъ считалось до 155 [1]). Я засталъ ихъ всего 102, такъ какъ однихъ родители изъ боязни не вернули вновь въ школы, другіе же сами ушли, особенно изъ найболѣе возрастныхъ, опасаясь вербовки въ солдаты. Посѣщеніе классовъ и спрашиванье, совмѣстно съ учителями, продолжалось два дня, всего около 14 часовъ.

Посѣщеніе классовъ. Въ присутствіи острогскаго духовенства, офицеровъ полка великой булавы и дамъ, ученики старшихъ трехъ классовъ испытываемы были по краснорѣчію, физикѣ, нравственности, праву, а такъ же огородничеству и земледѣлію. Переводы классическихъ авторовъ и сочиненія на латинскомъ языкѣ, читанныя учениками, убѣждали мущинъ, что въ школахъ существуютъ достаточныя упражненія въ латинскомъ языкѣ; физическіе опыты забавляли дамъ. Что касается моего собственнаго наблюденія, то я нашелъ даже въ первомъ классѣ такихъ учениковъ, которые прекрасно отвѣчали; тѣмъ болѣе—въ высшихъ классахъ, въ которыхъ и самый возрастъ, и собственный опытъ болѣе даютъ свѣта. Мало нашлось такихъ, которые отвѣчали бы хорошо по всѣмъ предметамъ: однихъ нужно было выводить на дорогу, другіе обнаруживали силу памяти и недостатокъ соображенія. Тѣмъ не менѣе нашлись и такіе, которые во всѣхъ предметахъ оказались успѣвшими настолько, чтобы заслужить награду.

Награда его королевской милости. Для наградъ медалями избраны слѣдующіе ученики, подающіе несомнѣнную надежду на успѣхи и въ дальнѣйшіе годы: ученикъ IV класса Гавріилъ Гач-

---

[1]) Въ прежніе годы число учениковъ бывало всегда гораздо значительнѣе. Въ 1785 году было ихъ 245.

ковскій, ученикъ III класса Янъ Рафаловскій и Петръ Соболевскій, новоградскій хорунжичъ, ученикъ II класса.

Директоры. Нѣкоторые изъ нихъ уѣхали вслѣдствіе замѣшательствъ; оставшіеся исполняютъ свои обязанности.

Иностранные языки. Успѣхи въ французскомъ языкѣ оказались средними, въ нѣмецкомъ—лучшими.

Музей. Стараніемъ учителя математики устроены цѣпь и палки въ дополненіе къ геометрическимъ инструментамъ, присланнымъ правительственною коммисіей [1]).

Богослуженіе. Хотя кармелиты дали пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія обѣщаніе пособлять (базиліанамъ) въ совершеніи религіозныхъ обрядовъ для учениковъ, однако базиліане сами исполняютъ всѣ богослуженія, предписанныя уставомъ.

Физическое воспитаніе. Ксендзъ префектъ уже упредилъ намѣреніе пресвѣтлой коммисіи и еще въ маѣ завелъ военныя упражненія, упросивши офицеровъ, квартирующихъ въ зданіи коллегіи, командировать для этого солдата.

Порученія. Во избѣжаніе пересудовъ, гг. служащіе въ школахъ должны прекратить сценическія упражненія. Въ случаѣ публичнаго акта, съ произнесеніемъ рѣчей самими монашествующими или учениками, эти рѣчи, для избѣжанія порицаній со стороны общества, должны быть предварительно прочитаны въ засѣданіи совѣта [2]). 2) Ксендзъ префектъ и учители постараются приличными способами склонить родителей къ тому, чтобы они, для собственной пользы, вносили плату директорамъ на руки префекта. 3) Не назначать въ директоры такихъ учениковъ, которые не были признаны способными на предшествовавшихъ экзаменахъ.

Заявленія. Учители просятъ главную школу ходатайствовать, дабы пресвѣтлая коммисія поспѣшила изданіемъ остальныхъ учебниковъ, такъ какъ имъ приходится слишкомъ много тратить времени на составленіе и диктовку уроковъ въ высшихъ классахъ.

Осмотръ оконченъ обычнымъ порядкомъ.

---

[1]) Визитаторъ 1788 года не нашелъ въ этихъ школахъ ни одного геометрическаго прибора.

[2]) Визитаторъ 1788 года, излагая причины слабыхъ успѣховъ учениковъ острожскихъ школъ, между прочимъ пишетъ: „два раза въ году устрояются здѣсь діалоги—безъ всякаго вкуса. Лучшихъ учениковъ выводятъ при этомъ на сцену и заставляютъ играть какія либо смѣшныя роли, напр. жида, хлопа и т. п., что, какъ сами ученики заявляли мнѣ, отнимаетъ у нихъ много времени“

Шарогродскія подъокружныя школы [1]) *базиліанскія о 4-хъ учителяхъ.*

Ректоръ коллегіи—проректоръ школъ ксендзъ Демкевичъ,
Префектъ ксендзъ Лука Сульжинскій,
Учители: 1 кл. кс. Ѳеодосій Токарскій,
„ математики кс. Амплеатъ Шелеховскій,
„ физики кс. Яцекъ Громачевскій,
„ краснорѣчія и права кс. Патрикій Концевичъ.

Генеральный осмотръ этихъ школъ произведенъ ксендзомъ каноникомъ Вжещемъ, ректоромъ украинскаго округа; начатъ 1, оконченъ 4 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Школьныя записи. Всѣ онѣ содержатся въ надлежащемъ порядкѣ и мною подписаны.

Учениковъ 300 (по визитѣ 1782 г. учениковъ 600).

Посѣщеніе классовъ. Преподаваніе производится на основаніи росписанія предметовъ въ школахъ о 4 учителяхъ. Испытаніе учениковъ продолжается въ теченіи двухъ дней по четыре часа ежедневно утромъ и пополудни. Оно начато и кончено было рѣчью (обращенною къ ученикамъ и учителямъ). По краснорѣчію, поэзіи и праву успѣхи оказались весьма слабыми. Въ слѣдующемъ году краснорѣчіе и право будетъ преподавать ксендзъ Корычковскій, окончившій курсъ въ главной школѣ; надѣюсь, что тогда успѣхи будутъ гораздо лучше [2]).

---

[1]) Визитаторъ 1788 года, на основаніи разсмотрѣнныхъ имъ мѣстныхъ документовъ, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о шароградскихъ школахъ. „Издавна базиліане поселились въ сосѣдней съ Шароградомъ деревнѣ Калиновкѣ. Въ 1746 году князь Станиславъ Любомирскій, воевода кіевскій, перемѣстилъ ихъ въ Шароградъ, свое помѣстье, и поручилъ имъ устроенныя иждивеніемъ его школы. Въ 1764 году летичевскій подстолій Андрей Годземба-Вардынскій назначилъ сумму, на проценты которой доселѣ содержатся учители философіи и богословія (studia). Новый владѣлецъ Іосифъ Сосновскій устроилъ новыя помѣщенія для школъ на иномъ мѣстѣ. Коммисія просвѣщенія отпускаетъ на содержаніе этихъ школъ по 2000 злотыхъ. Платятъ *subsidii charitatis* 1400 злот. Лукашевичъ не имѣлъ этихъ свѣдѣній. На основаніи визиты 1784 года, онъ сообщаетъ только свѣдѣнія (обыкновенно неблагопріятныя) о состояніи этихъ школъ въ томъ же годѣ (т. IV, стр. 266—267), именно: учениковъ было до 600, однако, по нерадѣнію и невѣжеству базиліанъ, школы находились въ самомъ плохомъ состояніи; базиліане не хотѣли праздновать католическихъ праздниковъ и своихъ учениковъ-католиковъ—заставляли присутствовать только на богослуженіяхъ по восточному обряду.

[2]) Тутъ какое-то со стороны визитатора должно быть недоразумѣніе, или—мѣстная интрига. Генеральный визитаторъ 1788 г. Крисинскій отзывается о преподавателѣ Концевичѣ слѣдующимъ образомъ: „Здѣсь имѣется рѣдкій по усердію и способностямъ учитель краснорѣчія и права ксендзъ Патрикій Концевичъ, обучавшійся въ главной

Награда его королевской милости. Награждены серебренными медалями (патентами на медали) слѣдующіе выдѣляющіеся изъ ряда другихъ успѣхами и прилежаніемъ ученики: Феликсъ Гинтовтъ—Дзѣвялковскій, ученикъ II класса, и Петръ Лескевичъ, ученикъ III класса.

Директорство, богослуженіе, мѣсячные экзамены, годичные экзамены, рапорты директорскіе, посѣщеніе ученическихъ квартиръ, совѣщаніе съ директорами—все это производится точно по уставу.

Порученія. 1) Подтверждается первый пунктъ прошлогодней визиты, именно—чтобы учители, какъ академическихъ, такъ и среднихъ школъ, не принимали учениковъ къ общему своему столу.

2) Изученіе иностранныхъ языковъ, какъ и другихъ предметовъ преподаванія, не должно быть предоставляемо усмотрѣнію учениковъ или родителей ихъ. Въ I и II класахъ ученики обучаются нѣмецкому языку, въ III и IV французскому. Уроки должны быть расположенны такъ, чтобы способные ученики могли по желанію обучаться обоимъ языкамъ.

3) Ученикамъ, окончившимъ курсъ, уставъ позволяетъ оставаться въ послѣднемъ классѣ для усовершенствованія въ нѣкоторыхъ предметахъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ другихъ предметовъ. Такъ какъ примѣръ такихъ учениковъ вредно вліяетъ на усердіе остальныхъ учениковъ, не окончившихъ курса, то для избѣжанія этого вреда, допускать къ занятіямъ одною какою либо наукою только такихъ учениковъ (окончившихъ курсъ), которые или заняты какою либо службою (напр. г. Крыдзинскій даетъ уроки французскаго языка, г. Веселовскій обучаетъ музыкѣ), или, оказавши вполнѣ удовлетворительные успѣхи во всѣхъ наукахъ (до окончанія курса), потомъ, избравши одинъ какой

школѣ. Ни въ одномъ классѣ не нашлось въ чемъ попрекнуть его. Имѣя любовь къ своему предмету и желая болѣе и болѣе совершенствоваться въ немъ, онъ проситъ главную школу ходатайствовать предъ начальствомъ базиліанскимъ, дабы его не устраняли отъ этого предмета". Какимъ образомъ Концевичъ вдругъ сталъ неспособнымъ?—Генеральный визитаторъ 1787 года, проф. Богдановичъ, отзывается о шаргородскихъ школахъ слѣдующимъ образомъ: „Эти школы во время визиты отличились болѣе всѣхъ базиліанскихъ школъ охотою къ наукамъ, трудолюбіемъ и знаменитыми успѣхами учениковъ, не исключая ни одной науки и ни одного класса: во всѣхъ одинаковый успѣхъ. Собраніе учителей состоитъ изъ людей способныхъ, которые учатъ старательно, усердно и заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны пресвѣтлой коммисіи и главной школы.

либо предметъ, постоянно заняты были бы имъ посредствомъ чтенія книгъ, приготовленія диссертацій для публичного прочтенія ихъ, и не тратили бы даромъ времени при свободѣ отъ занятій другими предметами [1]).

Въ заключеніе я выразилъ всему собранію учителей благодарность за точное исполненіе предписаній устава и за почтенные труды ихъ по воспитанію молодежи.

БАРЪ.

Школы подъокружныя базиліанскія о 4-хъ учителяхъ [2]).

Ректоръ коллегіи, проректоръ школъ ксендзъ Андріанъ Андрузкевичъ,
Префектъ ксендзъ Іосафатъ Яницкій,
Учители: I класса ксендзъ Ѳеодосій Ольшанскій,
„ II „ ксендзъ Серафимъ Пыжицкій, субститутъ краснорѣчія [3]),
„ Краснорѣчія и права—ксендзъ Іосафатъ Яницкій, префектъ,

---

[1]) Замѣчаніе визитатора Вжеща, кромѣ общаго своего значенія, могло имѣть въ виду упоминаемый прежними визитаторами обычай шаргородскихъ базиліанъ увольнять отъ изученія нѣкоторыхъ предметовъ тѣхъ изъ учениковъ высшаго класса, которые изъявили желаніе поступить въ *Studia*. Такіе ученики, оставаясь въ школахъ, посѣщали вмѣстѣ и уроки въ *Studia*, ради которыхъ освобождаемы были отъ нѣкоторыхъ предметовъ школьнаго курса. Вжещъ, вообще неблагосклонный къ базиліанамъ, очевидно имѣлъ въ виду устраненіе этой аномаліи въ школахъ. Въ качествѣ окружнаго визитатора, въ 1787 году, онъ распорядился было закрытіемъ *Studia* въ Шаргородѣ, но генеральный визитаторъ отмѣнилъ это распоряженіе въ томъ же году.

[2]) Школы въ Барѣ учреждены первоначально іезуитами на иждивеніе извѣстнаго гетмана польскихъ войскъ Жолкевскаго (1610—1614 г.). Съ помощію другаго извѣстнаго гетмана Конецпольскаго, эти школы выросли въ коллегію. Послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена, при распредѣленіи по-іезуитскаго имущества, великолѣпное зданіе коллегіи оказалось собственностью жидовъ. Коммисія просвѣщенія затруднялась возстановленіемъ этихъ школъ и только въ 1781 году она передала по-іезуитскія зданія мѣстнымъ базиліанамъ подъ условіемъ, чтобы они содержали въ этихъ зданіяхъ школы. Послѣ возвращенія Подолья отъ турокъ къ Польшѣ, въ Барѣ оказались уцѣлѣвшими остатки издавна бывшаго здѣсь монастыря. Князь Доминикъ Любомирскій, владѣлецъ Бара, въ 1715 году отдалъ эти развалины его базиліанамъ. Послѣдніе до самаго уничтоженія іезуитскаго ордена не занимались обученіемъ юношества.

[3]) Субститутами назывались лица, приготовлявшіяся при школахъ къ занятію учительскаго мѣста и потому состоявшія въ подчиненіи учителю того предмета, который готовились преподавать.

Учители: математики—ксендзъ Симеонъ Билинкевичъ,
„ физики—ксендзъ Августинъ Пшыбыльскій,
Преподаватель иностранныхъ языковъ ксендзъ Іосафатъ Яницкій, префектъ.

Осмотръ произведенъ ксендзомъ каноникомъ Вжещемъ, ректоромъ украинскаго округа. Начатъ 6, оконченъ 8 іюля. Изъ рапорта его извлекаемъ слѣдующее.

Число учениковъ 350. Отличные изъ нихъ награждены патентами на серебренныя медали, именно: Михаилъ Скибневскій, мечниковичъ, ученикъ I-го класса [1]), и Ѳедоръ Лисевичъ, ученикъ II-го класса.

Положеніе о директорахъ, мѣсячные и публичные экзамены и т. д. все исполняется по уставу.

Преподаваніе и успѣхи учениковъ я нашелъ не въ лучшемъ видѣ. Ученики высшихъ классовъ оказались довольно слабыми въ поэзіи и правѣ, какъ и учитель этихъ предметовъ, префектъ Яницкій. Въ слѣдующемъ году мѣсто Яницкаго заступилъ ксендзъ Литинскій, изъ Умани, какъ мнѣ кажется, человѣкъ способный.

Порученія. Изученіе иностранныхъ языковъ не должно быть предоставляемо усмотрѣнію учениковъ и родителей ихъ. Ученики I и II классовъ могутъ обучаться нѣмецкому, III и IV—французскому языку. Уроки должны быть распредѣлены такъ, чтобы желающіе могли заниматься обоими языками.

2) Такъ какъ я нашелъ, что здѣсь въ высшей степени неумѣло пользуются дозволеніемъ устава допускать окончившихъ курсъ къ занятіямъ однимъ какимъ либо предметомъ, то, послѣ объясненія этого дѣла въ собраніи учителей и на экзаменахъ, я распорядился, чтобы впредь никто не былъ допускаемъ къ занятіямъ однимъ предметомъ въ какомъ бы то ни было классѣ, пока со временемъ не найдутся такіе, которые вполнѣ были бы того достойны [2]).

---

[1]) Въ слѣдующемъ году учители жаловались генеральному визитатору Трефлеру на несправедливое назначеніе Вжещемъ медали ученику 1 класса, который вслѣдъ затѣмъ покинулъ школу. Трефлеръ нашелъ этого ученика въ каменецкихъ школахъ и велѣлъ ему возвратить медаль на руки префекта барскихъ школъ.

[2]) Визитаторы прежнихъ двухъ лѣтъ весьма неодобрительно отзываются о составѣ барскихъ учителей и объ успѣхахъ учениковъ. Въ описываемое время это была одна изъ самыхъ плохихъ школъ. Причиною такого состоянія этихъ школъ должно при-

Поручается обращать особенное вниманіе на то, чтобы ученики, поступающіе изъ другихъ школъ, не были принимаемы безъ свидѣтельствъ отъ этихъ школъ и чтобы свидѣтельства выдаваемы были только вполнѣ достойнымъ ученикамъ.

4) Нашедши, что нѣкоторыя изъ школьныхъ записей ведутся неисправно, даю рѣшительное предостереженіе по этому предмету.

Визитація окончена обычнымъ порядкомъ.

УКРАИНСКІЙ ОКРУГЪ.

Винницкія [1]) *окружныя школы академическія о шести учителяхъ.*

Ректоръ округа ксендзъ Янъ Вжещъ, каменецкій и кіевскій каѳедральный каноникъ.

Префектъ г. Михаилъ Кубешевскій, докторъ философіи.

Учители: I класса ксендзъ Стефанъ Шидловскій,
„ II „ г. Севастіанъ Порембинскій,
„ краснорѣчія и поэзіи г. Модестъ Колежинскій,
„ математики г. Феликсъ Анцыпа,
„ физики г. Михаилъ Демидовичъ,
„ права г. Матвѣй Мехержинскій,

Проповѣдникъ ксендзъ Матвѣй Венцковскій.

знать тогдашнее положеніе Бара среди огромныхъ болотъ, которыя и доселѣ вполнѣ не осушены, а въ то время дѣлали Баръ однимъ изъ самыхъ нездоровыхъ городовъ, почему способные изъ базиліанскихъ учителей всячески уклонялись отъ назначенія на должность въ этотъ городъ.

[1]) Въ Винницѣ школы учреждены первоначально іезуитами въ 1610—1617 гг., на иждивеніе Валентина-Александра Калиновскаго, генерала подольскаго и старосты брацлавскаго. Устройство школъ въ этомъ пограничномъ городѣ значительно подняло цѣлое пограничье въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ дворянство, имѣя возможности воспитывать своихъ дѣтей на мѣстѣ, охотнѣе оставалось въ своихъ имѣніяхъ и заселяло ихъ. Сами іезуиты въ этомъ городкѣ, значительно удаленномъ отъ центровъ политической и религіозной борьбы, сосредоточивались преимущественно на занятіяхъ воспитаніемъ и потому винницкія школы пріобрѣли уваженіе у мѣстныхъ обывателей и серьезность занятій учителей обратилась здѣсь въ традицію, такъ что и по уничтоженіи іезуитскаго ордена, съ подчиненіемъ винницкихъ школъ краковской академіи, эти традиціи одушевляли новыхъ учителей, которые старались превзойти іезуитовъ въ мнѣніи обывателей. Всѣ визитаторы отзываются съ отличною похвалою объ этихъ школахъ. Эта репутація ихъ была причиною того, что въ 1785 году онѣ возведены на степень окружныхъ, вмѣсто школъ житомірскихъ.

Преподаватели иностранныхъ языковъ: нѣмецкаго—г. Каетанъ Закшевскій, порутчикъ кадетскаго корпуса; французскаго—для начинающихъ тотъ-же Закшевскій, а для успѣвающихъ—г. Демидовичъ, учитель физики.

Генеральный осмотръ произведенъ ксендзомъ Вжещемъ, ректоромъ украинскаго округа; начатъ 25, оконченъ 30 іюня. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Школьныя записи и богослуженіе исполняются точно по уставу.

Домъ, костелъ и школьныя помѣщенія съ каждымъ годомъ приходятъ въ худшее состояніе, по недостатку средствъ на содержаніе ихъ въ надлежащемъ видѣ. Изъ 400 злотыхъ, положенныхъ на *sarta tecta,* содержатся: смотритель зданій, почта, прислужникъ при олтарѣ (zakrystian), сторожъ,—покупаются: вино и свѣчи для богослуженій, газеты, совершенно необходимыя и разрѣшенныя коммисіей просвѣщенія, а между тѣмъ стѣны, крыши, печи, двери, окна, скамьи и все въ этихъ обширныхъ зданіяхъ, въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ, ежегодно приходитъ въ худшее состояніе и все большихъ требуетъ расходовъ на починку. Необходимо назначить единовременно на починку 2000 злотыхъ, а на ежегодное содержаніе по 1000 зл.

Провинціальная касса. Жалованье получено всѣми. Доходы кассы оказываются недостаточными: въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ потребовалась помощь (изъ другихъ кассъ) въ 2000 злот.

Учениковъ 425.

Посѣщеніе классовъ. Испытаніе учениковъ изъ всѣхъ предметовъ происходило въ теченіи двухъ дней по 4 часа утромъ и по 5 часовъ пополудни. Преподаваніе производится на основаніи росписанія, положеннаго въ уставѣ, и по изданнымъ учебникамъ. Исключая 1 класса, во всѣхъ прочихъ классахъ ученики оказали значительные успѣхи.

Иностранные языки. Ученики показали въ нихъ значительные успѣхи, занимается ими не малое количество учащихся. Списокъ ихъ прилагается особо.

Награда его королевской милости. Золотая медаль назначена Стефану Заливскому, чесниковичу, Ливскому, ученику VI класса; серебренныя:—Эдуарду Жолтовскому, ученику V класса, и Григорію Рудавскому, ученику V класса.

Директоры. Всѣхъ 40. Совѣщанія съ ними и надзоръ за ними точно по требованію устава имѣетъ г. префектъ.

Физическое воспитаніе. Г. префектъ посѣщаетъ ученическія квартиры, заботится о порядкѣ въ нихъ, объ опрятности и здоровьи учениковъ. Лучше обученныхъ военнымъ упражненіямъ имѣется до 80; руководитъ ими въ этихъ играхъ ученикъ VI класса Николай Сцисла́вскій, имѣя помощникомъ солдата изъ полка генерала коронной артиллеріи Потоцкаго.

Конвикта и пансіоновъ не имѣется.

Приходскія школы. 1) Въ *Браиловѣ* тринитары обучаютъ дѣтей чтенію и письму, не получая за то никакого вознагражденія и единственно ради того, чтобы дѣти могли имъ потомъ прислуживать при богослуженіи. Эту школу осматривалъ префектъ Кубешевскій. 2) Въ *Немировѣ*, подъ руководствомъ ксендза Шацинскаго, піариста, обучается 25 кадетовъ, на иждивеніи короннаго подкоморія Потоцкаго, безъ опредѣленнаго однако, какъ мнѣ говорили, содержанія [1]).

Порученія. 1) Въ самомъ началѣ учебнаго года имѣетъ быть совѣтъ, на которомъ прочитаны будутъ изъ устава наставленія для учителей и служащихъ и порученія генеральныхъ визитаторовъ, а тамъ составлено будетъ росписаніе хозяйственныхъ расходовъ и всѣхъ распорядковъ по дому, столу и школамъ. 2) Члены учебнаго состава не должны вмѣшиваться въ кругъ интересовъ, принадлежащихъ спеціальному вѣдѣнію начальника заведенія, какъ напр. наемъ помѣщеній, дозволеніе или не дозволеніе пользоваться квартирою или службами въ зданіи, установленіе (ученическихъ) складокъ и помѣщеніе учениковъ въ зданіи коллегіи.

Желанія. 1) Г. Мехержинскій, учитель права, проситъ пресвѣтлую коммисію, дабы возвращены были ему расходы, понесенные имъ при перемѣщеніи его изъ Познани въ Краковъ, оттуда въ Винницу, какъ на переѣздъ, такъ и на доставку книгъ и другихъ вещей его, въ размѣрѣ 340 злотыхъ, т. е. въ такомъ же ко-

---

[1]) Генеральный визитаторъ 1787 года Богдановичъ пишетъ о немировской школѣ, что ксендзъ Шацинскій, вмѣсто школы кадетовъ, на учрежденіе которой коммисія просвѣщенія выдала дозволеніе Потоцкому, содержитъ пятиклассныя школы и полный штатъ учителей, а вмѣсто 12 кадетовъ, опредѣленныхъ штатомъ школы, имѣетъ 168 учениковъ обыкновенныхъ. При этихъ школахъ Шацинскій устроилъ конвиктъ, отъ котораго имѣетъ большія выгоды. Богдановичъ проситъ закрыть эти школы, какъ существующія безъ разрѣшенія коммисіи просвѣщенія и притомъ въ подрывъ интересамъ правительственныхъ школъ, что и было исполнено. Но Шацинскій снова открылъ ихъ...

личествѣ, въ какомъ уплочены они были префекту кременецкому г. Лучевскому.

2) Г. Демидовичъ, учитель физики, на дорогу въ Овручъ [1]), на раскопку горы, на пробныя стекла и т. п. истратилъ 40 злотыхъ болѣе той суммы, которая назначена была ему пресвѣтлою коммисіей. Переѣздъ изъ Кракова въ Винницу потребовалъ отъ него расхода на 54 зл. больше той суммы, какая ему назначена была по таксѣ, установленной восемь лѣтъ назадъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ все вздорожало. Кромѣ того онъ оставилъ винницкимъ школамъ устроенные на свой счетъ физическіе инструменты: барометръ и термометръ въ одной оправѣ, стоившіе 20 злотыхъ,— глобусъ, стоившій 7 злотыхъ, трехсторонная призма—3 злота, электоръ—4 зл., за минералогическіе предметы 12 злотыхъ (не считая тѣхъ, которые онъ самъ собиралъ) [2]). Все это, вмѣстѣ съ суммою 40 + 54 = 94 злот., онъ проситъ пресвѣтлую коммисію возвратить ему.

Въ заключеніе осмотра я отдалъ полную справедливость всему собранію служащихъ, а въ классахъ учителямъ и ученикамъ, успѣвшимъ, за весьма малымъ исключеніемъ, во всѣхъ предметахъ [3]).

Перемѣны. 1) На мѣсто учителя 1 класса Шидловскаго поступилъ ксендзъ Матвѣй Венцковскій; 2) на мѣсто г. Анцыпы поступилъ учителемъ математики г. Смукровскій; 3) на мѣсто префекта Кубешевскаго назначенъ г. Ярковскій изъ Кременца; 4) на мѣсто г. Демидовича, учителя физики, поступилъ г. Витвицкій изъ Житоміра.

---

[1]) Цѣлію командировки Демидовича въ Овручъ вѣроятно было ознакомленіе его съ мастерской физическихъ инструментовъ ксендза Соболевскаго, о которой будетъ сказано при изложеніи осмотра овручскихъ школъ.

[2]) Генеральный визитаторъ 1788 года Крусинскій свидѣтельствуетъ, что Демидовичъ, поступивъ на должность учителя физики, не засталъ въ винницкихъ школахъ ни одного физическаго инструмента и рѣшился самъ приготовлять таковые. Не понятно перемѣщеніе такого полезнаго учителя въ другія школы.

[3]) Тотъ-же генеральный визитаторъ отзывается о винницкихъ школахъ: „изъ всѣхъ провинціальныхъ академическихъ учительскихъ собраній здѣшнее собраніе найлучше понимаетъ свое призваніе и можетъ быть названо счастливымъ". Онъ порицаетъ только учителей: Анцыпу—за опущеніе обязанностей своихъ и Шидловскаго—за неуживчивый характеръ.—Врагами мѣстныхъ школъ Крусинскій признаетъ мѣстныхъ капуциновъ и доминикановъ.

Житомірскія [1]) *подъокружныя школы академическія о 6 учителяхъ*

Проректоръ ксендзъ Янъ Одынецъ, кіевскій каѳедральный каноникъ, депутатъ короннаго трибунала.

Учители: I класса ксендзъ Ксаверій Олендзскій,
„ II „ „ Антоній Капица,
„ краснорѣчія г. Янъ Витвицкій,
„ математики г. Алексѣй Маршевскій,
„ физики г. Павелъ Старнавскій,
„ права г. Антоній Воленскій.

Преподаватель нѣмецкаго языка г. Іосифъ фонъ-Бомъ (Beaums)

Генеральный осмотръ произведенъ проректоромъ ксендзомъ Одынцемъ, начатъ 30 іюня, оконченъ 5 іюля. Изъ рапорта Одынца извлекается слѣдующее:

Учениковъ 519.

Посѣщеніе классовъ. Испытаніе всѣхъ классовъ происходило въ теченіе трехъ дней, 18 часовъ. Значительное большинство учениковъ давали отвѣты и объясненія съ полною сознательностью. При этомъ присутствовалъ галицкій войскій Гаичинскій, имѣющій двухъ сыновей въ уманскихъ школахъ и интересовавшійся порядками и способами обученія въ здѣшнихъ школахъ. Онъ такъ доволенъ былъ успѣхами обученія, что-не смотря на то, что имѣніе его находится въ разстояніи болѣе десяти миль отъ Житоміра, рѣшился перемѣстить своихъ сыновей въ здѣшнія школы.

Нѣмецкій языкъ преподается съ пользою для учениковъ.

Награда его королевской милости. Хотя медали не были еще присланы, однако онѣ назначены слѣдующимъ найлучшимъ ученикамъ: IV класса Викентію Залескому, луцкому ловчичу—золо-

---

[1]) Въ Житомірѣ открыта іезуитская миссія и при ней грамматическая (въ составѣ трехъ классовъ) школа въ 1724 году, на иждивеніи Казиміра Стецкаго. Извѣстный епископъ Андрей Залуский основалъ при этой школѣ *Studium theologiae moralis* (Łukaszewicz, т. 4, стр. 195). Послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена, коммисія просвѣщенія, не смотря на ограниченныя и ветхія деревянныя помѣщенія, оставшіяся послѣ іезуитовъ, рѣшилась открыть въ нихъ окружныя школы, назвавши по имени этого города и цѣлый округъ житомірскимъ (Головчичъ въ своей визитѣ 1782 году рекомендовалъ переименовать его въ украинскій, что потомъ и исполнено) Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что братъ Пирамовича хлопоталъ объ устройствѣ въ Житомірѣ уніатской семинаріи. Искуственное возвышеніе Житоміра, можетъ быть въ противувѣсъ сосѣднему Кіеву, оспаривали другіе города, болѣе удаленные отъ русской границы. Въ 1785 г. округъ учебный перенесенъ въ Винницу, съ переименованіемъ въ украинскій.

тая, Іоакиму Лосинскому, ученику IV класса, и Вавржинцу Маленевскому, ученику III класса, серебренныя.

Мѣсячные годичные экзамены. Первые производятся точно по уставу. На публичныхъ экзаменахъ, которые приходятся на время сеймиковъ, а также собраній капитулы, обыкновенно присутствуютъ первыя особы изъ обывателей, прелаты и каноники, а также и многія другія лица.

Богослуженіе. Совершается по уставу. Мѣстные бернардины за условленную плату совершаютъ богослуженіе, сказываютъ проповѣди и т. п.

Физическое воспитаніе. Квартиры учениковъ посѣщаются, ученики пріучиваются къ опрятности, къ труду, упражняются въ занятіяхъ, укрѣпляющихъ силы ихъ. Военными упражненіями занимаются по преимуществу ученики низшихъ классовъ. Ученики возвращаются въ городъ съ ученья обыкновенно вечеромъ подъ звуки барабана. Этимъ оскорбился капитанъ Овсинскій, комендантъ мѣстнаго гарнизона, принадлежащаго къ полку генералъ-инспектора Мальчевскаго; онъ нѣсколько разъ просилъ запретить ученикамъ эти упражненія, особенно послѣ пробитія вечерней зари, положеннаго въ 8 часовъ, угрожалъ даже силою разгонять учениковъ. Эти поступки г. Овсинскаго сильно оскорбили обывателей, которые всегда довольны были приготовленіями молодежи къ службѣ на защиту отечества, а также охладили самихъ учениковъ къ упражненіямъ этого рода.

Провинціальная касса. Содержится подъ двумя ключами и со всею осторожностью. По уплатѣ жалованья за апрѣль, въ ней осталось 305 злотыхъ и 20¼ грошей. Изъ этой суммы нужно еще уплатить эмериту ксендзу Рушковскому 300 злотыхъ, за полученіемъ которыхъ онъ доселѣ не являлся.

Домъ, комнаты, костелъ. Домъ находится въ плохомъ состояніи. Учители принуждены терпѣть въ своихъ квартирахъ разныя невыгоды, то отъ дымящихся печей, построенныхъ неумѣлыми мастерами изъ плохихъ кафлей, слѣпленныхъ плохою глиною, то отъ сгнившихъ оконныхъ рамъ, то отъ дверей, плохо пригнанныхъ или разсохшихся. Крыша на коллегіи, устроенная уже больше 20 лѣтъ, во время дождей протекаетъ. Окна въ корридорахъ также портятся то отъ случайныхъ, то отъ намѣренныхъ поврежденій, которыхъ нѣтъ возможности исправить по причинѣ совершенной недостаточности суммы на *sarta tecta.* Все это увеличиваетъ невыгоды всѣхъ жильцовъ. Въ классныхъ комнатахъ пять печей

безусловно требуютъ передѣлки, съ придачею новыхъ кафлей. Слѣдовало-бы также каждый годъ побѣлить хотя двѣ классныя комнаты. Скамьи такъ ветхи, что напрасны были-бы расходы на починку ихъ. На костельныхъ куполахъ крыши издавна ожидаютъ починки, а между тѣмъ своды и стѣны все больше и больше портятся отъ течи и возбуждаютъ опасенія.

Общій столъ. Получивъ отъ пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія единовременно 300 злотыхъ на устройство принадлежностей для общаго стола, собраніе учителей приноситъ ей за это милостивое вниманіе искреннюю благодарность. На что именно употреблена будетъ эта сумма, покажетъ потомъ отчетъ въ расходѣ ея. Но собраніе предпочитало получать и меньшую сумму, только ежегодно, а не единовременно, такъ какъ, за отсутствіемъ колодца, оно принуждено дорого оплачивать воду, доставляемую изъ отдаленнаго мѣста на взгорье. Собраніе проситъ объ этомъ пресвѣтлую коммисію.

(Далѣе идетъ подробное исчисленіе суммъ, потребныхъ, по мнѣнію Одынца, на починки и на ежегодное содержаніе всѣхъ зданій и богослуженія, на пріобрѣтеніе разныхъ предметовъ для костела и т. под. На починки исчислено 1500 злотыхъ, на *sarta tecta* 820 злот., на экстраординарные расходы 299 злот.; въ возвратъ служащимъ за исправленіе занимаемыхъ ими помѣщеній 429 зл. и 26 грошей. При этомъ ничего не упоминается объ учебныхъ принадлежностяхъ, не говорится о библіотекѣ, кабинетахъ, хотя изъ прежнихъ визитъ видно, что онѣ находились въ очень убогомъ состояніи).

Порученія. Таковыхъ сдѣлано 15, всѣ онѣ вписаны въ книгу порученій и предостереженій.

Осмотръ оконченъ обычнымъ порядкомъ.

Перемѣны. На мѣсто учителя краснорѣчія г. Витвицкаго (поступившаго въ винницкія школы учителемъ физики) назначенъ кандидатъ г. Янъ Рыхарскій. На мѣсто учителя физики, г. Павла Старнавскаго поступилъ г. Николай Хрусцѣльскій, бывшій учителемъ права въ Люблинѣ.

Любарскія[1]) *подъокружныя школы базиліанскія о 4-хъ учителяхъ.*

Ректоръ колегіи, проректоръ школъ ксендзъ Венедиктъ Ржицицкій,

Префектъ ксендзъ Флавіанъ Петринскій,

Учители: 1 го класса ксендзъ Павлинъ Калинскій,

„ математики ксендзъ Анастасій Недзѣльскій,

„ физики ксендзъ префектъ Ф. Петринскій,

„ краснорѣчія и права ксендзъ Эразмъ Міяковскій.

Проповѣдникъ и духовники учениковъ ксендзы: Даміанъ Чемеринскій и Мартинъ Ляторовскій.

Преподаватели: французскаго языка г. Скочковскій, нѣмецкаго—г. Гайдрихъ.

Генеральный осмотръ производилъ ксендзъ каноникъ Одынецъ, депутатъ трибунала, проректоръ житомірскихъ школъ, начавъ его 9, окончивъ 11 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее:

Предварительно осмотра въ собраніи всѣхъ служащихъ я держалъ рѣчь о замѣшательствахъ въ краѣ по поводу хлопскихъ бунтовъ и о заботливости преснѣтлой коммиссіи просвѣщенія и главной школы о распространеніи и развитіи въ этомъ краѣ образованія, для улучшенія въ немъ нравственности и для искорененія предубѣжденій и ненависти къ польскому имени, послѣ чего спрашивалъ обо всемъ, что относится къ общественному образованію.

Школьныя записи содержатся въ надлежащемъ порядкѣ и подписаны мною.

Учениковъ 353.

---

[1]) Лукашевичу (т. IV, стр. 265—266) ничего не извѣстно о началѣ этихъ школъ. Тоже и визитатору 1781 года, Головчичу (Archivum, т. 1, стр. 47). Визитаторъ 1788 года говоритъ, что школы въ Любарѣ основаны въ 1760 году княземъ Францишкомъ-Фердинандомъ Любомирскимъ. Лукашевичъ утверждаетъ, что коммисія просвѣщенія преобразовала эти школы въ шестиклассныя. Но, начиная съ первой визиты 1781 года, всѣ онѣ находятъ въ этихъ школахъ 4 учителей и съ начала четыре, потомъ три класса Однако любарскія школы первоначально считались въ числѣ первыхъ по численности учениковъ (по визитамъ 1781 и 1784 г. учениковъ было до 450). Визитаторъ 1787 года очень хвалилъ успѣхи учениковъ въ физикѣ и математикѣ. Визитаторъ 1788 г. нашелъ въ этихъ школахъ только слѣдующіе приборы по математикѣ и физикѣ: два негодныхъ къ употребленію столика для измѣренія, желѣзную цѣпь, поломанную, астролябію такъ-же поломанную и негодную къ употребленію, ничего больше. Школьная библіотека почти не существовала.

Испытанія учениковъ продолжались 13 часовъ. Уроки производятся одни по учебникамъ, другіе—по програмамъ, указаннымъ въ уставѣ. Вопросы давались мною, начальникомъ заведенія и учителями. Большинство учениковъ отвѣчали съ полною сознательностью и свободою.

Иностранные языки. До іюня французскій языкъ преподавалъ Димитрій Трешинскій, а нѣмецкій—Саломонскій; оба они уволены по основательнымъ причинамъ (?), и мѣсто перваго занялъ г. Скочковскій, втораго—Гайдрихъ. Французскому языку обучается 28 учениковъ, нѣмецкому—12; всѣ они показали успѣхи [1]).

Награда его королевской милости. Награждены (серебренными медалями) ученикъ III класса Іосифъ Зелинскій и II класса Іосифъ Цѣлецкій.

Мѣсячные экзамены и годичныя испытанія. Экзамены производятся точно по уставу. На публичныхъ актахъ присутствуютъ обыватели, а также почтенный пріоръ, славный проповѣдникъ, любимый обывателями ксендзъ Доминикъ Вышинскій со всѣмъ собраніемъ доминикановъ, которое, какъ извѣстно здѣсь всѣмъ, повсюду превозноситъ похвалами нынѣшнюю систему образованія [2]).

---

[1]) Визитаторъ 1787 года поручилъ собранію ходатайствовать у провинціала между прочимъ о назначеніи учителя славянскаго языка. Но или это порученіе не было исполнено, или ходатайство не уважено, потому что ни въ слѣдующемъ, ни въ текущемъ году славянскій языкъ не преподавался. Странно, поляки хлопочутъ о преподаваніи славянскаго языка въ базиліанскихъ школахъ, а базиліане, любители роднаго, славянскаго богослуженія, повсюду уклоняются отъ преподаванія его! Тутъ очевидно недоразумѣніе: 1) въ то время славянская филологія еще не пробуждалась и славянская грамматика могла быть преподаваема развѣ по невозможнымъ учебникамъ Susanis и „студсевъ, иже въ Львовѣ"; 2) польскіе реформаторы усиливались убѣдить базиліанъ и русиновъ вообще, что природный языкъ ихъ есть славянскій, а не русскій, тогда какъ базиліане желали обучать русскому языку, что доказываетъ появленіе въ печати нѣсколькихъ грамматикъ русскаго языка, сдѣланныхъ базиліанами, о чемъ нами сказано было въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Рѣдкій примѣръ представляли эти доминиканe между монашествующими тогдашняго времени, если только ксендзъ Одынецъ не кривитъ въ этомъ случаѣ душою въ пользу ксендзовъ-доминикановъ противъ не любимыхъ всѣми ксендзами, особенно въ то время, базиліанъ. Генеральный визитаторъ 1788 Крусинскій, свѣтское лицо, вообще всюду встрѣчавшій со стороны монашествующихъ только непріязнь къ новой системѣ обученія, доносилъ коммисіи просвѣщенія о любарскихъ доминиканахъ: „служащіе въ школахъ жаловались на любарскихъ доминикановъ, что они повсюду, гдѣ только можно, поносятъ нынѣшнюю систему образованія и подрываютъ между обывателями довѣріе къ лицамъ, трудящимся на пользу этого образованія".

Порученія. Кромѣ 12 общихъ, подтверждено прежнее порученіе объ осмотрѣ приходской школы въ Полонномъ [1]), устройствѣ въ ней порядковъ и о донесеніи о томъ главной школѣ.

Визитація окончена обычнымъ порядкомъ.

Овручскія [2]) *подъокружныя школы базиліанскія о 4-хъ учителяхъ.*

Префектъ ксендзъ Климентъ Веселовскій,
Учители: 1 класса ксендзъ Анастасій Малецкій,
„ математики Климентъ Веселовскій, префектъ,
„ физики ксендзъ Анатолій Садовскій,
„ краснорѣчія и права ксендзъ Иларій Лелявскій.

---

[1]) О школѣ въ Полонномъ визитаторъ Крусинскій, такъ же не посѣтившій ее, говоритъ только, что въ ней очень много учениковъ и что, по слухамъ, въ ней не соблюдаются постановленія коммисіи просвѣщенія.

[2]) Учрежденіе учебнаго заведенія въ Овручѣ, въ этой столицѣ полѣсскихъ болотъ и полудикихъ полѣшуковъ, представляетъ по времени дѣйствительно смѣлое предпріятіе и самоотверженное служеніе образованію, какъ понимали его учредители—іезуиты, которые перенесли сюда свою резиденцію и школы около 1680 года изъ Ксаверовки, совершенно разоренной во время московскихъ войнъ за Малороссію. Конечно въ такой полудикой сторонѣ, каковою было Полѣсье, трудно было возбудить расположеніе къ школамъ, особенно іезуитскимъ, потому что это полудикое населеніе отличалось крѣпкою привязанностью къ старымъ своимъ обычаямъ, составлявшимъ весьма грубую смѣсь язычества съ христіанскимъ православіемъ. Овручскія школы никогда не были въ цвѣтущемъ состояніи въ рукахъ іезуитовъ, не смотря на то, что мѣстная іезуитская миссія пользовалась значительными поземельными владѣніями (Лукашевичъ, т. 4, стр. 125 и 126). Послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена, коммисія просвѣщенія поручила эти школы краковской академіи, преобразовавъ ихъ въ трехклассныя, съ тремя учителями. Но вѣроятно краковская академія затруднялась пріисканіемъ учителей изъ своихъ воспитанниковъ, которые имѣли бы охоту поселиться среди этого царства болотъ и страшныхъ въ тогдашей Польшѣ полѣшуковъ, и составъ учителей въ Овручѣ постоянно былъ не полный. Поэтому коммисія просвѣщенія склонялась къ мысли передать какому либо монашескому ордену, преимущественно базиліанскому, къ которому русское населеніе имѣло болѣе довѣрія, нежели къ орденамъ католическимъ. Первый изъ визитаторовъ коммисіи просвѣщенія, не разъ упоминаемый нами ксендзъ Головчичъ, посѣтивши овручскія школы въ 1782 году, пишетъ по этому поводу въ своей визитѣ (*Archivum*, стр. 43 и 44): „Эти школы, расположенныя на окраинѣ, заселенной мелкою шляхтою, чуждой всякаго образованія, должны обратить на себя особенное вниманіе пресвѣтлой коммисіи. Здѣшняя молодежь и большая часть обывателей *мало знакомы съ польскимъ языкомъ.* Необходимо поэтому посылать сюда способныхъ учителей, которые могли бы распространить науку и цивилизовать этотъ край. Но сохрани Богъ поручать эти школы

Генеральный осмотръ произведенъ кіевскимъ каѳедральнымъ каноникомъ, эмеритомъ ксендзомъ Михаиломъ Соболевскимъ, начатъ 22, оконченъ 25 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Учениковъ 192. Изъ нихъ директоровъ 23. Во время вербунковъ взято въ военную службу 28.

Богослуженіе. Проживая всегда здѣсь (въ Овручѣ), помогая на сколько могу (въ богослуженіи), я вижу здѣсь настоящее католическое образованіе.

Испытаніе учениковъ. Въ 1 классѣ я испытывалъ первогодичныхъ въ теченіе трехъ часовъ, второгодичныхъ въ теченіе четырехъ часовъ. Во второмъ и третьемъ классахъ испытаніе продолжалось десять часовъ съ половиною. Во всѣхъ классахъ я съ истиннымъ удовольствіемъ нашелъ успѣхи, а потому, собравши учениковъ всѣхъ классовъ, я выразилъ имъ заслуженную ими похвалу, а найстарательнѣе приготовляющихся къ службѣ отечеству увѣрилъ въ особенномъ вниманіи къ нимъ со стороны высшаго правительства. Постановленія по учебной части, касательно распредѣленія предметовъ и учебныхъ часовъ, а также другихъ полезныхъ занятій, соблюдаются здѣсь съ примѣрнымъ стараніемъ [1]).

Школьныя записи всѣ мною разсмотрѣны и подписаны.

Инструменты. Ихъ мало и всѣ уже испорчены отъ долгаго употребленія. Однако всѣ они сохраняются. Всѣ они—геометрическіе, для физики-же нѣтъ ничего.

монахамъ, такъ-какъ это значило-бы укрѣпить въ этомъ краѣ знѣздо суевѣрій... Я совершенно не одобряю мысли отдать эти школы и костелъ базиліанамъ, отъ которыхъ нельзя ожидать надлежащаго обученія". Лукашевичъ, въ одномъ мѣстѣ (т. 4, стр. 266) допускающій, что отъ іезуитовъ овручскія школы перешли къ базиліанамъ, въ другомъ мѣстѣ той-же книги (стр. 126) раскаевается въ этомъ своемъ будто-бы заблужденіи и утверждаетъ, что школы оставались академическими. На самомъ дѣлѣ коммисія просвѣщенія, не смотря на предостереженіе со стороны Головчича, нашлась вынужденною передать эти школы базиліанамъ (послѣ 1784 года): другого способа для поддержки школъ въ этомъ глубокомъ захолустьи не было. Головчичъ нашелъ здѣсь школьныя помѣщенія вполнѣ достаточными, классныя помѣщенія, заново отстроенныя, въ очень хорошемъ состояніи, хотя домъ требовалъ починки, костелъ содержался прекрасно, хотя не оконченный и требовавшій поправокъ въ наружныхъ частяхъ, плохую библіотеку и необходимое число геометрическихъ приборовъ, учениковъ—150 (Лукашевичъ, не извѣстно на какомъ основаніи, показываетъ ихъ здѣсь въ этомъ годѣ 245).

[1]) Визитаторъ 1788 года такъ-же отзывается съ большою похвалою объ усердіи учителей и успѣхахъ учениковъ „въ этомъ захолустьи, куда трудно проникнуть свѣту".

Иностранные языки. Преподаются только нѣмецкій и славянскій, ученики испытываются въ нихъ на публичныхъ актахъ [1]).

Порученія. Я составилъ здѣсь только общія порученія, взятыя изъ предписанія пресвѣтлой коммисіи и изъ наставленій главной школы.

Награда его королевской милости. Найболѣе достойны этой чести ученики II класса: Игнатій Яновскій и Ѳедоръ Михневичъ.

Визитація окончена обычнымъ порядкомъ.

Добавленіе со стороны генеральнаго визитатора. О выдѣлкѣ инструментовъ ксендзъ Соболевскій донесъ мнѣ, что она прекращена: такъ какъ пресвѣтлая коммисія не дала завѣренія (въ производствѣ заказовъ), то рабочіе, въ числѣ восьми, пріученные имъ къ этого рода работамъ, разошлись въ разныя стороны и, не имѣя чѣмъ жить, одни занялись позолотой, другіе принялись за бронзовыя издѣлія, иные стали часовщиками, отчего Соболевскій понесъ большіе убытки [2]).

Описаніе мѣста. Въ этихъ школахъ не имѣется ничего новаго, какъ и въ цѣломъ уѣздѣ. Можетъ быть тутъ нашлось-бы что полезнаго для края, но для этого здѣсь нужны другіе люди, какъ правители, такъ и подданные, потому что первые проводятъ время въ пьянствѣ, послѣдніе въ праздности. Почва на нѣсколько миль вокругъ Овруча хороша: въ ней имѣется известь, желѣзо, мельничный камень, прекрасный матеріалъ для мощенія

---

[1]) Въ слѣдующемъ году генеральный визитаторъ нашелъ, что ни нѣмецкій, ни славянскій языки не преподаются по недостатку способныхъ учителей.

[2]) Генеральный визитаторъ 1788 года Крусинскій пишетъ въ своемъ рапортѣ слѣдующее: „Здѣсь проживаетъ давній эмеритъ преклонныхъ лѣтъ, ксендзъ Соболевскій, владѣющій сноровкою въ выдѣлкѣ математическихъ и физическихъ инструментовъ. При немъ обучается этимъ работамъ много молодыхъ людей. Я видѣлъ нѣсколько математическихъ предметовъ, сдѣланныхъ имъ; они уступаютъ заграничнымъ, но въ полезныхъ работахъ могутъ имѣть преимущество предъ иностранными. Если-бы пресвѣтлая коммисія рѣшила надѣлить школы физическими и математическими инструментами, то можно бы условиться съ Соболевскимъ насчетъ доставки ихъ по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ“. Къ сожалѣнію коммисія упустила этотъ единственный случай для надѣленія школъ необходимѣйшими инструментами, не поддержала этого перваго зарождавшагося въ краѣ заведенія, какъ поддерживала разныя не нужныя для школъ фабрики. Въ 1782 г., во время осмотра овручскихъ школъ Головчичемъ, Соболевскій былъ проректоромъ этихъ школъ и обратилъ его вниманіе „особенною любовію къ механикѣ и архитектурѣ, въ которыхъ оказываетъ услуги обывателямъ“.

улицъ, глина для выдѣлки кирпича, чистая и здоровая вода, всегда урожайныя поля, лѣса наполненные звѣрями, птицами и пчелами, рыбныя рѣчки. Овручъ считается главнымъ городомъ обширнаго уѣзда, но онъ не городъ; ученики терпятъ въ немъ большія нужды, какъ по причинѣ плохаго устройства усадьбъ, такъ въ особенности для пріѣзжихъ издалека, по причинѣ трудности въ пріобрѣтеніи предметовъ продовольствія [1]).

Каневскія [2]) подъокружныя школы базиліанскія о трехъ учителяхъ.

Префектъ ксендзъ Адріанъ Славинскій.

Учители: 1 класса и славянскаго языка—ксендзъ Станиславъ Тучанскій,

„ краснорѣчія и права—ксендзъ Іеронимъ Гуринъ,

„ математики—префектъ Славинскій,

Проповѣдникъ ксендзъ Ипатій Фидрицкій.

Преподаватель нѣмецкаго языка г. Залѣскій.

Генеральный осмотръ производилъ ксендзъ Янъ Дынецъ, кіевскій каноникъ, депутатъ, проректоръ житомірскій; начатъ 28, оконченъ 29 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

---

[1]) Головчичъ подтверждаетъ то-же самое, причемъ не хвалитъ и мѣстности. „Ученики, говоритъ онъ въ своей визитѣ, заболѣвали катарами и горячками, которыя обыкновенно господствуютъ здѣсь въ началѣ весны, по причинѣ болотъ, окружающихъ лежащій на пригоркѣ Овручъ и распространяющихся по цѣлому уѣзду. Вслѣдствіе першества въ городѣ и въ дворахъ хозяевъ, у которыхъ квартируютъ ученики, учители при посѣщеніи этихъ квартиръ никакъ не могутъ внушить ученикамъ опрятности, такъ какъ квартиры пріучаютъ ихъ къ неопрятности.

[2]) Генеральный визитаторъ 1788 года Крусинскій, на основаніи мѣстныхъ документовъ, говоритъ: „Основатель этихъ школъ—ксендзъ опатъ Физикевичъ, который, еще будучи коммисаромъ при старостѣ, князѣ Понятовскомъ, построилъ для нихъ деревянный домъ. Получивши мѣсто опата (почетнаго начальника монастыря), въ 1781 году, когда староство стало дѣдичнымъ имѣніемъ князя литовскаго подскарбія, онъ склонилъ князя построить для школъ новый каменный домъ и назначить для нихъ содержаніе. Постановленіемъ отъ 23 мая 1786 года, коммисія просвѣщенія устранила отъ завѣдыванія школами лицо не монашествующее и назначила имъ по 3550 злотыхъ (ежегодно)“. Значитъ эти школы поступили въ вѣдомство коммисіи пр. и въ завѣдываніе базиліанъ только въ 1786 году, до тѣхъ-же поръ существовали въ видѣ элементарной или фарной школы. Въ генеральной визитѣ 1782 года каневская школа значится въ числѣ парафіальныхъ (вмѣстѣ съ *бѣлоцерковскою*, о которой, кромѣ этого упоминанія, мы не нашли другихъ свѣдѣній), находящихся въ вѣдомствѣ ректора житомірскихъ школъ (Archivum, стр. 43).

О генеральной визитѣ объявлено было въ собраніи служащихъ, послѣ чего я спрашивалъ обо всемъ, что относится къ воспитанію.

Школьныя записи ведутся въ порядкѣ и подписаны мною.

Богослуженіе совершается сообразно требованіямъ устава. Для пріобщенія учениковъ латинскаго обряда приглашается тринитаръ изъ Быща. Всегда имѣется также освященная гостія (св. дары запасные) для пріобщенія заболѣвающихъ.

Всѣхъ учениковъ 139. Я засталъ только 28 учениковъ; остальные, не дожидаясь конца ученія, разъѣхались по домамъ родителей (!). Большею частію эти ученики отвѣчали сознательно и легко. Испытаніе продолжалось два дня, по 4 часа.

Иностранные языки. Нѣмецкому языку обучалось 23 ученика, славянскому—30 [1]). Изъ тѣхъ и другихъ осталось мало; оказавшіеся на лицо давали удовлетворительные отвѣты.

Награда его королевской милости. Хотя Ѳома Рыхловскій получилъ медаль прежде сего, однако, принимая во вниманіе, что онъ случайно утерялъ эту медаль и нынѣшнимъ постояннымъ усердіемъ вновь заслужилъ ее, я назначилъ ему таковую вмѣсто Романа Евфимовича, который въ этомъ году получилъ-бы первую медаль, если бы нѣсколькими днями раньше не уѣхалъ на вакацію. Другой, получившій медаль, Ѳедоръ Домницкій. Оба ученики III класса.

Мѣсячные экзамены, физическое воспитаніе и т. п. производятся точно по уставу.

Порученія. Я оставилъ только общія порученія, означенныя въ предписаніи пресвѣтлой коммисіи и главной школы.

Дополнимъ это скудное описаніе свѣдѣніями изъ другихъ визитъ. Генеральный визитаторъ 1787 года нашелъ, что всѣ предметы преподаются слабо и что Опатъ не можетъ удерживать должный порядокъ въ школахъ и почти не занимается ими. Визитаторъ не засталъ одного изъ учителей. Опатъ объяснялъ отсутствіе его необходимостью посовѣтоваться съ докторами въ Богуславѣ относительно леченія разстроеннаго здоровья, а также даннымъ ему порученіемъ купить на ярмаркѣ кое-какіе необходимые предметы для школъ. Но префектъ сообщилъ визитатору, что ничего этого не было и что учитель уѣхалъ на ярмарку по другимъ побужденіямъ. Визитаторъ хотѣлъ было строго оштрафовать этого учителя, но затѣмъ «встрѣтивъ шляющихся (błąkających) по Каневу житомірскихъ учителей,

---

[1]) По числу обучавшихся славянскому языку можно съ точностью судить о числѣ русскихъ учениковъ въ школахъ.

забившихся сюда за 20 миль, простилъ этого учителя, уѣхавшаго всего за 5 миль», поручивъ однако сдѣлать ему выговоръ въ собраніи учителей. Учители жаловались визитатору, что существующая въ Богуславѣ школа отвлекаетъ учениковъ отъ каневскихъ школъ и что тѣ изъ нихъ, которые поступаютъ изъ богуславской въ каневскія школы, съ большимъ трудомъ отвыкаютъ отъ старыхъ способовъ ученія и привыкаютъ къ новымъ. Генеральный визитаторъ 1788 года пишетъ, что «ксендзъ Опатъ теперь рѣдко бываетъ въ Каневѣ и надзоръ его мало можетъ принести пользы школамъ». Обязанный отчетностью предъ визитаторомъ въ суммѣ, отпускаемой коммисіей просвѣщенія (3550 зл.), Опатъ прислалъ ему списокъ расходовъ и замѣтки о нихъ на отдѣльныхъ листкахъ безъ подписи. Визитаторъ хвалитъ префекта Банульскаго, преподававшаго краснорѣчіе и право, но порицаетъ порученіе преподаванія краснорѣчія во II классѣ *субституту*, «всего менѣе способному къ этому предмету». На вопросъ, почему не всегда бываютъ мѣсячныя засѣданія совѣта, собраніе отвѣчало, что «не о чемъ было совѣщаться». Визитаторъ приказалъ непремѣнно собираться ежемѣсячно и, если-бы не нашлось о чемъ разсуждать, то въ протоколѣ записать: № дня и мѣсяца состоялось засѣданіе педагогическаго совѣта, которое за недостаткомъ предметовъ для обсужденія закрыто». Тотъ же визататоръ пишетъ въ своей визитѣ слѣдующее о *богуславской* школѣ. «Проѣзжая изъ Канева въ Умань, я остановился на цѣлый день въ Богуславѣ, чтобы ознакомиться съ состояніемъ мѣстной школы. Директоромъ этой школы состоитъ Павелъ Петровичъ, 39 лѣтъ отъ роду, который самъ учитъ давнимъ способомъ грамматикѣ, поэзіи и риторикѣ. Я засталъ до 40 учениковъ, собранныхъ изъ довольно отдаленныхъ мѣстъ. Я пошелъ экзаменовать эту школу вмѣстѣ съ учителемъ житомірскихъ школъ Витвицкимъ, котораго я засталъ въ Богуславѣ. Оказалось, что даже мнимые риторы не умѣютъ ни попольски, ни полатыни. Я спросилъ директора, знакомъ ли онъ съ курсомъ предписаннымъ коммисіей просвѣщенія для приходскихъ школъ. Но онъ отвѣтилъ, что гораздо полезнѣе обучать полатыни подавнему. Началъ я разговаривать съ нимъ о разныхъ предметахъ полатыни и убѣдился, что онъ ни старымъ, ни новымъ способомъ не выучился полатыни. Окончивъ испытаніе, я призвалъ директора къ себѣ и объявилъ ему, что онъ измѣнникъ и публичный обманщикъ, который обманываетъ столько дѣтей, чтобы отнять у нихъ возможность получить образованіе. Я объяснилъ ему все то, что относится къ 3 пункту инструкціи, данной мнѣ главною школою, и объявилъ ему, что если и впредь онъ будетъ ставить такія-же препятствія полезному общественному образованію, то будетъ подвергнутъ отвѣтственности за обманъ столькихъ лицъ, сколько въ школѣ его дѣтей. Директоръ послѣ этого обѣщалъ исполнять распоряженіе пресвѣтлой коммисіи и обучать чтенію, письму, религіи и счету, притомъ только дѣтей мѣстныхъ оффиціалистовъ. О фундушѣ школьномъ нельзя было добиться ничего вѣрнаго. Въ прежнее время директоръ получалъ изъ кассы имѣнія 300 зл. Впослѣдствіи выдача этой суммы прекращена, но офиціалисты сами сло-

жили эту сумму, чтобы удержать такую, по мнѣнію ихъ, полезную для дѣтей ихъ особу. Если-бы во время пребыванія моего въ Богуславѣ я засталъ было кого либо изъ болѣе смыслящихъ оффиціалистовъ, то постарался-бы въ пріятной бесѣдѣ вывести его изъ такого заблужденія". Въ слѣдующемъ году Крусинскій, по назначенію главной школы, ревизовалъ школы въ великой и малой Польшѣ и при этомъ въ Лешно (недалеко Калиша) «нашелъ школу высшихъ наукъ», которая ярко напомнила ему богуславскую школу, чѣмъ онъ и ограничился въ описаніи и характеристикѣ этой школы. Визитаторъ 1790 года Треффлеръ нашелъ въ каневскихъ школахъ 200 учениковъ; префектъ Славинскій и учитель краснорѣчія оказались способными, но успѣхи учениковъ не вполнѣ удовлетворительными, въ нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ только «начатки», военныя упражненія въ отличномъ состояніи. О славянскомъ языкѣ онъ ничего не упоминаетъ.

Уманскія подъокружныя школы базиліанскія о трехъ учителяхъ [1]).

Префектъ ксендзъ Іоассонъ Корженевичъ.

Учители: 1-го класса ксендзъ Далматъ Бровинскій,

„ математики и физики—ксендзъ Пахомій Левицкій,

„ краснорѣчія и права—ксендзъ Граціанъ Литинскій.

Проповѣдникъ ксендзъ Лукіанъ Стебельскій.

Преподаватель французскаго и нѣмецкаго языковъ г. Францишекъ Хросцицкій.

Генеральный осмотръ этихъ школъ произведенъ г. Михаиломъ Кубешевскимъ, бывшимъ винницкимъ префектомъ; начатъ 9, оконченъ 10 іюля. Изъ рапорта его извлекаемъ слѣдующее.

---

[1]) Визитаторъ 1788 г., на основаніи мѣстныхъ документовъ, говоритъ слѣдующее: „Францъ-Салезій Потоцкій, воевода кіевскій, желая исправить худые нравы украинскаго народа, основалъ въ Умани въ 1766 году школы, назначивъ на постройку каменнаго костела, дома для учителей и классныхъ помѣщеній, равно и на содержаніе школъ, двѣстѣ тысячъ злотыхъ. Изъ этой суммы сто тысячъ употреблены на постройки, а другія сто тысячъ остаются въ кассѣ Станислава-Щенснаго (сына Салезія) Потоцкаго и проценты отъ нихъ расходуются на содержаніе заведенія и на нужды учительскаго собранія'. Первоначально уманскія школы содержали 6 учителей, имѣли до 400 учениковъ, какъ въ 1782 (Archivum, стр. 48), такъ и въ 1784 г. (Лукашевичъ, т. IV стр. 265). Неизвѣстно, по какому случаю число учителей уменьшено до трехъ. Съ уменьшеніемъ числа классовъ въ школахъ, базиліане открыли при нихъ *Studium* съ преподаваніемъ курса философіи. Въ 1787 г. въ этомъ Studium было 9 студентовъ. Жестокая участь, постигшая уманскія школы во времена Гонты и Желѣзняка, настолько извѣстна, что мы опускаемъ здѣсь этотъ ужасный эпизодъ народной мести за средства, помощію которыхъ неразборчивые и фанатическіе польскіе цивилизаторы „исправляли грубые нравы украинскаго народа".

На предварительномъ собраніи я объяснилъ значеніе генеральныхъ визитъ, установленныхъ пресвѣтлой коммисіей и главною школою.

Учениковъ 400.

Посѣщеніе классовъ. Предъ началомъ испытаній я собралъ учениковъ всѣхъ классовъ и въ обращенной къ нимъ рѣчи изложилъ имъ заботливость о надлежащемъ образованіи молодежи со стороны пресвѣтлой коммисіи, которая не только установила въ школахъ необходимыя и полезныя науки, устроила всѣ порядки въ учебныхъ заведеніяхъ, но и старается вникать во все то, отчего зависитъ успѣхъ общественнаго образованія, совершенствованіе въ наукахъ и воспитаніе молодыхъ людей въ добрыхъ обывателей. Далѣе, изложивъ пользу наукъ для края и для учащагося юношества, я возбуждалъ ревность учениковъ къ успѣхамъ въ наукахъ и въ доброй нравственности. Испытаніе начато съ III класса, потомъ произведено во II и въ I классахъ, окончено иностранными языками. Во время самыхъ испытаній я обращалъ вниманіе на способы обученія и на способность учителей, равно какъ и на успѣхи учениковъ. Вслѣдствіе этихъ наблюденій, имѣю честь рекомендовать высшему правительству прежде всего ксендза префекта Корженевича, старательно по своей должности и хорошо правящаго молодежью, потомъ—ксендза Литинскаго, учителя нравственности, и ксендза Левицкаго, учителя математики, которые показали способность и опытность въ преподаваніи своихъ предметовъ. Эти три лица заслуживаютъ той чести, какая отдается лицамъ, отлично служащимъ образованію [1]). Учитель 1-го класса ксендзъ Бровинскій показалъ среднія способности.

Иностранные языки. Преподаватель французскаго и нѣмецкаго языка не получаетъ жалованья, но за свой трудъ онъ обезпеченъ кондиціями (частными занятіями съ учениками). Оба языка онъ знаетъ хорошо. Нашедши незначительное число учащихся этимъ языкамъ, я объяснялъ (ученикамъ) пользу отъ изу-

---

[1]) Времена перемѣнились. Во время первой ревизіи этихъ школъ въ 1782 г., онѣ стояли на самомъ низкомъ уровнѣ, о чемъ мы упоминали въ своемъ мѣстѣ; то-же, по свидѣтельству Лукашевича, было и въ 1784 г. Теперь, не смотря на сокращеніе штата учителей, состояніе этихъ школъ является въ иномъ видѣ. Визитаторъ 1788 года приписываетъ успѣхъ школъ ректору мѣстной базиліанской коллегіи ксендзу *Морулецу*, отличавшемуся любовію къ наукамъ, а также бывшему въ то время префекту и профессору философіи въ Studium Концевичу.

ченія ихъ и просилъ префекта позаботиться объ увеличеніи съ будущаго года числа учащихся имъ, посредствомъ заохочиванія учениковъ, каковое порученіе я даже записалъ въ книгу.

Награда его королевской милости. По совѣщанію съ служащими, я назначилъ медали ученикамъ: III класса Кириллу Сероцинскому и II класса Іосифу Качинскому.

Школьныя записи. Между ними не доставало книги объ успѣхахъ оказанныхъ учениками на мѣсячныхъ испытаніяхъ. Я поручилъ завести ее.

Частныя бесѣды. Нѣкоторые изъ служащихъ выражали свое неудовольствіе на управленіе ордена за то, что оно постоянно перемѣщаетъ учителей изъ одного класса въ другой, съ одного предмета на другой, безъ всякаго вѣдома со стороны главной школы и не смотря на желаніе учителя остаться при своемъ предметѣ [1]). Жаловались также на скудость получаемаго ими жалованья, именно по 400 злотыхъ [2]), изъ которыхъ они должны покупать себѣ одежу и проч.; выражались, что орденъ не признаетъ заслугъ въ трудѣ ихъ и гораздо лучше оплачиваетъ проповѣдниковъ и другихъ лицъ, даже служащихъ въ орденѣ частнымъ образомъ, чѣмъ учителей, отчего теряется охота служить отечественному просвѣщенію.

Богуслуженіе. Совершается по указаніямъ (школьнаго) устава. Ксендзъ Стебельскій, ордена миссіонеровъ, способностей среднихъ, въ праздничные дни сказываетъ проповѣди ученикамъ.

Классныя помѣщенія.—деревянныя, очень поврежденныя (zrójnowane) и не выгодныя. На будущій годъ классы помѣщены будутъ въ каменномъ зданіи коллегіи, которое теперь починяется. Нашедши, что въ I и II классахъ слишкомъ много учениковъ [3]), я просилъ ректора Моргулеца съ началомъ будущаго учебнаго года

---

[1]) Жалоба справедливая; распоряженія ордена ничѣмъ не объяснимы. Сличивъ списки служащихъ во всѣхъ базиліанскихъ школахъ за 1787, 1788, 1789 и 1790 годы, мы не находили ни одной школы, въ которой большинство служащихъ, часто всѣ до одного, не были-бы перемѣщаемы ежегодно съ одного мѣста на другое, безъ всякаго соображенія съ пользою для учебнаго дѣла и очевидно съ единственною цѣлію пріучать монашествующихъ къ безусловной покорности, смиренію, устраненію въ себѣ всякихъ внѣшнихъ привязанностей, честолюбія и под.

[2]) Конечно, не считая квартиры и продовольствія пищею.

[3]) Такъ какъ въ старшихъ классахъ всюду бывало мало учениковъ, то очевидно, что въ двухъ низшихъ въ этихъ школахъ было не меньше, какъ по 150 учениковъ на одного учителя.

увеличить школы однимъ классомъ и однимъ учителемъ, что онъ обѣщалъ исполнить [1]).

Физическое воспитаніе. Префектъ посѣщаетъ квартиры учениковъ и заботится объ опрятности въ квартирахъ и въ ученикахъ. Ученикамъ дозволяются развлеченія; лѣтомъ всѣ идутъ въ поле, гдѣ занимаются разными играми, военными упражненіями и всѣмъ, что содѣйствуетъ ловкости, живости, здоровью и мужеству.

Директоры. Установленныя собранія директоровъ (у префекта) происходятъ какъ предписано Въ собраніяхъ читаются постановленія (объ обязанностяхъ директоровъ), внушается старательность въ занятіяхъ съ учениками, ласковость въ обхожденіи съ ними, осмотрительность въ исправленіи и внимательность къ здоровью ихъ.

Порученія. Кромѣ общихъ порученій, сдѣланы два слѣдующія: 1) чтобы заведена была книга для записыванія результатовъ мѣсячныхъ экзаменовъ; 2) дабы ксендзъ префектъ озаботился увеличеніемъ числа обучающихся нѣмецкому и французскому языкамъ.

Визитація окончена обычнымъ порядкомъ.

ЧАСТЬ ПІАРСКАГО ОКРУГА.

Межирѣчскія [2]) подъокружныя школы.

Ректоръ коллегіи, проректоръ школъ ксендзъ Доминикъ Шибинскій [3]).

---

[1]) Изъ визиты 1790 года видно, что это предложеніе не было исполнено.

[2]) *Межирѣчъ*—мѣстечко по сосѣдству съ г. Острогомъ—издавна входило въ составъ имѣній, резиденціей которыхъ былъ Корецъ, а потому назывался Межирѣчъ-Корецкій, въ отличіе отъ Межирѣча-Подляскаго. Основателемъ школъ въ Межирѣчѣ-Корецкомъ былъ мѣстный владѣлецъ кн. Доминикъ Любомірскій, соорудившій для нихъ отличныя зданія и снабдившій ихъ достаточными средствами содержанія. Это было въ 1702 году. Это были единственныя піарскія школы на Волыни, а потому піарскій орденъ имѣлъ о нихъ особенную заботливость. Изъ оконъ межирѣчскихъ піарскихъ школъ видны были величественныя зданія острожской іезуитской коллегіи, которая должна была возбудить въ нихъ соревнованіе. Піары (дѣлаемъ уступку одному нашему почтенному критику въ употребленіи этой формы слова вмѣсто *піаристы*, хотя въ послѣдней формѣ не видимъ никакого грѣха) умѣли поставить эту школу такъ, что въ теченіе всего 18-го вѣка она была одною изъ лучшихъ на Волыни и Украйнѣ. (*Лукаш.* т. IV, стр. 217 и 218. *Archivum*, стр. 56. *Визиты* 1787, 1788 и 6790 г.). Число учителей въ межирѣчскихъ школахъ бывало не одинаково. Съ 1787 г. прибавка двухъ учителей къ прежнимъ четыремъ осталась не измѣненною.

[3]) Доминикъ Шибинскій былъ девятнадцать лѣтъ начальникомъ этихъ школъ (Бѣльскій у Лукаш. т. IV стр. 218, въ примѣч.). Однимъ изъ предмѣстниковъ его долгое время былъ ученый Александръ Шибинскій, наслѣдовавшій это мѣсто послѣ другого

Префектъ ксендзъ Янъ Хрисостомъ Дылевскій,
Учители: II класса ксендзъ Матвѣй Подгороденскій,
„ краснорѣчія „ Ѳадей Голынскій,
„ математики „ Корнилій Даниловичъ,
„ физики „ Самуилъ Близинскій,
„ права „ Іосифъ Трепаловскій.

Учитель 1 класса г. Николай Павловскій и учитель приготовительнаго класса[1]) г. Іеронимъ Могельскій, оба директоры, не принадлежатъ къ составу служащихъ, а потому не были приглашены въ засѣданіе.

Преподаватели: французскаго языка ксендзъ Корнилій Даниловичъ, учитель математики, нѣмецкаго языка г. Игнатій Домбровскій.

Генеральный осмотръ произведенъ ксендзомъ Лукою Свѣбоцкимъ, ректоромъ волынскаго округа. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Школьныя записи. Ведутся всѣ по формамъ, указаннымъ въ уставѣ, и всѣ имѣются, даже тѣ, которыхъ въ прошломъ году не было, исключая вѣдомости о приходскихъ школахъ, которая хранится у окружнаго ректора.

Состояніе школъ. Нужно отдать справедливость собранію служащихъ, которое, состоя изъ лицъ монашествующихъ, нравственныхъ, любящихъ и понимающихъ все разнообразіе наукъ, старательныхъ и усердныхъ въ точномъ исполненіи установленій пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, поставило свои школы такъ, что онѣ, въ отношеніи достоинства преподаванія, распредѣленія учебнаго времени, разумныхъ способовъ для возбужденія въ ученикахъ охоты къ ученію, вполнѣ соотвѣтствуютъ намѣреніямъ устава.

Учениковъ до 300.

Посѣщеніе классовъ. Изъ всѣхъ учениковъ едва нѣсколько оказалось не успѣвшими и то такіе, которымъ природа не дала

ученаго піара Іодловскаго, такъ же не мало потрудившагося для этихъ школъ. Піары имѣли на это дѣло взгляды, противуположные базиліанскимъ. Неудивительно, что піары настолько были привязаны къ своимъ школамъ, насколько базиліане были апатичны къ нимъ.

[1]) Приготовительные классы были во всѣхъ піарскихъ школахъ и были причиною того, что съ перваго же класса піарскія школы рѣзко отличались по успѣхамъ учениковъ отъ прочихъ школъ.

способностей. Въ нѣкоторыхъ замѣтны были вялость соображенія и преобладаніе памяти, но эти недостатки искупались въ нихъ одушевленіемъ. Въ теченіе полутора дня до поздней поры вмѣстѣ съ учителями я испытывалъ учениковъ изъ каждой науки, начиная съ приготовительнаго и оканчивая шестымъ классомъ и иностранными языками. Ученики доказали (своими отвѣтами), что они, въ особенности дѣти обывателей, при своихъ способностяхъ, увѣнчаютъ славою дорогое отечество.

Награда его королевской милости. Медали назначены: золотая ученику V класса, сыну инфлянтскаго подкоморія Ипполиту Дунину; серебренныя: директору Петру Свидзинскому и Іосифу Бачинскому, ученикамъ VI класса.

Директоры, надлежаще руководимые, исполняютъ свои обязанности.

Иностранные языки. Преподаватель, лично мнѣ извѣстный своими способностями и опытностію, кромѣ классныхъ уроковъ, обучаетъ французскому и нѣмецкому языку конвикторовъ въ ихъ квартирѣ. Всѣ учащіеся значительно успѣли въ нихъ.

Музей рисунковъ. Рисунки геометрическихъ фигуръ, присланные преосвѣтлою коммисіей просвѣщенія, я засталъ въ цѣлости. Ими пользуется на урокахъ учитель математики, но что и ученики не довольствуются созерцаніемъ ихъ, въ этомъ я убѣдился, когда разсмотрѣлъ сдѣланные ими чертежи цѣлаго мѣстечка съ его окрестностями и всѣхъ мѣстныхъ піарскихъ зданій.

Физическое воспитаніе. Хотя господствующія въ этихъ мѣстахъ лихорадки постигали многихъ учениковъ, однако я засталъ всѣхъ ихъ въ добромъ здоровьи. Послѣднему содѣйствуетъ опрятность въ квартирахъ, разныя игры, придумываемыя учителями, а больше всего частныя военныя упражненія, которыя облегчаются для нихъ употребленіемъ военной униформы. Эти упражненія сильно воспламеняютъ ихъ на служеніе отечеству. Руководилъ ими, воспитывая въ ученикахъ старопольскій духъ, ксендзъ Близинскій, учитель физики.

Мѣсячные экзамены. Я засталъ приготовленный для главной школы рапортъ о мѣсячныхъ экзаменахъ, но такъ какъ по установившемуся порядку піары посылаютъ свои рапорты чрезъ своихъ провинціаловъ, то я рѣшился не нарушать этого порядка и не взялъ этого рапорта.

Конвиктъ. Въ виду репутаціи, какую имѣетъ межирѣчскій конвиктъ столько-же у визитаторовъ, сколько и у піарскихъ про-

винціаловъ, представляющихъ свои отчеты по учебной части пресвѣтлой коммисіи, я не рѣшился напомнить ректору о сдѣланномъ генеральнымъ визитаторомъ Крусинскимъ порученіи. Нашедши въ цѣломъ заведенія все въ отличнѣйшемъ порядкѣ, я оставилъ только такія порученія, которыя не были предложены прежними визитаторами, именно: 1) чтобы на директорство избираемы были только такіе ученики, которые признаны способными къ тому, послѣ долгаго наблюденія надъ образомъ жизни ихъ и послѣ испытанія учителями познаній ихъ; 2) чтобы школьное начальство убѣдило родителей вносить слѣдуемую директорамъ плату на руки префекта, что принесло-бы пользу и дѣтямъ, и родителямъ.

Заявленія служащихъ. Убѣдившись, что порученія визитаторовъ мало помогаютъ успѣхамъ учениковъ старшихъ классовъ въ латинскомъ языкѣ, здѣшнее учительское собраніе единогласно постановило просить ходатайства главной школы о томъ, чтобы пресвѣтлая коммисія приказала напечатать остальные учебники логики, физики и права на латинскомъ языкѣ. Изложеніемъ своихъ мыслей на этомъ языкѣ ученики, приготовленные посредствомъ переводовъ классическихъ писателей, сдѣлали-бы въ немъ значительные успѣхи. Умѣнье владѣть языками пріобрѣтается гораздо болѣе живымъ опытомъ, чѣмъ переводами.

Осмотръ оконченъ обычнымъ порядкомъ.

Заявленіе учителей достаточно показываетъ, насколько тогдашняя система запуталась въ опредѣленіи значенія латинскаго языка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ основахъ обученія. Знаменательно и то, что это предложеніе въ категорической формѣ высказано піарами, которые въ свое время, въ числѣ другихъ школьныхъ реформъ, ратовали противъ преподаванія на языкѣ латинскомъ. Кстати припомнить здѣсь одно заявленіе межирѣчскихъ піаровъ, также единогласно высказанное ими визитатору 1785 года и достаточно обрисовывающее отношеніе ихъ къ тому народу, среди котораго они были представителями своего ордена и передовыми проповѣдниками просвѣщенія, именно народу русскому. «Межирѣчское піарское собраніе, пишетъ въ своей визитѣ визитаторъ этого года, Богуцицкій,—заявило просьбу, дабы пресвѣтлая коммисія просвѣщенія нашла способы устранить неудобства, происходящія отъ соблюденія праздниковъ, постовъ, совершенія литургіи и обрядовъ по двумъ обрядамъ, что попеременно отрываетъ учениковъ (значитъ въ межирѣчскихъ школахъ было не мало русскихъ учениковъ) отъ уроковъ, а учителямъ мѣшаетъ правильно распредѣлить свое время и правильно вести преподаваніе, *вноситъ рознь между членами одного народа* (!), препятствуетъ установленію правильнаго, однообразнаго во всѣхъ школахъ порядка». Другими словами: піары хо-

датайствовали о томъ-же, о чемъ порѣшила было волынская шляхта на сеймѣ 1787 года—уничтожить въ предѣлахъ Польши церковно-восточный обрядъ, какъ одну изъ причинъ розни между поляками и русскими, какъ одно изъ препятствій къ слитію русскихъ съ поляками въ одинъ народъ. Эта же шляхта, по свидѣтельству кс. Вжеща (въ общихъ замѣчаніяхъ о результатахъ произведеннаго имъ осмотра школъ), на сеймѣ 1789 года по поводу возникшихъ тогда народныхъ волненій постановила, дабы на каждую школу по крайнѣй мѣрѣ русскихъ воеводствъ выдано было на счетъ казны по 50 ружей какъ для военныхъ упражненій, такъ и на случай нужды въ защитѣ города отъ враждебныхъ нападеній. Фальшивыя основы просвѣщенія конечно не могли установить здравыхъ понятій въ такомъ важномъ дѣлѣ и сами служили тѣмъ-же страстямъ политическимъ, противъ которыхъ повидимому направлена была учебная реформа. Читатели вѣроятно обратили вниманіе, что въ 1789 году всюду уже въ базиліанскихъ школахъ значится одинъ проповѣдникъ и духовникъ для всѣхъ учениковъ—римско-католическій ксендзъ!..

Въ связи съ межирѣчскими школами приведемъ извѣстіе о *корецкой* школѣ, находившейся въ завѣдываніи ректора этихъ школъ. Генеральный визитаторъ 1788 года Крусинскій пишетъ о ней слѣдующее: «Вмѣстѣ съ ректоромъ ксендзомъ Шибинскимъ я поѣхалъ (изъ Межирѣчья) въ Корецъ, гдѣ представился сіятельному князю Чарторыйскому, литовскому стольнику, и просилъ его дозволить мнѣ осмотрѣть мѣстную приходскую школу, состоящую подъ протекторатомъ его, что онъ разрѣшилъ мнѣ съ большимъ удовольствіемъ. Осмотръ произведенъ въ присутствіи многихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Учениковъ оказалось больше 30; они хорошо читали, показывали успѣхи въ чистописаніи, давали отвѣты по религіи и нравственности, а найлучше отвѣчали по ариѳметикѣ. Для приходской школы этого достаточно... Директоромъ школы состоитъ Антоній Левецкій, пользующійся репутаціей за свой образъ жизни и показавшій на экзаменѣ свою старательность... Мѣстный пастырь ксендзъ каноникъ луцкій Гузковскій, на свой счетъ построилъ для школы деревянный домъ, а князь даетъ содержаніе директору. Завѣдываетъ школою ксендзъ Баранскій, управляющій приходомъ въ отсутствіи пробоща. По окончаніи экзамена, я поблагодарилъ всѣхъ присутствовавшихъ за сочувствіе къ образованію и поспѣшилъ въ замокъ, чтобы поблагодарить самого князя за такую примѣрную заботливость его объ обученіи своихъ крѣпостныхъ (между приведенными визитаторомъ 14-ю фамиліями, едва-ли хотя одна принадлежитъ крестьянину: все это обыкновенныя мелко-шляхетскія фамиліи, принадлежащія очевидно мѣстнымъ оффиціалистамъ)».

Холмскія [1]) *подъокружныя школы піарскія о 3-хъ учителяхъ.*

Префектъ школъ ксендзъ Эразмъ Соколовскій.

Учители: 1 класса—Іосифъ Вѣркевскій,

„ математики и физики—Фридерикъ Линтнеръ,

„ краснорѣчія и права—ксендзъ Яковъ Пинярскій.

Преподаватель нѣмецкаго языка — ксендзъ Фридрихъ Линдверъ, учитель математики.

Генеральный осмотръ этихъ школъ произведенъ холмскимъ каѳедральнымъ каноникомъ, ректоромъ малопольскаго округа Трефлеромъ; начатъ 8, оконченъ 9 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Учениковъ 120 [2]).

Посѣщеніе классовъ. Ученики испытываемы были изъ всѣхъ предметовъ въ теченіе восьми часовъ. Всѣ они успѣли въ наукахъ и въ доброй нравственности. Префектъ и учители способны и усердны въ своихъ обязанностяхъ.

Нѣмецкому языку обучаются успѣшно. Занималось имъ 40 учениковъ.

Богослуженіе, школьныя записи, экзамены мѣсячные и публичные производятся точно по уставу.

Физическое воспитаніе производится точно по уставу. Я присутствовалъ при военныхъ упражненіяхъ учениковъ [3]), происходившихъ подъ руководствомъ проживающаго въ Холмѣ солдата.

---

[1]) Піарская коллегія учреждена въ г. Холмѣ въ 1677 году. Піарамъ уступленъ мѣстный фарный костелъ со всѣми постройками и цѣлое пробство со всѣми доходными статьями. Но, не извѣстно почему, піары долгое время не открывали здѣсь школъ и открыли ихъ только во времена Августа III. Коммисія просвѣщенія преобразовала ихъ въ подъокружныя о трехъ учителяхъ. Эти школы никогда не пользовались сочувствіемъ мѣстнаго населенія и всегда имѣли не значительное число учениковъ, не смотря на увѣреніе Лукашевича (т. IV, стр. 197) въ противномъ. Въ близкомъ сосѣдствѣ съ этими школами находились іезуитскія коллегіи въ Люблинѣ и Красноставѣ, соперничество съ которыми было трудно. Въ 1788 г., во время пожара, истребившаго большую часть Холма, піарскія школы потеряли многое изъ своего имущества и не скоро могли оправиться.

[2]) Въ 1786 году ихъ было всего 66.

[3]) Визитаторъ 1783 года сообщилъ, что холмскіе ученики для военныхъ упражненій надѣлены были ружьями и саблями; но первое примѣрное сраженіе они хотѣли учинить надъ своимъ ректоромъ, угрожая ему, во время какого-то своего возмущенія, ружьями и саблями, такъ что ректоръ долженъ былъ шесть недѣль не выходить изъ своей квартиры, пока возмущеніе не усмирено.

Въ этомъ году придется уплатить ему 81 зл. Префектъ посѣщаетъ квартиры учениковъ, внушаетъ опрятность и т. п.

Порученія. Осматривать приходскія школы [1]). Затѣмъ общія порученія.

Осмотръ оконченъ обычнымъ порядкомъ.

Опускаемъ общія замѣчанія нѣкоторыхъ изъ этихъ визитаторовъ по поводу настоящей визитаціи, такъ какъ онѣ не сообщаютъ ничего новаго о нашемъ предметѣ. Предпочитаемъ при-

---

[1]) Районъ префекта холмскаго былъ наиболѣе богатъ приходскими школами. По визитѣ 1784 г., школы существовали здѣсь въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ *Красноставѣ*, *Дорогускѣ*, *Савинѣ*, *Любомлѣ*, *Мацѣевѣ* и въ *Осховѣ*. Въ первыхъ двухъ обучали тогда по старому, въ послѣднихъ уже во новому плану. Исчислимъ здѣсь всѣ приходскія и вообще низшія, хотя бы то и съ высшими претензіями, школы въ описываемыхъ русскихъ областяхъ, по визитамъ 1782—1792 г. Кромѣ указанныхъ въ холмскомъ районѣ, на Волыни—въ *Дубнѣ*, *Ровналѣ*, *Заславлѣ*, *Гулевичахъ*, *Юржискѣ*, *Локачахъ*, *Берестечкѣ* (въ 1782 г. было три учителя, 130 учениковъ. Учредители тринитары просили визитатора 1782 г. включить эту школу въ число высшихъ, но коммисія просвѣщенія не нашла возможнымъ исполнить просьбу ихъ и зачислила ее въ разрядъ приходскихъ), *Корцѣ*; на Украйнѣ: въ *Немировѣ*, *Богуславѣ*, *Бѣлой-Церкви*, *Купинѣ*, *Гродкѣ*. Образованная въ 1790 году военно-гражданская коммисія, имѣвшая задачею между прочимъ привести въ извѣстность фундуши парафіальныхъ школъ и изыскать мѣстныя средства къ устройству училищъ, начала свои дѣйствія съ западныхъ границъ и далеко не успѣла дойти до границъ Волыни и Украйны.

Приведемъ здѣсь замѣтку визитатора 1787 г. сдѣланную имъ по поводу бесѣдъ его съ холмскими піарами объ успѣхахъ народнаго образованія въ русскихъ областяхъ. „Визитаторъ, представляя главной школѣ отчетъ о русскихъ (!) піарскихъ школахъ, обязанъ присовокупить, сколько препятствій испытываетъ нынѣшняя система образованія отъ піаровъ, шляющихся по Руси и занимающихся частнымъ обученіемъ, безъ вѣдома своего орденскаго начальства". Въ примѣръ приводится школа немировская, въ которой такой піаръ „подъ предлогомъ военнаго образованія", обучаетъ не вѣсть чему „единственно въ видахъ своей корысти". Визитаторъ приводитъ фамиліи еще трехъ піаровъ: „Тверницкаго, Спелинскаго и Стройнскаго, изъ которыхъ первые два бродятъ отъ одного обывателя къ другому, напрашиваясь въ домашніе учители,—кончивъ обученіе въ одномъ домѣ, поступаютъ въ другой. Третій изъ нихъ занимаетъ мѣсто директора въ кременецкихъ школахъ, не слушаетъ приказаній орденскаго начальства о снятіи съ себя піарскаго костюма или о возвращеніи въ орденъ. Піары (холмскіе и межирѣчскіе) слышали, что весьма многіе изъ членовъ ордена ихъ занимаются тѣмъ-же ремесломъ (въ тѣхъ-же мѣстахъ); они рады были-бы, если-бы эти учители или насильно возвращены были въ орденъ, или прикрѣплены были каждый къ опредѣленному мѣсту, дабы можно было имѣть надъ ними надзоръ и не допускать ихъ срамить свой орденъ". Визитаторъ настаиваетъ на принятіи строгихъ мѣръ противъ этихъ бродячихъ учителей.

вести здѣсь выписку изъ послѣдней генеральной визиты, относящейся къ школамъ Волыни и Украйны, именно изъ визиты 1792 года. Въ этомъ году, въ обычный срокъ, выѣхалъ изъ Кракова генеральный визитаторъ Фіалковскій и направился въ русскія области обычнымъ визитаторскимъ трактомъ, Люблинъ—Владиміръ... „Во Владимірѣ, пишетъ онъ въ своей визитѣ, я узналъ о занятіи русскими войсками польской Украйны, Подолья и части Волыни, и тотчасъ написалъ объ этомъ въ главную школу, спрашивая ее, какъ мнѣ поступить въ отношеніи къ школамъ, очутившимся за новымъ русскимъ кордономъ, и долженъ-ли я передать этимъ школамъ назначенныя для нихъ медали. Въ Кременцѣ я получилъ письмо отъ секретаря главной школы, который сообщалъ мнѣ слѣдующія распоряженія ея:

1) По окончаніи осмотра школъ, оставшихся (въ предѣлахъ Польши), тотчасъ отправиться къ губернатору занятыхъ областей, Кречетникову, и, изложивъ цѣль своей командировки, просить его, не позволитъ-ли онъ осмотрѣть школы, отошедшія за кордонъ. Въ случаѣ отказа въ осмотрѣ школъ, просить его о позволеніи по крайней мѣрѣ получить деньги за учебники, принадлежащіе главной школѣ и въ теченіе двухъ лѣтъ продававшіеся (при школахъ), и сдѣлать счетъ не проданнымъ книгамъ.

2) Въ томъ-же случаѣ назначенныя для этихъ школъ медали привезти въ Краковъ.

3) Устраненіе могущихъ встрѣтиться затрудненій главная школа предоставляетъ собственной находчивости визитатора.

Представляю отчетъ въ исполненіи этихъ порученій.

1) Тотчасъ по полученіи означеннаго письма я отправился изъ Кременца за новый русскій кордонъ, прямо въ Лабунь, въ которомъ Кречетниковъ имѣлъ свою резиденцію. Прибывши въ Острогъ, я узналъ здѣсь, что въ это самое время губернаторъ выѣхалъ въ Каменецъ-Подольскій. Такъ какъ я не могъ собрать достовѣрныхъ свѣдѣній по этому предмету, то рѣшился остаться въ теченіе сутокъ въ Острогѣ и употребилъ это время на сведеніе счетовъ за учебники и на повѣрку не проданныхъ книгъ, которыя нашелъ въ надлежащей сохранности. Я ни за что не согласился на просьбу острогскихъ учителей произвесть осмотръ мѣстныхъ школъ и объяснилъ имъ, что не могу приступить къ осмотру безъ разрѣшенія здѣшняго правительства. Такъ какъ все еще не вполнѣ подтверждалось извѣстіе о выѣздѣ губернатора въ Каменецъ-Подольскій, то я снова направился въ

Лабунь чрезъ Заславль. Но тутъ я получилъ печальное извѣстіе (smutną wiadomość) о смерти г. Кречетникова, постигшей его въ Межибожѣ, по дорогѣ въ Каменецъ. Не заставши въ Лабунѣ вице-губернатора и узнавши, что время возвращенія его не извѣстно, я поѣхалъ въ Межибожъ. Здѣсь я засталъ вице-губернатора и, получивъ аудіенцію, изложилъ ему цѣль моего пріѣзда. Вице-губернаторъ отвѣтилъ мнѣ, что, не будучи губернаторомъ, онъ не можетъ дать разрѣшеніе на осмотръ школъ, но что, если-бы я приступилъ было къ осмотру, ни у кого не испрашивая на то разрѣшенія, то никто не препятствовалъ бы въ этомъ. Теперь, прибавилъ онъ, если-бы я захотѣлъ получить разрѣшеніе, то долженъ былъ-бы ожидать пріѣзда новаго губернатора, который прибудетъ можетъ быть только чрезъ два мѣсяца. Тогда я приступилъ въ исполненію втораго порученія главной школы относительно денегъ, слѣдуемыхъ ей за проданные въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ учебники. Именемъ главной школы я просилъ позволенія получить эти деньги, какъ ея собственность, и свести счеты съ проректорами о не распроданныхъ учебникахъ, которые и переслать въ тѣ школы, какія укажетъ главная школа. Но вице-губернаторъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ не можетъ и на это дать позволенія, такъ какъ дѣло идетъ о вывозѣ (за границу) денегъ. Напрасно я доказывалъ, что деньги за проданные учебники никоимъ образомъ не могутъ быть признаваемы общественными суммами, но должны быть признаны собственностью главной школы, а на перевозку ихъ нужно смотрѣть, какъ на перевозку товара. На все это я получилъ отвѣтъ, что онъ не противъ полученія во всякое время какъ денегъ, такъ и остатка учебниковъ, но въ виду настоящаго несчастнаго случая, когда губернаторъ умеръ, а другого на его мѣсто еще нѣтъ, онъ, вице-губернаторъ, не считаетъ себя въ правѣ давать разрѣшенія по предметамъ подобнаго рода. Онъ нѣсколько разъ повторялъ мнѣ, чтобы я засвидѣтельствовалъ главной школѣ его высокое уваженіе къ учебному сословію и что онъ будетъ считать для себя за особенную честь подтвердить это самимъ дѣломъ, и если главная школа дастъ ему возможность помочь ей въ этомъ дѣлѣ, то онъ тотчасъ по пріѣздѣ новаго губернатора постарается о самомъ скоромъ и благопріятномъ рѣшеніи дѣла объ учебникахъ" [1]).

---

[1]) Школы, отошедшія за новый русскій кордонъ, были слѣдующія: академическія —въ Виницѣ, Житомірѣ и Каменцѣ; базиліанскія—въ Острогѣ, Любарѣ, Овручѣ,

„Что касается личнаго объѣзда мною школъ для сведенія счетовъ съ проректорами, онъ сказалъ мнѣ, что это было-бы напрасною тратою и времени, и денегъ и не принесло-бы ничего, потому что—прибавилъ онъ—можно быть увѣреннымъ, что главная школа не потерпитъ въ этомъ дѣлѣ никакого убытка. Наконецъ онъ заявилъ, что каждому изъ учителей здѣшнихъ школъ дозволено будетъ выѣхать въ Польшу со всѣмъ своимъ имуществомъ, на что каждому безпрепятственно данъ будетъ пашпортъ. Получивъ такой отвѣтъ, я просилъ о выдачѣ мнѣ паспорта для свободнаго возвращенія, каковой мнѣ тотчасъ и былъ выданъ".

2) „Медали, соотвѣтственно рѣшенію главной школы, я сохранилъ и при семъ представляю ихъ: золотыхъ 3, серебренныхъ 20".

3) Далѣе визитаторъ описываетъ свою поѣздку для сведенія счетовъ съ проректорами за учебники и для личныхъ условій по этому дѣлу съ базиліанскимъ провинціаломъ: былъ онъ въ Винницѣ и Каменцѣ, искалъ провинціала въ Любарѣ, Бѣлиловкѣ и въ Барѣ, успѣлъ свести счеты за учебники, но нигдѣ не принялъ за нихъ денегъ, распорядившись только хранить ихъ въ школьныхъ кассахъ впредь до распоряженія со стороны новаго правительства, а самъ вернулся въ Краковъ [1]).

Каневѣ, Умани, Шаргородѣ и Барѣ; піарская—въ Межирѣчѣ. Отъ всѣхъ этихъ школъ (кромѣ межирѣчскихъ) слѣдовало главной школѣ получить за учебники 19,080 злот. и 20 грошей.

[1]) Намъ не извѣстно, получила-ль краковская главная школа эти деньги.

Интимная переписка Ѳеофана Прокоповича съ Яковомъ Марковичемъ *).

Въ „Трудахъ кіевской духовной академіи“ за 1865 годъ помѣщены были, въ русскомъ подлинникѣ или въ переводѣ съ латинскаго, письма Ѳеофана Прокоповича къ разнымъ лицамъ, какъ важные „матеріалы для исторіи русской религіозной и церковной жизни“, въ которыхъ ярко отражается духъ и образъ мыслей этого замѣчательнаго русскаго іерарха. „Его личный характеръ,—говоритъ издатель г. Терновскій,—рѣзко отличался смѣлостью мысли, любовію къ свободѣ изслѣдованія, способностію отрѣшаться отъ преданій старины: законодательныя мѣры, составленныя по его мысли и при его непосредственномъ участіи, оставили глубокій слѣдъ въ исторіи русской церкви и русскаго духовенства“.

Но личный характеръ Ѳеофана Прокоповича не вполнѣ высказывался въ этихъ его письмахъ, часто разсчитывавшихъ на цѣлый кругъ читателей и потому въ нѣкоторой мѣрѣ сдержанныхъ и офиціальныхъ: и современники дорожили его письмами и передавали ихъ другъ другу, какъ нѣчто необыкновенное, и самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ иногда просилъ получателя письма передать съ него копію другимъ лицамъ. Но, сдерживая, по возможности, проявленіе своихъ мыслей и чувствъ въ самыхъ письмахъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ съ большею откровенностію и задушевностію высказывался въ припискахъ къ этимъ письмамъ. Таковы именно письма его къ другу своему, бунчуковому товарищу Якову Марковичу. Они обыкновенно раздѣляются на двѣ половины, изъ коихъ первая заключаетъ самое письмо, болѣе или менѣе общаго характера, которое могло быть передано и другимъ лицамъ, а вторая—приписку о своихъ частныхъ дѣлахъ и интересахъ. Эти приписки не встрѣчались въ извѣстныхъ доселѣ печатныхъ и рукописныхъ сборникахъ писемъ Ѳеофана Прокоповича, а потому

---

*) Бунчуковымъ товарищемъ, извѣстнымъ авторомъ „Дневныхъ Записокъ“.

не помѣщены и у г. Терновскаго. Мы нашли ихъ на латинскомъ языкѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими не изданными письмами Ѳ. Прокоповича, въ одномъ рукописномъ южнорусскомъ сборникѣ XVIII вѣка, хранящемся въ частномъ музеѣ Т. В. Кибальчича, и издаемъ ихъ, въ той увѣренности, что по своему интимному характеру они могутъ отчасти дать намъ ключъ къ психическому анализу и разгадкѣ характера этого замѣчательнаго человѣка. Достойны сами по себѣ вниманія интересующіе обоихъ друзей предметы, а также нѣкоторыя частныя сообщаемыя Прокоповичемъ свѣдѣнія, между прочимъ о коллекціяхъ и библіотекѣ Петра I-го.

I.

Письмо къ Якову Марковичу, отъ 13 апрѣля, 1716 года. Издано въ латинскомъ сборникѣ: „Epistolae illustrissimi ac reverendissimi Theophanis Procopowicz, variis temporibus et ad varios amicos datae, nunc primum in unum corpus collectae et suo ordine digestae. Typis Universitatis Caesareae Mosquensis, anno 1776, ep. 1.“ Въ нашемъ сборникѣ слѣдующая приписка къ этому письму:

Благоволи увѣдомить, кто были спутниками *ясновельможнаго гетмана* (*ducis*)? гдѣ ясновельможный гетманъ останавливался? когда былъ у царя? и былъ ли царь у него? былъ ли царь на обѣдѣ у рязанскаго первосвятителя? посѣщалъ ли коллегію? Кого, кромѣ того, принималъ въ гости? и у кого былъ самъ въ гостяхъ? какіе ты посѣщалъ храмы и монастыри? что новаго изъ Малой Россіи?

II.

Письмо къ Якову Марковичу отъ 24 мая 1716 года. Издано въ латинскомъ сборникѣ писемъ Прокоповича, 1776 г. Въ припискѣ къ этому письму читается слѣдующее:

Монахи эти сербы показались намъ хорошими, простыми и смиренными и истинными монахами, на сколько они намъ извѣстны: они гостили у насъ 8 недѣль. Итакъ прошу за нихъ твою вельможность, не откажись помочь имъ и устроить доступъ къ славнѣйшему дворцу (гетманскому?) Можетъ быть придетъ туда другой монахъ, сербъ, который выдаетъ себя за архимандрита: онъ человѣчишко негодный, надутый, тщеславный, какимъ онъ невольно самъ покажетъ себя предъ вашими глазами. Такимъ бездѣльникамъ не совѣтую покровительствовать. Это тѣ, которые изъ бѣднаго міра изгоняютъ Христа и съ нимъ все доброе.

Вельможности твоей, господину моему и брату дражайшему, смиренный братъ и слуга Ѳеофанъ, коллегіи кіево-могилеанской ректоръ.

Въ Кіевѣ, въ коллегіи могилеанской.
1716. Мая 24.

III.

Письмо къ Якову Марковичу, отъ 25 мая, 1716 года.

Знатнѣйшій и благороднѣйшій господинъ Марковичъ, господинъ мой и братъ во Христѣ возлюбленнѣйшій! Вотъ нѣчто на твои требованія: говорю—*нѣчто* потому, что желаешь многаго, а я представляю немножко. По поводу отвѣтовъ, которые я далъ на посланныя тобой предложенія, я написалъ цѣлый трактатецъ объ оправданіи. Написалъ я наскоро и почти бѣглымъ шагомъ, употребивъ на это дѣло два дня; посему не удивляйся, если что нибудь изложено будетъ нестройно и въ не надлежащемъ порядкѣ, равно, если будетъ что нибудь излишнее и не станетъ чего нибудь необходимаго. Надлежащую книгу о семъ предметѣ мы обѣщаемъ въ концѣ нашего богословія, а въ какомъ мѣстѣ,—самъ можешь видѣть изъ оглавленія послѣдующихъ книгъ, которое ты имѣешь въ нашихъ трактатахъ, недавно посланныхъ къ тебѣ. Тамъ постараемся и о методѣ, и о полнотѣ. Но въ исполненіи сего нашего обѣщанія мы также увѣрены, какъ увѣрены въ завтрешнемъ днѣ. Именно мы помнимъ о томъ спасительнѣйшемъ божественномъ наставленіи, которое преподано соименнымъ тебѣ Апостоломъ: „*аще Господь восхощетъ и живи будемъ*“ (Іак. 4 ст. 15), равно какъ и о томъ, что въ началѣ письма мы обѣщали сказать кратко, между тѣмъ, какъ бы забывъ обѣщаніе, говоримъ пространно. Прошу не прогнѣваться за это; ибо этотъ грѣхъ нашъ мы извиняемъ мнѣніемъ св. Григорія Назіанзина во 2-мъ письмѣ къ Никовуму. Вотъ это мнѣніе: „Лаконизмъ не въ томъ, какъ ты думаешь, чтобы писать въ не многихъ словахъ, но малое во многихъ; такимъ образомъ я считаю Гомера краткоглаголивымъ, а Антимаха—широковѣщательнымъ: почему? потому, что приписываю длинноту предметамъ, а не писаніямъ“. Доздѣ онъ. Если краткость должна сама за себя говорить, то она не можетъ говорить короче, и однако если тебѣ покажется, что мы написали много о маломъ, то просимъ извиненія и больше не безпокоимъ. Прощай!

Вельможности твоей преданнѣйшій Ѳеофанъ, коллегіи кіево-могилеанской ректоръ.

Кіевъ. Въ коллегіи кіево-могилеанской.

Посылаемъ 6 книгъ: апологію англійскаго короля Іакова и объясненіе изъ посланія къ римлянамъ, что современная римская апостольская церковь не есть апостольская: это—богословы; потомъ польскую книгу о лошадяхъ, подъ названіемъ „Hipica", математику хорошую Финея Орорція и политику о правѣ германскомъ, автора Готфрида Гофмана, который учитъ теперь въ Лейпцигѣ сыновей нашего гетмана и недавно прислалъ мнѣ сію книгу съ другими. Твоихъ двухъ книгъ, которыя, какъ ты говоришь, у меня,—я не нахожу у насъ и не могу о нихъ припомнить. Посему напиши мнѣ о нихъ пояснѣе, какія онѣ и когда къ намъ поступили: тогда, можетъ быть, найдемъ.

О тѣхъ-же книгахъ, которыя посылаю, я упоминаю въ другомъ моемъ письмѣ, къ тебѣ-же посланномъ, которое получишь отъ монаха серба, нашего гостя, честнаго и простаго человѣка, котораго опять поручаю твоей вельможности.

IV.

Письмо къ Якову Марковичу, отъ 30 мая, 1716 года. Издано въ латинскомъ Сборникѣ 1776 г., *ер.* IV. Въ нашей рукописи слѣдующая приписка:

Мы слышали, что ты путешествовалъ въ Петербургъ,—ты слышалъ, что я страдалъ продолжительною болѣзнію; но ни та, ни другая причина не побудила тебя написать что-нибудь къ намъ. Откуда это молчаніе? Иные объясняютъ перемѣною твоей благорасположенности, чего я менѣе всего ожидаю. Ибо я знаю, какъ ты расположенъ къ моему убожеству, не сомнѣваюсь въ дружбѣ и благосклонности того, кто считаетъ себя какъ-бы сыномъ моимъ и кого я желаю звать братомъ и не стыжусь называть господиномъ. И такъ какая-же причина молчанія? Къ извиненію твоему, сказалъ-бы я, что это—общій недостатокъ, какая-то неохота писать письма и проистекающее отсюда забвеніе. Признаюсь, что и меня она сильно одолѣваетъ. Впрочемъ, къ твоей вельможности я никогда не буду медлителенъ; и отъ тебя также по праву ожидаю взаимности въ этомъ, прошу не отвергнуть. И такъ, напиши намъ о своемъ здоровьи во время прошлаго путешествія и объ его результатахъ, и не захочешь-ли написать или поручить мнѣ что другое? Будь здоровъ, какъ можно лучше.

V.

Письмо къ Якову Марковичу, безъ даты; но, судя по содержанію, написанное вскорѣ послѣ предыдущаго.

Знатнѣйшій и вельможнѣйшій господинъ Марковичъ, мой господинъ и братъ многоуважаемый!

Прошу не удивляться, что въ предыдущемъ письмѣ я спрашивалъ о твоемъ молчаніи; ибо письма твои ко мнѣ, посланныя благовременно, я наконецъ получилъ только теперь, именно уже послѣ отъѣзда нашего отца префекта и послѣ отправки моего письма къ тебѣ. Здѣсь-же вмѣстѣ прошу прощенія въ томъ, что и самъ на этотъ разъ могу говорить съ тобой весьма мало,— такъ отовсюду заваленъ множествомъ работъ. Но признаюсь чистосердечно и откровенно, что я такъ пораженъ и возбужденъ твоимъ ко мнѣ письмомъ, дышащимъ однимъ только Христомъ, что не могу не отвѣтить тебѣ тѣми словами, какія апостолъ Павелъ написалъ къ римлянамъ: *Благодарю Бога моего Іисусомъ Христомъ* о тебѣ, *яко вѣра* твоя *возвѣщается во всемъ мірѣ.* (Римл. 1, ст. 8). Прибавляю и послѣдующее: *свидѣтель ми есть Богъ, ему же служу духомъ моимъ во благовѣствованіи Сына Его, яко безпрестани память о тебѣ творю, всегда въ молитвахъ моихъ молися, аще убо когда поспѣшенъ буду волею Божіею пріити* къ тебѣ. *Желаю бо видѣти* тя, *да нѣкое подамъ* тебѣ *дарованіе духовное ко утвержденію* твоему; *сіе же есть соутѣшитися* въ тебѣ *вѣрою общею* твоею *и моею.* Если мое путешествіе не осуществится, то прошу, молю, требую, настаиваю, умоляю Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, удовлетвори нашимъ желаніямъ, предпринявъ, если можно, свое путешествіе къ намъ. Ибо почему, спрашиваю, не можешь выдумать причины или отыскать поводъ подъ видомъ другаго дѣла, которое бы могло привести тебя къ намъ? Но вы свое лучше знаете: дѣлайте, чтобъ исполнить задуманное, и простите насъ, если что болтнули безъ разсужденія. Богъ да сохранитъ тебя, драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ братъ и господинъ, невредимымъ, счастливымъ на войнѣ и въ мирѣ, равно и торжествующимъ въ апостольской мантіи, и да сохранитъ какъ можно долѣе. Прощай.

Знатнѣйшаго и вельможнѣйшаго панства твоего преданный братъ и слуга Ѳеофанъ, коллегіи кіево-могилеанской ректоръ.

Что ты написалъ намъ объ имѣющемъ прибыть гостѣ,—радуюсь и веселюсь и за эту пріятнѣйшую вѣсть приношу вели-

чайшую благодарность. О, если бы ты скоро исполнилъ обѣщанное и удовлетворилъ нашимъ желаніямъ! Ибо и я въ первомъ письмѣ моемъ, посланномъ черезъ Завратинскаго, особенно объ этомъ безпокоилъ тебя. Вотъ удивительное, какъ бы условленное согласіе нашихъ обоюдныхъ желаній.

Съ господиномъ Борзаковскимъ, родственникомъ вашимъ, хотя онъ тяжко насъ оскорбилъ и нашу расположенность передъ многими толковалъ за ненависть, мы немедленно и охотно примирились, по просьбѣ знатнѣйшаго господина тестя твоего и по твоей собственной. Для этого весьма достаточно было и твоего одного ходатайства; ибо нѣтъ для меня важнѣе, достойнѣе и сильнѣе твоихъ просьбъ; да будетъ такъ милостивъ ко мнѣ, грѣшнику, Господь кровію Сына Своего Господа нашего Іисуса Христа.

Чего отъ насъ требуешь, скоро пришлю;—какъ нѣкоторыя книги, такъ и мои отвѣты. И между прочимъ посылаю два мои уже преподанные трактаты богословскіе: 1-й—О твореніи и промыслѣ, второй — О состояніи перваго человѣка. Полагаю, найдешь въ нихъ кое-что обыкновенное, кое-что и любопытное, легкое, трудное, годное, не годное,—разное; наконецъ, найдешь то, надъ чѣмъ можешь, если угодно, провесть или, можетъ быть, потерять хорошее время. Но прошу панство ваше, благоволи приказать, если угодно, переписать сію рукопись и возвратить ее намъ; ибо мы взяли ее у одного ученика, между прочимъ, для того, чтобы удовлетворить твоимъ требованіямъ.

VI.

Письмо къ Якову Марковичу, отъ 19 августа, 1716 года. Издано въ Трудахъ кіев. дух. академіи, за январь, 1865 года, съ помѣтой 9 августа, 1716 г. Въ нашемъ сборникѣ слѣдующая къ нему приписка:

Благороднаго господина Василія Савицкаго особенно рекомендую твоей вельможности. Можетъ быть, это излишне, поелику онъ очень хорошо тебѣ извѣстенъ и пріятенъ. Однако и я говорю, что́ чувствую. Кажется, онъ весьма преданъ тебѣ, и экономъ, и совѣтникъ, и вѣрный домашній: и насъ принялъ отъ твоего имени весьма любезно.

Помогите ради любви Христовой оглашенному іудею, и хотя бы жена его не пожелала креститься, однако можетъ быть его женою, если только сама не заупрямится, по ученію Апостола

1 Кор. гл. 7. Не слѣдуетъ слушать негодяя попа, который, говоритъ, подстрекаетъ къ противному.

И опять о семъ единственно прошу, чтобы ты не удостоивалъ своими учеными бесѣдами неблагодарныхъ бездѣльниковъ, о которыхъ самъ знаешь, что они слѣпые, дерзкіе и не ученые. Еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся. Не повергай святая псамъ, не мещи бисера твоего предъ свиньями.

VII.

Письмо къ Якову Марковичу изъ С.-Петербурга, отъ 27 января, 1717 года. Съ ошибочной и неопредѣленной датой отпечатано, въ русскомъ переводѣ, въ Трудахъ кіевской духовной академіи за январь 1865 года. Въ нашемъ сборникѣ слѣдующая приписка:

Не полѣнись написать, не представлялся ли ты преосвященнѣйшему предстоятелю рязанскому, и какъ онъ принялъ тебя? Какой былъ разговоръ, обращеніе и весь пріемъ? Не было ли и обо мнѣ помину?

Прошу, напиши мнѣ объ о. Стефанѣ Прибыловичѣ: гдѣ онъ и что съ нимъ? ибо мнѣ прежде сообщено было, что онъ обвиненъ былъ за ложно приписанную ему Шидловскимъ ересь, если это правда. Этотъ Шидловскій, какъ былъ вѣроломенъ предъ земнымъ царемъ, такъ и предъ царемъ небеснымъ, и—рабъ непотребный.

Между значительными, которые меня любятъ и глубоко уважаютъ (если не ошибаюсь), суть слѣдующіе: сіятельнѣйшій князь Меньшиковъ, Ѳеодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, начальникъ флота, иначе адмиралъ; сенаторъ Іоаннъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ и первый изъ сенаторовъ Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій, генералъ Григорій Петровичъ Чернышевъ. Объ о. архимандритѣ Невскомъ [1]), который путешествовалъ съ пресвѣтлѣйшимъ, хорошо знаю отъ достовѣрнѣйшихъ лицъ, что онъ чтитель истины и сильный врагъ ханжей и всякаго суевѣрія, почему и мнѣ обѣщаютъ въ немъ единственнаго друга, каковымъ онъ уже и есть; ибо вездѣ доселѣ превозносилъ мое имя и, говорятъ, ожидалъ моего прибытія съ величайшимъ желаніемъ. Тоже обѣщаютъ и о самомъ пресвѣтлѣйшемъ.

---

[1]) Ѳеодосіѣ Яновскомъ.

Между другими проповѣдями, которыя я здѣсь говорилъ, проповѣдь на Рождество Христово, въ которой въ отдѣлѣ объ оправданіи положилъ основаніемъ сіе изрѣченіе Апостола: *немощное закона, въ немъ-же немоществоваше плотію, Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣха, и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти, да оправданіе закона исполнится въ насъ*, и проч. (Римл. 8, ст. 3); ибо я показалъ, какимъ образомъ законъ во плоти немоществовалъ, и какимъ образомъ Сынъ Божій исцѣлилъ законъ и требуемое закономъ оправданіе исполнилъ для насъ на себѣ самомъ: эта, говорю, проповѣдь принята была съ такимъ восторгомъ и всеобщимъ одобреніемъ, что разныя лица открыто превозносятъ ее разными похвалами, даже къ величайшему стыду моему, и всѣ потребовали, чтобы она не медленно была напечатана, и нынѣ уже въ печати. Когда выйдетъ изъ печати, пришлю тебѣ. И такъ, отсюда свѣтитъ надежда божественной благодати, имѣющей показать свою силу. О, если-бы! О, Боже! О, Христе Боже! Исполни желанія наши! Не намъ, Господи, не намъ, но имени твоему даждь славу! О полученіи таковаго успѣха молюсь я, грѣшникъ; молись и ты непрестанно, любезнѣйшій!

Благоволи написать въ Кіевъ къ о. Кохановскому и увѣдомь его, что два его письма получены мною, и что при этомъ желаю я, чтобы онъ и еще писалъ къ намъ: и я кратко буду писать.

Прошу прислать мнѣ двѣ книги—Финея Орорція и другую: „De horologiis“, которую я оставилъ у господина Савицкаго; я ихъ послѣ возвращу вамъ съ другими новыми.

Если будетъ отъ васъ удобный случай сюда (прошу простить безстыдной скудости), пришли мнѣ сколько нибудь „сивушки“: до того мы здѣсь бѣдны, что я не стыжусь писать тебѣ объ этомъ.

Покорнѣйше прошу извинить, что я и обременяю тебя многимъ чтеніемъ, и налагаю трудъ писанія.

Когда возвратится изъ долговременнаго путешествія пресвѣтлѣйшій, полагаю, что отъ ясновельможнаго гетмана послѣдуетъ привѣтствіе. Но едва-ли не сообразнѣе было-бы, если-бы ты прибылъ поздравителемъ, о чемъ и совѣтую тебѣ постараться.

Достопочтенному отцу архимандриту привѣтствіе твое весьма пріятно: нисколько не мѣшаетъ, даже сдѣлаешь хорошее дѣло, если, еще пославши къ нему письмо, подтвердишь свою расположенность.

Что писалъ ты намъ о нашихъ хорошихъ благопріятеляхъ и хвалителяхъ, за это благодарю; но едва могу вѣрить, не притворныя ли это похвалы. Прошу также, не полѣнись писать намъ, если что новаго о насъ услышишь, но чрезъ вѣрнаго письмоносца и такого, который бы вручилъ мнѣ письмо въ руки.

Прошу прислать книги господина генерала: онъ просилъ меня, чтобы я навѣстилъ его домъ въ качествѣ гостя; но, обѣщавшись, я доселѣ не сдѣлалъ этого, чтобы онъ не помянулъ о книгахъ.

Его величество, самодержецъ пресвѣтлѣйшій, предпринявъ путь въ Москву, при самомъ выѣздѣ, отозвавшись обо мнѣ превосходно, приказалъ также дать мнѣ особенный подарокъ изъ своихъ домашнихъ денегъ, именно 100 рублей, о чемъ мы не знали, и уже нѣсколько дней послѣ его отъѣзда я узналъ по случаю и деньги получилъ изъ царскаго дворца.

Сіятельнѣйшій князь Меньшиковъ, вмѣстѣ съ княземъ Димитріемъ и сенаторомъ Петромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ и другими вельможами (между ними и господинъ Шпетакъ) обѣдали у меня съ удовольствіемъ и благодарностію 15 января. Потомъ и съ тѣми же гостями мы были 17 января на обѣдѣ у отца архимандрита.

Что теперь дѣлается въ Москвѣ, я не желалъ бы, чтобы ты писалъ мнѣ объ этомъ, поелику не приходится намъ знать о томъ; развѣ, можетъ быть, что сообщено будетъ къ общему свѣдѣнію и о чемъ приказано будетъ опубликовать [1]).

VIII.

Письмо къ Якову Марковичу отъ 26 февраля 1719 года, изъ Нарвы. Отпечатано въ латинскомъ сборникѣ 1776 года. Въ нашей рукописи слѣдующая приписка:

По написаніи сего письма получилъ я печальное извѣстіе о смерти брата моего Нестора; что иное должно дѣлать, какъ не умѣрять печаль размышленіемъ о божественномъ попеченіи о насъ!

IX.

Письмо къ Якову Марковичу изъ Петербурга отъ 10 мая 1720 года. Въ русскомъ переводѣ издано въ Трудахъ кіевской ду-

---

[1]) Разумѣется дѣло о царевичѣ Алексіѣ Петровичѣ. Въ этой предупреждающей осторожности живо рисуется одна изъ коренныхъ чертъ политики Прокоповича.

ховной академіи, за февраль 1865 года, но безъ точной и опредѣленной даты. Въ концѣ письма, по нашей рукописи, слѣдующая приписка:

Вотъ суета человѣческихъ дѣлъ! По написаніи сего, въ тотъ же день, по прошествіи почти пяти часовъ, скончался о. Михаилъ, къ величайшему нашему прискорбію. Водянкою, такъ какъ былъ толстый, болѣлъ 6 недѣль: сначала ноги опухли; потомъ, когда врачъ составилъ лекарство и нѣсколько разъ далъ ему пить, опухоль въ ногахъ прошла, но мокрота перешла въ животъ и оттуда бросилась въ легкія. Два врача не одинаково опредѣляли пульсъ и кровь, но предполагали, что онъ умретъ отъ паденія мокроты на грудь. Не было недостатка въ медицинской помощи и, послѣ одного и другаго сильнаго пароксизма, мокрота выплевана, и онъ сталъ чувствовать себя лучше. Потомъ опять усилилась болѣзнь, дыханіе сдѣлалось весьма тяжелымъ, и наконецъ, въ означенный день, въ исходѣ 11-го часа по полудни, не стало человѣка, въ самое полнолуніе, когда, по словамъ врача поляка, чаще умираютъ страдающіе водянкой. Превосходнымъ умомъ человѣка (каковыя дарованія я обыкновенно цѣню выше всего, чему удивляются люди) и свѣтлой простотой я удивительно пользовался и смерть его приписываю своимъ грѣхамъ. Однако насъ утѣшаетъ смерть его, полная спасительной надежды. Ибо когда, по полученіи извѣстія, что отцу Михаилу хуже, я пришелъ къ нему и спросилъ, узнаетъ ли меня, онъ весьма слабымъ голосомъ отвѣчалъ, что узнаетъ. Приступивъ къ нему укрѣпить его, я особенно увѣщевалъ его касательно двухъ предметовъ: во первыхъ, чтобы онъ не жаловался на свою участь, т. е. на Божественное Провидѣніе, что рано долженъ умереть, изобразивъ ему суету жизни и внушивъ ему, чтобы онъ предалъ себя въ волю Божію; во вторыхъ, чтобы молился и молясь не отчаевался въ божественномъ къ нему чрезъ Христа милосердіи. Когда я говорилъ ему объ этомъ, онъ набожно сочувствовалъ мнѣ движеніемъ руки и выраженіемъ глазъ. Тотчасъ по моемъ уходѣ началась агонія, и черезъ 20 минутъ послѣ моего ухода онъ скончался. Буди ему вѣчная память!

Объ одномъ при этомъ я позабылъ. Недалеко отъ нашего дома есть прекрасный каменный домъ, прежде Кикина, теперь— Императора. Тамъ хранится имущество Его Величества, весьма драгоцѣнное: 1) анатомическое, находящееся въ многочисленныхъ камерахъ, которыя наполнены всякими человѣческими частями,

сберегаемыми въ спиртѣ; 2) многія рѣдкости природы, змѣи, крокодилы, монстры и проч., побѣги коралловъ всякаго рода, раковины выше всякаго удивленія, и проч., и проч.; 3) библіотека, доходящая числомъ до 15-ти тысячъ книгъ. Поэтому и отсюда мы можемъ получать пособіе въ литературныхъ занятіяхъ, такъ какъ она находится не далеко и открыта для насъ во всякое время.

Славнѣйшаго господина Генеральнаго Писаря съ любовію привѣтствую и отъ души ему соболѣзную о смерти дорогаго сына. Прошу и молю, чтобы всемогущій Богъ вознаградилъ его за сію утрату всѣми другими счастливѣйшими успѣхами.

Достопочтеннѣйшаго отца Епифанія Тихорскаго игумена (если не архимандрита, какъ я наслышанъ) привѣтствую усерднѣйше и прошу для него у вашей вельможности копіи съ моего письма.

Н. Петровъ.

Библіографія.

„Хуторна поэзія“ и „Крашанка“. П. А. Кулиша. Львовъ. 1882.

Первая изъ этихъ брошюръ г. Кулиша имѣетъ своею задачею поднятіе народнаго украинскаго духа, пробужденіе народнаго украинскаго самосознанія, а вторая пытается склонить украинцевъ къ примиренію съ поляками. Не смотря однако на кажущуюся разность брошюръ, по ихъ цѣлямъ, между ними есть много сходства. Въ обѣихъ своихъ брошюрахъ авторъ пытается стать на историческую почву и освѣтить исторіею современныя отношенія Украины; въ той и другой проводится одинъ и тотъже почти историческій взглядъ и высказываются одинаковыя симпатіи и антипатіи, съ небольшими развѣ только разностями. Поэтому, на основаніи названныхъ брошюръ, можно воспроизвести то историческое міровоззрѣніе автора, какое сложилось у него за послѣднее время.

Историческій взглядъ свой на судьбу украинскаго народа и его словесности въ „Хуторной поэзіи“ г. Кулишъ представляетъ въ слѣдующемъ видѣ. „Наше слово, говоритъ, закалено въ устахъ Олеговъ, Святославовъ, Владиміровъ еще тогда, какъ Москва и не народилась. Закалили мы его и въ устахъ того рыцарства, къ которому обращалась съ приглашеніями вся Европа, воюя съ врагами вѣры Христовой или свободы религіозной“. Это слово стало подвергаться стѣсненію подъ владычествомъ Польши и Россіи надъ Малороссіей. Какимъ образомъ Малороссія подпала подъ власть Польши, объ этомъ г. Кулишъ вскользь замѣчаетъ въ своей „Крашанкѣ“. „Козаки, говоритъ онъ, не допуская вдову кіевскаго князя Симеона Олельковича господствовать, принудили ее просить короля, чтобы онъ взялъ себѣ не спокойный Кіевъ и далъ ей въ замѣну Пинскъ съ Кобриномъ и

Рогачевымъ"; слѣдовательно поддача кіевлянъ польскому королю была добровольная и не справедливо извѣстіе лѣтописей, будто ляхи силою сдѣлали изъ русскаго княжества польское воеводство. Какъ-бы то ни было, фактъ подчиненія Украины Польшѣ совершился. „Во время господства Польши нашимъ предкамъ казалось, будто Русь отъ Карпатъ до Путивля есть недѣлимая часть Рѣчи Посполитой польской, и будто-бы, не держась съ ляхомъ за руки, нельзя русину жить на свѣтѣ". Они уже слишкомъ стали склоняться на сторону поляковъ и ассилимироваться съ ними. Важнѣйшіе дома въ Червоной Руси, на Покутьи, на Подольѣ, на Волыни, въ Бѣлоруссіи и на Украинѣ по обоимъ берегамъ Днѣпра оставляли даже старую вѣру греческую, чтобы не разниться ни въ чемъ съ польскими панами. А между тѣмъ украинское простонародье, предоставленное самому себѣ, пробавлялось своими стародавними преданіями и пѣснями, стояло въ сторонѣ отъ прогресса и цивилизаціи и все болѣе и болѣе удалялось отъ высшихъ сословій, цивилизованныхъ по-польски. Результатомъ этой розни была соціальная усобица въ концѣ XVI столѣтія, когда низшее духовенство русское отреклось отъ единенія съ русскою церковною аристократіею, а народъ, по внушенію духовенства, сталъ называть ляхами и русскихъ вельможъ. Такимъ образомъ соціальныя усобицы въ Рѣчи Посполитой приняли зловѣщее названіе борьбы козаковъ съ ляхами, не смотря на то, что козаки боролись съ вельможными представителями Руси: Острожскими, Вишневецкими, Сангушками, Четвертинскими, Корецкими и т. д. Въ этой гибельной для обѣихъ націй борьбѣ, русскихъ пановъ поддержали польскіе паны, а русскихъ козаковъ—бояре московскіе, думные люди царя Алексѣя Михайловича. Такимъ образомъ древняя варяго-русская аристократія потеряла территорію, которую заняла-было по праву защиты отъ хищнаго азіатства.

Забытая своими церковными и мірскими властями Русь оставила слѣды въ польской словесности и, принявъ въ себя довольно польщизны, перешла подъ московское владычество такою же просторѣчивою, какою была и подъ польскимъ. Послѣ Великой Руины, уничтожившей всю работу европейской культуры на обоихъ берегахъ Днѣпра, изъ заселенныхъ вновь городищъ и селищъ возникла такъ называемая по-книжному Малая Россія, а по-народному Украина. Здѣсь опять глубоко укоренилась и широко разлилась украинская простонародная рѣчь, которая

однако не пользовалась вниманіемъ высшихъ властей и украинскаго панства, стремившагося на „россійскій Геликонъ". Украина была какъ будто въ летаргическомъ снѣ, отъ котораго пробудила ее та-же родная рѣчь. „По какому-то таинственному закону воскресенія замершихъ народностей, въ Полтавщинѣ, въ Харьковщинѣ и, какъ видимъ, даже въ Черниговщинѣ, какъ будто на кобзѣ струна къ струнѣ, отозвались одинъ по одному люди чужіе и далекіе между собою и провозгласили новую націю между націями, во имя роднаго слова и самобытнаго міровоззрѣнія". Это дѣло началъ простодушно Котляревскій въ своей „Перелицованной Энеидѣ". Онъ постаскивалъ съ Олимпа боговъ и богинь съ полубогами и славныхъ героевъ, и всю эту олимпійскую знать повернулъ въ мужицкую простоту. Такъ зародилась новѣйшая украинская литература. Она сдѣлалась демократическою и получила широкое и прочное развитіе.

Одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ этого развитія представляетъ эпоха 40-хъ годовъ, съ Шевченкомъ во главѣ. Этой эпохѣ, въ которой принималъ нѣкоторое участіе и Кулишъ, онъ посвящаетъ свое „историчне оповіданне", служащее какъ бы предисловіемъ къ „Хуторной Поэзіи". По его словамъ, года за три—за четыре до 1847 г. кіевская молодежь, проникнувшись евангельскимъ ученіемъ, задумала проповѣдывать среди просвѣщенныхъ пановъ украинскихъ освобожденіе народа отъ крѣпостничества путемъ просвѣщенія, вмѣстѣ и христіанскимъ и научнымъ. Во главѣ этой молодежи стоялъ Шевченко. Къ ней принадлежалъ и самъ Кулишъ. Осенью 1845 года онъ уѣхалъ въ Петербургъ, откуда переписывался съ своими кіевскими друзьями. Въ началѣ 1847 года Кулишъ снова является на Украинѣ, куда онъ заѣхалъ по дорогѣ за границу. Къ этому времени Шевченко получилъ мѣсто профессора живописи при кіевскомъ университетѣ св. Владиміра. Вмѣстѣ съ Шевченкомъ Кулишъ былъ на свадьбѣ, въ черниговской губерніи, у одной знакомой дѣвицы, отдавшей все свое приданое для Шевченка, и гостилъ нѣсколько времени у другаго украинскаго поэта, воспитанника нѣжинской гимназіи, холостяка, кажется—Забѣлы, который былъ „великий недурень выпити". Въ Кіевѣ Кулишъ узналъ стороною, что кіевскіе его пріятели составили какое-то „общество Кирилла и Меѳодія", сочинили уставъ и имѣли свой значекъ—перстни изъ чистаго желѣза съ литерами К. М., но не былъ посвященъ въ тайны этого общества. Въ уставѣ, какъ послѣ извѣстно стало, между другими премудрыми замыслами,

было сказано, что украинцы получатъ всю славянщину въ одну федерацію, подъ протекціей всероссійскаго императора, а если-бы всероссійскій императоръ на это не согласился, то будутъ промышлять о себѣ какъ нибудь иначе. Извѣстно, что на членовъ кирилло-меѳодіевскаго общества или братства послѣдовалъ доносъ, вслѣдствіе котораго пострадалъ и Кулишъ изъ-за своей переписки съ кіевскими пріятелями своими. Главными обвинительными пунктами противъ Кулиша были: его переписка съ кіевскими его пріятелями и „повѣсть объ украинскомъ народѣ", напечатанная въ дѣтскомъ журналѣ г-жи Ишимовой „Звѣздочка". Содержанія своей переписки Кулишъ не открываетъ, хотя, быть можетъ, она помогла-бы намъ разрѣшить не излишній для его характеристики вопросъ о томъ, почему онъ не былъ посвященъ въ тайны кирилло-меѳодіевскаго общества. По его-же словамъ, и ген. Дубельтъ давалъ ему понять, что онъ выгораживаетъ себя, не щадя своихъ соучастниковъ. Что касается повѣсти объ украинскомъ народѣ, помѣщенной въ „Звѣздочкѣ", то, по отзыву самого Кулиша, „это была компиляція тѣхъ шкодливыхъ для нашего разума выдумокъ, которыя наши лѣтописцы выдумывали про ляховъ, да тѣхъ, что́ наши кобзари сочиняли про жидовъ, для поджоги или для забавы козакамъ-пьяницамъ, да тѣхъ, которыя разбросаны по апокрифамъ старинныхъ будто-бы сказаній и по поддѣланнымъ еще при нашихъ прадѣдахъ историческимъ документамъ. Это было одно изъ тѣхъ утопичныхъ и фантастическихъ сочиненій безъ критики, изъ какихъ сшита у насъ вся исторія борьбы Польши съ Москвою. Козаки являлись въ ней, какъ нація, а все то, что дѣлаетъ націею, игнорировалось или отбрасывалось въ противоположный лагерь. Всѣ козацкіе враги изображены тутъ людоѣдами, а сами козаки праведными мучениками и благородными патріотами". О Кулишѣ опредѣлено было: „на два мѣсяца въ крѣпость, а потомъ въ отдаленныя губерніи, съ запрещеніемъ служить по министерству народнаго просвѣщенія".

Судьба другихъ соучастниковъ кирилло-меѳодіевскаго кружка болѣе или менѣе извѣстна, и Кулишъ не касается ея. Но не безъинтересно его мнѣніе о Т. Г. Шевченкѣ. Сравнивая Шевченка и Пушкина, Кулишъ говоритъ, что оба они одарены были великими дарами природы, Шевченко еще большими, чѣмъ Пушкинъ. Но Пушкинъ глубже могъ проникнуть въ историческую правду, чѣмъ Шевченко, не имѣвшій возможности развить свой природный даръ широкимъ опытомъ жизни, культурой и наукой. Если-бъ

Шевченка не постигла извѣстная печальная участь ссылки, то онъ путемъ науки сравнялся-бы съ Пушкинымъ, и русское единство, къ которому стремились Петръ I и Екатерина II, подкрѣпилось-бы Шевченкомъ еще больше, чѣмъ самимъ Пушкинымъ.

Послѣ погрома кіевскаго кирилло-меѳодіевскаго кружка,— по представленію и Кулиша,—настали тяжелыя времена для украинской литературы, продолжающіяся и до послѣдняго времени. „Что послѣдовало на Украинѣ послѣ 1847 г., говоритъ онъ, это мы всѣ знаемъ". Въ другихъ мѣстахъ Кулишъ даетъ понять читателю, что цензурныя стѣсненія послѣдняго времени были причиною удаленія его изъ Россія за границу, въ Галицію, хотя мы замѣтимъ, что никто не мѣшалъ ему писать и печатать здѣсь свою пресловутую „Исторію возсоединенія Руси", и почти одновременно предлагать своимъ землякамъ перелицовать эту „Исторію" въ ихъ пользу, подъ условіемъ уплаты ему по 100 руб. с. за каждый печатный листъ.

Въ заключеніе своей „Хуторной поэзіи" Кулишъ, указывая на то зло, какое сдѣлали Украинѣ сначала Польша, а въ послѣднее время Москва, приглашаетъ своихъ земляковъ работать для воскрешенія украинской народности на поприщѣ украинскаго слова и литературы и разработывать родное слово въ переводахъ поэтическихъ твореній великихъ народовъ и въ философіи, опирающейся на науку естествовѣдѣнія.

Казалось бы, что Польша и Москва, одинаково, хотя и въ разное время, повредившія Украинѣ, должны были вызывать въ Кулишѣ и одинаковую антипатію; но на самомъ дѣлѣ онъ отдаетъ явное предпочтеніе Польшѣ предъ Москвою и даже старается помирить своихъ земляковъ съ поляками въ своей „Крашанкѣ". Здѣсь онъ развиваетъ ту мысль, что главною причиною всѣхъ историческихъ недоумѣній между южноруссами и поляками были духовные руководители обоихъ народовъ, разжигавшіе религіозную вражду между ними и намѣренно искажавшіе, въ смыслѣ этой вражды, мѣстныя лѣтописи и историческіе документы. Напоенные этой враждой, разнузданные козаки - разбойники неистовствовали противъ своихъ братьевъ—поляковъ, представителей цивилизаціи и культуры въ ихъ краѣ, а украинская муза восхваляла эти неистовства въ козацкихъ думахъ и пѣсняхъ и окончательно затемнила подлинный образъ исторіи Украины и ея отношеній къ Польшѣ. Слѣдовательно историческіе

документы и лѣтописи малорусскія, казацкія думы и т. п. Кулишъ считаетъ не надежными источниками для исторіи Украины. Audiatur et altera pars,—говоритъ онъ—и обращается къ польскимъ свидѣтельствамъ и источникамъ, отдавая имъ явное предпочтеніе передъ отечественными украинскими. Критическаго разбора этихъ польскихъ источниковъ мы не видимъ въ брошюрахъ г. Кулиша, который въ свое оправданіе авторитетно и съ бранью указалъ своимъ рецензентамъ только на то, что онъ-де просидѣлъ въ библіотекахъ и архивахъ десятки годовъ и написалъ цѣлую охапку томовъ. Въ другомъ мѣстѣ той-же брошюры, порицая русскихъ историковъ за то, что они занимаются будто-бы только „фабулою исторіи", а не „описательною соціологіею", онъ даетъ понять, что „описательная соціологія" и составляетъ задачу историческихъ работъ его, г. Кулиша. Вотъ въ этихъ-то соціологическихъ задачахъ и нужно искать у г Кулиша критерія при оцѣнкѣ имъ историческихъ матеріаловъ или источниковъ. Для него достовѣрно все то, что служитъ его соціологическимъ задачамъ, и не заслуживаетъ никакого довѣрія то, что противорѣчитъ этимъ задачамъ, не согласно съ ними. Понятно отсюда, что его соціологія основана не на твердыхъ данныхъ, а на пескѣ. По ея выводамъ оказывается, что ляхи были благодѣтелями Украины, ея цивилизаторами и культиваторами, и только не многіе изъ нихъ, въ видѣ исключенія, дозволяли себѣ не справедливыя отношенія къ украинцамъ. Притомъ-же и не удивительно, если ляхи мстили иногда украинцамъ за свою утраченную славу, за свою погубленную отчизну, за своихъ отцовъ и матерей, братьевъ и сестеръ, за свои имѣнія на Украинѣ и проч. Теперь-де для обоихъ народовъ настало время забыть историческія неправды съ обѣихъ сторонъ и подать другъ другу руку примиренія.

Мы не беремся разбирать историко-соціологическіе абсурды г. Кулиша, предоставляя это дѣло спеціалистамъ-историкамъ. Не будемъ также сопоставлять сообщаемыхъ Кулишомъ свѣдѣній о кирило-меѳодіевскомъ кружкѣ съ болѣе достовѣрными свидѣтельствами одного изъ главныхъ дѣятелей этого кружка, Н. И. Костомарова [1]). Но для болѣе полной оцѣнки послѣднихъ произведеній г. Кулиша считаемъ не лишнимъ поставить эти произведенія

---

[1]) Русская Старина, за мартъ 1880 года, и предисловіе къ пражскому изданію сочиненій Т. Г. Шевченко, 1876 года.

въ связь съ прежнею его литературною дѣятельностію, дабы видѣть, на сколько г. Кулишъ остался вѣренъ самому себѣ.

Еще въ 1878 году, по поводу „Исторія возсоединенія Руси" г. Кулиша и его статьи „о козакахъ въ отношеніи къ государству и обществу", Н. И. Костомаровъ замѣтилъ въ г. Кулишѣ рѣзкую перемѣну прежнихъ его убѣжденій и писалъ о немъ слѣдующее: „Въ первыхъ годахъ текущаго царствованія (Александра II) въ умственной жизни русскаго общества совершались большія перемѣны. Между прочимъ тогда намъ надоѣла давно усвоенная въ Россіи и на всѣ лады расхваленная система устраивать все подъ одинъ уровень, изглаживающій всякія частныя особенности; намъ, на примѣръ, захотѣлось жизни самобытной. Начали у насъ и словесно и печатно прославлять децентрализацію; создавался въ нашихъ головахъ такой идеалъ общественнаго бытія, чтобы, съ сохраненіемъ единства и неразрывности государственнаго цѣлаго, части его имѣли бы всѣми признаваемое право на своеобразную физіономію, сообразно историческимъ, этнографическимъ и экономическимъ условіямъ. Тогда южнорусскій или малорусскій край представилъ для такихъ стремленій наиболѣе подходящія условія. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ возникло у малороссовъ стремленіе высказать свою дѣятельность въ собственныхъ, отъ многаго другаго отличныхъ пріемахъ; отсюда попытки собирать памятники пѣсеннаго народнаго творчества, изучать мѣстную исторію и современный бытъ народа, наконецъ поднять уровень народнаго образованія и дать мѣстной рѣчи края права гражданства въ литературной семьѣ. Тогда въ числѣ умственныхъ дѣятелей между малороссами видное и почетное мѣсто занималъ П. А. Кулишъ, какъ мѣстный малорусскій историкъ, мыслитель, этнографъ, беллетристъ. Онъ пользовался по достоинству уваженіемъ не только въ средѣ земляковъ, но и во всей читающей русской публикѣ". Но „по своему увлекающемуся характеру, П. А. Кулишъ менѣе всякаго другаго былъ способенъ къ увертливому благоразумію; его сужденія и отзывы отличались перехватомъ черезъ край, какъ бываетъ съ людьми, которые и любить и ненавидѣть могутъ только всецѣло, и притомъ одарены чрезмѣрнымъ самолюбіемъ". Его „считали фанатикомъ Малороссіи, поклонникомъ козаччины; имя его неотцѣпно прилипало къ такъ называемому украинофильству. Но вотъ П. А. Кулишъ, удалившись отъ печатной дѣятельности, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, занялся съ большимъ вниманіемъ изученіемъ

исторіи своего края и увидалъ, что прежде многое представлялось ему въ болѣе разцвѣченномъ видѣ, въ болѣе плѣнительныхъ, свѣтлыхъ образахъ, чѣмъ бы слѣдовало сообразно со строгою историческою истиною. Г. Кулишъ захотѣлъ быть трезвѣе, относиться строже къ своимъ ученымъ симпатіямъ и глубже вдуматься во всѣ изгибы прошедшей жизни, и совершенно измѣнилъ свои воззрѣнія на все малорусское, и на протекшее, и на современное. Прежде онъ былъ фанатикомъ уваженія къ малорусской старинѣ, теперь сталъ фанатикомъ безпристрастія. И результатомъ этого вышло, что у г. Кулиша въ послѣднихъ его произведеніяхъ много стремленій къ безпристрастію, а безпристрастія нѣтъ ни на волосъ. Послѣ своего перерожденія, П. А. Кулишъ явился съ тремя томами „Исторіи возсоединенія Руси", а въ двухъ тетрадяхъ „Русскаго Архива" за 1877 годъ (№№ 3 и 6) напечаталъ статью „Козаки въ отношеніи къ государству и обществу", статью, которая, заключая въ болѣе сжатомъ объемѣ тѣже воззрѣнія на козачество, какія въ подробности развиваются въ трехъ томахъ его исторіи, можетъ назваться, такъ сказать, катехизисомъ ученія г. Кулиша. Цѣль Кулиша—убѣдить своихъ читателей, что козаки были не болѣе, какъ разбойники, притомъ самые отвратительные по своей безнравственности и по своимъ злодѣяніямъ, вовсе не достойные той идеализаціи, съ какою относились къ нимъ нѣкоторые писатели (а самъ г. Кулишъ паче всѣхъ), а, напротивъ, достойные всяческаго порицанія и презрѣнія" [1]).

Прошло съ того времени нѣсколько лѣтъ, и съ г. Кулишомъ произошла новая, не менѣе удивительная, метаморфоза. Въ своей „Исторіи возсоединенія Руси" и въ статьѣ о козакахъ г. Кулишъ, унижая козачество, искалъ болѣе устойчивыхъ основъ для малорусской народности, чѣмъ козачество, и находилъ эти основы въ городскомъ или, если угодно, въ среднемъ сословіи, которое „въ исторіи цивилизаціи Европы играетъ роль питомника всѣхъ жизненныхъ идей". Это городское или среднее сословіе и въ Южной Россіи имѣло, по представленію г. Кулиша, направляющую роль, тянуло въ московскую сторону и роковымъ образомъ предрѣшило возсоединеніе Малороссіи съ Россіею. Слѣдовательно актъ возсоединенія Россіи представлялся г. Кулишу дѣломъ вполнѣ національнымъ, исторически необходимымъ и законнымъ. Но въ послѣднихъ своихъ брошюрахъ г. Кулишъ бранитъ не только ко-

---

[1]) Русская Старина, 1878 г., т. XXI, „О козакахъ", Н. И. Костомарова.

заковъ, но и Москву, признаетъ возсоединеніе Россіи историческою несправедливостію и всею душою и всѣмъ сердцемъ своимъ льнетъ къ истиннымъ ворогамъ Малороссіи и Россіи—полякамъ.

Конечно, измѣнять свои убѣжденія не только не предосудительно, но и похвально, если такое измѣненіе совершается изъ любви къ истинѣ. Иногда такое измѣненіе обусловливается обстоятельствами жизни и, направляясь въ худую сторону, скорѣе вызываетъ чувство сожалѣнія къ писателю, заѣденному средой или отдавшемуся случайнымъ вліяніямъ. Именно подобное чувство возбуждаетъ литературная дѣятельность покойнаго В. И. Аскоченскаго. Изъ печатающагося теперь „Дневника" его мы видимъ, что въ лучшую пору своей жизни онъ высказывалъ такія либеральныя мысли и сужденія, которыя потомъ рѣшительно опровергались въ его злосчастной „Домашней Бесѣдѣ". Тутъ, по крайней мѣрѣ, мы видимъ крутое, безповоротное обращеніе отъ однихъ убѣжденій и взглядовъ къ другимъ, совершенно противоположнымъ. Къ сожалѣнію нельзя этого сказать о г. Кулишѣ. Намъ кажется, что рядъ его превращеній не служитъ выраженіемъ внутренняго обновленія писателя или перемѣны его убѣжденій. Каждая изъ метаморфозъ г. Кулиша, каждое изъ его крайнихъ мнѣній имѣютъ свои зачатки во всей предыдущей его литературной дѣятельности и періодически выступаютъ наружу, съ большею или меньшею силою, подъ вліяніемъ перемѣны вѣтра и даже мѣстожительства. Подтвердимъ нашу мысль нѣсколькими примѣрами.

О непостоянствѣ взглядовъ г. Кулиша на козачество мы уже приводили отзывъ Н. И. Костомарова. Также колебались въ различное время взгляды Кулиша на москвичей и поляковъ. Первоначальная козакоманія и украинофильскія тенденціи г. Кулиша должны были, повидимому, стоять въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ симпатіями къ Москвѣ или Польшѣ; но у Кулиша они входятъ, по временамъ, въ какую-то не естественную мировую сдѣлку.

Будучи еще студентомъ кіевскаго университета, г. Кулишъ до того увлекся польскимъ этнографомъ Свидзинскимъ, что готовъ былъ бросить грязью въ русскихъ дѣятелей науки, напр. М. А. Максимовича [1]). Въ 1857 г., во II томѣ своихъ „Записокъ о южной Руси", г. Кулишъ помѣстилъ статью поляка Грабовскаго о при-

---

[1]) См. объ этомъ статью г. Бунге въ „Русскомъ Вѣстникѣ", за 1857 г.

чинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ въ XVII вѣкѣ, которая замѣчательнымъ образомъ сходится въ мысляхъ съ нынѣшнею „Крашанкою“ г. Кулиша и въ свое время принята была имъ съ сочувствіемъ. Эти симпатіи г. Кулиша къ полякамъ ослабѣли нѣсколько, когда сталъ издаваться журналъ „Основа“. Здѣсь, между прочимъ, явился его отвѣтъ „Полякамъ объ украинцахъ“ (февраль, 1862 г.). Съ прекращеніемъ „Основы“, г. Кулишъ оказался въ ряду сотрудниковъ „Вѣстника югозападной и западной Россіи“, основаннаго для борьбы съ поляками и, между прочимъ, помѣстилъ здѣсь рядъ статей „О паденіи шляхетскаго господства въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра“. Нынѣ, какъ извѣстно, г. Кулишъ опять стоитъ за поляковъ, и стоитъ крѣпко, вооружившись давно извѣстными ему историческими идеями г. Грабовскаго.

Поочередно испытывала гнѣвъ и милость г. Кулиша и Москва. Въ своей повѣсти объ украинскомъ народѣ г. Кулишъ не благоволилъ къ Москвѣ, убившей будто-бы украинскую народность. Но чрезъ 10 лѣтъ по выходѣ этой повѣсти г. Кулишъ въ предисловіи къ своему роману „Чорна Рада“ съ очевиднымъ усиліемъ старался отклонить отъ себя подозрѣніе въ „узкомъ мѣстномъ патріотизмѣ“ и явиться даже сторонникомъ московской централизаціи въ политическомъ отношеніи. „Кромѣ всего того,—говоритъ онъ здѣсь,—что читатель увидитъ въ немъ (романѣ) безъ объясненія, я желалъ выставить во всей выразительности олицетворенной исторіи причины политическаго ничтожества Малороссіи и каждому колеблющемуся уму доказать, не диссертаціей, а художественнымъ воспроизведеніемъ забытой и искаженной въ нашихъ понятіяхъ старины, нравственную необходимость сліянія въ одно государство южнаго русскаго племени съ сѣвернымъ“. Это заявленіе, однако, не мѣшало Кулишу нападать въ „Основѣ“ на московскую централизацію во имя самобытныхъ началъ украинской жизни. По прекращеніи „Основы“, г. Кулишъ опять является защитникомъ московской централизаціи въ „Вѣстникѣ югозападной и западной Россіи“ и особенно въ своемъ сочиненіи „Исторія возсоединенія Руси“. Послѣднее сочиненіе представляетъ ту особенность, что здѣсь впервые, на сколько мы знаемъ, г. Кулишъ пытался примѣнить соціологическія идеи Конта и другихъ подобныхъ мыслителей къ разработкѣ украинской исторіи. Но эти идеи сами по себѣ такъ гибки, такъ эластичны, что онѣ скользятъ только по поверхности историческихъ фактовъ и даютъ имъ произвольное освѣщеніе. Поэтому соціологическія идеи не только не

спасли Кулиша отъ дальнѣйшихъ колебаній въ разныя стороны, но и сдѣлали его еще болѣе воспріимчивымъ къ случайнымъ впечатлѣніямъ и способнымъ на историческіе абсурды и внутреннія противорѣчія. Разгнѣвавшись на то, что его „Исторія возсоединенія Руси“ не благосклонно была принята въ Россіи и что его не цѣнятъ болѣе, г. Кулишъ удалился, въ качествѣ добровольнаго изгнанника, въ Галицію и здѣсь доказываетъ совершенно противное тому, что недавно доказывалъ въ своей „Исторіи возсоединенія Руси“, хотя руководится тѣми-же самыми соціологическими началами и пользуется тѣми-же самыми историческими матеріалами и источниками. Очевидно,—тутъ не идеи, не историческіе матеріалы и источники опредѣляютъ взглядъ автора, а нѣчто другое; что же именно,—всякому, надѣемся, не трудно отгадать.

Будемъ ждать, не повернется ли еще г. Кулишъ фронтомъ въ какую нибудь другую сторону, отрекшись отъ того, что проповѣдуетъ въ настоящее время.

Н. П.

Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. Димитрія Багалѣя. Кіевъ. 1882 г.

Эта историческая монографія удостоена историко-филологическимъ факультетомъ университета св. Владиміра золотой медали и Пироговской преміи. Она состоитъ изъ введенія и семи главъ. I-я и IV-я посвящены географіи и колонизаціи Сѣверской земли, при чемъ авторъ разбиваетъ этотъ отдѣлъ на двѣ части: колонизація до половины XI в. и колонизація отъ половины XI в. до половины XIII в. Глава III посвящена внутреннему быту Сѣверской земли, а гл. VI внутренней ея исторіи съ половины XI в. до половины XIII в. II-я, V-я и VII-я главы заняты изложеніемъ внѣшней исторіи Сѣверской земли.

Говоря о географіи и колонизаціи Сѣверской земли, авторъ на основаніи лѣтописныхъ данныхъ, арабскихъ и византійскихъ извѣстій, матеріала, доставляемаго топографіей, рисуетъ колонизаціонное движеніе племени Сѣверянъ въ области ихъ сосѣдей—радимичей, вятичей, муромы. Къ числу самыхъ интересныхъ выводовъ принадлежитъ сдѣланный авторомъ выводъ о существованіи Сѣверянскихъ поселеній по Дону, въ Хазаріи и на Таманскомъ полуостровѣ, гдѣ имъ принадлежала Тмуторакань. Не ме-

нѣе интересна глава, въ которой авторъ опредѣляетъ границы Сѣверской земли съ сосѣдними княжествами и внутреннія между главными ея областями. Въ концѣ главы приложенъ списокъ Сѣверянскихъ городовъ, при чемъ опредѣляется ихъ мѣстонахожденіе, по возможности, на современной картѣ. Эти главы безспорно можно отнести къ самымъ удачнымъ, важнымъ и интереснымъ. Онѣ заслуживаютъ признательности всякаго занимающагося русской исторіей.

Въ главѣ, касающейся внутренняго быта, въ первой ея части, дѣлается выводъ, что количество Сѣверскихъ городовъ было значительно уже въ XI в., чему доказательствомъ служатъ остатки множества городищъ и лѣтописныя данныя. Во второй части, большей по объему, авторъ рисуетъ намъ религіозный, семейный и общественный бытъ Сѣверянъ, ихъ культуру, и говоритъ о распространеніи у нихъ христіанства. Христіанство, по мнѣнію автора, распространялось у Сѣверянъ быстро, безъ всякихъ препятствій, чему способствовали ихъ обширныя торговыя сношенія съ Византіей и отсутствіе жреческаго элемента. Для воспроизведенія религіознаго, семейнаго и общественнаго быта автору служили главнымъ образомъ этнографическій матеріалъ, данныя археологіи и извѣстія арабскаго путешественника X в., Ибнъ-Фоцлана. Авторъ видитъ въ Руссахъ этого писателя Сѣверянъ и ихъ вѣрованія въ загробную жизнь. Если, относительно первой части этой главы, можно спорить о способѣ доказательства автора, то по отношенію второй половины никакъ нельзя согласиться съ пріурочиваніемъ извѣстій Ибнъ-Фоцлана именно только къ Сѣверянскому племени. Такой взглядъ на эти извѣстія высказанъ еще раньше г. Самоквасовымъ въ статьѣ о его раскопкахъ въ Сѣверской землѣ. Мы не можемъ не согласиться съ авторомъ, что Сѣверяне жили въ Хазаріи, что ихъ поселенія простирались до Азовскаго моря, но отсюда еще никакъ не можетъ слѣдовать, что Руссы Ибнъ-Фоцлана суть Сѣверяне. Во первыхъ, въ Хазаріи жили не одни Сѣверяне, но и другія вѣтви русскихъ славянъ; во вторыхъ, арабъ видѣлъ не мѣстныхъ жителей, а пріѣзжихъ, купцовъ, которые могли принадлежать и не къ Сѣверянскому племени. На какомъ основаніи мы можемъ утверждать, что описанные имъ обычаи принадлежатъ такой-то именно вѣтви русскихъ славянъ, а не иной? Нельзя основывать такой выводъ на томъ только, что извѣстія Ибнъ-Фоцлана представляютъ какъ-бы протоколъ раскопокъ Черной Могилы. Вѣдь можно указать

сожженіе, которое будетъ соотвѣтствовать извѣстіямъ араба, и въ кіевской и въ новгородской губерніи, слѣд. не у Сѣверянъ. Нѣкоторыя вѣрованія и обычаи, упоминаемые Ибнъ-Фоцланомъ, мы встрѣчаемъ и у другихъ славянъ. Такъ Хорутане и Словаки, въ своихъ преданіяхъ, представляютъ рай зеленымъ садомъ, какъ и дѣвушка у Ибнъ Фоцлана. Анты, предки Уличей и Тиверцевъ, по извѣстію Маврикія, держались обычая, что ихъ жены чрезъ удавленіе слѣдовали за своими мужьями на тотъ свѣтъ. Вѣдь извѣстію лѣтописи о кроткихъ нравахъ Полянъ довѣрять нельзя. При томъ она писана въ XII в., а въ VIII, IX и X вв. Поляне имѣли точно такіе же „норовы поганьския". Сама лѣтопись приводитъ извѣстія и о тризнѣ у Полянъ, о поклоненіи идоламъ, о жертвахъ. Припомнимъ, какъ на Дунаѣ дружина Святослава сожигала мертвыхъ съ разными обрядами. Тамъ вѣдь были не одни Сѣверяне. Да еще и были-ль они тамъ? Мнѣ кажется, что отождествленіе руссовъ Ибнъ-Фоцлана съ Сѣверянами представляетъ крупный промахъ, но, къ чести автора, едвали не единственный у него. Извѣстія Ибнъ-Фоцлана даютъ *„общія данныя"*, которыя слѣдуетъ относить не къ одному какому-либо племени, а ко всѣмъ вообще, *данныя „вообще"*. А разъ мы признаемъ за извѣстіями арабскаго путешественника такой характеръ, то едва ли можно говорить объ оригинальныхъ чертахъ религіи Сѣверянъ. Какъ-бы ни было, все таки эта глава представляетъ большой интересъ: авторъ собралъ много интереснаго матеріала и искусно нарисовалъ картину религіознаго, семейнаго и общественнаго быта Сѣверянъ, *какъ части великаго русско-славянскаго племени.*

Въ главѣ VI разсматривается положеніе въ Сѣверской землѣ составныхъ элементовъ древней русской жизни: князя, вѣча и дружины. Авторъ приходитъ къ заключенію, что здѣсь всѣ эти три начала взаимно уравновѣшивали другъ-друга; въ княжеской семьѣ Сѣверской земли строже, чѣмъ гдѣ-либо, соблюдалось право старѣйшинства; вѣче всегда защищаетъ свою излюбленную вѣтвь князей, Святославичей, помогаетъ имъ въ оборонительныхъ войнахъ, но рѣшительно противится ихъ замысламъ наступательнымъ. Намъ кажется, что отсюда нельзя вывести заключенія о слабости вѣча Сѣверской земли. Авторъ не согласенъ съ мнѣніемъ г. Соловьева, который видитъ въ Святославичахъ князей, ратующихъ за общность владѣнія всею русскою землею, въ противоположность Мономаховичамъ (собственно Мстиславичамъ), которые хотятъ удержать кіевскую землю въ своемъ семействѣ. Стремле-

ніе Святославичей въ Кіевъ объясняется, какъ слѣдствіе географическаго положенія ихъ земли, слѣдствіе размноженія ихъ рода. Размѣры статьи не позволяютъ войти въ подробный разборъ этого мнѣнія. Мы съ нѣкоторымъ ограниченіемъ признаемъ мнѣніе г. Соловьева и думаемъ, что нельзя смѣшивать единства, къ которому стремился Мономахъ, объявляя князей „изгоями", захватывая ихъ области, съ единствомъ въ духѣ Ярослава I. Андрей Боголюбскій работалъ для единства русской земли во вкусѣ Мономаха; Ольговичи, называя себя внуками одного дѣда, Ярослава, говорили объ единствѣ, завѣщанномъ послѣднимъ. Сѣверская земля, какъ отдѣльная племенная единица, стремилась къ обособленности; ея князья преслѣдовали ту же цѣль; но они не оставляли мысли о единствѣ русской земли. Когда области обособились, въ видѣ автономныхъ единицъ, связь ихъ могла являться только въ видѣ правильнаго преемства на Кіевскомъ столѣ по старѣйшинству изъ всѣхъ линій княжескаго дома. Этимъ единственно не только поддерживалась ихъ политическая связь, но и признавалась равноправность князей всѣхъ земель, и ни одна область не выдвигалась. Къ такому-то единству и стремились Ольговичи. Но осуществить его было не возможно: для этого было необходимо, чтобы Кіевъ не имѣлъ за собой области, а служилъ бы только центромъ единенія.

Въ концѣ укажу на неправильное отнесеніе основанія елецкаго монастыря ко времени прихода въ Черниговъ св. Антонія. Съ его прибытіемъ связано образованіе ильинскаго монастыря на Болдиныхъ горахъ, въ дикой, живописной мѣстности. До сихъ поръ тамъ существуютъ пещеры, начало которымъ положено св. Антоніемъ. Ходъ въ нихъ изъ церкви св. Иліи. Въ пещерахъ храмъ св. Антонія и Ѳеодосія.

Главы II, V и VII заняты изложеніемъ внѣшней исторіи Сѣверской земли. Тутъ, въ строгомъ систематическомъ, хронологическомъ порядкѣ, проходятъ событія, нѣкогда волновавшія цѣлую Русь. Авторъ почти вездѣ воздерживается отъ оцѣнки фактовъ, отъ какихъ-бы то ни было обобщеній. Нѣчто въ видѣ этого онъ дѣлаетъ въ VI-й главѣ, на которую я уже указывалъ.

Масса матеріала собрана авторомъ въ его трудѣ какъ въ источникахъ первой руки, такъ и въ видѣ историческихъ статей, относящихся къ данному вопросу. Весь матеріалъ переработанъ съ большимъ искуствомъ, и, кажется, можно сказать, что нѣтъ ни одного факта въ исторіи Сѣверской земли, имѣющаго инте-

ресъ, на который авторъ не обратилъ-бы своего вниманія. Сѣверская земля получила наконецъ свою исторію. Мы можемъ желать, чтобы ея исторія и послѣдующаго времени была разработана такъже тщательно, какъ это сдѣлано авторомъ указанной книги.

П. Голубовскій.

Кіевъ.
1882 года, мая 5.

Szujski. Die Polen und Ruthenen in Galizien. Wien und Teschen, 1882.

(Шуйскій—Поляки и Русины въ Галиціи. Вѣна и Цѣшинъ. 1882).

Одинъ изъ молодыхъ австрійскихъ ученыхъ, г. Карлъ Прохазка, отличающійся весьма энергическою издательскою дѣятельностью, задумалъ составить описаніе разныхъ областей и народовъ, входящихъ въ составъ австрійской имперіи въ отношеніяхъ: географическомъ, этнографическомъ, статистическомъ, экономическомъ и историческомъ. Все изданіе будетъ состоять изъ 12 томовъ, изъ которыхъ четыре посвящены германскому племени, 4 славянскому и 4 мадьярамъ, румынамъ, евреямъ и цыганамъ. Составленіе отдѣльныхъ томовъ приняли на себя ученые спеціалисты, занимавшіеся изученіемъ быта и исторіи различныхъ областей австрійской имперіи. Книга, заглавіе которой выписано выше, составляетъ девятый томъ всей коллекціи и принадлежитъ перу самаго даровитаго галицко-польскаго историка, г. Шуйскаго, извѣстнаго какъ по своей эрудиціи и критическимъ пріемамъ такъ и, сравнительно съ другими польскими писателями, по своимъ болѣе объективнымъ отношеніямъ къ фактамъ польской исторіи.

Все сочиненіе г. Шуйскаго раздѣлено на 7 главъ, изъ которыхъ 1, 2, 5 и 6 посвящены описанію географіи, этнографіи, статистикѣ экономическаго состоянія и умственнаго развитія страны; 3 и 4 гл. излагаютъ ея исторію и наконецъ 7-я заключаетъ исторію словесности. Географическій и этнографическій очеркъ Галиціи составлены весьма живо и наглядно; авторъ умѣлъ въ сжатомъ видѣ передать все существенное, избѣжавъ въ разсказѣ сухихъ перечней фактовъ. Этнографическія группы, на которыя распадается народонаселеніе Галиціи, какъ польской, такъ и русской народности, охарактеризованы весьма наглядно, и схвачены весьма

удачно оттѣняющіе ихъ существенные признаки какъ наружнаго быта, такъ и духовныхъ способностей. Такъ очерчены группы русиновъ, живущихъ въ горахъ и въ подгоріи: западные горцы, бойки, лемки, тухольцы и гуцулы, и русскіе жители равнинъ: белзане (между Саномъ и Бугомъ), бужане (на западной сторонѣ Буга), подоляне (на плоской возвышенности къ сѣверу отъ Днѣстра), днѣстровяне и покутяне (къ югу отъ Днѣстра). Въ очеркѣ этихъ многоразличныхъ группъ указаны всѣ отличительныя черты быта, наружнаго вида, характера, способностей, обычаевъ и т. д., а типическія ихъ особенности изображены весьма наглядно.

Гораздо меньшимъ безпристрастіемъ отличаются въ сочиненіи г. Шуйскаго главы, посвященныя исторіи вообще и исторіи литературы; здѣсь авторъ почти исключительно обращаетъ вниманіе на историческую судьбу польской народности и на развитіе ея культуры, оставляя почти совершенно въ сторонѣ русскую народность. Разсказывая въ бѣгломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отчетливомъ, очеркѣ общій ходъ польской исторіи, г. Шуйскій говоритъ о Руси лишь настолько, насколько это необходимо для поясненія событій польской исторіи, притомъ эти не многіе эпизоды не отличаются объективностью и безпристрастіемъ, которыхъ можно было-бы ожидать отъ почтеннаго автора. Указывая, какъ на причину разслабленія польскаго государственнаго организма, на ту конституцію, которая была установлена сеймомъ послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ, авторъ признаетъ, что первымъ симптомомъ паденія Польши были козацкія возстанія; при этомъ происхожденіе и значеніе козачества онъ опредѣляетъ на старый ладъ избитыми фразами польскихъ публицистовъ, странными и не умѣстными подъ перомъ серьезнаго историка. „Здѣсь, въ степи, говоритъ онъ, ожидала Польшу историческая Немезида". Козакъ это сынъ польской колонизаціи на востокѣ, но сынъ блудный; не покорный крестьянинъ, преслѣдуемый за проступки приговорами гродскихъ судовъ, обанкротившійся мѣщанинъ — поляки и русины наравнѣ — искали простора и безнаказанности въ козачествѣ и составляли вооруженныя шайки подъ начальствомъ выборныхъ атамановъ" и т. д. Очевидно старая, излюбленная польскими писателями фикція, желавшая представить козачество скопищемъ бѣглыхъ преступниковъ и не признававшая въ нихъ представителей народнаго южно-русскаго начала, воскресаетъ еще разъ подъ перомъ г. Шуйскаго, не въ пользу, какъ полагаемъ, его

заслуженной репутаціи солиднаго историка. Очерчивая въ отдѣльной главѣ исторію Галиціи за послѣднее столѣтіе, г. Шуйскій относится съ явнымъ нерасположеніемъ къ реформамъ Іосифа II и утверждаетъ, что польскіе дворяне были расположены облегчить положеніе крѣпостного населенія по собственной иниціативѣ, и что мѣры, принятыя съ этою цѣлью Іосифомъ II, были лишь совершенно излишнимъ и напрасно раздражавшимъ дворянъ насиліемъ. Затѣмъ онъ одобряетъ національную нетерпимость бывшаго намѣстника Галиціи, графа Голуховскаго (запретившаго между прочимъ русинамъ употреблять кирилловскую азбуку), утверждая, что онъ „твердо противудѣйствовалъ чрезмѣрнымъ вымогательствамъ русиновъ". Наконецъ, правда съ большою неохотою, г. Шуйскій приступаетъ къ разъясненію „въ высокой степени щекотливаго вопроса — русинскаго". Въ очеркѣ этомъ г. Шуйскій является вполнѣ пристрастнымъ публицистомъ, забывая свое призваніе историка и ученаго. Правда, онъ въ сдержанныхъ и приличныхъ выраженіяхъ старается представить возрожденіе русинской народности въ Галиціи, но трактуетъ оное, какъ плодъ недомыслія и интриги: претензіи русиновъ на учрежденіе русинскихъ гимназій, по его мнѣнію, суетны, ибо въ нихъ никто не будетъ учиться; участіе галицкихъ русиновъ въ дѣлѣ обращенія холмскихъ уніатовъ, политическія симпатіи русинскихъ газетъ, связи галицкой русской молодежи съ „русскими соціалистами"—все это, по мнѣнію г. Шуйскаго, признаки, заставляющіе относиться съ большимъ недовѣріемъ къ стремленіямъ галицкой русской интеллигенціи. Впрочемъ, замѣчаетъ г. Шуйскій, эта интеллигенція состоитъ исключительно изъ духовныхъ лицъ и ихъ сыновей и потому, вслѣдствіе бѣдности и многосемейности этого сословія, расположена *a priori* къ оппозиціи и недовольству. Вся вообще его характеристика русинскаго движенія совмѣщаетъ въ краткихъ чертахъ всѣ тѣ скудные аргументы, до которыхъ додумалась съ большимъ усиліемъ галицко-польская пресса за 30 лѣтъ полемики съ русинами. Конечно, научное ничтожество этихъ аргументовъ и ихъ нравственная неразборчивость не требуютъ особыхъ указаній. Приходится лишь сожалѣть, что человѣкъ, носящій почтенное имя въ наукѣ, не имѣлъ гражданскаго мужества высказать мнѣніе не согласное съ шовинистическимъ настроеніемъ своего общества, и, присоединившись къ его положеніямъ, долженъ былъ повторять неразумную и нѣсколько пошлую его аргументацію. Желая, впрочемъ,

нѣсколько стушевать впечатлѣніе своей характеристики русинскаго вопроса, г. Шуйскій признаетъ, что русины надѣлены богатыми способностями, что изъ среды ихъ вышли многіе даровитые ученые, публицисты и общественные дѣятели и что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, „гдѣ не были посѣяны плевелы національной вражды, сліяніе (Amalgamierung) русиновъ съ поляками дало прекрасные плоды". Очевидно, что производство этой амальгамы и составляетъ единственный желательный исходъ даннаго вопроса въ глазахъ автора, поддавшагося шовинистическому настроенію галицко-польскаго общества.

Въ главѣ, посвященной исторіи литературы, г. Шуйскій представляетъ подробный очеркъ польской словесности, сообщаетъ біографіи и оцѣнку произведеній болѣе выдающихся ея дѣятелей и прилагаетъ въ нѣмецкомъ переводѣ образчики ихъ творчества. Русинской литературѣ посвящено едва нѣсколько страницъ: въ немногихъ словахъ упомянута дѣятельность князя К. Острожскаго и возникновеніе въ южной Руси типографій въ XVI столѣтіи; три строки посвящены Петру Могилѣ, при чемъ похвалены писатели его времени за то, что составляли мистеріи, „въ которыхъ замѣчательно хорошо подражали польскимъ образцамъ"; затѣмъ въ 10 строкахъ сообщена характеристика козацкихъ лѣтописей. Южно-русская словесность конца XVIII и начала XIX столѣтія занимаетъ полъстраницы, гдѣ обращается вниманіе на сочиненія Котляревскаго, Основьяненка и Сковороды „оригинальнаго самоучки—мистическаго богослова, поэта и моралиста, представляющаго образецъ литературнаго цыгана (sic)!" Наконецъ четыре страницы посвящены новѣйшей малорусской и червонорусской литературѣ: Шевченко признанъ писателемъ, одареннымъ замѣчательнымъ творчествомъ, хотя нѣкоторыя его произведенія, какъ „Тарасова Ничь" и „Гайдамаки" до того проникнуты ненавистью къ полякамъ, что, по мнѣнію автора, „не могутъ не вызвать отвращенія къ поэту". Затѣмъ сказано нѣсколько словъ объ изданіи „Основы" и самымъ бѣглымъ образомъ упомянуто о галицко-русской литературѣ; въ качествѣ ученыхъ ея дѣятелей названы имена гг. Петрушевича, Шараневича и Огоновскаго, при чемъ помѣщена оговорка, что эти ученые состоятъ членами краковской академіи наукъ.

В. А.

Kupajło, tudzież zabawy doroczne i inne, z dodatkiem niektórych obrzędów i pieśni weselnych ludu ukraińskiego z okolic Białej Cerkwi, zebrała i opisała Józefa Moszyńska. W Krakowie, 1881. in 8°, стр. 78.

Почтенный трудъ г-жи Мошинской заслуживаетъ полнаго вниманія изслѣдователей мѣстной этнографіи, и желательно было бы, чтобы онъ вызвалъ возможно большее количество подражателей трудолюбивой собирательницѣ между образованными жителями нашихъ селъ и деревень, какъ русскими, такъ и поляками; на почвѣ фактическаго мѣстнаго изученія одни другимъ мѣшать не могутъ, а только другъ друга пополнятъ. Г-жа Мошинская не задавалась вовсе научнымъ анализомъ собираемыхъ ею матеріаловъ; она заботилась только объ ихъ полнотѣ и добросовѣстной передачѣ, въ чемъ и состоитъ ея преимущественная заслуга. Мы имѣемъ уже довольно богатую литературу разнаго рода сборниковъ по малорусской этнографіи, почти не прерывающуюся съ пѣсенъ, изданныхъ кн. Цертелевымъ еще въ 1819 году. Слѣдуетъ однако замѣтить, что большинство нашихъ сборниковъ, и притомъ лучшіе изъ нихъ, представляютъ своды матеріала со всей почти южной Россіи. Конечно, это составляетъ одно изъ ихъ существенныхъ достоинствъ въ научномъ отношеніи. Но въ наукѣ этнографіи одинаково необходимы два пріема, въ смыслѣ территоріальномъ: объединеніе матеріала со всей области извѣстнаго племени и затѣмъ сопоставленіе его со сходными данными другихъ племенъ и народностей, а съ другой стороны столь же полезны и плодотворны для науки всесторонніе собранія этнографическихъ данныхъ по отдѣльнымъ небольшимъ и однохарактернымъ околодкамъ. Чѣмъ мельче, въ послѣднемъ случаѣ, изучаемая единица, тѣмъ лучше, такъ какъ здѣсь-то иногда и можно уловить неосложненное вліяніе различныхъ условій и прослѣдить пути ихъ распространенія. Сборникъ г-жи Мошинской принадлежитъ къ числу трудовъ послѣдняго рода. Хотя издательница придаетъ словамъ „окрестности Бѣлой Церкви" значеніе довольно широкое, захватывая нѣкоторыя мѣстности уѣздовъ таращанскаго, каневскаго и даже звенигородскаго, но мѣстности эти она каждый разъ обозначаетъ съ точностью, такъ что каждое описаніе обряда не носитъ здѣсь характера обобщенія, а представляетъ точный отпечатокъ реальной дѣйствительности. Такихъ описаній купальскихъ обря-

довъ, съ пѣснями, составлено ею по различнымъ мѣстностямъ *семнадцать*, и нѣкоторыя особенно цѣнны тѣмъ, что записаны со словъ старухъ, удержавшихъ въ памяти подробности обрядовъ, на дѣлѣ уже исчезнувшія. Это очень важное пріобрѣтеніе для мѣстной этнографіи, такъ какъ, кромѣ очень рѣдкаго нынѣ изданія Терещенка „Бытъ русскаго народа", позднѣйшіе сборники сообщаютъ по большей части только пѣсни, безъ описаній обрядовъ.

Указавши значеніе и достоинства труда г-жи Мошинской, переходимъ къ самому матеріалу. Конечно, не мѣсто въ рецензіи вдаваться въ его подробный разборъ; наша замѣтка будетъ имѣть характеръ исключительно библіографическій, и цѣль ея—выдѣлить изъ разбираемаго сборника матеріалъ совершенно новый отъ варіантовъ уже извѣстнаго. Мы указали, что описанія всѣ имѣютъ интересъ новизны, и остановимся только на текстахъ пѣсень. Упомянемъ при этомъ, что пѣсни празднованій весны и лѣта, (веснянки, великодныя или гаивки, троицкія и купальскія) по мѣстностямъ нерѣдко переносятся съ одной поры на другую: что здѣсь веснянка или гаивка, то въ другомъ мѣстѣ поется на Купайла, и наоборотъ. Для ссылокъ мы ограничимся 3-мъ томомъ „Трудовъ экспедиціи И. Р. Геогр. Общества", такъ какъ въ немъ сведены годовыя пѣсни и изъ болѣе раннихъ сборниковъ. Сличая съ этимъ томомъ пѣсни г-жи Мошинской (кромѣ свадебныхъ и т. наз. уличныхъ), мы нашли, что большая часть ихъ хотя уже и извѣстна, но представляетъ весьма любопытные варіанты. Нѣкоторыя пѣсни въ бѣлоцерковскихъ окрестностяхъ пріурочены къ празднованію Купайла, но въ другихъ мѣстностяхъ онѣ поются во всякое время, не принадлежа къ числу обрядовыхъ или такъ называемыхъ годовыхъ. Таковы, напримѣръ: „Та ходить дівка надъ водою, пуска долю за водою" (стр. 7), „Ой попідъ лужкомъ, та оре Иванъ плужкомъ"(стр. 8), „Ой тихо, тихо Дунай воду несе" (стр. 13). Купальская же пѣсня: „Ой черезъ наше сельце везено деревце" (№ 4, стр. 5)—въ другихъ мѣстахъ веснянка (Труды, стр. 130), а „Ой въ ліску на кленку" (№12, стр. 6)—троицкая или русальная (тамже стр. 190, сл. стр. 226, № 39). Новыхъ пѣсень между купальскими мы насчитали одинадцать (№№ 1–3, 5, 9, 14, а также на стр. 11: „Сіяла зіронька", 12 и 20 „На городі ватранъ родить", 20 „Ой въ городі підъ вербою", и 19 „Противъ Ивана Купайла тамъ зузуля купалась"), и нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ варіанты одного и того же. Между гаивками новыми оказываются №№ 1 (стр. 26), 3 (стр. 27) и „Груша" (стр. 32). Варіанты остальныхъ

тоже значительно разнятся отъ извѣстныхъ уже въ печати. Повторимъ, впрочемъ, еще разъ, что главный интересъ разбираемаго изданія составляютъ не одни только тексты и варіанты пѣсенъ, а еще болѣе--подробныя описанія сопровождающихъ или сопровождавшихъ ихъ въ прежнее время обрядовъ.

Въ концѣ приходится сдѣлать еще одно замѣчаніе, къ сборнику г-жи Мошинской не относящееся и для пишущаго эти строки крайне непріятное: до сихъ поръ я не имѣлъ случая прослѣдить обстоятельно, пѣсня за пѣснею, составъ III тома „Трудовъ экспедиціи"; сдѣлавъ это для настоящей замѣтки, я съ грустью убѣдился, что въ изданіе это попалъ далеко не весь матеріалъ, бывшій въ распоряженіи экспедиціи. По крайней мѣрѣ, я не нашелъ здѣсь многихъ годовыхъ пѣсенъ и ихъ варіантовъ, которые очень хорошо, хотя и отрывочно, помню изъ переданныхъ мною экспедиціи матеріаловъ, записанныхъ какъ мною лично, такъ и другими лицами. Часть ихъ должна была уцѣлѣть въ оставшихся у меня черновыхъ спискахъ,--послѣдніе предоставлены мною во временное пользованіе другому лицу, и потому не могу сдѣлать провѣрки; но многое, бывшее въ уникатахъ, судя по извѣстной мнѣ судьбѣ черновыхъ матеріаловъ экспедиціи, слѣдуетъ считать погибшимъ безвозвратно....

Ив. Новицкій.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

РѢЧЬ Д. Г. БИБИКОВА КЪ ДВОРЯНСТВУ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

Кому изъ кіевлянъ (и однихъ-ли кіевлянъ?) не извѣстны имя и личность Д. Г. Бибикова, б. кіевскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, правившаго юго-западнымъ краемъ въ теченіи 14 ти лѣтъ (1838—1852 г.) и оставившаго глубокіе слѣды во всѣхъ отрасляхъ его управленія и строя политическаго и общественнаго? Предлагаемая рѣчь его сказана имъ дворянству трехъ губерній во время дворянскихъ выборовъ 1852 г., случайно совпавшихъ съ временемъ отъѣзда его за границу въ четырехъ-мѣсячный отпускъ, изъ котораго Бибиковъ не возвратился уже въ Кіевъ, но перешелъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Она была слѣд. заключительнымъ его словомъ по управленію юго-западнымъ краемъ, послѣднимъ прощальнымъ словомъ, обращеннымъ къ дворянству этого края, которое, какъ и весь край, долго не могло забыть его. Изъ самаго содержанія рѣчи видно, что такъ смотрѣлъ на нее и самъ авторъ оной. Въ ней въ сжатомъ видѣ онъ представилъ, съ своей, конечно, точки зрѣнія, всю свою продолжительную и многостороннюю дѣятельность по управленію краемъ. Не смотря на офиціальный характеръ рѣчи, въ ней въ каждомъ почти словѣ слышится живой человѣкъ, тотъ своеобразный, но во всякомъ случаѣ умный и энергическій *эпархъ* края, съ несомнѣнно честнымъ и патріотическимъ направленіемъ, котораго имя и дѣла должны занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ исторіи этой древнѣйшей части нашего отечества. Опираясь на глубокое довѣріе къ себѣ Монарха, сознавая свою мощь и силу, сановный ораторъ бравируетъ своимъ словомъ и вліяніемъ; но вы сразу слышите голосъ живого

дѣятеля, человѣка мысли и дѣла, а не чиновнаго администратора, какихъ и въ то время было не мало. Тутъ видѣнъ весь Бибиковъ, какимъ онъ слылъ въ живой молвѣ,—слышится духъ его управленія и высшій духъ того времени и правленія. Въ этой рѣчи мы готовы видѣть одинъ изъ важнѣйшихъ и характернѣйшихъ документовъ нашего недавняго прошлаго. Наибольшій ея интересъ въ томъ, что она открываетъ доступъ для различныхъ точекъ зрѣнія на ея содержаніе и личность самаго оратора, хотя истинная точка зрѣнія возможна, конечно, только одна. Какая,—сказать не беремся, ибо еще слишкомъ свѣжа въ памяти всѣхъ оригинальная личность и дѣятельность этого наиболѣе выдающагося администратора николаевскаго времени, еще не улеглись страсти, волновавшія тогда и долго спустя различные элементы края и классы общества, и не совсѣмъ прекратились живыя къ нему многихъ живущихъ отношенія, не умолкли пристрастныя въ одну и другую сторону голоса, не выяснилось многое, что въ то по своему героическое время казалось грандіознымъ и приводило въ восторгъ, а нынѣ способно навести смущеніе, и на оборотъ—не раскрыто многое изъ того, что и въ ту пору считалось однимъ лишь произволомъ, гнетомъ, на самомъ-же дѣлѣ имѣло совсѣмъ иную подкладку. Пожелаемъ одного,—чтобы замѣчательная во многихъ отношеніяхъ личность Д. Г. Бибикова и его широкая и памятная здѣсь дѣятельность скорѣе стали достояніемъ исторіи, которой они несомнѣнно принадлежатъ, чтобы относящіеся къ нимъ документы и свѣжія преданія приводимы были въ извѣстность и мало по-малу накоплялся-бы матеріалъ для вѣрнаго изображенія той эпохи въ жизни нашего края, которую не безъ основанія называютъ *бибиковскою*. Въ ряду этихъ матеріаловъ всегда видное мѣсто займетъ помѣщаемая здѣсь рѣчь Бибикова [1]).

Милостивые государи!

Четырнадцать лѣтъ я нахожусь въ этомъ краѣ, и уже нѣсколько разъ имѣлъ честь быть съ вами во время выборовъ дворянскихъ. Я хочу пройти съ вами весь періодъ моего управленія отъ самаго пріѣзда моего,—съ 1838 года до настоящаго времени.

[1]) За сообщеніе этой рѣчи приносимъ искреннюю признательность о. Серапіону Подгаецкому.

Я хочу сдѣлать это не въ видѣ отчета, ибо генералъ-губернаторъ западныхъ губерній отдаетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только Одному, котораго тронъ на сѣверѣ, который владѣетъ пространствомъ отъ Вислы до Байкала, отъ Ахалцыха до Ледовитаго моря, кому повинуются 60 милліоновъ людей. Мы всѣ, господа, должны ежедневно, и въ каждую минуту, и во всѣхъ помыслахъ нашихъ молиться Всевышнему о долгой жизни, спокойствіи и счастіи нашего добраго великаго Государя для нашего счастія и спокойствія Европы. Я хочу разсмотрѣть съ вами мои дѣйствія въ политическомъ, финансовомъ, административномъ и судебномъ отношеніяхъ.

Въ 1838 году, пріѣхавъ сюда, засталъ я въ каждомъ уѣздѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ демократическія общества, даже въ учебныхъ заведеніяхъ, въ Бердичевѣ [1]), въ женскомъ пансіонѣ. Всѣ эти общества стремились къ одному—чтобы уничтожить законы, всѣ дворянскія права и преимущества, весь общественный порядокъ благоустроеннаго гражданскаго общества. Одна консисторія, которой имени не назову, дошла даже до того, что проповѣдывала во всеуслышаніе, будто Іисусъ Христосъ не есть сынъ Божій, Матерь Божія—простая женщина, а папа—шарлатанъ. Я преслѣдовалъ ихъ со всею злостію, которая во мнѣ находилась, и истребилъ зло въ самомъ его началѣ.

Приступаю къ финансовой системѣ.—Пріѣхавъ въ этотъ край, я засталъ въ Бердичевѣ такъ называемую Агенцію польскаго банка, въ которой были въ заставѣ и въ залогѣ почти всѣ помѣщичьи имѣнія. Эта Агенція привлекала только именемъ управлявшаго ею. Она брала не по 6 и 8, а по 11 и 14 процентовъ. Въ послѣднее время была только въ курсѣ польская облигація, а золотая и серебряная монета почти совершенно исчезла, и многіе помѣщики разорены были въ пухъ. Фельдмаршалъ [2]), по моему представленію, послалъ курьера къ Государю Императору, и Агенція уничтожена. Для денежныхъ оборотовъ помѣщиковъ и коммерческихъ операцій учреждена была въ Кіевѣ Контора государственнаго коммерческаго банка...

---

[1]) По другому списку въ Житомірѣ и, кажется, гораздо вѣрнѣе, да и вся фраза имѣетъ слѣд. видъ: «духъ революціонный распространился въ такой степени, что проникъ даже въ женскіе пансіоны и въ одномъ изъ нихъ, къ стыду ихъ и прискорбію моему, я долженъ былъ принять *отеческія* мѣры». Живой голосъ указывалъ на Житоміръ.—*Ред.*

[2]) Разумѣется, Паскевичъ.

Кто-же на нее имѣетъ жаловаться? Кого тамъ притѣсняютъ? Кто замѣтилъ тамъ злоупотребленіе? Скажите, кто?...

Перехожу къ правамъ дворянства.—Когда я пріѣхалъ, засталъ здѣсь, что всѣ были дворяне! Помѣщикъ ѣхалъ въ каретѣ—дворянинъ, лакей за каретою—дворянинъ, форрейторъ—дворянинъ, сторожъ—дворянинъ, въ кухнѣ стряпалъ—дворянинъ, дворянинъ подавалъ ему сапоги, и когда онъ, разсердясь, хотѣлъ взыскать съ него, тогда служитель говорилъ: не имѣешь права,—я тебѣ равенъ. Государь Императоръ именуетъ себя первымъ дворяниномъ въ Россіи,—спрашивается: можетъ-ли онъ подать руку, также дворянину, повару или лакею? Была фабрика дворянскихъ документовъ въ Бердичевѣ, гдѣ продавались патенты по рублю сереб. Были коммисіи для повѣрки дѣйствій депутатскихъ собраній, но не принесли никакой пользы. Я собралъ эти коммисіи въ одну центральную, которая по разборѣ такъ называемаго дворянства, исключила изъ этого благороднаго сословія 64,000 семействъ, не имѣющихъ права оставаться въ немъ. Они приписались въ разныя податныя сословія и сдѣлались на своемъ мѣстѣ полезными членами гражданскаго общества. Когда герольдія, утвердивъ многіе дворянскіе роды, окончитъ разсмотрѣніе дѣлъ дворянскихъ, то каждый изъ насъ, господа, будетъ увѣренъ, подавая руку подобному себѣ, что подаетъ ее такому-же дворянину, какъ онъ самъ. Многіе въ этомъ краѣ возставали противъ законнаго правительства, желая ниспровергнуть религію и престолъ. Они были преслѣдуемы по всей строгости законовъ и получили заслуженное наказаніе; нѣкоторые изъ нихъ уже прощены, другіе на жительствахъ въ среднихъ губерніяхъ, и два только главные преступника не прощены, но и тѣхъ участь облегчена: они уже не въ каторжной работѣ, а въ Сибири на поселеніи. Я былъ строгъ, я долженъ былъ употребить всѣ мѣры для прекращенія и предупрежденія тѣхъ горестныхъ послѣдствій, которыя мы видѣли въ иныхъ мѣстахъ. Нашъ великій Государь хочетъ, чтобы западныя губерніи были душею и тѣломъ возсоединены съ Россіею и потому введено въ этотъ край русское законодательство. Нѣкоторые хвалили Статутъ Литовскій, а многіе-ли изъ васъ читали его? Нѣкоторые помѣщики мнѣ признавались, что никогда не читали, и никто не читалъ, и никто не знаетъ, какія въ немъ законоположенія, которыя при нестройномъ смѣшеніи съ множествомъ

противурѣчащихъ себѣ конституцій, устарѣли, не удобопримѣнимы къ настоящимъ гражданскимъ отношеніямъ и дѣламъ, замедляютъ ихъ только и умножаютъ до безконечности... Да и отыскать его очень трудно: я досталъ въ оригиналѣ два только экземпляра!

И такъ, введены русскіе законы въ одинъ день, въ одинъ часъ, и теперь не гораздо-ли меньше дѣлъ, не проще-ли, не быстрѣе-ли дѣлопроизводство?...

Случилось въ 1850 г., что два помѣщика радомысльскаго и овручскаго уѣздовъ имѣли одного крестьянина Іосифа, который въ недѣлю работалъ одному помѣщику 3 дня и другому 3 дня,—спрашиваю я васъ: что-же ему оставалось? Было много злоупотребленій помѣщичьей власти,—введены инвентари; много было недовольныхъ,—сулили большія публичныя бѣдствія, сулили бунты, возмущенія, назначали день и часъ, когда начнется рѣзня; но Богъ миловалъ: зарѣзали-ли кого изъ помѣщиковъ или экономовъ, били-ль кого?.. Никогда!.. Было-ли у насъ что либо подобное тому, что въ Галиціи? Напротивъ, м. г., инвентари сдѣланы для блага помѣщиковъ, усилили ихъ власть, возвысили ихъ значеніе въ государствѣ, опредѣлили отношенія крестьянина къ владѣльцу, опредѣлили крестьянскія права и обязанности. Случались отступленія отъ инвентарныхъ правилъ, но не со стороны самыхъ помѣщиковъ, а только отъ ихъ управляющихъ, ихъ экономовъ, поссесоровъ или же тѣхъ старыхъ бабъ, которымъ не платятъ, а которыя сами платятъ своимъ любовникамъ, во зло употребляющимъ помѣщичью власть. Послѣ введенія инвентарей,—спрашиваю я васъ,—пала-ль цѣна на имѣнія? Я имѣю оффиціальныя свѣденія, которыя доказываютъ противное.

Въ прошедшіе выборы я имѣлъ честь вамъ сказать, что на мѣста, зависящія отъ выборовъ дворянства, нынѣ замѣщенныя чиновниками коронными, будутъ выбираемы дворяне по вашему усмотрѣнію, когда они ознакомятся съ русскимъ языкомъ, и тѣмъ не менѣе я въ настоящую минуту поставленъ въ невозможность не назначить на эти мѣста чиновниковъ, по опредѣленію отъ правительства; но это перемѣнится, и для этой цѣли я посылаю молодыхъ людей въ должности стряпчихъ, чтобы они, привыкнувъ практически къ дѣлопроизводству, могли быть въ послѣдствіи времени полезны при дворянскихъ выборахъ, и тогда уже всѣ мѣста, согласно коренному закону, будутъ замѣщены дворянами, по выборамъ дворянства.

Нынѣ, по моей болѣзни и по милости великаго Государя, я для излѣченія уволенъ въ отпускъ за границу на 4 мѣсяца. Вмѣсто меня вступитъ въ управленіе тремя губерніями князь Васильчиковъ. Это человѣкъ благороднѣйшихъ чувствъ; вы имъ будете довольны, и онъ исполнитъ превосходно всѣ тяжелыя обязанности того тяжкаго бремени, которое я несу 14 лѣтъ. Вашъ [1]) начальникъ губерніи исполнилъ свое призваніе отлично. Онъ никому изъ васъ не сдѣлалъ зла, а многимъ сдѣлалъ добро, и вы не можете не отдать ему этой справедливости. Популярности я не искалъ, любви отъ васъ я не имѣю, но уваженія надѣюсь. Позднѣйшія поколѣнія вспомнятъ мою службу въ этомъ краѣ. Ваши дѣти будутъ благодарить моимъ дѣтямъ, я въ томъ увѣренъ. Теперь вы приступите къ выборамъ; надѣюсь, что давнія службы найдутъ у васъ преимущество, что вы постараетесь оцѣнить по достоинству тѣхъ, которыхъ отличаетъ Государь и которые всегда защищали права дворянства и облегчали мнѣ это бремя, которое я такъ долго двигаю.

Прощайте, прощайте, прощайте! Если я умру, не поминайте лихомъ.

ЗЕМЛЯНЫЕ ВАЛЫ БЛИЗЬ С. КУДИНКИ

(летичевскаго уѣзда, подольской губерніи).

Югозападный край, долгое время служившій театромъ войнъ между козаками и поляками и, гораздо раньше ихъ, — между аборигенами страны и проходившими чрезъ нее и нападавшими на нее дикими народами, сохранилъ на поверхности своей не мало историческихъ памятниковъ своего прошлаго, въ видѣ каменныхъ вежъ, городищъ, кургановъ, разныхъ формъ валовъ и т. под.

Болѣе важные изъ такихъ памятниковъ уже описаны историками, какъ русскими, такъ и польскими, а нѣкоторые остаются до сихъ поръ еще не описанными, и память объ нихъ хранится лишь въ искаженномъ отъ времени народномъ преданіи да въ отрывочныхъ замѣткахъ бытописателей. Еще много въ этомъ краѣ такихъ мѣстъ, гдѣ даже опытный наблюдатель не сразу отгадаетъ, что стоитъ передъ памятникомъ прошедшаго времени и не въ со-

---

[1]) Кіевскій—И. И. Фундуклей.

стояніи опредѣлить его историческое значеніе, указать время его появленія и проч. Нѣтъ еще въ нашей литературѣ историческихъ и географическихъ монографій такихъ памятниковъ, но дороги были-бы и отрывочныя о нихъ свѣденія. Такія свѣденія и мы хотимъ дать въ настоящей замѣткѣ о валахъ села Кудинки.

Село Кудинка, близъ котораго находятся подлежащіе нашему описанію валы, лежитъ въ летичевскомъ уѣздѣ подольской губерніи и раскинуто на лѣвомъ берегу рѣки Буга, который отдѣляетъ его отъ мѣстечка Ново-Константинова. Отъ уѣзднаго города Летичева Кудинка отстоитъ на четырнадцать верстъ, отъ губернскаго—Каменца Подольскаго на 150 верстъ. Валы находятся передъ селомъ, надъ самимъ Бугомъ. Выше ихъ, т. е. далѣе отъ Буга, расположено сельское кладбище, а между нимъ и валами пролегаетъ дорога, огибающая валы и ведущая чрезъ устроенную на Бугѣ плотину къ мельницамъ, находящимся на противоположной отъ валовъ сторонѣ рѣки. Валы эти устроены амфитеатромъ, имѣютъ четыре гребня и посрединѣ площадку [1]). Дуги всѣхъ валовъ постепенно понижаются, по мѣрѣ приближенія ихъ къ берегу, и въ долинѣ, между первымъ и вторымъ гребнемъ, бьетъ въ настоящее время ключъ прекрасной воды, которою пользуются сосѣдніе крестьяне. Если стать на самой срединѣ площади, то съ нея открывается великолѣпный видъ на окрестности, по направленію къ сѣверо-востоку, съ крайняго-же гребня вала горизонтъ расширяется, и зрѣніе охватываютъ далѣе мѣстность къ юго-западу, гдѣ находятся села Редченцы, Поповцы, Рожны, которые съ площадки валовъ не видны. Вообще, мѣсто, гдѣ находятся валы, въ высокой степени живописное. Вечеромъ, предъ закатомъ солнца, при тихой и ясной погодѣ, стоя на площадкѣ валовъ, поддаешься невольно впечатлѣнію, вызываемому видами окружающей мѣстности. У подошвы валовъ течетъ

---

[1]) Несомнѣнно по изслѣдованнымъ понынѣ городищамъ, что тѣ изъ нихъ, которые состоятъ, подобно описываемому, изъ нѣсколькихъ концетрическихъ колецъ валовъ, относятся хронологически къ княжескому періоду русской исторіи (X—XIII ст.). Въ доказательство можно указать на городища, существующія на территоріи кіевскаго древняго княжества: въ Витичевѣ, кіевскомъ Звенигородѣ, у с. Пирогова, въ Бѣлгородѣ, въ древнемъ Пересѣчнѣ (что у Китаевской пустыни) и особенно въ Вышгородѣ. *Прим. ред.*

тихій Бугъ, способный, однако, рокотать и шумѣть тамъ, гдѣ разсчетъ предъусмотрительнаго человѣка хочетъ помѣшать его свободному теченію и заставить его работать на себя. У самыхъ валовъ устроена плотина, поглотившая собою у владѣльца этой мѣстности, князя Кочубея, не мало денегъ. Въ то время, когда послѣдніе лучи солнца горятъ на куполѣ летичевскаго костела, а на Бугѣ ложатся тѣни пригорковъ, избъ и деревьевъ, когда водяная птица, преимущественно дикія утки, своимъ крикомъ и пискомъ даютъ знать о себѣ болѣе чѣмъ днемъ, когда угрюмый мельникъ на утломъ челнѣ ѣдетъ обирать попавшую въ разставленныя снасти рыбу и поетъ свою заунывную пѣсню про казацкую славу,—ваша мысль невольно уносится въ даль вѣковъ; но, любуясь дивной красой природы, забываешь всѣ бури, пронесшіяся надъ этой страной, всѣ ужасы переиспытанныхъ ею войнъ и разореній, всѣ бѣдствія человѣка, всякое горе—свое и чужое, и при этомъ такъ свободно дышется, такъ легко вѣрится въ счастье человѣка, минувшее и грядущее. Но обратимся къ предмету нашего изслѣдованія, точнѣе—догадокъ и предположеній.

Ни въ какихъ историческихъ сказаніяхъ намъ не приходилось встрѣчать прямаго и яснаго указанія на время и причины, вызвавшія происхожденіе валовъ близь села Кудинки [1]). Только въ общей исторіи событій, связанныхъ такъ или иначе съ мѣстностью, на которой находятся интересующіе насъ валы, можно искать основаній для болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній объ ихъ происхожденіи и значеніи. Къ какой глубокой древности ни относилось-бы на самомъ дѣлѣ происхожденіе кудинскихъ валовъ, они не могли имѣть иного значенія, кромѣ военнаго. Очень можетъ

---

[1]) Названіе села Кудинки почти тождественно съ названіемъ города «Кудина», упоминаемаго въ Ипатской лѣтописи подъ 1241 годомъ въ числѣ такъ называемыхъ «Болоховскихъ городовъ». О томъ, что лѣтописный Кудинъ находился на мѣстѣ описываемаго авторомъ села Кудинки, было высказано предположеніе, обставленное весьма вѣскими доводами, въ сочиненіи г. Дашкевича: «Болоховская земля» (см. стр. 16 и 19). Описываемые авторомъ валы и ихъ характерное очертаніе подкрѣпляютъ еще однимъ, новымъ доказательствомъ предположенія г. Дашкевича. См. также Барсова: «Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи», стр. 109 и 11-я. *Прим. ред.*

быть, что эти валы насыпаны въ эпоху доисторическую или въ періодъ прохожденія по этой странѣ дикихъ народовъ, когда вообще самая селитьба требовала уже надежной охраны и защиты; но ничто не мѣшало пользоваться ими для тѣхъ-же цѣлей и послѣдующимъ поколѣніямъ, поддерживать и приспособлять ихъ къ измѣнившимся потребностямъ времени. Оставаясь при той мысли, что разрѣшеніе вопроса о времени первоначальнаго устройства этихъ валовъ можетъ быть произведено только съ помощью раскопокъ спеціалистовъ-археологовъ, мы съ тѣми скудными свѣдѣніями, какія могутъ быть доступны живущему въ сельской глуши, останавливаемся для освѣщенія даннаго вопроса на томъ великомъ переворотѣ въ нашемъ краѣ, который ближайшимъ образомъ касался описываемой мѣстности и могъ представить надобность въ такихъ насыпяхъ и укрѣпленіяхъ, какъ кудинскіе валы. Разумѣемъ войны Хмельницкаго, и послѣдующія, сохранившіяся въ народномъ преданіи подъ именемъ „Великой Руины."

Въ 1648-мъ году Богданъ Хмельницкій, направляясь съ войскомъ къ Старому Константинову на помощь дѣйствовавшему въ Немировѣ, Марковкѣ и Бердичевѣ своему полковнику Кривоносу, остановился въ селѣ Скаржинцахъ и простоялъ тамъ недѣли три [1]). Отсюда онъ двинулся къ Пилявцамъ, и тутъ 13-го сентября 1848-го года произошла кровопролитная битва съ поляками. *Самовидецъ* такъ говоритъ объ этой войнѣ: „въ Полонномъ и Константиновѣ Старомъ кровью рѣки плынули. Въ Старомъ Константиновѣ ставки и болота были полны труповъ лядзкихъ". Разбивъ здѣсь поляковъ на голову, а оставшуюся часть обративъ въ бѣгство, Богданъ Хмельницкій отсюда отправился чрезъ Новый Константиновъ въ Баръ. Въ то время въ Новомъ Константиновѣ былъ соумышленникъ козаковъ, мѣщанинъ Харько, который говорилъ, что когда лядское войско вступитъ въ этотъ городъ, то онъ зажжетъ городъ, а въ Сенявцѣ мѣщанинъ Яцко увѣрялъ козаковъ, что онъ насыплетъ въ пушки (конечно, польскія) песку, такъ-что они нисколько вредить не будутъ [2]). Привели-ли въ исполненіе это обѣщаніе давшіе его

---

[1]) Самовидецъ. Хмельницкая лѣтопись.

[2]). Памятники, изданные временною коммисіею для разбора древнихъ актовъ въ Кіевѣ. Т. I, стр. 64.

мѣщане или нѣтъ, не извѣстно; но несомнѣнно, что когда Богданъ Хмельницкій шелъ изъ Стараго Константинова въ Баръ, то сжегъ Старый и Новый Константиновы, жители-же этихъ городовъ—кто бѣжалъ за Днѣпръ, а ляховъ и жидовъ участвовавшіе въ войскахъ Хмельницкаго татары—нѣкоторыхъ убивали, а нѣкоторыхъ брали въ плѣнъ [1]). Такъ-какъ село Кудинка отдѣляется отъ м. Новаго Константинова только Бугомъ, то историческіе факты, имѣвшіе вліяніе на это мѣстечко, должны безспорно относиться и къ мѣстности, занимаемой Кудинкой, и всякіе памятники старины, оказавшіеся теперь на ея территоріи, должны быть объясняемы исторической судьбой мѣстечка Новаго Константинова. Поэтому, напавъ на слѣды исторической жизни этого мѣстечка въ XVII в., выше нами указанные, мы въ правѣ думать, что еще Хмельницкій со своимъ войскомъ, проходя эту мѣстность, могъ оставить въ ней слѣды своего пребыванія въ видѣ укрѣпленной земляными насыпями временной стоянки; но мы имѣемъ болѣе ясное указаніе на то, что на указанную нами мѣстность въ то-же время было обращено вниманіе польскихъ военачальниковъ, какъ на мѣсто весьма удобное для лагеря. Такъ, когда разбитые подъ Пилявцами поляки ушли къ Збаражу (нынѣ уѣздному городу въ Галиціи) и тамъ стали лагеремъ, съ цѣлью дать отпоръ нападенію Хмельницкаго, Янъ Казиміръ далъ приказаніе польскимъ воеводамъ собраться лагеремъ подъ Новымъ Константиновымъ, хотя остатки разбитаго войска и должны были двинуться къ Збаражу. Коронный Подчашій писалъ тогда къ Коронному Канцлеру, что подъ Збаражемъ мѣстоположеніе имѣетъ свои невыгоды, а подъ Новымъ Константиновымъ есть мѣсто удобное для лагеря. Кто знаетъ, быть можетъ отмѣченное по своимъ удобствамъ мѣсто и было то самое, о которомъ мы говоримъ.

Когда въ слѣдующемъ 1649-мъ году Хмельницкій одержалъ надъ польскими войсками рѣшительную побѣду подъ Зборовымъ и польскій король Янъ-Казиміръ, участвовавшій лично въ этой экспедиціи, увидѣвъ свое войско окончательно разбитымъ и находя единственное средство для спасенія себя отъ плѣна и остальнаго войска

---

[1]) Т. I-й Памятниковъ. № 44.

отъ окончательнаго истребленія, обратился къ Богдану Хмельницкому съ предложеніемъ о мирѣ, то, по условіямъ зборовскаго трактата 19-го августа 1649 года, границы Малороссіи были опредѣлены тогда по городъ Любаръ, Баромъ, Днѣстромъ, *Новымъ Константиновымъ* и рѣкою Случемъ. Въ это время Новый Константиновъ, какъ пограничный пунктъ, и могъ обратить на себя вниманіе козацкаго вождя и получить значеніе укрѣпленнаго пункта. Были-ль задолго или не задолго до этого времени тѣ земляные валы близъ с. Кудинки, о которыхъ рѣчь, или, быть можетъ, онъ велѣлъ, въ видахъ огражденія новыхъ границъ отъ нападенія поляковъ, вновь вырыть и насыпать эти укрѣпленія, ничего объ этомъ, кромѣ однихъ догадокъ, сказать нельзя; но мы не можемъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что валы при селѣ Кудинкѣ расположены амфитеатромъ именно къ юго-западу, по направленію къ польскимъ тогдашнимъ владѣніямъ, и съ этой стороны имѣютъ самый высокій гребень, съ постепенными пониженіями всѣхъ остальныхъ, и что всѣ они вмѣстѣ могли-бы обезпечить вполнѣ и возможность отражать нападеніе врага, и безпрепятственный доступъ къ водѣ. Итакъ, кудинскіе валы, когда-бы они ни были насыпаны, во время войнъ Хмельницкаго и особливо послѣ зборовскаго трактата, имѣли значеніе оборонительнаго или вообще стратегическаго укрѣпленнаго пункта.

Высказывая такое предположеніе наше, мы думаемъ, что оно подтвердилось-бы и опредѣлилось-бы еще болѣе, если-бы кто-нибудь занялся раскопкой этихъ валовъ. Сокрытое въ нихъ оружіе, разныя принадлежности боевой жизни и деньги могли бы служить самымъ лучшимъ освѣщеніемъ вопроса о происхожденіи и значеніи описываемаго нами памятника. Къ свѣдѣнію тѣхъ, кого это можетъ интересовать, замѣтимъ, что въ настоящее время играющія на валахъ дѣти-пастухи и вообще крестьяне с. Кудинки находятъ на нихъ старинныя монеты, а проливные дожди, размывая насыпи, обнажаютъ человѣческія кости и даже цѣлые скелеты. Во всякомъ разѣ намъ кажется, что этотъ важный историческій памятникъ достоинъ того, что-бы на помощь мѣстнымъ догадкамъ и соображеніямъ о немъ пришло со своими средствами и знаніемъ какое-либо Русское археологическое общество; при его содѣйствіи можно было-бы достичь богатыхъ результатовъ для мѣстной, а можетъ быть и во-

обще русской исторіи. Словомъ: тутъ есть надъ чѣмъ покопаться.

Получивъ при Хмельницкомъ начало или только новое опредѣленное значеніе пограничнаго укрѣпленнаго пункта, валы при селѣ Кудинкѣ не переставали, вѣроятно, служить военнымъ цѣлямъ то поляковъ, то козаковъ и въ дальнѣйшей жизни юго-западнаго края, вплоть до приведенія его въ состояніе мира и водворенія въ немъ порядка и гражданственности. Такъ, когда вскорѣ послѣ зборовскаго договора, вслѣдствіе не благопріятно сложившихся для Малороссіи обстоятельствъ, границы ея, опредѣленныя по этому миру, съузились, и мѣстности, о которыхъ мы говорили, снова отошли къ Польшѣ, валы при селѣ Кудинкѣ могли служить службу уже полякамъ. Ими могъ пользоваться и Янъ Выговскій, кіевскій воевода и бывшій козацкій гетманъ, когда, находясь въ декабрѣ 1659 года подъ Хмѣльникомъ (мѣстечкомъ летичевскаго уѣзда, подольской губ.), далъ отпоръ русскимъ войскамъ, напавшимъ было на него подъ начальствомъ Шереметьева. Въ этой неудачной битвѣ Шереметьевъ долженъ былъ отступить и удалился на милю отъ Хмѣльника [1]). Но занимаемая Новымъ Константиновымъ мѣстность побывала подъ властью не только козаковъ и поляковъ, но и турокъ. Король польскій Михаилъ Вишневецкій, по договору, заключенному съ ними въ Бучачѣ 1672 г., уступилъ имъ Каменецъ-Подольскъ и все подольское воеводство; для опредѣленія новой границы была образована тогда польско-турецкая коммисія, которая предполагала провести границу по Меджибожъ и Новый Константиновъ, а видимыми знаками этой границы должны были служить частыя земляныя насыпи, „копці“ [2]). Можно допустить, что такъ-какъ валы при селѣ Кудинкѣ находятся на томъ берегу р. Буга, который ближе къ Каменецъ-Подольску, чѣмъ противоположный берегъ Буга, то турки, забравъ подъ свою власть и Каменецъ-Подольскъ и мѣстность между нимъ и Новымъ Константиновымъ, пользовались въ свою очередь земляными валами, какъ пограничнымъ, болѣе или менѣе укрѣпленнымъ, пунктомъ. Можетъ быть сохраненіемъ до настоящаго времени, въ теченіи болѣе двухъ

---

[1]) Т. III-й Памятниковъ, стр. 394-я

[2]) Памятники, т. 2-й, стр. 501-я.

вѣковъ, своихъ первоначальныхъ формъ земляные валы при селѣ Кудинкѣ обязаны именно тому, что, сохраняя за собою въ теченіи этого времени значеніе болѣе или менѣе важнаго стратегическаго пункта, они были постепенно поддерживаемы ихъ дальнѣйшими, послѣ Хмельницкаго, обладателями. Другихъ свѣдѣній, касающихся данной мѣстности въ это и послѣдующее время, мы не имѣемъ; судьба ея и кудинскихъ валовъ, теряется во мракѣ гетманскихъ междоусобій и русско-польско-турецкихъ войнъ; сама западная Украйна, сдѣлавшись поприщемъ продолжительной борьбы могущественныхъ сосѣдей, пришла въ совершенное разореніе; въ частности города и села, расположенныя по Бугу, сдѣлались въ такой степени не обитаемы, что когда молдавскій господарь Дука, получивъ отъ Турціи власть надъ всею областью между Днѣстромъ и Днѣпромъ, отправилъ своего намѣстника въ Немировъ для избранія ему резиденціи и постройки дворца, то этотъ послѣдній нашелъ на Бугѣ случайно уцѣлѣвшее одно лишь село—Печара.

Въ концѣ XVII ст. козачество въ западной Украйнѣ стало снова усиливаться во время гетманства Самуся, главнымъ образомъ благодаря дѣятельности бѣлоцерковскаго полковника Семена Палія. Извѣстны однако и его печальная участь и послѣдовавшее послѣ, по силѣ прутскаго договора, совершенное уничтоженіе козачества на правой сторонѣ Днѣпра. Но съ переводомъ козацкихъ полковъ на лѣвый берегъ Днѣпра, въ населеніи западной Украйны не умеръ духъ козацкій, выражавшій свой постоянный протестъ противъ польскаго господства и насилія, хотя въ другой уже формѣ: козачество, въ силу новыхъ условій жизни, явилось въ формѣ гайдамачества. Изъ среды народа на защиту вѣры и народности стали выдѣляться отдѣльныя личности изъ крестьянъ и мѣщанъ, формировались въ небольшіе отряды подъ названіемъ гайдамакъ и гайдамацкихъ купъ и шли рѣзать поляковъ и грабить при этомъ ихъ богатства. Долго, въ теченіи всего почти XVIII ст., гайдамацкіе отряды дѣйствовали на всемъ пространствѣ собственно Украйны, Волыни и Подолья. Изъ свѣдѣній о нихъ въ нашей мѣстности мы имѣемъ лишь не многія. Такъ напр. извѣстно, что гайдамацкія шайки изъ мѣщанъ и крестьянъ не разъ въ теченіи XVIII ст. формировались и дѣйствовали въ окрестностяхъ Ново-Константинова, Дунаевецъ, Студеницы, Гусятина, Стрижовки и т. д. Извѣстный

предводитель шайки гайдамакъ, ватажокъ Чуприна ознаменовалъ себя пятнадцатью набѣгами на Польшу и, наконецъ, былъ убитъ въ Янтушковскомъ лѣсу.

Въ 1750 г. гайдамаки напали на монастырь отцовъ доминикановъ въ Летичевѣ; перебивъ монаховъ, они ограбили монастырь. Въ томъ-же году они напали на винницкій замокъ и тамъ, выломавъ дверь въ городской канцеляріи, истребили всѣ находившіеся въ ней письменные акты, считая ихъ хранилищами неправды помѣщиковъ и собственнаго своего угнетенія. Очень можетъ быть, что валы кудинскіе не разъ и для гайдамакъ служили мѣстомъ убѣжища и прикрытія, ибо извѣстно, что и они, по примѣру козаковъ, ограждали себя въ своихъ убѣжищахъ и стоянкахъ земляными насыпями и окопами. Кудинскіе валы въ особенности могли быть на руку тѣмъ изъ гайдамацкихъ шаекъ, которыя дѣйствовали въ Летичевѣ и Винницѣ; при разбитіи и преслѣдованіи, засѣвъ за этими валами, они храбрѣе и дольше могли отстаивать собственную жизнь.

Съ присоединеніемъ въ 1793 г. Подолья къ Россіи, перевелась и гайдамаччина, и лишь валы, пѣсни, замки и могилы, свидѣтельствуютъ теперь о бурной жизни этого края.

Вотъ все, что могли мы сказать о кудинскихъ валахъ, предоставляя болѣе насъ свѣдущимъ сказать больше и опредѣленнѣе. Что касается народнаго преданія о нихъ, сохранившагося у крестьянъ с. Кудинки и мѣстечка Новаго Константинова, то оно является въ такомъ туманномъ и искаженномъ видѣ, что его нельзя брать за основу какихъ-бы то ни было догадокъ и соображеній въ данномъ вопросѣ. Замѣчательно однако, что въ немъ упоминается о битвѣ подъ Хмельникомъ, хотя оно относитъ ее къ царствованію Екатерины II и не приводитъ никакихъ подробностей этой битвы.

Села Кудинки свящ. **Петръ Кудлаевичъ.**

СТАРИННЫЕ ТРАКТЫ, ИЛИ ДОРОГИ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ.

Изколесивши въ теченіи своей жизни въ разныхъ направленіяхъ Южную Русь, мнѣ не разъ приходилось слышать названія дорогъ: *Ромоданъ, Черный шляхъ, Шпаковъ шляхъ* и другія, и они

до того меня заинтересовали, что я рѣшился поподробнѣе изслѣдовать происхожденіе тѣхъ дорогъ. По нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ напримѣръ по „Ромодану“ и „Черному шляху“, мнѣ случалось проѣзжать самому; другіе извѣстны мнѣ по наслышкѣ, наконецъ о третьихъ мнѣ только случалось начитывать въ книгахъ.

Шляхъ Ромоданъ начинается отъ города Конотопа и идетъ къ г. Ромнамъ, а оттуда, повернувъ на юго-западъ, идетъ почти прямою линіею на гг. Лохвицу, Лубны, на сел. Рублевку—до Кременчуга. По мѣстному преданію, этою дорогою въ 1670-тыхъ годахъ двигались русскія войска подъ начальствомъ князя Ромодановскаго противъ гетмана Дорошенка.

Шрамківський шляхъ[1]) проходитъ отъ г. Пирятина до сел. Черняховки.

Шляхъ Сагайдакъ начинается у г. Гадяча (полт. губ.) и идетъ черезъ г. Сумы и Краснополье, а потомъ проходитъ по грайворонскому уѣзду курской губерніи.

Муравський шляхъ начинается отъ Перекопа, проходитъ по екатеринославской губерніи и потомъ, пройдя мимо Полтавы, Харькова и Бѣлгорода, входитъ въ курскую губернію, далѣе проходитъ по нижнедѣвицкому уѣзду воронежской губерніи и оканчивается у г. Ливенъ (орл. губ.). Этимъ путемъ дѣлали набѣги крымцы на Малороссію и Великороссію.

Черный шляхъ, начало котораго на картѣ Рѣчи Посполитой, 1772-го года, Риччи Зенони (*Carte de Pologne etc. 1772*) показано близъ *Чорнаго лѣса* (въ александр. уѣздѣ херс. губ.), кружитъ по кіевской губерніи, то раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ, то сливаясь въ одинъ путь. Изъ упомянутой карты видно, что та дорога, обходя населенныя мѣста, проходитъ въ слѣдующемъ направленіи: изъ подъ Чорнаго лѣса она идетъ на западъ, къ Ново-Миргороду, здѣсь дѣлится на три рукава, изъ которыхъ южный идетъ въ западномъ-же направленіи (по херсон. губ.) на Ольховатку, Кутинъ, Журавку, Ново-Архангельскъ, гдѣ, повернувъ въ кіевскую губернію, около Торговицы, идетъ близь с. Нерубайки, потомъ. обойдя съ южной стороны г. Умань, направляется мимо селъ Килечка,

---

[1]) Шрамко былъ одинъ изъ сподвижниковъ гетмана Богдана Хмельницкаго.

Краснополя, Босовки, м. Монастырища и до с. Бабина. Сѣверный рукавъ отъ г. Ново-Миргорода проходитъ близь с. Туріи, а средній близь селъ—Тризи и Свинки, и оба соединяются въ одинъ путь близь м. Ольшаны. Далѣе *Чорный шляхъ* проходитъ близь селъ Сидоровки и Луки, м. Кошеватой, с. Лукьяновки, г. Таращи, м. Ставища, с. Войнаровки, м. Городища, с. Пятигоръ и близь с. Бабина и м. Кальники (липов. уѣзда) соединяется съ южнымъ рукавомъ, о которомъ мы упомянули выше. Далѣе *Чорный шляхъ* идетъ на с. Мадіёвку, Любинецъ, сѣвернѣе г. Липовца, близь с. Іосева, сѣвернѣе Збаражи, близь с. Любаневки, м. Острожки, сс. Улянова, Безпечной, Чосной, Ляшовки, Новой и Старой Сренявы (подол. г.) и оканчивается у с. Лозовой (старо-конст. уѣзда, вол. губ.). Сверхъ того одна вѣтвь его отъ Торговицы пошла на западъ черезъ м. Совронъ (балтс. у. под. г.) на соединеніе со Шпаковымъ шляхомъ близь с. Попелюховъ. На картѣ Риччи Зенони на томъ мѣстѣ означенъ Крестъ Собѣсскаго (Krzyż Sobieskiego) [1]). Слыхалъ я также про *Мазепинъ и Искринъ* или *Пьяный шляхъ*. Небольшой Мазепинъ шляхъ идетъ отъ с. Мазепинецъ (васильк. уѣзда) до с. Пологи. Искринъ шляхъ, начинаясь отъ г. Бѣлой-Церкви, идетъ на с. Яновку, а оттуда къ Днѣпру. Эта дорога идетъ въ отдаленіи отъ жилыхъ мѣстъ. Чуть-ли не эта-же дорога называется иначе *Самусевымъ шляхомъ*.

Шляхъ *Караванскій* начинается въ васильковскомъ уѣздѣ у с. Мытницы Аксаковой (названіе Мытница показываетъ, что тамъ была таможня) и идетъ черезъ с. Трилисы, м. Фастовъ и далѣе по сквирскому уѣзду и поперекъ подольской губерніи до буковинской границы. Во времена Польши это былъ торговый трактъ, которымъ товары изъ Молдавіи шли въ Кіевъ, а въ Мытницѣ была граница польскихъ владѣній. Въ книгѣ *Podania i Legendy przez Siemeńskiego* [2]) упоминается еще о *Серпяжномъ шляхѣ*, проходящемъ близь г. Канева. Въ этой книгѣ говорится, что тамъ существуетъ преданіе, что этою дорогою везли какого-то Серпягу. Мо-

---

[1]) Я слышалъ, что этотъ крестъ, поставленный Собѣсскимъ въ память какой-то побѣды надъ турками, существуетъ и нынѣ близь такъ называемой *малёваной корчмы*, недалеко отъ станціи жел. дор. *Попелюхи*.

[2]) Poznań. 1845 г., стр. 82.

жетъ быть народная память сохранила преданіе о гетманѣ Серпягѣ или Подковѣ, казненномъ во Львовѣ. Тотъ-же авторъ говоритъ, что существуетъ проклятіе: *а щобъ ты попавъ на серпяжинъ шляхъ!*

Вдоль всей подольской губерніи самымъ водораздѣломъ рр. Днѣстра и южнаго Буга проходитъ *Шпаківъ*[1]) *шляхъ*, названный, на вышеупомянутой картѣ Риччи Зенони, *Kuczmeiśky szlach*. Онъ начинается близь с. Бирзулы и оканчивается, сколько помню, у м. Чорнаго - Острова. Двумя рукавами онъ соединяется съ Чорнымъ шляхомъ: на югѣ, какъ я уже сказалъ, близь селенія Попелюховъ у такъ называемой Малеваной корчмы или Креста Собѣскаго, а на сѣверѣ—рукавомъ, отдѣлившимся отъ Шпаковаго шляха, близь м. Хмельника. Вдоль этой дороги теперь прошла значительная часть кіево-балтской желѣзной дороги.

Въ херсонской губ. отъ Очакова идетъ на западъ, на с. Лубянку и м. Рясноподь—*Злодійскій шляхъ*. Тамъ-же, въ ананьевскомъ и тираспольскомъ уѣздахъ, я слышалъ про *Бендерскій шляхъ*[2]), которымъ прежде ходили чумаки, но онъ повидимому въ настоящее время существуетъ только мѣстами.

Г-нъ Якушкинъ, въ своихъ „Путевыхъ Запискахъ", упоминаетъ еще о *Царевомъ шляхѣ*, идущемъ отъ г. Погара (черн. г.) въ орловскую губернію.

ИСКОРОСТЬ—ДРЕВНІЙ КОРОСТЕНЬ ИЛИ СКОРОСТЕНЬ.

Проѣзжая по почтовому тракту изъ Житоміра въ Овручъ, вамъ на второмъ или третьемъ перегонѣ попадется по дорогѣ жалкое, растянувшееся въ одну линію, во всю ширину почтовой дороги, жидовское мѣстечко Искорость, называемое мѣстными жителями *Скоротъ*.

---

[1]) Можно думать, что свое названіе эта дорога получила отъ Шпака, избраннаго жителями брацлавскаго воеводства своимъ полковникомъ въ 1704 году, при появленіи въ тѣхъ мѣстахъ украинскихъ войскъ подъ начальствомъ гетмана Мазепы. Прим. В. Б. Антоновича.

[2]) Преданіе говоритъ, что по ней уходилъ изъ подъ Полтавы въ Турцію Карлъ XII-тый.

Иному проѣзжему не придетъ и въ голову, что онъ проѣзжаетъ по исторической мѣстности, по древней столицѣ древлянъ. Чтобы перенестись воображеніемъ въ древнія времена, надо, проѣхавши половину мѣстечка, повернуть на право, на мостъ чрезъ рѣку Ушъ, переѣхавши который, вы увидите древніе валы, болѣе 4 саж. ширины, современные Игорю и Ольгѣ. Валы эти чуть-ли не лучше всего сохранились въ саду нынѣшняго владѣльца Искорости, Любовицкаго (?). Тамъ вы совершенно неожиданно попадете на довольно живописную мѣстность, такъ какъ р. Ушъ течетъ тамъ по гранитному дну, въ гранитныхъ берегахъ. Въ одномъ мѣстѣ Ушъ образуетъ небольшой водопадъ: гранитный порогъ заставляетъ всю массу воды этой рѣки падать съ высоты около $^3/_4$ аршина. Ниже этого водопада имѣется въ гранитномъ днѣ родъ естественной небольшой ванны, въ которой можно усѣсться такъ удобно, что вся масса падающей воды будетъ лить вамъ на плечи. Эта естественная ванна по книжному называется купѣлью св. Ольги; мѣстные жители называютъ ее просто *Сижа* [1]).

По дорогѣ отъ Искорости на сс. Злобичъ и Лѣсовщину есть нѣсколько большихъ могилъ, которыя мѣстными жителями называются *Древлянскими*. По этой-же дорогѣ, верстахъ въ 5—7 отъ Искорости среди лѣса, на пространствѣ около $^1/_4$ версты, слышенъ при проѣздѣ какой-то особый гулъ, показывающій, что тамъ должно быть огромное подземное пространство или пещера.

Я забылъ упомянуть, что не далеко отъ Сижи, въ скалистыхъ берегахъ Уши, имѣется нѣсколько пещеръ, входъ въ которыя, сколько помню, не больше 1 арш. возвышается надъ уровнемъ воды въ рѣкѣ.

По мѣстнымъ преданіямъ, въ этихъ пещерахъ жили разбойники.

Во II томѣ „Starożytna Polska“ W. Balinskiego, про Искорость говорится: Игорь убитъ въ ней въ 945 году; на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло войско Олега, овладѣвшаго Коростенемъ въ 883 г., нынѣ существуетъ деревушка *Шатрище;* на разстояніи 7 вер. отъ Искорости есть могила, называемая Игоревою, на клад-

---

[1]) Сижею въ тѣхъ мѣстахъ называютъ приспособленіе для ловли рыбы, при которомъ устраивается сидѣнье для рыболова.

бищѣ въ Искорости имѣется нѣсколько большихъ могилъ, поросшихъ огромными дубами—нѣмыми свидѣтелями древности. Со временъ Ольги Искорость въ исторіи нигдѣ не упоминается.

ГДѢ ИМЕННО ЖИЛИ ЗАПОРОЖЦЫ ВО ВРЕМЯ ПОДЧИНЕНІЯ СВОЕГО КРЫМСКОМУ ХАНУ. (1709—34 г.)

Въ 1859 г. мнѣ пришлось прожить безвыѣздно нѣсколько мѣсяцевъ въ Херсонѣ. Время свободное отъ моихъ занятій я посвящалъ преимущественно на ознакомленіе съ городомъ и его окрестностями. По Днѣпру плавалъ много разъ на небольшихъ парусныхъ лодкахъ, называемыхъ мѣстными жителями *шаландами*. Проѣзжая по одному рукаву Днѣпра, я узналъ отъ лодочника, что тотъ рукавъ называется—річка *Кошова́*, и что существуетъ другой протокъ меньшихъ размѣровъ, который носитъ названіе *Кошова́тки*. Островъ, образуемый Кошовою и Днѣпромъ, носитъ названіе „*Запорожскаго* острова". Я высадился на этотъ островъ,—гдѣ можно было, походилъ по немъ и нашелъ слѣды какихъ-то валовъ или, вѣрнѣе сказать, укрѣпленій. Такъ какъ это было раннею весной, когда водою затоплена значительная часть острова, то я не могъ весь островъ обойти, а поэтому и не могъ составить себѣ яснаго понятія о дѣйствительной его величинѣ. Распрашивая у мѣстныхъ жителей, я узналъ, что запорожцы никогда не жили на противоположномъ берегу Днѣпра, въ нынѣшнемъ алешковскомъ уѣздѣ, а жили на островахъ Запорожскомъ, Двухъ Братьевъ и другихъ ближайшихъ къ правому берегу Днѣпра, а можетъ быть и на твердой землѣ праваго берега. Къ тому же заключенію пришелъ и другой изслѣдователь старины, молодой ученый Матвѣевъ, состоящій нѣсколько лѣтъ преподавателемъ въ херсонскихъ учебныхъ заведеніяхъ. По его предположенію, село *Козачьи Лагери* расположено на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли таборомъ черноморцы подъ начальствомъ Чепиги и Головатого, откуда они брали островъ *Березань*, иначе *Ада*, и тѣмъ способствовали къ овладѣнію Очаковымъ.

М. Левченко.

ПОСЕЛЕНІЯ ЗАПОРОЖЦЕВЪ ВЪ БАНАТѢ.

Послѣ упраздненія Запорожья указомъ императрицы Екатерины II въ 1775 году, многіе братчики упраздненной общины поселились въ разныхъ мѣстностяхъ Малороссіи и новороссійскаго края и возвратились къ земледѣльческимъ занятіямъ; другіе поступили въ военную службу, были зачислены въ гусарскіе полки, потомъ, во время второй турецкой войны, вошли въ составъ организованнаго княземъ Потемкинымъ новаго козацкаго войска и, наконецъ, послѣ окончанія компаніи, переселились на Тамань и на берега Кубани, составивъ ядро населенія черноморскаго (впослѣдствіи кубанскаго) козачьяго войска.

Не всѣ однако запорожцы рѣшились сразу разстаться съ традиціей своей общины, съ ея именемъ и устройствомъ. Уже во время „руйнування Січи" генераломъ Текеліемъ въ 1775 году, многіе братчики испрашивали у русскаго генерала пропускные билеты для цѣлыхъ артелей подъ предлогомъ обычнаго занятія рыбнымъ промысломъ въ устьяхъ Днѣпра и на берегу Чорнаго моря. Текели охотно выдавалъ пропуски, разсчитывая на то, что, при уменьшеніи числа „товариства" въ Сѣчи, онъ успѣетъ съ большимъ удобствомъ привести въ исполненіе возложенную на него обязанность—разоренія запорожскаго городка. Къ ватагамъ, ушедшимъ на поморье изъ Сѣчи, присоединились „братчики" изъ хуторовъ и зимовниковъ запорожскихъ и „голота", „аргаты" и „забродчики", т. е. многочисленные выходцы изъ польской Украйны, искавшіе заработка, воли и пріюта въ запорожскихъ степяхъ и находившіе занятіе на запорожскихъ хуторахъ, рыболовныхъ и соляныхъ заводахъ. Собравшіеся на взморьѣ запорожцы и покровительствуемая ими „голота" рѣшили выселиться въ турецкіе предѣлы, признать надъ собою власть султана, за обязательство военной службы, испросить землю для поселенія и основать на ней новую Сѣчь въ турецкихъ владѣніяхъ. Какъ извѣстно, турецкое правительство приняло предложеніе запорожцевъ и имъ отведены были земли на устьяхъ Дуная въ Добруджѣ, по сосѣдству съ болѣе давними выходцами изъ Россіи, донскими раскольниками, такъ называемыми некрасовцами, или липованами. На новомъ мѣстѣ жительства запорожскіе выходцы основали новую Сѣчь „Устьдунайскую", по образцу

старой приднѣпровской, и продолжали жить по запорожскому обычаю.

Но вскорѣ новое мѣсто поселенія оказалось не вполнѣ удобнымъ. Вслѣдствіе-ли недостаточности земли, отведенной турецкимъ правительствомъ, или по другимъ, не выясненнымъ еще, обстоятельствамъ, значительная часть эмигрантовъ оказалась недовольною мѣстомъ своего пребыванія и стала думать о новой родинѣ. Десять лѣтъ спустя послѣ переселенія въ Добруджу запорожцы обратились къ австрійскому правительству съ просьбою объ отведеніи имъ земли для жительства на австрійской военной границѣ; съ ходатайствомъ этимъ они обратились къ начальнику австрійскаго гарнизона въ Яссахъ, капитану Будеусу. Предложеніе это было доложено императору Іосифу II, который изъявилъ согласіе на принятіе запорожцевъ въ свою службу и опредѣлилъ имъ для поселенія мѣстности въ Банатѣ на берегахъ Тиссы и въ Бачскомъ коммитатѣ около города Ченты (Zenta); на отведенныя имъ мѣста запорожцы должны были переселяться отрядами, постепенно, слѣдуя по указаннымъ маршрутамъ черезъ Трансильванію и Венгрію.

Условія переселенія, на основаніи которыхъ запорожцы были приняты австрійскимъ правительствомъ, состояли въ слѣдующемъ: они входили въ составъ военныхъ австрійскихъ поселеній, какъ отдѣльный полкъ, получали землю на вѣчныя времена, за что обязаны были въ военное время отбывать военную службу, смотря по надобности,—конную, пѣшую или-же на гребной, рѣчной флотиліи по Дунаю. Во внутреннемъ устройствѣ своего полка они удерживали полное самоуправленіе по запорожскимъ обычаямъ, сохраняли право выбирать Кошеваго и куренныхъ атамановъ, которые признавались въ одномъ рангѣ съ полковникомъ и ротмистрами австрійскаго войска. Судъ надъ членами общины, администрація въ предѣлахъ ея земель и распредѣленіе поземельныхъ участковъ предоставлялись самой общинѣ. Въ военное время запорожцы должны были получать жалованье за время своей службы въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно выдавалось солдатамъ и офицерамъ австрійскихъ форпостовъ. Запорожцы удержали свою одежду и не обязаны были носить мундира, а также сохранили собственное вооруженіе, при чемъ они выговорили себѣ право служить въ конницѣ съ „ратищами“ (копьями), которыя не употреблялись тогда въ венгерской

кавалеріи. Послѣ утвержденія Іосифомъ II этихъ условій, началось немедленно и самое переселеніе, которое и совершилось въ томъ-же 1785 году. Всѣхъ переселенцевъ оказалось числомъ до 8,000, и первое основанное ими центральное поселеніе получило названіе Сѣчи (Setschá). [1])

Появленіе запорожцевъ въ предѣлахъ Австріи возбудило къ нимъ вниманіе въ повременной австрійской прессѣ и вызвало даже появленіе отдѣльной брошюры, авторъ которой, австрійскій офицеръ Гендльовичъ [2]), объяснялъ поводъ появленія своей книжки въ слѣдующихъ словахъ: „Извѣстно, что значительная часть запорожскихъ козаковъ обратилась къ Его Императорскому Величеству съ просьбою разрѣшить имъ поселиться въ Его владѣніяхъ и поступить на службу для защиты границъ; извѣстно также, что Его Величество склонился къ просьбѣ этихъ людей и указалъ имъ для жительства мѣстности въ Бачскомъ комитатѣ у Ченты, а также въ Банатѣ. Такъ какъ теперь объ этихъ переселенцахъ очень много пишутъ въ газетахъ и для многихъ читателей было-бы интересно встрѣтить точное и правдивое описаніе этого народа, то я предпринялъ этотъ трудъ и составилъ это краткое описаніе, за правдивость котораго могу вполнѣ поручиться, такъ какъ я довольно долго находился въ мѣстности, гдѣ они обитаютъ“. Сочиненіе Гендльовича раздѣлено на три главы: одна представляетъ краткій и довольно вѣрный историческій очеркъ возникновенія и минувшей судьбы Запорожья, другая посвящена описанію устройства и быта запорожской общины во время пребыванія ея еще на Днѣпрѣ, третья, наконецъ, содержитъ этнографическій очеркъ запорожцевъ, видѣнныхъ авторомъ въ ихъ австрійскихъ поселеніяхъ; къ этой главѣ

---

[1]) Подробности эти заимствованы изъ сочиненія: «Etnographie der Österreichischen Monarchie von Karl Freiher von Czoernig». Wien. 1857.

[2]) Сочиненіе Гендльовича носитъ слѣдующее заглавіе: «Ausführliche und wahrhafte Schilderung der Saporoger kosaken vom Fähndrich von Händlowick, der sich geraume zeit um die Gegend der Wohnungen dieser Leute aufgehalten hat. Pappenheim in Franckeu». 1789. (Подробное и правдивое изображеніе запорожскихъ козаковъ, сочиненіе Фендриха Гендльовича, который въ теченіи продолжительнаго времени пребывалъ въ области, гдѣ они поселились. Папенгеймъ въ Франконіи. 1789 г.).

приложенъ рисунокъ, изображающій кошеваго атамана банатскихъ запорожцевъ. Къ несчастію, вслѣдствіе незнанія, повидимому, авторомъ языка и не точныхъ этнографическихъ пріемовъ, эта глава, представляющая для насъ самый значительный интересъ, составлена весьма небрежно. Гендльовичъ, описывая одежду, вооруженіе и бытъ запорожскихъ переселенцевъ и приводя техническія слова ихъ рѣчи, смѣшиваетъ постоянно частности быта сербскихъ граничаръ съ запорожскими и не даетъ возможности установить точныя этнографическія данныя.

О дальнѣйшей судьбѣ запорожскихъ переселенцевъ въ Австрію до послѣдняго времени ничего не было извѣстно; не многіе изслѣдователи, знавшіе о фактѣ переселенія въ 1785 году, предполагали, что запорожцы слились съ окружающимъ ихъ сербскимъ населеніемъ и что потомки ихъ не сохранили особаго этнографическаго типа. Такъ Я. Ѳ. Головацкій, помѣстившій въ львовскомъ „Науковомъ Сборникѣ" короткую замѣтку о переселеніи запорожцевъ въ 1785 году, заключаетъ ее слѣдующими словами: „но такъ якъ они отказались отъ женитьбы, то вскорѣ и вымерло все племя [1])." Оказалось впрочемъ, что предположенія эти были ошибочны: въ 1878 году львовское общество „Просвіта" получило письмо изъ бачскаго комитата, въ которомъ г. Юрій Весловскій, „землевладѣлецъ, дьякъ и школьный учитель" въ селѣ Керепитурѣ, заявляетъ на чистомъ малорусскомъ языкѣ просьбу о снабженіи его школы изданіями „Просвіты", такъ какъ онъ не находитъ возможности преподавать науки потомкамъ запорожцевъ на венгерскомъ языкѣ и по венгерскимъ учебникамъ. „Просвіта" поспѣшила удовлетворить просьбу г. Весловскаго безвозмездною высылкою всѣхъ своихъ изданій и завязала съ нимъ постоянныя сношенія, письмо-же его напечатала въ одномъ изъ номеровъ издаваемаго ею журнала „Правда".

В. А.

НЕИЗВѢСТНЫЕ ПАМЯТНИКИ ПАМЯТНЫХЪ ЛИЦЪ.

По прочтеніи письма извѣстнаго политическаго дѣятеля Филиппа Орлика („Кіевск. Старина", апрѣль), мнѣ вспомнилось нѣчто

[1]) Науковый сборникъ 1867 года, стр. 109—110.

касающееся его, чѣмъ и хочу подѣлиться съ читателями „Кіевской Старины". Воспоминаніе это относится ко времени моего знакомства съ наслѣдникомъ извѣстнаго пчеловода, воспитанника кіевской академіи, Петра Ивановича Прокоповича,—Степаномъ Великданомъ, нынѣ умершимъ. Извѣстенъ хуторъ его пчеловодства; лежитъ онъ у села Пальчики, въ 8-ми верстахъ отъ Батурина. До него это было заброшенное болото. Прославившійся впослѣдствіи, какъ пчеловодъ, Петръ Ивановичъ Прокоповичъ, благодѣтель народа и знатокъ его духовной и экономической жизни, память котораго и теперь чтится въ народѣ подъ именемъ „прозорливаго", почувствовавъ призваніе къ пчеловодству, купилъ эту пустую болотину у села Пальчики, кажется, мѣсто истока рѣчки Дочи, уразумѣвая изъ болотныхъ травъ и затиши пригодность сего мѣста для пасѣки. Исторія пчеловодства украинскаго тѣсно связана съ именемъ сего мудреца-пчеловода (жизнеописаніе котораго дало-бы образъ богатаго самородка-таланта), а слѣдовательно и съ хуторомъ Пальчики, въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ имѣвшихъ громкую извѣстность.

Въ этомъ-то болотномъ пустырѣ, который Прокоповичъ воздѣлалъ въ прекрасный садъ и паркъ, приспособивъ ихъ для установки ульевъ, во время покупки онаго, какъ и впослѣдствіи, сохранились аллеи правильно посаженныхъ сосенъ, о которыхъ вмѣстѣ съ другими деревьями самъ Прокоповичъ говорилъ, на основаніи какого-то преданія, что это былъ *садъ генеральнаго писаря Филиппа Орлика*. Прокоповичъ былъ знатокъ и любитель козачьей старины; родъ его извѣстенъ въ козачествѣ. Самъ онъ ближайшій сосѣдъ историческаго Батурина. Начавъ службу при генералѣ де-Воланѣ, при основаніи Одессы, въ 90-хъ годахъ, въ должности адъютанта, и близко стоя къ времени Мазепы, онъ не могъ поставить ложно фактъ названія сада Филиппа Орлика.

Въ знаменитой пасѣкѣ Прокоповича и наслѣдника его Великдана сохранилась еще и другая древность, пріобрѣтенная Прокоповичемъ у крупецкаго монастыря: это келья *Димитрія Ростовскаго,* въ которой великій святитель писалъ свои *Четьи-Минеи*.

Неизвѣстно, какая участь постигла или постигнетъ зеленѣющія величественныя сосны Орлика и скромный домикъ симпатичнѣйшаго святителя. Если хуторъ уже въ рукахъ *цивилизато-*

ровъ страны (евреевъ), то судьба его извѣстна:—на ср—чъ или хлѣвъ; если же за долги перешелъ въ другія руки, то можетъ быть и уцѣлѣлъ пока. Странная игра судьбы: *достоянія двухъ историческихъ дѣятелей различныхъ направленій, по смерти ихъ, сошлись вмѣстѣ: тѣнь сосенъ Филиппа Орлика прикрываетъ келью религіозныхъ твореній святителя.*

Ст. фонъ-Носъ.

ПѢСНЯ ЗАПОРОЖЦЕВЪ

О ВЫСЕЛЕНІИ ВЪ ТУРЦІЮ ПО УНИЧТОЖЕНІИ СѢЧИ.

Ой изъ 1763 года
Пише, пише
Восточна цариця
Зъ Петербурга-города...
А на решті Січь поруйновала,
Степы, поля
И клейноды запорожські
Москалеви отдала.
Ой устань, Харьку,
Да устань, батьку,
Изъ того світу!
Ой підемъ у столицю,
Будемо просити царицю;
Ой чи не верне намъ
Степи, поля
И всі клейноды наши.
Не на то я, славни запорожці,
Січь розруйновала,
Щобъ назадъ вамъ
Степи, поля и клейноды вертала.
Ой великій світъ, мати Катерина!
Ой щожъ ти зробила?
На що усі степи и клейноды
Москалеви доручила?

Ой ходимъ, братця,
Турка просити,
Чи не дасть намъ земли
Віка дожити.
Ой давъ намъ турчинъ землю
Отъ Дністра до Богу,
А гряницею давъ намъ
По Бендерськую дорогу.
Ой будемо жити
Та Бога хвалити,
И до ляха въ гости
Все таки ходити.

ПѢСНЯ ЧЕРНОМОРСКИХЪ КОЗАКОВЪ

НА ВЗЯТІЕ ИЗМАИЛА.

Ой стояли мы да на якорі
Противъ Тилигула;
Тамъ била насъ хуртовина
Изъ Чорнаго моря.
А якъ хуртовина стала утихати,
Тогди ставъ панъ Кошовый
У трубу на війско гукати:
Ой піднимайте, та черноморці,
Паруса у гору;
Бъе турчинъ изъ Кермену
Зъ пушокъ на тревогу.
Якъ увійшли черноморці
Въ Лиманъ лодками водою,
Паша керменскій у ночи
Выйшовъ зъ кріпости зъ ордою.
Мы одъ Кермена до Сафьяну
Бекетами стали,
На Дунаі турецького
Языка достали:
Скажи, скажи, татарюго,

Скажи ты намъ правду,
Черезъ що мы не можемо
Змаилова взяти?
Підіть, славни черноморці,
Дунаемъ—водою,—
Отберете весь запасъ турецкій
И лодки зъ ордою.
Пидійшли славни черноморці
Дунаемъ—водою,
Отбили весь запасъ турецькій
И полонили пашу зъ ордою.

Сообщилъ **Г. Ба—скій**.

ОБМАНУТЫЙ СОЛДАТЪ.

(СТИХОТВОРЕНІЕ)

Помѣщаемое подъ этимъ заглавіемъ стихотвореніе принадлежитъ перу извѣстнаго любителямъ малорусской поэзіи доктора Руданскаго, большаго любителя и собирателя малорусскихъ пѣсень, автора множества бывшихъ и не бывшихъ въ печати стиховъ и пѣсень, а также ходящаго доселѣ въ рукописи и имѣющагося и у насъ перевода Иліады Гимера. Покойный Руданскій, обладая большимъ поэтическимъ талантомъ и отличнымъ знаніемъ малорусскаго языка, при иныхъ условіяхъ, могъ бы выработаться до степени весьма примѣтнаго поэта и оказать солидныя услуги южнорусской этнографіи, поэзіи и литературѣ, но не достигъ надлежащаго развитія и преждевременно сошелъ въ могилу по причинѣ того печальнаго недостатка, отъ котораго страдали и истинно великіе таланты, начиная съ отца русской науки М. В. Ломоносова и кончая величайшимъ нашимъ поэтомъ Т. Г. Шевченкомъ.

Помѣщаемое стихотвореніе воспроизводитъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, обращающихся въ изустной мѣстной литературѣ разсказовъ, которые такъ живо рисуютъ отношенія перекочевывающихъ съ мѣста на мѣсто солдатъ къ ихъ кормильцамъ — крестьянамъ. Отношенія эти полны самыхъ разнообразныхъ эпизодовъ: любов-

ныхъ, мирныхъ и враждебныхъ,—трагическихъ, комическихъ и другихъ. Многіе изъ такихъ разсказовъ давно стали достояніемъ исторіи, хотя и въ формѣ анекдотовъ или сказокъ, и характеризуютъ прежнее положеніе нашихъ солдатъ, обираемыхъ со всѣхъ сторонъ и вынужденныхъ пополнять свой скудный паекъ на счетъ подневольныхъ ихъ хозяевъ, въ избахъ которыхъ находили они болѣе или менѣе продолжительный пріютъ. Къ числу такихъ разсказовъ относится и составляющій содержаніе настоящаго стихотворенія. Извѣстно, что въ прежнее время расквартированные по деревнямъ солдаты получали отъ крестьянъ не только пріютъ, но и все почти продовольствіе. Отношенія тѣхъ и другихъ устанавливались въ большей части на началахъ взаимныхъ услугъ: постойный солдатъ помогалъ хозяевамъ въ домашнихъ ихъ работахъ, а тѣ его кормили и подъ часъ даже поили. Не рѣдко солдатъ становился какъ-бы членомъ семьи, совсѣмъ роднымъ. Но не всегда сходились желанія и вкусы хозяевъ и квартирантовъ, и тамъ, гдѣ оканчивались такъ сказать правовыя и свободныя отношенія, начинался рядъ обходовъ съ той и другой стороны. Иногда хозяева попадались скупые, иногда же солдатъ очень лакомый: тогда—кто кого перехитритъ. Въ большей части ходячихъ разсказовъ солдатъ является болѣе изобрѣтательнымъ, чѣмъ его хозяева. Извѣстна напр. вошедшая даже въ буквари сказка о томъ, какъ солдатъ учитъ скупую хозяйку варить щи съ гвоздемъ и, положивъ въ горшокъ гвоздь, постепенно вытягиваетъ отъ нея все необходимое для щей, неимѣніемъ чего такъ отговаривалась хозяйка. Иногда на оборотъ хозяйка перехитряетъ солдата и преграждаетъ путь его къ лакомству. На такой основѣ ведется разсказъ стихотворенія, но къ нему примѣшана и другая особенность—различіе національностей и языка объясняющихся сторонъ, которыя однако хорошо понимаютъ другъ друга, но каждая себѣ на умѣ. Въ этомъ комизмъ сцены и юморъ стихотворенія.

Сидить москаль на прилавку,
Прищурює очи,—
Такъ и видно, що бідняка
Вареникiвъ хоче.
Хоче, бідный, вареникiвъ,
Ничого казати,

Та не знае по нашому,
Якъ бы ихъ назвати.
„Хозяюшка, голубушка,—
Почавъ говорити,—
„Свари-ка мнѣ вонъ-энтого...
„Вотъ какъ разъ забылъ уже!
„Тѣсто сыромъ накладаютъ,—
„Какъ это зовется?“
—А Господь васъ святый знае,
Що вамъ, служба, гоже!
Тісто сыромъ накладають,—
Це галушки може?
„Не галуши, не галуши,
„Я галуши знаю.
„Свари-ка мнѣ, бишь, энтого...
„Все, бишь, забываю“.
Тісто сыромъ накладають,—
Чи не пирігъ буде?
„Не пирогъ, не пирогъ,
„Экая досада!
„Да знаешь ли, туда масла
„Да сметаны нада“.
А хозяйка добре знае,
Чого москаль хоче,
Та чекае барабана,
Закимъ заторкоче.
Якъ почула барабанъ,—
Слава Тобі Боже!
Тоді каже москалеви:
Варениківвъ може?
Ажъ підскочивъ москалина,
Та ніколи ждати.
„Варениковъ, варениковъ!“
Тай пішовъ изъ хаты.

Сообщ. **А. Я. Креминскій.**

Указатель личныхъ и географическихъ именъ,

встрѣчающихся во II томѣ «Кіевской Старины» *).

Аалень-фонъ, начальникъ нѣмец. отряда, 76.
Авраамій, еписк. пинск. и туров., 5, 22.
Априловъ, 135.
Августъ II, саксонскій, 109, 127, 287.
Августъ III, кор. польскій, 455, 493.
Агафія Гуменицкая, игум. флоров. монаст., 7.
Агафангелъ, архим. (1860—1876) почаевской лавры, 373, 380.
Ада, см. Березань.
Адиль-Гирей, ханъ, 120, 123.
Акмечнетъ, с., нынѣ Акмачитъ, аккерм. уѣзд., 167.
Акмечетка, д., ананьев. уѣзд., 346.
Аксакова Мытинда, с., 545.
Аксакъ, 263.
Александра, игум. кіево-іорданск. мон., 335.
Александръ I, имп., 142, 148, 179—181, 317, 379.
Александръ II, имп., 85, 317, 515.
Александръ, великій кн. литов., 177.
Александрія, гор., 256.
Алексій, митропол., 324.
Алексѣевка, александров. уѣз., 362.
Алексѣй Михайловичъ, царь, 179, 182, 186, 249, 251, 510.
Алипій, препод. печерскій, 323, 324.
Алушта, 328.
Альбрехтъ, курфирстъ саксон., 27.
Альціатъ Павелъ, антитринит., 33.
Амвросій, игуменъ кіево-петропавловскаго монаст., 33.
Амвросій, монахъ, 337.
Амвросій, архиманд. почаев. лавры; авторъ «Сказанія о почаев. усп. лаврѣ», 365.
Амвросій, еписк. волын. и житом., 380.
Амвросій, архиманд., его соч.: «Исторія Росс. іерархіи», 384, 386.
Анатолій, архимандр., 156
Анатолій Мартыновскій, архіеп. могилевск. 225, 226—240.
Андреасвальде, поселокъ, 428.
Андрей, свящ. изъ Цѣшанова, 448.
Андрей Боголюбскій, вел. кн., 522.
Андрузкевичъ Андріанъ, кс. ректоръ коллегій и барс. школъ, 468.
Анна, дочь Іеремія, господ. молдав., 2.
Антоній, архіеп. вол., (1860—1866), 380.
Антоновичъ В. Б., профес. унив. св. Владиміра; его примѣчаніе о шпаковомъ шляхѣ, 59, 161, 546.
Антоновичъ Юліанъ, кс., учит. и префектъ владимір. школъ, 456, 457.
Анцыпа Феликсъ, учит. винниц. школы, 470, 473.
Аполлинарій, викарій кіев., 103, 104.
Аполлоній, игум. михайлов. монастыря, 334.
Апостолъ Данило, миргород. полков., 113.
Апраксинъ Ѳеодоръ Матвѣевичъ, адмиралъ, 504, 508.
Аркуша Григорій, полковой хорунжій, 167.

---

*) Цифры указываютъ страницы тома.

Артекъ с., 328.
Артемій, ерет., 40.
Арсеній, архіеписк. варшав. и волын., 230, 367, 370.
Арцишевскій Христофоръ, 403.
Аскоченскій В. И., 235, 236, 517.
Асланъ-Гирей, ханъ татар., 326.
Аутка, с., 328.
Ахалцыхъ г., 532.
Ай-Василь, оз., 328.
Ай-Дагъ, гора, 328.

—

Бабино, с., 207, 545.
Багалѣй Димитрій, 519.
Бадовскій, шляхт., 244.
Базель Яковъ, капитанъ, 267.
Бакмейстеръ Іоганъ, подбибліотек. с.-петерб. акад. наукъ, 383, 385, 386.
Бакуринскій А. Н., 339.
Балабанъ Діонисій, кіев. митрополитъ, 370, 375.
— Ѳеодоръ Юрьевичъ († 1606 г.), типографъ стратинскій, 386, 387, 391, 394—396.
Балинскій и Липинскій, ихъ соч. «Starożytna Polska», 208, 429, 547.
Балта, г. подол. губ., поселеніе рус. старовѣр., 346.
Балица Яковъ, войтъ кіев., 160.
Бальцеръ, капитанъ, 267.
Бантышъ-Каменскій Д. Н., историкъ, 60, 106, 341, 342.
Банульскій, префектъ, 484.
Барановскій Александръ, кс., проректоръ владимір. школъ, 455, 457.
— Николай, каменец. каѳедр. каноникъ, 287.
— Янъ, стольникъ брацлав., 263.
Барановичъ Николай, кс. преподаватель, 287, 288.
Барбевскій, кассиръ, 286.
Баронскій, кс., 492.
Баровичъ, кс., 323, 324.
Бартоломей Н. А., 139,
Баръ, г. подольск. губ., заштатный, 309, 468, 470, 497, 538—540.
Басовка с., 545.
Басьня с., 448.
Баторій Стефанъ, кор. польс., 73.
Батуринъ, г., 550.
Батый, ханъ татар., 367, 374.
Башкинъ, москов. вольнодумецъ XVI в., 49, 142.
Ба—скій Г., 552, 553.
Байкалъ, оз., 532.
Безбородко Андр. Як., генерал. писарь, 339.
Безобразовъ Ѳеодоръ, бояринъ, 445.
Безпечная, с., 545.
Беклешовъ, воен. губернаторъ, 189.
Белзецкій Ѳеодоръ, 263.
Белзъ, г., 261, 448.
Бендеры, г., близъ него лагерь Карла XII и Мазепы, 107.
Бергъ, капит., 266.
— младшій поручикъ, 267.
— начальникъ нѣмец. отряда, 76.
Бердичевъ, г., 523, 532, 538.
Береза К., его статья: «архіерейскія печали» 225—240; и замѣтка о выбор. священ., 166—168.
Березань, иначе Ада, островъ, 548.
Берездовъ, с., 462.
Березна Малая, с. сквир. уѣзда, 85, 89, 91, 97. 102, 105.
Берескъ, им., 206, 216, 217.
Берестечко, м. дубен. уѣз., 208, 210, 278, 270, 272, 273, 275, 297, 434, 435, 437, 438, 441.
Бересцкъ, 408.
Берлинскій, его соч. «Кіевскія окрестности, историч. выписки», 160.
Беръ Мартинъ, 75.
Берында Памво, 396, 382.
Биберштейнъ Григ., 321, 322.
Бибиковъ Д. Г., кіев. генералъ-губернаторъ (1838 — 1852 г.), 104, 530; его рѣчь, 531—535.
Бирзула, с., 345, 546.
Биронъ, 188.
Бирощокъ, 445.
Бландратъ Юрій, итальянецъ, придворный врачъ кор. Ст. Баторія, 36.
Близинскій Самуилъ, кс., учит. межирѣч. школы, 489, 490.
Бобровницкій, свящ., 90, 91.
Бобырь, свящ., 167.
Богдановичъ, проф., генерал. визитаторъ 1787 г., 467, 472.
Богополь, м., 346.
Богороднцына дорога, 348.
Богунъ, полков., 447, 449.
Богуницкій, визитаторъ 1785 г., 491.

Богуславъ, г., 483—485, 494.
Богутскіе Янъ и Якубъ, дв—не, 407.
Бодилевскій С. В., 134.
Болеславъ I храбрый, кор пол., 140.
Бона, королева пол., 34, 36, 367.
Бонары, дв—не, 38.
Бондзынскій, аренд. Котельни, 78.
Боратынъ, с., 261.
Борецкій Іовъ, кіев. митропол., 3, 4, 149, 150.
Боремля, м., 379.
Борзаковскій, родствен. Якова Марковича, 503.
Боровскій, подстароста бѣлоцерк., 252.
Бороховичъ Мих., полковн. гадяч., 340.
Беяновскій, капит., 267.
Браиловъ, г., 345, 472.
Браницкая Алекс. Вас., граф. 255, 256.
Браницкій, графъ, помѣщикъ, 95,
— корон. гетманъ, 254.
Братковскій Андрей, 415, 416.
Брестскій Альбрехтъ, 78.
Бржезинскій, староста, 449.
Бржостовскій Мих., генер., 149.
Бржуханскій Александръ, 264.
Бровинскій Далматъ, кс., учит. уман. школы, 485, 486.
Броды, 267, 268.
Бронскій Христофоръ, антитринитарій, 196.
Брошневскій, кс., проректоръ луцк., 278.
Брошніовскій см. Попель, 456.
Брусьня, с., 448.
Брюховецкій, 250.
Брянскъ, г., 354, 444, 445
Буго-Гардовская паланка, 347—349,
Бугъ-рѣка, 257, 259, 260, 262, 273, 275, 324, 346—349, 524, 542, 546.
Будный Симеонъ, представитель полужидовствующаго антитранитаріанства, 47, 50, 51, 56, 431.
Буженко, полковн. бѣлоцер., 250.
Булгакъ Іосифъ, митропол. греко-уніатскихъ церквей въ Россіи, 379.
Булыга Дмитр. Вас., кн., бѣлоцерков. подстароста, 72, 78, 246.
Бунге, его статья въ Рус. Вѣст. 1857 г., 517.
Бурдиновичъ Ив. Мих., 65.
Бурдиновичъ Григорій Мих., 65.
Буссовъ, 75, 77.
Бутлеръ, капитанъ, 267.
— начальникъ пѣхоты, 259, 264, 266, 449.
— подполковникъ, 266.
Бучаца (въ галиц. обл.), извѣст. антитринитар. общиною, 53, 377, 541.
Быщъ, 483.
Бѣлая-Церковь, м., 241, 255, 527, 545.
Бѣлгородъ, г., 544.
Бѣлевскій, поручикъ, 267.
Бѣлики, 417.
Бѣлиловка, м., 497.
Бѣлинскій Ипатій, протоархимандр. почаев. монаст., 377.
Бѣлицкій Иванъ, кошевой атаманъ, 129, 130.
Бѣлой Кузьма, поручикъ, 167.
Бѣлоусовъ А. Т., 60.
Бѣльскій Янъ, 264, 488.

—

В. А., его разборъ соч. Шуйскаго «Поляки и Русины въ Галиціи», 523—526.
Валеръ, воевода мальборк., 266.
Валинскій, 279.
Валль, I-й и II-й, капитаны, 266.
— маіоръ, 266.
Валы на запорож. островахъ на р. Днѣпрѣ, 548.
Вардынскій-Готземба Андрей, летичев. подстолій, 466.
Варлаамъ, іеромонахъ, 336.
— ректоръ кіев. дух. ак., 334.
Варшава, г., 213, 215, 223, 274, 281, 295, 304, 411, 412, 415, 418, 443.
Василій, царь, 77.
— визант. императ., 136.
Васильковъ, г., 446.
Вассіанъ, москов. вольнодумецъ, 49.
Вежгалъ, кн. Миколай, бискупъ кіев., 159.
Великданъ Степанъ, пчеловодъ, 550, 551.
Великій Рутъ, рѣка, 242.
Величко Самуилъ, 249, 342.
Вельогорскій, 264.
Вельтъ, капитанъ, 267.
Венгерскій Андрей, писатель, 53.

Венцковскій, кс., проповѣдникъ, 470.
— Матвѣй, учит. винниц. школы, 473.
Вербовая Слобода, александр. уѣзда, 361, 362.
Верещака Прокопъ, черниговъ. комори., 481.
Веселицкій Петръ, статск. совѣт., 314.
Веселкинъ, вице губернаторъ, 100.
Веселовскій Климентъ, кс., префектъ овруч. школы, 479.
— учит. шарогрод. школы, 467.
Вейсбахъ, графъ, кіев. генер.-губернаторъ, 107, 124, 125, 129, 132.
Вжещъ Янъ, кс., ректоръ украинск. округа, и кіев. и каменец. каѳедр. кановикъ, 278, 279, 287, 466, 468—471, 492.
Вигель, 165.
Визиръ Онисимъ, подпоручикъ, 167.
Виклефъ, 35, 44.
Викульскій Андрей, писарь гродс. 172.
Вильга, панъ, 78.
Вильно, г., 29. 235, 382, 398.
Винница, г., 262, 272, 472—474, 496, 497, 543.
Висла, р., 532.
Висѣкерскій Іосафатъ, учит., 279.
Виталій, монахъ, 337.
Витау, капит. 267.
Витвицкій, учит. винниц. школы, 473.
— Янъ, учит. житомир. школы, 474, 476, 484.
Витичевъ, 536.
Витовтъ, кн. литов., 21.
Виттенбергъ, г., 35.
Виттъ Іосифъ, генералъ, 325.
Вишневецкій Георгій, 291.
— Адамъ, кн, 77.
Янушъ-Антонъ, кн., 279.
— Дмитрій, кн., 60, 61, 263.
— Іеремія, кн. рус. воевода, 263, 265, 437, 439, 510.
— Мих., кн., черкас. староста, 60, 62,
— Константинъ, 263.
Вишневецъ, с., 268, 269, 434, 442.
Вишенки, с., остер. уѣз., 156.
Вишенскій Іоаннъ, ревнитель православія, 198.
Вишеньки, лавр. имѣніе, 8.
Вишоватый Андрей, внукъ Фавста Социна, 403, 404, 407, 413, 423, 425, 442.
Вишоватый Венедиктъ, дв—нъ, 412, 414.
— см. Рупневская.
— см. Социнъ.
Владиміръ святой, 53—55, 134, 138, 366.
— Всеволодовичъ Моном., 137, 138.
— Александровичъ, вел. кн, 153, 327.
Владиміръ, г. волын. губ., 210, 216, 259, 260, 291, 302, 324, 366, 455, 460, 495.
— на Клязьмѣ, г., 324.
Владиславичъ графъ, 313.
Владиславъ-Ягелло, кор. пол., 423.
— IV, кор. пол., 5, 182, 406, 411.
Влостовскій, капит., 264.
Водырады, с., луцк. уѣз., 199.
Воейковъ Ѳед. Матв., генералъ-аншефъ, 160.
Вознесенскъ, ананьев. уѣз., 436, 347.
Воланъ (де), генералъ, 551.
Воленскій Антоній, учит. житомір. школы, 474.
Воловичъ Евстафій, маршалокъ и писатель вел. кн. Литов., 56.
Волокитинъ, с., глухов. уѣзда.
Волошинскій, 133, 147, 138.
Волощище, м., нынѣ Волочискъ, староконст. уѣз., на австр. границѣ, 203.
Вольская, см. Кулаковскій, 449.
Вольфъ, полковн., 266.
Воля, дер., 450.
Ворожбитовичъ Андрушка, арестован. поляками измѣнникъ во время войнъ съ Хмельницкимъ, 446.
Воровичъ, 151.
Воскобойниковъ Пав., секундъ-маіоръ, 314.
Воскресенскій А. М., протоіерей, 156.
Востоковъ, 158.
Воютинскій, см. Гудевичъ.
Война, 264.
Войнаровка, с., 545.
Войнаровскіе, украин. дв-не, послѣдователи социніанства, 402.
Войнаровскій Стефанъ, ловчій кіев. воеводства, 405, 408.

Войтъ, полковн. паволоч. полка, 449.
Выговскій Иванъ, гетманъ, 416—418, 420, 421, 541.
Вышгородъ, г., 536.
Вышинскій Доминикъ, любар. кс., 478,
Вышнольскій Николай, дв-нъ, 310.
Вѣркенскій Іосифъ, учит. холм. школы, 493.

—

Гавріилъ, іеромонахъ, 337.
Гадячъ, г., 446, 544.
Галаганъ Игнатій и Григорій, полковн. прилуц. 34.
Галичаны, с., имѣніе Чапличей, (владим.-волынск. уѣз.), 206, 408.
Галчинскій, войскій галиц , 474.
Гальфельдъ, капит., 267.
Галятовскій Іоанникій, ректоръ кіево-брат. училища, 159, 374.
Гамалѣй, 340.
Ганнибалъ, генер.-цейхмейстеръ, 315.
Ганьщина, или Ханщина, очаков. степь, 346.
Ганькевичъ Ѳедоръ, свящ., 255.
Гаркуша, полковн. сахнов. полка, 449.
Гартингъ, генералъ, 350.
Гайдрихъ, преподават. любар. школы, 477.
Гедеонъ, кіев. митропол., 159.
Гедиминъ, кн. литов., 811.
Гедройцъ, 72.
— Уассонъ, кс., учит. владимір. школы, 456.
Генвальдъ, 267.
Геннади Г. Н., 226.,
Геннеръ, капитан., 267.
Герасимъ, келарь печер. лавры, 159.
Гербергъ, капит., 267.
Героль, полковн., 266.
Герцикъ, сообщникъ Мазепы, 107.
Гибинскій Макарій, кс., учит. владим. школы, 450.
Гиза, маіоръ, 266.
Гильдебрантъ П. А., 383, 390—392.
Гиря, первый бѣлоцерк. полковн., 248.
Глембоцкій, владѣлецъ м. Кодни, 161.
Глинскій Михаилъ, кн., 27.
— еписк. владим., 455.
Гловацкій Як. Иг., 324.
Глогбицъ, капит., 267.
Глуховъ, г., 343.
Глюкспанъ, капит., 267.
Гноинскій Андрей, 264.
Гнѣдинъ, с., лавр. имѣніе, 8.
Говорскій К., 235, 236.
Гоголевскій Ѳеодоръ, студ. кіево-брат. коллегіи, 9.
Гоголь Евстафій, полковникъ подол., 340.
— Н. В., писатель, 168.
Hollaisen Людвигъ, ректоръ социніан. училища, 206.
Голицынъ Алексѣй, кіев. губернаторъ, 160.
— Александ. Ник., кн., оберъ-прокуроръ св. синода, 379.
— Н. С , кн., его статья: «Почаев. успен. лавра, въ концѣ іюля 1855 года», 365—380.
Головатый, начальникъ черноморцевъ, 548.
Головацкій, 363.
Головнинъ, министръ народн. просвѣщ., 237.
Головчичъ, визитаторъ коммис. просв. 178$^{1}/_{2}$ г. 455, 474, 477, 479.
Голта, м., балт. уѣз., 345, 346, 348.
Голубевъ Ст. Т., авторъ статьи: «о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ», 13, 154, 196, 381—400.
Голубовскій П., его разборъ соч. Д. Багалѣя: «Исторія Сѣв. земли до половины XIV в.», 519, 523.
Голуховскій графъ, намѣстн. Галиціи, 525.
Голыновъ Тимофей, бояринъ, 445.
Голынскій Ѳаддей, кс , учит. межирѣч. школы, 489.
Гомеръ, 500.
Гонораторъ, его руководство по физикѣ, 463.
Гонта, 296, 485.
Гончариха, урочище, 257.
Гордонъ, 188.
— Ермолай, 264.
Горневскій, ротмистръ, 263.
Горностай Гаврило, берест. воевода, 69.
— Самуилъ, кіев. подкоморій, 79, 80.
Городища, м., 545.
Горскій, 263.
Горсувитовъ, крѣпость, 328.
Горынь, р., 366.

Госъ, капит., 266.
Готземба, см. Вардынскій.
Гоща, м., 206, 207, 210, 220, 231.
Грабовскій, писатель, 517, 518.
Гржыбовскій Петръ, 449, 450.
Григорій, межигор. подвижникъ, 15, 18, 19.
— маляръ, 338.
— архимандр. пересопниц. монастыря, 201.
— Назіанзинъ, св.; его переписка съ Никовумомъ, 500.
Гриневичъ-Трембицкій Якубъ, кисел. пасторъ, 246.
Гродекъ, 494.
Громека, маіоръ, 100.
Громчевскій Яцекъ, кс., учит. шарогород. школы, 466.
Громашевскій Иванъ, козакъ Дубенс. полка, 172.
Громыка Мих., бѣлоцерк. полковн., 248.
Гроцій Гуго, философъ. 403.
Грудзинскій, кастел. набѣльс., 263.
Грушевка дер., 348, 349.
Грушецкій, хорунжій, 264.
Грушко, полковн. бѣлоцерк. полка, 494.
Гузковскій, кс. каноникъ луцк., 492.
Гузовъ, битва съ роскошанами 6-го іюля 1607 г., 75.
Гулакъ-Артемовскій, малорос. писатель, 319.
Гулевичи, м., 494.
Гулевичъ-Воютинскій Адамъ, 408.
Гулевичъ Гавріилъ, черниговъ. хорунжій, 421.
— луцк. хорунжій, 292.
Гульденъ, капит., 266.
Гульцъ капит., 267.
Гуринъ Іеронимъ, кс. учит. каневской школы, 482.

—

Давидъ Святославичъ, 117.
— ключникъ, 159.
Данилевскій, 318.
Даниловичъ Янъ, староста корсун., 72, 263,
— Корнилій, кс. учит. Межирѣч. школы, 489.
Даниликъ, 448.
Дараганъ Ефимъ, полковн. кіев., 340.
Даренскій Климентій, дьячекъ, 166.
Дарковскій Григорій, надв. совѣт., 314.
Дашко, козацкій сотникъ, 69.
Дверницкій, пол. генералъ во время мятежа въ 1830—1831 г., 379.
Двухъ-братьевъ, островъ на р. Днѣпрѣ, 548.
Дембинскій Стефанъ, 264, 266.
Демерджи, гора, 328.
Демидовичъ Мих., учит. виннац. школы, 470, 471, 473.
Демкевичъ, кс. ректоръ коллегіи и проректъ. шаргород. школы, 466.
Демчиньскій, 359.
Демяновскій С. П., свящ., 155.
Денгофъ, гетманъ, 148.
— Станиславъ, староста вѣлюнс. 266.
— Генрихъ, 267.
— Сигизмундъ, староста быдгосскій, 263, 266.
Держаловскій Григорій, полков. уман. полка, 448.
Дехтеревъ, кіев. голова, 191, 354, 355.
Джевицкій Іосифъ, кременец. подкоморій, 289.
Джеджалый, полков. козацкій, 265.
Дзикъ Иванъ, полковн. фастов. полка, 449.
Дзѣвялковскій, см. Гинтовтъ.
Дзѣдушицкій, 264.
Дибичъ-Забалканскій, графъ, фельдмаршалъ, 92.
Дибичъ, баронъ, генер.-адъют., 378.
Димитрій, префектъ кіев. дух. акад., 335.
— ростовскій св., его сочин. «Четьи-Минеи», 551.
— архимандр. почаев. лавры (1876—1882), 380.
— кн., 506.
Діонисій, патріархъ константиноп., 159.
Днѣпръ р., 187, 147, 249, 250, 258, 510, 518, 539, 542, 548.
Днѣстръ р., 326, 346, 446, 524, 540.
Довгалевскій, 173.
Долгое с., 439.
Долгорукій Юрій, кн. 242, 506.
— Як. Ѳедор., генер., 504,
Домарадскій, дв-нъ, 448.
Домбровскій Игнатій, преподав. межирѣч. школы, 589.

Домашевскій Θеодоръ, 371—374, 377.
Домонтовичъ Иванъ, генеральн. судья, 340.
Донецъ - Захаржевскій Григорій, полковн., 317.
Донъ, р., 242, 519.
Дорогобужъ, г, 445.
Дорогускъ, 494.
Дорошенко Петръ, гетм. 250, 544, 549.
Дороѳеевичъ Гавріилъ, сотрудникъ по изд. книгъ кіево-печер. лавры, 396.
Доча, рѣчка, 550.
Древинскій Василій, волын. панъ, 203.
— Лаврентій, защитникъ православія, 203.
Дубно г., 269, 283, 296, 301, 375, 440, 443, 494.
Дука, молдав. господарь, 542.
Дульскій, 321.
Дульцинъ, мечтатель, проповѣд. общность женъ и имуществъ, 35.
Дунаевцы г., 542.
Дунай р., 345, 363.
Дунинъ-Борковскій Вас. Каспар. обозный генер., 339, 341.
— Карвицкій Іосифъ, писатель, 148.
Durossius Даніилъ, профес. социніан. школы, 207.
Дылевскій Янъ-Хризостомъ, кс. префектъ межир. школы, 489.
Дычаковскій Маркеллъ, кс. учит. острож. школы, 463.

—

Евгеній, кіев. митропол., 319, 386, 387, 391, 392, 399.
— преосвящ. астрах., 156.
Евсевій, монахъ, 337.
Езерна, 446, 447.
Екатерина II, императрица, 180, 181, 188, 207, 255, 293, 308, 312, 317, 322, 329, 332, 513, 552.
Елисей Плетенецкій, архимандр. печер., 18, 20, 21.
Ельня, 445.

—

Жабецкій, 264.
Жабецъ, с., 448.
Жабокритскіе, дв-не, благотворители почаев. лавры, 375.
Жебровичъ Себастіанъ, житомир. плебанъ, 410.
Жебровскій, іезуитъ, 401.
Желѣзнякъ, 296, 485.
Желѣзо, см. Іовъ.
Gentilis Валентинъ, свободн. мыслитель, 32.
Жердь, с., 257.
Жерницъ, капит., 266.
Житомиръ г., 252, 287, 305, 366, 401, 405, 406, 409, 473, 474, 496, 532.
Жовтые воды, 413.
Жолква, с., 448.
Жолкевскій, гетманъ польск. войскъ (1610—1614), 246, 468.
— Станиславъ, 69—72.
Жорево, 445.
Жуковъ, 446.
Журава Лукьянъ, полковн. стародуб., 341.
Журавка, 544.
Журавскій, кс. учит. владим. школы, 461, 462.
— подстароста бѣлоцерк. 252.

—

Заблудово, мѣсто типографіи, 382.
Забускій, начальникъ воен. отряда, 260, 261.
Забѣла, украин. писатель, 511.
Завадовскій Петръ, генер.-маіоръ, 363.
Завадскій, капит., 266.
Завиша, панъ, 78.
Загоровскій Василій, брацлав. каштелянъ, 68.
Загорскій, 263.
Загребъ, г., гдѣ хорват. археологич. общество, 154.
Заіончковскій Матвѣй, учит. каменец. школы, 287, 290.
Закржевскій, 263.
Закшевскій Каэтанъ, порутчикъ кадет. корпуса, учит. винниц. школы, 471.
Залускій, графъ, 292.
Залусскій Андрей, еписк. варшавскій, 292, 474.
— Іосифъ, рим.-катол. еписк. кіев., 253, 292, 293.
Залѣскій Станиславъ, преподав. канев. школы, 482.

Залѣсскій, еписк. владим. 455.,
Замостьѣ, г., 197, 448.
Замойскій Янъ, канцлеръ, 72, 73, 193, 268.
Заславскій Доминикъ, кн., краков воевода, 440.
— Янушъ, кн., волын. воевода, 203.
Заславль, г., 494, 496.
Заславъ (минс. губ.)—мѣсто нахожденія социніан. типографіи, 50.
Затурецъ, с., 210.
Зацвилиховскій Николай, 264.
Збаражскій Владиславъ, кн., 203.
Збаражъ, нынѣ уѣзд. г. Галиціи, 268. 268, 443, 539, 545.
Зборовскій, 61.
Зборовъ, м., 248, 259, 260, 446, 539.
Збруевъ, плацъ-маіоръ въ Кіевѣ, 160.
Звенигородъ-Кіевскій, 242, 536.
Зданы, м., 207.
Зебржидовскій Мих., корон. мечникъ, 270.
Зембржидовскій, краков. воевода, 75.
Земка Тарасій, 396.
Зизаній Стефанъ, православ. учит. и проповѣд. 203.
Злотницкій А., генералъ, 326.
Зосима, монахъ, 337.
— діаконъ, 91.
Зуевъ, академикъ, 317, 318.

—

Ибнъ-Фоцланъ, араб. путешествен. X в., 520, 521.
Ивани, битва рус. съ поляками при гетм. Ходкевичѣ, 65.
Иваницкій Гавріилъ, владим. земской судья, 206.
Иваницы, с., 446.
Иваничи., с., 206, 222, 408.
Игнатій, игум. пустын. кіев. 159, 193, 195, 203, 204.
— вольнодумецъ, 40.
Игнатовичъ I, протоіерей, 156.
Игорь, вел. кн. кіев., 547.
Ижицкій, кс., 290.
Измаилъ, г., 552.
Изяславъ Мстиславичъ, кн., 159, 242.
Иква, р., 366.
Иловайскій, историкъ, 59.
Ильницкій Л. В., 60.
Ингловскій, 264.
Инкерманъ, г., 328.
Иннокентій Гизель, ректоръ коллег., 8.
— авт. «церковной исторіи», 366.
— еписк. курс., потомъ житомир. и волын. (1832—1840), 380.
Ипатій Потѣй, 197, 198, 202.
Исаакій Борисковичъ, еписк. луцк., 19.
Исаія Трофимовичъ, іеромонахъ кіев. братст., 15.
Исидоръ, митроп. кіев., 371, 373.
Искорость, 546, 548.
Исламъ-Гирей, крым. ханъ, 67, 248.
Ишимова, изд. дѣт. журнала «Звѣздочка», 512.

—

Іаковъ, кор. Англіи, 501.
Іассонъ, монахъ, 337.
Іезекіилъ, схимникъ, 15, 17.
Іеремія Тиссаровскій, 5.
— господарь Молдавіи, 2, 75.
— патріархъ, 209.
Іеронимъ пражскій, 26, 35.
Іоакимъ, патріархъ москов., 159, 387,
Іоанникій Галятовскій, 159, 249.
— архіеписк. варшав., 230.
Іоаннъ XXII, папа, 35.
— Вишенскій, 52.
— Палеологъ, гречес. императ. 26.
Іоасафъ I, 149.
Іовъ, игум. почаев. 368, 370, 374, 375.
Іоасафъ, игум. сорочий. мих. мон., 335.
Іоасафъ, монемвасійскій митроп., 17.
Іосифъ Солтанъ, митроп. кіев., 159.
— Кононовичъ Горбацкій, ректоръ коллегіи, 8.
— II, австрійс. императ. 525.
Jocher Adam, 401, 411, 428.
Іустинъ, преосвящ. харьков., 156.

—

Казановскій Янъ, шляхтичъ, 37.
— староста галиц., 263.
— Андрей, 77.
Казиміръ Ягайловичъ, велик. кн., 26.
Казиловка, 339.
Казикерманъ, 111.
Казы-Гирей, крым. ханъ, 67.
Калаганъ (Галаганъ), полковн., 113.

Калиновскій Амвросій, кс., учит. влад. шк., 456.
— Валентинъ - Александръ, староста каменец. и брацл., 287, 470.
— Самуилъ, кор. обозн. 263.
— Якубъ, польск. социніан. пасторъ, 47.
Калиновичъ Іоакинфъ, 324.
Калинскій Северинъ, 264.
— Найгинъ, кс. учит. любар. школы, 477.
Калишъ, гор., 449, 485.
Калуга, гор., 354, 355.
Кальвинъ, 29, 32—34.
Кальнофойскій Афанасій, его соч. „Тератургима", 11, 14, 384, 385.
Каменецъ-Подольскъ, губ. гор., 225—226, 257, 258, 260, 278—290, 321, 325, 326 366, 447, 495—497, 536, 541.
Каменка, сел., 348.
Камень, м., 207.
Камніусъ (Калмусъ), р. подъ Аговомъ, 120.
Кандыба Станиславъ, писарь гродс. владим., 199.
Каневъ, гор., 202, 456, 483, 484, 497, 545.
Caperius Войтехъ, проф. социніан. школы, 207.
Каница Антоній, кс. учит. житимір. школъ, 474.
Капланъ-Гирей, ханъ, 122.
Катерина, дочь Іереміи молдав. господаря, 2.
Карбовскій, комендантъ, 253.
Каразинъ, 318.
Карлъ XII, король швед., 107, 415, 546.
Карпаты горы, 347, 510.
Касперовичъ, учит, 287, 290.
Каушаны, м., 118.
Кашуба, 448.
Квинтиліанъ, классич. писатель, 463.
Квитка Григ., полковн., 317, 318.
Кельбруэль, капит., 266.
Кейтъ, генер.-маіоръ, 127.
Керменъ, 552, 553.
Кибальчичъ Т. В., владѣлецъ частн. музея, 156, 499.
Кипріанъ, митроп., 324.
Кириллъ III, митроп. кіев., 159, 329.
Кисѣржемскій Михаилъ, іезуитъ, 419.
Кисель Адамъ, воевода кіев., 263.
— Евстафій, волын. дв-нъ, первый ректоръ социніан. училищъ, 205 и 206.
— войтъ, 353.
Киселинъ, м., 205, 210, 216—218, 402, 408, 421.
Киселевскій, послѣдн. кіев. войтъ, 192.
Кищенко, 417.
Кишка Янъ, покровитель секты социанъ, 50, 51, 197, 403.
Кишки, знатная дв-ая фамил., 38.
Кіевъ, 178—192, 319, 322, 323, 252, 324, 327, 329, 330, 374, 381—401, 435, 446, 474, 505, 509, 511, 522, 542.
Клаузенбургъ, 429.
Клевитовъ, 445.
Климентъ XIV, папа, 377.
Климентъ св., папа римск., 328.
Клюкъ, авт. руковод. по земледѣл., огороднич. и минерал., 463.
Кобержицкій, 80.
Кобринъ, г., 509.
Кобылинъ, м., 207.
Ковалевка д., 450.
Кодня, м., 161, 163.
Кодынка, р., 401.
Козацкая Долина, с., 165.
Козачьи лагери, с., 548.
Козы, с., 328.
Козловскій Исаія Троф., первый ректоръ коллегіи учрежд. Петромъ Могилою, 8, 11.
— Исаія Тр., игум., 152.
— К. Е., секретарь археографич. ком., 60.
Козмянъ, подстароста бѣлоцерк., 252.
Колежинскій Модестъ, учит. винницк. школы, 470.
Колодзынскій, 263.
Колодно, с., кременец. уѣз. волынск. губ., 268.
Колодынскій Андрей, діаконъ, 53.
Колодѣй Яковъ, 449.
Колесниковъ Силуанъ, духоборецъ, сыновья: Кириллъ, Петръ, 141.
Комаровъ А. Б., ген.-лейтен., 156, 157.

Конецпольскій Станиславъ, каштелянъ, краков., 75.
— капит., 267.
— Александръ, корон. хорунжій, 75, 260, 264, 287, 440.
— гетманъ, 467.

Копинскій Исаія, митр. кіев., 3—6, 13, 149.
Конисскій Георгій, еписк. бѣлорус., 173.
Конотопъ, г., 544
Константинъ Павловичъ, великій князь, 148, 149.
— сынъ Іереміи, прет. на молд. прест., 75.
— импер. Византіи, 136.
Константиновъ Андрей, надв. сов. 314.
— Старый и Новый, гг. под. губ., 257, 442, 536, 538, 539, 540, 541, 542.

Константиновка, с., елисавет. уѣз., херс. губ., 126, 347, 348.
Концевичъ, проф. философіи въ уманскихъ школахъ, 486.
— Патрикій, кс. учит. шарогрод. школы, 466, 467.

Коначены, с., 350.
Копыстенскій Захарія, 14, 21, 394, 395, 396.
Копычинцы, м., 258.
Корецкая, Анна, княг., 17.
Корецкіе, князья, 78, 510.
Корецкій Богушъ, кн., волын. воевода, 194, 210, 264.
— Іохимъ Богушевичъ, кн., 78.
Корецъ, 488, 492, 494.
Корицкій Криштофъ, 263.
Корженевичъ Іоассонъ, кс., преф. уман. школы, 485, 486.
— 304.

Коріатъ Гедеминовичъ, 80.
Коровченко, бѣлоцер. полковн. 250.
Коростень, гор. древлянъ; см. Искоростень, 547.
Корніактъ Карлъ, хоругвь, 441.
Корсунъ, 257, 413.
Корытищи дер., 156.

Корычковскій, кс. учит. шарогрод. школы, 466.
Корфъ, 267.
Косачъ, полков. 448.
Коссаковскій, подсудокъ брацлав., 263.
Косинскій, козац. преводитель, 246.
Косой Ѳеодосій, 193—195, 203, 204.
Косовъ Сильвестръ, префектъ кіевомогилянс. коллег., 406.

Костомаровъ Н. И., историкъ, 514, 515.
Костка, капит., 267.
Костюкевичъ Инокентій, кс. учит. острож. школы, 463.

Косѣнскій, 61.
Котлубай, мелк. влад., 68.
Котляревскій, украин. писатель, 511,
Кохановскій, О., 505.

Кочубей В. Л. генерал. судья, 341.
Кошеватая, м., 545.
Кравченко, 353.
— бѣлоцерк. полковн. 250.
Краковъ, г., 30, 2, 212, 266, 278, 423, 435, 446, 448, 472, 473, 495, 497.
Красинскій, генеральный визитаторъ 1788 г., 466.
Краснополь, с., 544, 545.
Красноставъ, г., 209, 493, 494.
Кременецъ, г., волын. губ., 210, 279, 282, 291, 366, 367, 443, 462, 473, 495.

Кременчугъ, г., 345, 417, 544.
Крестъ Собѣсскаго, 545.
Кречетниковъ Мих. Ив., 495, 496.
Крейцъ, маіоръ, 267.
— полковн., 267.

Кривоносъ, полковн., 449, 538.
Кричевъ, 445.
Кроликовцы, с., 449, 450.
Крупскій Граціанъ, кс. учит. острож. школы, 463.
Крусинскій, генеральн. визитаторъ 1788, 299, 473, 478, 479, 481, 482, 485, 491, 492.
Крушневичъ Гавріилъ, козакъ запорож., 202.

Крыловъ, баснопи., 165.
Крыловъ (въ холм. обл.) извѣс. антитринитар. общин.

Крыса, 265.
Крыздинскій, учит. шарогрод. школы, 467.
Ксаверовка, 479.
Кубешевскій Мих., префектъ винниц. школъ, 278, 470, 472, 473, 485.
Кудинка, с., литич. уѣз. подол. губ., 535, 539—541.
Кудинъ, г., 537.
Кудлаевичъ, Петръ, свящ.; его замѣтка о земляныхъ валахъ близь с. Кудинки, 535—543.
Кузинская, см. Гойская.
Кулага, атаманъ, 68.
Кульбушова, 260.
Кулаковскій, шляхт.; его мать урожд. Вольская, 449.
Куликовскіе, дв-не, благотворители почаев. лавры, 375.
Куликовскій Матв., полковн., 317.
Кулишъ П. А., украин. литераторъ; 69, 509, 511—519.
Куникъ А. А., академикъ, 136, 138.
Купель св. Ольги, 547.
Купинъ, 289, 494.
Купчинцы, с., бережанск. округа, 259.
Куруковъ, 403.
Курбскій Андрей, кн., московс. выходецъ, 28, 193—196, 199, 203, 204, 209.
Курдвановскій, подполковн., 267.
Куремса, татар. полководецъ, 367.
Курцевичъ, Булыга Янъ бѣлоцерков. подстароста, 79.
Кучевскій Павелъ, кс. префектъ острож. школъ, 463.
Кучковскій, кс., луц. каѳедр. писарь, 305.
Кушниръ Даніилъ, млiевск. ктиторъ, 191.
Кшешъ Венедиктъ, кс., 279.

—

Лабунь, 495, 496.
Лагановскій Іосифъ, 280.
Лазаревскій А., 342.
Ламсдорфъ, начальн. нѣмецк. отряда, служив. Шуйскому, 76.
Ланцкоронскій Сигизмундъ, 264.
— Станиславъ, воевода брацлав., 264.
— Станиславъ, староста скальскій, 287.
Ланцута, мѣсто собора антитр. 38, 53, 261.
Ласоцкіе, знатн. двор. фамилія, 38.
Лошкаревъ П. А., 153, 154.
Лебединцевъ П. Г., протоіерей, 153, 255.
Левашевъ, кіев. воен. губернаторъ, 352, 354.
Левицкій Орестъ, его ст. «Социніанство» и проч., 57, 224, 401—432.
Левицкій Пахомій, кс. учит. уманск. школы, 485, 486.
Левченко М., его замѣтка о мѣстопребыванія запорожцевъ (1709—1734 г.), 345, 548.
Лжедимитрій II, 75.
Лелевель, польск. историкъ, 140.
— генер. кассиръ, 293.
Лелявскій Иларій, кс., учитель овруч. школы, 379.
Леонтій Карповичъ, 15, 16.
— пресвитеръ, 202.
Леонтьевъ, бояринъ, 444.
Лето, с., 345.
— островъ въ устьяхъ Дуная, 345.
Летичевъ, уѣз. г. подол. губ., 536, 543.
Лешно, 485.
Лещинскій Богуславъ, велик. корон. подскарбій, 264—266.
— Вацлавъ, корон. референдар. 410.
— Владиславъ, подком. позн., 263.
Лейпцигъ, 501.
Ливны, г., 544.
Лизманини, духовникъ корол. Боны, 34.
Линтнеръ (Линднеръ) Фридрихъ, кс., учит. холм. школы, 493.
Липинскій, см. Балинскій, 429.
Липка, капит., 267.
Литинскій Граціанъ, кс., учит. уман. школы, 485, 486.
— кс., учит. барск. школы, 469.
Лобель, бѣлоцерк. замка коменд. 250.
Ловча, 448.
Логвино, с., сквир. уѣз. кіев. губ., 86, 89, 90.

Лозка Стефанъ, мозырск. маршалокъ, 204.
Лобода, 70, 71, 76.
Лованъ Стеф. Григ., земск. судья, 204.
Лозки, (ошмян. уѣз. вилен. губ.) мѣсто социніан. типографіи, 50.
Лозова, с., 545.
Локачи, 460, 494.
Ломака Ив., полк. хорунжій, 167.
Лопухинъ Леонтій, 249.
Лось, капит., 266.
Лохвица, г., 544.
Лубны, г., 544.
Лубянка, с., 546.
Лука, с., 545.
Лукашевичъ, 279, 180, 455, 466, 477, 479, 480, 485, 486, 488, 493.
Луклавицы, близь Кракова, мѣсто жит. Ф. Сопина, 42.
Лукьяновка, с., 545.
Лукомскій, 61.
Лупуло Василій, молдавс. господарь, 255.
Луцкъ, гор. (съѣздъ европ. государей въ 1429 г.), 26, 210, 216, 291, 292, 297, 298, 301, 302, 304.
Лушевъ, фотографъ, 340.
Львовъ, г., 271, 308, 382, 396, 400, 414, 478, 509.
Лѣсовщина, с., 547.
Любаневка, с., 545.
Любаръ, г., 447, 477, 496, 497, 540
Любачевъ, 261, 446, 448.
Любенецкій Станиславъ, 205—207.
— Станиславъ, 427.
— Николай, 403.
Любенецкіе бр. Христофоръ и Станиславъ, 426.
Любечъ, (новогруд. уѣз., минск. губ.), 50.
Любечъ, городницк. уѣз., 340, 341.
Любинецъ, г., 545.
Люблинъ, г., 209, 212, 216, 277, 278, 301, 404, 412, 418, 448, 476, 493. 496.
Любовицкій, маіоръ, 267.
Любомль, 494.
Любомирскій Юрій, маршалъ велик. корон., 260, 263, 437.
— Станиславъ, староста бѣлоцерков., 246.
Любомирскій Станиславъ, кн., кіев. воевода, 466.
— Константинъ, староста самбец., 267.
— Доминикъ, кн., 468, 488.
— Александръ, корон. конюшій, 260, 263.
— Францишекъ-Фердинандъ, кн., 477.
Лютеръ, реформаторъ, 28—31, 34.
Ляндка, д., 450.
Ляндскій, аббатъ, 450.
Ляицкоронскій Станиславъ, воев. брацлавс., 437.
— Преславъ, гетманъ, 60,
— 61.
Ляторовскій Мартинъ, проповѣд. и духовн. любар. школы, 477.
Ляховцы, м., 207, 208, 210, 212, 213, 218—220, 404.
Ляшовка, с., 545.

—

Маврикій, визант. писатель, 521.
Магеи, с., 348.
Мажный, бурмистръ, 191, 352.
Мазепа, гетманъ, 107. 111, 121, 251, 254, 546, 551.
Мазепинъ шляхъ, 545.
Мазепинцы, с., 545.
Мазвецкій Казиміръ, староста теребовл., 264.
Майдель, полковн., 266.
Макарій, іеромонахъ, 337.
Макарій, митроп. москов., 13, 149, 152, 175, 407.
Максимиліанъ II, германс. императоръ, 27, 33.
Максимовичъ М. А., 58—60, 62, 63, 66, 82, 161, 342, 387—389, 391, 392, 517,
Максимъ, митроп., 324.
Макуха, бѣлоцерк. полковн., 250.
Малаховскій, 326.
Малёвана корчма, или крестъ Собѣсскаго, 546.
Малевичъ К., 389—391, 399.
Малый Рутъ, р., 242,
Маліновскій И. И., профес. кіев. духовн. академіи, 43, 154.

Малышскіе, кн., благотвор. почаев. обители, 375.
Мальчевскій, генералъ-инспекторъ, 475.
Мамай, разбойникъ XVIII в., 348.
Мамаевъ кутоловъ, гранит. о-въ, 348.
Маначинъ, 442.
Мангупъ, скала, 328.
Манжура И., 363,
Марія, дочь Іеремія, молдав господ., 2.
Маркевичъ, историкъ, 60, 106.
Марковичъ Яковъ, 341, 342, 498—504, 506.
Марковка, 538.
Маркъ, драгоманъ корон маршал, 437.
Мартыновскій Николай, художникъ, 227.
Мархоцкій, 321.
Маткевичъ Ив., полков. черкас. полка, 448.
Мацѣевъ, 494.
Мачабѣловъ, кн., генер.-маіоръ, 313.
Мачабелова Прасковья, княгиня, 313.
Меджибожъ, г., 257, 258, 496, 541.
Медичи Францискъ, флорентин. герцогъ, 42.
Межирѣчъ, 450.
Межирѣчъ-Подляскій, м.,
— Корецкій, м., 488, 497.
Межирѣчъ, луцк. повѣт., 492, 301, 303.
Мейеръ, капит., 267.
Мелетій Смотрицкій, 3, 11.
Меланхтонъ, 28, 29, 33.
Менгли-Гирей II, ханъ, сынъ Селимъ-Гирея хана (1724 г.), 120, 123.
Меншиковъ, кн., 317, 504, 508.
Метельскій Станиславъ, 263.
Метла, начальн. козацк. отряда, 72.
Мехержинскій Матвѣй, учит. винниц. школы, 470, 472.
Мецъ, капит., 266.
Миклашевскій Михаилъ, полковн. стародубс. полка, 341.
Миланшевичъ, атаманъ кошевой, 121, 124, 126.
Миліусъ Янъ, саксонецъ, учит., 27.
Миллеръ, генералъ, 326.
Миловники, 445.
Милорадовичъ Григ. А., 172, 339, 341, 342.
Минійки, с., 405.
Минора Янъ, 264.
— Тобія, 264.
Мировскій Карлъ, учит., 279, 286.
Мисаилъ, монахъ, 337.
Михайловскій, люблинс. войскій, 439.
Міяковскій Эразмъ, кс. учит. любарс. школы, 477.
Мнишекъ Юрій-Вандалинъ, крайчій корон., 252.
Могельскій Іеронимъ, учит. межирѣчс. школы, 489.
Могила Петръ, митроп., 1—15, 17, 19, 22—24, 149, 151, 152, 159, 175, 176, 400, 528.
Могилы, родъ молдав. господ., 376.
Могилевъ, г., 226, 238, 239, 445, 450.
Модестъ, архиманд., 156.
Модіевка, с., 545.
Мозырь, гор., 204.
Мокіевскій, полковн., 254.
Мокржецкій О., 174, 175.
Молиторъ Теофилъ, профес. социніан. школъ, 206.
Молль, полковн., 267.
Молочныя Воды, 142, 143.
Молчановъ, с., 222.
Мономахъ Владиміръ, вел. кн. кіев., 522.
Моргулецъ, кс. ректоръ уманс. базил. коллег. 486, 487.
Морштыны, знатн. двор. фамилія, 38.
Морштынъ Крыштофъ, 205.
Москва, г., 201, 239, 445, 506, 509, 512, 513, 517, 518.
Мотовило, антитринатарій, 195.
Мотыка, графъ, 321.
Мстиславъ, г., 445.
Муравьевъ А. И., 319.
Муратъ-Гирей, царевичъ, 67.
Мусинъ-Пушкинъ, сенаторъ, 504.
Мытница, с., 545.
Мышковскій Влад., воевода санд., 263.
Мѣковецкій, начальн. польск. отряда, 75, 76.
Мясоѣдовъ Констан., бояринъ, 445.

Moszyńska Józefa, ея трудъ: «Kupajło», 527.

—

Навроцкій Янъ, учит., 291.
Наливайко, гетманъ, 70, 71, 76, 246.
Нарва, 506.
Нарнмунтъ, 80, 81.
Настасья-Томила, дочь князя Кирика Ружинскаго, 73.
Начаюсъ, іезуитъ, 203.
Негалевскій Валент., 200, 202, 208, 431.
Недзвѣдскій Адамъ, дв-нъ, 449, 450.
Недзѣльскій Анаст., кс., учит. любар. школы, 477.
Некраши, с., 407.
Немиричи, покровители социніанства въ Украйнѣ, 402.
Немиричъ Матвѣй, 69.
— Д., социніанск. писат., 428.
— Екатерина, дочь кіев. подком. Стеф. Немирича, 207.
— Стефанъ Андреев, 402, 403, 405, 412.
Немировка, с., 440.
Немиричъ Стефанъ, кіев. подчашій, 416.
— Стефанъ, ротмистръ, потомъ каштелянъ и наконецъ воевода кіев., 420, 421.
— Юрій, въ должности канцлера вел. кн. русскаго, 418, 421, 431.
— Юрій, подкоморій кіев. 404, 406, 408—412, 414—416.
— Θеодоръ, сынъ Юрія и дочь послѣдняго Марьянка, 420.
Неофитъ, архимапд. намѣстн. почаев. лавры, 370.
— греческій митроп., 374.
Нерубайка, с., 544.
Несвижъ, гдѣ изданъ социн. переводъ библіи, 50.
Несторъ, братъ Θ. Прокоповича, 508.
Нетычай-Мурза, знатн. даерскій мурза, 259, 267.
Нехворощи, укрѣплен. замокъ, 80.
Никаноръ (1840—1848), архимапд. почаев. лавры, 350.
Никифоръ Туръ, архим. печер., 19.
Никовумъ, переписка его съ св. Григ. Назіанзиномъ, 500.
Николай I, императоръ, 85, 92, 317, 322, 379, 380.
Никольское, с., мѣсто ученія духоб. Силуана Колесникова, 141.
Новгородъ-Сѣверскъ, 333.
— Волынскій, г. 336.
Новицкій И. П., 84, 527—529.
— Михайло-Сила, кіев. город. судья, 78, 79.
— Орестъ, 140—143, 147.
Ново-Архангельскъ, 544.
Новогрудекъ, 1618 г. закрыта здѣсь социніанская община, 51.
Ново-Миргородъ, 544, 545.
Новоселка, 445.
Норовъ, харьков. губернаторъ, 317.
Носъ (фонъ) Ст., 550. 551.
Нѣмцевичъ Стефанъ, 263.
— Владиславъ, староста овруч, 264.

—

Оболенскій Мих., кн., 28.
Овсинскій, капит. комендантъ житомір. гарнизона, 475.
Овручъ, г., 406, 462, 473, 479—482, 496.
Отинскій Богданъ, кн., 16.
Огоновскій, галиц. ученый, 526.
Одесса, г., 230, 345, 551.
Одржывольскій, каштелянъ черн., 263.
Одынецъ Янъ, проректъ. житом. школъ, 278, 474—478, 482.
Одынецъ, имѣніе, 476, 478.
Окольскій, 811.
Оксіевцы, 443.
Олендзскій Ксаверій, кс., учит. житомір. школъ, 474.
Олесницкій Николай, знатн. шляхтичъ, 37.
Олизаръ Адамъ, землевладѣлецъ, 78.
— Филиппъ, лит. подчашій, 365.
Олтаржевскій, капит., 267.
Олыка, луцк. повѣт., 301, 438, 441, 443, 448, 452, 453.
Ольвіополь, поселеніе, 347.
Ольвія, колон. греч., 347,
Ольга, св. княг., 324, 547, 548.
Ольгердъ, кн. литов., 242.
Омельченко, бѣлоцерк. козацк. полков., 251.

Онисифоръ Дѣвочка, кіев. митроп., 56, 57, 209.
Онуфрій Карай, священ., 349.
Орда, кс., ректоръ іезуит. коллег., 419.
Ординссосъ или Одиссосъ, колонія, 346.
Оргеваль-де-Людвигъ, комендантъ бѣлоцерк. замка, 250.
Орельскія имѣнія, 408.
Орельская пустыня, въ бассейнѣ рѣки Орели, полтав. губ., 18.
Орликъ Филиппъ, гетманъ войска запорожск., 106, 107, 118, 119, 122, 124, 251, 550, 551.
Орликъ, русск. укрѣпленіе, 346.
Орловскій, коменд. г. Каменца, 326.
Ороркій Финей, математикъ, 501, 505.
Османъ-Паша, хотин. коменд., 326.
Основьяненко, украинск. писатель, 526.
Оссолинскій Юрій, староста любельск., 263.
— староста войницкій, 442.
Остафъ, капит., 267.
Остопъ, капит., 266.
Острогъ, г., волын. губ., 210, 301, 303, 304, 366, 382, 390, 398, 441, 462, 463, 488, 495, 496.
Острожскіе, князья, 510.
Острожна, м., 545.
Острожскій Василій, кн., 242.
— Константинъ Иван., 375, 384, 385, 387, 388, 430.
— Конст. Кон—чъ, кн., кіев. воев., 50, 67, 195—199, 203, 206, 211, 385, 386, 388, 390.
— Конст. Кон—чъ, кн., его внучка Анна, 412, 526.
— Ѳедоръ, кн., 26.
— Янушъ, кн., староста бѣлоцерков., 246.
Остроленцкій, 450.
Осховъ, 494.
Отвиновскій Эразмъ, антитринитарск. писатель, 53, 197.
Отенскій Зиновій, правосл. аполог., 50.
Отуза, с., 328.
Охинъ Бернардъ, свобод. мыслитель, 32, 34.
Охоче, с., харьк. губ. гдѣ впервые началось ученіе духоборческой секты около 1740—1750 гг., 141.
Оцвѣевскій Матвѣй, учит., 279.
Очаковъ, кр., 242, 346, 546, 548.

—

П. Н., его разборъ брошюръ Кулиша «Хуторна поэзія» и «Крашанка», 509—519.
Павелъ I, императоръ, 180, 189.
Павловскій Николай, учит. межирѣч. школы, 489.
Павлюкъ, гетм., 247.
Паволочъ, м., 66, 67, 71, 72, 74, 446—448.
Падурра Тимко, 322.
Палій Семенъ, козац. полковн., жена Ѳеодосья, 250, 251. 255, 342, 542.
Пальчики, с., 550.
Палюдіусъ Сольмонъ, докторъ медиц., 207.
Паисій, бывш. холмск. еписк., 5.
Попрецкій, 64, 80.
Парижъ, г., 355.
Парутинъ, с., 347.
Пасторисъ Адамъ, голанд. анабаптистъ (spiritus Belga), 34.
Пацъ Николай, кіев. бискупъ, 29.
Пекарскій, іезуитъ, 249.
Пербантъ, маіоръ, 266.
Перекопъ, г., 544.
Перемышль, г., 448.
Пересѣцкій Петръ Ив. дв-нъ, его сынъ Андрей, 401, 402.
Петербургъ, 234, 235, 237, 295, 313—315, 341, 505, 506, 511.
Петергофъ, 311.
Петринскій Флавіанъ, кс., префектъ любар. шк., 477.
Петровичъ Павелъ, учит. и директоръ богуслав. шк., 484.
Петровъ Н. И., проф. кіев. дух. ак., сообщ. переписку Ѳ. Прокоповича съ Я. Марковичемъ, 153, 154, 498, 508.
Петроконскій, пол. хорунжій, 263.
Петросулъ, 350.
Петрунь, 362, 363.
Петрушевичъ, галицк. ученый, 526.
Петръ I Алексѣевичъ, царь, 251, 252, 384, 513.
Петръ, еписк. акерм. (въ мірѣ Плат. Алекс. Троицкій), 236.
— св. митроп., 323, 324.

Печара, с., 542.
Пилява, с., 271, 449.
Пилявцы, с., 414, 538, 539.
Пинчовъ, г., мѣсто социніан. собора 1558 г., 36, 52, 208, 211.
Пинярскій Яковъ, кс., учит. холм. шк., 493.
Пирятинъ, г., 544.
Пинскъ, г., 509.
Плетенецкій Елисей, архимандр., основатель лавр. кіев. типограф., 386, 387, 388, 391—396, 399.
Плѣвковскій Исаакъ, сотникъ, 172.
Побирохинъ, коноводъ духоборческой секты, 142, 143.
Погаръ, г., 546.
Подгороденскій Матвѣй, кс., учитель межир. шк., 489.
Подкова, гетм., 546.
Подымщина, 448, 446.
Познань, 449, 450, 472.
Позняковщина, фольваркъ, им. Петра Могилы, 8.
Покутье, назв. мѣстн., 510.
Полонная, м., (новоградъ-волын. уѣз.), 210, 479, 538.
Полоцкъ, г., 228.
Полтава, г., 546.
Полуботки Леонт. Арт., и сынъ его Павелъ, 341.
Полячкевичъ Янъ, кс., 287, 289.
Поморяны, м., злочевск. округа, въ Галиціи, 259, 260.
Пономаревъ С. И., 168.
Понятовскій Станиславъ, кор. пол., 26, 254, 297, 455, 456.
Попель-Брошніевскій Эдмундъ, кс., проректоръ луцк. шк., 291, 292, 451.
Попелюхи, с., 545, 546.
Порембинскій Севастьянъ, учит. винниц. шк., 470.
Потемкинъ-Таврическій, 168, 255, 256, 317.
Потокъ Золотой, им. Потоцкихъ, 376.
Потокъ Горній, с., 376.
Потоцкіе: Андрей, 263.
— Карлъ, 264.
— генер. корон. артилеріи, 472.
— подкоморій корон., ibid.
— Николай, канев. старос., благотворитель почаев. мон., 371, 373, 376—378.
Потоцкіе: Францъ-Силезій, кіев. воевода, 485.
— Николай, кастелянъ краков., вел. гетм. корон., 436, 437.
— Павелъ, 264.
— Станиславъ, воевода подол., 264, 437.
— Стефанъ, сынъ белз. воеводы, 376.
— Щенсный, воевода рус., 326, 485.
— Яковъ, старос. каменец., 72.
Похилевичъ Л. И., 66, 252, 254.
Пражмовскій, еписк. луцк, 249.
Праховъ А. В., профес., 154.
Преворскъ, г., 261.
Пржыемскій Сигизмундъ, писарь польный корон., 262, 267, 432.
Прибыловичъ Стефанъ, 504.
Пробужная, м. чортковс. округа въ Галиціи, 258.
Прокоповичъ Ѳеофанъ, 498; 499.
— Петръ Ив., ячеловодъ, 550, 551.
Пропковскій Самуилъ, дв-нъ, маршал. житом. сеймика въ 1643 г.; его сочиненія выходили подъ псевдонимъ Иринея Филалета, 405, 406, 409.
Пронскій Александръ, кн., староста луцк., 208.
— Кіев. воевода, 242.
Прохазка Карлъ, австр. ученый, 523.
Прохницкій Янъ-Андрей, римско-катол. еписк., 287.
Прушинскій, кс., 303.
Пташинскій, авт. мемуар., 325, 326.
Пугачъ, гайдамацкій ватажекъ, 449.
Пузины, дв-не, благотворители почаев. лавры, 375,
Путивль, г., 242, 510.
Пушкинъ А. С., писатель, 512, 513.
Пшысыльскій Августинъ, кс., учит. барс. шк., 469.
Пыжицкій Серафимъ, кс. учит. барск. шк., 468.
Пясечинскій Казиміръ, староста новогрод., 263, 264.
— Северинъ, подкоморій новогрод., 263. 264.
Пяски, м., люб. губ., 209.
Пятигорецъ-Темрюкъ, вождь козац., 61.

Пятигоры, с., 545.
Пяткевичъ Янъ, жмудз. бискупъ, 29.

Рагоза Михаилъ, митропол., 203.
Радзеевскій Іеронимъ, подканцлеръ корон., 259.
Радзивиллы, князья фундаторы ольц. школъ, 454.
Радзивиллъ Станиславъ, канцлеръ литов., 438.
— Богуславъ, кн., 266.
Радогощи, м., 207.
Радомысль, имѣніе, кіево-печ. лавры, 395.
Раковъ, м., сандомир. уѣзда, центръ польскихъ социніанъ, 37, 43, 48, 49, 52, 200, 202, 209, 215—217, 220, 404, 410.
Ракочій, 266.
Рамбергъ, 266.
Раппе, коменд. бѣлоцерк. замка, 250.
Ратиборъ, 140.
Рафаловка, м. (луцк. уѣз.), 210, 221.
Регина, дочь Іереміи молдав. господаря, 268.
Ржечицкій Николай, 437.
— Венедиктъ, ректор. коллегіи и проректор. любар. шк., 477.
Ридигеръ, генер., 379.
Риччи-Зенони, его карта Польши, 545, 546.
Рогачи (въ народн. преданіи Иргачовъ), въ сквир. уѣз., 66.
Рогачовъ, г., могилев. губ., 510.
Роговицкій, кн. (или Гроговицкій), 62, 63.
Рожинскій, 246.
Розанда Домна, молдав. княжна, жена Тим. Хмельницкаго, 255.
Рокитницкій, 263.
Ромадановскій, кн., 544.
Ромоданъ, названіе дороги, 543.
Романовскій Матвѣй, кс., проректоръ ольцк. шк., 451, 452.
Ромны, г., 544.
Рончковскій, панъ, 268.
Рославль, г., 444, 445.
Рось, р., кіев. губ., 90, 243, 255.
Ротокъ, ручей, впадающій въ Рось, 242.
Рубежовка, монастыр. деревня, 22.
Рублевка, с., 544.
Рублевскіе бояре и поддан. кн. Януша Острожскаго, 64.
Руданскій, докторъ, 553.
Ружинскіе, князья, 58—84.
Ружинъ, имѣніе кн. Ружинскихъ, 63, 66, 74, 78.
Румянцевъ-Задунайскій, гр., фельдмаршалъ, 313, 326.
Рупневская Александра, по мужу Вишоватая, 408.
Рыльскій Шимонъ, подстароста бѣлоцерков., 252.
Рыхарскій Янъ, учит. житом. шк., 476.
Ряснополь, м., 546.
Савинъ, м., 494.
Сагайдачный, гетманъ, 338.
Садовская, фундаторка владим. школъ, 455, 459.
Садовскій Анатолій, кс., учит. овруч. школы, 479.
Саковичъ, ун. архим., 7, 12.
Самборъ, въ перемышл. обл., мѣсто погребенія рус. кн. Льва, 53.
Самовидецъ, лѣтописецъ, 538.
Самоквасовъ, его статья о раскопкахъ въ сѣвер. землѣ, 520.
Самуилъ, іеромон., 336.
— митропол. кіев., 334.
Самусь, гетманъ, 542.
Сангушки, князья, 510.
Сангушко Романъ, кн., брацлав. воевода, 62, 149.
Сандомиръ, г., 277.
Сандъ, социніан. библіографъ, 53, 405, 406, 425.
Санжары, м., 417.
Санъ, рѣка, 524.
Сапоговскіе, бояре и поддан. кн. Януша Острожскаго, 64.
Сапѣга, староста криниц. 264.
— Левъ, подканцлеръ литов., 28.
— Криштофъ, 264.
— Павелъ, воевода витеб., 264.
— Ѳома, обозный литов. 264.
— Янъ-Петръ, кіев. каштеляничъ, 77, 264.
Сасько, полковн., 70, 71.
Сассовъ, м., злочев. уѣз., 447.
Сахаровъ, библіографъ, 386.
Сварковъ, с., глухов. уѣз., 341, 342.

Свидзинскій рейментаръ, 125—127, 129, 131, 252.
— польскій этнографъ, 517.
Свидницкій А. П., 60.
Свидовецъ, с., козел. уѣз. черниговъ. губ., 418.
Свічка Леонт. Назар., полковн. лубен., 342.
Свѣдобскій Лука, ректоръ волын. округа, 563, 489.
Свѣрговскій Иванъ, гетм., 61.
Святославъ, царь болгар., 135.
— кн., 521.
Семеевъ, бояринъ, 444.
Семеновка, с., конотоп. уѣз., 340.
Сенинскій Янъ, владѣлецъ г. Ракова, 49.
Сенява Старая и Новая, сс., 545.
Сенявка, м., 538.
Сенюта Авраамъ, 207.
— Екатерина, 207.
— Павелъ-Крыштофъ, социніан., 207.
— Петръ, 207, 404.
— Ляховецкій, см. Немиричъ.
Сенюты-Ляховецкіе, богатые южно-рус. паны, 201.
Серветъ Мих., основатель социніанск. ученія, 31—34, 39.
Серетъ, рѣка, 258.
Серпяга, гетманъ, 545, 546.
Сигизмундъ, герман. императ., 26.
— I, кор. польскій, 19.
— Августъ, кор. польскій, 36, 178, 242, 244, 245, 251.
— III, кор. польскій, 4, 30, 51, 75, 77, 179, 185, 244, 291, 455.
Сиклова, р., 258.
Сикорскій Алексѣй, свящ., 98.
— Василій, протоіерей, 105.
Симеонъ Олельковичъ, кіев. кн., 509.
Симонидъ Теодоръ, ректоръ социніан. училища, 206.
Симонъ, епископъ, 137.
Синюха, р., 346, 347.
Сирко Иванъ, полковн., 317.
Siemeński, его кн.: «Podania i Legendy», 545.
Скальковскій А. 132, 168.
Скарга Петръ, іезуитъ, 50 51, 195,
Скаржинскій, атаманъ бужск. козач. войска, 349.
Скаржинцы, с., 538.
Скворцовъ Н. М., протоіерей кіевософ. собора, 319.
Скибинскій Мартинъ, кс., учит. влад. школы, 463.
Сковорода, украин. философъ и народ. учитель, 141, 143, 526.
Скорина Францискъ, докторъ, 27.
Скоропадскій, гетманъ, 252.
— генеральный подскарбій, сынъ его Иванъ, 343, 344.
Скоропадская Наст. Марковна, гетманша, 342.
Скрипня, м., рад. губ., опочн. у., мѣсто собора антитринит., 38.
Скуминъ, староста брацлав., 77.
Скшетульскій, его руковод. по юриспруденціи, 463.
Славинскій, 263.
— А., свящ., 156.
— Адріанъ, кс., префектъ канев. школы, 482, 455.
Слуцкій Юрій, кн., 40.
Случъ, р., 257, 366.
Смальцій Валентинъ, социн. пасторъ, 43.
Смера Иванъ, половчанинъ, 53—55, 413.
Смирновъ О. А., профес., 154.
Смоленскъ, г., 444, 446.
Смотрицкій Мелетій, 206, 382.
— Максимъ, 16.
Снядецкій Янъ, 293.
Соболевскій Мих., кс., кіев. каѳедрал. каноникъ, 278, 473, 480, 481.
Собѣсскій Маркъ, староста красностав., 263.
— Янъ, староста Яворов. (потомъ кор. пол.), 263.
— кор. пол., 545.
Соколовскій Александръ, кіев. бискупъ, 409, 410.
— Эразмъ, кс., префектъ холм. школы, 493.
Сокаль, г., злочев. окр. въ Галиціи, 243, 259—261, 270, 271, 273, 435.

Соловки, мѣсто заточенія Кальнишевскаго, зап. кош., 192.
Соловьевъ, историкъ, 68, 521, 522.
Сопиковъ, 385, 386, 388—391, 396.
Сосновскій Іосифъ, 466.
Софроній Почасскій, проф. коллегіи кіево-брат., 8.
Социнъ Лелій, 32—34, 39, 42.
— Фавстъ, его племян. Лелія, 42, 43, 48, 51, 202, 403, 406.
Спелинскій, піаръ, домашній учит., 494.
Ставища, м., 254, 541.
Стадницкій, каштелянъ перемышл., 77.
Стакорская Ганна, жена М. Ѳед. Ружинскаго, 63.
Станиславскій, хорунжій галиц., 263.
Станиславъ Лещинскій, кор. польскій, 109, 110, 125. 126, 251.
Старушичъ Игн. Оксеновичъ, ректоръ коллегіи, 8.
Стасенко, полковн., 450.
Статоріусъ Петръ, французъ. выходецъ, 36.
— см. Стоинскіе.
Сташкевичи., дв-не, благотворители почаев. лавры, 375.
Стебельскій Лукіанъ, кс., пропов. уман. школы, 485, 487.
Стегманъ Петръ, ректоръ социніанск. училища, 206.
Стемпковскій, регментарь, 162.
Стефанъ Баторій, кор. пол., 68.
— еписк. волын., 379.
Стецкій Казиміръ, 474.
— Тадеушъ, 208.
Стоинскіе, или Статоріусы, брат. Крыштофъ и Янъ, 404, 410, 412, 414.
Столпянскій, писат., 366.
Сто-Могилъ, урочище, 347.
Стояновъ, м., злочев. округа, въ Галиціи, 264, 268.
Стрижавка, 542.
Стрипъ, р., 259.
Строгановъ С. Г., графъ, 135.
Строевъ, 385—387.
Строинскій, піаръ, директоръ кременец. школы, 494.
Стройновскій, его руководст. по юриспруденціи, 463.
Струковъ Д. М., художникъ, 327.
Струмилецъ, м., 441.
Стрыбель, 264.
Стрыйковскій, нач. коз. х., 242, 263.
Стрятинъ, им. Юрія Балабана, 382, 386, 387, 389, 391, 395.
Студеницы, 542.
Стырь, р., 270, 272, 298, 434, 441—443.
Суворовъ, 293.
Сульжинскій Лука, кс. префектъ шарогород. школъ, 466.
Сулятицкій Авреліи, кс. вице-ректоръ владим. школъ, 456.
Суммы, г., 544.
Суручанъ И. К., археол., 156.
Суходольскій Петръ, 403.
— начальникъ части отряда крак. воеводы, 439—441.
Сухомлиновъ, академикъ, 317.
Сѣнинскій Якубъ, владѣл. Ракова, 205.
Сѣнявскій Адамъ, гетманъ, 148.
Сѣрко, кошевой, 83.
Сѣчь-Старая, нынѣ с. Капуловка, екат. губ. и уѣз., 115.

—

Таврида, (Крымъ), 333.
Таманскій полуостровъ, 519.
Танскіе, пот-мки Палія, 342.
Танскій, бѣлоцерков. полковн., 251.
Тарасенко, бѣлоцерков. полковн., 250.
— козацк. нач—къ въ смолен. обл., 445.
Тараща, г., 545.
Тарговица, 242, 544, 545.
Тарновскій В. В., землевлад., 339.
— И. Я., землевлад., 156.
Тарнополь, 260, 261, 265, 268, 447.
Тацитъ, клас. писатель, 463.
Твардовскій, намѣст. познан. еписк., 449.
Твердохлѣбъ Маркъ, полковой хорунжій, 167.
— Матвѣй, пасторъ киселин. общины, 205.
Тверитиновъ Дмитрій, лекарь, 142.
Терновскій Ф. А., проф. кіев. дух. ак., 24, 337.
Тетіевъ, м., мѣсто судил. гайдамакъ, 162.
Тецланъ Францишекъ, учит., 287.
Тилигульскій Лиманъ, 346.
Тихорскій Епифаній, игум., 508.

Токарскій Ѳеодосій, учит. шарогрод. школы, 466.
Толстой Ив. Ив., гр., археол., 133—135, 137—140.
— Л. В., писат., 136, 137.
— Юрій, 226.
Томскъ, г., 251.
Требашный Алексѣй, бояринъ, 445.
Трепаловскій, кс., учит. межирѣч. шк., 489.
Трефлеръ, кс., холм. каѳедр. каноникъ, 278, 283, 493.
— генер. визитаторъ (1790 г.), 469, 485.
Трешинскій Дмитрій, преподав. любар. школы, 478.
Триполье, м., 246.
Троицкій, И., учит., 156.
— Павелъ, кіев. свящ., 387, 388, 397, 398.
Трояновъ, м. волын. губ., мѣсто суда надъ гайдамаками, 162, 163.
Туда, г., 354, 355.
Туранскій Алекс., панъ, 338.
— генеральный судья, 341.
Туръ Никифоръ, кіево-печер. архимандр., 392.
Тучанскій Станиславъ, кс., учит. канев. школы, 482.
Тушинъ, мѣсто стоянки Дм. Самозванца, 76.
Тушковъ, с., 261, 448.
Тыхковскій Непомукъ, проректоръ каменец. шк., 287, 289.
Тышкевичи: Фридрихъ и Евстафій, 79.
— Фридрихъ, владѣлецъ, 69.
— Остафій, литов. подскарбій, 401.
— Крыштофъ, житом. староста, 263.
— Янъ, кіев. воевода и житом. староста, 9, 409, 410.

—

Уклеинъ, зять духоборца Побирохина, 143.
Уловичъ, кс., учит. олыц. школ., 451, 452.
Умань, г., 469, 484, 465, 497, 544.
Ундольскій, библіогр., 387, 389, 397.
Унеіово, изв. типографіею, 382.
Унотовичъ Крыштофъ, дв-нъ, 410.
Усовичъ Васил., синдикъ кіев., 160.
Ушковскіе, дв-не, благотворители поч. лавры, 375.
Ушъ, р., 547.
Уйейскій Бенедиктъ, 263.

—

Федоренко Иванъ, полковой хорунжій, 167.
Федоровъ Прокопій, атаманъ, 131, 132.
Ѳеофилактъ, игуменъ, 335.
Фидрицкій Ипатій, кс., проповѣд., 482.
Физикевичъ, кс., основатель каневск. шк., 482.
Филалетъ Иринеи, см. Пропковскій.
Филаретъ, архіеп. черниг., 232, 233.
— митроп. кіев., 104, 105.
— патріархъ, 149.
Филиповскіе, знатн. дв-ая фамил., 38.
Филофей Казаревичъ, печер. намѣстн. впослѣдствіи игум. михайлов., 3.
Фирлеи, знатн. дв-ая фамилія, 38.
Фитингофъ, комендантъ бѣлоцерк. замка, 250.
Фіалковскій, генер. визитаторъ 1792 г., 495.
Франкфуртъ-на-Одерѣ, г., 206.
Фредро Андрей, 271.
Фридрихъ II, кор. прус., 418.
— III, кор. Даніи и Норвегіи, 427.
Фундуклей И. И., 165.
Фусовъ, владим. повѣт., 210.

—

Хаджи-бей, укрѣпленіе (нынѣ Одесса), 346.
Харьковъ, г., 316—318, 544.
Хвастовъ, м., 251, 545.
Хведько, полковн. Боровиц. полка, 448, 449.
Херсонесъ-Таврическій, 328.
Хитяновскій, 353.
Хмелевскій, подстароста бѣлоц., 252.
Хмельницкій Богданъ, гетм., 112, 160, 186, 246—251, 255, 258, 260, 261, 265, 268, 270, 272, 416, 417, 420, 421, 432, 437, 441—443, 446—448, 450; 538—540, 544.
Хмельницкій Тимофей, 255.
— Юрій, 250.

Хмѣлевскій Иванъ, кс., учит. олыцк. школы, 451, 452.
— Иларіонъ, кс., учит. владим. шк., 456.
Хмѣлевъ, д., 349.
Хмѣльникъ, заштатный гор. под. губ., 541, 543, 546.
Ходкевичи: Григор. Александр., воевода кіев., 160.
— Григорій, гетм. литов.; сыновья его Андрей и Александръ, 27, 201.
— Иванъ, намѣстн. кіев. въ XV в., 160.
— Янъ, староста жмудз., 28.
— Янъ-Карлъ, см. Острожскіе.
Холмъ, г., 493.
Холмы, с., 339.
Холоневъ, с., владим. уѣз. волынск. губ., 210.
Хорохоринъ, им. Ѳ. Балаб., 394.
Хорошово, с., острож. уѣз. волын. губ., 200, 201, 208, 445.
Хотинъ, г., 325, 326.
Хросцицкій Францъ, преподав. уман. школъ, 485.
Хрусцѣльскій Николай, учит. житом. школъ, 476.

—

Цертелевъ, кн., 527.
Цетнеръ, дв-нъ, 438.
— хорунжій подол., 263.
Циковскіе, знатн. дв-ая фамилія, 38.
Циммерманъ, генералъ, 344.
Цисовскій Криштофъ, житом. подстароста, 412.
Циховскій Николай, іезуитъ, 411.
Цишевскій Каетанъ, учит., 287.
Цыбулевъ, м., 165.
Цѣцишовскій, королев. духовн., 273.
Цѣшановъ, г., мѣсто жительства и смерти Лелія Социна (въ 1652 г.), 33.

—

Чапличи, паны, покровители социніанской секты на Волыни, 402, 404.
Чапличъ Александръ, 403, 408, 415, 421,
Чапличъ-Шпановскій Иванъ, дв-нъ, 195.
Чапличъ-Шпановскій Кадьянъ, дв-нъ, 194, 203, 204.
— Шпановскій Ѳеодоръ, луцк. земс. судья; дѣти его: Мартинъ и Юрій, 204—206.
— Мартынъ, 207.
— Юрій, 403, 431.
Чарнецкій Стефанъ, войсковой судья, 436, 442, 443.
Чарнышъ Иванъ, генер. судья, 342.
Чарторыйскій, кн., литов. стольникъ, 321, 492.
— Николай, 291.
— кн., староста кременецкій, 263.
Часная, с., 545.
Часныкъ, кіев. частн. приставъ, 352.
Чацкій Ѳаддей, 148.
— Тадеушъ, польск. археологъ, 208.
Чашники,—битва русскихъ съ поляками, 65.
Чемеринскій Даніилъ, пропов. и духов. любар. школы, 477.
Ченіга, начальникъ черноморц., 548.
Червецъ, г., 205.
Черебинъ, с., 445.
Черемошна, м., (бердич. уѣз.), имѣніе кн. Корецкихъ, 78.
Черниговъ, г., 433, 445, 522.
Черніевскій, начальникъ козац. хоругви, 263.
Чернышевъ Григ. Петр., генералъ, 504.
Черняховка, с., 544.
Черняховъ, м., 402—404, 406.
Четвертинскіе, князья, 510.
Четвертинскій Андрей, 291.
Чеховичъ Мартинъ, вожакъ социніанства, 51, 200, 102.
Чоповскій, нач. хоругви, 264.
Чорная Могила, 520.
Чорная рѣчка, 328.
Чорный Островъ, 546.
Чорный шляхъ, 543, 544, 546.
Чуприна, гайдамац. ватажекъ, 543.
Чурило, нач. козац. хор., 263.

—

Шабельниченко, канев. гетманъ, 259.
Шагинъ-Гирей, крым. ханъ, 326.
Шараневичъ, галиц. ученый, 526.

Шарогродъ, м., ямпольс. уѣз. подольс. губ., 225, 466, 468, 497.
Шатрище, дер., мѣсто лагеря Игоря, 547.
Шаула Матвѣй, козац. гетманъ, 70, 71.
Шаховской, кн., генер.-лейтен., 127.
Шацинскій, кс. учит. въ немир. школѣ, 472.
Шевченко Т. Г., 511—514, 526.
Шелеховскій Амплеатъ, кс., учит. шарогород. школы, 466.
Шершни, м., 405, 406, 408.
Шибинскій Дом., кс. ректор. коллег., проректор. межирѣч. школы, 488, 482.
— Александръ, ученый, 488.
Шидловскій Лаврентій, полков., 317.
— Стефанъ, кс. учит. винниц. школы, 470, 473, 504.
Шиманскій Матвѣй, директоръ, 289.
Ширковъ Семенъ, генер.-поручикъ, 315,
— кіев. губернаторъ, 189.
Шляктингъ Іона, социн. учит. раков. академ., 411.
Шпакъ, полков. брацл. въ 1704 г., 546.
Шлановскій-Чапличъ Иванъ, каштел. кіев., 506.
Шпетакъ, вельможа, 506.
Шрамко, одинъ изъ сподвижниковъ Богд. Хмельницкаго, 544.
Шульскій, подстароста бѣлоцерк., 252.
Шуйскій, кн., 76.
— галицко-польскій. историкъ, 523—526.

—

Щавинскій Симеонъ, брестскій воевода, 263, 437.
Щербина, писатель, 145—147.
Щербининъ, генер., 307.

—

Эрикъ VII, датскій король, 26.

—

Юзефовичъ Мих. Вл., 59, 133, 134.
Юржискъ, г., 460, 494.
Юрша, воевода кіев., 160.
Юрьевъ, г., на р. Роси, 242.

—

Яблоновка, с., василькуѣз. кіев. губ., 92, 103.
Яблоновскій Станиславъ, староста бѣлоцер., воевода русскій, 252, 253.
Ягеллоны, польск. королев. домъ, 525.
Ягелло Владиславъ, король польск., 26.
Ягельницкій Инвокентій, игум. почаев. монаст., 375.
Ягодинскій, социніанинъ, 207.
Ядвига, королева польск., 26.
Язловецкій Николай, староста снятинск., 287.
Яковъ I, король Англіи, 43.
Якубовичъ Андрей-Исмировичъ, 160.
Якушкинъ, его «Путевыя Замѣтки», 546.
Ялта, г., 328.
Яндмулъ, 265.
Яницкій Іосафатъ, кс., префектъ бар. школъ, 468, 469.
Янковцы, с., 401.
Яновка, с., 545.
Яновъ, м., тарнопол. округа, 258.
Янъ-Казиміръ, король пол., 182, 415, 539.
Ярковскій Антоній, учит. винниц. шк., 279, 473.
— Войцѣхъ, учит., 291.
Ярославъ I, вел. кн., 134, 522.
Ярославль, г., 201, 448.
Ярошевичъ, писатель, 35.
Ярошинъ, д., 450.
Ясинскій Варлаамъ, кіево-печер. архимандр., 387.
Ясногородка, м., 407.

—

Ѳедоровъ Иванъ, діаконъ, открывшій первую типограф. въ Москвѣ, 381.
Ѳеогностъ, митроп., 324.
Ѳеодосій Косой, вольнод., 40, 51, 50.
— игум. печерск., 159.
— игум. кіево-кирил. монаст., 334.
Ѳеофанъ, патріархъ іерусалимскій, 149.
— Прокоповичъ, коллегіи кіево-могилян. ректоръ, 500, 502.
Ѳома Кемпійскій, авт. кн. «О подражаніи Христу», 205.
Ѳоменко Кл., священ., 144, 154.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ II. 1882 г.

Апрѣль.

стр.

I. КІЕВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ ПЕТРЪ МОГИЛА (біографическій очеркъ), **Ф. Терновскаго** 1

II. СОЦИНІАНСТВО въ Польшѣ и юго-западной Руси. **Ор. Левицкаго** . 25

III. КНЯЗЬЯ РУЖИНСКІЕ. (Памяти М. А. Максимовича). **И. П. Новицкаго** 58

IV. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПОТЕРПѢВШАГО во время крестьянскихъ волненій 1855 г. Прот. **Вас. Сикорскаго** 85

V. ФИЛИППЪ ОРЛИКЪ и запорожцы. **А. Скальковскаго**. . . 106

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Древнѣйшія русскія монеты вел. княжества кіевскаго. Гр. Ив. Ив. Толстаго.—б) Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе. Ор. Новицкаго.—в) Iózef Dunin-Karwicky. Szkice obyczajowe i historyczne.—г) Исторія русской церкви, митр. Макарія. Т. XI. кн. II-я 133

VII. ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) церковно-археологическое общество при кіевской духовной академіи въ 1881 г.—б) Рукописи румянцевскаго музея по исторіи Кіева.—в) Коденская книга и три бандуриста.—г) Выборные священники.—д) Пасхальная вирша.—е) Козаки въ партикулярной надобности.—ж) Бенефисъ для малороссійскаго дворянства.—з) Къ портрету Петра Могилы 153

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Петра Могилы.

Май.

I. КІЕВСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПРЕЖНЯГО ВРЕМЕНИ . . 177

II. СОЦИНІАНСТВО въ Польшѣ и юго-западной Руси. *(Продолженіе).* **Ор. Левицкаго** 193

стр.

III. АРХІЕРЕЙСКІЯ ПЕЧАЛИ. **К. Березы** 226
IV. ПОѢЗДКА ВЪ БѢЛУЮ-ЦЕРКОВЬ. **Н. Костомарова** . . . 241
V. ДНЕВНИКЪ ОСВѢЦИМА, перев. **В. А.** *(Продолженіе)* . . 257
VI. МАТЕРІАЛЫ для исторіи народнаго образованія. . . . 276
VII. МАНИФЕСТЪ императрицы Екатерины II, 9 іюля 1768 г. . . 308
VIII. ЭКСТРЕННЫЕ РАСХОДЫ изъ суммъ малороссійской коллегіи. . 312
IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Харьковъ, историко-статистическій опытъ. К. П. Щелкова.—б) Описаніе кіево-софійскаго собора. П. Г. Л.—в) Народныя преданія въ Подоліи. Графъ Мотыка. Соч. гр. Биберштейна.—г) Wiadomość o malarzach bazylijańskich. Podał ks. Sadok Barącz.—д) Księga pamiętnicza majora A. Ptaszyńskiego 1769—1793. Przep. d-r Antoni J. 316
X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Подарокъ кіевскому церковно-археологическому музею.—б) Излишніе малороссійскіе монахи конца XVIII ст.—в) Старинные малороссійскіе портреты.—г) Гетманскіе клейноды (1758 г.).—д) Потомки запорожцевъ на островѣ Лети.—е) Гайдамацкій кутъ.—ж) Курьезный бракъ.—з) Скорбь кіевлянъ.—и) Панщина въ пѣсняхъ и молитвѣ 327

Іюнь.

I. ПОЧАЕВСКАЯ УСПЕНСКАЯ ЛАВРА въ концѣ іюля 1855 года. **Кн. Н. С. Голицына** 365
II. О НАЧАЛѢ КНИГОПЕЧАТАНІЯ ВЪ КІЕВѢ. **Ст. Т. Голубева** . 382
III. СОЦИНІАНСТВО въ Польшѣ и югозападной Руси. *(Окончаніе).* **Ореста Левицкаго** 401
IV. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. Перев. **В. А.** *(Продолженіе)* 433
V. МАТЕРІАЛЫ для исторіи народнаго образованія. *(Окончаніе).* . 451
VI. ИНТИМНАЯ ПЕРЕПИСКА ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА съ Яковомъ Марковичемъ. Сообщ. **Н. Петровъ** 498
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) «Хуторна поэзія» и «Крашанка». **П. А.** Кулиша.—б) Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. **Дмитрія** Багалѣя.—в) Szujski. Die Polen uud Ruthenen in Galizien. Wien und Teschen, 1882.—г) Kupajło, tudzież zabawy doroczne i inne, z dodatkiem niektórych obrzędów i pieśni weselnych ludu ukraińskiego z okolic Białej-Cerkwi. Zebrała i opisała Józefa Moszyńska. W Krakowie, 1881, in 8° . . . 509

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Рѣчь Д. Г. Бибикова къ дворянству юго-западнаго края.—б) Земляные валы близь с. Кудинки.—в) Старинные тракты, или дороги въ южной Россіи.—г) Искорость—древній Коростень или Скоростень.—д) Гдѣ именно жили запорожцы во время подчиненія своего крымскому хану (1709—34).—е) Поселенія запорожцевъ въ Банатѣ—ж) Неизвѣстные памятники памятныхъ лицъ.—з) Пѣсня запорожцевъ о выселеніи въ Турцію по уничтоженіи Сѣчи.—и) Пѣсня черноморскихъ козаковъ на взятіе Измаила.—і) Обманутый солдатъ. (*Стихотвореніе*) 530

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ замѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, упоминаемыхъ во II томѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

ИЮЛЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ III. 1882 г.

Іюль.

стр.

I. ЗАБЫТЫЯ ИНОЧЕСКІЯ ОБИТЕЛИ (монастыри холмскій и замостьскій въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества). **Н. Петрова.** . 1

II. ИЗЪ ИСТОРІИ МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ПОЛЬШИ И РОССІИ. **И. Каманина.** 42

III. КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ Д. Г. БИБИКОВА 61

IV. ЮЖНО-РУССКАЯ ПѢСНЯ О СОБЫТІИ XI ВѢКА. **А. Стоянова** . 81

V. ЗАПИСКИ КІЕВСКАГО МѢЩАНИНА БОЖКА БАЛЫКИ О МОСКОВСКОЙ ОСАДѢ 1612 ГОДА (изъ лѣтописнаго сборника Ильи Кощаковскаго). **В. А.** 97

VI. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ. Письма Якова Евдокимовича Михайлова (впослѣдствіи Іустина, епископа владимірскаго) къ А. И. Бѣлюгову 106

VII. ДОПОЛНЕНІЕ «РАЗГОВОРА ВЕЛИКОРОССІИ СЪ МАЛОРОССІЕЙ» . 137

VIII. ДОКУМЕНТЫ БРАТСТВА ПРИ ЦЕРКВИ СВ. НИКОЛАЯ ВЪ Г. ЗАМОСТЬѢ 149

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать пятая. М., 1882.—б) Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы П. М. Строева.—в) Ernst Bonnel. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 nach. Chr. hauptsächlich aus der Berichten der griechischen und latenischen Schriftsteller. Erster Band. St. Petersburg, 1882.—г) Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, выпускъ 2-й. Издалъ А. Андреевскій 160

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Пасѣка гетмана Богдана Хмельницкаго.—б) Къ ис-

стр.

торіи Запорожья.—в) Къ исторіи вѣрованія о продажѣ души чорту.—г) Послѣдняя самозащита Кіева.—д) Невольное переселеніе и тоска по родинѣ, какъ подозрительное чувство.—е) Рѣдкая древняя надпись.—ж) Необычная застава.—з) Къ портрету Саввы Григорьевича Туптала. 174
ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ Саввы Туптала.

Августъ.

I. ЗАБЫТЫЯ ИНОЧЕСКІЯ ОБИТЕЛИ (монастыри холмскій и замостьскій въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества). *Оконч.*—**Н. Петрова.** 199
II. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. 3., Миклашевскіе . . . 243
4., Свѣчки.—**Ал. Лазаревскаго** . 253
III. КОБЗАРЬ ОСТАПЪ ВЕРЕСАЙ, его пѣсни и думы. **К. Ф. У. О.** . 259
IV. О МУЗЫКѢ ДУМЪ И ПѢСЕНЬ ОСТАПА ВЕРЕСАЯ. **А. К—скаго** . 283
V. ИЗЪ ПРАКТИКИ СТАРЫХЪ СУДОВЪ 288
VI. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ КОЛИВЩИНЫ или РѢЗНИ 1768 г. **Н. Костомарова** 297
VII. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ Б. ЗАПОРОЖЬЯ 322
VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятная книжка кіевской епархіи. Составили А. В—новъ и свящ. В. Антоновъ. Кіевъ. 1882.—б) Жизнь и произведенія Тараса Шевченка (сводъ матеріаловъ для его біографіи), съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалый. Кіевъ. 1882.—в) Die Ungern oder Magyaren. Paul. Hunvalfy. Vien und Teschen. 1881.—г) Посадъ Вилковъ. Историко-статистическій и бытовой очеркъ. Составилъ Георгій Бахталовскій. Кишиневъ. 1881 г. 340
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ XI вѣка?—б) Послѣдній писарь войска запорожскаго Глоба.—в) Взглядъ народа на Шевченка.—г) Исчезнувшія и исчезающія въ южной Россіи животныя.—г) Состояніе полиціи въ малороссійскихъ городахъ XVIII в.—д) Документальныя свѣдѣнія о Саввѣ Тупталѣ и его родѣ.—е) Курта. (Пѣсня-былина)—ж) Возстановленіе древней паперти кіево-софійскаго собора. 362

Сентябрь.

I. ССЫЛЬНЫЕ МАЛОРОССІЯНЕ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ (1708—1802) г. **П. Ефименка** 391
II. ЕЩЕ ПО ПОВОДУ НАРОДНОЙ ПѢСНИ: О ВЗЯТІИ ТОРЧЕСКА, ИЛИ-ЖЕ АЗОВА. **Ив. Новицкаго** 413

стр.

III. ПЕРЕНЕТОВСКОЕ ПОЛЕ. (Розысканіе въ области лѣтописной топографіи, съ приложеніемъ карты). **М. Андріевскаго** . . . 43[illegible]

IV. УКРАИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ (по воспоминаніямъ дѣтства) 457

V. ДВА ДОКУМЕНТА ПО ДѢЛУ ПЕРЕДАЧИ ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЫ ИЗЪ ВѢДѢНІЯ УНІАТОВЪ ВЪ ВѢДОМСТВО ПРАВОСЛАВНОЕ . . 486

VI. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. Перев. **В. А.** (*Продолженіе*). 503

VII. ПЕРЕПИСКА ГР. П. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1768 ГОДА 523

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть первая. Спб. 1882 г. Стр. 1—220.—б) Акты относящіяся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографическою коммисіею. Томъ двѣнадцатый. С.-Петербургъ. 1882 г. —в) Разысканія о началѣ Руси, Д. Иловайскаго, изданіе второе исправленное и дополненное, съ присоединеніемъ вопроса о гуннахъ. Москва, 1882.—г) Русская историческая библіографія за 1865—1867 г. включительно. В. И. Межова. Т. I и II. С.-Петербургъ. 1882.— 552

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Тарасъ Григорьевичъ Шевченко (нѣкоторыя дополненія и поправки къ его біографіи).—б) Дополненіе къ пасхальной виршѣ.—в) Мнимо-найденный дневникъ святителя Димитрія Ростовскаго.—г) Предостереженіе Д. Г. Бибикова одному изъ русскихъ помѣщиковъ кіевской губерніи.—д) Старинные малороссійскіе портреты.—е) Задунайскія народныя преданія: I) Про Палія та Мазепу: II) Про Антона Головатого, Онопрія Шпака и царицю Катерину.—ж) Коліивщина въ пѣсняхъ 560

X. АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ III томѣ «Кіевской Старины», 1882 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ III.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26-го августа 1882 года.

Забытыя иноческія обители.

(Монастыри холмскій и замостьскій въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества).

Въ составѣ обширнѣйшихъ въ мірѣ русскихъ владѣній, на дальнемъ русскомъ западѣ, есть не малая часть земли искони русской, съ несомнѣнными слѣдами русской жизни, не находящая однако себѣ мѣста въ общей русской исторіи, всегда обходимая нашими изслѣдователями, давно забытая исторіею и обществомъ. Это Холмщина и Подляхія, соединяемыя подъ общимъ названіемъ холмской земли, а въ дѣлахъ вѣры — холмской епархіи, и составляющія значительную часть нынѣшнихъ губерній люблинской и сѣдлецкой. Населеніе ихъ искони русское (долго православное, потомъ уніатское, но все же русское, нынѣ опять и православное и русское) никогда не пользовалось вниманіемъ нашей исторіи и общества, потому, быть можетъ, что политическая судьба его издавна слилась съ судьбою Польши и мало ознаменована кровавыми битвами, великими переворотами, громкими по участію въ тѣхъ и другихъ дѣяніями такъ называемыхъ великихъ мужей—что все и наполняло нѣкогда нашу исторію. Но эти забытые уголки были передовые наши посты со стороны налегавшаго на насъ, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, польско-католическаго запада; на нихъ, какъ на Шипкѣ, стояли наши братья, подъ градомъ особыхъ выстрѣловъ, поражавшихъ на близкомъ разстояніи, при вихрѣ и стужѣ холодившихъ сердце русское ученій религіозныхъ и политическихъ и такихъ условій жизни семейной и общественной, умственной и нравственной, государственной и экономической, не исключая и прямыхъ преслѣдованій, мученій и самой смерти, которыя, при отсутствіи согрѣвающаго и подкрѣпляющаго духа со стороны далекаго духов-

наго центра, дѣйствовали губительнѣе всѣхъ ужасовъ внѣшней войны. Стояли и сражались они, пока окоченѣлыя руки ихъ держали оружіе въ рукахъ, или не истощался запасъ самаго оружія; жили и умирали незримо, безъвѣстно, по завѣту предковъ, живота не щадя, сраму не имѣя. Но въ вѣковой бурѣ всяческихъ вліяній затемнялся мало по малу свѣтъ вѣры отеческой, поколебалось наконецъ самое сознаніе русской народности, оставалось лишь одно имя русское—безъ жизни и духа; но и въ предсмертной агоніи, теряя вѣру и народность, они лепетали еще: *Русь наша*, пока и самое это имя не замѣнилось словомъ *уніатъ*, не означавшимъ уже ни вѣры, ни народности.

Думаемъ, что эта вѣковая борьба на западной нашей окраинѣ за сохраненіе вѣры и народности представляетъ собою не менѣе интереса, какъ и кровавыя войны вообще за цѣлость государственную, политическую независимость, сохраненіе излюбленной формы правленія и т. под. Къ сожалѣнію, въ смутное время послѣднихъ дней Польши и тщетныхъ попытокъ къ ея возстановленію, погибли большею частію письменные памятники, на основаніи которыхъ можно было-бы воспроизвести полную картину этой борьбы въ указанной мѣстности; но и то, что, быть можетъ, уцѣлѣло отъ нихъ, не приведено въ извѣстность и хранится въ невѣдомыхъ рукахъ и мѣстахъ. Дождется-ли Забужная Русь,—Холмщина и Подляхія, своей исторіи? Спасены-ли, собраны-ли будутъ письменные и другіе памятники минувшей ихъ жизни? Сосѣдняя Галиція имѣетъ свою хорошо разработанную исторію; даже отдѣльные города ея, какъ Львовъ, Перемышль и др., и отдѣльныя учрежденія, какъ львовскій ставропигійскій институтъ,—древнее братство, нашли своихъ историковъ, а Русь холмская не имѣетъ для своей исторіи ничего, кромѣ нѣсколькихъ статеекъ и отдѣльныхъ документовъ давно прекратившагося холмскаго календаря и недавно начавшагося холмско-варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника. Пожелаемъ, чтобы возникшая теперь мысль объ учрежденіи музея холмскихъ древностей получила скорѣйшее осуществленіе и мѣсто для него было-бы выбрано въ Холмѣ, а не Варшавѣ,—чтобы готовому еще съ начала 1875 года проэкту учрежденія коммисіи для разбора и, конечно, изданія древнихъ актовъ при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ, по примѣру существующихъ въ Кіевѣ и Вильнѣ, былъ данъ хотя теперь надлежащій ходъ и чтобы разбросанные тамъ русскіе ученые приложили свой трудъ къ разработкѣ мѣстной исторіи по

частямъ, дабы современемъ могла явиться полная исторія этого забытаго угла земли русской.

Предлагаемая статья касается одной изъ сторонъ печальной вообще жизни этого края, именно перерожденія русскаго монашества изъ православнаго въ уніатское, а потомъ почти польское и католическое, въ лицѣ двухъ выдающихся монастырей данной мѣстности—холмскаго и замостьскаго. Судьба этихъ монастырей характеризуетъ общее положеніе религіозныхъ дѣлъ въ краѣ. Служивъ прежде православію, они являются орудіями подавленія его и распространенія уніи и дѣйствуютъ въ видахъ ея, не замѣчая, какъ ихъ самихъ отъ уніи влекутъ къ латинству. Любопытна борьба ихъ, въ лицѣ всего ордена, за независимость отъ власти митрополита и епископовъ, интересны и частныя черты управленія и строя монастырской жизни, равно какъ самое возникновеніе замостьскаго монастыря спеціально для цѣлей уніи.

Въ предѣлахъ Холмщины и Подляхіи, въ дни владычества надъ ними Польши, было много русскихъ монастырей, но большая часть ихъ давно прекратили свое существованіе, до послѣдняго же времени (60-хъ годовъ) уцѣлѣли лишь слѣд. шесть: варшавскій, холмскій, замостьскій, люблинскій, бѣльскій и яблочинскій. Изъ нихъ первый возникъ на почвѣ уніи и хотя за предѣлами русскаго прибужнаго поселенія, но въ видахъ навязанной ему уніи, послѣдній никогда не принадлежалъ уніи и до послѣднихъ дней остался вѣренъ православію и народности русской, остальные же четыре, первоначально православные, стали потомъ и остались до своего уничтоженія уніатскими, наравнѣ съ учрежденнымъ митрополитомъ Львомъ Кишкою варшавскимъ уніатскимъ монастыремъ. Монастыри эти представляютъ интересъ для нашей исторіи по своему положенію въ краѣ, гдѣ православно-русскій элементъ находился всегда подъ непосредственнымъ давленіемъ польско-католическаго. Скорѣе и легче другихъ южно-русскихъ монастырей они стали жертвою уніи, но въ этомъ видѣ существовали гораздо долѣе тѣхъ уніатскихъ монастырей, которые послѣ раздѣла Польши вошли въ составъ русскаго государства. Возникши въ нѣдрахъ православія, они служили оплотами православія и народности русской въ этой отдаленной нашей окраинѣ и вызывали сочувствіе къ себѣ и по-

мощь со стороны центральной Украйны. Съ переходомъ въ унію, роль бывшихъ православныхъ монастырей измѣняется, — они начинаютъ служить дѣлу уніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ прерывается ихъ связь съ единовѣрною когда-то и единоплеменною Украйною. Скоро послѣ того всѣ указанные нами монастыри, за исключеніемъ яблочинскаго, одинъ за другимъ вошли въ составъ сплоченной по католическимъ образцамъ монашеской уніатской корпораціи, извѣстной подъ именемъ базиліанскаго ордена и быстро стали утрачивать не только свой прежній вѣроисповѣдный, но вмѣстѣ и русскій національный типъ. Раздѣлы Польши 1772, 1793 и 1795 годовъ между тремя сосѣдними державами разбили и базиліанскій орденъ на части и не только положили конецъ его дальнѣйшему развитію, но отчасти уменьшили его наличный составъ и ослабили его внутреннюю организацію. Но это роковое въ жизни ордена событіе не коснулось холмско-подлясскихъ базиліанскихъ монастырей, только продлившихъ, благодаря этому обстоятельству, свое существованіе. Въ то время, когда при Екатеринѣ II и отчасти Павлѣ I принимались рѣшительныя мѣры къ ограниченію базиліанскихъ монастырей въ Россіи, холмско-подлясскіе монастыри находились подъ властію австрійскаго и прусскаго правительствъ, которыя не имѣли ничего противъ ихъ существованія. Затѣмъ они вошли въ составъ герцогства варшавскаго, преобразованнаго въ „Царство Польское“, которое, подъ владычествомъ Россіи, существовало со своей особой администраціей и законами до послѣдняго польскаго мятежа. Пользуясь исключительнымъ, привилегированнымъ положеніемъ Царства Польскаго, оставшіеся въ предѣлахъ его уніатскіе монастыри не участвовали въ общемъ возсоединеніи уніатской церкви съ православною въ 1839 году, продолжали удерживать у себя корпоративный духъ и формы орденскаго управленія и такимъ образомъ долго еще служили немаловажнымъ оплотомъ для доживавшей свой вѣкъ уніи въ нынѣшней холмско-варшавской епархіи.

Вотъ общій ходъ исторіи уніатскихъ монастырей Холмщины и Подляхіи. Мы не имѣемъ возможности говорить обо всѣхъ указанныхъ нами монастыряхъ и коснемся только холмскаго и замостьскаго; но и относительно ихъ мы не располагаемъ такими источниками, которые были бы достаточны для обстоятельнаго и полнаго

изложенія ихъ исторіи. Мы передадимъ только тѣ немногія о нихъ свѣдѣнія, которыя уяснятъ мѣсто и участіе ихъ въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества и, слѣд., не коснемся вовсе ихъ жизни въ православномъ мірѣ. Главнымъ источникомъ свѣдѣній, которыя мы можемъ о нихъ предложить, служитъ связка бумагъ этихъ двухъ монастырей, предоставленныхъ въ наше распоряженіе Ѳ. Г. Лебединцевымъ. Правда, что онѣ разрознены и даютъ лишь отрывочныя, хотя и весьма любопытныя свѣдѣнія, но этотъ недостатокъ мы будемъ, по возможности, пополнять общими историческими свѣдѣніями о базиліанскомъ орденѣ, исторіей котораго спеціально занимались мы, лѣтъ десять тому назадъ, въ архивѣ и библіотекѣ почаевской лавры и библіотекѣ волынской дух. семинаріи, а также нѣкоторыми печатными источниками [1]).

Исторія базиліанскаго ордена или чина св. Василія Великаго, какъ тѣсно сплоченной корпораціи уніатскихъ монастырей, распадается на три періода: 1) періодъ возникновенія этого ордена, отъ основанія его въ Литвѣ Іосифомъ-Вельяминомъ Рутскимъ до окончательнаго сформированія его въ обязательный для всѣхъ уніатскихъ монастырей базиліанскій орденъ, на основаніи постановленій замостьскаго собора 1720 года; 2) цвѣтущій періодъ состоянія базиліанскаго ордена, подъ управленіемъ своего орденскаго генерала или протоархимандрита, независимаго отъ епархіальной власти, съ замостьскаго собора 1720 года до перваго раздѣла Польши въ 1772 году, и 3) періодъ упадка базиліанскаго ордена съ 1772 года и до послѣдняго времени его существованія, имѣющій свои частныя подраздѣленія.

Соображая имѣющіеся у насъ документы названныхъ уніатскихъ монастырей съ общей исторіей базиліанскаго ордена, мы находимъ, что документы холмскаго каѳедральнаго богородичнаго монастыря, относясь главнымъ образомъ къ XVII вѣку, восполняютъ собою

---

[1]) По исторіи базиліанскаго ордена извѣстны слѣд. сочиненія: 1) Исторія базиліанскаго ордена, Кояловича, въ Христ. Чтеніи, за январь и апрѣль 1864 г.; 2) »Очерки уніатской церкви«, въ Чтеніяхъ общества исторіи и древн. россійскихъ при москов. университетѣ. 1881 г., кн. 1 и 2, и 3) »Очеркъ исторіи базиліанскаго ордена въ бывшей Польшѣ», въ Трудахъ кіев. дух. академіи 1870—72 гг., въ 9-ти книжкахъ, Н. Петрова.

первый періодъ исторіи базиліанскаго ордена, тогда какъ документы замостьскаго монастыря, образованнаго изъ приходской церкви уже въ XVIII вѣкѣ, излагая судьбу православія въ Замостьѣ въ XVII вѣкѣ, дополняютъ собою второй цвѣтущій періодъ исторіи базиліанскаго ордена и даютъ новые матеріалы для послѣдняго періода исторіи, если не всего базиліанскаго ордена, то по крайней мѣрѣ тѣхъ частей его, которыя достались сначала Австріи и Пруссіи, а потомъ вошли въ составъ герцогства варшавскаго и Царства Польскаго.

Обращаемся къ исторіи холмскаго монастыря.

I.

Сами польскіе и уніатскіе писатели признаютъ, что городъ Холмъ и земля холмская издавна находилась въ тѣснѣйшей связи съ Южной Русью и въ частности съ г. Кіевомъ. Уніатскій холмскій епископъ XVII в. Яковъ Суша передаетъ баснословное преданіе о томъ, будто-бы по раздѣленіи Руси между тремя первыми ея князьями Кіемъ, Щекомъ и Хоревомъ, холмская земля и сосѣднія съ нею страны достались Щеку *). Съ большею вѣроятностію тотъ-же писатель утверждаетъ, что холмская земля просвѣщена свѣтомъ крещенія при св. равноапостольномъ князѣ Владимірѣ, который построилъ въ Холмѣ въ 1001 году каѳедральный храмъ, снабдивъ его чудотворнымъ образомъ пресв. Богородицы, писаннымъ, по преданію, евангелистомъ Лукою, и основалъ спасскій монастырь близь г. Холма, въ селѣ Столпѣ [1]). Какъ бы ни было, русскій характеръ холмской земли и древнее ея православіе неоспоримы и не подлежатъ сомнѣнію. Но съ весьма давняго времени и русская народность и православіе въ холмской землѣ стали подвергаться стѣсненіямъ со стороны польско-католическаго элемента, а ихъ подавленіе стало предметовъ особыхъ заботъ не только польско-като-

---

*) Преданіе это обще было кіевской и холмской землѣ. Подтвержденіемъ этого можетъ служить то, что и теперь одна изъ горъ, лежащихъ между Холмомъ и дерев. Столпе, носитъ названіе Щековицы, подобно одной изъ кіевскихъ горъ.

Ред.

[1]) Phoenix tertiato redivivus. Якова Суши, 3 изд., въ Замостьѣ, 1684 года.

лической іерархіи, но и самихъ польскихъ королей. Въ этихъ видахъ въ Холмѣ еще въ началѣ XV в. учреждается польско-католическая епископская каѳедра. Въ привилеѣ польскаго короля Владислава II, данномъ холмскому католическому епископу Іоанну въ 1429 году, читаемъ между прочимъ слѣдующее: „обращая вниманіе на доблести превосходнаго служенія, съ которыми превелебный о Христѣ отецъ господинъ Іоаннъ, епископъ холмскій, профессоръ свящ. богословія, монахъ ордена проповѣдниковъ св. Доминика, устрояя церковь свою новосозданную примѣромъ жизни и знаніемъ добродѣтелей, *не перестаетъ словомъ св. ученія наставлять къ жизни народъ схизматическій, живущій въ окрестности*, и посему желая, чтобы церковь каѳедральная новооснованная, которую мы воздвигли, по внушенію Божію, въ честь раздѣленія св. апостоловъ, въ память побѣды, одержанной ихъ помощію, въ священный ихъ день, надъ врагами нашими крестоносцами въ Пруссіи, получила спасительное преуспѣяніе и проч., учреждаемъ на вѣчныя времена двухъ прелатовъ, т. е. препозита и декана, и десять канониковъ“. На содержаніе ихъ Владиславъ II назначилъ доходъ съ холмской своей таможни въ Рубешовѣ [1]), по 100 грошей монеты польской въ годъ, и отдалъ село Парипсы, близь Холма. Итакъ холмская католическая каѳедра, основанная Владиславомъ II въ память побѣды надъ крестоносцами, имѣла своимъ назначеніемъ обращеніе схизматиковъ, т. е. православныхъ русскихъ, къ католической вѣрѣ. Неудивительно, что Казиміръ IV, извѣстный своею особою ревностію къ католической церкви, въ 1456 году подтверждая приведенный привилей Владислава II, отдалъ также католическому холмскому епископу Іоанну и его преемникамъ приходскую холмскую православную церковь во имя Успенія пресв. Богородицы, съ деревнею Савинъ. Все это подтверждено привилеями того-же Казиміра, 1485 г., и Сигизмунда I, 1508 года [2]). Пропагаторская дѣятельность католическихъ епископовъ и ихъ капитулы, въ первое время ихъ жизни въ Холмѣ, не осталась безъ послѣдствій. Въ

---

[1]) Нынѣ Грубешовъ, уѣздный городъ любл. губ., граничащій съ Волынью

[2]) См. подтвердительный привилей Сигизмунда I, 1508 г., и копію съ него между документами холмскаго монастыря.

Phoenix-ѣ Якова Суши есть извѣстіе, что около 1566 года холмскій епископъ Захарія испросилъ у Сигизмунда II Августа подтвержденіе привилея *католической уніи*, даннаго русскому клиру венгерскимъ и польскимъ королемъ Владиславомъ Ягеллоновичемъ въ 1443 году [1]); но, какъ видно, паства не пошла за своимъ отступникомъ пастыремъ. Православіе сильно поддерживалось въ краѣ мѣстными вельможами и дворянами, и однимъ изъ видныхъ центровъ этого православія является въ XVI вѣкѣ древній Спасскій монастырь въ селѣ Столпѣ, близь Холма. Когда въ 1569 году состоялось окончательное соединеніе Литвы съ Польшею въ одно политическое тѣло, то съ этого времени до самой церковной уніи 1595 года мы видимъ цѣлый рядъ королевскихъ привилеевъ на Спасскій монастырь и церковь въ Столпѣ, выданныхъ русскимъ попамъ Ивану Гавриловичу и сыну его Ѳеодору; потому что, какъ говорится въ одномъ привилеѣ, объ этомъ „представлено было намъ нѣкоторыми чинами царства нашего, обряда греческаго". Такіе привилеи даны были на Спасскій монастырь и церковь въ селѣ Столпѣ Сигизмундомъ II Августомъ въ 1570 году, Стефаномъ Баторіемъ въ 1578 году и Сигизмундомъ III въ 1590 и 1595 годахъ [2]).

Не смотря однако на эти подтвержденія, благопріятствовавшія повидимому православію, ему здѣсь, какъ и во всей соединенной съ Польшею южной Россіи, подготовленъ былъ рѣшительный ударъ въ видѣ такъ называемой брестской уніи, къ которой присталъ въ томъ-же 1595 году и холмскій епископъ Діонисій Збируйскій. Извѣстна исторія ея введенія и распространенія и мы не будемъ останавливаться на ней. Для насъ важно то, что однимъ изъ главныхъ орудій ея распространенія избираются монастыри, каковыми являются сперва холмскій, а потомъ замостьскій. Силу монастырей въ дѣлѣ распространенія уніи отлично понималъ главный виновникъ брестской уніи, владимірскій епископъ, Ипатій Поцѣй, потому онъ на первыхъ-же порахъ задумалъ провести католическія начала во внутреннюю организацію русскаго монашества, передѣлать его по образцу римско-католическихъ орденовъ и сдѣлать его передо-

---

[1]) Phoenix, Якова Суши, 1684 г., стр. 36.

[2]) См. привилеи 1570 и 1595 гг. между документами холмскаго монастыря.

вымъ отрядомъ въ наступательномъ движеніи католичества на православную церковь. Преобразованное въ базиліанскій орденъ, уніатское монашество удачно выполнило свою миссію по отношенію къ православной церкви, и однимъ изъ первыхъ и важныхъ центровъ и разсадниковъ уніатскаго базиліанскаго ордена въ юго-западной Россіи является городъ Холмъ.

Холмскій уніатскій епископъ Яковъ Супа въ донесеніи своемъ „Конгрегаціи распространенія вѣры" въ 1664 г. писалъ слѣдующее о началѣ базиліанскаго ордена въ Россіи: „Преемникъ Рагозы, превелебнѣйшій Поцѣй, заботясь объ уніи, въ видахъ необходимости имѣть для обращенія народа монаховъ, пріобрѣлъ сначала монастырь виленскій и собралъ юношество, изъ коего вышли блаженный мученикъ Іосафатъ (Кунцевичъ), Іосифъ Рутскій, столпъ уніи, и очень многіе другіе монахи, знаменитые ученостію и благочестіемъ, изъ коихъ нѣкоторые взяты были на епископства и прелатства [1]). Главнымъ помощникомъ Поцѣя и орудователемъ въ этомъ дѣлѣ былъ Іосифъ Вельяминъ Рутскій. Получивъ воспитаніе въ греко-римской коллегіи, при выходѣ изъ нея, онъ „предпринялъ намѣреніе помочь, по своей возможности, обряду греко-католическому и относительно этого далъ обѣтъ въ Римѣ. Съ этою цѣлію онъ обошелъ важнѣйшія мѣста Россіи, былъ даже въ самой Московіи и столицѣ ея Москвѣ. Онъ нашелъ, что не иначе можетъ помочь, какъ сдѣлавшись монахомъ обряда греческаго. Прежде чѣмъ приступить къ этому, онъ отправился въ Римъ и, послѣ многихъ бесѣдъ со многими духовными людьми, съ вѣдома и согласія верховнаго первосвященника Павла V (1605—1621 г.), въ началѣ его папствованія, вошелъ въ соглашеніе съ мужемъ особенной святости и учености, отцомъ Петромъ Кармелитомъ босоногимъ и съ генераломъ его ордена, чтобы этотъ отецъ послалъ къ нимъ въ

[1]) См. книгу: Sacra congregatione particulari de propaganda fide coram sanctissimo domino nostro Benedicto papa XIV Kijoviens. Jurisdictionis pro revendissimo domino Floriano Hrebnicki, archiepiscopo Polocensi, totiusque Russiae metropolita, cum domino protoarchimandrita ordinis Sancti Basilii Magni Ruthenorum supplicatio facti et juris, Romae, 1755 an.; Summarium № 1. Для краткости, мы будемъ называть эту книгу »Дѣломъ митрополита Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ«.

Россію четырехъ монаховъ своего ордена, которые-бы приняли обрядъ греческій и монашескую одежду св. Василія и были-бы учителями нашими въ духовной жизни и реформаторами чина св. Василія, тогда очень неупорядоченнаго. Заключивъ такое условіе, онъ отправился въ Литву и въ Вильнѣ, въ монастырѣ пресв. Тройцы, принялъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, монашескую одежду св. Василія Великаго. Здѣсь жилъ этотъ новицій съ другими новиціями, предаваясь благочестивому изученію хорошо устроенныхъ орденовъ латинскаго обряда, съ которыми онъ познакомился, когда еще былъ свѣтскимъ, и съ которыми имѣлъ тогда въ Вильнѣ сношеніе. Но какъ тогда въ орденѣ отцовъ босоногихъ не было поляковъ, кромѣ развѣ одного, то посему и разсѣялась эта миссія. А между тѣмъ умеръ помянутый о. Петръ, насъ-же окружили безчисленныя бѣдствія, какъ внѣшнія отъ схизматиковъ, такъ и внутреннія отъ нашихъ старыхъ монаховъ, которые, какъ только узнали о нашемъ предположеніи, возбудили противъ насъ сильное подозрѣніе, будто этимъ способомъ мы хочемъ уничтожить обрядъ греческій... Между тѣмъ въ нашъ благоустроенный монастырь поступало много юношей, преимущественно изъ учениковъ іезуитскихъ школъ, которымъ мы приказывали заниматься науками въ тѣхъ-же школахъ, освобождая ихъ отъ монашескихъ обязанностей. Такимъ образомъ въ одно тѣло мы соединили около 100 человѣкъ, и стали умножаться монастыри" [1]). Первые базиліанскіе монастыри основались первоначально въ епархіи Поцѣя. По свидѣтельству того-же Якова Суши, Рутскій „многихъ и знатныхъ юношей принялъ въ орденъ, коего колоніи основалъ сначала въ Новогрудкѣ, потомъ въ Минскѣ, Жировицахъ, Бытенѣ [2])". Соображая этотъ порядокъ распространенія базиліанскихъ колоній съ историческими обстоятельствами, мы приходимъ къ заключенію, что новогрудская и минская базиліанскія колоніи основаны Рутскимъ около 1611—1612 г., когда онъ былъ коадъюторомъ литовской митрополіи; затѣмъ явились бытенскій монастырь и жировицкій, основанный въ 1613 году для базиліанъ Яномъ Мелешкомъ [3]).

---

[1]) Тамъ-же, Summarium, № 80.

[2]) Письмо Якова Суши къ секретарю «конгрегаціи распространенія вѣры», 1684 г., въ почаевскомъ архивѣ, № 20.

[3]) Труды кіев. дух. академіи, ноябрь, 1870 г., стр. 347.

Сдѣлавшись въ 1613 году, по смерти Поцѣя, уніатскимъ митрополитомъ, Рутскій позаботился распространить базиліанскій орденъ и внѣ предѣловъ своей епархіи. Въ 1616 году онъ выпросилъ у Сигизмунда III подтвержденіе грамоты Сигизмунда I, данной въ 1519 году кіевскому митрополиту Іосифу Солтану о подчиненіи и подсудности ему всего духовенства греческаго обряда въ Польшѣ, дабы, на основаніи этой грамоты, имѣть право вмѣшиваться въ дѣла другихъ уніатскихъ епархій и распространять въ нихъ базиліанскій орденъ [1]), и въ слѣдующемъ 1616 году созвалъ въ Новогрудкѣ первую конгрегацію (съѣздъ) базиліанскую изъ представителей пяти монастырей—виленскаго, новогрудскаго, минскаго, жировицкаго и бытенскаго. На этой конгрегаціи, на которой, по просьбѣ Рутскаго, присутствовали два іезуитскіе доктора богословія [2]), положено было ходатайствовать предъ королемъ, чтобы митрополитъ выбираемъ былъ изъ базиліанъ и чтобы епископства давались не свѣтскимъ людямъ, но людямъ монашествующимъ, которые провели извѣстное время въ орденѣ и получили отъ митрополита одобреніе относительно благочестивой жизни и достоинства; притомъ, таковымъ епископамъ передъ ихъ поставленіемъ митрополитъ долженъ внушать, что они постоянно должны считать себя членами ордена и должны быть защитниками и распространителями его въ своей епархіи [3]). Испрашиваемая привиллегія дѣйствительно дана была ордену Владиславомъ IV въ 1635 году, и въ ней говорилось слѣдующее: „епископства, архимандріи, игуменства никому другому не будемъ давать мы и преемники наши, какъ только заслуженнымъ монахамъ чина св. Василія, находящимся въ уніи, которыхъ теперешній отецъ митрополитъ унитъ и преемники его униты будутъ представлять намъ и преемникамъ нашимъ“ [4]). Для укорененія орденскаго корпоративнаго духа, Рутскій устроилъ для

[1]) См. это подтвержденіе въ книгѣ »Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ«, 1755 г., Summarium, № 99.

[2]) »Истор. базиліанскаго ордена«, Кояловича, въ Христ. чтен., апрѣль, 1864 г., стр. 443.

[3]) Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 2.

[4]) Христ. чтен., 1864 г., январь, стр. 46. примѣч. 2.

своихъ монаховъ новиціатъ, „въ который введены были имъ монахи іезуитскаго ордена, какъ говоритъ Суша,—для духовнаго наставленія нашихъ (базиліанскихъ) монаховъ, такъ что оный превосходный пасторъ (т. е. Рутскій) посылалъ упражняться въ сей новиціатъ настоятелей разныхъ монастырей и почтенныхъ лѣтами въ орденѣ, для возстановленія монашескаго духа [1])". Въ 1624 году, по просьбѣ базиліанъ, наставники ихъ іезуиты, уже слишкомъ усердно поведшіе базиліанъ къ латинству, замѣнены были босоногими кармелитами, но съ обязательствомъ, чтобы „послѣдніе пришли къ намъ (базиліанамъ) въ одеждѣ св. Василія, отпускали волосы на головѣ и бородѣ, также исполняли все по обряду греческому и принесли себя въ жертву Господу Богу, если-бы необходимо было, до конца ихъ жизни" [2]).

По мѣрѣ водворенія уніи въ Холмщинѣ система базиліанскаго ордена захватила собою и холмскую епархію, находившуюся нѣкоторое время въ администраціи митрополита. А унія привилась здѣсь скоро и въ послѣдствіи, съ помощію базиліанъ, пустила глубокіе корни. Въ 1617 году мы видимъ древній холмскій каѳедральный монастырь въ рукахъ уніатовъ, и староста холмскій, подскарбій королевства, Николай Даниловичъ, назначая десятину со вновь распаханныхъ въ окрестностяхъ Холма полей, отъ людей религіи римской—на гошпиталь холмскій, опредѣлилъ такую-же отъ людей религіи греческой—на церковь и капитулу церкви каѳедральной *монастыря* холмскаго Рождества Дѣвы Маріи и на духовенство, на тотъ часъ при ней находящееся, состоящія въ уніи вѣры и въ подчиненіи святой римской церкви [3])". Страшный пожаръ 1638 г.

---

[1]) Письмо Суши см. въ Дѣлѣ м. Гребницкаго съ базил. протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium № 1.

[2]) Тамъ-же Summarium, № 80. См. книгу Sacra congregatione de propaganda fide coram sanctissimo, eminentissimo et reverendissimo Domino Cardinali Caraffa ponente ordinis S. Basilii Magni Ruthenorum provinciae Poloniae cum reverendissimis patribus provinciae Litvaniae, facti. Romae. 1747 Summarium, № 28. Для краткости, мы будемъ называть эту книгу—»Дѣло польской базиліан. провинціи съ провинціей литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г.«

[3]) Документъ холмскаго монастыря.

не оставилъ и слѣда этого монастыря, пощадивъ одну только каѳедральную церковь [1]), но въ 1621 году холмскій уніатскій епископъ Аѳанасій Пакоста спѣшитъ устроить въ своей епархіи новый монастырь и ввести туда монаховъ базиліановъ. Задумано это, какъ открываетъ намъ привилей Сигизмунда III, данный этому епископу въ 1621 году, *для найлучшаго содѣйствія уніи церкви восточной греческой съ костеломъ римскимъ католическимъ.*

Епископъ просилъ для этого церковь, издавна называемую монастыремъ Куленчицкимъ, находящуюся въ повѣтѣ городельскомъ [2]), и ревностный католикъ—король удовлетворилъ его желаніе, такъ что въ 1629 году монастырь уже существовалъ, и Сигизмундъ III презентуетъ тогдашнему администратору холмской епархіи, митрополиту Рутскому на настоятельство въ этомъ монастырѣ базиліанина Филарета Заваду [3]). Хотя куленчицкій монастырь не игралъ сколько нибудь значительной роли въ своемъ орденѣ и послѣ войнъ Богдана Хмельницкаго приписанъ былъ къ возобновленному холмскому каѳедральному монастырю; но этотъ послѣдній съ 1638 года, получивъ новыя подкрѣпленія, становится главнымъ центромъ уніи и базиліанскаго ордена для холмской епархіи. Этимъ онъ обязанъ холмскимъ уніатскимъ епископамъ изъ тѣхъ-же базиліанъ—Меѳодію Терлецкому и Якову Сушѣ.

Въ 1638 году, епископъ Меѳодій Терлецкій, какъ повѣствуетъ Суша, возобновилъ послѣ пожара древнюю каѳедральную церковь пресв. Богородицы, расширилъ ее, выбросивъ изъ нея алтарную колонну, на которой означенъ былъ 1001 годъ основанія храма, и въ церковной оградѣ открылъ фундаментъ древняго храма временъ св. Владиміра, во имя св. Василія Великаго; при послѣднемъ храмѣ, по преданію, жили прежде монахини [4]). Вслѣдъ за симъ, именно въ 1639 году, Меѳодій Терлецкій основалъ при своей каѳедрѣ уніатскую гимназію и, съ согласія митрополита Корсака, тогдашняго начальника базиліанскаго ордена, вызвалъ изъ Литвы въ Холмъ, для преподаванія въ этихъ школахъ, Якова Сушу съ

---

[1]) Phoenix Якова Суши, 1684 г., стр. 123.

[2]) Привилей Сигизмунда III, 1621 г., въ бумагахъ холмскаго монастыря.

[3]) Тамъ-же, королевскій дипломъ, 12 сентября, 1629 года.

[4]) Phoenix tertio redivivus, Суши, 1684 г., стр. 17—19.

другими базиліанами, давъ ему въ управленіе запустѣлый спасскій монастырь [1]). Учрежденіе гимназіи, въ видахъ подкрѣпленія ордена и уніи, считалось и тогда настолько важнымъ, что король Владиславъ IV, утверждая ее особымъ привилеемъ 7 іюня 1640 года, говоритъ, что не могъ не принять съ благодарностью такого благочестиваго и достохвальнаго намѣренія епископа, а какова была дальнѣйшая цѣль этого намѣренія, видно изъ послѣдующихъ словъ того же привилея, въ которомъ говорится, что Терлецкій побуждался къ этому *„особою ревностію къ распространенію православной вѣры въ схизматическихъ окрестностяхъ“*. Ближайшимъ образомъ гимназія учреждена для обученія юношества греческимъ и латинскимъ наукамъ. Епископъ „фундовалъ“ ее отъ себя, т. е. назначилъ ей нѣкоторыя угодья, принадлежащія къ его епископскому столу [2]). Но и этимъ не ограничился ревностный епископъ въ своихъ заботахъ объ успѣхахъ уніи и базиліанскаго ордена: въ 1644 году онъ испросилъ у тогдашняго митрополита и протоархимандрита базиліанскаго ордена Антонія Селявы дозволеніе открыть въ Холмѣ новиціатъ для воспитанія уніатскихъ монаховъ въ орденскомъ духѣ [3]).

Обезпечивъ такимъ образомъ дѣло уніатской пропаганды и, какъ лучшаго ея орудія, возсозданнаго имъ базиліанскаго холмскаго монастыря, Меѳодій Терлецкій не упускалъ изъ виду положенія всего базиліанскаго ордена, справедливо разсуждая, что, если не удержится цѣлое, не сдобровать и отдѣльной его части. Выше мы сказали, что первыми устроителями и наставниками базиліанъ были іезуиты, а потомъ кармелиты. Они строили его по образцамъ католическимъ, а тамъ орденъ монашескій не зависѣлъ отъ власти епископовъ, но, пользуясь полнымъ самоуправленіемъ, подъ начальствомъ своего генерала, подчинялся только папѣ. Такая независимость тѣмъ болѣе нужна была для ордена базиліанъ. Руководители его и сама контрегація de propaganda fide хорошо понимали,

---

[1]) Труды кіевской дух. академіи, май, 1870 г., стр. 476—7. Королевское утвержденіе этого монастыря за базиліанами послѣдовало позже, какъ увидимъ ниже.

[2]) Привилей Сигизмунда III въ бумагахъ холмскаго монастыря. См. также Труды кіев. дух. акад., ноябрь, 1870 г., стр. 352.

[3]) Листъ м. Селявы отъ 17 сент. 1744 г. находится въ бумагахъ холмскаго монастыря.

что въ представителяхъ уніатской церкви еще не умерли традиціи восточной церкви и духъ русскій не ослабѣлъ въ такой степени, чтобы они могли уже идти прямо на полное соединеніе съ латинствомъ. Имъ не трудно было сообразить, что не бывавшіе въ базиліанахъ уніатскіе епископы и митрополиты могутъ и всему базиліанскому ордену дать не желательное направленіе и что только подъ управленіемъ собственнаго генерала или протоархимандрита, подчиненнаго непосредственно одному лишь папѣ, онъ можетъ достигать предположенной для него цѣли. А между тѣмъ уніатскіе епископы въ большей части считали этотъ орденъ католическимъ нововведеніемъ и не хотѣли выпускать изъ своихъ рукъ власти надъ его монахами, тѣмъ болѣе, что и въ восточной церкви эта власть принадлежала мѣстнымъ епархіальнымъ епископамъ. Еще при жизни Рутскаго уніатскіе архіепископы и епископы грозились ордену, что по смерти митрополита они постараются о томъ, чтобы взять монастыри изъ-подъ власти виленской конгрегаціи [1]). Сами митрополиты, которые долженствовали быть, по идеѣ Рутскаго, защитниками и покровителями ордена, не разъ поднимали на него свою властную руку. Митрополитъ Анатолій Селява, вскорѣ по вступленіи своемъ на митрополичій престолъ, созвалъ въ 1642 году генеральную конгрегацію въ Вильнѣ для избранія протоархимандрита и изъявилъ желаніе, чтобы въ протоархимандриты избрали его самого; онъ даже заболѣлъ, когда монахи не хотѣли было удовлетворить его желанію. Базиліане согласились на избраніе его въ протоархимандриты, но требовали отъ него росписки въ томъ, что такая уступка съ ихъ стороны дѣлается на этотъ только разъ и не должна служить примѣромъ для будущихъ митрополитовъ, его преемниковъ, притомъ домогались установленія особыхъ правилъ, которыя опредѣляли-бы отношенія митрополитовъ къ ордену [2]). Селява согласился на эти требованія и въ слѣдующемъ 1643 году просилъ римскій дворъ о подтвержденіи декрета „конгрегаціи распространенія вѣры“, изданнаго 4 октября 1624 года касательно

---

[1]) Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 13.

[2]) Исторія базил. ордена, Кояловича, въ Христіан. чтеніи, янв., 1864 г., стр. 50—51.

избранія генерала или протоархимандрита базиліанскаго, но съ прибавленіемъ къ сему декрету слѣдующихъ словъ: „и все вышесказанное нужно разумѣть безъ ущерба древней и законной власти митрополита Россіи надъ помянутыми монахами и ихъ игуменами, архимандритами и самимъ протоархимандритомъ, каковой власти свящ. конгрегація никоимъ образомъ не должна ослаблять и ограничивать, поелику монахи базиліане обряда греческаго во всей Греціи не изъяты изъ власти мѣстныхъ епископовъ“ [1]). Конгрегація распространенія вѣры одобрила это прибавленіе и 3 іюля 1643 г. издала о семъ декретъ [2]). Но базиліане усмотрѣли въ этой прибавкѣ окончательное подчиненіе своего ордена митрополиту, уничтоженіе своей самостоятельности и съ жалобой на м. Селяву отправили въ Римъ холмскаго уніатскаго епископа Меѳодія Терлецкаго, который и успѣлъ повернуть дѣло въ пользу базиліанскаго ордена. На засѣданіи „конгрегаціи распространенія вѣры“, происходившемъ 28 августа, 1643 года, „по выслушаніи устнаго объясненія достопочтеннаго отца господина епископа холмскаго русина унита“, постановлено было сдѣлать такое поясненіе испрошеннаго Селявою декрета, что-де „въ этомъ декретѣ его святѣйшество выразилъ мысль свою соединить помянутыхъ монаховъ, для лучшаго управленія ихъ ордена, въ конгрегацію, подъ властію одного генерала или протоархимандрита, и митрополиту, смотря по обстоятельствамъ, не дѣлать ущерба въ томъ, что̀ принадлежитъ ему по праву“ [3]). Спасая такимъ образомъ независимость всего базиліанскаго ордена отъ власти митрополита, Терлецкій подкрѣплялъ положеніе своего излюбленнаго холмскаго монастыря.

Послѣднимъ проявленіемъ его заботы объ этомъ монастырѣ было прославленіе находившейся въ немъ иконы пресв. Богородицы

---

[1]) См. книгу Sacra congregatione de propaganda fide coram Sanctissimo Domino nostro Kijoviensi praetensae jurisdictionis inter prothoarchimandritam ordinis S. Basilii Magni Ruthenorum et mitropolitum, restrictus facti et juris, Romae, 1754. Summarium, № 20. Для краткости, мы будемъ называть эту книгу—»Дѣломъ базиліанскаго протоархимандрита съ митрополитомъ Гребницкимъ, 1745«.

[2]) Тамъ-же, Summarium № 1.

[3]) Дѣло польской базиліан. провинціи съ литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., Summarium № 57.

чудотворною. Въ 1646 году докторъ богословія, базиліанинъ, Яковъ Суша составилъ, по порученію Меѳодія Терлецкаго, книгу *Phoenix*, въ которой доказывалъ древность этой иконы и описывалъ происходящія отъ нея чудеса, а назначенная по ходатайству того же Терлецкаго, подъ предсѣдательствомъ коадъютора уніатской перемышльской епископіи, епископа самборскаго, Павла Овлучимскаго, коммисія для разслѣдованія о сей иконѣ особымъ актомъ 22 іюля 1646 года подтвердила древность иконы и чудодѣйственную ея силу [1]). Это должно было привлекать народъ къ уніи и монастырю, которымъ принадлежала столь древняя святыня.

По смерти Меѳодія Терлецкаго, для базиліановъ и уніи настали тяжелыя времена. По зборовскому договору Богдана Хмельницкаго съ поляками (1649 г.), подтвержденному на сеймѣ 1650 г., подлежали возвращенію вѣдомству кіевскаго православнаго митрополита остававшіяся вакантными епархіи луцкая, холмская и витебская, соединенная съ мстиславскою [2]). Опираясь на это, православный кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, прибывъ въ февралѣ 1650 г. въ Холмъ, выгналъ базиліанъ изъ каѳедры и спасскаго монастыря и поставилъ холмскимъ православнымъ епископомъ Діонисія Балабана. Администраторомъ холмской епархіи со стороны унитовъ былъ въ это время упоминаемый нами уже не разъ Яковъ Суша. Оставляя холмскіе монастыри, базиліане успѣли однако заблаговременно скрыть отъ православныхъ чудотворный образъ Богоматери и нашли себѣ пріютъ у тогдашняго католическаго епископа холмскаго Станислава Пстроконскаго. Но православные, при содѣйствіи шляхтичей Павловскихъ, нашли спрятанную уніатами икону Богоматери и перенесли ее въ каѳедральную церковь. Тогда администраторъ холмской уніатской епархіи Яковъ Суша, воспользовавшись пребываніемъ короля въ Люблинѣ, во время новаго похода противъ козаковъ (1651 г.), убѣдилъ короля отобрать у православныхъ холмскую икону Богоматери и взять ее съ собой на войну. Коммиссары, назначенные для сего королевскимъ дипломомъ отъ 25 апрѣля 1651 г., похитили икону изъ холмской каѳедральной церкви и пред-

---

[1]) Phoenix Суши, 1684 г., предисловіе.

[2]) Богданъ Хмельницкій, Н. И. Костомарова, изд. 3, 1879 г., т. II, стр. 208

ставили королю, котораго она и сопровождала во все время его экспедиціи противъ козаковъ [1]). Передъ берестечскою битвою, по рядамъ польскаго войска носили холмскую икону Богоматери, и въ этомъ-то памятникѣ былой эпохи независимости южной Руси поляки искали помощи противъ козаковъ, ополчавшихся за возвращеніе русской землѣ независимости [2]). Извѣстно, что берестечская битва была гибельна для козаковъ, и поляки побѣду свою надъ козаками приписывали чудодѣйственной силѣ названной иконы. Набожный король Янъ Казиміръ въ свою очередь искренно вѣрилъ въ чудесную помощь, оказанную ему холмской иконой, возилъ эту икону съ собою до окончанія компаніи и постарался отблагодарить Якова Сушу за его совѣтъ. Грамотой, или привилеемъ отъ 29 іюля 1651 г., онъ отмѣнилъ данныя неунитамъ права и привиллегіи и снова отдалъ холмское епископство въ администрацію Якову Сушѣ. „Посему мы,—говорится здѣсь,—отмѣняя дипломы наши старшимъ религіи греческой, въ неуніи находящимся, по причинѣ ихъ неблагодарности, отдали епископство холмское со всѣми церквами, издревле унитамъ принадлежащими, достопочтенному Іакову Сушѣ, генералу викарному холмскому ордена св. Василія Великаго (коему до выдачи дизунитамъ диплома дали мы другой привилей) въ администрацію и управленіе всѣмъ клиромъ и капитуломъ холмскимъ и белзскимъ обряда греческаго, равнымъ образомъ всѣ имѣнія и всѣ села, принадлежащія сему епископству, ему обратно уступили до дальнѣйшей нашей декляраціи“. Въ слѣдующемъ 1652 году Яковъ Суша назначенъ былъ пожизненнымъ холмскимъ епископомъ и обратился къ королю съ просьбою о возвращеніи въ Холмъ иконы Богоматери. Король съ благодарностію возвратилъ ее въ холмскую каѳедральную церковь, „съ тѣмъ условіемъ, какъ писалъ онъ въ дипломѣ отъ 30 марта 1652 г., чтобы, если-бы опять (чего не дай Богъ) стали угрожать сей св. иконѣ подобныя предыдущимъ опасности отъ дизунитовъ, тогда помянутый достопочтенный номинатъ холмскій и его монахи, въ уніи св. находящіеся, обязываются вышеозначенную икону пресв. Дѣвы вручить намъ самимъ“. При торжественной встрѣчѣ этой иконы въ

---

[1]) Phoenix Якова Суши, 1684 г., стр. 44—55.

[2]) Богданъ Хмельницкій, Н. И. Костомарова, 3 изд. 1870 г., т. II, стр. 330.

Холмѣ говорилъ рѣчь базиліанинъ Бенедиктъ Терлецкій, римскій воспитанникъ отцевъ de propaganda fide, бывшій впослѣдствіи провинціаломъ базиліанскаго ордена. При новомъ возстаніи козаковъ, король Янъ Казиміръ опять вытребовалъ холмскую икону Богородицы въ томъ-же 1652 году къ себѣ и возвратилъ ее Якову Сушѣ уже послѣ битвы подъ Жванцемъ (дек. 1653 г.), вѣроятно въ 1654 году [1]).

Съ прекращеніемъ козацкихъ войнъ и замиреніемъ всего края улучшилась снова судьба холмскаго базиліанскаго монастыря, а вмѣстѣ и всего базиліанскаго ордена. Въ 1654 году епископъ Суша приписалъ къ холмскому базиліанскому монастырю упомянутый выше куленчицкій монастырь и церковь любачевскую городищенскую, равно и присоединилъ къ нему православный монастырь Добротворскій и многіе другіе. Всѣми ими, какъ писалъ Суша, владѣли тогда въ епархіи холмской схизматики; не смотря на то, его захваты признаны были самимъ королемъ [2]). Въ 1662 году въ привилеѣ 20 іюля Янъ Казиміръ писалъ: „охотно склонившись на покорную просьбу (Якова Суши), заблагоразсудили мы вышепомянутыхъ монаховъ базиліанъ, живущихъ при каѳедрѣ холмской греческой и тамошнемъ чудотворномъ образѣ пресв. Дѣвы, которымъ этотъ чудотворный образъ отданъ былъ нами въ распоряженіе особымъ рескриптомъ нашимъ, даннымъ въ Варшавѣ 30 мая 1652 г., по прекращеніи непріятельскихъ опасностей,—оставить при монастырѣ св. Спаса, который всегда особливымъ привилеемъ подаванъ былъ найяснѣйшими предшественниками нашими и никогда не принадлежалъ епископству холмскому, но издавна находился въ рукахъ и распоряженіи помянутыхъ монаховъ и иныхъ частныхъ лицъ, на что и мы приказали выдать изъ канцеляріи нашей онымъ монахамъ особый рескриптъ уже въ царствованіе наше, подъ датой изъ Варшавы, 18 марта 1650 года; также при школахъ тамошнихъ, которыя вышепомянутый велебный Яковъ Суша возстановляетъ своимъ иждивеніемъ, въ которыхъ должны учить вышепомя-

---

[1]) Phoenix Якова Суши, 1684 г., стр 96—115.

[2]) Документъ холмскаго монастыря. См. Дѣло польской базиліанской провинціи съ провинціей литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., Summarium № 50.

нутые благочестивые монахи базиліане униты, находящіеся при каѳедрѣ холмской греческой, а не другіе, и при старинномъ правѣ, обращая вниманіе на эрекцію велебнаго нѣкогда Меѳодія Терлецкаго, епископа холмскаго, какъ и дѣйствительно, заботясь должнымъ образомъ объ увеличеніи славы Божіей, аппробуемъ, обновляемъ, утверждаемъ помянутыя права, привилеи, какъ всѣ вообще, такъ и каждое въ частности, ничего не изъемля и не исключая", и проч. Тѣже права подтверждены были привилеями Яна III въ 1676 и 1685 годахъ и Августа III въ 1754 году [1]).

Въ видахъ расширенія уніи, Яковъ Суша, позаботился о водвореніи въ Холмѣ и базиліанокъ. Мы видѣли, что епископъ Меѳодій Терлецкій, при реставраціи каѳедральнаго храма, открылъ вблизи его фундаментъ какого-то другаго храма, который Яковъ Суша въ своемъ „Фениксѣ" призналъ за древній храмъ бывшаго когда-то въ Холмѣ женскаго монастыря во имя св. Василія Великаго. Вѣроятно, для возстановленія въ Холмѣ женскаго монашества, Яковъ Суша началъ пріобрѣтать, съ 1654 года, въ г. Холмѣ и его окрестностяхъ земельные участки, дома и фольварки, и дѣйствительно отдалъ ихъ монахинямъ чина св. Василія Великаго, которыхъ онъ помѣстилъ при холмской церкви Успенія пресв. Богородицы. Въ 1663 году Янъ Казиміръ, по ходатайству Якова Суши, освободилъ грунты и дома холмскаго женскаго монастыря отъ податей и повинностей, что подтвердилъ въ 1679 году и Янъ III Собѣсскій [2]). Въ послѣдствіи времени и этотъ женскій монастырь отданъ былъ холмскимъ базиліанамъ [3]).

---

[1]) См. подтвержденіе Августа III, 1754 г., въ дѣлахъ холмскаго монастыря.

[2]) Тамъ-же, привилей Яна III, Собѣсскаго, 1679 года.

[3]) Въ 1723 г. холмскій уніатскій епископъ Іосифъ Левицкій, не только подтвердилъ прежнія записи Меѳодія Терлецкаго и Якова Суши въ пользу холмскаго базиліанскаго монастыря (на монастыри Куленчицкій и Спасскій, предмѣстья Вульку и Завале), но и отдалъ »монастырь женскій того-же чина, или иначе паненщизну, тѣмъ же почтеннымъ отцамъ и монастырю холмскому«, со всѣми фундушами, ланами, полями, подданными» и проч. А въ 1753 г., при настоятелѣ холмскаго монастыря Максимиліанѣ Рыллѣ, холмскіе базиліане получили въ свое пользованіе село Парипсы, когда-то данное королемъ Владиславомъ II капитулу холмской католической каѳедры.—Мѣсто женскаго монастыря указываютъ теперь на горѣ, за Холмомъ, по направленію къ д. Серебрище, гдѣ видны остатки какихъ-то развалинъ.—Грамота Левицкаго въ документахъ холмскаго монастыря.

Поставленный на ноги и обезпеченный Яковомъ Сушей, холмскій базиліанскій монастырь занялъ видное мѣсто въ ряду другихъ базиліансиихъ монастырей. Въ 1719 году здѣсь происходила, подъ предсѣдательствомъ митрополита Льва Кишки, генеральная базиліанская конгрегація, обыкновенно назначавшаяся въ знаменитѣйшихъ базиліанскихъ монастыряхъ [1]).

Подобно своему предшественнику Терлецкому, Яковъ Суша оказалъ важную услугу и всему базиліанскому ордену во время возобновившейся борьбы его съ митрополитомъ за орденское самоуправленіе. Мы видѣли, что въ 1651 году Яковъ Суша былъ викарнымъ генераломъ базиліанскаго ордена, т. е. непосредственнымъ и главнымъ его начальникомъ послѣ митрополита Селявы. Эту должность онъ занималъ вѣроятно съ 1650 года, со времени бывшей въ этомъ году генеральной виленской конгрегаціи, и исполнялъ ее до минской конгрегаціи 1652 года, на которой выбранъ провинціаломъ или викарнымъ генераломъ Бенедиктъ Терлецкій. По смерти Терлецкаго въ 1661 году, въ самый разгаръ борьбы базиліанскаго ордена съ архіепископомъ Гавріиломъ Колендой, домогавшимся протоархимандритства, Яковъ Суша выбранъ былъ на жировицкой конгрегаціи 1661 года въ протоархимандриты ордена и исполнялъ эту должность, вѣроятно, до супрасльской конгрегаціи 1665 года [2]). Онъ, кажется, и принялъ протоархимандритство только для того, чтобы защитить базиліанъ отъ притязаній уніатскаго митрополита и примирить ихъ съ нимъ. Еще до выбора своего въ протоархимандриты, Яковъ Суша и базиліане 5 іюля 1661 г. протестовали противъ выбора архіепископа Коленды въ протоархимандриты и заявляли, что Бенедикта Терлецкаго, архимандрита виленскаго уже въ третій разъ избирали на тороканской капитулѣ провинціаломъ и главою ордена, и что не желаютъ принять другаго выбора [3]). На жировицкой капитулѣ или конгрегаціи 1661 г., на которой предсѣдателствовалъ и избранъ въ протоархимандриты

---

[1]) Дѣло м. Гребницкаго съ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 87. См. »Труды кіев. дух. академіи«, май, 1870 г., стр. 491.

[2]) »Труды кіев. дух. академіи«, 170 г., май, стр. 453. 488 и 489.

[3]) Тамъ-же, ноябрь, 1870 г., стр 467; см. почаев. архив., №№ 100 и 201.

базиліанскаго ордена Яковъ Суша, базиліане постановили жаловаться на противозаконныя дѣйствія администратора митрополіи, архіепископа Гавріила Коленды, по отношенію къ ихъ ордену, и вмѣстѣ съ тѣмъ протестовали противъ учрежденія вновь архимандрій, при митрополитѣ Антоніѣ Селявѣ, въ Полоцкѣ, Череи, Березвечьи и Дубно, гдѣ ихъ никогда прежде не было. „По сему орденъ просилъ, чтобы избранные начальники донесли о всемъ этомъ престолу апостольскому, и чтобы пожизненныя архимандріи тамъ, гдѣ ихъ не было, упразднены были и совершенно уничтожены, и чтобы всѣ монастыри и архимандріи подчинялись одному лишь избранному протоархимандриту и его преемникамъ“ [1]). Въ Римъ отправился самъ Яковъ Суша, вѣроятно въ 1664 году, потому что къ этому году относится его донесеніе конгрегаціи распространенія вѣры о началѣ уніи, въ которомъ онъ жаловался папѣ, отъ лица всѣхъ уніатскихъ епископовъ, на нѣкоторыхъ епископовъ латинскихъ, ходатайствовавшихъ предъ римскимъ престоломъ объ уничтоженіи уніатской іерархіи [2]). Въ это-же, конечно, время Яковъ Суша, вмѣстѣ съ провинціаломъ базиліанскимъ Пахоміемъ Огилевичемъ, вошелъ въ „конгрегацію распространенія вѣры“ съ представленіемъ, коимъ просилъ конгрегацію, чтобы воспрещено было пользоваться многими бенефиціями, чтобы епископы не расхищали монастырскихъ имуществъ, чтобы архимандрія виленская принадлежала ордену, и проч. При этомъ Суша представилъ и другіе пункты, клонившіеся къ улучшенію базиліанскаго ордена и послужившіе впослѣдствіи темой для разсужденій на базиліанскихъ конгрегаціяхъ, какъ напр. о не ношеніи монахами полнаго монашескаго одѣянія, о занятіяхъ базиліанскихъ воспитанниковъ по возвращеніи ихъ изъ заграничныхъ папскихъ алюминатовъ, о совращеніи уніатовъ іезуитами въ обрядъ латинскій и проч. [3]). Вслѣдствіе представленія Якова Суши, папа далъ, 30 мая 1665 г., своему нунцію въ Польшѣ бреве, коимъ приказывалъ ему созвать новую базиліанскую конгрегацію, подъ его предсѣдательствомъ, для из-

---

[1]) Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 17.

[2]) Тамъ-же, Summarium, № 1.

[3]) Архивъ почаев. лавры, № 201.

бранія протоархимандрита изъ простыхъ монаховъ, а супрасльскую и жировицкую конгрегаціи считать не дѣйствительными [1]). Эта конгрегація состоялась въ октябрѣ того же 1665 года въ Супраслѣ, но и она кассирована папой потому, что на ней избранъ былъ въ протоархимандриты не простой монахъ, а митрополитъ, и назначена новая конгрегація въ Брестѣ на 1 марта 1666 года. Послѣдняя, подъ предсѣдательствомъ нунція, и занялась преимущественно разсмотрѣніемъ и обсужденіемъ тѣхъ нестроеній ордена, какія указаны были Сушей и Огилевичемъ „конгрегаціи распространенія вѣры". 4-го марта, ко второму засѣданію конгрегаціи, прибылъ на нее Яковъ Суша и съ особенною полнотою и ясностію раскрылъ укоренившіеся въ базиліанскомъ орденѣ безпорядки и предложилъ соотвѣтственныя мѣры къ ихъ устраненію. Такъ, онъ предложилъ строго соблюдать обряды и обычаи греко-восточной церкви, настаивалъ на уничтоженіи новыхъ архимандрій и обращеніи ихъ въ простые игуменскіе монастыри, жаловался на угнетеніе уніатовъ латинянами, требовалъ запрещенія переходить изъ уніатскаго обряда въ латинскій и просилъ нунція ходатайствовать предъ королемъ за унію, „чтобы онъ защищалъ ее и покровительствовалъ ей какъ противъ схизматиковъ, такъ и противъ католиковъ латинскаго обряда и особенно клириковъ", и проч. Въ заключеніе Яковъ Суша доказывалъ, что благо ордена требуетъ, дабы въ протоархимандриты избранъ былъ митрополитъ, потому что протоархимандритъ изъ простыхъ монаховъ не могъ-бы справиться съ своевольными монахами и имѣть силы при дворѣ [2]). Голосъ Якова Суши убѣдилъ нунція согласиться на общее желаніе, чтобы управленіе орденомъ ввѣрено было митрополиту. Избранный, вслѣдствіе этого въ протоархимандриты, Коленда благодарилъ все собраніе за довѣренность къ нему, просилъ забыть давніе споры, произшедшіе вслѣдствіе взаимныхъ недоразумѣній, и, по примѣру своего предшественника Анатолія Селявы, обезпечилъ права ордена на свободное избраніе протоархимандрита изъ простыхъ монаховъ письменнымъ актомъ [3]).

---

[1]) Исторія базиліанскаго ордена, Кояловича, въ христіан. чтеніи, янв., 1864 года, стр. 56, примѣч. 2.

[2]) Дѣло м. Гребницкаго съ базиліан. протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 90.

[3]) Христіан. чтеніе, янв., 1864 г., стр. 60—61.

Въ другой разъ Яковъ Суша оказалъ базиліанскому ордену услугу при преемникѣ Коленды, митрополитѣ Кипріанѣ Жоховскомъ, вошедшемъ въ острыя, непріязненныя столкновенія съ орденомъ. Ближайшимъ поводомъ къ этимъ столкновеніямъ было слѣдующее обстоятельство. Около 1681 года папскій нунцій въ Польшѣ, „спросивши одного іезуита богослова, расположеннаго къ базиліанамъ, отъ чего базиліанскій орденъ не только не усиливается, но даже и упадаетъ, тогда какъ прежде онъ славился, если не числомъ, то превосходными людьми, получилъ отвѣтъ, что прелаты угнетаютъ монаховъ разными способами. Получивъ такой отвѣтъ, нунцій призвалъ къ себѣ нѣсколькихъ настоятелей и разпросилъ ихъ объ угнетеніяхъ, о которыхъ они и устно передали и на письмѣ изложили. Вслѣдствіе этого онъ приказалъ имъ обратиться къ священной конгрегаціи монаховъ (regularium), которая приказала нунцію употребить надлежащее врачевство; „нунцій-же, пишетъ Суша, послалъ представленные ему монахами пункты къ митрополиту, ко мнѣ самому и другимъ епископамъ нашимъ. Тотчасъ вскипѣлъ митрополитъ, написалъ нунцію на монаховъ не хорошее, тотчасъ-же сталъ притѣснять орденъ и порѣшилъ низложить протоархимандрита и заставить избрать самого себя“ [1]). На минской конгрегаціи, бывшей въ іюлѣ 1683 года, митрополитъ Жоховскій низложилъ генерала Мартышкевича-Бусинскаго и консульторовъ, заставилъ собравшихся на конгрегацію базиліанъ избрать себя въ протоархимандриты, взялъ у прежнихъ начальниковъ ордена принадлежавшіе имъ монастыри и роздалъ ихъ вновь назначеннымъ должностнымъ лицамъ ордена [2]). Мартышкевичъ-Бусинскій думалъ было уже перейти, отъ преслѣдованій митрополита, въ латинскій обрядъ, но Яковъ Суша убѣдилъ его остаться въ уніатскомъ обрядѣ и въ базиліанскомъ орденѣ и чрезъ нунціатуру сдѣлалъ представленія папѣ въ пользу базиліанскаго ордена. Здѣсь онъ проэктировалъ ограничить власть митрополита тридентскимъ соборомъ, учредить конгрегацію изъ монаховъ и нѣсколькихъ свѣтскихъ священниковъ изъ каждой епархіи, воспретить митрополиту визитацію (ревизію) епархій

---

[1]) Письмо Я. Суши къ секретарю конгрегаціи распространенія вѣры, 1684 г., въ почаев. архивѣ, № 201.

[2]) »Труды кіев дух. академіи«, ноябрь, 1870 г., стр. 382.

и опредѣлить ее на основаніи тридентскаго собора, управленіе же базиліанскимъ орденомъ предоставить не митрополиту, а самому ордену [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и сами базиліане жаловались на митрополита Жоховскаго папѣ и королю. Король взялъ базиліанскій орденъ подъ свое покровительство, а папа Иннокентій XI издалъ бреве отъ 30 октября 1683 г., которымъ кассировалъ минскую конгрегацію и предписывалъ созвать новую. Но это бреве не было тотчасъ приведено въ исполненіе, потому что митрополитъ Жоховскій въ письмѣ своемъ отъ 28 февраля 1684 г. къ кардиналу Нерлію критиковалъ папское бреве и жаловался на очерненіе его базиліанами,—его, который кровію и жизнію защищаетъ апостольскій престолъ и достигъ того, что уничтоженъ былъ въ Россіи схизматическій митрополитъ и остался одинъ уніатскій, его, который присоединилъ къ уніи множество схизматическихъ церквей, выстроилъ новыя зданія для базиліанъ, выпросилъ для нихъ у республики богатыя имѣнія, возстановилъ каѳедральную церковь виленскую, и проч. Вслѣдствіе сего протеста Жоховскаго опять возобновилась переписка о возникшемъ разногласіи между митрополитомъ и орденомъ и о средствахъ къ примиренію ихъ. Конгрегація распространенія вѣры чрезъ секретаря своего спрашивала холмскаго епископа Якова Сушу о происхожденіи несогласія, объ основаніяхъ, по коимъ митрополитъ и епископы домогаются власти надъ монахами и проч., причемъ препровождена была къ Сушѣ и копія протеста митрополита Жоховскаго. Яковъ Суша, между прочимъ, отвѣчалъ, что 1) разногласіе возникло вслѣдствіе того, что базиліане указали нунцію причину упадка своего ордена въ угнетеніи его митрополитомъ и епископами и этимъ раздражили митрополита; 2) что митрополитъ напрасно требуетъ подчиненія себѣ монаховъ, потому что и въ Греціи монахи не до того подчинены своимъ прелатамъ, чтобы послѣдніе присвояли себѣ ихъ доходы, и зависятъ отъ нихъ только въ отношеніи совершенія обрядовъ и таинствъ; 3) что митрополитъ Рутскій, обративъ въ унію множество монастырей, нигдѣ не желалъ имѣть архимандритовъ,

---

[1]) Письмо Мартышкевича къ м. Жоховскому, отъ 3 дек. 1683 г., въ почаев. архивѣ, № 201.

кромѣ супрасльскаго и жидичинскаго монастырей, и испросилъ у папы Урбана разрѣшеніе самимъ монахамъ избирать себѣ генерала изъ простыхъ монаховъ; а посему должна быть ограничена власть митрополита и епископовъ надъ монахами [1]).

Это была послѣдняя услуга Якова Суши базиліанскому ордену. 4 марта 1685 года Суша умеръ; но его мнѣніе положено было въ основаніе Nexus-а или союза между базиліанскимъ орденомъ и уніатскимъ митрополитомъ, выработаннаго на новогрудской конгрегаціи 1686 года, подъ предсѣдательствомъ кіевскаго латинскаго бискупа Ѳомы Вейскаго. Хотя этотъ Nexus или союзъ и не былъ формально утвержденъ папою, но имѣлъ силу закона до 1743 года. Этимъ Nexus-омъ или союзомъ блистательно завершилась для ордена его слишкомъ 40-лѣтняя борьба съ митрополитомъ. Мысль Якова Суши о принятіи въ основу жизни базиліанскаго ордена началъ римской церкви и въ частности постановленій тридентскаго собора выразилась въ этомъ Nexus-ѣ и въ предоставленіи базиліанскому ордену внутренняго самоуправленія, и въ данномъ протоархимандриту правѣ визитовать всѣ монастыри, не исключая и архимандричьихъ, съ дозволенія впрочемъ митрополита, и въ визитаціи приходскихъ церквей ордена, и въ поставленіи и смѣнѣ временныхъ настоятелей и проч. Словомъ, въ силу условій Nexus-а, базиліанскій орденъ сталъ твердою ногою на тотъ путь, который привелъ его впослѣдствіи къ окончательному окатоличенію и уподобленію другимъ монашескимъ орденамъ латинской церкви [2]).

Со времени Nexus-а стало быстро умножаться и количество базиліанскихъ монастырей. Около времени заключенія союза съ митрополитомъ Жоховскимъ въ составъ базиліанскаго ордена входили слѣдующіе монастыри: жировицкій, бытенскій, рожанскій, полоцкій, новогрудскій, владимірскій, волненскій, казутскій, березвечскій, витебскій, черлонскій, холмскій, брестскій, лысковскій, тороканскій, красногорскій, пинскій,—и кромѣ того въ болѣе или менѣе тѣсныхъ связяхъ съ нимъ находились архимандріи: виленская, лав-

---

[1]) »Труды кіев. дух. академіи«, ноябрь, 1870 г., стр. 384—391.

[2]) Nexus см. въ Дѣлѣ м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium № 3; см. »Труды кіев. дух. академіи«, ноябрь, 1870 г., стр. 393 и слѣд.

ришевская, супрасльская, черченская, дерманская, дубенская, спасская и крестовоздвиженское пожизненное настоятельство дубенское, жидичинская, дорогобужская, брацлавская, мстиславская, онуфрейская, пустынская, гродненская, лещинская, полоцкая, борисоглѣбская, минская, кобринская, черейская, троцкая и проч., всего до 30-ти слишкомъ монастырей. Вскорѣ послѣ 1686 года присоединены были къ ордену монастыри верховскій, мирскій, доброгорскій, бучацкій, бѣльскій, ушачскій. Кромѣ того, Львомъ Кишкой возвращены ордену возведенные было въ архимандріи монастыри—виленскій, лавришевскій, минскій, пустынскій, мстиславскій, черейскій и тороканскій [1]). Но около половины XVIII в. число всѣхъ базиліанскихъ монастырей простиралось свыше 160, въ числѣ коихъ значился и замостьскій монастырь [2]), служившій въ XVIII вѣкѣ вторымъ важнымъ центромъ уніатчины въ холмской землѣ. Къ исторіи этого монастыря мы теперь и обращаемся.

II.

Замостьскій уніатскій монастырь явился въ первой четверти XVIII вѣка въ замѣнъ православныхъ замостьскихъ церквей никольской и вознесенской и долго еще потомъ боролся съ ихъ православными преданіями, невольно подчиняясь иногда ихъ вліянію. Поэтому мы должны, прежде изложенія свѣдѣній о самомъ монастырѣ, сказать объ этихъ церквахъ до перехода ихъ въ руки уніатовъ и превращенія ихъ въ замостьскій уніатскій монастырь.

Въ то время, какъ холмскій каѳедральный богородичный монастырь въ XVII вѣкѣ сдѣлался уже однимъ изъ важныхъ центровъ уніи и базиліанскаго ордена и въ лицѣ своихъ представителей оказывалъ ему немаловажныя услуги, — кругомъ Холма всюду еще господствовало православіе. Въ 1700 году въ Холмщинѣ и Подляхіи оставались еще православными монастыри: люблинскій, бѣльскій, брянскій и многіе другіе [3]), и до самаго этого года оставалось въ православіи братство замостьской никольской церкви.

---

[1]) »Труды кіев. дух. академіи«, ноябрь, 1870 г., стр. 406—407.

[2]) Тамъ-же, августъ, 1870 г., стр. 434—436.

[3]) Актъ луцкаго братства 1700 г. въ Виленскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ, 1868 г., № 21.

Городъ и крѣпость Замостье основаны были во второй половинѣ XVI вѣка коронным канцлеромъ Яномъ Замойскимъ, однимъ изъ лучшихъ государственныхъ людей своего времени, который любилъ просвѣщеніе и основалъ замойскую академію, отличался вѣротерпимостью и расположенностью къ русскому народу. Населеніе Замостья было смѣшанное; тутъ селились и поляки, и русскіе, и греки, и армяне, и евреи. Между другими вѣроисповѣданіями православное занимало едва-ли не самое видное мѣсто; въ XVII вѣкѣ ему принадлежали церкви вознесенская на львовскомъ предмѣстьѣ (нынѣ Новая Осада) и никольская въ самой крѣпости.

Прежде всего построена была здѣсь православная вознесенская церковь на львовскомъ предмѣстьѣ, и при ней учреждено было братство, уже существовавшее въ 1590 году [1]). Около того-же времени разрѣшена къ постройкѣ и другая православная церковь, но уже въ самомъ замкѣ или крѣпости замостьской. Разрѣшеніе на постройку этой послѣдней дано было основателемъ города, коронным канцлеромъ Яномъ Замойскимъ, 10 января 1589 года, собственно грекамъ, которые, не смотря на свое недавнее появленіе въ Замостьѣ, заняли здѣсь въ ряду торговцевъ другихъ націй первенствующее мѣсто. Упомянутымъ сейчасъ привилеемъ Замойскаго имъ предоставлялось „не только имѣть складъ своихъ товаровъ и дома́, но и быть распорядителями нѣкоторыхъ купечествъ, сообща составленныхъ“, а устроивъ церковь свою въ самомъ городѣ, „содержать при ней одного священника или болѣе,—равно совершать богослуженіе по своему обряду безъ всякаго препятствія отъ кого-либо“ [2]). Кому затѣмъ принадлежитъ самая постройка никольской церкви,—грекамъ или русскимъ, либо тѣмъ и другимъ вмѣстѣ,—объ этомъ свѣдѣній нѣтъ; но вскорѣ послѣ того мы видимъ грековъ и русскихъ въ дѣлахъ вѣры дѣйствующими за одно и съобща пользующимися новоустроенною въ Замостьѣ православною никольскою церковью. При этой церкви, какъ и при вознесенской на предмѣстьѣ, возникаетъ братство, въ которомъ также

---

[1]) Упоминается подъ этимъ годомъ въ универсалѣ Томаша-Іосифа Замойскаго отъ 21 апрѣля 1712 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Копія этого документа въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

единство исповѣданія соединило грековъ и русскихъ [1]). Учрежденіе этого братства, если не предшествовало постройкѣ каменной никольской церкви, то совпало съ временемъ оной. Легко допустить, что если раньше этого существовала русская церковь на предмѣстьѣ Замостья, то тѣмъ болѣе должна была существовать такая же церковь въ самомъ Замостьѣ, а при ней, по обычаю того времени, и братство, хотя еще безъ устава и опредѣленной организаціи. Въ *Суммаріушѣ* (описи) дѣлъ замостьскаго монастыря, составленномъ 20 ноября 1775 года, мы нашли указаніе на „привилей (но не самый привилей) восточнаго патріарха, писанный погречески,

---

[1]) Учрежденіе церковныхъ братствъ было въ это время весьма распространено въ южной Россіи, но и греки были знакомы съ этимъ учрежденіемъ по существовавшимъ въ разныхъ мѣстахъ греческихъ поселеній тѣмъ-же и съ такимъ-же названіемъ обществамъ. Однимъ изъ первыхъ греческихъ братствъ, пріобрѣвшихъ наибольшую извѣстность, было греческое братство въ Венеціи. Здѣсь еще въ 1470 году греки получили позволеніе свободно отправлять свое богослуженіе въ предѣлѣ св. Власія, потомъ въ 1498 году устроить братскій домъ въ честь св. Николая, наконецъ въ 1511 году позволеніе построить новый храмъ св. Георгія, который и былъ построенъ въ 1526 году и освященъ 1527 года, когда послѣдовало окончательное утвержденіе венеціанскимъ правительствомъ патронатскихъ правъ братства по отношенію къ храму и приходу или церковной общинѣ. Были и другія братства. Въ Греціи особенную извѣстность пріобрѣло братство св. Спиридона въ Корфу. Организованнѣе другихъ было братство св. Георгія въ Венеціи. Совѣтъ братства, состоявшій до 1592 года изъ 40 членовъ, съ этого года состоялъ изъ 60-ти. Братство становилось какъ бы центральнымъ для всей Греціи. Изъ разныхъ земель и острововъ Греціи присоединялись къ нему члены и жертвователи. Аѳиняне, морейцы, ѳессалійцы, павкатцы, критяне, эвбейцы, коринѳяне, іоняне, македоняне, ѳракійцы, эпироты,—всѣ съ равнымъ жаромъ трудились для блага и чести своего народа, всѣ помогали его насущнымъ потребностямъ. Чины совѣта возобновлялись чрезъ каждые три года, выбирались на общемъ собраніи. Изъ членовъ совѣта ежегодно дѣлался выборъ лавы или скамьи представителей (кастальдъ, викарій, писарь и два дѣлопроизводителя), какъ административной или исполнительной власти въ дѣлахъ братства, также двухъ дефенсоровъ (на два года), столько же синдиковъ и контролеровъ, 12 діаконовъ, двухъ надзирателей за строеніями, журналиста и всѣхъ состоявшихъ на жалованьи какъ духовныхъ, такъ и мірянъ. Избраніе всѣхъ должностныхъ лицъ совершалось простымъ большинствомъ, а избраніе кастальда, епископа и священниковъ — не иначе, какъ двумя третями голосовъ. (См. книгу И. Малышевскаго: »Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ«. Кіевъ, 1879 г., т. I, стр. 40, 509—510.

съ печатью на массѣ, въ жестянкѣ, служащій тому братству св. Николая", т. е. являющемуся скоро съ опредѣленною организаціею и уставомъ. Вѣроятно эта греческая грамота дана была замостьскимъ жителямъ православнаго исповѣданія цареградскимъ патріархомъ Іереміею, проѣзжавшимъ черезъ Замостье въ 1588—9 годахъ. Что замостьскіе греки дѣйствовали за одно съ мѣстнымъ русскимъ православнымъ населеніемъ въ дѣлахъ вѣры и благотворенія, что въ это время въ Замостьѣ существовала греко-русская община, что эта община имѣла какую-то организацію относительно дѣлъ благотворенія и общія для того средства, что она носила даже названіе *братіи* или *братства*, объ этомъ свидѣтельствуетъ привилей канцлера Яна Замойскаго, отъ 28 мая 1601 года, данный частному лицу греческой націи по дѣлу устройства госпиталя. „Славный Яни Константиновичъ гречинъ, пишетъ въ немъ Замойскій, мѣщанинъ мой замостьскій представилъ мнѣ документы и записью предъ урядомъ войтовскимъ города моего Замостья подтвердилъ, что онъ купилъ за 40 злотыхъ польскихъ у честного Алексѣя, попа церкви русской вознесенской, на предмѣстьѣ моемъ замостьскомъ, по названію львовскомъ, и у жены его Аполлоніи половину плаца съ принадлежащимъ къ нему огородомъ, на которомъ уже теперь и домъ построилъ собственнымъ иждивеніемъ, каковой находится между погостомъ той церкви и домомъ Симоновымъ, по дорогѣ вымѣренной, на постройку и учрежденіе госпиталя для убогихъ *греческой и русской* религіи, и окончательно расплатился, о чемъ обширнѣе гласитъ подлинная его запись и обозначеніе того плаца, записанное имъ въ актахъ войтовскихъ. Каковое намѣреніе и фунфацію помянутаго Яни гречина, мѣщанина моего замостьскаго, я утверждаю нынѣшнимъ листомъ моимъ на вѣчныя времена, съ тѣмъ условіемъ, что потомки его, Яни, не могутъ по смерти его обратить помянутый плацъ и построенный на немъ домъ съ огородомъ въ свою пользу, но все это будетъ вѣчно принадлежать помянутому госпиталю. Равно должно имѣть силу все то, что будетъ отказано кѣмъ либо по духовному завѣщанію на тотъ госпиталь, или что уже было завѣщано кѣмъ либо до выдачи сего привилея. Никто также не будетъ имѣть права завѣдывать тѣми имѣніями, которыя бы даны были Яномъ на тотъ госпиталь, кромѣ самого означеннаго Яни съ *братіею* его религіи греческой; и потомки его,

по смерти его, не могутъ распоряжаться безъ воли *братіи*. А если бы также завѣщали что и другіе, тогда должны быть соблюдаемы воля и надлежащій правильный порядокъ относительно завѣщанныхъ имуществъ, установленный ими съ согласія моего и потомковъ моихъ. Просителямъ изъ того госпиталя предоставляется просить на госпиталь и его нужды въ городѣ и по селамъ, безъ препятствія со стороны лицъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Въ этотъ госпиталь какъ помянутый Яни гречинъ, такъ и потомки его, провизоры сего госпиталя, могутъ принимать людей религіи греческой изъ здѣшняго города и принадлежащихъ къ нему колоній, и безъ воли ихъ не обязаны будутъ принимать убогихъ людей ни по чьей просьбѣ или ходатайству [1])". Ясно названная въ этомъ привилеѣ православная замостьская *братія*, завѣдывающая дѣлами благотворенія, вѣроятно и есть то православное братство замостьское, которое, спустя пять лѣтъ, именно 30 марта 1606 года, получаетъ отъ львовскаго епископа Гедеона Балабана благословенную грамоту и утвержденіе своего устава [2]).

Эта грамота есть буквальное почти повтореніе грамоты антіохійскаго патріарха Іоакима, данной въ 1586 году на основаніе церковнаго братства львовскаго, что совершенно натурально при однородности учрежденій и одинаковости обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ [3]). Кромѣ этого братства при той-же никольской церкви учреждается младшее или молодшее, подъ названіемъ братства Покрова пресв. Богородицы, и получаетъ разрѣшеніе на свое существованіе и утвержденіе своего устава въ видѣ особой грамоты отъ того-же епископа Гедеона Балабана [4]). Разница между прежнимъ старшимъ и новымъ молодшимъ братствами заключалась лишь въ томъ, что къ первому принадлежали семейные хозяева, а ко

---

[1]) Привилей этотъ—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Подлинникъ этой грамоты въ бумагахъ замостьскаго монастыря. Текстъ ея см. въ отдѣлѣ Матеріаловъ этой же книжки «Кіевской Старины».

[3]) См. ее въ «Памятникахъ, изд. временною коммисіей для разбора древнихъ актовъ», Кіевъ, т. Ш, 1852 г., стр. 1 и слѣд.

[4]) Въ бумагахъ замостьскаго монастыря есть копія грамоты Геодеона Балабана младшему братству, тождественная по содержанію съ приведенной грамотой его 1606 года; но къ этой копіи привѣшена печать самого младшаго братства съ кустодіею, на которой вырѣзанъ 1656 годъ.

второму—холостые люди; но цѣль ихъ одна: содержаніе церкви, ея украшеніе, помощь старымъ, больнымъ и бѣднымъ въ приходѣ, взаимная самопомощь и охраненіе отеческой вѣры. Оба братства, выполняя свое призваніе, развивались, сообразно тому и данный имъ Гедеономъ Балабаномъ уставъ подвергался нѣкоторымъ дополненіямъ, какъ подвергался подобнымъ дополненіямъ и уставъ львовскаго братства 1586 года.

Главнѣйшее измѣненіе или точнѣе расширеніе устава братскаго произведено при митрополитѣ кіевскимъ Сильвестрѣ Коссовѣ [1]), и, въ этомъ дополненномъ видѣ, уставъ утвержденъ былъ тогдашнимъ владѣльцемъ Замостья Ѳомой Замойскимъ 4-го марта 1627 г.

Сличая сдѣланныя въ это время прибавки съ основнымъ текстомъ братскаго устава 1606 года, мы видимъ въ нихъ слѣдующія особенности: 1) сравнительно большее обезпеченіе братскихъ священниковъ вознагражденіемъ за обязательныя, по братскому уставу, службы; 2) стремленіе удержать въ составѣ братства и тѣхъ его членовъ, которые переселились въ другое мѣсто, и слѣдов. расширить кругъ дѣйствій и вліянія братства за предѣлы никольскаго прихода и города Замостья; 3) усиленіе доходовъ братства обязательствомъ, чтобы умирающіе братчики записывали часть своего имущества на убогихъ и больныхъ братства, и 4) стремленіе обязать вновь поступающихъ въ братство присягою, чтобы они до конца жизни своей оставались вѣрными православной церкви. Полагая, что эти добавочные пункты устава вызваны тогдашнимъ положеніемъ никольскаго замостьскаго братства, мы въ правѣ заключать, что въ это время нѣкоторые прежніе члены братства выбыли уже изъ Замостья и порвали всякую связь съ этимъ братствомъ, а другіе измѣнили православной вѣрѣ и церкви, вслѣдствіе чего составъ и имущественныя средства братства оскудѣли противъ прежняго.

Въ видахъ сосредоточенія силъ православной замостьской общины и наибольшаго попеченія о церкви Божіей, въ 1661 году урегулированы были отношенія старшаго никольскаго братства къ

---

[1]) Подлинная грамота Сильвестра Коссова въ бумагахъ замойскаго монастыря, но безъ начала. Тамъ-же и подтвержденіе этой грамоты Ѳомой Замойскимъ. См. отд. матеріаловъ этой-же книжки «Кіев. Старины».

младшему покровскому, существовавшему при той же никольской церкви: между ними установлена была тѣснѣйшая связь и послѣднее получало отъ перваго, по выбору, на каждый годъ двухъ старшихъ братчиковъ, которые руководили всѣми его дѣйствіями и безъ которыхъ не могло состояться ни одно его совѣщаніе и постановленіе, а для поддержанія личнаго состава обоихъ братствъ постановлено было, чтобы младшій братъ переходилъ въ старшее братство, по вступленіи въ бракъ, но не раньше, какъ чрезъ годъ и шесть мѣсяцевъ [1]).

Но не успѣло еще вполнѣ организоваться никольское замостьское братство, какъ для него настали тяжелыя времена. Прежніе владѣльцы Замостья, отличавшіеся вѣротерпимостью и нѣкоторымъ расположеніемъ къ греческимъ поселенцамъ, умерли; во второй половинѣ XVII вѣка являются владѣтельницами Замостья двѣ женщины, фанатически преданныя Риму и затѣянной имъ уніи, а именно— Гризелла-Констанція Корибутовна и Анна Замойскія, которыя не могли, по своему католическому благочестію, равнодушно смотрѣть на процвѣтаніе въ Замостьѣ православія. Да и общее настроеніе польскаго общества и государства, послѣ войнъ Богдана Хмельницкаго съ поляками, далеко было не въ пользу православія, которое называлось у поляковъ хлопскою вѣрою, связывалось въ ихъ представленіи съ такъ называемыми у нихъ хлопскими бунтами и считалось главнымъ источникомъ и очагомъ послѣднихъ. Вслѣдствіе этого права православныхъ жителей Польши постепенно ограничивались и уничтожались, и сама православная церковь стала игнорироваться, какъ будто не имѣющая и права на существованіе. Въ 1668 году король Янъ Казиміръ, по просьбѣ уніатскаго митрополита Гавріила Коленды, утвердилъ за нимъ право завѣдывать и управлять всѣми вакантными епископствами въ Польшѣ и Литвѣ [2]); а въ числѣ вакантныхъ епископствъ считались и православныя епископіи, хотя бы онѣ и имѣли своихъ наличныхъ епископовъ. Этотъ привилей Яна Казимира породилъ цѣлый рядъ насилій

---

[1]) Постановленіе о семъ братства въ бумагахъ замостьскаго монастыря. Текстъ его см. въ отдѣлѣ матеріаловъ этой-же книжки «Кіев. Старины».

[2]) См. этотъ привилей въ книгѣ—Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 9.

со стороны уніатской іерархіи и католическихъ магнатовъ надъ православными іерархами, монастырями, священниками и ихъ прихожанами и сильно содѣйствовалъ наружному обращенію православныхъ жителей бывшей Польши въ унію и даже католицизмъ.

Замостьскіе православные не менѣе другихъ единовѣрцевъ своихъ навлекали на себя подозрѣніе польскаго правительства и властей своими симпатіями къ бунтовавшемуся противъ Польши козачеству. Когда въ 1648 году Богданъ Хмельницкій подступилъ къ Замостью, предмѣщане собрались къ его полковнику Небабѣ толпами и начали было говорить съ нимъ, какъ русскіе; но появился трубачъ на башнѣ и закричалъ: „прочь отсюда! паны, находящіеся въ крѣпости, не станутъ унижаться, чтобъ входить съ вами, холопами, въ сношенія, а мѣщанамъ не позволяется!“ Увѣренные въ томъ, что русскіе предмѣщане готовы будутъ принять козаковъ, какъ братьевъ, и дадутъ имъ пристанище въ своихъ домахъ, паны приказали зажечь предмѣстья. Тогда поднялась сильная буря прямо въ лицо козакамъ. „Несчастные предмѣщане,—говоритъ очевидецъ,—хватали, что успѣвали, изъ своихъ пожитковъ; одни бѣжали съ ними въ подъемныя ворота къ сѣверной башнѣ; другіе карабкались по веревкамъ черезъ стѣны; крики малютокъ, вопли лишенныхъ крова и дрожащихъ отъ стужи страшно поражали слухъ. Многіе не попали въ городъ и помѣстились на возахъ съ остатками своихъ имуществъ подъ стѣнами. Никто не смѣлъ роптать, если не хотѣлъ быть отданнымъ подъ стражу двумъ дворянамъ, которыхъ выбирали стеречь подозрительныхъ, съ сотнею жолнеровъ“ [1]). По зборовскому договору 1649 г., подтвержденному на сеймѣ 1650 года, холмская епархія, въ предѣлы которой входило и Замостье, возвращена была православнымъ и, какъ мы уже видѣли, около двухъ лѣтъ управлялась православнымъ холмскимъ епископомъ Діонисіемъ Балабаномъ; но послѣ пораженія козаковъ подъ Берестечкомъ она опять отдана была уніатамъ. Поэтому, какъ только кончились войны Хмельницкаго съ поляками, начались энергическія дѣйствія со стороны римско-католиковъ для подавленія русской народности и пра-

---

[1]) «Богданъ Хмельницкій» Н. И. Костомарова, изд. 3-е 1870 г., т. II стр. 34.

вославія и введенія уніи въ холмской епархіи и, между прочимъ, въ Замостьѣ.

Первые опыты введенія уніи во владѣніяхъ графовъ Замойскихъ начались съ селъ и предмѣстій. 28 февраля 1670 года Гризелла Констанція на Замостьѣ Корибутовна Замойская презентуетъ уніатскому холмскому епископу Якову Сушѣ нѣкоего Александра Теодоровича на священническое мѣсто къ Площенской Рождество-Богородичной церкви, приведенной уже въ уніи съ римскимъ костеломъ [1]). Въ 1674 году при вознесенской церкви на львовскомъ предмѣстьѣ г. Замостья былъ уже *уніатскій* попъ Іоаннъ Кириловичъ. Онъ, какъ видно, чувствовалъ себя прочно на своемъ мѣстѣ и не побоялся пріобрѣсти недвижимую собственность, купивъ полморга земли у замостьскаго предмѣщанина Павла Пузеровича [2]). Но прихожане и братство не хотѣли его знать и не доставляли ему необходимыхъ средствъ къ жизни. Въ 1687 году холмскій уніатскій епископъ Александръ Августинъ Лодзянка особымъ декретомъ своимъ старался установить такія отношенія между священникомъ и братствомъ вознесенской церкви: „продажа свѣчъ шеляговыхъ должна принадлежать велебному приходскому священнику теперешнему и будущему, а онъ обязанъ будетъ за это содержать такого дьяка, который бы всегда при церкви жилъ въ школкѣ и училъ дѣтей, которому (попу) и паны братство должны отдавать повинность издавна установленную: по 6-ти грошей каждое воскресенье и по 6-ти грошей въ великіе праздники, когда служится всенощная. Вино и кадило будутъ доставлять пополамъ священникъ и братство. Съ поля Крушиновскаго съ копы половина снопами должна идти священнику, за что, по пропорціи покопнаго хлѣба, онъ обязанъ совершать св. литургіи за души умершихъ, а другая половина—панамъ братству на поддержаніе церкви. Огородомъ завѣщаннымъ послѣ Козака, должны завѣдывать панове братство; а если бы вздумали продать его, то половину денегъ обратятъ на поддержаніе церкви, а другую половину—на св. литургіи. Тремя моргами госпитальными, по давнимъ декретамъ, естественнѣе всего

---

[1]) Презенты въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Тамъ-же выпись изъ актовъ адвокатскихъ Замойскихъ, 1674 года.

долженъ пользоваться священникъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы возилъ навозъ на то поле и удобрялъ его и извѣстную часть копъ, по мѣстному обычаю, отдавалъ госпиталю; а если бы онъ не сталъ уважаживать, то предоставляется панамъ братству отдавать тѣ морги на копы, кому захотятъ. Велебный отецъ приходской священникъ каждую субботу на вечерни будетъ святить воду на нужды людей, обязанъ тщательно совершать св. таинства, назидая спасенный народъ ученіемъ, примѣрною жизнію, поощряя его къ хвалѣ Божіей съ кротостію и почтеніемъ. Панове братство будутъ стараться о поддержаніи дому Божія, не дѣлая никакого насилія правамъ приходскаго священника и во всемъ соблюдая братскія правила, которыя, для лучшаго усвоенія и уразумѣнія при выборахъ, велебный отецъ приходской священникъ долженъ читать имъ въ церкви на засѣданіи" [1]). Но прихожане и братство не хотѣли исполнять и этого епископскаго декрета. „Дошло до насъ свѣдѣніе,—писалъ тотъ же епископъ Лодзянка, два года спустя, тому же братству, что славетности ваши вторично сопротивляетесь декрету нашему, состоявшемуся въ 1687 году, равно какъ и вопреки подчиненія, изъявленнаго старшими братьями отъ имени всего братства, и вопреки пункту утвержденія братства, ненадлежаще вмѣшиваетесь въ доходы и провенты церковные, осмѣливаетесь продавать въ церкви свои шеляговыя свѣчи, отбирать присужденные декретомъ священнику доходы за похороны и стараетесь дѣлать ему другія препятствія, а что хуже,—угрожаете священнику изгнаніемъ изъ церкви". Очевидно, что эта пертурбація происходила на почвѣ еще не отвердѣвшей уніи, которой знать не хотѣли нѣкоторые изъ братчиковъ, рѣшавшіеся принять относительно навязаннаго имъ священника радикальную мѣру изгнанія, но и епископъ находилъ въ чемъ-то опору и, не думая уступать, грозилъ непокорнымъ братчикамъ своимъ неблагословеніемъ и уничтоженіемъ самаго братства [2]).

Позже другихъ обращены были въ унію никольская замостьская церковь и ея братство. Первые опыты совращенія этого брат-

---

[1]) См. подтвержденіе этого декрета холмскимъ оффиціаломъ А. Картинскимъ въ 1743 году въ концѣ визиты подгородной вознесенской церкви, 1732 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Листъ Лодзялы—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

ства въ унію относятся приблизительно къ 1690 году. 24 мая 1690 года уніатскій митрополитъ Левъ Шлюбичъ-Заленскій, владимірскій и брестскій епископъ, писалъ никольскому замостьскому братству слѣдующее: „архипастырскимъ сердцемъ пріемля чувства, выраженныя чрезъ достойныхъ делегатовъ братства, славетныхъ пановъ Матіаша Левкевича, старшаго брата, и Самуила Тарнопольскаго, втораго брата, и провизора того братства, при достоуважаемомъ ходатайствѣ за вашихъ милостей ясновельможной ея милости пани подскарбины великой коронной (т. е. Анны Замойской), госпожи и благодѣтельницы нашей,—не только принимаемъ въ общеніе святой вселенской римской церкви, которою мы, недостойные, возведены въ этотъ митрополитскій санъ, но, при благословеніи Божіемъ и архипастырскомъ, охотно надѣляемъ вашихъ милостей всѣми прерогативами, участіемъ, сообщеніемъ заслугъ отпустовъ, привиллегіями, какія даны св. апостольской римской столицей католическимъ правовѣрнымъ и православнымъ братствамъ, находящимся въ уніи св. вѣры. Принимая ваши милости въ недостойное архипастырское печалованіе наше, мы однако, по сыновнему, теплому, искреннему и неизмѣнному чувству вашихъ милостей, сильно желаемъ, чтобы вы, впредь до дальнѣйшаго распоряженія съ ясновельможной ея милостью госпожей подскарбиной или ихъ милостями панами ординатами, господами и благодѣтелями нашими, изволили довольствоваться тѣмъ священникомъ, который назначенъ и поставленъ, для удовлетворенія духовныхъ вашихъ нуждъ, превелебнѣйшимъ, его милостью, отцомъ епископомъ холмскимъ, братомъ и сослужебникомъ нашимъ, пока Господь Богъ не укажетъ лучшихъ лицъ и способа обезпеченія ихъ. Дабы все это пришло къ исполненію, мы оставляемъ помянутаго, его милость, епископа холмскаго, въ отсутствіе наше, какъ товарища и сопастыря, при особой администраціи надъ тѣмъ братствомъ и всѣми во Христѣ порученными намъ овечками, оставляя при насъ самихъ и митрополитскомъ престолѣ общую зависимость по канонамъ святымъ и обычаю церкви восточной, и вмѣстѣ (разрѣшаемъ) отъ всякихъ церковныхъ наказаній, запрещеній, клятвъ и заблужденія въ вѣрѣ святой, въ которомъ дотолѣ (находились)“ [1])...

---

[1]) См. экстрактъ изъ книгъ уряда коммисарскаго замку Замойскаго, 1699 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря. Но здѣсь недостаетъ конца митрополитскаго листа.

Слѣдуетъ въ этой грамотѣ отмѣтить то обстоятельство, что представители никольскаго братства, по свидѣтельству этой грамоты, обратились къ уніатскому митрополиту съ изъявленіемъ желанія принять унію при посредствѣ и содѣйствіи владѣтельницы Замостья Анны Замойской, которой, поэтому, и нужно приписать иниціативу дѣла. Слѣдовательно, обращеніе никольскаго братства, или только части его, въ унію едва ли было свободное и искреннее. Вѣроятно братчики сдѣлали это, уступая силѣ и разсчитывая на матеріальныя выгоды. Это отчасти можно видѣть и изъ акта коммисіи 1699—1701 г., занимавшейся вопросомъ относительно обезпеченія замостьскихъ церквей, перешедшихъ въ унію.

Коммисія эта собралась въ октябрѣ 1699 года и, послѣ продолжительнаго перерыва и совѣщанія съ Анной Замойской, окончила свои занятія уже въ 1701 году. Она состояла изъ двухъ коммисаровъ со стороны Анны Замойской и двухъ представителей уніатскаго митрополита и холмскаго епископа, и имѣла первоначальною задачею своею: 1) привесть въ извѣстность доходы и грунты никольской церкви, по дарственнымъ записямъ, легаціямъ и декретамъ, и разсмотрѣть, достаточно-ли ихъ для содержанія при той церкви священника и совершенія имъ, съ другими церковными служителями, богослуженія; 2) распредѣлить ближайшіе къ городу Замостью и предмѣстью его приходы, именно,—какіе изъ нихъ должны быть причислены къ городской церкви и какіе—къ предгородной. Кромѣ того, замостьское никольское братство предъявило слѣдующія свои требованія: 1) чтобы оба братства, городское и предгородное, участвовали въ управленіи госпиталемъ при церкви предгородной, который основанъ славетнымъ Константиновичемъ и утвержденъ блаженной памяти ясновельможнымъ его милостью паномъ фундаторомъ сего города; 2) чтобы отдѣлены были приходы, именно предмѣстья замостьскія, и сдѣлано было распредѣленіе между обѣими церквами; 3) чтобы пріѣзжіе люди, если кого изъ нихъ застигнетъ здѣсь смерть, погребаемы были, согласно волѣ умирающаго, при той церкви, при которой они захотятъ и 4) чтобы городская церковь зависѣла отъ одного только ясновельможнаго, его милости, отца митрополита, а не подчинялась власти ясновельможнаго о. епископа холмскаго.

Коммисія начала свои занятія разсмотрѣніемъ перваго пункта своей программы о свойствахъ и количествѣ доходовъ никольской замостьской церкви. Оказалось, что всѣ донаціи и легаціи не превышали 1225 злотыхъ, процентъ съ которыхъ и шелъ на содержаніе церкви и причта. По объясненію братчиковъ, этого процента совершенно не достаточно было для содержанія церкви, доселѣ поддерживавшейся „милостынею отъ людей украинскихъ, которая отнынѣ прекратилась вслѣдствіе принятія уніи“, такъ что пришлось заложить церковное серебро. Поэтому братчики домогались, чтобы выкуплено было церковное серебро и обезпечено содержаніе церкви изъ средствъ Анны Замойской, какъ главной виновницы обращенія ихъ въ унію. Очевидно никольское братство торговалось съ Анной Замойской и старалось какъ можно выгоднѣе промѣнять православіе на унію. Въ свою очередь, коммисары Анны Замойской не довѣряли братству и подозрѣвали его въ преувеличеніи бѣдности церкви и неискренности обращенія его къ уніи. Они просили коммисаровъ духовныхъ обревизовать никольскую церковь и ея состояніе по документамъ и обратить вниманіе на то, „нѣтъ-ли какой-либо фальши (erroris) противъ уніи; ибо, говорили они, хотя мы твердо убѣждены и о Господѣ увѣрены въ прочности истиннаго соединенія всѣхъ тѣхъ людей греческой религіи и вѣримъ, что они не съ лукавымъ сердцемъ приняли ту святую унію, но что касается обряда, то сомнительно, чтобы это согласовалось съ внутреннимъ усердіемъ. Посему, если еще не отстали отъ того, или лучше — не приняли того, что̀ существенно, то теперь-же бы исправлено было чрезъ ихъ милостей тѣхъ-же духовныхъ, чтобы въ символѣ, иначе въ *Вѣрую,* ясно, по постановленію соборовъ, именно флорентійскаго, на литургіи пѣли: „вѣрую въ Духа святаго, отъ Отца и Сына исходящаго“. Обревизовавъ никольскую церковь, духовные коммисары дѣйствительно нашли ее бѣдною, вслѣдствіе чего коммисары Замойской постановили выкупить церковное серебро за 641 зл. и $3^1/_2$ гроша, а сама Анна Замойская, отъ имени старшаго сына своего, назначила никольской церкви ежегодное пособіе по 400 злотыхъ. При этомъ на волю Анны Замойской предоставлено было или учредить при церкви монаховъ, согласно желанію братства, съ назначеніемъ ихъ отъ духовнаго начальства, или же, по праву патронатства, назначать свя-

щенника, съ подчиненіемъ ему обѣихъ церквей, городской и предгородной, для устраненія всякихъ столкновеній. Коммисія, согласно желанію братства, сдѣлала только оговорку, „чтобы означенный священникъ, если бы онъ былъ назначенъ, былъ безженный и на поставленіе презентованъ былъ духовной власти“, и проч.

Этимъ рѣшеніемъ основныхъ вопросовъ предрѣшены были и предложенные никольскимъ братствомъ четыре пункта. Очевидно, при сліяніи приходовъ подъ управленіемъ одного настоятеля, не могло быть и мѣста вопросу о разграниченіи приходовъ, исполненіи требъ въ чужомъ приходѣ, погребеніи, и проч. Коммисія оговаривается только, что, на случай существованія особыхъ приходовъ при обѣихъ церквяхъ, требы должны совержаться своими приходскими священниками, что умирающіе изъ пріѣзжихъ и даже мѣстныхъ жителей могутъ быть погребаемы при той церкви, при которой они пожелаютъ, но съ уплатою мѣстному приходскому священнику четвертой части погребальнаго дохода. Въ правѣ участвовать въ управленіи госпиталемъ было отказано никольскому братству. Что-же касается желанія сего братства непосредственно зависѣть отъ митрополита, то коммисія для рѣшенія этого пункта избрала средній, уклончивый путь, поставивъ братство въ духовныхъ дѣлахъ въ непосредственную зависимость отъ мѣстнаго холмскаго епископа, но съ предоставленіемъ братству права въ болѣе важныхъ случаяхъ обращаться къ митрополиту [1]).

Этотъ актъ коммисіи утвержденъ былъ Анной Замойской въ апрѣлѣ 1706 года [2]), но съ нѣкоторыми измѣненіями въ немъ. Мы не имѣемъ текста утвержденія Анны Замойской, но въ послѣдствіи времени видимъ, что приходы городской и предгородной замостьскихъ церквей не были слиты въ одинъ, какъ это предполагалось коммисіей, и между ними возникли споры о предѣлахъ, разбиравшіеся въ 1726 году холмскимъ уніатскимъ епископомъ Іосифомъ Левицкимъ [3]). Никольская церковь начинаетъ получать отъ Замой-

---

[1]) Подлинный черновый актъ коммисіи 1699 и 1701 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Объ этомъ утвержденіи упоминается въ запискѣ, подъ заглавіемъ «Origo monasterii Zamoyscensis», 1781 г., въ бумагахъ того-же монастыря.

[3]) Instrumentum этого епископа отъ 19 сентября 1726 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

скихъ субсидію по 400 злотыхъ въ годъ, изъ коихъ 200 шло на содержаніе священника, а 200 на поддержаніе церкви [1]). Настоятелями этой церкви въ XVIII вѣкѣ являются уже не бѣлые священники, а монахи базиліане. Есть темное извѣстіе, что они введены сюда Анною Замойскою еще въ 1706 году [2]); но во всякомъ случаѣ они явились здѣсь раньше замойскаго синода 1720 года. Въ 1717 году настоятелемъ замостьской никольской церкви былъ базиліанинъ, отецъ Алексѣй Леликовичъ [3]), но раньше его былъ здѣсь другой базиліанинъ, Николай Блещинскій, впервые назначенный сюда помянутымъ епископомъ Левицкимъ [4]). Впрочемъ и около времени замойскаго синода не было еще въ Замостьѣ базиліанскаго монастыря, и замойскій синодъ происходилъ не въ базиліанскомъ замостьскомъ монастырѣ, какъ полагаютъ нѣкоторые, а въ католическомъ коллегіатскомъ костелѣ. Настоятель базиліанинъ на первыхъ порахъ исполнялъ только должность приходскаго священника, какъ увидимъ впослѣдствіи, и не имѣлъ при себѣ другихъ подчиненныхъ ему монаховъ. Превращеніе замостьской никольской церкви въ базиліанскій монастырь совершилось уже впослѣдствіи, при обстоятельствахъ, которыя изложены будутъ въ слѣдующей главѣ.

Н. Петровъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

---

[1]) Тамъ-же, декларація Томаша Іосифа Замойскаго, 21 апрѣля 1712 года; см. заявленіе базиліанина Левиковича 26 сент., 1718 года.

[2]) Тамъ-же, Origo monasterii Zamoyscensis, 1781 года.

[3]) Тамъ-же, документъ 26 сентября 1718 года, съ заявленіемъ ассигновки Томаша Замойскаго на никольскую церковь.

[4]) Тамъ-же, заявленіе чиновъ никольскаго братства, записанное въ визитѣ замостьскаго монастыря, произведенной холмскимъ уніатскимъ епископомъ Фелиціаномъ Филиппомъ Володковичемъ 16 ноября, 1752 года.

Изъ исторіи международныхъ отношеній Польши и Россіи *).

Исторія международныхъ отношеній Польши и Россіи въ XVIII в. представляетъ ту поразительную особенность, что каждый разъ православное русское населеніе Польши, возставая противъ господства польскихъ пановъ, заявляло, что имѣетъ на то царскій указъ или грамоту, въ то же время противная сторона громко винила русское правительство въ возбужденіи народныхъ движеній, утверждая, будто оно разсылаетъ тайные указы своимъ единовѣрцамъ, призывая ихъ къ истребленію шляхты, ксендзовъ и жидовъ, само же напротивъ правительство русское нерѣдко посылало свои войска для усмиренія народныхъ возстаній, строго карало возставшихъ, расправлялось съ ними само или отдавало ихъ въ руки пановъ и принимало разныя другія мѣры для поддержанія въ сосѣдственной пріязненной державѣ существующаго порядка. Не смотря на столь явное противорѣчіе политики въ этихъ случаяхъ русскаго правительства съ ходившею о ней молвою, послѣдняя находила тогда всеобщую себѣ вѣру, проникла въ современную печать и настолько глубоко пустила корни въ сознаніе польскаго общества, преданнаго горячо своей національной идеѣ, что и до сихъ поръ приходится считаться съ нею. Попытаемся разъяснить это странное обвиненіе и показать его основанія, насколько позволяютъ это какъ изданные до сихъ поръ матеріалы, такъ и тѣ, кои хранятся въ центральномъ нашемъ архивѣ.

Найболѣе ранніе слухи, ходившіе въ православномъ населеніи Польши о царскихъ указахъ, призывающихъ будто бы его къ мятежу, слышатся во второй четверти XVIII вѣка. В. Б. Антоно-

---

*) Читано въ засѣданіи истор. общества Нестора лѣтописца, 31 января 1882 года.

вичъ, въ своемъ „изслѣдованіи о гайдамачествѣ“, изображая безплодную борьбу польскаго общества и правительства съ развившейся къ 1734 году противъ ихъ гнета народной реакціей, говоритъ, что, кромѣ тогдашнихъ мѣръ, принимавшихся польскимъ правительствомъ для ея подавленія, шляхтичи украинныхъ воеводствъ постоянно обращались чрезъ своихъ депутатовъ не только къ кіевскимъ генералъ-губернаторамъ, къ главнокомандующимъ русскими войсками, къ русскому посланнику въ Варшавѣ, но даже и прямо къ с.-петербургскому двору, съ просьбами о содѣйствіи. И дѣйствительно такого рода представленія, жалобы и просьбы не были оставляемы безъ вниманія: русское правительство принимало самыя дѣятельныя мѣры къ охраненію своей юго-западной границы отъ перехода чрезъ нее гайдамакъ: оно учредило караулы и форпосты, издало распоряженіе къ подлежащимъ властямъ о поимкѣ и выдачѣ укрывавшихся въ русскихъ владѣніяхъ преступниковъ и поручило своимъ пограничнымъ коммисарамъ, назначеннымъ для разслѣдованія и рѣшенія всякаго рода споровъ между русскими и польскими пограничными жителями, вѣдать также дѣла и о гайдамакахъ. „Но чѣмъ уступчивѣе оказывалось русское правительство“ [1]), говоритъ тотъ-же изслѣдователь, „чѣмъ болѣе оно принимало мѣръ для охраненія безопасности шляхтичей украинныхъ воеводствъ, тѣмъ требовательнѣе становились послѣдніе, тѣмъ болѣе свыкались они съ мыслью, что заботиться объ ихъ безопасности должны не они сами и не Рѣчь Посполитая, но что эта забота должна исключительно лежать на обязанности русскихъ властей. Сообразно съ этимъ взглядомъ, заявленія претензій становятся назойливѣе и пріемы дѣйствій нахальнѣе“. Въ 1748 году, по словамъ цитированнаго нами автора, шляхтичи дошли до того, что въ своемъ прошеніи, отправленномъ къ с.-петербургскому двору, заявляютъ, будто фельдмаршалъ Минихъ потому не доставилъ въ судъ гайдамацкихъ предводителей, укрывшихся десять лѣтъ тому назадъ въ запорожскихъ степяхъ, что взялъ съ нихъ взятку. Отсюда, намъ кажется, уже оставался одинъ шагъ и до обвиненія самого русскаго правительства въ подстрекательствѣ своими указами крестьянъ и гайдамакъ къ грабежамъ и убійствамъ. Съ большой дерзостью вос-

---

[1]) В. Антоновичъ. Изслѣдованіе о гайдамачествѣ, стр. 95.

пользовались клеветники Россіи для поддержанія этого обвиненія обстоятельствами, происшедшими въ Польшѣ въ 1734 году. Со смертью въ 1733 году короля Августа II, на сеймѣ боролись двѣ партіи: одна выставляла претендентомъ Августа III, курфирста саксонскаго, а другая Станислава Лещинскаго; борьба партій отозвалась во всѣхъ областяхъ государства. Россія поддерживала перваго претендента, и потому русскій полковникъ Полянскій, читаемъ мы далѣе въ „изслѣдованіи о гайдамачествѣ", занявъ г. Умань, отправилъ циркуляръ къ начальникамъ надворныхъ милицій въ брацлавскомъ воеводствѣ, приглашая ихъ дѣйствовать за одно противъ партіи Лещинскаго, совмѣстно съ русскими войсками. Этотъ циркуляръ былъ своеобразно понятъ, какъ милиціонерами, такъ и населеніемъ. Нѣкто Верланъ, начальникъ надворныхъ козаковъ въ Шарогродѣ, имѣніи Любомирскихъ, получивъ циркуляръ, поднялся со своею сотнею и сталъ созывать къ себѣ надворныя милиціи изъ окрестныхъ селъ и вербовать крестьянъ въ ихъ составъ; онъ принялъ титулъ козацкаго полковника, другихъ пожаловалъ въ сотники, ротмистры и порутчики,—вообще организовалъ собранную толпу и объявилъ ей, что онъ получилъ отъ русскаго полковника имянной указъ императрицы, которымъ будто-бы предписывалось истреблять всѣхъ враговъ—поляковъ и жидовъ, и разорять ихъ имущество, и что, послѣ окончательнаго ихъ истребленія, край будетъ присоединенъ къ Россіи, вмѣстѣ съ образовавшимся въ немъ козацкимъ войскомъ. Вслѣдствіе этого Верланъ привелъ свой полкъ къ присягѣ на вѣрность императрицѣ. На призывъ этого самозваннаго полковника народонаселеніе откликнулось сочувственно. Появленіе въ краѣ русскихъ и козацкихъ войскъ возбудило надежды угнетенныхъ и поддержало слухи, распространявшіеся съ легкой руки Верлана; говорили также, что для руководства возстаніемъ отправлены Танскій, послѣдній бывшій на правомъ берегу Днѣпра козацкій полковникъ, и гетманъ Самусь, давно уже умершій [1]).

Что дѣйствительно въ это время въ народѣ ходили неопредѣленные толки о такомъ указѣ, ясно изъ показаній трехъ аресто-

---

[1]) Ibid. стр. 104.

ванныхъ гайдамакъ. Одинъ изъ нихъ Андрей Сулакъ старался даже вспомнить на судѣ текстъ этого указа, „w ten sens pisany: „Jey Imperatorskoho Weliczeństwa y proczaia, proczaia. Daiu iemu komendu po ukazu Imperatorskoho Weliczeństwa nad wolochy, kozaki, y serby, szczob służyli Jey Imperatorśkiey Weliczeństwu do smerty...“ (więcey dalszego tenoru tego universalu nie pamięta)“ [1]).

Коливщина или возстаніе 1768 г. также приписывалась вліянію указовъ русскаго правительства. Г. Костомаровъ, въ сочиненіи о „послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“, указываетъ на вышедшую въ 1790 году въ Варшавѣ книгу [2]), авторъ которой причину бунта Желѣзняка и Гонты видитъ въ поджигательствѣ Запорожья со стороны Россіи. Ѳ. Г. Лебединцевъ, излагая разсказъ о борьбѣ ревностнаго защитника православія архимандрита Мелхиседека Значко-Яворскаго [3]), касается мимоходомъ слуховъ о ходившей будто-бы въ народѣ золотой грамотѣ Екатерины и думаетъ, что они легко могли возникнуть подъ вліяніемъ извѣстной исторіи о поѣздкѣ мотренинскаго игумена въ С.-Петербургъ съ жалобой на гоненіе отъ уніатовъ на православіе. Русская императрица принявъ его весьма благосклонно и, пожаловавъ монастырю богатую ризницу, самому Мелхиседеку приказала выдать изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ паспортъ на проѣздъ въ Варшаву, а также особый рескриптъ ея на имя русскаго посла при варшавскомъ дворѣ, князя Репнина, при содѣйствіи котораго Мелхиседекъ долженъ былъ добиваться предъ королемъ и министрами свободы православнаго исповѣданія въ русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой. „Самая грамота“, говоритъ далѣе г. Лебединцевъ, „если она не есть произведеніе народной фантазіи, но дѣйствительный фактъ, могла быть выдана Желѣзнякомъ и для большей силы приписана Мелхиседеку, въ которомъ народъ украинскій видѣлъ единственнаго защитника своего и ходатая“ [4]). По поводу слуховъ о царскихъ указахъ въ 1768 году,

---

[1]) Архивъ югозападной Россіи, т. III, ч. III, отдѣлъ актовъ, стр. 68.

[2]) Вотъ ея заглавіе: M. Portret Moskwy, czyli odpowiedź na pytania, co jest Moskwa i w jakim dziś znajduie się stanie? Jakie krzywdy Moskwa poczynila Polszcze? dla czego Polska poszla z Moskwą w rozwady. W. Warszawie. 1790. Этого сочиненія, къ сожалѣнію, намъ не удалось добыть.

[3]) См. предисловіе къ Матеріаламъ для исторіи православія въ западной Украинѣ. Архивъ юго-запад. Россіи, ч. I., II. Кіевъ. 1864 г.

[4]) Ibid., стр. CCVI.

нельзя не признать также заслуживающими вниманія словъ одного изъ современниковъ Коліивщины, будто „изобрѣтателемъ этихъ указовъ былъ вышеупомянутый Мелхиседекъ, что́ показывали даже и сами чернецы“. Г. Щебальскій въ своей статьѣ, помѣщенной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ [1]), передавая разсказъ объ уманской рѣзнѣ, сообщаетъ въ переводѣ съ французскаго и самый текстъ указа Екатерины, которымъ она будто-бы подняла Запорожье. Указъ этотъ заимствованъ авторомъ изъ изданія: „Archives diplomatiques par le c-te d'Angenberg“. Останавливаясь на датѣ, формѣ, тонѣ и содержаніи документа, г. Щебальскій выводитъ заключеніе о несомнѣнной его ложности. Мы думаемъ, что ложность акта еще бы болѣе подкрѣпилась, если бы можно было изслѣдовать тотъ путь, которымъ онъ дошелъ до французскаго издателя.

Въ 1789 году ожидались новыя волненія въ средѣ крестьянъ; слухи объ указѣ возобновились; начались опять преслѣдованія, мученія и казни невинныхъ священниковъ. Современникъ этихъ событій, луцкій оффиціалъ Ѳеодосій Бродовичъ, въ своихъ запискахъ о нихъ разсказываетъ, что въ порядковую коммисію, занятую разборомъ дѣлъ о предполагавшемся бунтѣ, королевскій камергеръ Каэтанъ Аксакъ представилъ на судъ сузскаго священника Лукаевича, который заявилъ, что ночевавшій у него маркитантъ уговаривалъ его поднять сузскихъ прихожанъ противъ поляковъ, показывалъ ему какое-то письмо, котораго онъ разобрать не могъ, а прочиталъ лишь въ подписи нѣсколько буквъ: *Екат*..., при этомъ маркитантъ увѣрялъ, будто-бы такова воля императрицы. Показаніе свое священникъ подтвердилъ присягой. Оговореннаго маркитанта поймали и при обыскѣ нашли только одинъ паспортъ. Тѣмъ не менѣе однакоже коммисія приговорила этого невиннаго человѣка къ висѣлицѣ и поторопилась привести свой приговоръ въ исполненіе. Послѣдними словами несчастнаго было всенародное заявленіе: „напрасно гину“! Представленный на сеймъ Лукаевичъ, хотя и не вполнѣ, подтвердилъ свое показаніе, за что и удостоился отъ короля и сеймовыхъ маршаловъ награды похвальнымъ листомъ и золотой медалью съ надписью: „pro fide, lege et patria“, съ изображеніемъ короля и гербовъ: короннаго и литовскаго; величина

---

[1]) Томъ XLV-й.

медали—*„московскій рубль“*. Но все это дѣло авторъ „Widok'a“ [1]) приписываетъ подговору Аксака, откровенно признавшагося въ томъ своимъ пріятелямъ. Не беремся судить, была-ли это похвальба Аксака и не говорилъ-ли священникъ изъ страха наказанія того, что желали услышать отъ него судьи: для насъ важно лишь, что и въ 1789 году продолжаютъ ходить такіе же слухи, какіе ходили въ предшествующее смутное время.

Изложенные до сихъ поръ факты позволяютъ думать, что толки о возбужденіи русскимъ правительствомъ крестьянъ къ бунту, путемъ тайной разсылки указовъ и золотыхъ грамотъ, возникаютъ среди польскаго общества и народа, во первыхъ, изъ ложно понятыхъ распоряженій русскихъ властей во время борьбы Августа III и Станислава Лещинскаго за польскій престолъ, во вторыхъ—изъ превратно истолкованной дипломатической о диссидентахъ переписки Екатерины, оказавшей имъ свое сочувствіе и взявшей на себя защиту гонимаго православія и народности. Но такое происхожденіе этихъ слуховъ только кажущееся. Въ самомъ же дѣлѣ, какъ первое, такъ и второе обстоятельства служили, по нашему мнѣнію, лишь поддержкой и пищей имъ, а главное основаніе лежало въ нескончаемыхъ переговорахъ с.-петербургскаго двора съ варшавскимъ о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и дезертировъ, къ которымъ, что́ мы увидимъ ниже, дѣйствительно посылались, съ русской стороны, указы, а съ польской „публичные листы“.

Со времени присоединенія лѣвобережной Украины къ Россіи въ половинѣ XVII вѣка, начинается движеніе народной массы съ одного берега р. Днѣпра на другой; въ началѣ XVIII вѣка, вслѣдствіе войнъ Россіи со Швеціей и Турціей, равно какъ и вслѣдствіе возстанія козачества въ западной Украинѣ, это движеніе усилилось; населеніе представляло собой какъ бы волнующееся море; но былъ случай и одновременной, хотя и невольной, перекочевки его. По прутскому договору съ Турціей, Петръ I обязался отказаться отъ западной Украины и вывести свои войска изъ предѣловъ Рѣчи Посполитой. Въ изданномъ по этому поводу 23 сентября 1711 года

---

[1]) «Widok przemocy na słabą niewinnośc srogo wywartey». Изданіе Императорскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, при московскомъ университетѣ. 1869 г., стр. 10 и 11, стр. 61—63.

царскомъ указѣ повелѣвалось: „со всѣхъ мѣстечекъ, селъ и деревень обитателей перевесть въ Малую Россію и *тѣмъ землямъ быть впустѣ всегда*“. Въ силу такого царскаго распоряженія, населеніе перегонялось и имущество перевозилось; многіе переселялись неохотно. По счету польскаго правительства, въ это время было переведено на лѣвый берегъ Днѣпра болѣе 100,000 душъ. Овладѣвъ Украиной, шляхта озаботилась привлеченіемъ въ нее рабочихъ рукъ и съ этою цѣлью перезывала съ востока переселенцевъ, обѣщая имъ разнаго рода льготы, свободу и даже предоставляя имъ право потомственнаго владѣнія на небольшія участки земли. Старанія шляхты увѣнчались успѣхомъ, благодаря тому, что въ это время, въ русскомъ государствѣ усиленіе гнета помѣщиковъ надъ крестьянами, вмѣстѣ съ жестокимъ преслѣдованіемъ раскольниковъ, вызвало въ огромныхъ размѣрахъ побѣги и тѣхъ и другихъ на правый берегъ пограничной рѣки,—побѣги, дошедшіе крайнихъ предѣловъ къ 1734 году, когда мы въ первый разъ въ актовыхъ книгахъ нашего архива встрѣчаемъ указъ или манифестъ о возвратѣ бѣглыхъ. Но и русское правительство, въ виду такого убыточнаго и печальнаго для него оборота дѣла, не осталось недѣятельнымъ: чрезъ своихъ пословъ оно начало предъявлять къ Варшавѣ требованія о выдачѣ эмигрантовъ. Польскіе сановники вполнѣ признавали право Россіи, но только на дезертировъ и преступниковъ; что же касается крестьянъ и раскольниковъ, то объ нихъ заявляли, что въ случаѣ ихъ выдачи, они опасаются бунта, какъ со стороны своевольной шляхты, такъ и отъ самихъ бѣглецовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они напоминали нашему послу объ указанномъ нами выше фактѣ переселенія Петромъ I народа на лѣвый берегъ и объ отказѣ выдать переселенцевъ, не смотря на настоятельныя требованія варшавскаго двора. Польскіе министры боялись также поэтому шума на сеймахъ и возбужденія ненависти къ Россіи. Впрочемъ, они обѣщали стараться, чтобы постановленіе о непринятіи бѣглыхъ было внесено въ сеймовую конституцію, а также издать о томъ предварительно универсалъ. Но изданныя распоряженія не достигали своей цѣли, потому что шли въ разрѣзъ съ видами дворянства, привыкшаго считать свою волю и свои интересы выше интересовъ общегосударственныхъ. Какъ относилось оно къ распоряженіямъ своихъ властей, показываетъ случай, переданный въ своемъ

донесеніи полковникомъ Пановымъ, отправленнымъ въ польскія владѣнія для сыску бѣглыхъ, которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, тамъ считалось до милліона. Въ Вильнѣ Пановъ нашелъ 50 человѣкъ бѣглыхъ солдатъ и когда потребовалъ отъ тамошняго подвоеводы ихъ выдачи, предъявляя при этомъ приказъ канцлера литовскаго князя Чарторыйскаго, то подвоевода отвѣтилъ: „это только наша польская политика". Да и само правительство Рѣчи Посполитой было въ этомъ отношеніи не безъ грѣха, колеблясь въ своихъ распоряженіяхъ и отмѣняя такія, которыя были сдѣланы изъ страха: въ инструкціи учрежденнымъ въ с. Мотовиловкѣ пограничнымъ судамъ предписывается, на требованія русскихъ коммисаровъ о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и раскольниковъ, отказывать и ставить имъ на видъ указъ Петра I отъ 23 сентября 1711 года [1]). Такъ какъ это предписаніе вполнѣ совпадало съ желаніями шляхты, то и исполнялось ею неуклонно; даже въ 1764 году польскіе пограничные коммисары, представляя отчетъ королю и бывшему при немъ постоянному совѣту (rada nieustająca) о своихъ дѣйствіяхъ, указываютъ на требованія со стороны Россіи о выдачѣ бѣглыхъ и вспоминаютъ при этомъ тѣ 100,000 душъ, которыя переселены были силой въ восточную Украйну послѣ козацкихъ войнъ въ Кіевщинѣ. Такимъ образомъ, помѣщики смотрѣли на перебѣгавшихъ къ нимъ крестьянъ, какъ на возвращавшихся послѣ 1711 года. Еще болѣе хитрой политикой оказался совѣтъ польскихъ министровъ, предложенный ими русскому правительству, издать такой манифестъ, по которому возвращающіеся могли-бы надѣяться на льготы и пособія при заведеніи въ Россіи на-ново хозяйствъ, на свободу отъ податей, на забвеніе преступленій и проч. Совѣтъ былъ принятъ и исполненъ; указъ со льготами для возвращавшихся былъ изданъ, а польское правительство еще раньше заявило готовность такого рода указъ или манифестъ занести въ актовыя книги своихъ судовъ, дабы всякій могъ знать и читать его. Подъ 1734 годомъ печатный экземпляръ этого документа мы находимъ въ луцкой гродской книгѣ [2]). Въ немъ не только рисуется тяжелое положеніе бѣжавшихъ въ Польшу русскихъ подданныхъ, но исчисля-

---

[1]) Книга центр. архива № 202, л. 105, на оборотѣ.

[2]) Полн. собр. законовъ т. IX, № 6534.

ются препятствія къ возврату ихъ, выставляемыя польскими помѣщиками, и указываются средства, принимаемыя русскимъ правительствомъ на тотъ случай, если-бы его бывшіе подданные пожелали снова поселиться на родинѣ. Правительство императрицы Анны Іоанновны говоритъ, что „подданные Ея Величества, бѣжавшіе какъ изъ царской службы, такъ мѣщане изъ городовъ и изъ уѣздовъ холопы и малороссійскіе люди, живутъ за границей, гдѣ, вмѣсто надежды на пожитки и прежній покой, бѣдствуютъ и занехаютъ свой христіанскій законъ, вслѣдствіе чего гибнутъ и душей, и тѣломъ". Помянутымъ указомъ оно объявляетъ, что въ томъ-же 1734 году, чтобы всѣмъ была извѣстна заботливость государыни, какъ матери отечества, два раза уже повелѣвалось публиковать манифестами [1]), что всѣмъ бѣглецамъ разрѣшается свободный возвратъ на родину; и на этотъ разъ, по смыслу указа, имъ не только прощается бѣгство и совершенныя прежде преступленія, но они причисляются къ вѣрнымъ подданнымъ; то-же относится и къ дезертирамъ; перемѣнившіе религію должны будутъ лишь принести церковное покаяніе; для возврата назначается два срока: послѣ первой публикаціи настоящаго указа двухмѣсячный и послѣ второй—полуторамѣсячный. „Между тѣмъ", говорится далѣе въ указѣ „извѣстно, что не многіе возвращаются, не смотря на оказанную снисходительность, другіе бродятъ и губятъ свои души; помѣщики-же употребляютъ всѣ возможныя средства для удержанія бѣглецовъ [2]): желающихъ возвратиться въ Россію родителей разлучаютъ съ дѣтьми, увозятъ послѣднихъ въ другія имѣнія, самихъ возвращающихся подвергаютъ жестокимъ побоямъ, нерѣдко забиваютъ ихъ до смерти, а имущество захватываютъ въ свою пользу; новыхъ-же переселенцевъ приглашаютъ бѣжать въ

---

[1]) Къ сожалѣнію, этихъ манифестовъ намъ не удалось найти въ актовыхъ книгахъ, въ Полн. собр. закон. они помѣщены въ VIII т., №№ 6141 и 6181.

[2]) Объ этихъ средствахъ говоритъ въ своемъ донесеніи и полковникъ Пановъ. Начальные люди, по его словамъ, пошлютъ ловить бѣглецовъ, приведутъ человѣкъ 20 и отдадутъ одного или двоихъ, оставя у себя ихъ родныхъ, чтобы они возвратились; а кто доносилъ Панову о бѣглыхъ, тѣхъ били постромками. Ксёндзъ Аскирка, у котораго 40 деревень было населено русскими бѣглецами, объявилъ, что онъ на предписанія польскихъ министровъ и смотрѣть не хочетъ, да и съ самимъ Пановымъ грозилъ поступить дурно. (Соловьевъ. Исторія Россіи т. XVIII, стр. 273).

Польшу, обѣщая всякія льготы и выгоды". Затѣмъ въ указѣ повторяется еще разъ убѣжденіе возвратиться въ Россію, потому что имъ, бѣглецамъ, «nie tylko winy ich odpuszczone, lecz y w komput wiernych poddannych oni przyłączone będą». Вмѣстѣ съ тѣмъ, объявлялось: „возвратившіеся освобождаются на нѣкоторое время отъ государственныхъ податей, а помѣщики, равно какъ и монастыри, по приказанію государыни, должны выдать имъ хлѣбъ и лошадей на первое обзаведеніе; пріемъ бѣглыхъ производится такъ, какъ публиковано было въ прежде изданныхъ манифестахъ; пограничнымъ крестьянамъ дается также льгота отъ платежа податей и недоимокъ и предписывается начальству оказать имъ помощь зерновымъ хлѣбомъ на засѣвъ". Въ заключеніе указъ предупреждаетъ, что бы бѣглецы переселеніемъ въ Польшу не приводили-бы своего хозяйства къ разоренію, не подвергали-бы себя ограбленію, разлукѣ съ дѣтьми и мученіямъ и не ставили-бы себя въ необходимость жить бродягами и губить свою душу [1]).

Какъ ни странно, но указъ русской государыни къ своимъ подданнымъ напечатанъ, въ с.-петербургской академіи наукъ, на польскомъ языкѣ, конечно, совершенно непонятномъ для тѣхъ, кому предназначался самый этотъ документъ, и занесенъ въ актовыя книги суда, исключительно существовавшаго для нуждъ шляхты; кромѣ того, онъ внесенъ въ книги волынскаго воеводства, гдѣ колоніи русскихъ выходцевъ были весьма малочисленны, тогда какъ въ кіевскомъ они занимали все правое побережье Днѣпра; и вотъ въ кіевскихъ-то книгахъ мы указа и не находимъ. Нельзя, намъ кажется, не видѣть и въ этомъ польской политики — накормить овецъ и сохранить сѣно. Само собою разумѣется, что этотъ указъ цѣли своей никоимъ образомъ достичь не могъ,—если книги гродскихъ судовъ были во всякое время и для всѣхъ открыты, то не для крестьянъ, находившихся во власти помѣщика, неполноправныхъ передъ королевскимъ судомъ, а всецѣло подчинявшихся доминіальной юрисдикціи; написанный-же на польскомъ языкѣ, документъ, конечно, оставался непонятнымъ русскимъ выходцамъ, не успѣвшимъ въ короткое время ополячиться. Безрезультатность двухъ предшествующихъ указовъ отмѣчена въ указѣ 1734 года: „немно-

[1]) Книга центр. архива подъ № 1659, л. 369.

гіе бѣглецы возвращались", говорится въ немъ. Не многіе возвратились и послѣ изданія послѣдняго, такъ что ровно черезъ 6 лѣтъ, 7-го февраля 1740 года, командовавшій войсками генералъ-фельдмаршалъ графъ Минихъ внесъ въ актовыя книги новый манифестъ, въ которомъ старается убѣдить бѣглыхъ солдатъ, драгуновъ и «ynnych ludzi», чтобы они возвращались обратно въ Россію безъ всякаго страха и боязни предъ наказаніемъ, потому что государыня «odpuszczają onym wszystkie winy, przyimując do laski y mieysca, gdzie y przed tym byli». Срокъ для возврата бѣглыхъ на родину фельдмаршалъ назначилъ шестимѣсячный со дня публикаціи манифеста, поясняя, что возвращающіеся принимаются русскими офицерами на форпостахъ и снабжаются содержаніемъ до мѣста, гдѣ поселятся, и снова повторяя, что переселенцы должны являться въ свое отечество, „nie tracąc nadziej za wine sztrafu, ale jak wierne poddani". Польское правительство, въ виду, вѣроятно, его прежняго молчанія, приглашалось, въ знакъ сосѣдской пріязни, а особенно при тогдашнемъ „szczęsliwym z Portoiu Otomanskoiu pokoiu", обнародовать изданный манифестъ не только между живущими привольно, но и состоящими на службѣ дезертирами и дать этимъ послѣднимъ средства и возможность возвратиться въ свое отечество, при чемъ обѣщается, что и польскіе бѣглецы, также въ знакъ пріязни, будутъ высылаемы изъ Россіи [1]).

Не смотря на заискивающій тонъ этого обращенія русскаго полководца къ польскимъ властямъ, послѣдніе не торопились приводить въ исполненіе требованій, шедшихъ въ разрѣзъ съ ихъ экономическими выгодами. Поэтому 15-го іюля 1744 года, какъ узнаемъ мы изъ одного акта, касающагося исторіи гайдамацкаго движенія, былъ обнародованъ новый *„простительный указъ"*, такъ названный русскими пограничными судьями [2]). За 12 лѣтъ до Коліивщины издается Елисаветой Петровной и Екатериной II-ой рядъ указовъ [3]) о возвратѣ бѣглыхъ. Съ особенной энергіей поляки протестовали противъ указа 1764 г. и отказывали въ ихъ выдачѣ; русскіе судьи, въ силу этого же указа, отказывали въ выдачѣ поль-

---

[1]) Книга центр. архива подъ № 4625, л. 39.

[2]) Архивъ югозапад. Россіи. Акты о гайдамакахъ. стр. 386.

[3]) Полн. собр, закон. т. XIV №№ 10454 (1755 г.), 10619 (1756 г.); т. XV. №№ 10889, 11179, 11456, 11265 (1758—1761 г.); т. XVI: №№ 11618, 11725 (1762 г.), 11815, 12011 (1763 г.), 12074 (1764 г.)

скихъ крестьянъ. Польскіе пограничные коммисары, протестуя противъ непріятнаго для нихъ указа, исчисляютъ всѣ случаи, когда русскія войска уводили будто-бы польскихъ крестьянъ, не забывая упомянуть при этомъ еще разъ и о выселеніи 1711 года, по указу имп. Петра I-го [1]). Судя по горячему протесту, какой обнаружили теперь поляки, можно думать, что и въ данномъ случаѣ Екатерина принялась за дѣло со свойственной ей энергіей. Подобный же призывъ къ бѣглецамъ видимъ въ указѣ 1779 года, подписанномъ 5 мая въ Царскомъ Селѣ, но появляющемся въ актовыхъ книгахъ только 16 августа [2]). Бѣглые крестьяне и дезертиры, говорится въ этомъ указѣ, послѣ всѣхъ изданныхъ до сихъ поръ указовъ должны быть строго судимы и вытребованы изъ Польши, но, „по врожденному состраданію и милосердію“, государыня и на сей разъ прощаетъ бѣглецамъ ихъ преступленія, исключая душегубцевъ, и позволяетъ имъ возвратиться въ свое отечество. Возвращеніе предлагается на слѣдующихъ условіяхъ: 1) прощеніе преступленій дѣлается подъ условіемъ, что бѣглецы, по возвратѣ, честной жизнью загладятъ свои вины и заслужатъ то, что дастся имъ; 2) крестьяне, казенные и помѣщичьи, солдаты, запорожцы и малороссы могутъ возвращаться къ пограничнымъ комендантамъ, которые обязаны принять ихъ снисходительно и не имѣютъ права дѣлать имъ какія-либо стѣсненія; 3) запорожцамъ и малороссамъ назначаются для поселеній губерніи: новороссійская и азовская, а великороссамъ — курское, воронежское и тамбовское намѣстничества; 4) бѣглецамъ, если пожелаютъ, разрѣшается приписываться въ городахъ къ мѣщанамъ; 5) поселяющимся въ вышеозначенныхъ губерніяхъ дается свобода отъ податей на шесть лѣтъ и за тѣмъ они обязаны платить наравнѣ съ другими (при этомъ въ указѣ замѣчено, что въ тѣхъ губерніяхъ земли еще никѣмъ не занятой довольно много); 6) помѣщичьимъ крестьянамъ позволяется вступать въ военную службу, при чемъ они записываются въ число рекрутъ, причитающихся отъ ихъ господъ. Въ заключеніе, болѣе строгимъ тономъ объявляется, что о всѣхъ невозвратившихся будутъ собраны

---

[1]) Книга центр. архива подъ № 196, л. 177.

[2]) Книга центр. архива подъ № 4681, л. 1018 и 1019. Полн. собр. законовъ т. XX, № 14870.

точныя справки, гдѣ кто живетъ, и они будутъ вытребованы чрезъ сосѣднее правительство и строго наказаны. Сравнивая настоящій документъ съ подобными же предъидущими, мы видимъ, что онъ заключаетъ въ себѣ условія, болѣе выгодныя для крестьянъ: первые указы позволяли имъ возвращаться лишь на старыя мѣста къ прежнимъ помѣщикамъ, которые безнаказанно могли мстить довѣрчивымъ переселенцамъ; настоящій вызываетъ ихъ для колонизаціи присоединеннаго новороссійскаго края и для заселенія южной великорусской границы, отводя каждой народности болѣе знакомыя ей мѣста; словомъ, колонизація является главной цѣлью указа. Другое его преимущество въ томъ, что существамъ до тѣхъ поръ совершенно безправнымъ, обязаннымъ только нести на себѣ всѣ повинности, предоставлялась большая или меньшая свобода съ правомъ приписываться въ сословіе мѣщанъ. Что указъ, благодаря тѣмъ льготамъ, которыя и въ самомъ дѣлѣ могли оказаться дѣйствительными, безъ труда достигалъ цѣли, мы въ правѣ предполагать, какъ по горячимъ протестамъ со стороны польскихъ пограничныхъ судей противъ требованій русской императрицы о выдачѣ бѣглыхъ, такъ и изъ указаннаго проф. В. Б. Антоновичемъ [1]) факта движенія крестьянъ изъ Кіевщины и Брацлавщины на югъ,—движенія, усилившагося послѣ присоединенія запорожскихъ степей и Крыма къ Россіи.

Изъ указовъ послѣ 1779 г. мы отмѣтимъ лишь наиболѣе важные, которые изданы въ 1780, 1785 и 1788 годахъ [2]) и могли служить (особенно послѣдній) поводомъ къ толкамъ о возбужденіи Екатериной возстанія, упорно державшимся въ 1789 году. Очень возможно, что усилившаяся къ этому времени потребность въ колонизаціи южныхъ окраинъ Россіи вызвала распространеніе одного изъ такихъ указовъ (скорѣе всего послѣдняго) среди русскихъ выходцевъ въ Польшѣ, какъ болѣе подходившихъ къ заселенію новопріобрѣтенныхъ степей.

Итакъ мы видимъ, что русское правительство издаетъ рядъ указовъ, приглашая въ нихъ своихъ бывшихъ подданныхъ къ воз-

---

[1]) В. Б. Антоновичъ, изслѣдованіе о крестьянахъ въ юго-западной Россіи по актамъ 1700—1798 г. Кіевъ, 1870 г. Это изслѣдованіе показываетъ, что указъ не оставался безъ вліянія и на польскихъ крестьянъ.

[2]) Полн. собр. законовъ т. XX: № 15006 (1780 г.), т. XXII; № 16281 (1785 г.) 16645 (1788 г.)

врату на прежнія мѣста, но изъ множества такихъ указовъ въ актовыхъ книгахъ мы находимъ всего лишь три; объ остальныхъ-же имѣемъ извѣстія въ постороннихъ источникахъ. Ясно отсюда, что въ Петербургѣ скоро была разгадана „польская политика", и съ тѣхъ поръ „простительные указы" черезъ довѣренныхъ лицъ прямо сообщаются тѣмъ, къ кому они относятся. Этотъ путь прямаго сообщенія монархомъ своей воли подданнымъ очень часто практиковался, какъ въ московскомъ, такъ и въ польскомъ государствахъ, и въ первомъ случаѣ былъ особенно невыгоденъ и непріятенъ для шляхты, ибо въ такой странѣ, какъ бывшая Рѣчь Посполитая, поднять народную массу, вѣчно угнетаемую, постоянно недовольную и подверженную частому броженію, да притомъ пришлую, несвязанную ничѣмъ съ новымъ мѣстомъ своего поселенія, было не трудно. Неудивительно поэтому, если актовыя книги гродскихъ судовъ охотно открывались для царскихъ указовъ, этимъ путемъ объявляемыхъ, а прямое сообщеніе ихъ крестьянамъ, стоило жизни тому смѣльчаку, который рѣшался брать на себя это порученіе. Насколько враждебно относились поляки къ „простительнымъ указамъ", распространяемымъ въ народѣ русскими торговцами-офенями, могутъ служить слѣдующіе два документа, встрѣченные нами въ пограничныхъ книгахъ кіевскаго воеводства. Въ одной изъ такихъ книгъ [1]), заключающей въ себѣ перечень убытковъ, нанесенныхъ польскими войсками и обывателями русскимъ подданнымъ, подъ № 441, помѣщено, между прочимъ, донесеніе о такомъ случаѣ кіевской губернской канцеляріи 7 мая 1747 года: „изъ малороссійскихъ панствъ" обыватель *пилиповской* (т. е. раскольничьей) слободы, черниговскаго полка, Алексѣй Бугаевъ плылъ со своими людьми на четырехъ плотахъ внизъ по Днѣпру, въ Кіевъ, для торговли. И вотъ, у Мировши, гдѣ сорокопицкій форпостъ, противъ польскаго села Домонтова, нападаютъ на плоты Бугаева пять человѣкъ жолнѣровъ, стоявшихъ на форвактахъ. Они схватываютъ хозяина, „*praetęduiąc iakowegoś ukazu*" и требуя уплаты по рублю за каждый плотъ. Бугаевъ въ уплатѣ денегъ отказалъ, его за то избили «rurami», силой отняли деньги, а при этомъ захватили вы-

---

[1]) Книга центр. архива, № 192, л. 81.

данный Бугаеву полковникомъ билетъ, который приняли, должно быть по незнанію русскаго языка, за интересовавшій ихъ „указъ“; этого достаточно было для нападавшихъ, чтобы, отъѣхавъ немного на своихъ двухъ челнокахъ, подстрѣлить ограбленнаго ими торговца. Рана была настолько тяжела, что Бугаевъ, тотчасъ по прибытіи въ Кіевъ, умеръ. Между тѣмъ преступники спокойно возвратились на свой сторожевой постъ. Оказалось, что они принадлежали къ отряду товарища хоругви Іосифа Островскаго, стоявшаго на форвактахъ и именовавшагося региментаремъ. На обращенныя къ нему пограничными коммисарами требованія объ удовлетвореніи за убійство и ограбленіе русскаго купца отвѣта не получено. Точно также остались безъ всякихъ послѣдствій эти требованія и у великаго короннаго гетмана, къ „диспозиціи“ котораго относился Островскій. Отсюда можно заключить, что розыски „указа“ происходили съ вѣдома и согласія высшихъ властей. Въ силу изложеннаго донесенія губернской канцеляріи, русскіе коммисары настаивали на томъ, чтобы виновные были представлены въ пограничный судъ, но ни въ этомъ, ни въ слѣдующихъ годахъ мы не видимъ, что-бы дѣло это разбиралось или было рѣшено. Польскіе коммисары, не отрицая факта розыскиванія „указа“, обѣщали написать региментарю о самоуправствѣ жолнѣровъ, но съ этимъ прекращается дальнѣйшая переписка. Болѣе точныя подробности о содержаніи этого злополучнаго „указа“ мы находимъ въ другомъ актѣ [1]), именно—въ жалобѣ вышедшаго изъ-за границы, „изъ бѣговъ“, русскаго подданнаго Тихона Аѳанасьева Фолгинина, занесенной въ іюлѣ 1759 года въ пограничный судъ. По словамъ жалобщика, во время пребыванія его въ Польшѣ, въ имѣніи хорунжаго Нитоставскаго, въ „пилиповской“ слободѣ Якушинцахъ, послѣдній, узнавъ, что у него Фолгинина находится указъ „Naiasnieyszey Monarchini Rossyiskiey, odpuszczaiący zbiegłym winy“, сталъ сначала упрекать его, зачѣмъ онъ этимъ указомъ всѣхъ живущихъ въ его имѣніи русскихъ крестьянъ „zbuntował“, потомъ отнялъ у него самый документъ и, наконецъ, заграбилъ все его имущество (шесть лошадей съ нагруженными льномъ

---

[1]) Книга центр. архива № 193, л. 206, на оборотѣ.

тремя возами). Арестованнаго Фолгинина, съ женой Анной Евфимовой и ребенкомъ, Нитоставскій отправилъ въ имѣніе винницкаго судьи Грохольскаго, въ мѣстечко Стрижавку, препровождая при этомъ и „простительный указъ". Въ Стрижавкѣ обвиняемый былъ представленъ Грохольскимъ на судъ „wysadzonych" отъ польскаго шляхетства двухъ коммисаровъ, которые подвергли его жестокимъ пыткамъ: нѣсколько разъ били палками, давили пальцы клещами и проч. Жену Фолгинина коммисары приказали сѣчь розгами; отъ великаго страха она уронила бывшаго у нея на рукахъ ребенка, который тутъ-же и убился до смерти. Самый указъ судьи порвали и потребовали выдачи денегъ, „*московскихъ рублей*", подъ которыми они, очевидно, разумѣли деньги, выданныя ему, какъ агенту, русскимъ правительствомъ. Обвиняемый надѣялся-было утаить свое богатство, но, послѣ трехъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, долженъ былъ купить себѣ свободу кровными 2000 червоныхъ, добытыми, по его показанію, его отцемъ и имъ самимъ посредствомъ „kupieckiego przemysłu". Онъ подробно и какъ бы съ удареніемъ говоритъ, откуда у него деньги. Отпущенный на волю, Фолгининъ поторопился въ Россію и просилъ ходатайства русскихъ коммисаровъ о переселеніи къ нему и его семейства, остававшагося пока въ мѣстечкѣ Городищѣ на польской сторонѣ; при этомъ онъ сообщилъ, гдѣ и кого замѣтилъ изъ русскихъ бѣглецовъ. Въ силу этой жалобы коммисары потребовали выдачи послѣднихъ, согласно королевскимъ универсаламъ, а также представленія на судъ Нитоставскаго и Грохольскаго, обвиняемыхъ въ разорваніи царскаго указа, въ ограбленіи, нанесеніи побоевъ и въ причиненіи мученій Фолгинину и его женѣ. Польскіе коммисары отвѣтили на эти требованія совершеннымъ молчаніемъ, такъ что въ іюлѣ 1760 года эти требованія снова повторяются въ актовой книгѣ [1]). Русскіе судьи еще разъ напоминаютъ полякамъ о постоянномъ нарушеніи ими трактатовъ между Россіей и Польшей по вопросу о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и дезертировъ, напоминаютъ о неисполненіи ими королевскихъ универсаловъ, предписывающихъ таковую выдачу и запрещающихъ укрывательство, ставятъ на видъ препятствія, дѣ-

---

[1]) Ibid., л. 253.

лаемыя помѣщиками тѣмъ изъ бѣглецовъ, которые хотятъ возвратиться въ свое прежнее отечество, и, наконецъ, указываютъ на разорваніе указа, мученіе и ограбленіе семьи Фолгинина. Но и послѣ этихъ напоминаній удовлетворенія не послѣдовало; видно, оскорбительное, на взглядъ русскихъ, отношеніе къ царскому указу не считалось такимъ у шляхтичей, привыкшихъ иначе относиться къ распоряженіямъ своихъ королей. Примѣръ этому мы находимъ не только въ современной указамъ исторіи Мелхиседека Значко-Яворскаго, когда одинъ разъ шляхтичи едва не разорвали королевскаго „привилея", признающаго свободу православія, а въ другой разъ отозвались о его годности въ весьма нескромныхъ выраженіяхъ, но и въ исторіи предшествующихъ вѣковъ. Извѣстное шаткое и зависимое отъ шляхты положеніе польскихъ королей дѣлаетъ этотъ фактъ понятнымъ и избавляетъ насъ отъ необходимости вдаваться въ подробности. Не могли также, мы думаемъ, поляки отговариваться и тѣмъ, будто русское правительство, посылая свои указы непосредственно къ бѣжавшимъ крестьянамъ, дѣлало что-либо необычное, выходящее изъ ряда и нарушавшее общественное спокойствіе въ сосѣднемъ государствѣ; мы уже раньше сказали, что путь непосредственнаго отношенія верховной власти къ подданнымъ практиковался не въ одной Россіи, но и въ Польшѣ; теперь-же со стороны Россіи это дѣлалось съ вѣдома, согласія и даже совѣта высшихъ чиновъ Рѣчи Посполитой и относилось только къ пришлому, а не къ коренному населенію этого государства. Иначе поступали польскіе помѣщики, присылая „публичные листы" въ русскія села, чтобы перезвать оттуда крестьянъ въ свои, все болѣе пустѣвшія къ концу XVIII вѣка, имѣнія. На это жаловался въ свое время русскій посолъ въ Варшавѣ графъ Штакельбергъ и король Станиславъ-Августъ универсаломъ, 5-го сентября 1777 года [1]), признаетъ фактъ сманыванія польскими помѣщиками русскихъ крестьянъ для заселенія своихъ опустѣвшихъ имѣній, съ обѣщаніями всякаго рода выгодъ и вольностей, и хотя запрещаетъ перезывать къ себѣ крестьянъ изъ сосѣдней державы путемъ распространенія такихъ „публичныхъ листовъ", но допускаетъ заселеніе людьми, являющимися добровольно.

---

[1]) Книга центр. архива № 196, л. 145, на оборотѣ.

Подводя итогъ сказанному, мы приходимъ къ выводу, что господствовавшіе среди польскаго общества, во второй половинѣ прошлаго вѣка, толки о подстрекательствѣ Россіей подданныхъ Рѣчи Посполитой къ бунту основывались главнымъ образомъ на „*простительныхъ*“ указахъ, разсылавшихся въ мѣста населенія бѣглецовъ, послѣ того какъ внесеніе этихъ указовъ въ актовыя книги, да еще на польскомъ языкѣ, оказалось своего рода „политикой“; вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признать, что эти указы давали поводъ угнетенному русскому населенію Польши по своему толковать распоряженія русскихъ властей во время гайдамацкаго движенія, и особенно въ свою пользу объяснять изданные передъ Коліивщиной русскимъ правительствомъ, особенно Екатериной II, манифесты и дипломатическія ноты въ защиту православныхъ обитателей польскаго королевства. Что дѣйствительно упомянутые указы служили главнымъ основаніемъ клеветы на русское правительство изъ-за бунта въ Украйнѣ и на Волыни, это видно, между прочимъ, также и изъ совпаденія времени внесенія первыхъ въ актовыя книги со временемъ наибольшаго распространенія второй.

Въ заключеніе, два слова о томъ, что разумѣли поляки подъ словомъ „бунтъ“. Кромѣ открытыхъ возстаній, въ родѣ Коліивщины 1768 г., которыми заканчивался народный протестъ противъ двойнаго—религіознаго и экономическаго польскаго гнета, бунтомъ считалось простое возвращеніе народа отъ уніи къ вѣрѣ отцевъ, хотя народная масса оставалась при этомъ спокойною, твердо идя къ своей цѣли. Изъ сообщенныхъ нами документовъ о возвратѣ бѣглыхъ, мы видимъ, что крестьяне, обманутые польскими обѣщаніями и желавшіе возвратиться на родину, обзывались также бунтовщиками, подвергаясь ограбленію и побоямъ. Неудивительно послѣ этого, если, по такимъ понятіямъ о бунтѣ, и на русское правительство того времени сыпались обвиненія въ соучастіи его въ бунтахъ,— обвиненія, пустившія корни и въ глубь и въ ширь.

Поводъ къ такимъ обвиненіямъ и основанія для нихъ ясны; трудно только рѣшить, гдѣ первоначально возникали толки о возбужденіи противъ Польши православнаго русскаго ея населенія русскимъ правительствомъ: въ средѣ-ли самаго этого населенія, въ видѣ надеждъ на защиту отъ притѣсненій въ исповѣданіи вѣры и попустительства на собственную расправу его съ своими притѣсни-

телями, или-же въ средѣ шляхты—въ видѣ прямыхъ обвиненій въ подстрекательствѣ изъ политическихъ разсчетовъ. Съ большею вѣроятностію полагать можно, что происхожденіе этихъ толковъ одновременно въ той и другой средѣ, такъ какъ обѣ онѣ были въ нихъ непосредственно и одинаково заинтересованы. Разница здѣсь лишь въ содержаніи и характерѣ слуховъ и толковъ, измѣнявшихся соотвѣтственно средѣ, въ которой они возникали и держались: въ то время, когда православное населеніе Польши смотрѣло на всякіе доходившіе до него царскіе указы и манифесты съ надеждою на лучшую жизнь, менѣе тревожную, шляхта видѣла въ нихъ посягательство на цѣлость своего отечества и на свое спокойствіе; оттого шляхта въ оправданіе себя старалась взвалить на русское правительство и его указы всю отвѣтственность за постигшія Польшу бѣды, которыя, въ дѣйствительности, были естественнымъ послѣдствіемъ, съ одной стороны, слабости центральной власти, внутреннихъ неурядицъ и іезуитско-еврейскаго владычества, а съ другой—управительской плети надъ хлопами, рядомъ съ золотой шляхетской вольностью.

И. Каманинъ.

Къ характеристикѣ Д. Г. Бибикова

(б. генералъ-губернатора юго-западнаго края 1838—1852 г.).

Димитрій Гавриловичъ Бибиковъ принадлежитъ къ числу тѣхъ не многихъ выдающихся дѣятелей временъ императора Николая I-го, которые въ своей дѣятельности съ большою вѣрностію отражали духъ его царствованія и которыхъ дѣйствія, проникнутыя умомъ, сознаніемъ ясно представляемой цѣли и строго опредѣленною системою, дали найболѣе видимые результаты.

Такою дѣятельностію и такими ея результатами найболѣе богато то время жизни Димитрія Гавриловича Бибикова, которое онъ провелъ въ званіи главнаго начальника юго-западнаго края. Его уму, энергіи, патріотизму и предпріимчивости этотъ край много обязанъ охраною вѣковыхъ историческихъ его правъ, поднятіемъ народнаго самосознанія, политическимъ спокойствіемъ, вообще тѣмъ, что онъ не превратился изъ кореннаго и древнѣйшаго русскаго края въ патріотическій польскій станъ и польскую провинцію.

Для изучающаго судьбы южной Россіи, при настоящемъ обиліи историческаго матеріала, не имѣется уже сомнѣнія въ томъ, что ничто столько не способствовало ополяченію русскихъ областей бывшей Рѣчи Посполитой, какъ возвращеніе ихъ Россіи, что никогда польскій духъ не ширился въ этихъ провинціяхъ съ такою легкостію и быстротою, какъ подъ сѣнію русскаго трона, и никогда польско-католическая пропаганда не работала здѣсь такъ свободно и успѣшно, какъ надъ охраною русскихъ законовъ и русской власти. Россійская простота долго не могла понять и примѣтить всѣхъ тонкостей польско-іезуитской политики; она не могла (да, кажется, и не желала) уразумѣть то состояніе, въ какомъ возвращались Россіи ея древнѣйшія области. Достойно замѣчанія, что

уже ко времени присоединенія Малороссіи затемнено было понятіе о племенномъ и прежнемъ политическомъ единствѣ двухъ половинъ Россіи. Жители Малороссіи долгое время по ея присоединеніи трактовались, какъ „черкешанины“ и „люди черкесской породы“, и Петръ I-й изъ ближайшихъ политическихъ разсчетовъ не затруднялся дважды отдавать Западную Украйну на жертву польскому фанатизму. За тѣмъ во все продолженіе дипломатическаго заступничества русскаго двора за православныхъ обитателей польскаго королевства, отъ Петра I до Екатерины II, единственнымъ мотивомъ этого заступничества выставлялось единовѣріе, о единствѣ-же племенномъ не было и помину. Блестяще образованные, но мало просвѣщенные и даже малограмотные вельможи Екатерины, рѣшившіе участь Польши, всего менѣе знали то, что предстояло имъ дѣлать съ возвращенными отъ Польши русскими провинціями. Впрочемъ по господствовавшему тогда духу пріобрѣтенія и расточительности, по тогдашнимъ соціальнымъ воззрѣніямъ на крестьянскій людъ, который одинъ почти сохранилъ русскую народность въ присоединяемыхъ отъ Польши областяхъ, никому надъ этимъ и не приходилось задумываться. Никто поэтому не повѣрялъ инвентаря возвращаемаго, никто не смотрѣлъ, что и въ какомъ видѣ и положеніи возвращается; всѣ спѣшили лишь поживиться на счетъ возвращаемаго. Не успѣли мы присоединить Бѣлоруссію, какъ пошла раздача новоприсоединенныхъ душъ и земель: получали дяди за свои личныя заслуги и племянницы за заслуги дядей, брали и не имѣвшіе ни заслугъ, ни дядей, но только племянницъ,— бралъ наконецъ всякій, кто могъ. Тоже повторилось съ уничтоженіемъ Запорожья: сотни тысячъ десятинъ дѣвственныхъ полей шли въ одни руки, или тѣхъ, кто не противорѣчилъ этому дѣлу (генералъ-прокуроръ Вяземскій), или тѣхъ, которые были ближайшими его зрителями (кн. Прозоровскій); тысячи и десятки тысячъ ихъ давались по одной деньгѣ всѣмъ желающимъ заселять край, всѣмъ захожимъ и чужестраннымъ, всѣмъ, всѣмъ, кромѣ тѣхъ, которые одни имѣли на нихъ право или чувствовали въ нихъ нужду. И случилось при этомъ, что польское землевладѣніе проникло туда, куда прежде не смѣла шагнуть ни одна польская нога. Нѣчто подобное, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, совершилось во время присоединенія Украйны, Волыни и Подоліи.

Это присоединеніе, при установившейся уже твердости русскаго правительства, только закрѣпило тотъ гибельный порядокъ вещей, который привелъ Польшу къ разложенію. Снова очутились—другъ передъ другомъ—всевластный, признанный во всѣхъ своихъ правахъ панъ и совершенно уже безправный народъ, который не могъ уже, какъ прежде, заявить своего протеста противъ такого произвола и гнета, которымъ открылся теперь полный просторъ, гораздо большій, чѣмъ какимъ они пользовались за славной Рѣчи Посполитой. Безсильная тогдашняя власть не могла защитить ихъ отъ взрывовъ народной мести, которая одна служила для нихъ пугаломъ и уздою, теперь-же и власть была на ихъ сторонѣ. Мы надѣялись единственно на твердость власти, забывая, что основы, строй и условія жизни сильнѣе всякой власти. И что-же видимъ потомъ? На всемъ протяженіи древне-русскихъ областей, подъ скипетромъ россійскимъ, царитъ польскій духъ, дѣйствуетъ польское законодательство, господствуетъ, поддерживается и расширяется система польскаго національнаго образованія, своевольствуетъ по прежнему польскій панъ и закрѣпощаетъ искони вольныхъ людей, бездѣйствуютъ или потворствуютъ ему польскія-же, почти отъ самаго верху, власти. Православная вѣра, по прежнему въ загонѣ и пренебреженіи; древнѣйшія русскія святыни лежатъ въ развалинахъ и приходятъ еще въ большее запустѣніе, древнѣйшія русскія учрежденія попираются и уничтожаются, издревле выборные духовные пастыри и правители замѣняются лицами по назначенію, православныя церковныя братства преслѣдуются становыми приставами, какъ учрежденія, противныя духу винныхъ откуповъ, школы, такъ многочисленныя еще въ концѣ XVIII ст., къ 30 годамъ нынѣшняго столѣтія почти повсемѣстно прекращаютъ свое существованіе, земли у крестьянъ постепенно обрѣзываются, а ихъ повинности усиливаются до того, что не оставалось уже у крестьянина ни одного свободнаго дня въ недѣлѣ на его собственныя работы. Народъ стоналъ подъ игомъ польскихъ пановъ и въ отчаяніи восклицалъ: „за що насъ Царь ляхамъ въ неволю отдавъ? [1]).

---

[1]) Много разъ мы слышали въ дѣтствѣ эти именно слова отъ людей помнившихъ еще времена польскаго владычества. Общее убѣжденіе ихъ было, что тогда жить было гораздо легче и сноснѣе.

Весь этотъ строй и порядокъ вещей, вспомоществуемый нарочитыми миссіонерскими трудами польской пропаганды и даже покровительствуемый свыше (вспомнимъ времена Чарторыжскаго, друга Александра I) приводитъ къ возстанію 1831 г., которое не менѣе сильно было и въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ, какъ и въ коренныхъ ея областяхъ, а затѣмъ подготовители новаго возстанія къ 40-мъ годамъ покрываютъ весь юго-западный край цѣлою сѣтью демократическихъ кружковъ.

Никто изъ предшественниковъ Бибикова по управленію юго-западнымъ краемъ не могъ понять тогдашняго гибельнаго его положенія, обнять всѣхъ нуждъ его и принять соотвѣтственныя мѣры для водворенія въ немъ справедливаго порядка и возвращенія ему его вѣковаго историческаго русскаго образа. Одинъ изъ нихъ оставилъ по себѣ память лишь тѣмъ, что уничтожилъ въ Кіевѣ древнее его самоуправленіе и столицѣ русскаго православія далъ перваго городскаго голову изъ раскольниковъ, другой извѣстенъ по возмутительному сѣченію чрезъ нѣмца полицмейстера и разъѣзжавшихъ съ послѣднимъ козаковъ на улицахъ и площадяхъ всѣхъ тѣхъ, которые при проѣздѣ по городу не держались правой стороны. Д. Г. Бибикову принадлежитъ честь широкаго и глубокаго пониманія нуждъ края и возвращенія ему и его центру—Кіеву ихъ національныхъ историческихъ правъ. Заслуги его для нихъ велики и неисчислимы. Если принять въ соображеніе господствовавшіе въ то время у насъ понятія о внутренней политикѣ, то нельзя не удивляться смѣлости и глубинѣ проведеннаго Бибиковымъ взгляда, истинно національнаго и патріотическаго, а взвѣсивъ все сдѣланное и предпринятое имъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени, невольно становишься въ тупикъ предъ его необъятною и не сокрушимою энергіею. Вотъ главнѣйшія дѣла, увѣковѣчившія здѣсь память этого замѣчательнаго администратора: подавленіе польскаго революціоннаго духа, очищеніе дворянскаго сословія отъ накопившейся вѣками и вновь фабриковавшейся праздной и тунеядной шляхты, составлявшей истинное бремя для края и всегдашній горючій политическій элементъ, уничтоженіе отдѣленій Польскаго Банка и учрежденіе кіевской коммерческой конторы Государственнаго Банка, ограниченіе произвола и гнета помѣщиковъ надъ крестьянами и расширеніе правъ послѣднихъ, вообще-же регуляція кресть-

янскаго труда и взаимныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ посредствомъ такъ называемыхъ инвентарныхъ правилъ, ограниченіе правъ и мѣста осѣдлости другаго зловреднаго элемента въ лицѣ евреевъ, которые при Д. Г. Бибиковѣ не допускались, какъ при его преемникѣ, въ генералъ-губернаторскую гостиную *сквернаго ради прибытка,* хотя и подъ видомъ благотворенія,—вовсе не селились въ Кіевѣ, а появлялись въ немъ лишь на два дня и то по особой, при въѣздѣ получаемой запискѣ,—отмѣна искаженнаго саксонскимъ правомъ и другими болѣе сродными примѣсями Литовскаго Статута и введеніе русскаго законодательства, обезпеченіе быта православнаго духовенства назначеніемъ ему жалованья, постройкою домовъ и обработкою земель, обезпеченіе духовныхъ нуждъ православнаго сельскаго населенія посредствомъ обязательной для ихъ помѣщиковъ постройки новыхъ и исправленія обветшавшихъ церквей, поднятіе и усиленіе образованія въ краѣ посредствомъ возстановленія университета, котораго открытіе онъ принялъ на свою личную отвѣтственность, учрежденія института благородныхъ дѣвицъ въ Кіевѣ и многихъ среднихъ и низшихъ, военныхъ и гражданскихъ учебныхъ заведеній въ краѣ, наконецъ учрежденіе центральнаго архива—этого драгоцѣннаго и богатѣйшаго хранилища историческихъ памятниковъ и особой при генералъ-губернаторѣ коммисіи для разбора древнихъ актовъ, которая, подъ названіемъ временной, существуетъ около 40 лѣтъ и оказала неоцѣненныя услуги для мѣстной исторіи. Не говоримъ о томъ, что сдѣлано Бибиковымъ для укрѣпленія, украшенія и вообще благоустройства самаго Кіева—древнѣйшей столицы Россіи и матери градовъ русскихъ.

Отличительными свойствами всѣхъ предначинаній и мѣропріятій Д. Г. Бибикова по устройству края были: широта и смѣлость замысла, глубина взгляда, обнаруживавшаго истинно государственный умъ, патріотическая цѣль и такая-же подкладка, быстрота и рѣшительность дѣйствій, твердое и ничѣмъ не колеблемое выполненіе однажды задуманнаго. Но окруженный со всѣхъ сторонъ крамолою, не устанно работавшею, встрѣчая на каждомъ шагу тысячи препятствій, создаваемыхъ искусными и многоопытными руками, и платя дань времени, какъ могучій и сильный характеръ, онъ избиралъ не рѣдко для выполненія своихъ намѣреній такія формы и способы, которые въ извѣстной средѣ пронесли имя его, какъ вар-

вара, или необузданнаго сатрапа, не цѣнившаго въ грошъ никакихъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ, когда дѣло шло о достиженіи имъ своихъ цѣлей. Съ другой стороны въ средѣ русскаго общества и населенія, помимо частныхъ нареканій, ни одно имя главнаго начальника края, ни прежде, ни послѣ, не пользовалось такою популярностію, какъ имя Димитрія Гавриловича; объ немъ толковали по своему простые мѣщане и даже крестьяне и всюду былъ извѣстенъ генералъ объ одной рукѣ. Доброе по природѣ сердце его удерживало его въ предѣлахъ справедливости и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, по видимому, давалъ мѣсто той злости, на которую самъ въ себѣ указывалъ, или-же вызывало въ немъ великодушіе и прощеніе; но перевѣсивавшая сила воли влекла его не рѣдко къ мѣрамъ крайнимъ, а изобрѣтательный умъ давалъ имъ такія оригинальныя формы, которыя усугубляли налагаемое на виновныхъ наказаніе и приводили ихъ въ страхъ и трепетъ. Онъ врагъ былъ всякихъ полумѣръ, не допускалъ никакихъ сдѣлокъ съ кѣмъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе съ своею собственною совѣстію и держался, кажется, того правила, что благоразумнѣе предупреждать преступленіе страхомъ, чѣмъ карать оное жестокостію, пресѣкать его въ началѣ, или на половинѣ, хотя бы и крутою мѣрою, чѣмъ давать ему разростаться и привлекать всѣ тяжкія послѣдствія,—отсѣкать гнилой членъ сразу, чѣмъ возиться надъ его леченіемъ, не бывъ урѣреннымъ въ успѣхахъ онаго. Всегда ли онъ былъ предупредителенъ, проницателенъ и, такъ сказать, не погрѣшимъ, это другой вопросъ; но въ желаніи добра, прямотѣ и честности ему не отказывали и самые враги его. Господствовавшія въ то время понятія о формѣ, порядкѣ, дисциплинѣ, субординаціи и спасительности мѣръ крутыхъ, средствъ внѣшнихъ, считая здѣсь и сѣченіе, раздѣлялись вполнѣ этою цѣльною натурою и составляли ея больное мѣсто; но и замѣнившая бибиковскую систему другая, противуположная ей, обнаружила не менѣе ошибокъ, крайностей и увлеченій, въ концѣ концевъ приведшихъ къ возстанію 1863 г., а за тѣмъ къ преобладанію въ краѣ іудеевъ въ замѣнъ поляковъ. Ходилъ слухъ о томъ, что Бибиковъ, предпочитая *мѣры отеческія* всякимъ другимъ, примѣнялъ ихъ не къ обыкновеннымъ только лицамъ шляхетской крови, но и къ такимъ титулованнымъ особамъ, при томъ не одного грубаго пола, къ которымъ со времени ду-

бинки Петровой они никогда не примѣнялись,—ходили эти слухи и доходили даже до свѣдѣнія императрицы Александры Ѳедоровны и, по словамъ передававшаго намъ очевидца, составили однажды въ присутствіи самаго Бибикова, предметъ веселыхъ шутокъ со стороны императора Николая Павловича, не вѣрившаго, конечно, такимъ баснямъ, но дававшаго государынѣ видъ, что расказываемое не только вѣрно, но совершалось даже не безъ его вѣдома и соизволенія. На сколько было правды во всѣхъ ходившихъ слухахъ объ употребленіи Бибиковымъ отеческихъ мѣръ и не соотвѣтственномъ ихъ по тогдашнимъ даже порядкамъ примѣненіи, едва-ли кто сказать можетъ; но въ 1852 г., когда Бибикова смѣнилъ кн. Васильчиковъ и, по докладу его, въ пріѣздъ имп. Николая Павловича въ Кіевъ, одинъ изъ поляковъ управлявшихъ большимъ имѣніемъ, за политическія манифестаціи былъ посланъ на Кавказъ рядовымъ, а другой, по заявленію его о непригодности къ военной службѣ, отданъ въ арестанскія роты, намъ самимъ пришлось слышать отъ поляковъ-же сожалѣніе о выходѣ Бибикова и о замѣнѣ мѣръ *отеческихъ* легальными: *bo, proszę pana, ten karał po ojcowsku*,—говорили наши собесѣдники, предпочитавшіе наказаніе поносное наказанію тяжкому, по его долгимъ послѣдствіямъ.

Гораздо болѣе вѣроятности и даже несомнѣнной вѣрности за тѣми многочисленными въ его служебной практикѣ случаями, въ которыхъ проявлялись просто его крутой нравъ, не терпѣвшій противорѣчій, его привычка повелѣвать, требовать точнаго исполненія его распоряженій, взыскивать строго за малѣйшее ихъ нарушеніе, его удивительная изобрѣтательность въ подборѣ спеціальныхъ, соотвѣтственныхъ преступленію наказаній и особенное умѣнье отъучи ь виновнаго отъ повторенія сдѣланнаго не столько тяжестію наказанія, сколько особою, такъ сказать, его внушительностію. Извѣстны напримѣръ и вполнѣ вѣрны примѣры посылки студентовъ—медиковъ въ фельдшера съ выслугою въ медики, суроваго наказанія за незастегнутую въ мундирѣ пуговицу и т. под. Кто о такихъ казусахъ не слыхалъ, кто ихъ не знаетъ? Но мы приведемъ въ фактическомъ видѣ нѣсколько найболѣе оригинальныхъ мѣръ исправленія и наказанія, которыя могъ придумать одинъ только Бибиковъ и которыя характеризуютъ его болѣе всякихъ отвлеченныхъ описаній и сужденій. За вѣрность этихъ разсказовъ въ ихъ по-

дробностяхъ мы ручаться, конечно, не станемъ, но приводимъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они ходили въ свое время, передаваясь изъ устъ въ уста.

1. *Обращеніе уніатскаго священника въ православіе.* Въ 1839 г., какъ извѣстно, совершилось присоединеніе къ православію всѣхъ уніатовъ сѣверо-западнаго и юго-западнаго края. Въ послѣднемъ, гдѣ ихъ осталось самое незначительное число, нашелся однако одинъ не молодой священникъ, который не пожелалъ послѣдовать общему примѣру и мутилъ своихъ прихожанъ. Послѣ тщетныхъ и долгихъ увѣщаній со стороны духовныхъ властей, Бибиковъ, который не любилъ, чтобы у него что-либо нарушало общій порядокъ, потребовалъ священника къ себѣ. Послѣдній доставленъ былъ экстренно съ жандармами и ими же введенъ въ пріемный залъ.

— Желаете-ли, батюшка, принять православіе?—спросилъ послѣ нѣкоторой прелюдіи генералъ.

— Не желаю,—былъ отвѣтъ.

— Думаю,—это отъ того, продолжалъ генералъ, что вы не имѣли времени подумать надъ этимъ дѣломъ. Подумайте на досугѣ и потомъ мнѣ скажете.

Генералъ далъ знакъ и ослушника увели. Въ передней ему повязали платкомъ глаза, усадили въ карету и повезли, неизвѣстно куда. Доставивъ по назначенію, его долго вели по какимъ-то переходамъ и корридорамъ и наконецъ ввели въ какую-то комнату. Когда повязка была снята, онъ увидѣлъ молчаливо удаляющихся жандармовъ, услышалъ скрипъ тяжелой двери и щелканіе замка, а за тѣмъ мѣрные шаги у двери часоваго. То былъ вовсе не знакомый узнику крѣпостной казематъ съ его скудною обстановкою и свѣтомъ падающимъ откуда-то сверху. Молча сторожъ ставилъ пищу и питье, молча уходилъ. Ни на какіе вопросы ни онъ, ни часовые не давали отвѣта. Прошло нѣсколько дней невольнаго досуга, уединенія, безмолвія, размышленія. Разъ, не то днемъ, не то вечеромъ, отворяется со скрипомъ дверь, входятъ новые сторожа, повязываютъ узнику снова глаза и послѣ длинныхъ переходовъ вводятъ его въ ярко освѣщенный съ опущенными шторами залъ. Глазамъ узника представлялся длинный, краснымъ сукномъ покрытый, столъ съ зерцаломъ, а по сторонамъ его нѣсколько военныхъ чиновъ въ мундирахъ и орденахъ. Старшій изъ сидѣвшихъ обра-

тился къ подведенному узнику съ тѣмъ-же вопросомъ, съ какимъ прежде обращался генералъ.

— Желаете-ли, батюшка, принять православіе?

— Нѣтъ, не желаю.

Старшій кивнулъ головою, подалъ знакъ и узникъ снова тѣмъ же порядкомъ былъ отведенъ въ его казематъ.

Проходили дни за днями; въ опредѣленный день, въ урочный часъ появлялись тѣ-же стражи, повторялся тотъ-же процессъ привода, допрашиванія и отвода. Упрямый узникъ не выдержалъ наконецъ и въ одну изъ явокъ на вопросъ предсѣдательствовавшаго: желаете-ли принять православіе? отвѣчалъ: желаю. Тотъ часъ всегда угрюмый предсѣдатель весело поднялся съ кресла и, поздравляя новообращеннаго съ принятіемъ православія, почтительно попросилъ у него благословенія. Его примѣру послѣдовали прочіе члены. Въ заключеніе предсѣдатель самымъ любезнымъ образомъ пригласилъ его отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ генералъ-губернатору. „Такъ вы уже православный?“ — такимъ вопросомъ встрѣтилъ его генералъ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, произнесъ: поздравляю, и самъ попросилъ благословенія.

— Вы теперь свободны, заключилъ генералъ. — Поѣзжайте на приходъ; я увѣренъ, что вы навсегда уже останетесь православнымъ. Прощайте!

— И это все?—возвысилъ голосъ недавній узникъ. — Такъ сюда привезли, а назадъ пѣшкомъ буду идти?

— Не все, отвѣчалъ генералъ и быстро прошелъ въ кабинетъ. Возвращаясь оттуда, онъ также быстро подошелъ къ новообращенному и съ словами: прошу помолиться обо мнѣ, вручилъ ему деньги на молитвы, точнѣе на проѣздъ—безъ провожатыхъ.

2. *Любезный разговоръ съ городскими представителями.* Въ 1847—48 году появилась въ Кіевѣ сильная холера. Бибиковъ распорядился открытіемъ временной больницы въ городскомъ, такъ называемомъ, контрактовомъ домѣ, гдѣ обыкновенно отбывались купеческія семейныя собранія и танцовалъ историческій теперь Аскоченскій съ своею Варинькою. Почетнѣйшіе купцы, съ городскимъ головою во главѣ, явились къ нему съ просьбою объ отмѣнѣ такого распоряженія.

— Что скажете, господа?—спросилъ ихъ ласково генералъ.

— Ваше высокопревосходительство приказали открыть больницу въ контрактовомъ домѣ для холерныхъ,—началъ городской голова.

— Такъ.—Что-же?

— Но вотъ дочери наши тамъ танцуютъ въ зиму, а тутъ холерные будутъ... Какъ-же? будьте милостивы, прикажите перемѣнить...

— Прикажу. Голядкинъ [1])! Контрактовый домъ очистить, а кровати въ ихъ домахъ размѣстить...

Купцы вытянули свои физіономіи.

— Больше ничего не скажете, господа?—спросилъ генералъ.

— Ничего, отвѣчали тѣ, низко кланяясь. — Они хорошо знали, что значитъ противорѣчить Бибикову.

— Такъ я вамъ скажу, прибавилъ онъ.—Вы, господа купцы, не кіевскіе купцы, а кіевскіе с.....и, а вы, И. И., не кіевская городская голова, а кіевская городская ж.... Прощайте!

Купцы пошли, не солоно хлебавши. Кровати холерныхъ, конечно, остались въ контрактовомъ домѣ.

3. *Обученіе инвентарямъ.* Инвентарныя правила — любимое дѣтище Бибикова. Благодѣтельныя для крестьянъ, они не согласовались съ интересами помѣщиковъ, привыкшихъ къ полному и безконтрольному господству надъ крестьянами и эксплоатаціи всего ихъ труда. Какъ помѣщику, привыкшему къ тому, чтобы всякая живущая крестьянская душа работала на него, сносить то, чтобы вдругъ на работу являлся одинъ только работникъ и одна работница отъ двора и вмѣсто шести дней въ недѣлѣ работали кто три, кто два, а кто и одинъ день, да притомъ всякая работа была бы опредѣлена мѣрою и числомъ (сколько напр. сноповъ сжать или смолотить, и какого хлѣба, и какой мѣры снопы, и пр., и пр.). Появилось множество злоупотребленій и насилій со стороны помѣщиковъ, а протестовавшихъ или жаловавшихся крестьянъ представляли въ видѣ бунтовщиковъ. Дошли до Бибикова свѣдѣнія, что одинъ помѣщикъ радомысльскаго уѣзда, управлявшій имѣніемъ по довѣренности матери, молодой, элегантный жуиръ, игнорируетъ инвентарныя правила. Онъ доставленъ былъ *приличнымъ* образомъ въ Кіевъ къ Бибикову.

---

[1]) Знаменитый въ бибиковское время полиціймейстеръ г. Кіева.

— Я слышалъ, сказалъ ему генералъ безъ всякихъ прелюдій, что вы допускаете отступленія отъ Высочайше утвержденныхъ инвентарныхъ правилъ. Полагаю, что это происходитъ не отъ злой вашей воли, а просто отъ того, что вы, по причинѣ молодости и безпрестанныхъ развлеченій, недостаточно ознакомлены съ этими правилами.

Молодой джельтменъ пріободрился, но не надолго.

— Я вызвалъ васъ сюда, продолжалъ генералъ, чтобы вы здѣсь на досугѣ могли изучить эти правила; тогда, я не сомнѣваюсь, вы будете ихъ въ точности исполнять.

Подавая недоумѣвающему франту увѣсистую in folio тетрадь, равнявшуюся по меньшей мѣрѣ книжкѣ толстаго журнала, генералъ прибавилъ: вотъ вамъ правила. Приходите сюда каждый день въ 9-ть часовъ утра. Вамъ укажутъ комнату, гдѣ вы будете ихъ изучать, а мой адъютантъ (при этомъ онъ взглянулъ въ сторону адъютанта, а тотъ щелкнулъ шпорами) будетъ наблюдать за вашими занятіями и прослушивать, что вы успѣете изучить. По окончаніи вашихъ занятій, я надѣюсь самъ прослушать васъ.

Генералъ слегка кивнулъ головою и удалился въ кабинетъ, а ошеломленный франтъ, вѣжливо приглашенный въ особую комнату, сталъ съ того-же дня пыхтѣть надъ правилами, не превосходившими по своему содержанію какую-либо рецептуру или латинско-россійскій словарь.

Много дней и недѣль потратилъ молодой вельможный панъ, пока *doskonale* изучилъ правила, а когда весь курсъ былъ пройденъ, генералъ самъ спросилъ его въ разбивку и за тѣмъ отпуская, проговорилъ: теперь поѣзжайте домой; я не сомнѣваюсь, что вы хорошо будете управлять имѣніемъ и оправдаете довѣріе вашей матушки.

4. *Поѣздка въ Анапу.* Во время революціи 1848 г. и послѣдовавшей за тѣмъ венгерской кампаніи, въ польскомъ населеніи юго-западнаго края проявилось сильное броженіе. Надежды поляковъ, что переворотъ на западѣ Европы коснется Россіи и поможетъ осуществленію ихъ мечтаній, постепенно росли. Стали наконецъ разносить вѣсти за вѣстями, что сформированный въ Турціи польскій легіонъ сдѣлалъ высадку близъ Анапы, взялъ и разрушилъ ее, гарнизонъ весь истребилъ, а за тѣмъ поднимаетъ горскія племена.

Одинъ изъ такихъ благовѣстниковъ, жирный польскій панъ, былъ доставленъ Бибикову въ позднюю осень.

— Стало мнѣ извѣстно, началъ генералъ, что вы распространяете извѣстія, въ справедливости которыхъ сами не увѣрены, и пояснилъ, какого рода извѣстія распространяетъ панъ.

— Это такъ—одни байки, в. в-ство, проговорилъ панъ, не подозрѣвая, что ждетъ его.—Говорятъ теперь много; одинъ другому передаютъ. И я, что слышалъ, разсказывалъ, а такъ-ли оно, почемъ мнѣ знать. Кто тамъ былъ, кто то можетъ знать? Такъ одни байки...

— То-то никто не былъ и не знаетъ. Вотъ я хочу, что-бы вы сами проѣхали въ Анапу и лично удостовѣрились, цѣла-ли она и что съ русскимъ гарнизономъ. Поѣзжайте. Вы будете имѣть провожатыхъ. А на обратномъ пути заѣзжайте мнѣ сказать, что вы тамъ найдете.

У генералъ-губернаторскаго подъѣзда стояла тройка почтовыхъ лошадей. Два жандарма бережно усадили своего кліэнта и сами усѣлись. Умчался панъ съ *будущими*.

Не скоро онъ вернулся съ своими провожатыми въ Кіевъ и отрапортовалъ Бибикову, что Анапа на мѣстѣ и гарнизонъ цѣлъ, а непріятеля нигдѣ не видно. Стоимость путевыхъ издержекъ взыскана потомъ съ виновника ложныхъ вѣстей.

5. *Патріотическій обѣдъ.* Въ тоже время, въ Кіевѣ, въ Липкахъ, рядомъ почти съ домомъ генералъ-губернатора жилъ богатый польскій помѣщикъ и домовладѣлецъ N. Это была труба іерихонская. Никто скорѣе его не узнавалъ городскихъ и всякихъ новостей и никто быстрѣе ихъ не распространялъ—все по секрету да въ одиночку. Сталъ и онъ распускать, что русскія войска въ Венгріи терпятъ пораженія за пораженіями и что скоро Кошутъ будетъ въ Кіевѣ... Приглашаетъ Бибиковъ болтливаго сосѣда.

— Я, говоритъ ему, слышалъ то-то и то-то.—Откуда вамъ извѣстно это?

— Извините, в. в-ство, зачастилъ изворотливый сосѣдъ.—Я тутъ ни при чемъ. Теперь много слуховъ. Всѣ говорятъ; говорилъ и я, что слышалъ. Но это только одни слухи,—такъ и передаются они. Откуда-же намъ имѣть вѣрныя свѣденія?

— То-то вы не имѣете вѣрныхъ свѣденій, а передаете. Я вотъ получаю иностранныя газеты (въ то время частныя лица почти не могли ими пользоваться), имѣю свѣдѣнія и изъ другихъ вѣрныхъ источниковъ и могу увѣрить васъ, что все, объ чемъ у васъ толкуютъ, совершенная ложь.

Сосѣдъ сталъ вторить Бибикову, заявлять, что только его свѣдѣнія вѣрны. Тотъ перебилъ его слѣдующими неожиданными словами:

— Я не хочу съ вами ссориться; полагаю, что и вы этого не пожелаете. Надо это дѣло поправить, загладить. Я укажу вамъ способъ, который, надѣюсь, будетъ согласенъ съ тѣмъ, что вы сами сейчасъ говорили о переданныхъ вами невѣрныхъ извѣстіяхъ и вашихъ патріотическихъ чувствахъ. Вотъ что рекомендую вамъ сдѣлать. Завтра, послѣзавтра устройте вы у себя обѣдъ,—хорошій обѣдъ,—понимаете? Пригласите на этотъ обѣдъ всѣхъ тѣхъ вашихъ знакомыхъ, которымъ вы передавали невѣрныя извѣстія (имена ихъ мнѣ въ подробности извѣстны). Тутъ вы имъ скажите, что все дескать, что вы слышали отъ меня, я вамъ *навралъ*, что вотъ генералъ-губернаторъ, у котораго я былъ, получаетъ... Я васъ уполномочиваю передать имъ все, что вы слышали отъ меня, и тѣ вѣрныя свѣдѣнія объ одержанныхъ нашими войсками побѣдахъ, которыя я вамъ передалъ. Надѣюсь, что вы при этомъ выразите вашимъ пріятелямъ ваши патріотическія чувствованія, въ которыхъ вы и меня такъ много увѣряли, провозгласите тостъ за здоровье государя императора, за успѣхи и славу русскаго оружія. Этимъ вы изгладите то непріятное и—прибавлю—для васъ не безопасное впечатлѣніе, которое вы навлекли на себя распускаемыми вами ложными извѣстіями. А для порядка и чтобы я могъ знать, въ какой степени будетъ исполнено вами мое предложеніе, пригласите къ обѣду Голядкина (сосѣдъ вытянулся), да вотъ моихъ адъютантовъ (онъ мотнулъ головой въ знакъ согласія). Я имъ передамъ ваше приглашеніе... Прощайте.

Сосѣдъ выскочилъ, какъ ошпареный. Онъ понималъ всю гнусность предстоящаго ему положенія, но зналъ, что Бибиковъ шутить не любитъ и что малѣйшее отступленіе отъ начертанной имъ программы поведетъ къ весьма серьезнымъ послѣдствіямъ. Онъ бѣгалъ, какъ угорѣлый, торопясь устройствомъ патріотическаго обѣда,

составлялъ *тени*, закупалъ дорогія вина, разсылалъ приглашенія знакомымъ, припоминалъ всѣхъ, съ кѣмъ велъ политическіе разговоры, а передъ всѣмъ, лично и въ изысканныхъ фразахъ, пригласилъ Голядкина и адъютантовъ Бибикова. Обѣдъ вышелъ на славу. Провозглашали тосты, пѣли: Боже царя храни, пили шампанское, кричали: ура! На другой день въ урочный часъ Голядкинъ доложилъ, что все исполнено въ точности.

7. *Быстрая постройка православной церкви польскою помѣщицей.* До 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія православные сельскіе храмы на всемъ пространствѣ юго-западнаго края представляли собою самый жалкій видъ убожества, тѣсноты, ветхости и разрушенія. Построенныя въ большей части въ періодъ послѣдняго передвиженія здѣсь населенія, но когда этотъ край не имѣлъ еще никакихъ задатковъ политическаго спокойствія, а находился долгое время въ состояніи броженія, устроенныя всюду почти вновь поселившимися и, естественно, бѣдными людьми, неувѣренными, долго-ли имъ придется жить на вновь избранныхъ мѣстахъ, церкви эти представляли собою видъ временныхъ какъ-бы шалашей, или амбаровъ, вмѣстимость которыхъ разсчитана была лишь по числу первыхъ поселенцевъ, а внутреннія и наружныя украшенія по ихъ скуднымъ средствамъ. Съ присоединеніемъ края къ Россіи и съ водвореніемъ наружнаго спокойствія, развившееся быстро закрѣпощеніе и полная эксплоатація крестьянскаго труда, доводила православное сельское населеніе до крайняго обѣдненія, а населеніе росло, церкви ветшали и нечѣмъ было ихъ ни поддержать, ни расширить, ни украсить. Между тѣмъ рядомъ съ ними, а иногда и въ замѣнъ ихъ, возвышались богатые и пышные каменные костелы, построенные на счетъ доходовъ отъ того-же крестьянскаго труда, нерѣдко для надобностей одного лишь дѣдича и его дворни, а иногда и просто для цѣлей пропаганды въ томъ разсчетѣ, что набожный православный крестьянинъ, при неимѣніи церкви, или ея крайней ветхости и тѣснотѣ, по неволѣ пойдетъ въ костелъ. Такое печальное положеніе православнаго населенія юго-западнаго края, относительно удовлетворенія духовныхъ его нуждъ, не ускользнуло отъ вниманія императора Николая Павловича и еще въ 1833 г., въ слѣдъ за окончаніемъ перваго повстанья, онъ выразилъ (не помнимъ, въ видѣ-ли манифеста, указа или въ иной формѣ) свою

волю и надежду, что помѣщики этого (какъ и сѣверо-западнаго) края добровольно порадѣютъ о томъ, что бы подвластные имъ православные крестьяне не оставались безъ удовлетворенія въ одной изъ существенныхъ своихъ потребностей, и приложатъ свои заботы къ постройкѣ новыхъ для нихъ церквей, гдѣ таковыхъ вовсе нѣтъ, и починкѣ старыхъ и обветшавшихъ. Казалось, простое чувство справедливости подскажетъ всякому помѣщику, хотя и иновѣрцу, что если онъ пользуется до пресыщенія всѣми плодами трудовъ крестьянина, то онъ же обязанъ удовлетворить его, по крайней мѣрѣ, въ главномъ и существенномъ и, оставляя ему кое-какія крохи для поддержанія его физической жизни, не долженъ тѣмъ болѣе забывать о духовныхъ его потребностяхъ. Но и эта великодушная воля Государя, разсчитывавшаго на благородство польскаго дворянства, не привела ни къ чему, и къ 50-мъ годамъ православные сельскіе храмы пришли еще въ большее обветшаніе, а по мѣстамъ и вовсе разрушились. Бибиковъ, часто объѣзжавшій ввѣренный ему край, видя безпомощность въ этомъ отношеніи православныхъ приходовъ и зная объ объявленномъ когда-то Высочайшемъ желаніи, предварительно затребовалъ свѣдѣнія о томъ, кто изъ помѣщиковъ юго-западнаго края, ревнуя исполнить волю Государя, въ теченіи долгаго, около 20 лѣтъ, промежутка времени, успѣлъ построить вновь, или починить обветшавшую православную церковь. Оказалось, что никто не ревновалъ объ этомъ и что если гдѣ-либо, подъ вліяніемъ первыхъ минутъ страха, и были начаты такія постройки, то скоро все забыто и выведенныя до половины или болѣе стѣны подвергались полному разрушенію. Послѣдовалъ поэтому новый Высочайшій указъ 1851 г., которымъ повелѣвалось: во 1-хъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было православное населеніе и не было вовсе православной церкви, но былъ хорошій костелъ,—костелъ обращать въ церковь, при отказѣ помѣщика построить каменную православную церковь, и во 2-хъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ костелъ и церковь, но костелъ находится въ хорошемъ, а церковь въ обветшаломъ видѣ, при отказѣ помѣщика починить или перестроить церковь, либо построить въ замѣнъ старой новую, костелъ также обращать въ церковь. До обращенія костеловъ въ православныя церкви нигдѣ, положимъ, дѣло не дошло, но много въ короткое время было починено и даже вновь построено на счетъ помѣщи-

ковъ церквей. Помѣщики пускались при этомъ на всевозможные извороты и оттяжки, но энергическій начальникъ края въ крайнихъ случаяхъ примѣнялъ и крайнія мѣры. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Въ м. Л—кѣ (кіевской губерніи) проживала богатая вдова, польская помѣщица. Это былъ именно тотъ пунктъ, гдѣ, какъ извѣстно, гайдамаки, во время Коліивщины 1768 г. повѣсили на костелѣ ксендза, жида и собаку съ подписью: „ксендзъ, жидъ та собака, то все віра единака". Знала-ли объ этомъ пани, или нѣтъ, только она ни за что не хотѣла исполнить Высочайшій указъ и настоятельное требованіе мѣстныхъ властей относительно постройки въ Л—кѣ каменной православной церкви. Она выгоняла изъ дому всякаго, кто осмѣливался предложить ей такое требованіе. Когда объ этомъ стало извѣстно Бибикову, онъ отправилъ къ ней своего адъютанта съ особымъ порученіемъ — поселиться въ домѣ несговорчивой пани и не оставлять его до тѣхъ поръ, пока постройка церкви не будетъ выведена до оконъ. Ловкій адъютантъ придумалъ какой-то посторонній предлогъ для посѣщенія дома сіятельной владѣтельницы. Та приняла его радушно и поселила его чуть-ли не рядомъ съ своими апартаментами. Обезпечивъ себя въ помѣщеніи и продовольствіи, адъютантъ приступилъ наконецъ къ дѣлу и объявилъ данный ему приказъ. Помѣщица выходила изъ себя, пускалась на всевозможныя хитрости и прижимки; но твердый адъютантъ все вынесъ и оставилъ ея *палацъ* лишь тогда, когда стѣны церкви на нѣсколько аршинъ были выведены изъ земли. На бѣду православной Л—ки, Бибиковъ вскорѣ оставилъ край и не скоро постройка церкви, начатая столь быстро, приведена была къ концу, не безъ особыхъ усилій и жертвъ мѣстнаго священника Ковальскаго.

Таковы были тѣ *argumenta ad hominem*, которыя употреблялъ Бибиковъ для выполненія своихъ распоряженій. Какіе либо коментаріи къ нимъ излишни. Тутъ живой Бибиковъ предъ нами и ярко рисуется его время и режимъ. Не касаясь внутренней стороны тѣхъ мѣръ, къ какимъ прибѣгалъ изобрѣтательный умъ его, скажемъ только, что, по свидѣтельству живущихъ еще многихъ сотрудниковъ Бибикова, эти мѣры были вполнѣ дѣйствительны и всегда вели къ желанной цѣли. Были мѣры номеромъ выше, каковы: заклю-

ченіе въ крѣпость, высылка въ отдаленныя губерніи и конфискація имѣній, но онѣ практиковались исключительно въ дѣлахъ по политическимъ преступленіямъ. Эти-то мѣры, а также рѣзкое и пренебрежительное обращеніе Бибикова съ титулованнымъ дворянствомъ, вызывали тѣ ожесточенные на него нападки, которые громко раздавались на мѣстѣ и особливо въ заграничной печати. Но чтобы понять относительную, во всякомъ случаѣ, ихъ справедливость, надо знать и тогдашнюю титулованную шляхту, самодурствовавшую не только въ области политическихъ мечтаній и рабовладѣльческихъ инстиктовъ, но даже въ кругу семейныхъ отношеній. Для характеристики этихъ послѣднихъ довольно было-бы вспомнить еще не забытую многими исторію одного изъ Потоцкихъ, его обращеніе съ третьею женою, урожденною Швейковскою, и злополучнымъ сыномъ отъ этого брака, принятіе имъ православія и долгое странствованіе по *внутреннимъ* губерніямъ и за границей; но это завлекло-бы насъ далеко и заставило-бы измѣнить намѣченныя нами рамки нашего бѣглаго очерка.

По словамъ лицъ, близко знавшихъ Димитрія Гавриловича, этотъ прославленный варваръ и деспотъ отличался самымъ возвышеннымъ образомъ мыслей, рѣдкимъ благородствомъ души, добротою и обходительностію въ частномъ быту и особымъ сочувствіемъ къ воспитывающемуся юношеству. Мотивы чести, въ томъ видѣ, въ которомъ она понималась тогда, какъ принадлежность извѣстнаго сословія, преобладали въ немъ, кажется, надъ всѣми другими. На эту струну дѣйствовалъ онъ въ своихъ отношеніяхъ служебныхъ, ее же въ особенности онъ трогалъ въ учащемся юношествѣ. Извѣстно, что онъ нѣсколько лѣтъ состоялъ въ званіи попечителя кіевскаго учебнаго округа. Не ему принадлежитъ введеніе розогъ въ старшихъ классахъ гимназій и не скоро онъ согласился на допущеніе этой крайней и тогда мѣры. Университетъ занималъ его болѣе, чѣмъ гимназіи, и ему посвящалъ онъ не мало времени и заботъ. Науки, конечно, онъ не касался; главное вниманіе его устремлено было на водвореніе въ студенчествѣ вѣрноподданническаго духа, порядка, субординаціи и дисциплины, но вмѣстѣ и на пробужденіе въ немъ чувства чести, собственнаго достоинства и отчасти любви къ занятіямъ. Студенты нерѣдко дебоширили; онъ созывалъ ихъ, говорилъ имъ рѣчи, не во всемъ пристойныя, дѣлалъ строгія вну-

шенія, но всегда билъ на струны долга, чести и достоинства. Студентовъ хорошихъ фамилій онъ приглашалъ на свои вечера и держалъ себя съ ними просто. Во время одного изъ такихъ вечеровъ внезапно явился инспекторъ университета съ экстреннымъ докладомъ о необходимости обыска у одного изъ студентовъ, подозрѣваемыхъ въ преступныхъ политическихъ сношеніяхъ. Бывшій на ту пору въ числѣ гостей студентъ Р—чъ какимъ-то способомъ провѣдалъ о содержаніи доклада; пользуясь многолюдствомъ собранія, онъ не замѣтно вышелъ изъ залы, предупредилъ подозрѣваемаго, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ виновнаго товарища и, также не замѣтно возвратившись въ залу, по прежнему принялъ участіе въ танцахъ. Обыскъ не далъ никакихъ результатовъ; но сообразительный Бибиковъ догадался, чья это работа, и на другой же день потребовалъ Р—ча къ себѣ...

— Скажите, спросилъ онъ его, вы предупредили N объ обыскѣ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ твердо и смѣло.

— Я васъ спрашиваю, продолжалъ Бибиковъ, не какъ генералъ-губернаторъ или попечитель и не какъ студента, но какъ дворянинъ дворянина, и при этомъ впился въ него своими умными и выразительными глазами.

— Да, предупредилъ, отвѣчалъ Р—чъ столь-же твердо и рѣшительно.

— Съ удовольствіемъ могу подать руку честному дворянину, закончилъ грозный генералъ-попечитель, и не только подалъ и пожалъ руку виновному, но прекратилъ всякое дальнѣйшее объясненіе по этому предмету.

Бибиковъ отличался прямотою, находчивостію и быстротою соображенія, и, понятно, любилъ эти качества въ другихъ. Извѣстно, какъ строго онъ требовалъ застегиванія на всѣ пуговицы отъ тѣхъ, кто носилъ форменное платье. Былъ случай, что студентъ, встрѣченный имъ гдѣ-то за городомъ въ разстегнутомъ сюртукѣ, былъ исключенъ, хотя, говорятъ, страдалъ грудью и при встрѣчѣ съ Бибиковымъ занимался собираніемъ растеній для гербарія. Прямота и находчивость спасала и въ такихъ случаяхъ, обезоруживая грознаго и непреклоннаго Бибикова. Разъ въ самомъ городѣ, близъ университета, онъ встрѣтилъ студента не застегнутаго на нѣсколько пуговицъ. Студентъ спохватился, когда увидѣлъ Бибикова предъ собою.

— Куда идете?—грозно спросилъ Бибиковъ.

— Вѣроятно, въ карцеръ в. в-ство,—отвѣчалъ студентъ, взглянувъ на не застегнутыя пуговицы.

— Ну, ступайте, ступайте, съ улыбкой отвѣчалъ Бибиковъ и пропустилъ попавшагося, которому безъ этого никакъ-бы не сдобровать.

Въ одну изъ поѣздокъ по кіевской губерніи свита его отстала отъ него далеко, а предшествовавшаго ему становаго онъ услалъ за чѣмъ-то въ сторону. Одинъ, безъ всякихъ проважатыхъ, подкатилъ онъ къ становой квартирѣ въ м. Шполѣ. Тамъ пыхтѣлъ надъ бумагами, спины не разгибая, помощникъ становаго въ разстегнутомъ мундирѣ. День былъ жаркій, работа спѣшная; мелкій полицейскій чинъ такъ погрузился въ бумаги, что совсѣмъ забылъ объ ожидаемомъ пріѣздѣ грознаго начальника и только по временамъ локтемъ отгонялъ отъ себя докучливыхъ мухъ. Вдругъ послышался глухой стукъ подъѣзжавшаго по пыльной и навозной улицѣ экипажа. Не успѣлъ онъ схватиться съ мѣста, подбѣжать къ окну и повернуться отъ него, какъ предъ нимъ показался Бибиковъ. Готовилась грозная сцена; но чиновникъ не растерялся.

— Это что?—спросилъ рѣзко Бибиковъ, указывая пальцемъ на разстегнутый мундиръ. Но чиновникъ, какъ-бы не слыша и не замѣчая ничего, нѣсколько выпрямившись, съ достоинствомъ, въ свою очередь спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Это что?—еще рѣзче повторилъ Бибиковъ. Но вошедшій въ быстро намѣченную роль полицейскій чинъ опять перебилъ его вопросомъ:

— Да позвольте знать, кто вы и что вамъ здѣсь нужно?

Остановленный вопросомъ, котораго никакъ не ждалъ, Бибиковъ чуть не крикнулъ:

— Да вы что здѣсь?—Но чиновникъ съ достоинствомъ отвѣчалъ:

— Помощникъ становаго пристава; въ отсутствіи его исправляю его обязанности и, если вамъ что...

Едва замѣтная улыбка мелькнула на лицѣ Бибикова. Не перемѣняя тона, онъ спросилъ:

— Вы кого ждете сегодня?

— Сегодня проѣзжаетъ здѣсь генералъ-губернаторъ.

— Вы видали его?

— Не имѣлъ удовольствія.

— Но вы знаете, слышали, каковъ онъ?

— Слышалъ, что у него одна только рука...

Бибиковъ откинулъ бортъ шинели; на бѣломъ кителѣ показался пустой пристегнутый рукавъ. Полицейскій чинъ мгновенно вытянулся въ струнку и быстро застегивая мундиръ, отчеканилъ:

— Имѣю честь представиться...

— Молодецъ, проговорилъ, улыбаясь, Бибиковъ и спустя нѣсколько дней повысилъ его рангомъ.

Кромѣ приведенныхъ нами, существуетъ много другихъ разсказовъ о дѣятельности Д. Г. Бибикова по управленію юго-западнымъ краемъ. Всѣхъ ихъ не перечесть, тѣмъ болѣе не передать въ одинъ разъ; но всѣ они своей массой свидѣтельствуютъ о его замѣчательномъ умѣ, несокрушимой энергіи и глубоко-патріотическомъ направленіи. Недостатки его режима очевидны; они общи тому времени. Труднѣе судить о благодѣтельныхъ его послѣдствіяхъ; но онѣ также несомнѣнны и для наблюденія внимательнаго ясны и понятны. Нельзя лучше характеризовать его дѣятельности въ нашемъ краѣ, какъ его-же слѣдующими словами, сказанными на прощанье дворянству трехъ губерній [1]): „Популярности я не искалъ, любви отъ васъ не имѣю, но—уваженія надѣюсь. Позднѣйшія поколѣнія вспомнятъ мою службу въ этомъ краѣ“.

---

[1]) См. «Кіев. Стар.», іюнь, стр. 535.

ЮЖНО-РУССКАЯ ПѢСНЯ

О СОБЫТІИ XI-го ВѢКА.

(П. И. Ревякину на память).

I.

Въ 1874 и 75 г. вышли въ свѣтъ два выпуска „историческихъ пѣсень малорусскаго народа“ съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Сборникъ этотъ былъ сочувственно встрѣченъ какъ русскою, такъ и иностранною литературою. По словамъ Н. И. Костомарова, это была „первая, сообразно современнымъ требованіямъ науки, правильно поставленная попытка ученаго изданія памятниковъ малорусской поэзіи“. „Трудъ этотъ, говоритъ г. Веселовскій, будетъ капитальнымъ вкладомъ въ науку о южно-русской народной поэзіи“. Такой-же весьма благопріятный отзывъ данъ былъ и проф. Котляревскимъ въ отчетѣ о книгахъ, удостоенныхъ Уваровской преміи.

Вмѣстѣ съ достоинствами труда указаны были и его недостатки. Г. Веселовскій въ своей рецензіи (Спб. Вѣдомости, 1874 г., № 278) признаетъ, что терминъ „историческій“ понимается издателями нѣсколько шире, чѣмъ принято это обыкновенно, по крайней мѣрѣ, на Западѣ. Историческаго характера за многими колядками и щедрівками, причисленными издателями къ отдѣлу пѣсень вѣка дружиннаго и княжескаго, г. Веселовскій не признаетъ— также точно, какъ и за нѣкоторыми балладами, внесенными въ этотъ отдѣлъ, но спеціально не принадлежащими Малороссіи. Легенду о Золотыхъ Воротахъ онъ считаетъ варіантомъ отреченнаго греческаго сказанія.

Н. И. Костомаровъ въ статьѣ своей „Историческая поэзія и новые ея матеріалы“ (Вѣстникъ Европы, декабрь, 1874 г.), въ противность г. Веселовскому, полагаетъ, что гг. издатели еще недостаточно широко понимаютъ слово „историческій“ по отношенію къ памятникамъ народнаго творчества. За пѣснями, причисленными къ вѣку дружинному и княжескому, Н. И. признаетъ характеръ „историческихъ“ пѣсень въ обширномъ смыслѣ слова, но отрицаетъ толкованіе гг. издателей о собственныхъ именахъ, встрѣчающихся въ этихъ пѣсняхъ (Ивана Берладника, Даніила Галицкаго, Романа Мстиславича). „Въ числѣ пѣсень, отнесенныхъ къ разряду пѣсень дружиннаго и княжескаго вѣка, говоритъ г. Костомаровъ, нѣтъ ни одной, о которой можно было-бы сказать положительно, что она относится къ такому-то лицу или такому-то событію, извѣстнымъ по лѣтописи“. Признавая заслугу гг. издателей между прочимъ и въ томъ, что они правильно замѣтили поддѣльность многихъ мнимо-народныхъ произведеній, г. Костомаровъ полагаетъ, что подробныя черты этой поддѣльности въ сборникѣ не приведены, да кромѣ того сборникъ не остался все-таки безъ вторженія псевдо-народныхъ элементовъ, чему указаны и примѣры.

Не подлежитъ сомнѣнію и никѣмъ изъ свѣдущихъ людей не отрицается, что въ изданныхъ до сихъ поръ матеріалахъ южнорусскаго народнаго творчества оказалось весьма много *историческихъ* чертъ древняго періода жизни русскаго народа (понимая слово историческій въ обширномъ смыслѣ слова). Но до сихъ поръ *не найдено ни одной пѣсни, пріуроченной къ извѣстному лицу или извѣстному событію, занесенному въ нашу русскую лѣтопись.* Всѣ попытки комментаторовъ отнести ту или другую пѣсню къ какому-либо лицу или событію древняго періода русской жизни разбиты солидною критикою. Или комментаторы ошибаются въ самомъ толкованіи, принимая нарицательныя имена за собственныя (что и указано вышеупомянутыми рецензіями), или пѣсня представляетъ пересказъ мистической легенды (легенда и пѣсня о Золотыхъ Воротахъ, по разъясненію г. Веселовскаго), или-же, наконецъ, пѣсня оказывается подложною. Такъ знаменитая дума о походѣ князя-язычника на Царьградъ, дума, съ которой такъ долго носились наши этнографы, оказывается поддѣльною (послѣ изслѣдованій Н. И. Костомарова). Отсутствіе слѣдовъ богатырскаго эпоса въ южно-

русской поэзіи въ былое время возбудило сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно-ли древнія южно-русскія племена, пересчитанныя въ лѣтописи—предки теперешняго малорусскаго народа. Явилось даже предположеніе, что древность пребыванія въ приднѣпровьи теперешняго южно-русскаго племени не восходитъ далѣе XIV вѣка. На это возражали, что слѣды древняго періода исчезли вслѣдствіе сильнаго вліянія на народную память эпохи козацкихъ движеній, столь обильной фактами народной политической жизни. Правда, что послѣ изслѣдованій г. Стасова, поколебавшихъ русскую историческую основу богатырскаго эпоса, вопросъ этотъ потерялъ всю свою прежнюю остроту. „При болѣе глубокомъ изученіи народныхъ памятниковъ, говоритъ Н. И. Костомаровъ, окажется, что если въ малорусской народной поэзіи нѣтъ тѣхъ полу-сказокъ, полу-пѣсень, которыя называются въ великорусской поэзіи былинами, за то слѣды давней жизни очень ощутительны въ народныхъ пѣсняхъ". Это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и г. Костомаровъ въ той-же своей статьѣ представилъ перечень бытовыхъ чертъ дружиннаго и княжескаго вѣка, извлеченныхъ изъ обнародованнаго уже матеріала. Слѣдовательно, не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что если народный эпосъ сохранилъ такіе живые и ясные слѣды быта древней дружинно-вѣчевой эпохи, то предки этого народа органически пережили этотъ историческій періодъ и черты его отразили въ созданныхъ ими пѣсняхъ.

Тѣмъ не менѣе древность пребыванія теперешняго южно-русскаго населенія именно *въ землѣ полянъ,* какъ центрѣ древняго періода русской исторіи, ничѣмъ не доказана *со стороны южно-русскаго народнаго эпоса.* При такомъ обиліи изданнаго матеріала *неужели не найдется въ народной памяти никакого слѣда о событіяхъ древняго періода, неужели не отыщется ни одной пѣсни, пріуроченной къ какому-либо факту XI или XII вѣка,* имѣвшему мѣсто *именно* на территоріи древнихъ полянъ? Настоящая статья представляетъ собою попытку рѣшить этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ.

II.

Народный эпосъ—драгоцѣнный матеріалъ для человѣка, изучающаго народную жизнь вообще и прошлыя черты этой жизни въ

частности. Драгоцѣненъ онъ главнымъ образомъ потому, что имѣетъ въ себѣ много жизненности, свѣжести, неподдѣльности. Изслѣдователь отрывается отъ сухихъ, часто совершенно безцвѣтныхъ *письменныхъ* историческихъ памятниковъ и стряхиваетъ архивную пыль среди безхитростныхъ и наивныхъ произведеній народной музы. Изучая въ письменныхъ историческихъ памятникахъ внѣшнія, болѣе или менѣе громкія проявленія народной дѣятельности, онъ очень рѣдко встрѣчается съ трудно-уловимымъ обликомъ самаго народа, особенно въ томъ случаѣ, когда народъ этотъ имѣетъ весьма мало развитыя формы политической жизни. Только въ словесныхъ памятникахъ народнаго творчества онъ сталкивается лицомъ къ лицу съ мыслью и чувствомъ самого народа. Только здѣсь онъ можетъ подслушать импульсъ народной жизни, только здѣсь получитъ онъ ту силу, которая одушевитъ задуманный или исполненный имъ трудъ. Не „красивою иллюстраціею“ послужатъ бытовыя пѣсни русскаго народа для будущаго талантливаго бытописателя, какъ полагаетъ г. Веселовскій, а источникомъ и притомъ не только „надежнымъ“, но существеннымъ и, смѣло можно сказать, самымъ главнымъ.

Слово „историческій“—весьма упругое слово и многими понимается различно. По отношенію къ памятникамъ народной поэзіи оно совершенно ясно опредѣлено г. Костомаровымъ. „Считать между историческими пѣснями, говоритъ достоуважаемый ученый, слѣдуетъ всѣ тѣ пѣсни, *гдѣ выражается движеніе народной жизни въ какой-бы то ни было вѣтви ея*“. Съ этой точки зрѣнія, признавая взглядъ гг. издателей на слово „историческая пѣсня“ большимъ шагомъ впередъ („въ исторической пѣсни отражаются измѣненія общественнаго строя народа“), г. Костомаровъ дѣлаетъ имъ укоръ въ неполнотѣ ихъ сборника, указывая, что они, въ силу своего опредѣленія, должны были выбросить изъ сборника пѣсни со слѣдами древняго язычества и слѣдовательно несомнѣнно историческаго (въ общемъ смыслѣ) характера. Позволяю себѣ только замѣтить, что сборникъ, надлежаще систематизированный на основаніи вышесказаннаго опредѣленія границъ историческихъ пѣсень,—это такая грандіозная работа, которая по силамъ только цѣлой группѣ ученыхъ, стоящихъ во всеоружіи современнаго народознанія.

Собиратели пѣсень—это работники, подготовляющіе матеріалъ. Многіе изъ нихъ, не лишенные серьезнаго историческаго образо-

ванія, искушаются заманчивостью изслѣдованія и комментируютъ свои собранія, стараясь опредѣлить періодъ, къ которому относится пѣсня, и сличая ее съ письменными источниками или съ историческими легендами. Конечно, часто дѣлаются ошибки и промахи, но вмѣстѣ съ тѣмъ часто попадаются и цѣнныя сближенія, которыя вовсе не лишни будутъ настоящему, вооруженному надлежащею научною силою, изслѣдователю.

Нечего здѣсь говорить о томъ, какую огромную услугу исторической наукѣ оказали изслѣдованія сказокъ, народныхъ легендъ и историческихъ пѣсень. Сравнительное изученіе народнаго эпоса представителями науки дало богатые результаты, измѣнило взглядъ на имѣвшіяся уже историческія легенды и выяснило темныя, первыя, страницы народной жизни.

Дѣло надлежащаго изслѣдованія произведеній народнаго творчества—дѣло весьма трудное. Ученый изслѣдователь, подобно геологу, съ большою осторожностью и вниманіемъ счищаетъ съ какой-либо пѣсни или легенды постепенныя наслоенія, открываетъ болѣе древнія формы и наконецъ, путемъ сравнительнаго изученія, дѣлаетъ надлежащій выводъ и придаетъ извлеченному матеріалу надлежащее значеніе.

Но собранный и представленный ему матеріалъ часто (или, лучше сказать, почти всегда) теряетъ ту почву, на которой онъ собранъ, тѣ, хотя и второстепенныя, но весьма важныя условія, среди которыхъ онъ записанъ. Расказчикъ или пѣвецъ сопровождаетъ легенду или пѣсню какими-либо замѣчаніями, приводитъ слова какой-либо другой пѣсни или легенды и т. д. Часто одно слово, одинъ намекъ освѣщаетъ сразу смыслъ и историческое значеніе памятника, наводитъ на сближенія нежданныя и негаданныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ надлежащія и необходимыя. Правда, черезчуръ рьяные изслѣдователи увлекаются, Богъ знаетъ куда, и часто въ обыкновенной бытовой пѣснѣ усматриваютъ ошибочно слѣды какого-нибудь историческаго факта. Это вовсе не бѣда. Опытный знатокъ дѣла въ послѣдствіи укажетъ ошибку. За то сколько драгоцѣнныхъ находокъ остаются не разгаданными, именно благодаря тому, что собиратели изъ первыхъ рукъ ограничиваются только одною записью расказаннаго или пропѣтаго, не обращая вниманія на окружающія условія.

Въ былое время я принадлежалъ къ числу такихъ работниковъ-собирателей. Записывая изъ народныхъ устъ сказки, пѣсни и легенды, я, въ бытность свою въ Кіевѣ, началъ вмѣстѣ съ И. П. Новицкимъ, у котораго имѣлись богатые собранные имъ матеріалы, подготовительныя работы къ составленію сборника южно-русскихъ пѣсень [1]). Обладая такимъ значительнымъ матеріаломъ и по возможности относясь къ дѣлу научно, мы, конечно, не могли не искуситься и пустились въ комментаріи и сравнительное изученіе. Возвращаясь съ этнографическимъ богатствомъ, добытымъ среди народа, мы сличали его съ экземплярами нашей коллекціи и съ замираніемъ сердца ожидали-бывало какихъ-либо новыхъ заманчивыхъ сближеній и слѣдовъ. То было счастливое время золотой молодости и рьяной увлекающей работы. Она — эта работа неопытныхъ этнографовъ въ богатой области южно-русскаго народнаго творчества — придавала силу и свѣжесть научному труду и оставила у меня на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе.

Къ тому времени относится представляемая теперь счастливая находка. Говорю—счастливая, потому что слѣды древняго происхожденія пѣсни найдены были совершенно случайно, вслѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ. Я позволю себѣ разсказать весь процессъ этого случайнаго изслѣдованія, такъ какъ разсказъ будетъ подтвержденіемъ высказанной мною мысли: какъ важно для кабинетныхъ работъ сохраненіе тѣхъ иногда весьма мелкихъ условій, при которыхъ матеріалъ записывается работникомъ-собирателемъ.

III.

Многоуважаемый мой старый знакомый, Петръ Ивановичъ Ревякинъ въ былое время представилъ читающей публикѣ нѣсколько весьма интересныхъ и талантливо написанныхъ этюдовъ по южно-

---

[1]) Со всѣхъ сторонъ южнаго края въ наши руки стали стекаться этнографическіе матеріалы, которыми постепенно обогащалось наше собраніе. По обстоятельствамъ я долженъ былъ оставить родину, а слѣдовательно и лишиться этнографической почвы. Имѣвшійся матеріалъ (за весьма немногими исключеніями) переписанъ былъ въ двухъ экземплярахъ и, какъ мнѣ извѣстно, многіе номера изъ предполагавшагося сборника доставлены были г. Новицкимъ гг. профессорамъ взявшимся за обработку южно-русскихъ пѣсень.

русской этнографіи. Его „сближенія и слѣды“ печатались въ „Основѣ“ (Невро-Литвины, Тарпаны, Лыцарі-невмираки, Баба Прокопчиха). Живя въ своей „Волчьей Долинѣ“, не далеко отъ Бѣлой церкви (кіевской губерніи), онъ приручилъ къ себѣ этнографическое сокровище—одноглазаго діда Омелька и въ его поэтическихъ разсказахъ отыскивалъ черты древнѣйшихъ легендъ и суевѣрій.

Послѣ прекращенія „Основы,“ П. И. пріютилъ свои „сближенія“ въ изданіи весьма скромномъ и библіографически-рѣдкомъ—„Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, редакторомъ которыхъ я имѣлъ честь состоять въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1863 года. Одно изъ этихъ изслѣдованій П. И., именно „сближеніе историческихъ показаній съ народною легендою о древнемъ Торческѣ“, оттиснутое мною въ видѣ отдѣльной брошюрки (которую едвали теперь можно гдѣ нибудь отыскать) имѣетъ непосредственное отношеніе къ предмету настоящей статьи.

П. И. въ 1862 г. посѣтилъ развалины Торча, древняго городка на р. Стугнѣ, и записалъ изъ устъ селянина безъискуственную легенду, поразительно совпадающую съ лѣтописнымъ разсказомъ. Тамъ-же онъ получилъ въ подарокъ сокирку (топорикъ), найденную въ развалинахъ.

Извѣстно изъ лѣтописи, что турецко-татарское племя торковъ осѣлось въ приднѣпровьи и ославянилось. Во время распрей между внуками Ярослава, половцы пошли войной на русскую землю и осадили Торческъ. Русскіе князья явились на помощь торчанамъ.

Отмѣтимъ нѣсколько мѣстъ изъ лѣтописи.

Подъ 6601 г. (1093)... Придоша половци мнози и оступиша *Торційскый градъ*... Володимеру пришедшю Кіеву, совокупистася у святаго Михаила и *взяша межи собою распря и котора*.... Святополкъ же и Володимеръ и Ростиславъ *созваша дружину свою на совѣтъ*, хотячи поступити черезъ рѣку, и начаша думати... *Побѣже* Святополкъ. *Побѣже* и Володимеръ съ Ростиславомъ. Прибѣгоша къ рѣцѣ Стугне и вбреде Володимеръ съ Ростиславомъ, нача утопати Ростиславъ предъ очима Володимерима... И *утопе* Ростиславъ, сынъ Всеволожь (П. С. Р. Л. т. I. Лавр. лѣтопись стр. 93—94).

Половци пустиша по земли воюючи, а *друзіи возвратишася къ Торцьскому*... Половцѣмъ-же осѣдящемъ Торцьскый, *противя-*

щимъ же ся Торцьскомъ и *крѣпко борющимся* изъ града, убиваху многы отъ противныхъ; половци же начаша налегати и *отъимаху воду* и *изнемогати* начаша *людье въ градѣ* водною жажею и голодомъ. И прислаша торци къ Святополку, глаголюще: аще *не пришлеши брашна, предатися имамы.* Святополкъ-же *посла имъ* и *не бѣ лзѣ вкрастися въ градъ,* множествомъ вой ратныхъ... *Изнемогоша люды въ градѣ гладомъ и предашася ратнымъ* (П. С. Р. Л., Лавр. лѣтопись, т. I, стр. 93—96).

Послушаемъ теперь путеводителя П. И. Ревякина по развалинамъ Торческа-Корнія Валового.

„Винъ (городъ) ще за тіхъ князьківъ, що колысь-то князювали у Кыиві, Красному и Трыпіллі, тому може съ тысячу літъ е.... Кажуть городъ вельми сыльный бувъ; непріятелю (*ґорды* тоді все ходили) *не можна було ёго добути.* Якъ зачнуть лізти на валы, то торчане давай на ихъ пущати колодками зъ валівъ: потовчуть, потовчуть ихъ добре, а вони і одійдуть знову у шаньці. Ёго такъ хитрощами і узяли: *воду одвернули съ Стугны* да *чумакомъ... Прйшли князьки на помічъ* торчанамъ, тай давай проміжъ себе *колотиться* та *радитись.* А орда, не думаючи, не радючись, якъ кинецькя на ихъ, такъ усіхъ и *потопила* у Стугні.

Продолжаетъ не выдержавшій характера Омелько.

„А все одъ *Торча не відступають; обляли ёго,* щобъ *вінъ не мавъ чого істы й пити; воду,* виходить, *одвели,* а сами узяли та зробили півтораста чумачихъ возівъ; у перві понакладали *борошна,* а у зостальнихъ сами залягли тай кажуть: *се ми вамъ правъянтъ одъ помощи веземо.* Ті—мабуть у ночи діло було—и відчинили имъ браму. Такъ Торчъ й узяли“.

П. И. Ревякинъ, въ концѣ своего замѣчательнаго сближенія, радуется тому, что *нашелъ настоящій Торческъ* и опровергъ мнѣніе Татищева, Карамзина, Фундуклея и др. о томъ, что древній Торческъ въ таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи (село Торчица).

Но это очень скромно. Легенда, имъ записанная на развалинахъ древняго города и столь поразительно схожая съ лѣтописнымъ сказаніемъ, *ясно доказываетъ древность южно-русскаго населенія въ придньпровьи* и, на ряду съ другими доказательствами, указанными г. Котляревскимъ въ статьѣ его: „Были-ли малоруссы исконными обитателями полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ

въ XIV вѣкѣ“ (Основа, октябрь, 1862 г.), опровергаетъ мнѣніе о южно-русской недавней колонизаціи въ страну полянъ-великоруссовъ.

Но и этого мало. Многоглаголаніе дивнаго Омелька (да живетъ онъ еще многіе годы, или да будетъ надъ нимъ земля перомъ, если онъ уже удалился изъ юдоли плача), записанное ничего не пропускавшимъ П. И., даетъ теперь возможность опровергнуть эту вымышленную колонизацію и слѣдами о событіи XI вѣка, *сохраненными въ южно-русской современной пѣснѣ.*

IV.

Пробѣгая вмѣстѣ съ П. И. его рукописи, я, съ его позволенія, выписалъ слѣдующую страницу изъ повѣствованій діда Омелька.

— „А ты бувъ на Торчі?“

— „Скілько разъ! Підъ нимъ ціла різа земли буде, и місце е, де стояла церква—теперъ тільки яма. Сиділи діти надъ сею ямою—глядять—клубочокъ шовковый. Давай вони мотати, а церква выходить, выходить—вже и баню видно. Ажъ тутъ прибігла за ними матка. Що ви тутъ вражи діти робите?—Вона такъ знову й шурхнулась въ землю. Якъ поідемо, то все побачимо“.

„Ихъ, бачите, не можна було ніякимъ средствіемъ узяти. Отбивались було торчане колодами, пущаючи зъ валу та пращуючи. *Чумакомъ узяли.* Воды, значицьця, не було“.

— „Чумакомъ?“

— „Хтось выдумавъ: а давай, братці, спорядимъ півтори сотні возівъ, ніби хуру съ правъянтомъ веземо. Имъ й отворили браму, впустили въ кріпость, а тіи й взяли городъ. Такъ и теперъ співають“.

А зробимъ, братці, півтораста возовъ,
Да поидемо въ Азовъ.
Приходе купчина питае.
У насъ, брате, товаръ дорогий.

— „Се, Омельяне, вже не до того, тутъ про Азовъ споминаецьця, а не про Торчъ.“

— „А може Торчъ у старину и такъ звався. На що жъ мы называемо Одессу Одессою, колы вона настояще—Гаджубей. Може такъ и Торчъ звали колись Азовомъ. Давне діло.“

Въ 1865 году, въ одно изъ своихъ этнографическихъ блужданій, я попалъ въ жидовскую корчму и покоилъ свое измученное тѣло среди бебеховъ, оглушаемый крикомъ молящихся дѣтей Израиля (дѣло было подъ субботу). Пьяный солдатъ—хохолъ, ввалившись въ корчму, заоралъ какую-то пѣсню. Я вынулъ тетрадку и, по обычаю, сталъ записывать. *„Эй сдѣлаемъ, братці, сто пѣятдесятъ возовъ, эй поѣдемъ братці въ Азовъ“*. Далѣе слѣдовали общероссійскія ругательства, къ южно-русской этнографіи не относящіяся.

Мнѣ причудилось, что я гдѣ-то слышалъ начало этой чепухи. Въ Кіевѣ, разбирая всякую всячину, я случайно натолкнулся на Омельковъ разсказъ и на четыре строки Омельковой пѣсни. Пьяный солдатъ пѣлъ исковерканную пѣсню объ осадѣ Торческа и, подобно тому, какъ дідъ Омелько, по словамъ П. И Ревякина, послужилъ пружиною къ открытію древняго Торческа, жрецъ Марса способствовалъ къ открытію пѣсни о событіи XI-го вѣка.

Начались розыски въ нашей богатой коллекціи собранныхъ и записанныхъ пѣсень, и на свѣтъ Божій появилась слѣдующая пѣсня, записанная г. Ильницкимъ отъ Трофима Литвиненка въ селѣ Великая Снітинка (кіевской губерніи).

1. Ой що то за крячокъ, що по морі літае?
2. Що то за бурлачокъ, що все народъ збірае?
3. Ой крикнувъ-покрикнувъ сильно багачъ молодый:
4. „Ой збірайтеся, хлопці, а все народъ майстровый!
5. Гей зробімо, хлопці, панове молодці, тай півтретяста возовъ,—
6. Гей та купимъ мы, брацьці, панове молодці, тай півтретяста паръ воловъ.
7. Гей запряжемъ мы, брацьці, панове молодці, та въ ті новиі возы,
8. Ой та підемъ мы, брацьці, панове молодці, въ Кременьгородъ на базаръ,
9. Ой наберемъ мы, брацьці, панове молодці, а все дорогый товаръ—
10. Все лысыці та куныці та чорниі соболя,
11. А будемъ мы преставлять ажъ у городъ Кышинёвъ,
12. А зъ города Кишинева та привеземъ у Ростовъ.

13. Тай поставемъ мы, брацьці, панове молодці, та въ три улиці рядомъ;
14. Ой та прійдуть къ намъ, брацьці, панове молодці, а три купці молодихъ.
15. Вони въ насъ запитають, а що въ васъ за товаръ?
16. Эй, у насъ товаръ дорогый:
17. Все лысыці та куныці та чорныі соболя,
18. А вы, купці-молодці, вы пріятелі мои,
19. Та постойте вы, чумаченьки, ажъ до завтрешняго дня,
20. А въ завтрешнему деньку мы въ васъ товаръ заберемъ.
21. И вамъ деньги покладемъ;
22. Та кому срібло, кому злото, кому сукна дорогі,
23. Ой а кому не достане, той тому будеть доволі.
24. Та продавайте, чумаченьки, сей товаръ дорогый,
25. А мы пойдемъ, бурлаченьки, по Ростову пройдемъ,
26. А щей бурлаченьки по Ростову не пройшли
27. А вже наши чумаченьки сорокъ возовъ продали.

Примѣчаніе пѣвца: „А вони це прывезли у возахъ не товаръ, а козаківъ“.

Этотъ варіантъ Омельковой пѣсни, имѣя общую, формальную впрочемъ, черту съ легендой (товаръ на ста пятидесяти чумацкихъ возахъ: півтораста, півтретяста возовъ), могъ только дать слабое указаніе послѣднимъ примѣчаніемъ пѣвца о томъ, что козаки, запрятанные въ чумацкіе возы, обманомъ прошли въ какой-то городъ [1]). Омелько, дѣйствительно, могъ приплести къ своей замѣчательной легендѣ, какъ-бы живьемъ взятой изъ лѣтописи, обрывокъ какой-то пѣсни ни къ селу, ни къ городу. Да и самое сказаніе о томъ, что городъ взяли чумакомъ, т. е. что въ возахъ, наполненныхъ брашномъ (борошномъ) и, будто-бы, посланныхъ русскими князьями для

---

[1]) Въ сборникѣ чумацкихъ пѣсень г. Рудченка, вышедшемъ въ свѣтъ уже въ 1874 году, напечатаны четыре варіанта нашей пѣсни. Въ текстѣ послѣдняго варіанта сказано:

Прийде до насъ славный купець молодый;
Эй що въ вашихъ возахъ та товаръ дорогый?
У насъ лисиці та куниці та чорні соболі.
Якъ одкрые рогожу, ажъ тамъ добрі молодці.

голодающихъ торчанъ, спрятались половцы и такимъ образомъ хитростью вошли въ городъ, — можетъ быть только фантастическимъ прибавленіемъ, не имѣющимъ историческаго основанія. Вѣдь въ лѣтописи сказано только, что Святополкъ, по требованію торчанъ, послалъ имъ брашно (борошно въ разсказѣ Омельки), но „не бѣ лзѣ вкрастися въ градъ". „Людье въ градѣ изнемогоша гладомъ и предашася ратнымъ". Но какимъ образомъ городъ былъ взятъ—хитростью или силою—въ лѣтописи ни слова. Да если-бы даже сказаніе Омелька о взятіи города *чумакомъ* и розыскалось въ лѣтописи, то невозможно было-бы доказать, что найденная пѣсня поетъ именно про это событіе. Ни одного собственнаго имени: не то что сло́ва—половецъ, торчанинъ, но нѣтъ даже сло́ва орда, татары. Можно было-бы предположить, что древнее имя „половцы" могло замѣниться новымъ, болѣе памятнымъ для южнорусса — татары. Пѣсня представляетъ собою чумацкую пѣсню, и даже не совсѣмъ обыкновенную, а достаточно безсмысленную, очевидно искаженную.

Эта-та безсмысленность содержанія пѣсни и побудила насъ пуститься, не унывая, въ новые розыски.

Отысканъ былъ новый варіантъ, записанный г. Косачемъ въ м. Василивщинѣ, васильковскаго уѣзда, кіевской губерніи.

1. Ой щожъ-то за кречетъ,
2. Що по морю крякае?
3. Ой щожъ-то за бурлака,
4. Що молодцівъ збірае?
5. А збірайтеся, братьтя,
6. А все народъ мастерной;
7. Ой зробимо, братьтя,
8. Півтораста сімъ возовъ,
9. Ой купимо, братьтя,
10. Півтораста сімъ паръ воловъ.
11. И поставимо, братьтя,
12. Півтораста сімъ молодцовъ.
13. И поідемо, братьтя,
14. У той городъ у Азовъ.
15. И станемо, братьтя,
16. Ю(у)лицями у подовжъ.
17. Выйдуть и къ намъ, братьтя,

18. Превеликиі купці,
19. А питатимуть, братьтя,
20. Що за товаръ у возахъ?
21. Охъ, у насъ товаръ, братьтя,
22. Усе товаръ, товаръ дорогый:
23. Все куныці, лисиці,
24. Та все чорны соболі...
25. А по завтрашнимъ, братьтя,
26. Побачемо ще й сами.
27. Ой изъ вечора, братьтя,
28. Орда городъ обняла,
29. А и къ півночи, братьтя,
30. Орда въ городъ увійшла.
31. А и къ світові, братьтя,
32. Волы й возы забрала.
33. Кому суконъ, кому злота,
34. Кому суконъ дорогихъ—
35. А которому недостача,
36. То туркенівъ молодихъ.

Вторая половина этого варіанта въ высшей степени замѣчательна. Въ пѣснѣ является слово орда. „Горды тоді все ходили, говорилъ П. И. Ревякину Корній Валовый. „*Орда* потопила“ князей. „Орда, по словамъ Омелька, одбила провьянтъ“. Орда, по словамъ пѣсни, разбираетъ богатства, захваченныя въ городѣ. Она облегаетъ *городъ* вечеромъ, входитъ въ *городъ* въ полночь („мабуть у ночі було діло“—говоритъ Омелько въ своей легендѣ), а утромъ грабитъ имущество гражданъ. Орда *захватываетъ* возы съ товаромъ. Разница со словами Омелька: Омелько и первый варіантъ говорятъ, что въ городъ вошли обманомъ, чего въ лѣтописи нѣтъ; второй варіантъ прямо говоритъ, что орда захватываетъ возы, что болѣе согласно съ лѣтописью, по которой Святополкъ не могъ доставить брашна осажденнымъ торчанамъ.

Если-бы какая-либо татарская орда въ болѣе позднее время захватила турецкій Азовъ и стала грабить турокъ и брать въ плѣнъ турчанокъ, какимъ образомъ фактъ этотъ отразился-бы въ южнорусскомъ эпосѣ и на какомъ основаніи? И почему воспоминаніе объ этомъ фактѣ сохранилось-бы именно въ пѣсняхъ, *записанныхъ*

или слышанныхъ только около Днѣпра (ибо, не смотря на тщательные розыски, варіантовъ изъ другихъ мѣстъ не оказалось) [1]). Наконецъ драгоцѣнны послѣдніе два стиха: кому не достаетъ суконъ и золота, *тотъ уводитъ въ плѣнъ молодыхъ туркенівъ.* По моему убѣжденію, это существительное женскаго рода отъ имени Торкъ, Торчинъ, Торчанинъ—*Торкеня* [2]) (и буква „у" замѣнила букву „о" позже, такъ какъ самое имя древнихъ торковъ исчезло изъ сознанія народнаго). „Половци-же, пріимше градъ, запалиша и огнемъ, *люди раздѣлиша* и *ведоша въ вежѣ* къ сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ", говоритъ лѣтописецъ. „Много роду хрестьяньска стражюще: печальни, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ опустнѣвше лици, почернѣвше тѣлесы; незнаемою страною, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ноги имуще сбодены терньемъ. Со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: „азъ бѣхъ сего города" и другіа: „азъ сея вси"; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и вздышюче... (Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. I, стр. 96).

Итакъ, изъ сопоставленія легенды Омелька, лѣтописнаго разсказа и двухъ приведенныхъ варіантовъ, я вывожу, что пѣсня наша—*обломокъ исторической пѣсни о событіи XI вѣка.*

Историческія пѣсни, въ тѣсномъ смыслѣ слова, о событіяхъ древней русской исторіи и могутъ быть только обломками. Онѣ входятъ иногда какъ часть въ пѣсни козацкія, чумацкія, бурлацкія, рекрутскія и даже солдатскія. Чѣмъ меньше историческихъ именъ, историческихъ чертъ въ такой пѣснѣ,—тѣмъ она достовѣрнѣе, если только можно разобрать ее путемъ сравнительнымъ, т. е. сличить съ лѣтописью, съ легендами, съ развалинами, какъ въ данномъ случаѣ. Пѣсни о древнихъ событіяхъ, оказавшіяся подложными, и

---

[1]) Изъ четырехъ варіантовъ, сборника г. Рудченка, три тоже приднѣпровскіе (Жаботинъ, Васильковъ, Елисаветградъ); четвертый, сообщенный г. Костомаровымъ,—не извѣстно откуда.

[2]) Въ варіантѣ В. сборника г. Рудченка (стр. 84) при взятіи Азова разбойники берутъ въ плѣнъ *черкесочокъ* молодыхъ. Этотъ варіантъ, искаженный временемъ, какъ и всѣ прочіе, и далъ, вѣроятно, г. М. Т—ву въ его статьѣ (Вѣстникъ Европы, мартъ 1877 г.) поводъ къ сближенію пѣсни съ фактомъ взятія Азова козаками въ XVII вѣкѣ, о чемъ сказано будетъ ниже.

били глаза опытнымъ знатокамъ древности своимъ, такъ сказать, благообразіемъ и quasi-древнимъ складомъ.

Окончу словами г. Костомарова: „Хотя свѣжесть и яркость представленій о козацкомъ вѣкѣ значительно ослабла въ воспоминаніи народа, но все еще народъ въ общихъ чертахъ помнитъ объ этомъ вѣкѣ, а о дружинахъ и старыхъ князьяхъ удѣльно-вѣчеваго строя не имѣетъ онъ и тѣни представленія. Это однако не мѣшаетъ въ его пѣсняхъ, безсознательно для него самого, оставаться слѣдамъ давней старины, подобно тому какъ и объ язычествѣ своихъ предковъ народъ забылъ совершенно, однако не только въ его пѣсняхъ и обрядахъ, но и въ его нравахъ и понятіяхъ найдется много языческаго, понятнаго только для наблюдателя, вооруженнаго наукою".

Все конечно такъ. Народная пѣсня проходитъ тѣже типическіе фазы, какъ и народная жизнь. Если козацкая пѣсня временъ Запорожья (и слѣдовательно историческая въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) перешла въ пѣсню чумацкую или бурлацкую и потеряла свои спеціальныя историческія особенности (чему есть многіе примѣры), то кольми паче пѣсня о событіи эпохи удѣльно-вѣчевой. Она постепенно теряла свои существенные признаки, переживая эпоху козачества, гайдамаччины и наконецъ бурлачества и чумачества. Она искажается, принимаетъ новыя имена изъ чумацкой географіи (Кишиневъ, Азовъ, Ростовъ, Кремень-городъ), хотя по содержанію своему не представляетъ ничего характерно-чумацкаго или бурлацкаго, какъ другія пѣсни этого цикла народной жизни. И даже критическій ножъ опытнаго изслѣдователя окажется безсильнымъ очистить всѣ эти нанесенныя вѣками наслоенія и добраться до древняго типа. Только иногда—и то совершенно случайно—она открываетъ свою тайну счастливому работнику-собирателю [1]).

---

[1]) До какого разнообразія доходятъ взгляды гг. собирателей и изслѣдователей на историческіе слѣды въ народныхъ пѣсняхъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. Г. Рудченко въ разбираемой нами пѣснѣ видитъ тоже весьма древнюю бытовую черту торговли мѣхами и мѣновой торговли (стр. 4). Г. М. Т—въ (въ статьѣ «Ученая экспедиція въ Западно-Русскій край», Вѣстникъ Европы, мартъ 1877 г.) признаетъ въ этой-же пѣснѣ великорусское происхожденіе и видитъ въ ней перефразировку прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова при Михаилѣ Ѳедоро-

Сопоставимъ имѣющіеся у насъ факты:

1) Тождественность легенды, записаной на развалинахъ Торческа, съ лѣтописнымъ разсказомъ не подлежитъ сомнѣнію. Народное происхожденіе легенды очевидно, ибо не возможно предположить, чтобы она была осколкомъ лѣтописнаго разсказа, занесеннаго въ народъ въ позднѣйшее время.

2) Взятіе города *чумакомъ*, посредствомъ хитрости—подробность, въ лѣтописи не находящаяся и, очень можетъ быть, не историческая въ тѣсномъ смыслѣ слова. Значеніе ея заключается въ томъ, что она *органически связываетъ* легенду съ пѣснею, а слѣдовательно составляетъ звено между пѣснею и лѣтописью.

3) Эта связь пѣсни съ легендою становится еще яснѣе отъ сличенія *подробностей* легенды и втораго варіанта пѣсни.

4) Имена собственныя—Ростовъ (во второмъ варіантѣ Азовъ), Кишиневъ, Кремень-городъ — происхожденія позднѣйшаго, той эпохи, когда пѣсня, созданная въ приднѣпровьи, въ землѣ древнихъ торковъ, приняла видъ бытовой пѣсни, и историческія черты ея утратились въ народномъ сознаніи.

5) Имена—орда, туркеня (торкеня), бездоказательныя сами по себѣ, получаютъ сами первенствующую важность въ совокупной силѣ доказательствъ и представляютъ несомнѣнный историческій слѣдъ.

6) Довольно трудно принять предвидимое возраженіе противъ предыдущаго тезиса, ибо невозможно предположить, чтобы взятіе татарами Азова и уводъ въ плѣнъ турчанокъ (если-бы что нибудь и было въ этомъ родѣ) отразилось въ южно-русскомъ эпосѣ. Это противорѣчило-бы основнымъ законамъ народнаго творчества.

7) Видимая безсодержательность искаженной временемъ пѣсни (и въ особенности перваго варіанта) и несходство ея характера съ общимъ типомъ южнорусскихъ чумацкихъ пѣсень—можно причислить также къ одному изъ доказательствъ ея древности.

А. Стояновъ.

вичѣ (напечатаннаго въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др. 1864 г., кн. III, отд. V). Г. М. Т—въ полагаетъ, что этому сказанію должна была отвѣчать великорусская пѣсня, которая не записана до сихъ поръ никѣмъ (стр. 108).

Записки кіевскаго мѣщанина Божка Балыки о московской осадѣ 1612 года.

(Изъ лѣтописнаго сборника Ильи Кощаковскаго).

Въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 2168, хранится весьма интересный историческій сборникъ, составленный въ Кіевѣ въ XVII столѣтіи. Сборникъ этотъ, написанный полууставомъ южнорусскаго письма на толстой сѣрой бумагѣ in 4-to, заключаетъ въ себѣ 168 страницъ, исписанныхъ сжатымъ, весьма впрочемъ старательнымъ, почеркомъ. Всѣ заглавія и начальныя буквы красныхъ строкъ писаны киноварью. Книга переплетена весьма изящно въ старинный переплетъ, покрытый бѣлою лоснящеюся кожею и на лицевой сторонѣ переплета оттиснута золотыми, церковно-славянскими буквами надпись: «*Лѣтописци Волыни и Оукраины*». Въ разныхъ мѣстахъ книги помѣщены приписки, которыя содержатъ почти полную исторію странствованія рукописи изъ Кіева въ Червоную Русь и перехода ея изъ рукъ въ руки. На страницѣ 3—47 внизу листовъ сдѣлана такая приписка: «сія книжка монастира подгородискаго [1]) отъ велебного отца Іліи Кощаковскаго, уставника монастиру межигорского, которій ту, близко отчества своего, до монастира подгородиского, зближившися, и лѣтъ три змешкавши, житіе свое скончихъ дня 5 іануарія ҂аѱк року, 1720 anno, а записанна есть до монастира подгородиского ҂аѱка року, за старшенства велебного отца Ісаіи Дунаевского, ігумена подгородиского, его власною рукою». Затѣмъ на страницахъ: 1—3, внизу находится дальнѣйшая приписка: «Die 6 Decembris 1750 hunc librum, cui titulus Kronika Ruska, usui patris Hieronimi Zurakowski in senili aetate ex residentia Horodyscensi acceptum, post obitum praefati patris supradictae residentiae restituendum censeo. Silvester Koblanski. ord. S. B. M. provincialis R. m. p. [2]). Изъ слѣдующей приписки, сдѣланной на наружной обложкѣ книги,

---

[1]) Подгородцы—село, лежащее нынѣ въ стрыйскомъ округѣ Галиціи на рѣкѣ Гнилой Липѣ; нѣкогда принадлежало къ рогатинскому староству.

[2]) Декабря 6 дня 1750 года. Полагаю, что книгу сію, носящую заглавіе „Русская лѣтопись“, взятую изъ городисскаго монастыря для пользованія отцемъ Іеронимомъ Жураковскимъ, бывшимъ въ преклонныхъ лѣтахъ, за смертью реченнаго отца, слѣдуетъ возвратить въ городисскую обитель. Сильвестръ Коблянскій, провинціялъ русскій (червонорусскій) ордена св. Василія Великаго, собственною рукою.

узнаемъ, что это распоряженіе провинціала было исполнено, а равно и какова была дальнѣйшая судьба рукописи; приписка эта гласитъ: «Hoc opusculum, post abolitum monasteriolum Horodyscense anno domini 1758, insertum est cathalogo librorum monasterii Leopoliensis ad S. Georgium» [1]). Наконецъ послѣдняя приписка, помѣщающаяся на первой и послѣдней (168-й) страницахъ, свидѣтельствуетъ (впрочемъ безъ означенія года), что рукопись принадлежала въ теченіи нѣкотораго времени монастырю св. Георгія; вотъ эта приписка: «Ex biblioteka monasterii Leopoliensis s. Georgii Martyr» [2]). Затѣмъ о дальнѣйшей судьбѣ рукописи свѣдѣнія не записаны.

Составъ лѣтописнаго сборника весьма разнообразенъ и интересенъ, какъ по содержанію многихъ статей, вошедшихъ въ его составъ, такъ и по той характеристикѣ научнаго движенія въ средѣ образованнаго, книжнаго кіевскаго общества XVII столѣтія, которую возможно воспроизвести на основаніи подбора и группировки статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ.

1) Первая, большая часть книги (стр. 1—90) занята лѣтописною компиляціею, заглавіе которой, писанное киноварью, красуется на первой страницѣ рукописи: «Кроника русская о російскихъ самодержцехъ и великихъ царехъ, откуду и како быша, подобаетъ взыскати. Здѣ вонмемъ и услышимъ и обрящемъ отъ сего, яко отъ Августа, кесаря рымскаго корень ихъ вышелъ». Эта первая статья сборника представляетъ компиляцію, составленную частью изъ Стрыйковскаго, Гвагнини и другихъ писателей XVI ст., частью изъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ, при чемъ, въ числѣ послѣднихъ извѣстій, встрѣчаются хотя изрѣдка свѣдѣнія совершенно оригинальныя, несомнѣнно заимствованныя изъ южно-русскихъ сводовъ; извѣстія эти иногда сходны съ извѣстіями Синопсиса, иногда-же совершенно самостоятельны, какъ напримѣръ описаніе кіевскихъ укрѣпленій, сказаніе о взятіи Чернигова Батыемъ и т. п.

Вторая половина рукописи заключаетъ 6 отдѣльныхъ статей, расположенныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

2) *Записки Богдана Балыки* «О Москвѣ и о Дмитрію царику московскомъ» (стр. 91—99). Какъ вслѣдствіе интереса содержанія этой статьи, такъ и въ качествѣ матеріала для характеристики быта и литературнаго развитія кіевскаго мѣщанина начала XVII столѣтія, мы помѣщаемъ ее ниже цѣликомъ.

3) "*Лѣтописецъ вторый*„ (стр. 100—120). Подъ этимъ заглавіемъ помѣщенъ сводъ, составленный изъ пяти лѣтописныхъ отрывковъ, въ видѣ непрерывнаго повѣствованія; впрочемъ отдѣлить эти отрывки другъ отъ друга легко не только на основаніи содержанія и пошиба изложенія, но и по чисто внѣшнимъ

---

[1]) Это сочиненіе, послѣ упраздненія городисскаго монастырка въ 1758 году, занесено въ каталогъ книгъ львовскаго монастыря св. Георгія.

[2]) Изъ библіотеки львовскаго монастыря св. мученика Георгія.

признакамъ: хотя всѣ отрывки переписаны послѣдовательно другъ за другомъ, но хронологія каждаго удержана и начало каждаго слѣдующаго отрывка уже замѣтно потому, что возвращается хронологически назадъ, захватывая часть времени, уже разсказаннаго въ предыдущемъ отрывкѣ. Въ общихъ чертахъ содержаніе каждаго отрывка заключается въ слѣдующемъ: 1) Первая часть обнимаетъ извѣстія съ 1051 по 1492 годъ: въ началѣ до 1177 года это мѣстная монастырская лѣтопись кіево-печерскаго монастыря, затѣмъ съ указаннаго года она становится областною лѣтописью смоленской земли, заключая въ себѣ то извѣстія вполнѣ самостоятельныя, то по временамъ такія, которыя вошли въ лѣтопись т. н. Быховца. 2) Вторая часть обнимаетъ время 1394—1572; она мало интересна и заключаетъ краткія записки о великихъ князьяхъ литовскихъ. 3) Не болѣе интереса представляетъ и третяя часть (1516—1600), содержащая краткія замѣтки, относящіяся къ исторіи Рѣчи Посполитой и о судьбахъ козачества. 4) Нѣсколько болѣе самостоятельна часть четвертая (1393—1611), представляющая краткую областную лѣтопись земель кіевской и волынской. 5) Наконецъ послѣдній отрывокъ (1612—1620) составляетъ продолженіе предъидущаго, написанное гораздо подробнѣе и живѣе; это настоящая лѣтопись областная кіевская, веденная очевидцемъ описываемыхъ событій.

4) Четвертую статью сборника составляетъ: *Линѣя митрополитовъ кіевскихъ православныхъ* (стр. 120—127). Это перечень кіевскихъ митрополитовъ, доведенный до 1690 года. Въ началѣ помѣщены одни имена, съ конца-же XVI столѣтія, т. е. съ Михаила Рогозы, сообщаются краткія біографіи каждаго митрополита.

5) Пятая статья (стр. 127—135) озаглавлена: *Выводъ народу славенскому и Рускому* и заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о разселеніи славянъ, о пути изъ варягъ въ греки и о пришествіи св. Андрея въ Русь:—все это заимствовано изъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и затѣмъ, въ видѣ приложеній и поясненій, дополнено извлеченіями изъ Гвагнини (о рѣкахъ въ Сарматіи) и изъ хроники Мартына Бѣльскаго (о событіяхъ, относящихся къ Руси съ 1025 по 1378 годъ).

6) Шестая статья (стр. 135—141) представляетъ оригинальную кіевскую областную лѣтопись за время 1608—1700 годъ; лѣтопись эта составлена въ межигорскомъ монастырѣ, вѣроятно самимъ Ильею Кощаковскимъ, и отличается живостью изложенія, самостоятельностью и глубокимъ интересомъ сообщаемыхъ извѣстій.

7) Наконецъ послѣ промежутка въ двѣ страницы, оставленнаго пробѣломъ, помѣщена послѣдняя статья (стр. 143—168): *Война волоская отъ цесаря турецкаго Османа.* Это переводъ одного изъ польскихъ дневниковъ хотинскаго похода 1621 года, написаннаго кажется Опалинскимъ и интересовавшаго кіевлянъ, вслѣдствіе выдающейся роли, какую игралъ въ этомъ походѣ козацкій гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный. **В. А.**

О Москвѣ и о Дмитрію, царику московскомъ ложномъ. Сіе писалъ мещанинъ кіевскій именемъ Божко Балыка, который самъ тамъ былъ и самовидецъ тому былъ.

Року 1604 мѣсяца октоврія 1 дня уѣхалъ въ Кіевъ царикъ московскій на день Покровы Пресвятыя Богородици въ понедѣлокъ, а зъ нимъ былъ воевода сендомирсвій и староста острицкій [1]), панъ Ротомскій. Стоялъ господою у бурмистра Митковича, а возился [2]) у Вышгородѣ, и пошолъ на Путивль. Зъ Путивля выйшолъ на веснѣ, року 1605, мая 3 дня. Сѣлъ на царствѣ на Москвѣ того жъ року; короновано постомъ Иліи, а забили его року 1606, мая 9 дня; а битва сталася [3]) на заутрешний святого Миколы въ пятокъ.

Чти не ложно, бо писанъ сей литописецъ презъ людей певныхъ, мещанъ кіевъскихъ, хто тамъ былъ и очима своима видѣлъ. Писалъ Божко Балыка.

Року 1612, генваря 9 дня нещасливого выѣзду моего зъ Кіева въ дорогу московскую и терпѣнія великого голоду и неволи увъ осадѣ насъ купцовъ до килка сотъ, ижъ во всемъ свѣтѣ голодъ неслыханный и въ кройникахъ [4]) не писаный.

Тогожъ дня, на день святого мученика Поліевкта, былемъ я, Богданъ Балыка, у дому ихъ милостей: пана Александра и пана Созона Балыкъ, войтовичовъ кіевскихъ, братіи моей, а потомъ былемъ въ дому пана Савостіяна [5]), бурмистра кіевского, тестя своего, и зъ его дому пустилемся [6]) въ дорогу, за возами; ночовалъ тую ночь у Новоселкахъ, у Десны, въ четвертокъ. У пятокъ поткалъ козаковъ стародубскихъ, а у суботу своихъ догналъ въ Навозѣ селѣ, на обѣдѣ. Тогожъ месеца 14 дня увъ Ялѣ селѣ споткали Марка, товариша небожчика Боргоцкаго: провадилъ зъ Москвы тѣло князя Доманта и Пархома полковника, которые побиты у штурми подъ городомъ Стародубомъ. Дня 15 до Лоева пріехали есмо и поткали Миска Хурсенка, ехалъ зъ Смоленска. 17 дня выѣхали зъ Лоева. Дня 18 приехали до Гомля; на завтрый день приехали до насъ: Ивашковскій, пол-

---

[1]) Остерскій. [2]) Переправился. [3]) Убійство произошло. [4]) Лѣтописяхъ.

[5]) Савостіянъ Брачи, италіянецъ архитекторъ, приписавшійся въ кіевское мещанство. [6]) Я отправился.

ковникъ козацкій и зъ ясавуломъ Севериномъ Перехрестомъ; 21 дня выехали зъ Гомля; за три дня приехаля до Стародуба, тамъ стояли 14 дней; посылали Богьдана Гулженка за войскомъ за Десну, але не могли вѣдомости взяти о войску; а потымъ посылали двухъ москалей до Новъгородка, до Лемона, племѣнника воеводина, жебы зъ нимъ торговалъ; и оттоль ни зъ чимъ приехалъ. Тогожъ року месеца февраля 6 дня изъ Стародуба выѣхали, 9 дня до Крысова приехали; 14 дня приехали до Мстиславля; 24 дня приехали до Смоленска; нашолемъ тамъ пана Струса и зятя своего Козѣку. 24 дня Струсъ изъ людомъ [1]) пошолъ и къ столыци. Тогожъ месеца 24 дня пустилися есмо, праве зъ незносным жалемъ, за Струсомъ до Вязмы. Въ среду 26 дня пана Струса разбили шиши, маетку много взяли и девять человѣка пѣхоты убили; а мы у селѣ Жижинѣ пана Хотымѣрского догнали, а на завтра черезъ тотъ трупъ ехали. Месеца марта 1 въ неделю православную приехалисмо до Вязмы и нашлисмо тамъ: Скоробогатого, и Богдана Гребенника, и Стефана Хмеля, купцовъ, мѣщанъ кіевскихъ. Тогожъ месеца 6 самъ панъ Струсъ зо всѣмъ войскомъ пошолъ былъ икъ столыци, и мы за нимъ, але для лихои дороги ухабистои и для шишовъ и снѣговъ великихъ панъ Струсъ миль двѣ отишолъ, а мы двѣ версты отишли отъ деревни князя Ивана Алгидіева; перво мы вернулися до Вязмы 7 дня, а потомъ и панъ Струсъ вернулся зо всѣмъ войскомъ. Тогожъ дня Омелянъ Скоробогатый и Стефанъ Хмель вернулися, поехали до Кіева, а мы такъ весь постъ великій и после великодня килка недель лежали. О середопостѣ нѣмцевъ человѣка 60 пришло до Вязмы и шишовъ на дорози громили такимъ способомъ: якъ выйшли зъ Смоленска, указано имъ где стоять; нѣмцы сами легли у возахъ по килка человѣка и покрылися рогожами и казали подводникамъ помалу ехати; шиши, то обачывши, розумѣли, же то купцы идутъ, на ортахъ (sic) до возовъ кинулися, а они шишовъ близко припустили, и заразъ зъ мушкетовъ на оныхъ разбойниковъ ударили, такъ, же ихъ килкадесятъ забили, и ранныхъ килкадесятъ поймали, а иныхъ по острожкахъ морозъ подушилъ, ледво убѣгло щось немного. Потомъ, после великодня, жолнере, и нѣмцы, и пехота, иншіе и наши охочіи ходили и килка зъ острожковъ достали и зъ корыстю вернулися. Тогожъ року мая 1 дня монастырскій полковникъ и Ширай другий два острожки взяли и килка

[1]) Съ войскомъ.

сотъ бояръ и шишовъ побили и до Вязмы, до пана Струса зъ товаришами приехали. На завтрей у мене, Боска Балыки, былъ панъ Струсъ у господи Василія Подопрысвѣта. Дня 3 мая я зъ Монастырскимъ и зъ товаришомъ выехали къ Середѣ, замку, и были у Середѣ дней 21. Дня 24 изъ Середы выехали, бояръ и што у турмѣ сидѣли 21 человѣка постинали, и Середу спалили всю. Тоежъ ночи противъ недели была тривога великая; купци всѣ, покидавши возы, хотѣли утѣкати; шиши ударили, але не зыскали [1]) ничого, бо наши противъ ихъ выехали и прогнали; 26 дня скончавши (sic). шиши, которыи зъ Калуги пошли до Пскова, было ихъ килка сотъ, до царика, що былъ ново прослылся у Псковѣ, на насъ зъ корогвами ударили, але ихъ заразъ [2]) наши усперли [3]) и килкадесятъ ихъ забили и хоружого Ивашка зъ корогвою [4]) поймали, и иныхъ козаковъ, зъ ними будучихъ, живцомъ поймали, и 70 возовъ зъ розною живностю и зъ горѣлками [5]) взяли. Потомъ 28 дня пришлисмо знову до Вязмы.

Тогожъ року, месеца іюня 5 дня, пришолъ подъ столицю панъ Янъ Карулъ Хоткевичъ, гетманъ литовскій, и панъ Струсъ, и насъ купцовъ не мало, и Ширай зъ козаками притягнулъ и около рѣки Москвы обаполъ [6]) стали. Дня 11 Зборовскій, вышедши изъ столици, пошолъ до Полщи, зъ нимъ и наши кіяне пошли до Кіева: Урманинъ и Ширима. Тогожъ месеца 12 дня въ нещасливый часъ уехалисмо въ столицю московскую и заперто насъ у осадѣ изъ паномъ Миколаемъ Струсомъ и старостою Хмелницкимъ и зъ полковникомъ кролевскимъ, паномъ Будиломъ, и панъ Теляфусъ, панъ Калиновскій, и панъ Вгонецкій, ротмистръ кролевскій и нашихъ пановъ до килкадесятъ, ротмистровъ и пехоты кролевскои и насъ, мещанъ кіевскихъ, человѣка 20, окромъ челяди, и я, Боско Балыка, и иншихъ купцовъ немало зъ иншихъ мѣстъ. Мы изъ Струсомъ и зъ Ложнею (sic) стали у Станислава господою противъ цар-пушки. Дня 13 гетманъ зо всѣмъ войскомъ своимъ изъ столицы пошолъ. Іюня 27, изъ суботы на неделю, князь Дмитрий Тимофѣевичъ Трубецкий, Мартинъ Ісаіевичъ Заруцкий, и было въ нихъ люду до килка тысячей, и до Китайгорода зъ трехъ сторонъ до штурму приступили: до двохъ брамъ, где Чорторыйская львица стоитъ; тамже ихъ добре наши усперли [7]) и до килка сотъ ихъ убили. Тогожъ

---

[1]) Успѣли. [2]) Тотчасъ. [3]) Отразили. [4]) Знаменемъ. [5]) Водкою. [6]) По ту и по другую сторону. [7]) Отразили.

лѣта, августа во 2 день притягнулъ князь Дмитрий Лопатенко подъ столицу и иныхъ князей не мало зъ людомъ. 14 августа панъ Хоткевичъ гетманъ знову тутже зъ людомъ притягнулъ, первей пѣхота церковъ святого Георгія опановали [1]), а Москва заперлася у церкви святого Климентія у въ острожку на самой дорозѣ, и наши ихъ тамъ достали [2]) и килка дѣлецъ [3]) отняли, и была тамъ битва велми великая отъ утра до вечера, и усперли были наши Москву добре, Пожарского князя подстрелили въ руку, и почали были зъ табору Москва утѣкати; наши тежъ выпадши зъ Кремля, помочи своимъ додавали, и килка поручниковъ изъ хоругвами [4]) и зъ пехотою до насъ у муръ передалися, а гетманъ подъ Поклонную гору отступилъ и не могъ до столици пробитися, жебы живности своимъ дати; а въ середу праве зъ великимъ жалемъ [5]) всего нашего рицерства и насъ, бѣдныхъ купцовъ, отъ столици прочъ пошолъ, а насъ, увъ осадѣ началъ стискати голодъ, бо пехота, що ихъ было 600, почалы псы и кошки ѣсти. Тогожъ лѣта септеврія дня 14, голодъ велми сталъ утискати, пехота новая стала зъ голоду мерти и мало не вси вымерли, и наша пѣхота и товариство также все поѣли; нѣмцы кошки и псы всѣ поѣли, медъ (sic) и зѣля, и травою и леда чимъ живилися, бо все Москва отняла; дорогувля великая стала: селедецъ былъ по ползолотого, шкури воловыи перво были по пять золотыхъ, а потомъ стали по 12 золотыхъ; сыра мандрыку куповали по 6 золотыхъ; хлѣбъ денежный 10 золотыхъ; мы сами куповали калачъ денежный 7 золотыхъ. Около святои Покровы велми силный голодъ знялъ: жита чверть золотыхъ 100, овса чверть 40 золотыхъ, крупъ кварта 20 золотыхъ; зъ лободына насѣня печеный, якъ гречаныкъ пѣняжный—три золотыхъ. Панъ Харлинский, капитанъ пихотный взялъ за меринца 500 золотыхъ, а чверть себѣ отрѣзалъ; за корову давали 600 золотыхъ; чверть мяса конского была по 120 золотыхъ. А потомъ уже голодъ незносный почалъ трапити, же пѣхота и нѣмцы потай почали людей рѣзати и ѣсти. Мы найпершей, идучи отъ церкви соборной пресвятой Богородыци изъ службы, голову и ноги человѣчіи у ямѣ нашли, у кайстрѣ [6]); вязневъ московскихъ килканадцать человѣка пихотѣ зъ турмы подавали, тыхъ всѣхъ поѣли; потомъ у килка дней несли Москва

---

[1]) Овладѣли. [2]) Взяли приступомъ. [3]) Пушекъ. [4]) Хоругвь—отрядъ кавалеріи. [5]) Съ большою скорбью. [6]) Въ мѣшкѣ.

уголе майстеромъ денежнымъ у ворота Миколскіе. Гайдуки выскочивши зъ муровъ, одного порвали и заразъ забили и зъѣли; потымъ у килка дней жолнѣръ Воронецъ и козакъ Щербина, впадши въ домъ Ѳедора Ивановича Мстиславского, почали шарпати, ищучи живности, и Мстиславскій почалъ ихъ упоминати; тамже нѣкоторый ударилъ его цеглою[1]) у голову, же мало не умеръ. Довѣдался того панъ Струсъ, казалъ обоихъ поймати: Воронца стято и поховано, а Щербину обѣсити казали, который зъ годину на шибеници не былъ; пѣхота заразъ отрѣзали и на штуки разрубали и изѣли. Пахолика одного, недавно умерлого, изъ гробу выкопали и изѣли. Октоврія 16 дня выпалъ снѣгъ великий, же всю траву покрылъ и корѣня; силный и не слыханый насъ голодъ змоглъ: гужи и попруги, поясы и ножны и леда костища и здохлину[2]) мы едали; у Китайгородѣ, у церкви Богоявленія, гдѣ и греки бываютъ, тамъ мы изъ Супруномъ килка книгъ нашли паркгамѣновыхъ; тымъ есмо и травою живилися,— а що были предъ снѣгомъ наготовали травы—зъ лоемъ свѣчанымъ[3]) тое ѣли; свѣчку лоевую куповали по полъ золотого. Сынъ мытника Петриковскаго зъ нами увъ осадѣ былъ, того безъ вѣдома порвали и изѣли и иныхъ людей и хлопятъ безъ личбы поѣли; пришли до одной избы, тамже найшли килка кадокъ мяса человѣческого солоного; одну кадку Жуковскій, товаришъ Колонтаевъ, взялъ; той-же Жуковскій за четвертую часть стегна человѣчого далъ 5 золотыхъ, кварта горѣлки въ той час была по 40 золотыхъ; мышъ по золотому куповали; за кошку панъ Рачинский далъ 8 золотыхъ; пана Будиловъ товаришъ за пса далъ 15 золотыхъ, и того было трудно достать; голову чоловѣчую куповали по 3 золотыхъ; за ногу чоловѣчую, одно по костки, дано гайдуку два золотыхъ; за ворона чорного давали наши два золотыхъ и полъ фунта пороху—и не далъ за тое; всѣхъ людей болше двохъ сотъ пѣхоты и товаришовъ поѣли. Тогожъ року 1612 октоврія 22 дня, наждавшися праве долго ратунку и терпѣвши голодъ неслыханый, а отъ его кролевскои милости и отъ пана гетмана не могли дождати, зъ великимъ плачемъ всего рыцерства и насъ бѣдныхъ купцовъ, панъ Струсъ и иншое товариство вышписаное мусѣли змиритися[4]); и побрали къ себѣ въ замѣну Бутурлина и другихъ бояръ московскихъ, а отъ насъ къ нимъ пошолъ панъ Будило и Порванецкий. А князь

---

[1]) Кирпичемъ. [2]) Падаль. [3]) Свѣчнымъ са олъ. [4]) Начать переговоры.

Дмитрій Тимофѣевичъ Трубецкий и инъ столникъ, князь Дмитрий Михайловичъ Пожарский и иншихъ князей и бояръ не мало и Москва всѣ, обачивши, же наши отъ голоду велми зморены, и все рыцерство на трактатахъ бавятся [1]) и ротмистрове, козаки и бояре Трубецкого и Пожарского, ударивъши у звоны и поднявши корогви, пошли до стѣны Китайгорода праве силою великою; мы, зъ голоду змордованы, ледво имъ отпоръ дали. Октоврія 26 трактаты [2]) скончили и присягу выконали, же мѣли всѣхъ въ цалѣ попускати, а потомъ, надъ присягу чинили, всѣхъ розно розвели и маетки разшарпали.

Року 1613, у генварѣ почали зежчатися на обиране царя нового; в той часъ нашихъ ледво пущено, а иныи утѣкали, а иныхъ окупано. И такъ наши воевали Москву.

---

[1]) Медлятъ въ переговорахъ. [2]) переговоры.

Матеріалы для исторіи кіевской духовной академіи.

Письма Якова Евдокимовича Михайлова (впослѣдствіи Іустина, епископа владим.) къ Александру Иван. Бѣлюгову.

(1823—1827 г.).

Въ числѣ *шести* магистровъ *перваго курса* кіевской д. академіи (1819—1823 г.), которые остались въ ней-же наставниками—преподавателями подъ тогдашнимъ названіемъ *баккалавровъ*, былъ *Яковъ Евдокимовичъ Михайловъ*. Наука, которую пришлось преподавать Михайлову, была *Библейская Герменевтика*. 25 февраля 1824 г.—онъ принялъ монашество, а вмѣстѣ съ нимъ и новое имя *Іустина*. Кромѣ должности баккалавра богословскихъ наукъ, іеромонахъ Іустинъ исполнялъ въ академіи и другія должности. Такъ, онъ былъ библіотекаремъ академіи, членомъ *внутренняго* академическаго правленія, членомъ академической конференціи и *внѣшняго* окружнаго академическаго правленія. Въ качествѣ послѣдняго члена, онъ былъ посылаемъ академіею ревизовать семинаріи кишиневскую и екатеринославскую. Наконецъ съ 1826 г. ему поручено было исправлять должность инспектора кіевской академіи, въ каковой должности онъ былъ утвержденъ въ апрѣлѣ 1828 года. Въ маѣ этого года іером. Іустинъ былъ назначенъ ректоромъ кіевской семинаріи. Послѣ ректуры въ семинаріи кіевской, а затѣмъ еще и въ черниговской, Іустинъ посвященъ во епископа—*викарія винницкаго* (въ 1841 г.). Потомъ былъ послѣдовательно викаріемъ *старорусскимъ*, *ревельскимъ* и только въ 1845 г. назначенъ самостоятельнымъ епископомъ—*костромскимъ*. Въ 1850 г. получилъ въ управленіе епархію *владимірскую*. Въ 1863 г. уволенъ, по прошенію, *на покой* и жилъ въ боголюбовскомъ монастырѣ, владимірской епархіи; скончался въ г. Владимірѣ въ 1879 г. 80 лѣтъ отъ роду.

О личности Іустина, какъ академическаго дѣятеля, не сохранилось никакихъ характерныхъ преданій въ средѣ кіевской академіи. Очевидно, что это была личность *скромная*, ничѣмъ особенно себя не заявившая. Но и то нужно сказать:

въ тѣ старыя академическія времена человѣку даже способному и талантливому, но по природѣ и по обстоятельствтмъ жизни робкому, трудно было выразить свои способности и таланты въ дѣлѣ науки такъ, чтобы память о нихъ непремѣнно перешла въ потомство. Доля старинныхъ академическихъ наставниковъ— профессоровъ, съ каѳедры просвѣщавшихъ и поучавшихъ духовное юношество, похожа была на долю актеровъ. Память о нихъ осталась въ умахъ и сердцахъ только тѣхъ, которые ихъ *слушали*. Отъ этихъ слушателей, стало быть, уже зависѣло въ большей или въ меньшей мѣрѣ увѣковѣчить эту память. Но *воспоминаній* о старыхъ академическихъ наставникахъ, воспоминаній живыхъ, рисующихъ образы и типы, мы пока не видимъ, не знаемъ... А о нѣкоторыхъ старинныхъ профессорахъ такихъ воспоминаній уже и быть не можетъ. Некому уже и вспомнить ихъ... *Могшіе* вспомнить уже сами ждутъ своихъ вспоминателей.

Еслибы послѣ Іустина осталиеь какіе-нибудь *печатные* труды—ученые или вообще литературные, изъ времени его академической жизни, или даже и изъ послѣдующаго періода, тогда все-таки на основаніи ихъ мы имѣли-бы возможность нѣсколько судить о внутреннемъ, душевномъ его складѣ, о характерѣ и направленіи умственной дѣятельности этого бывшаго академическаго профессора. Но такихъ трудовъ мы не знаемъ. Въ то старое время выступленіе въ печати было вообще дѣломъ рѣдкимъ и возбуждало смѣлость лишь не многихъ. На печатное слово смотрѣли какъ бы на привиллегію нѣкоторыхъ смѣльчаковъ, съ какимъ-то чрезмѣрнымъ уже благоговѣніемъ, какъ на недоступное священнодѣйствіе. «*Печатный листъ казался быть святымъ*».

Іустинъ безъ сомнѣнія былъ человѣкъ ученый. И кромѣ того, онъ былъ *талантливый*. Недаромъ же его оставили наставникомъ академіи, какъ лучшаго магистра. Положимъ, передъ этимъ онъ далъ начальству обѣщаніе поступить *въ монахи* и поступилъ. Но это уже въ позднѣйшую эпоху академической жизни (съ 50-хъ годовъ) *за монашество* присвоивали ученость и удостоивали степени магистра, а въ первоначальную эпоху ученость была не *слѣдствіемъ* монашества, но *причиною* его: учоныхъ и талантливыхъ студентовъ именно и старались привлекать въ монашество... Таковъ былъ и Іустинъ: но ученость его, внѣ академической авдиторіи, такъ и осталась безъ приложенія и мы не находимъ ея слѣдовъ... Но *стремленіе прилагать* ее, какъ потребность души и какъ выработанную практикой привычку, было у него и проявлялось даже въ старости. Доказательства этому мы находимъ въ біографіи Іустина, помѣщенной во *Владимірскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ* 1879 г. и составленной близкимъ его родственникомъ (свящ. *В. Касаткинымъ*), который, какъ видно, пользовался разсказами самого Іустина и его бумагами. Въ этой біографіи говорится между прочимъ: «Бывши ректоромъ семинаріи, преосв. Іустинъ составилъ краткую *Библейскую Герменевтику*, которая начисто переписана и надписана: «составилъ ректоръ черниговской семинаріи *архимандритъ Іустинъ*», но почему-то не была представ-

лена имъ въ цензуру и не напечатана» [1]). Академическая привычка и любовь къ ученому изысканію смысла библіи осталась въ Іустинѣ до глубокой старости. Въ той-же біографіи читаемъ: «живши на покоѣ, преосвященный по временамъ разнообразилъ занятія свои и учеными трудами. Любимѣйшимъ занятіемъ его были *переводы библіи на русскій языкъ* и *сличеніе славянскаго текста* съ *еврейскимъ, греческимъ, латинскимъ* и *французскимъ*. Жалко, что не въ характерѣ было у преосвященнаго пускать свои замѣчанія въ печать. Онъ даже рѣдко писалъ свои ученыя замѣтки на особой бумагѣ, большею частію онѣ писались имъ на тѣхъ самихъ книгахъ, которыя читалъ онъ» [2]). Какъ много можетъ вызвать самыхъ серіозныхъ размышленій, соображеній, выводовъ эта участь пріобрѣсть ученость, владѣть глубокимъ филологическимъ знаніемъ библіи и остаться *ученымъ для самаго себя*, когда кругомъ не вспаханное поле богословской науки!... Очевидно Іустинъ принадлежитъ къ числу старыхъ академическихъ, погибшихъ для духовной науки, силъ. Но, не пріобрѣвши смѣлости и удобства самолично осуществлять свою любовь къ наукѣ—въ той или иной сферѣ богословскихъ изысканій, предназначаемыхъ для общества, Іустинъ, достигши высшихъ степеней церковно-іерархической власти, старался по крайней мѣрѣ ободрять, поддерживать и защищать тѣхъ тружениковъ науки, которыхъ приходилось ему встрѣчать на своемъ вѣку. Въ той же біографіи его читаемъ: «Любя науку, преосвященный поощрялъ къ занятію сю и ученыхъ мужей своей епархіи. Въ его время было много опальныхъ ученыхъ духовнаго званія, поселенныхъ по разнымъ монастырямъ владимірской епархіи въ наказаніе за разные проступки; преосвященный всѣхъ ихъ поощрялъ къ занятію учеными трудами. И многіе изъ нихъ съ охотой занимались ими. Лучшія изъ сихъ произведеній преосвященный представлялъ въ цензурный комитетъ и потомъ печаталъ. Для примѣра достаточно указать на магистра іеромонаха *Іоасафа*.

И такъ, на основаніи данныхъ уже позднѣйшихъ, можно въ нѣкоторой степени представить себѣ образъ Іустина, какъ ученаго академическаго дѣятеля. Онъ былъ *библіологъ*. Объ инспекторской службѣ Іустина при академіи мы ничего не можемъ сказать, не находимъ нигдѣ ясныхъ указаній. Но мы будемъ въ состояніи представить себѣ характеръ его, какъ инспектора, когда узнаемъ, каковъ онъ былъ, *какъ человѣкъ*,—каково было личное настроеніе и направленіе его духа, какъ относился онъ къ людямъ въ своей частной жизни. И тѣмъ болѣе насъ можетъ интересовать этотъ молодой періодъ его жизни, что здѣсь мы встрѣчаемся съ чрезвычайно интереснымъ фактомъ *поступленія въ монашество*, вопреки собственнему влеченію, помимо всякаго разсчета, — съ крайнею душевною

---

[1]) *Влад. еп. вѣд.* 1879 г. № 13-й, стр. 349.

[2] *Ibidem*, № 20, стр. 587-я.

борьбою, глубокимъ и долгимъ потомъ раскаяніемъ въ необдуманномъ роковомъ шагѣ и чистосердечнымъ непринужденнымъ признаніемъ своей ошибки въ дружеской перепискѣ. Въ этомъ наибольшій интересъ помѣщаемыхъ здѣсь писемъ Якова Михайлова. Добрый, мягкій отъ природы, нѣсколько даже простодушный, онъ былъ вмѣстѣ слабохарактернымъ. Ему, какъ лучшему студенту, предложили монашество, и онъ, не подумавши, принялъ его, а когда опомнился, у него не хватило духу взять назадъ данное начальству слово,—такъ и остался, по его собственному выраженію, на всю жизнь въ *клѣточкѣ* Самую тяжелую борьбу онъ переживаетъ предъ принятіемъ монашества, но и долго спустя сѣтованія на необдуманный шагъ въ жизни не оставляютъ его и онъ при каждомъ случаѣ высказываетъ свою скорбь, предостерегаетъ и друга своего отъ такой же ошибки. Въ исторіи нашего ученаго монашества это фактъ весьма большой важности. Сколько такихъ завлеченныхъ въ монашество и не выдержавшихъ искуса первыхъ лѣтъ! Къ чести Іустина сказать должно, что онъ не падалъ и не палъ въ тяжелой борьбѣ и свято, безупречно выполнилъ невольный свой обѣтъ. Всѣхъ его писемъ *одинадцать*. Они живо рисуютъ намъ самаго Іустина и отчасти друга его, Бѣлюгова, кишиневскаго префессора, извѣстнаго уже намъ по письмамъ къ нему Иннокентія (см. «Кіев. Стар.», мартъ); кромѣ того они представляютъ вообще много чертъ тогдашней *бытовой* академической жизни и сообщаютъ много свѣдѣній о судьбѣ другихъ воспитанниковъ кіевской академіи перваго ея курса.

1.

Кіевъ, 1823 г., ноября 4.

Милой мой другъ!

Александръ Ивановичъ!

Письмо ваше, прошедъ всѣ мытарства на карантинѣ, кое-какъ дошло въ Кіевъ. Жалко, что вы не могли исполнить моего прошенія. Препорученіе ваше я исполнилъ безъ всякихъ хлопотъ. Вы говорите, что жизнь ваша кишиневская скучна; почему? Я непремѣнно хочу знать; удовлетворите моему желанію. Я, кажется, ничего не сдѣлалъ такого, что бы возбуждало въ васъ чувство недовѣрчивости ко мнѣ. Слѣдующее письмо ваше не должно быть сухо подобно тому, на которое теперь я отвѣчаю. Живя въ Кишиневѣ, вы конечно не можете имѣть недостатка въ матеріалахъ для переписки. Въ наказаніе вашей сухо-

сти и краткости и я въ настоящемъ письмѣ не буду распространяться; скажу только о нѣкоторыхъ предметахъ.

Преосвященный *Аѳанасій* [1]) прибылъ въ Кіевъ вскорѣ послѣ вашего отъѣзда. Остановясь у о. ректора [2]), онъ сперва явился къ митрополиту, а потомъ уже въѣхалъ въ свой монастырь. Въ первое по пріѣздѣ воскресенье совершилъ литургію съ протодіакономъ митрополитскимъ. Въ понедѣльникъ о. ректоръ всѣхъ насъ представлялъ ему. Хотя мы пробыли у него не болѣе часа, впрочемъ успѣли узнать, что онъ характера веселаго, откровеннаго и ласковаго. Академія еще доселѣ ожидаетъ его къ себѣ. Съ отцомъ ректоромъ живутъ дружно, друга друга посѣщаютъ очень часто.

Несчастные отставные учители волынскіе *Кор.* и *Пот.* [3]) недѣли двѣ уже живутъ въ Кіевѣ. Они просили академическое правленіе о выдачѣ себѣ билетовъ до С. Петербурга, въ которыхъ отказало имъ правленіе волынской семинаріи по наущенію тамошняго архіерея [4]). Академическое правленіе положило было, по долговременномъ впрочемъ колебаніи, выдать имъ билеты, но митрополитъ [5]), основываясь на какомъ-то указѣ, данномъ около 70 лѣтъ тому назадъ, не согласился утвердить представленіе правленія. И такъ они теперь послали прошеніе въ коммисію, рѣшившись ожидать себѣ рѣшенія въ Кіевѣ. Вотъ награда за труды академическіе! [6])

Младшая дочь прот. *Маньковскаго*, о достоинствѣ коей мнѣнія нашихъ товарищей столько были разногласны, увядая постепенно, наконецъ оставила суетную земную жизнь. Погребеніе было торжественное. От. ректоръ начальствовалъ надъ хоромъ священнослужителей. Маньковскій такъ горько плакалъ, что надобно было имѣть каменное сердце, чтобы не принять участія въ его несчастіи. На сихъ дняхъ въ тотъ-же путь отправился

---

[1]) *Аѳанасій Протопоповъ*—магистръ 1-го курса петерб. д. академіи; епископъ чигиринскій—викарій кіевскій съ 1823 по 1826. Скончался архіепископомъ тобольскимъ въ 1842 г.—О немъ помѣщена недавно очень интересная статья въ *Русскомъ Архивѣ* (1881 г., томъ 2, кн. 2).

[2]) Архим. *Моисей Антоновъ*—былъ товарищемъ Аѳанасія по петерб. академіи.

[3]) *Корабликовъ* и *Потемкинъ*, такъ ихъ называетъ Іустинъ ниже.

[4]) *Стефана Романовскаго.*

[5]) *Евгеній Болховитиновъ.*

[6]) *Корабликовъ*—былъ воспитанникъ спб-ской ак. 4-го курса, а *Потемкинъ*, кажется, московской.

священникъ введенской церкви, родственникъ пр. *Серапіона;* молодая и прекрасная его супруга неутѣшно плакала.

Вамъ извѣстно можетъ быть, что въ прошедшемъ мѣсяцѣ были имянины *Путнова* и *Крышинскаго* [1]), но конечно не извѣстно, что новые баккалавры [2]) не были на именинахъ eam ob causam, quod non erant vocati [3]). Сей случай заставляетъ постороннихъ думать о многомъ, но мы, радуясь тому, что насъ шестеро, ни о чемъ не думаемъ. Будетъ праздникъ и на нашей улицѣ. Давидъ говоритъ, что добро и красно жити братіи вкупѣ, но не всѣ хотятъ послѣдовать его наставленію.

Спиридонъ Васильевичъ [4]) потому-ли, что, по мнѣнію Шада, мужъ безъ жены не можетъ назваться совершеннымъ человѣкомъ, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, рѣшился жениться на дворянкѣ, дочери одного маіора, какъ говорятъ, довольно богатаго. Пріуготовленія къ брачному торжеству уже начались. Скоро, вѣроятно, дѣло будетъ приведено къ концу. Достоинства невѣсты какъ тѣлесныя, такъ и душевныя, равно какъ и приданое, пока остаются для насъ тайною. Я доселѣ еще не посаженъ въ клѣточку [5]), а потому можетъ быть побываю и на свадьбѣ.

Г. Эммаускій всѣ усилія употребляетъ къ тому, чтобы получить мѣсто священника. Но, по милости митрополита, доселѣ остается безъ мѣста [6]). И при семъ случаѣ нельзя не сказать: такъ-ли должно поступать съ учеными? Естьли такъ награждать ученыхъ, то повѣрьте, что науки въ Россіи никогда не взойдутъ на степень совершенства.

Гг. уманскіе учители [7]), проживъ нѣсколько времени въ Кіевѣ, наконецъ покорясь власти судьбы, съ горестію отправились

---

[1]) Баккалавры кіевской академіи изъ воспитанниковъ спб-ской—Пушновъ 3-го курса, а Крышинскій 4-го.

[2]) То-есть оставленные при академіи магистры 1-го курса уже кіевской академіи—числомъ 6-ть.

[3]) По той причинѣ, что не были приглашены.

[4]) С. В. *Гуляевъ*—баккалавръ кіевск. академіи изъ воспитанниковъ 4-го курса академіи спб-ской.

[5]) Т. е. не принялъ еще *монашества.*

[6]) Это—*Ѳедоръ Эмаускій*—изъ 3-го курса спб-ской д. академіи былъ, вѣроятно, учителемъ въ кіевской семинаріи. Послѣ священства онъ принялъ и монашество подъ именемъ *Христофора* и умеръ въ 1872 г. въ санѣ епископа вятскаго.

[7]) Товарищи Михайлова, назначенные въ Умань: *Петръ Ѳед. Богословскій* и *Петръ Вас. Ольшевскій.*

въ училище. Я одинъ провѣдалъ ихъ. Горестно мнѣ было смотрѣть на нихъ, особенно на Петра Ѳ., который, будучи не совсѣмъ здоровъ, въ одномъ сертукѣ, дрожа отъ холода и заливаясь слезами, садился въ жидовскую брику. Петръ В. поѣхалъ съ уязвленнымъ сердечкомъ. Вы удивляетесь! Онъ самъ предъ всѣми нами confessus est, animum ejus cum animo Olgae, filiae protopr. Semenowsky aretissimo vinculo convinctum esse. Familia Semenowsky firmiter persuasa est, Petrum fore aliquando membrum ipsius [1]). Gabriel Petrovicz proficiscens Uman vale dixit Protopresbitiridi, notae tibi, et filiae ejus [2]). Петръ Ѳ. прислалъ намъ письмо, въ которомъ хвалится хорошимъ пріемомъ смотрителя, того самаго, который нѣкогда excellentissimos magistros et professores [3]) потчивалъ гнилою сельдію и пѣнничкомъ,—и жалуется на нестроеніе, которое начинаетъ уже открываться въ почтенномъ обществѣ кандидатовъ. Что съ ними будетъ далѣе? Богъ вѣсть.

Грузинцы [4]) доселѣ живутъ въ академіи и живутъ весело. Откуда что берется. Самоваръ мой совсѣмъ затаскали. Трофимовичъ [5]) раскаевается, что рѣшился ѣхать въ Грузію, а потому ищетъ средства, какъ бы, не унизивъ себя предъ глазами начальниковъ, отказаться отъ своего слова. Respectu Mariae id mihi solum modo certum est, eam pro dolore summo ingemesare continuo, lacrimas effundere et vae sibi dicere, quam vis non prorsus spei expers est, ut ipse Trofimovitz testatur [6]). Іеларіонъ [7]) также не выѣзжалъ изъ Кіева; желательно, что бы онъ скорѣе выѣхалъ; ибо онъ *Mariam Gubareuw* такъ сдурилъ, что она безъ него дышать

---

[1]) Т. е. сознался, что его сердце тѣснѣйшими узами связано съ сердцемъ Ольги, дочери прот. Семеновскаго. Фамилія Семеновскихъ твердо убѣждена, что Петръ будетъ нѣкогда ея членомъ.

[2]) Т. е. Гавріилъ Петровичъ (*Язевъ*, тоже товарищъ), отправляясь въ Умань, сказалъ *прости* извѣстной тебѣ протоіерейшѣ и дочери ея.

[3]) Т. е. *Бѣлюгова* и *Левчановскаго*, отправлявшихся на службу въ Кишиневъ и подорогѣ заѣзжавшихъ къ уманскому смотрителю. Объ этомъ писалъ Бѣлюговъ къ Михайлову, какъ ниже упоминается.

[4]) Т. е. товарищи Мих., согласившіеся ѣхать на службу въ Грузію—прибыло трое.

[5]) Авксентій Трофимовичъ *Стеценко*.

[6]) Т. е. относительно Маріи мнѣ извѣстно только то, что она отъ сильнѣйшей скорби постоянно вздыхаетъ, проливаетъ слезы и вѣщуетъ себѣ горе,—хотя не совсѣмъ еще лишена надежды, какъ свидѣтельствуетъ, это самъ Трофимовичъ.

[7]) Иларіонъ Ивановичъ *Поржецкій*.

не можетъ. Г. Хлѣбниковъ [1]) очень на васъ гнѣвается, что вы, пиша ко мнѣ, не отдали ему должнаго почтенія. Я всячески старался защитить васъ, приписывая вамъ незнаніе, что его благородіе доселѣ находится въ Кіевѣ; но всѣ мои старанія были тщетны. Посему въ слѣдующемъ письмѣ извинитесь предъ нимъ. Дѣло Петра Максимовича [2]) также не приходило; живетъ съ женою вмѣстѣ. Антонъ Матѳеевичъ *Крупскій* прислалъ письмо, въ которомъ жалуется на свое состояніе. Кандидаты п.-б. [3]), занимающіе должности учительскія при семинаріи, не хотятъ имѣть общенія съ нашимъ кандидатомъ. Волынскіе наши патрады по совѣсти увѣряютъ насъ, что Острогъ по всему праву носитъ на себѣ имя острога. Г. Ѳ. Базилевичъ нынѣ секретарь. Мы уже видѣли бумаги, подписанныя его рукою. Переяславскіе хвалятся своею жизнію. Но полно говорить о другихъ что-нибудь; надобно вамъ сказать о себѣ. Живу я въ той-же комнатѣ, въ какой вы оставили меня; столъ имѣю у о. ректора. Герменевтина составляетъ преимущественный предметъ моихъ занятій; желая по возможности удовлетворить ожиданію студентовъ, не жалѣю трудовъ моихъ. Однажды былъ на лекціи о. ректоръ; по окончаніи лекціи, когда я подошелъ къ нему для принятія благословенія, онъ такъ отозвался о моей лекціи: „вы ясно говорите". Что-то будетъ впередъ,—а до сего времени я не тяготился своею должностію. Будучи удаленъ отъ товарищей—баккалавровъ и представляя себѣ, что мнѣ скоро надлежитъ распрощаться съ пріятностями жизни общественной, я рѣдко бываю веселъ. Стараясь разсѣять скуку, я часто хожу къ товарищамъ, которые иногда, напоминая мнѣ о будущемъ моемъ состояніи, ненамѣренно въ большое смущеніе приводятъ духъ мой. Что-то будетъ со мною... Монахи говорятъ, что жизнь монашеская блаженнѣйшая, но сердце мое говоритъ противное. Но всегда-ли можно вѣрить сердцу? Вотъ вопросъ, который я предлагаю вамъ на разрѣшеніе. Простите! Пребываю къ вамъ съ истинною любовію, преданный вамъ всею душею, другъ вашъ Яковъ.

Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе Василію Григорьевичу [4]) и поблагодарить его за тѣ строки, которыя онъ написалъ

---

[1]) Григ. Ѳедор. *Хлѣбниковъ*, имѣвшій отправиться въ Грузію.

[2]) Петръ Макс. *Малышевскій*.

[3]) Т. е. петербургскіе.

[4]) Товарищъ—В. Г. *Левчановскій*, служившій вмѣстѣ съ Бѣлюговымъ въ Кишиневской семинаріи.

ко мнѣ. Я хотѣлъ писать къ нему, но случились такія обстоятельства, которыя не позволили исполнить мнѣ моего желанія.

2.

Другъ мой!

Александръ Ивановичъ!

Простите, ахъ ошибся, прости великодушно, что я въ первомъ письмѣ, желая соблюсти правила мірской политики, поступилъ противъ правилъ дружбы. Впредь всегда буду называть тебя не *вы*, а *ты*. Ты говоришь, что письмо мое развеселило тебя. Жалко, что ты не открываешь причины твоей печали. Очень обидно для меня, что ты заставляешь меня читать письма, посылаемыя къ В. Я.[1]) и П. И.[2]). Я хочу читать твои письма. Естьли впредь поступишь такимъ образомъ, — я все право буду имѣть говорить, что ты не расположенъ ко мнѣ. Ты очень занятъ; но В. Г.[3]) не менѣе тебя занятъ, однакожъ пишетъ обильно. Прошу, милой мой, не лѣниться писать ко мнѣ, тѣмъ паче, что я нахожусь въ такомъ расположеніи духа, которое всѣ удовольствія мои разтравляетъ горестію. Искренняя твоя со мною бесѣда для сердца моего послужитъ цѣлительнымъ бальзамомъ. Въ письмѣ твоемъ, на которое теперь отвѣчаю, я думалъ найти лѣкарство противъ той печали; но, къ нещастію, нашелъ противное. Скажи пожалуй, что значатъ слова твои: *я избралъ состояніе монашеское?* Я знаю всѣ правила герменевтики, но никакъ не могъ дойти до подлиннаго смысла сихъ словъ. Естьли слова твои принять in sensu litterali, выдетъ нелѣпость. Ибо природа сотворила тебя для общества, а не для пустыни. Естьли-же принять in sensu mystico, то и тогда нельзя избѣжать нелѣпости. Ибо никто и никогда, намѣреваясь вступить въ супружество, не говорилъ: я поступаю въ состояніе монашеское. Досадно, право досадно толковать твои слова. Желаніе видѣть тебя въ щасливомъ состояніи заставляетъ меня послѣднее объясненіе предпочесть первому. Поспѣши разрѣшить мое сомнѣніе. Естьли ты не шутишь, но въ самомъ дѣлѣ поступаешь въ монашеское состояніе, то я не могу не сказать: есть чудеса въ мірѣ! Ибо не чудо-

---

[1]) Т. е. къ Вас. Якові. *Орлову*, товарищу, оставленному, въ числѣ другахъ, баккалавромъ при кіевской академіи.

[2]) Т. е. къ Плагону Ивановичу *Ставрову*—тоже товарищу и баккалавру.

[3]) Т. е. В. Г. *Левчановскій*.

ли это, когда образованный, молодой и прекрасный мущина отказывается отъ общества? Опомнись, другъ мой! Что ты дѣлаешь? Богъ накажетъ тебя. Ибо чрезъ монашество ты чрезвычайно его оскорбишь, такъ какъ монашество противно заповѣди, которую Онъ далъ первымъ людямъ. Отечество вознегодуетъ на тебя; ибо ты откажешься, поступая въ монашество, быть ему полезнымъ чрезъ дѣторожденіе. Женщины будутъ вопіять на тебя къ небу. Ибо ты одну изъ нихъ могъ бы ощастливить. Если ты не откажешься отъ своего намѣренія, то я всегда буду скорбѣть о тебѣ. Если ты дѣйствительно идешь въ монахи, то непремѣнно должна быть сему причина. Желательно бы было мнѣ знать сію причину, дабы смотря на нее можно было опредѣлить степень твоего дурачества. Оставь-ка, другъ, свое намѣреніе. Оженись лучше. Хорошая жена лучше всего. Зная то, что сіи строки написаны отъ сердца, надѣюсь, что ты примешь ихъ съ сердечною расположенностью, и что онѣ заставятъ тебя немедленно откровенно объясниться предо мною.

Хотя ты, по собственному твоему сознанію, чрезвычайно занятъ, впрочемъ надѣюсь, что не откажешься послушать новостей нашихъ. Спиридонъ В. [1]) милостію Божіею нынѣ уже мужъ. Я былъ званъ на свадьбу, но, опасаясь увеличить досаду на самаго себя, заблагоразсудилъ отказаться. Наше общество баккалавровъ и профессоровъ отличилось неумѣніемъ танцовать. Госпожи Гуляевой я доселѣ не имѣлъ щастія видѣть, а потому о качествахъ ея не могу ничего сказать утвердительнаго. Другіе говорятъ, что она не красавица, но довольно миловидна, добра и чувствительна, ибо читаетъ романы. Но оставимъ ее въ покоѣ. Грузинцы выѣхали изъ Кіева въ Грузію. Авксентій Т. не женился на М., но поклялся жениться. Богъ знаетъ, исполнитъ-ли онъ свою клятву. Вчерашняго дня Петръ Максимовичъ (который недавно будучи утвержденъ въ должности учителя орловской семинаріи, еще не выѣжжалъ изъ Кіева) былъ въ домѣ *Таранецкой* и узналъ, что все семейство непрестанно плачетъ и жалуется на обманщика [2]); дѣло о конференціи пришло, но конференція еще не открыта. Членами оной утверждены: ректоръ, инспекторъ [3]) *Кириллъ* [4]), *Скворцовъ*,

---

[1]) Спир. В. *Гуляевъ*, баккалавръ.

[2]) Т. е. на А. Т. *Стеценко*.

[3]) Архим. *Смарагдъ Крыжановскій*.

[4]) Архим. *Кириллъ Кунацкій*, ректоръ кіевской семинаріи, а затѣмъ и академіи.

Евгеній [1]) *Пушновъ*, *Сигиревичъ*, *Стефанъ Семеновскій* и *Маньковскій*. Сочиненія, назначенныя для напечатанія, возвратились изъ Петербурга ненапечатанными. Лаврѣ кіевской или лучше ея типографіи предоставлена честь выдать въ свѣтъ знаменитыя творенія воспитанниковъ кіевской академіи. Дипломы ваши пріуготовлены. Ищите лучшаго столяра, который-бы въ состояніи былъ сдѣлать для нихъ рамы. *Потемкинъ* и *Кораблиновъ* [2]) доселѣ еще въ Кіевѣ. Г. Поржецкій остался безъ мѣста; вскорѣ отправится въ свою епархію. Марія Ивановна до безумія его любитъ, но едвали съ нею не случится того, что случилось съ Таранецкою. Дѣло мое крюки декастерскіе доселѣ еще держатъ у себя. Что будешь дѣлать съ безмозглыми тварями. Вотъ тебѣ новости кіевскія! Не угодно-ли послушать новостей не-кіевскихъ? Волынское сем. правленіе сильно дѣйствуетъ противъ архіерея. *Лотоцкій* [3]) уже оженился на дочери того протоіерея, который въ нѣсколькихъ верстахъ живетъ отъ Острога и присутствуетъ въ консисторіи. Г. Базилевичъ секретаремъ, а *Собкевичъ* [4]) экономомъ. *Наркиссъ Новицкій* священникомъ уже и ключаремъ собора. Невѣста *Ѳеофила Новицкаго* вышла замужъ. Прощай! другъ твой. Як. М.

Прошу какъ можно скорѣе прислать отвѣтъ. Ибо я хотя не совсѣмъ увѣренъ въ истинѣ твоихъ словъ, однакожъ никакъ не могу успокоить робкую мою душу.

Василію Григорьевичу засвидѣтельствуй мое почтеніе и объяви ему, что на дочери протоіерейши Воздвиженской женится профессоръ *Лабодовскій*.

Кіевъ 1823 г. дек. 4 дня.

P. S. Тебѣ пишу, ты одинъ и читай.

3.

Другъ мой!

Александръ Ивановичъ!

Благодарю тебя за письмо отъ 9-го генваря; оно удовлетворило моему желанію. За поздравленіе твое съ новымъ годомъ

---

[1]) Іером. *Евгеній Соловьевъ*, баккалавръ кіевской академіи, изъ магистровъ *втораго курса* московской.

[2]) Упомянутые въ 1-мъ письмѣ волынскіе учители, ведшіе тяжбу съ тамошнимъ архіереемъ *Стефаномъ Романовскимъ*.

[3]) Аѳанасій Лукичъ *Лотоцкій*, впослѣдствіи архим. *Амвросій*.

[4]) Антонъ Иван. *Собкевичъ*.

плачу поздравленіемъ взаимнымъ. Причина, по которой ты отказываешься отъ супружеской жизни, удивила меня и, вмѣстѣ, ясно доказала, что ты довольно еще имѣешь дѣтскаго. Подобнаго твоему поступка рѣдко можно отыскать даже въ романахъ. Какое удовольствіе сдѣлаешь ты твоей любезной кіевлянкѣ, когда пойдешь въ монахи? Она, услышавъ о странномъ твоемъ поступкѣ, можетъ быть сперва погорюетъ, а потомъ, видя, что уже нельзя горемъ воротить миленькаго голубчика, начнетъ искать себѣ другаго и нашедъ забудетъ о тебѣ. Она, соединившись съ милымъ, будетъ блаженствовать, а ты, будучи запертъ въ клѣточку, безпрестанно будешь тосковать, лить слезы и можетъ быть, не могши перенесть страданій сердца своего, преждевременно сойдешь съ поприща сей жизни. Ты говоришь, что она любитъ тебя; но развѣ ты не слыхалъ отъ опытныхъ, что любовь есть такая болѣзнь, которая удобно излечивается разлученіемъ любящихся лицъ? Поживши годъ, два, не веди переписки съ ней; она, постепенно теряя изъ памяти твой образъ, наконецъ забудетъ тебя и безтрепетно отдастъ руку свою другому. Она можетъ быть и теперь уже успокоилась. Жалко, что я ее не знаю; я постарался бы узнать ея положеніе и извѣстить тебя. Вотъ то-то, Шаша, надобно было жить въ академіи по откровеннѣе. Любилъ и былъ любимъ, а я ничего этого не зналъ. Не обида ли это? для чего было тебѣ не раскрыть предо мною своего сердца? Будучи скрытнымъ въ Кіевѣ, не будь таковымъ въ Кишиневѣ, разумѣется въ отношеніи ко мнѣ. Напиши имя, фамилію и мѣсто пребыванія той, которую ты носилъ въ сердцѣ своемъ. Я посмотрю, достойна-ли она той ужасной жертвы, которую ты намѣренъ принести въ честь ея. Признаюсь, другъ, что я о сердцѣ твоемъ совершенно иначе думалъ; я думалъ, что оно твердо подобно камню, но опытъ доказалъ, что оно мягче воску. Я увѣренъ въ томъ, что любовь сильна; но не могу представить себѣ, чтобы она могла довести человѣка до такого состоянія, въ какомъ ты теперь находишься. Есть-ли чувствуешь въ себѣ сколько-нибудь силъ, вооружись противъ тиранки, возобладавшей тобою; сбрось съ себя ея иго. Побѣда, одержанная тобою, будетъ источникомъ твоего щастія. Молодость твоя и красота привлекутъ къ тебѣ руку молодой, прекрасной и умной дѣвушки. Есть-ли же ты совершенно не способенъ къ противоборству, то мнѣ кажется, лучше тебѣ соединиться съ любимою тобою, нежели итти въ монахи. Положимъ, что ты будешь жить не богато, но за то будешь покоенъ, ибо будешь

обладать тѣмъ предметомъ, который теперь смущаетъ твое сердце. Что же ты думаешь найти въ монашествѣ? Черная одежда не избавитъ тебя отъ пламени любви. Онъ безпрестанно будетъ пожирать твое сердце, такъ, что ты не радъ будешь своей жизни. Милая всегда будетъ находиться въ твоемъ воображеніи и тогда ты, вмѣсто монаха, будешь нещастнѣйшимъ любовникомъ, который лишенъ всѣхъ средствъ соединиться съ обожаемымъ предметомъ. Другъ мой! Пиша сіе, я не осмѣливаюсь отнимать у тебя свободы. Впрочемъ увѣряю тебя, что монашество будетъ для тебя источникомъ горестей. Теперешнее твое худое положеніе еще болѣе заставляетъ меня противиться твоему намѣренію. Богъ знаетъ, чѣмъ кончится ваша ссора съ Р...[1]) Можетъ статься, что неправда одержитъ верхъ надъ правдою — и ты невинно пострадаешь. Свѣтскому человѣку должность при семинаріи не такъ дорога; онъ всюду можетъ найти для себя мѣсто. Но монаху лишиться училищной должности значитъ всего лишиться. Ибо монастырь для ученаго человѣка есть гробъ. Подожди, другъ, избирать состояніе. Можетъ быть перемѣнятся обстоятельства. Забудь на время о кіевлянкѣ; можетъ быть встрѣтятся съ нею такія обстоятельства, которыя заставятъ ее забыть о тебѣ. Тогда ты будешь имѣть полное право изгнать ее изъ своего сердца.

Ссора ваша заставляетъ меня страшиться за тебя; противная сторона сильнѣе вашей; васъ могутъ преодолѣть и обидѣть. Мнѣ кажется, вамъ лучше примириться, естьли это можетъ быть сдѣлано безъ униженія своего достоинства. Милый мой! веди себя поосторожнѣе. Я знаю изъ собственнаго опыта, что неосторожность можетъ ввергнуть человѣка въ бѣдственное состояніе. Напиши мнѣ о семъ предметѣ по-обстоятельнѣе. Я очень безпокоюсь о тебѣ. Я увѣренъ, что твое дѣло право, но не увѣренъ въ томъ, чтобы всѣ почитали его таковымъ. Дѣйствуй, но съ мудростію зміиною. Отецъ *Смарагдъ*[2]) послалъ тебѣ отвѣтъ; посему я не нужнымъ почелъ узнавать его мысли о твоемъ намѣреніи. Мое дѣло еще не приходило; ожидаю со дня на день; Ивана Алексѣевича[3]) уже не стало: на мѣсто его явился іеромонахъ *Иннокентій*. Онъ пишетъ, но не къ намъ, а къ Евгенію.

---

[1]) Съ ректоромъ кишиневской семинаріи арх. *Иринеемъ*.

[2]) Инспекторъ кіевской академіи.

[3]) Т. е. Ивана Алексѣевича *Борисова*.

Чѣмъ ближе подходитъ мой роковой день, тѣмъ, тѣмъ, тѣмъ... Что со мною будетъ? Отецъ ректоръ еще не выѣзжалъ изъ Кіева; на сихъ дняхъ непремѣнно отправится [1]). Преемникъ его, отецъ *Мелетій*, бывшій нашъ любезнѣйшій инспекторъ. Надѣемся, что съ нимъ будетъ хорошо намъ жить, естьли только кто нибудь не воспользуется добротою его сердца ко вреду другихъ. Сочиненія еще не отпечатаны. Конференція открыта предъ Рождествомъ. Мы получили дипломы; ваши скоро будутъ присланы, какъ говоритъ секретарь. Грузинцы, выѣхавъ изъ Кіева 24 ноября, прибыли въ Бѣлгородъ 24 декабря. Такъ скоро ѣздятъ! Въ Грузію пріѣдутъ развѣ чрезъ годъ. Кто изъ нихъ въ какой городъ поѣхалъ, право не знаю, ибо грузинскія имена трудно помнить. О состояніи Марьи Тимоф. ничего не знаю. Тетушка и сестрица твоя здоровы; онѣ недавно были въ нашей церкви. Тотъ, кто тебѣ писалъ о сестрѣ съ невыгодной стороны, есть безсовѣстный лжецъ; не вѣрь ему. Она живетъ такъ, какъ жила и при тебѣ. Мать не отпускаетъ ее отъ себя. Впрочемъ сердце женщины глубоко. Проповѣдь твоя, видно, была лучше массильіоновской. Недавно въ Кіевѣ умеръ прот. *Сигиревичъ;* мѣсто его заступилъ *Ст. Семяновскій.* Яковъ Ив. *Крышинскій* вскорѣ женится на Александрѣ Петровнѣ. Инспекторъ представленъ въ экстраорд. профессоры, а Скворцовъ въ ординарные. Исключили четырехъ студентовъ, между коими *Димитрія Савченкова.* Волынское сем. правленіе не престаетъ дѣйствовать противъ архіерея; Лотоцкій уже священникомъ. Кишиневскіе ваши студенты успѣваютъ довольно хорошо, такъ что бывшій префектъ [2]) занимаетъ высокое мѣсто во 2-мъ разрядѣ. Пѣвчихъ академ. нѣтъ; слѣд. мы лишились одного изъ величайшихъ удовольствій. Контракты нынѣшніе по причинѣ худой погоды неудачны. Товарищи наши—баккалавры перебрались въ академію. Въ отношеніи къ себѣ самому не имѣю особеннаго чего нибудь сказать тебѣ. Прошу не медлить отвѣтомъ. У васъ, кажется, не проходитъ теперь ни одного дня безъ новостей. Пиши о всемъ; я все буду принимать съ радостію, а особенно касающееся тебя. О сестрѣ твоей я постараюсь узнать что нибудь по обстоятельнѣе. Прости,

---

[1]) Архим. *Моисей*—былъ назначенъ епископомъ *старорусскимъ*.

[2]) *Аврамій Жуминскій*—до поступленія въ кіевскую академію въ 1823-мъ г. былъ учителемъ и префектомъ кишиневской семинаріи. Впослѣдствіи игуменъ *Антоній* инспекторъ кишиневской и калужской семинарій.

миленькой! Можетъ быть въ послѣдній разъ пишу тебѣ, свѣтскимъ будучи—прости! Твой доброжелатель Я. М...

Василію Гр. мой усердный поклонъ.

Кіевъ, 1824 г, генв. 23.

4.

Кіевъ, 1824 года, окт. 1 дня.

Любезнѣйшій другъ!

Я думалъ, что никогда уже не получу отъ тебя отвѣта на письмо, которое я послалъ къ тебѣ еще въ прошедшемъ году [1]), думалъ, что ты не рѣшился продолжать знакомство съ тѣмъ, который, по чудному какому-то сцѣпленію обстоятельствъ, отказался дѣйствовать на театрѣ суетнаго міра; думалъ, что у меня нѣтъ уже такого человѣка, предъ которымъ-бы я могъ изливать чувства моей скорбной души, думалъ, и, къ стыду моей недовѣрчивости къ тебѣ, обманывался. Письмо твое, исполненное искреннихъ чувствованій, доказываетъ, что ты помнишь того, кого забылъ весь міръ, доказываетъ, что долговременное твое молчаніе зависѣло отъ обстоятельствъ, которыя, волнуя твою душу, не позволяли писать ко мнѣ. Благодарю Всеблагаго Бога, что Онъ для моего и вмѣстѣ для твоего щастія облегчилъ мучительную болѣзнь, которой ты, живя въ Кіевѣ, подвергся, и надѣюсь, что ты въ скоромъ времени совершенно оздоровѣешь, естьли не захочешь противиться премудрому врачу. Благодарю тебя, милой мой, за твою искренность. Не опасайся и впредь открывать мнѣ тайнъ твоего сердца. Я не изъ числа тѣхъ, которые малую погрѣшность ближняго подвергаютъ самому строгому суду, забывая о своихъ слабостяхъ. Чувство твоего сердца, чувство, которое родилось въ тебѣ въ Кіевѣ и которое столько причинило тебѣ безпокойства въ Кишиневѣ, виновно, но очень мало. Ибо законы, осуждающіе сіе чувство, не основаны на нашей природѣ, а слѣдовательно они не божественные. Хитрая политика, на всякія жестокости рѣшающаяся, для корыстолюбивыхъ своихъ видовъ, постановила сіи законы. И такъ ты, попустивъ въ сердцѣ своемъ родиться чувству противному законамъ, не основаннымъ на природѣ человѣческой, не виновенъ или, по крайней мѣрѣ, мало ви-

---

[1]) О. Іустинъ забылъ, что предъидущее письмо къ Бѣлугову было послано имъ отъ 23-го генваря того-же 1824-го года.

новенъ предъ своимъ разумомъ. Но, другъ мой, мы живемъ въ обществѣ, слѣдовательно должны повиноваться законамъ общества, и когда нарушаемъ законы, постановленные въ обществѣ, дѣлаемся виновными предъ людьми. И такъ, признавая твое чувство невиннымъ, при всемъ томъ не могу не посовѣтовать тебѣ постараться всѣми возможными средствами истребить его. Истребивъ его, ты себѣ доставишь душевный миръ и немало не огорчишь С. Т.; ибо можно-ли огорчаться тѣмъ, что́ дѣлается по внушенію законовъ? При томъ я сомнѣваюсь, чтобы душа ея страдала тѣмъ же, чѣмъ твоя страдаетъ. Люди, подвергнутые болѣзни, которою ты страждешь, обыкновенно грезятъ и видятъ часто то, чего нѣтъ въ природѣ. Но полно тосковать *de lana caprina* [1]). Не сердись на меня: сказавъ много ложнаго, я можетъ быть сказалъ что-нибудь и истинное.

Поговоривъ о твоемъ состояніи, скажемъ что-нибудь о моемъ. Тотъ ужасный обѣтъ, который я далъ начальству еще въ іюнѣ прошедшаго года, исполненъ мною въ февралѣ настоящаго года. Горестно, признаюсь тебѣ, горестно мнѣ было оставлять міръ. Не могу тебѣ выразить, что́ происходило въ душѣ моей, когда пришелъ роковой указъ. Какой-то ужасъ тогда овладѣлъ мною, я весь трясся, не могъ ничѣмъ заниматься; бралъ-ли книгу, перо ли, онѣ выпадали изъ рукъ моихъ. Жестокіе мои товарищи вмѣсто того, чтобы пособить мнѣ въ семъ нещастномъ положеніи, шутили надо мною и тѣмъ увеличивали мое бѣдствіе. Желая прекратить свое нещастіе, я не рѣшился медлить перемѣною своего состоянія и, собравшись съ духомъ, облекся въ одежу плача и сѣтованія въ пятокъ 1-й недѣли поста. Вотъ уже 7-мь мѣсяцевъ, какъ я сижу въ темницѣ, произвольно мною избранной. Иногда выхожу изъ стѣнъ монастырскихъ; но сіе, признаюсь тебѣ, не во благо мнѣ служитъ. Возвратясь въ мрачную свою обитель, я всегда говорю самъ себѣ: „лучше-бы было, если-бы я пошелъ обыкновеннымъ путемъ". Впрочемъ печальныя мои мысли вдругъ исчезаютъ при представленіи тѣхъ безпокойствъ, которыя соединены съ мірскою жизнію. Авось Богъ дастъ, я привыкну къ своей жизни и можетъ быть буду благодарить себя за то, что поступилъ такъ, а не иначе. Прошу писать ко мнѣ почаще. Письма твои будутъ служить услажденіемъ горестей моей уединенной жизни.

---

[1]) Буквально: о *козьей шерсти*, т. е. о *пустякахъ*, *безъ нужды*.

Послушай новостей. Преосвящ. *Серапіонъ* [1]) прошедшаго мѣсяца въ 3-мъ часу по полудни переселился ко отцамъ своимъ. Смерть архипастыря была тихая. Въ день смерти велѣно было ударить 77 разъ въ колоколъ соборный въ соотвѣтствіе лѣтамъ его жизни. На третій день тѣло покойника изъ дому перенесено было въ теплый соборъ при колокольномъ звонѣ, который непрерывно продолжался два часа при всѣхъ церквахъ. На четвертый день совершено было погребеніе пр. *Евгеніемъ* съ викаріемъ и со всѣмъ кіевскимъ духовенствомъ. Одинъ изъ соборныхъ священниковъ почтилъ память своего пастыря надгробнымъ словомъ. Тѣло его положили въ склепѣ въ соборѣ.

Двѣ сестры, Наталія и Марія *Семяновскіе*, по особенной къ нимъ милости фортуны, въ одинъ и тотъ-же день сдѣлались супругами, первая—Аверкія Ильича [2]), а другая—Акима Егоровича [3]). Яковъ Ивановичъ *Крышинскій* избавилъ отъ долговременнаго дѣвства Александру Петровну, бывшую нашу общую питательницу. Платонъ Ивановичъ [4]) скоро составитъ новое брачное торжество. Предметъ его любви есть Марія Ивановна *Синецкая*. Петръ Ѳедор. *Богословскій* и Петръ Вас. *Ольшевскій* получили благословеніе архипастыря на бракъ съ дочерями того смотрителя уманскаго, который во время вашего странствованія такъ хорошо угостилъ васъ. Раиса Алекс., вожделѣнная супруга Спиридона Васильевича, наградила своего мужа дочерію. Непріятенъ ему сей подарокъ, но нечего дѣлать. Ѳедоръ *Эммаускій* опять хочетъ вступить на поприще учености. Подалъ на дняхъ прошеніе въ академическое правленіе объ опредѣленіи его къ учительской должности при орловской семинаріи. Если униженное теперешнее его состояніе не перемѣнило его прекраснаго характера, то горе орловской семинаріи! Свѣтила, просвѣщавшія вашу страну, будучи подвигнуты съ мѣста своего, много потеряли своего блеску [5]). Перемѣна моего состоянія лишила меня возможности знать что-нибудь о твоей тетушкѣ и любезной сестрицѣ.

---

[1]) Митрополитъ кіевскій—съ 1803 по 1822 г. По увольненіи на покой, доживалъ дни въ Кіевѣ.

[2]) *Пушкова*, баккалавра академіи.

[3]) *Орлова*, тоже баккалавра.

[4]) *Ставровъ*, баккалавра.

[5]) Намекъ на вызовъ ректора кишин. сем. арх. *Иринея* въ Спб. и на его тамъ отношенія, о чемъ писалъ Бѣлюгову изъ Спб. и *Иннокентій*, какъ знаютъ читатели.

Впрочемъ онѣ живы и здоровы, ибо иногда ходятъ къ намъ на обѣдню. Ты напрасно прекратилъ съ тетушкою переписку,—она почтетъ тебя неучтивымъ. О нашихъ удалыхъ головахъ грузинскихъ ни слуху, ни духу. Библіотекарю семинарскому дѣйствительно жалованья 120 р. [1]). Опыты сочиненій нашихъ товарищей постараюсь прислать. Прощай! Tuus ex animo Hieromonachus Jacobus-Iustinus Michailow.

5.

Любезнѣйшій другъ!

Александръ Ивановичъ!

Не безпокойся; я еще не по ту сторону Стикса. Жестокій врагъ человѣчества—смерть видно притупила свою косу. Хотя скука, терзающая мою душу, все дѣлаетъ для меня непріятнымъ, впрочемъ смерть все кажется ужасною. Ты спросишь, отъ чего я скучаю? Отъ того, что я живу въ одиночествѣ, а одиночество со скукою находится въ тѣсной связи. Быть заключену въ двухъ стѣнахъ, не знать, что такое общество, не имѣть человѣка, предъ которымъ бы я свободно могъ открыть свои чувства, и быть веселу—невозможно. Ты шутишь надо мною и, я почитаю тебя счастливымъ, ибо мнѣ кажется, что шутить можетъ только тотъ, кто доволенъ своею участью. Ты шутишь надъ моимъ молчаніемъ, но едва ли по праву; еще неизвѣстно, кто изъ насъ долѣе молчалъ. Впрочемъ избавь Богъ насъ отъ суда. Шути надо мною, я буду доволенъ твоими шутками.

Любезнѣйшій! Тебѣ несносенъ Кишиневъ; ты хочешь оставить *проклятую* Бессарабію, но, къ прискорбію твоему и вмѣстѣ моему, объявляю тебѣ, что хотѣніе твое несбыточно. При семинаріи подольской нѣтъ празднаго мѣста. Хотя тотъ нещастный и достойный всякаго сожалѣнія профессоръ, который за нѣсколько предъ симъ покусился было на свою собственную жизнь, теперь къ большему своему нещастію лишился ума, а потому сдѣлался не способнымъ къ прохожденію училищной должности; впрочемъ архіерей подольскій [2]) успѣлъ уже найти преемника ему, по словамъ его высокопреосвященства, *достойнаго*, именно родственника своего, кандидата или магистра—право не знаю—москов-

---

[1]) Бѣлюговъ былъ библіотекаремъ кишин. семинаріи.

[2]) Архіеп. *Ксенофонтъ Троепольскій.*

ской академіи послѣдняго курса. Сей высокоученый мужъ такой, какіе обыкновенно выходятъ изъ московской академіи; не получивъ мѣста при окончаніи курса, прибѣгнулъ къ высокопреосвященнѣйшему своему родственнику, и нынѣ по личному ходатайству сего родственника, къ славѣ или безславію—я право не знаю—нашего округа, вступаетъ на каѳедру профессорскую. Наши студенты, оканчивающіе курсъ, услышавъ о такой несправедливости, поскрежетали *зубы* своими и симъ кончилось все ихъ мщеніе. Ex omnibus his patet [1]), что ты долженъ примириться съ своимъ Кишиневомъ и возлюбить ту страну, которую признаешь достойною проклятія.

Любезнѣйшій! Тебѣ несноснымъ кажется то, что вашу страну наводняетъ невѣжество и дурачество сильное; но, другъ! Гдѣ нѣтъ сего нещастія? Этотъ бичъ Божій всюду извѣстенъ. Будь философомъ, смотри на всѣ дурачества и смѣйся, разумѣется внутренно. Ибо открытый смѣхъ надъ дурачествомъ есть одна изъ причинъ нещастій человѣческихъ. Я много бы могъ написать тебѣ о семъ предметѣ, но частое подниманіе фоліантовъ такъ измучило мои персты, что они отказываются мнѣ служить. Студентовъ нашихъ постигъ внезапу судъ Божій или лучше человѣчій. Между тѣмъ какъ они предавались сладостнымъ мечтамъ по случаю окончанія курса, страшный громъ разразился надъ ихъ главами. Между тѣмъ какъ рѣдкіе изъ нихъ заботились о пріуготовленіи большихъ диссертацій, коммисія приказала: каждый студентъ академіи, желающій получить ученую степень, долженъ представить въ коммисію три или по крайней мѣрѣ два большихъ разсужденія на латинскомъ и россійскомъ языкахъ. Можешь себѣ представить, въ какомъ теперь находятся положеніи тѣ, у которыхъ даже и по одному нѣтъ разсужденію. Уныніе теперь господствуетъ въ академіи. Слава Богу, что насъ не застигла сія буря! [2])...

Ревизоромъ въ академіи и семинаріи кіевской будетъ викарій кіевскій *Аѳанасій*. Въ прочія семинаріи не будутъ посылать ревизора.

---

[1]) Т. е. изъ всего этого явствуетъ...

[2]) Это была одна изъ репрессалій, которой подвергся *второй* курсъ кіевской академіи и соотвѣтствовавшій ему *шестой* курсъ спб-ской. Интересно выяснить причины этого факта.

Экзаменъ начнется у насъ съ 15-го сего мѣсяца. Въ академіи нашей ничего не случилось достойнаго особеннаго замѣчанія, кромѣ того, что студентъ *Лукашевичъ*, къ всеобщему сожалѣнію, скончался 1-го маія отъ чахотки.

Прощай! Прощай же! Твой усердный пріятель, пустынникъ среди города Михайловъ.

Василію Григорьевичу мой нижайшій поклонъ.

Кіевъ, 1825 г. іюня 7-го дня. *Помѣта*: „получено 15 іюня".

6.

Любезнѣйшій мой

Александръ Ивановичъ!

Письмо твое отъ 17-го прошедшаго октября я получилъ. Ты укоряешь меня за долговременное молчаніе и—по праву: я виновенъ предъ тобою и такъ виновенъ, что излишнимъ почитаю оправдываться. Впрочемъ имѣю честь донести любезному моему магистру, что мое молчаніе происходило отъ врожденной мнѣлѣности говорить, а не отъ забвенія о немъ, какъ онъ думаетъ, или (употребляю его слово) какъ онъ подозрѣваетъ. Увѣряю тебя, что я никогда не забуду того, который искренностію своею и усердіемъ много облегчалъ трудность студенческой моей жизни. Не страшись! я такъ тебя люблю, что ничто не изгладитъ изъ памяти моей любезное для меня имя *Александра*. Но приступимъ къ дѣлу. Ты подалъ прошеніе о переведеніи тебя въ другую семинарію; я это знаю. А правленіе представило о прошеніи твоемъ въ коммисію—и это я знаю. Но коммисія уважитъ или нѣтъ твое прошеніе этого я не знаю, а потому не могу успокоить тебя. Спросишь, почему коммисія такъ долго не рѣшаетъ твоего дѣла? Потому, что судьба студентовъ нашихъ не рѣшена. Твое дѣло безъ сомнѣнія придетъ вмѣстѣ съ нашимъ. Мы и сами теперь не болѣе тебя спокойны, ибо судьба учителей тѣсно соединена съ судьбою учениковъ. Не понравился ученикъ, можетъ не понравиться и учитель. Дай Богъ, чтобы все кончилось хорошо. Горе намъ, естьли... но кажется не зачто [1]).

---

[1]) Да, потому что не понравились ученики, и еще по другому кое-чему пришлось и нѣкоторымъ учителямъ поплатиться. Именно, баккалавры академіи два брата Ив. и К. *Грузины* принуждены были оставить службу въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ... Такому-же остракизму подверглись и еще три магистра 1-го курса кіевской академіи, въ томъ числѣ и *Бѣлюговъ*.

У насъ не безъ новостей. Академіи ректоръ ѣздилъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ ревизировать орловскую семинарію по предписанію коммисіи. Случаемъ къ сей ревизіи была неисправность тамошняго ректора, усмотрѣнная епархіальнымъ архіереемъ [1]). Коммисія упомянутаго ректора столько нашла виновнымъ, что, не дожидаясь донесенія ревизорскаго, лишила его и должности ректора и монастыря. На мѣсто его поступилъ инспекторъ спб. академіи [2]), а на мѣсто сего послѣдняго нашъ пресловутый Иванъ Алексѣевичъ *Борисовъ*, что нынѣ Иннокентій. Вотъ шагнулъ! Пусть и далѣе шагаетъ. Другъ! Откуда сему премудрость и разумъ? Вѣдь онъ пилъ днѣпровскую воду. Чудо! пившій днѣпровскую воду вознесе пяту свою на... но Богъ съ нимъ! Наше дѣло, смотря на него, радоваться отъ всей души. Ректоръ воронежскій переведенъ въ Вятку; на мѣсто его поступилъ инспекторъ черниговскій, игуменъ *Филадельфъ*. На мѣсто сего—одинъ изъ студентовъ спб. академіи. Ректоръ тульскій и волынскій перемѣщены. Любезнѣйшій нашъ товарищъ Григорій Федоровичъ *Базилевичъ*, по двухлѣтнемъ гоненіи со стороны своихъ недоброжелателей, скончался отъ кроваваго поносу. Не успѣлъ увидѣть родины своей. Все лучше-бы было, естьли-бы кости его преданы были землѣ друзьями. Вѣчная ему память! Терпѣніе его при всѣхъ озлобленіяхъ не останется не награжденнымъ. Что касается до меня самого, то я живу въ покойныхъ комнатахъ, получаю хорошее жалованье, такъ что имѣю удовольствіе помогать бѣднымъ моимъ родителямъ; засѣдаю во внутреннемъ академическомъ правленіи, вся академическая библіотека въ моей власти; но при всемъ этомъ я не доволенъ собою. Видно я не тамъ стою, гдѣ надобно-бы было мнѣ стоять. О естьли бы я могъ увидѣться съ тобою! Ты успокоилъ-бы меня.

О родственникахъ твоихъ кіевскихъ я никакого не имѣю свѣдѣнія. Товарищи наши, поѣхавшіе въ Грузію, какъ будто въ воду упали. Товарищи наши кіевскіе всѣ здоровы и кланяются вамъ. Болѣе некогда писать. Иду въ церковь. Прощай и помни преданнаго тебѣ Михайлова.

1825 г. Ноября 1 дня.

Кіевъ.

Василію Григорьевичу нижайшій поклонъ.

---

[1]) *Гавріиломъ Розановымъ.*

[2]) *Гавріилъ Воскресенскій*, извѣстный авторъ „Исторіи философіи“.

7.

Любезнѣйшіе!

Александръ Ивановичъ

и

Василій Григорьевичъ! [1])

Actum est de vestra prosperitate! decreto Coetus, dirigentis Scholas Ecclesiasticas Rossiaci imperii, excidistis degnitate professoria. Causas hujus vestri infurtunii perspectas non habeo. Żuminsky et Puriszkewitz vobis substituti sunt. Idem in faustum fatum possi sunt nostri commilitones—Baccalavra Academiae J. et C. *Gruzini* et professor Orlowiensis Seminarii *Philippof*. Valete, carissimi mei! Animi dolor impedit, quo minus alia nova enarrem.

Vester ex toto meo animo Jacobas-Justinus Michailoff.

Kijoviae, 1825 decembr. 30 die.

Переводъ.

Конецъ вашему благополучію! По опредѣленію коммисіи духовныхъ училищъ Россійской имперіи вы лишены званія профессорскаго. Причинъ сего вашего несчастія ясно не знаю. Жуминскій и Пуришкевичъ назначены вмѣсто васъ. Ту же несчастную судьбу потерпѣли и товарищи наши баккалавры академіи И. и К. Грузины и профессоръ орловской семинаріи Филипповъ. Прощайте, любезнѣйшіе мои! Душевная скорбь препятствуетъ розсказывать другія повѣсти. Вашъ отъ всей моей души Яковъ-Іустинъ Михайловъ.

Кіевъ, 1825 г. декабря 30 дня.

8.

Кіевъ декабря 12-го, 1826 г.

Любезнѣйшій другъ!

Александръ Ивановичъ!

Я не справедливо поступилъ съ тобою, я обидѣлъ тебя. Въ этомъ увѣряетъ меня собственная совѣсть. Но что-же ты хочешь со мною сдѣлать? Ради Бога, для собственной своей пользы не вызывай меня на поединокъ. Ты знаешь, въ какое оружіе я об-

---

[1]) Въ этомъ письмѣ, написанномъ по латыни, Іустинъ кратко излагаетъ судьбу, постигшую братьевъ *Грузиныхъ*, *Бѣлюгова*, *Левчановскаго* и *Филиппова*, о чемъ мы говорили выше.

лаченъ? Что значитъ предъ моимъ мечемъ обоюду-тупымъ твоя шпага? [1]) Я въ одну минуту привяжу душу твою къ перевозу Харонову. Страшись, смертный, братися съ земнымъ ангеломъ! Лучше, другъ, забывъ все прежнее, помиримся. Вотъ тебѣ моя рука, дай свою.

Станемъ жить по прежнему. Я буду писать къ тебѣ, а ты исправно будешь отвѣчать на мое маранье. Пусть отецъ вражды не радуется болѣе.

Учитель Никольскій точно исполнилъ твое порученіе. Когда онъ сказалъ мнѣ, что Алек. Ив. кланяется мнѣ и вмѣстѣ желаетъ, чтобы я писалъ къ нему, то я такъ смѣшался отъ стыда, что не могъ ничего сказать ему въ отвѣтъ. Выходецъ кишиневскій насказалъ намъ много чудеснаго о правленіи кип. сем.; мы до сыта насмѣялись и все тѣмъ кончилось. Благодарю небо, исхитившее тебя изъ чрева адова! Горько тебѣ было оставлять мѣсто, на которое ты полное имѣлъ право; но, я надѣюсь, ты въ непродолжительномъ времени благословишь жестокую руку, извлекшую тебя изъ мирного крова и заставившую претерпѣть много непріятнаго. Какой-то неизвѣстный для меня гласъ всегда, какъ только я думаю о тебѣ, шепчетъ мнѣ, что судьба такъ высоко вознесетъ тебя, что мы смиренные рабы не въ состояніи будемъ зрѣть тебя, любезнѣйшій! ты началъ было описывать свои горести и радости со времени твоего увольненія изъ семинаріи; прошу покорно продолжать, если можно, начатое; мнѣ пріятно будетъ съ тобою стоять, просить и не получать. Говорю: *пріятно*, ибо такимъ образомъ получше познакомлюсь съ человѣчествомъ, которое всегда почти прикрываетъ безобразіе свое маскою, сдѣланною со всевозможнымъ искусствомъ. Но въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ ты находился, является въ естественномъ своемъ видѣ.

Послушай нашихъ новостей! Преосвящ. викарій кіевскій [2]) сдѣланъ епископомъ нижегородской епархіи. На мѣсто его поступилъ нашъ ректоръ А. *Мелетій*, который уже и посвященъ. Посвященіе происходило 22-го прошедшаго ноября въ большомъ каѳедральномъ соборѣ при многочисленномъ стеченіи любопытныхъ. Новый епископъ въ тотъ-же день угощалъ обѣденнымъ столомъ преосвященныхъ *Лаврентія*, архіеп. черниговскаго, и *Аѳанасія*,

---

[1]) Бѣлюговъ уже поступилъ въ это время на гражданскую службу. Іустинъ цѣлый годъ не писалъ къ нему, и вотъ теперь извиняется.

[2]) *Аѳанасій*.

епископа нижегородскаго, совершавшихъ посвященіе,—первостепенныхъ чиновниковъ, знатнѣйшее духовенство, почетныхъ гражданъ и наконецъ всю ученую челядь какъ академическую, такъ и семинарскую. Вставши изъ-за стола, всѣ гости единодушно желали, чтобы чаще въ Кіевѣ посвящали архіереевъ, а это служитъ несомнѣннымъ признакомъ, что столъ былъ изрядный. Чтобы слухъ не гнѣвался на чрево, пѣвчіе академическіе и семинарскіе концертами и кантами старались тѣшить его. Въ первое по освященіи воскресенье преосвященный ректоръ служилъ въ братской церкви. Не смотря на худую погоду, собраніе людей было большое. Послѣ сего ты спросишь: кто-же теперь у васъ ректоръ? или кто будетъ? Это еще останется тайною. Правда, во всемъ городѣ говорятъ, что о. *Кириллъ*, ректоръ семинаріи, удостоится сей чести; но поелику не извѣстно, на чемъ основывается сія всеобщая молва, то я полное имѣю право говорить, что не извѣстно еще, кто будетъ ректоромъ. Время покажетъ.

Изъ Сп-бурга пишутъ, что о. Кириллъ держалъ экзаменъ на магистра и выдержалъ. Къ празднику новый магистръ возвратится въ Кіевъ, ибо уже въ дикастеріи полученъ указъ о его возвращеніи. Если въ самомъ дѣлѣ о. Кириллъ будетъ ректоромъ академіи, кажется намъ будетъ съ нимъ хорошо.

А. Д. *Граниковъ* [1]) въ прошедшемъ сентябрѣ оженился. И вотъ какимъ образомъ: на вакацію онъ поѣхалъ на Волынь къ *Феофилу Новицкому* съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы съ помощію его найти тамъ себѣ невѣсту. Пріѣхавши съ Новицкимъ къ преосв. *Стефану*, онъ встрѣчается съ его родственницею, дѣвушкою, дочерью того *Кіанова*, который былъ городничимъ въ Новомгородѣ Волынскомъ и который, по смерти первой своей супруги, женился на сестрѣ архіерея, вдовѣ протоіерейской. Проживши нѣсколько дней съ нею вмѣстѣ, А. Демьяновичъ amore ejus capitur [2]), и—дѣло сдѣлано. Александра Николаевна Кіанова дѣлается супругою г-на баккалавра. Каково? Не романическая-ли женитьба? Впрочемъ Андрей Демьяновичъ не раскаявался, что такъ поспѣшно наложилъ на себя оковы брачныя. Представь себѣ женщину дородную, красивую, образованную и при томъ еще добрую. Вотъ тебѣ изображеніе жены Андрея Демьяновича! Но ты скажешь: не всѣ изчислены

---

[1]) Баккалавръ кіевской академіи, товарищъ *Іустина* и *Бѣлюгова*.

[2]) Т. е. плѣнился ея любовію.

совершенства—ни слова о богатствѣ. О семъ совершенствѣ, которое многіе уважаютъ болѣе всего, не могу ничего сказать по причинѣ скромности Андрея Демьяновича въ отношеніи къ сему предмету.

Платонъ И. *Ставровъ* procreavit filiam [1]), которой далъ знаменательное имя *Надежды*.

Мих. Ив. *Доросевичъ* [2]) положилъ въ умѣ своемъ твердое намѣреніе жениться на дочери купца (бывшаго) Купріанова, Елисаветѣ, которая въ то время, когда мы учились, была дитя, но теперь уже невѣста—дѣвушка хорошая; жаль только, что бѣдна. Послѣ Пасхи положено быть свадьбѣ.

Что-же я ничего не скажу о себѣ? Внѣшнее мое состояніе очень хорошо; жалованье получаю очень достаточное, а должности не такъ тягостны. Но жаль, что внутренность не соотвѣтствуетъ внѣшности. Скука безпрестанно мучитъ мое сердце и—мученіе сіе иногда доходитъ до такой степени, что я не радъ бываю самому себѣ. Вотъ что значитъ monachatus! Я счастливъ былъ-бы, если бы ты былъ со мною. Но теперь я безъ друга, а безъ друга мила и жизнь намъ постыла, сказалъ нѣкто. Прощай! милый мой. Прощай! Пиши ко мнѣ. Я вѣрно буду отвѣчать.

Nobilissimo domino, domino Basilio Greg. salutem tum naturalem, quae consistit in legitima circulatione sanguinis, tum spiritualem, ad quam requiritur regularis circulatio gratiae divinae, devotissime dicit I. M. Th. [3])

9.

Кіевъ. 1827 года, апрѣля 17 дня.

Во истину Христосъ Воскресе!

Милый другъ Александръ Ивановичъ!

Пріятное для меня письмо твое отъ 5-го апрѣля я получилъ. Благодарю тебя за оное; оно принесло мнѣ немалое удовольствіе

---

[1]) Т. е. родилъ дочь.

[2]) Товарищъ, служившій учителемъ въ кіевской семинаріи.

[3]) Т. е. „Благороднѣйшему господину, Василію Григорьевичу (Левчановскому) здоровья, какъ тѣлеснаго, состоящаго въ правильной циркуляціи крови, такъ и душевнаго, для котораго требуется правильная циркуляція благодати Божіей,—преданнѣйше желаетъ *Іустинъ*, магистръ богословія“.

и уменьшило нѣсколько грусть, которая тяготитъ душу мою съ того времени, какъ нашу академію постигло ужасное или, по крайней мѣрѣ, довольно великое нещастіе. Ты уже знаешь, что я съ давняго времени ощущалъ въ себѣ какое-то безпокойство. Это былъ предвозвѣстникъ будущей моей горести, но я не понималъ его. Ты уже можетъ быть слышалъ, что вся академическая наша и семинарская сумма украдена. Надѣясь, что доброе твое сердце не откажется поскорбѣть съ нами, разскажу тебѣ подробно о семъ непріятномъ произшествіи. На пятой недѣлѣ поста въ четвертокъ мы поѣхали на экзаменъ въ уѣздное училище. Въ 11-мъ часу экономъ академіи, вызвавши ректора, въ слезахъ доноситъ ему, что сумма покрадена. Оставивши экзаменъ, мы немедленно отправляемся къ казнохранилищу и, къ величайшей горести, не находимъ въ немъ сундуковъ съ деньгами; замки сняты и тутже брошены. Зная, что сундукъ академическій желѣзный и очень тяжелъ, навѣрное положили, что онъ не долженъ быть вынесенъ за монастырь, и не ошиблись. Служители немедленно нашли его разломаннымъ, вмѣстѣ съ семинарскимъ, въ пустомъ погребѣ подъ новымъ корпусомъ, на юго-западной сторонѣ. Осмотрѣвъ ихъ вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ, сюда прибывшимъ, не нашли въ нихъ изъ 60000 тысячъ ни одного рубля. Спросишь: былъ ли при казнохранилищѣ сторожъ? Такъ, былъ, и онъ-то погубилъ насъ. Полиція послѣ допроса всѣмъ живущимъ въ академіи, сдѣлала свои распоряженія къ открытію похитителей. Къ вечеру того-же самаго дня является къ доктору частный приставъ Марковскій и доноситъ, что два вора схвачены и при нихъ найдена часть денегъ—16 тысячъ. Эта вѣсть нѣсколько успокоила мутящійся нашъ духъ. Пойманные воры (гарнизонные солдаты) при допросѣ показали, что они крали вмѣстѣ съ самымъ сторожемъ. „Григорій Ивановъ (такъ называется сторожъ), говорили они, познакомившись съ нами, объявилъ намъ свое намѣреніе и пригласилъ насъ помочь ему; мы согласились; онъ въ сумерки, введши насъ въ академію задними воротами, что при банѣ, посадилъ насъ въ погребъ; по полуночи, осмотрѣвши всю академію, и видя, что всѣ улеглись спать, отперъ подобранными ключами казнохранилище и вынесъ къ намъ сундукъ семинарскій. Разбивъ его, мы нашли въ немъ 16 тысячъ и хотѣли симъ удовольствоваться, но онъ сказалъ, что мало, и что все равно отвѣчать. Обождавъ немного, мы пошли всѣ трое за другимъ сундукомъ и съ большимъ трудомъ вынесли его и также разломали. Давъ намъ одну пачку, всѣ прочія деньги забралъ себѣ.

Прощаясь съ нами, онъ сказалъ, что поѣдетъ или въ Москву, или Петербургъ". На другой день по всѣмъ дорогамъ были посланы люди въ погоню, но всѣ возвратились, не открывъ никакихъ слѣдовъ похитителя. Поплакавъ и погоревавъ, написали представленіе въ коммисію духовныхъ училищъ. Что будетъ съ нами, не знаемъ; но знаемъ, что при нынѣшнемъ строгомъ Государѣ не избѣгнемъ наказанія. Когда пишу тебѣ сіе, рука трясется. Дай Богъ, чтобы сіе трясеніе не было предвѣстникомъ. Вотъ что, мой милый, значитъ быть членомъ правленія! Если бы я былъ частнымъ человѣкомъ, я былъ-бы покоенъ. Когда придетъ дѣло, я немедленно увѣдомлю тебя, если только не лишатъ меня свободы. Полагаясь на заступленіе нашего архипастыря, надѣемся, что въ наказаніи не поступятъ съ нами, какъ съ преступниками; но надежда не одного обманула. Я скорбѣлъ, другъ, о твоемъ нещастіи, поскорби и ты о моемъ...

О. ректоръ нашъ благополучно къ намъ прибылъ. Обходится съ нами такъ хорошо, что не можемъ имъ не хвалиться. Упомянутое нещастіе сильно на него подѣйствовало.

Сожалѣю, что ты иногда бываешь не веселъ, но помощи въ семъ случаѣ подать тебѣ не могу, ибо я и самъ тѣмъ-же стражду. Изъ Грузіи получена вѣсть непріятная. Г. Ѳ. *Хлѣбниковъ*, изъ любви къ отечеству съ геройскимъ духомъ оставившій родину, знакомыхъ и милыхъ сердцу, по недовѣдомымъ судьбамъ лишенъ громкихъ титлъ ректора и кандидата и отосланъ въ гражданское вѣдомство для пріисканія рода жизни. Причиною такого ужаснаго паденія, *гласитъ* бумага, была буйная непокорность начальству. *Стеценковъ* здравствуетъ и твердо стоитъ на высотѣ своего величія. О Протопоповѣ разнесся слухъ, что умеръ. Пожалѣйте о добромъ товарищѣ нашемъ А. М. *Лелявскомъ*; онъ бѣдный оглохъ и не можетъ далѣе продолжать службы. Куда ему дѣться? Ни къ чему не способенъ. Прочіе товарищи здоровы и кланяются тебѣ. Прощай! Больная рука отказывается больше писать. Василію Григорьевичу мое почтеніе. Когда будешь писать ко мнѣ, скажи, гдѣ Василій Григорьевичъ служитъ и въ какомъ чинѣ? Этого желаютъ всѣ товарищи. Iustin, vice-inspector.

Въ Кіевѣ назначенъ военнымъ губернаторомъ *Желтухинъ* и скоро пріѣдетъ. Лакерда купецъ скончался. Отпущена сумма на постройку семинаріи кіевской въ Петро-Павловскомъ монастырѣ. Греки переведены къ катерининской церкви. Бѣда теперь монахинямъ; семинаристы будутъ искушать ихъ больше діавола...

10.

Любезный другъ,

Александръ Ивановичъ!

Путешествіе ваше отъ Дубоссаръ до Кишинева ничѣмъ не хуже путешествій такъ называемыхъ романическихъ. Мы въ семъ случаѣ не можемъ похвалиться. Съ нами не послѣдовало никакихъ приключеній. Отъ столпа, свидѣтеля нашихъ прощаній [1]), до г. Балты проѣхали мы на почтовыхъ, а отселѣ до Кіева на долгихъ. Въ городѣ Умани мы пробыли два дни. О. протоіерей, тамошній смотритель, принялъ насъ съ отмѣнною ласковостію; не смотря на тучность свою, онъ съ охотою рѣшился среди зноя солнечнаго проводить насъ въ пресловутую *Софіевку*; по его прошенію показаны намъ были всѣ чудеса природы и искуства. Ты, другъ, помнится, самъ былъ въ Софіевкѣ, а потому не нужнымъ почитаю описывать ее. Я монахъ, но, слава Богу, не совершенно еще лишился чувства эстетическаго, а потому, осматривая Софіевку, такое чувствовалъ удовольствіе, которое заставляло меня забывать, что я отказывался отъ міра. Въ саду чрезвычайное было собраніе. Мое странное одѣяніе обращало на меня всеобщее вниманіе, а сіе самое чрезвычайно для меня было конфузно. На тѣ существа, которыя въ модномъ мірѣ, особенно въ льстивыхъ сочиненьицахъ піитическихъ, называются разными прелестными именами, я не осмѣливался смотрѣть изъ опасенія... показаться не скромнымъ. Въ саду много дорогихъ статуй. Взглянувъ на одну изъ нихъ, я невольнымъ образомъ покраснѣлъ. Другіе съ вниманіемъ разсматривали сіи статуи. Особенно удивительнымъ мнѣ показалось, что даже дѣвицы, и притомъ, какъ казалось, не изъ низшаго класса, пристально и долго приносили въ жертву богинѣ—тиранкѣ сердецъ человѣческихъ свое вниманіе. Статуи, представляющія задумчивыхъ философовъ, возбудили во мнѣ мысль, что люди всѣ вообще болѣе или менѣе рождаются способными къ радостямъ и удовольствіямъ жизни, и что суровость нрава, хладнокровность ко всему, соединенная съ нѣкотораго рода ненавистію къ роду человѣческому, зависитъ отъ постороннихъ и случайныхъ обстоятельствъ. Богъ есть источникъ

---

[1]) *Густинъ* ѣздилъ лѣтомъ этого года въ Кишиневъ, въ качествѣ *ревизора* кишиневской д. семинаріи, и лично видѣлся съ Бѣлюговымъ. Бѣлюговъ провожалъ его за *Дубоссары*.

радости и все творитъ для радости. Сами люди, по безумію своему, лишаютъ себя радости. Удовольствіе, которое я ощущалъ при разсмотрѣніи Софіевки, было не продолжительно. Вспомнивъ, что я *Angelus in corpore*, или проще *unus*, я паки покрылся мракомъ задумчивости. Непрестанно представляется мнѣ *claustrium cum omnibus suis voluptatibus* [1]), и это мучитъ меня.

Милый мой другъ! ты говорилъ, что, по ученію Шада, скоро сдѣлаешься полнымъ человѣкомъ. 8-е число прошлаго сентября назначалось тобою для совершенія сего непостижимаго таинства природы. Сердце мнѣ говоритъ—и я ему вѣрю—сердце мое говоритъ, что другъ мой обладаетъ уже существомъ милымъ, добрымъ, скромнымъ, умнымъ и—блаженствуетъ. О, естьли бы я былъ въ состояніи перенестись въ Кишиневъ! Я бросился бы въ твои объятія, борода не попрепятствовала-бы мнѣ облобызать тебя, я излилъ бы предъ милою четою чувства моей любви и усердія. Но... человѣкъ безъ крыльевъ!... За то имѣетъ воображеніе. Я въ воображеніи раздѣляю съ вами время. Вы не видите моего образа, это хорошо; ибо иначе я во многихъ случаяхъ служилъ бы вамъ препятствіемъ...

10-го сентября совершилось у насъ бракосочетаніе товарища нашего баккалавра *Шокотова*, того именно, который помѣшанъ былъ на монашествѣ. Въ подругу себѣ онъ избралъ Марину Михайлову, дочь соборнаго священника Кучеровскаго [2])...

Платки получили, но не чрезъ Паславскаго, а чрезъ одного купца. Благодаримъ васъ за ваши хлопоты.

Василій Яковлевичъ [3]) кланяется вамъ. Поклонитесь отъ меня и отъ Василія Яковлевича любезнѣйшему Василію Григорьевичу и всѣмъ кишиневскимъ. Прощай! Иду въ церковь помолиться о вашемъ здоровьи и благополучіи. Душевно преданный тебѣ I.

Октября 2 дня
1827 года.

---

[1]) Т. е. монашеская келія со всѣми ея удовольствіями.

[2]) Этотъ *Шокотовъ* впослѣдствіи таки поступилъ въ монашество подъ именемъ *Антонія*. Умеръ въ 1872 г. архіепископомъ кишиневскимъ; два товарища академическіе Шокотовъ и Бѣлюговъ на старости сошлись въ Кишиневѣ, и оба здѣсь умерли.

[3]) Орловъ.

11.

Любезнѣйшій другъ!

Александръ Ивановичъ!

По опредѣленію судебъ досталось тебѣ обладать Вѣрою. Съ вѣрою нѣкогда люди чудеса творили, все дѣлали, что хотѣли; я надѣюсь, что и ты будешь великимъ чудотворцемъ—такъ! точно будешь—попытайся; можетъ быть способность къ чудотворенію въ тебѣ созрѣла. Именемъ всемочной Вѣры повели вѣтромъ на невещественныхъ своихъ хребтахъ перенести меня въ Бессарабію, дабы я могъ зрѣть лицемъ къ лицу два существа, столь милыя моему сердцу. Повели, говорю; но, горе! видно прошли вѣки чудотвореній; видно не видать мнѣ чувственными очами милой твоей подруги. Ахъ, человѣкъ—царь міра! какъ ты ничтоженъ! Радуюсь, что разнѣжившаяся твоя десница опять пришла въ состояніе дѣйствовать перомъ. А я думалъ, что ты, пустившись плавать по океану удовольствій, навсегда забудешь того, который, боясь причудъ влажной стихіи, рѣшился, хотя вопреки влеченію собственнаго сердца, остаться на твердой землѣ. Отъ души радуюсь, что ты избралъ себѣ такую подругу, которая вполнѣ тебѣ нравится. Съ такимъ другомъ нельзя не быть блаженнымъ. Блаженствуй же, милый! А я буду молить небо, да явитъ надъ тобою чудо свое, да не попуститъ горести никогда возмутить радости твоего сердца.

Другъ мой! Для чего ты не писалъ мнѣ, какъ Вѣра называется по отечеству? Ты въ бытность мою въ Кишиневѣ называлъ ее по имени и по отечеству. Но память мнѣ измѣнила.

Отецъ Евгеній, тотъ самый, который училъ насъ премудрости исторической [1]), чудеса творитъ въ орловской семинаріи, или лучше—сотворилъ уже. Вотъ въ чемъ дѣло. 23 сентября о. Евгеній, инспекторъ семинаріи, является къ начальнику жандармовъ, къ гражданскому губернатору, къ архіерею и требуетъ, чтобы они явились въ семинарское правленіе для выслушанія отъ него важнаго дѣла. На другой день пріѣзжаютъ въ семинарію архіерей, полицмейстеръ и частный приставъ. Когда сіи лица вмѣстѣ съ членами семинар. правленія собрались въ правленіе, Евгеній

---

[1]) Т. е. бывшій баккалавръ исторіи въ кіевской д. академіи, іером. *Евгеній Соловьевъ.*

подалъ *объявленіе*, въ которомъ, отказываясь до времени отъ всѣхъ должностей, проситъ доставить ему средство объясниться частію предъ коммисіею духовныхъ училищъ, частію предъ самимъ Императоромъ въ важныхъ предметахъ, одному ему извѣстныхъ. Академ. правленіе о такомъ странномъ поступкѣ Евгенія представило коммисіи. Отвѣта доселѣ нѣтъ.

Бѣдные наши студенты, окончившіе курсъ, доселѣ мучатся ожиданіемъ рѣшенія своей участи. Мучительно столь долгое время жить въ праздности! Щастливы мы, что избавились сихъ мытарствъ. Съ участью студентовъ соединена и наша участь. Его высокопреосвященство былъ у насъ ревизоромъ; чаемъ, по его представленію, что нибудь получить.

О себѣ новаго сказать тебѣ ничего не могу. Читаю книги, хожу въ классъ, въ библіотеку, къ студентамъ, въ свободное время предаюсь печальнымъ мыслямъ: вотъ въ чемъ протекаетъ одинокая моя жизнь.

Мы наслаждаемся прекрасною зимою, въ полномъ смыслѣ прекрасною; у васъ вѣроятно нѣтъ зимы?

Прощай! Devotissimus tibi I.

Ноября 20 дня 1827 г.

Приложеніе къ 11-му письму.

Милостивая моя государыня!

Вѣра...

Съ душевнымъ удовольствіемъ читалъ я ваши строки. Радостно для меня было слышать привѣтствіе, исполненное искреннихъ чувствъ благорасположенности отъ такого лица, которое лично мнѣ неизвѣстно. Жалѣю, что я, будучи въ Кишиневѣ, не имѣлъ удовольствія быть самовидцемъ совершенствъ, украшающихъ вашу душу и тѣло. Правда, Александръ Ивановичъ живо мнѣ васъ изобразилъ, но списокъ все хуже оригинала.

Чувства вашей ко мнѣ благорасположенности налагаютъ на меня пріятную обязанность желать, чтобы щастіе, осѣняющее васъ нынѣ своими крылами, никогда отъ васъ не отлетало, но избрало въ вашемъ домѣ постоянное себѣ обиталище.

Вашъ покорный слуга I. I.

P. S. Извините, что я не знаю вашего отечества. Александръ Ивановичъ сему причиною—на него гнѣвайтесь.

Кіевъ, ноября 20 дня, 1827 г.

Дополненіе „Разговора Великороссіи съ Малороссіей“.

Въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины“ помѣщенъ былъ „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей“ по тремъ спискамъ, которые, однако же, не заключали въ себѣ всего текста „Разговора“. Не было выходнаго листка и конца „Разговора“, равно какъ и въ срединѣ его не доставало нѣсколькихъ листковъ. На основаніи содержанія „Разговора“, мы отнесли его къ первымъ годамъ царствованія Екатерины II и авторомъ его считали человѣка образованнаго, можетъ быть, принадлежавшаго къ войсковой старшинѣ. Теперь мы имѣемъ возможность частію подтвердить наши выводы, частію дополнить и исправить ихъ. По напечатаніи помянутаго „Разговора“, мы получили два полные списка его, изъ коихъ одинъ сдѣланъ въ Медведовѣ (?) 13 ноября 1788 г. и сообщенъ намъ г-жею Литвиновою, а другой— письма нынѣшняго вѣка, принадлежащій А. М. Лазаревскому. Въ спискѣ г. Лазаревскаго, болѣе исправномъ, сохранился весь текстъ „Разговора“, съ выходнымъ листомъ и окончаніемъ и безъ пропусковъ въ срединѣ. На первомъ листкѣ этаго списка значится слѣдующее: „сочинилъ въ честь, славу и защищеніе всей Малороссіи генеральной войсковой канцеляріи пере.. Семенъ Дѣвовичъ. 1762 года. Въ Глуховѣ“. Вѣроятно, Дѣвовичъ или Дивовичъ былъ переводчикомъ генеральной войсковой канцеляріи, и, во всякомъ случаѣ, былъ человѣкъ образованный. Составленіе „Разговора“ однимъ изъ чиновниковъ генеральной войсковой канцеляріи придаетъ этому произведенію еще большее значеніе, какъ выразителю мнѣній и взглядовъ интеллигентныхъ и начальныхъ людей Малороссіи того времени. Приведемъ недостававшіе отрывки „Разговора“ по списку А. М. Лазаревскаго, удерживая правописаніе списка г-жи Литвиновой, какъ болѣе древнее. Первый отрывокъ составляетъ одно изъ существенныхъ мѣстъ „Разговора“ и касается жгучаго когда-то вопроса о соот-

вѣтствіи между новозаведенными на иностранный манеръ чинами великороссійскими и старыми чинами малороссійскими. Это живая и крайне интересная историческая картина не только нравовъ и понятій того времени, но и взаимныхъ отношеній двухъ половинъ Россіи, подлежавшихъ сліянію въ одно цѣлое.

Доказывая, что Малороссія подчинилась не Великороссіи, а одному общему ихъ государю, и что малороссійскіе чины равны съ соотвѣтствующими великороссійскими, не смотря на разность названій ихъ (Кіев. Старина, февраль, 1882 г., стр. 343—4), Малороссія продолжаетъ:

Обойми умомъ всѣ государства пространно,
Во всякомъ почти найдешь различіе въ чинахъ,
Кое въ однихъ состоитъ названій іменахъ;
А найпаче во всей Азіи то бываетъ,
Котора свои имѣетъ, нашихъ не знаетъ;
Однакожъ сравниваются между собой всѣ тѣ.
Что жъ мѣшаетъ взглядомъ тебя имѣть тоежъ и мнѣ?
Посему бы ты визиря капитаномъ почла,
Потому что Турція сіе имя дала;
Кіага сѣлъ бы у тебя ниже сержанта,
Пашу промѣняла бы за комедіанта (*вар.* коменданта),
Муфтая почла бъ дячкомъ, а сотника соцкимъ,
Писаря моихъ полковъ сверстала бъ съ своимъ.
Нѣтъ, нѣтъ, дружокъ! не изволь (такъ) думать про меня!
Я почтена отъ Государя, не отъ тебя.
Онъ меня въ покровительство принялъ какъ свое,
То все оставилъ при мнѣ, что только есть мое;
Привилегій польской короны не отмѣнилъ
И чины мнѣ прежде тамъ данные подтвердилъ.
А чтобъ лучше вѣдать ты могла мои службы,
Приводя обѣихъ насъ въ неразрывны дружбы,
Россійскіи Государи чины прибавляли
И свои къ прежнимъ моимъ за вѣрность давали,
Въ чемъ, думаю, и спорить не станешь ты со мной,
Ибо многихъ такихъ во мнѣ видишь предъ тобой.
Чтожъ? Скажешь: для тово дали россійской чинъ,
Что его не имѣлъ преже зъ моихъ ни одинъ?

Куда какая ненависть несправедлива,
Стоитъ осьмого греческихъ мудрецовъ дива!
Чтó всякъ царь и король хранилъ и еще хранитъ,
Въ томъ дерзкая компанія твоя (одна) шумитъ.
Ибо, бывая въ оной, мятежъ производишь,
За однѣ токмо мѣста всѣхъ къ ссорѣ приводишь.
Каптенармусъ будучи, не (у)вступишь обознымъ,
Толкнешь старшинъ тѣхъ полковыхъ по мѣстамъ рознымъ,
Ефрейторомъ посядешь судью полкового,
Радъ спорить съ нимъ, хотя отъ нево отстоишь много.
А когда уже въ аудиторской рангъ попадіошь,
То и къ генеральнымъ старшинамъ драться начніошь.
Самы святыя мѣста терпятъ твою норму:
Ты, вобравшись въ церковь, прешься въ первую форму [1]),
Не смотришь, кто бъ тамъ (же) изъ моихъ не стоялъ.
Для маіора ввесь мой малороссійскій свѣтъ (*вар.* чинъ) малъ.
Спѣшишь на проломъ къ священнику по антідоръ,
Толкаешь, кричишь: дайте чиновнику просторъ!
Боишься, чтобъ кто зъ моихъ тебя не упредилъ.
Но большъ бойся, чтобъ священника зъ ногъ не свалилъ.
А мои старшины учтивость наблюдаютъ,
Сію неумѣренность смѣхомъ провождаютъ.
Случилось мнѣ самому въ церквѣ видѣть разъ,
Какъ одинъ капитанъ побѣжалъ (тамъ), подбилъ глазъ;
Ибо зацѣпився палъ и носъ окровавивъ,
Такимъ образомъ и антідоръ брать оставивъ,
Вдарился скоро зъ церкви съ глазомъ подбитымъ,
Хотѣлъ всѣхъ упредить, отскочилъ съ носомъ разбитымъ.

---

[1]) Формами назывались особыя мѣста для стоянія въ церкви. Это родъ стоячихъ деревяныхъ ящиковъ, открытыхъ спереди, съ опускающеюся по срединѣ для сидѣнія доскою.

Безглазымъ и безносымъ долго того звали,
И за то, что бѣдной пострадалъ, всѣ вступали;
Ибо послѣ того, какъ (было) въ церковь придетъ,
Оставивъ всѣ ему формы, всякъ изъ оныхъ выдетъ.
А по антідоръ (однакъ) боялся ужъ ходити,
Бунчуковымъ товаришамъ вздумалъ въ семъ вступити.
Но и тутъ паки постигло несчастіе его;
Ибо ввалившись въ форму свыше збору всего,
Зацепился (только) за гвоздь шпажнымъ притупеемъ,
Совался, бился ногами, наклонясь съ тупеемъ,
Не могъ оторваться; такъ горячести знакъ давъ,
Потащилъ за собою вонъ формы цѣлой составъ.
Алчно смотрѣли люде на шедшаго съ кругомъ:
„Таку тяжесть,—говорили,—должно везть цугомъ".
О всѣхъ твоихъ презрѣніяхъ я (бъ) не (по)тужила,
Если-бъ правда къ тѣмъ вела, не нахальна сила.
Ты (сама) собой меня всегда обыждаешь,
Государямъ неизвѣстно,—какъ поступаешь.
И большіе генералы твои меня чтутъ,
Сравнивая своихъ съ моими мѣсто даютъ.
Знаешь-ли, что было предъ симъ за 13-ть лѣтъ,
Какъ государствовала кротка Елісаветъ?
Съ кѣмъ сравнивали (а) малороссійскихъ депутатъ?
Не съ генералами-ль велѣно было сверстать?
Въ которомъ числѣ былъ тамъ депутатъ началный
Ханенко, бывшій мой хоружій генералный [1]).
Смотри, что (и) иностранной народъ французы,
Съ монархиней нашей імѣющій соузы,
Публикуютъ про генералныхъ старшинъ моихъ.
Они съ ними равняютъ генераловъ твоихъ,
Генералного жъ писаря такъ представляютъ,
Что великимъ канцлеромъ моимъ называютъ.
(Но) по крайней мѣрѣ бригадирами (ихъ) почтемъ.

---

[1]) 1749 г. въ С.-Петербургѣ. *Примѣч. автора.*

И тутъ видишь, что не безъ знатныхъ ранговъ слывемъ.
Еще-ль чины мои тебѣ кажутся странны,
Вотъ имѣешь отъ меня видъ сходства пространный.
Вспомни бояръ и между прочими же стрѣльцовъ!
Вспомни бояръ между пробывшихъ думныхъ дьяковъ!
Всѣ тѣ и по нынѣ въ пространствѣ твоемъ живутъ,
То жъ, какъ прежде, достоинство и должность несутъ,
Но названны вновь нарѣчіемъ только другимъ,
Переименованы именемъ ужъ инымъ,
Такъ что канцлерами начали называться,
Дворянами и лейбъ-гвардіею считаться.
Петръ первый, обошедъ разныя земли, царства,
При учрежденіи своего государства
Много въ государствѣ съ пользою узаконилъ,
А при томъ и часть чиновъ въ іменахъ отмѣнилъ.
Да и прежде (того) видны такіе жъ примѣры,
Что инако звались, а были въ ровной мѣрѣ.
Зачѣмъ много говорить? Сама видишь, знаешь,—
Ассесора съ маіоромъ не одно ль считаешь?
Хотя сей въ воинскихъ, а тотъ въ гражданскихъ дѣлахъ,
Однакъ не равны ль тѣ между собою въ чинахъ?
Много больше про меня думай взглядомъ оныхъ;
Ибо я остаюсь въ прежнихъ чинахъ коронныхъ,
Кои въ іменахъ (съ твоими) весьма разнятся,
А въ сравненіи не могутъ собой остаться.

Великорос. Ну, полно уже меня приводить въ азарты!
Не будь вспылчива, иное принимай въ жарты!
Я только спросила о поддачѣ мнѣ твоей,
Зачемъ отнимаешь оную отъ меня всей;
А ты ужь и много обличать меня стала.
Брось пороки считать, что во мнѣ примѣчала!
Признаю, что не я собой тебѣ властитель,
Но самодержецъ нашъ есть общій повелитель.
Не спорю ужь, что онъ тебя принялъ съ чинами:
Вижу, что и своихъ часто сравнивалъ съ вами.

Но скажи съ миромъ, о чемъ выше (за) *во*просъ гласилъ,
Выигриваешь войну будьто безъ моихъ силъ?

Малорос. Да и конечно такъ! въ прежнія тѣ времена,
Не надлежа еще сюда, билась я одна,
Многихъ непріятелей поражала больно.
Вспомни прежню мою рѣчь, признаешь довольно.
Но не думай, будьто все представлено мною!
Много тамъ пропущала, говоря съ тобою,
И знатнѣйшій только казала воинскій бой,
Славнѣйшую являла храбрость свою и строй.
Итакъ видишь и сама мою справедливость,
Какова и безъ тебя была моя живость.
Не пособляла ты мнѣ въ воинско то время,
Какъ скидала (*вар.* свергала) я съ себя все лядское бремя
И за озлобленія съ оними сражалась
Храбро, славно и удачно сопротивлялась.
Не была ты и тогда, какъ къ туркамъ ходила,
Коихъ одна я не разъ славно побѣдила.
Безъ тебя я и на молдавцовъ наступала,
Безъ тебя я ихъ сильной рукой прогоняла (*вар.* поражала).
Сознай сама, была ль и на тѣхъ войнахъ при мнѣ,
Какъ многихъ татаръ (побѣдой) въ плѣнъ брала (къ) себѣ?
Еще ль съ такой (*вар.* тихой) хитростію болшъ станешь озлоблять?
Еще ль не пора тебѣ храброй меня признать?
Когда жъ Россійскому я поддалась ужъ царству,
То какъ обѣ одному служимъ государству,
Такъ не можно сказать, чтобъ одна всегда билась
И чтобъ на многихъ мѣстахъ одна я сразилась.
Но какъ ты, такъ и я вмѣстѣ соединялись,
Каждая изъ насъ своими полками бивались;
А къ инымъ мѣстамъ посылана я и одна,
Текли гдѣ съ кровью: лѣто, осень, зима, весна,—
Видѣли много четыре тѣ года части,

Въ какія гнала я непріятелей страсти.
Не отнимаю симъ отъ тебя воинскихъ хвалъ,
Сорванъ тобой не одинъ непріятельскій валъ.
И что къ твоимъ принадлежитъ силамъ, то твое,
А что къ моей воинской славѣ, то тожъ мое.
И такъ съ времени моей ужъ сюда поддачи
Покажу особливо и свои удачи.
Какъ согласился король польскій съ ханомъ кримскимъ
Огнемъ и мечемъ воевать съ царемъ россійскимъ
За то, что я поддала повѣкъ (*вар.* вѣчно) ему себя,
То гетманъ (тотъ мой) Хмелницкій, сего не терпя,
Его царскому Величеству тотъчасъ донесъ;
Зачѣмъ Государь, упреждая умыслъ ихъ весь,
Отправился самъ въ Литву подъ Смоленскъ съ полками,
Куда Золотаренко посланъ съ козаками (1654 г.),
А Хмелницкій подъ Хвастовомъ находился тогда;
И какъ приспѣли многи полки мои туда,
То Золотаренко, наказный оный гетманъ,
Около Гомля и Быхова произвелъ брань,
Гдѣ ляховъ и татаръ многихъ порубалъ, прогналъ,
И какъ тѣ, такъ и другіе города досталъ.
При ономъ же Золотаренку и Смоленскъ взятъ,
Котораго козаки стараясь доставать,
Казали ревность, смѣлость при глазахъ монаршихъ,
До одного выбили всѣхъ тамошнихъ старшихъ,
За что довольнымъ жалованьемъ награждены,
Похваленны, почтенны и обогащены.
Тогда жъ съ Золотаренкомъ ходилъ Государь царь
Воевать дальше въ Литву поляковъ и татаръ,
Гдѣ какъ подъ Березиной (*вар.* Березою), подъ Шкловомъ, рѣкою
Съ княземъ Радзивиломъ стали биться войною,
То тотъчасъ оной Радзівилъ совсѣмъ побѣжденъ,
Такъ что едва ль самъ не остался жизни лишенъ.
Взято тогда большъ двухсотъ литовскихъ городовъ,
А изъ моихъ мало потеряно козаковъ (1654 г.).
Въ то жъ время Вітебскъ до основанія изсѣкли,

Вільну разоривъ, тисячи (у) ляховъ посѣкли.
Между Ставищами жъ и Охматовомъ чрезъ годъ (1655 г.)
Что произвелъ надъ ляхами козацкой народъ,
Какъ ляхи съ татарами въ полѣ съединились
И въ обозъ козацкій тамъ ужъ было ввалились,
То козаки, напавши на ляховъ и татаръ,
Оглоблями изъ саней такій дали ударъ,
Что мерзлыми (*вар.* мертвими) тѣлами, коихъ убивали,
Ввесь обозъ свой какъ будьто валомъ окидали.
Рѣдкое то чудо было з бѣдою ляхамъ,
Что и оглобли козацки страшили врагамъ,
Коихъ презрѣвъ, какъ не разъ войною успѣли,
Ружьіомъ съ ними драться уже (больше) не схотѣли,
А въ насмѣшку вздумали бабьимъ бить мастерствомъ;
Когда бъ случилось при нихъ, мели (*вар.* гнали) бъ и помеломъ.
Тогда большъ пятнадцати тисячъ людей (*вар.* оныхъ) пало,
И въ полонъ взято ляховъ и татаръ не мало.
На другой потомъ день, какъ та сѣчь окончалась,
Страшная баталія опять начиналась,
И продолжалась даже до самой темной ночи,
Не стало ужь большъ лядской и татарской мочи;
Ибо столько жъ иль съ залишкомъ пало и въ этотъ день,
Осталось всего войска въ нихъ только на пядень.
Зъ тѣхъ поръ Хмелніцкій самъ ушь на войну не ходилъ,
Но какъ король шведскій помочи его просилъ,
То однихъ козаковъ своихъ къ нему послалъ онъ,
Къ коимъ приданъ былъ кіевскій полковникъ Антонъ.
Тотъ Антонъ Адамовичъ, когда туда пришолъ,
Отправилъ съ нимъ и свое войско шведскій король,
Съ которымъ, когда козаки совокупились,
Въ самую средину Польши (смѣло) пробились
И оба столичные города поляковъ
Успѣшной войной взяли, Варшаву и Краковъ,
Побрали тамъ многіе шляхетски богатства,
Сенаторски уборы, костеловъ изрядства;
Добрались и до королевскихъ коронъ, порфиръ,

Какъ будьто нарочито собранныхъ имъ на пиръ.
Храбрость Хмелницкого не описана собой,
Съ успѣхомъ імѣвшаго частой воинской бой:
Съ многими людьми (*вар.* народами) онъ въ сраженія вступалъ,
И съ которыми ни вступалъ, всѣхъ тѣхъ побѣждалъ.
Самы альпійскіе непроходимы горы,
Какъ Геркулесъ древній, прошолъ бы съ войскомъ (*вар.* собой) вскори [1]).

Интересныя подробности о мѣстничествѣ великорусскихъ офицеровъ и чиновниковъ съ малорусскими чинами въ этомъ отрывкѣ списаны авторомъ съ натуры и подтверждаются свидѣтельствами мѣстныхъ старожиловъ; объ участіи же козаковъ въ литовскомъ походѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ авторъ писалъ на основаніи извѣстнаго уже намъ „Краткаго описанія Малороссіи", составленнаго въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка.

Другой отрывокъ, заключительный въ „Разговорѣ", ничѣмъ не замѣчателенъ, и мы приведемъ его здѣсь лишь для полноты представленія о разсматриваемомъ произведеніи Дивовича. Послѣ упоминанія о заслугахъ Разумовскихъ императрицамъ Елизаветѣ и Екатеринѣ II, Малороссія продолжаетъ:

Еще ль со мною въ спорные разговоры вступишь?
Еще ль отъ ненависти ко мнѣ не отступишь?
Вотъ тебя привела къ самымъ твоимъ временамъ,
Представила я правду самымъ твоимъ глазамъ,—
Ни пис(к)нуть уже тебѣ нѣльзя противъ меня.
Буди жъ еще (по)*за*споришь, большъ обличу тебя,
Найду еще въ тебѣ я премногихъ подобныхъ,
Сочту и еще твоихъ государству злобныхъ.

Великорос. Ахъ, ахъ! нѣтъ, нѣтъ! помилуй, уними о семъ рѣчь!
Пожалуй, пожалуй, все уже изволь пресѣчь!
Довольно, нынѣ твою правду принимаю,
Вѣрю всему, почитаю, храброй сознаю.

---

[1]) «О которыхъ горахъ Корнелій Непотъ въ своей книгѣ упоминаетъ, что никто не могъ оныхъ проходить съ войскомъ прежде Геркулеса и потомъ Ганнибала, имъ упоминаемаго,—о чемъ однако Полибій споритъ». *Примѣч. автора.*

Отсель и чины твои равнять съ мѣрой стану
И отъ дружбы съ тобою вѣчно не отстану.
Мы будемъ въ неразрывномъ впредь согласіи жить
И обѣ въ едномъ государствѣ вѣрно служить.
Посяпоры понимала темно о тебѣ;
Благодарствую, что протолковала ты мнѣ.

За исключеніемъ приведенныхъ двухъ открывковъ, въ новонайденныхъ спискахъ „Разговора" есть мѣстами значительные варіанты, дополняющіе или возстановляющіе смыслъ прежде изданнаго текста „Разговора". Мы укажемъ болѣе существенное изъ нихъ.

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ВЪ НОВЫХЪ СПИСКАХЪ ЧИТАЕТСЯ:
328	6	означенны	означено
329	20	при комъ	прокомъ
334	10	стался	стлался
337	21	тамъ	той
338	25	и	къ
340	27	, храбрость	храбрыхъ
341	1	ваша... вамъ	наша... намъ
—	3	в страхъ	въ прямь

Послѣ пятой строки слѣдуетъ вставить:

Венера пособляла, Паллада гнала вонъ

—	9	кривавій	кровный
—	11	давъ оной	данной
—	12	своихъ	всѣ
—	18	отсталъ	отпалъ
342	9	главній	славній
343	5	надо мной	надъ холмомъ

Послѣ 6 строки нужно вставить:

Кто тѣ почему нибудь во владѣніи держитъ.

—	12	шля	веля
—	16	тѣхъ	о тѣхъ
344	8	столко	только
—	15	первѣйшій	привыкшій

345 5 Эту строку нужно читать такъ:

Вселюбезній отче нашъ,—отче нашъ любезній!

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ВЪ НОВЫХЪ СПИСКАХЪ ЧИТАЕТСЯ:
345	6	Чего-ль	Сего-ль
—	26	всѣ вмѣсто	въ сіе мѣсто
346	5	хлипмющими	хлиплющими
—	15	со страдою	съ отрадой
—	34	мироломцы	вѣроломцы
347	5	будуть	будемъ
—	13	храбры,	, храбры
—	20	зъ густотою	съ густотою (*вар.* и съ фузомъ)
—	21	глазамъ	глазахъ
—	27	мнѣ	нынѣ
—	31	в слихъ спивали	всхлыпивали
348	13	Эту строку нужно читать такъ:	
		И за жизни еще“, и проч.	
349	11	можетъ быть,	можетъ быть, что̀
		20 и 21 строки должны быть переставлены одна на мѣсто другой.	
350	16	поступали	наступили
351	15	попалали	попалили
352	9 и 10	получала... брала	получали... брали
—	18	татары и с Россіи	татаринъ Россію
453	5	силъ	селъ
—	27	страсть была	страховита
—	30	мой же Патѣй	оной же Палѣй
354	7	нимецка	нимецка и польска
—	9	над	подъ
—	27	знаменами	съ знаменами
356	22	неровной	не робко
—	28	тамже	также
	30	Эту строку нужно читать такъ:	
		Великодушіе ихъ до побѣды вело	
357	16	учинился	тщился
358	13	и тѣла	ихъ тѣла
359	7	козаки бодрость и вѣрность	казали бодрость и ревность
360		Послѣ 9 строки читать:	
		Но одинъ предалъ непріятелю себя.	

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ВЪ НОВЫХЪ СПИСКАХЪ ЧИТАЕТСЯ:
—	11	что онъ былъ	что онъ мой былъ
—	14	жаждой	нуждой

Послѣ 17 строки читать:

И тое страннѣйшее дѣло и дивнѣе всѣмъ,
Что ты зъ предковъ и родилась при царѣ своемъ,

Послѣ 26 строки читать:

Напомню, что многіе бояры казнены (въ 1689 г.)

27 строка читается такъ:

Кои противъ царей въ измѣнѣ изобличены,

Послѣ 37 строки читать:

И воинское дѣйство оттолѣ отставилъ,

361	2	Да и Шереметевъ	Да и Василій Шереметевъ
—	5	проплакалъ	проклиналъ
—	15	сколко	жалко
—	20	ляхамъ тѣмъ	ляхи татарамъ тѣмъ
362	13	Отъ кого	Отколь
363	13	Шеинъ	Гейнъ (*вар.* Гессенъ)
364	1	Сочиненъ	Сочтенъ
—	4	тежъ	прежъ
—	5	фелтмаршала въ годки	фелтмаршала Миниха въ годы
—	9	еще канцлеромъ	вице-канцлеромъ
—	11	с тѣми развѣ	Темиразевъ
-	17	И зъ	И за
365	4	Недавно	Недивно,
—	7	Славной в себѣ	славно и о себѣ.

Документы братства при церкви св. Николая въ г. Замостьѣ.

Число старѣйшихъ южно-русскихъ братствъ увеличивается еще однимъ,—послѣ братствъ львовскаго, виленскаго, луцкаго, кіевскаго и минскаго должно стать братство замостьское. Начало его относится къ концу XVI в., но не только оно не имѣетъ своей исторіи, а и самое имя его въ первый разъ становится намъ извѣстнымъ. Оно притомъ и не можетъ уже имѣть своей исторіи, потому-ли, что не создало ее, или потому, что не сохранились письменные памятники, свидѣтельствующіе о его дѣятельности. Осталось лишь нѣсколько документовъ, удостовѣряющихъ его существованіе, организацію и характеръ дѣятельности. Приведеніе ихъ въ извѣстность не лишено будетъ значенія въ общей исторіи братствъ.

Важность учрежденія, извѣстнаго въ нашей исторіи подъ именемъ братствъ, доселѣ все еще не достаточно выяснена и понята, хотя предметъ этотъ имѣетъ довольно значительную литературу. Со временемъ мы надѣемся коснуться его въ нарочитыхъ изслѣдованіяхъ какъ въ общей его исторіи, такъ и, въ частности, исторіи нѣкоторыхъ болѣе извѣстныхъ братствъ. Теперь представимъ лишь нѣсколько свѣдѣній о братствахъ вообще для уясненія предлагаемыхъ документовъ замостьскаго братства.

Южнорусскія наши братства представляютъ собою правильно и прочно организованныя общества въ средѣ приходскихъ общинъ, то заключавшія въ себѣ лучшую и болѣе состоятельную часть прихода, то обнимавшія собою весь составъ прихода, то выступавшія далеко за предѣлы онаго. На попеченіи и добровольной обязанности братства лежали содержаніе и украшеніе мѣстной приходской церкви, поддержаніе въ ней порядка, благочинія и торжественности богослуженія, вознагражденіе священника за совершеніе богослуженія и вообще вспомоществованіе ему въ его со-

держанія, заведеніе и содержаніе школы для обученія дѣтей, устройство и содержаніе госпиталя для призрѣнія вдовъ и сиротъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ и вообще бѣдныхъ, безъпроцентная ссуда и помощь въ случаяхъ обѣдненія, болѣзни и смерти, охрана интересовъ церкви и прихода предъ властями духовными и свѣтскими и наконецъ нравственно-общественный судъ въ кругѣ дѣйствій братства и поведенія братчиковъ. Всѣ вообще братства пользовались полною самостоятельностію своего управленія и ни мало не зависѣли въ своихъ дѣйствіяхъ отъ мѣстнаго священника, напротивъ онъ во многомъ зависѣлъ отъ нихъ; братства же старѣйшія, какъ львовское, виленское и кіевское достигали независимости и отъ мѣстныхъ епископовъ и пользовались правомъ ставропигіи, т. е. подсудности одному лишь патріарху. Эти братства, въ составѣ которыхъ были знатнѣйшія дворянскія фамиліи, не ограничивали своихъ заботъ извѣстнымъ мѣстомъ, но помышляли о нуждахъ всей церкви и всего южно-русскаго народа; они содержали высшія школы и типографіи, издавали богослужебныя, полемическія и другія книги, выискивали или готовили лучшихъ проповѣдниковъ и учителей, вели борьбу съ угнетателями вѣры и народности, являлись представителями и защитниками правъ церкви и народа на сеймахъ, наблюдали даже за направленіемъ и вообще образомъ дѣйствій іерарховъ южно-русскихъ, привлекая ихъ къ суду патріаршему. Братства покрывали собою всю южно-русскую территорію отъ Днѣпра до Карпатъ и, судя по сохранившимся и доселѣ, не рѣдко въ видѣ однихъ лишь древнихъ братскихъ обычаевъ, остаткамъ этого учрежденія на всемъ пространствѣ южной Россіи, особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ до нашихъ дней удерживалась унія,—едва-ли была деревня, мѣстечко или городъ, гдѣ-бы не было братства и соединенныхъ съ нимъ тѣхъ или иныхъ учрежденій... Каждое изъ нихъ въ частности сплачивало членовъ приходской общины въ одно крѣпкое цѣлое, во имя интересовъ вѣры и любви, и давало ей ростъ и силу, а всѣ вмѣстѣ, при единствѣ ихъ характера и цѣлей, связывали и все разбитое и преслѣдуемое населеніе въ одно живое тѣло, одушевленное высшими стремленіями къ саморазвитію и самоохраненію.—Братства были старшія и младшія, т. е. изъ людей семейныхъ и не женатыхъ, и не только изъ мужчинъ, но и женщинъ—*жиночія* и *дивочія*, вообще *сестричныя*.

Вопросъ о происхожденіи братствъ едва ли теперь можетъ подлежать спору. Лѣтъ двадцать назадъ, въ нашемъ „Очеркѣ ис-

торіи братствъ", мы высказали мнѣніе, что это не заносное, но коренное русское учрежденіе, возникшее изъ потребностей и склада древней нашей общины, что оно не пожаловано намъ польскими королями вмѣстѣ съ магдебургскимъ правомъ и цехами, равно не пришло къ намъ съ Востока съ благословенными грамотами патріаршими. Остаемся и теперь при томъ же мнѣніи, видя подтвержденіе онаго въ каждомъ новомъ изслѣдованіи, въ каждомъ вновь открываемомъ памятникѣ минувшей жизни братствъ. Не цехи дали намъ братства, но духъ братскій пріурочилъ цехи къ потребностямъ нашей тогдашней жизни. Съ другой стороны восточные патріархи только освятили своимъ благословеніемъ самостоятельно возникшее у насъ учрежденіе, въ общихъ чертахъ сходное съ тѣмъ, которое они видѣли у себя. Подобныя учрежденія существовали во всѣхъ славянскихъ земляхъ, и это показываетъ только, что и наши братства были продуктомъ особаго уклада нашей древней общины; но нигдѣ они не пріобрѣли столь правильной организаціи, не получили такого широкаго развитія, не пустили такихъ глубокихъ корней въ народно-общественной жизни, какъ у насъ. Конституціонная почва Рѣчи Посполитой, по особымъ обстоятельствамъ приведшая ее къ погибели, но полная всякихъ „привилегій и вольностей", дала мѣсто и этому учрежденію и помогла ему достигнуть такого широкаго примѣненія и столь блистательнаго развитія. Не королевскія однако привилегіи, какъ и не грамоты патріаршія или архіерейскія, создавали братства; братства существовали прежде ихъ и помимо ихъ, а они только давали имъ санкцію, тогда столь необходимую.

Съ измѣненіемъ условій и строя политической и общественной жизни края, съ измѣненіемъ господствовавшаго прежде духа этой жизни, самое учрежденіе должно было пасть, оставивъ по себѣ лишь едва примѣтные слѣды своего долгаго и славнаго существованія. Съ 60-хъ годовъ у насъ по мѣстамъ стали возстановлять братства. Скоро ихъ существованіе признано законодательною властію, которая начертала кругъ ихъ дѣятельности, порядокъ открытія и подчиненность. Но, понятно, законъ не могъ вызвать къ жизни то, для чего жизнь мало или вовсе не давала пищи. Появившіяся одновременно и особо регламентированныя церковно-приходскія попечительства оказались мертворожденными и нигдѣ не привились, какъ можно было ожидать по замыслу. И въ судьбѣ ихъ повторилось то, что сказали мы сейчасъ о судьбѣ братствъ. Суть дѣла здѣсь въ нашей привычкѣ отдѣлять интересы

религіозные отъ интересовъ общественныхъ, въ сложившемся у насъ представленіи, что одинъ и тотъ-же живой организмъ въ одномъ отношеніи можетъ дѣйствовать такъ, въ другомъ иначе. Съ этой точки зрѣнія и въ исторической наукѣ мы придали древнимъ братствамъ названіе церковныхъ, но придали вопреки исторіи. Братства не мыслимы были безъ церкви, но не они существовали для церкви, а церковь для нихъ, и не они зависѣли отъ нея, а наоборотъ. Братства одинаково служили интересамъ религіознымъ, какъ и многимъ общественнымъ; но жизнь общины имѣла тогда болѣе цѣльный характеръ и большую правоспособность; интересы религіозные не отдѣлялись отъ общественныхъ и еще менѣе игнорировались, какъ теперь; напротивъ религіозный элементъ проникалъ весь строй жизни и общины и каждаго въ частности ея члена, отъ того и дѣйствія братствъ намъ кажутся лишь набожно-христіанскими, а самыя братства учрежденіями церковными. Но не въ этомъ и не въ оскудѣніи духа благочестія, какъ-бы захотѣлъ кто думать, лежитъ причина того, что братства и аналогичныя съ ними приходскія попечительства не имѣютъ жизненности, а въ разобщенности жизненныхъ функцій общины, въ отсутствіи у ней самостоятельности въ какомъ угодно отношеніи. Чтобы судить однако о значеніи и прежней жизни братства, достаточно представить себѣ, какъ дорого мы дали бы, что бы у насъ добровольно, безъ всякаго призыва, внушенія, руководства, иниціативы, сами по себѣ въ каждой городской и сельской общинѣ явились такія общества, которыя содержали и украшали-бы церкви, поддерживали и обезпечивали церковные причты, заводили и содержали школы, устрояли богадѣльни, лазареты и страннопріимные дома, призрѣвали нищихъ, устраивали вспомогательныя кассы, и пр., и проч.

Нѣкоторое понятіе объ организаціи и дѣятельности братствъ дадутъ помѣщаемые въ слѣдъ за симъ документы замостьскаго братства. Ихъ четыре: 1) грамота Гедеона Балабана, епископа львовскаго, на учрежденіе старшаго братства при церкви св. Николая въ г. Замостьѣ, 1606 г, 2) его-же грамота на учрежденіе тамъ-же младшаго братства, 3) дополнительные къ уставу братства пункты, данные митрополитомъ кіевскимъ Сильвестромъ Коссовымъ и 4) постановленіе обоихъ этихъ братствъ о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ. Владѣльцемъ г. Замостья Ѳомою Замойскимъ утвержденъ первый изъ этихъ документовъ, а не третій, какъ сказано въ началѣ этой книги въ статьѣ: „Забытыя иноческія обители“. Послѣдніе два относятся къ 1647—48 г.

1.

Грамота Гедеона Балабана, епископа львовскаго, на учрежденіе замостьскаго братства при церкви св. Николая.

ВО ИМЯ ОТЦА и СЫНА и СВЯТАГО ДУХА. АМИНЬ.

Благоволеніемъ Бога Отца, и благодатию Господа нашего Іисуса Христа, и дѣйствомъ святого Духа. Смирение наше отъ благодати дара и власти всесвятого и животворящаго Духа, отъ сътворытеля Бога, въ Тройци хвалимаго: благодатию Божию Гедионъ Болобанъ, епископъ галицкій, лвовскій и Каменца-Подольского, и ексарха великого ѳрону константинополского. — По Христову повеленію и Духа святого строенію, послѣдующе апостолскому и святыхъ отець преданню, повелѣвающе, посѣщающе Христову съборную и апостолскую церковъ за его королевскои милости, Жикгимонта третего, короля полского и великого княжати литовского, русского, пруского и прочая. Въ лѣто отъ създания міру ҂зрдї, а по Рождествѣ Господа нашего Іисуса Христа ҂аѯѕ, мѣсяца марта ѧ дня. В то время пришедши передъ насъ и передъ наше право духовное, славетный панъ Ѳеодоръ Волосовичь, мещанинъ замойскій, ктиторъ храма святого ереарха Христова Николая, хотячы братство устроити съединившеся любовию духовною, закона Христова заповѣдемъ послѣдующе, благоугодно Богу во Тройци единому и Пречистои Его Матере, въ честь и въ хвалу Его святому угоднику ереарху Николѣ. Того ради мы, смиренный Гедионъ, епископъ по дару святого Духа, пастырскимъ строениемъ повелѣваемъ и благословляемъ ихъ на сие братство духовное, утверждающе ихъ евангельски жити, съставляюще любовъ по закону Христовы церкве творыти судъ истиненъ и милостию въ потребахъ братямъ недостаточествующимъ, а злыхъ казнити. Сие богоугодное законное братство вышше писаное и ниже реченныя обычая повинни такъ держати: съшедшеся на день уреченный въ домъ выбранный, любовию и тихостию другъ друга честию болша себѣ творяща, а маются сходити за обсыланямъ знамене братского въ двѣ недѣлѣ, или въ чотыры, или якъ потреба и якъ прилучится. Повиненъ кождый братъ полгроша дати до скринки братскои, а вступного грошей

шесть, кто перший разъ вступуетъ въ братство. А хто бы хотѣлъ вступити въ сие братство, или шляхтичъ, или мещанинъ, или предмещанинъ или с посполитыхъ людей вшелякого стану, якъ тутошній, такъ сторонний, маетъ дати грошей шесть вступного. А который бы мешканя мѣлъ далеко отъ сего братства, то в рокъ по шести грошей маетъ давати до скринки братской. А братя спольне кождого року маютъ выбирати з межи себе старшихъ чотыри браты, поручаючи имъ все старшинство братства того; скрынька братская маетъ быти у старшого брата, а ключъ у младшого, личбу маютъ чинити старши братя предъ всѣми в рокъ отдаючи уряды свои. А вшистки ровны собѣ маютъ быти, а кого бы братя выбрали на старшинство и онъ бы ся зборонялъ безъ причины слушнои, виненъ дати три безмѣны воску. А братя старшіе маютъ пилне перестерѣгати повинности своей. Казнь всѣмъ посполитая маетъ быти на дзвонници сѣдѣти. А еслибы братъ брата словомъ наганбилъ, маетъ быти каранъ сидѣнямъ, а вины камень воску маетъ дати и брата перепросити, неотходячи, и все братство перепросити. Слова непотребные, корчемные хтобы молвилъ въ братствѣ, вины на томъ фунтъ воску. А маютъ одинъ до другого съ послушаніемъ мовити. Которой бы братъ вѣдалъ брата выступного, не маетъ его таити, але маетъ его оповѣсти въ братствѣ, жебы былъ каранъ. А кто бы таилъ злости, при виномъ каранъ быти маетъ, якъ братя найдутъ, или двома, или безмѣномъ воску, или полъкаменемъ, или каменемъ, противно выступку. А если бы который з межи старшихъ братовъ, якимъ колвекъ обычаемъ, знашолся быти выступнымъ, за что молодшихъ карутъ, маетъ быти старшій двояко и трояко каранъ, болшего бо томления достоенъ чести ради, а который бы братъ былъ каранъ сидѣнямъ или виною, маетъ по карности заразъ перепросити того, кому былъ провинилъ, ведлугъ росказаня Господа нашего Іисуса Христа: да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ. А хто бы не отдалъ вины братскои, поруку не отходячи маетъ поставити два браты до другои схаждки. А судитися маютъ радячымъ восполокъ, якъ старшихъ, такъ молодшихъ, и якъ молодшии призволятъ всѣ, такъ старшии маютъ сказовати. А который бы братъ мѣлъ якую справу, а не могъ бы свое и речы справовати, волно ему взяти двохъ братовъ на пораду и на помочь; справа вшелякая братская не маетъ быти выношена далей отъ порога дому братского, а на

кого бы ея досвѣдчено, двояко маетъ каранъ быти—сѣдѣнямъ и безмѣномъ воску, а кто бы гордѣлъ братскимъ судомъ, якъ преслушникъ церкве судится, а если ся того не каетъ до четвертои недѣлѣ, да отъ церкви отлучится, и священникъ маетъ его въ церкви предъ всѣми обличити и отъ церкве отлучити, да посрамится. И аще нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или пяница, или драпежникъ, с таковыми не толко посполитовати, але с ними ни ясти, ни пити. А если з допущеня Божого будетъ на брата яковый упадокъ или немочь, а не мѣлъ бы достатку, маютъ его братя вспомогати братскими пѣнязми и въ немочи призирати. А которымъ бы братя помогали въ напастехъ, въ бедахъ, въ недостаткахъ, позычаючи имъ пѣнязи, не маютъ отъ нихъ лихвити. А позычати маютъ не на захованя смотрячи, и не тымъ, которые хотятъ быти богатшые, але тымъ, которые болшие недостатки терпятъ з допущеня Божого. А который бы братъ христіанский преставился съ того свѣта, маютъ его всѣ братя отпровадити къ гробу, к тоей церкві, которой былъ парафѣи, и свѣча братская маетъ быти в церкви. Маютъ тыжъ быти свѣчѣ братские къ отпроваженю мертвого къ гробу. А кгды будетъ братство знаменемъ братскимъ обсылано, во двѣ недѣли, или якъ потреба прилучится, или на погребъ, не схочетъ ли прити который братъ за трудностями своими пилными, маетъ оповѣсти передъ старшимъ братомъ. А если бы было досвѣдчено, ижъ не былъ затрудненъ, маетъ быти каранъ фунтомъ воску. Ктому тыжъ кождый братъ маетъ вписати въ помянникъ церковный имя отца своего, и матере своея, и близкихъ пріятелей своихъ представшихся. А священникъ церкве тое маетъ читати помянникъ братскій по утрни и по вечерни въ дни поминалныя, и во великій постъ, по уставу церковному, а на каждый рокъ маютъ быти двѣ литоргие, за все братство, заздоровная и помянная, и убогихъ по силѣ надѣлити, а священнику своему маютъ братя изъ скринки на рокъ копу грошей давати за поминаня преставльшихся, на Рожество Христово золотый, а золотый на Воскресение Господне. Сего ради мы, смиренный Гедионъ епископъ, бачивши згоду и любовъ ихъ, благословляемъ ихъ и моцю Божию повелѣваемъ имъ хранити сия предания неразорне, верне. А кто бы мѣлъ пометати сие братство, на томъ нехай будетъ клятва святыхъ отець т҃ и н҃и. Благословение

же Божие и благодать святого Духа буди на всѣхъ вѣрующихъ заповѣдемъ Его и творящихъ волю Его, и благословение святыхъ отець вселенскихъ седми соборовъ, и благословение Гедиона, епископа галицкого, лвовского и каменецкого, и екзархи константинопольскаго престола, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава въ вѣки вѣкомъ. Аминь.

Писанъ и данъ

Гедионъ епископъ власною рукою.

Грамота писана на большомъ пергаменномъ листѣ; внизу слѣды шнура, на которомъ была привѣшена въ пушкѣ печать, но самой печати не достаетъ. На оборотѣ грамоты по срединѣ находится помѣта позднѣйшаго времени: Partis 3-tiae, № 3-tio, а въ началѣ слѣд. замѣтка:

Року ҂аѯї. Мы братство замосцское всѣ обецъ квѣтовали пана Ференца Волосовича брата нашего съ церковныхъ гроший, що былъ далъ на церковь спрошонихъ гроший, такожъ и дарованыхъ сумы осми сотъ зол(отыхъ) шестдесятъ и пять зол(отыхъ), грошей сѣмъ, при бытности пана Мурата и пана Анечо, и при пану Крынку, Трушу, Яцку Затарскимъ, Стефану Анастасевичу, Лукашу, и при пану Артему Некрашевичу и Стефану Жугаевичу.

2.

Благословенная грамота тогоже Гедеона Балабана, епископа львовскаго, младшему замостьскому братству.

Текстъ этой грамоты мы не приводимъ, такъ какъ она отъ слова до слова сходна съ предъидущею, за исключеніемъ слѣд. словъ:

Въ лѣто... по Рожествѣ Господа нашего Іисуса Христа ҂аѯѕ мѣсяца декабрия ѿ дня. В то время пришедши передъ насъ и передъ наше право духовное славетное братство *младенческое* замойское, хотячи и проч.

Списокъ этой грамоты также на большомъ пергаменномъ листѣ, но это не подлинникъ, а копія, и къ ней привѣшена печать самого братства, въ пушкѣ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Покрова Божія Матери, а на другой святителя Николая, и съ подписью вокругъ: *Сія пушка привилею братьства молодшого церкви замосцькой. 1656.*

3.

Дополнительные пункты устава замостьскаго старшаго братства при церкви св. Николая.

1 (11). „Повинни (священники братскіе) на рокъ 4 акафисти до Пресвятой Богородици въ кождой чверти року отправляти, так тежъ и парастаси за преставлшихся, ведлугъ часу и ухвали братской, а священнику отъ акафисту, так тежъ и отъ парастасу, по грошей 12 повинни давати, и коливо повинни справляти. Знову 12 службъ Божіихъ до року повинни отправляти на каждой мѣсяць по двѣ, заздоровну и за упокой, также ведлугъ часу и ухвали братерской, въ котрый день, сщеннику отъ тыхъ службъ Божихъ повинни давати по грошей шесть, на которыхъ набоженствахъ повинни всѣ братіа быти безъ жаднихъ вымовокъ, а котрый бы братъ не мѣлъ быти, не мѣючи жаднои великой забави, на такового вины и неотпустно фунтъ воску. 2 (12). Если бы который зъ брати вписныхъ мѣлъ на иншое мешканіе перенестися, теды маетъ *пуплице* (publice) при зебраню всѣхъ братій ознаймити, иж то *non temere* чинитъ, и просити маетъ, яко его за притомного мѣли, такъ и въ небытности абы о немъ памятали, а той братъ повиненъ завше любъ на сторонѣ досить ве вшисткомъ чинити и милости братерской бы намнѣй не уступати, и що рокъ презъ листъ о собѣ ознаймити, а гды до трехъ лѣтъ о собѣ не ознаймитъ, маетъ быти зъ реестру вымазаний, такъ жывыхъ, якъ и умарлыхъ, чого пилно маютъ постерѣгати братіа старшіи; а гды бы не моглъ до того прійти, бывши котрый в далекихъ краінахъ, албо въ иншыхъ земляхъ, таковому выбачить маютъ. 3 (13) Каждый братъ, любо притомный, любо не притомный, при смерти, останокъ выроку жывота своего, повиненъ на тестаментѣ положити своемъ, абы по смерти его дана была вѣдомость братству, и що колвекъ будетъ субстанціи, абы легацію учинилъ на убогіе и хоріе того зебраня. 4 (14). Которій колвекъ вписуется въ реестръ братерскій, маетъ присягу учинити, абы до конца жывота своего мѣлъ во всемъ чинити досить и святую православную вѣру въ соборной апостольской церкви сохранити“.

Пункты эти извлечены изъ подтвердительной братству грамоты митрополита кіевскаго Сильвестра Коссова, во всемъ остальномъ буквально повторяющей грамоту

Гедеона Балабана; но начала митрополичьей грамоты нѣтъ, а потому неизвѣстна ея *дата* и поводъ къ ея написанію. Въ концѣ грамоты печать и подпись:

Сильвестръ Коссовъ, митрополитъ кіевскій, галицкій и всея Россіи, екзарха константинопольскій.

4.

Постановленіе того же братства объ отношеніяхъ его къ братству младшему покровскому.

Лѣта Господня 1661, мѣсяца апрѣля 15-го дня, по старому календарю.

Принявъ во вниманіе панове братство старшее св. Николая и признавъ дѣломъ законнымъ и пристойнымъ, чтобы, ко славѣ Господа Бога и украшенію церкви святой, (продолжалась) эта слава и украшеніе, которое начато ревностнымъ стараніемъ пановъ братій братства младшаго, и вслѣдствіе просьбы ихъ къ намъ, какъ старшимъ братіямъ, чтобы мы позволили имъ ввести всякій порядокъ и усердное стараніе относительно украшенія церкви святой, и дабы они не ослабѣвали въ служеніи своемъ избранному ими образу покрова Пресв. Дѣвы, которое описано въ ихъ правилахъ, но во всякомъ случаѣ были усерднѣйшими,—мы, какъ братія старшіе, совѣщавшись всѣ, съ согласія нашего старшаго братскаго позволяемъ и имъ, какъ братству младшему, даемъ пункты или надлежащій порядокъ, назначая имъ, для всякаго порядку, двухъ братій нашихъ старшаго братства, каждый годъ особыхъ, безъ которыхъ не должно быть ни какое постановленіе и совѣщаніе, равно какъ безъ нихъ не должна пріобрѣтаться никакая вещь и не должно производиться ни одно денежное дѣло, но всегда съ совѣта и вѣдома оныхъ двухъ пановъ ассессоровъ, а сіи паны ассессоры должны всегда съ ними присутствовать на созываемыхъ духовникомъ сходкахъ и тамъ совѣщаться съ ними о добромъ церковномъ порядкѣ и управлять ими, а непокорныхъ карать по ихъ правиламъ. Панове братство старшее напоминаютъ и просятъ пановъ братій младшихъ прежде всего о томъ, чтобы не было никакого собранія и совѣщанія въ корчемныхъ домахъ, сплетень и непристойныхъ пересудъ какъ о своихъ братіяхъ младшихъ, такъ и о старшихъ, которые этотъ пунктъ заключаютъ такъ: если бы кто

услышалъ пересуживающаго непристойно, а этотъ не доказалъ бы того, что̀ говорилъ, вины на таковаго камень воску и сидѣнье въ теченіи трехъ дней въ публичной *кунѣ*. Другой пунктъ подаютъ панове братство старшее и просятъ, чтобы каждый братъ младшаго братства, вступивши уже въ супружество, оставался еще въ младшемъ братствѣ годъ и шесть недѣль. А старшіе братья подаютъ это младшей братіи не по своему мнѣнію и совѣту, а вслѣдствіе собственнаго распоряженія, воли и постановленія преосвященнаго его милости отца митрополита кіевскаго, господина и пастыря нашего. А по истеченіи года и шести недѣль, паны братство младшее или старшіе ихъ обязаны будутъ отдать вступившаго въ супружество братству старшему, или поручить его, какъ брата, а онъ долженъ будетъ поблагодарить братству младшему или старшимъ его, чтобы младшіе сами собой съ младшими же совѣтовались о добромъ порядкѣ церкви святой, и что бы то братство собственно было младшее, чего и мы желаемъ. Ключъ отъ кассы денежной долженъ быть одинъ у пановъ ассессоровъ или котораголибо изъ нихъ, а другой—у младшихъ или старшаго ихъ. Избранный въ шафары, составивши, съ вѣдома пановъ ассессоровъ, реестръ серебра и всего относящагося къ образу, обязанъ будетъ вписать вновь поступающее, засвидѣтельствовать и показать на сходкѣ передъ всей братіей и въ присутствіи пановъ ассессоровъ, а вписавши въ реестръ, хранить въ добромъ *порядкѣ*.

И пусть то будетъ къ славѣ Божіей и украшенію церкви святой, а имъ во спасеніе души, на что и эти пункты, чтобы паны младшіе братья, или старшіе ихъ руками подписали для лучшей и вѣрнѣйшей силы этого постановленія. Состоялось въ Замостьѣ вышеписаннаго года и дня, на чемъ тогда и подписывались:

Давидъ Максимовичь, на той часъ братъ старшій
Даніилъ Куриловичь, на той часъ братъ старшій
Игнатій Симонъ Рассиковичь, братъ старшій
Леонтій Лагодзинскій, братъ старшій.

Подлинникъ писанъ на простой бумагѣ въ малую четвертку по польски; подписи также по польски.

Библіографія.

Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать пятая. М. 1882 г.

Въ послѣдней 25-й книгѣ архива князя Воронцова помѣщено нѣсколько дукументовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи конца XVIII в. Первый представляетъ любопытный споръ Разумовскаго съ молодымъ великороссійскимъ чиновникомъ Олсуфьевымъ о предѣлахъ гетманской власти. Членъ коллегіи и церемоніймейстеръ Олсуфьевъ дѣлалъ свои замѣчанія на оригинальныхъ листахъ, посылаемыхъ гетманомъ черезъ коллегію самой Императрицѣ; гетманъ въ свою очередь давалъ на эти замѣчанія свои объясненія или вѣрнѣе возраженія. Великороссійскій чиновникъ старается уличить малороссійскаго гетмана въ стремленіи къ обособленію, къ независимости отъ центральнаго правительства; онъ обращаетъ вниманіе Императрицы на то обстоятельство, что полковникъ миргородскій Остроградскій „въ противность имянныхъ указовъ, не Ея Императорскимъ Величествомъ, но гетманомъ самопроизвольно въ тотъ чинъ произведенъ“; указывая на дѣло грека Юрьева, онъ замѣчаетъ, что „отбывательства и уклоненія отъ должнопослушнаго исполненія по высочайшему имянному указу ни для какихъ представленій гетману дозволять не должно. Ибо точно симъ примѣромъ онъ еще тѣмъ болѣе независимость свою и мнимое отъ апелляцій на его рѣшенія исключеніе утверждать (слѣдовательно, въ чемъ захочетъ, указамъ не повиноваться) поводъ получитъ“.

Гетманъ, возражая Олсуфьеву, заявляетъ, что онъ дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ на основаніи законныхъ правъ, повидимому Олсуфьеву неизвѣстныхъ. „Ежели бы Ея Императорскому Величеству всѣ обстоятельства, права, законы и установленія, которыя сама Ея Величество соизволила высочайшею

своею рукою конфирмовать нынѣшнему гетману, были донесены (которыя уповательно по проискамъ Олсуфьева пропущены при докладахъ), то нигдѣ опредѣленія не найдется, чтобъ полковниковъ и старшинъ, которые вольными голосами всего народа выбираются временемъ изъ самыхъ нижнихъ чиновъ, конфирмовать высочайшимъ монаршимъ и своеручнымъ утвержденіемъ: ибо ежели бы ихъ чины уравнены были съ чинами великороссійскими, тогда въ волѣ Ея Императорскаго Величества останется, до какого чина, смотря по рангамъ, гетману дозволено будетъ опредѣлять". Въ своемъ послѣднемъ возраженіи Разумовскій проситъ Императрицу защитить его отъ несправедливыхъ нападокъ Олсуфьева... „Нынѣ отъ нестерпимости моей, припадая къ стопамъ Ея Императорскаго Величества, всеподданѣйше прошу отъ помянутаго церемоніймейстера Олсуфьева меня, всеподданѣйшаго раба, оборонить и дабы повелѣно было всѣ голосы и помѣты своеручныя его Олсуфьева, клонящіеся къ вѣчному моему безславію, изъ архивы коллежской взять къ Ея Императорскому Величеству и, разсмотря, всемилостивѣйше уничтожить". Весьма характеренъ, по нашему мнѣнію, фактъ, что гетманъ Малороссіи, пользовавшійся личнымъ расположеніемъ Императрицы, братъ любимца Императрицы Алексѣя Разумовскаго, долженъ былъ просить защиты отъ чиновника коллегіи въ дѣлѣ, гдѣ онъ былъ, какъ кажется, совершенно правъ. Этотъ самый Олсуфьевъ впослѣдствіи сдѣлался довѣреннѣйшимъ лицомъ Екатерины II, вмѣстѣ съ Тепловымъ, по малороссійскимъ дѣламъ. Ему было поручено составить записку для будущаго малороссійскаго генералъ-губернатора, какъ это видно изъ письма къ нему императрицы, помѣщеннаго въ Рус. Арх. 1863 г., 433.

Другой документъ—„Мнѣніе его сіятельства графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина о классахъ малороссійскимъ чинамъ, съ изъясненіями на каждый пунктъ того мнѣнія отъ гетмана графа Разумовскаго"; относится онъ къ 1764 г. Бестужевъ-Рюминъ стоитъ противъ пожалованія малороссійскимъ чинамъ классовъ на подобіе великороссійскихъ: иначе придется, говоритъ онъ, даровать такіе ранги и другимъ нерегулярнымъ войскамъ, наприм., Донскому; при выборѣ въ должности вольными голосами (какъ это теперь существуетъ у малороссіянъ), многіе достигнутъ важныхъ чиновъ незаслуженно и получатъ такимъ образомъ преимущество надъ великороссіянами. Разумовскій старается опровергать соображенія гр. Бестужева-Рюмина и соглашается

съ нимъ только въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ пунктахъ. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что просьба Разумовскаго объ уравненіи ранговъ и чиновъ не шла въ разрѣзъ со взглядами центральнаго правительства на общегосударственные интересы; въ томъ-же 1764 году послѣдовалъ указъ объ уничтоженіи гетманства и затѣмъ объ уравненіи классовъ.

Наконецъ, третій документъ—„Записка о Малой Россіи", приложенная къ предъидущему мнѣнію гр. Бестужева-Рюмина. Записка эта начинается краткимъ историческимъ очеркомъ о происхожденіи народа малороссійскаго и затѣмъ переходитъ къ существенному своему пункту—критикѣ порядковъ, господствовавшихъ въ то время (1764 г.) въ Малороссіи; сюжеты, затронутые тамъ, крайне любопытны (о непорядкахъ, которые происходятъ отъ чиновниковъ Малой Росіи, о умаленіи козаковъ и посполитыхъ войсковыхъ, о ревизіи, о расхищеніи посполитыхъ дворовъ, о правахъ малороссійскихъ, о неудобствѣ, что козаки съ посполитыми перемѣшаны въ деревняхъ, о вольномъ переходѣ); не менѣе интересны приводимые тамъ факты и соображенія. *Но записка тѣмъ не менѣе не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія: она представляетъ простое переложеніе извѣстной записки Теплова*, исключая только историческое введеніе, котораго нѣтъ у Теплова. Во введеніи Бестужевъ-Рюминъ указываетъ даже литературу вопроса по исторіи Малороссіи (Histoire des diètes de Pologne, 2) Relation des cosaqnes, 3) Therenot. Recueil des voygages, 4) Dictionnaire de Moreri, также лѣтописи малороссійскія и статьи Хмельницкаго и прочихъ гетмановъ; а особливо Histoire de la guerre des cosaqnes contre la Pologne, par Pierre Chevalier); но представленный имъ самимъ очеркъ полонъ самыхъ грубыхъ ошибокъ и ложныхъ заключеній. По его словамъ, литовскій князь Гедиминъ Кіевъ покорилъ въ 1240 году послѣ битвы надъ Ирпенью; начало запорожскаго козачества онъ относитъ къ 1340 году и т. д.

Самая записка повторяетъ часто слово въ слово, иногда въ переложеніи, записку Теплова[1]). Приведемъ наудачу для образца нѣсколько мѣстъ изъ записки Бестужева-Рюмина и Теплова.

---

[1]) О непорядкахъ, которые происходятъ нынѣ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи (Записки о южной Руси, Кулиша, ч. II, стр. 175—196).

Вотъ начало одной и другой записки:

Записка Бестужева-Рюмина.

Долговременное сего народа отъ самодержавія Всероссійскаго отдѣленіе, а потомъ привычка къ польскому праву, которое королями Казимиромъ, Сигизмундомъ первымъ и Стефаномъ Батори, для лучшаго притязанія въ единство своей области, въ нихъ вкоренено, вкоренило въ Малороссійской народъ особливыя мысли о своихъ вольностяхъ и обыкновеніяхъ.

А вотъ—конецъ:

Сіи суть только генерально показанные непорядки въ Малороссійскомъ народѣ; но ежели бы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ, тогда множайшіе еще показаться могутъ. Много о томъ, какъ видно, помышлялъ блаженныя и вѣчныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій; но понеже край малороссійской до познанія его въ самое жесточайшее военное время пришелъ, а поправленіе его требовало не мало времени, то хотя изъ многихъ учрежденій и видны были ко всему начатки премудраго господаря, до времени не доставало то привести въ порядокъ, что́ исподо-

Записка Теплова.

Долговременное сего народа отъ самодержавія Всероссійскаго отдѣленіе, а притомъ приобыкновеніе (sic) къ польскимъ правамъ, которыя королями Казимиромъ, Сигизмундомъ I и Стефаномъ Баторіемъ, для лучшаго приведенія въ единство своей области, въ нихъ вкоренены, вкоренили въ сей малороссійскій народъ и особливыя вольности и обыкновенія.

Сіи суть токмо генерально показанные непорядки в малороссійскомъ народѣ; но ежели бы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ, въ произведеніе государевыхъ повелѣній и во внутреннюю ихъ собственную экономію; тогда множайшіе еще показаться могутъ. Много о томъ, какъ видно, помышлялъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій, но понеже край Малороссійскій до познанія его въ самое жесточайшее время пришелъ, а поправленіе его требовало немалаго времени, то хотя изъ многихъ учрежденій и видны были ко всему сему

воль дѣлать надлежало, а между тѣмъ смерть сего великаго монарха застигла.

начатки премудраго Государя, до времени не доставало то привести въ порядокъ, что́ исподоволь дѣлать надлежало, а между тѣмъ смерть сего великаго Монарха застигла, и больше никто о томъ не мыслилъ.

И такъ, записка Бестужева-Рюмина представляетъ чуть ли не простую копію съ записки Теплова. Записку Теплова г. Кулишъ относитъ къ царствованію императрицы Елисаветы Петровны, но основаній въ пользу своего мнѣнія не приводитъ никакихъ. С. М. Соловьевъ въ 33 примѣчаніи къ 26 тому „Исторіи Россіи" относитъ ее ко времени уничтоженія гетманства. Мы склоняемся болѣе къ мнѣнію С. М. Соловьева, тѣмъ болѣе, что тогда уясняется нѣсколько вопросъ и о запискѣ Бестужева-Рюмина. Несомнѣнно, что Тепловъ игралъ двойную игру въ малороссійскихъ дѣлахъ: наставникъ и ближайшій совѣтникъ гетмана Разумовскаго, онъ, какъ никто другой, способствовалъ уничтоженію гетманщины. Нужно полагать, что записка Теплова была написана для Екатерины II съ цѣлью оправдать уничтоженіе гетманства, но пока еще не получила огласки; быть можетъ также, что Тепловъ до поры до времени считалъ неудобнымъ дать свою фамилію подъ своею запискою, а потому то Бестужевъ-Рюминъ приписалъ ее себѣ.

Что касается до записки Теплова, то взгляды на нее, какъ извѣстно, расходятся. Г. Кулишъ видитъ въ ней картину малороссійскихъ порядковъ конца прошлаго вѣка, нарисованную кистью патріота. Максимовичъ, напротивъ, видитъ въ ней тенденціозную каррикатуру человѣка, злобно относившагося къ Малороссіи. Это вопросъ очень любопытный, но затрогивать его здѣсь въ библіографической замѣткѣ мы не имѣемъ возможности; скажемъ только, что Тепловъ, какъ намъ кажется, былъ болѣе правъ, чѣмъ доказываетъ Максимовичъ.

Дм. Багалѣй.

Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы П. М. Строева. Приведены въ порядокъ и изданы подъ редакціею академика А. Ѳ. Бычкова. С.-Петербургъ, 1882 г.

Книга составлена на основаніи матеріаловъ, собранныхъ покойнымъ академикомъ П. М. Строевымъ для исторіи славяно-рос-

сійской литературы и хранившихся въ академіи наукъ, въ пяти портфеляхъ. Они содержатъ частію совершенно обработанныя статьи, въ видѣ библіологическаго словаря отъ буквы А до буквы Е, отъ № 1 до № 87 включительно, частію статьи, оставшіяся еще въ сыромъ видѣ, отъ № 88 до № 314, и сверхъ того „Смѣсь", названную такъ самимъ собирателемъ. Всѣ эти матеріалы, за небольшими исключеніями, являются однимъ изъ результатовъ снаряженной академіею наукъ археографической по Россіи экспедиціи, принесшей такую существенную пользу отечественной исторіи.

Библіологическій словарь и матеріалы расположены въ азбучномъ порядкѣ именъ и фамилій писателей и переводчиковъ. Въ первомъ при каждомъ лицѣ сначала сообщаются нѣкоторыя біографическія о немъ данныя, а затѣмъ исчисляются его сочиненія и переводы, иногда съ подробнымъ изложеніемъ ихъ содержанія, а иногда и съ присовокупленіемъ ихъ критической оцѣнки, и почти всегда съ указаніемъ лучшихъ списковъ и мѣстъ ихъ храненія. Въ „матеріалахъ" же только указаны рукописи, въ которыхъ П. М. Строевъ во время своего археографическаго путешествія и при другихъ библіографическихъ работахъ находилъ то или другое сочиненіе извѣстнаго автора, и весьма рѣдко приведены библіографическія и другія данныя.

Къ составленію словаря, или точнѣе сказать—къ обработкѣ собраннаго матеріала, П. М. Строевъ приступилъ 9 сентября 1835 года; 6 ноября того-же года онъ еще занимался этимъ трудомъ, но затѣмъ онъ его оставилъ. Если бы П. М. Строевъ окончилъ и напечаталъ свой трудъ своевременно, то онъ, безъ всякаго сомнѣнія, занялъ бы почетное мѣсто среди пособій для изученія нашей древней литературы и внесъ-бы въ нее много новыхъ данныхъ; но теперь, когда послѣ 1835 года, въ теченіе 40 лѣтъ, явилось нѣсколько важныхъ изслѣдованій по исторіи русской литературы, на основаніи вновь открытыхъ данныхъ,—изданы каталоги нѣкоторыхъ рукописныхъ собраній и напечатанъ обзоръ русской духовной литературы архіепископа Филарета,--начало библіологическаго словаря П. М Строева и собранные имъ матеріалы утратили во многомъ свое значеніе, хотя тѣмъ не менѣе они заключаютъ въ себѣ по мѣстамъ любопытныя подробности, обнародованіе которыхъ не безполезно.

Въ виду послѣдняго обстоятельства и сознавая, что печатать теперь вполнѣ словарь П. М. Строева и матеріалы къ нему значило-бы повторять иногда всѣмъ и давно извѣстное, академикъ А.

Ѳ. Бычковъ сличилъ ихъ съ „Словаремъ“ митрополита Евгенія, съ „Обзоромъ“ архіепископа Филарета и съ тѣми дополненіями, которыя были вызваны появленіемъ въ свѣтъ послѣдняго труда, съ цѣлію выдѣлить тѣ данныя, которыя представляютъ интересъ въ какомъ-бы то ни было отношеніи. Впрочемъ, чтобы дать полное понятіе о составѣ Словаря и матеріаловъ для исторіи славяно-россійской литературы, академикъ Бычковъ перечислилъ всѣ статьи, въ нихъ входящія, сохранивъ данный имъ П. М. Строевымъ азбучный порядокъ расположенія. Изъ этихъ статей однѣ напечатаны цѣликомъ (таковыя означены звѣздочкою), другія-же, содержащія данныя, частію уже обнародованныя, частію-же представляющія интересъ только по разнымъ своимъ подробностямъ,— сокращенно; наконецъ при статьяхъ, не заключающихъ ничего новаго, оставлены лишь имя и фамилія лица и сдѣланы ссылки на вышеупомянутыя сочиненія, въ которыхъ можно найти все, въ этихъ статьяхъ находящееся. Подобныя-же ссылки сдѣланы и при другихъ статьяхъ, когда или исключено изъ нихъ уже извѣстное, или когда свѣдѣнія, въ нихъ помѣщенныя, пополняются данными, находящимися въ приведенныхъ сочиненіяхъ; отсутствіе-же ссылокъ при статьяхъ служитъ указаніемъ, что этихъ статей нѣтъ ни въ „Словарѣ“ митрополита Евгенія, ни въ „Обзорѣ“ архіепископа Филарета.

Насъ интересуютъ преимущественно статьи, имѣющія какой-либо мѣстный южнорусскій интересъ. Въ библіологическомъ „Словарѣ“ и матеріалахъ къ нему отмѣчены звѣздочкой или напечатаны безъ ссылокъ на „Словарь“ Евгенія и „Обзоръ“ Филарета, слѣдовательно представляютъ наибольшій интересъ, статьи мѣстнаго южнорусскаго характера подъ слѣдующими заглавіями: Аѳанасій Пузына, епископъ луцкій и острожскій; Аѳанасій Филиповичъ, игуменъ брестъ-литовскій; Аѳанасій Кальнофойскій, монахъ кіево-печерской лавры; Брежевскій Амвросій, шляхтичъ литовскій; Будный Симонъ, одинъ изъ издателей катехизиса въ духѣ лютеранскомъ и на нарѣчіи литовско-русскомъ; Бѣлободскій Янъ, ученый бѣлоруссъ; Варлаамъ Ясинскій, митрополитъ кіевскій; Виталій, іеродіаконъ виленскаго Духова монастыря; Гавріилъ Домецкій; Гедеонъ Одорскій, архимандритъ крупицкаго батуринскаго монастыря; Гозвинскій Ѳеодоръ, греческій и польскій переводчикъ въ Москвѣ; Григорій Димитріевичъ, священникъ шаргородскій, XVII в.; Дилецкій Николай, изъ Вильны; Досиѳей, архимандритъ печерскій, странствовавшій во св. гору аѳонскую; Елисей Плетенецкій, ар-

химандритъ кіево-печерскій; Игнатій инокъ, переводчикъ Баронія; Иларіонъ, митрополитъ кіевскій; Ипатій Поцѣй, епископъ владиміро-волынскій; Исаія Балабанъ, архимандритъ уневскій и дерманскій; Іосифъ Кирилловичъ, іеромонахъ кіево-печерскій; Кипріанъ святогорецъ, монахъ кіево-печерскаго монастыря; Константинъ Борковскій, архимандритъ Данилова монастыря; Корвинъ-Красовскій Василій; Кохановскій, іеромонахъ; Симеонъ Полоцкій; Скибинскій Григорій Алексѣевичъ, докторъ философіи; Ѳеодоръ Михайловъ Бѣльскій, діаконъ; Ѳеоѳанъ, монахъ чудова монастыря, и друг., также нѣсколько житій, повѣстей о чудотворныхъ иконахъ, каноновъ, лѣтописей, патерикъ печерскій, переводы сочиненій, сдѣланные неизвѣстными лицами, повѣсти и сказанія, слова и поученія, сочиненія неизвѣстныхъ авторовъ, и проч.

Нѣкоторыя изъ этихъ статей сообщаютъ совершенно новыя свѣдѣнія, доселѣ неизвѣстныя въ нашей литературѣ. За то нѣтъ въ „Библіологическомъ Словарѣ“ свѣдѣній о такихъ писателяхъ или произведеніяхъ древней письменности и литературы, о которыхъ стало извѣстно послѣ трудовъ митрополита Евгенія и архіепископа Филарета и вызванныхъ ими дополненій. Но составленіе полнаго „Библіологическаго Словаря“, на основаніи всѣхъ доступныхъ въ настоящее время источниковъ, и не входило въ задачи академика Бычкова.

Н. П.

Ernst Bonnel. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 nach. Chr. hauptsächlish aus der Berichten der griechischen und latenischen Schriffsteller. Erster Band. St. Petersburg, 1882.

(Эрнестъ Боннель. Дополненія къ археологіи Россіи, съ древнѣйшихъ временъ до 400 года по Р. Х., составленныя преимущественно по извѣстіямъ греческихъ и римскихъ писателей. Томъ I, Петербургъ, 1882 г.)

Объемистый томъ, изданный г. Боннелемъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, посвященъ весь изслѣдованію древнѣйшихъ извѣстій о южной Россіи, сообщаемыхъ Геродотомъ. Авторъ, обладая большою эрудиціею, извлекъ изъ греческой литературы всѣ свѣдѣнія, крупныя и мелкія, относящіяся къ Скиѳіи и Скиѳамъ, и

воспользовался ими для поясненія и комментировки свѣдѣній Геродота; затѣмъ онъ пересмотрѣлъ всю новѣйшую литературу, относящуюся къ избранному имъ сюжету и разсмотрѣлъ всѣ высказанныя понынѣ гипотезы, относящіяся къ даннымъ, сообщаемымъ греческимъ отцемъ исторіи о географіи, этнографіи и исторіи скиѳовъ. Особенно интересна послѣдняя глава, представляющая опытъ изслѣдованія о языкѣ скиѳовъ, предпринятаго на основаніи сличенія скиѳскихъ именъ (числомъ до 60), уцѣлѣвшихъ какъ у Геродота, такъ и у другихъ греческихъ писателей, а равно на надписяхъ, найденныхъ въ Ольбіи, Тирасѣ и другихъ греко-понтійскихъ городахъ.

На основаніи какъ филологическихъ сближеній, такъ и разсмотрѣнія быта, обычаевъ, религіозныхъ вѣрованій и историческихъ извѣстій о скиѳахъ, г. Боннель приходитъ къ убѣжденію, весьма точно обставленному научными доводами, что скиѳы (точнѣе господствовавшее въ Скиѳіи племя) принадлежали къ иранской вѣтви арійскаго племени. Вотъ вкратцѣ важнѣйшіе выводы автора, сообщаемые имъ въ заключеніи его сочиненія: „Скиѳы и Савроматы составляли народъ иранскаго племени, который за нѣсколько столѣтій до Р. Х. былъ вытѣсненъ изъ Азіи другимъ иранскимъ народомъ (вѣроятно массагетами) за Волгу и постепенно, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, овладѣлъ всею страною, лежавшею между Дономъ и устьемъ Дуная. Народъ этотъ сохранился въ самомъ чистомъ видѣ въ группѣ такъ называемыхъ царскихъ или свободныхъ скиѳовъ, которые во время Геродота обитали между Герросомъ [1]) и Дономъ, а также занимали Крымъ, за исключеніемъ гористой его части. Савроматы составляли правдоподобно помѣсь, произшедшую отъ браковъ скиѳовъ съ женщинами покоренныхъ ими киммеріянъ, обитавшихъ къ востоку отъ азовскаго моря. Такой смѣшанный народъ населялъ, повидимому уже въ пятомъ столѣтіи, страну, лежащую на востокъ отъ азовскаго моря между Дономъ и Босфоромъ Киммерійскимъ (Керченскимъ проливомъ). Точно также и къ западу отъ Герроса скиѳы смѣшались съ

---

[1]) Авторъ не находитъ возможнымъ точно опредѣлить, какую рѣку Геродотъ разумѣлъ подъ именемъ Герроса; разсмотрѣвъ всѣ высказанныя въ этомъ отношеніи гипотезы, онъ предполагаетъ, что рѣка Волчья (притокъ Самары) соединялась въ то время съ Калміусомъ и образовывала значительную рѣку, которую Геродотъ и обозначилъ именемъ Герроса. (Стр. 71, 106).

туземнымъ киммерійскимъ народонаселеніемъ. Киммеріяне, занимавшіе страну до прихода скиѳовъ, вышли въ болѣе раннее время изъ передней Азіи, вытѣсненные вѣроятно изъ первоначальной родины борьбою семитскихъ народовъ между собою или можетъ быть нашествіемъ египтянъ; они, до выхода изъ Азіи, находились въ весьма продолжительныхъ сношеніяхъ съ этими народами и заимствовали у нихъ многія черты культуры, чѣмъ и объясняются слѣды семитскаго вліянія, которые можно подмѣтить среди скиѳовъ. Киммеріяне были соплеменники скиѳовъ; они были предками племенъ: кельтическаго и лето-славянскаго; правдоподобно та честь киммеріянъ, которая оставила страну и поселилась за предѣлами Скиѳіи послѣ пришествія скиѳовъ, была извѣстна въ послѣдствіи подъ именемъ: невровъ, агаѳиновъ и тавровъ. Собственные скиѳы и савроматы (или, по крайней мѣрѣ, часть послѣднихъ) были предками германцевъ (именно отъ собственныхъ скиѳовъ произошли готѳы). Остальная часть населенія Геродотовой Скиѳіи, хотя и обозначается общимъ именемъ скиѳовъ и савроматовъ, но имя это имѣетъ только политическое значеніе, большинство же народонаселенія состояло изъ оставшихся въ странѣ киммеріянъ и должно быть причислено къ вѣтвямъ кельтической и лето-славянской. Относительно народа, населявшаго страну еще до пришествія киммеріянъ (финны или баски?), ничего пока положительнаго установить не возможно; но предположеніе о существованіи этого первобытнаго населенія возможно" (стр. 501—503).

Приведенные выводы г. Боннеля можно раздѣлить на двѣ группы положеній, не обладающихъ въ равной мѣрѣ историческою достовѣрностью и не одинаково обставленныя какъ научнымъ матеріаломъ, такъ и критическими пріемами. Всѣ тѣ положенія автора, которыя основаны на изученіи классическихъ писателей и имѣютъ цѣлью объяснить извѣстія Геродота объ этнографіи и исторіи Скиѳіи, несомнѣнно составляютъ цѣнный вкладъ въ науку и по добросовѣстности изученія, ясности изложенія и трезвости взгляда заслуживаютъ полную благодарность всѣхъ интересующихся данными о древнѣйшей исторіи южной Россіи. Другая группа положеній автора, въ которыхъ онъ пытается связать народы геродотовой Скиѳіи съ историческою этнографіею и позднѣйшею исторіею европейскихъ народовъ, не обладаетъ качествами первой группы. Въ попыткахъ автора мы постоянно встрѣчаемъ если не предвзятую мысль, то по меньшей мѣрѣ стремленіе уста-

новить гипотезу на такомъ количествѣ данныхъ научныхъ, которыя вовсе не достаточны для того, чтобы придать ей характеръ сколько нибудь достовѣрный. Для примѣра разсмотримъ положенія автора, на основаніи которыхъ онъ съ большою увѣренностью высказываетъ мнѣніе о томъ, что скиѳы (царскіе) были предками германцевъ. Сличивъ сказаніе Геродота о скиѳахъ съ извѣстіями Страбона, Цезаря и Тацита о бытѣ германцевъ, авторъ высказываетъ слѣдующія положенія: „оба народа уподобляются другъ другу по слѣдующимъ признакамъ: оба поклонялись божеству какъ существу духовному, не допуская ни изображеній боговъ, ни храмовъ. Богамъ приносили въ жертву людей (военноплѣнныхъ), домашнихъ животныхъ, особенно лошадей, но никогда для жертвоприношенія не употребляли свиней. Угадывали волю боговъ посредствомъ гаданія, при чемъ цыфра 3 имѣла особенное значеніе. Не было господствующаго жреческаго сословія, но царь исполнялъ функціи верховнаго жреца и въ религіозныхъ дѣлахъ пользовался исполнительною властью. Во время Страбона и Цезаря германцы были кочевниками въ такой же мѣрѣ, какъ скиѳы во время Геродота. Оба народа питались по преимуществу молокомъ и мясомъ своихъ стадъ, также дичью и рыбою, не занимались земледѣліемъ, хотя уважали это занятіе, они любили предаваться хищническимъ набѣгамъ, охотѣ и войнѣ потому, что жилища ихъ граничили съ пустынями (?). Населеніе, занимавшееся земледѣліемъ въ странахъ какъ скиѳовъ, такъ и германцевъ, было населеніе коренное кельтическое, литовское или славянское, покоренное воинственными пришельцами-кочевниками. Какъ у скиѳовъ такъ и у германцевъ господствовало единоженство. У скиѳовъ, какъ и у германцевъ, мущины и женщины носили одинаковую одежду. Черепа убитыхъ враговъ сохранялись и служили вмѣсто чаши. Договоры закрѣпляли присягою, приносимою на оружіи. Ссоры рѣшались часто публичнымъ поединкомъ. Полагали, что жизнь продолжается за гробомъ, потому покойникамъ клали въ могилу оружіе, лошадей, часть драгоцѣнностей, иногда женъ, рабовъ и слугъ. Пять служителей, окружавшихъ скиѳскихъ царей (чашникъ, поваръ, конюшій, камердинеръ и герольдъ) представляютъ первообразъ придворныхъ чиновъ позднѣйшихъ германскихъ королей (?). Короли какъ у германцевъ, такъ и у скиѳовъ, могли быть избираемы и устраняемы народнымъ собраніемъ. Многіе изъ числа приведенныхъ обычаевъ до того характеристичны, что нельзя не признать тождества обоихъ народовъ и потому не можетъ быть сомнѣнія

въ томъ, что скиѳы и савроматы были болѣе или менѣе прямыми предками германцевъ". (Стр. 388—389).

Разсмотрѣвъ эти неоспоримыя, по мнѣнію автора, черты тождества обоихъ народовъ, мы не только не можемъ признать ихъ вполнѣ доказательными, но даже не находимъ въ нихъ основанія для самой осторожной гипотезы въ пользу положенія автора. Всѣ перечисленныя имъ этнографическія черты быта на врядъ-ли могутъ быть признаны характеристическими; онѣ или указываютъ лишь на извѣстную степень культуры, черезъ которую проходили всѣ народы (кочевой бытъ, культъ мертвыхъ, пристрастіе къ войнѣ и грабежу и т. п.), или составляютъ нѣсколько наивныя сближенія явленій слишкомъ отдаленныхъ и разнородныхъ (какъ замѣчаніе о царскихъ служителяхъ). Такія черты быта, какъ пристрастіе къ войнѣ и охотѣ, отсутствіе храмовъ и жрецовъ, принесеніе присяги на оружіи, употребленіе череповъ вмѣсто чашъ, гаданіе, поединки и т. д. могутъ быть указаны въ исторической этнографіи многихъ племенъ: славянъ, литовцевъ, тюрковъ и т. д.

Въ заключеніе можемъ высказать еще одно сожалѣніе по поводу сочиненія г. Боннеля: онъ почти совершенно отстранилъ матеріалъ собственно - археологическій и не обратилъ вниманія на богатыя раскопки, совершенныя на территоріи новороссійскаго края Императорскою Археологическою Коммисіею, чѣмъ лишилъ себя весьма важнаго и, при настоящемъ состояніи науки, обязательнаго матеріала для дополненія и поясненія Геродотовыхъ извѣстій о Скиѳіи. **В. А.**

Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, выпускъ 2-ой. Издалъ редакторъ неоффиціальной части Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, А. А. Кіевъ, 1882 г.

Въ январской книжкѣ Кіевской Старины сообщено было объ изданіи историческихъ матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія, предпринятомъ редакціею Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Почтенная редакція продолжаетъ вести задуманное дѣло и очевидно чѣмъ далѣе подвигается разработка архива, тѣмъ болѣе интересный и цѣльный матеріалъ она находитъ возможнымъ извлечь и сгруппировать въ своемъ изданіи.

Передъ нами второй выпускъ „Историческихъ матеріаловъ", который, отличаясь тою-же добросовѣстностью редакціи, далеко превосходитъ 1-й выпускъ полнотою и взаимною связью предлагаемаго матеріала. Въ выпускѣ этомъ помѣщено 18 дѣлъ. Половина ихъ относится къ разнымъ событіямъ, представляющимъ болѣе или менѣе важный историческій интересъ; между ними особенно обращаетъ на себя вниманіе дѣло о поземельной собственности самарскаго пустынно-николаевскаго монастыря. Какъ извѣстно, монастырь этотъ основанъ былъ въ началѣ XVII ст. на земляхъ запорожскихъ (въ 2-хъ верстахъ отъ нынѣшняго города Новомосковска, екатеринославской губ.). Послѣ упраздненія запорожской общины, монастырь продолжалъ существовать еще нѣкоторое время въ качествѣ монастыря приписнаго къ кіево-межигорскому, приходомъ котораго считалось нѣкогда все Запорожье. Дѣло, помѣщенное въ „Историческихъ матеріалахъ", заключаетъ документы (1778—1781 г.), относящіеся къ ходатайству межигорскаго монастыря объ оставленіи въ его пользованіи земель и угодій, пожертвованныхъ въ пользу самарскаго монастыря запорожцами, а также опись этихъ земель и угодій. Довольно интересно также уголовное, политическаго характера, дѣло (1753 г.), возникшее по тому поводу, что случайно, при обыскѣ дома одного изъ кіевскихъ мѣщанъ (Холявки), найдены были копіи указовъ „подъ извѣстнымъ титуломъ" (т. е. писанные отъ имени Іоанна Антоновича), которые по смыслу Высочайшаго указа приказано было раньше отослать, „куда слѣдуетъ". За неисполненіе этого указа и за упоминаніе „имени извѣстныхъ персонъ" въ спискѣ, при которомъ препровождались „куда слѣдуетъ" отысканные документы, кіевскій магистратъ заслужилъ „довольный репримандъ", а канцеляристы его попали подъ судъ. Другая половина дѣлъ, помѣщенныхъ въ „Историческихъ матеріалахъ", составляетъ группу документовъ, связанныхъ между собою содержаніемъ; это матеріалы для исторіи крестьянъ, крѣпостнаго права и крестьянскаго землевладѣнія въ кіевскомъ намѣстничествѣ въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Здѣсь помѣщены свѣдѣнія о побѣгахъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, о закрѣпощеніи послѣдними козаковъ, объ отчужденіи крестьянскихъ земель и, между прочимъ, два весьма драмматическіе факта о сопротивленіи козаковъ, при отчисленіи ихъ въ крѣпостные. Особенно рѣзко обозначается сопротивленіе это въ дѣлѣ „о возмущеніи въ селѣ Турбаяхъ" (нынѣ Трубаи, хорольскаго уѣзда) 1789 года. Здѣсь

народное раздраженіе, вызванное припискою козаковъ въ крѣпостные, разразилось весьма рѣзкою вспышкою, жертвою которой пали помѣщики Степанъ и Иванъ Базилевскіе и подверглись оскорбленіямъ и насиліямъ члены суда, выѣхавшіе въ Турбаи для установленія правъ Базилевскихъ.

Вообще 2-й выпускъ историческихъ матеріаловъ представляетъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу мѣстной археографіи, и мы искренно желаемъ, чтобы редакція Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей продолжала начатое ею полезное предпріятіе. Мы встрѣтимъ съ тѣмъ большимъ интересомъ слѣдующіе выпуски „Историческихъ матеріаловъ", что, какъ мы слышали, редакція успѣла уже собрать столь значительный запасъ документовъ, что въ дальнѣйшихъ выпускахъ она намѣрена въ каждой книжкѣ группировать матеріалы, имѣющіе другъ съ другомъ связь по содержанію, такъ, что каждая книжка будетъ представлять наборъ источниковъ по какому-либо отдѣльному сюжету изъ исторической жизни края. А.

Извѣстя и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

ПАСѢКА ГЕТМАНА Б. ХМЕЛЬНИЦКАГО [1]).

Въ февралѣ 1705 года инокиня кіевопечерскаго дѣвичьяго вознесенскаго монастыря, нѣкая Ѳеодосія Кондратьева Хмельницкая, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Ѳеодоромъ, очевидно послѣднимъ отпрыскомъ знаменитой гетманской фамиліи Хмельницкихъ, продала честнымъ отцамъ выдубицкаго михайловскаго монастыря за сто талерей монеты доброй свою отчизну и дѣдизну—пасѣку съ садами въ лѣсу *Лебединѣ*, о которомъ поется въ гайдамацкихъ пѣсняхъ и который находился въ западной части нынѣшняго чигиринскаго уѣзда и окружалъ село Лебединъ. Въ частности положеніе пасѣки, проданной инокинею Хмельницкою, по актамъ опредѣлено такъ: „въ лѣсѣ Лебединѣ, на потоцѣ водномъ, текучимъ въ поле на долину, прозваніемъ Липянку, къ речкамъ Товмачу и Висѣ сходъ имѣючимъ“. Тогдашній игуменъ выдубицкаго монастыря Варлаамъ Страховскій позаботился закрѣпить новое земельное пріобрѣтеніе и въ маѣ 1707 года выхлопоталъ у гетмана Ив. Мазепы универсалъ, которымъ утверждалось право монастыря на владѣніе лебединскою пасѣкою и „владзою гетманскою“, накрѣпко приказывалось, „абы нихто з старшихъ и меншихъ войсковыхъ и посполитыхъ людей не смѣлъ и не важился в диспонованю тое пасѣки монастыреви выдубицкому жаднимъ способомъ найменшои чинити перешкоды,

---

[1]) Свѣдѣнія о ней заимствованы изъ рукописнаго сборника документовъ кіево-выдубицкаго манастыря.

кривды, долегливости, утяженя и спустошеня". Но tempora mutantur: пять лѣтъ спустя, правобережная Украина, по прутскому договору, отошла въ польское владѣніе, и отъ могучаго „рейментарскаго" универсала, какъ юридическаго акта, для честныхъ отцевъ выдубицкаго монастыря осталось лишь одно пріятное воспоминаніе. Теперь спокойное „диспонованье" ихъ лебединскою пасѣкою было поставлено въ зависимость отъ благорасположенія польскаго магната Яна-Каетана Яблоновскаго, старосты чигиринскаго, и еще болѣе отъ его ближайшаго подчиненнаго, смѣлянскаго губернатора Войтеха Буяльскаго, въ волости котораго находился лебединскій лѣсъ. Чернцы выдубицкіе скоро успѣли войти въ пріятельство съ п. Буяльскимъ, вели съ нимъ дружескую корреспонденцію, время отъ времени посылали ему „презенты", въ видѣ „юхты" (кожи) и другихъ натуральныхъ приношеній, брали на себя коммисіонныя порученія по размѣну для него польскихъ золотыхъ на русскіе рубли и проч. и подъ его пріятельскою защитой мирно хозяйничали въ лебединской пасѣкѣ, содержа въ ней на „послушаніи" нѣсколько человѣкъ изъ братіи. Но подъ конецъ 30-хъ годовъ XVIII в. лебединскіе жители Яцько, Иванъ, Грицько и Макаръ Засенки предъявили претензію на лебединскую пасѣку, принадлежавшую будто-бы ихъ дѣду Василю Засю. Въ подтвержденіе своихъ правъ они представили какіе-то документы и сослались на свидѣтельство мѣстныхъ старожиловъ. Дѣло поступило на судъ смѣлянскаго губернатора, который хотя и водилъ пріятельство съ игуменомъ и братіей выдубицкаго монастыря, но опасался явно пожертвовать интересами Засенковъ, подданныхъ своего патрона, старосты чигиринскаго, и потому приступилъ къ обстоятельному разслѣдованію спорнаго дѣла. Сохранились многочисленныя показанія старыхъ людей, раскрывающія небезъинтересную исторію лебединской пасѣки. Еще до Хмельницкаго пасѣкою этою владѣлъ польскій шляхтичъ, по прозванію Пшунка. Въ его время жилъ въ Лебединѣ козакъ Кайданъ, который за какія-то „значныя преступленія противу закона Божія и статутовъ" подпалъ старостинскому суду „и явилъ себя достойнымъ смерти висѣльничей". Когда его вели уже на мѣсто казни, онъ встрѣтилъ знакомаго ему раньше пана Пшунку и сталъ съ плачемъ просить послѣдняго спасти его отъ позорной смерти, обѣщаясь за то быть рабомъ ему до конца своей жизни.

Ласковый панъ сжалился надъ несчастнымъ козакомъ Кайданомъ и открыто взялъ его подъ свое покровительство, а вслѣдъ за тѣмъ, при помощи личныхъ связей съ старостой и надлежащихъ *донативъ* (подарковъ) судовымъ урядникамъ, совсѣмъ освободилъ его отъ суда и наказанія. Въ актовыхъ книгахъ старинныхъ южнорусскихъ судовъ XVI и XVII столѣній не рѣдко встрѣчаются записи, по коимъ лица мѣщанскаго, боярскаго и другихъ подобныхъ сословій обязывались пожизненно быть крѣпостными людьми какого-нибудь шляхтича, вызволившаго ихъ отъ смертной казни по приговору суда за уголовныя преступленія. Такую же запись вѣроятно выдалъ пану Пшункѣ и провинившійся козакъ Кайданъ и сталъ его вѣчнымъ рабомъ. Великодушный Пшунка потребовалъ отъ своего новаго подданнаго небольшой работы: онъ сдѣлалъ его пасѣчникомъ въ своей лебединской пасѣкѣ. Скоро послѣ того вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго. Панъ Пшунка бѣжалъ въ Польшу, а его пасѣку въ лебединскомъ лѣсу взялъ себѣ самъ гетманъ Богданъ Хмельницкій. Пасѣчникъ Кайданъ не послѣдовалъ за своимъ паномъ, а остался смотрѣть за пчелами новаго хозяина. Все это показали лебединскіе старожилы, въ числѣ которыхъ оказался одинъ очень старый пасѣчникъ Яковець, не разъ бывшій атаманомъ въ Лебединѣ и знавшійся въ молодости съ еще болѣе старыми людьми, свидѣтелями эпохи Хмельницкаго. „И тое (прибавилъ Яковець въ своемъ показаніи) я чувъ запевне одъ старого пасичника Ивана Близнюка, що того-жъ часу и времене войско турецкое, якъ шло с-подъ Чигирина, въ пасіці Пшунчиной пчолы гетманскии Хмельницкого выбили; и отъ того часу не було пчолъ гетмана Хмелницкого в пасіці Пшунчиной“.

А послѣ тревожной эпохи временъ Дорошенка, сохранившейся въ народной памяти подъ именемъ „великои руины“, съ лѣвобережной Украины, именно изъ с. Власовки, „бовкуномъ перевезся“ въ Лебединъ сынъ гетманскаго пасѣчника Кайдана, Василь Зась, „и, вшедши въ Пшунчину пасѣку, ставъ называтись господаремъ до половины пасѣки, а про другу половину сказавъ, що тая половина—гетманишина, а якои гетманихи—того не упомню. Потомъ не скоро чернцѣ киевскіи пріихали съ купчими письмами, то я чувъ отъ свого тестя Кривенького, що Кривенькій казавъ Засевѣ при мнѣ: „отъ тебѣ, брате Василю, уже не мѣсце въ пасѣцѣ, коли

найшлися господарѣ". И чувъ я отъ Кривенького жъ, що и отаманъ Горбинка тое жъ сказавъ Засевѣ: „брате Засю, уже тобѣ не мѣсце въ той пасѣцѣ, шукай собѣ где инде мѣсця". А чернець киевскій говоривъ Засевѣ: „коли тобѣ жаль пасѣки, дай въ манастыръ сто золотыхъ, и твоя будетъ пасѣка". Тое жъ и отаманъ и люде говорили Засевѣ, жебы купивъ у чернцовъ пасѣку; але Зась, порадившись зъ своею женою, не схотѣвъ куповать пасѣки, а скоро чернцѣ съ пчолою ввезлися въ Пшунчину пасѣку, того жъ часу Зась совсѣмъ вывюзся въ Почекаеву пасѣку".

Всѣ подобныя показанія лебединскихъ старожиловъ достаточно подтверждали наслѣдственныя права Засенковъ на дѣдовскую часть лебединской пасѣки и потому смѣлянскій губернаторъ въ 1739 г. присудилъ выдѣлить имъ половину спорной пасѣки. Высланные имъ лебединскіе жители, во главѣ съ атаманомъ, провели межу и положили по тогдашнему обычаю „клейна", т. е. межевыя знаки: „первое клейно—крестъ на грушѣ противъ погреба; другое клейно на берестовомъ пнѣ—такожде крестъ; третое клейно надъ ставкомъ на яблонѣ, а на томъ боцѣ ставка дубъ росоховатый великій, а съ приходу такожде дубъ съ клейномъ крестовымъ". Но отцы выдубицкіе не хотѣли подчиниться этому рѣшенію и настаивали на своемъ правѣ безраздѣльнаго владѣнія пасѣкою. Смѣлянскій губернаторъ, въ письмѣ къ архимандриту, униженно оправдывался, что онъ рѣшилъ дѣло по сущей справедливости, указывая, что въ монастырскихъ документахъ не опредѣлены границы спорной пасѣки и что эти документы не были никогда подтверждены чигиринскимъ старостою; въ крайнемъ случаѣ онъ совѣтовалъ архимандриту апеллировать къ его принципалу, старостѣ Яблоновскому, и въ видахъ болѣе вѣрнаго успѣха дружески наставлялъ, что „daleko by rzecz fundamentalnieysza była, gdyby za te pasiekę certum quantum importare do skarbu j. m. mego dobrodzieja" [1]). Послѣдовали-ли честные выдубицкіе отцы этому совѣту, изъ дѣла не видно.

О. Левицкій.

---

[1]) Т. е. «было-бы гораздо надежнѣе внести за эту пасѣку извѣстную сумму въ кассу его милости, моего добродія» (ст. Яблоновскаго).

КЪ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ.

Въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины“, на стр. 548, помѣщена небольшая замѣтка подъ заглавіемъ: „Гдѣ именно жили запорожцы во время подчиненія своего крымскому хану“. Авторъ замѣтки, г. Левченко полагаетъ, что они жили въ это время или на болотистомъ островкѣ, называемомъ „Кошовая“, или-же на другихъ днѣпровскихъ островахъ, но *не въ алешковскомъ уѣздѣ*, т. е. на таврическомъ берегу Днѣпра. Мы просимъ г. Левченко прочитать со вниманіемъ стр. 21—54 2-й части книги нашей подъ заглавіемъ: *Исторія Новой Сѣчи* или *послѣдняго Коша запорожскаго*, изданной въ Одессѣ въ 1846 году, и онъ найдетъ подробный отвѣтъ на свой вопросъ: гдѣ жили запорожцы во время своего злополучнаго скитанія подъ крымскимъ покровительствомъ? А именно— послѣ бѣгства Мазепы, съ старшиною малороссійскою и частью запорожской, съ шведскимъ королемъ Карломъ въ Бессарабію, мятежный кошевой Костя Гордѣенко перешелъ изъ разоренной полковникомъ Галаганомъ „Старой Сѣчи“ на Чертомлыкѣ [1]) на крымскія степи за Днѣпромъ и тамъ поставилъ свой кошъ на р. Каменкѣ, близь нынѣшней почтовой станціи Мѣловой. Тамъ умеръ онъ,—эта несчастная жертва Мазепиной крамолы, и тамъ до сихъ поръ сохранилась его могила съ надгробнымъ каменнымъ крестомъ. Спустя нѣкоторое время, русскія войска ихъ оттуда выгнали, и козаки, скитаясь по разнымъ ногайскимъ кочевьямъ, въ томъ числѣ и въ одесскомъ нынѣшнемъ уѣздѣ, близь лимановъ, только по заключеніи мира съ Турціею могли успокоиться и основать Сѣчь въ Алешкахъ въ 1712 г., гдѣ и оставались подъ тяжкимъ татарскимъ надзоромъ до 1730 г., т. е. до возвращенія подъ родныя русскія знамена, съ дозволенія императрицы Анны Іоанновны. Между 1730 и 1732 годами они основали себѣ Кошъ, уже *послѣдній*, на р. Подпольной, близъ древняго козачьяго пепелища, назвавъ его „Новою Сѣчью“ [2]).

---

[1]) Нынѣ с. *Капуловка*, екатеринославской губерніи и уѣзда, принадлежащее къ удѣльному вѣдомству.

[2]) Нынѣ с. Покровское, принадлежащее удѣльному вѣдомству екатер. губ. и уѣзда.

Но на островѣ Кошевомъ у Херсона, ничтожномъ по пространству и постоянному въ XVIII столѣтіи его затопленію, они обитать не могли; это доказывается еще тѣмъ, что тамъ было устроено генераломъ Александромъ Румянцевымъ, отцемъ Задунайскаго, укрѣпленіе, названное *Александръ-Шанцомъ*. Это крѣпость нынѣшняго Херсона и бывшаго въ немъ адмиралтейства. Слѣдовательно военное начальство не допустило бы селиться на правомъ берегу Днѣпра мятежникамъ, которыхъ еще многіе годы преслѣдовало наше правительство.

Пользуясь случаемъ поговорить о запорожцахъ, мы предлагаемъ здѣсь еще одинъ документъ изъ столь скуднаго архива алешковской Сѣчи. Это ярлыкъ основателя ея Капланъ-Гирея I хана крымскаго, узнавшаго, что запорожцы оставили этотъ Кошъ и перешли за Днѣпръ на свои древнія пепелища. При этомъ ярлыкѣ былъ посланъ козакамъ и тотъ „листъ" Орлика, который мы напечатали въ апрѣльской книжкѣ „Кіевской Старины". Переводъ ярлыка сдѣланъ былъ, вѣроятно, однимъ изъ тѣхъ бѣглыхъ поляковъ, какими въ XVIII столѣтіи наполнены были лагери и дворы богатыхъ вельможъ западной Европы, Турціи и Крыма:

„Переводъ листу наяснѣйшаго хана его милости".

„Кошовому атаману, старшинѣ и всему войску запорожскому низовому поздоровленіе.

Листъ вашъ прислалисте до брата моего Оръ-Бея [1]), черезъ который освядчилисте ему, же (что) зичите (желаете) себѣ повернуться подъ крыля нашой стороны и же отмѣняется намѣреніе, которое взялисте были предъ себе отыйти до Москвы. Что игди (когда) помянутый солтанъ намъ ознаймилъ (сообщилъ) и листъ, который вы до его писалисте, намъ для вѣдома прислалъ, вельце съ того утѣшилемся. Богъ всемогущій знаетъ наше сердце и намѣреніе и якъ вси беи, мурзы и цѣлое панство крымское старается о вашей цѣлости и желаетъ вамъ всякого добра. Памятайте, что вы ѣли у насъ хлѣбъ и соль и жилисте у насъ добре. Ежели вы зичите (желаете) себѣ повернуться назадъ, будемъ вамъ рады и пріимемъ васъ ласкаве, якъ гостей, и обѣщаемъ

---

[1]) Оръ-Бей—начальникъ перекопскаго замка, обыкновенно князь или султанъ изъ царствующаго дома Гиреевъ.

вамъ заховати тую самую приязнь, якую до васъ мѣлисьмо и будете защищаться такъ добре нашею обороною и нашимъ странолюбіемъ, яко и передъ тымъ, и мы вамъ позволимъ все тое, що передъ симъ мѣлисте. Гдѣ зась (же) мѣете осѣсти, даемъ вамъ вольность обрати (избрать) себѣ такое мѣсто, гдѣ сами хочете. Однакоже ражу (совѣтую) вамъ для вашего добра и пожитку и для нашего уподобанья стати кошемъ на томъ мѣстѣ, на которомъ осѣдлисте были прежде, удавшися (переходя) подъ нашу оборону [1]).

„По указу Порты Оттоманской, панъ Орликъ, гетманъ вашъ, который зоставалъ (находился) до тыхчасъ въ Солонику, пришелъ теперь до насъ для злученія ся (соединенія) съ нами. Пишетъ до васъ листъ свой, якій мы вамъ посылаемъ при семъ нашемъ листѣ. Яко и онъ мыслить тожь самое, що мы и вы, и который старается о вашемъ добрѣ и пожитку публичномъ, такъ потреба, же бысте вѣрили тому всему, що вамъ въ листѣ своемъ выражаетъ. Для того найбарзей (болѣе всего), же онъ есть вашъ голова и вашъ вождь и же вы повинни ити за его радою. Зъ нашой стороны упевняемъ (увѣряемъ) васъ, же мы примемъ васъ ласкове и же вы не будете мѣть жадной кривды и насилія ни отъ насъ, ни отъ панства крымскаго, ежели повернетесь на мѣсце, которое я вамъ назначаю. Остатокъ скажетъ вамъ устне отдавца сего нашего листу гетманъ Дубоссарскій [2]), якій листъ для большей вамъ вѣры власною (собственною) рукою подписуемъ, и печатью нашею отвержаемъ“.

Капланъ Гирей-Ханъ [3]).

А. Скальковскій.

КЪ ИСТОРІИ ВѢРОВАНІЯ О ПРОДАЖѢ ДУШИ ЧОРТУ.

Въ числѣ имѣющихся у насъ дѣлъ генеральнаго малороссійскаго войсковаго суда, относящихся до вѣдовства и колдовства, на-

---

[1]) Т. е. въ Алешкахъ, на сгражѣ противъ устроеннаго нашимъ правительствомъ Александръ-Шанцъ (послѣ крѣпости въ Херсонѣ).

[2]) Дубоссары (херс. губ.) и Балта были владѣнія (чифлики) хановъ крымскихъ и управлялись атаманами, армянами.

[3]) Этотъ Капланъ-Гирей I былъ три раза на престолѣ крымскомъ въ 1707, 1713 и 1730 г.

ходится одно интересное во многихъ отношеніяхъ дѣло о продажѣ души чорту. Возникло оно въ г. Глуховѣ, въ генеральной войсковой канцеляріи, въ сентябрѣ 1749 года, и озаглавливается такъ: *Дѣло о колоднику Ивану Роботѣ, отступившему отъ Бога и предавшему себя демону.*

Состоитъ это дѣло, кромѣ не достающей промеморіи или отношенія генеральной войсковой канцеляріи въ духовную митрополіи кіевской консисторію, писанной въ сентябрѣ того-же года, изъ слѣдующихъ документовъ: 1) отвѣтной на нее промеморіи кіевской консисторіи 22 ноября 1749 года, 2) возвращаемой при ней подлинной росписки Ивана Роботы, которою онъ записалъ душу и тѣло свое демону, 3) указа генеральной войсковой канцеляріи въ войсковый генеральный судъ отъ 28 марта 1750 года, 4) прошенія въ этотъ судъ Ивана Роботы о скорѣйшемъ разсмотрѣніи его дѣла отъ 25 мая того-же года, 5) показанія его въ томъ-же судѣ 5 іюня 1750 г., 6) полуистлѣвшаго рѣшенія войсковаго генеральнаго суда объ Иванѣ Роботѣ, 7) двухъ рапортовъ въ этотъ судъ полтавской полковой канцеляріи объ исполненіи его рѣшенія, 1750 года августа 14 дня и 1751 г. сентября 15 дня и 8) подписки отца подсудимаго Ѳедора Роботы въ принятіи имъ сына изъ полковой тюрьмы 1751 г. сентября 15 дня.

Было-бы утомительно для читателей перечитывать всѣ эти документы, съ небольшими варіаціями передающіе не сложное дѣло о богоотступникѣ Иванѣ Роботѣ. Мы передадимъ сущность и ходъ этого дѣла, приводя лишь найболѣе характерныя мѣста документовъ.

Въ г. Глуховѣ, въ глуховской войсковой канцеляріи служилъ канцеляристомъ Иванъ Робота. Былъ онъ сынъ значковаго товарища Ѳедора Роботы, а учился предъ тѣмъ въ кіевской академіи до реторики и латинскому языку обученъ былъ. Какого состоянія былъ его отецъ и какъ учился сынъ въ академіи, изъ дѣла не видно; но можно по существу дѣла заключить, что ни отецъ его не обладалъ состояніемъ, ни самъ сынъ не просвѣтился, какъ должно, въ тогдашнемъ святилищѣ наукъ. Уже три года служилъ онъ здѣсь и имѣлъ отъ роду 22 года. Положеніе канцеляристовъ всегда и вездѣ самое печальное: въ собственномъ смыслѣ они питаются отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы ихъ господъ, начальниковъ. Таково было положеніе и Ивана Роботы. Нужда одолѣвала его, по-

мощи ни откуда. Въ то темное по понятіямъ время въ кругу людей и выше его господствовало повѣрье, что тамъ, гдѣ уже никто не поможетъ, пособитъ бѣсъ. Одного хотѣлъ Робота — *„споможенія“*, прибавки, такъ сказать, къ жалованью, которой тщетно подъчасъ алчутъ и нынѣшніе канцеляристы. Но вспоможеніе отъ демоновъ можно получить не иначе, какъ записавъ имъ душу. Для большей, видно, крѣпости рѣшился бѣдный канцеляристъ, конечно, послѣ тяжкаго раздумья, записать демону не только душу свою, но и тѣло. Но и росписка должна быть не простая: ее надо было писать своею кровію, а кровь добыть изъ собственнаго мизынца. Входя въ душу темнаго человѣка того времени, можно представить себѣ весь ужасъ его положенія, его мукъ, страданій и борьбы съ самимъ собою, пока онъ покончитъ съ такимъ ужаснымъ дѣломъ. А тутъ надо нести росписку въ поле, куда-либо на перекрестокъ, въ темную при томъ ночь... туда, гдѣ нѣтъ людей, гдѣ черти сбираются, „на вкулачки бьются“. Все это, видно, продѣлалъ канцеляристъ, искавшій „споможенія“.

3-го сентября козакъ сотни глуховской Ѳедоръ Рудковскій представилъ въ генеральную войсковую канцелярію доношеніе, а при томъ доношеніи и карту, которую хожалый Давидъ Винда съ товарищи нашли за городомъ. Въ картѣ значилось отъ слова до слова такъ: *темнозрачному адскихъ пропастей началнику и служителемъ его демономъ вручаю душу і тѣло мое, ежели по моему требованію чинити мнѣ споможеніе будутъ...*

Кровю своею подписался Иванъ Робота.

Виновный былъ на лице тутъ-же въ войсковой канцеляріи. Его потребовали къ допросу. Онъ „потаился“,—письмо, говоритъ, и подпись не моей руки; но тутъ было много бумагъ, его рукою писанныхъ. Шесть „повѣтчиковъ“ сличали почеркъ росписки съ письмомъ Роботы,—„письмо явилось быть сходно“. Роботѣ пригрозили „жестокимъ боемъ“, и онъ повинился. Тогда его заковали въ кандалы и подъ карауломъ отправили при особой промеморіи въ кіевскую консисторію „для учиненія съ нимъ по указамъ и правиламъ св. отецъ“. Суевѣрный невѣжа становится преступникомъ, простое недомысліе трактуется, какъ сознательное отреченіе отъ Бога, и это послѣднее судится по указамъ и по правиламъ св. отецъ. Промеморію подписали Иванъ Челищевъ и Яковъ Якубовичь, какъ

члены главнаго управленія страны, старшій канцеляристъ Василій Туманскій и канцеляристъ Стефанъ Юзефовичь.

Въ консисторіи Робота отрекся отъ своего показанія, заявивъ, что оно вынуждено было у него страхомъ „боя". Консисторія со всѣмъ дѣломъ возвратила его въ ту-же войсковую канцелярію, для „учиненія о его разномъ показаніи надлежащаго по указамъ разсмотрѣнія". Оба учрежденія держались строго въ предѣлахъ своей компетенціи: войсковая канцелярія путемъ увѣщаній и угрозъ исторгла было у своего подчиненнаго признаніе его вины, но назначить по этому наказаніе не считала себя въ правѣ; въ свою очередь консисторія, не видя добровольнаго признанія, ни стороннихъ уликъ, не рѣшалась входить въ дальнѣйшее разслѣдованіе и полагать какое либо рѣшеніе. Въ виду уклончиваго отвѣта консисторіи, войсковая канцелярія рѣшилась оставить ее въ покоѣ и передала дѣло о „колоднику Ивану Роботѣ" въ войсковой генералный судъ. Тутъ сдѣланъ былъ ему передопросъ. Робота ни въ чемъ не измѣнилъ своего объясненія, даннаго въ консисторіи: онъ стоялъ на томъ, что сознаніе его въ войсковой канцеляріи было вынужденное, что далъ онъ его, „боясь бою", что на самомъ дѣлѣ „карты до темнозрачнаго адскихъ пропастей началника и служителей его демоновъ никогда никакъ онъ, какъ не писалъ, такъ и кровию своею на той карткѣ демонамъ не подписывался"; теперь онъ даже утверждалъ, что „та картка, по свидѣтельствованіи ея обрѣтающимися въ генеральной войсковой канцеляріи канцеляристами, совершенно къ писму его не сходна и кто ее писалъ и чрезъ то подлогомъ написання и подписомъ руки его кровию его изобидѣлъ,—не вѣдаетъ". Тѣмъ не менѣе войсковой судъ, не обращаясь уже къ компетенціи суда духовнаго, собственною властію 3-го августа постановилъ: „колодника Ивана Роботу... въ находячійся въ полтавскомъ полку мужескій нефорощанскій монастиръ при писменомъ видѣ отправить съ требованіемъ, дабы тамо его опредѣля какому искусному старцу, велено было содержать подъ добрымъ присмотромъ, съ надлежащимъ духовнымъ истязаніемъ, воздержуя отъ всякихъ непотребныхъ поступковъ чрезъ полній круговій годъ не опускно,... по прошествіи таковаго полнаго года, буди оному Роботѣ, по духовному жъ разсуждению, болѣе въ той обители къ исправлению своего житія быть не доводитимется, то оного Роботу съ той оби-

тели въ полковую полтавскую канцелярію было прислано, а въ полковой канцеляріи, за присилкою означенного Роботы, сискавъ отца его, полку полтавского значкового товарища Ѳедора Роботу, отдать оного ему съ подпискою, что онъ объявленнаго сына своего имѣетъ содержать впредъ подъ надлежащимъ родительскимъ страхомъ".

Осужденный Робота 11-го августа былъ доставленъ по назначенію и „за скудость въ томъ монастырѣ монаховъ искуснихъ старцевъ" принятъ въ келію къ самому архимандриту и начальнику монастыря Гавріилу Яновскому, который донесъ о томъ какъ полковой канцеляріи, такъ и кіевскому митрополиту.

Спустя годъ съ небольшимъ, именно 24 авг. 1751 г., игуменъ нефорощанскаго монастыря доставилъ Ивана Роботу въ канцелярію полтавскаго полка съ заявленіемъ, что онъ выжилъ, по рѣшенію войсковаго суда, въ монастырѣ цѣлый круговой годъ и что „*по духовному разсужденію*, болѣе ему тамъ содержану быти не доводится". „Сысканъ" былъ отецъ его Ѳедоръ Робота и „ему сынъ его Иванъ отданъ съ подпискою, что имѣетъ онъ его впредъ содержать подъ надлежащимъ родительскимъ страхомъ. Сент. 16 дня 1751 г."

Такъ закончилось это курьезное дѣло о „колоднику Иванѣ Роботѣ", *студенѣ* высшаго училища, чиновникѣ высшаго учрежденія. Молодой, едва начавшій служебную свою карьеру человѣкъ, какъ ее всѣ тогда начинали, обвиняется въ самомъ тяжкомъ и позорномъ по тогдашнимъ понятіямъ преступленіи — преданію себя „въ помощъ демонамъ", а это преступленіе ни что иное, какъ поголовное суевѣріе и невѣжество того времени. Хотя не подлежитъ сомнѣнію, что самые законы, по которымъ судился Робота, и самые его судьи и начальники не стояли въ понятіяхъ выше его, но потому онъ и судится и осуждается. Дѣйствительно-ли онъ, подъ двойнымъ гнетомъ нужды и суевѣрія, „предалъ себя въ помощь демонамъ, ежели они ему вспоможеніе чинить будутъ" въ скудномъ, конечно, его содержаніи, или кто нибудь поступилъ съ нимъ „подлогомъ написанія" роковой картки, судить теперь трудно, а тогдашніе судьи были, конечно, убѣждены въ правотѣ своего суда, и мы должны тѣмъ болѣе имъ вѣрить, что, сравнительно съ тогдашними законами о вѣдовствѣ и колдовствѣ, они судили милостиво и снисходительно. Тѣмъ не менѣе юноша, предъ которымъ еще не начинала улыбаться фортуна, губитъ свою карьеру, быть можетъ

и самую жизнь. „Чрезъ девять мѣсяцей, писалъ онъ въ судъ войсковой задодго до рѣшенія своей участи, я бедній въ невинности содержуюсь подъ карауломъ, дневнаго препитанія жажденъ, прихожу въ немалое изнеможеніе“. Почти годъ тюремнаго заключенія, съ пересылкою изъ инстанціи въ инстанцію, и монастырское заключеніе свыше года рѣшили участь его на всегда. Онъ опозоренъ, обезславленъ, лишенъ карьеры, службы, средствъ пропитанія и, какъ негодный для общества, сдается подъ началъ родительскій для содержанія подъ надлежащимъ страхомъ. Послѣдующая судьба его не извѣстна, но дорисовать ее не трудно. И всему виною одно нелѣпое вѣрованіе, что можно отъ бѣсовъ вспоможеніе получать.

И до сихъ поръ еще среди малороссійскаго народа не вымерло это вѣрованіе, и до сихъ поръ еще многіе простолюдины вѣрятъ въ возможность для человѣка вступать въ непосредственныя отношенія съ чортомъ, убѣждены даже, что есть люди, которые дѣйствительно состоятъ въ такихъ отношеніяхъ и назовутъ вамъ такихъ людей. Существуетъ также вѣрованіе, что къ нѣкоторымъ женщинамъ летаетъ *нечистая сила*, въ образѣ змія, который состоитъ съ ними въ любовныхъ отношеніяхъ. Сильно держится вѣрованіе, что *чортъ*, тому или другому богатому человѣку, *гроши носитъ*. Все это такія же вѣрованія, какъ и то, изъ котораго возникло дѣло Ивана Роботы. Каждое изъ такихъ вѣрованій составляетъ только частичное проявленіе общераспространенныхъ въ стародавнія времена антропоморфическихъ представленій о злыхъ духахъ, демонахъ, чертяхъ, какъ существахъ такихъ, которыя могутъ вступать съ человѣкомъ въ обыкновенныя житейскія отношенія: любовныя, брачныя, семейныя, дѣловыя, договорныя.

Общераспространенное вѣрованіе, что договоръ съ чертомъ долженъ быть подписанъ кровью, *добытою изъ мезинца*, въ свою очередь указываетъ на глубочайшую древность общаго вѣрованія о возможности для человѣка дѣловыхъ и семейныхъ отношеній съ чортомъ и перенесено на эти отношенія изъ обыкновенныхъ между людьми отношеній. Употребленіе крови играетъ вообще большую роль въ сношеніяхъ, союзахъ и сдѣлкахъ первобытнаго человѣка. Междуплеменные и брачные союзы, договорныя отношенія и про-

стыя сдѣлки многихъ дикихъ и полудикихъ племенъ, нынѣ живущихъ, скрѣпляются и теперь тѣмъ или другимъ видомъ употребленія крови. Есть данныя подтверждающія, что и народы, стоящіе на той или другой степени цивилизаціи, переживали нѣкогда дѣйствительное употребленіе крови въ всевозможныхъ междуплеменныхъ и бытовыхъ сдѣлкахъ и сношеніяхъ.

Вслѣдствіе антропоморфическихъ представленій о чортѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ между нимъ и человѣкомъ, употребленіе крови не могло не быть перенесено и въ вѣрованія о договорахъ съ дьяволомъ, и въ практику этихъ вѣрованій. Представленіе объ употребленіи крови въ отношеніяхъ человѣка съ человѣкомъ давно исчезло у цивилизованныхъ народовъ. Но то, что оно сохранилось среди этихъ народовъ въ низшихъ ихъ классахъ въ примѣненіи къ договорамъ съ чортомъ, и указываетъ на то, что оно нѣкогда имѣло соотвѣтствующую ему дѣйствительность среди народа въ обыкновенныхъ договорахъ и сдѣлкахъ.

На роспискѣ, составляющей предметъ нашего дѣла, написано: *Кровію своею подписался Иванъ Робота.* Мы внимательно изслѣдовали, дѣйствительно ли эти слова написаны кровію, и убѣдились, что они написаны тѣми же самыми чернилами, какъ и вся росписка. Мы думаемъ, что выраженіе: *кровію своею подписался*—имѣетъ такое же значеніе, какъ „руку приложилъ". Это формула нынѣ не соотвѣтствующая дѣйствительности, но указывающая на то, что въ стародавнія времена дѣйствительно совершалось то, что она обозначаетъ нынѣ.

А. Ѳ. Кистяковскій.

ПОСЛѢДНЯЯ САМОЗАЩИТА Г. КІЕВА.

Въ связкѣ дѣлъ кіевскаго городскаго магистрата за 1840—1850 г. мы нашли постановленіе магистрата, состоявшееся 13 декабря 1842 года, о выдачѣ Антону Лакердѣ свидѣтельства о его службѣ и о правѣ его, какъ гражданина и члена магистрата, на Высочайшее благоволеніе за охрану г. Кіева въ 1831 году. Этотъ документъ сообщаетъ о фактѣ, который былъ извѣстенъ до сихъ поръ лишь немногимъ кіевскимъ старожиламъ, по преданію,—именно

о самозащитѣ города въ 1831 г. отъ „злонамѣренныхъ“ людей, подъ коими разумѣлись тогда польскіе мятежники. Обстоятельства дѣла, на сколько они выяснились изъ найденнаго нами документа, состоятъ въ слѣдующемъ: когда польскій мятежъ сталъ быстро разростаться, когда помѣщики кіевской губерніи одинъ за другимъ становились въ ряды инсургентовъ и жертвовали имуществомъ для своего общаго дѣла, „почтеннѣйшее общество кіевскихъ гражданъ“, вмѣстѣ съ членами магистрата и подъ предсѣдательствомъ своего войта Гр. Ив. Киселевскаго [1]), „учинили разсужденіе“ („сбрашася“, „створиша вѣче“, „сдумаша“, „совѣщаша“, какъ выразился-бы лѣтописецъ) о положеніи города. Вспомнили при этомъ кіевляне, что древніе „привилеи“ польскихъ королей и „особыя грамоты великихъ государей“, даютъ имъ право отражать врага собственными силами и вмѣняютъ имъ въ обязанность охрану своего города и уѣзда, и потому „признали нужнымъ“, по бывшему въ 1812 году примѣру, „вооружить изъ среды себя для охраненія города и отраженія злонамѣренныхъ такое количество конныхъ и пѣшихъ, какое начальство предназначитъ“. Постановленіе это состоялось 1 мая 1831 г. и лишь только послѣдовало по нему разрѣшеніе генералъ-губернатора Княжнина отъ 8-го мая, какъ 12-го числа того-же мѣсяца составленъ былъ отрядъ изъ 1000 человѣкъ пѣхоты и 200 конницы. Императоръ Николай I, увѣдомленный губернаторомъ о таковой готовности кіевлянъ, выразилъ чрезъ него свое особое Высочайшее благоволеніе всѣмъ лицамъ, участвовавшимъ въ организаціи и составѣ „гражданской стражи“. По всей вѣроятности отрядъ былъ сформированъ подобно тому, какъ формировался онъ и въ мирное время для церемоній, и только болѣе былъ приспособленъ къ совершавшимся событіямъ. Начальникомъ отряда былъ избранъ ратегеръ магистрата Иванъ Гавриловичъ Мажный, тогда уже шестидесятилѣтній старикъ, командовавшій городской милиціей до уничтоженія ея въ 1834 году и „во время французской компаніи исполнявшій разныя порученности, какъ по назначенію градскаго обще-

---

[1]) Онъ «війтовавъ» въ Кіевѣ съ 1827 по 1834 годъ; въ 1833 г. при рескриптѣ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени, быть можетъ, за участіе въ сформированіи городской милиціи, если только не въ виду предстоявшаго увольненія отъ обязанностей войта съ введеніемъ новаго городоваго положенія.

ства, такъ и бывшаго тогда гражданскаго губернатора де-Санти, до устройства по тому случаю разныхъ потребностей и къ охраненію города отъ опасности". Съ Мажнымъ, какъ главнымъ начальникомъ отряда, раздѣлялъ власть его ближайшій помощникъ „полковникъ" Иванъ Петровичъ Романовскій, также ратегеръ магистрата, имѣвшій подъ своимъ начальствомъ „адъютанта", обязанности котораго исполнялъ тогда гражданинъ Хотяновскій. Хотя отрядъ сформированъ былъ совсѣмъ по военному, но до военныхъ дѣйствій не доходилъ и вся дѣятельность этой „гражданской стражи" состояла въ объѣздѣ конницей города „внутри и около", да въ занятіи въ немъ пѣхотой карауловъ и постовъ. Съ подавленіемъ мятежа и съ изданіемъ государемъ амнистіи 1-го ноября 1831 года польскимъ революціонерамъ, дѣятельность стражи, конечно, также должна была прекратиться, а 10-го декабря того-же года губернаторъ объявилъ гражданамъ Кіева вторичное Высочайшее благоволеніе за „примѣрное усердіе" и проч. отряда, который, отдаленный отъ непріятеля, ограничивался лишь „строгимъ соблюденіемъ правилъ военной дисциплины". Это невинное упражненіе на видъ только воинственныхъ кіевлянъ породило въ то время *своего рода* бурю, какъ разсказалъ о томъ внукъ бывшаго кіевскаго войта Иванъ Киселевскій въ № 115 „Зари" за текущій годъ. По его разсказу, основанному на семейныхъ преданіяхъ и уцѣлѣвшихъ какихъ-то документахъ (желательно было-бы видѣть ихъ въ печати), кіевляне, сформировавъ отрядъ, „вскорѣ были поражены внезапнымъ изъ Петербурга распоряженіемъ, по которому они устранялись отъ исполненія гарнизонной службы по г. Кіеву. Въ то-же время самъ войтъ былъ вытребованъ черезъ фельдъ-егеря въ столицу. Оказалось, что польскія газеты протрубили, будто войтъ Киселевскій, занявъ своими войсками кіевскую цитадель, водрузилъ на валахъ ея польское знамя и ждетъ прихода поляковъ. Личныя объясненія его оказались совершенно достаточными для того, чтобы убѣдить кого слѣдуетъ въ безъосновательности слуховъ, распространенныхъ польскими газетами.

Невольно приходится сказать: и тогда, какъ и теперь (процессъ 11-ти во Львовѣ) поляки изъ мухи дѣлали слона, но тогда въ удовольствіе себѣ, теперь изъ страха за себя.

И. Каманинъ.

НЕВОЛЬНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНІЕ И ТОСКА ПО РОДИНѢ, КАКЪ ПОДОЗРИТЕЛЬНОЕ ЧУВСТВО.

Въ старое доброе время, когда помѣщикъ безвозбранно и безконтрольно распоряжался судьбою унаслѣдованныхъ или купленныхъ имъ крестьянъ, производились надъ ними всякаго рода (единичныя и огульныя) насилія, въ томъ числѣ и невольное ихъ переселеніе изъ одного имѣнія въ другое, хотя бы для этого имъ пришлось идти за три-девять губерній. Въ большей части такихъ переселеній имѣлись въ виду ближайшіе хозяйственные разсчеты помѣщика, благосостояніе же переселяемыхъ всего менѣе принималось въ соображеніе,—они просто трактовались, какъ рабочій скотъ, породу котораго можно улучшать посредствомъ смѣшеній...

Опытъ такого переселенія произведенъ былъ послѣ сороковыхъ уже годовъ помѣщикомъ одной изъ малороссійскихъ губерній И. И. Сердюкомъ, и вотъ что случилось при этомъ.

Состоялъ онъ членомъ корреспондентомъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Въ бытность свою въ Петербургѣ въ 50-хъ годахъ, Сердюкъ, какъ членъ общества, счелъ нужнымъ представиться его предсѣдателю, которымъ былъ тогда кн. В. В. Долгорукій. По предложенію сего послѣдняго, имъ тогда же была написана и въ Трудахъ общества помѣщена статья, подъ заглавіемъ: „Краткій очеркъ хозяйственныхъ занятій мстиславскаго помѣщика И. И. Сердюка“ [1]). Въ статьѣ говорилось между прочимъ: „Я перевелъ изъ Малороссіи въ мстиславскій уѣздъ, могилев. губ., въ с. Кудричи 25 мужчинъ и 25 женщинъ малороссіанъ, въ тѣхъ соображеніяхъ, чтобы племеннымъ смѣшеніемъ довольно сильнаго и довольно нравственнаго элемента привить къ бѣлорусскому краю крѣпкихъ и добронравственныхъ хлѣбопашцевъ. Мнѣ стоило большаго труда и издержекъ обзавести переселенцевъ хозяйствомъ, *ублажить ихъ тоску по отчизнѣ* и сблизить, или, такъ сказать, сроднить различные характеры, уравновѣсить разнородную природу въ хозяйственномъ быту“, и проч.

Когда въ слѣдъ за напечатаніемъ статьи,—разсказывалъ намъ И. И., я прибылъ снова въ Петербургъ и явился къ князю, онъ

---

[1]) См. Труды Имп. в. эк. Общ. за 1850 г. Т. II, № 4, стр. 16 (смѣсн).

встрѣтилъ меня слѣдующими словами, произнесенными, противъ обыкновенія, взволнованнымъ голосомъ: „что вы, батюшка, надѣлали?—Государь читалъ и приказалъ подобныхъ статей не печатать“... Послѣ столь неожиданнаго пріема, я не нашелъ удобнымъ просить дальнѣйшаго объясненія отъ князя и отправился къ секретарю общества Бурнашеву. Тотъ объяснилъ мнѣ, что всѣ журналы просматриваются въ III отдѣленіи генераломъ Дубельтомъ и неблагонамѣренныя въ нихъ статьи и мѣста, имъ подчеркнутыя, представляются Государю, что и № Трудовъ съ моею статьею былъ также представленъ и въ ней подчеркнуты были рукою Дубельта слова: *ублажить ихъ тоску по родинѣ*, но что Государь противъ этихъ словъ написалъ: „вздоръ“.

Любопытно было бы знать,—прибавимъ отъ себя,—относился ли рѣзкій отзывъ справедливаго Государя къ самому, такъ сказать, *подчеркнутію* приведенныхъ словъ, или ко всему „Очерку хозяйственныхъ занятій племеннымъ смѣшеніемъ“—точно бы рѣчь шла о разведеніи овецъ, или объ улучшеніи породы рогатаго скота. Въ связи съ словами предсѣдателя общества, сказанными автору статьи, конечно, не безъ основанія, и послѣднее предположеніе весьма вѣроятно.

Какъ бы ни было, но характерная отмѣтка Дубельта отбила надолго ревностному экспериментатору и корреспонденту охоту брать въ руки предательское перо, претворявшее чернила въ отраву.

Ст. Фонъ-Носъ.

РѢДКАЯ ДРЕВНЯЯ НАДПИСЬ.

Въ переяславскомъ вознесенскомъ монастырѣ, въ церкви Рождества Богоматери, есть икона Божіей Матери, издревле почитаемая чудотворною. Различныя чудеса отъ этой иконы описаны въ особой древней рукописи, хранящейся въ той обители. Кто-то изъ братіи читалъ рукопись и, вѣроятно, нашелъ въ ней указаніе на надписи о чудесахъ на самой иконѣ; но на иконѣ риза и надписи закрыты.

14 декабря прошлаго года казначей монастыря, іеромонахъ Парфеній, съ ризничимъ іером. Иринархомъ, въ присутствіи іеро-

діакона Іова и послушника Виктора Троицкаго сняли ризу „для провѣрки описанныхъ въ рукописи чудесъ“ и нашли на иконѣ надпись конца XVII вѣка, значительно попорченную, но которая, по сличеніи съ упомянутою рукописью, даетъ слѣдующій оригинальный текстъ:

“Сей ѿбразъ пресвѧтой Бцы ѥсть Чудовной, который ѡсцѣлилъ Невѣстꙋ на ѡимѧ Ѳеодорꙋ, попадю Микꙋльскꙋю, Карпихꙋ Лагꙋтихꙋ; лежала презъ килка лѣтъ безъ ногъ, и тако презъ сонъ ѡной вказала, мовѧчи: О тебѣ постѣль послана мѧко, да ты плачешъ: А мнѣ тютючи вїютъ оу школѣ, да А не плачꙋ, ихъ блощиць мене познай. Єсли ты мене очистишъ ѿ гнюсꙋ сегѡ, то бꙋдешъ на ногахъ своихъ ходити; скоро малѧрꙋ ѡтдаа, теды здорова стала, и ѧ Иванъ малѧръ дознаръ ласки пресвѧтой Богородици, же и мнѣ ногꙋ правꙋю ѡсцилила, рокꙋ ҂ахпє мѣсѧца декеврїѧ ѿ дня“.

Надпись, очевидно, составлена и начертана тѣмъ самымъ Иваномъ маляромъ, которому Богородица ногу правую исцѣлила. Помимо этого надпись даетъ и другія указанія и, между прочимъ, на обстоятельство, послужившее поводомъ къ объявленію иконы чудотворною. Икона до этого времени находилась въ школѣ, конечно, въ переднемъ углу. Въ углу заводилась паутина, скоплялась всякая нечистота. Стѣны были сосновыя, вѣроятно, и за иконой и вокругъ ея завелись клопы. Были кромѣ того щели и сквозь ихъ посвистывалъ вѣтеръ. Въ школѣ и теперь рѣдко наблюдаютъ за чистотой, а въ тѣ поры и подавно. Школа-ли была въ домѣ священника, или священникъ жилъ въ школѣ, неизвѣстно; но связь между ними на этотъ разъ несомнѣнна. Лежала тутъ съ пораженными какою-то болѣзнію ногами попадья Ѳеодора Карпиха Лагутиха. Ни возрастъ, ни состояніе ея неизвѣстны,—была-ли она жена, теща или мать наличнаго тогда священника, или дальняя родственница, священническая вдова. Быть можетъ, „конопли она мочила“, или въ бродъ черезъ рѣчку переходила, только какимъ-то случаемъ ноги ей отняло. Быть можетъ, какъ безнадежно больная, и положена она была въ школѣ, спокойствія ради, и—лежала тамъ дни и ночи, чая, когда кто къ ней заглянетъ. Лежала и по цѣлымъ часамъ на образъ глядѣла. Что иное и могъ тогда дѣлать безпомощный, безнадежно больной. Видѣла она, какъ обсѣли икону мухи, пауки и

клопы, слышала долетавшій до ушей ея чрезъ щели свистъ вѣтра въ звукахъ: *тю-тю* и—набожная, изстрадавшаяся душа ея не разъ, конечно, болѣла о такомъ неблагоговѣйномъ содержаніи иконы и, быть можетъ, собственную болѣзнь ставила въ связь съ этимъ обстоятельствомъ. И вотъ образно видится ей во снѣ то, что мысленно не разъ она на яву себѣ представляла. Она спѣшитъ передать объ этомъ видѣніи окружающимъ, съ помощію ихъ и призваннаго маляра, очищаетъ и реставрируетъ образъ, и сама чувствуетъ себя съ той поры здоровою. Вдохновенный разсказомъ страдалицы маляръ въ свою очередь чувствуетъ, что мучившая его боль въ правой ногѣ прекратилась и тутъ-же наноситъ на обновленный имъ образъ приведенную выше надпись. Образъ объявляется *чудовнымъ* и, безъ сомнѣнія, съ этой именно поры переносится въ церковь и становится предметомъ всеобщаго почитанія до сего дня.

Таково происхожденіе древней переяславской чудотворной иконы Божія Матери! Попадья Карпиха Лагутиха, да хроменькій Иванъ маляръ своими недугами и страданіями, своею вѣрою и молитвою дали поводъ къ ея прославленію.

Образъ писанъ на холстѣ, а наклеенъ на сосновой доскѣ, какъ свидѣтельствуютъ снимавшіе съ него ризу; они-же удостовѣряютъ, что наклейка производилась не въ то время, когда образъ обновлялся, а послѣ, когда онъ обветшалъ, и что это было причиною того, что нѣкоторыя слова надписи, современной объявленію образа чудовнымъ, повреждены.

НЕОБЫЧНАЯ ЗАСТАВА.

Кто знакомъ съ кругомъ церковнаго богослуженія, тому извѣстно, что въ послѣдніе три дня страстной недѣли и во всю пасхальную недѣлю псалтырь совсѣмъ не читается при богослуженіи. Въ старыя времена этимъ обстоятельствомъ пользовались дьячки, что бы заполучить лишнюю кварту водки на страдную пору непрерывнаго чтенія и пѣнія по нѣскольку часовъ въ день, въ ожиданіи праздничныхъ доходовъ. Извѣстно, что въ старину дьячки южной Россіи не принадлежали къ клиру, не были подвѣдомы консисторіямъ, но избирались самими прихожанами, съ согласія

священника. Словомъ это были люди вольной профессіи, въ своемъ родѣ артисты. Пили они, какъ и ихъ избиратели, и лишняя рюмка не ставилась имъ въ укоръ. Въ это-то время дьячки, говорятъ, пользовались особою привилегіею закладывать въ шинкахъ церковную псалтырь на все то время, пока она не нужна при богослуженіи, а въ Ѳомину субботу, когда на вечернѣ читается обычная первая каѳизма, церковный староста отправлялся къ шинкарю и выкупалъ у него заложенную книгу. Въ дѣтствѣ я самъ зналъ въ лѣвобережной Малороссіи одного стариннаго дьячка, имѣвшаго пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, который, по прочтеніи положенной въ страстную среду на преждеосвященной обѣднѣ каѳизмы, закрывалъ псалтырь и не клалъ ее на полку клироса, а держалъ у себя подъ мышкой, чтобы не отнялъ староста, и послѣ обѣдни прямо отправлялся съ нею къ *Сругю* и заставлялъ ее за кварту водки. Помню, какъ однажды староста забылъ во время выкупить книгу, и дьячку пришлось наизустъ отхватать всю каѳизму.

Подобный этому случай встрѣтился намъ въ гродской луцкой книгѣ подъ 1621 годомъ (по каталогу кіевск. центральнаго архива № 2819, листъ 647), съ тою лишь разницею, что здѣсь церковная книга была заложена въ шинкѣ не дьячкомъ, а викарнымъ священникомъ. Вотъ буквальный переводъ судебнаго рѣшенія по жалобѣ священника владиміръ - волынской михайловской церкви Якова Залускаго о церковной книгѣ, заложенной его викаріемъ жиду-шинкарю за спиртные напитки и перезаложенной послѣднимъ въ другія руки: „Дѣялось во Владимірѣ, въ одномъ жидовскомъ домѣ, въ присутствіи раввина и другихъ старшинъ раввинской общины, 7 января, 1621 года. Предо мною Войтехомъ Милачевскимъ, подвоеводою волынскимъ, во время отправленія судовъ надъ жидами владимірскими, было предъявлено дѣло между велебнымъ о. Яковомъ Залускимъ, священникомъ владимірской церкви св. Михаила, истцемъ, и владимірскимъ жидомъ-шинкаремъ Беніашемъ, отвѣтчикомъ, по слѣдующему поводу: когда поименованный священникъ о. Яковъ Залускій уѣзжалъ гостить къ роднымъ, то все имущество михайловской церкви, какъ-то: утварь, книги и проч. поручилъ подъ надзоръ и охрану своему викарію, Ѳеодору, впредь до своего возвращенія. Но означенный викарій, вмѣсто надзора за цѣлостью церковныхъ вещей, взявши изъ михайловской церкви служебную

книгу, пошелъ съ нею въ шинокъ жида Беніаша и заложилъ ее за спиртные напитки на сумму въ 20 грошей польскихъ. Послѣ того жидъ Беніашъ, чрезъ посредство своей шинкарки, продающей въ его домѣ пиво, медъ и горѣлку, перезаложилъ означенную церковную книгу, за такую-же сумму, протопопу владимірскому Григорію Лозовицкому, и, не смотря на то, что истецъ, о. Яковъ Залускій, по возвращеніи во Владиміръ, готовъ былъ возвратить Беніашу 20 грошей польскихъ, послѣдній отказывается выкупить книгу изъ того мѣста, куда онъ заставилъ ее. По выслушаніи предъявленныхъ сторонами заявленій и возраженій, я подвоевода, принявъ во вниманіе, что названная книга перешла въ чужія руки по винѣ шинкаря Беніаша, постановилъ, чтобы послѣдній сегодня же, до закрытія судебнаго засѣданія, выкупилъ означенную книгу изъ рукъ протопопа и возвратилъ ее истцу о. Якову Залускому, получивъ отъ него 20 грошей; въ случаѣ же неисполненія Беніашемъ настоящаго опредѣленія, онъ долженъ подвергнуться штрафу въ три польскихъ гривны въ пользу суда и противной стороны. Черезъ часъ послѣ того явился ко мнѣ вышепоименованный Яковъ Залускій, священникъ михайловскій, и заявилъ, что книга ему возвращена и онъ болѣе не имѣетъ никакихъ претензій къ жиду Беніашу; поэтому я на вѣчныя времена освобождаю послѣдняго отъ отвѣтственности по настоящему дѣлу".

О. Л.

КЪ ПОРТРЕТУ САВВЫ ГРИГОРЬЕВИЧА ТУПТАЛО.

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ портретъ Саввы Григорьевича Туптало представляетъ на первый взглядъ особу духовнаго чина,—священника, архимандрита или архіерея. Никто, не присмотрѣвшись къ нему внимательно и не будучи знакомъ съ мѣстною исторіею и археологіею, не могъ-бы подумать, что это лице мірское, при томъ военнаго званія, козакъ и старшина козачій въ его обыкновенномъ костюмѣ. Это однако сотникъ кіевскій, а названіе его *Савва Григорьевичъ Туптало.*

Замѣчательно долгая жизнь его захватываетъ собою три столѣтія и проходитъ чрезъ всю почти исторію козачества, если не считать

времени зарожденія и упадка онаго. Начало его жизни принадлежитъ XVI ст., самая жизнь обнимаетъ весь XVII вѣкъ, а конецъ переходитъ въ XVIII столѣтіе. Въ его жизни, если бы она могла быть извѣстна, представилась бы намъ вся исторія козачества. Савва Григорьевичъ Туптало—сподвижникъ Хмельницкаго и отецъ симпатичнѣйшаго и ученѣйшаго святителя земли русской, угодника Божія, св. Димитрія Ростовскаго, и—эти два обстоятельства еще болѣе привлекаютъ къ его личности наше вниманіе. По мѣсту рожденія онъ сынъ въ строгомъ смыслѣ кіевской земли, по мѣсту службы и долгаго жительства онъ нашъ родной кіевлянинъ. Тутъ учился знаменитый впослѣдствіи сынъ его Даніилъ,—свѣтильникъ, свѣтившій и свѣтящій всей Россіи; тутъ были три дочери его; тутъ самъ Савва воевалъ, начальствовалъ и ктиторствовалъ, тутъ и жизнь свою долгую и благочестивую скончалъ.

Къ сожалѣнію, о долгой жизни лица, котораго портретъ мы теперь представляемъ, дошло до насъ весьма мало свѣдѣній, которыя могли бы дать намъ понятіе какъ о немъ самомъ, такъ и о его богатомъ особенностями времени. Родился онъ въ 1599 году въ мѣстечкѣ Макаровѣ (нынѣ кіевской губерніи и уѣзда), въ 50-ти верстахъ на западъ отъ Кіева, нѣкогда резиденція извѣстнаго въ исторіи Польши своими безумными подвигами польскаго бандиты Самуила Лаща.

Первое свѣдѣніе о жизни Саввы Григорьевича Туптала встрѣчаемъ только въ 1650 г., т. е. когда ему прошло уже свыше 50 лѣтъ. Въ это время онъ записанъ въ реестръ войска запорожскаго въ качествѣ рядового козака макаровской сотни кіевскаго полка. Вскорѣ потомъ онъ выбранъ былъ сотникомъ той-же сотни и вслѣдъ затѣмъ перешелъ, также въ званіи сотника, въ кіевскую полковую сотню. Это была самая тяжкая пора для родной земли Туптала и Украйны обоихъ береговъ, пора крайняго напряженія ея силъ въ борьбѣ ея съ Польшею на жизнь и смерть. Несчастный бѣлоцерковскій договоръ, новыя насилія надъ православнымъ украинскимъ населеніемъ со стороны наводнившихъ страну польскихъ войскъ и поднявшихъ голову пановъ, изгнаніе тѣхъ и другихъ изъ края, переяславская рада и подчиненіе Москвѣ, новая война съ Польшею, борьба партій и кровавыя смуты Юрія Хмельницкаго и его продолжателей, разореніе Кіева и передача его Польшѣ, разо-

реніе училища братскаго, не давшее сыну Тупталы докончить тамъ курсъ наукъ—таковы были событія и обстоятельства, среди которыхъ Туптало долженъ былъ нести свою тяжелую службу. Скромное имя сотника теряется въ вихрѣ этихъ событій, но въ ту пору, когда всякая наличная сила страны приходила въ дѣйствіе, и Туптало съ своею сотнею принималъ въ нихъ живое и дѣятельное участіе и если имя его ничѣмъ не отмѣчено въ исторіи этихъ событій, то, кромѣ всякихъ случайностей, нельзя не видѣть въ этомъ указанія на характеръ всей вообще дѣятельности болѣе чѣмъ зрѣлаго по возрасту семьянина, направлявшейся болѣе къ подвигамъ благочестія, нежели къ подвигамъ военнымъ. Онъ много заботился объ образованіи единственнаго сына своего, а когда смутныя обстоятельства воспрепятствовали окончанію онаго, сына на 17 году—опредѣлилъ его въ кирилловскую обитель, гдѣ онъ былъ монахомъ, проповѣдникомъ и игуменомъ. Три дочери его, извѣстныя намъ съ монашескими именами Памфиліи, Февроніи и Параскевы, основали рядомъ съ кіево-іорданскою церковью николаевскій женскій монастырь, въ которомъ преемственно одна за другою были игуменьями, когда братъ ихъ игуменствовалъ въ сосѣднемъ кирилловскомъ монастырѣ, а отецъ ихъ былъ ктиторомъ этой обители. Это по духу того времени было высшимъ идеаломъ жизни и Савва Туптало и его престарѣлая супруга Марія Михайловна считались самыми счастливѣйшими родителями. Всю вообще вторую половину своей жизни Савва Туптало прожилъ въ Кіевѣ, гдѣ пользовался значительнымъ уваженіемъ и благосостояніемъ. Изъ современнаго документа мы знаемъ, что въ 1686 году онъ занималъ еще должность кіевскаго сотника и пользовался отъ мостовой пошлины, взимавшейся за проѣздъ черезъ рѣку Ирпень у мѣстечка Мостища. Затѣмъ извѣстенъ намъ только годъ смерти престарѣлаго сотника: скончался онъ въ 1703 году, 103 лѣтъ отъ роду, и погребенъ въ троицкой церкви при кіевскомъ кирилловскомъ монастырѣ, ктиторомъ которой онъ состоялъ при жизни. Въ той-же церкви погребена была и жена Саввы Туптала—Марія Михайловна, скончавшаяся также въ Кіевѣ въ 1688 году. По указанію дневныхъ записокъ св. Димитрія Ростовскаго, каменный домъ его родителя находился на Подолѣ, близъ притиско-никольской церкви. Въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія онъ находился еще во дворѣ купца Курлюкова и имъ былъ разобранъ.

Надъ могилою благочестиваго сотника немедленно послѣ его кончины былъ повѣшенъ на стѣнѣ точный поясной портретъ его на холстѣ, который, вслѣдствіе поврежденія, въ 1760 г. августа 10-го дня, замѣненъ существующею теперь копіею его. Копія эта и особливо копія церкви ростовскаго монастыря нѣсколько отступаютъ отъ подлинника и придаютъ изображенію видъ святаго угодника. Нашъ снимокъ сдѣланъ съ гравюры, принадлежащей А. М. Лазаревскому, хотя нѣсколько поблекшей, но вѣрнѣе передающей существенныя черты оригинала. Въ 1870 г. кіевскій каѳедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ издалъ снимокъ съ портрета Саввы Григорьевича по копіи 1760 года, повторенный съ того-же клише въ 1881 г. барономъ М. И. Эренбургомъ. На предлагаемомъ портретѣ надпись слѣдующая:

„*Савва Туптало, сотникъ кіевскій, жилъ въ нижнемъ Кіевѣ городѣ. Отъ рожденія ста трехъ лѣтъ, въ день Богоявленія Господня, въ третьемъ часу дня преставился, въ 1703 году, и погребенъ въ кіевскомъ кирилловскомъ монастырѣ, въ которомъ и ктиторомъ былъ онъ*“. На ободкѣ, кругомъ портрета надпись: „*Отецъ новоявленнаго чудотворца, митрополита ростовскаго, святителя Христова Димитрія*“.

Подъ портретомъ, изданнымъ пр. Лебединцевымъ и повтореннымъ барономъ Эренбургомъ, надпись въ стихахъ такая:

Благочестивый мужъ Туптало Сава,
Запорожскаго войска честь и слава,
Въ Богоявленскій день отверсту небу,
Восшествія тамо совершилъ потребу,
Въ третій часъ на день третьяго року
Семь сотъ тысящна—з троична кроку,
Въ троичномъ кирильскомъ почи чину,
Душею Тройцы лице да зритъ выну.
Въ вѣку семъ добрѣ жилъ сто и три лѣта;
Обы сторичну взялъ мзду троичиа свѣта.

Портретъ изображаетъ Савву Туптала въ преклонныхъ лѣтахъ, вѣроятно подъ конецъ его жизни; старческое, но высоко осмысленное и энергическое лице сотника, значительно видоизмѣнено и совершенно потеряло характеръ въ копіи, которою пользовался ба-

ронъ Эренбургъ. По обычаю стариковъ своего времени, Савва Тунтало изображенъ съ длинною сѣдою бородою и съ длинными бѣлыми волосами, падающими на плечи равномѣрно по обѣимъ сторонамъ головы; въ рукахъ онъ держитъ длинный посохъ съ набалдашникомъ. Прическа и посохъ на первый взглядъ придаютъ фигурѣ сотника характеръ духовнаго лица. Одѣтъ онъ въ шубу съ отложнымъ мѣховымъ воротнитомъ, застегнутую на шеѣ, съ тремя металлическими пуговицами на правой сторонѣ, и тремя петлицами изъ позумента на лѣвой. Изъ подъ шубы виднѣется длинный „кунтушъ изъ адамашка зъ частыми срибрными квитками“, какія мы встрѣчаемъ въ описяхъ движимаго имущества знатныхъ козаковъ того времени; рукава кунтуша и край его полы оторочены толстымъ снуркомъ; на груди онъ застегнутъ рядомъ металлическихъ пуговицъ; поверхъ кунтуша повязанъ поясъ изъ мягкой шелковой матеріи, такъ называемый „турецкій“, концы отъ котораго, шитые узоромъ, свѣшиваются съ правой стороны. Вверху портрета, съ лѣвой стороны его, въ медальонѣ, составленномъ изъ арабесковъ, помѣщенъ гербовный щитъ, на немъ въ красномъ полѣ изображенъ бѣлый треугольникъ, вѣроятно условный знакъ, употреблявшійся Тунталомъ для клеймъ и печати.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

августъ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ III.

АВГУСТЪ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ

СОДЕРЖАНІЕ.

Августъ, 1882 г.

I. ЗАБЫТЫЯ ИНОЧЕСКІЯ ОБИТЕЛИ (монастыри холмскій и замостьскій въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества). *Оконч.*—**Н. Петрова**. 199
II. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. 3., Миклашевскіе . . . 243
4., Свѣчки.—**Ал. Лазаревскаго** . 253
III. КОБЗАРЬ ОСТАПЪ ВЕРЕСАЙ, его пѣсни и думы. **К. Ф. У. О.** . 259
IV. О МУЗЫКѢ ДУМЪ И ПѢСЕНЪ ОСТАПА ВЕРЕСАЯ. **А. К—скаго** . 283
V. ИЗЪ ПРАКТИКИ СТАРЫХЪ СУДОВЪ 288
VI. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ КОЛИВИЩИНЫ или РѢЗНИ 1768 г. **Н. Костомарова** 297
VII. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ Б. ЗАПОРОЖЬЯ 322
VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятная книжка кіевской епархіи. Составили А. В—новъ и свящ. В. Антоновъ. Кіевъ. 1882.—б) Жизнь и произведенія Тараса Шевченка (сводъ матеріаловъ для его біографіи), съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалый. Кіевъ. 1882.—в) Die Ungern oder Magyaren. Paul. Hunvalfy. Vien und Teschen. 1881.—г) Посадъ Вилковъ. Историко-статистическій и бытовой очеркъ. Составилъ Георгій Бахталовскій. Кишиневъ. 1881 г. 340
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ XI вѣка?—б) Послѣдній писарь войска запорожскаго Глоба.—в) Взглядъ народа на Шевченка.—г) Исчезнувшія и исчезающія въ южной Россіи животныя.—г) Состояніе полиціи въ малороссійскихъ городахъ XVIII в.—д) Документальныя свѣдѣнія о Саввѣ Тупталѣ и его родѣ.—е) Курта. (Пѣсня-былина)—ж) Возстановленіе древней паперти кіево-софійскаго собора. 362

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“. Новые подписчики получаютъ журналъ за весь годъ, начиная съ 1-го номера. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софіевская площадь, д. Волкова, противъ памятника Хмельницкаго.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го іюля 1882 года.

Забытыя иноческія обители.

(Монастыри холмскій и замостьскій въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества).

(Окончаніе).

III.

Вскорѣ послѣ совращенія замостьскихъ православныхъ церквей и братствъ въ унію и введенія въ Замостьѣ базиліанъ, состоялся извѣстный замостьскій соборъ 1720 года, положившій яркую печать на послѣдующую исторію уніатскихъ базиліанскихъ монастырей, съ которою отселѣ связана была и судьба замостьскаго уніатскаго николаевскаго монастыря. Ко времени замостьскаго синода уже закончилось совращеніе православныхъ монастырей въ унію: оставшіеся къ этому времени православными монастыри оставались таковыми до конца существованія Польши. Поэтому уніаты могли уже теперь не стѣсняться въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ „схизматиками", чтобы изъ-за нихъ придерживаться православныхъ обрядовъ и обычаевъ, и уже прямо могли теперь объявить себя на сторонѣ католической церкви, ея обычаевъ и обрядовъ, что́ и не замедлили сдѣлать. Еще во второй половинѣ XVII вѣка холмскій уніатскій епископъ Яковъ Суша сдѣлалъ папѣ чрезъ нунціатуру представленіе объ ограниченіи власти митрополита и епископовъ постановленіями тридентскаго собора, которыя отчасти и приняты были въ основаніе Nexus'а или союза базиліанъ съ уніатскимъ митрополитомъ Жоховскимъ, составленнаго въ 1686 году. Но болѣе полное примѣненіе правилъ тридентскаго собора къ уніатской церкви и базиліанамъ сдѣлано было на замостьскомъ соборѣ 1720 года, при уніатскомъ митрополитѣ Львѣ Кишкѣ. Постановленія

этого собора дали уніатамъ тему для развитія уніатской церкви въ духѣ латинства и въ частности—постановленій тридентскаго собора и примѣнялись и къ соединенію всѣхъ уніатскихъ монастырей въ одинъ базиліанскій орденъ, и къ внутренней организаціи сего ордена, и къ измѣненію богослуженія и обрядности уніатской церкви по образцу католической церкви и проч. Такъ, съ 1720 года базиліане заняты были преимущественно рѣшеніемъ сложнаго вопроса о соединеніи всѣхъ уніатскихъ монастырей въ одну базиліанскую конгрегацію; а съ половины XVIII вѣка производилась внутренняя работа надъ переустройствомъ базиліанскаго ордена на началахъ католической церкви.

Относительно соединенія уніатскихъ монастырей въ одинъ базиліанскій орденъ на замостьскомъ соборѣ постановлено было слѣдующее: „поелику дознано опытомъ и одобрено постановленіями св. соборовъ, что нѣтъ болѣе успѣшнаго средства къ возстановленію или соблюденію монашескаго порядка и дисциплины, какъ всѣ монастыри, не подчиненные генеральнымъ начальникамъ и не имѣющіе своихъ орденскихъ визитаторовъ, соединить въ одно тѣло или конгрегацію, то св. синодъ, слѣдуя по стопамъ сихъ каноновъ, постановилъ, чтобы монастыри владимірской, луцкой, холмской, львовской и перемышльской епархій, черезъ годъ послѣ опубликованія настоящаго декрета и по полученіи пригласительной грамоты превелебнѣйшаго митрополита, собрались на конгрегацію и потомъ каждое четырехлѣтіе выбирали генерала, провинціала и орденскихъ визитаторовъ и постановляли и рѣшали все прочее, что можетъ казаться необходимымъ для надлежащаго управленія всею провинціей и для возстановленія монашеской дисциплины. Предсѣдательствовать-же будетъ на первой сей генеральной капитулѣ превелебнѣйшій господинъ митрополитъ, и на нее приглашенъ будетъ высокопреподобнѣйшій протоархимандритъ провинціи литовской, дабы участвовавшіе долгое время въ сихъ генеральныхъ капитулахъ могли дѣломъ и совѣтомъ помочь другимъ. Новый же протоархимандритъ на будущее время будетъ подчиняться тому, кому велитъ подчиняться св. престолъ [1]). Такимъ образомъ, замостьскимъ собо-

---

[1]) Synodus provincialis Ruthenorum, habita in civitate Zamoscia an. 1720, Romae, 1724, титулъ XI – «О монастыряхъ и положеніи монаховъ».

ромъ проэктировались двѣ провинціи базиліанскаго ордена, соотвѣтствовавшія главнымъ составнымъ частямъ Польши, Литвѣ и собственно Польшѣ, къ которой принадлежала и юго-западная Русь, т. е. провинціи литовская, прежде существовавшая, и польская или русская, вновь образуемая. Созванная въ силу этого постановленія замостьскаго синода базиліанская генеральная капитула 1727 г. не состоялась вслѣдствіе возникшихъ споровъ между польскими и литовскими базиліанами изъ-за двѣнадцати монастырей, находившихся въ предѣлахъ Польши, но еще прежде вошедшихъ въ составъ литовской базиліанской провинціи. И только при преемникѣ Льва Кишки, уніатскомъ митрополитѣ Аѳанасіѣ Шептицкомъ, на львовской конгрегаціи 1739 года, митрополитъ, управлявшій епархіями кіевской, львовской, галицкой и каменецкой, и епископы владимірскій, лупкій, перемышльскій и холмскій освободили подчиненные имъ монастыри, за исключеніемъ архимандричьихъ, изъ-подъ своей власти, которая поэтому перешла къ самому базиліанскому ордену и къ папѣ, какъ генералиссимусу всѣхъ орденовъ. Но при этомъ митрополитъ и епископы предложили такое условіе, „что, если какіе-либо отдѣльные монастыри, вслѣдствіе визитаціи (ревизіи) будущаго протоархимандрита, по бѣдности ихъ фундуша должны будутъ упразднитъся, то принадлежащіе имъ фундуши должны быть отданы въ распоряженіе мѣстнымъ епископамъ и присоединены къ приходскимъ церквамъ“. За епископами оставалась также ревизія монастырей, имѣющихъ приходы, каковыми были холмскій и замостьскій [1]). Въ послѣдствіи времени, папскимъ декретомъ 2 мая, 1744 года, предписано было уніатскому митрополиту Аѳанасію Шептицкому, вмѣстѣ съ начальниками базиліанскаго ордена, упразднить малочисленные монастыри или присоединить ихъ къ другимъ, такъ чтобы въ каждомъ удобно могло жить 10 или по крайней мѣрѣ 8 монаховъ [2]). Вслѣдствіе этого, на дубенской консультаціи (совѣщаніи) 1745 года было рѣшено оставить въ польской или русской провинціи самостоятельными 38 монастырей, присоединить къ

---

[1]) Акты этой конгрегаціи въ библіотекѣ волынской дух. семинаріи, № 1289.

[2]) Bullae et brevia Summorum pontificum..., congregationem Ruthenorum ordinis S. Basilii Magni concernentia, и проч., Почаевъ, 1767 года, ч. 2, стр. 1—60.

другимъ 60 и упразднить 25 монастырей, если только послѣдніе не обезпечены будутъ со стороны фундаторовъ пожертвованіемъ, достаточнымъ для содержанія по крайней мѣрѣ 8 монаховъ [1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ начальники базиліанскаго ордена обратились къ папѣ съ просьбой не упразднять монастырей, достаточныхъ для содержанія *пяти* монаховъ, при чемъ обѣщали совсѣмъ закрыть всѣ прочіе, не могущіе содержать по *пяти* монаховъ; просили однако, чтобы, въ качествѣ приписныхъ къ сосѣднимъ монастырямъ, сохранить и тѣ небольшія монашескія обители, кои не могутъ содержать и по пяти монаховъ. Эти послѣдніе, въ силу декрета 2 мая 1744 года, неизбѣжно должны были подлежать упраздненію, но монахамъ и ихъ не хотѣлось отдавать свѣтскому клиру, какъ о томъ имъ объявлено было бывшимъ апостольскимъ нунціемъ, потому они просили сдѣлать новое исключеніе для монастырьковъ, не имѣющихъ приходовъ, заявляя, что монастыри съ приходами они безпрепятственно готовы отдать свѣтскому клиру. Папа согласился оставить за базиліанами на десятилѣтіе тѣ монастыри и резиденціи, въ коихъ можетъ содержаться до пяти монаховъ, но требовалъ при этомъ, что бы въ теченіи шести мѣсяцевъ или года совершенно оставлены были ими всѣ остальные монастыри, резиденціи и миссіи, т. е. не могущія содержать и пяти монаховъ, и чтобы впредь не допускались новыя фундаціи монастырей, если онѣ недостаточны для содержанія по крайней мѣрѣ восьми монаховъ. Въ числѣ оставляемыхъ за базиліанами монастырей, резиденцій или миссій, не могущихъ содержать и по пяти монаховъ, папа различалъ такіе, которые принадлежали прежде свѣтскому клиру, или имѣютъ приходы, и такіе, которые основаны монахами и приходовъ не имѣли. Первые изъ нихъ онъ предписывалъ безусловно передать во владѣніе епископа или свѣтскаго клира той епархіи, въ которой они числятся; вторые, согласно 5 главѣ 21 сессіи тридентскаго собора, разрѣшалъ приписать къ сосѣднимъ базиліанскимъ монастырямъ, но съ тѣмъ, что бы монахи не имѣли болѣе тамъ постояннаго жительства, а находящіяся при нихъ церкви подлежали, наравнѣ съ приходскими, власти и вѣдѣнію мѣстнаго епи-

---

[1]) См. Дѣло польской базиліанской провинціи съ литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., Summarium, №№ 14 и 60.

скопа [1]). Но, взамѣнъ этой невольной уступки свѣтскому клиру, базиліане привлекли къ своему ордену архимандричьи монастыри и самихъ архимандритовъ, прежде подчинявшихся непосредственно митрополиту. Nexus'омъ или союзомъ уніатскаго митрополита Аѳанасія Шептицкаго съ базиліанскимъ орденомъ, 1743 года, въ архимандричьихъ монастыряхъ протоархимандриту или генералу предоставлена власть только надъ монахами, а не надъ архимандритомъ, который долженъ былъ подчиняться митрополиту [2]). Но, вслѣдствіе домогательства базиліанъ, папскимъ декретомъ 30 марта 1756 года, постановлено было, чтобы и архимандриты монастырей помянутой конгрегаціи подчинялись непосредственной власти протоархимандрита, какъ главнаго начальника, при чемъ каждый изъ нихъ получалъ отъ митрополита посвященіе и предъ нимъ же приносилъ присягу на вѣрное служеніе, но инсталляцію, т. е. самое назначеніе на должность настоятеля извѣстнаго монастыря, безъ чего ему пришлось-бы остаться съ однимъ лишь саномъ, получалъ отъ протоархимандрита [3]).

Такимъ образомъ ядро польско-русской базиліанской провинціи и всего базиліанскаго ордена составляли архимандричьи и игуменскіе самостоятельные и, слѣдовательно, болѣе богатые монастыри. Они высылали на провинціальныя и генеральныя конгрегаціи своихъ настоятелей и депутатовъ, на что не имѣли права приписные, филіальные монастыри. Эти конгрегаціи или съѣзды созывались черезъ четыре или много черезъ восемь лѣтъ для избранія генерала ордена, провинціаловъ для каждой провинціи и другихъ орденскихъ чиновниковъ, для перемѣны монастырскихъ настоятелей, а также для разсмотрѣнія и рѣшенія общихъ монастырскихъ дѣлъ извѣстной провинціи или всего ордена. Нѣкоторое подобіе этихъ конгрегацій или съѣздовъ представляютъ нынѣшніе съѣзды православнаго бѣлаго духовенства, обще-епархіальные и окружные.

---

[1]) См. акты цочаевской провинціальной капитулы 1755 г., сесс. 1, въ рукоп. волынской дух. семинаріи, № 1289.

[2]) Акты дубенской капитулы 1743 г., сесс. 7, 9 и 11, въ рукописи волынской дух. семинаріи, № 1289.

[3]) Bullae et brevia Summorum pontificum, 1767 г., ч. 2, стр. 103—113.

Какое-же мѣсто и значеніе имѣлъ въ общемъ строѣ базиліанскаго ордена замостьскій николаевскій уніатскій монастырь? Мы оставили его еще въ томъ зачаточномъ, переходномъ состояніи, когда онъ собственно и не былъ еще монастыремъ, а былъ лишь приходскою церковію, при которой, вмѣсто бѣлаго священника, служилъ уніатскій монахъ. Казалось бы, монастырь этотъ долженъ былъ стушеваться въ массѣ другихъ ничтожныхъ базиліанскихъ монастырей и закрыться въ силу приведенныхъ нами папскихъ опредѣленій, допускающихъ существованіе только такихъ монастырей, которые могли содержать не менѣе восьми и въ крайнемъ случаѣ не менѣе пяти монаховъ; но не такъ случилось на самомъ дѣлѣ. Эти-же самыя папскія опредѣленія, кажущіяся на первый взглядъ строгими и стѣснительными для базиліанъ, на самомъ дѣлѣ лишь содѣйствовали увеличенію и процвѣтанію базиліанскаго ордена и отдѣльныхъ его монастырей, вызывая въ бѣдныхъ монастыряхъ всю энергію для сохраненія своего существованія и соревнованіе съ другими болѣе богатыми и значительными монастырями. Такіе бѣдные монастыри употребляли всѣ ухищренія для того, чтобы пріобрѣсть фундушъ, достаточный для содержанія по крайней мѣрѣ восьми монаховъ, и попасть въ число монастырей, пользовавшихся правомъ голоса на базиліанскихъ съѣздахъ. Большею частію они выпрашивали необходимое содержаніе у фундаторовъ своихъ или другихъ благотворителей, или-же мало по малу пріобрѣтали недвижимыя имущества на свои собственныя средства. Такъ постепенно поднимался на ноги и замостьскій уніатскій монастырь, послѣдовательно испытавъ всѣ превращенія отъ личинки до бабочки. Сначала онъ былъ, кажется, простою резиденціей или подворьемъ, потомъ—миссіей, далѣе—приписнымъ монастыремъ и, наконецъ, самостоятельнымъ. Чтобы достигнуть послѣдняго, ему нужно было преодолѣть всѣ препятствія, какія представлялись ему и со стороны мѣстныхъ церковныхъ братствъ, и со стороны епископской власти, не хотѣвшей выпустить его изъ своихъ рукъ; но онъ не остановился передъ этими препятствіями и преодолѣлъ ихъ.

До 1739 года, замостьская никольская церковь и ея настоятель базиліанинъ визитовались или ревизовались мѣстнымъ холмскимъ уніатскимъ епископомъ, какъ ихъ непосредственнымъ начальникомъ. Такъ, 26 мая 1721 года визитовалъ братство никольское

епископъ холмскій Іосифъ Левицкій [1]), а въ 1726 году тотъ-же епископъ опредѣлилъ границы обоихъ замостьскихъ приходовъ, городскаго никольскаго и предгороднаго вознесенскаго, такимъ образомъ, чтобы къ городской никольской церкви принадлежали дома въ стѣнахъ самой крѣпости и на улицахъ Лановой, Садовискѣ, Подгроблѣ и Яновичахъ, а къ предгородной вознесенской — предмѣстье Львовское, Новый свѣтъ, Гусиная улица, Подставье и Волька Калиновская; онъ подтвердилъ также постановленія коммисіи 1699 и 1701 годовъ относительно погребенія умирающихъ при той церкви, при которой они пожелаютъ, съ уплатою четвертой части погребальнаго дохода приходскому священнику. Въ 1732 году визитовалъ или ревизовалъ обѣ замостьскія церкви и состоявшія при нихъ братства холмскій уніатскій епископъ Фелиціанъ-Филиппъ Володковичъ [2]), при чемъ подтвердилъ пункты устава старшаго братства замостьскаго св. Николая, данныя ему прежде православнымъ епископомъ львовскимъ Гедеономъ Балабаномъ и кіевскимъ митрополитомъ Сильвестромъ Коссовымъ, но съ значительными дополненіями и измѣненіями относительно порядка выбора старшихъ братчиковъ и управленія дѣлами братства.

Если сравнить эти пункты [3]) съ прежними уставами братства, то въ нихъ невольно бросается въ глаза видная, подавляющая роль базиліанскаго настоятеля, который уже по самому своему званію настоятеля стоялъ во главѣ братства и считался его распорядителемъ: безъ него не могло состояться ни одно засѣданіе, ни одинъ актъ братства. Вслѣдствіе этого, самое братство теряло свою прежнюю самостоятельность и вліяніе на настоятеля и сдѣлалось въ рукахъ послѣдняго только послушнымъ орудіемъ для благоустроенія церкви и достиженія цѣлей базиліанъ, какъ отчасти сознавались въ этомъ и сами замостьскіе базиліане. Въ 1781 году замостьскій игуменъ Филаретъ Мочарскій писалъ въ своей замѣткѣ о происхожденіи замостьскаго монастыря, что сюда введены были базиліане

---

[1]) Объ этой визитѣ упоминается въ визитѣ никольской церкви 1752 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Акты этихъ визитацій 1732 года—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[3]) Punkta po zakączoney wizycie w klastorze zamoyskim... podane, 9 окт., 1732 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

„на полныхъ правахъ, безъ всякой зависимости отъ братства“ [1]). Понятно, такое приниженіе братства не могло нравиться его членамъ, которые, поэтому, при первомъ удобномъ случаѣ и обнаружили желаніе отдѣлаться отъ базиліанъ. Случай этотъ представился вскорѣ по освобожденіи уніатскихъ монастырей изъ-подъ епископской власти на львовской базиліанской конгрегаціи 1739 года и по соединеніи всѣхъ уніатскихъ монастырей въ одинъ базиліанскій орденъ.

Мы имѣемъ достовѣрныя свидѣтельства, что уніатскіе епархіальные архіереи недовольны были освобожденіемъ уніатскихъ монастырей изъ подъ ихъ власти [2]) и потому старались возможно менѣе уступить базиліанамъ и ограничить, по возможности, постепенно расширявшійся кругъ ихъ вліянія. Такія же чувства и намѣренія сталъ питать къ замостьскимъ базиліанамъ и холмскій уніатскій епископъ Фелиціанъ Филиппъ Володковичъ. 12 мая, 1740 года, т. е. на другой годъ послѣ львовской конгрегаціи, онъ далъ предписаніе холмскому провинціалу Карпинскому и замостьскому декану Павлу Соколовскому—назначить администратора къ предгородной замостьской вознесенской церкви, которая въ то время приписана была къ городской церкви, дабы вознесенскіе прихожане „болѣе не принадлежали городской церкви, находящейся внутри крѣпости“ [3]).

Съ теченіемъ времени, пользуясь многочисленностію монаховъ замостьскаго монастыря и папскими постановленіями о подобнаго рода монастыряхъ, епископъ Володковичъ простиралъ виды и на самый замостьскій монастырь и въ этомъ отношеніи сошелся съ желаніями и стремленіями никольскаго братства и дѣйствовалъ съ нимъ за одно, чтобы изгнать базиліанъ изъ Замостья.

---

[1]) Origo monasterii zamoscensis, 1781 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) См. протестъ митрополита и уніатскихъ епископовъ, 1742 г, противъ освобожденія базиліанъ отъ подчиненности митрополиту въ дѣлѣ м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 7; см. Труды кіев. дух. академіи, февраль 1871 г., стр. 318—320.

[3]) Instrumentum Володковича отъ 20 мая 1740 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

Что въ это время замостьскій монастырь былъ еще не значителенъ и малочисленъ, это видно изъ того, что на дубенской консультаціи 1745 года этотъ монастырь не признанъ былъ самостоятельнымъ, слѣдовательно не имѣлъ и восьми монашествующихъ лицъ и приписанъ былъ къ верхратскому монастырю польской или русской провинціи [1]). А такъ какъ замостьскій монастырь имѣлъ и прихожанъ, то, на основаніи постановленій замостьскаго собора и папскихъ распоряженій, никольская церковь и состоявшее при ней братство подлежали ревизіи мѣстнаго уніатскаго епископа, а не орденскаго начальства, которое вѣдало только самихъ монаховъ базиліанъ. Въ одну изъ такихъ епископскихъ ревизій, въ 1752 году, и возбужденъ былъ вопросъ объ обращеніи замостьскаго никольскаго монастыря по прежнему въ приходскую церковь и объ удаленіи изъ Замостья монаховъ базиліанъ. Въ это время члены братства заявили, а епископъ Фелиціанъ Филиппъ Володковичъ записалъ въ акты ревизіи, что „находящіяся въ архивѣ братства права и привиллегіи гласятъ, дабы замостьскою каменною церковію управлялъ свѣтскій священникъ, какъ и дѣйствительно на памяти всѣхъ людей послѣднимъ управителемъ и поссессоромъ былъ нѣкогда велебный отецъ Машкевичъ, по смерти коего какимъ способомъ велебные отцы базиліане завладѣли тою церковію, объ этомъ неизвѣстно болѣе изъ преданія людей помнящихъ, кромѣ того, что блаженной памяти его милость отецъ Іосифъ Левицкій, епископъ холмскій, непосредственный предшественникъ превелебнаго теперешняго визитатора, назначилъ на время администраторомъ духовныхъ дѣлъ вдовствующей частопоминаемой церкви своего капеллана, велебнаго отца Миколая Блещинскаго чина св. Василія Великаго, послѣ котораго ихъ милости отцы базиліане присвоили себѣ это мѣсто и церковь, какъ ясно видно, безъ законной уступки со стороны свѣтскаго клира, безъ надлежащаго ввода и передачи. Посему нисколько не будетъ противорѣчить первоначальной презентаціи патрона, если бы на основаніи вышепомянутыхъ правъ и привиллегій, распорядителемъ и поссесоромъ каменной замостьской церкви былъ отецъ приходской священникъ свѣтскій, русино-греко-уніатскій; особенно

---

[1]) Дѣло польской базиліанской провинціи съ провинціей литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., Summarium, №№ 44 и 60.

если принять во вниманіе декретъ счастливо надъ всѣмъ міромъ христіанскимъ господствующаго святѣйшаго отца Бенедикта, того имени XIV папы римскаго, которымъ повелѣвается, чтобы велебные отцы базиліане, владѣющіе приходскими церквами, если не имѣютъ фундуша, достаточнаго для содержанія восьми монаховъ, и надлежащей ограды, отдавали ихъ въ руки и распоряженіе епископамъ. Посему велебные отцы базиліане, живущіе при городской замостьской церкви, такъ какъ содержатся одной только милостынею, должны въ теченіи полугода отъ нынѣшняго акта или позаботиться о надлежащемъ фундушѣ на восемь монаховъ и о томъ, чтобы была монастырская ограда, или же отступиться отъ этой церкви, которою владѣютъ безъ всякаго права" [1]). Обезпеченными же монастырями, по базиліанскимъ постановленіямъ, считались тѣ монастыри, коихъ фундушъ ежегодно могъ доставлять имъ по 500 или, по крайней мѣрѣ, по 400 злотыхъ польскихъ на человѣка [2]). Слѣдовательно фундушъ, необходимый для содержанія полнаго самостоятельнаго монастыря, долженъ быть такой, который бы ежегодно давалъ монастырю процентовъ не менѣе 3200 злотыхъ. Въ то время большею частію получалось съ капитала по 7%; слѣдов., капиталъ, необходимый для содержанія самостоятельнаго монастыря, долженъ быть не менѣе 50,000 злотыхъ польскихъ.

Очевидно, замостьскіе базиліане, жившіе доселѣ одною почти милостынею, не могли въ теченіе полугода образовать фундушъ въ 60000 злотыхъ и должны были уступить никольскую церковь свѣтскому клиру или мѣстному епископу; но въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ они постарались освободиться изъ-подъ опеки нерасположеннаго къ нимъ никольскаго братства, или по крайней мѣрѣ подорвать его значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ позаботились о пріобрѣтеніи капитала, который бы обезпечивалъ ихъ существованіе на будущее время.

Для противодѣйствія никольскому братству, въ которомъ жили еще прежнія православныя традиціи, базиліане основали при той же никольской церкви новое братство св. Онуфрія и на утвержде-

---

[1]) Визита никольской замостьской церкви 16 ноября 1752 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) См. Труды кіевской дух. академіи, май, 1871 г., стр. 308.

ніе его испросили папскую буллу, отъ 5 мая 1753 г. Святѣйшій отецъ, желая поддержать новоучрежденное братство, цѣль котораго была ему понятна, не поскупился на одну лишнюю индульгенцію, какъ самое заманчивое средство для привлеченія въ братство возможно большаго числа членовъ. „Получили мы, говоритъ онъ въ указанной буллѣ, извѣстіе, что при церкви монаховъ чина св. Василія Великаго, города Замостья, холмской епархіи, находится канонически основанное или имѣющее основаться одно благочестивое и набожное братство обоего пола вѣрующихъ во Христа, подъ названіемъ св. Онуфрія (но не для людей одного спеціальнаго ремесла), коего братчики и сестрицы обыкновенно совершаютъ или имѣютъ въ виду многія дѣла благочестія и любви: потому, дабы братство получило съ теченіемъ времени большій успѣхъ, по милосердію всемогущаго Бога и власти св. его апостоловъ Петра и Павла, даемъ милосердно о Господѣ полную индульгенцію и отпущеніе всѣхъ грѣховъ всѣмъ обоего пола во Христа вѣрующимъ, которые вступая въ братство впослѣдствіи,—въ первый день ихъ поступленія, если истинно покаявшись и исповѣдавшись, примутъ святѣйшее таинство евхаристіи; также полную—какъ записавшимся, такъ и на будущее время имѣющимъ записаться въ помянутое братство братьямъ и сестрамъ, въ случаѣ смерти кого либо изъ нихъ, если также, истинно покаявшись и исповѣдавшись, пріобщатся, или, если этого не могутъ сдѣлать, то по крайней мѣрѣ съ сокрушеніемъ произнесутъ устами имя Іисусово, или сердцемъ благочестиво призовутъ; равно также полную—и тѣмъ нынѣшнимъ и будущимъ братьямъ и сестрамъ помянутаго братства, тоже истинно покаявшимся, исповѣдавшимся и пріобщившимся, которые каждый годъ будутъ набожно посѣщать церковь братства, или капеллу, или ораторію въ главный праздничный день помянутаго братства, разъ навсегда избранный означенными братьями и утвержденный епископомъ, отъ наступленія вечера до захода солнца этого дня, и тамъ возносить усердныя молитвы къ Богу о мирѣ всѣхъ христіанъ, искорененіи ересей и возвышеніи св. матери церкви. Сверхъ сего (даемъ)—семь лѣтъ и столько же четыредесятницъ помянутымъ братьямъ и сестрамъ, тоже истинно кающимся, исповѣдавшимся и пріобщившимся, которые будутъ посѣщать церковь, или капеллу, или ораторію въ другіе четыре годо-

вые праздники, или въ непраздничные, или въ воскресные дни, разъ навсегда избранные помянутыми братчиками и утвержденные тѣмъ же епископомъ, какъ о томъ сказано выше, и будутъ тамъ молиться, на тотъ день, въ который они исполнятъ все это. Если же они будутъ присутствовать на литургіяхъ и другихъ богослуженіяхъ, поемыхъ и читаемыхъ въ церкви, или капеллѣ, или ораторіи, или на публичныхъ и частныхъ собраніяхъ сего братства, дѣлаемыхъ гдѣ либо, или будутъ принимать бѣдныхъ, или водворять миръ между врагами, или будутъ содѣйствовать примиренію или постараются о немъ, или кто приметъ участіе въ погребеніи тѣлъ какъ умершихъ братьевъ и сестеръ, такъ и другихъ, или будутъ сопровождать какія либо процессіи, совершаемыя съ разрѣшенія епископа, и святое таинство евхаристіи въ процессіяхъ къ больнымъ, и другія, совершаемыя гдѣ либо и какимъ либо образомъ, или, въ случаѣ невозможности, произнесутъ однажды, услышавъ звукъ колокольчика, молитву Господню и ангельское привѣтствіе за души усопшихъ братій и сестеръ, или кого либо совратившагося наставятъ на путь спасенія и научатъ невѣдущихъ заповѣдямъ Божіимъ и тому, что̀ относится ко спасенію, или совершатъ какое либо другое дѣло благочестія и любви; то за исполненіе каждаго изъ перечисленныхъ дѣлъ снимаемъ шестьдесятъ дней изъ наложенныхъ на нихъ или иначе какимъ либо образомъ обязательныхъ эпитемій въ принятой церковію формѣ. Но мы желаемъ, чтобы, въ случаѣ дарованія помянутымъ братьямъ и сестрамъ, исполняющимъ вышесказанное, другихъ индульгенцій постоянныхъ, или простирающихся на время еще не прошедшее,—теперешнія не имѣли силы, и чтобы въ томъ случаѣ, если помянутое братство присоединено уже къ какому либо архибратству, или присоединится впослѣдствіи, или сольется по какой либо другой причинѣ, или какъ либо иначе устроится, прежнія и всякія другія буллы апостольскія нисколько не имѣли для нихъ силы и оттолѣ, по этому самому, также считались уничтоженными“ [1]). Замѣчательно въ этой буллѣ стремленіе отмежевать надѣленное всякими индульгенціями онуфріевское братство отъ какого-то другаго архибратства, вѣроятно никольскаго, и если не уничтожить послѣднее,

---

[1]) Булла эта—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

то, по крайней мѣрѣ, ослабить его привлеченіемъ его членовъ къ новому братству. Изъ послѣдующихъ документовъ мы видимъ, что хотя никольское братство и продолжало существовать послѣ этого времени, но уже не заявляло никакой почти дѣятельности.

Послѣ ослабленія такимъ способомъ никольскаго братства, важнѣйшею заботою замостьскихъ базиліанъ было пріобрѣтеніе фундуша, который обезпечивалъ бы существованіе и будущность ихъ монастыря. Приманкою поминовеній и папскихъ индульгенцій они привлекли къ себѣ многихъ жертвователей въ пользу своего монастыря, которые обыкновенно обезпечивали монастырю на своихъ имѣніяхъ значительные капиталы, съ ежегодною уплатою съ нихъ по монастырю отъ 5 до 7%, или же дарили самыя недвижимыя имущества. Кромѣ того, сами замостьскіе базиліане пріобрѣтали путемъ покупки въ пользу монастыря различные земельные участки и дома и въ разное время получали въ управленіе приходскіе костелы и уніатскія церкви, обращая ихъ недвижимыя имущества и доходы въ пользу своего монастыря. Такимъ образомъ, кромѣ 400 злотыхъ, назначенныхъ Анной Замойской на содержаніе никольской церкви и при ней священника, во второй половинѣ XVIII вѣка сдѣланы слѣдующія болѣе крупныя пожертвованія и записи на замостьскій монастырь. Въ 1754 году Янъ Якубъ Замойскій и другіе опекуны Замойской ординаціи отдали замостьскому монастырю, за взятыя будто бы ими изъ кассы польской базиліанской провинціи деньги, два фольварка—Вендреіовскій и Крышковскій. Въ 1758 году вдова Іоанна Гассова записала замостьскому монастырю на всѣхъ своихъ имѣніяхъ сумму въ 1280 злотыхъ. Въ 1761 году кіевскій ловчій Стефанъ Терлецкій записалъ замостьскому монастырю 7000 злотыхъ на имѣніи своемъ Снятичахъ. Въ 1762 году Янъ Якубъ Замойскій записалъ на имѣніи своемъ Лабункахъ 30,000 злотыхъ на учрежденіе миссіи въ замостьскомъ монастырѣ [1]). Собранныхъ такимъ образомъ въ короткое время капитальныхъ суммъ набиралось до 80,000 злотыхъ польскихъ [2]); съ нихъ проценту мо-

---

[1]) Всѣ записи на эти суммы находятся въ бумагахъ замостьскаго монастыря, подъ означенными годами.

[2]) См. прошеніе замостьскаго игумена Аркадія Зеневича графу Замойскому, 11 августа 1802 года.

настырь долженъ былъ получать въ годъ свыше 5,000 злотыхъ. Но въ это число не включены капиталы, единовременно пожертвованные монастырю наличными деньгами. Кромѣ того, замостьскій монастырь получилъ въ 1758 году въ свое завѣдываніе предгородную замостьскую церковь со всѣмъ ея имуществомъ, которое, по упраздненіи этой церкви въ концѣ XVIII вѣка, сдѣлалось собственностію замостьскихъ базиліанъ; а около 1779 года онъ получилъ въ свое управленіе и лабунскую церковь съ принадлежностями ея. Много также пріобрѣтено было замостьскимъ монастыремъ поземельныхъ участковъ и домовъ въ самомъ городѣ Замостьѣ и его предмѣстьяхъ и окрестностяхъ [1]).

Такими путями замостьскій базиліанскій монастырь въ непродолжительномъ времени сдѣлался изъ бѣднаго монастыря зажиточнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самостоятельнымъ, и получилъ извѣстное значеніе въ ряду другихъ базиліанскихъ монастырей. Въ 1763 году онъ былъ уже гласнымъ монастыремъ и имѣлъ своего представителя на провинціальной бѣлостоцкой капитулѣ, бывшей въ этомъ году [2]). Кромѣ игумена, монастырь содержалъ не менѣе семи монаховъ и въ числѣ ихъ двухъ миссіонеровъ, которые должны были проповѣдывать и совершать извѣстныя миссіонерскія процессіи для совращенія православныхъ въ унію и утвержденія ихъ въ уніатскомъ исповѣданіи [3]). Кромѣ того, замостьскій монастырь во второй половинѣ XVIII вѣка содержалъ у себя орденскія базиліанскія студіи или школы, обыкновенно состоявшія у базиліанъ изъ отдѣльныхъ классовъ орденской семинаріи, реторическаго, философскаго, богословскаго и проч., разбросанныхъ по разнымъ монастырямъ и переводимыхъ изъ одного въ другой. До 1763 года помѣщалась въ замостьскомъ монастырѣ, вѣроятно въ теченіи четырехъ лѣтъ, богословская школа, переведенная въ этомъ году въ свято-георгіевскій львовскій монастырь, гдѣ она была и прежде, а въ 1772 году мы видимъ въ замостьскомъ монастырѣ философскую базиліанскую шко-

---

[1]) Свѣденія объ нихъ въ бумагахъ монастыря.

[2]) Труды кіев. дух. академіи, январь, 1872 г., стр. 26.

[3]) Опись владѣній и доходовъ монастыря, 1781 г., въ бумагахъ монастыря замостьскаго.

лу [1]), которая въ 1781 году состояла изъ одного профессора и семи учениковъ [2]).

Но въ то самое время, когда замостьскій базиліанскій монастырь достигъ значительной степени своего благосостоянія, наступили раздѣлы Польши между тремя сосѣдними державами, имѣвшіе роковое значеніе и для всего базиліанскаго ордена, и въ частности для этого монастыря.

IV.

„Первый раздѣлъ нѣкоторыхъ частей Польши,—говоритъ базиліанинъ Лука Сульжинскій,—сдѣланъ тремя сосѣдними монархами и утвержденъ трактатомъ между Польшею и этими монархами въ 1772 году. Россія получила всю Бѣлоруссію, Австрія или цезарь римскій -страны, называемыя теперь Лодоміріей и Галиціей, король прусскій—древніе Прусы. Въ захваченномъ Пруссіей краѣ не было никакихъ базиліанскихъ монастырей, въ Лодоміріи-же и Галиціи, равно и въ Бѣлоруссіи, много находилось этихъ монастырей, и всѣ они хорошо были устроены. Управленіе этими монастырями, вошедшими въ раздѣлъ, хотя уже находившимися за границей, долго еще послѣ того принадлежало прежнему ихъ начальству, находившемуся въ Польшѣ: провинціалъ литовскій завѣдывалъ монастырями бѣлорусскими, а коронный — лодомірскими и галиційскими, подъ верховнымъ надзоромъ протоархимандрита или генерала ордена всей нашей конгрегаціи... Въ 1780 году послѣдовала генеральная капитула въ Тороканѣ, подъ предсѣдательствомъ (перешедшаго въ предѣлы Польши) митрополита Смогоржевскаго. Она продолжалась болѣе двухъ мѣсяцевъ. На ней присутствовали и всѣ заграничные настоятели, имѣющіе голосъ. На этой капитулѣ утвержденъ былъ давно составленный, а теперь исправленный кодексъ постановленій ордена св. Василія Великаго. На этой-же капитулѣ изъ двухъ провинцій, литовской и коронной, образованы четыре провинціи, а именно: коронная провинція раздѣлена была на двѣ, одну подъ тѣмъ-же названіемъ, а другую—галиційскую и лодомірскую; равнымъ образомъ и литовская—на литовскую собственно и бѣлорус-

---

[1]) Труды кіев. дух. академіи, іюль, 1871 г., стр. 151.
[2]) Опись владѣній и доходовъ замостьскаго монастыря, 1781 года.

скую. Для каждой отдѣльно выбраны были особые провинціалы съ усвоеннымъ имъ штатомъ должностныхъ лицъ; генераломъ-же или протоархимандритомъ избранъ Іосифъ Моргулецъ, бывшій впослѣдствіи архимандритомъ мѣлецкимъ... Въ 1788 году вновь послѣдовала генеральная капитула въ Жидичинѣ, которую созвалъ викарный генералъ Іероѳей Корчинскій, немедленно по смерти Іосифа Моргульца получившій изъ столицы апостольской званіе протоархимандрита... На той капитулѣ не было уже ни одного настоятеля изъ заграничныхъ провинцій, т. е. галиційской и бѣлорусской, ни должностныхъ лицъ этихъ провинцій, хотя къ нимъ и посланы были пригласительныя письма; они прислали только отъ себя извиненія, что мѣстное правительство запретило имъ быть на этомъ съѣздѣ. Такъ какъ за нѣсколько лѣтъ до этой генеральной капитулы вышепомянутыя двѣ недавно образованныя заграничныя провинціи отложились отъ протоархимандричьей власти и подчинились власти своихъ епархіальныхъ епископовъ (что̀ произошло, не знаю какъ сказать, по одной-ли волѣ мѣстныхъ правительствъ, или также и по интригамъ тамошнихъ нашихъ монаховъ, что̀ вѣроятнѣе); то передъ этой капитулой конгрегація наша состояла только изъ двухъ провинцій, находившихся въ остальномъ краю польскомъ. Что дѣлалось въ тѣхъ двухъ отложившихся, недавно образованныхъ провинціяхъ, послѣ ихъ отдѣленія, извѣстно всякому. Въ Галиціи и Лодоміріи важнѣйшіе монастыри взяты въ казну и оставлены только самые убогіе. Архимандрія уніевская уничтожена, свято-юрская церковь въ Львовѣ, со всей своей монастырской землей, кромѣ одной каменной линіи, и съ принадлежащимъ ей огородомъ, отдана въ Вѣнѣ Шептицкому, сначала епископу львовскому, потомъ митрополиту, всегда дѣйствовавшему противъ базиліанъ. Какія-же притѣсненія были для нашихъ монаховъ и обряда нашего въ Бѣлоруссіи, уже подъ властію новоназначеннаго отъ имперіи архіепископа полоцкаго Лисовскаго, это можно видѣть изъ энциклики его къ духовенству", въ которой,—замѣтимъ мы отъ себя,—ничего больше нѣтъ, кромѣ указанія на искаженіе унитами древняго греческаго обряда и приглашенія возвратиться къ нему и руководствоваться, по крайней мѣрѣ, евхологіономъ папы Бенедикта XIV. Вслѣдствіе подобныхъ стѣсненій, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, уніаты переходили изъ предѣловъ Россіи въ Галицію, а изъ Галиціи въ Польшу.

Тотъ-же Сульжинскій передаетъ, что „нѣкоторые изъ ксендзовъ уходили за границу, въ Галицію“, а въ одномъ декретѣ вѣнскаго двора, отъ 21-го марта 1785 года, мы встрѣчаемъ извѣстіе, что „нѣкоторыя духовныя (унитскія) лица изъ этихъ панствъ (т. е. Галиціи) тайнымъ образомъ уходятъ за границу“ [1]). Но послѣ третьяго раздѣла Польши въ 1795 году разорено было и послѣднее гнѣздо орденскаго базиліанскаго самоуправленія, дотолѣ остававшееся въ Польшѣ: должность протоархимандрита или генерала ордена была уничтожена, и распавшіяся части базиліанскаго ордена уже не имѣли никакого видимаго объединительнаго центра и испытывали различную судьбу въ разныхъ государствахъ, которымъ онѣ достались.

Послѣ перваго раздѣла Польши, въ 1772 году, замостьскій монастырь достался, вмѣстѣ съ Галиціей и Лодоміріей, австрійской имперіи.

Въ первые годы австрійскаго владычества замостьскій базиліанскій монастырь не чувствовалъ особыхъ стѣсненій для себя и даже задумалъ было воспользоваться смутными обстоятельствами перваго раздѣла Польши для своего обогащенія. Въ 1775 году повѣтовое правленіе белзскаго округа, въ силу императорскаго декрета отъ 1 августа того-же года, требовало отъ монашескихъ начальниковъ, чтобы они немедленно, по полученіи сего предписанія, представили помянутому правленію точную и вѣрную вѣдомость, въ которой-бы ясно было обозначено куда, кому и на какой конецъ раздѣлены, уплачены или отданы имущества бывшихъ прежде, теперь-же уничтоженныхъ провинціальныхъ кассъ? При этомъ велѣно предостеречь ихъ, чтобы никто не осмѣливался скрыть или утаить какія-либо деньги или имущества, принадлежавшія помянутой кассѣ предъ уничтоженіемъ или раздѣломъ ея, въ той увѣренности, что высшее правительство строго накажетъ таковыхъ преступниковъ и найдетъ вѣрные способы къ открытію такихъ утаенныхъ денегъ или имуществъ“ [2]). Уже изъ этого предписанія можно

---

[1]) Краткія извѣстія о положеніи базиліанскаго ордена и разныхъ перемѣнахъ въ его управленіи, съ 1772 года, Л. Сульжинскаго—въ почаевскомъ архивѣ, № 94. Въ русскомъ переводѣ, съ примѣчаніями, въ Трудахъ кіев. дух. академіи, 1868 г., за іюль, октябрь и ноябрь.

[2]) Предписаніе это—въ архивѣ замостьскаго монастыря.

заключить, что бывшая касса базиліанской провинціи была утаена или раздѣлена между наличными монастырями. На основаніи же другихъ документовъ мы можемъ предполагать, что значительный кушъ изъ этой кассы достался и замостьскому монастырю. Въ 1778 году этотъ монастырь получилъ отъ холмскаго каштеляна Венглинскаго какую-то сумму въ 40,000 злотыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ принадлежавшую провинціальной кассѣ, и положилъ ее въ кассу графа Замойскаго, который 6 октября 1778 года далъ замостьскому монастырю собственноручную росписку въ томъ, что онъ взялъ въ долгъ у монастыря эту сумму на годъ за проценты, обезпечивши ее на своихъ имѣніяхъ и особенно на ключѣ гродецкомъ, въ подольскомъ воеводствѣ. Въ 1781 году, съ разрѣшенія своего начальства, замостьскій монастырь взялъ изъ этой суммы, на покрытіе своихъ долговъ, 6500 злотыхъ, изъ нихъ израсходовалъ 3500 злотыхъ, а остальныя 3000 зл. отдалъ секретно въ долгъ нѣкоему Войцеху Кочовскому, назначивъ ихъ на уплату долговъ своихъ вицинскому и чернелавскому (иначе Лѣсокъ) монастырямъ. Эти секретныя денежныя операціи объясняются въ одной запискѣ замостьскаго настоятеля тѣмъ, что онѣ совершались „во время извѣстныхъ каждому замѣшательствъ, опасеній и отчаянія всего духовенства, при внезапномъ упраздненіи монахинь францисканокъ въ Замостьѣ и другихъ монахинь по другимъ мѣстамъ, а также во время опасности, угрожавшей и мужскимъ монастырямъ“. Съ остальныхъ 33,500 злотыхъ получались въ пользу замостьскаго монастыря проценты до 1786 года [1]).

Въ послѣдствіи времени не только эти суммы не были удержаны монастыремъ, но утрачены были и другія суммы, несомнѣнно принадлежавшія монастырю, а съ остальныхъ оставшихся за монастыремъ имѣній и суммъ взималась пошлина на содержаніе австрійскихъ войскъ и въ кассу религіи. Сумма 33,500 злотыхъ „конституціей польской 1786 года взята на Рѣчь Посполитую“. Проценты съ нѣкоторыхъ другихъ суммъ, положенныхъ на имѣніяхъ жертвователей, перестали получаться потому, что эти имѣнія и владѣльцы

---

[1]) Informacya wiadomych i niewiadomych klasztorowi zamoyskiemu interesow, 1783 г., и документы замойскаго монастыря о суммѣ 33500 зл. въ дѣлѣ 1811 года, въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

ихъ оказались теперь въ предѣлахъ другихъ государствъ. Около 1788 года монастырь сталъ платить подати въ фондъ религійный и въ кассу войсковую [1]). Во время втораго и третьяго раздѣловъ Польши средства монастырей еще болѣе уменьшились, такъ какъ благотворители монастыря, въ виду секвестрованія духовныхъ имѣній правительствомъ, брали эти имѣнія обратно себѣ. Такимъ образомъ взята была у замостьскаго монастыря графомъ Замойскимъ часть поля въ ланахъ яновецкихъ [2]). Перестали получаться и проценты съ 30,000 злотыхъ, пожертвованныхъ Яномъ-Якубомъ Замойскимъ на учрежденіе миссіи, вѣроятно по ненадобности уже самой миссіи за повсюднымъ упраздненіемъ православія. Въ 1804 году всѣхъ капитальныхъ суммъ и долговъ за частными лицами было у монастыря 12,107 злотыхъ, 24 гроша. Съ этой суммы ежегодно получалось доходу 683 злотыхъ 45 грошей, изъ коихъ платилось податей 12 злотыхъ и 28 грошей. Остальныя деньги шли на содержаніе четырехъ монаховъ и трехъ клириковъ, студентовъ философіи [3]).

Не менѣе чувствительно было для базиліанъ и ограниченіе ихъ орденской автономіи. Поводомъ къ тому была чуть-ли не базиліанская генеральная конгрегація, бывшая въ 1780 году въ Тороканѣ, на которой, въ числѣ прочихъ, присутствовали и галиційскіе базиліане. Австрійскому, да и русскому правительствамъ не было интереса поддерживать существованіе тѣсно сплоченнаго базиліанскаго ордена, имѣвшаго корни свои въ чужомъ государствѣ. На жировицкой генеральной капитулѣ 1780 года былъ и замостьскій настоятель Филаретъ Мочарскій; но онъ почему-то не нашелъ возможнымъ возвратиться въ свой монастырь и остался оффиціаломъ у Владиміръ-Волынскаго уніатскаго епископа [4]). Послѣ сего замостьскій монастырь подчиненъ былъ непосредственно власти мѣстнаго холмскаго епископа, который въ послѣдствіи времени раздѣ-

---

[1]) O stanie klasztoru bazylian zamoyskich, 1791 г.,—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Просьба игумена Аркадія Зеневича Замойскому, 1802 г., тамъ-же.

[3]) Доношеніе игумена Зеневича начальству, 18 февр. 1804 г., тамъ-же.

[4]) Informacya wiadomych i niewiadomych klasztorowi Zamoyskiemu interesow, Ф. Мочарскаго, 1783 г., тамъ-же.

лялъ эту власть съ провинціаломъ галиційской базиліанской провинціи.

Прибывъ въ мартѣ 1783 года на ревизію замостьскаго монастыря, холмскій уніатскій епископъ Максимиліанъ Рылло нашелъ въ немъ много нестроеній и безпорядковъ. Это былъ человѣкъ строгихъ правилъ и крутаго нрава, во всякомъ случаѣ администраторъ замѣчательный,—въ родѣ Якова Суши, и также горячо, какъ онъ, преданный дѣлу уніи. Онъ подавилъ послѣдніе остатки православія въ Холмщинѣ. По сохранившемуся на мѣстѣ преданію, онъ вызывалъ въ Холмъ тѣхъ изъ уніатскихъ священниковъ, которые продолжали еще носить бороды и рясы, самолично обрѣзывалъ имъ волосы и приказывалъ перемѣнить костюмъ, а непокорныхъ подвергалъ строгимъ наказаніямъ. Его поразила крайняя распущенность монаховъ, полное разстройство хозяйственныхъ дѣлъ монастыря, своеволіе братіи, которая сама себя рядила, и онъ, не выѣзжая изъ монастыря, рѣшился ввести въ немъ строгій порядокъ, который самъ такъ любилъ. Подвергши все на мѣстѣ тщательному изслѣдованію, Максимиліанъ Рылло для поправки монастыря издалъ особый декретъ въ 11-ти пунктахъ, главнѣйшіе изъ которыхъ тутъ-же приведены въ исполненіе. Этотъ декретъ [1]) открываетъ намъ недуги, какими страдала тогда замостьская обитель и находившаяся при ней философская школа, ученики которой входили въ составъ братіи, равно и тѣ мѣры, какими энергическій епископъ принялся врачевать ихъ. Въ числѣ этихъ мѣръ *дисциплина,* проще сказать плеть, играла не послѣднюю роль. Вотъ что происходило тогда въ замостьскомъ монастырѣ и его философской школѣ.

Бывшій предъ тѣмъ настоятель Филаретъ Мочарскій бѣжалъ въ Владиміръ-Волынскій, быть можетъ, отъ своеволія братіи, съ которою справиться не могъ. Управленіе его монастыремъ епископъ-ревизоръ призналъ „не осмотрительнымъ“: монастырь, говоритъ онъ, оказался въ жалкомъ положеніи и до того разстроеннымъ, что не только не могъ выдавать братіи на одежду, но и покрыть сторонніе долги. Монастырь около двухъ лѣтъ оставался безъ насто-

---

[1]) Подлинникъ—въ бумагахъ замостьскаго монастыря 1783 г., подъ заглавіемъ: «Decretum reformationis disciplinae monasticae.

ятеля, а это естественно вело братію къ полной распущенности, своеволію и растратѣ монастырскаго имущества и доходовъ. Вѣдомость о монастырскихъ дѣлахъ, составленную по требованію верховнаго имперскаго управленія, самъ епископъ признаетъ сомнительною; столь-же трудно было ему добраться до истины въ монастырскихъ инвентаряхъ и доходахъ. Въ церкви, въ богослуженіи царствовалъ полный безпорядокъ: монахи опаздывали на службу церковную и заставляли прихожанъ ждать; многіе не хотѣли участвовать въ хорѣ, приходили, когда кому вздумается, пѣли не соотвѣтственно порядку литургіи, иные читали молитвы про себя, когда другіе пѣли, пѣли вообще не стройно, службу Божію совершали поспѣшно, многое опускали, нарушая единообразіе службы церковной, производя безпорядокъ и соблазнъ, выставляя предъ набожными прихожанами свое лишь нерадѣніе. Въ частной жизни своей монахи предавались пьянству, заводили между собою ссоры и кляузы, шатались днемъ и по ночамъ внѣ монастыря, заводили компанію съ мірянами вообще и въ частности съ женщинами. Братья школьники не отставали отъ братіи монастырской даже по части волокитства и двое изъ нихъ—Маріанъ и Георгій уличены были въ этомъ послѣднемъ не задолго до пріѣзда епископа въ масляничное воскресенье. Занятія философіею, къ которымъ братья школьники, какъ выражается епископъ, назначены *въ силу послушанія,* были ими заброшены, и они отвиливали отъ нихъ „чисто по своему лукавству“. Строгіе профессора исключили многихъ изъ нихъ, если не всѣхъ, что епископъ осудилъ предъ всею общиной и на будущее время воспретилъ,—вѣроятно для того, чтобы не лишиться вовсе учениковъ; но школьники, какъ говоритъ онъ, обнаружили еще большее бездѣльничество: они осмѣлились бранить одного изъ учителей словами жестокими, свойственными однимъ разбойникамъ и бандитамъ, а почтенный братъ Георгій Коссарабовичъ до того дошелъ въ своей дерзости, что не только преслѣдовалъ своего профессора самыми непотребными словами, но однажды, въ пьяномъ видѣ, грозилъ убить его. Тѣ же братья школьники, подъ видомъ заботливости о своей общинѣ, а скорѣе для того, чтобы отдѣлаться отъ непрошенныхъ менторовъ, послали въ бециркъ доносъ на отцевъ Варлаама Калиновича и Юліана Паржинскаго, будто они замышляли бѣжать за границу (т. е. въ Россію), что

однако не подтвердилось никакимъ доказательствомъ. „Почтенный братъ прокураторъ“ продолжалъ пьянствовать при бытности самаго епископа, а на увѣщанія отвѣчалъ дерзостями.

Максимиліанъ Рылло, которому на этотъ разъ въ дѣлѣ возстановленія дисциплины и жизни монашеской предоставлена была неограниченная власть, поступилъ не только со строгостію, но вмѣстѣ съ крайнею осторожностію, дабы не разогнать своевольныхъ монаховъ или школьниковъ, но, удержавъ ихъ на мѣстѣ, постепенно прибрать къ рукамъ. Онъ началъ съ того, что назначилъ безголовому монастырю настоятеля въ лицѣ викарія Варлаама Калиновича, человѣка, какъ говорится въ декретѣ, доброй нравственности, извѣстнаго и довольно заслуженнаго въ базиліанскомъ орденѣ. Составивъ тутъ-же инвентари и вручивъ по нимъ новопоставленному все движимое и недвижимое имущество монастыря въ полное распоряженіе, безъ права однако отчуждать, продавать и дарить, и строго обязавъ его представленіемъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ самаго подробнаго отчета, епископъ предоставилъ ему полную власть надъ непокорными монахами и школьниками, обязавъ всѣхъ ихъ оказывать ему должное почтеніе, послушаніе и содѣйствіе. „Знайте, объявлялъ онъ въ декретѣ монахамъ, что я никому не дозволю вмѣшиваться въ управленіе монастыремъ, но всякъ изъ васъ обязанъ дѣлать только то, чего требуетъ отъ него долгъ, исполнять то, что прикажетъ настоятель; ему я вручаю управленіе всей общиной и строго его обязываю, въ случаѣ сопротивленія общины, немедленно доносить о томъ мнѣ, подъ угрозою не принятія его самаго ни къ какимъ должностямъ въ нашихъ епархіяхъ“. За безпорядки въ богослуженіи дѣлалось строгое внушеніе и всѣмъ вообще монашествующимъ предписывалось быть аккуратными и точными въ выполненіи росписанія времени и часовъ для богослуженія и не только исправно по нему поступать, но исполнять такъ, какъ прикажетъ настоятель, безъ всякаго возраженія и ропота. Въ случаѣ сопротивленія, епископъ уполномочивалъ настоятеля подвергать виновнаго безъ всякихъ объясненій запрещенію богослуженія. Еще строже отнесся епископъ къ уклоняющимся отъ участія въ хорѣ: виновный въ этомъ, послѣ двухъ замѣчаній, въ третій разъ подлежалъ оставленію безъ обѣда, а въ послѣдующій—*дисциплинѣ*, иначе говоря, его должны были разложить и сѣчь плетью до тѣхъ поръ, пока кто либо изъ

братіи не прочтетъ весь псаломъ: *Помилуй мя Боже;* при дальнѣйшемъ-же ослушаніи, объ немъ должно было доносить консисторіи. Виновные въ ссорахъ и распряхъ присуждались къ семидневному молчанію, а при повтореніи—суду консисторіи. Брата прокуратора за пьянство и продерзость самъ епископъ рѣшилъ подвергнуть *дисциплинѣ*, т. е. дать ему столько плетей, сколько ихъ влѣзетъ во все чтеніе псалма: *Помилуй мя Боже.* Прочіе виновные въ такихъ-же проступкахъ оставлены безъ наказанія въ надеждѣ на исправленіе ихъ, какъ болѣе просвѣщенныхъ. Для предупрежденія праздношатательства и компаній съ мірянами, особливо-же съ женщинами, а равно подозрѣнія въ побѣгѣ за границу, строжайше, подъ опасеніемъ заключенія въ карцеръ, воспрещалось выходить за ограду безъ дозволенія настоятеля, а этому послѣднему вмѣнялось въ обязанность не дозволять отлучаться за городъ двумъ монахамъ или двумъ школьникамъ (но, прибавимъ отъ себя, только тремъ или болѣе, какъ это принято и теперь въ католическихъ монастыряхъ и семинаріяхъ), а въ городѣ двумъ школьникамъ, и ни самому не отлучаться, равно и никому не дозволять отлучаться въ далекій путь безъ разрѣшенія епископа или его чиновника, что и изданными тогда распоряженіями гражданской власти воспрещалось. Съ школьниками епископъ поступилъ, какъ принято было тогда поступать со школьниками: братья Маріанъ и Георгій за наклонность къ волокитству лишены были въ теченіи трехъ дней лучшаго кушанья за обѣдомъ, прочіе, въ томъ-же виновные, должны были просить прощенія у братіи, цѣлуя имъ ноги. Всѣ вообще школьники (они помѣщались въ верхнемъ этажѣ небольшаго монастырскаго зданія) не смѣли, безъ дозволенія настоятеля сходить въ нижнія келліи, подъ опасеніемъ наказанія 50 поклонами. За грубое оскорбленіе профессора братъ Георгій дотолѣ долженъ былъ на колѣнахъ просить у него прощенія, доколѣ онъ самъ не назначитъ ему соотвѣтственнаго его винѣ взысканія, а прочіе виновные въ томъ-же должны были просить у него прощенія, только однажды ставъ предъ нимъ на колѣна въ присутствіи всѣхъ членовъ общины. Строгій епископъ, опредѣляя то или другое наказаніе, каждый разъ почти замѣчаетъ, что хотя виновные заслуживали-бы строжайшаго наказанія, но онъ дѣлаетъ снисхожденіе по своей отеческой любви; на самомъ дѣлѣ, какъ мы выше упомянули, онъ боялся крутыми мѣрами обезлюдить

общину и особливо школу философіи, которая, кажется, имѣла всего четырехъ лишь учениковъ и одного профессора, принадлежавшаго также къ числу братіи. Чтобы смирить непокорныхъ *философовъ,* сверхъ обычныхъ ихъ занятій въ школѣ и хорѣ, онъ назначалъ имъ другую работу: братъ Маріанъ долженъ былъ помогать ризничему, братъ Іеронимъ смотрѣть за столовою, а братья Августинъ и Георгій за библіотекою и корридоромъ, а всѣ вмѣстѣ—писать поученія, произнося ихъ прежде въ столовой, потомъ въ церкви, и тѣмъ облегчать трудъ проповѣдника и не давать ему повода уклоняться отъ участія въ хорѣ.

Какъ однако ни строги были правила, преподанныя холмскимъ епископомъ замостьскому монастырю для возстановленія въ немъ монашеской дисциплины, трудно было одною строгостію поднять значеніе монастыря, искусственно созданнаго и такъ скоро разшатавшаго свои нравственныя основы. И по началу нельзя было ничего лучшаго ждать отъ обители, созданной рукою польскаго патрона съ цѣлію подавленія православія и расширенія уніи, приближавшей къ латинству. Монастырь прежде всего самъ на себѣ оправдалъ цѣль своего назначенія. На удержаніе въ немъ какихъ либо остатковъ восточнаго обряда и русской народности, на удержаніе его самаго, хотя-бы въ обезличенномъ и искаженномъ видѣ, также трудно было надѣяться. Кругомъ его царилъ духъ иновѣрный и иноплеменный; католичество давно уже точило зубы на созданную имъ-же унію; новое государство, въ которое нежданно попалъ замостьскій монастырь, было въ порѣ секуляризаціи монастырей; въ высшихъ слояхъ даже польско-католическаго общества носились уже модныя идеи французскаго свободомыслія и индифферентизма въ дѣлахъ вѣры. Тѣмъ не менѣе замостьскому монастырю постановленіемъ новаго правительства разрѣшено было существованіе на дальнѣйшія времена. Отъ участи другихъ монастырей онъ спасенъ былъ состоящимъ въ его завѣдываніи приходомъ и содержимою монастыремъ базиліанскою орденскою студіей или школой. Въ 1802 году замостьскій настоятель Аркадій Зеневичъ, испрашивая у графа Замойскаго вспомоществованіе своему монастырю, писалъ между прочимъ слѣдующее: „Теперешнія перемѣны да не будутъ препятствіемъ ясновельможному пану и благодѣтелю оказать монастырю милостивое вниманіе и благотворительную любовь, ибо этотъ мона-

стырь нашъ находится въ подаваніи его милости вельможнаго пана (т. е. ему принадлежало право представленія кандидатовъ на монастырскія должности) и утвержденъ навсегда вѣнскимъ декретомъ, особенно по той причинѣ, что имѣетъ приходъ и для общественнаго блага воспитываетъ орденское юношество" [1]). Приходъ и орденская студія и составляли предметъ особенной заботливости замостьскаго базиліанскаго монастыря въ остальное время жизни его въ австрійскихъ предѣлахъ.

Что касается отношеній замостьскаго монастыря къ своему приходу, то въ нихъ видимъ мы, съ одной стороны, нѣкоторое, можетъ быть и невольное, уваженіе къ стародавнимъ обычаямъ прихожанъ, унаслѣдованнымъ еще отъ православія, а съ другой стороны—стремленіе базиліанъ постепенно сгладить особенности русской обрядности и богослуженія и сблизить его съ господствовавшимъ въ государствѣ католическимъ обрядомъ. Этими традиціями и стремленіями условливались нѣкоторыя особенности въ богослуженіи, церковномъ порядкѣ и требоисправленіи замостьскаго монастыря, которыя перечислены въ меморіалѣ замостьскаго настоятеля Иларіона Ломбовскаго, 1791 г. Меморіалъ открываетъ любопытныя черты въ уніатствѣ того времени, утратившіяся впослѣдствіи. Вотъ что отмѣчаетъ уніатскій монахъ изъ практики своей обители и принадлежащаго ей прихода: 1) Церковный день начинается звономъ къ заутрени, или хвалою Господу Богу, откуда сохранившееся доселѣ выраженіе: „тягать за хвостъ хвалу Господню", равнозначущее слову звонить. Звонъ къ заутрени въ семь часовъ утра. Чтеніе полунощницы совершается частнымъ образомъ, т. е. каждымъ про себя, въ виду случающихся приходскихъ требъ. Въ воскресенья и праздники въ девятомъ часу звонъ къ главной обѣднѣ, или *суммѣ*, потомъ, черезъ четверть часа—на проповѣдь, которая слѣдовала за евангеліемъ. По окончаніи утрени всегда бываютъ молебствія, даже въ будніе дни, если есть дьякъ (видно, безъ дьяка и молебна не могли отслужить оо. базиліане). 2) Въ воскресенья и праздники во второмъ часу звонъ на катихизисъ (изученіе молитвъ и заповѣ-

---

[1]) Прошеніе настоятеля Аркадія Зеневича графу Замойскому, 11 августа 1802 г.,—въ архивѣ замостьскаго монастыря.

дей и ихъ объясненіе, чего у насъ, увы!—нѣтъ и не было никогда; послѣ катихизиса бываетъ для собравшихся людей вечерня. 3) Въ воскресенья и праздники ходилъ монахъ въ ратушу къ заключеннымъ съ поученіемъ: въ одну четверть или половину года отъ коллегіатскаго (католическаго) костела, а въ другую отъ монастыря. 4) Къ сестрамъ милосердія, по требованію больныхъ, ходилъ монахъ съ духовной помощью, равно и по солдатскимъ лазаретамъ. 5) На Вознесеніе ежегодно бываетъ въ предгородной церкви обѣдня съ проповѣдію, безплатно, кромѣ того числа литургій, сколько нужно для возобновленія св. даровъ (до такой степени монастырь не радѣлъ о приходѣ, выживъ изъ него священника и такъ рѣдко тамъ обѣдни бывали). 6) Обязательства (т. е. поминовенія) мѣсячныя (разъ въ мѣсяцъ) всегда правятся, какъ въ таблицѣ, седмичныя же (разъ въ недѣлю) за Потоцкихъ больше году уже не правятся. Но когда, замѣчаетъ настоятель, возвращена будетъ съ процентами, по начатому иску, сумма данная монастырю и обезпеченная за границей на Гродкѣ (имѣніи Потоцкихъ), которая на основаніи польской конституціи 1787 года, задерживалась въ теченіи всего моего управленія, то нужно будетъ снова править седмичныя обязательства, съ прибавленіемъ, соотвѣтствующимъ накопившимся процентамъ (послѣднее въ особенности интересно: за проценты—процентъ). 7) Браки всегда должны вѣнчаться до полудня при совершеніи и принятіи брачущимися страшныхъ таинъ; нужно притомъ троекратное оглашеніе, равно полученіе свидѣтельства отъ коллегіатскаго костела, если жена—греко-католическаго обряда, и тутъ бракъ получаетъ полякъ. И не мѣшало бы, чтобы новобрачущіеся при свидѣтеляхъ заявляли, что они добровольно и не принужденно вступаютъ въ супружество. Не было здѣсь обычая того, ибо никто не ожидалъ ни малѣйшаго принужденія; во всякомъ случаѣ безъопаснѣе сообразоваться съ закономъ цесарскимъ, и съ установленною записью метрикъ о родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ... 8) Ежегодно тутъ бываютъ братскія засѣданія: братства свято-никольскаго за недѣлю предъ св. Николаемъ въ маѣ, а братства покровскаго за недѣлю предъ св. Покровомъ; какъ первое, такъ и второе братства съ свои праздники нанимаютъ обѣдни (не упоминаются братства онуфріевское,—оно не шло въ счетъ, какъ свое, и братство вознесенское, переставшее, конечно, существовать съ

закрытіемъ прихода). 9) Есть тутъ дьякъ Петръ. За то, что въ церкви всегда продаетъ свои свѣчи, онъ обыкновенно съ другими мірянами обывателями каждый праздникъ и каждое воскресенье поетъ литургію безплатно, только за то, что дадутъ изъ чести. 10) Въ видахъ сбереженія монастырскаго освѣщенія на олтарѣ, въ будніе дни св. литургіи большею частію совершаются на олтаряхъ св. Покрова и св. Николая, потому что на тѣ олтари доставляютъ освѣщеніе братства (уніатско-іезуитская разсчетливость). 11) Передъ Рождествомъ Христовыхъ, Пасхою и св. Онуфріемъ раздаются порожнія лампы, которыя имѣютъ обычай наливать не только *наша Русь*—прихожане, но и поляки, а особенно рѣзники, и такимъ образомъ церковь не только не тратится на лампы, но и свѣчи дѣлаются на нужду монастырскую, лишь бы только стекла ставало на это. 12) Есть тутъ такой обычай (католическихъ монастырей), что люди изъ селъ приносятъ телятъ, барановъ, гусей, съ тою цѣлію, чтобы получить исполненіе своихъ желаній при помощи св. Николая и св. Онуфрія, и также часто требуютъ *артоса*, *іорданской воды* отъ лихорадки и *вѣнковъ*. Посему за помянутые приносы правились обѣдни: въ одинъ мѣсяцъ обѣдня предъ св. Николаемъ, а въ другой предъ св. Онуфріемъ, въ среду. А для удовлетворенія желанія здѣшнихъ и стороннихъ людей всегда святятся два артоса; и воды много святится, до двухъ кадей, кромѣ *іордани*; этой въ 1791 году не было изъ-за грязи, посему не достало и іорданской воды, освященной въ навечеріе Богоявленія, а такой воды монастырь, сохраняя ее цѣлый годъ, долженъ удѣлять по немногу просящимъ" [1]).

Такъ не много въ уніатской обители осталось изъ того, что напоминало ея связь съ православіемъ. Весь дневной порядокъ богослуженія, всѣ эти, такъ сказать, сверхъ-должныя дѣла базиліанскихъ іереевъ, которыхъ мы не находимъ въ православномъ мірѣ и въ которыхъ они чередуются съ католическими ксендзами, языкъ, на которомъ они говорятъ и пишутъ, эти боковые олтарики, „мши читаныя и спѣваныя, раннія и суммы", даже это множество лампъ, равно телятъ, барановъ и гусей—все указываетъ на совершавшееся

---

[1]) Grato successori memoriale o stanie klastoru bazylian zamoyskich, 1791 г.—въ архивѣ замостьскаго монастыря.

слитіе уніатства съ латинствомъ. Осталось лишь нѣсколько церковно-народныхъ обычаевъ и ихъ только не уничтожаютъ монахи базиліане, ибо отъ нихъ такой доходъ, какого не имѣли и ксендзы-католики. Остался историческій дьякъ вольной профессіи, не имѣющій уже школы, но продающій свои свѣчи въ церкви и носящій частныя службы за неумѣлыхъ базиліанъ. Въ дѣлѣ вѣры, ея исповѣданія нѣтъ уже никакого почти отличія отъ латинства, но осталось едва слабое сознаніе своей отличной народности,—*наша Русь*, случайно проговаривается игуменъ-базиліанинъ. Но скоро и этого не станетъ и къ тому направлено высокое покровительство учредителей уніатской обители Замойскихъ и работавшаго за его спиной мѣстнаго католическаго коллегіата.

Мы не знаемъ, по побужденію-ли его, или сами по себѣ базиліане притянули къ себѣ приходъ на предмѣстьѣ и въ с. Лабунькахъ, но оставивъ ихъ безъ священниковъ и служа тамъ разъ или нѣсколько разъ въ годъ, они тѣмъ самымъ открыли тамъ широкій просторъ для миссіонерскаго дѣйствія католическихъ ксензовъ. Такъ и до послѣднихъ дней шло всюду обращеніе уніатовъ въ латинство, такъ велось оно и здѣсь. И вотъ теперь, когда такъ далеко уже шагнула польско-католическая пропаганда, ей надо было сломить послѣднюю преграду для своихъ дѣйствій, а она могла еще быть въ этой отдѣльной философской школѣ при базиліанской обители, которая воспитывала и давала хотя не многихъ, но все таки самостоятельныхъ дѣятелей въ уніатствѣ. При оскудѣвшихъ средствахъ монастыря и незначительности числа учениковъ его школы, не трудно было расположить базиліановъ прекратить самостоятельное обученіе ихъ буйныхъ питомцевъ, предоставивъ имъ ходить на лекціи въ замостьскій лицей, преобразованный изъ замостьской академіи. По неимѣнію прямыхъ, положительныхъ данныхъ, мы не можемъ сказать, кому пришла первая объ этомъ мысль; но, судя по общему ходу дѣлъ замостьской обители отъ перваго ея возникновенія, по иниціативѣ посторонней и для цѣлей католичества, нельзя не видѣть и въ этомъ дѣлѣ участія посторонней, весьма искусной руки. По крайней мѣрѣ не въ интересахъ базиліанъ было жертвовать такимъ учрежденіемъ, съ которымъ, какъ видѣли мы выше, связано было самое существованіе ихъ монастыря. Передавая своихъ питомцевъ, своихъ будущихъ дѣятелей въ науку католиче-

скихъ ксендзовъ, оо. базиліане, конечно, не сознавали уже, что наносятъ этимъ послѣдній ударъ своему отдѣльному существованію: надъ всѣмъ царила и тогда уже *swięta jednosć* и они могли утѣшать себя тѣмъ, что избавляются отъ необходимости содержать своего особаго профессора, что ихъ орденскіе воспитанники, находясь подъ ихъ постояннымъ руководствомъ, будутъ лишь ходить на лекціи въ польско-католическій лицей. Какъ-бы ни было, братья школьники, введенные еще недавно декретомъ Максимиліана Рылла въ кругъ монастырской жизни и тѣсно съ нею связанные, теперь составляли изъ себя особую въ монастырѣ школьную общину, мало имѣвшую съ нимъ связей. Надо было регламентировать особо порядокъ занятій членовъ этой общины и ихъ отдѣльную жизнь въ монастырѣ. Это сдѣлано въ 1801 году базиліанскимъ провинціаломъ галицкой провинціи Дороѳеемъ Михальскимъ. Вотъ какія правила опредѣляли жизнь братьевъ школьниковъ и отношенія ихъ къ монастырю: 1) Ксендзъ закристіанъ наблюдаетъ, чтобы каждый день звонили на возстаніе отъ сна въ четвертомъ часу. 2) Братія школьники тотчасъ-же послѣ звонка встаютъ и, одѣвшись и поправивши постель, собираются въ одну келлію. 3) Собравшись въ одну келлію, братія совершаютъ установленныя молитвословія, т. е. полунощницу и утреню безъ канона даже до перваго часа, и притомъ такимъ образомъ, чтобы одинъ изъ нихъ читалъ вслухъ, а другіе слушали, стоя съ благоговѣніемъ и почтеніемъ. 4) По совершеніи такимъ образомъ утреннихъ молитвословій, немедленно идутъ въ церковь для слушанія св. литургіи, во время которой должны будутъ прочитать себѣ частнымъ образомъ часы, начавши отъ перваго часа до обѣдницы включительно. 5) По выслушаніи св. литургіи, возвращаются въ свои келліи и тамъ въ молчаніи готовятся къ школѣ изъ предметовъ, объясненныхъ профессорами на публичныхъ лекціяхъ, изъ коихъ имѣетъ быть произведено профессорами частное испытаніе въ школѣ. 6) По надлежащемъ приготовленіи себя къ школѣ, если останется время, читаютъ авторовъ, которые говорятъ о предметахъ, объясненныхъ профессорами на лекціяхъ. 7) Въ три четверти восьмаго всѣ вмѣстѣ выходятъ изъ монастыря на лекціи въ лицей, откуда послѣ 10 часовъ снова всѣ возвращаются въ монастырь, нигдѣ не замѣшкиваясь, такъ чтобы въ одиннадцатомъ всѣ находились въ монастырѣ. 8) По возвращеніи своемъ

въ монастырь съ лекцій, отдохнувши четверть часа, тотчасъ принимаются за чтеніе и припоминаніе себѣ предмета, объясненнаго профессорами на только-что бывшихъ лекціяхъ, совѣщаясь между собою о томъ, что было объяснено въ школѣ и какія были сдѣланы профессорами прибавки или замѣчанія во время лекцій. 9) Когда наступитъ время обѣда, тотчасъ послѣ звонка всѣ являются въ столовую и тамъ по старшинству вступленія своего въ орденъ садятся за столъ, во время котораго, подкрѣпляя тѣло пищею, мысль свою должны обращать на слушаніе чтенія, которое всегда должно быть предлагаемо во время стола. 10) Послѣ обѣда пользуются свойственнымъ монашескому состоянію отдыхомъ, т. е. могутъ себѣ пройтись по дѣдинцу или монастырской оградѣ въ дни ясные, въ дни же ненастные могутъ въ это время заняться, для развлеченія мыслей, бѣганіемъ въ своихъ келліяхъ, что однако должно происходить безъ всякаго крику, безъ непріятности другому и безъ обиды братской. 11) По истеченіи времени послѣобѣденнаго отдыха, прилежно готовятся къ школѣ до половины втораго часа, такъ чтобы въ три четверти уже готовы были къ выходу изъ монастыря въ лицей на публичныя лекціи, по окончаніи которыхъ должны всѣ находиться въ монастырѣ. 12) По возвращеніи своемъ въ монастырь съ публичныхъ лекцій, отдохнувъ немного, дѣлаютъ тоже самое, о чемъ сказано выше, въ восьмомъ пунктѣ, и такъ до вечерняго времени; а если бы осталось времени отъ помянутаго взаимнаго совѣщанія, то могутъ или писать сочиненія, или приготовляться изъ объясненныхъ предметовъ, или же читать авторовъ. 13) Во время ужина дѣлаютъ тоже самое, что и во время обѣда, какъ сказано въ девятомъ пунктѣ. 14) Равно также и послѣ ужина пользуются такимъ же отдыхомъ, какъ и послѣ обѣда, о чемъ сказано въ 10 пунктѣ. 15) Послѣ сего отдыха всѣ вмѣстѣ собираются въ одну келлію, гдѣ такимъ же порядкомъ вычитываютъ себѣ вечерню и повечеріе, какой предписанъ выше въ третьемъ пунктѣ для отправленія полунощницы и утрени. 16) По совершеніи положенныхъ вечернихъ молитвъ, или готовятся на завтрешній день къ школѣ, или занимаются чтеніемъ авторовъ, или же пишутъ сочиненія по преподаннымъ предметамъ. 17) Такія ихъ вечернія упражненія и занятія продолжаются не болѣе, какъ до девятаго, а много до половины десятаго часу, такъ чтобы къ десяти часамъ

всѣ уже были на своихъ постеляхъ. 18) Въ дни, свободные отъ публичныхъ уроковъ, какъ-то: въ воскресенья, праздники, вторники и четверги, если будетъ хорошая погода, всѣ вмѣстѣ послѣ обѣда отправляются въ поле на рекреацію, на которой должны быть не болѣе двухъ часовъ. 19) Изъ монастыря по своимъ частнымъ дѣламъ никогда не должны выходить безъ предварительнаго дозволенія настоятеля, а когда получатъ это дозволеніе, то могутъ идти не въ одиночку, но съ назначеннымъ себѣ товарищемъ, а вышедши такимъ образомъ, должны будутъ возвратиться въ монастырь въ назначенное время и лично явиться къ мѣстному настоятелю. 20) Для облегченія живущихъ въ семъ монастырѣ отцовъ, которые во время стола имѣютъ обыкновеніе читать въ трапезѣ, должны также и братья школьники совершать чтеніе въ той-же трапезѣ поочередно, одинъ за другимъ, по недѣлѣ; но это только во время ужина, ибо за обѣдомъ и впредь будутъ читать сами отцы. 21) Въ дни воскресные, также въ нарочитые праздники, свободные отъ публичныхъ уроковъ, должны быть въ церкви на всякомъ богослуженіи, т. е. на утрени, св. литургіи поемой, на проповѣди и вечерни. 22) Черезъ одно воскресенье въ другое, также въ нарочитые праздники Спасителя и пресв. Дѣвы, равно и въ дни святыхъ патроновъ нашего ордена, должны исповѣдываться и причащаться съ надлежащимъ приготовленіемъ и всякимъ благоговѣніемъ. 23) Опрятность въ келліяхъ и въ одѣяніи должны соблюдать такъ, чтобы никто не дѣлалъ имъ замѣчанія за это. 24) Гдѣ бы ни находились, въ церкви-ли, или въ школѣ на публичныхъ лекціяхъ, или въ столовой и въ келліяхъ своихъ, или-же наконецъ въ чужомъ домѣ среди мірянъ,—должны тщательно избѣгать всего того, что вообще принято называть неблаговоспитанностію, простотой и невѣжествомъ, а тѣмъ болѣе того, что̀ бы могло соблазнить мірянъ. 25) Каждый братъ обязанъ ежегодно произнесть, въ церкви или въ трапезѣ, три проповѣди, написанныя или имъ самимъ, или другимъ, для пріученія себя къ проповѣданію Христова ученія, въ виноградникѣ котораго приготовляются трудиться. Дабы съ большимъ удобствомъ сдѣлать это, для сего они должны выбрать себѣ, во время вакаціи, время и предметъ и сообщить отцу проповѣднику, кто и когда будетъ проповѣдывать. 26) Каждое воскресенье и каждый четвергъ съ четырехъ часовъ по полудни обязаны имѣть репетиціи изъ тѣхъ предметовъ,

которые объяснены профессорами въ теченіи недѣли. Къ репетиціямъ должны приготовляться хорошо, по очереди, одинъ за другимъ, такъ что-бы въ теченіи цѣлаго часу могъ говорить и произносить на память въ присутствіи другихъ соучениковъ своихъ, которые, сидя спокойно, внимательно должны слушать и вникать, и если бы говорящій ошибся въ чемъ нибудь, другіе должны указывать ему и поправлять".—Ближайшій надзоръ за воспитанниками и точнымъ исполненіемъ приведенной инструкціи поручался старшему изъ нихъ, который назывался братъ руководитель (ductor). Такимъ теперь назначался братъ Максимиліанъ Литынскій; ему всѣ прочіе должны подчиняться: провинившимся онъ имѣлъ право дѣлать выговоръ, а о непослушныхъ обязанъ былъ доносить настоятелю монастыря. Въ свою очередь этому послѣднему вмѣнялось въ обязанность, послѣ каждаго экзамена наводить справки у профессоровъ объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ и такія свѣдѣнія доставлять провинціалу во Львовъ. Въ заключеніе инструкціи провинціалъ-начальникъ требовалъ, чтобы братья школьники (ихъ всего было шесть) помѣщались по два въ одной келіи и чтобы лекціи репетировались сперва каждыми двумя, а потомъ всѣми вмѣстѣ—въ теченіе часу [1]).

Приведенныя правила опредѣляютъ лишь внѣшнюю, формальную сторону жизни воспитанниковъ монастырской философской школы, не касаясь ни предметовъ, ни характера ихъ занятій; но частыя въ нихъ указанія на репетиціи и коррепетиціи указываютъ отчасти на характеръ какъ самыхъ лекцій, состоявшихъ въ перифразѣ учебниковъ или замѣнявшихъ ихъ древнихъ авторовъ, такъ и приготовленій этихъ лекцій, заключавшихся въ зазубриваніи учебниковъ и авторовъ, въ большей части латинскихъ. Съ другой стороны въ правилахъ нѣтъ и намека на отношенія воспитанниковъ-уніатовъ къ новой для нихъ польской, притомъ свѣтской школѣ и то, какъ они должны себя держать въ иновѣрной и иноплеменной средѣ, чтобы не отдаляться отъ главнаго дѣла своего воспитанія. Видно, подобные вопросы не безпокоили болѣе руководителей уніатскаго юношества, предназначавшагося къ духовному служенію,

---

[1]) Rosporządzenie I. X. prowincyala michalskiego, 20 сентября, 1801 года—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

порѣшившихъ уже, что и въ уніатствѣ и въ латинствѣ одна вѣра, одинъ Богъ и одинъ найсвятѣйшій отецъ въ Римѣ. Въ правилахъ находимъ одно лишь характерное предостереженіе для воспитанниковъ монастырскихъ, попадающихъ теперь въ свѣтскую школу, именно чтобы въ ихъ поведеніи не допускалось ничего такого, что отзывалось-бы неблаговоспитанностію. Оо. базиліане опасались только, чтобы ихъ воспитанники не сконфузили себя предъ шляхетными учениками лицея; опасенія-же за окончательную утрату своей вѣроисповѣдной и національной особенности и на умъ имъ не всходили. Такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ продолжали жить монашествующіе замостьскаго монастыря и во всей перепискѣ онаго мы не встрѣтили ни одного указанія на какое-либо стремленіе ихъ къ обособленности отъ польско-католическаго міра: напротивъ, во всемъ видится быстрая ихъ съ нимъ ассимиляція, а поверхъ не труднаго механическаго исполненія обязанностей по совершенію богослуженія и требъ въ приходѣ, нескончаемыя мелочныя хлопоты о матеріальныхъ интересахъ и нуждахъ монастыря.

V.

Во время наполеоновскихъ войнъ нынѣшняя Холмщина испытывала различныя превратности. Разгромивъ Пруссію подъ Іеною, Наполеонъ, по тильзитскому трактату 1807 года, передалъ Россіи бѣлостокскую область, а изъ частей Польши, инкорпорированныхъ Пруссіею по двумъ послѣднимъ раздѣламъ, образовалъ маленькое герцогство варшавское, которымъ онъ надѣлилъ союзника своего, короля саксонскаго. Въ 1809 году герцогство сдѣлалось театромъ войны Франціи съ Австріей. Варшаву заняли австрійскія войска, между тѣмъ какъ польскія, подъ предводительствомъ князя Іосифа Понятовскаго, завоевали западную Галицію, Краковъ и Люблинъ, при чемъ сожженъ былъ и фольварокъ замостьскаго монастыря [1]). По вѣнскому конгрессу 1815 года и по особому трактату съ Австріей и Пруссіей, возвращена Пруссіи часть герцогства варшав-

---

[1]) О сожженіи фольварка см. «Konsygnacya szkody spalonego folwarku XX. Bazylianow zamoyskich na przedmesciu Hrubeszowskim w czasie dobywania fortecy die 19 maja 1809 roku—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

скаго, Австріи—часть Галиціи, а остальное герцогство варшавское досталось Россіи и преобразовано было въ конгрессовое Царство Польское съ двухъ-палатнымъ сеймомъ.

Что же касается базиліанскихъ монастырей герцогства варшавскаго и Царства Польскаго, то они, находясь подъ верховнымъ управленіемъ холмскаго уніатскаго епископа, составили въ 1810 г. въ Холмѣ провинціальную капитулу, почти одновременно съ почаевской капитулой волынскихъ базиліанъ, и образовали изъ себя особую базиліанскую провинцію, подъ титуломъ Рождества пресв. Дѣвы Маріи, управляемую своимъ визитаторомъ или провинціаломъ, который выбирался на провинціальныхъ капитулахъ на четыре года. Эта провинція состояла изъ слѣдующихъ базиліанскихъ монастырей: варшавскаго, холмскаго, люблинскаго, бѣльскаго и замостьскаго. Такимъ образомъ всего было только пять монастырей, изъ которыхъ нужно было выбирать провинціала или визитатора, одного протоконсультора, трехъ консульторовъ и одного секретаря, да нужны были и избиратели. Поэтому всѣ почти наличные базиліане провинціи Царства Польскаго привлекались къ участію въ провинціальныхъ капитулахъ и выборахъ на должности.

Капитулы, созываемыя провинціаломъ, открывались подъ предсѣдательствомъ холмскаго епископа, который, по избраніи новаго провинціала, уступалъ ему предсѣдательское мѣсто при дальнѣйшихъ занятіяхъ капитулы. Капитулы занимались выборами должностныхъ лицъ провинціи и устройствомъ внутреннихъ дѣлъ провинціи и отдѣльныхъ монастырей. Со времени образованія герцогства варшавскаго, намъ извѣстны слѣдующія капитулы, происходившія въ Холмѣ: 1810 года; 3 октября 1814 г.; 21 и 22 ноября 1818 г.; 1825 г.; 1829 г.; 21 сентября 1833 г.; $^{12}/_{21}$ сентября 1838 г. Провинціалами или визитаторами за это время были слѣдующія лица: Фелиціанъ Шумборскій 1814—1818 г.; Вицентій Сѣдлецкій 1818—1824 г.; Янъ Биллевичъ, викарій, по нареченіи Сѣдлецкаго холмскимъ суффраганомъ, 1824 — 1825 г.; Исидоръ Яміолковскій 1825—1834 г.; Василій Калиновичъ 1834—1838 г.; Янъ Биллевичъ 1838—1844 г.

Кромѣ выбора должностныхъ лицъ провинціи, на капитулахъ базиліане занимались дѣлами по внутреннему устройству провинціи въ духовно-нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Особенно

замѣчалась между монахами распущенность нравовъ, противъ которой издано нѣсколько постановленій на капитулахъ 1814 и 1818 годовъ и на консультѣ 1815 года. Этими постановленіями предоставлялось настоятелямъ право употреблять, по отношенію къ неисправимымъ монахамъ, тяжелыя и унизительныя наказанія, какъ снятіе монашеской одежды, облаченіе въ сукманъ (сермягу) и назначеніе на работу: услуженіе при кухнѣ, рубку дровъ и т. п., но каждый разъ съ разрѣшенія провинціала [1]). Мы не имѣемъ полныхъ постановленій этихъ капитулъ, но въ разновременныхъ распоряженіяхъ провинціаловъ находимъ характерныя указанія на то, какого рода мѣры употреблялись противъ неисправимыхъ монаховъ. Такихъ двухъ монаховъ нашелъ въ замостьской обители въ 1815 году визитаторъ Шумборскій, именно—Ѳеофила Гарашковскаго и Модеста Делавскаго. Первый изъ нихъ, по словамъ визитатора, до того дошелъ, „что на него уже почти не дѣйствуютъ братскія вразумленія и наказанія, которымъ онъ подвергался, поелику пьянство до того взяло верхъ надъ нимъ, что, безъ стыда таскаясь по городу, произвелъ соблазны, въ монастырѣ совершилъ безчисленные проступки; на него и женскій полъ жаловался настоятелю за неприличное обращеніе, соблазны и безстыдные поступки; у него никто изъ служащихъ монастырскихъ и собратій не избѣжалъ ссоры и худаго обращенія; другой, Модестъ, ночною порою тайкомъ выходитъ изъ монастыря и гдѣ-то проводитъ ночное время въ распутствѣ“. Относительно обоихъ визитаторъ оставилъ такое распоряженіе мѣстному настоятелю, послѣ перваго усмотрѣнія съ ихъ стороны подобныхъ безчиній: 1) снять съ нихъ монашескую одежду и надѣть на нихъ простой сукманъ; 2) воспретивъ всякое священнодѣйствіе, заставить исполнять работу кухоннаго сторожа, рубить топоромъ дрова, убирать кухонную посуду и вообще дѣлать все то, что ему прикажутъ; 3) не освобождать ихъ при этомъ отъ утренняго и вечерняго молитвословій, но держать ихъ въ это время вдали отъ хора и братій; 4) перваго изъ нихъ въ пятокъ подвергнуть изъ чужой руки дисциплинѣ въ теченіи всего псалма *Помилуй мя Боже* и весь тотъ день оставить на сухомъ хлѣбѣ; 5) при

---

[1]) Посланіе провинціала Сѣдлецкаго, 29 ноября, 1818 года, въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

изъявленіи покорности и искренняго раскаянія, позволить ему въ томъ-же самомъ одѣяніи просить прощенія и цѣловать ноги у всей братіи, въ столовой, и тогда возложить на него габитъ (рясу); 6) съ этого времени позволить ему бывать въ хорѣ и въ столовой вмѣстѣ со всѣми, но разрѣшеніе священнодѣйствій отложить до такого времени, до какого настоятель сочтетъ нужнымъ" [1]).

Изъ помѣщенной въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины" лѣтописи сатановскаго базиліанскаго монастыря въ Подоліи мы знаемъ, что практиковался и болѣе суровый способъ предупрежденія и пресѣченія преступленій со стороны неисправимыхъ монаховъ-базиліановъ, именно—погребеніе ихъ заживо, или заключеніе до смерти въ каменную клѣтку, съ совершеніемъ и чина погребенія; но теперь не видимъ уже такой мѣры и безнадежно испорченные братья, дабы они не заражали собою другихъ, изгонялись вовсе изъ базиліанскаго общества, иногда съ предоставленіемъ изгоняемому права вступить въ другой болѣе строгій, конечно, католическій орденъ, иногда-же и вовсе безъ этого права. Такъ, изгнанъ былъ въ 1839 году изъ базиліанскаго общества иподіаконъ Анастасій Трояновскій за то, что замѣченъ былъ въ прелюбодѣяніи, пытался вытравить плодъ у одной женщины, дерзко обращался съ настоятелемъ, проматывалъ чужія вещи, давалъ ложную присягу и проч. Трояновскій отличался худою нравственностію еще въ то время, когда учился въ Варшавѣ [2]). Вообще упадокъ нравственности въ оставшихся еще базиліанахъ былъ такъ силенъ, что самые настоятели монастырей не всегда были свободны отъ пороковъ, за которые такъ сурово должны были казнить подчиненную имъ братію, и ихъ теперешнему провинціалу, согласно предписаніямъ конституцій, предоставлялось право удалять отъ должности всякаго игумена, если онъ служитъ соблазномъ для своихъ подчиненнхъ [3]). Сравнивая жизнь русско-уніатскаго монашества, искавшаго въ католическомъ мірѣ высшаго для себя идеала, съ жизнью православнаго нашего монашества за одинъ и тотъ-же періодъ времени, ни-

---

[1]) Циркуляръ визитатора Шумборскаго, 31 января, 1815 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Протоколъ $^{10}/_{22}$ іюня, 1839 года, тамъ же.

[3]) Актъ холмской провинціальной капитулы 1838 года, тамъ же.

какъ нельзя сказать, чтобы на сторонѣ перваго было какое-либо преимущество, кромѣ нѣкоторой доли образованія и внѣшней полировки.

Положительная сторона отшельнической жизни, какъ она была разработана здѣсь цѣлымъ рядомъ конгрегацій и ихъ нерѣдко скрупулезныхъ постановленій и правилъ, не представляетъ также никакихъ возвышенныхъ идеальныхъ стремленій. Всѣ эти многочисленныя конституціи въ базиліанствѣ регламентируютъ только организацію общины и внѣшнюю сторону жизни ея членовъ, оставляя въ сторонѣ ея сущность, духъ, высшія, конечныя цѣли. Индивидуальная жизнь базиліановъ не выработала за все время существованія ордена ни одного типа подвижника; самое понятіе о подвижничествѣ было ими заброшено, какъ на это указывалъ еще знаменитый авторъ Λιθος'а. Не міръ стремился къ нимъ, но они искали міра и его телятъ, барановъ и гусей... Въ чемъ вся жизнь ихъ прошла? Въ нескончаемыхъ хлопотахъ организоваться на манеръ католическихъ орденовъ... Чего достигли они чрезъ это? Потери своей вѣры и народности. Все время трудились они для цѣлей внѣшнихъ, постороннихъ и ничего не выроботали для себя. Послѣднія правила монастырской базиліанской жизни, выроботанныя послѣ всѣхъ религіозныхъ распрей и политическихъ переворотовъ, когда ограниченная въ средствѣ и числѣ холмско-базиліанская община мирно доживала свой вѣкъ подъ скипетромъ Россіи, крайне безцвѣтны, безжизненны и представляютъ значительное уклоненіе отъ древняго типа монашества. Эти правила мы находимъ въ циркулярныхъ распоряженіяхъ базиліанскихъ провинціаловъ, относящихся къ 1819, 1839 и 1842 годамъ. Сводя всѣ эти правила, мы можемъ представить себѣ послѣднюю по времени жизнь уніатскаго монашества въ слѣдующемъ видѣ и положеніи. Монашествующая братія, кромѣ времени литургіи, должна была находиться въ полномъ сборѣ утромъ и вечеромъ, для общей молитвы. Вставать утромъ полагалось въ пять часовъ, въ хорѣ быть—въ половинѣ шестаго; часы отправлялись въ десять часовъ, вечерня—въ три. Предъ заутреней читалась полунощница, какая слѣдуетъ, т. е. во всѣ дни вседневная, въ субботу субботняя, а въ воскресенье троичень канонъ. Предъ заутреней и послѣ вечерни требовалось читать другія положенныя молитвословія, но чтеніе ихъ представлялось произво-

дить каждому брату про себя. Сверхъ того настоятель долженъ былъ раздавать братіи книжки нравоучительныя, которыми бы они занимались, находясь въ келліи, для пользы духовной и предостереженія себя отъ праздности, которая,—замѣчалось въ циркулярахъ, —служитъ началомъ пьянства и всякаго зла. Ни одинъ священникъ-монахъ не освобождался отъ общей молитвы; но игуменъ могъ выходить, по окончаніи псалмовъ, для хозяйственныхъ распоряженій, а всякій другой только съ его вѣдома. Проповѣдники праздничный и воскресный пользовались льготой настоятеля. Викарій, онъ-же и ксендзъ-регентъ, или по нашему уставщикъ, завѣдывающій хоромъ и вмѣстѣ новиціатомъ, если таковой находился при монастырѣ, обязанъ былъ ежедневно быть въ церкви и одна только болѣзнь могла освободить его отъ того. Столъ имѣли братія всегда въ опредѣленное время—обѣдъ въ двѣнадцать, ужинъ въ шесть часовъ, по знаку колокольчика. Кушанья, замѣчается въ циркулярахъ, должны быть здоровыя,—безъ скудости, но и безъ большаго *менажу*. На заботливость настоятеля возлагалось, чтобы братія имѣли пиво по крайней мѣрѣ зимою и во время поста. Росписаніе блюдъ, „по силѣ возможности монастыря“, полагалось слѣдующее: „*въ воскресенье* на обѣдъ: супъ, кусокъ мяса, овощи или пирожное“ (legomina), а если сможетъ монастырь, то и жаркое; на ужинъ—крупничекъ и картофель или клюски, но непремѣнно два блюда; *въ понедѣльникъ*—борщъ со свининой или съ чѣмъ прикажетъ игуменъ, какое нибудь пирожное, вмѣсто овощей, или квашеная капуста; ужинъ—крупничекъ и картофель; *во вторникъ*—капустнякъ, кусокъ мяса и какая нибудь каша; на ужинъ—бульонъ съ кускомъ мяса, пирожное или картофель; *въ среду*—журъ или борщъ, каша съ олеемъ и горохъ съ уксусомъ, *въ четвергъ*—супъ, кусокъ мяса, овощи съ приправой или пирожное, вечеромъ—затирка и картофель; *въ пятницу* борщъ, заправленный олеемъ или журъ, жаркое съ горохомъ, поджареннымъ на олеѣ, олатки на капустѣ; *въ субботу*—крупникъ съ мясомъ, каша съ солониной, а третье по усмотрѣнію настоятеля. Вообще кушанья требовалось мѣнять, по усмотрѣнію и волѣ настоятеля, но такъ, чтобы никто изъ братіи не былъ голоденъ. Для священниковъ, говорится въ циркулярахъ, нѣтъ завтрака, потому имъ слѣдуетъ, по обычаю, рюмка водки. Поочередное чтеніе братіею св. писанія, правилъ св. Василія Великаго и житій святыхъ Господнихъ за

обѣдомъ и ужиномъ составляло необходимую принадлежность стола. Ошибки чтеца въ столовой могъ поправлять только игуменъ, а если бы его не было на лицо, то заступающій его мѣсто. Особое правило объ этомъ указываетъ на то, что въ это время ослабѣло уже въ братіи умѣнье читать пославянски. Никто изъ братіи не долженъ былъ вставать и выходить изъ столовой до окончанія обѣда или ужина, безъ позволенія настоятеля, какъ никто не могъ брать къ себѣ въ келію обѣда или ужина; взятое подлежало отбору, а виновный—наказанію. Безъ нужды и позволенія настоятеля, монахи не должны никуда выходить за фортку, подъ опасеніемъ взысканія, а вышедшій съ разрѣшенія настоятеля по возвращеніи долженъ явиться къ нему. Никто также не долженъ былъ выходить на прогулку послѣ положеннаго времени. Всѣмъ хозяйствомъ завѣдывалъ, распоряжался настоятель и потому онъ освобождался отъ требоисправленія, которое возлагалось на викарія и проповѣдника.

Вся эта регламентація монашеской жизни не представляетъ ничего особеннаго, кромѣ нѣкоторыхъ льготъ и довольно сытнаго стола. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти правила довольно общаго характера оставались въ большей части на бумагѣ, а жизнь монаховъ среди міра шла за міромъ и временемъ. Указанія на это находимъ въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ правилахъ тѣхъ-же циркуляровъ, какъ напр. въ запрещеніи „*отсель* монахамъ бывать въ театрахъ и на публичныхъ зрѣлищахъ“, заниматься политическими вопросами, писать письма къ властямъ, безъ вѣдома настоятеля, ходить въ церковь и на требы въ капотахъ (сюртукахъ); поднимать ропотъ противъ настоятеля, производить наговоры другъ на друга, сѣять роздоры и взаимныя несогласія.

Изъ документовъ этого времени видимъ, что базиліанская община Царства Польскаго, состоявшая изъ пяти монастырей, продолжала содержать *новиціатъ* для пополненія своего состава и воспитанія поступающаго въ монахи юношества. Одно время этотъ новиціатъ находился въ варшавскомъ базиліанскомъ монастырѣ, на Медовой улицѣ. Подчиняясь болѣе или менѣе монашескимъ правиламъ, новиціи или новички въ монашеской жизни имѣли и свою особую организацію. Ими завѣдывалъ и руководилъ помощникъ настоятеля или викарій, носившій поэтому названіе магистра новиціата. Ему помогалъ въ завѣдываніи одинъ изъ братіи, по

назначенію настоятеля, съ именемъ вице-магистра. Новиціи, безъ вѣдома магистра, не могли никуда выходить и ни одному изъ отцевъ дѣлать услуги; самъ настоятель могъ распорядиться новиціемъ лишь съ вѣдома магистра. Новиціи должны были прислуживать при каждой литургіи, и магистръ обязанъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы они вели себя при алтарѣ надлежащимъ образомъ; онъ же назначалъ ихъ къ сакристіи (ризницѣ), чтобы въ ней соблюдаемъ былъ всякій порядокъ. Новиціи услуживали также въ столовой, при недостаткѣ хлопцевъ, съ помощію ихъ исполнялось въ ней установленное чтеніе. Одинъ изъ новиціевъ назначался трапезнымъ и съ него взыскивались порчи и убытки по столовой. Въ лѣтнее время новиціи привлекались къ занятіямъ въ огородѣ (но не къ тяжелой работѣ), напримѣръ полотью грядъ, поливанью всходовъ и истребленію червей. Вообще назначеніе ихъ было чисто служебное и нѣсколько страдательное. Ни на какое дѣйствительное подготовленіе ихъ къ монашеству указаній не находимъ въ постановленіяхъ о нихъ [1]).

Матеріальныя средства возвращенныхъ Россіи базиліанскихъ монастырей были въ слѣдующемъ положеніи. Въ 1824 году варшавскій монастырь и онуфріевское при немъ братство имѣли ежегоднаго доходу 2825 злотыхъ и 6 грошей, люблинскій 1565 злотыхъ, бѣльскій 5574 злотыхъ и 12 грошей и замостьскій 2490 злотыхъ, кромѣ земельныхъ участковъ и зданій, занимаемыхъ самими монахами [2]). Въ послѣдствіи времени фундушевыя суммы базиліанскихъ монастырей взяты были въ государственный польскій банкъ, который и выдавалъ монастырямъ съ этихъ суммъ назначенный жертвователями процентъ [3]). Сверхъ того, около 1833 года ксендзъ Кудревичъ пожертвовалъ на холмскую епархіальную семинарію 1000 злотыхъ и на монастыри холмскій, замостьскій и люблинскій по 1000 злотыхъ [4]).

---

[1]) Распоряженіе провинціала $^{1}/_{13}$ марта, 1842 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Wykaz prosty wszystkich summ klasztorow warszawskiego, lubelskiego, bialskiego y zamoyskiego, 1824 г., тамъ же.

[3]) Wykaz summ klastoru zamoyskiego, 1823 г., тамъ же.

[4]) Актъ холмской капитулы 1833 г., тамъ же.

На эти средства содержалось въ перечисленныхъ монастыряхъ самое незначительное число монаховъ; да и сами настоятели старались поменьше имѣть подчиненныхъ себѣ монаховъ, чтобы меньше тратиться на нихъ и больше получать самимъ себѣ. Въ 1823 году въ замостьскомъ монастырѣ было только двое монашествующихъ лицъ—игуменъ и его помощникъ, на которыхъ работали по монастырю: парубокъ, двѣ господыни, дѣвка, пастухъ и три хлопца [1]). Въ 1844 году въ люблинскомъ монастырѣ жилъ одинъ только настоятель его Байкевичъ, хотя монастырь могъ содержать и другихъ монаховъ [2]). Визиты или ревизіи монастырей производились очень рѣдко и настоятели монастырей, стоявшіе сами во главѣ провинціальнаго управленія, безконтрольно и безбоязненно распоряжались церковнымъ имуществомъ и, перемѣщаясь въ другіе монастыри, брали съ собой изъ прежняго монастыря то, что̀ хотѣли.

Замостьскій монастырь, коего бумагами мы пользуемся, не представлялъ, конечно, исключенія изъ общаго правила. Весьма мало имѣемъ мы свѣдѣній о внутренней жизни его за это время, но и самая эта жизнь едва-ли представляла что нибудь особенное, протекая однообразно и монотонно въ житейскихъ попеченіяхъ и изрѣдка ознаменовываясь какимъ либо крупнымъ монашескимъ скандаломъ. Опредѣленныя свѣдѣнія по исторіи замостьскаго монастыря за послѣднее время сохранились лишь объ именахъ и времени управленія его настоятелей. Изъ нихъ намъ извѣстны за это время: Германъ Ламбовскій, упоминаемый 1809 года; Самуилъ Громовичъ, упоминаемый 1823 года; Янъ Биллевичъ 1825—1829 г.; Іосафатъ Байкевичъ 1829—1833 г.; Никаноръ Краевскій 1833—1838 г.; Самуилъ Громовичъ 1838—9 г.; Іосафатъ Байкевичъ 1839—1842 г.; Исидоръ Бандзеревичъ 1842—1847 г.; и Пелагій Ржевусскій, упом. 1855 г. Отмѣтимъ нѣкоторые извѣстные намъ факты изъ времени управленія этихъ настоятелей. Въ 1828 году, при игуменѣ Биллевичѣ, произведена визита или ревизія церкви замостьскаго монастыря, послѣ чего не было ревизіи до 1842 года. Во время насто-

---

[1]) Wykaz summ klastoru zamoyskiego, 1823 года..

[2]) Письмо настоятеля холмскаго монастыря Крашкевича къ провинціалу Биллевичу отъ 20 марта, 1844 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

ятельства Громовича, въ 1839 году взятъ былъ провинціаломъ изъ замостьскаго монастыря одинъ колоколъ, безъ вѣдома декана и братства, и переданъ бѣльскому монастырю. Во время настоятельства Байкевича пропало много вещей изъ монастырскаго хозяйства и церковной утвари [1]). При томъ-же Байкевичѣ совершенно почти заброшенъ былъ лабунскій приходъ, завѣдываемый замостьскимъ монастыремъ. Вслѣдствіе этого провинціалъ Биллевичъ 11 января, 1839 года, сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: „къ церкви лабунской, по крайней мѣрѣ, черезъ двѣ недѣли въ третью поѣхать, и такъ нужно распорядиться, чтобы тотъ народъ, который ходитъ на богослуженіе въ латинскіе костелы, пріѣздомъ священника въ субботу вечеромъ былъ предувѣдомленъ, что на слѣдующій день богослуженіе будетъ совершаться въ ихъ церкви, согласно съ ихъ исповѣданіемъ“ [2]). Допуская уніатовъ ходить въ католическіе костелы, тотъ-же Байкевичъ позаботился въ 1840 году починить для замостьскаго монастыря старый церковный органъ [3]).

Въ любой католической странѣ подобные бѣдные и ничтожные по численности монаховъ монастыри давно были бы уничтожены въ силу папскихъ постановленій, допускающихъ существованіе такихъ только монастырей, которые имѣютъ фундушъ, достаточный для содержанія восьми, по крайней мѣрѣ, монаховъ, принося притомъ какую либо общественную пользу. Но промежуточное положеніе холмскихъ уніатскихъ монастырей между католичествомъ и православіемъ, между русскимъ владычествомъ и фактивною самостоятельностію царства польскаго, продолжило ихъ предсмертную агонію до конца послѣдняго польскаго повстанія. Всеобщее возвращеніе уніатовъ къ православной церкви въ Литвѣ и на Волыни въ 1839 году не коснулось уніатовъ и базиліанъ бывшаго царства польскаго именно по тому самому, что они числились въ предѣлахъ Польши, закрывались ея фиктивною самостоятельностію

---

[1]) Визита церкви приходской замойской, 1823 года, тамъ же; въ концѣ визиты приписана замѣтка ксендза Шмилевскаго, производившаго ревизію въ 1842 году.

[2]) Въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[3]) Условіе о починкѣ органа, 30 марта, 1840 г., тамъ же.

и не имѣли никакихъ связей съ литовско-русской уніатской епархіей и церковію. Напротивъ, уніаты царства и литовскіе шли своими противоположными дорогами. Тогда какъ въ Литвѣ и на Волыни митрополитъ Лисовскій, луцкій епископъ Кохановичъ, митрополитъ Іосифъ Сѣмашко съ ближайшими своими сотрудниками и другіе исподоволь очищали уніатскій обрядъ отъ католическихъ нововведеній и приближали его къ обряду восточной церкви,—уніаты царства польскаго, наоборотъ, все болѣе и болѣе уклонялись въ латинскую сторону и сближались съ римско-католиками, среди которыхъ жили. Это отчасти можно видѣть даже и изъ тѣхъ немногихъ визитъ или ревизій имущества замостьскаго монастыря, какія мы имѣемъ подъ руками. Такъ напр. въ визитахъ 1732 и 1752 года почти исключительно перечисляются принадлежности православнаго богослуженія и книги, изданныя православными во Львовѣ, Вильнѣ и Кіевѣ и между ними сочиненія Кирилла Транквилліона, Лазаря Барановича и другихъ православныхъ писателей. Но въ визитѣ 1828 года эти книги уже не числятся и вновь являются такіе предметы, какъ напр. конфессіоналъ, боковые олтарики, реликвіаръ, органъ и тому подобныя принадлежности богослуженія въ католическомъ духѣ [1]). Послѣ присоединенія литовскихъ уніатовъ къ православію, провинціалъ базиліанской провинціи въ царствѣ польскомъ Биллевичъ совѣтуетъ только, какъ мы видѣли выше, подчиненнымъ ему монахамъ не заниматься обсужденіемъ политическихъ дѣлъ Россіи, не оскорблять императора и быть ему вѣрными, а замостьскій настоятель Байкевичъ заботится о починкѣ стараго органа для своего монастыря.

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе базиліане вообще, а холмскіе и замостьскіе въ частности, уподоблялись во всемъ (отъ помышленій до одежды и языка) польско-католическимъ монахамъ различныхъ наименованій. Все внутреннее убранство ихъ храмовъ, вся внѣшняя сторона ихъ богослуженія напоминали католическіе костелы, и только уцѣлѣвшіе въ Холмѣ и Замостьѣ иконостасы, да славянскій языкъ, книги на которомъ съ трудомъ разбирали базиліане послѣднихъ годовъ, говорили о сродствѣ ихъ съ церковію

---

[1]) Визиты эти—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

восточною. Странная историческая роль ихъ была окончена: о повсемѣстномъ нѣкогда въ Холмщинѣ православіи не осталось и преданія; самая унія руками этихъ-же ея представителей, а больше ихъ небрежностію, была въ такой степени подавлена, что изъ трехъ приходовъ, принадлежавшихъ монастырю замостьскому, къ 60-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія не осталось и десятка прихожанъ, а въ окрестностяхъ Холма и самомъ Холмѣ лишь не многія сотни сплошнаго нѣкогда русскаго населенія остались вѣрными уніи, смутно однако понимая отличіе ея отъ царившаго уже всюду католичества. Продолжать дальнѣйшее сліяніе уніатовъ съ католическою церковь было уже прямымъ дѣломъ католическихъ монаховъ и ксендзовъ и оо. базиліанамъ дѣлать было уже совсѣмъ нечего. Они являлись слѣпымъ и жалкимъ орудіемъ католицизма въ его исключительно интересахъ. Подкапываясь съ ревностію, достойною лучшей участи, подъ православіе, они вмѣстѣ съ тѣмъ вырыли и для себя ровъ и въ одной ямѣ похоронили и вѣру и народность и свою собственную самостоятельность. Предъ началомъ возстанія и въ самое возстаніе монахи базиліане были самыми ярыми его сторонниками и противниками Россіи.

Въ такихъ обстоятельствахъ застигъ ихъ Высочайшій указъ 1864 г., которымъ положенъ былъ конецъ жалкому существованію всѣхъ уніатскихъ и множества католическихъ монастырей Царства Польскаго, на точномъ основаніи папскихъ буллъ, какъ не имѣющихъ опредѣленнаго числа монаховъ. Холмскій монастырь, ставъ только каѳедральнымъ соборомъ, сохранивъ нѣкоторые остатки обширнаго нѣкогда прихода; монастырь замостьскій обращенъ, по прежнему, въ приходскую церковь, но самый приходъ его давно уже сталъ добычею католичества.

Н. Петровъ.

Люди Старой Малороссіи *).

3. МИКЛАШЕВСКІЕ.

Родоначальникъ Миклашевскихъ, Михаилъ Миклашевскій, началъ службу при „дворѣ“ гетмана Многогрѣшнаго. Русскіе чиновники, посѣщавшіе въ то время Батуринъ, называютъ Миклашевскаго „челядникомъ“ гетмана [1]); это названіе и указываетъ, что Миклашевскій принадлежалъ къ числу гетманскихъ „дворянъ“, которые набирались изъ разныхъ пришельцевъ, преимущественно поляковъ, для личной службы гетману, вознаграждавшему ихъ за эту службу, иногда и войсковыми урядами. Миклашевскій пользовался особеннымъ довѣріемъ Многогрѣшнаго, у котораго генеральный есаулъ Грибовичъ, нѣжинскій полковникъ Гвинтовка и Миклашевскій были главными совѣтниками [2]). Въ концѣ 1671 г. пронесся въ Батуринѣ слухъ, что царь задумалъ смѣнить Многогрѣшнаго и назначить на мѣсто его Константина Солонину, кіевскаго полковника. Встревоженный гетманъ послалъ Миклашевскаго въ Козелецъ (полковой городъ кіевскаго полка) съ приказаніемъ схватить тамъ брата Константина — Якова, сковать его и привезти въ Батуринъ, чтобы здѣсь дознать отъ него, насколько вѣрны слухи о гетманствѣ его брата. Миклашевскій порученіе это исполнилъ и былъ награжденъ маетностью: въ декабрѣ 1671 г. гетманъ далъ ему глуховское село Зазирки. А въ началѣ слѣдующаго года Многогрѣшный отправилъ Грибовича съ Миклашевскимъ въ Москву—разузнать, какъ тамъ на него смотрятъ и не думаютъ-ли вправду смѣнить. Возвращаясь въ

---

*) См. генв. и март. книжки „Кіев. Старины“.

[1]) Акты ю.-з. Россіи, IX, 643.

[2]) Тамъ-же, 677.

мартѣ изъ Москвы, Грибовичъ и Миклашевскій встрѣтили своего патрона въ Сѣвскѣ, куда привезли его скованнаго Мокріевичъ съ Рославцомъ. Многогрѣшнаго повезли дальше, въ Москву, а Миклашевскому сказали—возвращаться въ Батуринъ [1]). На мѣсто Многогрѣшнаго былъ выбранъ Самойловичъ и Миклашевскій нашелъ въ немъ новаго патрона, отъ котораго получилъ первый войсковой урядъ—нѣжинское есаульство. Въ актѣ 1681 г. читаемъ: „я, Павелъ Рѣзникъ, обыватель глуховскій, чиню вѣдомо, ижемъ зосталъ виноватъ урожоному его мил. п. Михайлу Миклашевскому, асаулови полку нѣжинского, суммы, грошей готовыхъ 50 золотыхъ (10 р.) сполна, которое суммы не маючи чимъ отдати, отдаю ему комору мою въ мѣстѣ Глуховѣ". Черезъ годъ, въ 1682 г., Миклашевскій былъ уже генеральнымъ хорунжимъ, а съ 1683 г.—генеральнымъ есауломъ; послѣдній урядъ Миклашевскій сохранилъ и при Мазепѣ. Новый гетманъ, желая привлечь старшину на свою сторону и зная, что лучшій для этого способъ былъ въ надѣленіи старшины маетностями, не скупился раздачею послѣднихъ; такимъ образомъ даны были маетности и Миклашевскому: въ 1687 г. Мазепа далъ ему с. Кочерги, а въ слѣдующемъ—с. Волоьитинъ, оба въ глуховской сотнѣ. Миклашевскій настолько разбогатѣлъ, что и самъ сталъ скупать грунтà, преимущественно въ Глуховѣ и около. Но въ будущемъ Миклашевскаго ждали еще большія богатства: въ 1690 г. Мазепа далъ ему стародубское полковничество. Миклашевскій лично не пользовался особеннымъ значеніемъ у Мазепы, который изъ своей старшины цѣнилъ лишь тѣхъ, за кѣмъ была извѣстность въ народѣ; Миклашевскій-же былъ человѣкъ пришлый, не имѣвшій въ Малороссіи родни. Но за Миклашевскаго стояли его свойственники—черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ и генеральный есаулъ Андрей Гамалѣя; внукъ перваго и сынъ послѣдняго были затьями Миклашевскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что по престательству этихъ сватовъ, которые оба пользовались у Мазепы большимъ значеніемъ, Миклашевскій и получилъ одинъ изъ лучшихъ урядовъ въ тогдашней Малороссіи.

Стародубскій полкъ, заключавшій въ себѣ пять сѣверныхъ уѣздовъ теперешней черниговской губерніи, считался тогда однимъ изъ богатѣйшихъ полковъ, такъ какъ это былъ центръ тогдашней торговли и промышлевности въ Малороссіи; стародуб-

---

[1]) Акты ю.-з. Россіи, IX, 684—85.

скій полкъ велъ обширную пеньковую торговлю съ Ригою, а изъ промысловъ здѣсь особенно были развиты—поташное производство, слѣды котораго и теперь остались въ названіи значительнаго количества поселеній „будами"; остались здѣсь и „Рудни", гдѣ нѣкогда выдѣлывалось желѣзо. Кромѣ того въ концѣ XVII в. Стародубщина заключала въ себѣ еще много пустырей, лѣсныхъ и прорѣчныхъ, очень удобныхъ для поселенія новыхъ слободъ, которыя въ этой мѣстности продолжали садиться и въ первой половинѣ XVIII в. Въ такомъ полку полковнику представлялись громадныя выгоды: онъ садилъ новыя слободы, устраивалъ „буды", велъ торговлю поташомъ и—богатѣлъ. Такъ дѣлалъ и Миклашевскій, который за пятнадцатилѣтнее управленіе свое стародубскимъ полкомъ, нажилъ громадныя богатства. Первыя маетности въ стародубскомъ полку Миклашевскій получилъ уже въ 1691 г.; по универсалу 21 мая Мазепа далъ ему с. Каменныя Озера, въ сотнѣ новгородской, да село Нижнее, да утвердилъ за нимъ пріобрѣтенныя самимъ Миклашевскимъ четыре мельницы на рѣчкахъ Титвѣ, Росукѣ и Ваблѣ, „соблюдая" при немъ и „войсковую часть размѣровыхъ пожитковъ, на него, гетмана, належащихъ". Черезъ два года, въ 1693 г., Миклашевскій получилъ еще два села: въ іюлѣ—с. Воргонъ, а въ ноябрѣ—с. Поноровку; „доносилъ ему, гетману, онъ, Миклашевскій, что домъ его въ домовыхъ потребахъ и во всегдашнихъ для принятія людей расходахъ не можетъ быти удовольствованъ; и для того просилъ себѣ такого его гетманского призрѣнія, чтобъ онъ с. Поноровку, въ уѣздѣ бакланскомъ, во владѣніе ему придалъ; и онъ, гетманъ, склоняясь на прошеніе его, то село Поноровку *изъ своего владѣнія*, для вспоможенія домовыхъ его потребъ, ему, Михайлу, отдалъ".

Миклашевскій правилъ полкомъ и богатѣлъ до 1704 г.; въ этомъ году онъ былъ лишенъ уряда. Еще въ апрѣлѣ 1703 года Мазепа жаловался царю на Миклашевскаго, что онъ ведетъ какую-то тайную переписку съ поляками; а въ слѣдующемъ году Мазепа, стараясь показать царю, что онъ окруженъ людьми сомнительной „вѣрности", указалъ при этомъ снова на Миклашевскаго [1]), котораго на этотъ разъ и лишилъ уряда. Нѣтъ сомнѣнія, что подозрѣніе, взведенное гетманомъ на полковника, было выдуманное: не таково было положеніе Миклашевскаго, и се-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, изд. 1830 г., III, 43.

мейное, и экономическое, чтобы онъ могъ думать о какой нибудь „невѣрности"; вѣрнѣе, что Мазепа просто завидовалъ богатству стародубскаго полковника и хотѣлъ этотъ урядъ отдать кому-нибудь другому, болѣе близкому себѣ человѣку. Вмѣстѣ съ лишеніемъ полковничьяго уряда Миклашевскому грозило и лишеніе многихъ маетностей, которыя онъ успѣлъ пріобрѣсти, но не успѣлъ закрѣпить царскою грамотою. Нужно было выхлопотать у гетмана универсалъ, который-бы подтвердилъ ему всѣ нажитыя имѣнія. Миклашевскій зналъ, какъ подойти къ Мазепѣ: гетманъ въ это время стоялъ съ войсками въ Польшѣ, подъ Любаромъ; Миклашевскій отвезъ ему туда „наметъ" (палатку) въ 100 талеровъ [1]) и получилъ въ августѣ того-же года универсалъ, по которому оставлены были за Миклашевскимъ всѣ пріобрѣтенныя имъ въ Стародубщинѣ маетности: „мѣючи зъ ласки нашой гетманской и войсковой за значныя и вѣрныя прислуги въ войску запорожскомъ, за насъ, гетмана, и аптецессоровъ нашихъ, значне на высокихъ войсковыхъ зостаючи урядахъ роненнія (оказанныя), п. Михаилъ Миклашевскій, значный войска запорожскаго товарищъ, на данныя отъ насъ въ вѣчистую поссесію себѣ села, нашими унѣверсалами прикрытыя и монаршими грамотами подтвержденныя, въ полку стародубовскомъ будучія, а именно: с. Нижнее, с. Демянки, с. Понуровка, Картушинъ, слободка Приваловка, с. Каменка, якіе то наши универсалы черезъ нѣякійсь тамъ трафунокъ (какимъ то случаемъ) страчены зостали, на которыя вновь просилъ насъ онъ, п. Миклашевскій, о выданье на тіе его давніе села нашего унѣверсалу, также на купленные и своимъ коштомъ заведенные грунта, що все абы унѣверсаломъ нашимъ было прикрыто, просилъ насъ; теди мы, гетманъ, принявши ласкове его, п. Миклашевскаго, занесенное прошеніе — велѣлисмо теперь вновь выдати ему сей нашъ унѣверсалъ".

Немилость Мазепы продолжалась однако-же не долго: въ 1705 г. Миклашевскому возвращенъ былъ стародубскій полкъ, можетъ быть за какой нибудь цѣнный подарокъ, который могли поддержать братья зятя Андрея Гамалѣи—Михаилъ и Антонъ, оба генеральные урядники. Но ставъ разъ лишнимъ для Мазепы человѣкомъ, Миклашевскому нельзя уже было ждать добра. Преданіе говоритъ, что, желая избавиться отъ Миклашевскаго, Мазепа отпра-

---

[1]) Объ этомъ подаркѣ разсказывала вдова Миклашевскаго, Швейковская.

вилъ его въ 1706 г., въ Несвижъ, на весеннюю стоянку, съ четырьмя стами только козаковъ. Такой малочисленный отрядъ долженъ былъ привлечь шведовъ, съ которыми отряду трудно будетъ справиться. Разсчитывалъ-ли такъ Мазепа или нѣтъ, но случилось именно такъ, что видно изъ черниговской лѣтописи: „марта 19 дня (1706 г.) Михаила Миклашевскаго, въ Несвижу на консистенціи, подъ часъ утрени, зрадецко (измѣннически) шведы напавши, забили, которые шведы передъ тѣмъ у мнишокъ (монахинь) лядскихъ въ клешторѣ ховалися (прятались) три дня; также и Андрея Гамалѣю, зятя его и иныхъ много козаковъ (шведы убили), а другихъ въ полонъ забрали“ [1]).

Миклашевскій женатъ былъ два раза; отъ первой жены, дочери глуховскаго сотника Рубана, осталось два сына и три дочери; а вторая жена была Анна Швейковская, возвращенная въ 1676 г. изъ Сибири — вдова гетманича Якова Самойловича [2]); отъ нея у Миклашевскаго остался малолѣтній сынъ Иванъ.

Узнавъ о смерти мужа, вдова Миклашевская стала заботиться—пока везли тѣло убитаго въ Стародубъ для похоронъ—о томъ, чтобы скрыть часть мужниннаго богатства отъ пасынковъ. „Покоевая“ (горничная) Миклашевской разсказывала, что какъ только пришла вѣсть о смерти полковника, то немедленно пріѣхала къ вдовѣ его въ Стародубъ „пани Семіоновая“ (вдова гетманича Семіона Самойловича) и купила тутъ на базарѣ лубянку меду, которую и поставила въ домѣ Миклашевскаго за печью; а потомъ въ ту лубянку вдова Миклашевскаго поставила жестяную фляшку, запертую замкомъ; и фляшка та была съ деньгами; она была выкопана изъ земли, по приказу полковника, господаремъ его Даровскимъ, какъ только Миклашевскій женился на Швейковской, и поставлена была „въ великой скринѣ, въ камяницѣ“. Въ другой разъ изъ той-же „скрини“ (сундука) Миклашевская вынула другую жестянку, изъ которой взяла два мѣшечка червонцевъ, а третій—оставила въ жестянкѣ. Пасынки объ этомъ узнали только впослѣдствіи.

Похоронивъ мужа, вдова Миклашевская поѣхала съ пасынками къ Мазепѣ—„поклониться“ и просить на осиротѣлую семью „призрѣнія“. При этомъ полковница поднесла гетману въ пода-

---

[1]) Черниг. лѣтоп. по списку нашей библіотеки.

[2]) Бантышъ—Кам. III, примѣч. 20. Ср. Максимовъ, Сибирь и каторга, III, 113.

рокъ „креденсъ срѣбній“ (подносъ) въ тысячу талеровъ. Гетманъ обѣщалъ осиротѣлой семьѣ милость, а вдовѣ далъ универсалъ на с. Руховъ, „респектуючи на вдову Миклашевскгго, Анну Швайковсковну, которой отецъ здавна до всей Малой Россіи усердную имѣлъ прихильность“. Село Руховъ уже и прежде находилось въ фактическомъ владѣніи Миклашевскаго, который пользуясь властью, оттянулъ это село отъ стародубской ратуши; не было только гетманского универсала; теперь ловкая вдова, поднеся серебряный „креденсъ“, успѣла выпросить этотъ универсалъ только не на семью, а себѣ лично.

Затѣмъ начался дѣлежъ наслѣдства. Оставшимися деньгами и разными „клейнодами“ наслѣдники подѣлились безъ труда. Но не такъ легко было дѣлиться „маетностями“, тѣмъ болѣе что одинъ изъ наслѣдниковъ былъ малолѣтній и раздѣлъ, по Литовскому Статуту, долженъ былъ быть временный, до совершеннолѣтія всѣхъ дѣлящихся.

„Маетности“ Миклашевскій нажилъ богатыя; изъ современныхъ ему полковниковъ еще никто не наживалъ такихъ. Глуховскія имѣнія заключали въ себѣ села: Ворголъ, Зазирки, Волокитинъ, Кочерги и Палѣевку; слободы и хутора: Доротовку, Колошиновку, Кубаровъ и друг. Въ Стародубщинѣ Миклашевскій оставилъ шесть селъ: Нижнее, Каменку (Каменныя Озера), Понуровку, Демьянки, Картушинъ и Руховъ; изъ нихъ три села—Демьянки, Картушинъ и Руховъ—отняты были у стародубской ратуши, которая, какъ и другія, владѣла селами и поддерживала ими городское свое хозяйство; Нижнее, Каменка и Понуровка принадлежали „урядамъ“: Нижнее—полковничьему, Каменка—сотничьему уряду Новгородсѣверска и Понуровка—гетманскому. Селъ этихъ нельзя было отдавать, такъ какъ они переходили отъ одного урядника къ другому, смотря потому, кто занималъ этотъ урядъ. Тѣмъ не менѣе села эти были отданы Миклашевскому и закрѣплены за нимъ универсалами. Къ этимъ селамъ Миклашевскій прибавилъ еще с. Дѣвовку, въ почепской сотнѣ, уже собственною властью. Кромѣ селъ, были еще слободы и хутора, поселенные самимъ Миклашевскимъ: Истровка, Приваловка, Верхній Млинокъ, Буда-Понуровская и друг. Изъ этихъ имѣній с. Палѣевку Скоропадскій въ 1710 г. отобралъ у Миклашевскихъ для жены, а въ замѣнъ далъ с. Бѣлый Колодезь, около Новозыбкова.

Всѣми этими имѣніями сыновья Михайла Миклашевскаго подѣлились сначала временно, такъ какъ братъ Иванъ не имѣлъ еще

„правныхъ лѣтъ", т. е. не достигъ того возраста (17-ти лѣтъ), когда получалъ право самостоятельнаго совершенія юридическихъ сдѣлокъ. Потомъ, когда въ 1740 г. Иванъ Миклашевскій умеръ, старшіе его братья Андрей и Степанъ подѣлились съ племянникомъ Павломъ въ 1741 г. наслѣдствомъ окончательно. Поэтому раздѣлу на часть Андрея достались: Понуровка, Нижнее, Бѣлый Колодезь, Островка и хуторъ Деревяновскій. На часть Степана: Волокитинъ, Ворголъ, Зазирки, Кочерги, Дорошовка, Колошиновка и Кубаровъ и, кромѣ того, Степану досталось право отыскивать села Дѣвовку и Каменку, которыя у Миклашевскихъ были отняты: Дѣвовка—Меншиковымъ, а Каменка—Лукьяномъ Журавкою. Наконецъ Павлу достались: Демьянки, Руховъ, Приваловка, Нов. Буда и д. Яблонка. Но черезъ нѣсколько лѣтъ Павелъ Миклашевскій заявилъ споръ противъ этого раздѣла на томъ основаніи, что, при совершеніи его, онъ еще не имѣлъ полныхъ семнадцати лѣтъ, вслѣдствіе чего по Литовскому Статуту раздѣлъ 1741 г. не могъ считаться окончательнымъ. Генеральный судъ призналъ споръ Павла Ивановича правильнымъ и Миклашевскіе еще долго спорили о правильности раздѣла 1741 г., который въ главныхъ частяхъ впрочемъ остался не измѣненнымъ, такъ-какъ только Понуровка перешла къ Павлу.

Старшіе сыновья Михайла Миклашевскаго, Андрей и Степанъ, служили бунчуковыми товарищами, т. е. жили по своимъ „маетностямъ" и, сколько могли, увеличивали ихъ. Оба они умерли около 1750 г. О старшемъ изъ нихъ знаемъ лишь то, что онъ дѣтей своихъ воспитывалъ въ Москвѣ, какъ видно изъ слѣдующаго прошенія, поданнаго имъ въ 1739 г., вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Иваномъ, А. И. Румянцову: „имѣемъ мы желаніе сыновъ нашихъ нынѣ въ малолѣтствіи будучихъ и къ службѣ еще не згодныхъ, Петра, Михаила и Павла, ради изученія иностранныхъ языковъ и протчіихъ отечеству и имъ полезныхъ наукъ, отправить въ Москву. Того ради означеннымъ сынамъ нашимъ съ будучими при нихъ людми, именно: Иваномъ Данилевскимъ и двома хлопцами, имѣючимися при сынахъ нашихъ, въ Москвѣ пребывать, да Кондратомъ Мироновичемъ съ четырма расколничой слободы Лужка емщиками—ради свободного проѣзду, просимъ дать пашпортъ" [1]). Средняго брата—Степана Михайловича сохранилось завѣщаніе, пи-

---

[1]) Арх. генер. канцел., № 182.

санное въ 1750 г., которымъ онъ, назначивъ женѣ часть имѣній, остальныя подѣлилъ между четырьмя сыновьями. При этомъ Степанъ завѣщалъ дѣтямъ—не продавать ничего изъ своихъ имѣній постороннимъ лицамъ: „а ежели бы пожелали сыны мои что съ частей своихъ продать, то первое должны будутъ объявить матери, братьямъ и сестрамъ и буде по объявленіи купить изъ нихъ никто не пожелаетъ, то могутъ тогда продать постороннимъ; а безъ объявленія матери, братьямъ и сестрамъ—отнюдь не продавать въ чужія руки, подъ неблагословеніемъ моимъ отческимъ. Сынамъ моимъ Антону и Михаилу, съ опредѣленными на нихъ частьми, жить при женѣ моей, а ихъ матери—по смерть ея, и они сыны мои безъ ея благословенія, воли и совѣта жениться и ничего иного зачинать не повинны, подъ неблагословеніемъ моимъ отческо запрещаю. Сего моего тестамента никому, а паче сынамъ моимъ ни подъ какимъ претекстомъ не нарушать, хочай бы что въ которую часть, а паче сынамъ моимъ Антону и Михаилу и большъ съ имѣній моихъ опредѣлено, для того что оные сыны мои безъ сочетанія брачнаго остались; а сыновъ Ивана и Петра я еще при жизни своей съ имѣнія своего со всякимъ довольствомъ бракомъ сочеталъ, по три казана (винокуренные котлы) далъ и хлѣбомъ ихъ для дѣланія горѣлки не малое время снабдѣвалъ. Аще же кто съ оныхъ сыновъ моихъ пренебрегая сіе мое повелѣніе исполнять не станетъ, то на томъ да будетъ Божіе и мое отческое неблагословеніе и оные да будутъ вовсе прокляты“.

Судьба младшаго изъ сыновей стародубскаго полковника Ивана представляетъ намъ эпизодъ довольно исключительный изъ семейной жизни тогдашняго общества. Родившись около 1700 г., Иванъ Миклашевскій выросъ уже безъ отца, а когда пришло время жениться, то не было уже и матери. Женился онъ на какой-то Евдокіи Васильевнѣ и 15 декабря 1724 г. у него родился сынъ Павелъ; а въ маѣ слѣдующаго года, изъ Петербурга присланъ былъ въ Глуховъ указъ „о высылкѣ пановъ бунчуковыхъ въ Гилянь“. Вельяминовъ постарался выправить въ этотъ походъ чуть не всѣхъ бунчуковыхъ, сколько ихъ тогда было. Выправлены были и всѣ три братья Миклашевскіе. Въ этомъ походѣ Иванъ Миклашевскій пробылъ болѣе двухъ лѣтъ. Вернувшись домой осенью 1727 г., онъ увидѣлъ, что во время отсутствія „честь дома его была нарушена“. Вотъ что послалъ онъ по этому случаю въ синодъ: „въ прошломъ 1725 г. послано было все товариство подъ гетманскимъ бунчуковымъ знакомъ

служащее въ походѣ Гилянскій; въ томъ числѣ и я былъ высланъ и въ ономъ походѣ неотлучно обрѣтался черезъ три года, а чрезъ оное время жена моя Евдокія Васильева дочь, оставшаяся въ домѣ въ Стародубѣ, свалявшися съ нѣкоторымъ моимъ-же служителемъ, прижила блудно двое дѣтей, изъ которыхъ одно безъ моей въ Малой Россіи бытности, а другое за возвращеніемъ моимъ изъ похода, взятая уже за тѣмъ порокомъ маткою ея въ домъ свой, тамъ родила; чрезъ что до крайняго я пришелъ разоренія и обезславленія. И ради таковаго жены моей прелюбодѣянія, не могучи я имѣть ея за законную жену, понеже тотъ ея падежъ и во всенародное пришелъ извѣстіе, билъ челомъ архіерею нашему черниговскому Иродіону Жураковскому, прося рѣщенія—съ женою моею разлучитись, а на другой женитись; но потому моему прошенію отъ октября мѣсяца 1727 г. не получилъ я резолюціи, а оная жена моя и налично предъ архіереемъ въ томъ своемъ прегрѣшеніи повинилась". Въ заключеніе Миклашевскій просилъ синодъ—развести его съ Евдокіей и дозволить жениться на другой. Въ дѣлѣ о разводѣ принималъ участіе и Ѳеофанъ Прокоповичъ; но чѣмъ оно кончилось—не знаемъ. Умеръ Иванъ Миклашевскій въ 1740 г. и вдова его вышла замужъ за стародубскаго полковаго писаря Степана Петрункевича. Отношенія между вдовою Ивана и сыномъ ея отъ Миклашевскаго—Павломъ, остались до того дружескія, что послѣдній, получивъ въ свое распоряженіе отцовское наслѣдство, подарилъ было изъ него с. Руховъ своему отчиму. Но при передѣлѣ имѣній Михаила Миклашевскаго, Руховъ отъ Петрункевича былъ отобранъ и остался у Павла.

Изъ Миклашевскихъ третьяго поколѣнія былъ замѣтенъ одинъ только Иванъ Андреевичъ (II), который женился на племянницѣ извѣстнаго Григорія Теплова. При открытіи новгородсѣверскаго намѣстничества онъ былъ избранъ губернскимъ предводителемъ.

Прилагаемъ родословный списокъ Миклашевскихъ, доведенный до конца XVIII в.

1. *Михаилъ Миклашевскій*, „дворянинъ" Многогрѣшнаго 1671, есаулъ нѣжинскій 1681 г.; есаулъ генеральный 1685 г., полковникъ стародубскій 1690†1706 г. Жена 1-я—*дочь* Данила Семеновича

Рубана, сотника глуховскаго, 2-я—*Анна Владиміровна Швейковская*, вдова Якова Самойловича.

2. *Андрей*, бунчук. товар. † ок. 1750 г. Жена 1-я княжна *Марина Юрьевна Четвертинская*, 2-я *вдова* Андрея *Жураковскаго*. 1
3. *Степанъ*, бунчук. товар. † ок. 1750 г. Жена *Ирина Марковна*, дочь Марка Аврамовича, „арендара" пирятинскаго. . 1
4. Дочь. Мужъ *Степанъ Спиридоновичъ Шарай* . . . 1
5. *Прасковья*. Мужъ *Андрей Ефимовичъ Лизогубъ*.
6. *Настасья*. Мужъ 1) *Андрей Андреевичъ Гамалѣя*; 2) *Петръ Корецкій*, бунчук. товар. 1728 г. 1
7. *Анна* † 1730 г. Мужъ *Иванъ Кондратьевъ*, полковникъ сумской 1
8. *Иванъ*, бунчук. товар. 1725†1740 г. Ж. *Евдокія Васильевна* 1
9. *Петръ*, бунчуковый товарищъ 1754 г. . . . 2
10. *Михаилъ*, бунчуковый товарищъ 1754 г. . . . 2
11. *Иванъ*, канцеляристъ войсков. 1754 г.; губернскій предводитель дворянства новгородсѣверскаго намѣстничества 1783 г. Жена *Агафья Егоровна Теплова*, вдова Кирилла Лобысевича, судьи полков. стародубскаго. Имѣнія: Бѣлый Колодезь, Приваловка, Яблонка—948 крестьянъ м. п. 2
12. *Настасья*. Мужъ *Иванъ Ивановичъ Бороздна*, бунчужный генеральный 1762 г. 2
13. *Елена*. Мужъ *Михаилъ Танскій*, полковн. кіевскій 1731 г. 2
14. *Иванъ*, бунчук. товар. 1737—1751 г. Жена *Софья Андреевна Полуботокъ*. Имѣніе—с. Зазирки 3
15. *Петръ*. Имѣніе—с. Волокитинъ 3
16. *Антонъ*. Имѣніе—с. Ворголъ и д. Колошиновка . . 3
17. *Михаилъ*. Имѣніе—с. Кочерги, х. Кубаровъ и сл. Дорошовка 3
18. *Марья*. Мужъ *Василій Андреевичъ Гудовичъ* † 1764 г. . 3
19. *Павелъ*, р. 1724 г.; бунчук. товар. 1741—1754 г. . . 8
20. *Петръ*, р. 1761 г.; адъютантъ гр. Румянцова . . 11
21. Андрей, р. 1763 г. 11
22. Егоръ, р. 1768 г. 11
23. Иванъ, р. 1772 г. 11
24. *Настасья*. Мужъ *Михаилъ Петровичъ Искрицкій*, секундъ-маіоръ 1783 г. 11
25. *Михаилъ*, губернаторъ волынскій 1797 г.; губернаторъ

малороссійскій 1797 г.; тайный совѣтникъ и сенаторъ; † 1847 г. Жена *Настасья Яковлевна Бакуринская.* . 19

26. *Прасковья.* Мужъ *Григорій Петровичъ Искрицкій*, секундъ-маіоръ 1783 г. 19

27. Дочь. М. *Владиміръ Васильевичъ Велинскій*, войск. товар. 1783 г. .

---

4. СВѢЧКИ.

Родоначальника Свѣчекъ, Леонтія Назаровича, встрѣчаемъ въ первый разъ въ 1685 г., когда онъ былъ есауломъ лубенскаго полка. За избраніемъ Мазепы въ гетманы, лубенскій полковникъ Григорій Гамалѣя долженъ былъ почему-то оставить свой урядъ, который затѣмъ перешелъ къ Леонтію Свѣчкѣ. Въ это же время низложенъ былъ Мазепою переяславскій полковникъ Леонтій Полуботокъ, который, пользуясь своею близостью къ гетману Самойловичу, присоединилъ къ переяславскому полку не мало земель, принадлежавшихъ пирятинской сотнѣ лубенскаго полка. Воспользовавшись немилостью Мазепы къ Полуботку, Свѣчка началъ въ Москвѣ дѣло объ отнятыхъ земляхъ, которыя, по его ходатайству, и были возвращены пирятинцамъ. Въ этомъ дѣлѣ Свѣчка дѣйствовалъ не безкорыстно, такъ какъ изъ возвращенныхъ земель и ему досталась не малая ихъ часть, что видно изъ слѣдующаго интереснаго акта 1689 г.: „мы Петръ Барщевскій, протопопъ пирятинскій, Андрей Гладкій сотникъ пирятинскій, Тимофей Курыченко атаманъ городовой, Семенъ Кавельскій войтъ, Марко и Федоръ бурмистры зо всѣми мѣщанами пирятинскими гди пришлисмо съ поклономъ до его мил. п. Леонтія Свѣчки, полковника лубенскаго, дякуючи его милости п. полковникови за его добродѣйство, пжъ правуючися (ведя спорное дѣло) съ п. Леонтіемъ Полуботкомъ у Москвѣ, отстоялъ степъ ажъ изъ Сухою Оржицею до своего полку лубенскаго, сотни пирятинской, который п. Полуботокъ и Сырую Оржицу хотѣлъ отъѣхать до полку переяславскаго. И мы тое всѣ вольными голосами говорили п. полковникови, же вольно ему якій хотя себѣ узяти степъ для кошеня сѣна; онъ теди п. Леонтій Свѣчка полковникъ, не хотячи себѣ дармо ничего взяти у посессію свою, далъ двѣсти талерей грошей доброй монеты за Сухую Оржицу, почавши отъ шляху, который идетъ на село Коломійцы «ажъ у вершинѣ самой Оржицы Сухой съ принадлежащими

къ ней пологами [1]), ажъ до яру кушченнаго Кононовскаго, который тягнетъ надъ самую Шелезавку и за селище Малютинское, на которомъ селицѣ вольно его милости п. полковнику Леонтію Свѣчцѣ осадити людей, яко на своемъ власномъ, купленномъ грунтѣ."—По этому акту Свѣчка за двѣсти талеровъ пріобрѣталъ десятки верстъ побережьевъ Сухой Оржицы, въ предѣлахъ теперешняго пирятинскаго уѣзда, которыя, какъ видно, тогда были почти вовсе не заселены. Кромѣ этихъ земель Свѣчка уже раньше получилъ отъ Мазепы тутъ же, по берегамъ Оржицы и Удая, два села: Давыдовку и Деймановку и два хутора—Коломійцы и Короваи; выхлопотавъ на эти маетности царскую грамоту въ 1690 г., Свѣчка за три года своего полковничества сталъ владѣльцемъ большей половины пирятинской сотни. Пользуясь своею властью, Свѣчка поселилъ на этихъ земляхъ села и деревни—Малютинцы, Городище, Караваи, Каевку и нѣсколько хуторовъ. Нажитыя Свѣчкою богатства обратили на себя вниманіе самого Мазепы, который вообще былъ завистливъ на „сокровища". Когда въ 1696 г. татары осадили лубенскій городокъ Голтву, гетманъ приказалъ Свѣчкѣ добыть точныя свѣдѣнія о движеніяхъ непріятеля; но Свѣчкѣ повидимому не хотѣлось самому выходить изъ Лубенъ на поиски противъ татаръ и онъ доносилъ гетману объ „оборотахъ" непріятеля „по чужимъ повѣстямъ". Мазепа, укоряя Свѣчку за его не „рыцарское" поведеніе, сдѣлалъ слѣдующую приписку въ своемъ листѣ: „Знати, же велыка ваша милость памятаешъ евангельское слово и тому прилѣжно послѣдуешъ, идѣже есть сокровище ваше, тамо будетъ и душа ваша. Домышляемся мы, же много ваша милость животныхъ своихъ въ Лубняхъ зложилъ сокровищъ, а при нихъ и душу свою увязуешъ такъ моцно, же не хочется вашей милости и на, ку оборонѣ отчизны, ити службу, зъ якихъ мѣръ и вимовки (отговорки) передъ нами въ той мѣрѣ вынаходишъ; а такъ мы вашей милости упевняемъ, же тихъ всѣхъ сокровищъ вашихъ, за нашимъ до Лубянъ прибытемъ, устережемо и додержимъ вашей милости въ цѣлости, тилько по правдѣ ознайми намъ, гдѣ що сложено [2]).

Леонтій Свѣчка умеръ въ 1699 г., написавъ въ томъ же году завѣщаніе, „по милости Божіей будучи хоробою (болѣзнью)

---

[1]) „Пологами" въ полтавской губ. называются низкія побережья, которыя въ черниговской губ. называется „оболоньями".

[2]) Акты Западн. Росс., V, 278.

обдаренній и видячи себе ближшимъ ко смерти, нежели ко животу сего временнаго бытія.“ По этому завѣщанію, Свѣчка недвижимое свое имѣніе раздѣлилъ между тремя сыновьями: Василіемъ, Лукьяномъ и Иваномъ; первому назначилъ „хуторъ надъ рѣкою Оржицею, прозываемый Городище, со всѣми лѣсами, гаями, ставками и лозами, ажъ внизъ Корнѣевки,“ „людей въ Корнѣевцѣ и Городищѣ новоосаженныхъ“ и село Антоновку. Второму—Лукьяну завѣщаны были „люде въ селѣ Малютинцахъ осаженніе“ и село Давидовка; третьему сыну, Ивану, отецъ назначилъ хуторъ въ селѣ Короваяхъ, „людей въ селѣ Короваяхъ при хуторѣ осаженныхъ“ и село Деймановку. Наконецъ невыданнымъ замужъ двумъ дочерямъ „дѣвчатамъ Любцѣ и Ганнусѣ“ и женѣ Доминикіи Свѣчкѣ разную движимость. Воля завѣщателя подтвержена была и гетманомъ, впрочемъ относительно только двухъ старшихъ сыновей Леонтія Свѣчки; о младшемъ сынѣ умершаго полковника Мазепа ничего не сказалъ въ своемъ универсалѣ, вѣроятно найдя, что такъ какъ за Иваномъ Свѣчкою никакихъ службъ еще не было, то и на маетности онъ не имѣетъ права. Впрочемъ Иванъ Свѣчка вскорѣ затѣмъ умеръ, и назначенный ему хуторъ Короваи перешелъ, согласно завѣщанію, къ Лукьяну Свѣчкѣ.— Леонтій Свѣчка оставилъ, кромѣ сыновей, трехъ дочерей, изъ которыхъ старшая, Зиновія, была выдана замужъ еще при жизни отца за пирятинскаго протопопа Якова Филиповича; вторую— Анну выдала замужъ уже вдова Леонтія Свѣчки за Григорія Корнѣевича, отъ котораго пошли теперешніе дворяне Огроновичи.

По смерти отца Василій и Лукьянъ Свѣчки продолжали увеличивать свои земельныя богатства, пока не сталъ лубенскимъ полковникомъ Андрей Марковичъ. Выпросивъ себѣ у Скоропадскаго с. Кулатинцы, Марковичъ пожелалъ присоединить къ этому селу и сосѣдній Свѣчковскій хуторъ Короваи, которымъ въ это время владѣлъ Лукьянъ Свѣчка. Разными давленіями Марковичъ заставилъ послѣдняго уступить себѣ Короваи: по купчей 1720 г., Лукьянъ Свѣчка продалъ Марковичу за 5000 золотыхъ (золотой—20 коп. асс.) „грунтъ, именуемый Короваи, надъ рѣчкою Оржицею, съ подѣланными на немъ строеніями и съ осѣдлостью людей, якіе тамъ поселились“. Впослѣдствіи внуки Лукьяна Свѣчки говорили, что эта продажа ихъ дѣда была вынужденная, подтвержденіемъ чего служитъ то обстоятельство, что когда въ 1723 г. Румянцовъ пріѣхалъ въ Малороссію про-

изводить слѣдствіе о разныхъ насиліяхъ старшины, то Марковичи очень боялись жалобы на нихъ со стороны Лукьяна Свѣчки [1]).

По смерти Василія Леонтьевича Свѣчки, наслѣдство его подѣлено было между сыновьями Степаномъ и Иваномъ; старшему достались разные хутора, а Ивану—с. Антоновка и земли при рѣчкѣ Чумчакѣ. Какъ велъ свое хозяйство Иванъ Свѣчка, видно изъ слѣдующаго письма гетмана Апостола, которое онъ писалъ въ 1732 г., къ генеральному хорунжему Горленку, посланному въ прилуцкій полкъ для разбора козачьихъ жалобъ на притѣсненія державцевъ. Вотъ это письмо: „Мой ласкавій пріятелю, пане хорунжій енералній. Пишешъ вить въ листѣ своемъ изъ Прилуки, что слѣдовалъ о козацтвѣ антоновцевъ (козаковъ с. Антоновки), которыхъ бунчуковый товарищъ Иванъ Свѣчка подвертаетъ въ подданство непалежне и не малыя имъ дѣлаетъ обиды и грабитъ у нихъ статки (рогатый скотъ и лошадей). И по разсмотрѣніи вить довелось, дабы означенные козаки, по силѣ высокомонаршаго указа, были козаками и впредь п. Свѣчка оныхъ не притягалъ бы себѣ въ подданство и жадныхъ (никакихъ) имъ не чинилъ обидъ и не интересовался бы до нихъ; а заграбленные у нихъ статки возвратилъ бы, указомъ нашимъ вить ему прекладалъ (предлагалъ). Однако онъ нашему указу, по предложенію вашему, противнымъ явился, въ чемъ требуешъ вить отъ насъ резолюцію, якъ-бы съ нимъ, Свѣчкою, поступить. Затѣмъ предлагаемъ вашей милости: понеже онъ п. Свѣчка неслушне выше выраженныхъ козаковъ въ подданство себѣ привернулъ и статки у нихъ, не належне позабиравши, не возвращаетъ и, надъ указъ нашъ, ажъ по сее время у себе удержуетъ, того ради пошли вить отъ себе кого исправного, абы столько жъ, сколько бы могъ стоять заграбленный козацкій статокъ, забрано было у него Свѣчки и тотъ грабежъ поотдавай в. м. напрасно отъ него ограбленнымъ козакамъ, которые потомъ не мѣютъ оному Свѣчцѣ грабежа того ворочать, поколь власнихъ ихъ скотинъ и что позабиралъ—не возвратитъ; а означенные Антонов-

---

[1]) Внуки Лукьяна Свѣчки—Яковъ Гамалѣя (отецъ извѣстнаго медика Платона Гамалѣя) и Андрей Вакуловичъ писали въ 1767 г., въ коммисію для сочиненія Генеральной Описи, что „Гетманъ Скоропадскій и полковникъ лубенскій Андрей Марковичъ не вѣдомо зачто на дѣда нашего Лукьяна Свѣчку недоброходство занявши, нѣкоторыя села отняли“. Въ подлинной рукописи „Дневныхъ Записокъ“ Якова Марковича находится нѣсколько указаній, что Лукьянъ Свѣчка хотѣлъ жаловаться Румянцову *за отнятіе* Коровасвъ Андреемъ Марковичемъ.

цы село по слѣдствію не доводится имъ быть въ посполитой тяглости, чтобъ были до козацкого причтены компуту" [1]).

Пользуясь безсиліемъ гетманской власти, Иванъ Свѣчка увеличивалъ свои богатства какъ „притягая козаковъ въ подданство", такъ и захватывая ихъ земли. Досталась Ивану Свѣчкѣ купленная отцомъ его въ 1706 г., „стѣнка, стоячая надъ Чумчакомъ, за яромъ сѣнокоснымъ, ниже села Коломійцовъ"; изъ этой „стѣнки" Свѣчка, разными прихватами сосѣднихъ земель, образовалъ большое имѣніе, настоящее село Свѣчковку.

Иванъ Свѣчка умеръ бездѣтнымъ и наслѣдство его перешло къ двумъ сестрамъ, изъ которыхъ одна была замужемъ за Юркевичемъ, а другая за Александровичемъ.

Богатство сыновей Василія видно изъ того, что у его правнука, Петра Алексѣевича Свѣчки, въ концѣ XVIII в., было болѣе 4000 крестьянъ [2]).

Младшій братъ Василія, Лукьянъ, сыновей не имѣлъ; оставшимися послѣ него имѣніями, изъ которыхъ главное было село Мажтинцы, унаслѣдовали зятья его—Яковъ Гамалѣй и Андрей Вакуловичъ. На этихъ новыхъ владѣльцевъ жаловались въ 1767 году малютинскіе козаки, что они продолжали захваты Свѣчекъ, которые, по объясненію жалобщиковъ, захватили подъ свою власть село Малютинцы не по праву, а насиліемъ. „Село Малютинцы," писали въ своей жалобѣ козаки, „издревне предковъ нашихъ козачая осѣдлость и спокойное ихъ старинное владѣніе. Бывшій же полковникъ лубенскій Леонтій Свѣчка, по своей полковничьей власти находясь и усмотря къ пользѣ своей угодное мѣсто—Малютинскую осѣдлость и втиснувшись самовластно межъ Малютинскихъ старинныхъ козаковъ, началъ завлаживать селомъ Малютинцами. И отъ тѣхъ временъ, какъ самъ полковникъ Свѣчка владѣлъ и до нынѣшняго времени, наслѣдники его бунчуковый товарищъ Яковъ Гамалѣя да значковый товарищъ Андрей Вакуловичъ помянутымъ селомъ Малютинцами и степомъ свободнымъ неналежне владѣючи, привели насъ къ крайнему утѣсненію, предковскія наши земли козачія смѣсивши къ своимъ неналежне, владѣютъ усиловне, а насъ изъ спокойнаго владѣнія выбиваютъ самовластно.—Крѣпость ихъ, которую они представла-

---

[1]) Арх. Генер. Канцел.

[2]) Въ с. Городищѣ—1065, Короваяхъ—513, Селекахъ—430, Карпѣевцѣ—801, Петровкѣ—671, Каевкѣ—448, и въ разныхъ хуторахъ—302, об. г.

ютъ (въ комиссію для сочиненія Генеральной Описи) мы имѣемъ за неправильную по той причинѣ, что она подчищена, да и тая крѣпость ихъ имѣетъ свою силу на землю по-за рѣчкою Оржицею, которая нынѣ состоитъ во владѣніи князя Трубецкаго, да коллежскаго совѣтника Теплова; а къ сей землѣ, которая въ осѣдлости малютинской издревне состоитъ, козачьяго владѣнія, никакой силы тая ихъ крѣпость не имѣетъ". Изъ этой жалобы между прочимъ видно, что въ половинѣ XVIII в. часть оржицкихъ земель была отнята у Свѣчекъ Тепловымъ, который поселилъ здѣсь большую слободу, теперешнее мѣстечко Тепловку.

А. Лазаревскій.

КОБЗАРЬ ОСТАПЪ ВЕРЕСАЙ,

ЕГО ДУМЫ И ПѢСНИ.

Всякое явленіе, въ которомъ такъ или иначе выражается жизнь народа, хотя-бы условія жизни съ теченіемъ времени измѣнились и причины, вызывавшія это явленіе, перестали существовать, служитъ признакомъ движенія жизни народной и уже вслѣдствіе того, что это явленіе существовало, оно принадлежитъ исторіи. Къ числу такихъ проявленій народной нашей жизни, сохраняющихъ несомнѣнное историческое значеніе, относятся изустные памятники народной поэзіи, которыя по важности своей могутъ стать на ряду съ лѣтописными сказаніями и другими письменными источниками нашей исторіи.

Югъ Россіи, благодаря своимъ историческимъ и этнографическимъ условіямъ, представлялъ особенно плодородную почву для возникновенія и распространенія различныхъ, совершенно своеобразныхъ произведеній музы народной. Изъ этихъ памятниковъ можно было-бы составить своего рода поэтическую исторію общественныхъ явленій въ жизни южной Россіи, обрисовывающихъ прошлую политическую и обыденную жизнь народа съ его завѣтными идеалами, побужденіями и стремленіями, знать которые такъ важно для характеристики эстетической, бытовой и соціальной его физіономіи. Поэтому естественно, что на малорусскія народныя пѣсни давно уже обращено вниманіе,—давно уже стали собирать и записывать эти драгоцѣнные памятники и давно уже, рядомъ съ художественными достоинствами пѣсенъ лирическихъ, высоко ставится историческій характеръ многихъ думъ и пѣсенъ. Отсюда цѣлый рядъ

сборниковъ, представляющихъ памятники поэзіи малорусскаго народа [1]). Пересматривая эти сборники, невольно задаешься вопросомъ: кто-же былъ творцомъ этого громаднаго количества записанныхъ уже изъ устъ народа пѣсенъ, въ числѣ которыхъ не мало есть и думъ? Виновники этого богатства намъ неизвѣстны, какъ неизвѣстно количество тѣхъ думъ, которыя вращаются еще въ народѣ, но намъ не извѣстны, равно и число тѣхъ, которыя въ памяти пѣвцовъ были стерты всепоглощающимъ временемъ, не бывъ своевременно записаны. Назвать по имени творцовъ этихъ пѣсенъ не возможно; ихъ имя—народъ, или, вѣрнѣе, тѣ идеалы общественной жизни того или другаго времени, которые вдохновляли нѣкоторыхъ избранниковъ влагать въ слово и тонъ пѣсни мысли и чувства, мечты и желанія всего народа,—вообще воспринимаемыя народомъ впечатлѣнія и переживаемыя имъ событія. Иное дѣло—хранители такихъ народныхъ произведеній, извѣстные издавна подъ именемъ *кобзарей:* ихъ народъ всегда зналъ, и чтилъ, и отличалъ своимъ особымъ сочувствіемъ и вниманіемъ. Не смотря на измѣнившійся строй жизни, они и доселѣ живутъ въ народѣ; но число ихъ годъ отъ году рѣдѣетъ и хранимый ими поэтическо-историческій матеріалъ время отъ времени забывается, измѣняется или совсѣмъ утрачивается. Для науки важно сохранить всякую крупицу подобнаго матеріала, сохранить память о каждомъ такомъ пѣвцѣ, равно и о томъ, что онъ поетъ.

Мы имѣли случай недавно видѣть и слышать одного изъ такихъ пѣвцовъ — Остапа Вересая, пріобрѣвшаго не только въ народѣ, но и въ образованномъ обществѣ значительную извѣстность, и хотимъ подѣлиться съ читателями какъ біографическими о немъ свѣдѣніями, такъ и свѣдѣніями о томъ историческомъ матеріалѣ, хранителемъ котораго онъ служитъ и который мы имѣли случай лично провѣрить.

---

[1]) Сборники: Цертелева (1819 г.), Максимовича (1827, 1834, 1849 г.), Срезневскаго (1833—38 г.), Лукашевича (1836 г.), Зѣнькевича (1850 г.). Метлинскаго (1854 г.), Мордовцева (1859 г.), Костомарова (1859 г.), Лисенка и Русова (1873 г.), Антоновича и Драгоманова (1874—75 г.) и др. въ Россіи и Вацлава зъ Олеска (1833 г.), Жеготы Паули (1839—40 г.), Шашкевича 1837 г.), Головацкаго (1863—72 г.), и др. въ Галичинѣ, Буковинѣ и Венгріи.

Остапъ Вересай (по уличному—Лабза) родился 1803—1805 года въ с. Калюжинцахъ, прилуцкаго уѣзда полтавской губерніи. Отецъ его Микита былъ слѣпой нищій, игрой на скрипкѣ зарабатывавшій себѣ хлѣбъ, причемъ имѣлъ хату и кусокъ поля. Ослѣпъ Остапъ на четвертомъ году отъ роду, какъ онъ разсказываетъ, „зъ пристріту“ или отъ дурнаго глазу. Съ раннихъ лѣтъ онъ почувствовалъ въ себѣ непреодолимую страсть къ игрѣ на бандурѣ и пѣнію; „якъ було кобзарь прыйде у хату до мого батька“, говоритъ онъ, „та стане грать и співать, то я стою коло ёго и самъ не знаю, чи ёму-бъ у пазуху улізъ, чи ёго до себе у пазуху взявъ“! Отецъ отдалъ Остапа въ ученіе къ кобзарю Микитѣ изъ Кладьковки надъ Десною, проживавшему тогда въ с. Береживкѣ. По сложившемуся у кобзарей обычаю, ученикъ ничего не платитъ, да и не можетъ платить за ученіе своему маэстро (по мѣстному—„майстру“); даже одежду даетъ ему учитель, но за-то все, что только выручитъ уже обученный чему-нибудь ученикъ, идетъ въ пользу учителя. Ученіе продолжается примѣрно 3 года; въ теченіе этого срока ученикъ во всемъ повинуется своему учителю и за великій грѣхъ считаетъ обмануть или обидѣть его дѣломъ, словомъ и даже помышленіемъ. Если случалось, что ученикъ убѣгалъ отъ учителя или этотъ послѣдній самъ прогонялъ его, то другой кобзарь-учитель, къ которому бѣглецъ пристанетъ, не бралъ во вниманіе времени, проведеннаго въ ученіи прежде, и у этого новаго „майстра“ ученикъ долженъ пробыть полныхъ три года. Остапъ Вересай тоже перемѣнилъ нѣсколькихъ учителей, отъ которыхъ онъ уходилъ потому, что тѣ были или пьяницы, или очень строги, или-же ничему не учили. У Микиты онъ былъ только недѣлю, въ теченіе которой его „майстеръ“ пьянствовалъ безъ просыпу. Такъ какъ Остапъ былъ единственнымъ сыномъ у своихъ родителей, то мать его сильно безъ него скучала и настояла на томъ, что отецъ взялъ его обратно домой. Пробывъ около четырехъ лѣтъ въ домѣ отца, который, хотя и умѣлъ играть на скрипкѣ, не могъ удовлетворить стремленія сына къ бандурѣ, Остапъ отправился въ Ромны, гдѣ на ярмаркѣ нашелъ себѣ учителя-кобзаря андріашевскаго Ефима, съ которымъ не мало свѣту исходилъ: въ теченіе шести недѣль они побывали въ Лубнахъ, Голтвѣ, Демидовкѣ, подъ Кременчугомъ, въ Хоролѣ и Лохвицѣ. За смертью Ефима, Остапъ, уже

пятнадцати-лѣтній юноша, присталъ въ тѣхъ-же Ромнахъ къ кобзарю Семену Кошовому изъ села Голінки. Отъ этого кобзаря онъ перенялъ искусство игры на бандурѣ, но крутой нравъ учителя заставилъ Остапа уйти и отъ него. Вскорѣ однако самъ Кошовой зашелъ за Остапомъ и взялъ его обратно къ себѣ, договорившись съ отцомъ, что курсъ обученія долженъ окончиться въ 35 недѣль; въ дѣйствительности-же Остапъ былъ у него только четыре мѣсяца, такъ какъ по причинѣ сильной лихорадки онъ былъ отправленъ домой. Когда-же послѣ выздоровленія Остапъ опять пришелъ къ Семену, говоря: „прийміть мене, панъ-отче, та доведіть до ума!“, учитель ему отвѣтилъ: „йди и грай, а то й самъ учи, кого хочешь“! Это обстоятельство показываетъ, что нашъ кобзарь былъ недюжинныхъ дарованій, такъ какъ онъ не только не пробылъ требуемыхъ обычаемъ трехъ лѣтъ у какого-нибудь изъ его учителей, но и все время его обученія всѣми тремя его „майстрами“ не составитъ требуемыхъ обычаемъ трехъ лѣтъ.

Этимъ оканчивается исторія обученія Остапа Вересая. Далѣе слѣдуетъ самостоятельная его жизнь, когда онъ перенимаетъ отъ подобныхъ себѣ слѣпцовъ—пѣвцовъ новыя пѣсни и думы. Изъ кобзарей, имѣвшихъ большое вліяніе на судьбу Вересая, былъ Федоръ Трюшъ, часто посѣщавшій домъ его отца [1]). Пробовалъ Вересай оставить себѣ пріемника и имѣлъ пять учениковъ: Василя Бублика, Тараса изъ Никоновки, Ярохтея изъ Берёзовки, Антона

---

[1]) Здѣсь считаемъ не лишнимъ привесть списокъ тѣхъ извѣстныхъ бандуристовъ, которые или уже умерли, или-же остаются еще въ живыхъ. Черниговской губ. сосницкаго уѣзда, въ м. Александровкѣ—Андрій Шутъ, въ м. Менѣ—Андрій Бешко, въ г. Сосницѣ—Алексій Ракъ; борзенскаго уѣзда, въ с. Брытанахъ—Иванъ Романенко; нѣжинскаго у. въ с. Терешовкѣ—Павло Братица (долженъ имѣть лѣтъ 57, учился у Бешки), въ с. Макіевкѣ—Прокопъ Дубъ (35 лѣтъ, учился у Овсія Сліпого изъ Шняковицы того-же уѣзда); стародубскаго уѣзда въ Семяновкѣ—Антонъ, въ Спасскомъ—Павелъ Козелъ. Полтавской губ., прилуцкаго уѣзда, въ с. Сокиринцахъ—Остапъ Вересай; лубенскаго уѣзда въ м. Оржицѣ—Архипъ Никоненко; роменскаго уѣзда въ с. Бубнахъ—Трихонъ; пирятинскаго уѣзда въ с. Крячковкѣ—Федоръ Алексѣевъ, въ Вечіркахъ—Антонъ; гадяцкаго уѣзда въ с. Розбишевкѣ—Федоръ Саковенко и Иванъ Лиходиръ. Харьковской губ. вь г. Харьковѣ—Гарбузъ; богодуховскаго уѣзда въ Ольшакѣ—Левко и Петро Колибабы, въ Красномъ Кутѣ—Ригоренко; ахтырскаго уѣзда въ Тростинцѣ—Залавскій.

Негрія изъ Каюжинецъ и Данила „Анголя“ изъ Береживки; но ему какъ-то не счастливилось: всѣ ученики рано умирали. Особенно пріятное для него воспоминаніе оставилъ послѣ себя послѣдній его ученикъ, „Анголь“ Данило. „Той якъ сынъ добрый бувъ, тільки-жъ не шанувався. Бувало кажу ему: чого тобі, Данило, на оти прокляты дòсвітки, на праздники́ та на попразе́ни ходить? Ни, не слухавъ. Якъ пиду часомъ мижъ челядь грати на ти дòсвітки, або празникъ, то тільки то й славы, що горілка; я вже це знаю. Не слухавсь Донило, пишовъ мижъ челядь—за великимъ ганявся, та й вбили ёго“.

Изъ дальнѣйшей жизни нашего кобзаря интересны его сватанье и женитьбы. Спустя четыре года послѣ окончанія курса ученія, Вересай сталъ свататься. Къ одной дворовой дѣвкѣ онъ цѣлый годъ ходилъ верстъ за 50 въ с. Рудовку, но та изъ подъ вѣнца ушла изъ церкви. Съ другой дѣло пошло лучше, но священникъ запросилъ шесть рублей за вѣнчаніе, что́ было „не по-цінно“ для нищаго-кобзаря. Наконецъ, на третьей онъ женился; имѣлъ отъ нея дочь Мотрю, которую и выдалъ замужъ за плотника Аврама. Зять оказался пьяницей и буяномъ и, пользуясь благосклонностью при панскомъ дворѣ, причинялъ овдовѣвшему тогда тестю всевозможныя обиды и непріятности, такъ что Вересай, боясь быть посаженнымъ „на быка“ (особый инструментъ, въ родѣ неподвижныхъ кандаловъ), принужденъ былъ бѣжать изъ родного села, изъ собственной хаты. Во время своихъ скитаній онъ зашелъ въ с. Сокиринцы, прилуцкаго уѣзда, имѣніе Г. П. Галагана. Здѣсь привлекала его вдова Приська, которую онъ зналъ еще дѣвицею. Сватаніе на ней продолжалось 7 лѣтъ. Бывало прійдетъ нашъ кобзарь къ ней, станетъ подъ окошкомъ и начнетъ играть на бандурѣ. „Не ходи ты до мене“, кричитъ вдова, „—соромъ мені одъ людей! йди къ чортовому батькові!“ На это Остапъ отвѣчаетъ: „не жени (гони) ты мене, матери твоій бісъ! йди за мене за-міжъ!“ и самъ плачетъ, и она плачетъ. „Одружила мене изъ цимъ дідомъ его бандура: якъ прийде мене сватати, то й выжену; а якъ заграе на бандуру, то й заверну!“—вспоминаетъ теперь его жена.

Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, полякующій нынѣ П. А. Кулишъ, нарочно объѣзжая Малороссію и Украину съ цѣлью розыскать въ народѣ преданія о козацкой старинѣ, нашелъ Остапа

Вересая и потомъ, проживая въ Петербургѣ, долгое время находился съ нимъ въ перепискѣ, причемъ разъ прислалъ ему денегъ на поминъ души Т. Г. Шевченка. Объ этомъ Вересай такъ разсказываетъ. „Приславъ Кулішъ мені пять рублівъ грошей на поминки по Тарасові, стильки-жъ и Шуту Андріеви. Коли Шуту Андрію дошли гроши, а Шута Андрія у світі немае; то ти гроши, пише Кулішъ, „на—тобі, Остапе! нашлась така добра людина, що поминае Тараса, й оце дала тобі грошей". А я записавъ у граматку й Щута Андрія: такъ обохъ и поминаю". О Шевченкѣ Вересай отзывается такъ: „була голова—оцей Тарасъ, та мабуть вже такои не буде! Богъ зародивъ... може вона й мала̀ була, я не бачивъ, але-жъ розумна! У насъ мабуть и не буде вже такои; може Богъ кому другому дасть, а намъ вже ни!"

Другой этнографъ-художникъ Жемчужниковъ, сидя за мольбертомъ, чистосердечно плакалъ, слушая распѣваемыя Остапомъ думы и пѣсни.

Въ началѣ прошлаго десятилѣтія, дѣйствительный членъ географическаго общества П. П. Чубинскій записалъ нѣсколько пѣсенъ отъ Остапа Вересая, а въ 1873 году Н. В. Лисенко и А. А. Русовъ, по порученію юго-западнаго отдѣла этого общества, занялись изученіемъ репертуара этого кобзаря и записали отъ него 6 думъ, 11 пѣсенъ религіозно-нравственнаго содержанія и 5 сатирическихъ пѣсенъ [1]). Въ томъ-же году, 28 сентября, Вересай пѣлъ нѣкоторыя изъ своихъ думъ и пѣсенъ въ экстренномъ собраніи юго-западнаго отдѣла географическаго общества въ Кіевѣ. Полтора года спустя, извѣстный статистикъ и этнографъ, В. С. Козловъ, взялъ съ собою Вересая въ Петербургъ. Орестъ Миллеръ, читавшій въ то время великимъ князьямъ Сергію и Павлу Александровичамъ курсъ словесности, какъ разъ подошелъ въ эту пору къ изложенію памят-

---

[1]) I) Думы: 1) Про бурю на чорному морі, 2) Якъ три брати зъ Озова втикали, 3) Про вдову й трёхъ сынивъ, 4) Отчимъ, 5) Невольницка и 6) Про Хведора Безрідного. II) Пѣсни «поважливи»: 1) Про правду, 2) Пісня, що по нещастю живучи на світі співають, 3) Про страшный судъ (Михайлови псальма), 4) Блудящій сынъ, 5) До-часнёго живого чоловіка, 6) О мукахъ Христа, 7) Великій мій жалю!, 8) Миколай, 9) Про страшный судъ, 10) Розставання души зъ тіломъ и 11) Пустельныкъ и Пятниця. III) Сатирическія пѣсни: 1) Щиголь (пташине весилля), 2) Дворянка, 3) Хома та Ярема, 4) Кисіль и 5) Бугай.

никовъ малорусской народной поэзіи; чтобы иллюстрировать эти лекціи, онъ просилъ г. Козлова привести во дворецъ кобзаря, гдѣ этотъ послѣдній пропѣлъ нѣсколько думъ и пѣсенъ, за что получилъ отъ ихъ высочествъ серебряную табакерку, съ надписью:

Кобзарю Остапу Вересаю
отъ великихъ князей
Сергѣя и Павла Александровичей.
Марта 4-го 1875 г.

Кромѣ того Вересай пѣлъ въ засѣданіи императорскаго географическаго общества, въ археологическомъ и другихъ ученыхъ обществахъ, въ концертѣ, устроенномъ въ залѣ прикащичьяго клуба, а также въ концертѣ, устроенномъ въ зданіи Соляного Городка, съ туманными картинами къ думѣ о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова, исполненными художникомъ Мартыновичемъ. Поѣздка въ Петербургъ значительно поправила матеріальныя обстоятельства нищаго-кобзаря, такъ что послѣ возвращенія на родину онъ построилъ себѣ новую просторную хату, въ которой и до сихъ поръ живетъ со своей немалочисленной семьей. Семья этого 77-лѣтняго старика состоитъ въ настоящее время изъ 15 душъ и вся живетъ однимъ домомъ. У жены его Приськи было двое дѣтей; теперь они уже оба семейные: у женатаго сына (37 лѣтъ) 5 дѣтей (4 мальчика и 1 дѣвочка), а у дочери (42 лѣтъ)—двое дѣтей (калѣка сынъ 18 лѣтъ и дочь 15 лѣтъ). Подслѣповатый пасынокъ Вересая, овдовѣвшій прошлою осенью, женился вторично тоже на вдовѣ съ тремя дѣтьми; слѣпая-же падчерица Остапа за-мужемъ за слѣпымъ-же лирникомъ, но тотъ уже нѣсколько лѣтъ разошелся съ женой и только изрѣдка навѣщаетъ домъ этой замѣчательной семьи, состоящей изъ стариковъ, калѣкъ и малолѣтокъ.

Въ послѣднія два пребыванія Остапа Вересая въ Кіевѣ, осенью прошлаго года и весною настоящаго, нами записаны изъ устъ его три новыя думы и нѣсколько пѣсенъ религіозно-нравственнаго и сатирическаго содержанія, а также варіанты почти всѣхъ думъ и пѣсенъ, записанныхъ девять лѣтъ тому назадъ гг. Лисенкомъ и Русовымъ отъ того-же кобзаря. Изъ не вошедшихъ въ сборникъ, помѣщенный этими послѣдними въ т. I за 1873 г. Записокъ юго-западнаго отдѣла имп. рус. геогр. общества, нами записаны те-

перь думы: 1) *Невольницька, про каторгу бесурмлянську,* 2) *Про сестру й брата* и 3) *Про Йвася Коновченка*, а также пѣсни религіозно-нравственнаго содержанія: 1) *Годі вамъ шуміти, зеленыи луги!* и 2) *Якъ трудно во гріхахъ умирати*, и сатирическія: 1) *Старый зъ молодою* (простацька) и 2) *Міщаночка*. Такимъ образомъ извѣстный въ настоящее время репертуаръ Остапа Вересая состоитъ изъ 9 думъ, 13 религіозно-нравственныхъ и 7 сатирическихъ пѣсенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ еще не изчерпывается все то количество пѣсенъ и думъ, которыя Вересай поетъ и пѣлъ прежде. Не нужно забывать, что бандуристы перенимаютъ и перенимали какъ историческія, такъ и другія пѣсни по традиціи—путемъ простого запоминанія слышаннаго отъ другихъ подобныхъ себѣ слѣпцовъ-пѣвцовъ; само собою разумѣется, память иногда измѣняетъ имъ: въ данную минуту они поютъ однѣ пѣсни и думы, а въ другое время—другія, или варіанты первыхъ. Все это имѣетъ значеніе для исторіи народной словесности, а потому, какъ ни скуденъ матеріалъ, добытый нами на этотъ разъ отъ кобзаря, мы подѣлимся имъ съ читателями, сличая записанные нами памятники народнаго творчества съ обнародованными прежде.

I.

Дума неволницька [1])

(про каторгу бесурмлянську) [2]).

У святую неділю то-тó не сизыи орлы клекотáли,
То бідніи неволники у тяжкій неволи горко заплакали:
Залізо-кайданы брязчали,

---

[1]) Эта невольницкая дума совершенно не похожа на ту, которую записали отъ Вересая гг. Лисенко и Русовъ; она представляетъ варіантъ думы, помѣщенной въ сборникѣ Максимовича за 1849 г. на 10 стр. и у Кулиша въ Запискахъ о Южной Руси, т. I, стр. 42, съ которой и будемъ сравнивать, отмѣчая болѣе выдающіяся отличія, не указывая на менѣе важныя.

[2]) Каторга—по турецки *kadriga*, т. е. галера съ 24—26 скамьями для гребцовъ, по 3—4 человѣка на каждой скамьѣ. Невольники приковывались къ скамьямъ и въ такомъ положеніи отправляли тяжелую работу гребцовъ.

А вони собі у гору руки знимали [1]),
Та Господа милосердного прохали-благали:
„Дай намъ, Господи, дрибенъ дощикъ изъ неба,
А буйный вітеръ изъ низу,
То чи не буде на Чорному морі сильна́ хвыля вставати,
Та чи не буде изъ каторги турецькои якорівъ изрывати;
Бо тая каторга турецькая—такъ намъ доіла, такъ намъ доіла [2]),
Залізо-кайданы ноги пообрывало,
Козацькее-молодецькее тіло до костей постирало".
Колы баша турецькій,
Недо̀вірокъ християнській,
Вже по рынку похожае,
Та на свои турки зо̀ зла гукае:
„Турки-нечари, кажу я вамъ: добре дбайте,
По три пучки тернины у руки та́велги червонои набирайте,
Одъ ряду до ряду захождайте,
Та по три рази въ одно місто неволника затинайте!" [3])
То турки-нечари добре дбали,
По три пучки терновыхъ у руки червонои та́велги набирали,
Одъ ряду до ряду захождали,
Та по три рази въ одно місто бідного неволника затинали,
До костей козацькее тіло молодецькее оббивали,
Кровь християнську неповинно проливали.
То якъ стали бідныи неволники на собі кровь зобачати,
Стали турка клясти—проклинати:
„Ой, ты, турокъ проклятый, віро бесурмлянська,
Розлуко християнська!
Ты не одного сына изъ отцемъ и зъ матерью розлучила,
И брата зъ сестрою,
И мужа зъ женою,
Това́риша изъ това́ришемъ;

---

[1]) Послѣдніе 2 стиха у Кулиша составляютъ одинъ стихъ:

У гору руки пидіймали, кайданами забрязчали.

[2]) Доіла—допекла. На этомъ повтореніи кобзарь дѣлаетъ удареніе; этого нѣтъ въ думѣ, съ которою сличаемъ; причемъ тамъ 4 предпослѣдніе стиха оканчиваются существительными (дощикъ, вітеръ, хвыля, зъ... каторги), что̀ не типично для думы.

[3]) Въ думѣ Кулиша: Бідного невольника но-тричі въ однимъ місці затикайте!

Бідному неволнику нікóли й спокою немае [1]).
Вызволь насъ, Господи, изъ тяжкои неволи
Та на тихіи воды,
И на ясныи зори,
Та у край веселый,
Междо міръ хрещеный,
У городы́ християнськи!"
Дай, Боже, люду царському,
Нáроду християнському
На здоровья й на многіи літа
До кóнця віка! [2])

II.

Дума про сестру й брата [3]).

Ой у неділю та барзо рано-пораненьку
То-то не сивая зозуля у саду кувала
И не дробная птиця у лісі щебетала [4]),
То сестра до брата изъ чужои далекои стороны листы писала.
Да поклінъ подавала [5]):
„Ой братику мій милый,
Та голýбонько сивый!
То ты прибудь до мéне [6]), та созвідай менé у чужій стороні.
Та при́ лихій, нещасливій хуртовині."

---

[1]) Этого стиха у Кулиша совсѣмъ нѣтъ.

[2]) У Кулиша вмѣсто двухъ послѣднихъ стиховъ:

Славу на многи літа.

[3]) Въ сборникѣ Метлинскаго есть похожая дума—*Чужина*, на 355 стр., записанная Метлинскимъ въ зѣньковскомъ уѣздѣ. Дума-же, озаглавленная такъ-же, какъ нами помѣщенная, на стр. 434 этого сборника, походитъ на думу «Отчимъ», которую поетъ Вересай, а потому мы и будемъ сличать нашъ варіантъ, съ первою изъ этихъ думъ, тоже указывая только на болѣе видныя отличія.

[4]) Этого стиха нѣтъ въ думѣ «Про чужину».

[5]) У Метлинскаго нѣтъ: «листы писала»; въ замѣнъ этого: «поклоняла».

[6]) Этого нѣтъ у Метлинскаго, а слѣдовательно и въ отвѣтѣ брата нѣтъ соотвѣтствующихъ словъ: «до тебе прибувати, не могу, сестро, прибути».

—Сестро жъ моя мила,
Та голу́бонько сива! [1])
Радъ-же-бъ я до тебе при́бувати,
Тебе созвідати
У чужій стороні,
При лихій, нещасливій хуртовині [2]);
Та не можу, се́стро, прибути за быстрыми ріками,
За темными лугами,
Та за широкими степами,
Та й далекими сторо́нами [3]).
„Братику-жъ мій милый,
Та голубонько сивый!
То ты черезъ быстрыи ріки білымъ лебедонькомъ переплыви,
А черезъ темни луги яснымъ соколо́мъ перелети,
А черезъ широкіи степы́,
Та черезъ далекіи сторо́ны
Хочъ малесенькимъ перепелонькомъ перейди.
Та сядь-упади сизымъ голубомъ на отецькимъ подвірьи,
Та жалібно загуди,
Та отцевській домъ и матчинъ звесели [4]),
А мені тоску-печаль на серці розведи.
Якъ дасть Богъ людямъ празникъ, а світлый-пресвітлый Великдень [5]),
То люде до церковці йдуть,
Якъ бджилоньки гудуть,
Плече зъ плечемъ черкають [6]),
Та одно о́дного зъ празникомъ поздоровляють,
А на мене безділну-безрідну ани хто-жъ-то и не погляне.

---

[1]) Словъ обращенія брата къ сестрѣ и сестры къ брату въ думѣ Метлинскаго нѣтъ; на ихъ мѣсто во всей думѣ вставлены слова:

Братъ (или сестра) то зачувае,
Словами промовляе.

[2]) Двухъ послѣднихъ стиховъ у Метлинскаго нѣтъ, что̀ противно типичному настроенію думы, повторяющему въ отвѣтѣ обороты вопроса.

[3]) Этого стиха тоже нѣтъ.

[4]) То-же.

[5]) У Метлинскаго такъ: «Що теперь, брате, святый день, Великъ-день, Празникъ роковый».

[6]) Этого стиха нѣтъ.

А зъ церкви йдуть на хлібъ, на сіль—на честь зазывають,
А мене́ безділну-безрідну наче и родомъ не знають [1]).
Що-то, братику, якъ у нашого отця люди бували,
Хлібъ-сіль ідали,
То тоди насъ добре люди знали,
Насъ кумы и побратымы добре витали [2]),
А теперъ, якъ пришибла злая година,
Лихая хуртовина,
То теперъ одрикаеться одъ насъ и кровная роди́на" [3]).
Якъ трудно дереву у лісі безъ корины,
То такъ то трудно у чужій стороні проживати безъ роди́ны;
Якъ тяжко-важко зъ сырои земли білый камень зняти,
То такъ то тяжко-важко въ чужій стороні безъ роду, безъ сердешнои родиноньки помирати [4]).

—

Дай, Боже, на здоровля та на многіи літа
Усімъ православнымъ християнамъ до ко́нця віка!

III.

Дума про Йвася Коновченка [5]).

Ой тамъ на славній Вкраині, у городі у Черкасі,
Тамъ жила удова

---

[1]) Послѣдніе 4 стиха такъ:

Одно одного на здоровья пытае,
Одно одного на бенкетъ зазывае,
А мене нихто по родыни не займае,
Будто воно мене та й не знае!

[2]) Вмѣсто этихъ двухъ стиховъ одинъ: Тогди насъ кумы й побратимы добре знали.

[3]) Одцуралися кумы й побратимы.

[4]) Фигура, заключающаяся въ этихъ 4-хъ строчкахъ, у Метлинскаго выражена нѣсколько иначе:

То такъ-то тяжко, та такъ важко
Землі безъ травы, рыбі безъ воды,
Птиці безъ ліса пробувати;
То такъ-то тяжко та важко чоловіку въ чужій чужині
На чужій стороні,
Безъ отця, безъ неньки, безъ сердешного роду пробувати.

[5]) Кромѣ теперешняго, намъ извѣстны еще 2 варіанта этой думы: 1) помѣщенный въ сборникѣ Максимовича за 1834 г., стр. 51—57, и 2)—въ сбор-

Черкаська жена
Коновчиха,
По мужу Грициха;
Та мала собі сына Йвася Коновченка-удовиченка.
Вона его зъ малыхъ літъ годувáла,
У нáймы не пускала,
На чужи руки, на потурання не давала,
Та до доброго розуму доводила,
Та все милосерного Твóрця благала-молила:
„Господи Боже милый и всі святыи!
Поможить мені сына Йвася годувати,
До доброго разуму доводи́ти,
Щобъ було де при старости літъ віку дожити,
Головоньку приклонити".
Якъ ставъ Ивась Коновченко-удовиченко до доброго разуму доходити,
Стали козаки, стари паны молóдци, у городъ у Черкасъ находити,
Стали охотне війско выкликати.
Тоді Ивась Коновченко-удовиченко до вдовы—черкаськои жены промовляе словами,
Й обильется гиркими слезами:
—Ой мамо, мамо, удóво,
Черкаськая жéно, Коновчихо!
Займи-жъ ты чотыри воли чабаныи, у городъ до жида Кролёва оджени [1])
И добрый зъ нимъ торгъ учини,
Та пятдесятъ червонцивъ доложи,
Та мені однóго коня купи,
Которого козацькая—молодецькая душа полюбила,

никѣ Метлинскаго 1854 г. стр. 413—424, записанная Кулишемъ отъ Андрія Шута, но эти варіанты на столько отличаются отъ нашего, какъ по объему, такъ и относительно послѣдовательности разсказа, и другихъ частностей, что мы не находимъ удобнымъ дѣлать сличенія.

[1]) «До жида Кролёва», очевидно—искаженіе. Въ думѣ, помѣщенной у Максимовича сказано: «.... до города Крылова»; въ думѣ, записанной Кулишемъ, этотъ городъ названъ Корсуномъ, а жидъ просто называется «оландаремъ» или «рандаромъ».

То промовить удова словами
Й обильется горко слезами:
„Бодай ты, сынку Йвасю Коновчичу-удовиченку, сёго не дождавъ,
Щобъ я отцевську худобу збувала,
Та тобі коня куповала;
А лучше-жъ-бо, сынку Йвасю, у полі хліба-соли пахати,
Козаківъ на хлібъ на силь зазываты,
То будуть тебе люде добре знати,
Будуть тебе чтити—поважати".
То обизветься Йвась словами
Й обильеться горко слёзами:
—Ой мамо, мамо, удово,
Черкаськая жено!
Хочъ и буду я на полі хліба-солі пахати,
Козаківъ на хлібъ на силь зазывати,
Та не хотілося мені за плугомъ ходити,
Та спины ломати,
Своихъ сапьянихъ чобитъ по борознамъ выкрывляти,
Китаевыхъ жупановъ пыломъ напыляти!

У неділю барзо рано удова,
Черкаськая жена,
Думала—гадала,
Изъ свого дому у Божій домъ одхожала,
И всю козацьку—молодецьку зброю зхоронила,
Тильки козацькои—молодецькои шабли не зхоронила.
То Ивась Коновченко одъ сна вставае,
Лице вмывае,
По світлиці прохожае,
Нигде козацькои—молодецькое зброи не забачае;
Бере козацьку булатну шаблю й за плечи закладае,
Та зъ города выхожае,
Та на *четь* мили за городомъ у дорозі козакивъ піхомъ наганяе.
Козаки, стари паны молодци, ёго не взнали,
Йвася Коновченка-удовиченка, молодого лыцаря, дорогою поздоровляли.

Ой то-то-жъ-то удова,
Черкаськая жена, Коновчиха

Изъ Божого дому прихожае,
А вже сына Ивася Коновченка и дома немае.
То вона тоди до земли припадае,
У гору руки знимае,
Бога милосердного благае:—
„Бодай тебе, сыну Йвасю, три недоли не побили:
Першая недоля щобъ тебе не побила—
Щобъ ружи́на не стреляла,
Другая недоля щобъ тебе не побила—
Щобъ тебе шабля булатная не рубала,
Третяя недоля щобъ тебе не побила—
Щобъ отцеви и матерени слёзы ни въ якій потребі не споткали".

Тоди удова, черкаськая жена, Коновчиха добре думала—гадала,
Чотыри волы чабаны́хъ займала,
Та въ городъ до жида Кролёва одигнала,
Добрый торгъ учинила,
И пятдесятъ червонцивъ доложила,
Та Йвасю Коновченку коня купила,
Котораго душа козацька—молодецька полюбила,
А рядовыми козаками до війска коня одсылала.
Тоди Ивась Коновченко на коня сідае,
Хрестъ на собі складае,
Господа милосердного призывае,
Та до пана Хвилона [1]), ко́рсунського полковника, словами промовляе:
„Пане мій, пане Хвилоне, ко́рсунській полковникъ!
Благослови мені на Черкаси-долины [2]) зъ Арчинико́мъ [3]) погуляти,
Па́мъяти козацькои заживати
Й зна́мена турецького доставати".

---

[1]) У Максимовича—Филоненко.

[2]) У Максимовича Ивась говоритъ матери, что хочетъ «пидъ городъ Тягиню гуляти», а въ обращеніи къ Филоненку—«на Черкеню-долину»; это послѣднее названіе упомянуто и въ варіантѣ, записанномъ Кулишемъ.

[3]) Этого имени нѣтъ ни у Максимовича, ни у Метлинскаго. На вопросъ: кто это? Вересай отвѣтилъ: «це такій татарській лыцарь бувъ,—князь, а може полковникъ».

То промовить Хвилонъ, корсунській полковникъ, словами
И обильеться горко слёзами:
Не благословлю я тобі, Йвасю Коновченку, на Черкаси-долині зъ Арчиникомъ гуляти,
Памняти козацькои й знамена турецького доставати:
Ще й ты дитя молодее, нигде не бувало,
Та козацького звычаю не розизнало,
А есть козаки, стари паны молодци,—нехай вони на долині Черкаси гуляють,
Памяти козацькои заживають
И знамена турецького доставають".
То промовить Ивась словами,
Обильеться горко слёзами:
„Пане мій, пане Хвилоне, корсунській полковникъ!
Поймай ты утя старое й малое,
Та пусти ты на море,
То такъ поплыве малое, а якъ бы старое".
Якъ пишовъ Ивась Коновченко-удовиченко на Черкасъ-долину зъ Арчиникомъ гуляти,
Памяти козацькои заживати
Й знамена турецького доставати,
То винъ симсотъ изрубавъ,
А симсотъ живыхъ у руки забравъ;
То Хвилонъ корсунській полковникъ израдівъ: его пидъ руки хватае,
Червону китайку простиляе,
Напитки й наідки становить,
Словами говорить:
„Ивасю, Йвасю Коновченку-удовиченку!
Ще й ты дитя и малое й молодое,
Ще-жъ нигде не бувало,
Та багато козацького звычаю розизнало".
Промовить Ивась словами:
„Пане мій, пане Хвилоне, корсунській полковникъ!
Благослови мені оковиту водку вживати,
То йще не такъ буду на Черкаси долині зъ Арчиникомъ гуляти".
То промовить Хвилонъ словами:
„Не благословлю я тобі, Йвасю, оковитои водки вживати,
Бо оковитая водка тебе зрадить,

И зъ хрещéнного світа тебе збавить".
То винъ на те не дбавъ,
Та оковитои водки кубокъ наливавъ,
Такъ наливъ, такъ наливъ,
Ажъ козацьке молодецьке серце звеселивъ.
Тоди на коня сідае,
Городомъ проізжае,
Старóго й малóго дорогою зневажае;
А за городъ виізжае —
Сонъ ёго знемогае,
Ой то винъ головóньку коневи на гриву склоняе.
Турецька-бесурмлинська віра пьяного чоловіка за четь мили взнали,
Та йще за четь мили назадъ одступали;
То вони поки́ ёго пьяного зарубали,
Ще симсотъ за собою утеряли;
Тильки то не добре вчинили,
Що коня не вловили.
Кинь по табору турецькому гуляе,
На собі кривави поводы́ обрывае;
То Хвилонъ корсунській полковникъ сее забачае;
На своихъ козакивъ стары́хъ словами гукае:
„Козаки, стари паны молóдци! добре вы дбайте,
Пидите, коня поймайте
Того, що по табору турецькому гуляе;
Мабуть нашого Йвася Коновченка-удовиченка, молодого лыцаря, на світі немае".
То козаки, стари паны молодци, коня вловили,
До пана Хвилона корсунського полковника приводили.
То Хвилонъ, корсунській полковникъ до вдовы́,
Черкаськои жены
Письмо одсылае,
Поклинъ передавае:
„Удóво, удóво, черкаськая жéно!
А вже твій сынъ Ивась одружився:
Узявъ собі жинку горду-прегорду, а пышну-препышну, у Черкасі-долині высоку могилу!"
То удова, черкаськая жена,
Коновчиха
У гору руки знимала,

Господа милосердного благодарила й прохала:
„Благодару-жъ Тебе, Бога небесного, що мій сынъ Ивась одружився;
Хочъ узявъ собі жену горду-прегорду, пышну-препышну,
То все-таки буде при кому віка дожити,
При старости літяхъ головку прихилити“.
Хвилонъ корсунській полковникъ зъ рядовыми козаками до удовы коня привождае,
То удова коня забачае,
До сырои земли припадае,
Хвилона корсунського полковника проклинае:
„Бодай ты, Хвилоне, корсунській полковникъ, щастя-доли не мавъ.
Якъ ты мого сына Йвася Коновченка-удовиченка, молодого лыцаря, за все висько втерявъ!“
То промовить Хвилонъ, корсунській полковникъ, словами
Й обильеться горко слёзами:
„Ой стой ты удо́ва,
Черкаськая же́но!
Ты мене не лай,
Й мені молодому щастя-доли не теряй,
Бо ты сама не добре вчинила,
Що такого коня ему купила“.
То удова ду́мала гада́ла,
У свій домъ козакивъ зазывала,
Восимъ не́діль шистьсотъ козакивъ у домі продержала,
Хліба-соли не забороняла,
За-разо́мъ похоро́нъ и весілля гуляла
Й подарки давала.

—

Дай Боже на здоровъя та на многи літа
А й до ко́нця віка!

(Эту думу Остапъ Вересай перенялъ отъ своего зятя Василя Ены, лирника изъ с. Бѣлоцерковки, лохвицкаго уѣзда.

Приведенныя три думы, какъ вообще всѣ историческія пѣсни, распѣваемыя бандуристами, принадлежатъ къ козацкому эпосу;

первая изъ нихъ относится по крайней мѣрѣ къ XVI вѣку, вторая, относительно времени возникновенія, имѣетъ характеръ неопредѣленный, третья-же относится къ болѣе поздней эпохѣ козацкихъ войнъ, а именно къ половинѣ XVII столѣтія. Такимъ образомъ эти три думы вмѣстѣ обрисовываютъ намъ до нѣкоторой степени весь періодъ полнаго славы козачества.

Козачество взяло на себя иниціативу въ защитѣ страны, труда и цивилизаціи отъ татаръ. Татарскіе набѣги особенно усилились къ концу XV и въ началѣ XVI столѣтій; украинскія степи являются тогда театромъ ловли татарами невольниковъ, которыми переполняются главнѣйшіе невольничьи рынки Крыма и Царьграда. Татары обязывались давать въ Турцію часть своихъ плѣнныхъ, другихъ продавали; эти послѣдніе принуждены были цѣлыхъ шесть лѣтъ пробыть въ рабствѣ, и только по истеченіи этого срока они становились свободными, однако не смѣли уйти изъ страны. Въ эту эпоху сложилась характерная форма украинской думы, самый старый образецъ которой -невольницкая.

Отличительные признаки думы — чрезвычайно грустный тонъ, болѣе прозаическое, чѣмъ стихотворное изложеніе, вольный, неравный размѣръ, очень близко подходящій къ благозвучной, ритмической прозѣ съ риѳмами, причемъ нѣкоторые стихи совершенно не риѳмуются, другіе-же имѣютъ по нѣсколько соотвѣтствующихъ риѳмъ, а самую риѳму по большей части составляютъ глагольныя окончанія. Содержаніе излагается главнымъ образомъ въ формѣ разговора дѣйствующихъ лицъ другъ съ другомъ или съ силами природы, причемъ построеніе отвѣта всегда имѣетъ нѣкоторое сходство со строемъ вопроса (это особенно рельефно видно въ приведенной нами второй думѣ). По ритму и тону всѣ думы весьма похожи одна на другую и довольно однообразны, какъ однообразны были завываніе вѣтра на широкихъ украинскихъ степяхъ и плескъ морскихъ волнъ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ томящихся въ галерахъ невольниковъ.

Пѣсни о судьбѣ невольниковъ слушались нашимъ народомъ съ особеннымъ участіемъ, такъ какъ въ тѣ времена въ средѣ народа не мало было такихъ, которыхъ отцы, братія или сыновья побывали въ рукахъ „турецькихъ-бесурмлянськихъ“. Безъ сомнѣнія, такія думы, распѣваемыя мѣстными рапсодами—бандуристами,

имѣли сильное вліяніе на слушателей—козаковъ, возбуждали состраданіе къ участи несчастныхъ страдальцевъ за вѣру и волю, побуждали козаковъ къ подвигамъ противъ турокъ и татаръ какъ для освобожденія этихъ невольниковъ, такъ и для отмщенія за причиненныя бѣдствія. Подобныя думы не теряли своего значенія и въ болѣе позднія времена козачества, хотя тогда являются уже новые подвиги и новые герои: Кишка Самійло, Ѳедоръ Безродный, Данило Нечай, Ивась Коновченко. Кто былъ этотъ послѣдній, неизвѣстный исторіи, герой и въ какомъ походѣ онъ участвовалъ, трудно рѣшить. Правда, всѣ собиратели и записыватели историческихъ пѣсенъ (Максимовичъ, Метлинскій, Жегота Паули, Кулишъ) пріурочиваютъ его къ 1684 году, т. е. къ походу козаковъ въ бѣлгородскій (аккерманскій) край за гетманства Куницкаго, причемъ Максимовичъ, на основаніи этой одной думы, Филоненка (якобы сына Филона Джеджелія) вводитъ въ списокъ корсунскихъ полковниковъ. Но послѣ взятія Чигирина турками въ 1678 году корсунскій полкъ пересталъ существовать, а раньше того времени ни одинъ Филоненко не былъ корсунскимъ полковникомъ. При Острянинѣ въ 1638 году упоминается Филоненко, но онъ былъ полковникомъ вольницы козацкой. Изъ числа историческихъ личностей, носившихъ имя Филона, извѣстны два полковника: полтавскій Филонъ Гаркуша, назначенный въ 1659 году отъ Выговскаго, но не принятый полтавцами, а слѣд. это былъ только номинальный полковникъ, и кропивянскій—Филонъ Джеджелій или Джаджалый, сподвижникъ Хмельницкаго отъ 1649 по 1658 годъ. Судя по буйному характеру этого послѣдняго Филона и по его ненависти къ татарамъ, а также по тому значенію и вліянію, какимъ онъ пользовался въ глазахъ козаковъ, намъ кажется болѣе всего подходящимъ —отнести нашу думу ко времени Джеджелія, тѣмъ болѣе, что земли кропивянскаго полка лежали противъ Черкасъ, по ту сторону Днѣпра, хотя на географическія указанія, заключающіяся въ думахъ, полагаться не всегда можно.

Вообще приведенныя три думы представляютъ только варіанты уже извѣстныхъ думъ, но этимъ не умаляется ихъ значеніе. Сличеніе варіантовъ нагляднѣе всего уясняетъ намъ, какъ видоизмѣнялись вообще думы. Не будучи записанною, а переходя отъ бандуриста къ бандуристу изустно, дума сама собою разбивалась на

варіанты. Бандуристъ, смотря по времени и обстоятельствамъ, а иногда по вдохновенію, вносилъ въ данную думу одну—другую черту вновь или замѣнялъ прежнюю иною. Такимъ образомъ дума развивалась и измѣнялась безъ нарушенія исторической правды. Но съ теченіемъ времени условія жизни измѣнялись, поэтическіе разсказы о герояхъ давнего прошлаго и событіяхъ, совершившихся когда-то, теряли какъ для народа, такъ и для самого кобзаря свою жизненную силу и свѣжесть. Тогда дума или подкрашивалась и непомѣрно расширялась не идущей къ дѣлу болтовней, или-же сокращалась съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ историческихъ частностей. Дума о Коновченкѣ, записанная Кулишемъ отъ Шута, представляетъ образецъ именно такой раздутой, растянутой на цѣлый часъ пѣнія думы; дума о томъ-же героѣ, записанная нами отъ Вересая, принадлежитъ ко второму разряду измѣнившихся думъ: она вдвое короче кулишевской думы, но картина томленія козаковъ въ неволѣ представлена въ ней вполнѣ рельефно, хотя и въ сжатой формѣ. Имѣя въ виду сказанное выше о характерныхъ чертахъ думъ вообще, нашу думу мы ставимъ выше предъидущей: она проще, акція идетъ живѣе, основныя черты выставлены рельефнѣе.

Невольницкая дума замѣчательно сохранилась въ памяти народной; дума-же объ Иванѣ Коновченкѣ сильно измѣнилась, не смотря на то, что эта послѣдняя сложилась, по крайней мѣрѣ, на сто или полтораста лѣтъ позднѣе первой думы. Въ чемъ причины этого страннаго явленія? Неужели лучше помнить повѣствованіе о томъ, что было раньше, чѣмъ разсказъ о болѣе позднихъ событіяхъ? Главная причина, по нашему мнѣнію, лежитъ въ измѣнившемся вмѣстѣ съ жизнію характерѣ самихъ-же бандуристовъ. Современные намъ кобзари—это не прежніе пѣвцы и вмѣстѣ участники народныхъ страданій, а простые передатчики того, что сохранила народная память; они не имѣютъ уже въ виду воодушевить своихъ слушателей, разжечь въ нихъ рыцарскія страсти, но стараются лишь разжалобить ихъ, заставить прослезиться, а этимъ склонить въ свою пользу—къ подаянію нищему-слѣпцу. Думы въ родѣ „невольницкой“ или „о сестрѣ и братѣ“—болѣе общаго характера и разсказываютъ о бѣдствіяхъ и явленіяхъ, прочувствовать которыя можетъ всякій современный человѣкъ, которому только не чужды религіозно-нравственныя стороны, выводимыя въ этихъ думахъ.

Между тѣмъ думы, такъ сказать, политическаго характера въ настоящее время для народа не имѣютъ значенія. Немалое имѣли вліяніе на думы и послѣдующія явленія въ народной жизни, особливо гайдамачина, заслонившая собою представленія и воспоминанія о предшествовавшихъ событіяхъ. Не безъ причины кобзари сохранились теперь почти исключительно по лѣвой сторонѣ Днѣпра. Главнѣйшія движенія народныхъ массъ позднѣйшей эпохи происходили въ правобережной Украйнѣ, а это не могло не имѣть вліянія на возникновеніе новыхъ думъ и измѣненіе прежнихъ, или образованіе въ нихъ значительныхъ варіантовъ. Сохраненію и поддержанію въ народѣ думъ не благопріятствуютъ иногда и новые распорядки: новый строй жизни не различаетъ бродяги-нищаго отъ странствующаго артиста старыхъ временъ, и полицейская власть въ ряду нищихъ, шляющихся по ярмаркамъ, не рѣдко захватываетъ и бандуристовъ и водворяетъ ихъ на мѣсто жительства. Нѣчто подобное случилось, напр., и съ Остапомъ Вересаемъ, когда онъ въ прошломъ году былъ посаженъ въ кутузку въ Прилукахъ; но тутъ-то табакерка, подаренная ему великими князьями, сослужила ему службу: лишь только онъ показалъ ее блюстителямъ порядка, какъ тотъ часъ-же былъ выпущенъ на свободу. Съ тѣхъ поръ Вересай называетъ эту табакерку своимъ „прачпортомъ“.

Репертуаръ Остапа Вересая, кромѣ думъ, составляютъ еще, какъ мы сказали, „поважливі пісни“ и „простацькі“. Въ первой изъ записанныхъ нами пѣсенъ религіозно-нравственнаго содержанія („Годі (полно) вамъ шуміти“) въ прекрасной поэтической формѣ выражаются сожалѣніе о безполезно проведенной молодости и муки поздно пробудившагося сомосознанія:

Віють вітры въ стѐпу—запрету не мають;
Идуть мысли въ день и нóщи—спокою не дàють!

Содержаніе второй пѣсни: „Якъ трудно во гріхахъ умирати“— опредѣляется самимъ заглавіемъ; подобная пѣсня находится въ сборникѣ Метлинскаго, на стр. 371, подъ заглавіемъ: „Смерть“.

Пѣсни сатирическаго содержанія, входящія въ репертуаръ Вересая, осмѣиваютъ ненормальности человѣческой жизни и ук-

лоненія отъ здраваго смысла; но эти пѣсни онъ рѣдко поетъ и вообще не придаетъ имъ особаго значенія, называя ихъ „простацькими“ и желая этимъ выразить, что только, принаравливаясь ко вкусамъ слушателей-простолюдиновъ, онъ позволяетъ себѣ пѣть такія пѣсни.

Приводимъ первую изъ указанныхъ нами пѣсень, представляющую не мало художественныхъ чертъ.

Годі вамъ шуміти, зеленыи луги!
Годі мліти серцю моему зъ незносной туги! 2
Якъ цвіты прекрасныи скоро одцвітають,
То такъ насъ молодіи літá скоро покидають. 2
Пройшли літа скоро, якъ быстрыи ріки,
А я живу при нещастьи черезъ усі віки, 2
Вѣють вітры въ степу—запрету не мають,
Идуть мысли въ день и въ нощи—спокою не дáють. 2
Старость моя й жизность! не можу терпіти,
Що я не вмівъ молодыми літами владіти. 2
Теперь я не знаю, якъ дожити віку;
Ой де-жъ мені подітися, бідному чоловіку? 2
Пойду я зъ печалью а въ темныи луги;
Ой чимъ-же я вызволюся зъ великои туги? 2
Лучше-жъ мені жити въ пущахъ мижъ звірами,
Ані-жъ мені при нещастьи жить мижъ ворогами. 2
Лучше мені жити въ степу, у пустыні,
Ані-жъ межъ людьми при нещастьи жити на едині! 2

—

Есть такіи люде, що нужды не знають,
Одъ убогого, одъ мизерного двери зачиняють, 2
Прежди смерти душі царства своій не дбають. 2

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ устройствѣ инструмента, на которомъ кобзарь аккомпанируетъ себѣ при пѣніи, а также о пріемахъ при самой игрѣ.

Бандура, какъ показываетъ прилагаемый рисунокъ, состоитъ изъ *ручки* или грифа **A**, выпуклаго овала—*спідняка* **B** и вибрирующей поверхности—*верхняка* **C** или дейки съ отверстіемъ—*голосникомъ* **D**. Струны, начинаясь отъ прикрѣпленнаго къ окружности

овала *приструнника* **E**, перекидываются черезъ деревяный порогъ —*кобылку* **F** и идутъ къ головкѣ ручки, въ которой сидятъ колочки для подтягиванія или опусканія струнъ. Всѣхъ струнъ 12 (но бываетъ 20, 30 и болѣе). Шесть большихъ струнъ называются *бунты:* 3 первыя—басы, всѣ они *кишкóви*, причемъ первый басъ обмотанъ канителью; 4-ая мѣдная *(дротóва)*, 5-ая *прийма* и 6-ая *терція*—они изъ кишекъ прозрачныхъ—*римськихъ*; шесть короткихъ струнъ носятъ названіе *приструнковъ*, они бываютъ изъ кишекъ и мѣдныя.

Кобзарь играетъ на бандурѣ сидя и держитъ ее въ косвенномъ положеніи, но при игрѣ пьесъ плясовыхъ—совершенно вертикально. Лѣвой рукой нажимаетъ струны, правою-же рукою перебираетъ, причемъ, для произведенія болѣе сильнаго, рѣзкаго звука, надѣваетъ на указательный палецъ наперстокъ съ косточкой, т. е. деревянной полоской изъ лозы или орѣшника. Когда нѣсколько бандуристовъ играютъ вмѣстѣ, то одни играютъ преимущественно на *пристрункахъ*, другіе-же имъ вторятъ на *бунтахъ*, чтó, замѣтимъ, производитъ весьма пріятную гармонію.

К. Ф. У. О.

Рисунокъ типической бандуры.

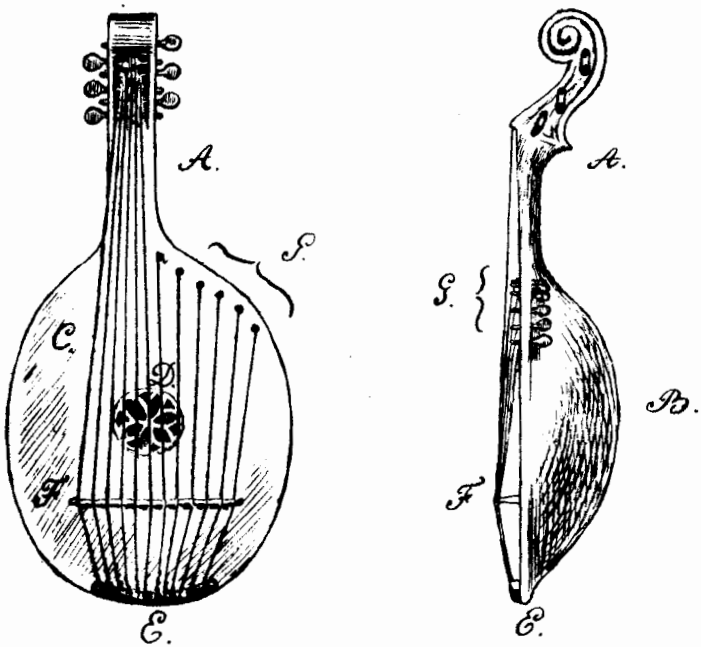

Объясненіе знаковъ см. въ текстѣ.

О музыкѣ думъ и пѣсень Остапа Вересая.

Въ первомъ томѣ „Записокъ юго-западнаго отдѣла императорскаго географическаго общества“ помѣщена обстоятельная статья о томъ-же предметѣ, который избирается и нами для настоящей замѣтки. Но этотъ предметъ такъ мало еще изслѣдованъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ такое огромное значеніе въ смыслѣ историко-эстетическомъ, что чѣмъ больше будетъ высказано о немъ мнѣній, хотя-бы и не вполнѣ согласныхъ между собою, тѣмъ большая откроется возможность будущему изслѣдователю южно-русской музыки прійти къ положительнымъ выводамъ относительно ея характерныхъ особенностей, выдѣляющихъ ее изъ семьи родственныхъ ей напѣвовъ всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ. До самаго послѣдняго времени всѣ изслѣдователи народной славянской музыки относили ее къ такъ называемымъ средне-вѣковымъ церковнымъ ладамъ. Это мнѣніе до сихъ поръ еще господствуетъ среди многихъ изъ спеціалистовъ музыкантовъ. И дѣйствительно, при поверхностномъ изслѣдованіи славянской народной музыки, легко прійти къ такому выводу: съ перваго взгляда мы имѣемъ здѣсь какъ будто всѣ признаки этихъ старо-церковныхъ ладовъ. Но при болѣе тщательномъ изслѣдованіи, въ частности, великорусскихъ пѣсень, сдѣланномъ г. Мельгуновымъ, оказалось, что эти пѣсни имѣютъ основаніемъ болѣе древнюю почву— именно *греческіе строи*. Чтобы быть понятнымъ для читателя, я выскажу здѣсь нѣкоторыя положенія изъ исторіи европейской музыки вообще. Какъ и всѣ другія искусства, музыка не сразу явилась во всеоружіи современной гармоніи съ ея роскошною, въ смыслѣ разнообразія построеній, обстановкой. Какъ живопись развилась изъ плоскостныхъ изображеній, безъ всякаго соблюденія перспективы (египетскіе рисунки), такъ и музыка въ началѣ не

имѣла тѣхъ качествъ, которыя придаютъ ей характерную окраску— не имѣла гармоніи. Это была, такъ сказать, плоскостная музыка, музыка одноголосная, *гомофоничная*. Относительно живописи мы имѣемъ чрезвычайно интересныя изслѣдованія, какъ напр., изслѣдованія Гладстона о неполномъ представленіи древними греками всѣхъ цвѣтовъ нашего спектра; такъ и въ музыкѣ:—древніе народы не различали мелкихъ мелодическихъ единицъ, какъ наши полутоны, ихъ слухъ воспринималъ только цѣлые тоны; поэтому мы и видимъ кажущіяся для современнаго уха чрезвычайно странными китайскія и валлійскія (шотландскія) гаммы изъ 5 цѣлыхъ тоновъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ музыка, какъ и другія искусства, шла все впередъ и уже у грековъ временъ Аристотеля выразилась въ строгой и стройной системѣ изъ семи строевъ. Но система эта все-же значительно отличалась отъ нашей. Начальная христіанская музыка воспользовалась матеріаломъ, оставленнымъ ей классической древностью и на немъ основала всѣ свои пѣснопѣнія. Но изобрѣтеніе органа и другія обстоятельства заставили музыку уклониться отъ прежняго гомофоническаго (одноголоснаго) пути и перейти къ полифоніи (многоголосицѣ). Первые зачатки полифоніи мы встрѣчаемъ въ IX-мъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова въ произведеніяхъ фландрскаго монаха Убальда или Гукбальда въ видѣ такъ называемой діафоніи. Гукбальдъ писалъ свои произведенія для двухъ голосовъ, шедшихъ параллельно въ интервалахъ квинты, кварты или октавы. Такова была основа современной полифоніи. Въ послѣдующемъ своемъ развитіи музыка шла уже все дальше и дальше по пути полифоніи, измѣняя, сообразно съ требованіемъ послѣдней, свои основныя единицы, т. е. древне-греческіе строи, лежавшіе въ ея основаніи. Такъ произошли средне-вѣковые церковные лады, приведенные въ стройную систему знаменитымъ музыкантомъ XVI-го вѣка Глареаномъ (Glareanus). Глареановскіе лады имѣютъ уже совершенно иныя названія, чѣмъ греческіе строи, имѣютъ отличное отъ послѣднихъ значеніе. Изъ этихъ ладовъ развился нашъ современный мажоръ и миноръ. Наша современная музыка и ея строи имѣютъ то отличіе, что всякая мелодія, всякая гармонія стремится закончиться въ опредѣленный тонъ, въ опредѣленный аккордъ, построенный на извѣстной нотѣ. Эта-то нота, которой стремятся закончиться наши мелодіи и гармоніи и служитъ показателемъ строя

мелодіи, называется *тоникой* строя. Средне-вѣковые лады такое стремленіе обнаруживаютъ слабѣе, древне-греческіе строи почти вовсе лишены его. Въ этомъ одно изъ существеннѣйшихъ отличій ихъ. Теперь спрашивается, къ какого рода строямъ слѣдуетъ отнести нашу древнюю южно-русскую музыку? Странно было-бы предполагать, что славянское племя, исходящее изъ одинаковаго арійскаго корня съ греческимъ, но съ самой ранней поры своей жизни ставшее вдали отъ западно-европейскихъ народовъ и ихъ культуры, должно было развить свою музыку совершенно также, какъ развили ее западно-европейцы. У славянъ не было повода къ такому развитію полифоніи, какое имѣлось у западно-европейцевъ, и они въ большей чистотѣ должны были сохранить первообразъ европейской музыки, музыку гомофоничную, сродную музыкѣ древнихъ грековъ. Такъ уже a priori мы пришли къ выводу, что средневѣковые церковные лады, выросшіе на почвѣ полифоніи, не должны бы были вполнѣ соотвѣтствовать строямъ нашей славянской и, въ частности, южно-русской музыки. Почтенный авторъ статьи „Записокъ", по нашему мнѣнію, допустилъ неточность, посмотрѣвъ на южно-русскіе напѣвы съ предвзятой точки зрѣнія, господствовавшей въ то время, идентичности строя малорусской музыки съ церковными западными ладами. Но вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу и здѣсь дало себя знать: авторъ указываетъ, что церковные лады не составляютъ господствующаго элемента въ южно-русской музыкѣ, что въ ней встрѣчаются и наши мажоръ, миноръ и мадьярскія гаммы, и, наконецъ, признаки, приводящіе ее въ соприкосновеніе съ восточной музыкой. Ни однимъ только словомъ авторъ не заикается о древне-греческихъ строяхъ, а между тѣмъ они-то и составляютъ главный элементъ въ нашей музыкѣ. Говоря о строѣ шести короткихъ струнъ (приструнків) бандуры авторъ считаетъ его *лидійскимъ* средне-вѣковымъ ладомъ. Съ виду это кажется совершенно вѣрнымъ: звукорядъ—

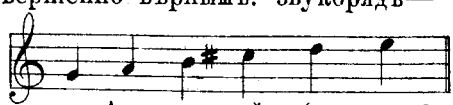

совершенно соотвѣтствуетъ по виду лидійскому церковному строю. Авторъ далѣе (на стр. 346) говоритъ, что кобзарь этихъ струнъ не прижимаетъ, а играетъ на нихъ, не измѣняя звука. Но мнѣ удалось видѣть и слышать иное. Остапъ Вересай, показывая, какъ надо играть плясовыя пѣсни на двухъ бандурахъ, укорачи-

ваетъ и *приструнки* и играетъ на нихъ также, какъ и на *бунтахъ* (длинныя струны). При этомъ оказывается необыкновенно интересное явленіе: кобзарь не заключаетъ своей игры въ тоникѣ, какъ слѣдовало-бы въ лидійскомъ ладу, а безразлично заканчиваетъ свою игру или въ тонику, или въ нижнюю квинту, или въ верхнюю терцію. Это уже чистый признакъ древне-греческихъ лидійской, гиполидійской и синтонолидійской гаммъ, повышенныхъ на цѣлый тонъ, ибо эти древне-греческія гаммы соотвѣтствовали по высотѣ своего начала нашему F. Иногда Вересай настраиваетъ приструнки иначе:

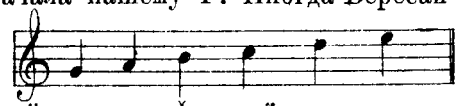

что соотвѣтствуетъ древне-греческой іонійской гаммѣ (найчаще встрѣчаемой въ великорусскихъ пѣсняхъ), при чемъ точно также держится полной свободы заключеній, вращаясь то въ основномъ, то въ *гипо*, или въ *синтоно* ладу. Что касается собственно музыки и напѣвовъ думъ, то здѣсь я могу сообщить не много новаго. Дума въ исполненіи Вересая, котораго мнѣ довелось слышать въ настоящій его пріѣздъ только дважды, имѣетъ характеръ полной импровизаціи. Одну и ту же думу Вересай одинъ разъ исполняетъ такъ, другой разъ иначе. Основной мелодическій рисунокъ всѣхъ думъ совершенно одинаковъ. Онъ почти совершенно точно совпадаетъ съ приложенной къ упомянутому тому „Записокъ" мелодіей думы. Мелизматическія украшенія, придаваемы ей Вересаемъ этому основному безритменному мотиву, трудно поддаются записыванью. Мельчайшія интервалы придаютъ этимъ украшеніямъ характеръ, близкій къ восточнымъ мелодіямъ; это, какъ кажется, можетъ быть объяснено долговременнымъ соприкосновеніемъ малоросовъ съ татарами и турками. Въ этихъ украшеніяхъ можно найти много общаго съ пѣсней Муэзина передъ восходомъ солнца (см. „Illustrirte Musiq.-Geschichte" von E. Nauman, в. 99). Замѣчу, что окончаніе каждой мысли заканчивается опредѣленной фигурой

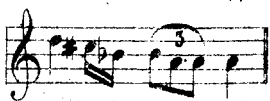

въ „Запискахъ" она представлена такъ

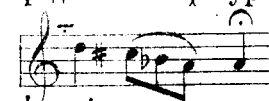

Быть можетъ эта разница зависитъ отъ импровизаціоннаго характера исполненія Вересая. Я не считаю нужнымъ выписывать здѣсь всѣхъ мелизмовъ, какіе мнѣ удалось записать. Чтобы уяснить себѣ ихъ значеніе, у меня нѣтъ еще достаточно матеріалу; какъ сырой же матеріалъ, они не имѣютъ значенія. Мнѣ кажется, что изслѣ-

дованіе въ указанномъ мною направленіи, т. е. насколько наши мелодіи отличаются по строю отъ западныхъ, насколько онѣ сходны съ древне-греческими и чѣмъ разнятся отъ этихъ послѣднихъ, составляетъ интереснѣйшую задачу, могущую повести къ новымъ открытіямъ въ области эстетической акустики, какою она является у Гельмгольца. Быть можетъ ближайшія изслѣдованія откроютъ, что наша музыка хотя сродна, но не идентична ни съ древне-греческой, ни съ средне-вѣковой западной. Намеки на это имѣются въ разницѣ изслѣдованій хотя и поверхностныхъ, какъ мои и автора статьи „Записокъ". Быть можетъ эти изслѣдованія открываютъ новые горизонты въ области тональностей и обновятъ начинающую уже ветшать современную ихъ систему. Дождутся-ли наши мелодіи такихъ изслѣдованій?

А. К-скій.

ИЗЪ ПРАКТИКИ СТАРЫХЪ СУДОВЪ.

„Невѣроятный извѣтъ отъ простолюдчивости по предосужденію“.

Не подъ этимъ заглавіемъ, но съ такими названіями и характеристикою находится въ одномъ изъ кіевскихъ архивовъ „дѣло о порѣзаніи“ малолѣтними еврейками на малолѣтнемъ-же крестьянскомъ мальчикѣ „тѣла для испущенія христіанской крови“. Дѣло не сложное, не продолжительное по времени, но интересное какъ по существу, такъ и по многимъ его частностямъ: въ немъ проглянуло, кажется, неизвѣстное доселѣ народное вѣрованіе объ употребленіи евреями христіанской крови при разрѣшеніи отъ бремени еврейскихъ женщинъ, равно отобразилась вся процессуальная сторона такихъ и подобныхъ дѣлъ прежняго времени.

Отъ временъ глубокой древности, отъ вѣковъ отдаленныхъ идетъ непримиримая вражда между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ всѣхъ странъ. Наша южно-русская страна представляетъ въ семъ отношеніи исключеніе развѣ въ смыслѣ высшаго народнаго озлобленія противъ исповѣдниковъ Іеговы, проявлявшагося надъ ними найболѣе частымъ и найболѣе чувствительнымъ образомъ. Отъ Изъяслава и Владиміра Мономаха до Гопты и Желѣзняка и отъ этихъ послѣднихъ до нашихъ дней, чувства кіевлянъ, чувства всего южно-русскаго народа къ еврейскому поколѣнію не измѣнились ни на іоту. Нечего говорить о томъ, что въ основѣ этихъ чувствъ лежатъ прежде и болѣе всего экономическія отношенія, а потомъ вѣроисповѣдное отличіе; но сверхъ этого въ нихъ видную роль играетъ особый циклъ вѣрованій, ничего общаго съ догматами христіанства не имѣющихъ, но твердыхъ и непоколебимыхъ, всасываемыхъ съ молокомъ матери, обоснованныхъ на

вѣковой традиціи. Едва ли и теперь удалось-бы вамъ, читатель, разувѣрить нашего простолюдина въ томъ, что „у жида нѣтъ души“, а есть только „*пара, что изъ скотины выходитъ*“,—даже не тотъ „дымецъ малъ“, что видѣлъ врачъ—иностранецъ въ минуту кончины московскаго великаго князя Василія Васильевича, исходящимъ отъ тѣла его. Къ числу вѣрованій, столь давнихъ и повсюдныхъ, относится и увѣренность въ употребленіи евреями христіанской крови. Вѣрованіе это и связанная съ нимъ казуистика имѣютъ свою литературу, крайне любопытную въ томъ отношеніи, что изъ всѣхъ, писавшихъ объ этомъ *pro* и *contra*, никто никого ни въ чемъ не убѣдилъ и что изъ большаго числа возникавшихъ въ судебной практикѣ случаевъ обвиненія евреевъ въ добываніи христіанской крови, ни одинъ не доказанъ окончательно, но и ни одинъ не оставленъ безъ большаго или меньшаго подозрѣнія. Тотъ-же характеръ недоказанности и вмѣстѣ нѣкотораго сомнѣнія носитъ на себѣ и настоящій случай, о которомъ мы хотимъ разсказать, ради одной его особенности по существу и нѣкоторыхъ характерныхъ частностей.

Дѣло происходило не особенно давно, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, въ предѣлахъ кіевской губерніи. Въ васильковскомъ уѣздѣ, не вдалекѣ отъ самаго города Василькова, вправо отъ широкаго почтоваго тракта на Бѣлую Церковь, лежитъ большое село Плисецкое. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ немъ жилъ еврей Фроимъ, по фамиліи Каминскій. Фамилія нимало не еврейская, и это указываетъ на то, что либо самъ Фроимъ, либо вообще родъ его вполнѣ натурализовался въ „краѣ забраномъ“, а быть можетъ зашелъ сюда изъ „Конгрессувки“. Въ тридцатыхъ годахъ было уже царство откуповъ и процвѣтало оно во всю свою мощь какъ на Сѣверѣ, такъ и на югѣ Россіи, на послѣднемъ—въ „народѣ избранномъ“. И въ окрестностяхъ с. Плисецкаго былъ откупщикъ, а въ самомъ Плисецкомъ его приказчикъ Фроимъ. Былъ онъ съ достаткомъ, жилъ здѣсь 14-ть лѣтъ, своимъ дѣломъ занимался, людей не чуждался. У Фроима была своя Сура, а отъ нея онъ имѣлъ двухъ дочерей — Лею и Хайку,—какихъ лѣтъ, это также трудно опредѣлить, какъ трудно опредѣляются годы евреевъ-дѣтей при полученіи пассажирскихъ билетовъ и евреевъ-юношей при отбываніи воинской повинности. Рядомъ съ Фроимомъ жилъ казенный

крестьянинъ Кузьма Мироненко, а у него жена Дарья и трое малолѣтнихъ дѣтей: дочь и два сына, изъ которыхъ одинъ былъ старше дочери, а другой имѣлъ лишь пять мѣсяцевъ отъ рожденія и проводилъ время въ „колыскѣ“ (люлькѣ) подъ присмотромъ старшаго брата и сестры, а иногда и самостоятельно. Дочери Фроима приходили къ дѣтямъ Мироненка „бавиться“, или поиграться. До происшествія, о которомъ возникло дѣло, посѣщенія ихъ были рѣдки, а ко дню происшествія участились и стали ежедневными. Вотъ какъ было самое дѣло.

30 сентября 1832 года Кузьма Мироненко куда-то отлучился изъ деревни; жена его Дарья была на огородѣ, а грудной ея ребенокъ, пятимѣсячный Ѳедоръ оставался въ хатѣ, подъ присмотромъ старшихъ дѣтей. Подъ вечеръ Дарья Мироненкова, навѣдавшись въ хату, застала тамъ какъ своихъ дѣтей, такъ и дочерей Фроима-Лею и Хайку; но при ней-же ея старшія дѣти выбѣжали на дворъ, а она, покормивши, быть можетъ, грудное дитя, ушла на огородъ, оставивъ въ хатѣ Лею и Хайку. Что было въ слѣдъ за тѣмъ, не извѣстно; но спустя нѣкоторое время Дарья Мироненкова увидала, что старшій сынъ ея несетъ къ ней на огородъ плачущаго Ѳедю, а взявъ этого послѣдняго къ себѣ на руки замѣтила, что задняя часть его исцарапана или порѣзана во многихъ мѣстахъ. Старшій сынъ пояснялъ, что, придя въ хату, онъ засталъ, что старшая дочь Фроима держала маленькаго брата его на рукахъ и успокаивала его при сильномъ его плачѣ. Мать видѣла много царапинъ, или порѣзовъ, конечно, легкихъ, нашла и запекшуюся кровь, соображала, что царапины не могли быть дѣломъ случайнымъ. Мать Леи и Хайки была на сносяхъ; Мироненкова слышала и вѣрила, что еврейки при трудныхъ родахъ прибѣгаютъ къ помощи христіанской крови извѣстнымъ имъ образомъ. Въ душѣ ея явилось подозрѣніе, не были-ль тѣ порѣзы произведены дочерьми Фроима. Она бросилась обыскивать ихъ и въ карманѣ младшей нашла нѣсколько кусковъ стекла. Подозрѣніе переходило въ увѣренность. Мироненкова боролась и съ своими мыслями и съ постигшею ее бѣдою. Въ порывѣ гнѣва и досады, она бѣжитъ ко двору Фроима и срываетъ съ меньшей его дочери платокъ. Та подняла крикъ, выбѣжалъ Фроимъ и набросился на сосѣдку. Поднялась „сварка“ или ругань, не обошлось, быть можетъ, и безъ схватки; платокъ былъ отнятъ.

Изъ того, что жена Фроима не упоминается при этомъ и вскорѣ, какъ видно изъ дѣла, отъ бремени разрѣшилась, заключить можно, что въ ту пору она болѣла родами. Въ послѣдствіи Мироненкова объяснялась, что потому она платокъ сорвала, что хотѣла, чтобы самъ Фроимъ позвалъ ее въ судъ; другими словами: она боялась сама обжаловать еврея, опиравшагося на своего патрона-откупщика и вѣроятно не разъ дававшаго чувствовать свою силу односельчанамъ-крестьянамъ, и хотѣла открыть его вину при случаѣ, въ качествѣ отвѣтчицы. Было-ли въ самомъ дѣлѣ такъ, рѣшить трудно. Почему-то однако жалобу свою она принесла волостному тутъ-же жившему головѣ лишь на третій день, а изъ того, какъ первоначально принята жалоба, видно, что не одна Мироненкова боялась повѣреннаго откупщика. Самъ голова, выслушавъ такое ужасное заявленіе, обратился къ мѣстному священнику Халничу, но и тотъ „не могъ ничего сказать". Можетъ быть, тѣмъ дѣло и кончилось-бы, если бы голова не обратился за совѣтомъ къ командиру квартировавшой въ селѣ Плисецкомъ роты, капитану Рожманту. Тотъ послалъ за Мироненками, самъ распросилъ ихъ и „сейчасъ-же велѣлъ послать до онаго еврея четырехъ человѣкъ солдатъ для караула до рѣшенія дѣла". Голова послалъ донесеніе въ васильковскій земскій судъ; въ немъ, со словъ Мироненковой, прямо говорилось, что дочери Фроима, вынувъ изъ люльки ея дитя „начали стекломъ рѣзать оному младенцу тѣло во многихъ мѣстахъ и испустили большую кровь", съ подущенія Фроима.

Такъ началось это курьезное дѣло, предъ которымъ сталъ-бы въ тупикъ любой изъ современныхъ юристовъ. Чѣмъ доказать или опровергнуть фактъ преступленія необычайнаго, невѣроятнаго? Съ которой стороны ни поверни это дѣло,—уликъ, слѣдовъ масса и въ тоже время ихъ вовсе нѣтъ. Остается ни опровергнутымъ, ни заподозрѣннымъ въ своей дѣйствительности фактъ внезапнаго израненія ребенка и „испущенія большой крови" въ отсутствіе его матери, только предъ тѣмъ видѣвшей его невредимымъ, въ отсутствіе дѣтей, за нимъ присматривавшихъ, но въ присутствіи двухъ малолѣтнихъ евреекъ. Что происходило въ ту пору, когда эти дѣвочки оставались одни съ христіанскимъ дитятею, никто видѣть не могъ; но у одной изъ нихъ за столомъ дитя на рукахъ, и она его успокоиваетъ, у другой много битаго стекла въ карманѣ. На дѣт-

скій плачъ въ деревняхъ, въ быту крестьянскомъ, обыкновенно не обращаютъ вниманія, и дитя плачетъ по нѣскольку часовъ; но видно крикъ израненнаго Ѳеди былъ особенный, видно пораненіе его бросалось слишкомъ въ глаза, когда малолѣтній также братъ его выхватываетъ его изъ рукъ евреечки и бѣжитъ съ нимъ къ матери на огородъ. Допустить случайное исцарапаніе какою-нибудь въ въ платьѣ евреечки торчавшею иголкою или валявшимися гдѣ либо кусками стекла не приходится уже и потому, что такое объясненіе не было приведено обвиняемою стороною, что для нея было такъ легко. „Колыска", обыкновенно ночвы или плетенка, набитая всякимъ тряпьемъ, еще менѣе могла быть орудіемъ пораненія, какъ не была и дотолѣ, и на нее, какъ ни на что другое не указываютъ ни обвиняемые, ни свидѣтели, ни самый судъ. Что пораненіе ребенка Мироненковой было не пустяшное, видно по тревогѣ матери, ея гнѣву и раздраженію, по ея наконецъ рѣшимости обжаловать сильнаго повѣреннаго еще болѣе сильнаго откупщика. Есть и другія указанія на серьезность факта: голова обращается къ священнику, священникъ отказывается даже сказать что либо, а капитанъ, распросивъ, не задумывается поставить военный караулъ къ дому Фроима. Трудно допустить, чтобы ни головѣ, ни капитану не пришло на мысль осмотрѣть израненнаго ребенка и если первый въ своемъ рапортѣ рѣшительно говоритъ о „испущеніи большой крови", а второй рѣшается на мѣру чрезвычайную—военный караулъ, то для нихъ не оставалось сомнѣнія въ фактѣ значительнаго или случайнаго пораненія дитяти.

Доселѣ все за обвиненіе, отселѣ все противъ него. Произведено слѣдствіе и—никакихъ доказательствъ, никакихъ слѣдовъ и признаковъ доселѣ такъ несомнѣннаго факта. Приходилось бы и намъ съ вами, читатель, какъ и тогдашнему суду, заключить, что это былъ *„невѣроятный извѣтъ*, по одному только, *отъ простолюдинности предосужденію"*. Но въ дѣлахъ старыхъ (и однихъ ли старыхъ?) судовъ была всегда своя закулисная сторона, и въ настоящемъ дѣлѣ она оставила по себѣ такіе слѣды, что ее и въ настоящее время и не записному юристу можно разглядѣть и опять воспроизвести. Попробуемъ, читатель.

Перенеситесь мысленно къ тому отдаленному времени, погрузитесь на минуту въ тогдашнюю уѣздную и сельскую жизнь, при-

помните тогдашніе суды и власти, откупа и царство израильское и положеніе крестьянской души, хотя бы и казенной, но бывшей во всемъ и за все въ отвѣтѣ. Вотъ съ одной стороны семья Мироненковыхъ, которой мать въ такой непрерывной работѣ, что ей и за дитятею присмотрѣть некогда; съ другой, семья приказчика по откупу, 14 лѣтъ живущаго на одномъ мѣстѣ. Если и теперь любой шинкарь—еврей, поживъ короткое время въ селѣ, овладѣваетъ всѣми пружинами сельской жизни, пріотрѣтаетъ авторитетъ и вліяніе свойственными ему способами, знаетъ всю подноготную крестьянина, владѣетъ его карманомъ и трудомъ, то что могъ значить пятьдесятъ лѣтъ назадъ въ с. Плисецкомъ повѣренный откупщика Фроимъ? Что онъ былъ съ деньгою, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію; что онъ имѣлъ силу и вліяніе, видно по всему началу дѣла, если не исходу его. Самъ онъ мѣщанинъ сосѣдняго г. Василькова; его патронъ, конечно, васильковскій купецъ, а тамъ суды, тамъ родня Фроима, тамъ его патронъ, тамъ еврейскій кагалъ. Думаете ли, читатель, что этотъ Фроимъ до караула и подъ карауломъ, и его родня и патронъ, и этотъ кагалъ оставались равнодушными къ такому „невѣроятному извѣту", какъ обвиненіе въ „испущеніи большой христіанской крови", падающее на все еврейство?

Весь ходъ дѣла удостовѣряетъ въ противномъ, хотя мы не видимъ потаенныхъ пружинъ, а только примѣчаемъ повсюду ихъ дѣйствіе.—Судъ, въ то время очень медленный и тяжелый на подъемъ, поднимается въ путь на третій день послѣ рапорта головы и пребываетъ на мѣсто произшествія въ лицѣ засѣдателя земскаго суда Тулуба. Простой смыслъ могъ бы сказать, что разъ дѣло идетъ о пораненіи, необходимъ судебно-медицинскій или хотя-бы обыкновенный осмотръ; но земскій судъ не отряжаетъ врача, а командируетъ—не извѣстно почему и для чего—депутата съ военной стороны. Земскій засѣдатель, прибывъ на мѣсто, допрашиваетъ лишь мать потерпѣвшаго дитяти и отца обвиняемыхъ дѣвочекъ. Ни до кого ему больше дѣла нѣтъ; онъ знать не хочетъ, что могли-бы сказать эти обвиняемыя и братъ потерпѣвшаго малютки, который первый видѣлъ его пораненіе. Засѣдатель не считаетъ нужнымъ хотя-бы взглянуть на израненное дитя и записываетъ показаніе его матери, что дитя здорово, прибавляетъ даже „не вредимо", мѣняетъ

лѣта обвиняемыхъ по показанію ихъ отца, назначая старшей 9 лѣтъ вмѣсто 12 и младшей 5 вмѣсто 7-ми, считаетъ нужнымъ занести въ протоколъ заявленіе Фроима, что ни ему, ни вообще евреямъ кровь христіанская ни въ какомъ случаѣ не нужна, обходитъ мотивъ подозрѣнія и беременность матери обвиняемыхъ и переходитъ къ спасительному повальному обыску, для котораго всегда въ такомъ дѣлѣ найдется нѣсколько „питуховъ" и еще больше должниковъ и инымъ способамъ обязанныхъ повѣренному виннаго откупа, а когда обыскъ далъ легко предвидимый результатъ, приходитъ къ заключенію, что „никакой важности по оному дѣлу не заключается". Жаловавшаяся прежде такъ энергически Мироненкова предъ засѣдателемъ какъ-бы отступается отъ прежнихъ, много разъ повторенныхъ словъ, по крайней мѣрѣ, сильно понижаетъ тонъ обвиненія, говоритъ только, что, при видѣ крови на дитяти, ей стало „сердобольно". Засѣдатель могъ-бы и покончить на томъ; но его безпокоило мелочное разнорѣчіе въ показаніяхъ Мироненковой и Фроима: первая говорила, что въ карманѣ меньшей евреечки были куски стекла, а второй—что то были куски разбитой тарелки. Дана очная ставка и Мироненкова не стала противурѣчить.

Все это такъ предупредительно-поспѣшно, такъ строго-законно, такъ добросердечно и человѣколюбиво. Засѣдатель Тулубъ, представивъ въ судъ вышеприведенное свое заключеніе, поспѣшилъ даже отнестись къ капитану Рожманту о снятіи съ Фроима военнаго караула. Но надо знать этихъ добрыхъ судей добраго стараго времени. Все въ ихъ дѣйствіяхъ было предусмотрѣно, строго разсчитано, но такъ искусно замаскировано, что напрасно вы стали-бы судить по ихъ дѣйствіямъ объ ихъ истинныхъ намѣреніяхъ. У нихъ во всемъ былъ свой особый разсчетъ. Поспѣшность суда—отъ чего? Надо ревность показать, быстроту дѣйствія, преслѣдованіе по горячимъ слѣдамъ. Но при этомъ какъ-то невзначай, въ попыхахъ, конечно, забывается о судебно-медицинскомъ, даже простомъ осмотрѣ. Что-же? Дополнить можно: въ тѣ времена годы, десятки лѣтъ проходили въ дополненіяхъ. Оно и лучше для самаго дѣла: вѣдь это не какія либо серьезныя и глубокія раны, которыя и потомъ обнаружатъ несвоевременность осмотра, это лишь царапины, легкіе порѣзы верхнихъ покрововъ кожи, и только въ редакціи волостнаго писаря явилось тутъ „испущеніе большой крови". Нѣ-

сколько дней и на быстро работающемъ дѣтскомъ организмѣ отъ нихъ не останется и слѣда. Тогда безопасно можно и осмотръ произвести и слѣдствіе дополнить. Такъ и поступилъ земскій судъ. Какъ однако ни медлилъ онъ командировкою врача, все таки врачъ Кладкевичъ (военный), производившій освидѣтельствованіе пятимѣсячнаго Ѳедора Мироненка, нашелъ „небольшой значекъ подъ ляшкою, присохшій"; но, по его мнѣнію, онъ „вреда на тѣлѣ и малѣйшаго не причинилъ."

Семь мѣсяцевъ лежало это дѣло въ васильковскомъ земскомъ судѣ и только 2-го мая 1833 года передано въ васильковскій магистратъ, которому, какъ мѣщанинъ, подсуденъ былъ Фроимъ. Зачѣмъ такъ долго лежало?—А неравно обвиняемый или потерпѣвшая поинтересуются положеніемъ дѣла и оборотомъ, какой оно можетъ принять: вѣдь надо-же ихъ любопытству удовлетворить... Въ томъ и особенность старыхъ судовъ, что они быстро набрасывались на дѣло новое, чѣмъ либо выдающееся и какую либо надежду подающее, и потомъ не выпускали его изъ рукъ, доколѣ не выжмутъ изъ него все.

Передачею въ магистратъ законченнаго слѣдствія земскій судъ могъ-бы покончить свою роль въ возникшемъ дѣлѣ, если-бы его засѣдатель не вздумалъ сорвать съ головы 5 рублей на поѣздку въ с. Плисецкое военнаго врача Кладкевича, хотя, мимоходомъ сказать, на эту сумму можно было тогда и весь уѣздъ проѣхать и назадъ вернуться. Видно, голова не хотѣлъ своего подарить, и судъ просилъ магистратъ съ рѣшеніемъ дѣла опредѣлить, на чей счетъ должны быть обращены эти 5 р. Въ своемъ заключеніи о Фроимѣ онъ сослался на указы Екатерины 10 февраля 1763 года, въ которомъ выражено ея изреченіе, впослѣдствіи такую громкую извѣстность получившее, что, при недостаткѣ уликъ, лучше десять виновныхъ оправдать, нежели одного невиннаго осудить, а противъ Мироненковой указалъ на суровый военный законъ, обращавшій грозившее обвиняемому наказаніе на голову не доказавшаго извѣтчика.

Спустя мѣсяцъ, магистратъ положилъ рѣшеніе, какое по ходу слѣдствія и приведеннымъ законамъ не трудно опредѣлить. Фроима обѣлили: самъ онъ,—значится въ рѣшеніи магистратскомъ, не повинился, по слѣдствію ни въ чемъ не уличенъ, а по повальному

обыску одобренъ, почему и опредѣлено оставить его отъ суда свободнымъ.—„Виновнаго не оказалось“, прибавлялъ магистратъ, но чѣмъ предавать, по обычаю тогдашнему, дѣло въ волю Божію, усмотрѣлъ вину въ „простолюдчествѣ“ (невѣжественной простотѣ) Мироненковой „по одному только предосужденію“ (предубѣжденію, предразсудку), почему постановилъ внушить ей и „впредь отъ такихъ нелѣпыхъ предосужденій воздержаться“ и на ея же счетъ обратилъ и тѣ 5 рублей, что проѣздилъ военный врачъ Кладкевичъ.

Магистратскіе, да и земскіе судьи, не менѣе Мироненковой повинные „въ предосужденіи отъ простолюдчества“, именно по этому одного не могли сообразить, что если она по одному невѣжественному предразсудку могла заподозрить семью сосѣда - еврея въ столь тяжкомъ преступленіи, то не существовалъ-ли и въ противной сторонѣ и средѣ, къ которой она не принадлежала, не менѣе невѣжественной и дико-фанатичной, соотвѣтственный предразсудокъ или повѣрье, если не въ употребленіи, то только въ „испущеніи христіанской крови“ въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ слышала Мироненкова, еврейскія женщины дѣтей рождаютъ, и не подвинулъ-ли этотъ предразсудокъ семью Фроима на то незначительное тиранство надъ христіанскимъ младенцемъ, отъ котораго онъ въ здоровьи не пострадалъ. Но какъ проникнуть въ темную еврейскую среду, въ глубь ея вѣрованій и предразсудковъ, во мракъ дѣяній, изъ нихъ проистекающихъ? И голова, и капитанъ, и земскій засѣдатель, и Магистратъ, и сама Мироненкова напрасно трудились надъ разрѣшеніемъ неразрѣшимаго вопроса, „не съ *подущенія*-ли его Фроима (на этомъ все подозрѣніе и слѣдствіе держатся) двѣ малолѣтнія дочери его рѣшились на „испущеніе христіанской крови“, когда матери ихъ пришлось родить. Отъ всего процесса только и остается для насъ новый оттѣнокъ народнаго вѣрованія о суевѣрномъ употребленіи евреями христіанской крови; но было-ли такое суевѣріе въ еврейской массѣ, или оно только плодъ суевѣрія нашего народа, такъ и осталось неизвѣстнымъ.

И выходитъ, какъ мы въ началѣ сказали, что въ такихъ дѣлахъ ни одна сторона ничего не можетъ доказать. Приведенное дѣло одно изъ тысячныхъ тому доказательствъ. Нужны какіе либо другіе пріемы для разрѣшенія этого вопроса, играющаго и въ наше время не малую роль въ жизни обѣихъ народныхъ массъ.

Матеріалы для исторіи Коліивщины или рѣзни 1768 г.

Въ то время, когда въ Россіи царствовала Екатерина II, въ юго-западномъ русскомъ краѣ, пребывавшемъ еще подъ властію польской Рѣчи Посполитой, происходило гайдамацкое движеніе, разразившееся въ 1768 году страшною уманскою рѣзнею. Послѣднее событіе на первый разъ представляется какъ-бы отдѣльнымъ эпизодомъ въ исторіи южно-русскаго народа. Такъ на него долго смотрѣли и многіе искали причинъ этого событія въ ближайшихъ къ тому времени явленіяхъ, и дѣйствительныхъ, и вымышленныхъ, никогда не происходившихъ. Польскіе историки обыкновенно взваливали вину, главнымъ образомъ, на русскую политику того времени и давали вѣру баснѣ о томъ, будто императрица Екатерина II черезъ своихъ агентовъ разсылала манифестъ, которымъ разожгла противъ поляковъ южно-русское простонародіе, исповѣдующее, наравнѣ съ цѣлымъ народомъ русскимъ, православную (или, какъ ее называли поляки, схизматическую) религію. (Ср. Morawski, Dzieje Polski. V. 87. Józ. Szujskiego, Dzieje Polski, IV. 440). Русскіе изслѣдователи опровергали эту басню. Соловьевъ (Истор. Росс., XXVII, стр. 307), опираясь притомъ на свидѣтельство одного польскаго писателя, указалъ даже лицо, сложившее подложный манифестъ отъ имени русской государыни. Между тѣмъ этотъ документъ вездѣ въ Европѣ почитался за подлинный манифестъ русской государыни и съ такимъ же значеніемъ былъ во французскомъ переводѣ напечатанъ въ Сборникѣ Ангенберга, заключающемъ дипломатическіе акты, относящіеся къ Польшѣ. Въ Кіевѣ въ 1879 году издана была книжечка: «Уманская рѣзня». Это переводъ извѣстнаго въ польской литературѣ мемуара г-жи Кребсъ, которая въ своемъ дѣтствѣ была свидѣтельницею уманскаго событія, ставшаго трагическимъ для ея родителей да и для ней самой. Переводчикъ, г. Рева, въ своемъ предисловіи къ издаваемому переводу, критически разобралъ этотъ манифестъ и доказалъ неоспоримо его подложность. Въ послѣднее время (Кіевская Стар., 1882 г., мѣсяцъ май, стр. 308—310) напечатанъ подлинный манифестъ императрицы Екатерины II отъ 9 іюля 1768 г., распространенный тогда-же на польскомъ языкѣ между жителями Рѣчи Посполитой. Въ немъ русская государыня извѣщала всѣхъ, что ходившіе подъ ея именемъ указы — подложны, никто отъ ней не посылался подни-

мать ея единовѣрцевъ противъ согражданъ иныхъ вѣроисповѣданій, и тѣ, которые выдаютъ себя за отрядъ низового запорожскаго войска, будто-бы отправленный по ея волѣ — не болѣе какъ воры, разбойники, нарушители общественнаго спокойствія, а потому будутъ, послѣ ихъ поимки, подлежать карѣ. Обѣщалось помилованіе только тѣмъ изъ нихъ, которые, раскаявшись въ своихъ преступленіяхъ, окажутъ участіе въ поимкѣ зачинщиковъ и будутъ представлять пойманныхъ ближайшимъ войсковымъ командамъ. Нѣтъ ни единаго несомнѣннаго историческаго свидѣтельства, подающаго хотя-бы только намекъ на подущеніе южно-русскаго простонародія со стороны русской государыни. Однако, ни отсутствіе вѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ, ни явная несостоятельность документа, на которомъ основывалось обвиненіе, не могутъ до сихъ поръ выбить изъ головы у польскаго общества увѣренности въ участіи Россіи и ея государыни въ этомъ дѣлѣ. Поляки всегда готовы приписывать вліянію Москвы и москалей все дурное, испытанное Польшею въ прошедшія времена, не исключая даже и такихъ временъ, когда не существовало Москвы. Такъ православіе называютъ поляки московскою вѣрою и готовы сами вѣрить и другихъ увѣрять, что приверженность подвластнаго имъ русскаго народа къ православной или восточной вѣрѣ была навѣяна и подогрѣвалась москалями; поляки не хотятъ знать, что въ южной и западной Руси еще прежде, чѣмъ эти края очутились подъ польскою властію, господствовала православная вѣра греко-славянскаго обряда, и то было еще тогда, когда Москвы и въ поминѣ не было; а слѣдовательно приверженность народа къ вѣрѣ своихъ предковъ естественно могла проявляться безъ всякаго посторонняго воздѣйствія. При существующемъ настроеніи польскаго міросозерцанія не удивительно, если въ такихъ вопросахъ, какъ возстаніе южно-русскаго простонародія противъ польскаго шляхетства, поляки хватаются за всякое обвиненіе противъ Россіи, вовсе не заботясь подвергать его критикѣ, и разъ усвоивши его себѣ, съ трудомъ отъ него отстанутъ. Кромѣ патріотическихъ предубѣжденій, отчасти поддерживаетъ невѣрные взгляды и скудость числа изданныхъ вѣрныхъ источниковъ, которые бы могли пролить болѣе свѣта и установить правильныя воззрѣнія. Правда, въ издаваемомъ кіевскою археографическою коммисіею Архивѣ юго-западной Россіи напечатано уже не мало документовъ, относящихся къ состоянію народа въ южной Руси въ XVIII вѣкѣ и даже спеціально къ гайдамачеству, съ превосходными изслѣдованіями, составляемыми на основаніи печатаемыхъ документовъ и прилагаемыми въ качествѣ предисловій къ каждому тому изданія. Но изданіе Архива юго-западной Россіи не дошло до 1768 года, до эпохи, когда происходила уманская рѣзня. Тѣмъ не менѣе однако, изданные до сихъ поръ документы, относящіеся къ XVIII вѣку достаточно уже показываютъ, что событіе, совершившееся въ 1768 году, неизбѣжно должно было состоять въ непосредственной связи съ цѣлымъ рядомъ такого же рода событій, происходившихъ въ предшествовавшее время. Оказывается, что борьба южно-русскаго народа съ Польшею, начавшаяся уже давно и проявившаяся рѣзко

въ половинѣ XVII столѣтія эпохою Хмельнищины, не окончилась въ XVII вѣкѣ, а перешла въ осьмнадцатый вѣкъ. Послѣ смерти Богдана Хмельницкаго Украина правой стороны Днѣпра, вслѣдствіе возникшихъ тамъ усобицъ, подпала снова подъ власть поляковъ, но южнорусскій народъ не хотѣлъ оставаться подъ ненавистною для него властію и энергически возставалъ противъ ней, опираясь на помощь со стороны московскаго государства. Скоро однако московское правительство заключило перемиріе съ Польшею и формально, по договору уступило Польшѣ правобережную Украину. Покинутое своими покровителями тамошнее козачество металось, само не зная, что дѣлать, подпадало подъ управленіе разныхъ своихъ-же гетмановъ, спорившихъ между собою за власть, отдавалось даже турецкому султану, лишь-бы не быть подъ властію поляковъ, и тогда южно-русскій народъ, спасаясь отъ ужасовъ, раздиравшихъ его отечество, сталъ толпами убѣгать за Днѣпръ и селиться на земляхъ, принадлежавшихъ московскому государству. Такимъ образомъ заселилась слободская Украина, а правобережная Украина все пустѣла и пустѣла и наконецъ совершенно опустѣла. Остались южнорусскіе жители въ такъ называемомъ Полѣсьѣ, на Волыни и въ сѣверной части Подоліи, да въ Червоной Руси, состоя подъ властію Польши, находясь въ зависимости, иные же и въ полномъ порабощеніи у польскаго шляхетства. Край, лежавшій къ востоку отъ этихъ странъ, собственно Украина козацкая, занимавшая пространство значительной части нынѣшнихъ губерній кіевской и подольской, сдѣлался почти безлюдною пустынею.

Но не долго приходилось этому краю оставаться въ такомъ состояніи. Уже въ концѣ XVIII вѣка возникло у малорусскаго народа стремленіе населять эту пустыню, хотя еще недавно покинутую своими прежними обитателями, но все-таки снова приманивавшую къ себѣ и плодородіемъ своей почвы и благодатнымъ климатомъ и раздольнымъ привольемъ. Русское правительство сдерживало побѣги народа какъ изъ лѣвобережной Украины, такъ и изъ Слободской. Однако правобережная Украина годъ отъ году все болѣе и болѣе заселялась пришельцами изъ этихъ странъ. Новосельцы являлись туда съ унаслѣдованною отъ отцовъ и дѣдовъ непріязнію къ польскому шляхетству, а попытки поляковъ распространить на нихъ свою власть и водворить между ними прежніе порядки привели къ кровавымъ столкновеніямъ. Вспыхнуло возстаніе южно-русскаго простонародія противъ польскаго шляхетства не только въ Украинѣ, заселявшейся вновь, но и въ тѣхъ краяхъ, гдѣ оно не переставало пребывать подъ шляхетскою властію. Возстаніе это вызвано было появленіемъ козачества, недавно возродившагося, разгорѣлось въ 1702 году, было укрощено свирѣпыми мѣрами, но не было погашено совершенно. Въ 1711 году Украина козацкая, находившаяся въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи, какъ-бы въ чересполосномъ владѣніи Россіи и Польши, населенная козаками, которые по своему званію подчинялись регименту малороссійскаго гетмана лѣвобережной Украины, была окончательно уступлена отъ царя Петра Польшѣ. Всѣмъ тамошнимъ козацкимъ старшинамъ и рядовымъ козакамъ дозволялось съ

своими семьями и движимыми имуществами переселяться на лѣвый берегъ Днѣпра и каждому, по своему желанію, водворяться въ какомъ-нибудь изъ козацкихъ полковъ лѣвобережной гетманщины или въ какихъ-нибудь иныхъ краяхъ, находящихся подъ властію царской державы (Арх. юго-зап. Росс. Ч. III, т. I, 757). Тогда козачество совершенно уничтожилось въ правобережной Украинѣ, возвращенной русскимъ государемъ польской Рѣчи Посполитой. Нѣкоторые изъ тамошнихъ козаковъ воспользовались дарованнымъ дозволеніемъ и переселились въ царскія владѣнія; другіе остались на мѣстахъ прежняго жительства и подпали подъ власть шляхетства, начавшаго тотчасъ-же утверждать свое господство въ новопріобрѣтенномъ краѣ.

Польскіе паны въ Украинѣ захватили пустыя земли; для веденія хозяйства имъ нужна была рабочая сила, и они стали зазывать къ себѣ насельниковъ, привлекая обѣщаніями льготъ и разныхъ выгодъ. Украина стала тогда заселяться снова еще разъ и все людьми того-же южно-русскаго происхожденія, къ которому принадлежали и прежніе жители этого края. Новосельцы приходили на селитву, привлекаемые панскими обѣщаніями, но съ тайнымъ недовѣріемъ къ этимъ обѣщаніямъ и съ непріязнью въ сердцѣ къ польскому шляхетству. Такое недовѣріе съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени осталось типичною чертою южно-русскихъ поселянъ того края. Не могла скоро испариться непріязнь къ панамъ-ляхамъ, напротивъ она стала еще развиваться, потому что польскіе паны не оставили прежняго способа обращенія съ подвластнымъ южно-русскимъ народомъ, отдавая его въ волю арендаторамъ доходовъ своихъ, а эти арендаторы были обыкновенно іудеи. Не покинули паны и своего завѣтнаго католическаго фанатизма и стали по старому пытаться вводить въ народъ унію. И вотъ—опять открылась борьба южно-русскаго простонародія съ польскимъ шляхетствомъ. Борьба эта явилась теперь въ новой формѣ. Эта форма была—гайдамачество. Оно, по характеру и пріемамъ своей дѣятельности, походило на прежнее козачество, но отличалось отъ него отсутствіемъ сословной солидарности. Сначала гайдамачество дало себя знать въ краяхъ волынскомъ и подольскомъ еще до передачи отъ царя Петра Украины Польшѣ: оно было тогда непосредственнымъ продолженіемъ неугашеннаго возстанія 1702 года. Не переставали возникать ватаги «своевольныхъ гультаевъ», составлявшіяся изъ порабощенныхъ шляхетству поселянъ, къ которымъ приставали мѣщане и всякіе пришельцы, между прочимъ даже и люди шляхетскаго происхожденія. Въ польскомъ обществѣ почти всегда господствовало нестроеніе и происходили явленія своевольства. Не рѣдко обыватель шляхтичъ, поссорившись съ своимъ сосѣдомъ обывателемъ, такимъ-же шляхтичемъ, вмѣсто того, чтобъ начать противъ него судебный искъ, нападалъ на его имѣніе съ ватагою, составленною изъ своихъ и чужихъ крестьянъ и разныхъ «гультаевъ». При такихъ наѣздахъ происходили всякія безчинства и разоренія. То было въ шляхетскихъ нравахъ. Въ сохранившихся уголовныхъ дѣлахъ о гайдамакахъ зачастую попадаются имена лицъ «урожоныхъ»,

т. е. лицъ шляхетскаго происхожденія въ качествѣ участниковъ и не рѣдко предводителей гайдамацкой ватаги. Такимъ образомъ шляхетство своими обычными наѣздами другъ на друга, само пріучало подвластныхъ ему хлоповъ къ самовольству и собственнымъ примѣромъ дало имъ повадку расправляться и за себя путемъ насилія, а не путемъ закона, который въ Польшѣ вообще былъ малосиленъ.

Съ утвержденіемъ шляхетскаго господства въ бывшей козацкой Украинѣ, получившей прежнее административное наименованіе кіевскаго воеводства, и въ этомъ краѣ распространилось гайдамачество и тамъ нашло оно свой главный центръ. Польскіе историки придаютъ ему разбойничій характеръ. Оно и должно было имѣть его, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Гайдамаки были люди, недовольные тогдашнимъ общественнымъ порядкомъ; ихъ преслѣдовали власти, и они по необходимости должны были скрываться въ лѣсахъ и не быть разборчивыми въ добываніи способовъ къ своему существованію, по крайней мѣрѣ, пока не пріобрѣтутъ къ себѣ и къ своимъ цѣлямъ сочувствія ее единовѣрныхъ и единоплеменныхъ обывателей страны. Но послѣднее случилось скоро, благодаря накоплявшейся все болѣе и болѣе враждѣ простонародія къ шляхетству. Число гайдамаковъ увеличивалось въ южно-русскихъ краяхъ, подвластныхъ Польшѣ, умножались ихъ шайки большею частію панскими подданными, и мѣры къ ихъ истребленію для польскаго шляхетства становились все болѣе и болѣе затруднительными. По сосѣдству съ Украйною, на югъ отъ нея, находилось Запорожье, край населенный воинственнымъ братствомъ того-же южно-русскаго племени, всегда готовымъ откликнуться къ народнымъ страданіямъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ и подать имъ помощь. Запорожцы приходили въ прямое и непосредственное общеніе съ гайдамаками, наполняли собою ихъ ватаги и являлись часто предводителями и устроителями этихъ ватагъ, какъ люди болѣе опытные и искусные въ войсковомъ дѣлѣ. Борьба шляхетства съ гайдамачествомъ готовилась превратиться въ открытую борьбу двухъ національностей: польской поработительной и порабощенной южно-русской, искавшей себѣ освобожденія. Въ Украйнѣ правой стороны Днѣпра зачиналось снова возрожденіе дважды убитаго козачества. Эпоха этой борьбы изображена въ изданныхъ кіевскою археографическою коммисіею документахъ подъ редакціею профессора В. Б. Антоновича (Арх. югоз. Росс. ч. III. Т. II).

«Гайдамачество», говоритъ достопочтенный профессоръ въ предисловіи къ изданнымъ документамъ, — «сдѣлалось какъ-бы нормальнымъ явленіемъ въ быту юго-западнаго края: крестьянское населеніе свыкалось съ нимъ все болѣе и болѣе; количество крестьянъ, поступавшихъ или состоявшихъ въ связи съ нимъ, постоянно увеличивалось; становилось очевиднымъ, что гайдамацкое движеніе раньше или позже должно охватить массу народонаселенія, если не измѣнится порядокъ общественнаго строя. Такая минута, казалось, пришла было въ 1750 году и только, благодаря несвязности и разрозненности дѣйствій гайдамацкихъ отрядовъ и отсутствію сколько-нибудь ясной постановки ими вопроса, удалось шляхетству на этотъ разъ предот-

вратить катастрофу тѣми экстренными мѣрами, какія были приняты военными начальниками, шляхетскими сеймиками и особенно, по просьбѣ послѣднихъ, русскими пограничными властями (ibid. стр. 124). Тогда весь юго-западный край былъ покрытъ многочисленными гайдамацкими отрядами, разбѣгавшимися во всѣхъ направленіяхъ и наводившими повсемѣстно трепетъ на дворянъ; послѣдніе должны были прекратить свои обычныя занятія; они не могли вести хозяйства и не получали дохода съ имѣній, изъ которыхъ крестьяне или ушли къ гайдамакамъ или могли призвать послѣднихъ, если-бы помѣщикъ сталъ настоятельно взыскивать панщину, они должны были отказаться отъ веденія судебныхъ дѣлъ, такъ какъ проѣхать въ «гродъ» было не безопасно, да и самые города, гдѣ помѣщались гродскіе суды, подвергались нападеніямъ. Въ такомъ положеніи гайдамачество продолжало находиться еще въ теченіи восемнадцати лѣтъ, и наконецъ, въ 1768 году, благодаря выгодно-сложившимся политическимъ обстоятельствамъ того времени, разразилось страшною катастрофою, носящею имя «Коліивщины» (ibid. стр. 126—127, 128).

Нѣсколько лѣтъ уже мы ожидаемъ выхода въ свѣтъ новаго тома актовъ о гайдамакахъ, который должна издать кіевская археографическая коммисія. Этотъ второй томъ будетъ заключать документы, относящіеся къ 1768 году, къ эпохѣ уманской рѣзни. Въ чаяніи появленія этого желаннаго изданія не будетъ, надѣемся, излишнимъ, напечатаніе четырнадцати документовъ, касающихся означенной эпохи. Документы эти доставлены намъ отъ г. Поля, екатеринославскаго обывателя, извѣстнаго въ своемъ краѣ знатока мѣстной старины, чрезъ посредство А. Л. Боровиковскаго, которымъ обоимъ считаю долгомъ принести мою признательность за любезное и обязательное вниманіе. Кромѣ одного польскаго письма съ русскимъ переводомъ, сдѣланнымъ въ то время (№ 1), гдѣ убѣжавшій отъ уманскаго погрома полякъ описываетъ близкую къ себѣ трагедію въ своеобразныхъ чертахъ, нѣкоторые изъ помѣщаемыхъ здѣсь документовъ относятся къ личности Неживого, одного изъ предводителей гайдамацкихъ ватагъ, до сихъ поръ извѣстнаго только по голому имени. Этотъ Неживый самъ лично не участвовалъ въ уманской рѣзнѣ съ Желѣзнякомъ и Гонтою, но расправлялся съ поляками и іудеями въ другихъ жилыхъ мѣстностяхъ правобережной Украины, между прочимъ въ Мошнахъ, Каневѣ, Медвѣдовкѣ и получилъ отъ обывателей этихъ городковъ свидѣтельства на письмѣ о томъ, что онъ не причинилъ никому изъ нихъ никакого оскорбленія, а по ихъ желанію освобождалъ ихъ отъ поляковъ и іудеевъ, дѣлавшимъ имъ обиды. Неживый сносился съ начальниками командъ войска русской императрицы, разставленныхъ въ пограничныхъ форпостахъ, излагалъ имъ въ своихъ отпискахъ причины, принудившія его взяться за оружіе, и прилагалъ при своихъ отпискахъ выданныя ему свидѣтельства украинскихъ обывателей (№№ 2. 3. 4. 89).

И онъ самъ и тѣ земляки его, что давали ему свидѣтельства, изъявляли желаніе вѣрно служить императрицѣ всероссійской. Но потомъ Неживый, не заставши въ Крыловѣ ни одного человѣка изъ поляковъ и іудеевъ и узнавши, что

всѣ они оттуда убѣжали подъ защиту русскихъ войскъ, сталъ этимъ недоволенъ и домогался выдачи своихъ жертвъ (№ 5). 18 іюня Неживый съ своею ватагою взялъ мѣстечко Палѣево-Озеро, перебилъ тамъ захваченныхъ враговъ, но нѣкоторые успѣли заранѣе убѣжать въ турецкій городокъ Балту. Неживый послалъ къ тамошнему каймакану просьбу о выдачѣ бѣглецовъ. Но турки не только не выдали ихъ, а еще послали военную силу и сожгли Палѣево-Озеро, откуда гайдамаки тѣмъ временемъ выступили. (№ 7) Неживый овладѣлъ турецкою слободою Голтою близь Балты, гдѣ также расправился по гайдамацки съ поляками и іудеями, какихъ успѣлъ тамъ застать (№ 6), а 26 іюня онъ былъ въ Крыловѣ, откуда послалъ къ одному изъ русскихъ командировъ, подполковнику Хорвату, просьбу о выдачѣ бѣглецовъ, обреченныхъ на гибель народнымъ мщеніемъ и изъявлялъ желаніе лично объясниться съ русскимъ военнымъ начальствомъ. По этому поводу произошло свиданіе Неживого съ высланнымъ для этой цѣли русской службы офицеромъ, поручикомъ кн. Манвеловымъ. Оно происходило на «греблѣ» (плотинѣ) по указанію Неживого. На всѣ представленія гайдамацкаго предводителя русскій офицеръ на отрѣзъ объявилъ, что невозможно выдавать бѣглецовъ, которые явились искать защиты (№ 10). Неживый съ своимъ отрядомъ удалился изъ Крылова, установивши тамъ козацкій порядокъ и назначивши атамана, какъ это дѣлалось во всѣхъ жилыхъ мѣстностяхъ, приставшихъ къ гайдамацкому возстанію. Отъѣзжая Неживый объявилъ атаману и всѣмъ крыловскимъ обывателямъ, чтобъ они, въ случаѣ нужды, обращались съ просьбою о защитѣ къ русскому войску, увѣряя, что въ скоромъ времени всѣ тамошнія мѣста будутъ принадлежать россійской, а не польской державѣ и всѣ они должны считать себя россійскими, а не польскими обывателями (ibid). Но въ іюлѣ получены были отъ верховной власти (вѣроятно послѣ манифеста императрицы отъ 9 іюля, напечатаннаго въ майской книжкѣ «Кіевской Старины») предписанія о преслѣдованіи гайдамаковъ, и кіевскій генералъ-губернаторъ Воейковъ разсылалъ подначальнымъ командирамъ соотвѣтствующіе приказы (№№ 11. 12). Изъ елисаветградской провинціи отправлены были въ погоню за гайдамаками отряды гусарскихъ пикинерныхъ и компанейскихъ командъ, и приказано было объявить всѣмъ польскимъ шляхтичамъ, укрывшимся отъ погрома въ елисаветградской провинціи, что они могутъ спокойно пребывать въ русскихъ владѣніяхъ подъ высочайшею защитою до совершеннаго истребленія гайдамаковъ и до возстановленія порядка въ ихъ отечествѣ, когда возможно будетъ имъ безопасно возвратиться въ свои жилища. Но такая-же милость оказана была и польскимъ козакамъ, которые изъявляли желаніе переселиться въ русскія владѣнія подъ тѣмъ предлогомъ, что не хотятъ быть въ согласіи съ барскою конфедераціею, а такое несогласіе выставлялось побудительною причиною и у гайдамаковъ къ возстанію противъ польскихъ властей. Имъ дозволялось по желанію переходить въ Россію и селиться тамъ съ своими семьями, устроиваясь слободами, по указанію начальства. Первый примѣръ показалъ прибывшій въ Кременчугъ еще въ апрѣлѣ 1768 года

козацкій атаманъ Сухина съ шестидесятью двумя человѣками, прибѣгнувшій подъ высочайшій покровъ ея императорскаго величества съ желаніемъ остаться вѣчно въ подданствѣ (№ 13). За тѣмъ всѣхъ пойманныхъ гайдамаковъ, оказавшихся подданными русской императрицы, преимущественно изъ запорожцевъ, доставленныхъ въ елисаветградскую провинцію и особенно въ Кременчугъ, приказано было судить и за доказанное сопротивленіе оружію ея императорскаго величества, а равно за разнообразныя варварства, совершенныя ими въ Польшѣ, приговорить къ смертной казни, но предъ самымъ исполненіемъ ея измѣнить въ тѣлесное наказаніе кнутомъ съ наложеніемъ клеймъ и съ вырваніемъ ноздрей, послѣ чего отправить въ ссылку въ Нерчинскъ, оковавши на мѣстѣ въ кандалы (№ 13) [1]).

Послѣдній изъ печатаемыхъ здѣсь документовъ—секретное письмо Воейкова находившемуся въ Кременчугѣ бригадиру Черткову, отъ 14 декабря того-же года о препровожденіи изъ Смѣлой содержавшихся тамъ русскихъ подданныхъ, бывшихъ въ числѣ гайдамаковъ, а между ними оказывается поручикъ черного гусарскаго полка Станкевичъ. Неизвѣстно, было-ли это единичное явленіе, когда русскій офицеръ участвовалъ въ возстаніи южно-русскаго народа противъ польскаго шляхетства, или можетъ быть это былъ одинъ изъ немалаго числа такихъ.

Н. Костомаровъ.

С.-ПБ. Май.

№ 1.

Письмо пана Якова Кузалкевича къ русскому полковнику Чорбѣ, съ описаніемъ уманской рѣзни 1768 года [2]).

Съ величайшимъ почтеніемъ получилъ я письмо вашего высокородства ко мнѣ и вмѣстѣ съ нимъ и приказъ къ его благородію г. поручику Мацкову на счетъ помѣщенія и безопасности въ Архангродѣ, за что и повергаю къ ногамъ его благодарность. Теперь же, пока самъ буду въ возможности пасть къ ногамъ вашей вельможности, ужасное, неслыханое и никогда не практикованное (неслучавшееся) дѣлаю донесеніе, что гайдамаки числомъ въ нѣсколько сотъ, соединившись съ крѣпостными уманскими и коза-

---

[1]) Вотъ неотразимое опроверженіе польскимъ писателямъ, клевещущимъ на Екатерину II, будто она не наказывала своихъ подданныхъ, участвовавшихъ въ гайдамацкомъ возстаніи 1768 года, а иныхъ даже и награждала.

[2]) Подлинное письмо на польскомъ языкѣ, но при немъ современный переводъ на русскій языкъ, сдѣланный по полученіи письма. Мы печатаемъ одинъ лишь переводъ, найдя оный вполнѣ сходнымъ съ подлинникомъ.

ками тамошними, т. е. съ сотникомъ Кгонтенкомъ и Уласенкомъ тожъ сотникомъ и другими ватагами уманскими, которые измѣнили присягѣ въ вѣрности къ высокородному благодѣтелю своему, штурмомъ взяли Умань, гдѣ собравшихся съ разныхъ сторонъ для безопасности дворянства съ имуществомъ, женами дѣтьми около пяти тысячъ и болѣе и жидовъ тоже со всѣмъ имуществомъ, женами и дѣтьми болѣе семи тысячъ всѣхъ безъ малѣйшаго исключенія дня 21 іюня по римскокатолическому календарю текущаго года до ноги вырѣзали и между ними губернатора Младановича, подскарбія Рогашевскаго, для заключенія договоровъ на счетъ имѣній отъ его высокородія пана воеводы нашего высланнаго, съ женами и дѣтьми, а равнымъ образомъ и ксендзовъ какъ литинскаго обряда, такъ и отцовъ базиліанъ съ прихода тамошняго и монастыря Маньковецкаго варварски поумерщвляли и повѣшали. Кромѣ того, въ костелѣ и часовнѣ отцовъ базиліановъ олтари и образа поопрокидывали, стрѣляли, списами (пиками) кололи, пресвятыя тайны на землю съ дарохранительницы (cymborium) выбросили, топтали, обезчещивали, образъ самаго Спасителя, изображеннаго на крестѣ, списами кололи, стрѣляли и, наконецъ, за голову повѣсили; у распятіи головки пообрывали и велѣли женщинамъ эти головки Христовы грудью кормить. Вообще трудно описать, вспомнить ужасно, какія оскверненія изображеніямъ самаго Бога дѣлали, чего бы даже и бусурмане не дѣлали. Цѣлый городъ и предмѣстье покрыли трупами. Я только съ погранича до Арханграда, а другой высокородный полковникъ Обухъ съ частію семейства, и то отдѣльно, съ помощію Божіею, спаслись бѣгствомъ. Бунтъ возрастая въ силѣ, все дальше въ польскій край подвигается и умножается, и до того доходитъ этотъ край злополучія, что свои на своихъ нападая погибаютъ взаимно, и гдѣ былъ только дворянинъ или полякъ или жидъ, вездѣ своимъ коварнымъ шпіонствомъ разузнали и погубили. Мы только съ женами находимся здѣсь въ Арханградѣ и отсюда желаемъ отправиться въ Елисаветъ, Кременчугъ и Кіевъ для снисканія покровительства (защиты) имѣніямъ его вельможности нашего благодѣтеля. Сообщая(ю) при этомъ ужасныя продѣлки Максима Желѣзняка, Войска Низового запорожца, который успѣлъ распустить множество своихъ воззваній и прокламацій во всей Уманьщинѣ, а также Ивана Кгонтенка и Пантелеймона Уласенка, уманскихъ сотниковъ. Желая этимъ просить великодушнаго покровительства и помощи, дабы отвратить совершенное разореніе имуществамъ

вельможнаго пана и благодѣтеля нашего, не имѣю никакой возможности извѣстить васъ о семъ, ибо эти злодѣи наполнили край и всѣ дороги позанимали, развѣ чрезъ Кіевъ, пользуясь покровительствомъ г. генералъ-аншефа, генералъ-губернатора кіевскаго, къ которому дѣлаемъ особенное донесеніе, всепокорнѣйше прося, чтобъ это письмо, приложенное къ оному донесенію, дошло вскорости рукъ вашихъ въ Кіевѣ. А при семъ прилагаемъ еще всепокорнѣйшую просьбу къ вашей милости, чтобы особымъ указомъ г-дамъ пограничнымъ комендантамъ русскимъ приказано было дѣлать розыскъ деньгамъ, серебру и другимъ вещамъ, таскаемымъ въ тѣ стороны, и чтобы вещи тѣ оставались при командахъ до дальнѣйшаго распоряженія вашего, котораго великодушію и покровительству препоручаясь, имѣю честь писаться

Вашей вельможности, милостиваго государя, нижайшій слуга Яковъ Кузалкевичъ.

11 іюля 1768 г.

Архангградъ [1]).

№ 2.

Письмо запорожскаго атамана, уманскаго куреня, Семена Неживого къ гусарскаго полка командиру Ѳедору Чорбѣ, 21 іюня 1768 г.

Высокородный и высокопочтенный г-нъ полковникъ, правящій командою, нашъ всегдашній благодѣтель.

Поневажъ въ польской области показалося немалое разореніе, яко и въ староствѣ чигиринскомъ отъ году 1766-го отъ уніатъ, которые уніаты народу христіанскому великіе бѣды и разоренія дѣлали, при томъ-же разореніи, священниковъ благочестивыхъ словивши, головы, бороды и усы обстригали и тиранско мучили не токмо священникамъ и монахомъ тое дѣлали, но и народу христіанскому, и еще войско конфедерацкое, въ Украину спровадивши, хотѣли народъ христіанскій мучити, яко в городѣ Каневѣ отъ козакъ отобравши ружья хотѣли (ихъ) смертью казнить. Я Семенъ Неживый, атаманъ курѣнный уманскій, видячи кривду народа православнаго, собравши козаковъ, вооружился и тѣхъ

---

[1]) Нынѣ посадъ херсонской губерніи на рѣкѣ Синюхѣ, на самой границѣ кіевской и херсонской губерніи, иначе называемой Архангельскъ. Въ XVIII столѣтіи тамъ находилось русское пограничное укрѣпленіе.

конфедератовъ зъ Украины отогналъ, а нѣкоторыхъ ляховъ и жидовъ смерти предалъ. Теперича содержусь въ Медвѣдовцѣ со всею своею командою и ожидаю отъ вашего высокородія милостивой резолюціи: что мнѣ впредь поступать; поневажъ со всею своею командою народу христіанскому никакой обиды не дѣлалъ и которые города доставалъ, и тѣ города подписалися, при которомъ письмѣ до вашего высокородія для разсмотрѣнія и предоставляю. В. в-дія покорный слуга, атаманъ курѣня уманскаго Семенъ Неживый со всѣмъ своимъ товариствомъ.

Іюня 21 дня, 1768 г. зъ Медведовки.

№ 3.

Свидѣтельство отъ мошенцевъ.

Благородному и достопочтенному г-ну атаману курѣня уманскаго войска запорожскаго Семену Неживому отъ мѣщанъ мошенскихъ.

За прибытіемъ къ намъ зъ войскомъ г-на атамана Семена Неживого в мѣстечко Мошна наши мѣщане мошенскіе, видя свою крайнюю нужду и отягощеніе отъ ляховъ, такъ и отъ войсковыхъ, яко тежъ и отъ губернатора мошенскаго Подгородецкаго, который то Подгородецкій много людямъ мошенскимъ разныхъ обидъ делалъ не толко свецкому народу, но и духовному чину за благочестіе: людей свецкихъ до полусмерти кіями забивали, уніатамъ гонителямъ великую протекцію давалъ во всемъ, что наши священници мошенскіе, которые до благочестія пристали, всюды гонимы были, по лѣсахъ и по разныхъ мѣстахъ укрывалися; сверхъ-же того той-же губернаторъ на нашу громаду великое страхованіе наносивъ и за подлинно мнилъ на насъ конфедерацію спровадити изъ ляховъ, чтобъ зъ насъ христіанъ ни одній души в живыхъ не осталося, все то г-ну атаману Семену Неживому представляли. И ежели-бъ мы смерти нечаянной отъ поляковъ не убѣгли, и близко тое уже к намъ приходило. Чтоже г-нъ Семенъ Неживый атаманъ бытностію его в Мошнахъ и з воинствомъ людямъ нашимъ мошенскимъ ни меншей кривды не учинилъ, совестію о томъ свидѣтельствуемъ и какое подписуемось, неграмотные бывши, крестами. Атаманъ городовый мошенскій Василь Кирченко, Иванъ Бабичъ, Марко Гречула, Иванъ Левченко, Антонъ Швець, Данило Яршовъ, Петро Высочинъ, Максимъ Птиченко, Иванъ Каля, Моисей Моргунъ, Андр. Дуда,

Грицко Слюсарь, Никола Сусенко, Корнѣй Костаченко, Иванъ Гречуха, Ѳесько Гречуха, Иванъ Яцына, Максимъ Швець, Ѳедоръ Прулевъ (послѣ каждаго значекъ ⊛).

Къ сему и цѣлая громада мошенская.

Дано сіе свидѣтельство в мѣстечкѣ Мошнахъ іюня 15, 1768 г.

№ 4.

Свидѣтельство каневскихъ мѣщанъ и козаковъ.

Благородному господину атаману курѣня уманского, войска запорожскаго Семену Неживому отъ мѣщанъ и козаковъ каневскихъ.

За прибытіемъ къ намъ зъ войскомъ до Канева, которому наши козаки каневскіе, видя свою нужду и ближнею смерть и прочихъ христіанъ, доносили ему атаману, чтобы посланнаго отъ нихъ съ таковымъ резономъ, что господа наши каневскіе въ замку обрѣтающіися совѣтовали между собою не премѣнять никакоже намѣренного дѣла: оныхъ козаковъ прежде атамановъ, потомъ рядовыхъ обрѣтающихся между собою, отобравши оружіе отъ нихъ, выгубити смертно. И съ тоей причины слышали отъ нѣкоторыхъ таковую нечаянную смерть не токмо на себе, но и на прочихъ христіанъ; оные каневскіе козаки и просили вышепомянутаго атамана войска запорожскаго, но токмо слышали объ ономъ войску за нѣсколько недѣль. То вышепомянутый атаманъ посылалъ до замку три раза команды своей зъ писаніемъ козака, дабы оные господа каневскіе не опасовалися никакова разоренія отъ нихъ, но только посовѣтовать между собою желалъ. На то отвѣтствовали, что они—готовы до битвы.

И по тѣмъ тремъ посылкамъ видя ихъ противныхъ, приказалъ атаманъ дворъ поручиковъ согласно съ командою своею пустой запалить, отъ котораго то и замокъ загорѣлся, и въ то время господа каневскіе съ войскомъ польскимъ и козаками каневскими з дворовъ уступили; по выходѣ же зъ замку козаки отъ поляковъ отлучились и прилучилися къ командѣ вышепомянутаго атамана и были при командѣ его. Той же вышепомянутый атаманъ, будучи въ городѣ нашемъ Каневѣ, жителямъ здешнимъ каневскимъ никаковой обиды не дѣлалъ, но токмо и то по возможности своей отъ мѣщанъ каневскихъ что имѣлъ, тѣмъ войсковыхъ козаковъ кормилъ и грабительства христіанамъ никакова не дѣлалъ; въ томъ мы ему атаману вышепомянутому войска запорожскаго

козаки и мѣщане каневскіе даемо квитанцію съ подписаніемъ рукъ нашихъ во свидѣтельство.

Въ Каневѣ іюня 12 дня року Божія 1768. Яко же неумѣвщіе писанію крестъ святый саморучно полагаемъ.

Леско Сало атаманъ козацкій ⊛

Алексѣй Галушка атаманъ, ⊛

Иванъ Пи аной атаманъ ⊛

Ив. Секанъ атаманъ ⊛

И всѣ городовые козаки

Мѣщане: Василь Куссейко, атаманъ городовый ⊛

Яковъ Серенко, Семенъ Ковальскій цехмистръ, Прокопъ Лабаренко, Тимошанъ Крамарь. Послѣ каждаго имени слѣдуетъ знакъ ⊛

№ 5.

Письмо атамана запорожскаго Неживого къ подполковнику Хорвату, въ которомъ жалуется, что русскія военныя власти принимаютъ и укрываютъ поляковъ и жидовъ отъ козацкой расправы.

Высокородный и достойный почтеня господинъ подполковникъ Ив. Хорвате, нашъ всегдашній благодѣтель.

Случилося намъ съ командою пріѣхать въ Крыловъ полской, толко не имѣемъ себѣ того счастія, что не застали а ни единого поляка, такжежъ и жида. Поневажъ пребралися всѣ подъ вашу команду въ границу россійскую, и не знаемъ съ какой причины ваше высокородіе онымъ погано-невѣрнымъ врагамъ и непріятелямъ Ея Императорскому Величеству, также жъ и правовѣрнымъ христіанамъ принимаете; понеже оные проклятые жидове ввесь народъ христіанскій своимъ поганствомъ сквернятъ, то хиба Вашему высокородію великое награжденіе зделали, что оныхъ принимаете? за что? Просимъ отъ оныхъ все имущество отобрати и на сю сторону къ намъ выдать хоча и сонныхъ. Понежваши (? [1]) не за имущества втруждаемося, только абы вѣра христіанская отъ насъ [2]) не была большъ скверненная и чтобъ не было враговъ на государство, также жъ и на правовѣрныхъ христіанъ. А ежели ваше высокородіе не исполните [3]) нашего

---

[1]) Вѣроятно ошибка переписчика—вмѣсто: „поневажъ“.

[2]) Можетъ быть описка: надобно было-бы—„отъ нихъ“, такъ по смыслу рѣчи.

[3]) Быть можетъ и здѣсь переписчикъ описался вмѣсто: не изволите.

прошенія зделать, то просимъ всепокорнѣйше, абы вволили насъ [1]) къ намъ утрудиться хоча и на половину гребли для совѣту съ нами. Притомъ кланяемся вашему высокородію хлѣбомъ и солью; и мы не пріѣхали, чтобъ на воеводство къ вамъ, только за своимъ интересомъ, что намъ повелѣно дѣлать и притомъ зостаемся:

Вашему высокородію доброжелательные слуги
Семенъ Неживый атаманъ,
Василь сотникъ съ товариствомъ.

№ 6.

Рапортъ премьеръ майора Вульфа правившему въ крѣпости св. Елисаветы за коменданта Христіану Григорьевичу Корфу о гайдамацкомъ набѣгѣ на слободу Голту и о преслѣдованіи гайдамаками поляковъ и жидовъ.

Вчерашняго, то-есть 24 числа, въ третьемъ часу съ полдня, пріѣхавъ до девятнадцати человѣкъ запорожскихъ козаковъ въ ханскую слободу Голту, прислали двухъ человѣкъ своихъ къ тамошнему каймакану съ требованіемъ, чтобъ онъ выслалъ съ Голты укрывшихся туда поляковъ и польскихъ жидовъ. И какъ онъ каймаканъ выслать не похотѣлъ, то они запорожцы, прибѣжавъ туда, учинили тамошнимъ жидамъ грабительство и разореніе, и находящихся тамъ во укрывательствѣ двухъ польскихъ шляхтичей и до семи жидовъ польскихъ же до смерти закололи, а нѣсколько жидовъ, убѣгая ихъ запорожцевъ нападенія, хотя переплыть чрезъ рѣку Бугъ на здѣшнюю сторону для укрывательства, утонуло. Тожъ и сего числа въ десятомъ часу дня, во оную слободу Голту прибѣжавъ, нѣсколько изъ тѣхъ запорожцевъ человѣкъ, убили до смерти трехъ голтянскихъ жидовъ, а нѣкоторыхъ до полусмерти прибили, и имущество ихъ грабили. Почему я и голтянскій каймаканъ, опасаясь ихъ запорожцевъ, перешедшихъ на здѣшнюю сторону въ слободу Орелъ, объявилъ мнѣ, что де посыланный отъ него каймакана въ запорожскій гардъ Бегилей, возвращаясь оттуда, обратно, видѣлъ, что запорожской команды на запорожскій гардъ перешло того же 24.

---

[1]) Въ спискѣ, бывшемъ у насъ, это слово поставлено въ скобкахъ. Смыслъ дальнѣйшей рѣчи тотъ, что атаманъ Семенъ Неживый проситъ выѣхать къ нему на средину плотины, за которою на другомъ берегу онъ стоялъ съ козаками, для совѣщанія.

числа пѣшихъ до тридцати, а конныхъ до двадцати человѣкъ, и состоятъ въ урочищѣ Романковой, разстояніемъ отъ Голты за пятнадцать верстъ, да переѣхавшіе съ ханской стороны на здѣшній орловскій форпостъ чумаки объявили, что вчерашняго жъ 24 числа видѣли на степи, въ ханской сторонѣ, близь Гарду, до полтораста человѣкъ запорожской команды пѣшей, а запорожскій гардовой писарь Быстрицкій, будучи у меня сего числа по его надобности объявилъ, что де на запорожскій Гардъ никакой команды не переходило на ханскую сторону, тоже и состоящей въ Гарду запорожской команды ни единъ де человѣкъ никуда не отлучался, а чаетъ только де та команда изъ числа находящейся въ Умани запорожской же команды; нѣкоторые же изъ перешедшихъ на здѣшнюю сторону въ слободу Орелъ изъ оной слободы Голты объявили, что де онѣ будучи во оной слободѣ Голтѣ слышали, что за Кодымой на ханской сторонѣ верстъ въ четыре собирается татарское войско, а для чего—неизвѣстно, о чемъ вашему высокородію рапортъ, и ежели паче чаянія тѣ запорожцы и отсель укрывшихся на здѣшней сторонѣ поляковъ и жидовъ о выдачѣ ему требовать станутъ, какъ въ томъ повелѣно будетъ, прошу вашего высокородія снабдить резолюціею.

Премьеръ-майоръ Владимиръ Вульфъ.

25 іюня
1768 года.

№ 7.

Показанія купцовъ о нападеніи запорожцевъ и гайдамаковъ на Паліево-Озеро, избіеніи тамъ поляковъ и жидовъ и о покушеніяхъ на турецкое мѣстечко Балту.

1768 года 21 іюня въ крѣпости св. Елисаветы купцы Александръ Соломянцевъ, Евфимъ Шапошниковъ и Тимоѳей Балашовъ сказкою показали: въ бытность де ихъ въ мѣстечкахъ ханскомъ Балтѣ и польскомъ Паліевомъ-Озерѣ для торговаго промысла видѣли, что сегодня 18 числа пріѣхавъ во оное польское мѣстечко Паліево Озеро команда до трехсотъ человѣкъ, которые себя называли запорожцами, бывшихъ тамо поляковъ и жидовъ пиками покололи и имущества ихъ забрали, а потомъ съ оной команды послано двухъ человѣкъ во оное ханское мѣстечко Балту къ турецкому воеводѣ Якубу Агѣ съ прошеніемъ, чтобъ онъ укрывшихся туда поляковъ и жидовъ съ онаго мѣстечка на польскую

сторону выгналъ и чтобъ оной командѣ никакой обиды отъ стороны турецкой не было. Однакъ онъ воевода трехъ перешедшихъ туда для укрывательства поляковъ и жидовъ не выгналъ оттуда, и того-жъ числа оная команда, убоясь яко бы турковъ, съ онаго польскаго мѣстечка Палѣева-Озера выѣхала и не въ отдаленности отъ онаго мѣстечка стала; что усмотря турки, считая ихъ за гайдамаковъ, переѣхавъ на польскую сторону съ тѣмъ, чтобы ихъ ловить, оное польское мѣстечко Палѣево Озеро зажгли и, напавши того мѣстечка на купцовъ и прочихъ тамошнихъ жителей, начали рубить, считая ихъ за бунтовщиковъ, будто яко бы они тоя команды поддались, и потомъ побѣжали было за оною командою въ погонь, однакъ убоялись оной, возвратились въ мѣстечко Балту. Тожъ оная команда къ оному польскому мѣстечку возвратилась; на которую команду тѣ турки съ ихъ сторонъ до полдня съ ружья паля убили двухъ человѣкъ, тожъ одного грека и трохъ волоховъ. Оная команда на ихъ турковъ не палила; а послѣ какъ пріѣхало еще конной до четырехсотъ человѣкъ при ихъ полковникѣ таковой же команды,—а какъ онаго полковника зовутъ и прозываютъ неизвѣстно—съ четырьмя пушками, то въ ту пору и оная команда начала на турецкую сторону съ пушекъ палить; и тогда турки и прочіе тамошніе жители, убоясь, побѣжали съ онаго мѣстечка Балты, за которыми большая часть оной команды въ погонь побѣжала, и тамъ учинила сраженіе. А убито-ль кого на ономъ сраженіи или нѣтъ—неизвѣстны-жъ; а потомъ возвратились на польскую сторону, гдѣ оная команда до отъѣзду ихъ, купцовъ, оттуду находилась. Болѣе вышепоказаннаго они Соломянцовъ, Шапошниковъ и Балашовъ ничего не видѣли и не слыхали и что въ томъ по самой справедливости показали, въ томъ и подписались на подлинномъ тако:

Крѣпости св. Елисаветы купецъ Александръ Соломянцевъ, крѣпости св. Елисаветы купецъ Тимоѳей Балашовъ, а вмѣсто него неграмотного по его прошенію подписался Евфимъ Шапошниковъ.

№ 8.

Письмо атамана Семена Неживого Чорбѣ отъ 30 іюня 1768 года.

Высокородный и высокопочтенный г-нъ жолтого гусарского полку полковникъ, высокомилостивый нашъ государь и наособливѣшій патронъ!

Нарочный войска запорожскаго бывъ посланный козакъ Василей Таловъ для увѣдомленія, что бѣжавшіе гусары, забравши изъ собою казну и аммуницію, присягаютъ самовольству и конфедераціи польской и противъ вѣрно(сти) нашой всемилостивѣйшей ея императорскаго величества и всея Россіи много нападенія и разбойства делаютъ, намъ же будучи христіанамъ не хотя того оставить, толко въ вѣрность Ея Императорскаго Величества, хотя и нынѣ, все товариство должны смертію страждать. Что-же приказъ отъ вашего высокородія и патрона словесный и письменный, дабы явиться къ Гаграганову (?) для разговоровъ, сего дня крайне не могу, но дня 1 іюля съ приставою вашихъ дезертировъ служить одолжаемся. Мы же вѣрные и всенайподданнѣйшіе Ея Императорскаго Величества просили вашего высокородія отъ нашего войска посланнаго Василья Бузка да жителя медведовскаго Давида войта приказать отпустить, дабы мы отъ вашего высокородія обиды не могли признать. Впрочемъ и отданный отъ насъ всего войска всенижайшій первый поклонъ зостаемся вашему высокородію, высокомилостивому государю и наиособливѣйшому патрону, всенижайшіе слуги Семенъ Неживый съ товариствомъ.

Іюня 30 дня 1769 г. зъ Медведовки.

№ 9.

Свидѣтельство медвѣдовцевъ.

Благородному и достойно почтенному атаману войскъ низовыхъ запорожскихъ Семену Неживому куреня уманского отъ мѣщанъ и козаковъ медвѣдовскихъ.

Сего 1768 г. мѣсяца мая 18 числа въ полской области въ староствѣ чигринскомъ вездѣ по городахъ и селахъ великое разореніе народу показалося отъ поляковъ, то-есть отъ конфедератовъ, которые то, пріѣхавши въ Жаботинъ войска четыреста пятдесятъ человѣкъ съ козаками и черезъ три дни стоячи, ходили пяные по лѣсахъ и людей жаботинскихъ, которые позбѣгали по лѣсахъ, ловили и, имущество отъ оныхъ отобравши, до полусмерти кіями забивали, и скота рогатого зъ города Жаботина немалое число забрали. Которые-жъ то конфедераты, враги и непріятели Ея Императорскому Величеству и Коронѣ польской, пріѣхавши сто человѣкъ у Медведовку и стали въ замку и заразъ отъ козаковъ и

клеяновъ (?[1]) списы и оружья со всѣми припасами отобрали и, недовольны тѣмъ будучи, но еще хотѣли нашего пана полковника Квасковскаго взять съ собою до конфедераціи, но онъ уполъ въ границу россійскую. И неотмѣнное ихъ такое намѣреніе было, чтобъ пановъ и козаковъ съ собою забрать, а священниковъ греко-россійской православной вѣры и людей главныхъ и ктиторей мучити смертно за благочестіе, и чтобы привесть всѣхъ до присяги и на вѣрность конфедераціи. Но мы всѣ правовѣрные христіане, не хотя своей присяги касовати благочестивой, но, вѣрными быть (хотя) Ея Императорскому Величеству, отъ ихъ конфедератовъ гордо (sic) бѣжали зъ домовъ своихъ по лѣсахъ, островахъ и на розныхъ мѣстахъ непристойныхъ скрывалися и чрезъ тое гоненіе не единъ въ домахъ имущество потерявъ. И какъ бы сей атаманъ отъ войска запорожскаго Семенъ Неживый, собравши команду козаковъ и вооруживши, оныхъ конфедератовъ зъ Украины (не) отогналъ, то бы оные поляки, чтобъ похотѣли, то тобъ и здѣлали съ нами. Понеже пановъ[2]) нашихъ и арендаровъ розогнали и не было за нами никакого обстоятеля; только сей атаманъ Семенъ Неживый сталъ за вѣру христіанскую и конфедератовъ отогналъ зъ Украины и явися съ командою у Медведовку, грабителства и обиды народу христіанскому не дѣлавъ нигдѣ, но еще великое спомоществованіе отъ своевольцевъ; и какъ бы не онъ у насъ содержался, то бы до сего времени великое кровопролитіе между народомъ было и имущества были бы отъ насъ пограблены. Но только онъ отъ насъ громадъ требуетъ харчей для войска, а грабительства не дѣлаетъ И въ томъ мы ему атаману Семену Неживому свидѣтельство (даемъ) и подписуемся руками своими властными. Написуемъ кресты. Дѣялося сіе на урядѣ городовомъ въ Медведовкѣ дня 1 іюля 1768 году.

Семенъ Рудь, атаманъ городовый ⊕

Ѳедоръ Латка, Василь Буханъ, Григ. Колесникъ, Авр. Гончарь, Борисъ Гончарь, Симонъ Крамарь, Уласъ Зобенко, Сем. Коваль. Послѣ каждаго изъ этихъ именъ слѣдуетъ слѣдуетъ знакъ ⊕

Къ сему и целая громада медведовская.

---

[1]) Быть можетъ въ этомъ мѣстѣ, испорченномъ переписчикомъ, надобно читать *кіяковъ*: такъ назывались въ Украинѣ и въ Польшѣ мужики, ходившіе на заработки. Они всегда ходили съ большими палками, называемыми кіями.

[2]) Подъ панами разумѣлись запорожскіе войсковые товарищи, водворявшіеся въ разныхъ мѣстахъ правобережной Украины.

№ 10.

Рапортъ къ полковымъ дѣламъ жолтаго гусарскаго полка поручика князя Манвелова о переговорахъ съ атаманомъ гайдамаковъ Неживымъ, домогавшимся выдачи бѣжавшихъ поляковъ и жидовъ.

По отправленіи вчерашняго числа отъ меня въ четвертомъ часу къ полковымъ дѣламъ рапорта, злоумышленные гайдамаки съ атаманомъ Неживымъ, тожъ и сотникомъ Василіемъ предъ вечеромъ прибыли болѣе (какъ?) и на человѣкъ сто. Прибывши въ польскій Крыловъ, означенный атаманъ Неживый присланнымъ на имя господина подполковника Хорвата письмомъ просили (кое письмо при семъ оригиналомъ прилагается), что (бъ) для нѣкотораго совѣту съ ними выйти на греблю; по каковымъ обстоятельствамъ я перво предпринялъ самую крѣпчайшую предосторожность и, совокупивъ(ся съ) своею и козачьею командою, прибывъ къ крыловскому форпосту, гдѣ возлѣ оного оставя, а я—съ поручикомъ Бутовичемъ и прапорщикомъ княземъ Манвеловымъ и Танталеевымъ, тожъ и зъ сотниками, вышли на половину гребли, куда и означенный атаманъ Неживый и сотникъ Василій къ намъ прибылъ съ хлѣбомъ и солью, а при томъ объявили: что мы де не для чего иного прибыли, какъ только требовать отъ васъ о выдачѣ жидовъ и поляковъ; на это я онымъ объявилъ, что тѣхъ жидовъ и поляковъ, потому что оные въ силѣ предложеніевъ находятся у насъ подъ защитой, отдать невозможно. И такъ оные, установивъ отъ себя въ польскомъ Крыловѣ расположеніе, и опредѣливъ въ ономъ атамана, приказывали ему, чтобы по ихъ приказаніямъ единственное исполненіе чинили; а потомъ—отъѣхали до села Конабарка, гдѣ и находятся понынѣ; а сверхъ того приказали оному атаману, что если каковы между оными поляками и жидами у нихъ суспиціи оказываться будутъ, то давали бы къ намъ знать, и просили оные насъ, чтобъ и въ томъ вспомоществованіе чинили, а во всемъ объявляя притомъ, что де оные мѣста будутъ въ скоромъ времени россійской державы, а не польской и чтобъ тѣ мужики считались россійскими, а не польскими жильцами.

Поручикъ князь Иванъ Монвеловъ.

Іюня 26. 1768 г.

№ 11.

Кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова бригадиру Черткову о преслѣдованіи гайдамаковъ и бѣглецовъ.

Высокородный и высокопочтенный господинъ бригадиръ!

Вашего высокородія четыре рапорта отъ 17 и 18 сего со всѣми къ онымъ приложеніями исправно до меня дошли, на которые слѣдующее для вѣдома и въ наставленіе вамъ предписываю. Елико до перехода запорожскихъ козаковъ чрезъ Гардъ въ ханскую сторону для удобнѣйшаго съ гайдамаками въ пути соединенія принадлежитъ, то, въ силу моихъ ордеровъ, отъ кошевого атамана командированіемъ, при шести полковникахъ и при нѣсколькихъ куренныхъ атаманахъ, разныхъ партій въ степь запорожскую и рѣкою Днѣпромъ къ Очакову, надлежащіе мѣры уже приняты вами для пресѣченія перехода гайдамакамъ въ Польшу, такъ и для переловленія возвращающихся оттуда съ добычею въ запорожскія земли, чѣмъ безъ сумнѣнія (sic) къ искорененію сей зловредной шайки не малый способъ поданъ быть можетъ, если только содержаніе прежнихъ моихъ ордеровъ о преслѣдованіи, поимкѣ и истребленіи оныхъ точно наблюдаемо и въ исполненіе неослабное и ревностное стараніе приложено будетъ. Татарское за Кодымою собраніе хотя по обстоятельствамъ и видится быть дѣйствомъ гайдамацкаго на Балту и Голту нападенія, слѣдовательно не иное въ себѣ заключающее, какъ собственную предостережность отъ другихъ гайдамацкихъ на татарскія мѣста пустошеній, однако презирать оное не должно, ибо предосторожность, а найпаче при пограничности, никогда излишнею не признавается; и для того изволите, ваше высокородіе, по полученіи сего, немедленно одного надежнаго и искусного офицера отправить къ начальнику Едисанской Орды съ письмомъ для исканія яко бы какого либо за границу съ немалою суммою бѣжавшаго купца, прося, чтобы, въ силу вѣчно мирнаго трактата и сосѣдственной дружбы въ отысканіи онаго, приказано было стараніе приложить и по отысканіи (чтобъ) оный совсѣмъ, что при немъ найдено будетъ, посланному на руки отдать(нъ) и до границы препровожденъ былъ, такъ (какъ) и съ нашей стороны съ подобными отъ нихъ бѣглецами неоднократно уже поступлено. Подъ которымъ претекстомъ посланный стараться долженъ о подлинныхъ обращеніяхъ и намѣреніяхъ той орды развѣдать, а между тѣмъ въ разговорахъ от-

зываться и увѣрять можетъ, что набѣгшая на Балту и Голту разбойническая шайка, состоявшая въ немаломъ числѣ всякой сволочи, польскихъ козаковъ, мужиковъ и другихъ гайдамаковъ, разоряющихъ польскую Украину, нашими войсками большею частію разбита и переловлена, которой остатокъ уповательно также скоро истребленъ быть имѣетъ. И такъ, что симъ нарочнымъ посланцемъ развѣдано будетъ, меня немедленно увѣдомить. По второму вашему рапорту, при которомъ сказка купцовъ елисаветградскихъ Евфима Шапошникова съ товарищами, надлежитъ такожде у начальника Едисанской Орды справедливаго удовлетворенія, по сосѣдственной дружбѣ, требовать, и что потомъ послѣдуетъ, меня увѣдомить. По третьему—всѣмъ находящимся въ елисаветградской провинціи польскимъ шляхтичамъ, кои подъ покровительство ея имп-го в-ства прибѣгнули для спасенія живота отъ гайдамацкаго гоненія, приказать до дальняго ордера оставаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся, пользуясь подъ высочайшею защитою дозволеннымъ имъ благоденствіемъ до совершеннаго истребленія всѣхъ гайдамаковъ и возстановленія въ ихъ отечествѣ прежняго покоя и тишины; а когда желанное спокойство возстановлено будетъ и опасность къ возвращенію въ ихъ отечество минется—отъ меня имъ знать дано будетъ, и они тогда безпрепятственно въ свои домы отпущены быти имѣютъ. И такъ мнѣ остается ожидать, въ силу прежняго моего ордера, присылки отъ васъ имяннаго списка всѣхъ шляхтичей польскихъ, ретировавшихся въ елисаветградскую провинцію, съ означеніемъ чина, фамиліи и служителей обоего пола; на послѣдній (рапортъ), при которомъ сказка отставного ротмистра Иванченка и допросъ сотника Власенка съ переводами двухъ писемъ губернатора Квитневича, рекомендую: арестованное вино ротмистру Иванченку съ роспискою отдать приказать, ибо, какъ видно, Квитневичъ съ нимъ въ томъ помирился [1]). Ротмистра Иванченка хотя и не надлежало по причинѣ экономіи въ домъ отпустить, однако, когда оное за надежными поруками учинено, то быть такъ, но смотрѣть надобно, чтобы какимъ либо образомъ онъ скрыться не могъ. Сотника-же Власенка до дальняго ордера содержать подъ карауломъ въ крѣпости, а вещи какъ Иванченка, такъ и Власенка оставить въ смотрѣніи вахмистра Бабки, не ока-

---

[1]) Обстоятельства, на которыя здѣсь дѣлается намекъ, неизвѣстны.

жется ли иногда и впредь по онымъ какой либо улики, по которой тогда и дальнѣйшее слѣдствіе произведено быть можетъ [1]).

Вашего высокородія охотнѣйшій слуга

Ѳедоръ Воейковъ.

Кіевъ. 31 іюля
1768 г.

№ 12.

Того же Воейкова тому же бригадиру о преслѣдованіи гайдамаковъ и о содержаніи карауловъ.

Высокородный и высокопочтенный господинъ бригадиръ! Два ваши рапорта отъ 23 съ приложеніемъ исправно здѣсь получены. Первый, служащій только для вѣдома, остается въ своей силѣ, а на второй предписывается, что во уваженіе вашего представленія, яко за отправленіемъ для истребленія и поимки разбойниковъ въ Польшу гусарскихъ и пикинерныхъ и компанейскихъ командъ и умножающихся ежечасно арестантами, равно какъ и въ разсужденіи обширности границъ Елисаветградской провинціи, на которой тамошними гусарскими, компанейскими и пикинерскими полками форпосты содержутся и безпрестанные разъѣзды чинятся однимъ пѣхотнымъ козловскимъ полкомъ, отъ котораго двѣ роты на подкрѣпленіе главныхъ форпостовъ посланы, по числу некомплекта всѣ караулы въ крѣпости въ Кременчугѣ и надъ арестантами, безъ крайней тягости и изнуренія солдатъ, исправляемы быть не могутъ, отъ меня одну генералъ аншефу и кавалеру графу Румянцеву сообщено. По его благоразсмотрѣнію приказать изъ ближнихъ полковъ конный или пѣхотный въ Елисаветградскую провинцію командировать до совершеннаго возстановленія въ Польшѣ покоя; и такъ пока оный полкъ или какая другая команда и тамъ прислана будетъ, изволите приказать по вашему разсмотрѣнію въ Кременчугѣ хотя гарнизонными солдатами надлежащій караулъ содержать.

Вашего высокоблагородія охотнѣйшій слуга

Ѳедоръ Воейковъ.

Кіевъ 31 іюля по полудни въ 6 часу 1768 году.

---

[1]) Власенко сотникъ—вѣроятно иначе Уласенко, товарищъ Гонты. Допроса, учиненнаго ему, о чемъ здѣсь намекается, не имѣли мы въ рукахъ.

№ 13.

Отношенія кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова бригадиру Черткову: 1) о водвореніи польскихъ козаковъ, пожелавшихъ поступить въ подданство Россіи, 2) о допросѣ и отсылкѣ содержащихся въ Кременчугѣ запорожцевъ, участвовавшихъ съ гайдамаками и 3) о судѣ и приговорѣ надъ виновными. Августа 15, 1768 года.

1.

Высокородный и высокопочтенный господинъ бригадиръ! По рапорту вашему отъ прошедшаго апрѣля о вышедшаго изъ польской Украины козацкаго атамана Сухины съ шестьюдесять двумя человѣками польскихъ козаковъ, кои, убѣгая отъ согласованія съ польскими конфедератами, прибѣгнули подъ высочайшій покровъ Ея Императорскаго Величества съ желаніемъ остаться вѣчно въ подданствѣ, объявляя, что къ такому же выходу и еще многое число козаковъ намѣреніе имѣютъ, съ желаніемъ учинить въ вѣрности службы присягу и выведя всю свою фамилію, поселиться слободою, гдѣ мѣсто отведено будетъ, Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше отъ меня донесено съ испрошеніемъ высочайшаго указа, что съ ними и съ являющимися впредь учинить повелѣно будетъ; начто высочайшимъ рескриптомъ отъ 11 іюля всемилостивѣйше повелѣно: во уваженіе указаннаго отъ нихъ усердія принять ихъ ласково и помѣстить между настоящими въ Елисаветградской провинціи поселянами, не заводя особыхъ для нихъ поселеній, пока замѣшательства въ Польшѣ продолжаться будутъ, а при томъ дозволить имъ пользоваться всѣми тѣми выгодами, кои согласоваться могутъ съ узаконеніями по тамошнему мѣсту учиненными. Сіе разумѣется и о тѣхъ польскихъ козакахъ, кои впредь изъ польской Украины по объявленію сихъ выходцевъ съ такимъ же точно намѣреніемъ, съ какимъ и они прибѣгли, выходить будутъ.

Во всеподданнѣйшее исполненіе такого Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго повелѣнія изволите ваше высокородіе потребное къ распредѣленію ихъ по вашему разсмотрѣнію учинить расположеніе и, по вмѣщеніи всѣхъ, меня въ свое время рапортовать.

Вашего высокородія охотнѣйшій слуга Ѳедоръ Воейковъ.

15 августа. 1768 г.

2.

Высокородный и высокопочтенный господинъ бригадиръ! По полученіи сего извольте, ваше высокородіе, приказать кому надлежитъ какъ можно скорѣе всѣхъ въ елисаветградской провинціи и въ Кременчугѣ находящихся между содержащимися гайдамаками запорожскихъ козаковъ, каждого особо по приложеннымъ при семъ пунктамъ, допросить и таковый съ нихъ допросъ съ нарочнымъ ко мнѣ отправить, между тѣмъ надлежитъ ихъ злодѣевъ по приложенному при семъ экстракту изъ указа формальнымъ образомъ судить ихъ и приговоръ сдѣлавъ съ нарочнымъ ко мнѣ рапортовать.

Пункты, по которымъ допрашивать пойманныхъ въ Польшѣ на разбоѣ запорожцевъ:

1. Стараться вывѣдать прямое начало заговора оныхъ пойманныхъ въ Польшѣ запорожцевъ, а особливо, кто изъ нихъ подговорщикъ былъ самъ, или же всѣ отъ другихъ научены были и гдѣ именно зборище ихъ началось?

2. Съ вѣдома ли кошевого атамана и войсковой старшины отлучились въ Польшу?

3. Съ какимъ намѣреніемъ сдѣлали нападеніе на слободу Балту и что кѣмъ гдѣ учинено?

Вашего высокородія охотнѣйшій слуга Ѳедоръ Воейковъ.

15 августа 1768 г.

3.

Экстрактъ присланнаго въ кіевскую губернскую канцелярію изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ указа отъ 24 іюля 1768 года.

1. Тотчасъ по полученіи сего указа произвесть надъ помянутыми запорожцами надлежащій судъ, который однакожъ весьма скоро оконченъ быть долженъ.

2. Въ судѣ положивъ на мѣрѣ формальный приговоръ на основаніи законовъ,— ибо колодники, будучи взяты съ ружьемъ въ рукахъ противу войскъ ея имп-го в-ства, не могутъ конечно оправдаться ни въ бунтовчичьемъ супротивленіи волѣ и оружію Ея Величества, ни въ разнообразныхъ въ Польшѣ произведенныхъ варварствахъ, когда они на самомъ дѣлѣ пойманы и слѣдовательно судимы быть должны, яко бунтовщики, нарушители общаго покоя, разбойники и убійцы.

3. Когда по симъ уваженіямъ, вслѣдствіе всѣхъ на свѣтѣ законовъ, опредѣлена будетъ смертная казнь, перемѣнить ее, при самомъ исполненіи, въ тѣлесное наказаніе кнутомъ, клеймомъ и вырваніемъ ноздрей, ссылкою въ Нерчинскъ, оковавши на мѣстѣ въ кандалы.

Въ губернскую канцелярію изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ указа (экстрактъ). Канцеляристъ Ѳедоръ Онисимовъ.

№ 14.

Секретное письмо кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова бригадиру Черткову о мѣрахъ къ поимкѣ и о доставленіи капитана Станкевича, участвовавшаго въ гайдамацкомъ бунтѣ.

Высокородный и высокопочтенный г-нъ бригадиръ!

Изъ сообщенія его сіятельства, г-на генерала аншефа и кавалера, графа Петра Александровича Румянцова усмотрѣлъ я, что между пойманными посланною въ Польшу нашихъ войскъ командою около Жаботина и Смѣлой гайдамаками находится бездѣльникъ чернаго гусарскаго полку капитанъ Станкевичъ съ нѣсколькимъ числомъ россійскихъ подданныхъ, которые содержатся въ Смѣлой. А какъ сіе мѣсто въ близости елисаветградской провинціи находится, то отъ меня г-ну генералъ майору и кавалеру Исакову ордеромъ подтверждено для взятья оныхъ оттуда и препровожденія до Кременчуга отправить достаточную изъ гусаръ и пикинеръ команду. Того ради вашему высокородію найприлѣжнѣйше рекомендую, по приводѣ сихъ злодѣевъ къ вамъ, приказать оныхъ подъ крѣпкимъ содержать карауломъ и надъ помянутымъ бездѣльникомъ Станкевичемъ изслѣдовать: какъ и съ чѣмъ былъ онъ отправленъ въ Польшу и для чего нашимъ войскамъ противился? Прочихъ гайдамакъ всѣхъ обыкновеннымъ образомъ допросить: кѣмъ они подговорены и съ какимъ намѣреніемъ въ Польшу пошли. О полученіи сего и о исполненіи меня во свое время рапортовать.

Вашего высокородія покорный слуга Ѳедоръ Воейковъ.

Кіевъ 14 декабря 1768 года.

Матеріалы для исторіи б. Запорожья*).

Насытишася сыновъ и оставиша останки младенцемъ Псал. XVI ст. 14.

Помѣщаемые ниже документы являются такъ сказать посмертными записями Запорожья; они относятся къ тому времени, когда Запорожье прекратило уже свое историческое существованіе, и даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, какъ дѣлилось его огромное наслѣдство и какъ само оно, разгромленное и разбитое на части, но возродившееся въ одной изъ своихъ частей въ формѣ войска черноморскаго, путемъ различныхъ ходатайствъ искало мѣста для своего поселенія. Подлинно *иніи трудишася, друзіи же въ трудъ ихъ внидоша*, а тѣ, кто трудился, ищутъ, *гдѣ главу подклонити*. Львиныя части забрали при этомъ дѣлежѣ главные виновники и зрители уничтоженія Запорожья, эти, по выраженію народной пѣсни, «паны, генералы и сенаторы» [1]), которые при всякихъ подобныхъ кризисахъ являются первыми кандидатами на подобное наслѣдство; остальное раздается по инструкціи, порціями 1500—12000 десятинъ, всякому охочему и захожему лицу привилегированнаго сословія, но въ сравненіи съ тѣми сотнями тысячъ десятинъ, что достались генералъ-прокурору Вяземскому, князю Прозоровскому и многимъ другимъ, оно представляло уже такъ сказать объѣдки гигантскаго по размѣрамъ запорожскаго пирога.

---

*) Печатаемые подъ этимъ заглавіемъ восемь документовъ принадлежали къ обширной коллекціи рукописей б. профессора кіевскаго университета А. И. Ставровскаго, а имъ добыты изъ архива б. секретаря Потемкина В. С. Попова. Достопочтенный Алексѣй Ивановичъ, такъ долго съ честію трудившійся для исторіи, къ прискорбію, давно лежитъ, разбитый параличемъ, а драгоцѣнное его собраніе, истощаясь постепенно, не скоро, кажется, станетъ достояніемъ науки. Доставшаяся намъ крупица уступлена намъ однимъ изъ сыновей заслуженнаго профессора.—Ред.

[1]) См. эту пѣсню въ февральской книжкѣ „Кіев. Ст.“, стр. 436.

Бывшія запорожскія земли обнимали собою почти все пространство нынѣшнихъ двухъ губерній херсонской и екатеринославской и заключали въ себѣ свыше десяти милліоновъ десятинъ земли. Запорожскія владѣнія образовывались постепенно и такихъ размѣровъ достигли въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Всѣ они были заняты и удерживаемы съ оружіемъ въ рукахъ; тутъ, можно сказать, каждый клочекъ земли много разъ обагряемъ былъ кровію его обладателей. Запорожцамъ не страшны были такіе враги—сосѣди, какъ поляки и татаре; съ ними много вѣковъ они мѣрялись своими силами и на борьбу съ ними посвящено было все ихъ существованіе. Со стороны Польши ихъ владѣнія шли по чертѣ нынѣшнихъ губерній: кіевской, подольской и херсонской, со стороны Турціи и татаръ точныхъ границъ не было, и какъ татаре захватывали запорожскія земли, такъ и запорожцы проникали внутрь ихъ земель и тамъ имѣли свои *паланки*. Одно время запорожцы фактически лишились было своего наслѣдія лѣтъ на двадцать, именно послѣ катастрофы, постигшей Мазепу съ Карломъ XII, съ 1709 по 1733 г., но въ ихъ отсутствіе ни одна изъ сосѣднихъ державъ, ни даже татаре, не посягнули на ихъ землю и, когда «по соизволенію своему собственному» возвратились они снова въ подданство россійское, то безвозбранно поселились «на своихъ древнихъ и праведно принадлежащихъ земляхъ». «Всѣ тіе мѣста, писалъ имъ при этомъ баронъ Вейсбахъ, при посредствѣ котораго велись переговоры о возвращеніи запорожцевъ, ваши собственныя, и въ оные мѣста, яко вамъ прямо принадлежащія, ни Россія, ни Порта, ни Ханъ крымскій и никто вступать не можетъ и не имѣетъ и для того этимъ мѣстамъ между обоими имперіями (россійскою и турецкою) разграниченія не было, понеже оныя вамъ принадлежатъ» [1]). Совсѣмъ иначе взглянули на запорожцевъ съ ихъ землями, когда возвращеніе ихъ въ русское подданство стало совершившимся фактомъ. Уже послѣ пятилѣтней неудачной войны Россіи съ Турціею (1735—1739 г.) по ниской конвенціи, часть земель запорожскихъ отошла къ Турціи, а по велико-ингульскому инструменту 1740 г., дополнившему бѣлградскій трактатъ, всѣ запорожскія земли вошли въ составъ Россійской Имперіи и стали трактоваться, какъ общегосударственныя земли, которыми правительство въ правѣ распорядиться по своему усмотрѣнію. Въ основѣ дальнѣйшихъ дѣйствій правительства относительно запорожцевъ и ихъ земель легли съ одной стороны недовѣріе къ запорожцамъ за участіе ихъ въ измѣнѣ Мазепы, съ другой—намѣреніе чрезъ ихъ пустыни, путемъ заселенія послѣднихъ и постройки на нихъ укрѣпленій придвинуться постепенно къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей. Еще съ 1735 г. баталіонъ войска, приданный Кошу какъ-бы для вспоможенія и находившійся съ запорожцами въ походѣ, на обратномъ пути зазимовалъ въ Сѣчи, а за тѣмъ не только оставленъ тамъ навсегда, но и усиленъ въ своемъ составѣ съ возведеніемъ

---

[1]) Исторія Нов. Сѣчи. Скальковскаго, ч. II, стр. 73.

порученнаго ему особаго укрѣпленія. Такія-же укрѣпленія, послѣ бѣлгродскаго трактата, годъ за годомъ возводились на запорожскихъ земляхъ, начиная отъ польской границы внизъ по теченію Днѣпра. Въ тоже время здѣсь поселяемы были выходцы прежняго времени изъ Россіи, изъявившіе согласіе возвратиться въ отечество. Съ 50-хъ годовъ запорожскія земли предоставлены для поселенія четырехъ ново-сербскихъ полковъ, образованныхъ изъ славянскихъ выходцевъ, и населеніе запорожскихъ куреней сдвинуто было съ своихъ мѣстъ въ пустынныя степи, а впослѣдствіи поселены были еще два полка, набранныя изъ молдованъ, волоховъ, грековъ и др. Запорожскія владѣнія сокращались годъ за годомъ путемъ отвода подъ военныя и другія поселенія, а равно—укрѣпленія, по указаніямъ высшей власти, и просто путемъ захвата. Запорожцевъ вытѣсняли съ Кубани, гдѣ они нашли для себя новыя удобныя мѣста, и со стороны р. Калміуса, гдѣ они приходили въ столкновеніе съ другою военною общиною донскихъ козаковъ. Ихъ земельныя права нарушали и татаре, искавшіе выгодныхъ пастбищъ, и сосѣдніе польскіе помѣщики, а самоличная ихъ расправа съ узурпаторами встрѣчала строгое осужденіе со стороны правительства и становилась невозможною. Протесты съ одной, жалобы съ другой стороны вели къ нескончаемымъ спорамъ и разслѣдованіямъ, рѣдко когда оканчивавшимся въ пользу запорожцевъ, но болѣе и болѣе навлекавшимъ на нихъ гнѣвъ правительства. Разселившіяся въ разныхъ концахъ Запорожья русскія военныя власти, дѣйствуя безконтрольно и безнаказанно въ своихъ земельныхъ притязаніяхъ къ запорожцамъ, не признавали никакихъ ихъ историческихъ правъ, да и въ самомъ Петербургѣ не находили уже ихъ жалованныхъ грамотъ, универсаловъ и даже договорныхъ статей Хмельницкаго. Запорожцы видѣли себя въ полной почти блокадѣ, ихъ вѣковое достояніе уплывало изъ ихъ рукъ, поѣздки ихъ депутацій въ Петербургъ и странствованія ихъ по переднимъ елисаветинскихъ и екатерининскихъ вельможъ становились все унизительнѣе и безплоднѣе. Словомъ: неофиціальный, или частный разборъ ихъ земель начался гораздо ранѣе формальнаго уничтоженія Запорожья, и есть много основаній думать, что имущественное его наслѣдство болѣе, чѣмъ что либо другое, входило въ разсчеты людей рѣшавшихъ безповоротно его кончину.

Мы не будемъ говорить о самомъ разореніи Запорожья; для насъ въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе лишь общій характеръ этого великаго въ народной жизни событія, главная причина котораго, какъ бы мы ни объясняли оное, лежитъ все таки въ разгорѣвшемся тогда честолюбіи Потемкина. Сытый, избалованный временщикъ, распоряжавшійся по своей прихоти судьбами обширнѣйшаго края, новороссійскаго, додумался до неосуществимаго *греческаго* проэкта и проглядѣлъ позади себя единовѣрный и единокровный, стонавшій въ польскомъ ярмѣ народъ, единственнымъ представителемъ и защитникомъ котораго служило Запорожье. Ему нѣтъ дѣла до своихъ; онъ не ломаетъ головы надъ переустройствомъ Запорожья, согласно инымъ требованіямъ внѣшней и внутренней политики, онъ стремится какъ нибудь перешагнуть всѣ эти степи и море, добраться до Царьграда, возстановить древнюю Византію,

и, ради своихъ фантастическихъ проэктовъ, онъ спѣшитъ покончить съ запорожцами, попираетъ историческія ихъ права и значеніе, одно упоминаніе ихъ объ этихъ правахъ превращаетъ въ тяжкое государственное преступленіе, которое влечетъ за собою для представителей Запорожья лишеніе всѣхъ служебныхъ и имущественныхъ правъ и суровое заточеніе на крайніе пункты Сѣвера. Ему и на мысль не всходило, что если для осуществленія его плановъ требовалось скорое заселеніе края, то лучшими его колонизаторами могли быть тѣже запорожцы, выдѣлявшіе отъ себя семейныхъ козаковъ съ ихъ зимовниками и отлично устроенными хозяйствами, и что они предпочли-бы, конечно, всякое иное свое устройство и переустройство совершенному уничтоженію и подчинились бы оному также безмолвно, какъ и объявленному смертному приговору; но онъ безъ дальнихъ разсужденій лишаетъ ихъ вѣковаго ихъ достоянія,—заслуженныхъ храбрѣйшихъ воиновъ силится привлечь къ ненавистному и для обыкновеннаго человѣка крѣпостному ярму, разными льготами привлекаетъ въ край всякій иноземный сбродъ, раздаетъ пожитки войсковые бѣглымъ грекамъ и арнаутамъ, надѣляетъ свободныя земли огромными частями безплатно всѣмъ, кто приметъ на себя трудъ вводить рабство въ край, никогда не знавшій его и служившій убѣжищемъ отъ него.

Ко времени уничтоженія Запорожья, т. е. къ 1775 году, Потемкинъ придумалъ проэктъ раздѣленія довѣренной ему новороссійской провинціи на двѣ губерніи: новороссійскую и азовскую. Запорожскія земли подѣлены были между той и другой, но о раздачѣ ихъ въ первой свѣдѣній у насъ нѣтъ, хотя, конечно, и тамъ она не могла быть иной. Губернаторомъ послѣдней назначался Чертковъ, доселѣ помощникъ Потемкина по управленію всѣмъ краемъ. Изданная имъ инструкція относительно раздѣла б. запорожскихъ земель, спустя три года послѣ уничтоженія Запорожья, въ основныхъ чертахъ своихъ принадлежитъ, конечно, Потемкину, на ордерѣ котораго основана. Въ основѣ ея лежитъ крѣпостническій взглядъ того времени: хотѣлось заселить край; безплатная раздача богатѣйшихъ земель служила вѣрнѣйшимъ къ тому средствомъ, но ихъ нельзя было предоставлять лицамъ не свободныхъ сословій, ибо это служило-бы подрывомъ господствовавшаго въ имперіи строя и образовало бы провинцію, надъ общественнымъ и гражданскимъ устройствомъ которой пришлось-бы ломать голову. Тутъ и прославленный геній не могъ придумать иной формы, какъ та, которая была всюду предъ глазами, т. е. раздавать земли лицамъ привилегированныхъ классовъ съ обязательствомъ заселенія ихъ въ извѣстный срокъ и въ извѣстной мѣрѣ на тѣхъ-же началахъ крѣпостническихъ отношеній. Нельзя не признать, что раздача земель совершалась на самыхъ широкихъ льготахъ; въ свою очередь импровизированные владѣльцы огромныхъ участковъ, конкурируя между собою, должны были давать другъ передъ другомъ разныя льготы селившимся на ихъ земляхъ; но въ результатѣ получалось тоже крѣпостническое иго, отъ котораго народъ массами бѣгалъ во всѣ стороны. Такимъ образомъ заселеніе края, не смотря на всѣ льготы, шло крайне медленно и туго даже

до недавняго времени, земля, переходившая изъ рукъ въ руки, оставалась достояніемъ не многихъ, и когда народъ, столько вѣковъ носившій невольничье ярмо, получилъ наконецъ свободу, край очутился въ тѣхъ-же почти земельныхъ условіяхъ, какъ и другія части имперіи.

Само собою разумѣется, что б. запорожцы не могли принять никакого участія въ этой новой искуственной колонизаціи ихъ-же края, такъ какъ она шла въ разрѣзъ со всѣми ихъ вѣковыми стремленіями и привычками къ свободѣ и приволью. Даже военная служба въ регулярныхъ кавалерійскихъ войскахъ, послѣ учиненнаго надъ ними насилія, не могла ихъ прельстить и усилія всемогущаго Потемкина образовать изъ оставшихся запорожцевъ два пикинерные полка кончились ничѣмъ. Позже, спустя семь лѣтъ, при видѣ обширнаго, ничѣмъ не обезпеченнаго края и особливо въ виду приближавшейся турецкой войны, Потемкинъ вспомнилъ запорожцевъ, почувствовалъ въ нихъ нужду и чрезъ посредство ихъ старшинъ сталъ вновь приглашать ихъ въ козацкую службу подъ его личнымъ предводительствомъ; но это воззваніе его прежде всего вызвало волненіе въ народѣ и толки о возобновленіи запорожской Сѣчи, приведшіе народъ, какъ даетъ понять второй изъ приводимыхъ документовъ, къ нелегкому отвѣту предъ разными Халчевскими, Борхами, Булацелями и другими новонароднившимися обладателями запорожскихъ земель. Когда-же наконецъ, усиліями запорожскихъ старшинъ: Головатаго, Харька, Чепеги и Легкоступа, разсѣянные останки «славнаго войска низоваго» снова собраны были на службу подъ названіемъ черноморцевъ и, принявъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ Турціею 1787—1791 г., покрыли себя новою славою, то въ награду за всѣ свои подвиги, которые очень цѣнилъ самъ Потемкинъ, обѣщавшій имъ завоевываемыя тогда земли между Бугомъ, Днѣстромъ и Чернымъ моремъ, за послѣдовавшею смертію Потемкина, едва не были обращены въ крестьянское званіе. Обширнѣйшія владѣнія ихъ были разобраны до клочка; новозавоеванныя земли не были имъ переданы, хотя значительная часть козачьихъ семействъ поселилась на нихъ, по указанію Потемкина. Оставалось искать новаго мѣста и такимъ оказалась знакомая отчасти, хотя далекая и болотистая, Тамань. Особому искусству своихъ ходатаевъ и расположенію приближенныхъ Потемкина, Каховскаго и Попова, переформированные теперь по семейному запорожцы обязаны были полученіемъ новаго мѣста для своего поселенія. Приводимая переписка по сему дѣлу не даетъ, къ сожалѣнію, свѣденій о томъ, чѣмъ кончилось ходатайство черноморцевъ о выпущеніи съ ними на Тамань тѣхъ изъ ихъ сподвижниковъ, которые перешли къ нимъ изъ разныхъ губерній и заграничныхъ мѣстъ (Украйны), но которыхъ помѣщики всѣми мѣрами выискивали и старались удержать на мѣстѣ. Она только показываетъ, какъ ненавистно было народу крѣпостное состояніе и какъ велико было его стремленіе къ козачеству: въ короткій промежутокъ времени отъ призыва Потемкина до окончанія турецкой кампаніи остававшееся едва половинное число запорожцевъ, не смотря

на потери отъ войны, обыкновенной смертности и чумы увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое, а число всѣхъ готовившихся къ переселенію на Тамань простиралось до 25-ти тысячъ лицъ мужескаго пола.

I.

Инструкція азовскаго губернатора Василія Черткова относительно раздѣла б. запорожскихъ земель.

Отъ генералъ порутчика азовского губернатора и кавалѣра азовской губернской канцеляріи предложеніе.

Ордеромъ его свѣтлости, господина генералъ-аншефа, сенатора, государственной военной коллегіи вице-президента, трехъ губерній государева намѣстника, всѣхъ россійскихъ и разныхъ орденовъ кавалѣра, князя Григорія Александровича Потемкина, отъ 26 декабря прошлаго 1777 года, подъ № 2764, предписано, для удобнѣйшаго и скорѣйшаго въ пустыхъ мѣстахъ заведенія селеній, назначенныя владѣльцамъ въ отводъ казенныя земли, утверждать за ними, на основаніи положенія о семъ въ штатахъ, вѣчно, однако-же, отводить каждому не менѣе тысячи пяти сотъ и не болѣе двѣнадцати тысячъ десятинъ, со льготою для заселенія десяти лѣтъ, а въ представленномъ планѣ о сей губерніи, о раздѣленіи земли подъ селеніе, объ утвержденіи оной въ вѣчность, о продажѣ изъ рукъ въ руки, о подѣлѣ между наслѣдниками и о льготномъ времени, 5-й главы въ нижеписанныхъ статьяхъ, изображено; а именно: въ 1-й—чтобъ необитаемыя земли изъ бывшихъ запорожскихъ дачъ составленныя, а особливо задонскія земли таганрогскаго уѣзда заселить и усилить, яко нужную по пограничности тѣхъ мѣстъ сторону, обитателями, раздавать для заселенія въ вѣчность всякаго званія и чина людямъ, *исключая однодворцевъ, крестьянъ и прочихъ помѣщичьихъ людей*, нетолько проживающимъ и при должностяхъ состоящимъ, но и кто жительство имѣетъ въ Великороссіи и Малороссіи, равно иностранцамъ, изъ-за границы приходящимъ и на вѣчное подданство присягу учинившимъ, съ дачею на десять лѣтъ льготы и съ обязательствомъ, чтобъ оныя во время тѣхъ льготныхъ лѣтъ заселили выводимыми изъ незапрещенныхъ мѣстъ людьми, во 2-й—оныя земли раздѣлить на участки, каждый въ полторы тысячи десятинъ, и во всякомъ заселено бъ было неменьше тринадцати дво-

ровъ, дабы и помѣщикъ имѣлъ въ той-же дачѣ землю для своего обихода, но кто похощетъ населить на такомъ-же участкѣ и болѣе того числа дворовъ, таковому не воспрещать и отдавать одному участками не болѣе восьми, то есть: двѣнадцать тысячъ десятинъ, и не меньше одного, которые и населять, соразмѣрно вышеписанному участку по полторы тысячи десятинъ; а именно: на трехтысячномъ двадцать пять, на шеститысячномъ пятьдесятъ, на двѣнадцатитысячномъ участкѣ сто дворовъ, а ежели за отводомъ будетъ оставаться гдѣ промежутокъ, въ такомъ случаѣ или просящему отдать, или чтобъ въпустѣ безъ платежа не оставалась, набавлять въ дачи, въ смежности въ населеніи взятыя; въ 3-й—при отводѣ давать каждому спеціальные планы при участкахъ со взысканіемъ за обмежеванную землю по три деньги за десятину, но болѣе двѣнадцати тысячъ десятинъ одному во владѣніе, равно, какъ на женъ, незамужнихъ дочерей, такъ и на малолѣтнихъ сыновей особыхъ участковъ (кромѣ достигнувшихъ изъ сыновей въ совершенныя лѣта, тожъ и такихъ женъ, которыя остаются во вдовствѣ, не имѣя никакихъ наслѣдниковъ) или полныхъ двѣнадцатитысячныхъ участковъ не давать, однако, кому нѣтъ законнаго запрещенія въ покупкѣ (исключая малолѣтнихъ), замужнимъ женамъ и дѣвицамъ покупать и въ закладъ брать не возбранять, но не болѣе положеннаго числа десятинъ, дабы чрезъ то зажиточные не присваивали себѣ пространныхъ дачъ, а малоимущіе, особливо изъ-за границы переселившіеся и вступившіе въ поселенные полки офицеры безъ земли и по отставкѣ безъ пропитанія быть не могли, но по тѣмъ отдаваемымъ во владѣніе землямъ никто, кромѣ природныхъ дворянъ и по службѣ пріобрѣтеннаго дворянства себѣ присваивать не можетъ, потому что дворянинъ—не по землѣ имъ владѣемой, а по природѣ или заслугамъ, въ 4-й—по прошествіи льготныхъ десяти лѣтъ, кто заселитъ свою землю, или прежде, вышеписаннымъ числомъ дворовъ, давать межевыя книги и надлежащіе планы съ штемпелями, за подписаніемъ намѣстническаго правленія, оставляя при ономъ съ нихъ точныя копіи, взыскать при дачѣ ихъ еще другія за каждую десятину по три деньги, чѣмъ и состоится сборъ по три копѣйки, въ силу межевой инструкціи, главы 29, пункта 8, и платить, по минованіи вышеписанныхъ льготныхъ лѣтъ, ежегодно съ земли по прежнему о новороссійской губерніи положенію за каждую десятину удобной земли въ годъ *по пяти денегъ*, въ 5-й—ту населенную землю каждому, по утвержденіи за нимъ

вышеписаннымъ образомъ, вольно указаннымъ порядкомъ продать, заложить и въ приданое отдать, но не иначе, какъ полуторытысячными участками по одному, по два, по три и по осьми, а меньше полуторы тысячи дачъ не раздроблять, такъ что хотя бы случилось, что у кого-либо наслѣдниковъ осталось столько, что полутора тысячными участками ихъ подѣлить было не можно, то тѣхъ, которымъ недостанетъ земли, прочимъ полюбовно или по суду удовольствовать, по разсчету, деньгами, въ 6-й—не имѣющіе дворянства, ни чиновъ штабъ и оберъ-офицерскихъ, никто готоваго покупать не можетъ, а пользуется онъ или его потомки за труды и употребленное ими иждивеніе только тѣмъ, сколько симъ подъ поселеніе возьметъ земли и что на оной объзаведетъ, въ 7-й—какъ таковое имѣніе поселеніемъ людей пріобрѣтается не по наслѣдству, но собственными трудами и иждивеніемъ того, кто взялъ пустую землю, то таковой и воленъ при жизни, или при кончинѣ отдать въ наслѣдство, кому заблагоразсудитъ, объявляя на то свои записи въ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ кому ближе, а безъ того, ежели записи объявлены не будутъ, таковаго имѣніе принадлежитъ въ родъ ближнимъ наслѣдникамъ, на основаніи сей главы, 5-й статьи; въ 8 й—кто во время льготныхъ лѣтъ взятую землю положеннымъ числомъ дворовъ не заселитъ, таковому межевой книги и подлѣжащаго съ стемпелемъ плана не давать, почему онъ ту землю до того времени ни продать, ни заложить, ни по какимъ сдѣлкамъ укрѣпить и ниже въ приданное отдать не можетъ, но, не взирая на то, платить долженъ за каждую десятину въ годъ по пяти денегъ и въ нарядахъ и въ протчихъ по земству управленіяхъ быть, наравнѣ съ заселившими не по числу имѣющихся у него дворовъ или поселянъ, а по количеству земли; въ 9-й—кто отъ населенія взятой имъ земли, по прошествіи льготныхъ лѣтъ или и прежде откажется, то съ таковаго за все время, сколко онъ тою землею ползовался, взыскать по пяти денегъ, за десятину за каждый годъ, въ сходство чего и благоволить оная губернская канцелярія, по окончаніи нынѣшняго лѣта межеванія, снятыя земли, на коихъ подлѣжащия межевыя знаки постановлены, за тѣми просителями оставить въ вѣчномъ владѣніи, со взысканіемъ съ нихъ половиннаго числа положенныхъ по межевой инструкціи пошлинъ, кои и причислить къ межевой суммѣ, и на тѣ дачи сочинить специалные планы, раздѣля аглицкой дюймъ въ четырѣста сажень, за подписаніемъ губернской канцеляріи присудствующихъ, но безъ постановленія

штемпелей, дать каждому помѣщику при указѣ, изъ оныхъ плановъ копію для сочиненія вьпредъ, ежели кто населитъ взятую землю положеннымъ числомъ людми, надлѣжащого положённого по межевой инструкціи плана и межевыхъ книгъ отослать въ губернскую межевую экспедицію, а прежде данной во оную отъ меня ордеръ о сочиненіи надлѣжащихъ плановъ, раздѣля аглицкой дюймъ въ двѣстѣ, а специалныхъ въ пять сотъ саженъ, отменить, соблюдая, чтобъ ни за кѣмъ ни по отводу, ни купленныхъ послѣ учрежденія новороссійской губерніи, то есть 1764 году, болѣе двѣнадцати тысячъ, а менѣе тысячи пяти сотъ десятинъ не было, исключая тѣхъ, кои по древнимъ грамотамъ и крепостямъ до состоянія еще новороссійской губерніи и по сооруженіи оной безспорно владѣли, естлиже кому либо до полученія вышеупомянутого его свѣтлости повелѣнія, какъ тогда въ сохраненіе Высочайшаго интереса, чтобъ земли въпустѣ и безъ полученія въ казну доходовъ не лежали, отъдавались въ наймы, безъ соблюденія того, чтобъ двѣнадцати тысячъ десятинъ не превосходило, отдано въ наймы съ отводомъ или по урочищамъ и безъ отвода, болѣе двѣнатцати тысячъ десятинъ, у таковыхъ, поелику теперъ, особливо по причинѣ переходящихъ изъ Крыма христіянъ, недостатокъ оказатся можетъ, сколко по изъмѣреніи изъ лишнего окажется будущаго 1779 года, генваря съ 1-го числа, отобрать по прежнему, въ казенное вѣдомство, со взысканіемъ положенныхъ поземелныхъ денегъ съ опредѣленного при отдачѣ въ наемъ времени по 1-е генваря 779 года, и сколко у кого и въ какихъ урочищахъ отобрано будетъ, мнѣ дать знать, а предварително безъ потерянія времени сочинить алъфавитную всѣмъ азовской губерніи помѣщикамъ вѣдомость, съ показаніемъ, сколко кому по прошеніямъ, когда и въ какихъ именно урочищахъ, съ основанія азовской губерніи, въ наймы отдано, новороссійскою же губернскою канцеляріею отведено и послѣ 1774 года въ принадлѣжащихъ нынѣ до азовской губерніи мѣстахъ кѣмъ и гдѣ куплено. Подлѣнное подписалъ Василей Чертковъ.

Свидѣтельствовалъ въ должности секретаря коллежскій регистраторъ Яновскій.

Вверху помѣта: получено 13 ноября 1778 года, на сторонѣ № 1967.

II.

Рапортъ екатеринославскаго дворянскаго предводителя Руденка генералъ-аншефу Михаилу Коховскому о волненіяхъ въ народѣ по поводу слуховъ о возстановленіи Запорожья и не допущеніи крестьянъ къ запискѣ въ козаки [1]).

По учинившемуся между народомъ разглашенію, что паки возобновляется бывшая Запорожская Сѣчь и что якобы каждого состоянія людямъ, не только свободно собиратся во оную, но даже и приглашаются всѣ, кто только пожелаетъ составлять оную, увѣряя одинъ другаго, будто и всѣ бывшіе запорожскіе земли отданы имъ будутъ, по прежнему, и словомъ—якобы возвращается и вся ихъ прежняя воля, а ктому присовокупляютъ и самое лестное для каждаго простаго званія обнадеживаніе, что пожелавшій записатся в Кошъ, гдѣ бы не былъ на жительствѣ, освобождается съ семьею и имѣніемъ отъ всякой зависимости и повинностей, а потому и помѣщичьи подданные, подкрепляемые писарями казенныхъ селеніевъ и самими подговорщиками, разъсѣявшимися повсюду, берутъ въ свою сторону силу указовъ, выпущенныхъ о записавшихся уже многимъ числомъ въ черноморскіе козаки бывшихъ запорожцахъ, отложась отъ послушанія своихъ помѣщиковъ и уклоняясь отъ должной ихъ повинности, и совсѣмъ не бывшіе никогда въ Запорожьи, оставляя свои домы, идутъ для записки въ козаки, съ тѣмъ только умысломъ, чтобы посредствомъ наименованія козаковъ, освободить въ силу означеннаго увѣренія семью и имѣніе, нажитое за помѣщикомъ, и здѣлать оные отъ него независимымъ, противу всей справедливости, и чтобы не быть добрымъ и полезнымъ государству и обществу поселяниномъ и не исправлять по званію своему своего ремесла, а прошататься въ праздности и тунеядствѣ, поколь возродятся зловреднѣе еще помысли бывшихъ запорожцовъ, и посему екатеринославскаго уѣзда помѣщиковъ: г на оберъ-провіантмейстера и губернскаго магистрата предсѣдателя Халчевскаго, прошедшаго марта противъ—24-го и 28-го числъ сего го-

---

[1]) Копія этого рапорта, безъ надписи и даты, озаглавлена рукою самаго Коховскаго съ замѣткою, что онъ присланъ ему Руденкомъ отъ 14 апрѣля 1789 года за № 9-мъ. Она, какъ и слѣдующія копіи, изготовлена для секретаря кн. Потемкина, Василія Степановича Попова.

ду, семнадцать человѣкъ, а г-на генералъ порутчика и кавалѣра графа Борха тритцать человѣкъ, да г-на секундъ-маіора Булацеля двенатцать человѣкъ, сего апрѣля противъ 13-го числа, ихъ подданныхъ, записанныхъ по ревизіи за ими въ томъ званіи и никогда не бывшіе въ Запорожьи, ушли къ подговорщикамъ для записки въ козаки, съ которыхъ перваго уже сѣмь человѣкъ возвратились съ билетомъ, даннымъ имъ войска черноморскихъ козаковъ отъ маіора Гулика, въ которомъ и написалъ онъ, будьто они всѣ въ Запорожьи служили и находились въ куреняхъ, въ томъ билетѣ означенныхъ, нынѣ же де паки служить желаютъ, то, для исправленія себя на службу, отпущены въ домы на три недели, и какъ такова записка не справедливая и разрушающая доброй порядокъ, то изъ числа тѣхъ пришедшихъ начальнѣйшихъ три человѣка отосланы къ суду въ уѣздной судъ, но сіе одно удержать ихъ не можетъ, ибо отъ многихъ послѣдовать имъ хотящихъ положено, какъ скоро тѣмъ ушедшимъ успѣхъ будетъ, то и протчимъ ихъ дорогою итти. О чемъ должностію поставляю донести вашему превосходительству и просить, не благоугодно-ли будетъ съ вашей стороны здѣлать тому преграды, дабы помѣщичьихъ подданныхъ, и особливо тѣхъ, кои никогда въ Запорожьи не были и не служили козаками, не подговаривали и не принимали и никакихъ билетовъ не давали, и для явнаго уничтоженія объявленныхъ несправедливыхъ разглашеній виновныхъ тому велѣть наказать, ибо безъ того могутъ въ совершенное разореніе притти всѣ слободы и послѣдовать можетъ упадокъ въ земледѣліи и домостроительствѣ, а за тѣмъ въ казенной подати и общемъ исправленіи, но ктому еще и угрожаетъ своеволство и независимость своихъ начальниковъ грабежемъ и разбоемъ.

III.

Всеподданнѣйшая просьба преобразованныхъ изъ б. запорожцевъ черноморскихъ козаковъ о поселеніи ихъ на Тамани [1]).

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица всероссійская, Государыня всемилостивѣйшая!

---

[1]) Копія этой просьбы, сообщенная тѣмъ же генер. Коховскимъ тому же Василію Ст. Панову.

Всеподданнѣйше проситъ войска вѣрныхъ козаковъ черноморскихъ атаманъ кошевый, арміи бригадиръ и кавалеръ Захарій Алексѣевъ сынъ Чепега, войсковые старшины и всіо войско.

При начатіи нынѣ кончившейся съ Портою Оттоманскою компаніи, по всевысочайшему вашего императорскаго величества соизволенію и покойнаго свѣтлѣйшаго князя и великаго гетмана Григорія Александровича Потемкина Таврическаго повелѣнію, мы изъ бывшихъ запорожцовъ и другихъ заграничныхъ мѣстъ, будучи собраны на сухомъ пути конныхъ и пѣшихъ, такъ же и на флотиліи старшинъ и козаковъ двенадцать тысячь шесть сотъ двадцать два, служили вашему императорскому величеству до окончанія оной усердно.

По повелѣнію покойнаго свѣтлѣйшаго князя и великаго гетмана устроены между нами старшины, яко то войсковые: кошевый, судія, писарь и есаулъ, полковники, сотники, полковые есаулы и хорунжіе, пушкарь, довбышъ и куренные атаманы; далъ намъ покойникъ булаву и перначей семнадцать, знамено большое бѣлое и праперовъ малыхъ четырнадцать, войсковую печать и часть артиллеріи, а подъ поселеніе намъ отводъ земли обѣщалъ у вашего императорскаго величества изходатайствовать.

И до того какъ повелѣлъ оный покойный свѣтлѣйшій князь нашъ съ разныхъ вашего императорскаго величества губерній и заграничныхъ мѣстъ на вновь пріобрѣтенную между рѣкъ Буга и Днѣстра, также и на Кинбурнской сторонѣ земли переселятся, то уже и переселилось на оную ста(рыхъ куреней?) сѣмъ сотъ пятдесятъ девять, а въ нихъ мужеска пять тысящь шестьдесятъ восѣмъ, да женска половъ четыре тысящи четыреста четырнадцать душъ, и завели себѣ хозяйство порядочно, яко то домостроительство, водяныя и вѣтренныя мельницы, хлѣбопашество, скотоводство, лѣсы, сады, винограды, пасѣки, рыболовные заводы и все, что есть нужное къ оному хозяйству; прочихъ же таковыхъ, кои и въ позапрошедшую съ Портою Оттоманскою войну отъ бывшаго Запорожья вашему императорскому величеству служили, оныхъ губерній, разныхъ уѣздовъ самыя помѣщики и ихъ прикащики, не взирая на данныя отъ насъ свидѣтельства, присваиваютъ непринадлежаще въ подданство, самихъ содерживая подъ стражею, а ихъ женъ и дѣтей угнѣтая ежедневно работою, къ совмѣстному поселѣнію не выпущаютъ; а ежели всѣ служившіе съ ихъ сѣмействами будутъ выпущены, то соберется самаго мужескаго полу на двадцать пять тысящь.

Изъ числа переселившихся на вышеписанную землю отъ нѣкоторыхъ старшинъ и козаковъ взошли къ намъ жалобы, что при переселеніи ихъ изъ подъ-помѣщиковъ, оныя помѣщики и ихъ прикащики собственнаго ихъ имѣнія много безъвинно ограбили и не возвращаютъ, и какъ мы и потомки наши, будучи вашего императорскаго величества вѣрноподданные рабы, обѣщаемся и должны вашему императорскому величеству и наслѣдникамъ всероссійскаго престола служить вѣрою и правдою, и все, что къ пользѣ отечества касатися будетъ исполнять со усердіемъ, такъ какъ долгъ сыновъ всероссійскаго отечества требуетъ: прибѣгая подъ покровительство вашего императорскаго величества, всеподданнѣйше рабски просимъ насъ войско во всегдашнее свое Монаршее благоволеніе матерински принявъ, для поселенія на Таманѣ, съ окрестностями оной, милостиво повелѣть отвесть выгодныя земли такъ достаточно, чтобъ имѣющее быть пріумноженіе сему войску безъ-нуждно помѣщатся могло, и на вѣчно-покойное потомственное оною владѣніе отправленному съ симъ, избранному отъ войска войсковому судіи, арміи полковнику и кавалеру, Антону Головатому съ старшинами высочайшую вашего императорскаго величества милостивую грамоту выдать, такъ-же и о выпускѣ изъ губерній служившихъ вашему императорскому величеству старшинъ и козаковъ съ ихъ семействами и имѣніемъ, и о возвратѣ заграбленнаго у таковыхъ имѣнія учинить милостивѣйшее разсмотрѣніе.

Февраля дня
1792 года.

IV.

Копія съ письма къ графу Николаю Ивановичу Салтыкову, по тому же предмету писаннаго, 24-го февраля 1792 года изъ Яссъ, Михаиломъ Коховскимъ.

Я имѣлъ честь при рапортѣ моемъ представить вашему сіятельству съ прошенія на всевысочайшее имя къ ея императорскому величеству войска козаковъ черноморскихъ атамана кошеваго, арміи бригадира и кавалера Чепеги копію, съ которымъ на сихъ дняхъ отправится въ Петербургъ тогожъ войска полковникъ и кавалеръ Головатой. Ваше сіятельство усмотрѣть изволите изъ онаго, что просятъ они поселившихся между Буга

и Днестра и на Кинбурнской сторонѣ казаковъ перевесть на Таманъ. Симъ по мнѣнію моему позволить можно туда переселиться; но о прочихъ просимыхъ ими изъ губерніи не малаго числа людяхъ, кажется, нельзя приступить прежде, пока отъ губернаторовъ не присланы будутъ обстоятельныя вѣдомости о числѣ мужеска и женска пола всѣхъ прежде бывшихъ запорожцовъ, и по соображенію въ тѣхъ губерніяхъ по сему обстоятельствъ.

При семъ имѣю честь препроводить карту съ означеніемъ на оной границъ просимой ими земли, которую если благоугодно будетъ ея императорскому величеству всемилостивѣйше имъ пожаловать, то не угодно ли будетъ вашему сіятельству изходатайствовать у ея императорскаго величества, чтобъ при означеніи имъ границъ повелѣно было назначить оныя берегомъ Тамана по проливу яникольскому, такъ какъ черта границы онаго на приложенной картѣ; сіе послужитъ къ предохраненію могущихъ впредь произойти у нихъ съ яникольскими и керченскими жителями ссоръ за рыбную ловлю, и что черноморскимъ козакамъ и безъ сего пролива достанется много рыбныхъ мѣстъ.

Предъ симъ имѣлъ я честь упомянуть вашему сіятельству въ моемъ письмѣ о укрѣпленіи на Таманѣ и содержаніи тамъ двухъ баталіоновъ въ гарнизонѣ; но поелику теперь не малое число черноморскихъ казаковъ охотно туда переселиться желаютъ, то и найдутся они въ состояніи и безъ того сами себя защищать.

V.

Рапортъ бригадира Чепеги ген. Коховскому о дозволеніи черноморской войсковой депутаціи отправится въ Петербургъ и выдачѣ ей подорожней и прогоновъ [1]).

Рапортъ войска вѣрныхъ козаковъ черноморскихъ атамана кошеваго, арміи бригадира и кавалера Чепеги, войсковыхъ старшинъ, полковниковъ и всего войска, писанный къ генералу аншефу Коховскому отъ 21 февраля 1792 года подъ № 107-мъ.

Мы, имѣя намѣреніе для испрошенія у Ея Императорскаго Величества подъ поселеніе намъ на Таманѣ съ окрестностями оной отводу земли и прочаго отправить съ прозьбою, на всевы-

---

[1]) Копія изъ бумагъ В. Ст. Попова.

сочайшее ея императорскаго величества имя написанною, въ Санктпетербургъ избраннаго отъ насъ въ депутаты войсковаго судію, арміи господина полковника и кавалера Головатого съ шестью человѣкъ старшинами, вашего высокопревосходительства покорнѣйше просимъ, въ томъ намъ давъ позволеніе, о снабденіи его Головатого съ будущими при немъ на четырнадцать лошадей подорожною и прогонными деньгами, учинить милостивое разсмотреніе.

Февраля 26-го 792.

VI.

Письмо генер. Коховскаго къ В. С. Попову по предмету переселенія черноморцевъ на Таманъ.

Милостивый Государь мой!
Василій Степановичъ.

Признательнейшую приношу вамъ мою благодарность за сообщеніе мнѣ въ трехъ пунктахъ примѣчаній вашихъ, касающихся до переселѣнія на Таманъ черноморскихъ казаковъ. Я тотъ же часъ по полученіи писма вашего послалъ за господами Чепегой, Головатымъ и протчими ихъ сотоварыщами; по прибытіи ихъ ко мнѣ невеговоря съ ними по дѣлу до нихъ касающемуся, не умѣдлю обовсемъ обстоятельно васъ увѣдомить. Я надѣюсь, что безъ малѣйшаго затрудненія переселятся они на Таманъ, такъ какъ и по первому отъ меня имъ предложенію обѣщали то здѣлать.

Депутація къ высочайшему Двору будетъ также отъ нихъ отправлена, но теперь ли оную должны они отправить, или по переселеніи ихъ на Таманъ, съ прошеніемъ и позволеніемъ тамъ сѣлиться и въ мѣстѣ просить о утвержденіи за ними тѣхъ земѣль, кои они для себя изберутъ, о чемъ покорнейше прося не оставить безъ увѣдомленія пребывающаго съ искреннымъ почтеніемъ и преданностію,

Милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейшаго слугу,

Михайлу Коховского.

13 февраля
1792 г.
въ Яссахъ.

P. S! Сейчасъ получилъ отъ господина Чепѣги отвѣтъ на мое къ нему писмо, которое при семъ прилагаю.

Ваше высокопревосходителство!

Милостівій батку;

Письмо вашего высокопревосходителства, писанное отъ 9 сего февраля о скорѣйшемъ мнѣ прибытіи въ Яссы, съ великимъ удовольствіемъ имѣлъ честь получить, за которое приношу вашему высокопревосходительству всенижайшую благодарность, и по оному вскорѣ вслѣдъ за симъ къ вамъ пребыть имѣю!

Впрочемъ пребывая съ истеннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію на всегда таковимъ.

Вашего высокопревосходителства, милостивого батка, всепокорнѣйшій слуга

Захарій Чепѣга.

7. 12 Февраля
1792 г.
Слободзѣя.

8 марта, 792.

VII.

Отвѣтъ ген. Коховского В. С. Попову съ дополнительными замѣчаніями о переселеніи черноморцевъ на Тамань.

Милостивый Государь мой!

Василій Степановичъ.

Все по письму вашему ко мнѣ отъ 28 генваря съ черноморскими козаками сдѣлано. Они отправляютъ на сихъ дняхъ къ ея императорскому величесству съ прошеніемъ полковника Головатого и прочими. Съ рапорта ко мнѣ отъ бригадира Чепеги и прошенія къ ея императорскому величеству при семъ копіи прилагаю. Я писалъ къ графу Николаю Ивановичу Салтыкову, что полковникъ Головатый отправится отъсель въ Петербургъ. Съ писма моего къ его сіятельству прилагаю также ко усмотренію вашему копію. Съ коей изволити увидеть мои замѣчанія въ разсужденіи ихъ прошенія о выходѣ прежде бывшихъ запорожцовъ изъ губерній. Кажется, что вдругъ приступить къ тому нельзя; а чтобъ удовлетворить ихъ прозьбу, то слегка можно ихъ въ томъ обнадежить, а между тѣмъ преподать всѣ имъ способы къ скорѣйшему переселенію всѣхъ находящихся теперь между Буга и Днестра и на Кинбурнской сторонѣ.

Я не упомянулъ въ письмѣ къ графу Николаю Ивановичу о просимой ими волной торговлѣ, не объясняясь и съ вами, не известенъ будучи, на какомъ основаніи въ Тавридѣ и во вновъ приобрѣтенной области будетъ оная учреждена.

Имѣю честь быть съ искреннымъ почтеніемъ и преданностію вашего превосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга

Михаилъ Коховскій.

24 февраля
1792 г.
въ Яссахъ.

VIII.

Письмо ген. Коховскаго къ В. С. Попову съ извѣстіемъ о переговорахъ его съ представителемъ черноморской депутаціи полковникомъ Головатымъ по предмету переселенія ихъ на Тамань.

Милостивій Государь,
Василій Степановичъ.

Господинъ полковникъ Головатой прибылъ въ здѣшнею область. Въ десяти верстахъ отъ Коша простоялъ онъ нѣсколько дней въ лагерѣ, въ ожиданіи прибытія архіепископа Амвросія; въ 15 день августа имѣлъ онъ свой въѣздъ въ Кошъ при пушечной пальбѣ. Всѣ козаки и всѣ поселяне обоего пола собраны были въ Кошъ для сего всерадостнаго дня. Описаніе всей церемоніи и торжества, думаю, къ вамъ уже отправлено. Четвертаго дня онъ былъ у меня. Мы говорили съ нимъ о пути ихъ въ пожалованную имъ землю, о провожатыхъ отъ нижняго земскаго суда отъ Соколовъ къ Бериславлю, о продовольствіи ихъ въ пути провіянтомъ, о высылкѣ козаковъ изъ екатеринославской губерніи, о козакахъ, кои похотять здѣсь остаться, тожъ и о молдованахъ и волохахъ, живущихъ въ ихъ селеніяхъ, остающемся у козаковъ разнаго рода хлѣбѣ, о заготовленныхъ ими лѣсахъ и объ оставляемыхъ ими домахъ, мельницахъ и прочихъ строеніяхъ. Посудя съ нимъ о всемъ вышеписанномъ, иное мы разрѣшили, съ другимъ, что должно здѣлать, постановили. По полученіи отъ Коша на все вышеписанное письменнаго отзыва, не премину я донесть о всемъ въ подробности. Нынѣ же имѣю честь донесть вашему превосходительству, что всѣ казаки, бывшіе на дѣйствительной службѣ, идутъ въ Фанагорію охотнѣйше.

Не служившіе же, перешедшіе изъ екатеринославской губерніи подъ видомъ службы, и устроившіе здѣсь свои домы и имѣющіе лошадиные, рогатаго скота и овечьи заводы, не всѣ идутъ. Изъ молдованъ же и волоховѣ живущихъ въ селеніяхъ козачьихъ ни кто итти не желаетъ. О чемъ отъ трехъ селеній поданы ко мнѣ сего дня прозьбы. Надѣясь на благоразуміе г. Головатаго и его ко мнѣ довѣренность, уповаю, что поможетъ намъ Богъ все сіе устроить наилутчшимъ и полезнѣйшимъ образомъ.

Имѣю честь съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ быть, Милостивый Государь, вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга.

Василій Коховскій.

Августа 28 д.
1792 г.
Дубосары.

Библіографія.

Памятная книжка кіевской епархіи (кіевскій епархіальный календарь). Составили А. В—новъ и свящ. В. Антоновъ. Кіевъ. 1882.

„Изданіемъ *Памятной книжки кіевской епархіи* редакція ея, говорится въ предисловіи, хотѣла-бы удовлетворить серіозной потребности. Въ общемъ составѣ русской церкви кіевская епархія представляетъ собою одну изъ важнѣйшихъ частей не только по обширности, но и по внутреннему значенію своихъ духовныхъ и религіозно-общественныхъ учрежденій. Статистика всѣхъ органовъ и учрежденій церковно-религіозной епархіальной жизни, начиная отъ первой всероссійской древнѣйшей святыни, кіево-печерской лавры, и отъ маститаго первосвятителя церкви кіевской до скромной сельской приходской церкви и ея смиреннаго служителя, эта статистика, соединенная съ краткими историческими свѣдѣніями о всѣхъ церковныхъ учрежденіяхъ, не есть, думаемъ, дѣло излишнее и безполезное. Календарная статистика эта дастъ сжатый, но по возможности всесторонній очеркъ епархіальной жизни во всей ея пространственной, количественной, такъ сказать, сторонѣ, а отчасти и во внутренней, качественной, насколько послѣдняя открывается изъ данныхъ, подлежащихъ статистикѣ“.

„*Памятная книжка кіевской епархіи* раздѣляется на двѣ части. Въ первой содержатся историко-статистическія свѣдѣнія: 1) объ епархіальномъ управленіи, какъ центральномъ, такъ и уѣздномъ, 2) о кіево-печерской лаврѣ и всѣхъ монастыряхъ кіевской епархіи, мужскихъ и женскихъ, 3) о духовно-учебныхъ заведеніяхъ кіевской епархіи и 4) объ обществахъ, имѣющихъ церковныя, религіозныя или нравственныя цѣли. Вторая часть содер-

житъ статистическіе списки церквей кіевской епархіи по всѣмъ уѣздамъ, по алфавиту, съ обозначеніемъ по возможности всѣхъ относящихся до церквей, духовенства и приходской жизни свѣдѣній. Въ заключительномъ отдѣлѣ представлены общія статистическія свѣдѣнія по всѣмъ, по возможности, сторонамъ епархіальной, церковно-религіозной жизни".

Конечно, для обиходнаго употребленія мѣстнаго духовенства „Памятная книжка кіевской епархіи" представляетъ незамѣнимую справочную книгу по всѣмъ отраслямъ епархіальной жизни. Но, кромѣ практическаго своего значенія, она имѣетъ и научное. Въ послѣднемъ отношеніи двѣ части „Памятной книжки" имѣютъ для насъ неравный интересъ. Первая часть книжки составлена преимущественно на основаніи печатныхъ источниковъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ и доступныхъ, занимающимся исторіею мѣстнаго края, тогда какъ вторая часть и дополнительный отдѣлъ заключаютъ церковно-статистическія свѣдѣнія, основанныя на малодоступныхъ источникахъ, именно клировыхъ вѣдомостяхъ за 1879 годъ и другихъ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ, собранныхъ въ 1880 и 1881 годахъ. Мы укажемъ только нѣкоторые общіе итоги и выводы въ заключительномъ отдѣлѣ книжки.

Всѣхъ причтовыхъ церквей въ кіевской епархіи, со включеніемъ женскихъ монастырей и учебныхъ заведеній, 1301; приписныхъ и кладбищенскихъ церквей 105. Изъ сихъ 1406 церквей каменныхъ 162, остальныя деревянныя и одна желѣзная. Изъ общаго числа церквей частными лицами, помѣщиками, купцами, духовными лицами и др. построено около 200 церквей; всѣ же прочія построены или возобновлены частію прихожанами, частію казною, частію прихожанами съ пособіемъ отъ казны. Построеніе церквей, прогрессивно возвышавшееся во второй половинѣ прошлаго столѣтія, значительно упало съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія и шло весьма медленно до 40-хъ годовъ. За все это время построено было всего 149 церквей, слѣдовательно менѣе 4 церквей въ годъ. Но съ 40-хъ годовъ, когда правительствомъ обращено было вниманіе на церковно-строительное дѣло въ юго-западномъ краѣ, постройка церквей быстро усиливается, такъ что съ 1842 по 1861 г. построено вновь и возобновлено 325 церквей, т. е. болѣе 16 церквей въ годъ. Еще быстрѣе двинулось это дѣло съ 1862 г., когда къ заботамъ правительства, еще болѣе усилившимся послѣ польскаго мятежа, присоединился и свободный трудъ благодарнаго Богу и Царю освобожденнаго крестья-

нина. Съ 1862 по 1879 г., за 18 лѣтъ, построено и возобновлено уже 365 церквей, т. е. болѣе 20 церквей въ годъ.

По праздникамъ и святымъ, въ честь коихъ построены церкви, кіевская епархія представляетъ слѣдующія данныя. Церквей Покровскихъ 221, Рождество-Богородичныхъ 173, Михайловскихъ 161, Николаевскихъ 143, Успенскихъ 91, Троицкихъ 82, Іоанно-Богословскихъ 79, Димитріевскихъ 55, Преображенскихъ 44, Параскевеевскихъ 46, Воздвиженскихъ 25, Георгіевскихъ 23, Воскресенскихъ 20, Петро-Павловскихъ 17, Іоанно-Предтеченскихъ 14, Аннинскихъ 13, Ильинскихъ 12, Космо-Даміановскихъ 12, Александро-Невскихъ 10, Введенскихъ 9, Варваринскихъ 7, Казанскихъ 4, Борисо-Глѣбскихъ 3, Владимірскихъ 3 и проч. „Соображеніе этихъ данныхъ, говорятъ составители книжки, приводитъ къ выводамъ: 1) объ отчужденіи Малороссіи отъ Великороссіи въ религіозномъ отношеніи въ прежнее время. Изъ древнихъ церквей епархіи нѣтъ ни одной, посвященной имени великороссійскихъ святыхъ, напр. Сергія Радонежскаго, или сооруженной въ честь особенно чтимыхъ въ Великороссіи чудотворныхъ иконъ— Смоленской, Владимірской, Знаменской и др. Нѣкоторое сближеніе начинается уже въ самое послѣднее время; такъ 4 церкви въ честь Казанской иконы Богоматери построены въ 60-хъ годахъ, Митрофаніевская въ 1841 году, всѣ Александро-Невскія сооружены въ честь достославнаго Царя-Освободителя, въ періодъ его царствованія. Замѣтны слѣды историческаго отчужденія нынѣшней епархіи и отъ самаго Кіева, святымъ коего изъ *древнихъ* церквей посвящены только три Варваринскія церкви. 2) Огромное большинство храмовъ посвящено праздникамъ и святымъ, которые приходятся въ осеннее время, отъ 15 августа до 1 ноября, и затѣмъ слѣдуютъ праздники, падающіе на конецъ весны и лѣта, тогда какъ праздникамъ и святымъ, память которыхъ падаетъ на зиму и начало весны, соединяющееся съ великимъ постомъ, посвящено сравнительно очень мало храмовъ. Здѣсь можно видѣть бытовыя черты народной жизни. 3) Обращаетъ на себя вниманіе множество храмовъ въ честь праздниковъ Богородичныхъ (501) и изъ святыхъ преимущественно чествованіе св. архистратига Михаила, св. Николая, св. Димитрія и св. Георгія. 4) Замѣчательно также сравнительно слабое чествованіе пророка Иліи (12 церквей) и Пантелеймона (1 церковь) и отсутствіе храмовъ въ честь такихъ святыхъ, какъ Власій, Флоръ и Лавръ; только значительно распространенное чествованіе св. Параскевы

(38 церквей) показываетъ, по видимому, тождество малороссійскихъ религіозныхъ представленій съ великороссійскими относительно нѣкоторыхъ святыхъ.

Общій составъ служащаго бѣлаго духовенства въ кіевской епархіи: протоіереевъ 33, священниковъ 1297, діаконовъ 188, причетниковъ 1535, всѣхъ 3044; кромѣ того, просфорень 638. Въ мужескихъ монастыряхъ епархіи (кромѣ лавры, въ которой монашествующихъ 205) въ 1881 году состояло монашествующихъ 211, послушниковъ 171; въ женскихъ монастыряхъ состояло монахинь 200, послушницъ 305. О предосудительныхъ поступкахъ духовенства состояло въ консисторіи дѣлъ (съ оставшимися отъ прежнихъ лѣтъ) 468, изъ коихъ окончательно рѣшено 346. По всѣмъ этимъ дѣламъ признано виновными и подвергнуто взысканію епархіальнаго начальства 40 лицъ. Наибольшія взысканія: низведеніе въ низшія должности (2 священника), исключеніе изъ клира (20 причетниковъ), эпитимія въ монастырѣ (5 человѣкъ). Въ средствахъ содержанія духовенство, кромѣ случайныхъ доходовъ отъ прихожанъ, обезпечивается жалованьемъ отъ казны, церковною землею, церковными помѣщеніями и % съ принадлежащихъ причтамъ церквей капиталовъ. О содержаніи духовенства кіевской епархіи вообще нельзя не замѣтить, что, сравнительно съ содержаніемъ духовенства большинства великороссійскихъ епархій, оно представляется значительно болѣе удовлетворительнымъ и по высшимъ окладамъ жалованья, и по высшимъ пропорціямъ земли, притомъ по большей части черноземной, и по сравнительно болѣе общему обезпеченію церковными помѣщеніями.

Число и движеніе православнаго народонаселенія по кіевской епархіи за 1879 годъ было слѣдующее: въ Кіевѣ: муж. 12,970, жен. 12,065, обоихъ половъ 25,035; въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ муж. 981,122, жен. 1,007,683, обоихъ 1,988,805; всего 2,013,840. Браковъ было 24,679; умерло 79,503, родилось 117,527. Вѣдомости кіевской консисторіи о дѣлахъ бракоразводныхъ представляютъ слѣдующія данныя: съ оставшимися отъ прежнихъ лѣтъ состояло въ производствѣ бракоразводныхъ дѣлъ въ 1879 г. 268, въ 1880 г. 220, въ 1881 г. 181. Изъ этихъ дѣлъ отказано въ расторженіи браковъ въ 1879 г. по 31 дѣлу, въ 1880 г. по 37, въ 1881 г. по 61. Расторгнуто браковъ въ 1879 г. 188, въ 1880 г. 140, въ 1881 г. 122. Изъ общаго числа расторженій браковъ за три года (450) наибольшее число расторгнуто за безвѣстностію, именно 246, затѣмъ за ссылкою въ Сибирь на поселеніе 62, за прелюбодѣяніе

14, по неспособности 5, по близкому родству 2 и за вступленіе въ бракъ при жизни одного изъ супруговъ 2. Всѣхъ небывшихъ у исповѣди и св. причастія по епархіи въ 1879 г. было 1406, а въ 1881 г. 1579 душъ обоего пола.

Начало церковно-приходскихъ школъ относится къ эпохѣ, предшествующей освобожденію крестьянъ, и особенно быстрое распространеніе ихъ—къ первымъ годамъ по освобожденіи. Пользуясь пробудившимся въ народѣ стремленіемъ къ грамотѣ и удовлетворяя ему, митрополитъ Исидоръ (нынѣ с.-петербургскій) 31 августа 1859 года сдѣлалъ распоряженіе, „чтобы во всѣхъ мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ еще не заведены училища, были открыты въ самыхъ домахъ священниковъ школы, если таковыхъ не будетъ устроено со стороны сельскаго общества, и чтобы въ школахъ сихъ учили чтенію и письму и преподавали законъ Божій примѣнительно къ понятіямъ сельскихъ дѣтей". Встрѣтивъ живое сочувствіе въ мѣстной гражданской власти, распоряженіе это сопровождалось значительнымъ успѣхомъ, такъ что въ теченіе года открыто было 385 школъ. Еще съ большею ревностію заботился о школахъ митрополитъ Арсеній. Къ 1 янв. 1861 года открыто было уже 1036 школъ, въ которыхъ учащихся было 16,269 мальчиковъ и 4,654 дѣвочекъ. Въ 1866 г. въ 1246 приходахъ кіевской епархіи церковно-приходскихъ школъ значилось 1360, въ коихъ учащихся было мужеска пола 34,128, а женскаго 8,898, всего 43,626. Колеблясь около этихъ крупныхъ цифръ, число школъ и особенно учащихся въ нихъ начинаетъ значительно падать съ 1878 года, такъ что въ теченіи трехъ лѣтъ число школъ убавилось на 186 и число учащихся въ нихъ мальчиковъ на 6,453, дѣвочекъ 2,263. Уменьшеніе это съ одной стороны, можетъ быть, показываетъ только болѣе точную и сообразную съ дѣйствительностію отчетность о школахъ, а съ другой объясняется и распространеніемъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, взамѣнъ церковно-приходскихъ школъ.

Церковно-приходскія попечительства возникли изъ высокой идеи древнихъ братствъ—объединить приходскую общину въ дѣлѣ св. вѣры и церкви, привлечь участіе прихода къ попеченію о приходскомъ храмѣ, церковно-приходской школѣ, священнослужителяхъ, бѣдныхъ и больныхъ прихода и о нравственно-религіозной жизни прихода. Плодотворное учрежденіе это, опредѣленное „проэктомъ положенія объ устройствѣ приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ" отъ 4 августа 1864 г., не могло не

привиться въ юго-западномъ краѣ, родинѣ древнихъ братствъ, гдѣ остатки ихъ еще сохранились. Въ 1865 году въ кіевской епархіи учреждено было 18 попечительствъ, въ слѣдующемъ году 33, въ дальнѣйшіе годы иногда еще болѣе, такъ что до 1879 года всѣхъ церковно приходскихъ попечительствъ открыто было по кіевской епархіи 294. Въ 1879 г. открыто было 20 попечительствъ, въ 1880 г. 13, въ 1881 г. 7. Многія изъ этихъ попечительствъ были и до настоящаго времени остаются номинальными, но многія сразу заслужили сочувствіе приходскаго общества и успѣли дать и даютъ доселѣ прекрасные плоды. За 1879 г. попечительствами пожертвовано: въ пользу церквей 41,967 р.; на церковно-приходскія школы 2757 р.; на содержаніе причта 1605 р. Средства попечительствъ составляются изъ пожертвованій членовъ, изъ оброчныхъ статей, отъ сыченія меда въ храмовые праздники, отъ сборовъ и пожертвованій существующихъ по мѣстамъ *молодецкихъ* и *сестричныхъ* братствъ, отъ славленія или колядованія въ праздникъ Р. Христова, отъ нарочитыхъ сборовъ по приходу или сборовъ во время исповѣди въ пользу попечительствъ, отъ работъ, плата за которыя жертвуется въ пользу попечительствъ, отъ устроенной при церквахъ продажи иконъ, крестиковъ и т. п., отъ штрафовъ за проступки и проч. Все это въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даетъ попечительствамъ значительныя суммы.

Штундизмъ, возникшій въ херсонской губерніи, занесенъ въ кіевскую херсонскимъ однодворцемъ Яковомъ Цибульскимъ, пріѣхавшимъ въ село Плоское, таращанскаго у., и особенно крестьяниномъ села Чаплинки, того-же уѣзда, Герасимомъ Балабаномъ, который, бѣжавъ въ херсонскую губернію и заразившись здѣсь штундизмомъ, въ 1871 году былъ водворенъ на жительство въ селѣ Чаплинкѣ. „Здѣсь онъ постепенно заражалъ умы неопытныхъ въ дѣлѣ вѣры крестьянъ, сосредоточивъ свою религіозную проповѣдь въ корчмѣ и привлекая прозелитовъ обильными угощеніями на значительныя средства, присылаемыя ему изъ херсонской губ. для пропаганды. Особенно успѣшно пошло это дѣло, когда къ штундизму присталъ волостной чаплинскій писарь Ляхоцкій и когда волостное правленіе обратилось въ мѣсто собранія штундистовъ. Здѣсь началась открытая дерзкая проповѣдь Балабана противъ церкви, ея ученія, обрядности и особенно противъ духовенства. Въ 1872 году эта открытая пропаганда лжеученія и публичныя оскорбленія церкви послужили основаніемъ къ привлеченію Балабана къ духовному суду кіевской консисторіи; но, ли-

цемѣрно показавъ себя православнымъ, расколоучитель былъ возвращенъ на родину и, ссылаясь на мнимое оправданіе своего ученія консисторіею, началъ еще съ большимъ усердіемъ и успѣхомъ дѣло совращенія, распространяя штундизмъ и по сосѣднимъ съ Чаплинкою селамъ и деревнямъ. Только вслѣдствіе усиленныхъ стараній священниковъ, административныя власти обратили наконецъ вниманіе на распространяющуюся заразу и приняли рѣшительныя мѣры. За публичное издѣваніе надъ св. иконами самъ Балабанъ и нѣсколько фанатическихъ сектантовъ были заключены въ тюрьму и подверглись продолжительному заключенію. Вразумленные этими мѣрами, сектанты впослѣдствіи менѣе заявляли себя публичнымъ оскорбленіемъ святыни православной церкви".

„Совершенно несродное, по видимому, духу православнаго народа русскаго и въ особенности народа малорусскаго, выстрадавшаго и кровію отстоявшаго свое православіе, протестантское лжеученіе штундизма, какъ и всякое лжеученіе, имѣющее ревностныхъ пропагандистовъ, какъ фанатиковъ, распространяется, но оно распространяется далеко не такъ быстро, какъ представляется въ періодической печати, тенденціозно передающей объ этомъ общія и чрезмѣрно преувеличенныя извѣстія... По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1879 г. въ таращанскомъ, звенигородскомъ и сквирскомъ уѣздахъ, всѣхъ штундистовъ было 1223 души обоего пола. Нынѣ мы имѣемъ статистическія свѣдѣнія о штундистахъ за 1880 г., собранныя полиціею, и за 1881 годъ оффиціальныя свѣдѣнія консисторіи. По свѣдѣніямъ полиціи, въ 1880 г. штундистовъ было: въ звенигородскомъ уѣздѣ 272 души обоего пола, въ сквирскомъ 55, въ г. Таращѣ 13 и таращанскомъ уѣздѣ 1140, а всего 1480 душъ обоего пола. По свѣдѣніямъ же консисторіи за 1881 годъ: 1) въ *таращанскомъ* уѣздѣ состояло штундистовъ въ селахъ: Чаплинкѣ 353, Косяковкѣ 269, Веселомъ Кутѣ 42, Жидовской Греблѣ 39, Попружнѣ 86, Плоскомъ 57, Малой Березянкѣ 68, Крутыхъ Горбахъ 32, Тиновкѣ 29, Разумницѣ 20,—всего 995; 2) въ *звенигородскомъ:* Вотылевкѣ 53, Шубиныхъ Ставахъ 17, Чижовкѣ 9, Яблоновкѣ 8, Каменномъ Бродѣ 112, Виноградѣ 43, Бояркѣ 39, Рѣпкахъ 28, Моринцахъ 21, Кобелянкахъ 14, Рыжановкѣ 8, всего 352 души; 3) въ *сквирскомъ*: Скибинцахъ 34, Курьянцахъ 12, всего 46; 4) въ другихъ уѣздахъ: *василькоескомъ* (въ д. Яблуновкѣ 6), *чигиринскомъ* (въ с. Топиловкѣ 11) и въ *каневскомъ* (въ селѣ Красногоркѣ 9), всего 26 душъ, а во всѣхъ уѣздахъ штундистовъ обоего пола 1420 душъ. Такимъ

образомъ штундизмъ хотя распространяется пространственно и охватываетъ новыя мѣстности [1]), но численно усиливается мало и даже ослабѣваетъ, или не распространяется болѣе въ мѣстахъ своего первоначальнаго появленія. Въ этихъ послѣднихъ отчеты показываютъ и случаи возвращенія къ православной церкви. Такъ, благодаря увѣщаніямъ и собесѣдованіямъ священниковъ и псаломщиковъ, въ 1879 году возвратилось изъ штундизма въ православіе 25 душъ въ с. Вотылевкѣ и 35 душъ въ с. Великомъ Кутѣ; въ 1881 г. въ Вотылевкѣ возвратились 14, въ Шубиныхъ Ставахъ 22, въ Моринцахъ 2 души. Въ с. Вотылевкѣ въ 1879 г. вмѣстѣ съ другими обратился къ православной церкви бывшій у штундистовъ діакономъ отставной солдатъ Іоакимъ Косый, пробывшій въ штундизмѣ 6 лѣтъ. По его собственному сознанію, онъ былъ самымъ убѣжденнымъ, закоренѣлымъ штундистомъ и главнымъ распространителемъ штундизма въ с. Вотылевкѣ; но возникшее въ немъ желаніе посѣщать богослуженіе православной церкви и частыя собесѣдованія съ мѣстнымъ священникомъ и псаломщикомъ (изъ окончившихъ курсъ семинаріи) привели его къ убѣжденію въ неправотѣ штундитскаго ученія и къ возвращенію въ православіе съ женою и 4-мя дѣтьми. По возвращеніи, Косый обратился къ покойному митрополиту Филоѳею съ просьбою о принятіи старшаго своего сына въ училище кіевопечерской лавры для утвержденія въ истинахъ православной вѣры, въ чемъ ему и не отказано. Въ видахъ успѣшнѣйшаго противодѣйствія штундизму, съ 1877 года назначено особое пособіе священникамъ и окончившимъ курсъ семинаріи псаломщикамъ, служащимъ въ зараженныхъ штундизмомъ приходахъ, а также даны особыя средства на покупку въ церковныя библіотеки учебныхъ пособій для собесѣдованій съ штундистами. При предубѣжденіи противъ священниковъ, штундисты съ большимъ довѣріемъ относятся къ псаломщикамъ".

Раскольники (старообрядцы) кіевской епархіи всѣ состоятъ изъ великорусскихъ переселенцевъ и сосредоточиваются главнымъ образомъ въ четырехъ пунктахъ кіевской губерніи: въ Кіевѣ, Черкассахъ, м. Чернобылѣ и Бердичевѣ. По свѣдѣніямъ консисторіи за 1881 годъ, раскольниковъ въ кіевской губерніи 5776

---

[1]) Послѣ 1879 г. онъ распространился въ слѣдующихъ новыхъ мѣстностяхъ: таращан. у. въ Крутыхъ Горбахъ, Тиновкѣ и Разумницѣ; сквирскаго у. Скибинцахъ, Куръянцахъ, Капустницахъ; въ Топиловкѣ чигир. у. и въ Красногородкѣ канев. уѣзда.

душъ обоего пола. Изъ нихъ 2,265 принадлежатъ къ поповщинской сектѣ и 3,511 безпоповцевъ. По свѣдѣніямъ полиціи за 1880 годъ число раскольниковъ нѣсколько болѣе и простирается до 7,443 душъ.

Изъ иновѣрцевъ въ кіевской епархіи проживаютъ католики, протестанты и евреи. *Католиковъ*, по свѣдѣніямъ клировыхъ вѣдомостей 1879 г., (съ присоединеніемъ 10,409 католиковъ г. Кіева, по переписи 2 марта, 1874 г.) 56,016 душъ обоего пола; но по свѣдѣніямъ оффиціальнаго церковнаго католическаго календаря для слуцкой и житомірской епархіи число католиковъ кіевской епархіи простирается до 79,239 душъ обоего пола. Костеловъ и приходовъ 53, филій 22, каплицъ 115. *Протестантовъ*, по свѣдѣніямъ однодневной переписи г. Кіева 1874 г., въ Кіевѣ находится 2740 душъ; количество протестантовъ въ губерніи не выше этого числа. *Евреевъ*, по переписи 1874 г., въ Кіевѣ значится 13,803, за послѣдніе годы число это по крайней мѣрѣ удвоилось, принимая однако же указаніе „переписи" и показанія клировыхъ вѣдомостей за 1879 г., получаемъ общее число еврейскаго народонаселенія въ кіевской губерніи 300,057 душъ обоего пола.

Такимъ образомъ, общее число народонаселенія православнаго и иновѣрческаго по кіевской епархіи простирается свыше 2,450,000 душъ обоего пола.

Составители „Памятной книжки" сознаются, что они не располагали полными и точными данными для церковной статистики и это подтверждаетъ самая книжка. Подозрительными кажутся многія ихъ цифры, особенно о числѣ православнаго населенія г. Кіева, не всегда вѣрны и выводы ихъ. Такъ, намъ кажется невѣрнымъ выводъ о слабомъ чествованіи пророка Иліи и св. Пантелеимона въ кіевской губерніи, такъ какъ сравнительно малое число церквей во имя ихъ восполняется обиліемъ народныхъ преданій объ этихъ святыхъ. Не можетъ также свидѣтельствовать объ отчужденіи Малороссіи отъ Великороссіи въ религіозномъ отношеніи отсутствіе въ первой чествованія свв. мучениковъ Флора и Лавра, считающихся покровителями лошадей, такъ какъ обыкновенный рабочій скотъ въ Малороссіи—волы, а не лошади. Отдѣлъ о составѣ бѣлаго духовенства въ кіевской епархіи могъ-бы быть восполненъ по нашему мнѣнію другими не безъинтересными свѣдѣніями, кромѣ предложенныхъ. Интересно бы знать образовательный цензъ бѣлаго духовенства, особенно въ г. Кіевѣ, гдѣ, несмотря на существованіе академіи,

большинство священниковъ, говорятъ, состоитъ изъ студентовъ семинаріи, и даже не окончившихъ въ первомъ разрядѣ семинаріи и вовсе не бывавшихъ въ ней. Весьма важно знать, насколько привился институтъ псаломщиковъ изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ семинаріи, и какой процентъ они составляютъ въ общемъ числѣ причетниковъ. Не излишни были бы свѣдѣнія о проповѣднической и вообще учительной дѣятельности мѣстнаго духовенства, о положеніи причетниковъ, о такъ называемыхъ составителями книжки „случайныхъ доходахъ" духовенства, о перемѣщеніяхъ съ прихода на приходъ, съ мѣста на мѣсто, статистикѣ рукоположеній, увольненій за штатъ, смерти и проч. Данныя по нѣкоторымъ изъ этихъ пунктовъ разсѣяны въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Далѣе, въ „Памятной книжкѣ" указано только общее число не бывшихъ у исповѣди и св. причастія прихожанъ, безъ указанія причинъ небытія, между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ причинъ могли-бы быть указателями предрасположенія прихожанъ къ церковному расколу, въ родѣ штундизма. Говоря о церковно-приходскихъ школахъ, составители „Памятной книжки", совершенно упустили изъ виду прежнія церковныя школки, съ ихъ дьяками или бакалярами, служившія готовою почвою для новыхъ школъ, а иниціативу этихъ послѣднихъ напрасно приписали тогдашней епархіальной власти, а не самому духовенству, какъ было на самомъ дѣлѣ. Для объясненія упадка церковно-приходскихъ школъ въ послѣдніе годы, необходимо было-бы знать, кто преподаетъ въ этихъ школахъ, сами-ли священники, или причетники, или-же особые учителя, и съ какимъ образовательнымъ цензомъ; но объ этомъ ничего не сказано въ „Памятной книжкѣ". Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы при новомъ изданіи „Памятной книжки кіевской епархіи", если оно послѣдуетъ, по-больше было точности въ историческихъ свѣдѣніяхъ по кіевской епархіи и поменьше корректурныхъ ошибокъ, которыя, мѣстами, непріятно поражаютъ читателя въ настоящемъ изданіи. **Н. П.**

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка (сводъ матеріаловъ для его біографіи) съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалый. Кіевъ. 1882.

Г. Чалый еще въ 1862 году помѣстилъ въ журналѣ „Основа" (№№ 5 и 6), подъ псевдонимомъ Савы Ч., нѣсколько ма-

теріаловъ для біографіи Шевченка и тогда-же приглашалъ своихъ земляковъ „поспѣшить обнародованіемъ мельчайшихъ подробностей изъ жизни нашего самобытнаго народнаго поэта“. Съ того времени немало уплыло воды въ Днѣпрѣ, и все таки къ тому, что́ было извѣстно въ печати о жизни поэта въ годъ его смерти, очень мало, или почти ничего не прибавилось. „Успѣвъ собрать еще нѣсколько матеріаловъ для жизнеописанія нашего незабвеннаго кобзаря,—говоритъ г. Чалый въ предисловіи къ своей книгѣ,—я спѣшу оказать посильное содѣйствіе будущему его біографу и помочь ему возсоздать во всей полнотѣ своеобразную личность этого замѣчательнаго человѣка, котораго смерть не даромъ совпала съ великимъ всероссійскимъ событіемъ 19 февраля, 1861 года. Вполнѣ сознавая несовершенство настоящаго своего труда, я не имѣлъ претензіи написать полную біографію художника-поэта Шевченка, достойную его славы: это не болѣе, какъ сводъ хронологически расположенныхъ матеріаловъ, частію уже извѣстныхъ читающей публикѣ, частію совершенно новыхъ“.

Сводъ этотъ въ книгѣ г. Чалаго раздѣленъ на четыре части, изъ коихъ три заняты біографіей Т. Г. Шевченка, и только четвертая посвящена его произведеніямъ. Слѣдовательно, біографія поэта преимущественно предъ его произведеніями занимала г. Чалаго. Это, впрочемъ, и естественно, такъ какъ біографія Шевченка далеко еще не исчерпана не только другими его біографами, но и самимъ г. Чалымъ въ настоящей его книгѣ, тогда какъ кругъ произведеній Шевченка считается болѣе или менѣе опредѣлившимся и законченнымъ. Скажемъ нѣсколько словъ о біографіи Т. Г. Шевченка и объ его произведеніяхъ по книгѣ г. Чалаго.

„Краткая автобіографія поэта, заключающаяся въ письмѣ его къ редактору „Народнаго Чтенія“, говоритъ г. Чалый, имѣетъ для насъ болѣе внутреннее, психологическое значеніе; что же касается внѣшней, фактической стороны ея, то въ ней пропущено много весьма важныхъ подробностей, необходимыхъ для полнаго уразумѣнія симпатичной личности Кобзаря, какимъ мы его знали при жизни. Пробѣлы эти только отчасти восполнены немногими изъ его многочисленныхъ когда то поклонниковъ“. Кто восполнялъ эти пробѣлы, г. Чалый, къ сожалѣнію, не перечисляетъ. Но мы не можемъ не замѣтить, что собирая матеріалы, уже извѣстные читающей публикѣ, авторъ разсматриваемой книги, совершенно игнорировалъ нѣкоторые изъ нихъ. Такъ напр.,

онъ не воспользовался воспоминаніями Тургенева и Полонскаго о Шевченкѣ, приложенными къ пражскому изданію его произведеній, 1876 года, и новыми „матеріалами для біографіи Т. Г. Шевченка“ Е. А. Ганненка. А между тѣмъ эти уже извѣстные въ печати матеріалы не излишни были бы для г. Чалаго. Вотъ примѣры тому. Разсказавъ о покушеніи Шевченка жениться на горничной Лукерьѣ въ 1860 г., г. Чалый замѣчаетъ о немъ слѣдующее: „послѣ этого, уже *послѣдняго* покушенія на женитьбу, поэтъ сдѣлался неумолимо лютъ на все женское племя до самой своей болѣзни“. Но изъ матеріаловъ Ганненка мы знаемъ, что и послѣ неудавшейся попытки жениться на Лукерьѣ, Шевченко не оставлялъ мысли о женитьбѣ и писалъ въ Полтаву къ старому своему товарищу Ѳедоту Т., прося его пріискать ему „полтавку кирту чернобривку“. Г. Т. сваталъ за Шевченка дочь г. В—скаго. Въ другомъ мѣстѣ своей книги г. Чалый, говоря о недостойномъ будто бы обращеніи графа Перовскаго съ Шевченкомъ, совершенно упустилъ изъ виду другой разсказъ объ отношеніяхъ Перовскаго къ Шевченку, переданный г. Тургеневымъ. Какой-то черезчуръ исполнительный генералъ, передаетъ г. Тургеневъ, узнавъ, что Шевченко, не смотря на запрещеніе, написалъ два-три эскиза, почелъ за долгъ донести объ этомъ В. А. Перовскому въ одинъ изъ его пріемныхъ дней; но тотъ, грозно взглянувъ на усерднаго доносителя, значительнымъ тономъ промолвилъ: „генералъ, я на это ухо глухъ; потрудитесь повторить мнѣ *съ другой стороны* то, что́ вы сказали!“ Генералъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, перейдя къ другому уху Перовскаго, сказалъ ему нѣчто, вовсе не касавшееся Шевченка. И. С. Тургеневу показывалъ Шевченко крошечную книжечку, переплетенную въ простой дегтярный товаръ, въ которую онъ заносилъ свои стихотворенія и которую пряталъ въ голенищѣ сапога. Къ чести Перовскаго нужно замѣтить, что онъ былъ другомъ поэта Жуковскаго и едва-ли могъ позволить себѣ недостойное обращеніе съ Шевченкомъ. О фактѣ такого обращенія г. Лѣсковъ слышалъ будто бы между прочимъ, отъ мужа своей тетки, англичанина Шкота, управлявшаго имѣніями Перовскаго. Но могъ-ли быть г. Шкотъ въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи, гдѣ только и возможна была встрѣча Перовскаго съ Шевченкомъ?!

За небольшими сказанными исключеніями, сводъ печатныхъ свѣдѣній о Шевченкѣ составленъ г. Чалымъ полно и обстоятельно. Доселѣ извѣстныя, большею частію отрывочныя свѣдѣнія

о жизни Шевченка приведены имъ въ хронологическій порядокъ и переданы въ связномъ разсказѣ. Но главное достоинство книги г. Чалаго состоитъ въ сообщеніи новыхъ матеріаловъ для біографіи Шевченка. Это большею частію—неизданная доселѣ переписка съ Шевченкомъ его друзей, воспоминанія послѣднихъ и личныя воспоминанія самого автора книги. Вслѣдствіе этого, книга отличается такимъ обиліемъ и полнотою біографическихъ свѣдѣній о Шевченкѣ, что она далеко превосходитъ всѣ доселѣ извѣстныя біографіи Шевченка и лучшую изъ нихъ, составленную покойнымъ Масловымъ. Особенною полнотою отличаются свѣдѣнія о жизни Шевченка съ того времени, когда онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своихъ земляковъ, т. е. приблизительно съ 1848 года, такъ что съ большею извѣстностію Шевченка увеличиваются и біографическія свѣдѣнія о немъ.

Впрочемъ, и въ этой лучшей части своего труда г. Чалый допустилъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторые недостатки, которые легко могли-бы быть устранены при наличныхъ средствахъ. Во первыхъ, г. Чалый мѣстами, за отсутствіемъ положительныхъ извѣстій, допускаетъ не вѣрныя предположенія, которыя однако же облекаетъ въ форму положительныхъ извѣстій. На стр. 17-й онъ говоритъ, что лебединская мотронинская обитель „въ описываемое время замѣчательна была еще и тѣмъ, что „на цвинтарѣ“ ея, подлѣ церкви, похоронено много „коліивъ“, о чемъ свидѣтельствовали каменныя могильныя плиты, съ уцѣлѣвшими на нихъ надписями и что Тарасъ, тогда уже грамотный, удовлетворяя любознательности богомольцевъ, прочитывалъ эти надписи“. Лебединскій—вовсе не мотронинскій монастырь; гдѣ погребены „коліи“, про то вѣдали юденскій судъ, кіево-губернская и другія канцеляріи, предположеніе же, основанное на грамотности Шевченка и на существованіи якобы каменныхъ могильныхъ плитъ съ надписями надъ могилами „коліивъ“, можетъ лишь ввести неопытныхъ читателей въ заблужденіе. Во-вторыхъ, сводя различныя свѣдѣнія о жизни Шевченка въ одинъ связный разсказъ, г. Чалый не всегда подвергалъ ихъ строгой критикѣ и не устранялъ внутреннихъ противорѣчій между ними. Мы укажемъ нѣсколько примѣровъ хронологическихъ неточностей изъ періода жизни Шевченка между 1843—1847 годами. На стр. 41 г. Чалый говоритъ, что всю зиму 1844 года Шевченко провелъ въ Яготинѣ у Репниныхъ. А между тѣмъ есть основаніе думать, что въ самомъ началѣ 1844 года Шевченко не былъ уже въ Яготинѣ: поэма „Чигиринъ“ написана

имъ 19 февраля 1844 г. въ Москвѣ (Мосевкѣ?), а русская повѣсть „Наймичка“ окончена 25 февраля, 1844 г., въ Переяславѣ. Въ іюнѣ 1844 г. Шевченко является въ Петербургѣ, какъ видно изъ подписи подъ стихотвореніемъ „Сонъ“. Вообще въ подписяхъ подъ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ произведеній Шевченка есть нѣсколько указаній на станціонные пункты въ его страннической жизни. Хронологія же стихотвореній Шевченка даетъ понять, что онъ увлекся идеями кирилло-меѳодіевскаго кружка не въ 1846 году, когда онъ будто-бы познакомился съ Н. И. Костомаровымъ, а годомъ раньше. Только въ 1845 году Шевченко, Кулишъ и Костомаровъ, входившіе въ составъ кирилло-меѳодіевскаго общества, могли быть въ Кіевѣ вмѣстѣ.

Четвертая часть книги г. Чалаго, заключающая обзоръ важнѣйшихъ произведеній г. Шевченка, излагаетъ собственно содержаніе главнѣйшихъ произведеній поэта въ простомъ прозаическомъ разсказѣ и имѣетъ въ виду преимущественно читателей великороссовъ. Но въ концѣ этой части есть двѣ заново отдѣланныя главы: „О стихотвореніяхъ Шевченка, какъ матеріалѣ для музыкальныхъ произведеній“, и „О Шевченкѣ, какъ живописцѣ“. Изложеніе содержанія важнѣйшихъ произведеній Шевченка не представляетъ почти ничего новаго въ сравненіи съ подобнымъ же изложеніемъ барона Баттаглія и А. Т—аго, и даже уступаетъ имъ въ томъ отношеніи, что г. Чалый совершенно отказывается опредѣлить и установить хронологію произведеній Шевченка. „Соблюсти хронологически-точный порядокъ въ распредѣленіи произведеній Шевченка, какой старается удержать баронъ Баттаглія, говоритъ г. Чалый, по нашему мнѣнію, довольно трудно: самъ поэтъ не только не помнилъ времени созданія того или другаго стихотворенія, но подъ гнетомъ неблагопріятныхъ для свободнаго творчества обстоятельствъ, по возвращеніи изъ ссылки, иногда не узнавалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ собственныхъ произведеній, написанныхъ въ раннюю, лучшую пору своей поэтической дѣятельности“. Махнувъ рукою на хронологію произведеній Шевченка, г. Чалый не обращаетъ даже вниманія на тѣ несомнѣнныя хронологическія даты, какія имѣются на нѣкоторыхъ произведеніяхъ Шевченка. Извѣстно, что въ „Хатѣ“ Кулиша, 1860 г., помѣщено было десять стихотвореній Шевченка. Объ этихъ стихотвореніяхъ г. Чалый говоритъ, что они „*по всей вѣроятности*, написаны въ ссылкѣ“. А между тѣмъ въ „Хатѣ“ подъ каждымъ изъ этихъ стихотвореній есть

опредѣленная хронологическая дата: они писаны между 1847—1859 годами, во время ссылки и послѣ нея. Конечно, довольно трудно опредѣлить и установить хронологію произведеній, но не невозможно. Она можетъ быть возстановлена, хотя приблизительно, на основаніи сохранившихся датъ подъ произведеніями Шевченка, обозрѣнія печатныхъ изданій произведеній Шевченка, указаній его дневника и воспоминаній его друзей, и проч. И только установивъ хронологію произведеній Шевченка, мы можемъ ожидать изложенія исторіи развитія самаго поэта и его идей, необходимой для его изученія и уразумѣнія.

Есть у г. Чалаго нѣкоторые пробѣлы и въ перечнѣ сочиненій Т. Гр. Шевченка. „Изъ произведеній", написанныхъ Шевченкомъ на общерусскомъ литературномъ языкѣ, говоритъ авторъ книги, извѣстны въ печати только четыре: "Тризна" (1844), Дневникъ, „Нещастный" (1881) и „Музыкантъ". Мы прибавимъ съ своей стороны, что извѣстны также въ печати русскія произведенія Шевченка: отрывокъ изъ драмы „Никита Габдай", помѣщенный въ „Маякѣ" за 1842 годъ, и отрывки изъ повѣсти „Матрозъ", напечатанные въ газетѣ „Трудъ" за 1881 годъ.

Можно было-бы предъявить автору и нѣкоторыя другія требованія относительно изложенія произведеній Шевченка, именно: 1) чтобы показано было отношеніе нѣкоторыхъ, покрайней мѣрѣ слабѣйшихъ произведеній Шевченка устнымъ народнымъ произведеніямъ,—напр. поэмы „Петрусь" къ народной пѣснѣ о Петрусѣ; 2) чтобы показано было отношеніе нѣкоторыхъ произведеній Шевченка къ другимъ украинскимъ писателямъ, напр. поэмы „Червець" къ „Чорной Радѣ" Кулиша (стр. 84—86 „Чорной Рады", 1857 г.) и 3) особенно, чтобы показано было вліяніе на Шевченка русскихъ поэтовъ Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова, намѣченное въ общихъ чертахъ г. Кулишомъ. Послѣднее требованіе тѣмъ болѣе естественно, что книга г. Чалаго назначается и для великорусскихъ читателей и выполненіемъ этого требованія могла бы еще болѣе расположить ихъ въ пользу Шевченка. Но мы не предъявляемъ этихъ требованій какъ потому, что они не входили въ кругъ задачъ автора книги, такъ и потому, что не всѣ же требованія можно предъявить одному и тому же труженику науки. Большое спасибо г. Чалому и за то, что онъ сдѣлалъ для біографіи Шевченка столько, сколько никто другой раньше его. Книга его составляетъ необходимое пособіе для всякаго любителя и изслѣдователя украинской литературы,

и должно думать, что эта капитальная книга дастъ новый толчекъ къ критическому обзору жизни и произведеній Тараса Григорьевича Шевченка.

Н. П.

Die Ungern oder Magyaren. Paul. Hunvalfy. Vien und Teschen. 1881.

Это сочиненіе венгерскаго этнографа-историка состоитъ изъ шестнадцати небольшихъ главъ: 1) Вступленіе, 2) До-венгерское время въ Панноніи и Дакіи, 3) Древнѣйшія извѣстія о венграхъ, 4) Національное родство венгровъ, 5) Происхожденіе и прародина венгровъ, 6) Религія и духовная жизнь венгровъ, 7) Вліяніе тюркскихъ народовъ на венгровъ, 8) Вліяніе славянъ, 9) Христіанство и государство въ Венгріи, 10) Пришельцы въ Венгріи, 11) Географія и топографія, 12) Пѣсня о нибелунгахъ и венгерскія хроники, 13) Политическое и соціальное развитіе, 14) Духовное развитіе, 15) Современное положеніе и 16) Антропологическое мѣсто мадьяръ.

Первыя десять главъ составляютъ одно отдѣленіе, которое интересно и для русскаго, историка. Особенно важны для насъ главы: III, IV, V, VII, VIII и X.

Первоначальная исторія венгровъ связана съ южной Россіей. Константинъ Б. говоритъ, что они жили подлѣ Хозаріи, между Волгой и Днѣпромъ, и были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ этимъ оригинальнымъ государствомъ. Авторъ приводитъ извѣстія этого писателя и арабскаго ученаго Ибнъ-Даста, который говоритъ, что венгры живутъ скотоводствомъ, охотой и рыбной ловлей, что они принадлежатъ къ тюркскому племени. Г. Унвальфи, какъ и слѣдуетъ, не признаетъ послѣдняго извѣстія араба. Однако же онъ приводитъ изъ него цитату, которая вполнѣ едва-ли къ намъ относится. Ибнъ Дастъ, жившій въ X в., уже не засталъ венгровъ на ихъ прежнихъ мѣстахъ: все это пространство занимали печенѣги, бытовыя черты которыхъ и отнесены Ибнъ-Дастомъ къ венграмъ. Такихъ смѣшеній въ арабскихъ извѣстіяхъ мы знаемъ довольно. Чертами венгерскими могутъ быть признаны только, что ихъ государь называется Кенде, а собственное имя его Дусиле. Хозаре никогда не возводили укрѣпленій противъ венгровъ, а противъ печенѣговъ, или, какъ путаютъ нѣкоторые ара-

бы, противъ гузовъ. Тутъ авторомъ сдѣланъ промахъ. Нельзя также иначе смотрѣть и на отождествленіе г. Унвальфи узовъ и половцевъ. Византійскія хроники, арабскія сочиненія и даже наши лѣтописи—всѣ говорятъ противъ такого мнѣнія. Константинъ Б. не знаетъ куманъ-половцевъ, а говоритъ только объ узахъ и печенѣгахъ. Половцы, или кумане византійцевъ и венгровъ, выступаютъ гораздо позже на историческую сцену. Узы борятся съ ними и на берегахъ Дуная и на берегахъ Дона, какъ это извѣстно изъ нашихъ и византійскихъ лѣтописей. Здѣсь нѣтъ возможности приводить фактовъ, но стоитъ только просмотрѣть собраніе арабскихъ извѣстій Досеона, чтобы убѣдиться въ этомъ. Арабы знаютъ нашихъ половцевъ или подъ именемъ кумановъ или кипчаковъ. Узы—это торки нашихъ лѣтописей.

Не принявъ мнѣнія Ибнъ-Даста о тюркизмѣ венгровъ, г. Унвальфи въ слѣдующей главѣ старается разрѣшить вопросъ о ихъ племенной принадлежности. Еще г. Европеусъ въ 1874 г., на основаніи сличенія языковъ венгерскаго съ финскимъ, пришелъ къ заключенію о родствѣ венгровъ съ племенами вогуличей, остяковъ. Г. Унвальфи представляетъ сравнительную таблицу языковъ венгерскаго, вогульскаго, финскаго и тюркскаго. Сначала идетъ таблица словъ, выражающихъ понятія частей тѣла, затѣмъ таблица, озаглавленная „Naturliches und sittliches Leben“, потомъ конкретныхъ понятій, родства и, наконецъ, именъ числительныхъ. Сравнивая числительныя имена, авторъ приходитъ къ выводу, что финско-угрскіе народы въ самое древнее время своей жизни считали только до 7, имѣли семиричную систему. Дѣйствительно слова, выражающія понятія чиселъ до 7-ми, совершенно сходны въ языкахъ венгерскомъ, вогульскомъ и финскомъ. Далѣе 7-ми слова совершенно различны. „Мы можемъ, говоритъ авторъ, принять время семиричной системы за самое древнее время или праперіодъ (Urzeit) финско-угрскихъ языковъ и народовъ“. „На сѣверѣ они простирались до Ледовитаго океана, съ юга ихъ ограничивали различные народы по великому пути. Области рѣкъ—Двины, Камы, Волги, Ялка, Иртыша, Оби и средняго и сѣвернаго Урала служатъ предѣлами родины этихъ племенъ, изъ которыхъ (предѣловъ) они распространились на западъ и югъ.

Во время совмѣстнаго жительства угро-финскія племена занимались охотой, рыбной ловлей; у нихъ была уже болѣе или менѣе развита семейственность и общественность; были занятія рукомеслами, употреблялись домашнія животныя, какъ лошадь и

собака. Все это явствуетъ изъ тождества словъ въ языкахъ угро-финскихъ племенъ для выраженія данныхъ понятій.

Опредѣливъ область распространенія угро-финскихъ племенъ въ періодъ ихъ сожительства путемъ лингвистики, г. Унвальфи старается очертить границы венгерскаго племени на основаніи извѣстій венгерскихъ лѣтописей. Онѣ называютъ двѣ рѣки, Тогату и Эстуль, Этель. Первую авторъ признаетъ за Иртышъ, впадающій въ Обь. Этель, конечно, Волга. На востокъ отъ Денціи и Магоріи, прародины венгровъ, по хроникамъ, простирается земля Юріанъ (Jurianorum). Эту Юріанію г. Унвальфи совершенно неправильно сближаетъ съ нашей Югрой, которую Іоаннъ IV покорилъ въ 1499 г. (?). Югра, покоренная русскими, и есть та самая Угрія, изъ которой произошли венгры, какъ нѣсколько выше утверждалъ и авторъ, намѣчая границы угро-финскихъ племенъ. Если вообще можно объяснить Юріанъ Туроца, то ихъ слѣдуетъ сблизить съ Югуріей, центръ которой былъ у верховьевъ Иртыша, которая занимала центральную Азію. Населявшій ее народъ были тюрки. У нихъ, по словамъ Рубрукваса, былъ источникъ и корень турецкаго и команскаго нарѣчій. Еще Вивіенъ-де-С. Мартенъ предупреждалъ, чтобы не смѣшивать этихъ двухъ Югурій, т. е. финской Угры, или Югры, съ тюркской Югуріей. Это-то сосѣдство съ тюркской Югуріей и могло имѣть вліяніе на языкъ венгровъ. Такъ съ южными животными венгры, по мнѣнію г. Унвальфи, познакомились чрезъ тюрковъ; съ продуктами земледѣлія, съ домашними орудіями, мебелью, предметами одежды, они ознакомились чрезъ тѣ-же руки, сюда-же нужно отнести религіозныя и духовныя понятія, всѣ они выражаются словами, заимствованными изъ языковъ тюркскихъ. Авторъ не допускаетъ, чтобы эти слова вошли изъ языковъ печенѣжскаго или узскаго: съ первыми венгры были во враждѣ, вторые не были ихъ сосѣдями. Особенно дружественныя отношенія были съ хазарами. Къ венграмъ переселились изъ Хазаріи кабары, которымъ г. Унвальфи и приписываетъ вліяніе на венгерскій языкъ, внесеніе въ него тюркскихъ словъ. Кромѣ кабаровъ, вѣроятно, долю вліянія оказали и печенѣги, а еще раньше и сосѣдство Югуріи. Скандинавскія саги сохранили память о борьбѣ угрскихъ племенъ съ тюрками. Саги знали эти племена еще до раздѣленія ихъ. Затѣмъ и враждебныя отношенія печенѣговъ начинаются только тогда, какъ ихъ потѣснили узы.

Кромѣ вліянія тюркскаго, венгры испытали вліяніе и славянства. Отъ славянъ, по мнѣнію автора, они заимствовали названія

церковныхъ и религіозныхъ предметовъ и лицъ, понятія и лица общественности и политики, растеній, земледѣлія, ремеслъ.

Отчего венгры не расплавились въ мѣстныхъ элементахъ? Это г. Унвальфи объясняетъ сравнительной ихъ многочисленностью при появленіи въ Панноніи и не высокой степенью культуры туземцевъ. Глава, въ которой авторъ трактуетъ о пришельцахъ въ Венгрію, раздѣляется на нѣсколько отдѣленій, по числу переселившихся въ Венгрію народовъ. Авторъ сначала ставитъ измаелитовъ, затѣмъ печенѣговъ, кумановъ, татаръ и нѣмцевъ. Каждому изъ этихъ племенъ посвященъ краткій очеркъ исторіи его въ Венгріи; это почти простое перечисленіе фактовъ, довольно сухое, не лишенное нѣкоторыхъ интересныхъ данныхъ, хотя и не безъ мелкихъ промаховъ. Вообще одинъ изъ недостатковъ автора, это почти полное отсутствіе ссылокъ, незнакомство съ русскими источниками и даже отчасти съ арабскими. Но мы уже видѣли, насколько интересны первыя главы труда г. Унвальфи; не менѣе интересна и вторая часть, гдѣ авторъ рисуетъ политическое устройство Венгріи и взаимныя отношенія ея сословій. Мы должны еще воздать благодарность автору, что онъ употребилъ въ своемъ трудѣ доступный нѣмецкій языкъ, а не венгерскій.

П. Голубовскій.

Кіевъ. 1882 г. Іюля 18.

Посадъ Вилковъ. Историко-статистическій и бытовый очеркъ. Составилъ Георгій Бахталовскій. Кишиневъ. 1881 г.

Предъ нами брошюра во сто съ небольшимъ страницъ, посвященная описанію никому неизвѣстнаго уголка Бессарабіи, п. Вилкова, близъ Киліи, въ устьяхъ Дуная. Поселеніе это бѣдное, исторія его не давняя, не богатая фактами, интересная, по видимому, для однихъ лишь вилковцевъ; источники для нея также скудные: документы мѣстной управы, записи церковныя, разсказы старожиловъ. Тѣмъ не менѣе трудъ г. Бахталовскаго не лишенъ значенія для людей интересующихся исторіей южной Россіи. Съ усердіемъ и любовію авторъ отдался своему труду, кропотливо и добросовѣстно собиралъ и разбиралъ скудные матеріалы и старался выжать изъ нихъ все, чѣмъ можно освѣтить исторію этого темнаго, заброшеннаго уголка и привести ее въ исторію края. Только подобными трудами можетъ пополняться и разъясняться

наша общая исторія, и нельзя не желать, чтобы такія изслѣдованія являлись у насъ чаще и чтобы люди, посвящающіе имъ свой досугъ, не смущались кажущеюся мелочностію тѣхъ свѣдѣній, которыя могутъ быть сообщены ими о близкихъ имъ почему-либо городахъ и городишкахъ. Посадъ Вилковъ—это одинъ изъ тѣхъ отпрысковъ Запорожья, которые оно дало отъ себя, погибая не естественною смертію и которые лишь теперь понемногу приводятся въ извѣстность. По мѣстному преданію, онъ основанъ запорожцами послѣ уничтоженія Сѣчи (въ 1775 г.), когда одна часть сѣчевиковъ не скоро нашла себѣ мѣсто на Кубани, а другая въ слѣдъ за разореніемъ роднаго Коша эмигрировала въ Турцію. Отдѣлившаяся горсть послѣднихъ, заняла то мѣсто, на которомъ теперь стоитъ Вилковъ и которое принадлежало тогда Турціи. Кубанцы посѣщали своихъ братьевъ, поселившихся за предѣлами родной земли и, можетъ быть, въ честь ихъ одно изъ гирлъ Дуная называется у простонародья Кубанкой.

Занявъ пустынныя, частію болотистыя, частію песчаныя мѣста вблизи Дуная, набожные запорожцы прежде всего устроили себѣ здѣсь церковь изъ лозняка, камыша и глины. Можно вообразить себѣ по матеріалу для постройки, что это была за церковь. Но ими движетъ преданіе о дорогой Сѣчи и убогую свою церковь - мазанку они посвящаютъ имени Покрова Пресвятыя Богородицы, въ подражаніе сѣчевой, а при ней устроиваютъ колокольню. Это были истые сѣчевики; по старому обычаю жили они въ куреняхъ, наполняя свой составъ бѣглецами изъ Украйны, наводнявшими Бессарабію, и занимаясь рыболовствомъ.

Послѣ присоединенія Бессарабіи къ Россіи (въ 1812-мъ году, по букарестскому трактату), холостые вилковскіе запорожцы, по словамъ г. Бахталовскаго, „не желая оставаться въ россійскихъ владѣніяхъ, перешли за Дунай и поселились въ Турціи“ (стр. 9—10). Уходя изъ Вилкова, они унесли съ собой два колокола отъ покровской, вилковской церкви, но зарыли ихъ въ землю въ старой Киліи. Впослѣдствіи вилковцы вырыли изъ земли эти „дзвоны“ и перевезли ихъ обратно въ свое селеніе. Сперва жители Вилкова состояли исключительно изъ украинцевъ, но позже сюда мало-по-малу стали стекаться и великороссы, главнымъ образомъ старообрядцы, убѣгавшіе отъ религіозныхъ притѣсненій на родинѣ. Элементъ великороссійскій превозмогъ малороссовъ, причемъ часть послѣднихъ совершенно выбралась изъ Вилкова, а большинство поселилось вблизи построенной запорожцами Покровской цер-

кви (стр. 10—11), такъ что теперь населеніе Вилкова состоитъ, выражаясь словами письменныхъ документова вилковской ратуши, „изъ двухъ породъ"—великорусской и украинской, къ которымъ пристала также „малая толика" вездѣсущихъ евреевъ (стр. 21). Великоруссы и малороссы существенно различаются здѣсь въ вѣроисповѣданіи, обычаяхъ и обстановкѣ жизни, вслѣдствіе чего каждая изъ этихъ „двухъ породъ" имѣетъ въ Вилковѣ свое особое кладбище и вообще сторонится другой.

Не безъинтересны, въ историческомъ отношеніи, сообщенія автора о томъ, какъ взыскивались съ вилковцевъ въ старину казенныя подати исправникомъ Копейкинымъ. „Копейкинъ, говоритъ авторъ, со словъ о. Гончарова (старика-протоіерея, разсказывавшаго ему о прежнемъ житьѣ-бытьѣ вилковцевъ), выбрался въ исправники изъ волостныхъ писарей и, съ цѣлью ускореннаго сбора податей, имѣлъ обыкновеніе натравливать жителей недалеко лежавшаго селенія Галилештъ на вилковцевъ; эти галилеяне врывались въ ихъ дома, ломали мебель, заливали огонь въ печи и чинили многія иныя пакости" (стр. 24).

Преданные мирнымъ занятіямъ рыболовства, вилковцы, однако, во время турецкихъ войнъ, иногда принимали участіе въ войнѣ съ бусурманами; такъ, въ 1828 году сорокъ лодокъ съ вилковцами участвовали въ переправѣ русской арміи черезъ Дунай, ниже Рени. Числясь казенными поселянами, жители Вилкова были надѣлены пахатной землей; но послѣдняя, какъ на бѣду, лежала отъ ихъ обиталищъ чуть не за тридцать верстъ и за нее нужно было платить налоговъ чуть-ли не больше, чѣмъ самая земля эта приносила дохода (стр. 29). Это обстоятельство подало поводъ вилковцамъ хлопотать о переименованіи ихъ селенія въ посадъ, каковыя хлопоты, наконецъ, и увѣнчались успѣхомъ въ 1840 году.

Пропуская исторію вилковской ратуши, не представляющую прямаго историческаго интереса, остановимся на разсказѣ автора о бѣглыхъ, искавшихъ пріюта и спасенія въ Бессарабіи. Одною изъ причинъ обѣдненія посада Вилкова и уменьшенія количества его жителей, говоритъ г. Бахталовскій, „должны быть признаны многочисленныя дѣла о припискѣ къ Вилкову бѣглыхъ или бродягъ, повлекшія за собою ссылку многихъ вилковцевъ въ Сибирь" (стр. 70). Всѣмъ извѣстно, какова была жизнь помѣщичьихъ крестьянъ во времена крѣпостнаго права; немногимъ лучше этого жилось и сектантамъ въ строгія времена Николая I-го. Тѣ и другіе, поэтому, искали спасенія за границей и вблизи турецкой границы; адми-

нистрація-же, въ свою очередь, употребляла всѣ усилія къ прекращенію здѣсь бродяжничества. Бѣглецы получали, такъ сказать, права гражданства въ Бессарабіи различными путями: иногда бѣглецъ, подмазавъ, *гдѣ надо*, добывалъ себѣ изъ ратуши свидѣтельство о томъ, что онъ „значится въ числѣ приписывающихся" къ вилковскимъ, напримѣръ, мѣщанамъ,—иногда онъ принималъ имя и фамилію какого-нибудь умершаго обывателя и взносилъ за него подати, иной разъ бѣглецъ поступалъ въ члены какого-нибудь семейства и т. п. Такія продѣлки не всегда благополучно сходили съ рукъ вилковцамъ. Такъ въ 1843 г., за пріемъ и укрывательство нѣкоего бѣглаго, называвшаго себя Петлеваненкомъ, судили шестьнадцать человѣкъ вилковцевъ-малороссовъ, изъ числа которыхъ семь душъ понесли тяжелое наказаніе (ссылка въ Сибирь, наказаніе плетьми, тюремное заключеніе на семь дней и денежный штрафъ), а остальные девять человѣкъ оправданы.

Гр. Д—нъ.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ОТНОСИТСЯ ЛИ ПѢСНЯ О ВЗЯТІИ АЗОВА *) КЪ СОБЫТІЯМЪ XI ВѢКА?

Въ іюльской книжкѣ Кіевской Старины за текущій годъ напечатана статья достопочтеннаго г. Стоянова: „Южнорусская пѣсня о событіи XI вѣка“, имѣющая цѣлію сообщить очень важное открытіе въ области нашей южнорусской этнографіи. Дѣло въ томъ, что на мѣстѣ, близкомъ къ мѣстности древняго города Торческа, взятаго половцами въ 1033 году, изъ устъ селянъ записано преданіе, сходное съ лѣтописнымъ повѣствованіемъ. По лѣтописи (П. С. Р. Л. 1. 93—94) разсказывается, что когда половцы съ большой силой обступили Торційскій градъ, выступили противъ враговъ князья изъ Кіева: Святополкъ Изяславичъ, Владиміръ Мономахъ и меньшій братъ послѣдняго Ростиславъ. Но между ними настала безладица и они обратились въ бѣгство съ своими дружинами. Молодой князь Ростиславъ при переправѣ черезъ рѣку Стугну утонулъ передъ глазами старшаго своего брата Владиміра Мономаха. „Половцемъ же осѣдящимъ Торцьскый, противящимся же Торцьскомъ и крѣпко борющимся изъ града убиваху многы отъ противныхъ; половци же начаша налегати и отъмиаху воду и изнемогати начаша людье въ градѣ водною жажею и голодомъ. И прислаша Торци къ Святополку глаголюще: аще не пришлеши брашна, предатися имами. Святополкъ же посла имъ и не бѣ лзѣ вкра-

---

*) Кіев. Старина, іюль, стр. 81.

стися въ градъ множествомъ вой ратныхъ. Изнемогоша люды въ градѣ гладомъ и предашася ратнымъ".

Одинъ изъ мѣстныхъ поселянъ Корній Валовый передаетъ дошедшее до него преданіе такъ:

Этотъ городъ былъ еще при тѣхъ князьяхъ, которые княжили когда-то въ Кіевѣ, Красномъ и Трипольѣ; тому уже будетъ съ тысячу лѣтъ. Говорятъ, городъ Торчь былъ очень силенъ и непріятель (а тогда все орды ходили) никакъ не могъ его добыть. Только начнутъ лѣзть на валы, торчане бросаютъ на нихъ колоды съ валовъ: поколотятъ ихъ добрымъ порядкомъ—они и отойдутъ въ свои шанцы. Однако хитростями городъ взяли: воду отвернули со Стугны, да чумакомъ; князья пришли на помощь торчанамъ и стали между собой толковать и ссориться. А орда, не долго думая и совѣтуясь, какъ бросится на нихъ, и потопила всѣхъ въ Стугнѣ.

Другой мѣстный туземецъ Омелько продолжалъ разсказъ такъ:

Враги же все не отступаютъ отъ Торча, облегли его кругомъ такъ, что тамъ стало нечего ѣсть и пить: отвели, значитъ, воду, а сами приготовили пятдесятъ возовъ чумацкихъ: въ переднихъ наложили хлѣбнаго зерна, а въ остальныхъ сами залегли и говорятъ: мы вамъ провіантъ веземъ присланный отъ помощи. Дѣло происходило ночью. Имъ отворили ворота. Они такимъ образомъ взяли Торчь: вотъ это и значитъ: чумакомъ взяли городъ. И въ пѣснѣ про это поется:

А зробимъ, братці, півтораста возовъ,
Да поидемо въ Азовъ.
Приходе купчина, пытае.
У насъ, брате, товаръ дорогий...

Пѣсня, которую привелъ Омелько, найдена была въ нѣсколькихъ варіантахъ. Содержаніе ея таково: богачъ бурлакъ собираетъ ватагу молодцовъ, все изъ мастерового народа, снаряжаетъ возы съ дорогими мѣхами на продажу, а въ заднихъ возахъ вмѣсто товара запрятываются молодцы. Они отправляются въ какой-то городъ, различно именуемый въ различныхъ варіантахъ пѣсни. Такимъ способомъ они овладѣваютъ этимъ городомъ. По нѣкоторымъ же варіантамъ они просто продаютъ свой товаръ вмѣстѣ съ воза-

ми и волами. Пѣсня эта не составляетъ мѣстнаго сокровища, распространена повсюду и мнѣ была извѣстна уже лѣтъ сорокъ. Позволю себѣ не согласиться съ выводами достопочтеннаго изслѣдователя и укажу почему:

1) Намъ остается желательнымъ знать: былъ-ли грамотенъ Корній Валовый и не сообщилъ ли ему свѣдѣній о древнемъ Торчѣ кто-нибудь изъ печатной книжки, а объ этомъ, хотя бы кратко, можно найти въ любой русской исторіи, въ нѣкоторыхъ же и подробно съ мелочами лѣтописнаго разсказа. Вездѣ, гдѣ есть мѣстности, которыхъ названія почему-либо извѣстны въ исторіи, мѣстные грамотѣи любятъ читать и другимъ передавать прочитанное о своей мѣстности. Что-то уже слишкомъ близко къ лѣтописи знаетъ этотъ Корней Валовый о событіяхъ XI вѣка и притомъ такихъ, какъ неудача русскихъ при переправѣ черезъ Стугну и потопленіе ихъ. Какъ могло такое событіе, одно изъ многихъ, похожихъ въ главныхъ чертахъ другъ на друга, уцѣлѣть въ теченіи 800 лѣтъ въ народной памяти?!

2) О безъискуственности разсказа Омелька не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но въ немъ сходство съ лѣтописнымъ повѣтствованіемъ только то, что осажденные въ Торчѣ принуждены были къ сдачѣ города отведеніемъ воды и голодомъ. Такой конецъ обыкновенно полагается въ преданіяхъ обо всѣхъ старинныхъ городахъ. Въ псковской губерніи обо всѣхъ старинныхъ псковскихъ пригородахъ разсказываютъ на мѣстѣ одно и тоже: городъ былъ большой, церквей въ немъ было нѣсколько десятковъ, силенъ былъ городъ, да взяли его потому, что воду отвели изъ такой-то рѣки и подвозу съѣстнаго не стало; да вѣдь оно такъ всегда почти и бываетъ! Вѣрность въ сказаніи Омелька въ этомъ случаѣ зависитъ отъ естественности: все равно, есть ли въ лѣтописи о такомъ концѣ Торческа, или нѣтъ, въ разсказѣ о старомъ городѣ, взятомъ врагами, преданіе окончится именно такою чертою. Что касается до взятія Торческа посредствомъ ввезенныхъ туда повозокъ съ запрятанными молодцами, Омелько здѣсь пріурочилъ къ своему Торческу общую, извѣстную ему пѣсню. Мы готовы биться объ-закладъ, что въ другой мѣстности, гдѣ есть городище стариннаго города, непремѣнно можно услышать такое же пріуроченіе этой же самой пѣсни.

3) Что касается до самой пѣсни въ ея основѣ, то мы не сомнѣваемся причислить ее къ разряду древнихъ; замѣтимъ, что намъ она всегда казалась заимствованною изъ великорусскихъ, хотя уже отъ времени сильно притертою въ малорусскомъ народномъ обиходѣ, но это не уничтожаетъ въ ней колорита древности, напротивъ, еще болѣе придаетъ онаго: чѣмъ древнѣе пѣсня, тѣмъ близости въ ней можно найти больше съ другою единоплеменною народностью. Когда сложился въ ней образъ народнаго міровоззрѣнія, представляющій взятіе чужого города посредствомъ хитраго проведенія туда воиновъ,—мы сказать не въ состояніи; но вѣрно то, что онъ сложился и облекся въ пѣсню вслѣдствіе не какого нибудь случая, бывшаго тамъ или здѣсь когда-то, а цѣлаго, можетъ быть, ряда мелкихъ случаевъ, и потомъ самъ былъ источникомъ многихъ болѣе или менѣе въ свое время важныхъ подобныхъ событій, происходившихъ въ дѣйствительности, такъ какъ этотъ образъ составилъ часть народнаго міросозерцанія, которое всегда, иногда и незамѣтно, двигаетъ историческимъ ходомъ судьбы народа. Эти пятдесятъ или двѣсти пятдесятъ возовъ со скрытыми тамъ воинами—тотъ же деревянный конь хитроумнаго Одиссея, введенный подъ дружелюбнымъ предлогомъ въ Трою, и тайно нагруженный воинами, которые съ наступленіемъ ночи встали изъ своего убѣжища и разорили всю Трою. Что этотъ деревянный конь въ свое время сдѣлался образомъ народнаго эллинскаго міросозерцанія, показываетъ то, что послѣдующая исторія греческихъ республикъ не скудна событіями, когда воюющія стороны брали верхъ посредствомъ хитраго введенія своихъ силъ и къ соперникамъ подъ дружелюбными предлогами. Въ исторіи другихъ народовъ можно также встрѣтить такой же образъ народнаго міросозерцанія, и подобнаго рода дѣйствительно бывшія событія, которыя безъ сомнѣнія возникали въ значительной степени отъ этого міро-созерцанія, укоренившагося прежде.

4) Наша пѣсня о введеніи возовъ съ воинами, подъ дружелюбнымъ предлогомъ привоза товара на продажу, вѣроятно носитъ въ себѣ зародыши разныхъ народныхъ вымысловъ и дѣйствительныхъ событій, порождаемыхъ силою обычнаго народнаго міросозерцанія; но напрасны будутъ усилія пріурочить ее къ какому-нибудь опредѣленному историческому событію въ томъ или дру-

гомъ вѣкѣ нашей исторіи. Ее уже, какъ видно, относили къ событіямъ XVII вѣка. Псевдо-Конисскій разсказываетъ подобное событіе по поводу освобожденія козаками Палѣя изъ польскаго плѣна; неизвѣстно, самъ ли псевдоисторикъ пригналъ тотъ разсказъ къ Палѣю или взялъ уже готовое приложеніе его въ народѣ. Во всѣхъ варіантахъ видно, что идетъ скорѣе дѣло о временахъ казацкихъ, а не о древнихъ княжескихъ. Города, упоминаемые въ разныхъ варіантахъ различно, все таки заимствованы изъ географіи позднѣйшей козацко-татарской эпохи, а не удѣльно-вѣчевой: Азовъ, Кремень (Исланъ—Кермень), Кишеневъ, Ростовъ, Щучинъ (?). Изслѣдователь большое значеніе для себя видитъ въ томъ, что одинъ варіантъ кончается такъ, какъ будто орда захватываетъ и вводитъ въ городъ возы, что (говоритъ онъ) болѣе согласно съ лѣтописью, по которой Святополкъ не могъ доставить брашна осажденнымъ торчаномъ (Кіевск. Стар., іюль 1882 г., стр. 93). Дѣйствительно есть такой варіантъ, гдѣ говорится, что орда забрала волы и возы; но не говорится, что орда ввезла эти возы, овладѣвъ ими прежде, какъ бы хотѣлось достопочтенному г. Стоянову, желающему во чтобы то ни стало подогнать эту пѣсню къ подобію съ лѣтописнымъ повѣствованіемъ о взятіи Торческа половцами. По смыслу этого варіанта выходитъ, что привезшіе товаръ говорятъ: завтрешній день увидимъ, братья, сами, что будетъ.

А по завтрашнемъ, братьтя,
Побачемо ще й сами...

Далѣе говорится, съ вечера орда городомъ овладѣла кругомъ (городъ обняла), къ полуночи—вошла въ городъ, а на разсвѣтѣ—забрала возы и волы. Хотя, вообще, излагается событіе не ясно, но все-таки видно, что явленіе орды совершается уже послѣ того, какъ возы введены въ городъ, а не орда эти возы вводила, какъ хочется достопочтенному изслѣдователю. Онъ увлекается въ желаніи непремѣно привязать эту пѣсню къ Торческу до того, что окончаніе вышеприведеннаго варіанта: „кому недостаетъ суконъ и золота, тотъ беретъ молодыхъ тур[illegible]чокъ“ толкуетъ такъ, какъ будто слово: туркеня=турчанка, здѣс[illegible]значитъ—торкеня=обитательница города Торческа, тогда какъ слово: туркеня—самое употребительное до сихъ поръ и совершенно умѣстно въ варіантѣ, гдѣ

дѣйствіе происходитъ въ городѣ Азовѣ, населенномъ турками. Болѣе правдоподобно гг. Рудченко (Чум. пѣсни, 84) и г. Т—въ (Вѣстникъ Европы, мартъ 1877 года) склоняются по этимъ чертамъ варіанта, о которомъ идетъ рѣчь, видѣть здѣсь великорусскую разбойничью пѣсню, или же пѣсню о взятіи Азова донскими козаками при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ; но это имѣетъ правдоподобіе только относительно особенностей одного этого варіанта пѣсни, а не всей пѣсни. Вообще варіантъ этотъ не составляетъ единой и неизмѣнной редакціи всего народнаго произведенія; напротивъ, въ большей части другихъ извѣстныхъ намъ варіантовъ этой пѣсни вовсе не упоминается объ ордѣ, которой здѣсь въ заключеніе всего достаются привезенные возы съ товарами. Пѣсни, какъ всѣмъ занимавшимся ими вѣдомо, въ текущемъ обращеніи среди народа видоизмѣняются; изъ одной отдѣляются части и образуютъ особыя пѣсни, одна пѣсня соединяется съ другою, изъ нужой заходятъ случайно стихи и даже большія части и придаютъ иной смыслъ содержанію, иногда даже внѣдряются части единственно по сходству или даже по отдаленному подобію напѣва, и притомъ пѣсни въ одномъ краѣ поются иначе, чѣмъ въ другомъ, подвергаясь вліянію и говоровъ и индивидуальныхъ особенностей поющихъ лицъ. Поэтому, чтобы понимать истинный смыслъ пѣсни и ея первоначальное бытіе, нужно имѣть въ виду только основныя черты ея, а не случайныя: отличать тѣ и другія составляетъ важнѣйшее искуство въ этнографіи.

5) Ничего не помогаетъ г. изслѣдователю и приведенный имъ разсказъ о томъ, что, по сообщенію Омелька, одинъ разъ дѣти на мѣстѣ древняго Торческа нашли яму и въ ней шолковый клубочекъ. Когда они стали его мотать, вдругъ изъ подъ земли показалась церковная глава и стала выходить церковь. Но тутъ прибѣжала мать и церковь опять ушла подъ землю. Этотъ поэтическій разсказъ не принадлежитъ исключительно одной какой нибудь мѣстности и даже одному какому нибудь краю. Онъ ходитъ по всей Руси, повторяется почти вездѣ, гдѣ есть преданіе объ ушедшей подъ землю церкви, которая иногда, хотя рѣдко, является людямъ. Такихъ преданій мно[illegible]

Изъ всего изслѣдованія многоуважаемаго г. Стоянова одно только представляетъ вкладъ въ науку: это опредѣленіе мѣстопо-

ложенія древняго Торческа на р. Стугнѣ, что̀ и осталось у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Торча, какъ называютъ они до сихъ поръ бывшій городъ. Любопытно было бы, если бъ археологи нашли возможнымъ поискать въ глубинѣ земли остатковъ его бытія и жизни его обитателей.

Н. Костомаровъ.

Іюля 11-го 1882 года.

ПОСЛѢДНІЙ ПИСАРЬ ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКАГО ГЛОБА.

Въ Русской Старинѣ 1875 года (ноябрь) была помѣщена мною статья: „Калнишевскій, послѣдній кошевой Запорожской Сѣчи", написанная мною по случаю истеченія ста лѣтъ со времени уничтоженія „славнаго войска запорожскаго". Въ этой статьѣ, между прочимъ, напечатаны собранныя мною въ 1862 году преданія бѣломорскихъ поморовъ о Калнишевскомъ, свѣдѣнія объ отправкѣ его изъ Архангельска для содержанія въ Соловецкій монастырь, заимствованныя изъ дѣлъ архангельскаго губернскаго архива, всеподданнѣйшій докладъ кн. Потемкина о заточеніи кошеваго атамана въ Соловецкій монастырь, войсковаго судьи Головатаго и войсковаго писаря Глобы въ сибирскіе монастыри,—указъ св. синода архимандриту соловецкаго монастыря Досиѳею о способѣ содержанія Калнишевскаго въ заточеніи, надпись на евангеліи, пожертвованномъ монастырю Калнишевскимъ и надпись на памятникѣ, устроенномъ надъ могилой Кальнишевскаго архимандритомъ Александромъ. Въ указанной статьѣ мною мимоходомъ упоминается также о томъ, что войсковой писарь Глоба былъ сосланъ въ г. Туруханскъ, въ тамошній монастырь, гдѣ и умеръ около 1790 года. Это послѣднее извѣстіе сообщено было мнѣ въ г. Воронежѣ извѣстнымъ любителемъ русской литературы Н. Д. Мизко, родственникомъ Глобы по матери. Считаю нелишнимъ сообщить все то, что было передано мнѣ г-мъ Мизко, а также что извѣстно о Глобѣ изъ другихъ источниковъ.

По свѣдѣніямъ, заключающимся въ „Исторіи Новой Сѣчи" А. Скальковскаго, Иванъ Яковлевичъ Глоба первоначально служилъ писаремъ на запорожскихъ перевозахъ и въ паланкахъ; въ 1762

году онъ былъ выбранъ войсковымъ писаремъ и, въ качествѣ таковаго, въ томъ же году участвовалъ, вмѣстѣ съ кошевымъ атаманомъ Григоріемъ Федоровымъ, въ поѣздкѣ въ Петербургъ по дѣламъ войска. Подъ 1765 годомъ о немъ снова упоминается, какъ о войсковомъ писарѣ. Послѣднюю должность онъ, вмѣстѣ съ кошевымъ Калнишевскимъ, сохранилъ въ теченіи 10 лѣтъ, до самаго уничтоженія Сѣчи, чего до того времени въ Кошѣ „изъ вѣку вѣковъ не бывало". Въ 1765 г. онъ снова участвовалъ въ депутаціи, отправленной запорожцами въ Петербургъ. Затѣмъ встрѣчаемъ его принимающимъ участіе въ компаніи 1770 года, за которую онъ получилъ отъ государыни золотую медаль. Глоба отличался выдающимся умомъ, познаніями и сметливостью, такъ что прослылъ самымъ умнымъ козакомъ въ Сѣчи (т. II, стр. 290 и 303; т. III стр. 83). Объ его дарованіяхъ можно заключать, напримѣръ, по сочиненной имъ рѣчи, которая сказана была запорожскою старшиною Екатеринѣ II-й 9 сентября 1762 года въ петровскомъ дворцѣ, подъ Москвой, гдѣ императрицу поздравляли съ благополучнымъ восшествіемъ на престолъ „знатныя персоны обоего пола". Рѣчь эта, напечатанная въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1840 годъ (т. II, стр. 163), начинается словами: „Вся́ премудростію, силою, славою и благостію своею сотворивый Господь вѣчно и непоколебимо узаконилъ рѣкамъ вѣдать свой югъ, магниту сѣверъ, тучѣ востокъ, солнцу западъ, намъ же, человѣкамъ, учрежденную надъ собою власть". Произнесенная запорожцами рѣчь произвела благопріятное впечатлѣніе на императрицу, такъ что̀ она, по окончаніи рѣчи, „милостиво изволила кошеваго атамана и старшину о своемъ покровительствѣ обнадежить, и какъ атамана, такъ и старшину, припадшихъ къ стопамъ Ея Императорскаго Величества, жаловать къ рукѣ".

Послѣ разоренія Сѣчи, Глоба, вмѣстѣ съ кошевымъ и генеральнымъ судьею, понесли на себѣ всю отвѣтственность за вины Запорожскаго войска. Они, какъ сказано выше, въ 1776 году были заключены въ монастыри. Заточеніе ихъ было строгое, такъ какъ въ указѣ св. синода предписывалось, „чтобы узники сіи содержаны были безвыпускно изъ монастырей и удалены-бъ были не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія". Кошевой Калнишевскій находился въ заточеніи до 1801

года, когда онъ былъ освобожденъ по высочайшему повелѣнію, хотя и не оставлялъ уже соловецкаго монастыря до смерти, послѣдовавшей въ 1803 году. Но Глоба не дождался свободы; онъ умеръ въ заточеніи въ 1790 или въ 1791 году.

По смерти заключеннаго, изъ тобольскаго намѣстническаго правленія было сдѣлано сообщеніе екатеринославскому намѣстническому правленію, а изъ послѣдняго присланъ указъ новомосковскому нижнему земскому суду о розысканіи родственниковъ „умершаго секретнаго арестанта Ивана Яковлева Глобы". Обращеніе екатеринославскаго намѣстническаго правленія къ новомосковскому земскому суду послѣдовало вслѣдствіе того, что родственники покойнаго жили возлѣ г. Новомосковска. Умершій имѣлъ родную сестру Авдотью Яковлевну, бывшую замужемъ за Василіемъ Бойко [1]). Родственники заточеннаго разыскивались по той причинѣ, что послѣ его смерти осталось нѣкоторое имущество и деньги. Вотъ реестръ этого имѣнія, составленный въ Туруханскомъ монастырѣ 7 сентября 1791 года и сообщенный тобольскимъ намѣстническимъ правленіемъ:

1) Сундукъ кедровой, окованный изрѣдка чернымъ желѣзомъ.

2—8) Кафтаны: к. штофной по голубой землѣ, съ разными травами, подложенъ чорной выбойкой; к. штофной по бѣлой землѣ, съ разными травами, стеганый на красномъ кумачѣ; к. штофу краснаго, стеганый на хлопчатой бумагѣ, подложенный кумачемъ; к. алой объяри съ травами, полы обложены тою-жъ объярою; к.

---

[1]) По сообщенію Никол. Дм. Мизко, Василій Михайловичъ Бойко служилъ первоначально въ полтавскомъ магистратѣ, вмѣстѣ съ Петромъ Котляревскимъ, отцомъ извѣстнаго автора перелицеванной Энеиды и Наталки-Полтавки, въ бытность бургомистромъ Григорія Паскевича, дѣда фельдмаршала. Дочь Бойка, Елизавета (р. 1760 г., ум. 1820 г.) состояла въ замужествѣ за Федоромъ Мироновичемъ Легкоступомъ. Этотъ Легкоступъ сначала запорожецъ, а впослѣдствіи капитанъ русской службы, былъ племянникъ и воспитанникъ запорожскаго старшины Якова Легкоступа, строителя новомосковской соборной церкви; онъ жилъ въ послѣднее время въ 17-ти верстахъ отъ г. Новомосковска, въ своемъ имѣніи, гдѣ и умеръ въ 1793 г. (род. въ 1741 г.) отъ раны, полученной отъ напавшихъ на него гайдамаковъ. Дядя его Яковъ Легкоступъ родился въ 1700 г., построилъ новомосковскій соборъ въ 1774 г., умеръ въ 1798 г. Дочь Федора Мироновича Легкоступа, Александра (р. 1790 г., ум. 1822 г.), была матерью Н. Д. Мизко.

алаго атласу, подложенъ красной пестрой выбойкой; к. бѣлой тонкаго сукна, полы подложены малиновой тафтой, вокругъ обложенъ узкимъ золотымъ позументомъ; к. синяго сукна безъ подкладки, вокругъ обложенъ золотымъ шнуркомъ.

9—12) Шубы: ш. лисьяго хребтоваго мѣха, покрыта голубымъ сукномъ, вокругъ обложена золотымъ узенькимъ позументомъ; ш. черныхъ мерлушекъ, покрытая алымъ сукномъ, по пóламъ обложенная узенькимъ золотымъ газомъ; ш. краснаго сукна, мѣхъ лисій, черевій; ш. синяго сукна, мѣхъ бѣлій.

13) Кирейка песочнаго сукна, подложена каказой.

14) Тулубъ непокрытой, бѣлыхъ мерлушекъ.

15) Кушакъ персидской, краснаго шелку, на концахъ серебромъ тканый.

16) Кушакъ шелковой, краснаго цвѣту.

17) Пуховикъ, наволочка мѣховая.

18) Одѣяло стеганое, бахтовое.

19) Простыня льнянаго холста, простая.

20) Пологъ коноплянаго холста.

21) Коврикъ перетканой, небольшой, шерстяной.

22) Коверъ шерстяной полосатый, простой.

23) Коверъ простой, шерстяной-же.

24) Стаканъ серебрянъ, вѣсомъ 22 золотника.

25) Тарелокъ оловянныхъ 5, два блюда оловяные, большіе, плоскіе, два блюда глубокіе, одно изъ нихъ ветхое, одно небольшое.

26) Два чайника красные небольшіе; одинъ котелъ красной мѣди, въ полведра; кубикъ для двоенія водки, мѣдной четвертной.

27) Чугунка небольшая, на ножкахъ.

Все перечисленное имущество досталось Е. В. Байковой, племянницѣ И. Я. Глобы; деньги-же она оставила на монастырь (туруханскій).

П. Ефименко.

ВЗГЛЯДЪ НАРОДА НА ШЕВЧЕНКА.

Вездѣ въ Малороссіи можно услышать о Шевченкѣ разнообразные разсказы и толки. Я часто разспрашивалъ о немъ нашихъ крестьянъ, чтобъ узнать, знаютъ-ли они своего поэта и какъ на

него смотрятъ. Оказалось, что имя Шевченка народу хорошо знакомо. Мало того, народъ представляетъ ею и изображаетъ въ своихъ легендарныхъ разсказахъ героемъ, равнымъ другимъ любимымъ историческимъ лицамъ, каковы Морозенко, Нечай, Палій и друг. Обыкновенно малорусскій народъ всѣмъ своимъ любимымъ героямъ придавалъ чародѣйскій образъ, необыкновенную силу и другія качества, которыя опредѣляютъ „характерника". Такимъ „характерникомъ" въ глазахъ народа является и Шевченко.

Замѣчательно то, что народъ съумѣлъ понять и оцѣнить своего поэта, какъ нельзя лучше, что и выразилъ въ своихъ разсказахъ по своему. Подводя итогъ всему тому, что мнѣ приходилось о немъ слышать, я видѣлъ, что онъ представляется народнымъ героемъ, стоящимъ за родной ему „сермяжный людъ"; онъ протестуетъ противъ угнетеннаго и бѣдственнаго положенія крестьянъ и ратуетъ за ихъ „волю".

Что касается тѣхъ чертъ, которыя характеризуютъ личность Шевченка, какъ „характерника", то они очень различны и передаются не вездѣ одинаково. О проводахъ его тѣла на Украйну и о погребеніи я слышалъ самые разнообразные разсказы, наполненные сверхъ-естественными приключеніями. Впрочемъ всѣ увѣрены, что Шевченко не похороненъ въ Украйнѣ: одни говорятъ, что онъ остался живъ, а вмѣсто него былъ привезенъ кто-то другой, другіе—что его во время перевозки подмѣнили и украли, третьи—что онъ самъ, какъ „характерникъ", помощью своей чародѣйской силы всталъ невидимо изъ гроба. Не знаю, что породило въ народѣ такія мысли и слухи.

Мнѣ указывали высокую „могилу" не далеко отъ его родины (въ 25 верстахъ), въ которой какъ будто-бы зарытъ привезенный гробъ. „Могила" эта находится вблизи густаго, непроходимаго лѣса и про нее ходитъ въ народѣ много чудесныхъ разсказовъ, связанныхъ съ именемъ поэта.

Не смотря на то, что Шевченко былъ еще не такъ давно, существованіе его относится народомъ къ давнему времени. О немъ говорятъ такъ-же, какъ и о Кармелюкѣ, существованіе котораго относится къ гораздо раньшему періоду, и разсказы о немъ ходятъ, какъ преданія.

Привожу дословный разсказъ одного крестьянина, записанный мною въ звенигородскомъ уѣздѣ; въ немъ лучше всего и полнѣе выразился народный взглядъ на поэта.

„Бувъ собі колись-то такий великий характерникъ—Шевченко; та такий, шо зъ нимъ нихто не мігъ зривняться. Іздивъ вінъ, кажуть, скризь по світі та збиравъ одъ панивъ разні листы—бумагы. Кажуть, шо якъ вінъ умеръ, то ёго привезли въ домовині звіткиль-сь зъ далека на Вкраину, бо якъ умиравъ, то сказавъ, шобъ ёго поховали въ степу на могилі, ніби-бъ-то въ риднімъ краю. Отъ ёго і привезли туди до Жидівського[1]), до теі роскопаноі могили, де коло здорового шляху, стали здіймати зъ воза домовину, тай не здіймуть—така важка. Шо не робили, ніякъ не здіймуть, та мусіли прикликать зъ села двадцять дівокъ (чеснихъ), та ажъ ті зняли іі. Але-жъ якъ після роскрили іі, то вона була тілки повна разніхъ списівъ—бумагъ, а ёго самого не було; та такъ іі зъ тими бумагами і закопали. Кажуть, шо після хтось-то хотівъ ту могилу роскопати та забрать списи (бо зъ ними можно було-бъ одібрать назадъ у людей ту землю, шо у панівъ забрали після панщины), та у того чоловіка одібрало руки і ноги, то вінъ і покинувъ докопувати.

Та Шевченко цей дуже клопотався за людей, шо робили у панівъ панщину і дуже просивъ за нихъ царя, шобъ той давъ імъ волю. А царъ все таки волі не дававъ. Отъ разъ вінъ приходить до царя, его впустили въ палатку; ввійшовши въ палатку вінъ хапъ за шапку та объ землю трахъ, тай каже тоді цареві: „оце тілки й твоеі землі, шо підъ моею шапкою, а надъ всею землею паны царюють! Весь світъ я ізъіздивъ, а ні-де не бачивъ, шобъ такъ було гірко та важко жити людямъ, якъ въ твоімъ царстві!“...

Записано 1880 г. въ с. Гуссаковой, звенигородскаго уѣзда.

А. Смоктій.

ИСЧЕЗНУВШІЯ И ИСЧЕЗАЮЩІЯ ЮЖНОЙ РОССІИ ЖИВОТНЫЯ.

Общеизвѣстенъ фактъ, что съ увеличеніемъ населенія во всѣхъ странахъ начинается уменьшеніе числа дикихъ животныхъ, а нѣ-

[1]) Лѣсъ недалеко отъ села Гусаковой, звенигородскаго уѣзда.

которыя породы ихъ даже совершенно исчезаютъ. Тотъ-же фактъ повторился и въ южной Россіи.

Самая интересная порода животныхъ, представители которыхъ попадались еще въ херсонской губ. менѣе 30 лѣтъ тому назадъ,— это были *дикія лошади*, по мѣстному *тарпаны*. Послѣдній разъ въ херсонской губ. (какъ я слышалъ отъ очевидцевъ, мнѣ же лично не приходилось ихъ видѣть) ихъ видѣли въ 1856 г. въ херсонскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 40 отъ г. Николаева, недалеко отъ бывшаго военнаго поселенія *Новый Бугъ*. Въ херсонскомъ-же уѣздѣ дикія лошади долго еще держались въ другомъ углу, въ урочищѣ „Шестерня", близь села Ново-Воронцовки, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ праваго берега Днѣпра и верстахъ въ 60 отъ Херсона. Разсказы очевидцевъ сходятся въ томъ, что эти лошади были вообще небольшаго росту, сѣро-пепельной масти (мышастой), имѣли черныя гривы и хвосты и вдоль спины непремѣнно была черная-же полоса. Дальше разсказы объ нихъ нѣсколько расходятся: одни говорили, что эти лошади, не смотря на свою быстроту, были не красивы, большеголовыя и съ грубыми копытами; по разсказамъ-же другихъ, дикія лошади представляли собою въ миньятюрѣ идеалъ этого благороднаго животнаго: они были очень стройны, имѣли маленькія сухія головки съ большими выразительными глазами, тонкія шеи и копыта крѣпкія „стаканчикомъ". М. Е. Шварцъ, начальствовавшій долгое время цѣлымъ округомъ въ южныхъ военныхъ поселеніяхъ, и много разъ видѣвшій дикихъ лошадей, именно въ послѣднемъ видѣ описывалъ мнѣ ихъ. Некрасивыя-же особи, по его мнѣнію, были ничѣмъ инымъ, какъ помѣсью съ простыми домашними лошадьми, потому что дикія жеребцы повременамъ подкрадывались къ пасшимся домашнимъ лошадямъ и уводили съ собою кобылъ. По его словамъ, случалось даже издали видѣть (потому что дикія лошади не подпускали къ себѣ на близкое разстояніе) въ стадѣ дикихъ лошадей—домашнихъ лошадей съ остатками упряжи. Любимѣйшимъ мѣстопребываніемъ ихъ была совершенно ровная степь, безъ всякихъ углубленій, на которой малѣйшій предметъ былъ-бы видѣнъ на большое разстояніе. По словамъ Рубана (писателя прошлаго вѣка) въ прошломъ вѣкѣ дикіе кони водились даже въ полтавской губ., по р. Орели.

Олени. Уже старожилы не помнятъ и отъ отцовъ своихъ не слыхали, когда водилась въ лѣсахъ южной Россіи эта дорогая дичь. Покойный профес. А. С. Роговичъ (извѣстный знатокъ естественныхъ наукъ) говорилъ мнѣ, что еще въ прошломъ вѣкѣ олени водились даже въ полтавской губ. Помнится, что объ этомъ вспоминаетъ и г. Рубанъ въ своемъ „Описаніи Малой Россіи".

Лоси. Въ 1840 г., почти на моихъ глазахъ, былъ убитъ лось верстахъ въ 20 отъ Конотопа, близъ деревни Козацкой Дубровы, но теперь что-то про нихъ совершенно не слышно въ черниговской губ.; если немного и сохранилось, то развѣ въ мглинскомъ и суражскомъ уѣздахъ. Въ кіевской губ. еще въ недавнее время лосей было множество въ Бородянскихъ лѣсахъ (кіев. уѣз.) Тамъ было для нихъ приволье въ непроходимыхъ дѣвственныхъ чащахъ. Когда же до тѣхъ лѣсовъ добрался алчный еврей и принялся рубить ихъ на всемъ пространствѣ, то лоси всею массой эмигрировали оттуда. Очевидцы разсказывали мнѣ, что лѣтъ 10 или 15 тому назадъ огромное стадо лосей (нѣсколько сотъ, а можетъ быть и тысяча головъ) переправлялись чрезъ рѣку Тетеревъ по направленію на сѣверо-западъ; по всей вѣроятности они перешли въ минскую или гродненскую губ. Если и осталось нѣсколько экземпляровъ лосей въ кіевской губ., то развѣ только въ самыхъ сѣверныхъ мѣстахъ радомысльскаго уѣзда по надъ р. Припетью. Про существованіе ихъ въ волынской губ. тоже что-то мало слышно: тамъ евреи позабирали въ свои руки имѣнія, въ видѣ долгосрочныхъ арендъ,—а гдѣ прочно поселяется еврей, тамъ лѣса окончательно гибнутъ, лоси же только и могутъ держаться въ прочныхъ старыхъ лѣсахъ.

Почти тоже самое, что про лосей, можно сказать и про *дикихъ кабановъ*: еще въ недавнее время въ радомысльскомъ уѣздѣ (кіев. губ.) и въ сѣверныхъ уѣздахъ Волыни дикія свиньи составляли довольно обыкновенную дичь, теперь-же представляютъ онѣ большую рѣдкость.

Медвѣди въ южной Россіи истреблены окончательно. Въ черниговской губ. они еще встрѣчались въ 40-хъ годахъ. Въ кіевской губ. они, повидимому, были истреблены еще раньше, такъ какъ въ радомысльскомъ уѣздѣ я разспрашивалъ стариковъ, и они медвѣдей уже не видѣли; тоже самое можно сказать и про Волынь. О множествѣ медвѣдей, водившихся въ прежнее время въ тѣхъ мѣстахъ

можно судить по вкоренившемуся обычаю ставить ульи довольно высоко на деревья; это дѣлаютъ всѣ селяне кіевскаго и волынскаго полѣсья.

Бобры. Объ изобиліи бобровъ въ прежнее время во всей лѣсистой полосѣ южной Россіи показываютъ многочисленныя названія, напоминающія это животное—бобрикъ, бобровица, и т. п.; въ радомысльскомъ уѣздѣ есть даже рѣка Жеревъ, названіе которой указываетъ, что тамъ когда-то „жировали" бобры, то есть просто водились тамъ. Въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ воротникъ изъ такъ называемаго *литовскаго* бобра стоилъ обыкновенно 3 руб. сереб. Этотъ одинъ фактъ доказываетъ, что бобровъ водилось много. Въ изданной Лазаревскимъ „Румянцевской описи Малороссіи" въ одномъ изъ селъ близь г. Козельца (кажется въ Новомъ Быковѣ) упоминается, какъ объ особомъ сословіи, о „бобровникахъ", обязанность которыхъ была—поставлять бобровые мѣха гетману. Впрочемъ, какъ величайшая рѣдкость, они еще существуютъ въ самыхъ неприступныхъ болотахъ кіевской губ.; по крайней мѣрѣ года три тому назадъ въ Кіевѣ на Бессарабскомъ базарѣ продавали живаго бобра.

Россомахи и рыси, о которыхъ, впрочемъ, жалѣть нечего, къ счастью тоже перевелись. Однако рысь была убита въ житомирскомъ уѣздѣ, какъ писали о томъ въ „Кіевлянинѣ", года 4—5 тому назадъ. Въ радомысльскомъ уѣздѣ одинъ шляхтичъ разсказывалъ мнѣ, что лѣтъ 20 тому назадъ россомаха сдѣлала нападеніе на его воловъ и одного вола загрызла на смерть.

Бабаки (Arctomys bobac) тоже составляютъ теперь величайшую рѣдкость, мнѣ извѣстно только одно урочище въ конотопскомъ уѣздѣ, гдѣ они изъ года въ годъ водятся, а въ 30—40-хъ годахъ ихъ нерѣдко можно было встрѣтить прирученными въ частныхъ домахъ. У моихъ родителей нѣсколько лѣтъ жилъ одинъ экземпляръ. Въ прежнее-же время ихъ было такое множество, что польскій инженеръ Бопланъ, жившій въ 30-хъ годахъ XVII вѣка, въ своемъ „Описаніи Украйны" говоритъ, что ночью опасно было ѣхать степью, такъ какъ лошадь могла легко поломать себѣ ноги вслѣдствіе множества байбачьихъ норъ.

Барсуки тоже довольно рѣдки, но еще не перевелись окончательно, такъ какъ полосатыя шкурки этого животнаго можно по

временамъ увидѣть, въ видѣ украшенія, на охотничьей сумкѣ какого-нибудь полѣсовщика или вообще завзятаго охотника.

Сайги (Antilopa saiga) по украински „*Сугаки*“ еще въ прошломъ вѣкѣ водились въ нынѣшней херсонской губ. по надъ р. Бугомъ, а теперь, какъ говорятъ, изрѣдка встрѣчаются только въ степяхъ земли Войска Донскаго.

Даже *сарны* (Cervus capreolus), еще недавно составлявшіе довольно обыкновенную дичь, теперь сильно уменьшились въ числѣ. Близъ г. Конотопа есть лѣсъ „Сарнавщина“. Помѣщикъ М. И. Рахубовскій, жившій близь этого лѣса, разсказывалъ мнѣ, что въ началѣ 50-хъ годовъ зимой сарны забѣгали по временамъ даже въ его дворъ; теперь-же и тамъ ихъ мало. Сильное истребленіе дичи, особенно сарнъ, произвелъ въ черниговской губ. въ началѣ 60-хъ годовъ нѣкій богатый самодуръ В—въ, который со свитою изъ 60 охотниковъ и огромнаго количества собакъ прошелъ чрезъ всю черниговскую губ., безсмысленно истребляя дичь.

Про *зубровъ*, живущихъ, какъ извѣстно, въ Бѣловежской пущѣ, я вспомню здѣсь только ради того, чтобы подать мысль, что эту рѣдкую породу можно-бы, по моему мнѣнію, поддержать, если-бы достать живыхъ экземпляровъ на Кавказѣ, гдѣ они водятся по рѣчкѣ Зеленчуку.

Здѣсь къ слову упомяну о замѣчательномъ исчезающемъ животномъ, именно о *полозахъ* [1]). Въ херсонской губ. я слышалъ объ нихъ довольно разсказовъ: напримѣръ, мнѣ показывали старинную могилу, гдѣ въ норѣ жилъ полозъ, похищавшій ягнятъ, а въ одной брошюрѣ, чуть-ли не про торговлю въ Новороссіи въ началѣ этого вѣка, разсказывается, что въ огромныхъ бурьянахъ на степяхъ Новороссіи, пока не стали разводить въ огромномъ количествѣ испанскихъ овецъ, водились такіе огромные полозы, которые будто-бы воловъ душили; но за вѣрность подобнаго указанія не ручаюсь.

Мнѣ разъ только въ жизни случилось видѣть живаго *полоза;* это было въ степи, въ ананьевскомъ уѣздѣ; змѣя лежала шагахъ въ 15 отъ дороги, по которой я ѣхалъ; проснувшись отъ стука

---

[1]) Большая змѣя изъ семейства *удавовъ* (Peropoda) родъ — *Eryx turcicus*, —такъ названъ въ зоологіи видъ, водящійся вблизи Каспійскаго моря.

колесъ моего экипажа, она подняла голову на аршинъ отъ земли. Когда я приказалъ остановиться, чтобы ближе разсмотрѣть, то змѣя поползла, и въ это время я имѣлъ позможность хорошо разглядѣть: длиною она показалась, по глазомѣру, болѣе 5 арш.; голова величиною въ согнутую кисть руки взрослаго человѣка; туловище толщиною въ руку. Цвѣту была сѣраго съ желтоватымъ отливомъ, какъ-бы вымазанная деревяннымъ масломъ. Попадаются подобныя змѣи чаще всего по-надъ Бугомъ, среди скалъ. Самые бо̀льшіе экземпляры видѣли на островѣ Березани или Ада, лежащемъ въ Черномъ морѣ недалеко отъ Очакова.

Въ заключеніе вспомнимъ и о нѣкоторыхъ исчезающихъ породахъ домашнихъ животныхъ. Найбольшаго сожалѣнія заслуживаетъ, по незнанію и умѣлости, почти совершенно уничтоженная порода *запорожскихъ лошадей*. Порода эта, сформированная запорожцами, знавшими въ лошадяхъ толкъ, существовала въ теченіе не менѣе 200 лѣтъ; эти лошади были средняго роста, масти преимущественно темно-гнѣдой; имѣли всѣ достоинства татарскихъ лошадей, не имѣя пороковъ этихъ послѣднихъ. Какъ извѣстно, татарскія лошади отличаются своею неприхотливостью на пищу и выносливостью въ ѣздѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они чрезвычайно некрасивы: костисты, горбоносы, съ большими головами и, какъ выражаются коннозаводчики, очень „*строги*“, то есть ихъ трудно выѣзжать, и выѣзженные они легко могутъ побить. Запорожская-же лошадь, будучи такъ-же вынослива, хорошо держала тѣло, въ состояніи была сдѣлать въ жаркую пору въ одинъ перегонъ, безъ отдыха 70—80 вер., чрезвычайно доброѣзжа и голова довольно красивая, средней величины. Теперь этой породы въ Новороссіи не существуетъ; послѣдній заводъ (въ елисаветградскомъ уѣздѣ—вдовы Сагайдакъ) закупили цѣликомъ ремонтеры. Говорятъ, будто-бы существуютъ остатки этой породы гдѣ-то въ Черноморіи у потомковъ запорожцевъ.

Близка къ уничтоженію, или вѣрнѣе сказать—къ искаженію, драгоцѣнная порода „*Черкасскаго*“ скота. Можно опасаться исчезновенія ея, благодаря стремленію новаторовъ къ безтолковымъ улучшеніямъ породъ. Первый примѣръ къ искаженію этой породы подалъ бывшій помѣщикъ балтскаго уѣзда, нѣкій Подгорскій, который соблазнился кажущимся, вслѣдствіе огромныхъ роговъ и сухощавости, огромнымъ ростомъ „венгерскихъ“ воловъ, выписалъ изъ

Венгріи племенныхъ быковъ этой довольно скверной породы. Этотъ маломолочный скотъ много уступаетъ черкасскому скоту въ силѣ и мясистости, такъ какъ у перваго сильно развиты кости и рога въ ущербъ мускуламъ. Подгорскій былъ очень богатый человѣкъ и считался отличнымъ хозяиномъ; онъ нашелъ себѣ массу подражателей, которые бросились покупать племенныхъ венгерскихъ быковъ, будто-бы для улучшенія, а въ сущности—для порчи породы своего скота.

М. Левченко.

СОСТОЯНІЕ ПОЛИЦІИ ВЪ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ГОРОДАХЪ XVIII В.

Городъ Переяславъ, о которомъ идетъ рѣчь въ предлагаемомъ ниже отрывкѣ изъ современнаго документа [1]), принадлежалъ къ числу полковыхъ, т. е. по нашему губернскихъ городовъ; рядомъ съ Кіевомъ, Черниговомъ, онъ пользовался важною привиллегіею—магдебургскимъ правомъ; слѣдовательно, имѣлъ повидимому всѣ шансы для процвѣтанія. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Всѣ вообще города лѣвобережной Украйны къ половинѣ XVIII в. пришли въ состояніе крайняго упадка. Почти всѣ они крайне бѣдны: городскіе доходы ихъ были ничтожны; населеніе весьма незначительное,—въ Черниговѣ, напримѣръ, было всего 400 домовъ, считая въ томъ числѣ и бездворныя хаты. Пожары были обыкновеннымъ явленіемъ, а средства для борьбы съ ними были ничтожны.

Торговля парализовалась разными неустройствами; мѣстные мѣщане, обложенные тяжелыми налогами, не могли конкуррировать съ пріѣзжими великороссійскими торговцами, а также тѣми лицами ихъ собственнаго сословія, которыя, выйдя въ чиновники или записавшись въ козаки, продолжали заниматься торговлей, будучи свободны отъ всякихъ повинностей и налоговъ; не менѣе жалобъ мы видимъ и на отставныхъ офицеровъ и рядовыхъ, о которыхъ мѣщане писали, что они вопреки законамъ „шинкуютъ горячимъ, простымъ и двойнымъ, виномъ и другими напитками“, на крестьянъ, которые „въ городовыхъ крамныхъ лавкахъ продажу товаровъ производятъ“. Нѣкоторыя случайныя обстоятельства также способ-

---

[1]) Взятъ изъ румянцевской описи Малороссіи; *полкъ переясловскій.*

ствовали паденію городскаго быта. Здѣсь на первомъ планѣ нужно поставить квартирную повинность, которая отличалась крайнею неравномѣрностью и несправедливостью; квартировали войска въ Малороссіи постоянно, число ихъ было всегда значительно, а число домовъ не велико, размѣщались-же они почти исключительно по дворамъ бѣднѣйшихъ обывателей. Великороссійскіе офицеры и чиновники относились съ пренебреженіемъ къ малороссійскимъ обывателямъ, что опять возбуждало справедливыя жалобы со стороны послѣднихъ. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи наказъ полтавскихъ гражданъ въ екатерининскую коммисію для составленія уложенія 1767 г. „А съ великороссійскихъ чиновниковъ, отъ которыхъ мы частыя обиды и побои, никогда и удовольствія никакого не получаемъ; и уже до того дошло, что если кто изъ нихъ чѣмъ насъ обидитъ или побьетъ, мы не смѣемъ и въ искательства входить; тѣмъ самымъ отъемлется у насъ куражъ къ купеческой жизни и промысламъ, теряя отъ унынія все то, кто чѣмъ можетъ свой авантажъ, а казнѣ вашего императорскаго величества доходъ съискать“ [1]). Такова въ общихъ чертахъ картина городскаго быта Малороссіи во второй половинѣ XVIII в.; но въ такомъ-же видѣ ее рисуетъ въ своей запискѣ и тогдашній правитель Малороссіи, преемникъ послѣдняго гетмана Разумовскаго, гр. Румянцовъ. Не удивительно потому, что магдебургское право, подрываемое въ самомъ корнѣ канцелярскимъ, бюрократическимъ, а болѣе всего военнымъ элементомъ, не могло поддержать благосостоянія городовъ лѣвобережной Украйны; здѣсь намъ приходится наблюдать тоже самое явленіе, которое еще раньше можно было наблюдать на правомъ берегу Днѣпра, въ польской Украйнѣ. Мѣстная администрація вмѣшивалась и нарушала свободу выборовъ; мѣщане ремесленники должны были даромъ производить разныя тяжелыя работы гетману и старшинѣ. Для того, чтобы избавиться отъ бремени всяческихъ поборовъ, мѣщане записывались въ чиновники и козаки, чѣмъ, конечно, положеніе оставшихся еще болѣе ухудшалось. У многихъ городовъ были отняты принадлежавшія имъ земли: у однихъ села и деревни, у другихъ сѣнокосы, у третьихъ мельницы; въ результатѣ являлось пониженіе городскихъ доходовъ и отсутствіе городскаго бла-

---

[1]) Авсѣенко. Малороссія въ 1777 году, стр. 93—94.

гоустройства. Во многихъ городахъ вовсе не было полиціи. Такъ граждане г. Глухова просятъ объ учрежденіи у нихъ городской полиціи, которая-бы заботилась о чистотѣ и о пожарной командѣ. Во время генеральной описи Малороссіи, произведенной гр. Румянцевымъ, рѣшили собрать свѣдѣнія о состояніи полиціи въ разныхъ городахъ и печатаемое ниже „Представленіе" служитъ отвѣтомъ на вопросъ ревизоровъ. Вотъ его текстъ о полиціи можарной.

„Высокородному и высокопочтенному г-ну карабинерного полку маіору Александру Якубовичу отъ магистрату переяславского.

Представленіе.

.....Чтожъ принадлежитъ до полиціи, о которой требуется виправки, въ какомъ оная состояніи находится, то есть чиновники, такъ же инструмента, какие имѣются исправние и неисправние, и где содержатся, и сколко для оной всехъ и какихъ именно людей, и откуда опредѣленно, такоже съ мѣщанскихъ дворовъ, на лошадѣ для возки во время пожарное бочекъ зъ водою расположение, и съ которого году, и почему та полиция учрежденна; то оной полиціи при магистратѣ содержать нѣ съ чего, для того, яко показаной магистратъ, хотя искони утвержденъ королевскими привилегіями и государственими грамотами и чрезъ многие года находился при своихъ правахъ и волностяхъ, вѣдая одну главную команду, бывшую генералную войсковую канцелярию, почему тогда при ономъ магистратѣ, а не где инде и полиция содержалась; но какъ въ недавнихъ годахъ полковою переяславскою канцеляриею оной магистратъ былъ (взятъ) въ (ея) ведомство, то съ того времени, будучи подъ темъ полковой канцеляріи ведомствомъ, всѣ мѣщане лишились своихъ волностей и находились въ волѣ и приказаніи той полковой канцеляріи; и полковая переяславская старшина разними образи завладѣвши людей изъ землями магистратскими, какъ въ городѣ, на подворкахъ, такъ и въ селахъ, магистрату переяславскому високомонаршою грамотою жалованыхъ и бывшими гетманами унѣверсалами наданихъ, наконецъ всехъ того прошлого 1759 году и бившие при ономъ магистратѣ для пожарнихъ случаевъ инструменти, а именно круковъ желѣзнихъ четири, вилъ желѣзнихъ трое, щитовъ повстянихъ, полотномъ подшитихъ, зъ пялцами деревянними, три, лѣствицъ деревянихъ болшихъ, саженей въ восѣмъ, двѣ, бочекъ

зъ телегами добрими для возки воды пять, въ оную полковую канцелярию отобралы и *содержали до сего года ту полицию* при полковой канцеляріи, а сего году оная полиция, неведомо почему, переведена била за городъ, за браму илтицкую не за версту и препорученна была въ ведомство сотнику терехтемировскому Михайлу Гриневичу, и оной сотникъ на ту полицию, что учали были забирать силнимъ образомъ людей магистратскихъ, то, напослѣдокъ того, каковъ объ оной полиціи зъ малороссійской коллегіи полученъ въ магистратѣ здешнемъ указъ, съ оного точную копию къ надлежащему усмотрѣнію вашему високоблагородию при семъ прилагаемъ".

Бурмистръ Кирило Іосифовъ.
Бурмистръ Димитрій Тимофѣевъ.
Писаръ Артемъ Даценко.
Райця Ныколай Мищенко.

1765 году
октября 23.

Сообщилъ **Дм. Багалѣй**.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ О САВВѢ ТУПТАЛѢ И ЕГО РОДѢ.

Къ іюльской книжкѣ „К. С." приложенъ портретъ, изображающій отца св. Димитрія Ростовскаго—*Савву Туптала*. Портретовъ его, писанныхъ маслянными красками, намъ приходилось видѣть нѣсколько списковъ, но всѣ они позднѣйшаго времени и при томъ сдѣланы очень неудачно: копіисты видимо подкрашивали подлинникъ, стараясь изображать какого-то ветхозавѣтнаго патріарха. Такая копія находится напр. въ собраніи В. В. Тарновскаго. Приложенный „Кіевскою Стариною" портретъ Саввы Туптала представляетъ снимокъ съ литографіи, изданной въ 30-хъ годахъ Снегиревымъ. Намъ кажется, что эта литографія передаетъ подлинникъ лучше всѣхъ копій, писанныхъ маслянными красками. Имѣющаяся на портретѣ надпись, называющая Савву Туптала кіевскимъ сотникомъ, какъ современная его кончинѣ, даетъ, конечно, свѣдѣніе несомнѣнное, но другихъ положительныхъ о немъ данныхъ мы не встрѣчаемъ. Единственное извѣстное намъ документальное свѣдѣніе

мы нашли въ одномъ давнемъ изданіи [1]), именно „Синбирскомъ Сборникѣ“, заключающемъ въ себѣ отписки кіевскаго воеводы, кн. Трубецкаго, къ царю Алексѣю Михайловичу, за 1673—1674 г. Въ одной изъ этихъ отписокъ (№ 49) читаемъ:

„7182 С 1674 г., ноября въ 14 день, пришолъ въ Киевъ выходецъ исъ полону; а въ роспросе боярину і воеводамъ князю Ю. П. Трубецкому съ товарыщи сказался: бывалъ киевскоі житель, Савою зовутъ, прозвище Туптула, а служилъ козацкую службу; тому ныне три года, взяли ево въ полонъ Пивина полку поляки подъ местечкомъ Бышовымъ и привели въ Димеръ; а изъ Димера полковникъ Пиво отослалъ его въ Полшу къ гетману Яну Собескому. И исъ Полши Сабескоі съ полскими войски пошолъ къ Волоскоі земли войною противъ турского. А ево де, Саву, гетманъ Янъ Сабескоі отпустилъ изъ обозу на волю, и далъ къ Петру Дорошенку листы“.

Итакъ 75-ти лѣтъ отъ роду отецъ Ростовскаго святителя несъ еще дѣйствительную козацкую службу со всѣми тягостями похода, сраженій и плѣна. И послѣ такой жизни и службы онъ умираетъ лишь на 103 году.

Не лишено значенія и нѣкотораго отношенія къ жизни доблестнаго малороссійскаго сотника духовное завѣщаніе одной изъ трехъ дочерей его, „Параскевіи Тупталовны“, которая пережила прочихъ сестеръ и была игуменьею кіевскаго іорданскаго женскаго монастыря. Это завѣщаніе [2]), которое мы здѣсь кстати приводимъ полностью, указываетъ на мѣстонахожденіе *отческаго двора* завѣщательницы и вообще рисуетъ обстановку кіевской монахини начала XVIII в. Текстъ его слѣдующій:

„Во имя Отца и Сына и святаго Духа. Аминь.

Я Параскевія Тупталовна, ігуменія монастыря іорданского, видячи себе ближшую ко смерти, неже ко животу, якъ на тѣлѣ схорѣлую, еднакъ же при розумѣ зуполномъ зостаючи, напродъ поручаю себе милосердію Божому, а тѣло, якъ землю, землѣ и християнскому обиклому погребовѣ. И кого колвекъ чимъ когда

---

[1]) Синбирск. Сборн. М. 1845. Стр. 51—52.

[2]) Акты іорданскаго монастыря въ библіотекѣ церк.-археол. муз. при кіевск. дух. академіи, по каталогу Петрова, № 216, лит. Ж., № 16.

въ житіи оскорбила отъ мирского немирного пристрастія, отъ всѣхъ прощенія прошу и молю въ Богу превелебнаго господина отца ігумена святотроецкаго кіевскаго, да по благоутробію своему позволитъ мѣстце въ церквѣ тѣлу моему грѣшному и изволитъ приняти до обители святой дворъ отческій власний близъ Притиского Николи стоячий, дабы за сіе поминано душу мою грѣшную. Еще извѣствую послѣднимъ тестаментомъ, ижъ зостаю винна долгу до обители святой іорданской золотихъ сто, господину свято-константиновскому священнику золотихъ сорокъ, старицѣ Аннѣ зол. 20, наймиту золотихъ 10, уставницѣ таляровъ чотори, которіи довги, продавши раску песцову, луданомъ накритую, и раску соболюю, также луданомъ прикритую, и цѣны (цинковую посуду): полумисковъ деветъ, талѣрокъ шѣстьнадцать, сребраный роструханъ и кубочковъ два келейнии мои и келію новую продавши, поотдавать повини. Келію, которая моя давная и въ которой умирзю, исъ пекарнею и зовсѣмъ келейнимъ моимъ, полецаю, да и дитина моя съ ними, перебудетъ до смерти; ложокъ одинадцятъ срѣбрнихъ на памятку сыну моему Іліи, до обители монастыря іерданского зол. 10, а такъ распорадивши, исъ тихъ кубочковъ малихъ одинъ господину свято-константиновскому отдать всю диспозицію полецила келейнимъ моимъ и варую при семъ, абы сія остатная тестаментовая воля моя не была ни въ чомъ ни отъ кого нарушена, подъ неблагословеніемъ Божіимъ и подъ клятвою святихъ отецъ бывшихъ на соборѣ никейскомъ, а для болшой вѣри, якъ неумѣючая писать, крестомъ святимъ ствержаю †. Еще келейнимъ и казанъ, що сукно чернятъ.

Сей тестаментъ писался въ Богу превелебного господина отца ігумена Кириловского Евстратія, при битности многихъ сестеръ и намѣсници въ товремя Анфіи року 1710 мѣсяца іюня дня 16, отъ мене попа Григорія, попа святихъ и равноапостолнихъ царей Константина и Елени рукою власною.

А. Лазаревскій.

КУРТА*).

Сообщаемая пастушеская былина, подъ названіемъ *Курты*, еще отъ 60 годовъ получившая извѣстность отъ одного подолянина, любителя украинской народности, слышана мною въ урывкахъ отъ разныхъ лицъ, въ разныхъ мѣстахъ и варіаціяхъ. Это самобытный и оригинальный памятникъ пастушескихъ былинъ, единственный, извѣстный мнѣ. Дѣлюсь имъ съ читателями „Кіевской Старины". Трудно отыскать что либо лучше для представленія живой картины и эстетическаго облика природы съ степнымъ пошибомъ, степнымъ миражемъ, который выражается въ словахъ: „онъ-де мріють". Напѣвъ пѣсни въ высокой степени мелодичный и хватающій за сердце. Картина, передаваемая пѣснію, проста, но высоко поэтична. Жаркій полдень; изнуренный зноемъ и отсутствіемъ какихъ либо впечатлѣній пастухъ—чабанъ вздремнулъ у могилы, а проснувшись не видитъ вокругъ себя ни своихъ овецъ, ни спутника одинокой своей жизни и стража стада—*Курты*. Кругомъ его безбрежная, какъ море, степь. Не на чемъ глазу остановиться и лишь тамъ, гдѣ оканчивается горизонтъ, едва примѣтна „мрява"—игра палящихъ солнечныхъ лучей. Чабанъ окидываетъ истомленнымъ взоромъ степь, и подъ давленіемъ истомы и страха за участь стада, обращается съ вопросомъ объ овцахъ къ орлу, что въ небѣ летаетъ, и вѣтру, что гуляетъ въ полѣ съ травою и въ морѣ съ волною, и тщетно выкликаетъ своего спутника. При воспоминаніи о вѣтрѣ, въ его воображеніи живо рисуется такъ не сходная съ однообразною пастушескою бурная козачая жизнь и онъ вспоминаетъ недобромъ Брюховецкаго и ласковымъ словомъ Кошеваго Сѣрка, то спрашивая объ овцахъ, то выкликая „Курту". Напѣвъ этой части пѣсни глубоко заунывный и трогающій, особливо когда пѣніе сопровождается игрою на бандурѣ. Вотъ эта найбольшая часть пѣсни.

Ой ишовъ чабанъ горою
А курта йшла долиною!..

---

*) *Куртою* называется собака—овчарка, имѣющая короткій хвостъ. *Курта* или *куртка* значитъ и короткое, до пояса, одѣяніе; но въ какомъ случаѣ это слово является собственнымъ и въ какомъ переноснымъ, рѣшить трудно.

Припѣвъ...

Ня-ня, курта, ня!
А дежъ моі вівці!..

Слѣдуетъ приграванье.

Ой заснувъ я на хвилинку,
А проснувся въ обідню годинку!
Ня-ня, курта, ня!..
Заснувъ чабанъ, заснувъ Степанъ,
Да не заснула курта,
Якъ кинется чабанъ-Степанъ,
А дежъ іого юрта!

Припѣвъ...

Ой я думавъ, що то вівці,
Ажъ то якійсь, превражий сынъ,
Да покопавъ кінці!..

Припѣвъ...

Ой ты сизый орле,
Ты всюди літаешь,
И на горахъ и на скеляхъ спочиваешь,
Зъ высокости у ті бездны прозріваешь,
И гадюку и казюку—усе бачишь,
Чи не бачивъ моіхъ овець?

Припѣвъ...

Ой ты, буйный вітре,
Ты всюди гуляешь,
И по степу ту ковылу,
Ту билыну знай гойдаешь,
Перекоти-поле—те качаешь,
И те море розбиваешь,
Сиві-гривы пидіймаешь,
И съ тимъ моремъ розмовляешь,
И ті чайки, мовъ ті стружки, розметаешь,
И ті люльки, ті бурульки роскуряешь,
Шапки на бікъ заломляешь,
И ті чубы розвіваешь,

Горде дубье нагинаешь,
Брюховецькихъ пидвертаешь
И насъ бідних вызволяешь,—
Чи не бачивъ моіхъ овець?
Ня-ня курта, а дежъ моі вівці?
Ой зійду-жъ я на могилу,
Да на саму вершину
Да подивлюсь на долину,
А дежъ моі вівці!
Ой ты, батьку-Сірку,
Козацькій барвінку,
Та надівай шапку-бирьку,
Та вызволяй чабана-товаринку.
Ня-ня курта-ня!...

Вдругъ издалека несется лай курты. Услыхавъ курту, Чабанъ, увидѣвъ отару, переходитъ изъ плачевнаго „завывання“ въ радостный порывъ, начинается танецъ, приграванье и припѣвъ „козачка“: ня-ня, курта, ня-ня, курта.

Онъ де мріють,
Онъ де вівці (2)
Ня, курта-ня
Ня, курта, ня!

Козачкомъ оканчивается эта оригинальная пѣсня-былина на томъ моментѣ, когда курта, какъ соучастникъ радости, появляется у ногъ своего хозяина.

Степанъ фонъ-Носъ.

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ДРЕВНЕЙ ПАПЕРТИ КІЕВО-СОФІЙСКАГО СОБОРА.

Древнѣйшая кіевская и всероссійская святыня—храмъ св. Софіи, въ теченіи долгаго своего существованія, представлялъ постепенное отклоненіе отъ своего первоначальнаго вида и только въ послѣднія сорокъ лѣтъ настало въ его судьбѣ обратное движеніе, далекое еще отъ полнаго его окончанія. Воздвигнутый въ 1036 году великимъ княземъ кіевскимъ Ярославомъ Мудрымъ, по образцу Софіи цареградской, кіево-софійскій соборъ, въ теченіи вѣковъ, подвергался

много разъ наружнымъ и внутреннимъ передѣлкамъ, которыя во многомъ измѣнили его древнее величіе и красоту. Разновременно закрыты его наружныя галлереи, обращенныя въ паперти, закрыта была драгоцѣнная фресковая стѣнопись подъ нѣсколькими слоями обыкновенной живописи, измѣнена и верхняя часть его сокрытіемъ однихъ, надстройкою другихъ куполовъ. Самый входъ въ соборъ и подходъ къ нему съ западныхъ или главныхъ дверей сильно измѣненъ. Не говоримъ о значительномъ его углубленіи въ землю, о множествѣ контрфосовъ, которые вызваны тяжелыми надстройками, но изъ которыхъ иные, на простой даже взглядъ, оказываются лишними и своею неуклюжестію закрываютъ и безобразятъ видъ древнѣйшаго нашего храма.

Уваженіе къ древности въ жизни народовъ наступаетъ не скоро и, развиваясь постепенно, служитъ показателемъ ихъ развитія. Подъ вліяніемъ этого чувства обратный ходъ въ исторіи софійскаго собора начался съ 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда, по повелѣнію императора Николая Павловича, приступлено было къ возобновленію собора для открытія и сохраненія его мозаики и фресковъ. Работы длились 10 лѣтъ, подъ наблюденіемъ академика Солнцева, и послѣдствіемъ ихъ было то, что теперь всякій, войдя въ храмъ св. Софіи, чувствуетъ себя въ храмѣ глубокой древности. Возстановленіе древняго наружнаго вида собора не входило въ планъ тогдашняго его обновленія, но уже тогда чувствовалась необходимость одного отступленія отъ обычая сѣдой древности, именно превращенія собора изъ холоднаго въ теплый, между прочимъ въ видахъ охраненія отъ сырости и порчи мозаическихъ и фресковыхъ изображеній. Было готово Высочайшее на то повелѣніе, но тогдашніе архитекторы не могли изыскать мѣста и способа для устройства отопленія: строить обыкновенныя печи съ пробивкою трубъ въ стѣнахъ, представляющихъ, по свойству и давности постройки, сплошную окаменѣлую массу, было дѣйствительно невозможно, устроить калориферы въ фундаментахъ, при небольшой ихъ глубинѣ, также не нашлись. Никому не пришло тогда на мысль, что западная сторона собора отъ главнаго входа, сама по себѣ требовавшая исправленія по древнему фасаду, служитъ найлучшимъ для этой цѣли мѣстомъ. Здѣсь, какъ на сѣверной и южной сторонѣ, была паперть, или древнѣе галлерея, которой продольная стѣна входила въ связь

съ такими-же стѣнами сѣверной и южной галлерей. Стѣна эта со сводами, скрѣплявшими ее съ соборомъ, или иначе западная паперть, обрушилась 6-го сентября 1625 г., во время запустѣнія собора въ рукахъ уніатовъ, длившагося 1610—1633 г. Митрополитъ Петръ Могила, возвративъ православію св. Софію, очистилъ лишь мѣсто разрушенія и, закрывъ слѣды онаго, устроилъ на прилегавшихъ съ боковъ стѣнахъ и западной стѣнѣ собственно храма такія-же наружныя украшенія, какія были на стѣнахъ сѣверной и южной. Такимъ образомъ въ фасадѣ собора образовалось продольное углубленіе, впереди котораго по обѣимъ сторонамъ выдвигались закрытыя оконечности западной и южной папертей. Возстановить западную паперть пробовали еще въ XVII ст.,—слѣды этого открыты теперь въ наружныхъ частяхъ какъ главной западной, такъ и боковыхъ стѣнъ; но плохая, какъ видно по остаткамъ извести, постройка снова рушилась и съ тѣхъ поръ мѣсто бывшей паперти оставалось до сего года пустымъ и едва-ли кто зналъ о существованіи оной. Слѣды неудачныхъ работъ закрыты были новыми наружными украшеніями поверхъ могилинскихъ, а вся подпольная часть паперти завалена была щебнемъ отъ обрушившейся постройки; въ позднѣйшее время площадь паперти отгорожена была желѣзною рѣшеткою, существовавшею до 1843 г. и въ этомъ году разобранною.

Теперь такъ давно уничтоженная западная паперть, съ Высочайшаго соизволенія, возстановляется вновь, но не на старомъ, а на новомъ фундаментѣ, который углубляется до 5-ти аршинъ, вмѣсто трехъ. Это даетъ возможность устроить здѣсь, безъ всякаго опасенія для старыхъ стѣнъ, камеры для печей, посредствомъ которыхъ древнѣйшій нашъ соборъ въ первый разъ отъ времени своей постройки станетъ огрѣваться. Тяжелое ощущеніе и гибельное вліяніе производила температура въ соборѣ по прошествіи зимы. Вы точно входили въ глубокій, давно не открывавшійся погребъ, или ледникъ; на васъ вѣяло и холодомъ и сыростью. Далеко не всѣ посѣтители собора выдерживали такую атмосферу, почтенные-же предстоятели онаго платились нерѣдко здоровьемъ; сырость отзывалась на утвари, иконостасѣ и фрескахъ. Теперь всѣ эти невыгоды устранятся и соборъ подвинется еще на шагъ къ своему прежнему, хотя и не первоначальному, виду.

Само собою разумѣется, что при возстановленіи древней паперти сохраненъ будетъ прежній внѣшній ея видъ, и всѣ наружныя оной украшенія, за что ручается намъ археологическая опытность нынѣшняго настоятеля собора.

Съ начатіемъ работъ по возобновленію западной паперти собора признано нужнымъ въ южной стѣнѣ онаго открыть второй ходъ въ древней аркѣ, обращенной въ окно; при этомъ неожиданно на самой аркѣ открыты фресковыя изображенія двухъ святителей и такая-же большаго объема звѣзда. И такъ еще одна древность въ древнѣйшемъ храмѣ св. Софіи.

Пожелаемъ, чтобы кіево-софійскій соборъ на этомъ не остановился и сбросилъ съ себя еще нѣкоторыя, слишкомъ очевидныя и вовсе ненужныя наслоенія.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

сентябрь.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ III.

СЕНТЯБРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26-го августа 1882 года.

Ссыльные малороссіяне въ архангельской губерніи

1708—1802 г. *).

«Презъ незгоду всі пропали,
Сами себе звоёвали».

Дума Мазепы.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ мнѣ нѣсколько разъ приходилось бывать въ Архангельскѣ, и я пользовался кратковременнымъ пребываніемъ въ немъ для того, чтобы познакомиться съ мѣстнымъ центральнымъ архивомъ, состоящимъ при губернскомъ правленіи. Доступъ въ архивъ былъ для меня легокъ, благодаря просвѣщенному отношенію къ дѣлу губернаторовъ Арендаренка, Гартинга и кн. Гагарина.

Въ такъ называемомъ губернскомъ архивѣ въ Архангельскѣ собрано громадное количество дѣлъ, какъ нынѣ существующихъ въ губерніи присутственныхъ мѣстъ, такъ и давно упраздненныхъ, наприм. бывшей архангелогородской губернской канцеляріи, архангельскаго намѣстническаго правленія и др. Дѣла начинаются съ начала прошлаго столѣтія.

Разработкой губернскаго архива до меня никто не занимался. Послѣ меня разбиралъ дѣла и помѣщалъ болѣе интересныя изъ нихъ въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ такой-же случайный обитатель далекаго сѣвера, какимъ былъ и я, А. С. Голубьевъ, бывшій редакторомъ упомянутыхъ вѣдомостей. Въ послѣдніе годы,

*) Читано 3 февраля 1881 г. въ засѣданіи историко-филологическаго общества, состоящаго при харьковскомъ университетѣ.

какъ видно изъ научной хроники журнала „Древняя и Новая Россія“, дѣло разработки и обнародованія богатствъ архангельскаго архива принялъ на себя вице-губернаторъ Подвысоцкій, который также помѣщалъ болѣе интересныя дѣла въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ.

Въ архангельскомъ архивѣ я успѣлъ познакомиться лишь съ отдѣломъ, заключающимъ въ себѣ дѣла бывшей архенгелогородской губернской канцеляріи. Этотъ отдѣлъ представляетъ очень много интересныхъ свѣдѣній для внутренней исторіи крайняго сѣвера. Здѣсь много дѣлъ, начиная съ царствованія Петра I-го, объ управленіи краемъ, о разнаго рода мѣстной промышленности: сельскомъ хозяйствѣ, морскихъ промыслахъ, кораблестроительствѣ, разработкѣ рудъ, торговлѣ, въ особенности заграничной, свѣдѣнія этого рода касаются, какъ состоянія промышленности, такъ и правительственныхъ мѣропріятій объ улучшеніи промысловъ сѣвернаго края, о чемъ правительство заботилось уже съ начала прошлаго столѣтія. Много данныхъ, касающихся другихъ сторонъ внутренней жизни края, напримѣръ, о разбойничествѣ, которое тамъ принимало такіе размѣры, что для уничтоженія его часто были отправляемы цѣлыя команды солдатъ, съ которыми разбойники вступали въ открытый бой, о нападеніяхъ на русскихъ обитателей печорскаго края самоѣдовъ Карачеевъ, о частомъ нарушеніи пограничными жителями порубежнаго мира съ Швеціей и т. п. Исторія поземельнаго владѣнія, которое на отдаленномъ сѣверѣ имѣло своеобразный характеръ (тамъ всѣ сословія владѣли землей на правахъ собственности), могла-бы быть прекрасно разработана по многочисленнымъ матеріаламъ архива. Для исторіи знаменитаго поморскаго раскола, его распространенія и правительственныхъ мѣропріятій противъ него также имѣется много данныхъ въ архивѣ; особенно большой интересъ представляютъ дѣла о самосожженіи раскольниковъ, которые цѣлыми деревнями сожигали себя для того, чтобы избѣжать насилій со стороны правительства. Но найболѣе всего интересенъ отдѣлъ такъ называемыхъ секретныхъ дѣлъ; онъ состоитъ изъ дѣлъ о ссыльныхъ и изъ производствъ „въ сказываніи слова и дѣла государева“. Въ архангельскую губернію въ прошломъ столѣтіи было сослано не мало извѣстныхъ въ исторіи личностей, и о нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились разнаго рода производства; напримѣръ, по описямъ показаны дѣла о Степанѣ Лопуховѣ, кн. Семенѣ Щерба-

товѣ, кн. Иванѣ Долгорукомъ, кн. Мышецкомъ, Петрѣ и Иванѣ Толстыхъ, коломенскомъ архіереѣ Игнатіѣ, воронежскомъ епископѣ Лаврентіѣ, о калмыцкихъ, кабардинскихъ и др. владѣтельныхъ лицахъ, польскихъ конфедератахъ и пр. Огромное количество дѣлъ, почти половина всего секретнаго отдѣленія, состоитъ въ производствѣ предварительныхъ дознаній по обвиненіямъ въ государственныхъ преступленіяхъ или, какъ тогда выражались, въ сказываніи слова и дѣла государева. Это адское слово раздавалось также и на крайнемъ сѣверѣ, какъ и въ остальныхъ частяхъ Россіи, и наводило ужасъ на мирныхъ обитателей. Быть можетъ тамъ его приходилось слышать еще чаще, нежели въ другихъ мѣстахъ, благодаря разнородному наплывному элементу на сѣверѣ. Стоило какому-нибудь негодяю, самому отверженному члену общества, произнести это слово на кого-бы то ни было, тотчасъ-же хватали послѣдняго и вмѣстѣ съ доносчикомъ отправляли сначала въ архангелогородскую губернскую канцелярію для предварительнаго допроса, а потомъ въ знаменитый преображенскій приказъ (впослѣдствіи тайную канцелярію). Тамъ, посредствомъ пытки, которая, по выраженію Екатерины II-й, „есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго“, достигали результатовъ, какихъ нужно было инквизиторамъ. Большая часть доносовъ принадлежитъ солдатамъ, монахамъ, ссыльнымъ и колодникамъ. Доносили они или на своихъ товарищей или на начальствующихъ и надзирающихъ лицъ. Побудительными причинами къ доносамъ чаще всего служили злоба, мщеніе, вслѣдствіе ссоры, строгаго обращенія начальствующихъ съ подчиненными, а иногда простое желаніе выйти изъ своего невыносимаго положенія. Въ тогдашнее время, когда общество отъ верху до низу было деморализовано покровительствомъ доносамъ, находились такія лица, въ особенности между ссыльными, которыхъ нельзя было удержать отъ доносовъ никакими мѣрами. Конечно, менѣе всего можно ставить въ вину доносы заточеннымъ и колодникамъ, такъ какъ они дѣлали ихъ просто ради того, чтобы выйти изъ заточенія, хотя на короткое время воспользоваться свободой или, вѣрнѣе сказать, хотя на минуту увидѣть свѣтъ Божій. Неудивительно, если человѣкъ, посаженный на всю жизнь въ какую-нибудь земляную тюрьму, т. е. погребъ, употребитъ всѣ усилія, чтобы по-

пользоваться кратковременнымъ измѣненіемъ своего положенія, если онъ даже знаетъ, что за этимъ можетъ послѣдовать самая смерть. Приведу примѣръ, взятый изъ дѣлъ архангельскаго архива:

По указу изъ преображенскаго приказа мошногорскаго монастыря, игуменъ Іоасафъ по розыскному важному дѣлу былъ посаженъ въ 1722 г. въ соловецкомъ монастырѣ въ крѣпкую тюрьму. Въ 1725 г. за ложный доносъ онъ снова былъ взятъ въ преображенскій приказъ, битъ кнутомъ нещадно, а по учиненіи наказанія снова посланъ въ соловецкій монастырь. При отправкѣ внушено ему, что если онъ будетъ впредь затѣвать ложные доносы, то ему будетъ учинена смертная казнь безъ пощады. Не смотря на это, онъ въ 1728 г. снова сдѣлалъ доносъ, снова посланъ въ преображенскій приказъ и затѣмъ снова возвращенъ въ соловецкій монастырь, съ предписаніемъ держать его неисходно подъ крѣпкимъ карауломъ и новыхъ его доносовъ не слушать.

Перечитывая описи секретныхъ дѣлъ и разсматривая самыя дѣла, я встрѣтилъ въ нихъ нѣсколько малороссійскихъ фамилій, и у меня явилась мысль собрать свѣдѣнія о своихъ соотечественникахъ, побывавшихъ на далекомъ сѣверѣ. Къ сожалѣнію оказалось, что нѣкоторыя изъ дѣлъ о ссыльныхъ малороссіянахъ въ сороковыхъ годахъ были отосланы въ министерство внутреннихъ дѣлъ и только немногія уцѣлѣли. Пришлось пользоваться тѣмъ, что осталось. Собранныя изъ дѣлъ и описей свѣдѣнія пополнены по извѣстнымъ печатнымъ источникамъ: Исторіи Малороссіи Бантышъ-Каменскаго, Маркевича и др. Такимъ образомъ составилась настоящая статья. Отрывокъ изъ нея (который здѣсь выпущенъ), касающійся заточенія въ соловецкомъ монастырѣ запорожскаго кошеваго атамана Кальнишевскаго, помѣщенъ въ журналѣ Русская Старина за 1875 годъ, № 11, подъ заглавіемъ: „Кальнишевскій, послѣдній кошевой Запорожской Сѣчи“.

Такъ какъ значительная часть малороссіянъ, сосланныхъ въ прошломъ столѣтіи въ архангельскую губернію, подверглась этому наказанію за политическіе доносы и даже нѣкоторые изъ нихъ не переставали заниматься сказываніемъ слова и дѣла государева въ ссылкѣ, то приходится предварительно сказать нѣсколько словъ объ историческомъ развитіи доносовъ въ Малороссіи, а затѣмъ уже

перейти собственно къ сообщенію свѣдѣній о ссыльныхъ малороссіянахъ въ архангельской губерніи.

Тотчасъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго въ Малороссіи начались интриги и борьба между старшиной за гетманскую булаву, и обнаружилось стремленіе гетмановъ возвратить Малороссію, вопреки волѣ народа, въ подданство Польши. Оба первые гетманы (Юрій Хмельницкій и Виговскій) преслѣдовали эту цѣль. Измѣна ихъ народному желанію вызвала междоусобіе въ Малороссіи и вторженіе въ нее войскъ, съ одной стороны польскихъ, съ другой московскихъ. Во время смуты, произведенной Виговскимъ и Юріемъ Хмельницкимъ, еще при жизни ихъ, явились новые искатели гетманства—слуга Юрія Хмельницкаго, Брюховецкій, затѣмъ Дорошенко, Нечай и Тетеря. Одинъ думалъ получить гетманскую булаву при посредствѣ запорожцевъ, другой подъ покровительствомъ турокъ, третій при содѣйствіи поляковъ и т. д. Все это происходило до андрусовскаго договора, по которому московское правительство раздвоило Украйну, отдавъ, тоже вопреки волѣ малорусскаго народа, западную ея часть полякамъ. Раздвоеніе Украйны вызвало одновременное появленіе ряда гетмановъ, какъ въ восточной, такъ и въ западной Украйнѣ. Затѣмъ послѣдовало отдѣленіе части правобережной Малороссіи подъ покровительствомъ турокъ и появленіе султанскихъ гетмановъ. Измѣны и борьба властолюбцевъ вызвали въ малороссіянахъ страсть къ доносамъ. Одни доносили на гетмановъ изъ преданности московскому правительству, другіе изъ своекорыстныхъ видовъ; сначала доносы были справедливые, а потомъ расплодились и лживые. Доносителей на гетмана, говоритъ лѣтописецъ, подобрать было не трудно, ибо отъ частыхъ перемѣнъ гетмановъ и другихъ чиновниковъ завелось въ Малороссіи столько ябедниковъ, сколько было охотниковъ подхватить что либо въ перемѣнѣ, то есть въ мутной водѣ рыбу ловить [1]).

На перваго гетмана, Виговскаго, доносилъ московскому правительству полтавскій полковникъ Пушкарь, возставшій потомъ противъ Виговскаго съ оружіемъ въ рукахъ. Доносъ объ измѣнѣ Виговскаго былъ справедливый. Гетмана восточной Украйны Много-

---

[1]) Маркевичъ II, 66, 298.

грѣшнаго, въ значительной степени умиротворившаго родину, сбросила съ уряда старшина и отправила въ Москву съ ложнымъ доносомъ, будто онъ имѣлъ тайное намѣреніе поддаться султану турецкому; въ числѣ доносчиковъ былъ и Иванъ Самойловичъ. Когда Самойловичъ сдѣлался гетманомъ, то на него было сдѣлано нѣсколько доносовъ: первый—полковниками Дмитрашкомъ, Горленкомъ и Рославцемъ въ томъ, что будто онъ хотѣлъ измѣнить Россіи; въ пыткахъ эти лица признались въ ложности доноса и выдали заговорщиковъ. Второй доносъ былъ составленъ тайными кознями генеральнаго есаула Мазепы; въ немъ участвовали генеральная старшина и многіе полковники; въ числѣ прочихъ лицъ и Василій Кочубей. Самойловича обвиняли во многомъ справедливо, но политическая сторона доноса оказалась лживою, наприм., будто гетманъ былъ причиною неудачнаго похода въ Крымъ кн. Голицына.

На гетмана Мазепу также были ложные доносы, первый, въ видѣ подложнаго письма, или „пашквиля", приписаннаго чернцу Соломону, второй — Данила Забѣлы; оба обвиняли Мазепу въ измѣнѣ. О второмъ доносѣ будетъ рѣчь впереди. Затѣмъ слѣдовалъ доносъ со стороны генеральнаго судьи Василія Кочубея и полтавскаго полковника Искры о намѣреніи Мазепы подчиниться полякамъ. Доносъ на этотъ разъ былъ справедливый, но побужденіемъ къ нему служила семейная обида.

Какъ извѣстно, Кочубей и Искра были казнены за доносъ, который слѣдователи признали лукавымъ. Соучастниками доносителей признаны: Иванъ Святайло, священникъ полтавской спасской церкви, бывшій въ родствѣ съ Искрой и вмѣстѣ съ тѣмъ духовникомъ его и Кочубея, сынъ Святайла, также чернецъ Никаноръ, сотникъ полтавскаго полка и племянникъ Искры Петръ Кованько, писаря Кочубея и Искры (переписывавшіе доносъ) Колчицкій и Глуховецъ и восемь слугъ Кочубея и Искры. Изъ числа поименованныхъ лицъ священникъ Святайло, сынъ его и чернецъ Никаноръ отправлены были въ 1708 г. въ соловецкій монастырь съ повелѣніемъ никуда не выпускать ихъ изъ монастыря; относительно Святайла приказано, если онъ пожелаетъ, постричь въ монахи. Остальныя лица сосланы въ г. Архангельскъ съ тѣмъ, чтобы они были поверстаны въ солдаты или къ чему окажутся годными, по мнѣнію архангельскаго губернатора кн. Голицына. Замѣчательно

что Святайло и остальныя лица были позабыты въ ссылкѣ, гдѣ они томились три года послѣ обнаруженія измѣны Мазепы и лишь въ 1712 г. возвращены на родину, и то благодаря ходатайству рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго [1]).

Это были первые ссыльные малороссіяне прошлаго столѣтія въ архангельской губерніи, по крайней мѣрѣ, насколько можно судить по историческимъ свѣдѣніямъ и по отсутствію дѣлъ о ссыльныхъ изъ малороссовъ въ архангельскомъ архивѣ ранѣе указаннаго года. Послѣ измѣны Мазепы появляются въ ссылкѣ уже не доносители, а сторонники Мазепы. Въ 1709 г. отъ Мазепы первоначально отстало 10 человѣкъ изъ генеральной старшины, полковниковъ и низшихъ урядниковъ; они явились въ Малороссію. Тамъ, по силѣ царскаго манифеста, они должны были лишиться жизни отъ рукъ палача, но Петръ I замѣнилъ смертную казнь ссылкою ихъ въ Сибирь и въ Архангельскъ. Изъ дѣлъ архангелогородской губернской канцеляріи видно, что въ числѣ лицъ упомянутой категоріи сосланы были въ Архангельскъ, между прочими, генеральный есаулъ Дмитрій Максимовичъ, сердюцкій полковникъ Яковъ Покотило и какой-то Дубяга. По всей вѣроятности, Дубяга—это бывшій съ 1668 г. наказной полковникъ миргородскаго полка, въ которомъ онъ замѣнялъ Данила Апостола во время малолѣтства послѣдняго, такъ какъ Апостолъ былъ избранъ въ полковники за заслуги отца, будучи еще 10 лѣтъ отъ роду. Относительно полковника Якова Покотила мы не имѣемъ свѣдѣній. Но о Дмитріѣ Максимовичѣ мы нашли нѣкоторыя подробности, какъ въ архангельскомъ архивѣ, такъ и у извѣстнаго нашего писателя Максимовича. По этимъ извѣстіямъ Дмитрій Максимовичъ въ 1711 году былъ присланъ изъ Глухова въ Архангельскъ, гдѣ, по указу государя отъ 30 генваря 1713 г., опредѣленъ надсмотрителемъ коренной корабельной верфи, состоявшей подъ управленіемъ Ѳедора Баженина; онъ отличался необыкновенной силой. Въ томъ же году присланы къ Дмитрію Максимовичу въ Архангельскъ сыновья его Ѳедоръ и Иванъ. Изъ нихъ Ѳедоръ въ царствованіе Елисаветы слу-

---

[1]) Маркевичъ. II, 441 и 541, Бантышъ-Каменскій, изд. 1822 г., ч. III, 32—119, IV, 43.

жилъ стародубскимъ полковникомъ и, подобно отцу, былъ чрезвычайный силачъ; Иванъ впослѣдствіи служилъ поручикомъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка и убитъ турками подъ конецъ Румянцевской войны [1]).

Въ 1712 г. въ архангельскую губернію отправлена вторая партія малороссіянъ, замѣшанныхъ въ измѣнѣ Мазепы, именно: батуринскаго николаевскаго монастыря архимандритъ Гедеонъ Одорскій, монахъ Семенъ Остафьевъ, лохвицкій протопопъ Иванъ Рогачевскій и челядникъ архимандрита Одорскаго Иванъ Видковскій, родомъ изъ Черкасъ. Всѣ эти лица, по словамъ Бантышъ-Каменскаго, осуждены были къ ссылкѣ въ соловецкій монастырь [2]).

Въ одномъ изъ дѣлъ архангельскаго архива находится слѣдующее извѣстіе о Рогачевскомъ: въ прошломъ 1712 году ноября 28 дня въ грамотѣ Его Царскаго Величества изъ приказу Малыя Россіи къ бывшему вице-губернатору писано: „по Его Великаго Государя указу посланъ съ Москвы исъ приказу Малыя Россіи къ городу Архангельску лохвицкій протопопъ Иванъ Рогачевскій и велѣно его сослать отъ города Архангельского на житье въ соловецкій монастырь. Но Рогачевскій въ соловецкій монастырь не посланъ за зимнимъ временемъ, о чемъ писано въ приказъ Малыя Россіи. По Его Великаго Государя указу (1713 года апрѣля 12 дня) и по приговору бывшаго вице-губернатора Курбатова велѣно ему Рогачевскому быть въ Архангельскѣ префектомъ во вновь учрежденныхъ школахъ“ [3]).

Авторъ историко-статистическаго описанія черниговской епархіи, архіеп. Филаретъ считаетъ Гедеона Одорскаго невиннымъ страдальцемъ. По его словамъ, Гедеонъ Одорскій былъ сначала ректоромъ кіевской коллегіи, а за тѣмъ, съ 1695 по 1709 годъ, игуменомъ крупицкаго-батуринскаго-николаевскаго монастыря [4]). При немъ

---

[1]) Марковичъ, II, 591; Бант.-Камен., IV, 29, Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1849 г., ч. 26.

[2]) Бантышъ-Каменскій, IV, 43. Дѣло архангельскаго архива 1712 г. о ссылкѣ колодниковъ въ соловецкій монастырь, архимандрита Гедеона Одорскаго, монаха Семена и лохвицкаго протопопа Рогачевскаго,—отправлено въ мин. вн. дѣлъ.

[3]) Дѣло о протопопѣ Рогачевскомъ и Забѣлѣ 1721 г. по генеральн. описи подъ № 60,689.

[4]) Монастырь этотъ находился при р. Сеймѣ въ 10 верстахъ отъ Батурина.

Мазепа, послѣ того какъ утвердилъ за монастыремъ всѣ древнія его имѣнія, универсаломъ марта 14-го 1708 г. отнялъ у монастыря въ Обмачевѣ 15 монастырскихъ крестьянъ на томъ только основаніи, что ко двору его понадобились служители, тогда какъ предшественникъ его, гетманъ Самойловичъ, людей для двора нанималъ. Вдобавокъ, во время шведской войны, когда Меньшиковъ страшно опустошалъ Батуринъ, разрушеніе коснулось и батуринскаго монастыря, въ которомъ были разрушены до основанія колокольня, настоятельскія и братскія кельи и гостинный дворъ. Архимандрита Гедеона обвиняли въ связяхъ съ измѣнниками Россіи и въ 1712 г. сослали въ соловецкій монастырь. „Какъ по отношеніямъ Мазепы къ монастырю, такъ и по самому послѣдствію обвиненія очевидно, что архимандритъ Гедеонъ пострадалъ невинно, какъ и монастырь, страдавшій за то только, что назывался батуринскимъ; на все то была воля Меньщикова, и только“ [1]). Интересно то обстоятельство, что въ монастырскихъ запискахъ относительно Одорскаго сказано, будто онъ „неизвѣстно куда скрылся“ [2]). Составитель записокъ, значитъ, или боялся сдѣлать даже указаніе на судьбу, постигшую игумена, или считалъ этотъ случай событіемъ чрезвычайно компрометирующимъ монастырь, такъ что нужно было о немъ умолчать.

Чрезъ семь лѣтъ послѣ ссылки протопопа Рогачевскаго и архимандрита Одорскаго в ъ Архангельскѣ появляется бунчуковый товарищъ Данило Васильевичъ Забѣла, сынъ генеральнаго хорунжаго Василія, внукъ генеральнаго обознаго Петра Забѣлы, слѣдовательно лицо изъ велико-панской семьи. Данила Забѣлу можно считать типомъ тогдашнихъ доносчиковъ и сутягъ, а потому остановимся долѣе на этой интересной личности, пользуясь для ея характеристики, какъ указаніями нашихъ историковъ, такъ и дѣлами архангельскаго архива.

Данило Забѣла явился въ началѣ 1699 года въ Москву, гдѣ, обнадеженный Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, представилъ ложный доносъ на Мазепу, будто-бы тотъ выслалъ съ умысломъ къ крымцамъ своего канцеляриста Петрика, опустошавшаго въ

---

[1]) Историко-статистич. описаніе черниг. епархіи. Черниговъ. 1873 г. кн. III, стр. 286.

[2]) Черниг. Губ. Вѣд., 1852 г. № 3. Матеріалы для мѣстной старины П. Л.

1692 г. съ татарами Малороссію, и, намѣреваясь измѣнить Россіи, имѣлъ тайныя сношенія съ ханомъ. По желанію Мазепы и по повелѣнію Петра, доносчикъ отправленъ былъ къ гетману въ Батуринъ и, спрошенный въ войсковомъ судѣ, показалъ, что онъ говорилъ въ Москвѣ о гетманской измѣнѣ пьяный, безъ разума и памяти, не имѣя никакихъ наставниковъ. Когда его вели къ пыткѣ, онъ произнесъ: „меня погубила надежда на Шереметева". По словамъ историка, „велѣли его взять на встряску, на которой съ полчаса будучи повѣшенъ, тоже говорилъ, что и передъ встряскою, потомъ отпущенъ былъ на землю на четверть часа, снова поднятъ и держанъ нѣсколько времени, гдѣ, вопія крикомъ великимъ, тѣже поновлялъ рѣчи". По постановленію суда, Забѣла былъ лишенъ всего имѣнія и приговоренъ къ смертной казни, но Мазепа освободилъ его отъ казни, приказавъ до времени держать его подъ карауломъ. Такъ говоритъ Бантышъ-Каменскій о судьбѣ Забѣлы. Маркевичъ-же полагалъ, что Забѣла томился въ неволи 26 лѣтъ (т. е. до 1724 г.) и что по неизвѣстной причинѣ позабыли о немъ въ то время, когда замыслы гетмана обнаружились. По предположенію Маркевича причиной предохранительной неволи Забѣлы было то обстоятельство, что отобранное отъ него Мазепой имѣніе досталось потомъ Анастасіи Марковнѣ Марковичевой и гетману Скоропадскому, который былъ женатъ на ней и которому было невыгодно освободить Забѣлу и въ его пользу отобрать села у своей жены. Слова Маркевича относительно двадцатишестилѣтнихъ страданій Забѣлы въ неволѣ за доносъ на Мазепу не вѣрны, но то, что захватившіе его имѣнія старались удержать ихъ въ своихъ рукахъ, справедливо, хотя и не относится къ одной Марковичевой [1]).

Въ 1710 г. мы видимъ Забѣлу свободнымъ и ходатайствующимъ о возвращеніи ему имѣній. 30 сентября упомянутаго года гр. Гаврило Головкинъ писалъ къ Скоропадскому по поводу Забѣлы: „Прошедшаго августа 30 дня писалъ я къ вельможности вашей о Данилѣ Забѣлѣ, что челобитье его о нѣкоторыхъ маетностяхъ, особливо-жъ о селѣ Клишкахъ, было недѣльно, безъ всякихъ крѣпостей и явныхъ доводовъ, того для ему отказано и велѣно съ Москвы выслать на Украйну. Нынѣ-же пріѣзжалъ тотъ шаленой

---

[1]) Маркевичъ II, 351; Бант. Камен. III, 40.

сюда и хотѣлъ еще о томъ-же докучать; но сколь скоро онъ здѣсь явился, взявъ его я передъ себя, гораздо за то словами наказывалъ, дабы онъ болѣе о томъ недѣльномъ своемъ запросѣ не докучалъ и, пригрозя ему гораздо, сказалъ, чтобъ онъ жилъ на Украйнѣ подъ региментомъ вашей вельможности спокойно, велѣлъ его за городъ вывесть, такожъ и къ Москвѣ писалъ, чтобъ изъ Москвы его выслали немедленно на Украйну" [1]).

Только въ 1719 г. Забѣла появился въ ссылкѣ въ г. Архангельскѣ. Въ одномъ дѣлѣ архангельскаго архива сказано, что „1719 году генваря 3 дня по грамотѣ Его Императорскаго Величества изъ Петербурга изъ государственной посольской канцеляріи черкасъ Данило Забѣла присланъ къ г. Архангельскому на вѣчное житье за лживое его доношеніе на Его Царское Величество подданнаго, войска обѣихъ сторонъ гетмана Ивана Ильича Скоропадскаго, и велѣно его поставить въ солдатскую слободу за присмотромъ офицеровъ, чтобы онъ оттуда никуда не съѣхалъ [2]). Неизвѣстно, какого рода доносъ былъ сдѣланъ на Скоропадскаго, но что Забѣла не оставлялъ своей страсти къ политическимъ доносамъ, видно изъ его дальнѣйшей практики этого рода въ ссылкѣ. Въ 1721 г. Забѣла написалъ слѣдующее письмо архангельскому вице-губернатору Ладыженскому:

„Вельможный господинъ, господинъ губернаторъ Петръ Евѳимовичъ, мой премилостивѣйшій господине, и особливый добродѣю.

Презентую о семъ вельможности вашей, добродѣеви моему, ижъ терпѣлемъ я, якъ-бы мощно знести до сихъ временъ, отъ Рогачевскаго попа, якый другый певне въ злости на свѣте не взыщетца, и чи не ехидника токмо отъ рожденія. Я въ правдѣ словамъ Дмитрея Максимовича, Дубяги и протчимъ не вѣрилемъ, что говорили также злѣйшаго человѣка нѣтъ на свѣтѣ: „лютый и злый есть діяволъ, але Рогачевскій еще лютѣйшій"; чего я теперь самъ дозналемъ. Лучилось мнѣ бити апрѣля 15 въ дому Якова Матвѣевича, подъячаго, на обѣдѣ, и презъ цѣлной обѣдъ все мнѣ досаждалъ поганими слови, якіе не могу и выписати, а то ненавидячи за то, что зазванъ тутъ-же и я былъ кушать, а найпаче якъ врагъ

---

[1]) Матеріалы для отеч. исторіи, Судіенко. К. 1855 г. т. II, 160.

[2]) Дѣло о протопопѣ Рогачевскомъ и о Забѣлѣ 1721 г., № 60, 689.

ненавидяй добра, вѣмъ, же за мою вѣрность Царскаго Величества, на мя такъ повсталъ. Гдѣ былъ и Покотило зъ своею женою, и порвался было до мене Рогачевскій бить за единый людской грѣхъ, а то все надѣючись на то, что за нимъ всѣ стали, яко единомысленники на мене единаго, и я сказалемъ ему: „знаты, вороже царскый и всего воинства, за що ты имѣешь печать на своихъ плечахъ и разве хощешь еще своеи погибели, когда тебѣ того не довлѣетъ“? И Рогачевскій припомнилъ мнѣ проклятого Мазепу, и за тое Яковъ Матвѣевичъ подъячій и всѣ на мене обурилися за проклятого Мазепу и за ворога государева Рогачевского; сопхалъ мене зъ избы своей Яковъ Матвѣевичъ подъячій. И радъ бимъ вѣдать, откуду воля имъ есть такая дана, что хтѣли мене убить; чому и Покотило змѣяникъ помогалъ. И когда-бы было разсужденіе у Якова подъячаго, чтобъ ему за дѣло мене за ворога царского безчестити и что за дѣло, зъ кватери перезвавши, въ себѣ такого тяшкого подзорного человѣка Рогачевского, ворога царева, въ себе держать и кормить, отъ чого бѣгають мудрые люди. О чомъ доношу вельможности вашей, добродѣеви, вѣдати и на разсужденіе себѣ въ такъ невиповѣдимыхъ и незноснихъ моихъ плачливихъ обидахъ полагаю, понеже всякому надъ здоровъе нѣчого нѣтъ милѣйшого; гди-жъ и такъ мало здоровъя имѣю, вѣрнои ради моеи прислуги Цорскому Величеству. Въ чомъ прошу покорне оборони, дабимъ безвременно не пострадалъ отъ ненавидящихъ мя правды ради и вѣрности своего Монархи, понеже и здѣсь невозможно прожить мнѣ, яко вѣрну рабу Государеву. Довлело-бы сихъ злобъ, что якъ живый зосталемъ зъ голодъ и холодъ и премногихъ неизреченныхъ досадъ и безчестія, что единому Богу оѳѣрую. Нинѣ на ваше милосердіе себе отдаючи, прошу, дабы неукротимый тотъ, аки змій лютъ, наказанъ былъ и позналъ себе, аки овцу смиренну; понеже не смиривши оного ворога царева, можетъ онъ якъ отмстити, теди вѣдаючи насъ вѣрныхъ рабовъ, хощетъ на насъ поискати, когда таковимъ не будетъ страха и наказанія. О що и повторнѣ при доземномъ моемъ чолобитю прошу о разсужденіи. Нижайшій рабъ и всѣхъ благъ желатель, Данило Забѣла; писалъ своею рукою 1721 года, іюля 5 дня.

Того-же года и дня архангелородскому вице-губернатору, лейбъ-гвардіи капитану Петру Ефимовичу Лодыженскому малороссіецъ

Данило Забѣла словесно объявилъ: прошедшаго іюня мѣсяца 28 дня, въ навечеріе святыхъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, у города Архангельскаго въ соборной церкви во всенощное пѣніе стоячи въ той церкви, посадской человѣкъ Василій Ивановъ сынъ Дунинъ сказывалъ ему Забѣлѣ: ссыльной де протопопъ Иванъ Рогачевскій говорилъ ему Дунину: „нашъ де Мазепа святъ и въ небѣ будетъ, а вашъ государь не будетъ въ небѣ", да въ то-же всенощное бдѣніе онъ-же Дунинъ ему, Забѣлѣ, сказывалъ, что де оной протопопъ Рогачевскій государя нашего проклинаетъ и онъ де Дунинъ его Рогачевскаго хотѣлъ бить и за волосъ драть и его де, Дунина, того Рогачевскаго бить и за волосъ драть не допустили, и тѣ-де его, Дунина, все слова слышалъ присланной зъ денежныхъ дворовъ подъячій Петръ Никитинъ сынъ Егорковъ, а ежели онъ, Забѣла, въ семъ словесномъ извѣтѣ сказалъ ложно, и за то-бъ указалъ ему Забѣлѣ Великій Государь учинить смертную казнь. Къ подлинному словесному челобитью Данила Забѣла руку приложилъ".

Началось дознаніе. На допросахъ холмогорецъ, посадскій человѣкъ Василій Дунинъ показалъ, что дѣло было на соловецкомъ подворьи у стряпчаго соловецкаго монастыря Ивана Патракѣева, въ присутствіи ссыльнаго донскаго казака Василія Поздѣева. На слова его, Дунина, что у насъ Мазепу проклинаютъ, протопопъ Рогачевскій отвѣчалъ: „онъ, Мазепа, погребенъ честно архимандритомъ; кающихся Богъ пріемлетъ"; болѣе-же ничего не говорилъ Рогачевскій. Въ соборной церкви, во время всенощнаго пѣнія, при бытности подьячаго Петра Егоркова, онъ Дунинъ, будучи пьянъ, указывалъ на Забѣлу и говорилъ: это-де мазеповщина, протопопъ де Рогачевскій говорилъ, что Мазепа нашъ святъ и въ небѣ будетъ, а вашъ государь не будетъ въ небѣ. Егорковъ подтвердилъ слова Дунина такимъ образомъ: оной Дунинъ, указывая на Забѣлу, говорилъ: „это-де мазеповщина; протопопъ-де Рогачевскій сказызываетъ въ церкви къ людямъ поученіе и людей учитъ, а самъ добраго не чинитъ и за Государя нашего Бога не молитъ, а Мазепу называетъ святымъ и говорилъ-де онъ, Рогачевскій, что де онъ Мазепа умеръ въ волоской земли и погребенъ честно архимандритомъ и въ небѣ будетъ, а вашъ государь не будетъ въ небѣ". Патракѣевъ далъ такой отвѣтъ, что онъ въ то время, о которомъ

идетъ рѣчь, былъ рѣзанъ и отъ того рѣзанья былъ скорбенъ и поэтому не помнитъ, были-ли у него Рогачевскій и другіе и о чемъ они говорили. Казакъ Поздѣевъ также отозвался, что онъ неоднократно заходилъ къ Патракѣеву во время его болѣзни, заходили тоже Рогачевскій и другіе, но всѣ-ли вмѣстѣ или порознь, того онъ не помнитъ и ничего не слыхалъ. На основаніи указа 1719 г. апрѣля 15, велѣно всѣхъ чиновъ людей и колодниковъ, оказывающихъ слово и дѣло о государевомъ здоровьи, чести, бунтѣ или измѣнѣ, заковавъ руки и ноги въ кандалы, присылать въ преображенскій приказъ подъ крѣпкимъ карауломъ. Вслѣдствіе этого, Рогачевскій, Забѣла и Дунинъ были отправлены въ приказъ въ оковахъ при одномъ капралѣ и десяти солдатахъ, вооруженныхъ ружьями [1]). Дальнѣйшая судьба Рогачевскаго неизвѣстна, но Забѣла снова былъ возвращенъ въ Архангельскъ. На этотъ разъ уже ему самому пришлось испытать на себѣ послѣдствія доносовъ.

Въ слѣдующемъ, 1722 году, колодникъ Григорьевъ, судившійся за мошенничество, въ архангельской земской канцеляріи въ колодниической избѣ объявилъ, что онъ, будучи у рудокопателя Лодыгина, слышалъ отъ Забѣлы, какъ тотъ говорилъ ему, что знаетъ измѣну, а за кѣмъ и какая измѣна, того онъ Забѣла не выговорилъ; Забѣла оправдывался, что хотя онъ у Лодыгина дѣйствительно былъ, но объ измѣнѣ ничего не говорилъ, и ссылается въ томъ на свидѣтелей. Тѣмъ не менѣе онъ, вмѣстѣ съ Григорьевымъ, снова былъ отправленъ въ Москву въ тайную канцелярію, для розыска [2]).

Послѣ выдержанія узаконенныхъ пытокъ, Забѣла оправдался. Это видно изъ того, что въ 1724 году онъ былъ уже на свободѣ и началъ розыскивать конфискованныя у него за доносъ на Мазепу имѣнія, для чего подалъ въ судъ десять челобитень. Изъ этихъ челобитныхъ оказывается, что одни изъ бывшихъ его имѣній были отданы въ монастыри, другія брату его Ивану, села-же Евминка, Красуля, Рудковка и Бурки находились во владѣніи гетмана, а селомъ дѣда его Подтребія, Малою Красиловкою, завладѣли кіев-

---

[1]) Дѣло о протопопѣ Рогачевскомъ и о Забѣлѣ 1721 г. № 60689.

[2]) Дѣло о посылкѣ москвитина Алексѣя Григорьева и черкашенина Данила Забѣлы 1722 г., № 43.

скаго полка полчане. Но добиться возвращенія имѣній для Забѣлы было крайне трудно, такъ какъ каждый старался ихъ удержать за собой. Черезъ пять лѣтъ послѣ первыхъ челобитень, именно въ февралѣ 1729 г., послѣдовала высочайшая грамота на имя гетмана, въ которой предписывалось, чтобы гетманъ велѣлъ разсмотрѣть челобитныя Забѣлы въ генеральномъ войсковомъ судѣ, при разсмотрѣніи которыхъ „для доказательства быть сыну его Ивану, понеже онъ Забѣла обрѣтается здѣсь“, и по изслѣдованіи учинить рѣшеніе по указамъ и по малороссійскимъ правамъ. Но дѣло плохо двигалось, какъ можно судить изъ того, что подобныхъ первой царской грамотѣ было послано еще двѣ: одна 29 ноября 1730 г., другая 25 генваря 1732 г. Чѣмъ кончились всѣ эти тяжбы, намъ неизвѣстно, такъ какъ въ матеріалахъ для отечественной исторіи, изданныхъ Судіенкомъ (II, 160), изъ которыхъ заимствованы приведенныя свѣдѣнія, дальнѣйшихъ указаній не имѣется.

Въ 1721 г. въ ссылкѣ является новая личность, писарь изъ Лубенъ, Захарій Петровичъ Патока. Приговоромъ правительствующаго сената 1721 г. рѣшено: Захару Патокѣ за неправые его о великихъ дѣлѣхъ доношенія вмѣсто смерти учинить казнь—вырѣзать языкъ и сослать въ ссылку въ соловецкій монастырь въ заточеніе въ короженскую тюрьму вѣчно, безвыходно, за крѣпкимъ присмотромъ; бумаги и чернилъ ему не давать. Въ грамотѣ-же изъ иностранной коллегіи архимандриту соловецкаго монастыря Варсонофію отъ 10 іюня 1721 г. предписано: „ежели онъ, Патока, сидя въ тюрьмѣ, станетъ кричать и сказывать за собою какое наше государево слово и дѣло, и такихъ произносимыхъ отъ него Патоки словъ не слушать, для того, что онъ Патока, доносилъ о многихъ великихъ и важныхъ дѣлахъ, а потомъ предъ сенатомъ повинился, что то́ все затѣялъ напрасно, и показалъ онъ при томъ о себѣ, какъ и другіе о немъ при слѣдованіи дѣла показали, что онъ человѣкъ сумасбродный и многажды бываетъ въ безпамятствѣ и говоритъ то, чего и самъ не знаетъ, и для того онъ, по приговору сенатскому отъ смертной казни освобожденъ, и когда онъ по совершеніи дѣла приведенъ былъ къ казни и при томъ, паки крича, сказывалъ за собою великія дѣла, но того у него, по приговору сенатскому, ради вышеписаннаго же его сумасбродства и ложныхъ доношеній не принято; ежели-жъ приключится ему, Патокѣ, какая

болѣзнь и смерть или и безъ того, когда онъ пожелаетъ, велѣть его священнику по христіанскому закону исповѣдывать и по достоинству сообщать святыхъ таинъ, а когда умретъ, погресть, гдѣ пристойно". Черезъ три года послѣдовалъ доносъ соловецкаго монаха Дамаска, что Патока ему сказывалъ и хотѣлъ объявить Его Императорскому Величеству о злоумышленномъ дѣлѣ на здоровье Его Императорскаго Величества. Вслѣдствіе этого изъ преображенскаго приказа присланъ указъ допросить „гетманскаго генеральнаго писаря" Патоку и, если онъ объявитъ слово и дѣло, прислать въ приказъ. При допросахъ содержащійся въ корожной башнѣ Патока показалъ, что онъ не генеральный писарь, а писарь изъ Лубенъ, а съ соловецкимъ монахомъ никакихъ словъ не говаривалъ, только 8 февраля послѣ святыя литургіи кричалъ всенародно слово и дѣло, именно о измѣнѣ и бунтѣ на господъ графа Гавріила Ивановича Головкина и барона Петра Шафирова и того же дня то-жъ слово и дѣло кричалъ въ трапезѣ, а какое слово и дѣло, то явитъ самому Императорскому Величеству" [1]). Дальнѣйшая судьба Патоки неизвѣстна.

Въ дѣлѣ Патоки весьма интересно первое опредѣленіе сената. Съ какой стати сенатъ, признавъ Патоку за человѣка сумасброднаго, впадавшаго часто въ безпамятство, распорядился отрѣзать ему языкъ и посадить его въ самую ужасную тюрьму, короженскую башню, при чемъ велѣлъ не слушать произносимаго имъ слова и дѣла государева. Не раскрывалъ-ли Патока передъ сенатомъ какой либо тайны относительно гр. Головкина и барона Шафирова и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, о чемъ онъ заявилъ впослѣдствіи. Заявленіе Патоки объ измѣнѣ Головкина и Шафирова служитъ нѣкоторымъ подтвержденіемъ предположенія малороссійскихъ историковъ, что эти особы знали о подготовлявшейся измѣнѣ Мазепы и вообще дѣйствовали въ интересахъ этого гетмана, будучи имъ подкуплены. Не къ нимъ-ли относятся слова доноса Кочубея и Искры, что „кто-то изъ ближнихъ государевыхъ секретарей и князя Александра Даниловича ему (Мазепѣ) о всемъ царственномъ поведеніи доноситъ, и, если о семъ (т. е. доносѣ) увѣ-

---

[1]) Дѣло о ссыльномъ черкашенинѣ Патокѣ, который содержится въ соловецкомъ монастырѣ въ тюрьмѣ, 1724 г., № 84.

даютъ, тотчасъ дадутъ ему знать". Къ нимъ могли относиться и предсмертныя слова Мазепы: „нехай одинъ я буду безталаннымъ, а не многіе, о якихъ вороги моі мабуть и не мыслили, або и мыслить не смілы: злая доля усе переиначила для невідомого конця" [1]). Очень можетъ быть, что Патока, въ качествѣ канцеляриста, могъ въ свое всемя имѣть какія либо свѣдѣнія и документы, касающіяся измѣны Мазепы и пособничества ему Головкина и Шафирова. Вѣдь, по словамъ доноса Кочубея и Искры, болѣе другихъ зналъ всѣ тайны заговора Мазепинъ писарь (Орликъ), потому что чрезъ его руки шла вся гетманская переписка, равно какъ и о доносѣ Кочубея и Искры, не смотря на всю таинственность дѣла, знали ихъ писаря, Кожчицкій и Глуховецъ, просто потому, что переписывали доносъ. Также случайно могъ узнать тайны мазепинскаго заговора, при участіи русскихъ знатныхъ особъ, и Патока. По всей вѣроятности, этому несчастному былъ отрѣзанъ языкъ для того, чтобы онъ не разглашалъ извѣстныхъ ему тайнъ. Но этого инквизиторамъ нельзя было достигнуть вполнѣ, такъ какъ Патока все-же не потерялъ возможности выговаривать слова. Что лица, которымъ отрѣзывали языкъ, сохраняли иногда способность выражать свои мысли, доказывается примѣромъ графини Анны Бестужевой. Бестужева, будучи сосланной въ 1743 г. въ Якутскъ, за участіе въ заговорѣ объ избраніи императоромъ Ивана Антоновича, говорила такъ вразумительно, что вполнѣ можно было понимать ее, не смотря на то, что у ней былъ отрѣзанъ конецъ языка [2]).

---

[1]) Маркевичъ II, 407, 506.

[2]) Это указаніе находится въ статьѣ И. Сельскаго: «Ссылка въ восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ», помѣщенной въ 8 номерѣ Русскаго Слова за 1861 г. Въ указанной статьѣ, между прочимъ, сообщаются довольно интересныя свѣдѣнія о жизни въ ссылкѣ малороссіянъ, бывшихъ гетмановъ Многогрѣшнаго и Самуйловича и другихъ лицъ, стр. 4, 7, 8, 25 и 26. Кстати привести здѣсь нѣсколько словъ, помѣщенныхъ въ газетѣ «Трудъ» въ № 3-й за 1881 г. о малороссіянахъ, попавшихъ въ старые годы въ Вятку. Между малороссіянами, пребывавшими въ вятской губ., выдавался особенно Петро Дорошенко, бывшій гетманъ, высланный въ Вятку на воеводство и пробывшій тамъ около двухъ лѣтъ (1681—1683). Просилъ онъ постоянно объ освобожденіи, но выпросилъ лишь переводъ въ ярославскую губ., гдѣ и былъ надѣленъ землею. Но особенно памятенъ въ исторіи Вятки былъ воспитанникъ кіевской академіи, епископъ Лаврентій Горка (1733—1737), переведенный туда изъ Рязани, «за нѣкія продерзости», какъ сказано въ указѣ. Это былъ первый насадитель «школьнаго ученія» въ вятской странѣ.

Послѣ Патоки является въ ссылкѣ монахъ кіево-печерской лавры Досифей. Какъ видно изъ дѣлъ архангельскаго архива, Досифей былъ присланъ въ генварѣ 1755 г. на жительство въ сійскій монастырь. За что его сослали,—не извѣстно; но можно думать, что за доносы, такъ какъ онъ, не пробывъ въ ссылкѣ и одного мѣсяца, сдѣлалъ политическій доносъ на малоумнаго холмогорца, а въ октябрѣ того-же года кричалъ слово и дѣло государево на своихъ собратій, двухъ монаховъ сійскаго монастыря. Для ознакомленія съ канцелярской перепиской тогдашняго времени по политическимъ дѣламъ между архангелогородской губернской канцеляріей и канцеляріей тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, приводимъ представленіе первой о доносѣ Досифея.

„Сего 1755 года, октября 6 дня, въ присланномъ въ архангелогородскую губернскую канцелярію съ троицкого антоніева сійскаго монастыря отъ намѣстника Германа Яковлева да отъ казначея іеродіакона Мойсея доношеніи написано: присланной въ тотъ сійской монастырь изъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ въ генварѣ мѣсяцѣ сего 1755 года кіево-печерской лавры бывшій іеромонахъ Досифей въ неисходное изъ того монастыря до кончины живота его жительство сего октября 3 дня кричалъ слово и дѣло государево по второму пункту, а за кѣмъ знаетъ, того не объявилъ. А оной іеромонахъ Досифей присланъ при томъ доношеніи, а въ губернской канцеляріи въ секретномъ распросѣ оной Досифей показалъ: сего октября 3 дня въ помянутомъ сійскомъ монастырѣ онъ, Досифей, слово и дѣло государево по второму пункту кричалъ и знаетъ то слово и дѣло государево того-жъ сійскаго монастыря за іеромонахами Аарономъ и Арсеніемъ, а Арсеній объявилъ за ростригою Федоромъ да за монастырскимъ служителемъ Яковомъ Бишкаромъ, а оное слово и дѣло знаетъ онъ касающееся до персоны Ея Императорскаго Величества, котораго обстоятельно здѣсь объявить невозможно, а услышалъ онъ, Досифей, то слово и дѣло отъ іеромонаха Аарона іюля 24 числа, а отъ іеромонаха-жъ Арсенія сентября 2 да 8 чиселъ сего 1755 г., а за другими-же за кѣмъ онъ, Досифей, какъ по первому, такъ и по второму пунктамъ, слова и дѣла не знаетъ и за собою не имѣетъ, и по тому его, Досифееву, показанію Яковъ Башкиръ сысканъ у города Архангельского, а іеромонахъ Ааронъ и Арсеній и рострига Ѳедоръ взяты

въ сійскомъ монастырѣ и чрезъ нарочную посылку привезены въ губернскую канцелярію. А по состоявшемуся въ прошломъ 1730 году апрѣля 10 дня указу, по первому пункту велѣно доносителей и объявителей въ великихъ дѣлахъ, которые въ секретныхъ распросахъ скажутъ, что знаютъ и доказать могутъ по первому пункту, то ихъ самихъ и на кого они доносятъ и единомышленниковъ ихъ брать и подъ крѣпкимъ карауломъ присылать въ правительствующій сенатъ, а по пятому пункту содержащихся колодниковъ и каторжныхъ невольниковъ и ссылочныхъ въ ссылки велѣно, ежели въ секретныхъ распросѣхъ такія дѣла показывать будутъ по первому пункту, по силѣ указу 1726 года іюля 12 дня, прежде пытать и буде съ указныхъ трехъ пытокъ въ томъ утвердятся, то ихъ самихъ и на кого говорить будутъ, за крѣпкимъ карауломъ присылать въ правительствующій сенатъ. А по указу изъ бывшаго преображенского приказу 1727 года при распросѣхъ и розыскахъ о важныхъ словахъ, имянно выспрашивать не велѣно и хотя вышеписанный ссыльный, бывшій іеромонахъ Досифей, въ сійскомъ монастырѣ показанное слово и дѣло государево и объявлялъ по второму пункту и о томъ съ перваго увѣдомленія болѣе двухъ мѣсяцовъ, а со втораго и третьяго чрезъ мѣсяцъ и умедлилъ, но въ губернской канцеляріи въ секретномъ распросѣ о томъ словѣ и дѣлѣ точно показалъ и изъяснилъ касающееся по первому пунтку, котораго де здѣсь обстоятельно и объявить ему невозможно. И для того онъ, Досифей, и сійского монастыря іеромонахи-жъ Ааронъ и Арсеній и рострига Федоръ и монастырской служитель Яковъ Башкиръ, на которыхъ онъ, Досифей, показанную важность объявляетъ, скованы въ ножныхъ и ручныхъ желѣзахъ посланы въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ при семъ доношеніи подъ крѣпкимъ карауломъ. А хотя-жъ, по силѣ указу 1730 года, апрѣля 10 дня, по пятому пункту ссылочнымъ и велѣно въ сказываніи по первому пункту слова и дѣла слѣдовать пыткою, а вышеписанной іеромонахъ Досифей числится ссыльнымъ, точію онъ монашескаго чина еще не лишенъ; къ тому-жъ и показанную важность онъ, Досифей, объявляетъ такую, которой ему здѣсь и объявить не возможно. И за тѣмъ губернская канцелярія съ нимъ, Досифеемъ, въ силу того пятого пункта такимъ образомъ, какъ въ ономъ напечатано, поступить и не можетъ. А по указу прошлаго 1727 года изъ быв-

шаго преображенскаго приказа о такихъ важностяхъ точно выспрашивать не велѣно, а онъ, Досифей, по первому въ нынѣшнемъ 1755 году въ февралѣ мѣсяцѣ на холмогорца малоумнаго Василья Еремѣева доносу о такой-же важности прежде въ губернской канцеляріи, а потомъ и въ тайной канцеляріи чрезъ свидѣтелей доказалъ, и за тѣмъ и нынѣ по его, Досифееву, доносу здѣсь никакого произвожденія чинить и не надлежитъ. А за оными, обще съ другими колодниками, посланы въ конвоѣ архангелогородскаго гарнизона солдаты, которымъ въ одинъ путь отъ города Архангельска на одинадцать подводъ даны прогонныя деньги".

Интересна инструкція, данная прапорщику, сопровождавшему этихъ колодниковъ: „Съ оными колодниками ѣхать тебѣ отъ города Архангельскаго до С.-Петербурга денно и нощно со всякимъ скорымъ поспѣшеніемъ, не мѣшкавъ нигдѣ ни за чѣмъ ни одной минуты, и, будучи въ пути, ихъ между собою не соединять и ничего ни съ кѣмъ говорить ихъ не допускать, бумаги, чернилъ тако-жъ и никакихъ принадлежащихъ къ человѣческому погубленію орудій, яко-то: топора, ножа, вилокъ, шила, иглы, крестовъ съ гойтапами, пуговицъ, запонокъ, перстней и веревокъ, чѣмъ могутъ себя умертвить и прочаго, тако-жъ и хмѣльнаго питья и ничего въ руки не давать, и о томъ посланнымъ при нихъ караульнымъ солдатамъ накрѣпко приказать, и самому тебѣ и унтеръ-офицеру повсегда надзирать, пищу ихъ самому тебѣ напередъ отвѣдывать, и чтобы въ рыбѣ и мясѣ, въ протчей тому подобной пищѣ костей не было; найпримѣрнѣйше тебѣ того смотрѣть, чтобъ они съ дороги никакимъ вымысломъ убѣжать не могли, а фузеи и штыки у конвойныхъ солдатъ взять и содержать тебѣ у себя въ телѣгѣ, только-бъ они шпаги однѣ обнажа крѣпко въ рукахъ держали" [1])...

Въ 1765 году въ соловецкій монастырь присланъ былъ, не извѣстно за что, подъ видомъ безумнаго, малороссіянинъ Антонъ Любимскій. О немъ я нашелъ въ черниговскомъ архивѣ слѣдующее повелѣніе Екатерины 2-й гетману Кирилу Разумовскому отъ 2 іюня 1764 г.

---

[1]) Дѣло по доношенію троицкаго антоніева сійского монастыря отъ намѣстника іеромонаха Германа, при которомъ присланъ бывшій кіевопечерской лавры іеромонахъ Досифей. 1755 г., № 11.

„Графъ Кирила Григорьевичъ.

Малороссіянца Антона Любимскаго извольте отправить въ малороссійской межигорской монастырь съ тѣмъ, дабы онъ, по усмотренному въ немъ поврежденію ума, отнюдь ни въ Великой, ни въ Малой Россіи не шатался, а жилъ-бы неисходно и пищею довольствованъ былъ безъ всякаго утѣсненія въ томъ монастырѣ. Что касается до его одежды, извольте выдавать ему изъ скарбу малороссійскаго по пятидесяти рублей на годъ, и при томъ прикажите смотрѣть накрѣпко, чтобъ онъ не имѣлъ при себѣ никакого орудія, которымъ-бы вредъ себѣ могъ причинить; чего ради и везти его до того монастыря подъ надежнымъ присмотромъ".

Вскорѣ Любимскій былъ перевезенъ въ соловецкій монастырь. Въ вѣдомостяхъ о секретныхъ соловецкихъ колодникахъ за 1780 годъ противъ его фамиліи стоитъ лишь отмѣтка: „1775 года марта 6 дня, по имянному Ея Императорскаго Величества, и по присланнымъ изъ учрежденной о церковныхъ имѣніяхъ коммисіи и изъ коллегіи экономіи и изъ святѣйшаго правительствующаго синода послушномъ (?) указѣхъ малороссіянца Антонія Любимскаго велѣно содержать, яко безумнаго, неисходно и предосторожность имѣть, дабы онъ и себя и кого другого какимъ орудіемъ не повредилъ и не допускать его имѣть бумаги, чернилъ и до письма".

Стѣны соловецкаго монастыря заключали въ себѣ въ теченіи 25 лѣтъ (съ 1776 по 1801 г.) еще одного малороссіянина, на этотъ разъ личность выдающуюся въ исторіи юга, именно послѣдняго кошеваго атамана Запорожской Сѣчи, Петра Калнишевскаго. Въ упомянутой ранѣе моей статьѣ о Калнишевскомъ, напечатанной въ „Русской Старинѣ" за 1875 г., помѣщены народныя преданія объ этомъ кошевомъ, записанныя мною отъ крестьянъ с. Ворзогоръ, у Бѣлаго моря, архивныя свѣдѣнія объ отправкѣ Калнишевскаго въ соловецкій монастырь, отысканныя мною въ архангельскомъ архивѣ и документы о причинѣ ссылки Калнишевскаго, разысканные, по моей просьбѣ, въ архивѣ соловецкаго монастыря, гг. Гоздаво-Тышинскимъ и П. П. Чубинскимъ. Здѣсь-же, для полноты настоящей статьи, считаю нужнымъ сказать лишь нѣсколько словъ о положеніи Калнишевскаго въ заточеніи. Калнишевскій, какъ извѣстно изъ исторіи, заключенъ былъ въ соловецкій монастырь не за собственную вину, а за то собственно, что былъ представите-

лемъ запорожскаго войска, отжившаго свой историческій вѣкъ. Калнишевскаго содержали безвыходно много лѣтъ въ маленькомъ, сыромъ, холодномъ и полутемномъ чуланѣ въ одной изъ каменныхъ башенъ монастырской стѣны; впослѣдствіи ему было отведено лучшее помѣщеніе, рядомъ съ поварней. Не смотря на свое долговременное ужасное заточеніе и на свою глубокую старость (онъ умеръ 112 лѣтъ отъ роду), Калнишевскій не потерялъ умственныхъ силъ, какъ то было съ большинствомъ заключенныхъ. Безвыходно заточенные обыкновенно или вскорѣ умирали, или, по словамъ крестьянъ, дѣлались *блаженными*, т. е. сходили съ ума, или впадали въ идіотизмъ, и тогда жили долго. Слова крестьянъ на счетъ послѣдняго обстоятельства подтверждаются ежегодными вѣдомостями архимандритовъ о монастырскихъ узникахъ прошлаго столѣтія. Въ нихъ противъ многихъ фамилій заточенныхъ стоятъ отмѣтки, въ родѣ слѣдующихъ: „находится въ несовершенномъ умѣ, въ разстроенныхъ мысляхъ, скорбенъ умомъ“ и т. п.

Въ вѣдомостяхъ о колодникахъ соловецкаго монастыря за 1802 годъ встрѣчается еще фамилія одного малороссіянина—Саввы Сирскаго. О немъ сказано, что Сирскій первоначально содержался въ шлиссенбургской крѣпости, а въ іюнѣ 1801 г. препровожденъ въ соловецкій монастырь при указѣ святѣйшаго синода, а за что—не дано знать. Присланъ онъ „для содержанія въ числѣ послушниковъ и употребленія въ монастырскихъ послушаніяхъ, которыхъ нимало не можетъ по немолодымъ своимъ лѣтамъ носить. Но по причинѣ учиненнаго имъ къ побѣгу изъ монастыря покушенія, для отвращенія и впредь таковаго, содержится по силѣ указа свят. синода въ вѣдомствѣ и за стражею здѣшняго воинскаго начальника, впрочемъ, находясь въ несовершенномъ разумѣ и разстроенныхъ мысляхъ, жизнь свою препровождаетъ скромно и спокойно“.

Въ мой перечень внесены не всѣ малороссіяне, томившіеся въ прошломъ столѣтіи въ неволѣ на далекомъ сѣверѣ. Какъ можно думать, были тамъ и многіе другіе. Такъ, въ описи черниговскаго архива, упоминается подъ 1717 годомъ о Яковцѣ Михайленкѣ, который бѣжалъ изъ ссылки изъ обители соловецкихъ чудотворцевъ, а въ описи уничтоженныхъ дѣлъ архангельскаго архива—о гайдамакахъ, поверстанныхъ въ солдаты, въ архангельскій гарнизонъ.

П. Ефименко.

Еще по поводу народной пѣсни:

О ВЗЯТІИ ТОРЧЕСКА, ИЛИ-ЖЕ АЗОВА? *)

Въ іюльской книжкѣ „Кіев. Старины“ помѣщена статья А. И. Стоянова: „Южно-русская пѣсня о событіи XI вѣка“, въ которой авторъ пріурочиваетъ пѣсню, напечатанную въ Сборникѣ чумацкихъ пѣсенъ И. Я. Рудченка подъ № I, въ четырехъ варіантахъ, ко взятію половцами Торческа въ 1093 году. Такое пріуроченіе онъ основываетъ на совпаденіи многихъ чертъ лѣтописнаго разсказа объ этомъ событіи и мѣстнаго о немъ преданія съ отдѣльными мѣстами пѣсни, преимущественно по двумъ приводимымъ имъ ея варіантамъ, изъ которыхъ второй до сихъ поръ не былъ извѣстенъ въ печати [1]). Здѣсь-же указаны и другія мнѣнія о значеніи этой пѣсни: одно г. Рудченка, видѣвшаго въ ней весьма древнія бытовыя черты торговли мѣхами и мѣновой торговли, и второе, г. М. Т—ова („В. Евр.“, 1877 г., кн. III), о великорусскомъ происхожденіи пѣсни, составляющей перефразировку прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова, которому должна была отвѣчать великорусская пѣсня, до сихъ поръ никѣмъ не записанная. А. И. Стояновъ полагаетъ (стр. 94), что поводомъ къ послѣднему мнѣнію послужило упоминаніе въ одномъ изъ варіантовъ пѣсни о плѣ-

---

*) См. «Кіев. Старина», іюль, стр. 81; августъ, стр. 362.

[1]) Варіантъ изъ с. Вел. Спитинки васильков. у. почти буквально совпадаетъ съ вар. Б. у г. Рудченка, помѣченнымъ «Васильковъ», и былъ сообщенъ мною издателю чумацкихъ пѣсенъ; я даже полагаю, что это онъ и есть, а различія произошли только при перепискѣ и корректурѣ не подъ глазами издателя. Отсюда и пропускъ существенно важнаго примѣчанія пѣвца, указаннаго въ статьѣ г. Стоянова, которое находилось и въ моемъ спискѣ.

неніи, при взятіи разбойниками Азова, „молодыхъ *черкесочокъ*“. На самомъ-же дѣлѣ, такое мнѣніе, по болѣе вѣскимъ соображеніямъ, было высказано первоначально мною, въ 1874 году, въ рецензіи на Сборникъ г. Рудченка, причемъ я, конечно, отрицалъ всякую возможность *перефразировки* донского сказанія въ малорусскую пѣсню, а только указывалъ на ихъ замѣчательный параллелизмъ.

При этомъ мнѣніи я остаюсь и теперь, а потому и долженъ вновь повторить свои доводы, затерянные въ старой газетной статьѣ, и дополнить ихъ нѣкоторыми новыми данными. Къ этому обязываетъ меня какъ давнишнее сотрудничество съ А. И. Стояновымъ по занятіямъ малорусской этнографіей, о которомъ съ такой теплотою упомянулъ мой почтенный другъ, такъ еще болѣе—стремленіе къ исторической истинѣ, хотя мнѣ на этотъ разъ, по совѣсти, очень больно отрѣшиться отъ мысли о существованіи въ нашей современной пѣсенности прямыхъ слѣдовъ историческихъ событій до-татарскаго періода. Въ видахъ такого разрѣшенія вопроса, которое въ отношеніи даннаго случая должно-бы быть окончательнымъ, мнѣ придется разсмотрѣть каждое изъ положеній, высказанныхъ въ концѣ статьи г. Стоянова.

Прежде всего замѣчу, что г. Рудченко, интересуясь въ пѣсняхъ преимущественно ихъ бытовою стороною, и потому принимая ихъ въ слишкомъ буквальномъ и современномъ смыслѣ, независимо отъ ихъ историческихъ наслоеній, важное значеніе которыхъ указано г. Стояновымъ (стр. 94—95), принялъ въ своемъ Сборникѣ основнымъ варіантомъ—искаженный и съ полузабытымъ концомъ. Г. Стояновъ считаетъ столь-же искаженными и остальные варіанты этого Сборника, а наиболѣе цѣльнымъ—обнародованный имъ самимъ, —изъ м. Василівщины васильковскаго уѣзда. Не отрицая важности этой редакціи, особенно ея послѣдняго стиха, я нахожу, однако, гораздо болѣе первообразнымъ списокъ М. А. Кропивницкаго изъ с. Григорьевки елисаветградскаго уѣзда. Въ общемъ онъ очень близокъ къ василівщинскому, но отличается отъ него существенно важною чертою: въ послѣднемъ снарядившихся купцами бурлакъ грабитъ въ Азовѣ орда, а въ григорьевскомъ—сами они грабятъ Азовъ, соотвѣтствуя этой „ордѣ“ (мы увидимъ ниже, какому историческому факту соотвѣтствуетъ и это упоминаніе объ ордѣ, т. е. татарахъ). Кромѣ того, здѣсь указываются подробности снаряженія

бурлакъ, изъ котораго видно, что число ихъ значительно превышаетъ число купеческихъ возовъ, т. е. они сами пользуются послѣдними для скрытнаго входа въ городъ, подъ видомъ товара, что̀ поясняется спискомъ Н. И. Костомарова, примѣчаніемъ пѣвца къ снитинскому варіанту и той именно подробностью преданія о Торческѣ, гдѣ оно расходится съ лѣтописью; въ спискѣ-же василівщинскомъ ея нѣтъ. Поэтому, прежде всего необходимо возстановить здѣсь варіантъ изъ Григорьевки, полный текстъ котораго таковъ:

1. Ой що то за крячокъ
2. Надъ моремъ крякае,
3. Гей и що жъ то за бурлакъ
4. Молодцівъ збірас:
5. —„А збірайтеся, хлопці,
6. Да й все народъ майстерный,
7. Да й зробимо, братця,
8. Півтораста мы возівъ,
9. Да начепимъ-начепимъ
10. Півтораста мы яремъ,
11. Да возьмемо, братця,
12. По семеро молодцівъ,
13. А по восьмому, братця,
14. За-для кашоварости,
15. А по девъятому, братця,
16. За-для осторожности,
17. А по десятому, братця,
18. Щобъ волыки поганявъ.
19. Та поідемо мы, братця,
20. Ажъ въ той городъ у Азовъ;
21. Та й займемо мы місця́
22. По шырокимъ улыцямъ,
23. Да поставляемъ возы
24. У три ряды у шкадронъ.
25. Ой выйдуть до насъ, выйдуть
26. А два купці-молодці,
27. А спытають насъ, братця,
28. Що за товаръ у возахъ?

29. А мы скажемо, братця,
30. Що въ насъ товаръ дорогий:
31. Все лысыці та куныці
32. Та чорные соболя“:

33. Гей учора изъ вечора
34. Такий приказъ оддали,
35. А такъ якъ о півъ-ночі—
36. Азовъ-городъ узяли.
37. Ой выйшовъ да выйшовъ
38. А знать бурлакъ—сильно пребагатъ,
39. А крикнувъ вінъ покрикнувъ
40. Своімъ громкимъ голосомъ:
41. „Ой збірайтеся, хлопці,
42. Всі молодці на судно,
43. Та беріте-грабуйте—
44. Кому чого надобно:
45. Гей кому срібла, а кому злота,
46. Кому суконъ дорогихъ,
47. А кому мало, недостача,—
48. Черкесочокъ молодихъ“.

Перехожу теперь къ изложенію Сказанія о взятіи донскими козаками Азова, помѣщеннаго въ 3-й книжкѣ „Чтеній моск. общ. ист. и древностей“ за 1864 годъ, все содержаніе котораго и многія мельчайшія подробности поразительно совпадаютъ съ приведенною пѣснію. Сказаніе это слишкомъ обширно, чтобы приводить его цѣликомъ, и я ограничусь краткимъ, но точнымъ пересказомъ его, приводя подлинникомъ тѣ мѣста, которыя имѣютъ существенное значеніе для цѣли настоящей статьи. Замѣчу, что сказаніе мѣстами носитъ слѣды искаженій, языкъ его вовсе не современенъ событію, а по меньшей мѣрѣ на цѣлое столѣтіе позднѣе, признаки чего укажу ниже; разсказу о взятіи Азова предшествуетъ эпизодъ о захватѣ турецкихъ судовъ.

„Въ лѣта благочестиваго государя-царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи самодержца,—начинается сказаніе,—собравшееся военное вольное козачество изъ городовъ на тихой Донъ, атаманъ у нихъ былъ Нижняго Новгорода, что на Волгѣ

рѣкѣ, Наумъ Васильевичъ. Въ нѣкое время азовскій паша, по нашему воевода, отъ турскихъ бояръ, отдаде въ замужство дочь свою за крымскаго хана, а по нашему ихъ царя старчева (т. е. старшаго). И тотъ азовскій паша, нагрузя четыре буса (судна) живота, отпустилъ на оныхъ дочь свою по Дону къ крымскому хану Старчеву (sic), а провожатыхъ съ нею послалъ семьсотъ человѣкъ". Узнавъ объ этомъ, атаманъ съ товарищи изготовили легкіе струги, помолились Іоанну Предтечѣ и Николаю Чудотворцу и отправились въ числѣ четыретсотъ человѣкъ на добычу. „На Дону оставили для обереженія сто человѣкъ, да чернаго попа Серапіона, который къ нимъ пришелъ изъ Астрахани отъ архіепископа Макарія, по нѣкоей винѣ случившейся". Изъ засады въ камышѣ напали добычники на турецкіе „бусы", овладѣли ими и перебили всѣхъ бывшихъ тамъ турокъ и татаръ, кромѣ дочери паши и ея прислужницъ, а тогда всю добычу перевезли на Донъ сухимъ путемъ на лошадяхъ. Паша выкупилъ свою дочь съ ея „дѣвками", давши козакамъ драгоцѣнностей на десять тысячъ рублей. Козаки отослали всю добычу въ Астрахань и обмѣняли на русскіе товары.

Потомъ они собрались въ кругъ и стали совѣтовать о новомъ предпріятіи: какъ-бы Азовъ городъ взять. И держали рѣчь атаманъ Наумъ Васильевичъ и есаулъ Иванъ Федоровичъ: „Разумно говорите, козаки вольные, молодцы добрые! Какъ градъ Азовъ возьмемъ? Сдѣлаемъ стотридцать телѣгъ и покроемъ ихъ кожами красными и черными, и во сто телѣгъ положимъ по малу числу товаровъ, а въ тридцать [1]) телѣгъ по четыре человѣка козаковъ съ ружьями и русскими товарами... И начаша готовити телѣги, и положили въ тридцать телѣгъ по малу русскихъ товаровъ и по четыре человѣка". Изготовившись такимъ образомъ, „по совершеніи молебнаго пѣнія, съ тихова Дону пошли ко Азову граду, и взяли съ собою честныя иконы, и не доходя до Азова за день, стали въ камышникѣ и начали думать, какъ-бы Азовъ взять". Атаманъ распорядился такимъ образомъ: „къ каждой телѣгѣ приставилъ по

---

[1]) Это мѣсто искажено: далѣе говорится, что изъ телѣгъ въ Азовѣ вышло *четыреста* козаковъ; слѣдовательно, распредѣленіе телѣгъ изложено здѣсь превратно: товарами должно быть занято тридцать, а засадою сто, что и болѣе соотвѣтствуетъ характеру употребленной хитрости.

человѣку, а триста человѣкъ снарядилъ въ хорошее нѣмецкое платье и заготовилъ листъ къ азовскому пашѣ или коменданту, въ коемъ написано: Изъ астраханскаго царства отпущены товары съ торговыми людьми въ турецкую землю, въ городъ Азовъ. И козаки другими именами назвались, и о товарѣ на нѣсколько тысячъ объявили, таможенной откупъ за печатью атамана написали, и противу того точную копію списали, въ самую-же полночь пошли со всѣмъ обозомъ къ Азову".

Встрѣченные нѣсколькими тамошними охотниками, козаки подарили имъ по три бѣлки и просили извѣстить въ городъ о своемъ прибытіи. Когда донесли объ этомъ пашѣ, онъ послалъ восемь человѣкъ для опроса пріѣзжихъ и осмотра ихъ товаровъ. „Татары и турки, видя на козакахъ платье долгое торговое", спрашивали письма изъ астраханскаго царства отъ тамошняго воеводы и просили показать товаръ. Атаманъ велѣлъ развязать десять возовъ, въ которыхъ оказались: „котлы, порохъ, свинецъ, укладь, холсты, сукна, добрые соболи, лисицы и бѣлки". Козаки дали подарки досмотрщикамъ и заявили, что такой-же товаръ и въ остальныхъ возахъ, кромѣ двухъ, гдѣ хранятся дорогіе подарки для паши. Узнавъ объ этомъ и видя, что даже досмотрщикамъ подарено по дорогой лисицѣ въ пять рублей, паша разрѣшилъ впустить мнимыхъ купцовъ въ городъ, куда они и въѣхали по захожденіи солнца (т. е. на второй день по отходѣ изъ стана въ камышникѣ).

„И турки поставили ихъ на гостинной дворъ, сказавъ имъ, чтобъ товары вносили въ лавку; а козаки просили до утра оставить, а завтра, сказали, осмотримъ и перепишемъ, а оной товаръ просушимъ, и тогда въ лавки сносимъ". Получивши согласіе турокъ, атаманъ, по требованію паши, отправляется къ нему съ „письменнымъ видомъ" и несетъ въ подарокъ три сорока соболей, почему и встрѣчаетъ самый ласковый пріемъ. Уходя отъ паши, атаманъ говоритъ слугѣ его: „завтра принесу ему другіе подарки, чтобы у нашихъ возовъ караула не было, понеже мы опасныхъ людей сего города не боимся". По докладу слуги „паша караулу стоять не велѣлъ", и козаки, поужинавъ, затворяютъ ворота гостиннаго двора на запоръ, „и мало пріумолкли".

Тогда атаманъ велѣлъ развязывать телѣги, и изъ нихъ вышло четыреста козаковъ. Ихъ тоже накормили, а потомъ собрались всѣ

въ кругъ. Атаманъ велѣлъ козакамъ раздѣлиться на партіи для одновременнаго нападенія въ разныхъ направленіяхъ, а самъ пошелъ ко двору паши; „у возовъ-же оставили чернаго попа Серапіона и съ нимъ десять человѣкъ, чтобы помолились Богу и святымъ угодникамъ Іоанну Предтечѣ и Николаю Чудотворцу". На турокъ напали врасплохъ, началась рѣзня, продолжавшаяся съ полуночи до разсвѣта: „и всѣхъ турокъ, и татаръ, и старыхъ бабъ побивали, а молодыхъ женокъ и дѣвокъ къ себѣ взяли".

Число убитыхъ было такъ велико, что едва за два дня успѣли вывезти трупы ихъ въ море. „Молодыхъ-же ребятъ, женокъ и дѣвокъ и со всѣхъ домовъ имѣніе собравъ, начали дѣлить, и подѣлу́ на каждаго козака досталось по три человѣка, а живота по двѣ тысячи рублей да по четыре коня. И взявъ съ собою иконы, несоша посредѣ града съ псалмопѣніемъ, и украсиша ихъ сребромъ и златомъ".

Поселились затѣмъ козаки въ Азовѣ, „стали жить въ домахъ и создали церковь деревянную во имя Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца и послали въ Астрахань къ архіепископу Макарію, чтобъ далъ имъ на освященіе церкви архимандрита, попа и діакона и антиминсъ. Преосвященный Макарій послалъ попа бѣлаго, и діакона, и антиминсъ, и грамоту, да живутъ тамъ въ Азовѣ. И многіе козаки на турчанкахъ женились, и въ христіанскую вѣру приведены (т. е. турчанки). Пронесошеся о семъ вѣсть въ русскихъ странахъ и городахъ, и много людей къ нимъ въ Азовъ пришло, и собралось ихъ до пяти тысячъ человѣкъ".

Изъ приведеннаго здѣсь краткаго изложенія Сказанія видно, что и само оно возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Изложеніе его крайне неровно: языкъ мѣстами, какъ въ первой рѣчи атамана, расказѣ объ избіеніи азовскихъ турокъ и дѣлежѣ добычи,—вполнѣ соотвѣтствуетъ эпическому складу народныхъ преданій; въ другихъ мѣстахъ, церковнославянскіе обороты и повсемѣстное упоминаніе о религіозно-обрядовыхъ подробностяхъ, какъ о попѣ Серапіонѣ, молебствіяхъ, псалмопѣніи послѣ побѣды, перенесеніи и украшеніи иконъ, созданіи церкви и посылкѣ въ Астрахань за духовенствомъ для нея и антиминсомъ,—заставляютъ думать, что слагателемъ его, или по крайней мѣрѣ первымъ списателемъ, было лицо духовное; наконецъ, употребленіе такихъ словъ, какъ *комен-*

дантъ, копія, письменный видъ, упоминаніе о *нѣмецкомъ платьѣ* у торговыхъ людей и т. под., служитъ указаніемъ, что напечатанная редакція Сказанія принадлежитъ свѣтскому грамотѣю и никакъ не старѣе второй четверти прошлаго столѣтія, а можетъ быть— и гораздо новѣе. Примирить эти противорѣчія можно единственно только предположеніемъ, что Сказаніе первоначально существовало въ видѣ народнаго преданія или даже и пѣсни, затѣмъ, подобно преданіямъ древнѣйшаго періода нашей исторіи, было облечено въ письменную форму какимъ нибудь книжникомъ изъ духовенства, и наконецъ подвергалось передѣлкамъ со стороны свѣтскихъ переписчиковъ. Насколько вѣрно такое предположеніе, покажетъ отчасти дальнѣйшій анализъ Сказанія.

По отношенію собственно къ нашей пѣснѣ, Сказаніе представляетъ замѣчательныя совпаденія, до полнаго тождества. Относительно мѣстности, изъ пяти извѣстныхъ вполнѣ варіантовъ Азовъ упоминается въ двухъ, равно какъ въ цитатѣ діда Омелька покойному П. И. Ревякину и въ „верзяканьи“ солдата на переяславской пристани; въ остальныхъ трехъ варіантахъ упоминаются „Ростовъ“ и „Щучинъ“,—мѣстности, тоже близкія къ Азову. Въ пѣснѣ подъ видомъ товара ввозятся въ городъ „бурлаки“, по Сказанію—вольные козаки. Въ перечисленіи товаровъ тамъ и здѣсь одинаково говорится о лисьихъ и собольихъ мѣхахъ, которые, по Сказанію и согласно всѣмъ историческимъ свидѣтельствамъ, служатъ предметами подарковъ, а показываютъ товары, въ приведенномъ здѣсь и костомаровскомъ спискѣ, по требованію мѣстныхъ городскихъ купцовъ, въ Сказаніи—азовскихъ досмотрщиковъ. Въ послѣднемъ варіантѣ „купецъ“ открываетъ рогожи съ возовъ, стоящихъ по темнымъ улицамъ, и тамъ открываются „добрі молодці“; примѣчаніемъ пѣвца къ лишенному окончанія снитинскому варіанту поясняется иносказательный смыслъ его послѣдняго стиха о „продажѣ“ товара, состоящаго изъ „козаковъ“; въ григорьевскомъ прямо излагается результатъ такой продажи: взятіе и разграбленіе Азова, какъ и въ Сказаніи. Далѣе, тамъ и здѣсь идетъ раздѣлъ добычи, въ составъ которой входятъ и молодыя „черкесочки“, а въ обнародованномъ А. И. Стояновымъ спискѣ прямо сказано „туркені“, —турчанки Сказанія. Замѣчу, что предполагать здѣсь переходъ звука *о* въ *у*, туркеня вмѣсто торкеня, впрочемъ очень обыкновен-

ный въ Кіевщинѣ, мы имѣли-бы право только тогда, когда-бы не было въ виду указанія на правильность записанной формы. Въ малорусской рѣчи туркеня именно и значитъ турчанка:

А на тому кораблі
Сидить *турчинъ* изъ *туркенею*.

Установивъ, такимъ образомъ, тождество нашей пѣсни и Сказанія, или, вѣрнѣе говоря, происхожденіе ихъ изъ одного общаго источника, необходимо затѣмъ, для точности изслѣдованія, разрѣшить слѣдующіе вопросы:

Весьма возможно, что существовало въ народѣ общее преданіе объ особомъ видѣ военной хитрости для взятія города, напоминающемъ троянскаго коня, которое затѣмъ и пріурочивалось къ мѣстнымъ случаямъ, хотя-бы въ дѣйствительности такая хитрость и не въ каждомъ изъ нихъ употреблялась. Пріурочить ее одинаково могло Сказаніе къ Азову, какъ и Омелько къ Торческу. Если, поэтому, отыщется достовѣрное историческое событіе, къ которому пріурочивается безъ натяжекъ Сказаніе, а слѣдовательно и наша пѣсня, то слѣдуетъ разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ обстоятельства этого событія допускаютъ возможность дѣйствительнаго употребленія при немъ упомянутой военной хитрости.

Во вторыхъ, если на предыдущій вопросъ и получится утвердительное рѣшеніе, то необходимо еще указать путь, какимъ могла распространиться въ приднѣпровской Малороссіи пѣсня о событіи, имѣвшемъ мѣсто на отдаленномъ отъ нея Юговостокѣ.

Царствованіе Михаила Ѳедоровича, къ которому само себя относитъ Сказаніе, было эпохою найбольшаго, какъ кажется, развитія удальства козаковъ по отношенію къ ихъ магометанскимъ сосѣдямъ; и донцы, и запорожцы громили ихъ въ ту пору пуще всего. Оставляя въ сторонѣ послѣднихъ, представимъ краткій перечень набѣговъ донцовъ на турокъ и ихъ владѣнія. Въ 1622 г. они ограбили въ устьяхъ Дона шедшіе въ Азовъ турецкіе караваны. Въ 1623 г. они взяли турецкій корабль близъ Керчи, а затѣмъ напали на ногайцевъ и нанесли имъ большой уронъ, захвативъ много женщинъ, дѣтей и животины. Въ 1626 г. донцы овладѣли монастыремъ Іоанна Предтечи недалеко отъ Цареграда. Въ 1628 году, послѣ неудачнаго похода подъ Трапезунтъ, ограбили и сожгли

Карасу и Манкупъ въ Крыму. Въ 1630 г. ими былъ разгромленъ Синопъ. Въ 1633 г. на двадцати пяти стругахъ сдѣлали набѣгъ на Кафу, а потомъ захватили Иконію. Въ 1634 г. донскіе козаки рѣшились напасть на такую сильную крѣпость, какъ *Азовъ*, повредили городъ пушечной пальбой, но приступъ ихъ окончился неудачею. Наконецъ, *козакамъ удалось овладѣть въ 1637 году Азовомъ*, который составлялъ для нихъ такое-же препятствіе къ свободному выходу въ море, какими были для запорожцевъ турецкіе „зàмки" на Днѣпрѣ, на мѣстѣ нынѣшней Каховки и Берислава и на промежуточныхъ между ними островахъ, носившіе названія: Асламъ-керменъ, Тавань, Кызы-керменъ, Муберекъ-керменъ и Мустритъ-керменъ [1]).

Передадимъ главныя черты этого событія, оттѣняя тѣ ихъ особенности, которыми онѣ совпадаютъ съ пѣснею или Сказаніемъ. Задумавъ овладѣть Азовомъ и видя недостатокъ военныхъ припасовъ, донскіе козаки посылали на Москву, съ просьбою о присылкѣ таковыхъ, атамана *Ивана* Каторжнаго, именемъ своимъ соотвѣтствующаго есаулу Ирану Федоровичу, о которомъ говорится въ началѣ Сказанія. Была-ли удовлетворена просьба донцовъ, мы не знаемъ. Тѣмъ временемъ они устроили общій съѣздъ со всѣхъ городковъ и рѣчекъ и затѣмъ выступили къ Азову, въ числѣ четырехъ тысячъ *четырехсотъ* человѣкъ; Сказанію, имѣвшему цѣлью прославить козацкіе подвиги, вполнѣ естественно было умолчать о первой цифрѣ и оставить только вторую, какъ число воиновъ, скрытыхъ подъ видомъ товаровъ. Не доходя Азова, козаки *простояли* двѣ недѣли, конечно, скрываясь самымъ тщательнымъ образомъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ стоянкѣ ихъ въ камышникѣ, продолжительности которой Сказаніе не опредѣляетъ. Здѣсь прибыли къ нимъ на подмогу *астраханскіе* юртовые *татары*, послѣ чего они и овладѣли городомъ. Сказаніе нѣсколько разъ упоминаетъ о сношеніяхъ и связяхъ козаковъ съ Астраханью, да и въ Азовъ проникли они подъ видомъ астраханскихъ торговцевъ; тотъ-же фактъ, что вмѣстѣ съ ними, въ качествѣ союзниковъ, дѣйствовали татары,

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IX, стр. 273, 278, 282, 283, 285, 286, 291.

объясняетъ намъ упоминаніе объ *ордѣ* въ обнародованномъ г. Стояновымъ варіантѣ пѣсни и разрѣшаетъ *на-половину* высказанное имъ недоумѣніе (стр. 93): „Если-бы какая-либо татарская орда въ болѣе позднее время захватила турецкій Азовъ и стала грабить турокъ и брать въ плѣнъ турчанокъ, какимъ образомъ фактъ этотъ отразился-бы въ южнорусскомъ эпосѣ и на какомъ основаніи"? Идемъ далѣе: историкъ не говоритъ намъ о способѣ взятія Азова, но изъ простого сопоставленія фактовъ ясно, что здѣсь была употреблена *какая-то* военная хитрость, та-ли, что въ пѣснѣ и Сказаніи, или какая либо иная, на этомъ я не настаиваю, но во всякомъ случаѣ дѣйствовала не одна открытая сила. Козаковъ во взятіи города участвовало всего четыре тысячи четыреста, численность астраханскихъ юртовыхъ татаръ неизвѣстна, но послѣднихъ, какъ показываютъ намъ всѣ современные факты изъ исторіи югозападной Руси, при штурмѣ *крѣпости* можно почти не принимать во вниманіе. Азовская-же крѣпость была такъ сильна, что нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1641 году, подъ стѣнами Азова, защищаемаго *пятнадцатью* тысячами козаковъ, простояла все лѣто огромная турецкая армія, численность которой опредѣляютъ, хотя-бы даже съ большимъ преувеличеніемъ, въ *двѣсти сорокъ* тысячъ человѣкъ, съ сотнею орудій,— повторяла, но неудачно, приступы къ крѣпости двадцать четыре раза и наконецъ вынуждена была снять осаду. По взятіи города козаками, они, говоритъ историкъ, не упускаютъ живымъ ни одного человѣка, на степи и на морѣ, что вполнѣ согласно не только со словами Сказанія, но и со смысломъ пѣсни, такъ какъ прежде чѣмъ дѣлиться „черкесочками" или „туркенями", необходимо было истребить ихъ отцовъ, мужей, братьевъ, все взрослое мужское населеніе. Отмѣтимъ, наконецъ, еще одну черту совпаденія: въ Сказаніи неоднократно упоминается о молитвахъ козаковъ Іоанну Предтечѣ и Николаю чудотворцу, основаніи церкви во имя этихъ угодниковъ и т. д. На земскомъ-же соборѣ 1642 года, по вопросу о томъ, возвратить-ли туркамъ Азовъ, или удержать его за собою, жители многихъ городовъ говорили царю: „Если не изволишь Азова принять, то онъ будетъ за бусурманами, и образъ *Іоанна Предтечи* будетъ у бусурмановъ: не навесть-бы, государь, гнѣва Божія и гнѣва великаго свѣтильника *Іоанна Предтечи* и великаго святителя и *чудотворца Николая, которыми поручилъ тебѣ Богъ такой*

дальній крѣпкій украинскій городъ". Однако правительство, изъ соображеній политическихъ, т. е. не желая навлечь на себя войны съ могущественною тогда Турціею, порѣшило иначе, и донцы, провладѣвъ Азовомъ шесть лѣтъ, въ 1643 году, добровольно, изъ одного угожденія московскому правительству, удалились оттуда, не оставивши впрочемъ и камня на камнѣ [1]).

Такимъ образомъ, между историческими фактами и донскимъ Сказаніемъ оказывается самая тѣсная связь; а такъ какъ ранѣе уже установлена мною подобная-же связь между послѣднимъ и разбираемою пѣснею, то и она должна быть исключена изъ числа бытовыхъ, чумацко-бурлацкихъ, куда помѣстилъ ее г. Рудченко, и отнесена къ историческимъ, но съ пріуроченіемъ ея не ко взятію половцами Торческа въ 1093 году, какъ полагаетъ г. Стояновъ, а ко *взятію козаками Азова, 18 іюня 1637 года.*

Перейдемъ теперь къ вопросу, почему событіе на берегахъ далекаго Дона отразилось въ *малорусскомъ* пѣсенномъ эпосѣ? Ближайшимъ образомъ напрашивается отвѣтъ, что пѣсня эта, на ряду съ нѣкоторыми другими пѣснями, несомнѣнно донского происхожденія, могла быть занесена оттуда чумаками, имѣвшими впослѣдствіи съ Дономъ постоянныя сношенія, такъ какъ рѣка эта очень часто упоминается въ пѣсняхъ, преимущественно чумацкихъ. Но, допуская возможность занесенія этимъ путемъ пѣсни о взятіи Азова, я долженъ сказать что такое предположеніе оставляло-бы безъ отвѣта одинъ изъ аргументовъ г. Стоянова, а именно,—почему-же пѣсня эта извѣстна почти исключительно въ Приднѣпровьи, по крайней мѣрѣ, внѣ этой полосы существованіе ея до сихъ поръ констатировано только въ одномъ елисаветградскомъ уѣздѣ, хотя составъ пѣсенности губерній полтавской и черниговской изслѣдованъ несравненно лучше. Мнѣ кажется, что область распространенія этой пѣсни, поскольку она до сихъ поръ опредѣлена, т. е. съ елисаветградскимъ уѣздомъ включительно, лучше всего можетъ быть объяснена разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ историческихъ обстоятельствъ, современныхъ взятію Азова.

Между Дономъ и Запорожьемъ въ разсматриваемую эпоху, т. е. во второй четверти XVII столѣтія, существовали самыя близкія,

---

[1]) Соловьевъ, тамже, стр. 299 и слѣд.

можно сказать интимныя отношенія. „Мы до сихъ поръ отдѣляли, говоритъ П. А. Кулишъ, характеръ козаковъ запорожскихъ отъ характера козаковъ донскихъ. Изъ разсказовъ Ахіи (царевичъ, мнимый или дѣйствительный сынъ Магомета III, христіанскій претендентъ на турецкій престолъ), подтверждаемыхъ и другими документами, оказывается, что одна вольница отличалась отъ другой только признаніемъ надъ собою власти разныхъ государей... Мы находимъ въ монастырскихъ сказаніяхъ о черноморскихъ буряхъ (у Кальнофойскаго) передовиками запорожскими—москвитянъ, а на Дону героями, въ родѣ эпическаго Кішки Самійла, запорожскихъ полковниковъ, и знаемъ, какъ обѣ вольницы предпринимали общіе морскіе походы“ [1]). „Тѣ и другіе составляли, можно сказать, нераздѣльное товарищество“ [2]). Положимъ, на слова г. Кулиша, изслѣдующаго факты всегда не иначе, какъ подъ угломъ зрѣнія извѣстной тенденціи, несовсѣмъ удачно ссылаясь притомъ-же на слова Пушкина, что „только глупецъ не перемѣняетъ никогда своихъ убѣжденій“,—полагаться далеко не всегда можно. Но имъ обнародованъ въ цитированномъ изданіи (стр. 290—294) подлинный документъ, который, конечно, гораздо важнѣе выводовъ издателя, просто и безъискуственно изображающій отношенія того времени (1626 годъ) между донцами и запорожцами. Полковникъ запорожскій Алексѣй Шафранъ попалъ въ турецкую неволю, гдѣ пробылъ „у каѳинскаго воеводы на каторге (галерѣ) семь лѣтъ“, а потомъ успѣлъ, съ другими узниками, освободиться и бѣжалъ на Донъ. Отправившись впослѣдствіи отсюда въ Кіевъ, Шафранъ и три его товарища—козака сбились съ пути и приблудились къ городу Волуйкѣ. Тамошнему воеводѣ показались они людьми подозрительными и отправлены имъ на Москву. Здѣсь ихъ подробно обо всемъ распрашивали, и вотъ что̀, между прочимъ, записано въ показаніяхъ Шафрана: „живетъ онъ Олеша на Дону восемнадцать лѣтъ, а иные его товарищи живутъ лѣтъ по пяти и по шести; *а всѣхъ де ихъ на Дону есть съ тысячу человѣкъ; а въ Запорогахъ де донскихъ козаковъ также много;*... только живутъ переходя: *они хо-*

---

[1]) Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, т. I, стр. 152.

[2]) Тамъ-же, стр. 286.

дятъ на Донъ, а зъ Дону козаки къ нимъ, и живутъ, сколько гдѣ кто хочетъ. А повелось де у нихъ то зъ донскими козаки изстари, что межъ себя сходятца и живутъ вмѣстѣ въ однихъ куреняхъ. Въ нынешнемъ де лѣте ходили они на море,... а старшина у нихъ былъ онъ Олексѣй, а съ нимъ были *запороскіе черкасы и донскіе козаки смѣсно за одинъ;* а пошли они зъ Дону на море... и взяли въ турской землѣ городъ Трапизонъ". Допрашивавшіе дьяки, желая уличить Шафрана въ сокрытіи будто имъ истинной цѣли пріѣзда въ Волуйку, указывали, что она лежала ему не по дорогѣ: „Вѣдомо подлинно, и знаютъ то многіе люди, что зъ Дону въ Запороги и изъ Запорогъ на Донъ ходятъ степью, не займуя Донца, на Кармию (Калміусъ) да на Мохъ, а Донца не лазятъ". Очевидно, сношенія въ этомъ направленіи были достаточно оживлены и постоянны, если московскіе дьяки могли указывать Шафрану надлежащій его маршрутъ. Противъ рѣчей Шафрана и товарищей были допрошены также случившіеся на Москвѣ донской атаманъ Ѳедоръ Ханеневъ да донской козакъ Ивашка Гайдуковъ, которые съ своей стороны подтвердили: *„на Дону* люди многіе, и *черкасъ бываетъ много, человѣкъ до пятисотъ, а иногды и больши...* А то у нихъ ведетца: какъ зъ Дону поѣдутъ на Днепръ,—и они атаманомъ сказываютца, а на добродѣтели ихъ челомъ бьютъ. А ѣздятъ зъ Дону въ Запороги черезъ Миюсъ да на Мохъ".

Приведенный фактъ *предшествуетъ* взятію Азова; укажу аналогію и изъ времени, непосредственно за нимъ *послѣдующаго.* Въ дневникѣ ксендза Шимона Окольскаго [1]), сопровождавшаго польское войско во время войны съ козаками 1638 года, находимъ нѣсколько указаній на сношенія запорожцевъ съ донцами и даже на прямое участіе послѣднихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ качествѣ запорожскихъ союзниковъ. Такъ, упомянувъ о началѣ возстанія, онъ говоритъ, что возставшіе, „обравши собѣ на Запорожу Остранина за старшого, и при немъ Скидана, зъ посередъ себе *до козаковъ донскихъ, о помощъ просячи, выправили".* И дѣйствительно,

---

[1]) Не имѣя подъ рукою польскаго подлинника Окольскаго, цитирую по южнорусскому переводу Лукомскаго, 1770 года, въ приложеніи къ лѣтописи Величка, т. IV, стр. 193, 208, 214.

послѣ отступленія поляковъ отъ Голты къ Лубнамъ, Остранинъ получилъ вѣсти, „ижъ ему на помощъ килка полковъ заразъ надходитъ: еденъ ему провадилъ Путивлецъ, и виборного правѣ въ своейволѣ и въ бунтахъ, между которими *дунскій козакъ*, цвѣчоній на войну, приходилъ". Впрочемъ, отрядъ Путивльца прибылъ къ Лубнамъ уже послѣ бѣгства оттуда Остранина, а потому былъ подавленъ превосходными силами поляковъ, вынужденъ выдать своего вождя и сдаться на капитуляцію, несмотря на которую поляки вырѣзали всѣхъ сдавшихся. О первомъ появленіи путивльцева полка, явившагося неожиданно для поляковъ, Окольскій сообщаетъ, что былъ высланъ на развѣдку о появившемся войскѣ польскій отрядъ. „Постаравшися теди о язикъ (т. е. плѣннаго), привели до его милости пана полковника; которій (т. е. языкъ) повѣдалъ, же Путивлецъ, Мурка и Рѣпка вождове, людъ виборній, и добріи стрѣлци есть между ними; *донцовъ пятсотъ*, другіи суть отъ границъ запорозскихъ, идутъ Остраниновѣ на помощъ". Самъ Остраниновъ отрядъ бѣжалъ тогда въ нынѣшнюю харьковскую губернію и поселился на сѣверномъ *Донцѣ*, у Чугуева, и лишь впослѣдствіи эти козаки вернулись въ окрестности Полтавы: въ 1641 году, въ Путивлѣ, „въ роспросѣ густынскіе старцы сказали: слышали де онѣ въ литовской землѣ, что де *Чюгуевскіе Черкасы и Яцка Остренина сынъ* ѣздили къ гетману Концу Полскому (т. е. Конецпольскому) бить челомъ о указѣ и отъ гетмана де пріѣхали, и гетманъ де Конецъ-Полской велѣлъ имъ Черкасомъ селитца слободою подъ своимъ городомъ подъ Полтавою" [1]).

И такъ мы видимъ, что сношенія и связи Дона и Запорожья были очень близки и до и послѣ 1637 года. Было-бы странно предположить, что запорожцамъ не былъ знакомъ Азовъ, что они не принимали участія въ предпріятіяхъ противъ этого города, и чтобы объ этомъ участіи не сохранялось у нихъ памяти. И точно, когда запорожскій кошевой Сѣрко писалъ въ 1675 г. отъ имени всего войска свое извѣстное письмо къ крымскому хану, объясняя причину своего недавняго похода на Крымъ и перечисляя при этомъ прежніе подвиги запорожцевъ противъ турокъ и татаръ, онъ

---

[1]) Акты Южной и Зап. Россіи, т. III, стр. 54.

не забылъ упомянуть и объ Азовѣ. „Року зась 1633, говоритъ Сѣрко, Сулима гетманъ войска низового запорозского, въ моноксилахъ отъ Сѣчи по Днепру, потомъ по Чорномъ мору, чрезъ весь Восфоръ Кимерійскій въ Меотицкое заплинувши езеро, досталъ былъ прекрѣпкого турецкого въ Азіи града Азова“ [1]). Почти буквально извѣстіе это вошло въ „Собраніе историческое“ Лукомскаго, со ссылкою на какую-то „Русскую лѣтопись достовѣрную“ [2]) и съ прибавленіемъ извѣстія о послѣдовавшей казни Сулимы: „1633 году Сулима, гетманъ войска низоваго запорожскаго, въ моноксиляхъ или въ судахъ веселнихъ (гребныхъ) морскихъ, изъ Сѣчи по Днѣпру, чрезъ Босфоръ Киммерійскій въ Меотическое или Азовское море запливши, прекрѣпкій въ Азіи городъ Азикъ или Азовъ взялъ. Сему гетману Сулимѣ король Владиславъ IV голову отсѣкти повелѣлъ въ Аршавѣ по жалобѣ на него, за взятіе Азова, отъ турковъ [3]). Былъ-ли походъ Сулимы вполнѣ самостоятеленъ, или-же онъ имѣлъ связь съ попыткою овладѣть Азовомъ со стороны донцовъ, которая относится къ 1634 году, по неразработанности источниковъ этой эпохи разрѣшить трудно, хотя дѣйствительность этого похода въ 1630-хъ годахъ и казнь за него Сулимы не подлежатъ сомнѣнію, такъ какъ о нихъ упоминается у современника, кіево-печерскаго монаха Афанасія Кальнофойскаго [4]). Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ полагать, что самая крѣпость Сулимою взята *не* была, а только ограблены и опустошены окрестности и города. Иначе тѣснимые

[1]) Лѣтопись Величка, т. II, стр. 381.

[2]) Можно полагать, что эта лѣтопись, на которую Лукомскій ссылается и по отношенію къ гораздо болѣе раннему времени, отъ начала XVI вѣка, въ своемъ Собраніи Историческомъ, первая часть котораго напечатана въ приложеніи къ кіевскому изданію «Лѣтописи Самовидца», стр. 321—372, была не что иное, какъ южнорусская компилятивная лѣтопись XVII вѣка, извѣстная въ спискѣ конца XVII столѣтія, іеромонаха Леонтія Боболинскаго. Отрывки изъ этого списка, 1699 года, напечатаны въ приложеніи къ лѣтописи Грабянки, стр. 273—327. Но у покойнаго М. А. Максимовича имѣлась лѣтопись, въ рукописи *первой* половины XVII вѣка, которою пользовался, какъ оригиналомъ, или какъ главнымъ источникомъ, Боболинскій. Что сталось съ этимъ важнымъ и интереснымъ памятникомъ южнорусской письменности и исторіографіи, мнѣ неизвѣстно.

[3]) Лѣтопись Величка, т. IV, стр. 180.

[4]) Τερατουργημα lubo cuda, które były... w monastyru pieczarskim kijowskim, etc., Кіевъ, 1638 г., стр. 271: «z hetmanem swym na ten czas Sulimem, *niedawno* za przestępki swe przeciwko Rzeczy Pospolitey *na gardle skaranym* y z niemałą kupą woyska puścili się czółnem na morze».

ею донцы не замедлили бы воспользоваться случаемъ и утвердиться здѣсь. Наконецъ, тотъ-же Лукомскій сохранилъ намъ и извѣстіе объ участіи запорожцевъ во взятіи Азова въ 1637 году, настолько мотивированное и любопытное, что его стоитъ привести здѣсь вполнѣ. Передавъ о возстаніи Павлюка и пораженіи козаковъ подъ Кумейками, Лукомскій продолжаетъ:

„Того-жъ 1637 году согласились 4000 человѣкъ храбрыхъ козаковъ, которіе часто помянутихъ лядскихъ утѣсненій болѣе нести не могли, искать своего щастія въ другихъ краяхъ пошли къ персіянамъ, чтобъ на войнѣ противъ турковъ служить. Они пошли чрезъ кримскіе и нагайскіе орды со всякою осторожностію къ Дону и имѣли на дорогѣ частой случай сражатся съ татарами, тамъ встрѣтились они съ 3000 человѣкъ донскихъ козаковъ, которіе приняли ихъ весьма пріятно и притомъ освѣдомились о ихъ намѣреніи и походѣ. Услышавъ причину онаго, представляли тамъ они имъ опасности похода чрезъ толь многіе народы и сомнѣніе свое, что найдутъ-ли они у персіянъ то, чего желаютъ. Они говорили имъ: мы де имѣемъ для васъ, браття, запасу доволно; чего вы такъ далеко искать намѣрены, то найдете вы у насъ,—будемъ другъ другу вѣрни. Вотъ Азовъ: когда мы возьмемъ этотъ городъ, то будемъ имѣть способной проходъ въ Меотическое или въ Чорное море, гдѣ мы въ одинъ походъ можемъ столько взять добычи, сколько вы во всѣхъ кровопролитіяхъ... у персіянъ никогда не получите“. Запорожскіе козаки, посовѣтовавъ между собою, согласились напослѣдокъ на предложеніе донскихъ. Пошли они вмѣстѣ подъ Азовъ, гдѣ турецкій гарнизонъ, котораго отъ трехъ до четирехъ тисячъ человѣкъ было, ихъ предпріятію осмѣялись. Козаки начали тотъчасъ въ землю вриватся и продолжали день и ночь свою работу съ такою ревностію, что они, при непріятелской стрѣлбѣ отъ яничаръ, въ городъ вошли и непріятеля принудили отступить въ за́мокъ. Яничари находились тогда въ столь великомъ страхѣ, что и замокъ немедленно здали, хотя козаки толко четире фалконеты при себѣ имѣли, которими-бы никогда пролому учинить не могли. Они ограбили городъ и здѣлали тотчасъ надлежащее учрежденіе: донци овладѣли Азовомъ, а запорожци зъ добычами въ Сѣчъ возвратилися“ [1])

---

[1]) Величко, т. IV, стр. 181—182.

Я съ намѣреніемъ привелъ только здѣсь слова Лукомскаго, несмотря на ихъ категорическій смыслъ и рѣшающее значеніе въ вопросѣ объ участіи запорожцевъ при взятіи Азова. Какъ источникъ компилятивнаго характера, составленный слишкомъ черезъ сто тридцать лѣтъ послѣ событія, и притомъ почти безъ всякой критики,—„Собраніе“ Лукомскаго само по себѣ не могло-бы служить достаточнымъ основаніемъ для признанія этого участія, если бы ранѣе не были установлены, по источникамъ первой руки, факты о постоянныхъ сношеніяхъ и связяхъ Запорожья и Дона въ разсматриваемую эпоху. Но въ виду несомнѣнности такого рода фактовъ, свидѣтельство Лукомскаго, изъ какого-бы источника онъ его ни почерпнулъ, получаетъ характеръ достовѣрности по отношенію къ событію, а вмѣстѣ съ тѣмъ важно и само по себѣ, какъ слѣдъ *южнорусской* традиціи объ участіи въ этомъ событіи запорожскихъ козаковъ.

Коль скоро же является доказаннымъ, что запорожцы въ 1620—30-хъ годахъ бывали на Дону въ большемъ или меньшемъ числѣ постоянно, что они участвовали и во взятіи Азова, то становится вполнѣ понятнымъ и существованіе въ Малороссіи пѣсни объ этомъ событіи, и ея ограниченное распространеніе. Народная пѣсня историческаго содержанія вообще складывается по горячимъ слѣдамъ событія; наглядными примѣрами могутъ служить какъ пѣсня о корсунскихъ волненіяхъ 1855 года, вскорѣ послѣ того тамъ же записанная А. Г. Зайкевичемъ и переданная имъ А. И. Стоянову, такъ и записанная мною пѣсня объ избіеніи крестьянами банды польскихъ повстанцевъ 1863 года въ с. Соловіевкѣ радомысльскаго уѣзда [1]). Такъ и здѣсь: пѣсня о взятіи Азова могла быть сложена или немедленно, на мѣстѣ, -въ такомъ случаѣ она должна отыскаться и на Дону, гдѣ она, или прозаическое преданіе о томъ же событіи послужили источникомъ книжнаго Сказанія; или же она могла быть сложена запорожцами уже по отходѣ ихъ съ Дона, на пути или по прибытіи въ Сѣчь. Въ томъ и въ другомъ случаѣ распространителями ея по Малороссіи могли быть только запорожцы. Если принять во вниманіе, что вслѣдъ затѣмъ наступило возстаніе Остранина и Гуни, а десять лѣтъ спустя страшный пожаръ надолго охватилъ всю южную Русь, то будетъ

[1]) Напечатана въ «Кіевлянинѣ» 1869 года, № 64.

ясно, что занесенная тогда запорожцами пѣсня о далекомъ по мѣстности и неимѣющемъ непосредственнаго интереса для мѣстнаго населенія историческомъ эпизодѣ—не могла получить въ Малороссіи повсемѣстнаго распространенія. Она могла удерживаться по преимуществу въ такихъ только мѣстахъ, которыя, какъ нынѣшній елисаветградскій уѣздъ, входили въ составъ запорожскихъ владѣній; или нерѣдко были посѣщаемы ими, какъ уѣздъ чигиринскій, съ его монастырями: мотренинскимъ, лебединскимъ, николаевскимъ въ Медведовкѣ и онуфріевскимъ въ *Жаботинѣ;* или же находились неподалеку запорожскаго „шпиталя" — Терехтемирова, какъ большая часть мѣстностей, гдѣ до сихъ поръ подмѣчена эта пѣсня; варіантъ Н. И. Костомарова, мѣстность записи котораго не обозначена, нѣкоторыми особенностями языка обличаетъ свое харьковское происхожденіе, и было бы неудивительно, если бы пѣсня эта встрѣтилась близъ Чугуева, куда спаслось изъ подъ Лубенъ ядро Остранинова войска, состоявшее преимущественно изъ запорожцевъ.

Хотя я старался говорить болѣе словами источниковъ, чѣмъ излагать свои личныя соображенія,—безпристрастный читатель можетъ убѣдиться, что имѣются довольно вѣскія основанія пріурочить разсмотрѣнную пѣсню ко взятію не Торческа, а Азова, и не къ 1093, а 1637 году. Имѣя въ виду сдѣлать еще кой-какія дополнительныя замѣчанія, обращусь еще къ заключительнымъ положеніямъ А. И. Стоянова, указывая, въ чемъ ихъ слѣдовало бы, по моему, измѣнить, и почему именно.

1) Что касается тождественности легенды, записанной на развалинахъ Торческа, съ лѣтописнымъ разсказомъ, то она, конечно, сомнѣнію не подлежитъ, мои замѣчанія ея вовсе не коснулись, и за П. И. Ревякинымъ остается вполнѣ заслуга отысканія несомнѣннаго историческаго мѣстнаго преданія дотатарской эпохи, служащаго однимъ изъ существенно важныхъ доказательствъ непосредственной преемственности населенія кіевской Руси, т. е., что нынѣшніе ея жители представляютъ прямыхъ потомковъ полянъ. Съ своей стороны могу еще добавить, что попытки отыскивать древній Торчь [1]) не на урочищѣ того же самаго имени, а въ другихъ мѣ-

---

[1]) Въ лаврентьевской лѣтописи «Торційскый градъ», но въ болѣе цѣнной для южнорусской исторіи лѣтописи Ипатской—«*Торчьскый* градъ»; въ усѣчон-

стахъ, по одному сходству названій, нельзя признать удачными. Сколько помню, нѣсколько лѣтъ назадъ въ обществѣ Нестора кѣмъ-то изъ членовъ была сдѣлана такая попытка пріурочить лѣтописный Торческъ, по прежнему, къ с. Торчицѣ таращанскаго уѣзда, а В. Б. Антоновичъ замѣтилъ по этому поводу, что область поселенія торковъ была довольно обширна, а потому они могли дать свое имя и той, и другой мѣстности,—Торческовъ могло быть нѣсколько. Лѣтопись знаетъ ихъ только одинъ, мѣсто котораго и опредѣляется за Стугной, у с. Новыхъ Безрадичъ [1]) кіевскаго уѣзда, въ пользу чего говорятъ: тождество имени, характеръ мѣстности съ явными слѣдами древняго укрѣпленія, мѣстное преданіе, почти буквально совпадающее съ лѣтописью, и наконецъ близость этого мѣста къ Триполью, какъ должно быть и по лѣтописи. Что касается другихъ мѣстностей со сходными именами, то за нихъ, кромѣ созвучія, не говоритъ ничего больше, и основывать на одномъ этомъ признакѣ мнѣніе о *нѣсколькихъ* Торческахъ едва-ли возможно. Торчьскому—граду, одному, далъ имя основавшій его народъ; но рядомъ съ тѣмъ существуетъ общеславянскій корень *трк,* отъ котораго могли происходить сходныя имена мѣстъ совершенно независимо отъ имени народа торковъ. Дѣйствительно, мы находимъ такія имена по всей южной Руси, гдѣ о торкахъ, вѣроятно, и въ XI вѣкѣ вовсе даже не слышали. Такъ, кромѣ Торчицы таращанскаго уѣзда, находимъ еще: *Торчинъ*—въ радомысльскомъ, луцкомъ и литинскомъ; *Торкинъ*—въ стародубскомъ (списки насел. мѣстъ, чернигов. губ., № 3334); *Торская*—въ купянскомъ (тоже, харьков. губ., № 2270); *Торско*-Алексѣевское—въ бахмутскомъ (екатеринослав. губ., № 930); *Торске* — въ Галиціи около Червоногрода и т. д.

ной формѣ, какъ напр. кіевскій монастырь св. Ѳеодора «Вотчь», говорилось, конечно, Торчь, что сохранилось буквально и нынѣ, съ переходомъ имени въ существительное, Торчъ.

[1]) Самое названіе этого села связано съ торческой легендой: «черезъ се и село наше называетця Безрадычами, говорилъ П. И. Ревякину Омелько: тіі (т. е. князья) радились та радились, а сі (половцы) *безъ рады* побили іхъ; на сміхъ, значить, зовуть Безрадычами» (цитирую изъ находящейся у меня подлинной рукописи П. И. Ревякина).

2) Взятіе города „чумакомъ“, посредствомъ хитрости, — подробность, не находящаяся ни въ лѣтописи о Торческѣ, ни въ историческихъ извѣстіяхъ о взятіи Азова, включая сюда даже и Лукомскаго, а только въ донскомъ Сказаніи о послѣднемъ событіи. Это-же Сказаніе связываетъ непосредственно пѣсню съ историческимъ фактомъ. Въ дѣйствительности, подробность эта могла имѣть мѣсто, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, но точно также могла въ обоихъ даже отсутствовать, а была лишь къ нимъ пріурочена изъ *общаго* народнаго преданія, которое, въ свою очередь, могло и создаться *безлично*, или, что̀ гораздо естественнѣе, составляетъ отголосокъ какого-то забытаго факта временъ незапамятныхъ, гораздо древнѣе не только Азова, но и Торческа. Отвѣтить на этотъ вопросъ можетъ только *сравнительное* изслѣдованіе сходныхъ преданій у другихъ арійскихъ народовъ.

3) Подробности пѣсни еще ближе совпадаютъ съ донскимъ Сказаніемъ, чѣмъ съ торческой легендою, для которой былъ-бы необъяснимъ, напр., товаръ, состоящій изъ лисицъ и соболей, а въ Азовѣ они вполнѣ умѣстны.

4) Имя Азова въ пѣснѣ не позднѣйшее, а коренное; замѣна-же его Ростовомъ, Щучиномъ и другими пунктами чумацкихъ дорогъ очень естественна, коль скоро самая пѣсня, потерявъ первоначальный историческій колоритъ, стала принимать характеръ пѣсни чумацкой.

5) Имена—орда, туркеня, вполнѣ на своемъ мѣстѣ, такъ какъ во взятіи Азова участвовали и татары, а въ плѣнъ были уводимы именно турчанки.

6) Какимъ образомъ могло отразиться это событіе въ южнорусскомъ эпосѣ, безъ „противорѣчія основнымъ законамъ народнаго творчества“,—отвѣтомъ служитъ участіе въ событіи многочисленныхъ представителей южной Руси—запорожцевъ.

7) Несходство характера пѣсни съ общимъ типомъ южно-русскихъ чумацкихъ (и даже вообще малорусскихъ) пѣсень служитъ признакомъ происхожденія ея въ этнографически-*смѣшанной* средѣ. Конечно, замѣчаніе г. М. Т—ова о ея будто бы *великорусскомъ* происхожденіи не имѣетъ значенія, составляя только невѣрную передачу высказанныхъ первоначально мною замѣчаній.

8) Къ этимъ положеніямъ добавлю еще, что и область распространенія пѣсни, насколько она до сихъ поръ опредѣлена, можетъ быть объяснена безъ всякихъ натяжекъ въ виду происхожденія пѣсни отъ запорожцевъ, тогда какъ, если-бы она была происхожденія мѣстно-торческаго, трудно было-бы объяснить заносъ ея въ елисаветградскій уѣздъ и, какъ кажется, въ харьковскую губернію.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что вполнѣ раздѣляю взгляды А. И. Стоянова относительно метода изслѣдованія народныхъ пѣсень. Различіе результатовъ, къ какимъ мы оба пришли, зависѣло вовсе не отъ различія метода, а только отъ неодинаковаго объема матеріаловъ, которыми каждый изъ насъ располагалъ въ данномъ случаѣ. Особенно цѣнными считаю я замѣчанія г. Стоянова относительно того, что пѣсни должны быть изучаемы, а слѣдовательно и записываемы, не нагишомъ, какъ ихъ даютъ намъ обыкновенно сборники, а въ связи съ обстоятельствами, при какихъ была пѣта (не по заказу, конечно) та или иная пѣсня, и особенно въ связи съ замѣчаніями пѣвцовъ и пѣвицъ, служащими для насъ единственнымъ указаніемъ, какъ понимается то или иное мѣсто въ самомъ народѣ.

P. S. Статья эта была уже окончена, когда появилась въ „Кіев. Старинѣ“ замѣтка Н. И. Костомарова о томъ-же предметѣ, въ отрицательномъ отношеніи вполнѣ согласная и съ высказываемыми мною соображеніями. Нашъ маститый историкъ тоже не раздѣляетъ мнѣнія г. Стоянова и отвергаетъ возможность пріуроченія пѣсни ко взятію Торческа; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не находитъ возможнымъ отнести ее и ко взятію Азова, а видитъ въ ней скорѣе отраженіе не одного какого-нибудь случая, бывшаго тамъ или здѣсь когда-то, а цѣлаго, можетъ быть, ряда мелкихъ случаевъ; по его мнѣнію, и само оно потомъ могло быть источникомъ многихъ болѣе или менѣе въ свое время важныхъ подобныхъ событій, такъ какъ этотъ образъ, взятіе чужого города посредствомъ хитраго проведенія туда воиновъ, составилъ часть народнаго міросозерцанія, которое всегда, иногда и незамѣтно, двигаетъ историческимъ ходомъ судьбы народа. Нисколько не отрицая основательности и этой точки зрѣнія, тѣмъ

болѣе, что эпической подробности пѣсни и Сказанія о ввозѣ въ городъ подъ видомъ товара козаковъ нѣтъ въ историческихъ свидѣтельствахъ ни о Торческѣ, ни объ Азовѣ,—я полагаю однако, что собственно разобранная нами пѣсня, въ которой эта подробность имѣетъ характеръ общаго мѣста, была пріурочена въ свое время именно ко взятію послѣдняго города. Безпристрастному читателю остается рѣшить, достаточно-ли приведенныхъ въ моей статьѣ доказательствъ въ пользу такого мнѣнія. Мимоходомъ замѣчу, что г. Костомаровъ вполнѣ основательно поясняетъ упоминаемый въ нѣкоторыхъ варіантахъ Кремень-городъ турецкимъ словомъ „керменъ", которое носилъ, впрочемъ, не одинъ Исламъ-городокъ, а и многіе другія крѣпостцы, такъ какъ оно означаетъ вообще укрѣпленный городъ (см. выше, стр. 422; такъ и Ак-керманъ = Бѣлый городъ). При упоминаемомъ въ другихъ варіантахъ Щучинѣ г. Костомаровъ ставитъ знакъ вопроса; я полагаю, что это Щучья станица въ черкасскомъ округѣ земли войска донского, лежащая при самомъ Донѣ, и называемая также Елисаветовскою.

Ив. Новицкій.

ПЕРЕПЕТОВСКОЕ ПОЛЕ.

(Розысканіе въ области лѣтописной топографіи, съ приложеніемъ карты).

При занятіяхъ моихъ пѣснью, или, какъ чаще ее называютъ, „Словомъ“ о полку Игоря, мнѣ нерѣдко приходилось, то по тому, то по другому поводу, наталкиваться на лѣтописныя географическія имена, каковы имена городовъ, рѣчекъ, урочищъ и т. д., или вовсе не опредѣленныя топографически въ существующихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, или хотя и опредѣленныя, но по предположеніямъ, нерѣдко очень шаткимъ и стоящимъ, какъ мнѣ казалось, въ противорѣчіи съ положительными указаніями лѣтописей. Нѣкоторыя изъ такихъ проблеммъ лѣтописной топографіи древней русской земли мнѣ посчастливилось рѣшить при помощи, какъ мнѣ казалось, положительныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ и основанныхъ на нихъ соображеній и выводовъ. Данныя эти удобнѣе всего представляется группировать по мѣстностямъ (районамъ), къ которымъ они относятся.

Для предлагаемой статьи я избираю мѣстность, находящуюся почти въ центрѣ кіевской губерніи и извѣстную въ настоящее время на литературномъ языкѣ подъ именемъ „Бѣлоцерковской степи“, а на теперешнемъ языкѣ народномъ, въ которомъ слово „степь“ употребляется въ родѣ мужескомъ,—подъ именемъ „Бѣлоцерковскаго степа“. Это и есть лѣтописное *Перетово*, или *Перепетовское поле* (=Перепетовская степь), имя которой я и поставилъ въ заглавіи статьи.

Неоцѣнимую услугу при розысканіяхъ по топографіи лѣтописныхъ мѣстностей, находящихся въ предѣлахъ теперешней кіев-

ской губерніи, оказываютъ „Сказанія“ Л. Похилевича [1]). Въ этомъ почтенномъ трудѣ собраны свѣдѣнія не только объ именахъ такъ называемыхъ населенныхъ мѣстъ: селъ, деревень, хуторовъ, кутковъ и т. п., но также и о названіяхъ горъ, яровъ, долинъ, рѣчекъ, ручейковъ, кургановъ, урочищъ и т. п. Впрочемъ и у Похилевича, судя по нѣкоторымъ извѣстнымъ мнѣ фактамъ, далеко не все исчерпано въ этомъ отношеніи; о многихъ, напримѣръ, несомнѣнно существующихъ рѣчкахъ и урочищахъ не упомянуто вовсе. Довольно часто наталкиваешься у него на такъ называемыя „безъименныя рѣчки“, иногда съ прибавкою къ нимъ, какъ-бы въ оправданіе ихъ безъименности, свѣдѣнія: „лѣтомъ пересыхающія“; но на военно-топографической и спеціальной картахъ многія изъ нихъ имѣютъ таки свои собственныя имена [2]), и кажется, что этихъ „безъименныхъ“ стало-бы гораздо меньше, если-бы собрать о нихъ свѣдѣнія изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ протекаютъ. А собрать, по возможности, всѣ такія названія очень важно для исторической топографіи, дорожащей каждою мелочью. Иногда оказывается, что какое нибудь лѣтописное географическое имя, неотыскиваемое при самыхъ тщательныхъ розыскахъ его въ такъ называемыхъ спискахъ населенныхъ мѣстъ, и до настоящей минуты звучитъ въ народномъ словѣ, въ имени какой нибудь незначительной рѣчки, доносящемся до насъ изъ далекой стороны и свидѣтельствующемъ о томъ, что тутъ, у этой рѣчки, живутъ не пришельцы, а прямые потомки древнихъ ея обитателей [3]).

---

[1]) Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи *Л. Похилевича*. Кіевъ, 1864. Къ занимающей насъ мѣстности относятся также слѣдующія статьи Кіевскихъ Губ. Вѣдомостей: село Темберщина—1854 г., № 31; село Тростинка—1856 г., № 36; Воды васильковскаго уѣзда—1856 г., № 7.

[2]) И изъ предлагаемой статьи, напр., видно, что у Похилевича вовсе не упомянуты: рѣчка *Холопъ*, впадающая въ Субодь, р. *Ольшанка*, впад. въ Тростинку, или Раковку, урочища: *Третій Ротокъ, Васильковъ гонъ* и пр.; названа безъименной р. *Чернявка*, впад. въ Ротокъ и пр.

[3]) Такъ, напр., и при моихъ розысканіяхъ имена рѣчекъ: *Узинъ* (Узень), *Узка*, и озера: *Гузино* дали возможность открыть лѣтописную *Възяницу;* при помощи имени рѣчки *Жидь*, впадающей въ Днѣпръ немного ниже устья Тетерева, удалось мнѣ открыть лѣтописный *Жедьчевьевъ* (Ипат., 555) и пр.

Топографическія проблеммы, относящіяся къ Бѣлоцерковской степи, заключаются въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) не опредѣляется вовсе положеніе урочища: *Бъзяница* (Ипат. 300) [1]); 2) неправильно понимается *лука моря* (Лавр. 342, Ипат. 381); 3) приблизительно и очень гадательно опредѣляется положеніе города *Михайлова* (Ипат. 376); 4) не устанавливается тождество рѣчки: *Рутъ* (Лавр. 316—7, Ипат. 301—3) съ рѣчкою *Ротъ* (Ипат. 356); 5) вовсе не опредѣляется рѣчка *Рутецъ* (Ипат. 301—3); 6) не особенно положительно опредѣляется рѣчка *Ольшаница* (Ипат. 279); наконецъ, 7) не опредѣляется съ надлежащею ясностью общее представленіе о *Перепетовомъ* (Ипат. 278), или *Перепетовскомъ* (Лавр. 740, Ипат. 379, 380) *полѣ*.

Представимъ предварительно связное описаніе мѣстности, которая извѣстна была въ древности подъ общимъ именемъ Перепетовскаго поля, руководствуясь военно-топографическими и спеціальными картами [2]) и сказаніями Похилевича.

Рѣчка *Ротъ*, упоминаемая въ ипат. лѣтописи подъ 1162 годомъ, конечно, тоже, что и *Рутъ*, упоминаемая въ той-же и въ лаврской лѣтописи подъ 1151 годомъ. Въ лѣтописяхъ имя это встрѣчается обыкновенно въ формѣ мужескаго рода: *Рутъ, Ротъ* (въ Руту, бѣ бо грязокъ), и только изрѣдка, въ видѣ исключенія, оно принимаетъ и форму женскаго рода: *Руть* (въ Рути, бѣ бо грязна) [3]). Карамзинъ (II, 151 и прим. 341) поясняетъ: „Рутъ—нынѣ Ротокъ". Рѣчка эта у Похилевича и въ географическо-статистическомъ словарѣ Семенова называется: *Ротокъ*, въ привиллегіи Си-

---

[1]) Указанія на лѣтописи ипатскую и лаврентьевскую здѣсь сдѣланы по новому изданію: Лѣтопись по ипатскому списку, изд. археогр. коммисіи, Спб. 1871;—по лаврентьевскому—Спб. 1872 г.

[2]) Здѣсь я ссылаюсь: 1) на военно-топографическую карту европейской Россіи, въ масштабѣ 3 верстъ въ дюймѣ, рядъ 23-й, листы 8-й и 9-й, и 2) на спеціальную карту европейской Россія, изданную подъ редакціей полковника *Стрѣльбицкаго*, въ масштабѣ 10 верстъ въ дюймѣ, листъ 31-й.

[3]) Лавр. 316; за Рутъ (варіантъ: заутра), 317; чрезъ Рутъ, въ Руту (вар.: въ Рутѣ), бѣ бо грязокъ. Ипат., 301; за Рутъ, 302; къ Рутови, за Рутъ, за Руть, 303; черезъ Рутъ, въ Руту, бѣ бо грязокъ (вар.: въ Рути, бѣ бо грязна), 356; по Роту.

гизмунда III жителямъ Бѣлой Церкви — *Рутекъ*, на военно-топографической и спеціальной картахъ: *Протока* (искаженіе, или лучше сказать позднѣйшая, напрасная и неудачная, попытка осмыслить ясное имя „Ротокъ"). Для нашей цѣли необходимо описать всю систему этой рѣчки до мельчайшихъ подробностей. Рѣчка Ротокъ, беретъ начало у деревни Марьяновки (на военно-топографической картѣ у верховья Ротка обозначено урочище: *Третій Ротокъ*, у Похилевича не упомянутое), протекаетъ въ южномъ направленіи и впадаетъ въ Рось съ лѣвой стороны при м. Бѣлой Церкви, большая часть котораго расположена на той-же лѣвой сторонѣ Роси. Въ Ротокъ впадаютъ съ лѣвой стороны двѣ рѣчки: 1) по Похилевичу, рѣчка безъименная, а по военно-топографической картѣ— рѣчка *Чернявка*, которая беретъ начало у села Средней Слободы, или Винницкихъ Ставовъ и протекаетъ въ юго-восточномъ направленіи; 2) безъименная рѣчка, которая беретъ начало у села Пологъ, протекаетъ въ восточномъ направленіи и впадаетъ въ Ротокъ ниже впаденія Чернявки [1]). По моимъ соображеніямъ, лѣтописному Руту (Роту великому, Руту, Рути) соотвѣтствуетъ Ротокъ, а Рутцу (малому Руту) — Чернявка. При сліяніи Чернявки съ Роткомъ, по нижнему теченію Чернявки и по среднему—Ротка, какъ это видно изъ военно-топографической и спеціальной картъ, образуется развѣтвляющееся озеро, о которомъ упоминается и въ лѣтописяхъ; другое озеро, меньшее, находится по теченію Чернявки, на разстояніи версты къ западу отъ бо́льшаго. Рѣчка Ротокъ съ ея притоками вообще, видно, болотиста. Въ лѣтописи о Рутѣ сказано, что онъ былъ *грязокъ;* упоминается *грязина* у Рутца; въ подложной копіи съ грамоты Андрея Боголюбскаго кіево-печерскому монастырю упоминается *Ротокъ—болото*. Верстахъ въ девяти (по прямому направленію) выше впаденія Ротка впадаетъ въ Рось съ лѣвой стороны р. *Каменица;* верстахъ въ десяти выше ея впаденія впадаетъ въ нее съ лѣвой стороны рѣчка, по Похилевичу, *Соботъ*, а

---

[1]) На военно-топографической картѣ эта рѣчная система представлена (конечно, ошибочно) въ иномъ видѣ, чѣмъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ Похилевичемъ: главною является рѣчка, берущая начало у села Пологъ, до впаденія ея въ Ротокъ и, затѣмъ, Ротокъ до впаденія его въ Рось. Эта главная рѣчка и названа Протокой.

по военно-топографической и спеціальной картамъ—*Субодъ;* верстахъ въ трехъ выше впаденія послѣдней впадаетъ въ нее, по военно-топографической картѣ, р. *Холопъ* (у Похилевича не упомянута, на спеціальной картѣ не надписана). По нижнему теченію Холопа, на лѣвой его сторонѣ, расположено село *Михайловка*, къ которому, по моимъ соображеніямъ, и можетъ быть пріуроченъ лѣтописный городъ *Михайловъ*. Верстахъ въ двѣнадцати ниже впаденія Ротка впадаетъ въ Рось съ лѣвой стороны рѣчка, которая у Похилевича называется *Узинъ*, на военно-топографической и спеціальной картахъ—*Узенъ*, а въ привиллегіи Сигизмунда III—*Узянъ*. На лѣвой сторонѣ этой рѣчки есть и село того-же имени (по Похилевичу—*Узинъ*, по военно-топографической и спеціальной картамъ—*Узенъ*), которое называется еще и *Темберщиной*, по имени помѣщичьяго управляющаго Темберскаго, заселившаго эту слободу въ 1773 году. Въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ истока Узина, верстахъ въ пяти, находится озеро, по Похилевичу (на картахъ не названо) *Гузино* (=Узино? Ср. имя народа *Узы* и *Гузы*, имя села *Уляники* и *Гуляники* и т. п.; начальный звукъ *г* является въ видѣ, такъ называемаго, придыханія), при которомъ расположена дер. Людвиновка (называется также и Станиславкой), основанная въ 1826 г. Станиславомъ Проскурою и названная по имени его жены Людвики. Ниже села Узина въ рѣчку Узинъ, при дер. Блощинцахъ, впадаетъ съ правой стороны р. *Узка* (сокращеніе: *Узинка*, *Узянка?*), текущая отъ села Янковки, или Лопатынщины, названнаго такъ по имени Яна Лопатынскаго, основавшаго это село. Р. Узинъ или, что еще вѣроятнѣе, Узка (сокр. Узинка) и есть лѣтописная *Бъзяница* = *Възяница*, *Узяница* (ср. Каменка и Каменица, Ольшанка и Ольшаница). Верстахъ въ шести къ западу отъ истоковъ Ротка находится верховье безъименной рѣчки, текущей въ сѣверо-западномъ направленіи и впадающей съ правой стороны въ р. Унаву (лѣтописная Уновь), правый притокъ Ирпени, а верстахъ въ пяти къ востоку отъ верхняго теченія Ротка находится верховье той рѣчки, которая въ Ипат. разсказѣ 1150 г. названа *Ольшаницей*. Она начинается у села Тростинки (прежде называвшагося Чмелевымъ), течетъ въ сѣверо-восточн. направленіи и впадаетъ съ лѣвой стороны въ Стугну. На лѣвой сторонѣ этой рѣчки расположено село Большая, или Барахтянская, а немного ниже, на

правой сторонѣ, Малая, или Германовская *Ольшанка*. Самая рѣчка эта называется теперь *Тростинкой*, или *Раковкой*, но ея правый притокъ, ниже Малой Ольшанки въ нее впадающій, и теперь называется, какъ это обозначено на военно-топографической картѣ (у Похилевича онъ не упомянутъ), *Ольшанкой*. Теперешней уменьшительной формѣ *Ольшан-ка* вполнѣ соотвѣтствуетъ древне-русская: *Ольшан-ица*. По замѣчанію Похилевича, по ручью Тростинкѣ, при которомъ расположены села Ольшанки, по преданіямъ, были большія болота, заросшія *ольхою*, лозою и тростникомъ; теперь отъ ольхи, давшей названіе селамъ Ольшанкамъ, осталось лишь нѣсколько деревъ. Село Тростинка лежитъ между крутыхъ *горъ*, въ глубокой долинѣ, по коей струится упомянутый ручеекъ Тростинка. Изъ сказаннаго видно, что система р. Ротка съ сѣвера подходитъ, съ одной стороны, къ системѣ р. Ирпени, съ другой—къ системѣ р. Стугны [1]). Рѣчки Рутекъ, Каменица и Узянъ упоминаются въ привиллегіи, данной Сигизмундомъ III жителямъ Бѣлой Церкви въ 1597 году [2]). Въ этой грамотѣ сѣверная граница Бѣлоцерковщины обозначена такъ: „Рѣчка Рутекъ, яко ся въ соби маетъ, ажъ до *валу*, що за *Перепетовымъ курганомъ*". Курганы *Перепетовъ* и *Перепетовка* упоминаются и въ подложной копіи съ грамоты Андрея

---

[1]) Упомянемъ о слѣдахъ древности въ разсматриваемой мѣстности. На поляхъ села Лосятина, между дер. Соколовкой и Глушками, есть городище (по преданію—городъ Соколовъ), окруженное съ трехъ сторонъ рѣчкою Роткомъ и болотомъ, а съ четвертой—валомъ и рвомъ. Вблизи, съ западной стороны, на крутомъ берегу есть другое, меньшее земляное укрѣпленіе. Въ самомъ селѣ Михайловкѣ нѣтъ городища, но есть древнее квадратное городище у близь лежащаго села Мазепинецъ (считающагося родиной гетмана Мазепы), надъ р. Каменкой. Вдоль рѣчки Узина, при селеніи Блощинцахъ есть два древнія замчища, отстоящія одно отъ другаго на 2 версты. См. Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губ. *Ив. Фундуклея*. Кіевъ, 1848 г., а также у *Похилевича*.

[2]) Помѣщена въ книгѣ: Opis powiatu wasylkowskiego, *E. Rulikowskiego*. Warszawa. 1853. Не имѣя въ настоящее время подъ рукой этой книги, я долженъ былъ дѣлать выдержки изъ упомянутой грамоты по Похилевичу, который, къ сожалѣнію, нашелъ нужнымъ передать эту грамоту русскимъ шрифтомъ на томъ основаніи, что Руликовскій будто-бы «затемнилъ смыслъ ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребленіемъ для русской рѣчи латинскаго шрифта» (Похилевичъ, стр. 493).

Боголюбскаго кіево-печерскому монастырю. На военно-топографической картѣ близь истока Ротка, у дер. Марьяновки обозначенъ курганъ *Перепятиха,* а верстахъ въ 4⅓ отъ него къ сѣверо-западу курганъ *Перепять,* вблизи безъименной рѣчки, у дер. Фастовца начинающейся. Это и суть лѣтописные *Перепетовы.* Въ лѣтописяхъ къ этому имени не прибавляется никакого существительнаго, слѣдовательно это самостоятельное общее имя какъ-бы четы (Перепета + Перепетихи) [1]). Что-же касается вала, „что за Перепетовымъ курганомъ", то остатки и слѣды его сохранились болѣе или менѣе и до настоящаго времени въ томъ валѣ, который тянется по южной части кіевскаго уѣзда отъ м. *Триполья* къ западу черезъ село Барахтянскую *Ольшанку,* мимо села *Кодакъ,* и проходитъ полями селъ *Парадовки,* Большой *Снетинки, Фастова* и *Півней* (называется также и Пѣтухами) въ сквирскій уѣздъ къ селу *Бѣлкамъ* на правомъ берегу Ирпени [2]). Пространство, обнимаемое бассейнами рр. Ротка и Узина, извѣстно, по замѣчанію Похилевича, подъ названіемъ *Бѣлоцерковской степи* (=равнины). Въ географическо-статистическомъ словарѣ Семенова, въ статьѣ: „Васильковскій уѣздъ", эта мѣстность описывается такъ: „кряжи возвышенностей переходятъ изъ кіевскаго уѣзда въ васильковскій и оканчиваются недоходя до Ротка (горы въ селѣ Тростинкѣ). Около м. Бѣлой Церкви простирается обширная равнина по направленію къ Василькову, Фастову и Мировкѣ. Ширина ея отъ Мировки къ Фастову 40 верстъ, а длина отъ м. Бѣлой-Церкви до р. Стугны 80 верстъ" [3]). А я дѣлалъ измѣреніе по спеціальной картѣ, и у меня вышло отъ Мировки до Фастова 50 верстъ, а отъ Бѣлой-Церкви до Стугны у Василькова не болѣе 42 верстъ, и мнѣ казалось-бы болѣе естественнымъ длиною этой степи называть протяженіе ея отъ Фастова къ Мировкѣ, а шириною—отъ Бѣлой-Церкви къ Стугнѣ у Василькова.

---

[1]) Лавр., 316: у Перепетовыхъ (вар.: Перепетоты, Перепетовы), Ипат., 301: у Перепетовыхъ.

[2]) И. Фундуклея: Обозрѣніе..., стр. 30. Объ этомъ валѣ упоминается и у Похилевича въ разныхъ мѣстахъ его книги. См. также статью: «Земляной валъ въ васильковскомъ уѣздѣ» въ «Кіев. Губ. Вѣд.» 1847 г., № 34.

[3]) Географическо-статистическій словарь россійской имперіи *П. Семенова,* т. I—IV и V-го тома вып. 1-й, Спб. 1863—75.

Вотъ эта-то бѣлоцерковская степь и есть, конечно, лѣтописное Перепетово, или Перепетовское поле [1]), называвшееся такъ въ древности, конечно, по Перепетовымъ (Перепету и Перепетихѣ), на ней находившимся.

Теперь, послѣ предварительнаго описанія занимающей насъ мѣстности, перейдемъ къ разсмотрѣнію событій, которыя, по упоминаніямъ и разсказамъ лѣтописей, на ней совершались въ до-монгольскій періодъ.

1) Подъ 1150 г. (ипат. 279, лавр. 310) упоминается о *Перепетовомъ* (полѣ) и р. *Ольшаницѣ* по поводу похода Владимірка галицкаго противъ Изяслава Мстиславича къ Кіеву. Владимірко шелъ изъ *Галича*, перешелъ *Болохово*, шелъ *мимо Мунаревъ* (Немировъ?) къ *Володареву* (теперь м. Володарка сквир. у. на лѣвой сторонѣ Роси), затѣмъ—черезъ *Перепетово* къ верху р. *Ольшаницы* и здѣсь, у *Тумаща* [2]), онъ и одержалъ побѣду надъ Изяславомъ. Если проведемъ прямую линію отъ м. Володарки къ Кіеву, то она пересѣчетъ бѣлоцерковскую равнину и пройдетъ у верховья Тростинки. Владимірко шелъ, слѣдовательно, по той теперешней проселочной дорогѣ, которая, какъ это означено на военно-топографической картѣ, тянется отъ дер. *Салывонекъ*, расположенной на восточномъ берегу рутскаго озера, черезъ село Тростинку къ селу Погребамъ. Крутыя горы села Тростинки и суть, вѣроятно, тѣ горы, о которыхъ упомянулъ Владимірко: „быти Изяславу ту нѣгдѣ въ горахъ“ [3]).

---

[1]) Ипат. 278: черезъ Перепетово; Лавр. 340: на Перепетовскомъ поли (дважды); Ипат. 379: на Перепетовскомъ полѣ, 380: на Перепетовстемъ полѣ.

[2]) Село Барахты, васильковскаго уѣзда, въ которомъ есть кутокъ *Тимошівка?*

[3]) Есть мѣстечко *Ольшаница*, васильковскаго уѣзда, на лѣвой сторонѣ р. Гороховатки, притока Роси. Хотя имя этого мѣстечка и вполнѣ совпадаетъ съ именемъ лѣтописной р. Ольшаницы, тѣмъ не менѣе, какъ это замѣчаетъ и Л. Похилевичъ, событія, изложенныя въ лѣтописномъ разсказѣ подъ 1150 г., съ большею удобностію пріурочиваются къ селу Барахтянской Ольшанкѣ. Р. Ольшаница, по смыслу Ипатскаго разсказа, сейчасъ-же за Стугною (по отношенію къ Кіеву); въ Лавр. лѣтописи Ольшаница не упоминается и вовсе, и даже то, что по Ипатскому разсказу относится къ р. Ольшаницѣ (перестрѣлка черезъ рѣку), отнесено прямо къ Стугнѣ. Если предположить даже, что Ольшаницей въ лѣтописи названа

2) Подъ слѣдующимъ, 1151 годомъ въ лѣтописяхъ (Ипат. 301, Лавр. 316) встрѣчаемъ упоминаніе о *Перепетовыхъ, Бъзяницѣ* (=Възяницѣ), *Рутѣ*, *Рутцѣ* и рутскомъ *озерѣ* по поводу отступленія Юрія Долгорукаго, испытавшаго неудачу подъ Кіевомъ, навстрѣчу Володимірку галицкому, котораго Юрій поджидалъ къ себѣ на помощь, и который, какъ это видно изъ лѣтописей, и на самомъ дѣлѣ двинулся къ нему на помощь, вѣроятно, по тому-же самому пути, по которому онъ шелъ къ Кіеву въ предъидущемъ году. Онъ дошелъ уже было до *Божьского* (вар.: *Вужьского*), но, узнавъ о пораженіи Юрія на Рутѣ, вернулся отъ Бужьскаго домой [1]). Изъ лѣтописнаго разсказа видно, что Юрій, отступивъ отъ Кіева, пошелъ къ Бѣлгороду, оттуда черезъ *боръ* [2]) къ *Верневу* (вар.: *Черневу*) [3]), оттуда перешелъ *валъ* и пошелъ мимо *Перепе-*

теперешняя рѣчка Гороховатка, на которой стоитъ м. Ольшаница, все-же верховье ея будетъ въ сторонѣ отъ прямого пути отъ Володарки къ Кіеву и будетъ не только за Стугною, но и за Красною.

[1]) Розысканія о положеніи *Болоховской земли*, *Божьскаго* и проч. см. въ сочиненіи: «Болоховская земля» и пр., рефер. *Н. Дашкевича* (Труды 3-го археолог. съѣзда, бывшаго въ Кіевѣ въ 1874 г., Кіевъ, 1878 г., т. 2-й и отдѣльно).

[2]) У Погодина (Изслѣдованія, замѣчанія и пр., т. IV, М. 1850 г.) замѣчено: «положеніе упомянутаго здѣсь *бора*, кажется, опредѣляется селомъ *Заборьемъ* къ югу отъ Бѣлгородки. Заборье, по свѣдѣніямъ Похилевича, село на лѣвой сторонѣ ручья, называемаго Святецъ, или Бобрица. Село окружено со всѣхъ сторонъ боромъ, только къ западу простираются песковатыя поля. Чрезъ село пролегаетъ значительная проселочная дорога въ село Плисецкое и Фастовъ.

[3]) *Черневъ* пріурочиваютъ обыкновенно къ селу *Черногородкѣ* васильковскаго уѣзда, расположенному на лѣвой сторонѣ Ирпени, выше впаденія въ Ирпень р. Унавы. Но едва-ли понадобилось Юрію доходить до Черногородки, т. е. переходить на лѣвую сторону Ирпени съ тѣмъ, чтобы опять переходить на правую его сторону и чтобы, затѣмъ, переходить р. Унаву. Къ востоку отъ Черногородки у истоковъ р. Плиськи (по военно-топографической картѣ, у Похилевича не упомянута), впад. въ Унаву, есть село Плисецкое (прежде—Песецкое, по объясненію Похилевича,—отъ песковъ его окружающихъ), въ которомъ есть замчиска съ земляными валами. Изъ нихъ одно, среди села, называется *Чернечьимъ*. Жители говорятъ, что на этомъ мѣстѣ былъ когда-то монастырь, отъ чего и замковище получило свое названіе. Къ сѣверу отъ Черногородки и Плисецкаго, на правой сторонѣ Ирпени, на военно-топографической картѣ обозначено урочище *Черничій лѣсъ*, которое, по Похилевичу, называется *Кладово*, и въ которомъ, по преда-

товыхъ къ *Вызяницѣ*, „потому что тутъ надѣялся галицкаго князя къ себѣ". О положеніи упоминаемыхъ здѣсь *вала, Перепетовыхъ* и *Вызяницы* было уже упомянуто выше. Рѣчка Узка и Узинъ какъ разъ и подходятъ къ пути, по которому долженъ былъ идти Володимірко къ Кіеву. Кромѣ того, Юрій могъ желать расположиться на рр. Узкѣ или Узинѣ ради превосходныхъ пастбищъ по этимъ рѣчкамъ, такъ какъ все его войско, какъ объ этомъ говоритъ лѣтопись, состояло изъ конницы [1]). Село Узинъ, или Темберщина, по замѣчанію Похилевича, расположено среди обширныхъ тучныхъ степей, арендуемыхъ купцами подъ выпасъ скота. Между тѣмъ Юрія преслѣдовалъ Изяславъ Мстиславичъ съ союзниками, стараясь не допустить соединенія Юрія съ Владиміркомъ. Рать Изяслава съ Юріемъ на р. Рутѣ разсказана въ лѣтописяхъ съ мельчайшими подробностями относительно обстоятельствъ мѣста и времени, какъ-бы въ видѣ дневника, а потому и не будетъ лишено интереса для нашей цѣли послѣдовать за этимъ дневникомъ.

а) *Среда.* Изяславъ идетъ мимо Василева (теперь г. Васильковъ), къ востоку отъ него, переходитъ черезъ Стугну и, пришедши къ *валу,* останавливается на ночь.

б) *Ночь съ среды на четвергъ.* Когда Изяславъ остановился на ночь, Юрій въ это время былъ у *Перепетовыхъ* и, въ теченіе ночи, успѣлъ сдѣлать переходъ до р. *Узки* или *Узина*, не смотря на то, что его тревожила сторóжа Изяславова.

в) *Четвергъ.* Изяславъ, перешедши валъ, вступилъ *на чистое поле* (=Перепетово поле), и здѣсь противники вели между собою переговоры до вечера. Вечеромъ Юрій перешелъ *за Рутъ* и тамъ остановился. Отъ р. Узки Юрій, по всей вѣроятности, перешелъ Рутъ между южною оконечностью рутскаго озера и устьемъ безъименной рѣчки, текущей въ Ротокъ отъ села Пологъ.

г) *Пятница.* Изяславъ пошелъ на Юрія, приперлись къ *озеру* оба войска, и раздѣлило ихъ озеро. Вечеромъ Юрій пошелъ за *шо-*

нію, находился въ глубокой древности монастырь. Положеніе села Плисецкаго и урочища Черничій лѣсъ гораздо болѣе, чѣмъ положеніе Черногородки, подходитъ къ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о движеніи Юрія на встрѣчу Володимірку въ 1151 году.

[1]) Ипат. 295: «ратніи наши вси на конехъ суть».

ломя (шоломъ, шлемъ, верхъ, гора); Изяславъ пошелъ за нимъ на *верхъ озера*; Юрій передъ нимъ (въ виду его, передъ его глазами) зашелъ *за Рутецъ* и, перешедши *грязину*, тутъ и остановился на ночь, Изяславъ остановился также на ночь противъ него, „якоже стрѣлы не доходяхуть". Изъ этого видно, что утромъ полки Изяславовы были на восточной сторонѣ рутскаго озера, гдѣ теперь расположена деревня Салывоньки, а полки Юрія—на противоложной. Юрій перешелъ съ правой стороны Рутца (Чернявки) на лѣвую, какъ это видно изъ хода разсказа, между двумя озерами, бо́льшимъ и меньшимъ, о которыхъ было упомянуто нами въ предварительномъ описаніи. Изяславъ, преслѣдуя Юрія, перешелъ съ лѣвой стороны Рута на правую, пошелъ вверхъ по Рутцу и расположился на ночь на южной сторонѣ меньшаго озера, противъ Юрія, который расположился на сѣверной сторонѣ того-же озера. И такъ утромъ Юрій былъ на правой сторонѣ Рута, а Изяславъ на лѣвой, а вечеромъ, вслѣдствіе диверсіи Юрія, Юрій очутился на лѣвой сторонѣ Рутца, а Изяславъ на правой. Утромъ ихъ раздѣляло бо́льшее озеро, а вечеромъ—меньшее. Упоминаемое *шоломя*, конечно, та гора у села *Гребенокъ*, по западнымъ откосамъ которой проходитъ почтовая дорога изъ Василькова въ Бѣлую Церковь. Значеніе слова *Гребенки* (гребень горы) очень близко къ значенію слова *шоломя* (хлъмя) [1]. Что касается, наконецъ, *грязины*, то это, какъ можно предполагать, заливъ меньшаго озера, вдающійся узкою продолговатою полосою въ материкъ въ сѣверномъ направленіи.

д) *Суббота* (въ ипат., по ошибкѣ, опять пятница). Юрій пошелъ *на верхъ Рутца* (вверхъ по лѣвой сторонѣ Чернявки къ теперешней Средней Слободѣ), отсюда поворотилъ полки *къ Рутцу* (отъ теперешняго села Средней Слободы къ селу Пенючукамъ), потому что хотѣлъ зайти за Рутъ и тутъ ожидать Володимірка. Увидѣвъ-же, что нельзя ему за Рутъ перейти, потому что противники наѣзжаютъ на задъ полковъ его и возы его отнимаютъ, „оборотяче полкы своими", сталъ противъ Изяслава, былъ разбитъ и бѣжалъ

---

[1]) Ср. имя села *Гребени* (Гребенки уменьшит. отъ Гребени) кіевск. уѣзда, которое разбросано по *гребням* возвышеннаго берега Днѣпра, отъ чего, по замѣчанію Похилевича, и получило свое названіе.

черезъ Рутъ, въ которомъ погибло много дружины, потому что онъ былъ грязокъ. Очевидно, что Юрій потерпѣлъ пораженіе въ пространствѣ между теперешними Средней Слободою и Пеньчуками [1]). Такимъ образомъ, благодаря высоко-талантливому разсказу лѣтописца, всѣ перипетіи этой достопамятной рати воскресаютъ предъ нами съ поразительно отчетливыми подробностями обстоятельствъ времени и мѣста *(Рутъ, Рутецъ, верхъ Рутца, озеро, верхъ озера, грязина, шоломя)* [2]).

3) Подъ 1159 г. въ лѣтописи (Ипат. 342) встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что Изяславъ Давыдовичъ изъ Кіева шелъ въ Галичь на *Васильевъ*, дошелъ до *Мунарева*, потомъ воротился и былъ опять у Васильева. Очевидно, что рѣчь здѣсь идетъ о томъ-же пути, по которому шелъ Владимірко изъ Галича въ Кіевъ въ 1150 г. и по которому началъ идти и въ 1151 г. на помощь Юрію.

Очевидно, что Изяславъ шелъ отъ Васильева къ Мунареву и обратно не иначе, какъ черезъ Перепетовское поле.

4) Подъ тѣмъ-же годомъ встрѣчаемъ извѣстіе (Ипат. 344) о томъ, что половцы бѣжали отъ *Бѣлгорода* на *Гюргевъ* „и много ихъ изоймаша Берендичи и Гюргевци, а оно ихъ во *Роси* истопе“. Хотя положеніе *Гюргева* и доселѣ остается не выясненнымъ, но, тѣмъ не менѣе, изъ лѣтописныхъ упоминаній о немъ, кажется, несомнѣнно, что онъ находился гдѣ-то недалеко отъ Рута и Роси. Очевидно, слѣдовательно, что половцы бѣжали отъ Бѣлгорода къ Роси не иначе, какъ черезъ Перепетовское поле.

---

[1]) Приведемъ данныя для точнаго, по возможности, представленія пространственныхъ отношеній между мѣстностями, упоминаемыми въ лѣтописномъ разсказѣ о рати Изяслава съ Юріемъ. Отъ села Плисецкаго (Черневъ), по прямому направленію, до дер. Марьяновки—17 верстъ; отъ дер. Марьяновки до села Узина—29; отъ г. Василькова до дер. Марьяновки—16 верстъ; отъ села Узина до рутскаго озера—19 верстъ; отъ этого озера до села Средней Слободы—8 верстъ; отъ Средней Слободы до Пеньчуковъ—7 верстъ.

[2]) Встрѣчалъ я, какъ мнѣ помнится, гдѣ-то когда-то біографическое указаніе на какую-то, чуть-ли не журнальную, статью подъ заглавіемъ: «Битва на р. Рутѣ»; но теперь, за неимѣніемъ подъ рукою всѣхъ библіографическихъ указателей по русской исторіи (Ламбиныхъ съ 1855—63 г. и Межова за 1865—76 г. включит.) лишенъ возможности навести надлежащую справку.

5) Подъ 1162 г. въ лѣтописи (Ипат. 356) упоминается о р. *Ротѣ* по поводу половецкаго набѣга. „Придоша половци къ Гюргеву и взяша вежи многи по *Роту* и пр. Черный-же Клобукъ ѣхаша по нихъ и постигоша я на *Рси* (вар.: Рши)“ и пр. Это извѣстіе съ совершенною ясностью указываетъ намъ на то, что по Ротку, слѣдовательно и вообще на такъ называемой бѣлоцерковской равнинѣ, славящейся и теперь своими пастбищами, во 2-й половинѣ XII-го в. кочевали черные клобуки съ ихъ вежами [1]).

6) Подъ 1172 г. въ лѣтописи (Ипат. 376) мы встрѣчаемъ упоминаніе о городѣ *Михайловѣ*, въ которомъ княжилъ Василько Ярополчичъ по поводу нападенія этого князя на половцевъ. Половцы *за Васильевомъ* со своими вежами у сѣдельниковъ (черныхъ клобуковъ) поджидали своихъ соплеменниковъ, которые, въ качествѣ союзнаго войска, пошли изъ Кіева къ Галичу и должны были воротиться отъ *Борохова* (вар. *Болохова*). Очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ объ извѣстномъ уже намъ пути изъ Галича въ Кіевъ, слѣд. несомнѣнно, что эта мѣстность за Васильевомъ не что иное, какъ Перепетовское поле [2]). На этихъ то половцевъ, остановившихся за Васильевомъ, напалъ Василько Ярополчичъ изъ своего города *Михайлова*. Онъ выѣхалъ изъ города ночью, проплуталъ всю ночь, при восходѣ солнца ударилъ на половцевъ, былъ разбитъ и едва убѣжалъ до города. Очевидно изъ этого разсказа, что городъ Михайловъ былъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Перепетовскимъ по-

---

[1]) Очень можетъ быть, что и въ именахъ рѣчки *Чернявки* (Рутець) и хутора *Черныхивки*, значащагося на военно-топографической картѣ къ востоку отъ рутскаго озера, верстахъ въ $4^1/_2$ отъ него, если только это не какія-либо позднѣйшія и не случайныя имена, сохранилось воспоминаніе объ этихъ кочевникахъ, отличавшихся чернымъ цвѣтомъ своихъ клобуковъ (шапокъ, колпаковъ).

[2]) Г. Н. Дашкевичъ (Болоховская земля, прим. 23) готовъ отличать *Болохово*, о которомъ упоминается подъ 1150 г., отъ *Борохова* (вар.: Болохова), о которомъ упоминается подъ 1172 годомъ. Второе Борохово (Болохово) онъ пріурочиваетъ къ *Борушковцамъ* новоградволынскаго у. на лѣвой сторонѣ р. Деревички, впадающей съ лѣвой стороны въ Случь. Но, въ такомъ случаѣ, чего ради половцамъ пришлось ожидать своихъ соплеменниковъ, которые возвращались отъ Болохова, *за Васильевомъ* (по отношенію къ Кіеву)? Къ *Борушковцамъ* изъ Кіева слѣдовало-бы ѣхать не васильевскимъ, а бѣлогородскимъ путемъ. Очевидно, слѣд., что Болохово 1150 и Борохово (Болохово) 1172 года тождественны.

лемъ. Карамзинъ (III, стр. 8) поясняетъ: „Михайловъ—близь Кіева". По моимъ соображеніямъ, какъ это было уже упомянуто въ предварительномъ описаніи, этотъ городъ пріурочивается къ теперешнему селу Михайловкѣ, васильковскаго уѣзда, при впаденіи р. Холопа въ Субодъ. Отъ этой Михайловки до верховья Ротка 22 версты, до средняго теченія еще меньше [1]).

7) Подъ тѣмъ-же 1172 г. въ ипат. лѣтописи мы встрѣчаемъ еще разъ упоминаніе о городѣ *Михайловѣ*. Глѣбъ Юрьевичъ отомстилъ Васильку за его нападеніе на его союзниковъ, „городъ его пожгоша, греблю роскопаша". Глѣбъ ходилъ къ Михайлову изъ Кіева, слѣдовательно не иначе, какъ черезъ Перепетовское поле [2]).

8) По ипат. лѣтописи (379) подъ 1172, а по лавр. (339) подъ 1169 г. мы встрѣчаемъ упоминаніе о *Перепетовскомъ полѣ* и о какой-то загадочной *лукѣ моря* по поводу половецкаго набѣга. Глѣбъ Юрьевичъ шелъ изъ Кіева въ Корсунь на степъ къ половцамъ и

---

[1]) Кстати замѣтить, что къ югу отъ теченія безъименнаго ручья, текущаго отъ села Пологъ въ Ротокъ, на военно-топографической картѣ обозначено урочище подъ названіемъ: «*Васильковъ гонъ*» (у Похилевича не упомянуто), поразительнымъ образомъ напоминающимъ имя *Василька* Ярополчича. Къ Михайлову, какъ городу Василька Ярополчича, легко пріурочивается и извѣстіе подъ 1165 г. (Ипат. 359) объ избіеніи этимъ княземъ половцевъ *на Роси*.

[2]) Погодинъ (Изслѣдованія и пр., IV), перечисляя почти всѣ Михайловки кіев. губ., какъ разъ просмотрѣлъ Михайловку, наиболѣе подходящую къ лѣтописному Михайлову. Онъ указываетъ: 1) на село Михайловку черкасскаго уѣзда, ниже Канева, на правой сторонѣ Роси; 2) на село Михайловку каневскаго у., на Роси, между Богуславомъ и Таращею; 3) на село Михайловку сквир. уѣзда, при которой надъ Росью есть замковище. Но отъ первой Михайловки до рутскаго озера 93 версты, слѣд., далеко, въ теченіи ночи не доѣдешь. Второе село, указываемое Погодинымъ, называется не *Михайловкой*, а *Мисайловкой*, и отъ него до рутскага озера 57 верстъ. Третья Михайловка, указываемая Погодинымъ, не село, а деревня, въ которой дѣйствительно примѣтно древнее квадратное замковище, но дѣло-то въ томъ, что деревня эта названа по имени помѣщика Михаила Глембоцкаго, основавшаго ее въ 1750 году. Итакъ первое населенное мѣсто не подходитъ къ лѣтописному городу Михайлову по своему топографическому положенію, второе— и по названію, и по топографическому положенію, третье получило имя Михайловки въ позднѣйшее время. Чтобы покончить съ Михайловками, замѣчу, что въ кіев. губ. существуетъ еще одна Михайловка (часть села Рубежовки) въ кіев. у., на лѣвой сторонѣ ручья Мыслины, впад. съ лѣвой стороны въ р. Бучу, лѣвый притокъ Ирпени. Но отъ этой Михайловки до ближайшаго пункта теченія Роси 75 верстъ, до Василькова 39 верстъ.

былъ *на Перепетовскомъ полѣ*. Вѣроятно, онъ шелъ по той-же дорогѣ, по которой ходилъ Изяславъ противъ Владимірка въ 1150 г. и противъ Юрія въ 1151 году. Узнавши здѣсь, что корсунскіе половцы, не дождавшись его, пошли *за Кіевъ* воевать, Глѣбъ послалъ своего брата Михалка преслѣдовать ихъ. Идучи вслѣдъ за половцами, Михалко встрѣтилъ передовую партію половцевъ, возвращавшихся уже съ набѣга; произошла бытва, и половцы были побѣждены. Затѣмъ Михалко отправился дальше и ожидалъ возвращенія главныхъ силъ половецкихъ; дождался, произошла вторая битва, въ которой былъ раненъ Михалко, и въ которой половцы потерпѣли опять пораженіе. Вслѣдъ за упоминаніемъ о томъ, что Михалка ударили половцы двумя копьями въ стегно, а третьимъ въ руку, изложеніе ипат. лѣтописи (по печатной ея редакціи) нѣсколько отличается отъ изложенія лаврентьевской. Въ ипат. читаемъ: „но Богъ молитвою отца его избави его отъ смерти. Якоже прежде *въ луцѣ моря*, бьяхуся съ ними (половцами) крѣпко“ и пр. А въ лѣтописи лавр. читаемъ: „но Богъ отца его молитвою избави его отъ смерти, якоже (и прежде) *въ луцѣ моря*. И якоже бьяхуться крѣпко“ и пр. И такъ по ипат. списку, битва съ половцами, о которой разсказывается, сравнивается, по отношенію къ ея жестокости, съ битвою съ ними у луки моря, а по лавр. избавленіе Михалка отъ смерти въ битвѣ, о которой разсказывается, сравнивается съ избавленіемъ его отъ смерти въ битвѣ у луки моря. Такимъ образомъ тутъ упоминаются двѣ битвы. Половцы, по всей вѣроятности, дѣлали набѣгъ вверхъ по Ротку и внизъ по течению Ирпени. Михалко отправился за ними въ погоню съ Перепетовскаго поля, но съ какого именно пункта поля, не сказано; по всей вѣроятности приблизительно отъ верховья Ольшаницы. Историки понимаютъ, въ этомъ лѣтописномъ разсказѣ, подъ *моремъ* настоящее море, море въ теперешнемъ значеніи этого слова, и подъ *луко-морьемъ* подразумѣваютъ здѣсь какой нибудь заливъ Азовскаго или Чернаго моря [1]). Карамзинъ (III, прим. 2), слѣдуя чтенію лавр.

---

[1]) *Лука*—заливъ. Прол. XV в. мая 19: Иляше въ слѣдъ его до лоукъ морьскихъ (Словарь Востокова), лавр. 478: Загна по Дону и въ луку моря.—Авт.

Позволяемъ себѣ замѣтить, что въ живомъ употребленіи слово *лука* не примѣняется къ водѣ, но только къ сушѣ и означаетъ низменное, прибрежное мѣсто,

списка, выражаетъ мысль, что здѣсь заключается косвенное (въ видѣ сравненія) упоминаніе о походѣ князей на половцевъ въ 1170 г. (Ипат. 368), въ которомъ дѣйствительно участвовалъ тотъ-же Михалко Юрьевичъ. Но дѣло то въ томъ, что въ 1170 году князья не доходили ни до береговъ Азовскаго, ни до береговъ Чернаго моря. Въ моемъ изслѣдованіи текста Пѣсни Игорю Святославичу я выяснилъ, что *вода,* къ которой были притиснуты русичи по лавр. лѣтописи (стр. 378), и *езеро,* вокругъ котораго они бились, или *море,* въ которомъ они были потоплены, по лѣтописи ипатской (стр. 433 и 434),—одно и тоже. Г. Потебня, въ запискахъ по русской грамматикѣ (II, 245), замѣчаетъ, что *море* въ ипатскомъ разсказѣ о походѣ Игоря значитъ озеро. Море въ смыслѣ озера и воды вообще встрѣчается не рѣдко и теперь въ народномъ пѣсенномъ языкѣ, напр.:

„Тільки найшла *у полі* синенькее *море*".

(Чубинскій, V, 552).

Итакъ, въ старинномъ языкѣ слово *море* имѣло болѣе обширное значеніе, чѣмъ теперь: оно прилагалось и къ морю, и къ озеру. Понятное дѣло, что если озеро называлось моремъ, то заливъ озера могъ называться *лукою* моря, а изъ этого слѣдуетъ, что подъ *лукою моря* въ занимающемъ насъ лѣтописномъ разсказѣ о битвахъ Михалка съ половцами вовсе нѣтъ никакой надобности подразумѣвать какой нибудь заливъ Азовскаго или Чернаго моря. Это море съ его заливомъ слѣдуетъ искать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили эти битвы. Первая битва происходила, вѣроятно, у того-же самаго излучистаго рутскаго озера, о которомъ упоминается въ разсказѣ о рати Изяслава съ Юріемъ въ 1151 году. Итакъ смыслъ приведеннаго лѣтописнаго разсказа такой: но Богъ отца его молитвою избави его (и на этотъ разъ, и въ этой второй битвѣ) отъ смерти, коже и преже въ луцѣ моря (какъ и въ прежней, первой битвѣ, происходившей у залива озера). Очевидно, что редакція лаврентіев-

---

покрытое травою и удобное для пастьбы. Въ такомъ смыслѣ это слово встрѣчаемъ и въ польскомъ языкѣ: лука, *łąka*—отъ *лучить·ся*, *łączyć się*, направлять-ся, соединяться, прилегать.—Ред.

скаго списка исправнѣе редакціи ипатскаго списка. Итакъ, первая битва Михалка съ половцами была у рутскаго озера, а вторая гдѣ-нибудь выше по Ротку.

Вотъ и всѣ лѣтописныя упоминанія о событіяхъ, совершавшихся на Перепетовскомъ полѣ въ домонгольскій періодъ [1]).

Теперь подведемъ итоги тѣмъ топографическимъ даннымъ и основаннымъ на нихъ соображеніямъ и выводамъ, которые служатъ къ разрѣшенію топографическихъ проблеммъ, обозначенныхъ нами въ началѣ статьи.

1) Лѣтописная *Бъзяница* (=Възяница)—теперешняя р. *Узка* (Узянка) или теперешняя р. *Узинъ*, доказательствами чему служатъ: а) полное фонетическое соотвѣтствіе стариннаго имени Възяница и теперешнихъ: Узянъ, Узинъ, Узень, Узка, Гузино; б) полное соотвѣтствіе топографическаго положенія этихъ рѣчекъ всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о рати Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1151 году.

2) *Море,* о которомъ упоминается въ лѣтописномъ разсказѣ о рати Михалка Юрьевича съ половцами въ 1172 году, тождественно съ *озеромъ,* о которомъ упоминается въ лѣтописномъ разсказѣ о

---

[1]) Упоминанія, касающіяся мѣстности древняго Перепетовскаго поля, встрѣчаются въ письменныхъ памятникахъ и послѣ монгольскаго періода:

1) По свидѣтельству Стрыйковскаго, которое, впрочемъ, Карамзинъ считаетъ сомнительнымъ, въ 1311 году Юрій, князь слуцкій, съ Андреемъ Немировичемъ на урочищѣ *Ротку* поразили на голову татаръ, потерявшихъ здѣсь 8000 убитыми.

2) Курганъ *Перепетовъ* и *Перепетовка* и *Ротокъ*—болото упоминаются въ подложной копіи, составленной въ 1592 году будто-бы съ подлиннаго списка грамоты Андрея Боголюбскаго кіево-печерскому монастырю, хранившагося въ патріаршемъ архивѣ въ Константинополѣ. Подложность упомянутой копіи доказана преосв. Макаріемъ (Исторія церкви, т. III, по 2 изд. 1868 г., стр. 41).

Наконецъ, 3) о *Перепетовомъ курганѣ*, *Роткѣ* и *Узянѣ* упоминается, какъ мы видѣли, въ привиллегіи, данной Сигизмундомъ III жителямъ Бѣлой Церкви въ 1597 году. По этой привиллегіи вся эта равнина «ажъ до валу, що за Перепетовымъ курганомъ» предоставлялась въ пользованіе жителямъ *Бѣлой Церкви*, вслѣдствіе чего, вѣроятно, равнина эта и доселѣ слыветъ подъ названіемъ «*Бѣлоцерковской степи*».

рати Юрія съ Изяславомъ въ 1151 году, доказательствами чему служатъ: а) полное соотвѣтствіе топографическаго положенія этого озера съ обстоятельствами лѣтописныхъ разсказовъ объ упомянутыхъ ратяхъ; б) употребленіе слова *море* въ значеніи *озера* въ другихъ мѣстахъ лѣтописи, напримѣръ, въ ипатскомъ разсказѣ о походѣ Игоря, и въ теперешнемъ народномъ пѣсенномъ языкѣ; в) то обстоятельство, что пониманіе подъ *лукою моря* какого нибудь залива Азовскаго или Чернаго моря въ упомянутомъ разсказѣ о рати Михалка Юрьевича съ половцами въ 1172 году ни на чемъ не можетъ быть основано.

3) Лѣтописному городу *Михайлову* соотвѣтствуетъ теперешнее село *Михайловка* вас. у. на р. Холопѣ, при впаденіи ея въ Субодъ, доказательствами чему служатъ: а) полное соотвѣтствіе лѣтописнаго имени этого города съ именемъ упомянутаго села; б) полное соотвѣтствіе топографическаго положенія теперешней Михайловки обстоятельствамъ лѣтописнаго извѣстія о нападеніи Василька Ярополчича на половцевъ въ 1168 году; в) несоотвѣтствіе всѣхъ другихъ населенныхъ мѣстъ кіев. губ. съ подобнымъ именемъ обстоятельствамъ упомянутаго разсказа; г) существованіе между Михайловкой и Роткомъ урочища *Васильковъ гонъ*, напоминающаго своимъ именемъ имя Василька Ярополчича [1]).

4) Лѣтописные *Рутъ* (по польски Рутекъ) и *Ротъ* (теперь Ротокъ, Протока) тождественны, доказательствами чему служатъ: а) полное соотвѣтствіе этихъ именъ въ фонетическомъ отношеніи (ср. въ лѣтописи: *Рось* и *Русь, Торки* и *Турки* и т. д.) [2]); б) полное соотвѣтствіе, по отношенію къ обстоятельствамъ мѣста, лѣто-

---

[1]) Противъ пріуроченія Михайлова къ Михайловкѣ васильк. у. можетъ быть приведено то обстоятельство, что въ этой Михайловкѣ нѣтъ остатковъ и слѣдовъ земляныхъ укрѣпленій (городища); но если ихъ дѣйствительно нѣтъ въ самой Михайловкѣ, въ такомъ случаѣ лѣтописный городъ Михайловъ долженъ быть пріуроченъ къ ближайшимъ къ этой Михайловкѣ, сосѣднимъ съ нею мѣстностямъ съ остатками такихъ укрѣпленій, какъ, напримѣръ, какъ объ этомъ было упомянуто, къ селу Мазепинцамъ на лѣвой сторонѣ Каменки.

[2]) *Ръть*: 1) ротъ. Апост. XIV в. Тим. V, 18: не завяжеши ръта волу врьхушю (вола молотящаѐ не обротиши), 2) вершина, маковка. Амарт. XVI в.: сущи искрь на ртѣ града, 3) Prol: ръть кораблю (Словарь Востокова).

писнаго извѣстія, въ которомъ упоминается *Ротъ,* съ лѣтописнымъ извѣстіемъ, въ которомъ упоминается *Рутъ.*

5) Лѣтописному *Рутцу* соотвѣтствуетъ теперешняя рѣчка *Чернявка,* текущая отъ села Средней Слободы и впадающая въ Ротокъ, доказательствомъ чему служитъ полное соотвѣтствіе топографическаго положенія ея всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о рати Юрія съ Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1151 году.

6) Лѣтописной рѣчкѣ *Ольшаницѣ* соотвѣтствуетъ теперешняя рѣчка *Тростинка,* или *Раковка,* доказательствами чему служатъ: а) то, что на ней, по обѣимъ ея сторонамъ, расположены два села́ *Ольшанки*; б) то, что первый ея притокъ и теперь называется *Ольшанкой*; в) полное соотвѣтствіе старинной уменьшительной формы: *Ольшан-ица* съ теперешней: *Ольшан-ка* (ср. Камен-ица и Камен-ка); г) полное соотвѣтствіе топографическаго положенія р. Тростинки всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о рати Владимірка галицкаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1150 году; д) несоотвѣтствіе м. *Ольшаницы,* существующаго на р. Гороховаткѣ, тому пути, по которому шелъ Владимірко изъ Галича въ Кіевъ.

7) *Перепетово,* или *Перепетовское поле*—это такъ называемая теперь бѣлоцерковская степь, или равнина, простирающаяся отъ м. Бѣлой Церкви къ Стугнѣ и отъ м. Фастова къ селу Мировкѣ, доказательствомъ чему служитъ полное соотвѣтствіе топографическаго положенія этой равнины всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о походѣ Владимірка къ Кіеву въ 1150 году, о преслѣдованіи Изяславомъ Юрія въ 1151 году, наконецъ, о преслѣдованіи Михалкомъ Юрьевичемъ половцевъ въ 1172 году.

На древнемъ Перепетовскомъ полѣ, какъ это можно видѣть изъ представленнаго нами обзора событій на этомъ полѣ совершавшихся, не мало было въ разное время пролито крови, и русской, и не русской. У рутскаго озера, или *моря,* которое можно считать центральнымъ пунктомъ всей этой равнины, происходили кровопролитныя битвы Юрія съ Изяславомъ въ 1151 году и такія же битвы Михалка Юрьевича съ половцами въ 1172 году. Кромѣ того, на самомъ полѣ или у окраинъ его происходила битва Владимірка съ Изяславомъ въ 1150 году, битва Василька Ярополчича съ половцами въ 1172 году, пораженіе половцевъ берендичами и

юрьевцами въ 1159 году, пораженіе половцевъ черными клобуками въ 1162 году и проч.

Очевидно, слѣдовательно, что Перепетовское поле принадлежитъ къ числу тѣхъ полей, типическій образъ которыхъ воспроизводится иногда въ народныхъ пѣсняхъ, въ родѣ:

Ой чого ты почорніло, зеленее поле?
Якъ-же мені не чорніти,
Що я кровью обкипіло...

Въ заключеніе моей статьи скажу нѣсколько словъ о народномъ поэтическомъ преданіи, пріуроченномъ къ Перепетовскимъ курганамъ, давшимъ въ древности имя цѣлой равнинѣ, въ сѣверозападномъ углу которой они находятся, подобно тому, какъ въ позднѣйшее время дало ей имя знатное мѣстечко Бѣлая Церковь, на южной ея окраинѣ возникшее. Сущность этого преданія состоитъ въ томъ, что подъ упомянутыми курганами похоронены князь Перепетъ и жена его Перепетиха, убившая нечаянно своего мужа, а потомъ, отъ горя, и самую себя. Въ видахъ разъясненія смысла этого преданія слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, обратить вниманіе на топографическое положеніе этихъ кургановъ. Курганъ *Перепетиха* находится, какъ было сказано, очень близко (меньше версты) отъ истоковъ Ротка, а *Перепетъ*, на разстояніи 4¹/₃ верстъ къ сѣверозападу отъ Перепетихи, недалеко отъ истока безъименной рѣчки, впадающей въ Унаву, притокъ Ирпени. Это положеніе древнихъ могильныхъ кургановъ, въ которыхъ были погребены какіе-то доисторическіе знатные люди [1]), у истоковъ рѣчекъ, текущихъ въ противоположныхъ направленіяхъ, а также, можетъ быть, и кровопролитныя битвы, въ мѣстности этихъ кургановъ происходившія, и могли подать поводъ народной фантазіи пріурочить къ этимъ курганамъ довольно распространенное и повторявшееся на разные лады миѳическо-поэтическое преданіе о происхожденіи рѣкъ отъ крови древнихъ богатырей. Таково, напр., содержаніе общеизвѣст-

---

[1]) Въ 1845 году Перепетиха была раскопана профессоромъ кіевскаго университета Иванишевымъ. Объ этой раскопкѣ см. «Древности, изданныя временною коммисіею для разбора древнихъ актовъ», Кіевъ, 1846 г.

ной былины о Дунаѣ-богатырѣ и Настасьѣ Королевичнѣ. Дунай нечаянно убилъ свою жену Настасью и потомъ, отъ горя, и самого себя:

„Гдѣ пала Дунаева головушка,
Протекла рѣка Дунай-рѣка,
А гдѣ пала Настасьина головушка,
Протекла Настасья рѣка...
Изъ-подъ этого съ подъ мѣстечка
Протекли двѣ рѣченьки быстрыихъ
И на двѣ струечки они расходилися [1]).

М. Андріевскій.

27 іюля 1882 года.

---

[1]) Аѳанасьевъ, «Поэтическія воззрѣнія» II, 223. *Дунай*, какъ извѣстно, первоначально,—нарицат. имя рѣчки. Что касается *Настасьи*, то это имя придается нерѣдко разнымъ сказочнымъ красавицамъ. См. «Малорусскія народныя преданія», Кіевъ, 1876 г.: Настіна могила, стр. 224, Настасья Прекрасная, стр. 299, Кстати замѣтить, что въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ мѣстностью, служившей предметомъ нашей статьи, есть рѣчка *Насташка* (впадаетъ въ Рось съ правой стороны верстахъ въ девяти ниже устья Узина) и на ней село *Насташка*. По преданію, и рѣчка, и село получили свое имя отъ первой сельской красавицы Насташки, утонувшей въ рѣчкѣ (см. у Похилевича).

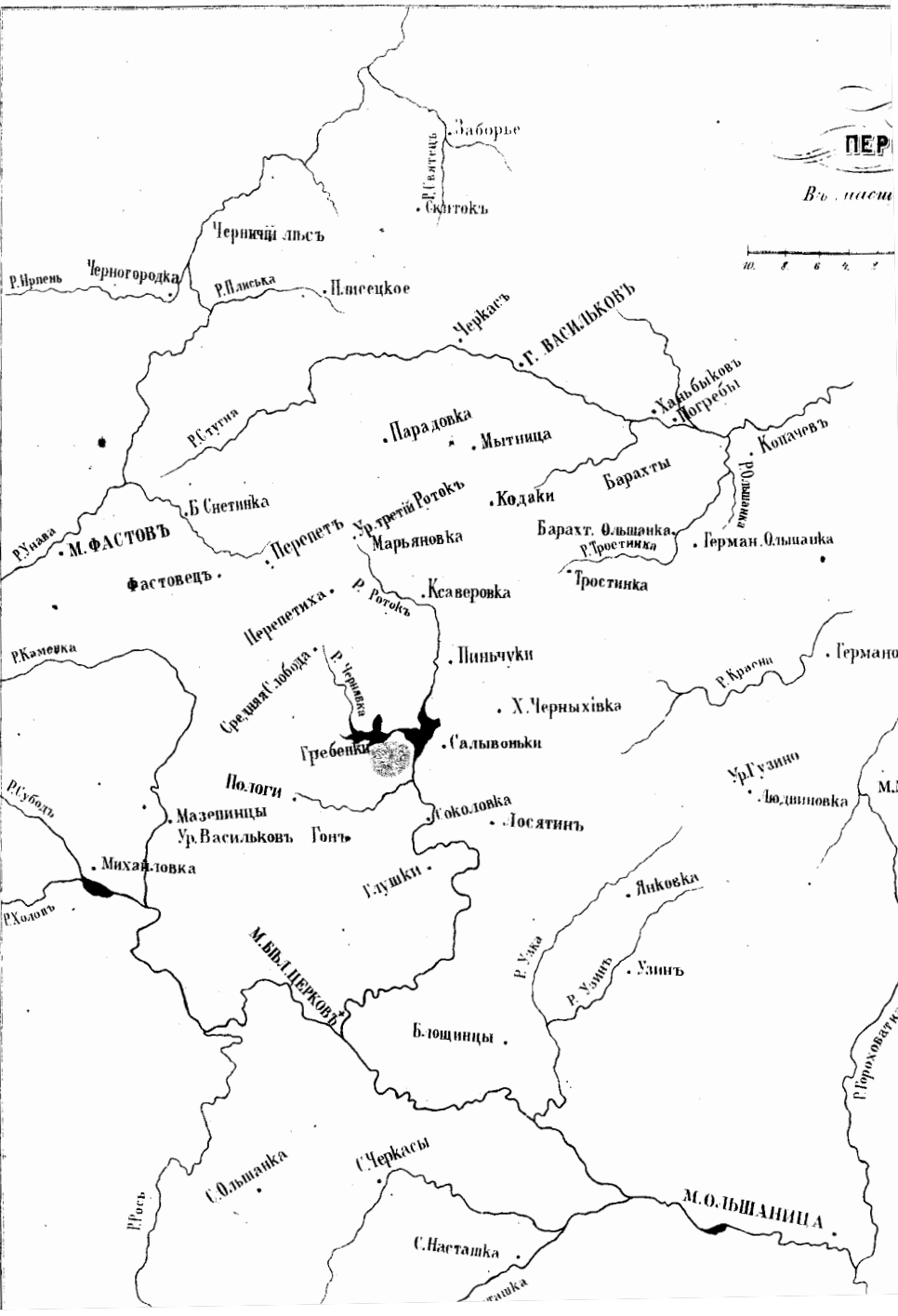
ПЕР
Въ масш
10. 8. 6. 4. 2.
Заборье
Р. Святець
Святокъ
Черничий лѣсъ
Р. Ирпень
Черногородка
Р. Плиська
Плисецкое
Черкасъ
Г. ВАСИЛЬКОВЪ
Р. Стугна
Парадовка
Мытница
Хабыковъ
Погребы
Копачевъ
Р. Ольшанка
Барахты
Б. Снетинка
Ур. третій Ротокъ
Кодаки
Р. Унава
М. ФАСТОВЪ
Перепетъ
Марьяновка
Барахт. Ольшанка
Р. Тростинка
Герман. Ольшанка
Фастовецъ
Тростинка
Р. Ротокъ
Ксаверовка
Перепетиха
Р. Камянка
Пиньчуки
Германо
Р. Красна
Средняя Слобода
Р. Черемка
Х. Черныхівка
Гребенки
Салывонъки
Ур. Гузино
Р. Субботъ
Пологи
Людвиновка
Мазепинцы
Ур. Васильковъ
Гонтъ
Соколовка
Іосятинъ
Михайловка
Р. Холонь
Глушки
Яковка
М. БЕЛЫЙ ЦЕРКОВЪ
Р. Узка
Р. Узинъ
Узинъ
Блощинцы
Р. Гороховатка
С. Ольшанка
С. Черкасы
Р. Рось
М. ОЛЬШАНИЦА
С. Насташка

Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія

по воспоминаніямъ дѣтства.

Родился я въ 1831 году, въ одной изъ юго-западныхъ губерній, въ деревнѣ, гдѣ отецъ мой двадцать шесть лѣтъ былъ священникомъ. Ровно половину моей доселѣшней жизни, т. е. до окончанія образованія, я связанъ былъ съ деревней. Съ семи и до 25 лѣтъ я учился въ школахъ, проживая три четверти года въ городѣ, но чувствовалъ, что всею душею я жилъ въ деревнѣ, у роднаго очага. Проходилъ я, какъ и мои товарищи, столько наукъ „божескихъ и человѣческихъ" (какъ тогда выражались—rerum divinarum humanarumque scientia), что нынѣшнее поколѣніе въ ужасъ пришло бы при взглядѣ на одинъ списокъ ихъ, и учился прилежно, но казалось только для того, чтобы развлечься, чтобы заморить въ себѣ тоску и томленіе по родной хатѣ, по роднымъ мѣстамъ и лицамъ. Сколько заботъ прилагали о нашемъ воспитаніи наши школьные начальники и наставники! Какая огромная куча правилъ, наставленій, требованій, совѣтовъ, приказаній сопровождала каждый нашъ шагъ, каждое душевное движеніе! На все въ этой кучѣ было руководство: думай, чувствуй, дѣлай, какъ по писаному. Сколько было у насъ искренне преданныхъ дѣлу, самоотверженныхъ и добрыхъ воспитателей и пѣстуновъ! Вотъ хотя бы этотъ старикъ—инспекторъ бурсы, который, бывало, прикажетъ тебя пороть, топаетъ ногами, приговариваетъ: „вѣдь я порю тебя по любви къ тебѣ... мнѣ больно, а не тебѣ... хочу сдѣлать тебя человѣкомъ (гуманизмъ какой!)... вотъ попищи еще... еще... лучше будешь... довольно... больно? плачешь?"... а у самаго тоже слезы на глазахъ! Или этотъ смотритель бурсы, архимандритъ, благая и

кроткая душа, который, отправляя на сѣкуцію, предварительно перекреститъ тебя нѣсколько разъ, да такъ любовно приговариваетъ: „Богъ тебѣ да поможетъ понести наказаніе... Прими его, какъ отъ самаго Бога... Многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе небесное“...: а послѣ сѣкуціи такъ утѣшаетъ и ободряетъ не падать духомъ, но *возгрѣвать въ себѣ духа*“... Но—простите меня, добрые мои школьные пѣстуны (умалчиваю о жестокихъ, безчеловѣчныхъ), которыхъ я не мало имѣлъ въ трехъ бурсахъ, переходя изъ одной въ другую, до пятнадцатилѣтняго возраста; мнѣ противны были ваши любовныя заботы, а съ ними и всѣ ваши требованія и внушенія; душа моя всѣми порывами юнаго воображенія и чувства рвалась къ первымъ пѣстунамъ и учителямъ моего дѣтства, къ той завѣтной средѣ, которая вскормила и выростила меня. Отсиживаешь бывало въ городѣ свой срокъ точно въ тюрьмѣ, въ оковахъ, рвется душа въ деревню точно на волю, точно тамъ все найлучшее въ свѣтѣ. И такъ до самаго окончанія образованія, до полной возмужалости, когда служба насильно прикрѣпила меня къ городу! Добро бы еще тогдашняя украинская деревня въ самомъ дѣлѣ была привольемъ, а то—деревня тяжко-рабская, закрѣпощенная полякамъ и жидамъ, забитая, пьяная, голая и босая! Въ домѣ убожество: большею частію проживаешь одними мочеными сухарями; отецъ трудится до изнуренія и насъ гонитъ въ поле на работу... Кругомъ народъ все изможденный,—въ будень пасмурный, *понурый*,—въ праздникъ пьяный; хаты на курьихъ ножкахъ, вокругъ большею частію ни кола, ни двора; товарищи дѣтства—ребятишки голодные, какъ собачата; въ воздухѣ вѣчно пахнетъ панскимъ *нагаемъ*, жидовскимъ *патынкомъ* и распаренными розгами *становаго*,—такъ и звенитъ постоянно въ ушахъ: „psia wiara! psia krew!“, „ну, ты, музыкъ, швиня, Гав-рило“... Да, мрачная, гнетущая была сфера! А между тѣмъ гдѣ-то, въ незримыхъ для пана—жида—становаго слояхъ этой сферы крылось самое нѣжное, здоровое и животворное дыханіе жизни, которое бывало чувствуешь на себѣ на каждомъ шагу и которое разъ испытаешь—никогда не забудешь!

Бывало—одно приближеніе срока отъѣзда „домой“ измѣняло весь нашъ обыденный, скучный и сонный настрой. Съ каждымъ днемъ тогда мы точно просыпались отъ долгой спячки, выростали, становились богатырями, „отчаянными“. Само начальство начинало

обходиться съ нами осторожнѣе. „За мной пріѣхали“, оретъ счастливецъ, врываясь въ комнату, точно вихорь, и всѣ радостно улыбаются ему. Что за подавляющая тоска у тѣхъ, у кого не осталось въ деревнѣ ни родныхъ, ни присныхъ, осталось только одно необоримое влеченіе къ родной сферѣ! Но они знаютъ, что товарищи разберутъ ихъ по „своимъ домамъ“. Сироты убогіе, что въ первый разъ, въ 7—8 лѣтъ, за 200—300 верстъ приведены были пѣшкомъ въ бурсу своими матерями, оплаканные ими по дорогѣ съ ногъ до головы, залитые тѣмъ особеннымъ чувствомъ, которое дышало въ цѣломъ существѣ тогдашней убогой вдовицы, эти сироты—„бурсачки“ теперь весело мастерятъ сумочки изъ выпрошеннаго тряпья, готовятъ длинные дорожные посохи и восхищаются мыслію о длинной дорогѣ, босикомъ, безъ гроша за душою, съ ночлегами по полямъ и лугамъ, въ ненастье по крестьянскимъ хатамъ или куренямъ, за краюхой хлѣба, которую ткнетъ у иной хаты сердобольная старуха, приговаривая: „изъ бурсы? сирота? на, моя дитыночко, підпасись, онъ-якъ тобі живітъ стягнуло“... Изступленіе какое-то нападаетъ, когда выѣдешь изъ города и очутишься среди спѣлыхъ, золотистыхъ нивъ, увидишь вблизи первую деревню и церковь съ тремя зелеными куполами въ рядъ. Долой шапка, обувь, сертучишко; прыгъ! съ воза,—босыя ноги тонутъ въ теплой, пушистой пыли чернозема... Что за наслажденіе! На поляхъ вяло движутся загорѣлыя, потныя, запыленныя лица; на межѣ стоитъ *хлопецъ* съ *близнюками*, свободный отъ шапки, сапоговъ и проч., ухмыляется намъ, кричитъ: „поповичі...“; по дорогѣ остановилась баба съ *банькою*, приложила руку ко лбу козырькомъ, добродушно привѣтствуетъ насъ: „оце, неначе мішокъ розвъязали!... якъ галычь, посыпались“... Всѣмъ имъ весело кричишь: „добрыдень“, „помогайбі“, „щасти Боже“... Потянулась длинная дорога, знакомыя деревни, поля, лѣса, лужки, гребли, мосты... Какими живительными кажутся здѣсь палящіе лучи полуденнаго солнца, какими почтенными представляются эти нѣмые труженики на поляхъ, сердито поглядывающіе на торчащаго вблизи *панка* съ *нагаемъ!* Какъ уныло днемъ въ деревнѣ, въ ней все точно вымерло, все на панщинѣ! Съ какимъ благоговѣніемъ перекрестишься, когда среди полей, залитыхъ тихимъ, золотистымъ свѣтомъ заходящаго солнца, теплыя волны воздуха издали донесутъ благовѣстъ къ вечернѣ! А ночлегъ

у „кринички“ подъ вербою! Съ какимъ напряженіемъ вслушиваешься въ постепенное замираніе природы! Точно истома на всемъ легла: и воздухъ, и травы, и деревья — точно все пластомъ растянулось отъ усталости, какъ и тѣ *крѣпаки*, что вернулись съ полей домой и—кто какъ повалился—мертво спятъ. Какъ сладко и самъ уснешь, какъ бодро встанешь до восхода солнца, умоешься изъ кринички и тутъ-же помолишься, ставши лицемъ къ востоку! Вотъ деревни за деревнями, все знакомые виды, знакомые типы, люди забитые, глуповатые, но добрые, ласковые. Бѣда-ли въ дорогѣ приключилась, увязнемъ въ болотѣ, опрокинемся съ косогора,— прохожій подойдетъ, посмотритъ, скажетъ: „біда... нехай вамъ Богъ помогае“. Ось сломалась, *майстеръ* въ деревнѣ не водится, или на панщинѣ. „Дасте на кварту горілки (въ то время 10—12 грошей), *полагожу*“. Тяпъ-ляпъ и что-то дѣйствительно похожее на ось появилось, и доѣдешь на ней домой. Лошадь заболѣла: „кровь треба пустить“, говоритъ одинъ, „занозу зробить“—совѣтуетъ другой. „Перегонъ, опой, зъіла що небудь на паші“... Толкуютъ—толкуютъ и чѣмъ-то поправятъ лошадь. Самъ заболѣешь—„горілочки съ перцемъ або съ сілью выпий, полегчае“. Послушаешься—и *полегчае!*

Но вотъ и послѣдняя деревня, вотъ и лѣсъ, за которымъ откроются нивы родныя и за ними верхушки куполовъ родной церкви. И „погонычъ“, и мы сосредоточенно и парадно настраиваемся, пріодѣнемся, приведемъ все въ порядокъ на возу, тихо ѣдемъ лѣсомъ, заранѣе снявши шапки и вперивши очи впередъ. „Господи Іисусе Христе...“, набожно шепчетъ „погонычъ“ и крестится, раньше насъ увидѣвъ завѣтные купола сквозь прогалину въ чащѣ лѣса. У насъ и молитва замретъ на устахъ! Вотъ и „наше“ село, все знакомыя хаты, еще болѣе осѣвшія и покачнувшіяся, но тщательно выбѣленныя. Вотъ старая, высокая „фигура“ среди села, съ которой, мнѣ всегда казалось, страждущій Спаситель глядитъ на страждущій въ тяжкомъ рабствѣ народъ, какъ-бы и самъ сострадая ему и одушевляя его своимъ примѣромъ. Какъ у мѣста здѣсь это святое изображеніе!—Хаты заколочены, по селу тишина, всѣ на панщинѣ. Только льготный мужикъ, Павло Старенькій, плутаетъ ногами по дорогѣ изъ корчмы. „А, пріихали, панычи - поповичи! Бачите, якій я пьяный... Смійтесь на здоровье“... Вотъ всѣми въ селѣ признанная „золото-жінка“, Бондарчучка, спѣшитъ съ пан-

щины домой, покончивши раньше всѣхъ свою копу, каждый снопъ въ поясъ,—въ одной рукѣ *близнюки,* на другой ребенокъ, за плечами свитка, серпъ, банька, колыска и еще что-то, но она весело здоровается съ нами, крѣпко и шибко ступаетъ по дорогѣ, взбивая пыль подъ ногами. Спѣшитъ домой, чтобы все убрать, помыть, починить, добыть *кизяка* на топку, принесть воды, приготовить мужу на вечеръ галушки, розыскать по деревнѣ свое *янятко* и *поросятко.* Вотъ и наша усадьба, вотъ отецъ на крылечкѣ стоитъ, смотритъ намъ на встрѣчу, идетъ къ воротамъ, босой, неодѣтый, изможденный,—бѣжитъ къ воротамъ сестрёнка наша, одиноко живущая про отцѣ-вдовцѣ, за плетнемъ торчитъ Иванько, старый солдатъ, сторожъ церковный, и видимо готовится брякнуть намъ: „здравія желаю... чово зволте“... Озираемся вокругъ,—тотъ-же убогій домикъ, тѣ-же комора, клуня, загороди, хлѣвы, садочекъ вишневый, тѣ-же собаки.. И все тутъ на мѣстѣ, ничто не перемѣнилось, и все такъ привѣтливо глядитъ на насъ, и такая въ душѣ благодать, такая въ сердцѣ теплота и радость!...

И пошла затѣмъ жизнь, ни съ чѣмъ несравнимая. Чувствуешь, что выростаешь и крѣпнешь, что живешь полной жизнію, какъ этотъ буйный колосъ на крѣпкоколѣнномъ стеблѣ, какъ этотъ молодой дубнякъ съ его металлическими листьями, какъ эта стройная и сочная трава въ дубовомъ лѣсу. Шире и шире раздвигаются горизонты мысли, повсюду точно кто-то незримо за тобою бродитъ и нашептываетъ смѣлые замыслы, проэкты, внушаетъ завѣтныя стремленія, священные обѣты и любовь—любовь безъ конца ко всему страждущему и обремененному, ко всякому нищему духомъ, къ своему темному и теплому народу, къ голой, и босой, и подъчасъ пьяной матери—Украинѣ...

Читатель, я вѣдь говорю о времени моего дѣтства, давно прошедшаго: не судите меня по-настоящему. Говорю о деревнѣ того страннаго теперь и сказочнаго времени, когда городъ отдѣленъ былъ отъ деревни цѣлою бездною, когда въ городѣ жили все вольные люди, а въ деревнѣ—все крѣпаки, когда въ городѣ царила власть русская, а деревня стонала подъ игомъ польско-жидовскимъ, точно среди одного государства другое расположено было форпостами, бивуакомъ, и внѣ городовъ по деревнямъ власть русская появлялась только наѣздомъ, чѣмъ дѣйствительно признавали въ то

время поляки русскую власть въ украинской деревнѣ, да нельзя было съ этимъ и не согласиться. Говорю о деревнѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, о деревнѣ крѣпостной, когда, послѣ неудавшейся польской революціи 1831 года, польская сила, изгнанная изъ городовъ, изъ правительственныхъ сферъ, вся укрылась въ деревняхъ и, раздраженная неудачею возстанія, вся обрушилась на русскихъ своихъ „подданныхъ", вымещая на нихъ свою неудачу, мстя имъ за ихъ „измѣну" польской справѣ и вмѣстѣ торопясь руками крестьянъ поправить разстроенное революціей свое состояніе. Это былъ недолгій, но глубоко трагическій періодъ въ быту украинской деревни, когда повсюду слышенъ былъ одинъ тяжелый стонъ, когда деревенскіе старики со вздохомъ говаривали: „подъ Польшей было народу легче", когда одни массами бѣжали въ Бессарабію, въ Черноморье, въ Турцію, другіе ждали появленія Хмельницкаго, который вывелъ-бы ихъ изъ рабства полякамъ и жидамъ, или-же Гонты и Желѣзняка, чтобы по крайней мѣрѣ поглумиться надъ своими притѣснителями, къ которымъ наконецъ народъ сталъ причислять всѣхъ и все, кромѣ себя самаго. Тогдашній городъ тупо глядѣлъ на эту картину, судилъ и казнилъ „бунтовщиковъ противъ своихъ господъ"; становые и капитанъ-исправники точно для того только и существовали, чтобы именемъ русскаго государства удерживать русскихъ крестьянъ въ полномъ повиновеніи польскимъ помѣщикамъ. Крѣпацкая деревня стонала, но упорно противустояла своимъ панамъ и ихъ охранителямъ, нѣмо и глухо, но неизмѣнно протестуя противъ чуждаго господства въ краѣ, пропивала съ горя послѣднюю овцу, курицу, но не теряла вѣры въ будущее и—довела свое дѣло до конца: отстояла свою духовную независимость, сохранила въ краѣ русскую народность. Едва уничтожено въ краѣ рабство, какъ народъ далъ почувствовать себя своимъ притѣснителямъ въ ихъ возстаніе, и, глядя на эту для многихъ какъ-бы изъ земли выросшую силу, мы съ увѣренностію могли противупоставить ее притязаніямъ поляковъ и вмѣшательству Европы [1]).

---

[1]) Недавно въ одной корреспонденціи изъ Кіева (Нов. Вр., 31 мая 1882 г.) мы прочли сѣтованія на недостаточную оцѣнку заслугъ чиновниковъ въ юго-западномъ краѣ, прибывшихъ послѣ 1863 года. Корреспондентъ утверждаетъ, что «во время возстанія 1863 года обнаружилось съ полной очевидностью, что край этотъ былъ *русскимъ только по названію*» (!!), что наѣхавшіе затѣмъ чинов-

Что это за сила, которая, не смотря на свою темноту, вѣковое рабство, на долгія искушенія, принужденія и кары, спасла дорогое для государства достояніе, что это за чудесная должна быть сила!

Нѣтъ, читатель, не попрекайте насъ въ наивности. Недаромъ мы съ такою любовію вспоминаемъ деревню, насъ вспеленавшую и вскормившую, вложившую въ насъ первые завѣты жизни. Мы любимъ ее за ея страданія, терпѣніе и вздохи во имя любви къ роднымъ началамъ жизни, за крѣпкую вѣру въ спасительность этихъ началъ, за всѣ тѣ добрыя свойства, которыя выростали на почвѣ страданій въ соединеніи съ такою любовію и вѣрою. И чѣмъ ближе приникаемъ мы ко временамъ нашего дѣтства, тѣмъ глубже и отчетливѣе сознаемъ въ себѣ біеніе народнаго пульса и необоримую силу гражданскую, тѣмъ полнѣе и живѣе становятся наши общественные и гражданскіе идеалы и наша вѣра въ Русь могущественную.

Подъ вліяніемъ новыхъ условій украинская деревня мѣняетъ теперь свой прежній видъ, въ ней происходятъ явленія, способныя, повидимому, охладить наши симпатіи къ ней, подорвать нашу вѣру въ нее. Городская жизнь вторгается въ нее, проникаетъ въ бывшія крѣпацкія хаты. Мужики, бабы, дѣвки, парни въ городѣ покупаютъ для себя уборы, часто тратя на нихъ послѣдній грошъ,—пьютъ чай, сантуринское, курятъ папиросы, учатся танцовать польку и кадриль... Семинаристы съ тросточками дѣлаютъ променады по деревнѣ, говорятъ дѣвкамъ: „мое почтеніе". Дьячки читаютъ романы, поютъ чувствительные романсы, подъчасъ и куплетикъ изъ оперетки. Священники волнуются по поводу послѣдней книжки „*Вѣстника Европы*", или передовой статьи „*Голоса*". Въ деревнѣ появились даже свои чиновники—изъ тѣхъ-же „мужиковъ" и изъ „благород-

---

ники «первые нанесли тяжелый ударъ польской справѣ въ этомъ краѣ», что «въ немного лѣтъ они *совершенно перевоспитали крестьянъ въ ихъ отношеніяхъ къ русскому правительству*», что «въ этомъ велика ихъ заслуга предъ русскимъ народомъ и государствомъ»... Deus ex machina! И вся эта чепуха насказана единственно въ доказатетьство того, что щедрая раздача имѣній этимъ чиновникамъ недостаточно-де вознаградила ихъ за заслуги... Корреспондентъ однако признается, что «нѣкоторые изъ пріобрѣвшихъ въ краѣ имѣнія находятъ болѣе практичнымъ держаться пана и жида, считая мужика только стихійной силой»!..

ныхъ", настоящихъ чиновниковъ, предъ которыми иной разъ самъ становой (выражаясь языкомъ Расплюева) „мальчишка и щенокъ". И жидъ, и панъ уже не тѣ: жмутся зачастую и заискиваютъ у „пана Гаврила"... Новое-ли городское, чиновничье крѣпацтво пытается утвердиться въ деревнѣ вмѣсто прежняго, или деревня, долго отдѣляемая отъ города бездной, хочетъ хлебнуть во всю глотку городскихъ благъ, дохнуть во всю грудь городскимъ воздухомъ, или то и другое вмѣстѣ,—рѣшить трудно. Есть много признаковъ, указывающихъ на то, что теперь, въ первый разъ, со времени раздѣленія Руси на двѣ половины, южно-русская деревня приступаетъ къ дѣйствительному, живому участію въ общерусской жизни. Каша, кутерьма, столпотвореніе вавилонское! Холодъ вмѣсто сердечности, пьяное веселіе вмѣсто пьянаго горя, расточительность вмѣсто убожества, разнузданность вмѣсто безправія, штундизмъ вмѣсто тихой преданности уставамъ церкви!.. Вопіютъ заѣзжіе публицисты! Но мы не смущаемся. На первыхъ порахъ, послѣ долгаго отчужденія и рабства, эта картина въ деревняхъ неизбѣжна. Та сила, что вынесла на своихъ плечахъ чуждое вѣковое иго и спасла народность и вѣру, не обманетъ, не загинетъ, не уронитъ края, дайте только ей оглядѣться кругомъ себя, ознакомиться съ условіями новаго быта, завести повсюду школы, выростить новое поколѣніе...

Пока это станется, почтимъ благодарною памятью нашу крѣпостную деревню, помянемъ ея горести и печали, пьяныя радости и тихія мечты,—все то, чѣмъ она жила, крѣпилась, утѣшалась...

Мы желали-бы представить на страницахъ „Кіевской Старины" рядъ очерковъ изъ быта украинской деревни тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ по воспоминаніямъ о нашемъ дѣтствѣ. Мы имѣемъ въ виду свою родную деревню, умалчивая только о названіяхъ, но всѣ украинскія деревни того времени такъ похожи одна на другую. Вездѣ однѣ и тѣже элементы и факторы жизни: *священникъ*-руководитель, воспитатель народа, *дьякъ* — его просвѣтитель, функція самостоятельная; *панъ* въ различныхъ видахъ, съ неограниченнымъ произволомъ и религіозно-національными тенденціями, и наконецъ самъ *народъ*—жертва чуждаго вліянія и господства, стоящій въ непрерывной съ ними оппозиціи. Вспоминая наше дѣтство, мы представимъ бытъ тогдашней деревни въ слѣдующихъ очеркахъ.

1) мой отецъ, 2) дьякъ—мой первый учитель, 3) польско-католическій, господствовавшій элементъ и 4) крѣпостной людъ.

I.

Мой отецъ и его родословная.

Я сказалъ уже, что отецъ мой былъ священникомъ. Первымъ священникомъ въ нашемъ роду былъ дѣдъ мой, отецъ отца моего. Такимъ образомъ, хотя наша фамилія очень распространена была въ юго-западномъ краѣ и въ частности въ духовенствѣ, однако родъ нашъ былъ новичкомъ въ средѣ духовенства, издавна сидѣвшаго въ краѣ родами своими.

Несомнѣнно, что древнѣйшій обычай замѣщенія приходовъ на Руси былъ выборъ священниковъ самими прихожанами. Не видимъ въ древней Руси при архіерейскихъ домахъ правильно устроенныхъ школъ, а потому архіереи не имѣли возможности замѣщать приходы своими кандидатами. Вѣчевой порядокъ избавлялъ архіерея отъ обязанности заботиться о такихъ кандидатахъ. На югѣ Руси, въ литовскій періодъ ея, когда *громады* получили опредѣленный строй и право самосуда, учрежденіе отдѣльныхъ приходовъ и выборъ священниковъ являются уже *правомъ* громадъ. Въ польскій періодъ южной Руси это право встрѣтило сильнаго соперника въ *колляторствѣ* помѣщиковъ, основанномъ на правѣ землевладѣнія, по которому они одни могли обезпечить священниковъ земельными угодьями, дозволить на своей землѣ постройку церкви, дозволить рубить лѣсъ на постройку ея. Помѣщикъ-*ктиторъ*, построившій церковь на свой счетъ и обезпечившій содержаніе ея и причта, считалъ за собою безусловное право на выборъ священника. Но громады вступили въ борьбу какъ съ колляторствомъ польскимъ, такъ, со времени появленія толковъ объ уніи, и съ ктиторствомъ православнымъ, къ которому теряли довѣріе. Постепенно, особенно при помощи козацкихъ возстаній, установился *modus vivendi* между громадами и помѣщиками - колляторами и ктиторами (послѣднихъ однако не видно среди ополяченнаго дворянства): выборъ священника остался за громадою, но подъ условіемъ утвержденія его колляторомъ. Понятно однако, что для темной громады не легко было

приготовить своего кандидата на приходъ, а захожаго, напрашивающагося на приходъ достаточно оцѣнить—умѣетъ-ли правильно совершать богослуженія и требы, тянетъ-ли онъ за панами или за народомъ. Кромѣ того, принявъ сторонняго человѣка, нужно помочь ему завестись домомъ, хозяйствомъ—расходъ не малый. Поэтому, для громады было весьма выгоднымъ, если священникъ, уважаемый ею, самъ себѣ приготовлялъ преемника въ лицѣ своего сына или зятя, хорошо извѣстнаго ей, за котораго при томъ самъ священникъ можетъ поручиться въ точномъ и правильномъ совершеніи церковныхъ службъ. Свой человѣкъ все таки лучше чужаго, можетъ быть и хорошаго. Для священника тѣмъ болѣе выгодно было оставить наслѣдникомъ своей хаты и хозяйства своего сына или зятя, вѣрнаго притомъ хранителя установленнаго имъ въ приходѣ духа и порядковъ. Такая обоюдная выгода рано развила въ священническихъ семьяхъ право на приходъ по наслѣдству. *Батьковщина* и здѣсь стала играть ту-же роль, что и въ народѣ, и становилась нравственно обязательною для громады. Не мало было приходовъ, переходившихъ по наслѣдству въ теченіе 100—200 и болѣе лѣтъ, пока наконецъ или священникъ умиралъ бездѣтнымъ, или дѣти его оказывались ни къ чему негодными. Наслѣдственность стала казаться правомъ, а право избавляло кандидата отъ заискиваній и униженій предъ громадою, давало особый тонъ, гордость предъ собратами, получившими приходы отъ громадъ. Я хорошо еще помню случаи, когда священники, „сидѣвшіе на батьковщинѣ“, въ ссорѣ съ сосѣдомъ-новичкомъ въ околоткѣ, корили ихъ: „я отъ дѣда-прадѣда панъ въ своей парафіи, а ты—заволока, громадскій наймитъ“... Но *заволоки* раздѣлялись на два разряда, рѣзко различавшіеся другъ отъ друга. Одни появлялись въ приходахъ не вѣсть откуда, никто не зналъ роду-племени ихъ, спаивали громаду, унижались предъ нею, не скупились на всякія уступки и обѣщанія—и получали согласіе громады. Другіе или были лично знакомы громадѣ и получили отъ нея приглашеніе на приходъ, или были сыновьями или зятьями почтенныхъ сосѣднихъ священниковъ, которые могли поручиться за нихъ, какъ за самихъ себя. Предъ такими новичками въ околоткѣ прикусывали языкъ „родовитые попы“, особенно, если новичекъ съумѣлъ самъ утвердить свой авторитетъ въ приходѣ. Къ послѣдняго рода новичкамъ принадлежали и отецъ, и дѣдъ мой.

Фамильное наше преданіе гласило, что во время „великихъ руинъ“ козаки нашли по дорогѣ во рву однолѣтняго *хлопчика*, совсѣмъ умиравшаго отъ голода. Никто не могъ сказать, чье это дитя и гдѣ дѣвались его отецъ и мать. Козаки взяли съ собой этого *хлопчика*, отходили его и выростили, предварительно окрестивши его, такъ какъ не были увѣрены, что онъ крещенъ по православному. Вышелъ изъ хлопчика бравый козакъ. Въ мирные годы запорожскіе козаки, особенно молодые, расходились по деревнямъ цѣлаго края то для гулянокъ, то для заработковъ. Въ одну изъ такихъ гулянокъ молодой козакъ не выдержалъ козацкаго духа и женился. Жена оставалась въ деревнѣ при отцѣ, а онъ часто навѣщалъ ее. Это былъ мой прапрадѣдъ. Прадѣдъ, выросшій въ деревнѣ при семьѣ, не увлекся примѣромъ отца своего и предпочелъ мирную жизнь. Но, гордясь своимъ козацкимъ происхожденіемъ, не хотѣлъ прикрѣплять себя къ землѣ, чтобы не закрѣпиться за ляхомъ—помѣщикомъ, такъ какъ вся земля по правую сторону Днѣпра принадлежала только польской шляхтѣ, и кто получалъ въ пользованіе кусокъ этой земли, тотъ рисковалъ закрѣпить себя за мѣстнымъ *паномъ*. Поэтому прадѣдъ мой, не имѣя постояннаго мѣстопребыванія, оставлялъ свою жену и дѣтей у тестя, а самъ ходилъ на Донъ и въ Крымъ, откуда привозилъ и продавалъ по базарамъ рыбу, соль, рожки, фиги. Дѣдъ мой еще въ дѣтствѣ сопутствовалъ своему отцу въ далекихъ поѣздкахъ его и въ торговлѣ по базарамъ, а на всю зиму отправлялся съ нимъ, для прокормленія воловъ, въ степи. Степи-то были тогда привольныя, безконечныя, особенно за Винницей и Немировымъ. Располагайся, гдѣ хочешь, заготовляй сѣна, сколько хочешь. Зимою степи свободны отъ набѣговъ татарскихъ, набиралось тутъ изъ Украйны не мало такихъ-же чумаковъ и *воловодовъ* (торговцевъ скотомъ), приготовлявшихъ для себя обширныя землянки, а для скота, на случай стужи, *загороди*. Кочевая, торговая жизнь нуждалась въ грамотности и потому дѣдъ мой въ дѣтствѣ обученъ былъ грамотѣ. Грамотность сближала его съ духовнымъ міромъ, онъ любилъ читать и пѣть на клиросѣ и въ знаніи церковнаго устава могъ спорить съ любымъ дякомъ. Наслѣдовавъ послѣ смерти отца его хозяйство и продолжая вести кочевую жизнь, онъ много разъ подвергался разнымъ несчастіямъ, терялъ все свое походное достояніе, но ни

за что не хотѣлъ прикрѣплять себя къ землѣ. Козацкая кровь и въ немъ отзывалась, волнуясь при напоминаніи о панахъ и уніатахъ. Сильно любилъ онъ мѣста своего рожденія, дѣтства, промысловъ, но не менѣе сильно дорожилъ своей волей и боялся брать землю у помѣщика, чтобы не попасть въ панскія лапы. Долгое время, поэтому, онъ не обзаводился семьею. Наконецъ, напоминаніе о томъ, что уже и старость не за горами, что некому будетъ оставить небольшое свое имущество, рѣшило его участь: на 45 году онъ женился на настоящей невѣстѣ того времени—на тринадцатилѣтней дѣвицѣ. Женитьба однако не много измѣнила образъ жизни его: не жилось ему среди террора, который продолжался по всей югозападной Руси послѣ *Коліивщины* и перваго раздѣла Польши, когда вольный православный человѣкъ на каждомъ шагу подвергался оскорбленіямъ и подозрѣніямъ со стороны каждаго шляхтича и каждаго уніатскаго священника. По прежнему дѣдъ мой ѣздилъ на Донъ, по ярмаркамъ. Подходила третья турецкая война. По всей Украйнѣ, Волыни и Подольи народъ встрепенулся. „Покончивъ съ туркомъ, *москали* придутъ въ Польшу, и тогда панъ станетъ хлопомъ, а хлопъ паномъ"—шептались между собою крестьяне, дьячки и священники, православные и даже уніаты. У пьяныхъ срывались съ языка похвальбы и угрозы панамъ. Предъ панами всталъ грозный призракъ „Коліивщины"... Начались аресты, паны повсюду взывали: *do broni, panowie!* Православный епископъ (Викторъ Садковскій, только что рукоположенный) арестованъ, даже уніатскій епископъ на Волыни подвергся подозрѣніямъ въ измѣнѣ; множество священниковъ, дьячковъ томились въ тюрьмахъ, не мало изъ нихъ повѣшено; крестьянъ сѣкли, отрѣзывали имъ уши, отрубливали руки, многихъ повѣсили. Въ это время дѣдъ мой исчезъ, никто не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, считали его пропавшимъ. Прошло лѣто (1789 г.), прошла и зима, война окончена, русскія войска возвращаются со славою и снова встаютъ надежды русскихъ крестьянъ и духовенства въ Польшѣ. Вдругъ дѣдъ мой является въ семьѣ своей. При крикахъ радости сбѣжавшихся малыхъ дѣтей и родныхъ, онъ гордо вынулъ изъ-за пазухи какую-то бумагу, завернутую въ платокъ, и раскрылъ ее предъ всѣми на столѣ. На толстой бумагѣ было что-то написано, внизу большая печать и подпись. Указывая пальцемъ на подпись, дѣдъ торжественно про-

читалъ: „Потемкинъ“. Всѣ разинули рты. „Теперь, прибавилъ дѣдъ, не боюсь ляхівъ, я—руській дворянинъ“. То дѣйствительно была грамота на дворянство, данная дѣду за какія-то услуги его русскимъ войскамъ, при которыхъ онъ находился неотлучно во все время этого труднаго похода, въ качествѣ маркитанта. Въ чемъ именно состояла услуга дѣда, удостоенная такой награды, это осталось неразъясненнымъ въ потомствѣ. Толковалось про какую-то „кашу съ икрой“ (?), придуманную дѣдомъ для войскъ подъ Очаковымъ и очень понравившуюся Потемкину, про какія-то развѣдки въ турецкомъ станѣ, что очень возможно было со стороны дѣда, знавшаго по татарски и хорошо знакомаго съ татарскими обычаями, къ тому-же крѣпкаго и выносливаго человѣка. Какъ-бы то ни было, но завѣтная грамота долго хранилась въ семьѣ дѣда. Откуда-то появилось убѣжденіе, что изъ всей семьи тотъ только будетъ дворяниномъ, кому дѣдъ предъ смертію вручитъ эту грамоту. Но дѣдъ умеръ, хотя и въ глубокой старости, внезапно, отъ угара, никому не назначивъ грамоту. Съѣхались на погребеніе дѣти и взрослые внуки дѣда, *честно* похоронили его, а потомъ заспорили, кому должна принадлежать грамота. Долго спорили, стали вырывать другъ у друга злощастную грамоту, ратовала все женская половина. Вдругъ одна изъ внукъ, замужняя, найболѣе проникнутая честолюбіемъ, но найменѣе имѣвшая шансовъ на побѣду надъ прочими соперницами, схватила грамоту и—это было въ кухнѣ—швырнула ее въ печь, приговаривая: „нехай-же нікому не достанеця“. Прежде чѣмъ присутствовавшіе пришли въ себя отъ ужаса, отъ грамоты осталась только зола. Никому потомъ и въ голову не приходило добиваться возобновленія грамоты, всѣ были убѣждены, что пропала грамота—пропало и дворянство. Это было въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда въ краѣ шла повѣрка документовъ на дворянство и огромная масса шляхты, затерявшей свои документы, лишена была дворянства и составила приниженный классъ однодворцевъ. Къ тому-же, южнорусское духовенство подчинено было общимъ имперскимъ законамъ *о духовномъ сословіи*.

„Но мы на прежнее возвратимся“... Ожиданія русскаго народа скоро стали сбываться: въ 1792 году послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши, по которому вся Украйна, часть Волыни и Подолья присоединены были къ Россіи. Дѣдъ мой съ своей семьей и

родственниками очутился въ чертѣ русскаго государства, подданнымъ *царицы*. Повсюду была радость безмѣрная; казалось, что сейчасъ „панъ станетъ хлопомъ, а хлопъ паномъ". Прежде всего народъ сталъ изгонять уніатскихъ священниковъ. Изъ послѣднихъ многіе принимали православіе, но многія бѣжали въ Бѣлоруссію, гдѣ уніатскому духовенству жилось спокойнѣе, или пріючивались по панскимъ дворамъ при домовыхъ *капличкахъ*. Громады озабочены были пріисканіемъ кандидатовъ на вакантные приходы. Въ это время пріѣхали къ дѣду моему, имѣвшему уже болѣе пятидесяти лѣтъ, посланцы отъ громады, хорошо знавшей его, съ просьбой принять *парафію* ихъ. Послѣ недолгихъ колебаній, дѣдъ теперь рѣшился бросить скитальческую жизнь. Но явилось затрудненіе: селеніе, въ которомъ ему предложена была парафія, принадлежало базиліанскому монастырю, находившемуся въ ближайшемъ городѣ и содержавшему извѣстныя въ краѣ школы, привиллегіи которыхъ, какъ и другихъ школъ, русское правительство вполнѣ подтвердило. Монастырь владѣлъ въ этомъ селѣ церковію и приходомъ, присылая своихъ монаховъ какъ для управленія имѣніемъ, такъ и для богослуженій. Выжить базиліанъ изъ прихода нельзя было, отнять у нихъ церковь трудно. Но всѣ старики живо помнили, что прежде у нихъ было *благочестіе* и священникъ былъ *благочестивый*, а потомъ богатый польскій вельможа, владѣлецъ обширнѣйшихъ имѣній въ краѣ, вызвавъ въ свой городъ базиліанъ и устроивъ школы, отдалъ имъ во владѣніе и это село съ церковію, удаливъ *благочестиваго* священника. Прибывъ въ это село, дѣдъ мой увидѣлъ на косякѣ входной церковной двери рѣзную надпись, гласившую о времени построенія *„сего православнаго храма"*. Надпись на одномъ изъ церковныхъ колоколовъ гласила, что онъ пожертвованъ для того-же „православнаго" храма. Недолго думая, громада порѣшила представить эти доказательства о принадлежности храма православному архіерею въ подлинникѣ и просить содѣйствія его къ возвращенію ей этого храма. Снарядили подводы, выломали дверь съ косякомъ, сняли колоколъ, то и другое уложили на подводы, усадили на нихъ моего дѣда и нѣсколько депутатовъ отъ громады и отправили ихъ въ Переяславль къ епископу (епископская каѳедра впослѣдствіи перенесена изъ Переяславля въ Полтаву), которому издавна поручено было завѣдывать дѣлами право-

славныхъ въ польской Украйнѣ, части Волыни и Подолья. Доказательства оказались очень вѣскими: ходатаи являлись съ ними и къ архіерею, и въ консисторію, гдѣ всѣ писчики, повітчики и члены хохотали, глядя, какъ впереди рослый и крѣпкій дѣдъ мой несъ въ присутствіе семипудовый колоколъ, а за нимъ депутаты тащили дверь съ рамой. Всѣ экзамены (на стихарь, на діаконство, на іерейство) дѣдъ сдалъ хорошо и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ прошелъ всѣ степени, отбылъ *обученіе* (практическое упражненіе въ богослуженіи подъ руководствомъ священника, назначеннаго архіереемъ) и вернулся въ свой приходъ, въ которомъ засталъ уже церковь въ рукахъ своихъ прихожанъ. Базиліане совсѣмъ присмирѣли, построили капличку и въ ней совершали свои богослуженія.

Базиліанскій монастырь въ городѣ и при немъ школы существовали до польской революціи 1831 года. До этого-же года оставалось во владѣніи монастыря и село, составлявшее приходъ моего дѣда [1]). Такимъ образомъ дѣдъ мой, жившій до 1837 года, постоянно имѣлъ сосѣдями базиліанскихъ монаховъ—управителей имѣнія, которые не могли равнодушно вспоминать о своемъ владѣніи церковію и приходомъ, о быломъ господствѣ уніи въ краѣ. Однако дѣдъ мой былъ человѣкъ миролюбивый и жилъ въ пріязни съ базиліанами, которые теперь не могли и думать объ интригахъ въ средѣ прихожанъ. Ссоры были рѣдки, совершенно домашняго свойства; обѣ стороны сору изъ избы не выносили и дружба продолжалась неизмѣнно. Зайдетъ бывало дѣдъ къ базиліанамъ отъ скуки побесѣдовать, или они зайдутъ къ нему. Пріемъ, конечно, бываетъ по-хозяйски, по-сосѣдски. Выпьютъ по одной—любовно поговорятъ, по другой—повеселѣютъ, по третьей, четвертой—и разговоръ склоняется къ воспоминаніямъ о прошломъ, представлявшемъ теперь такую огромную разницу для обѣихъ сторонъ. Чарка продолжаетъ переходить изъ рукъ въ руки, жгучая боль поднимается въ сердцѣ

---

[1]) Въ 1831 г. огромныя владѣнія польскаго магната, за дѣятельное участіе его въ революціи, конфискованы. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, они составили особый отдѣлъ югозападныхъ военныхъ поселеній. Село, составлявшее приходъ моего дѣда, тогда-же уничтожено, жители разселены по сосѣднимъ селамъ, а усадьбы ихъ обращены въ пахатныя поля.

базиліанъ, злорадство подмываетъ дѣда. На сцену являются вопросы о папѣ, о схизмѣ, объ исхожденіи св. Духа, о чистилищѣ... Простаки были управители-базиліане, не былъ богословомъ и дѣдъ мой; споры держались все на разсказахъ, басняхъ, остротахъ, крѣпкихъ словахъ: стороны все разгорячались, и обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что унія и православіе бросались другъ на друга, и начиналась потасовка. Обыкновенно побѣда оставалась на сторонѣ православія, потому что крѣпкій дѣдъ мой легко справлялся съ двумя базиліанами. Но однажды сильно досталось дѣду. Пріѣхали изъ города для отдыха базиліане-профессоры. Дѣдъ стушевался: „ученые"... и не ходилъ къ базиліанамъ. Взяло однако дѣда любопытство посмотрѣть, послушать „ученыхъ" и, какъ ни крѣпился, зашелъ въ *плебанію*. Конечно, приняли по старому, по-хозяйски. „Ученые" пили одинаково съ неучеными, сыпали латинскими фразами, высокомѣрно относились къ дѣду. Какъ ни обидны были замѣчанія „ученыхъ профессоровъ", но дѣдъ чувствовалъ полное свое безсиліе предъ ними на словахъ. Съ каждой чаркой нетерпѣніе его возрастало, руки чесались. Наконецъ, послѣ многихъ уже чарокъ, едва произнесъ одинъ изъ профессоровъ: „ta przeklęta schizma", какъ дѣдъ ринулся на него и, ну!—тузить его, приговаривая: „ото тобі шизма, ото тобі папа"... Увы, кончилось тѣмъ, что базиліане еле живымъ привезли дѣда въ домъ его, гдѣ онъ долгое время отлеживался. Крѣпкая натура перенесла неожиданную катастрофу; у дѣда и у перепуганныхъ базиліанъ поубавилась охота къ богословскимъ спорамъ. Совсѣмъ уже старѣясь, дѣдъ, давно уже овдовѣвшій и выдавшій замужъ трехъ дочерей своихъ, взялъ старшаго сына своего изъ *риторики*, добылъ ему діаконскій санъ и поселилъ въ собственномъ домѣ, отдавъ при этомъ въ пользованіе его все свое хозяйство, какъ наслѣднику прихода, а вскорѣ совсѣмъ передалъ ему приходъ, оставаясь однако верховнымъ судьею въ домѣ и въ приходѣ до самой смерти своей. Умеръ мой дѣдъ въ томъ-же приходѣ предъ самымъ закрытіемъ его и уничтоженіемъ села, въ 1837 году, на 96 году жизни. Это былъ величественный патріархъ для своего рода, въ которомъ онъ видѣлъ много внуковъ и правнуковъ. Ничто въ этомъ родѣ не предпринималось безъ предварительнаго разрѣшенія его, слово его было для всѣхъ членовъ рода точно глаголъ Божій...

Отецъ мой родился въ 1798 году и былъ „мизинцемъ“ въ семьѣ своего отца, т. е. наименьшимъ, послѣднимъ дитятей. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его рожденія, мать его умерла, и „мизинцу“ досталась горькая доля общаго „попыхача“ въ семьѣ, о нуждахъ котораго никто при томъ не заботился. Сестры одна по другой выходили замужъ, забирая въ приданое, что было лучшаго въ хозяйствѣ; наконецъ, все хозяйство перешло въ руки старшаго брата—діакона. Отецъ мой выросталъ какъ-бы на хлѣбахъ у брата и жилъ въ семьѣ, по любимому выраженію его, *аки вранъ на нырищи.* Отецъ его уже не имѣлъ средствъ отдать его въ школы и довести его хотя-бы до *риторики,* подобно старшему брату. За то его отдали въ науку къ знаменитому тогда въ обширномъ околоткѣ дяку Яну. Этотъ Янъ считался на большомъ районѣ приходовъ знаменитостью, дьячковскимъ геніемъ. Цѣлыя поколѣнія священниковъ и дяковъ воспиталъ онъ въ большомъ числѣ приходовъ; его метода славилась особеннымъ духомъ, тономъ, выдержкою. Еще на моей памяти говаривали о какомъ-либо священникѣ, отличавшемся достоинствами чтенія, служенія: „а, онъ учился у Яна“! Во дни первой моей юности Янъ былъ въ средѣ духовенства какимъ-то миѳомъ, идеаломъ дяка, богомъ клироса. Разсказывали, что даже опытные въ богослуженіи священники, бывшіе ученики его, трусили, когда во время служенія ихъ вдругъ появлялся на клиросѣ Янъ, прибывшій на „храмъ“, или просто провѣдать бывшаго питомца. Не дай Богъ священнику сдѣлать ошибку въ чтеніи и служеніи или повести себя вяло, нарушить *Яновскій* тонъ и тактъ,—Янъ безъ церемоніи тутъ-же могъ громко замѣтить: „э-э, мало я тебе за уха тянувъ!“—или-же просто назвать *дурнемъ.* Никому и въ голову не приходило аппелировать на критику Яна, всякій считалъ за лучшее смириться, принять отзывъ его за шутку, иначе отзывъ ложился на него клеймомъ. Отецъ мой зналъ всѣ мѣстные напѣвы, владѣлъ обширнымъ теноромъ, слылъ превосходнымъ (по мѣстному, тогдашнему) пѣвцемъ, любилъ и хорошо зналъ церковную службу, во время богослуженія держалъ себя съ большою смѣлостью и свободою дѣйствій и всегда утверждалъ, что всѣми своими достоинствами онъ обязанъ Яну. Несложная дьячковская наука у Яна получала разнообразныя формы, дрессировавшія умъ и характеръ, и распространявшіяся на все поведеніе дяка-діакона-священника при

богослуженіи. Канва этой науки, на которой тогдашніе дяки выводили свои узоры, была слѣдующая: обученіе чтенію и письму, чтеніе и пѣніе на клиросѣ, прислуживаніе въ олтарѣ священнику, хожденіе съ причтомъ по требамъ. Изъ разсказовъ отца можно было составить понятіе о тѣхъ узорахъ, которые Янъ выводилъ на этой канвѣ. 1) Чтеніе должно быть громкое, отчетливое, выразительное, пѣвучее въ *апостолѣ* и *парамеяхъ,* ровное, какъ струна, во всемъ прочемъ. Заставивъ адепта читать на клиросѣ, онъ постоянно покрикивалъ на него: „голосніше, не біжи такъ (медленнѣе), кріпче вымовляй“ (отчетливѣе). Совралъ что-нибудь чтецъ, Янъ останавливалъ его, заставлялъ повторять то-же слово, а за видимо разсѣянное ученіе тутъ-же бралъ чтеца „за чубъ“, причемъ тотъ долженъ былъ стойко выдерживать наказаніе, не прерывая чтенія. Если Янъ хотѣлъ кого-либо изъ учениковъ выслать на средину церкви для чтенія *апостола,* то предварительно дома самъ показывалъ ему и позу во время чтенія, и мѣста передышекъ, повышеній и пониженій голоса, тонъ, темпъ, финальный мотивъ и наконецъ поклонъ на три стороны,—нѣсколько разъ экзаменовалъ, поправлялъ, наказывалъ... 2) При пѣніи Янъ строго требовалъ смотрѣть „до Бога“, т. е. вверхъ, что и самъ строго соблюдалъ. Можетъ быть отъ этого нехитраго пріема обученія произошло то, что отецъ мой до самой смерти своей при пѣніи вскидывалъ очи и голову вверхъ и всегда пѣлъ съ глубокимъ чувствомъ, часто со слезами. Въ кругъ пѣнія входили не одни церковныя пѣсни, гласы, ирмосы подобные и т. д., но и разнообразныя домашнія духовныя пѣсни, которыхъ отецъ мой усвоилъ немало. 3) На домъ приносились всякія богослужебныя книги, по которымъ *школяръ* обязанъ былъ подыскать и „затвердить“ всѣ тропари, кондаки, стихиры, сѣдальны, канонъ и проч., что требовалось по уставу для наступающаго богослужебнаго дня: недѣли, святаго, праздника, поста и под. 4) Отправляясь на требу въ домы прихожанъ, Янъ бралъ съ собою *школярей,* требовалъ отъ нихъ держать себя здѣсь чинно, стоять во время чтенія и пѣнія, выдвинувъ одну ногу впередъ, „съ повагой“, умѣть поклониться, привѣтствовать хозяина, отвѣтить изреченіемъ изъ псалтыри и т. п. 5) Послѣ богослуженія, дома, Янъ дѣлалъ предъ своими *школярами* (старшими) отзывы о поведеніи священника въ церкви—какъ онъ читалъ, кадилъ, держалъ чашу, благословлялъ, раздавалъ антидоръ

и т. п., показывалъ, какъ-бы онъ все это дѣлалъ, какъ дѣлаютъ это другіе священники и т. д. При всемъ своемъ дарѣ, почетѣ и завидной славѣ, Янъ никогда не искалъ ни священства, ни діаконства, былъ поэтомъ, обожателемъ своей профессіи, умеръ въ глубокой старости тѣмъ-же дякомъ. Но и у Яна, какъ педагога, былъ одинъ недостатокъ, притомъ очень крупный, хотя и мало замѣченный современниками его, именно—онъ твердо писалъ, только *по-старому,* т. е. уставомъ и полууставомъ, и не могъ хорошо обучить своихъ учениковъ „новому" письму, т. е. скорописи. Не диво, въ теченіе восемнадцатаго вѣка православные причты Украйны, Подолья и Волыни, управляемые изъ-за кордона (Переяславля), свободные отъ личнаго надзора и руководства епархіальной власти, притомъ часто разгоняемые уніатами и надолго превращавшіеся въ частныхъ лицъ, не видѣли нужды и возможности въ правильной отчетности предъ громадою. Даже метрики не могли быть ведены ими исправно, а это были едвали не единственные документы, требовавшіе отъ причта умѣнья писать. Писались онѣ почти всюду полууставомъ, замѣтками то на церковныхъ книгахъ, то на клочкахъ бумаги, рѣдко въ особыхъ книгахъ. Записи были несложныя: „у Василя Козака родился сынъ, наречепъ Иванъ. Крестилъ и мvромъ св. помазалъ іерей NN"; или: „N дня и мѣсяца умре (преставися, скончалъ житіе) Омелько Довгій". Правильныя записи и отчетность стали обязательными только съ 1792 года. Но еще на моей памяти дяки-искусники въ письмѣ были рѣдки: метрическія записи велись на клочкахъ бумаги. Подходитъ время отчетности—привозятъ со стороны дяка-писаку, тотъ впишетъ все по порядку въ книги, разыщетъ по селу пропущенные случаи крещенія, брака, смерти, составитъ вѣдомости и т. п. Такимъ образомъ Янъ, выросшій и окрѣпшій въ цѣломъ своемъ строѣ во времена Польши, впослѣдствіи до самой смерти своей могъ не видѣть надобности для дьяка и священника *въ новомъ письмѣ*, скорописи. Отецъ мой, свято чтившій науку Яна во всѣхъ ея подробностяхъ, такъ и остался при полууставѣ и до смерти своей не могъ твердо выводить буквъ *по новому.*

Разъ Янъ сказалъ отцу моему: „шукай собі долі, зъ тебе буде добрый дякъ". Это было тогда для молодаго человѣка аттестатомъ зрѣлости. Не захотѣлъ отецъ оставаться въ дякахъ при

братѣ, тогда уже священникѣ: поклонился отцу своему въ ноги, получилъ отъ него благословеніе и пошелъ искать доли межъ людей. На первый разъ однако онъ присталъ у одного изъ своихъ зятей - священниковъ. Но здѣсь вмѣсто дячковства онъ нашелъ долю *наймита*, да еще дароваго. Зять, по давнимъ уніатскимъ эрекціямъ, пользовался большими земельными угодьями, велъ обширное хозяйство, посылалъ свою пшеницу прямо въ Одессу; вмѣсто любимаго клироса, отцу пришлось постоянно работать на поляхъ, при домѣ, проводить долгіе дни въ *чумачкѣ*, наравнѣ съ прочими наймитами зятя. Бросилъ отецъ этого зятя, пошелъ къ другому, имѣвшему скромное хозяйство. Тутъ стало легче, и отецъ сталъ часто показывать искуство свое на клиросѣ и на требахъ, въ качествѣ *поддячего* при старомъ дякѣ. Прихожане полюбили голосистаго поддячего и назначили ему опредѣленныя приношенія за службу, такъ что отецъ уже былъ ни отъ кого независимъ въ одежѣ, даже въ пищѣ, сталъ „выбиваться на дорогу". Но такое положеніе не могло долго служить: 1) въ компаніяхъ настоящіе дяки относились къ нему пренебрежительно, какъ недозрѣлому, будто читающему еще по складамъ, и звали его: „эй, ты, покой-он-по добро-я-дя чер-і-чі й" (поддячій), или сокращенно: „поко-он-по добро-я-дя", что еще болѣе казалось обиднымъ, такъ какъ заключало въ себѣ намекъ, будто онъ не умѣетъ сложить слова до конца; 2) какъ ни любили его прихожане, но при размолвкѣ могли сказать ему: „иди себѣ на всѣ четыре стороны". О дьячествѣ рано еще и мечтать, совсѣмъ не тѣ времена стали! Нужно было или пріобрѣсти реноме въ околоткѣ, чтобъ выбрали въ дяки, или добиться посвященія въ стихарь. Стихарь, архіерейская грамота давали тогда имя; предъ ними прикусывали языкъ самые главные дяки. Задался отецъ мой честолюбіемъ, потерпѣлъ еще съ годъ, заручился *одобреніемъ* отъ прихожанъ въ качествѣ поддячего и пошелъ въ далекій епархіальный городъ попробовать счастья.

Чрезъ недѣлю пути пѣшкомъ, предъ глазами отца выросъ дивный городъ съ множествомъ золотоглавыхъ церквей. Но только въ городѣ сообразилъ онъ, что у него въ карманѣ всего нѣсколько пятаковъ, а между тѣмъ нужно здѣсь жить, въ консисторіи, что ни ступишь—плати... Но попробовать, не возвращаться же назадъ! Нѣсколько дней онъ перебивался по монастырскимъ дворамъ, гдѣ

вольно было всякому богомольцу располагаться на обширномъ дворѣ для отдыха и ночлега. *Слымаки* (послушники)—свой народъ, пускали голосистаго поддячего къ себѣ переночевать въ непогоду; на кухнѣ всегда можно было поживиться, даже попасть съ братіей въ трапезу. Но въ консисторіи—ни приступу! Уже и прошеніе написано услужливымъ и опытнымъ слымакомъ, подано архіерею... Но какъ узнать резолюцію? Долгія ожиданія въ сѣняхъ консисторіи, поклоны проходившимъ тутъ чинамъ, просьбы съ приговариваніемъ: „явите милость, я бідный, гроша не маю за душею"... ни къ чему не приводили, *писчики* и *канцеляристы* оставались нѣмы и глухи. Рѣшился отецъ пойти къ *повітчику* на домъ. „Явите милость, я бідный"... Выслушавъ просьбу, повітчикъ кликнулъ сторожа и велѣлъ назначить просителю работу. Началъ отецъ мой чистить дворъ, лошадь, конюшню повітчика, копаться въ огородѣ его, ходить за повітчицей съ корзиной на базаръ и т. п. Такъ прошла недѣля; отецъ рѣшился напомнить о своей просьбѣ, но услышалъ въ отвѣтъ: „якій скорый... послужи еще"... Прошла еще недѣля, прошла и другая—и конца не видно выслугѣ! Дерзнулъ отецъ мой бросить повітчика и пойти къ самому секретарю. Тутъ тотъ-же пріемъ, только работы стало больше. Узналъ отецъ, что ректоромъ мѣстной бурсы состоитъ архимандритъ, однофамилецъ его. „Не родственникъ-ли далекій? Попытать счастья". Но архимандритъ о родствѣ не заговаривалъ, дозволилъ отцу ночевать на сѣновалѣ и кормиться на бурсацкой кухнѣ, а о дѣлѣ сказалъ: „самъ хлопочи". Два мѣсяца бился отецъ, не вѣдая, съ какой стороны подступить къ дѣлу удачно. Хотѣлъ уже поступить въ монастырь, въ которомъ такое чудное пѣніе было, да влеченіе къ роднымъ мѣстамъ взяло перевѣсъ надъ случайнымъ аскетическимъ порывомъ. Но вотъ однажды досидѣлся онъ подъ консисторіей на травѣ до вечера; на каѳедральной колокольнѣ ударилъ благовѣсть къ вечерни... Отцу вдругъ захотѣлось пробраться въ домовую архіерейскую церковь. Вошелъ... все ближе и ближе сталъ подвигаться къ клиросу, смѣлѣе и смѣлѣе подпѣвать, наконецъ очутился рядомъ съ дьячками и запѣлъ полнымъ своимъ, звучнымъ и гибкимъ, голосомъ... читалъ каѳизмы, стихиры... Понравилось ему здѣсь, на другой день онъ отправился сюда на литургію, читалъ часы, пѣлъ и выпросилъ позволеніе прочитать апостола. „И вшкваривъ-же тоді апостола", въ простотѣ души

выражался отецъ мой, часто поминая про этотъ случай, имѣвшій рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую его карьеру. На югѣ Руси, въ епархіальныхъ городахъ, только со времени посѣщенія импер. Екатериною II Кіева, начало прививаться чтеніе апостола и евангелія басомъ, начиная съ октавы и постепенно восходя до *nec plus ultra* басовой ноты. Это обычай—развившійся исключительно на сѣверѣ Руси, безъ сомнѣнія, благодаря суровому климату, и доселѣ нигдѣ, кромѣ Россіи, не существующій. Въ описываемое нами время и на югѣ Россіи стало уже чуть не закономъ, чтобы протодіаконъ былъ самый, что ни есть, свирѣпый басъ, отъ котораго стѣны дрожали-бы. Мѣстные діаконы и даже дяки уже увлекались этимъ мнимымъ величіемъ чтенія и, поддобряемые великорусскими купцами, переселявшимися въ южнорусскіе города, старались копировать своего протодіакона. Но въ деревняхъ оставался во всей неприкосновенности древній, принятый отъ грековъ обычай чтенія апостола и евангелія на распѣвъ. Греческія особенности его (чтеніе въ носъ, съ трелями и руладами), доселѣ господствующія въ православныхъ церквахъ Греціи, Сиріи, Болгаріи и Сербіи, на югѣ Руси измѣнены сообразно духу народному и излюбленнымъ его мотивамъ. Чтеніе держалось здѣсь на среднемъ теноровомъ *до*, повышаясь по мѣстамъ не болѣе, какъ на одну ноту, и понижаясь не болѣе, какъ на три ноты; все искусство состоитъ въ переходахъ отъ одной ноты къ другой; звуки должны идти мѣрно, плавно. Мнѣ, уже послѣ моего ознакомленія съ разными способами церковнаго чтенія и съ церковными напѣвами и партесами, всегда казалось въ этомъ чтеніи, какъ и въ пѣніи южнорусскомъ, что-то наболѣвшее, просительное, плачущее. Вся исторія южной Руси отражалась въ немъ. Грубо заблуждаются тѣ изъ нашихъ ревнителей чистоты православія, которые производятъ южнорусское церковное чтеніе и пѣніе изъ католическихъ костеловъ. Отецъ мой, рѣшившись отличиться при такомъ особенномъ случаѣ, предъ архіерейскими дьячками, призвалъ все свое искусство, вспомнилъ всѣ завѣты Яна; молодой, звучный голосъ его рѣкой разливался подъ сводами уютнаго храма. Когда онъ окончилъ чтеніе и, закрывъ книгу, глядя „до Бога“, выводилъ мотивы послѣдняго слова, вдругъ за стеклянною дверью, направо у олтаря, приподнялась занавѣска и появился архіерейскій ликъ... Глянулъ отецъ на дверь, такъ и оборвался и едва дошелъ до кли-

роса отъ страху. Тогдашній архіерей былъ изъ малороссовъ и, хотя держалъ протодіакона, знаменитаго тогда въ южной Россіи баса, однако очень любилъ старинное деревенское чтеніе и пѣніе. Когда окончилась литургія, стекляная дверь распахнулась, на порогѣ появился архіерей; всѣ по обыкновенію подходили къ нему за благословеніемъ. Подошелъ и отецъ мой и палъ ему въ ноги. „Кто ты, откуда?"—спросилъ архіерей. Такъ и такъ, едва помня себя отъ страху, разсказалъ отецъ мой. „Хорошо ты читаешь и поешь; готовься на слѣдующее служеніе мое къ стихарю", сказалъ архіерей и прибавилъ, обращаясь къ стоявшему тутъ-же монаху: „скажи, чтобы для него все было готово"... Обыкновенно, когда отецъ мой вспоминалъ этотъ случай, голосъ его на этомъ мѣстѣ прерывался и на глазахъ появлялись слезы...

Дальнѣйшая карьера отца пошла какъ по маслу. Тотъчасъ онъ нашелъ себѣ дьячковское мѣсто и зажилъ припѣваючи. Онъ любилъ поминать золотое время своей молодости въ званіи *стихарнаго дяка.* Стихарный дякъ, молодой и пѣвецъ, былъ настоящимъ львомъ въ тогдашнемъ русскомъ деревенскомъ обществѣ. Въ это время едва только намѣченъ былъ планъ перемѣны въ цѣломъ положеніи южнорусскаго духовенства. Въ 1819 году кіево-могилянская академія, бывшая дотолѣ всесословнымъ учрежденіемъ, заключавшимъ въ себѣ по тогдашнему полный кругъ образованія, преобразована въ учрежденіе сословное, духовное, и распалась на три учебныя заведенія, составлявшія три степени духовнаго образованія: *бурсу* или низшее училище—для приготовленія причетниковъ и кандидатовъ для дальнѣйшаго образованія, *семинарію*—для приготовленія священниковъ и *академію* для высшаго духовнаго образованія. Реформа имѣла въ виду измѣнить старыя бытовыя отношенія въ духовенствѣ и надѣлить всѣ приходы образованными священниками, болѣе свѣдущими діаконами и причетниками, предоставивъ архіереямъ назначать ихъ по своему усмотрѣнію, а не по выбору невѣжественной громады. Подъ вліяніемъ идей XVIII вѣка объ абсолютной силѣ просвѣщенія и абсолютномъ вредѣ невѣжества, которое воплощала въ себѣ „чернь непросвѣщенна", забыта была необходимость нравственной связи священника съ приходомъ, забыты были историческія, народныя начала, нарушеніе которыхъ ведетъ за собою разобщеніе и нравственное безсиліе самаго про-

свѣщенія,—не вѣдалось, что радикализмъ въ особенности вредно отзывается на религіозной нравственности. Но въ описываемое нами время планъ былъ только поставленъ, въ деревняхъ совершенно не знали о немъ, старыя отношенія продолжали здѣсь царить съ полнымъ своимъ авторитетомъ. Дьячкамъ не было еще соперниковъ въ лицѣ *„богослововъ“*. Никогда не были серьезными соперниками ихъ тѣ немногіе „латынщики“, которые дошли въ академіи (потомъ въ бурсѣ) до *инфимы*, *грамматики* и даже *риторики*, потому что они, принадлежа къ неуспѣвающимъ ученикамъ и проводя въ академіи время въ совершенной праздности, приносили съ собою въ деревню только полное ничегонезнайство и дурныя нравственныя качества и справедливо подвергались злымъ насмѣшкамъ въ кругу дяковъ. Про нихъ сложено было не мало куплетовъ, въ родѣ напр. слѣдующихъ, которые и я въ раннемъ дѣтствѣ распѣвалъ:

Бувъ Грицько мудрый,
Родомъ зъ Коломиі,
Вчився винъ добре на философіи:
Въ шестнадцять літъ письмо мимривъ,
Та все по латыни ливривъ... (отъ *liber*, *книга*)
А на семнадцатимъ перéчитомъ
Всю псалтырку винъ знавъ...

Не было соперниковъ дякамъ-кавалерамъ и со стороны другихъ слоевъ населенія. То была странная, сказочная пора. На русской землѣ, въ русской державѣ русскій народъ непосредственно и почти безконтрольно владѣемъ, судимъ и рядимъ былъ пришельцами особаго племени, враждебнаго всему русскому. Польскіе вельможи, паны, *панки* и *підпанки*, составляли господствующій классъ въ краѣ, все интеллигентное, чиновное, строго отдѣлявшее себя отъ остальнаго населенія, съ которыми у него ничего не было общаго. Тѣмъ крѣпче жались другъ къ другу оба тогдашніе классы русскаго населенія, духовенство и крестьянство, представляя собою особый міръ въ краѣ, особую самодовольную общественность. Главный тонъ въ этой общественности давали священники и почетнѣйшіе въ приходахъ хозяева, жены и дочери тѣхъ и другихъ, а соль этой общественности, цвѣтъ молодежи ея составляли дяки и поповичи—наслѣдники приходовъ, лучшіе женихи.

Сезонъ веселій въ тогдашней украинской деревнѣ — осень, точнѣе время отъ *Преображенія Господня* (6-го авг.), когда оканчивалась косовица и жатва, поспѣвали фрукты въ садахъ и въ огородахъ, значитъ начиналось въ домахъ обиліе благъ земныхъ, и до *зимняго Николая* (6 декабря), когда наконецъ необходимо было перестать продавать и расточать, но подумать о сбереженіи продуктовъ для новаго посѣва и о прокормленіи семьи и скота до слѣдующей жатвы. На это время доселѣ припадаютъ въ южнорусскихъ приходахъ всѣ храмовые праздники, всѣ свадьбы, поминки и т. п. Самымъ торжественнымъ случаемъ въ приходѣ былъ храмовой день. Вся околица приходила въ этотъ день въ движеніе, все званное и незванное ѣхало и шло „на храмъ", у каждаго хозяина въ приходѣ были свои гости. Къ литургіи съѣзжались сосѣдніе и дальніе священники, дяки и поддячіе, такая голосистая служба бывала въ приходѣ только разъ въ году, и мой отецъ въ такихъ случаяхъ бывалъ самымъ желаннымъ въ околицѣ гостемъ на клиросѣ. Невдали отъ церкви, на открытомъ воздухѣ, въ цѣломъ рядѣ выкопанныхъ въ землѣ печей первыя хозяйки въ приходѣ готовили громадскій обѣдъ. Разставлялись столы, со всѣхъ хатъ сносились миски, ложки, и тотчасъ послѣ литургіи за столы садились попы, дяки, почетные хозяева, свои и пріѣзжіе, прочіе группами располагались на травѣ — громада *честно* принимала всѣхъ своихъ гостей. Во время обѣда дяки и попы часто вставали съ своихъ мѣстъ, за ними и вся громада, и пѣли то тропарь храмовому празднику, то „*Покой, Спасе нашъ, съ праведными*"...—въ память умершихъ въ приходѣ, а въ заключеніе—*Со духи праведныхъ* и *вѣчную память*. Послѣ обѣда, хозяева запрашивали къ себѣ пріѣзжихъ гостей, изъ коихъ каждый находилъ пріютъ и угощеніе до слѣдующаго дня. Всѣ пріѣзжіе священники и дяки, многіе изъ почетныхъ хозяевъ, предоставивъ женамъ и сыновьямъ принимать своихъ гостей, шли къ мѣстному священнику. Располагались въ комнатахъ, на *призбѣ* подъ *стріхою*, въ саду и гдѣ попало. Всѣмъ разносилось вдоволь яствія и питія. Молодежь обыкновенно тянуло въ кухню, гдѣ свои и пріѣзжіе поповны и дочери дяковъ суетились по хозяйству, то для порядка, то для вида. Тутъ располагался и амуръ съ своими стрѣлами. Молодые дяки и поповичи помогали паннамъ лѣпить вареники, *скубать* куръ, подать, принести, выне-

сти, причемъ сыпали поговорками, намеками, изреченіями изъ псалтыри и под., живое веселіе не прерывалось, сердца пламенѣли. А между тѣмъ въ *покояхъ* и за покоями шелъ оживленный говоръ, изъ рукъ въ руки непрерывно ходили чарки съ *варенухой*, медомъ, вишневкой, сливянкой и т. п., попадьи то тамъ, то сямъ тихо заводили унылыя пѣсни. Вдругъ хозяинъ или благочинный закричитъ въ дверяхъ: „эй, паны-дяки, панычи"... и тѣ уже знаютъ, зачѣмъ зовутъ ихъ. Всѣ дяки располагались у порога, къ нимъ присоединялись всѣ, кто хорошо пѣлъ, всѣ вставали, какъ-бы ни были пьяны, у оконъ толпились гости, располагавшіеся на дворѣ, изъ сосѣдней комнаты выглядывали панны—поповны. Авторитетный пѣвецъ зачиналъ—непремѣнно: *Хвалите Господа съ небесъ*... Изстари это была начальная пѣснь. За нею непосредственно шла также печальная духовная пѣснь—произведенія школьнаго:

Излій на мя, Боже, со небесе росу,
Да сему пѣнію начало принесу.
Туга мнѣ зѣла и сердце снѣдаетъ,
Аки мечемъ обоюднымъ сквозѣ пробождаетъ.
Ахъ, уподоблюся вранови нощному,
День и нощь во грѣсѣхъ (?) пребывающему...
И т. д.

Шли затѣмъ другія подобныя пѣсни, излюбленные грустные мотивы разнообразились, глубже и глубже отзывались въ душѣ. Гости молча слушали, подпѣвали, кто свѣсилъ голову, кто утиралъ слезы... „Призри на насъ, Боже, со святыхъ высотъ, дай утіху сирымъ отъ своихъ щедротъ"... полились одушевленные плачущіе звуки! При словахъ: „сиріткамъ маленькимъ, вдовицамъ убогимъ"... громко начинали рыдать вдовы и вдовцы, за ними всѣ женщины, у самыхъ стойкихъ выступали на глазахъ слезы, всякій вспоминалъ своего отца, мать, умершихъ дѣтей и родныхъ, всякому начинало казаться, что и онъ сирота. А пѣніе разливалось какъ рѣка и заливало душу мотивами историческаго горя! „Буде вже, годі"—кричалъ невыдерживавшій тоски хозяинъ—„дай намъ, Боже, веселыми та здоровыми бути", и снова начиналось чествованіе, чарки ходили изъ рукъ въ руки, измученные нервы быстро переходили въ противуположное состояніе, начинался смѣхъ, веселіе...

Отецъ мой также считалъ себя тогда сиротою, выросшимъ въ бѣдѣ и горѣ. Тутъ-то давалъ себя всѣмъ чувствовать его обширный голосъ, сиротское чувство проникало его огнемъ, и онъ тогда рѣшительно покорялъ себѣ сердца поповенъ и участіе попадей. На одномъ изъ такихъ праздниковъ общимъ голосомъ порѣшили дать ему въ невѣсты поповну, дочь мѣстнаго священника, которая сильно занимала его и, не смотря на тринадцатилѣтній возрастъ, слыла первой пѣвуньей въ околоткѣ. Скоро за симъ состоялась и свадьба. Это было въ 1821 году.

Живые, веселые, любившіе общество, обое пѣвцы, молодые супруги плохіе были хозяева. Пошли и дѣти, получилъ отецъ и діаконскій санъ (1824 г.), по душѣ пришелся новой громадѣ, мирно жилъ съ священникомъ, кидался на промыслы, много работалъ, а достатка не было. Отецъ мой никогда до самой смерти своей не выпивалъ рюмки водки самъ-на-самъ и ненавидѣлъ такихъ людей, хотя-бы пьющихъ *стомаха ради*. Но отъ компаніи онъ не отставалъ и для друга-пріятеля готовъ былъ и послѣднее отдать. Мать любила общество,—поговорить, попѣть, потанцовать, угостить варенухой, которую она хорошо приготовляла. Причина недостатка въ домѣ была такимъ образомъ ясна, только не для самихъ хозяевъ, которые, продолжая то предаваться житейской поэзіи, то горевать, напрягать силы, ждали завѣтнаго тридцатилѣтія жизни отца, какъ избавленія отъ всѣхъ бѣдствій. По церковнымъ канонамъ, никто не можетъ получить священническаго сана раньше тридцатилѣтняго возраста; исключеніе сдѣлано у насъ только для получившихъ богословское образованіе. Счастье улыбнулось горемыкамъ - супругамъ: едва минуло отцу тридцать лѣтъ, какъ умираетъ священникъ—ближайшій сосѣдъ тестя его, не оставивъ послѣ себя наслѣдника прихода. Тесть, хорошо знакомый въ этомъ приходѣ, тотчасъ вызвалъ зятя и съ нимъ явился къ громадѣ. Громада въ это время убирала въ стоги помѣщичье сѣно. На сѣнокосѣ происходила первая рекомендація. Чтобы рельефнѣе показать достоинства зятя—кандидата, тесть просилъ у громады позволенія прослужить съ нимъ въ мѣстной церкви вечерню, утреню и литургію. Служеніе отлично зарекомендовало отца предъ громадою. Соперниковъ у него не было, потому что не могъ-же считаться соперникомъ хриплый и вялый сосѣдній діаконъ и другой, священникъ,

извѣстный въ околоткѣ своимъ неспокойнымъ характеромъ. По литургіи громада приглашена была во дворъ покойнаго священника для постановленія окончательнаго рѣшенія. Тутъ конечно ожидало громаду угощеніе на счетъ просителя. Тутъ-же производилось и испытаніе житейскихъ достоинствъ кандидата: умѣетъ-ли онъ почтить хозяина, поговорить по душѣ, не драчунъ-ли въ пьяномъ видѣ и т. п. Послѣ сего уговаривались о платѣ за требы. На этомъ пунктѣ отецъ мой сдѣлалъ промахъ: „що ласка ваша, громада,—хто якъ може“, отвѣтилъ отецъ на вопросъ о количествѣ платы. Громадѣ отвѣтъ очень понравился, но въ послѣдствіи отецъ не разъ сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ отъ этой неопредѣленности возникало немало недоразумѣній для обѣихъ сторонъ и прихожане сами часто тяготились невѣдѣніемъ, что дать священнику за трудъ, чтобы и себя и его не обидѣть. Какъ-бы то ни было, составлено было *одобреніе*, съ которымъ отецъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ хозяевъ, отправился къ мѣстному помѣщику. Старикъ и простакъ панъ ласково принялъ отца, вышелъ на крыльцо въ сопровожденіи содержателя корчемъ и мельницъ въ его имѣніи и фактора по дѣламъ его, еврея Азриля, принялъ одобреніе, подписалъ его и вручилъ отцу, сказавши: „jak będziesz dobrym, to i tobie będzie dobrze“ и затѣмъ даже выслалъ отцу рюмку водки, которую тотъ почтительно выпилъ за здоровье пана.

Съ *одобреніемъ* въ карманѣ, засвидѣтельствованнымъ и благочиннымъ, отецъ на радости продалъ послѣднее добро и отправился въ епархіальный городъ. Здѣсь все окончилось успѣшно. Но мытарства, которыя прошелъ онъ въ консисторіи и въ каѳедральномъ соборѣ—отъ подачи прошенія до экзамена, отъ экзамена до рукоположенія, отъ рукоположенія до полученія ставленнической грамоты—такъ подѣйствовали на его впечатлительную натуру, что потомъ въ теченіе двадцати-семилѣтняго служенія своего онъ ни одного разу не былъ въ консисторіи и только два раза былъ у архіерея (оба раза неудачно), и то подъ конецъ жизни своей.

Посвященіе отецъ получилъ 4 августа 1828 г. — день свято чтимый имъ ежегодно, а къ храмовому празднику (8 сент.) онъ уже былъ въ своемъ приходѣ. Служеніе отца въ церкви очень понравилось громадѣ. Въ тотъ-же день полились приношенія: кто дарилъ яловку, бычка, овцу, свинью, кто курицу съ пѣтухомъ,

утку, гуся, кто мѣрку, а кто и корецъ жита, пшеницы, ячменя, овса и под. Тутъ-же пообѣщали достать для него—кто вербу, кто дубъ, ясень и под. на постройки, такъ какъ предшественникъ отца, не оставляя послѣ себя наслѣдника, не заботился о постройкахъ и оставилъ все въ разрушенномъ видѣ, а годное къ употребленію дерево изъ построекъ забрали родственники его. Усадьба для священника была церковная, но постройки на ней онъ долженъ былъ имѣть собственныя. Зиму прожилъ отецъ въ крестьянскомъ домѣ, а въ слѣдующее лѣто у него готовъ уже былъ свой домъ и хозяйственныя службы. По эрекціямъ, даннымъ мѣстнымъ уніатскимъ священникамъ давнимъ владѣльцемъ имѣнія, знаменитымъ польскимъ магнатомъ, земельныхъ угодій въ пользованіи священника было достаточно для того, чтобы жить по тогдашнему въ довольствѣ. Народу жилось тогда довольно просторно. Панъ подолгу живалъ въ городахъ, занимая какія-то общественныя должности и исполняя какія-то выгодныя для него порученія магнатовъ; крестьяне имѣли вдоволь земельныхъ угодій, владѣли хуторами, занимались промыслами, ремеслами, ходили на Донъ, въ Крымъ въ степи на заработки и т. п., а потому жили въ довольствѣ даже въ обиліи сельскихъ благъ. Все обѣщало отцу жизнь спокойную и довольную. Впослѣдствіи всю жизнь поминалъ онъ это первое время въ приходѣ, какъ время наибольшаго общаго довольства и спокойствія.

Польская революція 1831 года измѣнила все положеніе края.

(Продолженіе будетъ).

Два документа по дѣлу передачи почаевской лавры изъ вѣдѣнія уніатовъ въ вѣдомство православное.

Въ іюньской книжкѣ «Кіевской Старины» помѣщены воспоминанія кн. Голицына о посѣщеніи имъ въ 1855 г. почаевской лавры. Эти воспоминанія, хотя и необильныя фактами, дополняютъ «Сказаніе о почаевской успенской лаврѣ» архим. Амвросія (1878 г.) и вмѣстѣ съ нимъ служатъ почти единственными для публики источниками свѣдѣній объ одномъ изъ важнѣйшихъ религіозныхъ пріютовъ въ южной Россіи, имѣвшемъ огромное вліяніе на народъ, особенно въ періодъ уніатскій. Съ переходомъ въ православіе, шумная дѣятельность почаевской лавры замираетъ, громкая въ народѣ слава ея меркнетъ. Безъ сомнѣнія, эта мертвая тишь распростершаяся надъ знаменитою лаврою, только временная. Старинный народно-религіозный центръ Галичины, Волыни и Подолья тихо и медленно, но вѣрно исполняетъ свое призваніе, и вѣроятно недалеко то время, когда обновленная дѣятельность ея зацвѣтетъ среди обновленнаго народа.

Необходимо-бы изслѣдовать причины ослабленія дѣятельности почаевской лавры съ переходомъ ея въ православіе. Безъ сомнѣнія окажется, что это ослабленіе было неизбѣжно, но что причины его временныя. Одною изъ такихъ причинъ было прекращеніе церковно-издательской дѣятельности лавры. Кто однако не согласится, что оно неизбѣжно было для почаевской лавры съ переходомъ ея въ православіе, но что причина, вызвавшая его, теперь уже не существуетъ, что легко можетъ возобновиться эта дѣятельность ея и въ числѣ многихъ другихъ изданій, полезныхъ для народа, возвратить народу старинныя, любимыя имъ, пѣсни духовныя, сборники которыхъ съ такимъ успѣхомъ распространяли почаевскіе базиліане! Кто не знаетъ, съ какою любовію народъ слушаетъ эти пѣсни въ устахъ нищихъ, слѣпцовъ, лирниковъ, искаженныя и схоластическими виршами базиліановъ, и самими пѣвцами, изучающими ихъ по наслышкѣ отъ своихъ собратій! Кто не видитъ, какъ сильно вліяетъ это простодушное пѣніе на народъ и какое подспорье въ этихъ пѣсняхъ, обновленныхъ и упрощенныхъ, нашли-бы для себя проповѣдники и пастыри сельскаго люда! Кіево-печерская лавра продолжаетъ свою почтенную старинную миссію по изданію богослужебныхъ церковно-обрядовыхъ книгъ. Синодальная типографія въ

послѣднее время сосредоточила свою дѣятельность на величайшемъ дѣлѣ распространенія въ народѣ книгъ священнаго писанія. То, что такъ оживляетъ и укрѣпляетъ домашнюю и частную жизнь христіанина, что съ такимъ успѣхомъ проводила въ народъ *уніатская* почаевская лавра, цѣлая область эстетическихъ и нравственныхъ мотивовъ въ приложеніи ко всевозможнымъ случаямъ частной жизни христіанина, въ особенности простаго люда, въ видѣ сборниковъ молитвъ, духовныхъ пѣсней, наставленій, религіозныхъ изображеній и т. п. ожидаетъ своихъ дѣятелей, и, кажется, нѣтъ болѣе причинъ не возобновлять этой дѣятельности въ *православной* почаевской лаврѣ. Съ другой стороны, невозможно было *православной* почаевской лаврѣ продолжать, въ обновленномъ духѣ, историческое призваніе ея въ народѣ въ то время, когда она еще окружена была почти сплошнымъ моремъ уніатства. Но съ 1839, особенно съ 1875 года (возсоединеніе холмскихъ уніатовъ) и эта причина устранена, и возсоединенный съ православною церковію народъ, точно *земля жаждущая*, ждетъ росы небесной, освѣженія, подкрѣпленія и руководства своего религіознаго чувства, которое всегда было однимъ изъ самыхъ сильныхъ двигателей его жизни. Если районъ давняго вліянія почаевской лавры все еще не вполнѣ возстановленъ, если въ настоящую пору три милліона нашихъ галицкихъ братій, глубоко чтущихъ *свою* почаевскую лавру, могутъ пробираться къ ней только тайкомъ, подъ страхомъ обвиненія въ государственной измѣнѣ, за то въ остальной части стариннаго района ея *жатва многа, а дѣлателей мало!* Не разъ намъ приходилось въ средѣ возсоединенныхъ жителей Холмщины и Подлясья выслушивать вопрошающихъ, гдѣ можно купить «почаевскія книжечки», и читать на ихъ лицахъ глубокое недоумѣніе и смущеніе при отвѣтѣ, что такихъ книжекъ нигдѣ нельзя теперь купить...

Но не объ этомъ у насъ здѣсь рѣчь, а объ одной изъ тѣхъ мнимыхъ причинъ упадка дѣятельности почаевской лавры, послѣ обращенія ея въ православное вѣдомство, о которыхъ въ свое время громко вопилъ уніатскій и польско-католическій міръ какъ у себя дома, такъ и по Европѣ. Въ началѣ іюня 1831 г. въ почаевскій монастырь прибылъ съ своимъ отрядомъ генералъ польскихъ мятежныхъ войскъ Дверницкій. Базиліане радушно приняли его, угощали весь отрядъ, снабдили всѣмъ нужнымъ. 13 іюня настоятель монастыря, казначей и экклесіархъ арестованы по распоряженію высшей власти и подъ конвоемъ отправлены въ Кіевъ, въ монастырѣ наскоро устроено было временное управленіе. Въ сентябрѣ уже послѣдовало Высочайшее повелѣніе о передачѣ почаевскаго монастыря въ православное вѣдомство. Назначена была коммисія для пріема монастыря. Эта коммисія, состоявшая изъ самыхъ разнородныхъ лицъ, побуждаемыхъ самымъ составомъ своимъ быть точными и аккуратными въ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія, не нашла и слѣдовъ предполагавшихся огромныхъ суммъ монастыря, открыла безпорядочность въ денежныхъ счетахъ, видимо произведенную намѣренно, не нашла многихъ драгоцѣнностей и т. п. Но вслѣдъ за окончаніемъ пріема монастыря въ православное

вѣдомство, появилась молва, что въ лаврѣ накоплены были уніатами несмѣтныя сокровища, дававшія базиліанамъ возможность широко распространять вліяніе ея, и что эти сокровища разграблены лицами, которымъ порученъ былъ пріемъ лавры со всѣмъ ея имуществомъ въ православное вѣдомство. Мѣстные польско-католическіе языки распространяли эту молву повсюду, именуя главныхъ *грабителей* и увеличивая цифру *заграбленныхъ* суммъ до баснословныхъ размѣровъ; бывшіе почаевскіе базиліанскіе монахи злобно поддерживали эти толки, а польская заграничная печать разнесла ихъ по Европѣ. На Волыни многіе еще помнятъ эти толки, которые дошли даже до императора Николая Павловича. По высочайшему повелѣнію, дѣло это изслѣдовано было житомірскою военно-судною коммисіей и документы о немъ имѣются въ разныхъ волынскихъ канцеляріяхъ. Желательно было извлечь эти документы на свѣтъ Божій и выяснить по нимъ темную исторію, надѣлавшую въ свое время много шуму и теперь не утратившую своего значенія. Въ архивѣ яблочинскаго монастыря [1]) мы нашли въ копіяхъ отзывъ военно-судной коммисіи въ волынскую духовную консисторію и черновую показанія игумена яблочинскаго монастыря Іоанникія. Оба эти документы знакомятъ насъ съ весьма интересными сторонами этого дѣла, но далеко не даютъ о немъ полнаго и точнаго понятія. Сообщеніемъ этихъ документовъ на страницы «Кіевской Старины» мы желали-бы вызвать на подражаніе намъ другихъ, владѣющихъ большимъ матеріаломъ, и такимъ образомъ поднять изъ пыли архивной это дѣло, важное уже и потому, что оно осталось несмытымъ пятномъ на чести пріемной коммисіи и не осталось, кажется, безъ вліянія на судьбу тѣхъ изъ ея членовъ, которые менѣе всего могли-бы быть тутъ въ чемъ либо виновны.

№ 1.

Отношеніе коммисіи военнаго суда, въ г. Житомірѣ надъ мятежниками учрежденной, въ волынскую греко-россійскую духовную консисторію.

„По содержанію производимаго по высочайшему повелѣнію военно-суднаго дѣла о расхищеніи имущества бывшаго базиліанскаго почаевскаго монастыря ксендзами онаго при передачѣ

---

[1]) Яблочинскій монастырь находится въ сѣдлецкой губерніи, бѣльскаго уѣзда, на островѣ р. Буга, вблизи дер. Яблочной. Основанъ въ XVI вѣкѣ и извѣстенъ тѣмъ, что, будучи сплошь окруженъ уніей и подвергаясь всевозможнымъ нападеніямъ, онъ ниразу не измѣнялъ православію. Нынѣ онъ возведенъ на степень первокласснаго монастыря, съ увеличеніемъ содержанія и числа братіи.

въ лоно православія и къ приведенію обстоятельствъ дѣла въ положительную извѣстность, коммисія нужнымъ находитъ:

„*Первое.* Сообщить оной консисторіи слѣдующія показанія іеромонаха Вышатицкаго, что, за отъѣздомъ архимандрита Скивскаго въ г. Кіевъ 1831 года, іюля 13 дня, поручено ему жандармскимъ полковникомъ Яковлевымъ словесно 15 іюля 1831 года исправлять должность настоятеля въ монастырѣ, съ приказаніемъ смотрѣть, чтобы монахи безъ вѣдома его никуда не отлучались и исполняли бы неопустительно свои обязанности; — занимаясь симъ, не вмѣшивался онъ ни въ какія хозяйственныя по монастырю распоряженія, ибо таковыя Скивскимъ поручены были другимъ іеромонахамъ (которые ниже будутъ поименованы), а равно (показанія) монаховъ: Шивурскаго, Галинскаго, Даниловича, Ильясевича и Дзелинскаго, что прошлаго 1831 года октября 8 дня вечеромъ прибыли въ почаевскій бывшій базиліанскій монастырь: архимандритъ Флавіанъ, протоіереи Рафальскій и Новицкій [1]), говоря, что они ѣдутъ на встрѣчу митрополиту Евгенію, а какъ было уже поздно и шелъ сильный дождь, то, по приглашенію базиліанъ, остались переночевать въ монастырѣ. На другой день, то есть втораго числа (часа?) поутру, кременецкій исправникъ Бульковскій, собравъ много крестьянъ, окружилъ оными монастырь и не велѣлъ никого пущать въ оный или изъ онаго, а послѣ обѣда, въ 4-мъ или 5-мъ часу, прибыли въ монастырь: корпуса жандармовъ поручикъ Кирѣевъ, полковникъ Вильяшевъ, исправникъ Бульковскій, засѣдатели: Сонцевъ, Горскій, секретарь греко-россійской духовной консисторіи Карашевичъ, игуменъ Іоанникій и іеромонахъ Маврикій, кои съ предъименованными лицами составили коммисію для принятія монастыря со всѣмъ его имуществомъ въ православное вѣдомство. Чиновники сіи того же дня, объявя собравшимся по ихъ приказанію въ трапезѣ базиліанамъ высочайшую волю о передачѣ того монастыря въ православіе, тотчасъ отобрали отъ нихъ всѣ ключи отъ церкви, казначейства, кладовыхъ, погребовъ и амбаровъ, опечатали оные своими печатьми, безъ приглашенія базиліанъ, и поставили военный караулъ внутри и снаружи мо-

---

[1]) Архим. Флавіанъ—ректоръ волынской духовной семинаріи; протоіерей Рафальскій—впослѣдствіи Антоній, архіепископъ варшавскій и митрополитъ петербургскій; протоіерей Наркиссъ Новицкій умеръ въ должности каѳедральнаго протоіерея житомірскаго собора въ 1850-хъ годахъ.

настыря, также при дверяхъ церкви, всѣхъ хранилищъ монастырскаго имущества и келій тѣхъ базиліанъ, кои завѣдывали какою-либо частію монастырскаго имущества, а исправлявшаго должность казначея, іеромонаха Шивурскаго, держали подъ карауломъ восемь дней. Хотя же базиліане сихъ чиновниковъ просили обождать, покуда они получатъ отъ своего начальства предписаніе о передачѣ монастыря въ лоно православія (о чемъ послѣдовалъ на имя Вышатицкаго указъ изъ литовской греко-уніатской консисторіи отъ 16 октября 1831 года, а имъ полученъ 29 октября того-же мѣсяца) или для исправной сдачи онаго со всѣмъ имуществомъ вытребовать въ Почаевъ архимандрита Скивскаго, казначея Постилькевича и экклезіарха Стародубовскаго, знавшихъ во всѣхъ подробностяхъ состояніе монастыря и при выѣздѣ своемъ въ г. Кіевъ имъ ничего не сдавшихъ, но чиновники, не согласившись, отозвались, что они и сами будутъ умѣть принять все исправно, и начали такимъ образомъ: въ монастырской кладовой исправлявшій должность казначея Шивурскій подъ арестомъ отдавалъ имъ тѣ деньги, которыя были ему извѣстны, а неизвѣстныя сами они нашли въ секретныхъ ящикахъ; тѣ и другія, пересчитавши, вложили въ мѣшки, привязали къ нимъ ярлыки и опечатали своими печатьми. Въ первыхъ росписались: Вышатицкій и онъ, Шивурскій, а въ послѣднихъ не приказывали имъ росписываться чиновники. Потомъ описывали заставныя вещи, какъ-то: золотыя и серебряныя кольца, табакерки, серьги, часы карманные, мониство (монисты?), соболій воротникъ, старопольскіе золотые и серебренные поясы, серебряные подсвѣшники, столовыя и разныя ложки, ножи и вилки [1]). За симъ приступили къ осмотру церковныхъ вещей, которыя представлялъ іеромонахъ Ильясевичъ. Архимандритъ Флавіанъ съ чиновниками, по имѣвшейся у него описи, повѣрилъ каждое облаченіе, каждый сосудъ и каждую металлическую принадлежность церкви; назвавъ оные прежде по той описи, приказывалъ подавать ему и прочимъ чиновникамъ для осмотру. Священническія облаченія не только оказались всѣ, но еще болѣе противъ описи; изъ серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ нѣкоторыхъ не оказалось и, какъ помнитъ Ильясевичъ, монстранціи одной, чашъ и подсвѣчниковъ нѣсколько (впослѣдствіи отысканныхъ). Привѣсокъ

---

[1]) Отцы базиліане, очевидно, соперничали съ жидами – ростовщиками.

(вòта) серебряныхъ вызолоченныхъ, взятыхъ изъ епископской кладовой, изъ пещерной церкви и изъ скарбца, не считали, но только перевѣсили и, не объявивъ базиліанамъ о количествѣ вѣсу, уложили въ сундукъ, а висящихъ въ храмѣ на чудотворномъ образѣ Божіей Матери и вокругъ онаго до 600, а можетъ быть болѣе, также вокругъ распятія и св. Николая, тоже не считали и вовсе не вѣсили, и хотя Ильясевичъ просилъ о семъ архимандрита Флавіана и чиновниковъ, но они ему сказали, что видятъ тѣ привѣски и сего довольно. Послѣ того осматривали монастырскій архивъ, но не описывали бумагъ,—сказали, что много требуется на то времени, затѣмъ библіотеку, всѣ монастырскія заведенія, какъ то: типографію, восковой заводъ (блѣхъ), богадѣльню, повѣтовое училище, аптеку. О монастырской конюшнѣ, хлѣбномъ, желѣзномъ и строеваго дерева магазинахъ, мастерскихъ и пасѣкахъ іеромонахъ Дзѣлинскій отдалъ имъ полные регистры, но фольварки съ людьми, скотомъ, хлѣбомъ и хозяйственными заведеніями, какъ не бывшіе въ его завѣдываніи, чиновники принимали и описывали сами, а Дзелинскій только по приказанію ихъ только подписался подъ вѣдомостью о числѣ крестьянъ. Такъ равно у іеромонаха Данилевича приняты ими погребъ съ сыченымъ медомъ, кладовая съ полотномъ и сукномъ чорнымъ на габиты монахамъ и хранившіяся въ сей кладовой въ запечатанныхъ сундукахъ вещи покойнаго провинціала Билинкевича. Монастырскій буфетъ, погреба съ виномъ и водкою, по показанію іеромонаха Галинскаго, чиновники описали въ два дня, подъ описью же онъ Галинскій не подписывался, ибо не имѣлъ отъ нихъ на сіе приказанія. Вышепоименованные чиновники не всѣ вмѣстѣ ревизовали одну какую либо часть монастырскаго имущества, но раздѣльно: одни повѣряли одну, а другіе другую отрасль достоянія, оставивъ въ бездѣйствіи базиліанскихъ іеромонаховъ, завѣдывавшихъ монастырскимъ имуществомъ, такъ что они вовсе таковаго не передавали чиновникамъ, отъ правительства для сего назначеннымъ, но сіи послѣдніе сами собою забирали все, а базиліане были только зрителями и то тогда, когда къ тому приглашены были. Каковый пріемъ безъ депутатовъ со стороны базиліанъ, о которыхъ православные чиновники отозвались, что ихъ имъ не нужно, продолжался съ 9 октября до послѣднихъ чиселъ ноября, а къ сему времени они сами, безъ присутствія бывшаго въ должности настоятеля монастыря іеромонаха Вышатицкаго и другихъ должностныхъ

ксендзовъ, составили сдаточныя всему имуществу описи въ трехъ экземплярахъ и приказали съ угрозами оныя подписать базиліанамъ, которые совершенно не знаютъ, что въ оныхъ заключалось, ибо таковыя ими не читаны, а сами не могли знать по неразумѣнію россійскаго языка; притомъ чиновники не объявляли имъ ни о какихъ недостаткахъ".

„Архимандритъ Скивскій объяснился, что въ бытность его настоятелемъ, въ монастырѣ всѣ церковныя облаченія и дорогіе изъ камней и металловъ сосуды и украшенія были въ цѣлости, кромѣ что изъ первыхъ (одеждъ) по ветхости нѣкоторыя передѣланы изъ двухъ или трехъ на одну, но на мѣсто убылыхъ построены новыя, а изъ послѣднихъ нѣкоторыя по надобности передѣланы на другія, или проданы, а деньги употреблены на церковныя потребности, и часть оныхъ въ 1822 году неизвѣстно кѣмъ украдена. Потомъ Скивскій продолжаетъ, что аптека при монастырѣ была домашняя и завѣдывалъ оною послушникъ Базилевичъ, у котораго были шнуровыя книги для записи прихода и расхода денегъ, лекарствъ и матеріаловъ. Дохода отъ оной деньгами не только не было, чтобы уплачивать ежегодно бывшему кременецкому лицею по 150 злотыхъ, но еще изъ монастырской суммы давались деньги по мѣрѣ надобности на покупку лекарствъ. Въ кладбищной церкви, какія были деньги 43 руб. сереб., онъ навѣрное не знаетъ, а полагаетъ, что или приходскаго монаха Павловскаго, или погребальщиковъ. Типографія была привиллегированная, восковой заводъ (блѣхъ)—хозяйственное заведеніе; завѣдывали іеромонахи—первого Зиневичъ, второго Абрамовичъ. По двадцати и болѣе тысячъ злотыхъ удерживали они у себя съ вѣдома настоятеля для покупки матеріаловъ, платы работникамъ, поддержанія въ исправности строеній, въ коихъ помѣщались заведенія, машины и посуды. Приносили доходъ (типографія и свѣчной заводъ) деньгами въ разномъ числѣ и матеріалами, книгами и свѣчами. Въ сихъ заведеніяхъ были шнуровыя книги, данныя отъ него, Скивскаго, іеромонахамъ, кои по тѣмъ книгамъ были обязаны сдать чиновникамъ, принимавшимъ монастырь въ православіе, во всей исправности и безъ недостатковъ, а почему того не сдѣлали,—ему, Скивскому, неизвѣстно, причемъ онъ, архимандритъ, присовокупилъ, что если-бы высшее начальство соблаговолило возвратить изъ г. Кіева въ Почаевъ его, казначея Постилькевича, и экклезіарха Стародубовскаго, хотя подъ стражайшимъ карауломъ, и велѣно имъ сдать

монастырь со всѣмъ онаго имуществомъ, то бы они, какъ знавшіе въ подробности всѣ достоянія монастыря и тѣхъ монаховъ, кои кто чѣмъ завѣдывалъ, сдали бы все въ исправности. Чиновниками, принимавшими сей монастырь въ православіе въ концѣ 1831 года, взято въ наличности болѣе 12 тысячъ руб. сереб. оттого, что въ предъидущихъ годахъ полученные не вполнѣ отъ должниковъ проценты и нѣкоторые капиталы, а равно весь приходъ за 1831 годъ не были записаны въ шнуровую книгу. Также чиновники забрали изъ всѣхъ мѣстъ суммы, которыя базиліанами оставлялись тамъ по надобностямъ, какъ-то въ типографіи и въ блѣху, а потому, соединивши всѣ деньги въ одну сумму, могъ быть наличный остатокъ болѣе 12 тыс. руб. сер.".

„Показанія іеромонаховъ Стародубовскаго и казначея Постилькевича о вышеизложенныхъ предметахъ согласны съ архимандритомъ Скивскимъ, причемъ Постилькевичъ присовокупилъ, что, при выѣздѣ своемъ въ г. Кіевъ 1831 года іюня 13 дня, письменныя казначейскія и прочія дѣла оставилъ въ безпорядкѣ разбросанными, потому что бывшая въ томъ монастырѣ коммисія для изслѣдованія причинъ прихода туда мятежника Дверницкаго, всѣ казначейскія письменныя дѣла заарестовавъ болѣе мѣсяца разсматривала и перемѣшанныя возвратила ему Постилькевичу въ безпорядкѣ, а онъ, по краткости времени и за занятіями, не успѣлъ таковыхъ привесть въ порядокъ до выѣзда въ Кіевъ; деньги же по полу были разбросаны вѣроятно отъ того, что мѣшокъ съ деньгами, отъ какого-либо движенія опрокинувшись, развязался".

„Посему, для соображенія всѣхъ вышеизложенныхъ предметовъ, коммисія имѣетъ честь покорнѣйше просить консисторію доставить въ поспѣшности слѣдующія свѣдѣнія:

а) „Увѣдомить, какіе именно чиновники принимали сказанный монастырь въ православное вѣдомство (ибо главнѣйшіе между оными были, по показанію базиліанъ: архимандритъ Флавіанъ, протоіереи: Рафальскій и Новицкій, игуменъ Іоанникій, іеромонахъ Маврикій—нынѣшній экклезіархъ почаевской успенской лавры, также секретарь оной консисторіи Карашевичъ), какое они имѣли отъ высшаго начальства предписаніе или инструкцію, или же особыя наставленія (съ коихъ прислать копіи) о порядкѣ принятія монастыря въ православіе, какими документами и визитою 1823 года епископа (уніатскаго) Мартусѣвича руководствовались при пріемѣ онаго, съ какого числа, мѣсяца и

года начался пріемъ, какимъ порядкомъ оный былъ производимъ и когда именно совершенно оконченъ".

б) „Были-ли при сдачѣ монастыря со стороны базиліанъ депутаты: суперіоръ кременецкаго монастыря Климентій Гриневецкій и владимірскій деканъ Іоаннъ Абрамовичъ, или кто именно другіе, назначенные вслѣдствіе Высочайшей воли литовскою греко-унитскою консисторіею, о чемъ оная указомъ отъ 16 октября 1831 года дала знать управлявшему тогда почаевскимъ монастыремъ іеромонаху Вышатицкому, буде же они при этомъ не присутствовали, то по какой причинѣ, и на случай, если бы о устраненіи ихъ отъ сей обязанности послѣдовало отъ начальства распоряженіе, то съ онаго прислать копію".

„*Второе.* Изложить подробные доводы противъ показаній базиліанскихъ ксендзовъ о немогшемъ якобы произойти недостаткѣ въ церковныхъ одеждахъ и драгоцѣнностяхъ, обнаруженныхъ впрочемъ при пріемѣ монастыря и консисторіею въ вѣдомостяхъ, доставленныхъ въ коммисію при отзывѣ отъ 17 февраля № 341 подъ литерою А и 7 апрѣля № 1349 подъ литерою I показанныхъ: фелоновъ 15 и стихарей 10, о которыхъ архимандритъ Скивскій и экклезіархъ Стародубовскій объявили, что отъ ежедневнаго употребленія таковыя портились, посему съ дозволенія перваго послѣдній дѣлалъ изъ двухъ, а иногда изъ трехъ ветхихъ одинъ аппаратъ годный, чрезъ что и могъ сдѣлаться упоминаемый недостатокъ, а хотя передѣланные убыли и измѣнились въ номерахъ описанія, а можетъ быть и наименованія, но на мѣсто убылыхъ поступили вновь сшитые изъ купленныхъ и пожертвованныхъ молельщиками матерій на ризы и на завѣски чудотворнаго образа, и потому въ общемъ счетѣ передѣланныхъ и вновь сшитыхъ не только число оныхъ не могло быть меньше противъ той визиты, но еще превышало. Въ дѣйствительности его подтвердилъ іеромонахъ Саллюстій Ильясевичъ, сдававшій сіи одежды и объяснявшій чиновникамъ такое измѣненіе одеждъ. Церковнаго серебра въ сосудахъ и прочемъ, въ церковной ризницѣ употребляемыхъ, сведенныхъ въ общія статьи по собственнымъ своимъ наименованіямъ каждой вещи означено по тѣмъ-же вѣдомостямъ недостающими подъ литерою А артикуловъ 26, по вѣдомости же подъ литерою I показано уже только 13 артикуловъ. Сіи вѣдомости учинены были въ монастырѣ: 1) съ 1-го февраля, изъ новой вѣдомости о недостающихъ вещахъ собственною рукою архимандритомъ Флавіаномъ отмѣченныхъ и подпи-

сомъ базиліанскихъ монаховъ засвидѣтельствованныхъ, а послѣдняя подъ литерою I—29 марта. Изъ сего оказывается, что въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ отыскано: корона одна, монстранція одна, потировъ 9, дискосовъ 11, звѣздицъ 10, крестъ одинъ, ложицъ 10, подсвѣчниковъ вышиною въ аршинъ 4, до 7 вершковъ—2 и меньшихъ всего 12, чашъ 4 и сверхъ того изъ серебряныхъ привѣсокъ отыскано 4, но въ какихъ мѣстахъ всѣ сіи вещи открыты, того не объяснено. Затѣмъ о послѣднихъ недостающихъ вещахъ, поименованныхъ въ той-же вѣдомости подъ литерою I, экклезіархъ Стародубовскій и впослѣдствіи заступавшій его мѣсто Ильясевичъ показали: *двѣ золотыя короны*, ватиканскія на чудотворномъ образѣ Божія Матери *двѣ короны серебряныя позолоченныя* съ дорогими каменьями на намѣстныхъ иконахъ Спасителя и Божіей Матери въ пещерной церкви, *одна серебряная* 4-ой (84?) пробы, а *другая мѣдная*, обѣ позолоченныя, съ разноцвѣтными стеклами на подобіе камней, въ зимней церкви на намѣстныхъ иконахъ, *стаканчикъ* отъ стопы Божіей Матери давно еще во время монастырскаго храма (т. е. храмоваго праздника) украденъ,—*два реликвіара* (для храненія частицъ св. мощей?), *корзина* для пшеницы, *веночники*, *лампадки*, *подносъ* — были въ скарбцѣ, а оловянные подсвѣчники на престолахъ въ наличности, и всѣ оные іеромонахъ Саллюстій показывалъ чиновникамъ, принимавшимъ монастырь, они ихъ описывали и не говорили ему, что еще такихъ вещей не достаетъ, кромѣ какъ только не оказалось, сколько онъ помнитъ, монстранціи одной, чашъ и подсвѣчниковъ нѣсколько, вѣроятно тѣхъ, кои отысканы при гробѣ Каневскаго [1]) и въ столбѣ подъ чудотворнымъ образомъ. Серебряныхъ привѣсокъ вокругъ чудотворнаго образа Божіей Матери на стѣнѣ и столбахъ висящихъ до 600 штукъ, а можетъ быть и болѣе, равно вокругъ Распятія и подъ иконою св. Николая архимандритъ Флавіанъ и чиновники не считали, хотя ихъ Ильясевичъ о томъ просилъ, но они сказали, что видятъ тѣ привѣски и сего довольно. Тѣхъ же привѣсокъ, кои были за излишествомъ сложены въ бискупской кладовой, въ скарбцѣ и въ пещерѣ, также не считали и не говорили, сколько оныхъ должно быть, но только перевѣсили и не объявили количества

---

[1]) Т. е. старосты каневскаго — Николая Потоцкаго, строителя главнаго собора и монастырскихъ зданій (1771—1772 г.), умершаго въ 1782 г. и похороненнаго въ подвалѣ собора.

вѣсу. Архимандритъ Скивскій, равно іеромонахъ Стародубовскій добавили къ тому еще слѣдующее: что изъ числа сихъ привѣсокъ, не могшихъ помѣщаться вокругъ чудотворнаго образа и другихъ, были сдѣланы двѣ или три чаши, шата на образъ Божіей Матери въ (слово неразборчиво написанное) на престолѣ стоявшей, напрестольный крестъ, а какъ еще предполагалось сдѣлать шесть подсвѣчниковъ вышиною въ локоть, то изъ тѣхъ же привѣсокъ значительное число оныхъ разной величины и пробы для уравненія качества металла стопилъ Стародубовскій въ слиткѣ вѣсомъ *до полтора пуда*, которые и были скрыты въ столбѣ подъ чудотворнымъ образомъ (а послѣ найдены тамъ), также употреблено оныхъ на посеребреніе мѣдныхъ рамъ на антипедіи главнаго престола. Слѣдовательно, посчитавши сіи подѣлки и слитки серебра со всѣми наличными привѣсками въ храмѣ на иконахъ висящими и съ излишними, бывшими схороненными въ сказанныхъ мѣстахъ, не можетъ оказаться недостатка".

Относительно того, что консисторія въ отзывѣ своемъ отъ 17 февраля № 341 упоминала, что значущихся въ книгѣ приношеній (офяръ) драгоцѣнныхъ вещей вовсе не оказалось, но въ доставленной при отзывѣ оной-же отъ 7 апрѣля, № 1394, вѣдомости подъ литерою К. показано довольное количество вещей по наименованіямъ въ книгѣ офяръ значущихся и по счисленіи (сличеніи?) съ оною духовный соборъ сдѣлалъ отмѣтку: „тѣ ли самыя вещи, какія помѣщены въ сказанной книгѣ, неизвѣстно". Далѣе въ первомъ отношеніи, № 341, продолжаетъ, что самый приходъ тѣхъ пожертвованій базиліанами показанъ только по 6 число іюля 1827 года, и съ сего времени дальнѣйшаго слѣда о подобныхъ приношеніяхъ, которыя не могли не быть и въ послѣдовавшихъ годахъ, ни по сей книгѣ, ни по другимъ монастырскимъ актамъ не имѣется. Но архимандритъ Скивскій и бывшій экклезіархъ іеромонахъ Стародубовскій, на запросъ о семъ и по предъявленіи имъ вышеписанной вѣдомости подъ литерою К., объяснили, что показанныя въ оной вещи суть тѣ самыя, которыя были молельщиками приносимы въ даръ церкви и записаны въ регистръ офяръ, недостающія-же противъ онаго многія были украдены въ 1822 году, а червонцы, золотыя медали и кольца употреблены на позолотку чашъ, крестовъ и другихъ сосудовъ церковныхъ и антипедіи, а нѣкоторыя по ненадобности проданы и деньги издержаны на потребности монастырскія, и что сіи добровольныя приношенія не

были болѣе дѣлаемы послѣ 6-го іюля 1827 года, а Стародубовскій добавилъ, что сіи вещи также суть тѣ самыя, которыя онъ скрылъ въ столбѣ подъ чудотворнымъ образомъ Божія Матери и при гробѣ Каневскаго. А какъ епископъ Мартусевичъ при ревизіи не свидѣтельствовалъ книги офяръ, ибо нѣтъ его въ оной подписи, какъ таковыя дѣлали провинціалы, консисторія же и лаврскій соборъ не упоминаютъ, чтобы сіи вещи были Мартусевичемъ показаны въ общей его визитной описи, то вѣроятно, что сіи вещи суть тѣ самыя, кои записаны въ книгѣ офяръ. Но для достовѣрности консисторія не оставитъ аккуратнѣйшую выправку касательно недостатка въ церковныхъ вещахъ и затѣмъ доставитъ въ коммисію для соображенія самовѣрнѣйшія вѣдомости: a) полную всему монастырскому имуществу, поступившему отъ базиліанъ въ православное духовенство, въ суммахъ, вещахъ и недвижимостяхъ заключающемуся; b) сколько суммъ и вещей и какихъ наименованій, за всѣми отысканными, не достаетъ противъ визиты 1823 года и другихъ документовъ, коими руководствовались при пріемѣ православные; c) сколько оказалось противъ тѣхъ же, визиты и документовъ, излишними суммъ и вещей и какихъ наименованій. Притомъ изъяснить, отчего въ отзывахъ оной и вѣдомостяхъ произошла вышеписанная разница въ недостаткѣ церковныхъ вещей, наименовавъ тѣ мѣста, въ коихъ впослѣдствіи открыто 13 артикуловъ церковнаго серебра и 4 привѣски".

Третье. По вѣдомости, приложенной консисторіею при отношеніи отъ 7 апрѣля, № 1349, о суммахъ, поступившихъ отъ базиліанъ въ православіе, показано: a) что въ казначейской кладовой отыскано въ скрытыхъ мѣстахъ до 6 тысячъ руб., серебромъ, а завѣдывавшій симъ монастыремъ іеромонахъ Вышатицкій показалъ (можетъ быть ошибочно), что при открытіи потаенныхъ ящиковъ въ шкафахъ вынуто оттоль въ шести мѣшкахъ серебряными рублями 6250 р. с., которые принявъ, православные не позволили ему подъ итогомъ подписаться. b) Въ ризницѣ соборной церкви взято 127 руб. 82½ коп. серебромъ и 42 р. 52 коп. мѣдью, безъ книги приходо-расходной. Но архимандритъ Скивскій, іеромонахи Постилькевичъ и Стародубовскій отозвались, что деньги сіи давались молельщиками и на записку оныхъ, а равно и вырученныхъ за продажу бутылочекъ на святую воду была тамъ всегда книга не шнуровая, выданная изъ монастырскаго казначейства, которая, какъ объявилъ помощникъ эклезіарха іеромонахъ Ильясевичъ, находилась на столѣ и въ то время, когда архимандритъ Флавіанъ

и іеромонахъ Маврикій принимали упомянутыя деньги, но по той книгѣ, означающей приходъ оныхъ, не повѣряли и просьбы о томъ Ильясевича не уважили. Книга же сія величиною была въ листъ, сложенный въ длину пополамъ, толщиной въ полторы дести, выдана въ закрытіи экклезіархомъ Стародубовскимъ. c) Въ келіи ксендза Шавурскаго принято 159 руб. 80$^{3}/_{4}$ коп. серебромъ то же безъ всякой отчетности, напротивъ того Вышатицкій увѣряетъ, что при немъ архимандритъ Флавіанъ отобралъ у Шавурскаго деньги, бывшія на ежедневные расходы, съ расчетомъ онымъ, а послѣдній, утверждая сіе, говоритъ, что таковый поданъ имъ написанный его рукою, но неподписанный. d) Подобно сему въ монастырской типографіи и лаврской аптекѣ, въ коихъ такъ-же найдены и приняты суммы, означенныя въ упомянутой вѣдомости безъ всякихъ свѣдѣній, по объявленіямъ-же архимандрита Скивскаго и казначея Постилькевича въ означенныхъ мѣстахъ имѣлись на записку денегъ, а въ послѣдней и лекарствъ, книги, но почему православными чиновниками таковыя не приняты и не общитаны, имъ неизвѣстно. e) Касательно оказавшагося недостатка при учетѣ книги въ свѣчной лавкѣ и восковомъ заводѣ (блѣхѣ) денегъ 4758 злотыхъ 19$^{1}/_{2}$ грошей или 714 руб. 79$^{2}/_{3}$ коп. серебромъ, не видно, чтобы завѣдывавшій онымъ іеромонахъ Абрамовичъ, который сдавалъ всю о томъ отчетность, былъ опрошенъ православными чиновниками о происшедшемъ у него недостаткѣ, а потому консисторія не оставитъ также распорядиться, чтобы въ поспѣшности были учинены выправки объ отысканіи упомянутыхъ денежныхъ документовъ и если таковые окажутся, то сдѣлать по онымъ надлежащую тѣмъ суммамъ повѣрку и о послѣдующемъ почтить коммисію извѣщеніемъ, добавя притомъ, отчего меньше показано суммы, отысканной казначейской кладовой въ секретныхъ ящикахъ шкафовъ противъ показанія Вышатицкаго, и былъ-ли, какъ выше означено, членами принимавшими въ православіе монастырь запрашивалъ іеромонахъ Абрамовичъ о вышеобъясненномъ недостаткѣ у него денегъ, и буде имѣется о семъ его объясненіе, то прислать оное въ коммисію".

„И наконецъ *четвертое*. Присланная при отзывѣ духовнаго собора почаевской лавры на имя консисторіи отъ 5 апрѣля № 152 книга, или опись всему монастырскому имуществу безъ конца была предъявляема архимандриту Скивскому, коимъ признана тою самою, которая составлена 1824 года провинціаломъ Милинкевичемъ и ему Скивскому вручена при постановленіи его суперіоромъ

бывшаго почаевскаго базиліанскаго монастыря, для руководства при принятіи и въ случаѣ сдачи монастырскаго имущества, и что оная книга, при выѣздѣ его въ Кіевъ, оставлена въ келіи его съ концемъ и утверждена подписомъ того провинціала. Судебная коммисія имѣетъ честь просить покорнѣйше консисторію приказать вновь сдѣлать вѣрнѣйшую выправку по дѣламъ бывшимъ въ келіи Скивскаго, которые, какъ видно изъ производимаго дѣла, православными чиновниками, бывъ взяты, сложены въ мѣшки и положены въ кладовой, не окажется-ли окончанія сказанной книги, необходимо для соображенія нужной, и буде отыщется, то прислать въ коммисію".

„Подлинное подписали: Презусъ подполковникъ Македонскій, аудиторъ 13-го (?) класса Михайловъ".

„Съ подлиннымъ вѣрно: за секретаря титулярный совѣтникъ Михаилъ Правосудовичъ".

Г. Житоміръ
10 декабря 1833 года
№ 219.

№ 2.

Въ в(олынскую) д. консисторію яблоченскаго св. Онуфріевскаго монастыря настоятеля, игумена Іоанникія.

Репортъ.

„Въ исполненіе Его Императорскаго Величества указа изъ волынской духовной кенсисторіи отъ 30 декабря истекшаго 1833 года за № 6947, съ приложеніемъ копіи отношенія коммисіи военнаго суда, въ г. Житомірѣ надъ мятежниками учрежденной, отъ 10 числа того-жъ декабря за № 219 ко мнѣ послѣдовавшаго, а мною 22 сего генваря полученнаго, долгъ имѣю покорнѣйше донести волынской духовной консисторіи: острожско дерманскаго первокласснаго монастыря настоятель о. архимандритъ Іерофей 5 октября 1831 года, получивъ отъ преосвященнѣйшаго Амвросія, бывшаго епископа волынскаго-житомірскаго и кавалера, предписаніе выслать немедленно меня, бывшаго въ то время намѣстникомъ острожско-дерманскаго монастыря, и діакона Михаила Билецкаго, что нынѣ почаевской успенской лавры келарь іеромонахъ Меѳодій, въ загаецкій монастырь въ распоряженіе волынской семинаріи ректора, загаецкаго монастыря настоятеля, о. архимард-

рита Флавіана, того же дня насъ туда выслалъ. Пріѣхавъ съ прописаннымъ діакономъ въ загаецкій монастырь 6 октября, я не засталъ о. архимандрита Флавіана, а только получилъ отъ него письменное повелѣніе слѣдовать за нимъ чрезъ г. Кременецъ въ Почаевъ. Въ почаевскій бывшій базиліанскій монастырь прибылъ я съ іеромонахомъ Маврикіемъ, что нынѣ экклезіархъ почаевской успенской лавры, и діакономъ Михаиломъ Билецкимъ 9 октября въ 12 часовъ дня, гдѣ засталъ о. р. архимандрита Флавіана, протоіереевъ: Рафальскаго и Новицкаго, а такъ же кременецкаго исправника Бульковскаго и засѣдателей: Горскаго и Солнцева, куда затѣмъ въ скоромъ времени еще прибыли петербургскіе чиновники Войцеховичъ и Вильяшевъ или Вильяменовъ, корпуса жандармовъ поручикъ Кирѣевъ и каѳедральный протодіаконъ Вас. Красицкій. Гражданскіе чиновники, призвавъ исправлявшаго въ монастырѣ должность настоятеля, іеромонаха Вышатицкаго, просили его, чтобы приказалъ всѣмъ базиліанамъ собраться въ трапезу для выслушанія высочайшей Его Императорскаго Величества воли. Православные духовные и гражданскіе чиновники въ 3, кажется, часа пополудни, когда базиліане всѣ собрались, пришли къ нимъ въ трапезу. По объявленіи гражд. чиновниками базиліанамъ высочайшей Его Императорскаго Величества воли, о передачѣ почаевскаго ихъ монастыря со всѣмъ имуществомъ и капиталами въ вѣдомство православнаго духовенства, базиліане, будучи почти всѣ пьяны, вмѣсто изъявленія покорности высочайшей волѣ, шумѣли, грубили, говорили нелѣпыя и непристойныя слова, такъ что гражданскіе чиновники, посовѣтовавшись съ о. р. а. Флавіаномъ, разсудили оставить ихъ въ покоѣ и, вышедши изъ трапезы, запечатали всѣ три церкви, казначейство, свѣчную лавку, типографію, погреба и всѣ кладовыя и при каждыхъ дверяхъ поставили караульнаго, но ключей ни отъ чего не требовали и не отбирали. На другой день, т. е. 10 октября, который былъ суббота, въ 12-мъ часу коммисія получила отъ исправлявшаго должность настоятеля іеромонаха Вышатицкаго отзывъ съ увѣдомленіемъ о его готовности сдать монастырь и съ наименованіемъ лицъ, кто какую часть имѣетъ сдавать. Итакъ того-же дня въ 2 часа пополудни онъ Вышатицкій съ іеромонахомъ Саллюстіемъ Ильяшевичемъ и монахомъ Богушемъ отперши соборную Успенія пресвятыя Богородицы церковь, ввелъ въ нее православныхъ духовныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. По окропленіи сей церкви святою водою и по отпѣніи нами вечерней службы, іеромонахъ

Саллюстій Ильяшевичъ и монахъ Богушъ заперли церковь и ключи взяли къ себѣ, а іеромонахъ Маврикій, кажется, приложилъ по повелѣнію коммисіи къ дверямъ печать. Такимъ образомъ всегда, за каждымъ богослуженіемъ, Ильяшевичъ и Богушъ отпирали и запирали соборную, пещерную и теплую церковь, пока тѣ церкви съ имуществомъ отъ нихъ приняты не были, и такимъ образомъ отъ всѣхъ кладовыхъ и мѣстъ ключи держали базиліане у себя, а печать находилась у о. р. архимандрита Флавіана, пока все по порядку не было описано и сдано. Пріемщиками-же со стороны православнаго духовенства были: волынской семинаріи р. архимандритъ Флавіанъ и протоіереи: Рафальскій, что нынѣ почаевской успенской лавры намѣстникъ архимандритъ Антоній, и Новицкій, а съ котораго числа они начали производить пріемъ и какимъ образомъ оный производили, мнѣ, такъ какъ я притомъ не находился, не извѣстно. Ибо я съ іеромонахомъ Маврикіемъ и діакономъ Михаиломъ Билецкимъ цѣлую седмицу исключительно занимался богослуженіемъ, а потомъ занимался внутренними по лаврѣ распоряженіями, по объявленіи мнѣ о томъ о. ректоромъ архим. Флавіаномъ архипастырскаго повелѣнія. Правда, коммисія поручала и мнѣ, во время моихъ по монастырю занятій, привести въ извѣстность и описать нѣкоторые предметы, и я таковую порученность на досугѣ исполнялъ, но не рѣшительно и не окончательно: ибо коммисія послѣ все повѣряла и, удостовѣрившись въ точности сдѣланнаго мною описанія, вносила таковое въ генеральную опись. Описывалъ-же я слѣдующіе предметы: 1) трапезу съ разною посудою и всѣми ея принадлежностями, которыя показывалъ имѣвшій оную въ своемъ завѣдываніи послушникъ Ѳерапонтъ Куликовскій; 2) кухню съ кухенною посудою и двѣ кладовыя съ припасами съѣстными, которыя показывалъ послушникъ Пентрицкій; 3) буфетъ или, такъ называемую, канафарню, которую показывалъ іеромонахъ Гервасій Галинскій; 4) конюшню съ лошадьми, упряжью и экипажами, анбаръ съ желѣзомъ и мѣдью и мастерскія, которыя показывалъ по приватному, не урядово, а келейно составленному и безъ всякаго подписа бывшему регистру прокураторъ іеромонахъ Павлинъ Дзелинскій, и 5) двѣ кладовыя съ холстомъ и сукномъ для монаховъ и съ волною (шерстью), которыя показывалъ іеромонахъ Данилевичъ. Всѣхъ вышеизъясненныхъ предметовъ я самъ безъ базиліанъ не описывалъ и ключей отъ нихъ не бралъ, а только печать къ дверямъ прикладывалъ, пока все описано, коммисіей повѣрено и сдано не было.

Назначенныхъ литовскою греко-унитскою консисторіею депутатовъ при дѣланномъ мною описаніи не было, потому что о назначеніи ихъ тогда никто еще не зналъ, и они не явились въ монастырь. Котораго именно числа и мѣсяца началъ я дѣлать показаннымъ предметамъ описаніе и когда кончилъ, а равно когда вообще конченъ пріемъ монастыря, не помню. Знаю только, что базиліане, по мѣрѣ сдачи бывшаго на ихъ рукахъ церковнаго и монастырскаго имущества, были снабжаемы отъ монастыря довольнымъ количествомъ денегъ на проѣздъ въ назначенные имъ монастыри и на путевое содержаніе и безъ всякаго притѣсненія и осмотра съ письменными видами были отпускаемы". „1834 года, генваря 24 дня № 14".

Дневникъ Станислава Освѣцима

(въ извлеченіи и переводѣ).

1643—1651 г.

(Продолженіе). *)

Вечеромъ въ тотъ-же день (23 іюня) получено было въ лагерѣ письмо краковскаго епископа Петра Гембицкаго, которое причинило всѣмъ сильное безпокойство. Епископъ сообщилъ, что нѣкто Александръ-Левъ изъ Штемберка Костка [1]), иначе называемый Наперскимъ, составилъ на свое имя подложные королевскіе универсалы, будто уполномочивающіе его набирать войско и, на ихъ основаніи, подъ предлогомъ королевской службы, сталъ возбуждать къ мятежу крестьянъ въ краковскомъ Подгоріи; онъ успѣлъ притомъ овладѣть замкомъ Чорштыномъ, лежащимъ на венгерской границѣ на высокой скалѣ, доступной только съ одной стороны. Въ Чорштынѣ онъ устроилъ себѣ резиденцію и черезъ посланныхъ людей вербуетъ иностранныхъ солдатъ въ Силезіи; между тѣмъ, ожидая ихъ прихода, онъ призываетъ къ возстанію крестьянъ окрестныхъ какъ посредствомъ разосланныхъ агентовъ, такъ и разсылкою частныхъ писемъ и универсаловъ; онъ призываетъ крестьянъ образовать скопища, утверждая, будто онъ дѣйствуетъ на основаніи королевскаго приказа; такимъ образомъ онъ уже многихъ привлекъ на свою сторону, а еще болѣе побуждаетъ къ своеволію обѣщаніями богатой добычи. Всякій легко могъ сообразить, прочитавъ присланные универсалы и письма Наперскаго,

*) См. январь, февраль, май и іюнь „Кіев. Ст.".

[1]) Истинное названіе этого лица было—Симеонъ Бзовскій; онъ былъ побочный сынъ короля Владислава IV и получилъ весьма хорошее воспитаніе въ домѣ дворянъ Костковъ изъ Штемберка, которыхъ фамилію и принялъ, задумавъ стать во главѣ крестьянскаго возстанія. Наперскимъ онъ назывался потому, что въ распоряженіи его находились открытые листы короля, поручавшіе какому-то офицеру Наперскому вербовать солдатъ въ королевскую службу. (Кубаля—Szkice, т. I, стр. 312).

сколь большая опасность угрожала Рѣчи Посполитой. Прежде всего заботясь о благочестіи и желая, такимъ образомъ, пріобрѣсти популярность, онъ распорядился о сохраненіи безопасности церквей и издалъ на этотъ счетъ универсалы. Какъ образецъ таковыхъ доставлены универсалы, данные имъ Тынецкому монастырю: одинъ писанъ по нѣмецки, ради иностраннаго войска, котораго онъ ожидалъ изъ Силезіи, и такого содержанія: „Я, нижеподписанный, начальникъ войскъ, конницы и пѣхоты, приказываю сохранять въ покоѣ монастырь Тынецъ и его имущество, подъ угрозою смертной казни“ [1]) Другой универсалъ, писанный по польски и предназначенный для возставшихъ крестьянъ, слѣдующаго содержанія: „Я, нижеподписанный, поручаю и накрѣпко приказываю солдатамъ, находящимся подъ моею командою, чтобы они сохраняли въ цѣлости и неприкосновенности монастырь Тынецъ и принадлежащія ему села, подъ опасеніемъ смертной казни всякому, неповинующемуся сему военному, выданному для охраны монастыря, приказу, который скрѣпляю моею подписью и печатью. Данъ въ Тынцѣ 8-го мая 1651 года. Александръ-Левъ изъ Штемберка“.

Копія письма отъ того-же Костки къ Лентовскому, салтысу [2]), проживающему въ новоторжскомъ округѣ, одному изъ важнѣйшихъ мятежниковъ и разбойниковъ въ той мѣстности:

„Милостивый государь, господинъ Лентовскій, любезный мой другъ! Освѣдомившись о доблестныхъ и рыцарскихъ подвигахъ вашихъ, я воздаю имъ должную хвалу и благодарю за нихъ Господа; притомъ покорно прошу васъ именемъ короля, его милости, чтобы вы съ вашимъ полкомъ приходили какъ можно скорѣе и старались собрать какъ можно больше людей. Пусть они вспомнятъ всѣ обиды, претерпѣваемыя отъ пановъ, пусть подумаютъ о томъ, до какой степени бѣдный народъ угнетенъ и обремененъ и что теперь представляется имъ прекрасный случай къ освобожденію,— пусть они имъ пользуются, ибо если теперь пропустятъ удобную

---

[1]) Въ подлинникѣ на нѣмецкомъ языкѣ.

[2]) Солтыствами назывались села, жители которыхъ были свободные хлѣбопашцы, землевладѣльцы, обязанные лишь военною службою въ пользу государства. Въ Подгоріи краковскомъ много было такихъ селъ, напоминавшихъ собою до нѣкоторой степени козачество. Лентовскій былъ маршалкомъ, т. е. предводителемъ (головою) солтысовъ; названъ онъ мятежникомъ потому, что еще въ 1628 году онъ предводительствовалъ въ возстаніи солтысовъ противъ краковскаго старосты Комаровскаго, посягавшаго на ихъ права (Кубаля, Szkice, стр. 314).

минуту и не сбросятъ тяжелаго ярма, то останутся навсегда въ рабствѣ у пановъ. И такъ приходите поскорѣе сами и всѣмъ, кому сочтете нужнымъ, сообщите это распоряженіе. Пана Здановскаго оставьте въ покоѣ, всѣхъ-же другихъ шляхтичей пусть крестьяне берутъ и пусть дѣлаютъ съ ними, что угодно. Слѣдующій знакъ пусть служитъ для взаимнаго опознанія: вѣнокъ, привѣшенный на зеленой сосновой вѣтви; знакъ этотъ пусть въ походѣ несутъ и при вашемъ полку. Распорядитесь, чтобы люди ваши захватили съ собою топоры и заступы. Мы пойдемъ къ Кракову и дальше; съ Божіею помощью, пройдемъ всю Польшу. У насъ прочный договоръ съ Хмельницкимъ и съ татарами, и нѣмецкое войско придетъ намъ въ помощь. О всемъ вышеписанномъ извѣстите другихъ и сами отправляйтесь къ намъ; подробности раскажетъ вамъ изустно податель этого письма. Ожидая васъ съ нетерпѣніемъ, пребываю вашей милости братомъ и слугою—Александръ-Левъ. Изъ Чорштына, 18 іюня, 1651 года. Всей братіи нашей, принявшей нашу сторону, бью челомъ. Слѣдуетъ вручить поспѣшно моему любезному другу, пану Станиславу Лентовскому, маршалку братіи нашей".

Копія письма отъ ректора [1]), правильнѣе школьнаго учителя, въ селѣ Пцимѣ, Мышеницкой волости, отчаяннаго разбойника и постояннаго бунтовщика противъ всѣхъ краковскихъ кастелляновъ, пановъ своихъ, писаннаго къ тому-же Косткѣ:

„Милостивый государь мой! Извѣстія, полученныя мною въ письмѣ вашей милости, буду, какъ можно поспѣшнѣе и точнѣе, распространять среди крестьянъ, пользуясь для этого содѣйствіемъ вѣрныхъ послѣдователей Христовой истины [2]), искренно преданныхъ его величеству, милостивому государю нашему, Іоанну Казиміру, королю польскому. Поспѣши, ваша милость, вновь разослать циркуляръ къ крестьянамъ нашей мѣстности, который-бы усилилъ ихъ довѣріе и побудилъ ихъ скорѣе собираться въ отряды. Многіе изъ нихъ давно уже заявляютъ, что если-бы получили разрѣшеніе короля, то охотно отправились-бы въ походъ

---

[1]) Рѣчь идетъ о нѣкоемъ Мартинѣ Радецкомъ, бывшемъ школьнымъ учителемъ въ одномъ изъ солтысскихъ школъ—Пцыми, въ теченіи 40 лѣтъ. Радецкій былъ послѣдователемъ ученія анабаптистовъ; остатки этой секты пріютились въ краковскомъ Подгоріи (ibid, стр. 313).

[2]) Авторъ вѣроятно разумѣетъ анабаптистовъ.

противъ шляхтичей и принялись-бы истреблять ихъ дворы, дабы прекратить господство на землѣ шляхетской гордости, злобы и тиранства. Затѣмъ поручаемъ себя покорно вниманію вашей милости. Въ Пцимѣ, 20 іюня, 1651 года. Вашей милости покорный слуга—Мартинъ, ректоръ школы пцимской. Слѣдуетъ вручить моему милостивому государю, господину Льву, вѣрному подданному его королевской милости".

Копія универсала того-же Костки, отправленнаго, согласно желанію, выраженному въ вышеприведенномъ письмѣ, на имя того же ректора: „Миръ Христовъ! Всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности вѣрнымъ подданнымъ его королевской милости желаю добраго здравія и ниспосланія отъ Всевышняго святой воли и свободы. Извѣщаю васъ симъ отъ имени Господа Бога и короля его милости, что шляхтичи намѣрены произвести мятежъ противъ короля и потому всѣ, расположенные къ королю, пусть спѣшатъ соединиться подъ моимъ начальствомъ въ Чорштынѣ и пусть отправляются туда подъ командою господина ректора Пцимскаго, назначеннаго королевскимъ полковникомъ. Онъ приметъ надъ вами начальство, приведетъ васъ ко мнѣ и будетъ во всемъ руководить вами. Король, его милость, обѣщаетъ полную волю всѣмъ тѣмъ, которые теперь примутъ его сторону, притомъ онъ предоставляетъ въ ваше распоряженіе шляхетскіе дворы и всякое обрѣтающееся въ нихъ имущество. Дерзайте освободиться отъ тяжкой неволи, пользуясь благопріятнымъ временемъ. Лучше вы ихъ истребите, чѣмъ они васъ до конца будутъ угнетать; достаточно паны издѣвались надъ вами и плачь вашъ вопіетъ предъ Господомъ и требуетъ имъ кары. Посылая второе мое письмо господину ректору, присоединяю къ нему сей универсалъ; притомъ предостерегаю васъ, согласно съ королевскою инструкціею, чтобы вы не довѣряли никакимъ другимъ универсаламъ, хотя-бы они и были скрѣплены королевскою печатью и подписью, ибо онъ можетъ разослать ихъ вслѣдствіе принужденія отъ шляхтичей. Мы должны поскорѣе дѣлать свое дѣло. Ко дню святого Іоанна мы пойдемъ на Краковъ,—туда я уже повсемѣстно разослалъ универсалы къ крестьянамъ, и они явятся охотно; изъ области новоторжской придутъ всѣ поголовно и господинъ Станиславъ маршалокъ будетъ у нихъ полковникомъ. Прошу васъ, когда будете проходить черезъ Новый Торгъ, не трогайте пана Здановскаго и оставьте въ покоѣ всѣ села, въ которыхъ увидите вѣнки, вывѣшенные на вѣтвяхъ; также прошу

васъ охранять церкви, ибо мы отправляемся на войну за Господа, за кривду людей и за достоинство короля. Выданъ въ Чорштынѣ, 22 іюня, 1651 года. Александръ Левъ изъ Штемберка Костка, староста чорштынскій".

Копія письма отъ того-же Костки, писаннаго изъ Чорштына къ подстаростѣ новоторжскому [1]), а также сочиненные имъ стихи, въ которыхъ онъ насмѣхается надъ Михаиломъ Іорданомъ. Послѣдній по порученію краковскаго епископа и шляхтичей, остававшихся дома, съ отрядомъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ подступилъ къ Чорштыну и хотѣлъ овладѣть имъ, но долженъ былъ отступить безъ успѣха, по поводу недостатка въ осадномъ матеріалѣ:

„Милостивый отецъ и благодѣтель! Скорблю всѣмъ сердцемъ о томъ, что вы изъ-за меня потерпѣли столь много и невинно. Прошу васъ: отправьте ко мнѣ поскорѣе ваше имущество и сами пріѣзжайте ко дню св. Іоанна; къ тому сроку ко мнѣ соберется большое войско. Воля Господня требуетъ, чтобы страшныя беззаконія были усмирены; дай Господи этого достигнуть безъ пролитія крови христіанской. Я намѣренъ, оставивъ васъ здѣсь хозяиномъ, выступить въ походъ съ войскомъ туда, куда Господу будетъ угодно. Я сообщилъ-бы вамъ извѣстія о добычѣ, но надѣюсь васъ вскорѣ лично увидѣть, тѣмъ болѣе, что вскорѣ будетъ уже не безопасно ѣздить и притомъ тревожусь мыслью, чтобы епископъ не предпринялъ чего-либо противъ васъ. Во всякомъ случаѣ привѣсьте вѣнецъ на обожженномъ шестѣ. Больше писать къ вамъ не буду. Всѣмъ вамъ бью охотно челомъ и ожидаю васъ. Посылаю вамъ стихотворное повѣтствованіе о моей осадѣ и перстень съ рубиномъ для иконы Богородицы въ городѣ или въ Шафлѣ. Вашъ благорасположенный слуга Александръ Левъ изъ Штемберка. Слѣдуетъ поспѣшно вручить многоуважаемому благодѣтелю моему, господину Викторину Здановскому, подстаростѣ въ Новомъ Торгѣ".

---

[1]) Когда Бзовскій рѣшился организовать народное возстаніе, то онъ прежде всего явился въ городъ Новый Торгъ (Nemavent), лежащій въ центрѣ Подгорія; онъ нашелъ здѣсь радушный пріемъ у мѣстнаго подстаросты Викторина Здановскаго, который искренно повѣрилъ, что Бзовскій дѣйствуетъ въ силу королевскаго порученія и потому оказывалъ ему полное содѣйствіе и заключилъ съ нимъ личную дружбу.

Затѣмъ слѣдуетъ въ рукописи стихи сатирическіе, содержащіе описаніе осады Чорштына ротмистромъ Іорданомъ. Мы не приводимъ этихъ стиховъ, такъ какъ они напечатаны въ сочиненіи Кубали: «Szkice historyczne» т. I, стр. 328—329.

Получивъ эти точныя извѣстія о предстоящихъ опасностяхъ, всѣ въ лагерѣ были крайне смущены, но такъ какъ было уже поздно, то совѣтъ о принятіи необходимыхъ мѣръ былъ отложенъ до слѣдующаго утра.

Іюня 24. Часть войска, которая еще оставалась на той сторонѣ, переправилась къ Берестечку въ королевскій лагерь и расположилась на назначенныхъ для нея мѣстахъ. Мѣстоположеніе лагеря выбрано прекрасно: передъ его фронтомъ къ востоку простиралось обширное ровное поле, тянувшееся въ необозримую даль и только въ средней своей части возвышавшееся въ видѣ незначительныхъ холмовъ; на немъ удобно могли развернуться для сраженія громадныя войска. Съ правой стороны оно было окаймлено большимъ лѣсомъ, простирающимся по направленію къ Лесневу и Щуровицамъ; лѣсъ этотъ приказано было занять для того, чтобы послѣ прихода враговъ, они не могли въ немъ скрываться и устраивать засадъ. Лѣвая сторона поля прилегала къ рѣчкѣ Плешовой, текущей отъ Кременца и впадающей въ Стырь; рѣчка эта, начиная отъ села Плешовой, образуетъ со стороны, обращенной къ лагерю, большіе разливы и непроходимыя болота. Позади лагеря находилось мѣстечко Берестечко и рѣка Стырь, текущая среди болотъ, занимающая оба ея берега; на ней расположены съ одной стороны мѣстечко Стустѣлецъ, славящееся въ той мѣстности отличнымъ пивомъ, съ другой—Перемысль, съ крѣпкимъ замкомъ; оба мѣстечка въ разстояніи одной мили отъ Берестечка. Въ описанной мѣстности разбитъ былъ лагерь весьма безпорядочно и занялъ слишкомъ много пространства по причинѣ страшной безурядицы, ибо каждый располагался тамъ, гдѣ ему было угодно, а не тамъ, гдѣ ему назначена была стоянка.

Между тѣмъ, пока мы размѣщались въ лагерѣ, поголовное дворянское ополченіе, основавшееся по той сторонѣ рѣки, было вечеромъ сильно встревожено ложнымъ извѣстіемъ, будто татаре переправляются на ту сторону рѣки; дворяне подняли страшный шумъ, стали стрѣлять изъ ружей и долго простояли въ строю на лошадяхъ. Вечеромъ возвратился изъ разъѣзда двухдневнаго Середа; онъ не могъ ничего разузнать по причинѣ неповиновенія своей команды, составленной изъ сборной дружины.

Въ тотъ же день получено новое письмо отъ краковскаго епископа съ извѣстіями о вышеупомянутомъ Косткѣ и о сильномъ волненіи крестьянъ въ окрестностяхъ Кракова; епископъ просилъ прислать какъ можно скорѣе подкрѣпленія, указывая на то, что въ противномъ случаѣ Краковъ и вся та мѣстность подвергнутся большой опасности по причинѣ полнаго отсутствія военныхъ силъ, такъ какъ всѣ шляхтичи ушли въ поголовное ополченіе, что открывало свободное поле своеволію и мятежнымъ замысламъ. Немедленно состоялся совѣтъ: разсуждали, кого куда слѣдуетъ отправить, но въ этотъ вечеръ не пришли ни къ какому рѣшенію.

Ночью получено извѣщеніе отъ подстаросты изъ Бродъ, котораго лазутчики извѣстили, что орда уже соединилась съ Хмельницкимъ, хотя неизвѣстно, пришелъ-ли лично ханъ, или нѣтъ. Тотчасъ отправили въ разъѣздъ двѣ козацкія хоругви изъ полка маршала короннаго (Юрія Любомирскаго), занимавшаго въ ту ночь караулы. Хоругви эти отправились къ Лесневу, но возвратились, ничего не провѣдавши.

Іюня 25. Опять собранъ былъ совѣтъ для обсужденія, какой отрядъ войска слѣдовало отправить въ Краковъ какъ для защиты границы, такъ и для предупрежденія своеволія. Сначала упрашивали маршала короннаго, чтобы онъ принялъ на себя это бремя; но когда онъ скромно отказался, утверждая, что предпочитаетъ оставаться при королѣ (правдоподобно онъ желалъ теперь возстановить подвигами на глазахъ короля свою репутацію, нѣсколько пострадавшую въ дѣлѣ у Пилявецъ), то возложили защиту той области на мечника короннаго Михаила Зебржыдовскаго; его отрядили подъ Краковъ съ нѣсколькими сотнями, находившимися подъ его начальствомъ, присоединивъ къ нимъ четыре наемныя козацкія хоругви и четыре эскадрона драгунъ пана Мартина Чернецкаго и давъ ему полномочіе противудѣйствовать опасности по своему усмотрѣнію, сообразно съ обстоятельствами. Къ отряду этому былъ прикомандированъ и кочюшій коронный (Александръ Любомирскій), который хотя и охотно остался-бы съ своимъ отрядомъ при королѣ, но сообразивъ, что здѣсь ему почти нечего дѣлать и предполагая, что война затянется на долго, охотно согласился отправиться въ походъ и сталъ немедленно собираться. Онъ былъ введенъ въ заблужденіе ложными показаніями языковъ, будто Хмельницкій рѣшилъ отступить въ Украйну; мнѣніе это подтверждало и извѣстіе, прислан-

ное Стефаномъ Чарнецкимъ, будто видѣли Хмельницкаго у Ямполя, занятаго выборомъ и устройствомъ переправы для отступленія своего войска. Вслѣдствіе этого въ лагерѣ нашемъ распространилось мнѣніе, что съ козаками придется встрѣтиться развѣ у Кіева; потому Александръ Любомирскій разсчитывалъ скорѣе отличиться въ Подгоріи; притомъ-же онъ безпокоился за свои помѣстья, которыя всѣ почти были расположены въ окрестности Кракова и опасался, чтобы они не были разорены мятежниками. Передъ выходомъ изъ лагеря онъ получилъ слѣдующій универсалъ отъ короля и аттестацію отъ маршала короннаго:

„Іоаннъ-Казимиръ, Божіею милостью король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, жемоидскій, лифляндскій, смоленскій и черниговскій, наслѣдственный король шведскій, датскій и вандальскій.

Всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности, кому сіе вѣдать надлежитъ, особенно-же любезнымъ намъ сановникамъ, урядникамъ, старостамъ и всему рыцарству и обывателямъ нашей короны симъ оповѣщаемъ, что для усмиренія бунта и мятежа, произведеннаго въ краковскомъ воеводствѣ и во всемъ Подгоріи нѣкоимъ разбойникомъ, Александромъ Косткою, мы отправили изъ нашего лагеря съ отрядомъ войска благороднаго Александра Любомирскаго, конюшія короннаго, старосту сандомирскаго, совмѣстно съ мечникомъ короннымъ, благороднымъ Михаиломъ Зебржыдовскимъ, старостою лянцкоронскимъ и снятинскимъ. Посему мы вышепоименованныхъ лицъ, равно какъ и товарищей и челядь дворянскаго происхожденія, которые принимаютъ участіе въ этой командировкѣ и перечислены въ спискѣ, подписанномъ великимъ короннымъ маршаломъ, освобождаемъ отъ поголовнаго ополченія, подъ условіемъ, что никто изъ нихъ не будетъ отлучаться отъ своей хоругви и они до того времени будутъ оставаться подъ начальствомъ упомянутаго короннаго конюшія, занимаясь исключительно усмиреніемъ крестьянскаго возстанія, пока ихъ самъ конюшій не отпуститъ и не выдастъ о томъ аттестаціи, которую они обязаны будутъ хранить. Посему, еслибы кого либо изъ числа товарищей или челяди изъ отряда короннаго конюшія кто либо пожелалъ обезпокоить за неявку въ поголовное ополченіе, то послѣ предъявленія упомянутой аттестаціи каждый изъ нихъ освобождается отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности. Въ удостовѣреніе чего, при подписи руки нашей, мы приказали

приложить печать великую коронную. Дано въ лагерѣ у Берестечка дня 26 іюня, 1651 года. Іоаннъ Казимиръ король (М. П.)"

Затѣмъ въ рукописи Освѣцима приложена копія аттестаціи, выданной великимъ маршаломъ короннымъ, въ которой поименно перечислены 56 дворянъ, находившихся въ отрядѣ Любомирскаго и освобождавшихся отъ участія въ поголовномъ ополченіи. Въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ названъ Станиславъ Освѣцимъ.

Въ тотъ же день послѣ обѣда вступилъ въ лагерь князь Доминикъ Заславскій, воевода краковскій, и представилъ королю нѣсколько сотъ прекраснаго, навербованнаго имъ войска, а именно: двѣ хоругви гусарскія, шесть козацкихъ и одну драгунскую; вмѣстѣ съ нимъ Брунакъ доставилъ одну хоругвь охотниковъ.

Іюня 26. Получивъ вышеприведенные королевскій универсалъ и аттестацію отъ маршала, освобождавшіе насъ отъ взысканій за неявку въ поголовное ополченіе, мы выступили въ полдень изъ лагеря въ походъ на Подгоріе для усмиренія мятежниковъ. Переночевавши первую ночь въ таборѣ у села Галичанъ, мы затѣмъ шли, подвигаясь настолько быстро, насколько это возможно было для пѣхоты, по тому-же пути, по которому прибыли въ лагерь. Между тѣмъ король, не видя приближенія непріятеля и не имѣя точныхъ извѣстій о его движеніяхъ и введенный въ заблужденіе ложными показаніями языковъ, будто онъ отступаетъ въ Украйну, разсчитывая захватить его раньше отступленія или застичь его гдѣ-либо на переправѣ, приказалъ всему войску приготовиться къ выступленію въ дальнѣйшій походъ на слѣдующій день.

Іюня 27. Согласно постановленію военнаго совѣта, состоявшемуся наканунѣ, возы всего войска тронулись до разсвѣта въ предположенный путь къ Дубну, и само войско построилось въ походной порядокъ. Король основывался главнымъ образомъ на извѣстіи, полученномъ отъ Стефана Чарнецкаго (который недавно, какъ было упомянуто, отправился на рекогносцировку съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ), утверждавшаго, что татаре не соединились съ козаками и что послѣдніе не только не думаютъ о наступленіи на насъ, но, напротивъ, весьма усердно заняты устройствомъ переправъ для своего отступленія. Но въ ту минуту, по чудесному изволенію Божія промысла, сообщена была вѣсть отъ Забужскаго, находившагося въ разъѣздѣ, что ханъ несомнѣнно соединился съ Хмельницкимъ, и что они наступаютъ на наше войско, съ намѣреніемъ овладѣть переправою черезъ рѣчку, что Хмельницкій отправилъ передовой отрядъ, числомъ около

15,000, подъ начальствомъ Богуна къ селу Горынкѣ для того, чтобы занять нужную дорогу. Хотя подобнаго рода извѣстія часто насъ обманывали и отклоняли отъ полезныхъ намѣреній, но, къ счастью, въ этомъ случаѣ извѣщенію повѣрили, и король, по представленію кастеляна краковскаго (гетмана Николая Потоцкаго), воздержался въ этотъ день отъ выступленія и обозу приказалъ возвратиться. Вслѣдъ затѣмъ стали получаться одно за другимъ извѣщенія совершенно достовѣрныя о приближеніи непріятеля и о томъ, что онъ, узнавъ, что войско наше выступаетъ въ походъ, сталъ, по мѣрѣ возможности, ускорять свой путь. Не встрѣчая однако нашего войска (которое, лишь благодаря волѣ Провидѣнія, осталось у Берестечка), онъ остановился въ недоумѣніи въ полуторѣ мили отъ насъ и ночью, со вторника на среду, сталъ переправлять свое войско и обозы, устроивъ переправы въ двухъ мѣстахъ. На одной изъ нихъ на него наткнулся разъѣздъ князя Вишневецкаго, бывшій подъ начальствомъ пана Бейдковскаго, и былъ совершенно разгромленъ; бѣглецы принесли самое точное извѣстіе о врагахъ. Въ то-же время возвратился изъ разъѣзда Стефанъ Чарнецкій; но онъ вмѣсто того, чтобы снискать себѣ славу и посрамить короннаго хорунжія (Александра Конецпольскаго), напротивъ, уронилъ свою репутацію; ибо, вмѣсто того, чтобы добыть непріятельскаго языка и доставить точныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ враговъ, онъ пригналъ лишь нѣсколько тысячъ головъ скота, захваченнаго имъ на Волыни, чѣмъ вспомоществовалъ лишь разоренію края, и едва не подвергъ все войско величайшей опасности, подавъ ложное извѣстіе объ отступленіи непріятеля, чѣмъ едва не вызвалъ несвоевременнаго нашего похода.

Іюня 28, въ среду, въ 8 часовъ утра получено извѣстіе, что враги уже переправились и приближаются къ намъ и что орда уже столкнулась съ нашими разъѣздами около переправы. Король немедленно приказалъ войску выступить въ поле и непосредственно передъ лагеремъ поставилъ его въ строй гораздо лучшій, чѣмъ тотъ, который прежде былъ начерченъ на бумагѣ. Два часа спустя, появилась конница татарская и нѣсколько козацкой. Они зажгли во всей окрестности дворы, села, а также мѣстечко Лесневъ, желая устрашить насъ огнемъ и дымомъ. Захвативъ много нашей челяди и лошадей на пастбищахъ, взяли ихъ въ добычу. Герцовники съ обѣихъ сторонъ состязались, но такъ какъ наши полки стояли благоразумно у лагеря и батарей, то враги не особенно сильно налегали. Войско наше стало наконецъ скучать

вслѣдствіе долгаго пребыванія въ строю безъ всякаго дѣла, почему около 5 часовъ вечера хорунжій коронный обратился къ кастеляну краковскому съ просьбою, чтобы онъ дозволилъ испробовать счастія. Гетманъ предложилъ ему самому отправиться въ атаку; хорунжій весьма охотно принялъ это предложеніе и просилъ лишь, чтобы ему дано было подкрѣпленіе. Совмѣстно съ нимъ былъ отряженъ маршалъ коронный; оба полка двинулись стремительно въ то мѣсто, гдѣ виднѣлась орда и удалились отъ лагеря на такое разстояніе, что невозможно было скоро поддерживать ихъ подкрѣпленіями. Враги, воспользовавшись этимъ, налегли на нихъ всѣми силами; но хорунжій коронный, не обращая вниманія на численность враговъ, бросился на нихъ съ рѣшимостью; за нимъ послѣдовалъ съ полкомъ своимъ маршалъ коронный; вскорѣ въ подмогу имъ пришли шесть козацкихъ хоругвей князя Вишневецкаго, воеводы русскаго, и Стефанъ Чарнецкій, поручикъ гетмана великаго съ ротою гусаръ. Они смѣшались съ врагами и почти цѣлый часъ продолжалась стычка среди криковъ и замѣшательства. Наконецъ Господь помогъ нашимъ; непріятель не выдержалъ рукопашнаго боя на саблихъ и обратился въ бѣгство столь стремительное, что умчался вскачь, не останавливаясь и безъ оглядки; наши, также вскачь, преслѣдовали его на разстояніи мили до болота переправы, гдѣ должны были удержаться отъ дальнѣйшей погони по причинѣ приближенія ночи. Уронъ непріятеля былъ незначителенъ, ибо они имѣли весьма быстрыхъ коней и убѣгали во всю прыть, наши-же преслѣдовали ихъ, сохраняя правильный строй своихъ хоругвей. Впрочемъ и то было утѣшительно, что въ первой встрѣчѣ, по милости Божіей, враги не только не имѣли успѣха, но, напротивъ того, были посрамлены и прогнаны съ поля битвы за переправу. Взяты въ плѣнъ: болѣе 20 всадниковъ и одинъ мурза; они показали, что этотъ передовой отрядъ состоялъ изъ 12,000 отборной конницы изъ татаръ бѣлгородскихъ, крымскихъ и урумбейскихъ, отправленной для предварительнаго испытанія нашихъ силъ. Нѣкоторые утверждали, что съ ними находились ханъ и Хмельницкій, но что они заблаговременно удалились. Убито было татаръ только немного больше сотни, по причинѣ весьма быстраго ихъ бѣгства. Въ нашемъ войскѣ не погибъ ни одинъ почти товарищъ, такъ что, одержавъ безкровную побѣду, наши возвратились въ лагерь въ часъ ночи. Коронный хорунжій пріобрѣлъ въ этомъ дѣлѣ большую славу, такъ какъ онъ первый погрузился

въ это море и въ глазахъ всего войска разъигралъ первую сцену военной драмы. Не менѣе доблестно поступилъ и маршалъ коронный, поспѣвшій своевременно съ своимъ полкомъ и отборною хоругвью въ 200 человѣкъ въ подмогу коронному хорунжію; онъ поступилъ, какъ слѣдовало хорошому воину, не увлекся личною завистью и оказалъ поддержку сыну великаго полководца (Конецпольскаго). Наши сочли успѣхъ этого дня хорошимъ предзнаменованіемъ и какъ-бы предвѣстникомъ полной побѣды надъ врагами.

Іюня 29, въ четвергъ. Мы испытали, что военное счастье весьма измѣнчиво: послѣ удачной вчерашней стычки съ татарскою конницею случилась перемѣна. Съ ранняго утра ханъ и Хмельницкій стали приближаться; кастелянъ краковскій вывелъ войско въ поле и построилъ его нѣсколько дальше отъ валовъ (которыми окруженъ былъ лагерь непосредственно послѣ полученія извѣстія о приближеніи враговъ), опираясь сзади лишь на одну батарею. Долго съ обѣихъ сторонъ занимались только джигитовкой; татаре, поддразнивая нашихъ, старались вовлечь ихъ въ засаду, устроенную козаками среди лозовыхъ зарослей; но наши, руководясь болѣе осмотрительностью, чѣмъ храбростью, ограничивались тѣмъ, что прогоняли татаръ съ поля, но въ засаду не бросились. Потомъ на правомъ флангѣ вступили въ бой полки воеводъ: брацлавскаго (Станислава Лянцкоронскаго) и подольскаго (Станислава Потоцкаго) столь успѣшно, что татаре были прогнаны, и вся орда едва не обратилась въ бѣгство, подобное вчерашнему. Но въ полдень они опять наступили со всѣми силами и подошли такъ близко, что постепенно заняли все поле; уже нашимъ трудно было и выступить изъ строя въ свободное пространство. Послѣ продолжительной джигитовки кастелянъ краковскій отрядилъ въ бой три полка: свой собственный, маршала короннаго и подкоморія литовскаго. Они бросились храбро впередъ и такъ сильно налегли на непріятеля, что сразу принудили его отступать, но вскорѣ враги, замѣтивъ, что наши слишкомъ далеко увлеклись отъ своего войска и что подкрѣпленія къ нимъ не подходятъ, оправились и стали вновь наступать; наши, не теряя мужества, не отступали и смѣшались съ ними до того, что трудно было различить поляковъ отъ татаръ, которые въ тотъ день выѣхали въ нарядныхъ одеждахъ; наши не могли почти сообразить, кому наносить удары, ибо татарскіе бунчуки и польскія знамена развѣвались рядомъ; только турковъ

(которыхъ среди нихъ было до 5,000) можно было отличить по тюрбанамъ. Въ такомъ видѣ упорная схватка продолжалась почти два часа, съ значительнымъ для насъ урономъ вслѣдствіе того, что наши увлеклись дальше, чѣмъ слѣдовало, отъ войска и не получали подкрѣпленій. Многіе легли въ битвѣ, а именно: Казановскій, кастелянъ галицкій, Юрій Оссолинскій, староста люблинскій, Лигенза, мечникъ перемышльскій, Николай Ржечицкій (оба послѣдніе охраняли маршала коронного, который также находился въ большой опасности), Козика, богатый дворянинъ, единственный сынъ у матери; ротмистръ Ермолай Іорданъ погибъ съ цѣлою хоругвью; Янъ Собесскій, староста яворовскій (будущій король), уже былъ окруженъ татарами и почти чудомъ спасся. Ранены были выстрѣлами: обозный литовскій Янъ Сапѣга, хорунжій галицкій Станиславскій и многіе другіе. Знамя кастеляна краковскаго взято врагами неизвѣстно по чьей винѣ; говорятъ однако, что по нерадѣнію самаго знаменоносца, который самъ бѣжалъ невредимо, но не хотѣлъ передать знамени другому товарищу. Пока битва эта происходила на одномъ флангѣ, на другомъ непріятель напалъ съ равнымъ ожесточеніемъ на полкъ воеводы Брацлавскаго; трижды онъ былъ окруженъ многочисленною толпою враговъ и каждый разъ храбро пробивался; при этомъ палъ ротмистръ Сигизмундъ Лянцкоронскій и многіе товарищи. Въ помощь ему пришли отряды дворянскаго поголовнаго ополченія изъ повѣтовъ: перемышльскаго, саноцкаго, сѣрадскаго, вѣлюнскаго и другихъ, но и они потеряли въ стычкѣ очень многихъ шляхтичей; въ томъ числѣ погибли: Янъ-Адамъ Стадницкій, подкоморій саноцкій, Юрій Стано и другіе. Отъ опасности этой освободились наши полки только тогда, когда воевода подольскій быстрымъ и своевременнымъ движеніемъ ударилъ на враговъ и заставилъ ихъ отступить. И такъ этотъ день былъ для насъ несчастенъ вслѣдствіе гибели многихъ знатныхъ людей и хорошихъ воиновъ; но и для татаръ онъ былъ чувствителенъ: по крайней мѣрѣ 1000 убитыхъ и раненныхъ они насчитывали, въ томъ числѣ пало много знатныхъ мурзъ, между ними: Мехметъ-Гирей-мурза и Тугай-бей. Взятъ бунчукъ Асланъ-мурзы и въ плѣнъ попалъ молодой знатный Муфрахъ-мурза, въ то время, когда онъ налетѣлъ на старосту яворовскаго (Яна Собѣсскаго). Сабля Тугай-бея досталась на долю старосты красноставскаго (Марка Собѣсскаго), который весьма храбро сражался въ этой битвѣ и потерялъ семь товарищей изъ своей хоругви. Послѣ

столь значительныхъ обоюдныхъ потерь непріятель сошелъ съ поля въ четыре часа, наши-же въ совершенномъ порядкѣ отступили къ лагерю только вечеромъ. Затѣмъ прекратились непріятельскія дѣйствія, и обѣ стороны занялись уборкою мертвыхъ тѣлъ съ поля сраженія.

Король нисколько не падалъ духомъ вслѣдствіе гибели столькихъ знатныхъ лицъ, напротивъ того, онъ утѣшалъ и укрѣплялъ духомъ раненыхъ; но войско послѣ этого кроваваго дѣла потеряло самоувѣренность, такъ что вечеромъ только немногіе оставались у знаменъ. Видя значительный упадокъ духа нашихъ солдатъ, происшедшій еще до появленія въ полѣ непріятельской пѣхоты и табора, можно было съ вѣроятностью предполагать, что они-бы не сдержали натиска враговъ, если-бы послѣдніе въ тотъже день налегли всѣми силами, какъ они это сдѣлали на слѣдующій; но Господь отвратилъ отъ насъ это бѣдствіе. Когда на закатѣ дня войско возвратилось въ лагерь, король, опасаясь, чтобы солдаты, встревоженные неудачею, не потеряли мужества, дисциплины и окончательно не пали духомъ и не сдѣлались негодными для битвы, объявилъ приказъ военнаго совѣта, чтобы сейчасъ послѣ полуночи, оставивъ только челядь въ лагерѣ, все войско конное и пѣшее выступало съ цѣлью атаковать непріятеля и вступить съ нимъ въ рѣшительную битву. Мѣра эта показалась весьма рискованною и вызвала сильное смятеніе, но иначе и не возможно было поступить, ибо всякое промедленіе усилило-бы напрасно утомленіе людей и лошадей и наводило-бы большій страхъ. Впрочемъ намѣреніе рѣшительной битвы не исполнилось, ибо Господь указалъ намъ иное, болѣе безопасное средство для разгрома непріятеля.

Іюня 30, въ пятницу. Господь избралъ этотъ день для укрощенія гордости враговъ и для избавленія отечества нашего отъ угрожавшей ему очевидной опасности. Ночью опустился густой туманъ, продолжавшійся до 8 часовъ утра; казалось, что обстоятельство это слагается въ пользу татаръ и козаковъ, которымъ такая погода болѣе благопріятна. Между тѣмъ король, не смотря на туманъ, приказалъ войску выступать въ поле, и оно въ правильномъ строѣ расположилось на мѣстѣ, удобномъ для битвы. Непріятель въ теченіи всей ночи занятъ былъ переправою войска и табора черезъ болото; съ утра онъ показался на возвышенностяхъ въ огромномъ количествѣ и послѣ того, какъ туманъ поднялся, онъ увидѣлъ неожиданно войско наше въ боевомъ порядкѣ.

Оно расположено было слѣдующимъ образомъ: въ серединѣ стояла пѣхота, рейтары, артиллерія и гусарскій королевскій полкъ; на правомъ флангѣ: впереди кастелянъ краковскій (гетманъ великій Николай Потоцкій) съ своимъ полкомъ, и маршалъ коронный (Юрій Любомирскій); за ними въ резервѣ полки: воеводы брацлавскаго (Станислава Лянцкоронскаго), хорунжія короннаго (Александра Конецпольскаго) и подканцлера литовскаго (Льва Сапѣги), а также поголовное дворянское ополченіе—воеводства Великой Польши и Мазовіи. На лѣвомъ флангѣ стояли полки: воеводы подольскаго (Станислава Потоцкаго), воеводы черниговскаго (польнаго гетмана Мартина Калиновскаго), который и начальствовалъ этимъ флангомъ, воеводы брестскаго (Симона Щавинскаго), воеводы русскаго (князя Іереміи Вишневецкаго), кастеляна черниговскаго (Яна Оджывольскаго) и старосты калусскаго (Замойскаго); въ резервѣ за ними дворянское ополченіе воеводствъ: краковскаго, сандомирскаго, ленчицкаго, сѣрадзкаго и другихъ. Лагерь защищали пѣхота и челядь. Непріятель покрывалъ все поле на милю разстоянія; на лѣвомъ его флангѣ (противъ нашего праваго) стоялъ ханъ со всѣми ордами; на правомъ—Хмельницкій съ козаками, желавшій отличиться въ глазахъ хана.

Въ такомъ порядкѣ оба войска придвинулись другъ къ другу; наши остановились у послѣдняго полеваго редута. Хмельницкій выдвинулъ свой таборъ на гору, но, не желая первымъ вступать въ дѣло, онъ съ утра до полудня медлилъ. Непріятели ограничивались тѣмъ, что вызывали нашихъ герцовниковъ; но король запретилъ принимать вызовъ подъ опасеніемъ смертной казни; король въ свою очередь не желалъ идти въ атаку и ограничился артиллерійскимъ огнемъ, который производилъ въ рядахъ непріятеля нѣкоторое смущеніе. Такое положеніе продолжалось до трехъ часовъ по полудни. Наконецъ король, убѣдившись, что непріятель не хочетъ начинать дѣла, собралъ на совѣтъ начальниковъ, болѣе близко къ нему расположенныхъ отрядовъ и предложилъ вопросъ о томъ, что слѣдовало предпринять. Нѣкоторые, не безъ основанія, высказали мнѣніе, чтобы отложить битву на слѣдующій день, такъ какъ время уже клонилось къ вечеру и вѣтеръ дулъ въ лице нашему войску; но когда мнѣніе это было высказано, князь Вишневецкій, отъ имени всего войска, стоявшаго на лѣвомъ флангѣ, заявилъ желаніе, чтобы тотчасъ начинать битву и прислалъ Денгофа, старосту быдгоскаго, къ королю съ заявленіемъ отъ имени своего и всего воинства полной го-

товности вступить въ бой и съ просьбою подать знакъ къ атакѣ. Король возрадовался въ сердцѣ своемъ, узнавъ о таковомъ рвеніи войска, и, принявъ оное какъ вѣрное предзнаменованіе будущей побѣды, охотно склонился къ ихъ просьбѣ и выдалъ старостѣ быдгоскому приказъ къ наступленію, сообщивъ ему притомъ свое монаршее благословеніе. Лишь только послѣдній сообщилъ князю этотъ приказъ, тотчасъ грянули трубы и барабаны и самъ князь тронулся съ лѣвымъ флангомъ, ставъ впереди его съ 18-ю хоругвями кварцянаго войска. Непріятели также двинулись впередъ всею массою конницы и табора; они приступали быстро, особенно Хмельницкій съ козаками, такъ что онъ опередилъ лѣвый свой флангъ, на которомъ стояли татаре, и первый началъ битву. Съ нимъ столкнулся князь Вишневецкій, которому въ подкрѣпленіе пошли дворяне воеводствъ: краковскаго, сандомирскаго, ленчицкаго и другихъ. Весь этотъ флангъ исчезъ вскорѣ въ толпѣ непріятелей и долгое время ихъ не было видно, только раздавался гулъ отъ выстрѣловъ пушечныхъ и ружейныхъ; наши полагали, что никто изъ нихъ болѣе не возвратится. Оказалось однако, что эта атака увѣнчалась успѣхомъ: стремительнымъ и быстрымъ движеніемъ они заставили попятиться все козацкое войско и разорвали таборъ, хотя при этомъ и сами понесли чувствительныя потери. Въ помощь козакамъ пришли татаре отъ лѣваго фланга и тогда ряды наши, не будучи въ состояніи удержать напора слишкомъ численнаго врага, стали ослабѣвать и отступать къ редутамъ; но промыслу Божію угодно было поддержать ихъ; они оправились и возобновили наступленіе столь успѣшно, что непріятель, побѣжденный нашею рѣшимостью, долженъ былъ наконецъ податься. Козаки отступили въ свой таборъ (хотя онъ въ началѣ и былъ разорванъ, но они успѣли его возстановить), орда-же удалилась на близъ лежащую гору. Когда лѣвый флангъ, которому принадлежитъ вся слава этого дня, столь храбро сражался, король съ среднимъ корпусомъ двигался также впередъ въ большемъ порядкѣ; на него налетѣли большіе отряды татаръ, издавая, по своему обычаю, громкій крикъ: „Аллахъ! Аллахъ!“ Тѣмъ не менѣе полки наши наступали неустрашимо; впереди полковъ королевской гвардіи, князя Богуслава Радзивилла и Гоффальда, находившихся въ первомъ ряду корпуса, расположены были пушки, которыми весьма искусно управлялъ генералъ артиллеріи Сигизмундъ Пржыемскій; артиллеристы, дѣйствуя безъ устали мѣткими выстрѣлами, до того

смутили врага и нанесли ему столь чувствительныя потери, что онъ не былъ въ состояніи выдержать нашего напора и, наконецъ, позорно обратился въ бѣгство; всѣ татарскія орды, какъ-бы ослѣпленныя, бросились бѣжать по направленію къ Лесневу, оставивъ лишь нѣсколько отрядовъ конницы для прикрытія; конница эта съ криками „Аллахъ" старалась скрыть отступленіе, но, когда подошелъ нашъ правый флангъ, аріергардъ татарскій отступилъ и бросился въ бѣгство вслѣдъ за своимъ войскомъ; въ погоню за ними отправились полки праваго фланга, но настичь ихъ удалось только одному полку короннаго хорунжія; вскорѣ наступила ночь и, вслѣдствіе строгаго королевскаго приказа, они должны были возвратиться къ войску. Впрочемъ и помимо этого трудно было настичь татаръ, ибо они бѣжали съ неимовѣрною быстротою, сбрасывая для облегченія: сѣдла, бурки, казаны и другія тяжести. Палатки свои они бросили въ кошѣ: ханскую палатку и его экипажъ получилъ въ добычу хорунжій коронный. Ханъ со всѣми ордами остановился въ ту ночь лишь за четыре мили въ мѣстечкѣ Козинѣ, жителей котораго онъ приказалъ перебить поголовно. Козаки и хлопы послѣ пораженія затворились въ таборѣ, который они кое-какъ сомкнули, и стали отступать; когда они наткнулись на рѣчку Пляшовую, то, опасаясь, чтобы во время переправы наши не разорвали ихъ табора, остановились на берегу болота и стали лагеремъ въ долинѣ. Наши, пользуясь побѣдою, безпрестанно на нихъ напирали, пока темнота ночи не заставила ихъ прекратить нападеніе въ виду столь осторожнаго и предусмотрительнаго противника. Войско наше расположилось на возвышенностяхъ, господствовавшихъ надъ козацкимъ таборомъ, и, благодаря Господа за столь важную побѣду, пропѣло гимнъ: „Тебе, Бога, хвалимъ!" Оно простояло на этомъ мѣстѣ подъ знаменами, въ строю, не сходя съ лошадей, всю ночь, не смотря на сильный дождь, услаждая эту невзгоду воспоминаніемъ о побѣдѣ и присутствіемъ короля, которое вспомоществовало ободренію его духа.

Разсматривая подробности этого сраженія, всѣ единогласно были того мнѣнія, что война могла-бы быть кончена однимъ ударомъ и отечество освободилось-бы отъ дальнѣйшихъ невзгодъ, если-бъ битва была начата раньше, такъ чтобы дневнаго свѣта хватило для истребленія врага, и, особенно, еслибы правый флангъ дѣйствовалъ также энергично, какъ лѣвый, по крайней мѣрѣ въ то время, когда уже орда обратилась въ неукротимое бѣгство и

козацкій таборъ былъ разорванъ лѣвымъ флангомъ; но правый флангъ сильно опоздалъ и отсталъ на полъмили отъ средняго корпуса, вслѣдствіе чего и орда имѣла время убѣжать, прикрывъ свое бѣгство, и козаки, утомивъ лѣвый флангъ, не получавшій подкрѣпленія отъ праваго, успѣли возстановить свой строй, сомкнули таборъ и отступили къ болотамъ, гдѣ уже труднѣе было съ ними сладить. Король нѣсколько разъ посылалъ настоятельный приказъ воеводѣ брацлавскому, который въ тотъ день командовалъ правымъ флангомъ (за отсутствіемъ великаго гетмана Потоцкаго) и маршалу коронному, требуя, чтобы они поспѣшили занять мѣсто во фронтѣ на одномъ уровнѣ съ другими частями войска, и даже угрожая смертью за ослушаніе; но тѣ отвѣтили, что предпочитаютъ смерть гибели отечества и короля, оправдывая свою медлительность тѣмъ, будто въ прилегавшемъ къ нимъ лѣсу устроена засада, и требовали, чтобы король прислалъ имъ нѣсколько пушекъ, обѣщая, обстрѣлявъ лѣсъ и удаливъ изъ него засаду, двинуться впередъ и выровняться съ общимъ фронтомъ. Впослѣдствіи, въ оправданіе этого опасенія, они утверждали, что когда регментъ Крейца съ двумя эскадронами конницы и двумя пушками, присланными королемъ, проникъ наконецъ въ тотъ лѣсъ, то заставилъ удалиться бывшихъ въ засадѣ непріятелей. Странно, что они такъ долго сторожили засаду и дозволили ей отступить невредимо. Впрочемъ многіе, даже изъ числа находившихся на томъ флангѣ, утверждали, что никакой засады и не было и что это была лишь пустая выдумка, придуманная для того, чтобы уклониться отъ опасности, предстоявшей при штурмѣ козацкаго табора. Какъ-бы то ни было, несомнѣнно однако, что это замедленіе было причиною, воспрепятствовавшею окончательно истребить врага и положить такимъ образомъ конецъ этой несчастной войнѣ. Пришлось намъ удовлетвориться хотя неполною, Богомъ намъ ниспосланною, побѣдою. Она, тѣмъ не менѣе, была весьма знаменита: мы побѣдили народы варварскіе, безчисленные, сбѣжавшіеся съ отдаленнѣйшихъ странъ. Передъ саблею короля преклонились и въ паническомъ страхѣ бѣжали дикія татарскія орды: силистрійская, урумельская, добруджская, также турки, волохи, урумбеки, пятигорцы—полчища, созванныя отъ береговъ Ледовитаго моря, отъ подножія гиперборейскихъ горъ и отъ моря Каспійскаго; важнѣе же всего то, что мы сломили въ полѣ зловреднаго звѣря—Хмельницкаго и безчисленную запорожскую сарану, загнали ихъ съ

большимъ урономъ въ таборъ и предоставили дальнѣйшей мести побѣдоноснаго королевскаго оружія. Вѣроятно, со времени битвы подъ Грюнвальдомъ, отечество наше, а можетъ быть и весь міръ, не видали столь знаменитаго сраженія; съ обѣихъ сторонъ въ ней принимало участіе, по меньшей мѣрѣ, 500,000 человѣкъ. Этому не повѣрятъ ни иностранцы, ни, можетъ быть, даже наши потомки. Очевидцы сами болѣе изумлялись, чѣмъ вѣрили. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ случилось то, что мы считали невозможнымъ, именно—произошелъ разрывъ орды съ Хмельницкимъ; правда, съ нашей стороны шагъ былъ отчаянный: мы бросили кости, поставивъ въ одинъ разъ на рискъ существованіе нашего отечества. Но Господу не угодно было допустить посрамленія своего помазанника, святой католической вѣры и находившихся подъ его охраною церквей.

Въ трехдневной этой битвѣ мы потеряли до 700 человѣкъ, главнымъ образомъ, изъ числа товарищей и дворянъ вѣдомствъ: краковскаго, сандомирскаго и ленчицкаго; козаковъ легло безконечно больше, татары-же своихъ убитыхъ тотчасъ подбирали, стараясь даже не допустить ихъ падать съ лошадей. Объ этой битвѣ можно сказать то, что сказано о битвѣ римлянъ съ Югуртою: „никогда мы не сражались съ такимъ успѣхомъ и съ столь малымъ пролитіемъ нашей крови“. Козаки также никогда не одерживали большей побѣды съ столь незначительными потерями. Вся слава этой побѣды должна быть отнесена королю, хотя должны быть упомянуты имена и тѣхъ лицъ, которыя ему въ значительной мѣрѣ помогли, а именно: гетмана Николая Потоцкаго, князя Іереміи Вишневецкаго, хорунжія короннаго Конецпольскаго, писаря польскаго Пржыемскаго, генерала Губальда, которому король публично заявлялъ благодарность, и многихъ другихъ, прилагавшихъ всевозможныя усилія для того, чтобы доставить королю эту побѣду, за которую да прославится имя Господне.

Ханъ бѣжалъ постыдно, не испробовавъ надлежаще своихъ силъ и не сразившись серьезно съ нами какъ потому, что Божіею милостію сердца непріятелей поражены были страхомъ, такъ, главнымъ образомъ, потому, что Хмельницкій представилъ ему наше войско весьма слабымъ, составленнымъ изъ остатковъ раньше разбитыхъ армій; но, когда ханъ увидѣлъ, что вся сила и таборъ Хмельницкаго не только не имѣютъ успѣха, но должны позорно отступать, когда при томъ самъ испыталъ наши силы въ

трехдневныхъ стычкахъ, при чемъ въ середу его отборная конница была двумя нашими полками прогнана за переправу, а въ четвергъ онъ потерялъ въ битвѣ болѣе 1,000 всадниковъ изъ своей гвардіи,—онъ предпочелъ, не ожидая конца битвы, и не подвергая себя и своей орды дальнѣйшей опасности изъ-за козаковъ, уклониться благовременно отъ пораженія и удалиться въ свои кочевья. Наши, впрочемъ, не вполнѣ довѣряли его бѣгству, полагая, что татаре, по скиѳскому обычаю смѣняющіе бѣгство нападеніемъ, могутъ еще возвратиться или, по крайней мѣрѣ, прислать часть орды для того, чтобы испробовать счастья; но вскорѣ убѣдились въ неосновательности этихъ предположеній, ибо наши разъѣзды, ходившіе за ними въ погоню, возвратились съ извѣстіемъ, что они по дорогѣ не только сожигаютъ города и села и истребляютъ ихъ жителей, но даже, встрѣтивъ небольшой таборъ козацкій, шедшій къ главному войску и не знавшій о его пораженіи, напали на него и перебили всѣхъ козаковъ; нашимъже солдатамъ, гнавшимся за ними, они кричали: „не бый!—татаръ утикаешъ—Хмельницка застаешъ!“

Хмельницкій, соображая дурной исходъ дѣла, видя, что его таборъ осажденъ, и опасаясь, чтобы козаки не были принуждены выдать его, въ случаѣ если онъ останется въ таборѣ, заблаговременно озаботился о своей безопасности и спасеніи. Онъ, вмѣстѣ съ совѣтникомъ своимъ Выговскимъ, помчался за ханомъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ намѣренъ упросить хана возвратиться съ ордою къ табору и не оставлять козаковъ на произволъ судьбы. Но все это былъ лишь предлогъ, придуманный для того, чтобы отдѣлаться отъ осажденныхъ козаковъ и хлоповъ, которые безъ того навѣрно бы его не отпустили и, выдавъ его головою, могли бы обезпечить собственное спасеніе; потому онъ и былъ принужденъ обмануть ихъ подъ благовиднымъ предлогомъ.

(Продолженіе будетъ).

Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи въ Украйнѣ 1768 года.

Въ то время, когда достоуважаемый Н. И. Костомаровъ сообщилъ намъ 14-ть документовъ относительно «Коліивщины», помѣщенные въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины», въ нашемъ распоряженіи было больше чѣмъ въ три раза документовъ той-же категоріи, имѣющихъ одно общее съ ними происхожденіе, находившихся въ одномъ и томъ-же архивѣ, но, по случайностямъ архивной судьбы, попавшихъ въ иныя руки. Ихъ слѣдовало снова соединить въ одну коллекцію, распредѣлить хронологически и въ такомъ видѣ предложить вниманію читателей. Мы не сдѣлали этого ради цѣннаго предисловія почтеннаго историка нашего, которое обнимало содержаніе лишь одной части документовъ, ему доставшихся; мы имѣли притомъ въ виду, что, кромѣ тѣхъ и другихъ документовъ, могутъ быть открыты, пожалуй даже скоро, новые, къ тому-же событію относящіеся и изъ того-же источника заимствованные, и—каждая новая серія ихъ будетъ требовать новаго поясненія.

Документы, которыхъ печатаніе мы теперь начинаемъ, составляли отдѣльный сборникъ, начатый еще въ 1851 году извѣстнымъ изслѣдователемъ нашей старины М. А. Максимовичемъ и предназначавшійся имъ для кіевской археографической коммисіи, его излюбленнаго дѣтища, ему главнымъ образомъ обязаннаго своимъ рожденіемъ. По смерти его, эта коллекція, очевидно далеко неполная и неоконченная, досталась достойнѣйшему продолжателю его трудовъ, Вл. Б. Антоновичу, предоставившему ее въ наше распоряженіе. Общее число переданныхъ намъ документовъ простирается до 50-ти и обнимаетъ собою время 1768—1779 г., а наибольшее ихъ число принадлежитъ къ 1768 году. Всѣ они извлечены покойнымъ Михаиломъ Александровичемъ изъ архива военно-походной канцеляріи бывшаго президента малороссійской коллегіи и малороссійскаго генералъ-губернатора, гр. П. А. Румянцева, впослѣдствіи получившаго титулъ Задунайскаго. Собственно это есть переписка гр. П. А. Румянцева, веденная имъ по дѣлу народнаго возстанія въ сопредѣльной съ райономъ его управленія тогдашней польской области, нынѣшнемъ юго-западномъ нашемъ краѣ, и главнымъ образомъ въ предѣлахъ нынѣшней кіев-

ской губерніи, и представляетъ рядъ всеподданнѣйшихъ и другихъ его писемъ и реляцій, отношеній, ордеровъ или приказовъ и т. под., но рядомъ съ исходившими отъ Румянцева бумагами, есть (къ сожалѣнію, не многія) бумаги, къ нему поступавшія, каковы нѣкоторыя сообщенія кіевскаго генералъ-губернатора М. Воейкова, донесенія подчиненныхъ ему лицъ и другія частныя сообщенія. Переписка касается не одного только возстанія украинскаго, но и возникшаго почти одновременно съ нимъ и стоящаго съ нимъ въ тѣсной связи польскаго бунта, окрещеннаго отъ современной шляхты деликатнымъ именемъ конфедераціи, и это увеличиваетъ ея интересъ. Въ ней, кромѣ множества другихъ второстепенныхъ лицъ, выступаютъ главнѣйшіе наши государственные дѣятели того времени: президентъ коллегіи (министерства) иностранныхъ дѣлъ, заправитель нашей иностранной политики, гр. Н. И. Панинъ, чрезвычайный нашъ посолъ при варшавскомъ дворѣ, кн. Н. В. Репнинъ, въ кругъ обязанностей котораго входила защита угнетаемыхъ православныхъ обитателей королевства польскаго, гр. П. А. Румянцевъ, управлявшій лѣвобережною Украйною и Запорожьемъ, на обязанности котораго естественно лежало охраненіе спокойствія и безопасности со стороны правобережной, тогда польской Украйны, и кіевскій генералъ-губернаторъ Ѳ. М. Воейковъ, управлявшій небольшою частію нынѣшней кіевской губерніи по Васильковъ и такъ называемою Ново-Сербіею, т. е. поселенными между границею польской Украйны и Запорожья пикинерными и компанейскими полками, и вѣдавшій всѣ пограничныя сношенія съ Польшею и Крымомъ. Къ сожалѣнію, переписка эта открываетъ намъ вполнѣ взгляды и отношенія къ событію 1768 г. лишь одного Румянцева, относительно-же остальныхъ лицъ мы узнаемъ лишь по отвѣтнымъ его письмамъ и разбросаннымъ въ нихъ намекамъ и указаніямъ. Тѣмъ не менѣе печатаемые теперь документы въ значительной степени освѣщаютъ мрачную драму «Коліивщины», опредѣляютъ съ большею точностію обстоятельства, ближайшимъ образомъ ее вызвавшія, устанавливаютъ истинный характеръ этого событія и обнаружившіяся въ немъ завѣтныя стремленія украинскаго населенія, показываютъ дѣйствительныя отношенія къ нему русскаго правительства, указываютъ мѣста и дѣйствія главныхъ предводителей возстанія и рисуютъ, согласно съ народнымъ мѣстнымъ преданіемъ, характеръ и значеніе пресловутой польской конфедераціи, вообще-же открываютъ не мало новыхъ историческихъ данныхъ.

Прежде, однако, чѣмъ приступимъ къ указанію содержанія помѣщаемыхъ документовъ, коснемся для ясности дѣла обстоятельствъ, предшествовавшихъ событію, о которомъ они говорятъ.

Мы не станемъ повторять извѣстныхъ уже въ нашей наукѣ положеній, что гайдамачество было видоизмѣненною формою козачества и что оно представляло изъ себя протестъ противъ тогдашняго общественнаго строя; но мы не можемъ не замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ положеніи есть значительная доля неопредѣленности и даже невѣрности исторической, вслѣдствіе чего и самое событіе, котораго касаются предлагаемые документы, такъ называемая Коліивщина, получаетъ

не точную окраску. Когда говорятъ, что гайдамачество являлось протестомъ противъ тогдашняго строя жизни, то разумѣютъ преимущественно строй гражданскій, положеніе соціальное, условія экономическія. Не на этой почвѣ выросла Коліивщина,—вотъ что мы хотимъ сказать, съ документами въ рукахъ. Заселеніе Украйны, обезлюдившейся по волѣ Петра I, случилось такъ недавно, что экономическія отношенія новыхъ поселенцевъ на земляхъ, какъ-бы арендуемыхъ ими, за извѣстную, сравнительно легкую работу въ пользу ихъ владѣльцевъ, еще не могли обостриться; пользованіе землею продолжало быть болѣе или менѣе льготнымъ, закрѣпощенія, какое было въ другихъ русскихъ областяхъ Польши, не было здѣсь и долгое время послѣ Коліивщины, и не экономическія нужды вызвали кровавую расправу украинцевъ съ владѣтелями ихъ родной земли. Тотъ общій въ тогдашней Польшѣ порядокъ, что помѣщикъ являлся полновластнымъ господиномъ поселившагося на его землѣ крестьянина, и могъ лишить его всего, самой жизни, не отвѣчая предъ закономъ, не могъ зародить борьбы на жизнь и смерть въ сферѣ чисто экономическихъ отношеній, которыя не давали къ тому ни повода, ни причины: населеніе было рѣдкое, земли было вдоволь, богатѣйшая, много лѣтъ гулявшая почва кипѣла, можно сказать, медомъ и млекомъ и сторицею вознаграждала трудъ земледѣльца, самые-же помѣщики и ихъ многочисленные агенты должны были дорожить рабочею силою. Современные акты мало или вовсе не представляютъ указаній на существованіе тогда въ Украйнѣ гнета экономическаго. Борьба между шляхетствомъ и подвластнымъ южнорусскимъ крестьянствомъ возникла и выросла на почвѣ религіозныхъ гоненій и мученій въ буквальномъ и самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. Начало ихъ одинъ изъ современныхъ документовъ относитъ къ 1736 г., т. е. къ первымъ временамъ заселенія Украйны, но усилились они и приняли систематическій характеръ съ 60-хъ годовъ и особливо съ 1764 г., когда на сеймѣ этого года всѣ диссиденты, въ томъ числѣ и православные, лишены были свободы вѣроисповѣданія, съ воспрещеніемъ имъ доступа къ общественнымъ и гражданскимъ должностямъ. Въ короткое время большая часть православныхъ церквей была обращена въ унію, такъ называемые благочестивые священники изгнаны изъ своихъ приходовъ, дома и имущества ихъ разорены, сами они и защищавшіе ихъ прихожане подвергались самымъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ насиліямъ. Всѣмъ этимъ дѣломъ заправляла радомысльская уніатская консисторія; исполнителями ея распоряженій являлись уніатскіе священники въ особыхъ должностяхъ инструкторовъ и инстигаторовъ, а ревностнѣйшимъ пособникомъ—разсыпанная по имѣніямъ польскихъ пановъ польская шляхта, въ видѣ губернаторовъ, комиссаровъ, поссесоровъ, арендаторовъ, экономовъ, лѣсничихъ и т. под. Религіозный фанатизмъ проникалъ тогда всѣ слои польскаго общества, пропаганда уніи не одно столѣтіе была душею онаго, она всасывалась съ молокомъ матери, усиливалась воспитаніемъ, проповѣдью и исповѣдію ксендзовъ, поддерживалась всѣмъ строемъ правительственной и общественной жизни; всякій шляхтичъ считалъ себя миссіонеромъ. Ближайшимъ пово-

домъ къ религіознымъ насиліямъ надъ православнымъ украинскимъ населеніемъ служило то обстоятельство, что на обширномъ пространствѣ всего юго-западнаго края давно не было ни одного православнаго епископа и никакой іерархической власти, а власть заграничнаго епископа переяславскаго, къ которому, съ разрѣшенія св. синода, относилось по дѣламъ вѣры православное населеніе Украйны, не считалась здѣсь законною. Уніатскіе митрополиты считали Украйну своею діоцезіею и не могли равнодушно смотрѣть на появленіе въ ней, вмѣстѣ съ ея заселеніемъ, *шизмы*; напротивъ, они всячески старались о насажденіи здѣсь уніи, въ чемъ дѣятельно помогала имъ шляхта, пользуясь своимъ соціальнымъ господствомъ и употребляя въ дѣло учрежденное не задолго предъ тѣмъ для противодѣйствія гайдамакамъ и содержавшееся въ городовыхъ и помѣщичьихъ замкахъ милиціонное войско, съ именемъ козаковъ.

Смѣлое, энергическое ходатайство за угнетенный украинскій народъ назначеннаго отъ переяславскаго архіерея правителемъ украинскихъ монастырей и церквей игумена мотренинскаго монастыря Мелхиседека Значко-Яворскаго, его поѣздка въ Петербургъ, гдѣ онъ милостиво былъ принятъ имп. Екатериною, а оттуда въ Варшаву съ рескриптомъ императрицы на имя нашего посла кн. Репнина, и вмѣстѣ съ симъ посылка особой ноты или письма Екатерины къ самому польскому королю дали дѣлу православія въ Украйнѣ неожиданный оборотъ. Особымъ привилеемъ король Станиславъ-Августъ дозволялъ свободу исповѣданія православнымъ жителямъ Украйны. Отъ имени короля и по его приказанію, вице-канцлеръ коронный Млодзѣіовскій писалъ внушительныя письма уніатскому митрополиту и епископамъ, а также главнѣйшимъ украинскимъ помѣщикамъ Яблоновскому, Любомірскому и Сангушкѣ, требуя прекращенія гоненій на православныхъ и законнаго съ ними обращенія. Независимо отъ того Мелхиседеку выданы были изъ коронной метрики за королевскою печатью копіи грамотъ прежнихъ королей на свободное исповѣданіе православной вѣры. Это было въ февралѣ 1766 г. Гоненія между тѣмъ на православныхъ не прекращались во все время путешествія Мелхиседека, продолжавшагося около года. Когда-же съ возвращеніемъ его началось въ украинскихъ церквахъ чтеніе королевскаго привилея, ограждавшаго свободу православія, это, съ одной стороны, высоко подняло духъ народный и массы приневоленныхъ предъ тѣмъ къ уніи снова возвратились къ православію, съ другой—довело до изступленія ихъ враговъ и вызвало этихъ послѣднихъ на новыя жесточайшія преслѣдованія исповѣдниковъ православія. Польша находилась тогда въ періодѣ полнаго разложенія; то была пора полнаго безсилія закона и всякой власти, не исключая и королевской. Распущенная шляхта цинично глумилась надъ выданнымъ королевскимъ привилеемъ, указывая для него самое непристойное назначеніе; шляхтичъ Хойновскій азартно кричалъ: «и королю отрубятъ голову за то, что схизматикамъ выдалъ привилей». Возвращеніе къ православію только что приневоленныхъ «боемъ нещаднымъ» къ уніи сочтено было бунтомъ, ходатайство Мелхиседека предъ импера-

трицею и королемъ—тяжкимъ преступленіемъ, самъ онъ объявленъ бунтовщикомъ, достойнымъ самой тяжкой кары. Такой декретъ выданъ былъ на него и на всѣхъ непокоряющихся уніи отъ радомысльской уніатской консисторіи. Видно, упомянутыя письма вице-канцлера цѣнились еще менѣе, чѣмъ королевскій привилей. Этимъ декретомъ отпавшіе отъ уніи священники объявлялись лишенными своихъ мѣстъ и подлежащими строгому тѣлесному наказанію и изгнанію, на непокорныя громады налагались огромные денежные штрафы, съ обращеніемъ ихъ на постройку миссіонерскаго дома и содержаніе миссіонеровъ уніи. И все это должны были привести въ исполненіе агенты помѣщичьей власти, подъ опасеніемъ суда латинской консисторіи... Самъ Мелхиседекъ потребованъ былъ къ суду уніатскаго официала Мокрицкаго. Командамъ пограничныхъ форпостовъ на Днѣпрѣ отданъ былъ строжайшій приказъ не пропускать никого въ Переяславъ, сношенія внутри въ такой степени были стѣснены, что, по выраженію Мелхиседека, никуда не пускали «а ни человѣка, а ни жида». Всякая попытка пробраться къ епископу для рукоположенія, полученія антиминса или иной надобности наказывалась самымъ жестокимъ, кіевъ въ триста, боемъ. На одномъ изъ такихъ форпостовъ схваченъ былъ и Мелхиседекъ, возвращавшійся изъ Переяслава, и, послѣ всевозможныхъ личныхъ надъ нимъ насилій и издѣвательствъ, завезенъ былъ въ кандалахъ на Волынь и тамъ, въ м. Грудкѣ, замурованъ въ каменной тюрьмѣ, гдѣ едва не лишился жизни. Вступившее предъ тѣмъ въ Украйну польское войско, такъ называемая украинская партія, подъ командою Воронича, навела ужасъ на все живущее. Начались страшные поборы на войско, народъ массами сгоняли на работы въ обозъ подъ м. Ольшаной. Вороничъ разсылалъ летучіе отряды для усмиренія бунтующихся, т. е. не желающихъ принять уніи, и каралъ жестоко. Сопровождавшему Мелхиседека въ Переяславъ сотнику жаботинскому Харьку отрублена голова въ конюшнѣ, мліевскій ктиторъ Даніилъ Кушниръ всенародно сожженъ въ обозѣ подъ м. Ольшаной. Въ тоже время уніатскій официалъ Мокрицкій, утвердивши свою резиденцію въ Корсунѣ, съ толпою инструкторовъ и инстигаторовъ, съ отрядами вооруженныхъ козаковъ, разъѣзжалъ по Украйнѣ, бралъ съ бою церкви, ловилъ монаховъ и священниковъ, билъ ихъ *смертно*, заковывалъ въ желѣза, забивалъ въ кандалы и подъ карауломъ отправлялъ въ Радомысль, гдѣ имъ снова давали по 600 и 800 ударовъ, бросали въ смрадныя ямы, заставляли тачками возить землю. Не лучше было и положеніе мірянъ: надъ ними производили неизобразимыя и неисчислимыя насилія,—иныхъ до смерти забивали, другимъ рты разрывали, руки и ноги выворачивали. Шляхта и духовенство уніатское щеголяли другъ передъ другомъ въ изобрѣтеніи мукъ и казней; буйство, распущенность, необузданное своеволіе спорили съ фанатизмомъ и непримиримою злобою. Такъ называемыя «похвалки», или угрозы безумствовавшей шляхты, довершали смятеніе и ужасъ народа. Нерѣдко цѣлымъ громадамъ объявлялся смертный приговоръ, назначался день и часъ казни, или-же безъ означенія срока грозили всѣхъ истребить поголовно. «Людямъ смертнымъ

страхъ мечтался, и всѣ лишенія имущества и живота ожидали». По мѣстамъ дѣйствительно готовились къ смерти, надѣвали чистыя рубахи, исповѣдывались, пріобщались, на вѣки прощались; въ другихъ мѣстахъ поголовно оставляли жилища, уходили въ лѣса, горы и дебри. Въ глумленіяхъ, издѣвательствахъ шляхты и причитаніяхъ при совершеніи истязаній ясно слышалось, противъ кого и чего и за что направлялась эта адская, непримиримая злоба и неистовство: «ото тебе бьетъ благочестіе твое»; «о то тобі за государыню, за короля, за св. правительствующій синодъ, за архіерея и за вся православныя христіане»; «а ну-те-жъ, нуте лучше того *грека*». Били «смертно розками, дисциплинами, барбарами», били нагаями и кіями, списами и ружейными присошками, руками и ногами, били, пока прочитывалось: *Помилуй мя, Боже* и *Блажени непорочніи*, били «духу послухаючи», т. е. пока душа въ тѣлѣ держалась. А со стороны народа одинъ былъ отвѣтъ: «отнимите у насъ жизнь, но мы не хочемъ быть въ уніи». «Пристань, ксіенже, на едность, то велю сейчасъ изъ пушекъ палить», — говорилъ комиссаръ Каменскій Мелхиседеку, попавшему въ руки уніатовъ и не разъ бывшему уже на волосъ отъ смерти; но тотъ отвѣчалъ: «хотя и безвременно пропаду, но за вѣру пострадаю; на унію-жъ не пристану».

Эта страшная картина народныхъ страданій не измѣнялась ни на іоту до конца 1766 г., удерживалась въ теченіе всего слѣдующаго и въ началѣ роковаго 1768 г. Мѣнялись мѣста, лица, дѣйствія, но раздирающая душу драма оставалась неизмѣнною вплоть до того момента, когда многострадальный и многотерпѣливый, но разъяренный народъ возсталъ, какъ левъ, въ неумолимой мести своей. Любопытствующихъ подробностями этой драмы отсылаемъ къ изданнымъ кіевскою археографическою коммисіею актамъ (Архивъ юго-запад. Россіи ч. 1, т. II и III), мы-же доскажемъ вкратцѣ лишь конецъ оной.

Тщетно Мелхиседекъ, еще до заключенія своего сперва въ гродской, потомъ въ дерманской тюрьмѣ, и добродѣтельнѣйшій 84-хъ лѣтній старецъ Гервасій Линцевскій, епископъ переяславскій, старались остановить мучителей, оградить мучимыхъ посредствомъ жалобъ и протестовъ, ссылаясь на королевскій привилей, на мирные трактаты, на грамоты прежнихъ королей. Самыя напряженныя ихъ усилія не приводили ни къ чему. То была пора крайняго религіознаго возбужденія въ Польшѣ. Сеймы слѣдовали за сеймами; на нихъ шли бурныя, ожесточенныя пренія, а главнымъ предметомъ ихъ, злобою, такъ сказать, дня былъ вопросъ о диссидентахъ, или не согласныхъ съ ученіемъ католической церкви. Въ предсмертной агоніи своей Польша силилась остаться ультра-католической и не хотѣла допустить существованія въ ея предѣлахъ еретиковъ, къ которымъ прежде всего относила православныхъ. Папа особою буллою на имя примаса королевства разжигалъ страсти и безъ того фанатическаго духовенства. Сеймъ 1766 г. отвергъ всѣ домогательства иностранныхъ дворовъ о правахъ диссидентовъ; всѣ протесты и жалобы ихъ были отвергнуты, въ частности жалобы украинцевъ сочтены были бунтомъ. Сеймъ слѣ-

дующаго года былъ благопріятнѣе для дѣла диссидентовъ; въ виду рѣшительнаго настоянія иностранныхъ государей, особливо Екатерины, имъ возвращена была свобода вѣроисповѣданія, дарованы гражданскія и общественныя права наравнѣ съ католиками. Въ общей судьбѣ ихъ рѣшено было и дѣло украинцевъ, а для разбора жалобъ ихъ на уніатовъ и поляковъ назначался смѣшанный судъ. Но такое вынужденное постановленіе, еще до ратификаціи онаго на сеймѣ слѣд. 1768 г., вызвало страшное волненіе въ Польшѣ. Раздраженная уступками въ пользу иновѣрцевъ шляхта возстала открыто противъ короля, называя его *наимитомъ московскимъ*. Король призвалъ русскія войска; главные зачинщики движенія были арестованы Репнинымъ и отправлены въ Калугу, сеймъ отложенъ до половины февраля и хотя на немъ утверждено постановленіе предъидущаго сейма, но это не только не предъотвратило готовившагося взрыва, а напротивъ ускорило развязку событій въ Украйнѣ.

Народъ жилъ своею логикою; всего менѣе ему могли быть извѣстны дѣйствія дипломатіи, направленіе внутренней политики; онъ поступалъ, какъ требовали совершавшіяся предъ глазами его событія. А въ Украйнѣ, какъ мы уже говорили, творились неизобразимые ужасы. «Ярости и свирѣпства уніатовъ не утишались, но паче воставали, за пособленіемъ губернаторовъ и придворскихъ людей», «народъ находился въ такой тѣснотѣ и нуждѣ, каковы были развѣ во времена апостольскія». «Губернаторы и другіе паны, кто вырвется, мучили безъ уваги».

Зловѣщіе признаки готовившагося общаго взрыва носились то тамъ, то здѣсь гораздо прежде сего. «Будетъ война», говорилъ Мелхиседекъ, возвратясь изъ Петербурга и Варшавы два года назадъ. «Берегись, писалъ онъ потомъ лютому мучителю Мокрицкому, бо то не съ жидами справа». «Коли лихо тихо, то надо-бъ его и кожухомъ укрывать»,—замѣчалъ предмѣстникъ Мокрицкаго. Мирные разныхъ оттѣнковъ протестанты еще въ декабрѣ 1766 г. образовали конфедерацію въ Слуцкѣ и рѣшили защищать свою свободу съ оружіемъ въ рукахъ, призывая къ тому-же и православныхъ. Въ мартѣ слѣдующаго года, въ обители мотренинской козакъ Иванъ просилъ у намѣстника благословенія «выкрикать на затягъ», но наличныя силы признаны были недостаточными и монахъ Филостервъ Самбекъ повезъ письмо «до Гарду (въ Сѣчь), щобъ голота прибула». Весь однако 1767 и начало 1768 г. прошли безъ взрыва; только стонъ стоялъ по всей Украинѣ отъ невыносимыхъ страданій «благочестиваго священства и народа». Конфедерація, зародившаяся въ Барѣ и хлынувшая въ Украйну, переполнила чашу народныхъ страданій и была непосредственною причиною «Коліивщины», какъ вѣрно, по живому преданію, опредѣлилъ народный поэтъ:

Руйнували, мурдували,
Церквами топили,
А тимъ часомъ гайдамаки
Ножи освятили...

Свергнуть преданнаго Россіи короля, выгнать русскія войска изъ Польши, возстановить во всей широтѣ вольность шляхетскую, — таковы были стремленія конфедератовъ, но ихъ конечная цѣль — разорить церкви православныя, истребить схизматиковъ-еретиковъ. Все это польско-шляхетское движеніе имѣетъ религіозную окраску; самъ папа руководитъ имъ, даетъ денежное вспоможеніе. Конфедераты, вступивъ въ Украйну, чтобы подкрѣпить себя тѣми военными силами, какія находились тамъ въ помѣщичьихъ дворахъ и городскихъ замкахъ, остались вѣрными основному характеру движенія и начали съ того, чѣмъ должны были кончить. Запылала Украйна, начались неслыханныя неистовства надъ беззащитнымъ народомъ. Шляхта открыто хвалилась, что въ ничто обратитъ страну. Народъ не вытерпѣлъ, призвалъ запорожцевъ. Въ апрѣлѣ разлилась конфедерація, въ маѣ вспыхнуло народное возстаніе. Тутъ связь ближайшая, непосредственная, очевидная, а это измѣняетъ взглядъ на самое возстаніе. То не былъ бунтъ противъ власти помѣщичьей или государственной изъ-за гнета экономическаго, во имя независимости и свободы гражданской, не было принципіальное непризнаніе польской власти и господства и, если эти чувства и убѣжденія были воспитаны въ украинскомъ народѣ всею предшествовавшею исторіею, если они лежали въ глубинѣ души его и проявлялись теперь въ рѣшительномъ намѣреніи перейти въ подданство русской царицы, то не ими вызвано настоящее изступленное возстаніе и не они были движущею его силою. Нѣтъ, то было великое движеніе во имя вѣры, которое, какъ огнемъ, охватываетъ массы народныя (простое усердіе къ вѣрѣ благочестивой, какъ писалъ Румянцевъ), вопль крайняго отчаянія, инстинктъ самосохраненія, самозащита въ глазахъ неминуемой смерти. Не воры, разбойники и грабители были возставшіе, не изъ своеволія и не для наживы возстали они, но для защиты отъ конечнаго своего истребленія и — за вѣру отеческую, поруганную и погубляемую. Годы предшествовавшіе возстанію были въ собственномъ смыслѣ временами мученичества, ничѣмъ не уступавшими временамъ Нерона и Діоклитіана, и если они явили намъ страстотерпцевъ и мучениковъ, то возстаніе дало намъ такихъ безстрастныхъ и самоотверженныхъ защитниковъ народныхъ, предъ которыми блѣднѣютъ швейцарскіе защитники свободы. Тѣ однако давно нашли своихъ историковъ, поэтовъ, а наши доселѣ не вышли изъ названій «разбойниковъ, гультаевъ, ватажковъ». Пора, по крайней мѣрѣ, приступить къ собиранію и обнародованію памятниковъ этой кровавой эпохи, которая спасла намъ нашу вѣру и народность. Помѣщаемая теперь переписка пусть послужитъ тому началомъ.

Она начинается тремя сообщеніями (четвертаго не достаетъ) кіевскаго генералъ-губернатора Ѳ. М. Воейкова гр. П. А. Румянцеву о первыхъ движеніяхъ конфедератовъ для разоренія оставшихся въ польской Украйнѣ православныхъ церквей и изгнанія оттуда русскихъ войскъ (№№ I, II, III и IV). Добытыя Воейковымъ свѣдѣнія удостовѣряютъ несомнѣнное участіе въ этомъ польскомъ бунтѣ какъ папы съ его казною, такъ и польско-католическаго духовенства. Но папѣ какая

нужда до вольностей шляхетскихъ? Слѣдовательно это, въ нѣкоторомъ родѣ, крестовый походъ для истребленія еретиковъ, для разоренія ихъ церквей. Дѣйствія конфедератовъ въ такомъ направленіи, очерченныя въ сообщеніяхъ Воейкова лишь нѣсколькими штрихами, составляютъ первый актъ начавшейся драмы.

Первыя указанія на открывшееся народное возстаніе въ Украйнѣ находимъ въ донесеніяхъ Румянцева коллегіи иностранныхъ дѣлъ, или чрезъ нее имп. Екатеринѣ, равно въ приказахъ его полковнику Протасьеву и кошевому войска запорожскаго (№№ V—IX). Неистовства конфедератовъ вызываютъ отпоръ; идетъ междоусобіе и взаимное самоистребленіе. Призываются запорожцы, берутъ Каневъ, выгоняютъ и частію истребляютъ поляковъ, жидовъ-же не оставляютъ въ живыхъ ни одного. Нѣсколько польскихъ семействъ и самъ староста каневскій Потоцкій бѣгутъ въ Переяславъ, подъ защиту Румянцева, но туда-же является и нарочный отъ жителей Канева. Происходитъ удивительное общее недоразумѣніе. Румянцевъ представленія не имѣетъ о тѣхъ ужасахъ, какіе слишкомъ два года совершались у него предъ глазами, по другую сторону Днѣпра, и свѣдѣнія о которыхъ сосредоточивались въ Переяславѣ; даже недавнія сообщенія Воейкова совсѣмъ какъ-бы забыты. Никакой исходной точки, никакихъ предварительныхъ свѣдѣній ни у него, ни у подвѣдомственныхъ ему учрежденій нѣтъ, какъ и у сосѣда его Воейкова, на которомъ лежали всѣ заграничныя корреспонденціи. Поляки просятъ защиты, каневцы доносятъ, что съ помощію запорожцевъ покончили съ ляхами и жидами и простодушно спрашиваютъ, что дальше имъ дѣлать; тѣ и другіе заявляютъ, что все совершено по указу ея императорскаго величества, предъявленному пришедшими въ Каневъ запорожцами въ копіи, завѣренной подписью куреннаго и печатью кошеваго. Румянцевъ въ недоумѣніи; онъ даже допускаетъ возможность подобнаго указа, посылаетъ въ Каневъ и Кошъ развѣдать, подлинный-ли то указъ, или подложный. Запорожье въ его командѣ, и—вдругъ указъ, о которомъ онъ, какъ и о всемъ начинающемся смятеніи, ничего не знаетъ;—онъ спрашиваетъ коллегію, проситъ самую императрицу разъяснить ему его недоумѣніе, и какой стороны ему держаться, и какъ поступать. Удивляться-ли, что народъ вѣрилъ указу?—Тѣмъ не менѣе Румянцевъ отводитъ квартиры бѣглымъ полякамъ, чинитъ имъ теперь и потомъ всякое вспомоществованіе, а относительно возставшихъ «по ихъ поступкамъ» скоро приходитъ къ такому заключенію, что это должна быть разбойническая партія, которую онъ, какъ поставленный охранять спокойствіе въ пограничныхъ мѣстахъ, обязанъ ловить и истреблять. Любопытно однако это желаніе подловить и задержать запорожцевъ въ Каневѣ, подъ видомъ помощи каневцамъ,—извѣстное обыкновенно подъ названіемъ военной хитрости. Не менѣе любопытно и это указываемое Румянцевымъ и принятое имъ за крайнюю простоту объясненіе со стороны кошеваго тѣхъ движеній и приготовленій, которые примѣчены были теперь въ запорожскомъ войскѣ: «слышно-де, яко подъ м. Васильковымъ сто тысячъ прусскихъ и саксонскихъ войскъ идетъ, такъ надо быть въ готовности»... Донесеніе Румянцева отъ 23 іюня представляетъ

обнаружившійся по сообщеніямъ Воейкова планъ и театръ дѣйствій возставшаго народа и мѣры противъ него принятыя. Главныя силы его сосредоточены въ мотренинскомъ лѣсу; онѣ окопались и имѣютъ пушки, отбитыя въ польскихъ замкахъ. Отсюда выходятъ партіи, которыя разграбляютъ мѣстечки и деревни (имѣнія и дома поляковъ), жидовъ крестятъ, а несогласныхъ креститься убиваютъ. Подкрѣпленія идутъ изъ Запорожья чрезъ Новосербію. Идущіе всенародно объявляютъ, что отправляются въ Польшу (Украйну, подвластную Польшѣ) для *заступленія вѣры*. Возстаніе охватило Чигиринщину, Смѣляншину и всѣ тамошнія «околичности». Неся съ собой указъ царицы, въ подлинности котораго никто не сомнѣвался, возставшіе такъ твердо увѣрены въ законности своихъ дѣйствій, въ святости своей миссіи, что и командирамъ (русскимъ) объявляютъ, что никакая команда препятствія имъ сдѣлать не можетъ и, подъ угрозами, требуютъ не впускать въ русскія владѣнія поляковъ и жидовъ. Всѣ они идутъ подъ именемъ запорожцевъ, хотя отряды ихъ пополняются всякаго рода людьми изъ среды возставшаго народа. Румянцевъ трактуетъ ихъ, какъ простыхъ разбойниковъ, и самъ, по своему собственному соображенію, рѣшается подавить бунтъ въ чужомъ государствѣ. Онъ двинулъ въ Украйну московскій карабинерный полкъ, подъ командою полковника Протасьева, и 150 малороссійскихъ козаковъ «на истребленіе разорителей». Въ то-же время и для той-же цѣли Воейковъ со стороны Новороссіи двинулъ харьковскій гусарскій полкъ, подъ командою полковника Чорбы, а со стороны Кіева часть елецкаго полка для защиты бѣлоцерковскаго замка, по просьбѣ польскаго коменданта Карбовскаго; полкъ козловскій оставленъ былъ въ пограничномъ елисаветинскомъ укрѣпленіи для подкрѣпленія. Протасьеву приказывалось войти съ ними въ сообщеніе и о происходящемъ доносить Воейкову и стоявшему близь Бердичева ген. Кречетникову. Донесеніе 3 іюля (№ X) повторяетъ извѣстныя уже изъ сообщенныхъ Н. И. Костомаровымъ документовъ свѣдѣнія о сожженіи гайдамаками Умани (Голты?) и Палѣева Озера, о нападеніи на Балту, о движеніи по сему случаю татаръ и посылкѣ изъ Сѣчи отряда къ Умани. По послѣднему извѣстію Румянцевъ требуетъ чрезъ курьера объясненія отъ кошеваго, а пограничнымъ командамъ посылаетъ строжайшій приказъ о прегражденіи пути идущимъ чрезъ Новороссію гайдамацкимъ партіямъ. Донесеніе 15 іюля (№ XI) даетъ свѣдѣнія о первыхъ результатахъ мѣръ, принятыхъ противъ гайдамакъ, равно опредѣляетъ главные пункты дѣйствій этихъ послѣднихъ. Въ селѣ Блощинцахъ, въ 15-ти верстахъ отъ Бѣлой-Церкви, дѣйствовалъ съ тремя стами товарищей, Журба, близъ Богуславля Швачка. Неживый, начавшій съ Канева и быстро перешедшій къ Палѣеву Озеру и Балтѣ, находится теперь въ Чигиринщинѣ. Посылалъ ихъ Желѣзнякъ, онъ-же и указъ объявилъ. Самъ Желѣзнякъ съ большою партіею въ Умани. Протасьевъ безъ труда разбилъ, полонилъ и разсѣялъ отряды Журбы и Швачки. Лишь первый оказалъ нѣкоторое сопротивленіе, но на столько слабое, что ни одинъ солдатъ русскій не былъ раненъ. Въ его отрядѣ взято четыре знамени, двѣ мѣдныя пушки, одна черная (чугунная?) и пять желѣзныхъ гаковницъ.

Протасьевъ двинулся къ Умани, приказавъ «подданнымъ» (крестьянамъ), чтобы они «отложили взятый мятежъ съ причины разныхъ внушеній отъ людей своевольныхъ». До другаго взгляда на происходившее народное движеніе не додумались пока ни Протасьевъ, ни Румянцевъ; и послѣдній надежду питалъ, что «взбунтовавшіеся подданные обратятся, конечно, къ прежнему послушанію, увидѣвъ, что ободрившіе ихъ на возмущеніе, истребляются, какъ злодѣи». Одно получилось еще въ результатѣ: народное движеніе смело конфедератовъ; объ нихъ, по донесенію Протасьева, не было и слуху. 137 человѣкъ взятыхъ имъ гайдамакъ за карауломъ отправлены имъ въ Кіевъ—въ крѣпость.

Этимъ заканчивается второй актъ кровавой драмы 1768 года.

(Продолженіе будетъ).

I.

Письмо кіевскаго генералъ-губернатора Ѳедора Воейкова къ графу П. А. Румянцеву съ сообщеніемъ первыхъ слуховъ о начинающихся въ польской Украйнѣ сборищахъ конфедератовъ для разоренія православныхъ украинскихъ церквей и принятыхъ имъ Воейковымъ по сему случаю мѣрахъ. 3 апрѣля, 1768 года.

Сіятельнѣйшій графъ, высокопревосходительнѣйшій господинъ генералъ аншефъ, малороссійскій генералъ губернаторъ, малороссійской-же коллегіи президентъ и кавалеръ, милостивый государь мой!

Съ нѣкоторыхъ уже дней доходятъ до меня разныя изъ Польши разсѣваемыя разглашенія, якобы въ польской Украйнѣ войска польскія у Бара, Бѣлой-Церкви и Клецка дѣйствительно собираются; а отъ 18-го теперешняго, командующій елисаветградской провинціи полками господинъ полковникъ Чорба рапортомъ представилъ: стоящій-де на Сентовскомъ форпостѣ поручикъ Маріяновичъ къ нему рапортовалъ, что слышалъ онъ заподлинно отъ польскаго шляхтича Франциска Радишевскаго, что въ Барѣ уже до нѣсколько тысячъ поляковъ собралось и еще повседневно прибавляется, которые якобы не далѣе, какъ чрезъ двѣ недѣли, къ границамъ сближаться имѣютъ, для разоренія оставшихся въ польской сторонѣ по границѣ православныхъ церквей. А хотя я прямо отъ обрѣтающагося въ Варшавѣ посла князя Репнина и отъ другихъ нашихъ воинскихъ въ Польшѣ командировъ никакого о томъ преувѣдомленія не имѣю, слѣдовательно и причина

есть о подлинности сихъ разглашеній сомнѣваться, паче-же по извѣстной польской привычкѣ, кои, упирая на свою вольность, всякіе несостоятельные распускаютъ слухи; однако по должности моей, признавая предосторожность во всякомъ случаѣ, паче же при границахъ, весьма необходимою, нарочнаго искуснаго офицера въ Польшу, подъ приличнымъ претекстомъ, отправилъ, для развѣдыванія о сей подлинности, а между тѣмъ кому надлежало отъ меня въ новороссійской губерніи найсильнѣйше подтверждено: непримѣтнымъ образомъ, безъ малѣйшаго встревоженія, быть всѣмъ вѣдомства моего воинскимъ командамъ въ надлежащей воинской исправности и осторожности, къ отвращенію всякихъ случиться могущихъ шалостей и набѣговъ, и для осторожности имѣть по границѣ непрестанные разъѣзды, такожъ надежныхъ людей подъ разными претекстами въ Польшу посылать для вывѣданія настоящей причины таковому собранію и обращенію. Я за потребно разсудилъ о семъ обстоятельствѣ вашему сіятельству чрезъ сіе сообщить. А что отъ время до времени нарочно посланные въ Польшу развѣдаютъ, то о всемъ томъ ваше сіятельство предувѣдомить не упущу. Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Ѳедоръ Воейковъ. Кіевъ, 3 апрѣля 1768 года.

II.

Письмо того-же Воейкова къ тому-же гр. Румянцеву съ сообщеніемъ объ усиленіи сборищъ конфедератовъ, ихъ угрозахъ и надеждахъ и необходимости принятія мѣръ предосторожности. 20 апрѣля 1768 года.

Сіятельнѣйшій графъ, высокопревосходительнѣйшій господинъ генералъ-аншефъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ, малороссійской коллегіи президентъ и кавалеръ, милостивый государь мой!

Отъ 3-го и 10-го *) сего имѣлъ я честь о начавшемся въ Польской Украинѣ замѣшательствѣ ваше сіятельство для предосторожности предупредить, а теперь за потребное нахожу и слѣдующее присовокупить: что дошедшія, между тѣмъ, до меня изъ заграницы извѣстія согласно подтверждаютъ, яко число злонамѣ-

*) Письма отъ 10-го апрѣля въ нашемъ сборникѣ нѣтъ.

ренной, подъ предводительствомъ графа Красинскаго, партіи, добровольно присоединяющимися и насильно захваченными всякаго званія людьми, отъ дня въ день прибавляется, и уже болѣе десяти тысячъ всякой сволочи собрано, которые съ крайнимъ прилѣжаніемъ всѣми воинскими збруями снабдеваются, и что дѣйствительно уже противъ россійско императорскихъ въ Польшѣ находящихся войскъ непріятельски поступать начали, разглашая всякія по польскому обычаю угрозы и хвастовства къ истребленію всѣхъ, ихъ намѣренію сопротивляющихся, мечемъ и огнемъ, въ чемъ они вспомогательными *папы римскаго деньгами* и обнадеженнымъ якобы подкрѣпленіемъ другихъ областей безъ сумненія успѣть надѣются. Я примѣчаю, что сіи польскія обстоятельства ото дня въ день серіознѣе становятся, слѣдовательно и немалаго заслуживаютъ уваженія, ибо искусство намъ доказало, что отъ малой иногда искры великій воспламеняться можетъ пожаръ, если благовременно способъ къ утушенію оной употребленъ не будетъ; разсуждаю, что и въ семъ случаѣ предосторожность отнюдь ни ранновременною, ни же излишною предпочтена быть можетъ. И для того подчиненнымъ мнѣ новороссійской губерніи полкамъ найсильнѣйше подтвердилъ: быть во всякой воинской исправности, посылая безпрестанные по границѣ разъѣзды и подъ разными претекстами въ ближніе польскіе и татарскіе мѣста надежныхъ и проворныхъ людей для развѣдыванія, о которыхъ въ свое время вашему сіятельству сообщить не оставлю. А между тѣмъ за нужно признаю вашему сіятельству о имѣніи для курьеровъ по прямому отсюда до Кременчуга тракту во всякомъ мѣстечкѣ по нѣсколько почтовыхъ лошадей въ готовности—вновь напамятовать, ибо всѣ оттуда пріѣзжіе жалуются, что вездѣ по нѣсколько часовъ за лошадьми стоять должны, и потому немалая онымъ чинится остановка. Впрочемъ съ совершеннѣйшимъ моимъ почтеніемъ и съ истинною преданностію пребываю вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Ѳеодоръ Вайковъ. Кіевъ, 20 апрѣля 1867 года.

III.

Письмо того-же Воейкова къ тому-же гр. Румянцеву съ сообщеніемъ экстракта полученныхъ имъ о событіяхъ въ Польской Украйнѣ извѣстій и принимаемой имъ-же предосторожности. 3-го мая 1768 года.

Сіятельнѣйшій графъ, высокопревосходительнѣйшій господинъ генералъ-аншефъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ, малорос-

сійской-же коллегіи президентъ и кавалеръ, милостивый государь мой!

Ваше сіятельство изъ слѣдующаго при семъ экстракта разныхъ изъ за границы полученныхъ извѣстій усмотрѣть изволите, что польскія замѣшательства, съ часу на часъ во всей Польской Украйнѣ распростираясь, найважнѣйшими становятся, и въ разсужденіи умножающагося войска немалаго заслуживаютъ примѣчанія, тѣмъ паче, что угадать нельзя, какое сія возмутительная шайка имѣетъ намѣреніе, когда она уже явныя противъ войскъ и подданныхъ ея императорскаго величества въ Польшѣ непріятельства оказывать начала. Что до меня принадлежитъ, то я по должности моей на всѣхъ въ моемъ вѣдомствѣ по здѣшней и новороссійской губерніи состоящихъ форпостахъ, сколько число подчиненныхъ мнѣ войскъ того дозволило, удобовозможную предосторожность взять и онымъ во всякой исправности быть найсильнѣйше подтвердить не приминулъ; а что впредь до меня о томъ же дойдетъ, вашему сіятельству безъ упущенія времени сообщить не оставлю. Имѣю честь быть съ совершеннѣйшимъ высокопочтеніемъ, вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Ѳедоръ Воейковъ. Кіевъ, 3 мая 1768 года. Его сіятельству графу П. А. Румянцову.

IV.

Приложенное къ сему письму извлеченіе изъ отчета поручика Раде и другихъ лицъ, развѣдывавшихъ, по порученію Воейкова, о движеніи и намѣреніяхъ барскихъ конфедератовъ.

Экстрактъ изъ рапортовъ отправленныхъ для развѣдыванія о польскихъ обстоятельствахъ въ Польскую Украйну чернаго гусарскаго полку порутчика Раде и другихъ чиновъ.

Въ мѣстечкѣ Умани видѣлъ онъ Раде четырехъ товарищей украинской противной партіи, кои прибыли туда будто для заниманія квартиръ и пріуготовленія фуража, а главная ихъ коммисія въ томъ состоитъ, чтобъ приклонить тамошній гарнизонъ графа Потоцкаго, со всею артиллеріею и амуниціею, равно какъ и находящихся въ службѣ его козаковъ, купно съ прочими подданными, на соединеніе съ конфедератнымъ подъ командою маршала Пулавскаго, старосты варецкаго, войскомъ, которое въ Барѣ собирается. Тамошній губернаторъ Младановичъ предостерегъ

его, что онъ съ своимъ паспортомъ свободно далѣе проѣхать не можетъ, для того что всему войску украинской партіи повелѣно россійскихъ подданныхъ, не взирая на паспорты россійскихъ генераловъ, вездѣ ловить и командѣ представлять. Въ Умани онъ самъ видѣлъ, что кузнецы готовятъ пушечныя ядра, картечи и другіе до артиллеріи принадлежащіе снаряды, разглашая, якобы по прибытіи украинской партіи они противиться намѣрены и отнюдь съ оною соединяться не намѣрены; однако онъ видѣлъ тамо нѣсколькихъ польскихъ законниковъ (монаховъ), кои по папскому повелѣнію отъ польскихъ епископовъ присланы для увѣщанія всего въ уманскомъ повѣтѣ живущаго шляхетства на соединеніе съ украинскою партіею, въ чемъ многіе уже секретно къ присягѣ приведены.

Прибывъ въ село Ягубецъ, заѣхалъ онъ по знакомости къ знатному тамошнему шляхтичу, подчашему Косткѣ-Ордынскому, который ему въ довѣренность объявилъ, что маршалъ конфедераціи графъ Красинскій къ нему ласковое письмо прислалъ, увѣщевая его пристать къ войску партіи украинской и принять главную команду надъ побережскими, бершадскими и уманскими шляхтичами и козаками, но онъ де Ордынскій, яко благонамѣренный сынъ отечества, хотя отъ того отказался, извиняясь старостію и слабостію здоровья, однако сумнѣвается, чтобы по его желанію сдѣлалось, а въ противномъ случаѣ принужденъ будетъ противъ воли своей къ нимъ пристать и присягу учинить, присовокупивъ къ тому, что сія конфедерація сдѣлана единственно въ такомъ намѣреніи, чтобъ, собравъ довольное число войска, идти противъ россійскаго въ Польшѣ находящагося корпуса, для выгнанія онаго якобы за учиненную въ отечествѣ ихъ обиду взятіемъ четырехъ магнатовъ подъ караулъ, и что де въ великой постъ, подъ Новымъ Константиновымъ, партія польская съ россійскими карабинерными и донскихъ козаковъ полками уже непріятельства начала, гдѣ четыре человѣка знатныхъ польскихъ шляхтичей и до тридцати человѣкъ рядовыхъ побито, а россійскіе также не безъ урону оттуда ретировались. Почему онъ порутчикъ Раде его Ордынскаго просилъ для свободнаго далѣе проѣзда паспортъ его надписать, что имъ Ордынскимъ и учинено. Съ которымъ паспортомъ онъ, переправясь чрезъ рѣку Бугъ, прибылъ въ мѣстечко Ладыжинъ, котораго губернаторъ, прозваніемъ Кастеля, ему объявилъ, что за два дни предъ пріѣздомъ его прислано было немалое число войска украинской партіи ко-

торое разными угрозами его принудили присягать на соединеніе съ оною, и взявъ нѣсколько человѣкъ изъ его козаковъ вооруженныхъ и сколько нашли ружей, пороху и свинцу, уѣхали, а ему приказали съ остальными въ вѣдомствѣ его состоящими козаками во всякой быть готовности, куда повелѣно будетъ слѣдовать. Но въ самое это время, какъ сей разговоръ продолжался, прибыли къ нему помянутой партіи два товарища съ тридцатью человѣками козаковъ, отъ коихъ губернаторъ его, Раде, въ удобномъ мѣстѣ скрылъ, а какъ тѣ товарищи уѣхали, губернаторъ ему сказывалъ, что въ первый день пасхи поляки напали на стоящихъ въ мѣстечкѣ Винницѣ донскихъ козаковъ, кои ретировались къ мѣстечку Яневу, но не доходя до онаго сразились, гдѣ донцами побито и ранено не малое число гусаръ поляковъ, козаковъ и липканъ украинской партіи. Между убитыми находится одинъ липканской полковникъ, а другой, прозваніемъ Муха, съ прочими поляками плѣненъ.

Слѣдуя къ мѣстечку Тульчину, наѣхалъ онъ въ селѣ Михайловкѣ на партію польскую, которая, его остановивъ, спросила, куда ѣдетъ и за чьимъ паспортомъ; а какъ усмотрѣла надпись вышереченнаго Ордынскаго, его отпустила.

Въ Томашполѣ жидъ арендарь ему объявилъ, что онъ предъ его туда пріѣздомъ изъ Могилева возвратился, къ которому городу, въ бытность его тамъ, маршалъ конфедераціи графъ Красинскій съ нѣсколькими тысячами войска прибылъ, но находящійся въ Могилевѣ съ гарнизономъ и артиллеріею графа Потоцкаго маіоръ Мейсенъ онаго въ городъ пустить не хотѣлъ, однако, увидя, что приказано городъ зажечь, сдался и на соединеніе присягу принесъ. И такъ графъ Красинскій, взявъ маіора съ гарнизономъ и съ артиллеріею къ себѣ, и отобравъ изъ своего корпуса три тысячи человѣкъ, при Могилевѣ остался, а прочее войско послалъ въ Немировъ, Житоміръ, Летичевъ и Прилуку. Послѣ чего будто онъ Красинскій не малое число денегъ къ татарамъ отправилъ изъ той суммы, которая *отъ папы римскаго* на вспоможеніе дана, прося татаръ на соединеніе съ нимъ, гдѣ онъ ихъ и ожидать имѣетъ. Что онъ королевскаго таможеннаго управителя всю наличную казну забравъ, и что заподлинно весь Каменца-Подольскаго гарнизонъ и прочее регулярное и нерегулярное польской республики въ Украйнѣ находящееся войско уже къ конфедератамъ пристало, чѣмъ число сего войска знатно умно-

жилось, отъ котораго немалую часть въ городъ Полонное отправить намѣрены для поиску надъ стоящимъ тамо россійскимъ войскомъ.

Прочихъ-же извѣстія, хотя съ нимъ нѣсколько и согласны, однакъ съ немалымъ увеличиваніемъ числа войскъ украинской партіи наполнены. Въ разсужденіи того, что будто уже вся Польская Украйна, исключая только уманскую губернію, къ конфедераціи приступила и присягою согласно дѣйствовать утвердила, почему многіе изъ поляковъ заподлинно увѣряютъ, якобы не въ продолжительное время конфедераты на новороссійскую губернію нападеніе сдѣлать намѣрены.

Секретарь Василій Чернявскій.

V.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева коллегіи иностранныхъ дѣлъ о разрѣшеніи имъ переяславльской полковой канцеляріи принимать поляковъ, перебѣгающихъ въ русскія владѣнія, по поводу волненій въ польской Украйнѣ, и оказывать имъ защиту и покровительство.

1768 года, іюня 15 дня, Глуховъ. № 629.

Реляція въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Представлены мнѣ два доношенія, поданныя въ полковую переяславскую канцелярію отъ поляковъ: Луки Гоздава-Вилуцкаго, пограничной королевской трехтемировской камеры писаря, и Яна Малчевскаго, лѣсничаго староства каневскаго, которые намъ показываютъ, что, спасая свою жизнь отъ суровости безчеловѣчной, дозванной уже (въ?) умерщвленіи надъ многими въ ихъ странѣ жителями отъ своихъ собратьевъ, перешли съ своими фамиліями въ имперію вашего величества, и просятъ покровительствовать ихъ въ безопасномъ здѣсь пребываніи. Я предложилъ означенной канцеляріи, чтобъ не только симъ пришедшимъ, но ежели и еще съ ихъ стороны съ таковыми-жъ прибѣгнутъ просьбами, не препятствовать какъ жить покудова угодно, такъ и всякія благодѣянія, какъ сосѣдней державы жителямъ, являть благосклонно. Слабымъ моимъ разсужденіемъ возмня, что сіи просьбы могутъ иногда (быть?) потребнымъ инструментомъ въ дѣлахъ, которыхъ они касаются, подношу для того при семъ оныя въ оригиналѣ.—*Слѣдуетъ подпись: Графъ Румянцевъ.*

VI.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева командиру карабинернаго полка Протасову объ отправкѣ въ Каневъ небольшаго отряда съ цѣлію развѣдать, имѣютъ-ли овладѣвшіе этимъ городомъ запорожцы на то указъ и, если не имѣютъ, то переловить и представить ихъ.

1768 года, іюня 19 дня. № 1637.

Ордеръ господину полковнику карабинернаго полку Протасову.

По извѣстіямъ, которыя имѣю отъ полковой переяславской канцеляріи, что тридцать человѣкъ козаковъ запорожскихъ въ польскомъ мѣстечкѣ Каневѣ выжгли тамошній замокъ, умертвили многихъ поляковъ и, произведъ замѣшательства и немалыя разоренія, находятся и по днесь въ томъ же мѣстечкѣ, я велѣлъ прежде полковой той канцеляріи секретно послать нарочнаго и чрезъ онаго навѣдаться о бытности ихъ запорожевъ, и ежели при своихъ предпріятіяхъ въ тѣхъ мѣстахъ обрѣтаются, то ваше высокоблагородіе имѣете, по извѣстію о томъ, тотчасъ командировать туда, для поимки оныхъ запорожцевъ, своего полку пятьдесятъ человѣкъ карабинеровъ при одномъ исправномъ офицерѣ, которому препоручить въ команду и сто человѣкъ козаковъ малороссійскихъ, далъ я ордеръ полковой переяславской канцеляріи. При семъ случаѣ вы извольте отправленному офицеру предписать въ постановленіи, чтобъ съ командою пришедъ къ тому мѣсту, гдѣ будутъ объявленные запорожцы, показалъ имъ такой видъ, якобы онъ присланъ на вспоможеніе, по просьбѣ каневскихъ козаковъ и жителей, и старался-бы непримѣтнымъ образомъ овладѣть ими, и тогда требовать у нихъ того указу, который они тамъ объявляютъ о присылкѣ своей; а когда-бъ таковое сходственное письмо вѣроятно бы они предъявили, то оное подлинное заразъ отправилъ бы, при своемъ рапортѣ, чрезъ полковую канцелярію штафетомъ ко мнѣ по почтѣ, держа до резолюціи подъ рукою запорожцевъ. А когда таковаго письменнаго вида не покажутъ, или явится сомнительнымъ, или видимо ложный, то ихъ всѣхъ запорожцевъ токмо перехватавъ, возвратиться съ оными, пріемля къ тому способы, чтобъ безъ всякаго кровопролитія обойтиться, а буде бы они не сдались и что дерзкое предприняли противъ посланной команды, въ такомъ уже случаѣ брать ихъ силою. Сей же командѣ, кромѣ должности, по

которой она посылается, ни въ какія больше дѣла въ тѣхъ мѣстахъ не мѣшаться и обывателямъ тамошнимъ ни малѣйшихъ обидъ не причинять, подъ опасеніемъ строгаго отвѣта.—*Слѣдуетъ подпись.*

VII.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева императрицѣ Екатеринѣ II о происходящихъ въ Польской Украйнѣ смятеніяхъ и междоусобіяхъ, съ испрашиваніемъ указа, какъ ему въ этихъ обстоятельствахъ поступать и какую сторону поддерживать.

Іюня 19 дня 1768 года.

Всемилостивѣйшая, державнѣйшая, великая государиня императрица и самодержица всероссійская, государиня всемилостивѣйшая!

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше я доносилъ, отъ 15 числа текущаго мѣсяца, о вышедшихъ въ Переяславъ изъ Польши полякахъ: Лукѣ Вилуцкомъ и Янѣ Малчевскомъ, которые, по возмущенію въ своей сторонѣ, ищутъ, до успокоенія того, чтобъ имъ не возбранено прожить подъ покровительствомъ въ имперіи вашего величества. А отъ 12 іюня репортуетъ ко мнѣ полковая переяславская канцелярія, что въ тотъ день съ таковыми-жъ просьбами прибыли въ оной-же городъ: старосты каневскаго Потоцкаго губернаторъ Игнатій Новицкій, губернаторъ-же корсунскій Семенъ Носачевскій, да каневскій козацкій полковникъ Антонъ Зеллеръ и порутчикъ Петръ Мадерашъ, капраловъ два и рядовыхъ жолнеровъ двадцать три, первые со многими своими фамиліями. И при семъ случаѣ означенный губернаторъ Новицкій, который еще до прибытія своего въ Переяславъ прислалъ сюда съ преждевышедшимъ полякомъ Малчевскимъ дѣтей своихъ, отношеніемъ полковой канцеляріи объявилъ: 9-го числа сего іюня вооруженныхъ тридцать человѣкъ козаковъ, въѣхавши въ городъ Каневъ, прислали одного къ нему козака, объявляя, что они, въ силу указа вашего императорскаго величества, отъ кошеваго войска запорожскаго туда посланы и требовали, чтобъ онъ губернаторъ у нихъ явился для принятія повелѣнія, и когда онъ просилъ показать себѣ указъ, то они письмо ему и показали подъ титуломъ вашего императорскаго величества, подписанное запорожскимъ атаманомъ куреня уманскаго, котораго прозваніе онъ по-

забылъ, съ приложеніемъ печати запорожской, и въ то-же время напали на замокъ, зажгли городъ и умертвили многихъ изъ шляхетства и служащихъ; и когда видѣлъ, что, къ ихъ-же сторонѣ преклоняся, такъ сами полскіе козаки, яко и обыватели тамошніе, содѣйствовали разоренію замка, онъ, послѣ недолгой обороны, принужденъ былъ бѣжать, спасая жизнь свою, чрезъ Днѣпръ въ границы державы вашего императорскаго величества. Вслѣдъ за прибытіемъ въ Переяславъ означенныхъ поляковъ, прислано въ тамошнюю полковую канцелярію отъ жителей мѣстечка Канева, козацкихъ атамановъ съ товариствомъ, съ нарочнымъ того-жъ мѣстечка обывателемъ Сергѣемъ Споришемъ доношеніе, показуя, что они, предваряя намѣренія господъ своихъ, яко-бы на погубленіе ихъ взяться, и видѣвъ, что и попы свои за одно съ тѣми сдѣлались на нихъ гонители, призвали къ защищенію своему запорожскихъ козаковъ, которые, когда отъ послушанія имъ отрекся губернаторъ, сожгли замокъ, и требуя, какъ имъ поступать дальше, отъ той канцеляріи совѣта и наставленія. А и присланные съ симъ нарочные своимъ также допросомъ согласно, какъ и губернаторъ Новицкій показалъ о вышеписанномъ происшествіи, и что когда изъ мѣстечка Канева полковникъ Зеллеръ съ жолнерами бѣжали за границу россійскую, то запорожцы гнались за ними по Днѣпру лодками и настигъ нѣкоторыхъ предали смерти, и возвратясь живутъ и до днесь въ мѣстечкѣ Каневѣ, учреждая тамъ порядки экономическія, къ чему уже и опредѣленъ отъ нихъ экономомъ изъ тамошнихъ жителей городовой писарь греческаго исповѣданія. Жиды-жъ де, какъ въ Каневѣ, такъ и въ другихъ тамошнихъ мѣстечкахъ, всѣ при семъ случаѣ умерщвлены и ни единаго нигдѣ уже не осталось. Я не будучи снабденъ ни откуда никакимъ повѣдѣніемъ на нынѣшній случай обстоятельствъ польскихъ, слѣдственно и свѣденія прямаго не имѣю о томъ, что до сихъ дѣлъ касается; а зная, что корпусъ войскъ вашего величества, въ Польшѣ находящійся, дѣйствуетъ оружіемъ противъ злонамѣренныхъ конфедератовъ, то какъ изъ увѣдомленій, въ Малую Россію присылаемыхъ, открывается, что во всей окружности мѣстечка Канева взаимное мщеніе между собою польскихъ жителей распространяется до того, что сами подданные, ревнуя по вѣрѣ православія греческаго, возстаютъ противъ владѣльцевъ своихъ, и въ своемъ возмущеніи приняли тутъ средства жесточайшія, а напротивъ другіе, поборники римскаго исповѣданія, нападаютъ на церкви и монастыри православные, и наглыя мучительства производятъ

надъ духовными и мірскими людьми, какъ недавно полученъ протестъ въ полковой переяславской канцеляріи отъ игумена монастыря Андрушевскаго, близъ сихъ же мѣстъ состоящаго, о разграбленіи сей обители собравшимися поляками и дѣйствіяхъ при томъ ихъ безчеловѣчныхъ. Самъ-же староста каневскій Потоцкій не кажется мнѣ, чтобъ когда былъ усердно преданъ интересамъ вашего императорскаго величества, по разсужденію сего, что какъ объ немъ теперь, такъ и о другихъ, вѣдать нельзя, съ которой стороны находятся. И не имѣвши себѣ наставленія, кого въ сихъ близъ границы лежащихъ мѣстахъ, при нынѣшнемъ смятеніи защищать должно, но если-же на мнѣ, по высочайшей вашего императорскаго величества волѣ, лежитъ должность охранять цѣлость границъ и жителей, дабы иногда въ невѣденіи не причинить досады добронамѣреннымъ и не попустить-бы недоброжелательствующимъ распространять свои озорничества не только надъ доброжелательными поляками, но и на самихъ подданныхъ на границахъ живущихъ, осмѣливаюсь при донесеніи о вышеписанномъ вашему императорскому величеству всенижайше просить на все то высочайшаго указу, дабы я по тому все точно соблюлъ, что къ преуспѣянію высочайшихъ интересовъ вашего величества нужно, и какъ поступать по нынѣшнимъ (?) каневскихъ жителей и тому подобнымъ, если произойдутъ. Но теперь, поелику не знаю, чтобъ отъ вашего императорскаго величества даны были на сей случай какія особенныя повелѣнія запорожскимъ козакамъ, въ моей командѣ находячимся, а по поступкамъ ихъ считая быть каковой либо разбойнической партіи, воспріялъ сіи мѣры, что навѣдавшись, если они въ показанномъ мѣстечкѣ польскомъ и нынѣ находятся при своихъ предпріятіяхъ, предосторожно бъ туда, дабы они подъ видомъ повелѣнія вашего императорскаго величества не произвели собою вредныхъ слѣдствій, отправить команду, состоящую въ пятидесяти человѣкъ карабинеровъ и ста козаковъ малороссійскихъ, при офицерѣ, для взятія оныхъ пристойнымъ и тихимъ образомъ, прежде однакожъ освѣдомясь, для какихъ причинъ туда они пришли. Вышеобъявленнымъ-же чинамъ съ фамиліями и жолнерамъ польскимъ даны въ Переяславѣ квартиры, и приличное благодѣяніе велѣлъ я оказывать.—*Слѣдуетъ подпись.*

VIII.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева кошевому запорожскому Калнишевскому о доставленіи свѣдѣній относительно показавшихся въ Каневѣ запорожцевъ и наблюденіи, дабы запорожцы не проникали въ Украйну и не производили тамъ насилій.

Іюня 23 дня. № 649.

Ордеръ господину атаману кошевому Сѣчи запорожской Калнишевскому съ войсковою старшиною и товариствомъ.

Я весьма похваляю вашу осторожность и примѣчанія на дѣйствія сосѣднихъ вамъ областей; о чемъ сего числа мнѣ дошли мая отъ 15-го, 27-го и 31-го ваши представленія, рекомендуя и напредъ то чинить, а только о приближеніи прусскихъ и саксонскихъ войскъ меньше имѣть опасности [1]).

Между прибывшими подъ защиту въ Малую Россію польскими чинами, губернаторъ каневскій Новицкій доношеніемъ въ полковую переяславскую канцелярію представилъ, что противъ 9-го числа, сего іюня, человѣкъ тридцать козаковъ запорожскихъ пришли въ мѣстечко Каневъ, сказывая (что?) о приходѣ своемъ имѣютъ указъ, который и показывали означенному губернатору, и онъ видѣлъ, что онъ написанъ подъ титулой ея императорскаго величества, за подписомъ атамана куреннаго уманскаго, котораго имени не помнилъ, и за печатью кошеваго; и когда ихъ повелѣній не принялъ губернаторъ Новицкій, они сожгли замокъ и многіе прогрессы въ тамошнихъ мѣстахъ учинили. А какъ мѣстечка Канева жители прислали также полковой канцеляріи доношеніе съ объявленіемъ, что они тѣхъ запорожцевъ вызвали сами изъ Сѣчи къ своей защитѣ, и присланный съ тѣмъ нарочный показалъ, что атаманомъ былъ у тѣхъ козаковъ куреня Мглинскаго запорожскаго Семенъ Неживой.

Вы посему тотчасъ мнѣ дайте, по выправкѣ, отвѣтъ, были-ль какія къ вамъ просьбы отъ каневскихъ жителей, отъ Коша ли

---

1) Графъ Румянцевъ, въ сообщеніи своемъ, отъ 23 іюня 1768 г., № 644, къ кіевскому генералъ-губернатору Воейкову, между прочимъ, пишетъ: „въ окончаніе хочу „упомянуть, сколько къ удивленію простоты запорожцевъ, получилъ я, между нѣсколь„кими отъ кошеваго атамана сего дня секретными рапортами, изъ сказовъ людскихъ „одинъ и о томъ, что они слышутъ, яко подъ мѣстечкомъ Васильковымъ сто тысячъ „прусскихъ и саксонскихъ войскъ идетъ, и въ разсужденіи сихъ предпріятій онъ так„же своимъ козакамъ велѣлъ быть въ готовности“.—Примѣч. М. А. Максимовича.

подлинно сіи козаки посланы туда, и не дано-ль письменнаго какого приказанія, или самовольно и злодѣйскимъ образомъ такая шайка вышла. Возьмите притомъ найстрожайшее наблюденіе, дабы изъ вашихъ козаковъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ польскихъ, не могли уходить въ Польшу и производить тамъ наглости и разоренія, чтобъ вамъ самимъ за слабое надъ подчиненными смотрѣніе въ семъ случаѣ не дошло иногда не въ предосужденіе отвѣтствовать.—*Слѣдуетъ подпись.*

IX.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ императрицѣ Екатеринѣ II объ открывшихся въ Украйнѣ дѣйствіяхъ гайдамакъ и принимаемыхъ имъ противъ нихъ мѣрахъ, съ испрошеніемъ особаго, по поводу этихъ обстоятельствъ, Высочайшаго повелѣнія.

Іюня 23 дня.

Реляція въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Послѣ отправленныхъ отъ меня къ вашему императорскому величеству отъ 15-го и 19-го чиселъ сего мѣсяца двухъ всеподданнѣйшихъ реляцій о прибытіи въ городъ Переяславъ многихъ польскихъ чиновъ съ фамиліями, ищущихъ покровительства по смятеніямъ въ ихъ землѣ, и что я для поимки шайки разбойнической запорожской, разорившей мѣстечко Каневъ, велѣлъ отправить пятьдесятъ человѣкъ карабинеровъ и сто козаковъ малороссійскихъ, при одномъ офицерѣ, къ тому мѣстечку;—въ прибавокъ получилъ вчерась отъ господина генералъ аншефа и кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова сообщеніе, которымъ онъ, по извѣстіямъ къ нему дошедшимъ, упоминаетъ, что гайдамацкія толпы въ Уманьщинѣ, Чигиринщинѣ, Смѣлянщинѣ и во всей тамошней околичности, не только весь тотъ край грабятъ и разоряютъ, но и самыя свирѣпыя тиранства надъ польскими шляхтичами, безчеловѣчно оныхъ муча и умерщвляя, производятъ, и съ отважностію по самой границѣ мимо форпостовъ разъѣзжая, стоящимъ при редутахъ командамъ грозятъ о невпущеніи польскаго шляхетства въ границы подъ защиту вашего императорскаго величества. Между тѣмъ и бѣлоцерковскій комендантъ Карбовскій испрашивалъ у него господина генералъ-губернатора, для защиты той крѣпости, по малолюдству гарнизона, подкрѣпленія воинскими людьми, куда онъ пятьдесятъ человѣкъ елец-

каго полка съ офицеромъ отправилъ; да находящійся въ крѣпости Елисаветы полковникъ Корфъ въ согласіе сему же прибавляетъ дошедшія извѣстія, что мая 28-го, пришедъ въ поселенную Макара Чернѣкова слободу, пятьдесятъ человѣкъ гайдамаковъ вооруженныхъ объявили жителямъ оной, что они идутъ въ Польшу для заступленія вѣры, и чтобъ сіи сказывали всѣмъ своимъ командирамъ о таковомъ ихъ намѣреніи, и яко имъ никакая команда въ томъ препятства сдѣлать не можетъ. А таковы де всѣ партіи гайдамацкія, какъ сообщаютъ выходцы на поселеніе сюда изъ Польши, соединясь въ одно мѣсто человѣкъ до тысячи, въ мотронинскомъ лѣсу сдѣлали себѣ засѣку, разстановивъ отбитыя въ польскихъ мѣстечкахъ пушки, и выходя изъ того убѣжища партіями, польскія мѣстечки и деревни разграбляютъ и награбленные пожитки тамъ складываютъ; жидовъ окрещиваютъ, а не хотящихъ того чинить предаютъ смерти. И требовалъ онъ, господинъ генералъ-губернаторъ Воейковъ, чтобъ и я съ моей команды, ко истребленію тѣхъ разорителей, въ показанныя мѣста отправилъ нѣсколько эскадроновъ карабинерныхъ полковъ на встрѣчу командированнымъ отъ него гусарскихъ и новороссійской губерніи тремъ эскадронамъ. По симъ обстоятельствамъ я призналъ за нужно велѣть тотчасъ съ московскаго карабинернаго полку полковнику Протасову съ своимъ полкомъ и ста пятьюдесятью козаковъ малороссійскихъ выступить въ Польшу и расположиться въ округахъ: каневскомъ, бѣлоцерковскомъ, уманскомъ, чигиринскомъ и смѣлянскомъ, и поимкою истреблять разорителей, предписавъ притомъ, чтобъ онъ, будучи съ командою въ Польшѣ, тамошнимъ жителямъ обидъ и озлобленій ни малѣйшихъ не чинилъ, подъ опасеніемъ военнаго суда, и старался бы и самыя разбойническія партіи брать безъ всякаго кровопролитія, паче увѣщаніями и способами искусствъ, развѣ они предпріяли бы что-либо дерзкое, и тогда остается употребить силу, о происхожденіи-же репортовалъ мнѣ, генералъ-губернатору Воейкову и находячемусь въ Польшѣ генералъ-маіору Кречетникову, и ихъ повелѣнія въ разсужденіи высочайшихъ вашего императорскаго величества намѣреній, если какія имѣть будетъ, исполнялъ-бы; также поелику слободской гусарскій харьковскій полкъ нынѣ туда-же въ Польшу слѣдуетъ, то и съ онымъ держалъ бы онъ сообщеніе, соображаясь наставленію, данному того полку полковнику Чорбѣ, къ чему касающійся 2 й пунктъ, изъ указа государственной коллегіи выписанный, при томъ ему

приложенъ. Потребно также я разсудилъ, дабы удобнѣе подавать было въ нужномъ случаѣ, на поимку умножившихся партій гайдамаковъ, помощь, назначенный къ лагерю козловскій полкъ оставить въ крѣпости св. Елисаветы, гдѣ онъ нынѣ стоитъ. Поелику всѣ сіи партіи разбойническія, какъ я вижу, переходятъ въ Польшу чрезъ новороссійскую губернію, то я сообщилъ господину генералъ губернатору Воейкову, чтобъ предложено отъ него содержащимъ форпостные команды чинамъ о наблюденіи строжайшемъ въ пресѣченіи переходу чрезъ тѣ мѣста гайдамакамъ въ Польшу; а кошевому атаману послалъ ордеръ—дать мнѣ тотчасъ отвѣтъ, извѣстно-ль ему, что изъ запорожскихъ козаковъ подлинно вызваны жительми мѣстечка Канева для вспоможенія къ разоренію города? и чтобъ онъ настрожайше въ своемъ войскѣ наблюдалъ, дабы разбойническія партіи при нынѣшнемъ случаѣ не могли выходить изъ ихъ мѣстъ въ Польшу и тамъ чинить разбои. Въ примѣчаніи-же на нынѣшнія смятенія польскія, коль тѣхъ мѣстъ, паче при границѣ лежащихъ, жители подъемлютъ теперь руку и оружіе въ междоусобіи одинъ противъ другаго, чтобъ сіи обстоятельства не могли родить непріятныхъ слѣдствій для живущихъ на границахъ вашего императорскаго величества подданныхъ, я представилъ, отъ 21 числа сего мѣсяца, въ государственную военную коллегію мое мнѣніе, чтобъ поелику повелѣно мнѣ въ нынѣшнее лѣто собрать въ лагерь, для показанія военной полевой службы, всѣ полки моей дивизіи, то часть изъ оныхъ оставя въ назначенномъ уже къ тому мѣсту при Полтавѣ, прочимъ собраться въ другой лагерь близъ Переяслава. Симъ средствомъ можно устранить дальнія и успокоить всѣ нынѣ близъ границы въ Польшѣ происходящія худыя начинанія; для чего я уже и повелѣлъ нѣкоторымъ полкамъ къ той сторонѣ для лагеря склонять свой маршъ. Но какъ я распоряженія сіи дѣлаю только по лучшему моему разумѣнію и усердію къ соблюденію интересовъ высочайшихъ вашего императорскаго величества, не будучи снабденъ никакимъ повелѣніемъ на случай тѣсныхъ обстоятельствъ польскихъ, такъ, чтобъ мнѣ иногда отъ невѣденія не учинить при томъ въ чемъ либо упущеніе, осмѣливаюсь повторить всеподданнѣйше и при семъ о снабденіи меня на то высочайшимъ повелѣніемъ. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ.—*Слѣдуетъ подпись.*

X.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатеринѣ II о разореніи гайдамаками Умани (?) и Палѣева Озера, истребленіи поляковъ и жидовъ, нападеніи на Балту и проч. и принятыхъ имъ поэтому мѣрахъ.

Іюля 3 дня. № 678.

Реляція въ иностранныхъ дѣлъ коллегію.

Доносилъ я вашему императорскому величеству всеподданнѣйшею реляціею, прошедкаго іюня отъ 23 числа, каковы по лучшему моему разумѣнію воспріяты мѣры къ истребленію разбойническихъ партій, которыя, при нынѣшнемъ смятеніи въ Польшѣ, лютыя безчеловѣчія производятъ; но отъ времени еще болѣе прибавляться стало о ихъ злодѣйствѣ увѣдомленіе.

Я подношу при семъ въ копіи вчера полученный репортъ съ приложеніемъ козловскаго пѣхотнаго полку отъ полковника Корфа, что сихъ гайдамакъ умножившееся число, подъ именемъ запорожскихъ козаковъ, не только два польскія мѣстечка Умань (?) и Палѣево Озеро разорили, умертвивъ въ оныхъ до нѣсколько тысячъ поляковъ и жидовъ, но и турецкой области въ мѣстечкѣ Балтѣ нападеніемъ на оное ушедшихъ отъ ихъ мученій жидовъ и поляковъ убили, сражавшись съ турками давшими имъ убѣжище.

Всего больше, что сіи злодѣи, какъ въ Польшѣ, такъ и въ пограничныхъ мѣстахъ турецкихъ, при таковыхъ случаяхъ объявляютъ, что они посланы и все дѣлаютъ по указу вашего императорскаго величества, чѣмъ подвергнули татаръ къ пріуготовленіямъ съ своей стороны, которые уже надъ подданными вашего императорскаго величества, крѣпости св. Елисаветы купцами, и начали производить свои мщенія, разграбивъ нѣкоторыхъ и одного подстрѣливъ. О таковыхъ обстоятельствахъ я тотчасъ увѣдомленіями господина генералъ-аншефа и кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова подалъ ему совѣты, что какъ на его возложена пограничная вся корреспонденція, то бы онъ немедленно предварилъ сообщеніями своими, кого онъ знаетъ, что дерзнувшіе причинять нападенія въ турецкой области суть своевольные разбойники, а ваше императорское величество высочайшими повелѣніями въ томъ нимало не участвуете, и потому съ ними поступаемо-бъ было такъ, какъ съ злодѣями покуша-

пимись отъ себя на таковыя наглости, а равномѣрно ко истребленію оныхъ и отъ вашего величества взяты потребныя мѣры. И поелику сіи всѣ разбойники называются запорожцами, а притомъ и въ репортѣ прилагаемомъ маіора Вульфа находится, что въ гарду запорожскій писарь Быстрицкій объявилъ, что отъ Сѣчи команды посланы въ Умань, такъ я отправленнымъ теперь же курьеромъ потребовалъ отъ кошеваго атамана Калнишевскаго (не думая, чтобъ ему даны были повелѣнія о поискахъ каковыхъ либо, о коихъ-бы мнѣ для вѣдома не предложено, яко несущему должность, по волѣ вашего императорскаго величества, охраненія цѣлости и безопасности въ сихъ мѣстахъ имперіи вашего величества границъ) отвѣта: какъ и для чего команда отъ Сѣчи послана въ Умань? и чтобъ онъ воспріялъ строжайшія мѣры къ истребленію разбойниковъ, производящихъ наглости въ Польшѣ и по границѣ турецкой, и увѣдомилъ-бы, съ запорожскихъ-ли оные козаковъ. Содержащимъ-же команду по форпостамъ найвящше подтвердилъ о наблюденіи, чтобъ сіи разбойническія партіи не могли пробираться въ Польшу чрезъ новороссійскую губернію обыкновенною себѣ дорогою. Хотя средствами сими, мнѣ кажется, удобно утушить малыя искры въ началѣ ихъ рожденія, могущія иногда возжечь пламя великаго неспокойства, но поелику дикость сихъ народовъ намъ пограничныхъ заставляютъ и въ самомъ лучшемъ времени мирномъ взирать на ихъ недреманнымъ окомъ и мало надѣяться на ихъ благоразсужденіе, я не могу обойтиться, чтобъ и при семъ не возобновить моей всеподданнѣйшей просьбы о снабденіи меня, на нынѣшнія обстоятельства и послѣдствія ихъ быть могущія, полнымъ высочайшимъ вашего императорскаго величества повелѣніемъ.—*Подпись.*

XI.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатеринѣ II объ истребленіи посланнымъ отъ него въ Украйну полковникомъ Протасьевымъ гайдамацкихъ отрядовъ Журбы и Швачки, движеніи его къ Умани и проч.

Іюля 15 дня. № 703.

Реляція въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

При распоряженіяхъ, кои могъ я учинить на случай дошедшихъ ко мнѣ извѣстій о смятеніяхъ пограничныхъ польскихъ,

произведенныхъ отъ вторгнувшихся туда своевольныхъ запорожскихъ гайдамаковъ, донесено уже отъ меня вашему императорскому величеству всеподданнѣйшею моею реляціею отъ 23 іюня, что я принужденъ былъ, получая всечасно жалостныя извѣстія о умноженіи силы и безчеловѣчныхъ тиранствахъ сихъ разорителей надъ поляками и жидами, командировалъ въ Польшу полковника Протасьева съ его полкомъ московскимъ карабинернымъ для истребленія шайки разбойничей. Теперь, долженствуя поднесть увѣдомленіе о успѣхѣ отправленной команды, отъ 9 числа текущаго мѣсяца тотъ полковникъ Протасьевъ прислалъ ко мнѣ репортъ, что онъ, вступя въ Польшу, развѣдавши, что собранія таковыхъ разбойниковъ, одно въ числѣ трехъ сотъ человѣкъ въ селѣ Блощинцахъ, въ растояніи отъ Бѣлой Церкви въ пятнадцати верстахъ, а другое вблизи мѣстечка Богуславля, также въ нѣсколькихъ стахъ человѣкъ, и руководствуютъ оными атаманы: въ первомъ Журба, во второмъ Швачка, учинилъ на ихъ нападенія въ обоихъ мѣстечкахъ и разбилъ сіи обѣ партіи. Въ помянутомъ селѣ Блощинцахъ хотя сіи разбойники покусились было воспротивляться оборонительно, однакожъ не имѣли въ томъ успѣха и ни одного не повредили человѣка; на мѣстѣ ихъ убито до тридцати, да поймано 64 человѣка, прочіе-же разбѣжались; при чемъ взято четыре знамя, двѣ мѣдныхъ пушки и одну черную, да гаковницъ желѣзныхъ пять. Тоже недоѣзжая мѣстечка Богуславля настигнутыхъ другой партіи злодѣевъ взято 68 человѣкъ съ двумя знаменами при упомянутомъ атаманѣ Швачкѣ, который послѣ допросовъ показалъ, что они будто отъ запорожскаго полковника Максима Желѣзняка съ атаманомъ Неживымъ посланы по всей польской Украинѣ для истребленія поляковъ и жидовъ, которыхъ они во многихъ мѣстахъ и поперебили; а Желѣзнякъ сію-же посылку чинилъ якобы по указу; въ ватагу-же ихъ приставали польскіе разнаго званія люди и козаки. Третья-же партія, по показанію сего пойманнаго атамана, съ атаманомъ Неживымъ нынѣ находится въ Чигиринщинѣ, а самъ полковникъ съ большою партіею въ Уманѣ, куда реченный полковникъ Протасьевъ, съ отправленіемъ ко мнѣ репорта, и взялъ походъ, а я еще ему найвящше подтвердилъ, чтобъ онъ преслѣдовалъ сихъ своевольныхъ злодѣевъ до послѣдняго оныхъ искорененія. Тутъ-же, поелику онъ требовалъ отъ меня резолюціи, что чинить съ отобранными пожитками, которыя опознавши поляки ищутъ, такъ какъ и усмирить собственныхъ

ихъ подданныхъ, дѣлающихъ мучительства и смертное убійство своимъ владѣльцамъ,—я предписалъ: если кто удостовѣритъ истинными доводами, что у него то пограблено, таковымъ опознанное все отдавать за росписками ихъ и свидѣтелей, а во всѣхъ деревняхъ подтверждать объявленія, которыя уже отъ его Протасьева тамъ и учинены, чтобъ подданные отложили взятый мятежъ съ причины разныхъ внушеній отъ людей своевольныхъ, при чемъ и ожидать можно, что взбунтовавшіесь подданные обратятся конечно къ прежнему послушанію, увидѣвъ, что ободрившіе ихъ на возмущеніе истребляются, какъ злодѣи погубленія достойные. Кромѣ же объявленныхъ разбойническихъ партій, въ той окружности противныхъ конфедерацкихъ сборищъ онъ полковникъ ни собою, ни по слуху, не примѣтилъ; а пойманныхъ разбойниковъ, числомъ 137 человѣкъ, отправилъ онъ, Протасьевъ, всѣхъ за карауломъ въ Кіевъ къ господину генералъ-аншефу и кіевскому генералъ-губернатору Воейкову. О чемъ всеподданнѣйше доношу. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ. —*Слѣдуетъ подпись.*

(Продолженіе будетъ).

Библіографія.

Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть первая. Спб. 1882 г. Стр. 1—220.

Задачею почтеннаго автора настоящаго труда было, по его объясненію, „изложить въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ послѣдовательный ходъ событій исторіи западно-русской церкви". Разумѣется здѣсь исторія русской церкви въ предѣлахъ юго-западной и западной Руси, начиная со времени первоначальнаго отдѣленія этой части ея отъ единства съ остальною русскою церковію до послѣдовавшаго разновременно возсоединенія ея съ нею. Выясняя свой взглядъ на судьбы и характеристическія черты отдѣльной исторической жизни западно-русской церкви и останавливаясь на фактѣ отдѣленія южно-русской митрополіи отъ сѣверной, авторъ основательно замѣчаетъ: „но существенныя особенности, отличавшія западно-русскую церковь отъ сѣверо-восточной, заключались не въ отдѣльной митрополіи, которая сама по себѣ образовала-бы только другой центръ церковнаго управленія въ Россіи, не измѣняя общаго положенія дѣлъ, а въ тѣхъ формахъ церковной жизни, которыя развились въ ней подъ вліяніемъ ея особенныхъ условій и отношеній политическихъ и религіозныхъ. Важнѣйшими изъ этихъ условій были: въ политическомъ отношеніи — подчиненіе западно-русскихъ земель, послѣ короткаго владычества князей изъ русскаго княжескаго рода Владиміра Великаго, власти литовскихъ князей и затѣмъ литовско-польскому и польскому владычеству, въ церковно-религіозномъ отношеніи тѣ многочисленныя и разнообразныя вліянія со стороны римско-католической церкви, подъ которыя подпала южно-русская церковь, находясь подъ государственнымъ управленіемъ властей римско-католическаго исповѣданія

и затѣмъ, со времени уніи, въ самой большей части ея подъ управленіемъ іерархіи, признавшей надъ собою власть римскаго первосвященника. Въ это время въ той части ея, которая осталась вѣрною православію, особенно развилось чувство *народной* силы и вмѣстѣ такіе способы ея защиты, какіе были не извѣстны сѣверо-восточной Руси. Проходящая чрезъ всѣ эти историческіе фазисы народной южно-русской жизни борьба за народность и существенный элементъ ея, вѣру, соединенныя съ борьбою страданія, паденіе или измѣна однихъ, стойкость, величіе духа или терпѣливость другихъ—все это принадлежитъ къ особенностямъ, вызваннымъ въ религіозной жизни южно-русскихъ областей ихъ особенными историческими обстоятельствами.

Сообразно съ такимъ взглядомъ на судьбу исторической жизни западно-русской церкви, поясненнымъ у автора еще нѣкоторыми замѣчаніями относительно главнѣйшихъ опредѣляющихъ событій въ этой жизни, содержаніе „Очерка исторіи" ея представляется въ слѣдующемъ видѣ:

I. *Галицко-владимірское княжество и галицкая митрополія.* Соединеніе владиміро-волынскаго и галицкаго княжествъ въ одно и образованіе перваго значительнаго южно-русскаго княжества. Первыя попытки къ образованію отдѣльной митрополіи въ галицко-волынскомъ княжествѣ. Стремленія дома къ подчиненію себѣ южно-русской церкви.

II. *Литовско-польское владычество въ южной и западной Руси.* 1) Литва и Польша: знаменитые князья литовскіе: Гедиминъ, Ольгердъ, Витовтъ. Православная вѣра въ Литвѣ. Политическій составъ коренной Польши. Начало христіанства въ Польшѣ. 2) Южно-русскія и западно-русскія земли, вошедшія въ составъ Литвы и Польши. 3) Распространеніе латинства въ южной Руси и основаніе латинскихъ епископскихъ каѳедръ. 4) Соединеніе Литвы съ Польшею при Ягайлѣ. Великіе князья литовскіе. Ягеллоны на престолѣ польскомъ и великаго княжества литовскаго: Казиміръ, Александръ, Сигизмундъ 1, Сигизмундъ-Августъ. Люблинская унія. Избирательное правленіе. 5) Реформація въ Литвѣ и южной Руси. 6) Образованіе въ литовско-польскомъ государствѣ до іезуитовъ и при іезуитахъ. Краковская академія. Виленская іезуитская академія. Замойская академія.

III. *Западно-русская митрополія.* 1) Бывшіе въ XIV в. попытки къ учрежденію въ Литвѣ и галицкой Руси особыхъ митрополій. Образованіе западно-русской митрополіи. 2) Составъ ея и епархіи.

Митрополичья епархія, составъ ея, преемство митрополитовъ. Епархіи: смоленская, черниговская, полоцкая и пинско-туровская. Православныя епархіи на Волыни: владиміро-брестская и луцко-острожская. Православныя епархіи въ русскихъ областяхъ подъ польскимъ владычествомъ: холмская, галицкая и перемышльская. 3) Управленіе западно-русской церкви до брестской уніи: охраны церковнаго управленія; церковный судъ; неприкосновенность святительскаго суда. Патронатъ. Соборы западно-русской церкви въ XVI в. Недвижимыя имущества ея. 4) Состояніе просвѣщенія въ южной и западной Руси въ XV и XVI в. Училища, типографіи и печатаніе книгъ. Памятники духовнаго просвѣщенія. Труды князя Курбскаго. Полемическія сочиненія старца Артемія. Библія Скорины. Острожская библія.

Новый трудъ г. Чистовича имѣетъ несомнѣнное значеніе прежде всего по своей задачѣ. У насъ нѣтъ недостатка въ монографіяхъ и изслѣдованіяхъ, посвященныхъ тѣмъ или другимъ частямъ и сторонамъ, лицамъ и событіямъ западно-русской церковной исторіи. Но трудъ г. Чистовича, предположившаго въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ изложить весь послѣдовательный ходъ событій этой исторіи въ цѣломъ объемѣ ея, будетъ первымъ этого рода опытомъ. Въ связи съ такимъ характеромъ его, какъ „краткаго и сжатаго очерка“ находится и учено-литературное и научно-педагогическое достоинство его. „Если предлагаемый очеркъ, говоритъ авторъ, не заключаетъ въ себѣ результатовъ изученія всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ и памятниковъ западно-русской исторіи и относящихся къ ней ученыхъ изслѣдованій, то во всякомъ случаѣ онъ представляетъ, основанное на изученіи этихъ памятниковъ, довольно полное изображеніе исторической судьбы западно-русской церкви“. Почтенный авторъ имѣетъ полное основаніе для такой характеристики своего труда. Достоинство его, какъ краткаго и сжатаго очерка, восполняется отчетливымъ обозначеніемъ и опредѣленіемъ важнѣйшихъ условій и отношеній, подъ вліяніемъ которыхъ своеобразно слагалась, и важнѣйшихъ историческихъ фазисовъ, чрезъ которые проходила отдѣльная историческая жизнь южно—и западно-русской церкви. Цѣльныя описанія и живыя характеристики отдѣльныхъ событій, явленій и лицъ не могутъ быть повсюду обязательны въ такомъ сочиненіи, какъ настоящее. Но мѣстами они есть и здѣсь, то въ самомъ текстѣ, то въ примѣчаніяхъ. Не всегда авторъ ссылается на первые источники или лучшія и болѣе подходящія изданія ихъ,

но во многихъ случаяхъ онъ самостоятельно провѣряетъ какъ свидѣтельства памятниковъ, такъ и мнѣнія изслѣдователей, выражая впрочемъ не самый процессъ, а только результатъ такой провѣрки, говоря вообще, основательной. Осторожный на предположенія, авторъ позволяетъ себѣ ихъ только изрѣдка, напримѣръ относительно названія „Бѣлая Русь", какъ на часть Руси, которая никогда не подпадала татарскому владычеству, оставаясь за все время его свободною или „бѣлою". Авторъ принимаетъ предположеніе о раннемъ, еще въ XII в., появленіи въ Полоцкѣ, нѣкогда главномъ городѣ Бѣлоруссіи, династіи литовскихъ князей. Но, говоря о полоцкой епархіи, онъ удержался отъ объясненія факта ранняго возвышенія здѣшней епископіи на степень архіепископіи и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенія полоцкаго іерарха до степени перваго, послѣ митрополита, іерарха въ ряду южно—и западно-русскихъ епископовъ, а также факта сильнаго умноженія здѣсь монастырей и широкихъ притязаній полоцкаго земства и горожанъ на участіе въ церковныхъ дѣлахъ. Къ концу „Очерка" полнѣе могъ-бы быть, по нашему мнѣнію, отдѣлъ о состояніи просвѣщенія въ южной и западной Руси въ XV и XVI в. Между прочимъ, болѣе вниманія заслуживалъ бы и фактъ непрерывнаго существованія начальнаго школьнаго обученія при многихъ приходскихъ, особенно патронатскихъ, церквяхъ, также городскихъ и монастыряхъ. Не лишни были-бъ также указанія на нѣкоторые религіозно церковные обычаи, усматриваемые въ западной Руси въ XV и XVI в., какъ продолжавшееся развиваться или формироваться наслѣдіе прошлаго, перешедшее въ тѣхъ же или видоизмѣненныхъ формахъ и въ послѣдующее время. Впрочемъ эти и подобныя требованія выходятъ отчасти уже за предѣлы задачи, принадлежавшей „Очерку". Въ предѣлахъ своей задачи, онъ обработанъ такъ основательно и удачно, что возбуждаетъ желаніе видѣть продолженіе этого очень почтеннаго и полезнаго труда.

И. М.

Акты, относящіяся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографическою коммисіею. Томъ двѣнадцатый. С.-Петербургъ. 1882 г.

Мы считаемъ излишнимъ говорить о значеніи и научной важности для исторіи юго-западной Руси этого прекраснаго изданія: оно слишкомъ извѣстно всѣмъ занимающимся исторіею

этого края. Вышедшій нынѣ томъ обнимаетъ документы относящіеся только къ исторіи двухъ лѣтъ, 1675—1676; въ составъ его вошли 224 документа, извлеченные изъ архивовъ министерствъ: иностранныхъ дѣлъ и юстиціи и редактированные Н. И. Костомаровымъ. Документы эти относятся къ двумъ послѣднимъ годамъ гетманства Петра Дорошенка и серія ихъ заканчивается сдачею и выселеніемъ изъ Чигрина этого гетмана. Впрочемъ содержаніе изданныхъ актовъ до нѣкоторой степени извѣстно лицамъ, занимающимся исторіей южной Руси, такъ какъ они послужили главнымъ матеріаломъ при составленіи Н. И. Костомаровымъ его монографіи, изданной подъ заглавіемъ: „Руина". Для исторіи города Кіева имѣетъ спеціальное значеніе документъ, помѣщенный подъ № 102. Это дѣло относящееся къ утвержденію въ должности царемъ кіевскаго войта Ждана Тадрины и списокъ статей, поданныхъ въ приказъ малороссійскій этимъ войтомъ отъ имени города, въ которыхъ изложены обиды, претерпѣваемыя городомъ отъ ратныхъ людей и воеводъ и просьба о ихъ воздержаніи.

В. А.

Разысканія о началѣ Руси, Д. Иловайскаго, изданіе второе, исправленное и дополненное, съ присоединеніемъ вопроса о гуннахъ. Москва, 1882.

Книга имѣетъ цѣлію опровергнуть норманнское происхожденіе русскаго государства и доказать славянское происхожденіе Руси, дунайскихъ болгаръ и гунновъ. Туземное происхожденіе Руси, между прочимъ, доказывается „тяготѣніемъ нашей первоначальной исторіи и самаго имени Русь къ югу, а не къ сѣверу. Русью называли себя преимущественно обитатели Приднѣпровья, а новгородцы называли себя славянами. Русскимъ называлось Черное море, а варяжскимъ Балтійское, что̀ прямо указываетъ на совершенно различное географическое положеніе варяговъ и руссовъ. Изъ иностранныхъ извѣстій IX и X вѣковъ чаще другихъ названіе Русь встрѣчается именно на юго-востокѣ, т. е. у арабскихъ писателей". Но не всѣ доказательства, приводимыя г. Иловайскимъ въ опроверженіе теоріи норманизма и въ подтвержденіе того, что Русь была искони народомъ туземнымъ и что она сама основала свое государство, имѣютъ одинаковую твер-

дость. Норманисты обыкновенно указываютъ на *русскія* названія пороговъ днѣпровскихъ у Константина Багрянороднаго и объясняютъ эти названія изъ нарѣчій скандинавскихъ. Противъ нихъ г. Иловайскій старается доказать только, что эти названія *могутъ быть объясняемы* изъ языка славянскаго. Почему-то авторъ не хотѣлъ воспользоваться и *археологическими* доказательствами исконнаго существованія русскихъ славянъ на нынѣшнемъ югѣ Россіи. Въ заключеніе, считаемъ не лишнимъ указать здѣсь на мало извѣстную попытку К. Шейковскаго объяснить названія пороговъ днѣпровскихъ у Константина Багрянороднаго изъ славянскихъ нарѣчій. Попытка эта сдѣлана въ неизданной диссертаціи pro venia legendi К. Шейковскаго и извѣстна только по оффиціальному отзыву о ней въ протоколахъ кіевской духовной академіи 19 марта, 1871 года. По словамъ г. Шейковскаго, славянскій міръ еще въ доисторическую эпоху распался на двѣ группы. Характеристическимъ лингвистическимъ признакомъ первой былъ консонантизмъ, а второй—вокализмъ. Первую составляли склавины, а вторую анты. Тѣ и другіе развѣтвились изъ одного народа, называвшагося спорами. Изъ русскихъ племенъ къ первой группѣ принадлежали поляне и древляне, у коихъ, равно какъ и у новгородцевъ, и теперь преобладаетъ консонантизмъ; къ типу антовъ, въ языкѣ которыхъ былъ вокализмъ, принадлежала Русь при Черномъ морѣ, откуда она дѣлала нападенія на Константинополь. Этимъ двумъ группамъ славянскихъ племенъ, склавинамъ и антамъ, соотвѣтствуютъ и двойныя названія днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго. Онъ приводитъ русскія и славянскія названія этихъ пороговъ. Славянскія названія отличаются неполногласіемъ или консонантизмомъ, а русскія полногласіемъ или вокализмомъ. Тѣ и другія Багрянородный переводитъ на греческій языкъ, какъ тождественныя по значенію, но отдаетъ предпочтеніе русскимъ названіямъ пороговъ, какъ настоящимъ названіямъ. А Русь, жившая у береговъ Чернаго моря, это-де южноруссы, принадлежавшіе къ антской отрасли славянъ, отличавшихся полногласіемъ или вокализмомъ; слѣдов., къ объясненію названій пороговъ днѣпровскихъ должно быть призвано и южнорусское нарѣчіе. Константинъ Багрянородный приводитъ и объясняетъ названія семи днѣпровскихъ пороговъ: 1) *Ессупи*, что значитъ „не спи“; 2) по-русски *Ульворси*, а по славянски *Островунипрахъ*, что значитъ „порогъ острова“; 3) *Геляндри*, что значитъ „звукъ порога“; 4) по-русски *Айфаръ*, а по сла-

вянски *Неясыть*, „потому что въ скалахъ его водятся пеликаны"; 5) по-русски *Варуфоросъ*, а по-славянски *Вулнипрахъ*, что значитъ „кипѣніе жидкости"; 6) по-русски *Леанти*, а по славянски *Веручи*, и 7) по-русски *Струбунъ*, а по-славянски *Напрези*, что толкуется „малый порогъ". Для объясненія русскихъ названій всѣхъ этихъ пороговъ г. Шейковскій употребляетъ полногласныя формы южнорусскаго нарѣчія, а для объясненія славянскихъ названій ихъ, неполногласныя формы славянскаго, приэтомъ онъ подбираетъ для объясненія русскихъ названій пороговъ такія южнорусскія слова, которыя-бы не только были созвучны приводимымъ у Багрянороднаго названіямъ, но и по значенію своему соотвѣтствовали-бы даваемому Багрянороднымъ толкованію ихъ. Такимъ образомъ, первый порогъ, называемый у Багрянороднаго *Ессупи* объясняется южнорусскимъ словомъ *не сопи* (отъ сопѣть); второй порогъ, называемый по-русски *Ульворси*, а по-славянски *Островунипрахъ*—южнорусскимъ *Гуль-поріъ* и славянскимъ *порогъ острова;* третій порогъ *Галяндри* южнорусскимъ *халяндра*, означающимъ родъ пѣсни и танца подъ пьяную руку; четвертый порогъ, называемый по-русски *Айфоръ*, а по-славянски *Неясыть*, южнорусскимъ *гайваронъ* или *гайворонъ;* пятый порогъ, называемый по-русски *Варуфоросъ*, а по-славянски *Веручи* (съ перестановкою славянскаго названія съ пятого мѣста на шестое, и наоборотъ) южнорусскимъ *варипорогъ*, т. е. такой порогъ, при которомъ вода какъ-бы кипитъ, славянскимъ *врѣющь*, врѣющій; шестой порогъ, называемый по-русски *Леанти*, а по-славянски *Вульнипрахъ* объясняется южнорусскимъ *лянчь*, *ллячь*, т. е. льющій, и славянскими *волна* и *порогъ;* седьмой порогъ, называемый по-русски *Струбунъ*, а по славянски *Напрези*, объясняется южно-русскимъ *Стрибунъ*, т. е. прыгунъ, и славянскимъ *Напражинъ*.

Предоставляемъ спеціалистамъ судить объ этой теоріи г. Шейковскаго, намъ-же она представляется если и не лишенною нѣкотораго основанія, то во всякомъ случаѣ недостаточно выясненною и не чуждою натяжекъ, иногда совершенно излишнихъ и довольно странныхъ, каковы напримѣръ объясненія слова *Айфоръ* словомъ *гайворонъ*, или названія *Леанти* едва-ли существующими южно-русскими словами: *лянчь*, и *ллячь*. Не говоримъ о такихъ промахахъ, какъ упущеніе извѣстнаго названія четвертаго порога словомъ *Ненасытецъ* и названіе цыганской *халяндры* южно-русскимъ танцемъ.

Н. П.

Русская историческая библіографія за 1865—1876 г. включительно. В. И. Межова. Т. I и II. С.-Петербургъ. 1882.

Настоящій трудъ извѣстнаго русскаго библіографа В. И. Межова составляетъ отчасти предисловіе „Исторической библіографіи“ гг. Ламбиныхъ, состоящей изъ 9-ти томовъ и обнимающей время съ 1855 по 1864 годъ. Появившіеся два тома „Русской исторической библіографіи“ г. Межова составляютъ только часть огромнаго труда, долженствующаго состоять изъ семи объемистыхъ томовъ. Въ первый томъ вошли: источники и матеріалы (историческіе акты и документы), исторія Россіи вообще и по царствованіямъ въ особенности, исторія областей и губерній, историческая этнографія и исторія инородцевъ; во второй томъ вошли—жизнеописанія русскихъ дѣятелей и матеріалы для біографическаго словаря. Заключая въ себѣ общій научный интересъ, „Русская историческая библіографія“ г. Межова имѣетъ близкое отношеніе и къ исторіи южной и юго-западной Россіи. Кромѣ отдѣльныхъ №№, у г. Межова есть цѣлые отдѣлы, посвященные исторической библіографіи южной и юго-западной Россіи, напр., „сборники актовъ, относящихся къ губерніямъ и областямъ Россіи“, „исторія составныхъ частей Россіи—областей и губерній“, напр., виленской, витебской, волынской, кіевской, подольской, полтавской, харьковской, черниговской и др. Особеннаго же вниманія заслуживаютъ два отдѣла: „Малороссія, Запорожье, козачество и южная Русь“ и „Литва, Бѣлоруссія, сѣверо и юго-западный край“.

Н. П.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО.

(Нѣкоторыя дополненія и поправки къ его біографіи).

Въ прошломъ мѣсяцѣ вышла въ Кіевѣ книга: *Жизнь и произведенія Тараса Шевченка*, М. К. Чалаго, обратившая уже на себя вниманіе читающей публики богатствомъ сообщаемыхъ ею новыхъ матеріаловъ для біографіи и характеристики поэта. На нашъ взглядъ и въ этой книгѣ, какъ и во всемъ, что писано было о нашемъ поэтѣ, начиная съ его автобіографіи, помѣщенной когда-то въ „Народномъ Чтеніи", есть еще довольно пробѣловъ и неточностей; ихъ-то мы и хотимъ дополнить и поправить нашими личными воспоминаніями о покойномъ Тарасѣ Григорьевичѣ, нашемъ ближайшемъ землякѣ, который былъ извѣстенъ намъ въ то еще время, когда никто не могъ прозрѣть въ немъ великаго поэта и когда онъ былъ просто „наймитчукомъ" у о. Григорія Кошица, приходскаго своего пастыря, и погонялъ его буланую кобылу.

С. Кириловка, въ которомъ родился Т. Г. Шевченко, принадлежало къ составу ольшанскаго имѣнія, доставшагося племяннику свѣтлѣйшаго князя Гр. А. Потемкина-Таврическаго, дѣйств. тайному совѣтнику Василью Васильевичу Энгельгарту. Послѣдніе годы своей жизни В. В. Энгельгартъ провелъ въ м. Ольшаной, гдѣ у него былъ большой деревянный домъ съ тѣнистымъ паркомъ, псовая охота и оркестръ, для помѣщенія коего построенъ былъ цѣлый рядъ домиковъ, выходившій на базарную площадь, противъ помѣщичьяго дома.

Баринъ жилъ и умеръ холостякомъ, но имѣлъ двухъ сыновей отъ нѣкоей метрессы польки или нѣмки, которая похоронена въ с. Кирилловкѣ, съ сѣверной стороны приходской православной церкви. Ольшана съ Тарасовкой, Зеленой, Вербовкой, Вороновкой и Сигидинцами, перешла къ В. В. Энгельгарту по наслѣдству отъ Потемкина, а Кириловка, Гнилецъ, Петрики, Моринцы и Пединовка имъ куплены. По смерти Василія Васильевича, въ 1830 г., ольшанское имѣніе перешло къ родной его сестрѣ Александрѣ В. Браницкой, а Кириловка, Моринцы и другія благопріобрѣтенныя села вмѣстѣ съ капиталами покойнаго, составили собственность незаконнорожденныхъ его сыновей, изъ коихъ полковникъ гвардіи Павелъ Васильевичъ Энгельгартъ сталъ владѣльцемъ Кириловки и помѣщикомъ Тараса Шевченка.

При жизни В. В. Энгельгарта управляющимъ всего ольшанскаго имѣнія былъ нѣкто Дмитренко, православный, а конторщикомъ или секретаремъ его канцеляріи въ Ольшаной—Ѳедоръ Штанько, огромнаго роста басъ; дѣлопроизводство все велось на русскомъ языкѣ. По смерти В. В. Энгельгарта, управляющими являлись уже поляки, которые привели съ собою цѣлую фалангу своихъ соплеменниковъ, получившихъ должности экономовъ, лѣсничихъ, писарей и т. под., вмѣстѣ съ тѣмъ въ экономическомъ управленіи введено дѣлопроизводство на польскомъ языкѣ, что продолжается и нынѣ. Кириловка, Моринцы, Сигидинцы и Пединовка представляютъ изъ себя и нынѣ обширный лѣсъ садовъ, наполненныхъ большими яблоневыми, грушевыми, сливными и черешневыми деревьями. Ольшана, Зеленая и Тарасовка менѣе богаты садами. Крестьяне Энгельгарта жили въ полномъ достаткѣ, пользуясь своими большими садами, ливадами и прудами и отбывая нетяжелую барщину, введенную Энгельгартомъ. Хаты крестьянскія были построены въ замки изъ дубовыхъ, липовыхъ и берестовыхъ брусьевъ, съ хорошими при нихъ клунями, дворами, которые обнесены были высокимъ дубовымъ частоколомъ. Тяжесть барщины и обѣдненіе крестьянъ появились съ переходомъ ольшанскаго имѣнія во владѣніе А. В. Браницкой, подъ управленіемъ поляковъ.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко родился на свѣтъ при В. В. Энгельгартѣ, когда въ ольшанскомъ имѣніи польскаго духу и польской рѣчи не было и въ поминѣ и когда живы были еще воспо-

минанія о гайдамачинѣ, о набѣгахъ крымскихъ татаръ, о сожженіи въ Ольшаной Даніила Кушнира и другія. Въ раннемъ дѣтствѣ разстался онъ съ сестрой Катериной, которая вышла замужъ въ с. Зеленую за крестьянина Антона Крисицкаго, высокаго и стройнаго мужчину, бывшаго сосѣдомъ моего отца. По ея разсказамъ не разъ Тарасъ прибѣгалъ къ ней и въ Зеленую пѣшкомъ, босой и полунагой, со всякой нечистью въ головѣ, бродя изъ села въ село, почему она называла его „приблудой“.

Первый учитель Тараса Г. Шевченка, стихарный дьячекъ с. Кириловки, Петръ Ѳеодоровичъ Богорскій, былъ сынъ священника с. Верещакъ, учился въ бывшей кіевской академіи до средняго класса риторики, а, по изученіи при архіерейскомъ хорѣ церковнаго устава и нотнаго пѣнія, въ 1824 г. опредѣленъ дьячкомъ въ с. Кириловку; въ 1827 г. онъ имѣлъ отъ роду 27 лѣтъ. Онъ-то пріютилъ и просвѣтилъ книжною мудростію блуждавшаго по селу Тараса и ввелъ въ связь съ діакономъ м. Лысянки маляромъ, дьячкомъ с. Тарасовки, маляромъ с. Хлипновки и другимъ грамотнымъ людомъ, стоявшимъ выше крестьянской среды. По свидѣтельству покойнаго священника с. Кириловки, о. Григорія Кошица, Богорскій самъ добровольно принялъ къ себѣ Тараса и никто ему за него ничего не платилъ. Какимъ нибудь горькимъ пьяницей онъ не былъ, хотя на требахъ и въ обществѣ не отставалъ въ выпивкѣ отъ своихъ прихожанъ. И потому Тарасъ Григорьевичъ, оставившій своего учителя по сей части далеко позади себя, излишне рисуетъ его въ своихъ воспоминаніяхъ отчаяннымъ пьяницей и напрасно не помянулъ его хотя однимъ словомъ благодарности. Не возьми его Богорскій къ себѣ въ науку, Тарасъ вѣрно затерялся-бы въ числѣ другихъ сельскихъ дѣтей. Что дьячекъ посылалъ Тараса читать псалтырь надъ покойниками, за это нельзя его осуждать: таковъ былъ общій въ церковныхъ школахъ обычай, чрезъ который мальчики пріобрѣтали навыкъ въ чтеніи; обычай этотъ нравился самымъ родителямъ дѣтей, а дьячка облегчалъ въ исполненіи лежавшей на немъ обязанности, служа нѣкоторымъ возмездіемъ за даровое обученіе. А если вспомнить обычаи и городскихъ училищъ того времени, гимназій и пансіоновъ, въ которыхъ не щадили лозы для шалуновъ дѣтей, то нечего удивляться, что дьячекъ Богорскій не особенно

нѣженъ былъ съ мальчикомъ такъ продерзливаго и не постояннаго нрава, какимъ былъ Тарасъ Шевченко во время своего дѣтства.

Въ домѣ священника Іоанна Нестеровскаго Тарасъ не жилъ и ничему не учился у него, да и не могъ учиться, такъ какъ Нестеровскій былъ уже старъ для того, чтобы учить грамотѣ, а жилъ онъ нѣкоторое время у другаго священника той-же кирилловской церкви о. Григорія Кошица, исполняя обязанности хлопца-погоныча, присматривавшаго за скотинкой и запрягавшаго буланую и широкохвостую кобылу его, что вспоминалось и впослѣдствіи, во время двухъ пріѣздовъ Тараса Гр. въ Кириловку въ 1845 и 1858 г. Покойная жена о. Григорія передавала намъ, что, находясь въ ея домѣ, Тарасъ въ зимніе вечера всегда въ кухнѣ что-нибудь читалъ про себя, какъ грамотный мальчикъ, а, по словамъ о. Григорія, Тарасъ въ кухнѣ его выучилъ двѣ каѳизмы изъ псалтыря. Полагаемъ, что въ домѣ о. Григорія Тарасъ Гр. не былъ ничѣмъ обиженъ, такъ какъ о. Григорій былъ человѣкъ весьма достаточный, имѣвшій хорошее хозяйство и два большихъ сада при домѣ, а жена его была очень добрая женщина,—оба-же они вели жизнь довольно патріархальную, проводя дни и вечера вмѣстѣ съ своею прислугою въ большой чистой кухнѣ, занимавшей половину дома, и только для отдыха и пріема гостей отдѣлялись отъ своихъ слугъ въ свои свѣтлицы, состоявшія изъ двухъ небольшихъ комнатъ на другой половинѣ дома. Впрочемъ, отзывы о. Григорія были не въ пользу Тараса Григорьевича: онъ и въ послѣдствіи называлъ его все-таки „ледащимъ“, т. е. неспособнымъ къ какому-либо хозяйственному дѣлу. Хотя я бывалъ часто въ домѣ о. Григорія Кошица, сынъ котораго, Иванъ, учился вмѣстѣ со мною и моими братьями въ богуславскомъ училищѣ и ѣздилъ туда на оной буланой кобылѣ, но, къ сожалѣнію, не примѣтилъ я тогда ея погоныча, въ душѣ котораго таился поэтическій геній. Отъ о. Григорія Тарасъ взятъ къ управляющему въ прислугу и вскорѣ отправленъ въ Вильну къ Энгельгарту.

Жители селъ смежныхъ съ Ольшаной, особенно женщины, предпринимаютъ иногда путешествіе въ лебединскій „панянскій“ (дѣвичій) монастырь, отстоящій отъ Кириловки на 35 верстъ. Монастырь этотъ, съ церковью во имя св. Николая, основанъ въ 1779 г. тремя вышедшими изъ Молдавіи монахинями Трифилліею, Дарьей и Февроніей, а церковь устроена при участіи перваго ктитора изъ

крестьянъ, Николая; мужскимъ онъ никогда не былъ, въ 8-ми-же верстахъ отъ него, въ концѣ с. Лебедина, существовалъ до 1840 г. отдѣльный мужской лебединскій георгіевскій монастырь, основанный въ 17 вѣкѣ и упраздненный въ 1845 году при митрополитѣ кіевскомъ Филаретѣ. Съ событіями 1768 года ни тотъ, ни другой монастырь ни въ какой связи не состояли. Мотренинскій монастырь, называемый у г. Чалаго лебединскимъ, гдѣ по преданію гайдамаки освятили свои ножи предъ Коліивщиной 1768 г., находится въ 40 верстахъ далѣе лебединскаго монастыря, близь м. Жаботина, въ мотренинскомъ лѣсу. Такимъ образомъ въ разсказѣ о путешествіи Тараса въ лебединскій монастырь г. Чалый смѣшалъ три монастыря въ одинъ. Неудивительно, онъ говоритъ по преданію, или по слуху...

И. М. Сошенко, открывшій Тарасу Гр. дорогу къ высшему образованію, былъ родомъ изъ мѣстечка Богуслава кіевской губерніи, отстоящаго на 40 верстъ отъ с. Кириловки, сынъ мѣщанина, и до поступленія въ академію художествъ учился живописи въ м. Ольшаной у шляхтича Превлоцкаго, довольно хорошаго живописца, котораго не нужно смѣшивать съ маляромъ Исидоромъ Превлоцкимъ, жившимъ въ с. Таращѣ каневскаго уѣзда и украшавшимъ церкви и дома священниковъ всего околотка своею весьма немудрою кистью. Ольшана для Сошенка была особенно близкимъ и памятнымъ мѣстомъ, гдѣ, по порученію Превлоцкаго, имъ написана была псовая охота на заборѣ и воротахъ Энгельгартовой псарни,—по улицѣ, которою проѣзжаютъ изъ с. Зеленой въ м. Ольшану; видомъ этой охоты всякій разъ любовался и я въ дѣтствѣ. О своемъ первомъ знакомствѣ съ Тарасомъ Гр. Сошенко передавалъ мнѣ иначе, чѣмъ сказано у г. Чалаго. Лѣтомъ, въ одинъ изъ лунныхъ петербургскихъ вечеровъ, прогуливаясь въ лѣтнемъ саду, Сошенко замѣтилъ, что какой-то оборвышъ, въ затрапезномъ пестрядиномъ халатѣ, босой и безъ шапки, копируетъ карандашемъ одну изъ статуй, украшающихъ аллеи сада. Замѣтивъ южный типъ физіогномии, Сошенко полюбопытствовалъ взглянуть на его работу. Зайдя сзади, онъ увидѣлъ, что рисунокъ весьма не дуренъ; тогда ударивъ юнаго художника по плечу, Сошенко, спросилъ: „звидкиль, земляче“?—„Зъ Вилшанои“, отвѣтилъ халатникъ. „Якъ—зъ Вилшанои? Я самъ зъ Вилшанои“, сказалъ Сошенко и, заинтересовавшись землякомъ, узналъ въ этомъ халатникѣ Тараса Шевченка, крѣпостнаго

Павла В. Энгельгарта, законтрактованнаго Ширяеву въ работники для окраски крыши и заборовъ. До настоящаго случая онъ о Тарасѣ ни отъ кого не слышалъ. Землячество, несомнѣнный талантъ и жалкая обстановка Тараса тронули Сошенка, и онъ рѣшился собрать о немъ сначала свѣдѣнія, а потомъ представить его своему профессору, чрезъ котораго позволено было Тарасу Гр. посѣщать частно академію художествъ, а въ послѣдствіи онъ представленъ былъ В. А. Жуковскому, воспитателю покойнаго Государя Императора Александра Николаевича.

О погребеніи Т. Г. Шевченка хлопоталъ въ Кіевѣ названный его братъ Варѳоломей Г. Шевченко. Совѣщанія по сему предмету шли у М. К. Чалаго, исправлявшаго тогда должность директора 2-й кіевской гимназіи. Въ виду начинавшихся тогда польскихъ и украинофильскихъ движеній признавалось затруднительнымъ выполнять желаніе Петербурга или громады похоронить Тараса Г. на берегу Днѣпра, за г. Каневомъ, гдѣ предполагалъ поэтъ устроить свою усадьбу. Высказаны были и другія основанія, по которымъ не слѣдовало лишать народнаго поэта погребенія на общемъ христіанскомъ кладбищѣ. Поэтому полагали похоронить его тѣло на Щекавицкой горѣ. Наконецъ принято, для избѣжанія всякихъ демонстрацій при этомъ погребеніи со стороны учащейся молодежи, приготовить могилу въ выдубецкомъ монастырѣ и препроводить туда гробъ покойника въ большой лодкѣ прямо съ черниговскаго берега, по прибытіи къ цѣпному мосту. В. Г. Шевченко уже вошелъ было въ соглашеніе по сему предмету съ настоятелемъ монастыря. Но случилось иное. Мая 6, въ субботу, около 4-хъ часовъ по полудни, явился ко мнѣ въ квартиру, на Хоревой улицѣ Подола, В. Г. Шевченко съ пономаремъ кіево-подольской христорождественской церкви за разрѣшеніемъ моимъ, какъ благочиннаго, внести гробъ Т. Г. Шевченка въ эту церковь, заявивъ, что гробъ уже слѣдуетъ въ городъ по цѣпному мосту, но что настоятель церкви не считаетъ себя въ правѣ принять его въ церковь безъ разрѣшенія духовнаго начальства; при этомъ названный братъ объявилъ мнѣ твердое намѣреніе уполномоченныхъ петербургскаго общества выполнить точно волю покойника относительно погребенія его на горѣ между г. Каневомъ и Пекарями.

Согласно существующимъ законоположеніямъ, своею благочинническою властію я не могъ разрѣшить внести въ церковь тѣло покойника, о препровожденіи коего изъ Петербурга въ кіевскую губернію не было получено епархіальнымъ начальствомъ увѣдомленія отъ министра внутреннихъ дѣлъ, и потому предложилъ В. Г. Шевченкѣ ѣхать со мною къ митрополиту Арсенію для предъявленія открытаго листа, выданнаго министерствомъ на перевезеніе тѣла, а чтобы задержать шествіе съ гробомъ, мы отправились въ лавру набережнымъ путемъ по шоссе. Предъ башенными воротами на шоссе мы встрѣтились съ гробомъ, который везли студенты и другая молодежь, снявши шапки. Тяжелый свинцовый гробъ былъ въ деревянномъ ящикѣ, на дрогахъ, и покрытъ большимъ покрываломъ изъ червоной китайки, на которой виднѣлось множество вѣнковъ и цвѣтовъ. По предложенію нашему юношество обѣщало остановиться здѣсь и ждать разрѣшенія на дальнѣйшее слѣдованіе въ городъ, что и исполнено. Митрополитъ былъ уже въ своей молельной для слушанія всенощной, начавшейся въ крестовой церкви при его покояхъ, но по докладу объ особенномъ дѣлѣ, по которому явился благочинный, принялъ меня. Просмотрѣвъ открытый листъ и выслушавъ мой докладъ, владыка сказалъ: „поѣзжайте къ генералъ-губернатору и доложите, что съ моей стороны нѣтъ препятствій“, но при этомъ велѣлъ мнѣ быть въ христорождественской церкви безотлучно, возложа на меня отвѣтственность за всякій могущій произойти безпорядокъ. Князь Васильчиковъ встрѣтился со мною на крыльцѣ, при выходѣ его съ семействомъ для прогулки. Послѣ краткаго моего доклада о дѣлѣ, по которому я прибылъ, князь отвѣтилъ еще короче: „стало, пусть внесутъ въ церковь“. Съ этимъ отвѣтомъ В. Г. Шевченко отправился къ гробу на шоссе, куда спустился отъ николаевскихъ воротъ, а я—на Подолъ въ христорождественскую церковь, гдѣ облачился въ ризы и съ настоятелемъ церкви, о. Іосифомъ, и его причтомъ встрѣтили привезенный гробъ, отслуживши краткую литію надъ нимъ въ самой церкви. Къ вечеру къ этой церкви приставлена была уже полиція, а утромъ присланы и конные жандармы, чѣмъ подстрекнуто было любопытство всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ по Александровской улицѣ. Въ тоже время утромъ гробъ подъ китайкою вынесенъ былъ на улицу для снятія фотографіи и обставленъ братьями Тараса и родичами, явив-

шимися изъ толпы въ своихъ свиткахъ. На вопросъ: кто покойникъ? получался отвѣтъ: „мужикъ, но чинъ на немъ генеральскій“. Къ 4-мъ часамъ, когда назначена была панихида и выносъ изъ церкви къ пароходу, стоявшему у цѣпнаго моста, *не только* церковь, но и дворъ оказались биткомъ набиты; по Александровской улицѣ, по шоссе, на горахъ Андреевской и Михайловской и на горѣ у царскаго саду стояло народа не меньше, какъ бываетъ 15-го іюля, во время Владимірскаго крестнаго хода. Литургія въ христорождественской церкви совершена, по случаю воскреснаго дня, въ обычное время настоятелемъ церкви о. Іосифомъ Жолтоножскимъ, а панихида по покойномъ Тарасѣ Гр. отслужена мною въ 4 часа, совмѣстно съ о. Іосифомъ, при многочисленномъ собраніи предстоящихъ, между которыми изъ извѣстныхъ лицъ можно было видѣть М. В. Юзефовича и Гр. П. Галагана. Пѣли панихиду почитатели таланта покойнаго съ участіемъ нѣкоторыхъ студентовъ духовной академіи и воспитанниковъ духовной семинаріи, такъ какъ пригласить хоръ академическій или семинарскій почему-то оказалось невозможнымъ. Никакихъ рѣчей въ церкви не было по условію съ распорядителями процессіи. Но лишь вынесли гробъ изъ церкви на набережное шоссе, явилось столько всякихъ ораторовъ изъ молодежи, что пришлось останавливаться съ гробомъ чуть не чрезъ каждые 5 шаговъ, и нужно сознаться, что нѣкоторые ораторы мололи ужасную чепуху, называя покойника освободителемъ народа и даже спасителемъ. Пройдя за гробомъ до крещатицкой часовни, дальнѣйшіе проводы я предоставлялъ одному о. Іосифу, такъ какъ въ городскихъ церквахъ начался уже звонъ ко всенощной наступавшаго праздника св. Іоанна Богослова и тезоименитства митрополита Арсенія, къ которой я долженъ былъ поспѣшить въ свою успенскую церковь.

Пр. П. Л—въ.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ПАСХАЛЬНОЙ ВИРШѢ.

Мы получили изъ Тифлиса отъ Д. К. Мороза слѣдующее, какъ онъ полагаетъ, *окончаніе* пасхальной вирши, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Кіевской Старины“.

Веди къ саду всю громаду, веди, щобъ селилась
Тутъ въ покою и зъ тобою вічно веселилась.

Заразъ тая середъ рая свобода засіла:
Тутъ тишина, вся старшина не мае къ имъ діла;
Тутъ сіпуга, війтъ—пьянюга вже не докучае,
И въ подводу тутъ изъ роду ніхто не хапае.
Всі подубли, що ихъ скубли, сільскіи нахалы,
Подеречи, колотнечи всі уже пропали.
Зникли зборы, вже позоры (?) не правлять кварталу—
Сказавъ Адамъ, що не подамъ людей на поталу.
Утікъ куражъ, здирства нема-жъ, пропали всі драчи,
Счезло лихо, живуть тихо, не дають подачи,
Погибла власть и вся на рясть вилізла голота,
Війтъ не ворчить и не стучить десятчикъ въ ворота,
Тамъ... іде... [1]) ні вже не журися:
Манна зъ неба, все що треба—іжь, пий, веселися.
Райскі птиці ластовиці весело співають,
Жайворонки, соловейки якъ въ органъ играють.
Всякихъ музыкъ ни чій языкъ не може сказати,
Мудрий писакъ и перомъ такъ не може списати.
Дай, Боже, намъ, щобъ сіі тамъ музыки играли,
Щобъ більше насъ, хоть у той часъ, сіпаки не брали.
Ты, Боже, бачъ, кровавый плачъ и горке рыданье,
За тее намъ покажи тамъ вічне пануванье!

Г. Морозъ считаетъ приведенные стихи существенною и самою интересною частію вирши и на основаніи заключающихся въ ней указаній на нѣкоторыя особенности соціальнаго склада населенія (малороссійскаго) придаетъ виршѣ болѣе древнее происхожденіе и готовъ отнести ее даже ко временамъ Хмельницкаго.

„Изъ этой части, говоритъ онъ, видно, что во время сочиненія вирши взимался „кварталъ“, т. е. такая подать, которая не могла долго существовать въ Малороссіи со времени присоединенія ея къ Россіи и никогда не существовала на Запорожьѣ; существовали неизвѣстныя запорожцамъ должности войтовъ; взимались подводы, утѣснялось сельское населеніе „нахалами“ и пр. Давность вирши подтверждается еще и значительными измѣненіями въ имѣющихся

[1]) Выраженія эти не разобраны въ рукописи.

спискахъ и не только текста, но и названія, что не могло имѣть мѣста въ сравнительно небольшой промежутокъ времени. Весьма вѣроятно, что черноморцы воспользовались этою виршею въ 1786—87 г., какъ готовымъ уже матеріаломъ и при этомъ опустили весьма существенный конецъ ея, который являлся, по тому времени, не соотвѣтствующимъ. Что она сочинена не запорожцемъ, это видно отчасти и изъ того, что въ ней не заключается никакихъ мѣстныхъ запорожскихъ особенностей и что она составляетъ какъ-бы общее достояніе всей страны. Кромѣ того, сочиняя виршу для князя Потемкина, авторъ ея употребилъ-бы скорѣе книжный, какъ болѣе понятный языкъ для гетмана, и не преминулъ-бы коснуться, такъ или иначе, личности амфитріона, чего, однако, мы не видимъ. Безспорно, авторъ вирши не принадлежалъ къ средѣ духовенства и не получилъ духовнаго образованія. Духовное лицо не рѣшилось-бы изображать сказанія изъ области религіи въ юмористической формѣ, а воспитанникъ духовнаго (?) училища внесъ-бы въ языкъ вирши латынизмы. Между тѣмъ языкъ ея является вполнѣ народнымъ безъ малѣйшихъ постороннихъ примѣсей, а сравненія и образы прямо указываютъ на принадлежность автора къ народной средѣ. Помимо этого, только посполитый могъ указывать въ такой формѣ положеніе народа и изображать идеалы свободы. По представленію автора, идеалы эти выражаются въ томъ, что старшина не имѣетъ дѣла къ народу; пьяный войтъ не надоѣдаетъ ему и не беретъ подводъ, „подеречи и колотнечи“ пропали; населеніе живетъ тихо, не даетъ взятокъ; десятникъ не стучитъ въ ворота; нѣтъ кроваваго плача и горькаго рыданія; нѣтъ печалей—сошла небесная манна—ѣшь, пей и веселися.

Всѣ эти данныя указываютъ, что пасхальная или, по нашему мнѣнію, точнѣе—воскресная вирша является стариннымъ памятникомъ народнаго творчества и при томъ весьма цѣннымъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Въ 50-хъ годахъ намъ лично приходилось слышать отъ одного стародавняго панка - хуторянина въ черниговской губерніи устное привѣтствіе отрывками этой вирши въ день свѣтлаго праздника. Мы живо помнимъ и до сихъ поръ то пріятное впечатлѣніе, которое, производили вирши на слушателей. Отвѣчая вполнѣ складу міровоззрѣнія малороссіянъ, памятникъ этотъ легко могъ переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе и дошелъ,

наконецъ, хотя и въ извращенныхъ спискахъ, до насъ, не утративши ни своей свѣжести, ни своего интереса".

Не сомнѣваемся, что списковъ вирши съ такою прибавкою, какая приведена выше, найдется довольно и что списокъ г. Мороза не единственный уже потому, что, по его словамъ, составляетъ копію 60-хъ годовъ съ рукописи 1839 г., являвшейся также копіею съ копіи. Мы не можемъ однакожъ согласиться съ доводами уважаемаго г. Мороза и потому именно и помѣщаемъ сообщенную имъ прибавку, чтобы она не вводила въ недоумѣніе тѣхъ, у кого окажутся подобные морозовскому списки. Никто не откажетъ этой прибавкѣ въ нѣкоторомъ ея интересѣ; но на основаніи тѣхъ-же ея особенностей, на которыя указываетъ г. Морозъ, можно относить именно эту часть вирши къ тому времени, къ которому мы отнесли самую виршу и считать ее не существенною частію, а только приставкою, сдѣланною въ то время, когда изъ Запорожья она перешла въ народъ. Тотъ строй жизни малороссійскаго народа, на который въ этой приставкѣ есть нѣкоторыя указанія, въ правобережной Украйнѣ сохранялъ свою силу до 1793 г., а въ нѣкоторыхъ сторонахъ и позже того. *Кварталъ*, или сборы по четвертямъ года, существовалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были такъ называемыя староства. Получавшіе ихъ изъ рукъ короля должны были вносить въ его казну часть доходовъ съ полученныхъ ими донацій; но, внося сами, они собирали вносимое съ крестьянъ и такой порядокъ держался до послѣднихъ дней Рѣчи Посполитой. Войтъ былъ должностнымъ лицемъ самихъ помѣщиковъ и перешелъ съ ними въ подданство Россіи. Должности *сіпугъ* или *сіпакъ* и *десятниковъ*—тѣ-же органы помѣщичьей власти и удерживаются гораздо долѣе войтовъ. Взиманіе подводъ, утѣсненіе населенія, „всякія поберечи и колотнечи"—явленіе столько-же начала XIX, какъ и XVIII в. Выраженные въ виршѣ идеалы народные—такого общаго свойства, что годятся для всякаго времени. Измѣненія въ спискахъ также не говорятъ о болѣе древнемъ происхожденіи вирши, чѣмъ обыкновенно ей приписывается: и со времени учрежденія черноморскаго войска протекло уже около ста лѣтъ. Кто писалъ виршу,—вопросъ не важный: въ Запорожье сходились люди разныхъ профессій, а въ числѣ ихъ бывали и грамотѣи. Что она писана кѣмъ либо изъ членовъ запорожской общины, это, кромѣ сохранившагося преданія, которое мы

слышали болѣе сорока лѣтъ назадъ, доказывается рѣзкостью и грубостью ея красокъ, доходящею по мѣстамъ до цинизма и не имѣющею ничего общаго съ изяществомъ народныхъ думъ и пѣсень. Изъ запорожскихъ особенностей можно указать въ ней на сравненіе силы смерти съ силою „пруса и крымскаго хана". Чего либо относящагося къ личности амфитріона—Потемкина, вирша *пасхальная* и не могла заключать; при томъ черноморцы-запорожцы не отличались любезностію, на лесть-же и вовсе не способны были. Въ то время не они заискивали въ Потемкинѣ, а онъ въ нихъ. Пресыщеннаго до тошноты временщика забавляла всякая оригинальность и авторъ вирши просто хотѣлъ позабавить вельможу одною изъ такихъ оригинальностей. Тутъ не требовалось быть особенно понятнымъ, а съ оригинальнымъ бытомъ запорожцевъ и ихъ языкомъ Потемкинъ давно былъ знакомъ, теперь-же и позже онъ особенно съ ними заигрывалъ и приближалъ ихъ къ себѣ. Наконецъ самый размѣръ стиха вирши не дозволяетъ приписывать ей происхожденіе болѣе древнее. Тѣмъ не менѣе мы очень признательны г. Морозу за сообщеніе не достававшаго у насъ конца вирши, который самъ по себѣ имѣетъ историческое значеніе. Сообщенные имъ нѣкоторые варіанты не имѣютъ, по нашему мнѣнію, интереса и значенія, по тому и не приводятся. Не помѣщаемъ также и описанія мукъ смерти и сатаны, пропущеннаго нами и въ спискѣ Гоголя, — по тому соображенію, что такія картины претятъ даже не особо взыскательному вкусу.

МНИМО-НАЙДЕННЫЙ ДНЕВНИКЪ СВЯТИТ. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО.

(по поводу газетныхъ извѣстій) *).

Въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" недавно помѣщена была корреспонденція г. Кулжинскаго, изъ Чернигова, въ

*) Мы весьма признательны уважаемому С. І. К—чу за разъясненіе невѣрнаго и поспѣшнаго извѣстія, получившаго такую широкую огласку. Мы были въ большомъ недоумѣніи, читая это извѣстіе во многихъ газетахъ. Извѣстно, что

которой оповѣщалось о томъ, будто онъ, Кулжинскій, въ библіотекѣ елецкаго монастыря отыскалъ собственноручный дневникъ бывшаго настоятеля и архимандрита этой обители, впослѣдствіи святителя и всея Россіи „чудотворца Димитрія Ростовскаго". Въ этомъ дневникѣ, говоритъ Кулжинскій, изображена внутренняя жизнь монастыря.

Изъ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" это извѣстіе перепечатано въ „Церковномъ Вѣстникѣ", „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ", „Кіевлянинѣ", „Зарѣ", „Новомъ Времени", „Голосѣ", „Газетѣ Гатцука" и другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Послѣ такой огласки, не только желательно, но и нужно знать, правду-ли сообщилъ г. Кулжинскій въ „Харьковскія Губернскія Вѣдомости".

Въ прошломъ іюнѣ мѣсяцѣ сего 1882 года, г. Кулжинскій былъ въ Черниговѣ и осматривалъ библіотеку черниговскаго елец. монастыря. Въ ней, подъ № 1-мъ, дѣйствительно находится книга въ переплетѣ, на которомъ значится слѣдующее заглавіе: *Черновыя*

«Дневныя Записки» или Діаріушъ св. Димитрія не разъ были напечатаны въ полномъ собраніи его сочиненій, имѣвшемъ нѣсколько изданій, хотя они и не представляютъ дневника въ собственномъ смыслѣ, а только замѣтки о главнѣйшихъ перемѣнахъ и случаяхъ въ его жизни. Какой-же могъ быть еще другой его дневникъ? При свиданія нашемъ съ многоуважаемымъ А. И. Ханенкомъ, сообщившимъ намъ дневникъ своего прадѣда, котораго печатаніе, надѣемся, вскорѣ начнется, мы обращались за разъясненіемъ нашего недоразумѣнія къ этому столь почтенному мѣстному дѣятелю, такъ близко притомъ знакомому съ исторіею той мѣстности и мѣстными архивами, и получили въ отвѣтъ, что за новый, якобы, дневникъ святителя могъ быть принятъ одинъ изъ списковъ его Діаріуша, которые встрѣчаются на мѣстѣ не рѣдко и теперь: «Возможно-ли допустить, говорилъ намъ А. И., чтобы какая либо цѣнная рукопись св. Димитрія, находящаяся въ мѣстномъ монастырскомъ архивѣ, не была извѣстна славному историку нашему, пр. Филарету черниговскому, столько лѣтъ пробывшему въ Черниговѣ, такъ неутомимо работавшему подъ мѣстною исторіею до самой смерти своей и не оставившему безъ пересмотра ни одного мѣстнаго архива, ни одного, можно сказать, клочка его бумагъ?» Теперь не только подтверждается справедливость этого замѣчанія, но и объясняется, что именно г. Кулжинскій принялъ за дневникъ св. Димитрія Ростовскаго. Въ перепечаткѣ его невѣрнаго извѣстія большинствомъ нашихъ газетъ нельзя однако не видѣть, съ какимъ уваженіемъ наша печать относится къ произведеніямъ великаго святителя.— *Ред.*

бумаги, писанныя рукою святителя Димитрія Ростовскаго. Открывъ эту книгу, на первомъ ея листѣ читаемъ слѣдующее: „Опись 1697 года мѣсяца іюня, бывшаго архимандрита монастыря елецкаго, черниговскаго, Димитрія Савича, нынѣ святаго усопшаго святителя Ростовскаго, его саморучная какъ экономическихъ, такъ и другихъ дѣлъ монастыря разныхъ, по отъѣздѣ его зъ монастыря елецкаго, 1699 года, сентября 17 дня. № 136“. Въ книгѣ этой переплетено всего 10 листовъ и 1 четвертка.

Первый листъ есть собственноручная записка святителя Димитрія о пріемѣ монастыря 1697 г. Затѣмъ слѣдуютъ его-же записи, когда, сколько и для чего взято денегъ изъ *„скринки“*, и о назначеніи новаго шафаря Иннокентія. На оборотѣ этого листа расходъ 1698 г.

На 2 и 3 листахъ рукою св. Димитрія переписанъ „Декретъ Лизогуба, полковника черниговскаго, колчевцомъ на онисовцовъ о разграниченіи грунтовъ даный“. Оборотъ 3-го листа исписанъ не рукою св. Димитрія, но другими почерками (замѣтки) четырехъ различныхъ лицъ.

4 и 5 листы составляютъ собственноручную записку святителя Димитрія о сдачѣ монастыря съ точными перечисленіями монастырской собственности.

6 и 7 листы заключаютъ опись монастырскихъ имуществъ. Опись эта писана не рукою св. Димитрія, но по мѣстамъ исправлена его рукою и въ концѣ приписка его-же рукою.

На 8 листѣ содержаніе прошенія архимандрита Димитрія съ братіею до ясневельможнаго, т. е. до Гетьмана, о притѣсненіи онисовцевъ черниговскими людьми и о вдирательствѣ въ монастырскій сѣнокосъ Шабѣльника.

На 9 листѣ содержаніе прошенія о томъ-же до полковника черниговскаго.

10 листъ составляетъ исписанную неизвѣстно кѣмъ четвертку бумаги, почему-то попавшую въ эту книгу.

11 листъ исписанъ рукою св. Димитрія о томъ, „якъ Шабѣльникъ завладѣлъ монастырскимъ сѣнокосомъ“.

Какъ видимъ изъ содержанія рукописи елецкаго монастыря, подъ № 1-мъ, она не есть дневникъ святителя Димитрія Ростовскаго, но сборникъ различныхъ бумагъ, писанныхъ и рукою свя-

тителя Димитрія и другими лицами. Г. Кулжинскій сдѣлалъ поспѣшное заключеніе объ этой рукописи, назвавъ ее дневникомъ святителя, вѣроятно, не прочитавъ ее. По почерку письма, она очень трудна для чтенія. Чтобы правильно и свободно читать эту рукопись, нужно имѣть навыкъ и хорошое знакомство съ древними манускриптами.

Въ упомянутомъ сообщеніи своемъ въ „Харьковскія Губернскія Вѣдомости", г. Кулжинскій выражается, что онъ *отыскалъ* эту рукопись святителя Димитрія Ростовскаго. Выходитъ, что до того времени, т. е., до времени отысканія означенной рукописи г. Кулжинскимъ, она никому не была извѣстна. Но такъ-ли и это? На самой рукописи есть подпись: „смотрѣно, 1830 года, сентября 24 дня, профессоромъ церковной исторіи и французскаго языка въ черниговской семинаріи и секретаремъ правленія сей семинаріи, магистромъ Алексѣемъ Лукіановымъ сыномъ Минервинымъ" [1]). Въ историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи преосвященнаго Филарета, книга третяя, а) на стр. 19, говорится: „Въ елецкой обители есть собственноручная записка Димитрія Савича Туптало о пріемѣ монастыря" и дѣлается выписка, въ 11 строкъ, изъ этой записки; б) на страницѣ 21-й говорится: „Въ монастырѣ елецкомъ дѣло собственноручной записки его (св. Димитрія) о сдачѣ монастыря" и затѣмъ дѣлается въ семь строкъ выпись изъ этой записки; в) на страницѣ 6-й говорится: „Въ описи монастырскихъ имуществъ, написанной при св. Димитріѣ Савичѣ и по его стамъ исправленной его рукою объ Ивановкѣ и Горбовѣ сказано"... и затѣмъ дѣлается выпись въ 14 строкъ, которыя переходятъ на 7-ю страницу. Значитъ, преосвященный Филаретъ зналъ эту рукопись святителя Димитрія, читалъ ее и пользовался ею. Мы знаемъ достовѣрно, что объ ней знаютъ многіе и читали ее многіе въ разное время. Послѣ этого, можно-ли было писать г. Кулжинскому, что онъ *отыскалъ* собственноручную эту рукопись св. Димитрія? По нашему мнѣнію, или г. Кулжинскій не знакомъ съ историко-статистическимъ описаніемъ черниговской епархіи, или всѣхъ онъ считаетъ такими людьми, которые повѣрятъ ему на слово. Если-бы

---

[1]) Впослѣдствіи профессоромъ кіевской академіи, ум. въ 1853 г.

г. Кулжинскій поговорилъ объ этомъ съ кѣмъ нибудь изъ людей свѣдущихъ, то онъ не сдѣлалъ-бы такой грубой ошибки. Онъ, какъ должно полагать, пожелалъ присвоить себѣ честь открытія этой рукописи святителя Димитрія, а на самомъ дѣлѣ открылъ только свое невѣденіе.

Нѣкоторыя извлеченія изъ записки святителя Димитрія о пріемѣ и сдачѣ имъ черниговскаго елецкаго монастыря и описи монастырскаго имущества, исправленной его рукою, могущія имѣть общій интересъ, мы сдѣлаемъ впослѣдствіи.

С. І. К—чъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ Д. Г. БИБИКОВА ОДНОМУ ИЗЪ РУССКИХЪ ПОМѢЩИКОВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Всевластный правитель юго-западнаго края 40—50-хъ годовъ, Д. Г. Бибиковъ извѣстенъ былъ своею безпощадною строгостію въ отношеніи къ польскимъ помѣщикамъ края. Приводимое здѣсь письмо его показываетъ, что онъ не смотрѣлъ сквозь пальцы и на русскихъ помѣщиковъ, если кто-нибудь изъ нихъ шелъ въ разрѣзъ съ устанавливаемымъ имъ въ краѣ порядкомъ и духомъ.

Русскихъ помѣщиковъ въ юго-западномъ краѣ было тогда весьма немно[illegible] но это были большею частію богачи, люди знатныхъ родов[illegible] гладѣвшіе громадными имѣніями, пресыщенные до икотки и потому благодушествовавшіе. Назовемъ для примѣра Браницкую, Энгельгардта, Бобринскихъ, Лопухиныхъ, Голицыныхъ, Орловыхъ, Давыдовыхъ, Скородулей и пр. У нихъ и крестьянамъ жилось легче, особливо, если они для вящшаго благоустройства своихъ имѣній не обзаводились, подобно Браницкой и другимъ, польскими управителями и экономами. Помѣщикъ, къ которому пишетъ Бибиковъ, жилъ въ сѣверной части губерніи, на песчаномъ грунтѣ и ни самъ, ни въ лицѣ предковъ своихъ не получалъ ни тысячами душъ крестьянъ, ни десятками тысячъ десятинъ земель. Отсюда, вѣроятно, его озлобленіе, какъ у тѣхъ благодушіе и преданность. Что касается пренебреженія къ православному духовенству, то это черта общая помѣщиковъ того времени, одинаково русскихъ, какъ и польскихъ, и занесена первыми оттуда, гдѣ въ теченіи

вѣковъ выработались представленія о „жеребячьей породѣ, иго-го, козлахъ, кутьѣ“ и т. под. Православное духовенство переступало порогъ залы помѣщичьей лишь въ Пасху и Рождество, чтобы пропѣть праздничныя пѣсни, а за тѣмъ отсылалось на кормленіе въ переднюю, кухню, контору и т. п. помѣщенія, въ то время, когда официалисты и челядь разныхъ названій пировали въ покояхъ своего патрона. Самъ свѣтлѣйшій князь Лопухинъ, *случайный* владѣтель Корсуна, справлявшій у себя храмовый праздникъ Петра и Павла на маперъ средневѣковыхъ германскихъ придворныхъ празднествъ, видѣлъ собиравшееся тамъ почетнѣйшее духовенство только въ церкви, откуда оно посылалось въ контору, и, дѣлая въ праздники визитъ становому приставу, не находилъ приличнымъ для себя посѣтить тутъ-же рядомъ жившаго своего духовнаго отца. Одинъ продерзостный протоіерей, сопровождавшій митрополита при обозрѣніи епархіи въ 60-хъ годахъ, получая отъ князя приглашеніе къ обѣду, осмѣлился спросить: „а духовенство“ (уѣздный протоіерей, благочинный, мѣстный и другіе священники, служившіе съ митрополитомъ)? и получилъ въ отвѣтъ: „а они въ конторѣ, они у меня никогда не бываютъ“. „Какъ?“ возразилъ неугомонный протопопъ; „раздѣляющіе съ владыкою трапезу Господню недостойны раздѣлить съ нимъ вашу трапезу?“ и—побѣдилъ. Смущенный престарѣлый князь уступилъ напору новыхъ понятій и отношеній, хотя на этотъ только разъ. Не сомнѣваемся, что самъ многопопечительный Д. Г. Бибиковъ раздѣлялъ въ этомъ отношеніи понятія и привычки того времени и его потревожило въ данномъ случаѣ не то, что православное священство угощается въ помѣщичьей кухнѣ, а то, что одновременно съ этимъ польскіе ксендзы возсѣдаютъ за столомъ русскаго помѣщика. Впрочемъ, какъ къ дворянину русскому, при томъ полковнику, онъ пишетъ, по своимъ пріемамъ, весьма сдержанно и не непочтительно.

Милостивый государь
Аврамъ Ивановичъ!

До меня доходятъ слухи, что будто-бы ваше высокоблагородіе весьма часто, въ присутствіи польскихъ помѣщиковъ, осуждаете дѣйствія правительства, распоряженія начальства, дерзко отзываетесь вообще о правленіи, и кромѣ сего будто-бы пренебрегаете православною религіею, презираете русское духовен-

ство и всегда даете преимущество католическимъ ксендзамъ, которыхъ болѣе уважаете, даже предпочтенія сего не скрываете и предъ вашими людьми, ибо въ одно и тоже время католическихъ ксендзовъ сажаете за столъ вмѣстѣ съ вами, а нашихъ священниковъ отсылаете обѣдать на кухню.

Я долженъ вамъ признаться, что, несмотря на то, что слухи эти доходятъ до меня съ давнихъ поръ и всегда постоянно объ однихъ вашихъ дерзостяхъ, но я не могу вѣрить, чтобы престарѣлый русскій полковникъ, православный подданный нашего Царя, рѣшился позволить себѣ подобныя вещи, — особенно въ глазахъ еще иновѣрнаго духовенства и польскихъ уроженцевъ, для коихъ каждый русскій долженъ быть примѣромъ благоговѣйнаго почитанія нашей вѣры, преданности Государю и уваженія властей.

Обо всемъ этомъ, чтобы предостеречь васъ и честь заслуженнаго русскаго офицера, я почитаю моимъ долгомъ сообщить вамъ, имѣя честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга

Дмитрій Бибиковъ.

3 декабря 1840 г.
Кіевъ.

Вверху помѣта: получ. 11 дек. 1840 г.

Сообщ. **В. В. Борисовымъ.**

СТАРИННЫЕ МАЛОРОССІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ *).

Списокъ старинныхъ малороссійскихъ портретовъ, помѣщенный глубокоуважаемымъ А. М. Лазаревскимъ въ майской книжкѣ „Кіевской Старины“, съ своей стороны, могу дополнить двумя нумерами.

Въ дер. Мармиловкѣ лохвицкаго уѣзда, полтавской губерніи, въ усадьбѣ помѣщика Ильи Яковлевича Стороженка хранятся два старинныхъ портрета представителей рода Стороженковъ:

---

*) Съ признательностію помѣщая настоящую замѣтку, сообщенную намъ многоуважаемымъ А. С—ко, питаемъ надежду, что и другіе представители малорусскихъ родовъ не откажутъ намъ въ пополненіи этого отдѣла извѣстій —Ред.

28) [1]) Иванъ Стороженко. Въ креслѣ у стола сидитъ глубокій старикъ съ небольшой, совершенно бѣлой, бородой. На столѣ стоятъ—Распятіе и Евангеліе въ зеленомъ переплетѣ. Одѣтъ старикъ въ красный кафтанъ и опоясанъ чернымъ, повидимому, бархатнымъ, поясомъ, съ золотыми мушками; на плечи накинутъ плащъ розоваго цвѣта съ голубой подкладкой, застегнутый подъ бородой золотымъ аграфомъ. Въ лѣвой рукѣ полковничья булава.

Внизу надпись:

„Року Божого ҂ахдчг (1693) [2]) февруарія єі (15) преставился рабъ Божій Іоанъ Стороженко, полковникъ В. И. Ц. П. В. З. прилуцкій“.

29) Григорій Стороженко, сотникъ ичанскій (Ичня — мѣстечко борзенскаго уѣзда, черниговской губерніи). Когда миргородскій полковникъ Даніилъ Апостолъ былъ избранъ гетманомъ (1 октября 1727 года), Григорій Стороженко былъ повышенъ въ званіе генеральнаго бунчучнаго. Затѣмъ онъ былъ посланъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Забѣлою, Лукашемъ Переяславскимъ и Мартиномъ Штишевскимъ въ С.-Петербургъ ко двору съ извѣстіемъ объ избраніи гетмана [3]). Женатъ онъ былъ на одной изъ Лизогубовыхъ—Евдокіи, бывшей въ первомъ бракѣ за бунчуковымъ товарищемъ Кулябкою.

На портретѣ, который сдѣланъ до 1727 года, такъ какъ Григорій Стороженко названъ на немъ еще сотникомъ ичанскимъ, изображенъ молодой мужчина—„білолиций, чорный усъ“, какъ поетъ народная пѣсня. Одѣтъ онъ въ зеленый парчевый кафтанъ; на плечи накинутъ синій плащъ, подбитый мѣхомъ; возлѣ, на креслѣ лежитъ высокая мѣховая шапка съ султаномъ. Въ верхнемъ лѣвомъ углу портрета изображенъ гербъ Стороженковъ: крестъ на красномъ полѣ, съ полумѣсяцемъ внизу, короной на верху, зеленымъ венгелемъ по полю, сіяніемъ вокругъ и по угламъ буквами Г, С, С, Н, что значитъ Григорій Стороженко, Сотникъ Ичанскій.

---

[1]) Продолжаю нумерацію г. Лазаревскаго.

[2]) 600 неправильно обозначено буквою *кси*, имѣющею обыкновенно значеніе 60-ти. 600 обозначается буквою ха (х).

[3]) См. Записки Марковича, 1859, ч. I, стр. 246—47.

Подъ изображеніемъ герба подписаны слѣдующіе стихи:

„Луна въ нощи свѣтитъ, волкъ туне блудитъ зрящъ.
Креста Христова вѣрнымъ свѣтъ есть въ нощи и во дни свѣтящъ.

Григорій Стороженко, мужъ сей знаменитый,
Имѣлъ тѣ въ гербѣ своемъ знаки родовиты.
Безвредно ему убо за сими свѣтилы
Шествовать въ небеснаго отчества предѣлы".

Прекрасныя копіи съ этихъ двухъ старинныхъ портретовъ хранятся въ с. Великой Кручѣ, пирятинскаго уѣзда, полтавской губерніи, у помѣщика Владиміра Андреевича Стороженка.

А. С—ко.

Кіевъ 29 іюня 1882 г.

ЗАДУНАЙСКІЯ НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ.

1.

Про Палія та Мазепу.

Бачте, якъ се воно було: іхъ було два великіхъ военнихъ— Мазепа и Палій... вони собі були малороссіяне. Та Мазепа якусь злобу мавъ на Палія, отъ вінъ знайшовъ якусь-то причину, та якось-то щось и сказавъ Білому Цареві, а Царь и оддавъ Палія у тюрму на заточеніе, та вінъ и сидівъ уже 12 годъ. А Мазепа якъ увірився, що вже Палій не вырветься, та поіхавъ тимъ часомъ до шведа, та й каже: „підемо Россію воювати!" А шведъ забравъ свою армію, та й пішовъ на Білого Царя. Довго вони билися, коли бачить Білый Царь, що Мазепа ёго побіждае—отъ-отъ вже одоліе зовсімъ, сівъ да й задумавсь. А далі попросивъ на три дни одпочинку, передягся за купця, та й пішовъ куди очі... Таке-то було, такого наробивъ ёму отой Мазепа! Тільки ото йде Білый Царь такъ по надъ річкою, коли дывиться—курінь стоить, а коло куріня й рыбалка старый. „Здрастуй, старичокъ!", каже, а той каже: „доброго здоровя, господинъ купець". — „А чи не маешъ ты, каже, чого попоісты?"—„Якъ-би то не маю!", узявъ заразъ казанокъ и на-

варивъ доброі юшки зъ рыбою. Сілы вони й ідять. А Білый Царь и каже: „и що се, каже, нашъ царь собі думае, що шведъ оце вже скоро усю Россію забере зъ Мазепою?!—„Бо нашъ царь дурный, рыбалка каже, не знае, каже, самъ, що вінъ робить! На що вінъ Семена Палія давъ на заточеніе?... отъ уже 12 годъ сидить, а якъ-бы вінъ выпустивъ Палія, то досі-бъ уже й Мазепу й шведа побивъ!“—„Какъ, какъ, старичокъ?!“—ото вже схопивсь Білый Царь, та давай рыбалку старого роспитувать, а самъ выйнявъ карандашъ, та усе записуе, та записуе на халяві (бо на ёму чоботы були зъ довгими халявами), щобъ не забуть, значить. Далі попрощавсь и пішовъ собі до дому и заразъ-же звелівъ, щобъ розшукати и приставити ёму Семена Палія. Послали штахвету (тоді ще телеграфу й машины циеі не було й Россія мала ще тоді була), найшли Палія, а вінъ вже тилькі що дыше. Заразъ-же ёго обмыли, оділи—стільки годъ сидівъ—посадили на бричку й привезли до Царя. А Семенъ Палій здалека шапку знявъ, излізъ изъ брички и навколішки полізъ до Царя. Царь пидійшовъ до Палія, піднявъ ёго, та й питае: „що будемъ робити—уже шведы візьмуть Россію“! А Палій каже: „або не візьмуть“!—„А можешъ ты звоювать Мазепу“? „Можу, каже, ваше императорське, чи якъ тамъ, величество, тільки, каже, просіть ще на 3 дни одпочинку“! „Добре, каже Царь, ну вже, каже, коли ты звоюешъ Мазепу, проси у мене, що завгодно, хочь півцарства“!—„Нічого мені, каже, ваше царское величество не треба, а отъ звеліть тільки, щобъ дітей більше лавами не выбивали“. (А то, бачте, царь якъ розсердивсь на Мазепу, то давъ приказъ выгубляти малороссіянскихъ младенцівъ: одсунуть було лаву, та по підъ стінкою й постановлять дітей, рядкомъ, а тоді лавою й придавлять до стіны—такъ по усій Украіни робилося)! Царь заразъ-же выдавъ указъ, щобъ нихто не смівъ младенцівъ выгубляти. А тимъ часомъ вже й други три дни на сході. Палій ото вже отдыхавъ й каже, щобъ ёму коня дали. Приводять до ёго самихъ найкращихъ царськихъ коней, тільки вінъ якому коневі не положить руку на шию, то кінь заразъ навколішки й упаде. А на те время тутъ саме водовозъ іде, а кінь у ёго якъ побачивъ Палія, то й заржавъ.—„А, каже Палій, и ты ще живый, товарищу!“.. „Оціого коня мені, каже, дайте, що саку [1]) возить“! А на

[1]) *Сакá* (тур.) = бочка.

ёму одна шкура та кістки. Выпрягли того коня, підвели, узявъ Палій ёго за гриву, а вінъ тільки головою покрутивъ. Тоді Палій узявъ два пистолі, сівъ на того коня та й счезъ, якъ той вихорь! Объіхавъ тричі Мазепине війско, піднявся у гору—коли дивиться, Мазепа изъ шведомъ саме обідають, вінъ стрельнувъ зъ пистоля, а пуля якъ разъ и впала до Мазепи у ложку. Мазепа тоді подививсь у гору, та й каже до шведа: „тікаймо, брате, пропали мы, бо Палій уже на валі", та й показавъ ёму у гору на Палія.—„Та то може місяць?", каже шведъ. „Та який тамъ місяць середъ дня!" Кинули й обідать, та скорійше тікать. Палій приіхавъ до Білого Царя, та й каже: „ну теперь идіть—нема вже шведівъ, розбіглись". Царь не повіривъ и іхать не хотівъ зразу, а потімъ рішивсь. Коли приіхали, дивляться, нема вже никогісінько, якъ обідали, такъ усе й осталось... тільки шведські козаки стоять... Отакій-то бувъ Палій.

Зап. отъ Марка Глухого у Тульчи. Окт. 1881 г.

Х. Ц.

II.

Про Антона Головатого, Онопрія Шпака и царицю Катерину.

...Се було, якъ Антонъ Головатый бувъ у Петербурсі, у ёго бачте вуси були довгі, а бувъ у ёго писарь Онопрій Шпакъ, то були вони у цариці, бо цариця хотіла на вуси ёго подивитысь. Подивилась, та й не вірила, чи то настоящіи вуси, чи то вінъ надточуе чимъ, тай сказала медомъ намазать..., а у ёго природа така була. Ну, а потімъ вона й каже Головатому, що й землю дае, й ліса, и усе..., а Шпакъ и каже: „та не вірь ты, каже, москалеві, бо хто москалеві повірить, то й самъ невірный"! А вона не розібрала, та й питае: що вінъ каже? а тамъ зъ чугуівськихъ хтось бувъ, та й сказавъ ій.—„А хто-жъ то москаль?" питае.—„Ты!", каже. То тоді ёго за губу крючкомъ заціпили та й повісили, щобъ ногами землі не достававъ..., да такъ до вечора й висівъ...

Багато розказують, та таке бо-зна що: ото наче-бъ то Катерина запорожцівъ на обідъ закликала, та звеліла подавати имъ довгі ложки, думае, якъ то вони істимуть тими ложками?.. а вони

тиі ложки побрали, та й почали одинъ одного черезъ стілъ годувати... Оттаке!...

Зап. отъ Ананія Ив. Коломійца. у Катирлези.

Х. Ц.

КОЛІИВЩИНА ВЪ ПѢСНЯХЪ.

Приводимыя двѣ пѣсни сообщены намъ глубокоуважаемымъ А. А. Скальковскимъ, которому обязана мѣстная исторія единственными до послѣдняго времени свѣдѣніями о судьбахъ Сѣчи запорожской и болѣзненнаго ея отпрыска—гайдамачины. Обѣ эти пѣсни своимъ содержаніемъ, а быть можетъ и происхожденіемъ связаны непосредственно съ украинскимъ народнымъ возстаніемъ 1768 года. Первая изъ нихъ рисуетъ намъ общую картину этого событія, совокупляя въ одномъ представленіи всѣ фазисы онаго и различныхъ его дѣятелей, дѣйствовавшихъ въ различныхъ мѣстахъ, вторая влагается въ уста одного изъ главнѣйшихъ предводителей возстанія, всего вѣроятнѣе Желѣзняка, и представляетъ заключительное, такъ сказать, слово дѣятелей „Коліивщины", не чаявшихъ отъ нея чего-либо прочнаго и опредѣленнаго, но глядѣвшихъ на нее, какъ на непосредственное движеніе народной мести и страшный урокъ притѣснителямъ народа. Въ первой пѣсни выводится неизвѣстная доселѣ личность сотника Митлыці, измѣнившаго общему дѣлу, или оставшагося вѣрнымъ противной сторонѣ, и за то казненнаго, по рѣшенію предводителей возстанія. Такъ какъ здѣсь онъ изображается изрекающимъ проклятіе осудившимъ его на смерть предводителямъ возстанія:

Бодай-же кінець вашъ бувъ нудный та гіркий,

а во второй пѣсни одинъ изъ этихъ послѣднихъ, входя въ нравственную оцѣнку дѣла и обсуждая неудачный исходъ онаго съ высшей точки зрѣнія, замѣчаетъ, что это должно быть послѣдствіемъ проклятія казненнаго Митлыці:

Мабуть,—це Митлыцева причина,

главнымъ-же орудователемъ всего возстанія былъ несомнѣнно Желѣзнякъ, то отсюда съ несомнѣнностью заключать можно, что пѣсня идетъ отъ его лица, хотя, конечно, могла быть сочинена кѣмъ

либо другимъ. Слѣды *сочиненія* видны еще въ той и другой пѣсни: по недавности времени и, быть можетъ, по рѣдкому употребленію этихъ пѣсень въ послѣдовавшее тяжкое время, онѣ, такъ сказать, не вполнѣ еще ошлифовались въ народномъ обращеніи, отъ чего по мѣстамъ примѣчается нѣкоторая неровность и какъ-бы шереховатость стиха; тѣмъ не менѣе это драгоцѣнные по многимъ чертамъ историческіе и народнаго творчества памятники. Онѣ дорисовываютъ намъ то, что не досказано въ офиціальныхъ и другихъ документахъ, доселѣ открытыхъ. Общая картина событія замѣчательно полна и высоко-художественна, краски бьютъ яркостію и свѣжестію, отдѣльные штрихи—смѣлостію, бойкостію и игривостію. Раздумье предводителя возстанія, въ кандалахъ и цѣпяхъ ждущаго неминуемой смерти, подводящаго итоги кровавымъ своимъ дѣяніямъ, глядящаго на все минувшее съ точки зрѣнія предсмертнаго часа и суда Божія поражаетъ своею задушевностію и искренностію, равно какъ обращеніе къ Потоцкому—естественностію и силою чисто народнаго чувства. Вообще чувства и языкъ обоихъ пѣсень такъ непосредственны, такъ свѣжи и сильны, что указываютъ на весьма раннее, быть можетъ, современное самому событію происхожденіе ихъ; пѣвецъ какъ-бы стоитъ предъ самымъ событіемъ и въ немъ почерпаетъ одушевляющія его думы и чувства.

Относительно окончанія второй пѣсни, состоящаго въ обращеніи къ Потоцкому, мы должны особо замѣтить, что оно не стоитъ въ связи съ общимъ содержаніемъ пѣсни и составляетъ позднѣйшую прибавку, или заимствованіе изъ другой пѣсни. Оно ни какъ не можетъ относиться къ *Салерію* Потоцкому, современнику „Коліивщины“, но только къ сыну его *Феликсу* Потоцкому, участнику тарговицкой конфедераціи 1792 г.

Когда, кѣмъ, отъ кого и при какихъ обстоятельствахъ записаны обѣ пѣсни, объ этомъ, къ сожалѣнію, достопочтенный А. А. ничего не сообщаетъ; онѣ просто нашлись въ обширномъ собраніи его бумагъ, а списокъ, по почерку судя, принадлежитъ 40-мъ годамъ. Въ отрывкахъ вторую пѣснь и намъ случалось встрѣчать, въ цѣльномъ же видѣ никогда. Предоставляя читателямъ судить о достоинствахъ пѣсень, мы приводимъ ихъ для пополненія и поясненія печатаемыхъ документовъ о „Коліивщинѣ“.

I.

Свиснувъ вітеръ, свиснувъ,—
Загула хуртовина;
Слівце Максимъ писнувъ,—
Зібралася дружина.

* * *

Дві тысячи бурлакъ
Лынули [1]) въ Краину польску;
Рушили вони зъ байракъ
Дати ляхамъ хлосту.

* * *

Ой годі жъ намъ, козаченьки,
Рыбу по Дніпру и Богові ловити!
Сідайте въ човныки, бурлаченьки,
Та поідемъ жидову и ляха палити.

* * *

Зібравъ Максимъ, зібравъ бурлакъ
И всю Вкраину збунтовавъ,
Тысячу сіромахъ, тысячу гайдамакъ—
Ватажку собі навербувавъ.

* * *

„Эй, батьки—началныки!
Що то буде зъ нами?
Здаеця, що наше життя мине
И насъ возьмуть зъ вами“.

* * *

Не тужите, мои діти,
Не журітця, быстрі орлынята;
Ще дамо мы Уманеві крови пити,
Ще дадуть намъ горілки ляхи и жидынята.

* * *

„Охъ, батьку, Максиме, прости!
Мы й забули, що съ тобою.
Кажи, вели, куды йти,
И мы хоть въ пекло за тобою

* * *

Ой, полковнику Желізняку!
Ходимъ же мы палити;—

1) Лынули—хлынули, ринулись.

Кого спершу почнемъ бити,
А кого будемъ полонити?"

* * *

Ляхівъ будемъ бити
А жидівъ шаблями христити.
Ляшина—превража дитина,
А жидовинъ—зайцева дружина.

* * *

Изъ жидомъ усе втнешъ,
Куды треба, то й пошлешъ,
А не схоче, то й побъешъ,
А вражого ляха—того не вжуешъ.

* * *

„Охъ, Максиме Желізняку,
Ходімо въ Смілу ляхівъ гартовати,
А після тоі поживы
Підемъ Умань штурмовати".

* * *

Ой ходімо, діти, Умань штурмовати
И свою братську кровъ відъ католика відбивати.

* * *

Эй, братця, годиночка дорогая;
Треба жъ намъ начинати—
Отъ Нухима до Боруха
Всімъ головы зтинати

* * *

Въ Умань же мы пішли
Тай почали штурмовати.
Тамъ багато панівъ найшли,
Тай давай имъ ніжки росправляти.

* * *

Теперички ляхи щось починають,
Въ кондерацію [1]) панківъ собі збирають;
Ходімо до Потоцького мосци,
До его графскои вельможносци.

* * *

Що тілько тамъ у ёго найдемо,
То все у ёго возьмемо.

* * *

[1]) Кондерацію—конфедерацію.

Ой пішовъ Желізнякъ до ворітъ
Тай здыбавъ три копы клопітъ.
* * *
Ой пішовъ Швачка голкою шити,
Ляхівъ, жидівъ по Умані лупити.
* * *
А нашъ Неживый цокоче,
Ажъ Умань зубами скрыгоче.
* * *
А Журба ходяче зажурився,
Що, головко бідна, Умань загорівся,
Та въ бандуру міцно грае,
Себе козака піснью розважае.
* * *
А нашъ сотникъ Гонта
Папирь отъ Цариці давъ,
Тай давши намъ
Всімъ въ голосъ сказавъ,
* * *
Що цариця Кошовому
Звеліла такъ служити,
Щобъ ити въ Польщу
Жидову и ляха палити.
* * *
И жидамъ и ляхамъ ратунку не робити,
А всіхъ жидівъ та ляхівъ
Колоти та палити,
А добро ихъ и пожитки межъ собою ділити.
* * *
Тільки сотникъ Митлыця
Ни до чорта не годиця.
Мабуть вінъ хтівъ змінити
И на насъ желізни цяцки надіти.
* * *
Знай, кобыло де брыкати,
А тутъ тобі вже не хвицати:
О, такъ, сотнику Митлыця,
Такъ робити не годитця!
* * *
Каже ему Швачка и Желізнякъ:
Ты хтівъ насъ въ шоры вбрати,
Теперъ же тобі світа не видати!
* * *

Слухай, Максиме, Швачко и Неживый,
Бодай же кінець вашъ бувъ нудный та гиркій!

* * *

Махнувъ Максимъ разъ, махнувъ Швачка два,—
Покотилась Иванова на землю голова.

* * *

Умань до кілка спалили,
Жидівъ, ляхівъ до ноги побили,
А сами по коняхъ,
Та за Богъ и Синюху влупили.

* * *

Буде Сміла, Чигринъ насъ знати,
Коли були мы въ гостяхъ,
Буде Умань памятати,
Якъ бувъ въ нашихъ пазуряхъ.

II.

Охъ выйду я на гору,
На круту, на высоку,
Подивлюся по Дніпру,
На річку широку.

* * *

Ой, річка—Дніпръ широка,
Течешь ты въ Чорнее море.
Охъ возьми мене зъ собою,
Бо горе жъ тутъ, горе.

* * *

Батьку, Дніпре, въ море течи
Тай назадъ вернися,
Мый каминя, та въ ныхъ плещи,
Тай звісточку дати не барися.

* * *

Родина моя въ стороні,
Далеко відъ твоихъ лугівъ;
Охъ, не такъ іі жаль мені,
Якъ тихъ крутихъ порогівъ.

* * *

Въ тихъ крутихъ порогахъ
Вода съ камінями воюе,

Въ тихъ зеленихъ діброваxъ
Сива зозуленька кукуе.

* * *

Охъ, кукувала вона, кукувала,
Та щиру правду мені казала,
Що тамъ було мені жити
И щастя свое мігъ тамъ зловити.

* * *

Не хтівъ іі знати
Та полетівъ на родину;
Теперъ же мені не спіймати
Тую щасливую годину.

* * *

Літавъ же я на степахъ,
Якъ орелъ крылатый;
А теперъ же я въ цепахъ,
Якъ медвідь мордатый.

* * *

Объіздивъ я степы,
Объіздивъ два моря,
Объіздивъ всі лісы,
Не объіхавъ свого горя.

* * *

Годі мені козакувати,
Годі птахомъ въ полі літати,
Пора себе въ желіза заковати,
Пора въ Бога прощенія заробляти.

* * *

Коли бъ дали прощенія заробити,
Бога молитвами вмолити,
А тогді хоть умирати:—
Не страшно въ домовину съ покутою лягати.

* * *

Здаетця, що смертію своею
Мені та не вмерти;
Охъ, ці ланцюжки нагадують,
Що було людей такъ не жерти

* * *

Самъ собі причина,
Що такою смертію умираю;

Мабуть,—це Митлыцева причина,
Що такъ я страждаю

* * *

Охъ, тяжко козакові
Въ неволі сидіти,
Тяжко бути въ окові,
Ліпше ему и не жити

* * *

Ой ты пане Потоцькій,
Воевудській сыну,
Запропастивъ Литву
И всю Украину

* * *

Думка твоя була
—Королемъ зістати,
Тай пішовъ до Царыці
Помощи шукати.

* * *

А Богъ, шо зъ неба
Высоко видить,
И за твою невірность
Вже тобі не звидить.

* * *

Прійде судъ на тебе
И страшная годпна;
Візьмуть тебе за лобъ,
Якъ вражого сына.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ III-мъ томѣ «Кіевской Старины», 1882 г. *).

Абрамовичъ Іоаннъ, деканъ владимірскій, 493.
Августъ II., король польскій, 44.
— III-й, курфирстъ саксон., 44.
Ада (онъ-же Березань), островъ на Чорномъ морѣ, 378.
Адамовичъ Антонъ, кіевскій, козацкій полковн. средины прошлаго вѣка, 144.
Азовъ, г., 362, 366.
Алешки, мѣсто коша запорожскаго (1712—1730 г.), 178.
Амвросій, архіеп., 338.
— архим., 486.
Андрей Боголюбскій, в. кн. кіевскій, 441—442.
Андріевскій, М., авторъ статьи «Перепетовское поле», 456.
— Алексѣй, редакторъ неоффиціальной части Кіев. Губерн. В., 171.
Антоновичъ В. Б., проф. истор., 42, 523, 260, 301.
Апостолъ Данило, миргородскій полковн. 397.
Арендаренко, архангельскій губернаторъ, 391.
Арсеній, митроп., 344, 566.
Архангельскъ, г., 368.
Астрахань, г., 422.
Афанасій, викарій кіевскій, 124.
— Филиповичъ, игуменъ брестъ-литовскій, 166.
Анфія, настоятельница кіевскаго іорданскаго ж. монаст., въ нач. XVII в., 384.
Ахія, сынъ Магомета III, 425.

—

Багалій Д. И., магистръ русской исторіи, 382.
Байкевичъ Іосафатъ, настоят. замостьскаго монастыря, 239, 241.
Балабанъ Гедеонъ, епископъ львовскій, 31, 153, 205.
— Герасимъ, проповѣдникъ штундизма, 345.
— Діонисій, холмскій правосл. еписк., 17, 34.
— Исаія, архимандритъ уневскій и дерманскій, 167.
Балта, г., 133, 303.
Бандзеревичъ Исидоръ, настоятель замостьскаго монаст., 239.
Бантышъ-Каменскій, малорусскій историкъ, 394.
Барановичъ Лазарь, арх. черн., писатель, 241.
Баттаглій, баронъ, писатель, 353.
Батуринъ, г., 243, 399.
Бахталовскій Георгій, авторъ брошюры: «Посадъ Вилковъ», 358—361.
Бенедиктъ XIV, папа, 214.
Бережівка, с., 261.
Берестечко, м., 508.
Бестужевъ-Рюминъ Александръ Петр., графъ, 161.

*) Цифры указываютъ страницы тома.

Бибиковъ Д. Г., генералъ-губернаторъ юго-зап. края, 61—80.
Билевичъ Янъ, наст. замостьскаго монастыря, 239.
Блещинскій Миколай, базиліанинъ, 207.
Блощинцы, с., 532, 535.
Боболинскій Леонтій, іеромонахъ конца XVII в., лѣтоп., 428.
Богданъ Балыка, кіевскій мѣщан., авт. записокъ о московской осадѣ 1612 г., 100—105.
— Хмельницкій, гетманъ украинскій, 17.
Богорскій П. Ѳ., дьячекъ, учит. Шевченка, 562.
Богунъ, козацкій полковн,, 512.
Богуславль, м. 550.
Боннель Эрнестъ, проф., 167.
Бопланъ, инжен. XVII в.. 376.
Борковскій Константинъ, архим., 167.
Боровиковскій А. Л., украинскій этногр., 302.
Борхъ, графъ, богат. украинскій землевладѣлецъ XVIII в., 332.
Босфоръ Киммерійскій (нынѣ Керченскій проливъ), 168.
Боярка, с., 346.
Браницкій А. В., богатый украинскій помѣщ., 561.
Брюховецкій, гетманъ, 385.
Бугъ, р., 337, 377, 488.
Будило, полковн. кролевец., 102.
Будный Семенъ, издатель лютер. катехизиса на литов.-украин. языкѣ, 166.
Булацель, секундъ-маіоръ, 332.
Бульковскій, кремен. исправникъ, 489.
Бурки, с., 404.
Бурнашевъ, секретарь с.-петер. вольно-экономич. общ., 190.
Бутурлинъ, бояринъ московскій, 104.
Буяльскій Войтехъ, смѣлянскій губерн., 175.
Бѣлая-Церковь, м., 439.
Бѣлободскій Янъ, ученый бѣлоруссъ. 166.
Бѣлоцерковская степь, 436, 438.
Бѣлый Колодезь, с., 248.
Бѣлюговъ А. И., кишин. учитель, 106.
Быстрицкій, запорожскій писарь, 311.
Бытель, мѣсто основанія базиліан. колоніи въ нач. XVII в., 10.
Бычковъ А. Ѳ., академикъ, 164, 166.
Бышовъ, м., 383.

—

Василивщина, м., 441.
Васильчиковъ, кн., генер.-губернаторъ юго-зап. края, 566.
Варсонофій, архим. соловецкаго монаст., 405.
Вейскій Ѳома, кіевскій латин. бискупъ, 26.
Венглинскій, каштелянъ холмскій, 216.
Веселовскій, писатель, 81.
Веселый Кутъ, с., 346.
Вербовка, имѣніе помѣщ. Энгельгарта, 561.
Вересай Остапъ, кобзарь, 259.
Верещаки, с., 562.
Вилковъ, посадъ въ Бессар., 358—361.
Вильяшевъ, полковн., 489.
Винницкіе Ставы, с., 439.
Вись, р., 174.
Виталій, іеродіаконъ виленск. духовск. монастыря, 166
Вишневецкій Іеремія, кн., 512, 517, 521.
Владимірко, кн., 443.
Владиміръ Мономахъ, 362.
Владиславъ II-й, кор. польскій, 7.
— IV, кор. польскій, 11, 14, 428.
Воейковъ, кіев. генер.-губерн., 316.
Володарка, м., 443.
Володкевичъ Фелиціанъ-Филиппъ, холмскій уніат. епископъ, 205, 206.
Волокитинъ, с.. 248.
Волуйка, г., 425.
Ворзогоры, с., 411.
Вороничъ, начальникъ «Украинской партіи», въ XVIII в., 527.
Воронцовъ, кн., 160.
Вотылевка, с., 346.
Вульфъ Владиміръ, примьеръ-маіоръ, 310.
Выговскій Иванъ, гетманъ, 395.
Вышатицкій, іеромон., 494.
Вяземскій, генер.-прокуроръ, 42, 322.

—

Гагаринъ, кн., архангельскій губернаторъ, 391.
Галаганъ, козацкій полковн., 178.
— Григ. Павлов., нынѣ членъ госуд. совѣта, 567.

Гамалія Григорій, полковн. лубенскій, 253.
Ганенко Е. А., покойн. украин. этнографъ, 351.
Гаркуша Филонъ, козацкій полковникъ, 278.
Гартингъ, арханг. губернаторъ, 391.
Гвагнини, писатель XVI в., 98.
Гвинтовка, нѣжинскій полковн., 243.
Гедиминъ, князь литов., 162, 553.
Гембицкій Петръ, епископъ краковскій, 503.
Геродотъ, гречес. историкъ, 168.
Гирей-Мехметъ, татарскій мурза, 515.
Гладкій Андрей, сотникъ пирятинскій, 253.
Глоба, послѣдній писарь войска запорожскаго, 368—371.
Глуховъ, г., 381.
Голицынъ, кн., 396.
Головатый, запорожскій атаманъ, 326.
— Антонъ, полковн., 334, 338.
— войсковой судья, 368.
Головацкій, ученый галицкій, 260.
Головкинъ Гаврило Ивановичъ, графъ, вельможа вр. Петра I, 400, 406.
Голта, слобода, 303.
Голубьевъ А. С., ученый, 391.
Гонта, сотникъ уманскій, 302.
Гордѣенко Костя, кошевой атаманъ, соучастникъ Мазепы, 178.
Горка Лаврентій, епископъ, 407.
Горленко, генеральный хорунжій, 256.
— козацкій полковн., 396.
Горынка, с., 512.
Гоффальдъ, команд. полка, 518.
Граниковъ А. Д., баккалавръ кіев. д. а., 129.
Гребенникъ Богданъ, кіевскій купецъ нач. XVII в., 101.
Грибовичъ, генер. есаулъ, 243.
Григорьевка, с., 415.
Гризелла-Констанція Корибутновна, владѣтельница Замостья въ XVII в., 33.
Гродекъ, имѣніе Потоцкаго, 224.
Громовичъ Самуилъ, настоят. замостьскаго монаст., 239.
Губальдъ, генералъ польскій, 521.
Гулакъ, черноморскихъ в. майоръ, 332.
Гуня, предвод. украинскихъ козаковъ, 430.
Гусаково, с., 373.

—

Данилевичъ, староста холмскій, подскарбій королев., 12.
Дверницкій, польскій генер., 487, 593.
Демянки, с., 246.
Денгофъ, староста быдгоскій. 517.
Діонисій Збируйскій, епископъ холм., 8.
Дивовичъ Семенъ, авт. «Разгов. Великороссіи съ Малороссіей», 137.
Димитрій Ростовскій, святитель, 573.
Дмитрашко, козацкій полковн., 396,
Долгорукій В. В, кн., предсѣдатель вольно-экономич. общества въ 50-хъ гг., 189.
— Ив., кн., 393.
Домецкій Гавріилъ, 166.
Доросевичъ М. И., учитель кіевской семин., 130.
Дорошенко Петръ, гетманъ, украин., 383, 395, 407, 556.
Дорошовка, слобода, 248.
Досеонъ, ученый, 356.
Драгомановъ М. П., бывшій профессоръ, 260.
Дубельтъ, начальн. соб. Е. В. канц., 190.
Дубоссары, г., 133.
Дѣвовка, с., 248.

—

Евгеній, митроп., 166, 489.
Евминка, с., 404.
Европеусъ, ученый лингвистъ и историкъ, 356.
Егорковъ П. Н., подъячій, 403.
Екатерина II, импер., 62.
Ефименко П., малорус. писатель, 412.

—

Жаботинъ, мѣст., 431, 564.
Жданъ-Тадрина, войтъ кіевскій, 556.
Жегота Паули, этногр., 260.
Желтухинъ, кіев. воен. губернат. конца 20-хъ г. текущ. стол., 132.
Желѣзнякъ Максимъ, предводитель гайдамакъ, 302, 532, 550.
Жидовская Гребля, с., 346.
Жоховскій, уніатскій митрополитъ, 24, 26, 199.
Жуковскій В. А., русскій писатель, 354.
Жураковскій Ирадіонъ, епископъ чернигов., 251.

Журба, предводит. гайдамац. отряда, 532, 550.

—

Забѣла Д. В., бунчуковый товарищъ, 399.
Завада Филаретъ, базиліанинъ, наст. куленчицкаго монаст., 13.
Зазирки, имѣніе Миклашевскаго, 243, 248.
Зайкевичъ А. Г., собиратель пѣсень, 430.
Замойскій, староста калусскій, 517.
— Томашъ - Іосифъ, магнатъ украин. въ XVIII в., 41.
— Янъ, коронный канцлеръ, 28, 30, 211.
Замостье, г., 28, 34, 35, 149, 199, 206, 207.
Заславскій Доминикъ, кн., воевода краковскій, 511.
Здановскій Викторинъ, новоторжскій подстароста, 507.
Зебржыдовскій Михаилъ, мечникъ коронный, 509.
Зеллеръ Антонъ, канев. полковн., 542.
Зеленая, с., имѣніе помѣщика Энгельгарта, 561.
Значко-Яворскій Мелхиседекъ, игуменъ мотренинскаго монастыря, 526.
Золотаренко, полковн., 143.
Зѣнькевичъ, украин. этнографъ, 260.

—

Ибнъ-Дастъ, арабскій путеш., 355.
Иванъ Алгидіевъ, кн., 101.
Ивашковскій, козацкій полковн., 101.
Игнатій, коломенскій архіерей, 393.
Иларіонъ, митрополитъ кіевскій, 167.
Иловайскій Д. И., русскій историкъ, 556.
Иннокентій XI, папа, 25.
Ипатій Поцѣй, уніат. епископъ владимірскій, 8.
Ирпень, р., 162, 196, 441.
Иртышъ, р., 356.
Исаковъ, генералъ-маіоръ, 321.
Исидоръ, митрополитъ спб., 344.
Искра, полтавскій полков., 396.

—

Іеремія, цареградскій патріархъ, 30.
Іерофей, архимандр., 499,
Іоакимъ, патріархъ антіохійскій, 31.
Іоаннъ, холмскій католич. еписк., 7.
Іоаннъ-Казиміръ, король польскій, 505.
Іоанникій, игуменъ онуфріевскаго монаст., 499.
Іорданъ Михаилъ, ротмистръ польскій, 508.
Іоасафъ, игуменъ, 394.
— іеромон., магистръ богословія, 108.
Іоасафатъ Кунцевичъ, 9.
Іосифовъ Кирилло, переясласкій бурмистръ конца XVIII в., 382.
Іосифъ - Вельяминъ Рутскій, основат. базиліан. ордена, 5, 9.
Іустинъ (до принятія монаш. чина—Яковъ Евд. Михайловъ)—епископъ владимірскій, 106.

—

Казановскій, каштелянъ галицкій, 515.
Калюжинцы, с. прилуцкаго у., 261.
Калиновскій Мартинъ, воевода черниговскій, 517.
Калиновичъ Варлаамъ, викарій замост. монаст., 220.
Кальнофойскій Афанасій, монахъ кіевопечер. лавры, лѣтописецъ, 166, 425, 428.
Калміусъ, р., 324.
Калнишевскій, послѣдній кошевой запорожскій, 368, 394, 411, 544.
Каменка, с., имѣніе Миклашевскаго, 246, 248.
Каменные Броды, с., 346.
Каменскій, польскій коммисаръ, 528.
Капланъ-Гирей, ханъ крымскій, 179—180.
Карашевичъ, секретарь консист., 493.
Карбовскій, комендантъ Бѣлой-Церкви, 545.
Кармелюкъ, предводитель гайдамацкаго отряда, 372.
Карпинскій, провинц. холмскій, 206.
Касаткинъ В., священ., авторъ біографіи епископа Іустина, 107.
Каторжный Иванъ, козацкій атаманъ, 422.
Каэтанъ Аксакъ, королевскій камергеръ, 46.
Килія, г., 359.
Киммеріяне—племя, жившее въ древности на мѣстѣ нынѣшней южной Россіи, 169.

Кинбурнская сторона, одно изъ мѣстъ поселенія запорожцевъ, послѣ уничтоженія Сѣчи, 335.
Кириловка, с., родина Шевченка, 560.
Кирченко Василь, атаманъ город. мошенскій, 307.
Киселевскій Гр. Ив., кіевскій войтъ, 187.
Кистяковскій А. Ѳ., проф., 186.
Кишка Самійло, козацкій герой, 425.
— Левъ, митрополитъ уніатскій, 199, 201.
Княжнинъ, кіевскій генералъ-губернат., 187.
Кобелянки, с., 346.
Кованько Петръ, сотникъ, 396.
Козелецъ, г., кіев. полка въ концѣ XVII в., 243, 376.
Козика, богатый польскій дворянинъ, 515.
Козловъ В. С., южно-русскій статист. и этнографъ, 264.
Коленда Гавріилъ, уніатскій митрополитъ, 21—23.
Конашевичъ-Сагайдачный Петръ, украинскій гетманъ, 99.
Конецпольскій, хорунж. коронный, 521.
Кошицъ о. Григорій, священ., 563.
Коновченко Иванъ, герой козацкой думы, 275.
Константинъ Багрянородный, императоръ византійскій, 557.
Корабликовъ, учитель волынской семинаріи, 110.
Корвинъ-Красовскій Василій, 167.
Корсакъ, митрополитъ, 13.
Корфъ Хр. Гр., комендантъ кр. св. Елисаветы, 310.
Корчинскій Іерофей, генер. орд. базиліанъ, 214.
Косачъ, собират. украинскихъ пѣсень, 92.
Коссовъ Сильвестръ, митроп. кіевскій, 17, 32, 152, 205.
Костка-Ордынскій, подчашій, 537.
— Александръ - Левъ, побочный сынъ кор. Владислава IV-го, 503.
Костомаровъ Н. И., историкъ, 81, 260, 368, 415, 431, 556.
Котляревскій, покойный кіевскій проф., 81.
— Петръ, отецъ украинск. поэта, 370.
Корфъ, русскій полковн., 546.
Коховскій Михаилъ, генералъ-аншефъ 331, 334.
Кохановичъ, епископъ луцкій, 241.
Кочерги, с., имѣн. Миклашевскаго, 248.
Кочубей Василій, генеральный судья, 396.
Кошовый Семенъ, кобзарь, 262.
Краковъ, г., 505.
Красинскій, графъ, маршалъ конфедераціи, 538.
Кречетниковъ, русскій генер.-майоръ, 546.
Кропивницкій М. Л., знаменитый артистъ и этнографъ украинскій, 414.
Крутые Горбы, с, 341.
Кубаль, польскій ученый, 508.
Кубань, р., 359.
Кубанка, одно изъ гирлъ Дуная, 359.
Кузалкевичъ Яковъ, польскій панъ, очевидецъ уманской рѣзни, 306.
Кулишъ П. А., украинскій писатель, 164, 264, 354, 425.
Куницкій Кириллъ, ректоръ кіевской семинаріи, 115.
Куръянцы, с., 346.
Кушниръ Данило, мліевскій титарь, 562.

—

Лабуньки, с., 226.
Лаврентій, воронежскій епископъ, 393.
Ладыженскій, архангельскій вице-губернаторъ, 401.
Ладыжинъ, м., 537.
Лазаревскій А. М., украинск. ученый, 258, 137, 197, 384.
Лебединцевъ Петръ Гавр., протоіерей, 197.
Лебединъ, с., 174.
Левицкій Іосифъ, холмскій уніатскій епископъ въ первой четверти XVIII в., 20, 40, 205.
Левчановскій В. Г., учитель кишинев. семинаріи, 113.
Левченко М., украинск. лексикографъ, 373.
Лентовскій, маршалокъ солтысовъ, 504.
Лесьневъ, м., 512.

Лермонтовъ М. Ю., русскій поэтъ, 354.
Линцевскій Гервасій, епископъ переясл., 528.
Липянка, долина, 174.
Лисенко Н. В., украинскій композиторъ, 260, 264.
Лисовскій, архіепископъ полоцкій, 214.
Лисовскій, митропол., 241.
Лодзянка Александръ-Августинъ, холмскій уніатскій епископъ, 35.
Лозовицкій Григорій, протопопъ владимірскій, 194.
Лосятинъ, с., 441.
Лукашевичъ, украин. этнографъ, 260.
Лысянка, м., 562.
Львовъ, г. въ Галиціи, 2, 241.
Лянцкоронскій Станиславъ, воев. брацлавскій, 514, 515.
Лясоцкій, волостной писарь, проповѣдникъ штундизма, 345.
Любомирскій, украинскій помѣщикъ XVIII в., 526.
— Юрій, маршалъ коронный, 509.

—

Мадерашъ Петръ, порутчикъ, 541.
Мажный Ив. Гавр., ратсгеръ кіевскаго магистрата, 187.
Мажтинцы, с., 257.
Мазепа Иванъ, гетманъ украин., 174, 178, 246, 247, 396, 407.
Макарово, м., мѣсто рожденія С. Туптало, 195.
Максимилліанъ Рылло, настоят. холмс. монастыря въ срединѣ XVIII в., 20.
Максимовичъ Дмит., генеральный ессаулъ, 397.
— А. М., украинскій ученый, 164, 523.
Малчевскій Янъ, лѣсничій староства каневскаго, 539.
Малая Березянка, с., 346.
Манвеловъ, кн., порутчикъ русской службы, 303.
Маньковскій, протоіер., 110.
Маркевичъ, украин. истор., 394.
Марковичева Анаст. Марковна, жена гетмана Скоропадскаго, 400.
Марковичъ Андрей, лубенскій полковн., 255.
— Яковъ, авторъ «Дневныхъ записокъ», 256.
Маріяновичъ, порутчикъ, 533.
Мартышкевичъ-Бусинскій, генер. орд. базиліанъ, 24.
Мартусевичъ, еписк., 493, 497.
Мартыновичъ П. Д., молодой украин. художникъ, 265.
Марьяновка, д., 439.
Медведовка, с., 431.
Межовъ В. И., ученый, 558,
Мейсенъ, маіоръ польск. службы, 538.
Мелхиседекъ Значко-Яворскій, игум. мотренинскаго монаст., 45, 46.
Мелетій, о. ректоръ кіев. д. академіи, 119.
Метлинскій, украин. этногр., 260.
Мизко Н. Д, любитель южно-русской старины, 368.
Миклашевскіе, старинная дворянская фамилія въ Украйнѣ, 243.
Миклашевскій Мих., значный в. запорож. товарищъ, 246.
— Иванъ, 250.
— Михаилъ, стародуб. полковникъ, 251.
— Андрей, бунчуковый товаришъ, 252.
— Степанъ, бунчуковый товар., 252.
Милачевскій Войтехъ, подвоевода волын., 193.
Милинкевичъ, провинц., 498.
Миллеръ Орестъ, проф., 264.
Минихъ, гр., генералъ фельдмаршалъ, 52, 43.
Михайловка, с., 449, 538.
Михальскій Дорофей, базиліан провинціалъ, 227.
Мищенко Николай, переяславскій райця, 382.
Младановичъ, губернат. г. Умани, 305, 536.
Многогрѣшный, гетм. украин., 243, 395, 407.
Могила Петръ, митрополитъ, 389,
Мокрицкій, уніатскій оффиціалъ, 527.
Моргулецъ Іосифъ, генералъ орд. базиліанъ, 214.
Мордовцевъ Д. Л., писатель, 260.
Моринцы, с., 346.
Мостище, м., 196.
Мотовиловка, сел., мѣсто погранич. суда, 49,

Мочарскій Филаретъ, игуменъ замостьскаго монаст., 205, 217, 218.
Мошны, м., 307.
Мурка, старшина козацкій, 427.
Муха, полковн., 538.

—

Небаба, козацкій полковн., сподвижникъ Б. Хмельницкаго, 34.
Неживый, гайдамацкій атаманъ, 302, 532, 545, 550.
Нерлій, кардиналъ, 25.
Нестеровскій о. Іоаннъ, священ., 563.
Нечай, претенд. на гетманскую булаву, 395.
Николаевъ, г., 374.
Нижнее, с., 246, 248.
Новицкій, губернат. каневскій, 544.
— И. П., литераторъ, 86.
— протоіерей, 489.
Ново-Воронцовка, с., 374.
Новогрудекъ, м., 10, 11.
Новомосковскъ, г., 172.
Новые Безрадичи, с., 432.
Новый Быковъ, с., 376.

—

Обь, р., 356.
Овручимскій Павелъ, епископъ самборскій, 17.
Огилевичъ Пахомій, провинціалъ базиліанскій, 22, 23.
Одорскій Гедеонъ, архимандр. батур. монаст., 398.
Оджывольскій Янъ, каштелянъ черниговскій, 517.
Окольскій Шимонъ, ксендзъ, авт. мемуаровъ, 426.
Олсуфьевъ, членъ коллегіи, 160.
Ольшана, м., 527, 560.
Ольшанка, с., 441.
Онисимовъ Ѳедоръ, канцеляристъ, 321.
Орель, р., 374.
Орликъ, секретарь Мазепы, 179, 180, 407.
Орловъ А. Е., баккалавръ кіев. академіи, 122.
Оссолинскій Юрій, староста люблин. 515.
Остранинъ, предводитель украин. козаковъ, 430, 426.
Остроградскій, козацкій полковн., 160.
Островскій Іосифъ, региментарь, 56.

—

Павелъ Унвальфи, венгерскій историкъ и этнографъ, 355.
Павлюкъ, предводитель украин. козаковъ, 429.
Пакоста Афанасій, холмскій уніатскій епископъ, 13.
Паліевка, с., 248.
Паліево Озеро, м., 303.
Палій Семенъ, украин. дѣятель конца XVII и нач. XVIII в., 366.
Пановъ В. С., полковникъ русскій, 49, 332.
Паскевичъ Григорій, полтавскій бургомистръ, дѣдъ Паскевича фельдмаршала, 370.
Патока З. П., лубенскій полковой писарь, 405.
Перемышль, въ XVII в. мѣстечко, 508.
Переяславль, г., 379.
Перовскій, гр., начальн. Ново-Петровскаго укр., 351.
Петрикъ, канцеляристъ Мазепы, 399.
Петръ Кармелитъ, монахъ ордена босоногихъ, 9.
Пиво, польскій полковн., 383.
Плетенецкій Елисей, архимандр. кіево-печерскій, 167.
Плоское, с., 345, 346.
Пляшевая, р., 519.
Погребы, с., 443.
Подвысоцкій, вице-губернаторъ архангельскій, 392.
Подгородецкій, мошенскій губернаторъ, 307.
Подпольная, р., 178.
Покотило Яковъ, сердюцкій полковн., 397.
Поль, знатокъ украин. старины, 302.
Пологи, с., 439.
Полонскій Я., поэтъ русскій, 351.
Полоцкій Семеонъ, ученый украинецъ XVII в., 167.
Полуботокъ Леонтій, переяславльскій полковн., 253.
Полянскій, русскій полковн., 44.
Понуровка, с., 248.
Поповъ В. С., секретарь князя Потемкина, 336, 322.
Попружна, с., 346.
Постилькевичъ, казначей почаевской лавры, 493.
Потебня, проф., 451.

Потемкинъ-Таврическій Г. А., вельможа екатеринин. времени, 560.
— учитель волынск. семинаріи, 110.
Потоцкій гр., начальникъ уманскаго гарниз., 536.
— Николай, гетманъ коронный, 521, 512.
— Станиславъ, воевода подольскій, 514.
— Николай, староста каневск., 495.
Похилевичъ Л., авторъ книги: «Сказ. о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губ.», 437.
Поцѣй Ипатій, епископъ владиміро-волынскій, 167.
Превлоцкій, шляхтичъ, живопис., 564.
Пржыемскій Сигизмундъ, польскій генералъ артиллеріи, 518.
Приваловка, слободка, принадлежавшая М. Миклашевскому, 246.
Припеть, р., 375.
Прозоровскій, кн., 62, 322.
Прокоповичъ Ѳеофанъ, архіеп., ученый украин. XVIII в., 251.
Протасьевъ, полковн. русскій, 531.
Протопоповъ Афанасій, магистръ дух. академіи, 110.
Пстроконскій Станиславъ, епископъ холмскій, 17.
Пузына Афанасій, епископъ луцкій и острожскій, 166.
Пулавскій, маршалъ, 536.
Путивлецъ, начальникъ козачьяго отряда, 427.
Пушкарь, полковн. полтавскій, 395.
Пушкинъ А. С., поэтъ русскій, 354, 425.
Пушновъ Ав. И., баккалавръ кіев. дух. академіи, 122.
Пшунка, польскій шляхтичъ, современ. Б. Хмельницкаго, 175.

—

Раде, русскій порутчикъ, 536.
Редецкій Мартинъ, школьный учитель, полякъ-революціонеръ XVII в., 505.
Радишевскій Францишекъ, польск. шляхтичъ, 533.
Радзивиллъ Богуславъ, начальн. полка, 518.
Разумница, с., 346.
Разумовскій Кирилло, послѣдн. гетманъ украинскій, 160, 410.
— Алексѣй, президентъ академіи наукъ, 161.
Рафальскій, протоіерей, 489.
Рахубовскій М. И., помѣщикъ, 377.
Рева И. М., писатель, 297.
Ревякинъ П. И., записыватель украин. народ. пѣсень, 86, 88. 420.
Репнинъ, кн., русскій посолъ при варш. дворѣ, 45, 529.
Ржевусскій Пелагій, настоятель замостьскаго монаст., 239.
Робота Иванъ, глуховскій канцеляристъ въ срединѣ XVIII в., 181.
Рогашевскій, подскарбій, 305.
Рогачевскій о. Иванъ, протоіер., 403.
Роговичъ А. С., покойн. проф., 375.
Рожмантъ, капитанъ, 291.
Романково, урочище, 311.
Романовскій Стефанъ, архіерей волынскій, 116.
— Иванъ Петровичъ, полковникъ, 188.
Рославецъ, козацкій полковн., 396.
Ротомскій, воевода сендомирскій, 100.
Рубанъ, писатель XVIII в., 100, 252, 374.
Рудковка, с., 404.
Рудченко И. Я., писат., 367, 413.
Руденко, екатериносл. предв. дворянства 331.
Румянцевъ П. А., графъ, правитель Украйны, 178, 249, 255, 318, 321, 380, 532.
Руссовъ А. А., украинскій этнографъ и статистикъ, 260.
Рутъ, р., 445.
Рутскій, уніатскій митрополитъ, 25.
Руховъ, с., 248.
Рѣпка, предводитель отряда украинск. козаковъ, 427.
Рѣпки, с., 346.
Рыжановка, с., 346.

—

Савва Туптало, кіев. сотникъ XVIII в., 382—384.

Садковскій Викторъ, епископъ, 468.
Салтыковъ Н. И., графъ, 334.
Самбекъ Филостервъ, монахъ, 529.
Самойловичъ, гетманъ, 244, 253, 399, 407.
— Семенъ, сынъ гетмана, 247.
— Яковъ, сынъ гетм., 247.
Самусь, гетманъ, 44.
Сангушко, украин. помѣщикъ XVIII в., 526.
Сапѣга Янъ, обозный литовскій, 515.
Свѣчка Леонтій Назаровичъ, есаулъ лубенскаго полка, 253.
— Иванъ, старшій сынъ, 255.
— Лукьянъ, второй сынъ, 255.
Святайло Иванъ, священникъ, донесшій, вмѣстѣ съ Кочубеемъ и др., на Мазепу, 396.
Святополкъ Изяславичъ, князь, 362.
Северинъ Перехрестъ, козацкій есаулъ, 101.
Селява Антоній, митроп., 14, 21, 22, 23.
Серапіонъ, митрополитъ кіев. (1803—1822 г.), 122.
Снигиревичъ, протоіерей, 119.
Сигизмундъ I-й, король польскій, 7, 11, 163.
— III, кор. польскій, 8, 11, 13, 440.
Симашко Іосифъ, митроп., 241.
Сирко, кошев., атам., 385, 427.
Скальковскій А., украинскій историкъ, 180.
Скибинскій Григ. Ал., докторъ философіи, 167.
Скибинцы, с., 346.
Скивскій, архим., 489, 490, 494, 497.
Скоробогатый Омельянъ, кіев. купецъ нач. XVIII в., 101.
Скоропадскій, гетманъ, 248, 401.
Смогоржевскій, митроп., 213.
Смоленскъ г., 101.
Снятичи, имѣніе кіевскаго ловчаго Стефана Терлецкаго, 211.
Собесскій Маркъ, красноставскій староста, 515.
— Янъ, староста яворонскій, 515.
Сокиринцы, с., имѣніе Г. П. Галагана, 263.
Соколовка, д., 441.
Соколовскій Павелъ, деканъ замостьскій, 206.
Соловьевъ С. М., русскій истор., 164, 297.
— Евгеній, баккалавръ кіевской д. академіи, 116, 135.
Соломонъ, чернецъ, первый доноситель на гетмана Мазепу, 396.
Солонина Константинъ, козацкій кіев. полковн., 243.
Солтанъ Іосифъ, кіев. митроп. нач. XVI в., 11.
Солнцевъ, академикъ, 388.
Сошенко И. М., художникъ, 564.
Средняя Слобода, с., 439.
Срезневскій, акад., этнографъ, 260.
Ставровъ Пл. Ив., баккалавръ кіев. д. акад., 114.
Стадницкій Янъ-Адамъ, подкоморій соноцкій, 515.
Станиславскій, хорунжій галицкій, 515.
Станиславъ Лещинскій, король польскій, 44.
Станкевичъ, кап. рус. службы, 321.
Стародубъ, г., 101.
Стародубовскій, экклезіархъ, 495, 496.
Стефанъ Баторій, король польскій, 8, 163.
Стояновъ А., 96, 362, 413, 431.
Страховскій Варлаамъ, игуменъ выдубецкаго монаст. въ нач. XVIII в., 174.
Строевъ П. М., академ., 164.
Стрыйковскій, историкъ польск., 98.
Стугна, р., 362, 441.
Стырь, р., 508.
Судіенко, издатель кн. «Матеріалы для отеч. ист.», 405.
Сулима, предвод. войска запорож., 428.
Сульжинскій Лука, базиліанинъ, 213.
Супрасль, м., 23.
Сухина, козацкій атаманъ, 304, 319.
Суша Яковъ, уніатскій списк. XVII в., 6, 9, 17, 25, 35, 199, 218.

—

Тамань, мѣсто поселенія запорожцевъ, 335.
Танскій, козац. полковн., 44.
Тарновскій В. В., любитель и собиратель малорус. древностей, 382.

Тарасовка, с., имѣніе помѣщ. Энгельгарта, 561.
Тараща, г., 346.
Тараща, с., 564.
Терехтемировъ, мѣст., 431.
Терлецкій Стефанъ, кіев. ловчій, 211.
— Меѳодій, холмскій уніатскій епископъ, 13, 14, 17.
Темберщина, с , 400.
Тепловъ Григорій, авт. Зап. о непор. въ Малор., 161, 251.
Тепловка, м., 258.
Тетеревъ, р., 375.
Тетеря, козац. полковн., 395.
Тимофѣевъ Димитрій, переясл. бурм., 382.
Тиновка, с., 346.
Товмачъ, р , 174.
Топиловка, с., 346.
Торкинъ, с., 432.
Торческъ, древній городъ, 362.
Транквиліонъ Кириллъ, древній писат., 241.
Триполье, с., 432, 442.
Троепольскій Ксенофонтъ, архіеписк. подольскій, 123.
Трубецкой Дм. Тим., кн., 102, 104.
— кіевскій воевода XVIII в., 383.
Трюшъ Хведоръ, украинскій кобзарь, 262.
Тугай-бей, татарскій мурза, 515.
Тульчинъ, м., 538.
Туптало Савва Григ., сподвижникъ Б. Хмельницкаго, 195.
Тупталовна Параскевія, дочь С. Туптало, 383.
Турбаи (нынѣ Трубаи), село хорольскаго у. полт. г., 172.
Тургеневъ И. С., знаменитый русскій беллетристъ, 351.
Туруханскъ, г., 368.
Тынецъ, монастырь, 504.

—

Уралъ, р., 356.
Урбанъ, папа, 26.
Уласенко, сотникъ уманскій, 304.
Умань, г., 133.
Унава, р., 440.

—

Федоровъ Григорій, кошевой атаманъ, 369.
Филаретъ, епископъ, авторъ «Обзора исторіи русск. лит.», 165, 398.
Флавіанъ, архимандр., 489.

—

Халничъ, свящ., 291.
Халчевскій, оберъ-провіантмейст., 331.
Ханеневъ Федоръ, донс. атаманъ, 426.
Харько, старшина запор., 326, 527.
Хвилонъ, корсунскій полковн., 273.
Херсонъ, г., 179.
Хлѣбниковъ Г. Ѳ., ученый, 113.
Хмель Стефанъ, кіевскій купецъ начала XVII в , 101.
Хмельницкій Богданъ, гетманъ украинскій, 34, 143—144, 162, 174, 324, 395, 509,
— Юрій, гетманъ, 395.
Хмельникцая Ѳеодосья Кондратьевна, инокиня кіево-печерскаго дѣвичьяго монаст., 174.
Хойновскій, польскій шляхт. XVIII в., 524.
Холмъ, г., 218.
Хорватъ, подполковн. русской службы, 309, 315.
Хоткевичъ Янъ-Карулъ, гетманъ лит., 102.

—

Цертелевъ, кн., украин. этнографъ, 260.
Цибульскій Яковъ, херсонс. однодворецъ, первый проповѣдникъ штундизма въ кіев. губ., 345

—

Чалый М. К., ученый, 349, 360.
Чаплинка, с , 345, 345.
Чарторійскій, кн., канцлеръ литовскій, 49.
Чепега З. А., бригадиръ, 326, 333, 335.
Черкасы, г., 347.
Чернобыль, м., 347.
Чернецкій Мартинъ, 509.
Чертковъ, губернат. азовской провин., 325, 316.
Чертомлыкъ (нынѣ с. Капуловка, екатеринославской губ. и уѣзда), 178.
Чернявка, р., 439.
Чигринъ, г., 556.
Чижовка, с., 346.
Чистовичъ И., ученый, 552.

Чорба, полковн. русской службы, 304, 306, 531, 546.
Чорштынъ, названіе замка на венгерской границѣ, 503.
Чубинскій П. П., писатель, этнографъ, 264, 411.
Чучмакъ, р., 256.

—

Шавурскій, ксендзъ, 498.
Шаргородъ, имѣніе Любомирскихъ, 44.
Шафировъ Петръ, баронъ, русскій вельможа временъ Петра I-го, 406.
Шафранъ Алексѣй, 425.
Шайкевичъ, галицкій ученый, 260.
Шварцъ М. Е., начальникъ округа южныхъ военныхъ поселеній, 374.
Швачка, предводит. гайдамацкаго отряда, 532, 550,
Швейковская Анна Владиміровна, вторая жена полковника Миклашевскаго, 252.
Швейковскій К., ученый, 556.
Шевченко Тар. Григ., знамен. поэтъ украинскій, 264, 349, 371—373, 560.
— Варфоломей Григ., названный братъ поэта, 565.
Шептицкій Афанасій, уніатскій митрополитъ, 201, 203.
Шлюбичъ-Заленскій, Левъ, митр., 37.
Шмилевскій, ксендзъ, 240.
Шубины Ставы, с., 346.
Шумборскій Фелиціанъ, провин., 232.
Шутъ Андрій, кобзарь, 262.

—

Щавинскій Симонъ, воевода брестскій, 517.
Щебальскій, писатель, 46.
Щербатовъ Семенъ, кн., 393.

—

Эмаусскій Ѳедоръ, учит. кіев. семинаріи, 111.
Энгельгартъ В. В., племянникъ кн. Григор. Потемкина, богатый украин. землевладѣлецъ, 560.
— П. В., полковн. гвардіи, 561.
Эренбургъ М. И., баронъ, 197.
Эстуль, р. въ Венгріи, 357.

—

Яблоновка, с., 346.
Яблоновскій, украин. помѣщикъ XVIII в., 526.
— Янъ-Каэтанъ, чигиринс. староста, 175.
Яблочная, д., 488.
Яворскій Стефанъ, рязанскій митроп., 397.
Ягубецъ, с., 537.
Яковлевъ Германъ, намѣстн. сійскаго монаст., 408.
— жандармскій полковн., 489.
Якутскъ, г., 407.
Ялка, р., 356.
Яневъ, м., 538.
Янъ Мелешекъ, основатель жировицк. монаст., въ 1613 г., 10.
— Собесскій, гетм. коронный, 383.
Яновскій Гавріилъ, архимандритъ нефорощанскаго полт. монастыря въ XVIII в., 184.
Ярославъ Мудрый, кіевскій кн., 387.
Ясинскій Варлаамъ, митроп. кіевскій, 166.
Яссы, г., 336.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ III. 1882 г.

Іюль.

стр.

I. ЗАБЫТЫЯ ИНОЧЕСКІЯ ОБИТЕЛИ (монастыри холмскій и замостьскій въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества). **Н. Петрова.** . 1

II. ИЗЪ ИСТОРІИ МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ПОЛЬШИ И РОССІИ. **И. Каманина.** 42

III. КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ Д. Г. БИБИКОВА 61

IV. ЮЖНО-РУССКАЯ ПѢСНЯ О СОБЫТІИ XI ВѢКА. **А. Стоянова** . 81

V. ЗАПИСКИ КІЕВСКАГО МѢЩАНИНА БОЖКА БАЛЫКИ О МОСКОВСКОЙ ОСАДѢ 1612 ГОДА (изъ лѣтописнаго сборника Ильи Кощаковскаго). **В. А.** 97

VI. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ. Письма Якова Евдокимовича Михайлова (впослѣдствіи Іустина, епископа владимірскаго) къ А. И. Бѣлюгову 106

VII. ДОПОЛНЕНІЕ «РАЗГОВОРА ВЕЛИКОРОССІИ СЪ МАЛОРОССІЕЙ» . 137

VIII. ДОКУМЕНТЫ БРАТСТВА ПРИ ЦЕРКВИ СВ. НИКОЛАЯ ВЪ Г. ЗАМОСТЬѢ 149

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать пятая. М., 1882.—б) Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы П. М. Строева.—в) Ernst Bonnel. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 nach. Chr. hauptsächlich aus der Berichten der griechischen und latenischen Schriftsteller. Erster Band. St. Petersburg, 1882.—г) Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, выпускъ 2-й. Издалъ А. Андреевскій 160

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Пасѣка гетмана Богдана Хмельницкаго.—б) Къ ис-

стр.

торіи Запорожья.—в) Къ исторіи вѣрованія о продажѣ души чорту.—г) Послѣдняя самозащита Кіева.—д) Невольное переселеніе и тоска по родинѣ, какъ подозрительное чувство.—е) Рѣдкая древняя надпись.—ж) Необычная застава.—з) Къ портрету Саввы Григорьевича Туптала. 174
ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ Саввы Туптала.

Августъ.

I. ЗАБЫТЫЯ ИНОЧЕСКІЯ ОБИТЕЛИ (монастыри холмскій и замостьскій въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества). *Оконч.*—**Н. Петрова.** 199
II. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. 3., Миклашевскіе . . . 243
4., Свѣчки.—**Ал. Лазаревскаго** . 253
III. КОБЗАРЬ ОСТАПЪ ВЕРЕСАЙ, его пѣсни и думы. **К. Ф. У. О.** . 259
IV. О МУЗЫКѢ ДУМЪ И ПѢСЕНЬ ОСТАПА ВЕРЕСАЯ. **А. К—скаго** . 283
V. ИЗЪ ПРАКТИКИ СТАРЫХЪ СУДОВЪ 288
VI. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ КОЛИВЩИНЫ или РѢЗНИ 1768 г. **Н. Костомарова** 297
VII. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ Б. ЗАПОРОЖЬЯ 322
VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятная книжка кіевской епархіи. Составили А. В—новъ и свящ. В. Антоновъ. Кіевъ. 1882.—б) Жизнь и произведенія Тараса Шевченка (сводъ матеріаловъ для его біографіи), съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалый. Кіевъ. 1882.—в) Die Ungern oder Magyaren. Paul. Hunvalfy. Vien und Teschen. 1881.—г) Посадъ Вилковъ. Историко-статистическій и бытовой очеркъ. Составилъ Георгій Бахталовскій. Кишиневъ. 1881 г. 340
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ XI вѣка?—б) Послѣдній писарь войска запорожскаго Глоба.—в) Взглядъ народа на Шевченка.—г) Исчезнувшія и исчезающія въ южной Россіи животныя.—г) Состояніе полиціи въ малороссійскихъ городахъ XVIII в.—д) Документальныя свѣдѣнія о Саввѣ Тупталѣ и его родѣ.—е) Курта. (Пѣсня-былина)—ж) Возстановленіе древней паперти кіево-софійскаго собора. 362

Сентябрь.

I. ССЫЛЬНЫЕ МАЛОРОССІЯНЕ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ (1708—1802) г. **П. Ефименка** 391
II. ЕЩЕ ПО ПОВОДУ НАРОДНОЙ ПѢСНИ: О ВЗЯТІИ ТОРЧЕСКА, ИЛИ-ЖЕ АЗОВА. **Ив. Новицкаго** 413

стр.

III. ПЕРЕНЕТОВСКОЕ ПОЛЕ. (Розысканіе въ области лѣтописной топографіи, съ приложеніемъ карты). **М. Андріевскаго** . . . 43[illegible]

IV. УКРАИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ (по воспоминаніямъ дѣтства) 457

V. ДВА ДОКУМЕНТА ПО ДѢЛУ ПЕРЕДАЧИ ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЫ ИЗЪ ВѢДѢНІЯ УНІАТОВЪ ВЪ ВѢДОМСТВО ПРАВОСЛАВНОЕ . . 486

VI. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. Перев. **В. А.** (*Продолженіе*). 503

VII. ПЕРЕПИСКА ГР. П. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1768 ГОДА 523

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть первая. Спб. 1882 г. Стр. 1—220.—б) Акты относящіяся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографическою коммисіею. Томъ двѣнадцатый. С.-Петербургъ. 1882 г. —в) Разысканія о началѣ Руси, Д. Иловайскаго, изданіе второе исправленное и дополненное, съ присоединеніемъ вопроса о гуннахъ. Москва, 1882.—г) Русская историческая библіографія за 1865—1867 г. включительно. В. И. Межова. Т. I и II. С.-Петербургъ. 1882.— 552

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Тарасъ Григорьевичъ Шевченко (нѣкоторыя дополненія и поправки къ его біографіи).—б) Дополненіе къ пасхальной виршѣ.—в) Мнимо-найденный дневникъ святителя Димитрія Ростовскаго.—г) Предостереженіе Д. Г. Бибикова одному изъ русскихъ помѣщиковъ кіевской губерніи.—д) Старинные малороссійскіе портреты.—е) Задунайскія народныя преданія: I) Про Палія та Мазепу: II) Про Антона Головатого, Онопрія Шпака и царицю Катерину.—ж) Коліивщина въ пѣсняхъ 560

X. АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ III томѣ «Кіевской Старины», 1882 г.

ПРОГРАММА

ЖУРНАЛА

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особенно цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозные, правовые и т. п., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и заграницею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Къ изданію отъ времени до времени прилагаются портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа и снимки со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“, по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. Б., Багалѣй Д. И., Барсуковъ А. П., Будановъ М. Ф., Бѣлозерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Воронинъ А. Ѳ., Галаганъ Г. П., Ганицкій М. А., Головацкій Я. Ѳ., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Горленко В. П., Дашкевичъ Н. П., Ефименко П. С., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. Ѳ., Костомаровъ Н. И., Каманинъ И. М., Крыжановскій Е. М., Кондратовичъ Ѳ. К., Лазаревскій А. М., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій И. С., Левицкій О. И., Лѣсковъ Н. С., Малышевскій И. И., Мацѣевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Науменко В. П., Новицкій И. П., Петровъ Н. И., Пономаревъ С. И., Потебня А. А., Праховъ А. В., Скальковскій А. А., Смоктій А. И., Терновскій Ф. А., Шимановъ А. Л., Щербина Ѳ., Ханенко А. И., Чалый М. К. и другіе.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

выходитъ ежемѣсячно книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ, общее-же годовое изданіе составляютъ три тома, не менѣе 50-ти печатныхъ листовъ въ каждомъ. Приложенія даются въ неопредѣленные сроки. Въ изданіи дается мѣсто переводнымъ и оригинальнымъ статьямъ историко-беллетристическаго содержанія.

Подписная цѣна годовому изданію въ 12 книгъ, съ приложеніями, 8 руб. 50 коп. на мѣстѣ, съ доставкою же на домъ и пересылкою 10 руб.

☞ Подписка принимается: въ редакціи журнала и конторѣ оной, *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой;* въ отдѣленіяхъ конторы — при книжномъ магазинѣ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, а также въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ Петербургѣ и Москвѣ: Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и другихъ; гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію журнала **„Кіевская Старина“**.

Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 г. высылается по той-же цѣнѣ 10 р. с. съ приложеніями и пересылкою.

При перемѣнѣ адреса иногороднаго на городской или городскаго на иногородный уплачивается **пятьдесятъ копѣекъ**; при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же доставляется въ редакцію **четыре семикопѣечныя марки**.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевская Старина“ принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, на малорусскомъ языкѣ, газету „ДѢЛО“. Съ 1-го января 1883 г. газета выходитъ три раза въ недѣлю. Цѣна съ перес. безъ приложеній—12 р., съ приложеніями—16 р. въ годъ. Подписавшіеся въ этомъ году, приплачивая еще 2 р., получатъ 26 печат. листовъ начатой въ 1882 г. повѣсти: «Трудъ и деньги».

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

октябрь.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Октябрь, 1882 г.

I. МАЛОРУССКІЙ ВЕРТЕПЪ. **Гр. П. Галагана**, съ предисловіемъ **П. И. Житецнаго** 1

II. УКРАИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ (по воспоминаніямъ дѣтства) **N**. *(Продолженіе)* . . 39

III. ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО, по воспоминаніямъ разныхъ лицъ. (1831—1861 г.). **Н. Бѣлозерскаго** 66

IV. ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ Н. Д. ИВАНИШЕВА (бывшаго вице-предсѣдателя кіевской археографической коммисія, ректора и профессора кіевскаго университета). **О. Л.** 78

V. ПЕРЕПИСКА ГР. П. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1768 ГОДА. *(Продолженіе)* 89

VI. РѢЧЬ «О ПОПРАВЛЕНІИ СОСТОЯНІЯ» МАЛОРОССІИ 119

VII. ДВА ДОКУМЕНТА О СОСТОЯНІИ МАЛОРОССІЙСКАГО КОЗАЧЕСТВА ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII СТ. 126

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сагайдачный, историческая повѣсть. Д. Мордовцева. С.-Петербургъ. 1882 г.—б) Polàci a Rusìni. Sepsal prof. Josef Perwolf.—в) D-r Antoni I... Z przeszłości Polesia kijowskiego. Warszawa, 1882.—г) Тарановскій. Топографическо-статистическіе матеріалы юго-западнаго края. К. 1882. 134

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Къ исторіи Запорожья.—б) Отецъ Аполлоній Сендульскій, священникъ села Сивокъ острожскаго уѣзда.—в) Двѣ записки св. Димитрія Ростовскаго о пріемѣ и сдачѣ имъ елецкаго черниговскаго монастыря.—г) Старинные малороссійскіе портреты.—д) О днѣ смерти князя Василія-Константина Константиновича Острожскаго.—е) Украинскій Геліосъ.—ж) Св. муро въ старину и какіе съ нимъ случаи бывали.—з) Кармелюкъ 159

ОБЪЯВЛЕНІЕ объ изданіи въ 1883 г. журнала «Кіевская Старина».

ПРИЛОЖЕНІЕ: нотная часть вертепной драмы и рисунокъ вертепнаго ящика.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“. Новые подписчики получаютъ журналъ за весь годъ, начиная съ 1-го номера. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софіевская площадь, д. Севастьяновой, противъ памятника Хмельницкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

ОКТЯБРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

МАЛОРУССКІЙ ВЕРТЕПЪ *).

Предварительныя замѣчанія.

Вертепная южно-русская драма издана была еще покойнымъ Н. А. Маркевичемъ [1]) въ книгѣ, которая въ настоящее время вышла изъ продажи, поэтому для читателей „Кіевской Старины" статья Г. П. Галагана, въ живомъ очеркѣ возстановляющая своеобразныя сцены южно-русскаго вертепа, представляетъ особенный интересъ. Она написана по его сокиринскому списку, представляющему нѣкоторыя отклоненія отъ варіанта, изданнаго Маркевичемъ. Спеціалисты не затруднятся отмѣтить особенности сокиринскаго текста, но ради этихъ особенностей не было надобности въ изданіи самаго текста, довольно близкаго къ напечатанному Маркевичемъ. Гораздо важнѣе объясненіе сценическихъ подробностей, относящихся къ вертепу, и воспроизведеніе самыхъ сценъ вертепа подъ живымъ впечатлѣніемъ идей, составлявшихъ содержаніе старинной нашей

*) Рукопись 1875 г.—Мы глубоко признательны достоуважаемому Гр. П. Галагану за дозволеніе ознакомить нашихъ читателей съ интереснѣйшимъ содержаніемъ его рукописи, особливо-же за доставленіе намъ возможности впервые дать читающей публикѣ нотную часть вертепной драмы, драгоцѣнную по ея древнимъ, истинно народнымъ мотивамъ, равно изящный рисунокъ вертепнаго ящика, который можетъ дать наглядное представленіе о способѣ вертепнаго дѣйствія, долгое время поучавшаго и увеселявшаго нашихъ предковъ. Любовь къ родной древности въ этомъ именитомъ родѣ, въ теченіе цѣлаго столѣтія сохранявшая драгоцѣнное наслѣдіе сѣдой древности не въ пылп архивной, не въ сонномъ забвеніи, но въ ежегодно возобновлявшемся живомъ дѣйствіи, достойная глубокаго уваженія и самыхъ искреннихъ симпатій. Огромный хоръ, прекрасный оркестръ, богатая обстановка сокиринскихъ владѣтелей сообщали воспроизведенію простодушной старины торжественность и великолѣпіе, достойныя его священнаго содержанія и истинно-народнаго значенія.—Ред.

[1]) Обычаи, повѣрья, пѣсни и напитки малороссіянъ. Кіевъ. 1860 г.

жизни. Чтобы дать читателямъ наглядное представленіе о вертепной драмѣ, къ статьѣ прилагаются 24 музыкальныхъ напѣва, которые сообщаютъ сценамъ вертепа истинно народную физіономію, а также рисунокъ вертепнаго ящика. Съ своей стороны я, по вызову автора, представляю нѣсколько соображеній объ отношеніи южно-русскаго вертепа къ другимъ типамъ драматическихъ представленій, занимавшихъ видное мѣсто въ культурной исторіи нашего края.

Вертепная драма ведетъ свое начало изъ театра маріонетокъ [1]).

Въ западной Европѣ театръ маріонетокъ существовалъ независимо и рядомъ съ мистеріями. Но, по мѣрѣ развитія мистерій, онъ становился достояніемъ народной массы, пониманію которой болѣе доступны были дѣйствія куколъ, чѣмъ богословскіе трактаты, драматизированные въ мистеріяхъ, особенно если взять въ разсчетъ, что дѣйствія куколъ, производимыя скрытыми двигателями, сопровождались не однимъ пересказомъ евангельской исторіи Рождества и Воскресенія Христова, но и народными рѣчами, анекдотами изъ народной жизни, юмористическими замѣчаніями о текущихъ явленіяхъ жизни и т. п.

Такъ было въ католическихъ странахъ Европы и въ католической Польшѣ, такъ было и у насъ на югѣ Россіи.

Что появилось у насъ раньше, мистеріи или вертепная драма, сказать трудно. Первое извѣстіе о вертепѣ относится къ концу XVI в. Изопольскій видѣлъ въ Ставищахъ древнѣйшій экземпляръ вертепа съ отмѣткой 1591 года [2]). Безъ сомнѣнія, и въ это болѣе отдаленное время вертепныя сцены стояли въ связи съ школьными мистеріями соотвѣтствующаго содержанія, но позднѣйшій типъ школьной мистеріи, который появился у насъ въ XVIII в., еще не положилъ на вертепную драму своего непосредственнаго вліянія.

Извѣстно, что реформа Лютера произвела своего рода кризисъ въ исторіи средневѣковой драмы. Лютеръ воспользовался ею для пропаганды своихъ идей. Онъ считалъ ее прекраснымъ педагоги-

---

[1]) Marionette — уменьшительное имя пр. Дѣвы Маріи, отсюда маріонетки — не большія статуи или, лучше сказать, куклы, которыя изображали Богоматерь.

[2]) Athenaeum. Крашевскаго. 1843 г. Odział 3.

ческимъ пособіемъ для воспитанія будущихъ проповѣдниковъ въ духовныхъ школахъ и академіяхъ. Такимъ образомъ, сдѣлавшись орудіемъ постороннихъ цѣлей, оторвавшись отъ народной почвы, духовная драма не могла дальше развиваться. Въ свою очередь и католики внесли тенденціозныя драмы въ свои школы. Таковъ послѣдній періодъ существованія мистеріи въ Европѣ,—послѣдній видъ ея, который носитъ названіе школьной или учебной драмы. Составленіе подобныхъ драмъ вмѣнялось обыкновенно въ обязанность учителю поэзіи, поэтому школьное начало въ видѣ тѣхъ или другихъ господствующихъ воззрѣній на поэтическое искусство проникало въ самое существо драмы. Форма ея начала замѣтнымъ образомъ отдаляться отъ древняго типа, а подъ вліяніемъ возрожденія вкуса къ классическимъ образцамъ, духовная драма сдѣлалась слабымъ снимкомъ съ древней трагедіи. Отсюда прологъ, иногда даже антипрологъ, раздѣленіе на акты съ опредѣленнымъ числомъ сценъ, и притомъ въ сопровожденіи музыки, которою завершался каждый актъ, отсюда миѳологическія имена боговъ для аллегорическаго изображенія отвлеченныхъ идей, иногда-же эти идеи являлись въ чистомъ видѣ, не прикрытыя миѳологической одеждой: таковы, напримѣръ, дѣйствующія лица подъ разными названіями: истина, любовь, радость, плачь, жизнь, смерть и проч.

Наша вертепная драма непосредственно примыкаетъ къ типу школьной драмы, но ее нужно отличать отъ католическаго вертепа.

Въ первой части нашей вертепной драмы нѣтъ тѣхъ игривыхъ подробностей, которыми сопровождалось иногда вертепное изображеніе Ирода въ католическихъ приходахъ. Согласно съ евангельской исторіей, иногда представляли Ирода поклонникомъ женской красоты въ лицѣ Иродіады; по ея внушенію Иродъ приказываетъ отрубить голову Іоанну Крестителю, за что смерть отсѣкаетъ ему самому голову. Умирая Иродъ восклицаетъ: „отъ-се-жъ мені лихо! Якъ-би я знавъ, що всему причиною дівчата, то-бъ не танцювавъ и не жартовавъ: карае за нихъ небесный царь“ [1]). Иногда въ вертепныхъ сценахъ Иродъ являлся въ сопровожденіи жида, совѣтника на всякое злое дѣло, по наущенію котораго Иродъ вы-

[1]) Тихонравовъ. Начало рус. театра. Лѣтоп. рус. литературы. кн. 5-я стр. 23.

сказываетъ угрозу погубить чуть не весь свѣтъ, за что смерть прекращаетъ жизнь изступленнаго царя [1]). Тутъ уже иной мотивъ появленія смерти—демоническая натура самаго Ирода, обставленнаго совѣтниками, ненавистными народу, врагами народнаго блага.

Въ нашей вертепной драмѣ смерть есть мстительница за избіеніе младенцевъ. Всѣ элементы шутливые, простонародные отодвинуты ко 2-му дѣйствію. Въ 1-мъ дѣйствіи нѣтъ ни жида, ни трагикомической погибели Ирода за дівчатъ. Трагическіе моменты дѣйствія отдѣлены отъ комическихъ, при чемъ послѣднія очень слабо связаны съ первыми. Простонародныя сцены представляютъ рядъ веселыхъ интерлюдій, но они поставлены совсѣмъ не такъ, какъ въ старинной мистеріи, т. е. не въ видѣ „междудѣйствій", на которыхъ отдыхалъ зритель, утомленный продолжительнымъ созерцаніемъ важныхъ событій, составлявшихъ обычное содержаніе мистерій.

Въ общемъ расположеніи драматическаго матеріала большое сходство съ нашей вертепной драмой представляетъ „Комическое дѣйствіе" на Рождество Христово Митрофана Довгалевскаго, учителя піитики въ кіевской академіи (1736—1737 г.) [2]). Довгалевскій въ своей піитикѣ, сообразно съ требованіями псевдоклассической теоріи, отдѣляетъ трагедію отъ комедіи и въ послѣдней предлагаетъ выводить на сцену лица низкія, какъ-то: литвина, цыгана, еврея, поляка, козака и т. п. Всѣ эти лица должны выражаться слогомъ простымъ, деревенскимъ, мужицкимъ. „Комическое дѣйствіе" на Рождество Христово есть ничто иное, какъ литературный образецъ, написанный для поясненія теоріи. Въ противоположность католическому типу Вертепа, о которомъ мы говорили выше, въ 1-мъ дѣйствіи драмы Довгалевскаго Иродъ поставленъ внѣ бытовыхъ условій живой, народной дѣйствительности,—за то во 2-мъ дѣйствіи объ Иродѣ нѣтъ ни слова, а рѣчь идетъ исключительно о лицахъ низкихъ—о козакахъ, о полякахъ, о евреяхъ и ксендзахъ.

Собственно говоря, содержаніе 1-й части „Комическаго дѣйствія", равно какъ и нашей вертепной драмы, заимствовано глав-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Очерки изъ исторіи Украинской литературы XVIII в. П. Петрова, стр. 68.

нымъ образомъ изъ школьныхъ рождественскихъ мистерій, въ которыхъ не было интерлюдій. Это легко подтвердить ссылками на „Рождественскую драму“, о которой Тихонравовъ высказываетъ предположеніе, что она написана Димитріемъ Ростовскимъ, слѣдовательно, относится къ послѣднимъ годамъ XVII в. [1]). Она могла быть извѣстна Довгалевскому, можетъ быть даже въ болѣе древнемъ первоисточникѣ. Изъ „Рождественской драмы“ Довгалевскій выбросилъ многія аллегорическія подробности, напримѣръ олицетворенія натуры людской, земли и неба, вѣка золотаго и желѣзнаго, разныхъ добродѣтелей и пороковъ человѣческихъ, разныхъ состояній души человѣческой. Весь аллегорическій матеріалъ онъ ограничилъ олицетвореніемъ гнѣва, смерти, декрета Божія и человѣколюбія Божія. „Любопытство звѣздочетское“ онъ представилъ въ конкретномъ образѣ астрономовъ, выступающихъ съ первой интерлюдіи, вслѣдъ за драмой. Но при этомъ образъ Валаама, который въ „Рождественской драмѣ“ выставленъ „звѣздочетцемъ“, Довгалевскій перенесъ въ прологъ своей драмы, а для связи дѣйствія самихъ царей, открывающихъ драму, назвалъ внуками Валаама, которые однако-же не обладаютъ искусствомъ своего дѣда, какъ въ „Рождественской драмѣ“, гдѣ они говорятъ о себѣ: „мы трое равны есми въ ученіи значномъ, въ звѣздочетствѣ“ [2]). Затѣмъ завязка драмы и причины погибели Ирода у Довгалевскаго та-же, какъ и въ „Рождественской драмѣ“.

Совершенно не зависимо отъ „Комическаго дѣйствія“ Довгалевскаго, вертепная драма удержала изъ „Рождественской драмы“ пастуховъ, которыхъ нѣтъ у Довгалевскаго, и образъ плачущей Рахили, тоже опущенный Довгалевскимъ. Пастухи въ вертепной драмѣ—довольно живыя лица съ рѣзкимъ южно-русскимъ колоритомъ. И составитель „Рождественской драмы“ поддѣлывался подъ народный тонъ, но „пастыри“ его Борисъ, Аврамъ да Афоня —говорятъ языкомъ крайне искусственнымъ. Въ славянскую основу этого языка вплетены безъ разбора слова великорусскія и малорусскія. „Здравствуй, о Спасителю“, говоритъ одинъ изъ нихъ, „намъ нынѣ рожденный!“..

---

[1]) Лѣтоп. Русской литературы Тихонр., т. IV.
[2]) Ibid., стр. 177.

И подушечки нѣту, одѣяльца нѣту,
Чимъ-бы тебе (sic) *нашему сопрѣтися свѣту!*
На небѣ, якъ сказують, въ тебе палатъ много,
А здѣсь, что въ вертепишку, лежиши убого" [1]).

А вотъ привѣтствіе пастуховъ въ вертепной драмѣ:

„Отъ-се-жъ и мы, паниченьку, до вашои таки мости,
Якъ самъ бачишъ, Грицько зъ Прицькомъ припхалися въ гости...
И ягнятко принесли изъ сільского стада,
Нехай буде здорова вся наша громада!"

Въ „Рождественской драмѣ" вмѣсто живой Рахили въ 10-мъ явленіи слышится и плачь, и рыданіе о убіенныхъ отрочатахъ *подобіемъ* плачевной Рахили. На цѣлыхъ четырехъ страницахъ блѣдными фразами разведенъ этотъ неестественно длинный плачъ, который скорѣе можно назвать проповѣдью на тему: „гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть". Самъ проповѣдникъ называетъ себя „гласомъ Рахили", „вѣстникомъ" ея материнской печали. Между тѣмъ, въ вертепной драмѣ мы видимъ настоящую мать, убитую горемъ о погибшемъ чадѣ: въ сущности это простая сельская женщина, носящая только имя Рахили, поэтому воины Ирода называютъ ее просто бабой. Вообще говоря, даже въ 1-й части вертепной драмы мы видимъ живыхъ людей, а не мертвыя ходульныя аллегоріи, которыми изобилуетъ не только „Рождественская драма", но и „Комическое дѣйствіе" Довгалевскаго. Только одно отвлеченіе—именно смерть—играетъ въ вертепной драмѣ значительную роль, конечно, потому, что народная фантазія давно привыкла представлять смерть живымъ существомъ, независимо отъ позднѣйшихъ школьныхъ вліяній. Очевидно, вертепная драма, заимствуя свое содержаніе изъ школьной мистеріи, перерабатывала его съ большею самостоятельностію, чѣмъ тотъ типъ школьной драмы, который явился позже въ драматическихъ опытахъ Довгалевскаго.

Что касается до 2-й части вертепной драмы, то она вся цѣликомъ составлена изъ народныхъ сценъ. Бытоваго содержанія ея нельзя вывести непосредственно изъ интерлюдій, имѣвшихъ мѣсто въ католическомъ вертепѣ. Можно сказать только, что наша вер-

---

[1]) Ibidem. 167—168.

тепная драма воспользовалась обычаемъ католическаго вертепа вносить яркія картины народной жизни въ вертепное „дѣйство". Но заимствуя изъ католическаго міра оружіе для защиты праотеческой вѣры, южно-русскій вертепъ закалилъ его въ горнилѣ народнаго духа, народныхъ симпатій и антипатій. Въ сценахъ нашего вертепа нѣтъ тонкаго рисунка лицъ и характеровъ, нѣтъ психологическихъ моментовъ, дающихъ жизнь и движеніе драмѣ, но онѣ богаты изображеніемъ массоваго настроенія, которое управляло отдѣльными лицами, соединяя ихъ въ трудныя минуты жизни для защиты всенародныхъ интересовъ.

Сопоставляя 2-ю часть вертепной драмы съ интерлюдіями Довгалевскаго, приложенными къ „Комическому дѣйствію", мы видимъ разницу главнымъ образомъ въ постановкѣ народныхъ сценъ. Центромъ дѣйствія Довгалевскій ставитъ не козака, но москаля. Для борьбы съ козаками ляхъ призываетъ другихъ пановъ и заранѣе уже хвастаетъ своею побѣдою. Въ свою очередь козакъ призываетъ на помощь москаля, который обращается къ козаку съ такою рѣчью:

„Козакъ! Пріймайся, не бойся, бери зъ плечей двоихъ!
А я тотъ часъ уберу долгополихъ отъ тихъ.
А што здесь о рубежахъ они споминали,
Будто ляшонки Украину въ областяхъ держали,
Добро вотъ: покажемъ рубежи кнутами на спинъ!" [1])

Между тѣмъ въ вертепной драмѣ главное дѣйствующее лице есть запорожецъ. Въ немъ почиваетъ народная сила, поэтому отъ него исходятъ и къ нему направляются отдѣльныя сцены вертепа [2]).

Но есть въ нашей вертепной драмѣ внутреннее родство съ „Комическимъ дѣйствіемъ" Довгалевскаго. Мы разумѣемъ отдѣленіе трагическаго элемента отъ комическаго. Еще у Ѳеофана Прокоповича, напр., въ его трагедикомедіи „Владиміръ", являются они въ смѣшанномъ видѣ,—у Довгалевскаго рѣзче выступаетъ требованіе псевдоклассической теоріи не смѣшивать комическихъ элементовъ

---

[1]) Очерки изъ исторіи Украин. литерат. XVIII в., Петрова стр. 72.

[2]) Разсказываютъ кіевскіе старожилы, что въ сороковыхъ годахъ имъ случалось видѣть представленіе вертепной драмы, въ которой вмѣсто запорожца главнымъ дѣйствующимъ лицемъ былъ Богданъ Хмельницкій. Нѣтъ-ли какихъ-нибудь

съ трагическими. Въ то-же время Довгалевскій удержалъ кое-что изъ средневѣковыхъ пріемовъ драматическаго искусства: комическія сцены не составляютъ у него отдѣльной драмы, чего требовала псевдоклассическая теорія, но приклеены внѣшнимъ образомъ къ сценамъ трагическимъ, составляя вмѣстѣ съ послѣдними одно цѣлое драматическое представленіе. Это уже не старинная мистерія, въ которой отдѣльные моменты трагическаго дѣйствія оживлялись посредствомъ интерлюдій, т. е. вставочныхъ веселыхъ сценъ, ибо эти послѣднія заняли отдѣльное мѣсто, представляя вторую дополнительную часть драмы. Это особый школьный типъ драмы, не похожій на другіе школьные типы, напримѣръ, на „Рождественскую драму", изъ которой „Комическое дѣйствіе" и наша вертепная драма могла позаимствовать содержаніе для начальныхъ сценъ. Но мы видѣли, что въ обработкѣ этого содержанія обѣ послѣднія драмы шли самостоятельно. Моделью для нихъ уже не могла служить „Рождественская драма"; богатое бытовое содержаніе, особенно въ нашей вертепной драмѣ, побуждало выдѣлить комическіе элементы, а своеобразно понятая псевдоклассическая теорія возводила этотъ пріемъ въ правило. Нужно замѣтить при этомъ, что такое устройство драмы было на-руку актерамъ, которые промышляли своимъ искусствомъ среди городскихъ и сельскихъ обывателей. Не вездѣ требовалось представленіе всей драмы цѣликомъ: въ одномъ мѣстѣ зрители могли пожелать строго-благочестивыхъ поучительныхъ картинъ, въ другомъ мѣстѣ могли интересоваться преимущественно смѣшными, веселыми сценами. По обстоятельствамъ можно было представить то и другое. Такъ оно и было конечно въ большинствѣ случаевъ, но не всегда.

Такимъ образомъ, вертепная драма въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, есть школьный типъ драмы, на которомъ отразилось вліяніе позднѣйшей школьной теоріи. Тѣмъ не менѣе, вертепная драма далеко раздвинула рамки простонародности, признанныя теоріей. Приспособленная для всенароднаго употребленія, она представляетъ одно изъ явленій, указывающихъ на живую связь старинной южнорусской школы съ жизнію.

П. И. Житецкій.

Вертепная драма и ея сценическая постановка.

Къ числу остатковъ средневѣковыхъ мистерій и тому подобныхъ представленій принадлежитъ малорусскій вертепъ. Такъ названъ этотъ родъ представленій отъ пещеры, въ которой родился Христосъ. Это событіе составляетъ главное содержаніе вертепной драмы, которая пережила много другихъ средневѣковыхъ представленій, вѣроятно потому, что она соединялась съ обычаемъ хожденія со звѣздою и колядованіемъ во время рождественскихъ праздниковъ. Представленіе вертепа, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія весьма распространенное во всей Малороссіи, въ настоящее время почти совершенно исчезло, подобно тому, какъ, вслѣдствіе причинъ внѣшнихъ и внутреннихъ, или вѣрнѣе—вслѣдствіе всей совокупности историческихъ явленій, исчезаютъ съ неудержимою быстротою и другія старинныя черты мѣстной жизни.

Совершенно случайно, вслѣдствіе особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, старинный вертепъ съ его представленіями сохранился въ имѣніи моемъ Сокиринцахъ, прилукскаго уѣзда, полтавской губерніи. Не знаю, водилось-ли представленіе вертепа въ домѣ моихъ предковъ въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія: и тогда, вѣроятно, производилось оно захожими артистами, но, по разсказамъ моего отца, нѣкоторыхъ родныхъ и мѣстныхъ старожиловъ, въ 1770 годахъ къ моему прадѣду зашли съ вертепомъ кіевскіе бурсаки. Вѣроятно ихъ представленіе принято было съ большимъ сочувствіемъ, потому что мой прадѣдъ, удержавъ на нѣкоторое время странствующихъ артистовъ, устроилъ для себя вертепъ, причемъ бурсаки передали вертепный текстъ и нотное пѣніе мѣстному хору пѣвчихъ, существующему непрерывно и до сихъ поръ. Такимъ образомъ вертепное представленіе, будучи постоянно повторяемо на рождественскихъ праздникахъ въ продолженіи стольких лѣтъ, сохранено не въ устныхъ преданіяхъ, а въ писанномъ текстѣ и въ положенной на ноты музыкѣ, хотя безъ сомнѣнія съ теченіемъ времени въ немъ могли появиться нѣкоторыя отступленія отъ стариннаго текста. Какъ-бы то ни было, мы видимъ въ настоящемъ видѣ сокиринскаго вертепнаго текста,

которые способствуютъ вѣрному представленію понятій, вкусовъ и даже взаимныхъ отношеній людей половины прошедшаго столѣтія въ малороссійскомъ краѣ. Самыя пѣсни и стихи проникнуты схоластическимъ характеромъ академіи того времени, съ сильнымъ мѣстнымъ оттѣнкомъ: это языкъ различныхъ стихотвореній, рѣчей, надгробныхъ надписей, эпохи между Стефаномъ Яворскимъ и Сковородою. Что касается до мелодіи пѣсень, то она замѣчательна въ томъ отношеніи, что вполнѣ проникнута мѣстнымъ характеромъ. Имѣя всѣ свойства священныхъ напѣвовъ, эта музыка совершенно малороссійская, безъ всякой чуждой примѣси. Она исполнена какой-то неподражаемой доброй простоты, дѣйствующей на душу своимъ успокоительнымъ и смягчающимъ свойствомъ.

Переходя къ описанію самаго вертепнаго представленія, считаю нужнымъ напередъ замѣтить, что вертепный ящикъ имѣетъ видъ небольшаго домика, раздѣленнаго на два яруса. За задней стѣной этого домика, дѣйствуетъ скрытый исполнитель представленія: онъ водитъ куклы и фигуры по путямъ, прорѣзаннымъ въ полу театра, и говоритъ за нихъ различными голосами, сообразно ролямъ дѣйствующихъ лицъ. Весь вертепъ имѣетъ 2 аршина съ 1 вершкомъ въ вышину и $1^1/_2$ аршина въ ширину. Верхній ярусъ его посвященъ изображенію святаго семейства и дѣйствіямъ, сопровождающимъ явленіе Христа. Нижній ярусъ предназначенъ для свѣтской части представленія: въ первомъ дѣйствіи изображается судьба Ирода, избившаго младенцевъ, во второмъ идетъ рядъ сценъ изъ жизни бытовой.

Дѣйствіе начинается въ верхнемъ ярусѣ.

Прямо передъ зрителями, въ углубленіи, сидитъ Дѣва Марія съ младенцемъ на рукахъ; возлѣ нея, съ одной стороны—праведный Іосифъ, съ другой, по обыкновенію, нѣсколько домашнихъ животныхъ. Представленіе открывается хоровымъ пѣніемъ:

Пѣнію время и молитві часъ.

См. въ приложеніи № 1-й.

По окончаніи пѣсни въ нижнемъ ярусѣ выходитъ пономарь въ подрясникѣ и съ косою. Онъ кланяется на всѣ стороны и тонкимъ

Востаните отъ сна и благо сотворите:
Рождьшагося Христа повсюду возвістите.
Сіе вамъ охотно глаголю, да благословите:
Пойду, позвоню...

За симъ онъ подходитъ къ привѣшенному между колонками колокольчику, звонитъ и уходитъ, а хоръ исполняетъ цѣлый рядъ священныхъ кантовъ. (См. № 2-й).

По окончаніи пѣнія въ верхнемъ ярусѣ являются два ангела въ бѣлыхъ одеждахъ и съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Послѣ поклоновъ на всѣ стороны, одинъ ангелъ подходитъ къ боковой двери и говоритъ:

Востаните, пастыріе, и бдите зѣло,
Яко се приспѣло Рождество Спасово...

Вслѣдъ за этимъ призывнымъ голосомъ ангеловъ, хоръ поетъ:

Слава буди во вышнихъ Богу! (См. № 3-й, купл. 1-й).

По окончаніи перваго стиха пѣсни слышится за стѣной вертепа разговоръ двухъ пастуховъ:

— *„Грицьку!“ — „А що, Грицьку?“*
— *„Вставай хутенько,*
Да выберемъ ягня,
Да притко підемо генъ-генъ на гору,
Може ще й мы поспіемо въ пору“.

За симъ хоръ продолжаетъ пѣніе новыхъ кантовъ, тѣмъ-же напѣвомъ. (См. № 3-й, куп. 2 и 3-й).

По окончаніи хороваго пѣнія, въ верхнемъ ярусѣ появляются пастыри. Это два малороссійскіе пастуха, съ чубами и усами, въ короткихъ нагольныхъ полушубкахъ и кожаныхъ постолахъ. Одинъ изъ нихъ несетъ подъ мышкой ягненка. Они становятся предъ Дѣвой Маріей, кланяются и одинъ изъ нихъ говоритъ:

Отъ-се-жъ и мы, паниченьку, до вашої таки мості,
Якъ самъ бачишъ, Грицько съ Прицькомъ прихалися въ гості...
И ягнятко принесли изъ сільского стада,

Испросивъ позволеніе „пісню заспівати“, они въ два голоса поютъ извѣстную колядку:

Нова рада стала... (См. № 4-й).

По окончаніи колядки, скрипки играютъ малороссійскую „дудочку“ (№ 5-й), а пастухи танцуютъ, приговаривая: „зуба зуба на сопілку“, затѣмъ удаляются со сцены съ такими словами:

Спасибі вамъ, паниченьку!...
Мы-бъ и довше тутъ гуляли,
Такъ, признаться, хліба зъ дому не брали...

Между тѣмъ хоръ поетъ:

Днесь Иродъ грядетъ во своя страны... (См. № 6-й).

Въ нижнемъ ярусѣ, гдѣ посрединѣ стоитъ тронъ Ирода, появляются три воина, осматриваютъ комнату и тронъ, послѣ чего входитъ Иродъ и садится на тронъ, а воины удаляются. Иродъ одѣтъ въ порфиру и съ короной на головѣ, а воины въ солдатскихъ мундирахъ и въ каскахъ.

Хоръ продолжаетъ пѣть второй куплетъ предыдущей пѣсни, по окончаніи которой входятъ три царя—въ шубахъ и съ коронами на головахъ. Хоръ поетъ новымъ напѣвомъ:

Шедше тріе цари ко Христу со дари,
Иродъ ихъ примаси, куда идуть—испроси. (№ 7, куп. 1).

Между куплетами этой пѣсни происходятъ различныя сцены и разговоры. Послѣ перваго куплета, Иродъ обращается къ тремъ царямъ съ вопросомъ, куда они идутъ. Онъ говоритъ голосомъ важнымъ, рѣчью оффиціальною, съ примѣсью церковно-славянскихъ словъ. Цари отвѣчаютъ ему смиреннымъ тономъ, что идутъ они къ „Христу новорожденному“. Иродъ коварно проситъ ихъ, чтобы они извѣстили его о мѣстѣ рожденія Христа, чтобы и онъ могъ поклониться ему, какъ Царю. По окончаніи разговора Ирода съ царями, хоръ поетъ второй и третій куплеты начатой пѣсни. Во время пѣнія зажигается звѣзда на самомъ верху вертепа, причемъ хоръ поетъ четвертый куплетъ, затѣмъ въ верхнемъ ярусѣ являются цари, поклоняются Христу и кладутъ къ ногамъ его дары.

Поклонившись Христу, цари собираются идти далѣе, но на встрѣчу имъ является ангелъ и предупреждаетъ ихъ, чтобы они не довѣряли Ироду и шли другою дорогой. Цари благодарятъ ангела за совѣтъ и просятъ его, чтобы онъ провелъ ихъ другою дорогой. Они уходятъ съ ангеломъ, а хоръ продолжаетъ пятый, шестой, и седьмой куплеты той же пѣсни.

По окончаніи пѣнія, сцена снова переносится въ нижній ярусъ, гдѣ Иродъ сидя на тронѣ выражаетъ досаду свою, что его обманули цари, какъ простого мужика. Онъ зоветъ къ себѣ воиновъ и велитъ имъ обойти всѣ города его царства и безпощадно избить всѣхъ младенцевъ. Воины удаляются, а хоръ поетъ новую пѣсню, на новый мотивъ:

Перестань рыдати, печальная мати!... (№ 7-й, купл. 1-й)

Во время исполненія этой пѣсни воинъ вводитъ къ Ироду Рахиль, держащую на рукахъ малое дитя. Она одѣта по малороссійски, съ *намiткою* на головѣ, *въ плахтѣ* и въ *запаскѣ*. Вообще должно замѣтить, что въ малороссійскомъ вертепѣ, даже въ священно-исторической его части, лица второстепенныя, какъ-то: пастыри, Рахиль и проч. сохраняютъ въ костюмахъ вполнѣ мѣстный народный характеръ: это та-же особенность, что и въ картинахъ священнаго содержанія до-Рафаэлевской школы. Воинъ объявляетъ Ироду, что во всемъ царствѣ его только одинъ младенецъ Рахили и остался, но „мать хочетъ замѣнить его смерть собою". Онъ спрашиваетъ царя, какъ быть, и получаетъ въ отвѣтъ приказъ „отроча убить". Воинъ подымаетъ дитя на копье и съ нимъ уходитъ, а Рахиль начинаетъ рыдать, метаясь по сценѣ; хоръ между тѣмъ поетъ второй куплетъ пѣсни. На упреки Рахили Иродъ отвѣчаетъ:

„Полно, полно, баба, шумѣть,
За убитымъ уже нечего жалѣть."

Хоръ утѣшаетъ убитую горемъ мать, исполняя третій куплетъ пѣсни:

„Не плачь, Рахиле, видя чадо не живе"...

Рахиль осыпаетъ Ирода проклятіями, но является воинъ и выталкиваетъ ее.

Послѣ сцены съ Рахилью, Иродъ оставшись наединѣ, въ раздумьи, говоритъ:

„Увы! Какая сила временъ, вдругъ сдѣлалась переміна,
Думалъ жить вічно, напротивъ того приходитъ и кончина.
Однакожъ еще со смертью воеватися буду“...

Онъ приказываетъ воинамъ стать у порога и, чтобы не убѣжала смерть, ловить ее, „яко мога“. Воины исполняютъ приказаніе царя, а хоръ поетъ грозную пѣсню, возвѣщающую царю о приближеніи смерти. (№ 9, куп. 1-й).

Между тѣмъ въ дверь врывается и страшная гостья, изображенная, какъ обыкновенно, въ видѣ скелета, съ косою въ рукахъ. Воины въ страхѣ убѣгаютъ, а смерть обращается къ Ироду со словами:

„Что ты,Ироде несытый,
Почто сіе болтаешь,
Мене убити—
Своимъ воинамъ повеліваешь?
Я въ помощь призову
И свого брата,
Изъ пропасти ада.
Выйди, брате, друже любезный, пособити,
Кровопійцу Ирода отъ земли истребити!“

По вызову смерти является чортъ. Наружный видъ его снятъ съ обычныхъ рисунковъ церковной живописи: цвѣта онъ чернаго, съ выпучеными глазами, съ красною грудью, съ хвостомъ, рогами и чорными крыльями. При входѣ его за сценой слышится:

„Гу, гу, гу, гу!
Почто, другиня, требуеши на пораду?“

Увидѣвъ, въ чемъ дѣло, онъ приказываетъ сестрѣ своей, смерти, поднять косу и убить Ирода

„Во главу,
Щобъ знали повсюду нашу державу!“

Въ виду смерти Иродъ обнаруживаетъ безполезную заносчивость, говоритъ о своей славѣ и силѣ, но смерть прекращаетъ жизнь жестокаго и властолюбиваго царя, ударяя его своею косою, а хоръ провожаетъ душу его въ адъ, выражая желаніе, чтобы она тамъ вѣчно пребывала. (№ 9, купл. 2).

Вслѣдъ за тѣмъ чортъ подходитъ къ убитому Ироду, заключаетъ его въ свои объятія и говоритъ:

Друже мій вірный, друже прелюбезний!
Довго ждавъ я тебе въ глубочайшій бездні...

При этомъ за стѣной вертепа произносится правоученіе:

Отъ-такъ беруть, а такъ несуть
Роскошниківъ сёго світа,
Понеже вони не могуть
Отдать передъ Богомъ одвіта...

Ту же мысль выражаетъ и хоръ въ заключительныхъ словахъ своей пѣсни, которою заканчивается первое дѣйствіе.

(№ 9-й купл. 3).

Вторая часть вертепнаго представленія заключаетъ въ себѣ свѣтскія и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто народныя сцены, въ которыхъ являются почти всѣ разряды лицъ, дѣйствовавшихъ въ малороссійскомъ краѣ въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Сцены эти далеко не лишены внутренняго значенія и юмора и могутъ служить вѣрнымъ отраженіемъ своеобразной жизни края и его обитателей съ ихъ понятіями и привычками, съ ихъ воззрѣніями на жизнь и людей. Въ пестрой смѣнѣ лицъ второго дѣйствія, по видимому, нѣтъ послѣдовательности и связи, но уже то обстоятельство, что надъ всѣми дѣйствующими лицами господствуетъ запорожецъ, указываетъ на основную идею, соединяющую отдѣльныя сцены въ одно цѣлое. Запорожецъ, представленный въ вертепѣ, видимо принадлежитъ уже ко времени упадка „славнаго товариства“, когда Сѣчь высылала изъ себя уже болѣе гайдамаковъ, героевъ партизанской войны за вѣру и народность, чѣмъ воиновъ съ строгимъ характеромъ старыхъ сѣчевиковъ. Отъ такого времени упадка Запорожья оставались въ Малороссіи слѣды довольно долго: еще въ

двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія малороссіяне часто употребляли слово „запорожецъ“, для выраженія понятія о грубости и даже злости. Не менѣе того въ личности вертеннаго запорожца находятся и черты еще свѣжаго тогда прошедшаго, о которомъ воспоминаніе возбуждало въ слушателяхъ живое сочувствіе и подобострастное уваженіе къ силѣ народнаго героя. Въ рѣчахъ запорожца много глубокаго своеобразнаго юмора, а въ его дѣйствіяхъ много сознанія силы и господства, хотя и выражающагося въ грубой формѣ: онъ всѣхъ и все побѣждаетъ, нанося смертельные удары кому попало, даже самому чорту, котораго онъ и въ грошъ не ставитъ, одинаково не понимая, ни чувства уваженія къ кому бы то ни было, ни чувства страха предъ кѣмъ или чѣмъ либо.

Появленію запорожца предшествуетъ цѣлый рядъ различныхъ сценъ какъ-бы нанизанныхъ одна на другую безъ внутренней связи, но тяготѣющихъ къ общему центру. Только въ первыхъ двухъ сценахъ „діда и бабы“ и „солдата съ красавицей“, выведена связь этого втораго дѣйствія съ первымъ, такъ какъ въ нихъ говорится о Рождествѣ Христовомъ и смерти Ирода.

Дідъ и баба, являющіеся первыми на сцену, одѣты въ крестьянскія платья и дідъ такъ начинаетъ свою рѣчь:

„Отъ теперъ-же и мы, бабусенько, дождалися, якъ Ирода не стало“, при чемъ приглашаетъ молодичку потанцовать по этому случаю. Баба сначала отказывается отъ танцевъ, опасаясь: „щобъ наши танці, та не ввели насъ въ лихо“. „Де бъ забраться у тісный кутокъ, та и істы хлібъ собі тихо“. Дідъ настаиваетъ на своемъ, хоръ поетъ извѣстную пѣсню:

„Ой підъ вишнею, підъ черешнею“ (№ 10).

и баба не устояла противъ искушенія: оба они потихонько танцуютъ. Такимъ наивнымъ образомъ въ лицѣ діда и бабы изображается радость народа о смерти Ирода. Но вотъ неожиданно на сцену является солдатъ въ мундирѣ временъ Александра перваго (вѣроятно передѣланный изъ Екатерининскаго) и производитъ порядки. Онъ обращается къ діду и бабѣ съ грозною рѣчью:

„Кой васъ чортъ здѣсь развеселилъ?
Вѣдь тотчасъ потащу къ офицеру,
Чтобы вы знали христіанскую вѣру“.

Дѣдъ и баба убираются, а солдатъ произноситъ длинную рѣчь о Рождествѣ Христовомъ и о дѣйствіяхъ Ирода. Въ текстѣ этой рѣчи ничего нѣтъ особенно замѣчательнаго; это просто повѣствованіе изъ священнаго писанія, съ соотвѣтствующими разсужденіями, изложенными въ тяжелыхъ стихахъ. Не совсѣмъ понятно, почему подобная рѣчь вложена въ уста солдата, къ которому она вовсе не идетъ. Не сдѣлали-ли этого составители вертепа съ цѣлію показать свое знаніе великорусской рѣчи, которая въ половинѣ XVIII вѣка была еще новизною въ Малороссіи?

Послѣ рѣчи солдата, выходитъ къ нему на сцену госпожа, называемая красавицей Даріей Ивановной. Начинаются взаимныя привѣтствія, и потомъ эта пара танцуетъ подъ звуки комаринской (см. № 11-й). Не успѣли танцующіе вдоволь повеселиться, какъ за сценой слышенъ барабанъ. Солдатъ спѣшитъ къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей и, выступая въ походъ, на вопросъ красавицы, когда они увидятся, говоритъ: „прощай навсегда“!...

На смѣну солдата является воинъ другаго типа, въ лицѣ гусарина-венгерца. Въ вертепномъ представленіи типъ этотъ смѣшанный, не то мадьярскій, не то сербскій,—вѣроятно такъ называемый ново-сербскій пикинеръ. Гусаринъ начинаетъ свою рѣчь съ какого-то мадьярскаго ругательства, смѣшаннаго съ сербскими словами:

„Терентетъ баса̀, ма̀ленька баса̀ и вѐлко баса̀,
„Мдя пдля, мдя вдда, мде блѐто, мое зла̀то,
„Мое свс“...

Съ этой сцены продолжается группировка дѣйствующихъ лицъ по народностямъ: къ гусарину выходитъ мадьярка, они цѣлуются и танцуютъ подъ звуки пѣсни:

Гусаръ коня наповавъ (см. № 12-й).

Послѣ мадьярской пары является цыганъ. Ему посвящена довольно длинная сцена, въ которой малороссійскій юморъ и насмѣшка надъ цыганомъ, уступающимъ развѣ только жиду въ ан-

тинатіи къ нему народа, находитъ для себя полное примѣненіе. Цыганъ выѣзжаетъ верхомъ на клячѣ. Его рѣчь испещрена разными непонятными словами, заимствованными, вѣроятно, изъ цыганскаго языка, который нашъ народъ такъ часто слышитъ на ярмаркахъ. Цыганъ, сидя верхомъ, говоритъ:

Діги, діги,
Забувъ батько дуги!
На шляхъ да-ри-да-ти,
Бо йду съ праздникомъ поздравляти...

Затѣмъ, обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:

Гей! Криця—не лошиця,
Кремінь—не кобыла:
Якъ біжить, ажъ дрожить,
Якъ впаде, то й лежить!

При этомъ кобыла падаетъ и цыганъ летитъ на землю. Цыганъ продолжаетъ:

Пху! Побила-бъ тебе нещаслива година,
Пре-пре-прекаторжного ты батька скотина!
Щобъ тобі ні стрило, ні брило,
Щобъ тебе на світі не було!
Одинь-однимъ зубъ держався,
Та й той теперъ у снігу зостався!

Затѣмъ, обращаясь къ зрителямъ, продолжаетъ:

Панове! Хто хоче—будемъ міняти,
Бо далебі, що стоіть її продати!
Що-жъ? Ніхто ні шажка, ні копієчки не хоче дати?
А тутъ-то кобыла суча
Брикуча.
Хочъ ребра въ еі и дуже видно,
Та вже-жъ за годъ поправити можна,
Коли жива буде,
То боятимуться її люде:
Отъ дивіться, якъ вона, суціга,
Дуже біга!

Цыганъ бьетъ кобылу и кричитъ:

До шатра! До шатра! До шатра!..

Кобыла вскакиваетъ и убѣгаетъ.

Охъ, юсти-жъ, юсти,
Смаженоі капусти!
Хочъ-бы сальцемъ зашаровати,
Та добре попировати!

Но старому цыгану не суждено было попробовать капусты съ любимымъ „сальцемъ“

Иди, батьку, кличе мати вечеряти,—говоритъ ему сынъ.

— *А що тамъ доброго, сынку, варили?*

— *Казала мати: „нічого“.*

— *А хлібъ же е?*

— *Де бъ вінъ взявся? нема!*

— *Такъ дарма! Вечеряйте собі на здоровье, а я зъ добрыми людьми погомоню!*

Ту-же печальную вѣсть слышитъ цыганъ и отъ своей жены, которая появляется на сценѣ съ кувшиномъ въ рукѣ:

Гараську, Гараську!
Изыла собака порося и паску,
Да щей перецъ вынюхала:
Теперъ кого пенятн?
Піде хліба узяти“...

Цыганъ упрекаетъ свою жену, подозрѣвая ее въ обманѣ: „И, стара котюга!“

„Ще й тобі мене дратовати?“—отвѣчаетъ ему жена.

Знавъ-бы собі міхомъ подувати
Та залізо кувати.
Якъ ударю тебе кинвою сією,
То не будешъ знущаться надъ бідностю моєю!

Съ этими словами она даетъ своему супругу пощечину. Цыганъ грозитъ ей плетью:

„Охъ, жінко, жінко!
Якъ почну я тебе отъ симъ серпіемъ латати,
То вся шкура на тобі буде тріщати“

Смирилась цыганка.

„И не лай мене,
И не бий мене,
Принесу тобі борщику
Въ поливянімъ горщику“.

Цыганка приноситъ что-то въ кувшинѣ, приговаривая:

„Тутъ-то страва, тутъ-то люба:
Покуштуешъ—звисне губа!“

Цыганъ пьетъ съ жадностью, потомъ отплевывается и говоритъ съ досадою:

„Побила-бъ тебе година лихая!
Така твоя страва, якъ и ты—дурная!
Борщъ твій похожій на ракову юшку!“
—*„Кидала, мій миленькій, цибулю й петрушку“*, отвѣчаетъ цыганка,
„А ще для свого господаря
Кусокъ сала изъ комаря!“

Сцена заканчивается, какъ и предыдущія, пляскою. Цыганъ съ цыганкою поютъ и танцуютъ. (См. № 13).

Слѣдующая затѣмъ сцена посвящена народности польской. Появляется предъ зрителями польскій панъ, одѣтый въ кунтушъ съ рукавами на вылетѣ. На головѣ у него конфедератка. За нимъ слѣдуетъ молодой хлопъ. Панъ говоритъ по-польски нѣсколько уже искаженнымъ нарѣчіемъ:

А цо тута слыхаць галасъ?
Ньхъ дзябло вѣзмѣ гайдамацъ!
Идзь, хлопку, до женскои палацъ!

Мальчикъ уходитъ, а полякъ, обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:

А цо, панове?
Я изъ дзяда, изъ прадзяда уродзоний естемъ шляхтичъ!
Былемъ ве Львовѣ,
Былемъ въ Краковѣ,
Былемъ въ Кіёвѣ,

Былемъ въ Варшавѣ и Платавѣ,
А теперь естемъ у ясновельможного пана... (имя рекъ),
Ктурому до нуг падамъ,
Жичу здрувья и многа лята!

Затѣмъ слѣдуетъ обычное появленіе женщины—соотвѣтственно народности дѣйствующаго лица. Жена поляка въ сокиринскомъ варіантѣ почему-то названа платавкой. Она цѣлуется съ мужемъ и оба танцуютъ подъ звуки краковьяка (№ 14). Мальчикъ выглядываетъ изъ за дверей и тоже танцуетъ, наконецъ, выскакиваетъ на сцену и начинаетъ танцовать за спиною пана; оба сталкиваются, панъ падаетъ и кричитъ:

„А пудзь до дзябла, гайдакъ:
Я цѣ батогами забію!“

Тогда полька обращается къ мужу съ словами:

Пшепрошамъ пана Яна!
Идзь зе мнѣ,
Бо цѣбѣ гайдамака забіе.

Полякъ заносчиво отвѣчаетъ:

„Що ты, не эдукована кобіто, мувишъ?
Якъ Бога кохамъ,
Едень тшидзести гайдамакъ забіе!“

Здѣсь происходитъ сцена весьма характеристическая; только что полякъ произнесъ свои хвастливыя слова, какъ раздается за сценой пѣсня запорожца:

Та не буде лучше,
Та не буде краще,
Якъ у насъ, та на Украіні!
Що немае жида,
Що немае ляха:
Не буде измѣни! (№ 15).

Трудно было-бы ожидать отъ маленькаго, скромнаго театра маріонетокъ такой знаменательной и характерной сцены.

Чрезвычайно умѣстны звуки этого величаваго и глубоко народнаго напѣва короткой исторической пѣсни, похожей скорѣе на

всенародный возгласъ южной Руси, проносившійся по ней отъ края до края всякій разъ послѣ того, какъ народъ кровію и страданіями хоть на время отстаивалъ отъ захватовъ запада свою русскую народность и восточное благочестіе. Можетъ быть, составители вертепнаго представленія и не задавались глубокими соображеніями о значеніи этой сцены, въ которой вслѣдъ за рѣчами самонадѣяннаго поляка является запорожецъ съ своею величавою, знаменательною пѣснью; но довольно того, что они брали сцены съ натуры, подъ живымъ впечатлѣніемъ недавнихъ тогда событій, и великое даетъ себя чувствовать даже въ мелкомъ кукольномъ представленіи.

Заслышавъ звуки пѣсни запорожца, полякъ быстро убѣгаетъ и на сцену является запорожецъ. Онъ гораздо выше всѣхъ остальныхъ фигуръ вертепа, одѣтъ въ широкіе красные шаровары и синюю куртку, обшитую галуномъ. Въ правой рукѣ у него булава, съ выбритой головы виситъ чуприна. Вошедши на сцену, онъ поворачивается въ ту сторону, куда бѣжалъ полякъ, и произноситъ слѣдующій, драгоцѣнный по историческимъ чертамъ, монологъ:

На, на! махнувъ,
Мовъ паньскій хортяга,
Або опареный песъ!..
Що то за народъ
Изъ ихъ пресмілый,
Що самъ и въ огонь не вскочить,
Хиба его силою впрешъ!—
Хоть дивись на мене,
Та ба не вгадаешъ,
Відкиль родомъ
И якъ зовуть;—
Ни чичиркъ не знаешъ!
Коли траплялось кому
У степахъ бувати,
То той може призвище
Мое угадати...
А въ мене имя не одно,
А есть ихъ до ката;

Такъ зовуть,
Якъ набіжишъ
На якого свата:
Жидъ, зъ біды,
За рідного батька почитае,
Милостивымъ добродіемъ
Ляхва называе,
А ты, якъ хочъ, назови,
На все позволяю,
Абы лишъ не назвавъ крамаремъ,
За те то полаю.
Теперъ, бачу, на світи біда,—
Що мене одцурався рідъ.
Не бійсъ, якъ бувъ богатъ,
То казали: Иванъ братъ;
А теперъ, якъ нічого не маю,
То нихто й не знае.
А якъ розживется голота
Дай загуляе,
Тоді до чорта роду
И всякій пізнае.
Відкіль родомъ
Я на світі,
Всякъ изъ васъ
Може знать приміты.
Жінокъ въ Січі немае,
Всякъ тее знае.
Хиба скажешъ:
Зъ Рима родомъ,
Або зъ пугача
Дідъ мій плодомъ?
Но въ тімъ собі милишъ [1]*),*
Инаково лишишъ (?).
У насъ сунакивъ тільки сліды,
Дикій кони намъ сусіды,

---

[1]) Ошибаешься, обманываешь себя.

Да дніпрове сремя,—
О то наше племя!
Правда, якъ кінь въ степний воли,
То такъ козакъ не безъ доли:
Куды хоче, туды скаче,
За козакомъ нихто не заплаче.—
Гай, гай! якъ я молодъ бувавъ,
Що то въ мене була ти сила!
Було, ляхивъ борючи, и рука не мліла.
А теперъ и вошъ сильніша
Відъ ляхивъ сдается,
Плечи и нігти болять,
Якъ день попобьеся.
Такъ то бачу, що уже
Не добра літъ нашихъ година:
Скоро цвіте и вьяне,
Якъ у полі билина.
Хочажъ мені и не страшно
На степу вмірати,
Да тільки жаль,
Що нікому буде поховати:
Татаринъ цураеться,
А ляхъ не приступить,
Хиба яка звіряка
За ногу въ байраки потупить.
И справді, пристарівшись,
На Русь пійти мушу,
Бо тамъ одпоминають
Попы мою душу.
Тільки жъ мені и нечуеця
На лаві вмирати,
Бо щежъ мене тягне охота
Зъ ляхами цуляти.
А хай мині що небудь
Прикинуть для смерти,
То ще жиду або ляху
Мушу носи втерти.

Хочъ уже мало изледащивъ,
Однакъ чують плечи:
Здаеця поборовся бъ
Ище зъ ляхами гречи,
Ище бъ проганавъ шоронку
За Вислу хочъ трохи;—
Гинули бъ ляхи
Якъ отъ жару блохи!
Трохи ляхва угадала,
Що лошака даровала.
Случалось мині и не разъ
Въ степу варить пиво:
Пивъ турчинъ,
Пивъ татаринъ,
Пивъ и ляхъ на диво;
Баацько лежить
И теперъ зъ похмілья
Мертвіхъ головъ и кистокъ
Одъ того весілья.
Надія въ мене певна—
Мушкетъ сіромаха,
Да ще не заржавіла
И шабля моя свахи.
Хоча вона и не разъ
Пиюхою вмилась,
Таки й теперъ
Якъ бы розізлилась,
То не одинъ католикъ
Лобомъ двиным (?) стане,
Коли-жъ втікать схватиться,
То на спису застряне.
Да якъ и лукъ натягну,
Брязну тетивою,
То мусить съ поля втікать
Ханъ крымській зъ ордою.
Гей, путе-жъ вы, степы,
Горіть пожарами!

Бо вже часъ кожухи мінять
На жупаны зъ ляхами.
Де ярмарокъ добрый,—
Удача покаже,
Да въ барыші жидъ зъ ляхомъ
Не одинъ поляже.

Пекъ имъ! якъ наможуться,
До мусишъ уступити
За шкатулу червонихъ
Золотомъ литихъ
Кожухъ шкарупиный.

Скинемъ имъ до ката,
Абы якъ одцураться
Упрямого свата,
Да вже біжимъ до Січи
Могорычу пити!

Цуръ имъ! бодай ихъ!
Якъ повыкли ляхи
Насъ дурити.

Козакъ Иванъ Виногура,—
У ёго добра натура,—
Въ Польщи ляхівъ оббирае,
А въ корчмі пропивае.

Въ степахъ бобры та лисиці,
А въ шинку дівки да молодиці.
Козакъ, душа правдивая,
Сорочки немае;
Коли не пье, такъ вони бье,
Таки не гуляе.

Надъ бандурою.

Гей, бандуро моя золотая!
Коли-бъ до тебе жінка молодая,
Скакала-бъ и плясала-бъ до лиха,
Що не одинъ бы чумакъ
Одцурався бъ соли й міха.

Або якъ заграю,
То не одинъ поскаче,
А, підождавши, одъ того весілья
Та ще й заплаче.

Появленіе запорожца вызвало на сцену и всю обычную его обстановку: первое лице, являющееся къ нему, есть шинкарка Феська.

„А здорова, шинкарко,
Здорова, пілтавко!
Якъ я тебе давно бачивъ!“
—„Якъ бачились у Ромні
Объ Илы,
Та и досі ні“

Этотъ отвѣтъ похожъ на мѣстную приставку, такъ какъ въ то время въ нашей мѣстности Ильинская ярмарка въ Ромнѣ имѣла большое значеніе. Грубый сѣчевикъ начинаетъ заигривать съ шинкаркой:

Такъ, Фесю, такъ!
Поцілуй-же мене по знакомості у крутый усокъ...
Отъ-такъ, цмокъ!
Ще поцілуй и въ чуприну
Хоть разокъ!
Поцілуй ще въ булаву!
А теперь потанцюй съ козакомъ,
Бо дамъ и прочухана!

Они танцуютъ козачка подъ музыку весьма стариннаго напѣва (№ 16).

Своенравному запорожцу надоѣдаетъ Феська, онъ ее прогоняетъ и продолжаетъ танцовать одинъ. Но Феська, какъ чаровница, не оставила обиды безъ мщенія: она послала козаку двѣ змѣи, которыя кусаютъ его и онъ съ крикомъ: „ой, лишечко! гадъ, гадъ“, выражаетъ желаніе, чтобы пришла поворожить цыганка, которая и является.

„Поворожи, будь ласкава! я тобі оддячу—
Хочь не зъ рукъ, то на вкидячу“.

Цыганка съ сожалѣніемъ говоритъ: „Охъ милый, волошину чорнобривый! се тобі Феська наробила, що тебе гадюка укусила“,— послѣ чего она начинаетъ ворожить, говоря козаку на выворотъ недоброжелательныя слова:

Ходила цыганка по горахъ, по долинахъ,
Носила пісокъ на вилахъ;
Скілки на вилахъ сдержиться пуху,
Стільки въ тобі, козаченьку, духу.
Вставай та дохідъ давай, бо вже ты,
Козаченьку, зовсімъ здоровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на вывороченную ворожбу цыганки, запорожецъ выздоравливаетъ.

О, спасибі тобі, цыганко, говоритъ онъ, *що ты мене відъ смерти відвалала, теперъ-же потанцюй изъ козакомъ, бо дамъ и прочухана.*

Они вдвоемъ немного танцуютъ (см. № 17), послѣ чего цыганка начинаетъ просить вознагражденія:

Не жалуй, батеньку, копієчки, та дай дві.

— *Що ты, цыганко, кажешъ?—Бо якъ просять, то не дочуваю.*

Цыганка повторяетъ свою просьбу о двухъ копѣйкахъ.

— *На що тобі, або за що?—скажи мені, будь ласкава,* спрашиваетъ козакъ.

— *Ябъ собі, мій голубе сизый, рыбки купила.*

— *Може бъ ты, цыганко, и товченики їла?*

— *Та їла бъ, козаче-бурлаче, та де-то ихъ узять!*

„Оцаплена твоя голова!“—отвѣчаетъ запорожецъ. „Чому ты мені давно не сказала, я бъ тобі оцю новну пазушину наздававъ Отъ тобі товченикі!“... приговариваетъ козакъ, ударяя цыганку и прогоняя ее со сцены. Послѣ этого онъ продолжаетъ танцовать одинъ (см. № 18).

Наконецъ, утомившись, онъ чувствуетъ потребность выпить, „бо такъ щось дуже на языку сухо“. Онъ подходитъ къ одной изъ боковыхъ дверей, которая должна изображать шинокъ Феськи и тутъ начинается сцена, вѣроятно, часто повторявшаяся въ тѣ времена, когда козаки разбивали шинки и доставали даромъ водку,

которую имъ отказывали давать въ кредитъ и за которую они потомъ незамѣтно расплачивались очень дорого.

Фесю, відчини! Не чуешъ? Фесю сердце, любко, голубко, відчини! Не чуешъ? Бодай ты зозулі не чула! Відчини, капостна халява, а не то—Бінъ мене вбий—коли віконъ не выбью и дверей выставлю!

Угрозу свою козакъ приводитъ въ исполненіе: онъ разгоняется и лбомъ высаживаетъ дверь.

Слѣдующая сцена рисуетъ мирное настроеніе еврейской пары, которая воспоминаетъ библейскія времена, когда—

Явреевъ самъ Богъ засцисцавъ,
За огненнымъ стовпомъ ихъ ховавъ,
Сце друге чудо вінъ лучее изробифъ,
Якъ у Порному морю все війско затопифъ.
Мовсей, Аронъ, Давидъ—вони-жъ пакъ насі святиі,
Озидали-зъ Месіаса и тиі.
Вінъ пакъ, якъ прійде,
Круномъ насъ обійде
И сказе такъ:
„Цесні яврей! Я—царь васъ,
Теперь и світъ весь насъ“.
Теперь, Суро, нумо танцювати
Та горілку продавати.

Еврей и еврейка танцуютъ подъ музыку (№ 19).

Въ это время раздается стукъ въ двери. Еврей обращается къ женѣ:

Бізи, Суро, до хаты,
Гросей ховати,
А то йде гайдамака,
Буде грабувати!

Является запорожецъ.

— *Здоровъ бувъ, жидовину, еретичій сыну!*
— *А здоровъ зе бувъ, всемилостивіший пане!*
— *Що се ты у барылці носишъ?*
— *Сабаховеи горілочки носи*

— *А дай мені попробовать.*
— *Ты-зъ у мене, козаченьку, буфъ,*
Медъ и горілоцку пифъ
И гросей не заплатифъ.
— *Да ты не знаешъ, якъ мене й зовуть.*
— *Ты-зъ панъ Максимъ!*
— *Брешешъ, бо я Протисъ!*
— *Нехай-зе будесъ ти и Прокисъ,*
Тилько головоньки моеи не бий,
А на! гирілоцку пий!

— „О такъ бы й давно казавъ!“

Запорожецъ пьетъ водку изъ барила, еврей поддерживаетъ барило и дрожитъ отъ страху.

— „Не труси бо, гадючій сыну, бо зубы побьешъ. Отъ-се жъ яка въ проклятого жида міцна горілка! Якъ я бачу, то я упився“.

Козакъ хмѣлѣетъ и падаетъ на землю, а еврей начинаетъ душить его колѣнками, приговаривая:

А! цузої крові напивсь,
Та й самъ скрутивсь!

Козакъ пробуждается отъ сна —съ словами:

„Ухъ! що се по мені товчеться? глянь, глянь! Се, бачу, жидъ порається по мені... Чи въ насъ же такъ бьють?“

Онъ машетъ булавою, еврей падаетъ, восклицая: „Вухъ, вухъ!“ а запорожецъ говоритъ со смѣхомъ:

Я ще ёго и не вдаривъ,
А вінъ кричить, що вже опухъ!

„У насъ якъ бьють, то зъ притиска, та зъ відваги, отъ такъ и ты, сучій жиде, учись бить“, говоритъ онъ, нанося еврею удары.

„Не проклятый же и жидъ“, восклицаетъ козакъ, видя, что онъ уже мертвъ. „Уже бачу вінъ и скрутивсь. Де лишь тіи макогоны, чи въ правдоньку дзвоны? пійду по его душецьці бовкну хоть разъ“.

Козакъ подходитъ къ колоколу и ведетъ при этомъ довольно безсмысленныя рѣчи пьянаго человѣка:

„Що се воно таке? на-ві-що воно похоже? підъ хуртовину добра була бъ шапка, та щебъ и брязчала зъ потилиці, тоді— хочъ бы якій машталіръ—то звернувъ бы зъ дороги. Ні, се та не те я кажу... А воно підъ непогоду и горобцямъ добре було бъ ховатися въ ему. Ні, се-та не те я кажу... А якъ бы его въ болото застромивъ, то раківъ бы повну вершу наловивъ“...

Такъ и не позвонилъ козакъ, но тѣло убитаго жида лежитъ на полу.

„Пійти та заволокти еретичого жида, а то залігъ місто, нігде козакові погулять“, говоритъ запорожецъ.

„Де такъ, якъ такъ чорта величають? Про се мабуть не всі знають. Алежь на хрещеного кажуть „дядьку“, то вже его треба назвать „дідькомъ“; послѣ этого разсужденія онъ зоветъ чорта:

„Дідьку, дідьку, дідьку, го! Ходи сюды, будь ласкавъ, возьми собі жида, таки-рідного твого діда, то-то зъ его гарне буде жарке! що ты зъ роду не ївъ таке; буде зъ тебе на цілий пістъ, відпасеся, то піднимешь и хвістъ“.

Послѣ этой довольно грубой, но характерной остроты, запорожецъ уходитъ, а въ другую дверь входитъ чортъ съ обычнымъ своимъ гудѣніемъ: „гу, гу, гу, гу!.. Отъ теперъ я дождався, що жидъ мені у руки попався“!

Возвращается запорожецъ и говоритъ чорту:

Чи се ты и дòсі не однісъ?
Якій-же зъ тебе проворный бісъ?

„Неси, неси, та поживай собі на здоровье“, добавляетъ онъ, выталкивая чорта съ жидомъ, самъ-же продолжаетъ танцовать. (№ 20). Но наконецъ и мощный сѣчевикъ утомился. „Отъ-се, якъ панове дуже вморився! мовъ коло плуга два дні возився“.

Послѣ этого, онъ ложится на бокъ: „ляжу отъ такъ—не гарно“, переворачивается на другой бокъ: „а такъ ще гірше“. Ложится на спину: „а такъ, то на груди хто якъ сяде, то певно задушить, бо я признаться слабоватый“. Ложится ницъ. „Ляжу отъ такъ, якъ колись мій батько лежавъ, то хочъ хто на шиі и сяде, то повезу, якъ добрый вілъ“.

Но только что успѣлъ козакъ заснуть, какъ входятъ два чорта и напавъ на запорожца, хотятъ его задушить. Козакъ просыпается и хватаетъ одного изъ нихъ за хвостъ:

„Ухъ! херувимы-серафимы!“

„Чортъ у боклагъ улізъ!“—послѣ чего онъ начинаетъ чорта разсматривать:

Що се таке я піймавъ?
Яка се птичка:
Чи перепеличка,
Чи не синичка,
Що не дыше,
Та тільки головкою колышеѣ?
Глянь, глянь, яке воно чудне та страшне:
Очи зъ пьятàка,
А языкъ выва̀ливъ мовъ собака!
Де ты собі груди обідравъ?
Може гліднъ, або груши кравъ.
А повернись, я подивлюсь, яке ти зъ-заду!

Чортъ поворачивается—запорожецъ продолжаетъ:

Эге! Воно бачу й крыльця мае:
Се-жъ мабуть те, що нічью літае,
Та курей хватае...
Ні, се да не те кажу я...
А воно, стеменно, той коникъ, що по полю скаче
Та хрущівъ давить.
А коли скаче, то вже-жъ танцювать уміе...
Та може не по силі...
А, ну лишъ! Не соромся та потанцюймо трохи,
Щобъ выскакали до-чиста усі зъ тебе блохи...

Музыка играетъ (№ 21), а запорожецъ танцуетъ:

„А що жъ ты стоишъ“, обращается онъ къ чорту, якъ кожухъ „дубленый?“ Чортъ продолжаетъ стоять неподвижно. Тогда запорожецъ бьетъ его булавой. Чортъ убѣгаетъ.

Но вотъ въ головѣ козака мелькаетъ мысль о покаяніи и онъ говоритъ:

Де-бъ то отъ-се, панове, узять попа хоть ледащичку,
Абы не пьяничку,
Бо я, признаться, самъ того не люблю.

Является уніатскій попъ

„Про вовка помовка“, говоритъ запорожецъ,
Ажъ, бачу, дідько и попа примчавъ!
Бачъ, мовъ ёго лизень злизавъ!
Висповідай—пакъ мене, пóпе, підъ сією сухою попінкою!
—Ты, козаче, говоритъ попъ, *въ гріхахъ мені признавайся,*
Та не соромляйся.
—Чого соромляться?
Я, паноче,
Роскажу все коротше,
Що знаю.
Що воно бути має,
Якъ кажуть: „бездна бездну призываеъ?“
—Се значить: грішникъ на землі.
—Эге! Бачъ куды вінъ відвернувъ?
А по нашому: бездна бездну призывае—
Се значить: пінъ попа на обідъ кличе,
А той ёму дулі тиче..
Такъ я тобі гріхівъ своихъ не доказавъ:
Ходивъ я зъ малку по білому світу,
Бивъ ляхивъ, жидівъ,
Купцівъ, панівъ
И всіхъ кою заманеться.
Правду сказать, уніятскихъ попівъ не бивъ,
А зъ нихъ живихъ кожу лупивъ,
Бо ждуть вони надъ козакомъ смерти,
Щобъ скоріше въ сыру могилу закерти,
Таскають, співають,
Тілько що не танцюють,
А на поминкахъ якъ попьються,
То мовъ кони гарцюють“.

Не добрыя ноты слышались въ иронической рѣчи запорожца Предчувствуя бѣду, уніатскій попъ дрожащимъ голосомъ смиренно отвѣчаетъ ему:

Треба тобі до косцёла ходить
И частиі поклоны бить.

— *О, я зроду*, возражаетъ ему запорожецъ, *до косцёла не ходивъ*

И поклонівъ ніколи не бивъ!..
Хіба тебе, якъ хочешъ, попобью...

Попъ убѣгаетъ.

„Добре зробивъ, що втікъ", говоритъ буйный рыцарь. Танцуетъ. Музыка играетъ (№ 22).

Этою послѣднею побѣдою надъ всѣми своими врагами оканчиваются сцены съ запорожцемъ. Грубою кистью изображены черты степнаго героя, который и въ дѣйствительности не могъ обладать мягкими качествами души; но этотъ герой былъ близокъ сердцу народа, какъ главный выразитель самостоятельной народной силы и народныхъ стремленій въ его борьбѣ за вѣру и землю русскую. Подъ вліяніемъ такихъ еще живыхъ впечатлѣній и отведено было въ нашемъ вертепѣ столь значительное и почти главное мѣсто запорожцу.

Прощаясь съ зрителями, козакъ какъ будто чувствуетъ, что онъ не всѣмъ могъ угодить своими рѣзкими выходками и, уходя со сцены, говоритъ:

Щожъ, панове? По сій мові
Будьмо здорові!
Зъ пісні слова не викинешъ...
А що було, то барзо прошу про те не поминати,
Бо вже піду теперь въ курінь віку доживати.

Наконецъ въ вертепной драмѣ отведено скромное мѣсто и простонародью. На сцену является Климъ и жена его съ своимъ убогимъ хозяйствомъ—свиньей и козой. Онъ гонитъ на сцену свинью, приговаривая: „аля, аля", и говоритъ, обращаясь къ зрителямъ:

Хіба дякамъ на школу дать,
Бо вона давно уже хотіла издыхать.

Сверхъ того оказывается, что свинья, какъ ей и подобаетъ, „шкодливая".

Увесь городъ, жалуется Климъ цыгану, *вона порыла,*
Капусту й постернакъ поіла.

Цыганъ предлагаетъ Климу свои услуги:

Отдай намъ її, говоритъ онъ, *до шатра:*
Мы її научимъ халяндры танцёвати,
То вже тоді не буде вона въ городы скакат.

Климъ расчитывалъ, что цыганъ купитъ свинью, но, разувѣрившись въ этомъ, съ досадой прогоняетъ его:

Пане купче, тікай,
Щобъ не вразивъ тобі я вида,
Тоді позывай мене хочъ и въ Свирида,
А Свиридъ—мій кумъ, для мене дуже хороший,
То не поможуть тобі твої гроші.

Жена извѣщаетъ Клима, что къ нимъ „кондякъ (дьячекъ) прилхався".—„Я его", отвѣчаетъ Климъ, „дуже сподівався... Не соромся его, хочъ вінъ и пісьменный, говори ему сміло".

Входитъ дякъ.

„Дай, Боже, здоровья пану Климу!"

— *Здоровъ бувъ, пане бакаляру*
И нашъ—таки кондяче!
Возьми собі, будь ласкавъ, отсю свиню:
Нехай черезъ тинъ не скаче!

Дьякъ радъ подарку:

Ци, цици, фертикъ Иванець!
Спіши сюди зіло,
Климій сотворивъ намъ честь,
Давъ свиняче тіло!

На призывъ дьяка входитъ Иванець—школяръ, и говоритъ:

Азъ путешествую: кое ваше діло?
— *Вземъ сіе бремя, неси въ наши клѣти,*
— *Помозите на рамена взяти,*
Бо, ей-богу, самъ не можу подняти.
— *Возгласа: аля! аля! до школы пірья драти!*

Всѣ возглашаютъ: аля! аля! Иванецъ съ свиньею уходитъ. Дьякъ въ напыщенной высокопарной рѣчи благодаритъ Клима:

Гевалъ, Амонъ и Амаликъ и всі живущі въ Тирі...
Да пріемлетъ Богъ душу твою въ Эфирі!
Обреченную вашу жертву съ благодарностью пріемлемъ
И выю вамъ объемлемъ.

— *Тее-жъ и тобі посполу, пане кондяче!* отвѣчаетъ Климъ.

Дьякъ уходитъ, а Климъ въ раздумьи говоритъ: „Отожъ пресучій дякъ подякувавъ гарно, ажъ слези навернулись... Правда, панове, есть за що й дякувать: свиня хочъ куда свиня, ребра такъ и світяться"...

Входитъ жена и извѣщаетъ мужа, „що уже кондяки принесли изъ свинники обідрану кожу".

Отъ бачъ, жінко, що я можу!—отвѣчаетъ ей Климъ,
Свиняка-бъ и дома пропала,
А дяку платить за сына пора настала,
Теперъ-же мы зъ нимъ рощитались
И цілі гроші въ насъ остались.

Климъ съ женою радуются выгодной сдѣлкѣ:

Потанцюймо, говоритъ жена, *хочъ мало,*
Якъ колись водилось,
Щобъ у насъ побільше
Конопель родилось.

Они танцуютъ (№ 23), а затѣмъ Климъ припоминаетъ, что у нихъ, кромѣ свиньи, водилась въ хозяйствѣ и коза. Онъ выгоняетъ на сцену козу, которая прячется подъ Иродовъ тронъ. Климъ думаетъ, что коза пропала, и обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:

Панове громадо! Чи не бачили мосі—таки козы?
Що то за солодке було въ неі молоко!
По дві дійниці молока давала,
А теперъ бідна, якъ у воду впала.
Одна-жъ біда не минулась,
А друга не забаромъ навернулась:

Заснувъ учора я підъ Лысою горою,
Таки вечірнею порою,
Де взявся Макогоненківъ Грицько,
Се бачъ, казавъ-таки, нашъ Грицько,
Та й винявъ зъ кишені люльку, крицю й кремінець,
Ще въ кисеті—що на нуту—ремінець,
Уразивъ вінъ мое сердце въ самый край,
Теперъ мені—ні до жінки, а ні въ пекло, а ні въ рай,
А тутъ ище й козу заубивъ,
Лучше було-бъ, якъ-би самъ її убивъ.

Наконецъ, Климъ находитъ свою козу и говоритъ:

Бачъ, де моя козонька,
Де моя голубонька!
Бачъ, якъ вона скаче,
Мовъ танцёвать хоче!

Коза танцуетъ подъ звуки музыки (№ 24). Климъ хочетъ поймать козу, но неосторожно убиваетъ ее.

„Бідна жъ моя головонько, козу вбивъ!"—восклицаетъ злополучный Климъ, „понесу жъ її до дому, та отдамъ собакамъ шкуру, а изъ мяса справлю жинці кожухъ!" Этою шуткою оканчиваетъ Климъ свою рѣчь и уходитъ.

Нельзя не замѣтить, что какъ въ первой сценѣ свѣтской части вертепнаго представленія, такъ и въ сценѣ Клима съ его бѣднымъ хозяйствомъ, простолюдинъ изображенъ скорѣе съ оттѣнкомъ комическимъ, чѣмъ юмористическимъ: это, вѣроятно, произошло отъ того, что составители вертепнаго представленія того времени чувствовали себя по развитію своему неизмѣримо выше посполитаго мужика, на котораго смотрѣли скорѣе съ чувствомъ снисхожденія, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ чувствомъ. Дякъ и его ученикъ изображены болѣе благожелательною рукою и комизмъ ихъ заключается въ велерѣчивыхъ выраженіяхъ. Между тѣмъ, въ этой сценѣ Клима съ дьячкомъ отражаются отчасти тогдашнія внутреннія отношенія народа къ просвѣтительному началу, исходившему главнымъ образомъ отъ кіевской бурсы: Климъ, бѣдный

мужикъ, считаетъ необходимымъ учить сына грамотѣ и наставника своего сына называетъ бакаляромъ.

Вертепное представленіе оканчивается явленіемъ нищаго съ торбою (мѣшкомъ) въ рукахъ. Онъ подходитъ къ краю сцены и говоритъ зрителямъ:

Я, Савочка нищій,
Прошу на харчъ—на горілку.
Хто дасть шагъ, а хто рубъ,
Прійму и копійку,
На дощечку, на клепало,
Хто що вкине, то пишіть—пропало.

Въ эту торбу обыкновенно публика бросала свои даянія въ благодарность за представленіе.

Гр. П. Галаганъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го сентября 1882 года.

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.

1883-й ГОДЪ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ „Кіевская Старина", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, ежемѣсячно, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала изъ **двѣнадцати** книгъ признаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить не на четыре, какъ въ этомъ году, а на **три** тома, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ до 50-ти печатныхъ листовъ.

Каждая книжка „Кіевской Старины" выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Преодолѣвъ главныя трудности основанія **провинціальнаго** журнала, дальнѣйшія наши усилія мы посвятимъ улучшенію изданія, усматривая надежду на успѣхъ въ сочувствіи мѣстной и вообще отечественной публики и того кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, при

содѣйствіи которыхъ ведется изданіе. Сознавая, что даже начато нами далеко не все, можемъ сказать одно: **не все разомъ**. Въ слѣдующей книжкѣ мы объявимъ къ общему свѣдѣнію, какими новыми матеріаламя располагаемъ на будущій годъ. Къ той-же книжкѣ будетъ приложенъ портретъ Гонты, съ его біографіею, сост. В. Б. Антоновичемъ. Далѣе будетъ портретъ жены Гонты,—оба художественной работы, превосходно воспроизведенные въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины", съ приложеніями, на 1883-й годъ, съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**, безъ пересылки и доставки **ВОСЕМЬ РУБЛ. ПЯТЬДЕСЯТЪ КОП.**

☛ Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины", *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой.* Тамъ-же и контора редакціи.

Подписка на текущій 1882 годъ продолжается по указанной сейчасъ цѣнѣ и адресу. Вышедшія книжки немедленно высылаются, остальныя—по мѣрѣ выхода.

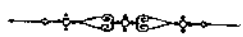

Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія,

по воспоминаніямъ дѣтства.

(Продолженіе)*).

По разсказамъ отца моего, еще въ рождественскіе праздники 1830 года мѣстные жиды и паны о чемъ то шушукались, отъ *двора* до *двора* ѣздили то панки, то жидки, заѣзжали къ богатымъ мужикамъ, подмигивали мелкой шляхтѣ. Крестьяне недоумѣвали, священники въ страхѣ ѣздили другъ къ другу... Всю зиму шли толки и предположенія. Одни говорили, что „Константинъ" идетъ войной на „Николая" за отнятіе у него престола. Другіе полагали, что Бонапартъ, долго скрывавшійся гдѣ-то, снова появился и съ несмѣтною силою идетъ на Россію. Мелкая шляхта проговаривалась, что въ Варшавѣ уже царствуетъ король польскій. По весной дѣло стало проясняться: по деревнямъ появились всадники при саблях, постолетахъ и т. под., мелкая шляхта готовилась „do broni", уніатскіе священники, которыхъ въ нашей околицѣ оставалось въ это время всего три, громко твердили, что снова здѣсь будетъ Польша и унія. Въ маѣ или въ началѣ іюня, поздно вечеромъ, вбѣжалъ къ отцу крестьянинъ съ крикомъ: „утікайте, панъ-отче! ляхівъ пришла сила, видимо-невидимо, якъ хмары; всі узбруени (вооружены), утікайте"!... Въ ту-же ночь отецъ отправилъ жену и дѣтей къ тестю, а самъ спрятался въ ровъ, поросшій высокимъ и густымъ бурьяномъ. Пановъ оказалось не „якъ хмары", но всего пять—шесть, за то чвалства было „видимо—невидимо". Подобные шайки ежедневно проходили по деревнѣ, съ пѣніемъ: „*Jeszcze Polska nie zgi-*

---

*) См. въ сентябр. книжкѣ «Кіев. Старины».

неła"... требовали у крестьянъ подводъ, провизіи, говорили про унію, бранили *поповъ*. Одна изъ шаекъ, въ большомъ составѣ, собирала во *дворъ* крестьянъ, объявила о возстановленіи польскаго королевства, посылала розыскивать отца для приведенія крестьянъ къ присягѣ. Крестьяне, знавшіе, гдѣ отецъ укрывался, не выдали его. Прошелъ мѣсяцъ или болѣе томительной неизвѣстности, какъ въ свою очередь ляхи, раненные, оборванные, въ ужасѣ стали появляться по рвамъ, пасѣкамъ, приставать къ пастухамъ, чумакамъ, появились мелкіе отряды русскихъ войскъ, разыскивавшихъ бѣглецовъ. Стало извѣстнымъ, что подъ Дашевымъ польское войско совершенно разбито. Отецъ вздохнулъ свободно... По деревнѣ крестьянскіе мальчишки распѣвали уже пѣсню, которую и я потомъ въ дѣтствѣ пѣвалъ:

Ой, бувъ ляшокъ морквяный,
А кінь буряковый,
Шапка въ ёго съ постернаку,
Жупанъ лопуховый.
Пистолетъ съ качана,
Кулі зъ бараболі,
Шабеличка изъ петрушки,
Піховки зъ квасолі.
Выйнявъ ляшокъ пистолетъ,
Тай почавъ стріляти,—
Свині кулі похапали,
Нічимъ воювати!...

Но скоро радостныя ожиданія крестьянъ и духовенства стали омрачаться. Розыски „мятежниковъ" ложились тяжкимъ бременемъ на народъ, наводили страхъ на всѣхъ... Никто не былъ свободенъ отъ подозрѣній расходившихся сыщиковъ, искали „мятежниковъ" не только въ панскихъ дворахъ, но и въ священническихъ домахъ; у богатыхъ крестьянъ—на хуторахъ, въ мельницахъ и т. под., причемъ нерѣдко исчезало все цѣнное, съѣстное. Сталось такъ, что едва появлялся въ деревнѣ отрядъ русскихъ войскъ, или проносилась молва о приближеніи его, какъ одни уходили изъ деревни, другіе прятали въ землю все цѣнное, трепетали за коровъ, барановъ и т. п. Между тѣмъ „мятежниками" въ нашей околицѣ оказа-

лись только мелкіе шляхтичи, не имѣвшіе никакой собственности, или такіе паны, которые продали свои имѣнія, или уступили ихъ своимъ роднымъ, на что оказались въ исправности необходимые акты. Только владѣлецъ огромнаго имѣнія, достаточнаго для образованія цѣлаго большаго уѣзда, одинъ изъ видныхъ польскихъ магнатовъ, генералъ польскихъ войскъ, не успѣлъ спрятать концовъ, и имѣнія его конфискованы, а потомъ превращены въ военныя поселенія. Такимъ образомъ всѣ помѣщики остались при своихъ владѣніяхъ. Они теперь приковали себя къ нимъ и занялись исключительно хозяйствомъ. Наступило господство военныхъ командъ, военныхъ коммисій, исправниковъ и становыхъ, разъѣзжавшихъ по деревнямъ съ козаками, разсыльными и т. под. Девизомъ въ краѣ стало строгое повиновеніе установленнымъ властямъ, которое для крестьянъ значило строгое повиновеніе своимъ помѣщикамъ. Ослушаніе помѣщика наказывалось, какъ неповиновеніе властямъ, какъ революціонный духъ, бунтъ. Вмѣстѣ съ розысками мятежниковъ и установленіемъ порядка въ краѣ наступило отнятіе помѣщиками у крестьянъ хуторовъ, мельницъ, *излишнихъ* земельныхъ угодій, прекращеніе права отлучки ихъ изъ деревни, права промысловъ и торговли, даже права собственности, потому что помѣщикъ могъ отобрать у крестьянина его хату, усадьбу, скотъ и все имущество. Народъ быстро сталъ бѣднѣть... Вмѣстѣ съ своими прихожанами потерпѣлъ и отецъ мой. Законъ 1833 года установлялъ для каждаго православнаго причта не менѣе тридцати трехъ десятинъ земельныхъ угодій: гдѣ въ пользованіи причтовъ имѣлось земли менѣе этого количества, тамъ помѣщикъ обязанъ былъ прирѣзать недостающее число десятинъ изъ собственныхъ земель, а гдѣ имѣлось земельныхъ угодій болѣе тридцати трехъ десятинъ и право владѣнія ими подтверждалось эрекціями, тамъ все количество земли оставалось въ пользованіи причта и на будущее время. Отецъ мой наслѣдовалъ отъ своего предшественника значительныя земельныя угодья, которыя точно описаны были еще въ уніатскихъ церковныхъ визитахъ, хранившихся при церкви, съ указаніемъ въ нихъ на подлинныя эрекціи. Но подлинныхъ эрекцій отецъ мой не нашелъ въ церкви послѣ своего предшественника; полагали, что таковыя забраны были базиліанскимъ визитаторомъ, ревизовавшимъ церкви предъ самымъ присоединеніемъ края къ Россіи. Не смотря на существованіе

базиліанскаго монастыря, посылавшаго визитаторовъ, коммисія, приводившая въ исполненіе законъ 1833 года, не нашла нужнымъ навести точныя справки; отцу моему съ причтомъ отрѣзали тридцать три десятины земли въ указанныхъ помѣщикомъ мѣстахъ, наименѣе выгодныхъ для пользованія, причемъ на узаконенныхъ трехъ десятинахъ сѣнокоса помѣщикъ вырубилъ дубовый лѣсъ; бывшія угодья всѣ отошли во владѣніе помѣщика. Съ измѣненіемъ имущественныхъ и полицейскихъ отношеній въ деревнѣ, стали измѣняться внутреннія отношенія и расположенія въ приходѣ. Помѣщикъ уже не стоялъ высоко надъ громадою, въ ореолѣ величія, повелѣвавшаго изъ туманной дали, чуждавшагося вмѣшательства въ ближайшія интересы громады; онъ жилъ теперь безъвыѣздно въ деревнѣ мелкимъ трусливымъ панкомъ, который, какъ клещъ, впился въ громадское тѣло, производя зудъ и томленіе въ цѣломъ деревенскомъ организмѣ. Скоро помѣщикъ умеръ, оставивъ имѣніе двумъ сыновьямъ своимъ. Стало въ деревнѣ два помѣщика, два клеща въ громадскомъ тѣлѣ. Колокольчикъ становаго пристава усиливалъ зудъ въ крестьянскомъ тѣлѣ, потому что всякая жалоба помѣщика строго взыскивалась на крестьянахъ, а всякое заступничество отца за прихожанина вело за собою строгое внушеніе: „ваше дѣло, батюшка, въ церкви, а не здѣсь; сидите смирно, не то—пойдете муку сѣять“...

Такія-то послѣдствія принесла южнорусской деревнѣ польская революція 1831 года. На глазахъ всѣхъ быстро падали одно за другимъ прежнія, польско-католическія начала общаго быта: падали польскія учрежденія, литовскій статутъ, отдѣленія польскаго банка, польскія школы, господство полонизма и католичества въ администраціи и полиціи,—появлялись и грозно подчиняли себѣ всѣхъ и все новые законы, новыя учрежденія, новый духъ. Но для простаго глаза не доступны были внутреннія основы и высшія задачи наступившихъ перемѣнъ; онъ видѣлъ только перемѣны въ тѣсной деревенской сферѣ и въ отношеніяхъ деревенскаго ежедневнаго быта,—видѣлъ и страшно недоумѣвалъ... Въ сокрушеніи польско-католическаго величія чувствовалось что-то отрадное, имѣвшее въ виду поднять въ краѣ русскій духъ изъ долгаго униженія его, поднять и одушевить все русское, а между тѣмъ на дѣлѣ видѣлось совсѣмъ другое: вмѣстѣ съ полонизмомъ далеко бо-

лѣе прежняго принижался русскій народъ, вмѣстѣ съ католичествомъ сильно ограничивалось вліяніе православной церкви, надъ всѣми господствовала только угроза и кара. Появились въ краѣ и всѣмъ овладѣли два теченія, вступившія между собою въ отчаянную борьбу, задачи которой были слишкомъ туманны не для одной только деревни. Съ одной стороны чувствовалось, что точно глаголъ Божій прогремѣлъ по всему краю, что наступило время торжества для всего, что такъ долго страдало, терпѣло, надѣялось,— съ другой стороны, на каждомъ шагу раздавались только грозные голоса панскихъ приставниковъ и разсыльныхъ становаго пристава, появлялись новыя бѣдствія, требовалось новое, болѣе сильное терпѣніе, а надеждъ впереди не видѣлось никакихъ... Злая сила—какой-то винигретъ изъ польскаго, раздраженнаго неудачею, озлобленія и русской, невѣжественной, дикой и грубой разнузданности —вступила въ упорную борьбу съ рѣшеніемъ судебъ исторіи, измѣняла требованія новаго духа, затирала слѣды его, затемняла и обезображивала его, чтобы создать изъ него бичъ и пугало для тѣхъ, кто долго жилъ надеждами на лучшее будущее. Всѣ новые законы, въ которыхъ чувствовалось присутствіе добрыхъ намѣреній, на дѣлѣ приносили для края только обратныя послѣдствія, данные народу охранители на дѣлѣ часто казались хуже исконныхъ притѣснителей его. Полонизмъ, преслѣдуемый въ законахъ и распоряженіяхъ, загнанный въ деревенскія трущобы, быстро приручилъ къ себѣ невѣжественныхъ и грубыхъ агентовъ мѣстной администраціи и полиціи и всею тяжестію своего озлобленія обрушился на деревню, высасывая изъ нее послѣдніе гроши для новаго „будованья“ и усиливаясь лишить правительство надежной опоры въ ней для края...

Для отца моего, привыкшаго по старинѣ быть едино съ своими прихожанами, жить его радостями и печалями, всегда оставалось сфинксовою загадкою: „знай церковь, въ дѣла крестьянъ не мѣшайся“... Онъ чувствовалъ надъ собою точно мечь Дамокла— грозное слово становаго пристава: „пойдете муку сѣять“—позоръ, которымъ неразъ потомъ стращалъ его панъ, даже арендаторъ— шинкарь Азриль, а за нимъ зять и преемникъ его Мошко. Въ представленіи отца моего императоръ Николай былъ рыцаремъ, какого свѣтъ не видѣлъ; онъ отъ всей простой души своей вѣрилъ

многочисленнымъ сказкамъ, разносимымъ солдатами, о его необычайныхъ подвигахъ, въ родѣ, напр., разгрома всѣхъ сенаторовъ и министровъ, заманившихъ его въ сенатъ, чтобы тутъ секретно покончить съ нимъ,—внезапнаго появленія въ синодѣ, отъ котораго всѣ архіереи попрятались подъ столъ,—посылки въ Варшаву своей палки вмѣсто короля и т. п.; онъ не допускалъ, чтобы такой рыцарь, заставившій поляковъ сидѣть смирно, разжаловавшій мелкую шляхту въ однодворцы, прижавшій жидовъ приказомъ брать ихъ въ солдаты, освободившій духовенство отъ зависимости польскихъ помѣщиковъ, надѣлившій его жалованьемъ, уменьшившій потомъ народу панщину на половину и т. п.,—чтобы этотъ благодѣтельный для края царь могъ не знать, что тутъ творится панами, становыми и т. п., и только утѣшалъ себя мыслію о томъ, что вѣроятно онъ собирается съ кѣмъ либо воевать и что, покончивши войну, онъ примется снова за пановъ...

Среди этой общей тяготы, отца постигло горе, которое онъ считалъ для себя тяжелѣе всякаго другаго. Наша мать стала болѣть; три года отецъ возилъ ее по докторамъ, надолго оставлялъ ее у знаменитаго въ то время „Михалка", жившаго въ Бердичевѣ и лечившаго больныхъ травами, и у другаго подобнаго лѣкаря, жившаго на Подольи. Наконецъ, въ 1837 году мать наша умерла. Живо помню отчаяніе отца и всеобщій плачъ при гробѣ ея сосѣдей и прихожанъ. Изъ причитаній попадей найболѣе осталось у меня въ памяти: „ой, хто-жъ намъ такъ красно заспіває!..." Крестьянки-же всегда потомъ поминали, какъ „покойная" убирала ихъ къ вѣнцу, любила съ ними потанцовать на свадьбахъ, попѣть, повеселиться. Насъ дѣтей осталось послѣ матери въ живыхъ четверо: старшему брату было 13 лѣтъ, и онъ учился уже въ духовномъ уѣздномъ училищѣ, слѣдующему было 8 лѣтъ, мнѣ 6 лѣтъ, сестрѣ 4 года. Отецъ, весь разбитый горемъ, часто надолго уѣзжалъ изъ дому, куда глаза глядятъ, или дома принималъ компанію, то сосѣдей—священниковъ, то крестьянъ, заливая съ ними тоску. Мы дѣти оставались на попеченіи слугъ и жили, по выраженію отца, „якъ потерчата". Не имѣя возможности управиться съ нами дома, отецъ въ томъ же году, когда мнѣ не было еще семи лѣтъ, опредѣлилъ и насъ двухъ въ то-же духовное училище, въ которомъ обучался

старшій нашъ братъ. Отецъ почти еженедѣльно пріѣзжалъ къ намъ; когда репетиторъ усадитъ насъ за книгу, онъ сядетъ подлѣ, смотритъ въ книжку, плачетъ, и мы плачемъ; идемъ въ класъ—онъ провожаетъ насъ до воротъ—плачетъ, и мы плачемъ. Идемъ по дорогѣ, оборачиваемся—стоитъ отецъ на томъ-же мѣстѣ и утираетъ слезы... Нужно было отцу уѣзжать отъ насъ ночью, когда мы уснемъ, иначе мы поднимаемъ вой, цѣпляемся за него, за колеса, бѣжимъ за возомъ съ отчаяннымъ воплемъ... Старшій нашъ братъ совсѣмъ свихнулся отъ этой жалости къ отцу. Бывало уѣдетъ отецъ отъ насъ—онъ ходитъ совсѣмъ потерянный, сядетъ у окна или на крылечкѣ, глядитъ на дорогу, по которой уѣхалъ отецъ, и все поетъ. На другой день утромъ просыпаемся—нѣтъ его! Спустя нѣсколько дней, отецъ привозитъ его, внушаетъ не убѣгать, угрожаетъ наказаніемъ, но едва уѣдетъ—тотъ плачетъ, мечется, не ѣстъ, не пьетъ, начинаетъ пѣть—и опять пропалъ! Снова привезетъ его отецъ, инспекторъ выпоретъ, а онъ снова удеретъ. Противна стала ему и книжка, и школа, и городъ до смерти. Когда наконецъ самъ отецъ выпоролъ его за побѣгъ, онъ—бывало—дезертировавъ изъ города, прячется дома въ соломѣ, въ кухнѣ на печи подъ покровительствомъ слугъ и под.,—ему только-бы чувствовать себя вблизи отца, слышать голосъ его, мелькомъ взглянуть на него—такъ тянуло его къ нему! Разъ пріѣзжаетъ къ намъ отецъ, а брата нѣтъ уже нѣсколько дней въ городѣ! Спѣшитъ онъ домой, роется по всѣмъ закоулкамъ —нѣтъ его, и никто не видѣлъ... Тогда-то загоревалъ отецъ! Взялъ онъ насъ изъ училища, мы видѣли его тогда только плачущимъ и рыдающимъ. Снарядилъ онъ двѣ подводы и послалъ надежныхъ людей въ разныя стороны распрашивать по большимъ дорогамъ. И вотъ въ одинъ вечеръ привезли бѣглеца, нашли его въ одной корчмѣ въ херсонскихъ степяхъ, въ кабалѣ у жида! Послѣ этого случая, отецъ отвезъ всѣхъ троихъ насъ въ далекій епархіальный городъ и опредѣлилъ въ тамошнее духовное училище. Старшій братъ скоро взятъ былъ въ архіерейскій хоръ и, нашедши пищу своему растравленному чувству въ пѣніи, пересталъ тужить по отцѣ и убѣгать. Къ книжкѣ и школѣ онъ уже не воскресилъ въ себѣ охоты и впослѣдствіи велъ плачевную долю по разнымъ мелкимъ канцеляріямъ и преждевременно погибъ жертвою своего болѣзненнаго и непонятнаго для него чувства.

Отецъ, разлучившись съ нами, оставшись съ малолѣтнею дочерью, велъ тоскливую жизнь сельскаго вдовца—священника. И теперь, при болѣе сложныхъ условіяхъ быта, вдовство, какъ и сиротство, считается въ деревнѣ найбольшимъ нещастіемъ. Въ настоящее время, при совершенно измѣнившихся условіяхъ деревни, при существованіи въ ней общественности, какъ сословной, такъ и всесословной, при значительномъ запасѣ русскаго чиновнаго люда, считающаго себя образованнымъ, при полной возможности литературнаго чтенія, часто раздаются голоса о тяжелой долѣ вдовцовъ —священниковъ, вопіющей будто-бы о необходимости разрѣшенія втораго брака. Что-же было въ то время, когда въ деревнѣ все образованное существовало только въ лицѣ польскихъ пановъ, презиравшихъ и ненавидѣвшихъ православное духовенство, а все русское замыкалось въ кругѣ полуграмотнаго духовенства и темнаго крѣпостнаго народа! Правда, тогдашнія потребности были далеко не такъ широки и разнообразны, какъ нынѣ; за то онѣ были гораздо болѣе нынѣшнихъ глубоки, напряжены и по своей безъисходности мучительны. Мой отецъ безусловно чуждался поляковъ и смотрѣлъ на нихъ глазами своихъ прихожанъ. Урывками занимался онъ хозяйствомъ, домомъ, нашими школьными потребностями, въ которыхъ мало что понималъ, а главнымъ образомъ дѣлилъ свою жизнь съ церковію и съ своими прихожанами.

Когда онъ въ первый разъ прибылъ въ свой приходъ, въ то время въ цѣломъ благочиніи, состоявшемъ изъ 18 приходовъ, былъ только одинъ священникъ изъ *ученыхъ*, притомъ *богословъ*, окончившій курсъ въ новооткрытой тогда духовной семинаріи. Всѣ прочіе священники этого благочинія были одной школы съ отцомъ моимъ, „псалтирники", „дьячковскіе богословы", какъ выражался о себѣ отецъ. Въ слѣдующемъ году явился другой „богословъ". Потомъ уже только въ сороковыхъ годахъ, на мѣста вымиравшихъ „псалтирниковъ" поступали все „богословы", такъ что къ началу пятидесятыхъ годовъ въ цѣломъ благочиніи отецъ оставался единственнымъ представителемъ старины въ цѣломъ околоткѣ. Я помню почти всѣхъ сосѣдей моего отца—„псалтирниковъ". Всѣ они выступали въ дымчатыхъ халатахъ съ застегнутымъ пояскомъ, въ приземистыхъ пуховыхъ шляпахъ съ широкими полями и съ клеенчатымъ на шляпѣ чехломъ. Такой-же костюмъ носили тогда и бо-

гатые евреи, вслѣдствіе чего новое поколѣніе священниковъ, одѣвавшееся уже по предписанной формѣ, даже отдиравшее мазурку, вальсъ, польку и кадриль въ рясахъ, пренебрежительно называло собратовъ—старичковъ „халдеями". Отецъ предпочиталъ дома лѣтомъ ходить въ рубахѣ, зимою въ тулупѣ, въ деревню выходилъ въ какомъ-то длиннополомъ сюртукѣ, который онъ называлъ *шпенсеромъ*, идя въ церковь на литургію, надѣвалъ кафтанъ, а рясу содержалъ только для представленій благочинному и для поѣздокъ въ городъ, и всегда почему-то считалъ эту часть священническаго костюма „ученою выдумкою", что на языкѣ его означало глупую претензію, пустое тщеславіе. Всѣ почти „псалтирники", которыхъ я помню, уже чувствовали надъ собою неумолимую силу новизны и съ сокрушеннымъ сердцемъ дѣлали ей уступки. Всѣ они уже воспитывали своихъ сыновей въ семинаріяхъ, по крайней мѣрѣ въ уѣздномъ училищѣ, мечтали отдать своихъ дочерей замужъ за „богослововъ", поили заѣзжихъ семинаристовъ чаемъ, а не варенухой, снисходительно слушали пѣніе ихъ подъ гитару: „Гляжу я безмолвно на чорную шаль..." и цѣлыя миріады безтолковыхъ сантиментальныхъ тріо, которыя еще и въ мое время поглощали все музыкальное чувство семинаристовъ. Помню только двухъ священниковъ, которые совершенно равнодушно относились къ совершавшейся въ краѣ перемѣнѣ, но одинъ былъ горькій пьяница, другой—откормленный, грубый, напыщенный богатствомъ, которое наживалъ на приходѣ, надѣленномъ большими земельными угодьями. Первый за пьянство посланъ былъ „муку сѣять" (на жительство въ монастырь) и гдѣ-то пропалъ, второй умеръ въ своемъ приходѣ, пустивши по міру всѣхъ своихъ дѣтей, изъ которыхъ я впослѣдствіи встрѣчалъ сына—въ „наймитахъ" у простаго шляхтича. Послѣ 1839 года въ нашемъ благочиніи появились два священника изъ уніатовъ, обращенныхъ въ православіе по способу Бибикова. Эти избѣгали всякаго сообщества съ прочимъ духовенствомъ, водили дружбу только съ шляхтою, говорили по польски. Отецъ мой рѣзко отличался отъ всѣхъ этихъ старыхъ и новыхъ типовъ духовенства. Онъ сознавалъ рѣшительную нужду въ образованіи дѣтей и страстно желалъ видѣть насъ „богословами". Ходитъ бывало и мечтаетъ въ слухъ: „батько—псалтирникъ, а сыны—богословы!.. А ну, который нибудь буде и академистомъ!"... Въ такія минуты ему нужно было

подѣлиться съ кѣмъ нибудь пріятною мечтою, и онъ пригласитъ для этого или кого нибудь изъ прихожанъ, своихъ пріятелей, или своего дьячка: выпьютъ по одной—по другой, помянутъ старину, мечты заносятся. „Изъ моего меньшаго, мечтаетъ отецъ, еще и благочинный буде, а може и протопопъ"... „Нехай собі!"—твердить какой нибудь Павло Старенькій; „а старшаго (у котораго былъ хорошій голосъ) жаль на попа, зъ нёго добрый бувъ бы дякъ"... Увы, эти мечты сильно омрачались и теряли всю сладость для отца, когда онъ сличалъ новизну съ стариною. Вмѣсто человѣка почтенныхъ лѣтъ, хорошо знавшаго и уважавшаго народный духъ, главою прихода являлся безбородый юноша, въ шолковой рясѣ, съ претензіями на *панка* или *підпанка*, у котораго крестьянину совѣстно было руку поцѣловать. Прежніе священники принимали прихожанина въ своихъ „покояхъ", почтеннаго хозяина садили рядомъ съ собою, дѣлили съ нимъ хлѣбъ-соль и задушевную бесѣду; новое поколѣніе священниковъ видѣло въ прихожанахъ только „мужиковъ", которыхъ принимало въ кухнѣ, стоя, или заводило для пріема ихъ и на счотъ ихъ особыя комнаты при домѣ подъ названіемъ „канцелярій", въ которыхъ совершало для нихъ домашніе церковные обряды, даже таинство крещенія. Въ собраніяхъ новыхъ священниковъ не было мѣста „мужику", за то тутъ были ненавистные „мужику" польскіе „панки" и „підпанки" съ своими „паньями" и „паненками", иногда „самъ становой", или письмоводитель его, всегда почти полякъ, польская рѣчь летала здѣсь, играла на всѣхъ устахъ, смѣялась, царила. Вмѣсто прежнихъ благочестивыхъ пѣсней, теперь въ такихъ собраніяхъ распѣвались чувствительные романсы, все „къ ней", или затѣвались танцы, въ которыхъ ряса развѣвалась и носилась въ воздухѣ съ польскою деревенскою граціей. Въ церкви вмѣсто слова простаго, грубоватаго, но выхваченнаго прямо изъ души, изъ жизни, послышались проповѣди, выхваченныя изъ вороха припасенныхъ въ семинаріи, сочиненныя по всѣмъ правиламъ „расположенія", съ приличными хріями, фигурами, тропами, доказательствами отъ писанія, отъ разума, отъ природы, съ неумолимымъ бичеваніемъ роскоши, богатства, тщеславія,—проповѣди, послѣ которыхъ слушатели тяжело вздыхали, точно потерявъ послѣдній проблескъ свѣта и послѣднее утѣшеніе въ жизни. „Тьфу, тьфу"—плевалъ отецъ мой, поминая всѣ подобныя черты новаго священни-

ческаго быта. Тихо и незамѣтно совершался этотъ переворотъ въ краѣ на глазахъ моего отца, пока наконецъ онъ почувствовалъ себя сжатымъ, какъ кольцомъ, новымъ бытомъ. Оставшись одинокимъ среди новыхъ товарищей, онъ поникъ всѣмъ существомъ своимъ и совершенно замкнулся въ своемъ приходѣ съ своими прихожанами. Онъ не могъ точно опредѣлить, что претило ему въ духѣ новыхъ пастырей и по своему объяснялъ свои антипатіи. „Устава не знаютъ, на гласы пѣть не умѣютъ, а о *подобныхъ* и не спрашивай, часто стихиры и капона не умѣютъ выбрать — дяки надъ ними смѣются... Мужикомъ брезгаютъ, съ панами знаются. Ужъ лучше пить съ мужикомъ, чѣмъ съ паномъ... Иной, прости Господи, въ среду или пятницу скоромное ѣстъ у ляха, да вѣруетъ-ли онъ въ Бога?.. Не то что выпить съ мужикомъ по Божіему, но ни стать съ нимъ, ни сѣсть, ни поговорить не умѣютъ, даже выбранить его не могутъ, какъ слѣдуетъ, а только: что? какъ? мужикъ, дуракъ... Въ церкви служатъ, какъ деревянные, „мимрятъ“ себѣ подъ носъ, поютъ то какъ солдаты (придворное пѣніе), то какъ свиньи въ дождь“... Такія и подобныя рѣчи лились изъ устъ отца моего, когда заходила рѣчь о старинѣ и новизнѣ въ быту духовенства. Особенно тяжело стало отцу, когда и мы съ братомъ, ставши уже „философами“ и „богословами“, стали видимо льнуть къ новому поколѣнію священниковъ. Не разъ бывало онъ заводилъ тогда съ нами рѣчь: „и вы будете такими-жъ попами? И чему васъ въ семинаріи учатъ? За что васъ тамъ бьютъ?“.. Разсказываемъ отцу про разныя науки, порядки; онъ еще больше удивляется: „но отъ чего-же всѣ выходятъ оттуда такими дурнями?!“.. Такъ и оставался этотъ вопросъ для отца тяжелою загадкою.

Самъ отецъ мой никогда ничего не измѣнялъ до конца служенія своего въ приходѣ (1853 г.), ни въ церковныхъ порядкахъ, ни въ отношеніяхъ къ своимъ прихожанамъ: все у него шло по старинѣ. Благо, благочинный былъ все одинъ и тотъ-же, самъ пропитанный стариною, а, благодаря положенію прихода въ сторонѣ отъ большой дороги, ни одинъ архіерей не посѣтилъ его при отцѣ моемъ.

Церковь приходская была небольшая, деревянная, съ извѣстными тогда по всему южнорусскому краю тремя куполами. Изъ

уніатскихъ „визитъ", хранившихся въ церкви, видно было, что она построена въ половинѣ прошлаго вѣка иждивеніемъ прихожанъ. Неизвѣстно, православіе или унія дали небольшому тогда поселенію побужденіе къ постройкѣ церкви. Въ визитахъ говорится, что первый священникъ въ этомъ приходѣ былъ уніятъ. Но 1) иконостасъ въ церкви, устроенный въ самомъ началѣ, былъ того стиля, который появился еще въ XVII в., какъ протестъ противъ католицизма, отвергавшаго иконостасы, и противъ уніи, урѣзывавшей ихъ до minium-а, т. е. высокій, въ три яруса, сплошь закрывавшій всю олтарную часть—какъ нынѣшній иконостасъ въ печерской лаврѣ, устроенный въ началѣ XVII в. 2) Въ 1792 году, т. е. спустя не болѣе сорока лѣтъ существованія церкви, когда не мало еще было живыхъ свидѣтелей постройки ея, прихожане рѣшительно изгнали уніатскаго священника и просили о назначеніи имъ православнаго священника. По всей вѣроятности, какъ это было по всему краю, едва построена была церковь, какъ уніаты овладѣли ею, или первый-же священникъ вынужденъ былъ принять унію, тѣмъ болѣе, что въ визитахъ говорится о немъ и о сынѣ и преемникѣ его, какъ о пьяницахъ, рѣшительно небрегущихъ объ обученіи народа догматамъ католической церкви. При отцѣ моемъ отъ уніи оставался только такъ называвшійся всѣми *цимборъ*—шкафикъ подъ запрестольною иконою Божіей матери. Въ такихъ шкафикахъ, всегда имѣющихся въ католическихъ костелахъ за престоломъ подъ иконой, хранились такъ называемыя монстранціи, въ которыхъ подъ стеклышкомъ выставлялось на поклоненіе вѣрующимъ Тѣло Христово, въ видѣ освященнаго оплатка (oblata—*просфора*). При отцѣ моемъ этотъ шкафикъ служилъ для храненія въ немъ мелкихъ вещей, какъ-то: ладону, недогарковъ свѣчныхъ и под. Церковь была не крестообразная, но продолговатая (корабль). Въ дѣтствѣ моемъ это была общая форма всѣхъ сельскихъ церквей въ южной Россіи. Въ послѣдствіи стали пристраивать для расширенія церквей по бокамъ крылья, отъ чего церковь получала внутри видъ креста, а не корабля. Надъ крыльями сооружали купола, и церковь становилась пятиглавою. Молодые священники—„богословы", выносившіе изъ тогдашнихъ семинарій дикіе взгляды на памятники православія и русской народности въ южной Россіи, видѣвшіе во всемъ оригинальномъ остатки уніи и полонизма, твер-

дили, что три купола на церкви имѣютъ происхожденіе католическое и выражаютъ идею главенства папы надъ церковію и государствомъ. Нѣкоторые утверждали, что и пять куполовъ такъ-же выражаютъ католическую мысль, именно—о главенствѣ папы надъ четырьмя восточными патріархами. Послѣ того какъ епархіальная консисторія стала выдавать планы на постройку новыхъ церквей объ одномъ куполѣ съ колокольней надъ папертью, что принято было очевидно въ видахъ экономіи, стали утверждать, что православно-русская форма церкви—однокупольная. Что касается трехкупольной формы, которая подвергалась наибольшему подозрѣнію въ католичествѣ, то древность и оригинальность ея на югѣ Руси несомнѣнна. Ни въ предѣлахъ Польши, ни въ католической Европѣ не было обычая располагать куполы по длинѣ храма: если католическій храмъ трехкупольный, то всегда два меньшіе купола располагаются по угламъ на фронтѣ, а третій, большій, надъ олтаремъ. Скорѣе всего три купола въ рядъ по длинѣ церкви соотвѣтствовали внутреннему расположенію ея, именно: олтарь (малый куполъ), средина церкви, мѣсто вѣрующихъ и молящихся, самая большая часть церкви (большой куполъ), и наконецъ притворъ—мѣсто оглашенныхъ и кающихся, въ Малороссіи *бабинецъ* (малый куполъ), а потому они имѣютъ естественное происхожденіе тамъ, гдѣ церкви строились въ видѣ корабля (въ первые вѣка христіанства), а не креста (на западѣ) или базилики (преимущественно въ Римѣ). Оригинально относился отецъ мой къ церковнымъ украшеніямъ. Онъ не любилъ ихъ внутри церкви. Здѣсь онъ почти ничего не прибавлялъ къ тому, что засталъ. Стѣны оставались въ натуральномъ видѣ топоромъ стесаннаго дуба, не крашенныя, почернѣлыя. Въ куполѣ оставалось какое-то изображеніе, сдѣланное водяными красками, совсѣмъ почти стертое; отецъ ни-за-что не хотѣлъ возстановлять его. Иконы были все давнія, безъ всякихъ украшеній. Отецъ всегда недоумѣвалъ, зачѣмъ иконѣ золото, серебро, украшенія; онъ увѣренъ былъ, что украшенія къ иконамъ „выдумали ляхи“, которые „съ Богомъ хотятъ быть за панибрата“. „Икона, говаривалъ онъ, не дівка, що въ кораляхъ и квіткахъ всякому подобаетця“. Ризы у отца были всегда очень простыя, престолъ неизмѣнно покрытъ былъ простою большою *хусткою,* какую носили въ то время на плечахъ крестьянки - щеголихи. Когда наконецъ

отецъ мой получилъ набедренникъ — въ награду за двадцати-трехлѣтнюю службу въ санѣ священника, въ томъ числѣ за десятилѣтнюю службу въ должности окружнаго духовника, онъ никогда не надѣвалъ его, такъ и оставался за богослуженіемъ съ длинною *хусткою* у пояса, вмѣсто набедренника, служившею ему для сморканія. За то отецъ очень любилъ украшать церковь снаружи. Всякій годъ лѣтомъ производились какія-либо работы подлѣ церкви: то красились купола, то обшивались досками стѣны, то поднимали всю церковь и подмуровывали ее, или поправляли фундаментъ, то строился новый парканъ, новая двухъ-этажная колокольня и т. д. Лучшаго отдыха отъ полевыхъ работъ онъ не зналъ, какъ сонъ подлѣ церкви, въ тѣни, или бесѣда съ рабочими, особенно когда рабочими были захожіе *кацапы*, которыхъ отецъ очень уважалъ за „повагу", степенность и плотничье искусство. Еще въ первые годы по прибытіи на приходъ отецъ засадилъ весь церковный погостъ яблонями, грушами, вишнями и другими деревьями. Въ этомъ саду лѣтомъ помѣщалась церковная пасѣка — другое любимое отцомъ мѣсто для отдыха (свою пасѣку онъ содержалъ на сѣнокосѣ, въ дубовомъ кустарникѣ, во избѣжаніе соперничества пчелъ съ церковными). На Спаса (6-го авг.) добывался изъ церковной пасѣки первый медъ, изъ церковнаго садика первые яблоки и груши, то и другое освящалось на литургіи и раздавалось присутствующимъ на *починокъ*. Самъ отецъ ни за-что не ѣлъ яблокъ, грушъ и меду до Спаса и намъ — дѣтямъ запрещалъ ѣсть, а прихожанъ строго бранилъ, если замѣчалъ въ комъ отступленіе отъ этой заповѣди, которую онъ сравнивалъ съ заповѣдью въ раю. На *Семена* (1-го сентября) собирались къ церкви хозяева и совѣщались съ отцомъ, сколько ульевъ продать, сколько оставить на зимовлю. Вырученныя отъ продажи меду деньги составляли церковный доходъ и служили наибольшимъ подспорьемъ въ нуждахъ церковныхъ. Воскъ шелъ на свѣчи къ иконамъ и *братерскія*, которыя держали почетные хозяева во время пѣнія „херувимской" и „Тебе поемъ". Формы древнихъ братствъ давно уже не существовало, но всѣ расходы и дѣла церковные производимы были отцомъ не иначе, какъ по совѣщанію съ старѣйшими и почетнѣйшими прихожанами, которыхъ выдвигала громада. Интересны были эти выдвиганія громады. Бывало отецъ скажетъ въ церкви (на „буди имя Господне"): „пора

бы намъ подумать о томъ-то, заходите—порадимся". Окончилась литургія и начинается выдвиганіе депутатовъ. Одни сами себя выдвигаютъ впередъ съ словами: „а що жъ, ходімъ... хто иде?" Другихъ окликаютъ прочіе или плечами выпираютъ изъ толпы: „идіть же, Омельку... Степане... Иване...". Иной удираетъ по какимъ-либо дѣламъ домой, но его догоняютъ и заставляютъ вернуться, не смотря на предъявляемые имъ резоны. Шли вообще охотно—сколько изъ почести, столько-же и потому, что отецъ дѣйствительно честилъ громаду и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ шелъ противъ рѣшенія ея,—ну, да при томъ-же отъ отца не уйдешъ безъ довольнаго угощенія.

Въ совершеніи обрядовъ и богослуженій отецъ мой отличался глубокою простотою и независимостью. Теперь-бы ему мѣста не нашлось въ монастырѣ на эпитиміи за такую самостоятельность, да и тогда, при священникахъ—„богословахъ", щеголявшихъ формами благоговѣнія и почтенія къ службѣ, онъ непремѣнно пошелъ бы „муку сѣять", если бы не старый благочинный, любившій его.

Дома отецъ молился всегда и неизмѣнно по книгѣ, утромъ и вечеромъ, а часто и въ теченіи дня. Читалъ онъ молитвы, иногда стоя предъ образомъ, иногда ходя—по комнатѣ, по двору, по выгону сельскому, то тихо шепча слова, то громко выкрикивая фразы. Среди молитвы ничего не значило для него обращаться къ прохожему съ разными вопросами, замѣчаніями, даже нагоняями. „Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей"... умиленно со вздохами читаетъ онъ..: „а куда такъ біжишъ"? замѣчаетъ тутъ-же спѣшившему слугѣ, и, получивъ успокоительный отвѣтъ, продолжаетъ: „и по множеству щедротъ твоихъ очисти безаконіе мое".. Въ интересномъ случаѣ, прервавъ молитву, подолгу побесѣдуетъ, выбранитъ, если найдетъ за что, и опять продолжаетъ молитву. Священники—„богословы" смѣялись надъ этимъ обычаемъ „псалтирниковъ". Но я видѣлъ такой примѣръ на великомъ святителѣ русской церкви, кіевскомъ митрополитѣ Филаретѣ (1837—1857), будучи пѣвчимъ въ хорѣ его. Извѣстно, что это былъ непрестанный молитвенникъ въ буквальномъ смыслѣ, что псалтирь не сходила съ устъ его. Ходитъ бывало въ прогулкѣ по саду, а не разъ случалось и по полю съ нами, малыми пѣвчими, и все шепчетъ псалмы. Явственно слышимъ изъ устъ его псаломъ за псалмомъ, тихо идемъ за нимъ. „*Коль возлюбленна селенія твоя, Господи силъ,*

желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господи... а, вотъ и малина, кушайте дѣти... *Сердце мое и плоть моя возрадовастася*... да не ломайте кустовъ, осторожно... *ибо птица обрѣте себѣ*... зеленой не кушайте... ну, бѣгите"... Онъ-ли не зналъ псалтири наизусть? А бывало, во время длинной дороги, при объѣздахъ епархіи, позоветъ къ себѣ въ карету одного изъ насъ, посадитъ противъ себя, держи предъ нимъ псалтирь, а онъ читаетъ всю дорогу, перелистывая, и тутъ-же дѣлаетъ вопросы рядомъ съ нимъ сидящему архимандриту, потребуетъ чрезъ окно у лакея апельсину, жуетъ и глазами водитъ по книгѣ. Разъ на почтовой станціи нашли нужнымъ что-то починить въ каретѣ его. Мы были въ дорогѣ съ нимъ, слѣдуя неразлучно въ своей колымагѣ за его экипажемъ. „Ну, дѣти, пойдемъ впередъ по дорогѣ". Идемъ, старикъ все шепчетъ про себя, прерывая молитву вопросами прохожимъ, въ изумленіи глядѣвшимъ на невиданную процессію, крестьянамъ: „съ работы, домой? Хороша жатва"? и т. п. Вдругъ ручеекъ поперекъ дороги... „Сядемъ на травѣ". Сѣли... солнце заходило. Пошепталъ немного святитель и громко читаетъ: „солнце позна западъ свой... пропойте, дѣти, *Свѣте тихій*"... Мы тихонько пѣли, онъ поднѣвалъ сиплымъ дребежжавшимъ голосомъ. Опять сталъ шептать. „А твердо помните вы изъ катихизиса о таинствахъ? Вотъ васъ семь, разскажите каждый по порядку про одно изъ семи таинствъ". Стали разсказывать, онъ поправлялъ, дополнялъ, иногда забывая про насъ и шепча про себя... Въ сторонѣ отъ насъ образовался кружокъ прохожихъ крестьянъ, глядѣвшихъ на дивнаго старца съ дѣтьми. Подъѣхали экипажи...

Читатель проститъ мнѣ это небольшое отступленіе по поводу формы домашней молитвы отца моего; оно достаточно поясняетъ молитвенные обычаи старины, у которой форма часто пропадала въ духѣ. Увы, отецъ мой былъ слишкомъ простъ въ своихъ внѣшнихъ молитвенныхъ дѣйствіяхъ; такимъ-же почти онъ былъ и за церковнымъ богослуженіемъ, но не соблазняло это его прихожанъ, ибо всѣ они знали, какъ искренно онъ былъ набоженъ, какъ горячо любилъ церковность и молитву. Удивительнымъ образомъ мирилось въ немъ строгое соблюденіе церковнаго устава и въ тоже время отступленіе отъ его правилъ и формъ. Все покрывала вѣра простая, духъ молитвенный и особый взглядъ на службу Божію.

Не позволялъ напр. отецъ выбрасывать что либо изъ чтенія, какъ теперь выбрасываютъ псалмы, цѣлыя каѳизмы, стихиры, кондаки, сѣдальны, даже въ архіерейскихъ церквахъ. Но вотъ постъ великій, седмица страстная. Сколько тутъ чтенія и пѣнія! Три службы въ день и между ними говѣльщики, требы, заботы хозяйственныя. Подходитъ очередь субботныхъ паремій; при умѣломъ, бѣгломъ чтеніи они займутъ до часу времени. Отецъ укажетъ бывало дьячку двѣ—три пареміи и прибавитъ: „а то дома вычитай..., та гляди, бо Богъ скарае". И отецъ и дьячекъ вѣрили, конечно, что служба Божія отъ того ничего не потеряла, ибо назначенное для Бога предъ Богомъ вычитано сполна, хотя и на дому. Когда я подросъ, отецъ обыкновенно меня заставлялъ „вычитывать" эти пареміи дома предъ образомъ. Тоже самъ онъ дѣлалъ относительно евангелій въ страстную недѣлю. Въ церкви онъ читалъ только отрывки изъ того или другаго евангелія, а дома постоянно читалъ, ходя и стоя, евангелія подъ рядъ, дабы къ великому четвергу „вычитать" всѣхъ евангелистовъ отъ начала до конца. Ничего не составляло для него дѣлать подобныя отступленія при совершеніи вечерни. Служба эта краткая, но она захватывала иногда отца—сельскаго хозяина среди недоконченныхъ работъ и заботъ. Войдетъ онъ въ церковь, надѣнетъ эпитрахиль, скажетъ: „Благословенъ Богъ"... и выйдетъ изъ церкви, ходитъ по погосту, припоминаетъ недоконченное, отдаетъ приказы, дѣлаетъ распоряженія и въ то-же время молитвы, положенныя по книгѣ, читаетъ, заговариваетъ съ проходящими мимо церкви крестьянами и чутко прислушивается къ тому, какъ идетъ въ церкви чтеніе и пѣніе. Вдругъ дьячекъ запѣлъ: „Господи полилуй, Госп..." Отецъ тутъ-же, ставши лицомъ къ востоку, громко произноситъ свое: „Паки и паки... Заступи, спаси... Пресвятую, пречистую..." и продолжаетъ начатый распросъ, недосказанное распоряженіе, или опять ходитъ по погосту, пока не придетъ время кажденія или большой эктеніи и под. Дьячекъ давно свыкся съ такимъ порядкомъ, читалъ иногда и безъ священника вечерню и часы и потому, не слыша подчасъ возгласа, продолжалъ читать и пѣть и уходилъ далеко впередъ. Входившій отецъ возвращалъ его назадъ и служба шла до новаго перерыва. Разъ пропущенъ былъ малый входъ и любимый отцомъ догматикъ, дьячекъ началъ уже: *Свѣте тихій...* Вдругъ отецъ изъ олтаря: „а

ты оце вже *Світе тихій?* Якій скорый! А ну лишень: *Въ чермнімъ морі*", и съ этимъ становится посреди церкви, начинаетъ свою любимую пѣснь, поетъ—заливается, въ глазахъ слезы, въ лицѣ молитва—искренняя, горячая, къ небу идущая... Что любилъ онъ, то пѣлъ два, три и болѣе разъ, не стѣсняясь уставнымъ порядкомъ. Въ службѣ подъ день Успенія Божіей Матери есть глубоко трогательная по содержанію и напѣву пѣснь: *Апостоли, отъ конецъ земли совокупльшеся здѣ, погребите тѣло мое, и ты, Сыне и Боже мой, пріими духъ мой!*... Отецъ особенно любилъ эту пѣснь: ея напѣвъ доводилъ его до какого-то экстаза, забытья. Пришло разъ время пѣть ее, а меня съ братомъ въ церкви не оказалось. Отецъ началъ, но послалъ искать насъ; мы прибѣжали, когда онъ съ дьячкомъ доканчивалъ пѣніе уже въ третій разъ. Тѣмъ не менѣе снова въ четвертый разъ отецъ началъ тоже: *Апостоли,* а потомъ и пятый разъ и всякій разъ при словахъ: „погребите тѣло мое, и ты, сыне и Боже мой, пріими духъ мой"! слезы неудержимо лились изъ глазъ его, и все внимало ему, молилось также глубоко и горячо. По окончаніи вечерни, иногда совсѣмъ уже пустившись домой, отецъ вдругъ поворачивалъ: „а, може, ще що заспіваемъ"? Придумаетъ, и „заспіваемъ"... На литургіи онъ едва поспѣвалъ читать эктеніи, молитвы и пѣть за клиросомъ. У него были любимые напѣвы херувимской, милость мира и т. д. Дьячекъ долженъ былъ медленно пѣть, чтобы отецъ успѣлъ прочитать положенную молитву и хотя конецъ пѣсни пропѣть съ нимъ, или-же отецъ, кончивъ молитву, снова начинаетъ ту-же пѣснь, которую дьячекъ окончилъ. Иногда дьячекъ—торопится-ли куда нибудь послѣ литургіи, или не въ духѣ противъ отца, начиналъ пѣть *по новому* (простое, придворное пѣніе). Отецъ перебиваетъ его—поетъ по своему, тотъ упрямо продолжаетъ начатое; тогда отецъ выходитъ на сѣверную дверь и начинаетъ распекать дьяка: „ну, я-жъ тебе прошу —не чуешь? ну, співай-же, якъ прошу..." Разъ на утрени Пасхи, когда отецъ посреди церкви христосовался съ народомъ, а на клиросѣ пѣли пасхальныя стихиры, я, поминая школу, гдѣ насъ заставляли иныя пѣсни пѣть по гречески, запѣлъ на клиросѣ по гречески: *Христосъ воскресе.* Но едва я началъ: Χριστὸς ἀνέστη ἐκ νεκρῶν... какъ отецъ, не подозрѣвавшій тутъ моего велемудрія, вдругъ прервалъ меня: „що ты, небоже, съ просоня"? Дьякъ, посвященный въ сек-

ретъ, объяснилъ въ чемъ дѣло. „А, отвѣчалъ отецъ, то цікаво! Слухайте, добрі люди, якъ греки співають: *Христосъ воскресе*...„ „Добрі люди“ слушали съ любопытствомъ, а отецъ потомъ пояснилъ имъ, что греки когда-то имѣли своего царя и что они научили насъ, русскихъ, въ Бога вѣровать, они-же написали всѣ пѣсни, которыя поются въ церкви, и церковную службу установили. „Ну, ще разъ заспівай“. Конечно, я пропѣлъ... Безъ всякаго сомнѣнія, отецъ мой никогда не говорилъ проповѣдей въ смыслѣ нынѣшнихъ. Онъ читалъ поученія или синаксари, положенныя въ тріодяхъ, или меня (когда я былъ уже „богословомъ“) заставлялъ читать ихъ. Въ особенныхъ случаяхъ у него экспромтомъ являлись и свои поученія—въ такомъ родѣ: „Щось вы, люди добрі, св. церковь забуваете. Который разъ васъ въ церкві не повно! Василя... Степана... Ивана... который разъ не бачу въ церкві! Скажить імъ, що то—гріхъ, стыдно. Прійде сповідь, піймаю я ихъ, дамъ имъ“... По случаю какихъ либо безобразій, появившихся въ деревни, скандаловъ на *вечерницахъ* и *досвіткахъ*, пьянства, побоевъ мужьями женъ, воровства и под., отецъ выступалъ съ поученіемъ: „Що то у насъ въ селі повелось диковенного? Подуріли люди, чи що? Що то вы уже перестали Бога бояться? Забули, що вінъ есть на небі, бачить, що діеця на світі? Хочете хиба, щобъ вінъ прійшовъ зъ неба до васъ зъ батогомъ?“... и т. д. Но самыя внушительныя проповѣди происходили во время говѣнья. Тутъ отецъ постоянно былъ въ возбужденіи. Вотъ одинъ подошелъ къ столику съ крестомъ, иконою, сталъ на колѣни, свѣсилъ голову; отецъ, сидя на стулѣ, покрылъ его эпитрахилемъ, наклонился къ нему и въ полголоса бесѣдуетъ. Потомъ бесѣда его становится все громче и громче и явственно слышишь: „и то добре, що у тебе діти не роспустні, поважають старшихъ, и мирно въ домі, съ сусідами... Господь тебе не оставить“... Слѣдуетъ разрѣшительная молитва. Исповѣдавшійся встаетъ, цѣлуетъ крестъ, икону и отходитъ,—отецъ въ догонку говоритъ: „забий десять поклонівъ, та прочитай: *Отче нашъ* и *Богородице Діво*“... Подходитъ другой: тихая бесѣда опять переходитъ въ громкую: „то що-жъ се, ты хиба святый, жадного гріха не маешь? Пішовъ, ледащо, та одумайся... Роскажить ему, люди добрі, якъ треба сповідатися“—обращался онъ къ предстоявшимъ. Тотъ отходитъ со стыдомъ и являлся чрезъ часъ—два. Но вотъ

подошелъ какой-то пасмурный, видимо растерявшійся; преклонился, въ толпѣ прошелъ шепотъ. Отецъ, не покрывая его эпитрахилемъ, всматривается въ него: „а, голубе, таки прійшовъ до Господа Бога —громко говоритъ отецъ:—отъ Бога не утічешь“... „То мы его привели“—отзываются тихо изъ толпы. „То-то, продолжаетъ отецъ —отъ Бога не утічешь, Богъ всюду найде тебе... Ну, що-жъ теперь буде зъ нами? Якъ ты самъ думаешь“?.. Грѣшникъ стоитъ на колѣняхъ, совсѣмъ потерянный. „Що мы зъ нимъ зробимъ, добрі люди“?, обращается отецъ къ предстоящимъ. „Возьміте та привяжите его на якій часъ до яблоні, нехай тамъ спокутуе гріхъ свій“... *Добрі люди* ожидали этого. Староста, дячекъ, почтенные хозяева подхватывали грѣшника, уводили изъ церкви и привязывали веревкой къ яблони у входа въ церковь. Прохожіе молча глядѣли на него, никто не удивлялся, не спрашивалъ, за что. Иная баба только проговоритъ жалостно: „охъ, тяжкій гріхъ, лишечко“!... Никто не спрашивалъ о причинѣ кары потому, что давно уже все село знало его вину, долго говорили о ней и давно всѣ порѣшили, какъ поступить съ нимъ при исповѣди. Это—сынъ, побившій своего отца, пьянствующій, буйствующій въ домѣ, никого не слушавшій, не являвшійся въ церковь долгое время. Побить отца или мать считалось самымъ тяжкимъ грѣхомъ. Между эпитиміями, налагаемыми на кающихся, кромѣ частныхъ или личныхъ, были и общія для всѣхъ, состоявшія въ томъ, что кающіеся должны были исполнить какія либо работы при церкви и въ усадьбѣ отца, напр. окопать огородъ рвомъ, огородить дворъ плетнемъ, поправить крыши на домѣ или хозяйственныхъ строеніяхъ, а толковые и знающіе—поправить или переложить парканъ при церковномъ погостѣ, поправить дощатую обшивку на наружныхъ стѣнахъ церкви и т. п. Такъ велось изстари и отецъ никогда не измѣнялъ этого обычая, даже послѣ введенія „инвентарей“, которыми возложена на крестьянъ обязанность строить и починять для причта дома и службы на свой счетъ—обязанность, которой отецъ мой никогда не признавалъ, предпочитая эпитимійный способъ или „толоку“ т. е. работу за угощеніе.

Въ частныхъ обрядахъ отецъ свято соблюдалъ старину, не обращая никакого вниманія на указы и запрещенія. Извѣстно, что въ „Московскомъ Требникѣ“, окончательно редактированномъ при

патр. Никонѣ, принято весьма незначительное количество обрядовъ на разныя случаи въ быту христіанина—изъ той массы ихъ, какая существовала до того времени въ различныхъ редакціяхъ требника въ Греціи, Сербіи, Молдавіи, на Аѳонѣ, въ южнорусской церкви и въ самой Великороссіи. Въ одномъ требникѣ Петра Могилы (1646 г.) имѣется до 48 обрядовъ, не принятыхъ въ никоновскомъ требникѣ. Послѣ возсоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ съ православною церковію (1839 г.), указомъ св. синода повелѣно отобрать у всѣхъ церквей богослужебныя книги старыхъ мѣстныхъ изданій и замѣнить ихъ изданіями московской редакціи. Отецъ не подчинился этому указу въ отношеніи требника. У него свято хранилось какое-то старинное изданіе требника безъ заглавнаго листа и, кромѣ того, писанныя молитвы на разные случаи. Жучокъ появился въ поляхъ—есть обрядъ, отецъ отправляется въ поля и служитъ молебенъ объ избавленіи отъ жучковъ. Моръ на скотъ въ деревнѣ —есть обрядъ, сгоняютъ со всей деревни скотъ, отецъ служитъ молебенъ объ избавленіи отъ мора, окропляетъ скотъ священною водою. Появилась въ селѣ холера—есть такой обрядъ, отецъ обходитъ съ процессіей вокругъ всей деревни, на четырехъ сторонахъ его служитъ молебенъ и весь путь окропляетъ св. водою. Были молебны „на страждущихъ огневицею", „противъ огня" (во время пожара) и т. п. Однимъ словомъ, на всякую повидимому нужду находился обрядъ или молитва [1]). Помню, какъ однажды, прочитывая отцу уніатскія церковныя визиты, хранившіяся въ церкви, я встрѣтилъ въ нихъ указаніе на обычай звонить каждый вечеръ въ

---

[1]) У весьма многихъ священниковъ я встрѣчалъ потомъ и доселѣ то старинныя православныя, то—чаще всего уніатскія (сдѣланныя по требнику Петра Могилы) изданія требниковъ, то рукописныя сборники молитвъ, которыми они пользовались въ нуждахъ прихожанъ. Это, кажется, вполнѣ извѣстно епархіальнымъ архіереямъ и св. синоду. Остается открытымъ вопросъ: законно или незаконно въ этомъ случаѣ поступаютъ священники? Замѣна всѣхъ редакцій требника никоновскимъ означаетъ-ли запрещеніе непринятыхъ въ немъ обрядовъ, или только предоставленіе ихъ личному благоразумію священника? Кажется, пора рѣшить этотъ вопросъ. Едва-ли церковь рѣшится наложить на нихъ запрещеніе; скорѣе духъ церковный потребуетъ оживленія этой части богослуженія... Въ такомъ случаѣ необходимо пересмотрѣть и исправить эти обряды и молитвы, въ которыхъ по мѣстамъ проглядываютъ предразсудки и глубокое невѣжество.

колоколъ, дабы прихожане во всѣхъ домахъ прочитали: *Богородице Дѣво, радуйся...*,—обычай впервые установленный въ приходѣ уніатскою властію по примѣру римско-католическихъ церквей. Отецъ, весьма дорожившій этимъ сохранившимся въ приходѣ обычаемъ, но ненавидѣвшій уніатовъ, крайне изумился этому указанію, но затѣмъ рѣшилъ, что уніатскій визитаторъ вретъ, а вѣроятно уніатскій священникъ, о которомъ визита отзывается, какъ о пьяницѣ, нерадящемъ о добрыхъ обычаяхъ въ приходѣ, опустилъ и этотъ обычай,—что у его отца звонили, во всѣхъ православныхъ приходахъ издавна звонили... Звонъ остался по прежнему... Также разсуждалъ онъ и о обливаніи при крещеніи и крестилъ чрезъ обливаніе, „по старому, а не по новому" (чрезъ погруженіе), какъ онъ выражался.

Послѣ литургіи почетные прихожане изъ церкви шли къ отцу въ домъ „на молитву". Въ комнатѣ, носившей громкое названіе „покоя", былъ глиняный полъ, „канапка", покрытая ковромъ домашней работы, шесть простыхъ стульевъ, такой-же столъ, впослѣдствіи къ нимъ прибавился комодъ и маленькій столикъ. Мебели немного! За то иконъ было немало, на всѣхъ стѣнахъ, всѣ въ натуральную величину, на полотнѣ, такъ что „покой" походилъ на молельню или часовню. На столѣ уже заранѣе приготовлены были водка, хлѣбъ, масло, пироги. Отецъ громко прочитаетъ молитву Господню, поблагословитъ „ястіе и питіе", наливаетъ рюмку водки и, обращаясь къ ближайшему гостю, говоритъ: „дай Боже здоровья"! затѣмъ обращается ко всѣмъ присутствующимъ, произнося: „дай намъ, Боже, здоровья"! выпиваетъ непремѣнно до дна, наливаетъ чарку вновь и подноситъ ее тому, къ кому лично обращался съ пожеланіемъ здоровья. Тотъ, принявъ чарку, такимъ-же порядкомъ обращается къ своему сосѣду и ко всѣмъ съ пожеланіемъ здоровья и т. п. Сидѣли, говорили о погодѣ, урожаѣ, о случаяхъ въ деревнѣ, нуждахъ личныхъ и общихъ, панахъ, панщинѣ, вообще о деревенской политикѣ. Словомъ: сошлись прихожане у старшаго своего пріятеля и главы и ведутъ рѣчи по душѣ. Поговорили—опять начинали: „дай Боже здоровья"... Иногда и въ третій разъ здоровались. Но доньяна при этомъ никогда не напивались. Это послѣднее случалось только тогда, когда у отца сойдутся два—три пріятеля изъ прихожанъ и застанутъ его безъ дѣла, въ скукѣ и

тоскѣ, въ которую онъ часто впадалъ съ постепенною перемѣною всѣхъ условій быта въ деревнѣ. Отецъ радъ тогда пріятелямъ. Пойдутъ тоскливыя рѣчи про личное и общее горе, про старыя времена, когда и людямъ было легче, и священникамъ лучше... На столѣ появляется „ястіе и питіе", рѣчи становятся веселѣе, духъ бодрѣе, чувства несутся, какъ волны—то приливъ, то отливъ; оживленіе, достигши извѣстной степени, вдругъ понижается, снова пошли тоскливыя рѣчи. Откуда-то появляется дякъ, всегда чуткій къ подобнымъ собраніямъ у отца и умѣющій вторить чувствамъ его, выступаемъ и мы съ братомъ на сцену и начинается: „Хвалите Господа съ небесъ"... „Излій на мя, Боже"... „Горе мнѣ грѣшнику сущу"... Вдругъ отецъ громко начинаетъ: „Ой, у полі могила"... Въ этой пѣсни соединены были два тяжкія для сердца отца событія въ его жизни: вдовство его и изломанная доля старшаго сына:

Ой, у полі річка,
Черезъ річку кладка,—
Не покидай, козаченьку,
Рідненького батька.
Бо якъ батька покинешь,
То й самъ марне загинешь,
Річенькою быстренькою
На Дунай заплынешь...

Уже на этихъ словахъ голосъ отца дрожалъ, слезы текли изъ глазъ его, онъ употреблялъ усилія, чтобы допѣть послѣдніе стихи:

А вдарився бідный вдовець
Та въ полы руками,—
Дітки мои дрибненькіи,
Пропавѣ-же я зъ вами.

Тутъ отецъ падалъ ничкомъ на „канапку", долго и громко рыдалъ и всѣ плакали. Эта пѣсня неизмѣнно являлась на сцену и не теряла своего значенія для отца даже тогда, когда „дітки" давно уже перестали быть „дрибненькими" и мы съ братомъ были уже „богословами", а сестра невѣстою...

Безъ сомнѣнія, что отецъ бывалъ въ гостяхъ у своихъ прихожанъ и не только на поминкахъ, но и безъ всякаго повода, по

пріязни, и неразъ возвращался изъ гостей хмѣльной. Когда мы съ братомъ были уже „богословами“ и достаточно уже полированы были семинарщиною, мы иногда вступали съ отцомъ въ препирательство на счетъ подобнаго братанья съ „мужиками“. Отецъ очень сердился на насъ въ подобномъ случаѣ и бранилъ „новыхъ“ священниковъ за отчужденіе отъ „мужика“. „Со мною, говаривалъ онъ, мужикъ выпьетъ и Бога не забываетъ, а безъ меня сойдутся —напьются какъ свиньи, дерутся, сквернословятъ, въ корчму идутъ... Мужикъ пьетъ не изъ роскоши, но по трудахъ или съ горя. Не пить ему нельзя, но нужно беречь его, чтобъ не пропивался“... Конечно, это не были принципы, изъ которыхъ возникали отношенія моего отца къ прихожанамъ, но оправданіе непонятной для него и неумолимой силы старины, воспитавшей такія отношенія и поставившей священника фактическимъ и единственнымъ въ то время руководителемъ народной нравственности. Теперь не то, теперь и и писарь, и старшина, и посредникъ, и мировой судья, и становой —все опекуны народа, всякій скажетъ: „не ваше, батюшка, дѣло мѣшаться въ крестьянскія дѣла“... Прежде было другое; погрозитъ бывало развѣ становой, да всѣ *люди* знаютъ, что это онъ—„съ дуру“ да и пріѣдетъ онъ въ село разъ—два въ году, чтобы сдѣлать честь „пану“, взять съ него „получку“, а старыя отношенія въ селѣ продожали царить по прежнему. Вотъ бывало ночью гдѣ-то на селѣ слышенъ крикъ, шумятъ, бушуютъ. Отецъ тотъ часъ посылаетъ дяка, старосту—немедленно прекратить шумъ. Слышны пьяныя пѣсни, хохотъ, пьяное веселье—опять командируется староста, дякъ, сторожъ церковный съ прибавленіемъ: „скажите, что, если не послушаются, самъ приду съ палицею, да котораго нибудь такъ попотчую, что два дня будетъ чесаться“... Приходитъ баба: „ой, батюшка, чоловікъ пье, та мене и дітей убивае“!... Беретъ отецъ палку, кликнетъ дяка, старосту и идетъ—и вѣроятно судъ былъ скорый, правый, хотя и несовсѣмъ милостивый. Диву дался однажды отецъ мой, когда совершенно случайно узналъ, что священникъ по чину то-же, что и капитанъ. Это важное открытіе сдѣлалъ для него братъ жены его, священникъ „изъ философовъ“, кутило и драчунъ, разсказавшій ему при этомъ, какъ онъ заставилъ одного юнкера, чванившагося предъ нимъ своимъ чиномъ, сдѣлать „руки по швамъ“, когда показалъ ему табель о рангахъ въ духовенствѣ, гдѣ священ-

никъ поставленъ въ одномъ рангѣ съ капитаномъ. Отецъ, никогда не подозрѣвавшій на себѣ чина, да еще такого высокаго, дня два ходилъ совсѣмъ смущенный, повторяя про себя: „капитанъ... капитанъ... то мужикъ уже повиненъ ждать и трепетать у мене передъ крыльцомъ, а не входить въ покои"?.. (такъ внушалъ „философъ" въ силу капитанскаго чина). Но „философскій" соблазнъ скоро прошелъ, и отецъ по прежнему не выходилъ изъ роли „псалтирника" въ отношеніи къ своимъ прихожанамъ и вспоминалъ о своемъ великомъ чинѣ только въ раздраженіи противъ помѣщика или становаго, самодовольно поговаривая: „не посміе, короткі руки... я—капитанъ"!..

Такъ до конца отецъ остался вѣренъ завѣтамъ старины. Новыя порядки, новыя вѣянія какъ волны наступали на него со всѣхъ сторонъ, но онъ стойко и упрямо отбивался отъ нихъ, сколько хватало у него силъ. Онъ не только не былъ врагомъ новыхъ требованій, но напротивъ благословлялъ имя императора Николая, приписывая ему лично иниціативу всѣхъ этихъ требованій, тѣмъ болѣе, что каждое распоряженіе начиналось: „По указу Его императорскаго величества —ская духовная консисторія *слушали*"... Но „слушали" и „приказали" большею частію не походитъ предъ нимъ одно на другое и ему все казалось, что „царь не того хоче, що *приказали*". Онъ слезами радости встрѣтилъ насъ, когда мы, пріѣхавъ на каникулы, показали ему свои виды въ доказательство, что мы „переведены въ богословіе", но онъ почти ни въ чемъ не могъ сойтись съ священниками—„богословами" и чуждался быта ихъ. Онъ радовался установленію „инвентарей", но всегда твердилъ, что съ введеніемъ инвентарей для народа пошло все хуже и для всѣхъ стало невыносимо. Не умѣла старина понять новизны, какъ и новизна съ пренебреженіемъ относилась къ старинѣ. Таковъ ужъ историческій грѣхъ нашихъ реформъ! Новыя отношенія, созданныя введеніемъ инвентарей, всего бѣлѣе подкосили энергію отца. Озлобленные паны дѣлали изъ мухи слона, ждали крестьянскихъ возстаній, рѣзни поляковъ, въ непослушаніи, спорахъ за черту владѣнія, тѣмъ болѣе въ похвальбѣ изъ-за угла видѣли бунтъ, просили о присылкѣ войскъ, и крестьяне жестоко платились за свою полуволю. Священники возбудили противъ себя сильное неудовольствіе со стороны прихожанъ за устраненіе отъ всякихъ объ-

ясненій инвентарныхъ правилъ и отъ всякихъ ходатайствъ по дѣламъ ихъ предъ помѣщикомъ и предъ властями. Крестьяне не могли вѣрить, чтобы священникамъ запрещены были всякія объясненія по этимъ дѣламъ, потому что на глазахъ ихъ въ церкви имъ вручались исправниками инвентарныя правила, причемъ объявлено было, что за всѣми объясненіями правилъ должно обращаться къ священнику. Нѣкоторые священники уступали напору крестьянъ, но крестьяне отъ этого ничего не выигривали, а смѣльчаки—священники попадали подъ арестъ, на эпитимію, лишались своихъ приходовъ. Новая порода священниковъ хотѣла жить сообразно съ потребностями „образованнаго человѣка" (капитана?) и, пользуясь инвентарными правилами, возлагавшими на крестьянъ обязанность на свой счетъ строить священникамъ дома и службы, пахать поля, убирать хлѣбъ, требовали постройки домовъ не хуже, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, въ какихъ жили панскіе экономы,—чтобы была передняя, залъ, семейныя комнаты, канцелярія для пріема „мужиковъ", требовали крестьянъ на работу, а въ случаѣ отказа, обращались къ экопому или помѣщику, который чрезъ своихъ агентовъ заказывалъ по селу: „на панщину до попа". Въ воображеніи крестьянъ священникъ сталъ рядомъ съ помѣщикомъ—голякомъ! Вмѣсто одной панщины явилось двѣ! Бывали случаи, что крестьянъ пороли на панскомъ дворѣ, да еще иногда при становомъ, за уклоненіе отъ „панщины" священнику. Отецъ мой, никогда не прибѣгавшій къ панщинѣ, довольствовавшійся все тѣмъ-же домикомъ съ глинянымъ поломъ, все болѣе и болѣе никнулъ въ виду происходившей сумятицы въ отношеніяхъ между священниками и прихожанами и въ цѣлой сферѣ деревни. Оставшись одинокимъ среди новыхъ священниковъ, бодро выносившихъ новый духъ, требованія времени, совершенно замкнувшись въ своемъ приходѣ, онъ и тутъ не находилъ уже покоя. Изъ сосѣднихъ приходовъ толки, настроенія проникали и въ его приходъ и производили подъ-часъ недоразумѣнія. Новые священники критиковали его братанье съ „мужиками", его воззрѣнія на свои обязанности, на все, чѣмъ онъ жилъ и дышалъ всю жизнь, собственныя дѣти его какъ будто больше льнули на сторону священниковъ—„богослововъ"... Онъ началъ терять увѣренность въ себѣ, быстро сталъ падать въ энергіи и физическихъ силахъ, считалъ себя лишнимъ на свѣтѣ, поджидалъ только жениха

для дочери, чтобы уступить ему приходъ. Заслышитъ бывало крикъ, шумъ въ деревнѣ, буйное веселіе и крикнетъ: „эй, позовите старосту". Приходитъ староста; отецъ уже запинается и переводитъ разговоръ на совершенно иной предметъ. Выйдетъ бывало на царскія врата и начнетъ: „що то у насъ, люде добрі, въ селі повелось? Пьянство, распутство... Бога не боітесь уже? Хочете, щобъ я"... и оборвалъ... почешется въ головѣ, махнетъ рукою и спѣшитъ окончить литургію. „Ну ихъ, потомъ объясняетъ намъ, скажутъ еще, что вмѣшиваюсь въ дѣла крестьянъ, еще на эпитимію пошлютъ"... Какъ дубъ, подточенный въ корняхъ, повалился этотъ послѣдній представитель старины въ своемъ околоткѣ.

Въ 1853 году отецъ уступилъ свой приходъ зятю, а чрезъ два года скончался.

N.

(Продолженіе будетъ).

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко,

по воспоминаніямъ разныхъ лицъ.

(1831—1861 г.).

Я лично не зналъ Шевченка и въ первый разъ узналъ о немъ весною памятнаго 1847 года; въ то время я находился въ Петербургѣ, въ учебномъ заведеніи, и на праздникъ былъ отпущенъ къ брату, служившему въ Петербургѣ. Отъ брата я узналъ, что сестра моя, въ борзенскомъ уѣздѣ (черниговъ. губ.), вышла замужъ за малороссійскаго писателя Кулиша, что на свадьбѣ былъ малороссійскій поэтъ Шевченко—въ „боярахъ“ и въ числѣ прочихъ подписался на письмѣ къ моему брату. Я видѣлъ это письмо и помню подпись крупными буквами: „бояринъ Т. Шевченко“. Вскорѣ за тѣмъ я познакомился съ стихами Шевченка; первые, слышанные мною, были слѣдующіе изъ „Тарасовой ночи“:

На роспутті кобзарь сидить
Та на кобзі грає;
Кругомъ хлопці та дівчата,
Якъ макъ процвітає...

Затѣмъ слышалъ нѣкоторые стихи изъ „Посланія до земляківъ“. Стихи Шевченка произвели на меня очень сильное впечатлѣніе; они глубоко запали тогда въ мою, еще дѣтскую, душу...

Года черезъ три послѣ моего перваго знакомства съ произведеніями Шевченка, судьба привела меня на родину, въ родительскій домъ. На родинѣ я много наслышался о Шевченкѣ, который (въ началѣ 1847 г.) бывалъ у моей матери и у многихъ родныхъ въ Борзенщинѣ; всѣ, видѣвшіе его, о немъ хорошо помнили.

Я очень жалѣю, что тогда не записывалъ разсказовъ о Шевченкѣ; да и до послѣдняго времени я ничего не записывалъ о немъ. Думалось, что, такъ какъ очень многіе знали его лично, поль-

зовались его дружбою или знакомствомъ и находились съ нимъ въ болѣе или менѣе частыхъ сношеніяхъ, то они, эти многіе, и припомнятъ *многое* о Шевченкѣ, напишутъ и передадутъ въ печать. Но, къ сожалѣнію, вышло не такъ: изъ числа пяти „соузниковъ" Шевченка, которымъ онъ посвятилъ два стихотворенія [1]), въ теченіи двадцати двухъ лѣтъ, протекшихъ со дня кончины Тараса Гр., только одинъ Н. И. Костомаровъ напечаталъ свои воспоминанія о немъ [2]), да другой, П. А. Кулишъ, написалъ о немъ въ свое время десятокъ строчекъ, и очень недавно, изъ личныхъ воспоминаній о Шевченкѣ, огласилъ одно, доселѣ никому неизвѣстное обстоятельство изъ жизни какъ Шевченка, такъ и своей собственной и одной своей знакомой украинки, поклонницы Шевченка [3]). Изъ числа немалочисленныхъ товарищей Шевченка по академіи художествъ только два, Ѳ. П. Пономаревъ [4]) да М. О. Микѣшинъ [5]), напечатали свои воспоминанія о немъ; а изъ многочисленнаго круга личныхъ давнихъ пріятелей Шевченка одинъ лишь А. Афанасьевъ-Чужбинскій посвятилъ памяти Шевченка свои воспоминанія [6]).

---

[1]) Одно, написанное 30 мая 1847 г., «Сидючи въ неволі», и другое, озаглавленное «Моимъ соузникамъ», написанное во второй половинѣ 1847 г.

[2]) «Воспоминанія о двухъ малярахъ». «Основа», 1861 г., IV; собственно о Шевченкѣ, стр. 48—56; «Письмо» (воспоминанія о знакомствѣ съ Шевченкомъ). «Рус. Старина», 1880, III, стр. 597—610; «Воспоминанія о Шевченкѣ», написанныя 5 декабря 1875 г., Спб., и напечатанныя въ пражск. изд. «Кобзаря», 1876 г., т. I[1], стр. XIII—XXIII.

[3]) Въ статьѣ: «Переглядъ украінськихъ книжокъ», «Основа», 1862 г. I, отд. библіогр., стр. 60—1; друг. ст. въ газетѣ «Трудъ» 1881 г., № 26-й.— Писалъ о Шевченкѣ и третій «соузникъ» Вас. М. Бѣлозерскій; но статья его: «Значеніе Шевченка для Украины», «Проводы тѣла его въ Украину изъ Петербурга» и отъ редакціи «Основы», помѣщенныя въ ней за 1861 г., VI, стр. 1—38,—не составляютъ *воспоминаній о Шевченкѣ*.

[4]) «Воспоминанія» о пребываніи Шевченка въ академіи художествъ въ 1830—1840-хъ годахъ. «Рус. Старина», 1880 г., III, стр. 587—596.

[5]) «Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ», «Пчела», 1876 г., № 16.

[6]) «Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ», въ «Рус. Словѣ» за 1861 г. и отдѣл. оттискъ, in 8, 39 стр.—Въ печатавшихся въ «Рус. Старинѣ» 1876 г. «Воспоминаніяхъ» Т. П. Пассекъ есть замѣки о Шевченкѣ, относящіяся къ первому періоду его литературной дѣятельности и ко времени возвращенія его изъ ссылки. Нашлись и такіе «друзья» Шевченка, которые соглашались написать свои воспоминанія о немъ, *по заказу*, и при томъ за условную и очень высокую

Кромѣ воспоминаній о Шевченкѣ его давнихъ друзей и товарищей, были напечатаны и воспоминанія лицъ, знавшихъ его лично въ послѣдніе годы его жизни; изъ нихъ упомянемъ Л. М. Жемчужникова [1]), И. С. Тургенева и Полонскаго [2]); а также А. М. Лазаревскаго, который хотя и не печаталъ своихъ воспоминаній о Шевченкѣ, но собралъ и напечаталъ матеріалы для его біографіи [3]).

Изъ лицъ, не знавшихъ лично Шевченка, интересныя и новыя біографическія свѣдѣнія о немъ собрали и напечатали: М. К. Чалый [4]) и В. П. Масловъ [5]).

Вотъ, кажется, и все, что было напечатано до сихъ поръ изъ воспоминаній о Шевченкѣ. Итогъ очень скромный, слишкомъ невеликій для такого великаго человѣка, какъ Т. Г. Шевченко: всего нашлось десять лицъ, напечатавшихъ свои личныя воспоминанія о немъ! Печально...

Теперь приступлю къ изложенію всего, что мнѣ случалось слышать отъ разныхъ лицъ, лично знавшихъ Шевченка.

О Шевченкѣ въ Варшавѣ.

Шевченко, въ сороковыхъ годахъ, разсказывалъ малорусскому поэту тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, Виктору Николаевичу Забѣлѣ (жившему въ хуторѣ около Борзны, † 1869 г.), что когда его, какъ крѣпостнаго двороваго, вели зимою по этапу, изъ Варшавы въ Петербургъ, то у него порвался одинъ сапогъ, такъ что

плату, такъ что пришлось отказаться отъ такихъ—заказныхъ и мотивированныхъ «воспоминаній».

[1]) «Воспоминаніе о Шевченкѣ; его смерть и погребеніе», «Основа», 1861 г., III, стр. 1—21.

[2]) Ихъ воспоминанія напечатаны въ пражск. изд. «Кобзарь», 1876 г., т. I, стр. III—XIV.

[3]) «Матеріалы для біографіи Т. Г. Шевченка», «Основа», 1862 г. III, стр. 1—10.

[4]) «Новые матеріалы для біографіи Т. Г. Шевченка», «Основа», 1862 г., V, стр. 45—61, и VI, стр. 1—27.

[5]) «Т. Г. Шевченко, біографическій очеркъ». М. 1874 г., 56 страницъ. Заключаетъ, между прочимъ, неизвѣстныя въ печати свѣдѣнія о жизни Шевченка въ оренбургскомъ краѣ, сообщенныя А. И. Макшеевымъ, знавшимъ лично Шевченка.

отпадала подошва, и Шевченко, чтобъ не отморозить ноги, вынужденъ былъ перемѣнять сапоги, надѣвая на время цѣлый сапогъ на мерзнувшую въ драномъ сапогѣ ногу; эти остановки надоѣли этапнымъ солдатамъ, и одинъ изъ нихъ ударилъ Шевченка по шеѣ. Это можетъ относиться къ 1831 году, когда Шевченко находился въ Варшавѣ и былъ удаленъ, въ числѣ прочихъ русскихъ, по распоряженію польскаго революціоннаго правительства.

О Шевченкѣ въ Кіевѣ.

Вас. Вас. Тарновскій—отецъ († въ 1865 г.) разсказывалъ мнѣ, что у него въ сороковыхъ годахъ, въ Кіевѣ, бывали литературные вечера, которые посѣщали Н. И. Костомаровъ, Вас. Мих. Бѣлозерскій и другіе друзья и знакомые Тарновскаго, и въ числѣ ихъ и Шевченко. Однажды пришелъ онъ и прочиталъ только что написанное имъ извѣстное „Посланіе до земляківъ". Общее содержаніе этого произведенія и въ особенности тѣ мѣста, гдѣ говорится о козацкихъ гетманахъ, которыхъ Шевченко первый понялъ и выставилъ въ ихъ истинномъ видѣ, произвело на всѣхъ присутствующихъ потрясающее впечатлѣніе: съ этого момента поклоненіе ясневельможнымъ и представленіе ихъ героями-рыцарями, рушилось... Слово Шевченка низвело ихъ съ пьедесталовъ и поставило на надлежащія мѣста.

Алексѣй Флоров. Сенчило-Стефановичъ, бывшій иконописнымъ живописцемъ и учителемъ рисованія въ кіево-подольскомъ училищѣ, въ 1840—60-хъ годахъ (родомъ изъ Нѣжина), былъ большимъ пріятелемъ Шевченка. О пребываніи Шевченка въ Кіевѣ (въ 1855—6 г.) онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: 1) Шевченко любилъ съ нимъ кататься по Днѣпру въ лодкѣ, и тогда они распѣвали одну изъ любимѣйшихъ пѣсень Шевченка.

Та по тімъ боці, та на толоці
Цвіте горошина,
А въ дівчини та чорніи брови,
Якъ у Волошина.

2) они участвовали въ учено-археологической экскурсіи и разрывали могилу Перепетиху. У Сенчилы былъ рисунокъ масляными красками, представлявшій эту могилу въ разрѣзѣ, нынѣ принадлежащій

В. Б. Антоновичу. Не эти-ли раскопки навели Шевченка на мысль написать нѣсколько стихотвореній о могилахъ?

Сенчило велъ переписку съ Шевченкомъ, и у него было до двадцати писемъ отъ Шевченка (недавно утерянныхъ); письма были юмористическія; въ одномъ Шевченко писалъ: „Коли бъ васъ у Петербургъ выписать, дакъ тамъ васъ зробили бъ товкачемъ або підтовкачемъ“.

О пребываніи Шевченка въ борзенск. уѣздѣ, черн. губ.

Въ борзен. у. онъ гостилъ въ Качановкѣ у Григ. Степ. Тарновскаго, у котораго собирались литераторы, художники: кромѣ Шевченка, Забѣла, Глинка; онъ также бывалъ у В. Н. Забѣлы (въ окрестн. Борзны), а въ генварѣ 1847 г., приглашенный П. А. Кулишемъ и Вас. М. Бѣлозерскимъ, въ качествѣ шафера Кулиша, остановился у В. Н. Забѣлы, а по временамъ проживалъ у Н. Д. Бѣлозерскаго и Ел. Ник. Бѣлозерской въ хут. Николаевѣ подъ Борзною и гостилъ въ семействѣ Сребдольскихъ въ хуторѣ Сорокѣ подъ Борзною, въ хут. Мотроновкѣ, тоже подъ Борзною; а въ Борзнѣ бывалъ у Пад. Ник. Забѣлиной и стряпчаго Д. М. Щербины. Гостивши у борзенцевъ, онъ услаждалъ ихъ слухъ своимъ очаровывающимъ пѣніемъ и забавлялъ юмористическими анекдотами. Въ это время онъ снялъ нѣсколько портретовъ въ небольшомъ видѣ, карандашемъ: съ В. Н. Забѣлы, съ Ю. Г. Сребдольской два, съ мальчика К. И. Бѣлозерскаго. Всѣ три портрета сохранились. 22 генв. 1847 г. въ вознесенской церкви села Оленовки онъ держалъ вѣнецъ во время вѣнчанія П. А. Кулиша съ одною изъ моихъ сестеръ, былъ въ „боярахъ“. Когда „молодые“ пріѣхали отъ вѣнца въ хут. Мотроновку, то Шевченко, подходя съ поздравленіемъ къ невѣстѣ, въ подражаніе одной колядкѣ, воскликнулъ: „Чи ти царівна, чи королівна?“ На что женихъ, отшучиваясь, отвѣчалъ ему народною поговоркою: „На чужый коровай очей не порывай да собі дбай!“ Шевченко очень дорожилъ тою „квіткою“, которую „молода“ пришпилила ему къ сюртуку. У брата моего, въ Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ хранилось письмо къ брату, въ которомъ, въ числѣ подписей разныхъ лицъ, бывшихъ на свадьбѣ, была и подпись „боярина Т. Шевченка“. По видимому Шевченко въ Борзенщинѣ го-

стилъ долго, и 28 генв., съ его словъ, въ Мотроновкѣ были записаны три изъ числа любимѣйшихъ его пѣсень.

Мою мать († 1857 г.) въ особенности очаровывалъ Шевченко своимъ пѣніемъ: ходитъ бывало по залѣ, заложивши руки назадъ, опустивши внизъ думную голову; шея завязана шарфомъ; выраженіе лица грустное; голосъ тихій и тонкій; мать, бывало, плачетъ от его пѣсень. Вотъ его любимѣйшія тогда пѣсни:

1) *Ой изійди, зійди, ты зіронько та вечірняя!*

2) *У Кіеві на ринку, пьють чумаки горілку...*

3) *Ой горе, горе, який я вдався, брівъ черезъ річеньку та й не омывався...*

4) *Де-жъ ты доню, барилася, барилася?—На мельника дивилася, дивилася.*

Этимъ пѣснямъ онъ научалъ и моихъ сестеръ, и мать, бывало, сердится на него за послѣднюю, считая ее неприличною.

П. А. Власенко припоминаетъ, какое сильное впечатлѣніе Шевченко производилъ на слушателей своимъ пѣніемъ; Шевченко гостилъ у Сребдольскихъ и въ будуарѣ одной изъ дѣвицъ Сребдольскихъ, въ присутствіи П. Д. Бѣлозерскаго, человѣка очень суроваго, запѣлъ: и этотъ невозмутимый старикъ заплакалъ... О пѣніи Шевченка вспоминаетъ М. А. Максимовичъ (Собр. сочин., I, стр. 529) и В. П. Масловъ („Біографич. Очеркъ", стр. 54 и 49).

Къ числу любимѣйшихъ пѣсень Шевченка принадлежала и про Морозенка.

Изъ стихотвореній Шевченка, положенныхъ на голосъ, любимѣйшими въ борзенскомъ уѣздѣ, въ 1850—60-хъ годахъ были слѣдующія:

1) *Па що мені чорні брови,*
Па що карі очи;
2) *Тяжко—важко въ світі жити*
Сироті безъ роду.

Есть юмористическое посланіе „до Тараса", въ стихотворной формѣ, В. П. Забѣлы, въ которомъ тотъ упрекаетъ Шевченка въ томъ, что онъ, обѣщавши пріѣхать къ Забѣлѣ погостить, не исполнилъ своего обѣщанія. Оно находится у И. И. Бѣлозерскаго.

Въ 1847 г., на разставаніи съ Забѣлою, Шевченко подарилъ ему свой картузъ и какой-то растительный порошокъ зеленоватаго цвѣта для приготовленія „лікарствéнної“ настойки. Какъ картузъ, такъ и настойку съ осадкомъ отъ порошка на днѣ полуштофа Забѣла хранилъ у себя до своей кончины (1869 г.).

У того-же Забѣлы хранились (въ 1861 г.): мужская сорочка, пошитая сестрою Шевченка, Ориною, изъ конопель ею воздѣланныхъ и пряденыхъ, а также письмо отъ Варѳоломея Шевченка къ Тарасу. Этотъ Варѳоломей посѣщалъ Забѣлу въ Борзнѣ въ 1860-хъ годахъ.

Шевченко въ Седневѣ и его арестъ.

По словамъ покойнаго Анд. Ив. Лизогуба (въ 1856 г.), Шевченко часто проживáлъ у него и брата его Ильи Ивановича; помѣщался въ особомъ флигелѣ, который называлъ „малярнею“: это, кажется, и была извѣстная „камъяпи́ця“, съ намалёваннымъ запорожцемъ на дверяхъ. Тамъ Шевченко „малёвавъ“, а по ночамъ кутилъ съ Лизогубовскою прислугою. Къ обѣду рѣдко выходилъ.

Когда Шевченко послѣдній разъ выѣзжалъ изъ Седнева (весною 1847 г.), то Андр. Ив. Лизогубъ умолялъ его не брать съ собою бумагъ, а оставить у него. Шевченко ни за что не хотѣлъ разстаться съ портфелемъ. Вскорѣ полиція разыскивала Шевченка въ Седневѣ у Лизогубовъ и въ с. Бѣгачѣ (городищ. уѣзда, въ 4-хъ верстахъ отъ Седнева) у кн. К—ва, гдѣ Шевченко часто гостилъ у старика—князя.

Бывши въ Седневѣ у Лизогубовъ въ 1856 г., я видѣлъ на стѣнѣ дома ихъ очаровательной виллы нѣсколько картинъ работы Шевченка. Андрей Ивановичъ показывалъ мнѣ, помнится, пять собственноручныхъ писемъ къ нему отъ Шевченка, писанныхъ въ 1847 и 1848 г.; на одномъ едва былъ замѣтенъ, счищенный резинкою рисунокъ карандашемъ. На немъ Тарасъ—въ солдатскомъ мундирѣ, и его унтеръ-офицеръ колотитъ тесакомъ, а внизу надпись: „оттакъ тобі“! Рисунокъ и надпись были стерты, по всему вѣроятію, начальствомъ Шевченка, такъ какъ письма его проходили черезъ ихъ цензуру.

Объ арестованіи Шевченка я слышалъ слѣдующіе разсказы въ Черниговѣ (1851 г.), Кіевѣ (1856 г.) и Борзнѣ (1881 г.): когда

на поромѣ подъ Кіевомъ замѣтили присутствіе полиціи, наблюдавшей за Шевченкомъ, то, будто, артиллерійскій офицеръ С—а предлагалъ Шевченкѣ столкнуть его чемоданъ въ Днѣпръ; но Шевченко отвергъ это предложеніе: „не треба; нехай забирають". Затѣмъ Шевченко и С. были арестованы. Въ Борзнѣ-же я недавно слышалъ, будто Шевченко сбросилъ свой чемоданъ въ Днѣпръ.

Одинъ жандармскій офицеръ, поручикъ Тѣльновъ, сидѣвшій весною 1847 г. въ 3-мъ отд. подъ арестомъ, сообщилъ мнѣ (весною 1851 г.): что онъ тамъ видѣлъ стоявшаго у окна Шевченка; Тараасъ былъ одѣтъ въ бѣлый костюмъ, стоялъ грустный и чуть напѣвалъ какую-то грустную украинскую пѣсню.

Во время пребыванія въ академіи художествъ, Шевченко бывалъ въ домѣ у извѣстнаго ветерана-инвалида Скобелева, бывшаго въ то время командиромъ петропавловской цитадели, и дарилъ старику картины своей работы. Когда Шевченка арестовали, то старикъ съ сожалѣніемъ вспоминалъ о немъ и называлъ его „неблагодарнымъ".

Шевченко въ ссылкѣ.

Изъ ссылки онъ писалъ письма къ В. Н. Забѣлѣ. Эти письма были сохраняемы Забѣлою; но едва ли Забѣла отвѣчалъ на нихъ Шевченку. Тогда, по поводу катастрофы 1847 г. и обысковъ, всѣ въ провинціи находились подъ такимъ страхомъ и трепетомъ, что и помышлять не смѣли о перепискѣ съ Шевченкомъ. Тогда-то погибла масса писемъ, книгъ съ надписями, рукописей и драгоцѣннаго историческаго и этнографическаго матеріала, сожженнаго или закопаннаго въ землю.

Въ 1852 г. въ Черниговѣ носились слухи о смерти Шевченка. Мѣстные поэты написали нѣсколько плохихъ стихотвореній, посвященныхъ его памяти. Тетради съ его стихотвореніями ходили по рукамъ между гимназистами и особенно между панночками: большею частію, это были стихи, переписанные изъ печатнаго.

Шевченко на свободѣ—въ Петербургѣ.

23 генваря 1859 г. Шевченко познакомился съ М. А. М—чь; Шевченко отъ автора „Народныхъ оповідань" былъ въ неописанномъ восторгѣ. 24 генваря онъ повидался съ А. М. Кулишъ, у

которой ровно 12 лѣтъ назадъ былъ въ „боярахъ“: восторгъ былъ большой; Шевченко заплакалъ при свиданіи. Затѣмъ пѣлъ, но мало. Отъ „золота“ (жена М. А. М—ча) былъ въ восторгѣ: „Колибъ така у мене була жінка—повінчався бъ да й умеръ“. Земляки изъ Борзенщины прислали Шевченку сала и наливокъ.—Около половины марта 1859 г. К—бей заказалъ Шевченку написать четыре картины масляными красками, за что назначилъ 4 т. руб. сер. Помню два сюжета для этихъ картинъ: одинъ—*„якъ русалки місяць ловлять“*, а другой про Сомка Мушкета:

А Сомко Мушкетъ на коньку та й не виправае,
Коня здержуе, до себе притягуе...
Думае—гадае...
Ой щобъ сто чортівъ обили ту ёго думу та гаданне...

Живя въ Петербургѣ, Шевченко любилъ посѣщать трактиръ около биржи, въ которомъ собирались матросы съ иностранныхъ кораблей: голландцы, англичане и другіе и въ который, поэтому, очень рѣдко заглядывала полиція. Всегда тихій и кроткій, Шевченко, подпивши, приходилъ въ страшно-возбужденное состояніе, бранилъ все, и старое и новое, и со всего размаху колотилъ кулакомъ по столу. Очевидцы сообщали мнѣ, что подобныя „сцены дѣлалъ“, въ Венеціи, великій зоологъ Бремъ.

Однажды встрѣтили въ Петербургѣ подгулявшаго Шевченка, шедшаго съ такимъ-же Якушкинымъ подъ руку; они взаимно поддерживали другъ друга. Шевченко, обращаясь къ встрѣтившемуся съ ними знакомому и усмѣхаясь, сказалъ: „Поддержаніе народности“.

Шевченко въ Кіевѣ.

Т—скій разсказывалъ, что, бывши въ 1859 г. лѣтомъ въ Кіевѣ, Шевченко останавливался у Сенчилы, на Подолѣ. Приходитъ студентъ и застаетъ Шевченка, пожирающаго редьку; студентъ стремится облобызать Тараса; Шевченко, усмѣхаясь, отклоняется: „Бачите, діломъ занятъ“. Онъ былъ одѣтъ въ парусинное пальто и такіе-же панталоны, шляпу имѣлъ бѣлую пуховую и сильно поношенные сапоги.

Смерть Шевченка, перевозъ тѣла и погребеніе въ Каневѣ.

Когда въ Петербургѣ, при выносѣ тѣла Шевченка изъ церкви, хотѣли поставить гробъ на дроги, то молодежь не допустила; понесли на рукахъ, смѣняясь. Народу тысячи полторы было—не чорнаго, не любопытныхъ зрителей, а людей интеллигентныхъ, уважавшихъ въ Шевченкѣ поэта и человѣка. Многіе навзрыдъ рыдали; за одного юношу просто боялись... Дамы свѣжими цвѣтами забросали, студенты принесли лавровый вѣнокъ... Сколько рѣчей было сказано!.. А какое у него прекрасное свѣтлое выраженіе лица было. Усе хотілось сказать: „Оглянься, голубе ты нашъ, да встань! Годі уже насъ морóчить, томúть! Ты живъ, не вмеръ ще!“... Первоначально было предположено поручить провожаніе тѣла въ Каневъ художнику Мокрицкому да А. М. Лазаревскому. День для отправки былъ назначенъ 26 апрѣля, а 27 апр. въ память Шевченка предположено было дать въ Петербургѣ концертъ, а сборъ употребить на содержаніе бѣднаго студента. (Изъ современ. письма отъ очевидца).

Покойный Мих. Матв. Лазаревскій сообщилъ мнѣ, что когда разрыли могилу Шевченка въ Петербургѣ, для перевозки тѣла въ Украйну, то вскрывали и гробъ: тѣло въ теченіе двухъ мѣсяцевъ нисколько не измѣнилось, но покрылось плѣсенью. Въ Москвѣ гробъ Шевченка стоялъ за городомъ, на дворѣ какого-то столяра, среди кучъ стружекъ; стеченіе публики было значительное.

Въ Орлѣ гробъ встрѣчали ученики гимназіи; полковой хоръ игралъ похоронный маршъ, скомпонованный капельмейстеромъ изъ пѣсни: „Не ходи Грицю на вечерниці“. Тѣло было съ торжествомъ проведено за городъ.

Въ Борзенщинѣ Шевченко былъ очень хорошо извѣстенъ даже между мало-мальско образованными людьми, какъ поэтъ, пѣвецъ и рисовальщикъ; но среди просвѣтителей дѣтей оказался служитель министерства *народнаго просвѣщенія*, который даже не слыхивалъ имени Шевченка. Когда въ маѣ 1861 г., въ Борзнѣ, приготовлялись къ торжественной встрѣчѣ тѣла Шевченка, В. Н. Забѣла особенно суетился; на улицѣ къ нему подошелъ старикъ учитель уѣзднаго училища, С—кій [1]) и обратился къ Забѣлѣ съ слѣдующими

---

[1]) О немъ вспоминается въ «Незабудкахъ» Кулиша.

распросами: „Дакъ кого се везтимуть у свиньцёвому гробі?“— Шевченка, отвѣчалъ Забѣла.—„Хто вінъ такий?“—Коваль.—„Дакъ за що ёго везтимуть такъ далеко?“—За те, що добре ковавъ.— Учитель и ротъ разинулъ отъ удивленія: „А—а!“...

Въ Борзнѣ на ночь гробъ былъ поставленъ на „цвинтарі“ рождественской церкви.

Въ с. Оленовкѣ, борзенскаго уѣзда, была панихида, которую отправляли два священника обѣихъ оленовскихъ церквей; за гробомъ дівчина несла „канýнъ“. Гробъ сопровождали: художникъ Гр. Н. Чистаховскій и А. М. Лазаревскій. Первый заносилъ въ свой альбомъ картины проводъ тѣла Шевченка, сцену на цвинтарі оленовской церкви, несеніе за гробомъ „капуну“, и проч. Гробъ провожали далеко за село. Въ одномъ лѣсномъ хуторкѣ былъ обѣдъ для народа; въ числѣ бывшихъ на обѣдѣ находились лица изъ бывшей компатной прислуги Б—хъ, хорошо помнившіе Шевченка, гостившаго въ 1847 г. въ х. Мотроновкѣ.

Въ Нѣжинѣ встрѣча была особенно-торжественная: на встрѣчу вышли всѣ цеховые со значками, лицеисты и гимназисты.

Въ Кіевѣ встрѣча была на шоссейномъ мосту; лошадей выпрягли и гробъ повезла публика. Въ это время черезъ мостъ переѣзжалъ черниговскій архіерей, извѣстный писатель, Филаретъ Гумилевскій; выйдя изъ экипажа, онъ благословилъ прахъ Шевченка. По прибытіи въ городъ, гробъ поставили въ рождественской церкви на Подолѣ; на него была положена масса вѣнковъ; но вотъ вошла дама въ траурѣ и положила терновый вѣнокъ:

вѣнецъ терновой,
увитый лаврами, надѣла на него.

Это произвело сенсацію; полиція убрала этотъ вѣнокъ. Изъ Кіева до Канева гробъ везли на пароходѣ.

Могилу надъ гробомъ Шевченка высыпали въ нѣсколько дней; работали 17 человѣкъ и въ числѣ ихъ В. Н. Забѣла. Съ этой картины была снята фотографія. Забѣла поминалъ Шевченка тою настойкою, порошокъ для которой далъ ему Шевченко въ 1840-хъ годахъ.

Впослѣдствіи народъ ходилъ на могилу Шевченка для исцѣленія отъ лихорадокъ и другихъ болѣзней. Кіево-подольскія базарныя

торговки, „сидухи", на рынкѣ около Братства, хорошо помнившія Шевченка съ 1840-хъ годовъ, разсказывали, что люди видѣли Шевченка, послѣ его погребенія, ѣздившаго по Подолу „на білімъ коні". Нѣкоторые польскіе паны и „недоляшки" распустили слухъ, что въ могилѣ Шевченка были закопаны ножи для истребленія пановъляховъ; вслѣдствіе ихъ настояній, будто-бы, была поставлена у Тарасовой могилы стража!

О портретахъ и рисункахъ Шевченка, и проч.

На одномъ экземплярѣ „Украины" Кулиша, 1843 г., рукою Кулиша былъ начерченъ портретъ спящаго Шевченка; по словамъ Кулиша, портретъ былъ непохожій. Я видѣлъ его въ 1850 г. на экземплярѣ книги библіотеки Кулиша.

У Кулиша былъ тогда-же въ копіи небольшой рисунокъ Шевченка—„гайдамака Галайда зъ свяченымъ, надъ Дніпромъ".

У И. И. Бѣлозерскаго находится собственноручный портретъ Шевченка тушью или сепіей, замѣчательный тѣмъ, что изображаетъ Тараса у бороді!

Слышалъ, что стихотвореніе Шевченка: „Випъешь чарку, стрепенешся" было написано имъ въ шинку углемъ, на стѣнѣ.

Н. Бѣлозерскій.

20 августа 1882 г.
Хуторъ Зрубъ.

Путевыя замѣтки Н. Д. Иванишева

(бывшаго вице-предсѣдателя кіевской археографической коммисіи, ректора и профессора кіевскаго университета).

Дѣятельность Н. Д. Иванишева въ области собиранія и научной разработки письменныхъ памятниковъ, относящихся къ исторіи юго-западной Руси, достаточно извѣстна всякому. Со времени учрежденія въ Кіевѣ археографической коммисіи въ 1843 году, покойный Иванишевъ въ теченіе болѣе 20 лѣтъ принималъ самое дѣятельное участіе въ ученыхъ ея занятіяхъ —сначала въ должности дѣлопроизводителя и редактора юридическихъ памятниковъ, затѣмъ—главнаго редактора и, наконецъ, вице-предсѣдателя коммисіи. По его указаніямъ повсюду собирались древніе акты и другіе письменные памятники, производились развѣдки въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ, церквей и монастырей юго-западнаго края, предпринимались археологическія раскопки и издавались добытые этими путями научно-историческіе матеріалы. Онъ первый обратилъ вниманіе на значеніе актовыхъ книгъ, какъ важнѣйшаго матеріала для мѣстной исторіи, и указалъ на необходимость собрать эти драгоцѣнные памятники прошлой жизни края въ одно центральное хранилище и тѣмъ предохранить ихъ отъ окончательной гибели, которая угрожала при прежней ихъ разбросанности по всему юго-западному краю и небрежномъ храненіи ихъ въ подвалахъ уѣздныхъ судовъ и другихъ мѣстахъ. По его мысли, кіевская коммисія представила въ 1843 г. въ высшія правительственныя сферы проектъ объ учрежденіи при кіевскомъ университетѣ центральнаго архива, который и былъ открытъ въ 1852 г., одновременно съ учрежденіемъ такихъ-же архивовъ въ Вильнѣ и Витебскѣ. Хранящіеся въ настоящее время въ кіевскомъ центральномъ архивѣ 5,838 актовыхъ книгъ и около полумилліона отдѣльныхъ документовъ

по справедливости могутъ считаться памятникомъ энергіи и просвѣщенной заботливости ревнителей мѣстной старины, въ числѣ которыхъ наиболѣе почтенное мѣсто должно безспорно принадлежать Н. Д. Иванишеву.

Для розысканія этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ, Иванишеву неоднократно приходилось лично предпринимать поѣздки въ разныя мѣстности юго-западнаго края. Такъ, въ 1843 г. онъ былъ командированъ для осмотра и описи библіотеки умершаго инфулата Осинскаго, а въ 1850 г. онъ ѣздилъ въ м. Бичаль волынской губ. для открытія рукописей въ куполѣ тамошней церкви, указаніе на что онъ нашелъ въ одномъ древнемъ актѣ. Но всего плодотворнѣе была археографическая экскурсія Иванишева въ 1852 г., къ которой и относится помѣщаемый нами отрывокъ изъ его путеваго журнала. Въ то самое время послѣдовалъ Высочайшій указъ объ учрежденіи кіевскаго центральнаго архива и о передачѣ въ оный изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ юго-западныхъ губерній актовыхъ книгъ и старыхъ дѣлъ до 1800 г. Независимо отъ архивовъ правительственныхъ учрежденій, тогдашній кіевскій генералъ губернаторъ Д. Г. Бибиковъ счелъ нужнымъ произвести археографическія розысканія въ архивахъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, и возложилъ это порученіе на Иванишева. Въ дѣлахъ археографической коммисіи хранится подлинное предписаніе Бибикова по этому предмету, отъ 5 іюня 1852 г., слѣдующаго содержанія: „Ординарному профессору университета св. Владиміра, статскому совѣтнику, Иванишеву. Въ м. Тульчинѣ, принадлежащемъ графу Михаилу Потоцкому и состоящемъ въ опекѣ, находится значительный частный архивъ. Въ прежнее время весь почти уѣздъ уманскій составлялъ имѣніе графа Потоцкаго, а архивъ его находился въ г. Умани; съ поступленіемъ-же онаго въ казенное вѣдомство, архивъ этотъ перенесенъ въ Тульчинъ и сданъ тамъ въ общій архивъ графовъ Потоцкихъ. Съ наступленіемъ нынѣ вакаціоннаго времени, поручаю вашему высокородію отправиться въ м. Тульчинъ и осмотрѣть тамъ помянутый архивъ. Если въ немъ окажутся какіе либо акты и книги, заслуживающіе вниманія и изданія въ свѣтъ, то таковые получить и представить въ Высочайше учрежденную при мнѣ временную коммисію для разбора древнихъ актовъ, выдавъ въ полученіи росписку, съ обязательствомъ возвратить взятыя бумаги въ совершенной цѣлости, по минованіи въ нихъ надобности. Администратору имѣній графа Потоцкаго, статск. сов

Абазѣ, дано предписаніе оказать вамъ въ семъ случаѣ личное содѣйствіе. Кромѣ сего, по доставленнымъ ко мнѣ свѣдѣніямъ, находятся архивы съ древними актами и бумагами въ слѣдующихъ мѣстахъ; въ могилевскомъ уѣздѣ у наслѣдниковъ пом. Боновскаго; въ проскуровскомъ въ м. Сатановѣ; въ г. Заславлѣ и новоградволынскомъ, въ мѣстечкахъ Корцѣ, Полонномъ и Звягелѣ и ковельскаго у. въ м. Ратнѣ. Поручаю вашему высокородію, по осмотрѣ тульчинскаго архива, осмотрѣть и эти архивы и тоже, если что окажется замѣчательное, получить подъ росписку и представить въ коммисію; о содѣйствіи-же вамъ въ семъ прилагаются предписанія мѣстнымъ земскимъ исправникамъ. Подорожную вы получите изъ моей канцеляріи, а деньги на прогоны по особому распоряженію. Генералъ-губернаторъ Бибиковъ".

Командировка Иванишева обогатила археографическую коммисію цѣнными пріобрѣтеніями: изъ тульчинскаго архива онъ привезъ болѣе 200 актовъ, а изъ остальныхъ архивовъ 153, да сверхъ того нѣсколько актовыхъ и другихъ книгъ, о которыхъ упоминается въ его запискахъ. Поѣздка эта обратила на себя вниманіе тогдашней печати и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1853 г. появилась о ней подробная замѣтка.

Составленный Иванишевымъ во время этой поѣздки путевой дневникъ очевидно не предназначался имъ къ печати; это— рядъ путевыхъ наблюденій и замѣтокъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, останавливавшихъ почему-либо на себѣ его вниманіе. Кромѣ палеографическихъ и археографическихъ замѣтокъ, имѣющихъ спеціальный интересъ, въ дневникѣ Иванишева разсѣяно множество мѣткихъ бытовыхъ и этнографическихъ наблюденій надъ жизнью и отношеніями, существовавшими въ нашемъ краѣ тридцать лѣтъ назадъ. Не меньшій интересъ представляютъ эти замѣтки и для ознакомленія съ личностью и характеромъ самаго Н. Д. Иванишева, и мы вполнѣ раздѣляемъ справедливое замѣчаніе его біографа, профессора А. В. Романовича-Славатинскаго, что дневникъ этотъ живьемъ рисуетъ предъ нами образъ Николая Дмитріевича съ его обычнымъ юморомъ и склонностью представлять изъ себя лѣниваго, празднаго сибарита, который не прочь покутить и пожуировать. Замѣтимъ, кстати, что г. Романовичъ-Славатинскій, при составленіи своей весьма интересной книги „Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева" (С.-Петерб., 1876 г.), пользовался дневникомъ послѣдняго и даже помѣстилъ изъ него небольшія выдержки. Мы рѣшаемся теперь

напечатать этотъ интересный дневникъ въ болѣе полномъ видѣ, пользуясь автографомъ самого Иванишева, сохранившимся въ числѣ другихъ бумагъ послѣ его смерти.

Путь отъ Кіева до Тульчина не имѣлъ въ себѣ ничего замѣчательнаго. Только и обращали на себя вниманіе курганы. Между Васильковомъ и Ксаверовкой находится множество кургановъ, разсѣянныхъ на значительномъ одинъ отъ другаго разстояніи; они имѣютъ однообразную форму прижатаго конуса, весьма широкаго въ основаніи. Подлѣ самой Ксаверовки находится одинъ изъ такихъ кургановъ, очень удобный для разрытія; онъ находится подъ пашней. Съ дороги за Ксаверовкой виденъ по лѣвую руку, вдали, огромный курганъ между селеніями Пинчуки и Гребенки, на самомъ высокомъ мѣстѣ. Тоже на краю горизонта виднѣются другіе курганы, составлявшіе какъ будто одну телеграфическую линію. Замѣчательно, что за Бѣлою-Церковью кургановъ почти вовсе не замѣтно, кромѣ весьма незначительныхъ, стоящихъ на далекомъ одинъ отъ другаго разстояніи. Съ того мѣста, гдѣ находится Бѣлоцерковская станція, видны четыре кургана, рядомъ стоящіе, недалеко одинъ отъ другаго. Староста и крестьяне говорили, что эти курганы внутри пустые. На Волыни до сихъ поръ попадаются землянки, состоящія изъ земляпаго вала, покрытаго досками или соломою. Если отнять дерево, то получается курганъ, пустой внутри, называемый въ народѣ „роскопанымъ“.

Не доѣзжая двѣ станціи до Брацлава, видѣлъ мужика съ огромнымъ лишаемъ на груди. Говоритъ, что получилъ отъ перепуга, когда его помѣщикъ хотѣлъ высѣчь. Въ этомъ селѣ живетъ „знахарька“, которая лѣчила его, окатывая шею, грудь и голову свѣжимъ куринымъ яйцомъ, и шептала надъ нимъ. Эта старуха лѣчитъ отъ „пранцівъ“, укушенія бѣшеной собакой и другихъ болѣзней. Тотъ-же мужикъ говорилъ мнѣ, что въ окрестныхъ селеніяхъ есть „знахарі“, заговаривающіе змѣй.

Въ Тульчинъ прибылъ 9 іюня. Архивъ вовсе не оправдалъ ожиданій, которыя можно было имѣть по слухамъ. Акты въ страшномъ безпорядкѣ. Большею частью они заключаютъ въ себѣ частныя дѣла, относящіяся къ имѣніямъ Потоцкихъ и фамилій, находившихся

съ ними въ сношеніяхъ. Много писемъ важныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ политическихъ дѣлахъ; но они касаются позднѣйшаго времени. Такъ какъ перечитываніе нѣсколькихъ тысячъ этихъ писемъ потребовало-бы много времени, то я далъ архиваріусу Ковальскому инструкцію, и, по мѣрѣ разбора этихъ писемъ, равно какъ и другихъ бумагъ, ускользнувшихъ отъ моего вниманія, будутъ доставляемы свѣдѣнія г. генералъ-губернатору. По 21 іюля я разбиралъ архивъ и выбралъ акты о городахъ, о религіозныхъ отношеніяхъ, о войнахъ Хмельницкаго и другіе, которые при подробныхъ описяхъ будутъ высланы г. генералъ-губернатору.

Въ Тульчинѣ замѣчателенъ палацъ и садъ Потоцкаго. Впрочемъ садъ довольно запущенъ; мѣсто болотистое, требующее большихъ издержекъ. Въ такъ называемомъ французскомъ саду видѣлъ розы, похожія цвѣтомъ на розовый мраморъ; черныя еще не расцвѣли, а желтыя большею частью объѣдены червями. Есть виноградъ и абрикосы, но абрикосовыя деревья распластаны на стѣнѣ такъ-же, какъ и виноградъ, чтобы удобнѣе покрывать зимою. Время провелъ хорошо. Поутру работалъ, а послѣ обѣда гулялъ и любезничалъ съ хорошенькими хозяйками, сильно, впрочемъ, покрытыми аристократическою мишурою. Однажды заѣхали ко мнѣ Вигура и Чугаевичъ [1]), проѣзжавшіе въ Одессу. Они думали застать меня надъ рукописями, а между тѣмъ нашли среди полнаго разгула: пропасть гостей, въ саду музыка и приготовленіе къ фейерверку. Былъ и театръ; играла какая-то несчастная бродячая труппа. Когда играли „Наталку-Полтавку", то актеръ, игравшій роль Петруся, явился настоящимъ Гамлетомъ, съ гамлетовскою физіономіею и таковыми-же замашками. Занимательнѣе всего была публика, состоявшая большею частью изъ нечесаной и неумытой дворни. Одна дѣвчонка, сидѣвшая впереди всѣхъ, одѣта была только въ грязную рубашонку и пеструю юбку. Были и жиды, но сидѣли особо, молча и не выражая ничего на своихъ лукавыхъ физіономіяхъ. Западныя идеи о равенствѣ не проникли еще въ это захолустье; аристокра-

---

[1]) Ив. Вигура—въ то время профессоръ кіевск. университета по кафедрѣ государственнаго права. Чугаевичъ—тогда учитель гимназіи въ Одессѣ, впослѣдствіи профессоръ аналитической химіи въ кіевск. университетѣ.

тизмъ свирѣпствуетъ; вѣчно слышишь о знакомствѣ съ графами да князьями; барышни мечтаютъ выйти замужъ за полковника, какъ о высшемъ блаженствѣ, чтобъ за ними ухаживали офицеры и играла-бы вѣчно полковая музыка; названіе *поповичъ* считается хуже мужика и сапожника.

Въ православной церкви, бывшей прежде католическою, видѣлъ подвалъ или катакомбу, устроенную для погребенія Потоцкихъ. Въ маленькомъ свинцовомъ гробѣ лежитъ дитя лѣтъ десяти, набальзамированное; смотрѣть гадко. Дитя похоже на размалеванную деревянную куклу, поскобленную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ножомъ. Въ стѣнахъ катакомбы подѣланы глубокія ниши, куда ставятъ гробы и замазываютъ отверстія. Батюшка, показывавшій катакомбу, не твердо стоялъ на ногахъ.

Вообще Тульчинъ сдѣлался пріютомъ для всѣхъ проѣзжающихъ порядочныхъ людей. Они здѣсь останавливаются, пьютъ чай, имѣютъ обѣдъ и ужинъ, ночуютъ и ѣдутъ далѣе, иногда перекинувъ въ карты. Въ кабинетѣ графини, бывшей мамзель Швейковской, лежитъ на столѣ альбомъ, въ которомъ рукою графини написаны французскіе стихи, увѣряющіе супруга въ неизмѣнной и вѣчной вѣрности: „ты, говоритъ, привязалъ меня цѣпью къ своей кровати, но не бойся: если цѣпь и разорвется, то я не пойду отъ тебя". Таковъ смыслъ несбывшихся французскихъ стиховъ [1]). Въ кабинетѣ графа, между бумагами найденъ [2])..., бывшій въ дѣлѣ, окровавленный и разорванный. На немъ означенъ годъ, число и мѣсяцъ, вѣроятно, весьма пріятнаго препровожденія времени.

Желая избавиться отъ скучныхъ прощаній и провожаній, я объявилъ хозяйкамъ о своемъ отъѣздѣ въ 12 часовъ ночи; однакожъ онѣ заставили повара хлопотать ночью и наготовили мнѣ на дорогу паштетъ, цыплятъ, булокъ, прибавивъ и двѣ бутылки портеру. Во всю дорогу, отъ Тульчина до Могилева, я думалъ о m-lle O.; даже

---

[1]) Они касаются семейной исторіи Мечислава (Михаила) Потоцкаго, по жалобѣ жены сосланнаго Николаемъ I въ Саратовъ на жительство.

[2]) Въ подлинникѣ здѣсь стоитъ слово, котораго мы никакъ не могли разобрать. Всѣ, кому мы показывали рукопись, читали это слово: *гондолъ*, но мы не стоимъ за это чтеніе и рѣшительно отказываемся объяснить значеніе этого загадочнаго слова. — *О. Л.*

когда пріѣхалъ въ Могилевъ и остановился въ корчмѣ, то не обратилъ вниманія на хозяйку, молодую жидовку. Уже на другой день я замѣтилъ, что она очень апетитна, и послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, приглашалъ ее ѣхать со мною въ Каменецъ.

Въ Могилевѣ я написалъ въ книгѣ пріѣзжающихъ: статскій совѣтникъ изъ Кіева, по порученію генералъ-губернатора. Тотчасъ явился городничій и другая полиція въ полной мундирной формѣ. Я принималъ ихъ и тѣмъ уподобился Хлестакову. Въ довершеніе сходства, городничій меня приглашалъ къ себѣ на квартиру. Кажется, они сильно струсили, такъ какъ нѣтъ человѣка безъ грѣха. Городъ по своему устройству оригиналенъ и пахнетъ востокомъ. Живутъ въ немъ: жиды, армяне, греки, цыгане, поляки и малороссы. Смѣсь эта сильно отражается на физіономіяхъ. Тутъ я встрѣтилъ одного изъ нашихъ университетскихъ воспитанниковъ—Шастова, который служитъ чиновникомъ особыхъ порученій при подольскомъ гражданскомъ губернаторѣ. Чай пилъ у городничаго и потребовалъ бессарабскаго вина. Скверное вино, болѣе похоже на квасъ, чѣмъ на вино.

Старшій засѣдатель и городничій объявили мнѣ, что въ м. Верховкѣ никакихъ Боновскихъ, у которыхъ-бы находился архивъ съ актовыми книгами, не имѣется. Въ Баръ я не могъ также поѣхать, потому что онъ не подлежитъ вѣдѣнію могилевскаго исправника, а имѣетъ свое особое начальство, къ которому я не имѣлъ никакого предписанія отъ генералъ-губернатора.

Изъ Могилева, переѣхавъ Днѣстръ, отправился на Хотинъ. При переѣздѣ присутствовалъ частный приставъ, титуловавшій меня генераломъ и превосходительствомъ. По переѣздѣ за Днѣстръ на первой станціи видѣлъ кузнеца съ хохлацкою физіономіею и съ цыганскою рѣчью. Отецъ отдалъ его мальчикомъ въ цыганы, съ которыми онъ кочевалъ 15 лѣтъ и оцыганился.

Кстати о цыганахъ. Въ 30-ти верстахъ отъ Тульчина живетъ колонія цыганъ „плащоватыхъ", простирающаяся до нѣсколькихъ сотъ душъ. Они ходятъ полу- или совсѣмъ нагіе, не имѣютъ хатъ, а живутъ въ землянкахъ. Зимой также одѣваются легко, какъ и лѣтомъ; только, отправляясь въ дорогу, берутъ охапку соломы, и когда слишкомъ припекаетъ морозъ, то зажигаютъ солому и грѣ-

ютъ ноги и другія оконечности. Живутъ милостынею и мошенничествомъ.

За Днѣстромъ проѣхалъ клочекъ Бессарабіи; природа не та, не тѣ и люди. То степи, то каменныя скалы. Лица жителей черномазыя, продолговатыя, съ черными глазами и черными длинными волосами. Народъ пригодный для живописи. Въ одной деревнѣ попробовалъ мамалыги. Корчага съ большой хлѣбъ лежала на лавкѣ; двѣ дѣвчонки отдѣляли куски ложками, клали въ миску съ молокомъ и ѣли съ большимъ аппетитомъ. Мнѣ мамалыга въ этомъ видѣ показалась не лучше сѣна. За двѣ станціи до Хотина видѣлъ отверстіе въ скалѣ, по лѣвую сторону дороги. Ямщикъ говорилъ, что тамъ находятся пещеры, высѣченныя въ камнѣ, что въ отверстіе можно въѣхать четверкой и что будто тамъ есть какія-то начертанія.

Хотинъ городъ пустой и притомъ расположенъ весьма неудобно. Улицы и площадь огромной ширины, такъ что отъ одного конца города до другаго нужно пройти огромное пространство; при этомъ жидовскіе домики кажутся еще мельче. Замѣчательна только древняя крѣпость, но ее разсмотрѣть не было времени. Здѣсь мы переправились черезъ рѣку и поѣхали въ Каменецъ.

Каменецъ городъ весьма живописный какъ по мѣстоположенію, такъ и по крѣпостнымъ постройкамъ, воздвигнутымъ турками. Непріятное только производитъ впечатлѣніе рѣка, которая въ полноводіе катитъ свои мутныя глинистыя воды, а въ межень такъ мелка, что ее переѣзжаютъ дрожками. Видѣлся съ бывшими воспитанниками университета; вышли всѣ люди порядочные: Крушинскій—товарищемъ палаты уголовнаго суда, Корнѣенко-Демянскій—учителемъ законовѣдѣнія, Кальскій—кажется засѣдателемъ, Гейслеръ—инспекторомъ гимназіи и Гогоцкій[1])—кажется канцелярскимъ служителемъ. Видѣлъ въ церкви одну изъ воспитанницъ института, Бесѣдовскую, которая сдѣлалась еще дурнѣе и, говорятъ, глупѣе, чѣмъ была въ институтѣ. Воспитанники университета дали мнѣ обѣдъ въ клубѣ, при чемъ на долю каждаго досталось по бутылкѣ шампанскаго. Въ церкви и на гуляньи я замѣтилъ, что Каменецъ не отличался красотою женскаго пола.

---

[1]) Николай Сильвестровичъ былъ потомъ совѣтникомъ губернскаго правленія а послѣ директоромъ гимназіи въ г. Холмѣ, люб. губ.—*Ред.*

Изъ Каменца отправился въ Проскуровъ,—дрянной городишко. Исправникъ сказалъ, что въ Ярмолинцахъ, въ 20-ти верстахъ отъ Проскурова, открылся погребъ, въ которомъ замѣчены бутылки съ какою-то жидкостью, вѣроятно виномъ. Отъ Каменца до Проскурова много пещеръ въ скалахъ. Изъ Проскурова въ м. Сатановъ ѣхалъ проселочною дорогою, сначала на помѣщичьихъ лошадяхъ, а потомъ на обывательскихъ. Здѣсь нашелъ воспитанника нашего медицинскаго факультета Шута или Шота, который обнаружилъ непритворную радость при свиданіи со мною. Угощенъ былъ тремя ужинами: одинъ я заказалъ въ корчмѣ, другой прислалъ пробощъ, а третій доставленъ докторомъ Шутомъ. За то на другой день нечего было ѣсть въ дорогѣ, такъ что въ обѣденное время я принужденъ былъ довольствоваться гадкою колбасою и рѣдькою, купленными въ скверпѣйшемъ мѣстечкѣ Куполѣ.

Въ Сатановѣ послѣ пожара уцѣлѣли слѣдующія книги:

1) Книга, напечатанная въ 1581 году, заключающая Speculum Saxonicum на польскомъ языкѣ въ алфавитномъ порядкѣ, и право магдебургское. Въ концѣ книги приложены нѣкоторыя рукописныя прибавленія. Заглавія и нѣкоторыхъ другихъ листовъ въ книгѣ не достаетъ.

2) Актовая записная книга мѣстечка Сатанова съ 1709 по 1733 годъ съ приложеніями въ концѣ. Всѣхъ листовъ въ книгѣ 495.

3) Такая-же записная книга съ 1728 по 1733 годъ. Начала недостаетъ. Всѣхъ листовъ 189.

4) Рукописная книга подъ названіемъ Receptarz города Сатанова, или исчисленіе податей и сборовъ за 1728 и 1746 годы. Всего 188 листовъ. № книги 230.

Всѣ эти книги вручены мною проскуровскому исправнику для отсылки къ г. генералъ-губернатору. Кромѣ этихъ книгъ я не нашелъ никакихъ рукописей, которыя были-бы важны въ какомъ-нибудь отношеніи. Прежній владѣлецъ Александръ Потоцкій перевезъ все въ Царство Польское.

По дорогѣ отъ Сатанова до Стараго-Константинова, въ одномъ селеніи зашелъ въ церковь. Было *царське свято,* именно день рожденія Государя. Въ церкви не было ни души. Батюшка сказалъ, что отправилъ обѣдню и молебенъ съ дьячкомъ, безъ свидѣтелей; за отсутствіемъ пономаря, самъ зажигалъ свѣчи, а дьячекъ пѣлъ.

За-то въ корчмѣ я замѣтилъ значительное многолюдство, и нѣкоторые изъ крестьянъ, между ними и два братчика, были довольно нарѣзавшись, за что я назвалъ ихъ дурнями. Братство при церкви состоитъ только изъ старосты и двухъ братчиковъ. Они обязаны заботиться о порядкѣ и благолѣпіи церковномъ. Тотъ-же священникъ сказывалъ мнѣ, что въ селѣ Глятках, недалеко отъ мѣстечка Куполя, живетъ священникъ Орловскій, у котораго находится замѣчательное собраніе старопечатныхъ книгъ и древнихъ рукописей, и что за это собраніе нѣкоторые помѣщики давали 900 рублей, но священникъ не согласился уступить. Хотѣлъ было заѣхать, но помѣшала отвратительная дорога.

Въ Славутѣ засталъ погребеніе княгини, матери теперешняго князя Евстафія Сангушка. Гробъ былъ поставленъ на высокомъ катафалкѣ; надъ нимъ висѣла княжеская корона. Костелъ обтянутъ былъ чернымъ сукномъ, на которомъ виднѣлись гербы фамилій, находившихся въ родствѣ съ Сангушками. Освѣщеніе было великолѣпное. Изъ церкви входъ въ довольно пространную катакомбу, гдѣ находились уже два гроба, третій долженъ былъ присоединиться по отправленіи панихиды. Поповъ было много; между ними рельефно выказывались два капуцина съ длинными бородами, придававшими имъ патріархальный видъ. Князь пригласилъ меня на обѣдъ и прислалъ за мною карету. Когда княжеская карета, съ какимъ-то важнымъ пляхтичемъ на козлахъ, подъѣхала къ корчмѣ, то сбѣжалась толпа жидковъ со всего мѣстечка и смотрѣла, какъ я сѣлъ и поѣхалъ. Въ залѣ, гдѣ мы обѣдали, выставлена картина въ большомъ размѣрѣ, на которой изображенъ Романъ Сангушко, побѣждающій москвитянъ. Князь созвалъ крестьянъ на похороны княгини, по четыре человѣка съ каждаго села, и далъ имъ обѣдъ. Послѣ обѣда долго возился съ ними и на дорогу далъ каждому, кажется, по 3 коп. серебромъ. Многіе изъ крестьянъ были недовольны, что ихъ звали такъ далеко киселя хлебать, и я замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ, пообѣдавъ въ княжескомъ палацѣ, отводили душу въ кабакахъ, куда и перешли деньги, данныя имъ княземъ на дорогу. Князь раздавалъ также милостыню нищимъ. Князь совершенно глухъ и какъ-то странен въ обращеніи. Вѣроятно, глухота притупляетъ его умственныя способности. Говорятъ, что скупость начинаетъ овладѣвать имъ.

Въ Славутѣ, въ библіотекѣ Сангушка, есть не болѣе 20 рукописей, не имѣющихъ никакой исторической важности. На счетъ архива въ Заславѣ, Сангушко сказалъ, что онъ рукописи раздроблять считаетъ не удобнымъ и что самъ предполагаетъ издать все, что важно въ историческомъ отношеніи. Въ этомъ смыслѣ онъ написалъ и приказаніе къ завѣдывающему архивомъ Шулинскому: „Vous aurez la bonté de gardez comme instruction dans cette circonstance, que j'ai l'intention depuis longtemps de publier les documens de nos archives faisant un ensemble, et que j'ai même fait des démarches à cet effet. Je ne puis pas consequement livrer aucune piéce par ce que diminuer leur nombre c'est amoindrir leur richesse et leur valeur"... и проч. Письмо собственноручное 27 іюля 1852 года.

Въ Заславѣ житье прескверное. Жилъ въ сыромъ трактирѣ и имѣлъ самый плохой обѣдъ.

Въ мѣстечкѣ Ратно ковельскаго уѣзда никакихъ бумагъ, имѣющихъ историческое значеніе, не отыскалось. Книги актовыя, веденныя мѣщанами м. Ратно, пользовавшимися правомъ магдебургскимъ, оставшіяся отъ пожара, уже отправлены генералъ-губернатору.

Далѣе въ дневникѣ слѣдуетъ историко-статистическое описаніе ковельскаго уѣзда и замѣтки о произведенныхъ Иванишевымъ археологическихъ розысканіяхъ въ церкви с. Вербки (того-же уѣзда), гдѣ онъ открылъ гробницу князя Курбскаго; но всѣ эти свѣдѣнія въ болѣе полномъ и обработанномъ видѣ помѣщены въ прибавленіяхъ къ составленной имъ книгѣ: „Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни" (т. II, 317—342).

О. Л.

Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи въ Украйнѣ 1768 года.

(Продолженіе)*).

Помѣщаемая въ настоящей книжкѣ часть переписки Румянцева по дѣлу украинскаго возстанія 1768 г. состоитъ изъ 15-ти документовъ,—исключительно отъ него выходившихъ донесеній, писемъ, сообщеній и ордеровъ или приказовъ, и касаясь самаго важнаго періода возстанія,—когда, по разбитіи главныхъ гайдамацкихъ силъ, вошедшіе между собою въ сношенія екатерининскіе вельможи принялись уяснять для себя событіе, съ которымъ они имѣли дѣло, и причины его вызвавшія, представляетъ потому наибольшій интересъ. Она главнымъ образомъ и вращается около этого вопроса и лишь отчасти касается хода возстанія и сообщаетъ о немъ нѣкоторыя, впрочемъ весьма немногія, свѣдѣнія.

Румянцевъ, начавшій, какъ мы уже видѣли, дѣйствовать наугадъ, не имѣя представленія ни о причинахъ и цѣляхъ возстанія, ни о взглядахъ на оное своего правительства, ни тѣмъ болѣе какого-либо полномочія вмѣшиваться во внутреннія дѣла сосѣдняго государства, получилъ однако Высочайшую аппрабацію всѣмъ принятымъ имъ мѣрамъ—по усмиренію возстанія. По обыкновенному порядку международныхъ отношеній въ подобныхъ случаяхъ, онъ могъ лишь придвинуть русскія войска къ польской границѣ, дабы возстаніе въ столь близкомъ сосѣдствѣ не отразилось какъ-нибудь на спокойствіи ввѣреннаго ему края; но Польша, и только она одна, какъ выражался самъ Румянцевъ, могла все снести, теперь-же она распалась, такъ сказать, на-двое, и огромная часть шляхты возстала противъ своего короля, котораго посадила на престолъ и поддерживала Екатерина. Уже одно возстаніе конфедератовъ грозило кліенту ея серьезною опасностію; начавшееся въ Украйнѣ народное возстаніе увеличивало смуту; то и другое колебало строй и порядокъ въ Польшѣ, поддерживаемые Россіею. Поэтому, какъ ни странно само по себѣ это обращеніе оружія русскаго противъ единовѣрныхъ и единокровныхъ братьевъ, возставшихъ противъ явныхъ враговъ Россіи—конфедератовъ, противъ

*) См. сент. книжку „Кіев. Старины“.

несноснаго ига польско-жидовскаго, въ защиту вѣры отцовъ, но оно входило въ политическіе разсчеты Панина и Екатерины, и Румянцевъ попалъ, такъ сказать, въ ихъ тонъ и заслужилъ одобреніе. Извѣщенный объ этомъ Панинымъ, онъ съ ловкостію истиннаго царедворца относитъ честь успѣха его дѣйствій къ самому Панину, воспѣваетъ его, яко-бы, мудрость, съ видимымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что возстаніе сломлено и съ увѣренностью говоритъ, что Кошъ запорожскій, котораго участіе въ семъ дѣлѣ подозрѣвалось, даже не знаетъ о вышедшихъ изъ него партіяхъ для поддержки и руководства возставшихъ и только слышалъ о происходящихъ въ Украйнѣ волненіяхъ (№ XII). Повторяя почти тоже во всеподданнѣйшемъ донесеніи Екатеринѣ, посланномъ чрезъ день, 30 іюля (№ XIII), онъ всю надежду въ усмиреніи возстанія возлагаетъ на дѣйствіе манифеста Екатерины отъ 9 іюля [1]), которымъ она призывала возставшихъ положить оружіе, угрожая непокорнымъ суровыми карами, — спѣшитъ распубликованіемъ этого манифеста и, входя въ смыслъ онаго, заявляетъ, что относительно крестьянъ онъ рѣшился показывать лишь видъ оружія, а обращать оное только противъ дѣйствительныхъ грабителей. Съ такимъ приказомъ (№ XVI) онъ дѣйствительно обратился къ полковникамъ Протасьеву и Вульфу, хотя уже позже, спустя три недѣли. Усмотрѣвъ въ полученной аппробаціи полномочіе на дальнѣйшія дѣйствія по усмиренію возстанія, притомъ ему какъ-бы исключительно предоставляемое, Румянцевъ выражаетъ крайнее неудовольствіе по поводу какого-то препятствія, сдѣланнаго командированному имъ полковнику Протасьеву генералъ-маіоромъ Кречетниковымъ, который, полонивши, какъ извѣстно, главныя гайдамацкія силы, думалъ, кажется, самъ воспользоваться и честію и плодами нетрудной побѣды, и предписываетъ своему подчиненному строго держаться данныхъ ему инструкцій, тогда какъ Кречетниковъ въ свою очередь считаетъ себя естественнымъ распорядителемъ этого дѣла, ссылаясь на отдаленность Румянцева отъ театра возстанія (№ XV). Положеніе дѣла было дѣйствительно неопредѣленное и при болѣе серьезныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ усмиреніе горсти беззащитнаго народа, обнаружившееся разногласіе русскихъ генераловъ могло-бы повести къ большимъ затрудненіямъ, но оно устранено было начавшимися еще прежде между ними сношеніями по предписанію коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Такъ и на этотъ разъ Воейковъ, къ которому отправлены всѣ партіи переловленныхъ гайдамакъ, обращается съ запросомъ къ Румянцеву, куда-бы, по его мнѣнію, ихъ дѣвать. Затрудненіе было дѣйствительно большое и стоило запроса, хотя онъ и не разрѣшенъ по существу. Дѣло въ томъ, что всѣ гайдамаки, за исключеніемъ запорожцевъ, были иностранные подданные, захвачены въ чужомъ государствѣ, какъ виновные противъ него только, и не русскимъ властямъ было ихъ судить и казнить; но съ Польшею и ея подданными давно уже не церемонились, и Румянцевъ, хотя находилъ «не неприличнымъ» отправить всѣхъ пойманныхъ

---

[1]) Текстъ онаго см. въ майской книжкѣ „Кіевской Старины", стр. 308.

къ главному начальнику польскихъ войскъ въ Украйнѣ и Подоліи, Браницкому, но за всѣмъ тѣмъ совѣтовалъ Воейкову удержать ихъ у себя, употребляя на работы городскія и крѣпостныя, пока не получится разрѣшеніе о нихъ оттуда, откуда распоряжались и всѣми дѣлами Польши (№ XIV). Въ свою очередь, Румянцевъ, освѣдомившись, что Воейковъ предписалъ полковнику Протасьеву, перешедшему уже, по письму Репнина, подъ начальство Прозоровскаго, отправлять пойманныхъ гайдамакъ въ елисаветскую провинцію, т. е. въ сосѣдство къ Запорожью, предостерегаетъ Воейкова отъ этой мѣры, могущей, по его мнѣнію, повлечь за собою новыя безпокойства и опасность, т. е. волненіе въ самомъ Запорожьѣ, и совѣтуетъ ему тѣхъ изъ гайдамакъ, которые окажутся русскими подданными, отправлять въ Глуховъ для приговора надъ ними въ генеральномъ судѣ, а польскихъ подданныхъ, куда будетъ приказано свыше (№ XXI).

Между тѣмъ возстаніе продолжалось: на мѣсто разбитыхъ гайдамацкихъ партій являлись новыя. Одна изъ такихъ оказалась даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Переяславомъ, близъ Канева, подъ предводительствомъ атамана Майбороды. Посланный Румянцевымъ отрядъ, подъ начальствомъ секундъ-маіора Вурма, загналъ ее къ Мошнамъ и, истребивши здѣсь, оставшихся въ живыхъ 26 человѣкъ съ атаманомъ Майбородою представилъ въ Переяславъ; но это не значило положить конецъ возстанію. Румянцевъ умножалъ число дѣйствовавшихъ отрядовъ,—въ свою очередь умножались то тамъ, то здѣсь и партіи гайдамакъ. Съ другой стороны надежда на дѣйствіе манифеста Екатерины оказалась почти напрасною. Можно полагать, что въ селахъ украинскихъ, гдѣ распространялся манифестъ, было въ это время лишь незначительное число жителей, огромное-же большинство ихъ скрывалось въ лѣсахъ, или пристало къ гайдамакамъ. Тѣ изъ несчастныхъ страдальцевъ, которые, положась на увѣренія русскихъ властей и довѣрясь словамъ своей природной царицы, возвратились къ своимъ помѣщикамъ, подверглись отъ нихъ жесточайшимъ истязаніямъ и даже лишенію жизни, другіе, видя, что не лучшая участь постигаетъ и тѣхъ, которые противятся русскому оружію, въ уныніи и отчаяніи не знали, на что рѣшиться и наконецъ наиболѣе смѣлые и рѣшительные открыто заявили, что не могутъ считать разбойниками тѣхъ, которые избавили ихъ отъ неминуемой гибели (со стороны, конечно, конфедератовъ). Никто и не думалъ преслѣдовать и выдавать гайдамакъ, какъ разсчитывали при изданіи манифеста, многіе, напротивъ, то не отставали отъ нихъ, то вновь къ нимъ приставали. Румянцевъ, прибывшій теперь (въ августѣ) въ Переяславъ для лѣтнихъ смотровъ собраннымъ туда войскамъ, прежде исполненія нѣкоторыхъ указаній въ полученномъ имъ Высочайшемъ рескриптѣ, рѣшился, какъ самъ пишетъ, ознакомиться съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ. Между тѣмъ здѣсь-то онъ и могъ получить нужныя для этого свѣдѣнія. Переяславская консисторія, полковая канцелярія, судъ и другія мѣста завалены были массою всевозможныхъ жалобъ, протестовъ, донесеній, сообщеній, промеморій и т. п. о происходившихъ уже нѣсколько лѣтъ въ Украйнѣ не-

вѣроятныхъ насиліяхъ со стороны уніатовъ и поляковъ «благочестивымъ» священникамъ и народу. Тутъ жили епископъ Гервасій и мотренинскій игуменъ Мелхиседекъ, которые энергически вели борьбу съ притѣснителями отъ самаго начала оной, отстаивая свободу вѣры; тутъ скитались въ огромномъ числѣ изгнанные изъ своихъ приходовъ какъ православные, такъ и уніатскіе священники; тутъ-же витала бѣжавшая отъ разъяреннаго народа польская шляхта, которая, вызвавъ своимъ безумнымъ фанатизмомъ происходившую страшную рѣзню, одна нашла у русскихъ властей не только защиту, но даже квартиры и денежную помощь. Здѣсь сошлись такимъ образомъ обѣ враждовавшія стороны, и свѣдѣнія одной могли быть провѣрены показаніями другой. И что-же? И православные, и уніаты, и поляки (послѣдніе въ формальныхъ просьбахъ на имя Румянцева) единогласно показываютъ, что виною страшнаго возстанія были неслыханныя мучительства за вѣру отъ уніатскаго офиціала Мокрицкаго и его пособниковъ—польскихъ паневъ. Православные на ряду съ польскимъ игомъ ставятъ и жидовское, выражаясь о жидахъ, что они «*самою изъ нихъ выжатою кровію обогащались*». Румянцевъ и пишетъ въ этомъ смыслѣ Репнину, Панину, Екатеринѣ, стараясь просвѣтить ихъ на счетъ совершающихся въ Украйнѣ ужасовъ, ихъ происхожденія, основы, характера, могущихъ возникнуть отъ нихъ опасныхъ послѣдствій и единственнаго способа къ ихъ устраненію. По его представленію и словамъ «сей не безбѣдственный мятежъ произвели *двѣ крайности:* простое усердіе къ вѣрѣ благочестивой и противоборство оной отъ римскаго духовенства, распространяемое съ лютымъ безчеловѣчіемъ». «Когда сими жестокими угнетеніями страждущія сердца дышали внутреннею ненавистью противъ своихъ гонителей, то при такомъ расположеніи не трудно было преклонить непросвѣщенные умы простолюдиновъ такъ называемымъ гайдамакамъ, составивъ ложные отъ имени ея величества - указы о своемъ туда приходѣ и увѣривши, что они ихъ пограничныхъ жителей навсегда изъ-подъ польскаго владычества освобождаютъ и что всѣ сіи пограничныя мѣста пріемлются подъ россійскую державу». «Многіе изъ сихъ (жителей) вилелись къ мятежникамъ въ лучшемъ намѣреніи и надеждѣ на вышеписанныя ложныя предложенія», «теперь-же всѣ они предались отчаянію съ опасности мщенія своихъ властей, кои отдавшимся уже въ руки и начали отмщать даже отнятіемъ самой жизни», и «сей одинъ страхъ возрождаетъ истребленныя шайки и можетъ продолжать и долго въ тѣхъ мѣстахъ волненія». Единственный за тѣмъ способъ прекращенія губительнаго возстанія Румянцевъ указывалъ въ томъ, что-бы «облегчить участь сихъ польскихъ подданныхъ и изобрѣсть средства, чтобъ не оставить ихъ въ жертву полнаго мщенія ихъ господъ». Румянцевъ указывалъ на надежность обоихъ сосѣдей—Польши и Турціи, доказывалъ, что по этому одному «полезно сохранить единовѣріе давнее наше въ польскихъ жителяхъ, какъ обязательство ревности, усердія ихъ къ нашей сторонѣ» и выяснялъ это на отношеніи возставшихъ къ конфедератамъ, предостерегалъ, что если отнять у нихъ свободу «благочестія» и «подвергнуть состоянію тому-же, что

и были, то «тогда поведутъ они общее съ Сѣчью дѣло», и что онъ не ручается и за тамошнихъ (лѣвобережныхъ) жителей, «чтобъ они на сіи, по ихъ разумѣнію законные подвиги себя не опредѣлили», такъ какъ и «они равно польскимъ жителямъ о гайдамакахъ думаютъ».

Мы съ намѣреніемъ сдѣлали сводъ выдающихся мѣстъ изъ четырехъ бумагъ Румянцева по одному и тому-же предмету (№ XVII, XVIII, XIX и XXI), чтобъ яснѣе представить его взглядъ на возстаніе 1768 г. Для насъ драгоцѣненъ этотъ взглядъ, какъ голосъ современника, занимавшаго высокое положеніе и находившагося такъ близко къ театру событій, какъ голосъ лица посредствовавшаго между двумя противными сторонами и потому чуждый какого-либо пристрастія. Насъ однако многое поражаетъ въ этомъ взглядѣ. Румянцевъ считаетъ одинаково крайностію ревность украинскаго народа къ вѣрѣ благочестивой, какъ и лютыя безчеловѣчія его враговъ; знатному вельможѣ непонятнымъ кажется, какъ можно изъ разности въ исповѣданіи подвергать себя жесточайшимъ мученіямъ, жертвовать даже жизнію, и онъ называетъ это *простымъ*, т. е. не разумнымъ усердіемъ къ вѣрѣ. Онъ допускаетъ свободу православія для жителей Украйны, но не на основѣ историческихъ правъ ихъ, а только какъ «обязательство ихъ ревности и усердія къ нашей сторонѣ». Онъ разсматриваетъ разыгравшееся на его глазахъ кровавое событіе внѣ всякой связи съ прежнимъ и тогдашнимъ ходомъ событій въ Польшѣ, онъ забываетъ добытыя имъ-же свѣдѣнія, что оно вызвано ближайшимъ образомъ насиліями конфедератовъ, что въ конфедераціи участвуетъ самъ папа и польско-католическое духовенство, что тутъ цѣлая система, что основа ея болѣе глубокая и отдаленная и цѣли ея болѣе широкія. Первостепенный государственный сановникъ не знаетъ судебъ столь родственнаго ему народа, въ девизѣ руководителей и помощниковъ этого народа не видитъ общенароднаго инстинкта, влекущаго его подъ державу россійскую, и этихъ послѣднихъ, подъ именемъ гайдамакъ, истиннаго смысла котораго онъ не отгадывалъ, считаетъ просто разбойниками и злодѣями, которыхъ должно безпощадно истреблять. Какъ помѣщикъ, онъ считаетъ справедливымъ привести взбунтовавшихся крестьянъ въ повиновеніе ихъ господамъ и только для лучшаго въ этомъ успѣха признаетъ необходимымъ привести въ умѣренность власть сихъ послѣднихъ. Тѣмъ не менѣе Румянцевъ по высказанному имъ взгляду на возстаніе въ Украйнѣ стоитъ гораздо выше другихъ дѣятелей, имѣвшихъ къ нему отношеніе. Кречетниковъ, на долю котораго выпало завладѣть гайдамацкимъ таборомъ подъ Уманью, просто пожелалъ воспользоваться громадною добычею награбленнаго гайдамаками у польской шляхты и жидовъ и принялся переправлять ее обозами за Днѣпръ (№ XX). Воейковъ еще въ 1766 г. опредѣлилъ свои отношенія къ религіознымъ преслѣдованіямъ въ Украйнѣ, вызвавшимъ нынѣшнее возстаніе, когда свой отказъ переяславской консисторіи—заявить въ кіево-губернской канцеляріи королевскія привилегіи на свободное исповѣданіе прав. вѣры—мотивированъ тѣмъ, что «дѣла вѣры суть весьма деликатны». Репнину, который жуировалъ въ Вар-

шавѣ и охотился за польками, было просто не до дѣлъ вѣры и хотя ему болѣе всѣхъ другихъ была извѣстна кровавая картина народныхъ страданій въ Украйнѣ, но онъ смотрѣлъ на все происходившее глазами поляковъ. Подобно Прозоровскому, внимавшему ляментамъ бѣжавшей подъ защиту его шляхты, и онъ всю вину возстанія въ Украйнѣ сваливалъ на переяславскаго архіерея Гервасія и мотронинскаго игумена Мелхиседека (№ XXIII и XXIV). Румянцевъ твердо отстаивалъ невиновность этихъ доблестныхъ защитниковъ православія какъ предъ Репнинымъ и Прозоровскимъ, такъ и предъ Панинымъ (№ XXII), говоря о Гервасіѣ, что всѣ дѣйствія его основаны были на «должности пастырства, на правѣ бытія древняго во всей странѣ сей благочестія и по установленіямъ новѣйшимъ самаго короля нынѣшняго», а о второмъ свидѣтельствуя, что онъ болѣе года уже находится въ Переяславѣ и даже свѣденій о своемъ монастырѣ не имѣетъ. Но лишь только Панинъ въ письмѣ къ Румянцеву отъ 19 сентября далъ понять, что самъ онъ и императрица имѣютъ иной взглядъ на это дѣло, какъ Румянцевъ спѣшитъ отречься отъ прежнихъ своихъ мнѣній, заявляя, что «они были только гадательныя, а не положительныя» и что «смѣшанная тамъ его идея простиралась только по воззрѣнію на обстоятельства наружныя». Какъ ловкій дипломатъ, онъ выхваляетъ мудрость Панина, выражаетъ готсвность сообразовать свои дѣйствія съ какими-то дополнительными повелѣніями, ему сообщенными, и наблюдать за поступками переяславскаго архіерея, предлагая и вовсе не пропускать къ нему уніатскихъ, т. е. обращающихся изъ уніи, по требованію народа, священниковъ, а прибывшихъ прежде всѣхъ выслать. Въ совѣтѣ Екатерины восторжествовалъ голосъ Репнина, который все дѣло возстанія считалъ плодомъ интриги двухъ лицъ: Гервасія и Мелхиседека и ихъ непомѣрнаго усердія въ поддержаніи и расширеніи православія въ Украйнѣ. О томъ, чего хотѣлъ народъ, къ чему онъ стремился, за что жертвовалъ послѣднимъ достояніемъ и самою жизнію, тогда не спрашивали, но по исконной привычкѣ искали главныхъ зачинщиковъ бунта и—нашли. Народъ-же знать не хотѣлъ уніи; онъ гналъ отъ себя тѣхъ пастырей, которые, подъ тяжестію насилій, измѣнили вѣрѣ отцевъ. Тѣ толпами стремились въ Переяславъ, чтобы заручиться свидѣтельствами своего обращенія, но ихъ рѣшили не пускать туда. Скоро и тѣ, которыхъ сочли главными виновниками кровавой смуты, были удалены. Тѣмъ надѣялись положить скорый конецъ возстанію, думая, конечно, что, за неимѣніемъ православныхъ, народъ примирится и съ уніатскими священниками, а что онъ самъ станетъ уніатскимъ, кому какое до этого дѣло. Остальное должно было довершить «матернее милосердіе» Екатерины, которымъ такъ старались успокоить и обнадежить страждущій украинскій народъ, хотя отъ этого милосердія никому тамъ не было ни тепло, ни холодно, и народъ не могъ не видѣть, что вмѣсто милосердія противъ него направляется лишь оружіе, а его врагамъ и мучителямъ оказывается защита и поддержка. При такихъ условіяхъ возстаніе не скоро могло быть подавлено и хотя кн. Прозоровскій въ сентябрѣ доносилъ Румянцеву, что ни о какихъ гайда-

макахъ уже не слышно, но въ дальнѣйшей перепискѣ мы еще встрѣтимся съ новыми онаго вспышками и новыми особенностями въ его теченіи.

Пока остановились, кажется, на томъ, что возстаніе подавлено и плодомъ такого мнѣнія надо считать приказъ Румянцева переяславской полковой канцеляріи (№ XXVI) отпустить по домамъ всѣхъ разновременно пойманныхъ и при ней содержавшихся польскихъ крестьянъ, участвовавшихъ въ возстаніи. Съ нихъ взята присяга, что они возвратятся къ своимъ помѣщикамъ и будутъ имъ покорны, полковой-же канцеляріи предписано снабдить всѣхъ ихъ «письменными препровожденіями» съ убѣжденіемъ помѣщиковъ оказать раскаявшимся помилованіе. Были-ли въ тоже время отпущены польскіе шляхтичи, сбѣжавшіеся въ Переяславъ подъ защиту русскаго оружія, изъ настоящей переписки не видно, но едва-ли это можетъ подлежать сомнѣнію. Ихъ предполагалось отпустить еще въ началѣ августа, взявъ съ нихъ «рецессы», или письменныя отреченія отъ конфедераціи; но, вѣроятно, явились случаи побѣга ихъ въ конфедерацію, и ихъ высочайше велѣно задержать до поры въ Переяславѣ. Одинъ случай такого побѣга Румянцевъ указывалъ Панину въ лицѣ трехтемировскаго помѣщика Щенявскаго, который, воспользовавшись, пока ему нужно было, русскою защитою, очутился потомъ въ рядахъ конфедератовъ и игралъ тамъ главную роль. Такъ какъ Щенявскій и до возстанія велъ себя въ отношеніи къ русскимъ пограничнымъ властямъ съ большою продерзостію и нахальствомъ, то Румянцевъ высказывался предъ Панинымъ, что было-бы не лишнимъ взять его имѣніе въ секвестръ для возмѣщенія убытковъ разграбленной трехтемировской таможни, или для отдачи кому-либо изъ благонадежныхъ. Послѣдовало-ли это согласіе Панина, неизвѣстно; но самое предложеніе Румянцева прибавляетъ еще одну черту къ характеристикѣ нашей тогдашней политики въ Польшѣ.

Привела-ли вообще эта политика хотя къ ближайшей цѣли,—скорому усмиренію возстанію, покажетъ дальнѣйшая переписка.

(Продолженіе будетъ).

XII.

Письмо графа П. А. Румянцева къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, президенту коллегіи иностранныхъ дѣлъ, объ ослабленіи возстанія въ Украйнѣ послѣ истребленія главныхъ силъ гайдамаковъ и о непричастности къ этому возстанію Сѣчи запорожской.

1778 года, іюля 29.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Толь милостивымъ и себѣ лестнымъ признаніемъ почтенъ будучи отъ вашего сіятельства въ послѣднемъ письмѣ, отношу

слѣдствія сіи къ причинѣ содѣйствующей, то есть руководительству вашему, которое начертываетъ способы и пролагаетъ стези познать мнѣ, какъ сдѣлать угодное въ настоящихъ дѣлахъ. Надѣюсь, милостивый государь, что ни тѣнь самая ласкательства, несроднаго моему чистосердечію и усердію предъ вами, не взойдетъ тутъ вашему сіятельству на мысль, чтобъ истиною не принять моихъ словъ; гдѣ уже успѣли, сами показали, колико вы искуства, проницанія и благонамѣренія во ввѣренной себѣ должности явили. Я только соединяю мой голосъ общему, что имя ваше, по прошлымъ и настоящимъ дѣламъ, всегда велико будетъ между людьми, прославившимися отличнымъ благоразуміемъ въ нашемъ отечествѣ. Себя-же счастливымъ найду, если воспріятіями моими, по вашимъ положеніямъ, продолжать исправно могу на меня возлагаемое.

Польскіе разбои, по истребленіи главной ихъ толпы, меньше уже привлекаютъ дальнѣйшего къ себѣ вниманія; я не сомнѣваюсь, что вложенныя и пагубныя мысли отъ злодѣевъ въ простодушныхъ поселянъ теперь также исчезнутъ. Словомъ, я нынѣ сдѣланною мнѣ откровенностью отъ вашего сіятельства будучи на случай вразумленъ, всегда мѣры удобныя готовъ буду взять на успокоеніе всякихъ пограничныхъ волнованій, которыя, я чаю, одно содержаніе туда для публики посланныхъ манифестовъ сильно будетъ утушать.

Я моими ордерами взыскавши отъ Коша запорожскаго отвѣты, одно только то въ оныхъ нахожу, что тамъ не свѣдомы о своихъ козакахъ, грабленіе производившихъ въ Польшѣ. Хотя всю правду объ участіи открыть легко чрезъ пойманныхъ, однакожъ средства сіи остаются теперь для Ѳедора Матвѣевича, къ которому изъ запорожскихъ козаковъ словленные злодѣи отосланы всѣ въ Кіевъ.

О полученіе всевысочайшаго имяннаго указа и о первыхъ воспріятіяхъ по оному, прошу вашего сіятельства поднесть ея императорскому величеству мое всеподданнѣйшее доношеніе, а мнѣ позволить назваться съ тою-же совершенною преданностію, которая не кончится, какъ съ жизнію.—Вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всенижайшій слуга.—*Слѣдуетъ подпись.*

XIII.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатпринѣ II о принятыхъ имъ мѣрахъ къ распространенію между жителями украинскими манифеста ея къ нимъ относительно прекращенія волненій, объ ослабленіи возстанія за разбитіемъ главныхъ гайдамацкихъ партій и поимкою самаго Желѣзняка, о непричастности возстанію запорожскаго Коша, учрежденіи надзора за перебѣжавшими за Днѣпръ поляками и пресѣченіи волненій въ народѣ военными постоями и угрозами.

Іюля 30 дня, 1768 г., № 744.

Въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

При высочайшемъ вашего императорскаго величества рескриптѣ, отъ 12 числа текущаго мѣсяца, отпущенный съ коллегія иностранныхъ дѣлъ, я, получа печатные экземпляры высочайшаго манифеста, изданнаго на случай смятеній, подъятыхъ въ Польшѣ отъ самихъ крестьянъ, намъ единовѣрныхъ, по поводу злоумышленниковъ,—въ тотъ-же самый день, то есть 20 іюля, часть оныхъ отправилъ къ находячемусь въ Польшѣ полковнику Протасьеву, чтобъ оные повсюду имъ распубликованы были, а другую—въ полковую переяславскую канцелярію, предписавъ оной послать нѣсколько исправныхъ старшинъ, для разсѣянія въ пограничныхъ польскихъ мѣстахъ, а паче въ тѣхъ, гдѣ не укротились селяне отъ свирепствъ и грабленій.

Я несомнѣнно уповаю, что плоды сего премудраго воспріятія явны будутъ вскорѣ въ тишинѣ и покоѣ взволновавшихся польскихъ жителей, которые изъ подаваемыхъ имъ всевысочайшихъ и всемилостивѣйшихъ отъ вашего императорскаго величества увѣреній познавъ свои заблужденія, непремѣнно къ лучшему обратятся, тѣмъ паипаче, что уже разбойническія партіи, по злу ихъ одобрявшія, чрезъ команды, изъ войскъ вашего императорскаго величества отправленныя, всѣ разбиты и переловлены. О происшествіяхъ при томъ мнѣ не остается повторять, когда генералъ-аншефъ и кіевскій генералъ губернаторъ Воейковъ мнѣ сообщаетъ, что отъ него уже, по привезеніи въ Кіевъ, съ другими запорожскихъ козаковъ злодѣями, самаго главнаго разбойнической шайки начальника, называвшегося полковникомъ, Желѣзняка, о томъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донесено.

Возвратившійся посланный отъ меня куріеръ въ Сѣчь запорожскую привезъ отъ кошеваго атамана на мои вопросы, въ ордерѣ ему данномъ, сей отвѣтъ: что они никакихъ командъ въ Польшу не отправляли, а и сами слышатъ, что изъ польскихъ мужиковъ, назвавшихъ себя запорожцами, производятъ грабленія, и онъ атаманъ всѣ предосторожности употребилъ къ пресѣченію свободности въ Польшу прокрадываться своевольнымъ козакамъ. Но теперь допросы пойманныхъ грабителей изъ запорожцевъ подадутъ въ томъ подлинную достовѣрность, хотя примѣчая по обстоятельствамъ нынѣ собраннымъ, является, что собственныя склонности къ мщенію сихъ своевольниковъ препровождали только на извѣстныя дерзновенія, нежели чѣмъ общее согласіе Коша къ тому ихъ руководствовало.

Изъ предписанныхъ предосторожностей касательно выбѣгающихъ подъ высочайшее покровительство вашего императорскаго величества поляковъ, нѣкоторыя уже взяты съ полученія предварительнаго мнѣ сообщенія господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера графа Панина; а прочее, что въ полномъ повелѣніи отъ вашего императорскаго величества мнѣ объ нихъ предписано, я также исполню самъ, слѣдуя на сихъ дняхъ въ Переяславъ для смотру части полковъ моей дивизіи, собранныхъ тамо въ лагерь; гдѣ будучи, удобнѣе еще могу сдѣлать распоряженіе на утушеніе послѣднихъ мятежей въ польскихъ крестьянахъ, коихъ однихъ только теперь укротить осталось, когда не можетъ въ томъ успѣть своею командою полковникъ Протасьевъ, которому далъ я повелѣніе—когда за опубликованіемъ манифеста не отстанутъ сейчасъ отъ своихъ наглостей, въ способъ принужденія къ приведенію ихъ въ послушаніе своихъ властей, располагать свои команды въ жилищахъ ихъ, покудова волнованіе тамъ не укротится, угрожая имъ страхомъ оружія, что и съ ними поступятъ подобно, какъ съ шайками разбойниковъ, ежели тотчасъ не отложатъ своихъ дерзостей, и о послѣдствіяхъ вашему императорскому величеству доносить долженствую.—*Слѣдуетъ подпись.*

XIV.

Сообщеніе гр. П. А. Румянцева кіевскому генералъ-губернатору Ѳ. М. Воейкову съ отвѣтомъ на запросъ послѣдняго, куда дѣвать захваченныхъ во время возстанія украинскихъ жителей и козаковъ, или какъ съ ними поступать, а равно извѣстіемъ о новыхъ попыткахъ къ продолженію возстанія и принятыхъ имъ, Румянцевымъ, противъ того мѣрахъ.

Августа 3, 1768 г., № 757.

Воспріявши въ честь себѣ вашего высокопревосходительства требованіе мнѣнія моего о содержащихся польскихъ мужикахъ и козакахъ, взятыхъ между гайдамаками, подаю мою мысль въ слѣдующемъ: что хотя не неприлично-бъ было, мнѣ кажется, ихъ также, какъ и прочихъ, отправить къ главному рейментарю графу Браницкому, что и сами ваше высокопревосходительство намѣреваясь учинить, давали мнѣ знать сообщеніемъ своимъ отъ 14 іюля; но когда уже отъ васъ взнесено объ оныхъ подъ высочайшую резолюцію ея императорскаго величества, то до полученія на то формальнаго повелѣнія, не будетъ траты напрасной ни времени, ни иждивенію казенному, если ихъ прикажете употреблять на городовую или къ другимъ работамъ. Впрочемъ яко еще вы, милостивый государь мой, изволите сообщать съ извѣстій къ вамъ объ оставшихся и проявляющихся въ Польшѣ разорителяхъ, то меня господинъ полковникъ Протасьевъ отъ 21 числа истекшаго мѣсяца репортуетъ, что онъ свѣдавши о оныхъ разбойникахъ, въ разныхъ шайкахъ состоящихъ, намѣревающихъ соединить въ одно всѣ свои силы подъ мѣстечкомъ Бѣлою Церковью, пошелъ прямо на истребленіе ихъ туда. Въ посылкѣ-же въ прибавокъ военной команды я, прибывши на сихъ дняхъ въ Переяславъ смотрѣть собравшихся полковъ въ лагерѣ, распоряженіе по обстоятельствамъ сдѣлать не оставлю.

Имѣю честь за симъ съ моимъ вседолжнымъ почтеніемъ быть, и прочее.—*Слѣдуетъ подпись.*

XV.

Приказъ гр. П. А. Румянцева командиру московскаго карабинернаго полка полковнику Протасьеву, которымъ онъ требуетъ въ дѣлѣ усмиренія украинскаго возстанія исполнять только его распоряженія и отклоняетъ вмѣшательство въ это дѣло генералъ-майора Кречетникова.

Августа 4-го 1768 г., № 760.

Своимъ репортомъ, отъ 31 числа истекшаго мѣсяца, вы мнѣ представляете, что господинъ генералъ-маіоръ Кречетниковъ сво-

ими повелѣніями останавливаетъ васъ отъ исполненія предписаннаго отъ меня вамъ. Я сему тѣмъ паче удивляюсь, что вы не посланы въ его команду, но командированы отъ меня, по возмущеніямъ польскихъ жителей пограничныхъ и ради разореній тамо происходящихъ отъ гайдамаковъ, для охраненія цѣлости границъ, въ чемъ должность лежитъ на мнѣ единственно. А что къ тому-же еще онъ, господинъ генералъ-маіоръ, прибавляетъ, что мнѣ тамошнія обстоятельства неизвѣстны, то вы для того тамъ находитесь, чтобъ мнѣ подавать объ оныхъ свѣдѣнія, какъ за аппробаціею отъ ея императорскаго величества всѣхъ отъ меня воспріятыхъ мѣръ, на случай смятеній пограничныхъ польскихъ, государственная иностранныхъ дѣлъ коллегія мнѣ предложила, что и самому господину генералъ-маіору Кречетникову предписано отъ оной имѣть о сихъ дѣлахъ со мною сношеніе.

О семъ вы имѣете сообщать ему-ли господину генералъ-маіору Кречетникову, или кто командующимъ будетъ, и дѣйствовать дальше по моему ордеру, что касается до преслѣдованія разбойническихъ шаекъ и возмущающихъ поселянъ. Но гдѣ польза службы и интересъ ея императорскаго величества потребуетъ, чтобъ и отъ тамо командующихъ исполнить вамъ предписаніе, вы тому повиноваться должны непремѣнно. — *Слѣдуетъ подпись.*

XVI.

Приказъ гр. П. А. Румянцева находящимся въ Украйнѣ съ своими полками полковникамъ Протасьеву и Вульфу отклонять отъ возстанія украинское населеніе мѣрами увѣщанія и обнадеживаніемъ защиты, силу-же оружія употреблять лишь противъ непокорныхъ.

Августа 20-го 1768 г. №№: 777 и 778.

Я будучи извѣстенъ, что польскіе мужики въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы находитесь, изъ отчаянія больше, которому предаются отъ страха мщенія раздраженныхъ своихъ господъ, продолжаютъ свое согласіе съ гайдамаками, думая ихъ быть своими избавителями. Вы, на основаніи манифеста имъ публикованнаго, вразумите ихъ всякимъ увѣщаніемъ и обнадежете, что они отъ всякихъ воображаемыхъ бѣдствъ, яко единовѣрные, будутъ сохранены милосердіемъ ея императорскаго величества, ежели тотчасъ, повинуясь повелѣніямъ высочайшимъ, отложатъ мятежъ и сами вспомоще-

ствовать станутъ истребленію вводящихъ оный. Силу-же прямую оружія обращайте на явныхъ токмо мятежниковъ разорителей. — *Слѣдуетъ подпись.*

XVII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ русскому при варшавскомъ дворѣ послу, князю Н. В. Репнину, съ изложеніемъ дѣйствительныхъ причинъ, вызвавшихъ народное возстаніе въ Украйнѣ, указаніемъ на необходимость, въ видахъ усмиренія онаго, умѣрить жестокое мщеніе со стороны польскихъ помѣщиковъ и проч.

Августа 24 го 1768 г.

Милостивый государь мой, князь Николай Васильевичъ!

По поводу перваго письма вашего сіятельства, которое получить имѣлъ честь въ сей день, я пріемлю случай сказать вамъ, что по настоящимъ польскимъ дѣламъ, въ исполненіе высочайшихъ ея величества повелѣній отъ государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи мнѣ данныхъ, надлежало мнѣ найтить способы какъ съ другими командующими въ Польшѣ съ нашей стороны генералами, такъ и съ вашимъ сіятельствомъ, ко взаимному сношенію. Не могъ однакожъ я лучше въ томъ успѣть, какъ пользуясь тѣмъ путемъ, который ваше сіятельство теперь мнѣ сами открываете; и потому не оставилъ тотчасъ предложить полковнику Протасьеву, чтобъ онъ съ карабинернымъ московскимъ полкомъ, такъ какъ ваше сіятельство требуете, остался въ повелѣніяхъ генералъ-маіора князя Прозоровскаго.

При семъ обязаннымъ я себя считаю изъявить мои примѣчанія о причинахъ воздвигнувшихъ сей небезбѣдственный мятежъ, кои, можетъ быть, вамъ болѣе моего уже знакомы. Простое усердіе къ вѣрѣ благочестивой, противоборство оной отъ римскаго духовенства, распространяемое съ лютымъ безчеловѣчіемъ, безъ сомнѣнія суть двѣ крайности, возмутившія къ мятежу польскихъ крестьянъ. Елико надлежитъ до перваго обстоятельства, то все то изъявляющія удрученія не могутъ вамъ быть несвѣдомы изъ протеста, чрезъ игумена матронинска монастыря, поданнаго сего году въ Варшаву отъ всего православнаго общества пограничныхъ староствъ и губерній; а послѣднее оправдываетъ само шляхетство, выбѣгшее сюда подъ покровительство, формально въ своихъ поданныхъ мнѣ просьбахъ сознавая, что настоящія въ

отечествѣ ихъ бѣдствія родили суровые поступки противу исповѣдующихъ законъ греческой церкви оффиціала украинскаго уніатскаго Мокрицкаго. Когда сими жестокими угнетѣніями страждующія сердца дышали внутреннею ненавистью противъ своихъ гонителей, то при такомъ расположеніи не трудно было преклонить непросвѣщенные умы простолюдиновъ такъ называемымъ гайдамакамъ на всѣ извѣстныя дерзости. Возжечь сей пламень нашли они найлучшую удобность, составивъ ложные отъ имени ея величества указы о своемъ туда приходѣ, и увѣривши, что они сихъ пограничныхъ жителей навсегда съ подъ польскаго владычества освобождаютъ.

Я все сіе для того пишу, чтобъ показать: хотя злыя дѣйствія нѣкоторыхъ польскихъ жителей по себѣ не простительны, но много однакоже изъ нихъ есть такихъ, которые вплелись къ мятежникамъ въ лучшемъ намѣреніи и надеждѣ на вышеписанныя ложныя предложенія, которыми уловили ихъ на счетъ нашего покровительства. Теперь всѣ они предались отчаянію съ опасности воображаемыхъ мученій отъ своихъ властей. Тѣ, которые для разсѣянія манифестовъ, изданныхъ на случай смятеній сихъ, посылаемы отъ меня были за границу, возвратившись объявляютъ, что во многихъ мѣстахъ съ благодарностію и повиновеніемъ жители оной приняли, однакожъ, познавъ свой обманъ, показали уныніе въ своихъ сердцахъ, потому что не чаятъ уже отъ раздраженныхъ своихъ господъ никакова себѣ помилованія, яко отдавшимся уже въ руки, и начали они отмщать даже отнятіемъ самой жизни.

Сей одинъ страхъ, не безъ основанія внѣдрившись въ ихъ сердца, возрождаетъ вновь истребленныя заграничныя шайки, и можетъ продолжать и долго, хотя слабыя, однакоже неспокойныя, въ тѣхъ мѣстахъ волненія. Сокращеніе сего представивъ зрѣлому вашего сіятельства проницанію, которое во многихъ дѣлахъ свѣтъ позналъ, пишу только, что мнѣ ближайшимъ кажется. Смѣю объявить способъ, что ежели облегчить сихъ польскихъ подданныхъ участь ваше сіятельство въ тамошней сторонѣ изобресть изволите средства, чтобъ не оставить ихъ въ жертву полнаго мщенія ихъ господъ, но привесть послѣднихъ власть въ умѣренность, то уповать можно, что оные, притомъ провождаемы будучи увѣщеваніемъ и обнадеживаніемъ высочайшимъ ея императорскаго величества, яко единовѣрнымъ, милосердіемъ, возвратятся въ свои домы къ спокойной жизни. Я о семъ писалъ въ государственную иностранныхъ дѣлъ коллегію и къ его сіятель-

ству графу Никитѣ Ивановичу Панину, съ которымъ всегдашнюю о семъ веду корреспонденцію, удостоившись получить отъ ея императорскаго величества высочайшую апробацію всѣмъ моимъ распоряженіямъ, воспріятымъ при нынѣшнихъ пограничныхъ неспокойствіяхъ.

Польскіе шляхтичи просили меня многіе, чтобъ для защищенія отъ разграбленія ихъ имѣній послать въ оныя на ихъ коштъ команды. Я положилъ было, чтобъ въ тѣхъ мѣстахъ (оставить?) полкъ московскій, и по сей причинѣ писалъ къ князю Прозоровскому, чтобъ если надобность найдетъ подвинуть сей полкъ въ даль отъ границъ, то бы меня заранѣе о томъ предувѣдомилъ, чтобъ для безопасности пограничной другимъ командамъ на его мѣсто вступить. Впрочемъ, принеся мою покорную просьбу, я ожидать буду, что ваше сіятельство по оной не оставите меня снабжать предувѣдомленіями въ настоящихъ дѣлахъ и подавать мнѣ найлучшія средства, по своему благоразумію, къ предохраненію высочайшихъ ея императорскаго величества интересовъ. А я навсегда имѣю честь съ истиннымъ слыть и пр.

P.S. Королевской пограничной трехтемировской камеры писарь Гоздава-Вилуцкій, выбѣгшій сюда, просилъ на снабденіе свое и служителей королевскихъ, съ нимъ вышедшихъ, сто рублей на счетъ королевской, показуя при разграбленіи помянутой камеры извѣстнымъ бунтовщикомъ Щенявскимъ, лишившимся всѣхъ пожитковъ. Я толикое число денегъ изъ приличія приказалъ ему выдать, и вашего сіятельства прошу, освѣдомлясь гдѣ надлежитъ, меня увѣдомить: вѣренъ-ли счетъ возвращенія быть можетъ, ежели и другіе, яко онъ самъ, здѣсь живущіе станутъ и болѣе требовать таковыхъ денежныхъ ссудъ?—*Слѣдуетъ подпись.*

Переяславъ, № 783.

XVIII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ президенту коллегіи иностранныхъ дѣлъ, графу Н. И. Панину, съ извѣщеніемъ о задержаніи имъ въ Переяславѣ перебѣжавшихъ туда поляковъ, о причинахъ возстанія въ Украйнѣ, необходимости прекращенія жестокаго мщенія Украинскимъ крестьянамъ со стороны ихъ помѣщиковъ, посылкѣ имъ новыхъ командъ въ Украйну по просьбамъ тамошней шляхты, косвенномъ участіи запорожскаго Коша въ происходящемъ возстаніи и проч.

Августа 26 дня 1768 г.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Приложа о исполненіи высочайшаго ея императорскаго величества имяннаго указа, въ извѣстной вашему сіятельству ма-

теріи, всеподданнѣйшую реляцію мою для поднесенія въ собственныя руки, начинаю послѣдованіе о пограничныхъ дѣлахъ всепокорнѣйшимъ благодареніемъ, что ваше сіятельство преподаете мнѣ способы, изъ милостивой откровенности своей, къ произведенію возложенныхъ на меня повелѣній. Они посредствовали мнѣ удостоиться за то и высочайшаго ея императорскаго величества благоволенія, которое пріобрѣтаю паче въ послѣднемъ рескриптѣ. Я теперь нахожусь въ лагерѣ подъ г. Переяславомъ, и какъ мнѣ хотѣлось самому ближе вникнуть въ польскія дѣла, то потому до сего времени все повелѣнное первымъ рескриптомъ еще не было выполнено надъ выбѣгшими въ сей городъ подъ протекцію поляками, кромѣ что оные обезоруженные жили подъ присмотромъ.

За проѣздомъ моимъ, когда они приведены чрезъ священника католическаго къ присягѣ и спрошены подъ оною: будучи въ Польшѣ не присягали-ль они конфедераціи барской, или другой, противъ варшавскаго сейму? и одни изъ нихъ признались, что въ повиновеніи означенному барскому заговору присягали съ принужденія конфедератовъ, наѣзжавшихъ на ихъ домы съ командою, а другіе совсѣмъ показали себя въ томъ неучаствовавшими, въ сіе самое время отъ 3-го августа полученъ рескриптъ, въ которомъ по 3-му пункту иные уже объ нихъ мѣры предписаны, и для того я, не требуя отъ нихъ прежде повелѣнныхъ рецессовъ, приказалъ какъ тѣхъ, кои хотя кромѣ принужденной присяги никакимъ больше противнымъ дѣйствіямъ въ согласіи съ конфедератами не винились, такъ и необъявившихъ себя преступниками къ конфедераціи, по настоящему времени, изъ предосторожности и сомнительства, задержать ихъ неспускно въ семъ городѣ, объявивъ въ причину сего задержанія обстоятельства въ рескриптѣ значущіеся, и взявъ отъ нихъ всѣхъ обовязательства о скромномъ пребываніи, по присланной ко мнѣ формѣ на польскомъ языкѣ отъ Ѳедора Матвѣевича Воейкова.

При сихъ обстоятельствахъ, сколько явны мнѣ зрѣлыя вашего сіятельства проницанія, такъ обязаннымъ себя нахожу представить здѣсь о тѣхъ, кои и мое вниманіе на себя привлекаютъ. По объявленіямъ выбѣгающихъ сюда поповъ уніатовъ къ обращенію въ православіе, и прочимъ обстоятельствамъ, нѣтъ больше сомнѣнія, чтобъ весь сей небезбѣдственный мятежъ не подъятъ былъ изъ простаго усердія къ вѣрѣ православной, которой противоборства свои римское духовенство распространяло съ лю-

тымъ безчеловѣчіемъ надъ простолюдинами и съ поруганіемъ нестерпимымъ попамъ благочестивымъ. Каковы неистовыя удрученія мирскимъ и духовнымъ описаны обстоятельно въ протестѣ сообщенномъ отъ синода иностранной коллегіи, которые чрезъ архіерея переяславскаго все православное общество пограничныхъ старостъ и губерній сего году переслали въ Варшаву, гдѣ оный и внесенъ въ книги. А и сами изъ пребывающихъ тутъ подъ покровительствомъ шляхетства формально въ подаваемыхъ мнѣ просьбахъ сознаютъ, что настоящія въ отечествѣ ихъ бѣдствія родили суровые поступки, противъ исповѣдающихъ законъ греческой церкви, оффиціала унитскаго Мокрицкаго; прибавивъ къ сему еще и то, что ложный слухъ, пронесенный запорожцами, и составленные отъ имени ея императорскаго величества указы, чѣмъ простолюдиновъ легко было ослѣпить умы, что сіи всѣ пограничныя мѣста пріемлются подъ россійскую державу и навсегда съ подъ владѣнія польскаго освобождаются.

И такъ хотя злыя дѣйствія нѣкоторыхъ польскихъ жителей по себѣ не простительны, но много однакоже изъ нихъ есть такихъ, которые присовокупились къ мятежникамъ въ лучшемъ намѣреніи и надеждѣ на вышеписанныя предложенія, которыми уловили ихъ на счетъ нашего покровительства; теперь всѣ они предались отчаянію съ опасности воображаемыхъ мученій отъ своихъ властей. Тѣ, которые для разсѣянія манифестовъ посыланы были отъ меня за границу, возвратясь объявили, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители приняли содержаніе оныхъ со всякою благодарностію и послушаніемъ, но къ тому не преминули жаловаться, сколько они послѣ сего страшатся крайнихъ бѣдствій себѣ, въ руки отдавшись своимъ владѣльцамъ, которые то уже и показали, предавъ нѣкоторыхъ изъ нихъ смерти.

Вникнувъ въ примѣры прошедшихъ временъ, ваше сіятельство сами найдете, что условія, заключенныя съ сею сосѣднею державою, не всегда оставались непоколебимы; потому мое, безъ предложенія, мнѣніе по сему преподать осмѣливаюсь: чтобъ не изгнать изъ сердецъ искренней преклонности къ нашей сторонѣ, которую соблюдать изъ тѣхъ-же самыхъ причинъ, во всякое время не безполезно изобрѣсть средства, чтобъ облегчая сихъ польскихъ подданныхъ участь, не оставить ихъ въ жертву полнаго мщенія господъ, но послѣднихъ сократить къ тому въ умѣренность власть; вы же, ваше сіятельство, изобильныя найдете, уповаю, сами къ сему средства.

Я, по старанію о тишинѣ пограничной, умножаю посылку за границу командъ, слыша въ близости продолжающіяся еще неспокойства по поводу найпаче отчаянныхъ тамошнихъ жителей; однакожъ, истребляя гайдамакъ, для самыхъ жителей показую только видъ оружія, повелѣвая больше командирамъ увѣщевать и обнадеживать ихъ высочайшимъ императорскимъ милосердіемъ, яко къ единовѣрнымъ, чтобъ они отошли въ свои селенія и жили покойно.

Здѣсь пребывающее шляхетство подали мнѣ просьбы, чтобъ для охраненія ихъ имѣній послать въ оныя команды на ихъ коштъ. Подъ симъ претекстомъ я отправлю въ показанныя ими мѣста команды, которыя тамъ содержаны будутъ къ истребленію послѣднихъ разбойническихъ отдѣленій и къ приведенію въ тишину мятущихся; сіе учинить тѣмъ болѣе нужно, что московскій карабинерный полкъ, которому, по письму ко мнѣ съ Варшавы князя Николая Васильевича Репнина, повелѣлъ я уже обращаться по повелѣніямъ командующаго корпусомъ генерала-маіора Прозоровскаго, можетъ въ даль въ Польшу подвинутъ быть отъ границъ нашихъ.

Я еще беру смѣлость, изъ довѣренности ко мнѣ вашего сіятельства, идеально токмо начертать одно разсужденіе, оставивъ зрѣлому вашему проницанію обратить виды онаго по лучшему искусству. Староста трехтемировскій Щенявской, отъ давнихъ временъ злодѣй нашимъ граничнымъ жителямъ, его отвага не въ томъ только была, что безвинно непрестанныя дѣлалъ грабленія, но въ одно время захватилъ двухъ драгунъ съ форпоста съ капраломъ, и усиловуясь завладѣть однимъ островомъ, нашей сторонѣ надлежащимъ, поставилъ въ страхъ на ономъ висѣлицы. Я сіе вспоминаю потому, что даны уже были объ немъ съ нашей стороны повелѣнія, чтобъ его подхватить. Онъ теперь въ конфедераціи и главнымъ руководителемъ, а староство его трехтемировское самое ближнее къ нашимъ границамъ, и въ ономъ неспокойства крестьянъ продолжаются; не могутъ-ли сіи обстоятельства быть достаточнымъ поводомъ, чтобъ сіи показанныя Щенявскаго деревни взять подъ секвестръ? Польза изъ оныхъ ежели бы признана не была потребною сторонѣ нашей, то предлогъ есть взыскивать во удовольство разграбленныхъ съ повелѣнія его Щенявскаго королевской трехтемировской камеры, или отдать оныя одному изъ благонамѣренныхъ.

Говоря о запорожскихъ козакахъ, долженъ объявить вашему сіятельству мои примѣчанія, что не одна алчба, сродная симъ людямъ къ хищенію, побудила ихъ на своевольства, но въ Сѣчи пронесенная вообще молва, что грабительствовать теперь въ Польшѣ есть благословенное дѣло. Можно думать безъ ошибки, что не безъ участія въ семъ были главные ихъ старшины, ибо пойманные признаются, что строгости никакой не хранилось въ удержаніи ихъ выбѣговъ въ Польшу, и увѣрено, что сія польская страна достанется подъ начальство гетманское и кошеваго.

Я въ прочемъ имѣю честь ввѣрить себя вашему сіятельству въ непремѣнную милость, съ моею совершенною преданностію и усерднѣйшимъ высокопочитаніемъ назваться.—*Слѣдуетъ подпись.*

№ 793. Изъ лагеря подъ Переяславомъ.

XIX.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатеринѣ II о задержаніи имъ перебѣжавшихъ въ Переяславъ польскихъ пановъ, посылкѣ имъ новыхъ командъ въ Украйну для подавленія непрекращающагося тамъ возстанія, слабомъ дѣйствіи на тамошнее населеніе манифеста (9 іюля), разбитіи отряда атамана Майбороды близъ м. Мошенъ и проч.

26 августа 1768 г.

Реляція въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Приводя въ исполненіе высочайшія вашего императорскаго величества мнѣ данныя повелѣнія о полякахъ, выбѣгающихъ подъ протекцію, когда, при моей бытности теперь въ лагерѣ подъ городомъ Переяславомъ, открыли подъ присягою одни изъ нихъ преступленія свои въ присягѣ одной только, кромѣ всякихъ злыхъ содѣйствій, къ конфедераціи, по принужденію якобы имъ въ томъ чинимомъ, а другіе не признались во участіи никакому противному заговору, и приступлено было, чтобъ у первыхъ взять подлежащіе рецессы,—то въ сіе самое время получилъ я другой высочайшій рескриптъ вашего императорскаго величества, отъ 5-го августа изъ иностранной коллегіи пущенный ко мнѣ, въ которомъ предписаны другія уже мѣры къ поступленію съ ними. Почему и повелѣлъ я ихъ всѣхъ въ семъ городѣ неспускно держать съ большимъ противъ прежняго присмотромъ, взявъ отъ каждаго обязательства о пребываніи во всякомъ благочиніи въ

замѣну дозволяемаго имъ покровительства, по присланной формѣ на польскомъ языкѣ отъ господина генерала губернатора Воейкова, и объявивъ имъ, въ причину сего задержанія, обстоятельства, изображенныя въ семъ высочайшемъ рескриптѣ.

Сокращая въ близости границъ волненія польскихъ жителей, которыя до днесь еще не успокоены, и не истреблены совершенно остатки разбойническихъ шаекъ вновь возрождающихся по поводу и участію самихъ же тамошнихъ жителей, коихъ одно отчаяніе, по воображенію страха отъ мщенія своихъ господъ, подвигаютъ на всякую крайность, прибавляю я часто посылки за границу военныхъ командъ, предписуя начальникамъ больше взбунтовавшихся жителей обращать увѣщеваніемъ и обнадеживаніемъ высочайшимъ вашего императорскаго величества милосердіемъ, ежели они возвратятся въ свои домы къ спокойной жизни, а прямую силу оружія обращать паче на злыхъ разорителей.

По распубликованіи высочайшаго вашего императорскаго величества манифеста, изданнаго на случай сихъ смятеній въ Польшѣ, возвратившіеся нарочные объявляютъ, что въ однихъ мѣстахъ со всеподданнѣйшею благодарностію и повиновеніемъ жители оный приняли, въ другихъ показали уныніе въ своихъ сердцахъ, потому что не чаютъ уже отъ раздраженныхъ своихъ господъ никакого себѣ помилованія, а нѣкоторые прямо объявили, что они не могутъ тѣхъ признавать разбойниками, которые отъ предстоявшей имъ отъ поляковъ за православную вѣру смерти ихъ охранили, слѣдственно и отъ поисковъ надъ оными отказуются. Сихъ упорствующихъ противъ кратчайшихъ и имъ спасительныхъ средствъ, конечно, страхъ оружія посланныхъ туда командъ принудитъ отложить всякую жестокость и неповиновеніе.

Я недавно услышавъ, что близъ Канева дѣлаетъ разоренія вновь собравшаяся шайка разбойническая подъ предводительствомъ атамана Майбороды, отправилъ для поимки оной секундъ-маіора Вурма съ однимъ эскадрономъ карабинернаго ростовскаго полку и другимъ стами козаковъ, который ихъ преслѣдуя настигъ въ мѣстечкѣ Мошнахъ, гдѣ они заперлись въ замкѣ; когда начали сопротивляться командѣ (ихъ прежде увѣщевали къ сдачѣ) и подстрѣлили одного карабинера, который отъ тѣхъ ранъ и умре, то помянутый секундъ-маіоръ, ихъ атаковавъ, взялъ 26 человѣкъ съ помянутымъ атаманомъ Майбородою живыхъ, а 6 оста-

вилъ убитыхъ, протчіе-же, бросившись къ побѣгу въ рѣку, въ оной утопились. Сихъ разбойниковъ представилъ онъ ко мнѣ въ Переяславъ, изъ которыхъ по допросамъ показавшіе себя запорожцами отданы будутъ въ надлежащій судъ, а съ польскими жителями, въ сей-же шайкѣ нашедшимись, какъ поступать—прошу въ реляцію себѣ высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія.

И при донесеніи всеподданнѣйшемъ о вышеписанномъ, представляю именный списокъ[1]) всѣмъ шляхтичамъ содержащимся въ городѣ Переяславѣ.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ.—*Слѣдуетъ подпись.*

26 августа 1768 года, изъ лагеря подъ Переяславомъ.

XX.

Секретное донесеніе гр. П. А. Румянцева имп. Екатеринѣ II о неотысканіи имъ переправляемыхъ генералъ-маіоромъ Кречетниковымъ чрезъ Днѣпръ обозовъ (съ отнятою отъ гайдамакъ добычею), съ предположеніемъ, что таковые могутъ слѣдовать чрезъ форпосты вѣдомства генералъ-губернатора Воейкова.

26 августа 1768 г., изъ Переяслава.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Въ исполненіе высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, посланные отъ меня надежные люди во всѣ мѣста вѣдомства моего пограничныя, чрезъ которыя изъ Польши проѣзды бываютъ, для отысканія свѣдѣнія о проходѣ обозовъ генерала Кречетникова, возвратясь теперь объявили, что они какъ по запискамъ смотрителей форпостныхъ, такъ и подъ секретомъ посторонними развѣдываніями, ни въ которомъ мѣстѣ не нашли, чтобъ пропущены были какія его посылки. Донося о томъ всеподданнѣйше, уповаю, что всѣ такія корысти, къ предосужденію толь близкому общей славѣ и чести военныхъ начальниковъ пріобрѣтенные, ежели еще не провезены, то слѣдовать будутъ чрезъ форпосты, состоящіе подъ вѣденіемъ господина генералъ-губернатора кіевскаго Воейкова.—*Слѣдуетъ подпись.*

---

[1]) Упоминаемаго здѣсь списка въ сборникѣ М. А. Максимовича не оказалось.

XXI.

Выписка, сдѣланная М. А. Максимовичемъ изъ письма гр. П. А. Румянцева къ Ѳ. М. Воейкову, которымъ Румянцевъ отклоняетъ Воейкова отъ начатой имъ посылки пойманныхъ гайдамакъ въ елисаветградскую провинцію, а совѣтуетъ отправлять таковыхъ въ Глуховъ для суда.

Графъ П. А. Румянцевъ въ сообщеніи своемъ къ кіевскому генералъ-губернатору Воейкову, отъ 26 августа 1768 г., между прочимъ пишетъ:

„Я не хотѣлъ повѣрить рапорту теперь полученному отъ полковника Протасьева, что онъ отправляетъ пойманныхъ гайдамакъ, по ордеру вашего высокопревосходительства, по способности, въ елисаветградскую провинцію. Я будучи преданъ вашему высокопревосходительству всякимъ чистосердечіемъ и откровенностію, нахожу потребнымъ сказать, что въ тѣ мѣста отправленіемъ сихъ гайдамакъ само собою умножитъ причины неспокойства и опасностей. Лучше будетъ, ежели вы прикажете всѣхъ малороссійскаго вѣдомства отъ мѣста до мѣста отправлять въ Глуховъ, къ поступленію съ ними паки по надлежащему, какъ и я то всегда чиню, а польскихъ мужиковъ туда дѣвать, гдѣ повелѣніе опредѣлитъ, если уже оное имѣете на свои представленія". — *Слѣдуетъ подпись*

XXII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ гр. Н. И. Панину, которымъ онъ, опровергая дошедшее до него обвиненіе кн. Репнинымъ переяславскаго епископа Гервасія Линцевскаго и мотронинскаго игумена Мелхиседека въ произшедшемъ въ Украйнѣ возстаніи, излагаетъ свой общій взглядъ на это дѣло и выясняетъ необходимость, въ интересахъ русской политики, поддерживать въ Украйнѣ православіе, указывая на симпатіи къ возставшимъ какъ Запорожья, такъ и лѣвобережной Украйны, и проч.

Сентября (8?) дня 1768 года, Глуховъ.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

При отъѣздѣ обратномъ отсюда военной коллегіи курьера, имѣю честь вашему сіятельству объявить, что я какъ въ разсужденіи Порты Оттоманской болѣе уже не слышу извѣстій, сверхъ

сообщенныхъ отъ меня вамъ съ нарочнымъ курьеромъ, такъ и командующій теперь корпусомъ генералъ маіоръ князь Прозоровскій и находящійся въ Польшѣ полковникъ Протасьевъ репортами своими увѣдомляютъ, что на настоящее время утихло довольно волненіе тамошнихъ жителей. Помянутый генералъ-маіоръ приложилъ мнѣ экстрактъ изъ повелѣнія ему даннаго отъ нашего посла князя Репнина, гдѣ онъ, судя поступки архіерея переяславскаго и игумена мотронинскаго монастыря Мельхиседека, признаетъ ихъ давшими поводъ и участвующими въ настоящихъ смятеніяхъ польскихъ. Я уже вашему сіятельству, отъ 26 числа прошедшаго мѣсяца, имѣлъ честь объяснить, что сей старецъ поведенія свои противъ прибѣгающихъ къ нему уніатскихъ поповъ основывалъ на должности своего пастырства, на правѣ бытія древняго во всей странѣ сей благочестія, и по установленіямъ новѣйшимъ самаго короля нынѣшняго о взаимной свободѣ въ перемѣнѣ состоянія такъ православнаго на уніатское, яко и послѣдняго на первое, приводя въ оправданіе свое, что его предмѣстники въ самый Радомыслъ, мѣсто каѳедральное бискуповъ уніатскихъ, посвящали въ Переяславѣ поповъ; но не извинительно одно только, что къ тому приступилъ онъ безъ формальнаго повелѣнія себѣ. Но какъ всѣмъ вещамъ въ отдаленности можно виды придѣлать иные, совсѣмъ отъ существенныхъ разные, то паче же при настоящемъ случаѣ употребить могли поляки, преобразивъ всякія извѣстія въ пользу своей стороны, ища тѣмъ способомъ удержать въ сей странѣ людей, къ крайнему ихъ неудовольству обращающихся къ вѣрѣ, прежде ими исповѣданной и отъ которой они отведены однимъ насильствомъ и принужденіемъ властей, то потому предразсужденіе ведетъ мысль, что и нашъ посолъ иногда не столь удобно обозрѣть можетъ настоящія дѣйствія, какъ въ отдаленности отъ его пребыванія происходящія.

По разумѣнію сего я мои примѣчанія представилъ вашему сіятельству въ помянутомъ письмѣ, сколько мнѣ сіи дѣла, какъ близко на нихъ взирающему, кажутся въ настоящемъ положеніи и слѣдствіяхъ своихъ; такъ и теперь, довѣренностію вашею пользуясь, въ прибавокъ прежнему сказать осмѣливаюсь: поелику обоихъ нашихъ здѣсь сосѣдей союзъ установленный не есть толь твердъ и неподвиженъ, чтобъ всегда намъ обнадѣиться возможно на непоколебимость онаго, разумѣя ихъ свойства удобопреклонныя во всѣ стороны, то изъ сихъ причинъ во всякое время полезно сохранить единовѣріе давнее наше въ польскихъ жителяхъ, какъ

обязательство ревности и усердія ихъ къ нашей сторонѣ. Примѣръ сему показуетъ и настоящій случай: когда конфедераты, собираясь на самомъ противъ насъ берегу рѣки Днѣпра, ко умноженію своихъ силъ забрали было къ себѣ всѣхъ польскихъ козаковъ, чтобъ съ оными ополчиться противъ нашихъ войскъ, то коль скоро сіи козаки и другіе жители вооруженные противниками свѣдали, что ихъ ведутъ поборствовать по вѣрѣ римской, вдругъ не только отложились отъ послушанія своимъ вождямъ, но и прямо на самихъ ихъ по сему случаю возстали; инако-же всѣ сіи дѣйствія и силы должны были они на наши войска или на жителей пограничныхъ устремить, которыя вопреки обратили на вредъ самихъ заводителей, не хотя быть ихъ единовѣрными и единомышленниками. Извѣстный губернаторъ Сасинъ, подъ арестомъ содержащійся, уполномоченъ былъ нарочно отъ господина своего, бунтовщика Щенявскаго, чтобъ собрать всѣхъ пограничныхъ козаковъ и противо насъ поставить; токмо сіи жители, свѣдавши, для чего сіе дѣлается, притѣснили самаго конфедерата столько, что онъ, съ опасности лишиться жизни, выбѣжалъ въ наши границы.

Проницаніе вашего сіятельства, конечно, не минетъ сей пунктъ сообразить со всѣми окрестностями оному противустоящими. Я уже до сего вамъ объявилъ, что опубликованный манифестъ хотя произвелъ въ жителяхъ желаемое дѣйствіе, но гайдамаковъ не престаютъ они признавать за прямыхъ своихъ избавителей отъ несноснаго имъ ига польскаго, въ разсужденіи принужденія вѣры, а жидовскаго, по тягостнымъ ихъ сборамъ, истощающимъ силы ихъ и, какъ они говорятъ, самою изъ нихъ выжатою кровію обогащавшихся. Та и другая тягость, удручавшая ихъ несказанно, отмщевалась рукою ихъ полякамъ и жидамъ при настоящемъ случаѣ. Въ такомъ сихъ жителей положеніи, когда въ сердцахъ ихъ распространилась и усилилась горячность къ благочестію, ежели отнять ихъ въ томъ свободу, и удаливъ надежду, которую они полагаютъ въ покровительствѣ высочайшемъ ея императорскаго величества, подвергнуть ихъ состоянію тому-же, что и были, то я ваше сіятельство предварительно предувѣряю о слѣдствіяхъ непріятныхъ, неминуемо изъ того возродящихся, что тогда поведутъ они общее съ Сѣчью дѣло, ибо запорожскіе и польскіе козаки союзомъ самаго родства и преклонности такъ между собою сопряжены, что братъ одинъ въ томъ селеніи, другой въ другомъ жительствуютъ и по произволенію перемѣняютъ свое пребываніе.

Я не ручаюсь и за всѣхъ здѣшнихъ жителей, чтобъ нѣкоторые изъ толпы на сіи, по ихъ разумѣнію, законные подвиги въ томъ случаѣ себя не опредѣлили; я примѣтилъ тайную уже молву, будучи въ Переяславѣ, въ живущихъ близъ границы, что они равно польскимъ жителямъ думаютъ о гайдамакахъ.

Но не возмните, ваше сіятельство, чтобъ я моими объясненіями преподавалъ вамъ совѣты или оные писалъ бы къ какому либо наставленію: нѣтъ милостивый государь, мнѣ достаточно извѣстно и ваше благоразуміе, и изобиліе въ способахъ предохранительныхъ интересовъ ея величества и пользы государства; а я только мои примѣчанія о дѣлахъ себѣ приближенныхъ, столько отъ должности моей, какъ и въ воздаяніе особливо дознаваемой отъ васъ къ себѣ откровенности и милости, приношу, будучи всегда съ должнымъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства.

P. S. Я, противъ моего расположенія, и лѣтніе дни принужденъ былъ препроводить въ Переяславѣ, покудова могъ уже видѣть, что всѣ ватаги разбойниковъ вблизи границъ истреблены. Теперь я нахожусь въ Глуховѣ, куда меня на нѣкоторое время призвали по моей должности другія дѣла; я на сихъ дняхъ выѣду въ Полтаву для осмотру полковъ другой разъ въ лагерѣ собранныхъ, гдѣ будучи въ приближеніи, еще удобнѣе и лучше могу развѣдать обстоятельства нашихъ и въ ту сторону сосѣдей.—*Слѣдуетъ подпись.*

XXIII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ командующему русскими войсками въ Новороссіи, кн. А. А. Прозоровскому, съ предоставленіемъ въ его распоряженіе дѣйствовавшаго противъ гайдамакъ московскаго карабинернаго полка, какъ уже не нужнаго, для этой цѣли, и изложеніемъ оправданія переяславскаго епископа Гервасія Линцевскаго и мотронинскаго игумена Мелхиседека Значка-Яворскаго, по обвиненію ихъ въ возбужденіи возстанія въ Украйнѣ.

Сентября 8-го (1768 г.)

Милостивый государь, князь Александръ Александровичъ!

Рапортъ вашего сіятельства, отъ 31 августа, съ приложеннымъ экстрактомъ, я имѣлъ честь получить исправно, и на оное въ отвѣтъ симъ служу. По препорученіи въ команду вашу мос-

ковскаго карабинернаго полка, ваше сіятельство имѣете полную власть располагать онымъ по надобности случаевъ и точному своему благоразсмотренію, ибо въ разсужденіи гайдамакъ, о коихъ изъ рапорта вашего видно, что ихъ въ Польшѣ уже не слышно, нѣтъ нужды оному болѣе обращаться тамо, какъ и мнѣ командировать туда другаго полку, а вмѣсто того приказалъ я господину генералъ-поручику фонъ-Дальке: еслибы появились вновь каковы либо партіи гайдамакъ, по первѣйшимъ извѣстіямъ посылать на ту сторону Днѣпра, для истребленія оныхъ, команды, по примѣру тому, какъ въ бытность мою здѣсь то чинено было съ успѣхомъ.

Чтожъ принадлежитъ до здѣшняго епископа и мотронинскаго игумена поступковъ, я въ самомъ началѣ по пріѣздѣ моемъ въ Переяславъ усмотря великое множество здѣсь уніатскихъ поповъ, о томъ епископу сказалъ мое удивленіе, но въ отвѣтъ отъ него получилъ слѣдующее: 1) что между положеніями обоихъ церквей не возбранено уніатамъ по надобностямъ приходить къ православному, а православнымъ попамъ къ уніатскому архіереямъ, 2) что по притерпѣніи многими изъ православныхъ поповъ отъ конфедераціи великихъ въ вѣрѣ утесненій и мучительствъ, принуждены оные были иные сдѣлаться уніатами, а иные искали убѣжище у него, и 3) что по вступленіи гайдамакъ въ Польшу, кои, согласясь съ мужиками, мщеніе свое, какъ показываютъ, за прежнія отъ поляковъ мучительства производили столь далеко, что невинные младенцы щадимы не были, обратившіеся въ унію священники не имѣли другова средства къ своему спасенію, какъ только, подражая перво вышедшимъ, искать себѣ защищенія у его-же; а по миновеніи отъ конфедераціи и гайдимаковъ безпокойствтва, большая часть оныхъ обратно отправились. Но игуменъ мотронинской объявляетъ, какъ онъ еще въ прошедшемъ 1767 году, въ маѣ мѣсяцѣ, выѣхалъ изъ монастыря своего, находясь всегда внѣ онаго, не только о обращеніяхъ гайдамаковъ, но и монастырѣ своемъ никакова извѣстія не имѣетъ.

Впрочемъ особливымъ для себя имѣю удовольствіемъ пожелать вашему сіятельству, при семъ случаѣ, въ порученномъ вамъ дѣлѣ благополучныхъ успѣховъ.— *Слѣдуетъ подпись.*

Отправлено 8 сентября изъ Переяслава.

XXIV.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ русскому послу въ Варшавѣ, кн. Н. В. Репнину, съ изъясненіемъ необходимости примиренія украинскихъ пановъ съ возставшими ихъ крестьянами, изложеніемъ взгляда его на переяславскаго епископа Гервасія и мотронинскаго игумена Мелхиседека по отношенію ихъ къ возстанію и выраженіемъ сочувствія къ Репнину въ его трудномъ относительно этого дѣла положеніи.

23 сентября (1768 г.)

Милостивый государь мой, князь Николай Васильевичъ!

При благодареніи за послѣднее письмо вашего сіятельства, отъ $^{9}/_{20}$ сентября, я новаго ничего изъ здѣшнихъ мѣстъ сообщить вамъ не нахожу, какъ повторить прежнія мои изъясненія, коль нужна благость помѣщиковъ польскихъ къ своимъ взбунтовавшимся крестьянамъ, чтобъ привесть ихъ въ прежнее повиновеніе, къ которому они уже преклоняются, и колеблются однимъ только страхомъ мщенія.

О поступкахъ архіерея переяславскаго я нимало не свѣдомъ, тѣмъ меньше ручаться могу за игумена мотронинскаго, хотя первый всегда мнѣ кажется такимъ черноризцемъ, который въ глубокой своей уже старости *) посвятилъ себя строгому благоговѣнію, и совсемъ не является удобнымъ къ сплетенію той интриги, въ которой его подозрѣваютъ. Многихъ-же къ нему уніатскихъ приходящихъ поповъ я самъ въ Переяславѣ видѣлъ, которые сказуютъ, что прежде въ унію ихъ привело принужденіе тамошнихъ властей, а теперь отъ оныя къ благочестію обращаетъ неминуемая гибель, которою угрожаетъ простой народъ возмутившійся.

Я самъ, кромѣ вашего объявленія, былъ въ томъ увѣренъ, что положеніе дѣлъ вами отправляемыхъ сколь приноситъ для васъ славы, то не меньше плотите вы за то трудами и неумѣренною заботою. Въ обстоятельствахъ сихъ я представляю вамъ, любезнѣйшій мой другъ, что не будетъ такого препятствія и самой невозможности, которую бы вы своимъ талантомъ не въ состояніи были преодолѣть. Я думаю, противъ недоброхотовъ есть много и доброжелателей, которые свои силы соединяютъ вашимъ на возстановленіе благосостоянія общаго.

---

*) Ему было въ это время 84 года.—Ред.

Я обнадежившись вашимъ благосклоннымъ обѣщаніемъ о частыхъ меня увѣдомленіяхъ въ происхожденіи вашихъ дѣлъ, имѣю честь пребывать съ должнымъ почтеніемъ.—*Слѣдуетъ подпись.*

XXV.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ гр. Н. И. Панину, которымъ онъ выгораживаетъ себя въ высказанномъ имъ прежде взглядѣ на украинское возстаніе, какъ не согласномъ съ общими политическими видами имп. Екатерины II и самаго Панина, сообщая вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя свѣдѣнія и соображенія о враждебномъ настроеніи къ намъ Турціи и ея намѣреніяхъ.

27 сентября (1768 г.).

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Если вспоможеніе во всякой вещи дѣлаетъ насъ обязанными, то какъ больше должны мы благодарностію таковымъ людямъ, которые въ дѣлахъ нашихъ руководствуютъ насъ полезными наставленіями. Такъ, милостивый государь, я сталъ долженъ вашему сіятельству непрестаннымъ чувствованіемъ великаго вашего ко мнѣ благоволенія, которое доказуетъ въ письмѣ своемъ отъ 19-го сего мѣсяца, вразумляя меня изображеніями, однимъ—въ видѣ министра, другимъ—въ качествѣ друга. Тутъ ваше сіятельство, въ особѣ государственныхъ дѣлъ правителя, показали мнѣ верховность своего просвѣщенія содѣяніями, относящимися къ наибольшимъ между великими, столко-же и превосходства въ дружеской для меня откровенности, снисходительности и усердія. Я сіи начертанія сохраню какъ поученія мудрости, которыя тѣмъ драгоцѣннѣе для меня, что я, онымъ слѣдуя, безпечнымъ останусь отъ всякаго преткновенія.

Посему изъясню я вашему сіятельству, что мои примѣчанія, на которыя мнѣ отвѣтствуете, касательно до религіи и состоянія взволновавшихся польскихъ крестьянъ, были только гадательныя, а не положительныя; смѣшанная тамъ моя идея простиралась токмо по воззрѣнію на обстоятельства наружныя такъ пограничныхъ жителей польскихъ, яко и изъ предосторожности противъ сосѣда другаго, который явно уже обнажается теперь въ своихъ намѣреніяхъ.

Съ курьеромъ, вчера отправленнымъ, наполнилъ я мои къ вамъ депеши, предусматривая по положенію и движеніямъ турец-

кихъ войскъ. Ихъ непремѣнное намѣреніе, вступя въ Польшу, воспятить нашимъ тамъ подвигамъ. Между повелѣніями, долженствующими непосредственно уже ограничить сей случай, я вашему сіятельству найбольше нужнымъ повторить честь имѣю то, что отъ 5-го числа писалъ о приведеніи всѣхъ здѣшнихъ военныхъ силъ подъ единоначаліе. Съ моей стороны, сколько позволяли здѣшніе способы, я предосторожность на неожидаемыя происшествія уже употребилъ и распологать буду; но всякій начальникъ лучше тутъ подѣйствуетъ, когда не могутъ встрѣтиться расположеніямъ его другаго мысли и несогласія.

Я немедленно начну исполнять прибавленныя мнѣ теперь повелѣнія о польскомъ шляхетствѣ и крестьянахъ, и столько-же наблюденіе имѣть и за поступками архіерея переяславскаго, если бы его не воздержало одно уже повелѣніе ваше, которому сообщеніе противное съ уніатскими попами вовсе пресѣкться можетъ, ежели ваше сіятельство изволите согласиться, чтобъ ихъ ни единаго чрезъ границу въ Переяславъ не пропускать, такъ какъ и пришедшихъ назадъ выслать.

Теперь всѣ правила, поелику они въ системѣ толь полезной, коль описаны мнѣ вашимъ сіятельствомъ интересующія намѣренія ея императорскаго величества, я съ благодареніемъ отъ васъ узнавши, всѣ послѣдованія въ сихъ дѣлахъ нужныхъ соглашать оныя стараться буду. Воспоминая то въ честь себѣ, что ваше сіятельство бывши въ томъ мнѣ руководителемъ, ставете вы принимать посему всѣ дѣйствія мои, какъ плодъ вашихъ наставленій, позволяя тѣмъ самимъ непрестанно называться съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію. — *Слѣдуетъ подпись.*

XXVI.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева переяславской полковой канцеляріи отпустить пойманныхъ вмѣстѣ съ гайдамаками украинскихъ крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ съ формальными видами, взявъ съ первыхъ присягу въ покорности, располагая послѣднихъ къ прощенію, и проч.

Сентября 27 го (1768 г.) № 940.

Ордеръ полковой переяславской канцеляріи.

Всѣхъ преданныхъ къ содержанію при оной полковой канцеляріи польскихъ жителей, взятыхъ вмѣстѣ съ гайдамаками по возмущеніямъ, отъ нихъ въ Польшѣ происходившимъ, та канце-

лярія имѣетъ нынѣ освободивъ отправить въ ихъ домы, но со взятіемъ однако-жъ напередъ отъ нихъ присяги, что они, чувствуя сію милость, прямо въ оные возвратятся и будутъ тамъ жить въ тишинѣ и повиновеніи властямъ своимъ; а чтобъ ихъ при семъ отпускѣ охранить отъ истязаній помѣщиковъ, кои-бы иногда и надъ раскаявшимися прежнее возмущеніе мстить захотѣли, то полковая канцелярія, на сей случай, дать имъ имѣетъ урядовое отъ себя письменное препровожденіе къ ихъ помѣщикамъ, склоняя послѣднихъ въ ономъ къ прощенію въ преступленіи, отъ буйства и слѣпоты происшедшемъ, въ которомъ отпущаемые признательно раскаиваются и дали клятвенныя предъ Богомъ по себѣ обязательства о всякой отселѣ покорности; инакоже, своею мстительностію противиться они будутъ собственному своему интересу, тѣмъ паче, что на отпускъ помянутыхъ сихъ людей не инако, какъ въ сей надеждѣ, приступлено. Къ симъ присоединить и напредъ по моему ордеру присланнаго жителя польскаго мѣстечка Медвѣдовки, Саву Шпаченка, пойманнаго обще съ козакомъ сотни каневской Василіемъ Кущенкомъ, который къ осужденію отосланъ въ судъ генеральный.—*Слѣдуетъ подпись.*

(Продолженіе будетъ).

РѢЧЬ

„О ПОПРАВЛЕНІИ СОСТОЯНІЯ“ МАЛОРОССІИ.

Помѣщаемая рѣчь получена нами отъ А. М. Лазаревскаго, а ему досталась отъ умершаго уже нѣсколько лѣтъ назадъ предводителя дворянства конотопскаго уѣзда П. Гр. Кандыбы († 1868 г.), у котораго хранилась, какъ любопытная рѣдкость, съ такимъ заглавіемъ: «копія древней малороссійской рукописи, написанной въ царствованіе императрицы Елисаветы, при гетманѣ графѣ Разумовскомъ». Копія эта, судя по почерку,—30 или 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія и самъ Кандыба не зналъ, кажется, ея происхожденія.

Время оригинала приблизительно опредѣляется заглавіемъ рукописи и ея содержаніемъ; но кѣмъ, гдѣ и по какому именно случаю сказана самая рѣчь, рѣшить трудно. Съ достовѣрностію полагать можно, что она произнесена гдѣ-то въ Черниговщинѣ въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ первые годы гетманства Разумовскаго. Очень вѣроятно, что это призрачное и случайное возстановленіе гетманскаго достоинства и возведеніе въ этотъ санъ бывшаго придворнаго пѣвчаго воодушевило его соотчичей надеждами на возвращеніе старыхъ порядковъ, когда знатной старшинѣ козацкой жилось еще льготнѣе, чѣмъ теперь подъ протекціею и наблюденіемъ россійскихъ правителей, предъ которыми надо было изгибаться и умѣть изворачиваться, чтобы располагать богатыми «маегностями», и они, рѣшившись воспользоваться близостію гетмана къ императрицѣ, собрались гдѣ-то для разсужденій о поправленіи состоянія любезнаго своего отечества — лѣвобережной Украйны, носившей названіе Малороссіи. Ни въ самой рѣчи, ни въ какихъ-либо современныхъ документахъ нѣтъ указаній на офиціальный характеръ собранія. Самъ ораторъ какъ будто случайно попадаетъ въ собраніе, хотя рѣчь его видимо подготовлена и весьма старательно. Въ ней довольно мѣстнаго патріотическаго зуда, еще болѣе краснорѣчія, но немного истиннаго знанія нуждъ родины и еще менѣе яснаго представленія о способахъ къ поправленію ея состоянія. Не легко человѣку, а тѣмъ болѣе цѣлому народу свыкаться съ новыми порядками, еще менѣе совершенными, и нечего удилляться въ подобныхъ случаяхъ нѣкоторой ляментаціи и радужнымъ обращеніямъ къ прошлому; но ни самъ ораторъ, ни, по всей вѣ-

роятности, и его слушатели не могли стать выше своихъ мѣстныхъ и даже сословныхъ воззрѣній. Шляхетская свобода, или льготы высшихъ классовъ, и прикрѣпленіе низшихъ,—таковы идеалы того времени и вмѣстѣ неизвѣстнаго автора. Мы не будемъ касаться частностей рѣчи; скажемъ лишь вообще, что это тѣ-же вожделѣнія, которыя воодушевляли малороссійское дворянство и спустя десятка полтора лѣтъ, при выборѣ депутатовъ въ кончившуюся ничѣмъ Екатерининскую коммисію 1767 г. и составленіи для нихъ наказовъ, но здѣсь картина тогдашнихъ порядковъ общѣе и разсужденія практическаго характера системнѣе, или цѣльнѣе. Во всякомъ случаѣ рѣчь имѣетъ несомнѣнное историческое значеніе и, какъ памятнику такого рода, мы и даемъ ей мѣсто на страницахъ нашего изданія.

Въ частности относительно личности автора мы можемъ допустить предположеніе, что это былъ одинъ изъ двухъ выдававшихся ораторовъ того времени: или М. В. Скоропадскій, бывшій генеральный подскарбій, ставшій жертвою интригъ Теплова, или не занимавшій никакого уряду, рьяный патріотъ, Политика. Кто-бы ни былъ впрочемъ авторъ рѣчи, онъ хорошо былъ ознакомленъ съ правилами высшей реторики, какъ даетъ это чувствовать сама рѣчь.

Имѣя счастіе быть участникомъ благороднаго вашего собранія, въ которое вы, какъ мнѣ небезъизвѣстно, сошлись, чтобы разсуждать о поправленіи состоянія любезнаго отечества нашего, въ сомнѣніи нахожусь, лучше ли мнѣ отъ любви и усердія къ отечеству все то говорить, что слабой мой велитъ разсудокъ, или лучше обо всемъ молчать отъ жалости. Предки наши—славный оной народъ россійскій, послѣ несчастливаго разоренія татарами, будучи, какъ по доброму согласію, такъ по большей части завоеваніями, присоединены къ республикѣ польской, не меньше благоразуміемъ, какъ и мужествомъ своимъ дошли до того, что принятъ былъ на всѣ права, вольности и преимущества, которыми еще и нынѣ помянутая республика предъ цѣлымъ свѣтомъ хвалится. Въ семъ благополучномъ состояніи умѣлъ онъ себя содержать до тѣхъ временъ, пока зависть и насиліе не стали искать способовъ, какъ его всего того лишить; но и тутъ сохранялъ онъ себя тѣмъ-же благоразуміемъ и храбростію, защищая иногда себя своими правами и привилегіями, а иногда сила силою отвращая, пока, напослѣдокъ, будучи доведенъ до крайности, свергъ съ себя иго поляковъ и пришелъ въ подданство прежнихъ своихъ государей, всемилостивѣйшихъ россійскихъ монарховъ. Сколь радостно, столь милостиво приняли въ свою протекцію малороссійскій народъ сіи новыя владѣтели и не токмо всѣ

тѣ вольности и права, которыя мы имѣли подъ Польшею подтвердили, но новыми и лучшими насъ наградить и пожаловать обѣщали. Но кто бы подумалъ, что съ самаго того времени, когда мы чрезъ сіе подданство думали сыскать наше благополучіе, наше спокойство и безопасность, началось наше злосчастіе и нарушеніе нашего покоя и благосостоянія? Кому же сіе приписать должно? Не внутреннимъ-ли нашимъ непорядкамъ и замѣшательствамъ, не властолюбію-ль приватныхъ людей? не пренебреженію-ли общаго добра и исканію своего собственнаго? Не злому-ли употребленію законовъ?—Не упоминая о другихъ безчисленныхъ безпорядкахъ, возьмите только въ разсудокъ и здравымъ умомъ разсмотрите исторію предковъ нашихъ и ихъ состояніе снесите съ нынѣшнимъ: гдѣ нынѣ славные оные люди, которые разумомъ и перомъ своимъ защищали вольности отечества нашего и благоразумно онымъ правили? Гдѣ нынѣ славные оные воины, которыхъ трепетали многіе европейскіе и азіатскіе народы, которыхъ дрожали Таврика и Константинополь, которыми въ пепелъ превращены многіе непріятельскіе города, которыми напослѣдокъ потрясена Польша, славное тогда въ свѣтѣ и сильное государство? Я смѣло скажу, что ихъ немного у насъ осталось и, что всего жалостнѣе, перевелися они въ недавнія лѣта, и почти въ памяти отцовъ нашихъ и нашей. Но для меня и словъ не достаетъ, если я захочу пространно изъяснить упадокъ отечества нашего и исчислять всѣ наши несчастія. И такъ, лучше мнѣ обратить рѣчь мою къ вамъ, благородное собраніе, и просить васъ чрезъ любовь отечества, чрезъ собственную вашу и потомковъ вашихъ честь и пользу, соберите всѣ силы ума вашего, подкрѣпите оные патріотическимъ усердіемъ и, отложивъ всѣ пристрастія и партикулярныя пользы, подумайте объ возстановленіи прежнихъ отечества вашего порядковъ и благосостоянія; а если вы мнѣ позволите вольный между вами имѣть голосъ, если прикажете объявить вамъ мое мнѣніе, то я вамъ предложу оное вкратцѣ и такъ, какъ велитъ мнѣ моя честь, совѣсть и польза отечества, которое я люблю больше моей жизни.

Отъ хорошаго учрежденія гражданскихъ и воинскихъ дѣлъ зависитъ все благополучіе государствъ. Гражданскіе у насъ дѣла совсѣмъ не на такомъ основаніи, какимъ оныя были во время бытности нашей подъ республикою польской и на какомъ мы приняты подъ державу россійскую. Были у насъ суды земскіе, гродскіе, подкоморскіе и протчіе. Къ содержанію правосудія и

порядка учрежденные мѣста и чины, былъ надъ оными трибуналъ, были у насъ сеймы или генеральные рады, на которыхъ мы всѣ общіе и важнѣйшіе наши дѣла рѣшали, а новыя учрежденія дѣлали. Но гдѣ оныя нынѣ? Переведены и выглажены изъ памяти нашей, какъ будто ихъ никогда не бывало. Сіе произошло отъ того, что умалилась власть и сила шляхетства нашего, а возрасла и почти все себѣ присвоила воинская сила. И такъ надлежитъ намъ стараться, чтобы учредить всѣ тѣ чины и достоинства, которыя управляютъ гражданскими дѣлами на всемъ такомъ основаніи, какъ повелѣваютъ права наши, въ подтвержденіе которыхъ имѣемъ мы привилегію блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и Высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе о учрежденіи подкоморыхъ, которое намъ вѣрнымъ служитъ залогомъ, что Ея Императорское Величество и протчіе нужные къ управленію гражданскіе чины учредить укажетъ. Направленіе гражданское тогда хорошо, когда хороши законы. Мы такія имѣемъ законы, которые только наилучшія имѣть можетъ вольный и благородный въ свѣтѣ народъ; но первое несчастіе наше состоитъ въ томъ, что имѣемъ оныя на чужестранномъ языкѣ и что не имѣемъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ; они состоятъ не въ одной книгѣ Статута, какъ, можетъ быть, многіе думаютъ, но во многихъ книгахъ конституцій или установленій сеймовыхъ, на которыхъ законодателями были и предки наши и въ которыхъ больше заключаются наши привилегіи, преимущества и вольности, нежели въ Статутѣ, а сверхъ того въ помощь вышеупомянутыхъ правъ употребляемъ мы, по древнему обыкновенію, саксонское и холмское право. Подумайте-же, въ такомъ великомъ числѣ книгъ и законовъ, не можно-ли запутаться и самымъ искуснымъ и ученымъ людямъ, не можно-ли сыскать противустоящихъ и двоякій видъ имѣющихъ установленій, а сіе къ какой обидѣ и разоренію общества служитъ, вы сами довольно знаете. Другое наше несчастіе состоитъ въ томъ, что имѣемъ мы весьма мало людей, знавшихъ точный разумъ, силу и употребленіе нашихъ законовъ. Да и почему намъ знать то можно, когда мы не учимся и учиться гдѣ не имѣемъ законодательству наукъ. Итакъ я бы думалъ, что все благополучіе отъ того зависитъ, чтобъ мы всѣ наши права и привилегіи имѣли въ одной книгѣ, чтобъ законы наши были исправно переведены на нашъ языкъ, расположены порядочно и на всякій случай ясныя и точныя

имѣли положенія. На сіе можно намъ употребить разумныхъ и прямо законы знающихъ людей. Но не думайте, чтобы чрезъ сіе хотѣлъ я какого-либо нашихъ правъ нарушенія или отмѣны,— нѣтъ, я хочу порядка; мы ихъ всѣхъ можемъ имѣть въ своей силѣ и точности, только лучше и порядочнѣе, нежели нынѣ, а если захочемъ въ нихъ сдѣлать какую отмѣну по нынѣшнимъ временамъ, нравамъ и обстоятельствамъ нашимъ, слѣдуя въ томъ примѣру просвѣщенныхъ народовъ, то и то будетъ зависить отъ нашего соизволенія и отъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества конфирмаціи. Я знаю, что законы для людей, а не люди для законовъ дѣлаются, и сего довольно о дѣлахъ гражданскихъ.

Воинство наше, то есть козаки, которыми мы въ прежніе времена толь великую пріобрѣли славу, имѣло особливые свои вольности, выгоды и пользы, а сверхъ того, хотя небольшое, получало жалованье, нынѣ не токмо того не имѣетъ, но, служа изъ своего собственнаго имѣнія, должно сверхъ того питать нѣсколько регулярныхъ полковъ, что въ такое привело истощеніе, что смѣло можно сказать, что нѣтъ десятой доли, которые во всей исправности могли-бы на службу выйти, а отъ сего презрѣніе имѣютъ отъ другихъ воинскихъ людей и уже за негодныхъ къ войнѣ и къ храбрымъ поступкамъ почитаются тѣ люди, которые недавно были сильны, храбры и страшны. Чѣмъ же имъ помочь должно? Надлежитъ прежде охранить ихъ имѣніе отъ всякихъ нападковъ и разореній, возобновить ихъ вольность, просить, чтобы сложены были съ нихъ подати, положить извѣстное небольшое число козаковъ и дать имъ хотя малое жалованье, а остальныхъ козаковъ въ подмогу, и раздѣлить ихъ такъ, чтобы зажиточнѣйшіе служили конную, а убогіе пѣшую службу, какъ-то было при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ и прочихъ его пріемникахъ. Симъ способомъ, кажется мнѣ, можете привесть ихъ въ прежнее состояніе и возобновить древнюю ихъ храбрость и славу.

Имѣнія и земли наши, которыя по правамъ и привилегіямъ нашимъ ни въ чію, кромѣ въ собственную нашу, пользу служить не должны, отошли отъ насъ то къ слободскимъ полкамъ и подъ линію, то отданы иностранцамъ и нашедникамъ, а раскольщики сами собою на земляхъ нашихъ поселившись, думаютъ, что то ихъ наслѣдіе. Не должно-ли намъ о семъ, упавъ предъ престоломъ монаршимъ, просить помилованія и возвращенія всѣхъ оныхъ имѣній и земель? Сіе-жъ самое должно разумѣть и о награжденіи деревнями и чинами иностранцевъ. Всѣ государства подкрѣпляются, по-

лучаютъ богатство и приращеніе свое чрезъ коммерцію. Кто-жъ съ жалостію не видитъ, что какъ преизобильно Богъ благословилъ Малую Россію всякими нужными къ содержанію человѣческому произращеніями и вещми, такъ въ пребѣдномъ состояніи находится ея комерція? А сіе отъ чего произошло?—Отъ запрещенія свободного вывозу нашихъ продуктовъ, отъ положенія чрезвычайныхъ противу прежняго пошлинъ, отъ презрѣнія тѣхъ людей и ихъ привилегій, которые коммерцію отправляютъ. Кому-жъ все сіе поправлять, какъ не вамъ, благородное собраніе?

Духовный чинъ нашъ также многія потерялъ свои права и преимущества. Естьли мы хочемъ, чтобы всякій чинъ въ Малой Россіи при своихъ правахъ сохраненъ былъ, то должно намъ вступиться и за чинъ духовный и просить о сохраненіи ихъ при прежнихъ ихъ привилегіяхъ, а они напротивъ того должны намъ помогать своими имѣніями въ полезныхъ отечества нашего учрежденіяхъ.

Но сколь много всѣ малороссійскаго народа чины потеряли своихъ вольностей! Отъ чего мужики наши пріобрѣли самоволія? Они свободно изъ мѣста на мѣсто бродятъ, они безъвозбранно вписываются въ козаки, они бѣжатъ въ Польшу, выходятъ на великороссійскія земли, а отъ сего у насъ умаляется земледѣліе, неисправно плотятся общенародныя подати, и протчіе безчисленные происходятъ непорядки, а помѣщики между тѣмъ отъ часу въ большую приходятъ бѣдность и разореніе. Я думаю, что и безъ моего увѣщанія согласитесь, чтобы просить о запрещеніи имъ свободного перехода.

Не должно-же позабыть и о претерпѣнныхъ убыткахъ во время турецкой войны и просить милостивого за оные награжденія.

Ученіе какъ къ просвѣщенію разума, такъ и къ содержанію всякихъ добрыхъ порядковъ въ государствахъ больше всего способствуетъ; найлучшіе государи, полководцы, градоначальники были философы; надлежитъ намъ стараться и о распространеніи наукъ въ нашемъ отечествѣ, а распространить ихъ не можемъ, не учредивъ хорошихъ училищъ и не давъ должного на оныя содержанія.

Я бъ еще и больше хотѣлъ предлагать вамъ о нуждахъ отечества нашего, но опасаюсь, чтобы не наскучить и не вывесть васъ изъ терпѣнія. На ваше благоразуміе, на ваше усердіе надѣюсь, что мои недостаточныя предложенія исправите и свои благоразумнѣйшія прибавите, и во исполненіе приведете; словомъ

сказать: не упустите ничего того, что только къ сохраненію правъ, привилегій, преимуществъ и вольностей вашихъ служить. При премудрой, милостивой, просвѣщенной и великодушной монархинѣ, которую мы нынѣ имѣемъ, нѣтъ никакого невозможнаго дѣла, котораго-бы мы испросить не могли, если только справедливо просить будемъ, ибо ни о чемъ она больше не мыслитъ, ни къ чему больше не устремляетъ своего монаршего сердца, какъ къ явнолюбію, къ правосудію и къ благосостоянію своихъ подданныхъ. Итакъ намъ, благородное собраніе, ничего больше не остается, какъ, собравъ всѣ нужды и просьбы наши, просить ясневельможного нашего графа гетмана, чтобы онъ присовокупилъ свое усердіе къ нашему и сильнымъ своимъ у ея императорскаго величества предстательствомъ исходатайствовалъ намъ милость и помощь; на его благоразуміе, на его великодушіе, на его усердіе къ отечеству должно намъ несомнѣнную положить надежду, что онъ, презирая всякія труды и собственную пользу, приложитъ найревностнѣйшее стараніе о приведеніи въ прежнее состояніе бѣдствующее, презрѣнное и всякой помощи лишенное отечество наше, и тѣмъ, вмѣстѣ съ нами, получитъ сіяніе и славу предковъ нашихъ, а у потомковъ заслужитъ благодарность. Только я чѣмъ началъ, тѣмъ и кончу, что въ общемъ благѣ должно отложено быть всякое пристрастіе и собственная польза.

Два документа о состояніи малороссійскаго козачества въ половинѣ XVIII ст.

Въ помѣщенной предъ симъ рѣчи неизвѣстный авторъ, изображая печальное положеніе Малороссіи ко всѣмъ сторонамъ ея жизни въ половинѣ прошлаго столѣтія, сѣтуетъ, между прочимъ, и на упадокъ козачества, не опредѣляя однако частными чертами этого упадка, но указывая лишь на тяжесть его службы и экономическаго положенія. Приводимые документы представляютъ офиціальное свидѣтельство объ этомъ упадкѣ, съ точки зрѣнія военной, идущее съ другой стороны и относящееся къ тому-же почти времени. Это два предложенія малороссійской коллегіи тогдашняго правителя Малороссіи, или лѣвобережной Украйны, и главнаго начальника малороссійскихъ козаковъ и Коша запорожскаго, гр. П. А. Румянцева. Его, не знакомаго съ исторіею и порядками страны, равно особенностями козачей службы, воспитаннаго на началахъ особой дисциплины и привыкшаго командовать регулярными войсками, поражаетъ—въ одномъ случаѣ полное отсутствіе воинскаго строя и знанія военныхъ артикуловъ въ нестроевыхъ ротахъ, видимо уже до него переформированныхъ и назначенныхъ для карауловъ при малороссійской коллегіи и ея подраздѣленіяхъ, въ другомъ—отказъ козаковъ синявской сотни черниговскаго полка подчиниться объявленному теперь набору способнѣйшихъ изъ козачьихъ семействъ на постоянную воинскую службу. Вполнѣ убѣжденный въ вѣрности своихъ воззрѣній, основанныхъ на привычныхъ ему порядкахъ, Румянцевъ, не углубляясь далеко, твердо настаиваетъ на безусловномъ ихъ примѣненіи, а непокорныхъ подвергаетъ строгому наказанію, употребляя въ дѣло даже классическое мѣстное наказаніе «кіями».

Въ обоихъ случаяхъ, на которые указываютъ помѣщаемые документы, мы видимъ борьбу новыхъ порядковъ съ старыми, общерусскихъ, заведенныхъ Петромъ I и усиленныхъ послѣ семилѣтней войны, въ которой, какъ извѣстно, принималъ Румянцевъ и личное участіе, и мѣстными малороссійскими, унаслѣдованными отъ временъ давнихъ. Тутъ однако происходитъ тоже любопытное *qui pro quo*, какое мы видѣли въ отношеніяхъ Румянцева къ Западной Украйнѣ, при началѣ въ ней

возстанія 1768 г. Румянцевъ усматриваетъ и строго преслѣдуетъ въ козакахъ упадокъ военнаго строя и дисциплины и уклоненіе отъ воинской службы. То и другое явленіе мы дѣйствительно видимъ въ тогдашнемъ козачествѣ, но они были послѣдствіемъ причинъ и условій, которыхъ не въ силахъ было ни измѣнить, ни преодолѣть само козачество, но которыя, при тщательномъ изученіи особенностей страны и ея исторіи, могъ-бы примѣтить и устранить всесильный ея правитель. Кто болѣе козаковъ любилъ жизнь и славу военную, кто болѣе ихъ славился воинственнымъ духомъ и самымъ строгимъ строемъ и подчиненностію, но не какъ послѣдствіемъ изученія «пунктиковъ» военнаго устава, а какъ отраженіемъ высшаго, объединявшаго ихъ духа и привычки всей жизни, посвященной военному дѣлу? Въ строгости военнаго строя и порядка, не говоря о храбрости, не отказывали имъ и самые враги ихъ—поляки во время страшныхъ козацкихъ войнъ. Вся исторія малороссійскаго народа свидѣтельствовала, что это былъ одинъ изъ самыхъ воинственныхъ народовъ. Козачество было идеаломъ жизни, козакъ—народнымъ героемъ; выше долга военнаго, цѣлей войны, самой войны не было для него ничего, для нихъ онъ жертвовалъ, какъ показываетъ весь циклъ народныхъ пѣсень, всѣми своими привязанностями и самыми возвышенными чувствами — отца, сына, мужа, жениха. Но—война родитъ и держитъ духъ воинственный, какъ любовь къ родинѣ, охрана ея цѣлости, защита ея отъ опасностей извнѣ влекутъ къ войнѣ. Ближайшее служеніе интересамъ отчизны, особливо, когда они становятся личными всѣхъ и каждаго интересами, какъ было прежде въ непрерывной борьбѣ съ угнетеніями отъ поляковъ и нападеніями татаръ, вызывало неудержимое влеченіе къ войнѣ и создавало идеалъ народнаго защитника въ лицѣ козака. Съ другой стороны постоянная походная жизнь отъ дней юности до заката ихъ, войны, сраженія и стычки, какъ явленія обыденной жизни, лучше всякихъ артикуловъ учили козака строю и порядку военно-походной жизни, закаляя его духъ и тѣло, развивая въ немъ самодѣятельность, придавая ему выносливость, выправку и видъ военный. Понятно, что когда война была насущною, такъ сказать, потребностію народной жизни, ясно всѣми сознаваемою и чувствуемою, не мыслима была какая либо обязательность воинской службы и не нужно было къ ней привлекать или обязывать какимъ-бы то ни было способомъ; каждая община, каждая семья знала, кому идти на войну и никогда сабля козачья не лежала заржавленною. Въ эпоху козацкихъ войнъ мы видимъ всенародное въ нихъ участіе и за тѣмъ поголовное стремленіе записаться въ «регистровые» и особыя усилія правительства ограничить ихъ число. Званіе козака давало извѣстныя права, въ томъ числѣ и право владѣнія извѣстнымъ участкомъ земли, но за тѣмъ и служба козачая была службою за землю, и тутъ-то соглашались интересы службы съ нуждами веденія хозяйства, поддержанія семьи. Кромѣ обстоятельствъ чрезвычайныхъ, несъ службу одинъ изъ семьи,—болѣе способный, охочій или свободный, кто вызывался самъ, или кого избирала семья и много-много ближайшая община (деревня или сотня).

Но уже давно измѣнились многія условія жизни и службы козачей. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ раздвинулись предѣлы отечества и козачество, удерживаемое еще на особыхъ правахъ и несплоченное съ прочими частями государства, не могло расширить своего патріотическаго кругозора и на мѣсто прежнихъ, уходившихъ въ область прошлаго, задачъ и идеаловъ жизни создать новые. Наступившіе новые порядки не давали ему никакой опредѣленной, жизненной почвы; они давно оторвали его отъ родной его стихіи и храбрыхъ «рыцарей» по природному влеченію превратили въ солдатъ по обязательству и, что еще хуже, въ простыхъ караульныхъ и землекоповъ. Отъ времени полтавской битвы козаки почти уже не видѣли поля сраженія и обречены были на тяжкую и унизительную работу рытья каналовъ, насыпки валовъ и устройства ретраншаментовъ, шанцевъ и другихъ укрѣпленій на сѣверѣ, югѣ и отдаленномъ востокѣ. Рѣдкій годъ проходилъ, чтобы они тысячами и десятками тысячъ не были отправляемы на эти работы въ то или другое мѣсто. Сѣверныя тундры, берега Ладоги и Онеги, устья Невы были въ особенности для нихъ губительны и едва десятый процентъ ихъ возвращался домой. Гдѣ тутъ было удержаться духу воинственному, гдѣ навыкнуть воинскому строю и порядку? Съ другой стороны и жизнь дома, на мѣстѣ, становилась годъ отъ году тяжелѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ I-й началъ ставить на высшіе уряды по своей волѣ, а не по исконному въ козачествѣ выбору, притомъ чужеземцевъ, а не рѣдко и проходимцевъ, и отдавать имъ полки козачіе въ награду неизвѣстныхъ козачеству заслугъ, старшина козачая стала смотрѣть на уряды, какъ на средство къ наживѣ, и обнаруживать въ своемъ управленіи тотъ-же деспотизмъ, какой сама несла. Теперь держались на урядахъ не доблестями военными, для которыхъ не было уже и мѣста, не заботливостію о своихъ подчиненныхъ, но исканіемъ протекцій, прислуживаніемъ сильнымъ и близкимъ къ двору лицамъ, на козаковъ-же смотрѣли съ пренебреженіемъ, обращая ихъ на свои послуги и оттягивая всѣми неправдами ихъ земли и угодья. Среди такой безладицы, среди всеобщей почти погони за наживою и неразлучныхъ съ нею интригъ, искательства и тяжбъ какъ не упасть было духу и строю воинскому и самой охотѣ къ воинской службѣ? Козаки дѣйствительно отвиливали и уклонялись отъ нея, переходили въ городъ, занимались промыслами, торговали водкой. Но преданія о лучшихъ временахъ, болѣе льготной и болѣе манившей къ себѣ службѣ еще живы были въ народѣ, а обычай свободнаго вступленія въ службу и замѣны въ оной одного члена семьи другимъ и, при отсутствіи членовъ способныхъ, даже наемщикомъ, былъ еще въ полной силѣ, хотя легко допустить, что въ виду тягости и непривлекательности козачей службы, козачьи семьи отдавали ей то, что для нихъ самихъ наименѣе было пригодно. Эти традиціи ясно сказались въ обоихъ протестахъ, съ которыми встрѣтился теперь Румянцевъ, но онъ не захотѣлъ понять ихъ и согласить нужды народа съ требованіями военнаго искусства и распорядился съ необученными и непокорными по своему,—какъ распорядился, читатель усмотритъ изъ самыхъ документовъ.

I.

Малороссійской коллегіи.

Я отъ времени въ другое, къ немалому предосужденію службы, видеть и терпеть принужденъ находящихся при малороссійской коллегіи солдацкихъ ротъ многія неустройства и безпорятки, что хотя оне імя регулярнихъ на себе носятъ ратей ея императорскаго величества, денежное жалованье получаютъ, вовсе жъ и вида того не имѣютъ, но самого подлого и ничто вѣдущаго крестьянина. Въ доказательство жъ служитъ, что предъ недавнимъ временемъ бывшіе при коллегіи на карауле отданнихъ имъ подъ караулъ полку его величества, короля полского, трехъ человекъ беглыхъ драгунъ изъ самои караулни, и всехъ въ одно время, упустили и чрезъ то для всей арміи безславие нанесли, въ разсужденіи, что въ Полше о арестантахъ сихъ, яко они отдани были подъ караулъ, никакова военнова порятка не знаетъ, сведения не имеетъ; наконецъ-же сперва три изъ сихъ солдатъ, а вчерашнего числа болшая часть первой роты техъ солдатъ, ушедши зъ домовъ, безъ позволенія у меня, явясь, хотели спрашивать, какую оне службу впредь исправлять будутъ, объявляя, что оне въ регулярной вовсе быть не хотятъ, а желаютъ такъ, какъ ихъ дѣды служили волно, однакожъ ни одинъ изъ нихъ подлинно не знаетъ, какая въ то время служба была, но въ коллегіи малороссійской не безъизвѣстно, что и предки ихъ никогда козацкой службы не отправляли и ниже въ походахъ где и когда бывали, но единственно для карауловъ при бывшей здѣсь генералной канцеляріи гетмановъ и на уряде техъ генераловъ, и содержани были на самомъ маломъ жалованье, и служили пешие, а сіи, имея жалованье болшое, мундиръ и аммуницію изъ казны ея императорскаго величества, и большою частию люди охочіе, однако-жъ, какъ выше сказано, службы исправлять не хотятъ, а для того даннымъ отъ меня господину брегадиру и оной коллегіи члену, князю Мещерскому ордеромъ велѣно объявленние обе солдацкие роты разобрать и тѣхъ, а особо кои мне свое не желаніе служить объявили и за то отъ меня подъ караулъ отдани, и изъ нихъ, нашедъ зачинщиковъ, нещадно при собранія протчихъ винних оныхъ солдатовъ, плетьми высѣчь и отдать въ здешней острогъ на годъ для употребленія на всякіи случающіися по городу работы, а протчимъ въ томъ-же участникамъ по тому жъ учиня плетьми наказаніе и отобравъ всѣ вещи, изъ солдацкого званія исключить и отпустить въ домъ ихъ безъ всѣхъ видовъ, а

оберъ и ундеръ-офицеровъ приличившихся въ томъ же или попустившихъ на то, какъ незнающихъ никакова военнова порятка, въ разсужденіи что еслибъ они были свѣдущи, то конечно и подчиненніи ихъ до такой подлости и дерзновеній неслыханныхъ доведени и допущени не были, отъ службы и должности отрѣшить, а за тѣмъ изъ оставшихъ, по усмотрѣнію сво господина брегадира къ службѣ способнихъ офицеровъ и редовихъ сочинить одну роту въ числѣ полевого мушкетерского полку роты и именовать ее фузелерною, при коллегіи опредѣленною, ротою и расположить здѣсь, въ Глуховѣ, по квартирамъ, такъ чтобъ дѣлили на четыре смѣны для содержанія карауловъ при коллегіи, архивѣ, генеральномъ судѣ, скарбовой и щетной коммисіямъ, повсюды доставало ежедневно и обще съ разводомъ, а въ прочіи мѣста отнюдь никуда, въ разсужденіи, что по апробованнымъ отъ ея императорскаго величества штатамъ коллегій и канцелярій членамъ, кои не при воинской командѣ дѣйствительно служатъ, караулу давать не опредѣлено, престарѣлыхъ-же, слабыхъ и желающихъ въ отставку отпустить въ домы ихъ съ пашпортами и свидетелствомъ, что они служили добропорядочно, всѣ мундирные-жъ, аммуничные и оружейные вещи потомужъ пересмотрѣть и самые лутчие при ротѣ на людей, а за тѣмъ излишніе и негодные въ цейхгаузъ отдать, о чемъ малороссійская коллегія имѣетъ вѣдать.

Генералъ Румянцевъ.

5 декабря 1765 г.
Глуховъ.

II.

Малороссійской коллегіи.

Полковникъ черніговскій Милорадовичъ представляетъ мнѣ, по репорту въ полковую канцелярію отъ асаула полкового Ивана Сахновского, который опредѣленъ, въ силу указа малороссійской коллегіи, выбрать въ томъ полку навсегда къ войсковой службѣ козаковъ, что когда онъ, окончивши въ прочихъ сотняхъ черніговского полку подлежащій выборъ, прибылъ для того-же въ сотню синявскую; то многіе тоея сотни козаки, отъ неистовства въ пьянствѣ будучи, повелѣнія таковаго о службѣ, чрезъ показаннаго полкового старшину имъ объявленнаго, не приняли, и подписки отъ себя не дали, которою, по инструкціи сему старшинѣ отъ полковой черніговской канцеляріи данной, велѣно ихъ обя-

зывать, чтобъ выбранные изъ нихъ къ службѣ завсегда-бы сами, не перемѣнясь другими, служили, а братья-бы и свойственники вспомогали ихъ въ хозяйствѣ. При семъ случаѣ нельзя похвалить и того, что полковая канцелярія отъ себя прибавила, дабы сихъ выбранныхъ козаковъ еще обовязывать подписками, что должно имъ такъ служить, какъ они выбраны. Подписками обовязывать нужда бываетъ иногда въ земскихъ дѣлахъ, или по изданнымъ въ народъ о чемъ либо публикаціямъ, въ достовѣріе, что оные къ исполненію всѣмъ объявлены; но такимъ образомъ поступать и въ дѣлахъ военныхъ вовся несходно съ военнымъ обрядомъ, гдѣ взыскуется то найпаче, чтобъ начальника всякое повелительное слово всѣ подчиненные ставили себѣ за ненарушимой долгъ исполнять, кромѣ другихъ обязательствъ. Безъ такого послушанія ослабѣли регулы военныя, произведшія столько найвящшихъ успѣховъ строгимъ соблюденіемъ повелѣній начальства, по неотложному повиновенію тому подвластныхъ. Всякому однакожъ невѣждѣ все то нововводимымъ кажется, чего онъ не знаетъ или по крайней мѣрѣ вѣдать не хочетъ. Порядокъ лучшій, изъстари уставленный и возобновляемой токмо въ нынѣшнемъ переборѣ къ службѣ козаковъ, такимъ образомъ пріемлютъ означенной синявской сотни козаки, по буйству и невѣденію о собственномъ состояніи, за новое введеніе; яко во всѣхъ статьяхъ гетманскихъ, начавъ отъ времени гетмана Хмелницкого, число козаковъ особливо для службы назначено было именемъ реестровыхъ, какъ по статьи—Богдана 2-й, Юрія 6-й Хмелницкихъ положено быть 60,000, о сихъ реестровыхъ козакахъ во 2-й упоминаетъ Бруховецкій, Многогрѣшного въ 4-й назначено 30,000, а Самойловича въ 16-й 20,000, Мазепы въ 3-й 30,000, а напослѣдокъ, по имянному блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоановны (17)35 году, указу учреждено въ Малой Россіи 20,000 выборныхъ козаковъ, оставшіясь же опредѣлены къ вспомоществованію симъ. Сіи реестровые или выборные козаки, какъ по статьямъ значитъ, долженствовали быть всегда на службѣ. Прибавлено въ статьяхъ Самойловича и Мазепы, чтобъ въ недостаткѣ въ полкахъ назначенного числа козаковъ, записывать въ реестровое число оныхъ изъ мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей токмо, а изъ мужиковъ запрещено, чемъ доказывается, что одни только персоны, а не цѣлые домы служили. Такъ и нынѣ, на основаніи сихъ установленій, повелѣно выбрать изъ способнѣйшихъ къ службѣ между козаками, которые-бы разумѣя должность

на себѣ лежащую, навыкнули прямому оныя употребленію, инакоже естьли по дворамъ наряжать къ службѣ, не выбравъ въ тому одного, то чемъ можетъ вся семья отговориться, чтобъ не быть всѣмъ вдругъ высланнымъ по нарядамъ, поелику они козачьего званія, и кого напротивъ изъ такого дому выслать останется, который-бы выборной статьи былъ, но въ немъ жила-бъ вдова или малолѣтныя дѣти? Однако-жъ не разсуждая на сіе, внесены въ ревизію въ число выборныхъ козаковъ овдовѣлые и престарѣлые жены; по дѣйствію корыстолюбія иногда начальниковъ, и что записавшій свой домъ въ статью выборную, и сложивши чрезъ то всѣ должности съ себя на подпомощниковъ, освобождается во все время отъ всякихъ дачъ, не отправляя при томъ и той службы, для которой выбранъ. Всякъ представить себѣ можетъ, воображая сіи основанія и еще другіе, здѣсь не упоминаемые, что оные потребили въ козакахъ видъ военнаго человѣка, такъ, что не остается надѣяться увидѣть ихъ когда либо лучшими, ежели не взять мѣръ могущихъ поправить настоящія непорядки. Къ чему инако нельзя приступить, какъ первіе чрезъ выборъ способныхъ козаковъ къ службѣ, которые-бы не могли уже примѣромъ нынѣшнимъ смѣняемы быть другими своими домашними или наймитами, которые по невинности часто терпятъ то, что должно несть-бы ихъ поставившему. Посему малороссійская коллегія дать указъ имѣетъ тотъ часъ полковнику чернѣговскому Милорадовичу, чтобъ онъ, съѣхавъ самъ въ сотню синявскую, всѣхъ показанныхъ, по репорту асаула Сахновскаго взятыхъ и не забранныхъ еще подъ караулъ козаковъ, дерзнувшихъ, какъ выше значитъ, показать непослушаніе командѣ, которые изъ нихъ отъ пьянства и безумія то учинили, тѣхъ при собраніи всея сотни высѣчь жестоко, и велѣть, естли способны, быть имъ выборными козаками такъ, какъ написаны Сахновскимъ, а которые отъ упорства и дерзости показали таково непослушаніе, тѣхъ высѣчь кіями, и яко огуряющихся и нехотящихъ служить, по силѣ 2 статьи гетмана Бруховецкого (гдѣ установлено: „которыи-бы козакъ послушенъ не былъ и въ войско ходить огурялся, тогда таковъ отъ поставленныхъ статтей отпадать и къ градскимъ должностямъ причтенъ быть имѣетъ“), написать въ мужики подъ вѣдомство скарбовой малороссійской канцеляріи, и дабы козаковъ, при случаѣ повелѣній чинимыхъ имъ о службѣ, не обязывали въ исполненіи подписками, а приказывали имъ только, что дѣлать, какъ они должны и безъ того командирамъ во всемъ быть по-

слушными, равно-же и о томъ, что и съ протчими въ подобныхъ ослушаніяхъ командѣ поступлено непремѣнно будетъ, дать указы всѣмъ полковымъ канцеляріямъ, чтобъ отъ оныхъ чрезъ сотня о томъ къ знанію всѣмъ козакамъ опубликовано.

Генералъ Румянцевъ.

Апрѣля 11 дня 1768 года
въ Глуховѣ.

Библіографія.

Сагайдачный, историческая повѣсть. Д. Мордовцева. С.-Петербургъ. 1882 г.

Задача, исполнить которую предпринялъ г. Мордовцевъ, написать бытовую и историческую повѣсть изъ жизни козачества начала XVII столѣтія, составляетъ, какъ полагаемъ, одну изъ труднѣйшихъ задачъ для беллетриста. Не смотря на усиленную въ послѣднее время разработку историческаго матеріала, бытовая сторона жизни козачества въ ту отдаленную эпоху его существованія едва установлена въ главныхъ чертахъ и далеко не разработана въ частностяхъ; весь понынѣ обнародованный матеріалъ не только не даетъ возможности раскрыть всѣ подробности, необходимыя для цѣльной бытовой картины, но оставляетъ неясными, въ полумракѣ, многія весьма крупныя и существенныя черты. Сама личность Петра Конашевича Сагайдачнаго, около которой группируется разсказъ повѣсти, представляется намъ неяснымъ силуэтомъ, главные контуры котораго мы едва можемъ установить по дошедшимъ до насъ историческимъ свѣдѣніямъ; подробности біографіи этаго знаменитаго козацкаго гетмана, весьма справедливо привлекшаго вниманіе даровитаго беллетриста, остаются пока неизвѣстными. Всѣ эти трудности не устрашили г. Мордовцева и онъ выполнилъ свою задачу съ большимъ талантомъ, хотя, за скудостью историческаго матеріала, былъ поставленъ весьма часто въ необходимость брать краски для своихъ картинъ изъ народныхъ думъ и преданій, или, еще чаще, восполнять пробѣлы довольно смѣлыми гипотезами, или усиліями личнаго творчества. Намъ приходится особенно сѣтовать, читая повѣсть г. Мордовцева, на недостатокъ историческаго матеріала, такъ какъ тѣ страницы повѣсти,

составляя которыя авторъ стоялъ на прочной исторической почвѣ, поражаютъ насъ живостью, свѣжестью колорита, драматизмомъ и истинно художественнымъ изображеніемъ. Таковыми кажутся намъ эпизоды, заключающіе описаніе пороговъ и переправы вдоль ихъ козацкихъ чаекъ, описаніе морского козацкаго похода и бури на Черномъ морѣ, описаніе выбора кошевого и особенно описаніе невольничьяго рынка въ Кафѣ и взятія этого города козаками. Авторъ въ описаніяхъ этихъ весьма удачно воспользовался историческими данными и сухія свѣдѣнія лѣтописей и документовъ превратилъ въ исполненныя жизни и художественно пересказанныя картины. Но, къ несчастью, авторъ не нашелъ для всѣхъ изображаемыхъ имъ эпизодовъ подлиннаго историческаго матеріала и долженъ былъ пробѣгнуть къ другимъ источникамъ; съ этою цѣлью г. Мордовцевъ выбралъ нѣсколько народныхъ эпическихъ произведеній, болѣе обильныхъ фактическими подробностями и развилъ на ихъ основаніи бытовыя картины. Мы находимъ такимъ образомъ въ книгѣ г. Мордовцева главы, сюжетами которыхъ служатъ думы: о Ганжѣ Андыберѣ, Самуйлѣ Кошкѣ, Алексѣѣ Поповичѣ и Федорѣ Безродномъ. Пріемъ этотъ, по нашему мнѣнію, весьма удаченъ и сообщаетъ повѣсти колоритъ народнаго современнаго взгляда и народнаго міросозерцанія; полагаемъ только, что думою о Ганжѣ Андыберѣ авторъ воспользовался для своей цѣли не вполнѣ умѣстно и совершенно напрасно отождествилъ Ганжу Андыбера съ Сагайдачнымъ, а „Настю Горовую“ съ женою этого гетмана. Главный мотивъ думы о Ганжѣ Андыберѣ—это борьба бездомной и безземельной козацкой „голоты“, опиравшейся на поддержку Запорожья, съ козацкою старшиною, „дуками“, захватившими въ собственность всѣ „займанщины, луки и луги“, стремившимися къ образованію козацкой аристократіи, своего рода шляхетства, и смотрѣвшими съ гордостью и пренебреженіемъ на „голоту“. Явленія эти имѣли мѣсто только во второй половинѣ XVII столѣтія, послѣ переворота, совершившагося при Богданѣ Хмельницкомъ, когда изъ среды козачества выдѣляется дѣйствительно кружекъ старшины, захватившей поземельную собственность и стремившейся къ образованію привилегированнаго сословія. Перенесеніе этихъ общественныхъ отношеній въ первую четверть XVII столѣтія намъ кажется анахронизмомъ, не столько важнымъ въ хронологическомъ отношеніи, сколько нарушающимъ правду исторической бытовой картины; козацкіе „дуки“, всплывшіе при Самойловичѣ и Мазепѣ, не существовали во время Сагайдачнаго,

когда все козацкое сословіе представляло лишь преслѣдуемую и гонимую „чернь“, спасавшуюся бѣгствомъ на Запорожье; выборная старшина козацкая не могла тогда еще помышлять о захватѣ территоріальной собственности, а напрягала всѣ силы въ борьбѣ съ общимъ врагомъ всего козачества—„дуками“ польскими.

Впрочемъ указанный анахронизмъ, къ сожалѣнію, далеко не единственный въ сочиненіи г. Мордовцева. Конечно, отъ исторической повѣсти мы не вправѣ требовать такой точности, какая требуется отъ строго историческаго изслѣдованія; несомнѣнно беллетристъ имѣетъ право въ значительной степени жертвовать требованіямъ художественнаго творчества мелочами строгой исторической дѣйствительности; онъ можетъ не стѣсняться до извѣстной степени хронологическими данными, можетъ разсказывать сцены и событія не констатированныя исторіею, но возможныя въ данное время и при данной обстановкѣ, можетъ восполнять и изображать въ законченныхъ образахъ едва начертанные исторіею характеры историческихъ дѣятелей и представителей народныхъ типовъ и т. д. Но эта licentia poetica не безгранична и подлежитъ въ свою очередь извѣстнымъ требованіямъ критики, конечно болѣе широкимъ, чѣмъ требованія, предъявляемыя историческому изслѣдованію. Мы полагаемъ, что отступленія отъ строгой исторической истины не должны въ исторической повѣсти допускаться безъ причины, тамъ, гдѣ условія художественнаго творчества этого не требуютъ, что отступленія эти не должны превышать предѣловъ возможнаго въ данной мѣстности и въ данное время, т. е. что разсказъ исторической повѣсти, не имѣетъ права вводить обстоятельства, не принадлежащія описываемой мѣстности и средѣ и описываемой эпохѣ. Не соблюдая этихъ требованій, историческая повѣсть перестаетъ быть историческою, переходитъ въ область фантазіи и, сверхъ того, привлекая читателей художественностью своей формы, способствуетъ установленію въ публикѣ превратныхъ представленій о данной исторической эпохѣ и способствуетъ затемнѣнію историческаго народнаго самопознанія, вмѣсто того, чтобы восполнить его путемъ артистическаго творчества.

Въ повѣсти г. Мордовцева такихъ отступленій, болѣе или менѣе крупныхъ, весьма много, и мы должны замѣтить, что въ значительномъ большинствѣ они зависятъ не столько отъ недостаточности историческаго матеріала, сколько отъ небрежнаго его изученія, весьма замѣтной поспѣшности работы и желанія

усилить лишними эффектными сценами и безъ того въ высокой степени интересный разсказъ. Постараемся указать нѣкоторыя изъ этихъ, болѣе или менѣе крупныхъ отступленій, замѣченныхъ нами невольно при чтеніи повѣсти „Сагайдачный", не смотря на то, что въ цѣломъ повѣсть значительно подкупала наше вниманіе художественными достоинствами.

Прежде всего бросается въ глаза небрежное отношеніе автора къ географическимъ даннымъ описываемаго имъ края. Въ 7-ой главѣ повѣсти (стр. 67—79) изображается бѣгство четырехъ козаковъ изъ Острога въ Запорожье и затѣмъ погоня за ними придворной полиціи князя острожскаго. Бѣжавъ ночью изъ Острога, козаки утромъ въѣзжаютъ уже въ безграничную степь, „которая тянулась вплоть до запорожскихъ вольностей", и въ тотъ же день перерѣзываютъ „Чорный шляхъ". Между тѣмъ въ дѣйствительности Острогъ вовсе не былъ пограничнымъ замкомъ, стоявшимъ на границѣ степи; онъ находился почти въ центрѣ густо населенной Волыни, ближайшее разстояніе отъ него къ западной части „Чернаго шляха"—болѣе 100 верстъ; но и за „Чернымъ шляхомъ" находилась вовсе не пустынная степь—тамъ лежали населенныя, хотя менѣе густо, чѣмъ Волынь, воеводства подольское и брацлавское, тянувшіяся болѣе, чѣмъ на 300 верстъ, по прямой линіи отъ границъ Волыни до рѣкъ Синюхи и Кодымы, за которыми только начинались „запорожскія вольности". Какъ не привлекательны у г. Мордовцева картины степи, мы полагаемъ, что онъ нашелъ-бы мѣсто изобразить ихъ, не дѣлая напрасной географической перестановки, а за то могъ-бы извлечь не одну интересную сцену, описавъ путешествіе своихъ странниковъ по заселеннымъ русскими крестьянами и мѣщанами Волыни и Брацлавщинѣ и обративъ вниманіе на отношеніе къ бѣглецамъ какъ этого населенія, такъ и властвовавшихъ надъ нимъ шляхтичей. Не менѣе страннымъ кажется намъ и та сцена въ повѣсти (стр. 221—222), гдѣ описывается охота у князя Вишневецкаго въ Лубнахъ: въ то время, когда охотники выѣзжаютъ со двора, дѣвица Кисель замѣчаетъ, что „по направленію прямо къ югу, на синевѣ чистаго неба, гдѣ-то далеко за Днѣпромъ, клубились дымныя облака и зловѣще ползли къ сѣверу". Полагать должно, что жители Лубенъ съ удивленіемъ прочтутъ эту картину, зная, что по направленію къ югу ближайшій берегъ Днѣпра (у Крылова) находится за 100 верстъ отъ нихъ по прямой линіи и, конечно, они сильно изумятся дальнозоркости дѣвицы Кисель. Во-

обще географическихъ промаховъ и небрежностей въ повѣсти слишкомъ много. Такъ въ перечнѣ польскихъ областей (стр. 37) названы, будто двѣ отдѣльныя провинціи, Подлясье и Подляхія (это синонимы) и указана странная область—„Инфлянтъ съ Полоцкомъ", т. е. вѣроятно два отдѣльныя воеводства: полоцкое и инфлянтское (польская Ливонія съ главнымъ городомъ Динабургомъ); городъ Самборъ, родина Конашевича, перемѣщенъ изъ прикарпатской Руси на Днѣпръ (стр. 91), хотя потомъ онъ и названъ „горнымъ Самборомъ" (стр. 167); въ окрестности Кизикермена (нынѣшній Бериславъ) описанъ никогда не бывавшій въ той мѣстности дубовый лѣсъ и т. п. Всѣ эти географическія ошибки сдѣланы, конечно, по небрежности, но есть и такія, которыя авторъ ввелъ, по видимому, преднамѣренно для того, чтобы извлечь изъ нихъ вящшій эффектъ; къ такого рода разсказамъ мы относимъ описаніе охоты на тура и постоянныя указанія на присутствіе этого животнаго въ южно-русскихъ степяхъ въ XVII столѣтіи. Мы сомнѣваемся, чтобы туръ (правильнѣе зубръ), звѣрь по преимуществу лѣсной, населялъ когда нибудь эти степи; но если и допустить, что Мономахъ охотился на него не въ сѣверскихъ лѣсахъ, а въ степи, то во всякомъ случаѣ въ XVII вѣкѣ во всей южной Руси о немъ не было и помину. Г. Мордовцевъ повидимому заимствовалъ описаніе тура и охоты на него изъ сочиненія Виженера[1]), но упустилъ изъ виду обстоятельство, на которое самъ Виженеръ указываетъ,—что въ концѣ XVI вѣка туры были очень рѣдки, водились исключительно на границѣ Литвы и Мазовіи, гдѣ уже тогда поручалось мѣстнымъ жителямъ оберегать ихъ въ опредѣленныхъ частяхъ пущи, загороженныхъ на подобіе парковъ. Введеніе тура, въ качествѣ запорожской дичи, очевидно сдѣлано съ цѣлью нарисовать картину охоты въ стилѣ Майнрида, можетъ быть и интересную, но выходящую изъ области исторической повѣсти въ область фантастическаго вояжа. Такой-же майнридовскій характеръ носитъ и сцена степнаго пожара, которымъ будто жители Переволочной отразили набѣгъ татарскій, нагнавъ на татарскій станъ пламя и цѣлыя стада степной дичи, въ томъ числѣ и злополучныхъ туровъ. Дѣйствительно мы встрѣчаемъ данныя о томъ, что татаре прибѣгали къ выжиганію степи, при приближеніи сильной

---

[1]) La description du royaume de Pologne par Blaise de Vigenère. Paris. 1573.

непріятельской арміи; но это дѣлалось съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы лишить нападавшихъ возможности пользоваться кормомъ для лошадей, но вовсе не имѣлся въ виду самый огонь, какъ средство защиты, такъ какъ слабая растительность южныхъ приморскихъ степей не дозволяла разсчитывать на огненный ураганъ, можетъ быть и случающійся въ американскихъ саваннахъ.

Если обратимся къ историческимъ подробностямъ разсказа, то также не можемъ не замѣтить нѣкоторыхъ погрѣшностей какъ въ общей постановкѣ разсказа, такъ и въ его частностяхъ: такъ рисуя бытъ козачества въ началѣ XVII столѣтія, г. Мордовцевъ исключительно сосредоточиваетъ вниманіе на Запорожьи и игнорируетъ регистровое козачество и его отношеніе какъ къ Запорожью, такъ и къ польскому правительству, между тѣмъ безъ указанія на значеніе и роль этого сословія, населявшаго значительную часть Украйны, всякая историческая картина козачества того времени является неминуемо неполною и незаконченною. Въ самомъ разсказѣ о Запорожьи введены нѣкоторыя, правда второстепенныя, ошибки, по видимому безъ всякой нужды; такъ избраніе Конашевича вождемъ запорожцевъ и походъ его на Кафу отнесены почему-то къ 1614 году, между тѣмъ какъ еще покойный М. А. Максимовичъ констатировалъ точно, что взятіе Кафы случилось въ 1606 г. [1]). Полагаемъ, что еслибы г. Мордовцевъ обратилъ вниманіе на сочиненіе Максимовича, то онъ избѣжалъ-бы этой ошибки, а также не сѣтовалъ-бы на то, что исторія „пропустила Сагайдачнаго“ (стр. 91), такъ какъ онъ нашелъ-бы двѣ обстоятельныя монографіи, въ которыхъ покойный историкъ собралъ весьма тщательно всѣ свѣдѣнія, сохранившіяся о Сагайдачномъ. Думаемъ также, что въ семъ случаѣ авторъ и не заключилъ-бы разсказа о походѣ на Кафу описаніемъ торжественнаго въѣзда Сагайдачнаго въ Кіевъ и встрѣчи его тамъ польскими властями. Въ то время и запорожцы и Сагайдачный считались ослушниками и бунтовщиками, и пограничнымъ старостамъ приказано было не пропускать ихъ въ осѣдлую Украйну и даже не допускать провоза хлѣба въ Запорожье; за исполненіемъ этихъ распоряженій правительства и наблюдалъ до 1618 года кіевскій воевода Станиславъ Жолкевскій, весьма не дружелюбно относившійся къ козакамъ. Ужь конечно не онъ-бы раз-

---

1) Собраніе сочиненій Максимовича т. I, стр. 359.

рѣшилъ торжественный пріемъ въ Кіевѣ гонимаго козацкаго вождя и не онъ вышелъ-бы встрѣтить его съ почетомъ. Появленіе Сагайдачнаго въ Кіевѣ и пріемъ имъ подъ свою власть осѣдлой Украйны относятся къ болѣе позднему времени и составляютъ результатъ московскаго похода козацкаго гетмана, предпринятаго, по просьбѣ польскаго правительства, для спасенія отъ гибели королевича Владислава, въ описываемое-же авторомъ время факты эти представляютъ историческую невозможность.

Еще большую историческую ошибку дѣлаетъ г. Мордовцевъ въ изображеніи польскаго или точнѣе южно-русскаго дворянскаго общества того времени. Черты, долженствующія рисовать это общество, взяты на угадъ изъ различныхъ періодовъ его исторической жизни; но большая часть ихъ относится къ концу XVIII вѣка, начиная съ описанія изящныхъ „палаццо" съ статуями греческихъ боговъ, каскадами и фонтанами и оканчивая произносимымъ весьма часто „слово гонору". Въ общемъ самая существенная черта, не согласная съ исторической истиною и придающая фальшивый историческій колоритъ данной эпохѣ, состоитъ въ предположенія автора, будто въ началѣ XVII вѣка южно-русское дворянство было вполнѣ ополячено, между тѣмъ какъ въ это время полонизація едва начиналась и, усилія езуитовъ, минуя старое поколѣніе, направлены были главнымъ образомъ на школы, гдѣ воспитывались молодые шляхтичи; если и были въ данное время, въ видѣ рѣдкихъ исключеній, ополяченные шляхтичи, то вся масса шляхетскаго сословія говорила еще и писала на русскомъ языкѣ и оставалась вѣрною православной церкви. Если-бы г. Мордовцевъ пересмотрѣлъ хотя-бы юридическіе документы того времени, подписи церковныхъ братчиковъ въ изданныхъ каталогахъ братствъ, или подписи дворянъ на постановленіяхъ провинціальныхъ сеймиковъ, если-бы онъ остановилъ вниманіе на извѣстномъ ему фактѣ существованія многочисленныхъ южно и западно-русскихъ типографій и братскихъ школъ, то онъ вѣроятно воздержался-бы отъ исторически не вѣрныхъ и напрасныхъ совершенно изреченій: „литературный, ученый и юридическій языкъ хохла XVI и XVII вѣка сталъ чисто польскимъ" и будто „писаннаго хохлацкаго языка не существовало вовсе" (стр. 40) и т. п.—Кромѣ этой существенной фальши, мелкихъ ошибокъ и фактическихъ промаховъ въ изображеніи дворянскаго общества такъ много, что почти нѣтъ ни одной подробности отъ нихъ свободной: то въ рядахъ южно русской знати перечисляются дворянскіе роды литовско бѣлорусскіе (Ход-

ковчи, Пацы, Сапѣги), чисто-польскіе (Замойскіе) и даже новгородскіе (Борецкіе) (стр. 40 и 806); то княгиня Раина Могилянка Вишневецкая, почему-то переименована въ Раиду (стр. 48), а княжна Анна Острожская въ Людвисю (т. е. Луизу—стр. 208); то въ одномъ обществѣ участвуютъ, въ качествѣ ровесниковъ, лица разныхъ поколѣній: такъ напримѣръ Іеремія Вишневецкій, которому въ 1614 году могло быть 4—5 лѣтъ, является ровесникомъ своего тестя Ѳомы Замойскаго, который черезъ двѣ страницы названъ уже собственнымъ своимъ сыномъ (сравни Томашъ Замойскій стр. 47 и 50) и т. д. Особенно почему-то не везетъ у г. Мордовцева роду Замойскихъ: Янъ Замойскій, учившійся дѣйствительно въ подуанскомъ университетѣ, сдѣланъ ректоромъ этого университета, Ѳома Замойскій хвалится знатностью своего рода и подаркомъ, полученнымъ его предкомъ отъ королевы Ядвиги, между тѣмъ какъ родъ этотъ сталъ выдаваться изъ среды шляхетской мелюзги только въ концѣ XVI столѣтія и т. д. Но, минуя эти мелочи, намъ кажутся въ бытовой картинѣ гороздо болѣе важными ошибки, вытекающія изъ непониманія терминовъ, рисующихъ юридическое и бытовое устройство общества, а такія ошибки мы встрѣтили нѣсколько разъ въ разсматриваемой повѣсти: такъ, единственное въ Польшѣ войско, существовавшее на средства государства—„кварцяное“ смѣшивается съ панскими надворными хоругвями, терминъ „урожоный“, составлявшій юридически установленный эпитетъ дворянскаго сословія, какъ „славетный“ было эпитетомъ мѣщанина, „працовитый“ крестьянина и т. д., понимается въ смыслѣ не сословномъ, а національномъ, и переводится значеніемъ „прирожденный полякъ“ (стр. 44).

Впрочемъ ошибочное пониманіе терминовъ, хотя въ значительно меньшей долѣ, встрѣчается въ примѣненіи къ подробностямъ козацкаго быта. На протяженіи всей повѣсти авторъ передаетъ многія изреченія козаковъ, а также всѣ названія мѣстныхъ бытовыхъ предметовъ по малорусски. Конечно, пріемъ этотъ значительно усиливаетъ мѣстный, реальный колоритъ повѣсти и помогаетъ автору сохранить цѣльнѣе характеръ изображаемаго общества; но по временамъ въ этомъ отношеніи допущены ошибки, которыя невольно вызываютъ веселую улыбку. Вотъ нѣсколько замѣченныхъ нами примѣровъ: на сцену является войсковой писарь съ атрибутами своей должности (стр. 23); у него чернильница за поясомъ и „каламарь“ за ухомъ; вѣроятно авторъ имѣлъ въ виду за ухомъ писаря помѣстить перо, но вмѣсто него помѣстилъ „ка-

ламарь", т. е. другую чернильницу, и писарь остался безъ тера. Во время взятія Кафы козакъ силачъ тащитъ, въ видѣ добыти, мѣдную пушку (стр. 159): пушка эта называется въ русскомъ разговорѣ „пушкою", въ малорусскомъ же „гаковницею"; но по малорусски пушка—„гармата", а гаковница—это длинное крѣпостное ружье, не требовавшее особенной силы для переноски и всегда дѣлавшееся изъ желѣза, а не отливавшееся изъ мѣди. Козаки видятъ необычное зрѣлище, не вполнѣ для нихъ понятное (стр. 105) и въ изумленіи вскрикиваютъ: „вотъ *внезапія*"!... Мы не знаемъ въ какомъ языкѣ существуетъ это слово; но можемъ поручиться, что его нѣтъ и быть не можетъ въ малорусской рѣчи; догадываемся, что авторъ желалъ сказать употребляемое въ такихъ случаяхъ малороссами слово „оказія", но забылъ его и сочинилъ „внезапію". Ужъ подлинно „внезапія"!...

Указывая всѣ эти недостатки, замѣченные нами при чтеніи „Сагайдачного", мы однако признаемъ, что достоинства повѣсти далеко ихъ выкупаютъ. Надѣемся притомъ, что г. Мордовцевъ, продолжая изображать историческій бытъ южной Руси въ своихъ исполненныхъ таланта повѣстяхъ, обратитъ нѣсколько болѣе вниманія не мелочную и скучную отдѣлку историческихъ деталей, необходимую однако для сохраненія вполнѣ того художественнаго впечатлѣнія, которое производятъ его историческія повѣсти.

В. А.

Poláci a Rusini. Sepsal prof. Josef Perwolf.

(Поляки и Русины, Очеркъ проф. Первольфа).

Статья съ выписаннымъ выше заглавіемъ печаталась въ чешскомъ журналѣ „Osvěta" почти впродолженіи всего 1881 года и вышла потомъ отдѣльной книжкой. Въ виду того, что вопросъ объ отношеніяхъ русиновъ и поляковъ, благодаря извѣстному львовскому процессу, обратилъ на себя всеобщее вниманіе, статья эта представляетъ теперь несомнѣнный интересъ, тѣмъ болѣе, что подъ словомъ „русины" авторъ понимаетъ не только русское населеніе Галиціи, какъ это обыкновенно дѣлается, но вообще населеніе всѣхъ русскихъ областей, входившихъ когда-то въ составъ польскаго государства.

Авторъ начинаетъ свой обзоръ съ первоначальнаго происхожденія племенъ польскаго и русскаго и образованія ими двухъ

государствъ. Различныя, говоритъ онъ, славянскія племена, населяющія страну къ сѣверу отъ Карпатъ, между Вислой и Днѣпромъ, уже издревле извѣстны были подъ двумя главными именами: Ляховъ и Руси. Когда произошло это раздѣленіе, достовѣрно неизвѣстно; надо полагать, что совершилось оно въ доисторическій періодъ, такъ-какъ, встрѣчаясь съ ними въ исторіи, мы уже находимъ дѣленіе на Ляховъ и Русь съ характеристическими признаками обѣихъ народностей. Тѣмъ не менѣе общность ихъ происхожденія несомнѣнно доказывается сходствомъ языка: въ большинствѣ случаевъ одни и тѣ-же слова имѣютъ лишь различное произношеніе; западныя племена (польскія) говорятъ grod, dąb, Sandomierz,—восточныя (русскія): городъ, дубъ, Судоміръ. Мало по-малу различіе между двумя народами становится все больше и больше; причины его авторъ характеризуетъ слѣдующими словами:

„Въ IX и X в. сѣверные славяне, обитавшіе къ сѣверу отъ карпатскихъ горъ, составили два государства: Польшу и Русь; первое произошло отъ соединенія привислянскихъ ляховъ подъ властью польскихъ князей,—въ составъ втораго вошли всѣ восточно-славянскія племена. Польша, послѣ нѣкотораго колебанія, прильнула къ церкви римской и образованности западной, Русь—къ церкви греческой и образованности восточной, византійской. Такое религіозное и культурное раздвоеніе сѣверныхъ славянъ сообщило и ихъ дальнѣйшему развитію противоположное направленіе и имѣло громадное вліяніе на взаимныя отношенія между Польшей и Русью. Если бы ляшскія племена остались вѣрны исповѣданію православному и языку церковно-славянскому, или, наоборотъ, римско-католическая вѣра распространилась и на Русь,—ляшскія и русскія племена соединились-бы въ одно политическое и народное цѣлое, и между Краковомъ и Кіевомъ существовала-бы лишь такая разница, какая существуетъ теперь между Кіевомъ и Владиміромъ. Но католицизмъ и православіе и соединенная съ ними двойственность культуры воздвигли между поляками и русскими стѣну, которая и до сихъ поръ раздѣляетъ оба славянскіе народа“.

Какъ два сосѣднія государства, Польша и Русь не могли не сталкиваться другъ съ другомъ. Польскіе князья вмѣшивались въ дѣла Червоной Руси, Волыни и кіевской земли, временно захватывали ихъ и, наконецъ, завладѣли ими окончательно; русскіе князья, съ своей стороны, вмѣшивались въ польскія отноше-

нія и помогали польскимъ князьямъ въ ихъ межеоусобіяхъ. Ко всему этому присоединилось соперничество между пястовичами и рюриковичами въ стремленіи обѣихъ династій къ захвату русскихъ земель. Возникшія кровавыя войны еще болѣе разожгли политическую, народную и религіозную взаимную ненависть.

Вообще отношенія Польши съ юго-западной Русью были ближе и тѣснѣе, чѣмъ ея отношенія съ Русью сѣверо-восточной, такъ называемой „Москвой". Близость эта поддерживалась браками между пястовичами и рюриковичами; такъ въ XIV вѣкѣ Болеславъ, князь мазовецкій, будучи сыномъ галицко-русской княжны, достигаетъ галицкаго княжескаго престола. Послѣ его смерти король польскій Казиміръ окончательно присоединяетъ къ Польшѣ Галицію, вмѣстѣ съ землями Белзской, Холмской и Подоліей (1340 г.).

Но завоевательныя стремленія поляковъ столкнулись съ притязаніями Литвы на тѣ же русскія области, именно Подолію и Волынь. Послѣ продолжительныхъ и упорныхъ войнъ Литва получаетъ Волынь, а Польша—Подолію. Русскія земли къ сѣверу отъ Карпатъ, по Днѣпру и Бугу (Галиція, Подолія, земли Белзская и Холмская) присоединяются къ Польшѣ („Русь, что что короля слушаетъ"), земли-же по Днѣстру и Двинѣ входятъ въ составъ Литвы („Русь, что Литвы слушаетъ", какъ говорится въ договорѣ между польскимъ королемъ Казиміромъ и Литвой). Всѣ русскія земли, присоединенныя къ Литвѣ, переходятъ послѣ соединенія Литвы съ Польшей, во владѣніе послѣдней, хотя и сохраняютъ еще свою самостоятельность въ дѣлѣ управленія до 1569 года. Только съ того времени начинается широкое вліяніе Польши на литовскую Русь.

Итакъ, говоритъ авторъ, мы видимъ, что до соединенія Литвы съ Польшей однѣ русскія области принадлежатъ Польшѣ, другія—Литвѣ. Но послѣдствія столкновенія народа русскаго съ литовскимъ имѣли совершенно другой характеръ, чѣмъ послѣдствія его близкаго соотношенія съ народомъ польскимъ. Храбрые, но необразованные литовскіе князья и паны подверглись вліянію болѣе многочисленнаго и болѣе образованнаго русскаго народа, позаимствовавъ у него формы правленія, языкъ, религію и образованность. Русскій языкъ сдѣлался въ Литвѣ языкомъ господствующимъ, административнымъ; правители называютъ себя „великими князьями литовскими и русскими".

Иначе было съ Русью польской. Господствующій польскій элементъ, уже сильно подвергшійся вліянію европейской цивилизаціи, не могъ подчиниться уступавшему ему въ численности и образованности русскому народу; здѣсь, напротивъ, началась успѣшная полонизація высшихъ классовъ русскихъ областей. Простой народъ какъ въ польской, такъ и въ литовской Руси, остался вѣренъ своей народности, вѣрѣ, языку, и тѣмъ самымъ сохранилъ Русь отъ окончательнаго присоединенія къ Польшѣ.

Итакъ польскому вліянію подверглись только высшіе классы русскихъ областей, и этотъ то процессъ постепеннаго ихъ перехода въ польскую народность и составляетъ предметъ разсмотрѣнія въ данной статьѣ. Въ 1-й главѣ ея авторъ разсматриваетъ отношенія къ Польшѣ Руси, такъ называемой, коронной, во 2 ой, болѣе пространной,—Руси литовской.

На первой главѣ останавливается авторъ не долго, да и для насъ она не такъ важна. Въ общихъ чертахъ онъ указываетъ на ту первенствующую роль, какую съигралъ католицизмъ и, какъ переходная ступень къ нему, унія въ дѣлѣ полонизаціи русскихъ земель, присоединенныхъ непосредственно къ Польшѣ. Съ преобладаніемъ католицизма начинается преобладаніе польскаго языка, польскихъ нравовъ, обычаевъ. Этому не мало способствуетъ то обстоятельство, что галицко-русскіе бояре, еще до водворенія польскаго владычества, отличались большимъ могуществомъ, напоминая въ этомъ отношенія польскихъ и венгерскихъ магнатовъ. Привыкнувъ къ первенствующему положенію, они не могли примириться съ той неравноправностью по отношенію къ польскимъ панамъ, поселившимся въ литовской Руси, которая выпадала на ихъ долю, благодаря ихъ православному вѣроисповѣданію; дабы сравняться съ ними въ правахъ, бояре спѣшатъ принимать католичество. Съ ополяченіемъ бояръ, въ русскія земли начинаютъ проникать и польскія учрежденія; русскіе города, подобно польскимъ, получаютъ магдебургскія привилегіи.

„Такимъ образомъ—говоритъ авторъ въ концѣ главы—довершилась полонизація коронной Руси. Древне-русская шляхта мало по малу сливалась и слилась, наконецъ, съ пришлой, польской; русскіе бояре сдѣлались „ляхами“ въ смыслѣ религіозномъ и народномъ. Въ политическомъ отношеніи они были ими уже давно, и то, что говоритъ о себѣ Станиславъ Ожеховскій (польскій писатель 16 вѣка), называя себя по происхожденію русскимъ, по

народности—полякомъ (gente Ruthenus, natione Polonus), могъ теперь сказать о себѣ и говорилъ каждый русскій шляхтичъ польской Руси и Подоліи.

Вторая глава обработана авторомъ очень тщательно и по содержанію своему имѣетъ для насъ несравненно болѣе интереса. Размѣры библіографической замѣтки не позволяютъ намъ познакомить читателя хотя отчасти съ тѣмъ множествомъ интересныхъ фактовъ относительно юго-западной Руси, какіе сообщаетъ авторъ. Такъ какъ сама по себѣ данная статья есть извлеченіе изъ обширнаго сочиненія подъ заглавіемъ „Славяне, ихъ взаимныя отношенія и столкновенія", и заключаетъ въ себѣ, слѣдовательно, лишь все существенно важное, то составить нѣчто въ родѣ конспекта изъ данной статьи, выбрать изъ существеннаго существеннѣйшее представляется чрезвычайно труднымъ. Какъ источниками, авторъ пользуется актами южной и западной Руси, лѣтописями, древними рукописями, сочиненіями Эрбена, Бѣлевскаго, Горашевича, Шараневича, Шайнохи, Папроцкаго, Антоновича, Стадницкаго, Драгоманова, многочисленными историческими сочиненіями львовской библіотеки Оссолинскихъ и пр.

Прежде чѣмъ перейти къ польскому вліянію на юго-западную Русь, какъ главному предмету и вопросу, если можно такъ выразиться, авторъ останавливается на томъ обрусѣніи Литвы, которое было слѣдствіемъ присоединенія къ ней русскихъ областей. Здѣсь происходитъ явленіе совершенно обратное замѣчаемому въ русскихъ земляхъ, присоединенныхъ непосредственно къ польской коронѣ. Вліяніемъ пользуется не народъ покорившій, а покоренный, какъ уже указано выше. Уже съ незапамятныхъ временъ литовскіе князья начинаютъ принимать православную вѣру. Почти всѣ сыновья Гедимина были православные. Одинъ изъ нихъ Ольгердъ, будучи ревностнымъ послѣдователемъ православія, занимается собираніемъ русскихъ земель въ одно цѣлое, предоставляя собственно Литву и Жмудь брату своему Кейстуту, послѣднему языческому князю литовскому. Многіе Ольгердовичи пользовались большимъ расположеніемъ русскаго народа; такъ напримѣръ, кіевскій князь Владиміръ и его потомки Олельковичи (отъ имени его сына и наслѣдника Александра, иначе Олелька) были очень любимы населеніемъ подчиненныхъ имъ областей.

Далѣе слѣдуютъ указанія на несомнѣнность преобладанія въ Литвѣ не только православной вѣры, но и русскаго языка, русскихъ народныхъ обычаевъ, древне-русскихъ городскихъ и земельныхъ

учрежденій. Согласно этимъ указаніямъ литовскій языкъ употреблялся лишь въ домашней жизни; на сеймахъ-же, въ судебныхъ и административныхъ актахъ, даже въ частной перепискѣ, не говоря уже о перепискѣ дипломатической, литовцы пользуются русскимъ языкомъ. Самъ король Владиславъ Ягелло, не смотря на свою приверженность къ католицизму, легко объясняемую, впрочемъ, желаніемъ пріобрѣсть расположеніе своихъ новыхъ подданныхъ, поляковъ, не говоритъ ни по польски, ни по латыни, а пользуется языкомъ притѣсняемыхъ имъ-же „схизматиковъ".

Такое положеніе русской народности, не смотря на ея политическую (зависимость) несамостоятельность, дало ей возможность окрѣпнуть, а потому и дольше устоять въ борьбѣ съ польскими порядками, заведенными на Руси послѣ ея присоединенія къ Польшѣ. И дѣйствительно еще долго послѣ политической уніи польскаго и литовскаго государства (въ 1386) русскій языкъ и православіе сохраняются не только въ средѣ населенія, но даже и при королевскомъ дворѣ. Самый младшій сынъ короля Владислава Казиміръ былъ православный, внукъ его Сигизмундъ I имѣлъ въ собственной библіотекѣ русскія книги и очень былъ любимъ русскимъ народомъ. Въ доказательство авторъ приводитъ отрывки изъ рѣчи смоленскаго каштеляна русина Ивана Мелешка на варшавскомъ сеймѣ (1569). Противопоставляя Сигизмунда I Сигизмунду-Августу, ревностно принявшемуся за распространеніе польскаго языка, Мелешко говоритъ: „Зыгмунта первого, солодка память его, бо той нѣмцевъ, якъ собакъ, не любилъ, и ляховъ зъ ихъ хитростьми вельме не любилъ, але Литву и нашу Русь любительно миловалъ".

До начала XV вѣка сохраняется еще дѣленіе русскихъ земель на княжества, въ противоположность польскимъ повѣтамъ, и хотя древне-русскіе удѣльные князья и замѣняются намѣстниками, помощниками этихъ намѣстниковъ являются еще долго тіуны, дьяки и другіе древне-русскіе чиновные люди. Послѣ появленія повѣтовъ, послѣдніе дѣлятся на волости, члены которыхъ подчиняются старѣйшинамъ. Въ управленіи и обычномъ правѣ литовской Руси тоже долго сохранялись остатки старины. Древне-русское общинное начало проявляется въ обычаѣ, по которому жители сосѣднихъ поселеній сходились на *кону* (громаду) для обсужденія споровъ и произведенія суда. Долѣе всего обычай этотъ сохранился у мелкой шляхты на сѣверѣ кіевской земли; тамъ мы находимъ его еще въ XVIII вѣкѣ. Во многихъ городахъ и селахъ

юго-западной Руси встрѣчаются и во времена польскаго владычества такъ называемые *сьябры*, хранители общественнаго имущества.

Но какъ ни сильно было вліяніе русскаго элемента на жизнь соединенной Литвы и Руси, — въ концѣ концовъ онъ не могъ устоять противъ наплыва болѣе могущественныхъ польскихъ порядковъ. Будучи народомъ болѣе культурнымъ, поляки не могли не достигнуть преобладанія даже помимо ихъ политическаго могущества, какъ народа господствующаго. Особенно успѣшно шла полонизація привиллегированныхъ классовъ. Русско-литовскіе бояре, въ отличіе отъ бояръ галицкихъ, несли много повинностей какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Принимая католичество, они становились въ ряды литовскихъ вельможъ, освобождались отъ всякихъ повинностей посредствомъ неоднократно издаваемыхъ польскими королями привиллегій въ пользу католическихъ пановъ. Какъ и въ польской Руси переходной ступенью къ католицизму служитъ унія.

Какъ уже указано выше, культурное преимущество много способствовало тому господству польскаго элемента, какого ему удалось достигнуть на Руси. Задавленная страшнымъ татарскимъ погромомъ и его немаловажными послѣдствіями, Русь надолго остановилась въ своемъ духовномъ развитіи. Литературная дѣятельность ея была крайне односторонна, ограничивалась только церковными, богословскими сочиненіями, да составленіемъ и переписываніемъ лѣтописей. Распространенію этихъ книгъ мѣшало небольшое количество экземпляровъ, такъ-какъ даже долгое время послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, онѣ оставались писанными. Между тѣмъ Польша подъ вліяніемъ проникавшаго въ нее съ запада умственнаго движенія, явившагося слѣдствіемъ реформаціи, заняла непослѣднее мѣсто въ ряду западно-европейскихъ народовъ. Знаніе и литература, освободившись отъ церковныхъ узъ, достигли цвѣтущаго состоянія. Русь, политически разъединенная, культурно связанная съ отжившей Византіей, не могла участвовать въ духовномъ движеніи латинской Европы, всё болѣе и болѣе расширявшемся. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ русскіе привиллегированные классы подчинились вполнѣ польской культурѣ, забыли родной языкъ и мало по малу утратили свою народность.

Но оплотомъ православной вѣры и русской народности остался простой народъ. Положеніе его, послѣ присоединенія

Руси къ Польшѣ, значительно ухудшилось; „кровью писана исторія этихъ хлоповъ, говоритъ авторъ, кровь такъ и брызжетъ съ ихъ историческихъ памятниковъ, сохранившихся въ думахъ, пѣсняхъ, пословицахъ". „Съ паденіемъ Польши кончается періодъ кровавой русской поэзіи", говорится далѣе. И вотъ являются великіе защитники этихъ хлоповъ: Хмельницкій, Перебійнісъ, Гонта, Зализнякъ...

Съ паденіемъ Рѣчи Посполитой совпадаетъ и паденіе ея культурнаго значенія. Безпристрастное и философское отношеніе къ различнымъ обще человѣческимъ вопросамъ, составлявшее главное украшеніе и отличительный признакъ польской литературы XVI вѣка, исчезаетъ вслѣдствіе вліянія на польскую духовную жизнь папскаго и іезуитскаго авторитета. Слѣдствіемъ этого является крайне одностороннее направленіе польской литературы и культуры и теряется ея значеніе для сосѣднихъ народовъ. Петръ Великій въ своихъ стараніяхъ познакомить Россію съ западно-европейской цивилизаціей, заботится о распространеніи на Руси нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, но не польскихъ книгъ, приглашаетъ ко двору французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, даже южноруссовъ, но не поляковъ.

Казалось-бы, что съ паденіемъ Польши должны были-бы прекратиться взаимныя распри между русинами и поляками. Но, доканчиваетъ авторъ свою статью, „до сихъ поръ не прекратилась взаимная вражда между ляхами и Русью. Славянскій патріотъ со скорбью смотритъ на зіяющую между ними пропасть". „Дай Богъ", говоритъ онъ, „чтобы правду сказалъ Тарасъ Шевченко, что воспѣтыя имъ войны между козаками и поляками кончились".

Е. Н. К—ая.

D-r Antoni I.. Z przeszłości Polesia kiewskiego. Warszawa, 1882.

(Докторъ Антоній I... Къ исторіи кіевскаго Полѣсья. Варшава. 1882).

Писатель, скрывающійся подъ псевдонимомъ д-ра Антонія I... принадлежитъ къ числу самыхъ плодовитыхъ и талантливыхъ польскихъ историческихъ писателей нашего времени. Въ теченіи семи лѣтъ д-ръ Антоній издалъ восемь томовъ историческихъ мо-

нографій [1]), представляющихъ особенный интересъ для читателей „Кіевской Старины", такъ какъ, за незначительными исключеніями, всѣ онѣ относятся къ исторіи юго-западной Руси. Вообще, къ несомнѣннымъ достоинствамъ автора принадлежитъ его основательное знакомство съ источниками, поясняющими избранные имъ эпизоды: онъ изучилъ не только польскую историческую литературу и польскія археографическія изданія, но основательно слѣдитъ за такими-же изданіями русскими и внимательно ими пользуется, качество, которое не особенно часто мы встрѣчаемъ у польскихъ историческихъ писателей; сверхъ того, д ръ Антоній заимствуетъ многія свѣдѣнія и характеристики изъ доступнаго ему обширнаго архивнаго матеріала, хранящагося въ частныхъ фамильныхъ архивахъ или собраннаго въ его личной, на сколько можемъ судить по ссылкамъ, весьма цѣнной коллекціи.

Изложеніе д ра I... отличается большимъ талантомъ въ группировкѣ и освѣщеніи фактовъ и весьма тщательною разработкою бытовой характеристики времени, къ которому относится тотъ или другой разсказываемый имъ эпизодъ. Отдавая полную справедливость всѣмъ исчисленнымъ качествамъ почтеннаго писателя, мы не можемъ не замѣтить нѣкоторыхъ пріемовъ въ его изложеніи, маверѣ и освѣщеніи, которыя, по нашему мнѣнію, составляютъ менѣе желательныя черты историческаго труда, хотя, можетъ быть, и не должны быть поставлены лично на счетъ автора, а составляютъ скорѣе принадлежность установившейся традиціи въ польской исторической литературѣ, съ которой всякій писатель долженъ болѣе или менѣе считаться въ виду своихъ читателей. Къ числу недостатковъ, замѣченныхъ нами въ первыхъ трудахъ автора, относится, по нашему мнѣнію, стремленіе къ слишкомъ наглядному воспроизведенію событій, при чемъ авторъ, желая придать болѣе живости изображаемымъ картинамъ, дополнялъ личнымъ воображеніемъ черты, вывѣтрившіяся въ документальныхъ источникахъ; въ силу такого пріема многіе изъ

---

1) Кромѣ сочиненія, заглавіе котораго выше прописано, намъ извѣстны еще слѣдующія монографіи этого автора: 1) Историческіе разсказы (Opowiadania historyczne) Львовъ, 1875 г.; 2) Новые историческіе разсказы (Nowe opowiadania historyczne)—2 тома, Львовъ 1878—1881; 3) Три историческіе разсказы (Trzy opowiadania historyczne)—Львовъ, 1880 г. и, наконецъ 4) капитальное сочиненіе: Подольскіе замки на молдавской границѣ (Zamczki podolskie na okresach multańskich)—3 тома. Варшава, 1880 г.

первыхъ очерковъ, составленныхъ д-мъ Антоніемъ, не замѣтно теряли характеръ историческаго изслѣдованія и переходили въ категорію историческаго романа или, по крайней мѣрѣ, близко къ нему подходили. Таковы почти всѣ разсказы, составляющіе первый томъ „Opowiadań historycznych". Конечно, при такой манерѣ невозможно было частностей изложенія подкрѣпить подстрочными ссылками и авторъ долженъ былъ отъ нихъ совсѣмъ воздержаться. Впрочемъ къ чести автора нужно замѣтить, что онъ самъ немедленно замѣтилъ этотъ недостатокъ и въ дальнѣйшихъ трудахъ отклонялся все болѣе и болѣе отъ беллетристическаго пошиба, сталъ приводить источники, сначала въ видѣ общихъ перечней въ концѣ каждой монографіи, потомъ болѣе подробно въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и въ самомъ текстѣ изслѣдованій. Конечно, отъ этой перемѣны значительно усилилось научное достоинство изслѣдованій д-ра Антонія и послѣднія его работы носятъ характеръ строго историческій, безъ всякихъ прикрасъ беллетристическихъ.

Другое, болѣе серьезное возраженіе, которое мы позволимъ себѣ сдѣлать д-ру Антонію, заключается, какъ намъ кажется, въ недостаткѣ объективизма и въ постоянномъ присутствіи предвзятой мысли, которою освѣщаются событія по мѣрѣ того, какъ авторъ возстановляетъ ихъ изъ архивнаго матеріала; факты не говорятъ сами за себя, а по большей части укладываются, иногда не безъ значительныхъ усилій со стороны автора, въ рамки, a priori придуманныя и приготовленныя. Общій критерій, изъ котораго авторъ исходитъ при сужденіи о польско-русскихъ историческихъ отношеніяхъ въ прошедшей судьбѣ юго-западной Руси, состоитъ въ томъ положеніи, которое сдѣлалось въ послѣднее время общимъ знаменемъ довольно многочисленной группы польскихъ историческихъ писателей, будто въ южной Руси Польша преслѣдовала миссію цивилизаторскую и занята была по преимуществу насажденіемъ умственной и гражданской культуры. Поставивъ въ основѣ взгляда такую мысль, писатели, проникнутые ею, въ томъ числѣ и д-ръ Антоній, всѣ историческія черты быта Польши считаютъ признаками культуры, и обратно всѣ бытовыя черты Руси признаками варварства; такимъ образомъ все то, что въ быту самой Польши составляло тормозы народнаго развитія: религіозный фанатизмъ, дѣятельность іезуитовъ, излишнее развитіе сословности, эксплоатація крестьянъ и т. п., является или признакомъ высшей культуры, или ея необходимымъ аттри-

бутамъ, и обратно тѣ черты жизни южной Руси, которыя мы привыкли уважать въ каждомъ народѣ, какъ задатки будущаго развитія и какъ признаки самостоятельности народнаго духа: любовь къ родинѣ и къ своей національности, инстинкты равноправности гражданской, протесты противъ гнета экономическаго, религіознаго и нравственнаго, расположеніе къ вѣчевому строю и т. д., все это изображается, какъ признакъ грубости, варварства и врожденнаго какого-то отвращенія къ культурѣ. Впрочемъ, какъ намъ ни кажется невѣрною съ научной и обще-человѣческой точки зрѣнія подобная постановка вопроса, мы готовы были-бы спорить съ авторомъ только о ея справедливости, но, изъ уваженія къ искреннему убѣжденію противника, не ставили-бы ему его исходной точки въ укоръ, какъ недостатокъ историческаго научнаго пріема, если-бы онъ ее доказывалъ фактическими данными и строго послѣдовательными логическими выводами изъ этихъ данныхъ. Мы далеки отъ того, чтобы вмѣнять писателю въ вину его убѣжденія, не согласныя съ нашими, и не признавать научныхъ заслугъ противника, если онъ научно отстаиваетъ ту точку зрѣнія, которая намъ кажется ошибочною; но, въ данномъ случаѣ, мы д-ра Антонія, какъ историческаго писателя, имѣемъ право попрекнуть не за его убѣжденія, а за способъ проведенія ихъ, недостойный, какъ намъ кажется, ни его развитія, ни его таланта. Отстаивая общія, вышеуказанныя положенія, авторъ не опирается на факты, не исходитъ изъ широкихъ, общихъ для всего человѣчества, историческихъ законовъ прогресса, а старается исключительно ударять на чувство читателя, для этого онъ въ излишествѣ прибѣгаетъ къ эпитетамъ въ характеристикахъ и къ произвольнымъ положеніямъ, которыя въ качествѣ афоризмовъ онъ кладетъ въ основаніе своихъ разсужденій. Манера эта придаетъ изслѣдованіямъ доктора Антонія характеръ апологіи или адвокатской рѣчи вмѣсто объективнаго изслѣдованія исторической истины и возбуждаетъ въ читателѣ, не раздѣляющемъ апріорныхъ положеній автора, нѣкоторое невольное недовѣріе даже къ тѣмъ частямъ труда, которыя правдоподобны и лишены субъективныхъ прикрасъ. Не ограничиваясь, впрочемъ, этими пріемами, авторъ иногда какъ-бы отстраняетъ нѣкоторую часть разрабатываемаго имъ матеріала, если содержаніе его слишкомъ противорѣчитъ его основой схемѣ и скользитъ слишкомъ уклончиво по поверхности нѣкоторыхъ непріятныхъ фактовъ.

Мы позволили себѣ сдѣлать эти общія замѣчанія потому, что указанные пріемы мы находимъ и въ послѣдней книгѣ, изданной д-ромъ Антоніемъ, заглавіе которой мы выписали выше. Въ составъ этой книги вошли двѣ статьи: 1) „Исторія околичной шляхты въ овруцкомъ повѣтѣ" и 2) „Козачество въ кіевскомъ Полѣсьѣ во второй половинѣ XVII столѣтія". Главнымъ матеріаломъ для составленія обѣихъ статей автору, по его собственнымъ словамъ, послужили 2 тома актовъ, изданныхъ кіевскою археографическою коммисіею [1]). Извлеченіе сдѣлано весьма подробно, содержаніе разсказано живо и сгруппировано умѣло, но, къ несчастью, всѣ характеристики усыпаны своеобразными эпитетами и афоризмами и нѣсколько группъ актовыхъ свидѣтельствъ (какъ напримѣръ: столкновенія православныхъ околичныхъ шляхтичей съ католиками—буйства жолнеровъ) отодвинуты на второй планъ и едва упомянуты. За то въ первой статьѣ авторъ, въ началѣ, въ видѣ введенія, прибавилъ весьма живой топографическій и экономическій очеркъ кіевскаго Полѣсья, а въ концѣ списокъ овруцкихъ старостъ съ перечнемъ ихъ отношеній къ шляхетскимъ околицамъ. Въ спискѣ этомъ, впрочемъ, мы замѣтили одну довольно крупную неточность: авторъ полагаетъ, что овруцкимъ повѣтомъ съ 1471—по 1531 годъ управляли непосредственно кіевскіе воеводы и самостоятельные старосты стали назначаться только съ 1531 года; мы думаемъ, что это положеніе ошибочно, потому что въ актовыхъ свидѣтельствахъ упоминаются овруцкіе старосты съ конца XV вѣка и если полнаго списка ихъ мы не можемъ составить, по причинѣ скуднаго количества дошедшихъ до насъ актовъ, то имена нѣкоторыхъ назвать можемъ: такъ старостою овруцкимъ (1496—1503) былъ князь Григорій Борисовичъ Глинскій, затѣмъ (1506—1510) Сенько Романовичъ Полозовичъ, а въ 1525 Михайло Холецкій. Въ числѣ-же позднѣйшихъ старостъ пропущены: Лука Сапѣга, носившій этотъ титулъ въ 1621 году, и князь Іеремія Вишневецкій въ 1634 г.

Вторая статья заключаетъ въ себѣ очеркъ тѣхъ неудачныхъ попытокъ возстановленія козачества, которое предпринимало польское правительство въ концѣ XVII столѣтія въ кіевскомъ Полѣсьѣ. По неизвѣстной намъ причинѣ авторъ изъ объемистаго тома актовъ выбралъ отдѣлъ менѣе всего интересный, отъ воспроизведе-

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, часть IV, томъ I и часть III, томъ II.

нія-же возрожденія самостоятельнаго козачества на правой сторонѣ Днѣпра усиліями Палія и его сподвижниковъ онъ воздержался.

Во всякомъ случаѣ мы благодарны д-ру Антонію за то, что онъ знакомитъ свою публику съ матеріаломъ, добытымъ русскою археографическою наукою, и полагаемъ, что взаимное ознакомленіе съ научнымъ матеріаломъ обѣихъ литературъ отразится въ будущемъ съ пользою для развитія въ обѣихъ болѣе прочныхъ историческихъ свѣдѣній и для установленія болѣе объективныхъ историческихъ взглядовъ.

В. А.

Тарановскій. Топографическо-статистическіе матеріалы съ приложеніемъ 4-хъ картъ югозападнаго края. К. 1882, in 8°, стр. 324 + 2 таблицы, + 3 большихъ и 1 малая карты.

Мы не выписываемъ всего заглавія, наполняющаго собою обложку этой книги и не совсѣмъ складнаго, какъ это замѣтно и по выписанному его началу. Содержаніе книги далеко не соотвѣтствуетъ ея названію, такъ какъ въ ней въ сущности нѣтъ ни топографическихъ, ни статистическихъ матеріаловъ, а есть только подробный дорожникъ, принаровленный къ потребностямъ военнаго вѣдомства; ему предшествуетъ перечень административныхъ подраздѣленій края, а всему этому предпосланъ жиденькій общій обзоръ, въ которомъ авторъ пытается на 36 страницахъ совмѣстить географическія, естественно-историческія и даже этнографическія свѣдѣнія о нашемъ краѣ, заключающемъ въ себѣ около 150 тысячъ кв. верстъ и около 6½ милліоновъ населенія. Конечно, дорожники вообще, въ томъ числѣ и спеціально-военные, составляютъ предметъ необходимости, а средній уровень образованія нашего офицерскаго корпуса, въ особенности воспитанниковъ юнкерскихъ училищъ, дѣлаетъ вовсе не излишнимъ и присоединеніе къ нимъ краткихъ обзоровъ природы и населенія края. Поэтому, самый планъ изданія г. Тарановскаго не заключаетъ въ себѣ никакой грубой погрѣшности; посмотримъ, каково выполненіе.

Въ коротенькомъ предисловіи авторъ опредѣляетъ цѣль своего изданія гораздо скромнѣе и точнѣе, чѣмъ въ заглавіи,—служить справочной книгой, въ которой бы заключалось хотя краткое описаніе края и, по меньшей мѣрѣ, тѣ общія свѣдѣнія, ко-

торыя чаще всего бываютъ необходимы гражданскимъ и военнымъ учрежденіямъ (канцеляріямъ), а также служащимъ лицамъ, разъѣзжающимъ въ краѣ на обывательскихъ (земскихъ) лошадяхъ". Конечно, ни для канцелярскихъ писцовъ, ни для военныхъ писарей, ни для „лицъ, разъѣзжающихъ на обывательскихъ" знакомство съ литературой изслѣдованій нашего края не только не обязательно, а даже можетъ подчасъ оказаться, съ служебной точки зрѣнія, „излишнимъ". Но составителю изданія, предназначеннаго служить для всѣхъ этихъ лицъ руководствомъ, такое знакомство отнюдь-бы не помѣшало. Между тѣмъ перечень источниковъ, какими пользовался авторъ, показываетъ, что кромѣ двухъ-трехъ работъ генеральнаго штаба, да почтоваго дорожника, самъ онъ пользовался почти исключительно канцелярскими источниками, а литература предмета ему вовсе незнакома. Единственное исключеніе онъ сдѣлалъ для мѣстныхъ газетъ, включивъ въ число своихъ источниковъ корреспонденціи „Кіевлянина" и „Зари".

Первый отдѣлъ книги содержитъ въ себѣ „краткій общій очеркъ края", и на первой-же его страницѣ читаемъ такое неудобопонятное мѣсто: „этотъ край имѣетъ *въ ширину*, по *длиннѣйшему* разстоянію, отъ желѣзнодорожной станціи Малорыто до ж.-д. ст. Борщи *535* верстъ; *въ длину*, по *кратчайшему* разстоянію, отъ с. Авратына до Кіева *295* верстъ". Линія Малорыто-Борщи идетъ въ направленіи болѣе или менѣе съ сѣвера на югъ, а Авратинъ—Кіевъ съ запада на востокъ, и только по этому, вслѣдствіе смѣшенія авторомъ понятій о длинѣ и ширинѣ площади съ понятіями о долготѣ и широтѣ географической, ширина нашего края оказывается почти вдвое длиннѣе его длины; но почему одна изъ нихъ измѣрена по длиннѣйшему разстоянію, а другая по кратчайшему,—этого и угадать невозможно.

Въ опредѣленіи границъ края допущенъ крупный недосмотръ, такъ какъ въ сѣверо-западный его уголъ отнесенъ, вмѣсто владимірскаго, новоградволынскій уѣздъ. Подраздѣливъ край въ топографическомъ отношеніи на три части: Полѣсье, Волынь съ Подольемъ и Украйну, авторъ приводитъ (стр. 5) завѣдомо невѣрную цифру населенности Полѣсья въ 15 человѣкъ на квадратную версту, тогда какъ изъ его-же свѣдѣній (стр. 320) видно, что даже для пяти вполнѣ полѣсскихъ уѣздовъ Волыни (владим., ковел., луцк., ровен. и овручскій) населеніе составляетъ 754,634 чел. на 35,618 верстъ, т. е. болѣе 21 чел. на версту; очевидно,

первая цифра выведена изъ сильно устарѣвшихъ свѣдѣній, къ какимъ нужно отнести и мнѣніе о „непроходимости“ современныхъ лѣсовъ Полѣсья. Точно такую-же достовѣрность имѣетъ и утвержденіе, будто лѣса въ „Украинѣ“, куда авторъ относитъ кіевскую губ., кромѣ полѣсской ея части, а изъ подольской уѣзды: брацлавскій, гайсинскій, ольгопольскій и восточную половину балтскаго,—„почти вездѣ уничтожены сахарными заводами, а сохранились *только* въ кіевскомъ, *сквирскомъ* и *бердичевскомъ* въ видѣ небольшихъ дачъ и рощъ“; на самомъ дѣлѣ, въ послѣднихъ двухъ уѣздахъ только и есть, что мелкія рощи, но за то въ другихъ, именно черкасскомъ, звенигородскомъ, чигиринскомъ, южной части каневскаго и сѣверо-восточной таращанскаго, можно еще найти и настоящій лѣсъ, съ десятками верстъ сплошного протяженія.

Недосмотры, непростительная неточность выраженій и искаженіе собственныхъ именъ преслѣдуютъ автора чуть не на каждой страницѣ. Такъ у него (12) Припять входитъ въ составъ соединяющей *Днѣпръ съ Двиною Березинской* системы!... Днѣпръ подходитъ *правымъ* берегомъ *къ Россіи*, а лѣвымъ къ Австріи (13); та же рѣка замерзаетъ въ какой-то неизвѣстный промежутокъ времени *между* концемъ ноября и началомъ декабря (15); правый берегъ Западнаго Буга, холмистый до Устилуга, ниже Корытницы *расходится* (?); теченіе Припети раздѣляетъ Полѣсье на минское и кіевское, волынскому-же близъ нея нѣтъ мѣста; по Случи лѣсъ *сплавляется* не только по теченію, но и *противъ теченія;* Медоборскія горы дважды называются Медеборскими, м. Киселинъ—у автора Киселиное, Несухоѣжи—Несухая, Мерва—Мевръ, р. Раставица—Ростовица и т. д; „разнаго рода звѣри“ на Полѣсьи во множествѣ водятся „въ луговыхъ травахъ“,—вѣроятно, разумѣются кабаны, дикія козы, лоси, медвѣди и т. под. По счету г. Тарановскаго нашъ край отличается замѣчательной особенностью,—въ немъ всѣ годы високосные: ясныхъ дней бываетъ среднимъ числомъ $80,_6$, облачныхъ $52,_7$, а пасмурныхъ, снѣжныхъ, дождливыхъ и туманныхъ $232,_7$,—въ суммѣ 366; помимо послѣдней цифры, возбуждаютъ сомнѣніе и ея слагаемыя, по которымъ климатъ нашего края оказывается въ родѣ лондонскаго; для провѣрки, не имѣя подъ рукой другихъ источниковъ, мы сосчитали по таблицамъ метеорологическихъ наблюденій въ Кіевѣ за 1874 годъ число дней, въ которыхъ облачность показана менѣе половины,—и ихъ оказалось 153, т. е. значительно болѣе, чѣмъ значится у г. Тарановскаго ясныхъ вмѣстѣ съ облачными.

Главные затѣмъ отдѣлы книги, т. е. справочные, имѣютъ, какъ кажется, хоть то достоинство, что списаны не съ печатнаго, не нуждались, поэтому, въ прикрываніи заимствованія и поэтому не подвергались искажающимъ передѣлкамъ и дополненіямъ. Судить о ихъ достоинствѣ, т. е. степени достовѣрности, довольно трудно, не имѣя никакихъ однородныхъ данныхъ для критической провѣрки. Мы и ограничимся только перечнемъ ихъ содержанія. Подъ рубрикой „административное дѣленіе", поименованы города трехъ губерній съ показаніемъ числа жителей по свѣдѣніямъ 1880 года, источникъ которыхъ, къ сожалѣнію, не указанъ; слѣдовало-бы здѣсь же показать и населеніе уѣздовъ. Далѣе слѣдуетъ дѣленіе уѣздовъ на станы, съ показаніемъ становой квартиры каждаго, а потомъ перечень волостей каждаго уѣзда по мировымъ участкамъ, указано при этомъ отношеніе участковаго дѣленія со становымъ. Напечатаніе этихъ свѣдѣній съ обозначеніемъ ихъ на приложенной картѣ во всякомъ случаѣ очень полезно, не для однихъ только канцелярій и „разъѣзжающихъ". Этого вовсе нельзя сказать о перечнѣ административныхъ, судебныхъ и военныхъ учрежденій края, который заключаетъ въ себѣ только названія учрежденій и положенныхъ въ нихъ по штату должностей, даже безъ числа послѣднихъ; если-бы были указаны адресы учрежденій и ихъ личный составъ, такой адресъ-календарь придалъ-бы цѣны справочной книжкѣ, безъ этого-же перечень представляетъ собою совершенно ненужный балластъ.

Третій отдѣлъ, „пути сообщенія по проселочнымъ дорогамъ края", содержитъ перечень земскихъ станцій и разстоянія отъ нихъ до ближайшихъ пунктовъ; свѣдѣнія эти въ печатномъ видѣ —новинка. Изъ нихъ мы узнаемъ впервые, что въ кіевской губерніи существуетъ 191 земская станція, въ подольской 198, въ волынской 227, всего въ краѣ 616. Конечно, дорожникъ не можетъ дать никакихъ отвѣтовъ на вопросы о существующихъ системахъ содержанія этихъ станцій, его стоимости, величинѣ налоговъ собственно на этотъ предметъ и т. д.; но онъ уже неумѣстно скупъ, не обозначивъ даже числа лошадей, которое могло бы дать косвенное нѣкоторое понятіе о размѣрахъ земско-почтовой повинности въ краѣ.

Въ отдѣлахъ о путяхъ шоссейныхъ, почтовыхъ, желѣзныхъ и водныхъ нѣтъ, конечно, ничего новаго, чего-бы не было въ почтовомъ дорожникѣ, въ росписаніяхъ поѣздовъ и пароходнаго движенія; здѣсь же помѣщены правила перевозки пассажировъ и

багажа. Болѣе интереса, по новизнѣ въ печати, представляетъ списокъ рѣчныхъ переправъ въ краѣ.

Седьмой отдѣлъ содержитъ въ себѣ перечень телеграфныхъ станцій съ тарифомъ внутренней корреспонденціи и почтовыхъ учрежденій съ правилами относительно частной корреспонденціи и почтовою таксою.

Въ концѣ книги приложены таблицы пространства населенія, движенія послѣдняго, учебныхъ заведеній и фабрикъ и заводовъ. Изъ картъ—одна общая, другая съ административными дѣленіями и пунктами, третья—съ линіями телеграфовъ и четвертая—желѣзнодорожная.

Безспорно, всѣ перечисленныя свѣдѣнія, собранныя въ одну книгу, дѣлаютъ ее очень полезною и часто необходимою для справокъ. Поэтому, конечно, мѣстный окружной штабъ и рекомендовалъ ее съ такой стороны войскамъ. Если бы г. Тарановскій далъ ей правильное и непретенціозное названіе „общаго дорожника юго-западнаго края“ и совершенно исключилъ изъ нея попытку „общаго очерка“, превышающаго его знанія и литературныя силы,—изданіе это заслуживало-бы похвалы, конечно, въ скромныхъ предѣлахъ удовлетворенія практической потребности.

P.S. Какъ ни плохъ „очеркъ“ г. Тарановскаго, и въ немъ случайно попалось небезъинтересное „зерно“. На стр. 14 о Днѣстрѣ говорится, что тамъ, гдѣ берега долины рѣки обрывисты, дно большею частью иловатое, глинистое, усыпанное мелкими камешками (рынь). Послѣдній терминъ, выражающій мѣстную особенность строенія дна, изъясняетъ вполнѣ лѣтописный текстъ о крещеніи Руси и о низверженіи перунова кумира, который „проидѣ сквозъ порогы, изверже й вѣтръ на *рѣнь*, и оттолѣ прослу *Перуня рѣнь*, якоже и до сего дне словеть“ (Лаврент. лѣт., въ Полн. Собр., т. I, стр. 50).

Ив. Н.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

КЪ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ.

I.

„ПОРУБЕЖНЫЯ ЛЮБЕЗНОСТИ“.

Запорожье во все время своего существованія—какъ самостоятельная община, имѣло кромѣ заграничныхъ „порубежниковъ“: татаръ и поляковъ, и ближнихъ единоплеменныхъ сосѣдей: донцовъ, малороссійскихъ козаковъ и русскіе гарнизоны. Сіи послѣдніе, разскинутые по крѣпостцамъ или „ретраншаментамъ“, отъ Крылова на Днѣпрѣ до самой Новой Сѣчи, занимаемы были военными отрядами изъ регулярныхъ или гарнизонныхъ полковъ, подъ начальствомъ комендантовъ штабъ-офицерскаго чина. Состоя въ непосредственной командѣ кіевскаго генералъ-губернатора, они были сторожевыми постами не только противъ ногайскихъ татаръ и польскихъ пограничныхъ „губернаторовъ“ [1]), но наблюдали и надъ запорожскимъ войскомъ, которому наше правительство, послѣ измѣны Мазепы и Дорошенка, не вполнѣ довѣряло. Ближайшими къ войску были: старо-сѣченскій, кодацкій, усть-самарскій и ново-сѣченскій ретраншаменты.

Съ донцами Запорожье имѣло постоянныя, а иногда весьма кровавыя столкновенія, преимущественно въ Калміуской Паланкѣ,

---

[1]) «Губернаторами» назывались управляющіе, большею частію военные, имѣніями «украинскихъ» вельможъ: кн. Яблоновскихъ, Любомирскихъ, гр. Потоцкихъ и др.

за рыбныя ловли на косахъ Азовскаго моря, особенно близь устьевъ Дона, Еи и Калміуса [1]).

Съ малороссійскимъ начальствомъ и козаками запорожцы спорили за „вольности", т. е. богатыя степи на устьяхъ Орели, Самары и другихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Днѣпръ, гдѣ, безъ позволенія Коша, украинцы заводили себѣ не только хутора и зимовники, но и цѣлыя селенія. Хотя запорожцы старались всѣми силами сохранять дружескія сношенія съ своими заднѣпровскими братьями, но иногда случались столкновенія серьезныя, а чаще трагикомическія, и одно изъ такихъ событій мы выписываемъ буквально изъ спасенныхъ нами обрывковъ архива „послѣдняго Коша запорожскаго".

Въ іюнѣ 1752 года праздновали въ Сѣчи день святыхъ Петра и Павла и, слѣдственно, имянины кошеваго атамана *Павла Иванова (Козелецкаго)*. По этому случаю было много гостей и въ числѣ ихъ товарищи депутаціи, присланной для опредѣленія малороссійскихъ запорожскихъ границъ: полтавскій эссаулъ *Яковъ Козельскій* и сотникъ *Василій Зарудный*. И вотъ что случилось въ этотъ двойной церковный и войсковой праздникъ, какъ видно изъ донесенія Коша къ „ясне-вельможному" малороссійскому гетману.

1752 года іюня 30 дня.

„Отъ насъ ниже подписанныя дана сія въ войсковую войска запорожскаго низоваго канцелярію подписка въ томъ, что сего іюня въ 29 день, ради торжества, по отправленіи молебнаго пѣнія, бувшій господинъ Кошовій *Якимъ Игнатовичъ* просилъ какъ атамана Кошеваго съ старшиною, такъ и насъ, въ томъ числѣ и сотника *Василія Заруднаго* въ свою квартиру, гдѣ онъ, сотникъ Зарудный, въ квартерѣ господина Игнатовича первѣе хрустальный „креденцъ" [2]) побилъ, сказывая: „велено де вамъ войску самарскія *вольности* (степи) межевать, а и по ся поры не межовано, за что нынѣ „и репримендовать васъ веленожь". А потому атамана Кошеваго Павла Иванова зъ старшиною называлъ „ворами и плутами, „и въ войску де нѣть добраго состоянія ни единаго человѣка". По отходѣ же атамана Кошеваго Павла Иванова, войсковаго писаря

---

[1]) Р. Калміусъ, впадающая близъ Маріуполя въ Азовское море, отдѣляетъ и теперь Ново-Россію отъ донской земли.

[2]) Креденцъ—приборъ хрустальныхъ штофиковъ для водокъ.

Димитрія Романовскаго шельмою и дуракомъ называлъ-же, и въ щеку, безъ всякой винности, при всей компаніи вдарилъ; такожь и бывшаго атамана Кошеваго Якима Игнатовича за волосы терзалъ. О чемъ въ войсковую канцелярію о причиненной имъ сотникомъ Заруднымъ, въ квартерѣ господина Игнатовича, обидѣ письменнаго свидѣтельства въ Кошъ требовано, по которому его сотника отважнымъ, напившись до пьяна, недобропорядочнымъ поступкамъ, гдѣ повелено будеть, засвидѣтельствовать имѣемъ, на томъ и подписуемся".

Чѣмъ кончилось такое любезное обхожденіе господина сотника за гостепріимство въ обществѣ запорожской старшины, объ этомъ свѣдѣній въ архивѣ не оказалось. Но вотъ другое произшествіе, тоже достойное вниманія, какъ образчикъ внутреннихъ хлопотъ нашего славнаго низоваго войска.

Въ бытность кошеваго Петра Калнишевскаго въ 1768 году въ Петербургѣ, съ депутатами отъ войска, для опредѣленія границъ и рѣшенія споровъ о земляхъ запорожскихъ, отобранныхъ подъ ново-сербское поселеніе, получены были не разъ жалобы коменданта ново-сѣченскаго ретраншамента: онъ жалуется, что козаки истоптали всѣ окопы, переломали рогатки, пускаютъ скотъ во рвы и ходятъ въ укрѣпленія безъ позволенія карауловъ. Въ этомъ ретраншаментѣ [2]), по случаю какого-то праздника, были гости и въ томъ числѣ запорожскій старшина и переводчикъ Андрей Константиновъ, и вотъ что онъ доноситъ кошевому начальству:

„1768 года апрѣля 26 дня былъ я нижеименованный въ новосѣченскомъ ретраншаментѣ, на квартирѣ господина прапорщика елецкаго пѣхотнаго полку *Костина*, въ компаніи, въ которой находились господина маіора *Мыкульшина* [1]) жена, капитанъ *Мошоновъ* съ женою, находячій при томъ-же ретраншаментѣ за адъютанта подпоручикъ бѣлевскаго пѣхотнаго полку *Бѣлозерскій*, да запорожскіе козаки: куреня титоровскаго Якимъ Косый и Савва Губа. Гдѣ будучи капитанъ *Мошоновъ* нѣсколько пьянъ, между прочимъ разговоромъ бранилъ безпричинно его вельможность, господина

---

[1]) Въ селеніи *Покровскомъ* екатеринославской губерніи и уѣзда, на пепелищѣ бывшей Новой-Сѣчи, видны доселѣ остатки валовъ этого мелкаго укрѣпленія.

[2]) Комендантъ ретраншамента.

Кошеваго Петра Ивановича Калнишевскаго поносительными словами, а именно: въ первыхъ назвалъ „мужикомъ несмысленнымъ“, приговаривалъ многократно: „что де я самъ лучше его, я де плюю на его“; повторяя сію рѣчь стократно, продолжалъ бранить матерщино съ произношеніемъ негодныхъ словъ. При томъ примолвилъ, что де онъ „былъ уже въ моей командѣ и паки де будетъ“. Наконецъ говорилъ онъ, Мошоновъ, что де „вашего Кошеваго въ Петербургѣ хотѣли повѣсить на висѣлицѣ, или въ ссылку сослать, и въ ланцугахъ (цѣпяхъ) его скованнаго держали“. И когда ему я и адъютантъ говорили, что это несправедливо ему кто ни на есть пересказалъ и что сего не было: то упомянутый капитанъ утверждая, что такъ точно, какъ онъ сказываетъ, еще произносилъ для чести его вельможности несносные укоризны. А понеже, какъ выше значитъ, при семъ былъ я и выше прописанные свидѣтели, слушавъ съ огорченіемъ въ несносной обидѣ своего командира такія поношенія: для того, повѣренный къ охраненію моего командира чести должности, симъ Кошу войска запорожскаго представляю. А что все вышепрописанное справедливо, въ томъ безъ всякаго пристрастія, при случившихся тамо вышепрописанныхъ свидѣтеляхъ, утверждаю“.

Войска запорожскаго низоваго переводчикъ *Андрей Константиновъ* [1]).

Такая обида Кошевому и войску взволновала все Запорожье; собралась „рада“ изъ старшины и куренныхъ атамановъ и рѣшила послать 31 мая 1768 года жалобу о горестномъ событіи кіевскому генералъ-губернатору Воейкову. 30 іюня того-же года генералъ Воейковъ отвѣчалъ козакамъ, что онъ не медлы „о поношеніи чести такой“ поважной особѣ, какъ кошевой атаманъ, къ непріятнымъ слѣдствіямъ поводомъ быть могущемъ, донесъ графу Румянцеву и просилъ капитана Мошонова предать военному суду и тѣмъ надлежащее удовольствіе обиженному кошевому доставить, дабы другіе, смотря на то, впредь отъ такого подлаго и съ офицерскимъ достоинствомъ неприличнаго поползновенія удерживаться побуждены быть могли“.

Чѣмъ кончилось и это дѣло, въ бумагахъ сѣчеваго архива никакого свѣдѣнія мы не нашли.

---

[1]) *Андрей Константиновъ* былъ войсковымъ переводчикомъ татарскаго и турецкаго языковъ и агентомъ для пограничныхъ сношеній.

А вотъ любезности съ польскаго рубежа. Въ запорожскомъ архивѣ мы нашли цѣлые десятки документовъ 1740-хъ годовъ о спорахъ и даже кровавыхъ столкновеніяхъ между козаками и польскими пограничными „губернаторами", которые ясно доказываютъ источникъ тѣхъ ужасныхъ событій, которыя, двадцать лѣтъ послѣ, произвели уманскую рѣзню. Изъ одной „промеморіи" кошеваго Якима Игнатовича отъ 19 сентября 1749 года, посланной кіевскому начальству, видно, что съ 1733 по 1749 годъ польскіе губернаторы уманскаго, лысянскаго, смѣлянскаго и другихъ „замковъ", особенно-же гг. *Станиславъ Костка-Ортынскій, Михаилъ Закревскій* и *Антонъ Табанъ,* повѣсили 230 козаковъ, отнявъ у нихъ лошадей, воловъ, рыбы, оружія и пожитковъ на 27,513 рублей, что по цѣнности денегъ того времени составляло болѣе, чѣмъ нынѣшнихъ сто тысячъ рублей.

Для примѣра приводимъ оффиціальное донесеніе объ одномъ изъ такихъ польскихъ подвиговъ:

„Въ 1748 году донскаго куреня козаковъ, слѣдующихъ изъ днѣстровскаго походу, зазвавши командующій въ Умани прозваніемъ *Табанъ* съ поляками въ дворъ, якобы для удовольствія ихъ харчми или за чѣмъ другимъ, и поотбиравши: ружье, лошадей, одежу и деньги, Мартына *Гончара,* Трофима *Ярового,* Афанасія *Опатого,* Андрея *Дона,* Михаила *Долгатого* и другихъ повѣшали".

Предлагаемъ также образчикъ любезной сосѣдской корреспонденціи съ того-же рубежа:

Мосци пане[1]) Кошовій низоваго запорожскаго войска, мой приятель!

„Письмо отъ В. М. М. Пана ко мнѣ отписанное сего 1752 года, мѣсяца августа остатнихъ чиселъ, получилъ я, въ которомъ В. М. М. изволите отписывать, яко не только моего хлопця именемъ *Остапка,* але и козака именемъ *Саморѣднаго* въ вашемъ войску запорожскому, при которомъ оній хлопецъ зостаетъ, не

---

[1]) *Mosci panié* самая неучтивая формула въ письменныхъ сношеніяхъ поляковъ; обыкновенно всѣ пограничные «губернаторы» и даже знатные польскіе вельможи называли кошевыхъ въ своихъ письмахъ «высокопочтенными» или «вельможными». Даже главнокомандующіе гр. Румянцевъ или князь Долгорукій такъ ихъ титуловали.

отпытано. Въ чемъ не знаю, чи я, чили В. М. М. Панъ изволите обманыватися; понежъ я не объ Самородному, но объ *Яцку Безродному* до В. М. М. писалъ, ибо оній Безродній, будучи въ Нѣжинѣ прошедшаго 1751 года на ярмарку, о Покровѣ пресвятой Богородицы, съ прочими своими компанистами, самъ онаго хлопця Остапа отъ мене къ себѣ одмовилъ (переманилъ). О чемъ и не зналъ бы я, еслибъ самъ онъ Безродній чрезъ многихъ нашихъ богуславскихъ людей (которые-те люде сами на свои очи онаго хлопця при немъ служащаго бачили),—ко мнѣ многократно не наказывалъ: дабы я, „пославши що-нибудь въ даровизну, онаго Остапка къ себѣ отобралъ". А наконецъ чрезъ Филиппа Голобородченка, который В. М. Пану и листъ оній, отъ мене посланній вручивъ, такъ предъ тимъ наказывалъ: „скажи же панови своему, нехай онъ мені пару жупанівъ перешле, а по Остапка нехай присылае, то я его отдамъ ему". За чимъ повторнымъ листомъ В. М. М. Пана прошу оному Яцку Безродному приказати, дабы онъ минѣ моего хлопця Остапка безъ турбаціи отдалъ. Впротчемъ, если бы В. М. М. Пане изволили вѣдать, въ якомъ оній Остапко заводѣ знаходится, то бы и сами его задерживать не похотѣли, ибо оній Остапко совсѣмъ, то есть, что я на изученіе его вытративъ и что (онъ) у мене въ Нѣжинѣ, на тотъ часъ, какъ его отъ мене Безродній отмовилъ, уворовалъ,—больше коштуетъ (стоитъ), нежели 700 рублевъ. Значитъ, или оную мнѣ утрату изволите пополнить, или онаго моего злочинца (преступника) Остапка прошу выдати, бо вора вездѣ во всѣхъ народахъ пограничныхъ не заступаютъ (не защищаютъ). Ежели же самоизвольно не изволите выдати, то чрезъ листъ отъ ясне вельможнаго е. м. господина гетмана, къ вамъ имѣчій прислатися, зъ дальшею турбаціею и большею утратою, принуждены будете отдати.

„Что же В. М. М. Пане изволите въ листѣ своемъ насъ въ запорожскую службу запрашивати,—отписую: еслибъ я былъ воръ, альбо разбойникъ или якій гультай (негодяй) или драпѣжца (грабитель), если бы я похотѣлъ оныхъ рицерствъ степовыхъ по за комышами доказывати и не только худобу (имущества), але и жизни людемъ отбирати, то бы можетъ на службу вашую и дався. А понеже я подъ знакомъ (знаменемъ) корунным и безъ того „товарищемъ" состою [1]), оной вашей службы не же-

[1]) Въ Польшѣ, кромѣ небольшаго числа регулярныхъ войскъ, была пограничная стража, называемая gwardiia narodowa (гвардія народова), состоявшая изъ

лаю. Хотя же, може, и обрѣтается у васъ якій гультай, который полякомъ называется; але онъ не есть полякъ, только ровній вашъ; бо онъ польскимъ языкомъ только срастаетъ, а въ самой силѣ подобный вамъ, а не полякъ: за чимъ не мене, але подобнаго себя охотника въ службу запорожскую запрашивайте, але не мене. Теперь мене-жъ безъ большой турбаціи и утрати успокоить прошу.

„Наконецъ В. М. М. Пане навсегда зостаю приятелемъ зичливымъ.

„Михаилъ Клечковскій".

2 сентября 1752 года.

З замку Богуславского [1]).

Кошъ опредѣлилъ: хлопця отъ „вельможностей" войсковыхъ въ паньскую неволю не отдавать.

Любезность польскаго порубежника, въ отвѣтъ на радушное приглашеніе сдѣлаться низовымъ козакомъ „на защиту христіанства противъ басурманъ",—тѣмъ любопытнѣе или, лучше сказать, смѣшнѣе, что 20 лѣтъ послѣ такіе вельможи, какъ кіевскій генералъ-губернаторъ *Глѣбовъ, Кочубей,* графъ *Панинъ,* князь *Прозоровскій,* графъ *Остерманъ,* даже Потемкинъ вступали охотно въ запорожское войско, и имъ выдавались аттестаты отъ избранныхъ ими куреней. Вотъ подлинный такой „аттестатъ", выданный знаменитому академику Эйлеру, посѣщавшему Сѣчь съ ученою цѣлью въ 1770-хъ годахъ.

АТТЕСТАТЪ.

„Астрономической экспедиціи главный предводитель, артиллеріи бомбардирскаго полку господинъ поручикъ, *Христофоръ Леонтіевъ Эйлеръ,* въ пріѣздъ свой въ нынѣшнее время въ Сѣчь запорожскую, по его прошенію, въ войско запорожское, въ число

хоругвей (знаковъ), то есть отрядовъ дворянъ, служащихъ на свой счетъ, которые назывались товарищами (towarzysze); отряды, набранные королемъ, гетманами и епископами, назывались почетными знаками (znaki powazne) и были «коронные», т. е. польскіе и литовскіе.

[1]) «З замку Богуславского». Богуславъ — г. кіевской губерніи, имѣніе князей Яблоновскихъ, имѣлъ, подобно всѣмъ другимъ украинскимъ городамъ и мѣстечкамъ, небольшое укрѣпленіе вокругъ помѣщичьяго дому, и отъ того назывался «замкомъ».

куреня Кущевскаго товарищей, принятъ и между товариство того куреня, на всегдашнее изчисленіе въ куренные регестры, съ нижеписаннаго числа записанъ. Для чего ему, г. поручику Эйлеру, когда гдѣ надобность укажетъ объявленія, сей аттестатъ изъ Коша войска запорожскаго низоваго при подписаніи и печати войсковой выданъ. Въ Сѣчи запорожской августа 4 дня 1770 года".

(М. П.) Слѣдуетъ подпись:

„Войска запорожскаго низоваго кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій, съ старшиною и товариствомъ".

А. Скальковскій.

ОТЕЦЪ АПОЛЛОНІЙ СЕНДУЛЬСКІЙ,

СВЯЩЕННИКЪ СЕЛА СИВОКЪ ОСТРОЖСКАГО УѢЗДА.

(Некрологъ) *).

Отецъ Аполлоній Сендульскій былъ въ высшей степени выдающаяся личность. Въ немъ счастливо соединились прекрасный человѣкъ, образцовый священникъ—пастырь, незаурядный дѣятель—администраторъ и выдающійся мѣстный ученый—историкъ.

Лучшая пора жизни отца Аполлонія Сендульскаго совпала съ началомъ 60 годовъ, когда, послѣ послѣдняго польскаго возстанія, у правительства и всего образованнаго русскаго народа вспыхнула любовь къ забытой—было русской части народонаселенія

---

*) Считаемъ долгомъ выразить нашу искреннюю признательность почтенному Ал. Тарнавскому за сообщеніе намъ его теплаго слова о скромномъ и неизвѣстномъ, но достойномъ самой свѣтлой памяти мѣстномъ дѣятелѣ въ области жизни и исторіи. Сожалѣемъ вмѣстѣ съ нимъ, что это столь интересное и на многія размышленія наводящее сообщеніе слишкомъ долго въ незаслуженномъ небреженіи пролежало въ одной изъ мѣстныхъ редакцій и является потому запоздалымъ. Присоединяемся къ его желанію, чтобы монографіи о. Сендульскаго были изданы и получили общую извѣстность. Каковы-бы ни были ихъ научныя достоинства, но они могутъ дать много новаго матеріала для мѣстной исторіи, а число ихъ велико (до 40), и всѣ онѣ касаются мѣстностей, имѣющихъ несомнѣнное историческое значеніе. Мы имѣли уже случай высказать, что чѣмъ болѣе будетъ раздроблена разработка мѣстной исторіи, тѣмъ болѣе выиграетъ отъ того наша историческая наука.—Ред.

его вѣрѣ, попираемой иновѣрными пришельцами, и историческимъ мѣстностямъ и памятникамъ, приходившимъ въ большую и большую ветхость, а то и совсѣмъ въ разрушеніе и забвеніе.

Истинно-русская и глубоко православная душа отца Аполлонія не могла не откликнуться на призывъ—поднимать мѣстное народонаселеніе въ религіозно-національномъ и экономическомъ направленіяхъ. Отецъ Аполлоній Сендульскій изо всѣхъ силъ сталъ трудиться, чтобы исполнить долгъ православнаго пастыря и русскаго человѣка. Не смотря на многочисленность семьи (самый употребительный предлогъ для отказа отъ самоотверженной дѣятельности), не смотря на занятія по приходу, выражавшіяся не однимъ требоисправленіемъ, но и проповѣдью, и словесною, а нерѣдко и денежною помощью бѣднякамъ-прихожанамъ; не смотря на занятія по выборнымъ должностямъ, то члена семинарскаго правленія, то члена окружнаго училищнаго съѣзда, то предсѣдателя епархіальнаго съѣзда, не смотря на хлопоты по постройкѣ церкви въ своемъ приходѣ,—отецъ Аполлоній Сендульскій не переставалъ трудиться надъ увеличеніемъ тѣхъ познаній, которыя онъ пріобрѣлъ во время прохожденія семинарскаго курса. Отецъ Аполлоній Сендульскій вообще имѣлъ склонность къ занятію исторіей, а пережитыя краемъ и въ частности имъ самимъ событія—освобожденіе крестьянъ и послѣдовавшее послѣ 1863 года общее освобожденіе края отъ многовѣковаго гнета — польщизны и католицизма, еще болѣе побудили его отдаться изученію мѣстной исторіи, историческихъ мѣстностей, памятниковъ и пр.

Историческія занятія не легки въ большомъ городѣ, представляющемъ собою крупный мѣстный центръ; а въ селѣ глухомъ, крошечномъ, отдаленномъ даже отъ уѣзднаго города, историческія занятія еще болѣе тяжелы, нерѣдко вовсе невозможны. Отецъ Аполлоній не зналъ однако невозможнаго и твердо, неустанно и послѣдовательно шелъ къ намѣченной цѣли—разработкѣ мѣстной исторіи, въ отношеніи къ существующимъ и исчезнувшимъ мѣстностямъ и памятникамъ православной Волыни. Открыть, выяснить и доказать въ изслѣдуемой мѣстности и памятникѣ остатки православія—вотъ та цѣль, къ достиженію которой стремился отецъ Аполлоній Сендульскій. Для достиженія этой цѣли отецъ Аполлоній не мало потратилъ времени, денегъ, труда и здоровья. За то не мало оста-

вилъ послѣ себя памятниковъ. Начавъ съ исторіи села Сивокъ, своего прихода,—перваго печатнаго труда, появившагося на страницахъ мѣстныхъ „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, въ 1868 году, отецъ Аполлоній перешелъ къ изслѣдованію сосѣднихъ мѣстностей, селъ, мѣстечекъ, городовъ и монастырей и неустанно работалъ до послѣднихъ дней своей жизни. Вотъ перечень историческихъ трудовъ отца Аполлонія Сендульскаго: „Мѣстечко Ляховцы острожскаго уѣзда“, „Село Тихомль“, „Мѣстечко Ямполь“, „Мѣстечко Шумскъ“, „Мѣстечко Рахмановъ“, „Краткія историческія свѣдѣнія о православномъ валевскомъ монастырѣ“, нынѣ не существующемъ, „Историческія свѣдѣнія о православныхъ церквахъ и монастыряхъ въ г. Луцкѣ“, нынѣ не существующихъ, „Мѣстечко Вишневецъ“, „Татаринецкій мужескій монастырь, бывшій вблизи с. Обычи“, нынѣ не существующій, „Село Суражъ“, „Село Стожокъ“, „Городъ Луцкъ“, „Городъ Кременецъ“, „Село Поляховка“, „Село Городище“, „Городъ Заславль“, „Преподобный Іовъ, игуменъ почаевскій“, „Городъ Овручъ“, „Городъ Дубно“, „Загаецкій монастырь“, „Мѣстечко Бѣлокриница“, „Мѣстечко Боремль“, „Мѣстечко Олыка“, „Мѣстечко Четвертня“, „Мѣстечко Чарторыйскъ“, „Мѣстечко Берестечко“, „Городъ Ровно“, „Мѣстечко Искорость“, „Мѣстечко Пересопница“, „Мѣстечко Клевань“, „Мѣстечко Корецъ“, „Мѣстечко Вышгородокъ“, „Городъ Острогъ“, „Мѣстечко Полонное“, „Мѣстечко Домбровица“, „Изъ наблюденій сельскаго священника“, „Записка о постройкѣ новой церкви въ селѣ Сивкахъ, острожскаго уѣзда, во имя преподобнаго Ѳеодора, князя острожскаго“. Всѣ эти работы напечатаны въ промежутокъ времени между 1868 годомъ и началомъ нынѣшняго 1882 года. „Городъ Острогъ“, „Мѣстечко Полонное“ печатались уже послѣ смерти ихъ автора. Кромѣ напечатанныхъ историческихъ статей, отецъ Аполлоній помѣщалъ въ „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ не мало своихъ проповѣдей, отличавшихся краткостью и, употребляя гомилетическое выраженіе, елейностью. Но литературная дѣятельность отца Аполлонія Сендульскаго не ограничивалась перечисленными трудами. Онъ велъ „лѣтопись“ своего прихода; въ нее онъ вносилъ все замѣчательное, какъ-то: особенныя событія и случаи, наблюденія надъ жизнію крестьянъ, статистическія свѣдѣнія о приходѣ и метеорологическія наблюденія. Послѣ отца Аполлонія осталась написанная имъ-же самимъ „Авто-

біографія“ и множество рукописнаго матеріала, между прочимъ двѣ приготовленныя къ печати статьи: „Мѣстечко Лабунь“ и „Мѣстечко Степань“, и обширная библіотека, состоящая преимущественно изъ книгъ историческаго содержанія.

Было-бы въ высшей степени желательно, чтобы всѣ сочиненія отца Аполлонія были напечатаны въ отдѣльномъ изданіи и пущены въ продажу. За это дѣло слѣдовало-бы взяться редакціи „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, и, въ случаѣ неимѣнія средства на изданіе, выполнить его при содѣйствіи епархіальной власти и типографіи почаевской лавры. Изданіе всѣхъ сочиненій отца Аполлонія въ видѣ книги было-бы лучшимъ памятникомъ покойному и немалою поддержкою его осиротѣвшей семьѣ.

Трудясь на поприщѣ литературной дѣятельности, отецъ Аполлоній не забывалъ прямыхъ обязанностей священника. Въ отношеніи крестьянъ онъ былъ „добрый пастырь“—помогалъ своимъ прихожанамъ не только словомъ, но и дѣломъ, т. е. деньгами. Не мало семействъ избавлено было отцомъ Аполлоніемъ отъ еврейской кабалы. Но особенную заботу прилагалъ отецъ Аполлоній къ устройству церкви въ своемъ приходѣ. Такъ какъ средства прихода были недостаточны для постройки храма, то от. Аполлоній прибѣгнулъ къ помощи церковно-строительнаго комитета и... вдоволь намучился, пока не одержалъ побѣды надъ комитетомъ. Эта любопытная исторія изложена отцомъ Аполлоніемъ въ „Запискѣ“ и помѣщена въ „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1879 годъ. Выстроенный отцомъ Аполлоніемъ храмъ освященъ въ честь преподобнаго Ѳеодора, князя острожскаго. Если не считать придѣла въ церкви Кирилло-Меѳодіевскаго острожскаго братства, освященнаго въ честь молитвенника за Острогъ и Волынь, то церковь въ селѣ Сивкахъ есть единственная въ честь преподобнаго Ѳеодора, заступника Волыни.

Не мало потрудился отецъ Аполлоній и для своего роднаго сословія, служа по выборамъ въ должностяхъ: сначала члена правленія семинаріи, для чего ѣздилъ въ Кременецъ за 50 верстъ, потомъ члена окружнаго училищнаго съѣзда, потомъ члена и наконецъ предсѣдателя епархіальнаго съѣзда. Во время исполненія этихъ должностей отецъ Аполлоній переносилъ большія непріятности отъ своихъ-же собратій—духовенства, въ особенности

въ послѣднее время, когда обсуждались вопросы о расширеніи житомірскаго духовнаго женскаго училища и объ открытіи такого-же въ Кременцѣ. Отецъ Аполлоній стоялъ за рѣшеніе этихъ вопросовъ въ утвердительномъ смыслѣ, а духовенство шло противъ, потому что не желало разстаться съ нѣсколькими рублями. Своею прямотою и откровенностію от. Аполлоній отличался и въ частной жизни, отъ того не многіе понимали его самоотверженную дѣятельность и строгое исполненіе обязанностей.

Отецъ Аполлоній умеръ 7 января 1882 года послѣ тяжкой болѣзни, которая, однако, не мѣшала его сильной волѣ исполнять обязанности священника: изнемогая отъ болѣзни, не имѣя силъ и голоса, отецъ Аполлоній служилъ 25 декабря за 13 дней до смерти. Такъ сильна была воля покойнаго и такъ самоотверженно исполнялъ онъ свои обязанности!

Вѣчная память имени скромнаго сельскаго дѣятеля!

Ал. Тарнавскій.

ДВѢ ЗАПИСКИ СВ. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

О ПРІЕМѢ И СДАЧѢ ИМЪ ЕЛЕЦКАГО ЧЕРНИГОВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Это тѣ именно записки, которыя г. Кулжинскій принялъ за дневникъ св. Димитрія, рисующій внутреннюю жизнь монастыря. Хотя онѣ не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что привыкли мы называть дневникомъ, тѣмъ не менѣе въ нихъ разбросано много данныхъ, не лишенныхъ значенія для исторіи того времени и наводящихъ на мысль о самой жизни монастыря,—той жизни, къ которой относятся слова Христа Спасителя: *идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ.* Мы видимъ здѣсь и самаго святителя въ роли главнаго хозяина монастыря, не забывающаго и тлѣнныхъ міра сего: *человѣкъ бѣ подобострастенъ намъ,* какъ замѣтилъ ап. Іаковъ о пророкѣ Иліѣ, но... *молитвою молися,* о Богѣ и высшей жизни не забывалъ, среди неизбѣжныхъ заботъ мірскихъ, и стяжалъ себѣ имя великаго святителя, которое благоговѣйно чтитъ вся земля русская. Мы видимъ въ записяхъ, кромѣ монеты въ разныхъ видахъ, много животныхъ и для пищи пригодныхъ; но пусть это не вводитъ кого-либо въ соблазнъ: монастырская братія того вре-

мени не нарушала обычаевъ всегдашняго поста; всѣ эти вепри и поросята, овцы и телята, гуси и подобная дробь разводились не для братскаго стола, но какъ предметъ промысла; одной „горѣлки“ добивалась и на недостатокъ или дурное качество оной жаловалась нерѣдко тогдашняя братія, и на это часто можно натыкаться въ монастырскихъ архивахъ.—Мы находимъ наконецъ въ запискахъ данныя о денежныхъ средствахъ монастыря и ихъ источникахъ, о мѣстахъ, размѣрахъ и особенностяхъ монастырскаго хозяйства, о денежныхъ знакахъ, мѣрахъ хлѣбныхъ и проч. Но и, кромѣ указаннаго нами, читатель найдетъ еще нѣкоторыя любопытныя частности въ самыхъ запискахъ, составляющихъ автографъ святителя.

I. Записка о пріемѣ монастыря.

Року 1697, мѣсяца іюня: принявши архимандрію елецкую черниговскую, зревѣдовалисмо скринку скарбцовую, зличили въ ней талеровъ битыхъ сто, 1,000 золотыхъ чехами, а остатокъ чеховъ велѣлисмо отцу Генадію шафару взяти до шафованя на монастырскіи расходы.

Затѣмъ написаны и зачеркнуты красными чернилами слѣдующія слова: въ той-же скринци особно положено пани Полуботковыхъ грошей червонныхъ гнутыхъ 15, а чехами копа. *Вмѣсто зачеркнутаго написано краснымъ чернилами:*

NB. Року 1698, ноября 4, умерла старая Полуботчиха и взято тихъ грошей назадъ, тилько дано 5 червонихъ до скринки, а три клирошанамъ.

Того-жъ году (1697) предъ Покровою пресвятой Богородицы, якъ выбиралемся въ дорогу до Батурина и Глухова, а братія о належитое себѣ зажитое просили, отецъ Генадій шафаръ повѣдалъ, же мало есть у него грошей, теды на прошенія ихъ выдалемъ з скринки сей чехами золотыхъ двѣстѣ.

Того-жъ часу отецъ намѣстникъ Ипполитъ, ѣдучи до Нѣжина къ Покровѣ пресвятой Богородицы, на ярмарокъ, же яко отецъ Генадій шафаръ повѣдалъ, что не было иншихъ въ монастыру грошей, теды з сеенжъ скринки взялъ золотыхъ 60.

Якъ вернулемся зъ Глухова въ Филиповъ постъ, отецъ Генадій шафаръ повѣдалъ, же отнюдъ не маетъ грошей, теды зъ сееи скринки давано на расходы, и вышло золотыхъ 34 и шаговъ три.

Того-жъ году 1697, декабря 22, учинилисмо нового шафара брата Інокентія діякона, далисмо ему зъ сихъ же грошей до шафованія золотыхъ сто. Бо отъ отца Генадія, якъ здавалъ зъ себе шафарство, не взялемъ грошей большъ, тилько полодинадцата шагачехами, а остатковъ было 7 золотыхъ и шеляговъ щось трохи.

Року 1698, януарія мѣсяца, взялисмо зъ сихъ-же скарбцовыхъ грошей на соль золотыхъ сто, и купилисмо соли московской гуртомъ за цѣлие сто золотыхъ.

Мѣсяца апрѣля, предъ въѣханемъ нашимъ отсюдже выдали золотыхъ 50 на расходы, бо згола нѣотколь взяти.

NB. А такъ зъ сумы лежачои вышло грошей золотыхъ 544 и шаговъ три.

На потимъ еще въ року 1699, въ зимѣ, зкуповуючи вѣтраного, взялисмо зъ скарбцовыхъ грошей золотыхъ сто, а прочее платилисмо грошми пана бунчуковаго, который далъ былъ зъ побожности своей на манастырь полтораста золотыхъ.

II. Записка о сдачѣ монастыря.

Року 1699, сентемврія 17. Отъѣжжаючи зъ монастыря елецкаго, оставляю господарство такое:

Въ Овдѣевци посѣяли жита осмачокъ 7 и четверикъ, а осталося немолоченого жита копъ 100 и семьдесятъ; быдла рогатого семьдесятъ и трое, овечокъ шестьдесятъ и осмеро, телятъ тридцатеро и одно, коней четвонадцатеро, свиней 13, гусей 60, овса копъ сорокъ, ячменю копъ 4, сѣна стоговъ добрыхъ 11.

Въ Горбовѣ посѣяли осмачокъ семь жита, а зосталося копъ 100 и тридцать, овса копъ двадцать, сѣна скиртъ 5.

Въ Серединци посѣяли осмачокъ десять, а зосталося немолоченаго копъ 30, овса копъ тридцать и три, ячменю копъ 21, гороху, що всюди есть, копицъ 170, проса въ монастырю и на Святомъ копъ 25, гречка ще не кошена.

Въ Серединци коней два и кляча, воловъ девять и телица, свиней трое, гусей 12, сѣна двѣ скирти и стоговъ добрихъ осмь, а еще сѣножатей некошеныхъ на толькижъ буде.

Дерева тамже на два млины рѣзанаго и тертицъ пятьдесятъ и палей дубовыхъ двадцать.

Въ монастиру сѣна стирта и два стоги великихъ.

На Святомъ коровъ три, телятъ 4, гусей з двадцать.

Въ Рижикахъ казановъ 4, пять новыхъ дома, свиней 30, въ сажи три вепри, поросятъ з двадцать, гусей двадцать и конь одинъ.

Въ пасѣци подъ Папоровкою пчолъ на зиму оставлено двадцать осмь.

Въ монастиру коней монастирскихъ семеро, а моихъ власнихъ оставляю шестеро. Ридванъ, коляса пароконная и коляска одноконная, полубъ пароконный и полубѣцъ одноконный, шоръ паръ три зовсѣмъ.

Въ церквѣ аппарата, книги, сребро все ведлугъ давнихъ реестровъ + паламарскихъ + вцѣлости.

Прибыло стихаровъ священническихъ, отъ панеи обозной давихъ, два. Рязы пана обознаго злотоглавыи и епитрахиль. Ризы чорныи зъ золотымъ крестомъ.

Въ трапезѣ, въ кухнѣ, весь посудокъ ведлугъ давнихъ трапезнихъ реестровъ в цѣлости.

Прибыла книга до трапезы житій святыхъ декабрь, януарь, февраль по небожчику Іннокентію дякону.

Прибыла до церкви книга уставъ.

Въ скарбцу церковномъ грошей въ доброй монетѣ въ червонихъ и талярахъ 1,000 золотихъ и 300, а особливе гетманскихъ чехами золотихъ 300.

Въ Копачевѣ и Надиновци зкупилисмо вѣтраного, дали копъ сто, за часть млина его, и за дворъ, и за сѣножати, и за всѣ его добра лежачіи.

СТАРИННЫЕ МАЛОРОССІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ *).

Въ с. Сулимовкѣ, переяславскаго уѣзда, въ усадьбѣ Ал. Андр. Войцеховича, хранятся четыре портрета, на которыхъ изображены:

30) *Иванъ Федоровичъ Сулима,* генеральный хорунжій, умершій въ 1721 г., на работахъ ладожскаго канала. Тѣло его было привезено въ родную Сулимовку, какъ говоритъ семейное преданіе, въ выдолбленной и осмоленной сосновой колодѣ, въ которой противъ лица умершаго, выставлено было стекло. Въ этой самой колодѣ хорунжій былъ и погребенъ въ склепу сулимовской церкви.

*) «Кіевская Старина», май, 337 и сентябрь, 557.

31) *Марья Павловна Сулима,* жена предыдущаго, дочь Павла Полуботка. Умерла въ 1729 г.

32) *Семенъ Ивановичъ Сулима*, переяславскій полковникъ 1739+1766, сынъ предыдущихъ. Нарисованъ въ бѣломъ кунтушѣ, съ перначемъ въ рукѣ.

Всѣ три портрета представляютъ собою подлинники, довольно плохо впрочемъ сохранившіеся. Ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ никакихъ надписей, и указаніе на принадлежность ихъ означеннымъ лицамъ сдѣлано нами со словъ Пр. М. Артемьевой [1]), происходящей изъ рода Сулимъ и хорошо знакомой съ семейными преданіями своего рода.

33) *Павелъ Леонтьевичъ Полуботокъ,* черниговскій полковникъ. Въ первой нашей замѣткѣ о малороссійскихъ портретахъ („Кіевск. Старина", май), указывая на два портрета Полуботковъ, хранящихся у гр. Гр. А. Милорадовича, мы сказали, между прочимъ, что по неимѣнію надписей, нельзя опредѣлить, который изъ двухъ изображаетъ Леонтія (отца), а который Павла (сына). Теперь съ достовѣрностью можно сказать, что портретъ будто бы Павла Полуботка, приложенный ко всѣмъ тремъ изданіямъ Исторіи Малой Россіи, Бантышъ-Каменскаго, изображаетъ не Павла, а должно быть отца его—Леонтія, бывшаго при Самойловичѣ переяславскимъ полковникомъ. Портретъ, находящійся у А. А. Войцеховича, имѣетъ на оборотной сторонѣ надпись, указывающую, что это портретъ—Павла Полуботка. Портретъ этотъ—двойникъ одного изъ Полуботковскихъ портретовъ, хранящихся у гр. Милорадовича, и двойникъ именно того портрета, литографію котораго (довольно плохую, впрочемъ) лѣтъ десять назадъ издалъ владѣлецъ этихъ обоихъ портретовъ, съ догадкою о его принадлежности Павлу Полуботку. Принадлежность

---

[1]) Отъ нея-же, между прочимъ, получили мы свѣдѣніе, что въ томъ же переяславскомъ уѣздѣ, въ с. В. Круполѣ, у Ник. Ил-ча Бутовича, имѣется какой-то замѣчательный по старинѣ портретъ Мазепы. Интересно было-бы получить объ этомъ портретѣ болѣе подробныя свѣдѣнія, такъ какъ сколько нибудь достовѣрнаго портрета Мазепы пока въ виду не имѣется. Изъ всѣхъ печатныхъ портретовъ его, наибольшее вниманіе останавливаетъ на себѣ гравюра на деревѣ, напечатанная въ «Иллюстраціи» 1847 г., № 5. О подлинникѣ этой гравюры сказано только, что это «древній портретъ». Не тотъ-ли это, что въ академіи художествъ?

Сулимовскаго портрета Павлу Полуботку подтверждается, кромѣ надписи, еще и тѣмъ, что жена Ивана Федоровича Сулимы была, какъ мы уже сказали, дочь Павла Полуботка; она конечно и привезла въ Сулимовку портретъ *своего отца* [1]).

Ал. Лазаревскій.

О ДНѢ СМЕРТИ КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ-КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА ОСТРОЖСКАГО.

Въ исторіи есть лица на столько памятныя и дорогія, что не просто любопытно, но иногда и необходимо знать вѣрно не только годъ, но и день ихъ кончины, съ которою, какъ и съ ихъ жизнію, связываются иногда многія событія. Къ числу такихъ лицъ у насъ безспорно принадлежатъ два великіе ревнителя православія и народности русской, князья Константинъ Ивановичъ и въ особенности двухъ-именный сынъ его Василій-Константинъ Константиновичъ Острожскіе.

Между тѣмъ время кончины этихъ великихъ не только для своего времени, но и для потомства дѣятелей до настоящей поры съ точностію не опредѣлено. Относительно перваго можно несомнѣнно утверждать только то, что онъ скончался между 1 сентября 1529 г. и первыми числами октября 1530 г. [2]). Опредѣленіе дня смерти (18 августа) этого князя, сдѣланное Нарбутомъ, пока не будетъ извѣстенъ источникъ, изъ котораго оно заимствовано, или-же не откроется новыхъ данныхъ для подтвержденія мнѣнія этого историка, нельзя считать несомнѣннымъ.

Что-же касается князя Василія-Константина Острожскаго, то до послѣдняго времени не только день, но даже и годъ его смерти опредѣлялись и опредѣляются различно. Нѣсецкій [3]), а за нимъ и

---

[1]) Собирая свѣдѣнія о старинныхъ малороссійскихъ портретахъ, мы недавно узнали, что будто-бы имѣется довольно значительное собраніе этихъ портретовъ въ с. Очкинѣ, новгородсѣверскаго уѣзда, въ усадьбѣ умершаго въ этомъ году, А. М. Судіенка. Къ сожалѣнію, подробныхъ свѣдѣній о составѣ этого собранія намъ получить до сихъ поръ не удалось. Не поможетъ-ли кто изъ видѣвшихъ это собраніе?

[2]) Подробнѣе объ этомъ въ Труд. кіев. дух. акад. 1877 г. октябрь, 182—188 стр.

[3]) Herbarz Polsk. t. VII.

нѣкоторые другіе обыкновенно утверждали, что онъ умеръ 21 марта 1606 г. Петровъ нашелъ въ рукописномъ сборникѣ кіево-софійскаго собора двѣ надгробныя надписи обоимъ этимъ князьямъ. Изъ нихъ видно, что кн. Василій-Константинъ скончался въ 1608 г. на 81 году жизни. Въ помянникѣ (писанномъ) дерманскаго монастыря на поляхъ отмѣчено, что этотъ князь „преставися" отъ Р. Х. 1608 г. февраля 13 дня, въ субботу Ѳеодорову, жилъ 81 г... положенъ въ церкви соборной острожской" [1]). Это послѣднее опредѣленіе принято нѣкоторыми новѣйшими изслѣдователями [2]). Но приведенная отмѣтка въ синодикѣ Острожскихъ позднѣйшаго происхожденія и придавать ей значеніе несомнѣннаго свидѣтельства нельзя [3]), ибо въ томъ-же синодикѣ на поляхъ есть грубыя ошибки и анахронизмы. Можно съ несомнѣнностію принять только годъ кончины этого князя, такъ какъ это подтверждается другими свидѣтельствами, напр., выше указанными надгробными надписями; что-же касается дня, то, кажется, гораздо вѣроятнѣе опредѣленіе его, сдѣланное Нѣсецкимъ, на основаніи свидѣтельства іезуита Янчинскаго. Этотъ іезуитъ, сообщающій много свѣдѣній о частной жизни этого дѣятеля, считаетъ днемъ его смерти 21 марта. Мы можемъ указать данныя, которыя, по видимому, даютъ этому опредѣленію большую вѣроятность. Въ сборникѣ копій писемъ кн. Острожскихъ (изъ несвижскаго архива князей Радзивиловъ), находящемся въ рукописномъ отдѣленіи спб. публичной библіотеки, есть слѣдующее письмо кн. Ивана (Януша) Константиновича Острожскаго къ князю Хр. Радзивилу [4]).

Oswiecony Xiąze, moj M-cwy Panie powinny!

Złożywszy czas pogrzebowi ciała sławnej pamięci X-cia, J-o M. Pana Ojca i Dobrodzieja mego na dzień 27 kwietnia, w Ostrogu, rozumiałem za słuszną W. X. M. oznajmić, prosząc przytem, abyś

---

[1]) Памятник. кіевск. коммис. IV, отд. I, 108. Родился-же онъ въ 1527 г.

[2]) Макарій, Истор. русск. церк. т. X, 358.

[3]) Очень можетъ быть, что авторъ ея смѣшалъ этого князя съ его прадѣдомъ Василіемъ (Красивымъ) и найдя въ древнихъ синодикахъ надпись о днѣ кончины послѣдняго, соединилъ ее съ извѣстнымъ ему годомъ смерти перваго.

[4]) Этотъ кн. Радзивилъ былъ женатъ на дочери князя Василія-Константина, сестрѣ Ивана Константиновича.

W. X. M. z krewnej powinności swej, pomniąc na uprzejme ku sobie chęci i miłość nieboszczykowską, przybycieś raczył ku temu żałosnemu aktowi na czas pomieniony do Ostroga. Oświadczysz W. X. M., mój M-y Pan, przez to łaskę swą i powinną miłość, która była ku żywemu, tudzież którą mieć raczył przeciwko mnie i domowi memu..... z Ostrogu 1608 r. martii die ulma (ultima) [1]).

Janusz xiąze Ostroskie, kasztelan krakowski.

Приведенное письмо дастъ понять, что фактъ смерти князя Константина Острожскаго былъ извѣстенъ уже его зятю, князю Радзивилу, котораго шуринъ, князь Янушъ Острожскій извѣщаетъ теперь лишь о времени погребенія отца, назначенномъ на 27 апрѣля, приглашая прибыть къ этой печальной церемоніи; оно также показываетъ, что назначенный для погребенія срокъ былъ теперь только избранъ и не служилъ отмѣною какого либо другаго, болѣе ранняго срока. Если-же письмо писано 31 марта, то естественнѣе допустить, что смерть этого князя послѣдовала 21 марта, чѣмъ 13 февраля. Нѣтъ достаточныхъ основаній предполагать, чтобы тѣло кн. Василія-Константина оставалось непогребеннымъ въ продолженіи чуть не двухъ съ половиною мѣсяцевъ, если дѣйствительно онъ скончался 13 февраля. Равнымъ образомъ трудно, при этомъ предположеніи, объяснить, почему кн. Янушъ Острожскій увѣдомляетъ своего ближайшаго родственника о времени погребенія своего отца едва по истеченіи полутора мѣсяца со времени кончины этого послѣдняго. Напротивъ допустивъ, что смерть кн. Константина послѣдовала 21 марта, мы не найдемъ ничего страннаго и неестественнаго въ томъ, что сынъ его извѣщаетъ своего родственника Радзивила о времени погребенія отца спустя десять дней послѣ кончины этого послѣдняго.

В. Бала́шевичъ.

УКРАИНСКІЙ ГЕЛІОСЪ.

(НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ О СОЛНЦѢ).

Украинскія преданія, давшія столько богатыхъ сюжетовъ для безсмертныхъ произведеній Шевченка, Гоголя, Пушкина („Гусаръ“,

[1]) IV. F. № 223, лист. 76.

напримѣръ), Мицкевича и др., сколько извѣстно, еще не разсматривались, какъ своего рода *окамѣнелость* древне-языческихъ воззрѣній южно-русскаго народа. Въ настоящей замѣткѣ хочу сгруппировать украинскія легенды о *солнцѣ*, иногда значительно сходныя съ разсказами древнихъ грековъ о Геліосѣ, въ огненной колесницѣ совершающемъ свои объѣзды по небу. Есть-ли это совпаденіе взглядовъ —случайность, или это результатъ вліянія грековъ, жившихъ въ геродотовскія времена по берегамъ Чорнаго моря, на древнѣйшихъ нашихъ предковъ,—я не берусь рѣшать этого вопроса.

По представленію украинцевъ, *сонце*, равно-какъ *місяць* (луна), *зорі-зорниці, морозко, вітеръ* и проч.—живыя существа, могучіе, обитающіе на небѣ великаны, способные, смотря по расположенію духа, оказывать благодѣянія людямъ или-же дѣлать людей безъисходно несчастными. Каждый изъ этихъ титановъ имѣетъ свою особую, физическую и нравственную, физіономію, свой характеръ. Болѣе добрыми изъ нихъ въ легендахъ являются *сонце* и *місяць*.

Сонце—великанъ, обладающій свѣтоносной и теплотворной одеждой, которую онъ надѣваетъ по своему усмотрѣнію и съ помощью которой онъ освѣщаетъ, согрѣваетъ и оплодотворяетъ всю природу [1]). *Місяць*—блѣдный, менѣе могучій, съ печатью „каинова грѣха" на лицѣ, братъ солнца, созданный одновременно съ нимъ [2]). Въ заклинаніяхъ своихъ украинцы такъ обращаются къ этимъ двумъ свѣтиламъ: „И тебе прошу, красне сонце, и тебе прошу, ясный місяцю!" [3]),—тѣмъ не меньше, и звѣзды, и мѣсяцъ далеко не пользуются у южноруссовъ такимъ уваженіемъ, какъ благодѣтельный Геліосъ, что можно видѣть хотя-бы изъ слѣдующей поговорки: „Світило-бъ мині тільки праведне сонце, а місяць и зорі я коломъ побъю"...

Видя беззаконія, творимыя ежеминутно человѣчествомъ, солнце иногда, въ невыносимой горести, закрываетъ лице свое руками, отчего и происходятъ затмѣнія солнца [4]). Другой разъ украинскіе дра-

---

[1]) Труды этнографич. экспедиція въ юго-западн. край, т. I, в. I, стр. 5—6.

[2]) Ibid.

[3]) Ibidem., стр. 69.

[4]) Ibid., стр. 13.

коны, *крилаті вовкулаки*, набрасываются на свѣтоноснаго великана, желая уничтожить его; вступая съ ними въ борьбу, солнце на время перестаетъ освѣщать и согрѣвать землю [1]).

Солнце, при всемъ своемъ могуществѣ, не всегда оказывается равнодушнымъ къ прелестямъ нашихъ земныхъ красавицъ, при чемъ безъ зазрѣнія совѣсти отымаетъ у мужей и отцевъ красивѣйшихъ украинокъ, насылая на нихъ въ такомъ случаѣ вихрь, который и уноситъ женщинъ въ палацы свѣтоноснаго великана [2]).

Впрочемъ, солнце и здѣсь стремится быть справедливымъ. За каждую похищенную имъ женщину оно щедро награждаетъ деньгами ея родныхъ [3]).

Солнце имѣетъ у себя трехъ дочерей, которыя, въ видѣ утокъ, плаваютъ иногда по рѣкамъ и озерамъ земнымъ; дочери эти всемогущи на землѣ, но силу свою употребляютъ исключительно на добро людямъ [4]). Нѣкій сказочный украинскій герой, которому необходимо было отыскать „палацъ" солнца, случайно встрѣчается съ одной изъ солнцевыхъ дочерей; послѣдняя вошла въ его положеніе и дала ему золотой клубокъ, который прикатился къ самимъ дверямъ солнцева дворца [5]). Этотъ-же герой женился на дочери солнца, а всемогущій тесть сдѣлалъ его неуязвимымъ, заставивъ его окунуться въ громадномъ казанѣ въ кипящее молоко.

Проведя ночь въ подземныхъ чертогахъ, утромъ солнце начинаетъ подыматься по *блакиту*, при чемъ ему пособляютъ демоны, живущіе въ моряхъ; не одна тысяча *куцанівъ* (чертей безхвостыхъ) погибнетъ отъ солнечнаго жару прежде, чѣмъ солнце наконецъ взойдётъ [6])!—Въ полдень солнце не идетъ по небу, говорится въ одной легендѣ [7]), но „трохи спочивае" (отдыхаетъ); подъ-вечеръ идетъ совсѣмъ на отдыхъ, ночью-же спитъ и встаетъ утромъ очень рано. На востокѣ прежде жила какая-то поразительно красивая

---

[1]) Труды этн. экс., т. I., стр. 13.
[2]) Рудченко, «Народныя южно-русскія сказки», вып. I, стр. 85.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., стр. 91—93.
[5]) Ibid.
[6]) «Труды этногр. экс.», т. I, стр. 4.
[7]) Ibid., 3—4.

панна, и лишь только, бывало, солнцу надо всходить, она умоетъ, вытретъ его хорошо: вотъ по какой причинѣ въ прежнее время солнце свѣтило гораздо лучше, чѣмъ теперь [1]).

Въ параллель къ этой украинской легендѣ, приведу нѣсколько строкъ изъ сочиненія г. Петискуса о древне-греческой миѳологіи. „По вѣрованію древнихъ, говоритъ онъ, Геліосъ (солнце) вставалъ раннимъ утромъ, лишь только розоперсная Эосъ (богиня утренней зари) возвѣститъ о приближеніи его, и въ пылающей колесницѣ, на огненныхъ коняхъ, несся по своду небесному, ночь-же пребывалъ въ золотыхъ чертогахъ Тефисы прекрасной“ [2]).

Однажды солнце вмѣсто себя послало освѣщать міръ своего зятя, снабдивъ послѣдняго своими свѣтоносными „ризами“, подобно Геліосу, который то-же довѣрилъ какъ-то свою огненную колесницу сыну Фаэтону; зять во время обхода задалъ трепку „вітру и морозку“ (морозу), но тесть на другой день извинился предъ ними [3]).

Уваженіе и довѣріе, которыя украинскій народъ питаетъ къ солнцу, видны, между прочимъ, изъ одного заклинанія, влагаемаго въ уста дѣвушки, которая, желая получше устроить свою судьбу, рано утромъ, чуть взойдетъ солнце, выходитъ изъ хаты и, обращаясь къ нему, говоритъ: „День тебѣ добрый, солнышко ясное! Ты святое, ты ясное-прекрасное; ты чистое, величавое, почтенное (поважне)! ты освѣщаешь, и горы, и долины, и высокіе курганы.... Освѣти меня, рабу Божію, передъ панами, передъ попами, передъ царями, передъ всѣмъ міромъ христіанскимъ“... и т. д. [4])

Гр. Десятынъ.

СВ. МУРО ВЪ СТАРИНУ и КАКІЕ СЪ НИМЪ СЛУЧАИ БЫВАЛИ.

Въ практикѣ церкви нашей есть и теперь много невыясненнаго, неопредѣленнаго; отсюда неизбѣжныя недоумѣнія и затрудненія нетолько для молодыхъ, но и для старыхъ священниковъ, отсюда

---

[1]) Ibid.

[2]) Петискусъ. «Олимпъ», стр. 94.

[3]) Рудченко, Народныя южно-рус. сказки, в. I, стр. 94.

[4]) «Труды этногр. эксп.», т. I, стр. 93.

по мѣстамъ особенности въ богослуженіи и обрядахъ, приводящія въ соблазнъ, а то и раздражащія иного знатока уставовъ церкви и ревнителя церковнаго благолѣпія и благочестія, отсюда выходки и оригинальныя дѣйствія нашихъ пастырей, неизбѣжныя въ прежнее, возможныя и въ наше время. Многое восполняетъ и поправляетъ теперь большая развитость и образованность нашихъ священниковъ; не то было въ старину—бѣдную и простую.

Вотъ какіе казусы бывали, между прочимъ, и съ св. мѵромъ.

Обычнымъ для селъ источникомъ св. мѵра, были въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія такъ называемыя протопопіи. Протопопіи эти, и въ центрѣ расположенныя, отъ крайнихъ селъ уѣзда отстояли часто на 50—60 верстъ, что въ круговой объѣздъ давало отъ 100 до 120 верстъ; иныя отстояли на 100 и болѣе верстъ, въ круговомъ объѣздѣ 200 и больше верстъ, какое разстояніе не всегда легко и удобно переѣзжать и по сухому хорошему пути. Это, впрочемъ, препятствіе больше для позднѣйшаго времени, и, такъ сказать, второстепенное. Въ старину другое было. Протопопъ для священника иного сельскаго захолустья казался чѣмъ-то особенно великимъ и страшнымъ[1]). Предстать предъ лице его, да еще и говорить съ нимъ, пожалуй, да это такое ужасное дѣло, отъ одного представленія о которомъ у иного волосы дыбомъ станутъ. А между тѣмъ какъ быть? Св. мѵро совершенно истощилось, сосѣда просилъ, не даетъ, да и у самаго немного; а тутъ, какъ нарочно, являются и являются крестить. И тычетъ бѣднякъ сучцемъ въ сосудъ, немного еще мокрый отъ бывшаго въ немъ мѵра, а то и совсѣмъ сухой, и утѣшаетъ себя мыслію, что, по милости Божіей, совершилъ таки таинство мѵропомазанія.

---

[1]) И это не упреувеличеніе. Одинъ уважаемый протоіерей (уже умершій), служившій въ 50 и 60 годахъ, разсказывалъ намъ, какъ онъ самъ, пріѣхавъ въ село въ храмовой день, приходомъ своимъ въ церковь до того испугалъ одного старичка—священника, пріѣхавшаго нарочито принять участіе въ праздничномъ богослуженіи, что тотъ едва въ состояніи былъ окончить акафистъ, который читалъ, и затѣмъ ни за что не согласился пойти въ домъ настоятеля прихода, а изъ церкви прямо убѣжалъ домой. А вѣдь нѣтъ сомнѣнія, что сотрудничая въ богослуженіи, старичокъ укрѣплялся въ трудѣ перспективой будущаго «учрежденія велія». Надо быть великому страху, чтобы уйти отъ трапезы.

А то, говорили мнѣ старики-отцы, былъ и такой случай. У одного изъ захолустныхъ совершенно истощился запасъ св. мура, даже самый сосудъ сухой совсѣмъ. Старичокъ для мура употреблялъ стручецъ съ волосяной кисточкой. Естественно не имущему вообразить, что тамъ за долгое время скопилось таки не мало св. мура. И вотъ почтенный отецъ, когда приходится ему муропомазывать, прижжетъ кисточку на свѣчкѣ, и, помазывая прижженнымъ мѣстомъ, весь погруженный въ свое дѣйствіе, уже забываетъ и слова таинства, а говоритъ только, повторяя: *оце важнисть... оце важнисть!*

Разсказывали и слѣдующее событіе. Одинъ священникъ давно и крайне нуждался въ св. мурѣ; но никакъ не могъ рѣшиться поѣхать въ протопопію. Матушка-попадья была похрабрѣе, и вызвалась сама побывать у страшнаго о. протопопа и получить св. муро. Кстати-же ей и въ городъ, купить или продать, нужно было. Снарядилъ батюшка „госпожу свою", снабдилъ и сосудцемъ для св. мура, и отправилась матушка. Представляется о. протопопу. „А что вамъ?" — „Мура св. заполучити поручили папотець", отвѣчаетъ матушка. „Да какъ-же это? помилуйте!—восклицаетъ удивленный о. протопопъ,—женщинѣ и сосуда такого касаться не подобаетъ, а вы еще и мура".—„Да я и не касалась, отвѣчаетъ вопрошаемая. Панотець сами надѣли мнѣ на шею сосудецъ на ленточкѣ, я же и рубаху и одежу всю чистую надѣла, совсѣмъ въ чистотѣ, какъ слѣдъ, и сказали, что тамъ о. протопопъ сами сосудецъ снимуть, нальють, и опять тебѣ на шею привѣсятъ. Такъ я, не касаясь, и довезу, будьте спокойны". Удовлетворился-ли такимъ объясненіемъ о. протопопъ, далъ-ли св. мура, неизвѣстно, да и не интересно. Интересно, какъ „госпожа" выручала своего „господинка" въ трудномъ дѣлѣ полученія св. мура.

Слышалъ я и еще случай—проще и естественнѣе, но вызванный тою-же отдаленною поѣздкой и тревогой видѣться и бесѣдовать съ о. протоіереемъ изъ-за нужды въ св. мурѣ. О гонорарѣ за выдачу, всегда неизбѣжномъ, не скорбѣли отцы, помня, что то дѣло обычное [1]).

---

[1]) Слышали мы, что одинъ раздаятель св. мура, принимая обычную подачку, и спѣшно пряча оную въ карманъ, имѣлъ обычай приговаривать: *зачѣмъ это, зачѣмъ? благодать не продается.*

Бѣда ѣхать далеко, да и представляться о протопопу—дѣло изъ ряда выходящее. Случай, ниже приводимый, разсказанъ мнѣ очевидцемъ, бывшимъ на ту пору діакономъ, и давно уже мирно скончавшимся въ санѣ священника. „Настоятель прихода, гдѣ я діаконствовалъ, разсказывалъ покойникъ, былъ мой своякъ, простой и очень добрый человѣкъ, и жили мы очень любовно. Однажды не стало у насъ св. мѵра, настоятель и приглашаетъ меня ѣхать съ нимъ въ уѣздный городъ къ о. протопопу". И поѣздка вдвоемъ, очевидно, для смѣлости, а по тогдашнему времени и обычаямъ и выпивка неизбѣжная для смѣлости-же. „Явились, продолжалъ разказчикъ, получили и возвращаемся домой веселые и довольные. Жара страшная, а тутъ по дорогѣ село, и въ селѣ прудокъ съ отличнымъ мѣстомъ для купанья. Хорошо-бы выкупаться, предлагаетъ настоятель. Я, конечно, согласился. Разоблачились, св. мѵро, которое настоятель везъ на шеѣ—на лентѣ, привѣсили на время на сучкѣ вербы, и нырнули въ воду. Выкупались, какъ слѣдъ, одѣлись и поѣхали. Вотъ мы и дома. Но вдругъ настоятель мой схватывается за грудь и страшно блѣднѣетъ. Что съ свами? спрашиваю.—Да вѣдь мѵро-то на вербѣ осталось, о. діаконъ.—А тамъ и дѣти еще купались. Что, какъ увидѣли, сняли, и разлили? Боже мой!.. Бѣгите, летите скорѣй на мѣсто, можетъ быть еще въ цѣлости застанете. Я быстро вскочилъ на лошадь,—верховой ѣздокъ изъ меня былъ хорошій въ молодости, и полетѣлъ стрѣлой къ мѣсту купанья, благо и недалеко, версты четыре; и, къ общей радости нашей, св. мѵро оказалось на сучкѣ цѣлымъ и невредимымъ. Дѣти не успѣли его увидѣть".

И много подобныхъ казусовъ можно-бы собрать между братіею, на дѣлѣ извѣдавшею, какъ не легко добывалось св. мѵро въ старину.

КАРМЕЛЮКЪ.

Кармелюкъ, разбойникъ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, уроженецъ Подоліи, бывшей главнымъ театромъ его страшныхъ подвиговъ, оставилъ память по себѣ и въ населеніи кіевской губерніи.

Кармелюкъ—типъ тѣхъ народныхъ героевъ, память о которыхъ будетъ жить вѣчно въ народѣ. Онъ разбойникъ и межъ тѣмъ пользуется такой доброй славой и любовью. Отъ чего-же это? Отъ того, что народъ никогда не забываетъ тѣхъ своихъ защитниковъ, которые явно выразили чѣмъ-нибудь свой протестъ противъ его угнетеннаго, бѣдственнаго положенія. Кармелюкъ стоялъ за право тѣхъ порабощенныхъ бѣднягъ, которые обречены были день и ночь работать въ ярмѣ для пана. Его протестъ выразился въ формѣ разбойничества, какъ болѣе удобной и возможной въ то время... Замѣчательныя его пѣсни (уже извѣстныя) переполнены моремъ грусти и скорби по людскомъ бездольи. Въ нихъ слышится могучая сила, готовая въ пухъ и прахъ разбить виновниковъ людскаго несчастья, но эта сила надломлена, скована,—и часто въ этихъ-же пѣсняхъ слышится плачь вмѣстѣ съ проклятіями:

Вбогі люди, вбогі люди,
Скрізь васъ, люди, бачу!
Якъ згадаю вашу муку,
Самъ не разъ заплачу.
Кажуть люди, що счастливый,
Я зъ того сміюся,
Бо не знають, якъ я часомъ
Сліозами зальюся.
Куди піду, подивлюся,
Скрізь багачъ панує,
У роскошахъ превеликихъ
И днює й ночує.
Убогому, несчасному,
Тяжкая робота,
А ще гіршая неправда,
Вічная скорбота!

Про свое разбойничанье онъ такъ говоритъ:

Зовуть мене розбойникомъ,
Кажуть—розбиваю;
Ой нікого ще-жъ не вбивъ я,
Бо й самъ душу маю.

Богатого обдираю,
А бідного наділяю—
И, такъ гроші поділивши,
Самъ гріха не маю.....
Ассесоры, исправники
За мною ганяють,—
Більше-жъ вони людей граблять,
Якъ я грошей маю.....

Очень интересно и важно было-бы собрать въ разныхъ мѣстахъ разсказы народные и пѣсни про Кармелюка; они уяснили-бы его личность и установили бы точный взглядъ на него народа. Характеристика-же такихъ личностей, какъ Кармелюкъ, по народнымъ разсказамъ и пѣснямъ важна для изученія самаго народа. Привожу тутъ одинъ такой разсказъ, записанный мною въ звенигородскомъ уѣздѣ. Онъ не такъ характеренъ, тамъ разсказываются болѣе интересные случаи о столкновеніи Кармелюка съ помѣщиками. Надѣюсь ихъ записать. Къ концу разсказа привожу и пѣсню; она, кажется, еще нигдѣ не напечатана, хотя и имѣетъ сходство съ нѣкоторыми уже извѣстными.

„Всі у насъ на Вкраіні знають Кармелюка—одъ малого до великого. Его жаліслиі пісьні витають и по степахъ, и по хатахъ, и по вишневихъ садкахъ. Про нёго всякий роскаже, наче вінъ ёго знавъ... Багато де-чого розсказують про нёго люди; навить показують ліса и місця, въ которыхъ вінъ живъ, и це ледве не въ кожнімъ селі. Кажуть, що вінъ бувъ розбойникъ, ще-жъ до того характерникъ. Ходивъ та ховався вінъ все по лісахъ, та по степахъ, бо ёго дуже підстерегали, шобъ якъ піймати. Тамъ де ёго ніхто не сподівався, тамъ вінъ зъявлявсь и якъ бачивъ, шо про нёго вже пронюхали и хотять піймати, заразъ десь пропадавъ. Кажуть, якъ который чоловікъ робочый та чесный, то вінъ ёго и грішми наділить и всімъ, чого ему треба.— Разъ іхавъ чоловікъ на ярмарокъ; іде, та підперши голову рукою, сидить на возі, тай курникае собі підъ нісъ—скаржиця на свою долю:

Та доле-жъ моя, доле,
Чомъ ты не такая,
Якъ тая чужая!

Такъ вінъ співае собі, ажъ ось догоняе ёго якыйсь чоловікъ.

— А здоровъ будь, чоловіче!—каже.

— Будьте й вы здорові!—одповідуе той.

— А звіткіль? А куда? Чи багато маешь волівъ та коней? Та все роспитуе. А той ёму розсказуе, шо отъ такъ и такъ: „жінка зосталась у дома безъ хліба, а я оце іду на ярмарокъ, шобъ продати остатню пару воликівъ, або шобъ стати де підъ хуру, та хоть на хлібъ дітямъ заробить, а то нема чого істи...“—А той слухавъ, слухавъ, а далі винявъ зъ кешені сто карбованцівъ та й каже: „на тобі, чоловіче, оці сто карбованцівъ, та купи собі ще дві пари волівъ, шобъ було до плуга, та згадуй Кармелюка“. Такъ той и остовпинівъ.—„Кармелюка?!“ питае, витріщивши очи, мовъ не вірить, шо це робитця въ яву. А Кармелюка вже й немае. Радый такый той чоловікъ, шо ото мае въ кишені сто карбованцівъ. Приіхавъ до корчмы, тай звернувъ трохи на радощахъ выпити. Выпивъ чарку, выпивъ другу, выпивъ третю, а далі й не зоглядівся, якъ и гроші вкрали. Сидить тоді вінъ, тай плаче въ корчмі; ба, це входить той самый чоловікъ—Кармелюкъ. Глянувъ вінъ на нёго, тай крикнувъ до своіхъ: „эй, хлопці, простягніть-но лишь ёго, та дайде ёму прочухана, шобъ знавъ, якъ пропивать гроші, коли діти сидять дома безъ хліба.

Одпустили ёму трохи, а Кармелюкъ зновъ тоді виймае сто карбованцівъ, тай дае ёму.—Теперъ гляди, каже, якъ зайдешъ въ корчму, то вже не минешъ моіхъ рукъ, тоді не викрутися!...

И багацько такъ вінъ визволявъ людей изъ біди.

А то разъ зновъ иде баба на базаръ, та якъ разъ проходить черезъ той лісъ, де живъ Кармелюкъ. Отъ иде, та все оглядаетця, та заглядае по-межъ корчі, чи не сидить тамъ часомъ Кармелюкъ. А той и наглядівъ іі, та вийшовъ изъ-за кущівъ, тай иде противъ неі. Якъ угляділа вона ёго, то такъ и похололо въ неі въ сердці, а далі, перехрестившись, й каже: „охъ, Боже-жъ мій! а я думала, що це де-небудь вирвався той проклятый Кармелюкъ, та вже оце йде по мою душу. Такъ боюсь того Кармеля, шой не знаю, де-бъ и ділась, якъ-би вгляділа ёго“. А сама й гадки не мае, шо передъ нею стоіть той самый Кармелюкъ, котрого вона такъ боитця...

— Чого-жъ ты, бабко, боишся того Кармелюка? Вінъ тільки багатихъ чухрае, а тебе, не бійсь, не зачепить..

— Охъ, не дай, Боже, мені зъ нимъ здибатись, зъ тимъ проклятущимъ розбіякою, такъ на місті, здаетця, и вмерла-бъ!

Ставъ іі Кармелюкъ питати, що вона несе, чи мае дітей, чи е що дома істи... Все бабуся розсказала: несе півкопи яець, та низку цибулі, шобъ продать. „Та треба скоро йты, каже, шобъ не спізнитись, а то якъ забарюсь, та буду пізно ити назадъ черезъ лісъ, то ще встріне той Кармелюкъ“...

— Купи мені, бабко, на базарі, каже той, за гривню підковы до чобітъ, та десятокъ цвяшківъ за два шаги.

— А де-жъ я васъ тутъ побачу?—питае баба.

— Та я тутъ въ лісі карбівничимъ, то тутъ буду де-небудь сидіть коло шляху, бо теперъ люду всякого вештаетця... Давъ вінъ ій гроши, а вона й пішла собі.

Цілий день сидівъ Кармелюкъ коло шляху въ лісі та виглядавъ баби. Тільки уже надъ вечірь вернулась баба зъ місця. Вийшовъ до неі Кармелюкъ, тай питае: „а чи купила, бабусю, підковы?“—„Купила“, каже.—„Ну, добре, сідай-же теперъ, я тебе підкую. Уже шо тамъ собі хочешъ, а підкую, бо я Кармелюкъ, а ты Кармелюка лаяла, щей казала, шо вінъ бідныхъ грабуе; треба шобъ у тебе була відъ мене памятка; а шобъ ты знала, шо я бідныхъ не займаю, а заступаюсь за нихъ, то ось тобі сорокъ карбованцівъ“.

Нема що, сідае баба середъ шляху, трисетця, якъ одъ пропасниці, та сідае, бо дуже боитця Кармелюка, а зъ нимъ жартувать не можна. Сховала вона въ пазуху сорокъ карбованцівъ та плаче, та проситця: „въ мене діти, каже, зостанутця сиротами; хто іхъ вигодуе, хто догляне“?

— Та це нічого, каже Кармелюкъ, жартуючи:—одъ цёго не вмрешъ; а шобъ не дуже боліло, шобъ тобі можна було дойти до дому, то я підкую тебе тільки по два цвяшки на кожну ногу... Підкувавъ вінъ іі, а тоді звівъ, тай каже: „ну, теперъ иди зъ Богомъ, та згадуй тимъ часомъ Кармелюка“!... Пішла баба. Навспинячки стае та йде, ажъ порохъ по шляху знявся..

За Сибиромъ сонце сходить!
Хлопці, не зівайте
И на мене, Кармелюка,
Всю надію майте!

А Кармелюкъ добрый хлопець—
Вінъ по ночамъ ходить,
Не одную чорнявую
Изъ розуму зводить...

Маю жінку, маю діти
Та я іхъ не бачу,
Якъ згадаю про іхъ житя,
То й самъ гірко плачу.

Кажуть люде, що розбійникъ,
Що я розбиваю,
Брешуть вони, та й говорять—
Я й самъ душу маю.

Я богатыхъ обдираю,
А убогихъ наділяю—
И, такъ гроші поділивши,
Самъ гріха не маю.

Зібравъ собі хлопцівъ добрыхъ—
Що кому до того?
Розійдемся по дорогахъ
Для подорожнёго.

Ой хто іде, а хто йтиме—
Довго ёго ждати;
Якъ не маемъ прихилища,
Мусимъ пропадати...
Ажъ ось іде самъ владыка.
А здорово, хлопці!

Вони ёму одказали:
Благослови, отче!
Ой, якъ хочешъ въ світі жити,
То оддай намъ гроші.....
Оглянеця кругомъ себе—
Все хлопці хороші.
Ой выйнявъ вінъ сорокъ тысячъ—
Це вамъ усі гроші.....

Пішовъ-бы я у містечко,
Боюсь станового:

Идуть соцькі щей десяцкі
Послані одъ ёго.
Беруть мене за рукава,
Кажуть мені сісти,
А я тее добре знаю,
Шо я выйду звідти.
Встромлю руки у кешені,
У кешеняхъ тісно:
Полицейскимъ кручкодерамъ
Й тимъ про мене звісно.

Разсказъ и пѣсня записаны въ с. Гусаковой, звенигородскаго уѣзда, 1880 г.

А. Смоктій.

Andante.

№ I.

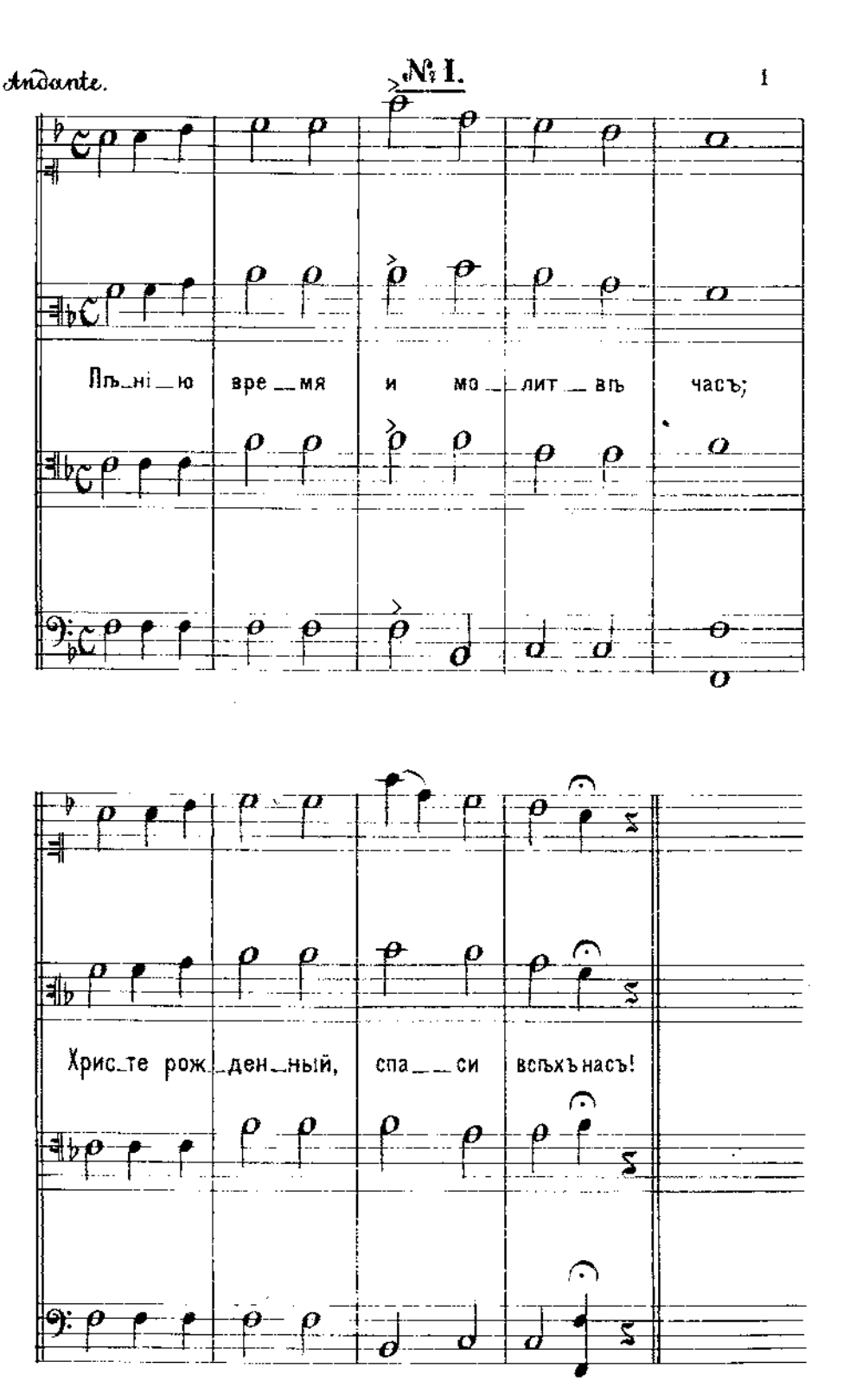
Пѣ_ні_ю вре_мя и мо_лит_вѣ часъ;
Хрис_те рож_ден_ный, спа_си всѣхъ насъ!

№ 2.

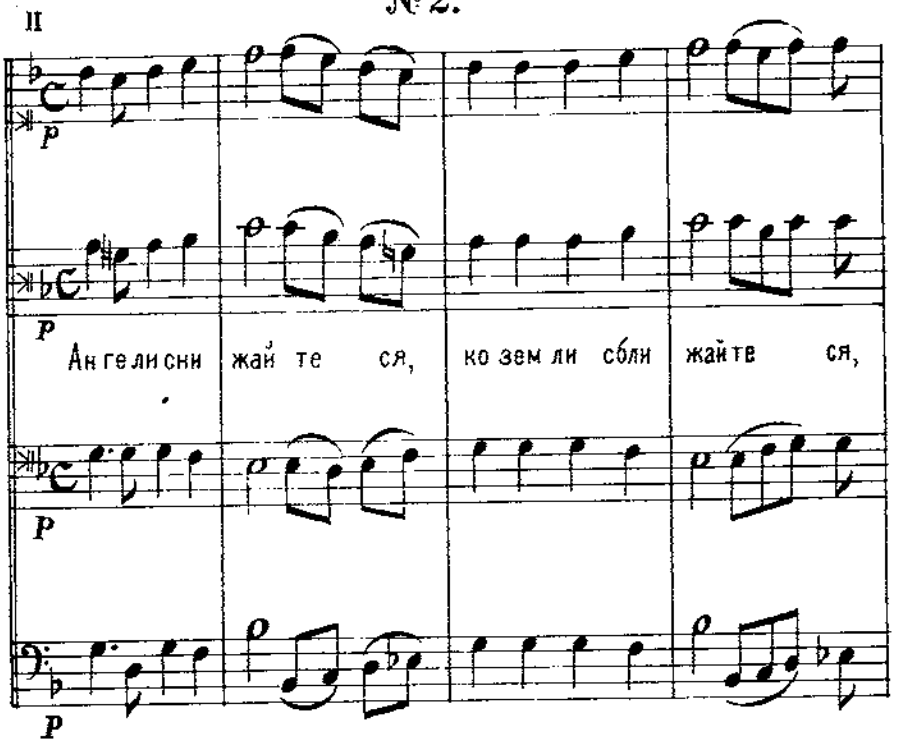
p
p
Ан ге ли сни жай те ся, ко зем ли сбли жайте ся,
p
p

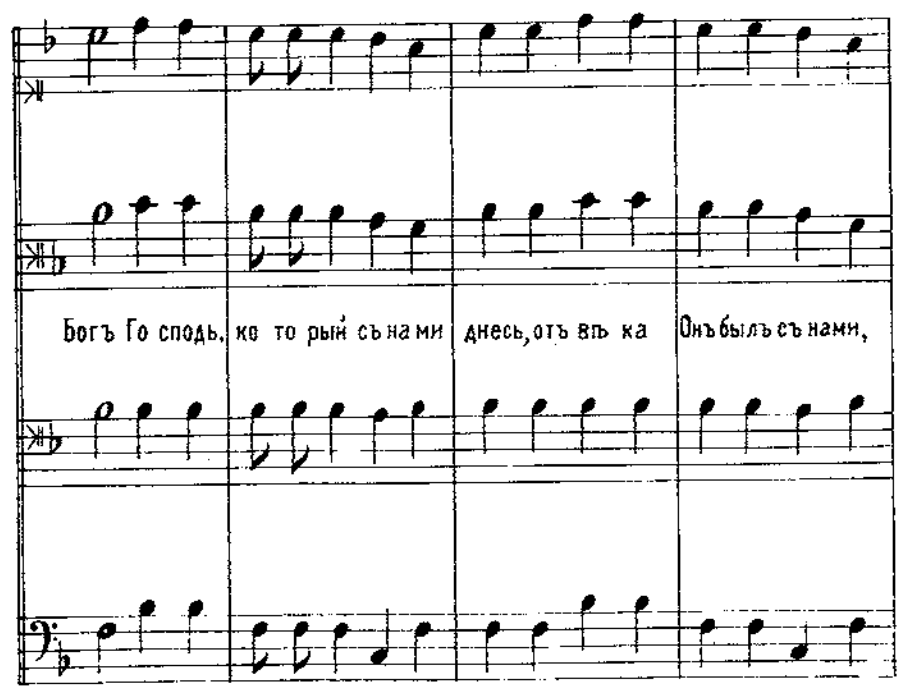
Богъ Го сподь, ко то рый съ на ми днесь, отъ вѣ ка Онъ былъ съ нами,

Мыжъ не бесной сла вой пол ны и я зы ци вси до воль ны.

f *ff*

f Ве се ли те ся, ра дуй те ся, я ко съна ми Богъ!

f *ff*

f *ff*

Небомъ земля сталася,
Якъ Бога дождалася,
Де Творецъ Архангелівъ,
Те тамъ треба и Ангелівъ.
Мы-жъ небесной славой полны
И языци всі довольны;
Веселитеся, радуйтеся,
Яко съ нами Богъ.

Якъ Луциферъ спавъ зъ неба,
То тамъ святихъ людей треба,
Щобъ поповнить паденіе,
Должно Христу рожденіе.
Мы-жъ небесной славы полны
И языци всі довольны;
Веселитеся, радуйтеся,
Яко съ нами Богъ.

Богъ изъ Дівы раждается,
Небомъ земля сполняется,
Трепещутъ Архангели,
Служать Ёму всі Ангели;
Мы-жъ небесной славы полны
И языци всі довольны;
Веселитеся, радуйтеся,
Яко съ нами Богъ.

Moderato

№ 3.

Сла_ва бу_ди во_выщ_нихъ Бо___гу, да_ю_ще_му

ра дость пре мно гу, рож ден ну, яв лен

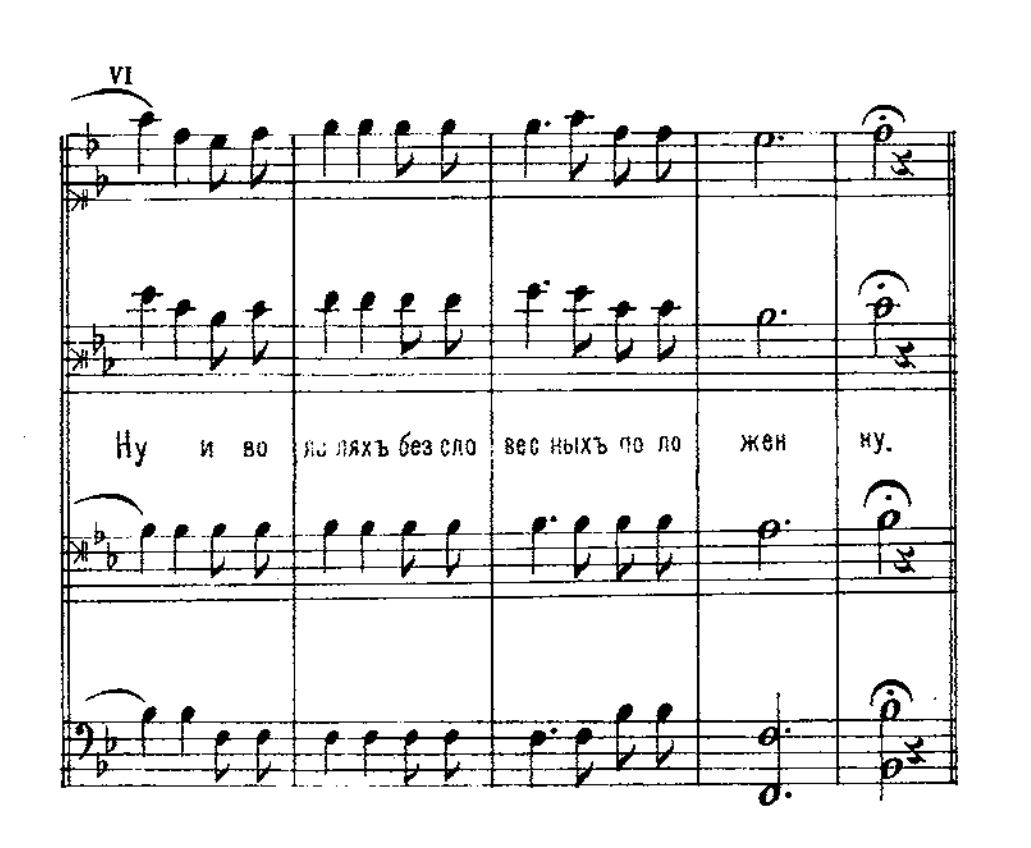

Волъ и оселъ Христа витають,
Пастыріе Его прославляють
И Цари-Государи
Отъ Персъ и Индіи
Принесоша ему дари.

Ты, вертепе, возвеселися;
Се бо въ тебе
Христосъ родися.
Вострунно въ псалтирѣ
Рожденнаго прославляйте
По всемъ мірѣ.

№4.

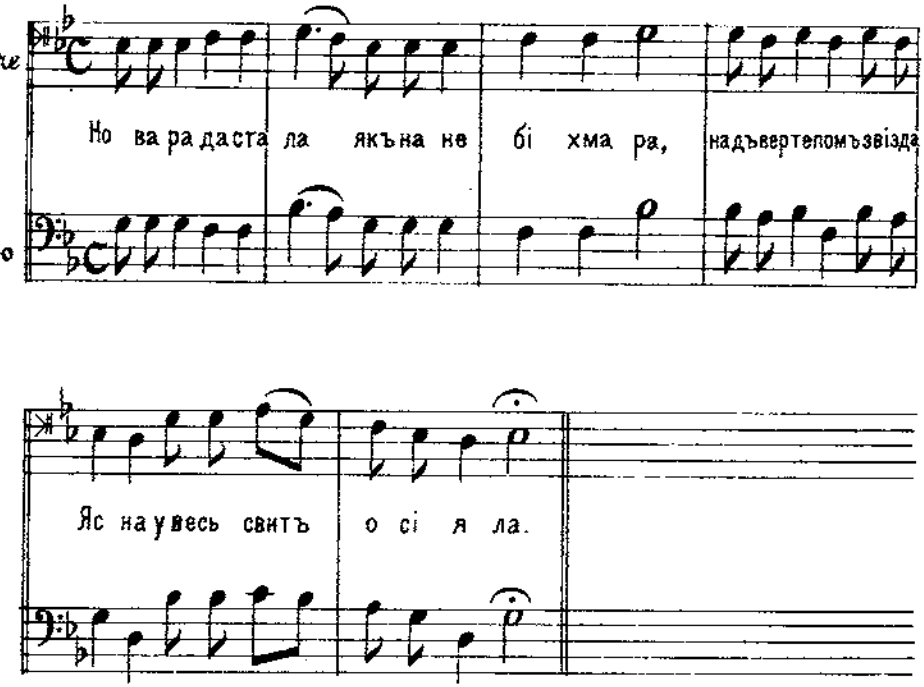

Де Христосъ родився,
Зъ Дівы воплотився,
Тамъ чоловікъ передъ Богомъ
Пеленами повився.

Передъ тимъ дитяткомъ
Пастушки зъ ягняткомъ
На колінця упадають,
Христа Бога выхваляють.

Просимъ тебе, Царю,
Небеській Шапарю,
Пошли Боже многа літа,
Сему господарю.

Allegro.

№ 5.

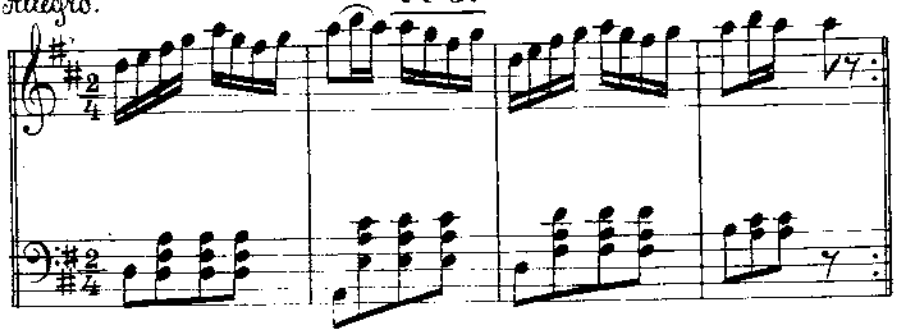

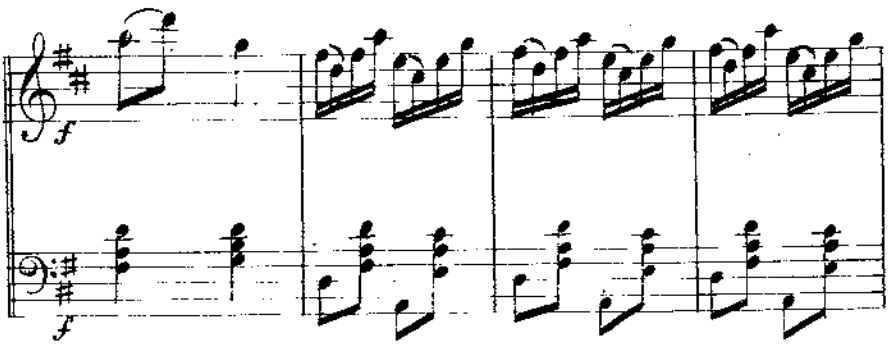

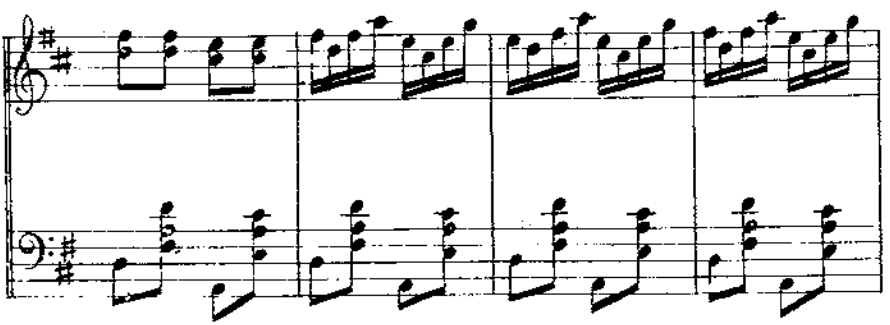

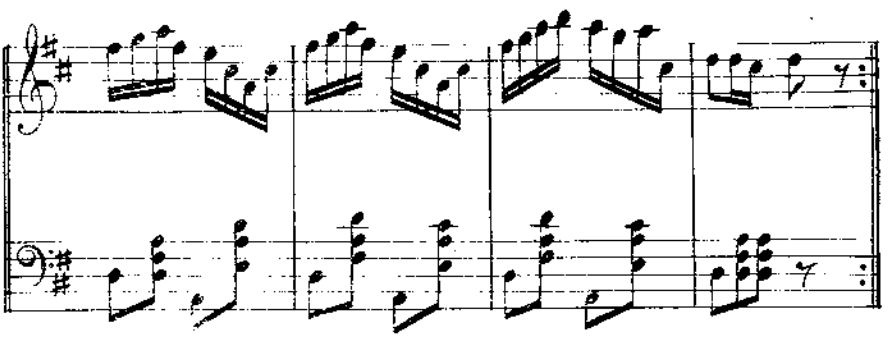

Andante **№ 6.**

P.

P.

Днесь Ирод ъ гря детъ во сво_я_ стра ны ви флеем_ ски_

P.

P.

я плъ_ни_ ти вся хра ми, да_бы взыс_ка_ ти Хрис_та

На рож ден на, отъ трі ехъ Ца рей е му из вѣ щен на,

f со во ин ствомъ пре мно гимъ.

И велівъ же вінъ во своемъ повіті
Живущія въ немъ вся діти избити:
Во двоихъ лѣтахъ или и нижайше,
Во троихъ лѣтахъ или и множайше.
О, Ироде преокаянний!

№ 7.

Шед ше трі е ца ри ко Хрис ту со да

ри; И родъ ихъ при гла си, ку да идутъ, во про

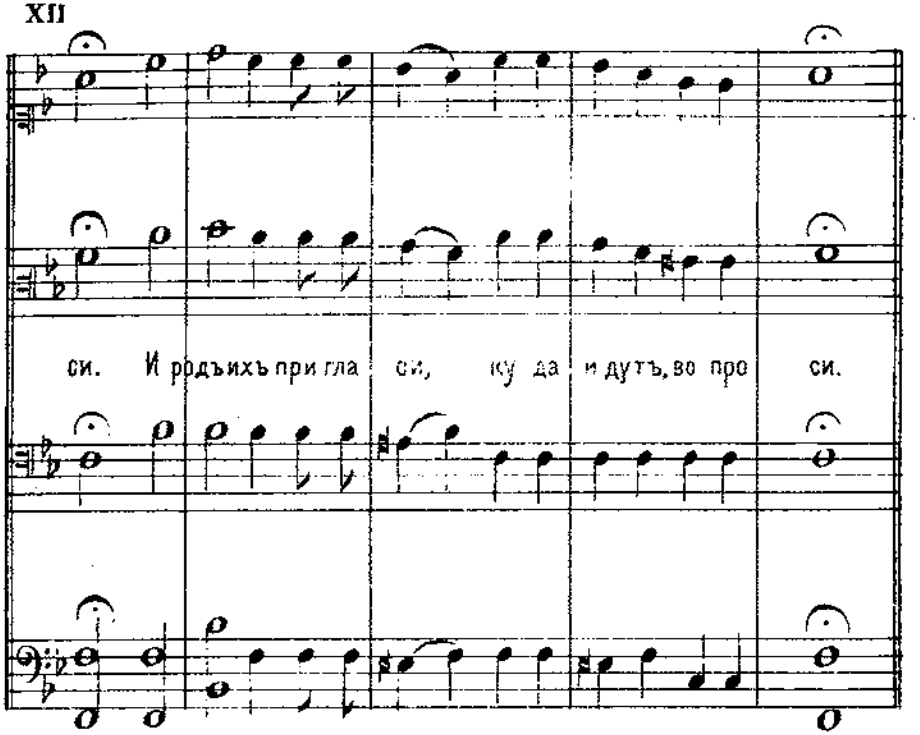

Отвѣщаша ему:
Идемъ къ рожденному.—
Къ рожденному идите
И мнѣ возвѣстите.

Азъ шедъ поклонюся,
Передъ Царемъ смирюся,
Воздамъ честь обичну,
Какъ Цареви приличну.

Звѣзда идетъ чудне
Зъ востока на полудне,
Надъ вертепомъ сіяетъ.
Христа Царя являетъ.

Ангелъ къ нимъ вѣщаетъ,
На путь наставляетъ;
Инимъ путемъ идите,
Ко Ироду не йдите.

Волеви возвратишася,
Въ Ирода не быша;
Вспять, вспять возвратишася,
Не вотще трудишася.

Пришли въ страни своя,
Христа славословя,
Чаютъ зъ Нимъ въ небі жити,
Ему жъ на вікъ служити.

Moderato

№ 8.

Пе_ре стань ри__ да__ ти, пе__чаль__

на_я ма__ти, и на_ра____ дость при_ло_жи____ ся

f

и къ ца рю при бли жи ся, при бли жи ся.

Allegro moderato

Не и ми за шкоду ви дя, я ко во ду, кровь из ли ва е му.

И у би ва е мыхъ къжиз ни не пре мѣн ной, ко смер ти не тлѣнной,

За жи во та стра ту прі ем лютъ за пла ту, прі ем лютъ за пла ту.

Иродъ не ситий велить убити,
А воинъ терзаеть и убиваетъ.

Маленькіе чада
Вси пребудуть ради;
Тѣмъ бо съ неба платятъ.
Что животъ свой тратятъ
За Христа и Бога;
То и мзда премнога
Малимъ отрочатамъ,
Закланнимъ овчатамъ.

Не плачъ, Рахиле, видя чадо не живе.
Не увядаютъ, но процвѣтаютъ
Польниі крини новой святини,
Къ Богу и Сыну имѣеть причину:

Твое бо пернате
Небомъ есть взяте;
Путь прошедшіи тісний
Побідниі пісні
Поють Царю славы,
Иже ихъ избави
Отъ сѣтей ловящихъ,
Пагубу губящихъ.

№ 9.

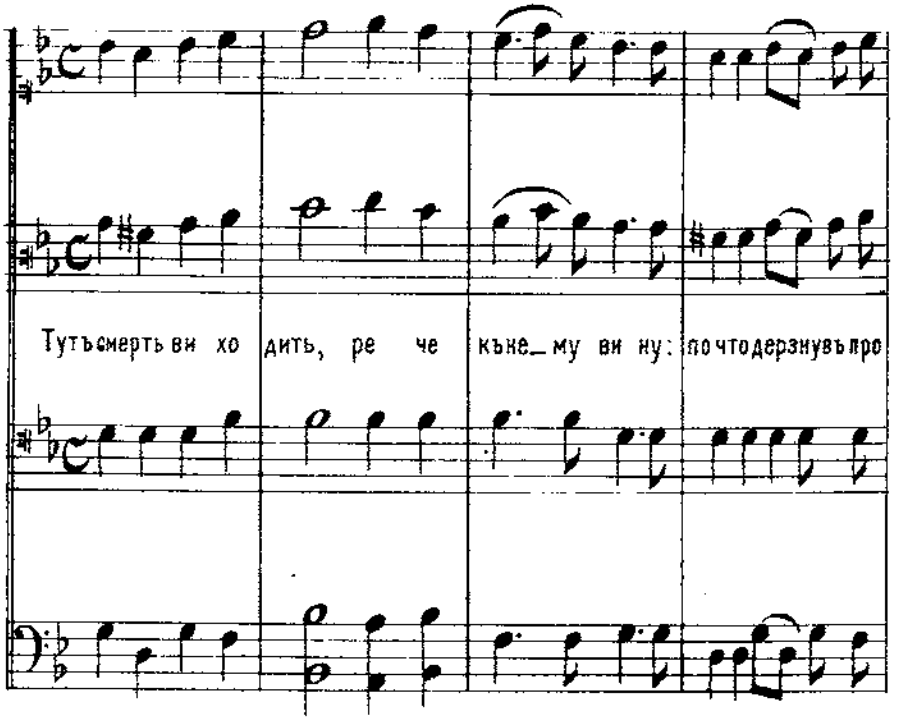
Тутъ смерть ви хо дить, ре че къне_му ви ну: по что дерзнувъ про

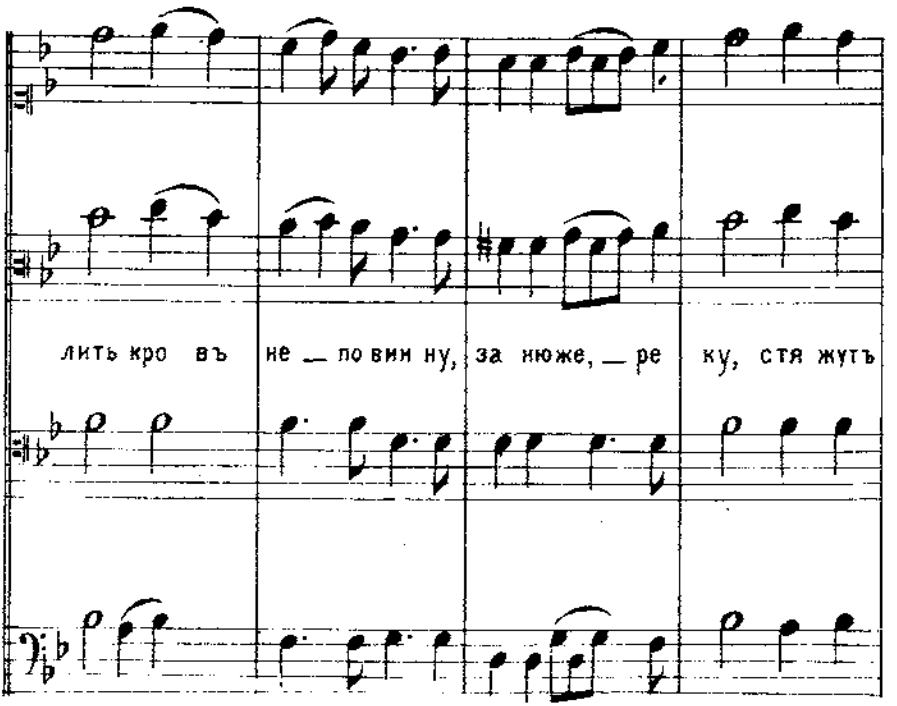
лить кро въ не _ по вии ну, за нюже, _ ре ку, стя жутъ

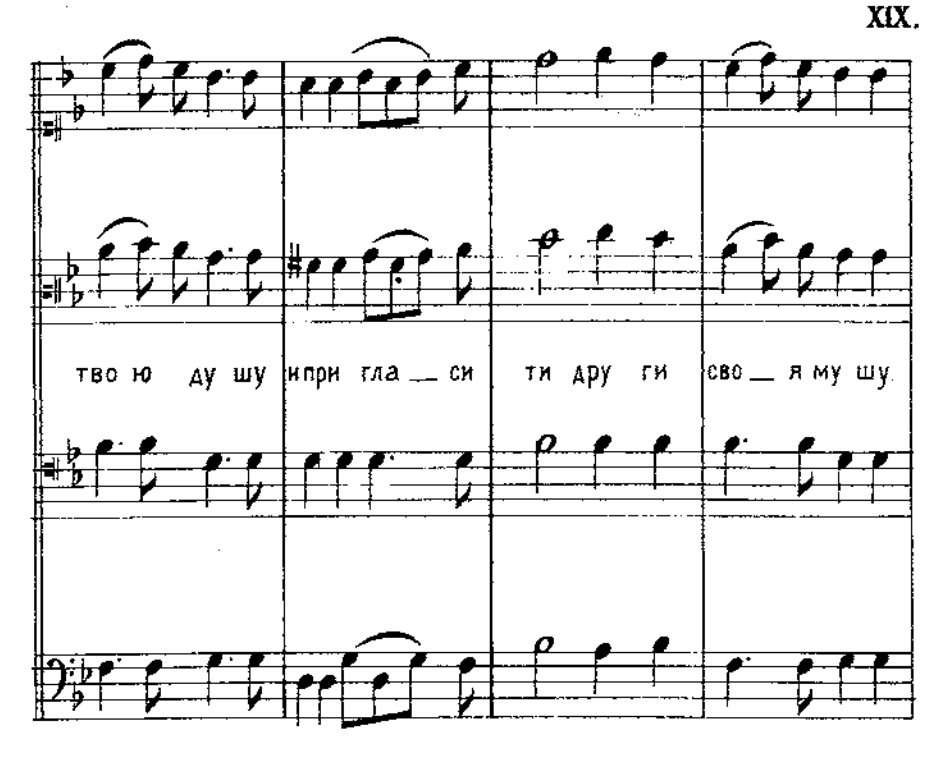
тво ю ду шу при гла — си ти дру ги сво — я му шу

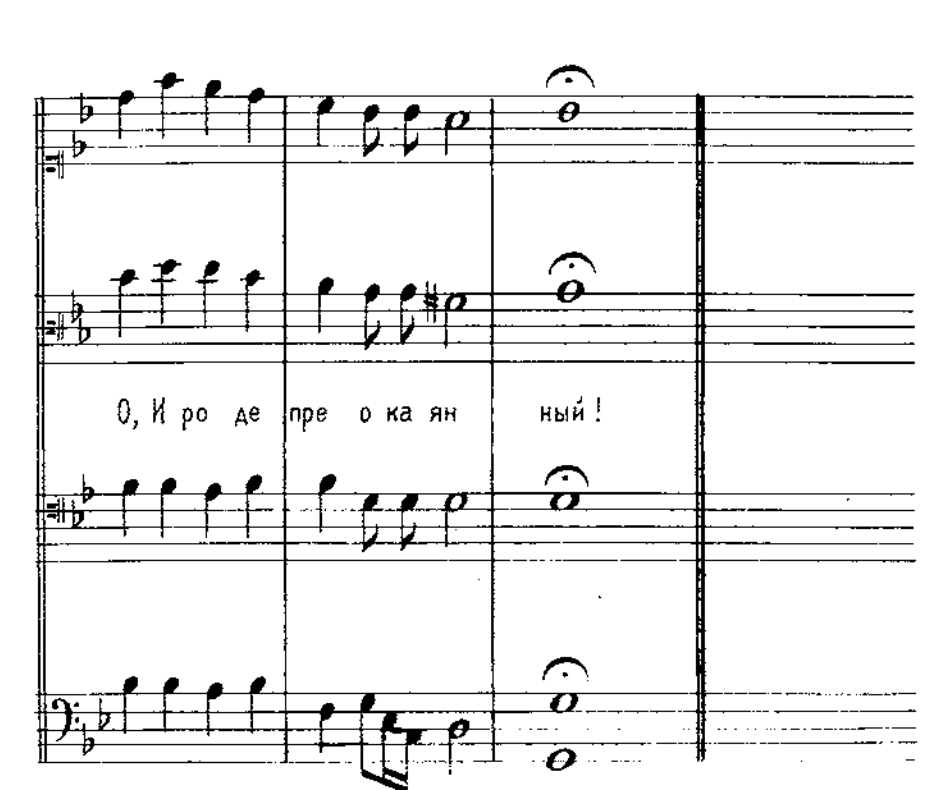
О, И ро де пре о ка ян ный!

Дерзай! отъ смерти
Посіченъ косою
Да идетъ во адъ
И живетъ съ тобою;
И будетъ тамъ
Всегда пребывати
И безъ конца непрестанно.

Не відавъ же вінъ,
Що вже истребится
И царство его
Въ конець разорится.
Заслуга ёго
Знатна всімъ и явна,
За те-жъ и пекельна
Бездна изготованна.
О. Ироде преокаянный!

№ 10.

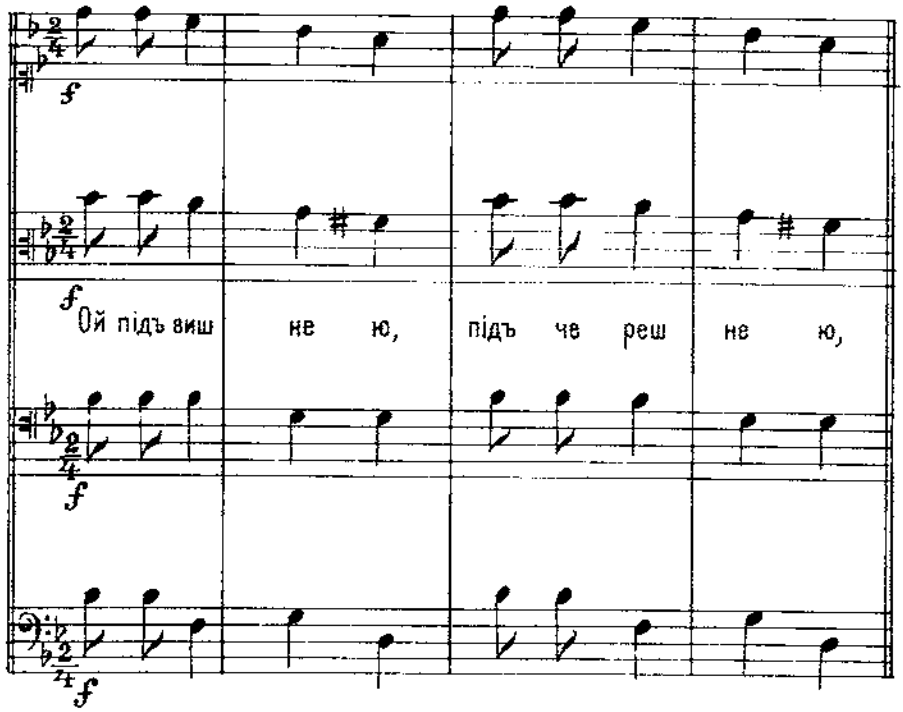
f
f
Ой підъ виш не ю, підъ че реш не ю,
f
f

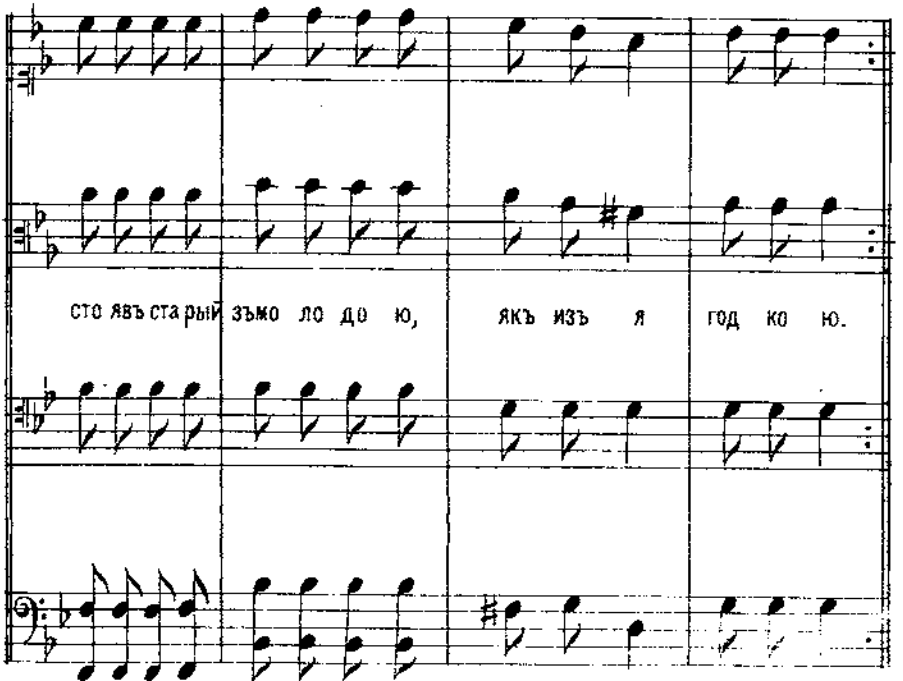
сто явъ ста рый зъмо ло до ю, якъ изъ я год ко ю.

XXII.

И просилася, и молилася:
Пусти жъ мене, старий діду,
На улицю погуляти!
Я и самъ не піду
И тебе не пущу,
Бо ты-жъ мене старенького
Да й покинешь на біду.
Куплю тобі хатку,
И ще й сіножатку,
И ставокъ, и млинокъ.
И вишневенькій садокъ.
Не хочу я хатки
А ни сіножатки,
Ни ставка, ни млинка,
Ни вишневого садка;
Бо ты старый дідуга
Изігнувся, якъ дуга,
А я молоденька
Гуляты раденька.
Ты въ запічку: ахи, ахи!
Я зъ молодымъ: хи-хи, хи-хи!
Ой ты дубъ, я береза,
Охъ ты пьяный, я тверeза.

№ 11.

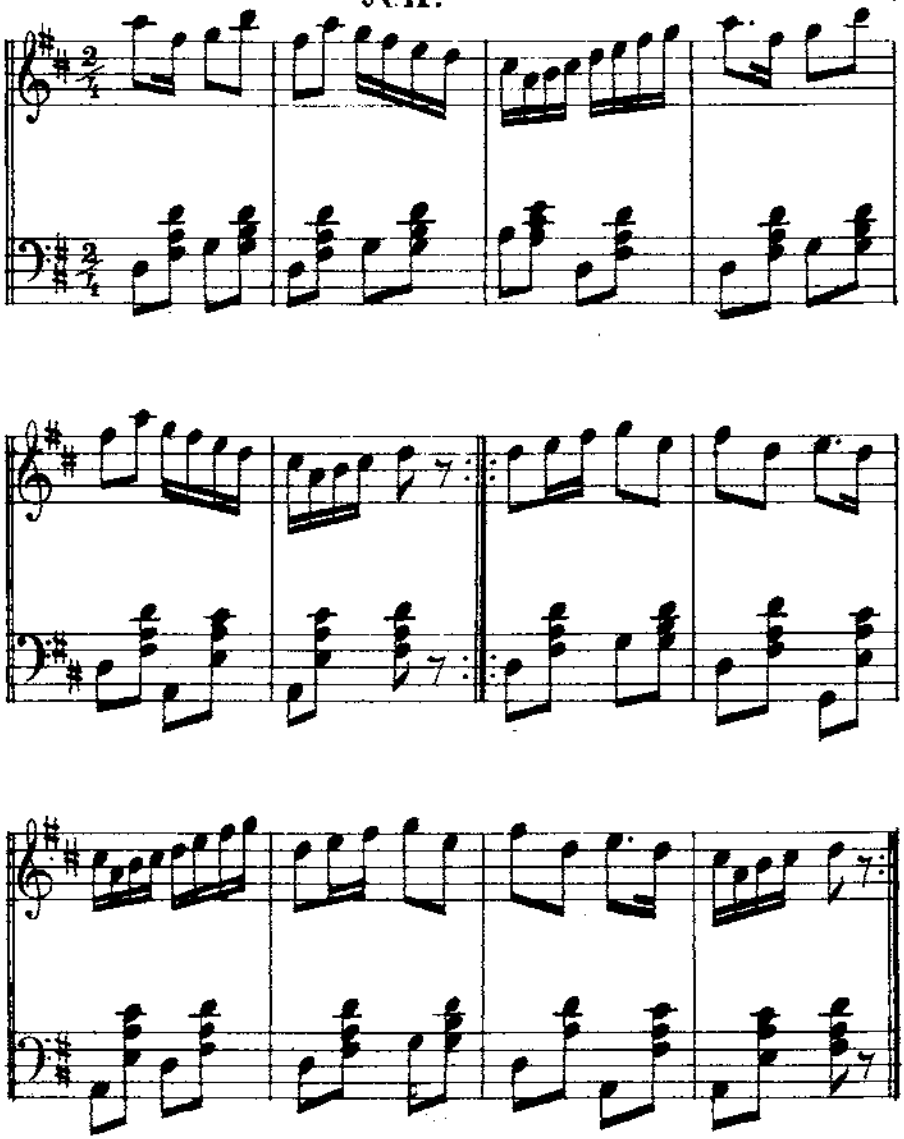

Allegro.

№ 12.

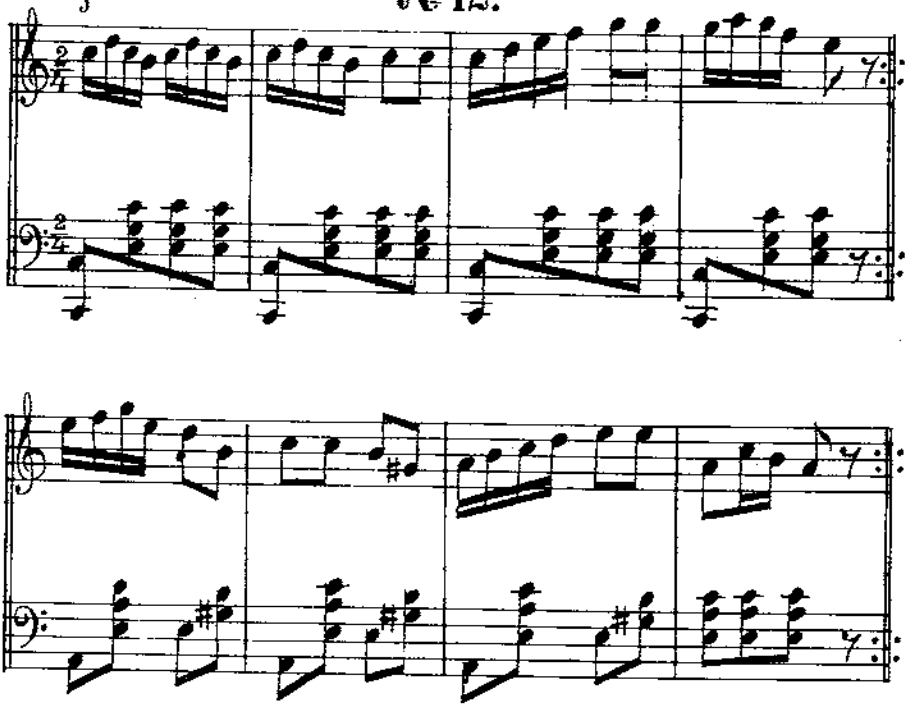

Гусаръ коня наповавъ,

Дзюба воду брала,

Гусаръ пісню заспівавъ,

Дзюба заплакала.

Andante

№ 13.

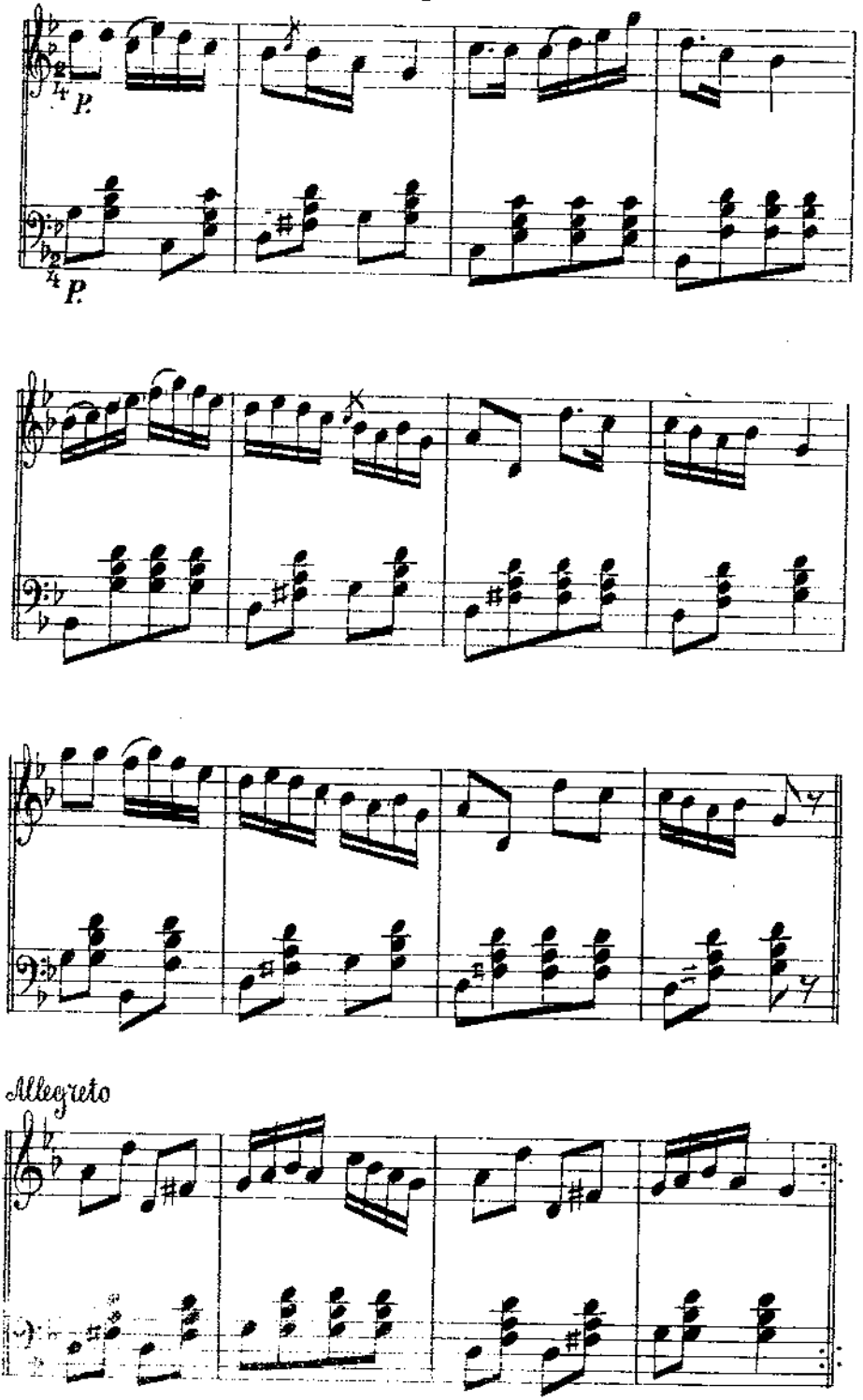

Циганка: Де-жъ, цыгане, ты живешъ?
Циганъ: Яжъ не маю хаты,
Що выкую та выдурю,
Тілько мені платы.

Хоръ: Припѣвъ { Постукаю молоткомъ,
Бряжчи, пане, пьятакомъ.

Циганъ: Де-жъ, цыганко, ты живешъ?
Циганка: Ой я живу у шатрі,
Не кую, не дурю,
Тілько знаю: ачхи-дри!

Хоръ: Припѣвъ { Ачхи-дри, ачхи-дри!
Будемъ жити у шатрі!

Циганка: Чомъ, цыгане, не орешъ?
Циганъ: Бо немаю плужка!
Тілько въ мене плужка,—
За поясомъ пужка.

Хоръ: Припѣвъ { Постукаю молоткомъ,
Бряжчи, пане, пьятакомъ.

Циганъ: Чомъ, цыганко, не прядешъ?
Циганка: Бо не вмію прясти.
Изъ за гаю выглядаю,
Щобъ сорочку вкрасти!

Хоръ: Припѣвъ { Ачхи-дри, ачхи-дри!
Будемъ жити у шатрі!

Циганка: Чимъ ты, цыгане, щастливый?
Циганъ: Таке-жъ мое щастья,
Якъ украду та продамъ—
Охъ, щобъ ёму трясць!

Хоръ: Припѣвъ { Ачхи-дри, ачхи-дри!
Будемъ жити у шатрі!

Циганъ: Де-жъ, цыганко, твоі діти?
Циганка: Діти-жъ моі у шатрі:
То кавчять, то пищять,
Якъ щенята—ачхи-дри...

Allegro moderato

№ 14.

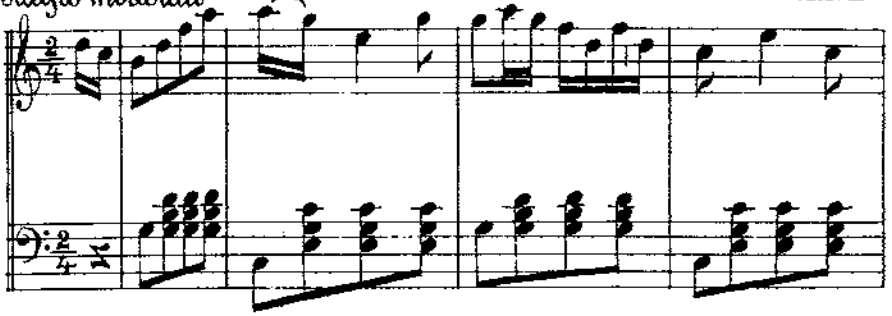

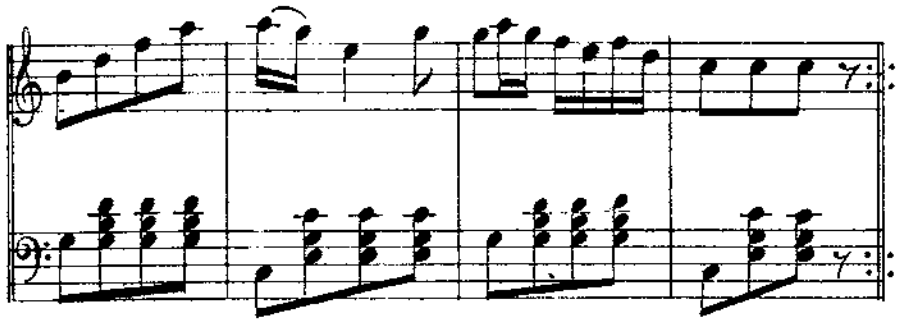

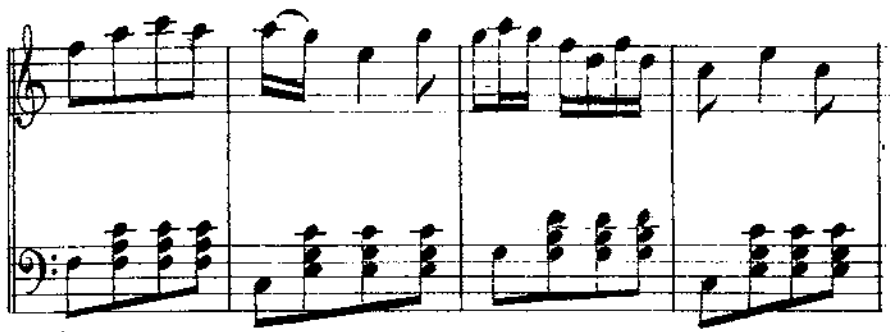

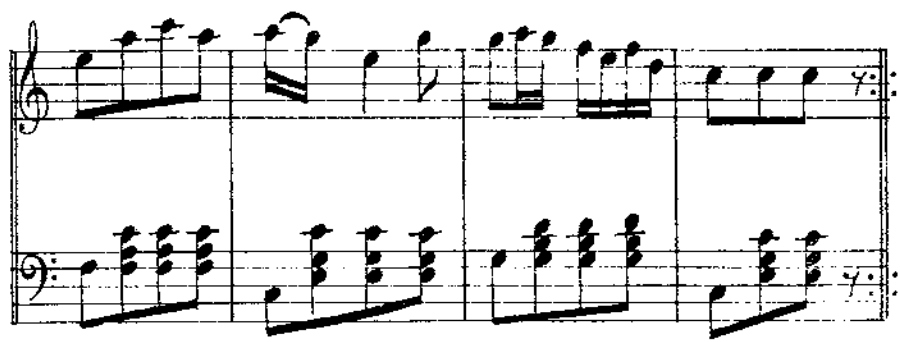

№ 15.

Та не бу де луч ше,

та не бу де кра ще,

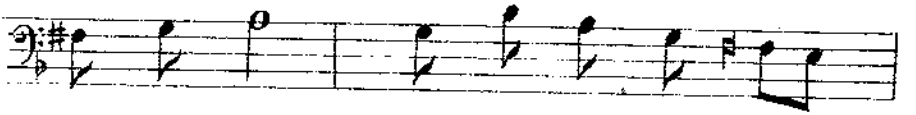
Якъ у насъ та на У кра и

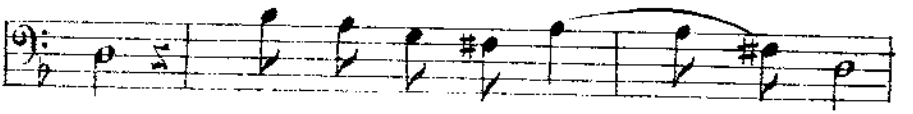
ні; що не ма е жи да,

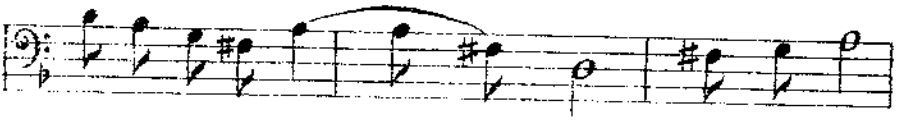
що не ма е ля ха, та не бу

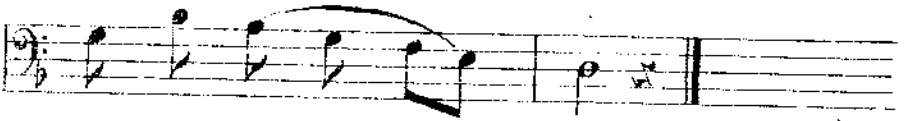
де из мі ны.

Allegro

№ 16.

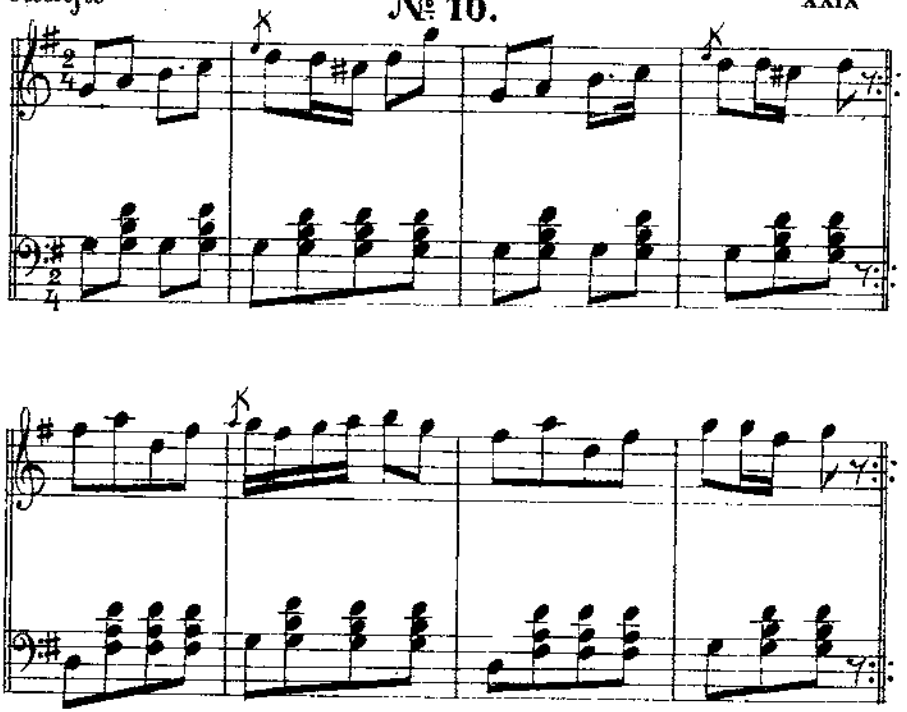

№ 17.

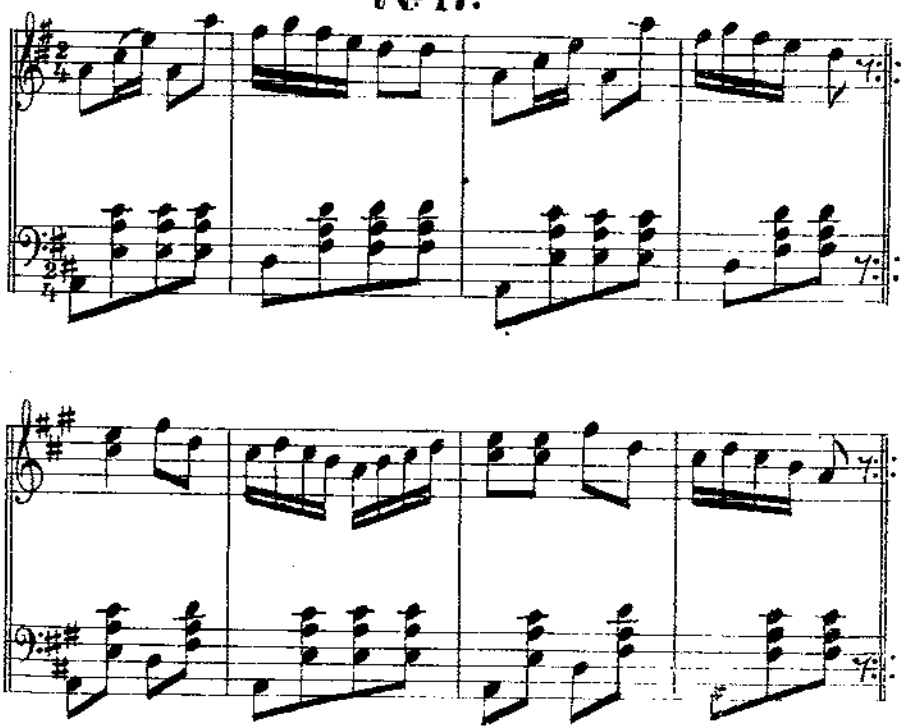

Allegro.

№ 18.

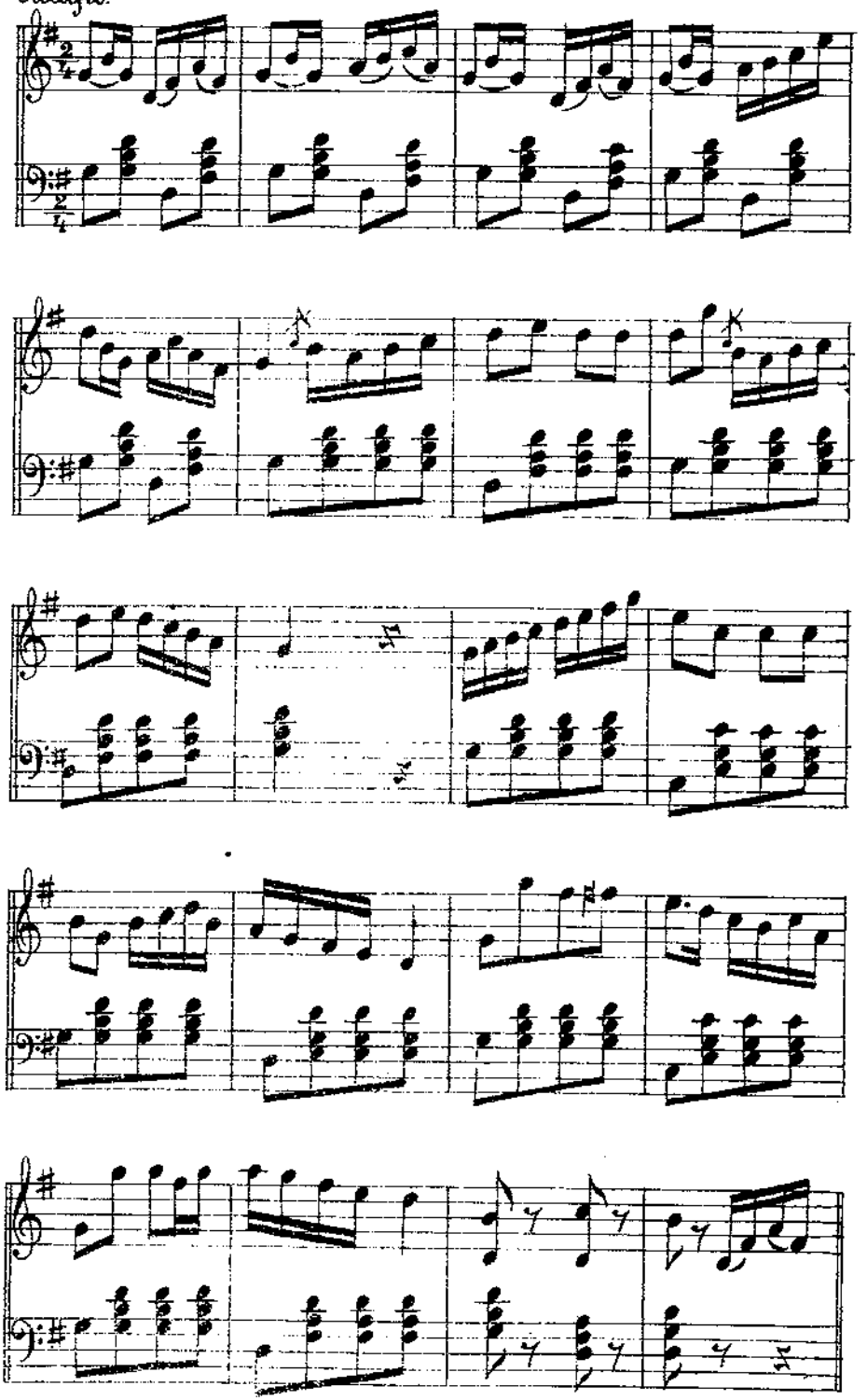

Adagio

№ 19.

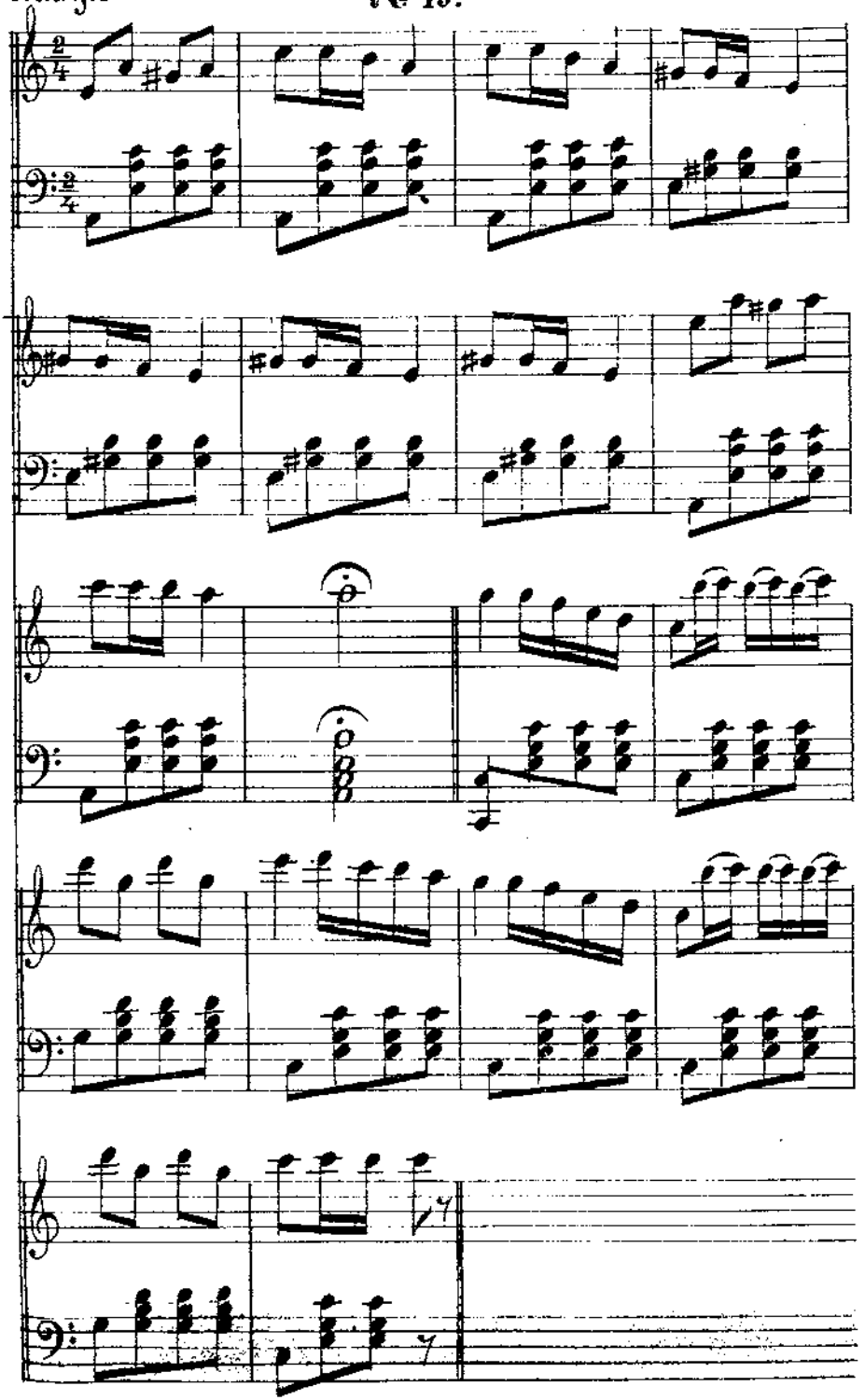

№ 20.

Allegro

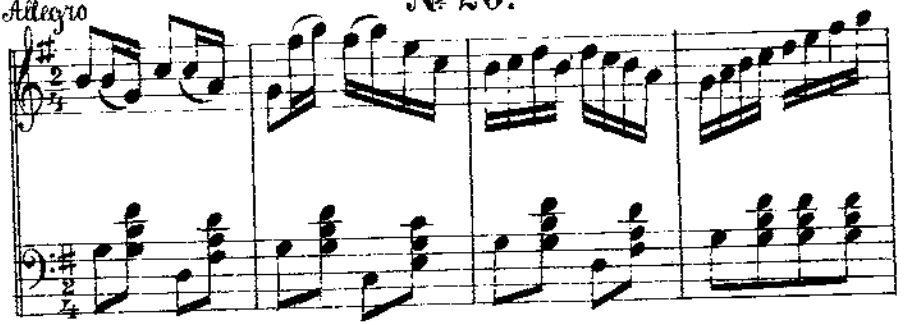

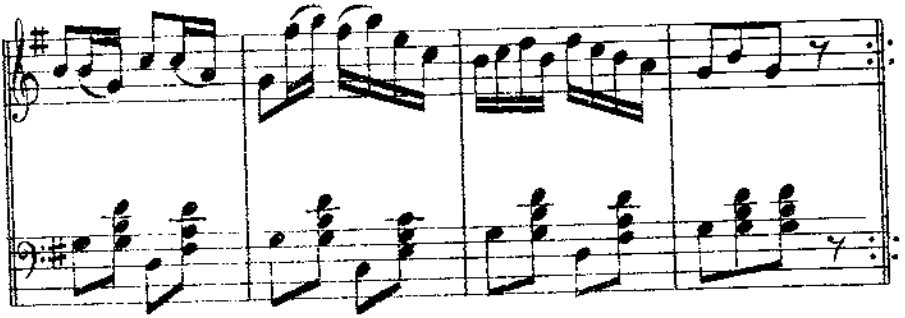

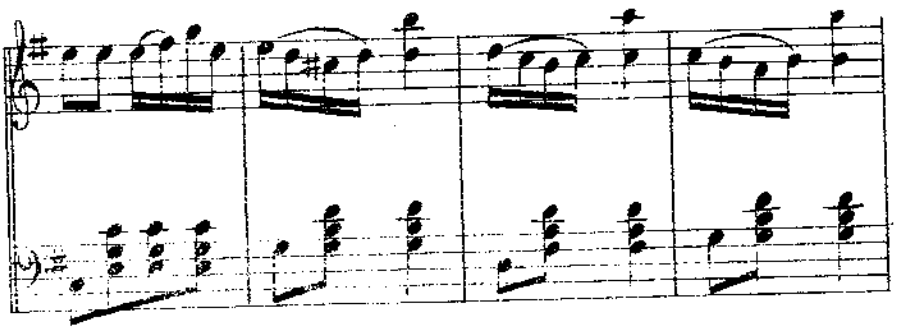

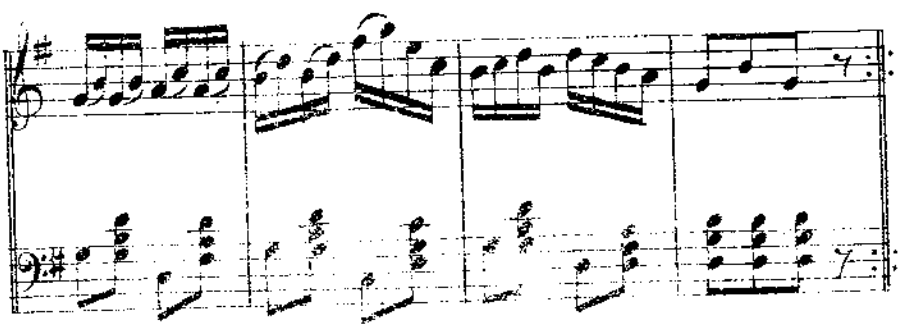

Allegro

№ 21.

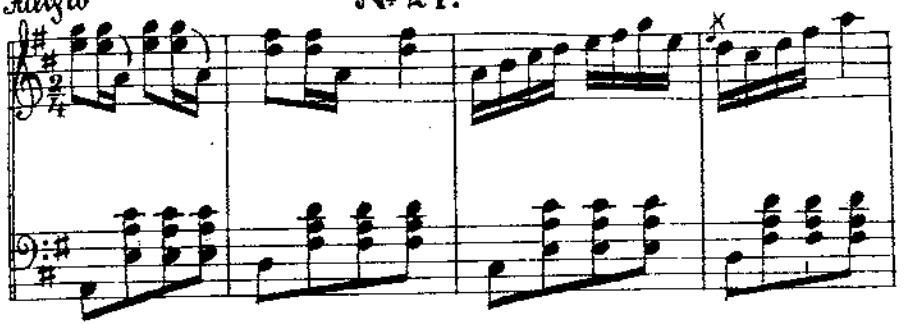

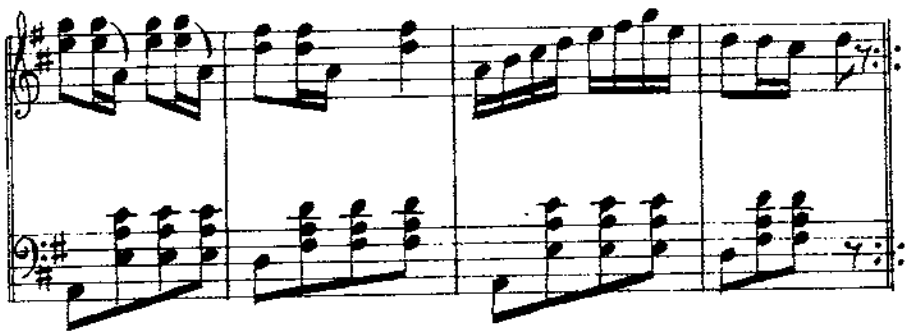

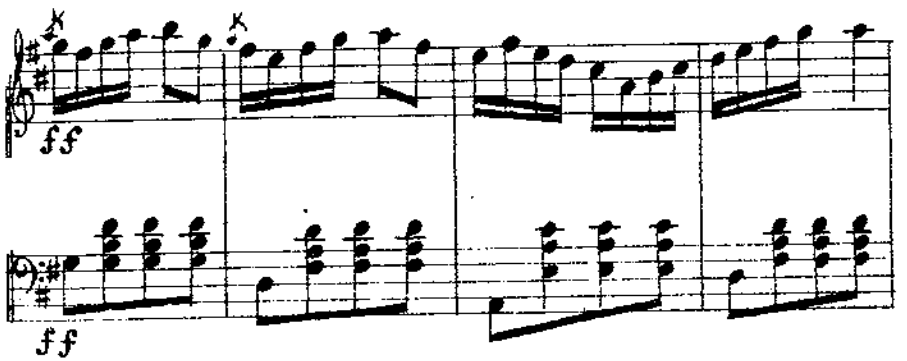

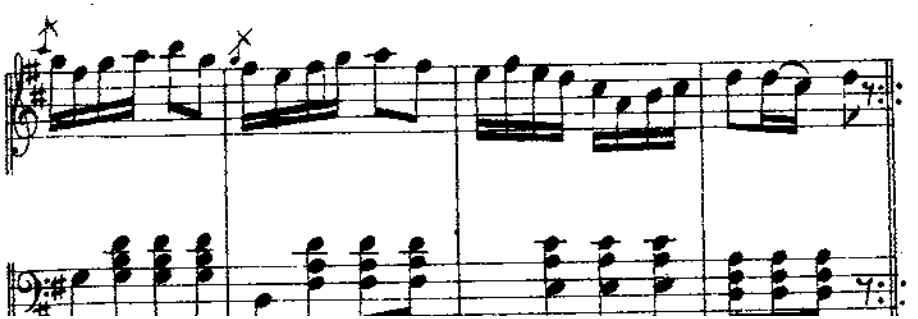

Allegro XXXIV

№ 22.

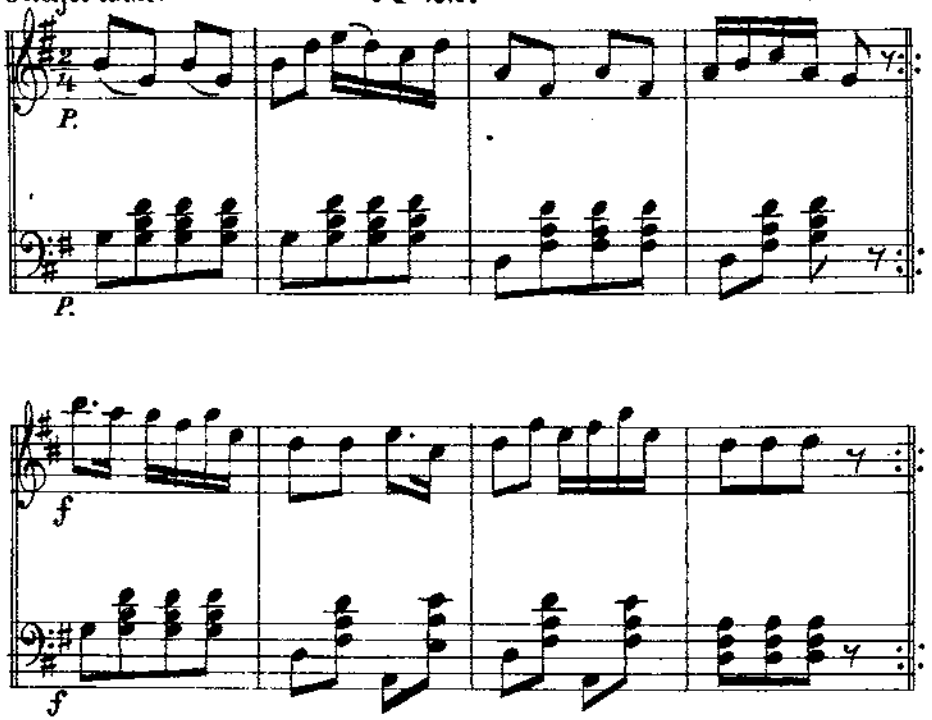

Moderato.

№ 23.

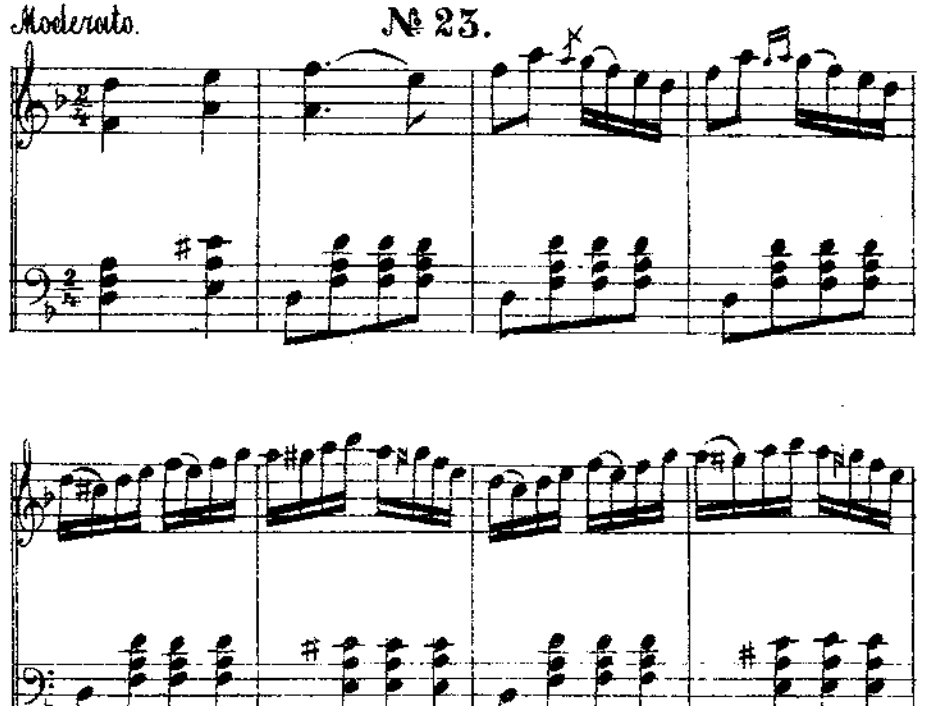

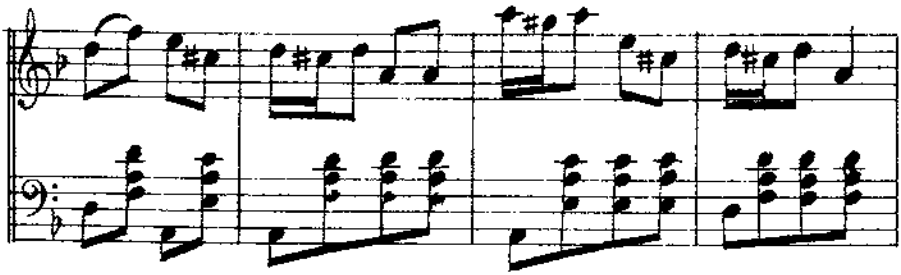

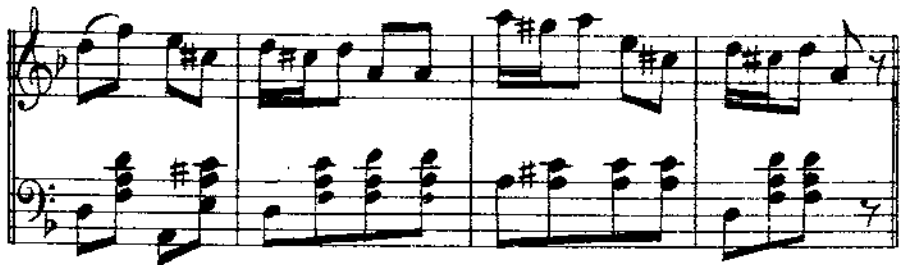

Allegro moderato. № 24.

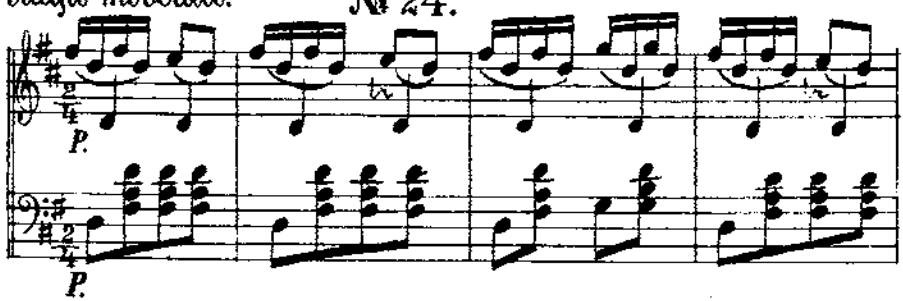

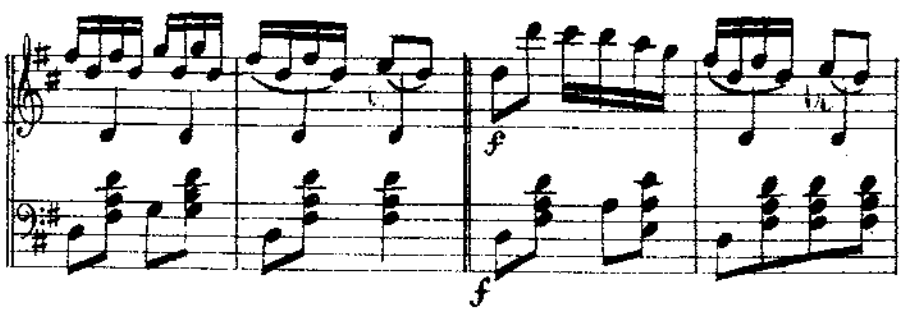

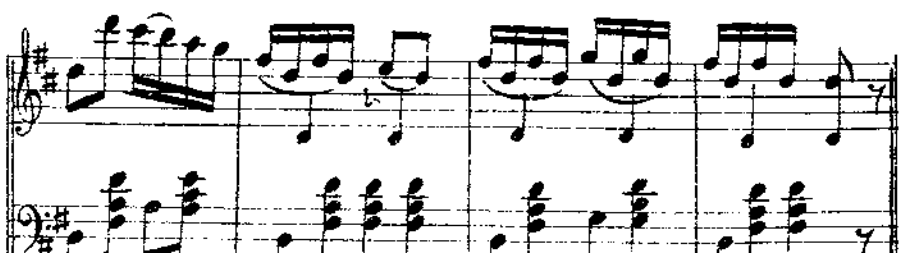

ЯЩИКЪ СЕРТЕПНОЙ ДРАЖЕ.

Масштабъ къ плану.

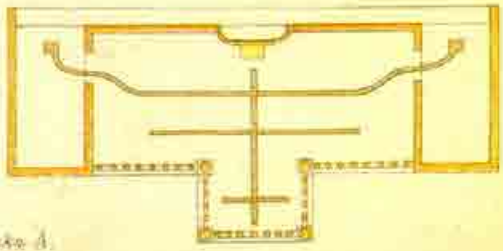

Масштабъ къ фасаду съ точки А.

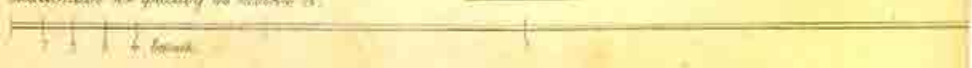

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

ноябрь.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1882 г.

I. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. Л. Шимонова** 191

II. МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ ОБЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ. **М. Т—ова** 229

III. УМАНСКІЙ СОТНИКЪ ИВАНЪ ГОНТА (1768 г.) **В. Антоновича** . 250

IV. СТАРИННЫЯ ВОЗЗРѢНІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ. **П. И. Житецкаго.** 277

V. СУЛИМИНСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ. **Ал. Лазаревскаго.** . 292

VI. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. (*Продолженіе*). **В. А.** . 328

VII. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АНОНИМА 1768 г. (Казнь Гонты и усмиреніе «Коліивщины») 349

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Историческіе матеріалы изъ архива кіев. губ. правленія. Выпускъ 3-й, изд. редакторъ неоф. части «Кіев. Губ. Вѣдомостей», А. А. Кіевъ. 1882 г.—б) E. Chantre Recherches paleoethnologiques dans la Russieméridionale et spècialement au Caucase et en Crimée. Lyon. 1881.—в) 1) Бердичевъ. Сост. Петроковымъ. 2) Шпола. Сост. Шмидтомъ. 3) Каменецъ-Подольскъ. Сост. Н. Л. Островерховымъ.—г) Сборники малорусской орнаментики (украинскій орнаментъ О. Косачъ, Южно-русская орнаментика Волкова, Южно-русскій народный орнаментъ П. Литвиновой; Сборники «украинскаго орнамента» А. Лисенко, Махно, Квитко и др.) . . . 354

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Кіево-выдубицкій перевозъ на Днѣпрѣ и его нежданная политическая роль.—б) Замѣтка на замѣтку о почаевской лаврѣ.—в) Къ характеристикѣ эпохи уничтоженія козачества.—г) Свѣдѣніе о бугскихъ козакахъ.—д) О дикихъ лошадяхъ въ херсонской губерніи.—е) Поправка къ разсказу о Бондаренкѣ.—ж) Пѣсня про Филиппа Орлика.—з) Вирша на Рождество Христово 368

ОБЪЯВЛЕНІЕ объ изданіи въ 1883 г. журнала «Кіевская Старина».

ПРИЛОЖЕНІЕ: [illegible] сотника [illegible] Гонты.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

НОЯБРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го октября 1882 года.

ГОНТА.

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.

1883-й ГОДЪ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ „Кіевская Старина", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, ежемѣсячно, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала изъ **двѣнадцати** книгъ признаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить не на четыре, какъ въ этомъ году, а на **три** тома, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ до 50-ти печатныхъ листовъ.

Каждая книжка „Кіевской Старины" выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Преодолѣвъ главныя трудности основанія **провинціальнаго** журнала, дальнѣйшія наши усилія мы посвятимъ улучшенію изданія, усматривая надежду на успѣхъ въ сочувствіи мѣстной и вообще отечественной публики и того кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, при

содѣйствіи которыхъ ведется изданіе. Сознавая, что даже начато нами далеко не все, можемъ сказать одно: **не все разомъ**.

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи находятся, между прочими, слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе XVIII в.* (хроника), Н. И. Костомарова, *Печерскіе антики*, Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь*, Ѳ. Кондратовича, *Революція волынская 1-й четверти XIX ст.*, обширный современный мемуаръ, *Исторія изысканій кіевскихъ древностей*, проф. В. Б. Антоновича, *Старосвѣтскіе батюшки и матушки*, повѣсть Ив. Нечуя (Левицкаго), а изъ матеріаловъ: *Коллекція писемъ къ М. А. Максимовичу отъ разныхъ литераторовъ, ученыхъ* и проч., *Дневникъ Н. Ханенка, Дневникъ св. Фоки Струтинскаго, Разновидности „Морцѣпанъ и Ганнусковой горѣлки“*, рукопись XVIII в. Ив. Кулябки, и пр.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины“, съ приложеніями, на 1883-й годъ, съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**, безъ пересылки и доставки **ВОСЕМЬ РУБЛ. ПЯТЬДЕСЯТЪ КОП.** На заграничную пересылку прибавляется **ОДИНЪ РУБЛЬ**.

☛ Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой.* Тамъ-же и контора редакціи.

Подписка на текущій 1882 годъ продолжается по указанной сейчасъ цѣнѣ и адресу. Вышедшія книжки немедленно высылаются.

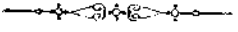

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

Вмѣсто предисловія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ намъ случайно достались нѣкоторые разрозненные матеріалы по крестьянскому землевладѣнію въ харьковской губерніи. Нѣкоторые изъ этихъ матеріаловъ заинтересовали насъ уже потому, что самому автору, какъ уроженцу этой-же губерніи, уже не разъ бросался въ глаза тотъ загадочный непорядокъ въ нѣкоторыхъ, по преимуществу крестьянскихъ, дачахъ губерніи, который самъ по себѣ не давалъ никакого ключа къ уразумѣнію его причинъ и средствъ его устраненія: это была какая-то механическая смѣсь началъ и порядковъ личнаго и общиннаго землевладѣнія, среди которой видимо было плохо не только крестьянамъ, но и мелкому чрезполосному владѣнію другихъ сословій. По мѣрѣ того, какъ мы дополняли наши скудные матеріалы новыми, причины этой аграрной безурядицы хотя въ основныхъ чертахъ и выяснялись постепенно, но за то общая связь этихъ причинъ осложнялась и расширялась настолько, что самые предѣлы общаго вопроса объ исторіи землевладѣнія въ здѣшней мѣстности постоянно раздвигались и изчезали въ томъ непроницаемомъ туманѣ, который можно назвать заброшенной и забытой исторіей прошлаго нашихъ провинцій. Вслѣдствіе этого намъ пришлось коснуться и общей исторической стороны здѣшней мѣстности, при чемъ даже бѣглый обзоръ мѣстныхъ историческихъ фактовъ показалъ намъ, что *земельный вопросъ здѣсь органически и, можно сказать, на каждомъ шагу представляетъ неразрывное цѣлое съ общей исторіей здѣш-*

няго края, которая и сама, по своей сущности, представляетъ ничто иное, какъ рядъ непрерывныхъ, извнѣ опредѣлявшихся метаморфозъ въ судьбѣ мѣстнаго поземельнаго владѣнія. Такое неожиданное на первыхъ порахъ расширеніе рамокъ мѣстнаго земельнаго вопроса поставило на нашемъ пути нѣкоторыя задачи, выходившія не только за предѣлы нашихъ *не обширныхъ матеріаловъ,* но и за предѣлы нашей личной общей подготовки; ибо вопросъ въ своихъ сложныхъ развѣтвленіяхъ не только шелъ вглубь мѣстной областной и обще-русской исторіи, но и глубоко затрогивалъ нѣкоторые общіе вопросы изъ области права, экономической науки и, можетъ быть, народной психологіи.

Въ виду всѣхъ этихъ внѣшнихъ и субъективныхъ препятствій намъ оставалось или отказаться совершенно отъ мысли браться за непосильный для насъ, при данныхъ условіяхъ, вопросъ, или-же по крайней мѣрѣ хоть поставить его на видъ, хотя-бы со всѣми недостатками, которые неизбѣжно присущи всякому начинанію. Мы предпочли послѣднее, руководствуясь тою мыслію, что иногда самая постановка вопроса на сцену общественнаго вниманія есть уже начало дѣла.

Вопросъ о старозаимочномъ землевладѣніи представляетъ слѣдующія существенныя стороны для своего изслѣдованія: во первыхъ, о самомъ происхожденіи этого землевладѣнія и его дальнѣйшей внѣшней судьбѣ, во вторыхъ, объ основныхъ принципахъ этого землевладѣнія и обусловленныхъ этими принципами внутреннихъ порядкахъ, т. е. было-ли это владѣніе личное и наслѣдственное, или владѣніе общинное, или-же оно представляло собою какое-либо органическое сочетаніе началъ того и другаго типа, съ преобладаніемъ одного изъ нихъ и, въ третьихъ, какой именно характеръ и нравственный складъ воспитывалъ въ народѣ тотъ или другой типъ землевладѣнія, при данныхъ условіяхъ исторіи, и насколько здѣсь причина сама могла быть слѣдствіемъ.

Само собою разумѣется, что случайные и отрывочные матеріалы, какими мы располагаемъ по этому предмету, не даютъ намъ достаточнаго основанія для сколько-нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія намѣченныхъ вопросовъ, но мы рѣшились воспользоваться ими хотя для самой постановки общаго вопроса и нѣкотораго освѣщенія указанныхъ его сторонъ, въ томъ предположеніи, что нашъ

трудъ составитъ, по крайней мѣрѣ, ту *общую первоначальную канву*, при наличности которой легче будетъ оріентироваться и дальнѣйшимъ матеріаламъ по занимающему насъ вопросу. А вопросъ этотъ не только назрѣлъ, но скорѣе уже перезрѣлъ въ самой жизни, которая въ послѣднее время уже слишкомъ серьезно поставила его на видъ и подъ угрозой, можетъ быть, самыхъ печальныхъ осложненій видимо не допускаетъ его дальнѣйшаго отлагательства.

Внѣшней руководящей нитью въ нашемъ изложеніи послужитъ намъ отчасти исторія и содержаніе одного судебнаго старозаимочнаго процесса, именно такъ называемаго „ахтырскаго дѣла", о которомъ года два назадъ такъ много говорилось въ газетахъ, а также нѣкоторые матеріалы по исторіи ахтырскаго полка.

„Ахтырское дѣло" есть только довольно содержательный эпизодъ сложнаго старозаимочнаго вопроса, который, съ одной стороны, затрогиваетъ самыя основы матеріальной жизни значительной части населенія многихъ южно-русскихъ мѣстностей, а съ другой, можетъ быть, существенно дополняетъ и оттѣняетъ собою намъ болѣе счастливый, съ легкой руки Гакстгаузена и славянофиловъ 40-хъ годовъ, вопросъ о поземельной великорусской общинѣ, въ послѣдніе годы, болѣе чѣмъ когда либо, переходящій въ стадію того или другаго своего практическаго разрѣшенія. Но такъ какъ вопросъ о *старозаимочномъ землевладѣніи* во многихъ мѣстностяхъ южно-русскихъ губерній ведетъ свое начало еще отъ временъ первой колонизаціи этихъ мѣстностей (главнымъ образомъ въ предѣлахъ трехъ губерній: полтавской, черниговской и харьковской), то историческая сторона и „ахтырскаго дѣла" неразрывно связана съ превратной судьбой народнаго землевладѣнія, по крайней мѣрѣ въ мѣстности бывшей Слободской Украйны, а потому, при разрозненности и отрывочности находившихся у насъ подъ руками матеріаловъ, мы по необходимости должны были дополнять ихъ, можетъ быть, и довольно извѣстными историческими фактами. Мы однако позволяемъ себѣ думать, что уже самое содержаніе многихъ изъ этихъ матеріаловъ можетъ значительно помочь намъ въ постановкѣ и даже посильномъ освѣщеніи не только общихъ сторонъ поставленнаго нами вопроса, но и вопросовъ нашей темной современности: можетъ быть эти матеріалы лишній разъ остерегутъ насъ отъ нашей почти общей

привычки универсальничать, какъ въ сферѣ теоретическихъ сужденій, такъ и въ практическомъ разрѣшеніи сложныхъ вопросовъ давно лишенной самосознанія нашей общественной жизни, и въ то-же время обнаружать причины, почему многія стихійныя движенія современности застаютъ насъ врасплохъ, какъ истинное для насъ deus ex machina. Можетъ быть болѣе близкое ознакомленіе съ такимъ крупнымъ мѣстнымъ вопросомъ, какъ старозаимочный, хотя нѣсколько наведетъ насъ на мысль, что *многія своеобразныя мѣстности нашего обширнаго государства имѣютъ свои спеціальные вопросы, спеціальные недуги,* а слѣдовательно требуютъ спеціальныхъ, а не универсальныхъ рѣшеній и врачеваній и что можетъ быть самое нарожденіе этихъ недуговъ вызвано слишкомъ легкой, традиціонной вѣрой въ примѣнимость циркулярно-универсальныхъ мѣропріятій, не говоря уже о соображеніяхъ и цѣляхъ, стоявшихъ внѣ интересовъ той или другой мѣстной народной жизни и только въ лучшихъ случаяхъ имѣвшихъ своимъ источникомъ субъективно понимаемую государственную пользу.

Вопросъ о старозаимочномъ землевладѣніи въ б. Слободской Украйнѣ стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о происхожденіи, характерѣ и типѣ всего южно-русскаго народнаго землевладѣнія, а этотъ, въ свою очередь, не можетъ быть понятъ внѣ связи съ исторіею землевладѣнія на сѣверѣ Россіи. Намѣтивъ въ самыхъ общихъ чертахъ историческую связь этихъ вопросовъ, мы перейдемъ затѣмъ къ спеціальному предмету нашего изслѣдованія.

Юридическій характеръ и внутренняя организація землевладѣнія б. московскаго государства въ значительной степени сложились подъ вліяніемъ условій татарскаго ига, не касаясь уже причинъ, лежавшихъ въ исторіи и народномъ характерѣ Великороссіи. „По началамъ монгольскаго государственнаго права, говоритъ Неволинъ, вся земля, находившаяся въ предѣлахъ владычества хана, была его собственностію: подданные хана могли быть только владѣльцами земли“. По причинамъ, которыя вѣдомы исторіи, активнымъ и нормирующимъ элементомъ въ московскомъ государствѣ была не столько сама народная жизнь, сколько искони установившаяся ея форма: „одно его, великаго государя, государство“. Отсюда единственное основаніе и оправданіе всякаго поземельнаго владѣнія въ Великороссіи заключалось въ службѣ государству; внѣ этого условія по-

земельное владѣніе, какъ нормальное явленіе, не существовало. „Къ концу XVI вѣка, говоритъ русскій цивилистъ (курсъ гражд. права Побѣдоносцева, ч. I, стр. 132—133, изд. 1873 г.) желѣзная воля Ивана IV, очевидно дѣйствовавшая систематически, разбила послѣдніе остатки чистаго вотчиннаго владѣнія и сплавила все землевладѣніе въ московскомъ государствѣ въ одну сплошную массу владѣнія служебнаго". Только съ конца прошлаго вѣка, со времени жалованной грамоты Екатерины II дворянству, выражено было законное признаніе правъ личной собственности на землю для высшаго дворянскаго сословія, и только указомъ 1801 года было предоставлено право пріобрѣтенія ненаселенныхъ земель всѣмъ россійскимъ подданнымъ, за исключеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ.

При такомъ общемъ юридическомъ характерѣ землевладѣнія Великороссіи, къ ней, какъ извѣстно, присоединилась въ половинѣ XVII вѣка, а отчасти заселилась около этого времени малороссіянами почти вся территорія южной Руси или Украйны, землевладѣніе которой возникло и слагалось подъ вліяніемъ причинъ и началъ весьма своеобразныхъ, а послѣ эпохи Богдана Хмельницкаго почти полярно противуположныхъ. Хотя въ бывшемъ литовскомъ государствѣ, подъ вліяніемъ котораго формировалось до эпохи Богдана южно-русское землевладѣніе, право полной собственности на землю принадлежало единственно только великому князю и въ этомъ отношеніи была, повидимому, какъ-бы полная параллель съ юридическимъ положеніемъ землевладѣнія и въ московскомъ государствѣ: но есть основаніе думать, что эта параллель не шла дальше сходства основныхъ государственныхъ воззрѣній на землевладѣніе и не проникала собою фактически всего правоваго строя народной жизни, какъ въ московскомъ государствѣ; а со времени отдѣленія южной Руси отъ Рѣчи Посполитой само собою должно было упраздниться и воззрѣніе объ исключительномъ правѣ государства на землевладѣніе южной Руси. Съ эпохи Богдана земля стала уже фактической собственностію занимавшаго ее народа.

Такъ какъ для самобытнаго развитія народныхъ южно-русскихъ началъ землевладѣнія не оказалось впослѣдствіи благопріятныхъ условій, а органическаго сліянія съ принципами и порядками землевладѣнія въ московскомъ государствѣ, по ихъ рѣзкой во многомъ противуположности, не могло и быть, то послѣдующая исторія

южно-русскаго землевладѣнія, главнымъ образомъ въ Слободской Украйнѣ, представляетъ собою интересную для исторической мысли картину, такъ сказать, механическаго, офиціальнаго воздѣйствія началъ и порядковъ сѣвернаго землевладѣнія на южное. Полная разработка этого вопроса составила-бы общую исторію землевладѣнія Украйны со времени присоединенія ея къ московскому государству, а вмѣстѣ съ нимъ и существенную сторону исторіи южно-русскаго народа. Но, какъ уже объяснено выше, мы намѣтили себѣ гораздо болѣе скромную задачу: изложить въ нѣкоторой посильной системѣ хотя не многіе имѣющіеся у насъ подъ руками матеріалы для будущей разработки этого вопроса въ примѣненіи только къ небольшой части территоріи бывшей Малороссіи или Украйны, именно относительно земель бывшихъ слободскихъ полковъ, территорія которыхъ занимала пространство нынѣшней харьковской губерніи, нѣкоторые южные уѣзды курской и часть воронежской губерніи. По самой разрозненности этихъ матеріаловъ, мы изложимъ оные въ 12-ти отдѣльныхъ главахъ, представляющихъ происхожденіе и отдѣльные фазисы и видоизмѣненія общаго вопроса, сохраняя однако между ними внутреннюю предметную связь.

---

1) Происхожденіе поземельнаго владѣнія слободскихъ полковъ и его мѣстныя особенности.

Слободская Украйна, составляя, по національности большинства ея населенія, часть общей территоріи Малороссіи, почти съ самаго своего заселенія вошла въ составъ московскаго государства и поэтому уже съ давняго времени была подъ прямымъ вліяніемъ московскихъ государственныхъ порядковъ. Это вліяніе могло быть тѣмъ рѣшительнѣе, что колонизація Слободской Украйны производилась на территоріи уже отчасти (хотя изрѣдка) занятой великорусскими окраинными поселеніями; этому вліянію благопріятствовало и то обстоятельство, что всѣ пять слободскихъ полковъ (ахтырскій, сумской, харьковскій, изюмскій и острогожскій) не имѣли того собственнаго объединяющаго административнаго центра, какимъ представлялся гетманскій урядъ въ полкахъ бывшей гетманщины: слободскіе полки никогда не имѣли своей общей гене-

ральной старшины, что, конечно, не могло входить и въ виды московскаго правительства. Въ первое время своего возникновенія и присоединенія къ московскому государству слободскіе полки находились въ непосредственномъ вѣдѣніи посольскаго приказа (замѣненнаго потомъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ), потомъ зависѣли отъ бѣлгородскаго разряда „и отъ губерніи бѣлгородской по гражданскимъ, а по воинскимъ дѣламъ отъ военной коллегіи".

Въ то время, какъ на сѣверѣ Россіи извѣстный строй жизни и ея аграрные порядки слагались и крѣпли цѣлые вѣка, колонизація малолюдной лѣвобережной Украйны, въ большинствѣ ея мѣстностей, принадлежитъ сравнительно позднѣйшему времени и главнымъ образомъ, можетъ быть, XVI—XVII вѣкамъ. Характеръ происхожденія поземельнаго владѣнія въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ этой территоріи довольно вѣрно опредѣляется слѣдующимъ объясненіемъ землевладѣльцевъ, малороссійскихъ козаковъ одного села, въ ихъ поземельномъ спорѣ съ новгородъ-сѣверскимъ спасскимъ монастыремъ въ концѣ прошлаго вѣка: „когда при помощи Божіей малороссіяне зъ гетманомъ Богданомъ Зиновіемъ Хмельницкимъ кровію своею освободили Малую Россію отъ ярма лядскаго и отъ державы польскихъ королей, а пришли въ подданство всероссійскаго монарха, великаго государя, Алексѣя Михайловича, въ тую пору на обоихъ сторонахъ Днѣпра вся земля была малороссіянъ сполная и общая потамисть, покамисть они первѣе подъ полки, а въ полкахъ подъ сотнѣ, а въ сотняхъ подъ мѣстечки, села и деревнѣ и въ оныхъ подъ свои жилища, дворы, домы и футоры осягли и позаймали; и потому *сталися всѣ добра* (имѣнія) *малороссіянамъ быть власними* (собственными) *чрезъ займы*. Оніе-жъ займы свои малороссіяне разными означали способами: одни оборували, другіе концами обносили и рвомъ окопували, кляками ограничали и, что хотѣли, въ тѣхъ займахъ строили, гаи возращали и сады заводили, футори, слободи, деревнѣ, села на свое имя селили, къ себѣ въ корысть приводили, на болотахъ, гдѣ видѣли къ устроенію мельницъ мѣста, тамъ оніе строили" [1]).

---

[1]) Записки черниговскаго губернскаго статистическаго комитета. Книга первая. Черниговъ. 1766 г. «Малороссійскіе посполитые крестьяне».

Въ этомъ разсказѣ, говоритъ авторъ цитированной нами статьи: „Малороссійскіе посполитые крестьяне“, полная исторія поземельной собственности въ Малороссіи. Отсюда-же видно, что происхожденіе и характеръ поземельнаго владѣнія, какъ въ бывшей гетманщинѣ (нынѣ полтавской и черниговской губерніяхъ), такъ и въ предѣлахъ бывшихъ слободскихъ полковъ, позднѣе слободско-украинской губерніи, съ нѣкоторыми сопредѣльными ей мѣстностями сосѣднихъ курской и воронежской губерній, въ районѣ южно-русской колонизаціи, были почти одни и тѣ-же, ибо вся эта территорія почти до степей Дона была мало-по-малу заселена, за исключеніемъ рѣдкихъ великорусскихъ поселеній, почти сплошнымъ южно-русскимъ населеніемъ. Хотя въ территоріи слободскихъ полковъ, еще съ самаго начала ихъ возникновенія, происхожденіе землевладѣнія было довольно разнообразно,—кромѣ массы вольныхъ заимокъ, были и жалованныя и помѣстныя земли однодворцевъ, главнымъ образомъ, въ сѣверной полосѣ Слободжанщины—по такъ называемой бѣлгородской чертѣ [1]), и самыя заимки съ теченіемъ времени освящались большею

[1]) Въ книгѣ неизвѣстнаго автора: «Топографическое описаніе харьковскаго намѣстничества съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ»... Москва, 1788 г., относительно бѣлгородской черты сказано, что она была проведена въ видѣ рва еще при Михаилѣ Федоровичѣ: начиналась она съ запада «отъ рубежа малороссійскаго бывшей тамъ польской границы» и простиралась до рѣки Дона, слишкомъ на 300 верстъ. По этой линіи были построены съ крѣпостями великорусскіе города: Вольное, Хотомырскъ, Карповъ, Бѣлгородъ, Нежегольскъ, Короча, Яблоновъ, Новый-Осколъ, Верхососенскъ, Усердъ, Ольшанскъ и Коротоякъ надъ Дономъ. Главнѣйшими изъ этихъ городовъ-крѣпостей были Бѣлгородъ и Новый-Осколъ. «Прилежащими къ сей чертѣ землями, говорится въ этой книгѣ, удовольствованы какъ города во время построенія, такъ въ помѣстные оклады жалованы дворяне, дьяки, подъячіе и дѣти боярскіе; а сверхъ того розданы тѣ земли въ дачи прежнихъ службъ служилымъ людямъ; оставшееся за раздачею пространство, большей частью съ южной стороны линіи, царь Алексѣй Михайловичъ указалъ отвесть и утвердилъ подъ поселенія слободскимъ полкамъ». Но что здѣсь не было и не могло быть какого-либо дѣйствительнаго отвода земель для колонизаторовъ слободскихъ полковъ, это подтверждаетъ и самъ авторъ названной нами книги: «восточная (бывшаго) княженія кіевскаго сторона,.... на которой послѣ слободскіе полки поселились, пробыла около 400 лѣтъ необитаемою пустынью, гдѣ отъ востока и юга набѣги татарскіе однимъ только звѣрямъ, птицамъ и пресмыкающимся не могли воспретить обиталища», почему «земли сіи... со временъ нашествія татарскаго до поселенія слободскихъ полковъ пребыли по большей части пусты»....

частью *жалованными грамотами* московскихъ государей; но такъ какъ въ этихъ правительственныхъ актахъ относительно самаго внутренняго распорядка землевладѣнія не было никакой регламентаціи и съ этой стороны акты обыкновенно ограничивались простымъ упоминаніемъ о „старыхъ козацкихъ обыклостяхъ", то *національный характеръ населенія, какъ видно изъ массы фактовъ, постоянно клонилъ аграрные порядки къ индивидуальному, участково-наслѣдственному землевладѣнію.* Вслѣдствіе этого характеръ землевладѣнія и Слободской Украйны, подобно аграрному устройству населенія бывшей гетманщины, во многомъ отличается отъ аграрныхъ порядковъ Великороссіи не только въ большинствѣ случаевъ своимъ происхожденіемъ, но и формой, типомъ: вмѣсто обыкновенной *дачи въ помѣстье*, для отбыванія государевой службы, здѣсь, по крайней мѣрѣ для большинства южно-русскаго населенія, была *вольная заимка*, вмѣсто общиннаго владѣнія всѣмъ міромъ великорусскаго селенія или деревни, въ Слободской Украйнѣ почти повсемѣстно, въ предѣлахъ южно-русской колонизаціи, было личное индивидуальное владѣніе, съ обычнымъ переходомъ и дробленіемъ по наслѣдству, изъ поколѣнія въ поколѣніе, что фактически представляло всѣ условія полной поземельной собственности и что для массы населенія Великороссія юридически стало возможно, кромѣ крѣпостныхъ людей, только съ начала текущаго вѣка (указъ 1801 г.).

Документальнымъ подтвержденіемъ того историческаго факта, что малороссіяне („черкассы" по московскимъ или великорусскимъ письменнымъ памятникамъ XVII и XVIII вѣковъ) колонизировали не только земли бывшей гетманщины, но и территорію слободскихъ полковъ большей частью *вольно, безъ всякихъ* предварительныхъ откуда-бы то ни было *разрѣшеній*, служатъ многочисленныя историческія данныя, изъ которыхъ однако мы приведемъ лишь немногія, имѣя въ виду судьбу южно-русскаго поземельнаго владѣнія бывшей Слобожанщины главнымъ образомъ уже въ позднѣйшее время, почти исключительно въ текущемъ столѣтіи, и даже за послѣднія десятилѣтія нашего вѣка. Такъ относительно главнаго поселенія ахтырскаго слободско-украинскаго полка, города Ахтырки, есть историческія указанія, что онъ входилъ еще въ составъ литовскаго княжества, т. е. въ предѣлы государственной территоріи бывшей Рѣчи Посполитой. „Сочинителю географическаго словаря извѣстна

была грамота царя Алексѣя 1669 г., въ которой сказано было, что городъ построенъ въ августѣ 1641 г., подъ надзоромъ королевскаго урядника Кульчевскаго, и въ немъ первымъ урядникомъ былъ панъ Якубовскій. Въ актѣ размежеванія границъ 1647 г. сказано, что ахтырскій городъ переданъ Польшею московскому царю вслѣдствіе бывшаго предъ тѣмъ договора. По Чугуевской перепискѣ, Ахтырка является черкасскимъ новопостроеннымъ городомъ въ 1654 г. [1]).

Также точно и основаніе другихъ поселеній западной, древнѣйшей части Слобожанщины, какъ напримѣръ полковаго города Сумъ и бывшаго сотеннаго мѣстечка сумскаго полка Лебедина, историческія преданія относятъ еще до времени присоединенія Малороссіи къ московскому государству, когда первоначальная колонизація этихъ мѣстностей не могла быть подъ вліяніемъ московскаго правительства, а непосредственнаго московскаго вліянія на внутренній аграрный строй Слобожанщины не было и въ позднѣйшее время, по крайней мѣрѣ до начала XVIII вѣка. „Въ 1654 году, говоритъ Побѣдоносцевъ [2]), харьковскій полкъ (впослѣдствіи центръ мѣстнаго управленія) былъ принятъ подъ скипетръ Россіи и вскорѣ поступилъ во владѣніе *посольскаго приказа,* и на ряду съ нимъ образовался другой главный полкъ, изюмскій. Въ послѣдней четверти XVII вѣка начинается рядъ жалованныхъ грамотъ, которыми русскіе государи утверждали за слободскими жителями разныя льготы и привилегіи“ [3]). Такъ за вѣрность слободскихъ полковъ московскому правительству во время политическихъ смутъ въ гетманской Малороссіи при Виговскомъ и Брюховецкомъ тремъ слободскимъ полкамъ—сумскому, ахтырскому и харьковскому была дана жалованная грамота въ 1668 г.: здѣсь Алексѣй Михайловичъ за ихъ вѣрную службу и разореніе „указалъ сложить съ нихъ оброки... съ промысловъ и шинковъ по бѣлгородскому окладу, а промышлять въ городахъ тѣхъ полковъ всякими промыслы безоброчно и безпошлинно“ [4]).

---

[1]) Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи. Отдѣленіе III, Москва 1857 г. стр. 9—10.

[2]) Тамъ-же, стр. 279, 280 и 441.

[3]) См. его уже упомянутый нами «Курсъ гражд. права», часть I, 1873 г. стр. 350,

[4]) Тоже топограф. описан. харьковскаго намѣстничества 1788 года.

Жалованною грамотою 1682 г. указано слободскимъ полкамъ „пашенныя земли пахать и всякими угодьи владѣть промежь собой *по раздѣлу, по ихъ черкасской обычности*". „Къ числу такихъ обычностей, продолжаетъ авторъ уже названнаго нами „Курса гражданскаго права", перенесенныхъ, вѣроятно, изъ первоначальной родины, принадлежалъ обычай *занимать* пустыя земли для разработки и владѣнія". Такимъ образомъ *занимка* въ слободскомъ краю сдѣлалась главнымъ способомъ пріобрѣтенія собственности. Отсюда видно, что первоначальное заселеніе харьковскаго слободскаго полка, а слѣдовательно и его древнѣйшая поземельная организація (также какъ и ахтырскаго полка) стояли внѣ всякаго офиціальнаго вліянія московскаго правительства. Относительно этихъ жалованныхъ грамотъ, какъ древнѣйшихъ, такъ и послѣдующихъ, невольно обращается вниманіе на то обстоятельство, что они почему-то какъ-бы постоянно забываются со стороны московской администраціи, что нерѣдко вызывало въ прежнее время жалобы и челобитныя со стороны слободскихъ козаковъ. Эти жалобы за нарушеніе дарованныхъ правъ относятся еще къ началу царствованія Петра I-го.

Такъ въ жалованной грамотѣ Петра I-го въ 1705 г. „сумскаго полка стольнику нашему и полковнику Андрею Герасимовичу Кондратьеву", между прочимъ, говорится: „въ нынѣшнемъ 705 году били челомъ намъ, великому государю, твоего полку старшина... городовые сотники и рядовые козаки съ товарищи: въ прошлыхъ де годѣхъ дѣды и отцы и братья и родственники и онѣ изъ разныхъ малороссійскихъ городовъ подъ нашу государеву руку на сю сторону Днѣпра (переселились)... и будущіе въ Бѣлгородѣ и въ Курску бояре и воеводы, обнадеживая ихъ нашею государевою не отъемленною милостію и всякими ихъ *черкасскими неотъемленными отъ нихъ обыклыми вольностями,* и велѣли имъ селиться въ защиту украинскимъ жилымъ городамъ по бѣлгородской чертѣ, въ дикихъ степяхъ, на татарскихъ сакмахъ, которыми мѣстами хаживали крымскія и ногайскія орды подъ наши государевы жилые украинскіе города, а для размноженія тѣхъ новостроющихся городовъ велѣли имъ призывать въ тѣ мѣста на житье всенадежно и иныхъ ихъ братьевъ *„черкасъ"* и тѣми новоприхожими „черкассами" построены городы на путивльскихъ дикихъ земляхъ: Сумы, Судока, Мирополье, Краснополье, Бѣлополье, и къ тѣмъ городамъ уѣзды, села и де-

ревни и... служили они намъ, великому государю, по своему обѣщанію, не щадя головъ своихъ, вѣрно, также и во измѣнные *шаточные времена*, и ко измѣнникомъ не приставились и на прелестныя ихъ ни на какія письма... не склонялись никогда-же; и въ прошлыхъ де годѣхъ (за время отца и братьевъ Петра) для утвержденія ихъ городовъ за тѣ ихъ вѣрныя службы пожалованы, велѣно имъ вмѣсто нашего государеваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья въ тѣхъ городѣхъ жить и нашу государеву полковую службу служить *по черкасской обыклости*, при всякихъ вольностяхъ, и велѣно-же *заимки занимать*, пасѣки *и всякіе грунты заводить* и торговыми всякими промыслы промышлять въ своихъ полкахъ безоброчно и безпошлинно, противъ старой черкасской обыклости, и оброки, которые до измѣны Ивашки Брюховецкаго на мельницы и на всякія угодьи и на торговые промыслы были наложены, за вышеупомянутую вашу службу и ко измѣнникомъ несклонность велѣно тѣ оброки сложить и впредь тѣхъ оброковъ не править *и на тѣ ихъ всѣ вольности и на грунта и на всякіе промыслы ихъ и дѣтямъ ихъ надежду и въ предъидущіе годы даны наши государевы жалованныя грамоты*"... Въ заключеніе грамота эта на имя сумскаго полковника повелѣваетъ ему сдѣлать оглашеніе въ полку старшинѣ и рядовымъ козакамъ „*всякими угодьи владѣть по прежнимъ нашимъ указамъ* и жалованнымъ грамотамъ, какъ прежде сего владѣли безъ всякаго премѣненія" [1])... Такимъ образомъ мѣстная московская администрація, по своему личному усмотрѣнію, или-же по распоряженіямъ свыше, уже предавала забвенію тѣ права и льготы, которыя были формально даны колонизаторамъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Эти привилегіи, по замѣчанію самаго автора „Топографическаго описанія харьковскаго намѣстничества" 1788 г., уже потому были необходимы для слободскихъ полковъ, что „они въ собственномъ военномъ одѣяніи, въ собственномъ вооруженіи, на собственныхъ коняхъ и на собственномъ провіантѣ легкоконными козаками въ войскѣ служили" [2])...

---

[1]) Частная рукописная копія.

[2]) Матеріалы по исторіи Слобожанщины, кромѣ московскихъ архивовъ посольскаго приказа и воинной коллегіи, а также архивовъ г. Харькова, разбросаны въ старыхъ изданіяхъ и особенно провинціальныхъ: такъ исторія г. Суджи, входив-

Итакъ въ слободскихъ полкахъ *вольная заимка земель* была главнымъ способомъ пріобрѣтенія поземельной собственности, на сколько правовая сторона землевладѣнія могла имѣть мѣсто въ смутное и тревожное время XVII вѣка. Черкасская или малороссійская колонизація мало по малу заняла и облюднила и бывшія еще въ XV и XVI вѣкахъ, въ территоріи Слободской Украйны, разныя временныя московскія сторожи, опустѣлые острожки, остатки прежнихъ городовъ и селеній, какъ напримѣръ: Олешню, Изюмъ, Валки, Чугуевъ, Царево-Борисовъ и другіе, которые такимъ образомъ и населялись почти исключительно черкассами.

Врядъ-ли будетъ ошибкой предположить, что для колонизаторовъ - черкассъ Слободской Украйны былъ важенъ самый фактъ вольнаго, безоброчнаго владѣнія землей, а не юридическое основаніе этого факта и не правовая сторона ихъ владѣнія: колонизаторы видимо вполнѣ удовлетворялись тѣмъ, что они фактически являлись полными хозяевами занятой ими земли, которой они владѣли и распоряжались, согласно своимъ народнымъ обычаямъ. Наиболѣе древнія жалованныя грамоты московскихъ государей давали имъ право выбора полковой старшины, а также „въ судныхъ и во всякихъ дѣлахъ исправу чинить въ правду по старымъ своимъ козацкимъ обыкновеніямъ“ [1]). Но есть основаніе предполагать, что даже въ древнѣйшихъ слободскихъ полкахъ, какъ напримѣръ ахтырскомъ, сумскомъ и харьковскомъ, вольная заимка военныхъ колонизаторовъ Слободской Украйны уже рано смѣшивалась и съ другими видами землевладѣнія. Такъ изъ актовъ того времени можно видѣть, что еще у первыхъ полковниковъ слободскихъ полковъ встрѣчаются помѣстныя и вотчинныя земли [2]); эти-же полковники и другая полко-

---

шей въ составъ сумскаго козачьяго полка, помѣщена въ историческомъ и географическомъ журналѣ, изданномъ профессоромъ Гавриловымъ въ Москвѣ 1829 г. Въ «Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1865 г. № 22 есть небольшая замѣтка «объ отчужданіи старозаимочныхъ земель войсковыхъ обывателей людямъ всякаго сословія».

[1]) Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, отдѣленіе III, стр. 35.

[2]) См. грамоту ахтырскому полковнику Перекрестову 1786 г. въ историко-стат. описаніи харьковской епархіи.

вая старшина заселяли свои пустопорожнія жалованныя и заимочныя земли въ смежныхъ поселеніяхъ великорусскихъ ратныхъ людей (у дѣтей боярскихъ) и также населяли ихъ черкассами; въ актахъ того времени упоминаются и случаи населенія „новыхъ поселеній“ даже прямо по царскимъ указамъ, при чемъ однако земли предлагались „въ вѣчное владѣніе безденежно“. Иногда чины слободской козацкой старшины получали приказаніе отъ московскаго правительства строить города и поселенія, призывать въ нихъ на вѣчное житье „всякихъ чиновъ черкассъ и дворами и всякими усадьбы ихъ строить“.

Бывали случаи дачи земель отдѣльнымъ лицамъ козачьяго населенія за ихъ заслуги отъ мѣстныхъ полковниковъ и даже уполномоченныхъ правительствомъ бояръ. Не лишено интереса и то обстоятельство, что еще въ первую пору исторіи Слобожанщины, въ ней уже являлось, главнымъ образомъ, путемъ правительственнаго пожалованія, крупное личное землевладѣніе громадныхъ размѣровъ: такъ „жалованная вотчинная милостивая грамота“ Петра I-го на имя сумскаго полковника Андрея Герасимовича Кондратьева (сына сумскаго-же полковника Герасима Кондратьева, знаменитаго своей непреклонной вѣрностью московскому правительству) утверждаетъ за нимъ громадную массу земель, „ихъ помѣстья въ отчину... вѣчно и въ роды неподвижно... и вольно ту вотчину продать и заложить и въ приданое дать и во всякія крѣпости укрѣпить“. По матеріаламъ генеральнаго межеванія 1785 г., упоминаемымъ въ томъ-же историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи, въ рукахъ фамиліи бывшаго сумскаго полковника Кондратьева оказалось свыше 119,000 десятинъ земли. Даже духовный авторъ этого описанія какъ-бы невольно замѣчаетъ: „изумительно, какъ много милостей излито было на домъ Герасима Кондратьева!“ Мы не будемъ теперь касаться вопроса о томъ, насколько согласовались признававшіяся прежними грамотами старыя „черкасскія или козацкія обыклости“ съ появленіемъ подобныхъ латифундій, но по всей вѣроятности ко времени введенія крѣпостнаго права въ Слободской Украйнѣ эти латифундіи уже были заселены черкассами, обращенными такимъ образомъ въ крѣпостное положеніе. Въ ахтырскомъ полку усиленнымъ „собираніемъ земель“ занялся почти современникъ знаменитаго по царскимъ милостямъ сумскаго пол-

ковника, ахтырскій полковникъ Ив. Ив. Перекрестовъ, по заявленію котораго въ ахтырскомъ полку будто-бы еще въ его время не стало „порожнихъ земель и дикихъ полей и разныхъ угодій“ и поэтому онъ пріобрѣталъ земли у дѣтей боярскихъ, ближайшихъ къ малорусскому населенію ахтырскаго полка великорусскихъ поселеній— Олешни, Вольнаго и Хотьмыжска. Современемъ онъ чѣмъ-то навлекъ на себя гнѣвъ Петра, вслѣдствіе чего указомъ 1704 г. онъ неожиданно лишенъ былъ званія полковника; огромныя имѣнія его были отобраны въ казну, а подъ конецъ его жизни, уже послѣ 1721 г., его, уже больнаго, умирающаго старика, начальство потребовало къ суду въ Архангельскъ, „по какимъ-то дѣламъ архангельской крѣпости“. Начальству объяснили его физическое положеніе; но все-таки получился отвѣтъ: „не взирая ни на что, выслать его въ Архангельскъ“. Старикъ умеръ въ дорогѣ. При конфискаціи имѣній Перекрестова малая толика перепала и князю Меньшикову. Другая крупная конфискація помѣстій, по приказанію Петра (1711 г.), обрушилась на тогдашняго бригадира слободскихъ полковъ Шидловскаго, благодаря интригамъ того-же Меньшикова и Рагузинскаго. Такимъ образомъ конфискованныя земли снова составляли особый фондъ въ рукахъ московскаго правительства и вносили новый элементъ пертурбаціи въ только что возникавшій порядокъ личнаго заимочнаго владѣнія.

При такомъ разнообразіи происхожденія, категорій и юридическаго положенія поземельнаго владѣнія въ Слободской Украйнѣ, только характеръ внутренняго устройства козачьихъ поселеній повидимому оставался неизмѣннымъ: насколько извѣстно по мѣстнымъ преданіямъ и старымъ актамъ *въ земельныхъ дачахъ слободскихъ козаковъ почти вездѣ существовало участко-наслѣдственное землевладѣніе,* со всѣми послѣдствіями индивидуальной, личной собственности: семейнымъ раздѣломъ, куплей, продажей, завѣщаніемъ и т. п. Въ этомъ порядкѣ аграрнаго устройства заключалась, по видимому, одна изъ существенныхъ чертъ старой черкасской „обыклости“ и народныхъ вольностей. Но есть основаніе думать, что и эта особенность аграрнаго строя, обусловленная можетъ быть прежде всего національными обычаями малороссовъ, уже издавна подвергалась разнымъ ограниченіямъ и исключеніямъ. Изъ предыдущаго изложенія мы уже видѣли, что кромѣ основнаго способа

заселенія—вольной заимки земель, были и другіе способы заселенія: черкассы селились и на землѣ полковой старшины, на монастырскихъ земляхъ, на отводимыхъ имъ прямо отъ правительства; но мы не имѣемъ документальныхъ данныхъ, чтобы категорически отвѣтить на вопросъ, всегда-ли они и въ этихъ случаяхъ сохраняли личный, индивидуальный характеръ землевладѣнія по участково-наслѣдственной системѣ. Извѣстно только, что въ позднѣйшее время, особенно послѣ полтавской битвы, когда правительство Петра и его преемниковъ выступило съ болѣе откровеннымъ образомъ дѣйствій относительно Малороссіи вообще и особенно относительно Слободской Украйны, въ предѣлахъ ея территоріи началось усиленное пожалованіе и дареніе болѣе или менѣе обширныхъ земель великорусскимъ чинамъ и помѣщикамъ, которые уже, ради удобствъ своихъ вотчинныхъ администрацій, естественно вводили у себя великорусскіе порядки крестьянскаго землевладѣнія—общинное устройство. Въ этомъ отношеніи можно положительно сказать, что *общинное владѣніе*, можетъ быть въ огромномъ большинствѣ мѣстностей теперешней харьковской губерніи и особенно восточной ея части, *началось сперва подъ вліяніемъ порядковъ, вносимыхъ великорусскими помѣщиками*, а *потомъ уже окончательно расширилось и явилось, можетъ быть, господствующимъ типомъ подъ вліяніемъ общихъ русскихъ законовъ и въ частности ради удобствъ фиска*. Въ послѣдующемъ изложеніи нашей компиляціи мы надѣемся подробнѣе остановиться на нѣкоторыхъ фактахъ въ подтвержденіе только что высказаннаго нами замѣчанія. Мы лично не имѣемъ никакихъ исключительныхъ симпатій или предубѣжденій относительно личнаго или общиннаго землевладѣнія, но относительно судьбы народнаго землевладѣнія въ Слободской Украйнѣ считаемъ себя въ правѣ замѣтить, что національное, участково-наслѣдственное землевладѣніе военныхъ колонизаторовъ бывшихъ слободскихъ полковъ встрѣтило на пути своего развитія и юридическаго нормированія почти неодолимыя препятствія. Достаточно только вкратцѣ припомнить суровую внѣшнюю исторію этой территоріи, чтобы прежде всего придти къ убѣжденію, что козакамъ слободскихъ полковъ буквально почти некогда было заниматься упроченіемъ и гражданскимъ развитіемъ своихъ бытовыхъ порядковъ вообще и поземельныхъ въ частности: достаточно только вспомнить, что почти

до половины прошлаго вѣка развитію мѣстной гражданской жизни мѣшали, можетъ быть, прежде всего набѣги и разоренія отъ татаръ и другихъ степныхъ хищниковъ, въ томъ числѣ и разной степной вольницы разлагавшагося тогда, среди окружавшихъ его историческихъ условій, Запорожья; мы не говоримъ уже о крайне тревожной для Слободской Украйны эпохѣ гетманства Брюховецкаго, когда сочувствіе къ планамъ этого гетмана въ значительной части населенія Слобожанщины угрожало внести почти между-усобную борьбу (вслѣдствіе „прелѣстныхъ писемъ измѣнника и вора Ивашки Брюховецкаго и его совѣтниковъ)"... а затѣмъ скоро настала и эпоха Екатерины II, когда уже принципіально порѣшено было покончить съ областными особенностями не только Слободской Украйны, но и всей даже гетманской Малороссіи. Такимъ образомъ сперва дѣйствительное незнакомство московскаго правительства съ внутреннимъ устройствомъ поземельнаго владѣнія въ Слобожанщинѣ, а потомъ уже болѣе или менѣе намѣренное игнорированіе этого типа мѣстнаго аграрнаго устройства могли быть причиной того, что *этотъ порядокъ участково-наслѣдственнаго владѣнія остался, такъ сказать, внѣ защиты закона.* Ниже мы увидимъ, какимъ образомъ эта легальная беззащитность участково-наслѣдственнаго владѣнія, поддерживаемая временно и слабо такимъ же беззащитнымъ народнымъ обычаемъ, мало по малу путемъ, такъ сказать, разлагающаго хаоса обращала участково-наслѣдственное владѣніе въ общинное. Въ этомъ отношеніи даже краткое ознакомленіе съ исторіей хотя-бы не многихъ поземельныхъ крестьянскихъ дачъ въ харьковской губерніи могло-бы значительно уяснить фактами нашъ давній метафизическій споръ о томъ, дѣйствительно-ли русскому народу вообще такъ врождена отъ вѣка идея поземельной общины, или-же это аграрное устройство большинства населенія Россіи есть продуктъ весьма сложныхъ и въ томъ числѣ главнымъ образомъ внѣшнихъ условій.

---

2) Четвертныя земли однодворцевъ на сѣверной границѣ Слободской Украйны.

Почти на рубежѣ двухъ аграрныхъ порядковъ Великороссіи и Украйны проходила полоса землевладѣнія, такъ сказать, средняго

типа. Это были вотчинныя и, главнымъ образомъ, *помѣстныя земли* великорусскихъ украинскихъ людей военнаго сословія, преимущественно по направленію бѣлгородской черты.

Судьба этого послѣдняго поземельнаго владѣнія, т. е. земель пограничнаго съ Слободской Украйной великорусскаго военнаго населенія, въ позднѣйшее время получившаго общее названіе однодворцевъ, во многихъ отношеніяхъ тѣсно связана съ судьбою старозаимочныхъ земель бывшей Слободской Украйны. Изъ содержанія и взаимнаго сопоставленія различныхъ указовъ и другихъ аграрныхъ мѣропріятій московскаго, а потомъ русскаго правительства, не трудно замѣтить, что эти указы и мѣропріятія отчасти преслѣдовали (хотя и разновременно) однѣ и тѣ-же цѣли какъ относительно однодворческихъ, такъ и старозаимочныхъ земель, а отчасти видимо не различали этихъ двухъ весьма различныхъ категорій землевладѣнія; вообще-же говоря, въ томъ и другомъ случаѣ преслѣдовались главнымъ образомъ дѣйствительныя, или кажущіяся интетересы и удобства центральнаго правительства и фиска, при чемъ не рѣдко самыя крутыя преобразовательныя мѣры шли впереди ближайшаго знакомства съ тѣмъ положеніемъ вещей въ далекихъ провинціяхъ, заглазное реформированіе которыхъ они предпринимали.

Изъ краткаго изложенія многихъ превратностей поземельнаго владѣнія однодворцевъ можно было-бы установить нѣкоторыя общія положенія, которыя почти вполнѣ имѣли мѣсто и въ исторіи старозаимочнаго землевладѣнія бывшихъ слободскихъ полковъ.

Въ самомъ началѣ исторіи однодворческихъ земель мы встрѣчаемъ тотъ знаменательный въ настоящемъ случаѣ фактъ, что *землевладѣніе это, также какъ и старозаимочное, имѣло въ началѣ личный, индивидуальный характеръ,* или, какъ говоритъ г. Побѣдоносцевъ, „основано было по начальному происхожденію на помѣстномъ правѣ, а по переходу—на правѣ наслѣдственномъ“ [1]).

Какъ извѣстно, сословіе однодворцевъ, этихъ „украинскихъ служилыхъ людей“ великорусскаго происхожденія, образовалось изъ потомковъ служилыхъ людей разныхъ чиновъ московской военной службы (дѣтей боярскихъ, козаковъ, стрѣльцовъ, драгуновъ, солдатъ

---

[1]) Курсъ гражд. права, ч. I, стр. 498.

и т. д.), поселенныхъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ на украинской линіи и въ окраинныхъ московскихъ городахъ, для охраненія юго-восточныхъ границъ московскаго государства отъ непріятелей. „Всѣмъ имъ, говоритъ тотъ-же авторъ „Курса гражданскаго права", раздавались на *помѣстномъ правѣ отдѣльными участками на каждаго человѣка особо земли,* на которыхъ они селились отдѣльными дворами въ слободы; раздача этихъ помѣстныхъ земель опредѣлялась *четвертями* (около $1^1/_2$ десятины), откуда эти земли получили названіе *четвертныхъ земель.* Къ этимъ четвертнымъ землямъ принадлежали: 1) данныя однодворцамъ отъ правительства для первоначальнаго поселенія и для исправленія службы въ помѣстье прежде 1724 года, т. е. прежде обращенія ихъ въ подушный окладъ, 2) заселенныя самими однодворцами изъ дикопорожнихъ земель и во время межеванія утвержденныя за ними въ указную пропорцію на душу и 3) купленныя цѣлою волостью или селеніемъ у помѣщиковъ съ правомъ собственности. *Владѣніе этого рода называлось помѣстнымъ, потому что первоначально земли розданы были служилымъ людямъ въ помѣстье, для исправленія государственной службы.* Въ послѣднее время стали называть *четвертными* отъ слова четверть (уже объясненная выше поземельная мѣра—полторы десятины). Отсюда *четвертное право* землевладѣнія [1]).

Въ классъ однодворцевъ поступали также обѣднѣвшія и ставшія мелкопомѣстными дворянскія фамиліи; а при Петрѣ I даже дворяне, имѣвшіе иногда по 100 и 200 дворовъ своихъ собственныхъ крестьянъ, избѣгая крутыхъ мѣропріятій энергическаго реформатора, тоже записывались въ однодворцы. Когда, при введеніи Петромъ I регулярнаго войска и замѣны имъ прежнихъ служилыхъ людей московскаго государства, права дворянства стали получаться на извѣстныхъ условіяхъ въ связи съ регулярной военной службой, многіе „украинскіе служилые люди" (т. е. пограничное съ Слободской Украйной московское военное населеніе) не захотѣли, или не могли подчиниться этимъ новымъ военнымъ порядкамъ и вслѣдствіе этого большая часть такъ называемыхъ однодворцевъ не вошла въ дво-

---

[1]) См. IX т. зак. о сост., изд. 1855 г. ст., 755, 756, 671, 672, 673 и 676. Судебный Вѣстникъ 1870 г., № 352, «о четвертныхъ земляхъ».

рянское сословіе, *а въ 1724 г. всѣ однодворцы, не поступившіе въ регулярную военную службу, были причислены къ государственнымъ крестьянамъ.* Такимъ образомъ механическое начало циркулярныхъ мѣропріятій, обусловленное отсутствіемъ въ это время уже всякой автономіи областей въ предѣлахъ бывшаго московскаго государства, за исключеніемъ развѣ доживавшей свой вѣкъ гетманщины, вызвало и въ быту однодворцевъ такіе странные факты, какъ нарожденіе новой массы государственныхъ крестьянъ изъ разжалованныхъ, такъ сказать, однодворцевъ, которые сами владѣли крѣпостными крестьянами; но, располагая своими крѣпостными людьми по всему произволу нигдѣ точно неоговореннаго въ законахъ крѣпостнаго права, они въ то-же время сами не имѣли полнаго права на свои помѣстныя земли, ибо, въ интересахъ охраненія поземельнаго фонда бывшаго военнаго служилаго сословія московскаго государства, однодворцы имѣли право мѣны, продажи, залога и другихъ гражданскихъ сдѣлокъ по своимъ землямъ только въ средѣ своего сословія—великорусскихъ „украинскихъ служилыхъ людей". Въ этомъ случаѣ, если не допустить фискальной точки зрѣнія, то позволительно думать, что правительственная мѣра, упраздняя почти цѣлое сословіе, какъ военно-служилый классъ, вѣроятно только по недоразумѣнію оставила прежнія историческія условія его землевладѣнія, а именно его замкнутость въ классѣ только однодворцевъ, безъ всякаго измѣненія. Только въ 1714 году, какъ говоритъ г. Побѣдоносцевъ, прекратилась раздача помѣстій и помѣстное право уравнено было съ вотчиннымъ, т. е. всѣ прежнія ограниченія въ распоряженіи помѣстными землями должны были уничтожаться.

Хотя въ это время однодворцы уже были приравнены къ крестьянамъ (владѣя однако-же, какъ мы видѣли выше, сами крѣпостными людьми) и находились въ низшемъ сословіи сельскихъ обывателей; но, очевидно, по новому простому недоразумѣнію, можетъ быть, просто по недосмотру центральнаго правительства, и для нихъ также не было сдѣлано никакого исключенія въ наставшей теперь полной свободѣ распоряженія бывшими помѣстными землями, хотя въ это-же время оставался въ полной силѣ общій порядокъ, „по которому сельскіе обыватели низшихъ сословій не могли располагать землями въ уѣздѣ на полномъ правѣ собственности". Только черезъ 13-ть лѣтъ послѣ этого недоразумѣнія, именно въ 1727 г.,

послѣдовалъ *запретительный указъ* объ ограниченіи поземельныхъ правъ однодворцевъ, наравнѣ съ остальной массой низшихъ сословій сельскихъ обывателей; но въ это промежуточное время 13-ти лѣтъ и даже гораздо позднѣе, почти до изданія межевой инструкціи 1766 г., однодворцы распродали массу своихъ вотчинныхъ и помѣстныхъ земель лицамъ другихъ мѣстностей и разныхъ сословій. Всѣ эти обстоятельства и множество другихъ, каковы: дробленіе личнаго владѣнія по наслѣдству, выходъ многихъ однодворцевъ въ дворяне съ особенными правами на землю, завлекавшее многихъ переселенцевъ и покупщиковъ плодородіе земли на сѣверныхъ предѣлахъ Слобожанщины и тому подобное,—*при отсутствіи мѣстныхъ и общедоступныхъ межевыхъ и спеціальныхъ учрежденій,* которыя по мѣрѣ надобности могли-бы регистрировать и регулировать естественное непрерывное движеніе и перемѣны мелкаго поземельнаго владѣнія, были причиною какъ чрезвычайной чрезполосицы однодворческихъ дачъ, такъ и развивавшагося у владѣльцевъ этихъ дачъ духа жалобъ и сутяжничества.

Уже изъ этого бѣглаго обзора исторіи чрезполосныхъ земель однодворцевъ можно видѣть тѣ особенности этого землевладѣнія, которыя во многомъ сближали его съ старозаимочнымъ земельнымъ порядкомъ въ Слободской Малороссіи.

Такъ прежде всего, не смотря на различное происхожденіе (какъ будетъ сказано еще ниже) этихъ двухъ категорій землевладѣнія, *въ томъ и другомъ имѣло мѣсто начало личнаго и наслѣдственнаго владѣнія.* Въ бывшемъ военномъ сословіи великорусскихъ украинскихъ людей этотъ фактъ можетъ быть объясняемъ личнымъ составомъ этого класса, который во всякомъ случаѣ представлялъ уже сравнительно высшіе слои народной великорусской массы и даже иногда владѣлъ ею, какъ видѣли выше, на крѣпостномъ правѣ. Мы уже говорили, что самая раздача земель этому сословію на помѣстномъ правѣ, т. е. съ условіемъ обязательной военной службы и съ тѣми ограниченіями въ распоряженіи этой землей, которыя имѣли въ виду задержаніе этихъ земель въ одномъ только классѣ служилыхъ военныхъ людей,—производилась *„на каждаго человѣка особо“*. Обращеніе этого класса мелкихъ и среднихъ землевладѣльцевъ въ сословіе крестьянъ не во имя какихъ либо высшихъ принциповъ соціальной правды, а просто въ интересахъ безличной ни-

велировки для болѣе удобнаго взысканія податей и упрощенія государственнаго механизма, было во всякомъ случаѣ *униженіемъ личности*, что, въ связи съ полной неопредѣленностью юридической и матеріальной стороны землевладѣнія и съ падавшими иногда внезапно крутыми, а порою даже взаимно противорѣчивыми, или физически неисполнимыми, какъ увидимъ ниже, мѣропріятіями, не могло не сказаться упадкомъ матеріальной и даже нравственной стороны населенія; а все это вмѣстѣ естественно должно было повлечь за собою неизбѣжный *регрессъ провинціальной жизни*. И этотъ регрессъ, какъ можно фактически прослѣдить даже въ бѣгломъ обзорѣ исторіи провинціальнаго землевладѣнія, шелъ почти рука объ руку съ тѣмъ исключительнымъ положеніемъ центральной власти, которое неизбѣжно должно было усилиться односторонне-систематическими мѣропріятіями державнаго реформатора начала прошлаго вѣка. Уже одна замѣна земскаго ополченія древней Руси регулярнымъ войскомъ сразу освобождала центральную власть отъ всякой необходимости въ чемъ-либо считаться съ тѣми или другими условіями сперва великорусскихъ областей, а впослѣдствіи и всѣхъ другихъ провинцій. Послѣдующую судьбу однодворческаго землевладѣнія мы изложимъ въ немногихъ словахъ. Вмѣсто прежняго порядка военной службы великорусскихъ украинскихъ людей, они съ 1713 г. стали комплектовать собой *ландмилицкіе полки* московской украинской линіи и для обезпеченія этого комплектованія, а также для устраненія „всякаго помѣшательства въ платежѣ подушныхъ денегъ“ (т. е. ради военныхъ и фискальныхъ цѣлей) и возникло уже упомянутое нами выше ограниченіе поземельныхъ правъ однодворцевъ въ 1727 г. Впослѣдствіи различныя аграрныя мѣропріятія съ фискальными цѣлями мотивировались „устройствомъ хозяйственнаго быта“ и даже „улучшеніемъ“ быта; но пріемы и основные мотивы оставались тѣ-же. По межевой инструкціи 1754 г., въ интересахъ имущественнаго равенства и единообразія (опять ради фискальныхъ удобствъ) было предложено всѣхъ ландмилиціонеровъ надѣлить землей по 30 десят. на дворъ (изъ четырехъ человѣкъ), а потомъ уже и по 15 десят. на душу; но это благое начинаніе, по видимому, совершенно не осуществилось, ибо въ большинствѣ мѣстностей бывшей ландмилиціи (великорусская украинская ландмилиція существовала до 1769 г.) далеко не оказалось земли въ потребномъ для такого надѣла количествѣ.

1766 годъ представляетъ собою особенно важный моментъ въ исторіи четвертныхъ земель, такъ какъ въ это время произошло окончательное стѣсненіе правъ четвертнаго владѣнія. *Въ межевой инструкціи* этого года вся XIX ея глава посвящена однодворческимъ или помѣстнымъ землямъ, которыя въ это время были уже окончательно признаны казенными, а однодворцамъ была запрещена не только продажа своихъ четвертныхъ земель, но даже и покупка новыхъ. Пунктомъ 1-мъ упомянутой выше XIX главы межевой инструкціи 1766 г. велѣно: „всѣ состоящія за однодворцами (и другими служилыми людьми) земли утверждать по всякимъ укрѣпленіямъ *не каждому въ порознь, а вообще всему селенію* особо отъ другихъ"; пунктомъ 2-мъ: *„перешедшимъ въ мѣщанство и купечество земель въ однодворческой дачѣ не намѣривать"*; пунктомъ 19-мъ: „послѣ умершихъ однодворцевъ, оставшихся земель ихъ женамъ и дочерямъ ихъ, какъ наслѣдникамъ, на части не дѣлить и въ приданое за дочерьми, вышедшими замужъ за людей другаго званія и за однодворцевъ въ другія селенія, не отдавать, но оставлять при тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ примежованы". Пунктъ 20-й гласилъ: „если послѣ однодворца сыновей не останется, а дочери, и онѣ выйдутъ замужъ за однодворцевъ-же въ другія селенія, то оставшуюся землю отдавать поженившимся тогда лишь, когда мужъ согласится перейти на участокъ тестя, отъ своей-же земли отречется въ пользу другихъ того селенія жителей". Пункты 19 и 20 вошли въ сводъ законовъ и образовали 672 и 673 ст. IX т. зак. о сост., изд. 1857 г. Такимъ образомъ: „генеральное межеваніе ограничило помѣстную землю однодворцевъ такъ, что она не можетъ отдѣлиться отъ селенія и вѣчно должна обращаться между односельцами. Значитъ, ни купецъ, ни мѣщанинъ, ни даже однодворецъ другаго селенія, хотя-бы они были и законные сыновья однодворца, ни дочь его, вышедшая замужъ въ другое селеніе, ни жена его послѣ смерти не наслѣдуютъ. Однимъ словомъ, не принадлежащій къ обществу не наслѣдникъ въ четвертной землѣ, а равно вдова умершаго" [1]).

Наконецъ черезъ 110 лѣтъ послѣ межевой инструкціи, закономъ 1866 и 1867 годовъ и главнымъ образомъ введеніемъ *владѣн-*

---

[1]) Судебный Вѣстникъ 1870 г. № 352 «о четвертныхъ земляхъ».

ныхъ записей, все таки съ неизмѣнной цѣлью „улучшенія быта“, положенъ былъ рѣшительный конецъ своеобразному положенію однодворческаго землевладѣнія, которое и слилось съ этого времени съ общей массой безличнаго крестьянскаго владѣнія, съ почти полной для внѣшняго міра неизвѣстностью всего, что съ этого времени происходило и происходитъ въ предѣлахъ всѣхъ этихъ общинныхъ крестьянскихъ дачъ, гдѣ въ интересахъ фиска не требовалось никакой внутренней регистраціи земель по лицамъ и дворамъ, а все дѣло ограничивалось только записью земель „не каждому порознь, а вообще всему селенію, особо отъ другихъ“. Въ настоящее время, насколько намъ извѣстно по частнымъ свѣдѣніямъ, во многихъ однодворческихъ дачахъ осталось только преданіе о бывшемъ когда-то личномъ, участковомъ владѣніи: теперь эти дачи уже volens-nolens подчинились общинному порядку.

Изъ этого краткаго обзора судьбы однодворческихъ земель не трудно понять, почему съ внѣшней стороны нерѣдко крайняя, нигдѣ точно и постоянно не региструемая *чрезполосица* частнаго и общиннаго владѣнія, а въ сферѣ сознанія крайнее затемнѣніе, если не полное упраздненіе въ населеніи понятій о собственности должны были съ теченіемъ времени выработаться въ наличные господствующіе факты жизни. Такое аграрное положеніе должно было представлять собою отрицаніе какъ индивидуальнаго, такъ и общиннаго владѣнія и выражало собою развѣ только одинъ принципъ *полной случайности*, а слѣдовательно и отсутствіе всякой органичности и условій дальнѣйшаго саморазвитія. Такимъ образомъ постепенно, но почти непрерывно провинціальная жизнь все болѣе и болѣе теряла начало самоопредѣленія даже въ тѣсной домашней сферѣ имущественныхъ отношеній.

Вышеизложенный краткій очеркъ исторіи однодворческихъ земель даетъ намъ возможность намѣтить одну, какъ намъ кажется, весьма важную особенность этой исторіи: личное поземельное владѣніе было первоначально, по крайней мѣрѣ, замѣтнымъ фактомъ и среди великорусскаго военнаго населенія московской украинской линіи; превращеніе-же этого личнаго, индивидуальнаго землевладѣнія въ общинное совершилось не изъ „нѣдръ народнаго духа“, а по внѣшнимъ, почти механическимъ условіямъ, на глазахъ еще недавней исторіи. Подробности процесса этого превращенія могутъ

быть отчасти поняты и изъ послѣдующей исторіи старозаимки. Нивелирующія и фискальныя реформы, съ начала прошлаго вѣка, остановили дальнѣйшее естественнее развитіе личнаго начала въ землевладѣніи однодворцевъ и сами по себѣ не дали, или не могли дать ему, безъ тяжелой и продолжительной ломки, органическаго общиннаго устройства; внутреннее-же положеніе дачъ, за отсутствіемъ мѣстнаго межеваго вѣдомства и необходимой при мелкомъ личномъ землевладѣніи полной децентрализаціи межевыхъ учрежденій, оставалось безъ выясненія и точной регистраціи. Отсюда сначала хаотическая чрезполосица однодворческихъ земель въ предѣлахъ одной и той-же дачи, а потомъ чрезполосица ихъ съ владѣніемъ другихъ сословій и юридическая и фактическая неопредѣленность однодворческаго землевладѣнія. Все это неизбѣжно отразилось и на самомъ характерѣ населенія: „между однодворцами и помѣщиками завелось, какъ говоритъ г. Побѣдоносцевъ, великое множество судныхъ дѣлъ о завладѣніяхъ и обидахъ, и развилась вредная привычка къ жалобамъ и сутяжничеству“ [1]). Но тутъ всякому понятно, что какъ индивидуализмъ землевладѣнія не былъ чуждъ великорусскому элементу, также точно и страсть сутяжничества не была характерной чертой однихъ малороссовъ, а вызывалась и поддерживалась довольно конкретными причинами.

Такъ какъ реформаторская дѣятельность сперва московскаго, а потомъ русскаго правительства прежде всего географически и по ходу исторіи имѣла въ виду однодворческія земли, а потомъ уже принялась за старозаимочное владѣніе; то, какъ увидимъ ниже, многія правительственныя мѣры и законы, обусловленные исторіей и характеромъ четвертнаго землевладѣнія, стали потомъ всецѣло примѣняться и къ землевладѣнію войсковыхъ обывателей слободско-украинской губерніи; такъ, напримѣръ, генеральное межеваніе въ этой губерніи опредѣлило только внѣшнія границы даже и старозаимочныхъ дачъ, а внутри этихъ дачъ опредѣлялись только земли другихъ сословій, кромѣ войсковыхъ обывателей; фактическое и даже документальное личное владѣніе этихъ послѣднихъ и въ настоящее время остается безъ всякой съемки и формальнаго опредѣленія. Впрочемъ межеваніе земель не по владѣльцамъ, а по селеніямъ

---

[1]) См. его «Курсъ гражд. права», стр. 499.

могло вызываться, помимо недостатка мѣстныхъ межевыхъ средствъ и учрежденій, еще и физической невозможностію для центральнаго правительства угоняться, такъ сказать, за постояннымъ измѣненіемъ и метаморфозами въ микрокосмѣ жизни обширныхъ провинцій: извѣстно, что земли козаковъ черниговской губерніи, „составляющія частную отдѣльную собственность каждаго изъ нихъ, еще и въ 1838 г. не были приводимы въ извѣстность никакимъ измѣреніемъ", и владѣльцы этихъ земель опредѣляли ихъ величину, такъ сказать, допотопнымъ способомъ: количествомъ времени, потребнаго для обработки, или-же количествомъ высѣваемаго зерна [1]).

Кромѣ сказаннаго объ однодворческихъ земляхъ, многія спеціальныя мѣры, какъ напримѣръ указы Петра и его пріемниковъ о воспрещеніи или разрѣшеніи пріобрѣтать земли однодворцамъ (указы 1724, 1727, 1801 г.), стали въ позднѣйшія времена примѣняться и къ старозаимочнымъ землямъ, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго нашего изложенія. Ошибки и недоразумѣнія позднѣйшей областной администраціи слободско-украинской губерніи, можетъ быть вызывались и тѣмъ обстоятельствомъ, что, по причинамъ, угадывать которыя мы не беремся, спеціальная инструкція Екатерины II для размежеванія слободскихъ полковъ видимо осталась безъ примѣненія къ дѣлу, и позднѣйшія административныя мѣропріятія относительно старозаимочныхъ земель чаще всего ссылаются на межевыя инструкціи 1754 и 1766 годовъ, имѣвшія главнымъ образомъ въ виду условіе и положеніе однодворческаго землевладѣнія.

Теперь возвращаемся снова къ главному предмету нашей статьи—исторіи старозаимочнаго поземельнаго владѣнія Слободской Украйны. Однодворческое землевладѣніе, и помимо внѣшнихъ мѣръ, могло заключать въ себѣ начала внутренняго разложенія и механическаго превращенія въ общинные порядки. Размноженіе потомства перводачниковъ и владѣніе со стороны нѣкоторыхъ однодворцевъ крѣпостными людьми естественно порождало въ ихъ средѣ классъ безземельныхъ, которые, при безуспѣшности по тѣмъ или другимъ причинамъ личной энергіи въ дѣлѣ пріобрѣтенія жизненныхъ средствъ, естественно должны были тяготѣть къ коммунальнымъ аграрнымъ порядкамъ. При такихъ условіяхъ безземельный

---

[1]) Земскій Сборникъ черниговской губерніи 1877 г., № 5—8.

и даже малоземельный сельскій пролетаріатъ, особенно при отсутствіи городскихъ промысловъ, естественно долженъ былъ идти на встрѣчу всѣмъ нивелирующимъ мѣрамъ власти въ гражданской сферѣ жизни. Легкость усвоенія этого міровоззрѣнія, во всякомъ случаѣ парализующаго, при отечественныхъ культурныхъ условіяхъ, начало личности и личной энергіи можетъ быть повлекла за собой и тотъ недостатокъ нравственныхъ началъ, который уже неоднократно замѣчался въ основѣ этого коммунальнаго міровоззрѣнія нашихъ крестьянскихъ массъ: скудный земельный надѣлъ въ общинѣ, правда, обезпечивалъ его бѣдное физическое существованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ и предѣлъ дальнѣйшему личному преуспѣянію и предпріимчивости. Кромѣ того различіе самыхъ основныхъ принциповъ въ землевладѣніи высшихъ классовъ населенія и массы народа (мы разумѣемъ индивидуальную собственность первыхъ и общинное пользованіе землей послѣдними), принциповъ, порожденныхъ даже различными внѣшними причинами, не могло не развивать мало-по-малу той нравственной и матеріальной розни между этими классами, которая въ наше время уже обычно называется *пропастью* и давно тяжело задушиваетъ всѣхъ искреннихъ сторонниковъ мирнаго развитія. На этой недоговоренной мысли мы и оставляемъ затронутый нами трудный абстрактный вопросъ о культурномъ значеніи различныхъ принциповъ землевладѣнія при различныхъ общихъ политическихъ условіяхъ. Конечно, теперь безплодно сожалѣть о томъ, что наша исторія большею частію механически и прямолинейно регламентировала жизнь даже въ тѣхъ ея важнѣйшихъ моментахъ, когда она должна была формироваться постепенно, путемъ осторожнаго самоопредѣленія и только подъ умѣряющимъ и регулирующимъ вліяніемъ государства, какъ естественнаго представителя общаго интереса.

---

3) Перепись слободскихъ полковъ 1726 года.

(Административная организація и характеръ поземельнаго владѣнія въ ахтырскомъ полку).

Въ числѣ матеріаловъ у насъ имѣется рукописная книга 1726 г., которую можно назвать *Статистическимъ описаніемъ* ко-

зачьяго населенія ахтырскаго полка. Изъ содержанія этой книги видны и причины, вызвавшія ея составленіе, и самый ходъ онаго.

Въ концѣ 1725 или началѣ 1726 г., какъ видно изъ помѣщеннаго въ этой книгѣ указа канцеляріи бѣлгородской провинціи ахтырскому полковнику Лесевицкому, рѣшеніемъ „верховнаго тайнаго совѣта и приговоромъ высокаго сената велѣно было“ *слободскіе полки выдать въ военной коллегіи* и учинить въ нихъ компанейцовъ *по прежнему,* по разсмотрѣнію той коллегіи, и для того *тѣхъ полковъ жителей переписать,* кому о томъ коллегіей опредѣлено будетъ, а сербовъ, которые пристали въ службу ея... величества и обрѣтаются въ командѣ кіевскаго генералъ-губернатора, тѣхъ росписать къ тѣмъ компанейщикамъ; тако-жъ буде въ тѣхъже слободскихъ полкахъ будутъ обрѣтаться какіе люди военной службы, тѣмъ безъ изъятія всѣмъ вѣдомымъ (быть) въ той-же военной коллегіи“...

Полковникомъ ахтырскаго слободскаго полка былъ въ то время Лесевицкій; отъ него, какъ конечно и отъ другихъ полковниковъ по ихъ полкамъ, предписаніемъ генералъ-фельдмаршала и полковника лейбъ-гвардіи семеновскаго полка князя Михаила Михайловича Голицына, затребована была „вѣдомость, въ самой скорости“, о составѣ всего населенія ахтырскаго полка: „о старшинѣ, сотникахъ, подпрапорныхъ, о козакахъ кумпанейцахъ и подмощникахъ и прочихъ служителяхъ и какіе военной службы люди обрѣтаются, не выключая никого, и тѣ компанейцы *съ своихъ-ли грунтовъ служатъ,* или имѣютъ подмощниковъ, и по скольку, и тѣ подмощники имъ подмогаютъ по вся-ль годы, и чѣмъ—деньгами или хлѣбомъ, тако-жъ и бобылей отъ каждой сотни отписать именно, подъ лишеніемъ не токмо чести, и живота“. Предписаніе заканчивается угрозой, что если эта вѣдомость окажется неправильной, то такая неправильность (т. е. главнымъ образомъ укрывательство) взыщется на самомъ полковникѣ Лесевицкомъ. Распоряженіе это, помѣченное 14 мая 1726 г., дано было княземъ Голицынымъ изъ его походной канцеляріи, бывшей въ то время въ Острогожскѣ.

Угроза предписанія побуждала Лесевицкаго къ точному его выполненію и вызвала въ приказѣ отъ него по сотнямъ его полка такое замѣчаніе: „да было-бы у писара вашего, когда зъ оною вѣдомостію въ Ахтырку пріездитиметь, зо свого чистого паперу либеръ

по двѣ въ запасъ, для переписки, ежели неправно что покажется"... Въ одинъ мѣсяцъ были собраны всѣ эти свѣдѣнія и отвѣтное доношеніе полковника Лесевицкаго послано по командѣ 16 іюня 1726 года. Но, не смотря на приведенное сейчасъ предостереженіе на счетъ „двухъ либеръ чистаго паперу", полковникъ сомнѣвался, кажется, въ вѣрности переписи и заканчивалъ свое доношеніе такимъ объясненіемъ: „....и во извѣстіе спокорнѣйше вашему сіятельству доношу, яко по посланнымъ вѣдомостямъ обыватели въ единомъ состояніи (т. е. какъ показано въ вѣдомостяхъ) и чрезъ малое время фундаментальнымъ житіемъ быть не могутъ, *понеже по своему черкаскому обыкновенію никогда въ однихъ домехъ не поживутъ, но переходятъ съ мѣста на мѣсто, куда хто похочетъ*, и оттого при полку бываетъ временемъ въ обывателяхъ прибель, а временемъ убель".

Произведенная теперь общая перепись слободскихъ полковъ даетъ намъ не только понятіе о характерѣ службы козаковъ, административномъ устройствѣ въ это время ахтырскаго, а слѣд. и другихъ полковъ, численности населенія полка ахтырскаго, внутреннихъ соотношеніяхъ составныхъ его частей и его территоріи, но и нѣкоторыя данныя относительно характера и организаціи землевладѣнія въ военномъ населеніи этого полка.

Въ эпоху переписи 1726 г. границы ахтырскаго полка заключали въ себѣ большую часть теперешняго ахтырскаго уѣзда (за исключеніемъ сѣверной его части), небольшую часть лебединскаго, почти весь теперешній богодуховскій уѣздъ и небольшую юго-западную часть валковскаго уѣзда. Это пространство полка опредѣляетъ намъ, какъ великъ былъ районъ козацкаго землевладѣнія въ этомъ полку. Полкъ въ это время заключалъ въ себѣ 20 сотень, при чемъ полковой городъ Ахтырка состоялъ изъ двухъ сотень; города или мѣстечки этого-же полка—Боромля и Котельва заключали въ себѣ также по двѣ сотни. Именная перепись населенія 1726 года совершенно не коснулась класса духовенства, и о немъ упоминается только мимоходомъ, при перечисленіи класса „сусідъ", которые вездѣ показаны живущими на чужихъ „подворкахъ".

Итогъ этой переписи ахтырскаго полка далъ слѣдующія цифры:

Полковникъ 1

Полковой старшины (обозный, асаулъ, судья, ротмистръ, три полковыхъ писаря и два хорунжихъ) 9

Полковыхъ пушкарей	8
Прочихъ служителей (въ этомъ числѣ 3 канцелярскихъ писаря, 1 подъ-асаульный, 1 литаврщикъ, 1 сурмачъ, 4 трубача и 5 „полевыхъ сторожей“, которые учреждены „для посылки съ почтовыми письмами“) . . .	23
Ахтырскихъ полковыхъ сотниковъ	2
Въ Ахтыркѣ городовой службы мѣщанъ и купеческихъ людей	78
Городовыхъ сотниковъ	15
Подпрапорныхъ	42
Городовыхъ и сельскихъ атамановъ	24
Сотенныхъ писарей	12
Сотенныхъ хорунжихъ	11
Выборныхъ козаковъ-компанейцовъ	1222
Ихъ подмогчиковъ или спомогателей	5510
„За подмогою самыхъ скудныхъ и въ подмогу негодныхъ“.	286
„Сусідъ“, которые жили на чужихъ подворкахъ, преимущественно у старшины; сотниковъ, духовенства и болѣе богатыхъ козаковъ, или ихъ подмогчиковъ	402
Городовыхъ и сотенныхъ „услужниковъ“ (низшій разрядъ которыхъ назывался, кажется, асаульці, а къ высшему принадлежали провіантовые зборщики)	65
Итого всѣхъ „чиновъ“ военной службы ахтырскаго полка .	1359
Подмогчиковъ и посполитыхъ	6.341
Всего населенія по означеннымъ разрядамъ	7.700

Въ итогѣ „чиновъ“ пропущено 87, вѣроятно 78 мѣщанъ и 9 служителей; кромѣ того въ перепись не вошли находившіеся въ это время въ гилянскомъ походѣ 3 сотника съ 250 козаками, въ бахмутскомъ конвоѣ 40 человѣкъ, въ Изюмѣ „въ надсмотрѣніи лѣсовъ“ при Донцѣ и по другихъ мѣстахъ 11 человѣкъ, и при Коломакѣ на форпостѣ съ перемѣною одинъ сотникъ съ сотней козаковъ, а всего изъ ахтырскаго полка было въ отлучкѣ въ это время на военной и полицейской службѣ 404 человѣка.

Эта-же „именная опись“ 1726 года заключаетъ въ себѣ хотя общія, но весьма цѣнныя объясненія и замѣтки о служебныхъ обязанностяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ вышеназванныхъ отдѣловъ

населенія. Въ концѣ описи каждой сотни находится приписка, дающая понятіе о служебныхъ обязанностяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ перечисленныхъ въ описи отдѣловъ населенія. Она вездѣ почти одна и таже и гласитъ такъ: „а вишеписанніе подможчики (или подмогчики) мнѣ, сотнику, и подпрапорнымъ (если такіе есть въ сотнѣ) и выборнымъ козакамъ-компанейцамъ, съ примѣру противъ другихъ полку ахтырскаго старшины, опредѣлены по отпискѣ въ бытность еще въ Бѣлгородѣ боярина и воеводы князя Якова Федоровича Долгорукова, а разсмотрѣніемъ бывшаго ахтырскаго полковника Ивана Перекрестова и бывшаго въ ахтырскомъ-же полку бригадира Федора Осипова, когда въ слободскихъ полкахъ велѣно выбрать компанейцовъ и дать имъ подмогчиковъ, кои за выборомъ компанейцовъ останутся изъ посполъства, для пополненія службы въ тотъ образъ оные сотницкіе подможчики вмѣсто денежной и провіантовой подмоги, для пополненія ея императорскаго величества службы, чинять ему вспоможеніе повозкою сѣна и дровъ безъ отягощенія; да съ нихъ-же подможчиковъ беремъ за собою у военный походъ погонщиками на свои возки; а виборнихъ козаковъ компанейцовъ ихъ вспомагатели (подмогчики) спомагають по своему обыкновенію и по возможности провіантомъ и деньгами для покупки лошадей и ружя и на протчіи всякіе потребства, временно, а повсягодно токмо въ ту пору, когда бываютъ козаки на службѣ ея императорскаго величества въ дальнихъ походѣхъ; да тѣжъ наши вспомогатели и, кромѣ той подмоги, армейскіе полки провіантомъ и фуражемъ суспентують всѣ врядъ безобиходно—подводы возятъ и прочие въ интересахъ ея императорскаго величества и полковие должности отбувають; да изъ нихъ-же, подможчиковъ, на убылое мѣсто хто изъ служащихъ козаковъ компанейцовъ *оскудѣетъ*, или сомретъ, всегда опредѣляются въ тѣ-жъ служащіе козаки-компанейцы, дабы указный козацкій компутъ непремѣнно содержался въ въ цѣлости“.

Отмѣтимъ въ этой припискѣ слѣдующіе факты:

1) Еще до переписи слободскихъ полковъ 1726 г. была произведена въ нихъ какая-то важная реформа, за время бѣлгородскаго воеводы, князя Якова Федоровича Долгорукова, состоявшая, какъ можно догадываться, въ введеніи въ козачьемъ населеніи набора козаковъ и постоянной личной службы, въ противуположность ко-

ренному козачьему обычаю вольной службы и замѣны одного члена семьи другимъ и даже постороннимъ наемщикомъ.

2) Послѣдствіемъ этой реформы было раздѣленіе козачьяго населенія на людей служилыхъ и ихъ подмогчиковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ упраздненіе, какъ думать можно, класса посполитыхъ, ибо все малорусское населеніе, по крайней мѣрѣ, ахтырскаго полка, за выборомъ установленнаго числа козаковъ-компанейцовъ, было записано въ классъ подмогчиковъ для всѣхъ чиновъ козацкой службы.

3) Козацкіе подмогчики не только содержали своихъ выборныхъ козаковъ деньгами и натурою и замѣщали собою всѣ убылыя козацкія мѣста, но давали еще и на армейскіе полки „провіантъ и фуражъ", а также, какъ офиціально глухо сказано въ припискѣ, „и прочіе полковыя должности отбуваютъ".

4) Хотя эти повинности, какъ говорится въ доношеніи, совершались „безъ отягощенія", но этому вѣрить трудно какъ потому, что они не были опредѣлены, да врядъ-ли и могли быть опредѣлены, такъ и потому, что во всякомъ случаѣ это были двойныя и совершенно разнородныя повинности предъ двумя начальствами: своей козацкой старшиной и вѣдомствомъ армейскихъ полковъ. Можетъ быть это непосильное бремя и было причиною того „черкасскаго обыкновенія, что обыватели не жили фундаментально никогда въ однихъ домахъ, но переходили съ мѣста на мѣсто", какъ доносилъ полк. Лесевицкій.

Центромъ козачьяго управленія ахтырскаго полка была ахтырская *полковая канцелярія*, и кромѣ того въ Ахтыркѣ была въ это время и *полковая ратуша*, которая, нужно думать, вѣдала купцовъ и мѣщанъ. Въ нашей именной описи 1726 г. рубрика этого класса населенія назвала: „вѣдомость городовой службы мѣщанамъ, которые стоятъ въ казни (?) на караулѣ"; въ этой рубрикѣ показаны городничій (Логвинъ Ивановъ), 12 пушкарей все великорусскихъ фамилій, 9 цѣловальниковъ—тоже великороссовъ; „рядовыхъ мѣщанъ" въ самой Ахтыркѣ показано 32 человѣка, въ сотенномъ мѣстечкѣ Кириковкѣ 9 человѣкъ, въ селѣ Рабынѣ тоже 9. Мѣщане, какъ видно, вѣдались городничимъ; кромѣ того въ Ахтыркѣ въ 1727 г. показано 6 купцовъ, о которыхъ сказано: „ахтырскіе жители купеческіе люди, которыя въ ея императорскаго величества и въ полковыхъ интересахъ надлежащія повинности врядъ

съ другими отбувають, а въ командѣ вѣдомы въ ахтырской полковой ратушѣ".

Ахтырскій полкъ въ 1726 г. состоялъ изъ 20 сотень и еще двухъ козачьихъ поселеній: Жигайловки и Хухры, которыя въ описи 1726 г. почему-то остались прямо непричисленными къ сотнямъ. Въ переписи каждой сотни населеніе исчислено по тѣмъ-же разрядамъ, какіе мы видѣли выше въ общей вѣдомости; вездѣ оно дѣлится на два главные класса: „выборныхъ козаковъ-компанейцовъ" и ихъ *подможчиковъ* или *спомогателей*; остальная, сравнительно незначительная часть населенія отнесена: 1) къ классу „самыхъ скудныхъ и въ подмогу негодныхъ", каковы были, по всей вѣроятности, одинокіе, или, по выраженію бѣлгородской администраціи, бобыли и 2) къ классу „сусідъ", которые жили на земляхъ и подворкахъ не только полковой и сотенной старшины и духовенства, но и у людей простаго козачьяго сословія и „обывателей", подъ которыми надо разумѣть мѣщанъ и купцовъ. Полковая старшина не вся жила въ Ахтыркѣ, а нѣкоторые жили въ сотенныхъ мѣстечкахъ, гдѣ, кромѣ сотниковъ, были еще и атаманы, нерѣдко называвшіеся городовыми атаманами. Число выборныхъ козаковъ-компанейцовъ по сотнямъ было крайне неравномѣрно: отъ 19—20 человѣкъ (въ сотняхъ алешанской, села Ямнаго и Высокопольской) до 98—103 человѣкъ (въ двухъ сотняхъ бывшаго города, нынѣ слободы Котельвы). Еще большее разнообразіе обнаруживается въ цифрахъ козачьихъ подпомощниковъ: при нѣкоторыхъ козакахъ (впрочемъ такихъ малый процентъ) не показано ни одного „спомогателя", а сдѣланы только краткія замѣтки: „служитъ зъ своего грунту"; но обыкновенно при каждомъ козакѣ показано среднимъ числомъ около 5-ти помощниковъ, при чемъ это число варьируется отъ 1 и 2 до 7 и 8 человѣкъ при выборныхъ козакахъ, а при полковой и сотенной старшинѣ число подмогчиковъ гораздо больше: такъ при сотникѣ 1-й ахтырской сотни показано 21 подмогчикъ, при сотникѣ 2-й ахтырской сотни 20 подмогчиковъ. Нѣкоторые полковые подпрапорные также показаны служащими съ своихъ грунтовъ.

Хотя въ нашей книгѣ описанія ахтырскаго полка (которую для краткости мы будемъ называть „компутовой книгой") и нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на характеръ землевладѣнія населенія этого

полка, но нѣкоторыя косвенныя указанія врядъ-ли оставляютъ сомнѣніе въ томъ, что въ *предѣлахъ этого полка господствующимъ типомъ поземельнаго владѣнія было во всякомъ случаѣ необщинное владѣніе*. Эти косвенныя указанія мы отмѣтимъ по нѣсколькимъ сотнямъ этого полка.

Такъ въ обѣихъ ахтырскихъ сотняхъ въ числѣ козачьихъ „спомогателей" показано изрядное количество *вдовъ*, которыя, очевидно, по смерти своихъ мужей оставались во главѣ семьи и хозяйствъ, что всего скорѣе могло быть только при наслѣдственномъ характерѣ поземельнаго владѣнія; въ двухъ сотняхъ въ числѣ козачьихъ спомогателей показаны даже дѣвушки (дівки), очевидно, какъ единственныя наслѣдницы послѣ оставшихся родителей.

Порядочный % „скудныхъ и въ подмогу негодныхъ" (на весь ахтырскій полкъ ихъ показано 286) тоже подтверждаетъ ту мысль, что здѣсь не равнялось имущество ради внѣшнихъ, служилыхъ цѣлей, а напротивъ сама организація полка посильно принаравливалась къ данному положенію имущественной стороны населенія. Эти „скудные и въ подмогу негодные" видимо были все таки вольные, самостоятельные хозяева, хотя-бы въ предѣлахъ своего двора и хаты, ибо опись опредѣляетъ и цифру совершенно безземельныхъ— это вышеупомянутые „сусіды", которые жили на чужихъ земляхъ и, нужно думать, отбывали тѣ или другія добровольныя послуги въ пользу владѣльцовъ тѣхъ подворковъ или земель, на которыхъ они жили.

Но отсутствіе общиннаго владѣнія почти на всемъ пространствѣ ахтырскаго полка подтверждается и крайне разнообразнымъ числомъ козачьихъ *спомогателей*, что прямо указываетъ на полное разнообразіе имущественныхъ средствъ, т. е. поземельнаго владѣнія у населенія, а это разнообразіе отъ полнаго достатка, дававшаго средства служить „съ своего грунту", до совершеннаго безземелія могло быть опять таки при семейно-наслѣдственномъ характерѣ владѣнія землей, какъ единственномъ почти въ то время видѣ имущества. Это положеніе подтверждается краткимъ заключительнымъ объясненіемъ „компутовой книги", въ которомъ, между прочимъ, сказано: „...оные подмогчики старшинамъ по заслугамъ, инымъ по 20, а инымъ по 10, по 6 человѣкъ, а козакамъ-компанейцамъ по тому-жъ неровно, *но смотря по пожиткамъ—мочнѣйшихъ по 2*,

по 3, по 4, а худшихъ по 5, по 6, по 7, по 8 человѣкъ подмогчиковъ одному компанейцу разверстани зъ двороваго числа".

При сотняхъ были по 1—3 человѣка „услужники-асаульці", въ родѣ посыльныхъ для объявленія приказовъ, и „провіантовые комиссары" или сборщики. Послѣднихъ въ нѣкоторыхъ сотняхъ значится обыкновенно по одному и не больше двухъ, а въ другихъ совсѣмъ нѣтъ. Наконецъ въ одной сотнѣ г. Боромли показанъ одинъ „сусідъ", живущій „за шевскимъ цехмистромъ". Это случайно оброненное слово указываетъ на существованіе въ городахъ Слободской Украйны, на ряду съ военно-козачею организаціею, и практиковавшагося издавна во всей южной Россіи цеховаго устройства и управленія въ городскомъ не служиломъ населеніи.

Въ „компутовой книгѣ" находимъ рядъ указаній на существованіе особаго рода отношеній козачьяго слободско-украинскаго населенія къ его полковой старшинѣ, выражавшихся назначеніемъ или отдачей кому либо изъ членовъ полковой старшины „въ курінь" цѣлой деревни съ поселенными въ ней козаками и ихъ подмогчиками „для военнаго похода". Не подлежитъ сомнѣнію, что то не было только военно-административное подчиненіе, но что тѣ-же обязанности вспоможенія натурою, какія лежали на подмогчикахъ въ отношеніи къ простымъ козакамъ, переносились на тѣхъ и другихъ по отношенію къ членамъ полковой старшины. Къ сожалѣнію, въ „компутовой книгѣ" мы не находимъ не только опредѣленнаго, но даже общаго указанія на родъ и размѣры этихъ повинностей, усиливавшихъ, конечно, экономическую тягость, но не нарушавшихъ общаго строя и порядка козачьяго землевладѣнія. Мы узнаемъ только изъ нѣсколькихъ фактовъ, которые сейчасъ укажемъ, что отдача селъ и деревень „въ курінь" была явленіемъ общимъ, что она производилась не просто для цѣлей службы, но часто лишь подъ ихъ прикрытіемъ, какъ-бы въ награду заслугъ, и что потому численность населенія отдаваемыхъ „въ курінь" селъ и деревень соразмѣрялась съ рангомъ, а можетъ быть и заслугами извѣстнаго старшины. Такъ сельцо Бакировка кириковской сотни, по указанію „компутовой книги", „разсмотрѣніемъ и по данному универсалу отъ бывшаго ахтырскаго бригадира Федора Осипова полковому ахтырскому судьи Матвѣю Боярскому, противъ другихъ его братьи полковой старшины, зъ выборными козаками и ихъ подможчиками, опредѣлено

для военнаго похода въ *курѣнь,* о чемъ и въ бѣлогородской (провинціальной) канцеляріи извѣстно"; въ колонтаевской сотнѣ сельцо Любовка, по универсалу ахтырскаго бригадира Федора Осипова опредѣлена была „въ курѣнь" полковому ахтырскому обозному; деревня Млинки, котелевской сотни, была, по универсалу того-же Осипова, опредѣлена „въ курѣнь" полковому писарю для военнаго походу, съ выборными козаками и посполитыми; въ той-же котелевской сотнѣ село Деревки, „какъ въ бытность при Малороссіи бывало ви(ѣ)дѣніемъ гадяцкаго полку у полковниковъ для военной службы въ курѣнѣ, а съ того примѣру онымъ селомъ, когда мѣстечко Котельва указомъ опредѣлена къ ахтырскому полку, вѣдалъ за собою бывшій ахтырскій бригадиръ Осиповъ, такъ нынѣ по немъ бригадиру оного-жъ села служащіе козаки съ посполитыми имѣются для военнаго походу въ курѣнѣ ахтырскаго полковника Лесевицкаго".

Отъ этихъ неизвѣстныхъ намъ въ подробностяхъ повинностей, отъ этой служебной и вмѣстѣ экономической зависимости не далеко было до своего рода закрѣпощенія не только жившихъ въ сотняхъ людей посполитыхъ, но и служилыхъ козаковъ. Такъ о мураховской сотнѣ отмѣчено въ „компутовой книгѣ", что въ ней 1 сотникъ, 1 атаманъ и 70 козаковъ - компанейцовъ, которые всѣ служатъ *съ своихъ грунтовъ,* „понеже посполитые вси обыватели той сотни обрѣтаются указомъ кіево - губернской канцеляріи отъ прошлаго 1716 года и по нынѣ въ подданствѣ у волоского полковника Василія Танскаго". Нѣсколько раньше и вся эта сотня была въ подданствѣ Танскаго, ибо теперь о старшинѣ и козакахъ этой сотни въ той-же „компутовой книгѣ" говорится: „сотни мураховской старшина и выборные козаки - компанейцы... указомъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти его императорскаго величества съ канцеляріи бѣлогородской провинціи изъ подданства отъ волоского полковника Василія Танскаго выключены и по прежнему приверстаны въ службу ея императорскаго величества въ ахтырскій полкъ".. Впрочемъ во всей переписи ахтырскаго полка это единственный фактъ „подданства", относимый нашимъ источникомъ къ 1716 году. Мы не знаемъ, какое измѣненіе въ характеръ землевладѣнія этой сотни могъ внести этотъ фактъ и былъ-ли онъ послѣдствіемъ корыстолюбія Танскаго, или простаго пожалованія.

Отмѣтимъ еще, что только въ двухъ сотняхъ м. Котельвы означены *посполитые*, во всѣхъ-же другихъ сотняхъ ахтырскаго полка значатся только подмогчики козаковъ; новая организація, какъ видно, еще не коснулась этихъ двухъ сотень, такъ какъ мѣстечко Котельва только въ 1709 году именнымъ указомъ Петра „отъ Малороссіи гадяцкаго полку въ ахтырскій полкъ *для смежности приверстана*". Посполитыхъ въ обоихъ котелевскихъ сотняхъ показано 129 человѣкъ, по всей вѣроятности главъ семействъ, ибо между ними есть и вдовы.

Каплуновская сотня, кажется, также не избѣгла на нѣкоторое время подданства, въ какомъ была и сотня мураховская. Повидимому, она вся состояла изъ „отписныхъ перекрестовскихъ селъ", несомнѣнно бывшихъ въ подданствѣ у б. ахтырскаго полковника Перекрестова и отобранныхъ отъ него послѣ павшей на него царской опалы. Къ этимъ отписнымъ селамъ во время переписи 1726 г. принадлежали села: Каплуновка, Пархомовка, Яблучное, Новая Рабина; при 77 козакахъ-компанейцахъ этой сотни показано всего 51 подмогчикъ; при многихъ козацкихъ фамиліяхъ стоитъ краткая фраза: „самъ собою служитъ"; при другихъ козакахъ въ числѣ ихъ подмогчиковъ весьма часто означены ихъ родственники: братья, зятья, дяди, и сыновья, и „братаничи", т. е. племянники. Но кромѣ временнаго прикрѣпленія полковнику Перекрестову, нѣкоторыя части населенія каплуновской сотни и во время переписи 1726 г. состояли въ особомъ прикрѣпленіи: „а другіе тѣхъ селъ обыватели по указу императорскаго величества (Петра I-го) приписаны къ табачнымъ заводамъ, и оные всякою работою упражняютъ".

Такимъ образомъ крѣпостное право уже и тогда прокрадывалось въ свободное козачее населеніе и не могло не вліять на измѣненіе стародавняго строя и порядка землевладѣнія, хотя мы и не имѣемъ прямыхъ указаній на размѣры и степень этого вліянія.

Трудно сдѣлать другіе общіе выводы изъ изложенной нами переписи, относящіеся къ изслѣдуемому нами вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи, по самому характеру этой переписи и спѣшному ея производству. Мы знаемъ только, что это не была перепись всего населенія полка, ибо сюда не вошли: духовенство, „подданные" полковника Танскаго и какіе-то обыватели каплуновской сотни, уже въ то время бывшіе въ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ

государства; дальше, есть основаніе предположить, что число „сусідъ", какъ жившихъ на чужихъ земляхъ и не несшихъ войсковой службы, скорѣе было умалено, чѣмъ увеличено, уже по общему характеру того времени, когда всякое обывательское существованіе разсматривалось только съ точки зрѣнія „интересовъ службы". Принимая все это въ разсчетъ, вмѣстѣ съ цифрой козаковъ, бывшихъ въ это время на различныхъ службахъ, за предѣлами своего полка (404), общую цифру населенія ахтырскаго полка 7700 человѣкъ можно поднять приблизительно до 9.000 человѣкъ домохозяевъ, или главъ семействъ, что, полагая семью среднимъ числомъ въ 4 человѣка, даетъ общую цифру населенія въ 30—36.000 человѣкъ. Если съ этой цифрой сопоставить количество „скудныхъ" (286) и людей безземельныхъ—„сусідъ" (402), а также всѣхъ полковыхъ и сотенныхъ услужниковъ (65) и, въ виду остальныхъ членовъ ихъ семействъ, хотя утроить ихъ цифру (286 + 402 + 65 = 753), то количество этихъ безземельныхъ и „скудныхъ" людей составитъ всего свыше 2200 человѣкъ, что на общую цифру предположеннаго нами населенія ахтырскаго полка въ 30—35 тысячъ даетъ всего только около 7% бѣднаго или-же совсѣмъ неимущаго, безземельнаго населенія.

А. Л. Шимоновъ.

(Продолженіе будетъ)

Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности.

Къ читателю. — 1. пѣсня о взятіи азова.—2. степанъ разинъ—козакъ гарасимъ.

Къ читателю.

Авторъ нижеслѣдующихъ замѣтокъ принадлежитъ къ категоріи лицъ, какихъ не мало было и есть среди украинцевъ и которые созданы не совсѣмъ нормальными, чтобъ не сказать: совсѣмъ ненормальными, условіями культуры на ихъ родинѣ. Страстный любитель отечественной этнографіи, авторъ имѣетъ довольно большое количество украинскаго этнографическаго матеріала, который, конечно, онъ желалъ-бы издать въ систематическомъ видѣ—сводовъ съ объясненіями. Но для такихъ изданій во-первыхъ нужны средства, которыя могли-бы доставить только правильно-организованныя ученыя общества, какихъ не достаетъ нашей родинѣ, на маперъ академій и западно-славянскихъ *матицъ*. А кромѣ того для самаго приготовленія такихъ изданій, если бы даже у извѣстныхъ индивидумовъ хватило запаса хохлацкаго упрямства, чтобъ производить труды, которые, Богъ—вѣсть, сколько могутъ пролежать „въ портфелѣ автора", необходимы полныя ученыя пособія, богатыя библіотеки, тѣмъ болѣе, что въ виду направленія (сравнительно—историческаго), какое теперь приняла наука о такъ-называемомъ народномъ бытѣ и словѣ въ западной Европѣ, нѣсколько стыдно выпускать такія изданія, каковы даже лучшіе этнографическіе труды, выходящіе въ Россіи, т. е. ограничиваться почти однимъ опубликованіемъ сыраго матеріала, безъ комментаріевъ или съ комментаріями, вдохновенными одною теплотою національнаго чувства или

мудрованіями домашняго народничества. Но надо быть особеннымъ счастливцемъ, чтобъ имѣть подъ рукою нужныя пособія, такъ какъ ихъ въ должной полнотѣ не даютъ не только библіотеки русскихъ провинціальныхъ городовъ, въ добавокъ доступныя только профессорамъ, но даже столичныя. При настоящемъ положеніи вещей, полныя и достойныя требованій времени изданія нашего этнографическаго матеріала могутъ сдѣлать только люди, имѣющіе возможность пользоваться библіотеками въ Россіи, въ западной Славянщинѣ и въ Германіи, съ прибавленіемъ Парижа и Лондона.

Пишущій эти строки не только не принадлежитъ къ этимъ счастливцамъ, но опредѣленъ судьбою на жительство въ нѣкоторой трущобѣ, въ которой нельзя добыть для справки часто самой обыкновенной книги. Онъ, конечно, не теряетъ надежды обработать сколько-нибудь систематически извѣстную часть находящагося у него украинскаго этнографическаго матеріала, а пока, и помимо тѣхъ отдѣловъ, надъ которыми онъ спеціально работаетъ,—онъ рѣшился время отъ времени публиковать отдѣльные матеріалы и замѣчанія, на которыя они наводятъ, предоставляя и эти матеріалы и эти замѣчанія, особенно, конечно, первые, на усмотрѣніе другимъ любителямъ украинскаго родиновѣдѣнія. На первый разъ предлагаетъ на благосклонное вниманіе редакціи и читателямъ „Кіевской Старины“ нижеслѣдующія замѣтки, число которыхъ можетъ быть умножено, если того пожелаютъ и редакція, и читатели *).

1. Пѣсня о взятіи Азова.

Статья г. А. Стоянова „Южно-русская пѣсня о событіи XI вѣка“, помѣщенная въ іюльской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1882 г., какъ и слѣдовало ожидать, произвела движеніе въ средѣ украинскихъ этнографовъ. На статью эту поспѣшили отозваться

*) Съ удовольствіемъ и признательностію открываемъ страницы нашего изданія для почтеннаго автора замѣтокъ, открывающихъ недостающую намъ въ намѣченномъ имъ кругѣ предметовъ широту взгляда. Надѣемся, что и наши читатели не посѣтуютъ на насъ за это, ознакомившись по приводимымъ теперь замѣткамъ съ строго научными пріемами и взглядами ихъ автора.—Ред.

гг. Костомаровъ („Кіев. Стар.", августъ) и Новицкій (ibid., сентябрь), хотя и пришли къ выводамъ, несогласнымъ съ заключеніями г. Стоянова, такъ какъ оба признали, что пѣсня, относимая этимъ послѣднимъ къ событію XI в., взятію Торческа, относится къ событію болѣе позднему, взятію Азова козаками (донцами и запорожцами) въ 1637 г.

И мы начнемъ наши замѣтки съ предмета, подавшаго поводъ къ названнымъ статьямъ, какъ въ виду, такъ сказать, животрепещущаго характера этого предмета, такъ и по тому, что всѣ три извѣстные авторы упоминали и наши слова объ этомъ предметѣ, высказанные нѣсколько лѣтъ назадъ..

Прежде всего пополнимъ матеріалъ, на которомъ всѣ три писателя основываютъ свои соображенія.

Въ нашихъ бумагахъ находятся еще два варіанта спорной пѣсни. Первый по полнотѣ, а также и по времени записи его, находится въ тетради неизвѣстнаго любителя съ большимъ толкомъ собиравшаго народныя пѣсни, которыми, какъ видно изъ помѣтокъ, пользовались такіе издатели, какъ гг. Чубинскій, Новицкій, Антоновичъ и Драгомановъ и др. Вотъ онъ:

1. Ой, що то за крячокъ,
Що по морю літає?
Ой, що то за бурлачекъ
Да молодцівъ збирає?
5. —„Збирайтеся, братця,
Все народъ майстеровый,
Зділаємо, братця,
Півтораста возівъ,
Да накупимо мы, братця,
10. Півтораста паръ волівъ,
Посадимо мы, братця,
По семи молодцівъ,
А по восьмому поганяличку,
По девятому кашоварничку,
15. А по десятому для сторожности:
Поїдемо, братця,
У славный городъ, у Азовъ.

И станемо мы, братця,
У дванадцать рядівъ".—
20. Выходють, братця,
Азовскіе купці:
—Показуйте вы, славні чумаченьки,
Славный товаръ изъ возівъ.—
—„Ой, есть у насъ лисиці, куниці,
25. Ще й чорні соболі,
Да до завтрого не покажемъ"...—
Ой, купці пішли ночувать...
. . . . . [1])
—„А вставайте, милі братця, потихесеньку,
Заряжайте ружья помалесеньку!"
30. Да тоді тряхнули,
Да й узяли Азовъ.

Подъ этимъ спискомъ стоятъ помѣтки собирателя: слѣва—*не кончена* (вѣрнѣе-бы, кажется, сказать: съ пропускомъ), справа: *Борзна.*

Другой варіантъ находится въ сборникѣ Маціевича и Ганицкаго, составленномъ въ 1876 г. Записанъ этотъ варіантъ въ с. Барахтахъ, василь. у., кіевск. губ., отъ стараго „дѣда", который, по помѣткѣ г. Маціевича, „не зналъ ни происхожденія, ни конца, ни вообще смысла" данной пѣсни. Вотъ варіантъ г. М—ча:

1. Ой, що-жъ то за крячокъ,
Що по морю крякае?
А що-жъ то за бурлакъ,
Що народъ збирае?
—„А збирайтесь, братьтя,
А все народъ майстерской,
Та изробимо, братьтя,
Півтораста та возовъ;
Та покупімъ, братьтя,
Півтораста та волівъ,
Та изробімъ, братьтя,
Півтораста та яромъ,

[1]) Тутъ, очевидно, пропускъ.

Та посадімъ, братьтя,
Півтораста молодціовъ;
Та поідемъ, братьтя,
Въ городъ та Азовъ...

. . . . .

. . . . .

—Що вы за люде,
Якой у васъ товаръ?
—„Лисиці, куниці
И чорні соболі.
Дай, Боже, завтрого дождать,
То всі будемо[1]) *знать*".—

Варіанты эти не представляютъ крупныхъ отличій отъ тѣхъ, которые были уже извѣстны по сборнику г. Рудченка (чумацкія пѣсни) и статьѣ г. Стоянова, но все таки они имѣютъ важность, во первыхъ, по мѣсту ихъ записыванья: не только въ васильковскомъ уѣздѣ, кіевск. губ., но и въ Борзнѣ, черниг. губ. И г. Стояновъ, и г. Новицкій придаютъ большое значеніе вопросу о распространеніи данной пѣсни; первый полагается на то, что она поется только въ Поднѣпровьи, т. е. въ мѣстности, въ которой лежалъ и Торческъ, а второй напираетъ на нахожденіе пѣсни, кромѣ Поднѣпровья, еще въ елисаветградскомъ уѣздѣ, краѣ запорожскомъ, что для г. Новицкаго важно въ виду его наклонности къ мнѣнію о запорожскомъ происхожденіи этой пѣсни. Теперь оказывается, что пѣсня замѣчена и въ Борзнѣ, довольно далеко и отъ Днѣпра, и отъ запорожскихъ вольностей. Взглянувъ на мѣста, въ которыхъ записаны (конечно, болѣе или менѣе случайно) всѣ семь варіантовъ пѣсни. [2]) можно сказать, что данная пѣсня вообще довольно широко распространена по Украйнѣ, особенно по кіевской и лѣвобережной, т. е, по мѣстахъ сравнительно новаго заселенія (Кіевщина наново заселилась съ XVIII в.). Послѣднее обстоятельство говоритъ болѣе въ пользу сравнительно новаго, азовскаго, происхожденія пѣсни, чѣмъ

---

[1]) Очевидно вмѣсто *будете*.

[2]) Варіантъ г. Костомарова (у г. Рудченка Г.), по всей вѣроятности, былъ записанъ въ Слободской Украйнѣ.

стараго, торческаго. Далѣе, наши варіанты интересны потому, что въ нихъ обоихъ городъ, взятый хитростію, названъ прямо *Азовомъ*. Такимъ образомъ изъ семи, до сихъ поръ записанныхъ варіантовъ, въ пяти искомый городъ названъ—Азовъ (Рудченко, А, В, Стояновъ, Косачъ, наши два вар.), а въ двухъ другихъ (Рудч. Б—Стояновъ, Ильницкій и Рудч. Г.) названы Ростовъ (тутже и Кремень) и Щучинъ, оба близкіе къ Азову. Такое большинство въ пользу Азова не можетъ не имѣть значенія. Впрочемъ, самое вѣское доказательство въ пользу азовскаго происхожденія пѣсни, сходство ея съ писаннымъ сказаніемъ, помѣщеннымъ въ „Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древностей", подъ именемъ: „Взятіе Азова донцами въ царствованіе Михаила Ѳедоровича" (1864 г., кн. III, 12—17), почти исчерпано въ статьѣ г. Новицкаго. Мы можемъ только прибавить, что стихи 20—26, особенно послѣдній, варіанта борзенскаго найболѣе ясно передаютъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ совсѣмъ затемненный смыслъ разговора азовцевъ съ пріѣзжими, изложенный въ сказаніи слѣдующимъ образомъ: ...„и козаки, 10 возовъ развязавъ, скоро открыли всякій товаръ, какъ-то: котлы, порохъ, свинецъ, укладъ, холсты, сукна, *добрые соболи, лисицы* и *бѣлки*. Увидѣвъ то, турки и татары говорили: во всѣхъ-ли у васъ возахъ такой товаръ? Они имъ отвѣчали: только въ двухъ возахъ у насъ есть нашѣ вашему и коменданту подарки и развязать ихъ нельзя, *а заутра мы подарки сами принесемъ*"..., а потому варіантъ борзенскій особенно важенъ въ пользу мнѣнія объ азовскомъ происхожденіи данной пѣсни, котораго придерживается г. Новицкій.

Г. Новицкому безспорно принадлежитъ честь первенства въ указаніи на связь пѣсни, отнесенной г. Рудченкомъ къ древне-чумацкимъ, со взятіемъ Азова въ 1637 г. и на сходство ея съ сказаніемъ, помѣщеннымъ въ „Чтеніяхъ". Это указаніе было сдѣлано имъ еще въ 1874 г., въ „Кіевлянинѣ", въ рецензіи на только-что вышедшій тогда сборникъ г. Рудченка. Статья г. Н—аго въ „К. Старинѣ" есть болѣе обстоятельное развитіе высказанныхъ имъ еще тогда соображеній. Но и въ этой статьѣ г. Новицкій все таки не только не рѣшилъ вопроса о происхожденіи этой пѣсни, ни о значеніи сходства ея съ прозаическимъ сказаніемъ, надо замѣтить, *великорусскимъ*, но даже не высказалъ по этому вопросу яснаго и опредѣленнаго мнѣнія. Касаясь и нашего мнѣнія по тому-же пред-

мету, онъ не разобралъ онаго съ такою полнотою, чтобъ или опровергнуть его вѣскими аргументами, или видоизмѣнить, если уже не признать его, но допустивъ неточность въ объясненіи нашего мнѣнія и непонятное противорѣчіе въ собственномъ о немъ сужденіи, онъ оставилъ вопросъ на полъ-пути къ его разрѣшенію, что и побуждаетъ насъ возобновить въ памяти читателей давно высказанное нами по данному вопросу и самый вопросъ привести къ опредѣленному концу.

Это мнѣніе высказано было нами въ „Вѣстникѣ Европы", въ статьѣ, имѣвшей цѣлью, разборомъ вышедшихъ въ 1874—75 г. украинскихъ этнографическихъ изданій, доказать необходимость сравнительнаго изученія памятниковъ украинской народной словесности. Разбирая въ концѣ статьи сборникъ г. Рудченка, мы говорили:

„Жаль, что г. Рудченко вовсе не задавался мыслію о сравнительномъ изученіи пѣсенъ. Хотя мало, но и между чумацкими пѣснями найдутся такія, которыя не исключительно принадлежатъ Малороссіи и, можетъ быть, заимствованы. Такою мы признаемъ первую пѣсню г. Рудченка, которую онъ врядъ-ли справедливо считаетъ въ предисловіи древнею. Эта пѣсня по языку и тону обличаетъ свое происхожденіе въ Великороссіи. Болѣе полныя варіанты ея, напечатанные у г. Рудченка (В. и Г.), расказываютъ, какъ въ видѣ чумаковъ проникло въ городъ (Азовъ) войско и захватило городъ. Въ этомъ видѣ пѣсня представляется перифразировкою прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, сказанія, напечатаннаго въ „Чтеніяхъ импер. моск. общества исторіи и древностей" (1864 г., кн. III, отд. V, стр. 12—17). Повѣствованіе это, по своему именно сказочному характеру, сильно отличается отъ историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ событіи и при томъ явно составлено въ XVIII вѣкѣ. Ему должна была отвѣчать великорусская пѣсня, которая не записана до сихъ поръ никѣмъ; пѣсня эта зашла въ Малороссію, гдѣ стала сильно измѣняться; варіанты А. и Б. у г. Рудченка уже не заключаютъ въ себѣ мотива ограбленія города чумаками, а рисуютъ обыкновенную торговлю: только складъ ихъ обличаетъ великорусскій источникъ.

„Это не единственный примѣръ того [1]), какъ въ Малороссіи находятся пѣсни, такъ сказать, переведенныя съ великорусскихъ, тогда какъ великорусскіе оригиналы не пойманы до сихъ поръ изслѣдователями. Другой подобный примѣръ указанъ въ 1 томѣ „Истор. пѣсень малор. народа", стр. 284. Это одни изъ варіантовъ пѣсень о кровосшѣненіи сына съ матерью, въ коихъ сыновья называются донцами, особенно варіанты, напечатанные въ V томѣ „Матеріаловъ" г. Чубинскаго (№ 458, стр. 921—927, особенно варіантъ Ж.), которые явно носятъ слѣдъ великорусскаго вліянія и въ языкѣ. Мы предполагаемъ, что существовала, или, быть можетъ, существуетъ пѣсня великорусская, для которой послужило источникомъ сказаніе, въ родѣ тѣхъ, какіе напечатаны г. Костомаровымъ въ „Памятникахъ старинной русской литературы", изд. гр. Кушелева-Безбородко, II, 415—442. *И великорусскій оригиналъ вышеупомянутой пѣсни у г. Рудченка могъ образоваться изъ сказанія или сказки.* Это опять не исключительные примѣры какъ перехода сказанія въ пѣсню и наоборотъ, такъ и соотвѣтствія, которое заставляетъ предполагать переходъ изъ одной мѣстности въ другую пѣсни и сказанія. Такъ, напр., Шишковъ въ запискѣ, поданной императору Александру, указывалъ, въ числѣ другихъ примѣровъ неуваженія къ духовенству и распространенія раскола, ходившую въ народѣ молву „о нѣкоемъ попѣ, нарядившемся для совершенія неистовства въ козью съ рогами кожу, которая тотъ-часъ къ нему приросла", (Иконниковъ, гр. Н. С. Мордвиновъ, стр. 420), а въ „Запискахъ о южной Руси" г. Кулиша (т. 2) напечатана малорусская сатира о попѣ и крестьянинѣ Кирикѣ совершенно на эту тему, только вмѣсто козьей шкуры стоитъ воловья. Мы знаемъ и другой варіантъ этой-же сатиры.

„Подобные примѣры указываютъ на настоятельную необходимость сравнительнаго изученія русской народной словесности и въ частности на необходимость изслѣдовать южную Украйну велико-

---

[1]) Такъ переходили не только баллады, но и историческія пѣсни; наприм. самарская пѣсня, напечатанная въ «Лѣтописяхъ русской литературы», т. IV, 38,— явно великорусская передѣлка малорусской пѣсни о запорожцахъ послѣ полтавской битвы, только съ перемѣной грусти побѣжденныхъ въ иронію побѣдителей. Примѣч. въ В. Е.

русскую, которая соприкасается съ малорусскою, и которая почти не тронута въ этнографическомъ отношеніи, а между тѣмъ она издавна была мѣстомъ смѣшенія малорусской и великорусской колонизаціи".

Г. Стояновъ имѣлъ въ виду выписанныя слова, сильно расходящіяся съ его торческою гипотезою, срезюмировалъ ихъ только мимоходомъ и не совсѣмъ полно въ слѣдующихъ словахъ: „Въ варіантѣ В. сборника г. Рудченка, при взятіи Азова, разбойники берутъ въ плѣнъ *черкесочокъ* молодыхъ. Этотъ варіантъ, искаженный временемъ, какъ и всѣ прочіе, и далъ, вѣроятно, г. М. Т—ву въ его статьѣ („Вѣстникъ Европы", мартъ 1877 г.) поводъ къ сближенію пѣсни съ фактомъ взятія Азова козаками въ XVIII вѣкѣ, о чемъ будетъ сказано ниже", а ниже г. Стояновъ говоритъ: „Г. М. Т—въ признаетъ въ этой-же пѣснѣ великорусское происхожденіе и видитъ въ ней перифразировку прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Г. М. Т—въ полагаетъ, что этому сказанію должна была отвѣчать великорусская пѣсня, которая не записана до сихъ поръ никѣмъ".

Г. Новицкій, выписавъ первое замѣчаніе г. Стоянова, будто мы отнесли спорную пѣсню къ Азову только на основаніи *черкесочокъ*, упоминаемыхъ въ вар. В. г. Рудченка, поспѣшилъ написать, что „на самомъ дѣлѣ" мнѣніе о связи пѣсни съ взятіемъ Азова, было „высказано первоначально имъ, г. Н—имъ", но „по болѣе вѣскимъ соображеніямъ", причемъ онъ, г. Н—ій, „конечно, отрицалъ всякую возможность *перифразировки* (курс. подл.) донскаго сказанія въ малорусскую пѣсню и только указалъ на ихъ замѣчательный параллелизмъ". Снова повторяемъ полное признаніе первенства напечатанія г. Новицкимъ извѣстнаго мнѣнія, которое первенство не указано въ нашей статьѣ въ „Вѣстникѣ Европы" по причинамъ, о которыхъ говорить теперь было-бы мелочностью, не интересною для читателя, и которое первенство мы поспѣшили признать, при первомъ удобномъ случаѣ: при разборѣ мнѣнія г. Костомарова, относившаго сначала занимающую насъ пѣсню къ освобожденію Палія изъ Маріенбурга (см. Русск. Мысль, 1880 г., іюнь, III, 45 и „Нов. укр. пѣсни и пр.", стр. 44, примѣч. 1).

Какъ читатель самъ можетъ судить изъ выписанныхъ выше словъ нашихъ, мнѣніе наше объ отношеніи разбираемой пѣсни къ

Азову основано вовсе не на одномъ варіантѣ ея и не на однихъ *черкесочкахъ*, какъ это представилъ г. Стояновъ. Также само и г. Новицкій ужъ слишкомъ буквально принялъ слово *перифразировка* въ нашей статьѣ и приписалъ намъ мысль о прямой передѣлкѣ сказанія о взятіи Азова, напечатаннаго въ „Чтеніяхъ“ [1]). Изъ всего выписаннаго выше, а особенно изъ подчеркнутыхъ словъ, видно, что мы предполагаемъ существованіе (въ Донской области) и устныхъ, и письменныхъ варіантовъ исторіи о взятіи Азова, каковые варіанты должны были пустить отъ себя великорусскую пѣсню, которая уже зашла и въ украинскую среду, гдѣ и приняла видъ украинскихъ варіантовъ, намъ теперь извѣстныхъ.

Самъ-же г. Новицкій говоритъ теперь (стр. 430), что пѣсня о взятіи Азова могла быть сложена ими немедленно, на мѣстѣ, въ такомъ случаѣ она должна отыскаться и на Дону [2]), гдѣ она, или прозаическое преданіе о томъ-же событіи послужили источникомъ „Сказанія“, и не смотря на другое предположеніе, высказанное вслѣдъ за выписанными словами: „или-же пѣсня сложена запорожцами уже по отходѣ ихъ съ Дона, на пути или по прибытіи въ Сѣчь“, признаетъ (на стр. 433) „несходство характера пѣсни съ общимъ тономъ южно-русскихъ чумацкихъ (и даже, вообще, малорусскихъ пѣсень“), которое несходство г. Н—ій, признаетъ признакомъ происхожденія пѣсни въ этнографически-*смѣшанной* средѣ“ [3]). Послѣ этого вдвойнѣ неожиданными показываются финальныя слова г. Н—аго: „конечно, замѣчаніе г. М. Т—ова о ея будто-бы *великорусскомъ* происхожденіи не имѣетъ значенія, составляя только (?!) невѣрную передачу высказанныхъ первоначально мною замѣчаній“.

Мысль, продиктовавшая намъ выписанные выше строки, а именно мысль о переходѣ пѣсень, какъ и другихъ произведеній народной словесности отъ одного племени къ другому, а также изъ одной формы въ другую (изъ прозы въ пѣсню и наоборотъ) изъ

---

[1]) Кстати укажемъ и на другой напечатанный его варіантъ: въ приложеніи къ IV-му тому «Пѣсень, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ», стр. 166—184, въ «Исторіи о азовскомъ взятіи».

[2]) На какомъ языкѣ? На великорусскомъ? М. Т.

[3]) О которой средѣ и о необходимости изслѣдованія ея мы и говорили. М. Т.

письменной словесности въ устную и наоборотъ, очень туго прививается у насъ, встрѣчая иногда враждебное къ себѣ отношеніе даже у большинства спеціалистовъ, которые и до сихъ поръ еще не выбились изъ узъ теоріи, разсматривавшей памятники народной словесности, или какъ продукты одной національной почвы, или какъ наслѣдіе арійскихъ прародителей. А между тѣмъ въ Западной Европѣ эта мысль лежитъ въ основѣ новѣйшихъ работъ по народной словесности. Принятіе ея возбуждаетъ вниманіе къ изслѣдованію именно областей съ смѣшанною этнографическою средою, каковы Провансъ и Каталонія, Піемонтъ, Нидерланды (въ обширномъ смыслѣ, съ Бельгіей), Лузація съ Богеміей и т. д. Такія страны, служащія спайками между племенами, особенно интересны для изслѣдованія путей движенія сходныхъ сказаній отъ племени къ другому. Относительно украинскаго племени съ его словесностью особенно интересны области пряшевская за Карпатами, мѣсто соприкосновенія украинцевъ съ словаками, ворота, по которымъ прошло на Украйну извѣстное количество общеевропейскихъ сказаній съ Запада, и донская,—мѣсто, черезъ которое совершается взаимный обмѣнъ сказаній между украинцами и ихъ восточными сосѣдями.

Изслѣдованіе такихъ областей въ значительной степени помогаетъ тому, чтобы сравнительное изученіе памятниковъ народной словесности пошло далѣе одного только указанія параллелизмовъ между ними. Такое указаніе еще очень недостаточно.

Возьмемъ хоть данный случай. Что-же намъ изъ того, если мы успокоимся на одномъ „только указаніи замѣчательнаго параллелизма“ между украинскою пѣснею и великорусскимъ сказаніемъ? Самъ г. Новицкій, какъ видимъ изъ выписанныхъ словъ его, не захотѣлъ „только“ на этомъ успокоиться и перешелъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, что-же значитъ этотъ параллелизмъ, иначе, гдѣ и какъ образовалась данная пѣсня; но, къ сожалѣнію, какъ видно изъ выписаннаго, былъ отвлеченъ въ сторону отъ сущности дѣла заботами объ установленіи своего первенства въ указаніи параллелизма. Надо рѣшить, образовалась-ли пѣсня на Украйнѣ самостоятельно и отъ нея пошелъ разсказъ, который послужилъ источникомъ прозаической исторіи, или-же у великоруссовъ образовалась сказка, отъ которой пошли и исторія, и пѣсня—великорусская, потомъ украинская, или-же въ одно время, по воспоминаніямъ о фактахъ,

которыхъ свидѣтелями и участниками были и великоруссы, и украинцы, образовалась фабула, которая обработана великоруссами въ прозаической формѣ, украинцами-же въ пѣсенной. Въ послѣднемъ случаѣ тѣ отличія, какія представляетъ и пѣсня, и „гисторія" въ разсказѣ о взятіи Азова противъ указаній извѣстныхъ историческихъ источниковъ, надо будетъ признать не сказочными, а реальными.

Повторяемъ, окончательно рѣшить всѣ сомнѣнія нельзя, пока не будетъ лучше изслѣдована донская область, въ которой можетъ быть найденъ великорусскій варіантъ пѣсни *). Но и теперь возможны предположенія не совсѣмъ неосновательныя. Мы сдѣлали таковое въ подчеркнутыхъ выше словахъ, предполагающихъ существованіе великорусскаго оригинала пѣсни, близкаго къ сказанію и послужившаго источникомъ украинскихъ варіантовъ.

Сдѣлали мы это предположеніе и поддерживаемъ его теперь на основаніи, между прочимъ, языка и склада украинскихъ варіантовъ пѣсни. Складъ этотъ несомнѣнно великорусскій. Языкъ тоже носитъ на себѣ великорусскую окраску. Кромѣ упомянутыхъ варіантовъ г. Рудченка, остановимся на борзенскомъ варіантѣ.

---

*) Соблюдая полное безпристрастіе въ происходящемъ ученомъ спорѣ, мы замѣтимъ, что такое-же заявленіе о новыхъ поискахъ, но въ области древняго Торческа, съ неменьшимъ правомъ можетъ быть сдѣлано г. Стояновымъ, авторомъ торческой гипотезы, или древнѣйшаго происхожденія изслѣдуемой пѣсни, и должно быть сдѣлано всякимъ, кто для удобнѣйшаго ея изслѣдованія пожелалъ-бы возсѣсть на Энеева или Троянскаго коня... Мы во всякомъ случаѣ не можемъ не отдать должнаго уваженія и серьезнымъ пріемамъ г. Стоянова, хотя и не можемъ присоединяться къ сдѣланному имъ выводу, пока не явится болѣе твердыхъ данныхъ для его смѣлой, но симпатичной гипотезы, равно и къ мнѣнію противной стороны, требующему, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ настоящей замѣтки, новыхъ подкрѣпленій. Метаморфозы съ пѣснями, легендами и пр. явленіе общее, но трудно-уловимое. Обѣ стороны въ данномъ вопросѣ ищутъ разгадки перемѣнъ и наслоеній, но одна въ болѣе древнемъ, другая въ позднѣйшемъ времени. Несомнѣнно одно, что метаморфозы столько-же возможны были тамъ, какъ и здѣсь,— столько-же въ древней, какъ и въ позднѣйшей пѣсни. Во всякомъ случаѣ вопросъ, какъ намъ кажется, далекъ еще отъ окончательнаго разрѣшенія, а великорусскія измѣненія словъ въ его разрѣшеніи могутъ имѣть значеніе лишь въ связи съ другими, болѣе существенными данными. Такія измѣненія мы находили даже въ думахъ, распѣваемыхъ Вересаемъ, которыхъ древность и мѣстное происхожденіе никакъ не могутъ быть заподозрѣны.—Ред.

Форма: майстеровый, слово: *здилаемъ* — великорусскія; слово *Азовъ* тогда только получитъ себѣ рифму, когда противъ него будетъ стоять не ряд*івъ*, какъ теперь, а рядовъ. Въ варіантѣ г. Маціевича разъ поставлено по великорусски воз*овъ;* въ другомъ мѣстѣ съ словомъ Азовъ должна рифмовать малорусская форма—молодц*івъ*.

Намъ остается сказать еще объ одномъ обстоятельствѣ. Вышеизложенныя соображенія говорятъ въ пользу того, что пѣсня наша принадлежитъ къ числу, такъ называемыхъ, *бродячихъ,* или *странствующихъ сказаній,* бродячихъ, скажемъ пока, только въ предѣлахъ великорусско-украинскихъ. Но не есть-ли эта пѣсня бродячая и въ болѣе обширной области. Исторія о взятіи города проникшими въ него спрятанными людьми въ сущности старая исторія Энеева коня въ Троѣ. Есть французская пѣсня о взятіи женскаго монастыря рыцарями, проникшими туда въ мѣшкахъ; есть голштинская (дитмарская) пѣсня о занятіи замка рыцаря-помѣщика крестьянами-вассалами, привезенными въ мѣшкахъ вмѣсто дани и т. п. Что реальнаго, историческаго скрывается подъ этими варіаціями старой фабулы? Въ области украинскихъ сказаній мы имѣемъ разсказъ о проникновеніи козаковъ въ товарныхъ возахъ въ пѣснѣ объ Азовѣ и въ исторіи освобожденія Палія изъ плѣна въ Магдебургѣ (Маріенбургѣ). Прибавимъ къ этому, что въ украинскихъ лѣтописяхъ, намъ помнится, есть подобное-же сказаніе въ повѣствованіи объ одномъ изъ походовъ запорожцевъ на Крымъ въ XVII и XVIII в. Намъ очень конфузно говорить объ этомъ обстоятельствѣ такъ неопредѣленно,—но, не имѣя подъ рукою всѣхъ должныхъ источниковъ, мы не можемъ сдѣлать болѣе точныхъ указаній, которыя мы и предоставляемъ лицамъ, поставленнымъ въ лучшія условія.

Стенька Разинъ—козакъ Гарасимъ.

Великорусскіе варіанты пѣсни о сынѣ Ст. Разина извѣстны давно. Весьма полный варіантъ напечатанъ уже у г. Костомарова: („Бунтъ Ст. Разина", историч. моногр., т. II, 290—291). Мы тутъ воспроизведемъ его для того, чтобъ читатель могъ лучше судить объ украинскихъ передѣлкахъ этой пѣсни.

Какъ во славномъ во городѣ
Во Астрахани,
Очутился, проявился
Тутъ незнамовый человѣкъ.
Шибко, щепетно по городу
Похаживаетъ,
Въ тоненькой рубашкѣ
Да во нанковомъ халатѣ
На роспашечку.
Астраханскимъ тутъ купчишкамъ
Онъ не кланяется,
Господамъ-ли да боярамъ
Онъ челомъ не бьетъ,
Астраханскому воеводѣ
Онъ подъ судъ не йдетъ.
Увидалъ-же воевода
Со параднаго крыльца;
Приказалъ-же воевода
Къ себѣ его привести:
—„Ужъ вы слуги, мои слуги,
Слуги вѣрные мои,
Вы подите, поимайте
Удалова молодца.“
Поимали, соковали
Удалова молодца,
Привели къ воеводѣ
Незнамова на глаза.
Какъ и сталъ же воевода
Его спрашивати:
—„Ужъ и чей такой, дѣтинка,
Чей удалый молодецъ?
Ты какого поведенья,
Чьей ты матери, отца?
Не со города-ль Казани,
Съ каменной славной Москвы,
Или съ Дону козакъ,
Иль купецкій сынъ?“—

—Я не съ города Казани,
Не со каменной Москвы,
Я не съ Дону козакъ,
Не купецкій сынъ,
Я со матушки со Волги
Стеньки Разина сынокъ.— [1])

Рабочіе великоруссы занесли эту пѣсню и на Украину. У насъ есть три ея варіанта, записанные на Украинѣ, при чемъ одинъ записанъ прямо отъ рабочаго великорусса, а другіе два представляютъ украинскія попытки усвоить эту пѣсню.

Первый варіантъ записанъ г. Мандзурою въ Харьковѣ отъ плотника изъ владимірской губерніи:

Въ славномъ городѣ во Астрахань
Очутился, скажемъ, проявился
Тамъ незнамый человѣкъ,
Чисто, щепетко, скажемъ, погуливаетъ;
На немъ бархатный кафтанъ на распашку,
На распашку въ немъ идетъ,
Свой перстинкой кумачекъ
Въ правой рученькѣ несетъ.
Перчаточки новы съ серебромъ
На ево бѣлыхъ рукахъ,
Чорна шляпа съ палюмашемъ
На его русыхъ кудряхъ.
Охъ, онъ штапамъ—офицерамъ
Онъ не кланяется, идетъ,
Для мелкихъ господъ
Пуховой шляпы не мнетъ,
А самому, скажемъ, губернатору
И челомъ ему не бьетъ.

---

[1]) Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что варіантъ этой пѣсни былъ найденъ въ бумагахъ Пушкина и возбудилъ въ нѣкоторыхъ газетахъ («Новое Время» и др.) разговоры о томъ, не сочиненіе-ли это Пушкина. Фактъ характеризующій степень образованія нашихъ редакторовъ русскихъ газетъ настоящаго времени!

Губернаторъ, скажемъ, господинъ,-
На крылечко выходилъ,
Закричалъ, скажемъ, губернаторъ
Громкимъ голосомъ своимъ:
—„Охъ, вы слуги, служки вѣрные мои,
Вы подите, служки, приведите
Незнамова молодца“.—
Его взяли, подхватили
И къ допросу повели,
Охъ, становили, скажемъ, молодца
Близъ параднаго крыльца.
Охъ, губернаторъ, скажемъ, господинъ
На крылечко выходилъ,
Таки рѣчи говорилъ:
—„Чей, откуда, разскажи, мальчишка,
Чей, незнамый молодецъ?
Охъ, не съ Москвы-ли ты купецъ,
Не купеческій-ли сынъ?
Аль не съ Дону-ли козакъ,
Не козаческой-ли сынъ?“
—А я съ Дону не козакъ,
Не козаческой я сынъ,
Я со матушки со Волги,
Я со Камы со рѣки,
Стеньки Разина сынокъ.—
—„Вы возьмите только, мои слуги,
Въ бѣлой каменной острогъ.
—А ты послушай, скажемъ, губернаторъ,
Одно слово мнѣ сказать:
Будто батюшка мой родной
Заутра хотѣлъ быть.
Ты умѣй-ка его встрѣтить,
Умѣй подчивать его,
А изъ комнаты пойдетъ,
Умѣй двери затворить!—
Приказалъ, скажемъ, губернаторъ
Вдоль по улицѣ пустить.

Охъ, какъ на утро рано на зарь
Лёгка лодочка плыветъ,
Какъ въ этой-то во лодочкѣ
Ровно тридцать молодцовъ,
Ну, а тамъ въ самой середкѣ
Атаманъ-ли ихъ сидитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
—„Вы послушайте, скажемъ, ребята,
Что я буду говорить:
Охъ, будто чадо, чадо мое милое
Въ бѣлой каменной тюрьмѣ.“—
—Охъ, не печалься, нашъ хозяинъ-господинъ;
Охъ, бѣлой каменной острогъ
По кирпичу разберемъ,
Астраханскаво, скажемъ, губернатора
Во полонъ ево возьмемъ.

Изъ двухъ извѣстныхъ намъ украинскихъ передѣлокъ подобной пѣсни, наиболѣе интересна записанная г. Ганицкимъ въ аккерманскомъ уѣздѣ, бессарабск. губерніи, въ 1874 г. въ числѣ другихъ пѣсенъ, собранныхъ имъ среди рыбаковъ. Варіантъ этотъ состоитъ изъ прозаическаго разсказа, прерываемаго стихами.

„Бувъ колись на Украіні славный *козакъ Гарасимъ,* такий, якъ Максимъ Залізнякъ, або козакъ Нечай. Якъ настала недобра година, Гарасима кілька разъ сажали за камінні стіни, въ тюрму, але славний Гарасимъ завше пробиравъ стіни й втікавъ. Вінъ війська не мавъ, а якъ тільки свисне, то набіжить козаківъ зо всіхъ сторінъ“!

„Отъ Гарасимъ якъ втікъ уже може въ десятый разъ зъ каторжної тюрмы, зібравъ козаківъ и пішовъ въ *Рассью,* бо Украіна зо всіхъ сторінъ тоді була вже занята, а впередъ Гарасимъ пустивъ свого сына, щобъ роспізнавъ тіхъ людей и ту сторону“...

Проявився дитинушка, незнакомый чоловікъ;
Вінъ не заходить по Калуці, по калуінськімъ мужикамъ,

Вінъ почавъ дитинушка въ кабаку гулять
И про себе пісьню запівать... [1])

„Губернаторъ, узнавши объ ёму, велівъ ёго привести:

—„Ехъ, вы слуги, вы лакеі вірніі мои,
Идіте, приведіте мужика
Зъ пишного кабака!
—„Скуль ты, дитинушка, скуль ты родомъ чоловікъ?
Чи ты зъ Дону козакъ, чи ты козацький сынъ?“—
—Я не зъ Дону козакъ, я не козацький сынъ;
Мій батько хоче у васъ въ гостяхъ бувать,—
Знайте-жъ, якъ мою отця приймать.

„Розсердився губернаторъ на вдалого молодця:

—„Ехъ, вы слуги, вы вірніі, возьміте козака!
Засадить ёго въ тюрму, за каменну стіну!“—
—Якая ваша тюрма:
Каменна, чи кирпичная?
Мы вашу тюрму по кирпичу розберемъ,
И вашого губернатора въ полонъ візьмемъ!—

„Герасимівъ сынъ, кепкуючи надъ губернаторомъ, якъ туйнувъ ёго, то всі вікна въ губернаторському дворці потріскались. Гарасимівъ сынъ ишовъ весело въ тюрму, бо добре знавъ, що отець ёго въ скорімъ часі прибуде и висвободить:

Ище не світъ, ище не світъ [2]),
Красну лотушку видать!

---

[1]) Ср. у Костомарова, op. cit. 241.

У насъ то было, братцы, на тихомъ Дону,
Породился удалъ храбрый молодецъ....
. . . . . .
Во козачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, козаками, думу не думывалъ,
Ходилъ-гулялъ Степанушка въ царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голытьбою и т. д.

Другіе варіанты передѣлываютъ эти слова и на сына Ст. Разина.

[2]) Стихъ изъ извѣстной гайдамацкой пѣсни о Гнаткѣ и Савѣ Чаломъ:

Ой, ще не світъ, ой, ще не світъ,
Ой, ще не світае,
А вже Гнатко зъ Кравчиною
Коника сідлае и т. д.

Красну лотушку звидавъ,—
Отецъ до ёго прибувавъ.

Другой варіантъ записанъ г. Чернякомъ около 1876 г. въ деревнѣ Ракова Балка, въ павлоградскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, со словъ хлопця 14 лѣтъ, Ивана Носаченка. Вотъ онъ:

Выходила дитина
Зъ-підъ білого каміня,
Ой якъ крикне панъ губернатарь
На своіхъ прежнихъ бурлакъ:
—„Вы набийте дитині
На ноги кайдани,
На ноженьки кайданочки,
А на ручки рушнички.“—
—А чи бачишь, губернаторь,
Отой камъяный острогъ?
Я тобі камъяный острогъ
По каміньцямъ рознесу,
Я тобі Дунай-річку
До пісочку перепью...

Записыватель сообщаетъ, что хлопець долго не хотѣлъ сказать слова *губернаторъ*, пока наконецъ рѣшился проговорить его.

Мы полагаемъ, что никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что оба вышеприведенные варіанты составляютъ прямую перифразировку (на этотъ разъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова) великорусской пѣсни, хотя на нихъ, особенно на первой, налегли уже и нѣкоторыя украинскія черты. Съ перваго разу, впрочемъ, видны и отличія этихъ варіантовъ отъ пѣсни о взятіи Азова. Послѣдняя все-таки болѣе объукраинилась, что́ и совершенно понятно: пѣсня эта должна была пожить въ козацкой, смѣшанной средѣ и зашла она къ намъ давно, тогда какъ пѣсня о сынѣ Ст. Разина, очевидно, пришла на Украйну недавно и принесена чистыми великоруссами, рабочими, и не имѣла за собою никакого памятнаго, общаго сынамъ двухъ племенъ, событія [1]). Даже имя Ст. Разина ока-

[1]) Хотя нѣкоторое количество запорожцевъ и участвовало въ походахъ Ст. Разина и послѣдній писалъ грамоты въ Сѣчь, но память объ этомъ не сохранилась въ массѣ украинцевъ, которымъ, очевидно, мало было дѣла въ свой часъ до Ст. Разина.

залось на столько чужимъ для украинцевъ, что они, чтобъ его оживить для себя, сдѣлали изъ него козака—Гарасима.

Но все-таки представленные украинскіе варіанты великорусской пѣсни показываютъ примѣры нѣкотораго ея усвоенія. Основная идея ихъ,—непокорность воеводѣ-губернатору, въ украинскихъ варіантахъ даже рѣзче выдвинута, чѣмъ въ великорусскихъ, а въ варіантѣ г. Ганицкаго Разину приданы черты запорожскаго характерника и самъ онъ сравнивается съ памятными украинцамъ героями: Нечаемъ и Желѣзнякомъ, и даже сдѣланъ украинцемъ, подъ именемъ Гарасима, который только потому пошелъ въ *Расею*, что „Украйна уже вся была тогда занята". Украинскіе варіанты пѣсни о сынѣ Ст. Разина представляютъ собою примѣръ усвоенія чужой пѣсни все-таки *органическаго*, хотя и не такого полнаго, какъ нѣкоторые примѣры взаимнаго обмѣна пѣсенъ козацкихъ изъ временъ общей жизни донцовъ и запорожцевъ. Тутъ все-таки пѣсня усвоена потому, что она для усваивавшихъ симпатична по своему содержанію. Въ украинскомъ населеніи обращается теперь не малое количество великорусскихъ пѣсенъ усвоенныхъ иначе, *механически:* вслѣдствіе внѣшняго давленія, по привычкѣ, изъ желанія быть похожимъ на барина чрезъ усвоеніе себѣ признаковъ барской народности. Это пѣсни солдатскія, бытовыя и повѣствовательныя, (о Петрѣ Великомъ, Лопухинѣ, Платовѣ, Наполеонѣ и др.), пѣсни лакейскія, „жестокіе романсы", фабричные и т. п. У насъ у самихъ ихъ набралось на добрый томъ. На печальныя мысли навелъ бы этотъ томъ, если-бъ его напечатать. Съ внѣшней стороны этотъ матеріалъ представляетъ образцы чисто машинальнаго повторенія великорусскихъ варіантовъ, съ большими или меньшими искаженіями языка и фабулы, при чемъ иногда представляютъ въ частяхъ или въ цѣломъ полную безсмыслицу. Съ внутренней, идейной стороны, по сравненію съ украинскими пѣснями домашняго образованія, матеріалъ этотъ носитъ на себѣ признаки упадка и деморализаціи политической, общественной и семейной рабскаго духа, жестокости, грубости, цинизма, особенно относительно женщины,—при фразистой сентиментальности, нахватанной изъ романсовъ „благородныхъ". Ни одной дѣйствительно культурной идеи, ни образа изъ запасу всероссійской цивилизаціи, образовавшейся въ верхнихъ слояхъ общества въ XVIII в. изъ взаимодѣйствія украинцевъ и ве-

ликоруссовъ, при западно-европейскомъ вліяніи, не проникло въ этотъ народный словесный матеріалъ, который въ ту-же эпоху образовался на Украйнѣ подъ великорусскимъ вліяніемъ. Да, кажется, такихъ дѣйствительныхъ культурныхъ идей и образцовъ нѣтъ въ новообразовавшейся великорусской народной словесности и у нея на дому. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ заключить на основаніи того, что до сихъ поръ извѣстно по этой части въ печати, напр. изъ интересной работы г. Вл. Михневича „Извращеніе народнаго пѣснотворчества“ (Историч. этюды русской жизни, II, 377—421).

Впрочемъ, это вопросъ не только очень важный, но и очень сложный, а потому объ немъ до другаго раза.

М. Т—овъ.

УМАНСКІЙ СОТНИКЪ

ИВАНЪ ГОНТА.

(1768 г.).

Для характеристики историческаго значенія гайдамачества вообще и особенно „Коліивщины“ личность одного изъ вождей послѣдней, сотника Гонты, имѣетъ особенный интересъ. Печальное состояніе края, разразившееся во второй половинѣ прошлаго столѣтія страшною уманскою катастрофою, недостаточно еще обслѣдовано безпристрастнымъ историческимъ изученіемъ. Современники—мемуаристы, принадлежавшіе къ потерпѣвшей сторонѣ, оставили намъ лишь яркія картины пожаровъ, убійствъ и грабежа, сопровождавшихъ катастрофу; но о поводахъ, вызвавшихъ эти печальныя явленія, о причинахъ, которыя довели постепенно народъ мирный, земледѣльческій, стремившійся къ прочной, осѣдлой и хотя сколько-нибудь обезпеченной и спокойной жизни, они или вовсе не упоминаютъ, или-же говорятъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. По ихъ мнѣнію, страшное народное волненіе въ Украйнѣ было, съ одной стороны, плодомъ яко-бы дипломатической интриги Россіи, съ другой—результатомъ врожденнаго будто-бы южно-русскому народу варварства, его злой природы и главное—страсти къ грабежу. Конечно, такія объясненія мемуаристовъ, весьма впрочемъ естественныя въ устахъ людей мало развитыхъ и сильно раздраженныхъ, не заслуживаютъ серьезнаго вниманія, какъ всякіе огульные приговоры надъ характеромъ цѣлаго народа; конечно, легче объяснить явленіе историческое, предположивъ извѣстную, будто врожденную наклонность въ народномъ характерѣ, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать истинныя причины этого явленія, часто слишкомъ сложныя для степени развитія изслѣдователя или слишкомъ не желательныя для самолюбія той общественной группы, къ которой

онъ принадлежитъ. Но предположенія такого рода не могутъ останавливать на себѣ вниманія сколько-нибудь спокойнаго историческаго изслѣдованія и первый попавшійся фактъ, передаваемый источникомъ пристрастнымъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, совершенно разрушаетъ всѣ поверхностныя предположенія автора онаго.

Однимъ изъ такихъ фактовъ является въ разсказахъ о „Коліивщинѣ“ личность уманскаго сотника Ивана Гонты. Не смотря на то, что всѣ свѣдѣнія о немъ мы можемъ извлекать лишь изъ записокъ шляхтичей или духовныхъ лицъ польской народности, писавшихъ послѣ „Коліивщины“ (и слѣдовательно относившихся съ крайнею ненавистью къ бывшему уманскому сотнику), личность его, и по ихъ сказаніямъ, является съ характеромъ совершенно противуположнымъ тому общему ихъ взгляду на „гайдамачество“, которое высказывается ими въ мемуарахъ. Гонта является человѣкомъ не только зажиточнымъ, но даже богатымъ,—слѣдовательно не страсть къ грабежу руководитъ имъ; онъ пользуется особою милостію владѣтеля Умани, воеводы Салезія Потоцкаго, который обезпечиваетъ вполнѣ его будущую карьеру, обѣщаетъ ему подарить въ потомственное владѣніе нѣсколько селъ и выхлопотать на сеймѣ „нобилитацію“, т. е. возведеніе въ дворянство,—слѣдовательно личный интересъ и личное честолюбіе должны были-бы склонять Гонту къ защитѣ шляхетства, въ ряды котораго попасть онъ имѣлъ возможность. Свѣдѣній о вліяніи на Гонту мнимой политической интриги сами мемуаристы не передаютъ и вліянія такого даже не предполагаютъ. Такимъ образомъ побужденія, заставившія Гонту принять участіе въ „Коліивщинѣ“, остаются не разъясненными, съ точки зрѣнія на „Коліивщину“ шляхетскаго общества, и само его участіе является чѣмъ-то, по видимому, неожиданнымъ, загадочнымъ. Конечно, колоритъ этотъ исчезаетъ, если мы посмотримъ на данное событіе съ той точки зрѣнія, которая присуща была въ свое время украинскому народу; тогда станетъ понятнымъ, что Гонта дѣйствовалъ изъ-за убѣжденій, глубоко укоренившихся въ народѣ, изъ-за сознательнаго долга стать въ борьбѣ, охватившей страну, на сторонѣ своего народа, его правъ, вѣры и національности, и принести этому дѣлу въ жертву и свою карьеру и свое общественное положеніе.

Если-бы до насъ дошли извѣстія о Гонтѣ и его участіи въ „Коліивщинѣ“ отъ лицъ, принадлежавшихъ къ другой заинтересованной сторонѣ, или, по крайней мѣрѣ, отъ свидѣтелей безпристрастныхъ и постороннихъ, то мы не сомнѣваемся, что высказанное нами положеніе можно было-бы установить самыми точными и подробными ссылками. Къ несчастію мы поставлены въ необходимость пользоваться источниками, составленными исключительно лицами враждебными Гонтѣ, и потому можемъ попытаться лишь указать путемъ сопоставленій и критическаго отношенія къ сообщаемымъ фактамъ на болѣе серьезныя и человѣчныя побужденія дѣятельности Гонты, чѣмъ тѣ, которые приписывали ему шляхтичи-современники, увлекаясь весьма естественно ненавистью къ лицу, причинившему имъ много бѣдствій и страданій [1]). Не желая, впрочемъ, теряться въ догадкахъ и гипотезахъ, мы ограничимся лишь фактическимъ изложеніемъ относящихся къ его біографіи событій.

Иванъ Гонта принадлежалъ по рожденію къ крестьянскому сословію; по словамъ Липпомана, онъ родился въ селѣ Росошкахъ, принадлежавшемъ къ уманскому имѣнію Потоцкихъ. Свѣдѣніе это заимствовано Липпоманомъ изъ записокъ Вероники Кребсъ, которая говоритъ: „Когда мой отецъ пріѣхалъ въ Умань (1757 г.), онъ уже засталъ тамъ полковника (надворныхъ козаковъ) Обуха и старшаго сотника Гонту, крестьянина изъ деревни Росошекъ“ [2]). Братъ г-жи Кребсъ, Павелъ Младановичъ, утверждаетъ въ своихъ запискахъ, будто Гонта родился гдѣ-то въ Полѣсьи и, достигши 18-лѣтняго возраста, совершилъ какое-то преступленіе, за которое былъ приговоренъ къ висѣлицѣ, но будто, уже на самомъ мѣстѣ исполненія казни, отецъ Младановича, занимавшій тогда должность уманскаго

---

[1]) При составленіи этого очерка мы пользовались слѣдующими источниками: 1) Липпоманъ—«Bunt hajdamaków na Ukrainie 1768 r.». 2) Павелъ Младановичъ—«Rzeź humańska». 3) Турчанскій—«Opis krótki rzeźi w mieście Humaniu». 4) Вероника Кребсъ—«Уманская рѣзня», переводъ Ревы 1879 г. 5) Мощинскій «Pamiętnik do historii polskiej. 6) Безыменный базиліанинъ—«Opisanie klęski Humańskiej». «Кіевская Старина», мартъ 1882 г. 7) Охоцкій—«Pamiętniki», т. I, глава 12. 8) Гумпльовичъ «Konfederacia Barska»—переписка короля Станислава-Августа съ Ксаверіемъ Браницкимъ. 9) Рукописный отрывокъ изъ анонимнаго мемуара.

[2]) Липпоманъ, стр. 14; Записки Кребсъ, стр. 16.

„губернатора", выпросилъ ему помилованіе, уплатилъ въ судъ штрафъ въ 4000 злотыхъ, причитавшійся за его вину, и затѣмъ зачислилъ его въ уманскую надворную милицію [1]). Конечно, весь разсказъ Павла Младановича есть не болѣе, какъ эпизодъ, сочиненный имъ самимъ для того, чтобы изобразить въ болѣе черныхъ краскахъ характеръ Гонты; разсказъ этотъ не заслуживаетъ вѣроятія не только при сопоставленіи его съ разсказомъ его сестры, но и съ данными, сообщаемыми самимъ Младановичемъ [2]).

Мы не знаемъ, когда Гонта поступилъ на службу въ надворную козацкую милицію: во всякомъ случаѣ это должно было случиться за долго до катастрофы 1768 года, такъ какъ, по свѣдѣніямъ Кребсъ, за 11 лѣтъ до нея онъ уже занималъ должность старшаго въ ней сотника. Среди козаковъ этой милиціи онъ пользовался значительнымъ уваженіемъ и авторитетомъ, и шляхтичи, управлявшіе уманскимъ имѣніемъ, были увѣрены, что въ каждомъ затруднительномъ случаѣ мнѣнію Гонты и его вліянію вся уманская милиція готова повиноваться безпрекословно. Вслѣдствіе этого убѣжденія шляхтичи старались жить въ дружбѣ съ вліятельнымъ сотникомъ и обходились съ нимъ съ почетомъ, какъ съ равнымъ; впрочемъ, положеніе свое въ шляхетскомъ обществѣ Гонта поддерживалъ и личными своими качествами. Павелъ Младановичъ описываетъ его, по своимъ воспоминаніямъ, слѣдующими словами: „Гонта былъ козакъ видный, рослый и красивый, отличался постоянною удачею во

---

[1]) Записки Павла Младановича, стр. 106.

[2]) Г-жа Кребсъ была взрослою дѣвушкою (18 лѣтъ) во время уманской катастрофы, была лично хорошо знакома съ Гонтою и могла знать лучше его отношенія къ отцу, чѣмъ ея братъ, бывшій въ то время еще мальчикомъ. Притомъ невѣроятность разсказа Младановича явствуетъ изъ сопоставленія слѣдующихъ данныхъ: 1) Младановичъ—отецъ былъ назначенъ уманскимъ губернаторомъ въ 1757 году, слѣдовательно, по его словамъ, въ 1768 году Гонтѣ могло быть maximum 28—29 лѣтъ, между тѣмъ самъ Младановичъ разсказываетъ въ послѣдствіи, что у Гонты было 4 взрослыя дочери и сынъ. 2) Надворная милиція составлялась изъ осѣдлыхъ крестьянъ уманскаго имѣнія; еслибы губернаторъ и приписалъ къ ней лице постороннее, то наврядъ-ли можно допустить, чтобы это лице было выбрано въ сотники преимущественно передъ почетными односельцами. 3) Наконецъ солидарность Гонты съ громадою села Росошекъ, помимо записокъ Кребсъ, подтверждается еще надписью на церковной двери въ этомъ селѣ, свѣдѣніе о которой мы сообщимъ ниже.

всѣхъ своихъ предпріятіяхъ" [1]). Въ запискахъ Кребсъ мы находимъ такую-же его характеристику: „Гонта, говоритъ составительница этихъ записокъ, былъ красивый, представительный мущина и къ тому онъ не только говорилъ, но и превосходно писалъ по-польски, а воспитаніе его было таково, что и теперь (т. е. въ началѣ XIX ст.) его можно было-бы счесть за шляхтича" [2]). Благодаря этимъ качествамъ, Гонта, не смотря на крестьянское происхожденіе, принятъ былъ въ мѣстномъ кругу шляхетскаго общества и занялъ въ немъ даже видное положеніе, вслѣдствіе особеннаго къ нему благоволенія уманскаго владѣльца, воеводы Салезія Потоцкаго. По установленному обычаю, ежегодно 300 козаковъ изъ надворной уманской милиціи, подъ предводительствомъ сотника, отправлялись по очереди ко двору владѣльца въ его резиденцію—Кристинополь, находившуюся въ Червоной Руси, гдѣ исполняли при его особѣ службу, въ качествѣ придворной стражи. Во время этихъ командировокъ Гонта обратилъ на себя вниманіе Потоцкаго, сдѣлался его любимцемъ и довѣреннымъ лицемъ. Въ два похода Гонта пріобрѣлъ отъ воеводы грамоты, по которымъ послѣдній отказалъ въ его пожизненное владѣніе два богатыя села: его родину Росошки и сосѣднее село Орадовку, а села эти приносили въ то время ежегодно доходъ въ 20,000 злотыхъ; сверхъ того Потоцкій изъялъ Гонту и его сотню изъ зависимости отъ полковниковъ-шляхтичей, командовавшихъ уманскою милиціею и подчинилъ прямо власти губернатора [3]). Вслѣдствіе этихъ распоряженій Гонта сталъ возбуждать зависть шляхтичей, завѣдывавшихъ администраціею Уманщины; но, тѣмъ не менѣе, они, не исключая губернатора, обращались съ сотникомъ съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ, такъ какъ въ средѣ ихъ установилось мнѣніе, что Потоцкій будто выслушиваетъ сообщенія Гонты о дѣйствіяхъ ихъ по управленію имѣніемъ и относится къ этимъ сообщеніямъ съ большимъ довѣріемъ.

Семейство Гонты жило въ то время въ его домѣ въ селѣ Росошкахъ; оно, по свѣдѣніямъ П. Младановича, состояло изъ жены,

---

[1]) Записки Младановича, стр. 78.

[2]) Записки Кребсъ, стр. 18.

[3]) Записки Кребсъ, стр. 17—18; П. Младановича, стр. 78; Липпоманъ, стр. 15; записки Мощинскаго, стр. 137.

четырехъ дочерей и сына; тотъ-же мемуаристъ сообщаетъ, въ весьма впрочемъ не ясныхъ выраженіяхъ, будто Гонта вступилъ въ бракъ не по собственному желанію, а по чьему-то принужденію, но будто въ послѣдствіи онъ примирился съ судьбою и былъ совершенно доволенъ своею семейною обстановкою [1]).

Приведенными фактами исчерпываются всѣ извѣстія, сообщаемые о Гонтѣ мемуаристами до рокового 1768 года. Изъ извѣстій этихъ явствуетъ, что, не смотря на милость владѣльца и уваженіе, которымъ пользовался Гонта въ средѣ окружавшей его шляхты, онъ не увлекся личною карьерою на столько, чтобы перейти въ шляхетскій лагерь и разорвать связь съ народомъ, изъ среды котораго вышелъ; тѣсная связь эта обозначается какъ признанною всѣми мемуаристами популярностью Гонты въ средѣ уманской милиціи, которой онъ былъ выборнымъ сотникомъ, такъ и его усердіемъ къ православной вѣрѣ, на которое мы имѣемъ два фактическія указанія. Въ 1860 году намъ случилось быть въ селѣ Росошкахъ, гдѣ въ старой деревянной церкви надъ дверью мы видѣли рѣзную надпись примѣрно слѣдующаго содержанія: „Церковь сія збудована коштомъ сотника Ивана Гонты и всей громады“ [2]). Въ мѣстечкѣ Володаркѣ, въ старой Воздвиженской церкви, въ числѣ церковныхъ ктиторовъ записанъ былъ и Иванъ Гонта съ женою, и портреты ихъ хранились въ церкви до 1847 года. Въ этомъ году старая церковь была разобрана и перенесена на другое мѣсто по желанію помѣщика; тогда, вѣроятно, въ собственность послѣдняго перешли и портреты ктиторовъ, въ томъ числѣ и портретъ Гонты, снимокъ съ котораго и помѣщается въ настоящей книжкѣ „Кіевской Старины“.

Въ 1768 году Гонтѣ суждено было занять видную и трагическую роль въ исторіи края. Въ февралѣ этого года вспыхнула барская конфедерація; конфедераты, занявъ значительную часть воеводствъ: подольскаго, брацлавскаго и кіевскаго, стали понуждать землевладѣльцевъ къ доставкѣ въ помощь конфедераціи денегъ, провіанта и вооруженныхъ людей; въ Умани полученъ былъ универсалъ,

---

[1]) Записки П. Младановича, стр. 78.

[2]) За буквальную точность приводимой надписи мы не можемъ поручиться, ибо возстановляемъ ее по памяти, такъ какъ копія, снятая съ надписи, утерялась.

требовавшій присылки въ станъ конфедератовъ 30,000 злотыхъ, значительнаго фуража и 3,000 вооруженныхъ и форменно одѣтыхъ солдатъ, т. е., иными словами, всей надворной козацкой милиціи, и угрожавшій строгимъ взысканіемъ въ случаѣ ослушанія [1]). Универсалъ этотъ былъ препровожденъ на усмотрѣніе владѣтеля Уманщины, воеводы Салезія Потоцкаго, и управлявшій его имѣніемъ дворянинъ Младановичъ просилъ снабдить его инструкціями. Потоцкій не былъ расположенъ въ пользу конфедераціи, но съ другой стороны боялся, чтобы, въ случаѣ рѣзкаго отказа, его уманскія помѣстья не подверглись разоренію со стороны конфедератовъ, и потому занялъ двусмысленное положеніе. Онъ приказалъ Младановичу отвѣтить конфедератамъ, что онъ находитъ неудобнымъ послать имъ въ помощь свою козацкую милицію, такъ какъ на искреннее участіе козаковъ въ войнѣ съ русскими войсками невозможно положиться; но, въ замѣнъ милиціи, онъ обѣщалъ навербовать требуемое количество войска изъ шляхты и, вооруживъ ее на свой счетъ и снабдивъ мундирами, отправить въ помощь конфедераціи. Въ тоже время онъ приказалъ всю уманскую милицію расположить лагеремъ у рѣки Синюхи вдоль русской границы и вошелъ въ сношенія съ кіевскимъ военнымъ губернаторомъ Воейковымъ; послѣдній, по просьбѣ Потоцкаго, разрѣшилъ уманскимъ козакамъ отступить за русскую границу, въ случаѣ если-бы конфедераты заняли Умань [2]). Не довѣряя, впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ шляхтичамъ, управлявшимъ Уманщиною, симпатизировавшимъ конфедераціи, подобно всѣмъ лицамъ ихъ сословія, Потоцкій, помимо губернатора Младановича, снабдилъ Гонту особыми инструкціями относительно поведенія милиціи и вступилъ съ нимъ въ частную переписку. Одно изъ писемъ воеводы къ Гонтѣ было перехвачено и утаено Младановичемъ: мы не знаемъ, какія распоряженія заключались въ немъ, но несомнѣнно то, что Потоцкій обѣщалъ въ немъ Гонтѣ, въ награду за точное исполненіе своихъ инструкцій, выхлопотать дворянство и подарить нѣсколько селъ немедленно послѣ усмиренія конфедераціи [3]).

---

[1]) Записки П. Младановича, стр. 79.

[2]) Записки Мощинскаго стр. 138.

[3]) Записки Павла Младановича стр. 78, зап. Лишомана стр. 32, зап. Тучапскаго стр. 135—136.

Между тѣмъ Младановичъ и другіе экономическіе урядники въ Умани, желая вмѣстѣ оказать помощь конфедераціи и исполнить формально распоряженія Потоцкаго, отправили милицію въ лагерь къ Синюхѣ, приказавъ командовавшимъ ею полковникамъ шляхтичамъ зорко слѣдить за поведеніемъ козаковъ вообще и въ особенности за дѣйствіями Гонты: затѣмъ они принялись весьма усердно подготовлять вооруженіе предположенной шляхетской милиціи. Они обложили всѣхъ крестьянъ Уманщины тяжелымъ налогомъ и за полученныя деньги стали пріобрѣтать оружіе и заготовлять мундиры: бѣлые жупаны, зеленыя шапки и куртки. Къ Младановичу стали съѣзжаться мѣстные шляхтичи на секретныя совѣщанія, являлись какія-то таинственныя лица для интимныхъ переговоровъ, по ночамъ въ экономическіе магазины привозили запасы оружія, сѣделъ и т. п. [1]).

Хотя всѣ эти приготовленія дѣлались въ тайнѣ, но слухи объ нихъ дошли до Потоцкаго и послѣдній рѣшился отправить довѣренное лице для повѣрки дѣйствій своихъ управляющихъ; выборъ его, впрочемъ, сдѣланъ былъ весьма неудачно. Въ Умань явился, въ качествѣ уполномоченнаго воеводы, белзскій мечникъ Цѣсельскій, человѣкъ, по словамъ современника, „весьма видной наружности, но скудный умомъ, лишенный храбрости и самостоятельности". Цѣсельскому поручено было: провѣрить расходы и не допустить растраты денегъ управляющими на предметы не разрѣшенные владѣльцемъ. Пріѣхавъ въ Умань, Цѣсельскій немедленно подчинился вліянію Младановича и окружавшей его шляхты; вмѣсто того, чтобы удержать ихъ отъ дѣйствій въ пользу конфедераціи, онъ сообщилъ имъ подробности о сношеніяхъ воеводы съ Гонтою и о томъ, что послѣдній сообщаетъ Потоцкому свѣдѣнія о ихъ поступкахъ [2]).

Извѣстіе это крайне взволновало шляхтичей: губернаторъ Младановичъ, главный кассиръ Рогашевскій и полковникъ милиціи Обухъ давно уже косились на Гонту, завидуя милости и довѣрію къ нему

---

[1]) Зап. Кребсъ, стр. 18—19; Зап. Павла Младановича, стр. 79; зап. Мощинскаго, стр. 139.

[2]) Зап. Мощинскаго, стр. 137.

Потоцкаго и негодуя на то независимое отъ нихъ, самостоятельное и обезпеченное положеніе, котораго успѣлъ достигнуть козацкій сотникъ. Давно ихъ коробило отъ необходимости обращаться съ хлопомъ, какъ съ равнымъ себѣ урядникомъ; теперь, узнавъ, что Гонта противудѣйствуетъ ихъ конфедерацкимъ замысламъ и служитъ органомъ непонятныхъ для нихъ намѣреній воеводы, они рѣшились изобрѣсти всевозможныя мѣры для того, чтобы уронить его въ глазахъ владѣльца и, если возможно, совершенно погубить; но для этого необходимо было добыть факты обвиненія, и шляхтичи занялись этимъ весьма усердно. Они начали съ того, что уговорили Цѣсельскаго сдѣлать представленіе Потоцкому о томъ, что Гонта получаетъ вознагражденіе не по заслугамъ, что уманская касса терпитъ значительный уронъ, вслѣдствіе отдачи ему въ пользованіе двухъ богатыхъ селъ, и что было-бы справедливо, отнявъ у него эти села, назначить ему въ качествѣ сотника жалованье въ 100 злотыхъ, (т. е. 15 р.) въ годъ, которые болѣе чѣмъ достаточны для содержанія хлопа [1]). Вслѣдъ за тѣмъ Младановичъ сталъ вызывать и тщательно собиралъ всевозможные доносы на сотника. Въ доносчикахъ не оказалось недостатка: нѣсколько евреевъ уманскихъ сообщили Цѣсельскому, будто въ лагерѣ Гонта уговариваетъ козаковъ вступить въ сношенія съ гайдамаками, но что въ осуществленіи этого намѣренія помѣшалъ ему скончавшійся недавно въ лагерѣ-же сотникъ Дашко, который будто сказалъ: „я не согласенъ, ибо семь недѣль будетъ вашего господства, а потомъ въ теченіи семи лѣтъ будутъ васъ вѣшать и четвертовать“ [2]). Получивъ этотъ доносъ, Цѣсельскій хотѣлъ было судить Гонту и приговорить къ висѣлицѣ; но другіе шляхтичи сообразили недостаточность уликъ и удержали его отъ рѣшительныхъ шаговъ, въ надеждѣ на болѣе вѣское обвиненіе. Новый доносъ, болѣе серьезный, не замедлилъ явиться; его прислалъ въ началѣ мая изъ лагеря полковникъ Обухъ. Онъ извѣщалъ, что Гонта по ночамъ уѣзжаетъ изъ лагеря въ свои села и тамъ проводитъ время въ тайныхъ совѣщаніяхъ съ какими-то „заграничными особами“. Въ отвѣтъ на это донесеніе изъ Умани извѣстили Обуха, что сообщенія его не достаточны для того, чтобы

---

[1]) Зап. Мощинскаго, стр. 138.

[2]) Зап. Мощинскаго, стр. 139.

казнить Гонту, и посовѣтовали болѣе тщательно слѣдить за нимъ, пресѣчь ему всякую возможность тайно сноситься съ посторонними лицами и, главное, стараться поймать въ расплохъ и арестовать „заграничныя особы", буде таковыя появятся. Мы не знаемъ, какія мѣры были приняты Обухомъ, но онѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ; нѣсколько дней спустя, въ лагерь козацкій пріѣхали какія-то духовныя лица изъ Кіева и заявили желаніе посѣтить Гонту. Обухъ распорядился немедленно арестовать ихъ, обыскать и доставить подъ сильнымъ карауломъ въ Умань вмѣстѣ съ найденными при нихъ бумагами. Узнавъ о случившемся, Младановичъ вызвалъ въ Умань Гонту, въ полной увѣренности, что нашелъ достаточныя улики для его гибели; но губернатору пришлось разочароваться. Оказалось, что духовныя арестованныя лица вовсе не занимались политикою; найденныя при нихъ бумаги заключали лишь полемическія разсужденія, направленныя противъ уніи, сѣтованія о томъ, что польское правительство воспрещаетъ православнымъ жителямъ Украйны ходить на поклоненіе въ кіевскія пещеры и, наконецъ, письмо какого-то духовнаго лица къ Гонтѣ, заключавшее исключительно заявленія дружескихъ чувствъ. Конечно, на основаніи всего найденнаго нельзя было Гонту ни казнить, ни судить, особенно въ виду расположенности къ нему Потоцкаго. Младановичъ нашелся въ затруднительномъ положеніи: чтобы выйти изъ него, онъ далъ пиръ въ честь Гонты, объяснилъ все дѣло недоразумѣніемъ Обуха и, вступивъ съ заподозрѣннымъ сотникомъ въ интимную бесѣду, предложилъ ему: или искренно поклясться въ вѣрности шляхтѣ, или сложить съ себя чинъ сотника и оставить милицію. Гонта отвѣтилъ, что онъ не намѣренъ ни оставлять военной службы, ни нарушать вѣрности къ воеводѣ Потоцкому. На томъ противники и прекратили переговоры. Младановичъ, чувствуя пораженіе, отпустилъ Гонту съ честью въ лагерь, приказавъ тѣмъ не менѣе полковникамъ Обуху и Магнушевскому продолжать тщательный за нимъ надзоръ [1]).

Таковы были отношенія Гонты въ Умаьщинѣ въ маѣ 1768 года, когда неожиданное событіе прервало сѣть шляхетскихъ интригъ противъ ненавистнаго имъ сотника. Въ концѣ мая въ Умань пришли

---

[1]) Зап. Павла Младановича, стр. 79—80.

первыя вѣсти о появленіи гайдамаковъ у Чигрина, но первоначально власти не обратили на эти слухи особеннаго вниманія; гайдамацкіе отряды, болѣе или менѣе крупные, каждую весну появлялись въ Украйнѣ и тревожили шляхтичей, но покушаться на болѣе сильно укрѣпленные города не дерзали. Въ числѣ украинскихъ крѣпостей Умань считалась сильнѣйшею: городъ былъ окруженъ рвомъ и валомъ съ палисадомъ; внутри его экономическій дворъ, устроенный въ видѣ цитадели, имѣлъ особыя укрѣпленія; двое городскихъ воротъ и валы кругомъ города были снабжены численною артиллеріею; наконецъ, гарнизонъ, состоявшій изъ пѣхоты подъ начальствомъ капитана Ленарта и надворная козацкая милиція представляли силы слишкомъ внушительныя для летучихъ гайдамацкихъ отрядовъ. Но на этотъ разъ тревожныя вѣсти вскорѣ стали принимать необычные размѣры: гайдамацкій набѣгъ ясно стремился перейти во всеобщее крестьянское возстаніе. Небольшой отрядъ Желѣзняка, заключавшій въ себѣ при первомъ появленіи только 18 человѣкъ, росъ по часамъ и мгновенно почти охватилъ весь юго-восточный уголъ Кіевщины, направляясь медленно къ западу; шляхта и евреи въ тревогѣ бѣжали подъ защиту крѣпостей: Бѣлой-Церкви, Лысянки и особенно Умани. Въ виду возраставшей паники, Младановичъ счелъ наконецъ нужнымъ въ началѣ іюня принять болѣе серьезныя мѣры предосторожности: онъ приказалъ запереть городскія ворота и не пропускать въ городъ никого безъ тщательнаго осмотра, отправилъ довѣренныхъ лицъ въ Бендеры для закупки у турецкаго паши пороха и ядеръ, въ которыхъ чувствовался недостатокъ, кругомъ города разставилъ стражу [1]) и наконецъ рѣшился пустить въ дѣло козацкую милицію. Младановичъ призвалъ ее изъ лагеря въ Умань и приказалъ всему полку на рынкѣ принести присягу на вѣрность владѣльцу, послѣ-же ея исполненія, онъ призвалъ къ себѣ полковниковъ: Обуха и Магнушевскаго и сотниковъ: Гонту, Уласенка и Ярему и, угощая ихъ усердно, уговаривалъ не измѣнять данной присягѣ, при чемъ обращался главнымъ образомъ къ Гонтѣ; послѣдній отвѣчалъ очень краснорѣчивыми увѣреніями въ своей неизмѣнной вѣр-

---

[1]) Зап. И. Младановича, стр. 81—82. «Кіевская Старина» 1882 г., т. I, стр. 523—524.

ности владѣльцу. Вслѣдъ за тѣмъ къ Гонтѣ явилась депутація отъ уманскихъ евреевъ, поднесла ему блюдо червонцевъ и другіе богатые подарки и просила позаботиться о ихъ спасеніи. Младановичъ заключилъ миръ увѣреніемъ, что спасеніе города и всей Украйны зависитъ отъ Гонты, и далъ приказъ козакамъ выступать въ походъ [1]). Для насъ кажется очевиднымъ, что во всѣхъ переговорахъ Младановича съ Гонтою обѣ стороны не досказывали вполнѣ своей мысли и въ значительной мѣрѣ скрывали ее подъ общею среднею формулою присяги: Младановичъ, трактуя о вѣрности и требуя присяги на имя Потоцкаго, подразумѣвалъ вѣрность Рѣчи Посполитой, шляхтѣ и возникшей въ ея средѣ конфедераціи. Гонта, съ своей стороны, ограничиваясь строго формулою вѣрности воеводѣ, имѣлъ въ виду исключительно личность послѣдняго и, на основаніи бывшей переписки, могъ чувствовать себя совершенно не связаннымъ по отношенію къ шляхтѣ вообще, а тѣмъ болѣе къ конфедератамъ. Между тѣмъ обѣ стороны считали неудобнымъ открывать другъ другу вполнѣ свои побужденія и кружились въ заколдованномъ кругу недомолвокъ и взаимнаго недовѣрія. По крайней мѣрѣ иначе трудно объяснить и ту легкость, съ которою Гонта повторялъ требуемую присягу, и то недовѣріе, съ которымъ принималась присяга Младановичемъ, и ту нерѣшительность, вслѣдствіе которой онъ не осмѣлился принять сколько нибудь серьезныхъ мѣръ по отношенію къ Гонтѣ, не смотря на постоянно осаждавшія его подозрѣнія.

Выступивъ изъ Умани, козацкая милиція пошла по направленію къ Звенигородкѣ, такъ какъ получено было извѣстіе, что Желѣзнякъ взялъ Смѣлу и оттуда идетъ на Умань. Между тѣмъ количество бѣглецовъ, искавшихъ спасенія въ Умани, увеличивалось все болѣе и болѣе; они уже не мѣстились въ городѣ и расположились лагеремъ за его чертою; въ лагерѣ этомъ насчитывали до 6,000 шляхтичей, евреевъ и слугъ; между ними постоянно носились тревожныя вѣсти и паника быстро возрастала. На третій день послѣ выступленія изъ города милиція, къ Младановичу явилась депутація изъ лагеря и сказала, что шляхтичи имѣютъ вѣрное из-

[1]) Зап. Липкомана, стр. 16—17; Зап. Павла Младановича. стр. 81; Зап. Тучапскаго, стр. 126; Зап. Кребсъ. стр. 19; Зап. Мощинскаго. стр. 140.

вѣстіе о соединеніи Гонты съ Желѣзнякомъ у Звенигородки. Потому шляхтичи совѣтуютъ, какъ можно скорѣе, призвать Гонту обратно и отрубить ему голову.

„Я не могу этого сдѣлать, отвѣчалъ Младановичъ, не потому что Гонта въ милости у пана, а потому, что у меня нѣтъ точныхъ доказательствъ его вины. Впрочемъ, я сейчасъ пошлю къ полковнику Обуху, чтобы онъ приказалъ сотникамъ пріѣхать въ Умань".

Сотники явились. Младановичъ публично повелъ разговоръ съ Гонтою и объявилъ ему, что получено извѣстіе объ его сношеніяхъ съ Желѣзнякомъ. Гонта, не вступавшій еще въ эти сношенія, по предположенію Липпомана, отрицалъ фактъ и требовалъ очной ставки съ обвинителемъ; но никто не явился, и Младановичъ замялъ дѣло и пригласилъ сотниковъ еще разъ принести присягу въ вѣрности.

„Послѣ этой церемоніи, говоритъ Кребсъ, я слышала разговоръ Гонты съ отцемъ и думаю, что всякій, услыхавъ его увѣренія въ вѣрности, подумалъ-бы, что Гонта о томъ только и думаетъ, *какъ-бы усилить къ себѣ расположеніе воеводы*" [1]). Того-же дня сотники опять уѣхали къ войску и въ городѣ настало тревожное затишье, прерываемое лишь глухими извѣстіями о приближеніи гайдамаковъ къ Умани. Гроза дѣйствительно приближалась: гайдамаки взяли Лысянку и перебили въ ней шляхтичей; лысянская козацкая милиція присоединилась къ нимъ, и они направились на Умань; въ уманскую волость они вступили съ сѣверо-востока, перебили шляхтичей въ мѣстечкѣ Букахъ и въ окружающихъ селахъ и направились къ мѣстечку Соколовкѣ. На пути Желѣзнякъ разглашалъ, будто онъ предпринялъ походъ на основаніи указа императрицы, что онъ пришелъ возстановить козачество, въ томъ числѣ и древній уманскій полкъ, что онъ намѣренъ изгнать всѣхъ пановъ изъ Украйны, Подоліи и Волыни и т. п. [2]). Послѣ занятія гайдамаками Соколовки, къ мѣстечку подступила и уманская милиція и остановилась вблизи его на ночлегъ; здѣсь только, по всему вѣроятію, между Желѣзнякомъ и Гонтою открылись переговоры. Полковникъ

---

[1]) Зап. Кребсъ, стр. 19—20; Зап. Липпомана, стр. 18—19; Зап. Павла Младановича, стр. 82.

[2]) Зап. Липпомана, стр. 20; «Кіевская Старина», I, стр. 522.

Магнушевскій, объѣзжая ночью разставленные имъ вокругъ лагеря пикеты, узналъ, что они были сняты по приказанію Гонты: онъ отправился въ палатку своего товарища Обуха, разсказалъ ему замѣченный фактъ и предложилъ немедленно застрѣлить спящаго Гонту, но Обухъ воспротивился этому, вѣроятно опасаясь отвѣтственности передъ Потоцкимъ; между тѣмъ сотники Гонта и Уласенко успѣли войти въ сношенія съ Желѣзнякомъ [1]). Мы не находимъ въ мемуарахъ указанія на побужденія, которыми руководился Гонта, рѣшившись примкнуть къ движенію Желѣзняка; конечно, слухи о мнимой грамотѣ императрицы были слишкомъ наивны, чтобы могли сдѣлать на него впечатлѣніе, какъ справедливо замѣчаетъ Липпоманъ [2]), трудно также предполагать, чтобы инструкціи, данныя Гонтѣ Потоцкимъ, могли его побудить къ участію въ гайдамачествѣ; Потоцкій могъ ему предписывать уклоняться отъ участія въ конфедераціи, можетъ быть приказывалъ дѣйствовать противъ конфедератовъ или соединиться съ русскими войсками, но онъ не могъ предвидѣть движенія Желѣзняка и тѣмъ менѣе не могъ желать разоренія центральнаго города своихъ помѣстій и истребленія проживавшей въ нихъ шляхты. Очевидно, другія побужденія руководили Гонтою; скорѣе всего можно допустить, что въ переговорахъ съ Желѣзнякомъ онъ убѣдился, что послѣдній поднялъ возстаніе во имя осуществленія завѣтныхъ народныхъ идеаловъ: возстановленія козачества, изгнанія пановъ и истребленія уніи и счелъ своимъ долгомъ примкнуть къ общенародному дѣлу.

На слѣдующее утро послѣ ночлега у Соколовки, гайдамаки вышли изъ мѣстечка по направленію къ Умани, на встрѣчу имъ шли уманскіе козаки; но на пути они остановились по приказанію сотниковъ и послѣдніе обратились къ полковникамъ - шляхтичамъ, примѣрно съ слѣдующею рѣчью: „можете паны уѣхать прочь, мы не нуждаемся болѣе въ вашемъ присутствіи, совѣтуемъ вамъ: бѣгите, если хотите оставаться въ живыхъ; въ противномъ случаѣ погибнете если не отъ руки гайдамаковъ, то отъ нашей“. Затѣмъ сотники объявили, что кто желаетъ изъ козаковъ, можетъ удалиться

---

[1]) Зап. Липпомана, стр. 21; Зап. Мощинскаго, стр. 140—141; «Кіевская Старина», I, стр. 523.

[2]) Зап. Липпомана, стр. 21.

вмѣстѣ съ полковниками. Обухъ и Магнушевскій быстро отъѣхали въ сторону и направились къ русской границѣ, которой достигли не безъ большой опасности; всѣ же козаки подъ предводительствомъ Гонты соединились съ ополченіемъ Желѣзняка и вмѣстѣ направились къ Умани [1]).

Между тѣмъ въ городѣ въ теченіи четырехъ дней не было вовсе извѣстій ни о движеніи гайдамаковъ, ни о дѣйствіяхъ уманской милиціи. Наконецъ 18 іюня около 11 часовъ дня, изъ башни экономическаго двора замѣтили приближавшійся полкъ уманскихъ козаковъ; вслѣдъ за нимъ шло ополченіе Желѣзняка. Оба остановились въ виду города, Гонта и Желѣзнякъ дружелюбно привѣтствовали другъ друга и оба войска, соединившись, бросились на таборъ, расположенный внѣ городскихъ укрѣпленій, и стали истреблять находившихся въ немъ шляхтичей [2]). Губернаторъ Младановичъ совершенно растерялся; въ городѣ водворилась анархія и безпорядокъ; кое-какія мѣры для защиты приняты были лишь благодаря находчивости капитана гарнизона Лепарта и землемѣра Шафранскаго, служившаго нѣкогда въ арміи Фридриха II: они вооружили, чѣмъ попало, дворянъ, слугъ, евреевъ и учениковъ базиліанскаго училища, размѣстили ихъ за палисадами и открыли пушечную пальбу по нападавшимъ. Перестрѣлка продолжалась въ теченіи 30 часовъ; но средства осажденныхъ быстро изсякли. Въ слѣдующее утро Шафранскій заявилъ Младановичу, что запасы пороху и картечи истощились; притомъ въ городѣ не было воды, колодезь, начатый за нѣсколько дней назадъ, на глубинѣ 30 саженъ, наткнулся на скалу, но воды въ немъ не оказалось; осажденные должны были утолять жажду медомъ, вишневкою и виномъ, отъ которыхъ хмѣлѣли и увеличивали безпорядокъ; сверхъ того ночью изъ города сбѣжали къ Гонтѣ всѣ солдаты гарнизона, экономическіе слуги и арестанты, содержавшіеся въ экономической тюрьмѣ, и выпущенные на волю милиціонерами [3]). Получая эти

[1]) Зап. Тучапскаго, стр. 127; Зап. Мощинскаго, стр. 141; «Кіевская Старина», I, стр. 523.

[2]) Зап. Липпомана, стр. 25—26; Зап. Младановича, стр. 83—84; Зап. Кребсъ, стр. 20—21; Зап. Мощинскаго, стр. 141—142; «Кіевская Старина», I, стр. 524.

[3]) Зап. Липпомана, стр. 26—27; Зап. П. Младановича, стр. 83—85; Зап. Тучапскаго, стр. 128; Зап. Кребсъ, стр. 21—22; «Кіевская Старина», I, стр. 524.

неутѣшительныя извѣстія, Младановичъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ защиты и еще ночью уговорилъ купцевъ евреевъ отправить Гонтѣ и Желѣзняку въ подарокъ нѣсколько возовъ дорогихъ матерій и начать переговоры объ условіяхъ капитуляціи. Предводители гайдамаковъ приняли подарки, но переговоры отложили до утра [1]). На слѣдующій день Гонта, привязавъ бѣлый платокъ къ копью, подъѣхалъ къ воротамъ и предложилъ возобновить переговоры объ условіяхъ сдачи; онъ требовалъ, чтобы Младановичъ вышелъ къ нему лично и приказалъ-бы открыть ворота; растерявшійся губернаторъ исполнилъ это требованіе, онъ пошелъ къ воротамъ на встрѣчу Гонтѣ въ сопровожденіи мѣщанъ, несшихъ хлѣбъ и соль. У воротъ произошла безпорядочная сцена, различно разсказываемая мемуаристами. Изъ сопоставленія сообщаемыхъ ими извѣстій, весьма впрочемъ противурѣчивыхъ въ частностяхъ, несомнѣнно то, что вслѣдствіе анархіи, воцарившейся среди шляхты, переговоры не могли состояться; шляхетская старшина: губернаторъ Младановичъ, капитанъ Лепартъ, кассиръ Рогашевскій, хорунжій Марковскій и друг. вышли на встрѣчу Гонтѣ, не условившись предварительно между собою; когда ворота были отворены и Гонта и Желѣзнякъ въ сопровожденіи козацкой старшины въѣзжали въ нихъ, одни шляхтичи пытались было вступить въ переговоры, другіе прерывали ихъ бранью, иные порывались палить изъ пушекъ, другіе отталкивали ихъ и ложились на пушки. Младановичъ, хотѣвшій было предложить Гонтѣ условія, не могъ говорить среди шума; исполненный досады и отчаянія, онъ обратился къ шляхтѣ: „помышляйте-же сами о себѣ, я иду въ церковь и предаю себя Господу!“ и затѣмъ ушелъ къ костелу [2]). Между тѣмъ, пока шляхтичи ссорились и шумѣли, вслѣдъ за старшиною вошла въ городъ толпа народа и разсыпалась по улицамъ; началась кровавая расправа, извѣстная подъ именемъ „Уманской рѣзни“. Мы не станемъ передавать подробностей этого дѣла, изобильно разсказанныхъ всѣми мемуаристами, а остановимся лишь на тѣхъ фактахъ, кото-

---

[1]) Зап. Мощинскаго, стр. 142—143.

[2]) Зап. Липкомана, стр. 27—29; Зап. П. Младановича, стр. 85—86; Зап. Тучапскаго, стр. 128—130; Зап. Мощинскаго, стр. 142—143; «Кіевская Старина», I, стр. 525.

рые относятся лично къ Гонтѣ и очерчиваютъ его отношеніе къ излишествамъ народной мести. Не смотря на то, что факты эти мы въ состояніи заимствовать исключительно изъ источниковъ крайне непріязненныхъ для Гонты и желающихъ свалить по преимуществу на него отвѣтственность за варварскія убійства, происходившія въ Умани, всматриваясь въ передаваемыя мемуаристами данныя, мы видимъ въ дѣйствіяхъ Гонты гораздо болѣе желанія смягчить расправу, чѣмъ усилить ее, и во многихъ случаяхъ онъ очевидно прибѣгаетъ къ всевозможнымъ компромисамъ и хитростямъ для того, чтобы исторгнуть ту или другую жертву отъ ярости народнаго озлобленія; онъ старается оттянуть время, дѣлаетъ распоряженія будто грозныя для жертвъ, но въ сущности имѣвшія цѣлью спасти ихъ и т. п. Принявъ во вниманіе составъ овладѣвшаго Уманью ополченія и отношенія къ нему Гонты, мы не можемъ относить къ его личному вліянію того кроваваго характера, который приняла расправа. Масса народа, нахлынувшая въ Умань, состояла изъ крестьянъ, сбѣжавшихся изъ всей южной Кіевщины: крестьяне эти, томившіеся долго въ тяжелой крѣпостной зависимости, раздраженные недавними событіями, направленными къ насильственному введенію уніи, представляли массу разъяренную и озлобленную и уже по степени своего развитія не способную ни сдерживать своихъ страстей, ни подчиниться правильному руководству своихъ вождей. Притомъ, какъ ни былъ популяренъ Гонта, вліяніе его ограничивалось предѣлами Уманщины и для большинства возставшихъ крестьянъ онъ былъ человѣкъ чужой и не авторитетный. Дать направленіе движенію, сдержать чувство народной мести, онъ не имѣлъ возможности и на немъ не можетъ лежать отвѣтственность за общій характеръ событій. Чтобы уяснить его личный образъ дѣйствій, посмотримъ, на какіе факты указываютъ его враги. Самый враждебный къ Гонтѣ изъ всѣхъ мемуаристовъ, Павелъ Младановичъ, приписываетъ ему лично два убійства: кассира Рогашевскаго и своей тетки Констанціи Янкевичовой; но въ первомъ случаѣ Младановичъ противурѣчитъ самъ себѣ, такъ какъ онъ самъ сообщаетъ приказъ данный Гонтою о томъ, чтобы пощадить семейство Рогашевскаго, относительно-же Янкевичевой, сестра Младановича, видѣвшая ея смерть, сообщаетъ, что она была убита какимъ-то неизвѣстнымъ крестьяниномъ, въ то время, когда, въ числѣ другихъ

женщинъ ее препровождали въ церковь по приказанію Гонты [1]). Затѣмъ Тучапскій утверждаетъ, что Гонта приказалъ привести къ себѣ губернатора Младановича, упрекалъ его въ утайкѣ важнаго письма, писаннаго воеводою къ Гонтѣ, и въ заключеніе нанесъ ему ударъ саблею, а затѣмъ приказалъ окружавшимъ убить его; но Павелъ Младановичъ, сопровождавшій отца во время этого разговора, ничего подобнаго не слышалъ; онъ утверждаетъ, что Гонта требовалъ отъ Младановича передачи кассы и вслѣдствіе его отказа, выдалъ его окружавшимъ козакамъ [2]). Кромѣ этихъ трехъ сбивчивыхъ, противурѣчивыхъ и не ясныхъ указаній, ни одинъ мемуаристъ не приводитъ ни одного не только лично Гонтою совершеннаго убійства, но даже исходившаго отъ него смертнаго приговора, между тѣмъ какъ въ разсказахъ ихъ постоянно просвѣчиваютъ свидѣтельства объ усиліяхъ Гонты спасти какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя группы шляхтичей. Такъ Тучапскій свидѣтельствуетъ, что Гонта приказалъ пощадить эконома Скаржинскаго; но крестьяне, ненавидѣвшіе его за крайнюю строгость, убили его выстрѣлами изъ толпы, помимо запрета Гонты [3]). Младановичъ и Кребсъ разсказываютъ согласно о томъ, что, явившись въ костелъ, куда укрылись многіе шляхтичи и гдѣ уже началась рѣзня, Гонта приказалъ вывести изъ него нѣсколько семействъ, въ томъ числѣ и семейство Младановича, обѣщая спасти ихъ. Выведенныхъ изъ костела препроводили частью въ домъ мѣщанина Богатого, частью въ экономическій дворъ, ихъ сопровождали козаки, назначенные Гонтою, которые, проходя среди толпы, кричали: „не тронь!“ Затѣмъ, явившись самъ въ домъ Богатого и замѣтивъ, что гайдамаки въ него врываются и обращаютъ вниманіе на спасенныхъ, онъ отвелъ Младановича въ заднюю комнату и сказалъ ему: „сиди здѣсь, будешь въ безопасности“. Желая предохранить отъ разъяренной толпы дѣтей и женщинъ уведенныхъ въ экономическій дворъ, онъ приказалъ ихъ отвести въ церковь, гдѣ священникъ прочелъ надъ ними молитву и окропилъ ихъ водою; толпѣ было сообщено, что лица эти приняли крещеніе по православному обря-

---

[1]) Зап. П. Младановича, стр. 87 и 94; Зап. Кребсъ, стр. 23.

[2]) Зап. Тучапскаго, стр. 135—136; Зап. П. Младановича, стр. 90—91.

[3]) Зап. Тучапскаго, стр. 136.

ду и что воспріемниками ихъ были Гонта и Желѣзнякъ. Мальчика Младановича, будущаго мемуариста, Гонта поручилъ безотступному попеченію козака Шило, который его охранялъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, объявляя всѣмъ: „то ляцка дитына, дарована житьемъ видъ Гонты". Когда явились изъ одного изъ окрестныхъ селъ крестьяне, преданные семьѣ Младановичей, онъ приказалъ выдать имъ и позволилъ увести изъ Умани трое спасенныхъ дѣтей. Наконецъ когда страсти успокоились, Гонта приказалъ вывести на улицу всѣхъ, скрывавшихся во время погрома, и каждому поименно объявилъ, что жизни его не угрожаетъ болѣе опасность. Записывая послѣднюю сцену, Младановичъ прибавляетъ, что Гонта случайно замѣтилъ во время разговора лежавшіе на улицѣ трупы убитыхъ дѣтей, страшно поблѣднѣлъ и приказалъ немедленно похоронить ихъ [1]).

Факты, подобные приведеннымъ, разсѣяны въ значительномъ количествѣ въ мемуарахъ и они, независимо отъ воли сообщающихъ ихъ лицъ, возстановляютъ человѣчный образъ ненавистнаго для шляхтичей уманскаго сотника.

Погромъ продолжался два дня, наконецъ страсти улеглись; нужно было приступить къ устройству края и къ продолженію начатыхъ дѣйствій. О дѣятельности Гонты въ теченіи трехъ недѣль, послѣдовавшихъ за взятіемъ Умани, мы имѣемъ только весьма скудные намеки, тѣмъ не менѣе въ нихъ ясно обозначается направленіе къ тому порядку, который стремился осуществить возставшій народъ и его вожди. Послѣ взятія Умани только въ теченіи трехъ недѣль они имѣли возможность свободно распоряжаться въ краѣ; въ это время они приняли мѣры для того, чтобы распространить движеніе на возможно широкомъ пространствѣ: изъ крестьянъ формировали отряды и разсылали ихъ въ разныя стороны: въ Брацлавщину, на границы Подолія и Полѣсья, съ порученіемъ изгнать или истребить шляхтичей. Въ Умани созвана была рада для выбора войсковой старшины, на ней, по козацкому обычаю, при пушечной и ружейной пальбѣ, провозглашены были: Желѣзнякъ гетманомъ и Гонта уманскимъ полковникомъ; (о другихъ должностныхъ лицахъ

---

[1]) Зап. И. Младановича, стр. 87—100 и 103; Зап. Кребсъ, стр. 22—24.

до насъ не дошли свѣдѣнія [1]). Уманщина раздѣлена была на сотни и въ каждую отправленъ сотникъ, который долженъ былъ регулировать доставку военнаго контингента и завѣдывать сборомъ провіанта и податей, въ этомъ смыслѣ разосланы были по селамъ указы за подписью Гонты [2]). Уніатскимъ священникамъ предписано было или оставить приходы, или присоединиться къ православію, испросивъ у переяславскаго епископа уставныя грамоты и антиминсы [3]). Затѣмъ приступлено было къ очисткѣ города отъ труповъ; часть козацкаго войска заняла въ качествѣ гарнизона Умань, другая выведена была за городъ въ лагерь. Гонта старался поддерживать въ войскѣ бодрость духа и веселіе: онъ раздѣлилъ между козаками богатую добычу, старался о правильномъ снабженіи лагеря провіантомъ и по временамъ устраивалъ пиры съ музыкою и танцами, на которые приглашалъ безъ различія всѣхъ жителей города, въ томъ числѣ и уцѣлѣвшихъ дамъ шляхетскаго сословія [4]). Не смотря на эту дѣятельность, Гонта однако сознавалъ всю трудность прочнаго водворенія козачества; онъ по временамъ былъ безпокоенъ и задумчивъ и говорилъ къ окружавшимъ: „Братья! сомнѣваюсь, пойдетъ-ли въ прокъ начатое дѣло“ [5]).

Дѣйствительно сомнѣнія Гонты оправдались раньше, чѣмъ онъ полагалъ, и гроза наступила съ той стороны, откуда менѣе всего она ожидалась. Русское правительство сочло необходимымъ принять участіе въ водвореніи порядка въ русскихъ областяхъ, принадлежавшихъ Польшѣ, и снабдило соотвѣтственными инструкціями генерала Кречетникова, осаждавшаго въ то время отрядъ конфедератовъ въ Бердичевѣ. Кречетниковъ отправилъ въ Умань полкъ донскихъ козаковъ подъ начальствомъ полковника Гурьева [6]), съ

---

[1]) Зап. Тучапскаго, стр. 137.

[2]) Зап. Мощинскаго, стр. 145; зап. П. Младановича, стр. 103.

[3]) «Кіевская Старина» I, стр. 528.

[4]) Зап. П. Младановича, стр. 101—102; Зап. Тучапскаго, стр. 137—138.

[5]) Зап. Тучапскаго, стр. 138.

[6]) Польскіе мемуары передаютъ различно фамилію русскаго начальника, разсѣявшаго гайдамаковъ; его называютъ то Кречетниковъ, то Кологривовъ, то Кривой, то Полькинъ и т. д. Имя Гурьева сохранилось только въ Запискахъ Мощинскаго, затѣмъ оно подтверждается оффиціальнымъ рапортомъ Браницкаго королю, отъ 10 іюля. Зап. Мощинскаго, стр. 145. Gumplowicz—Konfederacija Barska, стр. 38.

порученіемъ усмирить возставшихъ крестьянъ и вслѣдъ за Гурьевымъ послалъ туда-же отрядъ пѣхоты. Гурьевъ, прибылъ къ Умани и расположился рядомъ съ лагеремъ Желѣзняка; онъ вступилъ въ пріятельскія отношенія съ предводителями возстанія, посѣщалъ часто Гонту и Желѣзняка, предлагалъ имъ планъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ конфедератовъ, обѣщалъ свою помощь для изгнанія шляхты изъ Волыни и давалъ совѣты относительно устройства войска и введенія правильнаго военнаго порядка. Дружелюбныя отношенія продолжались въ теченіи нѣсколькихъ дней, пока Гурьевъ не былъ извѣщенъ, что въ подкрѣпленіе ему приближается полкъ пѣхоты. Узнавъ объ этомъ, онъ устроилъ пиръ для всего войска и приказалъ донцамъ усердно угощать украинцевъ и въ тоже время незамѣтно овладѣть складомъ ихъ оружія и угнать ихъ лошадей; между тѣмъ подходившая пѣхота окружала цѣпью веселившійся лагерь. Среди этихъ приготовленій Гонта, Желѣзнякъ и другіе козацкіе старшины приглашены были въ палатку Гурьева, откуда, по условію, они должны были отправиться погостить въ домъ Гонты въ Росошки. Вдругъ, Гурьевъ, бесѣдовавшій дружелюбно съ своими посѣтителями, подалъ условный знакъ и въ палатку вошли вооруженные донцы, бросились на старшину и перевязали ее, въ туже минуту пѣхота сомкнула цѣпь и вмѣстѣ съ донцами бросилась на пировавшихъ козаковъ. ихъ хватали въ расплохъ, вязали, забивали въ кандалы; многіе успѣли бѣжать, другіе пытались защищаться, но были подавлены [1]). Къ утру лагерь украинцевъ уже не существовалъ и 900 плѣнниковъ находилось во власти Гурьева [2]).

Такимъ образомъ исполнено было приказаніе данное Гурьеву. Правительство, отъ котораго оно исходило, руководилось конечно соображеніями высшей политики, болѣе или менѣе просвѣчивающими въ перепискѣ Румянцева съ Панпномъ и коллегіею иностранныхъ

---

[1]) Зап. Липпомана, стр. 42—45; Зап. П. Младановича, стр. 107—111; Зап. Тучанскаго, стр. 141—143; Зап. Кребсъ, стр. 28—30; Зап. Мощинскаго; стр. 145—148.

[2]) Изъ росписки коменданта кіевской крѣпости Лбова, мы знаемъ, что онъ принялъ 68 плѣнниковъ, присланныхъ Гурьевымъ; въ рапортѣ Браницкаго королю показано число плѣнныхъ, переданныхъ Гурьевымъ въ распоряженіе польскихъ властей—846.

дѣлъ, и имѣло свои основанія принять данный образъ дѣйствія; но въ самыхъ пріемахъ усмиренія возставшихъ крестьянъ не менѣе замѣтны личное настроеніе и точка зрѣнія русскихъ офицеровъ, исполнявшихъ приказанія правительства. Донской полковникъ Гурьевъ и прибывшіе вслѣдъ за усмиреніемъ возстанія въ Умань генералы Кречетниковъ и Подгоричанинъ относятся къ плѣннымъ крестьянамъ и козакамъ съ крайнимъ презрѣніемъ и негодованіемъ и напротивъ заявляютъ весьма нѣжную симпатію къ шляхтичамъ; они какъ будто не сознаютъ, что возставшіе крестьяне связаны съ Россіею узами вѣры и народности, что если возстаніе и было несвоевременно и съ политической точки зрѣнія не желательно для русскаго правительства, то тѣмъ не менѣе оно исходило изъ желанія отстоять свои народныя права, опиралось на симпатію къ Россіи и прикрывалось именемъ императрицы. Русскіе офицеры не обращаютъ вниманія на все это; они видятъ въ возставшихъ лишь бунтующихъ крѣпостныхъ, въ шляхтичахъ—обиженныхъ дворянъ и потому, въ обращеніи съ плѣнными, они лично отъ себя прибавляютъ мѣры строгости и произвольныя наказанія, далеко не вытекавшія изъ служебныхъ обязанностей. Такъ Павелъ Младановичъ, оставившій самыя подробныя свѣдѣнія о первыхъ дняхъ ареста Гонты, съ радостью и похвалою описываетъ подробно дѣйствія Гурьева. Онъ сообщаетъ, что сейчасъ послѣ ареста полковникъ нанесъ собственноручно сильные побои Гонтѣ, а затѣмъ приказалъ передъ своею палаткою отсчитать по 300 ударовъ Гонтѣ, Желѣзняку и остальнымъ плѣннымъ старшинамъ. По словамъ мемуариста, наказаніе этимъ не ограничилось: въ теченіи нѣсколькихъ дней, пока плѣнники не были сданы польскимъ властямъ, Гонта подвергался тѣлесному наказанію по три раза въ сутки; все тѣло его покрыто было язвами, говоритъ съ торжествомъ Младановичъ, и полковникъ провожалъ съѣзжавшуюся въ его лагерь шляхту, къ ямѣ, въ которой содержался Гонта, и указывалъ имъ плѣнника; сверхъ того жена и четыре дочери сотника были арестованы донцами, доставлены въ лагерь, нѣсколько разъ наказаны публично розгами за то, что не донесли объ измѣнѣ мужа и отца, и затѣмъ отправлены въ ссылку; сынъ Гонты спасся бѣгствомъ въ Молдавію, вмѣстѣ съ сотникомъ Уласенкомъ. Движимое имущество Гонты было конфисковано и Младановичъ сѣтуетъ только на то, что Кречетниковъ не выдалъ его потерпѣвшимъ шляхтичамъ, а

присвоилъ себѣ въ качествѣ военной добычи [1]). Мы не имѣемъ возможности провѣрить, насколько Младановичъ преувеличилъ разсказываемые имъ факты, но подтвержденіе общаго колорита ихъ находимъ въ Запискахъ Кребсъ; она сообщаетъ, что генералъ Подгоричанинъ посѣтилъ ее въ селѣ, гдѣ она скрывалась, очень заинтересовался ея участью, перевезъ въ Умань, обезпечилъ ей содержаніе и, уходя въ походъ, со слезами просилъ Кречетникова взять ее подъ свое покровительство. Утѣшая спасенную Гонтою-же дѣвушку, Кречетниковъ привелъ ее, вмѣстѣ съ братомъ, въ палатку, гдѣ она увидѣла Гонту окованнаго по рукамъ и по ногамъ, лежавшаго лицемъ къ землѣ, но одѣтаго еще въ свое форменное платье уманской милиціи. „Кречетниковъ толкнулъ его палкою въ голову, Гонта приподнялся; тогда генералъ, указывая на насъ, сказалъ: посмотри на этихъ несчастныхъ сиротъ! Гонта съ минуту смотрѣлъ на насъ, потомъ отвернулся и крикнулъ: чортъ ихъ бери! и снова уткнулся лбомъ въ землю“ [2]).

Послѣ нѣсколькихъ дней мучительнаго плѣна, Гурьевъ передалъ Гонту, вмѣстѣ съ другими плѣнниками, уроженцами польской Кіевщины, подъ стражу отряда польскаго войска, и они были препровождены въ главную польскую военную квартиру, находившуюся въ селѣ Сербахъ въ окрестности Могилева на Днѣстрѣ.

Здѣсь плѣнные ожидали суда въ теченіи мѣсяца, пока начальникъ польскаго войска сносился съ королемъ и пока установилась точка зрѣнія на предстоящій процессъ [3]). Въ то время главнымъ начальникомъ незначительныхъ военныхъ силъ, которыми Польша располагала въ юго-западномъ краѣ, былъ ловчій коронный Ксаверій Браницкій, личный другъ короля Станислава Понятовскаго; онъ имѣлъ спеціальное порученіе дѣйствовать противъ конфедератовъ; съ этою цѣлью онъ расположилъ свои небольшія силы вдоль по теченію Днѣстра, для того, чтобы пресѣчь сношенія конфедератовъ съ Молдавіею, гдѣ находились въ то время конфедератскіе па-

---

[1]) Зап. Павла Младановича, стр. 111—114.

[2]) Зап. Кребсъ, стр. 27—28.

[3]) Gumplowicz—Konfederacija Barska. Стр. 38, 68. Браницкій извѣщаетъ короля 10 іюля о присылкѣ Гурьевымъ плѣнныхъ и только 13 августа присылаетъ рапортъ объ ихъ казни.

чальники и резервы, и куда укрывались партіи конфедератовъ послѣ каждаго пораженія. Былъ-ли Браницкій исключительно занятъ своимъ дѣломъ, или считалъ свои силы слишкомъ слабыми, или, можетъ быть, полагалъ, что крестьянское возстаніе, грозное для конфедератовъ, случилось на руку для польскаго правительства, во всякомъ случаѣ онъ не тронулся съ мѣста при вѣсти о народномъ возстаніи и не принялъ никакихъ мѣръ для его подавленія. Между тѣмъ теперь, совершенно противъ воли, ему пришлось стать судьею плѣнныхъ крестьянъ. Какъ видно изъ дошедшей до насъ переписки Браницкаго съ королемъ, онъ былъ человѣкъ для своего времени либеральный и гуманный, не раздѣлялъ фанатическихъ и эксклюзивныхъ воззрѣній шляхты и, по врожденной мягкости права, чувствовалъ отвращеніе отъ жестокой расправы. Роль уголовнаго военнаго судьи претила ему и онъ старается смягчить ее, но мимо напора общественнаго шляхетскаго мнѣнія. Въ письмѣ къ королю отъ 10 іюля, извѣщая о присланныхъ плѣнникахъ, онъ высказываетъ въ слѣдующихъ словахъ свои взгляды и свое положеніе въ этомъ дѣлѣ: „Здѣсь господствуетъ всеобщая радость: окрестные помѣщики и евреи постоянно меня осаждаютъ, совѣтуютъ четвертовать, жечь, сажать на колъ, вѣшать безъ милосердія, только и слышу: „казни! распни"! Я объясняю, что только часть виновныхъ прикажу казнить, остальныхъ-же отправлю для крѣпостныхъ работъ и для устройства мостовыхъ въ городахъ; но они продолжаютъ настаивать. Въ другое время я не сталъ-бы ихъ и слушать, но теперь я долженъ дѣлать уступки, ибо слышатся уже намеки, будто весь бунтъ произошелъ по нашему наущенію; тѣ лица, которыя бѣжали толпами за границу при появленіи двухъ-трехъ гайдамаковъ, теперь, видя ихъ въ плѣну, проявляютъ неимовѣрное рвеніе и мужество и добиваются чести быть палачами; совѣтуютъ мнѣ, по примѣру Потоцкаго [1]), перерѣзать поголовно, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей, тѣ села, которыя были причастны къ бунту; напрасно я поставляю имъ на видъ, что въ слабо населенной области нельзя истреблять населенія... Я намѣренъ поступить такъ: нѣкоторыхъ гайдамаковъ прикажу казнить для удовольствія господъ помѣ-

[1]) Это упоминаніе относится къ гетману Іосифу Потоцкому, усмирившему крестьянскій бунтъ въ Брацлавщинѣ въ 1702 году.

щиковъ, остальныхъ-же (а ихъ наберется болѣе тысячи) отправлю для исполненія крѣпостныхъ и городскихъ работъ въ Каменецъ, Львовъ и вашей королевской милости въ Уяздовъ [1]). Король одобрилъ въ принципѣ человѣколюбивый взглядъ Браницкаго, но замѣтилъ, что онъ не имѣетъ ни войска для охраны многочисленныхъ плѣнниковъ, ни денегъ для ихъ прокормленія, затѣмъ обѣщалъ постараться добыть средства. Понуждаемый новыми письмами Браницкаго, онъ наконецъ отвѣтилъ: „мысль объ обращеніи плѣнныхъ хлоповъ къ исполненію работъ общественныхъ и моихъ частныхъ прекрасна, но возможна при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, не теперь . . . если вамъ впредь будутъ попадаться плѣнники изъ бунтующихъ крестьянъ, то прикажите одному изъ десяти отрубить по одной ногѣ и по одной рукѣ и всѣхъ выпускайте. Эта мѣра устрашитъ ихъ болѣе, чѣмъ смертная казнь; въ доказательство ея пользы есть примѣры въ прошедшемъ“ [2]).

Такимъ образомъ рѣшена была участь плѣнныхъ. Браницкій, уступая общественному мнѣнію шляхтичей и не находя поддержки у короля, назначилъ военносудную коммисію; послѣдняя опредѣлила 700 человѣкъ повѣсить въ различныхъ селахъ и городахъ юго-западнаго края; предводители-же подверглись „для примѣра, жесточайшей казни“, по выраженію Браницкаго; послѣдній все таки помиловалъ нѣсколько сотъ человѣкъ, отправивъ ихъ на работы въ каменецкую и львовскую крѣпости. „Пусть доброта вашей королевской милости извинитъ мнѣ это ослушаніе его воли, пишетъ онъ въ рапортѣ отъ 13 августа, но я не могу вынести мысли о томъ, чтобы казнить смертью столько людей изъ за того только, что намъ нечѣмъ прокормить ихъ“ [3]).

Въ числѣ начальниковъ, казненныхъ „жесточайшимъ образомъ для примѣра“, конечно, первое мѣсто занималъ Гонта. Приговоръ коммисіи присудилъ его къ слѣдующему роду смерти: казнь должна продолжаться 14 дней; въ теченіи первыхъ десяти палачь долженъ ежедневно снять съ его спины полосу кожи, въ 11-й день отрубить

---

[1]) Gumplowicz, стр. 38—39. Уяздовъ—вилла въ окрестности Варшавы, гдѣ король тогда строилъ дворецъ и заводилъ паркъ.

[2]) Ibid. стр. 41—42, 49—50, 58 и 74.

[3]) Ibid. стр. 68.

обѣ ноги, въ 12-й обѣ руки, въ 13-й вырвать сердце и наконецъ въ 14-й отрубить голову. Затѣмъ части его тѣла должны быть прибиты къ висѣлицамъ, воздвигнутымъ въ 14 городахъ Украйны [1]). Браницкій смягчилъ этотъ приговоръ тѣмъ, что приказалъ обезглавить Гонту на третій день и продолжать исполненіе дальнѣйшей казни на трупѣ. Затѣмъ, не будучи въ состояніи выносить этого зрѣлища, онъ уѣхалъ изъ лагеря въ Каменецъ, откуда и послалъ рапортъ королю [2]).

О послѣднихъ минутахъ Гонты осталось нѣсколько характеристическихъ разсказовъ. Младановичъ сообщаетъ, что Браницкій дозволилъ нѣсколькимъ духовнымъ лицамъ напутствовать его передъ смертью [3]). Тучапскій говоритъ, что „Гонта перенесъ справедливую казнь съ полною рѣшимостью и приготовился къ ней надлежащимъ образомъ“ [4]). Охоцкій, со словъ очевидцевъ, описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Гонта вышелъ на мѣсто казни съ лицемъ веселымъ и спокойнымъ, будто онъ шелъ къ куму на крестины. Палачъ оторвалъ ему полосу кожи, кровь брызнула, но лице гайдамаки не измѣнилось; оторвали другую полосу кожи, тогда Гонта сказалъ зрителямъ: „Отъ говорили, що буде болиты,—а ни кришки не болить!“ — Удивительная сила воли!— въ другомъ положеніи человѣкъ этотъ несомнѣнно могъ-бы совершить великія дѣла“ [5]). Наконецъ неизвѣстный шляхтичъ, частью записокъ котораго мы пользуемся въ рукописи, передаетъ со словъ офицера, присутствовавшаго при казни, слѣдующую черту, свидѣтельствующую о томъ, что самообладаніе и даже юморъ не оставили Гонту до послѣдней минуты: „Плѣнника сторожилъ по ночамъ одинъ изъ товарищей панцырной хоругви. Послѣ прочтенія приговора, на канунѣ казни, товарищъ этотъ, подозрѣвавшій, что Гонта припряталъ кое-что изъ добычи, обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Панъ полковникъ! завтра

---

[1]) По свидѣтельству Младановича много лѣтъ спустя виднѣлся еще черепъ Гонты, прибитый къ висѣлицѣ у города Могилева, стр. 115.

[2]) Зап. П. Младановича, стр. 115; Зап. Тучапскаго, стр. 145; Зап. Кребсъ, стр. 31; Зап. Мощинскаго, стр. 149. Рукописныя записки анонима.

[3]) Зап. П. Младановича, стр. 115.

[4]) Зап. Тучапскаго, стр. 145.

[5]) Зап. Охоцкаго, т. I, стр. 108.

все земное будетъ кончено для васъ; не найдете-ли возможнымъ оставить что-либо на память не богатому воину, который проводитъ съ вами послѣднія минуты?"—„Охотно, отвѣчалъ Гонта, напомните мнѣ завтра, я вамъ подарю поясъ". Товарищъ всю ночь мечталъ о богатомъ поясѣ изъ златоглава и на другой день, лишь только Гонту вывели изъ темницы, онъ обратился къ нему: „панъ полковникъ! позвольте вамъ напомнить обѣщанный поясъ!"—„Я не забылъ, отвѣтилъ Гонта съ презрительною улыбкою,—первая полоса кожи [1]), которую снимутъ съ меня, пусть служитъ вамъ поясомъ!"

Полагаемъ, что такое полное хладнокровіе и самообладаніе въ виду мучительной варварской казни могъ сохранить только человѣкъ глубоко убѣжденный въ правотѣ своего дѣла и въ чистотѣ руководившихъ имъ принциповъ и побужденій. Судя по намекамъ мемуаристовъ, такое-же представленіе о Гонтѣ присуще было всему народу. Младановичъ утверждаетъ, что послѣ казни Гонты многіе друзья его въ Уманщинѣ кончили жизнь въ отчаяніи самоубійствомъ [2]). Имя его долго хранилось въ памяти народа и служило символомъ освобожденія изъ панской неволи; и на Волыни въ 1789 году и въ Уманщинѣ въ 1826 г., когда между крестьянами зараждались неосновательные слухи объ изгнаніи пановъ, въ числѣ ихъ появлялось неизмѣнно извѣстіе о томъ, будто руководителемъ движенія будетъ сынъ Гонты, скрывающійся гдѣ-то „на Волощині".

В. Антоновичъ.

---

[1]) По польски *pas* означаетъ и *поясъ* и *полоса кожи*.

[2]) Зап. Младановича, стр. 116.

Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ.

(Рѣчь, читанная на актѣ въ коллегіи П. Галагана 1-го октября 1882 г.).

Языкъ всегда привлекалъ вниманіе мыслящаго человѣка своимъ загадочнымъ, чудеснымъ устройствомъ. Не чудесно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что человѣкъ посредствомъ разнообразныхъ комбинацій немногихъ звуковъ называетъ тысячи предметовъ, которые видитъ вокругъ себя, разсказываетъ объ ихъ свойствахъ, движеніи и перемѣнахъ и даже сообщаетъ другимъ то, что самъ думаетъ и чувствуетъ, при чемъ другіе понимаютъ его? Какая чудесная сила скрыта въ этихъ звуковыхъ знакахъ? Какъ появились эти знаки, которые мы называемъ словомъ? Что такое человѣческое слово?

Я не хочу утомлять васъ теоретическимъ разъясненіемъ этихъ вопросовъ. Не мѣсто и не время здѣсь заниматься предметомъ, о которомъ легко говорить языкомъ учебника, но не легко мыслить безъ колебаній и сомнѣній въ виду разныхъ теорій о происхожденіи и сущности человѣческаго слова. Я имѣю въ виду обратить вниманіе ваше на ту сторону поставленныхъ мною вопросовъ, которая имѣетъ прямое отношеніе къ русской школѣ и къ живому орудію ея—русскому слову. Оно звучало нѣкогда въ устахъ нашихъ предковъ, обнимая все содержаніе ихъ жизни, которая давно уже спитъ вѣчнымъ сномъ въ степныхъ курганахъ, на городскихъ и сельскихъ кладбищахъ. Но звучитъ оно и теперь въ нашихъ устахъ, давая намъ возможность вступать въ живое общеніе съ людьми, давно уже сошедшими съ земнаго поприща. Оно переходитъ по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію, не позволяя заглохнуть нашему историческому самосознанію или, говоря языкомъ

Слова о полку Игоревѣ, „свивая славы оба полы сего времени". Дорогое это наслѣдство, завѣщанное намъ предками нашими.

Какъ-же они смотрѣли на свое собственное слово? Какъ они понимали тотъ русскій языкъ, съ которымъ связаны для насъ родныя преданія старины глубокой?

Думаю, что эти вопросы не лишены живаго интереса, поэтому я избралъ предметомъ моего чтенія—старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ.

Въ давнее время человѣкъ видѣлъ въ словѣ вѣщую силу, которая его устами возвѣщала ему тайны жизни. Слово—не простой знакъ мысли, ибо въ звукахъ его живетъ невѣдомая сила, утоляющая печали сердца, избавляющая отъ напастей, исцѣляющая отъ недуговъ,—сила не всегда благодѣтельная, но иногда пагубная, разрушительная. Донынѣ еще не исчезла въ народѣ вѣра въ чарующее вліяніе слова, вѣра въ заклятія и заговоры.

Но и животныя произносятъ разные звуки, и у нихъ есть потребность выразить въ звукахъ то, что они чувствуютъ и чего желаютъ. Отсюда возникло представленіе о языкѣ животныхъ, въ которомъ живетъ та-же вѣщая сила, что и въ человѣческомъ словѣ. По народному міровоззрѣнію, есть вѣщіе люди, которые понимаютъ этотъ языкъ. Понятенъ онъ бываетъ и простымъ смертнымъ тогда, когда животныя произносятъ человѣческое слово. И не только животныя, даже деревья говорятъ иногда, какъ люди. На этомъ представленіи основано множество прекрасныхъ поэтическихъ образовъ, созданныхъ народною фантазіей. Я напомню вамъ одинъ изъ этихъ образовъ молодой женщины, превращенной злою свекровью въ рябину. Ходилъ добрый молодецъ на охоту и ничего не нашелъ, кромѣ рябинушки, что безъ вѣтру мается, безъ вихру къ землѣ клонится. Пришелъ онъ домой и разсказываетъ объ этомъ своей матери. „Ты бери, сынъ, топоръ, ты бѣги туда", отвѣчаетъ ему мать, „ты руби, сынъ, рябинушку кудрявую". „Ужъ я разъ ударилъ", говоритъ добрый молодецъ, „руда (кровь) пошла, другой ударилъ, она охнула, ужъ я въ третій разъ ударилъ, слово молвила: не рябинушку рубишь ты, а свою жену". [1]).

---

[1]) Народныя рус. пѣсни Якушкина, стр. 122.

Таковы самыя давнія воззрѣнія на языкъ, не выдѣляющія человѣка изъ общей жизни природы. Они были свойственны предкамъ предковъ нашихъ задолго до того времени, когда они назвали землю свою русскою землею и языкъ свой русскимъ языкомъ. Это было сравнительно позднее время, когда явилась уже потребность рѣшить вопросъ: „откуду есть пошла русская земля". Это была эпоха составленія начальной нашей лѣтописи, въ которой слово *языкъ* часто употребляется, какъ синонимъ слова *народъ:* „словенску языку живущю на Дунаи", говоритъ лѣтописецъ, „придоша болгаре"... Такое-же значеніе иногда имѣетъ и слово *земля:* „се ведеть на ны (Изяславъ) *землю* лядьскую"... „И приѣха вся *земля* половецкая" [1])... Понятіе о языкѣ еще не рѣзко выдѣлилось изъ понятія о говорящихъ извѣстнымъ языкомъ и живущихъ на извѣстной землѣ.

Что-же такое былъ въ сознаніи людей того времени русскій языкъ?

„А словѣнескъ языкъ и руский одинъ", говоритъ лѣтописецъ, „отъ варѧгъ бо прозвашася Русью, а первѣе быша словѣне, аще и полѧне звахуса, но словѣньская рѣчь бѣ, полѧми же прозвахуса, зане въ полѣ сѣдѧху, языкъ словѣньскый бѣ имъ единъ" [2]).

Теперь уже никто не раздѣляетъ мнѣнія лѣтописца о единствѣ языковъ славянскаго и русскаго въ его время. Самый языкъ начальной лѣтописи можно назвать церковно-славянскимъ только по намѣренію, а не по исполненію. Въ немъ сквозь церковно-славянскую основу ярко выступаютъ особенности древне-русскаго языка и въ звукахъ, и въ формахъ словъ, и въ построеніи рѣчи. Правда, начальная лѣтопись дошла до насъ въ спискахъ сравнительно позднихъ (XIV—XV в.); но и въ письменныхъ памятникахъ, современныхъ составителю начальнаго свода, легко распознать цѣлый рядъ признаковъ собственно языка русскаго. Тѣмъ не менѣе, лѣтописецъ съ особенною настойчивостію утверждаетъ, что „словѣнескъ языкъ и руский бѣ одинъ".

Таково было убѣжденіе книжныхъ людей кіевской Руси. Смотрѣли они на языкъ съ точки зрѣнія практической. Для нихъ было довольно того, что церковно-славянскій языкъ болѣе или менѣе

---

[1]) Ипатскій списокъ, 122.
[2]) Ibidem. 16.

понятенъ былъ всѣмъ племенамъ славянскимъ, которыя „прозвашася Русью... а первѣе быша словѣне... тѣмъ-же и грамота прозвася словѣньская“. Нужно было такъ или иначе приладиться къ этой грамотѣ, на которой возвѣщены были великія идеи христіанства. Нужно было привыкнуть къ „ученію книжному“, чтобы разстаться со всѣми привычками и понятіями язычества, которое, какъ извѣстно, не было формулировано и скрѣплено письменностію. Въ тотъ вѣкъ книжнымъ человѣкомъ назывался добрый христіанинъ, устроившій жизнь свою по новому христіанскому идеалу. Это была жизнь уединенная, подвижническая, монастырская, поэтому въ монастыряхъ книжность была предметомъ особенной заботы и почтенія. Сохранилось извѣстіе о томъ, что въ печерскомъ монастырѣ монахъ Иларіонъ день и ночь переписывалъ книги, другой монахъ Никонъ переплеталъ ихъ, а самъ игуменъ Ѳеодосій плелъ веревки для переплета книгъ. Это были новые „христіанскіе люди“, которые не могли не сознавать, что христіанству они обязаны готовымъ запасомъ свѣдѣній о разныхъ странахъ и народахъ, о разныхъ новыхъ формахъ и порядкахъ общежитія. Они видѣли въ христіанствѣ не только путь ко спасенію, но и путь къ просвѣщенію, которое въ тотъ вѣкъ возможно было только на языкѣ славянскомъ. Вотъ почему славянскій языкъ былъ для нихъ символомъ идей, высоко стоявшихъ надъ мелкими интересами ежедневной жизни, а также залогомъ нравственнаго союза между людьми, духовнаго братства между разрозненными племенами славяно-русскими. Отсюда стремленіе выставить на видъ родовое единство этихъ племенъ. Отсюда равнодушіе къ діалектическимъ особенностямъ языка русскаго. Они казались тогда мелочью, о которой не стоитъ говорить.

Нужно замѣтить при этомъ, что и русскій языкъ въ то отдаленное время далеко не былъ чуждъ многихъ особенностей церковно-славянскаго языка, нынѣ утраченныхъ. И теперь еще въ народныхъ русскихъ нарѣчіяхъ сохранились нѣкоторыя древне-русскія черты, напоминающія церковно-славянскій языкъ и позабытыя литературнымъ русскимъ языкомъ. Поэтому древне-русскій писатель во многихъ церковно-славянскихъ формахъ слова узнавалъ свои собственныя и вносилъ ихъ въ свою письменную рѣчь рядомъ съ церковно-славянскими и собственно русскими. Такъ образовался древне-русскій письменный языкъ, въ которомъ церковно-славянскія стихіи рѣчи

выступаютъ не вездѣ съ одинаковою рѣзкостію. Онѣ господствуютъ преимущественно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о возвышенныхъ предметахъ вѣры и благочестія, и ослабѣваютъ по мѣрѣ того, какъ она спускается къ явленіямъ обыденной жизни. Часто въ этихъ случаяхъ струя народной рѣчи незамѣтно сливается съ славяно-русскою,— иногда-же она льется вольнымъ потокомъ по книжному руслу, которое образовалось подъ вліяніемъ привычки къ славянской грамотѣ. Многія страницы лѣтописей блещутъ красотой литературнаго стиля, въ которомъ народный колоритъ рѣчи оттѣняется съ особенною выразительностію именно потому, что онъ поставленъ въ соразмѣрныя отношенія къ пріемамъ книжнаго изложенія. Я уже не говорю о Словѣ о полку Игоревѣ, въ которомъ эти пріемы, выработанные литературной практикой, не погасили вдохновенія поэта, создавшаго изъ народныхъ красокъ чудную поэтическую картину древне-русской жизни. Правду сказалъ лѣтописецъ: „велика полза бываеть отъ ученія книжнаго!“

Въ XIII в. кіевская Русь пала подъ ударами татаръ. Въ первой половинѣ XIV в. она вошла въ составъ литовскаго государства. Такъ прожила она подъ чужимъ именемъ весь XV и первую половину XVI в. Мы не будемъ останавливаться на этомъ глухомъ времени, въ которое зрѣли силы, выступившія позже—въ козацкій періодъ южно-русской исторіи. Замѣтимъ только, что старыя преданія кіевской культуры сохранились и въ новой бытовой и общественной обстановкѣ литовской Руси. Въ ней господствовала та-же вѣра, тотъ-же языкъ. Высшія сословія не чужды были автономическихъ стремленій, а въ народѣ не угасалъ старый духъ вѣчевой свободы. Недоставало только новыхъ просвѣтительныхъ вліяній, которыя могли-бы оплодотворить задатки старой культуры и выразиться въ литературной формѣ.

Съ двадцатыхъ годовъ XVI в. въ умственной жизни юго-западной Руси мы видимъ цѣлый рядъ явленій, которыя были плодомъ европейскаго движенія, поднятаго протестантствомъ. По слѣдамъ протестантства шло социніанское движеніе. Оно не ограничивалось критикой внѣшнихъ порядковъ католической церкви, какъ протестантство, но стремилось поколебать самыя основы христіанскаго вѣроученія. На Волыни и въ Украинѣ социніане свили себѣ прочныя гнѣзда, изъ которыхъ распространяли свое ученіе преиму-

щественно въ средѣ южно-русскаго дворянства. Они шли къ своей цѣли путемъ просвѣщенія, устраивая собственныя школы, путемъ печати, заводя собственныя типографіи, путемъ гласнаго обсужденія религіозныхъ мнѣній, созывая соборы и принимая живое участіе въ публичныхъ диспутахъ. Между тѣмъ для защиты католичества въ 1564 г. вызваны были въ Польшу іезуиты. Скоро распространились они по всей юго-западной Руси, дѣйствуя такъ-же путемъ школы, печати и публичной проповѣди. Нужно было за то-же оружіе взяться и православнымъ, чтобы въ общемъ броженіи религіозныхъ ученій не потерять вѣру отцевъ своихъ. Нужно было подумать о просвѣщеніи народа, чтобы выступить съ равными силами на защиту праотеческой вѣры, которая входила въ самое существо народной жизни и была, такъ сказать, хранилищемъ народнаго духа. Но какъ двинуть дѣло просвѣщенія, чтобы оно не поколебало самой этой вѣры, которая до сихъ поръ имѣла свою защиту главнымъ образомъ въ охранительномъ настроеніи народныхъ массъ? Это, въ самомъ дѣлѣ, былъ не легкій вопросъ для тѣхъ людей, которые, не желая разрывать связи съ народомъ, оставались вѣрны древнему „благочестію“ и въ то-же время, не желая отставать отъ идей вѣка, увлекались просвѣщеніемъ, возникшимъ на чужой, неправославной почвѣ. Они дѣлали нерѣшительные шаги въ разныхъ направленіяхъ. Одно изъ этихъ направленій выразилось въ цѣломъ рядѣ опытовъ перевода книгъ священнаго писанія, преимущественно Новаго Завѣта, на языкъ народный. Еще задолго до появленія социніанства въ литовской Руси явилась Библія Скорины „людемъ посполитымъ *русскаго языка* къ пожитку“. Докторъ Скорина былъ уроженецъ г. Полоцка и подъ русскимъ языкомъ разумѣлъ главнымъ образомъ бѣлорусскую рѣчь. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XVI в. въ пересопницкомъ монастырѣ на Волыни трудились надъ переводомъ Евангелія „изъ языка блъгарского на *мовоу ро́уско́ую*“ архимандритъ Григорій и какой-то Михаилъ, сынъ протопопа Саноцкаго. Пересопницкіе переводчики внесли въ свой трудъ южно-русскую фразеологію въ такомъ изобиліи, что изъ нея одной можно было-бы выбрать богатый матеріалъ для южно-русской грамматики XVI в. Въ прошломъ году въ кіево-михайловскомъ монастырѣ открытъ переводъ всего Новаго Завѣта, составленный Валентиномъ Невгалевскимъ въ 1581 г. на Волыни, въ

с. Хоропновѣ. Переводъ сдѣланъ въ духѣ социніанства „съ полского языка на *речъ рускую*“ и предназначенъ для тѣхъ людей, „которые писма полского читати не умѣютъ, а языка словенского читаючи, писмомъ рускимъ выкладу зъ словъ его не розумѣютъ“ [1]). Кромѣ того, есть и другіе рукописные переводы Евангелія на малорусское нарѣчіе, которые до настоящаго времени совсѣмъ не описаны: одно изъ нихъ хранится въ виленской публичной библіотекѣ, другое—въ московскомъ румянцевскомъ музеѣ, третье 1571 г. принадлежитъ частному лицу въ Житомірѣ. Есть даже печатное малорусское Евангеліе XVI в. съ параллельнымъ славянскимъ текстомъ, такъ называемое, тяпинское, тоже до сихъ поръ не описанное.

Въ какомъ отношеніи стоятъ эти памятники другъ къ другу? Что побуждало позднѣйшихъ переводчиковъ браться за трудъ—неудовлетворительность прежнихъ переводовъ или-же незнакомство съ ними? Какого типа были славянскіе подлинники, которыми пользовались переводчики? Въ чемъ заключается относительное достоинство переводовъ со стороны языка? Какое мѣсто занимаетъ этотъ языкъ въ исторіи малорусскаго народа?

Все это вопросы, еще не рѣшенные въ наукѣ. Судя по языку пересопницкаго Евангелія, можно сказать только, что въ XVI в. народная рѣчь рѣзко выступила съ такими особенностями, которыя едва мелькаютъ въ письменныхъ памятникахъ древне-русскаго языка. По преданію, письмо осталось церковно-славянское позднѣйшей, южно-славянской редакціи. Удержаны въ переводѣ даже многія формы словъ и обороты рѣчи церковно-славянскіе, вѣроятно, въ томъ предположеніи, что они сами по себѣ понятны читателю. Тѣмъ не менѣе эта церковно-славянская видимость выражаетъ уже „*мову рускую*“, въ которой сохранились многія черты древне-русской рѣчи, свойственныя и церковно-славянскому языку, но уже видоизмѣненныя и переработанныя въ духѣ южно-русской фонетики. Мы видимъ предъ собою старинное зданіе, въ которомъ живутъ новые люди, съ новыми задачами жизни, съ новыми потребностями и вкусами. Не такъ говорятъ эти люди, какъ говорили въ старину, что „языкъ словѣнескъ и рускый одинъ“. Напротивъ того,

---

[1]) «Кіевск. Старина», 1882 г. май, стр. 200.

они трудятся „людемъ посполитымъ руского языка къ пожитку“— въ виду того, что эти люди „языка словенского не розумѣютъ“. Такимъ образомъ идея русскаго языка въ его отдѣльности отъ церковно-славянскаго еще въ XVI в. сознана была южно-русскими писателями.

Между тѣмъ религіозныя столкновенія становились острѣе и больнѣе, особенно послѣ брестскаго собора (1596 г.), на которомъ провозглашена была церковная унія. Представители старинныхъ русскихъ родовъ становились въ ряды католиковъ, принимая вмѣстѣ съ католической вѣрой языкъ и имя польское. Трудно было защитникамъ православія ожидать помощи и отъ союзниковъ своихъ по положенію—протестантовъ и социніанъ, которые, поддерживая православныхъ въ борьбѣ съ католиками, сами однако-же стремились увеличить свои силы на счетъ православныхъ. Католики въ свою очередь упрекали православныхъ за то, что они не отказывались отъ союза съ открытыми еретиками-социніанами. Тогда раздался суровый голосъ ревнителей православія, отрицавшихъ всякую возможность соглашенія между наукой и вѣрой. „Егда есте па латинскую и мірскую мудрость ся полакомили“, говоритъ Іоаннъ Вишенскій въ концѣ XVI в., „тогда есте и благочестіе стратили, въ вѣрѣ онемощили и поболѣли, и ереси породили... Овъ бо зовется папежникъ, овъ зась нынѣ зъ евангелія вылѣзъ—евангелиста, овъ зась недавно выкрещеный, овъ зась суботникъ... Чи не лѣпше тобѣ изучити часословецъ, псалтыръ, октоихъ, апостолъ и евангеліе... и быти простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получити, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философомъ мудрымъ ся звати и въ геену отъити?“ [1]) Нападая на мірскую мудрость, Іоаннъ Вишенскій не могъ благосклонно смотрѣть и на самое орудіе распространенія ея— языки латинскій и греческій. „Да знаете“, говоритъ онъ, „яко словенскій языкъ предъ Богомъ честнѣйшій есть и отъ еллинскаго и латинскаго“. Поэтому „книгы церковные всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте... Евангелія и Апостола въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворочайте; по литургіи-же, для вырозумѣнья людского, попросту толкуйте и выкладайте“ [2]). Такъ-то силою со-

---

[1]) Акты южной и запад. Россіи, стр 210, 220.
[2]) Ibid. 210.

бытій „простой“, т. е. народный языкъ снова отодвинутъ былъ на задній планъ. Не до того было, чтобы воздѣлывать его литературнымъ образомъ. Время не ждало. Для борьбы съ разновѣрцами казалось необходимымъ выступить во всеоружіи языка священныхъ книгъ, который, по мнѣнію Іоанна Вишенскаго, „есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимійшій, понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть кграматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ, простымъ прилѣжнымъ читаніемъ, безъ всякаго ухищренія, къ Богу приводитъ“ [1]).

Въ этихъ словахъ слышится сила убѣжденія, опиравшагося на народное міровоззрѣніе. Въ теченіе многихъ вѣковъ народъ привыкъ видѣть въ славянскомъ словѣ не простое, грѣшное слово, предназначенное для ежедневнаго употребленія, а священное слово вѣры, неразрывно связанное съ самою сущностію ея. Въ сознаніи большинства идея церковнаго языка смѣшивалась съ идеей вѣры, а та и другая—съ идеей народной самобытности. Но само собою разумѣется, что „простаго, прилѣжнаго читанія“ славянскихъ книгъ было вовсе недостаточно для того, чтобы выдержать борьбу съ людьми, вооруженными школой и наукой. Дѣло въ томъ, что славянскій языкъ въ XVI в. извѣстенъ былъ грамотнымъ людямъ южной Руси по рукописямъ позднѣйшихъ редакцій, преимущественно среднеболгарской и сербской, съ примѣсью русскихъ особенностей въ правописаніи. Цѣлыми вѣками накоплялись у разныхъ славянскихъ народовъ черты новаго церковно-славянскаго письма, подъ которыми скрывались наслоенія отъ разныхъ славянскихъ нарѣчій. Нужно было устранить разночтенія и искаженія въ самомъ текстѣ церковныхъ книгъ, чтобы надлежащимъ образомъ понимать ихъ. Поэтому нельзя было обойтись безъ грамматическаго знанія, которое въ то время можно было получить только у иновѣрцевъ. Отсюда глубоко сознанная потребность въ собственныхъ школахъ, которыя могли-бы состязаться въ научномъ достоинствѣ съ польскими школами, и въ то-же время могли-бы служить опорой для защиты народной вѣры. Такъ появилась прежде всего школа въ Острогѣ, основанная кн. К. Острожскимъ въ 1580 г. Затѣмъ братства львовское, виленское,

---

[1]) Ibid. 210.

кіевское одно за другимъ начали открывать свои школы. Онѣ носили въ свое время названіе „латинскихъ“ школъ, такъ какъ самое преподаваніе въ нихъ шло на латинскомъ языкѣ, который былъ обязателенъ для учащихся даже въ разговорной рѣчи. Самая знаменитая изъ нихъ—кіевская школа, названная въ честь Петра Могилы могилянскимъ коллегіумомъ и переименованная при Петрѣ Великомъ въ академію.

Я не стану входить въ подробности о томъ, чему и какъ учили въ этихъ школахъ. Извѣстно, что въ нихъ водворилась схоластическая наука съ ея тяжелымъ формализмомъ, развивавшимъ разсудочныя силы въ ущербъ положительному знанію. Можно многое сказать противъ ея односторонняго направленія, но все-же это была методическая сила, которая могла служить точкой опоры для изученія дѣйствительности. Плодомъ этой науки была цѣлая литература, которая такъ или иначе должна была отзываться на текущіе вопросы жизни, на ея тревоги и невзгоды. Нельзя сказать, чтобы она входила въ самое существо народныхъ идеаловъ и выражала ихъ всегда понятнымъ для народа языкомъ; но было-бы несправедливо отрицать всякую связь ея съ народнымъ міровоззрѣніемъ. Нужно только искать этой связи въ устныхъ произведеніяхъ народнаго поэтическаго творчества, а не въ однихъ письменныхъ памятникахъ. Что касается до языка этихъ памятниковъ, то коренной недостатокъ его заключается въ отсутствіи индивидуальной силы. Это, можно сказать, языкъ, сложенный изъ разныхъ матеріаловъ—древнихъ и новыхъ, своихъ и чужихъ. Прежде всего бросается въ глаза яркая примѣсь въ немъ словъ латинскихъ и особенно польскихъ. Тѣ и другія вплетены въ церковно-славянскую рѣчь, которая, согласно съ древне-русскимъ преданіемъ и новыми потребностями религіозной мысли, положена была въ основу книжнаго языка. Нужно сказать, что въ самомъ началѣ XVII в. (1619 г.) явилась славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, которая положила конецъ синкретическому направленію славянской письменности и возвела русскую редакцію ея на степень установившейся нормы. Тѣмъ не менѣе церковно-славянская рѣчь и послѣ того оставалась трудною и невразумительною для непривычнаго читателя. Чтобы облегчить пониманіе ея, тогда-же (1627 г.) „мужъ побожный, Памво Берында“, составилъ свой „лексиконъ славенорос-

скій" „ку пожитку любомудрымъ, найбарзей спудеомъ". Въ этомъ трудѣ онъ изъ многихъ языковъ „и власнаго нашего словенскаго" множество словъ „згромадивши, нашимъ языкомъ рускимъ объяснилъ" [1]). Собственно говоря, эти объясненія написаны тоже языкомъ книжнымъ, не свободнымъ отъ польскаго вліянія, но въ этомъ языкѣ замѣтны уже ясно сознанныя стихіи народной рѣчи, которая выступаетъ особенно ярко на многихъ страницахъ южно-русскихъ лѣтописей и въ нѣкоторыхъ драматическихъ произведеніяхъ XVIII в.

Теперь обратимся къ сѣверной Руси.

Здѣсь очень рано сознана была надобность въ переводѣ иноязычныхъ словъ на русскій языкъ. Такъ, въ новгородскомъ спискѣ Кормчей 1282 г. помѣщено объясненіе 174 еврейскихъ словъ подъ заглавіемъ: „Рѣчь жидовскаго языка преложена на роускую". Въ этотъ списокъ позднѣйшіе переписчики вносили новый матеріалъ, такъ что ко времени другаго новгородскаго словаря, сохранившагося въ рукописи 1431 г. (при книгѣ Іоанна Лѣствичника), число словъ увеличилось до 350. Тѣмъ и другимъ матеріаломъ отчасти воспользовался П. Берында, но главнымъ источникомъ его былъ „Лексисъ" Лаврентія-Зизанія Тустановскаго, приложенный къ его грамматикѣ 1596 г. Въ „Лексисъ" вошло уже 1061 слово: онъ былъ извѣстенъ и составителямъ такъ-называемыхъ Азбуковниковъ или Алфавитовъ, которые начали появляться во второй половинѣ XVI в.

Это было переходное время въ сѣверной Руси, время тяжелой и страстной борьбы мнѣній. Тотчасъ послѣ усмиренія еретиковъ обнаружилось въ торжествовавшей правительственной партіи стремленіе подвести итоги прошлому и освятить новые порядки жизни старыми преданіями. „Прежніе обычаи поизшаталися", говоритъ Іоаннъ Грозный отцамъ стоглаваго собора. Онъ указывалъ на отступленіе отъ церковнаго устава, на порчу священныхъ книгъ и иконъ, на пороки и суевѣріе въ народѣ и даже въ духовенствѣ, на небрежное ученіе грамотѣ. На соборѣ рѣшено было завести училища для обученія церковному пѣнію и чтенію. Такимъ образомъ, сознана была польза ученія, но оно ограничено было церковными нуждами. А между

---

[1]) Предисл. къ Лексикону Берынды, по изданію 1653 г.

тѣмъ отовсюду слышался голосъ нарождавшихся новыхъ потребностей мысли, которыхъ не могла удовлетворить домашняя наука. Разными окольными путями проникали и въ сѣверную Русь западныя идеи. Вліяніе ихъ было неотразимо и въ жизни, и въ искусствѣ, и въ литературѣ. Оно выразилось, между прочимъ, въ цѣломъ рядѣ литературныхъ сборниковъ, предназначенныхъ для тѣхъ читателей, которыхъ томила жажда знанія.

Не высокаго достоинства матеріалъ заключается въ этихъ сборникахъ: это въ большинствѣ случаевъ пестрая смѣсь всякаго рода свѣдѣній, случайно выбранныхъ изъ разныхъ источниковъ, даже изъ апокрифическихъ сочиненій. Таковы были по своему содержанію и Азбуковники, получившіе свое названіе отъ принятаго въ нихъ способа располагать матеріалъ въ азбучномъ порядкѣ. Они представляютъ для насъ нѣкоторый интересъ только своими воззрѣніями на языкъ.

Составители Азбуковниковъ проникнуты были вѣрою въ неприкосновенность книжнаго языка. Они держались господствовавшаго въ то время мнѣнія, высказаннаго Зиновіемъ Отенскимъ, ученикомъ Максима Грека, что „низводить книжныя рѣчи отъ общихъ народныхъ рѣчей есть лукавое умышленіе христоборцевъ,—что гораздо приличнѣе исправлять общія народныя рѣчи книжными рѣчами“ [1]). Поэтому въ Азбуковникахъ рѣдко встрѣчаются объясненія славянскихъ словъ русскими словами. Гораздо чаще мы видимъ въ нихъ этимологическія изобрѣтенія такого рода, что слово *братъ* заимствовано изъ латинскаго языка, что слово *Адамъ* составлено изъ четырехъ символическихъ буквъ, означающихъ четыре страны свѣта: *азъ*—востокъ, *добро*—западъ, другое *азъ*—полуночіе, а *мыслете*—полудница [2]). Но главное вниманіе въ Азбуковникахъ обращено было на правописаніе словъ. Это былъ своего рода острый вопросъ въ то время, когда грубыя ошибки въ богослужебныхъ книгахъ смущали совѣсть людей благочестивыхъ, сомнѣвавшихся въ возможности спастись по этимъ книгамъ. Исправленіе книгъ вызвало нужду въ грамматическихъ знаніяхъ; отсюда въ Азбуков-

---

[1]) Исторія рус. словесности Порфирьева, 563

[2]) Правосл. обозрѣніе, 1877 г., іюль.

никахъ извлеченія изъ грамматики, приписываемой Іоанну Болгарскому, изъ грамматики Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго.

Спросъ на грамматическія знанія возрасталъ по мѣрѣ того, какъ увеличивались недоразумѣнія между людьми, занимавшимися исправленіемъ книгъ. Въ 1648 г. издана была въ Москвѣ грамматика Мелетія Смотрицкаго съ обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ съ неподражаемою наивностію грамматика сама о себѣ разсказываетъ, что она „славою честна, и ученіемъ красовита, во устѣхъ сладка, и на сердцы чюдна, и на языцѣ свѣтла", ибо, продолжаетъ она, „писмо или слогъ, или часть или рѣчь, или слово, или статія, или стихъ, или глава, или начало, или конецъ, или чему точка, или о чемъ запинка, то все мое ученіе, и умѣніе, и разумѣніе, и умышленіе, и уложеніе, и положеніе, и всяко въ писменахъ строеніе и составленіе, мое грамматическое проразумѣніе. Такова есмь уставомъ, и поставомъ, и составомъ, и всѣмъ естествомъ грамматика именуюся" [1]). Справщики раскольники и православные толковали о грамматикѣ, но только не многіе изъ нихъ научнымъ образомъ подготовлены были къ изученію ея. Большею частію тѣ и другіе стучали въ глухую для нихъ дверь славянской грамматики, не владѣя ключемъ для того, чтобы проникнуть въ таинства ея. Многіе хотѣли славянствовать на письмѣ, встрѣчая постоянныя помѣхи въ своей родной рѣчи. Англичанинъ Лудолфъ, составитель первой русской грамматики, изданной въ Оксфордѣ въ 1696 г., замѣчаетъ, что „москвитяне говорили, будто-бы разговаривать должно по-русски, а писать по-славянски" [2]). Но только съ помощью обширной богословской начитанности можно было писать по-славянски. При первомъ движеніи живаго чувства, живой мысли, сама собою налетала народная фраза, съ которою не всегда могъ справиться писатель. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны челобитныя раскольниковъ, писанныя къ царю Алексѣю Михайловичу. Авторами ихъ были люди, близко знакомые съ подробностями исправленія книгъ, знакомые съ грамматической терминологіей, а главное—люди старой вѣры, которые желали-бы въ текстѣ священныхъ книгъ удержать старую редакцію. Такъ справщикъ Савватій въ своей челобитной

---

[1]) Предисл. къ грам. М. Смотрицкаго, по изд. 1648 г.

[2]) «Вѣст. Европы», 1807 г. № 16.

говоритъ: „нравъ по грѣхомъ таковъ у нынѣшнихъ московскихъ грамматиковъ, что̀ новое ни объявится—за тѣмъ и пошли, а старое свое доброе покинувъ". Онъ вооружается противъ употребленія полнаго прилагательнаго вмѣсто краткаго (древнѣйш*аго* вм. древнѣйш*а*), полнаго причастія вмѣсто краткаго (сѣдящ*аго* вм. сѣдящ*а*), противъ употребленія сложнаго прошедшаго вмѣсто простаго. „Насъ", говоритъ онъ, „уничижаютъ, а и сами справщики совершенно грамматики не умѣютъ, и обычай имѣютъ тою своею мелкою грамматикою Бога опредѣляти мимошедшими времены... Въ воскресномъ тропарѣ на Пасху... прежде сего печатали: и на престолѣ *бѣаше* Христе со Отцемъ и Духомъ... А нынѣ въ новой тріодѣ напечатали мимошедшимъ временемъ: и на престолѣ *былъ еси* Христе со Отцемъ и Духомъ. Яко-же иногда *былъ*, иногда *есть*. А сего не разумѣютъ, яко... лепо Богу присно быти" [1]). Таковы были теоретическія понятія Савватія, источникомъ которыхъ можно было-бы назвать особаго рода грамматику—богословскую. Савватій, видимо, старается примѣнить эти своеобразныя понятія къ изложенію собственныхъ мыслей,—подтянуть рѣчь къ старому стилю. Такъ, у него есть *времены, въ книзѣ, учинихъ, поборахъ* и тому подобныя старыя формы, но это, очевидно, старыя заплаты на новомъ платьѣ. Рядомъ съ этими формами встрѣчаются такія выраженія: „уже мнѣ, грѣшному, *несколько* жити"... „а до насъ и послѣ насъ *николи* съ тобольскихъ ясачныхъ людей ясаку *сполна* не *сбиривали*". „Въ *другорядь* я, нищей, стражду при васъ, великомъ государѣ"... „Былъ *дьячишкомъ* за Илью Бунакова" и т. п.

Цѣлый рядъ великорусскихъ письменныхъ памятниковъ XVI—XVII в. представляютъ пеструю смѣсь стараго съ новымъ. Рядомъ съ глубокими архаизмами стоятъ новые звуки и формы. Часто встрѣчаются архаизмы особеннаго рода: я назову ихъ мнимыми или-же поддѣльными. Таковы, напримѣръ, формы предложнаго падежа въ Домостроѣ Сильвестра: *въ дѣлехъ* и *обычаехъ, въ сѣнникѣхъ* и т. п. Очевидно, такъ не говорили, а только писали, и только потому такъ писали, что не умѣли совладѣть съ книжною рѣчью, въ которую вторгался потокъ народной рѣчи, подмывая и ниспро-

---

[1]) Три челобытныя расколн., Спб. 1862 г. 23.

вергая всѣ измышленія книжниковъ. Наконецъ, въ концѣ XVII в. въ пользу народной рѣчи высказалась правительственная власть. Царь Алексѣй Михайловичъ издалъ указъ, въ которомъ объявилъ, что „будетъ кто въ челобитьѣ своемъ напишетъ въ чьемъ имени или прозвищѣ, не зная правописанія, вмѣсто *о-а*, или вмѣсто *а-о*, или вмѣсто *ъ-ь*, или вмѣсто *ѣ-е*, или вмѣсто *и-і*, или вмѣсто *у-о*, или вмѣсто *о-у*, и иныя въ письмахъ нарѣчія, подобныя тѣмъ, по природѣ тѣхъ городовъ, гдѣ кто родился, и по обыклостямъ своимъ говорить и писать навыкъ, того въ безчестье не ставить“ [1]).

Мы подошли къ эпохѣ Петра Великаго. Первое поколѣніе русскихъ людей, затронутыхъ реформой, было оглушено новымъ міромъ идей, для которыхъ не было подходящихъ словъ ни въ книжномъ, ни въ народномъ языкѣ,—и вотъ мы видимъ своего рода нашествіе иноплеменниковъ на русскую рѣчь. Въ сознаніи современниковъ Петра Великаго спутались и смѣшались въ неорганическую массу разнообразныя стихіи рѣчи—славянской, великорусской, малорусской, съ густою примѣсью всякаго рода иностранныхъ словъ—голландскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ. Только во второмъ поколѣніи явилась потребность вывести книжный языкъ изъ хаотическаго состоянія. Трудную задачу эту рѣшилъ, какъ извѣстно, Ломоносовъ, создатель нашего литературнаго языка, который служитъ органомъ умственной жизни для всѣхъ насъ—людей Великой, Малой и Бѣлой Россіи.

П. И. Житецкій.

---

[1]) Полное собраніе законовъ, т. I, стр. 1000, № 597.

СУЛИМИНСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ.

Много фамильныхъ архивовъ въ Малороссіи уже погибло навсегда. Достаточная часть ихъ погибла, конечно, отъ пожаровъ, при истребленіи всего имущества владѣльца; но гораздо больше исчезло архивовъ по кладовымъ и амбарамъ, отъ мышей и сырости... Въ настоящее время эти архивы существуютъ въ Малороссіи какъ счастливая случайность. Недавно намъ удалось осмотрѣть одинъ изъ нихъ, принадлежащій роду Сулимъ и сохраняющійся въ родовомъ ихъ селѣ Сулимовкѣ (встарину—Сулиминцахъ) переяславскаго уѣзда.

При обязательномъ участіи Т. В. Гамалѣй, настоящій владѣлецъ сулиминскаго архива — Ал. Андр. Войцеховичъ съ истинно просвѣщенною готовностію, далъ намъ возможность осмотрѣть этотъ архивъ во всѣхъ его подробностяхъ. Результатами этого осмотра дѣлимся здѣсь, желая и надѣясь вызвать свѣдѣнія и о другихъ такихъ, еще уцѣлѣвшихъ, архивахъ.

Значеніе фамильнаго архива зависитъ главнымъ образомъ отъ того общественнаго положенія, въ какомъ находились лица, накоплявшія такой архивъ. Въ этомъ отношеніи сулиминскій архивъ имѣетъ за собою всѣ преимущества: родъ Сулимъ—одинъ изъ старѣйшихъ въ Малороссіи. Семейныя преданія относятъ начальную извѣстность Сулимъ чуть-ли не къ XIII в.; мѣстная-же исторія начинаетъ ихъ знать съ начала XVII в., чѣмъ могутъ похвалиться въ Малороссіи лишь весьма немногіе роды. Иванъ Михайловичъ Сулима въ 1628 г. былъ гетманомъ запорожскихъ козаковъ [1]) и за свои службы получилъ отъ извѣстнаго Жолкѣвскаго значительное количество земель на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ имъ и поселено теперешнее село Сулимовка. О первоначальномъ поселеніи здѣсь Сулимъ мы встрѣтили въ другомъ мѣстѣ очень интересный актъ 1677 г., въ которомъ читаемъ: «славетне урожоный панъ Федоръ Сулима прекладалъ скаргу (переяславскому полковнику) на обывателей села своего дѣдизнаго Сулиминецъ, якожъ лебединскихъ и кучаковскихъ, до тоей-же его власности старожитне прислушаючихъ, въ

---

[1]) См. его письмо изъ Сѣчи къ Христофору Радзивилу, 1628 г., въ Археограф. Сборн. докум. относящ. къ исторіи сѣв.-зап. Руси, т. VII, стр. 87 (Вильна, 1870 г.).

таковій способъ: ижъ помянутие селяне, осѣвши съ предковъ своихъ на грунтихъ еще отца его Федорова Іоана Сулимы, по всѣ тіе часи отдавали послушенство и походячіе належности; а теперь о томъ ся оперши, усиловали съ того слѣберовати (освободиться) и съ поддапства, которое предкове ихъ на собѣ мѣли, визутися» (избавиться). По этой жалобѣ тогдашній переяславскій полковникъ Иванъ Лысенко поручилъ одному изъ урядниковъ, «абы тамъ, въ Барышовцѣ, старожитныхъ людей где кого знаючи, вышукавши, досконалне выпытавъ: чін то отъ початку вѣку ихъ были грунта, нѣмъ (пока) еще люде не осѣли на сей Украйнѣ? — Теды вынайдены Миско Харченко и Андрей Вѣтченко, мужеве барзо въ лѣтехъ подейшлие, по сумленю старости своей визнали, *же еще наспочатку, якъ ся садила* (селилась) *Барышовка, тогда тое все положеня, где тие села осьли — Сулиминци, Лебедынъ и Кучаковъ, надалъ панъ Жолковскій Ивану Сулимѣ въ заслугахъ у вѣчность, абы собѣ тамъ, сколко могъ и хотѣвъ, осадывъ людей ку своему подданству»*. [1]). На основаніи приведеннаго показанія барышевскихъ старожиловъ, Сулиминцы, Лебединъ и Кучаковъ отданы были въ подданство Федору Ивановичу Сулимѣ, который до того, какъ кажется, скитался на правомъ берегу Днѣпра, пока чигиринскіе походы не разрушили надеждъ и мечтаній, вызванныхъ извѣстнымъ гадяцкимъ договоромъ. Поселившись на лѣвомъ берегу Днѣпра, Федоръ Сулима создалъ себѣ положеніе въ тогдашнемъ обществѣ, выдавъ дочь замужъ за одного изъ сыновей гетмана Самойловича. Единственный сынъ Федора Иванъ поддержалъ это положеніе, женившись на сестрѣ Павла Полуботка, который помогъ зятю получить при Скоропадскомъ уже и генеральный урядъ «хоружаго». Бумаги Ивана Федоровича Сулимы послужили основаніемъ для Сулиминскаго архива. Одинъ изъ пяти сыновей его, Семенъ, занимая около 27 лѣтъ (1739—1766 г.) урядъ переяславскаго полковничества, значительно увеличилъ отцовское наслѣдство и сталъ однимъ изъ извѣстныхъ богачей въ Малороссіи. Такое общественное положеніе Семена Ивановича повело за собою значительное накопленіе бумагъ фамильнаго архива. Но наибольшее количество бумагъ Сулиминскаго архива относится къ концу XVIII в., когда владѣльцемъ Сулимовки сталъ средній сынъ переяславскаго полковника Акимъ. Послѣдній, по своему образованію, рѣзко выдѣлялся изъ среды тогдашняго общества. Акимъ Семеновичъ учился сначала въ кіевской академіи, затѣмъ въ 1755 г. перешелъ въ Петербургъ, въ сухопутный шляхетскій корпусъ, откуда черезъ четыре года выпущенъ сержантомъ, при чемъ «жалованъ золотою медалью». Кончивъ ученіе, Акимъ Семеновичъ оставленъ былъ при корпусѣ «для смотрѣнія надъ обученіемъ кадетъ наукамъ». При этомъ онъ между прочимъ былъ «опредѣленъ отъ начальства кадетскаго корпуса къ переводу съ французскаго языка на россійскій двухъ томовъ исторіи о фельдмаршалѣ фран-

---

[1]) Генеральн. опись Румянцева, переяславскій полкъ, въ архивѣ кіевск. казен. палаты.

цузскомъ Тюреннѣ, кои въ 1766 г. въ типографіи оного корпуса напечатаны». Въ 1764 г. Сулима изъ корпуса былъ переведенъ въ азовскій пѣхотный полкъ премьеръ-маіоромъ; но черезъ три года снова былъ возвращенъ въ кадетскій корпусъ «и былъ въ смотрѣніи надъ тѣмъ-же обученіемъ кадетъ; а потомъ опредѣленъ къ реформѣ того-жъ корпуса и къ разнымъ должностямъ, въ команду генералъ-поручика Ивана Ивановича Бецкаго и отъ него при томъ-же корпусѣ употребленъ къ сочиненію: 1) Устава шляхетскаго сухопутнаго кадетскаго корпуса, 2) второй и третьей частей Учрежденія московскаго воспитательнаго дома и 3) плана къ заведенію при ономъ домѣ сохранной казны, ссудной казны и вдовьей казны». Въ 1773 г. Сулиму выпросилъ въ свое распоряженіе гр. З. Гр. Чернышовъ, которому было поручено гражданское устроеніе только что присоединенной тогда Бѣлоруссіи; здѣсь Акимъ Семеновичъ составлялъ «разныя узаконенія учрежденнымъ бѣлорусскимъ губерніямъ». Но, женившись около этого-же времени на дочери стародубскаго богача, полковника Павла Григорьевича Скорупы, Сулима пересталъ интересоваться службою и въ 1777 г. выпросился въ отставку, причемъ былъ произведенъ въ рѣдкій межъ тогдашними малороссіянами и завидный для нихъ генеральскій чинъ. Двадцать лѣтъ затѣмъ онъ прожилъ въ Малороссіи, устраивая свои богатыя помѣстья (у него было 1310 крестьянъ) и воспитывая своихъ двухъ сыновей, Павла и Акима. Но когда въ 1797 г. въ Малороссіи, вмѣсто судебныхъ палатъ, возстановленъ былъ генеральный судъ, Акимъ Семеновичъ, избранный однимъ изъ четырехъ кандидатовъ въ генеральные судьи, утвержденъ былъ императоромъ въ этой должности въ первый департаментъ суда. Прослуживъ шесть лѣтъ въ судѣ, Сулима вышелъ въ отставку и поселившись въ Сулимовкѣ, главнымъ образомъ заботился объ окончаніи воспитанія сыновей. Старшій изъ нихъ Павелъ окончилъ свое образованіе въ геттингенскомъ университетѣ, а младшій Акимъ въ московскомъ. Переписка отца съ двумя сыновьями - студентами (почти исключительно на французскомъ языкѣ) составляетъ одну изъ интересныхъ частей фамильнаго архива. Перепискою съ сыновьями, дѣятельно продолжавшеюся и по вступленіи ихъ на службу, и заканчиваются бумаги собственно Сулиминскаго фамильнаго архива. Бумаги этого архива заключаютъ въ себѣ главнымъ образомъ три отдѣла: 1) поземельные акты, т. е. гетманскіе универсалы и купчія записи, 2) отрывки изъ множества судебныхъ дѣлъ по спорамъ за имѣнія какъ между самими Сулимами, такъ и съ сосѣдями и 3) частная переписка. Послѣдній отдѣлъ представляетъ наибольшій историческій интересъ, представляя старую жизнь такою, какою она была въ дѣйствительности.

Кромѣ бумагъ, принадлежащихъ собственно роду Сулимъ, въ ихъ фамильный архивъ вошли значительныя части еще трехъ фамильныхъ архивовъ: Есимонтовскихъ, Скорупъ и Войцеховичей. Первые два архива перешли къ Акиму С—чу по женитьбѣ его на Марьѣ Павловнѣ Скорупѣ, которая принесла мужу всѣ богатства отца своего; а Павелъ Скоруна, кромѣ половины отцовскихъ (Григорія Скорупы)

имѣній, получилъ еще по завѣщанію отъ бездѣтной сестры Марины Григорьевны, по мужу Есимонтовской, всѣ мужнины ея имѣнія. Архивъ Войцеховичей вошелъ въ составъ Сулиминскаго, по браку дочери Акима Семеновича Прасковьи съ Иваномъ Андреевичемъ Войцеховичемъ, къ которому впослѣдствіи за бездѣтствомъ братьевъ жены, Павла и Акима, перешли всѣ имѣнія Акима Семеновича. Архивъ Войцеховичей состоитъ главнымъ образомъ изъ частной переписки Андрея Ивановича Войцеховича съ его четырьмя сыновьями и одного изъ послѣднихъ Ивана Андреевича (зятя Акима Семеновича) съ его тремя сыновьями: Николаемъ, Алексѣемъ и Андреемъ. Переписка эта, обнимающая почти полныя три царствованія, Екатерины II, Павла и Александра I, сохранилась въ найлучшемъ порядкѣ, въ который приведена была Алексѣемъ Ивановичемъ Войцеховичемъ [1]).

Для ближайшаго знакомства съ составомъ Сулиминскаго архива приводимъ здѣсь нѣсколько документовъ, преимущественно изъ частной переписки, какъ самаго цѣннаго историческаго матеріала.

Ал. Лазаревскій.

1.

Отрывокъ изъ жалобы мглинскаго сотника Алексѣя Есимонтовскаго на брата его Афанасія, стародубскаго обознаго, объ убыткахъ чрезъ него понесенныхъ во время взятія Мглина шведами въ 1708 г.

Когда я былъ у походѣ за Сожомъ, въ Литвѣ, при покойномъ пану гетману Скоропадскомъ, на тотъ часъ будучомъ полковникомъ стародубовскимъ и наказнимъ гетманомъ, и ходилъ за шведомъ, а услышалъ тое, что намѣренъ шведъ вторгнуть въ полкъ стародубовскій, якъ и указы монаршие о пересторозѣ объявлени были, писалъ до брата своего п. Аѳанасія Есимонтовского о томъ, дабы онъ непремѣнно и завчасу имѣніе рухомое въ пристойныхъ мѣсцахъ поховалъ, яко за совокупного нашего житія; но онъ, по своей природной презумициѣ и великомыслности, не токмо писанія моего не послушалъ, лечъ и на уничтоженіе того отписалъ до мене, ганячи мене страхополохомъ, з выраженемъ того вѣршу на писмо п. Покорского, въ томъ-же до него писанное: „наши де матрони безпечно смажутъ сласціони; такъ мнѣ Боже поможи въ правдѣ моей!“ Такожде и по зближеню ся шведа ко Мглину учинилъ, же и на колкократное напомнене покойной панеи родителки нашои, которой, уже будучой въ престарѣломъ вѣку, не разъ тра-

---

[1]) Умеръ въ прошломъ 1881 г., членомъ государственнаго совѣта.

филось войни лядскіе видѣти и дознавать въ оныхъ злыхъ приключений, не послушалъ и имѣнія нѣлкого не ховалъ, но своимъ упоромъ все на возы забравши, а согласившись зъ паномъ Турковскимъ и не освѣдчаючи указу монаршого такого, что въ ономъ повелѣвано зъ некрѣпкихъ городковъ уступать у крѣпкіе или въ посторонние мѣста, з быдломъ и з протчимъ, а з мелницъ снасти выпимать, опасаяся того, жебы граждане ихъ не удержали, пошли были, городъ покинувши и людей, ночною добою въ Баклань и далѣй за Судость рѣку. А ему-бы можна своимъ домомъ з Есимонтовки своимъ трактомъ безпрепятно и безсорно зъ народомъ пти въ Стародубовъ; понеже за то зсора сталась, что онъ держался пана Турковскаго, на той часъ сотника мглинского будучого. Догнали мглинци великимъ тумултомъ жену єго и мою зъ обозомъ всего имѣнія нашего и настращавши доволно, завернули у Мглинъ, чего ради покойная панѣ родителка наша того времени изъ дому нарушилась, зѣло осердившися. И такъ за скоримъ приходомъ шведскимъ, а не мнѣй и за тимъ, же народъ на ихъ повсталъ для вишеписанних причинъ, на десять тисячъ золотихъ худобы погубилъ своей и моей, якъ и самъ въ чолобитной, подаваемой имъ п. гетману Скоропадскому на Петра Подлузкого выражалъ, по якой отъ п. Черниша, судіи енералного, высланнимъ покойный Дашкевичъ былъ; однакже з того ничого полезного не учинилось, что сие все въ сущую правду сознаю подъ страшнимъ судомъ Божіимъ. А по многихъ турбацияхъ и страхованнях, бывшихъ у Мглинѣ отъ народу и отъ находу неприятелского, выходя зъ города, мое-жь доброе давалъ великороссійскимъ людямъ зъ хутеръ и зъ протчего, свое легшое поховавши, за выводъ со Мглина, бо вже толко насилу пришло на трохъ чыли на чотирохъ возахъ выѣхать усѣмъ, посля великого обозу...

2.

Жалоба гетману вдовы генеральнаго хоружаго Ивана Сулимы на сына. Около 1728 г.

Ясневелможный пане и всемилостивѣйшій патроне.

Рада-бы вседушне и по-премногу сама вашему високоповажному рейментарскому оказатися лицу и, при належитой субмѣссіи, бѣдствуемое, отъ своей-же утробы дѣючоеся, оповѣстить житіе; лечъ крайное мое изнемагаетъ калѣтство и болѣзнь не малая.

Еднако-жъ яко до своего полномощного рейментара и патрона з слезнимъ и ревнимъ отзиваюся чоломбиттемъ въ томъ, что позосталие сыни по покойномъ пану моемъ, старшіе Ѳедоръ и Самуилъ всякое послушенство, при обычайной чести и венераціи материнской, отдавали удовствуемой мнѣ презъ немалое время; а по окончению живота Ѳедора на службѣ монаршой, и Самуила, первимъ по нихъ остался Іванъ плачливый сынъ мой, на которого еще, яко на преслушника, разграбителя и разорителя дому моего, а не яко на сына, имѣла заносити скаргу въ коллегіи, первие и прежде упоминаючи его материнско и многократне; и по нынѣ прикрие и зѣло поносние отъ него, при старости лѣтъ моихъ, досади, утиски и грабительства износила терпѣніемъ; а теперъ цале не имѣючи куди инуди въ такомъ моемъ разореніи суплѣковати, толко принужденна до ясневелможности вашой кривавослезную запосити апелляцію на ослушника такого, ибо не тилко необичайними и зѣло досадливими мене словами оний очевисте изъ женою своею укораетъ, но и честь мою поносить преднародне, нѣякоесь юродство невиннѣ мнѣ притвораючи; лечъ и на здоровю моемъ не малое увѣчча сдѣлавъ, якою причиною его зъ ущербкомъ здоровя моего и понинѣ въ калѣтствѣ пребываю, въ якомъ хотячи снабдѣніе и отраду принаймнѣй по жизнь мою зъ меншими двома сынами, Семеномъ и Стефаномъ, и зъ позосталими сиротами покойного старшого сына Ѳеодора дѣтми, а моими унучками, имѣти, лечъ онъ и на тихъ вражду не малую имѣючи, не тилко словесно ихъ укораетъ и ругаетъ безчиннѣ и неприятно слуху людскому, але яко наступца окрутний, не имѣючи ни Бога въ сердцу, ни памятаючи единоутробыя зъ собою, весма ихъ ненавидячи, бьетъ и ни въ чомъ простертися не допускаетъ. Чрезъ волю-же нашу и чрезъ благословеніе и до полѣценного наслѣдія, по согласию обополнимъ зъ покойнимъ паномъ моимъ опредѣленного, подлугъ легкованного и сочиненного тестаменту, при особахъ знатнихъ и вѣри годныхъ, дѣтямъ моимъ Семену и Стефану, при которыхъ-бы спокойне могла животъ свой кончити; а онъ самоволне грабителствомъ и насилне отобравши и себѣ подлугъ хотѣнія своего належитую часть, якой уже я ему и не претила, лечъ и тимъ еще не доволствуеться и втручается тамъ, где оному не позволяется и неблагословениемъ обаполнимъ запретилось; якого онъ чрезъ небрежение свое и упарчивость лишаючися и ослушенъ будучи, а нѣ тежъ уважаючи на клятву материнскую и калѣтство мое, и сего времени превеликое грабителство починилъ и чинитъ въ маетно-

стяхъ за службу покойному пану моему наданнихъ; откуду въ калѣтствѣ и слабости здоровя, при старости моей, прекормленіе зъ меншими синами моими и помянутими сиротами имѣю и всякое убожеское одѣяние сооружается. А онъ тому заздростячи, послѣднему въ крайнее убожество и бѣдство мене грабителствомъ своимъ приводитъ и такими ребеллѣями, поступками и неспокойнимъ житиемъ ежеденно утруждаючи, прежде времени желаетъ мене умертвити. И дабы указомъ ясневелможности вашой призванъ оный ослушникъ былъ во оправданіе наочне и по праворазсудителному рѣшению прещения и знатное отъ его-жъ ясневелможности принялъ наказание; и впредъ-би таковаго необичайного не чинилъ и не важился чинить мнѣ бѣдствуемой матери своей и сынамъ моимъ меншимъ грабителства, утѣсненія и насилства. Милостивное таковое въ занесенной апелляціи моей отъ полномощного рейментара своего дознавши помилованіе, по жизнь мою зъ позосталими сиротами одолжаюся за щастливое и долголѣтное его ясневелможности, моего всемилостивѣйшаго патрона, правителство и владѣние непреставно Господа Бога благати, яко и повинна. Ясневелможности вашой, моего всемилостивѣйшаго пана и многодознаннаго добродѣя, нижайшая слуга Мария Полуботковна Иванова Сулимина, хоружая енералная, для лучшого достовѣрия къ сей чоломбитной моей своеручно крестъ святий прикладаю †.

3.

Четыре письма къ бунчуковому товарищу Григорію Демяновичу Скоруппъ: зятя—Петра Искрицкаго, Ивана Михайловича Миклашевскаго, Василія Алексѣевича Дмитрашко-Рашча и генеральнаго есаула Петра Валькевича. 1730—1740 г.

а) Милостивѣйшій мой отче и добродѣю.

Господаръ двору рейментарского, панъ Костантій Острожскій мѣетъ по указу ясневельможного добродѣя, прійдуючого августа 1 или 2 числа отъездить въ Мглинъ, для взятя на урядѣ тамошномъ купчой на покупленніе грунта его ясневелможности, а оттоль (еще для лучшой крѣпости) прибувши въ Стародубъ, зъ майстрату тамошного взять мѣетъ екстрактомъ купчую тихъ покупленнихъ грунтовъ; которій поневажъ, за волею ясневелможной панеи, за однимъ заходомъ, и мнѣ осмотрувать будетъ приторговать хуторъ, того ради благоволи вм. м. добродѣй, освѣдо-

мившись о его, господара, въ Мглинъ прибытіи, объявить письмомъ своимъ о хуторѣ, ежели якій на продажѣ имѣется поблизу, а хочай и въ разстоянію отъ Стародуба, биле бы былъ угоденъ и чтобъ при немъ млинъ занять мощно было; понеже такъ вскорости, а особливе не знаючи осѣдлостей тамошнихъ, господарь не можетъ винайти безъ объявленя ему. О якую вм. м. добродѣя отеческую милость покорнѣйше просячи, зостаю вм. м. добродѣя щирозичливый синъ и нижайшій слуга Петръ Искрицкій [1]). Глуховъ, іюля 30 д. 1730 году.

Адрессъ: „милостивѣйшому моему отцу и добродѣевѣ, его милости, пану Григорію Скоруппѣ, знатному товаришевѣ бунчуковому“.

б) Мосцѣ пане Григорій Скоруппа, мнѣ велце мосцѣ пане и сердечне коханый племѣннику.

Прибывши панъ Ѳеодоръ Ширай въ Любечъ, писалъ ко мнѣ, что никакой команды тамо не засталъ, токмо панъ Есимонтовскій поручивши де въ команду горы, воды и лѣсы, отъехалъ въ домъ. Зъ здешнихъ-же чернѣговскихъ вѣдомостей болше никакихъ газетовъ не имѣется, токмо старая войтиха Лопатиха сего на датѣ положеннаго числа рано умре; а я на кушене запрошенъ до преосвященного, где и за ваше здорове полную имѣю выпить объявляю; да если еще неизвѣстно у васъ, ижъ указъ во всѣ малороссійскіе полки, въ томъ числѣ и въ чернѣговскомъ, полученъ сего октоврія 13 д., дабы всѣ полковники зъ старшинами, бунчуковіе и значковіе товарищи и хто тилко іменемъ козачимъ зовется, подъ смертною казнею, были въ крайней къ походу готовности, дабы за полученіемъ впредъ указа въ 24 часа выступили непремѣнно, къ выше показаннимъ сообщаю вѣдомостямъ, а доброздравственного вм. м. пану желая пребиванія, остаюсь вм. м. пану, сердечне-коханному моему племѣннику, щирозичливий дядя и слуга Іванъ Миклашевскій [2]).

1736 году, октоврія 14 д. Чернѣговъ.

Адрессъ: „Моему велце мосцѣвому пану, сердечне коханому племѣннику, его милости, пану Григорію Скоруппѣ, знатному товаришу бунчуковому, въ городѣ Сосницѣ у покупки провіанта обрѣтаючомуся, надлежитъ“.

---

[1]) Родной племянникъ гетманши Ульяны Апостолъ, рожденной Искрицкой.

[2]) Сынъ стародубскаго полковника Михайла Миклашевскаго. Григорій Скоруппа былъ женатъ на родной племянницѣ Ивана Миклашевскаго, дочери Степана Спиридоновича Ширая.

в) Мосцѣ пане Григорій Скорупа, вселаскавый мой свате и благодѣтелю.

Племенникъ мой, сотникъ ивангородскій п. Матвей Конискій, пришедши смотреніемъ Божіимъ въ совершенный возрастъ, будучи совершенного ума и ученія, желаетъ въ супружество себѣ пріятеля искать; а понеже сей станъ, по Божіему смотрѣнію и и его святой ординаціи установленный, избираютъ персоны не безъ пріятелского отозву и родителского консенсу, того для пріятелскую мою сватовскую вм. пану симъ моимъ выразивъ венерацію, родителского вашего соизволенія и аппробацѣи моего отозву съ охотою дожидаюсь. И ежели намѣренъ вм. панъ наймнѣйшую свою панну дочъ ему пану Матѳею Конискому въ супружество отдать, покорнѣйше прошу вм. пана стороны отозву моего своимъ мене писанемъ не оставить, которое мнѣ въ надежду сватской вм. пана любвѣ висвѣдчить имѣючойся благопріятное будетъ, а нынѣ со всякимъ персони вм. пана почтеніемъ остаюсь вм. пана покорный слуга Василий Думитрашко-Райча, бунчуковий товаришъ [1]).

12 septеврія, 1737 году. Нѣжинъ.

г) Мосцѣ пане Григорій Демяновичъ, мой давно знаемий друже и брате.

Всѣмъ тое можетъ быти извѣстно, въ томъ числѣ и вм. пану, же а прежде сего за службою и за разними зъ Малой Россіи отлучками по указамъ, не вѣдалемъ о нуждахъ и долегливостяхъ дому моего, чрезъ многое время. А нынѣ, когда въ дому трохи помешкалемъ, извѣстился зъ жалобы слобожанъ моихъ, жителей слободокъ Чернетщини и Чернятки, что вм. панъ, сидячи слободою въ отчинѣ покословской и знаючи границу между Покословщиною и между грунтомъ моимъ меженковскимъ, за рѣчкою Жечою лежачимъ, въ которомъ помянутіе мои слободки поселени, черезъ межу, въ оний мой грунтъ зъ двохъ сторонъ вступаешъ и изъ слободокъ моихъ сѣно не разъ велѣлъ забирать, и въ протчемъ ихъ обидить поступая, указомъ ея императорского величества противно, понеже на тотъ грунтъ и на утвержденіе оного границы имѣю я многіе крипости подлугъ давного ограниченія и розъѣзда: первей отъ старшини полковой, а погомъ отъ енералного бунчуч-

[1]) См. ниже № 5.

ного пана Лизогуба зъ протчіими чиненніе, послѣ декреталніе суду войскового енералного писма, унѣверсали и приватніе указы гетманскіе, а зверхъ того всѣ крипости утверждающая високомонаршая блаженной и вѣчнодостойной памяти его императорского величества жалованная грамота на все мое помѣсте, въ томъ числѣ и на мой меженковскій грунтъ, якъ есть въ своемъ ограниченню, данная во вѣчное владѣніе; о чемъ знать и вм. панъ, не безъизвѣстенъ будучи, писалъ къ намъ писмомъ своимъ, припоминаючи того нашого грунту граниченіе, при енералномъ бунчучномъ подтвержаное, и просилъ, жебы потому смежности не нарушать, но содержать. А якъ зъ дѣла показалось, самъ вм. панъ въ томъ не устоялъ и не видя господара грунту въ присутствіи, такожъ доброй пріязни свѣтліе очи прикривши лакомимъ упоромъ, пустился былъ по чужое, да и зъ друга въ недруга переминившися, захотѣлъ мене обидити. И затимъ неправимъ поступкомъ, приличнѣйшого иску зъ паномъ Гудовичемъ и зъ Германомъ запомнѣлъ. Якъ-же ни было прежде безъ мене, нынѣ все тое Господь Богъ и високіе указы ея императорского величества исправлятъ во благо, и впредъ я себе обидити не дамъ! Толко не опускаючи слобожанъ моихъ обиды прежней, хотѣлъ бимъ вѣдать, почему вм. панъ силенъ такъ безъ мѣри, же не толко крипостей обыкновенныхъ, но и чрезвичайной вседостойнѣйшой твердости монаршого привилею за предѣлъ и важность не имѣете? Надѣюся, на поселеніе слободки своей, скажешъ вм. панъ, же есть унѣверсалъ гетманский.—Тилко чи совершенний?—Ибо извѣстенъ я, что нѣкоторый унѣверсалъ вашъ въ канцеляріи енералной прежде подрано; а що нѣсколко купилъ вм. панъ у покослоцковъ дубовъ да сосонъ, иныхъ для латвѣйшой куплѣ въ турму сажаючи, тое здается мнѣ до нарушенія границы меженковской и до забиранія у слобожанъ моихъ сѣна не силно, да и заводцы ваши, дубовіе и сосновіе почому дерева и свои-ль или чужіе, вамъ показали, жадныхъ крѣпостей не имѣютъ, подлинно знаю; однакожъ между деревомъ отчиннимъ и грунтомъ земелнимъ разнь и граница обосторонная мѣетъ быти безъ нарушенія; въ тому-же купля и купчая наша покословской полоси первѣйшая, за которую гроши наши продавцевѣ передомъ позаходили и еще за оную росправы не было. Чого ради хоти вм. панъ чимъ слобожанъ нашихъ изобидилъ, тое имъ наградить, а черезъ границу въ грунтъ мой впредъ не вступать ниякимъ способомъ и проискомъ, понеже я чрезъ сее мое писаніе объявляю тое, защищая себя указомъ ея императорского

величества и чтобъ вм. панъ потомъ не вимовлялся, что о томъ извѣстенъ не былъ. Впротчемъ, остаюся вм. пану зичливий приятель и братъ охочий ко услугамъ Петръ Валкевичъ [1]).

4.

Письмо березанскаго сотника Василія Алексѣевича Дмитрашка-Рагча къ своему полковнику Семену Сулимѣ, поздравительное съ рожденіемъ сына. 1746 г.

Велможний мосцѣ пане полковникъ переяславскій, милостивий мой добродѣю.

Рожденнымъ сыномъ велможности вашой Ѳеодоромъ Семеновичемъ поздравляя, желаю, даби шляхтичъ отъ шляхтича рожденний таковой дождалъ чести, каковy велможность ваша и антецессори получили и въ числѣ велможнихъ считался зо временемъ, которому дай Боже совершенний возрастъ на подпору и вящшое прославленіе имени велможности вашой. Я же должность мою вѣдая, мой поклонъ отдать, по приказу велможности вашой, имѣю и со всею моею покорностію остаюсь велможности вашой всепокорнѣйшій слуга Василь Д. Райча.

1746 годъ. 8 дня іюня. Березань.

P.S. Ignosce quasi illustrissime quod hodie et cras non veniam, parce quaso 100 rublones d. Johanni Marcowicz ex vitrans actionis solvendo cui veniam postcras, fidibus non oblector potum horreo, tibi bene precari non deero.

5.

Письмо прилуцкаго полковника Григорія Галагана къ Семену Сулимѣ, съ приглашеніемъ на свадьбу дочери. 1752 г.

Високородній и високопочтенний господинъ полковникъ переяславскій, сердечній мосцѣ пане брате и добродѣю мой.

Понеже, по судбахъ Божескихъ, дочь моя Елена зговоренна въ супружество умершего бунчукового товариша п. Андрея Миклашевскаго сину его, пану Петру Миклашевскому, а къ бракосочетанію ихъ, по согласію обоихъ сторонъ, положенъ термѣнъ сего

---

[1]) Письмо писано, по видимому, около 1740 г.

году въ слѣдующомъ сентябрѣ мѣсяцѣ 20-е число, и яко такови веселніи акта найвящше прикрашаеми бываютъ собраніемъ достойнѣйшихъ гостей и пріятелей, такъ и я, по преданности моей, почитая вашего високородія персону за найпожелеваннѣйшого къ сему присутствію гостя, всепокорно прошу на воспомянутое число, купно зъ дражайшею вашего високородія супругою, не отказатся въ домъ мой благоволить прибыть и чрезъ то ущасливить мене, обще, при такомъ случаѣ, сугубо—какъ о благополучномъ вашего высокородія прибытіи, такъ и о совершенномъ дѣтей моихъ Богомъ узаконенного супружества воспріятіи—порадоваться; чего сердцемъ моимъ найохотнѣйше желаю, зъ равномѣрнимъ одолженіемъ, дабы и я при такихъ случаяхъ поважному вашего високородія дому щасливъ былъ мои услуги показать, къ которымъ и нынѣ совершенно и съ почтеніемъ обязуюсь и есмь вашего високородія, сердечного моего пана брата и добродѣя моего, покорний слуга Григорій Галаганъ.

Августа 23 д. 1752 г.
Прилука.

6.

Ордеръ гетмана Разумовскаго генеральному подскарбію Михайлу Скоропадскому объ отрѣшеніи его „отъ всѣхъ малороссійскихъ дѣлъ“. 1753 г.

Господинъ Скоропадскый!

Изъ многихъ опитовъ, доволно мнѣ извѣстнихъ, я усмотрѣлъ, что ви, будучи мнѣ точно, по всевисочайшей волѣ ея императорскаго величества, человѣкъ подъ властію, вознамѣриваетеся противу мене нѣкоторимъ якоби самовластіемъ и весма мало уваженія имѣете на мои ордери, чрезъ что о себѣ даете въ народѣ малороссійскомъ великое мнѣніе, а моей власти нѣкоторимъ образомъ уничтоженіе. Хотя я самъ изъ многихъ вашихъ поступокъ очое примѣтилъ, однакожъ снисхожденіемъ моимъ или паче молчаніемъ старался васъ привести къ должности вашей, что самое ви видѣть всегда могли изъ того, что многое не по вашему мнѣнію отъ мене иногда опредѣляемо било, но по собственному моему разсужденію; ви-же, какъ вижу, стараетесь подъ именемъ блага народнаго, укорять мене во многихъ повелѣніяхъ, или своимъ ослушаніемъ или таковими представленіями, которыя

болше сходствуютъ возраженіямъ противу мене, такъ-какъ я самъ усмотрѣлъ въ представленіяхъ мнѣ, отъ васъ учиненнихъ отъ мая 14 и 25 чиселъ сего года, гдѣ войсковая оставшаяся въ Глуховѣ канцелярія, вашимъ уповательно руководствомъ, показиваетъ мнѣ дерзостно и безъизвѣстно, яко-би при моемъ гетманствѣ, для моихъ домовихъ нуждъ, весь народъ малороссійской къ разоренію и крайнему истощенію приведенъ и будто-би уже всего малороссійскаго народа едва кто и въ домѣ остается; гдѣ хитростно мнѣ представлено и то было, чтоби я хотя половинное число толко бралъ народа на работу, ибо де уже многое число онаго къ побегу обратилося, или въ слободские полки, или за границу, а изъ сего уже въ тѣхъ представленіяхъ и далніи амплификаціи и непотребніи слѣдствіи дополнени. Все-же оное приписиваете моей экономической канцеляріи, которая однакожъ ничего, безъ точнаго моего повелѣнія, до сего времени не дѣлала; почему всѣ такия уразителнія представленіи къ моей собственной персонѣ склаяются. Въ самомъ-же существѣ не толко ничего того не сискалося, но еще по нѣкоторимъ изъ сего слѣдствіямъ показалося, что ония представленія вимишленни или для возмущенія противу меня народнаго, или въ сохраненіе въ архивѣ канцелярской противу настоящаго и безпристрастнаго моего гетманства, сходствуемаго во всемъ съ височайшею волею всемилостивѣйшей моей государини, нѣкоторыхъ будто-би доказателствъ къ каковимъ-либо впредъ намѣриваемимъ жалобамъ. Напослѣдокъ, когда я учредилъ для лутшаго порядку экономическую канцелярію, не мою точно, но гетманскую, въ томъ мнѣніи, даби всѣ малороссійские дѣла лутшимъ распорядкомъ теченіе свое имѣли, а въ оной опредѣлилъ членами совѣтника Теплова и трехъ бунчуковихъ товарищей, а именно: Тернавского, Ломиковскаго и Чуйкевича, гдѣ и писменное учрежденіе далъ, что оная экономическая моя канцелярія не инное какое мѣсто есть, тоже самое, что и войсковая канцелярія, но одному мѣсту отъ меня предпоручено войсковые дѣла отправлять, другому гетманскый урядъ, касаючыйся до содержанія дому нѣкоторихъ городовъ и маетностей; то въ семъ случае возмечтали ви таковое мое учрежденіе вовся уничтожить разними проэктами и своимъ прозрѣніемъ, и перво, неприлично почитать то себѣ за обиду, что оной экономической канцеляріи опредѣлено отъ мене относиться съ вами въ равенствѣ: въ каковихъ случаяхъ никогда не взирается на честь присутствующихъ, но на важность мѣ-

ста. Вскорѣ-же послѣ моего учрежденія, ви вздумали уравнивать войсковихъ канцеляристовъ съ членами экономической канцеляріи, и на сношеніяхъ, въ противность мнѣ, своимъ установленіемъ опредѣлили подписываться рядовимъ канцеляристамъ, а въ немалую обиду членамъ той канцеляріи; напослѣдокъ, когда оное мною пресѣчено было, то не единожди на справедливыя требованіи оной канцеляріи присылать свои грубия отвѣти и задавать иногда неприличныя требованіи, на которие я снисхождительно чрезъ долгое время съ терпѣніемъ взиралъ. Наконецъ, усматривая самъ изъ нѣкоторихъ въ экономическую мою канцелярію отъ васъ сношений таковыя экспрессіи, которыя безъ всякаго уваженія на мою собственную персону обращается, то, не требуя уже ни отъ кого себѣ болшихъ доказателствъ и экспликацій, хотѣлъ принять таковия мѣри, каковихъ власть, по всевисочайшей волѣ отъ ея императорскаго величества, мнѣ данная надъ вами требовала; но по крайней моей умѣренности еще удержался отъ того, а повелѣлъ изъ экономической канцеляріи отвѣтъ за моею аппробаціею вамъ написать, что и учинено, и хотя ви точно вѣдали, что оный отвѣтъ изъ экономической канцеляріи состоялъ изъ моихъ собственныхъ повелѣний, однако-жъ не хотячи онаго разумѣть, вздумали мнѣ приносить на совѣтника Теплова жалобу, дая чрезъ то мнѣ знать, что вы не пріемлете таковихъ моихъ отвѣтовъ; а между тѣмъ учинили у себе, яко-би парламентское нѣкоторое опредѣленіе, въ противность моему ордеру, не сноситься писменно въ равенствѣ съ экономическою канцеляріею, чего было вамъ дѣлать никакъ не подлежало, безъ собственнаго моего повелѣнія, а слѣдовало представить прежде и ожидать на то резолюціи, а не собою отрѣшить мои ордери, чрезъ что явное подали презрѣніе къ моей персонѣ, а на себе навели нѣкоторое общественное самовластіе въ народѣ. Сколь сіе есть дерзновенно, то ви разсудить сами можете. Хотя-жъ ваша жалоба несправедливая отвѣта еще отъ мене никакова не удостоена, но для лутшаго усмотрѣнія, кто таковимъ затѣйкамъ притчиною, принужденъ я былъ господина обозного генерального [1]) въ войсковую канцелярію опредѣлить съ вами единъмъ, а протчихъ отрѣшить; ибо ви иногда сказываете въ таковихъ случаяхъ, что не силни другихъ голоси оспорать. А нынѣ усматривая, что положенное вами опредѣленіе прежде

[1]) Семена Кочубея.

сего о несношеніи съ экономическою канцеляріею письменномъ въ вашемъ мнѣніи силу свою и по сію пору имѣетъ, въ явную противность мнѣ, и господинъ обозный генералный, хотя далеко старѣе васъ чиномъ, мнѣніемъ своимъ согласующій съ моимъ ордеромъ, не силенъ находиться васъ самихъ оспорить; чрезъ таковый поступокъ ви себе оказали, что и прежнимъ затѣйкамъ не кто иный притчиною, ибо вознамѣрилися или виспскать отъ мене неправедно требуемую сатисфакцію на совѣтника Теплова, или таковымъ ослушаніемъ укорить мои поступки, которыя предъ лицемъ ея императорскаго величества всегда вѣрни и безпристрастни. Я вижу, что ви мою терпеливость и учтивое до сего времени съ вами обхожденіе толкуете своей головѣ, якобы въ нѣкоторое мое непроницателство, въ чемъ ви по сіе время весма ошибаетеся. Изволите ведать, что ваше високомисліе мнѣ всегда видимо было и оное весма неприлично; и ви никакими знатними службами предъ ея императорского величества похвалиться еще не можете предъ протчими многими службами въ Малой Россіи; хотя ви и много лѣтъ щитаете вашей службѣ, и вѣдаете, что довольно найдется у ея императорского величества чество служащихъ малороссійскихъ людей, которые мѣсто ваше заступить могуть. И не думайте, чтобъ ви въ такой ценѣ были, какъ ви сами себе содержите. Когда ви презираете всѣ до сего учиненныя вамъ отъ мене милости и снисхожденіи, а на-послѣдокъ не толко ослушни уже являетеся моимъ ордерамъ, но и своими противнаго содержанія приговорами отрѣшаете, чрезъ что явное поощреніе даете другимъ, то видно, что ви не хотите припамятствовать поступокъ прежнихъ моихъ антецессоровъ съ таковими ослушниками, а составляете и своей персонѣ голосъ, якобы цѣлаго народа, противу мене. Чего ради я не имѣю болшей къ вамъ никакой повѣренности и отрѣшаю васъ отъ всѣхъ малороссійскихъ дѣлъ, а сверхъ того приказываю быть вамъ въ Глуховѣ, не віезжая ни на малое время, ни подъ какимъ видомъ, безъ моего позволенія, изъ города. А ежели что противно сему еще учините, то я другия мѣри сыщу васъ заставить почитать власть надъ вами поставленную отъ всемилостивѣйшей нашей самодержицы.

Москва. Декабря 24 д. 1753 году.

Гетманъ Разумовскій [1]).

---

[1]) Думаемъ, что приведенный „ордеръ“ Разумовскаго, найденный нами въ сулиминскомъ архивѣ въ копіи XVIII в., писанъ подъ диктовку Теплова, который предсѣ-

7.

Письмо А. Капоровскаго-Сохи къ Григорію Сковородѣ. 1754 г.

Любезнопріятнѣйшій другъ мой, господинъ Сковорода.

Писаніе ваше чрезъ г. А. Турчановскаго я исправно получилъ. Не мало радуюсь о вашемъ прибытіи въ Малую Россію; много паче печалень о неудачи вашей въ вашемъ странствованіи. Однако нѣчему и удивлятись: часто трудолюбивая пчела, ища пріумноженія сокровищамъ своимъ, обтекая неизмѣримые мѣста пространныхъ поль, зачавъ отъ Пелопонеса и минуя острова Серилскіе, прелетѣвъ изобилную Индію, ища цвѣту амарантового, преходитъ чрезъ сѣверные границы, гдѣ царство Хаоса и Старой Нощи граничитъ съ небомъ, тщетно возвращается, но вторично почивъ чрезъ ночь, возводитъ очи вмѣстѣ и желаніе свое, видитъ по щедротамъ неба блещащую на листахъ полезную росу, которая развиваетъ унилые листья и показываетъ ей цвѣты корыстми потребимы наполненныи, она радуясь усугубляетъ трудъ свой, забиваетъ суети прошедшаго дни, возмѣщаетъ корысти и радуясь награждаетъ потерянное.

Таковымъ образомъ, пока силы еще въ насъ, а паче въ тебѣ не ослабѣваютъ, возведъ очи къ милосердимъ небесамъ и во мѣсто росы, проливъ свой источникъ, протекающій отъ сердца чрезъ пріятные два свѣтила, дождись оттуду корыстей; дождись и мене, твоего нелицемѣрного друга, который въ жаждѣ твоей самъ сугубо жаждетъ. Ежели тебѣ не скифство покажется, тамъ гдѣ я хочу, будешъ вомѣщенъ несумнѣнно. Все оставя, не печался и дождись меня. Я въ маи мѣсяцѣ именно буду. Я о тебѣ старателство хочу приложить и исходатайствовать тебѣ тѣхъ милость, которіи умѣютъ съ камеия сдѣлать человѣка да человѣка доброго. Не отлучайся никуда; я за тобою пришлю, какъ пріѣду; потерпи на мнѣ, вся ти воздамъ. А нынѣ заключаю, что я твой вѣрній братъ и слуга, каковыми хочу жить и умереть. А. Капоровскій-Соха.

дательствуя въ учрежденной по его мысли и для него „экономической канцеляріи", хотѣлъ, подъ видомъ защиты интерессовъ „гетманскаго уряду", взять на дѣла всей Малороссіи. Встрѣтивъ оппозицію со стороны Скоропадскаго (р. 1697—1758), Тепловъ, какъ видно, безъ особыхъ затрудненій, удалилъ его „отъ всѣхъ малороссійскихъ дѣлъ" и выдвинулъ на его мѣсто молодаго Семена Кочубея (р. 1725 г.), уже безпрепятственно взялъ на дѣла Малороссіи.

P. S. Бога ради, братѣку, прилѣжай ученіямъ и ежели нѣ отъ кого, то самъ, до пріезду моего, у себе учись. Не печалься ни одѣяніемъ, ни другимъ чимъ; все будетъ, толко ученія не забывай. Вотъ тебѣ за много латинскихъ и русскій:

Питай лавръ водамы, пока не увянетъ!
И скройся грозныхъ тучъ, пока громъ не гранетъ!

Не погнѣвайсь, что я писалъ скоро и безъ разсужденія. Ти простишъ мнѣ, что не резолюцію написалъ.

P. S. Хотя не сатрапа персидскій, однакожъ не тотъ, что былъ; толко ты узнаешъ протчихъ. Оддаленъ живу и умру оддаленъ-же.

1754 г. генваря 25 д.
Москва [1]).

8.

Письма Семена Ивановича и жены его Прасковьи Семеновны Сулимъ къ сыновьямъ.

а) Любезнѣйшій сыну, Якимъ Симеоновичъ. Ми родительски сердцами обрадовани о вираженномъ въ писмѣ, что васъ Всевишній за труда не оставляя, якое нѣ есть производство подъ болшій степень получили. И надѣемся, по нашему молитвенному къ Богу восклицанію, не оставлени и впредь будете, толко по своимъ наукамъ зъ помощію (сѣтце сутъ патропи:) а лучше Божіею дерзать, чимъ би еще въ живихъ будучи, въ сердцахъ ми радостнихъ пріобрѣли хочь маленку жизнь. О Симеонѣ, сыну нашемъ, болѣе размишлять нѣчего, какъ бы ему хорошую отставку получивши, женить его, чтобъ и насъ, не лишась сего вѣка, моглъ поддержать и своими труди; ибо въ насъ въ отечествѣ много противъ прежнего перемѣнъ насилствуется; хочай на то отъ монархи имянного и указу нѣтъ, можете зъ копѣи у Семена вичитавши, разсудить, да и впредь, Богъ вѣсть, что происходитиметъ. Васъ, любезнѣйшій сыну, родителски просимъ, всѣми мѣри стараться о дохожденіи

[1]) Письмо надписано: „Сердечному другу и пріятелю моему, Григорію Ивановичу, его благородію, Сковородѣ, или Савину, или Дунаевскому. Въ „Кавраи". О Каворовскомъ знаемъ только, что онъ былъ племянникомъ Семена Ивановича Сулимы, полковника переяславскаго. Село Кавраи въ это время принадлежало Степану Васильевичу Томарѣ. Вѣроятно, о немъ и говорится въ P. S.

по дѣлу Михалчиной и Гудовки маетностей конца и насъ наскорѣ увѣдомить. О Симеонѣ разсудить, что вскорѣ очей позбудеть, да и тамо зъ жалованья ему не прокормится, какъ въ одѣяніи и прочомъ. Бога ради, промишляйте объ немъ и какъ возможно старайся въ будущій годъ выпускъ ему совѣтовать получить. А вамъ отъ сердецъ родителскихъ зичимъ, при молитвахъ нашыхъ, въ помощь благополучія вашего пробавить и континтовать до болшого степени; отъ отчизны васъ не оставляемъ во вѣки. Сивочку, за присылку книгъ много благодарю и впредь просимъ переводами своими снабдивать насъ. Книжки Тюрена, зъ которихъ мѣлъ презентовать нашему шефу П. А. Румянцову, но я его дожидаясь въ полку своемъ видѣть и тогда презентовать имѣлъ; однакъ пощастю въ насъ не бивалъ и затимъ остались въ мене. Болѣе за слабостію писать не досугъ. Васъ, любезнѣйшій сину, Божію промислу, при молитвахъ нашихъ, препоручаемъ. Вамъ всѣхъ благополучій вѣрноусерднѣйшій отецъ и мати Семенъ Параскевія Сулими.

Ноября 30 д. 1765 г. Баришовка.

б) Любезнѣйшіе дѣты, Семенъ Семеновичь, Якимъ Семеновичъ. Отпущеннимъ моими до сего къ вамъ чрезъ Кіевъ и Глуховъ писмами дала я вамъ знать о горестномъ и тяжкомъ приключеніи нашемъ, что мой мужь, вашъ отець, минувшого мая 27 числа, сполдни въ половинѣ третего часа, по долговременномъ разними болѣзнями страданіи, преставился изъ сего на вѣчное житіе, оставя мене съ вами въ сиротствѣ и въ пролитію тяжчейшихъ слезъ моихъ. А нынѣ и чрезъ сей удобной случай о томъже нещастіи вамъ повторяю и плачливе прошу васъ, любезніе дѣти, во всемъ томъ, что покойній отець вашъ чрезъ отправленного къ вамъ Якубовского писалъ, прилагать неусыпного старателства къ вашему благополучію и моему утоленію несносних печалій. Да и сами вы, какой ни на есть съ васъ, не укоснѣть сюда пріѣхать подъ сей случай, ибо братъ вашъ Евстафій Семеновичь на время было въ домъ отпросился, да и паки на срокъ по обовязки отъѣхалъ. При томъ не оставте постараца испросить у графа Румянцова сюда въ полкъ ордеръ, чтобъ значковій товарищъ Шулговскій, въ котораго вѣдѣніи и знаніи всѣ нашы писменніе дѣла, оставленъ былъ для оныхъ, подъ такое время, при домѣ нашемъ, на свободѣ отъ полковихъ по его званію нарядовъ; и тое прислать ко мнѣ, и обо всемъ уведомить, да и Якубовскаго не медлить. Чего всего, а паче самихъ васъ, коего возможнаго

прибытія, ожидая и поручая васъ же Божію благословенію и милости, остаюсь вамъ, любезніе сыни, усердно богомолствующая печалная маты, Параскевія Сулимина.

Іюнь 9 д. 1766 г. Баришовка.

9.

Письмо Василія Ивановича Скоропадскаго къ Ивану Андреевичу Войцеховичу. Окт. 1786 г.

Милостивый государь мой, Иванъ Андреевичъ. Признательно вамъ благодарю за исполненіе моей коммисіи относительно отсылки письма моего въ Питербургъ и за сообщеніе разныхъ бумагъ, въ пакетѣ вашемъ вложенныхъ. У насъ по Юркевичевому дѣлу есть очевидность доказательствомъ, что нынѣ въ свѣтѣ все идетъ и такъ, и сякъ. Планы я у васъ оставляю, потому что они здѣланы для покойнаго отца моего и ошибкою оставлены въ коммисіи покойнымъ Семеномъ Васильевичемъ [1]). Записку-жъ, по требованію вашему, обратно вамъ отсылаю и хотя вы таите сочинителя оной, слѣдуя въ случаи семъ скромности столько васъ отличающей, которой въ протчемъ правду говоря, между нами не долженствовало бы быть, однакожъ по надутому слогу, по чудности изреченій, по лести безмѣрно тутъ находящейся, я отгадываю, что писалъ записку тотъ грекъ, что изъ Царьграда притекъ, несносну ябеду съ собой привлекъ и матери его да будетъ пекъ. Въ протчемъ естли тѣ безмѣрныя похвалы, коими усыпана записка, относются на имя извѣстнаго вамъ моего благодателя и правителя сего края [2]), то они справедливы суть всеконечно. Но естли паче чаянія (чего конечно быть не можетъ) клонятся они къ тому, кто столько фамилію нашу обидилъ, то вотъ мой на сіе отвѣтъ:

не ложно,	ни за что,
что можно	ни про что,
дурака,	возвышать,
простака,	украшать
выхвалять,	дѣлами,
прославлять	хвалами.
и повѣсть	На время
надъ совѣсть	и племя,

[1]) Кочубей, членъ малороссійской коллегіи. † 1779 г.
[2]) П. А. Румянцевъ.

что течетъ,
извлечетъ
правды свѣтъ
и минетъ
ужъ тогда,
на всегда,
блескъ хвалы;
а глупый
тотъ подлецъ,
тотъ страмецъ,
что писалъ,
что маралъ,
что потѣлъ,
что вертѣлъ
и умомъ,
и перомъ,
дабы соръ
пустой вздоръ
издавать,
предавать
потомству,
къ знакомству
всѣхъ людей
по своей
глупости,
тупости,

допущенъ быть не можетъ.

Ожидаю отъ скромности вашей, любезный другъ, что сія шаль, которая ничто иное есть, какъ плодъ празднаго времени, останется между нами, не съ тѣмъ однако, чтобъ я сего боялся; нѣтъ! но чтобъ не имѣть себѣ непріятелей. Въ протчемъ усердіе мое и почтеніе къ вамъ есть довольно извѣстны. Итакъ не распространяя письма моего излишними онаго повтореніями, я кончу тѣмъ для меня найпріятнѣйшимъ увѣреніемъ, что есть и пребуду навсегда вашъ покорнѣйшій слуга. В. Скоропадскій [1]).

(Ок. 1786 г., изъ с. Авдѣевки).

10.

Два письма слободско-украинскаго епископа Христофора Сулимы къ брату Акиму Сулимѣ. 1789 г.

а) 1789 года 12 августа, въ понедѣльникъ, съ Санктпетербурга.

Донесъ меня Богъ въ Питеръ благополучно сего 9 августа, въ четвертокъ. Живу въ невскомъ монастырѣ. Ризницу уже при-

---

[1]) В. Ив. Скоропадскій служилъ у Румянцова адъютантомъ. Подъ обидчикомъ Скоропадскихъ здѣсь разумѣется, кажется, генер.-лейт. Семенъ Ивановичъ Неплюевъ, мужъ двоюродной сестры В. Ив—ча, Прасковья Петровна. Послѣдняя, будучи бездѣтною и желая передать мужу имѣнія, выдала на послѣднія купчую крѣпость какому-то Чоглокову, а Чоглоковъ на эти имѣнія выдалъ Неплюеву закладную крѣпость. Скоропадскіе, послѣ долгаго процесса, добились признанія купчей крѣпости недѣйствительною и вернули отъ зятя сс. Блотницу, Васьковцы, Чепелевъ и Охроменевичи.

няли въ синодѣ. Письма поручилъ; одно только еще у меня остается къ Якимовичу. Графъ [1]) сказалъ: съ удовольствіемъ пріймуся стараться и пошлю къ митрополиту записку или съ нимъ увидѣвшись, поговорю. Петръ Васильевичъ [2]) приказалъ частѣе у его бывать и обѣщался такъ-же стараться, но примолвилъ еще, чтобъ собравши мѣсто, ему доложилъ. Николай Петровичъ [3]) былъ весьма доволенъ письмомъ и мнѣ показался пріятнѣйшимъ; притомъ сказалъ, когда услышилъ, что 24 года въ монашествѣ и еще безъ чина, что всѣхъ святыхъ призовемъ на помощь, чтобъ графа понудить къ доставленію чина и—свой своему по неволѣ долженъ помогать. Есть еще дворецкій у графа съ студентовъ, Острогорскій, приближоный къ графу, а мнѣ знакомый, ибо я его отцу помогалъ еще въ Переяславѣ и онъ помнитъ; а посему меня скоро и къ графу представилъ и крѣпко съ Николаемъ Петровичемъ взялся часто напоминать о мнѣ графу. Но что Богъ устроитъ, еще не извѣстно. Въ духовныхъ нѣтъ надежды вовся, кромѣ духовника; не любятъ—съ дворянъ; хотятъ, чтобъ первѣе имъ послужилъ, а потомъ въ чинъ. Митрополитъ приказалъ намѣстнику, когда буду проситься въ невскій монастырь, то чтобъ принялъ въ число братіи; но я ни за что здѣсь оставаться не соглашуся и мнѣ здѣшнее житье вовся не кажется; я естьли недѣль чрезъ двѣ ничего не получу, отсель удалюся и оставлю стараніе Николаю Петровичу и г. Острогорскому. Желаніе-жъ мое, за возвратомъ, переселиться къ могилевскому преосвященному [4]): ибо онъ обѣщался дать мнѣ чиноначаліе, а большого буду ожидать въ маломъ чинѣ. Всѣ о вашемъ здоровьи спрашивали, а о дѣлахъ никто ничего не предлагалъ. Петръ Василіевичъ удивился, когда услышилъ о смерти Семена Семеновича. Valete et sis validus; timeo, ne teneam necessitatem rerum gerendarum ideoque cito hoc mense discedam.

P. S. Матушкѣ низенько кланяюся, а юнотъ [5]) мысленно цѣлую. Искренно желаю видѣть всѣхъ здоровыми и благоденственными.

---

[1]) Безбородко.

[2]) Завадовскій.

[3]) Румянцевъ?—Отецъ его, тогдашній правитель Малороссіи, былъ сосѣдомъ Сулимъ, по ташанскому имѣнію.

[4]) Георгію Конисскому.

[5]) Юнотъ, т. е. дѣтей Акима С—ча.

б) Съ Санктпетербурга въ среду 1789 года, 3 октября.

Excellentissime atque clarissime!

Се! уже благоволилъ Всевышній излить на мя благость свою не по моему достоинству, но щастіемъ вашихъ юнотъ, къ ихъ можетъ быть будущему удовольствію, коихъ прошу за меня поцѣловать и есть-ли успѣшны во всемъ благомъ, то и погладить, а я имъ не премину въ гостинецъ привезть по едной книги съ картинами. Въ день Покрова, въ который совершается въ Сулимовкѣ память предковъ нашихъ[1]), при посвященіи переименованныя съ богородичнаго Успенія церкви каменныя во Владимира, строившіяся 50 лѣтъ, которая на питербургской сторонѣ, въ виду множества генераловъ и народа, произведенъ митрополитомъ Гавріиломъ во игумена въ свято-николскій моденскій монастырь, состоящій отъ Новагорода въ 15-ти верстахъ. Но въ сей обители мнѣ не быть и ея не видѣть, потому что за производствомъ въ Иркуцкъ архіерея и по перемѣщеніи архимандритовъ, будетъ мнѣ недѣль чрезъ двѣ производство въ архимандрита, а игуменомъ здѣланъ только для совершенія порядка. За полученіемъ сего позвольте васъ просить, чтобъ вы совершенно щитали меня архимандритомъ и о семъ-бы отецъ Павелъ и отецъ Кондратъ принесли-бъ Богу благодареніе. Благодарилъ я графа, благодарилъ я и Николая Петровича и г. Острогорскаго, коего я вѣкъ не забуду, ибо онъ меня графу представилъ и меня рекомендовалъ. Графъ чрезвычайно ко мнѣ ласковъ и благосклоненъ, а ходатайство его и промыслъ неусыпныя. Г. Новицкій бывши у меня, сказывалъ: „графъ-де росказывая, что видѣлъ тебя въ одной каретѣ съ митрополитомъ ѣхавшаго, якобы задумавшися, сказалъ: будетъ-ли то нашъ отецъ Христофоръ архіереемъ? но я-де отвѣчалъ, развѣ по времени, а теперь по производствѣ архимандритомъ, нужно чтобъ повидѣлся съ роднею". И сіе сказано въ мою пользу: ибо здѣсь у меня уже денегъ нѣтъ и ни у меня, ни у Гаврилы[2]), нубъ не имѣется. О семъ объясниться я стыдился г. Новицкому, потому что онъ-бы графу сказалъ, что было-бъ мнѣ въ стыдъ, а вамъ-бы можетъ быть было въ поношеніе. И такъ я принужденъ занять триста рублей у г. Острогорскаго. Наконецъ Николай Петровичъ спрашивалъ

---

[1]) Сулимовская церковь посвящена Покрову Богородицы.

[2]) Слуга Сулимы.

меня, освѣдомлялъ-ли я родныхъ о графской милости и о успѣхѣ производства. Я отвѣчалъ, что о первомъ писалъ, а о другомъ буду писать. Онъ мнѣ отвѣчалъ: пишите. Я изъ сего заключаю, что нужно и надобно, дабы вы, пока я здѣсь, письмомъ благодарили графа и г. Новицкаго; а ко мнѣ не извольте писать потому, что письмо урядъ-ли меня здѣсь застанетъ: ибо я, по производствѣ архимандритомъ [1]), немедленно выѣду и буду къ вамъ возвращаться чрезъ Москву, Смоленскъ и Могилевъ. Къ господину-жъ Острожскому писать я на волю вашу отдаю и за возвратомъ больше вамъ о немъ доложу. A Zawadowsky nihil boni fecit nec post primâ ostensit suâ faciem. Теперь позвольте терпѣливо внять прозьбу мою: 1) нижайше прошу заготовить для отдачи денегъ г. Острогорскому хотя рублей двѣстѣ, чтобъ я могъ за возвратомъ заразъ долгъ ему отдать и симъ чувствительность оказать, а у меня надѣюся сыщется сотнишка; но при семъ прошу не безпокоить ни Скорупиного, ни пани сватовой скарбу, а изъ точного Сулиминого одолжить; я-жъ надмуся десатерицею отдать. 2) Не оставте притвердить заразъ пану Матвею, чтобъ онъ часто часто чрезъ Тимоха келіи мои и въ нихъ содержимая навѣщалъ и наблюдалъ, дабы было все цѣло, чисто, тепло и въ порядкѣ; а я ему уже купилъ круговое платья. Впрочемъ прошу кланяться матушкѣ и испросить ея ко мнѣ благоволенія, а безъ сего опасаюсь заѣхать, чтобъ иногда какъ мать и съ крестомъ меня за уши не подрала; но нѣтъ! не посмѣетъ! Я теперь важенъ и гордъ! Фе! Я поистиннѣ, слава Богу, и здоровъ, и веселъ, и судбою моею доволенъ. Желаю душею моею, чтобъ мнѣ и васъ въ такомъ положеніи видѣть и воспѣть: здравствуйте! а нынѣ прощайте.

Позвольте сказать: хоть лиха набрався, но въ щастя вихався. Теперь я не прошу невѣстушку о архимандріи. Фе! и думать не хочу. А Грыбанъ отъ радости еще больше для важности грыбы свои отвпасилъ. Митрополитъ моею благодарною рѣчью весьма былъ доволенъ; а по отпускѣ сего примуся за двѣ (рѣчи), т. е. одну на случай, для высочайшаго лица, а друю для митрополита. О дѣлѣ черниговскомъ ниже слышу что; я весьма опасался при-

---

[1]) Христофоръ Сулима посвященъ былъ архимандритомъ въ гамалѣевскій харлампіевскій монастырь (глуховскаго уѣзда) 14 декабря того-же 1789 г. (объ отъѣздѣ Сулимы изъ Спб. см. письмо Безбородка—Сборникъ русск. ист. общ., XXVI, 478). Укеръ въ 1813 г., въ санѣ слободско-украинскаго епископа.

ѣзду Іоськового [1]), но однакъ обманулся. Я у него не былъ еще и съ нимъ не видѣлся, а слышу, что онъ въ моей судьбѣ ни теплъ, ни холоденъ. Графу-жъ онъ сказалъ только: умно вы здѣлали, что сему невинному помогли и я радуюся. Подлинно весьма графъ ко мнѣ благопріятенъ. Онъ до небесъ возноситъ родъ Сулимъ и доброту родителей и въ одно время сказалъ: и грѣхъ мнѣ, когда я сему Сулиминому потомку не помогу. А единожды съ сожалѣніемъ говорилъ о невинныхъ доносахъ на батюшку нашего. Иваненковы [2]) письма часто раздираетъ и терпѣть не можетъ, говоря: я-бы желалъ, чтобъ сей.... ни меня не зналъ, ни я его.

11.

Письма Якима Якимовича Сулимы къ отцу. 1804—1805 г.

а) Милостивый государь, батюшка!

Съ позволенія г-дъ профессоровъ, Петра Ивановича Страхова и Антона Антоновича Антонскаго, хожу я въ преподаваемые ими публичные ординарные классы опытной физики и натуральной исторіи, по 3 часа въ недѣлю. Приватныя лекціи для философіи имѣть буду, дней чрезъ пять, у профессора философіи Павла Аѳанасіевича Сахацкаго, о учености коего извѣстно и въ самой Германіи; онъ знавъ дядюшку Христофора Семеновича [3]), еще іеромонахомъ въ кіевской академіи, съ охотою на сіе согласился; о цѣнѣ, однако-жъ, за каждую часть философіи еще не объявилъ. Но профессора для смѣшенной математики до сихъ поръ не нашли; Панкевичъ, весьма прославившійся профессоръ науки сей, по причинѣ слабаго своего здоровья, приватныхъ лекцій никому не даетъ; а другіе профессора то весьма дорого цѣнятъ труды свои, то далеко живутъ.

По вступленіи моемъ въ классы, имѣлъ я честь быть съ Иваномъ Ивановичемъ [4]), 19 го сего мѣсяца, у его высопревосходительства Александра Андреевича; и приняты мы были

---

[1]) Кажется, слѣдуетъ разумѣть Судіенка (Осипа Степановича), бывшаго фактотумомъ у Безбородка.

[2]) Иваненка, Григорія Григорьевича, назначеннаго переяславскимъ полковникомъ на мѣсто умершаго Семена Ив—ча Сулимы, отца Христофора.

[3]) См. выше, № 10.

[4]) Вачновскимъ, воспитателемъ Як. Як—ча Сулимы.

весьма благосклонно: онъ изволилъ спрашивать о здоровьѣ вашемъ, о братѣ Павлѣ Якимовичѣ, вышлилъ сестры замужъ и приказалъ намъ остаться у его обѣдать. Впротчемъ я не знаю, что со мною его высокопр-ву по письму вашему, на которое отвѣчать обѣщался, угодно будетъ здѣлать. Ожидая, въ разсужденіи сего, вашихъ повелѣній и испрашивая родительскаго благословенія, честь имѣю пребыть съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію вашъ, милостивый государь батюшка, всепокорнѣйшій и послушнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сулима.

9 октября, 1804-го года.
Москва.

P. S. Квартиру, которая была далеко отъ университета, мы перемѣняли: оная теперь близъ самаго университета, въ домѣ университетской церквы пономаря.

б) Милостивый государь, батюшка! Пользуясь недавно открывшеюся здѣсь весною, посѣщалъ я нѣкоторыя достойныя примѣчанія мѣста: и ничто мнѣ такъ не понравилось, какъ голицинская, недавно выстроенная, больница. Князь, движимъ будучи нѣжнѣйшею чувствительностью къ человѣчеству, умѣлъ украсить благодѣтельное сіе заведеніе и превосходнѣйшимъ вкусомъ въ расположеніи, и совершеннѣйшимъ искуствомъ въ исполненіи. Прити туда: въ покояхъ—цѣль и средство; во храмѣ Бога—великолѣпіе и благоговѣніе приходящихъ. Тутъ позналъ я силу произведеній великихъ артистовъ на чувствованіе наше. Величественные въ церквѣ восѣмъ мраморныхъ столбовъ, пространство, свѣтъ, игра горящаго солнца въ яркой бронзѣ у жертвенника, вселяютъ нѣкоторый священный страхъ, и—слышенъ, кажется, гласъ: земля, на ней-же стоиши, свята есть! Сіе чувствованіе растворяется надеждою, когда обратятся глаза на картины, представляющія разительно Божество, его величіе и премудрость, его благость и милосердіе—картины, кои пребудутъ вѣчнымъ предметомъ удивленія! При таковой перемѣнѣ движенія духа, тихая и совершеннѣйшая гармонія пѣвцовъ, переливаясь изъ тона въ тонъ, изъ трели въ трель, погружаетъ его въ какое-то пріятное забвеніе, возвышаетъ его, и—онъ стремится къ своему началу—всеобщей причинѣ. Тутъ проникъ я Сократову истину: совершеннѣйшая музыка есть настоящая философія! Мраморный памятникъ, воздвигнутый въ честь строителю, за-

служиваетъ также великаго вниманія: онъ выработанъ съ послѣднею возможностію. Женщина, стоящая предъ бюстомъ на колѣнахъ съ распростертыми руками, и обращаясь къ олтарю, упрекаетъ, кажется, самое небо въ отнятіи таковаго благодѣтеля людей! Нельзя не подумать, что въ хладный сей мраморъ, образованный рукою искуства, не заключена и жизнь, и душа. Каждая часть, каждая черта живо выражаетъ снѣдающее сердце тягостнѣйшею печалію, и не находящее ни въ чемъ утѣшенія!...

Ты былъ другъ природы! сказалъ я. Ты здѣлалъ честь нашему времени!—Достойное достойному!!!... Я приготовляю себя видѣть Останкинъ, мызу г. Шереметьева. Сіе мѣсто заслужило удивленіе двухъ императоровъ, Іосифа II и Павла I.

Примите, милостивый государь, батюшка! усерднѣйшее почтеніе, съ коимъ имѣю честь пребыть навсегда вашъ покорнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сулима.

16-го маія, 1805-го года Москва. На Никольской. Въ Богоявленскомъ монастырѣ.

P. S. Уже двѣ молотильни осматривали мы, однакожъ сверхъ того, что солома совсѣмъ къ употребленію, выключая корму скота, не будетъ годиться, вычислилъ я, что 5 человѣкъ, работая на ней 12 часовъ безъ отдохновенія, не больше могутъ обмолотить 30 копенъ. Правда, работа на ней весьма легка: шевчики, а не шевцы, съ приставникомъ съ нею управятся. Цѣна за оныя по 300 ру. Смотрѣли мы и вѣяльницы: они точно такія, какъ наша; въ нашей только размѣръ потерянъ. Сіе удержало насъ заплатить 100 ру. за простую сію машину. Бритвы при семъ имѣемъ честь поднести: для нихъ потребна только горячая вода и ремень, но никогда оселокъ.

в) Милостивый государь батюшка! Наконецъ пришли тѣ драгоцѣннѣйшія минуты, что хвалюся предъ вами. Выслушалъ я курсъ философіи; понимаю то, что есть чистое и человѣка достойное! Я счастливъ: знаю то, чего-бы не зналъ, не имѣя родителя философа! Чувствованіе сего счастія, недовѣдомаго многимъ, зажгло новый и вѣчный фиміамъ благодарности ему Великому! на жертвенникѣ моего сердца.

Позвольте мнѣ, милостивый государь батюшка! послушать еще отъ премудростей безсмертной Ураніи, подвергающей эѳиры своему разуму, да познаю и я пути небесныя, бѣги свѣтилъ по

неизмѣримымъ эллипсисамъ, таинственные законы звѣздъ; да узрю по ближе дѣла перстъ Божіихъ. Ни пышности должностей гражданскихъ, ни блески буйной славы подвиговъ воинскихъ, не прельщаютъ меня: я музамъ себя посвятилъ. Благоволите, что-бъ и сѣверъ къ новому году совсѣмъ не нуженъ мнѣ былъ, да поздравлю онымъ и облобизаю руки родителя, котораго почитаю и которому удивляюсь! Милостивый государь, батюшка, вашъ всепокорнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сулима.

4 іюля, 1805 го года. Москва. На Никольской, въ Богоявленскомъ монастырѣ.

1) Милостивый государь, батюшка! Письмо ваше и деньги 700 р. получили мы 19-го сего мѣсяца, исправно. Мнѣ весьма прискорбно, что не могу похвалиться вамъ: воля ваша исполнена, я записанъ въ университетъ. Сему причиною крайняя слабость, которую почувствовалъ я съ 25 сентября, во всѣмъ моемъ корпусѣ, сопровождаемая чрезвычайною тяжестію. Хина, которой съѣлъ на 6 р., выключая другихъ лѣкарствъ, поставила меня теперь на ноги, по которой оставлять еще не велятъ. Въ семъ-то случаѣ увидѣлъ я найболѣе привязанность и усердіе ко мнѣ Ивана Ивановича: не только самъ трудился онъ, но призывалъ еще старыхъ своихъ знакомыхъ изъ г-дъ медиковъ, доктора Вегнера и Фреза. Растройка сія въ здоровьи дала мнѣ знать, что я не способенъ оставаться болѣе въ ученомъ кругѣ. Чистая маѳематика, сдѣлавшись моимъ ремесломъ, престанетъ быть уже источникомъ пріятныхъ для меня занятій, но будетъ тяжкимъ бременемъ. Того не довольно, что могу я читать свободно всю чистую маѳематику въ ея аплика-ціяхъ къ смѣшенной: но и самыя тончайшія произведенія великихъ умовъ долженъ знать механически, какъ знаю артилерію, которая однако-жъ не можетъ быть мнѣ полезна. Таковы предлежатъ мнѣ труды; а я не могу и 4хъ часовъ въ сутки, хотя сіе время и не достаточно, работать, какъ работалъ въ астрономіи надъ плоскою и ортографическою проэкціями, въ чистой маѳематикѣ надъ дифе-ренсіаломъ и интеграломъ, гдѣ разумная способность человѣка, отдѣляясь отъ всякой матеріи, занимается свободно вещами, внѣшнимъ чуствамъ неподверженными, дѣлаетъ ихъ возможными, дѣйствительными, даетъ имъ различные виды и назначенія. Сіе-то положеніе маѳематиковъ страшно: они не могутъ тутъ примѣчать, какъ время, шумя на быстрыхъ крыльяхъ, похищаетъ у нихъ половину дни, или половину ночи. Да и при испытаніяхъ пуб-

личныхъ не спросятъ: каково здоровье ваше? Мнѣ не возможно будетъ пользоваться полезнѣйшими совѣтами дражайшаго родителя! ни заниматься долго подобными работами, его нѣжнѣйшими попеченіями, его ласками—первѣйшимъ благомъ! Я долженъ править симъ тяжелымъ плугомъ и ожидать почти всеобщаго конца маѳематикамъ, котораго не избѣжали ни г. Голдбахъ, ни Іде, ни Загорскій, ни Пацкевичъ! Почтенные сіи мужи вмѣсто того, чтобы пожать плоды на нивѣ долговременныхъ трудовъ своихъ, изнемогаютъ первые три—отъ лютѣйшей чахотки, дѣлающей самое бытіе ихъ несноснымъ, а послѣдній—паралитикъ. Такова маѳематика. Сверхъ того, лишаетъ она прочихъ полезныхъ познаній, требуя безпрерывныхъ упражненій въ ней или въ ея остротахъ, часто безполезныхъ, но которыя привыкли называть маѳематическими чудесами! Я предъ вами, дражайшій родитель!—открываюсь! не открыться—себя стыжусь: страшусь, со времени растройки въ здоровьи моемъ, принять ее и на время своимъ ремесломъ, оставляя щастливѣйшимъ меня въ комплекціи: и кандидатства, и магистерства, и адъюнкства; и прилѣжнѣйше прошу васъ, милостивый государь, батюшка! дать мнѣ другое средство къ политическимъ необходимостямъ. Практическая астрономія—веретено, возлѣ котораго обращается непрестанно моя мысль! Не уйдетъ, когда почувствую здоровье мое возстановленнымъ и представится къ тому благопріятный случай. Впрочемъ, есть-ли проходить мнѣ ученые степени есть непремѣнная ваша воля, скажите—готовъ и послѣдними силами: ибо нѣтъ для меня ничего пріятнѣйшаго и лѣстнѣйшаго, какъ совершеннѣйшее покореніе и возможнѣйшее исполненіе оной и всего того, что можетъ усладить дни ваши, толико для насъ драгоцѣнные! Милостивый государь батюшка! вашъ всепокорнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сулима.

24 октября 1805 года. Москва. Богоявленскій монастырь.

d) Monsieur et très cher père! Enfin après un hyver fort irregulier, le printems commence ici à se faire sentir tout inopinement; et il n'est pas étonant que les chevaux, que vous avez eu la bonté de nous emvoyer, sont venus harassés quoiqu'ils n'ayent aporté pas un poud du tabac. Ces mêmes circonstances ne nous laissèrent pas nous determiner de vous emvoyer en profitant du retour de Hamaniza à Koustricz: quelques modèles des machines économiques que mon frère aporta de payes étrangers et de Finlande et notre bibleotheque. Nous nous contentons donc de Vous faire passer seulement une petite quan-

tité de confitures dont vous m'avez parlé à mon départ de chez vous, et de semense Kounjoutnoe.

Jusqu'à présant je ne vous ai rien dit que je m'ocupe d'Architecture et de l'art des Jardins. Dans la première j'ai fait déjà quelques pas, grâce à mon ami M-r de Stassoff, proffesseur de l'Architecture de l'Accademie de s-t Luc à Rome. Plus je contemple les monumens de la haute antiquité, plus j'y trouve de solidité, de convenance et de beauté. Ces productions de l'antique art de batir dont la fermeté extrême nous étone et fera l'admiration de ceux qui naitront long temps après nous, font bien voir que l'envie de plaire n'etoit jamais l'objet de l'architecture; son but étoit la solidité de batimens, l'utilité publique et particulière, le bonheure et conservation des individus. Il est bien vrai que la beauté n'y fut point oubliée; mais l'air majeustueux et inposant des enciens édifices, qui les distingue des batimens modernes chargés des ornemens et des decorations mal entendues, ne depend que de la proportion de chaque masse en particulier et de l'harmonie qui regne entre les partie et leur ensemble.

Quand à l'art des Jardins j'en suis plus satisfait que je ne m'en attendois pas. Digne enfant de la belle nature! Cette jeune Muse élevée par la philosophie des anglois qui ne sont jamais las de l'examen de la nature, nous apprens de nous entourer des objets plains d'attraits et nous inspire les plaisirs les plus doux, les plus nobles, les plus durables qui fleurissent dans le carrière de la vie, plaisírs qui convient à tous les ages, à tous les états, à toutes les situations de 'homme, plaisirs, dit M-r Guichfeld, que les sujet partage avec son roi. Car quelles connoissance de la peinture en paysage, que de gout et de jugement qu'il faut avoir pour pouvoir, en imitant la belle nature se figurer l'ordonnace d'une vaste tableau sur le terrein ou l'on rencontre presque à chaque pas une foule d'obstacles qu'on ne peut surpasser qu à force d'imagimation bien exercée et par un travail soutenu. J'aime à surmonter les difficultés et je suis conduit dans la theorie de cet art par les talens et les lumiers de Guirchfeld; je vous suplie donc mon très cher Père de faire choisir un garcon, qui sait lire et écrire, d'une meilleure et riche famille de Vos sujets, de l'angager pres d'un Alemend qui dirige le jardin imperiale à Kiew et de le faire passer d'entre les bras de sa mère tout droitement à Kiew pour qu'il ne soit pas imbu des moeurs des courtisans. J'aurois besoin de bon cultivateur des plantes et des arbres: car je veux Vous faire un jardin qui surpassera le paradis que Mahomet imagina pour le recompense de Mousoulmans. Jàl l'honneur d'être,

Monsieur et très cher Père Votre très-humble et très obcissant serviteur et fils Ioachim Soulima.

Le 17 mars, 1811.
S. P-bourg.

Переводъ. Милостивый государь, дорогой отецъ! Наконецъ то, послѣ очень неровной зимы, совершенно неожиданно весна начинаетъ здѣсь давать себя чувствовать; а потому не удивительно, что лошади, которыя, благодаря вашему вниманію, были намъ высланы, оказались измученными, хотя не привезли ни одного пуда табаку. Тѣ-же обстоятельства не дозволили намъ воспользоваться отъѣздомъ Гаманицы въ Кустичи, чтобы переслать вамъ нѣсколько моделей хозяйственныхъ машинъ, которыя привезъ мой братъ изъ заграницы и Финляндіи, а также нашу библіотеку. Поэтому ограничиваемся только посылкою конфектъ, о которыхъ вы говорили при моемъ отъѣздѣ, и кунжутныхъ сѣмянъ.

До сихъ поръ я вамъ еще ничего не говорилъ о своихъ занятіяхъ архитектурой и садоводствомъ. Въ первой я уже сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи, благодаря моему другу Стасову, профессору архитектуры академія св. Луки въ Римѣ. Чѣмъ болѣе изучаю я памятники глубокой древности, тѣмъ болѣе нахожу въ нихъ основательности, цѣлесообразности и красоты. Эти созданія древняго строительнаго искусства, необычайная прочность которыхъ удивляетъ насъ и заставитъ восторгаться далекихъ нашихъ потомковъ, доказываютъ ясно, что желаніе нравиться никогда не было цѣлью тогдашней архитектуры; цѣль ея заключалась въ прочности зданій, общественной и частной пользѣ, въ довольствѣ и безопасности отдѣльныхъ личностей. Правда, что красота нисколько въ нихъ не была забыта; но величественная и внушительная наружность древнихъ зданій, которая ихъ отличаетъ отъ новыхъ построекъ, обремененныхъ разнаго рода украшеніями, плохо понятыми, зависитъ только отъ соразмѣрности каждой массы въ частности и отъ гармоніи, которая царствуетъ между частями и цѣлымъ.

Относительно садоводства, я настолько доволенъ, какъ и не ожидалъ!—Достойное дитя прекрасной природы! Эта молодая муза, воспитанная философіей англичанъ, которые никогда не утомляются созерцаніемъ природы, учитъ насъ окружать себя предметами, полными привлекательности и внушаетъ намъ самыя пріятныя, самыя благородныя и самыя продолжительныя наслаж-

денія, которыя радуютъ насъ въ продолженіе всей жизни,—наслажденія, которыя соотвѣтствуютъ всякому возрасту, всякому положенію и всякому состоянію человѣка, и которыя, по выраженію Гиршфельда, подданный раздѣляетъ съ своимъ королемъ. Какихъ нужно познаній въ пейзажной живописи, сколько нужно вкуса и разсудка, чтобы, подражая чудной природѣ, представить расположеніе обширной картины на землѣ, гдѣ почти на каждомъ шагу встрѣчается масса препятствій, побѣда надъ которыми возможна лишь при помощи хорошо изощреннаго воображенія и неустаннаго труда. Я люблю преодолѣвать затрудненія и—въ теоріи этого искусства, руководжусь талантами и знаніемъ Гиршфельда. Прошу, дорогой отецъ, прикажите найти межъ вашими крестьянами грамотнаго мальчика изъ хорошей и зажиточной семьи, и затѣмъ—отдать его къ нѣмцу, завѣдующему царскимъ садомъ въ Кіевѣ; но только отдать прямо изъ семьи, чтобы къ нему не могли привиться нравы дворовыхъ. Мнѣ будетъ необходимъ хорошій садовникъ, такъ какъ я желаю устроить вамъ садъ, который превосходилъ-бы рай, который созданъ Магометомъ для его мусульманъ.

12.

Письмо Павла Якимовича Сулимы къ отцу и отвѣтъ отца. 1804 г.

a) Monsieur et très cher père. N'ayant jusqu'ici reçu aucune nouvelle de la lettre de change, qui devoit, suivant ce que Vous nous avez écrit, suivre immediatement votre lettre du $^{15}_{27}$ d'avril, je me trouve obligé de Vous en faire part en vous priant très humblement d'en accelerer l'envoi, s'il est possible, avec le supplement de 1000 r. que vous avez eu la bonté de nous accorder. Le séméstre présent tire à sa fin et en couronnant mes travaux par l'attestation de l'Université, je me flatte d'avoir satisfait aux désirs et aux souhaits de mon très cher père. Pour y parvenir il me falloit subir l'examen de la faculté de Philosophie: j'ai comparu suivant l'usage devant cette imposante compagnie; fix Professeurs, le Doyen en tête, ont assisté et presidé à mon examen: M rs Tychsen, Schlötzer, Meyer, Meiners, Eychhorn et Mischerlich; c'etoit le $\frac{20\ \text{Avril}}{11\ \text{Mai}}$ et j'ai reçu le dyplome de Docteur en Philosophie muni de la signature de M r Tychsen, Doyen de la faculté de Philosophie et scellé du sceau de l'Université, ci joint la copie et celle de mon serment. Apres avoir disseré

de jour en jour en attendant la lettre de change ci—mentionée, je vous les envoie en vous faisant mille remercimens pour vos soins et vous priant tres humblement de vouloir bien les agreer comme une preuve parlante de mon zèle ardent pour l'accomplissement de vos voeux. Il ne me reste donc que commencer l'autre carriere en me rendant à Petersbourg: et je mettrai en route dès que j'aurai reçu l'argent, qui nous manque deja depuis longtems, le plutôt sera le mieux; nous serions charmés de profiter, s'il est possible, de la belle saison pour notre voyage pour ne pas arriver à Petersbourg sur l'arrière saison.

Dans l'esperance de recevoir bientôt de Vos chères nouvelles j'ai l'honneur d'etre avec le plus profond respect et la plus parfaite soumission votre très humble serviteur et fils Paul Soulima.

Le $\frac{20 \text{ Juin}}{5 \text{ Juil}}$ 1804. Göttingue.

Переводъ. Милостивый государь и дорогой отецъ. Не имѣя до сихъ поръ никакого свѣдѣнія на счетъ векселя, который, по вашимъ словамъ, долженъ былъ слѣдовать за вашимъ письмомъ отъ $^{15}/_{27}$ апрѣля, я принужденъ напомнить вамъ объ этомъ и покорнѣйше просить, если возможно, ускорить высылку таковаго съ прибавленіемъ 1000 р., которую вы по вашей добротѣ подарили намъ.

Настоящій семестръ приближается къ концу и, вѣнчая мои труды университетскимъ дипломомъ, заставляетъ меня надѣяться, что я удовлетворилъ требованіямъ и желаніямъ моего дорогого отца. Для достиженія этого, мнѣ нужно было держать экзаменъ по философскому факультету; я предсталъ по обычаю предъ этимъ почтеннымъ собраніемъ: шесть профессоровъ съ деканомъ во главѣ, присутствовали на моемъ экзаменѣ: Тихзенъ, Шлетцеръ, Мееръ, Мейперстъ, Эйхгорнъ и Мичерлихъ; совершилось это $^{29}/_{11}$ апрѣля—мая, и я получилъ дипломъ доктора философіи, съ подписью г. Тихзена, декана философскаго факультета, и съ университетской печатью. Прилагаю копію диплома и копію моей присяги, посылкою которыхъ медлилъ въ ожиданіи со дня на день вашего векселя. Отправляя эти документы, приношу вамъ глубочайшую благодарность за ваши заботы и покорнѣйше прошу принять эти бумаги, какъ живое доказательство моего пламеннаго усердія исполнять ваши желанія. Затѣмъ, предо мною начало другаго поприща—въ Петербургѣ. Уѣду я, какъ только получу деньги, въ которыхъ мы давно уже чувствуемъ недоста-

тонъ. Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Мы будемъ въ восторгѣ воспользоваться, если возможно, прекраснымъ временемъ года для нашего путешествія, чтобы не опоздать и не попасть въ Петербургъ осенью.

Le $^{17}_{28}$ d'aout 1804. Soulimìnci.

б) Mon cher fils Paul. Je me hâte de vous avertir par la poste de Kiew, que le 22 du mois Courant du v. st., j'ai envoyé d'ici par un Expres à Czernihow chez Wasily Jw-cz Ienko, 2,200 roubles pour Vous faire parvenir cette somme par des lettres de change de Moskou. Les vôtres de Gottingue écrites le 30 d'avril et 5 de Juillet duv. st. de l'année présente me sont parvenuës la 1-ri le 31 de Mai et la dernière le 18 du mois courant. C'est au comble de ma joye, que je me vois parvenu à avoir un fils si cher comme vous, digne d'un grade de Docteur en philosophie, fondement inebranlable d'une vray felicité dans ce monde: nul autre grade, ni militaire ni civil, ne m'auroit jamais consolé autant que celui que vous venez de recevoir dans une Université aussi célèbre que celle de Göttingue: je vous en felicite mon cher fils du fond de mon coeur. Mais étant venu à Petersbourg, nonobstant le titre de docteur, vous devez subire un examen: c'est par ce moyen seul, que la loi veut qu'un Etudiant, qui a fait des Etudes aux frais de la couronne, soit accepté aux services avec un grade d' oficier: or celui, qui les a faites à ses propres depens, en merite préférablement: Que dire d'un docteur en philosophie mis déjà en epreuve et muni d'un privilège? mais ce titre vous mène aux services plutot sivils que militaires: l'entrée à ceux-ci d'un Docteur sera bien sans exemples. C'est donc au ministre des affaires interieures M-r le comte Victor Paulovicz Koczoubey, ou bien à celui de justice prince Petr Alexeewicz Lopouchin, que vous vous devrez adresser (après avoir subi l'examen) avec votre privilège de Docteur, en cherchant service pour en obtenir un grade competant à un docteur en philosophie, et non pas à un Etudiant: et je ne manquerai pas de prevenir votre arrivée de Petersbourg, que je suppose vers le milieu du mois de Novembre, par des lettres aux dits seigneurs, de sorte qu'au moment de vôtre départ de Gottingue vous m'en avertirez par une lettre en l'adressant une par Kiew a Perejaslaw du Gouverment de Poltawa, et l'autre par Czernihow. Si j'ai tardé à vous envyer le dite somme, c'est à cause d'un achat de terre, que j'ai fait près de notre *choutor* pour 2 mille roubles, aussi j'avois à payer 600 roubles à Ma-me votre chère Epouse mon cher Iwan Michaïlowicz,

dont voici la copie d'une quittance. Un catastrophe assez triste m'a fait tarder aussi: votre soeur Marie ayant pour son Mariage avec Подсудокъ de Perejaslaw M-r Маркевичъ suivie la meme voie qu' à voit prise votre soeur Paranka. Mais vous me consolerez encor par une nouvelle du soin que vous prenez toujours à conserver votre santé et les yeux. Votre frère va le mois, qui suit, à Moscou acompagné par M-r Iwan Iwanowicz Korizky, pour y achever les Etudes sous la protection (entant qu'il s'en rendra digne) de S. E. M-r Alex. Andr-cz Beklechew General Gouverneur de Moskau.

Adieu, mon cher fils.

P.S. Mille et mille respects à vous mon cher Iwan Michailowicz: le privilège de docteur sur le perchemin, dont vous m écrivez doit être presenté non pas à moi, mais à l'Academie de Petersburg.

17/28 августа 1804 г. Сулимивцы.

Переводъ. Дорогой мой сынъ Павелъ. Спѣшу увѣдомить тебя по кіевской почтѣ, что 22-го текущаго мѣсяца, я съ нарочнымъ выслалъ отсюда въ Черниговъ, Василію Ивановичу Енько, 2200 рубл., для отправки тебѣ этихъ денегъ векселями изъ Москвы. Твои письма изъ Гетингена отъ 30 апрѣля и 5 іюля сего года, получены мною, 1-е 31 мая, а послѣднее 18-го сего мѣсяца. Для меня верхъ отрады чувствовать, что я имѣю такого дорогого сына, какъ ты, сына—удостоеннаго степени доктора философіи!—Послѣднее—прочное основаніе истиннаго благополучія въ этомъ мірѣ: никакое другое удостоеніе, ни военное, ни гражданское, не доставило бы мнѣ столько отрады, какъ то, которое ты получилъ въ такомъ знаменитомъ университетѣ, какъ гетингенскій! Поздравляю тебя, сынъ мой, отъ глубины души моей!—Но за прибытіемъ въ Петербургъ, не смотря на полученную докторскую степень, ты долженъ будешь держать тамъ другой экзаменъ. Этимъ-то только способомъ по закону учившійся на казенный счетъ можетъ быть принятъ на службу съ офицерскимъ чиномъ; но учившійся на свои средства, конечно, удостоенъ будетъ этого чина съ предпочтеніемъ, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ о докторѣ философіи, выдержавшемъ экзаменъ и—съ дипломомъ въ рукахъ. Но этотъ титулъ даетъ тебѣ болѣе правъ на службу гражданскую, чѣмъ на военную; военный со степенью доктора—явленіе внѣ примѣровъ. Поэтому, вслѣдъ за экзаменомъ, тебѣ слѣдуетъ обратиться съ докторскимъ дипломомъ въ рукахъ, къ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Виктору Павловичу Кочубею, или къ

министру юстиціи, князю Петру Алексѣевичу Лопухину и—искать должности, соотвѣтствующей степени доктора философіи, а не званію студента. Я не упущу, конечно, еще до твоего пріѣзда въ Петербургъ, что будетъ, по видимому, около половины ноября, предупредить названныхъ сановниковъ письменно. И такъ, о выѣздѣ изъ Гетингена ты меня извѣсти, адресуя одно письмо черезъ Кіевъ, въ Переяславъ, а другое—въ Черниговъ. Если я опоздалъ выслать деньги, то случилось это вслѣдствіе сдѣланной мною покупки земли, поблизу нашего хутора, за которую заплатилъ 2000 р. Кромѣ того, я долженъ былъ уплатить 600 руб. вашей дорогой супругѣ, мой любезный Иванъ Михайловичъ, въ чемъ прилагаю копію квитанціи. Да случилось еще одно грустное событіе, которое также задержало меня: ваша сестра Марья, имѣющая теперь мужа, въ лицѣ переяславскаго подсудка Маркевича, пошла по стопамъ сестры вашей Параньки[1]). Утѣшилъ ты меня также и извѣстіемъ о твоей заботливости по сохраненію здоровья и глазъ. Братъ твой ѣдетъ въ будущемъ мѣсяцѣ въ Москву, въ сопровожденіи Ивана Ивановича Корицкаго, для окончанія своихъ наукъ, при помощи (если будетъ достоинъ) его пр—па Александра Андреевича Беклешева, московскаго генералъ-губернатора. Прощай, мой дорогой сынъ!

P.S. Тысячи пожеланій вамъ, мой дорогой Иванъ Михайловичъ! Докторскій дипломъ на пергаменѣ, о которомъ вы мнѣ пишете, долженъ быть представленъ не мнѣ, но въ петербургскую академію[2]).

Доставившій столько счастья отцу своимъ докторскимъ дипломомъ и затѣмъ значительными успѣхами въ службѣ, военной, а не гражданской, какъ предполагалось, Павелъ Акимовичъ умеръ въ 1812 г. Акимъ Семеновичъ въ дневникѣ своемъ, о которомъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ, смерть сына Павла отмѣтилъ слѣдующими строками:

---

[1]) „Параньки", т. е. Прасковья Акимовна вышла замужъ, какъ уже упомянуто въ предисловіи, за Ивана Андреевича Войцеховича, во время службы Акима Сем—ча въ Черниговѣ, гдѣ Войцеховичъ занималъ должность совѣтника губернскаго правленія. По видимому, бракъ состоялся противъ воли отца, ожидавшаго, конечно, болѣе видныхъ жениховъ. Переяславскій подсудокъ—былъ еще ниже, по своему рангу.

[2]) Обращеніе это относится къ Ив. М—чу Ванновскому, бывшему воспитателемъ Павла Ак—ча, сопровождавшему его и заграницу. У младшаго брата, Акима, воспитателемъ былъ П. И. Корицкій.

„Paul Joach-cz Soulima, capitaine de la suite de S. M., étant commandé de S.-Peterzbourg à Ostaschkow pour en chasser les ennemis du district de ce nom, sous les ordres du prince Wolkonsky, alors chef de la suite de S. M., en passant par Bronica, est mort на почтовомъ дворѣ. Sa mort est publiée Московск. Вѣдом. an. 1812, № 99, page 1851".

Дневникъ Станислава Росвѣцима

(въ извлеченіи и переводѣ).

1643—1651 г.

(Продолженіе). *)

Іюля 1. Въ субботу все войско отдыхало; пѣхота была изнурена трудомъ въ теченіи цѣлаго предъидущаго дня и пребываніемъ въ продолженіи всей ночи въ строю подъ дождемъ, а конница не менѣе выбилась изъ силъ, такъ какъ лошади три послѣдніе дня, не выходя почти изъ строя, оставались безъ корма. Между тѣмъ король совѣщался съ опытными въ военномъ дѣлѣ людьми о томъ, предпринять-ли штурмъ козацкаго лагеря, или заключить его въ осаду. Предпріятіе это было не легкое; таборъ козацкій былъ многолюдный и огромный, такъ, что конца его не было видно; въ немъ пылали многочисленные костры и кругомъ возвышались сильныя земляныя укрѣпленія; притомъ козаки уже находились въ отчаяніи, а отчаяніе даже боязливыхъ дѣлаетъ храбрыми. Между тѣмъ ихъ не переставали тревожить пальбою изъ небольшихъ походныхъ пушекъ, за артиллеріею же большого калибра отправили королевскихъ лошадей въ Броды. Козаки совершенно потеряли самоувѣренность и стали метаться, ища спасенія, подобно утопающимъ, хватающимся за водоросли.

Іюля 2. Въ воскресеніе козаки заявили готовность просить помилованія и прислали объ этомъ письмо къ королю. Другое письмо прислалъ князю Вишневецкому бѣлоцерковскій полковникъ Крыса; онъ просилъ князя поручиться за козаковъ, обѣщая, что въ теченіи двухъ дней они всѣ сдадутся; тѣмъ не менѣе, они

---

*) См. январь, февраль, май, іюнь и сентябрь „Кіев. Ст.“.

продолжали непріятельскія дѣйствія, палили въ наше войско изъ пушекъ и не допускали насъ къ переправѣ. Потерявъ надежду на возвращеніе Хмельницкаго и чувствуя, что столь многочисленное войско не можетъ оставаться безъ предводителя, козаки избрали на мѣсто Хмельницкаго гетманомъ Джеджалія, того самаго, который въ началѣ возстанія, во время похода на Жолтыя Воды, поднялъ на Днѣпрѣ знамя бунта противъ старшины, преданной Рѣчи Посполитой и, вмѣстѣ съ другими, перебилъ ее. Ему, не смотря на его сопротивленіе, насильно вручили начальство; но Джеджалій принялъ оное лишь на нѣсколько дней, чувствуя, что можетъ поплатиться головою за эту должность. Многіе хотѣли перебѣгать въ нашъ лагерь, но король приказалъ стрѣлять въ перебѣжчиковъ, а для того, чтобы они не могли спасаться бѣгствомъ, приказано было князьямъ Вишневецкому и Радзивиллу съ нѣсколькими тысячами войска, переправиться черезъ рѣчку и занять позицію сзади за ихъ таборомъ; но приказъ этотъ не былъ исполненъ, ибо князь Вишневецкій потребовалъ 15,000 войска, а король не хотѣлъ отпустить такого количества. Между тѣмъ совѣщались по поводу письма, заключавшаго просьбу о помилованіи: одни заявляли, что слѣдуетъ оказать милосердіе, казнивъ смертью только старшину и особенно выдающихся бунтовщиковъ; другіе настаивали на томъ, чтобы, давъ слово относительно прощенія, и потомъ, отнявъ пушки и оружіе, распредѣлить плѣнныхъ по полкамъ, перебить ихъ поголовно, отнять у оставшихся всѣ привиллегіи, на вѣчныя времена запретить употребленіе оружія, истребить ихъ вѣру (въ виду этого предложенія кіевскій воевода Адамъ Кисѣль былъ удаленъ изъ совѣта подъ благовиднымъ предлогомъ) и навсегда уничтожить самое имя козаковъ. Такъ препираясь, не пришли ни къ какому окончательному рѣшенію; непріятель-же, въ виду нашего бездѣйствія, не упускалъ ни одного средства къ своему спасенію; онъ отстрѣливался изъ валовъ и, выбирая удобное время, предпринималъ вылазки; въ ту-же ночь нѣкоторые ползкомъ прокрались въ одинъ изъ нашихъ редутовъ, напали на утомленныхъ пѣхотинцевъ и изъ нихъ 8 человѣкъ убили, а многихъ переранили косами; они чуть было не овладѣли редутомъ и были оттиснуты только во время подоспѣвшимъ подкрѣпленіемъ.

Іюля 3. Въ понедѣльникъ къ намъ стали перебѣгать изъ козацкаго лагеря шляхтичи, утверждавшіе, что они находились въ рядахъ бунтовщиковъ по принужденію и будто ихъ насильно

заставили принимать участіе въ войнѣ; на самомъ-же дѣлѣ они, потерявъ все имущество, искали исхода въ козацкой службѣ. Эти-то перебѣжчики извѣстили, что среди козаковъ возникли несогласія, что обыкновенно бываетъ, когда нѣтъ вождя. Вечеромъ, когда отборные наемные полки наши возвратились въ лагерь, и когда удалился самъ кастелянъ краковскій, на горѣ-же, возвышавшейся надъ козацкимъ таборомъ, оставлены были только два полка, непріятель, сознавая неудобство для себя нашей позиціи на той горѣ, наступилъ всѣми своими силами на оставшіеся полки; и тѣ, не получая подкрѣпленій, должны были, отстрѣливаясь, отступить не безъ урона въ лагерь. Непріятель занялъ гору, но не долго могъ удержать эту позицію, ибо на разсвѣтѣ хорунжій коронный (Конецпольскій), выступивъ съ нѣсколькими полками изъ лагеря, заставилъ непріятелей отступить обратно въ таборъ, при чемъ многіе козаки были перебиты и потоплены въ прудѣ, позиція-же на горѣ вновь была нами занята.

Іюля 4. Хотя по видимому и происходили военныя дѣйствія, но вообще можно сказать о насъ то, что относится ко многимъ знаменитымъ и храбрымъ военачальникамъ, что умѣли побѣдить, но не умѣли воспользоваться побѣдою. Врагу разбитому, объятому страхомъ и ожидавшему окончательной гибели мы, пребывая долго въ бездѣйствіи, дозволили отдохнуть, оправиться, возстановить совершенно было упавшую бодрость духа и возвести сильныя укрѣпленія, себѣ-же затруднили путь къ скорому и окончательному истребленію врага и сдѣлали сомнительнымъ результатъ дальнѣйшихъ дѣйствій, которыя, при большей поспѣшности, могли увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Чтобы не оставаться безъ дѣла, король въ этотъ день подвинулъ войско изъ прежняго лагеря, находившагося у Берестечка, ближе къ непріятельскому табору. Принято было рѣшеніе, чтобы врага окружить со всѣхъ сторонъ окопами, занять эти послѣдніе войскомъ, сзади-же войско обезпечить возами и такимъ образомъ подавить враговъ голодомъ, такъ какъ приступъ былъ невозможнымъ. Въ тотъ-же день воздвигнуто было множество шанцевъ и редутовъ и почти вся работа была завершена. Для усиленія военной дисциплины среди дворянскихъ поголовныхъ ополченій, ихъ распредѣлили по частямъ и присоединили къ отрядамъ наемнаго войска; изъ числа ихъ, ополченія краковское, сендомирское, познанское и калишское, прихода котораго еще ожидали, присоединены къ королевскому полку. Ополченія волынское, под-

лясское и русское не хотѣли было сразу согласиться на эту мѣру, заявляя различные предлоги въ дѣйствительности-же не желая отправляться, согласно полученному приказанію, на ту сторону рѣки, гдѣ они могли ожидать частыхъ нападеній.

Между тѣмъ враги, понявъ наше намѣреніе и встревожившись вслѣдствіе приближенія нашего войска, съ большою рѣшимостью вышли изъ своего табора и изъ шанцевъ на гору и отважно рѣшились сразиться, но были храбро оттиснуты нашими войсками къ табору, при чемъ нѣсколько сотъ ихъ погибло. Впрочемъ побѣда эта не даромъ досталась и нашимъ войскамъ: нѣсколько товарищей было убито; раненъ былъ выстрѣломъ панъ Сокоръ, храбро предводительствовавшій своимъ отрядомъ, равно и панъ Пясечинскій. Пушки въ теченіи цѣлаго дня гремѣли съ обѣихъ сторонъ; но наши были больше калибромъ и причиняли больше вреда, а непріятельскія ядра хотя на многихъ наводили страхъ, но немногихъ подвергали опасности; отъ нихъ убитъ былъ только одинъ товарищъ и нѣсколько рядовыхъ, также убита лошадь подъ паномъ Яцкомъ Разражевскимъ, самъ-же онъ, по милости Божьей, остался невредимъ. Ночью хлопы безпрестанно старались насъ безпокоить и тревожить и даже рѣшились стремительнымъ натискомъ ворваться въ нашъ лагерь; но ихъ зловредныя намѣренія были разстроены предусмотрительностью короля и региментарей, а также свѣтомъ луны, сіявшей ночью въ полномъ блескѣ.

Доставлено было письмо, написанное ханомъ 30 іюня подъ Константиновымъ. Ханъ, желая замаскировать позорное свое бѣгство, извѣщалъ въ немъ, что онъ отступилъ исключительно потому, что, среди окруженной болотами мѣстности, у Берестечка, не имѣлъ достаточно простора; онъ заявлялъ, что охотно подождетъ у Константинова прихода короля или пановъ, съ надеждою на лучшій успѣхъ битвы. Писарь, писавшій это ханское письмо, очевидно полякъ, хотя не подписавшій своего имени, въ концѣ письма сдѣлалъ по польски приписку, изобличавшую неискренность татарской похвальбы; онъ приписалъ слѣдующее: „Писавшій это письмо, покорный слуга вашей королевской милости, извѣщаетъ, что ханъ сильно струсилъ и что мы бѣжимъ, не останавливаясь, въ Крымъ; козаковъ извѣстили, чтобы они спасались бѣгствомъ и не надѣялись на помощь. Хмельницкій отправленъ въ оковахъ въ Чигринъ, дабы выдать свою казну“.

Другое письмо ханъ написалъ кастеляну краковскому; въ немъ онъ требовалъ, чтобы гетманъ приказалъ хорошо обращаться съ плѣнными, особенно съ Мегечъ-мурзою, который былъ пойманъ у Каменца и отправленъ въ Варшаву, обѣщая взаимно хорошо обращаться съ нашими плѣнными. Притомъ онъ требовалъ уплаты выкупа за отпущенныхъ татарами на свободу „товарищей", подъ опасеніемъ потери впередъ всякаго довѣрія.

Іюля 5, въ среду. Утромъ татаринъ Мехметъ-Челеби, состоящій на службѣ у кастеляна краковскаго, доставилъ взятаго имъ въ плѣнъ Муртаза-Агу; послѣдній брошенъ былъ во время бѣгства татарами, которые не могли его увезти съ собою по той причинѣ, что, вслѣдствіе полученныхъ ранъ, онъ не могъ сидѣть верхомъ и долженъ былъ лежать въ повозкѣ. Муртаза-Ага человѣкъ знатнаго происхожденія и родственникъ бывшаго хана; всѣ дѣла въ Крыму рѣшались по усмотрѣнію его и ханскаго визиря; онъ раненъ былъ картечью въ руку и въ бокъ и насилу могъ говорить, когда его взяли въ плѣнъ; теперь онъ предлагалъ 10,000 талеровъ Мехметъ-Челебею за то, чтобы тотъ препроводилъ его къ хану, а не въ нашъ лагерь. Вообще татаре оставили по дорогѣ до 1,000 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ. Прежде этого не случалось, ибо они считаютъ не дозволеннымъ бросать трупы убитыхъ; обстоятельство это свидѣтельствуетъ о степени замѣшательства и упадка духа, до какой они дошли. Утверждаютъ, что въ теченіи трехъ дней убито было 1000 татаръ, не считая въ томъ числѣ раненыхъ и плѣнныхъ. Дѣло неслыханное, чтобы татаре понесли столь численную потерю въ открытомъ сраженіи. Самъ ханъ не былъ раненъ, какъ разглашали, только нѣсколько мурзъ, стоявшихъ возлѣ него, было убито.

День этотъ прошелъ спокойно; ночью козаки приготовлялись къ сильной вылазкѣ, но ливень, продолжавшійся въ теченіи всей ночи, помѣшалъ имъ, причинивъ значительный вредъ и нашему войску, изъ числа котораго 10,000 находилось въ строю и кромѣ того калишскій полкъ, только что подоспѣвшій въ лагерь, стоялъ на стражѣ. Поздно вечеромъ панъ Балабанъ съ 1000 человѣкъ перебрался на ту сторону для того, чтобы стать въ тылу козаковъ, не дозволить имъ выходить за провіантомъ и мѣшать ихъ бѣгству, такъ какъ они начали уходить мелкими отрядами въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Притомъ онъ долженъ добыть точное свѣдѣніе о ханѣ, ибо ходили слухи, что этотъ послѣдній, по просьбѣ Хмельницкаго, остановился въ четырехъ миляхъ отъ Вишневца.

Іюля 6, въ четвергъ, артилерія наша открыла сильный огонь съ нѣсколькихъ сторонъ. Около полдня прибыли въ посольствѣ три полковника. Крыса, полковникъ чигиринскій, красивый мущина и, какъ говорятъ, расположенный къ намъ, Гладкій и Переяславецъ; ихъ проводили прежде къ кастеляну краковскому, который прочиталъ имъ хорошую нотацію, перечисливъ всѣ ихъ преступленія. „Вы измѣнники, подобныхъ которымъ нѣтъ на свѣтѣ, говорилъ онъ;—вы уже не христіане, ибо побратались съ татарами и турками, вы не достойны явиться передъ лице короля и т. д.“ Потомъ, съ разрѣшенія военнаго совѣта, ихъ позвали къ королю; они съ земными поклонами просили помилованія и на всѣ предложенные имъ вопросы отвѣчали только то, что просятъ милосердія; всю вину они слагали на Хмельницкаго, а также, по своему обыкновенію, на свои грѣхи; всѣмъ сенаторамъ они поочередно цѣловали руки и края одежды, словомъ, заявили достаточно смиренія (лишь-бы не притворнаго). Послѣ продолжительнаго совѣщанія, король объявилъ имъ черезъ канцлера, что хотя они за совершенныя преступленія, равныхъ которымъ нѣтъ во вселенной, и не достойны помилованія, но что король, какъ монархъ милосердный, уподобляясь милосердному Господу Богу, склоняется къ помилованію ихъ, если только смиреніе ихъ будетъ искреннее, что условія онаго будутъ имъ объявлены завтра, сегодня-же они должны въ доказательство искренности оставить въ лагерѣ одного изъ среды себя. Остался по собственной просьбѣ Крыса, хотя не безъ нѣкотораго страха.

Въ то время, когда наши вели эти переговоры у Берестечка, литовское войско также не оставалось въ бездѣйствіи; оно въ тотъже день съ Божіею помощью одержало за Днѣпромъ не маловажную побѣду надъ этою сволочью, какъ о томъ гласятъ слѣдующія письма:

Копія письма князя Януша Радзивилла, гетмана великаго литовскаго, писаннаго къ его женѣ 6-го іюля, въ день одержанной побѣды, въ пяти миляхъ отъ Чернигова.

„Извѣщаю васъ, что Господь даровалъ мнѣ побѣду надъ врагами. Коротко изложу за недосугомъ, ибо сейчасъ выступаю въ походъ: я быстро овладѣлъ тѣми укрѣпленіями, которыя защищали переправу черезъ Днѣпръ. Тотчасъ Небаба явился имъ на выручку и храбро наступалъ на насъ, но, подобно Кречевскому, онъ и самъ погибъ и потерялъ все свое войско; теперь выступаю преслѣдовать остатки его отряда, отступившіе къ двумъ таборамъ

своимъ, расположеннымъ въ четырехъ миляхъ отсюда. Дай, Господи, продолжать кампанію также удачно, какъ она начата: въ битвѣ я потерялъ только одного товарища, остальные погибшіе—челядь".

Другое лице, имѣвшее болѣе времени, сообщило подробности объ этомъ сраженіи въ слѣдующемъ письмѣ отъ 7 іюля, т. е. на другой день послѣ битвы:

„Полковника Небабу мы разгромили слѣдующимъ образомъ: панъ стражникъ Мирскій, переправившись на ту сторону Днѣпра, напалъ на козацкій гарнизонъ въ укрѣпленіяхъ, состоявшій изъ 300 всадниковъ; онъ истребилъ его такъ, что только немногіе спаслись бѣгствомъ. Бѣглецы извѣстили Небабу о томъ, что ляхи заняли уже ихъ ретраншаменты, но что отрядъ ихъ не многочисленъ. Небаба, желая разгромить Мирского, двинулся изъ-подъ Чернигова со всѣмъ своимъ войскомъ, котораго было числомъ 15,000. Онъ наступилъ на Мирскаго, не зная о томъ, что въ четверти мили дальше переправляется черезъ Днѣпръ гетманъ Янушъ Радзивиллъ. Послѣдній, успѣвъ переправить только часть своего войска, немедленно атаковалъ Небабу съ фланга; дѣло обошлось даже безъ выстрѣла, ибо, быстро окруживъ эту сволочь, мы рукопашнымъ боемъ истребили ее на повалъ. Не знаю, спаслось-ли ихъ хоть нѣсколько человѣкъ. Небаба, видя опасность, сошелъ съ коня и сражался пѣшій; на него напалъ одинъ товарищъ изъ хоругви мозырскаго старосты; онъ храбро и долго защищался; товарищъ долженъ былъ также сойти съ коня, и они вступили въ рукопашный бой; въ это время подоспѣлъ на помощь другой товарищъ и они стали его вдвоемъ одолѣвать. Небаба не допустилъ ихъ однако взять себя въ плѣнъ; когда ему изранили правую руку, онъ защищался лѣвою, пока его не убили. Послѣ этого счастливаго вчерашняго дѣла, сегодня 200 козаковъ пѣшихъ, вооруженныхъ самопалами, не зная о пораженіи своихъ, препровождали возы съ провіантомъ въ свой лагерь; наши окружили ихъ и всѣхъ забрали въ плѣнъ. Плѣнные сказывали, что въ полку Небабы было 20,000 человѣкъ, но 3,000 онъ послалъ въ сторону Кричева и они овладѣли Рославлемъ, 2,000-же отправилъ собирать провіантъ, такъ что при немъ оставалось только 15,000. Черниговскіе мѣщане пріѣзжали къ князю съ изъявленіемъ покорности; они просили лишь о сохраненіи жизни себѣ и своимъ дѣтямъ и обѣщали выдать нѣсколько тысячъ парубковъ-броварниковъ, которые стали собираться въ помощь Небабѣ. Сраженіе это проис-

ходило въ пяти миляхъ отъ Чернигова; одержавъ побѣду, князь направился въ Любечъ, а часть войска отправилъ въ Черниговъ".

Стольникъ литовскій вмѣстѣ съ паномъ Павшею пошли къ Припяти, а панъ Вейсъ съ 300 драгунъ подканцлера литовскаго отправился выручать Кричевъ; онъ наткнулся на передовой козацкій отрядъ въ 500 человѣкъ конницы, сразился и, положивъ на мѣстѣ 150 человѣкъ, остальныхъ разсѣялъ. На другой день онъ соединился съ поголовнымъ ополченіемъ дворянъ Мстиславскаго воеводства, и они напали вмѣстѣ на отрядъ козацкой конницы изъ полка Небабы, состоявшій изъ 3000 человѣкъ; послѣ упорнаго сраженія они одержали побѣду и перебили или разсѣяли ихъ, но и сами понесли чувствительныя потери: знатныхъ шляхтичей убито 20, самъ Вейсъ палъ въ битвѣ; погибли также: мстиславскій подсудокъ Воловичъ, мстиславскій писарь Суходольскій и панъ Каменскій; другихъ труповъ нельзя было распознать. Драгунъ убито 30 и вообще съ нашей стороны пало до 200 человѣкъ, но козаковъ почти всѣхъ уложили. Наши собираются взять Рославль. Въ Кричевѣ троцкій воевода (Александръ Служка) защищается удачно; козаки уже отбиты семь разъ съ большимъ урономъ. Такъ Господь покровительствовалъ литовскому войску.

Іюля 7. Между тѣмъ подъ Берестечкомъ въ пятницу утромъ опять пріѣхали козаки, чтобы получить условія сдачи. Объ нихъ разсуждали на совѣтѣ, о которомъ стыдно и упоминать; до того успѣхъ разслабилъ насъ, что никто и не высказалъ энергическаго предложенія. Имъ предложили слѣдующія условія: выдать начальниковъ, коихъ поименно перечислили 16 человѣкъ, въ качествѣ заложниковъ, но не безъусловно для наказанія ихъ; выдать артиллерію; доставить Хмельницкаго, Тимоша (его сына) и Выговскаго; выдать примкнувшихъ къ козакамъ шляхтичей; чернь отпустить по домамъ; предоставить королевской милости и рѣшенію будущаго сейма дальнѣйшія распоряженія относительно устройства козацкаго войска. Послы козацкіе отвѣтили, что Хмельницкаго они готовы разъискивать; что старшину, артиллерію и шляхтичей выдать трудно, но что они предложатъ условія своей радѣ. Крыса окончательно остался въ нашемъ лагерѣ. Вечеромъ козаки извѣстили, что старшина и козаки находятся внѣ лагеря, на пастбищахъ, а чернь перепилась и потому они не могутъ пока столковаться. Весь этотъ день прошелъ мирно и они допускали нашихъ чуть не внутрь своихъ укрѣпленій.

Іюля 8, въ субботу, козаки отвѣтили на условія, предложенныя имъ королемъ, въ слѣдующихъ, приблизительно, выраженіяхъ:

„Милостивый, свѣтлѣйшій король! Умоляя о пощадѣ, мы уповали на милосердіе вашей королевской милости, но намъ предложены условія невозможныя: выдать старшину мы не можемъ и не выдадимъ, такъ рѣшила рада войска и черни; артиллеріи выдать не можемъ; шляхтичей выдать не можемъ и не выдадимъ, такъ какъ по зборовскому договору имъ обѣщано прощеніе вашей королевской милости. Хмельницкаго, его сына и Выговскаго, измѣнившихъ и вашей королевской милости и намъ, мы выдали-бы охотно, но ихъ нѣтъ среди насъ; однако мы обѣщаемъ ихъ разъискивать не только въ нашемъ краѣ, но и въ Крыму, и выдать вашей королевской милости, какъ лицъ, сбившихъ насъ, какъ овецъ, съ пути; обѣщаемъ разорвать всякую связь съ татарами; просимъ, чтобы козаки и чернь оставались на такихъ правахъ, какія условлены были по зборовскому договору; паны пусть благополучно возвращаются въ свои помѣстья въ Украйну, но безъ военныхъ хоругвей, ибо въ противномъ случаѣ произойдетъ большой голодъ. Вообще просимъ вашу королевскую милость принять насъ подъ свое покровительство, какъ дѣтей и вѣрныхъ подданныхъ. Симъ окончивъ, подписываемъ: войско вашей королевской милости запорожское со всею чернью“.

Подписи бывшаго у нихъ на тотъ часъ гетманомъ Джеджалія не было. Король, разгнѣванный этимъ отвѣтомъ, приказалъ немедленно палить въ таборъ изъ пушекъ со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько большихъ пушекъ уже доставили изъ Бродъ, другія поспѣшно везли изъ Львова.

Іюля 9. Вновь прибыли козацкіе послы, возобновили просьбу о помилованіи и обѣщали выдать 16 старшинъ, но король не хотѣлъ удовлетвориться этимъ и строго пригрозилъ имъ; они писали письма сенаторамъ, постоянно прося прощенія, но вовсе не соглашаясь на предложенныя условія и настаивая на сохраненіи зборовскаго договора. Ихъ отпустили ни съ чѣмъ. Кастелянъ краковскій разорвалъ, не читая, присланное ему письмо и строго сказалъ имъ: „Ступайте, хлопы! вскорѣ вы узнаете, что такое зборовскій договоръ“!

Между тѣмъ наши, лишь-бы что либо дѣлать, среди этихъ колебаній стали устраивать плотины на рѣчкѣ, разсчитывая на то, что если удастся запрудить воду, то большая половина ко-

зацкаго табора, расположенная внизу надъ рѣкою и у болотъ, будетъ потоплена, и что устроенныя ими переправы будутъ наводнены и уничтожены. Сдѣлано это было по совѣту козака Крысы, который добровольно остался у насъ, не смотря на то, что козаки требовали его выдачи, какъ посла. Онъ притомъ указалъ на оплошность нашу въ двухъ обстоятельствахъ: во первыхъ въ томъ, что мы не отправили нѣсколько тысячъ людей въ погоню за татарами, когда они бѣжали объятые страхомъ, и когда ихъ легко можно было разгромить и уничтожить; во вторыхъ въ томъ, что мы понынѣ дозволили козакамъ имѣть свободное сообщеніе съ другимъ берегомъ рѣчки; пока это будетъ продолжаться, до тѣхъ поръ, по его словамъ, невозможно будетъ смирить ихъ, ибо они будутъ постоянно надѣяться на возможность отступленія. Совѣтамъ его, впрочемъ, послѣдовали слишкомъ поздно, и потому они не имѣли надлежащаго успѣха.

Притомъ въ военномъ совѣтѣ было рѣшено, чтобы ночью, въ случаѣ если погода будетъ благопріятствовать, предпринять приступъ. Для участія въ немъ предположено было командировать пѣхоту, челядь и мазовецкое ополченіе, которое въ этотъ день подошло; остальные отряды дворянскаго поголовнаго ополченія (за исключеніемъ прусскихъ воеводствъ) должны были поддерживать штурмъ въ качествѣ резерва. Рѣшеніе это было вызвано показаніями волоховъ и козаковъ, перебѣжавшихъ къ намъ въ тотъ день; они утверждали, что козаки рѣшились бѣжать и уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ большимъ усердіемъ подготовляютъ переправы. Все войско получило приказъ быть на готовѣ ночью.

Въ тотъ-же день вновь получено извѣстіе, будто ханъ и Хмельницкій остановились у Вишневца; наши были этимъ сильно встревожены; для того, чтобы собрать точныя извѣстія, отправлено было нѣсколько отрядовъ въ разныя стороны. Съ наступленіемъ ночи полки гетмана польнаго (Калиновскаго), воеводы русскаго (Іеремія Вишневецкаго), воеводы брацлавскаго (Лянцкоронскаго) и хорунжія короннаго (Конецпольскаго) должны были выступить противъ орды; въ случаѣ-же, если-бы татаръ не оказалось, имъ приказано было немедленно возвратиться и занять позицію въ тылу козацкаго табора, за рѣчкою, куда наши давно уже собирались. Ночью возвратился изъ разъѣзда панъ Суходольскій и объявилъ, что онъ былъ за нѣсколько миль по ту сторону Вишневца, но нигдѣ нѣтъ и помину о татарахъ. Вслѣд-

ствіе этого предположенная экскурсія была отмѣнена. Приступъ-же и вообще всѣ другія постановленія совѣта не состоялись вслѣдствіе неурядицы и безпорядка. Только воевода брацлавскій дерзнулъ переправиться на ту сторону, въ тылъ непріятельскаго табора, съ отрядомъ въ 2,000 человѣкъ.

Іюля 10, въ понедѣльникъ, чудеснымъ образомъ проявилось покровительство, которымъ Господь постоянно охранялъ короля и Рѣчь Посполитую и соизволилъ даровать намъ новую побѣду. Когда человѣческія предначертанія относительно дальнѣйшей осады и штурма козацкаго табора оказались тщетными, ибо то и другое намѣреніе представляло величайшія трудности и опасности, когда осаждавшіе оказались болѣе павшими духомъ и угнетенными, чѣмъ осажденные, Богъ послалъ на враговъ неисповѣдимое смятеніе, тревогу и паническій страхъ. Въ теченіе всей недѣли непріятели заявляли, что они скорѣе готовы подвергнуться всякой крайности и пробиваться черезъ нашъ лагерь, нежели сдаться или серьезно просить помилованія. Хотя они и обращались въ этомъ смыслѣ нѣсколько разъ къ королю, какъ о томъ выше было разсказано, но они дѣлали это не искренно, имѣя въ виду лишь замедлить и затянуть ходъ военнаго дѣла, надѣясь отсидѣться, не опасаясь вовсе нашихъ нападеній и ожидая помощи, то отъ Тимоша, то отъ возврата Хмельницкаго и хана, въ чемъ старшина обнадеживала толпу. Правда, чернь желала перемирія для того, чтобы поспѣшить домой на защиту женъ и дѣтей, которыхъ татаре захватывали въ плѣнъ на обратномъ пути въ свои кочевья; въ виду этого желанія, Джеджалій, исправлявшій должность гетмана, началъ переговоры, но старшина, зная, что, въ случаѣ заключенія договора, жизни ихъ угрожаетъ опасность, озаботилась заблаговременно о своемъ спасеніи; ночью съ воскресенья на понедѣльникъ они начали возмущеніе, лишили Джеджалія власти и на его мѣсто избрали Богуна. Послѣдній, освѣдомившись отъ языковъ и перебѣжчиковъ, что брацлавскій воевода съ частью войска отправился черезъ переправу въ тылъ ихъ арміи, и посовѣтовавшись съ старшиною, вышелъ изъ табора на разсвѣтѣ съ нѣсколькими тысячами конницы и съ двумя пушками, намѣреваясь занять и укрѣпить переправу. Чернь, увидѣвъ это движеніе и не зная намѣреній Богуна, встревожилась и стала теряться въ предположеніяхъ и подозрѣніяхъ, полагая, что старшина убѣгаетъ. Въ это время, около 10 часовъ утра, кто-то въ толпѣ, вѣроятно по Божьему допущенію, вскри-

чалъ: „Вотъ старшина уже бѣжитъ"! Немедленно всѣ бросились бѣжать, куда попало, въ большемъ безпорядкѣ, чѣмъ наши подъ Пилявцами; отъ натиска на всѣхъ трехъ переправахъ стали тонуть. Увидѣвъ происходившее, Богунъ тотчасъ возвратился въ таборъ, сталъ ободрять своихъ и уговаривалъ возвратиться въ лагерь и успокоиться, но онъ не былъ въ состояніи удержать бѣглецовъ. Наши хоругви, стоявшіе на стражѣ, лишь только примѣтили это смятеніе, не смотря на свою малочисленность, придвинулись къ табору и переправамъ; тогда хлопы стали еще усиленнѣе толпиться и вязнуть въ топкомъ болотѣ; они бросали лошадей, вьюки, имущество, даже женъ и дѣтей, которыхъ множество находилось въ таборѣ; конница ихъ, стоявшая въ аріергардѣ, пыталась было выстроиться, но вслѣдствіе страха, посланнаго на нихъ Господомъ, она разсѣялась и позорно стала топиться въ болотѣ. Убѣгавшіе бросили таборъ со всѣмъ бывшимъ въ немъ добромъ и оставили въ немъ много скота, лошадей, провіанта, пушекъ, пороху и знаменъ. Когда извѣстіе объ этомъ бѣгствѣ распространилось въ нашемъ войскѣ, наши немедленно бросились въ таборъ, и стали пользоваться добычею; кто не полѣнился, тотъ могъ пріобрѣсти значительную долю имущества. Въ то время другія хоругви бросились въ погоню за убѣгавшими, но онѣ должны были прежде пройти трудныя переправы, весьма узкія и вязкія, такъ что лошади могли по нимъ идти только по одиночкѣ; между тѣмъ козацкая конница, числомъ до 20,000, успѣла сформироваться и направилась вскачь впередъ. Воевода брацлавскій, который перешелъ было на ту сторону съ отрядомъ въ 2000 человѣкъ, какъ было упомянуто, для того, чтобы препятствовать козакамъ пользоваться пастбищами (жаль, что это было предпринято слишкомъ поздно и съ незначительнымъ количествомъ войска, въ противномъ случаѣ всѣ козаки остались-бы въ западнѣ), увидѣвъ такое множество враговъ и полагая, что это нападеніе сдѣлано съ умысломъ противъ него, желая обезпечить себѣ отступленіе, отступилъ къ переправѣ къ Козину. Между тѣмъ огромное количество нашихъ выступило изъ лагеря и отправилось въ погоню за уходившими, убивая всѣхъ запоздавшихъ и отставшихъ на пути. Кажется, что нельзя было найти никого, кому-бы не довелось убить козака. Наконецъ брацлавскій воевода понялъ, что козаки обращены въ бѣгство и, оправившись отъ первоначальнаго испуга, пожелалъ вознаградить потерянное время; онъ немедленно отправился въ погоню

и производилъ ее съ такимъ рвеніемъ, что возвратился назадъ послѣднимъ. Когда онъ впослѣдствіи хвасталъ предъ королемъ, утверждая, что онъ съ своимъ отрядомъ до того сильно билъ враговъ, что у нихъ заболѣли руки, то король насмѣялся надъ нимъ, замѣтивъ, что вѣроятно у нихъ болѣли ноги, намекая на первоначальное его бѣгство къ Козину. Весьма видное участіе въ дѣлѣ выпало на долю ополченія плоцкаго воеводства; въ то время король производилъ ему смотръ и непосредственно со смотра скомандовалъ идти на врага, потому имъ довелось принять дѣятельное участіе въ погонѣ и они били враговъ до пресыщенія въ лѣсу, въ кустарникахъ и въ болотахъ; весь день, пока не стемнѣло, наши, подвигаясь облавою, чинили кровавую бойню, вытаскивая непріятелей изъ кустовъ и болотъ, разстрѣливая ихъ и рубя головы, хотя и они наносили вредъ нашимъ, въ случаѣ ихъ неосмотрительности. Цѣлый день продолжалось убійство и кровопролитіе. Одинъ отрядъ козаковъ, числомъ отъ 200 до 300 человѣкъ, устроилъ засѣку на одномъ островѣ среди болотъ и защищался храбро и отчаянно. Кастелянъ краковскій предложилъ имъ помилованіе, но тѣ принять его не захотѣли; они, въ знакъ своей рѣшимости, высыпали изъ кошельковъ деньги и побросали ихъ въ воду, а затѣмъ стали защищаться и поражать нашихъ; пѣхота должна была пойти на нихъ въ аттаку колонною, и хотя разорвала ихъ и разсѣяла, но они не захотѣли сдаться, бѣжали въ болото и тамъ каждаго по одиночкѣ нужно было доканчивать.—Одинъ изъ нихъ добрался до лодки и на глазахъ у короля и у всего войска представилъ образецъ храбрости далеко не хлопской; онъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ отбивался косою, не обращая вниманія на выстрѣлы (не знаю, не попадали-ль стрѣлки, или, можетъ быть, пули его не брали), пока наконецъ какой-то Мазовшанинъ изъ Цѣхановскаго повѣта, раздѣвшись до нага и бродя по шею въ водѣ, не нанесъ ему удара косою и потомъ не пронзилъ копьемъ. Король долго смотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ и радостью на это зрѣлище. Многихъ, подобно уткамъ, ловили по болотамъ, вытаскивали и убивали, никого не щадили, даже женъ и дѣтей, но всѣхъ истребляли мечемъ. Не малая добыча досталась нашимъ въ тотъ день, хотя она не можетъ и сравниться съ добычею, взятою у насъ подъ Пилявцами, ибо козаки не употребляли серебряной посуды и не ѣздили въ каретахъ. Въ числѣ добычи оказалось 18 хорошихъ пушекъ съ лафетами, семь бочекъ пороху, кромѣ того,

что было расхватано солдатами, и до 20 знаменъ, въ томъ числѣ знамя, которое послалъ имъ въ Кіевъ черезъ коммисаровъ король послѣ своего восшествія на престолъ; оно было краснаго цвѣта съ изображеніемъ бѣлаго орла и двухъ русскихъ крестовъ; другое знамя голубое, съ изображеніемъ орла пополамъ бѣлаго и краснаго, которое далъ имъ покойный король Владиславъ въ 1646 году, когда зазывалъ козаковъ въ предполагавшійся турецкій походъ. Оба эти знамена у козаковъ считались важнѣйшими и хранились весьма бережно, теперь-же взяты были королемъ, къ большому его удовольствію. Взятъ былъ живьемъ въ плѣнъ грекъ, прибывшій въ качествѣ посланника отъ патріарха константинопольскаго и привезшій Хмельницкому саблю и благословеніе на войну отъ лица всей греческой церкви. Его поймалъ ротмистръ волошской хоругви князя Вишневецкаго, а послѣдній доставилъ королю. Посолъ былъ одѣтъ весьма нарядно въ собольей мантіи; привезенная имъ сабля и парадный кинжалъ были отданы также королю княземъ Вишневецкимъ. Отнято было также знамя, взятое въ сраженіи, бывшемъ въ четвергъ, козаками у отряда кастеляна краковскаго. Патріархъ іерусалимскій, болѣе всего подстрекавшій Русь къ возмущенію, былъ обезглавленъ среди смятенія; королю было доставлено его облаченіе, т. е. ризы, митра, красная, бархатная, украшенная кругомъ и крестообразно золотыми бляхами, двѣ чаши большія, подсвѣчники, крестъ изъ яшмы и печать; королю отдана также печать войска запорожскаго. Пану Браницкому достался большой серебряный портфель Хмельницкаго со всѣми письмами, полученными имъ отъ султана, хана, царя и Ракочія; письма эти онъ передалъ королю. Войсковая козацкая касса была разграблена солдатами; она состояла изъ двухъ сундуковъ, наполненныхъ талерами, которыхъ было, по словамъ полковника Крысы, 30,000. Деньги эти назначены были на уплату ордѣ; ихъ расхватали тѣ, которые первые нашли кассу: одному товарищу досталось до 1500 червонцевъ, другимъ по нѣсколько сотъ или десятковъ. Одинъ изъ товарищей завладѣлъ бархатною, подбитою соболями мантіею Хмельницкаго и сорокомъ соболей. Найдено огромное количество ружей и самопаловъ, а также, между прочимъ, три колокола: два большіе и одинъ малый. Не было воина, который-бы не захватилъ въ таборѣ провизіи: пшена, сала, муки и т. п., а также разной мелочи: желѣза, возовъ и проч., что было-бы слишкомъ долго перечислять. Наши нашли въ таборѣ пищу, еще варив-

шуюся въ горшкахъ, и жаркое на вертелахъ,—до того бѣгство враговъ случилось неожиданно вслѣдствіе паническаго страха, посланнаго на нихъ Господомъ. Они разсѣялись въ разныя стороны; ихъ истребляли въ лѣсахъ и болотахъ въ одиночку, а семь полковъ нашихъ, подъ предводительствомъ польнаго гетмана (Калиновскаго) и хорунжія короннаго (Конецпольскаго), преслѣдовали ихъ главную массу, дабы не допустить ихъ опять собраться. Важнѣе всего было то, что побѣда, сопряженная съ столь значительною гибелью враговъ, одержана была почти безъ всякой потери съ нашей стороны; ибо убиты были только 5 поляковъ, нѣсколько иностранцевъ и одинъ капитанъ изъ полка князя Радзивила при штурмѣ засѣки, устроенной на островѣ.

Въ числѣ писемъ найдена была султанская грамота, жалующая Хмельницкому княжество русское, а также планъ предполагавшихся дѣйствій, въ которомъ условлено было, что Ракочи овладѣетъ Краковомъ и что ему назначалась польская корона.

Такимъ образомъ по милости и благословенію Божьему, за что да святится имя Его во вѣки, кампанія берестецкая счастливо была завершена въ этотъ день. Но война козацкая не кончилась, потому что слишкомъ много козаковъ и хлоповъ, поднявшихся противъ отчизны нашей, спаслось бѣгствомъ. Тому были разнообразныя причины: первая и важнѣйшая та, что заслуги наши передъ Господомъ не были достаточно усердны и Онъ не благоволилъ окончательно умиротворить Рѣчь Посполитую и истребить враговъ, а сохранилъ ихъ достаточно изъ этой бойни въ наказаніе за грѣхи наши. Другая причина—это была медлительность: вмѣсто того, чтобы ударить на встревоженнаго врага съ рѣшимостью послѣ первоначальной побѣды, мы стали дѣйствовать медленно, будто на досугѣ, дозволили ему опомниться, собраться съ силами и спастись бѣгствомъ. Указывали много причинъ этой медлительности, именно: частыя перемѣны въ рѣшеніяхъ военнаго совѣта, безпорядокъ и отсутствіе дисциплины и притомъ слишкомъ недостаточное количество пѣхоты, необходимой для приступа, ибо невозможно было посылать на штурмъ конницу по причинѣ валовъ, окружавшихъ лагерь и широкихъ и многочисленныхъ рвовъ, защищавшихъ его внутри, вслѣдствіе чего едва пѣхотинцы могли бы управиться, а для всадниковъ являлась положительная невозможность дѣйствовать. Много повліяла на вялое веденіе дѣла и вѣсть о томъ, будто ханъ и Хмельницкій остановились у Вишневца, вызвавшая было у нашего войска совершенный упадокъ.

духа, хотя я полагаю, что въ виду этой вѣсти (оказавшейся притомъ ложною) слѣдовало тѣмъ съ большею энергіею идти на приступъ, чтобы предупредить ожидаемое врагами пришествіе новыхъ силъ имъ въ помощь. Тѣ лица, которыя, по видимому, знали тайныя побужденія и намѣренія короля, утверждали, что причина медлительности состояла въ томъ, что какой-то астрологъ, на основаніи своихъ сомнительныхъ исчисленій, увѣрилъ короля, что числа 4, 5, 6, 11 и 12 іюля несчастны для него, и, потому, онъ не долженъ въ эти дни предпринимать ничего важнаго, но что конецъ мѣсяца будетъ для него неимовѣрно счастливъ. Вѣра въ это обманчивое предсказаніе и довѣріе къ его автору до того укоренились въ сердцѣ короля, что онъ рѣшился переждать, пока не минуютъ означенные дни. Между тѣмъ среди праздности, продолжавшейся въ теченіи 10 дней, силы наши ослабѣвали, войско стало испытывать нужду, многіе солдаты въ иностранныхъ и польскихъ региментахъ умирали отъ недостатка пищи, мужество и пылъ улеглись, и среди насъ воцарился такой безпорядокъ и чувствовался такой недостатокъ во всемъ, что, хотя, повидимому, мы осаждали враговъ, но скорѣе сами чувствовали себя въ осадѣ, подобно тому, какъ сказано въ старой, но остроумной поговоркѣ: „я поймалъ татарина, а онъ меня не пускаетъ". Между тѣмъ враги набирались храбрости, усиливались, возвели укрѣпленія и мужественно въ нихъ держались; они безпокоили нашихъ постоянными вылазками днемъ и ночью и не оставляли безъ вниманія ничего того, что могло послужить имъ въ защиту. Наконецъ, когда они выбѣжали изъ табора,—случилось-ли это съ умысломъ или, что гораздо правдоподобнѣе, неожиданно, вслѣдствіе паническаго страха,—то успѣли спастись и ускользнуть изъ рукъ нашихъ, хотя съ большею потерею, вслѣдствіе нашей непредусмотрительности, такъ какъ мы не позаботились загородить имъ пути для бѣгства за рѣкою.

Въ тотъ-же день королю доставлена была копія письма отъ хана, писаннаго подъ Константиновымъ (текстъ его смотри выше), а также письмо отъ султана Кази-аги къ кастеляну краковскому. Султанъ въ письмѣ своемъ удивляется счастью, дарованному намъ Богомъ, и проситъ освободить Нечахъ-мурзу изъ плѣна, въ виду того, что онъ человѣкъ не богатый (слѣдовательно выкупа большого дать не можетъ), утверждая, что впредь до его освобожденія и рѣчи не можетъ быть о замиреніи.

То, что происходило въ нашемъ лагерѣ послѣ этого бѣгства и погрома козаковъ, досадно и стыдно передавать потомству, ибо

опасно, чтобы въ подобномъ случаѣ оно не вздумало подражать позорному примѣру предковъ. Не говоря уже о многочисленныхъ упущеніяхъ, допущенныхъ послѣ сраженія, происходившаго въ пятницу 30 іюня, которыя мы достаточно выяснили выше, какъ-то: что не преслѣдовали разбитыхъ татаръ, что сейчасъ же не окружили растерявшихся и встревоженныхъ козаковъ, что въ теченіи десяти дней безъ всякаго дѣла оставались праздными и что, наконецъ, оставили свободный проходъ для бѣгущихъ козаковъ,—теперь, послѣ побѣды окончательной (какъ тогда казалось), еще болѣе ошибокъ и упущеній было сдѣлано, будто нарочно, къ величайшему стыду нашего народа, что ясно станетъ изъ послѣдующаго разсказа.

Король, слѣдуя совѣту опытныхъ воиновъ, рѣшился тотчасъ двинуться за разсѣявшимися врагами, чтобы докончить съ должною энергіей столь неожиданную побѣду, подавить окончательно врага, ускользнувшаго вслѣдствіе нашей оплошности, и добиться наконецъ прочнаго мира въ пользу нашей вѣры и отечества. Желая обезпечить, какъ можно прочнѣе, успѣхъ этого предпріятія, онъ хотѣлъ увлечь въ дальнѣйшій походъ не только регулярное наемное войско, сильно утомленное и ослабѣвшее отъ постоянныхъ трудовъ, но и дворянское поголовное ополченіе. Но лишь только онъ объявилъ имъ это предложеніе чрезъ посредство сенаторовъ, какъ вся шляхта, составлявшая поголовное ополченіе, подняла вопль, будто она явилась сюда ради преній, а не для военныхъ дѣйствій. Но для того, чтобы всѣ сообща стали причастными общему рѣшенію, зловредному и ошибочному, они испросили позволеніе составить совѣтъ въ „генеральномъ кругѣ". Здѣсь, основываясь на законѣ, гласящемъ, что дворянское ополченіе обязано защищать отечество только въ продолженіи двухъ недѣль (будто Господь обязанъ въ послѣдствіи все остальное чудомъ довершить, вмѣсто нерадивыхъ гражданъ) и прикрывая собственное нерадѣніе формулою закона, они избрали своимъ маршаломъ Мартына Дембицкаго, подчашія сандомирскаго, человѣка велерѣчиваго и популярнаго, и, подавивъ болѣе благоразумные голоса, даже сенаторамъ угрожая саблями, отправили къ королю свое рѣшеніе, въ которомъ, не обращая вниманія ни на уваженіе къ его величеству, ни на сохраненіе собственной вольности, ни на уронъ Рѣчи Посполитой, заявили такое, будто сеймовое, постановленіе, „что дворяне дальше не намѣрены идти". Столь не уважительное и богопротивное мнѣніе рѣзко оскорбило королевское сердце. Желая привести ихъ къ бо-

лѣе здравомыслящему рѣшенію, король и сенатъ представляли имъ всевозможныя доказательства, примѣры и андецедевты, просили ихъ и умоляли, чтобы они согласились хотя еще двѣ недѣли оставаться въ походѣ, или, въ крайнемъ случаѣ, хотя пройти къ Старому Константинову, для того, чтобы устрашить враговъ молвою о томъ, что и король, и дворяне, и всѣ войска двигаются противъ нихъ въ походъ. Но всѣ эти резоны оставались безъ вліянія, падая будто на бездушный камень; дворяне увлекались инстинктивною привязанностью къ домашнему очагу, торопились къ своимъ женамъ и тѣмъ болѣе стремились возвратиться во свояси, чѣмъ болѣе тяготились неудобствами и трудами лагерной, непривычной для нихъ жизни; для того же, чтобы прикрыть свое малодушіе и холодность къ интересамъ отечества, они стали упрекать короля въ томъ, что онъ съ умысломъ отпустилъ враговъ, взявъ отъ нихъ въ качествѣ выкупа 800,000 (душа содрогается при одной мысли объ этомъ невѣроятномъ подозрѣніи); сверхъ того они разсказывали множество другихъ безстыжихъ выдумокъ, которыя не только писать, но и вспоминать позорно для нашего народа. Королю, въ награду за всѣ его труды и усилія, пришлось лишь испытать справедливость пословицы: „дѣло короля—хорошо работать и дурное выслушивать“ [1]). Тогда подканцлеръ коронный, Іеронимъ Радзеевскій (съ которымъ король помирился въ пятницу во время сраженія, простивъ ему всѣ обиды, о которыхъ выше было сказано), желая услужить королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ заявить силу своей популярности среди шляхты и въ силу ея занять вліятельное положеніе при дворѣ, предложилъ свои услуги для того, чтобы уговорить шляхту повиноваться королевской волѣ и оставить сопротивленіе, къ которому, какъ многіе утверждали, онъ самъ подстрекалъ ее прежде. Но онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ, ибо шляхтичи, услышавъ его усердныя представленія, не только не вняли имъ, но съ большимъ крикомъ стали его упрекать въ равнодушіи къ своимъ интересамъ и въ двоедушіи по отношенію къ себѣ и къ королю; неудача эта усилила нерасположеніе къ нему короля и была поводомъ той окончательной немилости, которой онъ вскорѣ подвергся, какъ я о томъ ниже разскажу.

Наконецъ шляхтичи, страстно желавшіе разъѣхаться по домамъ, послѣ долгихъ совѣщаній, желая прикрыть благовиднымъ

---

[1]) Regium est cum bene feceris, male audire.

предлогомъ свое бѣгство и то обстоятельство, что они бросали короля среди военной компаніи, отправили къ королю депутацію съ заявленіемъ, что въ замѣнъ собственной службы они готовы или уплатить деньги, или снарядить милицію, соразмѣрную съ зажиточностью каждаго изъ нихъ; но король сразу не принялъ этихъ предложеній, ибо деньги безъ войска могутъ послужить лишь въ добычу врагу, а наборъ милиціи разстроитъ только сформированные уже наемные отряды, переманивая изъ нихъ солдатъ въ новые отряды, увеличитъ замѣшательство, но не прибавитъ военныхъ силъ. Впослѣдствіи, однако, въ виду упорства шляхтичей, пришлось принять эту предложенную ими помощь, за невозможностью добиться чего-либо болѣе существеннаго. Разныя воеводства предложили субсидію на различныхъ условіяхъ: такъ сендомирское воеводство предложило сейчасъ-же уплатить деньги въ размѣрѣ удесятеренной подати, но подъ условіемъ, что за эти деньги будетъ немедленно нанята милиція; краковское воеводство обѣщало само сформировать милицію; мазовецкое воеводство и значительная часть Великой Польши предложили деньги безъ всякихъ условій и т. п. Но все это принесло мало пользы, ибо и денегъ всѣхъ они не уплачивали въ дѣйствительности и за уплоченныя негдѣ было навербовать солдатъ, такъ какъ шляхтичи почти всѣ предпочли уѣхать домой, а кварцяные солдаты, хотя, съ вѣдома ротмистровъ, и записывались въ воеводскія милиціи, но потомъ, получивъ часть денегъ и продовольствія, по требованію тѣхъ-же ротмистровъ, должны были возвращаться на службу въ тѣ хоругви, въ которыхъ числились до того времени. Дѣло кончилось тѣмъ, что собранныя деньги были выданы въ качествѣ жалованья болѣе нуждавшимся хоругвямъ регулярнаго войска.

Пока шли эти переговоры, многіе шляхтичи то въ одиночку, то толпами уходили изъ лагеря и даже цѣлые повѣты, никѣмъ не преслѣдуемые, бѣжали за Стырь; трудно предвидѣть, что случилось-бы тогда, если бы враги появились. Въ этомъ случаѣ мы извѣдали, что значитъ вести войну, пользуясь дворянскимъ ополченіемъ. Не дай, Господи, чтобы впредь мы должны были прибѣгать къ нему! Теперь мы постигли, почему всѣ народы чувствуютъ отвращеніе къ подобнаго рода ополченіямъ; его ничтожество и малодушіе вполнѣ обрисовалось. Несчастна наша Рѣчь Посполитая, въ которой безчинства многихъ цѣнятся больше чѣмъ благоразуміе немногихъ избранныхъ. Не захотѣли понять,

что сладость мира добывается военными подвигами и готовностью къ пролитію крови. Мы до того выродились сравнительно съ нашими предками, что не захотѣли пожертвовать двѣ недѣли времени для сохраненія того, что они нѣкогда пріобрѣли, щедро жертвуя кровью; важнѣе-же всего то, что мы бросили на произволъ судьбы короля и отечество съ величайшимъ для себя позоромъ, почитая притомъ добродѣтелью тотъ поступокъ, который всякому покажется лишь величайшимъ посрамленіемъ.

Отряды, отправлявшіеся въ погоню за козаками, возвращались съ разныхъ сторонъ и доставляли свѣдѣнія о томъ, сколько ихъ удалось истребить въ различныхъ мѣстностяхъ. Гарнизонъ, находившійся въ Дубнѣ, съ помощью окрестныхъ крестьянъ, напалъ на отрядъ ихъ, числившійся до 6,000 человѣкъ и стремившійся въ какой-то переправѣ, и почти цѣликомъ истребилъ его. Другіе козаки разбрелись въ разныя стороны: въ Полѣсье и въ Подоліе.

Іюля 14. Постыдное отступленіе дворянъ не отклонило короля отъ мысли энергическаго преслѣдованія бѣгущаго врага; напротивъ того, подавляя печаль въ сердцѣ своемъ, онъ съ непоколебимою твердостью выступилъ въ путь, направляясь отъ Берестечка къ Кіеву, въ сопровожденіи лишь своего двора и наемнаго войска польскаго и иностраннаго. Польный гетманъ (Калиновскій) съ частью войска отправленъ былъ въ качествѣ передоваго отряда. Король не захотѣлъ прощаться съ дворянскими ополченіями. И, дѣйствительно, позорное поведеніе дворянъ не давало имъ права на то, чтобы король милостиво попрощался съ ними; напротивъ того, слѣдовало-бы, по примѣру Болеслава Храбраго, многимъ послать прялки и заячьи мѣха, особенно тѣмъ, которые не были въ битвѣ и опоздали приходомъ, съ умысломъ двигаясь по мѣрѣ возможности медленно, для того, дабы битва безъ нихъ произошла; а между тѣмъ эти то ополченія болѣе всего настаивали на томъ, чтобы возвращаться домой и усерднѣе другихъ спѣшили бѣжать за Стырь, бросая возы и провизію и заботясь лишь о томъ, чтобы не обнаживъ сабли, обезпечить себѣ путь для постыднаго отступленія. Знатные вельможи, особенно изъ Великой Польши, владѣющіе богатыми помѣстьями и и бенефиціями, притомъ придворные чиновники, какъ маршалъ надворный и подканцлеръ коронный, не согласились сопровождать короля даже на разстояніи одной мили. Король, не обращая на это вниманія, въ тотъ-же день выступилъ и остановился на

ночлегъ въ полумили отъ Козина, помѣстья пана Фирлея. Онъ съ грустью увидѣлъ, что количество его войска уменьшилось въ поражающихъ размѣрахъ, ибо вмѣстѣ съ поголовнымъ ополченіемъ дворянъ ушли всѣ охотники, панскія хоругви, надворныя хоругви воеводъ и другихъ сенаторовъ и при нихъ множество товарищей, челяди и пѣхоты, даже изъ числа наемнаго войска, подъ тѣмъ предлогомъ, что они намѣрены поступить въ ряды предполагавшихся новыхъ милицій. Притомъ и оставшіяся наемныя хоругви представляли печальное зрѣлище: онѣ имѣли видъ нищенскій. Пѣхота, блиставшая прежде серебряными украшеніями мундировъ, теперь была оборвана; регименты весьма малочисленны и нѣмцы безнаказанно бѣжали изъ нихъ, какъ будто война уже совершенно была кончена.

Въ тотъ-же день возвратился изъ разъѣзда Гандза и донесъ, что онъ былъ за Гончарихою, но татаръ не встрѣтилъ, а только видѣлъ слѣды ихъ бѣгства; козаки-же отступили по преимуществу въ Полѣсье, укрываясь въ болотахъ.

(Окончаніе будетъ).

Отрывокъ изъ записокъ анонима (1768 г.)[1].

(Казнь Гонты и усмиреніе „Коліивщины").

.....Когда уже Гонта понесъ заслуженное наказаніе, и россіяне укротили запорожцевъ, для усмиренія-же волнующихся еще хлоповъ приготовлялась военная экспедиція, я также рѣшился возвратиться въ окрестности Смѣлы. Узнавъ, что панъ Стемпковскій, недавно назначенный регментаремъ украинской партіи, собираетъ уже хоругви и намѣренъ съ конницею идти въ Украйну, я поспѣшилъ въ Трояновъ, гдѣ тогда находился регментарь со штабомъ своимъ, желая совершить путь безопасно подъ охраною „народовой кавалеріи"—этимъ именемъ стали теперь называть панцырныя хоругви, которыя разоблачили изъ кольчугъ.

Я былъ хорошо знакомъ съ новымъ регментаремъ въ то еще время, когда онъ носилъ титулъ жарновскаго кастелянича; я встрѣчалъ его тогда въ Ровномъ и въ Дубнѣ и бывалъ въ его домѣ въ Шепетынѣ. Онъ принялъ меня привѣтливо и гостепріимно; жилъ онъ открыто и заискивалъ расположеніе шляхтичей кіевскаго воеводства, стараясь склонить ихъ на сторону короля, которому онъ былъ горячо преданъ; онъ угощалъ постоянно толпу офицеровъ и товарищей. Время у него проводили весело, ибо поляки скоро забываютъ горе; кубки опорожнивали при звукахъ пушечной пальбы и танцовали съ увлеченіемъ. Панъ регментарь выступалъ бойко въ первой парѣ полонеза, выкрикивая: эй! пошло!, а между тѣмъ на берегахъ Тыкича и Тясьмина кровь еще проливалась.

---

[1]) Отрывокъ этотъ, писанный по-польски, былъ намъ сообщенъ въ рукописи покойнымъ М. А. Максимовичемъ. Передаемъ въ точномъ переводѣ эту интересную часть записокъ анонимнаго мемуариста.—В. А.

Госпожа Стемпковская, женщина очень привѣтливая, любезная и почтенная, страстно любила играть въ зернь, но такъ какъ она всегда играла по весьма умѣренному кушу, исключительно ради развлеченія, то настоящіе игроки сторонились отъ ея столика, но за то молодые офицеры и товарищи, съ которыми она обращалась любезно и по матерински, окружали ее и участвовали въ игрѣ, выкладывая золотые и полталеры. Я встрѣтилъ въ Трояновѣ многихъ старыхъ знакомыхъ товарищей моихъ во время барской конфедераціи и, въ томъ числѣ у столика госпожи Стемпковской, я увидѣлъ сына моего друга, чашника Нурскаго, Мартына; онъ бойко встряхивалъ кубокъ и металъ зернь, такъ какъ ему везло въ игрѣ. Онъ радостно меня привѣтствовалъ и, кончивъ игру, подсѣлъ поговорить. Я распросилъ его про отца; онъ разсказывалъ, что, возвратившись изъ плѣна, отецъ его нашелъ домъ свой совершенно ограбленнымъ и хозяйство въ полномъ разстройствѣ; при томъ, какъ человѣкъ пожилой и привыкшій къ прежнимъ военнымъ порядкамъ, онъ не могъ привыкнуть къ нововведеніямъ, примѣненнымъ къ устройству панцырныхъ хоругвей и, потому, оставилъ военную службу. Самъ-же Мартынъ долженъ былъ явиться къ хоругви по приказанію регментаря и исполнилъ это весьма неохотно, но теперь привыкъ къ военной службѣ и полюбилъ ее.

Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ, что онъ былъ очевидцемъ казни суровой, которой подвергся въ Сербахъ пріобрѣвшій грустную извѣстность атаманъ уманскихъ козаковъ Гонта. Онъ былъ схваченъ посредствомъ хитрости россіянами и выданъ вмѣстѣ со многими другими ловчію коронному (Браницкому). Тогда повѣсили болѣе тысячи гайдамаковъ, нѣсколько сотъ отправили въ Каменецъ, а 200 во Львовъ, гдѣ ихъ подвергли новымъ допросамъ и слѣдствію. Гонта приговоренъ былъ къ тому, чтобы съ его спины вырѣзать 3 полосы кожи и затѣмъ посадить его на колъ. Онъ терпѣливо перенесъ эти мученія, но не страдалъ долго, ибо колъ пронзилъ ему шею и очень быстро причинилъ смерть.

— Правда-ли, спросилъ я пана Мартына, что въ тюрьмѣ передъ казнью, ему отрѣзали языкъ, опасаясь, чтобы онъ не назвалъ лицъ, которыя его подстрекали къ бунту и истребленію шляхты [1])?

---

[1]) Слухи о томъ, что Гонтѣ будто отрѣзали передъ казнью языкъ и правую руку, были распущены шляхтичами, желавшими бросить тѣнь подозрѣнія на короля и Браницкаго въ томъ, будто они вызвали съ умысломъ крестьянское возстаніе для подавленія барской конфедераціи.

— Это подлинно ложь, отвѣтилъ товарищъ, ибо я лично слышалъ насмѣшливый отвѣтъ его одному изъ моихъ товарищей въ то уже время, когда онъ отправлялся на мѣсто казни. Случилось это по слѣдующему поводу. Не смотря на то, что Гонта былъ закованъ въ тяжелыя цѣпи и что сидѣлъ въ надежной тюрьмѣ, для большей безопасности поручено было одному изъ панцырныхъ товарищей оставаться безотлучно днемъ и ночью въ его темницѣ. Послѣ того, какъ наканунѣ казни прочитанъ былъ ему приговоръ, товарищъ этотъ сказалъ Гонтѣ, пребывавшему въ задумчивости: „Панъ полковникъ! завтра все земное будетъ кончено для васъ; не найдете-ли возможнымъ оставить что-либо на память бѣдному воину, который проводитъ съ вами послѣднія минуты?"—„Охотно, отвѣчалъ атаманъ,—напомните мнѣ завтра, когда меня станутъ вести на мѣсто казни: я вамъ подарю одинъ изъ своихъ поясовъ". Любостяжательный офицеръ поблагодарилъ за обѣщанный подарокъ, пребывая въ увѣренности, что онъ получитъ богатый поясъ изъ златоглава, вѣроятно похищенный въ какомъ либо шляхецкомъ домѣ въ Украйнѣ. На слѣдующій день, когда Гонту вывели изъ тюрьмы, офицеръ обратился къ нему: „Панъ полковникъ! позвольте вамъ напомнить обѣщанный поясъ!"—„Я не забылъ, отвѣтилъ Гонта съ презрительною улыбкою: первая полоса кожи, которую снимутъ у меня со спины, пусть служитъ вамъ поясомъ". Товарищъ былъ сконфуженъ и товарищи долго насмѣхались надъ его униженіемъ. Негласно впрочемъ ходили слухи, будто за нѣсколько часовъ до казни Гонты курьеръ привезъ изъ Варшавы приказъ, дабы остановить исполненіе приговора и подвергнуть Гонту новому допросу, но будто Браницкій, догадавшись съ чемъ состоитъ содержаніе пакета, вскрылъ его уже послѣ совершенія казни. Не знаю, вѣренъ-ли этотъ слухъ или основанъ только на предположеніи; не знаю также, слѣдуетъ-ли кого-либо обвинять или подозрѣвать на этомъ основаніи. Говорили также, будто во Львовѣ, когда стали допрашивать отправленныхъ туда 200 человѣкъ гайдамаковъ, вдругъ полученъ былъ приказъ изъ Варшавы, предписывавшій прекратить слѣдствіе, уничтожить всѣ бумаги и казнить безъ различія всѣхъ подсудимыхъ.

Нѣсколько дней спустя конница отправилась налегкѣ въ Украйну. Офицерамъ запрещено было брать съ собою возы и разрѣшено имѣть только вьючныхъ лошадей съ багажемъ. Региментарь ѣхалъ самъ въ крошечныхъ саняхъ и взялъ другія сани, тройкою, для кухни. По дорогѣ къ намъ присоединились отряды

надворныхъ козаковъ, присланные помѣщиками. Такъ какъ у насъ не было артилеріи, то отцы кармелиты изъ Бердичева прислали намъ четыре пушки и своихъ артилеристовъ.

Я также отправился въ путь съ войскомъ. По мѣрѣ того какъ мы подвигались въ глубину Украйны, помѣщики и ихъ прикащики, уцѣлѣвшіе отъ ножа убійцъ, возвращались въ покинутыя ими села. Оказалось, что мое хозяйство въ Матусовѣ и Осотѣ потерпѣло большіе убытки: весь годичный сборъ хлѣба исчезъ, равно какъ и рабочій скотъ. Жилой домъ мой, хотя и былъ ограбленъ, но въ этомъ отношеніи потеря моя была не значительна, ибо тогда въ Украйнѣ мы обходились самою незатѣйливою обстановкою: дубовые столы, скамьи и табуреты, покрытые ковриками и попонами, снятыми съ дорожняго экипажа—составляли всю мебель; посуду мы возили въ дорожныхъ погребцахъ и пользовались оловянными сервизами. Присмотрѣвшись къ хозяйству въ теченіи нѣсколькихъ дней, я сталъ ощущать скуку въ пустынномъ домѣ: дѣла у меня не было, ибо гумно стояло порожнее, и потому я отправился въ главную квартиру региментаря. Панъ Стемпковскій, получая извѣстія о появленіи гайдамаковъ, весьма быстро носился съ мѣста на мѣсто. Помнится, что въ Вязовкѣ мы застали крестьянскую свадьбу, на которой веселились 18 человѣкъ гайдамаковъ; мы окружили село, но они, узнавъ о появленіи войска, удалили изъ хаты свадебную компанію, затворились въ ней и крѣпко защищались, отстрѣливаясь изъ оконъ и изъ подъ крыши. Они стрѣляли очень метко и убили и ранили нѣсколько солдатъ. Региментарь, не желая терять по пусту людей, приказалъ солдатамъ отступить и, выдвинувъ двѣ кармелитскія пушки, приказалъ разбить имъ ту хату. Но монастырскіе артилеристы оказались на столько неопытными, что, выпустивъ до 20 выстрѣловъ, не попали ни разу въ хижину. Региментарь выругалъ и прогналъ пушкарей и вызвалъ охотниковъ: ротмистръ козацкій изъ Богуслава, Савицкій, вызвался сжечь эту постройку; дѣйствительно, хотя онъ и потерялъ нѣсколько человѣкъ, но успѣлъ обложить стѣны соломою и зажечь ее. Вскорѣ пламя охватило всю крышу, но гайдамаки не переставали стрѣлять, пока крыша не провалилась вмѣстѣ съ потолкомъ; тогда только замолкли ружейные выстрѣлы. Солдаты выломали тогда двери, но, среди горящихъ стѣнъ, нашли только двухъ человѣкъ еще живыхъ, но сильно пострадавшихъ отъ ожоговъ; остальные 16 сгорѣли; трупъ одного найденъ на пылавшей балкѣ, которую онъ охватилъ руками и ногами. Гайдамаки

эти при жизни еще вкусили адскія муки: израсходовавъ всю бывшую въ домѣ воду, они воспользовались двумя бочками квасу, опрокинули ихъ и, погружаясь въ жидкости, дабы хотя на мгновеніе умѣрить несносный жаръ, продолжали стрѣлять до послѣдняго издыханія. Удивительная выносливость! Жаль, что она не была примѣнена къ лучшему дѣлу.

Въ Лысянкѣ мы нашли на одной висѣлицѣ трупы: ксендза, шляхтича, еврея и собаки съ надписью: „все одна віра". Въ Кальниболотѣ схватили до двухъ десятковъ гайдамаковъ; панъ региментарь приказалъ повѣсить всю эту шайку на стропилахъ стараго кирпичнаго завода. Передъ исполненіемъ этого приговора, подошелъ товарищъ съ докладомъ, что одинъ изъ плѣнныхъ заявляетъ, что онъ шляхтичъ. „Какъ! шляхтичъ среди гайдамаковъ! вскричалъ панъ Стемпковскій: нужно отдать подобающую честь его званію. Повѣсить его крайнимъ съ правой стороны"!

Такимъ образомъ, истребивъ по частямъ грабителей, возстановлено было спокойствіе и нѣкоторая безопасность въ этой несчастной сторонѣ. Хоругви народовой кавалеріи расположились постоемъ въ Украйнѣ, дабы сдерживать разнузданную чернь. Нѣсколько сотъ человѣкъ, обвиненныхъ въ участіи въ рѣзнѣ, были арестованы и отправлены въ Кодню, гдѣ панъ региментарь основалъ главную квартиру и учредилъ военный судъ; они почти всѣ были казнены, въ томъ числѣ и нѣсколько духовныхъ лицъ, обвиненныхъ въ подстрекательствѣ къ бунту.

Библіографія.

Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія Выпускъ 3-й, изд. редакторъ неоффиціальной части „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", А. А. Кіевъ. 1882.

Почтенный редакторъ „К. Губ. Вѣд." г. Андріевскій неутомимо продолжаетъ свою дѣятельность по разбору и изданію старыхъ дѣлъ изъ архива губ. правленія: еще не прошло года со времени выхода перваго выпуска, а теперь предъ нами уже третій, въ которомъ издатель нашелъ возможнымъ ввести весьма существенное улучшеніе, именно систематизацію матеріала. Настоящій выпускъ посвященъ исключительно Кіеву, хотя документы и касаются разныхъ сторонъ жизни нашего города. Четыре помѣщенныхъ здѣсь обширныхъ дѣла о городскихъ предмѣстьяхъ содержатъ очень много важныхъ указаній для мѣстной исторіи, особенно же для исторической топографіи; далѣе слѣдуетъ, довольно впрочемъ безцвѣтное, въ виду описанія Новгородцева, описаніе Кіева 1760 года; переписка о шелководствѣ въ Кіевѣ; о кіевской питейной конторѣ; о заготовленіи для царскаго двора варенья и, наконецъ, мелкія замѣтки о городскомъ хозяйствѣ и управленіи. Въ виду разнообразія матеріала, мы остановимся здѣсь лишь на разборѣ данныхъ по исторической топографіи города и его окрестностей.

Первое дѣло, 1753 года, касается городскихъ земель на Сырцѣ, Кореніовщинѣ и Преворкѣ и было первоначально возбуждено откупщиками войсковыхъ доходовъ, отрицавшими право жителей этихъ урочищъ имѣть на Преворкѣ винокурные котлы безъ платежа *показанщины*, а также вести здѣсь оптовую торговлю

горѣлкою и дегтемъ, не платя *покуховного*. Магистратъ защищалъ права живущихъ на его земляхъ, и потому явилась необходимость въ историческомъ разслѣдованіи этихъ правъ, тѣмъ болѣе, что и старшина кіевскаго полка выступила противъ магистрата. Въ сущности здѣсь о правѣ собственности не было и спора; мѣщане настаивали только на томъ, что Преорка и „Подгорье", упоминаемое въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ,—синонимы, а потому на нее должны быть распространяемы правила о земляхъ въ городской чертѣ; полковникъ же, и совершенно справедливо, указывалъ, что поселенія на Сырцѣ, Кореніовщинѣ и Преоркѣ отдѣлены отъ города владѣніями кирилловскаго монастыря, *селомъ Плоскимъ*, съ котораго отбываются войсковыя повинности, а потому должны считаться лежащими уже внутри „полка" и тоже платить повинности. Мѣщане, дѣйствительно, дѣлали топографическую передёржку: въ грамотахъ, на которыя они ссылались, имъ подтверждаются, между прочимъ, право владѣнія „и Оболонемъ, *и* Подгородьемъ, *и* Кожемякамп, *и* Преворкою". Изъ нѣкоторыхъ другихъ указаній можно заключать, что Подгородьемъ называлось поселеніе между городскою оградою и кирилловскими землями, которыя начинались за юрковицкимъ ручьемъ. На третьемъ и четвертомъ листахъ атласа Закревскаго городская ограда и находившіяся съ этой стороны „бискупскія" ворота, придвинуты къ самому ручью; но съ правильностью такого указанія нельзя согласиться. Въ разграниченіи городскихъ и кирилловскихъ земель, 1701 года, прямо говорится, что „Подгорье горы Шкавицы", ближе юркового потока, должно принадлежать магистрату,—очевидно, оно находилось *внѣ* городской ограды. Въ настоящихъ же „Матеріалахъ" (14) находимъ и болѣе точное указаніе, гдѣ именно находились бискупскія ворота: полковая канцелярія указывала, что „отъ башты бискупской кіевской, Подгородья кіевского, дорога находится саженей маховыхъ двѣсти девяносто три, а отъ рогатокъ (т. е. на юрковицкомъ ручьѣ) село Плоски монастыря кіево-кирилловскаго". Указаніемъ этимъ опредѣляется линія городской ограды и положеніе бискупской проѣзжей башни—у нынѣшней Константиновской церкви, согласно чему и должны быть исправлены планы Закревскаго, тѣмъ болѣе, что въ этомъ мѣстѣ они противорѣчатъ его собственному тексту, опредѣляющему правильнѣе положеніе этой башни (Описаніе Кіева, стр. 388).

Помимо этого указанія, дѣло о Преоркѣ, вновь возбужденное магистратомъ въ 1784 г., даетъ намъ цифру магистратскихъ

подданныхъ на спорныхъ урочищахъ: кромѣ урядовыхъ, мѣщанскихъ и ихъ подсусѣдковъ, въ селѣ Преворкѣ въ 1752 г. состояло дворовъ посполитыхъ, подданныхъ ратушѣ кіевской, 110 и бездворныхъ хатъ 7; въ деревнѣ Сирцѣ—дворовъ 17, бездворная хатка одна; въ деревнѣ Куреневщинѣ дворовъ 49, бездворныхъ хатъ 5 (стр. 9 и 22). Очень значительная часть земель всѣхъ этихъ урочищъ была занята хуторами различныхъ лицъ, въ числѣ 84, съ которыхъ узуфрукторы платили въ городской доходъ по полушкѣ отъ аршина *окружности*, и то только за одну усадебную землю, находившіеся же внѣ усадебъ лѣсъ, покосы, пасѣки и т. под. были свободны отъ платежа вовсе. Составленная въ 1782 г. подробная опись всѣхъ этихъ хуторовъ (стр. 39—81) интересна преимущественно въ бытовомъ отношеніи, указывая сословный составъ хуторянъ, переходы владѣній и внѣшній порядокъ ихъ хозяйственнаго устройства. Она могла бы, вѣроятно, служить также практическимъ пособіемъ при повѣркѣ городскихъ земель въ настоящее время, если еще не поздно, т. е. если есть еще что повѣрять.

Третье дѣло, 1781 года, касается „заднѣпровской воскресенской Слободки, почему оная во владѣніи губернаторовъ состоитъ". Въ этомъ дѣлѣ находимъ любопытное указаніе, что земля эта была первоначально надана воскресенской церкви Евстафіемъ Дашкевичемъ, запись котораго подтверждена, 24 августа 1577 г., *зятемъ* Дашкевича, княземъ Евстафіемъ Ружинскимъ, почему и носила названіе земли Евстафьевской, а въ церкви устроенъ былъ придѣлъ во имя св. Евстафія Плакиды,—онъ существуетъ и въ настоящее время. По вѣдомости кіево-подольской протопопіи 1784 г. это была сначала отдѣльная церковь, а соединена съ воскресенскою при постройкѣ, вмѣсто двухъ деревянныхъ, одной каменной, въ 1670 году (Закревскій, стр. 221). Этимъ указаніемъ объясняется переселеніе Ружинскихъ съ Волыни въ Кіевщину, а начало связи ихъ съ козачествомъ отодвигается въ первую половину XVI вѣка. Образовавшееся впослѣдствіи на Евстафіевской землѣ поселеніе получило названіе воскресенской слободки, противъ которой находился и перевозъ изъ Кіева; а здѣсь раздѣлялись дороги на востокъ—Басанская, и на юговостокъ—Остролуцкая. Очевидно, это тотъ самый, древній, перевозъ, о которомъ упоминаетъ ипатская лѣтопись подъ 1146 годомъ по поводу битвы Изяслава Мстиславича съ Ольговичами; одинъ изъ послѣднихъ, Святославъ, „бѣжа на устье Десны за Днѣпръ", послѣ чего по-

бѣдители „идоша до нихъ до Вышегорода, и до Днѣпра, до устья Десны, *и до перевоза до кіевского*, сѣкуще я“ (П. С. Р. Л., т. II, стр. 24). „Во время же турецкихъ походовъ прописанной слободки обыватели, имѣя свое селеніе на берегу, *при самомъ перевозѣ* чрезъ рѣку Днѣпръ, и отъ переходящихъ командъ претерпѣвая разныя обиды и разоренія, для охраненія отъ оныхъ себя просили у бывшаго тогда кіевскаго губернатора, кн. Димитрія Мих. Голицына (1715—1719 г.), залоги (т. е. караула), какова какъ отъ его с—ва, такъ и отъ бывшихъ по немъ губернаторовъ кіевскихъ давана была“. Постепенно защита губернаторами воскресенцевъ превратилась въ завладѣніе, такъ что и самая слободка получила уже названіе „Губернаторской“, пока въ 1781 г. причтъ и прихожане воскресенской церкви не стали хлопотать у гр. Румянцева о возвратѣ церковнаго имѣнія. На соотвѣтственный запросъ, кіевская губ. канцелярія не могла отыскать никакого основанія къ такому завладѣнію, и слободка, вѣроятно, была возвращена церкви, съ тѣмъ, конечно, чтобы вскорѣ совсѣмъ отойти въ казну.

Въ дѣлѣ этомъ упоминается, между прочимъ, что „въ 1577 году ноября 17 дня за нѣкоторую часть оного Евстафіевского грунту Станиславъ Колантай, дѣтей Ивана Вигуры опекунъ, имѣлъ споръ“. Вигуры были владѣльцами сосѣдняго села, носящаго и теперь ихъ имя—Вигуровщина. Такъ какъ это поселеніе весьма древнее, то мы воспользуемся случаемъ возстановить настоящее его имя. Въ житоміреской актовой книгѣ 1664 г., по списку центральнаго архива № 21, на листѣ 8, записана жалованная королевская грамота 1653 г. Льву Тышѣ-Быковскому на селище *Витославское*, alias *Вигуровщину*, въ кіевскомъ воеводствѣ, надъ Днѣпромъ. Актъ этотъ, внесенный уже по выписи изъ коронной метрики, возбудилъ въ насъ сомнѣніе: не исказили-ль многократные переписчики буквы *M* въ *W* и *l* въ *t*, т. е. не слѣдуетъ-ли здѣсь читать „Miłosławskie“. Въ справедливости этой догадки насъ убѣждаютъ слѣдующія обстоятельства: 1) Милославичи лежали за Днѣпромъ противъ Кіева: по лѣтописи Быховца, князь Скиргайло, въ 1396 г., былъ на пиру на митрополичьемъ дворѣ, у святой Софіи, откуда поѣхалъ на ловы за Днѣпръ къ Милославичамъ, тамъ заболѣлъ, и немедленно вернулся въ городъ,—очевидно, разстояніе очень недалекое; 2) въ описаніи кіевскаго замка 1545 г., въ числѣ замковыхъ селъ, Милославцы упомянуты вмѣстѣ съ Погребами, лежащими по сосѣдству съ Вигуровщиной и 3) по люстраціямъ 1616 и 1622 г., замковымъ

селомъ Милославичами владѣетъ кіевскій городничій Станиславъ Вигура[1]). Отнюдь, однако, не слѣдуетъ смѣшивать этихъ Милославичъ съ лѣтописнымъ (1151 г.) Мирославскимъ сельцомъ: то находилось гораздо ниже, у Витичевскаго брода.

Намъ остается разсмотрѣть въ „Матеріалахъ" еще одно дѣло—о крещатицкой землѣ. Дѣло это заключалось въ спорѣ михайловскаго монастыря о захватѣ принадлежащихъ ему земель и постройкѣ на нихъ „казенной австеріи, провара, солодовни и погреба съ анбарами", тогда какъ монастырь встрѣтилъ со стороны генералъ-губернаторской канцеляріи препятствіе въ постройкѣ на той-же собственной его землѣ „провара, воскобойни и винокурни". По указу сената, куда обращался съ жалобой архимандритъ, губернская канцелярія должна была разслѣдовать о принадлежности земли, на которой находились означенныя постройки, и нѣтъ-ли о ней спора со стороны магистрата, питейная монополія котораго могла подвергнуться нарушенію со стороны монастыря. Магистратъ, или, вѣрнѣе говоря, писарь его Николай Родуцкій, поспѣшилъ воспользоваться случаемъ и заявилъ, что указываемая архимандритомъ какъ монастырская земля—на самомъ дѣлѣ есть городская, а въ собственность принадлежитъ ему, Родуцкому. Оказывается, что споръ шелъ о той землѣ, владѣніе которою подтверждено было монастырю Жигимонтомъ I въ 1523 г., въ такихъ границахъ: „земли къ тому монастырю.... по самый валъ, и по лядскіи ворота, и по Евсейкову долину, по старую дорогу, по михайловскій взвозъ". Точное опредѣленіе упоминаемыхъ здѣсь урочищъ было-бы очень интересно для уясненія топографіи древняго Кіева. Настоящее спорное дѣло даетъ въ этомъ отношеніи нѣсколько указаній, которыми мы и намѣрены воспользоваться.

Конечно, мѣстность эта подверглась въ настоящее время такимъ измѣненіямъ, что возстановленіе ея древней урочищной терминологіи очень затруднительно и всегда можетъ возбуждать возраженія. Остановимся, однако, на слѣдующихъ указаніяхъ: монастырь представилъ изъ приказной избы отъ 9 февраля 207 (1699) года, что „по досмотру и по мѣрѣ... въ дачѣ по урочищамъ отъ долины Евсейковой, которая сошлась того мѣста *къ берегу рѣки Почайны, съ крещатицкимъ взвозомъ обще*, идучи старою набережною

---

[1]) Опись актовой книги, № 21, стр. 3. Матеріалы для историч. топографіи Кіева, отд. I, стр. 34 и отд. III, стр. 31. Jabłonowscі, Źródła dziejowe, т. V, стр. 101 и 131.

дорогою отъ крещатицкой башни и сквозь крещатицкую башню, по конецъ мосту, что нынѣ вновь построенъ былъ къ церкви Рождества Христова, противъ михайловскаго взвоза, что нынѣ противъ михайловской калитки, въ длину 203 сажени, а поперегъ, отъ того крещатицкаго мосту прямо на гору къ михайловской-же калиткѣ 164 сажени". Отсюда видно, во-первыхъ, что Евсейкова долина спускалась къ Днѣпру, соединившись съ крещатицкой; Крещатикомъ-же, какъ видно по другимъ древнимъ источникамъ, называлось мѣсто, гдѣ нынѣ нижній памятникъ св. Владиміра; во вторыхъ, взвозъ пересѣкалъ соединенныя долины, черезъ которыя и былъ устроенъ мостъ; въ-третьихъ, у нижняго конца этого моста начинался нѣкогда михайловскій взвозъ, въ 1699 г. уже не существовавшій, „прямо на гору къ михайловской калиткѣ". Начнемъ съ послѣдняго. Существующія пѣшеходныя тропинки идутъ и теперь еще въ направленіи древняго спуска, который начинался между михайловской оградой и церковью Трехъ Святителей (вершина его засыпана очень недавно), противъ лежащаго отрога горы, у котораго онъ развѣтлялся: влѣво шелъ боричевъ взвозъ, а вправо, гдѣ нынѣ оканчивается Александровская гора, сейчасъ за верхнимъ памятникомъ св. Владиміра, это и есть древній михайловскій взвозъ. Опредѣливъ одну границу монастырской земли, отправимся отсюда вверхъ вдоль соединенныхъ долинъ крещатицкой и Евсейковой. Такъ какъ граница монастырской земли шла далѣе къ лядскимъ воротамъ, т. е. къ *верхнему* городу, то очевидно, что, идя снизу, крещатицкая долина оставалась *влѣво*, а Евсейкова *вправо*. Очертанія мѣстности показываютъ, что первою изъ нихъ можетъ быть только долина между институтской горою и нынѣшней Александровской улицей. То-же, что мы нынѣ называемъ Крещатикомъ, на самомъ дѣлѣ и есть Евсейкова долина. Вершина-же ея, повернувъ также влѣво, между нынѣшними улицами институтской и лютеранской, засыпана на нашихъ глазахъ подъ новую банковскую улицу. Михайловскій намѣстникъ такъ и опредѣлялъ ея направленіе: „выѣхавъ изъ города Верхнего Кіева въ ворота къ Печерскому, на праву сторону по за *Кловомъ* у яръ, у якого яру, гдѣ теперь взвозъ скидаютъ, оная Евсейкова долина окончалась". Граница-же монастырской земли сворачивала вправо, къ лядскимъ воротамъ, т. е. вдоль нынѣшняго козьеболотнаго переулка, отсюда упиралась въ валъ, гдѣ теперь присутственныя мѣста, и оканчивалась у сѣверо-западнаго угла михайловской ограды, т. е. начала михайловскаго взвоза.

Судить о степени основательности нашихъ соображеній предоставляемъ спеціалистамъ. Мы-же закончимъ свою замѣтку пожеланіемъ заслуженнаго успѣха трудамъ почтенной редакціи „Губ. Вѣдомостей", продолженія которыхъ ожидаемъ съ нетерпѣніемъ.

Ив. Новицкій.

E. Chantre. Recherches paleoethnologiques dans la Russie méridionale et spècialement au Caucase et en Crimée. Lyon. 1881.

Э. Шантръ. Палеэтнологическія изслѣдованія въ южной Руси, особенно-же на Кавказѣ и въ Крыму, Ліонъ. 1881 г.

Извѣстный французскій археологъ, снискавшій себѣ прочную репутацію серьезнаго ученаго многочисленными трудами по археологіи и этнологіи, особенно же капитальною работою о бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Роны, г. Эрнестъ Шантръ, посвятилъ книжку, заглавіе которой мы выписываемъ, доисторической археологіи и этнологіи южной Россіи. Книжка эта явилась вслѣдствіе путешествія, предпринятаго г. Шантромъ на московскую антропологическую выставку; на обратномъ пути г. Шантръ посѣтилъ Кавказъ, Крымъ и Одессу; собранные имъ наблюденія на мѣстѣ и осмотръ музеевъ на югѣ Россіи доставили ему матеріалъ для очерка, изданнаго подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Г. Шантръ говоритъ, что онъ поставилъ цѣлью своего путешествія собрать данные по слѣдующимъ четыремъ вопросамъ: 1) констатировать существованіе бронзоваго вѣка въ южной Россіи и указать его связь съ аналогическимъ періодомъ въ западной Европѣ и передней Азіи, 2) изслѣдовать могильники Осетіи и Грузіи, содержащіе деформированные (макроцефалическіе) черепа, 3) прослѣдить оставшіеся до настоящаго времени у туземцевъ Кавказа пріемы деформаціи череповъ и 4) опредѣлить расположеніе и время постановки мегалитическихъ памятниковъ на Кавказѣ и въ Крыму. Недостатокъ времени заставилъ г. Шантра отказаться отъ послѣдней задачи. Наблюденія его надъ могильниками и черепами Грузіи и Осетіи имѣютъ характеръ строго мѣстный кавказскій, такъ, что мы уже упомянемъ только о рѣшеніи г. Шантромъ перваго изъ постановленныхъ имъ вопросовъ, какъ относящагося вообще къ южной Руси. Къ несчастью для рѣшенія этого вопроса наблюденій и свѣдѣній г. Шантръ успѣлъ

собрать слишкомъ мало, и потому рѣшаетъ его весьма поверхностно и по предвзятой впередъ мысли. Притомъ, какъ намъ кажется, г. Шантръ не даетъ себѣ яснаго отчета о томъ, какой районъ онъ разумѣетъ подъ названіемъ „южной Россіи" и вслѣдствіе этого частнымъ фактамъ даетъ слишкомъ широкое примѣненіе, подтверждая свои выводы весьма неопредѣленными и неточными ссылками.

Г. Шантръ утверждаетъ, что онъ убѣдился въ существованіи бронзоваго вѣка въ южной Россіи и что предметы бронзовые, найденные у подножія Кавказа и на берегахъ Чернаго моря, должны быть отнесены къ начальному періоду металлургіи и указываютъ путь распространенія древнѣйшаго металлоплавительнаго искусства изъ Индіи въ Европу (стр. 8--11). Въ доказательство своего положенія авторъ приводитъ указанія на предметы бронзовые, найденные въ бассейнѣ Днѣпра; но при этомъ г. Шантръ не указываетъ, откуда онъ заимствовалъ свѣдѣнія о приводимыхъ находкахъ, и мѣстности называетъ до того неточно, что мы не можемъ дать себѣ о нихъ никакого отчета. Вотъ его перечень: „въ деревнѣ князя Григорьева на берегахъ Конки (не должно-ли разумѣть село Григорьевку, днѣпровскаго уѣзда, таврической губ.?) не вдалекѣ отъ Днѣпра нашли 50 топоровъ (?) и слитки бронзы. Въ Гилеи (sic!) у села Малые Копани, въ Херсонскомъ (sic) на берегахъ Шуты и въ Пултанѣ (sic) на Днѣпрѣ найдены топоры, копья и стрѣлы вмѣстѣ съ отливными формами" (стр. 10). Вотъ и всѣ данныя о южной Руси, на основаніи которыхъ авторъ дѣлаетъ вышеуказанный выводъ. Конечно, ни въ географическихъ терминахъ г. Шантра разобраться не возможно, ни въ точности его указаній нельзя быть увѣреннымъ, такъ какъ онъ не объясняетъ, кѣмъ сообщены ему были приведенныя свѣдѣнія. Но допустивъ даже, что въ небольшомъ районѣ у устья Днѣпра (въ днѣпровскомъ уѣздѣ) и найдены были указанные предметы, то во всякомъ случаѣ они не даютъ права дѣлать заключеній о существованіи бронзоваго вѣка во всей южной Россіи.

Между тѣмъ всѣ понынѣ собранныя коллекціи и научно произведенныя раскопки заставляютъ насъ предполагать, что первобытные жители южно-русскаго края пользовались каменными исключительно орудіями до того времени, пока колонизація новыхъ пришельцевъ, двигавшихся отъ береговъ Чернаго моря, не познакомила ихъ съ металлическимъ производствомъ. Но пришельцы эти появились уже вооруженные желѣзомъ и потому

бронзовый вѣкъ не только не могъ развиться, но и вовсе не существовалъ въ южно-русскомъ краѣ. Если отстранить тѣ бронзовые предметы, которые продолжали существовать совмѣстно съ желѣзомъ и которые обыкновенно вмѣстѣ съ нимъ и встрѣчаются въ курганахъ (украшенія, зеркала, наконечники стрѣлъ и булавы), то понынѣ, на сколько намъ извѣстно, найдены были только два характерные экземпляра бронзовыхъ предметовъ на всемъ пространствѣ семи южно-русскихъ губерній днѣпровскаго бассейна; это два цельта: одинъ найденъ въ черкасскомъ уѣздѣ (коллекція Волошинскаго) и одинъ въ васильковскомъ (коллекція г. Витковскаго). Конечно столь рѣдкія находки должны быть сочтены случайно попавшими извнѣ на территорію южно-русскаго края, и пока новыя точныя данныя не явятся въ подтвержденіе теоріи, высказанной г. Шантромъ, мы будемъ въ правѣ считать эту теорію гипотезою, основанною лишь на поверхностномъ и неточномъ наблюденіи, и будемъ сомнѣваться въ существованіи бронзоваго вѣка въ южной Руси вообще и въ бассейнѣ Днѣпра въ особенности. **В. А.**

---

1) Бердичевъ. Сост. командиромъ 1 батал. 32 артил. бриг. полк. Петроковымъ. стр. II + 57, 2) Шпола. Сост. рыльскаго полка штабъ-капит. Шмидтомъ въ апрѣлѣ 1882 г. Стр. 10. 3) Каменецъ-Подольскъ. Сост. каменецъ-под. уѣзднымъ воин. нач. полковн. Н. Л. Островерховымъ. Стр. 37.

Брошюры эти составляютъ начало цѣлаго ряда подобныхъ описаній городовъ и главнѣйшихъ мѣстечекъ юго-западнаго края, изданіе которыхъ предпринято мѣстнымъ окружнымъ штабомъ, съ тѣмъ, чтобы они послужили впослѣдствіи матеріаломъ для составленія общаго военно-статистическаго описанія губерній кіевскаго военнаго округа. Не касаясь этихъ описаній, по ихъ спеціальной цѣли и содержанію, во всемъ ихъ объемѣ, скажемъ нѣсколько словъ лишь о той ихъ части, которая отвѣчаетъ первому вопросу составленной окружнымъ штабомъ программы: „Краткая исторія, основаніе города или мѣстечка и дальнѣйшее его развитіе“.

Въ описаніи Бердичева находимъ очень много неточностей. Здѣсь говорится, будто Бердичевъ упоминается впервые въ 1546 г., подъ именемъ села Беричикова, въ актѣ разграниченія

между Литвою и Украйною (sic), настоящимъ-же своимъ именемъ названъ первый разъ въ 1627 г., въ актѣ фундаціи кіевскимъ воеводою Янушемъ Тышкевичемъ бердичевскаго кармелитскаго монастыря. Не имѣя въ настоящую минуту подъ рукою разграниченія 1546 г., ни въ его первомъ, отдѣльномъ изданіи 1758 г., подъ заглавіемъ: „Dukt granic" и т. д., ни въ первомъ томѣ виленскаго „Археографическаго сборника", затрудняемся опредѣлить упоминаемое тамъ Беричиково, но во всякомъ случаѣ оно не можетъ быть Бердичевомъ. Разграниченіе производилось между Литвою и Польшею, т. е. въ данной мѣстности между Волынью, а далѣе Украйною, воеводствами кіевскимъ и позднѣйшимъ брацлавскимъ, какъ составными частями Литвы, съ одной стороны, и принадлежавшимъ Польшѣ воеводствомъ подольскимъ, съ другой; Бердичевъ не прилегалъ къ границамъ Подоліи, проходившимъ далѣе къ юго западу; даже и брацлавская граница проходила гораздо южнѣе, около Махновки и Пиковца, такъ что авторъ ошибается и тамъ, гдѣ утверждаетъ, будто „до раздѣла Польши Бердичевъ числился въ брацлавскомъ воеводствѣ": городъ этотъ всегда принадлежалъ къ житомірскому повѣту кіевскаго воеводства. Въ числѣ источниковъ описанія упомянуты „Акты, изд. кіевской археологической (sic) коммисіей", — а въ одномъ изъ этихъ изданій, именно въ 1-мъ томѣ 6-й части, снабженномъ алфавитнымъ указателемъ, Бердичевъ упоминается гораздо ранѣе 1627 года: въ 1611 г. этотъ *городъ*, съ селами Быстрикомъ и Жидовцами, былъ отдаваемъ Фридр. Тышкевичемъ въ аренду Григорію Чернику; еще ранѣе, въ инвентарѣ города Слободищъ 1593 г., упоминается, „miasto nowoosiadłe Berdyczow, w którym podymja osiadłego sto czterdzieści"; въ 1627 г. Янушъ Тышкевичъ кіевскимъ воеводою еще не былъ, а сталъ имъ только съ 1630 г. Упоминаніе о разореніи Бердичева козаками въ 1647 г. мы считаемъ за опечатку вмѣсто 1648 г., но и самый фактъ не вѣренъ,—напротивъ, козаки хотя и взяли тогда Бердичевъ, но даже оберегли его и окрестности отъ татаръ: Жолкевскій писалъ къ канцлеру Оссолинскому, 8-го іюня 1648 г., объ Ордѣ: „stali pod Berdyczowem, a nie wzięli nic..., w Bystrzyku y naymnieyszey rzeczy nie wzięli". Нельзя считать за такую-же опечатку нѣсколько разъ повтореннаго искаженія фамиліи „Завишъ" вмѣсто „Завиша". Преданіе, будто въ раздорахъ кармелитовъ съ Тышкевичами, въ 1660-хъ годахъ, козаки принимали сторону первыхъ, не выдерживаетъ никакой критики; ни одинъ козацкій полков-

пикъ того времени не могъ говорить, что католическіе монахи „противъ козаковъ ничѣмъ не провинились", — наоборотъ, монаховъ этихъ козаки считали одними изъ злѣйшихъ своихъ враговъ, а истребленіе ихъ—дѣломъ полезнымъ и даже богоугоднымъ. Замѣтимъ еще, что въ перечнѣ печатныхъ источниковъ по Бердичеву встрѣчаемъ изданія едва-ли существующія, какъ напримѣръ „Евреи и поляки въ юго-западномъ краѣ", Драгоманова, а особенно „Piesnia o Kiowi", Скальковскаго. Сколько мы знаемъ, оба извѣстные писателя Скальковскіе, отецъ и сынъ, писали всегда по-русски и никто изъ нихъ не сочинялъ на хорватскомъ или сербско-далматскомъ нарѣчіи „Пѣсни о Кіевѣ".

Историческія свѣдѣнія о Шполѣ чрезмѣрно скудны. Авторъ не упомянулъ даже владѣльцевъ мѣстечка между кн. Потемкинымъ и Ив. Ал. Орловымъ, какими послѣдовательно были: ген. Высоцкій, Н. Лопухинъ и ген. Скородули. Вообще, объ этомъ мѣстечкѣ нужно замѣтить, что оно должно было существовать прежде подъ другимъ именемъ; въ документахъ оно появляется внезапно, во второй половинѣ прошлаго вѣка, уже въ качествѣ города, съ двумя церквями, построенными въ 1780-хъ годахъ на мѣстѣ древнѣйшихъ,—слѣдовательно, поселеніе существовало гораздо раньше.

Что касается историческаго очерка Каменца, то онъ не подлежитъ нашему разбору, такъ какъ авторъ съ похвальной скромностью заявилъ, что свѣдѣнія имъ заимствованы изъ статьи г. Сементовскаго, и только напрасно послѣдній, по корректурному недосмотру, превращенъ въ Симантовскаго.

Говоря вообще, мы считаемъ въ высшей степени полезнымъ и интереснымъ изданіе описаній отдѣльныхъ городовъ, мѣстечекъ и даже селеній, въ которыхъ-бы наиболѣе новымъ и точнымъ статистическимъ даннымъ предпосылались обстоятельные историческіе очерки. Но при этомъ историческому элементу должно быть отводимо самостоятельное мѣсто, объемъ его долженъ быть достаточно обширенъ, и обработка произведена лицами, спеціально занимающимися мѣстнымъ историческимъ изученіемъ Какъ образецъ подобной обработки, можемъ указать статью В. Б. Антоновича о м. Ходорковѣ въ „Кіев. Губ. Вѣд." 1870 года. Конечно, подобная задача никоимъ образомъ не можетъ входить въ кругъ дѣятельности учрежденій вѣдомства военнаго. Намъ кажется, что органамъ послѣдняго достаточно ограничиться, по 1-му пункту программы, собраніемъ, если представится случай,

историческаго матеріала, который можетъ быть утилизованъ при составленіи общаго описанія края, или же изданъ отдѣльно. Въ самыя-же описанія вполнѣ достаточно включать краткія заимствованія изъ спеціальныхъ изслѣдованій, какъ это сдѣлалъ г. Островерховъ, и вообще приводить только факты, уже установленные. Пользованіе-же случайными и непровѣренными указаніями не только безполезно, ничего не внося въ науку, но даже вредно, сообщая офицерскому корпусу, для котораго изданіе преимущественно предназначено, ошибочныя историческія свѣдѣнія. Требовать исторической критики отъ составителей, спеціалистовъ по совершенно иному дѣлу,—невозможно. И невозможно имъ ни въ какомъ случаѣ ставить въ вину невольныхъ въ чуждой области промаховъ и ошибокъ.

Ив. И.

Сборники малорусской орнаментики. (Украинскій орнаментъ О. Косачъ, Южно-русская орнаментика Волкова, Южно-русскій народный орнаментъ П. Литвиновой; Сборники „украинскаго орнамента“ А. Лисенко, Махно, Квитко и др.).

Орнаментика всякаго народа представляетъ очень значительную и характерную часть этнографіи; въ желаніи и способности украшать извѣстнымъ образомъ предметы своей ближайшей обстановки сказывается степень культуры даннаго народа, культуры, въ которой могутъ быть отысканы какъ элементы чуждые, внесенные путемъ заимствованія и подражанія, такъ и элементы самобытные. Съ этой точки зрѣнія орнаментика можетъ быть изучаема и исторически, такъ какъ, зарождаясь вмѣстѣ съ самыми примитивными зачатками культуры, орнаментика сопутствуетъ и всё дальнѣйшее развитіе ея, идя отъ дѣтскихъ, наивныхъ способовъ украшенія первичнаго періода до изысканности стиля у народа вполнѣ цивилизованнаго.

Археологу, этнографу-историку хорошо извѣстно значеніе орнаментики, которая нерѣдко служитъ цѣннымъ подспорьемъ въ научныхъ изысканіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, весьма часты случаи, когда одна орнаментная отдѣлка, подобно краснорѣчивымъ письменамъ, проливаетъ свѣтъ на объясненіе загадочнаго памятника прошлаго.

Что касается до орнаментики малорусской, то приходится сказать, что широкое изученіе ея принадлежитъ лишь будущему; до сихъ поръ не собраны и не изданы даже матеріалы этой отрасли нашей этнографіи, не собраны въ такой полнотѣ, какъ это выпало на долю напримѣръ нашимъ памятникамъ устнаго народнаго творчества.

А между тѣмъ матеріаловъ этихъ имѣется такъ много. Желающіе могли-бы встрѣтить и въ настоящее время массу предметовъ, носящихъ на себѣ слѣды народнаго орнаментнаго стиля. Кромѣ того, сколько еще остается въ забвеніи старинныхъ вещей съ весьма интересной и характерной отдѣлкой. Въ этомъ отношеніи и наши церкви могли-бы дать богатѣйшій матеріалъ для изслѣдователя орнаментики, такъ много могъ-бы онъ найти въ нихъ интереснаго по части орнаментныхъ изображеній, церковной утвари, ковровъ и разныхъ другихъ вещей, носящихъ на себѣ отпечатокъ мѣстнаго искусства.

Подобнаго обширнаго изданія, конечно, остается ждать лишь въ будущемъ.

Пока обратимся къ тѣмъ сборникамъ украинской орнаментики, какіе явились путемъ предпріимчивости отдѣльныхъ частныхъ лицъ, которымъ, пожалуй, и не подъ силу было бы издательство въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, о которыхъ говорилось выше.

Въ вышедшихъ сборникахъ малорусской орнаментики наиболѣе посчастливилось вышивкамъ, которыя, впрочемъ, и на самомъ дѣлѣ представляютъ весьма видную сторону нашей народной орнаментики.

Первымъ сборникомъ этого рода явился сборникъ г-жи Косачъ „Украинскій орнаментъ", который и до сихъ поръ остается наиболѣе полнымъ и разнообразнымъ, такъ какъ въ него включено очень много образцовъ вышивокъ, съ прибавленіемъ характерныхъ образцовъ тканья и писанокъ. Матеріалъ этого сборника расположенъ въ систематическомъ порядкѣ, объясненномъ въ предисловіи, приложенномъ къ сборнику и представляющемъ собою нѣкотораго рода этнографическое изслѣдованіе. Не вдаваясь, за неимѣніемъ мѣста, въ разборъ этого изслѣдованія, скажемъ, что какъ оно, такъ и предисловіе г-на Волкова ко 2-му сборнику въ этомъ-же родѣ („Южно русскій орнаментъ", приложеніе къ трудамъ 3 го археолог. съѣзда)—представляютъ собою начало научно-этнографической разработки малорусской орнаментики.

Можно было-бы надѣяться, что послѣдующіе труды въ этомъ родѣ будутъ разработывать дальше интересную область. И въ самомъ дѣлѣ вслѣдъ за этими сборниками появляются одинъ за другимъ, включительно до послѣднихъ дней, изданія малорусскаго орнамента: сборники А. Лисенко, Квитко, Махно, г-жи Литвиновой, Макаровой и др.

Къ сожалѣнію, сборники эти вовсе не служатъ продолженіемъ тѣхъ началъ, на которыхъ были изданы два первые упомянутые сборника: новѣйшія изданія не имѣютъ ровно ничего общаго съ какой-бы-то ни было наукой. Еще сборникъ г-жи Литвиновой обнаруживаетъ попытку издательницы придать своему сборнику этнографическій характеръ, по крайней мѣрѣ матеріалъ собранъ въ извѣстной мѣстности и снабженъ нѣсколькими страницами текста, хотя бѣгло поясняющаго нѣкоторыя частности матеріала. Что же касается до остальныхъ названныхъ сборниковъ, то они кажется и не имѣютъ никакой претензіи считаться этнографическими изданіями. Содержаніе ихъ представляетъ собою совершенно случайный сборъ образцовъ, который было-бы даже мудрено подвести подъ какую нибудь систему; издательницы и издатели словно задались цѣлью издать сборники какихъ нибудь узоровъ, пригодныхъ для практическаго употребленія (и при томъ исключительно узоровъ вышиванья). Неразборчивость издателей при наполненіи сборника доходитъ до того, что для нихъ даже безразлично, имѣетъ-ли издаваемый матеріалъ по крайней мѣрѣ интересъ новизны, такъ напримѣръ очень многіе образцы сборника А. Лисенко уже были въ изданіи г-жи Косачъ и являются у А. Лисенко какъ-бы одной перепечаткой. Такія совпаденія въ новѣйшихъ сборникахъ „Орнаментовъ" даже не поясняются, такъ какъ и вообще какой-бы то ни было пояснительный текстъ при нихъ не существуетъ.

Конечно, и эти сборники имѣютъ свой raison d'être, такъ какъ находятъ свою публику, которая можетъ удовольствоваться любымъ сборникомъ „узоровъ"; но съ научной стороны изданія эти, не скажемъ, что роняютъ этнографическую науку, а просто имѣютъ съ нею столь-же мало общаго, какъ напримѣръ иной „самый модный пѣсенникъ" съ этнографическимъ изданіемъ народныхъ пѣсенъ.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

КІЕВО-ВЫДУБИЦКІЙ ПЕРЕВОЗЪ НА ДНѢПРѢ И ЕГО НЕЖДАННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ.

Съ самыхъ отдаленныхъ временъ главный перевозъ черезъ Днѣпръ подъ Кіевомъ существовалъ не на мѣстѣ теперешнихъ мостовъ, а ниже ихъ, именно противъ устья р. Лыбеди. Еще въ начальной лѣтописи упоминается, что въ 1097 г. „приде Василко (Ростиславовичъ) въ 4-е ноября и перевезеся на Выдобичь, иде поклонитися къ святому Михаилу въ манастырь". Съ половины XVII в. перевозъ этотъ находился въ рукахъ честныхъ отцевъ выдубицкаго монастыря, которые содержали два парома и построили за Днѣпромъ мостъ „у Толбина". Тогдашній выдубицкій игуменъ Климентій Старушичъ былъ практическаго ума человѣкъ и усердный радѣтель объ умноженіи монастырскихъ доходовъ. На устьѣ Лыбеди, у самаго перевоза, онъ построилъ мельницу, а при ней корчму съ продажею „горелки, пива и меду". Такую-же корчму онъ поставилъ и на другомъ концѣ перевоза, въ с. Осокоркахъ, принадлежавшемъ тогда выдубицкому монастырю; а третья корчма находилась на Звѣринцѣ, который также лежалъ въ чертѣ владѣній того-же монастыря. Наконецъ тотъ-же смѣтливый игуменъ построилъ „на футорѣ выдубицкомъ винницу горѣлчаную", т. е. винокуренный заводъ. Все это—и перевозъ, и винокурню, и три корчмы, Старушичъ сталъ отдавать въ аренду кіевскимъ мѣщанамъ, и не простакамъ какимъ-либо, а все „славетнымъ дукамъ и богатырямъ": райцамъ, лавникамъ и другимъ урядникамъ ратуша кіев-

скаго. И платили „славетные мѣщане и купци“ кіевскіе хорошую арендную плату инокамъ выдубицкимъ: въ 1653 г. она равнялась 2,000 злотыхъ польскихъ, сверхъ того арендаторъ обязался „на кождый рокъ на потребу монастырскую“ отпускать „горелки доброи 500 квартъ справедливыхъ“, пять каменей воску, двѣ мажи соли и наконецъ—даромъ перевозить братію и челядь монастырскую. За то арендаторъ получалъ право брать со всякаго за перевозъ извѣстную плату — деньгами или товаромъ, кромѣ того ему дозволено было „выбиране соли отъ коломыйцовъ и приходъ отъ глины гончарской на Зверинцу“. Завидно стало инокамъ печерскимъ, что выдубляне имѣютъ богатый доходъ съ перевозу, и вотъ они въ 1656 г. затѣяли съ ними процессъ о незаконномъ якобы присвоеніи печерскихъ монастырскихъ земель на устьѣ р. Лыбеди и права содержать перевозъ на Днѣпрѣ. Для разслѣдованія этого дѣла гетманъ Б. Хмельницкій назначилъ комиссію изъ генеральнаго войскового судьи Антона Ждановича и пана Ѳедора Выговскаго. Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, въ подтвержденіе своихъ претензій, сослался лишь на свидѣтельство мѣстныхъ старожиловъ, показавшихъ, будто въ старину лыбедскій перевозъ принадлежалъ печерскому монастырю; относительно-же документальныхъ доказательствъ онъ заявилъ, что такіе документы были, да погибли: одни сгорѣли въ 1649 г. въ „вежѣ васильковской“, другіе еще раньше панъ Прокопъ Верещака съ собою на Волынь завезъ. За то противная сторона, Старушичъ и его братія, кромѣ такихъ-же свидѣтельствъ старыхъ людей, представили еще цѣлый рядъ письменныхъ доказательствъ въ пользу того, что лыбедскій перевозъ издавна принадлежалъ выдубицкому монастырю, и прежде всего сослались на вышеприведенное лѣтописное свидѣтельство о перевозѣ Василька Ростиславовича, „беручи“ этотъ „доводъ Несторомъ, кройникаромъ або лятописцомъ печарскимъ, киевскимъ, за фундамѣнтъ справы своея“. Въ концѣ концовъ войсковый судъ, въ виду непреложности этихъ архаическихъ свидѣтельствъ, склонился на сторону выдубицкихъ иноковъ и рѣшилъ дѣло въ ихъ пользу. Съ тѣхъ поръ лыбедско-днѣпровскій перевозъ, съ прилегавшими къ нему землями и угодьями, надолго оставался во владѣніи выдубицкаго монастыря и каждый годъ обогащалъ его казну громадными доходами, на зависть братіи сосѣдней печерской обители.

Всякій годъ доставлялъ выдубицкимъ перевозчикамъ не мало работы, но послѣдняя четверть XVII столѣтія дала имъ особенно много дѣла. То была для Малороссіи своего рода эпоха великаго переселенія народовъ. Въ печальную пору „руины", въ гетманство Дорошенка и послѣ него, населеніе правобережной Украйны, разоряемое и истребляемое со стороны разгуливавшихъ по краю турецкихъ полчищъ, татарскихъ ордъ и польскихъ жолнеровъ, вынуждено было бросать землю своихъ отцевъ и искать убѣжища въ лѣвобережной Малороссіи; кто не рѣшался на это добровольно, тѣхъ силой сгоняли козаки гетмана Самойловича, для котораго эта насильственная колонизація подвластнаго ему края была весьма на руку, потому что она лучше всего могла содѣйствовать его соціально-политическимъ видамъ—образованія въ Малороссіи класса крупныхъ землевладѣльцевъ и подчиненія имъ массы посполитаго народонаселенія. Сотнями тысячъ перешли эти несчастные переселенцы на лѣвый берегъ Днѣпра и, конечно, немалая часть ихъ прослѣдовала черезъ Кіевъ и была перевезена монастырскими паромами. Но съ 1680-хъ годовъ начинается обратное движеніе. Около того времени правобережная Малороссія была очищена отъ нашествія иноплеменниковъ, а тогдашній польскій король Янъ Собѣскій, задумавшій грандіозный планъ войны съ турками для освобожденія осажденной ими Вѣны, нуждался въ военныхъ людяхъ и предпринялъ проэктъ возстановленія въ Украйнѣ козачества. Въ этихъ видахъ онъ хотѣлъ прежде всего вызвать въ опустѣлый край народонаселеніе и въ 1684 г. издалъ универсалъ, которымъ уступилъ козакамъ для поселенія земли между Тясминомъ, Тыкичемъ и границами кіевскаго Полѣсья. Мѣра Собѣскаго имѣла громадный успѣхъ. Въ короткое время въ кіевской Украйнѣ одно за другимъ возникли села и мѣстечки, образовались козацкіе сотни и даже полки, а во главѣ ихъ появились такіе талантливые вожди, какъ знаменитый Семенъ Палій, полковникъ бѣлоцерковскій, Самусь—богуславскій, Захарій Искра—корсунскій и др. Между тѣмъ въ лѣвобережной Малороссіи, вслѣдствіе искусственно созданной густоты населенія, народу приходилось поневолѣ вступать въ обязательныя отношенія къ помѣщикамъ-землевладѣльцамъ и вообще жилось плохо. Можно представить, поэтому, съ какою охотою онъ бросился къ возвращенію на свои старыя пепелища, гдѣ заводи-

лись старые козацкіе порядки, гдѣ не было (по крайней мѣрѣ на первое время) помѣщиковъ и гдѣ дѣйствовалъ и всѣмъ управлялъ его любимецъ—Палій. Но такая эмиграція въ конецъ разрушала планы гетмана Мазепы, еще болѣе яраго поборника шляхетско-крѣпостническихъ порядковъ, чѣмъ былъ его предшественникъ, и потому онъ задумалъ силой удержать на своихъ мѣстахъ бѣжавшее населеніе. Въ этихъ видахъ онъ разставилъ почти вдоль всего днѣпровскаго берега охочіе козацкіе полки и строго приказалъ имъ не пропускать бѣглецовъ за границу. Но трудно было справиться ему съ массовымъ движеніемъ взволнованнаго моря народнаго: бѣглецы или уходили черезъ южную, степную границу Малороссіи, или силою прорывались сквозь разставленную береговую цѣпь стражниковъ, или прибѣгали къ мѣрамъ обмана и хитрости, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ говорится въ приводимомъ ниже документѣ. Главное вниманіе гетмана естественно было обращено на существовавшія въ то время переправы черезъ Днѣпръ. Но лица, содержавшія эти переправы, болѣе склонны были заботиться о пріумноженіи собственныхъ выгодъ и доходовъ отъ перевозовъ, чѣмъ о государственныхъ интересахъ, и потому неохотно подчинялись гетманскимъ универсаламъ, запрещавшимъ перевозить переселенцевъ. Особенно слабо исполнялись эти запрещенія въ Кіевѣ, куда, вѣроятно, направлялась главная струя переселенческаго движенія. Оба здѣшніе перевоза, городской и монастырскій, конкуррируя одинъ съ другимъ, день и ночь перевозили „прочанъ“ и клали въ карманы хорошіе барыши. Этимъ и было вызвано въ 1702 г. нижеслѣдующее письмо гетмана Мазепы къ тогдашнему игумену выдубицкаго монастыря Варлааму Страховскому.

„Превелебный въ Богу мосцѣ отче ігумене монастира кіево-выдубицкого, мой велце ласковій господине, отче и пріятелю!

По преможному его царского пресвѣтлого величества указу, не поеднокроть чрезъ монаршіи грамоти выразне до насъ писаному, абы нихто з тутешнихъ малороссійскихъ жителей з сее стороны Днѣпра, з Богомъ хранимои его великого государя державы, на тамтую сторону в заграничній край на жите не былъ пропущанъ, не разъ уже по всѣхъ рейменту нашого полкахъ, а особно по надбережнихъ днѣпровыхъ городахъ (яко и в самій Кіевъ), срокгіи и суровіи посилалисмо унѣверсали, пилно и грозно приказуючи, абы на перевозахъ и переправахъ на сегобочныхъ

людей, в прочку заграницу утекомъ идучихъ, пилная была сторожа и жадного чоловѣка на тамтую сторону Днѣпра жадными мѣрами не пропущано, але жебы кождого такого утѣкача гамовано и назадъ завертано. А теперь донеслося намъ вѣдати, же въ Кіевѣ на перевозахъ мѣскихъ и монастирскихъ, на Днѣпрѣ будучихъ, прочане перевозятся и безъ жадного удержаня з сеей стороны на тамтую сторону Днѣпра переездить и такъ заграницю на жите перебираются. Що яко дѣется противко преможного монархи нашого указу и противко захованюся благопотребнои отчизнѣ нашои народа полности, кгдижъ чрезъ таковый прочаномъ волній переездъ малороссійского народу умаленіе чинится и в городахъ и селахъ значное жителей показуется оскудѣніе, такъ через сей листъ нашъ пилно вашу превелебность упоминаемъ, а тимъ-же монаршимъ указомъ и горливостю о цѣлости и добру посполитомъ обовязуемъ, абысь ваша превелебность на перевозахъ своихъ монастирскихъ сурово приказалъ тымъ, которіи ихъ дозыраютъ, жебы сегобочніе люде, в прочку на тамтую сторону Днѣпра уходячіи, жаднимъ способомъ черезъ Днѣпръ не были пропущаны, але ошемъ задержуваны и назадъ заворочуваны. А того пилно нехай постерегаютъ и доглядуются, жебы в мажахъ и возахъ подъ шкурами жонъ и дѣтей своихъ вмѣсто товаровъ якихъ не вывозили и на перевозахъ такимъ способомъ тыи утѣкачѣ утѣчки своеи не утаили, бо такъ они людей ошукивати звыкли. Абы теды на перевозахъ вашое превелебности монастырскихъ о прочанахъ неоплошная была пилность и остодолжность, жебы жадними мѣрами черезъ Днѣпръ не мѣли переезду, и повторе вашое превелебности пилное о тое жадаемъ и упоминаемъ; кгдыжъ еслибы на которого з дозорцовъ у перевозахъ будучихъ мѣло напотомъ то перевестися, жебы кого з прочанъ на тамтую сторону Днѣпра имѣлъ перепустити, теди тое его дерзновеніе указови монаршому и волѣ нашои гетманской противное, до горлового ему караня стягатися будетъ.

При семъ молитвамъ святымъ вашои превелебности отдаемся.

Вашои превелебности зичливий пріятель Иванъ Мазепа, гетманъ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского".

З Батурина.

Мая 23, року 1702.

(Изъ рукописнаго сборника документовъ кіево-выдубицкаго монастыря).

О. Л.

ЗАМѢТКА НА ЗАМѢТКУ О ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРѢ.

Въ октябрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника", извѣстный нашъ беллетристъ г. Лѣсковъ въ *замѣткѣ* своей: „Слѣдъ ноги Богородицы въ Почаевѣ", написанной по поводу статьи кн. Н. С. Голицына: „Почаевская Лавра въ концѣ іюля 1855 г.", напечатанной въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины", касается и помѣщенныхъ нами въ сентябрской книжкѣ того-же журнала двухъ документовъ, относящихся къ дѣйствіямъ коммисіи, принимавшей почаевскую лавру отъ уніатскихъ монаховъ въ вѣдѣніе православнаго духовенства. Сдѣланные имъ, на основаніи этихъ документовъ и съ помощью другихъ, доступныхъ ему свѣдѣній, выводы кажутся намъ недостаточно подкрѣпленными и вѣрными, и мы хотимъ сказать объ нихъ нѣсколько словъ.

Не будемъ повторять извѣстныхъ уже обстоятелствъ передачи почаевской лавры изъ рукъ уніатскихъ монаховъ въ вѣдомство православное, а равно производившагося по повелѣнію императора Николая слѣдствія о расхищеніи имущества лавры базиліанскими монахами; замѣтимъ только, что ближайшимъ поводомъ къ возвращенію древней лавры въ нѣдра православія послужилъ радушный пріемъ почаевскими иноками отряда польскихъ повстанцевъ 1831 г. подъ предводительствомъ Дверницкаго, другими словами—явное ихъ сочувствіе возстанію, а слѣдствіе о расхищеніи лаврскаго имущества вызвано распущенными, вскорѣ послѣ передачи лавры, польско-католическою партіею слухами о томъ, что почаевская святыня (чудотворная икона и стопа Богородицы) унесена базиліанами изъ лавры за границу, что на мѣстѣ стопы нѣтъ болѣе стопы, подлинная стопа выдолблена базиліанами, а на мѣсто иконы поставлена и сдана православнымъ подлѣльная икона, равно ходившими въ православной средѣ толками о пропажѣ значительной части имущества, накопленнаго въ теченіе долгихъ лѣтъ базиліанами, причемъ уніатско-католическая партія твердила, что члены пріемной коммисіи сильно нагрѣли руки при пріемѣ лаврскаго имущества, а въ средѣ православныхъ толковали, что базиліане выдали значительную часть суммъ и драгоцѣнностей мятежному отряду, а многое скрыли для себя лично про чорный день въ длинный промежутокъ между арестомъ базиліанскаго начальства и прибытіемъ

пріемной коммисіи, когда уніаты имѣли достаточно времени, чтобы развѣдать объ угрожающей базиліанамъ опасности.

Само собою разумѣется, что такъ какъ всѣ эти толки сохранили всю свою силу и въ настоящее время, на что указываетъ и г. Лѣсковъ, то для насъ было-бы весьма важно добыть и привести въ извѣстность производившееся въ ту пору слѣдственное дѣло, которое одно могло-бы опредѣлить дѣйствительное значеніе ходившихъ и оставшихся толковъ насчетъ подлинности почаевской святыни. Но, пока намъ извѣстны только два документа изъ дѣла военно-судной коммисіи по этому слѣдствію, мы по необходимости должны воздержаться отъ выводовъ опредѣленныхъ и рѣшительныхъ. Одинъ изъ этихъ документовъ представляетъ запросъ военно-судной коммисіи, обращенной ко всѣмъ б. членамъ пріемной коммисіи, съ подробнымъ изложеніемъ показаній базиліанъ относительно наличности монастырскаго имущества и способа передачи его православнымъ пріемщикамъ, другой составляетъ показанія одного изъ 12-ти членовъ пріемной коммисіи, іеромонаха Іоанникія. Базиліаны разсказываютъ обстоятельно, съ удивительною точностью относительно даже мелкихъ подробностей, причемъ стараются совершенно обѣлить себя и бросить тѣнь на дѣйствія членовъ пріемной коммисіи. Показаніе іеромонаха Іоанникія скудно фактами, такъ какъ ему порученъ былъ пріемъ такихъ хозяйственныхъ предметовъ, которые держали его вдали отъ всякихъ занятій коммисіи и отъ дѣйствій другихъ, главныхъ членовъ ея. Тѣмъ не менѣе это показаніе уже обнаруживаетъ значительныя противурѣчія въ объясненіяхъ базиліанъ. Вообще-же сами по себѣ эти два документа, открывая широкій просторъ догадкамъ, еще ничего положительнаго не выясняютъ и только прочнѣе устанавливаютъ интересъ къ дѣлу, правильное сужденіе о которомъ возможно будетъ только тогда, когда напечатаны будутъ показанія остальныхъ одинадцати пріемщиковъ, по крайней мѣрѣ главныхъ изъ нихъ, и описи принятаго имущества.

Тѣмъ болѣе насъ удивила и та подозрительность, съ которою г. Лѣсковъ отнесся къ помѣщеннымъ нами документамъ, и та поспѣшность, съ которою онъ приступилъ къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ выводамъ, не имѣя для того достаточно твердыхъ, какъ намъ кажется, данныхъ. Такъ скудныя показанія Іоанникія, хотя изъ нихъ ясно видно, что нельзя довѣряться показаніямъ базиліанъ,

г. Лѣсковъ, по видимому, старается еще болѣе съузить и унизить достоинство ихъ, признавая этого свидѣтеля „какимъ-то совсѣмъ безнамятнымъ“, хотя нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что этотъ свидѣтель, давая свои показанія спустя полтора года послѣ событія и находясь на службѣ вдали отъ Почаева, забылъ про нѣкоторые мелкіе случаи во время пріема лавры, напр. въ который день оконченъ пріемъ лаврскаго ммущества. Отказавши въ довѣріи этому пока единственному свидѣтелю со стороны православныхъ пріемщиковъ, г. Лѣсковъ сомнѣвается въ томъ, чтобы „допрошены были другіе—памятливые“ (пріемщики), хотя изъ отношенія военно-судной коммисіи въ волынскую духовную консисторію (первый изъ напечатанныхъ документовъ) ясно видно, что запросъ обращенъ къ каждому изъ духовныхъ членовъ пріемной коммисіи (всѣхъ шесть), значитъ такой-же запросъ посланъ былъ и свѣтскимъ членамъ этой коммисіи. Въ то-же время г. Лѣсковъ ни словомъ не задѣваетъ показаній базиліанъ, точно въ нихъ нѣтъ никакихъ слабыхъ сторонъ, а открывается одна правда. Не диво, что послѣ этого онъ дошелъ и до огульнаго осужденія дѣйствій пріемной коммисіи. Онъ прізнаетъ все поведеніе ея „страннымъ и срамнымъ дѣломъ“— утверждаетъ, что „пріемщики были заняты совсѣмъ другимъ и объ иконѣ и стопѣ нигдѣ ничего не отмѣтили“, что „пока православные пріемщики справлялись съ пріемомъ казны, утвари, буфета съ погребами, причемъ не умѣли освободить себя отъ скандалезныхъ (?) исторій, сдатчики базиліаны, кажется, дѣйствительно вынесли предметы, казавшіеся имъ болѣе драгоцѣнными и имѣющими такое значеніе, при коемъ къ нимъ слова притекутъ деньги“. „Покрайней мѣрѣ, говоритъ онъ, стаканчикъ отъ стопы не у насъ, а образъ и стопа такъ приняты, какъ будто и не приняты, или словно для обозначенія ихъ у пріемщиковъ не нашлось ни минуты времени и ни одного слова“. „Это теперь, заявляетъ наконецъ г. Лѣсковъ, уже конечно не оспоримо и навсегда оставитъ извѣстную долю вѣроподобія за сказаніями, въ которыхъ передается, „якъ разумни базиляне дурныхъ москалей ошукали и усе святэ до себе заграницю въ кляшторъ забрали“. Намъ кажется однако, что ничего подобнаго не вытекаетъ изъ начечатанныхъ нами документовъ. Прочитавъ ихъ, всякій, конечно, согласится, что до напечатанія прочихъ документовъ нельзя еще ничего сказать какъ о количе-

ствѣ пропавшаго имущества, такъ и о степени виновности въ этомъ дѣлѣ со стороны членовъ пріемной коммисіи, хотя послѣдніе повидимому гарантированы отъ обвиненія за поступки отъ базиліанъ, имѣвшихъ всю возможность растаскать имущество въ трехмѣсячный промежутокъ отъ ареста монастырскаго начальства до прибытія пріемной коммисіи. Мы готовы допустить, что еслибы открыто было подлинное слѣдственное дѣло, то могли-бы открыться нѣкоторыя мелочи изъ дѣйствій пріемщиковъ, въ родѣ того, что становой или засѣдатель стащили по боченку старой водки, поживились рублями изъ разорваннаго мѣшка, исправникъ заполучилъ корову или лошадь, духовнымъ лицамъ досталось по куску матеріи на рясы и под., но можетъ открыться и то, что они вполнѣ добросовѣстно относились къ порученному имъ дѣлу и что если дѣйствительно многое изъ имущества утащено базиліанами, то не на глазахъ ихъ. Во всякомъ случаѣ напечатанные документы ничего еще рѣшительнаго по этому предмету не даютъ и только побуждаютъ къ розысканію и обнародованію остальныхъ документовъ.

Г. Лѣсковъ источникъ своихъ сомнѣній въ этомъ дѣлѣ, какъ кажется, нашелъ въ собранныхъ имъ въ мѣстномъ населеніи сказаніяхъ о томъ, какъ „разумни базиляне дурныхъ москалей опукали и усе святе до себе заграницю въ кляшторъ забрали“; сверхъ того онъ самъ осматривалъ почаевскую святыню, причемъ не нашелъ въ иконѣ древности, а въ „стопѣ“—стопы. Первая оказалась подновленною настолько, что въ настоящемъ видѣ ничто не говоритъ о ея древности, а на мѣстѣ стопы онъ нашелъ только простое углубленіе въ камнѣ, увеличившееся отъ постояннаго тренія въ немъ серебреннымъ черпакомъ. Вотъ что мы можемъ сказать по этому поводу.

Кому приходилось подолгу проживать въ средѣ того населенія, въ которомъ православіе постепенно возрождалось и замѣняло собою унію, или обратно получало католическіе костелы и чтимые въ народѣ предметы, захваченные нѣкогда католиками и уніатами, тотъ хорошо знакомъ съ обычнымъ католическимъ пріемомъ считать всякую народную святыню пропавшею изъ костела или церкви, обращенной въ православный храмъ. „Матерь Божія (икона) ушла отъ схизматиковъ... видѣли ее тамъ и тамъ... тайкомъ увезена до передачи костела православнымъ“... и т. д. Обыкновенно

при этомъ распускаются въ народѣ цѣлыя исторіи объ обстоятельствахъ перехода иконы или другой святыни въ другіе пріюты—католическіе. Наглядѣлись мы этихъ случаевъ и наслушались этихъ толковъ въ холмской епархіи при обращеніи мѣстныхъ уніатовъ въ православіе. Ни одинъ чтимый уніатами предметъ не оставленъ въ этихъ толкахъ на своемъ мѣстѣ, всѣ они католическою молвою переселены то въ католическіе костелы, то въ невѣдомыя мѣста, временно останавливались то въ такомъ-то лѣсу, то на такомъ-то придорожномъ крестѣ, то въ какомъ-либо домѣ, видали ее такіе-то, народъ толпами собирали для поклоненія мѣсту временной остановки святыни, оказывались лица, получившія на этихъ мѣстахъ видѣнія, исцѣленія отъ болѣзней и т. д. То же происходило и во время обращенія бѣлорусскихъ уніатовъ въ 1839 году, и гораздо раньше, при всѣхъ такихъ-же случаяхъ на Волыни, Подольи и Украйнѣ. Попробуйте теперь напримѣръ передать въ руки православныхъ виленскую остробрамскую икону Божіей Матери или старорусскую икону ея — ченстоховскую (говоримъ для примѣра, не видя въ такой передачѣ никакой надобности), обставьте эту передачу всѣми возможными предосторожностями, и тотчасъ появится молва, что икона или подмѣнена католическимъ духовенствомъ, а москалямъ досталась только копія ея, или икона сама ушла отъ нихъ и москали вынуждены были замѣнить ее поддѣльнымъ изображеніемъ. Третируя православіе, какъ схизму, отверженную небомъ, католическое духовенство не можетъ допустить и мысли, чтобы чудотворная икона пожелала остаться въ схизматической церкви. Это было-бы настоящимъ скандаломъ въ глазахъ истыхъ католиковъ, и они во что-бы-то ни стало перемѣщаютъ такую святыню, въ свои, католическіе пріюты, конечно, только въ молвѣ, на словахъ, потому что на дѣлѣ это не легко и ни къ чему не привело-бы.

Если-бы базиліане дѣйствительно увезли икону и стопу изъ почаевской лавры, то неужели они доселѣ скрывали-бы эту святыню и неужели можно было-бы скрыть ее такъ, что доселѣ о ней нигдѣ ничего не слышно? Въ простонародномъ воображеніи „заграница“ дѣйствительно—нѣчто таинственное и всемогущее, „ушелъ заграницу“—точно пропалъ. Но очевидно, что „заграница не такова, чтобы нельзя было узнать о существованіи почаевской святыни,

если-бы послѣдняя дѣйствительно гдѣ либо въ ней скрывалась. Скрывать святыню такъ, чтобы о ней никто не вѣдалъ—не прямо-ли это противурѣчитъ цѣли, для которой она увезена, и самому значенію святыни? Если-бы почаевская святыня находилась въ рукахъ католиковъ и уніатовъ, то развѣ поляки промолчали-бы о ней въ то время, когда они подготовляли возстаніе на Волыни, Подольи и т. д., когда они открывали и торжественно показывали народу *мощи* Іосафата Кунцевича, откопали и торжественно перенесли на Подлясье кости св. Виктора, „поляка IV вѣка", манифестировали со всѣми предметами, имѣвшими для народа значеніе во времена уніи? Отчего не объявятъ этой святыни, если она гдѣ либо скрывается, въ Галиціи, гдѣ въ настоящую пору такъ возбуждена польско-католическая энергія къ охраненію русскаго народа отъ вліянія православія и гдѣ опекуны народа такъ тревожно смотрятъ на пилигримство его въ Почаевъ. Вѣдь она сослужила-бы тамъ теперь такую службу, какъ никогда болѣе. Поляки не давали никакого повода подозрѣвать ихъ въ такой осторожности и сдержанности, чтобы они могли цѣлое полстолѣтіе хранить глубокое молчаніе о предметѣ, способномъ сослужить для видовъ ихъ великую службу...

Думаемъ также, что если-бы существовали какія либо подозрѣнія относительно пропажи почаевской святыни, то императоръ Николай Павловичъ, лично посѣтившій впослѣдствіи Римъ и папу и заключившій конкордатъ съ римскимъ дворомъ, непремѣнно изслѣдовалъ-бы этотъ вопросъ на мѣстѣ и настоялъ-бы на полномъ раскрытіи истины. Но очевидно, что къ такимъ настояніямъ не было никакого повода. Такой знатокъ польско-католическаго міра, какимъ былъ одинъ изъ членовъ пріемной коммисіи, протоіерей Рафальскій, вслѣдъ затѣмъ первый намѣстникъ православной почаевской лавры, впослѣдствіи митрополитъ петербургскій Антоній, самъ вѣроятно бывавшій въ лаврѣ при господствѣ въ ней базиліанъ, какъ вѣроятно бывали въ ней при базиліанахъ и другіе члены коммисіи, что въ то время обычнымъ и повсюднымъ было на Волыни въ средѣ православныхъ, могъ вполнѣ узнать подмѣнъ и собрать о немъ всѣ свѣдѣнія и если онъ не давалъ никакой цѣны базиліанскимъ и бабьимъ толкамъ по этому предмету, то значитъ, что эти толки не имѣютъ основанія. Сама военно-судная коммисія, въ своемъ отзывѣ

въ волынскую духовную консисторію, не выражаетъ никакихъ подозрѣній на счетъ иконы и стопы. Если даже, какъ почему-то полагаетъ г. Лѣсковъ, окажется по обнародованіи прочихъ документовъ, что пріемщики недостаточно подробно описали принимаемую икону и стопу, то и въ этомъ обстоятельствѣ не можетъ быть дѣйствительной пищи для подозрѣній.

Вопросъ о подновкѣ, найденной г. Лѣсковымъ на иконѣ, очевидно, относится къ художественному вкусу монастырскаго начальства и къ степени разумѣнія имъ значенія церковной древности и едва-ли можетъ что либо прибавить для рѣшенія дѣла о подлинности почаевской иконы. Равнымъ образомъ ничего не доказываетъ относительно подлинности „стопы" заявленіе г. Лѣскова о настоящемъ видѣ ея. *Gutta cavat lapidem*, черпакъ также дѣлалъ свое дѣло въ теченіе вѣковъ, и не благоразумно было-бы желать, чтобы для поддержанія нашей слабой вѣры ежеминутно „побѣждались естества уставы"...

Отъ почаевской святыни г. Лѣсковъ переходитъ къ значенію почаевской лавры въ настоящее время и по поводу высказанныхъ нами въ предисловіи къ упоминаемымъ документамъ замѣчаній о необходимости поднять лавру до ея прежней высоты, говоритъ, что лавра „сдѣлала свое историческое дѣло", что „благополучное время для нее прошло", что „поднять этотъ монастырь до того значенія, какое онъ имѣлъ въ періодъ уніатскій, теперь, кажется, напрасно и мечтать. Этому, по его мнѣнію, много помѣхъ не въ однихъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, но и въ общемъ складѣ житейскихъ условій и въ самомъ духѣ времени, который, чтобы противъ него ни дѣлали, самъ сильнѣе всѣхъ дѣятелей и всѣхъ передѣлываетъ". На какія именно „помѣхи" указываетъ онъ въ „мѣстныхъ обстоятельствахъ" и „въ складѣ житейскихъ условій", про какой всемогущій духъ, способный „всѣхъ передѣлать", говоритъ онъ, этого мы не знаемъ, а потому и прямаго отвѣта дать не можемъ. Но не можемъ не сказать слѣдующее.

Духовъ у нашего времени много. Всѣ эти *духи* борются между собою, мечтаютъ о побѣдѣ другъ надъ другомъ, употребляютъ разнообразныя къ тому средства, но въ концѣ концовъ побѣда достанется тому изъ нихъ, подъ знаменемъ котораго окажется наиболѣе искренности, энергіи и правды. Церковь Божія на землѣ

называется *воинствующею*, потому что она борется и должна бороться съ разными другими духами во имя высшихъ непреходящихъ интересовъ народа, во имя правильнаго и здороваго роста внутренняго человѣка. На этомъ полѣ ее и врата адовы не одолѣютъ, не то что неясный „духъ времени". Страшиться тутъ нечего, нужно только дѣлать дѣло Божіе чистыми руками. Но таковъ-ли въ самомъ дѣлѣ духъ нашего времени, чтобы онъ способенъ былъ серьезно противиться возрожденію стариннаго народно-религіознаго центра? Напротивъ, не самъ-ли онъ вопіетъ противъ мертвенности его, не самъ-ли онъ поэтому усиленно зоветъ его къ оживленію и къ энергической дѣятельности на пользу народа? *Не всякому духу вѣруйте, но испытывайте духа.* Не нужно однако великой проницательности и долгихъ усилій, чтобы понять, что духъ настоящаго времени въ религіозномъ отношеніи не удовлетворяется одними общими формами богослуженія, но, при значительномъ подъемѣ личности въ гражданскомъ и общественномъ отношеніи, настойчиво требуетъ отъ церкви и личнаго руководства во всѣхъ частныхъ положеніяхъ и духовныхъ нуждахъ христіанина, не удовлетворяется подчиненіемъ общимъ требованіямъ и уставамъ церкви, но ищетъ пособія личному религіозному чувству. Для удовлетворенія этого внутренняго, личнаго чувства, люди бѣгутъ то въ штунду, то въ разнообразныя секты, секретная сила которыхъ состоитъ единственно въ отзывчивости на внутреннія, личныя потребы души, въ щедрости христіанскихъ наставленій и утѣшеній (о достоинствѣ ихъ не говоримъ), въ удовлетвореніи христіански эстетической потребности. Многіе обращаются за этимъ живительнымъ источникомъ къ латинству и, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, даже въ кіево-печерской лаврѣ (не тѣмъ-бы поминать ее!) монахъ пренаивно продастъ, а крестьянинъ еще наивнѣе покупаетъ варшавскія религіозныя картинки съ польскими подписями. А что сказать о милліонной массѣ православнаго населенія, помнящаго еще времена уніи и величіе почаевской лавры, во множествѣ снабжавшей народъ изданіями по этому предмету, хотя далеко менѣе нынѣшняго развитому въ то время въ народѣ? Послѣ обращенія этой массы въ православіе, у нее отняли почаевскія базиліанскія изданія: духовныя пѣсни, стихи, разсказы, молитвы, частные обряды, обычаи и даже церковные обряды на освященіе домашнихъ и хозяйственныхъ предметовъ, на

разныя положенія и случаи въ домашнемъ быту, въ замѣнъ всего этого ничего не дали, оставивъ народъ при одномъ общественномъ богослуженіи и при небольшомъ выборѣ частныхъ молитвъ. Что-же вышло? Народъ, вмѣсто почаевскихъ изданій, бросился на подобныя-же польскія... Сколько разъ приходилось намъ, проживая въ средѣ б. уніатскаго населенія холмской епархіи, видѣть по вечерамъ въ воскресенья и праздники кучки мущинъ и женщинъ, расположенныхъ подъ хатами и заунывно тянущихъ польскіе молитвенные стихи! Но не разъ приходилось видѣть и стариковъ, владѣющихъ то тою, то другою „почаевскою книжечкою"; бережно хранятъ они эту книжечку, какъ драгоцѣнность, въ сундукѣ, завернутою въ платокъ, и съ восторгомъ читаютъ по ней: „О, Мати, Мати, Царице русского краю"... и т. п.

Поглядите, читатель, съ аналогической точки на окружающее почаевскую лавру, помнящее базиліанъ населеніе, вникните безъ предубѣжденія въ причины и характеръ разсказовъ о томъ, какъ „разумни базиліане дурныхъ москалей ошукали", и подумайте, чѣмъ не удовлетворяется „духъ времени" въ почаевской лаврѣ, куда зоветъ онъ ее, какой дѣятельности проситъ отъ нее... Думаемъ, что никто не заподозритъ насъ въ томъ, будто мы хлопочемъ объ оживленіи почаевской лавры посредствомъ изданія „Богогласника".

Что касается житейскихъ условій и мѣстныхъ обстоятельствъ, препятствующихъ оживленію почаевской лаврѣ, то намъ представляются болѣе другихъ серьезными только два слѣдующія.

1) Близость почаевской лавры къ галиційской границѣ. Извѣстно, какъ придирчива Австрія ко всему, что предпринимается у насъ по сосѣдству съ Галичиной для оживленія православія и народности. Прислушиваясь къ голосу опекуновъ галицко-русскаго народа, намъ слѣдовало-бы парализовать всякую живую дѣятельность на этой границѣ, дабы не подвергнуться рѣзкому упреку въ агитаціи въ средѣ галицкаго народа во имя православія и русской народности. Императоръ Николай Павловичъ нашелся вынужденнымъ заплатить эту дань австрійской придирчивости,—политика между прочимъ требовала, чтобы православные монахи въ почаевской лаврѣ, отстоящей отъ границъ Галичины всего на 8 верстъ, сидѣли молча, тихо, чуть дыша. Кому неизвѣстно, какъ подозрительно

смотрятъ въ Галичинѣ на пилигримство народа въ эту тихую, мертвенно-молчаливую лавру! Кто знакомъ съ исторіей нашей пограничной съ Австріей политики, тому понятно, что мертвенная тишина въ лаврѣ, наступившая вслѣдъ за обращеніемъ ея въ православіе, не вольная, вынужденная. Но очевидно, что это условіе не абсолютное; времена перемѣняются и нынѣ нѣтъ причины смущаться слишкомъ своекорыстною придирчивостью сосѣда, отдавшаго притомъ русскую Галичину во владѣніе той партіи, которая не останавливается ни предъ какими способами агитаціи въ нашихъ предѣлахъ во имя уніи и полонизма.

2) Въ соотвѣтствіе съ вынужденнымъ бездѣйствіемъ почаевской лавры, организованъ былъ и составъ братіи ея. Полная случайность въ этомъ составѣ, крайняя простота, отрѣшенность отъ духовныхъ потребъ края, отсутствіе предпріимчивости на пользу общественную и другія подобныя свойства поражаютъ богомольца въ этой монастырской братіи, тихо и безучастно двигающейся въ виду величественнаго зданія церкви, напоминающаго костелъ и былыя времена лавры... Но, очевидно, и это условіе не непреложное...

Въ заключеніе, повторяя сдѣланное г. Лѣсковымъ заявленіе о томъ, что „святыни почаевской лавры не надо прятать отъ глазъ подъ спудомъ, что возбуждаетъ недоумѣніе и говоръ, а надо-бы сдѣлать ихъ видимыми и объяснить въ толково составленныхъ описаніяхъ ихъ видъ, значеніе и естественныя перемѣны, которымъ они подвергались отъ времени и отъ прикосновеній“, не можемъ не пожелать, чтобы такими описаніями руководило полное уваженіе къ религіозному чувству народа и его исторической святынѣ.

Е. Крыжановскій.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЭПОХИ УНИЧТОЖЕНІЯ КОЗАЧЕСТВА.

Эпоха уничтоженія козачества и постепеннаго введенія общероссійскихъ порядковъ въ разныхъ мѣстностяхъ южной Руси еще очень мало изслѣдована, по крайней мѣрѣ мало извѣстна читающей публикѣ, которая не можетъ ознакомиться съ нею непосредственно по архивнымъ источникамъ: только устное преданіе, какой-нибудь характерный разсказъ старожила или какой-нибудь старинный документъ, случайно избѣгнувшій участи превратиться въ ружейный

пыжъ или покрышку на горшокъ съ сметаной, могутъ иногда воскресить передъ вами какую-нибудь черту этого интереснаго времени. Столкновеніе двухъ началъ: единодержавія, шедшаго съ сѣвера, и вольныхъ козацкихъ общинъ на югѣ въ теченіе полутора вѣковъ вызывало непрерывную борьбу, въ которой попеременно одерживала верхъ то одна, то другая сторона, дѣлались взаимныя временныя уступки, пока, наконецъ, не наступило время окончательной ломки вѣками укоренившагося въ южно-русскомъ народѣ козацкаго строя, отъ котораго остались нынѣ только черноморскіе козаки на Кубани, постепенно все болѣе и болѣе утрачивающіе старинное самобытное устройство, затѣмъ возвращающіяся въ разныя времена изъ-за Дуная партіи запорожцевъ (часть которыхъ и до сихъ поръ еще живетъ въ предѣлахъ Турціи), да имя „козака" въ черниговской и полтавской губерніяхъ. Эпоха этой ломки, взбудорагившей все общественное сознаніе нашего юга, вызвала на сцену множество интересныхъ явленій и своеобразныхъ типовъ: съ одной стороны реформаторы изъ великороссіянъ, которымъ по секретному наказу Екатерины велѣно было имѣть „волчій ротъ и лисій хвостъ", съ другой—малороссійскіе паны: одни, готовые, ради увеличенія своихъ правъ, служить какому угодно правительству, другіе, хотя и сжившіеся съ своимъ панствомъ, которому, повидимому, должны были благопріятствовать новые порядки (напр. введеніе крѣпостнаго права въ концѣ прошлаго вѣка), но тѣмъ не менѣе возмущавшіеся тѣмъ духомъ: „безъ разсужденія!", который эти порядки вносили съ собой,—каковъ напр. старый Чернышъ въ повѣсти Кулиша, оплакивающій со своимъ „джурою"—бандуристомъ прежнее козацкое житье и не согласный ни на какіе компромиссы съ новымъ духомъ канцелярщины. Среди тѣхъ и другихъ проходитъ масса безличныхъ людей, которые инстинктивно отдавались новому теченію жизни и непримѣтно для собственнаго сознанія проникались инымъ духомъ, сохраняя въ тоже время нѣкоторыя неизгладимыя черты прежняго духа и быта и представляя собою крайнюю пестроту во всемъ, отъ взглядовъ и понятій до мелочныхъ привычекъ будничной жизни. Особою статьею, позади всѣхъ ихъ, стоитъ протестъ народа, въ которомъ еще живы были идеалы запорожской равноправности, противъ всякаго панства и поддерживавшей его казенщины, протестъ, выразившійся въ лицѣ такихъ людей, какъ

Гаркуша въ слободской Украйнѣ (харьк. губ.) и въ болѣе позднее время Кармелюкъ (въ Подоліи).

Къ числу панскихъ типовъ той эпохи съ характеромъ смѣшаннымъ, безличнымъ принадлежалъ мой *дѣдушка Василь Павловичъ Григоровичъ*, котораго немудрая личность живо выступаетъ въ нѣкоторыхъ несвязныхъ *его воспоминаніяхъ* и разсказахъ, съ которыми я намѣренъ познакомить читателя для характеристики намѣченной мною эпохи.

Года три тому назадъ я гостилъ у него, въ с. Сиволожи, борзенскаго уѣзда, черниговской губерніи. Григоровичи были когда-то одними изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ этой мѣстности, но раздѣлы имѣнія между наслѣдниками и различныя неудачи разстроили окончательно ихъ состояніе и теперь только старинной постройки конюшни да большой (въ 12 десятинъ) запущенный садъ съ затянутыми тиной „са́жалками“ и бесѣдкой изъ гигантскихъ липъ, насаженныхъ еще рукою сотника Дмитра Григоровича, и далеко видныхъ среди ровной мѣстности, напоминаютъ о томъ, что здѣсь когда-то широко развертывалась жизнь богатаго малороссійскаго пана. Старый большой домъ сгорѣлъ, земли почти всѣ проданы по частямъ и въ небольшомъ деревянномъ домикѣ 30 лѣтъ безвыѣздно жилъ одинъ только отставной артиллеріи полковникъ, Василь Павловичъ Григоровичъ, со второй женой.

Старикъ Василь Павловичъ, теперь уже покойникъ, любилъ по временамъ тряхнуть стариной и, такъ какъ онъ умѣлъ хорошо говорить и кстати вставить красное словце, то всѣ любили послушать его разсказы про 1813-й годъ, за который онъ получилъ Георгія, про Оренбургъ, гдѣ онъ былъ комендантомъ, про осаду Данцига, который теперь никому не придетъ въ голову осаждать, про то, какъ одинъ его товарищъ, молодой офицеръ, подвыпивши, велѣлъ стрѣлять по этому городу брандскугелями (которыми теперь уже никто не стрѣляетъ), не смотря на то, что онъ, Василь Павловичъ, и отговаривалъ его отъ этого, и какъ въ этой-же перестрѣлкѣ этотъ молодой офицеръ былъ убитъ, не успѣвши получить только что присланной ему отъ невѣсты вышитой сорочки. Однажды я сидѣлъ за столомъ, съ жадностью антикварія перебирая толстую рукописную книгу, „одаренную переплетомъ изъ древа, облеченнаго въ ременіе“, которую я только что случайно нашелъ въ ам-

барѣ, гдѣ она валялась между папушами табаку и ломаной мебелью, предназначаясь по всѣмъ вѣроятіямъ на прочтеніе мышамъ, когда въ комнату вошелъ дѣдушка Василь Павловичъ... Но дѣдушка Василь Павловичъ самъ по себѣ не менѣе интересенъ для антикварія, чѣмъ и его разсказъ: теперь уже мало осталось такихъ людей, поэтому остановлюсь сначала нѣсколько времени на немъ.

Военная выправка и нѣкоторая рѣзкость стараго служаки соединялись въ немъ съ природнымъ малороссійскимъ юморомъ и добродушіемъ; къ этому присоединялась еще порядочная доля стараго барства, не терпящаго противурѣчій. По своему времени онъ былъ очень хорошо образованъ, хорошо зналъ языки и чрезвычайно уважалъ ученость и вообще ученье. Съ прислугой и крестьянами онъ обращался по-старому,—любилъ прикрикнуть и иногда казалось, что вотъ-вотъ онъ пуститъ въ ходъ аргументы временъ крѣпостнаго права: „за волосное правленіе“ да „въ нижній земскій судъ“,—но этого не случалось, и не знаю, что именно удерживало его: нежеланіе-ли ронять собственное достоинство, боязнь-ли новыхъ порядковъ, гуманность людей александровскаго времени, или природное добродушіе. Прислуга только улыбалась втихомолку, и крестьяне, для которыхъ этотъ характеръ представлялъ уже анахронизмъ, относились съ добродушной шутливостью къ „старому пану“: „зовсімъ—бакъ старенький и головка облізла геть, якъ коліно“. У кухарки былъ маленькій сынъ, съ которымъ онъ любилъ забавляться и называлъ его своей собакой; утромъ, когда онъ выходилъ пить чай, мальчикъ долженъ былъ всегда быть тутъ-же. „Собака!“ крикнетъ В. П., держа въ рукѣ сладкій сухарь; мальчуганъ, подражая собачьей воркотнѣ, подскакиваетъ къ нему и вырываетъ зубами сухарь, потомъ В. П. беретъ его на колѣни и гладитъ по головкѣ: въ насъ, людяхъ конца XIX в., такое обращеніе способно возбудить отвращеніе, но В. П., какъ человѣкъ начала этого вѣка, смотрѣлъ на вещи другими глазами и никакъ не могъ предположить въ этомъ чего-нибудь оскорбительнаго для „мужицкаго мальчишки“. Похоронивъ жену, братьевъ, сестеръ, дочь и сына съ женой, онъ остался одинъ представителемъ старины; кругомъ его выросли новые люди съ непонятными ему новыми требованіями и понятіями, новыя отношенія и взгляды, и онъ иногда съ удивленіемъ озирался кругомъ, не понимая, что такое дѣлается

теперь на свѣтѣ... По цѣлымъ часамъ сидитъ онъ бывало на крыльцѣ съ длиннымъ чубукомъ и смотритъ на садъ и на бѣгущую мимо него проселочную дорогу. „Когда-то все отъ Нѣжина до Борзны принадлежало Григоровичамъ", говаривалъ онъ. „Старъ уже сталъ, совсѣмъ старъ... и глупъ... а всебъ еще пожить хотѣлось... *та ба!*" Иногда въ немъ вспыхивалъ шляхетскій гоноръ, когда кто-нибудь начиналъ говорить объ одномъ богатомъ помѣщикѣ, котораго онъ не любилъ. „Что такое Х?"—говорилъ онъ тогда, „Х. былъ погонщикомъ, когда Григоровичъ былъ сотникомъ".

По временамъ въ немъ заговаривалъ старинный украинскій патріотизмъ, изъ рода въ родъ дошедшій до него отъ временъ самобытности гетманщины. Когда я показалъ ему свой альбомъ южно-русскихъ дѣятелей, онъ вооружился очками, усѣлся по-лучше въ своемъ креслѣ и долго и внимательно разсматривалъ его. Надъ Б. Хмельницкимъ онъ остановился и сказалъ: „Вѣдь онъ былъ простой мужикъ, ты знаешь? А голова! задалъ панамъ-ляхамъ! Вѣдь они шельмы, имъ никогда нельзя повѣрить"... „Ты читалъ нашу исторію?"—спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ. „Да, дѣдушка, я прочелъ исторію Бантыша-*Каменскаго*", отвѣтилъ я. „Бантышъ-*Камѐнскій!*" поправилъ онъ. На Полуботкѣ онъ вновь меня поправилъ: „*Полу́ботокъ*". Кулиша онъ долго и со вниманіемъ молча разсматривалъ.

Онъ былъ чрезвычайно гостепріименъ и всегда старался доставить гостямъ всевозможныя удобства; при этомъ въ немъ иногда сказывались старыя барскія замашки; такъ, однажды онъ сильно разсердился и раскричался на прислугу за то, что вечеромъ, когда были гости, не было свѣчей въ пустой передней, что по его тогдашней обстановкѣ жизни было совсѣмъ лишнимъ. Я цѣликомъ занесъ нѣсколько характерныхъ эпизодовъ въ записную книжку.

— Дѣвка! А что-же тамъ свѣту нѣтъ?

— Та тамъ никого нема!

— Что я тебя бить долженъ? морду тебѣ разбить? у насъ за это палками дули, за такіе отвѣты, а её сѣчь надо или чортъ её душу знаетъ.

Ищетъ табакерки; въ это время рядомъ съ нимъ на диванъ садится барышня, пришедшая изъ другой комнаты; „ишь, вотъ она присосѣживается,—понюхать хочетъ"!

— Нѣтъ, Василь Павловичъ, разскажите, что такое женщина! пристаетъ къ нему молодежь.

— Что-жъ? женщина не настоящій человѣкъ! говоритъ онъ, конфузя барышень; вотъ женщина должна за курами смотрѣть, тогда у нее и курочка и пѣтушокъ будетъ..., а ей не до того (сѣтуетъ онъ на современныхъ женщинъ)... и теленокъ, и ребенокъ, да! А старыхъ дѣвъ и на тотъ свѣтъ не принимаютъ. Это большое несчастіе для дѣвушки... Дѣвица должна непремѣнно стараться выйти замужъ.

Послѣ ужина В. П. любилъ долго сидѣть за чаркой и разсказывать что-нибудь или слушать чужія розсказни; но, такъ какъ онъ былъ нѣсколько глухъ, то часто перебивалъ говорящаго словами: „говорите громче и я хочу слышать; говорятъ себѣ что-то, ничего не слышно“!

— Наташа, что онъ говоритъ? спрашивалъ онъ жену, и жена его (къ голосу которой онъ привыкъ, такъ что понималъ ее даже, когда она говорила не громко) повторяла ему слова разсказывавшаго; но иногда, недослышавъ, онъ говорилъ только: „чѣмъ чортъ знаетъ что говорить, такъ лучше выпить!“ и наливалъ себѣ новую чарку. Вопросъ со стороны младшаго (а всѣ были моложе его) онъ считалъ невѣжествомъ и иногда, если отвѣтъ затруднялъ его, говорилъ, указывая на большаго желто-бѣлаго кота, который всегда помѣщался рядомъ съ нимъ на диванѣ: „ну, объ этомъ мы спросимъ вотъ у кого!“ Послѣ нѣсколькихъ чарокъ онъ начиналъ отпускать такія остроты, что дамы не знали, куда дѣваться; при этомъ онъ говорилъ какъ-бы про себя по-французски или по-нѣмецки, какъ-бы разсчитывая на то, что его не поймутъ. Я помню, какъ однажды я прохохоталъ цѣлый вечеръ до спазмовъ въ бокахъ, такъ какъ смѣхъ тѣмъ больше разбираетъ, чѣмъ больше удерживаешься. Но въ то время, о которомъ я буду говорить, В. П. уже сильно одряхлѣлъ (ему было тогда около 90 лѣтъ), къ гостямъ выходилъ въ халатѣ и рѣдко уже пускался въ длинные разговоры. Исторія семейства Григоровичей представляетъ много интересныхъ характерныхъ эпизодовъ, которыми я современемъ, быть можетъ, подѣлюсь съ читателями, теперь-же ограничиваюсь бѣглымъ очеркомъ этого типа, который я самъ могъ наблюдать, и закончу мой разсказъ нѣсколькими о немъ словами.

Итакъ, я перелистывалъ старинную рукопись, когда въ комнату вошелъ дѣдушка Василь Павловичъ. Выписываю изъ записной книжки его разсказъ дословно, со всѣми украиинизмами его рѣчи.

— Что ты читаешь? спросилъ онъ меня.

— О запорожской Сѣчи, отвѣтилъ я.

— Аа! запорожская Сѣчь! давно это было... очень давно. За-порòж-ская Сѣчь! торжественно и медленно отчеканилъ онъ, какъ-бы собираясь съ мыслями. Мой дѣдъ былъ запорожецъ! Дмытрó Сэмэновичъ Григоровычъ! Это его книга. Онъ былъ прохорскимъ сотникомъ [1]) и *коллежскимъ ассесоромъ: Екатерина подавала имъ кромѣ того еще гражданскіе чины...* Старый былъ... Бутыли были такія громадныя и въ нихъ вишни и сливы (отъ наливки?). Вотъ онъ выспится и зоветъ меня доставать ему вишни оттуда, я и достаю рученками маленькими: я еще тогда ребенкомъ былъ... Дмытрó Сэмэновычъ Гры-го-ровычъ!

— А въ сотники его вѣрно выбрали?

— Хто его знаетъ, вѣрно по выбору... А какъ Екатерина на престолъ вступила, то запорожцы отправились её поздравлять и сказали ей: „будь здорова, якъ корова, а богата, якъ земля!“ и ничего... дала имъ ручку поцѣловать, благодарила... Будь здорова, якъ корова...

— Да перестаньте уже, перебила его Наталья Романовна, вошедшая передъ тѣмъ въ комнату.

— А какъ-же? Это отличное желаніе! И вѣрно какой-нибудь профессоръ былъ,—сочинилъ вѣдь такъ (обращается ко мнѣ): будь здорова, каже, якъ корова... оно совершенно вѣрно!

— А скажите, дѣдушка, ходилъ сотникъ на войну?

— Какъ-же! Они стояли на границѣ—тамъ служили... Екатерина баба была, а при ней хорошо было; царствованіе ея очень счастливое, благополучное... всего было много: денегъ, хлѣба... и турокъ славно били... Е-ка-те-рина!... Оо! то была ба-ба!...

— *Н. Р.* Ахъ, что это вы право говорите!

— А шо-жъ... конечно такъ было! Да, было когда-то давно... очень давно...

---

[1]) Село Прохоры, борзенск. уѣзда.

— Да, простота была, необразованность! вставила *Н. Р.;* онъ въ острогѣ сидѣлъ, дѣдъ Василя Павловича, прибавила она, очевидно желая прекратить надоѣвшій ей разговоръ.

— Што?... Да! Это когда Екатерина вступила на престолъ... писала запорожцамъ... *спрашивала на какомъ положеніи они хотятъ, чтобы оставить Малороссію: на прежнемъ или перемѣнить, такъ онъ* (дѣдъ В. П.) *самъ своей рукой написалъ: „якъ було, нехай такъ и буде!" такъ его въ тюрьму посадили.* Цѣлый годъ сидѣлъ въ тюрьмѣ! въ Глуховѣ.,. Екатерина! оо, то баба була!

— *Н. Р.* Да будетъ уже право!

— Нѣтъ, да посуди сама, Наташа, (съ одушевленіемъ) цѣ-лый же годъ въ темницѣ томился! Вѣдь спрашиваешъ-же! Вѣдь цѣлый годъ сидѣлъ! цѣлый годъ! А сотнички ѣздятъ и понятное дѣло курей возятъ и разныя разности... просятъ... нельзя-же такъ, безъ этого... Сотничка это почетное званіе было! Да, имъ тогда лучше жилось, легче. Сотникъ ѣдетъ: ему лошадей приготовятъ, сала натолкутъ... всего много было... Подумать только, какъ все перемѣнилось! какъ-будто и люди не тѣ. А современемъ еще больше перемѣнится и опять нельзя будетъ узнать... чортъ его знаетъ, можетъ быть такъ еще сдѣлаютъ, что и жить будетъ негдѣ.

СВѢДѢНІЕ О БУГСКИХЪ КОЗАКАХЪ.

Исторію Малороссіи обыкновенно оканчиваютъ вмѣстѣ съ концемъ гетманщины, не описывая самого процесса превращенія козаковъ съ одной стороны въ гусаръ и др. регулярныя войска, а съ другой стороны въ россійскихъ дворянъ—помѣщиковъ, крѣпостныхъ и казенныхъ крестьянъ. Между тѣмъ и самый послѣдній актъ окончательнаго уничтоженія козачества произошелъ не сразу, а представляетъ нѣсколько колебаній и возвратовъ къ прошлому. Зная расположеніе южно-русскаго народа къ козачеству, правительство въ годину внѣшней войны не разъ прибѣгало къ вызову козаковъ изъ населенія южныхъ губерній (таковы напр. „малороссійскіе козаки" временъ крымской компаніи). Однимъ изъ такихъ явленій представляются, вѣроятно, и такъ называемые бугскіе козаки,

нѣкогда существовавшіе въ нынѣшней херсонской губерніи. Такъ какъ объ нихъ вообще очень мало писано, то я считаю не лишнимъ привести нижеслѣдующую выписку изъ одного стараго указа объ отставкѣ.

Лабенскіе переселились въ ю. Россію во времена Потемкина изъ Галиціи; они были православные (русины), „хотя грамота на дворянство и писана по-польски", какъ объяснилъ мнѣ Н. С. Лабенскій. Въ то время Сѣчь запорожская была уже уничтожена, запорожцы разбѣжались кто-куда и въ огромныхъ пустопорожнихъ пространствахъ нынѣшней херсонской губерніи земля распродавалась отъ казны *по нѣсколько копѣекъ за десятину*. Переселившійся изъ Галиціи Тимофей Лабенскій купилъ большое имѣніе по р. Бугу; земли эти впослѣдствіи перешли къ его племянникамъ Любимскимъ (которые вмѣстѣ съ Лабенскими пришли изъ Галиціи). Сынъ его, Степ. Тимоф. Л—скій служилъ въ бугскихъ козакахъ; вотъ выписка изъ его указа объ отставкѣ, который представляетъ интересъ по самой формѣ своей.

„Господинъ маіоръ Степанъ Тимофѣевъ сынъ Лабенскій. Въ службу вступилъ козакомъ 1805 г. сентября 13 въ бывшее *бугское войско; урядникомъ*—806 г. мая 9; *хорунжимъ*—1814 г. апр. 5-го; отъ роду имѣлъ онъ тогда 25 лѣтъ. *Переименованъ въ корнеты 818 г. генваря 22 въ 1-й бугскій* (что нынѣ бугскій) *уланскій полкъ;* поручикомъ 820 г. „etc." Въ походахъ и сраженіяхъ находился: *Въ войну съ турками 808 года въ Молдавіи у содержанія на австрійской и турецкой и княжества варшавскаго границахъ кордонной стражи* [1]*), потомъ съ начала съ французами второй войны 812 года...* (оторванъ уголъ)... *2-го, и до окончанія оныхъ во всѣхъ случавшихся съ непріятелемъ дѣлахъ*, etc... былъ казначеемъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ съ 821 по 824 годъ etc... *Имѣетъ серебряныя медали въ память 812 года и за взятіе г. Парижа 19 марта 814 года установленные.* Россійской грамотѣ читать и писать умѣетъ и ариѳметикѣ знаетъ. 1837 года". Подпись: графъ Витте и пр.

Курсивомъ я написалъ все то, что относится къ бугскимъ козакамъ, изъ чего мы видимъ, что они участвовали въ турецкой

---

[1]) Слѣд. еще козакомъ.

кампаніи 1808 года, при чемъ содержали пограничную стражу и пр. и въ кампаніи 12-го и 14 года, при чемъ участвовали во взятіи Парижа и, наконецъ, что они расформированы въ 1818 г. и обращены въ „Бугскіе“ уланскіе полки, изъ которыхъ теперь только одинъ сохранилъ названіе „Бугскаго“ (въ 9-й кавалерійской дивизіи).

А. Рудковскій.

О ДИКИХЪ ЛОШАДЯХЪ ВЪ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Обыкновенно считаютъ дикихъ коней, о которыхъ говоритъ Гоголь въ своемъ знаменитомъ описаніи украинской степи, давнымъ давно вымершими и нѣкоторые относятъ ихъ чуть не въ область вымысловъ. Между тѣмъ мнѣ пришлось слышать отъ очевидца, заслуживающаго полнаго довѣрія, совершенно противное. О дикихъ коняхъ въ нашихъ южныхъ степяхъ была когда-то помѣщена большая статья „Про тарпанівъ (дикихъ коней)“ въ журналѣ „Основа“ (на украинскомъ языкѣ), затѣмъ (на томъ-же языкѣ) писалъ о нихъ черноморскій козакъ генер. Кухаренко; помнится, что онъ говоритъ о нихъ (въ концѣ 50-хъ годовъ), какъ о существующемъ еще въ степяхъ Черноморіи видѣ животныхъ. Дядя мой, отставной ротмистръ Ник. Степ. Лабенскій (сынъ упомянутаго выше), сообщилъ мнѣ, какъ очевидецъ, интересныя свѣдѣнія о недавнемъ еще существованіи дикихъ коней въ степяхъ херсонской губерніи. Вотъ его разсказъ. „Дикія лошади водились въ херсонской губ. еще лѣтъ 40 тому назадъ; когда мнѣ было лѣтъ 10 (слѣд. въ 30-хъ годахъ), то я не разъ ѣздилъ съ отцемъ на охоту за ними. Это было за Вознесенскомъ около сс. Привольнаго и Полтавки херс. губ. на рр. Бугѣ и Мертвоводѣ. Отецъ мой, бывшій тогда волостнымъ командиромъ въ новороссійскомъ военномъ поселеніи, собиралъ облаву человѣкъ въ 30, 40, иногда и 100; иногда съ собой на охоту возили столбы, которые легко можно было-бы вкопать въ землю, чтобы привязывать къ нимъ пойманныхъ коней, пока они приручатся; но послѣ этотъ способъ оставили; однажды случилось—я самъ это видѣлъ и хорошо помню, хотя мнѣ тогда было всего лѣтъ девять, что одна лошадь, будучи привязана къ столбу, рвалась до тѣхъ поръ, пока не разбила себѣ совершенно голову и не задушилась. Ростъ этихъ лошадей малый: 2 арш. безъ вершка или полу-вершка, масть—мышастая съ черной полосой на спинѣ; сло-

жены пропорціонально и довольно красиво; головы небольшія и ноги совсѣмъ не мохнатыя, какъ пишутъ о другихъ породахъ дикихъ коней. Всѣ они были очень жирные, хотя сами себѣ промышляли кормъ: травы большія, зимою пробиваютъ снѣгъ ногами и достаютъ траву. Тогда въ херсонской губерніи и табуны (ручныхъ лошадей) паслись зимою такимъ образомъ. Дикія лошади чрезвычайно боязливы: такъ и дрожитъ вся, когда поймаютъ; изъ числа пойманныхъ нѣсколько умирало, но остальныя, будучи приручены съ большимъ трудомъ, представляли чрезвычайно хорошихъ и выносливыхъ лошадей: они могли легко скакать подрядъ десять верстъ, не уставая, и притомъ очень быстро. Ихъ постоянно вылавливали и теперь едва-ли они уже существуютъ гдѣ нибудь. Они ходили табунами не болѣе 20 штукъ и охотиться за ними было чрезвычайно трудно, такъ какъ они въ высшей степени сторожки: если мѣстность ровная, то уже за 5 верстъ удаляются, и нужно не меньше 30-ти, 40-ка человѣкъ на хорошихъ лошадяхъ (напр. тѣхъже дикихъ прирученныхъ); они съ разными хитростями и охотничьими споровками объѣзжали ихъ и окружали съ разныхъ сторонъ. Тогда сѣдоки, которые по-крѣпче сидѣли въ сѣдлахъ, бросались на нихъ, подскакавъ шаговъ на тридцать, забрасывали арканъ и пускались вслѣдъ за убѣгавшей лошадью, не выпуская аркана, пока она не утомится; это былъ обыкновенный способъ первоначальнаго приученія—вмѣсто привязыванія къ столбу. Ѣдетъ бывало на охоту человѣкъ 30 и поймаютъ 3, 4 лошади.

Кромѣ настоящихъ дикихъ лошадей были еще и одичалыя. Отобьетъ напр. волкъ отъ табуна лошенка (а то и большую лошадь), а онъ и пристанетъ къ дикимъ—одичаетъ. Одинъ разъ между дикими поймали *пѣгую* лошадь (слѣд. очевидно не дикую) и она легко приручилась. Это была кобыла, тоже небольшая; ей было лѣтъ 5 и она была очень хороша подъ верхъ; даже я ѣздилъ на ней—мнѣ было тогда лѣтъ двѣнадцать—такъ хорошо приручилась. Когда мнѣ было лѣтъ 9, я уже ѣздилъ верхомъ сначала на „турчинѣ", котораго моей матери братъ привелъ изъ турецкой кампаніи 29-го года, а потомъ на этой пѣгой, пойманной. Она была чрезвычайно выпослива; бывало на охотѣ за волками отецъ—на казенной лошади, и всѣ устанутъ и отстанутъ, а моя все впереди, пока волка не поймаютъ".

Я помню, какъ однажды (лѣтъ восемь тому назадъ), проѣзжая по Херсонской губерніи, мнѣ пришлось разговориться съ однимъ табунщикомъ гг. Скаржинскихъ, громадныя имѣнія которыхъ простираются отъ днѣпровскихъ пороговъ къ верховьямъ Ингула. Оглядываясь по сторонамъ, онъ сообщилъ мнѣ, какъ великую тайну, что у нихъ въ заповѣдномъ мѣстечкѣ *живетъ еще теперь нѣсколько штукъ настоящихъ дикихъ коней*... Разсказъ этотъ совсѣмъ было вышелъ у меня изъ памяти и я вспомнилъ его, только услыхавъ разсказъ Н. С. Л—скаго и привожу его здѣсь въ pendant къ предъидущему. Интересно было-бы имѣть свѣдѣніе отъ самихъ гг. Скаржинскихъ, дѣйствительно-ли еще существуетъ эта живая эмблема легендарнаго запорожскаго герба?...

А. Рудновскій.

ПОПРАВКА КЪ РАЗСКАЗУ О БОНДАРЕНКѢ.

Въ мартовской книжкѣ „Кіевской Старины", въ статьѣ *о Бондаренкѣ*, между прочимъ сказано, что онъ казненъ въ м. Чернобилѣ, гдѣ и нынѣ старожилы указываютъ *„Бондаренкову могилу"—по дорогѣ изъ Чернобиля въ с. Залѣсье у выѣзда изъ мѣстечка.* Считаю долгомъ, по поводу сего и въ возстановленіе исторической истины, сказать нѣсколько словъ.

Какъ уроженецъ м. Чернобиля, гдѣ отецъ мой, воспитанникъ еще старой академіи, священствовалъ слишкомъ 34 года и, будучи самъ знатокомъ историческихъ мѣстностей, окружающихъ м. Чернобиль, съ таковыми, въ часы досуга и при случаѣ, знакомилъ и меня, смѣло скажу, что таковой могилы *у выѣзда изъ мѣстечка, по дорогѣ въ с. Залѣсье* нѣтъ. У выѣзда изъ мѣстечка, съ южной его стороны, по дорогѣ въ *Залѣсье* есть не *одинъ* курганъ, а *два*, и таковые курганы носятъ въ народѣ названіе: *„могилы воиновъ"* какого-то ополченія 1812 г. [1]), умершихъ отъ эпидемическаго (кро-

---

[1]) Кажется, смоленскаго, отъ береговъ Березины, по р. Припяти, чрезъ Днѣпръ возвращавшихся на родину. Не знаю, какъ теперь, а во время оно, лѣтъ 35 назадъ, на такъ называемые *проводы* совершалась бывало торжественная на сихъ курганахъ панихида всѣми священниками м. Чернобыля *«о православныхъ здѣ почивающихъ воинахъ»*.

ваваго) поноса въ м. Чернобилѣ и погребенныхъ, во избѣжаніе распространенія дальнѣйшей заразы, за кладбищемъ, совершенно уже внѣ мѣстечка. Есть, правда, еще третій курганъ у выѣзда, но съ западной его стороны, по дорогѣ въ *с. Корогодъ*, гдѣ я когда-то священствовалъ. Курганъ этотъ носитъ названіе *„татарскаго колодезя“*, гдѣ, по преданію, зарыты тѣла татаръ, дѣлавшихъ часто, хотя не всегда удачно, набѣги и на эту глухую мѣстность. Въ этомъ послѣднемъ курганѣ, по разсказу козацкаго сотника (изъ войска графа Ходкевича) Степана Чуры, переданному моему покойному отцу, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по распоряженію самаго генерала польскихъ войскъ Александра Ходкевича (владѣльца м. Чернобиля), производились даже раскопки, причемъ найдено довольно татарскаго оружія, сбруи и проч.

Но гдѣ-же возлѣ Чернобиля могила Бондаренка?

Есть она, но не у выѣзда изъ мѣстечка, и не по дорогѣ въ с. Залѣсье, *а по дорогѣ изъ Залѣсья въ дер. Заполье, между дер. Гапоновичами и Запольемъ* (Гапоновичи—между Залѣсьемъ и Запольемъ). Здѣсь, на нѣсколько возвышенной мѣстности, совершенно песчаной и почти обнаженной отъ всякой растительности, указываетъ преданіе мѣсто казни и могилы Бондаренки, безъ всякаго, какъ живо помню я, особаго тамъ кургана. Не разъ, проѣзжая съ покойнымъ моимъ отцемъ мимо сего мѣста, я слышалъ отъ него: „смотри, Гриша, вотъ мѣсто, гдѣ четвертовали Бондаренка“ [2]). И пошли, конечно, послѣ сего съ моей стороны распросы: кто, что, какъ, когда, гдѣ и проч. Нужно замѣтить, что покойный мой отецъ по окончаніи курса въ старой кіевской академіи и послѣ учительства въ кіево-подольскомъ духовномъ училищѣ, поступилъ на чернобильскій ильинскій приходъ еще въ 1821 г., слѣдовательно могъ легко бесѣдовать съ людьми живо помнившими многое изъ жизни прошлаго столѣтія, а по своей любви къ историческимъ преданіямъ, все слышанное имъ могъ правильно и точно удержать въ своей, довольно счастливой памяти. Въ отношеніи къ изслѣдуемому вопросу я и самъ, даже теперь, помню еще въ дѣтствѣ слышанную мною пѣсенку чернобильскихъ дѣвчатъ:

---

[1]) По обычаю тѣхъ варварскихъ временъ Бондаренка казнили *«четвертованьемъ»*.

Ой у місті Чорнобили
Роковсе свято,
Знать у місті Макарові
Бондаренка взято...
Ой и вы—козаки
Славни гайдамаки,..
Чомъ не вберегли пана
Свого атамана... и проч.

Свящ. **Гр. Шиманскій.**

ПѢСНЯ ПРО ФИЛИППА ОРЛИКА *)

Ой изъ-за горы, изъ-за Дніпра
Витерець повивае,
Ой якійсь-то човникъ
Филя до берега прибивае.

* * *

Ой прибила филя човникъ
Човникъ лебедочку,
Ой выскочивъ зъ неи Орликъ
Тай почавъ беседочку.

* * *

Пугу, браця, пугу,
Пугу, запорожци!
Стоить козакъ въ лугу,—
Кажуть ему хлопци.

* * *

---

*) Въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» помѣщено было замѣчательное письмо б. писаря Мазепы и вице-гетмана, Филиппа Орлика, къ запорожцамъ и еще болѣе замѣчательный отвѣтъ запорожцевъ, съ предисловіемъ А. А. Скальковскаго. Помѣщаемая пѣсня служить иллюстраціею къ этой перепискѣ. Выдержки изъ нея приводятся въ «Исторіи Новой Сѣчи Запорожской»; но такъ какъ это сочиненіе стало теперь библіогрфическою рѣдкостію, то мы не видимъ причины не помѣстить ее въ нашемъ изданіи, тѣмъ болѣе въ полномъ видѣ, съ того давняго оригинала, который сообщенъ намъ тѣмъ-же многоуважаемымъ историкомъ «Сѣчи».—Ред.

Эй, браця, ходимъ до Кошового,
Будемъ радити раду;
Зизвимъ малого и старого
На цюю важную пораду.

* * *

Ой пишовъ Орликъ до Кошового
Та въ поясъ поклонився,
Та начавъ изъ діла Карлового,
Що зъ нашимъ царемъ не помирився.

* * *

Ой батьку, Иване,
Отакая-то річь:
Кажить, Малюшевиче пане,
Чи станете намъ въ помічъ?

* * *

Ой надъ Украиною гетьманською
Громовая хмара стоить,
Ой прийшовъ царь съ армію руською
Та хоче іи та разорить.

* * *

Чому-жъ не помогати,
Коли просятъ браты сосіди,
Чому-жъ намъ татаръ не рубати,
Коли руки начали свербіти?

* * *

Та то не татаръ рубати;
Мазепа просить до насъ пристати,
Наши Вкраині помічъ дати,

* * *

А вписля до шведина привернуця
И видъ царя руського одвернуця:
Оттогди мы будемъ на волі,
Такъ якъ птахъ підъ небомъ въ полі!

* * *

О що-жъ, батьку Иване,
Прошу-жъ мині казати,

Чи зъ твоихъ слівъ буде що гарне,
Бо я хочу Мазепі звісточку послати.

* * *

А ты-жъ те и забувъ,
Що мы цареви присягнули,
Мазепа того и не розжувъ,
Що мы въ прощеніе взули.

* * *

О що-жъ тобі казати;
Ты бачипъ діло самъ,
Намъ не можно присяги ламати,
Намъ не можно помочи дати вамъ.

* * *

Запорожець не бувъ бісовымъ сыномъ,
Коли присягу вінъ давъ;
Наменують его еретичимъ чиномъ,
Коли й христиця забувавъ.

* * *

Бо вінъ забувавъ христиця,
Коли врага въ шію гнавъ,
А вписля знавъ и помолиця,
Та все присяги не ламавъ.

* * *

Отце, Орлику брате,
Одвези Мазепі цей отвітъ;
Нехай вінъ луче начне жати,
Отце буде нашъ совітъ.

* * *

Ой искра мала, та може світъ спалити
И сама счезне, пропаде.
Ой хоче Мазепа народа згубити;
Чого вінъ хоче, того тамъ не найде.

* * *

Ну, батьку Иване, прощай!
Що будемъ съ тобою робити.
Та батьку памятай,
Якъ мы будемъ тебе и Січъ голити.

* * *

Ой Орлику, мій брате,
Не копай ты яму для насъ;
Постой, жевжику, хвате,
Бо въ ту яму та посадять васъ!

* * *

Ой повивае витерець
Та відъ моря холодный;
Ой поіхавъ нашъ брехунець,
Якъ собака голодный.

ВИРША НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Чи чули вы, панове, зъ роду,
Що Богъ прійшовъ до насъ ажъ самъ?—
Чого-жъ?
Бо старший чортъ хотівъ зривнятьця зъ Богомъ,
Надувсь, ажъ очі лізуть рогомъ...
А Богъ ему сказавъ: а вонъ, а зась!
Нема тобі тутъ місьця въ насъ!
Зайшовъ зъ иншого чортъ краю:
Адама въ гості попросивъ,
А цей гукнувъ ёго до гаю,
Тай яблука изъ нимъ вкусивъ.
Проснувсь на другий день, ажъ лихо:
Товаришъ и сорочку знявъ.
Адамъ питае Еву тихо:
А съ кимъ я вчора такъ гулявъ?
Не знаю, шо були за гості,
А вже чогось у насъ нема...
О, буде намъ, старый, похлостя—
Не выкупимся мы відъ сорома!
Задумався Адамъ, сівъ, тай труситця въ куточку,
А Богъ прийшовъ, пита его:
А де ты дівъ сорочку?
Не знаю, десь вчора загубивъ...

Пішовъ-же вонъ, поганый, зъ раю!
Объівся яблукъ, ажъ сопешь...
Отъ такъ ты доглядаешь гаю,
Безъ поспиту що хочешь, те и рвешь?!
И ты иди, небого, прясти,
Адамъ тебе щобъ доглядавъ;
А щобъ не сміла яблукъ красти,
Такъ я Адамові нагайку давъ.
А ну, ходи сюди, прокляте!
Ты що Адаму тамъ зробивъ?
Зайшовъ у гості погуляти,
На вікъ хозяина згубивъ.
Пишовъ-же вонъ, поганый, зъ миру
У пекло, де огонь горить;
Ось я тобі намилю гирю,
Щобъ не вчивсь людей дурить!
Загувъ проклятий чортъ у смолу,
Тай на вікъ зостався тамъ...
А щобъ Адама й Еву голу
Одягнути, родився Самъ...
Родивсь Христосъ: Адамъ гуляе,
Е нова свита и кожухъ,
И Ева въ плахті похожае,
И зновъ радіе духъ.
Теперъ и въ васъ жупани нові,
Бо вы Адамова рідня...
Такъ будьте-жъ зъ празничкомъ здорові,
Гуляйте, пийте, хочь що дня!

Вирша эта сообщена намъ уважаемымъ П. И. Ивановымъ и, по словамъ его, записана бывшимъ учителемъ купянскаго духовнаго училища, В. Лавровскимъ, но, къ сожалѣнію, безъ означенія мѣста, времени и обстоятельствъ записи. Г. Ивановъ сопровождаетъ присылку Вирши слѣд. словами:

«Въ словесныхъ произведеніяхъ народнаго творчества, съ появленіемъ письменности и съ постепеннымъ развитіемъ гражданственности, отличительныя особенности народнаго духа мало по малу теряютъ свои рѣзкія черты: сглаживается въ

нихъ все грубо характерное, смягчаются мѣстныя краски и придаются имъ тоны, принятые цивилизованными народами, но вмѣстѣ съ тѣмъ стираются отпечатки старинныхъ вѣрованій, воззрѣній, нравовъ, обычаевъ, столь цѣнные для полнаго изученія національнаго характера. Широко распространенный еще въ началѣ настоящаго столѣтія обычай виршеваній постепенно исчезаетъ даже въ деревняхъ, унося съ собою много оригинальныхъ произведеній народной фантазіи».

Тѣмъ необходимѣе, скажемъ мы, спѣшить записывать эти произведенія и дѣлать ихъ достояніемъ науки, какъ одинъ изъ самыхъ дорогихъ для нея матеріаловъ. Настоящая вирша тѣмъ особенно дорога, что представляетъ крайне оригинально, въ самой простой и образной формѣ, высокія истины паденія и искупленія человѣчества. Всегдашняя наклонность малорусскаго народа къ популяризаціи священныхъ истинъ, къ низведенію такъ сказать божества въ кругъ обыденной жизни и облеченію его дѣйствій въ самыя простыя формы, отразилась здѣсь съ особою силою, а ради праздничнаго веселія всѣ изображенія пересыпаны глубокимъ малороссійскимъ юморомъ.—Ред.

Опечатка.

Въ октябрьской книжкѣ «Кіев. Старины» въ отдѣлѣ Библіографіи, на стр. 153-й напечатано *Днѣпръ* вм. *Днѣстръ*, что не только измѣняетъ сущность дѣла, но незаслуженно могло-бы быть относимо къ винѣ автора разбираемой книги.—Ред.

ОБЪЯВ ЛЕНІЕ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ЛУКИ ВАСИЛЬЕВИЧА

ИЛЬНИЦКАГО,

Въ Кіевѣ.

Крещатикъ, домъ дворянскаго собранія,

между прочими, продаются слѣдующія Малорусскія книги:

Андерсенъ. Казкы, переклавъ Стариченко. К. 1873 г. Цѣна 1 р. 25 к.
Антоновичъ В. Историч. пѣсни малорусскаго народа т. 1-й К. 1874 г. Цѣна 1 р. 50 к., т. 2-й, в. 1-й К. 1875 г. Ц. 80 к.
Александровъ. Малорусські Співанки. Х. 1880 г. Цѣна 15 коп.
Біленкій-Носенко. Приказки въ чотырехъ частяхъ. К. 1871 г. Ц. 2 р. 50 к.
——— Гостинець землякамъ. Казки сліпого Бандуриста чи співи объ різнихъ ричахъ. К. 1871 г. Цѣна 1 р.
——— Горпинида, чи вхопленная Прозерпина, жартливая поэма въ 3-хъ піснях. К. 1871 г. Цѣна 30 к.
Бабуся зъ того світу, оповіданя про померши души. К. 1883 г. Ц. 5 к.
Вовчокъ Марко. Народні оповидання т. 2-й Спб. 1876 г Цѣна 50 к.
Галка Іеремія (Костомаровъ). Збірникъ творівъ. Од. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к.
Гатцукъ. Абетка Ц. 50 к.
Гребинка Е. Пыритыньська ластівка. К. 1878 г. Цѣна 75 к.
Гуланъ-Артемовсьнкый. Кобзарь. К. 1878 г. Цѣна 20 к.
Глибовъ Л. Байкы. Изд. 3-е. К. 1882 г. Цѣна 20 к.
Гоголь. Простакъ. Ком. Изд. 2-е. К. 1882 г. Ц. 15 к.
За Кращанку-Писанка. П. Ол. Кулішеві, написавъ Данило Сліпченко-Мордовець. С.-ПБ. 1882 г. Цѣна 50 к.
Де що про світъ Божий. Изд. 4 е. К. 1882 г. Ц. 20 к.
Дітські пісні, казкы и загадкы. К. 1876 г. Цѣна 15 к.
Евгеньева Крестьянина, Розмовы. К. 1873 г. Цѣна 30 к.
Иеановъ. Розмова про небо та землю зъ додаткамы та одмінамы, переклавъ М Комаровъ. К 1874 г. Ц. 8 к.
——— Розмова про земні сылы зъ додаткамы та одминамы, переклавъ М. Комаровъ 1875 г. Ц. 10 к.
Казюка. П. Дви казки І. Півпівнька. Гышпанська казочка II. Цыганъ Кулиша. К. 1883 г. Цѣна 5 к.
Кобзарь. Сборникъ Малорусскихъ пѣсень. Цѣна 50 к.
Котляревскій И Собраніе сочиненій на малороссійскомъ языкѣ. К. 1875 г Цѣна 2 р.
——— Собраніе сочиненій К. 1878 г. Цѣна 75 к.
——— Наталка-Полтавка. К. 1878 г. Цѣна 25 к.
——— Москаль-Чаривникъ К. 1878 г. Цѣна 25 к.
Кулишъ П. Записки о южной Руси, т. 1-й Цѣна 1 р. 50 к.
——— Досвітки. Думы и поэмы К. 1876 г. Цѣна 80 к.
——— Дивоче серце. Идилія. К. 1876 г. Цѣна 20 к.
——— Орися. К. 1882 г. Цѣна 5 к.

Кухаренко Я. Збірникъ творівъ. К. 1880 г. Цѣна 75 к.
Лука, Украиньський Альманахъ на 1881 г. Цѣна 50 к.
Левицкій И. С. Повісті. К. 1874 г. Ц 1 р 50 к.
——— Дві Мєсковки. Повість. К. 1882 г. Ц. 40 к.
——— Не можна бабі Парасці вдержатись на селі. Изд. 3-е. К. 1882 г. Ц. 5 к.
——— Вдагословить бабі Палажці скоропостижно вмерти. Изд. 3-е. К. 1882 г Ц. 5 к. Бурлачка. Пов. Ц 75 к.
——— На Кожумякахъ. Комедія. К. 1876 г. Ц. 25 к.
——— Перші Кіевскі князі. К. 1876 г. Ц. 10 к.
——— Татари и Литва на Украіні. К. 1876 г. Ц. 10 к.
——— Унів и Петро Могила. К. 1875 г. Ц. 6 к
Левченко М. Опытъ Русско-Украинскаго словаря. К. 1874 г. Ц. 1 р. 30 к.
Лисенко. Южно-Русскій Орнаментъ. Изд. 2-е. К. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.
Листы съ Хутора листъ III. Чого стоить Шевченко якъ поэтъ народный. С.-ПБ. 1881 г. Цѣна 5 к.
——— листъ 5-й. Хто такій хуторянинъ. С.-ПБ. 1862 г. Ц. 3 к.
Ластивка. Ганна. Поэма. К. 1881 г. Ц 10 к.
М—ьчь. Про обкладны, яка це болість і якъ одъ неї рятуватысь. К. 1881 г. Ц. 10 к.
Маляревський. Лира (сборникъ стихотвореній.) К. 1876 г. Ц. 20 к.
Мельникъ. Подарунокъ (поэтъ-самоучка). Од. 1875 г. Ц. 25 к.
Максимовичъ. Псалмы переложенные на украинское нарѣчіе. М. 1859 г. Цѣна 30 к.
Нокисъ. Украински приказки. С.-ПБ. 1864 г. Ц. 2 р.
Опатовичъ С. Оповидання зъ святого писання. К. 1874 г. Ц. 10 к.
Основа. Южно-Русскій журналъ за 1861 г. 12 кн. С.-ПБ. 1861 г. Ц. 10 р.
Осташевскій. Пивъ сотни казокъ для веселыхъ людей. К. 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.
Пискуновъ. Словниця украінськоі (або Юговоі-Руськоі) мовы. Ц. 1 р. 50 к.
——— Чайка. Украинскій альбомъ пісень, думъ, казокъ, баекъ и вірше́й. К. 1876 г. Цѣна 30 к
——— Т. Г Шевченко, его жизнь и произведенія. К. 1879 г. Ц. 75 к.
Пчілка О. Переклады зъ Гоголя. К. 1881 г. Ц 35 к.
——— Сужена не огужена. Жартъ-водевиль. К. 1881 г. Ц. 50 к.
——— Украиньскимъ дитямъ, переклады зъ Лермонтова. К. 1882 г. Ц. 25 к
Про козакивъ, татаръ и туркивъ. К. 1875 г. Ц. 10 к.
Про хворобы и якъ имъ запомогты. К. 1874 г. Ц. 6 к.
Про холеру. К. 1875 г. Ц. 7 к.
Про кари, до якихъ присуждають мирові судді. К. 1876 г. Ц. 12 к.
Празды. Козакъ и Гапнуся. Украинскіе очерки. К. 1862 г. Ц. 60 к.
Поминки Т. Г. Шевченко въ Одессѣ 25 февраля 1879 г. Од. 1879 г. Ц. 30 к
Раевскій. Сцены изъ малорусскаго народнаго быта. К. 1882 г. Ц. 1 р.
Рудченко. Чумацкія народныя пѣсни. К. 1874 г. Ц. 1 р. 30 к.
——— Южно-русскія народныя сказки, т. 2-й. К. 1873 г. Ц. 1 р.
Старыцькый М. Сербські народні пісні і думы. К. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
——— Чорноморці. Оперета по Кухаренку. К. 1878 г. Ц. 20 к.
——— Музыка къ ней Н. Лысенка. К. 1878 г. Ц. 1 р.
——— Зъ давняго зшитку. Пісьні и думи. К. 1881 г. Ц. 50 к.
——— Гамлетъ Принць Данській. Трагедія въ 5 діяхъ, В. Шекспіра. Пер. на Украінську мову. Музыка Лисенка. К. 1882 г. Ц. 1 р
——— Пісня про Ивана Васильевича Грознаго. Ц. 5 к
——— Сорочинскій ярмарокъ. 2-е видання К. 1882. г. Ц. 10 к.
——— Байки по Крылову. 2 е видання. 1882 г. Ц. 10 к.
Стороженко О. Марко проклятый. Поэма. Од. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к.
Степовикъ О. Оповідання про комахъ, яка одъ ихъ користь, або шкода въ господарстві (зъ 45 рис.). К. 1882 г. Ц. 50 к.

Федьковычъ. Повісті съ переднимъ словомъ про Галицько-руське письменство. К. 1876 г. Ц. 1 р.

Хвидороянській. Про Дифтеритъ або обкладкы для селянъ и хуторянъ на Украйни. Х. 1882 г. Ц. 10 к.

Чалый. Біографія Шевченка. К. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к.

Шевченко. Наймычка. Поэма. К. 1875 г. Ц. 5 к.

——— Катерына. Поэма, Перебенди, дума. К. 1882 г. Ц. 10 к.

——— Музыкантъ Пов. на рус. языкѣ. К. 1882 г. Ц. 50 к.

Що робыться у воздусі і що зъ того треба знаты землеробу. К. 1875 г. Ц. 10 к.

Якъ роспізнаты грунтъ і які бувають грунты. К. 1875 г. Ц. 10 к.

Яструбець. Про звірі по Брему. Ведмеди. К. 1876 г. Ц. 10 к.

М. Кропивніцького.—Збірныкъ творівъ (Дві драмы—„Дай серцю волю, заведе въ неволю" і „Глытай", драматычні картыны.- „Невольныкъ" і жартъ водевиль—„Помырылысь)." К. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Записки Юго-западнаго отдѣла географическаго общества. Т. 1. Ц. 1 р. 80 к. Т. II. Ц. 2 р. 25 к.

Печатаются и въ непродолжительномъ времени выйдутъ въ свѣтъ:

КОБЗАРЬ Т. Г. Шевченко, съ портретами его. Настоящее изданіе будетъ полнѣе изданій Кожанчикова, Пражскаго и др. но цѣнѣ доступнѣе прежнихъ изданій.

Рада. Украінська збірка на 1882 рікъ. Содержаніе: Повія—романъ Мирного, повість Левицкого, два оповидання Бабенка, два оповидання Д. Мордовцева, оповидання Садовского, Лопуха, драма Старицкого, стихотворенія: Щоголева, Старицкого, Бабенка, Гриненка, Мовы, Грищенка, Хруща и др. и научныя статьи на малорус. и рус. яз. Отъ 25 30 печатныхъ листовъ большого формата.

Старицкого М.—Різдвяна нічъ. Опера. 3-е изд.

——— Думы и Пісні. Выпускъ 2-й.

Де що про світъ Божий. Изд. 4-е. К. 1882 г. Ц. 20 к.

Украінська Граматка.

Готовятся къ изданію:

Луна, Украиньськый Альманахъ, вып. II.

Чытанка.—Перша книжка після азбувы.

Левицького И.—Кайданева сімъя. Повість.

Здѣсь-же можно достать всѣ вновь выходящія книги, какъ на Малорусскомъ языкѣ, такъ и на Русскомъ по Исторіи и Этнографіи Южно-Русскаго края.

На пересылку прилагается 10 к. на 1 руб. Здѣсь же находится складъ всѣхъ находящихся въ продажѣ малорусскихъ книгъ.

Требованіе г г. иногородныхъ за всѣми вообще книгами исполняются съ первою почтою.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый въ г. Кіевѣ.

1883-й годъ (второй годъ изданія).

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, *ежемѣсячно*, по той же программѣ, при участіи кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала—двѣнадцать книгъ, въ 12 и болѣе листовъ каждая. Книги выходятъ непремѣнно 1-го числа и одновременно разсылаются подписчикамъ.

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи находятся, между прочими, слѣд. статьи: *Жидотрепаніе XVIII в.* (хроника), Н. И. Костомарова, *Печерскіе антики*, Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь*, Ѳ. Кондратовича, *Революція вольнская 1-й четверти XIX ст.*, обширный современный мемуаръ, *Исторія изысканій кіевскихъ древностей*, проф. В. Б. Антоновича, *Старосвѣтскіе батюшки и матушки*, повѣсть Ив. Нечуя (Левицкаго), *Дневникъ М. Хиненка*, *Дневникъ св. Фоки Струтинскаго*, *Разновидности „Марцѣпанъ и Ганнусковой горѣлки,“* рукопись XVIII в., старод. полк. Ив. Кулябки, и пр.

Цѣна за 12-ть книжекъ «Кіевской Старины,» съ приложеніями и доставкою на домъ или пересылкою внутри Россіи *десять рублей*, безъ пересылки и доставки *восемь руб. пятьдесятъ коп.*

Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію «Кіевской Старины»: *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой*, и лишь при этомъ условіи редакція отвѣчаетъ за своевременную высылку изданія.

Подписка на 1882 г. продолжается по тому же адресу и цѣнѣ. Въ ноябрьской книжкѣ—біографія и портретъ Гонты.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

Дозв. ценз. Кіевъ, 20-го Октября 1882 г. Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ПРОГРАММА

ЖУРНАЛА

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозные, правовые и т. п., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и заграницею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Для поясненія текста, по мѣрѣ надобности, будутъ прилагаемы: портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія древнихъ украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и пр.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“, по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“ примутъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. Б., Багалѣй Д. И., Барсуковъ А. П., Барсуковъ Н. П., Будановъ М. Ф., Бѣлозерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Викторовъ А. Е., Воронинъ А. Ѳ., Вороновъ А. Д., Воскресенскій А. М., Ганицкій М. А., Головацкій Я. Ѳ., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Дашкевичъ Н. П., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. Ѳ., Костомаровъ Н. И., Каманинъ И. М., Крыжановскій Е. М., Лазаревскій А. М., Лашкаревъ П. А., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій И. С., Левицкій О. И., Лѣсковъ Н. С., Малышевскій И. И., Маркевичъ А. И., Мацѣевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Петровъ Н. И., Пономаревъ С. И., Потебня А. А., Праховъ А. В., Стрижевичъ И. В., Терновскій Ф. А., Фортинскій Ѳ. Я., Чалый М. К. и другіе.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

декабрь.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Декабрь, 1882 г.

I. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. Шимонова.** (*Продолженіе*) . . . 401

II. Г. УМАНЬ И СОФІЕВКА. **А. Смонтія** 420

III. СТАРИННЫЙ ЮЖНО-РУССКІЙ ТЕАТРЪ И ВЪ ЧАСТНОСТИ ВЕРТЕПЪ. **Н. Петрова.** 438

IV. БАНДУРІСТЪ ИВАНЪ КРЮКОВСКІЙ. **В. Горленка** . . . 481

V. САМОЗВАННЫЙ ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ СОЛДАТЪ СЕМЕНОВЪ. (1826 г.) **К. К--ка.** 519

VI. КЪ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ. Внутренніе распорядки. **А. Скальковскаго.** 527

VII. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. (*Окончаніе*). **В. А.** . 538

VIII. ПИСЬМО КН. Н. В. РЕПНИНА КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ НАВЛОВИЧУ (по дѣлу сложенія недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ полтавской и черниговской губерній). Сообщ. **Ст. фонъ-Носъ** . . 557

IX. НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ О СУДЬБѢ ЖЕЛѢЗНЯКА ПОСЛѢ ЕГО АРЕСТА ВЪ УМАНИ. **В. А.** 564

X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) D-r Antoni I. Opowiadania historyczne-serija trzecia. T. 1 2. Warszawa. 1882. — б) Опись актовой книги кіевскаго центральнаго архива. № 13. Составилъ Л. Ильинскій. Кіевъ. 1882 г. — в) Wiadomości statystyczne o stosunkach krajowych... pod redakcyą prof. d-ra Tadeusza Pilata. Rocznik szósty. Zeszyt drugi. Lwów. 1881 г. — г) Высокопреосвящ. Макарій, митрополитъ московскій. Москва. 1882 г. — Поминки по пр. Филаретѣ, епископѣ рижскомъ. въ кишин. дух. семинаріи, съ портретомъ его. Л. М. Кишиневъ. 1882 г. 569

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя: а) Откуда взялись запорожцы (народное преданіе). — б) Н. Д. Мизко (некрологъ). — в) Еще о бугскихъ козакахъ. — г) Старинные малороссійскіе портреты. — д) Протопопъ Комаръ и его вторичный бракъ. — е) Гетманское приглашеніе на свадьбу. — ж) Замѣтки стараго кіевлянина. — з) — Вирша на Рождество Христово. — и) Алексѣй Ивановичъ Ставровскій (некрологъ). 583

XII. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и примѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ IV томѣ «Кіевской Старины», 1882 г.

XIII. Библіографическое извѣщеніе.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“. Новые подписчики получаютъ журналъ за весь годъ, начиная съ 1-го номера. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софіевская площадь, д. Севастьяновой, противъ памятника Хмельницкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

ДЕКАБРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го ноября 1882 года.

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.

1883-й ГОДЪ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, ежемѣсячно, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала изъ **двѣнадцати** книгъ признаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить не на четыре, какъ въ этомъ году, а на **три** тома, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ до 50-ти печатныхъ листовъ.

Каждая книжка „Кіевской Старины“ выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Преодолѣвъ главныя трудности основанія **провинціальнаго** журнала, дальнѣйшія наши усилія мы посвятимъ улучшенію изданія, усматривая надежду на успѣхъ въ сочувствіи мѣстной и вообще отечественной публики и того кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, при содѣйствіи которыхъ ведется изданіе. Сознавая, что даже начато нами далеко не все, можемъ сказать одно: **не все разомъ.**

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи находятся, между прочими, слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе XVIII в.* (хроника), Н. И. Костомарова, *П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность,* его-же, *Печерскіе антики,* Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь,* съ портретомъ живущаго доселѣ запорожца, 120 лѣтъ, и картою Сѣчи, Ѳ. Кондратовича, *Украинскія поселенія въ низовьяхъ Дуная,* его-же, *Анна Алоиза княжна Острожская,* съ ея портретомъ, О. И. Левицкаго, *Революція волынская 1-й четверти XIX ст.,* обширный современный мемуаръ, *Исторія изысканій кіевскихъ древностей,* проф. В. Б. Антоновича, *Мнимый бунтъ на Волыни 1789 г.,* его-же, *Изъ бытовой исторіи Малороссіи XVIII в. (Румянцевская опись),* Д. И. Багалѣя, *Южно-русскіе архивы,* его-же, *Шпитали въ Малороссіи* П. С. Ефименка, *Очерки изъ жизни Кіева начала XIX ст.,* проф Ф. А. Терновскаго, *Серапіонъ, кіевскій митрополитъ,* его-же, *Старосвѣтскіе батюшки и матушки,* повѣсть Ив. Нечуя (Левицкаго), а изъ матеріаловъ: *Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому 1854—1857. Коллекція писемъ къ М. А. Максимовичу отъ разныхъ литераторовъ, ученыхъ* и проч., *Дневникъ Н. Ханенка, Дневникъ свящ. Фоки Струтинскаго, Разновидности „Морцѣпанъ и Ганнусковой горѣлки“,* рукопись XVIII в. Ив. Кулябки, и пр.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины“, съ приложеніями, на 1883-й годъ, съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**, безъ пересылки и доставки **ВОСЕМЬ РУБЛ. ПЯТЬДЕСЯТЪ КОП.** На заграничную пересылку прибавляется **ОДИНЪ РУБЛЬ.**

☛ Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой.* Тамъ-же и контора редакціи.

Подписка на текущій 1882 годъ продолжается по указанной сейчасъ цѣнѣ и адресу. Вышедшія книжки немедленно высылаются.

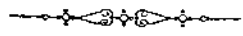

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

(Продолженіе*).

---

4) Армейская реформа слободскихъ полковъ князя Шаховскаго.

По мѣрѣ того, какъ ослабленіе, или отмѣна мѣстныхъ областныхъ особенностей Слобожанщины расширяли поприще для центральныхъ мѣропріятій, непрерывныя, можно сказать, реформы преслѣдовали жизнь этой провинціи изъ поколѣнія въ поколѣніе. Есть свѣдѣніе, что еще Петръ I замышлялъ значительную передѣлку во внутреннемъ устройствѣ слободскихъ полковъ и, вѣроятно, только смерть неутомимаго реформатора остановила его дѣятельность въ этомъ уголкѣ; но это спокойствіе отъ реформъ продолжалось не долго. Преобразованіе великорусскаго земскаго пограничнаго ополченія московской Украйны въ регулярное войско входило въ общій планъ военныхъ реформъ Петра I и продолжалось его наслѣдниками, и оно-же вызвало памятную по своему характеру и послѣдствіямъ первую радикальную реформу въ области слободскихъ полковъ. Это была реформа князя Шаховскаго, которая въ отрицательномъ смыслѣ имѣетъ право занять, можетъ быть, одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ областной исторіи южно-русскаго населенія. Достойно особаго вниманія, что, производя эту реформу, кн. Шаховскій дѣйствуетъ по собственному усмотрѣнію, не имѣя, какъ увидимъ ниже, опредѣленныхъ указаній отъ высшей власти

---

*) См. въ ноябрской книжкѣ «Кіевской Старины», 1882 г.

и не справляясь съ указами, опредѣлявшими бытъ, права и привилегіи козачьяго населенія, и это тѣмъ болѣе доказываетъ, что въ данномъ случаѣ онъ является лишь случайнымъ выразителемъ господствовавшихъ въ то время стремленій и общаго государственнаго и общественнаго строя. Неудивительно по этому, что въ его мѣропріятіяхъ является полное смѣшеніе такихъ разнородныхъ, по своему происхожденію и внутренней бытовой организаціи, элементовъ, какъ московскіе служилые люди, впослѣдствіи большею частію переименованные въ однодворцевъ, и южно-русское населеніе слободскихъ полковъ. Въ чемъ однако состояли преобразованія князя Шаховскаго? —Вѣрную характеристику ихъ мы находимъ въ такомъ важномъ офиціальномъ актѣ, какъ знаменитая жалованная грамота слободскимъ полкамъ императрицы Елисаветы 1743 г. Въ началѣ этой грамоты представлено то легальное положеніе этихъ полковъ, въ какомъ застала ихъ реформа. „Довольно извѣстно, говорится въ ней отъ лица императрицы, съ какою вѣрностію и ревностію черкасскіе слободскіе полки служили предкамъ и отцу нашему“... и что „за такія... ихъ службы милостивыя жалованныя грамоты... 7177, 7192, 7197 и въ 1700 годахъ... они получали, по которымъ тѣхъ полковъ полковники, старшина и козаки за упомянутыя ихъ многія вѣрныя и усердныя службы, (в)мѣсто годоваго жалованы, пожалованы и повелѣно имъ всякими промыслы промышлять и всякими товарами торговать безпошлинно, такожъ мельницами и рыбными ловли и всякими угодьи владѣть и шинки держать во всѣхъ ихъ городахъ, и винокурить, и шинковать безъоброчно, и съ тѣхъ промысловъ полковую службу служить имъ безъ жалованья, и въ таможняхъ у нихъ вѣрнымъ головамъ и цѣловальникомъ русскимъ быть не велѣно, а отданы тѣ таможни и мосты и перевозы старшинѣ и козакамъ, и повелѣно имъ брать таможенную пошлину со всѣхъ пріѣзжихъ купцовъ русскихъ и съ черкасъ съ продажныхъ ихъ товаровъ по уставной грамотѣ безъ излишества, самимъ опошлинныя и откупныя деньги платить въ Бѣлгородъ по прежнимъ окладамъ, и быть въ тѣхъ слободскихъ полкахъ въ конной службѣ выборнымъ коннымъ козакамъ указанныхъ числъ, а достальнымъ помогать въ службѣ тѣмъ коннымъ *по ихъ черкасскому обыкновенію*, чтобъ оные выборные козаки тою ихъ подмогою были всегда конны и оружены и въ походахъ запасами довольствованы, а кромѣ той

войсковой полковой конной службы никуда на годовую службу посылать и иныхъ тягостей налагать, такожъ и подводъ у нихъ безъ указу и безъ грамотъ имать не велѣно-жъ". Но вотъ какъ началась и что произвела реформа князя Шаховскаго: „а нынѣ,—продолжаетъ грамота,—нашему императорскому величеству тѣхъ слободскихъ полковъ полковники и старшины всеподданнѣйше били челомъ, что въ 1732 году, по представленіямъ покойнаго генерала князя Алексѣя Шаховскаго, который въ тѣ слободскіе полки, по указу сестры нашей императрицы Анны Іоанновны, отправленъ былъ для добраго и основательнаго тѣхъ полковъ разсмотрѣнія и исправленія, въ противность вышеупомянутыхъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ и тамошнихъ порядковъ, учрежденъ *драгунскій полкъ* и опредѣлены въ тотъ полкъ многіе изъ армейскихъ полковъ штабъ и оберъ-офицеры, которымъ противъ ранговъ даны въ подмогу въ тѣхъ-же полкахъ мѣстечки, села и деревни съ грунтами и съ козаками, братьевъ и свойственниковъ и изъ подпомощниковъ пожиточные и лучшіе люди довольное число, кои принуждены быть въ ихъ *подданствѣ и всякія работы по примѣру крестьянъ нести*, съ немалымъ отягощеніемъ, и дѣйствительной козачьей службы лишены, и какъ онымъ офицерамъ, такъ и драгунамъ противъ нерегулярныхъ отмѣнная подмога опредѣлена, и тѣ драгуны получаютъ мундиръ и аммуницію изъ собираемой суммы съ козаковъ-же и подпомощниковъ съ немалою обидою, отъ чего во всякихъ дѣлахъ происходятъ крайніе непорядки, а въ полковыхъ канцеляріяхъ въ подлежащихъ по должности исправленіяхъ немалое помѣшательство, а на мѣсто убылыхъ и умершихъ въ томъ драгунскомъ полку драгунъ выбираются слободскихъ-же полковъ изъ лучшихъ козаковъ и отъ того оные слободскіе полки пришли въ несостояніе". Такимъ образомъ вся рефора Шаховскаго сводилась къ подведенію козачьяго строя къ общимъ порядкамъ регулярной военной службы и обращенію всего неслужилаго козачьяго населенія въ экономическую и просто рабочую силу какъ для содержанія полка, такъ и въ личное довольство полковаго начальства, въ роли крестьянъ.

Такой важный періодъ въ исторіи Слободской Украйны, какъ реформа князя Шаховскаго, заслуживаетъ особеннаго вниманія изслѣдователей прошлой судьбы мѣстной областной жизни; но мы, по спеціальному характеру нашего главнаго предмета, не имѣемъ

ни средствъ, ни цѣли всесторонне останавливатьея на этомъ періодѣ и потому сдѣлаемъ только извлеченіе изъ имѣющихся у насъ подъ руками источниковъ касательно положенія слободскихъ полковъ въ это время. Въ „Топографическомъ описаніи харьковскаго намѣстничества", о которомъ мы прежде упоминали, кратко замѣчается, что съ 1732 г. слободскіе полки, по имянному повелѣнію Анны Іоанновны, подчинены были „во всякихъ дѣлахъ" учрежденной въ Сумахъ *слободской коммисіи,* и въ это-же время навербованъ былъ изъ слободскихъ козаковъ регулярный драгунскій полкъ „на всемъ слободскомъ вооруженіи, обмундированіи и содержаніи, при каждомъ козачьемъ полку по 200 драгунъ". Болѣе подробныя свѣдѣнія о произведенной кн. Шаховскимъ реформѣ и положеніи слободскихъ полковъ мы встрѣтили въ одномъ провинціальномъ изданіи [1]), гдѣ помѣщена весьма интересная для областной исторіи Слободской Украйны статья: „Войсковые обыватели воронежской губерніи". Вотъ что говорится въ ней относительно преобразованія острогожскаго слободскаго полка, а слѣдовательно и прочихъ слободскихъ полковъ, такъ какъ реформа кн. Шаховскаго ведена была одновременно во всѣхъ полкахъ: „...вскорѣ затѣмъ (послѣ Петра I) послѣдовалъ для нихъ (острогожцевъ) цѣлый рядъ самыхъ крупныхъ преобразованій. Нѣмцы, какъ пишетъ составитель экономическаго описанія [2]), были будто единственными виновниками злоключеній, которымъ подвергнулись острогожцы, начиная съ 1732 г. Господствуя при дворѣ Анны Іоанновны и стараясь все регулировать на нѣмецкій образецъ, приспѣшники Бирона обратили вниманіе и на слободское украинское козацкое войско, къ составу котораго принадлежали острогожскіе козаки. Но можетъ быть и не одно нѣмецкое регулированіе привело къ реформѣ... Козаки и реформу, и присланнаго дворомъ реформатора, — князя Шаховскаго встрѣтили непріязненно. Правду сказать, и со стороны преобразователей немного оказано было вниманія привычкамъ и интересамъ

---

[1]) Памятная книжка воронежской губерніи на 1865—1866 г. Изданіе воронежскаго статистическаго комитета. Воронежъ, 1867 г.

[2]) Тутъ прямое указаніе на другой важный для исторіи Слободской Украйны источникъ,—не изданное еще экономическое описаніе воронежской губерніи 1781 г., находящееся, въ рукописи, въ архивѣ воронежскаго статистическаго комитета.

козаковъ: реформа поведена была круто. Шаховскій собственно не уничтожалъ козацкаго войска; но сдѣлалъ хуже, чѣмъ если-бы его вовсе уничтожилъ, именно: онъ оставилъ существовать козацкое имя, а на дѣлѣ превратилъ одну часть козаковъ въ регулярныхъ солдатъ, а другую въ крѣпостныхъ. Это сдѣлалось такъ: учрежденъ былъ драгунскій слободской полкъ, въ который забраны были рядовыми всѣ лучшіе козаки и отданы подъ команду офицеровъ, приглашенныхъ изъ регулярной арміи. Старшинные козацкіе начальники были устранены совсѣмъ отъ войска и оставлены безъ дѣла. Затѣмъ, всѣ такъ называемые козацкіе захребетники, подсусѣдки, бѣдные козаки и прочіе люди, не попавшіе въ драгунскій полкъ, раздѣлены на участки и розданы въ аренду драгунскимъ офицерамъ вмѣсто жалованья, или назначены для будущаго укомплектованія драгунскаго полка. Нельзя не замѣтить, что военное учрежденіе, открытое Шаховскимъ, очень походило на позднѣйшія военныя поселенія". Такимъ образомъ Аракчеевскія военныя поселенія въ харьковской губерніи имѣли уже въ лицѣ князя Шаховскаго своего достойнаго предтечу еще почти за 100 лѣтъ.

Неудовольствіе станичниковъ успѣло разразиться только громкими жалобами. Кончина Анны Іоановны и вскорѣ затѣмъ восшествіе на престолъ Елисаветы Петровны положили конецъ реформѣ Шаховскаго. Узнавъ о духѣ и настроеніи новой императрицы, и въ особенности о ея уваженіи ко всему, что было учреждено Петромъ I, острогожцы поспѣшили законнымъ путемъ снять съ себя положенное на нихъ иго [1]). Отправлена была депутація къ императрицѣ съ жалобой на невыносимую тягость положенія и съ просьбой о возвращеніи привилегій, утвержденныхъ и дарованныхъ грамотой Петра I отъ 1700 года. Полковникъ Иванъ Тевяшевъ (или Тевяшевскій), начальникъ депутаціи, хлопоталъ такъ усердно..., что императрица, не смотря на возраженія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ генераловъ, рѣшилась отмѣнить распоряженія военной коммисіи 1731 г., т. е. реформу Шаховскаго, и въ 1743 г. своею грамотою возвратила козакамъ всѣ ихъ прежнія права и привилегіи. Возстановлено было козацкое полковое управленіе вмѣстѣ съ зависимостью по гражданскимъ дѣламъ отъ бѣлгородскаго губернатора. Надобно

---

[1]) Также точно поступили и остальные слободскіе полки.

было отдать дань народному чувству, оскорбленному бироновскимъ правленіемъ, и дань уваженія къ имени Петра. Впрочемъ нѣмецкіе теоретики,—продолжаетъ авторъ,—а вмѣстѣ съ ними и люди, понимавшіе положеніе и значеніе слободско-украинскаго козачества, не совсѣмъ въ этомъ случаѣ уступили; именно: одновременно съ освободительной грамотой сдѣлано было распоряженіе, чтобы особые доходы слободско-украинскаго войска обращались на содержаніе трехъ драгунскихъ и одного гарнизоннаго полка, учрежденныхъ военною коллегіею въ 1731 г. На это немаловажное ограниченіе войсковыхъ привилегій острогожцы не жаловались, очень довольные и тѣмъ, что избавились отъ реформъ Шаховскаго... Отвыкая постепенно отъ оружія, слободскіе козаки теряли вмѣстѣ съ тѣмъ и прежнее стремленіе къ самостоятельному управленію и къ военнымъ почестямъ, сохранивъ только желаніе удержать привилегіи, обезпечивавшія ихъ матеріальное благосостояніе. Скоро не стало между ними ни Тевяшевскихъ, ни стариковъ, помнившихъ военныя дѣла козачества, и потомки азовскихъ воителей не просили болѣе военнаго званія, не искали привилегій за ратныя услуги, а боялись единственно потери права винокуренія, обложенія податями наравнѣ съ крестьянами и т. под. Сверхъ того упадку духа въ козакахъ способствовали печальные остатки или послѣдствія реформы Шаховскаго, именно: обращеніе многихъ козаковъ въ „подданныхъ черкасъ", т. е. въ крѣпостныхъ. Бѣднѣйшихъ козаковъ, козацкихъ подсусѣдковъ, захребетниковъ и тому подобныхъ лицъ, не имѣвшихъ настоящаго права гражданства между козаками, Шаховской, какъ мы видѣли выше, роздалъ вмѣсто жалованья офицерамъ своего драгунскаго полка, отъ которыхъ, по возстановленіи козацкихъ правъ, эти люди перешли (на какихъ правахъ, мы сказать не можемъ) къ козацкимъ начальникамъ и, подъ властью этихъ, являются въ позднѣйшее время настоящими крѣпостными. Независимо отъ того, что этимъ уменьшился составъ войска, переходъ козацкихъ вождей въ сословіе владѣльцевъ имѣніями крѣпостныхъ людей имѣлъ самъ по себѣ пагубное вліяніе на козачество, сдѣлавъ, со времени этого перехода, интересы козацкихъ начальниковъ солидарными съ интересами прочаго дворянства въ краѣ и почти совершенно отдѣливъ ихъ отъ простыхъ козаковъ. Эти послѣдніе, оставленные своими вождями, стали быстро обращаться въ настоящихъ крестьянъ, и

если не тотчасъ лишились всѣхъ козацкихъ привилегій, то единственно по милости винокуренной привилегіи, которая одна связывала ихъ съ козацкимъ дворянствомъ. Для послѣдняго не было-бы основанія пользоваться привилегіею, еслибъ простые козаки ее потеряли. Эти перемѣны во внутреннемъ положеніи и въ стремленіяхъ слободскихъ козаковъ послѣдовали частію прежде, частію послѣ возстановленія козацкихъ правъ императрицею Елисаветою, но уже черезъ 20 лѣтъ послѣ этого событія они привели козачество въ такое положеніе, что значительныя реформы сдѣлались совершенно возможными. Такимъ образомъ, въ 1765 г., послѣ 20-ти лѣтняго существованія, грамота Елисаветы перестала дѣйствовать... Указомъ Екатерины II острогожское козачество было уничтожено и козакамъ велѣно именоваться казенными войсковыми обывателями, при чемъ козацкая служба замѣнена службою въ острогожскомъ гусарскомъ полку. Этотъ гусарскій полкъ содержался на счетъ козаковъ. Для гражданскаго управленія учреждена острогожская провинціальная канцелярія, завѣдывавшая пятью уѣздными канцеляріями и подчиненная слободско-украинской губернской канцеляріи. Винокуренной привилегіи не тронули... Бывшее козацкое начальство въ особенности осталось довольно своимъ совершеннымъ присоединеніемъ къ мѣстному дворянству".

Въ этой краткой исторіи реформъ князя Шаховскаго въ острогожскомъ полку и послѣдствій этихъ реформъ заключается исторія и остальныхъ слободскихъ полковъ за тоже время.

По свидѣтельству автора цитированной нами статьи, въ настоящее время потомковъ бывшихъ козаковъ острогожскаго полка считается около четверти населенія воронежской губерніи. Такимъ образомъ реформа князя Шаховскаго еще почти за полвѣка до формальнаго введенія крѣпостнаго права въ Малороссіи ввела уже это право въ Слободскую Украйну, а своеобразные аграрные порядки этой области передъ судомъ такого реформатора, какъ князь Шаховской, не заключали въ себѣ, конечно, никакого вопроса. Не трудно оцѣнить въ общемъ вліяніе этой пещадной ломки жизни на правовое сознаніе населенія относительно его старозаимочныхъ земель: естественно предположить, что начатый этою реформой разрывъ классовъ бывшаго прежде солидарнаго козачьяго населенія и въ особенности прочно заложенное рабство—должны были сильно

потрясти положеніе старозаимочнаго владѣнія козаковъ, а въ извѣстной части, гдѣ населеніе обратилось въ рабовъ, можетъ быть и совершенно упразднить старозаимочное право.

---

5) Дальнѣйшая судьба старозаимочнаго землевладѣнія въ прошломъ столѣтіи. Общая межевая инструкція 1766 года.

Такая катастрофа въ жизни народа, какъ реформа князя Шаховскаго, потрясшая самыя основы его бытовой организаціи, приготовила уже открытое приприще для довершительныхъ мѣропріятій Екатерины II; въ 1765 г. изъ слободскихъ полковъ была образована слободская украинская губернія, съ губернскимъ городомъ Харьковомъ. „Послѣ воцаренія Екатерины II Слободская Украйна [1]) подверглась кореннымъ измѣненіямъ въ строѣ, унаслѣдованномъ изъ распорядковъ Богдана Хмельницкаго въ Гетманщинѣ. Тогдашній край пяти слободскихъ полковъ съ полковыми городами: Харьковомъ, Сумами, Ахтыркой, Изюмомъ и Острогожскомъ, множествомъ сотенныхъ мѣстечекъ и слободокъ, долженъ былъ утратить свое мѣстное управленіе и ввести новое, одинаковое для всей страны и ея окраинъ. Въ этомъ, какъ и въ другихъ мѣропріятіяхъ правительства того времени, выказывалось стремленіе сосредоточить все мѣстное управленіе каждой провинціи въ рукахъ одного лица, которое облекалось большой властью. Съ такою-то властью въ 1767 г. прибылъ секундъ-маіоръ Е. А. Щербининъ. Матеріалы, хранящіеся доселѣ въ мѣстныхъ архивахъ, ясно свидѣтельствуютъ, что кромѣ подготовленія и образованія въ краѣ „намѣстничества“, Щербинину были даны и другія весьма обширныя полномочія“. Между прочимъ онъ прилагалъ попеченіе объ усиленномъ просвѣщеніи и немедленно вошелъ въ переписку съ бѣлгородскимъ епископомъ Самуиломъ о заведеніи при тогдашнемъ харьковскомъ коллегіумѣ типографіи, заявляя, что „для всякаго публичнаго училища необходимая есть вещь типографія, а отъ того и всему обществу слѣдуетъ польза“. Епископъ Самуилъ хотя и согласился въ общемъ,

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣдом., 1881 г., № 340.

что просвѣщеніе можетъ быть полезно, но въ своемъ отвѣтѣ косвенно предостерегъ губернатора о могущихъ быть „вредительныхъ гадинахъ“, которыя, безъ строгаго досмотра начальства, могутъ писать сочиненія, „опровержения Божія закона исполненныя, самодержавію и отечеству противныя, также сочиненія язвительныя и соблазнительныя“... Такъ на этомъ и окончились, кажется, заботы о просвѣщеніи, но за то гражданское и общественное просвѣщеніе было тщательно переформировано.

При учрежденіи слободско-украинской губерніи населеніе слободскихъ козаковъ было переименовано въ казенныхъ войсковыхъ обывателей, а поселенія ихъ названы войсковыми слободами. Въ губерніи учреждена была губернская канцелярія и при ней особый вотчинныхъ дѣлъ департаментъ, который былъ подчиненъ государственной вотчинной коллегіи; кромѣ губернской канцеляріи были образованы еще подчиненныя ей 4-е провинціальныя воеводскія канцеляріи съ „великороссійскими прокурорами“.

Изъ инструкціи 6 іюля 1765 г., данной слободско-украинскому губернатору, между прочимъ, видно, что поземельнаго налога въ это время не было, а былъ опредѣленъ только душевой и личный окладъ: по 95 коп. съ войсковыхъ обывателей, съ правомъ винокуренія, а безъ этого права по 85 коп.; порядокъ сбора этого оклада велѣно „каждаго мѣста жителямъ оставить на собственныя народныя раскладки“. Прежнія сотенныя управленія преобразованы были въ комиссарства; только въ мелкихъ судныхъ дѣлахъ, не свыше 12 р., оставленъ былъ въ силѣ *мѣстный народный обычай* (черкасское обыкновеніе) *словеснаго суда* съ одной журнальной запиской. 9—16 пункты этой инструкціи касаются, и то только въ самыхъ общихъ предначертаніяхъ, мѣстнаго поземельнаго вопроса, при чемъ не трудно замѣтить, что фактическое положеніе этого вопроса весьма мало, чтобы не сказать больше, было извѣстно администраціи. Мотивомъ учрежденія департамента вотчинныхъ дѣлъ было выражено: „по не имѣнію въ слободскихъ полкахъ никакого предѣла въ земляхъ, ограничить закономъ, дабы всякій удѣлъ свой или заимку зналъ и завладѣнное излишнее возвратилъ“. Далѣе, этому дерартаменту вотчинныхъ дѣлъ вмѣнено было въ обязанность „сдѣлать подлежащія пріуготовленія къ будущему размежеванію всѣхъ земель, по общему государственному о томъ установленію;

и для того отъ всѣхъ владѣльцевъ, имѣющихъ на тамошнія земли грамоты и крѣпости, тако-жъ и отъ полковыхъ канцелярій, съ грамотъ, указовъ и всякихъ укрѣпленій... собрать копіи"... Мелкое поземельное, участково-наслѣдственное владѣніе бывшихъ слободскихъ козаковъ и горожанъ Слобожанщины повидимому было или совсѣмъ не замѣчено, или-же игнорировано. Только въ указѣ 1803 года этотъ фактъ былъ признанъ относительно козачьяго землевладѣнія бывшей гетманщины: „въ числѣ жителей Малороссіи, сказано въ этомъ указѣ 19 іюля 1803 г., находится одно состояніе, какого нѣтъ ни въ Великой, ни въ Бѣлой Россіи, т. е. состояніе козаковъ, пользующихся по древнимъ законамъ совершенно на правѣ дворянскомъ пріобрѣтенными заслугой, или покупкой у другихъ владѣльцевъ землями (главное основаніе здѣшняго землевладѣнія—старозаимка не упомянуто и въ этомъ указѣ) и имѣющихъ по онымъ многочисленные съ помѣщиками споры". Офиціальное признаніе этого факта благоразумно замедлило рѣшительныя межевыя дѣйствія въ гетманской Малороссіи почти до позднѣйшаго времени; ибо, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ „Курса гражд. права", размежеваніе Малороссіи представляло особенныя затрудненія. При меньшей спѣшности и энергіи объединительныхъ мѣръ эпохи Екатерины II эти трудности въ разрѣшеніи поземельнаго вопроса въ бывшей Слобожанщинѣ также, конечно, были-бы замѣчены и оцѣнены по достоинству; въ позднѣйшемъ законодательномъ актѣ по старозаимочному вопросу, принадлежащемъ уже 60 годамъ (о чемъ скажется въ своемъ мѣстѣ), была офиціально признана особенная важность дѣла о старозаимочныхъ земляхъ и необходимость всяческой „осторожности, съ которой должно вообще прикасаться къ древнимъ правамъ владѣнія". Это положеніе представлялось въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе серьезнымъ, что поземельное замѣшательство въ бывшей Слобожанщинѣ, вслѣдствіе цѣлой массы всяческихъ реформъ, имѣвшихъ въ виду не столько пользу населенія, сколько разныя внѣшнія служебныя и вотчинно-государственныя цѣли, началось еще до времени Екатерины II. Давнее, постепенное разложеніе козачьяго самоуправленія, переходъ козачьей старшины въ привилегированный высшій классъ, возникновеніе крупнаго землевладѣнія изъ пожалованныхъ земель людямъ мѣстнаго и главнымъ образомъ великорусскаго происхож-

денія, фактическая и юридическая неопредѣленность мелкаго поземельнаго владѣнія массы туземнаго черкасскаго населенія—все это естественно порождало явленія насилія и захвата со стороны сильныхъ въ сферѣ поземельнаго владѣнія и даже вызвало рѣшительную правительственную мѣру—указъ 15 марта 1765 г. „о возвращеніи слободскимъ полкамъ заселенныхъ помѣщиками земель". Тогда обнаружилось, что „многіе неуказнымъ образомъ на дачахъ слободскихъ полковъ населили себѣ деревни"..., почему и предписано было эти „неправильно завлаженныя земли съ поселенными на нихъ деревнями приписать къ содержанію слободскихъ полковъ".

Всю эту сложность и неопредѣленность поземельнаго вообще и межеваго вопроса въ частности въ Слободской Украйнѣ правительство рѣшилось регулировать общей инструкціей 25 мая 1766 г. „межевымъ губернскимъ канцеляріямъ и провинціальнымъ конторамъ".

Цѣль этой инструкціи—„розмежеваніе во всей Имперіи всѣхъ владѣльцевъ въ ихъ земляныхъ дачахъ", дабы отмежеваніемъ земель къ селеніямъ и точнымъ опредѣленіемъ пустошей „пресѣчены были споры въ земляхъ къ селеніямъ и пустошамъ принадлежащихъ, а не во владѣніяхъ селеній и пустошей, въ чемъ споры предоставляются обыкновенному... суду и разсмотрѣнію въ томъ крѣпостей... Вотчинной коллегіей". Такимъ образомъ опредѣленіе мелкаго землевладѣнія внутри этихъ дачъ совершенно не входило въ цѣль этой инструкціи, а судебная защита этого владѣнія уже потому не могла имѣть мѣста, что старозаимочное мелкое землевладѣніе было въ массѣ почти совершенно бездокументальное. Трудно сомнѣваться въ томъ, что уже одно генеральное размежеваніе прошлаго вѣка въ Слободской Украйнѣ, согласно этой инструкціи, принесло большую пользу дѣлу поземельнаго порядка, но мелкое старозаимочное владѣніе внутри генерально-обмежеванныхъ дачъ видимо было игнорировано въ виду XIX главы инструкціи „о земляхъ однодворцевъ и прежнихъ службъ служилыхъ людей". Въ первомъ пунктѣ этой главы сказано: „всѣ состоящія за однодворцами и прежнихъ службъ служилыми людьми, яко то козаками, стрѣльцами... пушкарями... черкасами и другихъ подобныхъ сему названій, которые написаны въ подушный окладъ,... слободы, села, деревни и пустоши, и прочія угодья утверждать по писцовымъ и межевымъ книгамъ, по всякимъ

дачамъ и крѣпостямъ не каждому порознь, но вообще всѣмъ одной слободы, села или деревни съ принадлежащими къ нимъ пустошьми ко всякому особо". Эта именно глава инструкціи и была примѣнена при генеральномъ межеваніи прошлаго вѣка къ мелкому старозаимочному землевладѣнію, а первоначальное добрее пожеланіе правительства относительно установленія поземельнаго порядка въ Слободской Украйнѣ: „дабы всякій удѣлъ свой или заимку зналъ" осталось безъ практическаго примѣненія, что случилось, нужно думать, можетъ быть не столько отъ недостатка благихъ пожеланій администраціи, какъ просто отъ физической невозможности упорядочить въ то время однимъ только бюрократическимъ путемъ всю массу находящагося въ постоянномъ движеніи мелкаго землевладѣнія. Кромѣ несомнѣнныхъ практическихъ затрудненій, которыя встрѣтило-бы всякое спеціальное межеваніе мелкаго землевладѣнія въ прошломъ вѣкѣ (затрудненій, которыя могутъ быть оцѣнены и по той массѣ ошибокъ и злоупотребленій, какія сопровождали даже въ наше время спеціальное размежеваніе черниговской и полтавской губерній), на упрощенное разрѣшеніе поземельнаго вопроса въ харьковской губерніи несомнѣнно вліяла и добрая вѣра въ легкую возможность установки основныхъ бытовыхъ порядковъ населенія однимъ только бумажнымъ путемъ: въ концѣ 1 пункта той-же XIX главы инструкціи мы видимъ ясную цѣль правительства совершенно отрѣшить промышленное городское сословіе отъ землевладѣнія: „на живущихъ-же въ однодворческихъ и прежнихъ службъ служилыхъ людей селеніяхъ, записанныхъ изъ сего званія въ купечество, земель не намѣривать, за тѣмъ, что они не яко поселяне, а какъ уже мѣщане должны довольствоваться не отъ пашни, но отъ торговъ и промысловъ, и жительство имѣть въ городахъ". Въ послѣдующемъ изложеніи нашего вопроса мы коснемся тѣхъ послѣдствій, которыя породила эта XIX глава въ районѣ старозаимочнаго землевладѣнія.

Авторъ имѣющейся у насъ въ рукахъ брошюры: „Старозаимочныя земли харьковской губерніи", которая, очевидно, была чѣмъ-то въ родѣ „мнѣнія" или докладной записки, представленной по начальству уже въ 40-хъ годахъ, говоритъ, что побудительной причиной ея составленія было то „великое затрудненіе и недоразумѣніе касательно старозаимочныхъ земель и лѣсовъ", которое онъ, самъ

авторъ, испыталъ въ должности посредника по полюбовному спеціальному размежеванію чрезполосныхъ владѣльческихъ земель, при составленіи полюбовныхъ соглашеній и окончательныхъ сказокъ по дачамъ харьковскаго уѣзда. Затрудненія, встрѣченныя этимъ замѣчательно добросовѣстнымъ чиновникомъ, были разнообразны и серьезны: такъ прежде всего онъ убѣдился, что у мелкихъ владѣльцевъ старозаимочныхъ земель (а такими мелкими владѣльцами была почти вся масса крестьянства, т. е. бывшихъ войсковыхъ обывателей и многія лица другихъ сословій), нѣтъ документальныхъ доказательствъ права на землевладѣніе: „документовъ, кромѣ нѣкоторыхъ духовныхъ завѣщаній и партикулярныхъ сдѣлокъ, на таковыя старозаимки почти никто не имѣетъ: одни представляютъ, что ихъ документы по давности времени затеряны, или истреблены пожаромъ, у другихъ отобраны по начальству для разсмотрѣнія и обратно не возвращены, а иные говорятъ прямо, что у нихъ никакихъ документовъ нѣтъ, а владѣніе безспорно, какъ ихъ отцы и предки владѣли“. Въ виду этихъ многообразныхъ затрудненій, авторъ брошюры дѣлаетъ краткій историческій обзоръ вопроса о юридическомъ характерѣ старозаимочнаго землевладѣнія, ссылается на цѣлый рядъ грамотъ московскихъ государей и царей, объясняетъ, что „слово заимка выражаетъ свободное занятіе или пріобрѣтеніе участка земли; самыя неправильныя фигуры этихъ займовъ, продолжаетъ авторъ брошюры, показываютъ произвольное занятіе мѣстъ; гдѣ владѣльцы надѣлены землями по крѣпостямъ или отъ общества, тамъ участки (загоны, нивы) имѣютъ форму квадрата или паралелограмма, а здѣсь владѣльческія полосы земли и лѣса имѣютъ фигуры болѣе чѣмъ неправильныя. Стоитъ только взглянуть на планъ харьковской дачи, чтобы вполнѣ удостовѣриться, что здѣсь не было ни надѣла, ни раздѣла земли: всякій по произволу занималъ то, что ему нравилось и что возможно было пріобрѣсть“.

Въ заключеніе своего краткаго обзора какъ историческаго происхожденія заимки, такъ и освященія ея свыше цѣлымъ рядомъ жалованныхъ грамотъ, авторъ дѣлаетъ такой общій выводъ: „на сихъ-то высочайше дарованныхъ правахъ основываясь, многіе изъ войсковыхъ обывателей харьковской губерніи въ прежнія времена старозаимками распоряжались какъ *неотъемлемою своею собственностію*, закладывали, продавали, дѣлали на нихъ духовныя завѣ-

щанія и отдавали ихъ въ приданое своимъ дочерямъ; другіе изъ войсковыхъ обывателей, поступивши въ военную и гражданскую службу и за отличные подвиги и особенные ихъ труды, оказанные на пользу отечества, были возведены въ дворянское сословіе, не лишаясь предковскихъ своихъ старозаимокъ, отчего у потомковъ ихъ (безъ крѣпостей) находятся во владѣніи подобныя земли. Равнымъ образомъ нѣкоторые изъ войсковыхъ обывателей, занимаясь торговыми оборотами, промыслами и ремеслами, переходили въ купеческое, мѣщанское и цеховое состояніе, не переставая владѣть землями и лѣсами по старозаимкамъ".

Этотъ бѣглый очеркъ происхожденія и правоваго характера старозаимочнаго землевладѣнія подтверждаетъ высказанное нами положеніе, что огромная масса украинскаго народа въ слободскихъ полкахъ владѣла землей на правѣ полной частной собственности; при чемъ владѣніе это почти повсемѣстно было личное, а не общинное, съ полнымъ правомъ отчужденія и залога (заставы) и съ дробленіемъ и переходомъ по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Мы не оцѣниваемъ этого факта ни положительно, ни отрицательно, а просто намѣчаемъ его, какъ фактъ почти общій и безспорный: *индивидуализмъ землевладѣнія на югѣ — это его національная и типичная форма въ Малороссіи.* Здѣсь мимоходомъ лишь замѣтимъ, что этотъ фактъ несомнѣнно органически обусловленъ какъ всей исторіей, такъ и національнымъ характеромъ населенія южной Руси, и нужно думать, находится въ тѣсной связи съ самымъ устройствомъ южно-русской семьи, отличнымъ отъ многосемейнаго „двора" Великой Россіи, гдѣ „большакъ" и „большуха" стоятъ иногда во главѣ нѣсколькихъ семействъ и нѣсколькихъ поколѣній. На югѣ индивидуализмъ также наглядно проявляется въ устройствѣ семьи, какъ и въ поземельномъ владѣніи; можетъ быть еще правильнѣе было-бы сказать, что малочисленность южно-русской семьи (обыкновенно мужъ, жена и дѣти, еще неженатыя и незамужнія) и личный характеръ поземельнаго владѣнія—это только разныя стороны одного и того-же принципа индивидуализма въ южно-русской жизни. При полномъ сходствѣ происхожденія, основныхъ началъ и типа землевладѣнія на всей территоріи южно-русскаго населенія, аналогическія явленія мы примѣчаемъ и въ такъ называемой Гетманщинѣ. Здѣсь однако старый

аграрный строй рѣже и менѣе нарушался правительственными мѣропріятіями и вліяніемъ постороннихъ элементовъ и народная жизнь представляла въ себѣ болѣе упругости. Правда, еще указомъ Анны Іоанновны 1739 г. января 8 (значитъ именно во время реформаторскихъ дѣяній князя Шаховскаго) даже малороссійскимъ козакамъ было запрещено распоряжаться своими землями на правахъ собственности, но въ этомъ-же указѣ было объяснено, что запрещеніе дѣлается до окончанія войны, и хотя оно потомъ опять подтверждено указомъ сената 1741 г., но не имѣло рѣшительнаго вліянія на измѣненія вѣками установившагося порядка землевладѣнія. Спустя много лѣтъ, при Александрѣ I-мъ, именно указомъ 28 іюня 1803 г. дозволено было малороссійскимъ козакамъ продавать свои земли и вообще распоряжаться недвижимымъ имуществомъ по древнимъ правамъ и привилегіямъ [1]) и такимъ образомъ наслѣдственно-участковое поземельное право козацкаго сословія бывшей гетманщины было признано офиціально, какъ увидимъ еще ниже, почти 60 годами ранѣе офиціальнаго признанія правъ частной собственности на старозаимочныя земли.

Иное положеніе земельнаго вопроса было для Слобожанщины: здѣсь врядъ-ли были какія-либо условія для опредѣленнаго выраженія народныхъ потребностей и стремленій, а, какъ замѣтили мы выше, оставалось мѣсто только для активнаго воздѣйствія съ одной стороны и пассивнаго подчиненія, или-же мертвой косности съ другой: жизнь почти съ самой ранней поры была лишена возможности органическаго саморазвитія не только по условіямъ своей внутренней творческой дѣятельности, но даже для свободнаго органическаго сліянія съ великорусскими аграрными порядками; она, можно сказать, почти цѣлые вѣка находилась подъ воздѣйствіемъ однихъ непрерывныхъ, извнѣ шедшихъ мѣропріятій, въ положительномъ смыслѣ нерѣдко совершенно безрезультатныхъ, а иногда даже и взаимно противорѣчивыхъ.

Въ послѣдней четверти прошлаго вѣка въ дѣйствіяхъ администраторовъ бывшей слободской территоріи уже наглядно замѣчается вольное или невольное упущеніе изъ виду того факта, что позе-

---

[1]) См. Прибавленіе къ № 14 Черниг. Губ. Вѣдомостей, 11 апр. 1864 г., ст. «Историч. очеркъ межевыхъ учрежденій въ Малороссіи».

мельное владѣніе мѣстнаго малорусскаго населенія, какъ по своему происхожденію, такъ и по неоднократно выраженному признанію высшаго правительства (относительно черкасскихъ вольностей и обыклостей) есть владѣніе личное и потомственное, на правахъ частной собственности. Такъ еще въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка администрація харьковскаго намѣстничества видимо проводила въ своей дѣятельности тотъ взглядъ, что землевладѣніе войсковыхъ обывателей (бывшихъ козаковъ слободскихъ полковъ) неразрывно связано съ ихъ сословнымъ положеніемъ и потому не можетъ выходить за предѣлы сословія, взглядъ, который въ позднѣйшее время былъ выраженъ и въ законодательномъ порядкѣ. Такія стремленія мѣстной администраціи могутъ быть объясняемы скорѣе простымъ упущеніемъ изъ виду существенныхъ разновидностей аграрнаго порядка той или другой области, чѣмъ сознательной ассимиляціей этихъ разновидностей съ типомъ землевладѣнія, который уже органически отвѣчалъ всему строю московскаго государства, а можетъ быть и совмѣстно обоими этими условіями. Во всякомъ случаѣ кажется несомнѣнно то обстоятельство, что коренная правительственная перетасовка однодворческаго землевладѣнія главнымъ образомъ на сѣверной границѣ слободскихъ полковъ видимо послужила администраціи готовымъ шаблономъ для послѣдующихъ аграрныхъ реформъ и въ Слобожанщинѣ. Г. Побѣдносцевъ въ своемъ „Курсѣ гражд. права“ (ч. 1, изд. 1873 г., стр. 350—351) совершенно правильно замѣтилъ, что хотя старозаимочное владѣніе происходило путемъ вольнаго занятія земель, но уже рано „образовалось официальное понятіе о томъ, что земли слободскихъ полковъ составляютъ фондъ, предоставленный имъ за службу и для службы“... По причинамъ, разъясненіе которыхъ принадлежитъ общей исторіи Россіи, центральная петербургская администрація прошлаго вѣка исторически усвоила себѣ взгляды и практику, отрицавшіе всякія вотчинныя права на поземельную собственность за крестьянской массой, а такъ какъ южно-русское населеніе Слобожанщины искони фактически пользовалось этими правами на землю, то вся послѣдующая реформаторская дѣятельность администраціи, руководимая идеей нивелировки и централизаціи, видимо направила всѣ свои мѣры противъ начала личной собственности въ землевладѣніи Слободской Украйны. Несоотвѣтствіе этихъ мѣръ съ основными началами мѣст-

наго аграрнаго порядка немедленно-же оказалось существеннымъ стѣсненіемъ въ частной гражданской жизни тогдашнихъ „обывателей“ харьковскаго наиѣстничества. Такъ, когда часть харьковскихъ войсковыхъ обывателей-землевладѣльцевъ пожелала перейти въ городское сословіе харьковскихъ мѣщанъ, то они „извѣстились“, что всѣ желающіе переходить изъ войсковыхъ обывателей въ купечество и мѣщанство не должны уже мѣшаться „во владѣніе земли“, а въ замѣнъ долженствовавшей отойти отъ нихъ земли мѣстное заботливое начальство выразило готовность „отрѣзать мѣщанству надлежащее количество земли въ городовыхъ выгонахъ“, которымъ, какъ безошибочно полагать можно, мѣщане могли воспользоваться лишь для общаго выпаса мелкаго домашняго скота и для огородовъ.

Въ виду такого нежданно предъявленнаго условія кандидаты въ городское сословіе въ „прошеніи своемъ“ на имя тогдашняго харьковскаго намѣстника Василія Алексѣевича Черткова, объяснили ему, что на городскихъ выгонахъ „съ таковыми выгодами и угодьями, какъ ихъ дачи, получить земли нельзя“, и на основаніи этого просили, „буде отмѣнить того положенія не можно, оставить ихъ при всѣхъ прежнихъ привилегіяхъ въ числѣ войсковыхъ обывателей“. Защищая свои права на землю, просители объясняли, между прочимъ, что „предки ихъ.... поселились городами, мѣстечками и селами на пустыхъ земляхъ отъ крымскихъ сторонъ для защищенія россійскихъ границъ.... предки ихъ, а затѣмъ и они, просители, поселившись на вольныхъ земляхъ, каждый занялъ себѣ свободные участки поземельныхъ, лѣсныхъ и сѣнокосныхъ дачъ, мельницы, хутора и другія угодья, а нѣкіе, пріобрѣвъ то покупкою, владѣли многіе годы, не имѣя во всемъ ни малѣйшей отмѣнности; да и прошлаго 1781 г., говорятъ о себѣ просители, записались въ мѣщанство съ такимъ обнадеживаніемъ, что всѣ предъизображенныя жалованныя привилегіи, земли и другія угодья не отымутся, а всегда при нихъ безъ малѣйщаго нарушенія пребудутъ“. Таковъ былъ взглядъ народа на свою поземельную собственность, не знавшую ни общинныхъ порядковъ, ни стѣсненія правъ по сословіямъ. Тогдашній харьковскій намѣстникъ Чертковъ, какъ видно, администраторъ, еще понимавшій мѣстныя условія, призналъ то простое положеніе, что не жизнь должна безусловно подчиняться мѣропрі-

ятіямъ, а на оборотъ, и въ своемъ „предложеніи“ харьковскому намѣстническому правленію, по поводу вышеназванной просьбы, изложилъ слѣдующее руководящее разрѣшеніе этого вопроса: „внемля выраженіямъ просьбы сей и представивъ съ одной стороны надобность, колико полезно, а затѣмъ нужно въ губерніяхъ и купечество и мѣщанство, доставленіемъ разныхъ промысловъ и торговли обществу благотворящее, съ другой обрѣтая между правилъ должности своея, что благоустройство въ губерніи, споспѣшествованіе и способъ ко удовольствію каждаго законнымъ образомъ отъ попеченія главнокомандующаго зависитъ, а посему поставляя предметомъ удовлетворить выгодамъ всѣхъ и каждаго отъ попеченія и управленія моего зависящихъ, какъ и данное харьковскому намѣстничеству земель постановленіе къ таковому-же средоточію наклоненіе имѣло, дабы приблизить недвижимость къ самимъ ихъ обиталищамъ, доставить имъ удобность къ домоводству, привилегіями дозволенному, безъ удаленія и отъ торговыхъ обращеній въ городахъ заведенныхъ, рекомендую намѣстническому правленію оставить просителей, а равно и все мѣщанство не только въ губернскомъ, но и въ уѣздныхъ вѣдомства своего городахъ, при прежнихъ заимкахъ и владѣніяхъ, которыя они выгодѣ, въ близости грунтовъ ихъ заключающейся, охотно предпочитаютъ“. Изъ содержанія этого „предложенія“ Черткова и вызвавшихъ его причинъ видно, что это затрудненіе выхода войсковыхъ обывателей въ городскія сословія было уже не единичнымъ фактомъ, ибо самъ администраторъ смотритъ на сдѣланное имъ разрѣшеніе вопроса, какъ общее для всѣхъ однородныхъ случаевъ, и офиціально оглашаетъ его для общаго примѣненія во всемъ харьковскомъ намѣстничествѣ. Умный администраторъ не могъ не знать, что огромное большинство населенія въ городахъ его намѣстничества состояло изъ старозаимочныхъ владѣльцевъ—войсковыхъ обывателей и поэтому ставить преграды этому населенію къ выходу въ городскія сословія значило-бы оставлять города только при одномъ имени, а въ сущности принудительно оставлять ихъ населеніе при одномъ земледѣльческомъ промыслѣ, что позже и случилось въ дѣйствительности въ нѣсколькихъ (если не въ большей части), только номинальныхъ, городахъ харьковской губерніи, которые на самомъ дѣлѣ остались большими, но бѣдными земледѣльческими селами.

Послѣдующая судьба землевладѣнія въ б. Слободской Украйнѣ, не менѣе какъ предъидущая, уже извѣстная читателямъ, способна удостовѣрить насъ въ томъ, что всѣ административныя и вообще правительственныя мѣры, клонившіяся къ такому или иному опредѣленію порядка землевладѣнія, были одновременными во всей этой мѣстности, такъ что исторія одного какого нибудь небольшаго уголка этой мѣстности, одного ея уѣзда, или даже волости, можетъ представить собой почти общую исторію аграрнаго вопроса на всемъ пространствѣ бывшей Слобожанщины. Тѣмъ легче обнять и понять ее въ одной отдѣльной картинѣ, и тѣмъ необходимѣе такая картина, что историческія данныя относительно старозаимочнаго землевладѣнія имѣются далеко не для всѣхъ мѣстностей б. Слободской Украйны и не за все изслѣдуемое время. Мы и представимъ такую картину въ исторіи одной старозаимочной дачи харьковской губерніи.

А. Шимоновъ.

(Продолженіе будетъ).

Г. УМАНЬ И СОФІЕВКА.

(Исторія г. Умани.—Уманская рѣзня.—Софіевка).

I.

Та мѣстность, на которой расположенъ теперь г. Умань съ его окрестностями и знаменитымъ садомъ, составляла нѣкогда центръ такъ называвшейся *уманской пустыни*. Она занимала въ окрестности до 300 верстъ и простиралась за нынѣшній уманскій уѣздъ, захватывая земли теперешняго балтскаго уѣзда до м. Богополья. На ней нѣтъ ни одного шага земли не орошеннаго человѣческою кровью: въ прежнее время она служила мѣстомъ для кровавыхъ сценъ и народныхъ распрей. Съ одной стороны этой обширной пустыни пролегала извѣстная дорога—*Чорный шляхъ* или *Татарскія дороги*, отдѣлявшая эту пустыню отъ земель ногайцевъ. Далѣе границами были: рѣки—*Синюха и Удычь*, впадавшая съ востока въ Бугъ, небольшой деревяный замокъ—*Брацлавскій*, укрѣпленный бревенчатымъ палисадомъ и основанный въ 1550 г. княземъ Богушемъ Ѳедоровичемъ *Корецкимъ*. Пустыню прорѣзывали, извиваясь въ скалистыхъ берегахъ, незначительныя рѣчки *Уманка* и *Каменка*, которыя соединялись ниже г. Умани.

Эта пустыня съ давнихъ поръ была ареною, на которой совершались всевозможныя столкновенія и насилія одного племени надъ другимъ и даже членовъ одного племени между собою. Извѣстно, что беззащитная Украйна въ прежнее время служила дорогой для различныхъ племенъ, что и изображается аллегорически въ пѣснѣ:

Ой біда, біда чайці небозі,
Шо вывела дітокъ при биті дорозі.

Поэтому тутъ всегда могъ оставаться всякій сбродъ даже изъ сосѣднихъ націй, тѣмъ болѣе, что сюда не досягали и законы. Всѣ голодные или чѣмъ нибудь недовольные пролетаріи собирались со всѣхъ окружныхъ и отдаленныхъ мѣстъ и здѣсь подвизались на поприщѣ грабительства и разбойничества. Тутъ-же отличалась и бездомная польская шляхта, презиравшая законъ своей страны и поставлявшая въ честь и личныя заслуги свои разбойническіе подвиги. Здѣсь часто собирались ватаги запорожцевъ, мстили своимъ притѣснителямъ и огнемъ и пикой уничтожали многолюдныя поселенія польской Украйны. Не рѣдко можно было встрѣтить и рыскающихъ ногайцевъ. Здѣсь говорили на языкахъ: малорусскомъ, польскомъ, литовскомъ, сербскомъ, молдованскомъ, цыганскомъ, турецкомъ и даже на нѣмецкомъ и венгерскомъ...

Пустынею этою никто исключительно не пользовался, хотя въ XV стол. она и считалась принадлежащею къ великому княжеству литовскому и была жалуема *земянамъ*, а въ томъ числѣ и какому-то Семену Кошкѣ.

Сигизмундъ III актомъ, даннымъ 13 мая 1609 г., утвердилъ эту землю за винницкимъ и брацлавскимъ старостой Валентиномъ Александровичемъ Калиновскимъ. Съ этихъ поръ она и перешла въ его владѣніе. Калиновскіе стали заселять пустыню своими крестьянами и укрѣпили г. Умань для огражденія отъ нападеній татаръ и турокъ.

Отчего произошло названіе г. Умани, неизвѣстно. Подробностей и времени его возникновенія мы не знаемъ. Можетъ быть шалашъ, поставленный у рѣчки въ непроходныхъ лѣсахъ звѣроловомъ-охотникомъ, положилъ основаніе городу, или-же землянка бездомной „голоты", добывавшей себѣ хлѣбъ разбоемъ у большой дороги—*Чорный шляхъ*. О существованіи Умани мы знаемъ только изъ различныхъ письменныхъ памятниковъ; извѣстно, что въ 1620 г. онъ былъ уже однимъ изъ значительныхъ городовъ Малороссіи.

Въ 1596 г. малороссійскій гетманъ Наливайко, воюя съ польскимъ коронным гетманомъ Жолкевскимъ, привелъ свои войска въ окрестности Умани и здѣсь набралъ себѣ для помощи храбрыхъ и отчаянныхъ удальцовъ, съ которыми догналъ Жолкевскаго подъ Чигириномъ и тамъ разбилъ его.

Выговскій, вторично добивавшійся гетманства, въ 1664 г. послалъ вѣрнаго ему запорожца Сулиму подъ Умань, гдѣ послѣдній набралъ и составилъ отрядъ, съ которымъ двинулся на помощь Выговскому.

Въ эпоху такъ называемыхъ „руинъ" г. Умань часто подвергался нападеніямъ и разореніямъ. Цѣлый рядъ бѣдствій записанъ на листахъ исторіи этого города во время гетманства Петра Дорошенка.

Послѣдній былъ утвержденъ въ гетманствѣ польскимъ королемъ, вмѣстѣ съ этимъ былъ избранъ гетманомъ и уманскій полковникъ Хапенко.

Изъ-за гетманской булавы поднялись ссоры и драки, мѣстомъ которыхъ также былъ г. Умань и его окрестности. Самое ужасное изъ всѣхъ этихъ бѣдствій было въ 1674 г. Тогда Умань былъ лучшимъ городомъ въ этомъ краѣ, сильно укрѣпленнымъ и могъ отразить даже сильное нападеніе. Петръ Дорошенко, призвавшій на помощь противъ польскаго короля турокъ, занялся покореніемъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ зап. Украйнѣ. Визирь Кара-Мустафа, начальствовавшій надъ турецкимъ войскомъ, послѣ взятія м. Ладыжина, направилъ свои силы на Умань. Это было лѣтомъ. Дорошенко обѣщалъ оставить городъ въ цѣлости и не дѣлать надъ жителями никакихъ насилій, если уманцы безъ сопротивленія сдадутъ городъ. Когда послѣдніе увидѣли, что къ городу идетъ большое турецкое войско, то немедленно выслали полковника съ старшинами и лучшими козаками къ турецкому начальнику, чтобы онъ принялъ городъ подъ свое покровительство. Турки забрали городскихъ представителей въ плѣнъ. Это уманцевъ огорчило: они заперлись въ городѣ и храбро отбивались; дѣлали вылазки и нападали на враговъ. Турки принуждены были обойти городъ и начали съ другой стороны—отъ *Грекова лѣса*—дѣлать шанцы. Такимъ образомъ они подошли подъ самый замокъ, высыпали равной высоты съ городскимъ валомъ батареи и поставили на нихъ пушки. Чрезъ двѣ недѣли городъ былъ взятъ. Кровавая битва происходила и на улицахъ. Спрятавшіеся въ погребахъ были задушены дымомъ, такъ какъ турки зажигали на входахъ солому. Головы убитыхъ христіанъ турки представляли къ пашѣ и за каждую получали по червонцу; снимали кожу, дѣлали чучелы и отвозили визирю въ Ладыжинъ. Послѣ

многихъ неистовствъ надъ жителями, которыхъ насчитывалось до 20 тысячъ, турки разорили и истребили до основанія посредствомъ огня и весь городъ [1]).

Мѣстность, на которой стояли турки до взятія города и теперь извѣстна въ народѣ подъ названіемъ *турокъ* или *турки;* она лежитъ между старымъ базаромъ, т. е. первоначальнымъ городомъ и Софіевкой.

Послѣ этого кроваваго событія Умань, изъ укрѣпленнаго и торговаго города, сдѣлался незначительнымъ селеніемъ, въ которомъ находили убѣжище бездомные скитальцы, существовавшіе грабежемъ и разбоемъ.

Около 1712 г., въ царствованіе Петра I, когда вмѣстѣ съ козацкими полками большинство жителей западной Украйны переселилось въ восточную Украйну, остатокъ православныхъ уманскихъ жителей перешелъ также, а западная Украйна отошла во владѣніе Польши.

Отъ Калиновскихъ г. Умань перешелъ во владѣніе Потоцкихъ слѣдующимъ образомъ: дочь Мартына Калиновскаго, Елена, выдана была замужъ за Якова зъ Рацибору Мартына, воеводу сендомирскаго и, получивъ въ приданое Умань, Могилевъ на Днѣстрѣ, Ямполь и нѣсколько другихъ имѣній, передала ихъ своему другу и родственнику Станиславу Потоцкому, коронному стражнику.

Такимъ образомъ Потоцкіе сдѣлались владѣльцами Умани и сосѣдями запорожцевъ. Главное мѣсто жительства Потоцкихъ было *Потокъ* въ белзскомъ воеводствѣ, а резиденція—замокъ въ *Крыстинополь.*

II.

Съ переходомъ уманской волости въ родъ Потоцкихъ, число бездомныхъ пролетаріевъ въ этихъ мѣстахъ увеличилось; они собирались здѣсь значительными партіями и дѣлали грабежи и разбои, какъ въ окрестностяхъ Умани, такъ и во всей западной Украйнѣ. Въ народѣ они извѣстны подъ именемъ „гайдамакъ". Такіе бурлаки, подъ предводительствомъ своихъ „ватажковъ" или полковниковъ всѣми силами старались вредить польскимъ панамъ и католическому духовенству, и при всякомъ столкновеніи грабили ихъ.

---

[1]) По Ригельману.

Часто изъ Запорожья спеціально выходили отчаянные удальцы и сорвиголовы для набѣговъ и грабили въ польской Украйнѣ и даже въ самой Польшѣ; девизомъ ихъ была поговорка: „або добуть, або дома не буть". „Ватажки" выводили часто свои шайки изъ запорожскихъ степей, грабили и разоряли шляхетскіе и еврейскіе дворы, истязали въ нихъ хозяевъ, а особенно евреевъ.

Появлялись они и исчезали моментально, такъ что даже не давали времени подвергавшимся нападенію стать въ оборонительное положеніе. Если-же польское правительство или магнаты захватывали такія шайки, то безпощадно истребляли ихъ. Поэтому поводу часто русскимъ и польскимъ правительствомъ были назначаемы коммисіи; но коммисіи рѣшали дѣла на бумагѣ и не могли предотвратить бѣдствій. Набѣги и грабительства гайдамакъ повторялись все чаще и чаще. Наконецъ гайдамачество стало принимать правильную форму и нашло себѣ опору въ народной массѣ. Оно было протестомъ противъ преслѣдованія поляками православныхъ и стѣсненія народныхъ правъ. Выражалось оно возстаніями порабощенныхъ крестьянъ противъ пановъ, ихъ управителей и евреевъ—арендаторовъ. Унія, начавшаяся въ то время распространяться, была для православнаго народа ненавистною. Когда-же при польскомъ королѣ Станиславѣ Понятовскомъ недовольные имъ поляки составили барскую конфедерацію и начали дѣлать всевозможныя изувѣрства, то народное терпѣніе и ожесточеніе дошло крайнихъ предѣловъ. Между тѣмъ православныя церкви отдавались на откупъ евреямъ, которые были откупщиками и всѣхъ церковныхъ требъ и обрядовъ *). Католическіе и уніатскіе духовные преслѣдовали и истязали священниковъ, исповѣдывавшихъ греческую религію и старались насильно обращать православные приходы въ унію. Вотъ что породило тѣ ужасныя, потрясающія душу, кровавыя драмы, которыя разыгрались большею своею частью надъ Уманью.

Дѣятельнымъ поборникомъ своей церкви со стороны православія явился игуменъ мотронинскаго монастыря Мелхиседекъ Значко-Яворскій, а мстителями за народное угнетеніе и порабощеніе запорожцы.

---

*) Письменныхъ указаній на это нѣтъ, а осталось лишь устное преданіе.— Ред.

Поляки и евреи, страшась гайдамакъ, укрѣпляли свои жилища и города, содержали постоянную стражу, которая увѣдомляла о ихъ появленіи. Всѣ старались найти защиту и укрыться, какъ можно надежнѣе. А гайдамацкіе набѣги происходили безпрерывно. Францъ-Салезій Потоцкій, чтобы защитить свои владѣнія отъ набѣговъ, укрѣпилъ г. Умань, который до 1760 г. представлялъ ничтожное, опустошенное мѣстечко. Въ этомъ-же году городъ, находившійся на возвышеніи и отдѣлявшійся отъ предмѣстья оврагами, былъ окруженъ валомъ, острогомъ и рвомъ. Среди самаго города былъ построенъ замокъ. Такія укрѣпленія возводились и въ другихъ городахъ и значительныхъ мѣстечкахъ, находящихся въ западной Украйнѣ. Уманскій замокъ представлялъ собою большой домъ, въ которомъ помѣщался управляющій или губернаторъ. Домъ имѣлъ большой каменный магазинъ и службы, а вокругъ него было особое укрѣпленіе, состоявшее изъ палисада, тянувшагося по окраинѣ глубокаго рва. На верхнемъ этажѣ магазина находилась башня съ бойницами. Изъ замка вели двое воротъ: однѣ въ такъ называемый *Новый городъ*, а другія къ оврагу, со стороны предмѣстья—*Бабанка*. У воротъ всегда стояло по двѣ пушки и стража изъ шляхетства. Уманскій гарнизонъ состоялъ изъ козаковъ: одного коннаго полка въ двѣ тысячи человѣкъ, набраннаго изъ крестьянъ принадлежащихъ къ имѣніямъ Потоцкихъ, и сотни пѣшихъ, которыхъ называли *лизнями* или въ насмѣшку *лежнями;* кромѣ того была еще партія польскихъ шляхтичей (человѣкъ 60), которые именовались тѣлохранителями своего ясневельможнаго пана. Нарядъ войска соотвѣтствовалъ цвѣту герба Потоцкихъ: желтый жупанъ, голубыя шаровары, кунтушъ и желтыя шапки, отороченныя черными смушками; пояса кожаные, украшенные у простыхъ козаковъ мѣдными, а у сотниковъ серебряными бляхами и разными побрякушками. У каждаго козака на кожаныхъ перевязяхъ висѣли съ одной стороны большой рогъ съ порохомъ, а съ другой лядунка съ пулями, кремнями и т. п. Вооруженіе уманскихъ войскъ состояло изъ ружья, пики и двухъ пистолетовъ. Саблю имѣли право носить только шляхтичи и военные чины—полковникъ, сотники и хорунжіе. Внутри замка находилась особая комната, называвшаяся *коменда*, въ которой хранились знамена, литавры, трубы и т. п. У дверей коменды всегда находился почетный караулъ. Каждый годъ въ день

праздника Тройцы всему войску, находившемуся въ Умани, производился смотръ.

Такъ было въ Умани предъ началомъ знаменитой *уманской рѣзни* или по народному—*Коліивщины*, совершившейся въ 1768 г.

Опираясь на свои придворные гарнизоны и укрѣпленія, магнаты и шляхта безпечно проводили время и безчинствовали въ своихъ имѣніяхъ. Конфедераты разбрелись по всей Украйнѣ, Волыни, Подоліи и немилосердно давили *схизматиковъ*, стараясь обратить ихъ въ унію; они грабили крестьянъ и совершали надъ ними всевозможныя несправедливости. Въ это время въ лѣсной тиши мотронинскаго монастыря созрѣвалъ планъ народнаго возстанія; здѣсь вмѣстѣ съ проповѣдью слова Божьяго сѣялась въ богомольцахъ-посѣтителяхъ ненависть къ уніи и католичеству. Игуменъ этого монастыря Значко-Яворскій не дремалъ: онъ всѣми силами противодѣйствовалъ вліянію католицизма. Наконецъ изъ Запорожья вышелъ знаменитый Максимъ Желѣзнякъ. Была изобрѣтена, неизвѣстно кѣмъ, золотая грамота, выданная будто-бы запорожцамъ Екатериной II-й, освящены ножи и дѣло было начато. Къ Желѣзняку отовсюду стекались толпы гайдамакъ изъ крестьянъ правобережной Украйны. Сначала было взято и разорено м. Жаботинъ; поляки и евреи, не успѣвшіе во время укрыться, были истреблены. Жаботинская сотня присоединилась къ Желѣзняку. Ежечасно полчище Желѣзняка увеличивалось новыми охотниками и имя его сдѣлалось громкимъ по всей Украйнѣ. Потомъ разорено было мѣстечко Лысянка. Католики, евреи и уніаты бѣжали изъ края и искали убѣжища въ болѣе защищенныхъ мѣстахъ. Многіе направились къ Умани, такъ какъ этотъ городъ былъ укрѣпленъ лучше другихъ городовъ. Гайдамаки знали, куда прячутся ихъ враги, и потому направили свои силы на Умань, который поспѣшно укрѣплялся и готовился дать имъ отпоръ. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ пѣсня:

„Підъ Уманемъ, славнымъ містомъ, великіи кручи,
Гей помліли уманчики, запорожцівъ ждучи“...

Въ это время въ Умани губернаторомъ былъ Младановичъ. Стекшагося народа было такъ много, что всѣ не помѣстились внутри города, а часть размѣстилась таборомъ подъ городомъ около *Грекова лѣса*. Гарнизонъ уманскій состоялъ въ это время изъ 6 ты-

сячъ человѣкъ и главная сила его заключалась въ надворныхъ козакахъ, въ числѣ двухъ тысячъ, подъ командою полковника Обуха.

Когда Младановичъ услышалъ о гайдамацкомъ движеніи, то выслалъ для укрощенія своихъ козаковъ. Въ этомъ числѣ былъ и извѣстный сотникъ Гонта. Младановичу и въ голову не приходила мысль, что козаки могутъ измѣнить, хотя онъ и запретилъ имъ распѣвать пѣсни о Богданѣ Хмельницкомъ.

Гонта съ своимъ отрядомъ вышелъ на встрѣчу гайдамакамъ къ селенію Соколовкѣ (въ 50 верстахъ отъ Умани) и сталъ съ ними сноситься. Евреи объ этомъ провѣдали и донесли Младановичу. Послѣдній призвалъ Гонту, который явился къ нему съ нѣсколькими атаманами, какъ ни въ чемъ не бывало. На всѣ обвиненія онъ отвѣчалъ отрицательно и клялся въ своей невинности. Однако нѣкоторые поляки тогда уже настаивали, чтобы казнить его. Младановичъ не хотѣлъ круто поступить съ Гонтой, такъ какъ послѣдній былъ въ милости у Потоцкаго, который подарилъ ему въ пожизненное владѣніе деревни *Росошки* и *Орадовку*. Уликъ противъ него никакихъ не было и ни что не давало повода подозрѣвать его въ измѣнѣ, такъ какъ онъ до сихъ поръ вѣрно служилъ своему пану. Повидимому, онъ былъ почти совсѣмъ ополяченъ: говорилъ и писалъ по-польски, женатъ былъ на полькѣ. Его заставили вторично присягнуть и снова отправили къ полку. Теперь Гонта дѣйствовалъ открыто: свидѣлся съ Желѣзнякомъ и присталъ съ своими козаками къ гайдамакамъ. Объясняютъ эту перемѣну тѣмъ, что Желѣзнякъ показалъ Гонтѣ золотую грамоту Екатерины II-й и этотъ послѣдній увѣровалъ въ ея подлинность, что однако мало вѣроятно. Въ Умани не ожидали этого. Подступая къ Умани, гайдамаки направились къ *Грекову лѣсу,* гдѣ располагался польскій таборъ. Гонта съ своими козаками шелъ впереди и остановился у лѣса. Землемѣръ Шафранскій, находившійся въ то время въ городѣ, видѣлъ съ башни въ подзорную трубу, какъ Гонта сошелъ съ лошади и, подойдя къ Желѣзняку, поцѣловался съ нимъ. Тогда только поляки поняли свою оплошность; но было уже поздно.

Весь таборъ, состоявшій по извѣстіямъ современниковъ изъ 8 т. душъ католиковъ, уніатовъ и евреевъ, былъ перебитъ. Изъ города ушли, перебивъ стражу и присоединились къ гайдамакамъ 100 человѣкъ арестантовъ, содержащихся подъ карауломъ. Туда-же

ушла и вся прислуга, состоявшая изъ малороссовъ. Городъ былъ поднятъ на ноги и поспѣшно сталъ приводиться въ оборонительное положеніе: евреевъ даже вооружили и поставили къ палисаду; но было поздно. Отстоять городъ не было никакой возможности; кромѣ того въ немъ не было воды. Младановичъ рѣшился вступить съ гайдамацкими предводителями въ переговоры и послалъ имъ подарки. На другой день Желѣзнякъ и Гонта подъѣхали верхами къ городскимъ воротамъ, передъ которыми на внѣшней сторонѣ былъ устроенъ мостъ, перекинутый чрезъ глубокій ровъ. Къ нимъ вышелъ губернаторъ, окруженный нѣсколькими поляками. Тутъ Гонта объявилъ Младановичу, что идетъ противъ поляковъ по повелѣнію императрицы Екатерины II-й. Во время этихъ переговоровъ былъ заключенъ договоръ слѣдующій: всѣмъ полякамъ выговаривалась безопасность, а евреи съ ихъ имуществомъ отдавались на произволъ гайдамакъ. Дѣло было почти совсѣмъ улажено, но одинъ полякъ, по имени Рогашевскій, оскорбилъ гайдамацкихъ предводителей и все было разстроено. Гайдамаки напали на поляковъ, которые поспѣшно убѣжали въ городъ. Младановичъ бросился въ костелъ, гдѣ уже была собрана толпа. Гайдамаки ворвались въ городъ и принялись избивать евреевъ и самихъ католиковъ. Рѣзня была ужасная. Трудно подыскать такихъ яркихъ красокъ, чтобы ее изобразить и представить въ подходящемъ свѣтѣ. Пусть себѣ всякій представитъ пожаръ, обхватившій весь городъ и разъяренную, бушующую, какъ волны, толпу, съ остервенѣніемъ животнаго, бросающагося на все то, что носитъ названіе поляка. Тутъ кололи копьями, рѣзали ножами, рубили саблями и топорами, не разбирая ни пола, ни возраста. Трупами загромождены были всѣ улицы. Народная месть удовлетворялась кровью, которая здѣсь текла потоками. Дѣти были прокалываемы копьями и подымаемы вверхъ. Гайдамаки перерѣзали монаховъ базиліанскаго монастыря; школярами базиліанской школы былъ заваленъ колодезь, находившійся на площади и имѣвшій до 30 сажень глубины [1]). Они ругались

[1]) Колодезь этотъ лѣтъ 10 тому назадъ былъ отрытъ и починенъ городомъ и изъ него, говорятъ, было вынуто множество костей. Онъ находится на главной площади предъ соборомъ и предъ стариннымъ мрачнымъ зданіемъ, которое и до сихъ поръ называется «базиліанами». Въ этомъ зданіи помѣщался базиліанскій монастырь и школа. Кажется, Срезневскій въ своихъ изслѣдованіяхъ указываетъ на другой колодезь.

надъ католической святынею, бросали ее на землю и топтали ногами. Младановичъ былъ убитъ вмѣстѣ съ другими. Когда не много прошли первые симптомы ярости, гайдамаки собирали толпы католиковъ и евреевъ и гнали ихъ въ николаевскую церковь, гдѣ надъ ними совершалось крещеніе. Это крещеніе происходило среди хоругвей, при колокольномъ звонѣ. Желѣзнякъ и Гонта были воспріемниками. Дѣти Младановича: сынъ и дочь были пощажены и насильно перекрещены. Гонта, по преданію, ничѣмъ впрочемъ не подверждаемому, двухъ своихъ сыновей католиковъ самъ убилъ.

Послѣ такой кровавой расправы гайдамаки стали таборомъ въ урочищѣ *Карповка*, гдѣ въ настоящее время находится *Софіевка*. Желѣзнякъ назвалъ себя кіевскимъ воеводою, а Гонта воеводою брацлавскимъ; по другимъ извѣстіямъ первый былъ выбранъ гетманомъ, а второй уманскимъ полковникомъ.

2 іюня генералъ Кречетниковъ принудилъ къ сдачѣ конфедератовъ въ бердичевскомъ замкѣ и взялъ въ плѣнъ главнаго региментаря Пулавскаго. Во второй половинѣ іюня онъ послалъ поручика Кологривова съ донскими козаками къ Умани, приказавши уговорить гайдамакъ разойтись, такъ какъ русское войско уничтожило польскихъ конфедератовъ и бояться ихъ нечего. Впрочемъ гайдамаки, должно быть, знали, съ какой стороны грозитъ имъ опасность и вели себя очень осторожно. Вотъ какъ народная пѣсня упоминаетъ о прибытіи къ Умани русской команды:

„Ой выглянувъ донський козакъ изъ-за Острои могилы [1]),
Утікали уманчики—пітаны погубили“.

Особой хитростью успѣли арестовать гайдамацкихъ предводителей и перевязали весь гайдамацкій таборъ. Впослѣдствіи Гонта былъ самымъ варварскимъ способомъ казненъ. О Желѣзнякѣ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ того, что онъ былъ доставленъ въ кіевскую крѣпость, въ числѣ другихъ гайдамакъ.

Такимъ образомъ кончилась эта кровавая драма, извѣстная подъ названіемъ „Коливщины“ или „Гайдамачины“.

Лѣтъ 85 тому назадъ въ Умани видны были еще остатки старинныхъ укрѣпленій и другихъ сооруженій: разрушившійся деревяный палисадъ, окружавшій городъ во время нападенія гайда-

[1]) Село въ 30 верстахъ отъ м. Бѣлой-Церкви, по дорогѣ къ Умани.

маковъ, костелъ и полуразрушенный базиліанскій монастырь. Потомъ Потоцкій построилъ новый каменный монастырь, а деревянный въ 1828 году уничтожилъ. Впослѣдствіи этотъ монастырь былъ обращенъ въ военный госпиталь. Теперь эти зданія пусты и принадлежатъ казнѣ; подъ ними находятъ много подземныхъ ходовъ.

Православная Михайловская церковь, въ которой совершалось крещеніе католиковъ и евреевъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія сгорѣла. Николаевская церковь, въ которой также Желѣзнякъ и Гонта принудили многихъ принять крещеніе, обветшала и вмѣсто ней построена въ 1812 г. новая каменная, обращенная въ 1846 г. въ соборную.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ „Коліивщины" г. Умань былъ въ упадкѣ и не могъ придти въ надлежащее положеніе: и послѣ Желѣзняка мелкія шайки не переставали опустошать его окрестности и грабить жителей. Улучшеніе его началось со времени возвращенія этого края Россіи, т. е. съ 1794 г. Въ 1797 году г. Умань былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ, но принадлежалъ гр. Потоцкому. Въ 1834 г. онъ былъ конфискованъ вмѣстѣ съ другими имѣніями гр. Александра Потоцкаго. Въ 1839 г. онъ перешелъ въ вѣдѣніе начальства кіевскихъ и подольскихъ военныхъ поселеній. Теперь въ немъ считается до 25 тысячъ жителей.

III.

Въ верстѣ отъ г. Умани находится знаменитый *Царицынъ садъ* или *Софіевка,* считающійся чудомъ Украйны. Богатство польскихъ магнатовъ и множество рабочихъ рукъ, представлявшихъ даровой крѣпостной трудъ, создали это чудо. Если вспомнимъ, какимъ образомъ прежніе паны могли сдѣлать изъ лѣта зиму и покрыть пустое мѣсто въ одну ночь большимъ лѣсомъ для охоты, то легко поймемъ, какимъ образомъ возникъ и уманскій садъ.

До 1796 г. тамъ, гдѣ теперь расположена Софіевка, было пустое возвышенное мѣсто, усѣянное кусками гранита, между которыми протекалъ ручей *Каменка.* Истокъ ручья начинался близъ деревни *Войтовки.* Берега ручья отъ природы были усѣяны громадными глыбами, въ безпорядкѣ нагроможденными другъ на друга. Подпочва здѣсь гранитная и представляетъ продолженіе отроговъ Карпатскихъ горъ. Изъ разсѣлинъ камней струились маленькіе

ручейки, собиравшіеся въ небольшихъ углубленіяхъ камней и образовавшіе озерца, заростившія лѣтомъ водяными растеніями. Чрезъ это мѣсто тянулась по направленію къ Умани ровная долина, носившая то-же названіе, что и ручей—Каменка. Тутъ на окрестныхъ возвышенностяхъ паслись стада. Это прекрасное мѣсто служило жителямъ Умани, въ особенности ученикамъ базиліанской школы, для прогулокъ и увеселеній. Послѣ разоренія Умани, гайдамаки стащили къ холму тѣла своихъ товарищей, убитыхъ при взятіи города, и здѣсь погребли ихъ. На мѣстѣ занимаемомъ нынѣ садомъ, они зарыли въ землю много денегъ и другихъ цѣнныхъ вещей, часть которыхъ въ прежнее время была отрыта.

Графъ Феликсъ Потоцкій, переселившійся изъ Тульчина въ Умань, разъ весною въ 1796 г., проѣзжая по окрестностямъ города, пріѣхалъ съ женою къ Каменкѣ. Въ это время въ описываемой мѣстности уманцы, по обыкновенію, собрались на гулянье. Берегъ ручья Каменки, холмистое мѣстоположеніе и роскошная растительность понравились Софіи Потоцкой; она сказала мужу, что на этомъ мѣстѣ можно было-бы устроить прекрасный паркъ. Графъ взялся выполнить мимолетное желаніе своей красавицы—жены. Возвратясь съ прогулки, онъ позвалъ своего управляющаго уманскимъ имѣніемъ капитана Мецеля и поручилъ ему немедленно приступить къ устройству парка и сада. Мецель—данцигскій уроженецъ много разъ путешествовалъ по Европѣ съ отцомъ гр. Феликса и самимъ графомъ и видѣлъ всѣ тогдашніе знаменитые заграничные сады.

Вскорѣ послѣ этого графъ съ женою уѣхалъ за границу. Весною 1797 г. Мецель приступилъ къ устройству сада. Масса крестьянъ, согнанныхъ изъ окрестностей, принялась за работу. Огромныя деревья съ корнями и землею привозились изъ-за сотень верстъ и насаждались аллеями. Громадныя гранитныя глыбы перетаскивались съ одного мѣста на другое и укладывались по указанію строителя, который руководился одной мыслью: скрыть искусство и труды человѣка удачнымъ подражаніемъ природѣ. И въ этомъ онъ успѣлъ: всѣ эти дикіе утесы, огромныя глыбы, образующія причудливыя формы, скалы, гроты, кажется, нагромождены самою природою.

Въ 1800 г. гр. Потоцкій возвратился съ женой въ Умань. Это было близко около дня рожденія графини, когда къ Потоцкимъ съѣзжалось много гостей съ Польши и Украйны. Графиня не знала объ устройствѣ около Умани сада; при графскомъ дворцѣ, находившемся въ центрѣ города, былъ разведенъ прекрасный садъ, изобиловавшій различными затѣйливыми сооруженіями, поэтому она и не думала о разведеніи другаго сада. Въ день рожденія графъ и графиня и всѣ гости поѣхали прокатиться по окрестностямъ города. Никто не зналъ, съ какой цѣлью была предложена эта поѣздка. Болѣе трехсотъ экипажей вереницей потянулись къ Каменкѣ. Когда пріѣхали къ парку, то всѣ, знавшіе прежнюю мѣстность, были поражены нежданною ея перемѣною: на холмистой мѣстности, усѣянной выдающимися изъ земли громадными глыбами гранита, былъ роскошнѣйшій садъ и паркъ, украшенные множествомъ мраморныхъ и бронзовыхъ статуй, каскадами, фонтанами, гротами, павильонами и т. п. сооруженіями. Общій видъ сада представлялъ очаровательную картину: на крутыхъ возвышенностяхъ по уступамъ проведены аллеи, идущія между скалами по разнымъ направленіямъ; внутри на каждомъ шагу встрѣчались пруды, водопады, ручьи, съ перекинутыми чрезъ нихъ красивыми мостиками и всевозможныя дорогія растенія. Тутъ-же было дано и названіе саду—*Софіевка* въ честь графини Софіи, которой принадлежала первая мысль его устройства.

До самой смерти своей гр. Феликсъ не переставалъ улучшать и украшать свою любимую Софіевку: выписывалъ растенія, устраивалъ новые фонтаны, покупалъ статуи и т. п. Ему непремѣнно хотѣлось довести садъ до той степени устройства, до котораго можетъ быть доведено только истинное произведеніе человѣка, и онъ во многомъ успѣлъ выполнить свое желаніе.

Онъ умеръ въ 1805 г. и послѣ него Софіевка досталась старшему его сыну Александру, при которомъ весь садъ пришелъ въ упадокъ и многія строенія развалились. Еще и послѣ смерти Феликса были привезены изъ Италіи и другихъ мѣстъ, заказанныя имъ для Софіевки, статуи, множество экзотическихъ растеній, оконченъ тоннель и большая оранжерея [1]).

[1]) Предмѣстье сада было заселено крестьянами Потоцкихъ и образована была слободка, существующая и до сихъ поръ подъ названіемъ *Софіевки*.

Съ 1831 г. т. е. послѣ польскаго возстанія Софіевка вмѣстѣ съ городомъ перешла въ казенное управленіе.

До 1859 года она находилась въ вѣдѣніи императорскаго двора и называлась *Царицынымъ садомъ*, а потомъ передана была въ вѣдомство государственныхъ имуществъ и теперь принадлежитъ уманскому училищу земледѣлія и садоводства. До этого времени Софіевка считалась собственностью государыни Александры Ѳеодоровны, которая подарила ее уманскому училищу. Въ память этого въ означенномъ училищѣ, въ актовой залѣ, въ стѣнѣ вдѣлана мраморная доска со слѣдующею надписью: „30 марта 1859 г. ея императорское величество, государыня императрица Александра Ѳеодоровна соизволила представить уманскій Царицынъ садъ главному училищу садоводства".

Изъ особенно значительныхъ мѣстъ и сооруженій Софіевки, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени, замѣтимъ слѣдующія:

1. Громовой гротъ. Онъ представляетъ собою большую каменную пещеру, сводъ которой поддерживается большой гранитной колонной. Стѣны и колонна высѣчены неправильно и поддѣланы подъ естественный видъ. Внутри темно и сыро. Съ верхняго пруда въ гротъ проведена вода, которая, проходя по трубѣ сверху внизъ, вытекаетъ въ углу изъ потолка и образуетъ гремящій водопадъ. При открытіи трубы слышится шумъ, который увеличивается все больше и больше и наконецъ раздаются сильные громовые раскаты. Отъ этого громоваго водопада гротъ и получилъ названіе *громоваго*. При входѣ на правой стѣнѣ высѣчена въ камнѣ слѣдующая надпись:

Trać tutaj pamięć nieszczęść, a szczęścia przyjm wieszcze,
A jeśliś jest szczęśliwy, bądź szczęśliwszym jeszcze.

Про надпись эту ходитъ слѣдующій разсказъ:

Въ одно время Потоцкій въ этомъ гротѣ игралъ съ бѣднымъ шляхтичемъ въ карты; шляхтичъ обыгралъ Потоцкаго на очень большой кушъ. Въ память этого и сдѣлана была здѣсь надпись, которая говоритъ, что „здѣсь память счастья"—для бѣднаго и „память несчастья"—для богатаго. Впрочемъ трудно вѣрится, чтобы это было большимъ несчастьемъ для Потоцкаго, обладавшаго громадными имѣніями и несмѣтными богатствами. Можетъ быть эти слова имѣютъ другой смыслъ, для насъ непонятный.

2. Сломанная колонна и три слезы. Два эти памятника, вѣроятно, были сооружены въ память какого нибудь печальнаго событія. Колонна имѣетъ 2½ саж. высоты и на верху сломана. Она находится вблизи ручья, протекающаго по *Елисейскимъ полямъ.* Сбитая вершина, подножіе и вообще вся колонна представляетъ печальный видъ разрушенія. Говорятъ, что такой видъ—древности и разрушенія—былъ поддѣланъ искуственно и напоминаетъ о томъ, что ничего нѣтъ въ мірѣ вѣчнаго.

На ряду съ колонной и не вдалекѣ отъ нея находятся *три слезы.* Онѣ представляютъ три небольшихъ водопада въ ручьѣ, загроможденномъ въ этомъ мѣстѣ грудою камней.

Два эти памятника дополняютъ другъ друга: колонна своимъ видомъ, а три слезы своимъ названіемъ и напоминаніемъ постоянныхъ слезъ. Устроены они, говорятъ, въ память трехъ умершихъ сыновей Феликса Потоцкаго.

3. Бюстъ Трембецкаго. Трембецкій, извѣстный польскій поэтъ, воспѣлъ уманскій садъ въ своей поэмѣ „Софіевка", за что, вѣроятно, и былъ почтенъ Потоцкимъ. Бюстъ его стоитъ надъ ручьемъ. На пьедесталѣ вырѣзаны слѣдующіе стихи изъ его поэмы, относящіеся къ ручью:

Płyń, strumyku, szybkiem biegiem,
Te na zawsze rzucaj cienie;
Z kwiecistem się żegnaj brzegiem
I krapiać dzikie spiesz kamienie!

* * *

Tak szczęśliwy dzień uchodzi,
Choć zbyt rzadki dla człowieka;
Ledwo się go ujrzeć godzi,
Tylko błyśnie i ucieka!

Плыви, ручей, теченьемъ быстрымъ,
На дики камни поспѣшай,
Простися съ берегомъ тѣнистымъ,
Мѣста цвѣтущи покидай!

* * *

Счастливый день такъ улетаетъ,
Хотя онъ рѣдокъ для земныхъ:
Мелькнетъ и быстро исчезаетъ
Едва узришь его на мигъ!

4. Елисейскія поля. Елисейскія поля представляютъ долину, лежащую ниже верхняго пруда и составляющую часть парка. Это угрюмое, невеселое мѣсто, усѣянное множествомъ большихъ, покрытыхъ мхомъ, камней, на которыхъ и между которыми растутъ дикіе кустарники и деревья. Чрезъ все протяженіе этой долины протекаетъ небольшой ручей, который беретъ начало въ верхнемъ

прудѣ и начинается каскадомъ; конецъ его теряется въ *долинѣ гигантовъ* между громадою гранитныхъ глыбъ и впадаетъ въ нижній прудъ рядомъ съ *большимъ каскадомъ*, Можно думать, что Елисейскія поля служили для Потоцкихъ мѣстомъ грусти и скорби по какомъ-то утраченномъ счастьи, о чемъ свидѣтельствуютъ тѣ надписи на памятникахъ, которые мы разобрали выше, а также устройство самаго парка, значительно отличающагося отъ другихъ частей сада и видъ его (сломанная колонна, три слезы и т. п.). Характеръ этого мѣста носитъ особенный отпечатокъ и опредѣляется даже самыми деревьями и ихъ группировкой: тутъ растутъ чинары, тополи, березы, осина и др. Между прочими тутъ есть четыре замѣчательныхъ дерева, которыя, какъ говорятъ, имѣютъ символическое значеніе. Это четыре осины, которыя выходятъ изъ корня сростшимися, затѣмъ на высотѣ 2-хъ аршинъ они расходятся и потомъ сростаются на высотѣ 2-хъ саж. только три дерева, а четвертое идетъ въ сторону—отдѣльно. Эти деревья, выходящія изъ одного корня, означаютъ самаго Феликса Потоцкаго и его трехъ умершихъ сыновей. Впрочемъ, говорятъ еще, они означаютъ четырехъ братьевъ Потоцкихъ (какихъ, не знаю), изъ которыхъ три были дружны и ни въ чемъ не расходились, а третій измѣнилъ имъ и отечеству.

Съ одной стороны Елисейскихъ полей, ближе къ верхнему пруду, находится громовой гротъ, съ другой—сломанная колонна и три слезы—ближе къ каскаду и нижнему пруду, а посрединѣ бюстъ Трембецкаго.

5. Памятникъ. Онъ находится на возвышеніи надъ нижнимъ прудомъ и видѣнъ еще издали съ большой дороги, идущей изъ города. Отъ него открывается прекрасный видъ на прудъ и *фонтанъ*, находящійся на прудѣ, на *павильонъ* и на *рыбки* (съ противоположной стороны пруда около бассейна, сосредоточіе гуляющихъ). Воздвигнутъ онъ въ 1856 г. „въ память посѣщенія уманскаго царипына сада государемъ императоромъ Николаемъ I въ 1847 г.“ Отъ памятника идетъ красивая каменная лѣстница и оканчивается площадкой, подъ которой когда-то былъ гротъ. На высокомъ утесистомъ берегу нижняго пруда находится гальванопластическая статуя государыни Александры Ѳеодоровны. Она поставлена въ 1850 г. на бѣломъ мраморномъ пьедесталѣ.

6. Павильоны. Одинъ павильонъ находится около нижняго пруда надъ большой дорогой, идущей изъ города въ училище, имѣетъ красивый видъ и отличается изящной отдѣлкой. Во время Потоцкихъ тутъ была сельская хижина, сдѣланная вся изъ древесной коры; потомъ былъ построенъ казной настоящій каменный павильонъ.

Другой павильонъ—маленькій находится на островѣ верхняго пруда и называется *павильономъ* или *бесѣдкой Александры Ѳеодоровны.* Это изящное, красивое строеніе, стоящее какъ разъ посрединѣ острова. Сообщеніе съ островомъ съ одной стороны происходитъ чрезъ мостикъ, а съ другой чрезъ паромъ. Въ южной части сада, на самой возвышенной точкѣ находится *китайская бесѣдка.* Она окружена дубовой рощей—*дубинкой,* въ которой снизу между высокими деревьями просѣчена прямая длинная аллея, идущая по одному направленію съ паденіемъ большаго каскада.

7. Тоннель. Идетъ онъ отъ верхняго пруда къ нижнему на протяженіи приблизительно 50 саж. Для освѣщенія внутри, сверху продѣланы окна на разстояніи 8 саж. другъ отъ друга. Тоннель заканчивается бассейномъ, отъ котораго вода идетъ уступами и низвергается съ пяти-саженной высоты грандіознымъ каскадомъ. Чрезъ бассейнъ перекинутъ красивый желѣзный мостикъ. Прежде въ тоннелѣ были лодки для катанья; для освѣщенія зажигали факелы...

Есть въ Софіевкѣ множество еще и другихъ примѣчательностей: много статуй, фонтановъ, бесѣдокъ и т. п. Изъ сада проведена въ городъ хорошая вода. Начало водопровода и ключъ находится въ *венериномъ гротѣ.* Недалеко отъ грота водопроводъ прерывается и изъ скалы струится вода и льется въ двѣ подставленныя вазы, поддерживаемыя мѣдными ужами, отчего и мѣсто это называется *ужами.*

Часто мнѣ приходилось слышать отъ старожиловъ, что изъ сада въ городъ есть подземный ходъ. Начинается онъ, по указанію ихъ, къ югу отъ большаго каскада между камнями *гигантской долины;* это приходится ниже того мѣста, гдѣ теперь стоитъ статуя купидона. О достовѣрности этого слуха я говорить не могу. Но все таки можно думать, что тутъ должно быть хотя что нибудь

подобное, давшее поводъ къ такому предположенію. Говорили даже, что тутъ просто зарытъ Потоцкимъ кладъ.

Мѣстность, на которой расположена Софіевка часто служила мѣстомъ для таборовъ различныхъ враждебныхъ силъ, поэтому можно предполагать, что тутъ зарыто не мало кладовъ. Объ этомъ дѣйствительно и говорятъ многіе и даже откапывали нѣкоторыя зарытыя вещи.

Въ Софіевкѣ есть образцовая ферма, огородъ, плодовый садъ и питомникъ. Все это вмѣстѣ съ садомъ относится къ уманскому училищу земледѣлія и садоводства, цѣль котораго—приготовить ученыхъ управителей и садоводовъ.

А. Смонтій.

1882 г. $^{10}/_{23}$ октября
г. Умань.

Старинный южно-русскій театръ и въ частности вертепъ.

О южно-русскомъ театрѣ и въ частности о южно-русскомъ вертепѣ существуетъ уже значительная по объему ученая литература [1]); но она все-таки не исчерпала всего содержанія этого предмета и далеко еще не рѣшила всѣхъ вопросовъ о происхожденіи и развитіи южно-русскаго вертепа. Нагляднымъ доказательствомъ тому варіанты южно-русскаго вертепа по списку г. Галагана, отличающіе этотъ списокъ отъ списка г. Маркевича [2]). Вмѣстѣ съ другими новыми матеріалами второстепеннаго значенія, эти варіанты могутъ, по нашему мнѣнію, пролить новый свѣтъ на судьбы южно-русскаго стариннаго театра и вертепа. А это обязываетъ насъ кратко обозрѣть сдѣланныя доселѣ наблюденія и открытія относительно южно-русскаго театра и вертепа и указать новыя пріобрѣтенія въ этой области.

По установившемуся понятію, старинный южно-русскій театръ слагался изъ двухъ основныхъ элементовъ: изъ заимствованной изчужа мистеріи и изъ начатковъ народнаго русскаго театра. Первая

---

[1]) Важнѣйшіе труды по этому предмету слѣдующіе: 1) Мистеріи и старинный театръ въ Россіи, Пекарскаго, въ «Современникѣ» за 1857 годъ. 2) Наука и литература при Петрѣ Великомъ, его-же. 3) Лѣтопись русской литературы и древностей, Тихонравова, кн. 5. 4) «Вертепъ», въ брошюрѣ Н. Маркевича: «Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ», Кіевъ, 1860 г. 5) Историческіе очерки средневѣковой драмы, П. Полеваго, С.-Петербургъ, 1865 г. 6) О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ старой кіевской академіи Труды кіев. дух. акад. за 1866 г. 7) Старинный театръ въ Европѣ, А. Веселовскаго. Москва. 1870 г. 8) Кіевская искусственная литература XVIII в., преимущественно драматическая, Н. Петрова. Кіевъ, 1879 г.

[2]) Содержаніе перваго изложено въ октябрской книжкѣ «Кіевской Старины», за настоящій годъ.

заимствована у поляковъ, которые въ свою очередь переняли ее у западно-европейскихъ народовъ; а вторые, замерши въ зародышѣ, нашли потомъ нѣкоторое выраженіе для себя въ искусственной, заимствованной драмѣ, но опять-таки подъ вліяніемъ западно-европейскаго и польскаго театра, допускавшаго сближеніе церковной драмы съ народомъ. Поэтому, между стариннымъ южно-русскимъ театромъ съ одной стороны и западнымъ и преимущественно польскимъ съ другой существуетъ тѣсная и почти неразрывная связь, которая и должна быть для изслѣдователя исходнымъ пунктомъ при его работахъ.

I.

Старинный театръ въ западной Европѣ образовался изъ народныхъ сценическихъ представленій языческаго или вообще свѣтскаго характера и изъ христіанской обрядности и началомъ своимъ восходитъ уже къ первымъ вѣкамъ христіанства и къ послѣднимъ временамъ существованія римской имперіи. Необузданная страсть римлянъ къ языческимъ зрѣлищамъ пережила самое принятіе ими христіанства и, нашедши для себя поддержку въ обычаяхъ варварскихъ народовъ, наслѣдовавшихъ римскую имперію, приражалась къ самой христіанской жизни и церковному богослуженію. Никакія обличенія пастырей и учителей церкви и кары церковныя не могли искоренить этой страсти, такъ что сама зараждавшаяся христіанская обрядность должна была допустить въ себя драматическій элементъ, для противоядія языческимъ зрѣлищамъ и для уясненія народу, въ первобытно простыхъ и наглядныхъ образахъ догматовъ христіанства, или олицетворенія важнѣйшихъ событій евангельскихъ. Самая „месса“, по словамъ Газе, „была со временъ Григорія Великаго почти сплошь драматическимъ изображеніемъ всемірнаго голгоѳскаго позорища, цѣлымъ строемъ религіозныхъ ощущеній, отъ полнаго скорби *miserere* до ликующаго и торжественнаго *Gloria in excelsis*, и отъ того-то она всегда такъ удобно служила текстомъ для величественныхъ симфоній“. Развиваясь дальше, католическая обрядность произвела цѣлый рядъ торжественныхъ зрѣлищъ, процессій и драматическихъ обрядовъ. Таковы, напримѣръ: 1) процессія въ память вшествія Христа во Іерусалимъ, подобная нашему *хожденію на ослятѣ*, при чемъ Христа изображалъ одинъ изъ свя-

щенниковъ, сидящій на ослѣ; 2) процессія страстей Христовыхъ во время страстной недѣли, наглядно изображающая евангельскій разсказъ о страданіяхъ Спасителя; 3) драматическое распредѣленіе чтенія евангелія въ страстную недѣлю между нѣсколькими священнослужителями; 4) богослуженіе Пасхи, сопровождавшееся различными обрядами, олицетворявшими всѣ обстоятельства евангельскаго разсказа о воскресеніи Спасителя; 5) устройство въ храмѣ ясель на Рождество Христово, служащихъ прототипомъ нѣмецкаго Krippelspiel, польской шопки (szopka) и южно-русскаго вертепа; 6) въ праздникъ трехъ царей введеніе въ богослуженіе разговора ихъ съ Богородицей; 7) въ день избіенія виѳлеемскихъ младенцевъ—жалобы несчастныхъ матерей и появленіе Ирода, издающаго свое жестокое повелѣніе и проч. Сначала неприкосновенность святыни не допускала людямъ маскироваться въ святыхъ, и ихъ роли въ процессіяхъ исполняли большею частію куклы и маріонетки.

Въ такихъ еще неясныхъ образахъ положены уже были основы дальнѣйшему развитію духовной драмы: всѣ ея главные роды и видоизмѣненія были уже намѣчены; оставалось сознаніемъ въ нихъ духовнаго начала съ народнымъ довершить начатое, преобразить отрывочныя сцены въ цѣльныя драматическія произведенія и постепенно возвысить ихъ отъ служебной роли при богослуженіи до вполнѣ самостоятельнаго существованія.

Драгоцѣнный образецъ духовной драмы въ самомъ ея зародышѣ, когда она еще тѣсно связана была съ богослуженіемъ, представляетъ древнѣйшая итальянская мистерія, найденная Франческо Палермо въ палатинской библіотекѣ. Отдѣлы ея или акты носятъ первобытное названіе *devozioni* и распредѣлены въ подобающихъ мѣстахъ литургіи вслѣдъ за проповѣдью или за произносимыми священникомъ литургическими словами. Эта мистерія пріурочена была къ страстной недѣлѣ и изображала страданія Спасителя.

Около указанныхъ главныхъ церковно-догматическихъ обрядовъ начинаютъ образовываться отдѣльныя группы новыхъ церковныхъ драмъ. Изъ кантовъ и рѣчей, произносившихся изъ-за алтаря, какъ бы отъ лица Богородицы, Іосифа, пастуховъ, въ то время, когда въ церкви стояли миньятюрныя ясли и куклы или писанныя изображенія названныхъ личностей, изъ этого первобытнаго рожде-

ственскаго обряда постепенно образуется рождественская драма: неодушевленные предметы замѣняются дѣйствующими лицами въ костюмахъ, рѣчи клириковъ, скрытыхъ за алтаремъ,—естественными разговорами актеровъ внѣ его, въ виду набожной толпы; наконецъ, одинъ лишь моментъ поклоненія пастуховъ, изображавшійся дотолѣ, обставляется полнымъ пересказомъ повѣствованія евангельскаго и, начиная съ Благовѣщенія, вводитъ всѣ аксессуарныя подробности—избіеніе младенцевъ, разговоръ Ирода съ волхвами, бѣгство въ Египетъ и т. п. Подобнымъ образомъ возникла изъ обряда церковнаго драма пасхальная, обнимающая собою впослѣдствіи изображеніе страстей Господнихъ, воскресенія, явленія апостоламъ.

Возникши въ противовѣсъ языческой, свѣтской драмѣ, церковная драма, однако, не могла побѣдить послѣднюю, уберечься отъ ея вліянія и рано или поздно должна была слиться съ нею. Сначала литургическая драма, преслѣдовавшая богослужебныя цѣли, пользовалась языкомъ церкви, т. е. латинскимъ; но мало по-малу, въ видахъ наибольшей вразумительности латинскаго богослуженія для народа, она принимаетъ въ себя народный языкъ, а затѣмъ и чисто народныя черты, идущія нерѣдко въ разрѣзъ съ характеромъ остальныхъ отдѣловъ драмы. Такимъ образомъ духовный обрядъ постепенно вырождался и приравнивался къ обычаямъ народа, исключительно жизненнымъ и нерѣдко полнымъ двоевѣрія. Духовная драма своимъ сближеніемъ съ народнымъ говоромъ, введеніемъ свѣтскихъ исполнителей, шла, съ своей стороны, къ разрыву съ первобытнымъ церковнымъ началомъ. Импульсъ въ этомъ случаѣ данъ былъ самою церковію, которая положительно стала запрещать празднества, пляски и драматическіе обряды въ храмахъ и даже мистеріи. Гонимыя изъ стѣнъ церковныхъ, послѣднія долго еще ютились въ церковныхъ оградахъ и кладбищахъ, не прерывая связи съ церковной обстановкой, пока наконецъ и оттуда онѣ не были выгнаны въ XVI вѣкѣ. Тѣснимая отовсюду, духовная драма выходитъ наконецъ за церковную ограду, сбрасываетъ съ себя путы условныхъ клерикальныхъ требованій и идетъ на встрѣчу запросамъ народной жизни. Перекрестокъ, площадь, свободное мѣсто подъ открытымъ небомъ, наскоро сколоченная сцена замѣняютъ собою алтарь, нефы, паперть и разнообразные аксессуары кладбища. Драма дожила до своего освобожденія.

Въ послѣдовательномъ своемъ развитіи духовная драма образовала слѣдующія главныя категоріи мистеріальной драмы: 1) собственно мистерію (отъ ministerium—обрядъ), бывшую первоначально въ тѣсной связи съ церковнымъ обрядомъ, каковы напр. рождественскія и пасхальныя мистеріи; 2) мистеріи чудесъ или *миракли*, посвященныя прославленію жизни, дѣяній и чудесъ святыхъ, наиболѣе популярныхъ въ народѣ, какъ напр. объ Іосифѣ прекрасномъ; 3) морали (moralité), въ которыхъ подъ аллегорическими именами олицетворялись отвлеченныя понятія и нравственныя правила, напр. милосердіе, вѣра, любовь, гнѣвъ, жестокость и т. п.; 4) драматизированныя священно-историческія хроники главнѣйшихъ событій священной исторіи и выдѣлившіяся изъ нихъ пасторальныя мистеріи; 5) историческія мистеріи или хроники, имѣющія своимъ предметомъ историческія лица или событія, но съ вмѣшательствомъ божественной силы въ дѣла людей и вообще постояннымъ присутвіемъ духовнаго начала, коковы напр. были во Франціи крещеніе Хлодвига, жизнь Людовика святаго и короля Тіерри, подвиги Іоанны Д'Аркъ, и т. п., и 6) мистеріи, возникшія изъ народныхъ легендъ, повѣрій или сказокъ, отступающія отъ достовѣрнаго разсказа исторіи, дабы приблизиться къ нерѣдко апокрифическому сказанью или ходячей новеллѣ и повѣсти, и образующія собою звено, соединяющее старый духовный театръ съ театромъ свѣтскимъ. Таковы легенды о Варлаамѣ и Іоасафѣ, о Робертѣ діаволѣ, о папѣ Юттѣ (Іоаннѣ).

Выйдя изъ церковной ограды, мистерія была встрѣчена народомъ съ распростертыми объятіями и создала свою самостоятельную сцену. Теперь требовалось найти средство совмѣстить на небольшомъ пространствѣ изображенія троякаго мѣста дѣйствія передаваемыхъ событій—земли, рая и ада, имѣя въ виду необходимость нагляднаго представленія взаимныхъ отношеній силъ неба и тьмы къ земнороднымъ. Этой потребности удовлетворило трехъ—ярусное устройство мистеріальной сцены: земля, колеблющаяся между добромъ и зломъ, помѣщалась въ среднемъ ярусѣ, надъ которымъ возвышался рай, а внизу незатѣйливый механизмъ приводилъ въ движеніе двѣ громадныя челюсти, изображавшія зѣвъ ада и принимавшія внутрь себя отверженныхъ грѣшниковъ. Вся постройка возводилась надъ бревенчатымъ помостомъ, который въ

первую пору по изгнаніи мистеріи изъ церкви служилъ единственною ея сценой. Каждый этажъ дѣлился двумя перегородками снова на три отдѣленія; въ нижнемъ ярусѣ, представлявшемъ жилище сатаны, собственно адъ находился въ среднемъ отдѣленіи его, сообщавшемся посредствомъ дверей съ другими. Изъ ада шли боковыя лѣстницы въ средній этажъ, изображавшій землю; устройство его было многосложнѣе другихъ по причинѣ большаго разнообразія въ представляемыхъ мѣстностяхъ и значительнаго числа вставочныхъ сценическихъ подробностей; только одна лѣстница сообщала этотъ этажъ съ верхнимъ, который возводился надъ самой глубиной сцены и отличался вообще небольшими размѣрами. Расположеніе это много способствовало оживленію дѣйствія, такъ какъ иногда случалось играть въ одно и тоже время въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ.

Въ исполненіи мистеріи принимали участіе лица всѣхъ сословій безъ различія званія; усиленію средствъ постановки мистеріи способствовали цехи, артели, братства. Но рано появляются и спеціальные призванники, посвятившіе себя, въ числѣ прочихъ поэтическихъ упражненій, и служенію цѣлямъ духовнаго театра, какъ напримѣръ трубадуры и труверы со своими жонглерами и менестрелями, судебныя ассоціаціи средневѣковой Франціи—знаменитое базошское королевство и Имперія галилейская, парижское братство страстей Господнихъ, братство беззаботныхъ и проч.

Но особыя лица и ассоціаціи, принимавшія участіе въ развитіи и представленіи мистеріальной драмы, все болѣе и болѣе освобождали ее отъ клерикальныхъ оковъ и приближали ее къ чисто народной комедіи.

Начало послѣдней коренится въ народныхъ пѣсенныхъ обрядахъ и праздникахъ и поддерживалось и укрѣплялось бродячими пѣвцами, жонглерами, скоморохами, гистріонами, которыхъ, подъ различными именами, но въ одинаковомъ положеніи и почетѣ мы встрѣчаемъ у всѣхъ народовъ старой Европы. Эти скоморохи и проч., пріурочивая свои представленія къ эпохамъ народной жизни, поддерживали и развивали въ массѣ вкусъ и пристрастіе къ комизму, къ легкой, но рѣзкой насмѣшкѣ, и постепенно выработали цѣлую семью комическихъ типовъ: панталона у итальянцевъ, Гансвурста въ Германіи и т. п. Кромѣ того, существовали цѣлыя кор-

пораціи придворныхъ и барскихъ шутовъ, напр. шутовской орденъ, дижонская инфантерія, къ коимъ нужно причислить отчасти упомянутыя выше судебныя ассоціаціи базошскаго общества, имперіи галилейской и т. п., также много содѣйствовавшія развитію народно-комическаго начала. Подъ такимъ одновременнымъ и дружнымъ вліяніемъ, вкусы народа не могли не подвергнуться съ ранней поры коренному измѣненію въ пользу комедіи. Міряне, призванные (въ видахъ приданія большей торжественности мистеріи увеличеніемъ числа исполнителей) къ участію въ представленіи духовныхъ пьесъ, незамѣтно ни для себя, ни для другихъ, привыкли добавлять подлинный текстъ пьесы, ея сценическій распорядокъ своими вставками, рѣчами отъ себя, которыя мало шли къ назидательному тону пьесъ, но удовлетворяли понятной прихоти людей отъ міра сего. Первые слѣды вторженія комическаго элемента замѣчаются въ тѣхъ сценахъ, гдѣ дѣйствуютъ свѣтскіе люди, коимъ поручалось первоначально исполненіе второстепенныхъ ролей. Таковы, напр., пастушескія сцены въ рождественскихъ мистеріяхъ, имѣвшія собственно цѣлью менѣе отмѣтить безыскуственность той среды, которой первой довелось узнать о великомъ событіи. Съ теченіемъ времени введенъ былъ въ драматическую среду постоянный смѣшливый амплуа въ видѣ шута, который, не относясь ни къ одной изъ сторонъ пьесы, вставлялъ свое слово всюду, гдѣ хотѣлъ, не обращая вниманія на то, что его прыжки и остроты приходились часто въ разрѣзъ съ настроеніемъ зрителей. Наконецъ, вторженіе свѣтскаго элемента въ духовную драму становится столь сильно, что приводитъ къ обособленію случайныхъ комическихъ сценъ въ одно цѣлое, къ составленію изъ отдѣльныхъ сценъ небольшихъ комическихъ пьесъ, исполняемыхъ между актами драмы и называвшихся интермедіями и интерлюдіями или „междувброшенными забавными игралищами". Образовавшіяся первоначально изъ сценъ и рѣчей свѣтскихъ дѣйствующихъ лицъ въ мистеріяхъ, интерлюдіи сохранили отъ своего первообраза особенность частыхъ уклоненій отъ сюжета главной пьесы, уклоненій, ничѣмъ неоправдываемыхъ, кромѣ стремленія развлечь слушателя. Какъ воины, дѣлящіе ризы Христовы, начинали, бывало, въ мистеріи препираться и укорять другъ друга различными семейными дѣлами, и разговоръ принималъ характеръ уличной народной сцены, такъ и интерлюдіи, храня въ началѣ до нѣкоторой

степени связь съ духовной драмой, постепенно освобождались отъ этой связи и лишь механически сопоставлялись съ актами набожной пьесы. Въ старыхъ коллективныхъ мистеріяхъ связь интерлюдій съ основнымъ текстомъ еще замѣтна. Такъ напримѣръ, въ пастушескихъ сценахъ, предшествовавшихъ изображенію Рождества Христова и составляющихъ особый отдѣлъ коллективной мистеріи подъ именемъ Paginae pastorum, слѣдующія согласно евангелію рѣчи пастуховъ прерывались вставочной сценой, гдѣ предъ зрителями являлся великій плутъ и овцекрадъ Макъ, который, притворяясь бѣднымъ и удрученнымъ семьею, проситъ позволенія у пастуховъ провести съ ними ночь. Изъ предосторожности, они кладутъ его промежъ себя, надѣясь такъ устеречь свое стадо отъ его нападеній; но ловкій воръ успѣваетъ украсть лучшаго барана, снести его къ женѣ, которая не менѣе удачно хоронитъ концы въ воду. Макъ снова возвращается спать къ пастухамъ. Когда они спохватились барана и стали искать его у Мака, жена Мака притворилась стонущею за перегородкой послѣ родовъ, а баранъ положенъ былъ въ колыбель и изображалъ собою новорожденнаго. Похожденія пастуховъ съ Макомъ внезапно обрываются пѣснью ангеловъ, возвѣщающихъ рожденіе Спасителя, и затѣмъ мистерія идетъ далѣе своей обычной чередой. Отъ такого хотя уже поверхностнаго подчиненія главной пьесѣ интерлюдія переходитъ къ полной независимости, расширяетъ предѣлы своихъ источниковъ и проникается серьезными цѣлями. Тому-же дѣлу, которому служили интерлюдіи въ серединѣ пьесы, служили часто и небольшія сцены столь-же отрывочнаго характера, которыя исполнялись по окончаніи пьесы, въ видахъ возстановленія веселаго настроенія въ зрителяхъ. Какъ интерлюдіи, такъ и заключительныя комическія сцены перешли въ фарсъ (въ болѣе ограниченномъ смыслѣ этого слова), который, будучи всегда почти чуждъ поучительныхъ цѣлей, представляетъ рядъ веселыхъ сценъ, либо схваченныхъ прямо съ натуры, либо придуманныхъ досужей фантазіей автора; порожденный духомъ народнаго юмора, онъ открываетъ обширное поприще для введенія на потѣху современной публики любимыхъ ея сатирическихъ типовъ, тѣхъ личностей и характеровъ, надъ которыми любитъ смѣяться народъ.

Реформаціонное движеніе, постепенно охватившее Европу, глубоко отразилось на судьбѣ старѣвшаго духовнаго театра. Не-

зависимая народная сатира, порицаніе общественныхъ и государственныхъ неустройствъ получило сильную поддержку въ смѣломъ духѣ отрицанія, овладѣвшемъ обширнымъ міромъ господствующей церкви. Въ борьбѣ народной комедіи со старой драматургіей явился новый факторъ, быстро склонившій успѣхъ на сторону свѣтскаго, жизненнаго искусства. Наплывъ реформаціонныхъ началъ образуетъ кризисъ въ существованіи мистеріи, изъ котораго она выходитъ далеко не торжествующею, далеко не обыкновенною. Постепенно крѣпнувшее и раздающееся въ ширь реформаціонное движеніе не оставило безъ вниманія и драматическую область, столь много послужившую нѣкогда упроченію католицизма въ Европѣ; оно вступило и тутъ въ борьбу со старымъ началомъ. Послѣдователи Лютера и Кальвина смѣло прибѣгали къ пособію драматическаго начала для своей полемической и пропагандистской дѣятельности. А протестъ реформаціи не могъ не вызвать возраженія со стороны старой церкви и на побочномъ поприщѣ духовной драмы. Въ отвѣтъ на полемическія протестантскія драмы возникъ цѣлый рядъ сценическихъ произведеній, проникнутыхъ ультра-католическимъ духомъ и отражающихъ нападенія противника. Борьба была открыта на всей линіи, повсемѣстно выступали новые бойцы за неприкосновенность католическаго догмата и духовныхъ привилегій. Въ католическихъ академіяхъ и коллегіяхъ вошло въ обычай, въ видахъ утвержденія учащейся молодежи въ истинной вѣрѣ, слагать драмы, возвеличивающія ее и разящія еретиковъ и отступниковъ всѣми возможными карами. Онѣ пріучали также исполнителей къ развязности, быстротѣ дѣйствій и соображеній находчивости, развивали въ молодыхъ людяхъ качества хорошаго проповѣдника, руководителя пропаганды или даже простаго служителя алтаря. Въ этотъ періодъ существованія мистеріи она получаетъ названіе школьной или учебной драмы. Духовной драмѣ отводится подобающее ей мѣсто въ общей программѣ учебнаго курса. Она причислена къ вѣдомству преподавателя поэзіи, которому вмѣняется въ обязанность отъ времени до времени сочинять духовныя пьесы въ подобающемъ стилѣ и давать ихъ разучивать своимъ ученикамъ. Форма, избираемая для школьной драмы, постепенно отдалялась отъ своего прототипа и, подъ вліяніемъ усиливавшагося гуманистическаго движенія и возрожденія вкуса къ классическимъ образцамъ, стала подражаніемъ

формамъ и стиху древней трагедіи; нравоучительныя-же пьесы, moralités, выходившія за предѣлы этого стиля, въ душной школьной обстановкѣ утратили тѣ неотъемлемыя достоинства простоты, искренности религіознаго чувства и наивности аллегорій, которыя дѣлали этотъ родъ драмы однимъ изъ любимѣйшихъ въ народѣ. Олицетворенія отвлеченныхъ понятій отзываются схоластическимъ мудрствованіемъ, или вѣютъ туманнымъ мистицизмомъ. Іезуиты были одними изъ первыхъ руководителей школъ, которые воспользовались возможностію употребить духовную драму, какъ подспорье пропагандѣ и поддержку основательнаго лингвистическаго и проповѣдническаго образованія. Опытные въ искусствѣ эффектно дѣйствовать на человѣческую природу, они окружали свои представленія всѣмъ блескомъ и пышностью свѣтскихъ торжествъ, прибѣгая къ содѣйствію музыки и сценическихъ эффектовъ. При такомъ умѣньѣ искусно привлекать и молодой персоналъ исполнителей и постороннюю публику, присутствіе которой часто бывало необходимо для скрытыхъ плановъ братства, неудивительно, что іезуитскія пьесы съумѣли сохраниться едва не до нашихъ временъ и встрѣчать сочувствіе знати и общества въ минувшее столѣтіе, несмотря на видимое торжество въ массѣ европейской публики идей энциклопедистовъ. Въ іезуитскихъ пьесахъ замѣчается смѣшеніе понятій, стилей, событій, смѣсь христіанскаго настроенія съ миѳологическими картинами, подлаживающаяся подъ вкусы современнаго общества и литературы. Помимо сюжетовъ изъ священной исторіи, драматурги-іезуиты заимствовали ихъ изъ исторіи свѣтской, поскольку избираемыя событія могли служить во славу истинной вѣры.

Старая форма драмы очевидно отживала свой вѣкъ, неудовлетворяя новымъ требованіямъ общества, искавшаго исхода изъ тяжкаго застоя драматургіи. Возрожденіе занятій классическими литературами, начало свѣтлой поры гуманистическаго движенія рано указало этотъ искомый исходъ въ подражаніи древнимъ образцамъ. Еще въ концѣ XV вѣка появляются переводы греческихъ и латинскихъ трагедій и комедій. Классическія пьесы скоро вошли, какъ важнѣйшее и неизбѣжное пособіе при преподаваніи, во всѣ школы, безъ различія ихъ вѣроисповѣднаго характера и направленія, стремясь къ неограниченному господству, давая тонъ и направленіе мѣстной литературной дѣятельности и производя подражанія. Лож-

ный классицизмъ по-немногу водворялся въ обновлявшихся при помощи его литературахъ. Но и противъ него началась въ Англіи, а отсюда распространилась по всей Европѣ спасительная революція въ драмѣ во имя романтизма, народности, свободы творчества, въ лицѣ Марло, Шекспира и др. и послужила исходнымъ пунктомъ для образованія новаго европейскаго театра.

Таково была, въ общихъ чертахъ, служба стариннаго театра у всѣхъ западно-европейскихъ народовъ и между прочимъ у западныхъ славянъ, чеховъ и поляковъ. Но изъ нихъ наиболѣе интересенъ для насъ старинный театръ въ Польшѣ, имѣвшій непосредственное воздѣйствіе на южно-русскую драму.

II.

Старинный театръ въ Польшѣ тоже слагался изъ двухъ противоположныхъ элементовъ: народныхъ обрядовъ и игръ и духовной мистеріи. Какъ и на западѣ, польское духовенство рѣшилось противопоставить полуязыческимъ зрѣлищамъ иныя, освященныя всѣмъ обаяніемъ церковнаго величія. Въ пору прежнихъ зимнихъ календъ оно учредило храмовую церемонію вертепа; встрѣчу весны оно почти допустило въ новой христіанской обстановкѣ. Введенный почти повсемѣстно у славянъ-католиковъ рождественскій обрядъ нигдѣ не получилъ столь широкаго развитія, какъ въ Польшѣ, которая впослѣдствіи въ измѣненномъ видѣ передала его на Русь. Съ кануна Рождества и до новаго года ставились въ церквахъ небольшія ясли, въ которыхъ лежала статуетка, изображавшая Спасителя; возлѣ находились изображенія вола и быка, нерѣдко даже поставленныя за особыя загородки или стойла; наконецъ, размѣщались изображенія Богородицы, пастуховъ и трехъ царей. Въ церквахъ Литвы до позднѣйшаго времени сохранился этотъ обрядъ, конечно въ измѣненномъ видѣ: въ крещенскій сочельникъ въ церквахъ вѣшаютъ на лентахъ люльки съ восковымъ младенцемъ, около которыхъ стоятъ восковыя-же изображенія Богородицы, Іосифа и трехъ царей. Подходящіе къ люлькѣ сначала качаютъ ее три раза и потомъ молятся. Сценическое изображеніе Рождества и связанныхъ съ нимъ событій дополнялось и разъяснялось или духовными пѣснями, раздававшимися изъ-за алтаря, либо сказываніемъ молодыми церковнослужителями, скрытыми тамъ-же, отдѣльныхъ тирадъ

изъ евангелія, съ строгимъ распредѣленіемъ ролей и рѣчей. Изъ этихъ діалоговъ, сопряженныхъ съ декоративной сценой, образовался тотъ любимый въ Польшѣ и ставшій въ ней народнымъ діалогъ, который слыветъ въ ней подъ названіемъ *szopka* или *jasełka*. Повинуясь неизбѣжному влеченію къ большему простору, свободѣ и сближенію съ народной жизнію, первые исполнители мистерій, внося въ нихъ отъ себя посторонніе элементы, постепенно освобождали ее отъ исключительно духовнаго направленія. Путь этого вторженія свѣтскаго начала былъ обычный: дьяволы, воины, Іуда вмѣсто нѣмыхъ служебныхъ личностей становятся увеселителями народа; они заговариваютъ все смѣлѣе, не стѣсняются богобоязненными приличіями, и изъ ихъ разговоровъ начинаютъ образовываться вставочныя сцены и интерлюдіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ подобныя интерлюдіи входили и вовсе не относившіяся къ пьесѣ лица, взятыя изъ чисто народныхъ сценъ, издавна любимыхъ народомъ, получившихъ начало, вѣроятно, въ средѣ скоморошества и впослѣдствіи достигнувшихъ высокаго значенія и развитія. Мало по-малу на духовной сценѣ являются въ комическомъ видѣ лица изъ духовнаго-же міра; зритель потѣшается надъ забавной личностью приходскаго дьячка, уставщика пѣвчихъ (кантора); въ воинахъ римскихъ видитъ своихъ жолнеровъ, и такимъ образомъ населяетъ сцену найболѣе забавными или почему-либо интересными для него типами. Но тутъ драму постигаетъ суровый запретъ властей: она признана унижающею святость религіи, выходитъ за ограду, здѣсь снова распадается на составные свои элементы—мистерію и комедію, и дѣлается достояніемъ разныхъ слоевъ народа, какъ-то: духовныхъ школъ и монастырей, народа и шляхетскаго и вообще средняго сословія. Мистерія собственно нашла себѣ надежный пріютъ лишь въ школахъ и немногихъ монастыряхъ. Она скоро лишилась тутъ своего первоначальнаго искренно-набожнаго и безхитростнаго характера и стала орудіемъ либо педагогическихъ цѣлей, либо пропаганды, особенно съ тѣхъ поръ, когда ею всецѣло овладѣли іезуиты. Сельскій народъ прилѣпился къ наивнымъ представленіямъ вертепа, спустившимся къ нему изъ церковнаго обихода, и старался вложить въ нихъ свои мысли, знакомые типы, и сблизить съ своей жизнію. Рождественскій обрядъ отразился въ народѣ съ одной стороны въ образованіи цѣлаго ряда духовныхъ стиховъ,

а съ другой—въ развитіи чисто народныхъ представленій Рождества Христова. Въ шляхетскомъ кругу и въ томъ *tiers-état*, который неизбѣжно образовывается въ каждомъ развивающемся обществѣ изъ представителей различныхъ сферъ населенія, начинаютъ обособляться свѣтскіе діалоги, получившіе начало отъ интерлюдій и проникающіеся сатирическимъ направленіемъ. Такова была разрозненность вліяній народа на его театръ,—и неудивительно, что при кастовомъ дробленіи различныхъ родовъ драматическаго искусства, общее движеніе впередъ было слабо и далеко не возвышалось надъ посредственнымъ уровнемъ. Но тѣмъ не менѣе всѣ эти кастовые роды драматическаго искусства польскаго имѣютъ для насъ важное значеніе, такъ какъ всѣ они отразились на исторіи южнорусскаго театра, а потому мы и остановимся на нихъ нѣсколько.

Мистерія, выгнанная изъ церкви, пріютилась сначала въ краковской академіи и происшедшихъ отъ нея коллегіяхъ, а также въ низшихъ школахъ, и приняла видъ духовной драмы, подчинявшейся по формѣ классическимъ образцамъ. Но въ низшихъ школахъ она еще удерживала свою близость къ народной средѣ и нерѣдко допускала перевѣсъ свѣтскаго, житейскаго элемента. Іезуиты, проникшіе чрезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ учрежденія ихъ ордена въ Польшу и быстро овладѣвшіе народнымъ образованіемъ, ввели въ свои коллегіи великолѣпные спектакли, гдѣ латинскія стихотворныя пьесы перемежались съ польскими, сюжеты духовные съ сказаніями классической миѳологіи, и гдѣ житія святыхъ, отечественная исторія, политическія теоріи, любовныя похожденія языческихъ боговъ или легенды свѣтскаго содержанія представляли неисчерпаемый источникъ вдохновенія для іезуитскихъ драматурговъ. Прелесть, новизна и многосторонность іезуитскихъ спектаклей отвлекали молодежь отъ старыхъ школъ и краковской академіи, хотя представители чистой науки не умолкали въ своихъ протестахъ противъ укореняющагося во вредъ ей шарлатанства. Вслѣдствіе этого, нѣсколько противоположнѣйшихъ вліяній не могло не отразиться на воспринятомъ литературномъ родѣ. Съ одной стороны традиціи старой мистеріи находили еще поборниковъ между духовными педагогами, съ другой—надъ ней тяготѣла обязательность латинскаго текста, полезнаго въ школѣ. Наконецъ, пышныя представленія, устраиваемыя іезуитами и нѣкоторыми монашескими орде-

нами, пытались превратить духовный театръ во что-то среднее между придворнымъ пантомимнымъ балетомъ и новомодной тогда въ Германіи staats-action. Очевидно, что перевѣсъ псевдоклассицизма и іезуитскихъ парадовъ имѣлъ всего болѣе вѣроятій на успѣхъ. Образцы старой польской мистеріи почти утратились, тогда какъ напротивъ множество пьесъ, какъ изданныхъ, такъ и хранящихся въ рукописяхъ, относятся къ числу школьныхъ или ученыхъ драмъ.

Совершенно въ другую сторону тянулъ народъ. Послѣ изгнанія духовныхъ пьесъ изъ церквей, интерлюдіи получаютъ обширное развитіе и приводятъ къ созданію комедіи въ полномъ смыслѣ слова. Любимый народомъ вертепъ, всего ближе подошедшій къ массѣ, скоро создаетъ свой обширный комическій репертуаръ, поддерживаемый импровизаціями. Кругъ осмѣиваемыхъ личностей становится все шире и отъ церковной сферы переходитъ къ военному быту, шляхтѣ и, хотя рѣдко, къ знати. Насмѣшка обращается наконецъ въ политическую сатиру и выводитъ на сцену олицетвореніе коренныхъ недуговъ польскаго государства. Первыя проявленія комическаго начала сохранились въ свѣтской части szopki. Судя по сохранившимся доселѣ маріонетнымъ пьесамъ, и въ старое время онѣ представляли рядъ отдѣльныхъ, едва связанныхъ между собой пьесъ, въ которыхъ передъ глазами зрителя проходили различные типы изъ окружающей жизни, съ соблюденіемъ характерныхъ особенностей ихъ произношенія, манеръ, своеобразныхъ взглядовъ; выводился краковянинъ, карпатскій горецъ, нѣмецъ, еврей. Всѣ эти типы вереницей проходятъ передъ зрителемъ, образуя какъ-бы оригинальную панораму „племенъ, нарѣчій, состояній". Рѣчи, которыми сопровождается дѣйствіе, полны выходокъ и отличаются стремленіемъ собрать въ нѣсколькихъ бѣглыхъ чертахъ наиболѣе рѣзко выдающіяся свойства каждаго характера. Иногда эти комическія импровизаціи сплетаются съ народными пѣснями, и колядныя пѣсни замѣняютъ собою оживленный діалогъ. Сцены изъ міра сказочнаго, богатырскаго, излагающія въ драматической формѣ любимыя темы народной поэзіи, нерѣдко смѣняютъ чисто комическія, житейскія сцены. Такъ, общераспространенный мотивъ пренія жизни со смертію подаетъ поводъ къ цѣлой небольшей пьесѣ вертепа, въ которой являются дѣйствующими лицами богатый крестьянинъ, ксендзъ и скелетъ смерти. Въ интерлюдіяхъ, вкравшихся

въ большія пьесы, и въ отдѣльныхъ комическихъ сценахъ, частью прямо возникшихъ на народной почвѣ, частью обособившихся изъ мистерій и moralités, встрѣчаемъ тѣже коренные типы народной сатиры. Ожидая только опытной руки для переработки ихъ въ болѣе стройные организмы народныхъ комедій и фарсовъ, они представляютъ для нихъ готовый матеріалъ. Отъ времени до времени появляются такія частныя передѣлки, а сохранившіеся въ довольно значительномъ количествѣ свѣтскіе діалоги или Rozmowy представляютъ собой образцы небольшихъ комедій. Таковы, напримѣръ, Rozmowy polskie, написанныя въ 1553 году Витомъ Корчевскимъ, при всей своей наивной формѣ, живо и мѣтко схваченныя съ дѣйствительности. Въ одной изъ нихъ выводится пономарь, который жалуется на побои въ корчмѣ отъ крестьянъ, у которыхъ онъ насильно хотѣлъ получить слѣдуемую ему десятину, и ксендзъ, который скорбитъ объ упадкѣ нравственности и уменьшеніи своихъ доходовъ. Споръ причта съ паствой, рѣшительно отказывающей ему въ повиновеніи и платежѣ сбора, переносится на судъ пана, который презрительно отзывается объ обычаяхъ ксендзовъ жить на чужой счетъ и, не трудясь, принимать только привозимые къ нимъ снопы, добытые не ихъ трудами. Ксендзу противопоставлена старая баба колдунья, которая, откровеннѣе его сознаваясь въ разныхъ своихъ продѣлкахъ, выражаетъ ненависть къ человѣку, столь корыстному и продажному. Отъ подобной сцены, сложившейся уже до нѣкоторой степени въ формы фарса, недалекъ переходъ къ комедіи собственно. Она тоже рѣдко грѣшитъ противъ естественности и вѣрности изображенія нравовъ. Такова, между прочимъ, комедія Петра Барыки Z chłopa król, служившая утѣхой двора Владислава IV, въ которой польскій крестьянинъ, опохмѣлившись, видитъ себя королемъ и осыпается любезностями и изъявленіями преданности со стороны гулящихъ жолнеровъ, доставившихъ себѣ забаву отъ скуки. Ощущенія внезапно ставшаго знатнымъ хлопа, который, разлакомившись, спѣшитъ доставить себѣ всѣ привычныя незатѣйливыя удовольствія, все это представляетъ благодарную канву для построенія комедіи. Комедія 1655 года Uciechy и проч. вся основана на осмѣяніи помѣщиковъ и порицаніи ихъ жестокой власти надъ крѣпостными. Монологъ пана, дышащій звѣрскимъ негодованіемъ противъ ослушнаго слуги и жаждой мщенія, возбуждаетъ

невольное содроганіе; это настоящій дифирамбъ тѣмъ владѣльцамъ, которые умѣютъ всегда на славу избить хлоповъ канчуками, взявъ хорошенько за шею. Слѣдствіе такого обращенія тутъ-же на лицо: воспользовавшись похмѣльемъ пана, слуга издѣвается надъ нимъ, призываетъ на него всякое зло и стремится спастись бѣгствомъ къ козакамъ въ Запорожье—воевать съ турками. Если барщина подвергается тутъ позору, то въ *комедіи Рыбалтовской* выступаютъ на сцену и нравы конфедерацій, наносившихъ своимъ разгульнымъ и буйнымъ характеромъ немалый вредъ сельскому беззащитному населенію. Дѣйствующія лица въ названной комедіи сильно возстаютъ противъ разбойническихъ пріемовъ конфедератовъ и противъ безграничнаго ихъ сластолюбія, а образецъ порицаемыхъ нравовъ данъ, кромѣ того, въ лицѣ конфедерата, выжимающаго у крестьянина послѣдній грошъ.

Середины между означенными двумя крайними полюсами, т. е. духовной драмой и народной комедіей, представляютъ драматическія произведенія въ духѣ подражанія классическимъ образцамъ, какъ напримѣръ у Рея и Кохановскаго. Но и этотъ родъ драмы не имѣлъ въ Польшѣ особеннаго развитія, вслѣдствіе наплыва чужеземныхъ элементовъ, которые доканали старинную мистерію и народный фарсъ и проложили путь новому театру, вышедшему изъ чужихъ началъ и осужденному въ свою очередь, вслѣдствіе бурныхъ политическихъ волненій, раздиравшихъ страну въ продолженіе долгаго періода, на робкое и безпомощное состояніе.

III.

Въ сравненіи съ польскимъ и особенно съ западно-европейскимъ театромъ старинный русскій театръ представляется довольно блѣднымъ. Но и въ немъ все-таки замѣчаются нѣкоторыя аналогическія черты съ болѣе крупными явленіями въ исторіи западно-европейскаго театра, какъ-то: наивная вѣра, смѣняющаяся разсудочностію, народность, одерживающая верхъ надъ преобладаніемъ набожнаго характера, мистицизмъ и аллегорія, врывающіеся на сцену, педагогія, овладѣвающая ею, затѣмъ возрожденіе путемъ возврата къ классикамъ, и проч.

Богатые задатки развитія драматическаго начала таились въ пространномъ кругу народныхъ обрядовъ старой Руси, связанныхъ

съ древнѣйшими вѣрованіями народа, какъ-то: въ хороводныхъ пѣсняхъ и пляскахъ, обрядѣ чествованія временъ года, въ свадебномъ чинѣ и т. п. Всѣ эти обряды представляютъ рядъ драматическихъ сценъ, болѣе или менѣе оживленныхъ и нерѣдко сопровождавшихся переряживаніемъ и маскированіемъ. Участниками всѣхъ народныхъ важнѣйшихъ обрядовъ, или вѣрнѣе—вдохновителями и организаторами ихъ были скоморохи. Сатирическій элементъ, насмѣшка надъ дѣйствительностію, привычка къ цѣлому ряду предпочтительно забавныхъ типовъ, которыхъ народъ любитъ выбирать предметомъ своихъ остротъ и смѣха, это начало, высказываясь сперва въ скоморошьихъ и иныхъ веселыхъ пѣсняхъ, позднѣйшихъ сказкахъ съ сатирическимъ оттѣнкомъ, народныхъ легендахъ, какъ-бы ждало только удобнаго случая, чтобъ выразиться въ доступныхъ народу формахъ драматическаго произведенія.

Христіанство, появившись въ Россіи, преслѣдовало скоморошьи игры и двоевѣрные народные обычаи и обряды, какъ бѣсовскіе; но и само оно не могло вполнѣ отрѣшиться отъ элементовъ народной драматургіи и отчасти приняло ихъ подъ свое покровительство. Мы здѣсь преимущественно имѣемъ въ виду вѣковые народные обряды въ честь возрождающагося солнца, совпадавшіе съ рождественскими святками и Пасхой. Эти обряды прежде всего и подчинились вліянію церковному и образовали изъ себя нѣчто въ родѣ западно-европейскихъ мистерій, пріуроченныхъ если не всегда къ богослуженію, то непремѣнно къ отправленію христіанскихъ праздниковъ. Г. Веселовскій говоритъ, что будто-бы „извѣстенъ лишь одинъ чисто мѣстный и несомнѣнно позднѣйшій случай, гдѣ скоморохи являются носителями чего-то въ родѣ духовнаго театра. Это такъ называемые въ Бѣлоруссіи *волочебники*, по замѣчанію очевидцевъ, нѣчто въ родѣ древнихъ гусляръ или баяновъ (?), воспѣвавшихъ въ пѣсняхъ или разсказывавшихъ въ сказкахъ какія-нибудь событія, которыми ознаменованъ такой или иной праздникъ и т. д. Волочебники ходятъ по селамъ въ теченіе всѣхъ святокъ и святой недѣли [1]). Но *волочебники*, вмѣстѣ съ колядниками, упоминаются еще въ грамотѣ Сигизмунда I, данной жителямъ Ново-

---

[1]) Старинный театръ въ Европѣ. стр. 307.

грудка въ 1511 году, въ которой говорится, что „коляды и волочебнаго (мѣщане) не маютъ на замокъ нашъ даваты подлѣ давнаго обычая“ [1]). Слѣдовательно, колядники и волочебники, какъ представители религіозной драмы, пріуроченной къ праздникамъ Рождества и Пасхи, относятся къ глубокой древности. Къ рождественскимъ-же праздникамъ, именно ко второму дню праздника, пріурочивалось празднованіе пологa Богородицы, отчасти удержавшееся и доселѣ. До послѣдняго времени женщины на Волыни, на второй день Рождества Христова, приносили въ церковь хлѣбы, пироги и т. п., что на мѣстномъ нарѣчіи называлось „ходить на родины до Богородицы“. Весь этотъ приносъ, по отправленіи надъ нимъ молитвословія, обращался въ доходъ причту. Этотъ обычай ходить на второй день Рождества Христова „на родины до Богородицы“ въ словѣ христолюбца пріурочивается къ древнему поклоненію роду и рожаницамъ. „То суть идолослужители, говорится здѣсь, иже ставятъ трапезу рожаницамъ, короваи молять... Не тако-же простотою здѣ служимъ, но смѣшаемъ съ идольскою трапезою тропарь св. Богородица съ рожаницами въ прогнѣваніе Богу“. Патріархъ Іеремія въ окружной грамотѣ своей 1586 г. говоритъ объ этомъ обычаѣ слѣдующее: „на второй день (назавтріе) праздника Рождества Христова празднуютъ пологъ Богородицы и приносятъ въ этотъ день семидаліонъ, муку печеную (а по другимъ актамъ—пироги), что́ есть великое нечестіе“, и проч. [2]). Тѣмъ не менѣе въ уніатской церкви этотъ праздникъ существовалъ во все время существованія уніи и имѣлъ особыя службы, какъ-то: службы посѣщенію пресв. Богородицы, пресвятѣй Богородицѣ рожанцовой, и проч. [3]).

Если прибавить къ этому нѣкоторые сценическіе обряды сѣверно-русской церкви, какъ-то: пещное дѣйствіе, шествіе на осляти, дѣйство страшнаго суда и сохраненную доселѣ церемонію омовенія ногъ, то этимъ и исчерпывается почти весь кругъ зачатковъ религіозныхъ мистерій въ русской церкви. Въ православной церкви,

---

[1]) О народныхъ праздникахъ въ юго-западной Россіи, въ «Трудахъ кіев. дух. академіи», октябрь, 1871 г., стр. 19—20.

[2]) Тамъ-же, сентябрь, 1871 г., стр. 574.

[3]) Западно-русская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ: А. О. Хойнацкаго, Кіевъ, 1871 г., стр. 79.

гдѣ не предстояло нужды въ разъясненіи того, что такъ ясно говорилъ уму древній, но родственный народу языкъ, стремленіе популяризировать богослуженіе не пошло далѣе пяти—шести обрядовъ, носящихъ въ общихъ чертахъ драматическій характеръ. Этого было слишкомъ недостаточно для зарожденія драмы въ самой церкви, и, еслибъ позднѣе заимствованіе школьной мистеріи не повлекло за собою краткаго періода духовнаго русскаго театра, то самое существованіе его было-бы немыслимо.

Западно-европейскій театръ прокладывалъ себѣ путь въ Россію съ двухъ сторонъ, изъ различныхъ побужденій и источниковъ. Съ одной стороны южная Русь, по примѣру Польши, вводитъ у себя духовныя драмы, воспитываетъ на нихъ цѣлыя поколѣнія будущихъ русскихъ пастырей; съ другой стороны, постепенно усиливающееся тяготѣніе къ европейской жизни, завязывающіяся день ото дня все тѣснѣе связи съ европейскими государствами приводятъ бродячую труппу нѣмецкихъ актеровъ въ варварскую Московію. Ихъ репертуаръ, въ которомъ къ пьесамъ духовнаго содержанія присоединялись свѣтскія комедіи, отражавшія нравы и характеры чуждыхъ народовъ, и пьесы Мольера перемежались съ довольно неуклюжими произведеніями невѣдомыхъ писателей Германіи и Франціи, репертуаръ этотъ внесъ особое оживленіе въ зарождавшійся театръ, ограниченный до этой минуты лишь тѣснымъ кругомъ благочестивыхъ сюжетовъ.

Оставляя въ сторонѣ сѣверно-русскій старинный театръ, какъ не имѣющій отношенія къ нашей цѣли, обратимся собственно къ южно-русскимъ духовнымъ и свѣтскимъ драмамъ подражательнаго характера.

Относительно южно-русскаго духовнаго театра мы не раздѣляемъ мнѣнія нѣкоторыхъ нашихъ изслѣдователей, будто этотъ театръ сразу явился здѣсь въ видѣ школьныхъ духовныхъ драмъ, хотя и не оспариваемъ, что школьная духовная драма была здѣсь преобладающею формою. Первые опыты подражательнаго духовнаго театра южно-русскаго были, по нашему мнѣнію, чисто мистеріальнаго характера и даже иногда привязывались къ церковному богослуженію. Мы разумѣемъ здѣсь церковныя пассіи, доселѣ совершаемыя въ нѣкоторыхъ церквахъ южной Россіи. Идея ихъ появилась еще въ Греціи и выразилась здѣсь въ такъ называемомъ Ни-

кодимовомъ евангеліи и передѣлкахъ его. Никодимово-же евангеліе въ отрывкахъ, или въ цѣломъ видѣ, извѣстно было какъ въ Россіи, такъ и на западѣ Европы, и должно было породить одинаковыя по духу религіозно-обрядовыя явленія, хотя и въ разныхъ формахъ. Выработавшаяся отсюда на западѣ Европы форма пассій могла въ свою очередь имѣть вліяніе на учрежденіе южно-русскихъ пассій, содержаніе и составъ которыхъ, однакоже, заимствованы изъ православныхъ источниковъ. На основаніи одной темной замѣтки на рукописи кіево-михайловскаго монастыря, за № 1644-мъ, полагаютъ, что южно-русскія пассіи введены, въ настоящемъ ихъ видѣ, при кіевскомъ митрополитѣ Іовѣ Борецкомъ на кіевскомъ соборѣ 1629 года [1]). Въ слѣдующемъ 1630 году изданы были во Львовѣ „Верше съ трагедіи Христосъ пасхонъ [2]), изъ трагедіи Χριστὸς πάσχων, приписываемой св. Григорію Назіанзену и впервые изданной въ 1549 году Габріелемъ Гарчіа въ латинскомъ переводѣ. Дѣйствія въ этой мистеріи немного: все оно вращается вокругъ немногихъ лицъ—Богоматери, Маріи Магдалины, евангелиста Іоанна, Іосифа, Никодима и хора, играющаго здѣсь, какъ и въ древней трагедіи грековъ, важную роль. Рѣчи ведены предпочтительно діалогомъ, но многія сцены превращаютъ всю пьесу въ мелодраму, состоя изъ длинныхъ тирадъ одного и того-же лица. О событіяхъ внѣ сцены извѣщаютъ вѣстники, не ограничивающіеся при томъ ролью простыхъ гонцовъ, но относящіеся съ своей точки зрѣнія къ сообщаемымъ событіямъ. Слова Спасителя приводятся рѣдко и по возможности ближе къ евангельскому тексту. Хоръ, находящій всегда слово сочувствія и ободренія Богоматери въ ея горѣ, составляющемъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ пьесы, нерѣдко дѣлится на два полухора и исполняетъ, по видимому, свои партіи антифонически [3]).

Къ этимъ мистеріальнымъ и переводнымъ пассіямъ привиты были и первоначальныя школьныя драмы кіевскія, тоже имѣющія своимъ предметомъ страданія Христовы. Таковы пьесы: „Дѣйствіе

---

[1]) Нѣсколько словъ о происхожденіи пассіи, въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей», 1876 г., № 8; см. «Кіев. Епарх. Вѣдом.», 1874 г. № 7.

[2]) «Очеркъ славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго, 1871 г., № 336.

[3]) Старинный театръ въ Европѣ, А. Веселовскаго, стр. 11—12.

на страсти Христовы списанное", половины XVII вѣка, предположительно приписываемое Лазарю Барановичу, и „Мудрость предвѣчная, чрезъ благородныхъ Россіи младенцовъ въ училищномъ коллегіумѣ кіево-могилеанскомъ стихотворнымъ сложеніемъ явствова(вшая)ся". Печальный конецъ обѣихъ пьесъ дастъ понять, что онѣ писались для возбужденія скорби о распятомъ Господѣ и потому болѣе всего приличествовали великопостнымъ днямъ, посвященнымъ воспоминанію страданій Спасителя [1]).

Вслѣдъ за пассіональными драмами получили развитіе въ южно-русскихъ школахъ рождественскія пьесы, имѣвшія своею цѣлію сценическое представленіе рожденія Спасителя. Мы не говоримъ здѣсь о вертепныхъ представленіяхъ, составляющихъ для насъ пока искомую величину, и имѣемъ въ виду лишь параллельныя съ ними рождественскія драмы. По старинству къ нимъ прежде всего должна быть отнесена комедія св. Димитрія Ростовскаго на Рождество Христово. Князь Шаховской говоритъ, что драмы Димитрія Ростовскаго „сперва представлялись студентами кіево-печерской лавры (кіевской академіи)" [2]), слѣдовательно написаны имъ еще во время пребыванія его на югѣ Россіи, приблизительно въ третьей четверти XVII вѣка. Комедія Димитрія Ростовскаго на Рождество есть какъ-бы оригинальное смѣшеніе трехъ мистеріальныхъ стилей: вступленіе есть чистая moralité; большая часть пьесы не отступаетъ отъ рутиннаго обычнаго пошиба мистеріи; наконецъ, сцена между пастухами есть характерный образчикъ интерлюдіи. Въ общемъ, эта пьеса довольно блѣдна, безцвѣтна. Вступленіе наполнено нескончаемыми разговорами Людской Натуры, Золотаго Вѣка, Зависти, Смерти и т. д. Разговоры эти почти безцѣльны, не могутъ служить настоящимъ прологомъ и словно случайно примкнули къ пьесѣ. Сама пьеса представляетъ обзоръ событій, обставившихъ Рождество, отъ поклоненія пастуховъ до бѣгства въ Египетъ. Но, при своей блѣдности въ общемъ, комедія Димитрія Ростовскаго на Рождество Христово замѣчательна, какъ переходная ступень отъ подражательности къ выработкѣ самобытныхъ мотивовъ. Натура

---

[1]) О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ старой кіевской академіи, въ «Трудахъ кіев. дух. академіи», за ноябрь, 1866 г., стр. 359—367.

[2]) Старинный театръ въ Европѣ. А. Веселовскаго, стр. 354—5.

людская, выводимая въ этой комедіи, встрѣчается раньше въ трагикомическихъ діалогахъ Bellerophon Sarmaticus, представленныхъ въ краковской академіи въ 1637 году, а кантъ въ пьесѣ Димитрія Ростовскаго, начинающійся словами „Ангелъ пастыремъ вѣстилъ“, и проч., есть почти буквальный переводъ польской набожной пѣсни [1]). Несмотря однако на эти несомнѣнные слѣды подражанія, въ пьесѣ есть замѣтные проблески оригинальности: пасторальная сцена въ ней дышетъ бытовою правдою и естественностію. По замѣчанію г. Пекарскаго, въ выводимыхъ здѣсь пастухахъ легко узнать земляковъ св. Димитрія, безпечныхъ и наивныхъ малороссовъ. Одинъ изъ нихъ, Борисъ, стережетъ стадо, тогда какъ двое товарищей его ушли въ Виолеемъ за припасами. Когда они приходятъ и начинаютъ ужинъ, вдругъ раздалось чудное пѣніе. Мало по малу они замѣчаютъ, что поютъ какія-то странныя существа на небѣ. Начинаютъ спорить о томъ, кто они: одинъ говоритъ, что это птички, другой—что „робятки невелички“. Когда является съ своею вѣстью ангелъ, они не мало дивятся, что такой воевода для нихъ собственно пришелъ. Ангелъ отвѣчаетъ, что „Пастырь сый всѣмъ пастыремъ, васъ пастырей частъ“, они-же простодушно допытываются, не нужно-ли ему чѣмъ поклониться, дары принести, подобно какъ нашему князю, и т. д.

Какъ скоро упрочены были въ кіевской академіи пассіональныя и рождественскія духовныя драмы, за ними стали появляться и другіе ея виды, постепенно отстающіе отъ духовнаго, клерикальнаго направленія и мало по малу воспринимающіе въ себя элементъ свѣтскій, какъ-то: миракли, драматизированныя священно-историческія хроники, историческія мистеріи или хроники, имѣющія своимъ предметомъ историческія лица или событія, но съ примѣсью духовнаго начала, и проч. Всѣ эти виды южно-русской школьной драмы отражали на себѣ слѣды тѣхъ направленій, какія испытывала на западѣ духовная драма подъ вліяніемъ возрожденія классицизма, борьбы католичества съ протестантизмомъ и іезуитскихъ школъ. Такъ напримѣръ, въ духѣ мираклей написанъ діалогъ объ

---

[1]) См. Kancyonal pieśni nabożnych, Poczajow 1820 г.; см. Богогласникъ почаевскаго изданія 1825 г., № 15, гдѣ она передѣлана изъ латинской пѣсни.

Алексіѣ человѣкѣ Божіемъ, напечатанный въ 1674 году; трагедокомедія Лаврентія Горки „Патріархъ Іосифъ“, 1708 года, можетъ быть названа драматизированной священно-исторической хроникой; трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича „Владиміръ“, написанная имъ подъ вліяніемъ классическихъ образцовъ, равно какъ и слѣдующія за ней пьесы „Милость Божія, Украйну отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зѣновія Хмелницкого свободившая“, 1728 г., и трагедокомедія Георгія Щербацкаго „Патріахъ Фотій“, 1749 года, могутъ быть названы историческими драмами или хрониками. Трагедокомедія Лащевскаго „О тщетѣ міра сего“, 1742 г., и М. Козачинскаго „Благоутробіе Марка Аврелія“, 1744 года, напоминаютъ собою позднѣйшія іезуитскія пьесы, то обличая лютеранъ и кальвинистовъ, какъ напримѣръ пьеса Лащевскаго, то смѣшивая языческую миѳологію съ христіанскими именами и обставляя исполненіе пьесы эффектными „сальтами“, какъ у М. Козачинскаго [1]).

Всѣ эти пьесы уже значительно уклоняются отъ прежняго мистеріальнаго содержанія и характера духовной драмы и стоятъ какъ-бы на перепутьи отъ этой послѣдней къ свѣтскому театру. Однѣ изъ нихъ излагаютъ чисто гражданскую исторію отечественную, какъ напримѣръ драма „Милость Божія“, 1728 года; другія, напримѣръ трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича „Владиміръ“, 1705 года, не смотря на серьозный тонъ свой, мѣстами допускаютъ такія живыя, комическія частности, которыя скорѣе могутъ идти къ какой либо комической интерлюдіи, чѣмъ къ серьезной драмѣ. Таковы у него—описаніе жрецомъ Жериволомъ тощаго козла, принесеннаго въ жертву языческимъ богамъ княземъ Владиміромъ, и описаніе самого Жеривола, о которомъ другой жрецъ Пѣяръ разсказываетъ своему товарищу Курояду слѣдующее:

Видѣхъ, когда напитанный
Многими онъ жертвами лежаше во хладѣ,
А чрево его бяше превеликой кладѣ
Подобное. Обаче въ сытости толикой
Знаменіе бысть глада и алчбы великой:

---

[1]) Подробнѣе о всѣхъ этихъ пьесахъ см. въ брошюрѣ: «Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка». Кіевъ, 1880 г.

Скрежеташе зубами памнозѣ безъ мѣры,
Движа уста и гортань, и достойно вѣры
Слово твое, Исаре! время не имѣетъ,
И во снѣ жретъ Жериволъ.

Самыя пассіональныя драмы въ XVIII вѣкѣ прекращаются, и вмѣсто ихъ появляются теперь пасхальныя пьесы, болѣе веселыя и способныя къ дальнѣйшему развитію.

Всего-же замѣтнѣе обнаруживается прогрессъ развитія южнорусской драматической дѣятельности въ такъ называемыхъ „интермедіяхъ" и „интерлюдіяхъ" или „междувброшенныхъ забавныхъ игралищахъ", которыя, не будучи органически связаны съ самыми школьными пьесами, болѣе или менѣе серьезными, не стѣснялись ихъ серьезностію, смѣло допускали комическій народный элементъ и наконецъ пытались образовать изъ себя самостоятельную область народной комедіи.

Школьная теорія „интерлюдій" несомнѣнно явилась въ Кіевѣ уже въ концѣ XVII вѣка. Въ Лирѣ, рукописной кіевской піитикѣ 1696 года, о комедіи говорится слѣдующее: „вь комедіи выводятся лица легкія, какъ-то—господарь (paterfamilias)", и проч. [1]). Лаврентій Горка въ своей піитикѣ 1707—8 г. говоритъ о комедіи слѣдующее: „въ комедіи выводятся лица легкія, какъ напримѣръ господарь, дѣдъ, слуга и проч." [2]). Митрофанъ Довгалевскій еще болѣе расширилъ кругъ комическихъ лицъ: „въ комедіи,—говоритъ онъ въ своемъ садѣ піитическомъ 1736—7 г.,—выводятся лица легкія, какъ-то: господарь, литвинъ, цыганъ, козакъ, еврей, полякъ, татаринъ, турокъ, грекъ, итальянецъ" [3]). По правиламъ піитикъ 1726 года и Георгія Конисскаго 1746—7 г. „комедія пишется словами шуточными, низкими, обыденными", иначе—„слогомъ простымъ, деревенскимъ, мужицкимъ" [4]). Эти правила о комедіи прилагались собственно къ составленію „интермедій" и „интерлюдій".

---

[1]) Рукоп. кіево-мих. монастыря, № 1719, chord. 1, ton. 2, cant. 3.

[2]) Idea artis poëseos, рукоп. кіев. дух. акад., № 0. 4. 7, pars 1, lib. 2. cap. 9.

[3]) Hortus poëticus, рукоп кіево-мих. монастыря, № 1713.

[4]) Рукоп. кіев. дух. акад., № I. III. 92, часть III, и № I. III. 82, кн. II. гл. 2.

Первое упоминаніе объ интермедіяхъ и интерлюдіяхъ мы нашли въ пьесѣ Лаврентія Горки, 1708 г., подъ заглавіемъ „Патріархъ Іосифъ“, въ которой послѣ втораго и четвертаго „дѣйствій“ предполагались „интермедіи“ [1]). Интермедіи эти не дошли до насъ, но за то сохранились почти одновременныя имъ „интерлюдіи или междувброшенныя забавныя игралища“ неизвѣстнаго автора, хотя и касающіяся сѣверно-русской жизни, но составленныя какимъ либо южно-русскимъ ученымъ и дающія понятіе объ этого рода южно-русскихъ драматическихъ произведеніяхъ. Въ „интерлюдіяхъ или междувброшенныхъ забавныхъ игралищахъ“ являются живьемъ взятые съ натуры: цыганъ барышникъ, малограмотный дьячекъ, трепещущій при мысли отдать сыновей въ *семинарію* на муку, раскольникъ съ жидомъ, препирающіеся о томъ, чья вѣра старше и правильнѣе, и докторъ—шарлатанъ, говорящій по-латыни предъ цыганомъ, различные секретари и подьячіе, молодцы изъ веселой голи кабацкой, мужикъ и т. п.; словомъ, видимъ здѣсь нѣсколько чертъ, мѣтко схваченныхъ изъ современной жизни [2]). Но собственно изъ кіевскихъ и вообще южно-русскихъ школьныхъ интерлюдій мы имѣемъ болѣе позднія, относящіяся къ 30-мъ и 40-мъ годамъ XVIII вѣка. Мы разумѣемъ здѣсь интерлюдіи къ рождественской и пасхальной пьесамъ Митрофана Довгалевскаго, 1736—7 г., и интерлюдіи къ трагедокомедіи Георгія Конисскаго о воскресеніи мертвыхъ, 1747 года [3]), представляющія большую аналогію съ подобными польскими произведеніями, напримѣръ Розмовами Вита Корчевскаго, 1553 г., комедіей Петра Барыки Z chłopa król, комедіей Uciechy 1655 г., комедіей Рыбалтовской и проч.

Едва-ли можно назвать случайнымъ то обстоятельство, что кіевскія интерлюдіи сохранились только при пасхальныхъ драмахъ, замѣнившихъ собою пассіональныя, и при рождественскихъ, т. е. при такихъ, которыя менѣе всего были случайными, получили уже

---

[1]) Рукоп. кіев. дух. акад., № 0. 4. 7.

[2]) См. о нихъ «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», Пекарскаго, т. I, стр. 447—8.

[3]) Отрывки первыхъ см. въ «Трудахъ кіев. дух. академіи», за февраль 1865 и ноябрь 1866 г.; интерлюдіи-же къ пьесѣ Конисскаго изданы въ «Древней и Новой Россіи», за ноябрь, 1878 года.

нѣкоторую устойчивость и нашли почву для себя въ народныхъ русскихъ обрядахъ, соединенныхъ съ этими важнѣйшими праздниками русской церкви. Имѣя слабую, чисто внѣшнюю связь съ духовными драмами, къ которымъ относятся эти интерлюдіи, онѣ мало по малу стараются завоевать себѣ независимость отъ духовныхъ пьесъ и сдѣлаться самостоятельными.

Интерлюдіи къ школьнымъ духовнымъ пьесамъ Митрофана Довгалевскаго и Георгія Конисскаго имѣютъ нѣкоторую связь съ ними и слѣдуютъ за духовными пьесами, какъ комическое за высокимъ. Возьмемъ для примѣра не изданную еще вполнѣ пасхальную драму Митрофана Довгалевскаго „Властотворный образъ", 1737 года, съ относящимися къ ней интерлюдіями, и между ними и явленіями драмы мы увидимъ нѣкоторое соотношеніе и параллель по содержанію. Такъ, въ первомъ явленіи „Властотворнаго образа" Совѣтъ Божій и Правосудіе Господне препираются между собою относительно сотворенія человѣка; ихъ примиряетъ Милость Божія. Соотвѣтственно этому, и въ первой интерлюдіи выходятъ два мужика-рыболова и спорятъ между собою о мѣстѣ, гдѣ бы поставить сѣти; ихъ примиряетъ третій мужикъ. Во второмъ явленіи „Властотворнаго образа" Милость Божія вводитъ человѣка въ рай, заключаетъ съ нимъ союзъ и заповѣдуетъ ему не вкушать отъ древа познанія добра и зла, угрожая за нарушеніе этой заповѣди различными бѣдствіями; человѣкъ обѣщаетъ исполнять заповѣдь, но Прелесть склоняетъ его вкусить отъ запрещеннаго плода. Въ параллель этому, во второй интерлюдіи чортъ несетъ жида и заключаетъ съ нимъ договоръ, съ обязательствомъ не ѣсть хлѣба; жидъ соглашается, но, по уходѣ дьявола, разрѣшаетъ себѣ на хлѣбъ и обѣщаетъ не ѣсть одной только свинины; однакожъ при одномъ воспоминаніи о свининѣ у него текутъ слюнки, а тутъ еще является цыганъ и еще болѣе соблазняетъ жида свининою. Въ третьемъ явленіи „Властотворнаго образа" человѣкъ сѣтуетъ на себя за то, что не уберегся отъ прелести и преступилъ заповѣдь Господню, а Правосудіе Господне, за нарушеніе заповѣди, лишаетъ человѣка дорогихъ одеждъ и украшеній. А въ третьей интерлюдіи мужикъ бранитъ сына за то, что онъ не устерегъ оставленныхъ ему на сохраненіе на возу пироговъ, и лишаетъ его за это шапки, которую прежде обѣщалъ купить ему. Въ пятомъ явленіи „Властотворнаго

образа“ Милость Божія освобождаетъ „стенящихъ и вопіющихъ праведныхъ во адѣ“, повелѣвъ діаволу и смерти вывести ихъ изъ темницы адской. А въ пятой интерлюдіи козакъ освобождаетъ запроданныхъ ляхомъ жиду мужиковъ, забитыхъ въ кандалы и жалобно просившихъ о пощадѣ. Еще больше замѣчается соотвѣтствія между актами трагедокомедіи Георгія Конисскаго о воскресеніи мертвыхъ и соотвѣтствующими имъ интерлюдіями [1]).

Такая связь интерлюдій съ духовными драмами, довольно внѣшняя и непрочная, не мѣшала первымъ совершенно оставлять иногда почву церковности и авторамъ ихъ углубляться въ область собственныхъ вымысловъ и народныхъ преданій, вѣрованій и легендъ. Авторы этихъ интерлюдій знакомы были съ народнымъ бытомъ, нерѣдко сами выходили изъ среды народа и, стараясь пародировать его воззрѣнія, иногда помимо воли и намѣренія высказывали сочувствіе къ нему и довольно вѣрно изображали его умственное состояніе и соціальное положеніе. Доказательство тому—въ тѣхъ-же интерлюдіяхъ Митрофана Довгалевскаго и Георгія Конисскаго, которыя стоятъ въ близкой связи съ южно-русскими народными преданіями и разсказами. Вотъ примѣры тому. Въ третьей пасхальной интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго мужики-литвины смѣются надъ ксендзомъ и папой и въ заключеніе прогоняютъ ксендза. Ксендзъ вышелъ къ литвину, воскресшему изъ мертвыхъ, „пытатися, що на томъ свѣтѣ дѣется“.

Литвинъ. Брешешь ти! тамъ все святцѣ, то въ піеклѣ (зла)дзіее.
Ксендзъ. Якъ-же се тамъ нашему папижу поводзи?
Литвинъ. Памѣнай ужо якъ звалѣ: пропавъ іонъ да и годзѣ.
Ксендзъ. Свенты-же бы былъ въ пеклѣ, щекашь (лжешь) ты, старушку!
Прши нимъ еще была ласка Христусова.
Литвинъ. Правда, правда! угадавъ ти:
Сагнувшись саматужки прецъ до піекла дрова,
А хваришняки акругъ скачуць и играюць,
Гетакими дубцями вотъ такъ поганяюць!

---

[1]) Соотвѣтствіе это указано въ «Древней и Новой Россіи», за ноябрь, 1878 г., стр. 249.

Подобное разсказывается въ южнорусской народной сказкѣ о безсчастномъ Иванѣ, какъ панъ послалъ его довѣдаться на тотъ свѣтъ въ пекло. Воротившись оттуда, Иванъ разсказываетъ пану, что „покойный панъ старый, того пана батько, дрова возитъ у пекло [1]). Въ третьей пасхальной интерлюдіи того-же Довгалевскаго „виздитъ мужикъ на торгъ и зъ синомъ, и оставивши сина, пойдетъ торговати". Въ отсутствіе его приходятъ къ сыну московскіе „яриги" и показываютъ видъ, будто хотятъ снять рога съ вола. Сынъ старался защитить воловьи рога, но они не нужны были ярыгамъ и остались цѣлыми; за то пропали съ воза пироги съ мѣхами. Тотъ-же пріемъ отводить хозяину глаза отъ предмета поживы и при такой-же обстановкѣ встрѣчается въ малорусской сказкѣ „чоловікъ зъ масломъ и москалі". Мужикъ выѣхалъ на торгъ продавать масло, поставилъ его на землю и самъ сѣлъ на него. Замѣтили его два москаля и сговорились между собой: зайди ты сзади,—говоритъ одинъ,—а я подойду къ нему и начну говорить. Подходитъ москаль къ мужику и все присматривается къ нему, какъ будто узнаетъ его, и наконецъ говоритъ: здоровъ, Иванъ!—Здоровъ!—отвѣчаетъ мужикъ. Слово за-слово, и москаль такъ разговорился съ мужикомъ, какъ будто дѣйствительно былъ знакомъ съ нимъ, и наконецъ объявилъ мужику, что пришелъ царскій указъ, чтобы мужика взять въ солдаты. Только не знаю,—прибавилъ москаль,—годишься-ли ты, потому что нужно, чтобы былъ такого росту, какъ эта палка. Встань, помѣряю!—Мужикъ всталъ. Москаль нѣсколько разъ мѣрялъ его, но нашелъ, что мужикъ не подходитъ подъ мѣру, и пошелъ прочь. Между тѣмъ мужикъ оглянулся назадъ и тутъ только замѣтилъ пропажу своего масла [2]).

Интерлюдіи Георгія Конисскаго по внутреннему достоинству своему стоятъ ниже интерлюдій Митрофана Довгалевскаго; но и онѣ приближаются иногда къ народнымъ понятіямъ, вѣрованіямъ, историческимъ преданіямъ, симпатіямъ и антипатіямъ, и удачно схватываютъ и вѣрно передаютъ ихъ. Въ первой интерлюдіи Конисскаго мужикъ говоритъ о себѣ:

---

[1]) Народныя южно-русскія сказки, Рудченка, Кіевъ, 1869 г., вып. 1, стр. 95.
[2]) Тамъ-же, вып. 2, стр. 167—168.

Мы за ёго (Бога) ласку и светую волю
Орюмъ и сѣюмъ на всякого долю.

Слова эти находятъ оправданіе себѣ и въ современныхъ обычаяхъ южно-русскаго крестьянина, который, начиная сѣять, приговариваетъ: „роди, Боже, на всякого долю, и бідного, и багатого". Въ той-же интерлюдіи мужикъ въ ужасъ пришелъ отъ того, что дѣти его поймали на нивѣ бабу, которая будто-бы дѣлала тамъ закрутки. Закрутка есть извѣстнаго рода завивка нѣсколькихъ стеблей на пашнѣ, дѣлаемая лихимъ человѣкомъ и особенно вѣдьмою для уничтоженія посѣяннаго хлѣба. И въ настоящее время закрутка наводитъ неописанный страхъ на суевѣрнаго мужика, который для вырыванія ея въ прежнее время призывалъ или знахаря, или священника.

Наконецъ, и у Довгалевскаго, и у Колисскаго выводимые въ интерлюдіяхъ жиды, ляхи, москали, цыгане, литвины и проч. изображаются съ такими-же характерами, съ какими они представляются въ народныхъ южнорусскихъ сатирическихъ сказкахъ.

Какъ-бы чувствуя контрастъ съ духовными школьными драмами, въ которыя вставлялись первоначально интерлюдіи, эти послѣднія иногда помѣщались не между актами духовныхъ драмъ, а въ концѣ ихъ, какъ нѣчто самостоятельное, и, можетъ быть, разыгрывались даже отдѣльно отъ духовныхъ драмъ. А отсюда уже не далекъ переходъ и къ самостоятельной комедіи, выработавшейся изъ интерлюдій. Образчикъ такой комедіи мы видимъ, въ концѣ прошлаго вѣка, въ комедіи уніатовъ съ православными, священника Саввы Стрѣлецкаго, писанной, впрочемъ, на польскомъ языкѣ [1]). Дальнѣйшее-же развитіе мѣстной южно-русской литературы попало въ общую струю теченія русской литературы.

IV.

Важнѣйшую составную часть стариннаго южно-русскаго театра представляетъ изъ себя такъ называемый вертепъ, или театръ маріонетокъ, изображавшій въ цѣломъ рядѣ драматическихъ сценъ обстоятельства Рождества Спасителя.

---

[1]) Издана въ русскомъ переводѣ въ «Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ», за 1869 годъ.

Рождественскому вертепному представленію предшествовали въ южной Россіи колядные обряды и пѣсни частію полуязыческаго, частію христіанскаго содержанія и характера, и до сихъ поръ удерживающіяся въ средѣ народной. На почвѣ этихъ обрядовъ и пѣсень и въ зависимости отъ церковнаго богослуженія развилось, съ теченіемъ времени, драматическое дѣйствіе, имѣющее цѣлію наглядно представить важнѣйшія обстоятельства Рождества Христова, дѣйствіе простое, несложное, отрывочное. На западѣ Европы такимъ дѣйствіемъ была коротенькая мистерія о поклоненіи волхвовъ родившемуся Спасителю, XI в. [1]). Аналогическое явленіе мы находимъ и на югѣ Россіи, гдѣ и теперь еще, мѣстами, въ рождественскіе праздники исполняются молодыми людьми отрывочныя, незаконченныя сцены, касающіяся событій Рождества Христова и особенно поклоненія волхвовъ Спасителю. Таковы, напримѣръ, сценическія представленія въ селеніи Исаковой, оргѣевскаго уѣзда, кишиневской губерніи, исполняемыя взрослыми съ третьяго дня праздника Рождества и по 5-е января. Группами въ шесть и болѣе душъ, замаскированные въ костюмы воиновъ, съ жезлами въ рукахъ и касками изъ разноцвѣтной бумаги на головахъ, молодые парни представляютъ въ зажиточныхъ домахъ хозяевъ сцену встрѣчи съ Иродомъ трехъ царей-волхвовъ, шедшихъ на поклоненіе родившемуся Спасителю [2]).

Когда вертепъ явился въ юго-западной Россіи, съ точностію неизвѣстно; но несомнѣнно, что онъ существовалъ уже здѣсь въ концѣ XVI вѣка. Изопольскій видѣлъ въ Ставищахъ древнѣйшій экземпляръ вертепа съ отмѣткой 1591 года. Къ сожалѣнію, онъ ничего не говоритъ о составѣ видѣннаго имъ вертепа. Единственнымъ источникомъ свѣдѣній о составѣ и содержаніи старинной вертепной драмы южно-русской доселѣ служилъ списокъ ея, записанный Н. А. Маркевичемъ въ 1848 году отъ своихъ крестьянъ; но этотъ списокъ носитъ уже на себѣ явные слѣды школьнаго происхожденія пьесы. Въ настоящемъ году сталъ извѣстенъ другой списокъ вертепной драмы по изложенію, которое сдѣлано сосѣдомъ

---

[1]) См. «Историческій очеркъ средневѣковой драмы», П. Полеваго. С.-Петербургъ, 1865 г., стр. 73—77.

[2]) «Кишинев. Епарх. Вѣдомости» за 1881 г., № 1-й.

Н. А. Маркевича по имѣнію, нынѣ членомъ государственнаго совѣта, Г. П. Галаганомъ. Повидимому, этотъ списокъ происходитъ изъ одного источника съ первымъ, но имѣетъ нѣкоторыя, иногда весьма важныя отличія. О происхожденіи своего списка Г. П. Галаганъ сообщаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія: „по разсказамъ моего отца, нѣкоторыхъ родныхъ и мѣстныхъ старожиловъ, въ 1770 годахъ къ моему прадѣду зашли съ вертепомъ кіевскіе бурсаки. Вѣроятно, ихъ представленіе принято было съ большимъ сочувствіемъ; потому что мой прадѣдъ, удержавъ на нѣкоторое время странствующихъ артистовъ, устроилъ для себя вертепъ, при чемъ бурсаки передали вертепный текстъ и нотное пѣніе мѣстному хору пѣвчихъ, существующему непрерывно и до сихъ поръ. Такимъ образомъ вертепное представленіе, будучи постоянно повторяемо на рождественскихъ праздникахъ въ продолженіи столькихъ лѣтъ, сохранено не въ устныхъ преданіяхъ, а въ писанномъ текстѣ и въ положенной на ноты музыкѣ, хотя безъ сомнѣнія съ теченіемъ времени въ немъ могли появиться нѣкоторыя отступленія отъ стариннаго текста“ [1]). Къ сожалѣнію, полный текстъ этого списка не приводится въ интересномъ сообщеніи Г. П. Галагана, между тѣмъ было-бы весьма важно опредѣлить разночтеніе этого и другихъ, могущихъ быть открытыми списковъ, такъ какъ исторію вертепной южно-русской драмы въ настоящее время только и можно изучать путемъ сличенія различныхъ ея списковъ и сопоставленія ихъ текста съ соотвѣтствующими памятниками. Мы лично, впрочемъ, имѣли возможность сличить извѣстные доселѣ два списка вертепной драмы, т. е. Н. А. Маркевича и Гр. П. Галагана, съ цѣлію извлечь данныя для внутренней исторіи южно-русскаго вертепа, и представляемъ здѣсь результаты своихъ изысканій.

Извѣстно, что дошедшая до насъ вертепная драма раздѣляется на двѣ части: духовную, вращающуюся около обстоятельствъ рожденія Спасителя, и свѣтскую, которая мало имѣетъ отношенія къ этому всемірному событію. Оба извѣстные списки вертепа *въ общихъ чертахъ* сходны между собою въ обѣихъ частяхъ; разность усматривается главнымъ образомъ въ текстѣ второй части и тогда

---

[1]) «Кіевская Старина», октябрь, 1882 г., стр. 9.

какъ первая, духовная часть въ обоихъ спискахъ повторяется почти буквально, лишь съ самыми незначительными измѣненіями и отличіями, въ текстѣ второй встрѣчаются значительныя частныя отличія въ обоихъ спискахъ.

Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ покойнаго Н. А. Маркевича, высказаннаго имъ въ своей книгѣ [1]), будто „первоначальное происхожденіе вертепа можно отнести ко временамъ гетмана Конашевича-Сагайдачнаго, къ 1600—1620 годамъ, когда онъ началъ возобновлять кіево-братскую школу и академію“, какъ потому, что существованіе въ это время кіево-богоявленской школы и академіи болѣе, чѣмъ сомнительно, такъ и потому, что стихи даже первой части вертепа не носятъ на себѣ слѣдовъ литературнаго языка того времени. Скорѣе первая часть вертепа можетъ идти въ сравненіе съ комедіей на Рождество Христово св. Димитрія Ростовскаго, второй половины XVII вѣка, и особенно съ „Комическимъ дѣйствіемъ“ на Рождество Христово, Митрофана Довгалевскаго, 1736 года. Для примѣра, приведемъ одно параллельное мѣсто. Въ „Комическомъ дѣйствіи“ Довгалевскаго Декретъ Божій призываетъ Смертъ, а Смерть—Діавола.

Смерть (къ Ироду): Не годѣ будетъ сего, яко посѣщу тя,
Но горѣе будетъ ти, яко во адъ возму тя;
Се приглашу и друга, что̀ дѣлать съ тобою,
И возмемъ тя отсюду на жилье съ собою.
Пріиди, друже искренній, первѣйшій владыко,
И увиждь снѣдь готову, намъ сладку толику!
Долгое бо время сего ожидали,
Дабы въ руцѣ Ирода убійцу пріяли.
Дьяволъ. О гостя вожделѣнна, о друга прелюбезна!
Давно тя ожидаетъ глубочайша бездна, и проч.

Въ вертепѣ есть очень сходныя съ этимъ мѣста. Здѣсь смерть говоритъ Ироду:

Що ты, Ироде несытый, почто се болтаешь
И мене убити воямъ повелѣваешь?

---

[1]) Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ, Н. Маркевича, Кіевъ, 1860 г., стр. 28.

Изъ пропасти ада будешь ты знати,
Неповинны чада якъ убивати!
Выйди, брате, друже, мени пособити,
Кровопийцю Ирода отъ земли стребити!

Чортъ (къ смерти). Почто, моя другиня, зовешь на пораду?
Тотчасъ умерщвлю и препоручу аду.

И затѣмъ, хватая Ирода въ объятія, говоритъ:

Друже мій вірный, друже прелюбезный!
Довго ждавъ я тебе въ глибочайшей бездни.

Почти буквальное сходство послѣднихъ словъ вертепнаго дѣйствія съ соотвѣтствующими словами „Комическаго дѣйствія“ Довгалевскаго показываетъ, что или вертепъ заимствовалъ кое-что у Довгалевскаго, или-же, наоборотъ, Довгалевскій воспользовался нѣкоторыми частностями вертепной драмы. Во всякомъ случаѣ то нужно считать несомнѣннымъ, что около 1736 года текстъ вертепа въ первой своей части заключалъ уже тѣ самыя мѣста, какія находятся и въ теперешнихъ его спискахъ.

Во второй части вертепа существующіе два списка его представляютъ, какъ мы выше сказали, нѣкоторыя значительныя разности. Особенный интересъ представляетъ въ спискѣ Г. П. Галагана явленіе 12-е, въ которомъ выводится на сцену запорожецъ съ его козацкими пѣснями и думами, проливающими нѣкоторый свѣтъ и на исторію самаго вертепа. Правда, этотъ запорожецъ выводится и у Маркевича и поетъ туже самую пѣсню, но отъ думы въ спискѣ Маркевича остались только безсвязные отрывки, тогда какъ въ спискѣ Г. П. Галагана она сохранилась въ цѣломъ видѣ. Такъ какъ по этому списку пѣсня и дума запорожца цѣликомъ приведены въ октябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“, то, не повторяя ихъ здѣсь, мы замѣтимъ только, что обѣ онѣ отзываются глубокою древностію. Въ частности пѣсня запорожца: „Та не буде лучше, та не буде краще, якъ у насъ та на Украини“ въ томъ-же почти видѣ приводится въ сочиненіи Н. И. Костомарова „Богданъ Хмельницкій“ и отнесена къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго, но безъ указанія, откуда она взята [1]). Текстъ ея воспроизве-

---

[1]) «Богданъ Хмельницкій», Н. И. Костомарова, 1870 г., т. III, стр. 352—353.

денъ также въ пѣснѣ о Швачкѣ, относимой М. А. Максимовичемъ къ 1768 году [1]). Что касается думы, то она носитъ на себѣ слѣды еще болѣе древняго происхожденія своего. Въ этомъ отношеніи драгоцѣнно въ ней въ особенности то сохранившееся въ Галагановскомъ спискѣ мѣсто, въ которомъ приводятся слѣдующія слова запорожца:

Да якъ и *лукъ* натягну, брязну *тетивою,*
То мусить съ поля втікать ханъ крымскій зъ ордою.

Оно ясно говоритъ, что дума относится къ тому переходному времени, когда лукъ и тетива только-что стали замѣняться у запорожцевъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, слѣдовательно во всякомъ случаѣ ко времени болѣе раннему эпохи войнъ Хмельницкаго. Другое доказательство древности этой думы то, что отрывки изъ нея нерѣдко воспроизводились на безъимянныхъ изображеніяхъ запорожца, пріурочиваемыхъ иногда къ разбойнику XVIII вѣка Мамаю и дошедшихъ до насъ отъ XVIII вѣка во множествѣ экземпляровъ. По Галагановскому списку вертепа, дума запорожца начинается слѣдующими словами:

Хоть дивись на мене, та ба не вгадаешъ,
Видкиль родомъ и якъ зовуть, пичичиркъ не знаешъ.
Коли трапилось кому у степахъ бувати,
До той може призвище мое вгадати.
А въ мене имя не одно, а есть ихъ до ката,—
Такъ зовуть, якъ набіжишь на якого свата:
Жидъ зъ біды за рідного батька почитае,
Милостивымъ добродіемъ ляхва называе.
А ты якъ хочь назови,—на все позволяю,
Абы лишъ крамаремъ не назвавъ, за те—то полаю.

По словамъ А. М. Лазаревскаго, въ его собраніи древностей есть изображеніе запорожца, принадлежавшее нѣкогда полковнику Полуботку, казненному Петромъ I въ 1722 году, и подъ этимъ изображеніемъ подписаны приведенныя начальныя слова думы запорожца. Тѣ-же слова съ незначительными измѣненіями помѣщены на акварельномъ снимкѣ съ другаго подобнаго изображенія XVIII в., сдѣланномъ г. Де-ла-Флизомъ съ оригинала въ 1850-хъ годахъ.

---

[1]) См. Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I. Кіевъ, 1876 г., стр. 613.

Хоть на мене дивися, та не угадаешъ,
Якъ зовуть и видкиль родомъ, и якъ прозываютъ,—нечичиркъ не знаешъ.
Коли трапилось кому у степахъ бувати,
То той можетъ мое прозвище угадати.
Жидъ зъ бѣды за ридного батька почитае,
А ляхва дурно милостивымъ добродіемъ называе.
А ты якъ хочешъ, то такъ мене (назови)...
Абы лишъ не крамаромъ...

Г. Де-ла-Флизъ называетъ этого запорожца Мамаемъ, считаетъ его историческою личностію и указываетъ Мамаевъ дубъ на урочищѣ Васильковскомъ, Мотронинской дачи, возлѣ деревни Херсонки, чигиринскаго уѣзда. По мѣстному преданію, разбойникъ Мамай вѣшалъ на этомъ дубѣ ляховъ и жидовъ и наконецъ самъ былъ повѣшенъ на немъ по распоряженію польскаго правительства [1]). Дѣйствительно, мы читали въ одной перечневой лѣтописи XVIII столѣтія о казни разбойника Мамая, помнится въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка. Но очевидно, что живописный типъ запорожца существовалъ раньше Мамая и только примѣненъ былъ въ данномъ случаѣ къ этому разбойнику. Наконецъ, въ распоряженіи редакціи „Кіевской Старины“ находится еще подобное изображеніе безъимяннаго запорожца, половины XVIII вѣка. Внизу и по сторонамъ этого изображенія выписаны четыре отрывка изъ вертепной думы запорожца, именно изъ начала, середины и конца этой думы. Вотъ эти отрывки:

1. Хоть дивисъ, то одначе не въгадаешъ,—
Вѣдки я родомъ, правда нѣчичир(к)ъ не знаешъ.
Називай мене гайдамакою, розбойнікомъ, пяницею...
2. Що то якъ я бувъ молодъ, що во мнѣ була за сіла!
Якъ ляхѣвъ боровъ, то и рука не трусила.
А тепера и вошъ одъ мене силнѣйша здаеця.
3. Козакъ душа справедливая, сорочки не мае.
Коли не пье, то вони бье, то таки не гуляе.
Того ляхи, не менше попи и чинцѣ, набѣралися жаху.

---

[1]) Этнографическій альбомъ Де-ла-Флизъ находится въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской дух. академіи.

4. Гей, бандура моя золотая!
Коли бъ до тебе молодиця молодая!
Скакала бъ, спѣвала. До сёго лиха
Не одинъ бы чумакъ отъчурався гроший мѣха.
Бо якъ заграю, то не одинъ и поскаче,
А подождавше с того веселля то не одынъ и заплаче.

Такимъ образомъ, пѣсня и дума запорожца въ 12-мъ явленіи вертепа по происхожденію своему относятся къ глубокой старинѣ, можетъ быть къ началу XVII вѣка или, по крайней мѣрѣ къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго и обѣ пользовались извѣстностію и въ XVIII вѣкѣ. Когда онѣ вошли въ составъ вертепной драмы, неизвѣстно съ точностію; но такъ какъ и пѣсня, и дума, въ цѣломъ видѣ или въ отрывкахъ, помѣщаются въ обоихъ извѣстныхъ спискахъ вертепа, Маркевичевскомъ и Галагановскомъ, то надобно полагать, что онѣ вошли въ составъ вертепной драмы при установленіи основнаго текста второй части вертепа.

Относительно происхожденія основнаго текста второй, свѣтской части вертепа прежде всего нужно замѣтить, что нѣкоторыя ея мѣста носятъ на себѣ слѣды искуственнаго, школьнаго происхожденія. Не смотря на различныя наращенія и передѣлки, какимъ подвергся текстъ второй части вертепа въ устахъ его исполнителей, въ ней и доселѣ еще можно замѣтить слѣды силлабическаго школьнаго стихосложенія, состоявшаго изъ 13, 12, 11 и т. д. слоговъ, съ риѳмою на концѣ и иногда цезурою въ срединѣ. Такъ напримѣръ, тринадцати-сложное силлабическое стихосложеніе съ цезурою замѣчается въ цыганской пѣснѣ 8-го явленія:

Де-жь, цыгане, ты живешь? Я-жъ не маю хаты;
Що выкую та выдурю,—тільки мыни платы, и проч.

Двѣнадцати-сложное силлабическое стихосложеніе замѣчается въ польской пѣснѣ десятаго явленія, напримѣръ въ словахъ:

Не жалуй, дивчина, барилечка вина,
Бо собѣ достанешъ добрей матки сына, и проч.

Отличаясь веселымъ, забавнымъ содержаніемъ и характеромъ, вторая часть вертепа представляетъ прямую аналогію со школьными

интерлюдіями, каковы извѣстныя уже намъ интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго и Георгія Конисскаго. Въ качествѣ интерлюдій, свѣтскія сцены вертепа первоначально соотвѣтствовали своимъ содержаніемъ актамъ или явленіямъ первой духовной части вертепа, къ которой онѣ относились. Примѣры такого соотвѣтствія можно видѣть отчасти и въ настоящее время. Первая, духовная часть вертепа состояла, повидимому, изъ пролога и четырехъ актовъ. Въ первомъ актѣ говорится о поклоненіи пастырей новорожденному Спасителю; во второмъ—о путешествіи волхвовъ на поклоненіе Спасителю, встрѣчѣ ихъ съ Иродомъ и возвращеніи восвояси; въ третьемъ—объ избіеніи виѳлеемскихъ младенцевъ, по повелѣнію Ирода; въ четвертомъ—о смерти Ирода. Первому акту мистеріи соотвѣтствуетъ то явленіе второй части вертепа, гдѣ жидъ, припоминая важнѣйшія событія изъ исторіи еврейскаго народа, высказываетъ надежду на скорое пришествіе Мессіи. Мистеріальной сценѣ поклоненія пастырей рожденному Спасителю и принесенія ему даровъ соотвѣтствуютъ тѣ явленія второй части вертепа, въ которыхъ мужикъ Климъ даритъ блудливую и никуда негодную свинью дьяку за обученіе дѣтей грамотѣ. Въ послѣдней сценѣ рождественской мистеріи смерть и чортъ уносятъ Ирода въ адъ. Подобнымъ образомъ и во второй части вертепа чортъ, по приказанію козака, уноситъ съ собой жида, и наконецъ два чорта хотятъ взять къ себѣ и самого запорожца. Съ теченіемъ времени, различныя сцены второй части вертепа стали перемѣщаться съ одного мѣста на другое, дополняться другими сценами, или сокращаться, какъ это наглядно можно видѣть изъ сличенія списковъ Маркевича и Галагана; а вслѣдствіе этого первоначальная связь вертепныхъ интерлюдій съ самой рождественской мистеріей или затемнилась, или вовсе утратилась.

Если смотрѣть на первоначальную форму свѣтской части вертепа, какъ на интерлюдіи къ рождественской духовной драмѣ; то происхожденіе этой части нужно отнести къ самому раннему времени появленія интерлюдій вообще и школьной теоріи ихъ, т. е. по времени не позже конца XVII вѣка, хотя матеріалъ для интерлюдій могъ быть заимствованъ изъ народнаго обращенія и раньше этого существовать въ иной формѣ. Существовалъ-же въ какой-то формѣ вертепъ, видѣнный Изопольскимъ, съ подписью 1591 г.

Само собою разумѣется, что первоначальный текстъ свѣтской части вертепа или вертепныхъ интерлюдій не могъ оставаться неизмѣннымъ и дойти до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Давая матеріалъ для составленія новыхъ школьныхъ интерлюдій, вертепныя интерлюдіи въ свою очередь могли заимствоваться отъ нихъ и обогащаться новыми матеріалами и сценами. Этимъ взаимнымъ отношеніемъ между первоначальными вертепными интерлюдіями и позднѣйшими школьными объясняется большое сходство въ частностяхъ между вертепными интерлюдіями съ одной стороны и интерлюдіями М. Довгалевскаго и Георгія Конисскаго съ другой, весьма важное для исторіи текста второй части вертепа. Укажемъ нѣсколько примѣровъ такого сходства. Во второй части вертепа запорожецъ издѣвается надъ двумя чертями и одного изъ нихъ, поймавъ за хвостъ, тащитъ къ свѣту, говоря:

Що се я піймавъ? чи се птичка?
Чи перепеличка?
Чи се тая синичка,
Що вона й не дыше,
Тилько хвостикомъ колыше?

Эти слова почти буквально встрѣчаются и въ первой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго. Здѣсь мужикъ Пархимъ обращается съ подобными словами къ поляку—астроному:

А що бакъ ты у чорта и скажи (что) за птиця,—
Чи мишь, чи кажанъ, чи перепелиця?

Голодный цыганъ съ цыганкой во второй части вертепа очень живо напоминаютъ цыганскую чету въ третьей интерлюдіи Георгія Конисскаго. При сходствѣ положенія дѣйствующихъ лицъ въ обѣихъ пьесахъ, мѣстами есть даже буквальное сходство между ними.

У Конисскаго голодный цыганъ говоритъ:

Охъ, істи, істи хочу, панове, ратуйте!
Хотя саломъ смажне губы пошмаруйте!

А въ вертепѣ онъ говоритъ такъ:

Эхъ, юсти, юсти
Смаженои капусты!
Хочь бы сальцемъ зашаровати!

У Конисскаго цыганка обѣщаетъ накормить цыгана и говоритъ:

Навару тобѣ борщу, испеку комара
И накормлю тебе, мого милого господара...
То-то борщь ситій, то-то страва люба!
Возми лишь да покоштуй, ажъ злипнется губа!

Цыганъ. Се-жъ твуй борщь похюжъ на ракову юшку.

Цыганка. То-то для смаку кидала снитку й петрушку.

И въ вертепѣ цыганка подобнымъ образомъ угощаетъ своего голоднаго мужа.

Цыганка. Принесу тоби борщику
Въ полывяномъ горщику...
Тутъ-то страва, тутъ-то люба!
Якъ покоштуешь, то стынется (звисне) губа...

Цыганъ. Твій борщь походивъ на раковую юшку.

Цыганка. Кидала мій миленькій (й цыбулю) и петрушку;
И для свого господаря
Кидала кусокъ сала зъ комара.

Послѣ интерлюдій Георгія Конисскаго 1746 года, кіевскій вертепъ едва-ли имѣлъ дальнѣйшее развитіе, такъ какъ съ этого приблизительно времени вертепныя рождественскія представленія теряютъ кредитъ и болѣе и болѣе переходятъ въ низменныя сферы училищной жизни. Въ 1736 году Ѳеофанъ Прокоповичъ, указывая кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому экономическія средства для содержанія кіевской академіи, не благопріятно отозвался о студенческихъ „миркованьяхъ", составлявшихъ, вмѣстѣ съ вертепными представленіями, источникъ доходовъ для бѣднаго студенчества. Что замѣчаніе Ѳ. Прокоповича принято было къ свѣдѣнію, это видно какъ изъ отсутствія въ послѣдующее время рождественскихъ школьныхъ пьесъ, соотвѣтствующихъ вертепу, за исключеніемъ двухъ отрывковъ, такъ и изъ положительнаго свидѣтельства о томъ, что съ этого приблизительно времени вертепныя представленія пренебрегались лучшими студентами и сдѣлались достояніемъ пьяныхъ пѣвчихъ. Въ одномъ спискѣ „Правила увѣщательнаго пьяницамъ", 1779 г., но встрѣчающагося въ другихъ спискахъ гораздо ранѣе, говорится слѣдующее: „радуйтеся, пиворѣзы, и паки реку радуй-

тося! се радости день приспѣваетъ, день, глаголю, праздника рождественскаго сближается. Востаньте убо отъ ложей своихъ и воспріимите всякъ по своему художеству орудія, *сдѣлайте вертепи*, склейте звѣзду, составьте партесы! егда-же станите по улицахъ со звукомъ бродя, ищущи сивухи, пріймутъ васъ подъ кровы своя". „Достойно и праведно,—говорится въ другомъ мѣстѣ „Правила",— похулити подвиги и труды ваши, горкопійцы; обтекаете бо вселенную, аки орли во облацѣ парящіе отъ града въ градъ, отъ веси въ весь, творяще лядопивство, и гдѣ изобиліе пивковъ и винницъ жители имѣютъ, тамо... возгнѣздитесь" [1]). Такіе-то, вѣроятно, орлы— пиворѣзы залетѣли въ 1770-хъ годахъ и въ Сокиринцы, имѣніе гг. Галагановъ, и разыгрывали здѣсь вертепное представленіе. Но очевидно, что они уже не были творцами вертепной драмы, а только ея исполнителями, промышлявшими чужимъ добромъ ради собственнаго прибытка.

Сдѣлавшись достояніемъ пьяныхъ пѣвчихъ, а затѣмъ церковныхъ дьяковъ и полуграмотнаго народа, вертепъ мало по малу терялъ свою первоначальную школьную правильность, утрачивалъ прежнія сцены, дѣлавшіяся анахронизмомъ, или переставлялъ ихъ съ одного мѣста на другое и замѣнялъ новыми въ простонародномъ вкусѣ. Это отчасти можно видѣть изъ текста Галагановскаго списка вертепа и сличенія его со спискомъ Маркевича. Дума запорожца почти совсѣмъ выпущена въ спискѣ Маркевича, вѣроятно потому, что этотъ запорожецъ, давно уже и самъ сошедшій со сцены, говоритъ здѣсь о козацкихъ столкновеніяхъ съ турками, татарами и ляхами, о ханѣ крымскомъ съ ордою, и проч. Въ заключительномъ явленіи Галагановскаго списка выходитъ на сцену нищій Савочка, единственный человѣкъ, къ которому благоволитъ запорожецъ. Но въ спискѣ Маркевича это явленіе замѣнено болѣе современнымъ явленіемъ, въ которомъ солдатъ стрѣляетъ изъ пушки и привѣтствуетъ господъ—зрителей словомъ: виватъ! На основаніи архаическихъ мѣстъ, удержавшихся въ Галагановскомъ спискѣ вертепа, мы готовы признать его редакцію болѣе древнею, чѣмъ редакція Маркевичевскаго списка, хотя и въ послѣднемъ мѣстами сохранился болѣе древній текстъ, чѣмъ въ спискѣ Галагановскомъ.

---

[1]) Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в., стр. 76—78.

За небольшими исключеніями, основной текстъ вертепа въ обоихъ спискахъ, Маркевича и Галагана, довольно сходенъ между собою; небольшія разночтенія могутъ служить только къ возстановленію первоначальнаго текста вертепа. Первая, духовная часть вертепа найболѣе осталась вѣрною первоначальному его тексту, тогда какъ во второй части его чувствуется множество искаженій, распространеній и вставокъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что эта часть вертепа пришлась по вкусу исполнителямъ, которые наложили на нее свою руку. Школьное силлабическое стихосложеніе въ этой части вертепа постоянно перебивается и нарушается размѣромъ украинскихъ думъ.

Извѣстно, что въ составъ древняго эпическаго стиха, распространеннаго у другихъ славянскихъ народовъ, входило десять слоговъ съ двумя удареніями. Размѣръ этотъ выдержанъ въ украинскихъ и особенно въ галицкихъ колядкахъ. Но думы отличаются отъ другихъ украинскихъ пѣсенъ разнообразною, вольною мѣрою своихъ стиховъ, слагающихся изъ неравнаго числа тоническихъ стопъ, и въ неопредѣленномъ числѣ слоговъ: есть стихи многосложные, заключающіе въ себѣ около 30 слоговъ; есть также пятисложные, даже трехсложные. Размѣръ думъ основанъ на внутренней потребности мысли оттѣнить въ каждомъ стихѣ вполнѣ отдѣльную часть ея: гармонія звука вытекаетъ изъ внутренней гармоніи мысли, что̀ и даетъ думамъ право на ихъ названіе. Это именно *думы,* сознательные акты мысли, облеченные въ поэтическую форму воспоминаній о прошедшемъ, которое не настолько отдѣлилось отъ пѣвца, чтобы можно было говорить о немъ вполнѣ безпристрастно, въ спокойно размѣренной формѣ традиціоннаго эпическаго стиха. Пѣвецъ, слагатель думы, самъ былъ очевидцемъ и, можетъ быть, участникомъ совершившихся событій; оттого-то эпическій тонъ думы часто переходитъ въ лирическій и драматическій. Другое отличіе украинскихъ думъ отъ эпическихъ великорусскихъ пѣсенъ и юнацкихъ сербскихъ состоитъ въ риѳмѣ, столь привычной для пѣснопѣнья южно-русскаго. Рѣдко встрѣчается въ думѣ стихъ безъ отвѣтнаго и созвучнаго ему стиха; чаще ихъ бываетъ по нѣскольку (до 10-ти) на одну риѳму [1]).

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. II, 1877 г., стр. 459: «Что такое думы». См. «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія» П. Житецкаго. Кіевъ, 1876 г., стр. 289—290.

Вотъ это-то стихосложеніе украинскихъ думъ, врываясь мало по-малу въ вертепныя школьныя интерлюдіи, нарушало ихъ силлабическій размѣръ, приближало ихъ къ народному складу и произвело во второй части вертепа тотъ видимый безпорядокъ, который теперь замѣчается въ немъ съ перваго разу. Наглядный примѣръ тому представляютъ сцены цыгана съ цыганкой, встрѣчающіяся и въ интерлюдіяхъ Г. Конисскаго, и въ вертепѣ. Вмѣсто 13 или 11 слоговъ интерлюдій, въ вертепѣ является, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, отъ 5 до 14 слоговъ. Этому перебою силлабическаго стихосложенія стихосложеніемъ думъ много содѣйствовала риѳма, усвоенная тѣмъ и другимъ стихосложеніемъ, которая вызывала у исполнителей вертепа новые стихи съ такими-же риѳмами и новыя риѳмы даже въ срединѣ стиховъ. Это видно изъ сличенія какъ цыганскихъ вертепныхъ сценъ съ соотвѣтствующими сценами въ третьей интерлюдіи Георгія Конисскаго, такъ и обоихъ списковъ вертепа между собою. Такъ напримѣръ, въ интерлюдіи Конисскаго мы видѣли слѣдующій стихъ:

Охъ, исти, исти хочу! панове ратуйте!

Въ другомъ мѣстѣ:

Навару тобѣ борщу, испеку комара, и проч.

Но въ спискахъ вертепа каждый изъ этихъ стиховъ раздѣленъ на два меньшіе, по числу слоговъ, стиха, съ приставкою къ первому полустишію риѳмы и необходимаго для нея текста. Такимъ образомъ изъ перваго стиха вышли два слѣдующіе:

Эхъ, юсти, юсти (вм. исти, исти),
Смаженои капусты.

Изъ втораго-же стиха, при помощи новой риѳмы, образовалось слѣдующее двустишіе:

Принесу тоби борщику
Въ полывяномъ горщику.

Наращеніе нѣсколькихъ риѳмъ, съ соотвѣтствующимъ новымъ текстомъ, на первоначальную риѳму видно изъ сличенія нѣкоторыхъ мѣстъ вертепа по обоимъ его спискамъ. Такъ напримѣръ, первое явленіе второй части вертепа, по Галагановскому списку, начинается слѣдующимъ двустишіемъ:

Отъ, теперъ-же и мы, бабусенько, дождалися, якъ Ирода
на світі не стало.
Теперъ, моя молодичко, потанцюймо хоть мало!

Но въ спискѣ Маркевича вмѣсто этого двустишія являются уже три стиха съ одинаковою риѳмою, въ такомъ видѣ:

Отъ, теперъ и намъ припало,
Якъ Ирода вже не стало.
Потанцюймо-жъ, молодычко, мій ружевый квитъ, хоть мало!

Въ спискѣ Маркевича девятое явленіе начинается слѣдующими стихами, сравнительно правильными въ силлабическомъ отношеніи:

А цо тута за галаце?
Нѣхъ дзембло везьме гайдамацѣ!
Идзь, хлопку, ведзь до мнѣ кохану!
Я ту краковьяку вытанцевать стану.

Но въ спискѣ Галагана къ двумъ первымъ риѳмамъ прибавляется третья:

А цо тута слыхъ да галаце?
Нѣхъ дзембле везьмо гайдамацѣ!
Идзь, хлопку, до женской палаце!

Послѣ этого, четвертый стихъ оказался уже неумѣстнымъ въ спискѣ Галагана и выброшенъ изъ него.

Такія и подобныя вторженія народнаго стихосложенія въ текстъ вертепа встрѣчаются въ немъ сплошь и рядомъ и сообщаютъ ему народный колоритъ и букетъ. Этотъ послѣдній усиливается, по мѣстамъ, вставками въ текстъ вертепа цѣлыхъ народныхъ пѣсенъ, или отрывковъ изъ народныхъ произведеній, или очевидныхъ подражаній имъ. Такова, напримѣръ, въ первомъ дѣйствіи второй части вертепа пѣсня: „Ой пидъ вишенькою", и теперь распѣваемая независимо отъ вертепа.

Благодаря привнесенію народнаго элемента, южно-русскій вертепъ сдѣлался любимымъ народнымъ развлеченіемъ, получилъ широкое распространеніе и перешелъ даже въ Сибирь. Еще въ 60-хъ годахъ нынѣшняго вѣка, говорятъ, онъ разыгрывался въ кіевскихъ балаганахъ, на торговыхъ площадяхъ, и привлекалъ къ себѣ толпы зрителей изъ простаго народа. Поэтому южно-русскій вертепъ имѣетъ право на полное вниманіе со стороны лицъ, заботящихся о развитіи народнаго театра, такъ какъ этотъ вертепъ и знакомитъ насъ съ театральными вкусами простаго здѣшняго народа, и можетъ дать матеріалъ для современнаго народнаго театра.

Н. Петровъ.

БАНДУРИСТЪ ИВАНЪ КРЮКОВСКІЙ.

(Текстъ девяти думъ, съ біографической замѣткой).

Въ томъ переходномъ фазисѣ своей исторической жизни, который переживаетъ теперь малорусское племя, остатки національной старины таютъ и исчезаютъ съ поразительной быстротой. Рѣшительныя и рѣзкія перемѣны послѣдняго двадцатипятилѣтія,—крестьянская реформа, общая воинская повинность, желѣзныя дороги—повліяли сильнымъ образомъ на сложившійся подъ иными условіями народный бытъ. Но нигдѣ исчезновеніе старыхъ преданій незамѣтно такъ сильно, какъ въ области историческаго народнаго самосознанія. Не поддержанное школой и научнымъ путемъ, сознаніе это, отодвинутое отъ стараго строя столѣтіемъ жизни въ иныхъ условіяхъ, теряетъ съ нимъ всякую связь. Подъ вліяніемъ этихъ-же новыхъ условій жизни одинъ изъ факторовъ такого сознанія,—народная историческая поэзія, безвозвратно умираетъ на нашихъ глазахъ.

Хранителей поэтическихъ произведеній историческаго характера,—кобзарей, бандуристовъ, лирниковъ, которыхъ въ пятидесятыхъ годахъ насчитывали еще десятки, въ настоящее время надо считать единицами. Еще недавно почтеннаго Остапа Вересая считали послѣднимъ представителемъ малорусскихъ рапсодовъ. Потомъ нашлось два кобзаря въ нѣжинскомъ уѣздѣ, съ менѣе обширнымъ репертуаромъ. Заключеніе о Вересаѣ, какъ о единственномъ живомъ хранителѣ народнаго эпоса, было слишкомъ поспѣшно. Въ глухихъ уголкахъ Малороссіи есть еще нищіе слѣпцы, прошедшіе свою *науку* въ 50—60 годахъ, когда на искусство ихъ былъ еще нѣкоторый спросъ, и поющіе по двѣ, по три историческихъ пѣсни

общаго характера. Но кобзарей стараго типа, хранящихъ въ памяти большой запасъ думъ и пѣсень, помнящихъ еще то время, когда къ этимъ пѣснямъ прислушивалась народная толпа, на всей Украйнѣ, дѣйствительно, найдется теперь не болѣе двухъ-трехъ, да и тѣ одной ногой стоятъ въ могилѣ. Бандуристъ, именемъ котораго озаглавлена эта замѣтка, одинъ изъ этихъ послѣднихъ могиканъ. Живетъ онъ въ Лохвицѣ, полтавской губерніи, гдѣ я и записалъ отъ него печатаемые нынѣ варіанты думъ.

Первые собиратели произведеній народной поэзіи не оставили намъ никакихъ замѣтокъ о личностяхъ почтенныхъ слѣпыхъ пѣвцовъ, память которыхъ сохранила эту народную святыню. Произошло-ли это отъ того, что въ то время, въ первую четверть нашего вѣка, кобзари были еще явленіемъ общимъ, не обращавшимъ на себя вниманія своею рѣдкостью, или отъ полнаго отсутствія въ то время уваженія къ личности въ людяхъ изъ народа, но ни князь Цертелевъ, ни гг. Срезневскій, Лукашевичъ и Максимовичъ ни словомъ не упоминаютъ о кобзаряхъ, отъ которыхъ заимствовали матеріалъ для своихъ сборниковъ. Впервые кобзари названы въ „Южно-русскихъ пѣсняхъ" Метлинскаго, вышедшихъ въ 1854 году. Три года спустя П. А. Кулишъ, въ своихъ „Запискахъ о южной Руси", этой книгѣ, которой нѣтъ равной въ литературѣ малорусской этнографіи, далъ нѣсколько характеристикъ знакомыхъ ему кобзарей, набросанныхъ съ обычнымъ этому писателю живымъ талантомъ. Такимъ образомъ нѣкоторая извѣстность досталась только рапсодамъ позднѣйшаго времени, дольше протянувшимъ нить народнаго историко-поэтическаго преданія и какъ-бы въ награду за то. Наибольшая доля вниманія выпала въ этомъ отношеніи Остапу Вересаю, скромное имя котораго проникло даже на чопорныя страницы „Revue des deux mondes". Къ маленькой серіи кобзарскихъ біографій должно примкнуть и это сообщеніе о лохвицкомъ бардѣ [1]).

---

[1]) Къ списку кобзарей, помѣщенному въ статьѣ „Остапъ Вересай, его пѣсни и думы" („Кіевская Старина", 1882 г. № 8), составленному главнымъ образомъ по замѣткѣ г. Бѣлозерскаго (въ сборникѣ Метлинскаго), надо прибавить еще имена: лирника Дмитра Погорилого, изъ Звенигородки, кіевск. губ., Ѳедора Кононенка, изъ с. Александровки, лубенскаго уѣзда, полт. губ. и Александра Михайлюка, изъ того-же уѣзда. Думы отъ нихъ записывалъ Кулишъ. Упомянемъ, кстати, что въ изданіи Л. Жемчужникова „Живописная Украйна" (1861—62 г.) помѣщено нѣсколько портретовъ кобзарей, рисованныхъ издателемъ и Кулишемъ. Таковы портреты Андрея Шута, Архипа Никоненка, Дмитра Погорилого и Вересая, лѣтъ 25 назадъ.

Лѣтъ шестьдесятъ назадъ, при въѣздѣ въ печальную и нынѣ, а тогда совершенно захолустную Лохвицу, стояла панская усадьба—обиталище мелкопомѣстныхъ дворянъ Крюковскихъ. Земля ихъ была при городѣ; тутъ-же, близъ исчезнувшей нынѣ усадьбы, при томъ-же „городѣ", стояли панскія хозяйственныя постройки, а въ убогихъ хаткахъ, размѣщалось десятка два крѣпостныхъ крестьянъ. Въ 1820 году, на зимняго Миколу, у пана родился сынъ, а три недѣли спустя, тоже сынъ родился у одного изъ его подданныхъ—Григорія Кравченка. Когда мальчику исполнилось три года, его взяли въ комнаты, къ паничу. Пока Иванъ былъ маленькій, назначеніе его было—играться съ паничемъ, когда-же онъ немного подросъ и окрѣпъ и отъ него можно было получить болѣе серьезныя услуги, обязанности его перемѣнились и онъ превратился въ лакея-попыхача. Такъ, въ „комнатахъ", прожилъ онъ до 15-ти лѣтъ. Въ это время у него стали болѣть глаза и болѣли три года. Наконецъ зрѣніе совсѣмъ стало измѣнять ему и онъ долженъ былъ убѣдиться, что слѣпнетъ. Паничъ не вѣрилъ этому и, по разсказу кобзаря, „все було шуткуе: скаже мені—туди иди, або туди,—а я пійду та-й впаду. Звісно—паны тоді знущались надъ людьми!—А після того панъ старый уже бачить, що я сліпый, та й одпустивъ мене". Ни хаты, ни поля онъ ему не далъ.

— Ты сліпый, сказалъ ему панъ, на що тобі хата? Ты у людей де небудь проживешъ.

Въ то время отецъ Ивана уже умеръ, жива была одна мать. Она то и вздумала отдать сына въ ученье къ кобзарю. Въ село Гапоновку (лохвицкаго уѣзда), незадолго передъ тѣмъ, явился кончившій свою *науку* слѣпецъ Кравченко (однофамилецъ нашего бандуриста). Къ нему-то и отправила мать Ивана на обычные три года, сказавъ: „иди, сыну, може ты у ёго чогось научишся"!

Кравченко былъ старше Ивана и учился въ зѣньковскомъ уѣздѣ у стараго кобзаря Хмельницкаго. Онъ умеръ года три назадъ въ с. Венславовкѣ, близъ Гадяча, куда потомъ переселился. Онъ не былъ, впрочемъ, единственнымъ учителемъ Ивана. Странствованія по ярмаркамъ сближали его и съ другими кобзарями, отъ которыхъ онъ, при хорошей памяти, перенималъ пѣсни и думы. Особенно памятенъ ему старый Гаврило Волкъ, жившій гдѣ-то въ зеньковскомъ уѣздѣ. Ему было лѣтъ 90. „Вінъ такий бувъ, що и

кобзу свою вже покинувъ,—не здужавъ грать. Такъ, словесно було розсказуе. Я ёму за кажду пісню дававъ четвертакъ. У почі оце, було, яхъ посходимось,—вінъ мені разивъ три, чи чотири прокаже, то у мене памьять була до̀-обра, то я й затвержу. То и вінъ каже бувало,—царство Боже!" „Эге, сыну, не те вже теперъ! Не такихъ співають! Багато и я позубувавъ. А колись чувъ доброго, хороше знавъ!"...

Время шло. Спросъ на думы и пѣсни все болѣе и болѣе уменьшался въ народѣ и нашъ кобзарь повѣсилъ на гвоздь бандуру и почти исключительно занялся витьемъ веревокъ и дѣланьемъ возжей, обычнымъ ремесломъ малороссійскихъ нищихъ-слѣпцовъ.

Надо было устроить какъ нибудь жизнь. Папъ не далъ ничего, кромѣ своего имени: по странной ироніи судьбы кобзарь нашъ является теперь носителемъ и продолжателемъ исчезнувшей фамиліи Крюковскихъ. Такъ назвали его съ самаго начала его скитальческой жизни; подъ этимъ именемъ знаютъ его всѣ и теперь. Въ 27 лѣтъ Иванъ женился. Бракъ этотъ далеко не былъ безплоднымъ: число дѣтей кобзаря достигло, съ лѣтами, числа сыновей Іакова. Изъ этой огромной семьи въ живыхъ осталось только три сына. Жива и жена, еще далеко не старая женщина (она моложе своего мужа на 11 лѣтъ). Вмѣстѣ сколачивали они деньги и два раза было построились, одинъ разъ въ м. Сенчѣ, другой—въ Лохвицѣ, но два раза погорѣли. Послѣ того, лѣтъ двѣнадцать, семья жила въ чужой хатѣ. Въ это время жена и старшій сынъ, поднявшійся уже на ноги, въ теченіи трехъ лѣтъ, ходили на Донъ, на заработки. Жена приносила рублей по 45 (она жала, вязала и проч.), сынъ рублей по 80 (онъ косилъ). Такимъ образомъ они сколотились на грунтъ и на хату. То и другое куплено въ пригородѣ Лохвицы-Прилипкѣ, гдѣ и живетъ теперь Крюковскій.

Быть можетъ кому нибудь будетъ страннымъ представить себѣ кобзаря въ городской обстановкѣ. Бывшіе въ Лохвицѣ поддержатъ меня, а не бывшіе повѣрятъ на слово тому, какъ мало городского въ этомъ „городѣ". Что-же касается предмѣстья Прилипки, гдѣ стоитъ хата Крюковскаго, то это совершенная деревня. Соломенныя крыши, плетневые заборы, сады и огороды, съ торчащими кое-гдѣ огромными ольхами и липами, клуни, окруженныя скирдами, собаки въ дворахъ и свиньи на улицахъ—все здѣсь, какъ слѣдуетъ быть

въ селѣ. Даже эта строгая деревенская тишина, подъ которой чуется трудовой недосугъ, насущная работа, то очевидное прямое дѣло земледѣльческаго труда, которое наполняетъ все деревенское время, всю деревенскую жизнь и такъ выгодно отличаетъ ее отъ ничѣмъ не наполненнаго, пустого и унылаго прозябанья маленькихъ городковъ.

Колеся по полтавской губерніи и услышавъ о Крюковскомъ, я завернулъ въ Лохвицу и безъ труда нашелъ его хату, а въ ней и самаго хозяина, старика за 60 лѣтъ, средняго роста, сѣдого, съ волосами чубомъ, въ усахъ и съ двухнедѣльной бородой. Лицо его, съ довольно правильными чертами, грубовато, но смягчается оттѣнкомъ добродушія. Мы скоро познакомились и перешли къ интересовавшему меня предмету. Крюковскій охотно диктовалъ мнѣ думы, псальмы и пѣсни и не разъ сѣтовалъ на то, что многое перезабылъ изъ всего этого. „Я іхъ знавъ всіхъ пісень 70, такъ що-жъ?— Рідко приходится співать. Хоть-би кожного году по разу всі проспівавъ, то й то-бъ помнивъ, а то рідко-рідко коли проспіваетъ. На ярмарки я тількі за-молоду ходивъ, а впісля покинувъ. То ти, що зъ лирою,—то вінъ сяде середъ ярмарку та грае, та голосить, то люде его и слухають; а то співай дві чи три,—а тобі достанется ота копійка або дві! Люде старихъ пісе́нь и не слухають. Ще прежде старики колись звали співать імъ, а теперъ молоді все позабували; ему співай про старовину, а вінъ не знае, що воно таке и е. Теперъ я такъ, для себе граю, та отъ коли хто зъ панівъ покличе, то граю імъ“.

Говорили о кобзаряхъ. Припоминали нѣкоторыхъ изъ нихъ. Кобзари знаютъ другъ друга и распросы у нихъ лучшій способъ сдѣлать новыя находки въ этой области, еслибъ такія находки были еще возможны. Крюковскій зналъ Андрея Шута, вечірского (пирятинскаго уѣзда) Антона (поме́ръ торікъ!), Трихона, зъ Великихъ Бубнівъ (роменскаго уѣзда, умеръ два года назадъ), Потапа, въ с. Новой Греблѣ, лохвицкаго уѣзда, Алексѣева изъ Крячковки (пирятинскаго уѣзда), Архипа Никопенка („той далеко живъ, такъ мы рідко стрічались“). Всѣ они поумирали. Знаетъ Вересая, но видѣлся съ нимъ лѣтъ двадцать назадъ.

Самъ онъ *зіньковскої науки* и, какъ сказано, главный свой пѣсенный фондъ перенялъ отъ Кравченка, учившагося у Хмель-

ницкаго, въ Зеньковѣ. Хмельницкій умеръ раньше Вовка и съ этимъ учителемъ своего *майстра* онъ не встрѣчался никогда. У самаго Крюковскаго есть ученики, но историческихъ пѣсень онъ пѣть ихъ не учитъ, во первыхъ потому что на это пѣтъ теперь никакого спроса, во вторыхъ потому что это трудно: „Иншому разъ двадцять прокажи—нічого не тямить!“ Также трудно и научить играть на бандурѣ. Одного ученика онъ играть научилъ. То былъ сиротка, плохого здоровья, слѣпой и горбатый и жилъ у нихъ. Теперь онъ ушелъ.

Для меня былъ вынесенъ изъ коморы „струментъ“, хотя я и не затруднялъ старика пѣніемъ всѣхъ думъ и прослушалъ съ бандурой только тѣ, которыя онъ самъ захотѣлъ пѣть. Голосъ у Ивана довольно свѣжъ. Думы поетъ онъ быстрыми речитативами съ протяжными окончаніями при перемѣнѣ мелодіи. Довольно гармонично звучатъ также нѣсколько исполняемыхъ имъ на одной кобзѣ, безъ пѣнія, пьесъ.

Матеріальное положеніе Крюковскаго плохо. Изъ большой семьи, рабочихъ рукъ, этого обычнаго источника крестьянскаго благосостоянія, въ живыхъ осталось только три сына. Младшему всего лѣтъ шесть, средній еще въ ученьи у кузнеца и только старшій, парубокъ, помогаетъ отцу въ его ремеслѣ,—выдѣлкѣ издѣлій изъ конопли, которыя они возятъ продавать на ярмарки и дѣлаютъ, по заказу, на мѣстѣ.

Всѣ девять думъ, записанныя мною отъ Крюковскаго, извѣстны печатно. Тѣмъ не менѣе эти, послѣдніе, можетъ быть, по записи, варіанты не лишены значенія. Сохранились они въ памяти кобзаря довольно полно всѣ, кромѣ думы о Самойлѣ Кошкѣ, изъ которой онъ могъ, по его выраженію, припомнить „хиба десяте слово“. Помѣщеніе и этого послѣдняго варіанта объясняется тѣмъ, что настоящій клочокъ варіанта есть первый, встрѣчающійся собирателямъ пѣсень послѣ того, какъ превосходная дума эта записана была въ 30-хъ годахъ Лукашевичемъ. Сравненіе остальныхъ думъ съ извѣстными прежде текстами обнаружило также отличія. Я не стану, однакожъ, удлинять безъ надобности размѣры статьи сравненіемъ этихъ варіантовъ съ прежними строка за строкой, указаніемъ что въ нихъ есть и перечисленіемъ чего нѣтъ, по примѣру русскаго композитора, печатавшаго нѣкогда списокъ произведеній, которыхъ

онъ *не пишетъ*. При наличности девяти думъ это потребовало-бы чуть-ли не цѣлой книги. Спеціалисты сдѣлаютъ сравненіе сами; для нихъ нуженъ самый текстъ, который я и передаю въ томъ порядкѣ, въ какомъ самъ записалъ ихъ, начиная, по примѣру Крюковскаго, съ излюбленной думы бандуристовъ.

Олексій Поповичъ.

У святую неділеньку, рано—пораненько,
На Чорному морі, та на камені біленькому,
Сидівъ сокілъ ясненькій, жалібненько квилить—приквиляе,
Свою головку низенько склоняе,
А на Чорне море спильна поглядае,
Що на Чорному морі усе не добре починае:
Береть судно козацьке—молодецкее на три части розбивае;
Одну часть узяло у арабську землю занесло,
А другу часть ухватило у Дунайске гирло забило,
А третяя часть—де ся мае?—
Посередъ Чорного моря на бистрій хвилі потопае...
А при той части бувъ гетьманъ Кошовий,—
Грицько Збурівскій.
То вінъ на чердакъ изхожае,
Гірко плаче, та рыдае
Словами промовляе:
—„Ой, вы, сотники и полковники и козаки рядовиі!
Сповідайтеся, братця, и къ Чорному морю,
И напередъ Богу милосердному и отоману Кошовому:
Который на собі найбільше гріхівъ мае!“
То всі сотники, усі полковники замовчали,
Тільки озывается Олексій Поповичъ Пирятинській, писаръ військовий и козакъ лейстровий,
То вінъ на чердакъ изхожае, словами промовляе:
—„Ой, вы сотники, вы и полковники и козаки рядовні,
То добре вы собі учиніте, возьміть мене, чорною китайкою очи завьяжите,
Та білий камінь до шиі причепите,
Та візьміть мене самого на Чорне море пустите.
Нехай я буду на Чорному морі своею головою дарувати,
Ажъ не товариства сердешного невинноі душі теряти!...

Я то, каже, братця, зъ города Пирятина виїжавъ,
Изъ отцемъ, изъ матірью прощенія не ймавъ,
На свого доброго коня сідавъ,
Свого отця и матіръ въ груди поторкавъ,
И близкихъ сусідівъ зъ хліба и соли збавлявъ,
Свого старшого брата за брата не мавъ,
Добрымъ конемъ по улиці пробігавъ,
И чужихъ дітокъ ростурчавъ,
И кровь христіянську на сыру землю проливавъ;
А мимо церковъ іхавъ, мимо святого Миколи,—
Шличка не скидавъ,
На собі хреста не покладавъ;
А лишъ-бы то я на свого доброго коня поглядавъ,
Та на свое здоровье козацьке-молодецьке уповавъ.
Коли-бъ то мені Богъ помігъ у добромъ здоровьи у сіеі потребі сходити,
То могъ-бы я отцеву й материну молитву рано й пізно споминати!„
То якъ ставъ Олексій Поповичъ свої гріхи милосердному Богу и Чорному морю и отаману Кошовому по правді повідати,
То стало Чорне море унімати.
То такъ воно унімало,
Якъ-бы віколи и не грало!
Ставъ изъ Днінра тихий вітеръ повивати,
—Стало судно козацьке-молодецьке до буйноі Приспи прибувати.
То одну часть взяло—зъ орабськой землі вынесло,
А другую часть исхватило—изъ Дунайського горла вырвало,
Та до буйноі Приспи прибило...
То всі козаки на сыру землю зхожали,
Къ сырій землі низкі поклоны ударяли;
А Олексій Поповичъ Пирятинській на сыру землю схожае,—
Береть у руки святое письмо читае,
До сотниківъ, до полковниківъ словами промовляе:
—„Ой-же козаки, паны всі молодці,
Отъ тимъ-то, каже, братця, годится отцева й материна молитва!
Хто отцеву и материну молитву споминае,
То отцева и материна молитва и помощь спомагае,
Изо-дна моря душу выймае,
И одъ гріхівъ одъ смертельнихъ искупляе!“...
То всі сотники и полковники тее зачували,
До Лексія Поповича словомъ промовляли:
—„Одъ-же, Олексію Поповичу, хотя ты бересшъ въ руки святе письмо, читаешъ,

А лишъ-бы то ты більше гріхівъ на собі маешъ?!"...
Та тоді воны на сырій землі проживали,
Молебні наймали,
Отцеву й материну молитву споминали,
Сами поміжду собою дивомъ дивували:
—„Шо на якій-то бистрій филі на Чорнімъ морі мы пробували,
На середини потопали,
Та не одного козака не втеряли!
Шо насъ Господь милосердный вынісъ
На край веселый,
Между миръ хрещеный!"...

—

Дай, Боже, миру царському,
Народу христіянському,
На многі літа,
До конця віка!

Варіантовъ этой думы извѣстно болѣе десяти [1]). Въ четырехъ изъ нихъ героемъ является Олексій Поповичъ пирятинскій, какъ и въ нашемъ спискѣ; въ остальныхъ—передъ смертью, въ виду неминуемой гибели, каются другъ другу въ грѣхахъ два утопающіе брата. Мораль всѣхъ варіантовъ—одна и таже. Это—святость сыновней любви, сыновняго долга, честной жизни и чудодѣйственная сила родительской молитвы.

Въ прекрасно сохранившемся въ памяти нашего кобзаря, варіантѣ этой думы, описываемый козацкій набѣгъ на турецкіе берега представленъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ въ прежнихъ варіантахъ. Тутъ, подъ начальствомъ гетмана Грицька Збурівского (Самуила Зборовскаго), находятся полковники и сотники и вообще цѣлая козацкая флотилія, что не противорѣчитъ и историческимъ свидѣтельствамъ. Впрочемъ, какова-бы ни была достовѣрность историческихъ подробностей этой прелестной думы, по своимъ высокимъ художественнымъ достоинствамъ, она должна быть отнесена къ самымъ замѣчательнымъ образцамъ малорусской народной поэзіи. Признаніе въ своихъ грѣхахъ ради спасенія ближнихъ, беззавѣтная жажда душевнаго очищенія, открытая исповѣдь предъ Богомъ, людьми и природой въ нарушеніи святѣйшихъ завѣтовъ честной

---

[1]) См. „Историческія пѣсни малорусскаго народа" часть I стр. 176.

жизни честныхъ предковъ и, какъ отвѣтъ на укрощеніе этой душевной бури, наступившій миръ и успокоеніе природы—все это счастливѣйшіе мотивы, какіе могутъ встрѣчаться въ поэзіи. Поразительно сильна, при всей сжатости, описательная, картинная часть думы. Любопытнымъ образчикомъ поэтическаго единоборства являются варіаціи Шевченка на первыя строки „Олексія Поповича“ [1]). По этому граціозному перепѣву, можно убѣдиться, сколько въ произведеніяхъ народной музы кроется живой и свѣжей силы для творческаго вдохновенія поэтовъ.

Слѣдующая дума Крюковскаго „Відчимъ“ встрѣчается въ сборникахъ князя Цертелева и Максимовича („Отъѣздъ козака изъ родины“, „Отъѣздъ козака изъ дому“) и входитъ также въ репертуаръ Вересая. Какъ въ нашемъ варіантѣ, такъ и въ другихъ, приставка объ отчимѣ, по всей вѣроятности, есть позднѣйшее прибавленіе, сдѣланное кобзарями, съ цѣлью сдѣлать думу сочувственною большему числу слушателей, послѣ того какъ основной ея мотивъ,—прощанье козака съ семьей предъ отъѣздомъ въ походъ, съ перемѣной строя жизни, сталъ мотивомъ чуждымъ. Первыя девять строкъ думы какъ-бы оторваны отъ остального и между ними и послѣдующимъ не чувствуется органической связи. Тоже самое еще рельефнѣе выступаетъ въ варіантѣ Максимовича („Украинск. народн. пѣсни“ 1834 г.) который почему-то замѣчаетъ даже отъ себя, что „сія небольшая дума переложена изъ пѣсни „Гомонъ, гомонъ по дубровѣ“. На самомъ дѣлѣ у этой думы съ помянутой пѣсней общаго не много.

Відчимъ.

Шо у святую неділеньку,
Барзо рано поранеько,
Мати рідненька
Слізами проливає,
До свого сына словами промовляє:
—„Иди ты, сыну, між чужні люде,

---

[1]) Въ прозаической повѣсти „Матросъ“. Отрывокъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ напечатанъ, въ числѣ другихъ, въ газетѣ „Трудъ“ 1881 г. декабря 12.

Чи не лучше тобі буде!
Нехай тебе вторяй отець не лае, не проклинае,
Щастя й долі козацькоі твоеі не теряе!"...
Старша сестра коня выводила,
А середужча сестра зброю выносила,
А найменьша сестра зуступу выносила,
Та горко плакала и рыдала
И словами промовляла:
—„Відкіля-жъ тебе, братіку, въ гості выглядати:
Чи зъ буйного вітру,
Чи зъ широкого степу,
Чи зъ славнаго війска Запорожья?"
То братъ тее зачувае,
До сестры словами промовляе:
—„Возьми ты, сестра рідненька, та жовтого піску жменю,
Та посій по білому каміню.
То якъ буде жовтий пісокъ на білому каміню схожати,
Хрещатимъ зеленимъ барвінкомъ білий камінь устилати,
То тоді будешъ мене, сестра, въ гості обжидати!"
То сестра тее зачувае,
Горко плаче та рыдае,
Дрібними слізами проливае:
„Я, каже, братіку, одъ старыхъ людей сёго не чувала,
Шобъ жовтий пісокъ на білому каміні схожавъ,
Хрещатимъ барвінкомъ зеленымъ устилавъ.
То не буде хрещатимъ барвінкомъ білий камінь устилати,
То, мабуть, не буду я тебе, братіку рідненькій, голубоньку сивенькій, більше въ світі видати!"...
Выслухай Господи,
У просьбахъ, у нещетнихъ молитвахъ!...
Дай Боже миру царському,
Народу христіянському,
На многі літа,
До конця віка!

Это прощанье съ сестрами и въ особенности образъ тоскующей младшей сестры одинъ изъ любимыхъ образовъ не только малорусской, но и всей народной славянской поэзіи. Мотивъ этой, популярной нѣкогда, думы перешелъ цѣликомъ въ народныя пѣсни. Въ прилуцкомъ уѣздѣ полтавской губерніи я записалъ пѣсню почти

буквально перефразирующую „Отчима“. Привожу ее здѣсь, какъ любопытный образчикъ—одинъ изъ многихъ—переработки формъ въ народной поэзіи:

У неділю рано
Батько сына лае,
Горко проклинае:
—„Иди, сыну, прічъ одъ мене,
Черезъ тебе що дня змага у мене!“...
Шо старша сестра коня веде,
Підстарша сестра сідло несе,
Сама меньша—платокъ дае,
Платокъ дае, та й питае:
—„Ой ты, брате нашъ,
Ты одинъ у насъ,
Покидаешъ насъ, ой коли-жъ ты прибудешъ
У гості до насъ?“
—„Пійди, сестро, по-надъ моремъ,
Візьми піску жменю,
Та посій по каміню;
Та уставай ранесенько,
Поливай пісокъ частесенько,
Коли жовтий пісокъ по каміню зійде,
Тоді вашъ братъ изъ походу прийде!“...
Нема піску, нема сходу,
Нема брата изъ походу!...

Дума „Соколи“ принадлежитъ къ циклу „невольницкихъ“. До сихъ поръ она записана была только отъ Верссая. Имя Ивана Богословця, упоминаемое въ ней, есть вѣроятно искаженіе Ивана *Богуславця*. Послѣднее встрѣчается въ одной исторической пѣснѣ [1]) и въ „Исторіи руссовъ“—Конисскаго. По свидѣтельству помянутой пѣсни, это былъ ренегатъ, принявшій „бусурманскую вѣру“ и вступившій въ бракъ съ турчанкою, женою „Кізлевського“ паши (изъ г. Козлова). Въ качествѣ ренегата, онъ могъ отличаться въ неистовствахъ надъ своими плѣнными соотчичами и дума, въ этомъ случаѣ, не дѣлаетъ ошибки противъ психологическаго опыта. Вся она сложена въ формѣ поэтическаго иносказанія и тонъ этотъ вы-

[1]) См. „Историч. пѣсни малорусск. народа“ т. I, стр. 241.

держанъ вплоть до освобожденія „бездільного, безрідного ясного соколяти“ отцемъ изъ пышной цареградской неволи.

Думу эту Крюковскій перенялъ отъ кобзаря Клима Губы, учившагося въ прилуцкомъ уѣздѣ.—„Такъ собі кобзаришка бувъ, вспоминалъ онъ о немъ, „вінъ молодымъ и умéръ. Самъ вінъ срібряньскій бувъ (изъ м. Сребного, прилуцк. уѣзда), такъ тутъ у насъ у Жабкахъ приставъ до жінки; такъ года чотири, чи що, поживъ, та й умéръ!“

Присутствіе одинаковыхъ думъ въ репертуарѣ Вересая и Крюковскаго и вообще кобзарей сосѣднихъ мѣстностей объясняется легко тѣмъ, что думы перенимались у учителей и товарищей большею частью ближайшихъ по мѣсту жительства и такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, когда репертуаръ кобзарей пересталъ обновляться, удерживались, по преданію, *по районамъ*.

Пропѣвши думу, Крюковскій говорилъ: „Це, бачте, такъ у плінъ, у неволю брали“ и, переходя къ собственнымъ, наболѣвшимъ воспоминаніямъ, продолжалъ сравненіемъ: „Якъ, мовлявъ, були панські люде, то візьметь до себе, та мучить, мучить того бідолашнёго чоловіка,—отъ якъ и мене... То воно такъ и зложено. Отъ про христіяньску землю такъ и нема, щобъ измучили підъ конець жизни чоловіка,—а все невіра! Тоді воно було такъ,—и теперъ те-жъ саме!“...

Изъ послѣднихъ словъ ясно, что недавніе разсказы о болгарскихъ звѣрствахъ проникли и въ убогую кобзарскую хату.

Соколи.

Вилинули соколи зъ чужої стороны,
И сіли—упали у лісі, на превольдобному древі орісі;
Звили собі гніздо щерлатне,
А знесли яйце жемчужне,
И вывели собі дитя, бездільне—безрідне ясне соколя.
То якъ полетівъ старый сокілъ
На чужу Украіну живности доставати,
Та живности не доставъ, а свое бездільне та безрідне ясне соколя утерявъ...

Шли стрільці—Булахівці,
Щерлатне гніздо усмотріли,
Та оріхъ—дерево зрубали,
Та бездільне—безрідне ясне соколя забрали.
То старый сокілъ на свою Украіну прилітае,
Та свого дитяти, бездільного—безрідного ясного соколяти, на місті не заставае.
То вінъ то жалібненько квилить—проквиляе,
Сизокрилого орла у вічі забачае,
Та словами до ёго промовляе,
Горко плаче, дрібними слізами проливае:
—„Чи ты, сизокрилий орле, не чувъ, чи не бачивъ,
Де мое бездільне та безрідне дитя, ясне соколя, поділося?“
То сизокрилий орелъ тее зачувае,
До ясного сокола словами промовляе:
—„Ой, соколе ясний! Шли стрільці—Булахівці,
Та щерлатне гніздо твое усмотріли,
Оріхъ—дерево зрубали,
Та твое безрідне—бездітне ясне соколя забрали,
Та сребраные пута на ноги надівали,
Жемчугомъ очі ёму закрывали,
Та у Царіградъ-городъ, Ивану-Богославцю, на утіху продавали.
То якъ-бы ты, ясний соколе старый, полетівъ на Царіградъ-городъ,
То буде Иванъ-Богославець у Царіграді-городі гуляти,
Твое дитя, ясне соколя, на рукахъ держати,
Самъ себе буде втішати;
То нехай воно въ Ивана-Богословця на рукахъ не такъ безпешно просвіщае,
Головку низенько свою склоняе,
Будто якъ нездорове бувае.
То вінъ будеть, Иванъ-Богославець, великую радість мати,
До своіхъ слугъ словами промовляти:
—„Отъ уже, довжно буть, що бездільне та безрідне дитя, ясне соколя, здорове не бувае!
Ой вы слуги мои вірниі! Вы добру безпешность собі майте,
Сребраниі пута зъ ясного соколяти зъ нігъ здіймайте,
И жемчугъ изъ очей искидайте,
Та на высокій валъ ёго выношайте;
Чи не буде тихій вітеръ на ёго повивати,
Чи не буде воно на свое здоровья змагати?“
То слуги тее зачували,

Сребраное путо зъ нігъ здіймали,
И жемчугъ зъ очей скидали
На высокій валъ ясне соколя выношали,
Изъ рукъ ёго на сыру землю пускали.
То ясний сокілъ велике милосердие мае,
Та на сыру землю сідае,
Та свое дитя, бездільне та безрідне ясне соколя, на крыла хватае,
Та підъ высоку высоту залітае,
Жалібненько квилить—проквиляе,
Та Царіградъ-городъ закливае:
—„Ой-же хотя ты, Царіградъ-городъ, дорогими вещами украшеный,
И въ тобі сребра и злата много пробувае,
Ну чоловікові одрадости ніякому немае!“...
Одъ Цариграда-города ясний сокілъ одлітае,
Та до своего дитяти словами промовляе:
—„Чи лучше, каже, бездільне—безрідне ясне соколя, у чистому полі безпешно гуляти,
Ніжъ у Цариграді-городі у Ивана-Богословця на рукахъ проживати“...
Дай, Боже, мирові царському,
Народу христіянському,
На многіі літа,
До конця віка!

Печатаемые далѣе три думы: „Про сестру и брата“, „Про вдову та сынівъ“ и „Озовські браты“—принадлежатъ къ произведеніямъ болѣе общаго характера, почему и задержались долѣе въ памяти кобзарей, какъ доказываютъ многочисленные списки ихъ, существующіе въ сборникахъ. Воспѣвающія не дѣятельность забытыхъ историческихъ лицъ и не описывающія изгладившіяся изъ памяти народа событія, своимъ обще-житейскимъ содержаніемъ, думы эти были ближе слушателямъ недавняго времени и современнымъ. И теперь еще попадаются изрѣдка молодые нищіе—слѣпцы, которые, сверхъ своего обычнаго ярмарочнаго репертуара, поютъ ту или другую изъ этихъ думъ. Для тѣхъ, кто странствуетъ еще по малорусскимъ захолустьямъ, укажемъ въ полтавской губерніи молодыхъ кобзарей Ивана и Афанасія въ м. Хомутцѣ, миргородскаго уѣзда, кобзаря въ м. Комышнѣ, того-же уѣзда и лирника въ м. Сенчѣ, близъ Лохвицы. Дума объ азовскихъ братьяхъ должна быть отнесена къ XVI вѣку и описываетъ побѣгъ изъ турецкой неволи:

но преобладающій въ ней моральный элементъ помогъ сохраниться этому благородному образцу малорусскаго эпоса до нашихъ дней.

Про сестру и брата.

У святу неділю, барзо рано пораненько,
Не сива зозуля закувала,
Не дрібна птиця въ бору защебетала,
Якъ сестра до брата, изъ чужої сторони,
У далекі города листи писала,
Та братіка рідненького, голубонька сивенького, у гости прохала та благала:
—„Братіку мій рідненькій, голубоньку сивенькій,
Прошу я тебе: прибудь ты до мене,
И созвідай мене на чужій чужині,
При бідній, нещасній моїй злій хуртовині!
Шо я, братіку, на чужій чужині проживаю,
Усякий день дрібними слізами проливаю“...
То братъ тее зачувае,
Назадъ листи одсылае,
Та до своїй сестры рідненької словами промовляе:
—„Радъ-бы я, сестро, къ тобі прибути,
Тебе созвідати,
Такъ не могу за быстрыми водами
И за широкими степами,
За дальніми, далекими сторонами,
За темними високими лугами! [1])“
—„То хотя то ты, мій братику рідненькій,
Голубоньку сивенький,
Черезъ быстрні воды білимъ лебедонькомъ переплыви,
А черезъ широки степи малымъ, невеличкимъ перепелонькомъ перебіжи,
Черезъ дальниі-далекі стороны,
Черезъ темни-високи луги,
Яснимъ соколомъ перелини,
А на мое подвіръя сизокрылимъ голубомъ упади,
Та жалібненько заквили, та мое серце звесели!“...

---

[1]) На вопросъ: „Якъ-же це—високий лугъ?“—кобзарь отвѣчалъ:—„Стало быть то птиці—не високий, а чоловікові, якъ далекій,—то темний и високий; добиться якъ его?“

Шо вже-жъ то, каже, братіку, идеть праздникъ, Христово пресветле Воскресение,
Людямъ радость—а мені смутость...
Шо люде на праздникъ до Божого дому идуть,
Якъ бджола гудуть,
А зъ Божого дому виступають,
Якъ маковимъ білимъ цвітомъ процвітають;
Пола изъ полою схожае,
Братъ изъ сестрою плече о плече черкае,
На хлібъ на сіль завертае,
А на мене, бездільню та бездрідну, братіку, нихто не погляне,
Мовъ-би то насъ нихто и родомъ не знае!
Якъ мы въ свого отця и матери проживали,
Якъ у насъ то пили та гуляли,
Не світъ я не зоря на-добридень давали,
На хлібъ на сіль зазивали;
А якъ прийшла лиха-нещасна хуртовина,
То тоді одрекшися усі кумы побратими,
И вся своя названа рідная родина.
Трудно, братику, рибі безъ воды пробувати,
Птиці и звіру безъ ліса у чистімъ полі гуляти,
А ише труднїше, тяжче й важче бездільному та безрідному чоловікові на чужій Украіні проживати!..

Про вдову та сынивъ.

Ой у святую неділеньку рано—пораненько,
То не сосна въ бору зашуміла,
Якъ бідна вдова, стара жена,
Изъ сынами въ своій домівці гомоніла:
—„Ой, сыны-жъ вы мої, діти молодії!
Якъ я васъ изъ-малу до зросту годувала,
Пучками и ручками хліба и солі заробляла,—
А теперъ—чого я одъ васъ дождала?“...
Стали вдовиченки підростати,—
Стали молоде собі подружжя занімати,
Стали свою матусю рідненьку,
Вдову стареньку,
Изъ своего двора изгоняти.

То у святу неділеньку рано пораненько
Бідна вдова, стара жена, изъ двора выходила,
За дрібними слізами Божого світу не виділа...
Умыется дрібними слізами,
А вдарится о поли білими рученьками,
Плаче горко, бідна вдова, дрібними слізами!
То близкі сусіди тее зачували,
До вдови словами промовляли:
—„Ой, удово, старенькая жоно!—
Не плачъ, не журися!
Иди ты у мій двіръ проживати,
Будешъ ты у мене хатку промітати,
Будешъ ты мені дітокъ маленькихъ доглядати,
Буду я тебе за матіръ рідненьку, вдову стареньку, поважати!"
То бідна вдова, старая жена, на чужому дворі дванадцять літъ проживала,
То всякій день дрібними слёзами проливала.
То вона усякій день дрібними слёзами проливае,
А сынамъ усімъ трёмъ, вдовиченкамъ, на своімъ дворі прожитку не мае.
Стали люди зъ довиченківъ насміхатись,
Ставъ ихъ Господь милосердный невинно карати.
—„Шо то, измовить старший братъ середульшему, а середульший—меньшому,
Ой шо то мы, браття, не добре учинили,
Шо мы свою матусю рідненьку, вдову стареньку, прогнівили, изъ двора зогнали!
Добре мы, братця, учінімо,
Та ходімъ удову стареньку, свою матіръ рідненьку, у свій домъ призовімо.
Якъ буде у насъ матіръ рідненька, вдова старенька, проживати,
Чи не буде насъ такъ Богъ милосердный карати?"
Та у святу неділеньку, рано пораненько,
Не сизи орли заклектали,—
Якъ три удовиченка на чужій двіръ прибували,
До своеі матусі рідненькоі и вдови старенькоі низенько до ніг упали,
Та въ свій домъ прохали іі и благали:
—„Ой иди-жъ ты, мати, на свій двіръ проживати,
Будемъ мы своі жони молодиі исиняти,
Будемъ дітокъ маленькихъ научати,
То не будуть тебе, при старості літъ, чужі діти у плечі торкати,
Будешъ ты у своімъ кутатстві хліба й соли вживати!"

А вдова тое, стара жена, зачувае,
Горко плаче та ридае,
Дрібними слёзами проливае
И до своіхъ сынівъ словами промовляе:
—„Ой, сыны мої діти молодії,
Що теперешнёго часу который чоловікъ отцеву й материну молитву рано й пізно споминае,
То отцева и материна молитва на помощъ спомогае,
Чумакові—въ чумацстві и богатому—въ богатстві
То отцева и материна молитва на всякий часъ помогае!“
Дай, Боже!...
и проч.

Про озовськихъ братівъ.

То не сині тумани вставали,
Не дрібні дощі накрапали
И не чорниі хмари наступали,
А якъ три брата рідненькихъ, голубоньківъ сивенькихъ,
Зъ города Озова, зъ тяжкої неволи, каторги турецькоі, віри бусурмевьскоі втікали...
Два брата кіньми утікали,
Третій братъ міжъ ними піший пішаниця, якъ би й тая чужаниця!
То вінъ біжитъ-підбігае,
И пожаръ подъ ноги підпадае,
И кровъ христіянськая сліди заливае.
То своіхъ братівъ кінныхъ доганяе,
Межи коні вбігае
И коні за стремена хватае,
До братівъ словами промовляе:
—„Братики мої старші, рідненькі, голубонькі сивенькі!
Добре въ собі учиніте,—
Мене, найменьшого брата, пішого піхотинця, на коні озьміте,
Хошъ мало-немного мене надвезіте,
Щобъ я знавъ, куди въ города христіянскиі до отця до матери, до роду своего дохожати!“
То старший братъ тее зачувае,
До брата найменшого словами промовляе:
—„Братіку нашъ найменшій! У насъ коні не дишлиі,
Мы сами не втечемо
И тебе не ввеземо;

Будеть изъ города Озова великая погоня, віра бусурменьска, каторга турецька, за нами, кінними братами, уганяти,
То буде насъ, кінних братівъ, доганяти,
Або стріляти,
Або рубати,
Або живьемъ у каторгу турецьку, у віру бесурменьску завертати!
То два брата кіньми утікали,
А найменшого брата, пішого піхотинця, у чистому степу, на ясному сонцю, на буйному вітрі при шляху ёго покидали.
То ище-якъ то найменшій братъ на здоровье свое козацьке-молодецьке измагае,
Свої біленькі ніжкі на сире коріння, на біле каміння спотикае,
Та за кінними братами уганяе,
Ажъ пожаръ підъ ноги підпадае,
И кровъ християнская сліди ёго заливае.
То вінъ нижъ коні убігае,
Коні за стремена хватае,
Горко плаче-ридае,
Дрібними слёзами проливае,
До братівъ словами промовляе:
—„Братики мої старші, якъ голубоньки сивенькі!
Добре вы собі дбайте, булатну шаблю зъ ножна виймайте,
Та мені, козацьку молодецьку, найменшому брату, голову зъ плечей издіймайте,
Тіло мое, козацьке-молодецьке, въ чистому степу хорошенько поховайте,
Птиці звіру на поталу мене не подайте!
То середульшій братъ тее зачувае,
Горко плаче, та ридае,
Словами промовляе:
—„Братику-жъ нашъ найменший, милий, якъ голубоньку сивий!
Булатна наша шабля шиї найменшого брата не йме,
Рука наша не оздойметця,
Серце не осмілитця,
И душа гріха до смерти не скупитця!“
То два брата кіньми утікали,
А найменшого брата, пішого піхотинця, въ чистому степу покидали...
Якъ стали брати рідненькі, якъ голубоньки сивенькі, у терни, у зелени байраки уїзжати,
Ставъ середульшій братъ велике милосердіе мати,
Ставъ тернами байраками зелене віття верхи истинати.
Та найменшому брату примету давати,

Шобъ и вінъ знавъ, куда въ городи христіянськиі до отця, до матері, до свого роду дохожати.

То їхали старші брати не день, не два, не три, не чотирі...

Якъ стали старші брати зъ тернівъ, зъ байраківъ виїжати,

До річки до Кримки прибувати,

Ставъ середульший братъ до старшого словами промовляти:

—„Отъ тутъ, каже, брате старший рідненький, голубоньку сивенький, трави зелені. очерета воздобні, а води довольні,

Станьмо мы тутъ, коні попасімо, а найменшого брата пішого піхотинця підождімо!“

А старший братъ зачувае,

До середульшого словами промовляе:

—„Якъ будешъ ты, середульший братъ, за найменшимъ жалкувати,

Буду я шаблю булатну изъ ножна выймати,

Та твою голову зъ плечей издіймати,

И твое тіло козацьке—молоденьке на три части рубати,

А въ города христіянські до отця до матері самъ буду доїжати;

То я й самъ знатиму, який отцеві-матусі одвітъ оддавати.

То ты, брате середульший, не знаешъ,

Що якъ буде найменьший братъ мижъ нами пробувати,

То буде отець и мати батьківщину на три части паювати,

То будемъ мы въ трёхъ велику между собою суперску мати“.

Середульший братъ тее зачувае,

До старшого словами промовляе:

—„Мы-жъ будемъ въ городи христіянські до отця, до матері, до свого роду доїжати,

Буде насъ отець и мати на здоровье стрічати,

Буде объ своёму сыну и объ нашому брату питати“.

—„Тобі-жъ то, каже, брате середульший, сёго не знати,

Якій отцеві и матері одвітъ оддавати?—

Були мы въ городі Озові въ вірі бусурменьскій, въ каторгі турецкій,

То мы нощної добы утікали,

Свого брата найменшого одъ сна будили—не збудили,

То тамъ ёго въ каторзі турецкій, у вірі бусурменській, у городі Озові, приостановили“.

Якъ стали старші браты рідненькі, голубоньки сивеньки, Муравськими шляхами проїжати,

Ставъ середульший братъ велике милосердіе мати:

Та одинъ на собі дорогой кантанъ мае,

Та зъ підъ того киръ-китайку выдирае,

Та найменшому брату, пішому піхотинцю, примету давае.

Шобъ и вінъ знавъ, куди въ города христіянські до отця, до матері, до роду своёго дохожати.

Якъ ставъ найменший братъ, пішій піхотинець, зъ терніввъ, изъ байраківъ на Муравські шляхи выхожати,

Ставъ киръ-китайку въ вічі забачати,
Ставъ горко плакати та рыдати,
Дрібними слёзами проливати,
И словами промовляти:

—„Шо не дурно моіхъ старшихъ братівъ дорогні шити киръ-китайки по шляху валяє,

Мабуть іхъ живихъ на світі не має!
Була зъ города Озова велика погоня,
Віра бусурменська, каторга турецька за моіми братами кіньми уганяла,
Можеть іхъ постріляла, або порубала,
Або живьемъ у каторгу турецьку, у віру бусурменську, у городъ Озовъ, завертала,
А мене, найменшого брата, пішого піхотинця у тернахъ, та у байракахъ на спочинкахъ минала“.

Якъ ставъ найменший братъ, пішій піхотинець, Муравськими шляхами прохожати,

Ставъ буйный вітеръ повівати,
Ставъ бідного козака, найменшого брата, пішого піхотинця, зъ білихъ нігъ валяти.

„Оттакъ-то, каже, Господи милосердный, у чистому степу,—
Одно безхлібья,
А друге безвіддя,
А трете бездоровья!“...

Якъ ставъ найменший братъ до Саворъ-могилы прихожатя,
Спочивати лягати,
Та до ёго сизокрыли орлы налітали,
Въ головахъ насідали...

Та ще вінъ на свое козацьке—молодецьке здоровья измагає,
До сизокрылихъ орлівъ словами промовляє:

—„Братики мої рідненьки, сизокрили орли, гості мої премили,
Хочъ мало вы мені надождіть,
Поки зъ Дніпра буде тихий вітеръ повивати,
Тоді моя буде душа зъ тіломъ розлучатись“.

Якъ ставъ изъ Дніпра тихий вітеръ повивати,
Стала козацька душа, пішого піхотинця, найменшого брата, зъ тіломъ розлучатись.

То сизокрили орли до его налітали,
Въ головахъ насідали,
На чорни кудрі наступали,
И зъ ліба очі вибирали,
Кровъ христіяньску випивали;
А сірохманці-вовки его тіло, козацьке-молодецьке, на Саворъ-могилі знаходили,
Та его жовтні кості по тернахъ по байракахъ разносили,
Та до міста схожали, хорошенько поховали, надъ нимъ похоронъ одправляли;
Та сиви зозулі до его налітали,
Жалібненько закували,
Якъ рідни сестриці оплакали его!..

. . . . . .

Якъ стали старші браты рідненьки, голубоньки синеньки, у города христіяньскі, до отця, до матері доіжжати,
Ставъ отець и мати на здоровья стрічати,
А не такъ на здоровья, якъ объ меншому сыну, а объ іхъ брату питати.
А старший братъ зачувае,
До свого отця-матері словами промовляе:
—„Мы були у городі Озові у вірі бусурменській, у каторзі турецькій, у тяжкій неволі,
Та ношної добы утікали,
Свого брата отъ сна будили—не збудили,
Та тамъ его у каторзі турецькій, въ вірі бусурменській, у тяжкій неволі приостановили“.
Якъ ставъ середульший братъ изъ отцемъ, изъ матірью, изъ добрыми людьми на підпиткахъ пити та гуляти,
Ставъ горко плакати и ридати,
Дрібні слёзи проливати,
Та отцеві-матусі весь одвітъ откривати...
То отець и мати стали старшого сына зневажати,
Изъ двора свого изгонити.
Ставъ ёго Господь милосердний невинно карати:
Шо якій то вінъ собі домъ коштовний збудувавъ,—
То вінъ громовимъ огнемъ пішовъ...
А середульший братъ ставъ изъ отцемъ изъ матірью проживати,
Ставъ ёму Господь милосердний всегда благодать изъ небесъ посилати;
А старший братъ по чужихъ хатахъ ставъ валятись,
Чужого хліба й соли заробляти...
Отъ-же хотя трёхъ братівъ озовськихъ найменшого брата, пішого піхотинця, голова на Саворі-могилі полягла,—

Такъ ёго слава, козацькая й молодецькая, не помре, не поляже,
Помежду панами,
Помежду козаками,
Отъ нині и до віка
И на многая літа!

Послѣ этой думы, гдѣ мастерской обрисовкѣ трехъ характеровъ и грандіознымъ картинамъ степной природы могъ-бы позавидовать величайшій поэтическій талантъ, я заговорилъ о „Самійлѣ Кішкѣ". Не легко было выпытать слѣдующіе далѣе обрывки этой думы. Кобзарь говорилъ, что лѣтъ двадцать какъ пѣлъ ее и совершенно забылъ. Въ этомъ, съ грустью, убѣдились мы оба, когда онъ, по моему настоянію, сталъ припоминать стихи думы.—„Воно не такъ!—Такъ що я казатиму?" постоянно восклицалъ онъ.—„Щекуди! Багацько, багацько немає! Більше літъ двадцяти якъ співавъ! Прежде було старику якому проспіваю, то вінъ те-жъ и собі старовину споминає: отъ-такъ и такъ воно діялось!—А иноді, якъ нікому не трапилось співать, то,—була охота,—самъ собі, було, проспіваю.—Такъ давня вже річъ!—Це може черезъ десяте у двадцяте слово!"

Начало думы въ особенности передано въ видѣ безформенныхъ клочковъ. Вторая часть глаже. Но если къ уясненію этого превосходнаго произведенія прибавится хотя черта, то и тогда надо благодарить Крюковскаго. Какъ извѣстно, до сихъ поръ ни разу не случалось встрѣтить варіанта этой думы и Лукашевичъ, записавшій ее въ переяславскомъ уѣздѣ, близъ м. Березани, отъ замѣчательнаго бандуриста (имя котораго онъ даже не помянулъ), одинъ только украсилъ ею свой сборникъ [1]). Въ нашихъ отрывкахъ отъ списка Лукашевича разнится начало и упомянуто новое лицо—легендарный „дідъ Соленко", турецкій плѣнникъ. По словамъ Крюковскаго дума эта пѣлась когда-то пирятинскими и переяславскими кобзарями. Онъ зналъ кобзаря Гордія въ Тепловкѣ, пирятинскаго уѣзда, пѣвшаго эту думу. Самъ онъ перенялъ ее отъ Вовка.

---

[1]) Малорос. и червонорусскія народн. пѣсни и думы". Спб. 1836 г. стр. 15—27.

Самійло Кішка.

У лузі у Базалузі бувъ курінь нетязьській
И тамъ живъ-проживавъ Кішка Самійло, гетьманъ козацькій...

. . . . . .

И вінъ около себе мавъ сорокъ чоловіка нетягъ...
...Да вони тамъ у лузі—Базалузі проживали
Ніякого горя не знали...

. . . . . .

Та по Чорному морю молоде паня, турецьке баша, галярою гуляе,
Лугъ-Базалугъ завидало,
До луга до Базалуга поспішно прибувало,
Кішку Самійла, гетьмана козацького и сорокъ чоловікъ нетягъ сонних заставало,
Та у плінъ забірало,
И на руки и на ноги залізні пута надівало;
На закови забрало,
И на свою галяру поміщало
И до дівкі до Санджаківни прибувало. .
Тамъ воно одъ неділі до неділі проживае,
И тіхъ бідних нетягъ и Кішку Самійла по три раза въ день залізними прутьями въ одно місто затинае...

. . . . . .

...И коло іхъ дідъ—Бутурлакъ проживае,
На іхъ згрозна гука...

. . . . . .

Дай той-же іхъ и бье.—Вінъ шістдесятъ літъ живъ у турка у клюшникахъ; то вінъ на его и звірнвъ.
...То імъ дівка Санджаківна разні напитки-наідки присилае,
То імъ Бутурлакъ дідъ всего не одкриває,
А тільки по одному стакану въ день вина одпущае...
(—Значить вона імъ хорошо присилае, а вінъ не оддае, та складае...)
А по три раза въ одно місто залізними прутьями затинае...

. . . . . .

...Шо вони у дівкі у Санджаківни одъ неділі до неділі проживали,
На підпиткахъ пробували,
У неділю на Чорне море до свого дому одъїжали,
На галярі почивать всі полягали...
То турецьке паня, молоде баша, отъ сна уставае,
Та до діда до Бутурлака словами промовляе:

—„Ой то то, каже, діду, Бутурлаку, шо то мені сонъ дивний и предивний, чудний и пречудний снився,

Шо будто мене взято,
У Чорне море заметано,
Ні одного насъ не оставлено!“
Дідъ Бутурлакъ тее зачуває,
До молодого пані, до турецького баші, словами промовляє:
—„Сему сну, каже, ви не потурайте,
Та вньять спочивать лягайте!“
А до Кішкі Самійла, до козака, до гетьмана словами стихенька промовляє
И ключъ зъ кармана виймає:
—„Цитьте, хлопці, не гряміте
И залізомъ не стучите;
Дружка-дружку одмикайте,
Залізо у Чорне море метайте,
И молодого паню, турецького башу, и памьять ёго у Чорне море изъ галяри скидайте!...
Тоді чи не дасть намъ Богъ безпешно по Чорному морю проїзжати,
Турецькі калавури минати“...

. . . . . .

Якъ вони паню, турецького башу у море пометали,
Тоді на себе турецьке платте надівали...

. . . . . .

То дідъ Бутурлакъ до калавуру приїзжає,
Ключі зъ кармана виймає,
До калавуру словами промовляє:
—„Цитьте! каже, не шуміте,
Турецького паню, молодого башу, не збудіте,
Потихеньку ворота одчиніте,
Бо мы у дівки у Санжаківни на гуляннї пробували,
То мало мы одночивали“ [1])...
. . . То вони, турецькі калавури якъ проїзжали,
По Чорному морю тоді безпешно гуляли,
Та турецьку землю, віру бусурменську на віки заклинали:
—„Ой-же хотя ты, земле турецькая, віра бусурменськая!
Хотя въ тобі весело проживати,

---

[1]) Шо того, бачъ, вже й немає. А ему аби то той калавуръ проїхать, такъ вінъ забувся и думать!.. Не зложу такъ, якъ було!.. Десяте слово, той то не въ ладъ!..

Много сребра и золота въ тебе пробуває,
А чоловікові ніякоі одрадости немає!"...
. . . . . .
То якъ стали вони по Чорному морю гуляти,
До буйноі Присели прибувати,
Та до діда до Соленка [1]) у гості заіжжати...
. . . Той дідъ Соленко якъ іхъ забачає,
И горко плаче—рыдає,
Дрібними слізами проливає,
До Господа милосердного словами промовляє:
—„Благодарю тебе, Господи милосердный, що за сорокъ літъ Господь мене привівъ
Козака гетьмана Самійла у вічі повидати!"...
. . .То вони тамъ, у діда у Соленка двенадцять день безпешно гуляли,
Та віру православну споминали,
А турецьку славу, віру бесурменську кляли—проклинали:
Коли-бъ іхъ Богъ милосердный такъ побідивъ,
Якъ вони насъ зобіждали,
Що вони у плінъ забіраля,
Ніякоі намъ веселости не оддавали,
Ніякоі мы одради собі не мали
И роду свого у вічи не видали!"...
. . . Та тоді вони речі хороші другъ до друга промовляли,
На галяру всі посідали [2])...
„Вынеси, кажуть, насъ, Господи милосердный,
Между миръ хрещеный,
На край веселый!
Чи не дасть намъ Богъ милосердный своіхъ братівъ повидати,
Хочъ-бы мало—немного свою жизнь провождати,
Между миромъ хрещенымъ проживати!...
. . . . . .

Стараясь не упустить ничего изъ историческаго репертуара Крюковскаго, я изъ разспросовъ узналъ, что, сверхъ продиктованныхъ, ему извѣстна была еще дума о Тарасѣ Бульбѣ. Понятно, такое открытіе крайне возбудило мое любопытство. Кобзарь отго-

[1]) Вінъ проживавъ тожъ на острові той дідъ—сорокъ літъ. Его турокъ тежъ заперъ.

[2]) Всі. Значить забравъ и діда того Соленка Кішка Самійло изъ собою.

варивался однако тѣмъ, что совершенно забылъ эту думу. Подозрѣвая, нѣтъ-ли здѣсь какой нибудь ошибки и не измѣняетъ-ли старику память, я выразилъ сомнѣніе въ существованіи такой думы. Но Крюковскій стоялъ на своемъ: „Дума була настояща и співалась, говорилъ онъ, старинна, довга, отъ якъ „Конівченко", такъ и співалась"... На просьбу мою припомнить хоть содержаніе думы, или сказать, если знаетъ, хоть нѣсколько стиховъ, Крюковскій разсказалъ слѣдующую легенду:

Тарасъ Бульба та сыны.

Тарасъ Бульба самъ чи въ Чигирині проживавъ, чи що... У ёго три сына було: старшій Терешко, середульший—Дмитро, а меньшого не спомлю якъ... Такъ вони безпешно гуляли у городі Чигрині, та пішли турківъ, чи татаръ, чи ляхівъ воювать, Чигринъ-городъ оборонять. У ёго и хлопці були хороші! Терешкові було 22 года и 22 пуда вісу, а Дмитрові було 18 годъ и 18 пудовъ... А меньший, якъ пошли вони, значить, розбивать татаръ та ляхівъ, то вінъ взявъ іхъ и покинувъ, та утікъ у Польшу, та тамъ у Польші не багацько проживавъ, та віттиля навстрічъ зъ поляками, та давай на батька итти, щобъ то, бачъ, батька звоевать, чи що... Такъ батько якъ стрівъ ёго, то голову ёму и знявъ, та каже Терешкові:

Якъ будешъ ты віру христіянську теряти,
То буду я тобі зъ плечъ голову здіймати...

. . . . . .

. . . Эй, ходімо, каже, хлопці, ходімо турківъ та ляхівъ воювати,
Чи не дастъ намъ Богъ якої добичі достати...

. . . . . .

Такъ вони трое пошли, то той Терешко лігъ на степу спать, а біля себе положивъ свій мечъ и добре молодецьке свое копье (а въ ёго мечъ бувъ шість пудовъ вісу) и коня доброго молодецького свого вороного поставивъ въ головахъ, а самъ заснувъ въ степу: (звісно якъ вінъ богатыръ, то вінъ нічого и не боитця, лігъ собі, заснувъ богатирскимъ сномъ). Такъ ёго найшли татари, набігли ёго сонного. А вінъ-то якъ на то саме и прокинувся, та бачить, що іхъ не мало—„э, каже, хлопці, такъ вы хотіли мені смерті придати! Глядіть-же, хлопці, постережіть мені коня и моего копья, а

я, говорить, пійду по цёму степу погуляю, подивлюсь, чи васъ ще де есть?"... Такъ вони стали росказувать, що іхъ ще есть багато; такъ вінъ якъ покинувъ імъ коня и копье, а шаблю взявъ, та якъ пішовъ по тому степу, та найшовъ шайку іхъ, та якъ взявъ колоть, то вибивъ всіхъ. Тільки одинъ, значить, ёго якійсь, чи татаринъ, чи що, обранивъ по плечу: якъ заходився воювать зъ нимъ, такъ по плечу ударивъ, та одрубавъ плече, такъ вінъ байдуже, и не чувъ!... Вінъ изъ нихъ все тамъ познімавъ, череса то що, та приіхавъ до батька, такъ батько каже: „Що у тебе, сыну, таке красніе?"—А вінъ, гулькъ, а у ёго кровъ біжить.—„Та візьми-жъ ты, каже батько, святоі землі, та затопчи, а вінъ каже, що воно на живому чоловіку скоро заживе. Вінъ затоптавъ, такъ воно и зажило, кровъ остановилась, ёму не дуже вредно було. Батько ставъ питатьця: „Де-жъ твій мечъ, копье твое, та кінь добрый, молодецький?"—„Э, каже, на степу покинувъ".—"Щобъ увівъ хто?".—„Э, ні, каже, не уведе нихто!" А вінъ тімъ приказавъ, якъ покинувъ коня:—якъ будете тікать, то все ровно жизнь вашу порішу, не будете далеко, такъ вони и не тікали. Вінъ до іхъ якъ прийшовъ, та дававъ череси, дававъ вибірать—хай узнає де чьего родича чересъ, чи батьківъ, чи що... А другимъ каже: „а вы тікайте, біжіть, а то якъ набіжить батько, або братъ Дмитро, то й васъ не буде. Вамъ те буде, що и тімъ.

— Вамъ тутъ, каже, не проживать, Чигрина-города не займать, а якъ тілько Чигринъ-городъ будете займать, такъ и сами на світі не будете проживать!"...

Кто сколько нибудь знакомъ съ характеромъ и складомъ думъ, не допуститъ ни на одну минуту, чтобъ эта легенда была остовомъ исчезнувшей думы. Имя Тараса Бульбы приплетено къ ней совершенно механически. Герой легенды, Терешко—обыкновенный сказочный богатырь, о другихъ-же сыновьяхъ упоминается совсѣмъ вскользь. Два двустишія, попадающіяся въ разсказѣ, не доказываютъ также ничего. По своему общему характеру они могли быть взяты изъ любой думы. Крюковскій очевидно спуталъ и, смутно помня что-то, прибавилъ имя гоголевскаго героя къ какой нибудь старой сказкѣ. Все это не говоритъ, впрочемъ, противъ того, чтобъ

думы о Бульбѣ не существовало вовсе. Быть можетъ Гоголь слышалъ ее мимоходомъ и взялъ изъ нее сюжетъ и имя героя (какъ взялъ сюжетъ для „Вія“ изъ народнаго преданія). Возможно также и то, что пересказъ безсмертной поэмы какими нибудь судьбами дошелъ и до кобзаря и оставилъ въ его памяти свой слѣдъ. Во всякомъ случаѣ историческихъ свидѣтельствъ о Бульбѣ и сыновьяхъ надо искать не въ этой легендѣ, по фантастичности своей оставляющей безконечно далеко позади всѣ историческія „вольности“ Гоголя, перенесшаго въ поэмѣ основаніе кіевской бурсы и академіи съ XVII вѣка во времена Наливайка и проч.

Думъ о временахъ Хмельницкаго Крюковскій не зналъ. Относительно думъ о Мазепѣ слышалъ, что много ихъ было забыто въ то время, какъ имя гетмана сдѣлалось опальнымъ и произносить его было рисковано. Насчетъ Палія выразилъ недоумѣніе: „Хиба и про ёго співають? То-жъ только у книгахъ про ёго пишуть“.

Двѣ послѣднія думы, хорошо сохранившіяся въ памяти кобзаря, близки къ варіантамъ Вересая, что подтверждаетъ еще обычное сходство варіантовъ по близости мѣста ихъ записыванія.

Хведоръ Безрідный.

По потребі, по потребі барзо то по царській,
Много війска и помнажено и посічено,
То нихто-жъ то помижъ тимъ трупомъ живъ не бувае,
Тільки джура Ярема промешкае,
Та тільки Хведора Безрідного та бездільнаго, на рани смертельниі пострілянного та порубаного, знахожае;
Чотири рани широкихъ, а чотири глибокихъ...
То ще-жъ вінъ шличокъ пздиймае,
До Хведора до бездільного та безрідного словами промовляе:
—„Эй здоровъ, здоровъ, Хведоре, бездільний та безрідний!
Чі ты живый пробуваешъ,
Яку ты мені славу козацьку-молодецьку одкриваешъ?“
То ще-жъ Хведоръ бездільний та безрідний зачувае,
До джури до Яреми словами промовляе:
—„Джуронько мій, малий-невеличкий! Возьми ты мого доброго коня вороного!“
И свій каптанъ дорогий изъ себе скидае
И тяги червоніі изъ себе знимае,

Та джурі Яремі на руки отдавае:
—„А візьми-жъ ты, джуронько мій, малий-невеличкий Яремо,
Каптанъ дорогий отъ пілъ до коміра золотомъ гаптований,
И тяги червоні на себе надівай,
И на мого доброго коня сідай,
Та передо мною козацький обичай увесь обертай;
Чи можешъ ты знати
Козацький звичай козакамъ отдавати?
Біжи-жъ ты скоренько, та поспішненько по надъ Дніпромъ лугомъ,
Якъ будуть ушкали густи, то ты скоронися,
А якъ будуть козаки Дніпромъ-Славутою ити, то ты озовися,
И про мене Хведора бездільного та безрідного козакамъ обозвися!“...
Шо якъ побігъ джура Ярема по-надъ Дніпромъ-Славутою,
Козацькимъ поспіхомъ поспішненько,
То вінъ іхавъ—не день, не два...
Ушкали гудуть,—
А козаки Славутою не йдуть! [1])...
Якъ ставъ вінъ по-надъ Дніпромъ изъ лугівъ изъ зеленихъ виіжати,
Стали козаки джуру Ярему стрічати,
Стали молодецького доброго коня и тяги червоні и каптанъ дорогій въ вічі забачати,
Стали на ёго згрозна гукати:
—„Эй, джуроньку малий-невеличкий Яремо!
Де ты сёго доброго вороного коня запопавъ,
И тяги червоні и дорогій каптанъ заслуживъ?
Мабуть, каже, ты Хведора бездільного та безрідного, або продавъ,
Або живцемъ у землю закопавъ? [2])
Джура Ярема тее зачувае,
Шличокъ издиймае,
И козацький обичай увесь передъ козаками отдавае.
—„Ні, каже, я Хведора бездільного та безрідного не запродавъ,
Живцемъ у землю не закопавъ,
А тільки чуть живого между трупомъ заставъ,
На чотирі рани глибокихъ,
А на чотирі широкихъ
Посіченного, порубаного знаходивъ;

---

[1]) Не набіжить козаківъ сердешний!

[2]) Значить, вони бачять его заслужчини, такъ клопочутця. То-жъ бувъ іхъ атаманъ.

То вы козацький звичай добре знайте,
Та Хведора бездільного та безрідного тіло козацьке-молодецьке
На поталу птиці-звіру не подайте;
Хорошенько тіло его, козацьке-молодецьке, поховайте!"
То вони ті слова зачували,
Сорокъ чоловіка изъ табору одлучали,
Та по Хведора бездільного та безрідного посилали.
То вони-жъ то сорокъ чоловіка та дванадять день помежду трупомъ промешкали,
Поки Хведора бездільного та безрідного тіло козацьке-молодецьке знаходили,
Ну, живого его, козака, не застали.
То вони его тіло козацьке-молодецьке на червону китайку забірали,
Та зъ Дніпра чистої води набірали,
Та ёго рани глибокиі и широкиі промивали;
Та булатними шаблями глибоку яму копали,
Та ёго тіло, козацьке-молодецьке хорошенько поховали.
Та шличками персть носили,
И високу могилу висипали;
И въ головахъ дубовий прапірокъ[1]) поставили,
Хорошенько поховали;
А чимъ ёго поминали,
Що въ себе сухарі въ сумкахъ мали[2])...
Хотя Хведора бездільного та безрідного голова полягла,
Такъ ёго слава, козацька молодецька, не вяне, не поляже.
Між ду панами,
Між ду козаками,
Між ду всіма православними християнами.
Одъ нині до віка,
На многиі літа!

Иванъ Коновченко.

На славній Украіні,
Въ славному городу у Корсуні,
Та тамъ живъ корсунській полковникъ Филонъ;
То вінъ по городахъ листи засплавъ

---

[1]) Стовпъ.
[2]) Більше-жъ тамъ нічого не було въ іхъ!

Сотниківъ и полковниківъ и козаківъ рядовихъ въ охотне військо викликавъ:
—„Ой вы сотники и полковники и козаки рядовиі!
Который охотникъ пійти изо мною на Черкеню-долину гуляти,
Слави-царствія заживати,
За віру христіянську у въ одній стані стати!...
Чи не дасть намъ Богъ якої добичі собі мати?“
То всі сотники и полковники замовчали.
Тількі жила у городі у Черкасі, по прозванію Коновчиха, а по мужу Грициха, удова.
То вона собі мала Ивася—сына единчика;
То вінъ ті листи у вічі забачае,
До своїй матусі рідненької, вдови старенької словами промовляе:
—„Ой вдово, старенькая жоно, ты мати моя рідненька!
Благословы ты мене мати
Съ корсунськимъ полковникомъ, съ паномъ Филономъ, на Черкеню-долину пійти погуляти,
Слави-царствія заживати,
За віру христіянську у въ одній стані стати!
Чи не дасть намъ Господь милосердний якої добичі собі мати?“
А вдова сее зачувае,
До свого Ивася единчика, прекрасного лицаря, словами промовляе;
—„Ой Ивасю, сыну единчику, не благословлю я тобі, сыну, на Черкеню-долину гуляти,
А благословлю я тобі, сыну, чотири коні вороні изъ загороди одлучати,
Та пти у поле хліба пахати“.
—„Ой хотілось мені, мати, съ корсунськимъ полковникомъ пійти на Черкеню-долину полуляти,
Та хотілось мені, мати, весь козацкій звичай узнати;
Якъ-би ты, вдова старенька, матусю моя рідненька мою волю вволила,
Та чотири воли чабанні, и чотири коні вороні изъ загородъ одлучила,
Та дванадцять червонцівъ доложила,
Та до города до Крылова одіслала,
Та до жида до Лицаря, та мені доброго молодецького коня купила,
Которого моя душа влюбила та ухвалила“.
То вдова тее зачувае,
До свого Ивана нічого словами не промовляе,
Та до Божого дому на моленіе схожае,
А свого Ивася Коновченка, единчика свого, на прочімъ єго покидае.
То Ивась Коновченко отъ сна уставае,
По стінахъ поглядае,

Шо батьківского ружья по стінахъ и ни одного немае [1]).
По світлиці вінъ прохождае,—
Тільки у запічку батьківска семипьядна пищаль усіяе.
То вінъ козацький звичай знае,
Батьківску семипьядну [2]) пищаль за плечи закладае,
До корсунського полковника сімсотъ верстъ піший махае,
Та корсунського полковника на Черкені-долині на спочивкахъ заставае;
То вінъ до палати прихожае,
Шапку скидае,
Громкимъ голосомъ окликае.
То корсунський полковникъ ёго голосъ зачувае,
Отъ сна уставае,
За білу руку ёго беретъ поспішно хватае,
Словами промовляе,
Здоровъямъ ёго поздоровляе:
—„Эй здоровъ, здоровъ, Ивасю Коновченку, прекрасний лицарю!
Чи то по своїй волі зайшовъ, чи тебе добрий конь занісъ?
Чи ты здоровъямъ змагаешъ?
Чи ты въ себе доброго молодецького коня маешъ?“
—„Я, каже, доброго коня не маю,
А на молодецьке на добре здоровъя змагаю;
Благослови, корсунський полковнику, пане Филоне слави-царствия заживати,
И за віру християнськую у одній стані стати
И по Черкені-долині безпешно погуляти!“...
Якъ стали турки и татари по Черкені-долині гуляти,
Та Ивась Коновченко не дуже безпешно піший гулявъ:
Сімсотъ душъ рубавъ, а сімсотъ живьемъ на арканъ забравъ,
Те до корсунського полковника на примету представлявъ.
А ёго мати рідненька вдова старенька зъ Божого дому, зъ моленія прохожае,
Та свого Ивася Коновченка у домівці своей не заставае
Та горко плаче да рыдае,
Дрібними слізами проливае,
Та чотирі воли чабаніи, чотирі коні вороні изъ загороди одлучае,
Дванадцать червонцівъ докладае,
Та до города до Крилова жида та до линдаря отгоняе,
Та молодецького доброго коня получае,

---

[1]) Мати поховала вже!
[2]) Сімъ пядей. Довга пищаль.

Та донськимъ козакомъ Иваномъ Захарютою одсилае
И низкій поклонъ ёму передавае:
—„Ой, Ивасю, единчику, Коновченку, бодай тебе, сыну, шашка не рубала
И бистра пуля минала!“...
То Иванъ козакъ Захарюта бере коня вороного за шовкові поводи,
На Черкеню-долину приїжае;
То Ивась Коновченько оддали доброго коня своёго въ вічи забачае,
Та до корсунського полковника словами промовляе:
—„Эй, корсунський полковнику, пане Филоне,
Я-жъ думавъ, що мене мати кляне—проклинае,
Ажъ вона мені хороший гостинець передавае,
Которого коня, доброго молодецького моя душа улюбила, та вже й ухвалила.
Отъ теперъ, корсунський полковнику, благослови на Черкені-долині безпешно погуляти!“
А корсунський полковникъ тее зачувае,
До Ивася—единчика словами промовляе:
—„Не благословлю, каже, я тобі на Черкені-долині безпешно гуляти,
А благословлю я тобі на червоній китайці сидіти,
Бо ще жъ ты дитя молодое“.
То Ивась Коновченко тее зачувае,
До корсунського полковника слова промовляе:
—„Эй, корсунський полковнику, пане Филоне,
Возьми ты утя одно старое, а другее малое,
Та пусти ты на Чорнее море,
Чи не поплине те малое, такъ якъ-бы и старое?
А ты, корсунський полковнику, благослови мені оковитого зеленого вина уживати,
Та тоді пойду на Черкеню-долину безпешно гуляти“!
То корсунський полковникъ тое зачувае,
Словами промовляе:
—„Хиба тобі, Ивасю Коновченку, единчику, прекрасний лицарю, оковитее вино закрите?“
То вінъ козацький звичай знае, до сорокової бочки приступае,
Та зеленого вина скілько вгодно уживае;
То вінъ такъ зеленого вина свій кубокъ наливъ
И козацьке свое сердце звеселивъ...
То тоді свого доброго коня молодецького поспішненько и тугенько сідлае
И по Черкені-долині безпешне гуляе.
Исъ сідьмого часу до четвертого гулявъ,

Такъ ни одного ни турка, ни татарина живого не оставлявъ,
И между тимъ трупомъ безпечно по Черкені-долині гуляє,
Свою головку низенько коневі на гриву схиляє [1])...
А сідобородий татаринъ между трупівъ вставає,
Та ззаді забігає,
То вінъ ёго не дуже взявъ,
А тільки чуть у вілъ съ конемъ не перерубавъ [2])...
То корсунський полковникъ по Черкені-долині поглядає,
То вже Ивана Коновченка, прекрасного лицаря живого немає;
То ще-жъ то вінъ поміжъ тимъ трупомъ промешкає,
Ёго тіло козацьке-молоденьке знаходжає,
На червону китайку забирає,
Та ёго тілю, козацьке-молоденьке, хорошенько на Черкені-долині ховає,
Доброго молоденького коня забирає,
До города до Черкаса до вдови старенької назадъ одсилає,
И самъ у гості до старої вдови заїжжає,
И козаківъ запорожскіхъ засилає,
И низкі поклони отдаває,
До вдови старої, Коновчихи, словами промовляє:
„Ой здорова, здорова, старая жено, по прозванью Коновчихо, а по мужу Грицихо!
Чи ты горко плачешъ, плачешъ та ридаешъ,
За своімъ Ивасемъ Коновченкомъ и скучаешъ?
А твій сынъ на Черкені-долині одружився,
Взявъ собі жену німкеню!" [4]...
То вона тії слова зачувала,
До корсунського полковника словами промовляла,
У свій домъ зазивала
И корсунського полковника, пана Филона угощала,
И всімъ донськимъ козакамъ запорожськимъ по червонцю награди давала.
А тільки корсунський полковникъ, панъ Филонъ, со двора зъїжжавъ [3]).
То горко заплакавъ, зарыдавъ,
Що прекрасного лицаря Ивася Коновченка на Черкені-долині утерявъ.
То въ свою Украіну приїжжає,
До вдови Коновчихи листи посилає:

[1]) Уже нема нікого!

[2]) Той притаився между трупомъ, а Ивась уже їздивъ,—уморився, ёго и вивъ розибрало.

[3]) Вінъ їй не подобався тоді, якъ самъ бувъ!

—„Ой удово, старенькая жено, не дуже радуйсь, веселися.
Бо твій сынъ не оженився, а получивъ собі жену високу могилу и віруу дружину!“
То вона тоді ті листи въ вічі забачае, горко плаче-рыдае,
Та корсунського полковника споминае:
—„Бодай ты, корсунський полковнику, щастя свого долю мавъ,
Якъ ты мого сына, прекрасного лицаря, Ивася Коновченка, на Черкені-долині утерявъ!
Отъ-же хоть на Черкені-долині Ивася Коновченка голова полягла,
Такъ ёго слава козацька-молодецька не вяре, не поляже,
Между панами,
Между козаками,
На многая літа
До конця віка!

Два дня на Прилинкѣ минули какъ сонъ. „Поважныя“ думы, „уродливые“, по мнѣнію умниковъ, псальмы, грубоватыя шутливыя пѣсни,—весь этотъ скарбъ сѣдой головы бандуриста выгружался предо мною и погружалъ меня въ какой-то особый міръ крестьянской поэзіи, гдѣ, на ряду съ старыми преданіями, видѣлся цѣликомъ особенный, давній умственный строй. Въ старческомъ голосѣ кобзаря, въ его старосвѣтскихъ речитативахъ, въ тихомъ рокотаньи бандурныхъ струнъ чуялись самые образы старой жизни, вѣяло дыханіе сермяжной музы, слышались голоса прошлаго.

Подвигаясь на сѣверъ, я покидалъ милую Полтавщину съ ея безбрежными равнинами, гдѣ нѣтъ препонъ ни глазу, ни воображенію, мирными селами съ старыми трехглавыми церковками посрединѣ, безконечными, далекими лугами, гдѣ тихо струятся Исель и Сула, окружая себя то зеленью лѣсовъ, то сыпучими бѣлыми песками... Среди незначительныхъ дорожныхъ встрѣчъ, столь рѣдкихъ осенью на проселкахъ, почти на выѣздѣ изъ лохвицкаго уѣзда, мнѣ попалась на полѣ кучка людей, какъ-бы землемѣровъ. Протягивали цѣпь, вбивали вѣхи и колки въ землю. То было „изысканіе“ будущей желѣзно-дорожной линіи (отъ ст. Талалаевки либаво-роменской ж. д. на Кременчугъ). Инженеръ, „всемірный гражданинъ“, въ ботфортахъ, съ шапкой на уши, съ биноклемъ въ рукахъ, стоялъ на полѣ и распоряжался рабочими, направляя ихъ съ инструмен-

тами по проэктированному пути. Какъ разъ на чертѣ будущей дороги пришлась степная могила, какихъ много на границѣ роменскаго и лохвицкаго уѣздовъ. Безстрастный пришелецъ—„изъискатель“ далъ знакъ и заступъ ударился въ грудь старой могилы для водруженія желѣзно-дорожной вѣхи. Глядя на этотъ живой образъ столкновенія стараго міра съ новымъ, думалось невольно о томъ, что принесетъ за собою эта новая „цивилизація“ въ еще дѣвственный край. Что внесетъ она вслѣдъ за этимъ механическимъ сооруженіемъ, которое есть только одно изъ вспомогательныхъ *средствъ* новой жизни, что пробудитъ она въ умственной жизни этого края и какіе новые всходы замѣнятъ хотя-бы тѣ, взрощенные этой почвой, цвѣты поэзіи, которыми полна еще была моя душа?.. Степной вѣтеръ гулялъ надъ могилой и „равнодушная“, безтрепетная предъ будущимъ, созидательница-природа улыбалась подъ лучами осенняго солнца...

В. Горленко.

Самозванный флигель-адъютантъ солдатъ Семеновъ.

(1826 г.) [1]

Извѣстныя изъ исторіи декабристовъ волненія, происшедшія въ 1825 году между войсками расположенными въ юго-западномъ краѣ, отразились въ слѣдующемъ 1826 году между крестьянами множествомъ ложныхъ слуховъ и толковъ о предстоящей въ скоромъ времени рѣзнѣ помѣщиковъ, шляхты и вообще всѣхъ, кто такъ или иначе стоялъ во враждебныхъ отношеніяхъ къ крестьянству.

По всей южной половинѣ кіевской губерніи пронесся слухъ объ указахъ, будто-бы полученныхъ священниками, въ которыхъ повелѣвалось послѣднимъ покончить исповѣдь прихожанъ къ великому четвергу и освятить пасхи въ этотъ день, потому что на свѣтлый праздникъ всѣ церкви должны быть запечатаны, и крестьяне, отъ мала до велика, должны идти истреблять пановъ. Въ Уманьщинѣ разсказывали о появленіи сына Гонты; говорили, будто-бы онъ разослалъ всѣмъ панамъ указы съ предложеніемъ отдать всю землю крестьянамъ и выбраться, какъ можно поскорѣе, въ Варшаву; кто-же не послушается указа и до свѣтлаго праздника останется на мѣстѣ, тотъ падетъ отъ крестьянской руки.

Крестьяне подъ вліяніемъ такихъ слуховъ становились все смѣлѣе въ заявленіяхъ протеста противъ угнетеній своихъ помѣщиковъ: во многихъ мѣстахъ слышались угрозы, въ другихъ крестьяне не хотѣли отработывать барщины; въ Яблоновкѣ (таращанскаго уѣзда) крестьяне хвалились, что ихъ озеро „достачить“ на сколько угодно человѣкъ оружія; въ Ситковцахъ (того-же уѣзда) составляли списки ополченія.

---

[1]) Настоящій разсказъ извлеченъ изъ дѣла, хранившагося прежде въ архивѣ кіевской уголовной палаты и переданнаго теперь въ кіевскій центральный архивъ.

Но наступили и прошли свѣтлые праздники, а возстаніе не вспыхнуло: тогда народная молва перенесла срокъ его на Ѳомину недѣлю.

Около этого послѣдняго срока, въ субботу, 3-го апрѣля 1826 года, провокатые изъ с. Дзендзелевки привели въ с. Иваньки (уман. уѣзда) къ мѣстному соцкому солдата днѣпровскаго полка Алексѣя Семенова. Онъ возвращался изъ домашняго отпуска (изъ с. Хмѣлеваго, орловской губ.) и, какъ видно, не особенно поспѣшалъ въ свой полкъ: въ каждомъ селеніи проживалъ онъ по два, по три дня. Это замѣтилъ экономъ с. Кутовъ и распорядился о доставленіи Семенова подъ карауломъ къ его полку, стоявшему въ м. Соколовкѣ: онъ съ десяцкими отправилъ Семенова въ сосѣднее село, написавъ всѣмъ лежащимъ по дорогѣ экономіямъ, чтобы съ такимъ-же карауломъ препровождать его дальше.

Теперь привели его въ Иваньки и подали соцкому записку кутовскаго эконома; но случившійся тутъ дьячекъ, котораго соцкій просилъ прочитать, не зналъ по-польски, тогда Семеновъ подсунулъ свой билетъ, а записку спряталъ. Дьячекъ, посмотрѣвъ на билетъ, сказалъ „хорошо", и соцкій повелъ солдата на квартиру.

За „вечерей" въ избѣ крестьянина Григорія Бенедя послѣдній сталъ распрашивать Семенова о новостяхъ.

— У насъ прошелъ было слухъ, началъ Семеновъ, что вышелъ отъ царя указъ забирать всѣхъ пановъ въ Петербургъ, и когда всѣхъ заберутъ, то крестьяне будутъ свободны, не будутъ больше на панщину ходить.

— Та и у насъ пішла була поголоска, що-бъ святили паски въ великий четвергъ, бо на Великдень всі, мали й велики, підуть різать панівъ: та отъ и Великдень пройшовъ, а нічого зъ того не вийшло. А, якъ-бы то який чортъ взявъ панного...

На этомъ и кончился разговоръ. Солдатъ сообразилъ, каково настроеніе крестьянъ и какъ имъ воспользоваться, и въ этотъ-же вечеръ составилъ цѣлый планъ грабежа мѣстныхъ пановъ. Вскорѣ послѣ этого разговора зашелъ въ избу Бенедя соцкій, чтобы освѣдомиться, какъ устроился солдатъ на квартирѣ и узнать отъ него что нибудь новое. Семеновъ выслалъ всѣхъ домашнихъ изъ хаты, заперъ на крючекъ двери и, вынувъ изъ ранца записку кутовскаго

экономa, началъ разсказывать соцкому и Бенедю о своемъ мнимомъ назначеніи.

— Вотъ указъ отъ государя императора, въ немъ велѣно мнѣ забирать по всей кіевской губерніи пановъ и везти къ нему въ Петербургъ. Вы не смотрите на то, что я въ простомъ солдатскомъ мундирѣ; но я не солдатъ, у меня оберъ-офицерскій чинъ и орденовъ, орденовъ; да только мнѣ нельзя такъ показываться, а то какъ увидятъ паны, сейчасъ-же узнаютъ меня и начнутъ прятаться, тогда ищи ихъ. Такъ ты, соцкій, собери на завтра крѣпкій караулъ, человѣкъ въ сорокъ, приготовь кандалы и три тройки; я теперь ѣду въ Романовку и другія села, а завтра вернусь и возьму вашего поссесора, такъ смотри, чтобъ все было готово. Да, смотрите, никому не говорить объ этомъ до моего возвращенія; а то услышитъ вашъ панъ и уйдетъ, тогда будете искать сами; а не найдете, въ Сибирь, въ каторгу сошлю.

Затѣмъ потребовалъ у соцкаго тройку и уже поздно вечеромъ поскакалъ въ сосѣднее село Романовку. Здѣсь онъ переночевалъ; въ воскресенье утромъ, когда явился къ нему соцкій и сталъ распрашивать, по какому виду онъ ѣдетъ, то Семеновъ, ударивъ его нѣсколько разъ плеткой, велѣлъ сейчасъ-же подать тройку и къ обѣду собрать значительный караулъ изъ надежныхъ людей, такъ какъ онъ на возвратномъ пути будетъ препровождать очень важныхъ арестантовъ. Тоже продѣлалъ онъ и въ с. Мошуровѣ, и въ Тальномъ, вездѣ разсыпая удары нагайкой всякому, кто сколько-нибудь ослушивался или медлилъ исполнять его приказанія.

Приготовивъ такимъ образомъ для себя возможность спастись бѣгствомъ, когда откроется его продѣлка и станутъ его преслѣдовать, Семеновъ приступилъ къ выполненію задуманнаго плана.

Вернувшись изъ Тальнаго въ Мошуровъ, онъ засталъ уже здѣсь собранныхъ соцкимъ до пятидесяти крестьянъ, готовыхъ исполнять всѣ приказанія столь строгаго начальства.

Я присланъ отъ царя взять вашего пана и объявить вамъ, что вы съ этого времени свободны, что-бы никто васъ на панщину не требовалъ; идите-же за мной и помогите мнѣ взять его,—такъ зарекомендовалъ себя Семеновъ передъ собравшимися крестьянами.

Толпа, образовавшись, двинулась за Семеновымъ по направленію къ панскому двору, вооружаясь по дорогѣ кольями, вытяну

тыми изъ встрѣчавшихся по пути плетней. Это происходило въ воскресенье, селяне по большей части отдыхали дома отъ работы недѣльной, поэтому къ двигавшейся по улицѣ толпѣ приставало очень много любопытныхъ, и вскорѣ она возрасла до двухъ сотъ душъ.

Дорогой соцкій началъ жаловаться Семенову, что экономъ Квицинскій запретилъ выдавать ему почту. Семеновъ обѣщалъ раздѣлаться съ нимъ за ослушаніе и, отдѣливъ тридцать человѣкъ, приказалъ имъ пойти и окружить домъ поссесора Ганлея, а самъ съ прочими завернулъ къ эконому.

— Здравствуй, с.... с..., мошенникъ! Ты какъ смѣлъ спрашивать у меня бумагу?—обратился солдатъ къ Квицинскому.

Перепуганный экономъ началъ было извиняться, обзывая солдата чуть не высоко-превосходительствомъ, предлагалъ сейчасъ-же приготовить нѣсколько троекъ; но Семеновъ не слушалъ его.

— Я тебѣ покажу бумагу! У меня ея цѣлый мѣшокъ,—продолжалъ онъ кричать на эконома.

— Эй, соцкій, кандаловъ! Заковать его! А вы чего стоите безъ шапокъ, надѣвайте, уже ихъ панство кончилось; на панщину никто не посмѣетъ гнать васъ.

— Ваше высоко-превосходительство, это имѣніе генерала Нарышкина, проговорилъ едва слышно экономъ.

— А, Нарышкина?! Ну, такъ можно немного работать;—только не много!!

Крестьяне, понуждаемые плетью и кулаками Семенова, быстро заклепали въ желѣза эконома; тогда самозванный царскій посланный, поставивъ подлѣ него караульныхъ, повелъ стоявшихъ тутъ крестьянъ къ поссесору Ганлею.

Между тѣмъ Ганлей, увидавъ такую толпу съ дрекольемъ въ рукахъ и припомнивъ слухи о рѣзнѣ, испугался и велѣлъ затворить всѣ окна и двери и спрятался съ семействомъ въ бывшій подъ домомъ погребъ. Семеновъ приказалъ брать домъ приступомъ: крестьяне принялись бить стекла въ окнахъ, а другіе, подхвативъ лежавшее позади дома бревно, стали разбивать двери. Ударили разъ, другой; двери—дубовыя, не поддаются; за третьимъ разомъ съ грохотомъ и трескомъ повалились въ сѣни. Семеновъ, какъ стоялъ передъ крыльцемъ верхомъ на лошади соцкаго, такъ и двинулся прямо въ панскіе покои.

Въ сѣняхъ стоялъ перепуганный Ганлей.

— Ты, кто таковъ? спросилъ его Семеновъ и ударилъ нѣсколько разъ нагайкой.

— Я хозяинъ дома, отвѣчалъ Ганлей. Семеновъ приказалъ ему слѣдовать за собой въ залу. Здѣсь, ударивъ нѣсколько разъ Ганлея по щекѣ кулакомъ, Семеновъ велѣлъ сельскому атаману заковать пана въ кандалы, перевести въ другую комнату, раздѣть тамъ до нага и обыскать. Крестьяне сняли платье съ Ганлея и подали солдату. Въ карманѣ сюртука лежало полтораста рублей ассигнаціями и шесть рублей серебряной монетой; Семеновъ деньги вынулъ и взялъ себѣ, а платье подалъ назадъ хозяину.

Затѣмъ онъ позвалъ экономическаго писаря и приказалъ ему сейчасъ-же составить опись всего имущества Ганлея, а самъ съ другими крестьянами пошелъ въ кладовую, гдѣ взялъ двѣ серебряныхъ ложки, ножъ и бутылку вина, и воротился назадъ въ покои. Опись была составлена. Семеновъ посмотрѣлъ на нее, сложилъ и сунулъ въ карманъ. Въ это время пришелъ какой-то отставной офицеръ Хржановскій и сталъ ругать Семенова за безчинства; Семеновъ скомандовалъ крестьянамъ дать офицеру двѣсти розокъ, и тѣ исполнили приказаніе; затѣмъ по распоряженію Семенова Хржановскаго забили также въ колодки и посадили подлѣ Ганлея.

Теперь я у васъ покончилъ, нужно ѣхать въ Романовку,—обратился Семеновъ къ крестьянамъ; ты, соцкій, поставь здѣсь крѣпкій караулъ и береги ихъ до моего возвращенія, да приведи сюда также и эконома.

Привели эконома. Семеновъ посадилъ всѣхъ троихъ пановъ посрединѣ комнаты, вокругъ ихъ поставилъ двадцать человѣкъ стражи, потребовалъ себѣ отъ поссесора верховаго козака Захарія Кутерногу для разсылокъ и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Романовку.

Въ Романовкѣ соцкій также собралъ указанное число крестьянъ и дожидалъ пріѣзда Семенова. Да и какъ было не собрать, не послушаться его приказаній? „Вінъ-же вдавъ зъ себе такого строгого началника",—такъ крестьяне объясняли свое увлеченіе на допросѣ. Да, нашъ крестьянинъ того времени, привыкшій встрѣчать отъ засѣдателя и исправника самое грубое обращеніе, создалъ представленіе о высокомъ чиновникѣ, какъ о человѣкѣ съ кнутомъ и крѣпкимъ кулакомъ, разсыпающемъ удары на право и на лѣво, и чѣмъ сильнѣе

эти удары, тѣмъ важнѣе, значитъ, чиновникъ, а Семеновъ такъ искусно выполнялъ столь несложную роль.

Въ Романовкѣ объявили ему, что помѣщика дома нѣтъ, выѣхалъ куда-то, остался только его экономъ Чайковскій, при чемъ жаловались на послѣдняго за его жестокое обращеніе съ крестьянами. Семеновъ велѣлъ написать и подать ему жалобу; обѣщалъ наказать его и послалъ за Чайковскимъ козака Кутерногу. Чайковскій не пошелъ и заперся въ своихъ „официнахъ". Тогда Семеновъ съ шестьюдесятью крестьянами двинулся къ панскому двору, окружилъ домикъ эконома, приказалъ бить стекла въ окнахъ, выбить двери и вытащить Чайковскаго на дворъ.

— Ты какъ смѣлъ ослушаться моихъ приказаній?—закричалъ Семеновъ на Чайковскаго. Разложить его! И Семеновъ отсчиталъ эконому собственноручно двѣсти плетей. Чайковскій сошелъ кровью и лежалъ безъ чувствъ. Ожесточеніе крестьянъ противъ эконома было столь велико, что никто не тронулся пособить ему.

Затѣмъ Семеновъ повелъ крестьянъ къ помѣщичьимъ кладовымъ, отбилъ у нихъ замки и взялъ голову сахару, серебряную сахарницу, ножницы и нѣсколько связокъ табаку.

Было уже около четырехъ часовъ по полудни. Семеновъ почувствовалъ усталость отъ трудовъ и не захотѣлъ уже ѣхать въ Иваньки, а послалъ отъ себя козака Кутерногу съ романовскими сотскимъ и атаманомъ, поручивъ имъ арестовать иваньковскаго поссесора Яворскаго и ожидать его пріѣзда. Въ знакъ полномочія онъ надѣлъ на Кутерногу взятую у Гаплея саблю.

Иваньковская громада давно уже съ нетерпѣніемъ ожидала пріѣзда „флигель-адъютанта изъ Петербурга", какъ тутъ окрестили Семенова, и когда полупьяный Кутернога, указывая на саблю, объяснилъ крестьянамъ свое назначеніе и сказалъ имъ идти за нимъ, то вся толпа ринулась въ панскій дворъ.

На крыльцѣ встрѣтилъ толпу Яворскій и обращаясь къ Кутерногѣ, спросилъ:

— Ты хто такий и звідки взявся?

— Я самъ собі чоловікъ, приїхавъ взять тебе; а отъ, за мною скоро приїде жандаръ, такъ пропадешъ тоді, якъ собака,—отвѣтилъ Кутернога и ударилъ Яворскаго плетью.

Яворскій скрылся въ комнаты и заперъ за собою двери, затѣмъ, увидѣвъ черезъ окно соцкаго, закричалъ ему:

— Эй, соцкій, бійся Бога! що ты робишъ, чомъ не вяжешъ цихъ розбійниківъ? Я ніякого указу не читавъ и не бачивъ, се якійсь обманъ.

— Такъ я бачивъ і чувъ, якъ читали,—отвѣтилъ соцкій: пропала теперъ твоя голова, Яворскій!

Яворскій выслалъ двухъ дюжихъ шляхтичей, чтобы связали козака, но крестьяне не позволили имъ этого сдѣлать и поколотили ихъ. Послѣ этого Кутернога ударилъ плетью по окну, выбилъ стекла и думалъ было черезъ окно пробраться въ комнаты, но былъ оттолкнутъ находившимися тамъ экономами Яворскаго и упалъ на землю. Разсерженный такимъ сопротивленіемъ, онъ приказалъ разбивать двери. Между тѣмъ за это время Яворскій успѣлъ спрятать свое семейство въ безопасное мѣсто, а самъ рѣшился отдаться въ руки взбунтовавшихся крестьянъ, поэтому отперъ двери и пустилъ ихъ въ комнаты. Крестьяне бросились вязать поссессора и его экономовъ: принесли сдѣланныя въ этотъ-же день спеціально для своего пана колодки и набили ихъ на ноги Яворскому. Кутернога съ саблей на-голо расхаживалъ по панскимъ покоямъ и раздавалъ приказанія, копируя своего начальника: писарю онъ велѣлъ описать все имущество Яворскаго, опечатать кладовыя, погреба, а соцкому послать надежныхъ людей въ с. Полковничую и тамъ также арестовать пана и доставить въ Иваньки.

Запировали тогда мошуровскіе, романовскіе и иваньковскіе крестьяне по случаю столь легко и неожиданно полученной воли; Семенова угощали водкой, курами, яйцами. Но не долго продолжалась ихъ радость: вечеромъ того-же дня имъ пришлось разочароваться въ мнимомъ посланникѣ царскомъ, а на слѣдующій день испытать всѣ ужасы экзекуціи.

Въ ту пору, какъ Семеновъ наказывалъ въ Романовкѣ экономъ Чайковскаго, черезъ Тальное проѣзжалъ засѣдатель Скинтѣевъ. Увидѣвъ стоявшую подлѣ почтовой станціи толпу крестьянъ, онъ остановился и спросилъ, по какому случаю они тутъ собрались. Соцкій отвѣтилъ ему, что пріѣзжалъ какой-то важный чиновникъ изъ Петербурга, велѣлъ ему приготовить пять троекъ и крѣпкій караулъ для препровожденія арестованныхъ въ сосѣднихъ селахъ

пановъ. Скинтѣевъ въ недоумѣніи, чтобы это значило, помчался по дорогѣ къ Мошурову, куда, какъ указали ему крестьяне, уѣхалъ петербургскій чиновникъ. Дорогой онъ старался угадать, кто-бы это могъ быть, и рѣшилъ, что, вѣроятно, пріѣхало какое нибудь весьма важное лице, чтобы арестовать пановъ, замѣшанныхъ въ исторіи декабристовъ; изо всѣхъ силъ спѣшилъ онъ встрѣтить должнымъ образомъ эту важную особу. Но въ Мошуровѣ его недоумѣніе разсѣялось: видъ разбитыхъ стеколъ и дверей, закованныхъ и избитыхъ пановъ, ограбленіе Ганлея—все этого было дѣломъ, свойственнымъ больше разбойнику, чѣмъ представителю власти. Сообразивъ быстро, Скинтѣевъ помчался по слѣдамъ за Семеновымъ.

Семеновъ въ это время выѣхалъ изъ Романовки по дорогѣ въ Иваньки, но, угостившись черезмѣрно, не могъ дальше ѣхать и тутъ-же, за селомъ, подлѣ стоявшихъ чумаковъ прилегъ и заснулъ. Тутъ его и настигъ Скинтѣевъ.

Разбуженный ударомъ Скинтѣева, Семеновъ поднялся, вынулъ ножъ и уже занесъ его надъ Скинтѣевымъ, но былъ удержанъ чумаками. Его связали, положили на повозку къ Скинтѣеву и подъ карауломъ отвезли въ Мошуровъ.

Не рѣшаясь оставить такого важнаго преступника безъ своего личнаго присмотра, Скинтѣевъ отрядилъ десять дюжихъ шляхтичей и поручилъ имъ арестовать въ Иванькахъ козака Кутерногу и другихъ главныхъ зачинщиковъ, а самъ остался въ Мошуровѣ и арестовалъ мѣстныхъ крестьянъ.

На другой день привели закованнаго и избитаго Кутерногу, явились войска, пріѣхалъ судъ; на улицахъ запылали костры подъ громадными котлами, а по селу бѣгали солдаты, хватая куръ, гусей и поросятъ, и все это тащили къ костру.

Крестьяне долго не знали, кому вѣрить: освобождавшему-ли вчера отъ панщины чиновнику въ солдатскомъ мундирѣ, или закрѣпощавшимъ на другой день засѣдателю и исправнику, рѣшили, что паны подкупили начальство и покорились своей судьбѣ...

Семенова по суду приговорили къ смертной казни, а изъ ста пятидесяти арестованныхъ крестьянъ однихъ сослали въ Сибирь, въ каторжныя работы, другихъ на поселеніе, третьимъ присудили по пятидесяти ударовъ кнутомъ, нѣкоторыхъ оправдали.

К. К—къ.

КЪ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ.

ВНУТРЕННІЕ РАСПОРЯДКИ.

I.

Приговоръ большой экстраординарной „рады“.

Въ запорожскомъ войскѣ бывали годовыя и полугодовыя „рады“, то есть общія собранія всѣхъ чиновъ „товариства“,—первыя для выбора кошеваго и всей „войсковой“ старшины, то есть судьи, обознаго, эссауловъ и другихъ, а полугодовыя—для отдачи по жеребью степей, рѣчекъ и другихъ угодьевъ. Экстраординарныя „рады“ или сходки собирались по особеннымъ случаямъ, какъ-то: для выслушанія высочайшихъ указовъ, гетманскихъ универсаловъ, внезапному наряду козаковъ на пограничную службу, отпускъ „громадскихъ“ денегъ, а также рѣшенія спорныхъ дѣлъ и принятія особенныхъ мѣръ по внутреннимъ распорядкамъ. Къ этому послѣднему разряду принадлежитъ „рада“ 23 декабря 1764 года, приговоръ которой, списанный нами, къ несчастію съ весьма ветхаго документа, предлагаемъ здѣсь съ возможною точностію. Этотъ документъ весьма любопытенъ и по особенной его формѣ изложенія, и по прикосновенію его къ исторіи гайдамачества, въ томъ особенно смыслѣ, что опровергаетъ категорически участіе Запорожья, какъ общины, въ набѣгахъ на поляковъ и жидовъ.

1764 года декабря въ 23 день.

„Мы всѣхъ куреней атаманы, со всѣми старшими козаками, съ стариками и молодыми, добросовѣстными, въ Кошу запорожскомъ, при собраніи полномъ войсковомъ всѣхъ старшинъ, стариковъ и атамановъ, по приговору и желанію къ доброму порядку всего Коша дали сію въ Кошу росписку въ нижписаннемъ:

„Гдѣ есть степами и лугами, нашихъ куреней, воры и злодѣи и какой бы не былъ ватажекъ, передержатель и покупщикъ воровскаго, не только гдѣ жили, но и гдѣ шатались въ чатахъ и собраніяхъ, до единаго прибрать въ руки, искоренить и удержать вовсе отъ воровства, дабы ни въ татаръ, ни въ Польши ни въ россійскихъ подданныхъ, по шляхамъ и по зимовникамъ, ни на одну копѣйку веточъ отъ сего дне не чинили-бъ; зо всѣми до единаго козака смотрѣть отнюдъ удержать обовязать; защищать, передерживать виннаго и за нимъ ручиться нигдѣ не будутъ; къ бунтамъ и радамъ ни одного не допускати, и за то худобою своей и горломъ со всѣмъ куренемъ ставить, не щадя единъ одного и по всѣмъ приказамъ всегда будемъ въ послушаніи въ Кошеваго и старшинъ войсковыхъ: воровство вовсе истребить приступаемъ и прійдется (?) вѣрно. А ежели въ какомъ куренѣ атамамъ не исправенъ, ослушенъ и потатчикъ злодѣйствамъ будетъ, то господину Кошевому вольно его покарати и того приказать отставить, а другого изобрать, и только добраго и исправнаго заразъ поставить, а его во всѣхъ куренихъ всякой чести лишить и въ другой разъ атаманомъ не выбирать и не становити. А господину Кошевому и войсковой старшинѣ отъ сего же дня за нами, якъ и за всѣми куренями такъ смотрѣть, щобъ были мы всегда въ добромъ страду и порядку и на кому что явится, не миновати и нѣякого воровства не допускать и карати, по войсковому обычаю, потачокъ, дозволенія не на что худое никому не давати, взятковъ зъ винныхъ не брати и ихъ не выпускати безъ наказанія всего Коша, ни за малѣйшую воровскую вину; ни на какіе поруки воровъ и ихъ согласниковъ не давати; а кто прійдетъ за такимъ ручитись, то и того оковати и зъ воромъ равно держати и карати".

„А ежели не такъ поступатиметъ господинъ Кошовій, судія, писарь и асауль, и явится въ чемъ потакунъ, или добрыхъ или невинныхъ козаковъ будетъ напрасно обижать, то, не дожидая рады годовой или полугодовой, атаманамъ и старикамъ такихъ правителей, заразъ зъ доносомъ главнымъ командамъ, отъ Коша отставить и никогда того подозрительнаго и слабаго старшину уже не выбирать и въ ни какой чинъ не ставить, и якого дѣла и обидъ не окончить, то зъ самаго того взыскать. При томъ-же они господа въ Кошу правящіе землю войсковую отъ всякихъ утисковъ оберегать и милости отъ ея императорскаго величества высочайшихъ правительствъ и главныхъ командъ искать, за всѣ

нужды и надобности, и не пропускать никакихъ дѣлъ и всегда смотрѣть по всему Кошу о добрыхъ состояніяхъ".

„Дабы въ полномъ послушаніи, чести и вѣрности все могло жити и войсковыми прежними полезными обычаями и привиллегіями на вѣки пользовались и на то все войско въ войсковій особливый скарбецъ и табель восковій сдѣлати, съ чего лучше можно, и умножити такъ, якъ въ другихъ войскахъ, и при сборѣ стариковъ и атамановъ считати, теряти и содержати: скрынку войсковую неподвижную при церкви расходную для Коша [1]) въ судіи и о томъ всемъ стараться правящимъ въ Кошу. Тако-жъ порохъ и свинецъ войсковій неподвижно содержати. На каждую потребность атаманамъ и старшинѣ казны войсковой себѣ никогда не дѣлити и не касаться, безъ стариковъ, до скарбцу неподвижнаго войсковаго, подъ смертнымъ штрафомъ, и кто на то настояти маетъ и сей войсковый уставъ и подписи наше перемѣнитиметь, то горломъ карать и всю худобу его забирать, не уважати ни на старшину, ни на атамановъ и ни на кого. А что-бъ всегда войско запорожское низовое исправно было ружьемъ, коньми со всѣмъ приборомъ, того господину Кошевому и атаманамъ всѣмъ смотрѣти и приказывать безъ забутку, и за всѣми козаками атаманы будутъ неусыпно того наблюдати и на службу его императорскаго величества отъ мала до велика готовы состоять и состоятимуть на вѣки".

„Въ томъ подписуемся всякъ куреня атаманъ зъ старикамн и козаками по простотѣ крестами, а кто можетъ письмомъ, и что должны все вышеписанное содержати и исполняти непремѣнно сугубо и охотно обовязуемся, а въ аппробацію и подвержденіе господинъ Кошевый атаманъ и войсковые старшины нынѣшніе и бывшіе на семъ подписываться имѣютъ, и войсковую печать при всѣхъ приложить, и представить всѣмъ высокимъ властямъ, и читать сіе всегда въ радѣ при сборѣ старшинъ".

За симъ слѣдовали цѣлыя тетради подписей, но они пропали, а уцѣлѣли лишь 26 подписей одного титоровского куреня, и во главѣ ихъ подпись, т. е. крестъ „атамана куреннаго Федора Шамрая".

---

[1]) Вѣроятно „съ ключемъ".

II.

Ордеръ по пограничнымъ дѣламъ съ татарами.

„Вамъ Маркови Каженови, куренному (атаману) незамоевскому и знатному войска нашего запорожскаго низоваго товарищеви, такожъ и прочимъ войска нашего при Камянце[1]) сидячимъ и по иныхъ мѣстахъ по близу козакамъ симъ нашимъ войсковымъ открытымъ листомъ, объявивъ, приказуемъ:

„Понеже отъ насъ войска нарочно опредѣленные куренные атаманы, два человѣка: куреня корсунскаго *Пазелъ Козелецкій*, да куреня васюринскаго *Иванъ Шостакъ*, и придавъ къ нимъ пристойное число козаковъ, къ перевозу Кизи-Керменскому[2]), поставленному отъ хана крымскаго, для изслѣдствія и распросу, почему оный при Кизи-Кермени перевозъ отъ татарской стороны учрежденъ, и маютъ-ли они отъ кого на то повелительный указъ или нѣтъ, и дабы на томъ ихъ кизи-керменскомъ перевозѣ людей никакихъ купецкихъ и прочихъ не пуская, ихъ оттоль отвергнуть и возить не дерзать, запретить посылаются".

„Того ради и вамъ пригрозя приказуемъ: по ихъ вышеозначенныхъ атамановъ требованію не чинясь ослушными, всякое удобовозможное спомоществованіе чинить, и сами собою потрудитесь, и тако сколько можно будетъ зъ околичныхъ тамошнихъ зимовниковъ козаковъ и взявши оныхъ къ соби, зъ выше прописанными нарочно посланными атаманами, къ перевозу кизикерменскому имѣете поѣхать, и что они прикажутъ вамъ дѣлать, не ослушаясь то и дѣлайте, а сверхъ ихъ приказу отнюдь вамъ ничего не сочинять и жадныхъ ссоровъ и дракъ, такожъ и озлобленій никому не показовать, подъ жесточайшимъ штрафомъ. Данъ зъ Коша сентября 27, 1743 году".

На означенномъ подпись: „Якимъ Игнатовичъ, атаманъ кошевый войска запорожскаго низоваго съ товариствомъ".

(М. П.).

Причиною такого распоряженія было то, что татаре, дабы переманить купцовъ и солевозовъ на свою сторону мимо запорожской переправы въ камянскомъ фортостѣ, устроили свой у нынѣшняго Борислава, существующій доселѣ.

---

[1]) С. *Каменка* херсонской губер. и уѣзда на рѣчкѣ сего имени, впадающей въ Днѣпръ, выше Берислава. Тамъ въ 1711 году была временная Сѣчь и переправа на крымскую сторону.

[2]) *Кизи-Керменъ*—нынѣ *Бериславъ* херсонской губерніи.

III.

Духовная умершаго запорожскаго козака.

Одинъ польскій губернаторъ прислалъ въ Кошъ духовное завѣщаніе умершаго въ его округѣ запорожца, купца Ивана Высочина, на польскомъ языкѣ написанное и въ Сѣчи переведенное на русскій—и какъ видно полякомъ. Мы списываемъ этотъ документъ буквально, раздѣливъ его только на 3 §, т. е. на *состояніе* умершимъ оставленное, на его *распоряженіе* и на *исполненіе* этого распоряженія. Гдѣ именно умеръ завѣщатель, мы еще не узнали.

„Я *Иванъ Высочинъ*, запорожецъ, симъ моимъ остатнимъ тестаментомъ записую, сколько имѣю собственной своей мизеріи и какъ оказуе, и записую настоящія доказательно такъ, дабы, по смерти моей, турбаціи и споровъ какихъ-либо какъ въ Польской Области, такъ и въ Запорожьѣ не было, всякому кому вѣдать надлежатиметь, объявляя".

1.

„Впервыхъ имѣю я товару: горѣлки ганнусковой (анисовой) пробной до третьи воды спустивъ [1]) 220, за которую горѣлку выдавши совсѣмъ, вышло суммы . . . . . 420 р. — к.
да Иванъ Шаргородченко виноватъ . . . . . 5 р. 50 к.
Яковъ Зерденовскій виноватъ . . . . . 2 р. — к.
Грицько Солодивый виноватъ. . . . . 6 р. — к.
При мнѣ готовыхъ. . . . . 18 р. — к.

2.

„Герасимови братови записую коня бѣлаго съ кульбакою и рушницею; ратище, жупанокъ зеленый, опанчу (въ Сѣчи), шаровары синіе, ковдре (одѣяло) и килимъ (коврикъ)".

„Деревни Плещаневѣ, гдѣ были родичи мои, записую на сорокоустія за померпшихъ . . . . . 10 р.
На тую жъ церковь записую. . . . . 10 р.
Тамъ-же и за мене грѣшнаго записую . . . . . 5 р.

„Что остается денегъ товарискихъ у Грицка Односума (вѣроятно по куреню), то прошу изчислити при атаманѣ Яцку, и по расчетѣ, что въ мою часть надлежатиметъ, прошу каждому просящему дать".

„Такъ-же до „Святыхъ Горъ" (въ харьковской губ.) 20 р. — к.
Въ Камянку до чудного образа Матери Божіей. . 10 р. — к.

[1]) Спустъ—три ведра.

Герасимови братови записую . . . . . 10 р. — к.
Въ курень прошу обѣдъ справить рублей на . . 3
За похороны священникамъ: Зятковецкому 15 зл. п. 1 р. 5 к.
Мелешневскому . . . . . 1 р. — к.
Дякамъ съ товарищми. . . . . 1 р. — к.
Пономарю . . . . . — р. 10 к.
Братству . . . . . — р. 50 к.
Лошакивъ съ Односумомъ товарищскихъ пять.

Хутро (шубу) и кунтушъ отдать до Сѣчи, и Односумъ нехай продасть и деньги на церковь дасть".

„Сіе взаписую при людяхъ достойныхъ, а именно: Андреи Дубовому, Яцку Пидгѣрносу, Ивану Рудому, Василіи Бѣлицкому, Костѣ Микитису, Якову Шередя и Ивану Шароградскому".

3.

„Реестръ по умершему Ивану Высочину, ще выдано на разные расходы за его покойнаго душу, а именно:

„Зъ денегъ: попу изъ братствомъ того-жъ храма готовыхъ денегъ . . . . . 12 р. — к.
Дякамъ того-же храма . . . . . 1 р. — к.
Отцу Василію Мелешковскому . . . . . 1 р. — к.
Поломареви 10 к.; дякови Мелешковскому 5 к.; братчикамъ того-жъ храма 50 к.; за ладанъ на похороны сдержано 5 коп.
За кабана на обѣдъ употреблено. . . . . 1 р. 5 к.
За борошно (муку) пшеничное. . . . . 1 р. — к.
За маслосвятіе . . . . . 1 р. — к.

„Горилки на маслосвятіе употреблено полспустъ, на обѣдъ спустъ, а потомъ вторично полспустъ".

„Попу дано хутро (шубу) чорное и кунтушъ.
„Арендарю Шліоми долженъ остался по. . . . . 4 р. 25 к.
Беркови шинкарю . . . . . — р. 5 к.
Писареви . . . . . — р. 5 к.
Иванови Шароредску . . . . . — р. 5 к.
Въ Ладыжичъ на позвонье. . . . . 1 р. — к.
За подковку коня и за подковы . . . . . — р. 20 к.
Взято на подкову 15 фугъ.

„За росписку, которую далъ покойный Иванъ къ отсылкѣ до Сѣчи, имѣвшуюся отъ жида Затковскаго, то прошу, чтобъ сюда назадъ была прислана чрезъ Ивана Шаргородіенка, яко

жидъ проситъ, что-бъ ему обратно отданъ былъ, о чемъ и Герасимъ сознаетъ, что куда выдано".

Это примѣчаніе сдѣлано вѣроятно губернаторомъ польскимъ, приславшимъ въ Сѣчь духовную Высочина.

Для насъ въ особенности интересна цѣна припасовъ и вознагражденіе церковнослужителей. Кабанъ стоитъ всего 1 руб. 5 коп., да ладанъ 5 к. Дьяку и пономарю дано всего по 5 коп.

На подлинномъ документѣ замѣчено: „переводъ съ польскаго на русскій діалектъ".

IV.

„Печатка" по случаю опасеній наѣзда татаръ, въ 1769 году.

Печатками [1]) назывались въ Запорожьи тѣ приказы Коша, которые разсылались по паланкамъ и перевозамъ, особенно въ началѣ существованія войска, за неимѣніемъ писарей; онѣ состояли изъ одной печати, наклеенной на воскѣ или бумагѣ, а содержаніе ихъ передавалось изустно. Прилагаемая здѣсь „печатка" принадлежитъ уже позднѣйшимъ годамъ. Происхожденіе ея было слѣдующее: по свѣдѣніямъ доставленнымъ полковниками самарской и орельской паланокъ (нынѣ верхнеднѣпровскій уѣздъ, екатеринослав. губерніи), татары сожгли 72 зимовника и въ нихъ убили 54 чел., въ плѣнъ взяли 256 душъ обоего пола и захватили 22,080 штукъ скота, овецъ и лошадей.

„По полученіи сей печатки всѣ по зимовникамъ стоящіе въ Тарасовскомъ, Бѣленкомъ и Хортицахъ [2]) имѣютъ неотмѣнно какъ себя, такъ и тѣхъ, кто съ ихъ господаремъ живетъ, и могущественные и таковые, въ коихъ лошадей не имѣется, а они могутъ за що себѣ купить, ружемъ каждаго и по парѣ лошадей приспособить. Служителей-же своихъ, ружежь чтобы было у каждаго, а когда хозяинъ пожелаетъ, то и парою лошадей приспособить-же, и всякій козакъ хозяинъ, со всѣми въ зимовнику, быть во всемъ къ походу и отпору противъ татарскаго движенія готови, и такъ что ежели куда повелѣно будетъ выступать, то

---

[1]) Въ 1770-хъ годахъ были еще *карточки* посылаемыя по куренямъ о нарядѣ козаковъ на посты и чаты.

[2]) Херсонской губерніи и уѣзда, на границѣ.

всѣ зъ зимовника какъ конные, такъ и пѣшіе, оставя при скотѣ въ зимовникѣ для смотрѣнія онаго одного человѣка, выступить въ повелѣнное мѣсто; а безъ позволѣнія никуда движенія не имѣть, и всѣ безотлучно находились-бы всегда при зимовникахъ".

„Сію „печатку" посылать зимовникъ отъ зимовника самоскорѣе и какъ всѣ зимовники обойдетъ, то возвратить опять до Коша и отдать въ канцелярію войсковую; посылается-жъ съ Коша, 1768 года, ноября 13".

Наша печатка, къ сожалѣнію, до того была ветха отъ сырости, что мы были принуждены дополнять ее иногда своими собственными словами.

V.

По церковнымъ дѣламъ.

Въ 1759 году запорожское войско пожелало сдѣлать для своей сѣчевой церкви паникадило серебренное, по образцу кіевской печерской лавры. Но такъ какъ это было вѣсомъ въ 7 пудовъ, то рѣшено было заказать въ Москвѣ паникадило серебренное въ 5 пудовъ и 2 аршина вышины. Къ этому случаю относятся слѣдующія два письма запорожскихъ посланцевъ, довольно любопытныя.

1) *1759 года іюня 17, изъ Кіева.* Запорожскій полковникъ Максимъ Куликовскій, посланный въ Кіевъ для снятія образцовъ съ печерскихъ паникадилъ, пишетъ Кошевому (Алексѣю Григорьеву Бѣлицкому) слѣдующее:

„Софійскаго кіевскаго монастыря всечестнѣйшій отецъ намѣстникъ, бывшій въ батуриномъ монастырѣ игуменомъ, Іосифъ Миткевичъ, просилъ къ себѣ, въ котораго въ самый праздникъ (Сошествіе св. Духа) будучи, кушали всѣ и по нашему у его прошенію, за ходатайствомъ, у преосвященнаго митрополита кіевскаго Арсенія были, и благословеніе въ понедѣльникъ на Тройцу получить удостоились; а за скорымъ моимъ съ атаманомъ отходомъ въ квартиру, оставшіеся только два Онисимъ Семеновъ, да писарь у стола преосвященнаго кушали и довольно гуляли, и при отходѣ оба раза въ квартиру нашу въ межигорскій дворецъ [1]) софійскимъ монастыря поѣздомъ (экипажемъ) цугами отвозили и такъ отъ него всечестнаго угощены, что его

---

[1]) Подворье межигорскаго монастыря на Подолѣ Кіева.

благопріятствомъ весьма проникнуты и предъ В. В. безъ похвалки оставить было невозможно".

Само собой разумѣется, что отъ Софійскаго и другихъ монастырей посланъ былъ въ Сѣчь, съ дозволенія митрополита, монахъ (намѣстникъ батуринскій), для сбора милостыни.

2) *Изъ Глухова, 22 сентября 1759 года* атаманъ дядьковскаго куреня, Онисимъ Семеновичъ, пишетъ тому-же Кошевому:

„По словесному повелѣнію В. В. и общему приговору, я серебро, взятое мною изъ Сѣчи для издѣланія паникадила въ Москву возилъ, и тамо какъ я самъ, такъ и его высокопреподобіе, отецъ архимандритъ новоспасскій въ издѣланіи онаго прилагалъ старанія, только-жъ въ Москвѣ тамошніе золотари, безъ выдачи заразъ денегъ, взять не похотѣли. Хотя-жъ и были тые, что нѣкоторые взять и принимались, но не скоро сдѣлать обѣщевались. Мое-жъ намѣреніе было, что-бъ взявши, по приговору войсковому съ казны жалованной деньги, которые по нашему намѣренію принять желалось въ Москвѣ, самому до сдѣлки прожить. Токмо отъ Статсъ-Конторы выдачу не въ Москвѣ, но въ Кіевѣ ассигновано принимать. Почему я принужденъ тое серебро, ѣдучи обратно, взять отъ отца архимандрита и въ Глуховѣ, по совѣту мѣщанъ, въ томъ числѣ и Григорія Приблудова (кои и ручались), отдать ко издѣланію къ майстру глуховскому мѣщанину и жителю, Карлу Яковлевичу *Кеппину*, съ такимъ договоромъ, что онъ до принятаго отъ мене 1-го пуда 20 фунтовъ и 20 лотовъ, кои состоить 8° пробы, своего прибавить 3 пуда и 8 фунтовъ 12-й пробы; фунтъ цѣною по 15 рублей. И съ того всего серебра, т. е. 4½ пуда, сдѣлать оное (паникадило) 1760 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ; а деньги съ перваго теперешняго времени, за пріемомъ въ Кіевѣ казны тысячу рублей, а по сдѣлки половинной части паникадила, нѣкоторую часть, да за привозомъ на его коштъ, всѣ остальные отдать роспискою обовязался. О чемъ въ контрактѣ пространнѣе изъяснено".

Подпись: „Онисимъ Семеновъ".

VI.

Инструкція для ревизіи паланокъ и сбора податей 1762 г.

„Изъ Коша войска запорожскаго низоваго панамъ атаманамъ (куреней): деревянковскому Николаю *Тимофѣеву*, левушковскому Якову *Качалову*, дядьковскому Гавриилу *Щирому*".

ИНСТРУКЦІЯ.

„Въ Кошѣ извѣстно учинилось, что по ревизіи въ минувшемъ 1756 году о дворовомъ числѣ въ вѣдомствахъ кодацкомъ и самарскомъ чиненной, по якой отъ означеннаго году по нынѣ и годовой окладъ на войско зъ обивателей взиманъ былъ, за расходомъ зъ прочихъ селъ въ другіе мѣста обивателей, не малое несходство въ написанномъ числѣ имѣется, потому что въ какомъ селѣ написано было дворовъ большимъ числомъ, за сходомъ, нынѣ остается малымъ, а гдѣ меньшимъ было, состоитъ большимъ. Отъ того слѣдуетъ и слѣдовать можетъ народу немалая тяжесть и во взятіи за изшедшихъ излишняго платежа обида и разореніе. Дабы впредь того не слѣдовало, повелѣли Мы, полнымъ Собраніемъ, для учиненія самою вѣрностью: гдѣ именно въ вѣдомствахъ кодацкомъ и самарскомъ, въ селахъ, какимъ числомъ дворовъ тяглыхъ и пѣшихъ состоитъ, въ тѣ вѣдомства для составленія ревизіи отправить васъ, и вы имѣете получа сію нашу инструкцію, учинить нижеписанное:

1.

„Слѣдовать въ вышеприписанные вѣдомства въ кодацкое и самарское, за пріѣздомъ атаманамъ „посполитымъ“ [1]) кодацкому и самарскому приказать о всѣхъ ихъ вѣдомства подданныхъ, наличныхъ, тяглыхъ и пѣшихъ, подать вѣрные списки, по якимъ вы, объѣхавъ обоихъ вѣдомствъ села, освидѣтельствовать и надлежаще безъ упущенія сочинить вѣдомости, и оные, за поворотомъ, намъ въ Кошъ представить.

2.

Живущимъ кодацкаго вѣдомства въ Биленковатомъ, Росоховатомъ и въ прочихъ байракахъ и мѣстахъ, тако-жь гдѣ козацкія зимовники имѣются, и отъ обивателей тѣснятся, объявить, дабы они болѣе уже тамо жителями не были и утѣсненія остающимъ зимовниками козакамъ холостымъ не дѣлали, приказать въ села войти непремѣнно, по посланному въ кодацкую паланку приказу.

---

[1]) *Посполитыми* они назывались для отличія отъ куренныхъ, т. е. военныхъ, все были семейные поселяне, или „пожившіеся“ козаки.

3.

Богородичанъ[1]), призвавъ въ самарскую паланку, каковые отъ тамошняго атамана Байраке чинятся обиды, озлобленіе и разоренія народу, спросить и по спросѣ учинивъ надлежащее разсмотрѣніе, и буде дойдетъ, что доносимыя намъ сюда обиды богородичанскимъ обивателямъ отъ него же будетъ до прама, то яко ему Байраку не до чиненія богородичанскимъ обивателямъ обидъ отъ Коша атаманску должность править велѣно,—другимъ, кого тамошніе обиватели похотятъ, добронадежнымъ человѣкомъ перемѣнить.

4.

„Воровъ и разбойниковъ, если гдѣ провѣдаете, сискивать, ловить и поступать по войсковымъ обычаямъ; равножь съ самовольцами, ослушниками и не почитающими команды, поступать безъ понаровки, съ добрыми-же и чесными запорожскаго войска козаками поступать вамъ обходительно.

„Зъ Коша, генваря 9, 1762 года".

Въ этомъ, вообще интересномъ документѣ, любопытнѣе всего для насъ сдѣланное наставленіе, чтобы вышедшія въ степь на поселеніе „обиватели" возвращалися въ свои усадьбы, дабы *не стѣснять* козаковъ въ ихъ зимовникахъ. Между тѣмъ въ этихъ двухъ паланкахъ, занимавшихъ большую часть нынѣшняго екатеринославскаго и новомосковскаго уѣздовъ, т. е. на 15,500 квадратныхъ верстъ было всего 2,400 осѣдлыхъ семействъ, или до 8,000 душъ обоего пола, жившихъ въ 31 усадьбахъ, и нѣсколько сотъ козаковъ по зимовникамъ, а теперь здѣсь населенія болѣе, чѣмъ 300 тысячъ душъ обоего пола.

А. Скальковскій.

---

[1]) *Богородицкій* ретраншаментъ при впаденіи р. Самары въ Днѣпръ, близъ Новомосковска, построенъ въ 1711 году.

Дневникъ Станислава Освѣцима

(въ извлеченіи и переводѣ).

1643—1651 г.

(Окончаніе). *)

Іюля 16. Король продолжалъ предначертанный путь, съ намѣреніемъ преслѣдовать врага до самыхъ его кочевій и тамъ его истребить; но, сообразивъ, что при такой малочисленности своего войска, если онъ отправится лично въ непріятельскую область, то подвергнетъ большой опасности и себя и всю Рѣчь Посполитую, онъ собралъ совѣтъ для обсужденія, не будетъ-ли полезнѣе отправить гетмановъ съ войскомъ въ Украйну, самому же возвратиться для того, чтобы руководить доставкою новыхъ средствъ для продолженія кампаніи. Тщательно взвѣшены были всѣ побужденія, клонившіяся въ ту и въ другую сторону; наконецъ, въ воскресенье, ставъ лагеремъ у Орли, въ полторы мили отъ Кременца и въ мили отъ передоваго отряда, двигавшагося впередъ подъ начальствомъ польнаго гетмана, король объявилъ, что онъ возвратится назадъ съ своимъ дворомъ. Многіе офицеры протестовали весьма грубо противъ этого рѣшенія, особенно-же князь Вишневецкій, требовавшій, чтобы король непремѣнно отправлялся въ дальнѣйшій походъ съ войскомъ; изъ придворныхъ чиновниковъ къ этому-же мнѣнію склонялся канцлеръ (Андрей Лещинскій). Но король заставилъ ихъ замолчать, напомнивъ князю Вишневецкому, что самъ онъ не пожелалъ отправиться въ тылъ козацкаго табора иначе, какъ въ сопровожденіи 15,000 войска, теперь-же требуетъ, чтобы король съ половиною этого количества войска отправлялся въ отдаленный походъ.

---

*) См. январь, февраль, май, іюнь, сентябрь и ноябрь „Кіев. Ст."

Іюля 17. Король пожелалъ передъ выѣздомъ произвести генеральный смотръ войску, съ этою цѣлью онъ отправился въ понедѣльникъ въ Кременецъ; но такъ какъ случились въ то время проливные дожди, то онъ отмѣнилъ смотръ и во вторникъ уѣхалъ въ одномъ только экипажѣ, даже не попрощавшись съ тѣми полками, которые находились въ передней стражѣ. Вечеромъ этого дня онъ прибылъ въ Броды, гдѣ ночевалъ у хорунжія коронпаго (Конецпольскаго), котораго здоровье уже тогда поправилось. На слѣдующій день онъ ночевалъ въ Бѣломъ Камнѣ.

Іюля 20 въ четвергъ король ночевалъ въ Глинянахъ. Во время его путешествія постоянно шелъ проливной дождь, приходилось ѣхать по грязи, оставивъ всѣ возы и подвергаясь всякимъ неудобствамъ; королю путь этотъ опротивѣлъ въ десять разъ болѣе, чѣмъ пребываніе въ лагерѣ. Если этотъ отъѣздъ короля и былъ невыгоденъ для Рѣчи Посполитой, то вся вина падаетъ на дворянское ополченіе, которое лишило его средствъ продолжать походъ, не только потому, что само удалилось, но и потому, что подало поводъ къ бѣгству всѣмъ тѣмъ, которые состояли въ войскѣ на жалованьѣ, теперь-же подъ предлогомъ поступленія въ новыя милиціи, убѣжали скоропостижно; изъ королевскаго полка осталось только три хоругви, которыя и послѣдовали за королемъ и принесли извѣстіе о томъ, что на остальныя королевскія хоругви нѣтъ никакой надежды. Не смотря на все это, Господь рѣшился до конца не оставлять насъ: панъ Суходольскій возвратился изъ-за Винницы съ извѣстіемъ, что ханъ и Хмельницкій находятся въ Крыму и что татаре вездѣ на обратномъ пути убивали и угоняли въ полонъ крестьянъ и козаковъ; наши также истребляютъ ихъ въ разсыпную. Притомъ Господь послалъ на нихъ повсемѣстный страхъ; наши, двигавшіеся „татарскимъ шляхомъ", встрѣчали на всякой переправѣ множество потонувшихъ коней. Панъ Суходольскій утверждалъ положительно, что повсемѣстно чернь затворяется въ городахъ, и вездѣ, гдѣ встрѣтится съ козаками, убиваетъ ихъ и даже истязаетъ ихъ женъ въ отместку за свои семьи, угнанныя татарами въ Крымъ. Такъ поступило ополченіе черни, которое въ числѣ до 15,000 отправлялось въ помощь козакамъ подъ начальствомъ паволочскаго войта, и по дорогѣ встрѣтивъ татаръ, было ими истреблено на половину. Чернь вездѣ заявляетъ готовность къ покорности и если это настроеніе продолжится, то подлинно можно сказать, что самъ Господь за насъ сражается, ибо мы сами не дѣлаемъ ничего такъ, какъ слѣдуетъ, хотя наши

солдаты и доблестно сражались въ теченіи трехъ дней. Въ войскѣ съ гетманами остался писарь польный Пржыемскій; князь Радзивиллъ и Убальдъ собираются уѣзжать. Король приказалъ, чтобы ротмистры оставались при хоругвяхъ, но многіе изъ нихъ сбѣжали.

Іюля 21. Король прибылъ во Львовъ; онъ явился въ городъ вечеромъ инкогнито и до ночи остановился въ одномъ частномъ саду; затѣмъ ночь провелъ въ забавахъ и развлеченіяхъ вмѣсто того, чтобы начать съ благодарственнаго молебствія Господу за ниспосланный по его милости неожиданный успѣхъ кампаніи. Во Львовѣ король остановился недѣли на двѣ, потому что онъ заболѣлъ вслѣдствіе неудобствъ лагерной жизни. Затѣмъ, излечившись, онъ уѣхалъ въ Варшаву.

Между тѣмъ получились самыя разнообразныя вѣсти отъ разныхъ лицъ о судьбѣ Хмельницкаго: одни утверждали, что онъ въ сопровожденіи 30 козаковъ отправился въ Крымъ вмѣстѣ съ ханомъ и что, потерявъ всякую надежду на возстановленіе козачества, онъ рѣшился принять исламизмъ. Извѣстіе это подверждали гонцы господаря волошскаго, которые находились при ханѣ во время его переправы черезъ Днѣпръ у Санкермена (sic) и увѣряли, что видѣли тамъ Хмельницкаго. Другіе утверждали, что ханъ насильно увелъ съ собою Хмельницкаго въ оковахъ, имѣя намѣреніе отмстить ему за посрамленіе и потерю своего войска, такъ какъ онъ отправился въ походъ, полагаясь на ложныя увѣренія Хмельницкаго, будто войско наше весьма слабо и малочисленно. Многіе, подтверждая послѣднее извѣстіе, прибавляли однако какъ достовѣрное свѣдѣніе, что Хмельницкій откупился отъ хана, уплативъ ему 150,000 злотыхъ или талеровъ, вслѣдствіе чего былъ отпущенъ на свободу. Кажется, что нѣчто подобное случилось дѣйствительно; во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что онъ остался въ Украйнѣ и въ Крымъ не поѣхалъ, доказательствомъ этого служатъ универсалы, разосланные имъ изъ Бѣлой-Церкви 2 іюля, т. е. нѣсколько дней спустя послѣ битвы, въ которыхъ онъ зазываетъ разсѣявшихся хлоповъ вновь собираться. Вотъ ихъ подлинный текстъ:

„Богданъ Хмельницкій, гетманъ, съ войскомъ запорожскимъ господамъ полковникамъ: бѣлоцерковскому, винницкому, брацлавскому, уманьскому и паволоцкому добраго здоровья отъ Господа Бога желаемъ. Извѣщаемъ васъ, что по совѣту съ товариствомъ мы рѣшили: немедленно быть на готовѣ и собираться, не откладывая сбора до двухъ или даже до одной недѣли; по-

тому приказываемъ вамъ стянуть всѣ названные полки къ Бѣлой-Церкви подъ начальство бѣлоцерковскаго полковника, остальные же полки соберутся подъ моимъ начальствомъ у Корсуня. Теперь необходимо намъ принять предосторожности, дабы враги не захватили насъ въ разбродѣ по домамъ. Съ этого времени всѣ извѣстія, какія дойдутъ до васъ, не теряя ни минуты, днемъ и ночью, сообщайте намъ; мы-же, въ свою очередь, будемъ васъ увѣдомлять обо всемъ, что узнаемъ, услышимъ или порѣшимъ въ нашемъ совѣтѣ. Вторично при томъ вамъ напоминаемъ, чтобы вы были на готовѣ и собирались въ одно мѣсто. Орда уже выступила и мы надѣемся, что враги наши не будутъ имѣть успѣха. За симъ поручаемъ васъ покровительству Господа Бога. Дано подъ Бѣлою-Церковью, дня 2 іюля, 1651 года. Богданъ Хмельницкій рукою власною".

Хотя многіе были увѣрены вполнѣ, что Хмельницкій находится въ Крыму, и потому считали эти универсалы подложными и опубликованными исключительно для того, чтобы ввести насъ въ обманъ, но впослѣдствіи истина обнаружилась, когда онъ самъ лично 9-го іюля явился съ нѣсколькими десятками козаковъ въ Любартовъ; вмѣстѣ съ нимъ находилось 2000 татаръ и три мурзы; они расположились лагеремъ у города, но вели себя скромно и смирно. Хмельницкій пообѣдалъ въ городѣ и выѣхалъ изъ него, взявъ съ собою съѣстные припасы, которыми нагрузилъ двѣ повозки.

Описавъ весь ходъ Берестецкой кампаніи и ея послѣдствій, возвращусь къ разсказу о нашемъ походѣ въ Подгорье, который имѣлъ слѣдующій исходъ: выступивъ изъ лагеря 26 іюня, какъ о томъ выше было упомянуто, мы двигались ускореннымъ маршемъ, понуждая къ нему и пѣхоту, для того, чтобы поскорѣе достигнуть Чорштына и потушить намъ вспыхнувшее пламя бунта. Чтобы избѣгнуть замедленія и траты времени на переправахъ въ белзской землѣ, гдѣ онѣ очень многочисленны и трудны, мы, переправившись черезъ Бугъ у Сокаля, раздѣлились на два отряда: мечникъ коронный и староста Сандецкій съ наемнымъ войскомъ отправились по дорогѣ на Нароль, мы-же пошли ближайшимъ путемъ на Любачевъ; мы все болѣе и болѣе ускоряли нашъ походъ, такъ какъ получали частыя вѣсти не только о проискахъ Костки, но и о томъ, что на той границѣ собираетъ войска Сигизмундъ Ракочій, который состоялъ въ связи и съ нашими бунтовщиками и съ Хмельницкимъ. Но какъ его намѣре-

нія оказались тщетными, такъ и наша поспѣшность, стоившая намъ столько трудовъ, была излишня; ибо, еще до нашего прихода, противъ Костки отправилась пѣхота, находившаяся въ Краковѣ въ качествѣ гарнизона, и рать краковскаго епископа; ему не хватило ни пороху, ни съѣстныхъ припасовъ въ чорштынскомъ замкѣ, и потому горцы, которыхъ 40 человѣкъ, отъявленныхъ разбойниковъ, затворилось вмѣстѣ съ нимъ, потерявъ надежду на спасеніе и получивъ обѣщаніе, что будутъ отпущены на волю, выдали его нашимъ 24 іюня вмѣстѣ съ другими начальниками, которыхъ переписка выше была приведена. Всѣхъ ихъ казнили 18 іюля въ устрашеніе другимъ бунтовщикамъ. Начальникъ, называвшійся Косткою, но въ дѣйствительности бывшій или Наперскимъ или Симеономъ Бзовскимъ, и принявши самозванно титулъ старосты Чорштынскаго, былъ посаженъ на колъ; на допросахъ подъ пыткою онъ показалъ, что онъ принялъ фамилію Костки лишь потому, что воспитывался въ домѣ пановъ Костковъ, дѣйствительная же его фамилія Наперскій, притомъ онъ назвалъ себя незаконнорожденнымъ сыномъ короля. Передъ смертью онъ назвалъ себя Симеономъ Бзовскимъ. Маршалокъ Лентовскій былъ четвертованъ, а ректоръ Пцимскій обезглавленъ; тѣло послѣдняго, вслѣдствіе усиленной просьбы его сына, служившаго тогда органистомъ у краковскаго епископа, дозволено было похоронить при церкви св. Катерины, но голову его прибили къ висѣлицѣ, рядомъ съ другими казненными.

Мы очень сожалѣли, что извѣстіе о его поимкѣ сообщено намъ было слишкомъ поздно; ибо мы напрасно утруждались походомъ и лишены были возможности принять участіе въ битвѣ подъ Берестечкомъ. Желая имѣть по крайней мѣрѣ точныя извѣстія, мы поспѣшили впередъ въ Краковъ, оставивъ свой отрядъ назади; здѣсь извѣстіе вполнѣ подтвердилось. Не имѣя повода далѣе оставаться въ этомъ краѣ, мы переговорили съ краковскимъ епископомъ о дальнѣйшихъ мѣрахъ защиты, присутствовали вмѣстѣ съ нимъ на смотру войска, вновь навербованнаго для защиты краковскаго воеводства, и затѣмъ отправились назадъ въ Кальбушовую, намѣреваясь оттуда отправиться обратно въ лагерь, оставивъ лишь пѣхоту, которая была сильно утомлена. Но здѣсь мы получили письма, извѣщавшія насъ о томъ, что войско пошло въ Украйну, что дворянскія ополченія разбрелись по домамъ и что король возвратился въ Варшаву; вслѣдствіе этого мы и отказались отъ предположеннаго похода.

Между тѣмъ войско наше, разставшись съ королемъ, отправилось въ Украйну; но оно двигалось весьма медленно и съ большими затрудненіями, такъ какъ постоянно падалъ дождь, переправы оказались вездѣ плохія и испорченныя, лошади были изнурены и страшно страдали отъ оводовъ. Едва 30 іюля войско достигло Лабуни, но городъ этотъ и замокъ въ немъ были сожжены раньше. Во время этого похода наемныя хоругви поступали весьма своевольно и, желая вознаградить себя за то, что не получали жалованья отъ Рѣчи Посполитой, онѣ страшно грабили и опустошали мѣстности, по которымъ проходили.

Между тѣмъ литовскій гетманъ, князь Радзивиллъ, побуждалъ настоятельными письмами вождей нашихъ, чтобы они поскорѣе двигались къ Кіеву; онъ извѣщалъ ихъ о значительной побѣдѣ, одержанной имъ надъ козаками и о томъ, что онъ приблизился къ Кіеву, надѣясь рѣшительно одержать верхъ въ случаѣ, если оба войска соединятся. Но наше войско не могло ускорить своего движенія какъ по вышеприведеннымъ причинамъ, такъ и вслѣдствіе сильнаго голода, господствовавшаго въ томъ краѣ.

Хлопы украинскіе, ускользнувъ отъ опасности, разбрелись по домамъ своимъ; они совершенно пали духомъ и въ первое время готовы были отказаться отъ всякихъ бунтовъ и своеволія и стали подчиняться панамъ и ихъ прикащикамъ и управляющимъ и исполнять свои повинности; но когда они узнали, что шляхтичи разъѣхались по домамъ, что король, одно имя котораго наводило на нихъ страхъ, оставивъ войско, возвратился въ Варшаву, и что войско наше едва двигается черепашьимъ ходомъ, они немедленно стали опять помышлять о бунтѣ, вождей нашихъ и войско безъ короля они презирали, управляющихъ стали прогонять, распоряженія ихъ и письменныя инструкціи рвали, отъ исполненія повинностей отказывались и, побуждаемые универсалами Хмельницкаго, стали вновь собираться толпами.

Августа 20. Въ этотъ день, послѣ кратковременной болѣзни, скончался въ лагерѣ доблестный рыцарь князь Іеремія-Михаилъ Вишневецкій, воевода русскій, мужъ для отечества полезный во всякое время, но преимущественно теперь, для текущей кампаніи; все войско о немъ глубоко сожалѣло и, если-бы это было возможно, готово было бы собственною кровію искупить его кончину.

Августа 21. Я пріѣхалъ въ свое имѣніе Закоморье, которое сильно опустошили и враги и собственные наши солдаты; я про-

жилъ здѣсь нѣсколько дней. Въ это время я ѣздилъ въ Берестечко, для того чтобы осмотрѣть мѣстность, прославившуюся столь важными битвами и побѣдою; я видѣлъ непріятельскіе окопы, весьма крѣпкіе какъ вслѣдствіе мѣстоположенія, такъ и по возведеннымъ фортификаціямъ. Затѣмъ я посѣтилъ Броды, резиденцію покойнаго великаго гетмана Конецпольскаго; городъ сожженъ до основанія; остался только замокъ, укрѣпленный на подобіе голландскихъ крѣпостей и превосходящій всѣ другіе замки роскошью украшеній. Въ минувшіе годы крѣпость эта выдержала въ теченіи 12 недѣль осаду отъ 36,000 козаковъ и успѣшно ихъ отразила. Видѣлъ я также мѣстечко Лесневъ, оно все обращено было въ пепелъ татарами, когда они въ первый разъ шли аттаковать наше войско. Съ глубокимъ сожалѣніемъ осматривалъ я Подгорцы, славившіяся нѣкогда во всей Польшѣ крѣпостью и прекраснымъ дворцемъ, украшеннымъ фонтанами, гротами и каскадою. Дворецъ этотъ выстроилъ гетманъ Конецпольскій, предназначая его служить мѣстомъ отдыха послѣ утомительныхъ военныхъ походовъ и другихъ услугъ Рѣчи Посполитой. Мысль эту онъ выразилъ въ слѣдующей надписи, изсѣченной на мраморной доскѣ, помѣщавшейся надъ воротами:

Sudaris Martis—victoria
Victoriae—triumphus
Triumphi praemium—quies [1]).

Теперь все это разрушено и испорчено бѣшенствомъ разъяренныхъ хлоповъ.

Сентября 4. Относительно войска нашего и его похода въ Украйну ничего существенно важнаго не случилось въ теченіи цѣлаго мѣсяца; все это время оно двигалось впередъ крайне медленно по выше указаннымъ причинамъ. Враги сразу смутившіеся не только ободрились въ это время, но успѣли вновь скопить значительныя силы, такъ что они были въ состояніи вести не только оборонительную, но и наступательную войну. Правда на первыхъ порахъ они потерпѣли неудачу: не зная о томъ, что литовское войско выступило изъ Кіева для соединенія съ войскомъ коронным, непріятель отправилъ 3,000 отборной конницы къ Кіеву сухимъ путемъ и столько-же водою съ порученіемъ оттѣснить

---

[1]) „Награда трудовъ военныхъ—побѣда, побѣды—тріумфъ, тріумфа-же—отдыхъ“ Подгорцы и Лесневъ мѣстечка въ злочевскомъ округѣ въ Галиціи.

литовское войско отъ Кіева, или по крайней мѣрѣ нанести ему чувствительный уронъ. Нашъ передовой отрядъ наткнулся на тѣхъ козаковъ, которые двигались сухимъ путемъ и разбилъ ихъ столь основательно, что немногіе только успѣли спастись; такая же участь постигла и тотъ отрядъ, который плылъ по Днѣпру. Однако эта потеря была незамѣтна при многолюдствѣ враговъ, которые собирались большими толпами и съ той стороны Днѣпра и со всей Украйны. Впрочемъ самыя упорныя волненія и бунты своевольныхъ хлоповъ происходили по обыкновенію въ Брацлавщинѣ вслѣдствіе подстрекательства Богуна; здѣсь, на берегахъ Днѣстра, скопища безчинствовавшихъ опрышковъ (разбойниковъ) не дозволили возвратиться никому изъ нашихъ. Александренко и Чугай[1]), истребивъ шляхтичей въ окрестности Бара, сожгли въ этомъ городѣ замокъ, экономію и даже скирды хлѣба въ полѣ и затѣмъ, собравъ 10,000 людей, отправились къ своему войску. Чугай былъ убитъ случайно выстрѣломъ, который въ знакъ привѣтствія выпалилъ одинъ изъ хлоповъ, но Александренко, принявъ начальство надъ всѣмъ скопищемъ, расположился лагеремъ у Браилова, разослалъ разъѣзды во всѣ стороны, занялъ волости: Багрыновцы, Ваньковцы, Дубовую и другія помѣстья въ той мѣстности; козаки воспользовались вомѣщичьими житницами, шляхту ограбили и истребили. Притомъ среди хлоповъ были распространены универсалы Хмельницкаго, въ которыхъ онъ приглашалъ ихъ обрабатывать и обсѣменять всѣ поля, утверждая, что ляхи находятся у него въ рукахъ, что уже нѣсколько недѣль назадъ къ нему пришло много татаръ. Господарь извѣщалъ насъ обо всемъ этомъ, равно какъ и о намѣреніи хана выступить въ походъ со всею ордою; онъ совѣтовалъ кастеляну краковскому кончать войну скорѣе, предостерегая, что въ Украйнѣ, особенно около Умаия, происходитъ наборъ лошадей для татаръ.

Вслѣдствіе того, что враги успѣли собрать значительныя силы и получили помощь отъ татаръ, наше войско, углубившись въ страну, столь отдаленную, очутилось какъ-бы въ осадѣ; враги захватили всѣ дороги и пути сообщенія, прервали всѣ сношенія, безпокоили нашихъ частыми стычками и произвели въ войскѣ нестерпимый голодъ, не допуская въ лагерь подвоза припасовъ. Хлопы въ селахъ и мѣстечкахъ вездѣ насмѣхались надъ нашими, восклицая: „ляхи отрѣзали насъ отъ Днѣпра, а мы ихъ отъ Вислы!“

[1]) Въ подлинникѣ имя этого предводителя названо разъ Чугай, другой разъ Чуйко.

Паны гетманы, видя, что войска его королевской милости и Рѣчи Посполитой сильно страдаютъ какъ отъ безпрестанныхъ стычекъ съ врагами, такъ и отъ голода, что силы враговъ постоянно увеличиваются подходящими къ нимъ отрядами козаковъ, и татаръ (въ лагерѣ Хмельницкаго у Бѣлой-Церкви находилось уже 160,000 козаковъ и 10,000 татаръ подъ начальствомъ Карашъ-мурзы и Мехметъ-мурзы), что всѣ пути ими заняты, наши-же не имѣютъ надежды ни на какія подкрѣпленія, старались изъискивать всѣ средства для того, чтобы покончить дѣло или сраженіемъ или договоромъ на приличныхъ условіяхъ. Враги, какъ казалось, также склонялись къ переговорамъ, но тѣмъ не менѣе они не пропускали малѣйшаго случая для того, чтобы нанести уронъ нашему войску. Наконецъ Хмельницкій прислалъ трехъ козаковъ къ краковскому кастеляну, предлагая ему отправить довѣренное лице для переговоровъ объ условіяхъ мира съ его писаремъ Выговскимъ. Гетманъ отправилъ пана Маховскаго.

Сентября 11. Литовское войско подошло къ коронному и остановилось въ четверти мили отъ него, впослѣдствіи-же оно съ нимъ соединилось. Вечеромъ возвратился отъ Хмельницкаго панъ Маховскій; козаки просили, чтобы гетманы назначили коммисаровъ для веденія съ ними приговоровъ; при чемъ Хмельницкій и полковники принесли клятву, что они будутъ соблюдать международное право и обезпечатъ безопасность коммисаровъ; они просили послѣднихъ пріѣхать въ Бѣлую-Церковь ради собственной безопасности и не совѣтовали вести переговоровъ въ полѣ, опасаясь нападенія на коммисаровъ отъ своевольныхъ татаръ.

Сентября 18. Отправились въ качествѣ коммисаровъ: воеводы Адамъ Кисѣль кіевскій и Лебовичъ смоленскій, также стольникъ литовскій Гонсевскій и подсудокъ брацлавскій Коссаковскій въ сопровожденіи 500 драгунъ и двухъ полковъ кавалеріи; но конвой этотъ возвратился изъ Бѣлой-Церкви.

Переговоры продолжались въ теченіи двухъ дней; согласились на нѣсколько условій, а именно: что Хмельницкій уплотитъ нашему войску жалованье за нѣсколько четвертей года, что козаковъ останется въ регистрѣ только 12,000, что Хмельницкій останется гетманомъ по прежнему. Условія эти вызвали среди козаковъ большое волненіе. Чернь вознегодовала на Хмельницкаго: „ты пріобрѣлъ славу и богатство *нашими головами*, говорили они, *теперъ еднаешся* (миришься), изъ регистра насъ исклю-

чаешь, *ляхамъ насъ подаешь* [1]), они сядутъ намъ на шею и т. п.“ Когда они наконецъ притихли, коммисары наши въ среду, на канунѣ дня св. Матѳея, собрались ѣхать въ свой лагерь, для утвержденія предположенныхъ условій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ изъ числа козацкой старшины. Но едва обозъ коммисаровъ выступилъ изъ города, козаки и татаре напали на возы, разграбили ихъ и все бывшее въ нихъ имущество расхитили; при этомъ убили до 30 товарищей, въ томъ числѣ и члена коммисіи пана Нагорецкаго, многихъ челядинцевъ захватили въ плѣнъ. Коммисары уже было тронулись въ путь вслѣдъ за обозомъ, когда получили извѣстіе о томъ, что творится впереди. Немедленно Выговскій и два полковника отвели ихъ обратно въ замокъ и отправились унимать буйство. Хлопы едва не вломились въ замокъ вслѣдъ за коммисарами и стали вынимать палисады; но по ту сторону частокола размѣщены были нѣсколько сотень регистровыхъ козаковъ, которые стали отражать нападавшихъ хлоповъ и рубили имъ руки при палисадѣ.

Когда это происходило въ Бѣлой-Церкви, оба войска наши перешли черезъ рѣчку Ольшанку; тотчасъ 1,000 татаръ подъѣхали подъ нашъ лагерь и нанесли намъ значительный уронъ, захвативъ многихъ солдатъ возвращавшихся съ провіантомъ. Въ то-же время прибѣжалъ одинъ рядовой изъ Бѣлой-Церкви съ извѣстіемъ, что коммисары находятся въ крайней опасности, ибо разъяренная чернь штурмомъ желаетъ добыть ихъ изъ замка и несомнѣнно она-бы ихъ разнесла саблями, если-бы не прибѣжалъ самъ Хмельницкій съ полковниками и не приказалъ казнить тутъже 15 человѣкъ черни. Гетманы и войско были опечалены этимъ извѣстіемъ и стали обдумывать различныя средства для освобожденія ихъ. Уже склонялись къ тому предложенію, чтобы всю конницу направить на Бѣлую-Церковь съ тѣмъ, чтобы или освободить коммисаровъ, или вмѣстѣ съ ними сложить головы. Одинъ только кастелянъ краковскій полагалъ, что нужно повременить. Въ это время пришло извѣстіе, что коммисары уже возвращаются, но что орда ихъ преслѣдуетъ и что они просятъ подать имъ помощь, какъ можно скорѣе. Немедленно ударили въ гетманскіе котлы, войско поспѣшно вскочило на коней и выступило въ поле. Но было уже поздно, ибо всѣ экипажи коммисаровъ были уже разграблены: воевода смоленскій и стольникъ литовскій лишились

---

[1]) Подчеркнутые слова въ подлинникѣ по русски.

денегъ болѣе, чѣмъ на 100,000 злотыхъ, воевода-же кіевскій и подсудокъ брацлавскій болѣе, чѣмъ на 30,000.

Сентября 21. Въ день св. Матѳея возвратились коммисары наши въ лагерь подъ эскортою нѣсколькихъ тысячъ регистровыхъ козаковъ; вмѣстѣ съ ними Хмельницкій прислалъ Гладкого и еще кого-то другого (Москаленка) для окончательнаго утвержденія условленнаго договора. Но когда пришлось обсуждать его статьи въ палаткѣ кастеляна краковскаго, въ присутствіи гетмановъ, сенаторовъ и полковниковъ, то собралась въ палаткѣ большая толпа товарищей и среди нихъ поднялся шумъ и ропотъ. Гетманъ литовскій (кн. Янушъ Радзивиллъ), нашъ польный гетманъ (Калиновскій) и все войско протестовали противъ статей договора и негодовали за оскорбленіе нашихъ коммисаровъ. Когда кастелянъ краковскій предложилъ сѣсть козацкимъ посламъ, то польный гетманъ вскричалъ: „я приказалъ уже приготовить колы, на которыхъ они будутъ посажены, здѣсь-же среди насъ они недостойны сидѣть!“ Такимъ образомъ переговоры не состоялись; войско должно было двинуться въ походъ къ Бѣлой-Церкви. Когда оно уже остановилось въ виду этого города, прибыло посольство къ краковскому кастеляну отъ Хмельницкаго, спрашивая, почему онъ приблизился съ войскомъ къ городу, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявляя, что запорожское войско не можетъ согласиться на предварительныя условія договора и требуетъ возстановленія статей договора зборовскаго.

Сентября 23. Въ виду ихъ двоедушія, кастелянъ краковскій расположилъ войско въ боевой строй такой же, каковъ былъ у насъ въ битвѣ у Берестечка; надъ правымъ крыломъ, которому угрожала самая большая опасность, ибо впереди его находились пасѣки, рвы и болота, принялъ начальство князь гетманъ литовскій, лѣвое крыло было подъ начальствомъ польнаго гетмана, центромъ-же командовалъ кастелянъ краковскій вмѣстѣ съ писаремъ польнымъ Пржыемскимъ. Козаки, которыхъ Хмельницкій угостилъ водкою, вышли въ поле вмѣстѣ съ татарами; многіе изъ нихъ наблюдали съ вершины кургановъ за движеніями нашего войска. Кастелянъ краковскій полагалъ, что не слѣдуетъ вступать въ битву; но всѣ другіе были иного мнѣнія. Между тѣмъ войска сошлись такъ близко, что необходимо было начать сраженіе. Шесть хоругвей нашихъ бросились впередъ и врѣзались въ середину непріятелей, за ними бросился съ своимъ полкомъ хорунжій сандомирскій, ему-же доставлялъ подкрѣпленія воевода подольскій.

Въ то-же время князь гетманъ литовскій наступилъ впередъ весьма быстро правымъ крыломъ; онъ согналъ съ поля враговъ, которые обратились позорно въ бѣгство къ своему табору. Убитыхъ было немного, ибо все дѣло состояло болѣе въ бѣгствѣ, чѣмъ въ сраженіи. Въ этотъ день мы могли одержать если не окончательную, то весьма значительную побѣду, но лѣвое крыло не съумѣло воспользоваться удобнымъ случаемъ, когда литовцы отогнали враговъ отъ болотъ и пасѣкъ на обширную равнину, лежавшую противъ этого крыла.

Сентября 24. Утромъ Хмельницкій прислалъ сказать, что онъ радуется тому, что дѣло обошлось безъ большого кровопролитія; онъ утверждалъ, что вчера противъ насъ выступили только татаре и своевольные люди, которыхъ онъ не могъ удержать; онъ изъявилъ готовность возобновить переговоры. Между тѣмъ около полудня въ поле выступило болѣе 10,000 козаковъ, другіе прокрадывались къ намъ, скрываясь среди болотъ, татаре-же напали сзади на нашъ лагерь, такъ что нашимъ пришлось отражать ихъ. Однако Божіею милостью уронъ нашъ былъ незначителенъ, хотя татаре и захватили многихъ челядинцевъ. Вечеромъ Хмельницкій объявилъ, что завтра начнетъ переговоры.

Сентября 25. Съ утра до вечера происходили постоянныя стычки съ татарами въ разсыпную.

Сентября 26. Опять Хмельницкій прислалъ пословъ, заявляя, что онъ готовъ принять предложенныя коммисарами статьи договора, но только требовалъ, чтобы количество козаковъ было не менѣе 20,000; наши должны были согласиться на это, хотя противъ воли. Притомъ онъ требовалъ, чтобы кастелянъ краковскій уступилъ ему Черкасы и Боровицу; но на это кастелянъ не могъ согласиться безъ соизволенія короля и сейма.

Сентября 28. Взявъ въ качествѣ заложниковъ въ свой таборъ подскарбія литовскаго (Михаила Тризну?) и старосту красноставскаго (Яна Собѣсскаго), Хмельницкій пріѣхалъ въ нашъ лагерь въ сопровожденіи двухъ полковниковъ и Выговскаго; онъ, стоя на колѣнахъ передъ кастеляномъ краковскимъ, просилъ прощенія и благодарилъ за помилованіе. Затѣмъ прочли статьи договора слѣдующаго содержанія:

Статьи договора, заключеннаго съ козаками подъ Бѣлою-Церковью:

1) Козаковъ регистровыхъ полагается 20,000. Они должны жить исключительно въ воеводствѣ кіевскомъ, въ королевскихъ

имѣніяхъ, и не имѣютъ права селиться въ воеводствахъ брацлавскомъ и черниговскомъ, а также въ помѣстьяхъ частныхъ лицъ, откуда предоставляется право переселиться въ королевскія имѣнія тѣмъ, которые будутъ записаны въ регистръ.

2) Составленіе регистра должно быть кончено къ празднику Рождества Христова. Регистръ, за подписью гетмана, долженъ быть представленъ королю и явленъ въ кіевскія гродскія книги.

3) Войско коронное будетъ занимать квартиры въ воеводствахъ брацлавскомъ и кіевскомъ и не будетъ размѣщаться тамъ, гдѣ живутъ козаки.

4) Помѣщики воеводствъ кіевскаго, брацлавскаго и черниговскаго, равно какъ и старосты могутъ немедленно возвратиться въ свои помѣстья или прислать своихъ управляющихъ и принять въ свое распоряженіе имѣнія и всѣ доходы: корчмы, мельницы и т. п., но они не будутъ требовать податей и даней впредь до составленія регистра, дабы тѣ лица, которыя попадутъ въ регистръ, имѣли время для того, чтобы выселиться и дабы точно опредѣлилось разграниченіе между козаками и подданными.

5) Чигиринъ, согласно выданной королемъ привиллегіи, остается во владѣніи гетмана и его преемниковъ; гетманы козацкіе должны подчиняться верховной власти гетмановъ коронныхъ; они будутъ получать уставныя грамоты и, принимая должность, должны приносить присягу на вѣрность королю. Всѣ полковники и козацкая старшина будутъ назначаться гетманомъ и состоять подъ его властью.

6) Греческая вѣра, исповѣдуемая войскомъ запорожскимъ, остается свободною, согласно съ древними правами; соборы, церкви, монастыри и кіевская коллегія останутся неприкосновенными. Въ случаѣ, еслибы оказалось, что въ смутное время кому-либо были пожалованы церковныя имущества, то такія грамоты теряютъ всякое юридическое значеніе.

7) Общая амнистія дается какъ дворянамъ римскаго и греческаго исповѣданія, принявшимъ сторону козаковъ, такъ и кіевскимъ мѣщанамъ.

8) Евреи имѣютъ право по прежнему проживать и арендовать доходныя статьи въ имѣніяхъ какъ королевскихъ, такъ и шляхетскихъ.

9) Орда, находящаяся нынѣ въ Украйнѣ, должна немедленно удалиться, не причиняя никакого вреда въ областяхъ его королевской милости. Впредь татаре не имѣютъ права останавли-

ваться на кочевья въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой и козацкій гетманъ обѣщаетъ склонить татаръ къ повиновенію волѣ короля. Хмельницкій обязывается за себя и за своихъ преемниковъ не входить никогда въ тайныя сношенія ни съ ордою, ни съ другими сосѣдними народами и монархами и пребывать въ вѣрномъ подданствѣ короля его милости.

10) Такъ какъ козачество никогда не простиралось въ предѣлы великаго княжества литовскаго, то и впредь туда простираться не должно.

11) Такъ какъ Кіевъ есть столица воеводства и мѣстопребываніе суда, то въ городѣ должно быть по мѣрѣ возможности меньше козаковъ зачислено въ регистръ.

Статьи эти для большей вѣры и крѣпости должны быть подтверждены присягою какъ коммисаровъ, такъ и запорожскаго гетмана и старшины, и должны быть точно приведены въ исполненіе.

Послѣ прочета этихъ статей, Хмельницкій исполнилъ присягу. Дай Господи, чтобы онъ ее соблюлъ точнѣе, чѣмъ предшествовавшія!

Послѣ замиренія, коронное войско удалилось немедленно въ назначенныя ему для стоянки мѣста, на которыхъ должно было оставаться впредь до составленія регистра; оно расположилось у Животова, гдѣ назначенъ былъ генеральный смотръ. Литовское войско возвратилось въ Литву. Орда должна была уйти во свояси, а козаки были отпущены по домамъ. На предстоящій сеймъ козаки должны были отправить пословъ съ изъявленіемъ благодарности королю за ихъ помилованіе.

Вышеупомянутый договоръ заключенъ былъ съ козаками на условіяхъ, не отвѣчавшихъ чести и достоинству Рѣчи Посполитой, но вынужденныхъ бѣдственнымъ состояніемъ нашего войска. Тѣмъ не менѣе онъ удовлетворялъ многихъ, особенно тѣхъ, которымъ наскучила война и постоянный сборъ податей на содержаніе войска, и которые, вслѣдствіе этого, желали какъ можно скорѣе заключенія мира, полезнаго какъ для нихъ, такъ и для отечества. Не смотря дѣйствительно на нашу безъурядицу, на малочисленность и страданія войска, договоръ принесъ Рѣчи Посполитой многія выгоды, а именно: 1) помѣщики трехъ воеводствъ: брацлавскаго, кіевскаго и черниговскаго, были освобождены отъ тяжелаго ярма, возложеннаго на нихъ зборовскимъ договоромъ, разрѣшавшимъ записывать въ регистръ козаковъ, жив-

шихъ въ частныхъ помѣстьяхъ, 2) расторженъ былъ опасный союзъ козаковъ съ татарами, который долженъ окончательно прекратиться въ концѣ декабря, 3) войска наши получили вновь, право квартировать въ трехъ украинныхъ воеводствахъ, котораго лишены были по зборовскому договору, 4) постыдная и позорная граница, признанная по статьямъ того договора, какъ будто отчуждавшая въ пользу козаковъ три воеводства, теперь была уничтожена и предана забвенію.

Впрочемъ большинству дворянъ и самому королю договоръ не особенно понравился; они были недовольны тѣмъ, что булава гетманская была оставлена Хмельницкому, что признано было законнымъ слишкомъ большое число козаковъ, что обязанность уплаты жалованья войску, возложенная въ началѣ на Хмельницкаго, потомъ не состоялась; особенно-же неудовольствіе происходило отъ того, что въ виду столь счастливаго начала кампаніи, надѣялись завершить ее крайне выгодными условіями договора. Впрочемъ, если результатъ не отвѣчалъ надеждамъ, то на то были весьма важныя и многочисленныя причины, а именно: 1) разстроенное здоровье кастеляна краковскаго, вслѣдствіе чего не только военныя дѣйствія не могли быть ведены энергично, но по временамъ войску угрожала серьезная опасность. 2) Несогласіе вождей, вслѣдствіе котораго въ войскѣ происходили крупные скандалы; ибо польный гетманъ публично оскорблялъ друзей и довѣренныхъ лицъ великаго гетмана, вслѣдствіе чего, что стыдно даже писать, они ругались взаимно матерними словами и хватались за сабли. 3) Войско наше страдало отъ голода, который можетъ безъ битвы привести въ разстройство самыя многочисленныя арміи; въ лагерѣ нашемъ за коровай хлѣба платили по 4 злотыхъ, а за кварту простой водки, если только возможно было ее достать, по 8 злотыхъ. 4) Войско наше, теряя постоянно людей отъ голода и болѣзней, не имѣло надежды на полученіе подкрѣпленій, между тѣмъ какъ таковыя постоянно прибывали къ врагамъ. 5) Большая ошибка сдѣлана была въ выборѣ пути: войско наше попало въ уголъ между рѣками Росью и Руткомъ и не могло оттуда ни возвратиться вспять, ни двинуться впередъ, не подвергаясь большой опасности. 6) Въ помощь козакамъ приближался многочисленный отрядъ орды подъ начальствомъ Нуреддина и находился уже у Корсуня. 7) Существовало постоянное опасеніе, что литовское войско, соскучившись вслѣдствіе голода, недостатка и безъурядицы нашей, оставитъ насъ и

возвратится домой. Литовцы открыто говорили своему гетману, князю Радзивиллу: „напрасно ты привелъ насъ сюда смотрѣть на безначаліе“! Князь едва могъ обуздать неудовольствіе, прибѣгая къ неимовѣрной скромности и вѣжливости; онъ упрашивалъ ихъ успокоиться такъ, какъ будто онъ былъ не вождь, а рядовой воинъ. Вообще о князѣ Радзивиллѣ всѣ отзывались съ похвалою: указывали на его выдающійся умъ въ военныхъ совѣтахъ, на образцовую скромность, на умѣнье удержать среди солдатъ дисциплину и повиновеніе, на несокрушимое мужество въ битвѣ и искреннюю преданность благу Рѣчи Посполитой. Качества эти онъ заявилъ въ дѣлѣ, бывшемъ въ субботу (23 сентября), о которомъ упомянуто выше: князь настаивалъ на необходимости вступить въ сраженіе, атаковалъ храбро непріятеля, принудилъ его очистить поле битвы и вѣроятно уничтожилъ-бы окончательно его силы, еслибы наше войско его поддержало. Но онъ убѣдился въ нашей вялости, и потому на слѣдующій день, когда его спросили въ совѣтѣ: слѣдуетъ-ли продолжать начатые переговоры или нѣтъ, онъ отвѣтилъ: „еслибы вчера я убѣдился въ исправности и мужествѣ короннаго войска, то я предпочелъ-бы сражаться, но замѣтивъ въ немъ лишь безпорядокъ и апатію, я, по чистой совѣсти, могу вамъ совѣтовать лишь переговоры о мирѣ“. 8) Обстоятельство, вызвавшее также уступчивость съ нашей стороны, заключалось въ состояніи погоды: дождь и слякоть, продолжавшіеся безпрерывно въ теченіи трехъ сутокъ, до того были вредны для войска, что въ одну ночь умерло до 300 человѣкъ изъ иностранныхъ наемныхъ полковъ, остальные-же иностранцы, не будучи въ состояніи долѣе выносить нестерпимаго голода и слякоти, стали перебѣгать къ врагамъ. 9) Наконецъ, совершенное почти отсутствіе управленія, этой души военнаго дѣла, проявилось въ такой-же мѣрѣ, какъ и въ предшествовавшихъ событіяхъ, и войско дѣйствовало скорѣе на угадъ по волѣ судьбы, чѣмъ по разумно обдуманному плану. 10) Вслѣдствіе всѣхъ перечисленныхъ причинъ сдѣлана была самая крупная ошибка: въ субботу не послѣдовало рѣшительнаго сраженія, которое могло-бы увѣнчать и закончить кампанію полнымъ успѣхомъ. Сами враги впослѣдствіи сознавались, что когда войско наше въ этотъ день двинулось въ атаку, построенное въ такомъ-же порядкѣ, какъ у Берестечка, по совѣту и стараніями польнаго писаря Пржыемскаго, то всѣ хлопы, объятые страхомъ, бросились въ бѣгство; даже полковники стали отступать за Рось

и самъ Хмельницкій сильно струсилъ. Любимецъ его Выговскій говорилъ: „мы хотѣли бѣжать, подобно тому, какъ бѣжали у Берестечка, но Господь вамъ отнялъ разумъ“.

И такъ, принявъ во вниманіе всѣ перечисленныя обстоятельства, мы должны воздать благодарность Господу за то, что онъ дозволилъ намъ заключить миръ и охранилъ насъ и Рѣчь Посполитую отъ окончательной гибели, которая могла послѣдовать вслѣдствіе нашего неустройства.

Октябрь доказалъ намъ, что на столько-же легко, находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, заключить договоръ, на сколько потомъ трудно и тягостно удержать оный и исполнить, когда для этого потребуется нѣкоторое время и когда минуетъ угрожавшая опасность. Примѣръ этого явилъ Хмельницкій, который, показывая полную готовность исполнить подтвержденныя его присягою статьи договора, сталъ ихъ толковать на свой ладъ, согласно съ своими интересами. Онъ сообщилъ пану Маховскому, отправленному къ нему изъ лагеря, что онъ разрѣшаетъ войску занять квартиры въ брацлавскомъ воеводствѣ, но ограничилъ право сбора провіанта и прибавилъ условіе, чтобы солдаты вели себя во всѣхъ отношеніяхъ скромно и сдержанно. Тягостно показалось вождямъ и войску отъ подданнаго получать ограниченія и предписанія, но, уступая тяжелой необходимости и не желая нарушать изъ-за мелочи заключеннаго договора, они подчинились. Войско было распредѣлено въ Украйнѣ по селамъ и мѣстечкамъ, начиная съ Савраня по всей почти Уманьщинѣ; оно, согласно съ требованіемъ Хмельницкаго, получило право на сборъ самаго ничтожнаго провіанта. Панъ Маховскій привезъ еще и другую, болѣе серьезную и тревожную новость, что Хмельницкій намѣренъ отправить своего сына Тимоша съ частью войска въ Молдавію, для бракосочетанія съ дочерью молдавскаго господаря, согласно съ обѣщаніемъ, полученнымъ отъ послѣдняго; съ Тимошемъ онъ рѣшилъ отправить и татаръ, кочевавшихъ на Капустяной доливѣ у Корсуня, и назначилъ время сбора въ походъ черезъ двѣ недѣли. Кастелянъ краковскій, убѣжденный въ томъ, что это предпріятіе клонится къ большой невыгодѣ и опасности для Рѣчи Посполитой, не распустилъ войска на квартиры, но остановилъ его въ сборѣ у Махновки подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Брацлавщинѣ не прекратились еще крестьянскія волненія. По причинѣ тяжелой болѣзни онъ сдалъ начальство польному гетману, самъ же 22 октября уѣхалъ для возстановленія совершенно разстроеннаго

здоровья въ Хмѣльникѣ. Бунты не унялись и за Днѣпромъ, гдѣ хлопы продолжали своевольничать и, не обращая вовсе вниманія на универсалы Хмельницкаго и на его приставовъ, похвалялись выбрать другого гетмана и никого изъ нашихъ не пропускали за Днѣпръ, если-жо кто-либо отваживался переѣзжать туда, то его убивали.

Ноября 20. Скончался въ Хмельникѣ кастелянъ краковскій послѣ продолжительной болѣзни, оставивъ свободное поле для соискательства лицамъ, желавшимъ воспользоваться оставшимися послѣ его смерти вакантными должностями. При дворѣ долго колебались и отстрачивали ихъ раздачу, но наконецъ преимущество было оказано тѣмъ, которые съ своей стороны предложили болѣе возмездія. Должность краковскаго кастеляна была предоставлена воеводѣ мазовецкому Варшицкому, несмотря на то, что по общественному мнѣнію право на нее имѣлъ краковскій воевода. Барское староство передано князю Богуславу Радзивиллу, люблинское— кастеляну сендомирскому Витовскому подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ недавно оказалъ значительную услугу, принявъ на себя должность посланника въ Москву; но въ дѣйствительности его успѣху гораздо болѣе споможествовало то обстоятельство, что онъ поднесъ въ подарокъ королю 15,000 червонцевъ. Нѣжинское староство предоставлено маршалу коронному (Любомирскому), булаву-же гетмана великаго король пока оставилъ при себѣ до дальнѣйшаго усмотрѣнія. Другія, мелкія доходныя мѣста покойника оставлены были его наслѣдникамъ для того, чтобы помочь имъ уплотить выкупъ, не выплаченный еще татарамъ за его освобожденіе изъ плѣна.

Декабря 15. Между тѣмъ изъ Украйны получались постоянно новыя вѣсти о томъ, что козаки и хлопы не смирились, но безпрестанно возобновляли попытки къ бунтамъ и волненію; они не только продолжали къ намъ относиться враждебно, но производили безпорядки и въ собственной средѣ: такъ они убили бѣлоцерковскаго полковника Громыку, пытавшагося усмирить ихъ своеволіе, а также многихъ другихъ лицъ, желавшихъ прекращенія бунта. Своевольники жившіе за Днѣпромъ, избрали себѣ новаго гетмана, нѣкоего Вдовиченка и вчали междоусобіе. Но Хмельницкій энергически отстоялъ свое положеніе и авторитетъ своей власти и казнилъ до двадцати бунтовщиковъ. Въ виду этихъ событій нашъ польный гетманъ, который вслѣдствіе смерти гетмана великаго принялъ верховное начальство надъ войскомъ, не полагаясь на

строгія мѣры, принятыя Хмельницкимъ и опасаясь, чтобы волненіе, вспыхнувшее между козаками, не разразилось неожиданно бѣдствіемъ для Рѣчи Посполитой, приказалъ немедленно всему войску, расположившемуся было уже на квартирахъ, собираться въ лагерь, назначивъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ полковъ мѣстечко Животовъ; онъ такимъ образомъ принялъ мѣры для того, чтобы всякое возможное, но непредвидѣнное событіе не застигло его въ расплохъ.

Письмо кн. Н. В. Репнина къ императору Николаю Павловичу

(по дѣлу сложенія недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ полтавской и черниговской губерній).

Всемилостивѣйшій Государь!

При тягостныхъ событіяхъ отечества нашего, обращающихъ на себя всепопечительное вниманіе вашего императорскаго величества, не дерзнулъ-бы я обременять васъ новымъ представленіемъ моимъ, еслибы не вынужденъ къ тому былъ крайнимъ положеніемъ малороссійскихъ губерній и не побужденъ къ сему священною волею вашего императорскаго величества, чтобы правда невозбранно достигала подножія престола вашего. Я ручался вамъ, всемилостивѣйшій государь, въ первыхъ дняхъ сего года, что ни какіе происки людей злонамѣренныхъ не могутъ нарушить законнаго порядка Малороссіи и что здѣшнее дворянство, гордясь принадлежать вамъ, какъ государю твердому, справедливому и дѣятельному, уповаетъ на милосердіе ваше и въ васъ единомъ находитъ залогъ благоденствія и спокойствія отечества; я утверждалъ тоже, что малороссійскіе козаки, племя народа воинственнаго, съ восторгомъ вооружатся на защиту отечества, и, къ счастью моему, событія истекшаго полугодія оправдали ручательство мое. Но въ тоже время, всемилостивѣйшій государь, исполнилъ я долгъ правды и чести, обращая отеческое вниманіе вашего императорскаго величества на тягостное положеніе малороссійскихъ поселянъ, а черезъ то и дворянства, и въ отношеніи моемъ къ генералу Бенкендорфу, отъ 19 генваря, не льстилъ, яко царедворецъ, но смѣло говорилъ, что побужденіе мѣстнаго начальства къ платежу податей, несоразмѣрныхъ съ силами поселянина, а тѣмъ болѣе недоимокъ за годы неурожайные и общихъ несчастій возраждаютъ ропотъ на правительство, и что нищета и скорбь производятъ часто въ

простолюдинахъ тѣже преступныя дѣйствія, какія возникаютъ отъ пагубныхъ заблужденій людей, ложно образованныхъ.

Ваше императорское величество услышали мольбу подданнаго и истинно вамъ преданнаго, козакамъ простили милліоны и уменьшили подати ихъ на будущее время. Отеческое желаніе ваше исполнилось: полмилліона подданныхъ вашихъ счастливы и съ радостнымъ восторгомъ благословляютъ священное имя ваше; казеннымъ крестьянамъ предстоитъ таже надежда на милосердіе, чрезъ представленіе г-ну министру войти въ положеніе ихъ; въ сложеніи-же недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ комитетъ гг. министровъ положилъ рѣшительно отказать, но взысканіе сіе производить съ нѣкоторою умѣренностію и снисхожденіемъ, не опредѣливъ однакожъ мѣры сего снисхожденія, слѣдовательно дѣлая сіе невозможнымъ для мѣстнаго начальства и обвиненныхъ тѣмъ-же положеніемъ комитета гг. министровъ въ упущеніи и послабленіи! Трудно мнѣ, всемилостивѣйшій государь, оправдать себя и подчиненныхъ мнѣ, ибо на сіе положеніе комитета гг. министровъ послѣдовало уже высочайшее вашего императорскаго величества утвержденіе, и сверхъ того г. министру финансовъ угодно было сдѣлать изъ ходатайства моего о нуждахъ общихъ дѣло частное; но я измѣнилъ-бы вамъ, всемилостивѣйшій государь, и отечеству, еслибы умолкъ, предвидя стонъ шести сотъ тысячъ вашихъ подданныхъ, и разрывъ той связи народа, на коей обезпечено доселѣ спокойствіе Имперіи. Основываясь на свѣдѣніяхъ положительныхъ и на коренныхъ законахъ, осмѣливаюсь я изложить оправданіе наше въ прилагаемой у сего запискѣ, а здѣсь, всемилостивѣйшій государь, представляю на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества важнѣйшую причину испрашиваемаго милосердія.

Прежніе малороссійскіе земледѣльцы (посполитство) мало чѣмъ различествовали отъ козаковъ и коль скоро пріобрѣтали собственность, поступали въ сіе сословіе, покуда пользовались правомъ вольнаго перехода до 1783 года; но въ сіе время порабощены они происками тогдашнихъ царедворцевъ, клевретовъ ихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ старшинъ, пожертвовавшихъ щастіемъ родины для собственныхъ выгодъ. Каждый шестидесятилѣтній поселянинъ пользовался всѣми выгодами свободы, и память разсказовъ объ ней есть главнѣйшая причина ропота крестьянъ на ихъ помѣщиковъ и зависти къ козакамъ; но сіи вредныя для общаго спокойствія чувства не усугубятся-ли въ помѣщичьихъ кресть-

янахъ, когда увидятъ они милосердіе вашего императорскаго величества оказанное козакамъ и попеченіе правительства о собратіяхъ ихъ, казнѣ принадлежащихъ, а на себѣ почувствуютъ всю строгость тягостнаго взысканія податей и недоимокъ?!.. Не покажется-ли имъ рабство ихъ еще тягостнѣе прежняго, не станутъ-ли они проклинать своихъ владѣльцовъ, служащихъ для нихъ, какъ будто преградою отеческаго милосердія вашего императорскаго величества ко всѣмъ вѣрноподданнымъ вашимъ? Наконецъ отобраніемъ дворянскихъ имѣній въ опекунское управленіе и, вслѣдствіе закона, не только удаленіемъ помѣщиковъ изъ ихъ помѣстій на многіе годы, но и запрещеніемъ слушаться ихъ распоряженій, не разрушаетъ-ли само правительство слабую связь здѣшнихъ владѣльцовъ съ ихъ крестьянами?

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, уповаю, донесъ вашему императорскому величеству, что распоряженія о взысканіи недоимокъ по обѣимъ малороссійскимъ губерніямъ сдѣланы мною еще 18 истекшаго мѣсяца, слѣдовательно я не умедлилъ исполнить высочайше утвержденное положеніе комитета гг. министровъ; но признаюсь вамъ, всемилостивѣйшій государь, что я долго колебался обременять ваше императорское величество симъ предстательствомъ моимъ, боясь, чтобы оное, по заключенію г. министра финансовъ, не почлось искательствомъ собственныхъ выгодъ; но совѣсть моя не укоряетъ меня въ сей подлости, ни предъ Богомъ, ни предъ вами, ни предъ честью, и я рѣшился исполнить долгъ вѣрности и ходатайствовать въ послѣдній разъ у милосердія вашего императорскаго величества о помощи порученныхъ управленію моему, съ тою откровенностію, правда, которую я всегда дерзалъ имѣть въ донесеніяхъ вашему императорскому величеству. Можетъ быть иные осудятъ меня за сію дерзость; но могули я страшиться послѣдствій, предавъ судьбу и честь мою въ непосредственную защиту вашего императорскаго величества? Справедливость ваша, всемилостивѣйшій государь, взвѣситъ сорокалѣтнюю службу мою, непоколебимую во время оной вѣрность мою Отцу, Брату и вамъ,—терпѣніе, съ коимъ она побуждала меня переносить многія оскорбленія, правду, съ которою осмѣливался я всегда излагать донесенія мои, бескорыстіе въ мѣстахъ, въ коихъ зависѣли отъ распоряженій моихъ многіе милліоны, отчужденіе себя отъ всякихъ происковъ и связей, не разлучныхъ съ высшими званіями въ государствѣ, наконецъ единое упованіе на справедливость и защиту вашу. Вы взвѣсите все сіе, всеми-

лостивѣйшій государь, съ обвиненіемъ меня, и уповаю, ваше императорское величество удостовѣритесь, что я никогда не ограждалъ себя отъ дѣйствій силы закона, но напротивъ былъ всегда ревностнымъ блюстителемъ общаго порядка. Таже справедливость и прозорливость, всемилостивѣйшій государь, оправдаетъ жену, о коей я съ гордостью скажу, что жизнь ея не безполезна отечеству, и ваше императорское величество удостовѣритесь, что если расчесть недоимку, крестьянами ея невыплаченную, по числу душъ, то они ни чѣмъ болѣе другихъ не виновны, и что г. министръ финансовъ ошибается, почитая богатѣйшею помѣщицею владѣтельницу, хотя тринадцати тысячъ душъ крестьянъ, но изъ коихъ пять тысячъ совершенно нищихъ, не дающихъ ей ни одной копѣйки дохода, три тысячи едва усмиренныхъ мятежниковъ нижегородской губерніи и пять тысячъ скудныхъ, и которые она получила отъ родителей своихъ въ наслѣдство съ двумя милліонами восемью стами тысячъ долгу.

Тяжко мнѣ обременять ваше императорское величество частнымъ дѣломъ въ то время, когда благотворное сердце ваше скорбитъ о испытаніяхъ судьбами Всевышняго, на отечество наше налагаемыхъ; но я вынужденъ къ тому, всемилостивѣйшій государь, ибо, оправдая себя, могу только вновь пріобрѣсти довѣріе вашего императорскаго величества, лишась коего, не полезенъ уже буду для службы и чести государства и порученной надзору моему странѣ,—напротивъ совершенно вреденъ. Не могу помыслить, чтобы сіе несчастіе было для меня невозвратно и если польза государства побудитъ ваше императорское величество смѣнить меня въ мѣстѣ, нынѣ мною пятнадцать лѣтъ занимаемомъ, то милосердіе ваше, всемилостивѣйшій государь, навѣрно не откажетъ мольбѣ моей,—употребить меня на защиту отечества въ степени хотя гораздо ниже той, на которую возвела меня благость вашего императорскаго величества. Истинно русскіе должны нынѣ окружать престолъ вашъ и съ вѣрностію и съ восторгомъ принесть въ жертву отечеству жизнь, достояніе и честолюбіе. Скажу, что таковымъ я былъ и до конца дней моихъ пребуду съ благоговѣніемъ навсегда, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданный

Князь Николай Репнинъ.

31 іюля 1831 года.

Приведенный документъ, взятый „во время оно“ изъ домашняго хранилища наслѣдниковъ князя Николая Васильевича Репнина, въ Яготинѣ, В. А. Животовскимъ и переданный мнѣ, сохранялся у меня не одинъ десятокъ лѣтъ. Изъ прочтенія недавно изданнаго, цѣннаго труда М. К. Чалаго: „Жизнь и произведенія Тараса Шевченка“ (стр. 41) выясняется обликъ и духовный складъ двухъ лицъ: князя Н. В. Репнина и его дочери Варвары Николаевны, аристократовъ по происхожденію и по существу. Счастливая и богато одаренная семья! Среди окружающей тьмы панскаго „мочемордія“, среди животнаго мракобѣсія, какъ ярко свѣтящія солнца блистали эти два лица семьи, именитой въ краѣ. Князь Николай Васильевичъ былъ малороссійскимъ губернаторомъ, имѣя въ своемъ управленіи губерніи черниговскую и полтавскую, которыя одни тогда назывались малороссійскими, и оставилъ по себѣ самую свѣтлую память. Прочитавъ приведенное письмо его къ государю Николаю Павловичу, кто не усмотритъ въ немъ истинно государственнаго человѣка, кто не оцѣнитъ его заботливости о нуждахъ края, его прямоты, съ которою онъ высказываетъ истину строгому государю, и смѣлости, съ которою онъ идетъ противъ цѣлой партіи приближенныхъ государя? Испросивъ прощеніе недоимокъ козакамъ и казеннымъ крестьянамъ, Репнинъ настаиваетъ на сложеніи недоимокъ съ крестьянъ помѣщичьихъ, не смотря на брошенный въ него укоръ въ своекорыстіи. То были дѣйствительно тяжкія времена едва оконченныхъ двухъ войнъ, послѣдовавшихъ за ними чумы, холеры и голода и начавшагося польскаго возстанія. Чуткая къ бѣдствіямъ народа душа князя спѣшитъ къ нему на помощь, рискуя всею своею карьерою. Но не однимъ этимъ драгоцѣнно приведенное письмо его: оно приподнимаетъ завѣсу съ неутвердившагося еще въ лѣвобережной Украйнѣ крѣпостничества, указываетъ на господствовавшія тогда политическія опасенія и политическія-же интриги и бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на темный конецъ карьеры князя, съ которымъ пострадали тысячи невинныхъ людей. Мы еще въ дѣтствѣ, живя въ центрѣ бывшаго управленія князя Ник. Вас. Репнина, слышали о проискахъ и клеветѣ нѣкоей партіи на дѣйствія князя. Кто-бы могъ подумать, что этотъ видный государственный дѣятель, горячій патріотъ, преданнѣйшій слуга престола и отечества былъ заподозрѣнъ и почти обвиненъ ни болѣе, ни менѣе,

какъ, говоря по нынѣшнему, въ сепаратизмѣ и украинофильствѣ. И однако это такъ. И не одинъ князь пострадалъ отъ нелѣпой интриги, но и множество людей ни въ чемъ неповинныхъ. Дѣло въ томъ, что во время возмущенія поляковъ, въ 30-мъ году, энергическимъ и вмѣстѣ заслуженнымъ довѣріемъ Репнинъ сразу поставилъ нѣсколько полковъ козацкихъ. Интрига не усумнилась сію скорость, исправность и чистоту дѣла очернить особеннымъ, опаснымъ для цѣлости государства вліяніемъ... Темное преданіе связываетъ эту печальную исторію съ женитьбой Репнина на дочери гетмана Разумовскаго и родствомъ его съ А. Гудовичемъ, ради котораго якобы императоръ Павелъ хотѣлъ возстановить гетманское достоинство. Какъ-бы то ни-было, но по усмиреніи польскаго возстанія, сформированные по поводу его козаки не возвращены на родину, но отправлены на Кавказъ, гдѣ и образовали линейные полки миргородскій и полтавскій, а когда эти невольные переселенцы заявили, что не могутъ оставаться въ одиночествѣ, то съ мѣста ихъ родины для нихъ отправлено соотвѣтственное количество невѣстъ, а земли ихъ, перешедшія въ другія руки, и въ настоящее время составляютъ предметъ трудно разрѣшимаго вопроса. Въ настоящемъ письмѣ Репнина сквозятъ грустныя черты, перешедшія потомъ въ едва вѣроятный фактъ, а преданіе указываетъ въ лицѣ иноземца Канкрина (сына крещеннаго еврея), главнаго коновода „тогдашнихъ царедворцевъ и клевретовъ ихъ", какъ выражается князь въ своемъ письмѣ. Другое выраженіе князя: „истинно русскіе должны нынѣ окружать престолъ вашъ" указываетъ на происходившую тогда борьбу коренныхъ силъ съ иноземными, изъ которой выродилось столь пригодное для многихъ дѣтище въ формѣ подозрѣванія вездѣсущей измѣны. Государственныя заслуги Репнина, были, конечно, неизмѣримо выше того страннаго обвиненія, какимъ враги его старались теперь бросить въ него, и не оно было ближайшею причиною внезапнаго удаленія его въ 1834 г. отъ службы; тутъ примѣшались новыя обстоятельства: растрата якобы суммъ по постройкѣ полтавскаго института и личное столкновеніе строгаго формалиста Репнина съ прибывшимъ по дѣлу постройки института флигель-адъютантомъ Строгановымъ. Въ заключеніе мы находимъ необходимымъ оговорить значеніе словъ князя о томъ, что долгъ превышалъ цѣнность доставшагося ему за женою имѣнія. Не одними

долгами обременены были доставшіяся по наслѣдству имѣнія князя; по нимъ велись нескончаемые и весьма убыточные процессы. Дѣло въ томъ, что въ первое время послѣ уничтоженія гетманщины крѣпостничество, широко развернувъ свои когти, запускало ихъ и въ чисто козачьи поселенія. Изъ таковыхъ очутились въ кабалѣ у Разумовскихъ: часть Батурина, Великій Санборъ, Малый Санборъ и Корибутовъ, и объ нихъ-то и говорится здѣсь. Свободные владѣльцы земель—козаки, очутившись въ объятіяхъ кабалы, не хотѣли остаться въ ней ни пока числились во владѣніи Репниныхъ, ни когда остались „выморочными" за казною, какъ стоившіе уже свыше стоимости долга. Долго ходаки ихъ хлопотали о возстановленіи ихъ „первобытнаго положенія", т. е. полной свободы со своимъ земельнымъ достояніемъ, долго возили свои животы, но, уставъ порядкомъ и видя, что дѣло все болѣе затягивается, „плюнули", сказавши: „то въ панській двіръ ворота широки, а зъ панського вельми тісни"...

Ст. фонъ-Носъ.

Нѣсколько данныхъ о судьбѣ Желѣзняка послѣ его ареста въ Умани.

Послѣ усмиренія „Коліивщины“ судьба человѣка, игравшаго въ ней самую важную роль, Максима Желѣзняка, теряется въ неизвѣстности: изъ польскихъ мемуаровъ знаемъ только, что онъ былъ арестованъ въ лагерѣ у Умани полковникомъ Гурьевымъ и отправленъ въ Кіевъ; затѣмъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о его участи не имѣется. Встрѣтивъ случайно нѣсколько документовъ, относящихся къ Желѣзняку послѣ его ареста, мы находимъ возможнымъ дополнить хотя нѣсколькими незначительными чертами скудныя вообще свѣдѣнія объ этомъ иниціаторѣ „Коліивщины“.

Покойный М. А. Максимовичъ сообщилъ намъ небольшую пачку документовъ, извлеченную изъ „кіевскихъ плацъ-маіорскихъ дѣлъ“, въ которой находится нѣсколько фактическихъ указаній на первое время ареста Желѣзняка и его товарищей. Въ пачкѣ этой сохранились слѣдующіе документы: 1) рапортъ плацъ-маіора кіевопечерской крѣпости Лбова о томъ, что онъ принялъ подъ караулъ Желѣзняка съ 73 его товарищами, 8 іюля (20 іюля по новому стилю) 1768 года; 2) распоряженіе кіевской губернской канцеляріи о выдачѣ суммы для продовольствія арестованныхъ гайдамакъ впредь, пока судьба ихъ не будетъ рѣшена коллегіею иностранныхъ дѣлъ (17 іюля); 3) рапортъ Лбова (отъ 8 августа) о томъ, что онъ израсходовалъ отпущенную на продовольствіе сумму и 4) постановленіе кіевской губернской канцеляріи о вторичномъ отпускѣ суммы на содержаніе арестантовъ до окончанія надъ ними суда (отъ 11 августа). Изъ послѣдняго документа мы узнаемъ, что судъ происходилъ въ кіевской губернской канцеляріи, ибо, давая распоряженіе объ отпускѣ кормовыхъ денегъ, канцелярія эта мотивируетъ свое распоряженіе слѣдующимъ образомъ: „а какъ по при-

сланному изъ оной государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 24 іюля сего году указу велѣно надъ оными присланными изъ полской Украйны, оказавшимися въ разбоѣ и во смертномъ убивствѣ, запорожцами произвести кіевской губернской канцеляріи надлежащій судъ, то въ разсужденіи того приказали... означеннымъ арестантамъ до окончанія объ нихъ суда кормовыхъ денегъ выдать".

И такъ изъ приведенныхъ документовъ видно, что 8 іюля 1768 года Желѣзнякъ съ товарищами были заключены въ кіево-печерскую крѣпость, что въ концѣ іюля послѣдовало распоряженіе о преданіи ихъ суду въ кіевской губернской канцеляріи и что въ началѣ августа судъ уже началъ свои дѣйствія. Приговоръ его неизвѣстенъ намъ, но вѣроятно онъ кончилъ свои дѣйствія только въ октябрѣ и приговорилъ осужденныхъ къ ссылкѣ на востокъ. Послѣднее мы узнаемъ изъ документа, сообщеннаго намъ обязательно А. А. Андріевскимъ, въ которомъ значится, что 1-го ноября Желѣзнякъ съ товарищами былъ уже на пути къ Бѣлгороду (курской губ.). Въ окрестности Ахтырки арестанты обезоружили конвой и спаслись бѣгствомъ, но большинство ихъ, и въ томъ числѣ Желѣзнякъ, были вскорѣ настигнуты и вновь взяты подъ стражу.

Этими немногими данными и ограничиваются тѣ свѣдѣнія, которыя намъ удалось извлечь изъ указанной выше переписки. Въ виду заключающихся въ ней не безъинтересныхъ подробностей, мы сообщаемъ ниже in extenso три изъ числа перечисленныхъ документовъ.

В. А.

1. *Рапортъ кіевскаго плацъ-маіора Василія Лбова о принятіи въ кіево-печерскую крѣпость 74 гайдамакъ и въ числѣ ихъ полковника Максима Желѣзняка. 1768 года, іюня 9.*

Кіевской губернской канцеляріи въ секретную экспедицію отъ кіевскихъ плацъ-маіорскихъ дѣлъ рапортъ.

Сего іюля 8-го дня прислано изъ Польши пойманныхъ гайдамакъ семьдесятъ четыре человѣка, коимъ при семъ именной списокъ прилагается, которые и содержатся въ кіево-печерской крѣпости подъ карауломъ и пропитанія никакова ни откуда не имѣютъ; о семъ секретной экспедиціи симъ представляю: что повелено будетъ съ оными чинить, имѣю ожидать резолюціи. Плацъ-маіоръ Василій Лбовъ. Іюля 9 дня, 1768 году.

Списокъ приведеннымъ за конвоемъ, взятымъ подъ мѣстечкомъ Гуманемъ, запорожскимъ старшинамъ и козакамъ, а именно:

Называемые: атаманъ Павло Таранъ, полковникъ Максимъ Зелѣзнякъ.

Козаки: Власъ Лаевской, Макаръ Черной, Амелко Чубъ, Иванъ Бѣлой, Степанъ Якубовичъ, Михайло Моторный, Кондратъ Верховойтъ, Андрей Калыболоцкій, Иванъ Зеленскій, Иванъ Лысой, Андрей Белой, Лукъянъ Долгопалой, Ефимъ Прейма, Максимъ Рудь, Екимъ Жерлай, Гаврило Таранъ, Власъ Сокуръ, Радко Марковщина, Иванъ Губа, Корней Черной, Давыдъ Вербенко, Степанъ Саганакъ, Семенъ Тарасенко, Андрей Майданникъ, Фома Дурной, Каленикъ Медведевскій, Федоръ Волошинъ, Яковъ Щербитенко, Лытко (sic) Грива, Петръ Бондуренко, Павло Столбовый, Иванъ Таранъ, Грицко Кочаръ, Мосей Неживенко, Евстухъ Бескуздый, Никита Таранъ, Корней Белой, Кирило Стирчакъ, Денисъ Кобинякъ, Иванъ Заверуха, Харко Круглой, Михайло Белоусъ, Филипъ Безрукавый, Грицко Таранъ, Иванъ Шрамъ, Василей Гаенной, Демко Балаганъ, Иванъ Жулай, Федоръ Булка, Лецко Бурганъ, Алекса Смишко, Нестеръ Литвиненко, Кирило Мадсейчанъ, Гаврило Губа, Семенъ Ивановичъ Демъянъ Чернявской, Петръ Таранъ, Михайло Черной, Федоръ Кулбаса, Василь Таранъ, Михайло Плохий, Василей Скулчанъ, Ничипоръ Лаштабей, Игнатъ Побошкородичъ, Федоръ Губа, Василей Морчукъ, Трофимъ Чуприна, Иванъ Байрицкій, Фома Сукуръ, Павло Лабазинъ, Мосей Павловъ, Яковъ Безродной.

Итого семьдесятъ четыре человѣка. Плацъ-маіоръ Василей Лбовъ.

2. *Постановленіе кіевской губернской канцеляріи о выдачѣ кормовыхъ денегъ, по двѣ копѣйки въ день на человѣка, для содержанія поименованныхъ гайдамакъ. 1768 года, іюля 17.*

1768 году іюля 17 дня. По указу ея императорскаго величества кіевская губернская канцелярія, слушавъ присланнаго отъ находящагося въ Полшѣ каргопольского карабинерного полку полковника Гурьева рапорта, въ которомъ между протчимъ объявлено: что по командированіи его, полковника Гурьева, съ онымъ каргопольскимъ полкомъ, отъ генералъ-маіора Кречетникова къ польскому мѣстечку Умани для истребленія оказавшихся тамо гайдамаковъ, поймано тамо онымъ полкомъ запорожскихъ козаковъ 48, да предъ тѣмъ поймано жъ тверского карабинерского полку поручикомъ

Калагриновымъ таковыхъ же запорожскихъ козаковъ 25; итого 73 человѣка, между коими оныхъ разбойниковъ начальникъ называемой полковникъ Железнякъ. И оные гайдамаки присланы въ Кіевъ при приложенномъ при томъ рапортѣ спискѣ, по которому явствуетъ, что изъ показанныхъ въ ономъ Гордей Кибитной въ дорогѣ умре; а притомъ кіевского гарнизона плацъ-маіоръ Лбовъ письменно представляетъ, что изъ оныхъ арестантовъ Павла Лабазина надлежитъ исключить, потому что онъ белевского полку бѣглой солдатъ и что настоящее его имя Андрей, а прозваніе Кобызевъ. А по поданному отъ оного плацъ-маіора Лбова списку явствуетъ, что за исключеніемъ изъ оныхъ арестантовъ вышеписанныхъ: умершаго Гордѣя Кибитнаго да бѣглаго солдата Андрея Кобызева, имѣетъ быть присланныхъ отъ онаго полковника Гурьева арестантовъ 71, да прежде того присланныхъ въ Кіевъ съ письмомъ изъ Умани отъ гайдамацкихъ начальниковъ два; итого всѣхъ 73 человѣка. Причомъ оной-же плацъ-маіоръ Лбовъ письменно представляетъ, что на содержаніе оныхъ арестантовъ, то есть на покупку имъ хлѣба, меньшимъ числомъ обойтися не можно, какъ двумя копѣйками на день на каждаго человѣка; а какъ оные арестанты присланы сюда по извѣстнымъ, происходящимъ въ Польшѣ обстоятелствамъ, о которыхъ уже на резолюцію представлено въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, того ради приказали: вышеозначеннымъ присланнымъ каргопольского карабинерного полку отъ полковника Гурьева 71, да отъ гайдамацкихъ начальниковъ двумъ, итого 73 человѣкамъ арестантамъ, до воспослѣдованія объ нихъ на оное, учиненное отсюда, представленіе резолюціи, производить кормовые денги по двѣ копѣйки на день на каждого человѣка, съ приводу ихъ въ Кіевъ, то есть сего іюля съ 8 числа и на произведеніе имъ тѣхъ кормовыхъ денегъ выдать помянутому плацъ-маіору Лбову 50 рублевъ изъ имѣющейся въ кіевской губернской канцеляріи опредѣленной на заграничныя расходы суммы мѣдною монетою, записавъ въ расходъ съ роспискою и о томъ расходчику, архивариусу Бѣлоезерскому дать указы и плацъ-маіору Лбову на записку тѣхъ денегъ въ приходъ и въ расходъ, за губернскою печатью и за секретарскою по листамъ скрепою, книгу. Означенного же бѣглого солдата Андрея Кобызева, для поступленія о немъ по указамъ и воинскимъ регуламъ, отослать при ордерѣ къ генералъ-маіору, кіевскому оберъ-коменданту Елчанинову. При чемъ оному плацъ-маіору Лбову объявить, чтобы по издержкѣ тѣхъ денегъ, въ приходъ требовалъ выдачи еще на

произвожденіе онымъ арестантамъ кормовыхъ денегъ.—Федоръ Воейковъ. Петръ Веселицкій.

3. *Приказъ кіевской губернской канцеляріи о разысканіи бѣжавшихъ изъ подъ стражи на пути изъ Кіева въ Бѣлгородъ гайдамакъ съ замѣткою о поимкѣ уже 36 изъ бѣжавшихъ, въ томъ числѣ и Максима Желѣзняка. 1768 года, декабря 19.*

1768 году, декабря 19 дня. По указу ея императорскаго величества кіевская губернская канцелярія, слушавъ промеморіи изъ канцеляріи новороссійской губерніи, въ которой объявлено, что изъ отправленной изъ оной канцеляріи за надлежащимъ конвоемъ для препровожденія въ Бѣлгородъ 71 человѣка колодниковъ, Максимъ Желѣзнякъ съ товарищи, согласясь съ протчими 51 человѣкомъ, во время ночлегу ахтырской провинціи въ слободѣ Котельвѣ, ноября 1 дня сего 1768 году, ночью, разбивъ караулъ, и выломавъ двери, и отбивъ у солдатъ десять ружей и у козаковъ копья и ружья; изъ которыхъ колодниковъ 52-хъ человѣкъ Желѣзнякъ съ товарищи 33 человѣки, да въ малороссійскомъ полтавскомъ полку два человѣка пойманы, а 16 человѣкъ за побѣгомъ ихъ не пойманы и тою промеморіею требуется о подтвержденіи, куда надлежитъ, о присматриваніи и поимкѣ, по показаннымъ въ приложенномъ при оной промеморіи спискѣ примѣтамъ, оныхъ бѣглыхъ колодниковъ, и, если пойманы будутъ, о присылкѣ оныхъ въ ту канцелярію новороссійской губерніи подъ карауломъ для отправленія ихъ въ надлежащія мѣста. Приказали: въ кіевской магистратъ, такожъ въ полицмейстерскую контору и на состоящіе въ кіевской губерніи главные пограничные форпосты послать указы и при оныхъ приложить съ оного, присланнаго при промеморіи изъ канцеляріи новороссійской губерніи бѣжавшимъ колодникамъ списка копіи, и велеть тѣхъ бѣжавшихъ 16 человѣкъ колодниковъ, по показаннымъ въ томъ спискѣ примѣтамъ, присматривать и ловить, и ежели гдѣ усмотрены и пойманы будутъ, то, забивъ ихъ въ колодки, прислать подъ крѣпкимъ карауломъ въ кіевскую губернскую канцелярію немедленно, и для ведома о томъ въ оную канцелярію новороссійской губерніи сообщить промеморіею. Наумъ Ск..., Василій Флеровъ, секретарь Василей Чернявской. Подписано 20 декабря 1768 года.

Библіографія.

D-r Antoni I. Opowiadania historyczne—serija trzecia. T. 1—2. Warszawa. 1882.

Д-ръ Антоній I. Историческіе разсказы—серія третья, томъ 1—2. Варшава. 1882.

Подъ этимъ заглавіемъ неутомимый докторъ Антоній издалъ новый рядъ историческихъ очерковъ (числомъ 11), которые, за малымъ исключеніемъ (кромѣ 2-хъ), относятся болѣе или менѣе непосредственно къ исторіи южной Руси. Большинство очерковъ посвящены концу XVIII столѣтія. Въ числѣ ихъ находятся три біографіи болѣе видныхъ дѣятелей тарговицкой конфедераціи: Антонія Злотницкаго, Бенедикта Гулевича и Дызмы Томашевскаго. Не одобряя цѣлей и пріемовъ дѣйствія самой конфедераціи, авторъ старается обрисовать совершенно безпристрастно избранные имъ типы, не произнося надъ ними огульнаго осужденія; онъ видитъ въ Томашевскомъ человѣка искренно-преданнаго старошляхетскимъ идеаламъ, считавшаго старое устройство Рѣчи Посполитой неприкосновенною святынею и всѣ попытки, клонившіяся къ расширенію правъ другихъ сословій, къ установленію вѣротерпимости и къ обузданію дворянскаго произвола—преступленіемъ; такого рода убѣжденія побудили Томашевскаго къ участію въ конфедераціи, имѣвшей, какъ извѣстно, послѣдствіемъ прекращеніе политическаго существованія Польши. Игравшій видную роль въ той же конфедераціи—Гулевичъ дѣйствовалъ также по убѣжденію: онъ ожидалъ только отъ помощи Россіи спасенія для Польши и исключительно руководился въ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ этою мыслью. Иной типъ представляетъ, по мнѣнію автора, Злотницкій, который и убѣжденія и

общественное дѣло готовъ былъ посвятить личной наживѣ и карьерѣ. Всѣ три впрочемъ названныя лица носятъ одну общую черту: они всѣ стоятъ въ зависимости въ полу-служебныхъ, полу-дружескихъ отношеніяхъ къ богатому вельможѣ—Феликсу Потоцкому и политическая карьера ихъ является гораздо болѣе результатомъ вліянія на нихъ этого магната, чѣмъ какихъ-либо убѣжденій. Не смотря на собранныя очень тщательно черты индивидуальнаго ихъ характера, помимо воли автора, изображенные имъ типы прежде всего дѣлаютъ впечатлѣніе сателлитовъ и паразитовъ важнаго пана, что конечно также составляетъ черту быта нравственно разложившагося въ XVIII вѣкѣ шляхетскаго общества. Представителемъ того же разложенія является и Іосифъ Стемпковскій, біографію котораго помѣстилъ въ числѣ другихъ докторъ Антоній, подъ эффектнымъ заглавіемъ: „грозный Іосифъ". Эпитетъ „грознаго" данъ ему вслѣдствіе жестокихъ казней, которыми онъ истреблялъ крестьянъ послѣ усмиренія „Коліивщины", но въ сущности, согласно съ меткою характеристикою автора, мы думали бы, что Стемпковскій заслуживаетъ скорѣе эпитета „пошлый". Вся его жизнь посвящена на то, чтобы выслужиться, не разбирая средствъ, сдѣлать карьеру, скопить деньги и потомъ нагроможденныя средства прокутить самымъ легкомысленнымъ и сибаритскимъ образомъ. Жестокія казни крестьянъ въ 1768 году не истекаютъ ни изъ убѣжденій, ни изъ личнаго его права, онъ расточаетъ ихъ лишь потому, что ошибочно полагаетъ, что жестокій образъ дѣйствія будетъ угоденъ королю;—убѣдившись въ противномъ, онъ оставляетъ казни и ищетъ другихъ средствъ отличія: мелкія стычки съ гайдамаками раздуваетъ до размѣровъ рѣшительныхъ сраженій и наконецъ добивается того, что легкомысленное столичное и особенно придворное общество, смотритъ на него, какъ на спасителя отечества; затѣмъ онъ является постояннымъ агентомъ и клевретомъ короля въ сеймовыхъ агитаціяхъ, за что выпрашиваетъ должности, староства, ордена, доходныя бенефиціи и т. д.; всѣ эти знаки королевской милости онъ перепродаетъ, закладываетъ и т. п. и вырученныя деньги употребляетъ на изысканную эпикурейскую роскошь, пока наконецъ апоплексическій ударъ не спасъ его отъ банкротства, долговъ и нищеты.

Во второмъ томѣ разсказовъ мы находимъ слѣдующія монографіи, содержаніе которыхъ относится къ XVI и XII столѣтіямъ: 1) Княжескій столъ за женщину, 2) Жизнь на Украйнѣ до

козацкаго возстанія, 3) Одинъ изъ числа многихъ, 4) Немиричи. Предметомъ перваго служитъ неудачное сватовство Криштофа Зборовскаго на сестрѣ молдавскаго господаря Богдана Лопушнано (1569—1572 г.). Оскорбленный отказомъ господаря, Зборовскій схватилъ его на пути и заключилъ въ темницу; когда-же господарь уплатилъ выкупъ и получилъ свободу, то оказалось, что престолъ его уже былъ занятъ однимъ изъ его соперниковъ. Эпизодъ весьма характерный для даннаго времени и для обрисовки отношеній пограничныхъ магнатовъ къ Молдавіи и ея господарямъ; онъ разсказанъ весьма живо и обставленъ подробностями, поясняющими характеръ того времени.

Второй очеркъ, не менѣе интересный, составленъ по архивнымъ матеріаламъ (1570—1642 г.); онъ повѣствуетъ о продолжительной враждѣ двухъ семействъ земянъ брацлавской земли: Микулинскихъ и Козюбъ Якушинскихъ и изобилуетъ многочисленными бытовыми, весьма интересными подробностями.

„Одинъ изъ числа многихъ" — это біографія шляхтича изъ Брацлавщины, нѣкоего Жука-Скоршевскаго, попавшаго въ плѣнъ козакамъ въ 1648 году и спасшагося съ неимовѣрными усиліями бѣгствомъ, благодаря покровительству Адама Киселя. Жукъ поселился потомъ на берегахъ Збруча, въ имѣніи Ляцкоронскаго, но здѣсь навлекъ на себя гнѣвъ этого магната, вслѣдствіе того, что осмѣлился посватать его дочь; подвергшись нападенію со стороны одного изъ родственниковъ Ляцкоронскаго, убилъ его въ дуэли, происходившей ночью на паромѣ, середъ Днѣстра, и вслѣдствіе этого долженъ былъ убѣжать въ одну изъ отдаленныхъ областей Польши.

Послѣдній очеркъ „Немиричи", составленный болѣе обстоятельно, разсказываетъ исторію этого древняго кіевскаго земянскаго рода, начиная съ Ивана Немирича (упоминаемаго въ 1535 году) и до конца XVII столѣтія; въ концѣ прибавлена въ видѣ дополненія небольшая замѣтка о Генрихѣ Немиричѣ, подвергавшемся суду въ исходѣ прошлаго вѣка по обвиненію въ атеизмѣ. Біографіи Немиричей составлены по архивнымъ источникамъ и очерчены весма отчетливо; такъ какъ многія лица, принадлежавшія къ этому роду, исповѣдывали социніанство, то авторъ прибавилъ общій очеркъ распространенія этого религіознаго ученія въ южной Руси. Разсматривая генеалогію Немиричей, авторъ полагаетъ, что дворянскій родъ Немиричей разбогатѣлъ и пріобрѣлъ значеніе потому, что онъ особенно сотуа-

ственно отнесся къ люблинской уніи и умѣлъ скорѣе другихъ принаровиться къ новому порядку вещей. Мы полагаемъ, что это положеніе автора ошибочно, такъ какъ Немиричи гораздо раньше люблинской уніи принадлежали къ числу богатыхъ и знатныхъ земянъ кіевской земли. Самъ докторъ Антоній нашелъ одно указаніе на этотъ фактъ въ описаніи овручскаго замка 1552 года, гдѣ Іосифъ Немиричъ поименованъ въ числѣ „пановъ кіевскихъ", въ качествѣ „державцы" 4 селъ; ему также извѣстно, что отецъ Іосифа Иванъ владѣлъ селами Чернеховомъ, Марморичами и тремя пустошами. Къ указаніямъ этимъ можемъ прибавить еще нѣсколько свѣдѣній: въ 1531 году тотъ-же Иванъ Немиричъ пріобрѣлъ покупкою отъ дворянки Ульяны Потаповичевой село „дѣдистое Ворахобовичи у Бѣлыхъ Берегахъ"; онъ былъ женатъ на послѣдней представительницѣ богатаго кіевскаго рода земянъ Скобейковъ, принесшей ему въ качествѣ приданнаго вотчины и выслуги своего рода (въ томъ числѣ и Чернеховъ); Іосифъ-же Немиричъ владѣлъ дворами въ замкахъ овручскомъ и житомирскомъ. Такимъ образомъ поземельное состояніе Немиричей и значеніе ихъ рода можно констатировать уже лѣтъ за 30 до люблинской уніи.

Вообще всѣ очерки новой серіи „историческихъ разсказовъ" д-ра Антонія І. написаны съ такимъ-же талантомъ и знаніемъ историческаго матеріала, какія мы отмѣтили и въ прежнихъ сочиненіяхъ того-же автора, хотя и не лишены, какъ намъ кажется, и прежнихъ недостатковъ—злоупотребленія эпитетами и нѣсколько исключительной, предвзятой тенденціи. **В. А.**

Опись актовой книги кіевскаго центральнаго архива. № 13. Составилъ Л. В. Ильницкій (оффиціальное изданіе архива). Кіевъ. 1882 г.

Вышедшая на дняхъ книжка составляетъ уже 24-й выпускъ описей актовыхъ книгъ, издаваемыхъ кіевскимъ центральнымъ архивомъ. Обладая громаднымъ научнымъ матеріаломъ, архивъ позаботился о томъ, чтобы привести этотъ матеріалъ въ извѣстность и, по мѣрѣ возможности, облегчить къ нему доступъ лицамъ, разыскивающимъ нужныя указанія. Съ этою цѣлью съ 1866 года приступлено было къ составленію краткихъ, но отчетливыхъ описей актовъ, хранящихся въ архивѣ и, по мѣрѣ того

какъ подвигалось составленіе этихъ описей, архивъ печаталъ ихъ; каждый выпускъ описей обнимаетъ документы, вписанные въ отдѣльную актовую книгу. Составленіе описей происходитъ по строго выработанному плану и, по нашему мнѣнію, вполнѣ удовлетворяетъ предположенной цѣли: описи дѣлаются кратко и сжато, но притомъ такъ, чтобы не опустить ни характеристическихъ подробностей содержанія, ни личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ каждомъ документѣ. Желающій пользоваться описью можетъ въ теченіи часа ознакомиться съ содержаніемъ каждой описанной книги и вымѣтить себѣ акты, нужные для занимающаго его сюжета, между тѣмъ какъ безъ описи пересмотръ книги и ознакомленіе съ ея содержаніемъ потребовало бы по меньшей мѣрѣ недѣлю усидчиваго труда. Притомъ лица, живущія внѣ Кіева, могутъ по самой описи собрать богатый запасъ фактовъ, хотя лишенныхъ подробностей, но все таки могущихъ доставить значительный научный матеріалъ для любого историческаго или историко-юридическаго сюжета.

Вышедшая нынѣ книжка (№ 13) представляетъ опись актовой книги житомирской гродской, записовой и поточной 1617—1618 годовъ. Огромная эта книга содержитъ до 1500 листовъ, на которыхъ записано 1200 актовъ, въ числѣ которыхъ весьма многіе представляютъ историческій интересъ. Въ числѣ ихъ мы находимъ данныя и для политической исторіи края: о походахъ противъ татаръ и турокъ, о походѣ поляковъ подъ Москву въ 1618 г., о мѣрахъ польскаго правительства для укрощенія козаковъ и т. п. и еще болѣе для исторіи бытовой всѣхъ сословій края: духовенства, дворянъ, мѣщанъ, крестьянъ, козаковъ, жолнеровъ и евреевъ. Сверхъ того есть документы, относящіеся къ всевозможнымъ областямъ общественной и частной жизни даннаго времени: постановленія областныхъ сеймиковъ, мѣры для сбора податей и налоговъ, указанія на копные суды, на производство заводское (поташные заводы) и торговлю, на семейный бытъ и т. п. Для генеалогіи, біографій отдѣльныхъ лицъ, исторической топографіи описи доставляютъ также обильный матеріалъ, такъ напримѣръ въ теченіи двухъ лѣтъ мы находимъ множество матеріаловъ для біографіи: Елисея Плетенецкаго, Веніамина Руцкаго, князя Януша Острожскаго и т. д., обильныя указанія на топографію Кіева и его окрестностей, на исторію кіевскихъ церквей и монастырей и т. п.

Для того, чтобы дать понятіе о томъ, на сколько удовлетворительно составлены описи и насколько онѣ даютъ точное по-

нятіе о содержаніи самихъ актовъ, выпишемъ для примѣра нѣсколько самихъ описей, выбравъ ихъ на угадъ:

№ 226—жалоба вознаго Николая Пузовскаго на дворянина Яна Кучковскаго, приказывавшаго жалобщику съѣсть принесенные имъ позвы и, послѣ отказа въ этомъ, нанесшаго ему тяжкіе побои".

„№ 90. Свидѣтельство вознаго по жалобѣ дворянина Витинскаго о томъ, что *копа* села Вересова въ дѣтинцѣ житомирскаго замка безвинно и противузаконно подвергла пыткѣ раскаленнымъ желѣзомъ его крестьянина, заподозрѣннаго въ кражѣ лошади у вересовскаго крестьянина".

„№ 631. Жалоба кіево печерскаго архимандрита Елисея Плетенецкаго на ложное обвиненіе его кіевскими мѣщанами въ незаконной торговлѣ водкою и въ устройствѣ ярмарки".

„№ 491. Жалоба кіевскаго городничаго Станислава Вигуры о грабежѣ кіевскими мѣщанами сѣна и захватѣ ими подъ г. Кіевомъ острова Муравица въ грунтѣ *Милославицкомъ*".

Полагаемъ, что этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о пріемахъ составленія описей и возможности пользоваться ими для научныхъ цѣлей. **В. А.**

Wiadomości statystyczne o stosunkach krajowych. Wydane przez krajowe biuro statystyczne pod redakcyą prof. d-ra Tadeusza Pilata. Rocznik szósty. Zeszyt drugi. Lwów. 1881 r.

Мы выписали въ заглавіи одинъ изъ выпусковъ „Статистическихъ Вѣдомостей", издаваемыхъ въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ „Львовскимъ Статистическимъ Бюро", въ видѣ отдѣльныхъ „Стат. Вѣдомостей". Онъ представляетъ собою брошюру въ 48 стр. (отъ 133—182) и состоитъ изъ XII таблицъ, раздѣленныхъ на два отдѣла: первый отдѣлъ содержитъ въ себѣ цифровыя даты о землѣ, второй—о населеніи Галиціи, подъ особымъ заглавіемъ: „Najważniesze wyniki spisu ludności Galicyi z 31 grudnia 1880 według tymczasowych zestawień powiatowych"...

Какъ видно изъ двухъ коротенькихъ предисловій, которыми снабжены оба отдѣла, свѣдѣнія о землѣ собраны въ самое послѣднее время при „обычномъ урегулированіи поземельнаго налога", и добыты редакціей изъ краевой коммисіи", учрежденной для урегулированія поземельнаго налога, а данныя о населеніи

представляютъ результатъ однодневной переписи, произведенной 31 декабря 1880 г. во всей австрійской имперіи, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ; систематизація-же тѣхъ и другихъ данныхъ принадлежитъ самому редактору „Стат. Вѣд.", проф Пилату. Всѣ цифры разверстаны между 74 уѣздами (powiat или starostwo), на которые дѣлится Галиція. Въ 1-мъ отдѣлѣ всего двѣ таблицы, изъ которыхъ въ первой проставлены цифровыя данныя о землѣ по угодьямъ (огороды, поля, луга и т д.), во 2 мъ—процентныя отношенія по тѣмъ же рубрикамъ. Во второмъ отдѣлѣ X таблицъ.

Таблицы I, II, III, IV содержатъ свѣдѣнія о населеніи по поламъ и мѣсту жительства, съ указаніемъ процентныхъ отношеній, таблица V—а) представляетъ населеніе по вѣроисповѣданіямъ, V—в) и VI по образованію съ процентными отношеніями, табл. VII, VIII и IX—по языку, тоже съ процентными указаніями. Наконецъ въ послѣднюю X-ю таблицу вошли общія цифры о населеніи по судебнымъ округамъ, которыхъ въ Галиціи II.

Какъ источникъ, изъ котораго взяты цифры, такъ и полнота и новизна самыхъ данныхъ (до этого времени не обнародованныхъ) дѣлаетъ эту брошюру, какъ и вообще Статистическія Вѣдомости львовскаго Бюро, весьма цѣнною для всякаго, интересующагося судьбою нашихъ единоплеменниковъ въ Галиціи, и мы со своей стороны рекомендуемъ непосредственно ознакомиться съ этой книжкой „Стат. Вѣдомостей", какъ и вообще съ изданіемъ, богатымъ статистическимъ матеріаломъ.

Мы не станемъ сообщать въ библіографической замѣткѣ подробнаго содержанія самыхъ цифръ, а ограничимся въ этомъ отношеніи только данными относительно русскаго населенія Галиціи, какъ болѣе интереснаго для читателей „Кіевской Старины".

Изъ 74 повѣтовъ Галиціи русское (точнѣе южно-русское) населеніе преобладаетъ въ 46, составляя отъ 89, 926% (это maximum въ повѣтѣ Túrka) до 56,746% (это minimum въ повѣтѣ Sanok). Такимъ образомъ южно-русское населеніе занимаетъ 9,503,854 морга земли изъ общей суммы 13,640,554, т. е. $^2/_3$ всего пространства Галиціи. Въ этой южно-русской Галиціи живетъ 3,445,101 человѣкъ, а за выключеніемъ пришлого населенія (ludnosci zakrajowa 15,640) постояннаго населенія въ южно-русской Галиціи 3,439,461. По вѣроисповѣданіямъ это населеніе заключаетъ въ себѣ 944,015 католиковъ, 2414 армяно-католиковъ (ormiańsko unickie), 33 staro katolickie, 812 православныхъ, 30,463

лютеранъ, 63 англиканца, 698 менонитовъ, 498,459 іудеевъ, 1153 разныхъ иныхъ вѣроисповѣданій и 2,383,110 греко-уніатовъ. Относительно языка въ указанномъ районѣ: a) говорящихъ польскимъ языкомъ 827,340, b) нѣмецкимъ—274,167, c) на прочихъ языкахъ 2579 и d) на русскомъ 2,452,030. Населеніе южно русское характеризуется въ Галиціи уніатскимъ вѣроисповѣданіемъ и русскимъ языкомъ, а потому цифра уніатовъ 2,516,542 представляетъ контингентъ малоруссовъ въ Галиціи; изъ нихъ 2,383,110 обитаетъ въ 46 округахъ, въ восточной Галиціи, а 133,432 въ западной ея половинѣ.

Въ цитируемыхъ нами данныхъ „Стат. Вѣдом." есть еще весьма характерныя цифры, это цифры табл V b), изъ которыхъ узнаемъ, что въ восточной Галиціи умѣющіе читать и писать составляютъ 8,94%, только читать 2,50%, а совершенно безграмотные 88,29%. Если-же примемъ во вниманіе то обстоятельство, что грамотность, какъ извѣстно, вообще развита больше въ высшемъ классѣ, затѣмъ между горожанами и послѣднее мѣсто занимаетъ населеніе деревень, въ Галиціи-же привилегированный классъ составляютъ поляки, а городское населеніе нѣмцы и евреи, то результатъ получится еще болѣе печальный. Въ южно-русскихъ провинціяхъ поляки составляютъ болѣе 23%, нѣмцы около 8, а вмѣстѣ 31%, такъ что, игнорируя уже цифру еврейскаго населенія, мы увидимъ, что русское населеніе въ Галиціи поголовно безграмотно. Процентъ грамотности въ польской Галиціи болѣе высокъ, именно совершенно неграмотные составляютъ тамъ 72,18%.

И. Житецкій.

Высокопреосвященнѣйшій Макарій, митрополитъ московскій и коломенскій. Москва. 1882 г.

Поминки по пр. Филаретѣ, епископѣ рижскомъ, въ кишиневской дух. семинаріи, съ портретомъ его. Л. М. Кишиневъ, 1882 г.

Эти двѣ небольшія брошюры, стр. 50—70 каждая, посвящены памяти тѣхъ скончавшихся въ этомъ году архипастырей, именами которыхъ онѣ названы. Это не некрологи и не біографіи, но, какъ говорится, вѣнки на могилу почившихъ: одинъ сплетенъ въ Москвѣ, другой въ Кишиневѣ. Обѣ брошюры вышли почти одновременно и одновременно сошлись въ нашихъ рукахъ;

мы и соединяемъ ихъ въ одной общей о нихъ замѣткѣ, имѣя на то особыя причины.

Имена Макарія Булгакова, митрополита московскаго, и Филарета Филаретова, епископа рижскаго, принадлежатъ къ числу особо чтимыхъ въ сферѣ духовной и въ обществѣ свѣтскомъ. Объ нихъ, по поводу ихъ смерти, много писалось, еще болѣе говорилось. По видимому, намъ тѣмъ болѣе было повода говорить объ нихъ, что оба эти архипастыря по мѣсту окончательнаго ихъ образованія, отчасти службы и дѣятельности принадлежатъ кіевской академіи. Но обезличенная ко времени ихъ академія не положила на нихъ мѣстнаго отпечатка, въ свою очередь и они ничего не сдѣлали и не могли сдѣлать для возрожденія ея историческаго духа и характера, а слѣдовательно какъ ни почтенна ихъ дѣятельность, она мало имѣетъ общаго съ тѣмъ, что составляетъ задачу нашего изданія, чтобы говорить о ней нарочито. Иное дѣло сказать по поводу того, что говорилось и что имѣетъ прямое къ намъ соотношеніе; это мы и исполняемъ теперь, говоря о двухъ названныхъ нами брошюрахъ.

Брошюра московская о митрополитѣ Макаріѣ—это такъ сказать цвѣты краснорѣчія, разсыпанные при гробѣ его и собранные неизвѣстнымъ почитателемъ его памяти. Тутъ въ 15-ти отдѣльныхъ статейкахъ различныхъ авторовъ соединено все, что говорилось (6-ть надгробныхъ словъ и рѣчей) и писалось по поводу смерти и погребенія московскаго архипастыря. Брошюра, можно сказать, не оставляетъ въ немъ ни одной стороны и ни одной черты не разсмотрѣнною; тутъ свѣдѣнія о немъ какъ администраторѣ, богословѣ, проповѣдникѣ, историкѣ и человѣкѣ,—объ его происхожденіи, образованіи, воспитаніи, характерѣ, направленіи, самыхъ разнообразныхъ его отношеніяхъ и домашней жизни и обстановкѣ. Помимо высокихъ достоинствъ и несомнѣнныхъ и великихъ заслугъ ученаго архипастыря, все здѣсь сказанное и написанное имѣетъ видъ хвалебнаго гимна и потому еще, что говорилось и писалось въ виду такъ-сказать не закрытаго еще гроба. Изъ всего этого мы отмѣтимъ, что митрополитъ Макарій—воспитанникъ кіевской академіи, преобразованной уже за 20-ть лѣтъ предъ тѣмъ по общему шаблону, что одно-годичное его въ этой академіи баккалаврство по каѳедрѣ русской церковной исторіи не оставило, конечно, ни въ ней, ни въ немъ никакого слѣда, что вскорѣ потомъ онъ написалъ ея исторію, не обнявъ ея духа и характера, что впослѣдствіи онъ сдѣлалъ для

своей almae matris въ годъ ея юбилея пожертвованіе въ 25,000 р., что наименованный винницкимъ епископомъ, въ должности ректора петербургской академіи, никогда онъ Винницы не видалъ и никакихъ дѣлъ съ нею и подольскою епархіею не имѣлъ, что въ управленіе епархіями харьковскою и литовскою онъ не внесъ ничего такого, что сообразовалось-бы съ историческими ихъ особенностями и что наконецъ въ своемъ монументальномъ трудѣ „Исторія русской церкви" онъ не мало труда приложилъ къ разработкѣ исторіи южно-русской церкви. У насъ сохранились воспоминанія о его мимолетномъ кіевскомъ баккалаврствѣ и необычайномъ его трудолюбіи и аккуратности. Петербургъ выработалъ въ немъ счастливѣйшую, хотя мало цѣнимую людьми способность примѣняться къ людямъ и обстоятельствамъ,—которой онъ, помимо своихъ высокихъ достоинствъ, много обязанъ своею блестящею карьерою. Сохранилось много интересныхъ разсказовъ о томъ, какъ онъ проходилъ сквозь тернія Протасовскаго и послѣдующихъ режимовъ, но насъ это также мало занимаетъ, какъ и поднятый извѣстной партіей вопросъ о томъ, былъ-ли онъ по Москвѣ или Москва по немъ. Положительныя достоинства митрополита Макарія такъ несомнѣнны, заслуги его такъ велики, дѣятельность его такъ обширна и многоплодна, что память о немъ не умретъ между русскими людьми. Своими учено-литературными трудами онъ самъ поставилъ себѣ прочный памятникъ. И къ митрополиту Макарію вполнѣ приложились слова, сказанныя имъ надъ гробомъ С. М. Соловьева. „Онъ умеръ для насъ своимъ тѣломъ, но не умеръ въ своихъ безсмертныхъ ученыхъ твореніяхъ. Онъ разстался съ нами своей душой, воспарившей въ міръ горній; но онъ остался среди насъ сокровищами своей души, которыя завѣщалъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ. Не довольно продолжительна была его земная жизнь, и намъ жалко, что онъ скончался еще рано; но и въ данный ему періодъ онъ совершилъ столько, сколько иные не совершили-бы въ продолженіе даже столѣтней жизни".

Брошюра кишиневская, посвященная памяти пр. Филарета, епископа рижскаго, есть плодъ прекраснаго чувства признательности къ нему его воспитанниковъ и слушателей. Въ немноголюдномъ Кишиневѣ набралось ихъ до 20-ти въ разныхъ вѣдомствахъ. Раздѣленные службою и жизнію, они сошлись, чтобы помянуть своего наставника и начальника не только молитвою, но трапезою и общею бесѣдою. Одинъ изъ нихъ, Л. М., произ-

несъ въ этомъ кружкѣ задушевную рѣчь въ память почившаго, и она-то и составляетъ главное содержаніе брошюры.

Пр. Филаретъ также воспитанникъ кіевской академіи; но онъ посвятилъ ей 20 лѣтъ службы и связь его съ нею продолжительнѣе и тѣснѣе. Сопоставляя однако личность его, какъ она опредѣляется и въ разсматриваемой брошюрѣ, съ личностью митрополита Макарія, мы видимъ итоги жизни далеко неодинаковые. Отъ довольно продолжительной, дѣятельной и даже кипучей жизни человѣка талантливаго и высоко поставленнаго не осталось какъ будто ничего. Литературная производительность пр. Филарета почти совсѣмъ не видна и единственнымъ плодомъ ея осталась диссертація *о книгѣ Іова*, писанная во исполненіе требованій новаго академическаго устава. Въ ней несомнѣнно проявились и обширная эрудиція автора и его глубокій умъ; но покойный митрополитъ Арсеній сдѣлалъ невыгодный о ней отзывъ со стороны духа и направленія и докторантъ не получилъ искомой степени, а потомъ и вовсе уже не стремился къ ней.

Вся жизнь пр. Филарета ушла на административную дѣятельность. Плоды этой дѣтельности, по существу своему, съ трудомъ поддаются точному измѣренію и взвѣшиванію, и достоинство ихъ часто бываетъ спорнымъ. Во всякомъ случаѣ дѣятельность администратора скорѣе можетъ сдѣлаться жертвою забвенія, чѣмъ дѣятельность литератора. Книгу прочтутъ и оцѣнятъ чрезъ 200 лѣтъ; но дѣятельность администратора нужно захватывать, такъ сказать, *по горячимъ слѣдамъ*, чтобы спасти ее отъ забвенія.

Тѣмъ съ большимъ любопытствомъ мы встрѣтили брошюру Л. М., посвященную памяти Филарета, какъ ректора кіевской академіи, которой онъ служилъ такъ долго и въ которой болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, могутъ быть видны плоды его дѣятельности, хотя-бы и административной. Заслуги Филарета для академіи, по объясненію Л. М., состояли главнымъ образомъ въ его отношеніяхъ къ академическому журналу и къ академическому музею древностей. „Онъ далъ“ (говорится въ брошюрѣ стр. 15—16) „новую постановку съ 1861 г. академическому журналу *Труды кіевской духовной академіи*; такъ что хотя этотъ журналъ задуманъ и основанъ нѣсколько раньше его ректорства, но настоящимъ организаторомъ его справедливо можно назвать Филарета. Онъ всегда старался держать этотъ академическій органъ на высотѣ *научныхъ* требованій. „Труды кіевской духовной академіи“ въ его время дѣйствительно были трудами ученыхъ людей, имѣвшихъ въ виду всестороннюю разработку

богословской науки; цѣлей *внѣ-научныхъ* они себѣ не поставляли. Когда Филарету замѣчали, что чрезъ это академическій журналъ имѣетъ мало подписчиковъ, онъ отвѣчалъ, что значитъ мало развита наука въ Россіи и что слѣдуетъ водворять эту науку... Научный характеръ „Трудовъ кіевской духовной академіи" привлекалъ къ нимъ симпатіи людей науки и въ этомъ состоитъ существенная оцѣнка ихъ тогдашняго достоинства"...

Достоинство этой заслуги, конечно, вполнѣ понятно лицамъ академическаго кружка, къ которому относятся и кишиневскіе почитатели пр. Филарета, но трудно судить о ней читателю постороннему, въ виду того, что въ наукѣ вообще имя почтеннаго академическаго органа столь-же мало извѣстно, какъ и имя его редактора *ex officio*, каковымъ неизмѣнно становится всякій ректоръ. Мы можемъ отмѣтить, что въ указываемое время въ академическомъ журналѣ разработка мѣстной исторіи сдѣлала значительные успѣхи, но не можемъ сказать, на сколько въ этомъ проявилось личное вліяніе офиціальнаго редактора „Трудовъ". Извѣстно, что самъ онъ ничего не писалъ и какою-либо спеціальностію познаній, кромѣ еврейскаго языка, не обладалъ; но любилъ все новое и смѣлое въ наукѣ, въ какую спеціальную и сухую форму оно ни было-бы облечено. Впрочемъ заслуга, о которой рѣчь, выяснилась и выросла впослѣдствіи, когда академія раздробила и размѣняла на мелочь свою учено-литературную дѣятельность и кромѣ своихъ давнихъ изданій: „Трудовъ" и „Воскреснаго Чтенія", притянула къ себѣ отъ консисторіи и „Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости" съ ихъ обязательною подпискою, устремляясь какъ-бы разомъ за многими зайцами...

Другая заслуга пр. Филарета для кіев. академіи указывается въ его отношеніяхъ къ церковно-археологическому музею. „Филаретъ (говорится въ брошюрѣ стр. 16) основалъ при академіи кіевской новое учено-вспомогательное учрежденіе, какихъ нѣтъ (вѣрнѣе сказать: до того времени не было) при другихъ академіяхъ. Разумѣемъ церковно-археологическое общество съ музеемъ древностей при немъ. Для того, чтобы сразу же *поставить*, такъ сказать, *на ноги* это учрежденіе, Филаретъ на собственныя деньги (12 стр.) пріобрѣлъ знаменитую (?) сорокинскую коллекцію древнихъ иконъ и пожертвовалъ ее музею. Въ основаніи археологическаго общества и музея состоитъ важнѣйшая заслуга Филарета для науки, которой никогда не забудутъ будущія поколѣнія". Въ интересахъ истины сдѣлаемъ къ этимъ строкамъ нѣсколько поправокъ. Первая

мысль объ основаніи археологическаго музея принадлежитъ проф. П. А. Лашкареву, который привезъ ее съ 1-го археологическаго съѣзда; Филаретъ на первое время относился къ этой мысли скептически, и только впослѣдствіи расположился къ ней, когда дѣло уже пошло въ ходъ неусыпными трудами другаго профессора, Н. И. Петрова[1]). Далѣе: изъ употребленныхъ на покупку сорокинской коллекціи 12,000 р., только около 2,000 р. с. затрачено лично пр. Филаретомъ, остальные-же 10,000 р. с. пожертвованы въ его личное распоряженіе, безъ означенія цѣли, одною дамою, пытавшеюся однако получить деньги обратно, когда ей стало извѣстно данное имъ назначеніе.

Вообще въ многочисленныхъ воспоминаніяхъ о пр. Филаретѣ, вызванныхъ его внезапною кончиною, ему не мало приписано такого, что вовсе не принадлежитъ ему, какъ напр. основаніе при кіевской семинаріи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей", когда Филаретъ находился еще въ Казани, или-же выдача имъ изъ собственныхъ средствъ пособій наставникамъ академіи, но опущено то, что сдѣлано имъ по собственному почину, какъ напр. капитальное переустройство обоихъ академическихъ зданій и приспособленіе ихъ ко всѣмъ потребностямъ заведенія и академическаго конвикта, обновленіе внутренняго вида братскаго храма и превращеніе онаго въ теплый, измѣненіе порядка студенческихъ испытаній, предоставленіе академической корпораціи большей самостоятельности, не смотря на то, что самъ онъ велъ съ нею иногда упорную борьбу, изгнаніе изъ академической жизни послѣднихъ остатковъ формализма и такъ называвшагося монашескаго духа и наконецъ забота о томъ, чтобы поставить на ноги академическую библіотеку, безъ которой, по выраженію Ѳ. Прокоповича, *какъ безъ души, академія.* Независимо отъ новаго помѣщенія библіотеки и снабженія ея новыми цѣнными изданіями, нельзя не указать на крайнія его въ 1869 г. усилія дать академіи библіотекаря въ лицѣ извѣстнѣйшаго библіографа С. И. Пономарева, хотя сама академическая корпорація оказала ему въ этомъ рѣшительное препятствіе. Не подлежитъ оспариванію, что это былъ замѣчательно свѣтлый и глубокій умъ, характеръ твердый, несокрушимый. Сравнивая пр. Филарета съ митр. Макаріемъ, можно

---

[1]) Впрочемъ Филарету и прежде были присущи археологическія тенденціи, какъ это доказывается его заботами о списываніи портретовъ академ. дѣятелей, для торжеств. акад. залы, на что онъ потратилъ не мало хлопотъ и денегъ.

сказать, что онъ превосходилъ его богатствомъ дарованій. И однако какая громадная разница въ результатахъ и размѣрахъ дѣятельности обоихъ! Причиною сему, между прочимъ, съ одной стороны неровность въ характерѣ пр. Филарета, невыдержанность его и крайняя прямота, съ другой—природная тяжесть, малоподвижность натуры его, нѣкоторая какъ-бы апатія и сонливость, когда ничто ее не возбуждаетъ. Такимъ онъ былъ въ своихъ лекціяхъ, такъ относился онъ къ лекціямъ другихъ, которыхъ никогда не посѣщалъ, такъ глядѣлъ онъ и на всякое заурядное дѣло. Но являлось препятствіе, столкновеніе и—тутъ закипала его страстная натура и много времени и силъ уходило, иногда даже безплодно. Тѣневыя стороны дѣятельности пр. Филарета неумолчаны и въ разсматриваемой брошюрѣ о немъ. „Натура его (говорится въ брошюрѣ стр. 17—18) была *нервная*, горячо ко всему относившаяся... Это горячее, *сердечное* воспринятіе всего съ теченіемъ времени развило въ немъ *болѣзненную раздражительность*, которая разумѣется не могла не проявляться такъ или иначе въ его отношеніяхъ къ обѣимъ сторонамъ академической корпораціи, отношеніяхъ и начальническихъ, и человѣческихъ". И еще: „Филаретъ какъ будто иногда уставалъ—разочаровывался, сердился, раздражался" (стр. 25). Это вѣрно, и всякій, кто служилъ въ академіи при пр. Филаретѣ, скажетъ, что это вѣрно. Но прямота и честность Филарета были такъ ясны для всѣхъ, что ради ихъ даже люди, недовольные имъ, кое-что такъ сказать сбрасывали ему со счетовъ. Его безкорыстіе и нестяжательность были такъ велики, что, получая едва не министерское содержаніе, онъ не рѣдко занималъ копѣйки у своего-же келейника, и то для того, чтобы отдать другимъ. Его равнодушіе къ тому, что называется карьерою, могло-бы служить для многихъ поучительнымъ примѣромъ. Пожалѣть можно о томъ, что столь свѣтлый умъ и столь сильный характеръ такъ мало принесъ видимыхъ плодовъ академіи, которой онъ такъ долго служилъ, мало, по видимому, интересуясь ея историческимъ характеромъ и задачами. Но его память въ академіи увѣковѣчена устроенною имъ въ большей части на свои средства портретною галлереею въ академической залѣ, въ которой предъ глазами посѣтителя проходитъ вся исторія этого древнѣйшаго въ Россіи училища и вся его многообразная и разносторонняя жизнь. Л. Т.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ ЗАПОРОЖЦЫ.

(народное преданіе).

Не смотря на довольно позднее появленіе въ исторіи запорожскихъ, или низовыхъ козаковъ, наши и польскіе лѣтописцы и историки, какъ извѣстно, отодвинули далеко въ глубь вѣковъ начало запорожскаго козачества и облекли его происхожденіе туманомъ вымысловъ.

Объясняя возникновеніе южно-русскаго козачества, всѣ почти историки, какъ принимавшіе туземное происхожденіе нашихъ козаковъ, такъ и выводившіе ихъ отъ другихъ народовъ, признавали первоначальнымъ пунктомъ появленія козачества Запорожье и уже отъ запорожцевъ выводили городовыхъ козаковъ. Грабянка, напримѣръ, полагалъ, что малороссійскій народъ произошелъ отъ славянскаго племени козаръ: „козаровъ-же нарицаніе малороссійскіе вои мало что перемѣнивши, вмѣсто козаровъ, козаками именуются". Но первые козаки поселились около Днѣпра ниже пороговъ „въ пустыхъ мѣстахъ и въ дикихъ поляхъ"; образовались-же они изъ жителей Украйны, не желавшихъ работать на поляковъ, которые, по присоединеніи Малороссіи, „усовѣтоваша въ работѣ имѣти живущіе въ нихъ (въ малороссійскихъ странахъ) люди" [1]). Было высказываемо и такое мнѣніе, что запорожскіе козаки произошли отъ

[1]) Лѣтопись Григорія Грабянки К. 1854 г. стр. 15—18.

великороссійскихъ: козаки цѣлымъ столѣтіемъ прежде появленія ихъ въ Малой Россіи были уже извѣстны по Волгѣ и на Дону, и въ Рязани въ 1444 году, и за разбои въ княжествѣ курскомъ и мещерскомъ были выгнаны оттуда еще въ началѣ XVI вѣка и ушли въ Запорожье, гдѣ на островахъ могли найти остатки прежнихъ черныхъ клобуковъ, половцевъ и проч. [1]). Польскіе историки также высказывали различныя, болѣе или менѣе произвольныя, предположенія о происхожденіи нашихъ козаковъ, связывая ихъ происхожденіе съ производствомъ имени козаковъ. Между другими, наприм., Веспасіанъ Коховскій производитъ имя козаковъ отъ дикихъ козъ, которымъ они подобны скоростію до брани и ловомъ которыхъ найболѣе упражнялись [2]). Не менѣе запутанности въ вопросѣ о происхожденіи южно-русскаго козачества можно найдти и у прежнихъ историковъ Малороссіи. По мнѣнію Маркевича, запорожское козачество возникало если не три, то, по крайней мѣрѣ, два раза. Въ первый разъ тотчасъ послѣ завоеванія южной Руси монголами горсть безпріютныхъ скитальцевъ, удалившись съ пепелищъ своей родины, поселилась на днѣпровскихъ островахъ... „Тамъ, безъ женъ и дѣтей, питаясь звѣриною и рыбною ловлею, тревожа набѣгами враговъ вѣры и отечества, они приняли имя исчезнувшаго, но знаменитаго войска козаковъ и черкасъ“ (т. е. черныхъ клобуковъ и торковъ). Подъ 1401 г. Маркевичъ упоминаетъ уже о городовыхъ козакахъ, не поясняя ихъ происхожденія. За тѣмъ оказывается, что на островахъ днѣпровскихъ жили козаки въ началѣ XVI столѣтія, но были разсѣяны и неустроены: переходили съ мѣста на мѣсто, и не имѣли постоянной организаціи; первымъ настоящимъ организаторомъ ихъ былъ Евстафій Дашковичъ, котораго они избрали кошевымъ. Организованы они были послѣ 1511 года, т. е. послѣ Піотрковскаго сейма, на которомъ Дашкевичъ защищалъ мысль о необходимости учрежденія постоянной стражи противъ татаръ, у днѣпровскихъ пороговъ [3]). Бантышъ-Каменскій относитъ происхожденіе южно-русскаго козачества къ началу XV столѣтія и считаетъ также, что первыми козаками на югѣ были запорожцы: „Въ сіе

---

[1]) «Черниговъ. Губерн. Вѣдомости» 1852 г. № 5 ст. Раковича о козакахъ.

[2]) Лѣтопись Грабянки, стр. 15.

[3]) Исторія Малороссіи, т. I-й стр. 16, 32, 33.

время впервые появились въ Польшѣ козаки, каковое названіе приняли тогда днѣпровскіе островитяне отъ татаръ" [1]).

Между тѣмъ, изданные въ послѣднее время разнаго рода акты даютъ возможность вполнѣ отчетливо опредѣлить причину и время возникновенія запорожскаго войска. Изъ этихъ документовъ видно, что первоначально были одни городовые козаки, которые жили въ предѣлахъ нынѣшней кіевской губерніи. Эти козаки находились подъ главнымъ завѣдываніемъ кіевскаго воеводы и украинскихъ старостъ: кіевскаго, черкасскаго и каневскаго. Въ XV и XVI-мъ столѣтіяхъ они уже выходятъ ежегодно на югъ для ловли рыбы и звѣрей и время отъ времени появляются тамъ для нападенія на татаръ, но всегда возвращаются осенью домой. Вслѣдствіе того, что кіевскіе воеводы и украинскіе старосты дозволяли козакамъ ходить на татарскіе улусы для добычи, которой козаки дѣлились со старостами, между турецкимъ и татарскимъ правительствомъ, съ одной стороны, и польскимъ съ другой, происходили большія непріятности и столкновенія. Это побуждало польскихъ королей писать украинскимъ воеводамъ и старостамъ со строгими внушеніями, чтобы тѣ приняли мѣры къ воздержанію козаковъ отъ нападеній на татаръ и даже сами указывали и предлагали эти мѣры: въ королевскихъ грамотахъ предлагается старостамъ, чтобы они, отпуская козаковъ на ловлю рыбы и бобровъ, знали точно ихъ число и наблюдали-бы, съ какой добычей возвращаются домой козаки. Чтобъ удержать козаковъ въ повиновеніи, велѣно было всѣхъ ихъ вписать въ реестры [2]). Разумѣется, такія мѣры шли совершенно въ разрѣзъ съ желаніями козаковъ, назначеніемъ которыхъ была борьба съ невѣрными и защита отъ нихъ мирнаго южно-русскаго населенія. Въ видахъ противудѣйствія указаннымъ мѣропріятіямъ, часть городовыхъ козаковъ, безъ приказанія и вѣдома короля и украинскихъ старостъ, удалилась изъ Украины на низовье Днѣпра и стала тамъ „въ полю и на иныхъ входахъ перемѣшкивать (проживать)"; поселясь же тамъ, они начали нападать на подданныхъ турецкаго султана, чабановъ, и татаръ перекопскаго хана. Это было передъ

---

[1]) Исторія Малой Россіи, т. I-й, стр. 114.

[2]) Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, изд. археограф. коммис., т. I-й, стр. 109. Королев. грамота 1541 года.

1568 годомъ, какъ видно изъ универсала, написаннаго въ упомянутомъ году королемъ Сигизмундомъ-Августомъ къ удалившимся козакамъ, которымъ предписывалось возвратиться обратно въ замки и города [1]). Такимъ образомъ приведенные акты свидѣтельствуютъ, что войско запорожское возникло позже всѣхъ другихъ видовъ козачества, именно въ началѣ второй половины XVI столѣтія, но что южно-русскіе козаки раньше этого времени хорошо были знакомы съ низовьями Днѣпра, такъ какъ они ходили туда для нападеній на татаръ и даже временно поселялись на островахъ, какъ наприм это было при Димитріѣ Вишневецкомъ около 1556 г., когда тотъ укрѣпилъ о. Хортицу и засѣлъ на ней съ козаками. Еще лучше знали они низовыя мѣста по той причинѣ, что издавна имѣли тамъ свои „входы", т. е. угодья съ езами и бобровыми гонами, и ежегодно отправлялись туда „въ добытки на рыбы и бобры". Интересенъ тотъ фактъ, что не только козаки правобережной Украйны имѣли право входа въ низовыя мѣста, но даже полтавскіе козаки и севрюки (сѣверяне) нынѣшней черниговской губерніи ходили туда для ловли рыбы и звѣрей [2]), даже въ болѣе позднее время, когда уже существовала Запорожская Сѣчь, и тѣ мѣста должны были, повидимому, принадлежать исключительно низовому войску. Вѣроятно, право пользованія рыбными и звѣриными угодьями на низахъ принадлежало издавна южно-русскому населенію и оно пользовалось этими мѣстами на основаніи изстари установившихся обычаевъ. Если это такъ, то югъ съ давнихъ временъ былъ хорошо знакомъ нашимъ предкамъ и они имѣли въ тѣхъ мѣстахъ временныя жилища, курени и землянки, на подобіе тѣхъ, какіе и теперь устраиваются разнаго рода промышленниками: баштанниками, рыболовами и т. п.

Какъ лѣтописцы и историки наши путались въ своихъ объясненіяхъ причинъ и способовъ возникновенія сѣчеваго козачества, также точно и народъ въ своихъ преданіяхъ о происхожденіи запорожцевъ. Еще во время существованія Запорожья была у сѣчевиковъ легенда, которая относила ихъ происхожденіе къ 948 году. По этой легендѣ, запорожцы обязаны своимъ существованіемъ нѣ-

---

[1]) Архивъ юго-запад. Россіи. Ч. 3-я, т. 1-й, стр. 4.

[2]) «Кіевск. Старина», апрѣль стр. 18 и историко-статистич. описаніе харьков. епархіи Филарета. Отд. 2, стр. 320.

косму Семену, выходцу изъ правобережной Украйны, который поселился сначала одинъ при устьѣ р. Буга для производства промысловъ, „для битья дикихъ козъ, кабановъ и прочей дичи“, затѣмъ привлекъ къ себѣ болѣе ста человѣкъ своихъ сосѣдей, которые назвали его своимъ атаманомъ. Они, по словамъ легенды, „сшили себѣ кафтаны и штаны изъ кожи дикихъ козъ, и тако произошли въ великую славу, что славные стали быть стрѣльцы, и прозвали ихъ козарами“. Упомянутыхъ казаръ съ ихъ атаманомъ Семеномъ призвалъ къ себѣ на службу греческій императоръ для войны съ сарацинами. Умноживъ свои войска добровольцами изъ Украйны, Семенъ счастливо воевалъ съ сарацинами. За это греческій царь по окончаніи войны милостиво жаловалъ ихъ и назвалъ ихъ козаками и писалъ объ нихъ къ королю польскому, чтобы ихъ, за храбрые поступки, подъ своею протекціею имѣлъ и велѣлъ называть козаками, а не козарами. Возвратясь изъ похода, Семенъ поселился по очаковской сторонѣ, при р. Днѣпрѣ [1]).

Настоящее преданіе, подробно изложенное Мышецкимъ въ его исторіи о казакахъ запорожскихъ, по всей вѣроятности дало тему для разнообразныхъ объясненій и толкованій нашихъ лѣтописцевъ относительно происходенія запорожцевъ. Конечно, въ приведенномъ преданіи нельзя не видѣть отраженія книжныхъ извѣстій, и поэтому нужно думать, что оно было сложено какимъ либо грамотнымъ и даже книжнымъ человѣкомъ. Но что оно извѣстно было также простымъ козакамъ, въ этомъ можно убѣдиться, зная о существованіи до сихъ поръ въ народѣ преданія, которое производитъ запорожцевъ отъ козаръ. П. А. Кулишъ записалъ въ Корсунѣ отъ старика преданіе о запорожцахъ, которое именно говоритъ, что запорожцы сначала назывались казары и имѣли свою Сѣчь прежде въ Каневѣ, потомъ въ Романовкѣ и Старомъ Кодакѣ, наконецъ ниже Никополя. „Служило ихъ три у короля. Король заплативъ двомъ жалованне, а третёму сказавъ: отъ же я двомъ заплативъ гришми, а ты, коли хочъ, иди въ Каневъ, осади собі тамъ слободу. Отъ вінъ пишовъ, та й завівъ тамъ Січъ [2]). Такъ кратко, но не ясно говоритъ народное преданіе о происхожденіи запорожцевъ.

---

[1]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Мышецкаго. Од. 1851 г., стр. 1—3.

[2]) Записки о южной Руси Кулиша, т. I-й, стр. 150.

Сообщаемое нами ниже преданніе о томъ, откуда взялись запорожцы, уже не носитъ на себѣ никакой книжной окраски и не ищетъ происхожденія сѣчевиковъ въ глубинѣ вѣковъ; напротивъ, оно преисполнено чисто народно-фантастическаго духа, хотя и относитъ основаніе Запорожья къ самому позднѣйшему времени, именно къ царствованію Екатерины 2-й. Причину возникновенія Сѣчи наше преданіе находитъ въ войнѣ между Россіей и Турціей. Если-бы можно было принимать приводимое преданіе лишь какъ объясненіе народомъ возникновенія послѣдней Сѣчи запорожской, то оно имѣло-бы нѣкоторый видъ правдоподобія. Замѣчательно наше преданіе въ томъ отношеніи, что оно желаетъ охватить все время существованія Запорожья, начиная отъ его возникновенія и оканчивая появленіемъ запорожцевъ въ Турціи послѣ паденія Сѣчи.

Приводимый ниже разсказъ, согласно съ другими народными преданіями, представляетъ запорожцевъ людьми сильными, храбрыми, смѣтливыми; онъ называетъ ихъ также *манощвниками*, т. е. людьми умѣющими напускать *ману*, околдовывать враговъ. Вообще разсказъ рисуетъ запорожцевъ симпатическими чертами и указываетъ на глубокую привязанность народа къ Запорожью.

Говоря объ этой послѣдней сторонѣ народныхъ преданій о запорожцахъ, нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что память народная о запорожцахъ, по крайней мѣрѣ, въ болѣе позднее время, начинаетъ затемняться и вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ воспоминаній о нихъ раздвояется: тогда какъ одни, болѣе старые люди, высказываютъ большую симпатію къ запорожцамъ, считая ихъ чуть-ли не идеальными рыцарями, другіе, болѣе молодое поколѣніе, хотятъ видѣть въ нихъ лишь разбойниковъ. Послѣдній взглядъ возникъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ затемняющихся преданій о гайдамакахъ. Въ подтвержденіе сказаннаго можно остановиться на одномъ изъ воспоминаній о запорожцахъ, переданномъ въ журналѣ „Устои" за нынѣшній годъ (кн. 1, стр. 78, Записки южно-русскаго крестьянина). Въ упомянутой статьѣ бурлака (бѣглый крестьянинъ) разсказываетъ, какъ онъ въ началѣ 50-хъ годовъ, будучи еще мальчикомъ, встрѣтился въ херсонской губерніи съ однимъ глубокимъ старикомъ изъ козаковъ полтавской губерніи и какой произошелъ между ними разговоръ, по поводу малороссійскихъ козаковъ вообще и запорожцевъ.— То-жъ были разбойники, говорилъ мальчикъ. „Не вѣрь, убѣждаетъ

старикъ, то не розбойники, они были козаки, какъ вотъ теперь солдаты... Было у нихъ своей земли много, а сами они воевали; за-то и назвали ихъ разбойниками и ворами, а они были добрые люди, какъ и всѣ люди". А я говорю: какъ же это: такіе люди, а ихъ назвали такими?—„Потому что они были „*неуваш*", не давали спуску никому". А я и говорю: какъ же это не давали спуску: значитъ, они были разбойники?—А онъ говоритъ: „если кто нападалъ на нихъ, то они были сердиты и зададутъ, бывало, жару; это была ихъ земля". А я думалъ, что они разбойники. Тогда дѣдусь и говоритъ мнѣ: „тогда козаки были, какъ теперь паны: они были военные; у нихъ была своя крѣпость возлѣ Херсона, называлась Сѣчь и этотъ Херсонъ, онъ не Херсонъ назывался, а иначе".

Не такая-ли самая разница во взглядахъ, а можетъ быть и симпатіяхъ, относительно козачества вообще и Запорожья въ частности, замѣчается въ настоящее время и между нашими изслѣдователями прошлаго, принадлежащими къ двумъ противуположнымъ направленіямъ: централистическому и народническому?

Вотъ самый разсказъ, переданный намъ Г. Я. Стрижевскимъ и записанный послѣднимъ въ 70-хъ годахъ въ г. Полтавѣ отъ семидесятилѣтняго старика, бывшаго крѣпостнаго крестьянина, Павла Кислого.

Була цариця велика, и сама вона царювала. Тильки супостатъ находе, богатырь, що: „подай на войну—выходи"! А вона не сміе—боиться.

„Ну, якъ ты не сміешъ выходити, такъ дай мени двадцятеро чоловіка салдатъ" (такъ, значить, якъ-бы у плінъ).

Вона зраділа и заразъ послала: идіть каже, оттуды й туды! Вони пішли. Ну, послани, есть вони тамъ,—цариця думае.

Пішли; не дійшли до ёго, а відъ ей відійшли. Ократилися собі, кошомъ стали. Каже, „чого мы до ёго підемо: нехай вінъ насъ шука! „Прожили собі годъ въ степу, такъ—бурлаками діло: де вівцю вкрадуть, де корову счигають.

На другий годъ требуе виньять полководець, каже: „вставай, иди, а то я на тебе йду! Чомъ ты мені не послала двадцятеро чоловіка?" А вона каже: именно, именно послала. Потимъ того

сорокъ чоловіка требуе. Вона вспоружила и послала сорокъ чоловіка: абы-бъ тильки ты мене не йшовъ рубати!

Потимъ того ище годъ... То пакъ: ті пишли сорокъ чоловіка, тимъ степомъ, найшли тіхъ першихъ.

„Здрастуйте!"

— Здорові! куды вы йдете?

„Цариця послала у плінъ".

— Та й мы, каже, йшли, та тутъ окопилися; зоставайтесь и вы тутъ зъ нами, будемо жити!

Вони й остались. И стало ихъ 60 чоловіка.

На третій годъ вінъ, полководецъ, каже: „э, ні, царице Екатерино! ты мотаешъ, ты не посылаешъ салдатъ, якъ казала". А вона одписуе, шо я послала, уже 60 чоловіка послала.

„А! ну ще пошли 60 чоловіка!"

Вона послала 60 чоловіка и наказала: идіть-же, каже, та щобъ вы именно тамъ були!

Добре. И ті пішли. И зновъ до тихъ пристали. Якъ разъ саме на перестриті, въ степу.

„А куда йдете?"

— Оттакъ, такъ и такъ.

„Та й мы, каже, йшли. Чого вы туда підете? Оставайтесь тутъ; будемо жити!"

И вже вони припасы зробили, и орудія, и все. И стало ихъ 120-ро чоловіка. И стали вони запорожьці.

Теперъ выходе той полководецъ воюватися. Цариця проситься, каже: що я тобі винна?

„Ні, каже, давай воюватися!"

Уже цариця йде зъ своими варміями. Тутъ сі йдуть—наши, а тутъ ті йдуть.

(При этомъ разскащикъ сдѣлалъ движеніе руками съ противуположныхъ сторонъ въ одну точку).

Ще-жъ наши йдуть, а вже ёго дойшли якъ разъ до ціхъ, що въ степу окопилися.

Идуть, ажъ лісъ такий, та терны!

Запорожці поприсідали, поприпгинались, поставали, а имъ здаеця лісъ, що нибы-то дерева стоять. Якъ почали вони но мижъ тими тернами продиратися. То отце иншого запорожець и

возьме за чуба, то той такъ отчеплюе, дума, що за гильлячку зачепивсь...

Отъ якъ пройшли вони той лісъ, тоді запорожьці прямо стали и хоруговъ выкинули й у трубы заграли. Тіи озирнулись, ажъ страшенне війско за ими стоить (А ихъ усихъ 120-ро чоловіка було!). Вони до орудія: тутъ бахъ! бахъ! изъ орудія—а воно тильки пссъ! вода! А запорожьці понаставляли полы, беруть тіи ядра й кули, та имъ кидають.

Запорозьці маноцивники були, такіи лыцари були—страшне діло! Оце розстелють бурку по воді, та сядуть по вуглахъ чотыри чоловіка, та й плывуть, люльки курячи, та ще й у карты граючи! Эге! Якъ-бы оце запорожець изъ нами сидівъ оттутъ биля грубы, то вінъ-бы таке напустивъ, що намъ здалося-бъ, що домъ горить: мы-бъ жахнулись, а вінъ-бы сидівъ собі, ій-богу!

Такъ вони такъ и тутъ поробили: тіи стріляють изъ орудія—стріляють гораздъ, здаетьця, якъ слідъ, а выстриле, такъ вода: тильки пссъ... та й більшъ ничого. Тоди запорозьці якъ жахнули! такъ чисто все забрали, а татаръ на кгамузъ порубали.

Це-жъ тіхъ татаръ порубали, а тутъ идуть варміи відъ цариці изъ орудіями... Приходять... и сі наткнулися. Побачили, то страшне діло! війско стоить! Заразъ, бахъ! бахъ! изъ орудія, а воно тилько—пссъ! вода!

„Э, каже, такъ не візьмемо; тутъ нечиста сила бьеть!“

Прийшлось на пітихи. Тутъ запорозьці на колінка впали. Шо-жъ, говорять, мы-бъ васъ и били, такъ шо-жъ, коли вы наши браты.—(Шо може тамъ чий дядько, або батько есть!)

„Що-жъ вы таке?“—питають.

— Мы, каже, запорозьці, мы тіи саміи, що цариця послала. Такъ и такъ, каже, скажить цариці, що мы есть запорозьці. А татаръ, каже, вже мы порубали. Такъ и царыці скажить.

Вернулися варміи назадъ. А вони зосталися.

Царыці доложили, шо, мовъ, такъ и такъ. Отъ цариця заразъ: „узять ихъ!“

Швидко сказать добре, тилько взять ихъ не добре. Що не робили и солдаты вставали, такъ ничого не зроблять.

Такъ уже зібрались усі генералы, усі полковники—порадьмося, що имъ зробити, якъ ихъ обгорнути!

Такъ тамъ и межъ ими выбрався одинъ маноцивничокъ. „О, стривайте, каже, вы, каже, не знаете, що робити! Не знаете“?

— Не знаемо! кажуть.

„Постривайте-жъ каже; розложу я бурку, простелю та въ середыні хлібъ та дрибокъ соли положу; а вы который достаньте, та тільки на бурку не ступай“. Узявъ, бурку прославъ, положивъ хлібъ посередыні и соли дрибокъ изъ-верху.

„А! каже, бачите цей хлібъ? Ну хто зъ васъ, каже, розумнійшій? достань цей хлібъ и сіль, тільки не ступай на бурку. не ступай. Оттутъ стій, осьдечки; нахились тільки, а на бурку не ступай“.

Отъ, котори сміліві́ши, засміялись, кажуть: то вінъ выгадує?

А той каже: „не смійся, ты достань, та колінъ не згинай, а нахились та достань хлібъ; тутъ стій осьдечки, о! Та не досягнешъ. не досягнешъ“!

Отъ тутъ заходились... такъ и справді не досягнуть. Инший нахилитьця та й не встоить, та носомъ объ хлібъ. А той маноцивничокъ регочется. „А що“? каже...

Тоді всі до ёго приступили. А ну-жъ, ты, кажуть, и ты не досягнешъ!

„Ні досягну“!

— А-ну, досягни!

„Добре. О, каже, вы не знаете якъ“.

Лежить бурка розистлана. Вінъ узявъ, одинъ край загнувъ трішечки и—далі: пидійшовъ изъ другого краю, трішечки загнувъ, потимъ изъ третёго—ледви знати, изъ четвертого... Та такъ то зъ того, то зъ того краю пидгинавъ—пидгинавъ—пидгинавъ, де забігъ; усе потропку—поки й бурку згорнувъ! Тоді нахиливсь, хлібъ узявъ. „Ось“! каже.

— Ну, такъ!—кажуть [1]).

Якъ узяли-жъ вони турбоватись, якъ узяти, по той бікъ Ворсклы. А то въ букыньщині була гетьманьщина—це були тіи,

[1]) Этотъ маноцивничокъ изъ числа русскихъ генераловъ, вѣроятно, и указалъ какъ побѣдить запорожцевъ или, по крайней мѣрѣ, какъ ихъ обуздать.

богатыри, стало буть, були. Якъ почали ихъ то зъ того боку, то зъ того. Отъ вони до Нехворощи подалися и за Орель передалися. А по сей бікъ Орели линія була, а по той бікъ Орели, за Нехворощею, полководчина була. А то, що могилы, то тамъ були сторожи, щобъ уже якъ побачимъ невіру, той тікай.

Тільки вони за Орелью пожили небагато. И відтиль ихъ попхнули. Якъ передались вони черезъ Орель, такъ вони якъ дійшли до Самары, такъ и теперъ церква е зъ дванадцятьма баднями. Отъ и теперъ співаетьця:

Ой Самаръ річка да невеличка
Да промывае кручи...
Ой да заплакавъ та панъ Кошовый
А видъ цариці йдучи!

(При этомъ разскащикъ отеръ слезы).

Значить, вони й цариці жалілись, що-бъ ихъ не руйновали.

Такъ оттамъ, якъ окошились вони, добре, добре жили! Якъ вони добре жили тамъ у Самарі!

Тілько якъ стало сутужно й тамъ, и тамъ ихъ стали обижати, такъ вони рушили тоді підъ турка на островъ. Покинули свое життя й церкву — все, и пішли, бо дуже стали ихъ обижати.

Ото-жъ тіи запорожьці! ото-жъ ихъ завежденія! ото-жъ ихъ завежденія.

Оце недавно, може, пятнадцать... ні, не буде! прислали вони двадцять тысячъ на поправку, щобъ така була, якъ мы покинули; щобъ не руйновалась.

Вони й теперъ у Турещині живуть на острові; и Семенъ Палій изъ ними.

П. Ефименко.

Н. Д. МИЗКО

(НЕКРОЛОГЪ).

Недавно умеръ въ Москвѣ Николай Дмитріевичъ Мизко. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ личностей изъ среды состоятельныхъ землевладѣльцевъ нашего юга, которые серьезно интересовались русской литературой, а также настоящимъ и прошлымъ

южной Россіи, и писали о нихъ. Вотъ причина, по которой его слѣдуетъ помянуть на страницахъ „Кіевской Старины“.

Родъ Мизокъ происходитъ изъ козаковъ нынѣшняго борзенскаго уѣзда. По свѣдѣніямъ, заключающимся въ историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи, арх. Филарета, прадѣдъ Н. Д. Мизка, Ѳедоръ, былъ козакъ, а дѣдъ Тимофей († 1738—1816 г.) сначала причетникъ, потомъ дьяконъ, много лѣтъ былъ потомъ священникомъ въ г. Борзнѣ; онъ зналъ хорошо иконописаніе, такъ что ему было поручено написать иконы для черниговскаго преображенскаго собора. Отецъ покойнаго, Дмитрій († 1772—1847 г.) учился въ кіевской духовной академіи и по окончаніи курса служилъ почти въ продолженіи 30-ти лѣтъ директоромъ екатеринославской гимназіи, которая была имъ-же и открыта въ 1805 году. Изъ рода Мизокъ извѣстенъ также дядя Николая Дмитріевича Григорій († 1782—1867 г.), который былъ съ 1817 по 1833 г. попечителемъ въ обществѣ израильскихъ христіанъ.

Всѣ члены рода Мизокъ отличались особенной религіозностью, по всей вѣроятности, унаслѣдованной отъ ихъ предка Ѳедора, который направлялъ своего сына на духовное поприще. О священникѣ Тимофеѣ сохранилось свидѣтельство въ его документѣ, что онъ былъ „доброй и набожной жизни“. Директоръ Димитрій особенно любилъ сообщество лицъ духовнаго сана и передалъ эту наклонность сыну, Николаю, памяти котораго посвящены настоящія строки. Григорій принадлежалъ къ тому мистическому направленію, которое было названо масонствомъ. Пріобрѣтя въ Новороссіи хорошія матеріальныя средства, Мизки не забывали своей первоначальной родины, Борзны, жертвуя на церкви этого города разныя церковныя вещи и деньги; на ихъ средства выстроена въ Борзнѣ, надъ могилою священника Тимофея, церковь во имя Воскресенія Христова [1]).

Николай Дмитріевичъ воспитывался въ той-же гимназіи, что и пишущій настоящія строки, т. е. въ екатеринославской. Мы помнимъ его, когда онъ, окончивши курсъ въ гимназіи и подъ ру-

---

[1]) Историко-статист. описаніе черниг. епархіи, кн. 6-я, стр. 424, 428, 435, 436, 439.

ководствомъ учителя гимназіи Андрея Степановича Понятовскаго, замѣчательнаго педагога [1]), готовился къ выдержанію экзамена на званіе дѣйствительнаго студента въ харьковскомъ университетѣ. Помнимъ время 1846—1847 г., когда Мизко уже состоялъ редакторомъ „Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", гдѣ онъ усердно работалъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ мы встрѣчали его въ городахъ Кіевѣ и Борзнѣ, въ домѣ землевладѣльца Н. Д. Бѣлозерскаго, служившаго въ то время сборнымъ пунктомъ для всѣхъ интересовавшихся южно-русскимъ краемъ и работавшихъ для него. Но настоящее знакомство наше съ нимъ относится уже къ 1874 году, когда онъ разстался окончательно съ екатеринославской губерніей и переселился въ г. Воронежъ.

Располагая значительнымъ состояніемъ (онъ въ 1847 г. получилъ отъ отца въ наслѣдство до 6000 десят. земли), Мизко не имѣлъ надобности въ государственной службѣ; онъ все время посвящалъ лишь хозяйству и литературѣ. Во время своихъ хозяйственныхъ поѣздокъ по разнымъ мѣстамъ Малороссіи и новороссійскаго края, Мизко имѣлъ возможность познакомиться со всѣми выдающимися южно-русскими писателями и патріотами 40—50-хъ годовъ. Гулакъ-Артемовскій, Метлинскій, Забѣла, Кулишъ, Шевченко, Аѳанасьевъ, Чужбинскій, Бѣлозерскій и др.—вотъ лица, съ которыми онъ былъ близокъ или знакомъ. Сношенія съ указанными лицами не могли не отразиться на воззрѣніяхъ и симпатіяхъ покойнаго. Онъ принадлежалъ къ такъ называемому украинскому направленію; симпатіи къ родинѣ не помѣшали ему посвятить свои силы русской литературѣ,—онъ много писалъ по исторіи и теоріи словесности въ разныхъ журналахъ 40—70-хъ годовъ: въ „Отечеств. Запискахъ", „Москвитянинѣ", журналѣ „Мин. Нар. Просв.", „Библіографическихъ Запискахъ", „Филологическихъ Запискахъ", газетѣ „Донъ" и др. Изъ отдѣльныхъ его сочиненій стоитъ упомянуть о „Столѣтіи русской литературы" (Одеса 1849 г.) и книгѣ для чтенія при изученіи исторіи древней классической поэзіи (Москва 1865 г.). Кстати здѣсь сказать, что Мизко принадлежалъ къ числу немногихъ

[1]) Всѣ воспитанники екатеринославской гимназіи 30—40-хъ годовъ помнятъ этого учителя, вкладывавшаго душу въ свое дѣло, и благоговѣйно чтутъ его память; біографія его помѣщена была Н. Д. Мизкомъ въ журн. Мин. Нар. Пр.

лицъ, понявшихъ и оцѣнившихъ въ свое время значеніе произведеній Гоголя—„Мертвыя Души“ и „Ревизоръ“. Ему принадлежитъ статья „Голосъ изъ провинціи о поэмѣ Мертвыя Души“, появившаяся въ 1843 г. въ „Отечеств. Запискахъ“ и обратившая на себя вниманіе Бѣлинскаго и самаго Гоголя.

Перечислимъ статьи Ник. Дм. касающіяся непосредственно юга.

О самарскомъ монастырѣ и Екатеринославлѣ. „Екатерин. Губ. Вѣдомости“ 1846 г., перепеч. въ „Иллюстраціи“ 1846 г. № 15.

Рецензія проповѣдей протоіерея Гречулевича на малороссійскомъ языкѣ. „Русск. Бесѣда“ 1857 г. кн. 3.

Рецензія на книгу Метлинскаго „Народныя южно-русскія пѣсни“, „Москвитянинъ“ 1855 г. № 4.

Воспоминаніе о Соленикѣ, знаменитомъ украинскомъ актерѣ. „Основа“ 1861 г. № 2.

Изъ с. Карабиновки (тамъ-же № 5).

Краткій историческій очеркъ украинской литературы (по поводу книги Петриченка; тамъ-же, 1862 г. № 3).

Народное образованіе въ новомосковскомъ уѣздѣ, жур. „Мин. Нар. Пр.“ 1868 г. № 5.

Труды Максимовича для русской филологіи и словесности. „Филологич. Записки“ 1871 г.

Наша старина. Извлеченіе изъ рукописи малороссійскаго старожила Писаревскаго. „Донъ“ 1869 г. № 54—57.

По поводу толковъ о малороссійскомъ языкѣ и о малороссійской словесности. „Донъ“ 1881 г. № 53 [1]).

По поводу послѣдней статьи, г. Рябининъ, авторъ воспоминаній о Мизкѣ [2]), говоритъ, что хотя Мизко по образу мыслей принадлежалъ къ украинофиламъ, „но его любовь къ родинѣ и родной народности никогда не увлекала его въ крайнія и нелѣпыя теоріи; онъ не только понималъ, но и чувствовалъ всю неразрывность взаимно-тѣсной связи Малой и Великой Россіи, закрѣпленной исто-

---

[1]) Кромѣ того ему-же принадлежитъ рукописная статья, переданная имъ въ 1843 г. Гоголю: Историко-статистическія свѣдѣнія о раздачѣ земель въ новорос. краѣ съ 1764 года.

[2]) „Историч. Вѣстникъ“, 1882 г., октябрь. Изъ этой статьи мы извлекли нѣкоторыя свѣдѣнія о Мизкѣ.

рическими ихъ судьбами, и даже въ послѣдней предсмертной статьѣ своей, вызванной современнымъ полемическимъ вопросомъ по поводу малороссійской литературы, силился высказаться въ примирительномъ духѣ, нисколько не стѣсняя, между тѣмъ, кровныхъ своихъ симпатій". Изъ приведенныхъ словъ г. Рябинина должно заключить, что авторъ думаетъ, будто другіе украинофилы придерживаются крайнихъ и нелѣпыхъ теорій, требующихъ разрыва между Малой и Великой Россіей. Въ качествѣ исконнаго украинофила, мы позволимъ себѣ назвать такое заключеніе нелѣпымъ и вотъ почему: никто изъ украинофиловъ подобныхъ теорій не высказывалъ, да ихъ и не существуетъ въ дѣйствительности; украинскій-же политическій сепаратизмъ вымышленъ тѣми лицами, для которыхъ выгодно, чтобы ихъ считали спасителями отечества. Съ ихъ словъ или за ними уже вторятъ объ украинскомъ сепаратизмѣ люди честные, искренно дорожащіе единствомъ отечества. Но послѣдніе не могутъ понять сущности украинофильства и потому оно кажется имъ подозрительнымъ. Въ противуположность славянофильству, украинофильство вытекло не изъ готовой теоріи, а непосредственно, до извѣстной степени, безсознательно, изъ чувства, до сихъ поръ не переработаннаго мыслью надлежащимъ образомъ, не возведеннаго въ теорію. Въ этомъ его слабость, но въ этомъ-же и сила его. Источникъ украинофильства — краевое чувство или чувство любви къ родинѣ, къ своей природѣ, своему народу, къ его рѣчи и проч., отсюда-же и стремленіе къ духовному слитію съ народомъ. Чувство родинное присуще не только малороссійскому простонародью, но часто и интеллигентнымъ людямъ; оно въ особенности проявляется тогда, когда малороссъ попадаетъ внѣ родины. Въ примѣръ можно привести извѣстнаго писателя Максимовича, который, будучи профессоромъ въ Москвѣ, почувствовалъ „*непреодолимое влеченіе къ родинѣ*" и перешелъ въ Кіевъ. Родинное чувство замѣтилъ у малороссовъ еще нѣмецъ Гаксгаузенъ и не нашелъ его у великороссовъ. Дѣйствительно, у великороссовъ чувство родины расширяется въ чувство отечества (государственный патріотизмъ), при которомъ они себя одинаково хорошо чувствуютъ какъ на Соловкахъ, такъ и въ Батумѣ, какъ въ Камчаткѣ, такъ и въ Вержболовѣ. Для нихъ, поэтому, непонятно краевое чувство; они не могутъ понять органически, напримѣръ, выраженія историка Ма-

лороссіи: „отечество выше родины; но для чьей души нѣтъ родины, для того нѣтъ и отечества“. Отъ такого непониманія является внутреннее нежеланіе допустить развитіе родиннаго чувства у малороссовъ до его естественныхъ предѣловъ; отсюда-же возникаетъ у нихъ, когда они наталкиваются у малороссовъ на проявленіе родиннаго чувства, боязнь за всероссійское единство. Оттого, тогда какъ на западѣ, напримѣръ, въ Испаніи, Италіи и Франціи, развитіе мѣстныхъ литературъ не считается опаснымъ для цѣлости государства, у насъ подобное-же стремленіе признается опаснымъ признакомъ сепаратизма и вызываетъ противудѣйствіе даже со стороны извѣстной части русской литературы.

Такъ мы понимаемъ основы украинофильства и источники гоненія на него. Также понималъ его и П. Д. Мизко, съ которымъ намъ приходилось не разъ бесѣдовать на эту тему, во время проживанія его въ г. Воронежѣ.

П. Ефименко.

ЕЩЕ О БУГСКИХЪ КОЗАКАХЪ.

Въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“, на стр. 389—391, помѣщена замѣтка *А. Рутковскаго* о бугскихъ козакахъ. Авторъ оной сѣтуетъ на недостатокъ свѣдѣній объ этихъ козакахъ, о которыхъ, по его мнѣнію, „вообще мало писано“, и приводитъ одинъ документъ, какъ историческое свидѣтельство о ихъ существованіи. Этотъ документъ есть указъ объ отставкѣ маіора Лабенскаго.

Если-бъ авторъ потрудился отыскать книгу мою подъ заглавіемъ: *Хронологическое обозрѣніе исторіи новороссійскаго края,* Одесса, 1836—1838 г., 2 ч., то нашелъ-бы въ ней довольно подробностей объ исторіи этого козачества, почерпнутыхъ мною изъ одесскаго генералъ-губернаторскаго архива и свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ послѣднимъ ихъ атаманомъ, княземъ Н. Д. Кантакузеномъ. Но такъ какъ книги мои вообще довольно рѣдки [1]), то я предлагаю при семъ нѣсколько положительныхъ данныхъ для помѣщенія въ „Кіевской Старинѣ“.

---

[1]) Особенно въ Кіевѣ, гдѣ въ теченіи 11-ти лѣтъ продано ихъ 3 экземпляра, въ томъ числѣ, 2 въ духовную академію.

„Бугскіе козаки“ явились въ первые въ новороссійскомъ краѣ, въ видѣ самостоятельнаго отряда, въ войну 1768—1774 г., подъ начальствомъ своего кондотіера, польскаго эмигранта *Петра Скаржинскаго*. Это была, по показанію ихъ самихъ, настоящая „голота“, набранная преимущественно изъ молдованъ, болгаръ, польской шляхты и бѣглыхъ козаковъ, и вообще людей бездомныхъ, но храбрыхъ. Изъ нихъ турки составили дружину подъ начальствомъ польскихъ авантюристовъ и за большія деньги, правда, обѣщанныя только, и направили ихъ противъ Россіи. Но наши молодцы, большею частію православные, не оправдали ожиданій турокъ. Познакомившихъ съ запорожскими отрядами, они по совѣту своего начальника, полковника Скаржинскаго, перешли „подъ царскую руку“ и хотя подвизались на свой счетъ и рискъ, служили столь честно и вѣрно, что заслужили довѣріе полководца графа Румянцева-Задунайскаго и даже милости императрицы Екатерины II-й [1]). „По окончаніи войны имъ дарованы были земли, по собственному ихъ избранію, съ обязанностію только служить въ козачьемъ званіи, по образцу слободскихъ и легкоконныхъ полковъ. Они избрали для своего водворенія богатыя земли на правой сторонѣ Буга, гдѣ завели отличныя усадьбы и содержали отрядъ въ 1.000 человѣкъ для пограничной службы, по татарско-ногайскому рубежу. Въ 1783 году они составляли часть такъ называемаго „екатеринославскаго козачества“, котораго Потемкинъ былъ гетманомъ. Въ то время они уже носили названіе „бугскихъ козаковъ“ и въ числѣ 1500 человѣкъ служили во всю компанію 1788—1791 г., и отличились особенно при осадѣ Кинбурна и Очакова.

По заключеніи въ 1791 году букарестскаго трактата, бугскіе козаки сдѣлались настоящимъ „военнымъ поселеніемъ“ и хотя содержали кордоны на бессарабской границѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ занимались и сельскимъ хозяйствомъ въ своихъ богатыхъ станицахъ, такъ что къ нимъ стекались на поселеніе и службу поселяне изъ западныхъ губерній и Малороссіи [2]).

Въ 1796 году, при образованіи изъ нынѣшней херсонской и подольской губерній *Вознесенскаго Намѣстничества*, они вошли съ

---

[1]) Именно знамена съ Георгіевскими украшеніями.

[2]) Потемкинъ переманивалъ ихъ въ свои красносельскія имѣнія (алекс. уѣзда херс. губ.), но они рѣшительно отказались.

своими селеніями въ его составъ, подъ названіемъ „вознесенскаго казачьяго войска“ и въ ихъ станицѣ *Соколы* на Бугѣ, основанъ былъ главный городъ этого края, подъ названіемъ *Вознесенска*. Судьбы его были весьма неблистательны, а въ концѣ столѣтія онъ обратился въ ничтожный заштатный городокъ.

Но въ 1797-мъ году, когда и самая вознесенская губернія была упразднена, бугскіе козаки изъ вознесенскихъ полковъ исключены, распущены по домамъ (т. е. въ свои села) и тамъ обращены въ крестьянское званіе. Въ 1830-мъ году число этого бугскаго войска, считая съ ними и болгаръ, переселившихся къ нимъ изъ-за границы, и не большую партію арнаутъ, водворенныхъ стараніями князя Николая Кантакузена, составляло 6,383 души мужескаго пола, живущихъ по обѣимъ сторонамъ Буга, т. е. въ ольвіопольскомъ, елисаветградскомъ и херсонскомъ уѣздахъ. Бугскіе козаки, видя, какъ императоръ Александръ милостиво возстанавливалъ въ Новой-Россіи всѣ предположенія императрицы Екатерины, отправили ко двору своихъ депутатовъ, капитановъ: *Хмельницкаго* и *Солтыковскаго*, прося, чтобы ихъ освободили изъ крестьянства и обратили въ первобытное военно-земледѣльческое, или козачье состояніе. Правительство, собравъ надлежащія свѣдѣнія чрезъ губернатора Миклашевскаго, поручило военному министру Вязьмитинову и графу Кочубею составить проэктъ объ устройствѣ бугскихъ козаковъ. Проэктъ ихъ былъ утвержденъ указомъ 18-го мая 1803 г. и прежній бытъ бугскаго войска возстановленъ. Оно раздѣлено на 3 полка и многія станицы; учреждена войсковая канцелярія; дарованы войску разныя права; прощены неуплаченныя подати; обозначены служба и повинности. Войсковымъ атаманомъ избранъ былъ государемъ войска донскаго генералъ-маіоръ *Иванъ Красновъ* (указъ 8 іюня 1803 г.), который командовалъ до 1807-го года. Монархъ, въ знакъ своего покровительства и для вящшаго на будущее время поощренія бугскаго козачьяго войска, даровалъ оному 15 знаменъ при милостивой грамотѣ [1]).

---

[1]) Въ войскѣ прежде было 12 знаменъ: 10 данныхъ Румянцевымъ и Потемкинымъ, съ изображеніемъ Георгіевскаго креста и буквою Е въ срединѣ, и два собственныхъ, вѣроятно еще въ Турціи принятыя войскомъ, съ изображеніемъ св. Троицы и св. Григорія Великой Арменіи.

Атаманъ Красновъ, осмотрѣвъ села и земли принадлежащія войску, нашелъ, что въ составѣ онаго находятся:

I. Въ елисаветградскомъ уѣздѣ.

Станицы:

1. Михайловка
2. Красноселье
3. Гумницкая
4. Лозоватка
5. Лагери
6. Кучеровка
7. Нерубайка
8. Новогригорьевка
9. Сердечная
10. Рудая
11. Уховка
12. Водяная.

Въ этихъ станицахъ было: 3,361 душа мужескаго, 840 дворовъ и 43,945 десятинъ удобной земли.

II. Въ ольвіопольскомъ уѣздѣ.

Станицы:

1. Троицкое
2. Михайловка
3. Бѣлоусовка
4. Арнаутовка
5. Новогригорьевка
6. *Вознесенскъ* или Соколы.

Здѣсь считалось: 1,592 души мужскаго пола, 308 дворовъ и 62,700 дес. удобной земли.

III. Въ херсонскомъ уѣздѣ.

Станицы:

1. Новопетровка
2. Ѳедоровка
3. Касперовка
4. Баловная
5. Себина
6. Матвѣевская
7. Константиновка
8. Гурьевская.

Кромѣ того два села болгарскія, вновь къ войску присоединенныя:

9. Щербиновка.
10. Дымино.

Въ этихъ десяти станицахъ было: 1,430 душъ мужескаго пола, 359 дворовъ и 63,097 десятинъ удобной земли. Всего-же 28 станицъ, 6,383 души обоего пола, 1,597 дворовъ и 169,742 десятины удобной земли. Бугское войско могло поставить на службу 1,308 вооруженныхъ козаковъ. Съ теченіемъ времени присоединилось къ нему нѣсколько малороссійскихъ семействъ и небольшое число без-

земельнаго польскаго шляхетства, такъ что въ концѣ 1804-го года считалось въ войскѣ болѣе 7,000 душъ мужескаго пола [1]).

Въ 1812 году, по случаю отечественной войны, бугское козачье войско, движимое примѣромъ своего наказнаго атамана, князя Николая Кантакузена, донесло герцогу Ришелье, что все ихъ сословіе, не смотря на исключеніе края изъ ополченія, добровольно и на свой счетъ снарядило козачью дружину въ 500 человѣкъ, и просило только оружія, въ которомъ оно имѣло недостатокъ, присовокупляя, что войско, кромѣ того, готовитъ еще 500 человѣкъ, чтобы ими замѣнять убыль въ рядахъ своихъ собратій.

Но въ 1817 году войско это окончательно упраздняется. Наконецъ начальникъ украинской уланской дивизіи генералъ-маіоръ графъ де-Виттъ, отъ 23 апрѣля сего года, донесъ генералъ-губернатору Ланжерону, что воля государя императора есть: „всѣ земли и села бугскаго войска, съ причисленіемъ 18-ти деревень ольвіопольскаго, херсонскаго и елисаветградскаго уѣздовъ, исключить изъ гражданскаго вѣдомства для учрежденія *военнаго поселенія* въ херсонской губерніи". Всѣ бугскіе станицы указомъ 24-го декабря 1817 года вошли въ составъ бугскаго поселенія, котораго центромъ остался упомянутый нами г. Вознесенскъ. Съ того времени наше козачество раздѣляетъ судьбу херсонскаго военнаго поселенія до окончательнаго его упраздненія въ близкіе намъ годы.

Замѣтимъ мимоходомъ, что основатель войска Петръ Скаржинскій, умершій въ чинѣ генералъ-маіора, и послѣдній его атаманъ князь Н. Р. Кантакузенъ, оставили своимъ дѣтямъ и внукамъ въ наслѣдство огромныя земли по обѣимъ сторонамъ Буга херсонской губерніи.

А. Скальковскій.

СТАРИННЫЕ МАЛОРОССІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ [2]).

Къ свѣдѣніямъ о нашихъ старыхъ портретахъ, опубликованнымъ „Кіевской Стариной", по столь компетентному почину г. Ла-

---

[1]) Изъ одесскаго генералъ-губернаторскаго архива.

[2]) «Кіевская Старина» 1882 г., №№ 5, 9 10.

заревскаго, присоединяю указанія на слѣдующіе образцы малорусской портретной живописи XVII и XVIII вѣковъ:

31) *Портретъ гетмана Ив. Степ. Мазепы.* Принадлежитъ мнѣ и находится въ с. Ярошовкѣ, прилуцк. уѣзда, полтавск. губ. Поясной. Принадлежность основана на преданіи. Гетманъ изображенъ здѣсь лѣтъ 45-ти. На немъ разстегнутый темно-зеленый кунтушъ съ золотыми позументами, изъ подъ котораго видна бѣлая узорчатая одежда. Фонъ темный. Лицо мужественное и красивое, совершенно несходное съ извѣстнымъ изображеніемъ, находящимся въ петербургской академіи художествъ. Доказано, впрочемъ, что академическій портретъ, писанный однимъ изъ первыхъ русскихъ живописцевъ Ив. Никитинымъ (1690—1744) и долго считавшійся портретомъ Мазепы,—есть портретъ Скоропадскаго, съ котораго снятъ въ бытность гетмана при дворѣ въ Москвѣ въ 1722 году [1]).

Въ фамиліи Горленковъ, происходящей отъ одного изъ ближайшихъ сподвижниковъ Мазепы, полковника прилуцкаго Дмитрія Горленка, приставшаго вмѣстѣ съ гетманомъ къ Карлу XII, естественно должна была сохраняться память о Мазепѣ. Документы, относящіеся къ этой эпохѣ, и письма гетмана дѣйствительно и сохранились [2]). Но такъ какъ эта близость къ Мазепѣ была источникомъ невзгодъ для лицъ этой фамиліи, то „вещественные знаки", напоминавшіе покойнаго гетмана, едва-ли особенно сохранялись и остались только акты, могущіе служить къ утвержденію тѣхъ или иныхъ имущественныхъ правъ. Описываемый портретъ сохранился также не въ родѣ Горленковъ, пріобрѣтенъ однимъ изъ позднѣйшихъ потомковъ, какъ бы по долгу старой признательности, на распродажѣ замѣчательнаго собранія портретовъ и картинъ, извѣстнаго нѣкогда черниговскаго помѣщика и богача, камергера Будлянскаго, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Будлянскій былъ зятемъ Кирилла Разумовскаго и портретъ Мазепы достался ему изъ дома послѣдняго гетмана. Большой любитель искусствъ и страстный коллекціонеръ, Будлянскій, по преданію, погибъ жертвою своей непомѣрной

---

[1]) Соловъ, «Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи». С.-Пб. 1872 г.

[2]) Они разобраны были г. де-Пуле въ статьѣ его «Малороссійскіе эмигранты при Петрѣ I».—«Вѣстн. Европы 1872 г., № 5.

тучности, или, какъ невѣжливо выражались въ старину, „лопнулъ отъ жиру". Его замѣчательная коллекція картинъ разсѣялась по всѣмъ странамъ свѣта. Не помнитъ ли чего о ней кто-нибудь изъ черниговскихъ старожиловъ?—Намъ случалось видѣть вещи изъ нея, дающія высокое понятіе о ея достоинствѣ, напримѣръ поразительную головку Іорданса, воспроизводящую центральную фигуру извѣстной его композиціи „Король оргіи", находящейся въ вѣнскомъ Бельведерѣ. Судьба частныхъ художественныхъ собраній, находившихся въ Малороссіи, въ родѣ собраній Завадовскаго, князей Репниныхъ и проч., ждетъ еще своего историка.

Снимокъ съ нашего портрета Мазепы сдѣланъ въ Петербургѣ фотографомъ Лушевымъ, издателемъ „фотографическаго альбома лицъ XVI—XVIII вѣковъ".

Старинныя наши церкви и монастыри, заключающіе въ себѣ такъ много важнаго для знакомства съ малорусскимъ искусствомъ, хранятъ въ себѣ иногда и образцики старой портретной живописи. Особенно относится это къ захолустнымъ монастырямъ, гдѣ портреты могли-бы удержаться дольше, несмотря на воздвигнутыя на нихъ каноническія гоненія, еслибъ ихъ не губило невѣжество, болѣе опасное, чѣмъ всѣ формальныя запрещенія. Вотъ что сохранилось по части портретовъ въ двухъ монастыряхъ полтавской губерніи:

32) *Портретъ гетмана Ив. Самойловича* въ густынскомъ троицкомъ монастырѣ близъ г. Прилуки. Эта обитель, основанная въ 1600 году, на островѣ, образуемомъ рѣкою Удаемъ, „гдѣ прежде сидяще пасѣщемъ зъ Путивля Москвитинъ", въ области тогдашнихъ православныхъ князей Вишневецкихъ [1]). Самойловичъ былъ строителемъ главной монастырской церкви и щедрымъ продолжателемъ милостей, сыпавшихся раньше на обитель, со стороны князя Михаила Корибута и княгини Раины Могиляпки (изъ рода Могилъ) Вишневецкихъ. Портретъ нарисованъ на стѣнѣ главнаго храма. Самойловичъ изображенъ во весь ростъ, въ накинутой на плечи красной киреѣ, подбитой мѣхомъ, и бѣломъ, съ цвѣтами, кафтанѣ, стянутомъ поясомъ. Булава и мѣховая шапка лежатъ на столѣ. Одинъ уголъ картины занятъ приподнятой драпировкой, на другомъ на-

---

[1]) «Лѣтопись о первозачатіи и созданія густынскаго монастыря» издан. Бодянскимъ, Москва 1848 г.

ходится гербъ. Плотная фигура гетмана кажется немного короче натуры. Типичное лицо, съ чубомъ и чорными усами, задумчиво и важно, руки молитвенно сложены. Внизу подпись: „гетманъ Иванъ Самуйловичъ Самойловичъ, сооружившій сей храмъ въ 1674 г.“

Противъ этого портрета, также въ главной церкви, висѣлъ, писанный масляными красками, портретъ Мих. Вишневецкого [1]), но въ 40-хъ годахъ былъ проданъ настоятелемъ монастыря Паисіемъ какому-то любителю старины. Назначенный въ монастырь, послѣ возобновленія его въ 1845 году, Паисій, ученый (?), какъ его называла братія, ревностно принялся за устройство благолѣпія храма и съ этой цѣлью поручилъ какимъ-то богомазамъ росписать всѣ стѣны вновь, поверхъ старой, замѣчательной живописи, по своему. Многочисленныя историческія надписи, украшавшія, по преданію, храмъ—исчезли. Портретъ ктитора-гетмана, къ счастью, тронутъ былъ самую малость. Въ настоящее время въ густынскомъ монастырѣ, кромѣ самаго храма, удивительной прочности и типичной постройки, съ двойными хорами, уцѣлѣла только превосходная рѣзьба иконостаса, да двѣ-три случайно оставшіяся вещи, въ родѣ необычайнаго, узорчатаго замка на дверяхъ, одного изъ тѣхъ предметовъ, которые, при всей своей незначительности, характерностью своей могутъ привесть въ восторгъ антикварія или поэта, живо воскрешая предъ нимъ прошлое. Все остальное увезено было въ Черниговъ, послѣ закрытія монастыря, въ числѣ другихъ, въ 1793 г. Монастырь былъ заброшенъ въ теченіи многихъ лѣтъ и я немогъ найдти даже слѣдовъ могилъ полковниковъ прилуцкихъ, похороненныхъ въ склепѣ подъ главнымъ храмомъ. Нынѣ монастырь бѣденъ и завѣтная мечта братіи, съ настоятелемъ о. Германомъ во главѣ, доказать свои права хотя на часть бывшихъ огромныхъ монастырскихъ имуществъ. Доказательствами, кромѣ густынской „лѣтописи“, выставляются, интересные для историка, „фундуши“ Самойловича, которыхъ у игумена хранится до 15-ти, и старыя купчія. Я читалъ одну изъ этихъ записей, такого содержанія: „куплено монастыремъ земли на пятнадцать дней оранки за 8 рублей“, и позналъ справедливость изреченія древней мудрости: tempora mutantur. Въ

---

[1]) Свѣдѣнія о густынскомъ монастырѣ изъ «Матеріаловъ для статистики россійской Имперіи», С.-Пб. 1841 г.

процессѣ, о которомъ мечтаетъ густынская братія, сочувствіе всякой живой души будетъ конечно не на сторонѣ отжившаго, а живого, т. е. казенныхъ крестьянъ, являющихся въ этомъ искѣ противной стороной.

Въ лубенскомъ мгарскомъ монастырѣ, основанномъ въ 1622 г. Исаіей Копинскимъ, кромѣ портретовъ почивающаго тамъ патріарха святителя Аѳанасія и племянника его Серафима, находятся два портрета малорусскихъ духовныхъ дѣятелей:

33) Стѣнной *портретъ* (фрескъ) *Іосифа Тукальскаго*, митрополита кіевскаго и галицкаго (1664—75 г.) во весь ростъ, въ облаченіи. Портретъ этотъ находится близъ могилы митрополита. Самое мѣсто могилы обозначено на стѣнѣ аллегорической фреской, изображающей смерть святителя.

34) *Портретъ Іоасафа Горленка*, епископа бѣлгородскаго (1748—1754 года), бывшаго одно время настоятелемъ лубенскаго монастыря. Святитель изображенъ въ богатомъ епископскомъ облаченіи, съ посохомъ въ рукахъ. Внизу этого поясного портрета начертана краткая біографическая надпись. По письму и по сохранности этотъ портретъ несравненно лучше находящагося въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ (по „Указателю“ музея отд. VII, № 17).

Изъ „древностей“ въ лубенской обители въ алтарѣ, на престолѣ, находится два великолѣпныхъ, украшенныхъ алмазами, евангелія, пожертвованныхъ Мазепой, да въ ризницѣ—митры временъ Петра Могилы. Иконостасъ лучше сохранился, чѣмъ въ пустыни. Онъ украшенъ обильно деревянной скульптурой. Такъ, надъ среднимъ иконостасомъ, находится скульптурное „Преображеніе“—фигуры Спасителя, пророковъ Мойсея и Иліи и Бога-Отца на облакахъ,—всѣ золоченыя. На боковыхъ дверяхъ фигуры архангеловъ. Живопись иконостаса—древняя. Очень хорошъ по письму средній образъ Христа во всей своей славѣ и въ особенности большая икона Богоматери, полная изящества и граціи. Живопись иконостаса должна быть современна эпохѣ основанія обители, какъ современны ей гигантскіе дубы, грабы и ясени, сообщающіе мгарской горѣ и всей этой очаровательной мѣстности столько задумчивой и величавой красоты.

В. Горленко.

ПРОТОПОПЪ КОМАРЪ И ЕГО ВТОРИЧНЫЙ БРАКЪ.

Подобаетъ епископу единыя жены быти мужу.
(Къ Тимоѳею 1 посл., гл. 3, ст. 2.).

Ученіемъ вселенской церкви слова эти съ древнѣйшихъ временъ примѣнены къ пресвитерамъ, или священникамъ, которые во времена апостольскія назывались иногда и епископами. 17 и 18 правила апостольскія, 26 правило VI вселенскаго собора, правила Василія Великаго давно утвердили такой смыслъ за приведенными словами св. ап. Павла и наложили запретъ на второбрачіе священниковъ. О бракахъ епископовъ въ IV и V вѣкахъ не могло быть рѣчи: принимающіе епископскій санъ, если они состояли дотолѣ въ супружествѣ, также должны были оставлять своихъ женъ и дѣтей, какъ принявшіе монашество архіереи должны были оставлять архіерейскія каѳедры и идти въ монастырь. Самое однако изданіе правилъ свидѣтельствуетъ, что до нихъ существовалъ иной порядокъ вещей, на который указываютъ слова того же ап. Павла: *или не имамы власти сестру жену водити, яко и прочіи апостоли* (1 Коринѳ., гл. IX, ст. 4). Запрещеніе впослѣдствіи епископамъ совмѣстнаго жительства съ ихъ женами сдѣлано не по принципу, который стоялъ-бы въ прямомъ противорѣчіи съ приведенными словами апостольскими, а въ виду дознанныхъ неудобствъ отъ такого сожительства и прямыхъ злоупотребленій въ церковномъ управленіи. Нѣтъ сомнѣнія, что и запрещеніе второбрачія священникамъ вызвано также вѣлшими соображеніями, а не какимъ либо принципомъ, который не имѣлъ-бы вовсе значенія, если-бы не былъ подведенъ подъ апостольскія слова, поставленныя въ заглавіи нашей замѣтки.

По неизмѣнному закону природы человѣческой, въ возникающихъ вновь въ человѣчествѣ религіозныхъ обществахъ примѣчается то общее явленіе, что первоначальныя ихъ доктрины и правила отличаются строгостью, превышающею нормальное положеніе человѣческой жизни. Впослѣдствіи природа беретъ свое, опытъ жизни заставляетъ дѣлать отступленія и если они освящены бываютъ установленною въ обществѣ властію, то въ свою очередь получаютъ силу закона и правила, въ противномъ-же случаѣ правило церкви само по себѣ, а жизнь ея членовъ и даже представителей идетъ своимъ чередомъ. Въ строго обрядовой Москвѣ еще въ концѣ XV в. имѣвшій несчастье лишиться жены священникъ считался какъ-бы

отверженнымъ и самое вдовство его, величайшее изъ бѣдствій человѣческихъ, лишало его права священнодѣйствія, а слѣдовательно и всякихъ средствъ къ жизни. Но поступалъ онъ въ монастырь и съ него снималось запрещеніе; ему разрѣшалось священнослуженіе и въ томъ случаѣ, когда онъ переходилъ въ Москву въ одну изъ домовыхъ церквей, которыхъ такъ много тогда было. „Или на Москвѣ попы святы стали"?—протестовалъ попъ Георгій Скрипицынъ и отвоевалъ свободу несчастныхъ, какъ и онъ, братій своихъ.

Религіозная жизнь южно-русскаго народа, исторія церкви южно-русской представляетъ иныя явленія. Слабость польской правительственной власти, неразвитость жизни гражданской, единственная охрана имущественныхъ правъ и отношеній въ судѣ, замѣнявшемъ во многомъ и власть административную, рано вызвали здѣсь, въ средѣ мірянъ, появленіе брака гражданскаго въ связи съ бракомъ церковнымъ, а иногда и независимо отъ него. Раннее проникновеніе сюда въ разныхъ видахъ реформатскаго ученія вносило большую свободу вообще въ сферу религіозной жизни и въ частности въ ученіе о бракѣ, на который въ XVII и даже XVIII в. въ классахъ выше простаго смотрѣли какъ на актъ гражданскій, лишь освящаемый благословеніемъ церкви и сопровождаемый болѣе или менѣе торжественнымъ общественнымъ празднованіемъ. Ясно различались тогда и самымъ временемъ раздѣлялись *интерцыза шлюбная*, или предбрачный договоръ, самый *шлюбъ*, или вѣнчанье, и *актъ весельный, веселле*—свадебное празднество. Актовыя книги кіевскаго центральнаго архива переполнены „интерцызами шлюбными". „Шлюбъ" самъ по себѣ не имѣлъ силы, безъ скрѣпленія его „интерцызою" и „актомъ весельнымъ" и были случаи, что повѣнчанная уже дѣвушка выходила замужъ за другаго, когда свадебная сдѣлка не состоялась. Таже власть судебно-гражданская, которая скрѣпляла брачный союзъ, давала супругамъ и *роспустные листы*, при чемъ обое расходящіеся свободно могли вступать во второй бракъ. Разводъ такимъ образомъ совершался безъ участія духовной власти и если на „роспустныхъ листахъ" встрѣчаемъ подписи священниковъ, то лишь въ качествѣ свидѣтелей [1]).

---

[1]) „Рус. Ст." 1880 г., нояб., статья О. И. Левицкаго: „О семейныхъ отношеніяхъ" и пр.

Духовенство въ южной Руси не было тогда сословіемъ, оно постоянно пополнялось людьми міра, и свободное ученіе о бракѣ, проникшее въ общество, переходило въ его среду и находило тамъ свое примѣненіе, повидимому, никого, кромѣ строгихъ ревнителей древнихъ правилъ, не соблазнявшее. Въ концѣ XVI в. на кіевской митрополичьей каѳедрѣ возсѣдалъ много лѣтъ двоеженецъ Онисифоръ Дѣвочка, епископы Діонисій Збируйскій и Леонтій Пелчицкій жили съ своими женами, второбрачіе священниковъ въ жалобахъ ревнителей приводится, какъ явленіе не рѣдкое. Съ введеніемъ уніи возникшая между православными и уніатами полемика указала въ той и другой сторонѣ не мало опредѣленныхъ случаевъ второбрачія священниковъ.

Всѣ эти свѣдѣнія мы сочли нужнымъ привести прежде того факта, о которомъ хотимъ сказать, дабы самый фактъ не показался или слишкомъ исключительнымъ, или даже маловѣроятнымъ. А фактъ былъ такого рода.

Въ началѣ XVIII ст., на Волыни, въ г. Овручѣ, при церкви св. Василія, жилъ протопопъ Комаръ, по имени Симеонъ. Его постигло одно изъ тѣхъ бѣдствій, которыя особенно тяжестію ложатся на жизнь каждаго человѣка, а тѣмъ болѣе священника,—онъ лишился „своего подружія". Въ какомъ возрастѣ былъ тогда Комаръ и при какихъ обстоятельствахъ застигло его это несчастіе, объ этомъ, какъ и вообще о его жизни, никакихъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Было это въ то тяжелое время, когда унія на всемъ пространствѣ южной Руси, остававшейся подъ владычествомъ Польши, брала рѣшительный перевѣсъ предъ православіемъ и вытѣсняла его отовсюду. Не смотря на недавній трактатъ 1686 г. между Россіей и Польшею, которымъ, въ предѣлахъ послѣдней, признаны, при полной свободѣ исповѣданія своей вѣры, 5 православныхъ епископій, православные епископы съ пасомыми подвергались крайнимъ притѣсненіямъ за вѣру, или вовсе не были допускаемы въ ихъ епархіи. Въ предѣлахъ древней митрополіи кіевской, обнимавшей всю южную Русь, давно уже считалось два митрополита—православный и уніатскій, теперь и въ епархіяхъ являлось по два епископа, или епархіею въ большинствѣ еще православною управлялъ епископъ уніатъ,—вновь назначенный, или измѣнившій раньше паствы православію. Происходило неимовѣрное давленіе уніатской власти на православное

священство и народъ съ цѣлію склонить ихъ къ уніи. Вліятельнаго священника, тѣмъ болѣе протопопа тянула къ себѣ одна и другая сторона; при томъ въ уніи на всякое отступленіе отъ каноновъ церковныхъ смотрѣли снисходительнѣе, нежели въ церкви православной. Наконецъ тогдашній южно-рускій священникъ въ своемъ положеніи былъ столько-же въ зависимости отъ власти духовной, сколько и свѣтской, доминіальной, т. е. помѣщика—коллятора, имѣвшаго право не принять и удалить его, вопреки распоряженію власти духовной. При епископѣ уніатскомъ, священники православные считали себя, конечно, внѣ всякой зависимости, теперь-же православный епископъ луцкій, Кириллъ Шумлянскій, былъ вовсе изгнанъ, а епархію луцкую досматривалъ епископъ львовскій Іосифъ Шумлянскій, еще съ 1700 г. измѣнившій православію и имѣвшій въ это время титулъ администратора кіевской митрополіи. Этимъ смутнымъ положеніемъ и воспользовался православный еще протопопъ Семіонъ Комаръ и вступилъ во второй бракъ. Когда фактъ этотъ сталъ извѣстенъ Іосифу Шумлянскому, онъ, въ видахъ, конечно, смиренія своенравнаго протопопа и приведенія его въ святую унію, простеръ на него издалека свою власть и запретилъ ему священнодѣйствіе и совершеніе требъ, что равносильно было отрѣшенію отъ прихода. Запрещеніе епископа несомнѣнно поддержано было на мѣстѣ властію помѣщика. Легко понять, въ какую бѣду попалъ Комаръ съ своимъ „новымъ подружіемъ" и какую борьбу онъ долженъ былъ выдерживать въ душѣ, колеблясь между преданностію вѣрѣ отцевъ и привязанностью къ новой женѣ. Епископъ, хотя и уніатъ, стоялъ на твердой почвѣ: унія была *de jure* перемѣною лишь іерархической подчиненности, всѣ догматы и каноны церкви восточной оставлены были за нею. Съ точки зрѣнія православія и уніи Комаръ былъ равно виновенъ и епископъ съ полнымъ основаніемъ указывалъ въ второбрачномъ союзѣ прямое нарушеніе правилъ св. отецъ. Отовсюду было тѣсно Комару. Онъ взмолился, *рыдающе и стенающе*, епископъ не измѣнялъ своего рѣшенія. Комаръ продолжалъ молить, являя „полное смиреніе и раскаяніе", какъ значится въ грамотѣ Шумлянскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту пору рѣшилось его вѣроотступничество. Епископъ не довѣрялъ; онъ сталъ налагать на Комара разныя наказанія,—тотъ терпѣливо ихъ принималъ. Прошло такъ не мало времени, епископъ не сдавался. Явились наконецъ

знатные ходатаи духовнаго и свѣтскаго чина и было ихъ не мало. Епископъ взвѣсилъ все и уступилъ: особою разрѣшительною грамотою онъ объявилъ, что не только принялъ второбрачнаго Комара „въ первшее благословенство, но священнодѣйствовать ему и всякія требы исполнять соизволилъ и поблагословилъ". Это было въ 1708 г.

Пр. В. Б. Антоновичъ, обнародовавшій этотъ случай въ собранномъ имъ IV томѣ I-й части Архива юго-западной Россіи [1]), сомнѣвается въ дѣйствительности онаго и готовъ видѣть въ немъ вымыслъ уніатской партіи, придуманный съ цѣлію склонить къ уніи вліятельнаго протопопа; но мы нашли новое подтвержденіе приведеннаго факта. Въ томъ-же 1708 г. послѣдовала перемѣна въ уніатской церковной іерархіи: управленіе кіевскою митрополіею, съ званіемъ экзарха, поручено было епископу луцкому и острожскому Діонисію Жабокрицкому, и онъ подтвердилъ данное Комару Шумлянскимъ разрѣшеніе [2]). Оставалось испросить разрѣшеніе помѣщика, который и разрѣшеннаго епископскою властію священника могъ не допустить къ служенію въ церкви, считавшейся, на равнѣ со всѣмъ имѣніемъ, его собственностію. Такое разрѣшеніе или дозволеніе давалось на бумагѣ и носило названіе „презенты" или „апробаціи". Овручскимъ имѣніемъ, подъ названіемъ староства (жалованнаго лично отъ короля), владѣлъ тогда нѣкто Іосифъ Бржуховскій, а управляющимъ у него былъ шляхтичъ Іосифъ Зверюховскій. Этотъ послѣдній и допустилъ Комара къ служенію въ его приходской церкви, а спустя четыре года, именно въ 1712 г., исхлопоталъ для него у своего патрона и самый „презентъ". На немъ рукою Бржуховскаго было написано: „ponieważ duchowieństwo pozwala drugiego małżeństwa wielebnemu Semionowi y nie oddala go od służby Bożej odpawiania, y ia go nie oddalam od cerkwi swiętey w Owruczu" (т. е. поелику духовная власть позволяетъ преподобному Симеону второе супружество и не отстраняетъ его отъ священнослуженія, то и я не отстраняю его отъ святой церкви въ Овручѣ) [3]).

---

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи, т. IV, стр. 283, № CXXVI.

[2]) Книга центр. архива № 27, л. 23.

[3]) Книга центр. архива № 27, л. 66 на оборотѣ.

Такъ уладилъ протопопъ Семіонъ Комаръ стряслуюся надъ нимъ двойную бѣду—безвременное вдовство и запрещеніе священнослуженія, но купилъ свое благополучіе цѣною вѣры, въ которой такъ непреклонно было тогдашнее православное священство. Только не желаніе разлучиться съ второю женою и вѣроятная къ ней привязанность могли подвинуть Комара на тяжкую измѣну отеческой вѣрѣ. Болѣе 5-ти лѣтъ длилась эта тяжелая драма, которой едва слабыя черты дошли до насъ. Полагать надо, что заручившись разрѣшеніемъ двухъ епископовъ и аппробаціею своего пана-коллятора, Комаръ протопопъ продолжалъ уже безмятежно жить съ своимъ „вторымъ подружіемъ" и оно на языкѣ того времени величало его безсумнительно своимъ „господинкомъ", какъ онъ ее своею „госпожинькою", но болѣе чѣмъ вѣроятно, что ихъ супружеское счастье не разъ было нарушаемо тяжелыми укорами совѣсти, что промѣняли они завѣтъ отцевъ, кровію освященный, на преходящую утѣху жизни.

Что до епископа-отступника, несомнѣнно, что онъ только терзалъ попавшаго въ бѣду Комара, чтобы тѣмъ надежнѣе преклонить его къ уніи, такъ какъ наружное и временное согласіе на унію было тогда дѣломъ частымъ и даже обыкновеннымъ; много, если предположить, что онъ колебался дать открытое разрѣшеніе, мало или вовсе еще не практиковавшееся. Нѣсколько позже вопросъ о подобныхъ казусахъ былъ оформленъ и „диспенсы", по ходатайству епископовъ, давались, хотя и не безплатно, святѣйшимъ отцемъ римскимъ. Римская церковь, знавшая одно лишь безбрачіе священниковъ, мало понимала въ тонкостяхъ воззрѣній восточныхъ аскетовъ на единобрачіе священниковъ и цѣломудріе ихъ невѣстъ, какъ на охрану и свидѣтельство ихъ собственнаго цѣломудрія. Лѣтъ двадцать назадъ намъ случилось видѣть папскую „диспенсу", исходатайствованную около 40-хъ годовъ XVIII ст. львовскимъ епископомъ Аѳанасіемъ Шептицкимъ одному уніатскому священнику, который, принимая санъ священный, женился на вдовѣ. Конечно, это была лишь формальная уступка догмѣ восточной, еще удерживавшейся въ церкви уніатской.

Наконецъ въ приведенномъ фактѣ нельзя обойти вниманіемъ и того обстоятельства, что нашелся тогда въ средѣ православной священникъ, который повѣнчалъ вторымъ бракомъ протопопа Ко-

мара, нашлись свидѣтели и участники его семейной радости, не слышно протеста и со стороны прихода, все еще православнаго, и только епископъ, самъ недавно измѣнившій православію, простираетъ свою претензію къ кое-какъ устроившемуся вдовцу-протопопу, не подлежавшему его юрисдикціи. По видимому, второй бракъ протопопа въ Овручѣ не выступалъ въ рядъ явленій небывалыхъ и явилось „не мало годныхъ духовнаго и свѣтскаго стану особъ", которые ходатайствовали предъ епископомъ о признаніи за Комаромъ его вторичнаго брака и права священнодѣйствовать и учить народъ, что, какъ мы видѣли уже, и исполнилось въ его и многихъ, конечно, удовольствіе.

Такъ разрѣшился въ давніе годы въ смѣшанной православно-уніатской средѣ вопросъ о второбрачіи священниковъ, бывшій и остающійся у насъ самымъ жгучимъ вопросомъ жизни!

ГЕТМАНСКОЕ ПРИГЛАШЕНІЕ НА СВАДЬБУ.

Подъ этимъ заглавіемъ мы приводимъ доставшееся намъ въ большой массѣ бумагъ [1]) сулимиискаго архива письмо жены гетмана Даниила Апостола къ Павлу Акимовичу Скоруппѣ съ приглашеніемъ его на свадьбу гетманской племянницы съ писаремъ Юркевичемъ. Письмо это любопытно не только какъ образчикъ своего рода этикета въ тогдашнемъ высшемъ малороссійскомъ обществѣ, но и какъ одно изъ подтвержденій господствовавшаго въ немъ, какъ и въ другихъ классахъ южнорусскаго населенія, взгляда на бракъ (см. здѣсь-же стр. 607), по которому такъ называемый «актъ весельный", съ предшествовавшею ему «шлюбною интерцызою» или брачнымъ договоромъ, не только отличался отъ брака церковнаго, какъ учрежденіе гражданско-общественное, но и отдѣлялся отъ него значительнымъ, какъ въ данномъ случаѣ трехъ мѣсячнымъ, промежуткомъ времени. Не лишено значенія и то обстоятельство, что это, какъ и всѣ другія, имѣющіяся у насъ письма гетманши Апостоловой, писаны, не исключая подписи, рукою постороннею, изъ чего должно заключать, что эта первая въ Малороссіи особа прекраснаго пола или очень слабо владѣла перомъ, или просто была неграмотна. Впрочемъ тоже почти было тогда и въ высшемъ польскомъ обществѣ и съ русскими великими княжнами, дщерями Великаго Петра. Вотъ текстъ письма гетманши.

---

[1]) За сообщеніе этихъ бумагъ приносимъ искреннюю признательность уважаемому собирателю родной старины Турвонту Венедиктовичу Кибальчичу.—Ред.

Мосцѣ пане Скоруппа,
мнѣ велце мосцѣ пане свате и зичливий пріятелю.

Поневажъ изволеніемъ и благословеніемъ вся устраивающаго Бога, послѣдовательно-же и нашимъ благословителнимъ желаніемъ приговорена въ доживотное сожитіе племянница наша панна Іуліана Максимовна пану Григорію Юркевичу, писарю полковому стародубовскому, и тотъ приговоръ еще прошлаго генваря 25 числа по церковному чиноположенію обрученіемъ и вѣнчаніемъ утвержденъ, а за Божіимъ-же и нашимъ благословеніемъ имѣетъ онимъ новобрачнимъ одправоватись веселній актъ здѣсь въ домѣ нашемъ сего априля 22 числа; того ради и вашей мости пана съ вселюбезнѣйшою сожителницею вашею, а нашею коханою панѣ сватовою, просимъ для присудствія оной веселной компанѣи къ означенному числу въ Глуховъ прибыть, якого вашего благополучного прибытія охотно ожидая, пребываемъ вашей милости пану вседоброжелательнѣйшая сватовая,

Іуліана Данилова Апостолова Гетманова.

Апрѣля 15 дня 1733 году.
Глуховъ.

ЗАМѢТКИ СТАРАГО КІЕВЛЯНИНА.

(КІЕВЪ ВЪ 1812 И 1824 ГОДУ).

„Но Кіевъ, на степи глухой
Дивитъ ужь болѣ неспособный,
Подъ властью ляха роковой
Стоитъ, какъ памятникъ надгробный“.

„Наливайко“, поэма Рылѣева.

Въ моей сѣдой, восьмой десятокъ лѣтъ доживающей головѣ всего менѣе, кажется, осталось воспоминаній о Кіевѣ, которому я принадлежу по самому рожденію моему. И не удивительно: меня отодвинулъ отъ него слишкомъ длинный промежутокъ времени, лѣтъ въ 60, и сильныя ощущенія послѣдующей жизни вытѣснили изъ памяти нѣжныя впечатлѣнія дѣтства; но исходивъ всю почти Россію, странствуя долго по Европѣ, Азіи и Африкѣ, я всегда

хранилъ святую память о немъ и отдавая теперь ему мои послѣднія воспоминанія, почту себя счастливымъ, если они въ комъ либо изъ читателей пробудятъ память о тѣхъ лицахъ, которыхъ я коснусь, или возбудятъ тотъ сладкій трепетъ, которымъ переполняется и мое сердце при одномъ имени „матери градовъ русскихъ".

Родился я, какъ уже сказалъ, въ Кіевѣ въ апрѣлѣ 1806 года и здѣсь, подъ южнымъ небомъ, подъ сѣнью кіеской святыни протекло мое дѣтство. Въ 1817 году родители мои отвезли меня чрезъ Москву, еще неотстроившуюся послѣ погрома 1812 года, въ Петербургъ, откуда по производствѣ изъ пажей въ офицеры арміи, въ апрѣлѣ 1824 г. я возвратился въ Украйну, гдѣ и провелъ первые годы моей службы въ стоявшемъ не далеко отъ Кіева харьковскомъ драгунскомъ полку, имѣя возможность часто посѣщать Кіевъ. Полкомъ командовалъ сперва старый воинъ Георгій Александровичъ Кончіеловъ, а потомъ Николай Николаевичъ Раевскій, младшій сынъ знаменитаго героя отечественной войны, подъ командою котораго служилъ мой отецъ. Въ то боевое время, когда Россія одна боролась противъ всей почти Европы, часто „родство по штыку" считалось выше родства по рожденію и я не могу не вспомнить здѣсь со мною вмѣстѣ вступившихъ въ полкъ: Александра Будберга, Александра Комара и извѣстнаго впослѣдствіи писателя А. Н. Муравьева, съ которымъ я переписывался до самой его кончины въ Кіевѣ въ 1874 г.

Родной мнѣ Кіевъ остался у меня въ памяти всего болѣе по 1812 г. При первомъ извѣстіи о вторженіи французовъ въ наши предѣлы, мой отецъ, тогда командиръ таврическаго гренадерскаго полка, стоявшаго въ г. Вильно, полковникъ Николай Семеновичъ Сулима, немедля отправилъ матушку съ нами дѣтьми въ Кіевъ, къ ея матери, нашей бабушкѣ, Елизаветѣ Васильевнѣ Репнинской, вдовѣ генералъ-поручика Репнинскаго, временъ Суворовскихъ и Екатерины II-й. Въ Кіевѣ царила тогда ужасная пыль лѣтомъ и бездонная грязь осенью и весной. Мы остановились въ „Липкахъ", лучшей улицѣ, названной такъ по аллеѣ великолѣпныхъ липъ въ ея срединѣ, и расположились во флигелѣ дома бабушки. Какъ тогда, кромѣ люда рабочаго, никто еще не ходилъ „per pedibus apostolorum", а ѣздилъ, какъ могъ, то улицы „матери всѣхъ городовъ русскихъ" и днемъ не были безопасны отъ множества собакъ. Кромѣ

двухъ, вѣчно враждующихъ межъ собою партій, кіевскихъ гвельфовъ и гибелиновъ, — оборванныхъ жидовъ и голодныхъ псовъ, рѣдко случалось встрѣчать христіанскую душу пѣшую на улицахъ Кіева. Тогда въ Кіевѣ часто вспыхивали пожары, выгорѣлъ весь „Подолъ", на перекресткахъ ходили часовые „ратники", въ предохраненіе отъ поджоговъ, въ которыхъ, въ народѣ, подозрѣвали „жидівъ и ляхівъ". Скоро у насъ появилась масса нашихъ раненыхъ и еще огромнѣйшая масса плѣнныхъ французовъ и нѣмцевъ—изъ числа послѣднихъ взятъ былъ и мой „гувернеръ", саксонецъ, Іоганъ-Фридерихъ Апель. Кіевляне радушно вездѣ и всегда принимали, угощали и даже одѣвали, какъ нашихъ, такъ и враговъ... Помню французскаго генерала *Раппъ*, который, со многими другими, часто обѣдалъ у моей бабушки и всегда меня ласкалъ. Помню живо, какъ однажды поздно вечеромъ, моя мать, возвратившись отъ бабушки Репнинской, меня уже спящаго выхватила изъ постели и, подкидывая меня, уже здоровеннаго мальчугана, кричала: *„наши въ Парижѣ, Парижъ взятъ!"* —къ великому восторгу сбѣжавшейся дворни.

Помню блестящаго графа Милорадовича, тогдашняго, кажется, генералъ-губернатора кіевскаго. Отсюда отозванъ онъ въ армію, но верхній этажъ дворца еще тогда сгорѣлъ, когда онъ въ немъ жилъ. Помню и почтеннаго старца митрополита Евгенія, который насъ также часто посѣщалъ. Милорадовичъ тогда еще былъ ловкій и красивый мущина, средняго роста, веселаго нрава и занимательный разсказчикъ. Онъ часто начиналъ разсказы свои восклицаніемъ: „Помилуй Богъ!" Меня мальчика онъ ласкалъ и баловалъ. Но еще болѣе баловалъ меня высокій артиллерійскій, не помню, генералъ или полковникъ въ то время, съ густыми черными бакенбардами и волосами, другъ моего отца, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, также частый гость нашъ, который много мною занимался и многое мнѣ объяснялъ, что чрезвычайно льстило моему самолюбію. Къ намъ еще весьма часто ѣздили обѣдать и на цѣлый день эмигранты,—старикъ, когда-то еще королевскій-французскій генералъ, Пупаръ, какъ его называли, съ супругою. Какъ вчерашнее помню его свѣтло-зеленый кафтанъ, съ огромною звѣздою на лѣвой сторонѣ груди, пудренную голову съ тупѣемъ, и его высочайшую, костлявую, надменную злючку-супружницу, съ длиннѣйшими желтымъ лицемъ и табашнымъ носомъ. Я ее ненавидѣлъ за ея безпрестанныя, всегда обидныя на мой счетъ замѣчанія.

Алексѣй Петровичъ также не жаловалъ злую генеральшу. Въ одинъ для меня особенно злосчастный день, когда меня, по ея милости, безцеремонно выпроводили изъ гостинной, вскипѣла во мнѣ негодованіемъ козацкая запорожская кровь и я горько плакалъ. Алексѣй Петровичъ вышелъ за мной, чтобъ меня успокоить, въ чемъ и успѣлъ. Давно уже мнѣ хотѣлось имѣть къ моему козацкому одѣянію маленькую саблю, въ которой мнѣ рѣшительно отказывали. Я сталъ его просить. Онъ обѣщалъ, и дѣйствительно на другой-же день не только привезъ, но и выпросилъ, чтобъ мнѣ, когда послѣ окончанія уроковъ мною будутъ довольны, было дозволено не только саблю надѣвать, но, въ присутствіи гувернера, даже ее обнажать. Когда я учился дурно, по мѣрѣ вины, меня лишали сабли, что дѣйствительно, когда это случалось, приводило меня въ отчаяніе больше, чѣмъ всѣ выговоры и аресты: — какъ, у меня козака, отбирать саблю, данную мнѣ самимъ Алексѣй Петровичемъ! Не была мнѣ позже судьба служить, какъ я желалъ, подъ начальствомъ покорителя Кавказа. Бабушка наша, Елизавета Васильевна, была старушка чистенькая, свѣженькая, добрѣйшая, подвижная. Все вокругъ нея и въ просторномъ домѣ ея дышало какою-то благодатью, чистотой и спокойствіемъ. Большіе во весь ростъ портреты фельдмаршаловъ *Суворова*, Румянцева, Потемкина, подъ начальствомъ которыхъ служилъ дѣдушка и которыхъ и она знала, особенно-же Суворова, котораго письма къ ней сохраняла, какъ святыню,—какъ-то благодушно смотрѣли изъ своихъ рамъ на проходящихъ мимо ихъ по большой залѣ. Въ большой гостинной, подъ огромнымъ портретомъ Екатерины II-й, на диванѣ сидѣла бодрая, привѣтливая, чистенькая, какъ севрская статуетка, старушка, съ вѣчнымъ вязаніемъ въ крошечныхъ ручкахъ. Когда ее спрашивали, когда кончитъ и куда дѣнетъ все это вязанье, она отвѣчала обыкновенно: „ахъ, родной, да какже иначе? не можно-же *имъ* (т. е. бѣднымъ) такъ просто деньги въ руки совать!.. а такъ въ платочкѣ, фуфаечкѣ—не такъ совѣстно... приличнѣй“. Надобно было послушать ее, какъ она начнетъ разсказывать, или толковать съ старымъ инженернымъ, временъ Суворовскихъ, генераломъ Ильей Алексѣевичемъ Глуховымъ, съ которымъ служилъ и ея мужъ, или со слезами на глазахъ показывать и читать писанное къ ней письмо богатыря „Рымникскаго и князя Италійскаго“... какъ она оживля-

лась, молодѣла!.. Но когда съ полей Бородина привезли ея тяжко раненнаго сына, надо было видѣть ея дѣятельность и силы... старуха исчезла, осталась одна любящая мать!..

Помню еще изъ русскихъ друга дома и моего покровителя, всѣми сердечно уважаемаго, почтеннаго, добрѣйшаго Христіана Карловича Бунге, его золотыя очки, добрѣйшую жену, сыновей и дочерей. Съ сыновьями его я часто игралъ у насъ и въ ихъ домѣ и саду. Помню еще губернатора Черепанова и вице-губернатора Катеринича. Помню красивыхъ, милыхъ дамъ Семека и ея сына тоже козака, какъ я,—Лошакову и ея мрачнаго супруга, веселую Всеволодскую и нашу родственницу—во всемъ высокую, добрѣйшую Елену Александровну Захаржевскую, рожденную графиню Самойлову, владѣтельницу *историческаго* с. Жаботина. Весело жилось тогда въ Кіевѣ, но когда начались пиры и балы въ торжество побѣдъ штыка русскаго солдата и дубины русскаго мужичка, веселью не было мѣры. Пожаръ жертвовавшей собою Москвы довелъ чувства до восторженности и у насъ—дѣтей... Всякій жертвовалъ, что могъ. Явились картины сраженій у разносчиковъ и новыя пѣсни народныя.

Трогательное было зрѣлище, когда на зимнихъ балахъ вводили на костыляхъ выздоравливающихъ русскихъ офицеровъ и плѣнныхъ французскихъ и саксонскихъ (французовъ приглашали по списку, данному ихъ генераломъ Раппъ), какъ къ русскимъ страдальцамъ кидались на встрѣчу хозяева и дамы и какъ бережно помѣщали ихъ на покойнѣйшія кресла, заранѣе приготовленныя, плѣнныхъ-же принимали весело какъ *своихъ гостей*. Начинались танцы, плѣнные весело плясали, танцы все болѣе и болѣе оживлялись и кончались уже къ утру веселымъ ужиномъ. Было то славное время и для насъ дѣтей, время, которое мы потомъ взрослыми не забывали и въ бою, въ память отцовъ нашихъ.

Французскій генералъ Раппъ и саксонскій Эргардтъ были вездѣ желанными и пріятными гостьми; Эргардтъ рисовалъ, а Раппъ писалъ стишки въ альбомы. Вотъ образчики:

«Coeur pur, amitié fidèle
Tendresse et vertu maternelle
Solide et modeste savoir

Сердце чистое, дружба вѣрная,
Нѣжность и доброта материнская,
Основательная и скромная ученость,

Vanité cédant au devoir
Bonté de coeur et grandeur d'ame
C'est votre portait, Madame.

Rapp. Kieff. 1813.

Гордость преклоняющаяся предъ обязанностію,
Доброта и великодушіе—
Вотъ вашъ портретъ, сударыня.
Раппъ. Кіевъ. 1813 г.

«Chacun vous fait un compliment d'usage,
Dont vous connaissez la valeur;
L'Amitié vient aussi, modeste en son langage
Elle dit peu de mots, mais ils partent du coeur
Et vous combleriez son bonheur,
Si vous en distinguiez l'hommage.
Rapp.

Каждый дѣлаетъ вамъ привѣтствіе,
Цѣна котораго вамъ извѣстна,
Дружба скромна въ рѣчахъ,
Въ немногихъ, сердечныхъ словахъ,
А вы-бы ее осчастливили,
Отличивъ сіе приношеніе.
Раппъ. Числа нѣтъ.

Эргардтъ оставилъ много весьма не дурныхъ рисунковъ въ тѣхъ-же альбомахъ.

Къ лѣту мы уѣхали въ деревню, въ наше село Богоявленское. Помню старинный домъ, съ старинными портретами, картинами, библіотекой, мебелью, доказывающими, что и въ прошлое время край не былъ дикимъ. Помню огромный, прекрасный садъ, грознаго сѣдовласаго управителя Никиту Иванчука, котораго людъ называлъ „Мекита", и огромныхъ дворовыхъ собакъ, съ которыми я скоро подружился. Помню большой складъ всякаго богатаго стариннаго оружія въ домѣ... Помню, какъ игралъ въ солдатики съ мальчишками, которые меня звали Сулименко.

«O, primavera, gioventu dell'anno,
O, gioventu, primavera della vita»

«О, весна! юность года,
О, юность! весна жизни»!

и помню, какъ праздникомъ, прямо изъ церкви, отъ обѣдни, къ намъ являлись ветхіе старцы и старицы съ отрѣзаннымъ ухомъ или одною изъ рукъ!... Съ уваженіемъ къ нимъ приближались мужички и бабы, а самъ „Мекита", снявъ шапку, давалъ имъ подаяніе и пищу; то были, говорили мнѣ шопотомъ, „*гайдамаки*", мученики временъ торжества Уніи!... Народъ ихъ почиталъ почти святыми... Никто не зналъ или боялся сказать, гдѣ они проживаютъ зимой, „або въ степу, або въ байракахъ", въ холода невозможные.

Зиму опять провели мы въ Кіевѣ, при ликованіи побѣдъ нашихъ.... Мы уже жили въ домѣ Безбородко, изъ котораго помню дивный видъ, особенно при закатѣ солнца, на старый Кіевъ, соборъ

святой Софіи [1]) и златоверхій михайловскій монастырь, не хуже, чѣмъ съ уступа верхняго дворцоваго сада. Сколько мнѣ извѣстно, изъ видовъ Кіева и окрестностей многіе еще ждуть кисти художника. И порядочныхъ литографій еще не видать. Многое зависитъ отъ выбора поры дня, освѣщенія и мѣста, съ котораго слѣдуетъ снимать видъ мѣстностей или строеній.—Продолжаю.

Въ концѣ этой зимы и особенно къ веснѣ началось мое ученіе, а съ нимъ и всякія мученія. Сверхъ Закона Божія и языковъ, начали учить меня исторіи, географіи и, по тогдашнему, не объясняя, а просто въ долбяшку!.. Скоро прибылъ еще новый учитель русскаго языка—москвичь, да давай меня истязать за мягкій знакъ и за мое вообще украинское произношеніе: „усé не до смакý“...

Наступила весна. Послѣ мучительныхъ дня и вечера, я спалъ сномъ праведника, какъ въ одно утро вдругъ—раньше обыкновеннаго—мой гувернеръ, добрый Іоганъ-Фридрихъ Апелъ, меня поспѣшно разбудилъ и, что никогда не случалось, при умываніи и одѣваніи моей особы даже мнѣ помогалъ. На всѣ мои распросы о причинѣ необыкновенной поспѣшности, онъ мнѣ шопотомъ отвѣчалъ: „Ich darf nicht“, т. е. не смѣю. Я ожидалъ чего нибудь ужаснаго... въ родѣ новаго учителя-мучителя!.. Вышли...

Въ залѣ у стола сидѣлъ красивый, съ темными бакенбардами, мущина, въ военномъ сюртукѣ, съ Георгіевскимъ крестомъ на шеѣ. Онъ вскочилъ, схватилъ и поднялъ меня, какъ перышко...

О, Боже!.. это былъ мой отецъ!..

Да, *то былъ солдатъ двѣнадцатаго года!..*

Оставивъ родной Кіевъ въ мартѣ 1817 года, я опять попалъ въ него прямо изъ холоднаго, сумрачнаго, прямолинейнаго Петербурга, въ маѣ 1824 года, въ самый разгаръ цвѣтущей украинской весны. Когда мы подвигались отъ станціи Броваровъ, меня уже издали, при утреннемъ солнцѣ, поразила прелесть знакомаго мнѣ вида златоверхой лавры печерской, среди садовъ и строеній, парящей въ высотѣ надъ зеркаломъ водъ широкаго „батюшки“ Днѣпра. Забилось мое сердце.

---

[1]) См. мою брошюру: „Зодчество восточной православной церкви“. Кіевъ. 7-го іюня 1873 года.

Не многое могу сказать о Кіевѣ въ ту пору; онъ былъ почти въ такомъ-же положеніи, какъ я его оставилъ восемь годовъ тому назадъ; прибыло нѣсколько новыхъ каменныхъ домовъ и убыло лачужекъ. Подъ великолѣпными липами въ „Липкахъ" устроили нѣчто въ родѣ бульвара, но все таже пыль по улицамъ и все тѣже искони враждующіе межъ собою партіи монтекки и капулетти, грязныхъ жидовъ и тощихъ псовъ. Изрѣдка несущаяся четверня барина съ визгливымъ *форейторомъ,* или *цугъ* „съ бичемъ" яснаго пана, обращали на себя вниманіе обоихъ воюющихъ партій, изъ которыхъ дѣти Израиля, остановясь, торопливо, подъ палящимъ солнцемъ, трясли свои мѣховыя шапки, чтобъ не завязли въ нихъ ермолки, и униженно кланялись, а невѣжды собаки, съ воплемъ отчаянія, бросались за лошадьми. Нищихъ они часто пропускали мирно, судя, вѣроятно, по физіономіямъ. Меня, ѣхавшаго на почтовыхъ, въ „перекладной" повозкѣ, они не удостоили особеннаго вниманія, тявкнувъ лишь нѣсколько разъ, чтобъ явить свою бдительность. Заѣхалъ я, по тогдашнему, прямо къ моей бабушкѣ, доброй Елизаветѣ Васильевнѣ Репнинской, которая уже жила въ своемъ новомъ каменномъ красивомъ домѣ, еще до моего отъѣзда изъ Кіева оконченномъ и отдѣланномъ, окруженномъ тогда вновь разведеннымъ и уже разросшимся молодымъ садомъ, въ которомъ и я работалъ и между прочимъ посадилъ и молодую грушу. Хотя еще было раннее утро, я ее засталъ уже за чаемъ. Добрая, еще бодрая старушка, разцѣловала меня, съ радости не знала, чѣмъ и какъ меня угостить. Наболтавшись и наѣвшись по россійски, я, чтобъ переодѣться, пошелъ въ уже приготовленную мнѣ въ верхнемъ этажѣ, знакомую, большую, свѣтлую комнату, которой три распахнутыя окна открывали мнѣ дивный видъ чрезъ улицу и Бегичева цвѣтущій садъ на „старый Кіевъ" и въ весеннемъ солнцѣ сіяющіе куполы св. Софіи и златоверхаго михайловскаго монастыря!..

Налюбовавшись, я переодѣлся, и въ каретѣ бабушки отправился явиться коменданту въ крѣпость. Въ комендантѣ нашелъ добраго, ласковаго старика, который, распросивъ меня о моихъ родителяхъ и представивъ, какъ стараго знакомца, своей женѣ, наконецъ меня отпустилъ домой (кажется, то былъ старикъ *Маасъ*). Возвратившись прямо къ бабушкѣ, которая мнѣ запретила къ кому-то ни было заѣзжать, я уже засталъ у ней старыхъ ея и всего

нашего семейства друзей: съ бѣлою уже совсѣмъ головой, но все еще бодраго и какъ верста прямаго, теперь уже генералъ-лейтенанта со звѣздой, знакомаго съ моего дѣтства *Суворовца* [1]), Илью Алексѣевича Глухова, и добрѣйшаго, также все еще бодраго и веселаго Христіана Карловича Бунге, съ тѣми-же золотыми очками. Не буду распроетраняться, говоря о всѣхъ добрыхъ, незабвенныхъ знакомыхъ и друзьяхъ нашего семейства, которые всѣ обласкали меня, какъ роднаго, и объ ихъ дѣтяхъ, товарищахъ моего дѣтства, изъ которыхъ многіе уже состояли на службѣ, а изъ дѣвушекъ нѣкоторые уже были замужемъ. Изъ семействъ Бунге и Могилянскихъ еще всѣ были на лице, а Глуховы уже стали намъ родня, ибо ихъ дочь Марія уже была замужемъ за сыномъ бабушки, братомъ моей матери, тѣмъ самымъ молодымъ гвардейскимъ офицеромъ, который послѣ Бородинской битвы пріѣзжалъ, жестоко израненный (три пули), къ бабушкѣ на короткое время и едва излѣчившись, поспѣшилъ догнать полкъ. Я у нихъ часто бывалъ въ Петербургѣ, гдѣ Репнинскій служилъ уже полковникомъ въ гвардіи. У Х. К. Бунге все семейство еще было на лице и всѣ здоровы. Жили они въ прежнемъ своемъ домѣ и ихъ садъ значительно разросся и похорошѣлъ. И бабушкинъ садъ чрезвычайно разросся, и *моя груша* была уже прекраснымъ молодымъ деревомъ, приносившимъ обильные и вкусные плоды. Въ высокихъ, свѣтлыхъ, новыхъ комнатахъ новаго дома висѣли по стѣнамъ мои старые знакомые, перенесенные изъ стараго дома, огромные, старинные, прекрасной живописи, портреты: Суворова, Румянцева, Потемкина, и изъ своихъ старинныхъ рамъ поглядывали на насъ всѣхъ также благосклонно, какъ во времена моего счастливаго дѣтства.

На другой день, посѣтивъ до обѣда всѣхъ знакомыхъ дѣтства моего и прекрасный дворцовый садъ, который мнѣ такъ напоминалъ прежніе годы, я съ прискорбіемъ увидѣлъ, что верхній этажъ дворца со времени пожара 1812 года еще не возстановленъ. Послѣ обѣда поѣхалъ къ вечернѣ въ софійскій соборъ. Въ храмѣ софійскомъ было не мало неопрятности и небрежности; но не смо-

---

[1]) Состоялъ инженернымъ офицеромъ при Суворовѣ; по плану Глухова взята штурмомъ Прага (завислянское предмѣстье Варшавы), что и побудило Варшаву *сдаться безъ боя.*

тря на это, при пѣніи „Взбранной воеводѣ побѣдительная“, сердце мое наполнили тѣже чувства восторженнаго моленія, какъ многіе года позже въ св. Софіи цареградской и при служеніи въ соборѣ св. гроба Спасителя въ Іерусалимѣ. Многое, многое говоритъ русскому сердцу въ нашемъ, все еще прекрасномъ, хотя старомъ Кіевѣ, „матери городовъ русскихъ“. Если зданіе молитвенное, посвященное славословію премудрости Всевышняго, должно выражать чувства и мысли строителей, то какъ-же классическій Пантеонъ, поставленный хоть и самимъ Михелъ-Анжіоло Буенаротти на колоннаду Пароенона,—выраженіе языческаго культа чувственности и реализму, или дерзкіе шпили почти арабскихъ и мавританскихъ средневѣковыхъ рыцарскихъ катедралей (другаго выраженія не нахожу) могутъ выразить идею смиренія, покорности, моленія и самоотверженія пострадавшаго на крестѣ Искупителя человѣчества? Какъ св. Софія цареградская, такъ, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, св. Софія кіевская вполнѣ выражаютъ эту идею. Въ сѣверной Италіи, особенно въ Равеннѣ, я встрѣчалъ храмы выражающіе туже мысль и чувства. Св. Маркъ въ Венеціи лишь не совсѣмъ удачное подражаніе св. Софіи цареградской.

На третій день посѣщалъ я и другія святыни кіевскія, которыя позже описалъ мой другъ и товарищъ, по службѣ въ харьковскомъ драгунскомъ полку, уже покойный Андрей Николаевичъ Муравьевъ. Да, монгольская эпоха нашего многострадательнаго прошедшаго оставила намъ здѣсь, не смотря на частые погромы татаръ, памятники, которые свидѣтельствуютъ объ свѣтлыхъ зачаткахъ отечества нашего, прерванныхъ, но не совершенно уничтоженныхъ.

Въ 1824 г. въ Кіевѣ жилъ съ своей семьей Н. Н. Раевскій, командуя 3-мъ корпусомъ 1-й арміи, штабъ котораго находился также здѣсь. То было веселое и славное время русскаго представительства въ древнѣйшей столицѣ русской и во всей древней Кіевщинѣ. Раевскіе были изъ числа богатѣйшихъ помѣщиковъ кіевской губерніи (м. Болтышка). Пышно жили они въ Кіевѣ, какъ и ихъ богатые родственники: графиня Браницкая (м. Бѣлая-Церковь), ея братъ Энгельгардтъ (м. Ольшана), генералъ временъ Потемкина, извѣстный силачъ, графъ Николай Самойловъ (м. Смѣла), Алкивіадъ того времени, его сестра Елена Захаржевская (Жаботинъ), Давы-

довы (Грушевка), Высоцкій (м. Злотополь), Лопухины (м. Шпола), Бороздины, Поджіо и многіе другіе, какъ Орловъ (м. Матусово), Кудашевы, Могилянскій и т. д. Могучъ былъ тогда не только въ Кіевѣ, но и во всей Украйнѣ блестящій русскій элементъ, а теперь?... Но съ 1845-го года я въ Кіевѣ не былъ.

Семенъ Сулима.

~~ВИРША НА~~ РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

1. Христосъ родивсь, міръ звеселивсь: сёгоднішними часы
Для сихъ родинъ всякъ христянинъ вминае ковбасы.
2. Бабы, діды пиво-меды, горілку варену
Кухликомъ пьють, съ книшами труть свинину печену.
3. Хлопці, дівки навпередки бігають підъ хатки
И якъ вовки, або свинки, скиргичуть колядки.
4. Паны купці, славні кравці, шинкарство, міщаны
Объ сімъ Різдви усі въ нови убрались жупаны.
5. Мати земля уся гуля и взявшись у боки,
Пісни гука, бье гопака въ підківки широки.
6. На небесахъ янголи всі ажъ въ долони
Зъ радости бьють, пісни гудуть Якимовій Доні.
7. Старенькій Бігъ на стілъ излігъ и самъ собі дума:
«Праздникъ душамъ, тільки Адамъ изъ Евою рюма».
8. Важко здихнувъ, потимъ кликнувъ Гаврила швиденько,
Да й приказавъ, щобъ листъ пославъ Адамови хутенько.
9. Архистратигъ метнувся вмигъ, папіръ и чернило,
Де треба, взявъ да й написавъ Адаму такъ мило:
10. „Честный Адамъ, що всімъ людямъ праотець зовешся,
Годі, не плачь, отъ-отъ, якъ бачъ, изъ пекла спасешся.
11. Бо вже на світъ, якъ рожа цвітъ, Христосъ народився.
Вінъ адъ стребить, чорта смирить, щобъ той не гордився.
12. Смертъ злу ягу зогне въ дугу и зломить ій спину,
Гостру косу и збрую всю стре, якъ павутину.
13. Адьськихъ сінакъ зомне якъ макъ, зибъе ихъ въ макухи.
За ихъ брехню и всю плутню вінъ дасть имъ цукрухи.

14. Вже-жъ бо отъ сихъ катюгъ презлихъ просвітку не мають;
Правъ и не правъ, кого попавъ, знай въ пекло таскають.
15. Катъ-бы ихъ ма! у ихъ нема никому вже спуску:
Хоть-бы чернець, хоть-бы святець, осмалять, якъ гуску.
16. Вони и вамъ, честный Адамъ, зъ жоною твоею,
Племфи дали, якъ въ гріхъ ввели брехиею своею.
17. Сихъ-то покусъ хитрый искусъ твою молодыцю
На гріхъ пидвівъ, що й ты изъівъ прокляту кислыцю.
18. Отъ сихъ врагівъ вы изъ богівъ голяки зробились;
Рвали листки, шили мішки и тими прикрылись.
19. Одъ ихъ чарівъ вы изъ царівъ чортъ зна чимъ стали
Изъ усіми зъ раю дітьми у пекло попали,
20. Де день и пічь дрова у пічь возите санками,
За той-же трудъ ще васъ и бьють по ребрахъ кійками.
21. Отъ сихъ-то мукъ ты, якъ павукъ, опухъ и хвораешъ;
Ну-жъ лишь вставай, сей листъ читай,—заразъ очуняешъ".
22. Болізнь забувъ, хвабро скакнувъ нашъ прадідъ изъ полу,
Надівъ сірякъ и сякъ то такъ додыбавъ до столу.
23. На лавку сівъ, да й надівъ на нісъ окуляры,
Листъ той хвата, зъ сміхомъ чита, бо одійшли шпары.
24. Тутъ-же сидить, Ева глядить у вічи пильненько,
Все, що чита, Адамъ мота на усъ гарненько.
25. Якъ прочитавъ, Еви сказавъ: „давай варенухи!"
Глечикъ хильнувъ дай махнувъ въ те містце навтрюхи,
26. Де въ пічь дрова кладуть, сзывае всіхъ и репетуе:
„Христосъ родивсь, Христосъ родивсь! намъ янголь віщуе.
27. Потімъ выйма листъ и знима зъ гири капелюху,
На пень-же ставъ, всімъ прочитавъ той листъ до слуху.
28. И увесь тутъ загудівъ людъ, мовъ літомъ ті бджолы;
Беруть жінокъ, ведуть въ танокъ, затыкавши полы.
29. Тіи бычка, ті козачка, ті горлицю скачуть,
Сами-жъ старі, сидя въ шатрі, одъ радости плачуть.
30. Пророкъ Давидъ тамъ-же сидить и въ кобзу играе,
Пісню святу Спасу Христу за псалтири читае

31. Чорнявый Хамъ сидить тежъ тамъ и ріже въ сопілку,
Самъ добре пье и всімъ дае квартою горілку.
32. Куци чорты, мовъ ты хорты голодни скиглять,
Лапы грызуть, изъ себе шкуру рвуть, скрутились и пінять.
33. Старшій ихъ бісъ нахлюпивъ нісъ, сидить въ куточку,
Скубе виски и на куски шматуе сорочку.
34. Суціга смерть собі-жъ верть-верть, ляпъ-ляпъ кістками,
Біжить въ кутокъ, бере мішокъ зъ косою, зъ ножами.
35. Заступъ хапа, яму копа и все въ ту поклала.
Смерте, вгамуйсь! тобі Іисусъ дасть доброго драла.
36. Нашъ Богъ Христосъ чортівъ, якъ осъ, подавить ногою,
Зъ твоихъ кістокъ, смерте, трісокъ наробить и гною.
37. Всіхъ васъ у прахъ потре и шляхъ намъ зробить до раю.
Симъ я Христомъ, паны, зъ Різдвомъ васъ поздравляю.

Сообщ. С. И. Пономаревъ.

АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ СТАВРОВСКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ),

Когда настоящая книжка закончена была печатаніемъ, мы получили извѣстіе о кончинѣ бывшаго профессора кіевскаго университета А. И. Ставровскаго, послѣдовавшей въ г. Острѣ (черниг. губ.) 14 ноября сего года, послѣ тяжкаго и продолжительнаго недуга.

Покойный Алексѣй Ивановичъ, воспитанникъ бывшаго педагогическаго института, товарищъ славныхъ ученыхъ: Неволина, Богородскаго, Иванишева, все время провелъ на службѣ въ кіевскомъ университетѣ, занимая каѳедру всеобщей, а по временамъ и русской исторіи. Въ теченіи 25-ти лѣтъ его слушали нѣсколько поколѣній учащейся молодежи и среди читателей «Кіевской Старины» найдутся, вѣроятно, его слушатели, для которыхъ вѣсть о кончинѣ ихъ б. профессора можетъ имѣть особое значеніе. Покойный не отличался выдающимися дарованіями, велъ дѣло свое скромно, но честно и добросовѣстно. Въ свое время онъ много работалъ надъ своимъ предметомъ, много писалъ, но не оставилъ ни одного печатнаго труда и только живая память его слушателей можетъ сказать что-либо о его профессорской дѣятельности. Выйдя въ отставку въ 1870 г. и поселившись въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ, онъ, отъ недостатка привычной дѣятельности, скоро подвергся параличу и въ этомъ тяжкомъ недугѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ, пока смерть не прекратила тяжкихъ его страданій. Послѣ его смерти осталась библіотека до 1,000 изданій, между которыми есть не мало рѣдкихъ и дорогихъ. Сверхъ того у него-же сохранялись весьма цѣнныя бумаги изъ такъ-называемаго рѣшетиловскаго архива, принадлежавшаго наслѣдникамъ бывшаго секретаря Потемкина Попова. Желательно было-бы, въ интересѣ науки, чтобы оставшееся теперь наслѣдство не постигла участь драгоцѣннаго въ своемъ родѣ наслѣдства Потемкинскаго секретаря.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ и примѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ IV-мъ томѣ «Кіевской Старины», 1882 г.*).

Абаза, ст. сов., администр. имѣній гр. Потоцкаго, 80.
Авдѣевка, с., 313.
Авратынь, с., 155.
Азовъ, г., 229, 231, 237.
Азовское море, 160.
Александренко, предводитель козацкаго отряда, 545.
Александровка, с., 482.
Александръ I-й, росс. имп., 236, 295, 415.
Алексѣй Михайловичъ, моск. царь, 197, 198, 200, 289.
Алексѣй Поповичъ, богатырь, 135.
Анна Іоанновна, рус. имп., 131, 403, 415.
Антоній, петерб. митроп., 378.
Антоній I..., д-ръ, 149; разб. его кн., 570—573.
Антоновичъ В. Б., пр. кіев. унив., 70, 146, 231; авт. ст. „Иванъ Гонта", 276, 362, 364.
Антонскій А. А., проф., 315.
Арсеній, кіев. митроп., 536, 580.
Архангельскъ, г., 205.
Астрахань, г., 242.
Афанасьевъ-Чужбинскій А., этнографъ, 67, 586.
Аѳонъ, св. гора, 59.
Ахтырка, г., 199, 219, 408, 565.

—

Бабанка, предмѣстье г. Умани, 425.
Багрыновцы, волость, 545.
Байракъ, запорож. атаманъ, 537.
Бакировка, с., 225.
Баклань, 299.
Балабанъ, начальникъ польск отряда, 332.
Балабушевичъ В., авторъ замѣтки: „О днѣ смерти кн. Острожскаго", 175—177.
Бантышъ-Каменскій, историкъ, 386, 585.
Барахты, с., 232.
Баръ, г., 84, 545.
Барыка Петръ, польск. писатель XVII в., 452, 462.
Барышовка, с., 293; имѣніе Сулимъ, 309.
Басанская, дорога, 356.
Батуринъ, м., 171, 372, 563.
Безбородко, графъ, 312.
Беклешевъ Алекс. Андр., московскій генер.-губер., 326.
Бендеры, г., 260.
Беккендорфъ, генер., 557.
Бердичевъ, г., 44, 269, 352, 362.
Березань, м., 504.
Березина, р., 396.
Берестечко, м., 168, 330, 542, 544, 548, 553.
Берында-Шамво, южно-русскій ученый XVII в., 286.
Бецкій Ив. Ив., генер.-поручт., 294.
Бзовскій Симеонъ, польскій революціонеръ полов. XVII ст., 549.

*) Цифры указываютъ страницы тома.

Бибиковъ Дмитр. Г., кіев. генер.-губ., 47, 79.
Биронъ, регентъ при имп. Аннѣ Іоан., 404.
Бичаль, м., 79.
Блотница, с., 311.
Богополье, м., 420.
Богородицкій ретраншаментъ, 537.
Богунъ, полковн. козацкій, сподвижникъ Б. Хмельницкаго, 338, 545.
Богуславъ, г., кіев. губ., 165.
Болеславъ, князь мазовецкій, 144.
— Храбрый, король польскій, 347.
Бонапартъ, Наполеонъ I-й, француз. импер., 39.
Боновскій, помѣщ., 80.
Боремль, м., 168.
Борецкіе, русскіе бояре, 141.
Борецкій Іовъ, митроп. кіев., 457.
Борзна, г., 68, 238, 386, 595.
Боровица, 549.
Боромля, м., 219, 225.
Борщи, станція, 155.
Боярскій Матвѣй, ахтыр. полков. судья, 225.
Браиловъ, г., 545.
Браницкій, регментарь польск. войскъ XVIII ст., 91, 252; ловчій короп., 272, 274, 341.
Брацлавъ, г., 81.
Бремъ, знамен. натуралистъ, 74.
Броды, м., 328, 336, 544.
Брюховецкій, гетманъ, 131, 200, 202, 207.
Бугъ, р., 144, 390, 391, 420, 541, 588, 603.
Бугскіе козаки, 389—391; замѣтка о нихъ А. Скальковскаго, 599—603.
Будлянскій, собиратель рѣдкостей живописи и искусства, 604.
Бутовичъ Н. И., помѣщикъ, 174.
Бутурлакъ, упомин. въ думѣ о Кішкѣ Самійлѣ, 505.
Быстрикъ, с., 363.
Быховецъ, лѣтоп., 357.
Бѣлая-Церковь, м., 81, 99, 260, 429, 540, 547.
Бѣлгородъ, г., 198, 201, 402, 568.
Бѣлевскій, ученый, 146.
Бѣлинскій Вас. Гр., рус. критикъ, 597.
Бѣлицкій А. Г., кошевый, 534.
Бѣлозерскій В. М., б. ред. «Основы», 67, 69, 70, 596.
— Н. Д, помѣщикъ черн. 70, 596.
— Н. М., авт. статьи: «Т. Г. Шевченко», 77.
— И. И., помѣщикъ черниг. губерніи, 71, 77.
Бѣлозерская Е. Н., 70.
Бѣлозерскій, рус. оф., 161.
Бѣлокриница, м., 168.
Бѣлополье, г., 201.
Бѣлый Камень, 539.

—

Вальи, г., 203,
Валкевичъ Петръ, 298, 302.
Ванновскій, И. И., воспитатель Якима Яким. Сулимы, 315.
Ваньковцы, помѣстье, 545.
Варшава, г., 39, 44, 68.
Варшицкій, воевода мазовецкій, 555.
Василько Ростиславичъ, князь, 368.
Васильковъ, г., 81.
Васильковское урочище, 472.
Васильковцы, с., 311.
Вдовиченко, козацкій полковн. XVII в., 555.
Вейсъ, начальникъ польск. отряда драгунъ, участникъ берестечской битвы, 335.
Великій Санборъ, с., 563.
Венславовка, с. гадяцкаго уѣзда, 483.
Вербки, с. ковельскаго у., 88.
Вересай Остапъ, бандур., 240, 483.
Вересовъ, с., 575.
Верещака Прокопъ, богатый украин. землевладѣлецъ XVII в., 369.
Вероника Кребсъ, остав. мемуаръ объ уманской рѣзнѣ, 252.
Веселицкій Петръ, 568.
Веселовскій, проф., ученый, 454.
Верховка, мѣст., 84.
Верхососенскъ, гор., 198.
Вигуры, богатые украин. землевладѣльцы XVIII в., 357.
Вигура Ив., проф. кіев. универ., 82.
— Станиславъ, кіевскій городничій начала XVII в., 358, 575.
Вигуровщина, с., 357.
Виженеръ, французскій путешественникъ, 138.

Вильна, г., 78, 298.
Винница, г., 539, 579.
Витебскъ, г., 78.
Витинскій, дворянинъ, 575.
Витковскій, археологъ, 362.
Вятъ-Корчевскій, польскій писатель XVI в., 452.
Витовскій, кастелянъ сендомирскій, 555.
Витте-де, графъ, рус. генералъ, 390, 603.
Висла, р., 143.
Вишенскій Іоаннъ, южнор. писатель конца XVI в., 284.
Вишневецъ, м., 168, 332.
Вишневецкіе, польскіе магнаты, князья, 605.
Вишневецкій Димитрій, предводитель козаковъ, 587.
— Іеремія, кн., 137, 140, 153, 328, 337, 341, 538, 543, 606.
Вишневецкая Раина, 605.
Владиміръ, г., 143.
Владиславъ IV, король польскій, 341, 452.
— королевичъ польскій, 140.
Власенко Н. А., 71.
Воейковъ Ѳ. М, кіев. генералъ-губер. пол. XVIII в., 90, 97, 104, 109, 162.
Войцеховичи, малорус. дворян. фамилія, 294.
Войцеховичъ А. И., членъ госуд. совѣта, 295.
— Андрей Ивановичъ, 295.
— А. А., помѣщикъ переясл. у., 173, 292.
— Иванъ Андреевичъ, 295.
Водяная, козачья станица, 602.
Вознесенскъ, г., 601, 603.
Войтовка, дер., 430.
Волга, р., 344, 585.
Волкъ Гаврило, кобзарь, 483.
Волковъ Ѳ. К., его сборникъ украин. орнаментики, 365.
Воловичъ, мстислав. подсудокъ. 335.
Володарка, м., 255.
Волошинскій, южнор. этнографъ, 362.
Волынь, 276, 281.
Вольное, поселеніе, 205, гор., 198.
Воронежъ, г., 596.
Ворскла, р., 594.
Вульфъ, рус. полков., 90, 100.
Вурмъ, руск. секундъ;маіоръ, 91, 108.
Выговскій Иванъ, гетм. украин., 200; приближ. гетм. Хмельницкаго, 335, 422, 546, 554.
— Ѳеодоръ, каз. старшина времени Хмельницкаго, 369.
Высокопосольское, с. алешан. сотни, ахтыр. полка, 223.
Высоцкій, русскій генер., 364.
Высочинъ Иванъ, купецъ-запорожецъ, 531.
Вышгородокъ, м., 168.
Вѣна, г., 370.
Вязовокъ, с., мѣсто сожженія и вѣшанія гайдамакъ регментар. Стемпковскимъ, 352.
Вязьмитиновъ, военный министръ при Александрѣ I-мъ, 601.

—

Габріель Таргіа, ученый, 457.
Гавріилъ, митропол., 313.
Гавриловъ, профес., 203.
Газе, ученый, 439.
Гакстгаузенъ, писатель, 193.
Галаганъ Григорій, прилуцкій полковн., 302.
— Григорій Павловичъ, членъ гос. сов., авторъ статьи: „Малорусскій вертепъ“, стр. 438, 468, 470, 474, 478.
Галичина, 381.
Гамалѣй, Т. В., 292.
Ганжа Андыберъ, герой народной думы, 135.
Ганицкій, собиратель малор. пѣсенъ, 232, 245, 248.
Гаплей, посес. имѣній генер. Нарышкина, 522.
Гапоновичи, дер., 394.
Гапоновка, с., 483.
Гаркуша, предводитель разбойничьяго отряда, 384.
Гедиминъ, князь литовскій, 146.
Гераснмъ — козакъ, герой народной украин. пѣсни, 241.
Гервасій Линцевскій, переяславльскій епископъ, 92, 94, 100, 115.
Геттингенъ, г., 325.
Гизель Иннокентій, печер. архим., писатель XVII в., 369.

Гиршфельдъ, писат., 322.
Гладкій, козацк. полковн., 333; послан. Богд. Хмельниц., 548.
Глинскій, Григорій Борисов., староста овруцкій (1496—1503), 153.
Гливяны, с., 539.
Глуховъ, г., 91, 110, 113, 130, 133, 171, 304, 306.
Глѣбовъ, кіевскій генер.-губерн., 165.
Гватко Голый, гайдам. ватажокъ, 246.
Гоголь Н. В., изв. писатель, 177, 510, 597.
Гоздава-Вилуцкій, писарь польск. погр. камеры, 103.
Голдбахъ, ученый, 319.
Голицынъ М. М., полковникъ лейбъ-гвардіи, 218.
— Д. М., кн., кіевскій губерн., 357.
Гонсевскій, стольникъ литов., 546.
Гонта Иванъ, уманскій сотникъ 179, 250—276; уманскій полковн., 268, 349, 427, 429, 430.
Горашевичъ, ученый, 146.
Горбовъ, помѣстье, принадл. елецкому монастырю, 172.
Горленко В., авторъ статьи: „Бандуристъ Иванъ Крюковскій", 481—518, и замѣтки о стар. малорос. портретахъ, 603—607.
Горленко Димитрій, козацкій полковн., 604.
— Іоасафъ, епископъ бѣлгородскій, 607.
Городище, с. острожскаго у., волын. губ., 168.
Грабянка, украин. лѣтоп., 584.
Гребенки, с. кіев губ., 81.
Григорій, архим. пересоп. мон., перевод. Евангелія на малорус. языкъ, въ XVI ст., 282.
Григоровичъ Дмитро, козацкій сотникъ, 384, 386.
— В. П., отст. артил. полк., 384.
Громыка, бѣлоцерков. полковн., 552.
Губа Климъ, кобзарь, 493.
Гудовичъ, украин. магнатъ, 301, 562.
Гудовка, имѣніе Сулимы, 309.
Гулакъ-Артемовскій П. П., профес., малорус. писатель, 596.
Гулевичъ Бенедиктъ, шляхтичъ, дѣятель таргов. конфедераціи, 570.
Гумницкая станица, 602.
Гумпліовичъ, авторъ историч. мемуаровъ, 252.
Гурьевъ, русскій полковн., 269, 271, 564, 567.
Гусаково, с. звенигор. у., кіев. губ., 189.

—

Дальке-фонъ, рус. генералъ XVIII в., 114.
Данцигъ, г., 384.
Дашевъ, мѣст., 40.
Дачкевичъ Евстафій, предводитель козаковъ, 296, 356, 585,
Дашко, сотникъ, 258.
Дверницкій, генералъ польскихъ войскъ, 373.
Двина, р., 144, 156.
Де-ла-Флизъ, этногр., 472.
Дембицкій Мартынъ, подчашій сандомирскій, 344.
Деревки, с. ахтырскаго полка, 226.
Десна, р., 356.
Десятынъ Гр., авт. замѣтки: «Украинскій Геліосъ», 177—180.
Джеджалій, полковн., сподвижникъ Б. Хмельницкаго, 329, 336.
Дзендзелевка, с., 520.
Димитрій Ростовскій, святитель, 5; игум. елец. монаст., 170, 458, 469.
Дмитрашко-Раичъ Вас. Алексѣев., березанскій сотникъ, 298, 302.
Днѣпръ, р., 112, 114, 138, 143, 160, 197, 292, 334, 356, 372, 587.
Днѣстръ, р., 84, 144.
Довгалевскій Митрофанъ, учитель піитики въ кіев. акад. (1736—1737), 4, 5; писат., 461, 463, 464, 465, 469, 474, 475.
Долгорукій Як. Ѳ., кн., рус. генералъ 163; воевода, 221.
Домбровица, мѣст., 168.
Донъ, р., 160, 198, 238, 242, 484, 585.
Дорошенко П., гетманъ, 159, 370, 422.
Драгомановъ М. П., историкъ и публиц., 146, 231, 364.
Дубно, г., 168, 349.

Дубовая, помѣстье, 545.
Дымма-Томашевскій, участникъ торговиц. конфедераціи, 570.
Дымино, с., 602.

—

Евсейкова Долина, древ. кіев. урочище, 359.
Евстафьевская Земля, нынѣш. Воскр. Слободка, близъ г. Кіева, 356.
Ей, р., 160.
Екатерина II, рус. имп., 80, 97, 195, 207, 216, 295, 408, 426, 427, 589, 600.
Елисавета, рус. импер., 119, 402, 405.
Елчаниновъ, кіевскій оберъ-комендантъ, 568.
Есимонтовка, имѣніе стародуб. обозпаго Есимонтовскаго, 296.
Есимонтовскіе, старинная малорус. фамилія, 294.
Есимонтовскій Афанасій, стародубскій обозный, 295.
— Алексѣй, мглинскій сотникъ, 295.
Есимонтовская Марина Григорьевна, урожден. Скоруппа, 295.
Ефименко П. С.; его статьи: «Откуда взялись запорожцы» и «Н. Д. Мизко», 599.

—

Жаботинъ, м., 426.
Жлановичъ Антонъ, генер. судья, 369.
Желѣзнякъ Максимъ, гайдамацкій предводитель, 97, 149, 245, 248, 260, 261, 268, 426, 429, 430, 564, 565, 567.
Жемчужниковъ Левъ Мих., художникъ, 68, издат „Живописной Украйны", 482.
Жеча, р., 300.
Животовъ, мѣст., 551, 556.
Жигайловка, козачье поселеніе, 223.
Жигимонтъ I, король польскій, 358.
Жиловцы, с., 363.
Житецкій П. И., его статьи: предисл. къ „Малорус. вертепу", и „Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ", стр. 277—291.
Житецкій И., его рецензія на книгу проф. Пилата: „Wiadomości statystyczne"..., стр. 575—577.
Жмудь, б. провинція б. литов. княж., 146.
Жолкевскій Станиславъ, воевода кіев., 139, начальникъ польск. войскъ, 292, корон. гетманъ, 421.

—

Заборовскій Рафаилъ, митроп. кіев., 476.
Забѣла В. Н., украин. поэтъ, 68, 70, 73, 76.
Завадовскій, его коллекція художествен. произведеній, 605, 312.
Загорскій, ученый, 319.
Закоморье, им. Ст. Освѣцима, автора „Дневника", 543.
Закревскій, составитель описанія г. Кіева, 355.
Залѣсье, с., 393.
Замойскіе, польскіе магнаты, 141.
Замойскій Ѳома, воевода кіев., 141.
— Янъ, магнатъ польск., 14.
Западный Бугъ, р., 156.
Заполье, дер., 394.
Зарудный Василій, сотникъ, 160.
Заславль, г., 80, 88, 168.
Зборовскій Криштофъ, польскій магнатъ, 572.
Зборовскій или Збуровскій Самуилъ, козацкій предводитель, 487,
Збручъ, р., 572.
Звенигородка, г., кіев. губ., 261.
Звѣринецъ, предмѣстье г. Кіева, 368.
Звягель, м. новоградвол. у., вол. губ., 80.
Злотницкій Антоній, дѣятель торговиц. конфедераціи, 570.

—

Иванъ Грозный, царь москов., 195.
Иваненко Г. Г., переяслав. полковн., 315.
Иванишевъ Н. Д., кіевскій ученый, его путев. записки, 78—88.
Ивановъ Логвинъ, городничій гор. Ахтырки, 222.
— П. И., этногр., 399.
Иваньки, с., уманск. у., 520.
Игнатовичъ Якимъ, кошевой запор. атам., 530.
Изопольскій, писатель XVI вѣка, 2, 467, 474.
Изюмъ, г., 203, 408.
Иконниковъ, профес. кіев. унив., 236.

Ильницкій Л. В., собиратель этногр. матеріала, 234; рецензія на его „Опись актовой книги кіев. центр. архива“, 573—575.
Ингулъ, р., 393.
Искорость, м., 168.
Искра Захарій, полковн. корсунскій, 370.
Искрицкій Петръ, 299.

—

Іоаннъ Лѣствичникъ, дух. писат., 287.
— Болгарскій, 289.
Іосафатъ Кунцевичъ, епископъ уніат. гонитель православія, 378.

—

К. К—къ, авт. статьи: „Самозв. флигель-адъютантъ, солдатъ Семеновъ“, 519,
Кази-ага, султанъ, 343.
Казиміръ, кор. польскій, 147, 144.
Калиновскій, польный гетманъ, 342, 357, 337, 548.
— В. А., брацлавскій староста, 421.
Калміусъ, р., 160.
Калміусская паланка, 159.
Калнишевскій Петръ, послѣдній кошевый запор., 161, 162, 166.
Кальвинъ, религіозн. реформат., 446.
Кальниболотъ, м., кіев. губ., 353.
Каменецъ, г., 85, 274, 332, 350, 364.
Каменка, р., 420.
— с. херсонск. у., 350.
Кандыба Н. Григ., предвод. дворян. конотоп. у, 119.
Каневъ, г., 75, 91, 588.
Каноровскій-Соха А., племянникъ переяслав полковн. С. И. Сулимы, 308; его письмо къ Григорію Сковородѣ, 307.
Кантакузинъ Н. Д., кн., послѣдній атаманъ бугскихъ козаковъ, 599, 601, 603.
Каплуновка, с., 227.
Карабиновка, с., 597.
Кара-Мустафа, визирь, начальникъ, турецкой арм., 422.
Карашъ-мурза, начальникъ татарскаго ополч., 546.
Кармелюкъ, разбойникъ, 183—189, 384.
Карпаты, 143, 239, 430.
Карновъ, г., 198.
Карповка, урочище, 429.
Касперовка, станица, 602.
Каталонія, исп. пров., 239.
Кафа, г., 135, 142.
Качаловъ Яковъ, атаманъ куреня левушковскаго, 535.
Качановка, имѣніе Григ. Степ. Тарновскаго, 70,
Квитко, издат. сборника украин. орнамент., 365.
Кейстутъ, сынъ литов. князя Гедимина, 146.
Кизикерменъ, нынѣ г. Бериславъ, 148, 530.
Кирбурнъ, укрѣпленіе, 600.
Кириловка, с., мѣсто рожденія Т. Г. Шевченка, 222.
Киселинъ, м., на Волыни, 156.
Кисель Адамъ, воевода кіев., 329, 546, 572.
Кишиневъ, г., 579.
Клевань, м. на Волыни, 168.
Клечковскій Мих., губернаторъ „замка“ богуславскаго, 165.
Кодня, м., мѣсто суда надъ гайдамаками, 353.
Кодыма, р., 137.
Козачинскій М., писатель XVIII в., 460.
Козеленкій П. И., кошевой атаманъ, 160.
— Павло, атаманъ куреня корсунскаго, 530.
Козельскій Яковъ, полтавскій эсаулъ, 160.
Козюбы-Якушинскіе, земяне брацлавск., 572.
Колонтай Станиславъ, обыватель кіевскій XVIII в., 357.
Кологривовъ, русскій поручикъ, арестовавшій гайдамакъ подъ Уманью, 429, 567.
Комышня, м. миргород. у., полтавской губ, 495.
Конашевичъ-Сагайдачный Петръ, гетманъ, 134, 139, 469.
Кондратьевъ Андрей Гер., сумскій полк., 204, 201.
— Герасимъ, сынъ полковн. Кондратьева, 204.

Конецпольскій, хорунжій коронный, 330, 337, 342, 539; гетманъ корон., 544.
Копинскій Исаія, кіев. митр., основат. лубенскаго монаст., 607.
Конисскій Георгій, архіеп. бѣлорус. и писат., 312, 461, 463, 464, 466, 474, 475, 479.
Конисскій Матфій, сотникъ ивангород., 300.
Коновченко Ив., герой народн. думы, 512—517.
Кононенко Ѳедоръ, кобзарь. 482.
Константиновъ Андрей, запорож. толмачъ, 161.
Константинъ Павловичъ, великій кн., 39.
Копачевъ, помѣстье елец. монаст., XVII в., 173.
Кореневщина, предмѣстье г. Кіева, 354.
Корецкій Б. Ѳ., князь, 420.
Корибутовъ, имѣніе кн. Репнина, 563.
Корицкій И. И., воспитатель сына Сулимы, 326.
Корецъ, м. новогр.-волын. у., 80, 168.
Корогодъ, с., 394.
Корнѣенко-Демянскій, учитель законовѣденія, 85.
Корсунь, м., 541, 588.
Корчевскій Витъ, польскій писатель XVI в., 462.
Коссаковскій, подсудокъ брацл., 546.
Косачъ, собират. этногр. матер., 234.
— Ольга Петровна, ея сборникъ, украин. орнамент., 365.
Костинъ, прапорщ. рус. службы, 161.
Костка, онъ-же Наперскій, революц. польскій XVII в., 542.
Костомаровъ Н. И., историкъ, 69, 231, 236, 237, 241, 246, 470.
Котельва, слобода, 219, 223, 226, 568.
Кохановскій, польскій писат., 453.
Коховскій Веспасіанъ, польскій ученый, 595.
Кочубеи, дворян. фамилія въ Малороссіи, 165.
Кочубей Семенъ, генеральный обозный, 305; членъ малор. кол., 310.
— Викторъ Павловичъ, министръ внутр. дѣлъ, 325, 601.
Кошка Самійло, герой козацкой думы, 486, 505.
Краковъ, г., 143, 342, 542.
Красновъ Иванъ, генер.-маіоръ, атаманъ бугскихъ козаковъ, 601.
Красноволье, г., 201.
Красноселье, станица, 602.
Крашевскій Іосифъ, писат. польск., 2.
Кременецъ, г., 168, 169.
Кременчугъ, г., 517.
Кречетниковъ, генер.-маіоръ, 90, 99, 269, 333, 429, 569.
Крещатикъ, мѣстность Кіева, 359.
Кристинополь, резиденція Потоцкихъ, 254, 423.
Кричевъ, укрѣпл., 334, 335.
Крушинскій, товарищъ палаты уголовн. суда, 85.
Крыжановскій Е. М., авторъ замѣтки о поч. лаврѣ, 382.
Крыловъ, г., 137, 159.
Крыса, бѣлоцерков. полковн., 328, 333.
Крюковскіе, лохвицкіе дворяне, 483.
Крюковскій Иванъ, бандуристъ, 481—487.
Кубань, р., 383.
Куликовскій Максимъ, полковникъ запорожскій, 534.
Кулишъ П. А., писатель, 66, 67, 70, 236, 383, 386, 482, 588, 296.
Кульчевскій, польскій королевск. уряд., 200.
Курбскій, князь, русскій эмигрантъ при Иванѣ IV-мъ, писат., 88.
Курскъ, г., 201.
Куты, с., 520.
Кухаренко, генералъ, 391.
Кушелевъ-Безбородко, графъ, 236.

—

Лабенскіе, украин. дворяне, 390.
Лабунь, м., 169, 543.
Лаврентій Зизаній, западно-рус. ученый, XVII в., 289.
— Горка, писатель нач. XVIII в., 460, 461, 462.
Ладыжинъ, м., 422.
Лазаревскій А. М., 68, 75, 76, 119; авторъ замѣтки о старин. малорос. портретахъ, 173—175; 295, 471.
Лазарь Баранович, архіеп. черниг., писатель, 458.

Ланжеронъ, новорос. генер.-губернат., 603.
Лбовъ, кіев. плацъ-маіоръ XVIII в., 564, 565.
Лебединъ, м., 200, 293.
Лебовичъ, воевода смолен., 546.
Ленартъ, капит. уманскаго гарнизона, XVIII в., 260, 264.
Лентовскій, маршалокъ, 542.
Лесевицкій, ахтырскій полковн., 218.
Лещинскій Андрей, канцлеръ, 538.
Лизогубъ, генеральн. бунчучный, 301.
Липоманъ, авт. мемуара о Коліивщинѣ, 252, 262.
Ломиковскій, бунчуков. товарищъ, 304.
Лопухинъ П. А., князь, мин. юстиціи, 326.
— Н., влад. мѣстечка Шполы, 364.
Лопушано Богданъ, молдавскій господарь, 572.
Лохвица, г., 482.
Лубны, г., 137.
Лудольфъ, ученый англичанинъ конца XVII в., 289.
Лукашевичъ, украин. этногр., 482, 504.
Луцкъ, г., 168.
Лушевъ, фотогр., 605.
Лысенко Иванъ, переяславльскій полк., 293.
Лысянка, м., 260, 353, 246.
Львовъ, г., 274, 336, 350, 457, 540.
Лѣсковъ Н. С., беллетристъ, 373.
Ляховцы, м. острожск. у., 168.
Лянцкоронскій, воевода брацлавскій, 337, 572.
Любачевъ, м., 541.
Любечъ, г., 299, 335.
Любомирскіе, князья, 159.
— маршалокъ корон., 555.

—

Магнушевскій, полковн., 259, 260, 263.
Мазепа И. Ст., гетманъ, 131, 135, 159, 174, 371, 510, его портреты, 604, 607.
Майборода, предвод. гайдам. отряда, 91, 107, 108.
Макарій Булгаковъ, митроп. московск., 578.
Максимовичъ М. А., ученый писатель, 71, 109, 139, 471, 482, 490, 564, 597.
Максимъ Грекъ, ученый XVII в., 288.
Мамай, разбойн. XVIII в., 471.
Манджура, украин. этногр., 243.
Маріенбургъ, г., 237, 241.
Маріуполь, г., 160.
Маркевичъ Н. А., историкъ, 1, 438, 467, 470, 474, 477, 585.
Марковскій, хорунжій уманск. гарнизона, 265.
Марло, писат., 448.
Масловъ В. П., собиратель этногр. матеріаловъ, 68, 71.
Маховскій, офицеръ польс., 546, 554.
Махновка, с., 554, 363.
Маціевичъ Л. С., соб. малор. пѣсень, 238, 241.
Мглинъ, г., 295, 299.
Медвѣдовка, м., 118.
Мееръ, профес. геттингенскаго универ., 323.
Мейнеретъ, профес., 323.
Мелетій Смотрицкій, состав. грам., 289.
Мелешко Иванъ, каштелянъ смоленскій, 147.
Мелхиседекъ, игуменъ мотрон. монаст., 92, 94, 110, 113, 115, 424, 426.
Меньшиковъ, кн., 205.
Метлинскій, этногр., 482, 596.
Мещерскій, кн., бригадиръ, 129.
Мизко Н. Д., писат., 594—599.
Миклашевскій, губернаторъ, 601.
— И. М., сынъ стародубскаго полковн., 298.
Микулинскіе, земяне брацлавскіе, 572.
Микѣшинъ М. О., художникъ, 67.
Милорадовичъ Гр. А., графъ, 174.
— полковн. черниг., 132.
Миткевичъ Іосифъ, игуменъ батуринск. монаст., 534.
Михаилъ Ѳедоров., царь московскій, 198, 234.
Михалчина, имѣніе С. И. Сулимы, 309.
Михайлюкъ Александръ, лирникъ, 482.
Михневичъ Вл., писатель., 249.
Мицкевичъ, поэтъ польскій, 178.
Мичерлихъ, професс. геттин. универ., 323.
Младановичъ, губернаторъ г. Умани, 256, 257, 260.

Младановичъ Павелъ, авторъ мемуаровъ уман. рѣзнѣ, 252, 266.
Многогрѣшный, гетманъ, 131.
Могила Петръ, митрополитъ кіевскій, 59, 286, 607.
Могилевъ, губ., 83, 314.
— на Днѣстрѣ, 272. 423.
Мокрицкій, художн., 75.
— уніатскій оффиціалъ, 92, 102, 105.
Мордвиновъ Н. С., графъ, 236.
Мордовцевъ Д. Л., писатель, 134.
Москаленко, посолъ гетмана Хмельницкаго, 548.
Мошны, м., 91, 107, 108.
Мошоновъ, русскій капитанъ, 161.
Мощинскій, авторъ мемуаровъ, 252.
Мышецкій, его исторія о запор. козакахъ, 588.

—

Нагорецкій, польск. коммисаръ въ переговорахъ съ Хмельницкимъ, 547.
Наливайко, гетм., 421. 520.
Наполеонъ I Бонапартъ, 248.
Нарбутъ, ученый, 175.
Нарышкинъ, генер., 522.
Небаба, козац. полковн., 333.
Невгалевскій Валентинъ, переводчикъ Евангелія конца XVI в., 282.
Неволинъ, ученый, 194.
Немиричи, кіевскіе земяне XVI—XVII ст., 572.
Немиричъ Генрихъ, 572.
— Иванъ, 572.
— Іосифъ, кіев. магнатъ XVI в., 573.
Неплюевъ Сем. Ив., генер.-лейтснантъ русской службы, 311.
Нерубайка, станица, 602.
Несторъ, лѣтописецъ, 369.
Несухоѣжи, м., 156.
Нехвороща, м., 594.
Нечай, предводит. козачьяго отряда, 245, 248.
Никитинъ Иванъ, живописецъ, 604.
Николай I, импер. русскій, 39, 43, 63, 378, 381, 435.
Никоненко Архипъ, кобзарь, 482.
Никонъ, патріархъ, 59.
Новая Гребля, с., лохвиц. у., 485.
— Рябина, с., 227.
Новгородцевъ, составит. описанія Кіева, 354.
Новгородъ, г., 313.
Новицкій И. П., 231, 237, 239, 360.
Новогригорьевка, станица, 602.
Новогрудекъ, м., 455.
Новый Осколъ, г., 198.
Нурскій Мартынъ, сынъ чашника, 350.
Нѣсецкій, писат. польскій, 175.
Нѣжинъ, г., 69, 164, 300, 286.

—

Обухъ, полковн. уманской милиціи, 257, 260, 263, 427.
Овручъ, г., 168.
Ожеховскій Станиславъ, польскій писат. XVI в., 145.
Оксфордъ, г., 289.
Оленовка, с., 70, 76.
Олелько, иначе Александръ, сынъ кіевск. кн. Владиміра, 146.
Олельковичи, потомки кіевскаго князя Владиміра, 146.
Олешня, поселеніе, 203, 205.
Олыка, м., 168.
Ольгердъ, князь литовскій, 146.
Ольговичи, князья, 356.
Ольшанка, р., 547.
Ольшанскъ, г., 198.
Онега, р., 128.
Орадовка, с., подаренное Потоцкимъ Гонтѣ, 254, 427.
Орель, р., 160, 594.
Оренбургъ, г., 384.
Орликъ Филиппъ, писарь Мазепы; народная пѣсня про него, 395.
Орловъ И А., приближенный Екатер. II-й, 364.
Орловскій, священ., 87.
Осинскій, инфулатъ, 79.
Осиповъ Федоръ, бригадиръ, 221, 225.
Осота, с., 352.
Оссолинскій, канцлеръ коронный, 363,
Останкинъ, назв. мызы гр. Шереметьева, 317.
Остерманъ, графъ, 165.
Острая Могила, с., 429.
Островерховъ, полковн., 362, 365.
Острогожскъ, г., 218, 408.
Острогорскій, 113.
Острогъ, г., 137, 168, 285.
Острожскій Константинъ-Василій, князь, 175—177, 285, 298.

Острожскій Янушъ, 176—177, 574.
Острожская Анна, княжна, 141.
Остролуцкая—назв. дороги, 356.
Отенскій Зиновій, ученикъ Максима Грека, 288.
Охоцкій, авторъ историч. записокъ, 252.
Охромѣевичи, с., 311.
Очаковъ, г., 600.
Очкино, с., 175.

—

Павелъ I, импер. русскій, 317, 295.
Павша, польскій панъ, 335.
Паисій, настоят. гуетынскаго монаст., 606.
Палермо Франческо, итальянск. ученый, 440.
Палій Семенъ, козачій полковн XVII в., 154, 237, 241, 340, 510, 594.
Панинъ, графъ, вельможа временъ Екатерины II-й, 90; презид. коллегіи иностран. дѣлъ, 95, 98, 103, 100, 165, 270.
Панкевичъ, профессоръ, 315, 319.
Папроцкій, ученый, 138.
Парижъ, г., 230.
Пассекъ, Т. П., авторъ записокъ, 67.
Пацы, бѣлорусскіе дворяне, 140.
Пекарскій, ученый, 438.
Первольфъ, чешскій ученый, 142.
Перебійнисъ, начальн. козацкаго отряда, 149.
Переволочна, м., 138.
Перекрестовъ, ахтырскій полковникъ, 203, 205, 221, 227.
Перепетиха, названіе кургана, 69.
Пересопница, м., 168.
Переяславецъ, козацкій полковн., 333.
Переяславль, г., 91, 99, 111, 113.
Петербургъ, г., 96, 68.
Петискусъ, ученый, 180.
Петровъ Н. И., проф. кіев. дух. акад., 4, 176, 581.
Петроковъ, полковн., 362.
Петръ I-й, импер. рус., 128, 149, 201, 206, 209, 248, 286, 291, 401, 404, 471.
Петриченко, украин. писатель, 597.
Пиковецъ, с., 363.
Пилатъ, проф. львовскаго унив., 576.
Пилявцы, мѣсто пораженія поляковъ Хмельницкимъ, 339.
Писаревскій, авторъ записокъ объ украинск. старинѣ, 597.
Піемонтъ, итальян. провинція, 239.
Платовъ, генер., 248.
Плетенецкій Елисей, архимандр. кіевопечерскій XVII в., 574, 575.
Плоское, с., 355.
Побѣдоносцевъ, авторъ „Курса гражд. права", 195, 200, 416.
Погорилый, Дмитро, лирникъ, 482.
Подгоричанинъ, русскій генер., 271, 272.
Подгорцы, мѣст. въ Галичинѣ, 544.
Подляхія, провин. польская, 138.
Покословщина, отчина бунчук. товарища Григ. Скорупы, 330.
Политика, малорос. патріотъ временъ Екатер. II, 120.
Полковниче, с., 525.
Полозовичъ С. Р., староста овручскій (1506—1510 г.), 153.
Полонное, мѣст. новогр.-волынскаго у., волын. губ., 80, 168.
Полонскій Яковъ, русскій поэтъ, 68.
Полтава, г., 113, 590.
Полтавка, с., 391.
Полуботокъ Пав. Леонт., черниговскій полковн., 174, 293, 471, 175, 386.
Полуботчиха, вкладчица черниг. слецк. монастыря, 171.
Поляховка, с., 168.
Пономаревъ С. И., библіографъ, 582.
— О. П., сотоварищъ Т. Шевченка по акад. художествъ, 67.
Попятовскій Андрей Степановичъ, учитель екатерин. гимназіи, 596.
— Станиславъ, король польскій, 424.
Потаповичева Ульяна, кіевск. дворянка XVI ст., 573.
Потемкинъ Григорій, кн., вельможа временъ Екат. II, 165, 364, 390, 600.
Потокъ, имѣніе гр. Потоцкихъ, 423.
Потоцкіе, графы, магнаты польскіе, 83, 159.
Потоцкій Александръ, богатый землевлад., 86.
— Іосифъ, корон. гетманъ, 273.
— Михаилъ, графъ, богатый помѣщ., 79.

Потоцкій Станиславъ, коронный стражникъ, 423.
— Феликсъ, гр., польскій госуд. дѣятель, 431, 571.
— Францъ-Селезій, воевода польскій, 251, 254, 256, 425.
Потоцкая Софья, графиня, 431.
Преворка, предм. г. Кіева, 354.
Пржыемскій, писарь польный, 540, 548, 553.
Привольное, с. херсон. губ., 391.
Прилинка, пригор. г. Лохвицы, 484.
Прилука, г., 303, 605.
Припеть, р., 156, 335, 393.
Провансъ, провинція французъ., 239.
Прозоровскій, кн., генер. маіоръ русской службы, 91, 94, 101, 103, 113, 165.
Прокоповичъ Ѳеофанъ, архіеп. новгород., проповѣдникъ и богословъ нач. XVIII в., 7, 460, 476, 582.
Протасьевъ, полк. русскій XVIII в., 90, 97.
Проскуровъ, г., 86.
Прохоры, с. борзенск. у., 386.
Псёлъ, р., 517.
Пузовскій Николай, возный, 574.
Пулавскій, регментарь барск. конфедераціи, 429.
Пушкинъ А. С., поэтъ, 177, 243.
Пцимскій, ректоръ школъ въ Галиціи XVII, 542.
Пясечинскій, польскій панъ, 331.

—

Рабино, с., 222.
Рагузинскій, приближ. Петра I, 205.
Радзеевскій Іеронимъ, подканцлеръ коронный, 345.
Радзивиллы, князья, 176.
Радзивиллъ Богуславъ, кн., староста барскій, 555.
— Христофоръ, 292.
— Янушъ, великій гетманъ литовскій, 333, 334, 342, 540, 543, 548.
Радомысль, г., 111.
Разинъ Стенька, русскій разбойникъ, 241.
Разумовскій, гр., послѣдній гетманъ, 119, 303, 562, 604.
Ракочій Сигизмундъ, кн. семиград., 341, 342, 541.
Ратно, м. ковельск. у., 80, 88.
Раставица, р., 156.
Рафальскій, протоіер., 378.
Рева И. М., перевод. и издатель мемуара В. Кребсъ, 252.
Рей, польскій писатель, 453.
Репнинъ Н. В, русскій посланникъ при варшав. дворѣ, 91, 94, 101, 106, 110, 111, 115.
— Ник. Вас., кн., малороссійскій губерн., 561, 557—560, 605.
Ришелье, герцогъ, правитель новороссійскаго края, 603.
Ровно, г., 168, 349.
Рогашевскій, главный кассиръ уманскаго „замка“ въ 1768 г., 257, 265, 428.
Родуцкій, писарь кіевск. магистрата, 358.
Романовичъ-Славатинскій А. В., профессоръ, 80.
Романовка, с., 521; мѣстопребываніе Сѣчи, 588.
Романовскій Димитрій, войсковой писарь запорожскій, 161.
Ромны, г., 27.
Рославль, г., 334.
Ростовъ, г., 234.
Росошки, с., 252, 254, 255, 270, 427.
Рудковскій А., 391, 393, 599.
Рудченко И. Я., издат. Сборника малор. пѣсень и сказокъ, 233, 234, 237, 240.
Ружинскій Евстафій, кн., 356.
Румянцевъ Н. А., гр., правитель Малороссіи; 89, 110, 126, 162, 270, 309, 357, 600.
Руцкій, уніат. митроп., 574.
Рыбниковъ П. Н., русскій этногр., 238.
Рябининъ, писат., 597.
Рязань, г., 585.

—

Савватій, справщикъ, 289.
Савицкій, ротмистръ козацкій, 352.
Салтыковскій, капитанъ, 601.
Самара, р., 160, 594.
Самборъ, г., 138.
Самойловичъ, гетм., 131, 135 174, 293, 370; о его портретѣ, 605.

Самуйло Кішка, герой украинской народной думы, 135.
Самуилъ, епископъ бѣлгородскій, 408.
Самусь, полковн. богуславскій, 370.
Сангушко Евстафій, князь, 87.
— Романъ, начальн. польскихъ войскъ, 87.
Сандецкій, мечн. коронный, 541.
Сонецкій Михаилъ, переводчикъ еванг. на малор. языкъ въ XVI в., 282.
Сапѣги, бѣлорусскіе дворяне, 141.
Сапѣга Лука, староста овруцкій, въ нач. XVII в., 153.
Сасинъ, управит. имѣн. конфедерата Щенявскаго, 112.
Сатановъ, м. под. губ., 70, 86.
Сахацкій Пав. Афан., профессоръ философіи, 315.
Сахновскій Иванъ, полковой асаулъ, 130, 132.
Семенъ, легендар. основатель Запорожья, 588.
Семеновичъ Онисимъ, атаманъ дядьковскаго куреня, 535.
Сенчило-Стефановичъ А. Ф., учитель рисованія, 69.
Сербы, с., 272, 350.
Сивки, с. острожск. у., вол. губ., 168.
Сигизмундъ I, король польскій, 147, 454, 587.
— III-й, король польс., 421.
Синюха, р., 256, 257, 137, 420.
Скаржинскіе, украин. помѣщики, 393.
Скаржинскій Петръ, предводит. бугскихъ козак., 600, 603.
— экономъ уманскій, 267.
Скальковскій А., авторъ «Исторіи Новой Сѣчи» и пр., 166, 364, 395, 537, 603.
Скиргайло, князь литовскій, 357.
Скобейки, кіевскіе дворяне XVI в., 573.
Сковорода, украинскій писатель XVIII в., 10, 307, 308.
Скорина, д-ръ, переводчикъ библіи на бѣлорусское нарѣчіе, 282.
Скоропадскій, гетманъ украин., 12, 93, 295, 296, 604.
— М. В., генеральн. подскарбій, 120, 303.
— В. Ив., адъютантъ гр. Румянцева, 310, 311.
Скоруппы, старин. украинская фамилія, 294.
Скоруппа Григ. Демьяновичъ, бунчуков. товарищъ, 298, 299.
— Марья Павловна, жена А. С. Сулимы, 294.
— Павелъ Григорьевичъ, полковникъ козацкій, 294.
Славута, мѣст., принадл. кн. Сангушкѣ, 87, 88.
Слободище, г. въ XVI ст., 363.
Слобожанщина (Слободская Украйна), 198, 199, 204, 207, 211, 401, 419.
Скужка Александръ, троцкій воевода, 335.
Смоктій А., его ст. «Г. Умань и Софіевка», 183—189, 437.
Смоленскъ. г., 314.
Смотрицкій Мелетій, составитель славянской граммат. въ нач. XVII в., 286.
Смѣла, м., 261, 949.
Собѣсскій Янъ, король польскій, 370; староста красноставскій, 549.
Сожъ, р., 295.
Сокаль, г., 541.
Соколовка, мѣст., 262, 427, 520.
Соколы, заглавіе историч. думы, 493.
— станица козачья, 601.
Сокоръ, предводит. польскаго отряда, 331.
Соленикъ, знаменит. украин. артистъ, 597.
Соловьевъ С. М., изв. историкъ, 579.
Сорока, имѣніе помѣщ. Сребдольскихъ, 70.
Сосница, г., 299.
Софіевка, знам. садъ въ г. Умани, 429.
Сребдольскіе, малорусскіе помѣщики, 70.
Сребне, м. прилуцкаго у., 493.
Срезневскій, академикъ, профес., 428, 482.
Ставровскій, А. И. проф., 626.
Стадницкій, ученый, 146.
Станиславъ-Августъ, король польскій, 252.
— Понятовскій, король польскій, 272.
Стародубъ, г. 296, 298.
Старый Кодакъ, 588.
— Константиновъ, 86.

Старушичъ Климентій, игуменъ выдубицкаго монаст., 368.
Стасовъ, профессоръ архитектуры, 321.
Степань, м., 169.
Стешковскій Іосифъ, региментарь украинской партіи, 349 и 571.
Стояновъ А., авторъ ст. Пѣсня XI в., 230, 237, 240.
Страховскій Варлаамъ, игуменъ выдубицкаго монаст., 371.
Стрижевскій Г. Я., этнографъ, 590.
Строгановъ, флигель-адъютантъ, 562.
Стырь, р., 346.
Стрѣлецкій Савва, писатель конца XVIII в., 466.
Судіенко А. М., 175.
— Осипъ Степановичъ, приближенный гр. Безбородко, 315.
Суджа, г., 202.
Судока, г., 201.
Судость, р., 296.
Сула, р., 517.
Сулиновка (Сулиминцы), род. помѣстье Сулимъ, 163, 292, 313.
Сулимы, старинная дворянская фамилія въ лѣвобережной Украйнѣ, 293.
Сулима Иванъ Михайловичъ, запорожскій гетманъ въ 1628 г., 292, 293, 422.
— Евстафій Семен., 309.
— Иванъ Федоровичъ, генеральный хорунжій, 173, 175, 293, 297.
— Марья Павловна, жена Ив. Федор., 174; ея жалоба къ гетману, 296—298.
— Прасковья Семеновна; ея письма къ дѣтямъ, 308.
— Самуилъ Ивеновичъ, сынъ генеральнаго хорунжаго, 297.
— Семенъ Ивановичъ, переяславскій полковн. (1739—1766 г.), 174, 293, 302; его письмо, 308.
— Федоръ Ивановичъ, сынъ генеральнаго хорунжаго, 292—293, 297.
— Христофоръ, архимандр. гамалѣевскаго монаст., 314; епископъ слобоско-украин., 311.
— Якимъ Семеновичъ, 293, 294, 311, 315.
Сулима Семенъ Николаевичъ, его статья: «Замѣтки стараго кіевлянина», 614—624.
— Николай Семенов., полк., 615.
Сумы, г., 200, 291, 404, 408.
Суходольскій, истисл. писарь польскій, 335, 337.

—

Т—въ М., авторъ статьи: «Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности», 237, 240.
Табанъ Антонъ, губернаторъ уманскаго «замка», 163.
Тальное, с., 521.
Танскій Василій, полковн., 226.
Таранъ Павло, атаманъ гайдамацкаго отряда, 566.
Тарнавскій Ал., авторъ некролога: «Отецъ Аполл. Сендульскій», 166.
Тевяшевъ Иванъ, полковникъ, 405.
Тепловъ, членъ «экономической канцеляріи», 120, 304, 306.
Тернавскій, бунчук. товарищъ, 304.
Тимофѣевъ Николай, атаманъ куреня деревянковск., 535.
Тихомль, с., 168.
Тихонравовъ, русскій ученый, 3, 5, 438.
Торческъ, древ. городъ въ Кіевщинѣ, 231, 233, 240.
Трембецкій, поэтъ польскій, 434, 435.
Тургеневъ Ив. С., знамен. русскій беллетристъ, 68.
Турковскій, мглинскій сотникъ, 296.
Турчановскій А., 307.
Турчанскій, авторъ мемуаровъ о Коліивщинѣ, 252, 267.
Тустановскій Лаврентій-Зизаній, составитель русской грамматики въ концѣ XVI ст., 287.
Тукальскій Іосифъ, митрополитъ Кіевскій, 607.
Тульчинъ, м., 79.
Тыкичъ, р., 349, 370.
Тыша-Быковскій Левъ, 357.
Тышкевичъ Янушъ, воевода кіевскій, 363.
Тясминъ, р., 349, 370.

—

Убальдъ, начальникъ польск. войска, 540.
Удай, р., 605.

Удычь, р., 420.
Уласенко, сотникъ, 260, 271.
Уманка, р., 420.
Уманщина, 276.
Умань., г., 79, 231, 257, 260, 269, 420, 426, 427, 431, 432, 564, 567.
Усердъ, г., 198.
Уяздовъ, названіе виллы короля Стан. Понятовскаго, вбл. Варшавы, 274.

—

Филаретъ, митроп. кіевскій (1837—1857), 53.
— Гумилевскій, черниговъ. епископъ, духовный писатель, 76.
— епископъ рижскій, 578.
Фрезъ, московскій медикъ, 318.

—

Ханенко, уманскій полковн., 422.
Харьковъ, г., 408.
Херсонка, дер., 472.
Херсонъ, г., 590.
Хмельникъ, м., 555.
Хмельницкій Богданъ, гетманъ украин., 7, 82, 123, 131, 135, 149, 195, 197, 329, 335, 341, 342, 369, 427, 473, 540, 543, 545, 547, 549, 552, 554, 555.
— Тимошъ, сынъ гетмана, 335, 338, 554.
— Юрій, также сынъ, впослѣдствіи гетманъ, 131.
— капитанъ, 601.
— кобзарь, въ зѣньков. у., 483.
Ходкевичи, бѣлорусскіе дворяне въ нач. XVII в., 140—141.
Ходкевичъ Александръ, помѣщикъ, 394.
Ходорково, м., 364.
Хойнацкій А. Ѳ., проф. нѣж. лицея, 455.
Холецкій Михайло, староста оврупкій, 153.
Хомутець, м. миргородскаго у., полт. губ., 495.
Хорошово, с., 283.
Хортица, островъ на Днѣпрѣ, мѣстопребываніе Коша запор., 587.
Хотинъ, г., 84.
Хотомырскъ, г., 198.
Хухра, козачье поселеніе въ ахтырскомъ полку, 223.
Хмѣлевое, с. орловской губ., 520.

—

Царево-Борисовъ, 203
Цартелевъ, князь, украинскій этногр., 482.
Цѣсельскій, белзскій мечникъ, 257, 258.

—

Чалый Матв. Корн., авторъ книги: «Жизнь и произв. Т. Шевченка», 68, 561.
— Савва, герой гайдамацкихъ пѣсень, 246.
Чарторыйскъ, м., 168.
Чепелевъ, с., 311.
Черкасы, г., 549.
Чернякъ, собират. украин. пѣсень, 247.
Чернятка, слобода, 300.
Чернышъ, генеральный судья, 296.
Чернышевъ, графъ, 294.
Чернобиль, м., 393, 394.
Черниговъ, г., 333.
Чернеховъ, имѣніе Ив. Немирича, 573.
Чертковъ, В. А., харьковскій намѣстникъ, 417.
Четвертня, м., 168.
Чистаховскій Григ. Ник., художникъ, 76.
Чигиринъ, г., 290, 331, 421, 508.
Чорный Шляхъ (или Татарская дорога), названіе пути, 137. 420.
Чубинскій Пав. Пл., этногр., 231, 236.
Чуйкевичъ, бунчуковый товаришъ, 304.
Чугай, предводит. козацкаго отряда, 545.
Чугуевъ, поселеніе, 203.
Чура Степанъ, козацкій сотн., 394.

—

Шайноха, польс. историкъ, 146.
Шамрай Ѳедоръ, куренной атаманъ, 529.
Шантръ Эрнестъ, французскій археологъ, 360.
Шараневичъ, львовскій проф. и историкъ. 146.
Шафранскій, землемѣръ, защитникъ г. Умани, 264, 427.
Шаховской, кн., 401, 458.

Швачка, предводит. гайдамацкаго отряда, 471.
Шевченко Т. Г., поэтъ; воспоминанія о немъ, Н. Бѣлозерскаго, 66 — 77; упомин., 177, 490, 596.
Шидловскій, бригадиръ слобод. полковъ, 205.
Шило, козакъ, 268.
Шимоновъ А. Л., авторъ изслѣдованія о землевладѣніи въ харьковск. губ., 191—228, 401—419.
Шишковъ, ученый, 136.
Шлетцеръ, профессоръ геттинг. унуверс., 323.
Шостакъ Иванъ, куренной атаманъ, 530.
Шпаченко Савва, гайдамака, 118.
Шулговскій, значковый товаришъ, 309.
Шумлянскій Кириллъ, еписк. луцкій, Іосифъ, еписк. львов., 610.
Шуть Андрей, кобзарь, 482.

—

Щенявскій, польскій помѣщикъ, конфедератъ, 95, 103, 106.
Щербацкій Георгій, писат. XVIII в., 460.
Щербина Д. М., борзен. стряпчій, 70.
Щербининъ Е А., рус. секундъ-маіоръ, 408.
Щербиновка, с., 602.
Щиракъ Гаврило, куренной атаманъ, 535.

—

Эйлеръ Хр. Леонт., академикъ, 165.
Эрбенъ, ученый, 147.

—

Яблоновка, с., 519.
Яблоновскіе, князья, 159.
Яблоновъ, г., 198.
Яворскій Стефанъ, митрон. и духов. писатель XVIII в., 10.
Яготинъ, м., 561.
Якимъ Игнатовичъ, кошевой запорожскій, 160, 163.
Яковъ-Мартынъ-зъ-Рацибору, воевода сендомирскій, 423.
Якубовскій, польскій урядникъ г. Ахтырки, 200.
Якушкинъ П., этногр., 74, 278.
Ямное, с., 223.
Ямполь, м. острожск. у., волын. губ., 168, 423.
Янчинскій, іезуитъ, 176.
Янкевичева Констанція, сестра уманск. губерн. Младановича, 266.
Ярема, уманскій сотн., 260.
Ярмолинцы, с., 86.
Ярошовка, с., 504.

Библіографическое извѣщеніе.

Въ Львовѣ, съ лѣта нынѣшняго года, издается **„Малорусско-нѣмецкій Словарь“**. Это первый опытъ систематизаціи издававшихся доселѣ по частямъ матеріаловъ такого рода. *Нѣмецко-малорусскій Словарь* былъ изданъ въ 1867 г. профес. Партицкимъ. Необходимость такихъ изданій для пребывающихъ подъ нѣмецкою державою галицкихъ братій нашихъ понятна сама собою; но и раньше присоединенія Галиціи къ Австріи въ малорусскій языкъ вошло много нѣмецкихъ словъ.

Составитель настоящаго словаря—учитель гимназіи въ Станиславовѣ, *Евгеній Желеховскій*. Словарь выходитъ выпусками, по два печатныхъ листа. Полное его изданіе составитъ до 60-ти печатныхъ листовъ. Доселѣ вышло два выпуска; въ послѣднемъ не окончена буква *В*. Цѣна каждаго выпуска 15 коп. Изданіе предполагается окончить до истеченія 1883 г. Составитель ставитъ скорый выходъ изданія въ зависимость отъ успѣха подписки.

Желающіе подписаться на это изданіе могутъ адресоваться или прямо въ г. Станиславовъ къ г. Евгенію Желеховскому, или въ редакцію „Кіевской Старины“.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ IV. 1882 г.

Октябрь.

стр.

I. МАЛОРУССКІЙ ВЕРТЕПЪ. **Гр. П. Галагана**, съ предисловіемъ **П. И. Житецкаго** 1

II. УКРАИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ (по воспоминаніямъ дѣтства) **N.** *(Продолженіе)* . . 39

III. ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО, по воспоминаніямъ разныхъ лицъ (1831—1861 г.). **Н. Бѣлозерскаго** 66

IV. ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ Н. Д. ИВАНИШЕВА (бывшаго вице-предсѣдателя кіевской археографической коммисіи, ректора и профессора кіевскаго университета). **О. Л.** 78

V. ПЕРЕПИСКА ГР. П. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1768 ГОДА. *(Продолженіе)* 89

VI. РѢЧЬ «О ПОПРАВЛЕНІИ СОСТОЯНІЯ» МАЛОРОССІИ . . . 119

VII. ДВА ДОКУМЕНТА О СОСТОЯНІИ МАЛОРОССІЙСКАГО КОЗАЧЕСТВА ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII СТ. 126

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сагайдачный, историческая повѣсть. Д. Мордовцева. С.-Петербургъ. 1882 г.—б) Polàci a Rusìni. Sepsal prof. Josef Perwolf.—в) D-r Antoni I... Z przeszłości Polesia kijowskiego. Warszawa, 1882.—г) Тарановскій. Топографическо-статистическіе матеріалы юго-западнаго края. К. 1882. 134

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Къ исторіи Запорожья.—б) Отецъ Аполлоній Сендульскій, священникъ села Сивокъ острожскаго уѣзда.—в) Двѣ записки св. Димитрія Ростовскаго о пріемѣ и сдачѣ имъ елецкаго черниговскаго монастыря.—г) Старинные малороссійскіе портреты.—д) О днѣ смерти князя Василія-Константина Константиновича Острожскаго.—е) Украинскій Геліосъ.—ж) Св. муро въ старину и какіе съ нимъ случаи бывали.—з) Кармелюкъ 159

ПРИЛОЖЕНІЕ: нотная часть вертепной драмы и рисунокъ вертепнаго ящика.

Ноябрь.

стр.

I. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. Л. Шимонова** 191
II. МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ ОБЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ. **М. Т—ова** 229
III. УМАНСКІЙ СОТНИКЪ ИВАНЪ ГОНТА (1768 г.) **В. Антоновича** . 250
IV. СТАРИННЫЯ ВОЗЗРѢНІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ. **П. И. Житецкаго.** 277
V. СУЛИМИНСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ. **Ал. Лазаревскаго.** . 292
VI. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. (*Продолженіе*). **В. А.** . 328
VII. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АНОНИМА 1768 г. (Казнь Гонты и усмиреніе «Коліивщины») 349
VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Историческіе матеріалы изъ архива кіев. губ. правленія. Выпускъ 3-й, изд. редакторъ неоф. части «Кіев. Губ. Вѣдомостей», А. А. Кіевъ. 1882 г.—б) E. Chantre. Recherches paleoethnologiques dans la Russieméridionale et spècialement au Caucase et en Crimée. Lyon. 1881.—в) 1) Бердичевъ. Сост. Петроковымъ. 2) Шпола. Сост. Шмидтомъ. 3) Каменецъ-Подольскъ. Сост. Н. Л. Островерховымъ.—г) Сборники малорусской орнаментики (украинскій орнаментъ О. Косачъ, Южно-русская орнаментика Волкова, Южно-русскій народный орнаментъ П. Литвиновой; Сборники «украинскаго орнамента» А. Лисенко, Махно, Квитко и др.) . . . 354
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Кіево-выдубицкій перевозъ на Днѣпрѣ и его нежданная политическая роль.—б) Замѣтка на замѣтку о почаевской лаврѣ.—в) Къ характеристикѣ эпохи уничтоженія козачества.—г) Свѣдѣніе о бугскихъ козакахъ.—д) О дикихъ лошадяхъ въ херсонской губерніи.—е) Поправка къ разсказу о Бондаренкѣ.—ж) Пѣсня про Филиппа Орлика.—з) Вирша на Рождество Христово 368
ОБЪЯВЛЕНІЕ объ изданіи въ 1883 г. журнала «Кіевская Старина».
ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ уманскаго сотника Ивана Гонты.

Декабрь.

I. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. Шимонова.** (*Продолженіе*) 401
II. Г. УМАНЬ И СОФІЕВКА. **А. Смонтія** 420
III. СТАРИННЫЙ ЮЖНО-РУССКІЙ ТЕАТРЪ И ВЪ ЧАСТНОСТИ ВЕРТЕПЪ. **Н. Петрова.** 438
IV. БАНДУРИСТЪ ИВАНЪ КРЮКОВСКІЙ. **В. Горленка** 481
V. САМОЗВАННЫЙ ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ СОЛДАТЪ СЕМЕНОВЪ. (1826 г.) **Н. К—ка.** 519
VI. КЪ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ. Внутренніе распорядки. **А. Скальковскаго.** 527

стр.

VII. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. (*Окончаніе*). **В. А.** . 538

VIII. ПИСЬМО КН. Н. В. РЕПНИНА КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ (по дѣлу сложенія недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ полтавской и черниговской губерній). Сообщ. **Ст. фонъ-Носъ** . . 557

IX. НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ О СУДЬБѢ ЖЕЛѢЗНЯКА ПОСЛѢ ЕГО АРЕСТА ВЪ УМАНИ. **В. А.** 564

X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) D-r Antoni I. Opowiadania historyczne—serija trzecia. T. 1—2. Warszawa. 1882. — б) Опись актовой книги кіевскаго центральнаго архива. № 13. Составилъ Л. Ильницкій. Кіевъ. 1882 г.—в) Wiadomości statystyczne o stosunkach krajowych... pod redakcyą prof. d-ra Tadeusza Pilata. Rocznik szósty. Zeszyt drugi. Lwów. 1881 г.—г) Высокопреосвящ. Макарій, митрополитъ московскій. Москва. 1882 г.—Поминки по пр. Филаретѣ, епископѣ рижскомъ, въ кишин. дух. семинаріи, съ портретомъ его. Л. М. Кишиневъ. 1882 г. 569

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Откуда взялись запорожцы (народное преданіе).—б) Н. Д. Мизко (некрологъ).—в) Еще о бугскихъ козакахъ.—г) Старинные малороссійскіе портреты.—д) Протопопъ Комаръ и его вторичный бракъ.—е) Гетманское приглашеніе на свадьбу.—ж) Замѣтки стараго кіевлянина.—з)—Вирша на Рождество Христово.—и) Алексѣй Ивановичъ Ставровскій (некрологъ). 583

XII. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и примѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ IV томѣ «Кіевской Старины», 1882 г.

XIII. Библіографическое извѣщеніе.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го ноября 1882 года.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1883 годъ на слѣдующіе журналы и газеты:

„СТРАННИКЪ“

(третій годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ „Странникъ“ съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно книгами отъ **10**-ти до **12**-ти и болѣе листовъ.

Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи*.

2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи*.

3) Церковныя *слова, поученія*, рѣчи, бесѣды и другія нравоучительныя произведенія.

4) *Разсказы*, *повѣсти*, *характеристики*, *очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.

5) *Бытовые очерки* и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа.

6) Стихотворенія.

7) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе*.

8) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.

9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.

10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.

11) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*.

12) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій.

13) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.

14) *Библіографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы.

15) *Книжная лѣтопись:* ежемѣсячный указатель русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подъ духовной цензурой; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.

16) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и др. обществъ, и проч.; новости; корреспонденціи; отвѣты редакціи; объявленія.

Подписная цѣна за годовое изданіе 1883 года остается прежняя: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересылкою за границу ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ. Адресоваться: *въ редакцію журнала «Странникъ», въ С. Петербургѣ* (Невскій просп., д. № 105).

Редакторы-издатели: **А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.**

„НОВОРОСІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1883 году ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.		Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.
На 1 мѣс.	1 р. **30** к.	1 р. **50** к.	На 7 мѣс.	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	**9** » **60** »	**11** » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	**5** » — »	**6** » — »	» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	**7** » — »	**8** » — »	» 12 »	**12** » — »	**14** » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Подписываться можно на какой угодно срокъ, по цѣнамъ, означеннымъ въ приведенной выше расцѣнкѣ, съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Лица, подписавшіяся позже 1-го числа, получаютъ всѣ предъидущіе №№. Подписка съ промежуточныхъ чиселъ не допускается

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые по 7 руб. (къ 1 января и 1 іюля), или по четвертямъ года, по 3 руб. 50 коп. (къ 1 января, 1 марта, 11 іюня и 1 сентября), т. е. всегда ЗА МѢСЯЦЪ ВПЕРЕДЪ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка на «Нов. Тел.» въ кредитъ, по письменнымъ офиціальнымъ бумагамъ, чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1882 года.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1883 г., всѣмъ подписчикамъ «Нов. Тел.» будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ безплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно белетристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, передовыхъ статей, разсказовъ, смѣси— или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или карикатуры.

ИЗВѢСТІЯ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1883 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ ИЗВѢСТІЙ безъ пересылки шесть р. и съ пересылкою шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода *приложеній* (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики ИЗВѢСТІЙ. при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцелярія правленія университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ коммиссіонеру университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, № 4 и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Литова).

Каждая книжка ИЗВѢСТІЙ, за исключеніемъ текущихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, посвященныхъ университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ сочиненій и статей научнаго содержанія, которыя распредѣляются въ такомъ порядкѣ: отдѣлъ I—*историко-филологическій;* отдѣлъ II—*юридическій;* отдѣлъ III—*физико-математическій;* отдѣлъ IV—*медицинскій;* отдѣлъ V—*научная хроника,* въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетѣ; отдѣлъ VI—*критико-библіографическій.* Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, состав-

ляетъ въ годъ до 500 страницъ. Кромѣ того, въ *прибавленіяхъ* къ каждой книжкѣ печатаются научные матеріалы и переводы болѣе замѣчательныхъ сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЛУЧЪ“.

„ЛУЧЪ“ издается безъ предварительной цензуры; экономическіе вопросы русской жизни въ немъ поставлены на первый планъ. Передовыя руководящія статьи и корреспонденціи, изо всѣхъ мѣстностей имперіи, составляютъ его характерную особенность. Между подписчиками и редакціею существуетъ тѣсная нравственная связь. «ЛУЧЪ», въ отличіе отъ прочихъ иллюстрированныхъ журналовъ, представляющихъ одно собраніе картинокъ и повѣстушекъ, является настоящимъ журналомъ, со строго обдуманною программою и намѣченными цѣлями. *Либеральный и патріотическій журналъ «ЛУЧЪ» пріобрѣлъ сочувствіе русскихъ людей, борясь со зломъ, хищеніемъ и всякою неправдою.*

Не увеличивая подписную цѣну, редакція дастъ въ 1883 году, на улучшенной бумагѣ, за **6** руб. съ доставкою и пересылкою:

52 иллюстрированныхъ номера, два печатныхъ листа каждый.

12 большихъ книгъ—приложеній романовъ и повѣстей.

Шесть безплатныхъ сюрпризовъ: Большую олеографическую картину. Четыре пейзажа акварелью (красками). Альбомъ 20 видовъ Петербурга (фототипія) въ переплетѣ.

Желающіе подписаться на одинъ «ЛУЧЪ» безъ книгъ и сюрпризовъ, платятъ за годъ съ перес. ТРИ р.

Въ каждомъ номерѣ будетъ помѣщаться передовая статья С. С. Окр—ца,

Для будущаго года въ редакціи имѣются матеріалы: 1) „Черный годъ“, большой историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. С. С. Окрейна. 2) „Болѣзнь выдала“, романъ покойнаго И. И. Глушицкаго. 3) „Ящикъ Пандоры“, повѣсть Николаевой. Кромѣ того, въ первыхъ книгахъ будутъ помѣщены: „Исторія завоеванія Перу и Мексики“, Вильяма Прескота и интересный большой романъ „Золотая Свинья“, соч. Фортюнэ-дю-Буагобей.

Подписка принимается: С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) ул., д. № 15, въ редакціи журнала „ЛУЧЪ“.

„КУБАНЬ“

газета общественная, литературная и политическая.

(второй годъ изданія).

Выходитъ отъ 1 до 2 разъ въ недѣлю.

Подписка принимается въ ЕКАТЕРИНОДАРѢ (Куб. обл.), въ конторѣ редакціи, на Красной улицѣ.

ЦѢНА съ пересылкою 7 руб. за годъ, 4 руб. за $^1/_2$ года и 2 руб. за $^1/_4$ года.

Редакторъ-издатель **Н. Г. Мойсеенко.**

РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои затребованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу:

ВАРШАВА. Въ редакцію «Русскаго Филологическаго Вѣстника».

«Русскій Филологическій Вѣстникъ» выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (№№) отъ 10 до 15 листовъ каждая, [Двѣ книги (два №№) составляютъ томъ]. Общее число листовъ годоваго изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Изслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библіографія, научная хроника.

Къ каждому № журнала будетъ, сверхъ того, прибавляемо нѣсколько листовъ (IV) педагогическаго отдѣла, въ который войдутъ:

а) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ, по преимуществу среднихъ;

б) Критика учебниковъ по этимъ предметамъ;

в) Пробные листы новыхъ учебниковъ по языку и словесности.

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

Редакторъ-издатель *А. Смирновъ.*

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

Въ наступающемъ году «Одесскій Листокъ» будетъ выходить ежедневно листами большаго формата по слѣд. программѣ:

ВНУТРЕННІЙ ОТДѢЛЪ будетъ содержать въ себѣ статьи по текущимъ вопросамъ общественной и экомической жизни, извлеченія изъ выдающихся статей столичныхъ газетъ, обращающихъ на себя наибольшее вниманіе, хронику событій общественной, городской и сельской жизни, корреспонденціи изъ всѣхъ пунктовъ юга Россіи.

ЗЕМСКІЙ ОТДѢЛЪ будетъ состоять изъ отчетовъ о дѣятельности земствъ, о всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, касающихся земства, о наиболѣе выдающихся новѣйшихъ сочиненіяхъ по земскимъ вопросамъ.

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ. Статьи по городскому хозяйству Одессы, а также и другихъ южныхъ городовъ. Дѣятельность городскихъ думъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. Статьи оригинальныя и переводныя по земледѣлію, скотоводству, овцеводству, пчеловодству, лѣсоразведенію, огородничеству и садоводству. Сельско-хозяйственныя техническія производства. Обзоры сельско-хозяйственныхъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и спеціальныхъ сочиненій. Свѣдѣнія объ урожаѣ.

ФЕЛЬЕТОНЪ. Повѣсти и разсказы, оригинальные и переводные. Очерки провинціальной жизни. Художественная лѣтопись. Научная хроника.

ИСКУССТВО и ЛИТЕРАТУРА. Театральная хроника; новости драматической литературы; извѣстія о всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ искусства; эпизоды изъ жизни знаменитыхъ литераторовъ, артистовъ и художниковъ и о всѣхъ выдающихся сочиненіяхъ.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА. Отчеты о замѣчательныхъ русскихъ и иностранныхъ процессахъ; рефераты о засѣданіяхъ въ мировыхъ и общихъ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ; практика коммерческаго суда; статьи по юридическимъ вопросамъ.

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ ХРОНИКА. Статьи по желѣзнодорожному хозяйству, узаконенія и распоряженія правительства, касающіяся желѣзныхъ дорогъ; случаи въ желѣзнодорожномъ мірѣ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ. Руководящія статьи, посвященныя обзору и оцѣнкѣ важнѣйшихъ событій въ иностранныхъ государствахъ. Телеграммы, письма и корреспонденціи.

ФИНАНСОВАЯ, ТОРГОВАЯ, АКЦІОНЕРНАЯ и БИРЖЕВАЯ ХРОНИКА. Телеграммы, хлѣбныя и торговыя сдѣлки, показанія рыночныхъ цѣнъ на шерсть, сахаръ и проч.; колоніальные рынки и новости биржеваго міра и проч. Справочный отдѣлъ и объявленія казенныя и частныя.

Телеграммы изъ Россіи и заграницы печатаются ежедневно отъ спеціальныхъ корреспондентовъ, отъ Международнаго Телеграфнаго Агентства и отъ Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства.

Для расширенія же спеціально литературнаго отдѣла, редакція будетъ выпускать время отъ времени полуторные номера, въ которыхъ найдутъ мѣсто повѣсти, разсказы и др. выдающіяся произведенія отечественной и иностранной литературы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для городскихъ подписчиковъ съ доставкой:

на годъ 9 р., полгода 5 р., три мѣсяца 3 р, одинъ мѣсяцъ 1 руб.

Для иногородныхъ подписчиковъ съ пересылкою по почтѣ:

на годъ 10 р., полгода 6 р., три мѣсяца 3 р. 50 к., одинъ мѣсяцъ 1 р. 25 к.

Денежные пакеты адресовать непосредственно въ контору «Одесскаго Листка», въ Одессѣ, на углу Греческой ул. и Краснаго пер, д. Доре, № 10.

Редакторъ-издатель *В. В. Навроцкій.*

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Содержаніе «Виленскаго Вѣстника» такое же, какъ и всѣхъ провинціальныхъ газетъ. Давая отчетъ о всѣхъ явленіяхъ дня и фактахъ, совершающихся въ нашемъ обширномъ отечествѣ, «Виленскій Вѣстникъ» удѣляетъ значительную часть своихъ столбцовъ интересамъ мѣстнымъ, т. е. сѣверо-западнаго края Россіи. «Виленскій Вѣстникъ» получаетъ ежедневно, непосредственно по телеграфу, телеграммы о всѣхъ выдающихся событіяхъ дня какъ въ Имперіи, такъ и заграницею. Кромѣ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстностей сѣверо-западнаго края, «Виленскій Вѣстникъ» имѣетъ корреспондентовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ главныхъ городахъ Имперіи.

«Виленскій Вѣстникъ» выходитъ ежедневно, кромѣ дней воскресныхъ; въ эти же дни выходятъ прибавленія, въ которыхъ помѣщаются полученныя въ предшествовавшій день телеграммы и послѣднія свѣдѣнія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Вильнѣ, съ доставкою на домъ по городской почтѣ,

На годъ	8 р.
— полгода	4 » 50 к.
— 3 мѣсяца	2 » 40 »
За 1 мѣсяцъ	— » 80 »

Съ пересылкою по почтѣ въ другіе города,

На годъ	10 руб.
— полгода	5 »
— 3 мѣсяца	3 »
За 1 мѣсяцъ	1 »

При перемѣнѣ адреса гг. подписчики платятъ 20 коп. При перемѣнѣ адреса городского на иногородный, кромѣ 20 коп., гг. подписчики доплачиваютъ разность цѣнъ по пересылкѣ.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» *(Виленская улица, домъ г. Ленскаго)*, въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина *(Большая улица, собственный домъ)* и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

Объявленія для печатанія въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» принимаются: въ Вильнѣ, въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» и въ его конторѣ; въ Петербургѣ, въ центральной конторѣ для объявленій Петрика *(уголъ Невскаго и Малой Морской, домъ № 11)*; въ Москвѣ, въ конторѣ объявленій Метцля *(Покровка, домъ Солодовникова)*; въ Варшавѣ, въ конторѣ объявленій Рейхмана и Френдлера *(Сенаторская, домъ № 22)*; въ Парижѣ, у Гаваса *(Agence Havas et Cie Paris, place de la Bourse, 8)*; въ Лондонѣ, у Даубс *(London, 130, Fleet, street, E. C.)*; въ Гамбургѣ, у Адольфа Стейнера *Gänsenmarkt, 58)*.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ",

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1883 году по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе три года.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять руб. съ пересылкой и доставкой.

Въ 1883 году число кресвюръ, помѣщаемыхъ въ текстѣ журнала, будетъ значительно увеличено; съ этой цѣлью редакція уже сдѣлала заказы граверамъ: *Паннемакеру* въ Парижѣ, *Клюссу* въ Штутгартѣ, *Зубчанинову* и *Рашевскому* въ Петербургѣ.

Для первыхъ книжекъ въ распоряженія редакціи уже находятся слѣдующія статьи:

Министръ-академикъ. *Д. В. Аверкіева.*—Женщины Пугачевскаго возстанія. *А. В. Арсеньева.*—Выгорѣцкіе совратители. *Его же.*—Генералъ Антоній Езерапскій. *Н. В. Берга.*—Возстаніе поляковъ на кругобайкальской дорогѣ. *Его же.*—Разсказы бабушки. Изъ воспоминаній вдовы инженеръ-лейтенанта *А. Я. Бутковской.*—Ковно во время польскаго мятежа 1863 года. Воспоминанія *Я. Н. Бутковскаго.*—Одинъ изъ забытыхъ писателей (князь А. А. Шаховской) *Е. М. Гаршина.*—Чума и Пугачевщина въ Шацкой провинціи. *И. И. Дубасова.*—Меньшиковъ и видѣніе монаха Порфирія. Разсказъ изъ дѣлъ Преображенскаго приказа. *Г. В. Есипова.*—Борьба за существованіе мысли. *В. Р.*

Зотова.—Московскіе люди XVII вѣка. (Съ рисунками). *Е. П. Карновича.*—Время Елизаветы Петровны и Людовика XV. *Его же.*—Бытовые очерки изъ русской исторіи. 1. Дѣ торговки. 2. Царскій родичъ. 3. Черви. *П. И. Костомарова.*—Сербскіе гости въ Бессарабіи. *А. А. Кочубинскаго.*—Шипка въ 1877 году. Отрывокъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта *В. Д. Кренке.*—Усмиреніе польскаго мятежа въ Кіевской губерніи въ 1863 году. *Его же.*—Женщина древней Греціи. (Съ рисунками). *Д. П. Лебедева.*—Русскіе дѣятели въ Остзейскомъ краѣ. *Н. С. Лѣскова.*—Изъ Кишиневской старины. (Разсказы о Пушкинѣ, архіепископѣ Иринеѣ и др.). *Л. С. Мацѣевича.*—Петръ Великій на сѣверѣ Россіи. (Съ рисунками). *В. Н. Майнова.*—Отрывки изъ воспоминаній. *А. П. Милюкова.*—Заграничныя воспоминанія *В. И. Модестова.*—Семейство Скавронскихъ. Картинка изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. *В. О. Михневича.*—Скептическое матеріалистическое направленіе въ литературѣ Екатерининскаго времени. *А. И. Незеленова.*—Очерки изъ современной украинской литературы. *Н. И. Петрова.* Исторія моего дяди. Разсказъ изъ семейной хроники. *С. Т. Славутинскаго.*—Отрывки изъ воспоминаній. *П. С. Усова*—Булгаринъ въ послѣднѣе десятилѣтіе своей жизни. *Его же.*—Воспоминаніе и замѣтки. *Ѳ. В. Чижова.*—Письма изъ Америки и Австраліи. *С. Б. Чичерина* и др.

Обиліе матеріаловъ, поступившихъ въ редакцію **«Историческаго Вѣстника»**, и необходимость давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли текущій интересъ, заставили насъ отложить печатаніе нѣсколькихъ статей, обѣщанныхъ на 1882 годъ (Государственный человѣкъ Екатерининскаго времени. *Е. П. Карновича.*—Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо. *Д. Ф. Кобеко.*—Во славу Божію. Разсказъ *В. Н. Майнова.*—Плавня. Разсказъ *С. В. Максимова.*—Соціалистъ прошлаго вѣка. Повѣсть *Д. Л. Мордовцева.*—Записки ссыльнаго. *А. Пасляка.*—Александръ I и русская партія въ Польшѣ. *Ѳ. М. Уманца.*—Суевѣрія человѣчества. *М. К. Цебриковой* и др.)- Статьи эти будутъ непремѣнно помѣщены въ теченіи 1883 года.

Въ приложеніи къ **«Историческому Вѣстнику»**, съ январской книжки, начнется печатаніе, въ переводѣ, историческаго романа *Ю. Роденберга* подъ заглавіемъ **«Кромвель»**.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины **«Новаго Времени»**: въ Петербургѣ, Невскій просп., № 58; въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

еженедѣльная, иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная

Выходитъ въ 1883 г., безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ, съ значительными улучшеніями. Болѣе 400 рисунковъ и Моды. Особыми приложеніями—художественные рисунки по русской исторіи, изъ которыхъ составится

особый альбомъ. Въ «газетѣ» будетъ печататься новая повѣсть Н. С. Лѣскова: «Соколій перелетъ».

ПРЕМІИ: «Крестный календарь» 1884 г. на лучшей бумагѣ и олеографическая картина одного изъ важнѣйшихъ событій въ Россіи 1883 года.

Подписная цѣна на годъ безъ пересылки **4** р., съ перес **5** р.; на ½ г. **3** р.; на **1** мѣс. **75** к.

Адресъ редакціи: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ"

Съ 1882 г. «Церковно-Общественный Вѣстникъ» превращенъ въ **полуежедневное изданіе** и выходитъ аккуратно черезъ день, исключая времени скопленія нѣсколькихъ праздниковъ въ недѣли Св. Пасхи и Рождества Христова.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нужлами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «Церковно-Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостію* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнію вопросамъ, существеннымъ образомъ затрогивающимъ интересы духовенства и общества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны нашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 9-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

Для лицъ, незнакомыхъ съ нашихъ изданіемъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что «Церковно-Общественный Вѣстникъ» наравнѣ съ другими газетами выходитъ безъ предварительной цензуры и не имѣетъ никакого отношенія къ духовному вѣдомству. Просимъ также не смѣшивать наше изданіе съ журналомъ «Церковный Вѣстникъ», издающимся при здѣшней духовной академіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при «Церк.-Общ. Вѣстникѣ» въ 188 г. будетъ изданъ въ видѣ безплатнаго приложенія «Календарь для духовенства», въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія ука-

занія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случаи общественной жизни духовенства.

Условія подписки на «Церк.-Общ. Вѣстн.» на годъ **8** руб., на полгода **4** руб. **50** коп., на три мѣсяца **2** руб. **50** коп., на мѣсяцъ **1** р. Годовая цѣна за границей **10** руб. Отдѣльные №№ по **10** коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію «Церковно-Обществ. Вѣстника», въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ"

(еженедѣльное изданіе отъ 2-хъ до 4-хъ печ. листовъ въ №; въ годъ до 142 печ. лист. больш. формата)

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ"

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.).

«Церковный Вѣстникъ» въ офиціальной своей части, составляющей офиціальной органъ св. синода, печатаетъ *сполна* и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ неофиціальной-же части даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (на правосл. востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестантствѣ), и имѣетъ слѣдующіе *постоянные отдѣлы* (кромѣ передовыхъ статей): 1) мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 2) иностранное обозрѣніе—восточное и западное; 3) обозрѣніе духовной журналистики; 4) библіографическое обозрѣніе; 5) лѣтопись церковную; 6) лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграницей; наконецъ 7) разныя извѣстія и замѣтки. Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ, печатаются статьи и корреспонденціи различнаго рода.

При журналѣ «Христіанское чтеніе», составляющемъ прибавленіе къ «Церк. Вѣстн.» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того «*Толкованія на ветхій завѣтъ*» съ особымъ счетомъ страницъ (въ 1883 г. будетъ продолжаться печатаніе «*Толкованія на книгу Псалмовъ*», и вмѣстѣ съ тѣмъ начато будетъ печатаніе «*Толкованія на книгу пророка Исаіи*», такъ что къ концу 1883 г. выйдетъ *особою книжкою* четвертый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала и съ «Толкованіями на Ветхій Завѣтъ»—семь руб. съ перес., отдѣльно за «Церк. Вѣстн.»—пять руб., за «Христ.

Чтеніе» съ «Толкованіями» — пять руб. За границей для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р. съ перес.

Иногородные подписчики адресуются: «въ редакцію Церк. Вѣстн. и Христ. Чтенія, въ С.-Петербургѣ». Петербургскіе подписчики подписываются въ отдѣл. конторы ред. близъ Знам. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пер., д. № 5, кв. 3). Или при книжн. маг. Тузова (бывш. Кораблева).

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Газета общественная, политическая и литературная

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края», отъ «Международнаго» и «Сѣвернаго» телеграфныхъ агентствъ. VI. Послѣднія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Внѣшнія извѣстія. IX. Внѣшнія корреспонденціи «Южнаго Края». X. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библіографія. XIII. Смѣсь. XIV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVII. Стороннія сообщенія. XVIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе, чѣмъ въ ста губернскихъ и уѣздныхъ городахъ южной Россіи.

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція озаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногородн. . .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ на Московской ул., въ домѣ харьковскаго университета, № 7-й.

Съ іюля мѣсяца 1882 г. газета печатается въ собственной типографіи, шрифтомъ болѣе убористымъ, вслѣдствіе чего текстъ газеты увеличился на одну треть прежняго размѣра.

Редакторъ-издатель. А. А. Іозефовичъ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

„ВОЛЫНЬ"

Вступая въ пятый годъ своего существованія, съ будущаго 1883 года, газета «Волынь» будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю по слѣдующей программѣ:

1) Телеграммы. 2) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности волынской губерніи. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія во всѣхъ частяхъ свѣта. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Смѣсь, гдѣ будетъ помѣщаться шутки, курьезы, анекдоты и остроты изъ прошлаго и настоящаго времени. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ преимущественно въ предѣлахъ волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій.

Кромѣ того по временамъ будутъ помѣщаться фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ въ домѣ женской гимназіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ	3 р. 30 к.
На 1/2 года	1 „ 80 „
На 3 мѣсяца	1 „ — „
На 1 мѣсяцъ	— 40 „

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики на доставленіе адреса и на замѣну таковаго новымъ въ случаѣ перемѣны мѣста жительства прилачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к., адресуясь въ г. Житоміръ въ редакцію газеты «Волынь».

Редакторъ-издатель С. Блонскій.

„ДѢЛО“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Издается въ Львовѣ, на малорусскомъ языкѣ, подъ редакціею В. Барвинскаго.

Съ 1-го января 1883 года выходитъ *три* раза въ недѣлю, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Цѣна на годъ 12 рублей, полгода 6 р., а на три мѣсяца 3 руб.

При газетѣ, по прежнему, будетъ издаваться *«Библіотека повѣстей»*, выходящая два раза въ мѣсяцъ. 15 и послѣднихъ чиселъ, по 2 печатныхъ листа.

Цѣна «Дѣла» вмѣстѣ съ «Библіотекой повѣстей» на годъ 16 руб., полгода 8 руб., три мѣсяца 4 руб. Отдѣльно *«Библіотека повѣстей»* — на годъ 5 р., полгода 2 р. 50 коп., Приплачивающіе *два* рубля получаютъ 36 печат. листовъ неоконченной въ 1882 году повѣсти: «Трудъ и деньги».

Подписываться можно въ редакціи «Дѣла» (Львовъ, ул. академическая, № 8) и въ редакціи «Кіевской Старины» (Кіевъ, Соф. площ., д. Севастьяновой).

„ДОНСКОЙ ГОЛОСЪ“

(4-й годъ существованія).

Программа, сроки выхода (по воскресеньямъ и четвергамъ), размѣръ газеты остаются прежніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкой по почтѣ и доставкой на домъ городскимъ подписчикамъ

на годъ. . . . . 6 руб.
на полгода. . . . . 3 р. 50 к.
одинъ мѣсяцъ . . . . . — 75 к.

Просятъ адресоваться: въ Новочеркаскъ въ редакцію «Донскаго Голоса».

Редакторъ издатель *Е. Д. Жимановскій.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„ЗАПИСКИ“

КІЕВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО СВЕКЛОСАХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Программа „**Записокъ**“: протоколы общихъ собраній Отдѣленія, засѣданій Совѣта Отдѣленія и назначаемыхъ Отдѣл. коммиссій, правительственныя распоряженія, оригинальныя изслѣдованія, разныя статьи, замѣтки, извѣстія и корреспонденціи, касающіяся разныхъ сторонъ свеклосахарной промышленности; обзоръ литературы по тому же предмету. Кромѣ того, въ „Запискахъ“ будутъ печататься **статистическія свѣдѣнія** о свеклосахарной промышленности въ Россіи, составляемыя по отчетамъ, обязательно доставляемымъ въ Департаментъ неокладныхъ сборовъ.

„Записки“ выходятъ по **два раза въ мѣсяцъ, 24 выпуска въ годъ.**

Подписная цѣна „Записокъ“ для подписчиковъ внутри и внѣ Россіи **8 рублей въ годъ**, съ приложеніемъ „Трудовъ“ Кіевскаго Вспомогательнаго Комитета по Московской Выставкѣ 1882 г.—**10 р. 50 к.**

Подписка принимается въ Бюро Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества (*Кіевъ, Бержне-Владимірская улица, домъ Тамары, близь оперного театра*), *а также* въ С.-Петербургѣ, въ центральной конторѣ объявленій (*Невскій пр., Мал. Морская, № 11.*); въ Варшавѣ: въ конторѣ *Райхмана и Френдлиръ* (*Сенаторская, д. № 22.*) и въ *Гамбургѣ, у Адольфа Стейнеръ.*

Объявленія принимаются исключительно въ Бюро Отдѣленія на слѣдующихъ условіяхъ.

	За каждую строку или ея мѣсто до 16 строкъ	болѣе 16 строкъ.
За одинъ разъ.	15 коп. . . .	10 коп.
За каждый разъ свыше одного .	7½ „ . . .	5 „

За разсылку при „**Запискахъ**“ печатныхъ объявленій, рекламъ и т. п., которыя будутъ доставлены въ Бюро, взимается, за одинъ разъ, съ каждаго лота по 6 руб.

Гг. подписчики и члены Отдѣленія, извѣщая Бюро о своихъ адрессахъ, благоволятъ обозначать точно: имя, отчество и фамилію, также то почтовое мѣсто (съ указаніемъ губерніи и уѣзда), чрезъ которое желаютъ получать „Записки“.

О несвоевременной высылкѣ „**Записокъ**“ просятъ заявлять по слѣдующему адрессу: **Т. И. Лопачевскому** (Кіевъ, зданіе Университета).

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ V.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

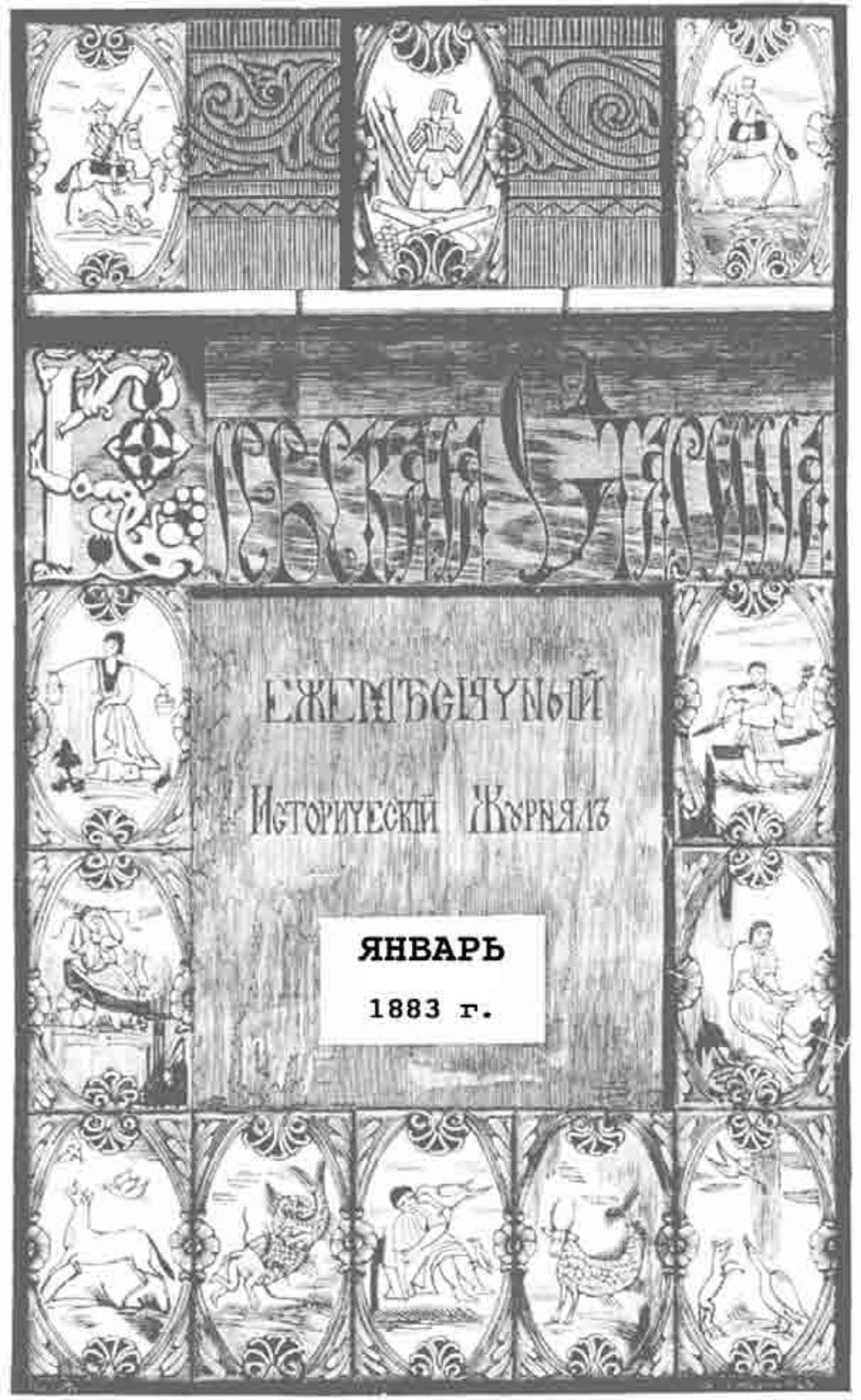
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
ЯНВАРЬ
1883 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27-го марта 1883 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ V. 1883 г.

Январь.

стр.

I. ЖИДОТРЕПАНІЕ ВЪ НАЧАЛѢ XVIII ВѢКА. **И. Н. Костомарова**. . 1

II. ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ (по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ). **Ѳ. Кондратовича**. 27

III. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. (*Продолженіе*). **А. Л. Шиманова** 67

IV. ИРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, коадъюторъ кіевскій. **Г. Булашева** . . . 89

V. ВОЛЫНСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX СТОЛѢТІЯ . . 121

VI. ЗАПИСКИ КАРЛА ХОЕЦКАГО (1768—1776 г.). **В. А.** 145

VII. ПИСЬМА Т. Г. ШЕВЧЕНКА КЪ БР. ЗАЛЕСКОМУ (1853—1857 г.). Сообщилъ **М. Т—овъ** 161

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Isydor Szaranicwicz.—O latopisiach i kronikach ruskich XV i XVI wieku. T. XV. Krakow. 1882.— б) Дренякинъ. — Бѣлгородъ съ уѣздомъ. Историко - статистическій очеркъ. Харьковъ, 1882 г.—в) Сношенія императора Рудольфа съ козаками и ихъ участіе въ войнѣ угро-турецкой 1594—1592 года. Написалъ Корнило Заклинскій. Львовъ. 1882 г.—г) О Богданѣ Хмельницкомъ, соч. И. П. Буцинскаго. Харьковъ, 1882 г. 8°. 240. 177

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Панъ Янъ Монастырскій.—б) Васильковская таможня и городничіе—монахи.—в) Какъ справляли черноморцы свое новоселье на Тамани и какія были по сему случаю рѣчи и пѣсни.—г) Городня—мѣсто жидотрепанія XVIII в.—д) Кафельные памятники XVIII вѣка.—е) Сабля Мазепы.—ж) Изгонъ іудеевъ начала XVII вѣка.—з) Украинская злополучница.—и) Украинская гетера.—і) Эпизодъ о памятникѣ Шевченку и его могилѣ—въ полтавскомъ земскомъ собраніи 1882 года 185

При книжкѣ карта Задунайской Сѣчи.

Февраль.

стр.

I. П. А. КУЛИШЪ И ЕГО ПОСЛѢДНЯЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. **Н. Костомарова** 221

II. ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ. (Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній). **Ник. Лѣскова** 235

III. ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ (по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ). (*Продолженіе*). **Ѳ. Кондратовича** 269

IV. УДѢЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ И ЕГО ИЗУЧЕНІЕ. **Дм. Багалѣя** 301

V. ВОЛЫНСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX СТОЛѢТІЯ . . 319

VI. НОВЫЯ СВАДЕБНЫЯ МАЛОРУССКІЯ ПѢСНИ въ общемъ ходѣ свадебнаго дѣйствія. **Ѳ. Николайчика** 366

VII. ВОСЕМЬ ПИСЕМЪ ТАРАСА ГРИГОРЬЕВИЧА ШЕВЧЕНКА КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ. Сообщилъ **С. Пономаревъ** 401

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVIII вѣкѣ. И. Лучицкаго. (Отечественныя записки. 1882 г. ноябрь).—б) Историческая хронологія харьковской губерніи. Составилъ К. Н. Щелковъ. Харьковъ. 1882 г.—в) Буцинскій.—О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ, 1882 г. 409

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Второбрачіе южно-русскихъ священниковъ конца XVIII вѣка и его историческіе прецеденты.—б) Двѣ ревизіи (немировская гимназія въ концѣ 40-хъ годовъ).—в) Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива.—г. Какъ готовили Кременчугъ къ встрѣчѣ имп. Екатерины II.—д) Визитъ Кармелюка.—е) Три псальмы.—ж) Изъ неизданныхъ стихотвореній д-ра Руданскаго. I. Спілка. II. Мазуръ у болоті.—з) Письмо изъ Вѣны о кафельномъ производствѣ въ Галиціи. 429

Мартъ.

I. ЖИДОТРЕПАНІЕ ВЪ НАЧАЛѢ XVIII ВѢКА. (*Окончаніе*). **Н. Костомарова** 477

II. ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ (отрывки изъ юношескихъ воспоминаній). (*Продолженіе*). **Н. Лѣскова** 493

III. СЕМЕНЪ ГАРКУША (1772—1784 г.). **К. Кошовика** 528

IV. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. (*Продолженіе*). **А. Л. Шиманова** 555

V. ДОПРОСЪ ГРИГОРІЯ ГЕРЦЫКА ОБЪ УЧАСТІИ ЕГО ВЪ ИЗМѢНѢ МАЗЕПЫ 595

VI. ПИСЬМА Т. Г. ШЕВЧЕНКА КЪ БР. ЗАЛЕСКОМУ (1853—1857 г.) (*Продолженіе*). Сообщилъ **М. Т—овъ**. 611

стр.

VII. ПИСЬМА Н. В. ГОГОЛЯ КЪ В. В. ТАРНОВСКОМУ (1833—1834 г.) Сообщилъ **С. Пономаревъ** 623

VIII. ЗАПИСКИ КАРЛА ХОБЦКАГО (1768—1776 г.). (*Продолженіе*). **В. А** 630

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Leopold Hauzer.—Monografja miasta Przemyśla. Przemyśl, 1883.—б) Ол. Барвѣньскій. — Исторія Руси. Часть VI. Львовъ, 1882 г.—б) Историческіе, матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Составилъ Ал. Андріевскій. Кіевъ, 1882 г.—г) Городъ Холмъ и его древняя святыня—чудотворная икона Божіей Матери. Варшава. 1882 г.—д) Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи. Черниговъ. 7 ч. 1873 г. 647

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Вертепъ въ Духовщинѣ.—б) Очерки національныхъ типовъ въ украинской народной словесности.—в) Два типа и двѣ сцены изъ минувшей жизни южно-русскихъ монастырей.—г) Лѣтописныя замѣтки. (1651—1749 г).—д) Еще о старинныхъ трактахъ въ южной Россіи.—е) Голосъ запорожскаго депутата во всероссійскомъ собраніи депутатовъ 1768 г.—ж) Новыя извѣстія о старыхъ фигурныхъ изразцахъ.—з) Стихотворный памятникъ нашествія шведовъ на Украйну. 659

Апрѣль.

стр.

I. ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ. (*Окончаніе*). **Н. Лѣскова** 691

II. ШПИТАЛИ ВЪ МАЛОРОССІИ. **П. Ефименка** 709

III. ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ. (*Окончаніе*). **Ѳ. Кондратовича** 728

IV. ВОЛЫНСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX СТОЛѢТІЯ. . 774

V. ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ. (Письма С. Т. Аксакова и др.). Сооб. **С. Пономаревъ** 829

VI. ПИСЬМА Т. Г. ШЕВЧЕНКА КЪ БР. ЗАЛЕСКОМУ (1853—1857 г.) (*Окончаніе*). Сообщилъ **М. Т—овъ** 853

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Покажчикъ новоі украінськоі літератури. Зібравъ М. Комаровъ. Кіевъ 1883 г.—б) Dr. Antoni I.—Niewiasty kresowe. Warszawa 1883. *В. А.*—в) Iuljan Zacharjewicz i Isydor Szaraniewicz.—Wycieczka do Załukwi, Halicza i na Krylos. Lwów. 1882. *В. А.*—г) Историческіе дѣятели юго-западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ. Выпускъ 1-й. Сост. проф. унив. св. Владим. В. Б. Антоновичъ и В. А. Бецъ по коллекціи В. В. Тарновскаго. Кіевъ. 1883 г. 867

III. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Попытка основания православной архіерейской каѳедры въ г. Немировѣ, въ XVIII столѣтіи. Архим. *Арсеній.*

стр.

—б) «Отъ чего духъ геройства въ Малороссіи исчезъ?» —Сооб. *А. Л.*— в) Кіевская пертурбація 1786 г.—г) Словечко по поводу замѣчанія о федеративномъ началѣ въ древней Руси. *Н. Костомарова.*—д) Письмо Кошевого Осипа Гладкого къ А. А. Скальковскому. Сообщ. *Скальковскій.*—е) Отживающая или начальная форма «Вертепной драмы?» *О. Нч.*—ж) Подлясская злополучница. *N.*—з) Талавиря Сообщ. *И. Манжура.* 883

ПРИЛОЖЕНІЯ: а) Указатель, б) Планъ задун. Сѣчи и в) Видъ Дунавца.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.

1883-й ГОДЪ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться въ 1883-мъ году, ежемѣсячно, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала изъ **двѣнадцати** книгъ признаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить не на четыре, какъ въ этомъ году, а на **три** тома, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ до 50-ти печатныхъ листовъ.

Каждая книжка „Кіевской Старины“ выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Преодолѣвъ главныя трудности основанія **провинціальнаго** журнала, дальнѣйшія наши усилія мы посвятимъ улучшенію изданія, усматривая надежду на успѣхъ въ сочувствіи мѣстной и вообще отечественной публики и того кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, при содѣйствіи которыхъ ведется изданіе. Сознавая, что даже начато нами далеко не все, можемъ сказать одно: **не все разомъ**.

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи находятся, между прочими, слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе XVIII в.* (хроника), Н. И. Костомарова, *П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность,* его-же, *Печерскіе антики,* Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь,* съ портретомъ живущаго доселѣ запорожца, 120 лѣтъ, и картою Сѣчи, Ѳ. Кондратовича, *Украинскія поселенія въ низовьяхъ Дуная,* его-же. *Анна Алоиза княжна Острожская,* съ ея портретомъ, О. И. Левицкаго, *Революція волынская 1-й четверти XIX ст.,* обширный современный мемуаръ, *Исторія изысканій кіевскихъ древностей,* проф. В. Б. Антоновича, *Мнимый бунтъ на Волыни 1789 г.,* его-же, *Изъ бытовой исторіи Малороссіи XVIII в. (по Румянцевской описи),* Д. И. Багалѣя, *Южно-русскіе архивы,* его-же, *Шпитали въ Малороссіи* П. С. Ефименка, *Очерки изъ жизни Кіева начала XIX ст.,* проф Ф. А. Терновскаго, *Серапіонъ, кіевскій митрополитъ,* его-же, *Старосвѣтскіе батюшки и матушки,* повѣсть Ив. Нечуя (Левицкаго), а изъ матеріаловъ: *Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому 1854—1857 г., Коллекція писемъ къ М. А. Максимовичу отъ разныхъ литераторовъ, ученыхъ* и проч., *Дневникъ Н. Ханенка, Дневникъ свящ. Фоки Струтинскаго, Разновидности „Морцѣпанъ и Ганнусковой горѣлки“,* рукопись XVIII в. Ив. Кулябки, и пр.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины“, съ приложеніями, на 1883-й годъ, съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**, безъ пересылки и доставки **ВОСЕМЬ РУБЛ. ПЯТЬДЕСЯТЪ КОП.** На заграничную пересылку прибавляется **ОДИНЪ РУБЛЬ.**

☛ Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой.* Тамъ-же и контора редакціи.

Подписка на истекшій 1882 годъ продолжается по указанной сейчасъ цѣнѣ и адресу. Подписавшимся немедленно высылается полное годичное изданіе—12 книжекъ съ приложеніями.

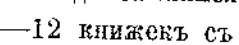

Объясненіе виньетки.

Давая книжкамъ нашего изданія въ новомъ году его существованія новую виньетку, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе оной.

Обыкновенно при составленіи виньетокъ для историческихъ и другихъ журналовъ и отдѣльныхъ книгъ прибѣгаютъ къ аллегоріямъ, а самыя аллегоріи или являются плодомъ собственной фантазіи составителя виньетки, или заимствуются изъ древней классической миѳологіи, почему на виньеткахъ фигурируютъ по большей части полуголыя богини, разныя музы, феи, нимфы, для непосвященнаго въ тайну композиціи мало или вовсе не говорящія о томъ, что хотѣлъ выразить художникъ. Мало помогаетъ въ такихъ случаяхъ прибавка къ аллегорическимъ изображеніямъ какого-нибудь памятника изъ области русской исторіи, слабо выжущеюся съ миѳологіею грековъ.

Ведя наше изданіе въ предѣлахъ мѣстной исторіи, мы предпочли и въ составленіи виньетки придержаться строго исторической почвы и для нагляднаго опредѣленія содержанія и задачъ нашего изданія употребить не измышленныя и условныя какія либо изображенія, а историческій памятникъ народнаго художества, представляющій народную жизнь въ томъ видѣ, какъ она воспроизводилась раньше насъ. Такой памятникъ народнаго творчества мы нашли въ случайно сохранившихся старинныхъ малороссійскихъ изразцахъ или кафляхъ. Свѣдѣнія о нихъ помѣщены здѣсь-же въ отдѣлѣ „Извѣстій и Замѣтокъ"; тамъ любопытствующій и можетъ найти, что означаетъ то или другое изъ помѣщенныхъ на виньеткѣ изображеній. Изъ общаго числа сохранившихся изразцовыхъ фигуръ (56) мы взяли лишь 12-ть, всѣ-же эти фигуры касаются южнорусской жизни средняго періода—между древнимъ княжескимъ и но-

вымъ послѣ возсоединенія обѣихъ половинъ Россіи, т. е. тотъ періодъ южно-русской исторіи, въ которомъ народная жизнь достигла наибольшаго обособленнаго развитія и изслѣдованіе котораго составляетъ преимущественную задачу нашего изданія. Они охватываютъ собою эту жизнь съ различныхъ сторонъ: со стороны военной и политической, со стороны бытовой и наконецъ съ присущей всегда народной жизни стороны миѳической или легендарной. Такимъ образомъ употребленныя нами для виньетки изображенія даютъ съ перваго взгляда представленіе о томъ, чему посвящено наше изданіе и что въ немъ можно найти. Самыя буквы, употребленныя для заглавія изданія суть памятники также старинной каллиграфіи: начальная *К* взята изъ стариннаго рукописнаго ирмологія, писаннаго въ Каневѣ въ 1635 г. и обязательно сообщеннаго намъ о. Максимомъ Кротевичемъ, всѣ остальныя буквы первой заглавной строки заимствованы изъ древнихъ гродскихъ книгъ Волыни и Подоліи, хранящихся въ центральномъ архивѣ при университетѣ св. Владиміра, а дальнѣйшія мелкія изъ того-же ирмологія.

Заговоривъ о кафляхъ, послужившихъ намъ матеріаломъ для виньетки, въ добавокъ къ краткой посмертной о нихъ замѣткѣ М. И. Александровича, спасшаго отъ окончательной гибели этотъ единственный въ своемъ родѣ памятникъ самобытнаго южно-русскаго художества, считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ какъ вообще объ этомъ художествѣ, такъ и въ частности о художествѣ кафельномъ.

Наше народное художество въ многоразличныхъ его видахъ извѣстно намъ едва-ли не менѣе всѣхъ другихъ сторонъ нашей исторической жизни. Посчастливилось болѣе другихъ словеснымъ, преимущественно устнымъ памятникамъ народнаго творчества, изъ письменныхъ-же памятниковъ лишь не многіе приведены въ извѣстность и сколько нибудь обслѣдованы. Съ меньшею полнотою собраны и еще менѣе обслѣдованы узоры и вообще южно-русская орнаментика. Произведенія рѣзьбы и ваянія изъ дерева, камня и глины почти вовсе не тронуты, равно какъ и не скудная уцѣлѣвшими еще памятниками мѣстная архитектура. О существованіи такъ называемой лубочной живописи въ первый разъ мы узнали и памятники оной, изготовлявшіяся въ Борзнѣ, видѣли въ минувшемъ году, благодаря сообщенію уважаемаго Н. М. Бѣлозерскаго, и не сомнѣваемся,

что самый фактъ ихъ существованія будетъ совершенною новостью даже для записныхъ археологовъ. О произведеніяхъ портретной живописи имѣемъ лишь нѣсколько отрывочныхъ указаній и замѣтокъ, на столько иногда шаткихъ, что даже въ академіи художествъ подъ именемъ портрета Мазепы шло совсѣмъ иное лице. Мы имѣли лучшихъ граверовъ въ самомъ Кіевѣ, въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., каковы: Щирскій, Тарасѣвичъ и другіе, но знаемъ по этой части слишкомъ не много, чтобы не сказать ничего. Иконописаніе, достигшее къ половинѣ XVIII ст. замѣчательнаго развитія и мягкости кисти, остается въ неизвѣстности и памятники онаго погибаютъ безвозвратно, имена-же художниковъ этого рода и вовсе почти неизвѣстны намъ, если не считать случайныхъ о нихъ свѣдѣній въ польской исторической литературѣ, гдѣ подъ часъ и преп. Алипій иконописецъ, котораго мощи нетлѣнно почиваютъ въ св. кіево-печерской лаврѣ, причисляется къ уніатамъ-базиліанамъ. Церковная стѣнная живопись смѣшаннаго религіозно-бытоваго характера съ ея многочисленными памятниками погибла на нашихъ глазахъ, и спасены лишь не многіе памятники древнѣйшаго ея періода, какъ фрески кіево-софійскіе, кирилловскіе и Спаса на Берестовѣ, а между тѣмъ она имѣла широкое распространеніе и глубокое жизненное значеніе. Благочестивые предки наши, богатые вѣрою и благоговѣйнымъ почитаніемъ святыни, были менѣе щепетильны въ дѣлахъ вѣры, нежели мы ихъ потомки. Еще въ древній кіевскій періодъ великіе князья ставили въ храмахъ свои портреты, развѣшивали одежды и другія приношенія. На стѣнахъ софійскаго собора мы видимъ, кромѣ священныхъ изображеній, и сцены бытовыя и даже миѳическія, въ соотвѣтствіе такимъ-же изображеніямъ, бывшимъ въ св. Софіи царградской, рядомъ съ которою стоялъ циркъ. Въ послѣдующія столѣтія наружныя стѣны южно-русскихъ храмовъ расписывались, наравнѣ съ священными изображеніями, сценами изъ боевой козачьей жизни, а на внутреннихъ стѣнахъ красовались портреты великихъ князей, ревнителей православія и народности русской, какъ кн. Олельковичи и Острожскіе, митрополитовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, гетмановъ и полковниковъ, преимущественно-же фундаторовъ и ктиторовъ св. храмовъ. Картины страшнаго суда, достигавшія иногда колоссальныхъ размѣровъ, писанныя на холстѣ и на стѣнахъ (картины послѣдняго рода за-

нимали иногда половину обширнаго притвора), воспроизводили жизнь со всею ея грѣшною обстановкою, отображая собою все нравственное міровоззрѣніе народа въ данную эпоху и преобладавшіе въ немъ пороки. На этихъ картинахъ въ правобережной Украйнѣ даже въ послѣднее время можно было видѣть такія характеристическія особенности, какъ, напримѣръ, позади всѣхъ грѣшниковъ изъ простолюдья, подъ охраною чертей пѣшкомъ направлявшихся въ адъ, съ комфортомъ ѣдущаго въ наточанкѣ, цугомъ—на четверкѣ или шестеркѣ чертей, пана эконома или поссесора, съ бичемъ у чорта—кучера въ рукахъ, съ трубкой у самаго пана въ зубахъ и съ подписью: choć do piekła, ale z fajką, или-же на днѣ ада, во образѣ сребролюбца іуды, какого нибудь корчмаря, поссесора и даже столопачальника духовнаго правленія. Всѣ эти и подобныя изображенія поддерживали даже въ неграмотномъ людѣ историческую традицію, возвышали и будили духъ народный, наставляли и поучали, и осмысливали, или-же врѣзывали въ память зрителей, поучительныя сами по себѣ явленія ежедневной жизни.

Къ такимъ изображеніямъ принадлежали и тѣ, что воспроизводились на изразцахъ или кафляхъ. Они имѣли наибольшее разнообразіе, полноту и свободу творчества, нестѣсняемую никакою цензурою, а потому и были наиболѣе распространены, замѣняя собою нашу книгу, театръ и, если хотите, и самую проповѣдь. Представьте себѣ, что въ какой нибудь *свѣтлицѣ* или *горницѣ* давняго времени, которыя равно значущи были нашимъ заламъ и гостинымъ, выступала далеко отъ стѣны огромныхъ размѣровъ печь, а по ней всюду, сверху и до низу, съ фронта и съ боковъ, сцены то близко знакомой боевой жизни и даже недавно оконченной кампаніи, то будничной трудовой, то буколическая картинка желающей схватить гусенка *шулики*, сычащей гусыни, сочувствующей и старающейся помочь ей собаченки, то иронія надъ праздностію городской барышни, или женщины, пускающей птицу изъ рукъ, то тяжелыя сцены мужа цѣпомъ поучающаго свою жену, или борьбы человѣка съ сильными звѣрями и чудовищами, то самое чудовище не виданное и не слыханное, то видѣнныя когда-то въ далекихъ краяхъ птицы и животныя, то легендарная Осавуръ-могила и печальная на ней кончина козака, не достигшаго родины, то забавныя сцены разгульной жизни, то противуположныя имъ сцены изъ св.

исторіи, и—каждая изъ нихъ наводитъ на ту или иную мысль, пробуждаетъ то или иное воспоминаніе, возвышаетъ и оживляетъ духъ, или вторитъ настроенію данной минуты одиночнаго наблюдателя или цѣлой, весело, либо грустно и набожно настроенной компаніи. Только сообразивъ все указанное, мы поймемъ какое широкое жизненное значеніе имѣла эта кафельная книга, мѣнявшаяся въ своемъ содержаніи, полномъ глубокаго смысла и поученія, какъ много она отъ самихъ авторовъ ея требовала развитія, наблюдательности и сообразительности и какъ не похожа въ этомъ отношеніи минувшая жизнь предковъ на нашу жизнь, привыкшую услаждать зрѣніе и чувство преимущественно изображеніями въ различныхъ видахъ одного лишь голаго женскаго тѣла.

Какъ рано появилось кафельное художество въ смыслѣ воспроизведенія на изразцахъ сценъ изъ окружающей или минувшей жизни, на это мы не имѣемъ никакихъ историческихъ указаній, но, судя по сохранившимся образцамъ, начала этого искусства надо искать отнюдь не позже XVII ст., такъ какъ самые образцы, являющіеся въ формѣ разнообразной и не первичной, принадлежатъ несомнѣнно началу XVIII в. На это указываютъ находящееся здѣсь изображеніе шведа, а еще яснѣе записанный въ исторіи Руссовъ Кониссскаго оригинальный фактъ желанія какого-то ярыги притянуть и самое кафельное производство къ страшному въ свое время „слову и дѣлу государеву". Приводимъ по этой исторіи разсказъ объ означенномъ фактѣ, какъ единственное историческое извѣстное свидѣтельство о кафельномъ художествѣ [1]).

„Одинъ знатный помѣщикъ или владѣлецъ мѣстечка Горска претерпѣлъ великія пакости и истязанія за одного орла гербоваго, на печатяхъ употребляемаго. Переѣзжавшій чрезъ мѣстечко оное офицеръ армейскій, по имени Якинфъ Чекатуновъ, не довольно утрактованный хозяиномъ, увидѣлъ въ домѣ его на одной печи горничной, по кахлямъ или изразцамъ печнымъ, вымалеваннаго мастеромъ орла, тотчасъ арестовалъ командою своею хозяина сего, отослалъ въ министерскую канцелярію съ доносомъ, что онъ жжетъ на печахъ своихъ гербъ государственный, невѣдомо съ какимъ умысломъ. Министерская канцелярія, сочтя доносъ тотъ полусловомъ и

---

[1]) Исторія Руссовъ, арх. Г. Кониссскаго, стр. 239.

дѣломъ государевымъ, допрашивала помѣщика, съ какимъ намѣреніемъ поставилъ онъ на печи своей гербъ государственный и его прижигаетъ? Помѣщикъ, поставляя въ доказательство свидѣтелей и свою присягу, хотя извинялся, что купилъ онъ печь тую въ свободномъ мѣстечкѣ Городнѣ, у гончара тамошняго Сидора Перепелки, у котораго, между множествомъ фигуръ, на украшеніе печей сдѣланныхъ, были между животными, лица человѣческія, а между птицами и орлы, но чтобы то было священное и запорѣдное, ему о томъ и въ умъ не приходило, и купилъ онъ всѣ печи, а между ими и ту зазорную, съ единственнымъ и общимъ умысломъ, чтобы зимою согрѣвать горницы; однако, не смотря на всѣ извиненія орлы стоили помѣщику хорошаго табуна лошадей и коровъ съ денежнымъ приданнымъ".

Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка*).

Южная Русь въ своей исторіи представляется до извѣстной степени классическою страною жидотрепанія. Начиная съ давнихъ удѣльныхъ временъ до нашихъ дней много можно указать примѣровъ и мѣстныхъ, спорадическихъ, и такихъ, которые имѣли значеніе всенароднаго возстанія противъ іудеевъ. Это племя, всегда очень даровитое, давно уже лишенное отечества, разсѣянное по всему пространству земнаго шара, живущее посреди разныхъ иноплеменниковъ безъ всякой духовной связи съ ними, съ своими вѣрованіями и національными преданіями, гордое ими даже въ несчастіяхъ, всѣхъ чужихъ внутренно презиравшее, никѣмъ изъ чужихъ нелюбимое, никого не любившее,—это племя поставлено было вездѣ въ такое безъисходное положеніе, что должно было искать такихъ средствъ къ существованію, которыя-бы вели къ пользѣ только его самаго, въ ущербъ туземному населенію. Куда ни являлся на житье іудей, онъ съ чрезвычайною проницательностію отыскивалъ слабыя стороны общества, хватался за нихъ и успѣвалъ. И въ южную Русь забравшись, іудеи пошли тѣмъ-же путемъ. Въ XI столѣтіи въ Кіевѣ они составляли не малую часть населенія и притомъ, какъ видно, не бѣдствовавшую, но умѣвшую отыскивать пути къ наживѣ. Они пріобрѣли довѣренность князя Святополка-Михаила и взяли въ свои руки управленіе нѣкоторыми княжескими доходами. Тогда они до того отягощали народъ, что по смерти князя въ Кіевѣ произошла самая старая намъ извѣстная жидотрепка,—многихъ пограбили и разорили, иныхъ поколотили, едва митрополитъ и бояре утишили расходившуюся толпу, призвавъ поскорѣе на княжескій столъ Владиміра Мономаха.

*) Содержаніе заимствовано изъ дѣлъ бывшаго малороссійскаго приказа, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, книга № 86.

Многое унеслось потокомъ времени, оставляя по себѣ воспоминанія, становившіяся все болѣе и болѣе тусклыми; смѣнялись этнографическія особи населенія, —іудеи, все такіе-жъ, какъ и ихъ прародители, продолжали являться въ южно-русскомъ краѣ, возбуждая противъ себя то въ одномъ углу, то въ другомъ нерасположеніе. Іудея вообще никогда не любили; въ іудеѣ не нуждался народъ, но іудей съ неподражаемымъ нахальствомъ лѣзъ туда, откуда его прежде протуривали, предлагая свои услуги тамъ, гдѣ безъ него прежде обходились, и своею настойчивостью и пронырствомъ заставлялъ наконецъ принимать его. Когда южная Русь подпала подъ власть Польши, тутъ-то настало счастливое время для происковъ іудейскихъ. Мѣстный земянинъ (вотчинникъ), иначе шляхтичъ, воспринимавшій польскіе нравы, языкъ и мало по-малу передѣлывавшійся въ поляка, сошелся съ іудеемъ до того, что услуги послѣдняго стали необходимы для существованія перваго. Не такъ относился къ іудею народъ, подвластный шляхтичу и особенно козаки, цвѣтъ простого народа, пріобрѣвшій себѣ большую свободу. Въ восьмидесятыхъ годахъ XVI вѣка встрѣчаемъ извѣстіе, что козаки, находившіеся подъ гетманствомъ Шаха, трепали іудеевъ, занимавшихся винною продажею, за то, что они возвысили цѣну на вино. Это было, такъ сказать, предостереженіе на будущее время, это были, такъ сказать, цвѣтики, изъ которыхъ когда-то родиться должны были ягодки. Народъ смѣтливый, іудеи отлично видѣли всѣ общественныя щели, куда можно будетъ имъ заползти и заложить гнѣздо своихъ выгодъ; русско-польскій шляхтичъ рабовладѣлецъ былъ по преимуществу сельскій хозяинъ-производитель; іудей оставался быть посредникомъ между производителемъ и потребителемъ и сталъ имъ исключительно. Іудей усматривалъ въ достояніи и правахъ владѣльца такіе источники и пути доходовъ, какихъ послѣдній не замѣчалъ, и въ этомъ случаѣ іудей становился наставникомъ владѣльца. Это наставленіе не обходилось владѣльцу даромъ. Іудей нашелъ для себя способъ вознагражденія и такимъ способомъ былъ откупъ. Іудей давалъ владѣльцу впередъ круглую сумму за право распоряжаться и обращать въ свою пользу тотъ или другой владѣльческій доходъ, и владѣльцу показалась такая сдѣлка выгодною; прежде нужно было ему самому прилагать трудъ, надзоръ и бдительность, теперь-же не прилагая ничего такого, онъ могъ получать тоже.

Іудей показался его истиннымъ благодѣтелемъ. Но тутъ іудей сталъ до крайности невыносимъ подвластнымъ, съ которыхъ получалъ откупленный у владѣльца доходъ. Іудей въ этомъ случаѣ отличался чрезмѣрнымъ безсердечіемъ, рѣдко позволяя себѣ прямо дѣйствовать противъ закона, но умѣя съ искусствомъ расширять или съуживать законныя рамки ему предоставленныя. Кстати, въ Рѣчи Посполитой въ тѣ времена отношенія владѣльцевъ къ подвластнымъ мало опредѣлялись обязательными для первыхъ законоположеніями, да если и были какія, то шляхтичъ, по своей шляхетской вольности, считалъ возможнымъ не исполнять ихъ; такой-же произволъ передавался владѣльцемъ своему откупщику іудею. И мы видимъ, что нелюбовь къ іудеямъ простого русскаго народа скоро достигла крайнихъ предѣловъ ожесточенія. Съ послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка до половины XVII происходили одно за другимъ козацкія возстанія. Простой народъ постоянно принималъ въ нихъ участіе и злоба его къ іудеямъ выражалась рѣзче и свирѣпѣе, чѣмъ къ самымъ владѣльцамъ. Каждое изъ возстаній изобилуетъ одинакими пріемами этой злобы; разоряли синагоги и жилища іудеевъ, предавали поруганію ихъ святыню, при всякой возможности ихъ самихъ топили, вѣшали. Вражда къ іудейскому племени усилилась отъ того, что при фанатическомъ стремленіи поляковъ ввести въ народъ унію, православная церковь, потерявши большую часть своихъ духовныхъ чадъ между шляхетствомъ, становилась какъ бы исключительно мужицкою (хлопскою) вѣрою и владѣльцы, потерявъ къ ней уваженіе какъ къ христіанскому вѣроисповѣданію, стали передавать откупщикамъ іудеямъ въ своихъ маетностяхъ нѣкоторыя свои владѣльческія права, имѣвшія соприкосновеніе съ православною церковью и ея требами, такъ что, при своей обычной пронырливости, іудей арендаторъ очутился хозяиномъ, блюстителемъ, распорядителемъ духовной жизни подвластныхъ. Наступила эпоха Богдана Хмельницкаго. Началось безпощадное истребленіе іудейскаго племени во всей южной Руси, и старыхъ и малыхъ. Эпоха эта оставила на іудеяхъ такое страшное впечатлѣніе, что они въ своихъ племенныхъ воспоминаніяхъ отмѣтили ее, какъ одну изъ эпохъ величайшихъ бѣдствій, постигавшихъ израиля въ теченіи его многовѣковой скорбной жизни. Хмельницкій, какъ только въ періодъ своей борьбы съ Польшею показывалъ малѣйшую наклонность вести толки о воз-

можности примиренія, всегда выставлялъ однимъ изъ главныхъ требованій, чтобъ іудеи отнюдь не жительствовали въ Украйнѣ. Дѣйствительно при жизни Богдана Хмельницкаго никто изъ нихъ не осмѣливался показать носа въ козацкомъ краѣ. Проѣзжавшій чрезъ Малороссію при Богданѣ Хмельницкомъ вмѣстѣ съ антіохійскимъ патріархомъ арабъ, Павелъ діаконъ, повсюду встрѣчалъ народное ликованіе, довольство и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдъ разрушенія недавняго господства іудейскаго. Православный инокъ, забывая всякія христіанскія правила о прощеніи врагамъ, о предоставленіи Богу отмщенія за неправды человѣческія, расточаетъ похвалы безчеловѣчной свирѣпости, съ какою козаки искореняли іудеевъ и восхищается тѣмъ, что не осталось ни единой души изъ людей этого „гнуснаго народа". Но проходили годы, десятилѣтія. Не знаемъ подлинно въ какой годъ, но вообще въ концѣ XVII столѣтія іудеи стали снова исподоволь появляться въ козацкой странѣ. Оказалось, что іудей ничѣмъ не изгонимъ, не выкуриваемъ, не выжигаемъ; его бьютъ, трутъ, въ порошокъ мнутъ, а онъ все тутъ какъ тутъ. Что удивительнаго! Вѣдь у подножія Везувія стояли когда-то цвѣтущіе города; они были залиты лавою, засыпаны пепломъ, погреблись подъ землею, а на ихъ мѣсто построились другіе, явились новые обитатели края, долго не зная и не подозрѣвая, что подъ плодородною почвою, которая привлекала новыхъ поселенцевъ, лежатъ посреди развалинъ груды костяковъ, которые когда-то были въ свое время живыми людьми и нежданно погибли отъ того самаго, что и новымъ поселенцамъ угрожаетъ каждый часъ гибелью. Іудеевъ примануло снова въ Украйну то, что тамошніе гетманы, для пополненія войсковаго скарба и для средствъ къ содержанію платнаго войска, установили такъ-называемыя *оранды,* то есть отдавали на откупъ доходы съ торговли виномъ и нѣкоторыми другими предметами, обращенные на войсковыя потребности. Іудеи были падки на всякіе откупа́, какъ вороны на трупы. Они мало по-малу стали пробираться въ Украйну царскаго владѣнія, стали тамъ селиться, брать откупа́ и заводить корчмы. Ихъ было еще не много и они не безъ страха вступали во владѣнія московскаго государства, куда ихъ никогда не пускали. Въ ихъ тогдашнемъ занятіи не представлялось ничего, что могло со временемъ стать исключительно занятіемъ іудейскаго племени. Но они вездѣ и всегда

вели себя съ кажущеюся скромностію, чтобы впослѣдствіи нахально растолкать всѣхъ вокругъ себя и самимъ занять все мѣсто.

Въ 1703 году, въ черниговскомъ полку, въ селѣ Жуковкѣ или Жуковцахъ была корчма, которую сдавалъ въ аренду дѣвицкій сотникъ Вендюхъ*). Орандаремъ въ этой корчмѣ былъ іудей Шмуль, человѣкъ очень ловкій, умѣвшій вести себя. Онъ пріобрѣлъ расположеніе къ себѣ сотника, у котораго арендовалъ корчму. Шмуль платилъ ему аренду съ наддачею противъ того, сколько она ходила прежде и сверхъ того былъ не скупъ на приносы даровъ сотнику, сотничихѣ и ихъ дѣтямъ въ тотъ день, послѣ каждаго новаго года, когда являлся вносить арендную плату за будущій годъ. Недоимокъ за нимъ не было. Какъ только приходилъ Шмуль, тутъ ему былъ почетъ и угощеніе. Онъ былъ словоохотливъ и такъ много зналъ свѣжихъ новостей всякаго рода, что бесѣда съ нимъ доставляла много пріятнаго. Удивительно казалось, гдѣ этотъ человѣкъ, повидимому весь погруженный въ свою торговлю виномъ да табакомъ и дегтемъ, бывшими на то время въ числѣ регалій, успѣвалъ узнавать обо всемъ; но въ томъ то и было искусство, свойственное одному іудею и часто совсѣмъ непонятное для всякаго крещенаго человѣка! Шмуль любилъ поострить и побалагурить и всегда кстати, выходило все у него и забавно и занимательно, и за такой его веселый нравъ въ домѣ сотника звали его не иначе, какъ *кумедным* Шмулемъ; иногда и надъ самимъ собою потѣшался Шмуль, выдумывая о себѣ разныя небылицы, а если молодые сыновья сотника дозволяли себѣ надъ нимъ насмѣшливыя выходки, Шмуль не оскорблялся. „На то я жидъ“,—говорилъ онъ, пожимая плечами, и самъ-же старался выставить себя въ смѣшномъ видѣ. Но если нужно было, Шмуль умѣлъ держать себя чинно, степенно, такъ что почтенные старики говорили: о! какой поважный человѣкъ этотъ жидъ Шмуль! Такую роль человѣка, имѣющаго права на почетный титулъ „славетнаго“, Шмуль надѣвалъ на себя тамъ, гдѣ нуждались болѣе въ немъ, чѣмъ онъ въ другихъ. Шмуль находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ даже съ духовными лицами и посѣщалъ иногда жуковскаго священника отца Тимоѳея, гдѣ случайно раза два встрѣтилъ другихъ священниковъ, пріѣзжавшихъ въ-гости къ своему собрату, тотъ-же нарочно приглашалъ на этотъ случай

*) Иначе Шендюхъ, какъ значится въ другихъ документахъ.—Ред.

Шмуля. Отецъ Тимоѳей не былъ изъ числа тѣхъ дюжинныхъ поповъ, которыхъ болѣе занимаютъ насущныя нужды, чѣмъ вопросы вѣры. Отецъ Тимоѳей былъ—натура поэтическая, любилъ помышлять и разговаривать о предметахъ, касающихся религіи и вообще міра умственнаго. Онъ обладалъ способностію распространять такое настроеніе и на другихъ своихъ собесѣдниковъ. Онъ какъ-то любилъ Шмуля, потому что хотя Шмуль былъ противной вѣры, но человѣкъ отъ природы способный духомъ возвыситься надъ земною суетою. Всѣ знали, что Шмуль былъ хасидъ, ревностнѣйшій исполнитель всего еврейскаго обрядословія, глубокій знатокъ всего, касающагося еврейскаго закона и талмудическаго вѣроученія. Шмуль охотно бесѣдовалъ съ отцомъ Тимоѳеемъ и духовными, если заставалъ ихъ у него въ гостяхъ, о предметахъ вѣры, излагалъ имъ по ихъ вопросамъ то, что заключалось въ талмудѣ, удивлялъ поповъ своимъ знаніемъ текстовъ ветхаго завѣта, не разъ замѣчая неправильности славянскаго перевода. Отецъ Тимоѳей по еврейски не зналъ, но Шмуль каждый разъ приводя по еврейски текстъ, тотчасъ сообщалъ его въ объяснительномъ переводѣ. Съ своей стороны Шмуль со вниманіемъ и съ видомъ любознательности слушалъ отца Тимоѳея, когда онъ излагалъ ему христіанское ученіе. Въ такомъ случаѣ Шмуль съ искусствомъ ловкаго опытнаго кормчаго лавировалъ между Сциллою и Харибдою, стараясь отъ своего не отступить и чужаго не задѣть. Шмуль ни разу не подалъ ни малѣйшаго вида противорѣчій и когда, какъ говорится, его припирали къ стѣнкѣ, тогда онъ выражался въ такомъ смыслѣ: „Будемъ оставаться въ такой вѣрѣ, въ какой родились. Богъ на томъ свѣтѣ рѣшитъ, кто правильнѣе вѣровалъ. И ваша вѣра и наша—все отъ Бога. Безъ воли Божіей ни вы, ни мы не жили-бы на свѣтѣ!“ Православнымъ духовнымъ нравилось такое размышленіе, потому что въ немъ не было задирательства.

Въ домѣ отца Тимоѳея Шмуль первый разъ услышалъ о нѣкоемъ Миколѣ Сохнѣ, который въ тѣ дни сдѣлался на время истиннымъ чудомъ среди всего, что интересовалось умственнымъ міромъ въ гетманщинѣ. По разсказу о. Тимоѳея, это былъ молодой человѣкъ козацкаго происхожденія, еще учившійся на ту пору въ кіевской коллегіи и приводившій въ изумленіе всѣхъ своими дарованіями, любознательностію и множествомъ свѣдѣній. Ему не было еще двадцати лѣтъ, а онъ владѣлъ латинскимъ языкомъ не хуже отца

ректора; но что болѣе всѣхъ поражало кіевскую ученую среду— это его знаніе еврейскаго языка и знакомство съ еврейскими писаніями. Отъ природы у Сохна была такая память, что разъ или два прочитанное навсегда какъ-бы приковывалось къ нему и во всемъ, что касалось древнихъ латинскихъ авторовъ и богословско-философской литературы, онъ былъ первый, а въ еврейской мудрости не было никого въ Кіевѣ, кто-бы хотя на половину могъ съ нимъ сравниваться. Онъ перебралъ и изучилъ всѣ еврейскія рукописи, какія могъ отыскать въ библіотекѣ своей коллегіи и въ библіотекѣ кіево-печерской лавры, тогда еще богатой рукописными сокровищами, истребленными впослѣдствіи пожаромъ 1719 года. Кромѣ того онъ доставалъ изъ частныхъ рукъ писаные экземпляры талмуда и читалъ ихъ съ жадностію. Всѣ его знанія въ области еврейства пріобрѣтены были въ какіе нибудь два года. Но послѣдствіемъ всѣхъ занятій еврействомъ стало то, что Микола Сохно все болѣе и болѣе становился врагомъ іудейства. Онъ нашелъ въ іудейскихъ талмудическихъ книгахъ явныя свидѣтельства тому, что іудеи всѣ вообще ненавидятъ христіанъ и самъ будучи рьянымъ и сердечно преданнымъ религіи православнымъ, воспитывалъ въ себѣ убѣжденіе, что и христіанамъ, въ возмездіе, слѣдуетъ также оказывать ненависть къ іудеямъ. Онъ повсюду вопіялъ о вредѣ, какой приноситъ и церкви и обществу пребываніе іудеевъ въ христіанскомъ краѣ, о захватѣ ими въ свои руки то тѣхъ, то другихъ путей народнаго богатства, приводилъ примѣры разныхъ злодѣяній, совершавшихся въ различныхъ краяхъ іудеями надъ христіанами, но въ особенности громилъ онъ іудеевъ за существующій у нихъ тайный обрядъ умерщвлять похищенныхъ христіанскихъ дѣтей и источать изъ нихъ кровь. Этого, конечно, не находилъ Сохно ни въ какихъ іудейскихъ писаніяхъ, но за то прочелъ все, что было по этому поводу писано христіанами и при томъ не допускалъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ существованіи такого обряда, потому что всѣ въ это вѣрили и не мало находилось такихъ, которые могли утверждать это, какъ современники и свидѣтели бывшихъ по такому поводу процессовъ. Не было ничего такого, чѣмъ-бы можно было раздразнить іудея, какъ напомнивши ему объ этомъ таинственномъ страшномъ вопросѣ, который, при множествѣ историческихъ фактовъ, до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ. На это-то больное мѣсто налегалъ Сохно, зная, гдѣ чувствительнѣе почуютъ враги задаваемую имъ боль.

Объ этомъ Сохнѣ сообщилъ Шмулю отецъ Тимоѳей и сказалъ: „скоро, я надѣюсь, этотъ Микола Сохно быть можетъ будетъ у насъ. Панъ сотникъ нашъ „протегуетъ“ его и каждый годъ, когда Сохно ѣдетъ изъ Кіева домой въ Городню, либо изъ дома въ Кіевъ, то заѣзжаетъ до его милости, а то и самъ его милость отвозитъ его съ собою вмѣстѣ. Очень любитъ панъ сотникъ этого Сохна. Да и какъ не любить такого способнаго на всякое ученіе! Вотъ если онъ пріѣдетъ, я сведу тебя съ нимъ. Потолкуйте, поспорьте между собою; вы оба люди ученые. Только я напередъ говорю тебѣ: зѣло онъ васъ жидовъ не долюбливаетъ и бранитъ!“

„Значитъ, не совсѣмъ еще науку прошелъ, когда не долюбливаетъ да еще бранитъ“, сказалъ Шмуль. „Недолюбливаетъ—за то Богъ ему судья. Чтожъ, онъ другой вѣры, чѣмъ мы, и потому не долюбливаетъ. А бранить не слѣдуетъ. Богъ одинъ порѣшитъ на томъ свѣтѣ, кто изъ насъ тутъ былъ правъ, а кто не правъ. Ты говоришь, онъ ученъ; а я такъ думаю: не очень онъ ученъ, когда такой нелѣпости вѣритъ, будто мы жиды дѣтей вашихъ крадемъ и рѣжемъ. Фуй, какой вздоръ! Я, батюшка, признаюсь тебѣ, не очень-то желаю толковать съ такимъ. Впрочемъ коли ему угодно, такъ и поговоримъ. Авось и онъ какъ узнаетъ поболѣе, перестанетъ насъ бѣдныхъ злословить“.

Вѣсть о Миколѣ Сохнѣ распространилась скоро между іудеями, проживавшими въ разныхъ мѣстечкахъ и селахъ черниговскаго полка.

Надобно знать, что Шмуль, если пользовался благосклоннымъ вниманіемъ такихъ христіанъ, какъ отецъ Тимоѳей и сотникъ Вендюхъ, то между своею братіею онъ признавался за свѣтило ума и благочестія. Его корчма была сборнымъ мѣстомъ для іудеевъ во всемъ околодкѣ. Это былъ родъ домашней синагоги, куда въ праздники съѣзжались іудеи, чтобы вмѣстѣ помолиться и послушать мудраго слова Шмуля, благочестиваго хасида въ полномъ смыслѣ. Съ этой цѣлью около двухъ лѣтъ тому назадъ, Шмуль пристроилъ къ своей корчмѣ отдѣльную избу, которая такъ и звалась у него: для гостей; она состояла изъ одной просторной комнаты и одной рядомъ съ нею меньшей, гдѣ у хозяина въ кивотѣ хранился свитокъ Торы, которому онъ приписывалъ чуть не баснословную древность, и кромѣ того на столѣ и на окнѣ лежало нѣсколько книгъ въ ста-

рыхъ переплетахъ, печатныхъ и рукописныхъ. Въ этой-же комнатѣ находились и богослужебныя одежды, которыя каждый іудей надѣваетъ на себя, приступая къ моленію. Былъ іудейскій праздникъ новаго года. Онъ уже оканчивался; наступилъ послѣдній праздничный день, трубный день, веселый день въ связанной религіозными правилами и обрядами іудейской жизни. У Шмуля въ эти дни перебывали чуть не всѣ іудеи, жившіе въ окрестности и бывшіе большею частію корчмарями. Но къ трубному дню осчастливилъ и обрадовалъ Шмуля и всю его іудейскую братію дорогой посѣтитель, почтенный гость. То былъ Соломонъ Захарьевичъ Грековичоръ, цадикъ изъ Львова, раббинъ, пользовавшійся репутаціею святой жизни и необычайной мудрости. Уваженіе къ нему израильтянъ доходило до поклоненія. Что скажетъ Шлема великій, какъ звали его въ просторѣчіи,—то правда, все равно какъ-бы то въ Торѣ написано! Возникнетъ-ли гдѣ въ кагалѣ затруднительный вопросъ,—посылаютъ къ львовскому цадику и ждутъ его рѣшенія. Семейные и родственные споры и всякія недоразумѣнія, по мѣрѣ ихъ важности, посылались на судъ Соломону Захарьевичу и спорившія стороны покорялись безъапелляціонно его приговору. Угрожала-ли гдѣ іудейскому обществу какая-нибудь бѣда, посылали къ цадику и вѣрили, что его молитва, какъ праведнаго мужа, отвратитъ опасности. Даже случалось, что когда гдѣ-нибудь тяжело заболѣетъ израильтянинъ, посылаютъ къ львовскому цадику просьбу помолиться о болящемъ и вѣрятъ, что молитва его можетъ поднять человѣка съ одра болѣзни. Но цадикъ, для всѣхъ милостивый и внимательный, являлся иногда и грознымъ карателемъ. Цадикъ налагалъ страшный херимъ на непокорныхъ, и горе тому израильтянину, котораго постигнетъ клятва мудраго Соломона. Никто его въ домъ не принимаетъ, никто съ нимъ бесѣдъ не ведетъ, при встрѣчѣ съ нимъ израильтяне отъ него отворачиваются; тутъ бѣдный іудей — хоть христіанство принимай, или спѣши испросить прощеніе и снятіе съ себя клятвы. Произносилъ иногда цадикъ херимъ и надъ христіаниномъ, за крайнюю злобу къ іудейскому племени. Тогда израильтяне отъ него отвращались, чинили ему во всѣхъ его дѣлахъ препятствія и даже тайную бѣду,—такого осужденнаго врага израиля не только дозволительно, но даже одобрительно всячески обманывать въ торговлѣ, дать ему вредное снадобье, если онъ, заболѣвши, позоветъ врача

изъ іудеевъ, оклеветать его и подвести подъ гоненіе отъ властей, даже поджечь его жилище, а не то даже убить его тайно — все оправдывалось тѣмъ, что этого „гоя“ постигаетъ достойная кара за вражду къ израилю. Примѣръ Юдиѳи изъ ветхозавѣтной исторіи служилъ какъ-бы образцомъ, какъ доблестно употреблять всякаго рода притворство и обманъ для нанесенія вреда врагу. Впрочемъ къ такому ужасному проклятію надъ христіаниномъ можно было прибѣгать уже только въ исключительныхъ случаяхъ. Израильтяне были благоразумны; они понимали, что—разъ живутъ они посреди иноплеменниковъ, собственная выгода побуждаетъ ихъ хранить дружелюбіе съ иноплеменниками, какъ-бы они въ душѣ ихъ ни презирали и ненавидѣли; въ особенности съ тѣми изъ иноплеменниковъ, которые въ своемъ краѣ пользовались знатностію происхожденія и могли по своему положенію оказывать израильтянамъ пользу своимъ покровительствомъ, живущіе въ краѣ іудеи обращались всегда почтительно и униженно, готовы были при случаѣ сносить отъ нихъ презрительное обхожденіе; на такихъ никакой цадикъ не наложилъ-бы херима. Израильтяне только тогда не останавливались передъ наложеніемъ херима на иноплеменника, когда навѣрное знали, что этотъ иноплеменникъ уже не на столько силенъ, чтобъ нужно было спускать ему многое.

Цадикъ Соломонъ-бенъ-Захарія проводилъ много времени въ разъѣздахъ между своею братіею. Волынь, Подоль и Украйна были ему также хорошо знакомы, какъ собственный львовскій край. Въ описываемое время цадикъ ѣздилъ въ лѣвобережной Украйнѣ и къ трубному дню прибылъ къ достопочтенному Шмулю. Тогда у послѣдняго были гости, которые тотчасъ разъѣхавшись, дали знать о пріѣздѣ цадика другимъ изъ своихъ единовѣрцевъ и на другой день дворъ Шмуля наполнился іудеями. Ихъ набралось тогда человѣкъ до сорока обоего пола. Всѣ старались воспользоваться случаемъ и принять благословеніе цадика и услышать отъ него мудрыя наставленія.

Былъ вечеръ предъ солнечнымъ закатомъ. Цадикъ Соломонъ-бенъ-Захарія, мужчина лѣтъ пятидесяти съ лишкомъ, съ большою русою бородою, гдѣ пробивалась кое-гдѣ сѣдина, съ высокимъ лбомъ, большими и на выкатѣ глазами, въ ермолкѣ, изъ подъ которой на обѣихъ сторонахъ лица спадали пряди русыхъ волосъ,

такъ называемые пейсы, былъ одѣтъ въ суконный кафтанъ; фигура его представляла довольно толстую корпуленцію. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, нарочно для него вынесенномъ на дворъ. Вокругъ него въ въ различныхъ положеніяхъ сидѣли іудеи и іудеянки какъ попало. Все это были гости Шмуля, но не стоившіе ему ничего, такъ какъ всякій пріѣзжалъ съ своимъ съѣстнымъ запасомъ, помѣщался въ своей-же повозкѣ, а за кормъ лошадямъ платилъ тому-же Шмулю, который всегда съ своего брата іудея бралъ гораздо дешевле, чѣмъ со всякаго иноплеменника. Всѣ слушали мудреца съ великимъ вниманіемъ.

Цадикъ говорилъ о Толюѣ въ томъ смыслѣ, какой даетъ это хульное наименованіе іудеями Господа нашего Іисуса Христа [1]) Толюй,—объяснялъ цадикъ,—былъ самый грѣшнѣйшій изъ рода человѣческаго, величайшій нарушитель мира и зложелатель израиля, нечестіе его дошло до того, что онъ сталъ называть самъ себя Богомъ и за это былъ осужденъ и казненъ позорною смертію. По своей смерти, за присвоеніе себѣ названія Сына Божія, онъ осужденъ на вѣчное мученіе, но при содѣйствіи діавола онъ дважды въ годъ является среди израиля и пытается искусить и соблазнить вѣрныхъ. Сила Вышняго преслѣдуетъ его и онъ запрятывается въ Библію между строкъ, и тутъ то предстоитъ опасность отъ него. Богъ за грѣхи наши попустилъ Толюю и его ближнимъ слугамъ властвовать надъ міромъ невѣрныхъ языкъ во вредъ сынамъ израиля, но царство его только временное и окончится съ пришествіемъ истиннаго Мессіи, тогда Толюй будетъ вверженъ въ бездну и не станетъ болѣе тревожить вѣрныхъ, толковалъ цадикъ: „поклонники Толюя прокляты, и нѣтъ и не будетъ имъ пощады и спасенія, но теперь, пока они торжествуютъ и властвуютъ, надобно израилю бороться съ ними мудростію и хитростію. Вѣруемъ, что будетъ побѣда за нами, но и теперь мудрый провидитъ и предвкушаетъ начатки нашего торжества, и теперь мудрый уразумѣваетъ, что рука Бога отцевъ нашихъ не покидаетъ своего избраннаго народа, мы презираемы, мы попираемы и враги наши считаютъ насъ послѣдними изъ рода человѣческаго, а между тѣмъ мы въ свои руки захватываемъ богатства земныя и незамѣтно для враговъ нашихъ дѣлаемся сильнѣе ихъ, когда кажемся слабыми. Они считаютъ себя

[1]) *Толюй* съ еврейскаго значитъ повѣшенный, висѣльникъ.

нашими господами, а на дѣлѣ выходитъ, что мы становимся господами ихъ самихъ. Приглядитесь, какъ ведутъ себя нечестивцы, какъ у нихъ живется-можется! Одни изъ нихъ въ порабощеніи у другихъ, незнатные у знатныхъ, подлые у благородныхъ, а господа ихъ отдаютъ рабовъ своихъ нашимъ израильтянамъ подъ власть, и выходитъ, что когда глупый ихъ мужикъ работаетъ на своего пана, то половина всего, а иногда и большая часть достается—израильтянину. Какъ не возблагодарить Бога, такъ пекущагося о своемъ избранномъ народѣ, такъ устроившаго, что какъ ни вертятся „гои", а все-таки исполняется пророчество, реченное древле къ израилю: „ты богатство языкъ снѣси"! Иные изъ нашихъ говорятъ: „хорошо, можетъ быть, будетъ впередъ, когда Мессія прійдетъ, а теперь пока многіе изъ нашей братіи въ нищетѣ и скорби. Богъ не спасаетъ ихъ. Несмысленны и слѣпы тѣ, которые говорятъ такъ! Богъ свободной воли у человѣка не отнимаетъ, но милость свою избраннымъ своимъ посылаетъ. Богъ даетъ умъ человѣку: это милость, благодать! Ищи-же, человѣкъ, средствъ при свѣтѣ даннаго тебѣ ума!

Израилю дана отъ Бога особая благодать свыше: въ томъ она, что израиль умнѣе всѣхъ, а умъ — такое сокровище, которому равнаго нѣтъ и быть не можетъ! Умомъ и богатство пріобрѣтается, и сила и власть! Говорю вамъ: израиль умнѣе всѣхъ народовъ въ свѣтѣ. А потому хотя за грѣхи свои несетъ онъ наказаніе отъ Бога и находится въ униженіи и гоненіи отъ гоевъ, но Богъ не лишилъ его ума великаго и этотъ умъ ведетъ его къ тому пути, когда минутъ времена гнѣва Божія и настанутъ времена отрады; въ тотъ часъ узритъ онъ ясно высокую руку Божію и подниметъ своего отрока Господь Вседержитель и вознесетъ его превыше всѣхъ колѣнъ земныхъ и послужатъ ему всѣ языки и будетъ онъ господиномъ надъ ними. Такъ речено Господомъ и слово его неизмѣнно. Надежды гоевъ суетны. Уже и теперь отяжелѣло сердце ихъ, очами смотрятъ и не видятъ, ушами слушаютъ и не слышатъ. Воображаютъ, что властвуютъ надъ нами, а того не уразумѣютъ, какъ мы сами надъ ними власть забираемъ, и вѣрьте, братья, заберемъ совершенно. Въ гордости сердецъ своихъ возлагаютъ они упованіе на своего Толюя и посрамлены будутъ. Безуміе великое уповать на беззаконника, который принялъ казнь за свои преступленія; безуміе великое считать сыномъ Божіимъ казненнаго:

какъ не понять, что если-бъ его осудили на казнь напрасно, а онъ былъ-бы истиннымъ Мессіею, то Богъ-бы не допустилъ его до позорной смерти, но спасъ-бы его предъ глазами всѣхъ людей во свидѣтельство того, что онъ есть дѣйствительно тотъ избранникъ Божій, за кого выдавалъ себя? Коли себя не могъ спасти, то куда ему другихъ спасать [1])! Не явственна-ли тщета всѣхъ надеждъ и вѣрованій оныхъ гоевъ, когда между собой они вездѣ грызутся, какъ псы нечестивые? Таковы-ли мы, израиль, народъ Божій! Живемъ мы разсѣянно по разнымъ частямъ свѣта и въ жаркихъ и въ холодныхъ странахъ, а единство вѣры нашей чрезъ то не колеблется; израильтянинъ вездѣ узнаетъ своего единовѣрца и по братски обниметъ его. То ли у поклонниковъ Толюя? Изъ одной нечестивой вѣры родились десятки, сотни вѣръ, одна другой гнуснѣе, одна другой безумнѣе и между собой всѣ во враждѣ, а послѣдователи ихъ не только не считаютъ другъ друга за единовѣрцевъ, но одни другихъ рѣзать, топить, жечь на огнѣ готовы. Цари ихъ между собой во враждѣ и ведутъ другъ противъ друга убійственныя войны, высылаютъ тьмы темъ подвластнаго народа на убой, какъ скотъ, и гибнутъ безумцы по волѣ владыкъ своихъ достойно за свое зловѣріе. Если-же ихъ цари постановляютъ между собою мирные и дружественные договоры, то для того, чтобъ ихъ вѣроломно нарушать. Они всѣ коварны, въ государствахъ ихъ нѣтъ правосудія, хищеніе и неправда посреди жилищъ ихъ. Таковы поклонники Толюя, нечестивѣйшіе изъ всѣхъ гоевъ, враги Божіи, которымъ всѣмъ будетъ мука вѣчная, огонь неугасаемый въ отмщеніе за злобу, которую они всѣ одинаково питаютъ къ намъ, израилю, миролюбивому, смиренному народу Божію. О израиль, израиль! Много, по словамъ псалмопѣвца, на хребтѣ твоемъ орали иноплеменники, много испыталъ ты бѣдъ и горестей, святыню земли твоей разрушили, сыны твои и дщери разведены въ неволю, сѣмя Авраама, Исаака и Іакова, которому Богъ даровалъ столько обѣтованій, уже въ теченіи многихъ вѣковъ подвергается униженію и попиранію. Но мужайся, израиль! Все это произошло за тѣмъ, чтобъ возвеличить тебя и наградить за вѣру и терпѣніе. О братія! молю васъ! Пребывайте въ исполненіи закона Божія, не отступайте отъ самомалѣйшихъ его правилъ и Богъ вознаградитъ васъ. Знайте, что каждое

[1]) Буквальное повтореніе говореннаго іудеями-распинателями Іисуса Христа.

преступленіе, совершенное сыномъ израиля, отдаляетъ отъ всѣхъ насъ день нашего общаго спасенія, а каждый добродѣтельный поступокъ нашего единовѣрца приближаетъ и сокращаетъ тягость ожиданія. Найпаче, братья, устраняйтесь отъ нечестивыхъ гоевъ, поклонниковъ Толюя. Не говорю, чтобъ намъ съ ними не имѣть никакихъ дѣлъ. Это невозможно, потому что мы живемъ въ странѣ ихъ, по неволѣ должны вести съ ними сношенія по торговлѣ и прочее, только не надобно дружить съ ними, ѣсть и пить съ ними, не надобно оказывать имъ услуги и благодѣянія, напротивъ ненавидѣть ихъ, какъ враговъ и сопротивниковъ Божіихъ. Изъ всѣхъ неправыхъ вѣръ нѣтъ нечестивѣе вѣры поклонниковъ Толюя. У другихъ гоевъ были боги сребренные, золотые, каменные, деревянные,.. всѣ эти боги—ничто, мечта, но тѣ назвали себѣ богомъ сына погибельнаго, отъ грѣха рожденнаго, всѣми пороками оскверненнаго! Поэтому они прямые сопротивники истиннаго Бога, а кто дружитъ съ вѣдомымъ врагомъ Божіимъ, тотъ самъ ему уподобляется. За то насъ Богъ наказываетъ, что иные изъ насъ, слабодушные, съ почитателями Толюя въ дружбу входятъ".

Онъ умолкъ на время. Всѣ сидѣли въ размышленіи, наконецъ одинъ израильтянинъ нарушилъ молчаніе и, поглядывая на небо, спросилъ:

Равви! Что это за звѣзда съ хвостомъ явилась? Вотъ уже третій вечеръ свѣтитъ, и все становится крупнѣе и ярче. Ужъ не пророчитъ-ли она чего?

Цадикъ сталъ внимательно смотрѣть на небо. Дѣйствительно на востокѣ показывалась комета. Ея бѣлесоватый, недвижный блескъ, отличавшійся отъ блеска прочихъ свѣтилъ небесныхъ, уже нѣсколько дней тревожилъ населеніе и крещеное и некрещеное. Безпокоило всѣхъ предвѣстіе чего-то неизвѣстнаго, во всякомъ случаѣ скорѣе недобраго, чѣмъ добраго. Въ то время шла сѣверная война. Между козаками старшинами возникали толки: какъ-бы шведскій король, расправлявшійся тогда въ Польшѣ, не вздумалъ съ своимъ побѣдоноснымъ войскомъ повернуть въ Украйну и перенести туда театръ войны съ московскимъ царемъ; козаки простые боялись, что царь станетъ требовать бо̀льшую, чѣмъ прежде, козацкую силу въ свое войско, а козакамъ до крайности былъ противенъ всякій походъ за предѣлы своей земли; поспольство стра-

шилось учащенія проходовъ москалей черезъ ихъ села, а такіе гости въ тѣ времена были для народа несноснѣе татаръ. Іудеи втихомолку побаивались: не предвѣщаетъ-ли эта хвостатая звѣзда въ лѣвобережной Украйнѣ повторенія такой-же паливщины, о которой вѣсти сильно напугали ихъ въ предшествовавшемъ году.

Соломонъ Захарьевичъ долго молча смотрѣлъ на комету и во что-то вдумывался. Лице его между тѣмъ принимало все болѣе и болѣе грустное выраженіе. Наконецъ онъ сказалъ:

„Ну, я вамъ, братья, долженъ противъ желанія сообщить непріятность. Звѣзда эта не предвѣщаетъ намъ добра. Это та звѣзда, что когда-то на страхъ израилю являлась передъ тѣмъ давнимъ временемъ, какъ нашихъ предковъ убивали въ нѣмецкой землѣ: эта-же звѣзда являлась у насъ передъ тѣмъ страшнымъ годомъ, какъ нечестивый Хмельницкій поднялъ бунтъ противъ Польши и козаки стали истреблять дѣтей израиля. Ужасное то было время. Я помню его, бывши еще маленькимъ хлопцемъ. Тогда погибли мой дѣдъ, бабушка и двое дядей съ семьями, а мои родители съ двумя дѣтками, въ числѣ которыхъ былъ я, чуть спаслись отъ гибели, убѣжавши за Вислу. О, ужасное было время! Сколько нашихъ единовѣрцевъ обоего пола и всякаго возраста лежало трупами по полямъ, рощамъ, горамъ и болотамъ. Многіе, какъ мы, бѣжали, спасая душу свою, но не могли спастись и погибали отъ козаковъ, которые гнались за ними, а уйти бѣднымъ было трудно, потому что гонители были быстры, какъ орлы небесные. Сколько синагогъ было осквернено и разорено! Выволакивали свитки Торы и положивши на нихъ несчастныхъ израильтянъ, рѣзали и терзали, потѣшаясь криками и воплями страдальцевъ. Сколько рѣкъ и прудовъ закиданы были трупами нашихъ единовѣрцевъ, такъ что даже вода выступала изъ береговъ! Опасно, братья мои, опасно, не повторилось-бы надъ нами что-нибудь подобное и нынѣ. Прошлый годъ на правой сторонѣ Днѣпра, въ Подоліи и Волыни, много пострадало нашихъ отъ безбожныхъ хлоповъ. Поляки усмирили и казнили много мятежниковъ, но нашихъ, погибшихъ тамъ, не воскресимъ. Ихъ воскреситъ только всемогущій Богъ и вселитъ въ лоно Авраама въ послѣдній день. Опасно, чтобъ и здѣсь не нашлось злодѣевъ, которые-бы не затѣяли произвести подобнаго на этой сторонѣ Днѣпра. Они нечестивые повсюду рыскаютъ, какъ

львы, и ищутъ растерзать смиреннаго безоружнаго израильтянина. Я не скажу навѣрное, чтобъ эта звѣзда могла предвѣщать намъ такое бѣдствіе: можетъ быть она предвѣщаетъ другое, не менѣе страшное — моровую язву, которая, какъ слышно, уже появляется въ Запорожьѣ. Но что дѣлать! Надобно терпѣть, молиться и страшиться... Наложимъ на себя строгій постъ, станемъ молиться, чтобъ Господь отвратилъ отъ насъ свой гнѣвъ. Пусть посылаетъ болѣзни и междоусобныя брани на госвъ нечестивыхъ, покланяющихся проклятому Толюю, но пусть пощадитъ вѣрныхъ рабовъ своихъ"!

За воротами послышался стукъ подъѣзжавшаго экипажа. Домашніе Шмуля бросились отворять ворота, такъ какъ у него была корчма, заѣздной дворъ, открытый въѣздъ для путешественниковъ. На дворъ въѣхала бричка. Въ ней сидѣло двое господъ: одинъ пожилой лѣтъ сорока съ лишкомъ, другой молодой, у котораго едва пробивались борода и усы. На облучкѣ сидѣлъ и правилъ парою дюжихъ лошадей плечистый козакъ въ поярковой шляпѣ. Господа соскочили съ брички.

Первый изъ пріѣхавшихъ былъ дѣвицкій сотникъ Вендюхъ. Въ чертахъ лица его было замѣтно какое-то смѣшеніе проницательности съ простодушіемъ; волосы на головѣ темнорусые съ просѣдью были острижены въ кружокъ и покрывались черною суконною шапкою съ четырьмя рожками по угламъ. Одѣтъ онъ былъ въ темно-малиновый кунтушъ, подпоясанный блестящимъ проволочнымъ поясомъ съ саблею въ красиво унизанныхъ бляхами кожаныхъ ножнахъ. Это былъ мужчина статный, мускулистый. Товарищъ его былъ не кто иной, какъ тотъ Микола Сохно, о которомъ было говорено выше. Одѣтъ онъ былъ въ простой черный кунтушъ, сдѣланный на подобіе одежды монастырскаго послушника, въ какихъ обыкновенно въ то время ходили кіевскіе студенты коллегіи; подпоясанъ былъ онъ простымъ кожанымъ пояскомъ съ серебренною застежкою напереди. Свѣжесть молодости, цвѣтущее здоровье, ничѣмъ не порченое, выражались во всѣхъ чертахъ лица его, въ движеніяхъ и поступи. Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ красивъ въ полномъ смыслѣ этого слова, но въ немъ съ перваго раза было что-то такое, что, увидя его, всякій невольно остановится и подумаетъ: этотъ хлопецъ—Богъ его знаетъ, что оно такое, только не

такое, какъ всѣ люди. Его голубые глаза свѣтились тѣмъ невыразимымъ блескомъ таланта, который сразу отмѣчаетъ особенно даровитыхъ людей. Мы уже говорили, что онъ, находясь въ кіевской коллегіи, сталъ заниматься еврействомъ и увлекался, какъ увидимъ, себѣ на гибель, страстію обличать и громить іудеевъ. Это было, мы думаемъ, временное направленіе, которое могло измѣниться, когда-бы ненасытная жажда любознательности могла обратиться къ чему-нибудь иному; но въ тѣ времена даровитая натура, получая воспитаніе въ Кіевѣ, скорѣе всего погружалась въ область религіозныхъ и церковныхъ вопросовъ, съ которыми, при пылкости нрава, не трудно было впасть въ односторонній, нетрезвый фанатизмъ.

„О, у васъ какое-то большое собраніе сегодня!“ сказалъ Вендюхъ, окидывая взоромъ сидѣвшихъ и стоящихъ около цадика іудеевъ.

„Это, вельможный пане, у насъ сегодня большой праздничный день. *Трубки* называется; конецъ праздниковъ новаго года, отвѣчалъ Шмуль. Сегодня у насъ веселый день, на трубахъ играемъ“!

„Что-жъ отъиграли уже?“ спрашивалъ Вендюхъ.

„Одинъ разъ поиграли, потомъ помолчимъ, поговоримъ промежъ собою, потомъ опять заиграемъ. Кстати къ намъ сегодня почтенный гость пріѣхалъ—рабинъ изъ Львова, Соломонъ Захарьевичъ“, говорилъ Шмуль и съ почтеніемъ показалъ сотнику на цадика, который, съ своей стороны, почтительно поклонился новому гостю.

„И конечно“, отозвался Сохно, „они поиграютъ себѣ на трубахъ, потомъ поругаютъ Господа нашего Іисуса Христа, пожелаютъ всякаго худа вѣрующимъ въ Господа Христа, и, быть можетъ, тутъ-же составятъ какіе-нибудь умыслы дѣлать имъ вредъ. Это у нихъ, по ихъ жидовскому закону, такъ вездѣ дѣлается въ праздничныхъ собраніяхъ. Тутъ-то у нихъ составляются умыслы—гдѣ-бъ имъ христіанское дитя украсть и кровь изъ него выцѣдить“!

Шмуйло закрылъ себѣ уши въ знакъ негодованія. Другіе іудеи свирѣпо глядѣли на Сохна.

Сохно продолжалъ:

„Что, не бойсь, скажете, что у васъ нѣтъ такого обряда? Вы вѣдь всѣхъ насъ въ томъ увѣряете, и обманываете насъ, злодѣи, кровопійцы“!

„За что такъ!“ произнесъ одинъ изъ іудеевъ: — „вельможный панъ сотникъ! не прикажите этому господину, его милости говорить такое про бѣдныхъ жидковъ. Это намъ всѣмъ оскорбленіе. Это закону противно. Мы, бѣдные жидки, имѣемъ грамоты отъ многихъ найяснѣйшихъ королей польскихъ, что-бъ никто не смѣлъ намъ задавать такой нелѣпицы. Мало этого, святѣйшіе отцы папы римскіе выдавали намъ свои высокія буллы о томъ-же, чтобъ насъ въ этомъ не обвиняли. И папы и короли не вѣрили вымысламъ глупой черни, которая взводила на бѣдныхъ жидковъ такія клеветы. Они были умнѣе глупой черни. Ваша милость не смѣете повторять этого“. Послѣднія слова были обращены къ Сохну.

„Не дразните этого дурака“, сказалъ іудеямъ цадикъ. „Съ нимъ иначе слѣдуетъ говорить“!

Эти слова были произнесены по-еврейски. Къ удивленію Соломона Захарьевича, Сохно съ своей стороны далъ ему отвѣтъ по-еврейски и притомъ колкаго свойства.

„Въ первый разъ слышу единаго изъ сущихъ въ назорейскомъ законѣ такъ хорошо знающаго еврейскую рѣчь“, сказалъ ему цадикъ по-еврейски. „Жалѣю, что она употребляется на хулу израилю. Тебя, молодаго человѣка, Богъ надѣлилъ большими дарованіями, только по молодости лѣтъ ты еще не дошелъ до мудрости, иначе, ты-бы совсѣмъ не такъ относился къ израильтянамъ и не повторялъ нелѣпыхъ басень“.

Эти слова перевелъ Сохно Вендюху и потомъ заговорилъ уже по-малорусски, переплетая рѣчь свою еврейскими выраженіями. „Вотъ они всегда хотятъ намъ замылить глаза, чтобъ мы не видали мерзостей, что они съ нами вытворяютъ. Они всѣ увѣряютъ, будто все на нихъ выдумали. Но у насъ есть тьма уликъ и свидѣтельствъ... И самъ этотъ старый жидюга вѣрно пріѣхалъ сюда научать свой бѣсовскій кагалъ, какъ отыскивать дѣтей христіанскихъ и мучить ихъ, и кровь изъ нихъ выпускать“.

„Какъ-же?“ говорилъ цадикъ, хохоча во все горло. „Отступникъ рабинъ Серафимовичъ напечаталъ въ своей книжкѣ, какъ онъ самъ дѣтей мучилъ. Ухъ, какъ страшно! Есть у жидовъ такая бочка, что въ серединѣ вся набита острыми гвоздями, положатъ туда мальчика и качаютъ бочку, пока мальчикъ не изойдетъ кровью. Вѣдь такъ у васъ въ книгахъ вашихъ пишется“?

„Не наши то писали, а вашъ-же рабинъ, что самъ такъ дѣлалъ, и принявши св. крещеніе, оповѣстилъ міру о вашихъ тайныхъ злодѣйствахъ“, сказалъ Сохно. „Впрочемъ у васъ, злодѣевъ, не одинъ такой способъ; есть еще и другіе“.

„А вѣдь ты, легковѣрный молодой человѣкъ, вѣрно и не подозрѣваешь, что никакого рабина Серафимовича такого на свѣтѣ не было и книги онъ такой не писалъ и не печаталъ, а выдумали св. отцы іезуиты, которые въ Польской Коронѣ не мало смуты учинили и много ложнаго измыслили не только на израильтянъ, но и на своихъ назореевъ. Развѣ не эти іезуиты насильно обращали въ унію благочестивыхъ вашихъ, не они развѣ произвели разладъ между поляками и русинами и довели край до страшныхъ козацкихъ бунтовъ? И теперь хотѣли-бы они отъ великой своей злобы и васъ благочестивыхъ и насъ израильтянъ въ ложкѣ воды утопить. Вотъ они и написали много такого, чтобъ поляковъ противъ васъ, а васъ противъ поляковъ раздразнить и про насъ всякія гнусныя клеветы вымыслили, чтобъ вы насъ ненавидѣли. А вы поддаетесь ихъ ловушкамъ и вѣрите ихъ выдумкамъ“.

„Красно вы поете, плуты“!—говорилъ Сохно. „А развѣ все только отъ іезуитовъ началось? Еще на свѣтѣ не было закона іезуитскаго, а уже вашихъ жидовъ въ разныхъ краяхъ во всей вселенной уличали, что вы дѣтей христіанскихъ крадете и кровь ихъ употребляете. Еще при цезарѣ Гоноріи въ сирійской странѣ жиды, укравши христіанское дитя, распяли его на крестѣ и замучили. Такіе случаи потомъ повторялись въ разныхъ странахъ въ теченіи многихъ вѣковъ и осталось о томъ множество историческихъ свидѣтельствъ. Вотъ Одорикъ Райнальдусъ свидѣтельствуетъ, что лѣтъ будетъ пятьсотъ, въ испанскомъ королевствѣ жиды замучили христіанскаго ребенка, пригвоздивши его къ стѣнѣ и кровь изъ него булавками выпускали, а въ аглицкой землѣ въ г. Линкольнѣ жиды такого-же христіанскаго мальчика прибили ко кресту, а на голову ему терновый вѣнокъ наложили и копіемъ его прокалывали, изображая на немъ такія муки, какія ихъ предки творили Господу нашему. Богъ объявилъ это злое дѣло міру; сколько разъ ни погребали жиды замученнаго ребенка, земля извергала его тѣло, наконецъ жиды бросили его въ колодезь, а тутъ мать ребенка нашла его и злодѣяніе было открыто; за это однако жида привязали къ

хвостамъ лошадей и растерзали, а затѣмъ еще казнили смертію девяносто жидовъ за соучастіе. Что-же? Это все, какъ ты говоришь, іезуиты вымыслили? Но, повторяю, тогда іезуитовъ и на свѣтѣ не было. Въ италіанской землѣ, въ городѣ Тридентѣ, у бѣдныхъ христіанскихъ родителей жиды украли ребенка и до смерти замучили въ своей божницѣ, выпуская изъ него кровь двумя иглами въ широкую мису. И тогда еще не было іезуитскаго закона. Такихъ примѣровъ чрезвычайно много происходило въ Швейцаріи и всѣ швейцарскія хроники переполнены извѣстіями этого рода. Тоже происходило въ странахъ венгерской, нѣмецкой и польской, да и близко къ намъ въ странѣ волынской, въ селѣ Возникахъ, въ 1598 г. жиды замучили ребенка и бросили тѣло его между хворостомъ и камышемъ, гдѣ оно было найдено, и тогда, какъ свидѣтельствуетъ историкъ Александръ Гвагнини, трое жидовъ, по именамъ Ааронъ, Марко и Исаакъ, были приговорены люблинскимъ трибуналомъ къ смертной казни. Мало-ли тебѣ этихъ свидѣтельствъ изъ разныхъ временъ и разныхъ странъ! Если хочешь, я ихъ тебѣ откопаю еще втрое столько. Но это все такіе случаи, когда ваши жидовскія злодѣянія становились извѣстными послѣ ихъ совершенія. А сколько такихъ, которыя такъ и не открылись и не могли войти въ историческія описанія! Ваши жиды, по своему тайному закону, обязаны каждый годъ гдѣ-нибудь по очереди замучить христіанское дитя, такъ чтобы мученіе надъ нимъ имѣло подобіе со страданіями Господа нашего Іисуса Христа. Сами жиды сознались въ томъ и показали это подъ пытками въ Тирнавѣ, венгерскомъ городѣ".

„Все, что ты говорилъ",—сказалъ цадикъ, „есть вздоръ, и никогда того не бывало. Вольно тебѣ теперь ссылаться на такія свидѣтельства, что за шесть сотъ да за восемь сотъ лѣтъ. Тѣхъ, что могли видѣть и слышать это, давно нѣтъ на свѣтѣ. А что писано кѣмъ-то, такъ что-жъ, бумага все терпитъ! Что ты говоришь: такой-то, другой историкъ такъ написалъ, такъ развѣ ты навѣрное знаешъ, что тотъ, кто это историку сообщилъ, говорилъ правду. Говоришь ты, будто жиды наши сами сознавались подъ пытками... Э, да вѣдь подъ пыткой мало-ли чего кто не наговоритъ! Иной, какъ только ему покажутъ орудія, тотчасъ всякій разсудокъ потеряетъ и понесетъ чепуху, самъ на себя станетъ наговаривать, лишь-бы

его не терзали, а скорѣе-бы ужь вершили. А что, какъ поставятъ на острые гвозди, или начнутъ по спинѣ разожженнымъ желѣзомъ водить"!

Тутъ одинъ іудей сказалъ: „наговоришь на себя не только такое, чего никогда не дѣлалъ, а даже и такое, чего во снѣ не видалъ"!

„Какъ"!—возразилъ Сохно, „во всѣхъ славныхъ европейскихъ государствахъ издавна въ обычаѣ допрашивать преступниковъ подъ пыткою и по ихъ пыточнымъ рѣчамъ дѣла вершать. Еслибъ подъ пытками говорили на себя все только неправду, великіе короли и князья, что поумнѣе насъ, отмѣнили-бы пытку. А то вотъ нѣтъ-же: во всемъ мірѣ ее употребляютъ и по пыточнымъ рѣчамъ правды дознаются".

„А ты самъ", сказалъ цадикъ,—читалъ пыточныя рѣчи тѣхъ жидовъ, что сознавались? Ты ихъ не читалъ самъ, а знаешь о нихъ тоже изъ своихъ историковъ, а тѣ тоже не вѣрно передавали, потому что сами не были близки къ дѣлу, а отъ другихъ слыхали. Коли-бъ тѣ пыточныя рѣчи были на лицо, то можетъ быть оказалось-бы, что жидъ не совсѣмъ такъ говорилъ, какъ историкъ по слухамъ записалъ!"

„Ты, проклятый жидъ, нашимъ книгамъ не вѣришь и ни во что ихъ не ставишь"!—сказалъ Сохно.—„Оно и понятно: коли-бъ ты нашимъ книгамъ вѣрилъ, то нашелъ-бы въ нихъ вѣрныя доказательства, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ истинный Мессія и ты-бъ увѣровалъ въ него. А вотъ какъ ты нашихъ книгъ знать не хочешь, такъ какъ-же я тебя обличу въ вашихъ жидовскихъ злодѣйствахъ, когда о нихъ писано въ нашихъ книгахъ? Да и въ вашихъ книгахъ есть про это, только въ тайныхъ"...

„Въ нашихъ книгахъ!" воскликнулъ цадикъ:—„въ какихъ-же это нашихъ книгахъ? Нашъ талмудъ печатанъ и всякій кто понимаетъ, можетъ читать его. Тамъ не найдешь ничего похожаго".

„Знаемъ, знаемъ! это мы слыхали!" Съ живостію прервалъ его Сохно. „Не все напечатано, что у васъ есть въ талмудѣ. Многое еще сберегается у васъ на письмѣ, подъ великимъ секретомъ, а такое дѣло, какъ пролитіе христіанской крови, вы и письму то повѣрять опасаетесь. Впрочемъ и въ вашемъ талмудѣ постановляется не всякія пакости чинить христіанамъ, которыхъ вы наравнѣ со всякими невѣрными именуете гоями.

„Такъ ты, козаче“, сказалъ цадикъ, „думаешь, что все, гдѣ пишется про гоевъ, разумѣется и про васъ! Гоями называли невѣрныхъ идолопоклонниковъ, какіе безпокоили израильтянъ въ древнія времена, а васъ гоями никогда не называли, а называли назореями; и васъ и караимовъ и магометанъ мы всегда считали вѣрующими въ одного съ нами Бога, хотя по волѣ Божіей они и порознились съ нами. Я покажу въ талмудѣ мѣста, гдѣ самъ увидишь, что васъ такъ не зовутъ—гоями.

„Покажешь-то ты, покажешь!“ сказалъ Сохно,—„только мѣста эти у васъ подмалеваныя, чтобъ намъ глаза отводить, чтобъ мы вашихъ плутней не видали. Въ вашемъ проклятомъ талмудѣ писаны хульныя рѣчи противъ Господа нашего Іисуса Христа. Выдумали, что Онъ рожденъ отъ зазорной женщины, что настоящимъ отцомъ его былъ какой-то римскій воинъ Пантеръ, пресвятую Дѣву Богоматерь вы проклятымъ языкомъ своимъ дерзаете называть негоднымъ именемъ *Сono*, про Господа нашего выдумали, что Онъ творилъ чудеса не силою Божіею, а чрезъ волхвованіе, которому научился во время пребыванія въ Египтѣ, святыхъ апостоловъ называете лжецами. Учители ваши заповѣдали вамъ злобу противъ христіанина, считаемаго вами гоемъ, идолопоклонникомъ. Когда, говорятъ они вамъ, встрѣтишь божницу христіанскую, плюнь и скажи: мерзкая изъ мерзкихъ, нечистѣйшая изъ нечистѣйшихъ, будь проклята! Когда проходишь мимо христіанскаго кладбища, произнеся проклятіе, скажи: отвержена родительница ваша, конецъ христіанскій—червь и тлѣніе! Вашъ рабинъ Моисей въ книгѣ Мадда написалъ: если увидишь исповѣдующаго Іисуса Назорея близко смерти, не спасай его, а убей, и когда онъ впадетъ въ колодезь, ты камнемъ прикрой его и если увидишь вблизи лѣстницу, прими ее прочь; пусть погибаетъ! Если вы, жиды, не убиваете насъ часто, такъ это потому, что вамъ выгоды нѣтъ отъ нашей гибели, а за лучшее считаете насъ обманывать и высасывать. Этому научаетъ васъ вашъ мерзкій талмудъ и намъ слѣдуетъ истреблять ваши богопротивныя книги“.

„Не знаю! ничего такого не слыхалъ, не читалъ и не знаю!“ говорилъ цадикъ, отмахиваясь руками, словно отъ мухъ.

„Вы въ своихъ книгахъ пишете, будто мы кровь съ вашихъ дѣтей точимъ и употребляемъ. А у насъ по закону строго запрещается всякое употребленіе крови, хотя-бы животнаго. Да и для

чего-бы то намъ нужна ваша кровь? Вы въ своихъ книгахъ сами не можете указать, зачѣмъ нужна жидамъ ваша кровь, и разныя причины выдумываете.

„Это оттого", сказалъ Сохно, „что вы скрываете отъ насъ свою злодѣйскую тайну. Хоть васъ рѣжь, раскаленнымъ желѣзомъ жги,—вы правды не откроете! Одинъ жидъ, принявши христіанство, повѣдалъ, что тайну эту у васъ знаютъ только немногіе рабины и цадики, простые-же іудеи не знаютъ настоящаго, иные-же вовсе не увѣрены, что есть такая тайна, что сообщаетъ Іовъ Френцель. Вотъ отъ этого-то и разныя толкованія пошли о томъ, для чего нужна вамъ кровь. А что ты говоришь, что по вашему закону употребленіе всякой крови запрещается, такъ ваши цадики толкуютъ такъ: еще до Моисея Богу угодны были человѣческія жертвы. Доказательство—что Богъ приказалъ Авраму заклать сына своего Исаака. Хотя за послушаніе Богъ и помиловалъ Авраама и вмѣсто сына указалъ ему принесть въ жертву барана, но этого барана надобно понимать иносказательно. Вотъ этого-то барана и находятъ ваши жиды въ христіанскомъ ребенкѣ. Если-бъ Богу непріятна была кровь человѣческая, такъ онъ-бы не повелѣвалъ Аврааму заколоть Исаака—толкуютъ ваши цадики. Что и послѣ Моисея у васъ, жидовъ, были человѣческія жертвы, показываетъ примѣръ судьи Іеоая, который обѣщалъ въ жертву Богу принести того, кого перваго встрѣтитъ, возвращаясь съ побѣдою, и встрѣтивши дочь свою, вышедшую къ нему на встрѣчу, принесъ ее въ жертву Богу. Псалмопѣвецъ не даромъ-же укоряетъ израильтянъ, что они приносили сыновей своихъ и дочерей въ жертву бѣсамъ, проливали кровь невинную сыновей и дочерей своихъ и осквернилась земля кровью". (Пс. 105).

Цадикъ прервалъ его. „Это",—сказалъ онъ,—„говорилось къ тѣмъ, которые тогда отступили отъ истиннаго Бога".

„Ты, жидъ, не заговаривай-то зубы", сказалъ Сохно. „Я тебѣ вотъ что припомню. У васъ постоянно приносились жертвы, рѣзали козловъ, тельцовъ, воловъ—и воображали, что этого Богъ требуетъ, а боговдохновенные глаголы что возвѣщали? Исаія пророкъ говоритъ: что мнѣ множества жертвъ вашихъ? Исполненъ есмь крови, тельцовъ и юнцовъ вашихъ ненавидитъ душа моя. А псалмопѣвецъ, что говоритъ? – не приму тельца изъ дома твоего, ни козловъ изъ дворовъ

твоихъ... Развѣ я ѣмъ мясо или пью кровь козловъ? Мои всѣ звѣри въ лѣсу и скотъ на тысячи горахъ... Принеси въ жертву Богу хвалу и призови меня, я избавлю тебя, а ты прославишь меня". Видишь, въ священномъ писаніи Ветхаго Завѣта, которое вы считаете за главное основаніе своей вѣры, прямо говорится, что Богу вовсе не угодны кровавыя жертвы, а ваши предки, зная это, все таки приносили ихъ по обычаю. Точно также и теперь: хоть вы намъ говорите, что законъ вамъ запрещаетъ употребленіе крови, а мы вамъ говоримъ, что если-бы и такъ было, а законъ вашъ воспрещалъ-бы вамъ кровь, вы все таки, по тайному обычаю предковъ, крадете христіанскихъ дѣтей и кровь ихъ невинную проливаете".

„Да на что намъ эта кровь? Скажите по крайней мѣрѣ, чтобъ мы знали", произнесъ цадикъ.

„Вы", сказалъ Сохно, „намазываете ее на полотно и разсылаете своей братіи по разнымъ мѣстамъ, такимъ, которые вѣдаютъ эту вашу тайну. Ее употребляютъ, когда пекутъ мацы, и черезъ это, какъ вы кровь христіанскую отвѣдываете, такъ и во всѣхъ дѣлахъ съ нами крещеными успѣхъ имѣете себѣ, въ свою жидовскую корысть, а намъ христіанамъ въ ущербъ; все это черезъ то ваше кровавое волхвованіе проклятое, вы у насъ и умъ отнимаете и глаза намъ отводите, такъ что мы хоть не хотимъ того, а вамъ поддаемся и ничего противъ васъ не подѣлаемъ. Вы всѣ жиды къ тому идете, чтобъ наше достояніе, которое мы пріобрѣтаемъ своими тяжелыми трудами, доставалось не намъ, а переходило къ вамъ въ руки, чтобъ мы, христіане, рады-не-рады, а дѣлались въ концѣ концовъ отъ васъ зависимыми, становились-бы, сами не дознаваясь отъ чего, у васъ жидовъ въ неволѣ. Этого всего вы достигаете черезъ оное кровавое волхвованіе и надѣетесь еще гораздо большаго достигнуть. Оттого-то вы такъ дорожите этимъ волхвованіемъ и сохраняете его въ непроницаемой тайнѣ. Вы, проклятые, на то на свѣтѣ живете, чтобъ съ насъ кровь и сокъ высасывать. Вы отъ честной работы убѣгаете, однимъ шахеръ-махерствомъ пробавляетесь, умѣете пользоваться нашими грѣхами и неразуміемъ, потому что мы просты и довѣрчивы и противъ васъ слабы. И что-же вы за то съ насъ и выдѣлываете?! Вонъ польскіе паны вамъ, жидамъ, маетки въ аренды отдавали, и вы эти маетки опустошали, а бѣдныхъ панскихъ подданныхъ какъ истомили и измучили. Сей-

часъ видно, какая маетность побывала у васъ въ жидовской власти. У насъ въ гетманщинѣ, слава Богу, васъ не было съ тѣхъ поръ, какъ при блаженной памяти гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ васъ перебили и прогнали тѣхъ, что успѣли уйти отъ козацкаго оружія. А вотъ теперь вы опять къ намъ заползаете и гнѣзда свои заводите, проклятые клопы! Намъ слѣдуетъ не допускать вамъ расположаться и размножаться, надобно ваши домы разорять, вашу всю рухлядь порубать, побить, попортить, ваши синагоги развалить до фундамента, всѣ ваши богомерзкія книги и писанія пожечь и всѣхъ васъ съ семьями вашими прогнать вонъ изъ нашего края, чтобъ и духа вашего поганаго жидовскаго не оставалось. Благоразумны были тѣ власти, что васъ кровопійцъ въ подвластный себѣ край не пускали. Такъ всегда поступали цари московскіе, и вы до сихъ поръ въ Московщину не смѣете вашего носа проклятаго сунуть. А мы вотъ хоть и живемъ подъ московскою властію, да свои права и вольности имѣемъ. Пользуясь этимъ, вы и проползаете къ намъ. Если мы не одумаемся, да не искоренимъ васъ, то изъ этого разростется для всего нашего края великое зло"!

Цадикъ пожималъ плечами и разводилъ руками. „Что на все это отвѣчать"?—произнесъ онъ наконецъ. „Вы злобствуете на бѣдныхъ жидковъ ни-за-что, клевещете на насъ, взводите на насъ небылицы! Намъ остается искать прибѣжища и помощи у Бога отцевъ нашихъ! Во всемъ Его воля, и надъ нами, да и надъ вами"!

„Панъ вельможный сотникъ"!—отозвался одинъ изъ жидовъ, „твоя милость есть тутъ власть. Не позволяй этому господину такъ порочить и безчестить наше племя. Вѣдь мы живемъ въ краѣ, гдѣ долженъ соблюдаться порядокъ и никто не смѣетъ безъ всякаго повода оскорблять другихъ".

Вендюхъ отвѣчалъ:

„Я не дозволю никому дѣломъ васъ оскорблять, а что онъ языкомъ говоритъ, я не могу его взять за горло и языкъ у него вытянуть. Вы, жиды, не какіе-нибудь правящія лица, что про васъ никто не смѣй дерзкаго слова произнести. Онъ такъ думаетъ про васъ, такъ и говоритъ, и вы противъ него говорили. Тутъ мое дѣло сторона. Повторяю, если-бъ кто васъ сталъ оскорблять дѣломъ, я-бы не похвалилъ этого и не дозволилъ".

„Дѣломъ нельзя, а словомъ можно! Но отъ слова не такъ-то далеко и до дѣла. Все такъ бываетъ: начинается словомъ, а кончается дѣломъ“,—сказалъ одинъ іудей.

Лошади поѣли. Вендюхъ привѣтливо простился съ хозяиномъ и разомъ съ своимъ спутникомъ сѣлъ въ запряженную бричку. Козакъ, сидѣвшій на козлахъ, сдѣлалъ взмахъ бичемъ. Лошади тронулись.

И. Н. Костомаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ

(по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ).

Въ 1775 году, во время разоренія запорожской Сѣчи драгунами Текелія, былъ одинъ трагическій моментъ, едва отмѣченный исторіей, но не забытый и подробно переданный намъ украинскими народными пѣснями,—моментъ, когда свободолюбные січовики въ отчаяніи просили своего „батька—Кошового“:

„Позволь, батьку—отамане.
Намъ на башті стати:
Москаль стане лагорями,
А мы курінями,
Москаль стане зъ палицями,
А мы зъ кулакими,
Нехай буде наша слава
Поміжъ козаками“!

—*„Не позволю миле братьтя!“*, отвѣчалъ томившійся потомъ въ застѣнкахъ соловецкаго монастыря Калишевскій.

—„Не позволю, миле—братьтя,
Вамъ на башті стати:
Однакове христіянство—
Грішно вынублятн“!

И часть козаковъ, какъ извѣстно, покорилась волѣ своего батька—отамана, продиктованной ему тѣмъ безсознательнымъ народно-политическимъ чутьемъ, которое выражаетъ такъ часто въ примитивной, но удобопонятной формѣ самыя сложныя идеи общественности. Другая-же часть—меньшинство сказала отаману:

„Оставайся-жъ, панъ-отаманъ,
Въ Січі зъ писарями“!..,

(Зап. отъ Тараса Корніенка и др. въ с. Тульчѣ).

понадѣялись на то, „что добре буде запорожцамъ и підъ туркомъ жити“, „посідали на лодочки, та й за Дунай махнули“! Оставшаяся большая часть запорожскихъ козаковъ составила собою, какъ извѣстно, черноморское козачье войско, другая-же, сравнительно гораздо меньшая часть успѣла уйти внизъ по Днѣпру въ предѣлы турецкой имперіи и получила позволеніе отъ турецкаго правительства поселиться на устьяхъ Дуная. Этотъ послѣдній фактъ отмѣченъ въ исторіи и составляетъ предметъ многихъ историческихъ пѣсенъ украинскаго народа. Но затѣмъ вся дальнѣйшая судьба этой запорожской эмиграціи остается неизвѣстной вплоть до 1828 года, когда Кошевой атаманъ задунайской Сѣчи Осипъ Гладкій перешелъ во время войны съ Турціей на сторону Россіи и съ частью своихъ запорожцевъ вернулся обратно въ свое прежнее отечество и положилъ основаніе недолго впрочемъ существовавшему азовскому козачьему войску. Всѣ историческія свѣдѣнія о задунайской Сѣчи ограничиваются, сколько намъ извѣстно, только нѣсколькими указаніями на то, что она постоянно служила пріютомъ бѣжавшихъ отъ крѣпостнаго права и рекрутчины украинскихъ крестьянъ и что русское правительство нѣсколько разъ обращалось къ задунайскимъ запорожцамъ съ предложеніями вернуться обратно въ Россію. Что-же касается организаціи, внутренняго быта и исторической жизни задунайскаго украинскаго козачества въ теченіи послѣдней четверти прошлаго и первой четверти нынѣшняго столѣтій, то на все это мы не находимъ почти рѣшительно никакихъ указаній во всей извѣстной намъ исторической литературѣ. Между тѣмъ исторія запорожцевъ за Дунаемъ въ теченіи этого, все-таки довольно значительнаго періода времени не можетъ не быть для насъ интересною; съ одной стороны потому, что задунайская Сѣчь представила собой уцѣлѣвшій почти до нашего времени обломокъ извѣстной народной организаціи, существовавшій вполнѣ самостоятельно и сохранившій до конца свой оригинальный общественный складъ и наконецъ оставившій послѣ себя замѣтный слѣдъ въ видѣ современнаго украинскаго населенія Добруджи и дунайской Дельты—

и съ другой стороны потому, что мы не можемъ оставить безъ вниманія судьбу этой украинской эмиграціи, рѣшившейся бравировать всѣ тѣ національныя и общественныя неудобства, какія возникали для нея съ переселеніемъ въ Турцію, опасенія которыхъ заставили отступить Калнишевскаго передъ смѣлымъ предложеніемъ послѣднихъ днѣпровскихъ січовиковъ.

Великорусское старообрядческое и раскольничье населеніе Добруджи все-таки привлекало къ себѣ вниманіе или правительственныхъ агентовъ, въ родѣ Надеждина, или хоть такихъ, болѣе случайныхъ и очень одностороннихъ, посѣтителей этой страны, какимъ былъ напр. извѣстный Кельсіевъ; но и это вниманіе касалось главнымъ образомъ не столько бытовой жизни и народной организаціи добруджскихъ старовѣровъ, сколько ихъ религіозныхъ воззрѣній и церковнаго устройства, украинское-же населеніе этой страны какъ будто-бы даже вовсе не было ими замѣчено. Единственнымъ посѣтителемъ Добруджи, оставившимъ намъ хоть какія-нибудь замѣтки о задунайской Сѣчи, оказывается бывшій генералъ турецкой службы Садыкъ-Паша (Михаилъ Чайковскій), извѣстный въ литературѣ какъ одинъ изъ писателей польско-украинской школы, и въ политикѣ, какъ авантюристъ, сдѣлавшій между прочимъ неудачную попытку организаціи остатковъ добруджскихъ некрасовцевъ и русняковъ въ иррегулярное турецкое войско, названное имъ „козаками оттоманскими". Но крайне смутныя и отрывочныя свѣдѣнія этого писателя, изложенныя въ его агитаціонной книгѣ „*Kozaczyzna w Turcyi*", [1]) до такой степени спутаны и тенденціозно обработаны, что рѣшительно не могутъ имѣть никакого значенія, безъ самой тщательной провѣрки каждаго заключающагося въ нихъ факта. Чайковскій говоритъ, что при немъ, въ 1845 г., въ Добруджѣ было двое старыхъ запорожцевъ: въ Кучукъ-Сейменахъ надъ Дунаемъ возлѣ Гирсовы—Семенъ Безверхій, послѣдній атаманъ платнірівського куріня, и въ Кара-Орманѣ—Степанъ Заремба, по прозвищу карагарманецъ, послѣдній осавула задунайской Сѣчи (?). Первый изъ нихъ съ Василіемъ Сѣдлецкимъ, курннымъ атаманомъ поповичівського куріня,

---

[1]) *Kozaczyzna w Turcyi*, dzieło w 3-ch częściach, przecz X. K. O. Paryż 1857. Инкогнито автора существуетъ только на заглавномъ листкѣ, далѣе-же все изложеніе прямо ведется отъ имени Ч—аго.

будто-бы предводительствовалъ тѣми козаками, которые были отправлены въ 1828 г. въ Силистрію. Кромѣ того Чайковскій говоритъ еще о своемъ знакомствѣ съ запорожцемъ Завильскимъ, около Дунавца, и Василіемъ Смыкомъ, бывшимъ Кошевымъ въ Каликѣ. На основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ ему этими лицами, а также служившимъ подъ его начальствомъ козакомъ Иваномъ Щербиною, сыномъ Василя Щербины, будто-бы перенесшаго Сѣчь въ Дунавецъ, Чайковскій дѣлаетъ краткій историческій очеркъ задунайской Сѣчи. Но такъ какъ этотъ очеркъ, къ сожалѣнію, и начинается съ самыхъ явныхъ натяжекъ, въ родѣ желанія во что-бы ни стало вывести происхожденіе задунайской Сѣчи отъ Мазепы и его свиты, и въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи заключаетъ такія явныя несообразности, какъ разсказъ о какой-то шубѣ, бывшей, по его словамъ, знакомъ достоинства Кошоваго, которую кошовые носили защитой на себѣ и никогда не снимали, боясь потерять свое званіе вмѣстѣ съ шубой и т. п., такъ какъ, наконецъ, весь этотъ очеркъ Чайковскаго проникнутъ явной тенденціей доказать важное участіе въ судьбахъ Сѣчи польскаго элемента, который, нужно замѣтить, очень усердно отождествляется у него съ запорожскимъ и составляетъ, въ виду возстановленія польскаго королевства, исходный пунктъ всей оттоманской козачизны, то очевидно самъ по себѣ онъ не даетъ никакого и приблизительнаго даже понятія ни о внутренней жизни задунайской Сѣчи, ни даже объ ея хронологической исторіи. Затѣмъ нѣсколько небольшихъ замѣтокъ, касающихся запорожцевъ за Дунаемъ, помѣщенныхъ въ нашихъ историческихъ журналахъ, да не особенно подробныхъ біографическихъ статей о послѣднемъ Кошевомъ О. Гладкомъ, также не представляютъ собой сколько нибудь обстоятельнаго матеріала для исторіи задунайской Сѣчи, тѣмъ болѣе, что почти всѣ они заключаютъ въ себѣ множество самыхъ крупныхъ неточностей, не исключая даже и такой статьи, какъ біографія Гладкаго, написанная его роднымъ сыномъ для „Русской Старины“ (Февр. 1881 г.).

Въ виду такого, почти полнаго отсутствія литературныхъ данныхъ относительно задунайской Сѣчи, автору этой статьи, очутившемуся случайно въ Добруджѣ и познакомившемуся съ украинскимъ ея населеніемъ, не оставалось ничего больше, какъ обратиться къ мѣстной народной литературѣ, къ разсказамъ и воспоминаніямъ

старшковъ, и т. п. Что касается украинскихъ народныхъ пѣсенъ, сохранившихся, кстати сказать, въ Добруджѣ едва-ли не лучше, чѣмъ въ Украйнѣ, то, судя по тому, что было нами собрано (около 70 однихъ историческихъ, представляющихъ болѣе или менѣе неизвѣстные до сихъ поръ варіанты), слѣдуетъ думать, что за исключеніемъ времени переселенія за Дунай и нѣкоторыхъ обстоятельствъ послѣ этого переселенія, но во всякомъ случаѣ не дольше начала нынѣшняго столѣтія, пѣсенное народное творчество почти совершенно угасло среди добруджскаго украинскаго населенія, не захвативши событій, составляющихъ исторію задунайской Сѣчи. По крайней мѣрѣ въ пѣсняхъ, собранныхъ мною, нѣтъ рѣшительно *ни одной,* которая-бы относилась хоть къ главнѣйшимъ изъ этихъ событій. Нѣкоторыя пѣсни, болѣе лирическаго содержанія, выражаютъ тоску по родинѣ, нежеланіе умирать „на чужині", желаніе и надежду перевести за Дунай свою семью и т. п.—и только. Что касается за тѣмъ устныхъ преданій и разсказовъ, то въ этомъ отношеніи поиски оказались болѣе счастливыми: почти отъ каждаго старика удавалось услышать то или другое, болѣе или менѣе интересное, болѣе или менѣе характеризующее жизнь бывшаго задунайскаго Запорожья. Но истинной находкой въ этомъ отношеніи оказался стодвадцатилѣтній старецъ, самъ бывшій запорожецъ, Ананій Ивановичъ Коломиецъ.

Въ самомъ уголкѣ, образуемомъ впаденіемъ георгіевскаго гирла Дуная въ Чорное море, вдоль лѣваго берега этого гирла, пріютилась за обрубленными по малороссійски вербами—малороссійская-же рыбачья деревня *Катирлезъ.* Вотъ въ этой-то деревенькѣ, обозначенной далеко не на каждой картѣ, но игравшей и до сихъ поръ играющей еще очень важную роль въ качествѣ надежнаго пристанища для разнаго рода украинскихъ „забіглихъ душъ", пришлось мнѣ встрѣтиться съ Коломийцемъ, этимъ, сколько мнѣ извѣстно, единственнымъ уже живымъ представителемъ бывшей задунайской Сѣчи. Разсказы этого послѣдняго задунайскаго „січовика", по счастью сохранившаго еще удивительную для его лѣтъ память, записанные съ его словъ со всевозможною тщательностію и составятъ главный матеріалъ настоящей статьи, такъ какъ воспоминанія стараго запорожца охватываютъ безъ малаго почти все время существованія задуйнайской Сѣчи и даютъ возможность составить себѣ

болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о соціальной жизни этой козацкой общины. Вслѣдствіе этого, а также и потому, что личность самого Коломийця представляетъ сама по себѣ чрезвычайно много интереснаго, служа живой иллюстраціей эпохи, намъ кажется вполнѣ умѣстнымъ познакомить сначала читателя съ этимъ самимъ главнымъ и, такъ сказать, живымъ источникомъ настоящей статьи.

Слыша давно уже о Коломийцѣ, какъ о человѣкѣ, который могъ-бы сообщить мнѣ найболѣе свѣдѣній о дунайскихъ запорожцахъ, я нарочно отправился въ Катирлезъ съ цѣлью познакомиться со старикомъ. Благодаря любезности знакомыхъ рыбалокъ Григорія и Якима Александровичей, давшихъ мнѣ у себя пріютъ, Коломиець, почти черезъ часъ послѣ моего пріѣзда былъ уже у насъ въ хатѣ. Степенно войдя, медленно снявши шапку и не обращая вниманія на привѣтствія, онъ нѣсколько разъ перекрестился по направленію къ иконамъ и затѣмъ только отвѣтилъ на наши привѣтствія. Сильно сгорбленный, съ небольшимъ уже количествомъ волосъ на сѣдой головѣ и на пожелтѣвшей уже клинообразной бородѣ, онъ все таки носилъ на себѣ ясные слѣды прежней мужественной красоты и богатырскаго сложенія. Необыкновенно спокойный тонъ, неизмѣнная старчески-добродушная улыбка и словоохотливость, съ небольшой подчасъ примѣсью обычнаго малороссійскаго юмора, столь свойственнаго нашимъ „дідамъ“, съ разу-же облегчили начало нашихъ разговоровъ. Вспомнивъ двухъ-трехъ общихъ знакомыхъ, тоже стариковъ изъ Тульчи, ихъ разсказы о старинѣ и пр., я съ разу навелъ старика на біографическія воспоминанія и т. д... Не замедлила явиться разумѣется и „чарочка“:

— „Вина не пью, спасибі вамъ!... Вже годъ десять не пью,— мені одъ ёго у грудяхъ якось важко... а отъ раки (водки) выпью!.. Вона мене тільки й на світі держить!“..., прибавилъ онъ съ добродушной усмѣшкой.

Скоро потомъ, въ очень деликатной формѣ, онъ освѣдомился у меня о цѣли моихъ разспросовъ и при этомъ прибавилъ:

— „Тутъ, бачите, приїздили одни... роспитувались... вони думаютъ, що я знаю, де запорожськи скарби позакопувані... Ге!... якъ-бы я знавъ!... хиба-бъ я самъ не догадався выкопати, а то отъ бачите!..., указалъ и онъ на свою сильно поношенную, почти нищенскую одежду, состоявшую изъ сѣраго полотнянаго „чекміня“, на-

дѣтаго сверхъ такого-же синяго, полотняныхъ шароваръ и „сирчуватихъ постолівъ“, родъ башмаковъ, изъ невыдѣланной свиной кожи, шерстью наружу.

Я объяснилъ старику, почему для меня важны его разсказы;— это его повидимому заинтересовало. Онъ сообщилъ мнѣ, что самъ видѣлъ книги, въ которыхъ говорилось о старинномъ днѣпровскомъ Запорожьѣ, и хотя самъ грамоты никогда не зналъ, но слышалъ, какъ читали другіе... Вообще мое любопытство по отношенію къ Запорожью очевидно было понято и принято съ замѣтнымъ удовольствіемъ... Старикъ очень охотно принялся уже было за продолженіе прерваннаго эпизода изъ войны запорожцевъ съ некрасовцами, когда я опять остановилъ его просьбою позволить мнѣ записывать его разсказы.

— „Эге... то коли такъ, що вы оце й писати будете, то нехай я вже вамъ розкажу зъ самого початку, якъ ще воно зъ початку вікá було!“...

Само собой разумѣется, что я поспѣшилъ попросить его объ этомъ и старецъ, принявши какъ будто-бы нѣсколько болѣе торжественный тонъ, началъ:

— „Бувъ, бачте, князь Юрикъ... Духоборці, значить були, чи якъ вамъ сказать... нашого Бога не знали, а ихъ, народу того 13 сортівъ було, а Юрикъ отой бувъ найдужчий... а іздили вони у Київъ... Та може вы сами це знаете, се-жъ у книзі пишеться, вы-жъ люди письменні!.. Ну, то ото-жъ іздили вони у Київъ, а Київъ благочестивий бувъ тоді, а вони насміхалися, що тамъ и книги и типографхвіи, и ото усе зъ того Юрика уставало. А у Київі воно отъ якъ повелось: Глібъ и Борисъ—князи тамъ були, то вони просили грецькихъ царівъ за граматнихъ людей,—отъ греческьки цари й послали до ихъ двохъ пресвитерівъ—Кирилія и Мехтодія, а тиі вже усе и устроіли по настоящому—и книги и печаті и типографхвіи, а Юрикъ у те времъя не приіздивъ у Київъ, то й не знавъ... А якъ вони вже ото поробили, тиі пресвитери, та выйшли собі звідти, то Мехтодій пішовъ у римську сторону, а Кирилій пішовъ у святугору. Отоді-жъ невірний князь Юрикъ, якъ довідавсь про се, то зібравъ свои 13-ть князівъ та й ставъ говорити: „яке право иміли греческьки цари присилати пресвитерівъ у нашу землю?! а соберемъ мы силу свою усю и підемъ воювать и Царяградъ візьмемо!“ А у

Царяграді старі люде вже знали се діло, що йде такий-то князь невірний и хоче Царяградъ узять,—то пішли вони у церкву, у Лахерню (тамъ церква така есть—Лахерня) и стали передъ иконою, передъ Матірью Божою и кажуть, що йде сила, невірна Литва и хоче насъ звоювать... А Матірь Божа у те время чудотворна була (то була явленна, а то чудотворна зробилась,—стала говорить зъ ими), то вона имъ каже: „візьмить вы мою ризу и станьте коло моря, бо вони йдуть флотомъ своимъ (тоді парусивъ не було, такъ гребли собі, який тамъ и флотъ бувъ!..), умочить мою ризу у море, та й тікайте, якъ можете сами, бо збунтуеться у морі вода: те що зверху було, те буде на споді, а те, що на споді було, стане зверху и пожре ихъ усіхъ и потопить!“ А князь Юрикъ узнавъ, що буде тая казнь на ихъ, що вытопить ихъ усіхъ до ноги—щобъ одна нога не осталась, то самъ не пішовъ, а вернувсь назадъ и була зъ имъ часть воинивъ и пішовъ вінъ у Бранськи лісá, у гору на Дніпрі, у свою землю. Отъ тамъ вінъ осівъ и присягнувсь німцеви: „мы тобі будемо служить, не хочемъ и жалуваньня, тільки дай намъ бумагу—бунчукъ, а мы сами себе будемо годувать (звістно розбійники!), а якъ хто воювати буде, дамо тобі помочи“... Вони й одъ поляка мали таку бумагу—одъ короля польського...

По скончении вікà польського короля, розбито Польщу на чотыри части и зроблено чотыри гетьманы на усю Польщу. То отиі польськи гетьманы набірали козаківъ-охотниківъ, жалуваньня имъ давали, и служили вони коло тихъ гетьманівъ... А у після довідались вони про Юрика, що вінъ на Дніпрі козакувавъ, та й почали до ёго втікати, а вінъ и радъ—приймавъ ихъ—годъ, два, три—вони туди й повтікали одъ панівъ, выйшли усі туды!... Оттамъ вони й жили у Чýті... Чута—се лісъ! Се у вершині Дніпра... то усе ліса такиі були: Чорний Лісъ и Великий-Лугъ и Байракъ и Чута... Чýта—дубина: нема ніякого лісу, тільки сама дубина... Оттамъ и Січа була, тамъ вона зачипалася... Тоді ще Київа мало й було,—Київъ называвсь *Берестий*, а вже потімъ назвавсь Київъ черезъ двохъ чоловікъ—одинъ *Кій* бувъ, а другий *Йовъ*... А козаки тиі, якъ ще у Чуті були, не звались ще Січъ, а звались Козары... Тамъ Дáнське озеро есть—нема на ёму ни комышу, ничого—а воно глыбоке—то недалеко одъ ихъ було... Ото-жъ за тую Чýту й пісня есть, якъ вони тамъ жили:

„У славній Січі, у Чуті,
Тамъ козаки проживали,
Изъ польскої обласки
Вони собі добичъ мали:
А дерли вони панівъ,
Дерли вони ляхіевъ,
А де-жидъ багатый,
До й того не минали“... и т. д. [1]).

Отъ вони чи годъ, чи два, чи три пожили тамъ, та й стали церкву робить. А Юрикъ бувъ идолопоклонецъ:—„на що, каже, тая церква вамъ, то козаки й втекли тоді... на шарахванські подá втекли... оці степи, що теперъ катеринославська, херсонська губернія—то вони звались шарахванські подá. Оттуди козаки й пішли: чотыри годы робили лодки—мостились усе, щобъ пороги перейти, а якъ выйшли, то лодки на собі несли, обносили пороги сухопутьтю. Оттоді вже й назвались вони запорожці... Вони Петрови служили, й Катерині служили... А коли князь Потемкинъ бувъ при Катерині (польскі паны й руські паны усе могли при Потемкині), отъ Потемкинъ и сказавъ, щобъ козаківъ повернути у москали, у салдаты... И що то тревоги було тоді! Калнишъ Грицько тоді Кошовымъ бувъ—а вінъ бувъ швець, то ото й казали: „якъ паномъ швець, то й Січі кінець!“... А після турецькоі війны запорожцямъ Катерина дарувала земли надъ Дністромъ, у Слободзеі—пониже Тирасполя... Вони тамъ и осіли. Кошовый Антонъ Головатый бувъ, то вінъ ото й вывівъ ихъ зъ Басарабіи зновъ підъ Херсонъ, а тамъ и далі вже... И про се пісня е, отъ нехай може пригадаю:

„Ой, тысяча-сімсотъ да девъяносто якъ и первого года,
Прийшовъ указъ одъ нашои цариці—зъ Петербурга города:
Ой щобъ панъ Чепіга, та панъ Головатый изібравъ усіхъ запорожцівъ,
А й зібравши усіхъ запорожцівъ, та йшовъ на кубанськи степи жити!“ и т. д.

Я не прерывалъ этого разсказа, нѣсколько поразившаго меня сначала своей очевидной книжностью, и считаю себя въ правѣ познакомить съ нимъ читателя, думая, что этотъ отрывокъ нельзя не

[1]) Пѣсня эта въ числѣ прочихъ сообщена нами въ ред. «Кіев. Стар.».

считать весьма характернымъ, дающимъ намъ понятіе не только объ уровнѣ историческихъ свѣдѣній средняго *неграмотнаго* дунайскаго запорожца, какимъ былъ Ананій, но отчасти и о томъ, какимъ путемъ сложились у него эти свѣдѣнія и представленія. Какой-то случайно попавшійся курсъ русской исторіи или книга по исторіи Украйны, отрывки изъ житій святыхъ, наконецъ народная пѣсня и устное преданіе старыхъ запорожцевъ,—все это, будучи прослушано съ очевиднымъ интересомъ и усвоено сообразно со вкусомъ и умственными потребностями слушателя, охотнѣе всего останавливающимися на военныхъ и религіозныхъ сюжетахъ, все это и составило матеріалъ тѣхъ историческихъ представленій, какія мы видимъ въ только что приведенномъ отрывкѣ. Само собою разумѣется, что это рядъ фактовъ или лучше сказать отдѣльныхъ картинъ, сдѣлавшихъ въ свое время впечатлѣніе на слушателя, рядъ хотя и страшно перепутанный хронологически, заставляющій Рюрика жить въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, отождествляющій его „разбойничью“ дружину то съ духоборцами (по вѣрѣ), то съ „невірною Литвою“ (признаться, нельзя было при этомъ не вспомнить Н. И. Костомарова), то наконецъ съ козачествомъ, но все таки представляющій собой нѣчто цѣльное и въ сущности очень осмысленное. Самый подборъ фактовъ въ этомъ отрывкѣ, происходившій, какъ мы говоримъ, сообразно вкусамъ и умственнымъ требованіямъ неграмотнаго человѣка, чрезвычайно интересенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ фигурируетъ именно то, что особенно занимало человѣка: племенная организація и федерація славянъ, св. мученики Борисъ и Глѣбъ, вмѣсто св. Владиміра, Кириллъ и Меѳодій, Кіевъ, какъ первый центръ не только христіанства, но и грамотности и вообще культуры, неуваженіе варяга-Юрика къ этой культурѣ и походъ его на греческихъ царей за водвореніе ея въ подвластномъ ему Кіевѣ, Литва, Польша, крѣпостное право и борьба съ панами, полное отсутствіе всякаго упоминанія о гетманствѣ и о Малороссіи, какъ объ извѣстной политической единицѣ, и напротивъ отождествленіе всей политической жизни Украйны съ судьбой Запорожья, точь въ точь какъ и въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ, которыя не пропускаютъ ни одного событія, непосредственно-близкаго народнымъ интересамъ, и совершенно игнорируютъ такіе крупные, повидимому, факты, какъ уничтоженіе гетманщины и т. п.

Къ этой характеристикѣ Коломийца, которая дается только что приведеннымъ нами началомъ его разсказовъ, прибавится еще довольно многое въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи. Теперь пока мы познакомимся съ его біографіей. Апапій Ивановичъ родился въ с. Велика-Ніщапа, недалеко отъ Балты, „теперъ мабуть камінецькой губерніи, а була винницька". Года своего рожденія онъ точно не указываетъ, но говоритъ, что во время раздѣла Польши, который онъ очень хорошо помнитъ, вслѣдствіе переполоха произведеннаго на его родинѣ замѣною уніатскихъ священниковъ православными, ему было около 7-ми лѣтъ или 10-ти лѣтъ [1]). На этомъ основаніи онъ считалъ себѣ во время нашего перваго свиданія съ нимъ, т. е. въ ноябрѣ 1881 г., 119 лѣтъ. Впослѣдствіи, когда свободное населеніе Украйны раздарено было вмѣстѣ съ землей разнымъ лицамъ, находившимся „въ случаѣ", Коломнецъ попалъ въ число крѣпостныхъ крестьянъ извѣстнаго Салтыкова: „Катерина подарувала земли й народъ увесь господамъ... Князь Салтыковъ заступивъ оти края... и я бувъ зъ салтыковскихъ людей",— эпически повѣствуетъ онъ объ этомъ обстоятельствѣ. „Оттоді-жъ почали й людей у москали брать, разсказываетъ онъ далѣе, зъ 500 чоловікъ одного салдата брали попереду, а у після вже й 2-хъ, и 3-хъ и 4-хъ зъ пятисотъ душъ, а тамъ якъ стали вже добре брати, то вже не питали, чи є души, чи нема,—абы тулубъ якъ бувъ"!... Эту судьбу пришлось испытать и Коломійцу. За два года до смерти Екатерины II-й, т. е. въ 1794 г., онъ взятъ былъ въ военную службу. Сначала онъ былъ опредѣленъ въ рекрутскую партію, а потомъ въ „вятскій церемонный полкъ", затѣмъ былъ переведенъ въ выборгскій гренадерскій полкъ и наконецъ въ первую армію. Въ теченіи этого времени онъ уже успѣлъ быть произведеннымъ въ унтеръ-офицеры, прослуживъ въ этомъ званіи два года, и наконецъ въ 1802-мъ году „втікъ". „Чутка пішла, говоритъ онъ, що наши за Дунаемъ, у Туреччині, що тамъ добре, та й дядько у мене тамъ бувъ... Отъ я собі думаю: „дай мені Господи тільки туды"!... Съ мѣста стоянки, находившейся около Одессы, Коломнецъ вмѣстѣ

---

*) Тутъ, какъ видно, Коломійцу измѣнила его память. Вмѣсто послѣдняго раздѣла Польши, надо разумѣть Колиївщину 1768 г., когда также шла усиленная замѣна уніатскихъ священниковъ православными.—Ред.

съ 15 товмрищами пробрался къ берегу Днѣстра, тамъ добрые люди перевезли ихъ на турецкую сторону и наконецъ, послѣ разныхъ приключеній, онъ попалъ въ рыболовный заводъ въ Мологу, къ какому-то турку, который вѣроятно воспользовался ихъ положеніемъ, какъ военныхъ дезертировъ, и продержалъ ихъ у себя въ теченіи цѣлыхъ 5-ти лѣтъ. Въ 1807 году „приїхавъ Турчинъ та й каже: „прийде московъ... не можна цімъ людямъ тутъ бути", далъ имъ денегъ и они отправились въ Измаилъ, дошли до Табаки, „а у Табакахъ 14-го февраля москаль перейшовъ, та усе за нами: вінъ не дожене, а мы не втечемъ"!... Наконецъ они ушли въ Молдавію, гдѣ и „бурлаковали" до 1811 года, когда въ придунайскихъ княжествахъ происходила провѣрка населенія смѣшанными коммисіями изъ депутатовъ русскаго, турецкаго и румынскаго правительствъ. При этой провѣркѣ они объявили себя турецкими подданными, чего оказалось достаточнымъ, чтобы получить отъ турецкихъ коммиссаровъ „беплягівъ" по „стопарнику" (50 сант.) и съ напутствіемъ: „запорожанъ—козакъ—гайда"! быть отправленнымъ въ Сеймены, село пониже Силистріи, по ту сторону Дуная, гдѣ находился въ то время запорожскій Кошъ. Такимъ образомъ, послѣ девятилѣтнихъ скитаній и бурлачества, Коломийцу удалось наконецъ попасть на Сѣчь. Еще по дорогѣ туда какой-то козакъ Иванъ посовѣтовалъ ему записаться въ платнирівській курень: „йди брате у курінь платнирівський- курінь добрый—зъ насъ и паны, зъ насъ и отаманы"!... „А тамъ тоді за отамана бувъ Малюта, то той мене й принявъ... то такъ я й зробивсь запорожцемъ", разсказываетъ онъ. Съ этого времени, т. е. съ 1811 года, Коломиецъ становится уже очевидцемъ и участникомъ запорожской жизни за Дунаемъ и поэтому воспоминанія его пріобрѣтаютъ полный интересъ. Вмѣстѣ съ прочими запорожцами онъ участвовалъ въ походахъ противъ некрасовцевъ, въ переселеніи изъ Сейменовъ на устья Дуная, сначала въ Катирлезъ, а потомъ на постоянное мѣсто Коша на Дунавецъ. Въ дальнѣйшихъ военныхъ экспедиціяхъ запорожцевъ Коломиецъ не участвовалъ, за исключеніемъ одного случая, да и то не имѣвшаго чисто-военнаго характера, когда отрядъ запорожцевъ былъ вытребованъ въ Константинополь для земляныхъ работъ по устройству каузовъ. „На Серба не ходивъ—наймавъ за себе козака", что, какъ увидимъ далѣе, съ грѣхомъ пополамъ

практиковалось на Сѣчи далеко не рѣдко, особенно людьми располагавшими извѣстными средствами. Судя по разсказамъ Коломийца, онъ принадлежалъ къ числу именно такихъ, болѣе привилегированныхъ членовъ казацкой общины: „у Дунавці було парівъ (денегъ) у мене тропки, а тутъ ще дядько бувъ—у ёго карманы були (заводы), то я тутъ у Катирлезі більше й терся... Одинъ заводъ сплативъ ёму, а другий оставсь після ёго смерти". Затѣмъ въ 1821 году Коломиецъ вернулся въ Россію. О причинахъ своего возвращенія онъ самъ говоритъ, что „черезъ те й пішовъ, що греческий розмиръ починавсь: якъ-би не пішовъ, то хто ёго зна, за яку віру й голову-бъ прийшлось нести"!.. Возвращеніе Коломийца въ Россію было фактомъ не единичнымъ, какъ увидимъ далѣе, это было цѣлое движеніе, во главѣ котораго стоялъ одинъ аѳонскій архимандритъ Филаретъ, ставившій главнымъ мотивомъ этого движенія непристойность христіанамъ сражаться вмѣстѣ съ магометанами противъ христіанъ. Разумѣется, кромѣ этого, такъ сказать, высшаго побужденія, на рѣшеніе Коломийца оставить Сѣчь легко могло вліять и просто нежеланіе участвовать въ походѣ, при несогласіи товарищества на замѣну личной службы наймомъ, какъ это онъ сдѣлалъ въ походѣ противъ Сербіи. Въ Россіи онъ жилъ на Ганськихъ степяхъ, возлѣ Одессы и тамъ-же, имѣя уже около 60-ти лѣтъ, женился. Надоѣла-ли потомъ привыкшему къ бурлацкой жизни сѣчевику монотонная семейная обстановка, или просто взяла верхъ привычка къ свободнымъ дунайскимъ плаваніямъ, но въ 1828 г. онъ склоняется на приглашеніе козака Губы, эмиссара бывшаго Кошевого Гладкого, и отправляется опять за Дунай, куда въ то время вернулся и Гладкій и собиралъ опять козаковъ на прежнія мѣста, такъ какъ назначеніе козаковъ, передавшихся вмѣстѣ съ Гладкимъ Россіи, не было еще рѣшено въ виду неизвѣстности, кому еще будутъ принадлежать устья Дуная. Съ Гладкимъ однако Коломиецъ не сошелся и послѣ полуторагодичныхъ препирательствъ не послѣдовалъ за нимъ подъ Азовъ, а остался за Дунаемъ, на этотъ разъ уже навсегда. „Тутъ ерикъ бувъ у мене на Горгові, говоритъ онъ объ этомъ періодѣ своей жизни, живъ собі, рыбаливъ, капканами охотничівъ, ...живъ собі... Діти повмірали, усе перемерло—отъ оставсь, якъ бачите!.. що було, то дітямъ та зятямъ порозтягавъ... а самъ оттакъ-о!"...

Но какъ ни слабы повидимому связи старика съ его родиной, столѣтняя, полная приключеній жизнь все таки не изгладила у него глубокой привязанности къ родной сторонѣ. „Отъ бачите, Х—ъ К—чь“, говорилъ онъ мнѣ, разсказавши свою біографію, „мою нужду й горе й літа мої... сто девятнадцять годъ лічу вже... а отъ повірите, якъ-бы можна було, заразъ-бы пішовъ туди, у Россію, на восточну сторону!!. Вы думаете, не найшовъ-бы дороги? э.. э..!!..

Раза два или три я посѣтилъ Коломийца въ его жилищѣ. Въ Катирлезѣ онъ жилъ у своей пріемной дочери, въ маленькой избенкѣ, очень бѣдной и не приглядной. Своего онъ ничего уже не имѣлъ, но это въ значительной степени замѣнялось общей симпатіей и уваженіемъ, какими онъ пользовался среди тамошняго населенія, никогда не забывавшаго по возможности угостить старика и съ большимъ интересомъ слушавшаго его разсказы...

Въ сентябрѣ настоящаго года, благодаря любезному содѣйствію редакціи „Кіевской Старины“, я имѣлъ возможность еще разъ увидѣться съ Коломийцемъ. Но это уже было печальное свиданіе, сдѣлавшее на меня крайне тяжелое впечатлѣніе. Простудившись прошлой зимой, Ананій Ивановичъ заболѣлъ, лишился глаза и рѣшилъ переѣхать на жительство въ с. Нижній-Дунавецъ, въ 2-хъ 3-хъ верстахъ отъ Верхняго-Дунавца, мѣсто бывшей Сѣчи. Пріѣхавши въ Н. Дунавецъ, мы съ моимъ спутникомъ по путешествію разыскали хату его „годованця“ Тимоша Коломійченка и нашли старца во дворѣ, сидящимъ на землѣ, прислонившись спиною къ какой-то бревенчатой клѣткѣ, въ которой заперты были свиньи. Бѣдный старикъ былъ уже на половину слѣпъ (одинъ глазъ совсѣмъ вытекъ), съ отнятыми параличемъ ногами, нижняя челюсть отвисла, лицо приняло совсѣмъ уже безсмысленное выраженіе—словомъ, какъ говорится, на краю могилы. Несмотря на это, старикъ не только узналъ меня, но видимо обрадовавшись моему пріѣзду, даже припомнилъ самъ мое имя и отчество... Но говорить съ нимъ было уже трудно... „Не чуе сіромський дідъ... ничого не чуе!“—объяснялъ намъ едва поднявшійся отъ земли его названный внукъ... Старикъ чрезвычайно быстро утомлялся, начиналъ повторяться, путать событія и т. д... Не помогала уже и „чарочка“... Тѣмъ не менѣе мы все таки, сколько было возможно, бесѣдовали и результатомъ этихъ бесѣдъ были тѣ, во многомъ очень интересныя допол-

ненія къ прежнимъ воспоминаніямъ Коломийца, которыя читатель найдетъ напечатанными здѣсь-же. Исполнить-же желаніе уважаемаго редактора „Кіевской Старины", относительно снятія съ Коломийца фотографическаго портрета, оказалось не только крайне труднымъ, за невозможностью привезти старика въ ближайшій городъ, но и безполезнымъ, такъ какъ сдѣланный мною въ прошломъ году набросокъ карандашемъ дастъ гораздо болѣе понятія о внѣшности послѣдняго задунайскаго сѣчевика, чѣмъ всякая фотографія, которая могла-бы быть снята въ теперешнемъ его положеніи [1])...

Какъ видно изъ сдѣланнаго нами біографическаго очерка, Коломиецъ не игралъ никакой особенно значительной роли въ своей запорожской средѣ и не принималъ никакого, сколько нибудь выдающагося участія въ событіяхъ, составляющихъ исторію задунайской Сѣчи. Благодаря этому, личный элементъ почти совершенно отсутствуетъ въ его воспоминаніяхъ, что придаетъ его разсказамъ чрезвычайно симпатичный оттѣнокъ какого-то эпическаго, почти лѣтописнаго безстрастія и разумѣется много располагаетъ вѣрить въ ихъ полную правдивость. Очень много значило конечно вполнѣ сознательное отношеніе Коломийца къ цѣли записыванія его разсказовъ:—„пишіть, пишіть, Х—ъ К—чъ! не разъ повторялъ онъ мнѣ въ Катирлезѣ. Воно правда... отъ уже молодь оця... ничого вже не знають, якъ що було... а якъ у книзі буде, до й черезъ сто, черезъ двісті годъ хто схоче, той и прочита... хто у цёму силу зна"... Коломиецъ, какъ убѣдится читатель далѣе, далеко не идеализируетъ запорожскую жизнь, по крайней мѣрѣ—за Дунаемъ, напротивъ его отношеніе къ ней скорѣе можно назвать пессимистическимъ... Всѣ эти качества дѣлаютъ разсказы Коломийца матеріаломъ чрезвычайно цѣннымъ, независимо даже отъ того, что они представляютъ собою единственныя пока, сколько нибудь обстоятельныя свѣдѣнія о данномъ предметѣ.

I.

Въ приведенномъ нами выше началѣ своихъ воспоминаній, Коломиецъ оканчиваетъ свой разсказъ упоминаніемъ о томъ, что запорожцы сначала получили землю на Буджакѣ и затѣмъ подъ предводительствомъ Головатого были отправлены за Кубань, для

[1]) Портретъ этотъ будетъ приложенъ къ одной изъ слѣд. книжекъ.—Ред.

чего и выступили изъ Слободзеи подъ Херсонъ. „Оттамъ підъ Херсономъ", продолжаетъ онъ свой разсказъ далѣе, „уже й разділение ихъ було. На трое вони розбились: одни прийшли сюди до турчина, друга частина до Малтиза пішла, на Малтизькі острова... Малта—знаете?!, ну а треті то вже підъ Москалемъ остались—тихъ погнали на Кубань, у чорноморці повернули"... Ушедшіе-же „підъ Турка" запорожцы отправились моремъ въ Аккерманъ, находившійся тогда еще въ турецкихъ предѣлахъ.

Такимъ образомъ разсказываетъ Коломиецъ о раздѣленіи запорожцевъ, предшествовавшемъ выселенію части ихъ „підъ Турка". Въ этомъ разсказѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что время отдѣленія и эмиграціи части запорожцевъ за Дунай отодвинуто на цѣлыхъ 16-ть лѣтъ, сравнительно съ указаніями Скальковскаго, и связано не съ фактомъ разоренія Новой Сѣчи, а съ фактомъ переселенія запорожцевъ на Кубань. Кромѣ того въ этомъ разсказѣ фигурируетъ обстоятельство, на которое нѣтъ ни малѣйшаго указанія ни у Скальковскаго, ни гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ—выселеніе части запорожцевъ на островъ Мальту. Если мы сопоставимъ это мѣсто изъ разсказа Коломийца съ прямымъ заявленіемъ Скальковскаго о томъ, что во время разоренія Сѣчи тысячъ около пяти козаковъ успѣло уйти на човнахъ внизъ по Днѣпру въ предѣлы турецкаго владычества и тамъ испросить себѣ позволеніе поселиться за Дунаемъ, а также обратимъ вниманіе на то, что, по разсказу Коломийца, въ Аккерманъ изъ подъ Херсона „ихъ малая часть прийшла—може чоловіка двісті, триста—тільки 10 дубівъ и було!..", то приходится прійти къ заключенію, что кромѣ хронологической путаницы въ разсказѣ Коломийца объ этомъ, заключается еще и смѣшеніе событій. По всей вѣроятности Коломиецъ смѣшиваетъ слышанный имъ гдѣ нибудь разсказъ о можетъ быть дѣйствительно бывшемъ отдѣленіи части черноморцевъ во время передвиженія ихъ изъ Слободзеи на Кубань съ большимъ выселеніемъ, имѣвшимъ мѣсто послѣ разоренія Сѣчи и сопровождавшимся формальнымъ договоромъ запорожцевъ съ турецкимъ правительствомъ объ условіяхъ ихъ поселенія на устьяхъ Дуная. Несомнѣнно, что передвиженіе запорожцевъ за Дунай произошло не сразу, а совершалось въ теченіи многихъ лѣтъ болѣе или менѣе большими партіями, выселеніе одной изъ которыхъ извѣстное Коломийцу и

могло подать поводъ къ смѣшенію этого эпизода съ первымъ передвиженіемъ „підъ Турка". На предполагаемое нами смѣшеніе указываетъ и та пѣсня о выходѣ запорожцевъ за Дунай, которую, по словамъ Коломийца, співали запорожці, якъ втікали:

Ой чого, чого запорожци
Тай смутни, невеселі стали?
Ой що обступили превражі драгуни
Та й усіма сторонами...
Эй оступили превражи драгуні
Усі степи та й усі плавні,
Пішли наши запорожци
Не зъ добра, а зъ печали.
Ой якъ утікали, то усе забрали
И изъ церковъ иконы,
Тільки покидали золотую збрую
Та ворони кони...
Ой пустилися наши запорожци
Черезъ море дубами,
Ой якъ оглянуться до Старои Січи,
Умиваються слізами.
Ой изходились да у кінець Дунаю
Та до купы лиманы,
Бо тамъ нашихъ запорожцівъ
Сорокъ тысячъ проживали...

(Зап. отъ А. Коломійца въ Катирлезѣ).

Пѣсня эта очевидно относится къ выходу запорожцевъ послѣ разоренія Сѣчи, окруженной драгунами Текелія, на которую оглядывались, „умиваючись слёзами", уходившіе запорожцы. Упоминаемое въ этой пѣснѣ оставленіе запорожцами своихъ коней и оружія и взятіе ими съ собой только иконы мы находимъ также и въ разсказѣ Коломийца. Онъ говоритъ, что запорожцы уходя взяли изъ сѣчевой церкви только одну икону Покрова, бывшую, какъ извѣстно, престольнымъ образомъ Сѣчи... Кромѣ того, по разсказу Коломийца, уходившіе взяли съ собой и запорожскія грамоты: „беріть, говорили остававшіеся, вы йдете у чужу землю, вамъ треба буде, и оддали имъ, и бунчуки оддали, и права таі запорожськи, що вони заслужили".

Икону впрочемъ запорожцы на лодки не взяли, а ее положили въ „бисаги“ и понесли съ собою тѣ 40 человѣкъ, которые отправились въ Аккерманъ пѣшкомъ. „Дуже важко було, разсказываетъ Коломиецъ, діды сварились: бачъ, бісивъ сыну, чи ты памятаешъ, якъ ты бисаги съ иконою на дорогу кинувъ?! важко було икону нести!“ За то другая пѣсня, записанная въ Тульчѣ отъ Сидора Теліги, говоритъ прямо о выходѣ за Дунай *послѣ* перевода запорожцевъ съ Днѣстра на Кубань и мотивируетъ этотъ выходъ именно отнятіемъ у запорожцевъ земель, данныхъ имъ въ Бессарабіи и раздачею этихъ земель помѣщикамъ:

Ой Боже-жъ нашъ милостивый.
Ой Боже милостивый,
Що породились мы
Въ світі нещастливи.

* * *

Ой хотіли-жъ мы
А земли заслужити,
Абы у волности
Хочъ віку дожити.

* * *

Ой служили-жъ мы
На земли, на мори,
Теперъ зосталися
И боси и голи.

* * *

Дарували-жъ намъ землю
Одъ Дністра до Бугу,
А ярыницею
По бендерську дорогу.

* * *

Дарували, дарували
Та й назадъ одібрали,
А нашую землю
На вражихъ паниръ роздали.

* * *

Дарували, дарували
Та й назадъ одібрали.

А насъ козаченькивъ
На Кубань-рiчку заслали.

* * *

А мы-жъ козаченьки
Тамъ не схотiли жити.
Посiдали на лодочки
Та за Дунай махнули.

Кромѣ этой, мы имѣемъ еще нѣсколько пѣсень подобнаго-же содержанія. Въ одной изъ нихъ, варіантѣ только что приведенной, говорится, что козаковъ „въ уланы забрали", въ другой (плохой варіантъ которой былъ напечатанъ въ іюньской книгѣ „Кіевской Старины") земли между Днѣстромъ и Бугомъ даетъ уже „турецький царь", но тѣмъ не менѣе вслѣдствіе невозможности жить на этихъ земляхъ „за проклятыми панами", запорожцы все таки рѣшаются уходить за Дунай. Изъ всего этого мы имѣемъ основаніе думать, что дѣйствительно выселеній за Дунай было нѣсколько и одно изъ нихъ, происходившее послѣ выхода на Кубань, было пріурочено Коломийцемъ къ главному переселенію послѣ разоренія Сѣчи, такъ точно какъ пріурочивается очень часто имя Харька (Захарія Чепіги) къ пѣснямъ „про руйнованьня Січи", какъ имена и событія разоренія Новой Сѣчи пріурочиваются къ пѣснямъ о разореніи Старой и т. п. Что касается затѣмъ переселенія части запорожцевъ на островъ Мальту, то это обстоятельство остается для насъ неяснымъ, такъ какъ намъ рѣшительно неизвѣстно никакого указанія на что нибудь подобное въ исторической литературѣ, за исключеніемъ развѣ сообщенія одного изъ спеціалистовъ по исторіи Украйны, которому мы писали объ этомъ, что ему приходилось встрѣчать гдѣ-то упоминаніе о запорожцахъ на Мальтѣ, но онъ, не сдѣлавши во время замѣтки, не можетъ припомнить, гдѣ именно. Что это обстоятельство не есть просто измышленіе или случайная ошибка Коломийца, происходящая отъ какого-нибудь смѣшенія собственныхъ именъ, или чего нибудь въ этомъ родѣ, а нѣчто имѣющее свое основаніе въ прошломъ, за это ручается фактъ существованія слѣдующей пѣсни, записанной нами отъ того-же Коломийца, съ поясненіемъ, что „цю пісню то-жъ запорожці співали, якъ втікали до турчина:

„Ой повійте вітри та усе низовні
Та на наши лодки та усе дубовиі,
А на наши реи та усе кедровиі,
На наши паруса—та усе шовковиі!..
Эй зажурився сивый соколочокъ:
Эй бідна наша, наша головочко,
А що не у купі наши браты сіли.
Наши браты сіли та й пісні заспіли—
Одинъ у москаля, другий у турчина,
Третій у Малтиза служить за одежу.
И той гірко плаче за польскую межу:
„Ой ты москаль, ой ерстенный сыну,
Запропастивъ Польшу—ще й нашу Вкраину!“

Эта пѣсня во всякомъ случаѣ показываетъ намъ, что извѣстіе Коломийца о выходѣ части запорожцевъ на островъ Мальту (можетъ быть изъ этой-же пѣсни имъ и почерпнутое) должно имѣть какое-то реальное основаніе. Мы тѣмъ болѣе расположены думать такимъ образомъ, что, какъ увидимъ далѣе, на ряду съ этимъ въ разсказѣ Коломийца есть еще одно, достаточно неожиданное, но вполнѣ вѣрное указаніе на аналогичный и до сихъ поръ очень мало извѣстный фактъ, а именно на пребываніе запорожцевъ въ Банатѣ. Но возвратимся пока къ дальнѣйшему ходу событій по разсказу Коломийца.

Въ Аккерманѣ запорожцы пробыли недѣлю. Немедленно-же по прибытіи они отправили въ Константинополь депутацію изъ 40 человѣкъ, „по чоловіку одъ куріня“, просить разрѣшенія поселиться на устьяхъ Дуная. Интересно, что, по мнѣнію Коломийца, посылкою этого количества депутатовъ запорожцы хотѣли заявить турецкому правительству о переселеніи на берега Дуная чуть-ли не всего войска запорожскаго въ полномъ его составѣ, т. е. по тысячѣ человѣкъ, въ куренѣ. „А ихъ, кажу вамъ, не було стільки, говоритъ Коломиецъ, упісля бувало може й більше—а тоді не було!“ Трудно разумѣется сказать, дѣйствительно-ли запорожцы хотѣли просто обмануть турокъ на счетъ своей численности, какъ они это дѣлали неоднократно потомъ съ цѣлью полученія большаго количества провіанта и жалованья, или-же они хотѣли заявить только о предполагаемомъ количествѣ своего войска въ будущемъ, но очень вѣ-

роятно то, что турецкое правительство помимо вопроса о численности запорожцевъ, кажется, не очень торопилось принимать ихъ „подъ свою высокую руку“, относясь къ нимъ, какъ къ элементу не особенно постоянному и притомъ очень связанному съ своей родиной и съ сосѣдней Москвой единствомъ религіи. Указаніе на это мы находимъ въ одной пѣснѣ, записанной нами также у Коломийца. Мы рѣшаемся привести эту пѣсню также цѣликомъ, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ не только замѣчательно серьезное и подробное изложеніе событій, но и объясненіе этихъ событій съ точки зрѣнія самого сложившаго эту пѣсню народа.

Ой москалю, ой москалю,
Ой що такъ худо робишъ?
А що наше славне Запорожьжя
Усе у конець переводишъ:
Ой не жалуйте запорожци
Вы на московськи генерали,
А жалуйте запорожци
Да на свои вражи паны.
Бо вони паны-прѣбісови-сыны,
А уже вони поробили,
Що усі степи, усі плавні
Москалеви уручили!...
А теперъ наши запорожци
У великому жалю—
Що не знали кому поклониться
Да которому царю!...
Поклонилися-бъ мы восточному,
Тай той насъ не приймае—
Ходимъ служити мы до турчина:
Турчинъ насъ добре знае!
„Ты турецкий царю, ты турецкий царю,
Змилуйся надъ нами,
Прийми насъ у свою землю курінями!“
—„Ой радъ-же-жъ я, запорожци,
Вашу волю вчинити,
Коли-жъ все будете, славни запорожци,
Мені зміну робити!“

„Мы не будемъ—ты турецький царю,
Тобі зміны робити,
Бо насъ присяже усіхъ сорокъ тысячь
Тобі вірно служити!“...

(Зап. отъ А. Коломийца въ Катирлезѣ).

Приводя эту пѣсню, мы впрочемъ считаемъ необходимымъ замѣтить, что она очень легко можетъ относиться и не къ описываемому нами времени, но къ разоренію Старой Сѣчи въ 1709 г. и тогдашнему выходу запорожцевъ въ турецкіе предѣлы. Поводомъ къ этому сомнѣнію служитъ для насъ то, что по словамъ пѣсни „восточный“, т. е. московскій царь, запорожцевъ не принимаетъ, чего нельзя было сказать послѣ разоренія Новой Сѣчи, но очень возможно было послѣ уничтоженія Старой[1]). Но съ другой стороны соціальное положеніе Украйны и войска запорожскаго, указываемое пѣсней, гораздо больше подходитъ ко времени послѣднихъ дней Запорожья. Какъ-бы то ни было, но переговоры съ турецкимъ правительствомъ все-таки увѣнчались успѣхомъ, депутаты отъ лица своихъ товарищей принесли султану присягу и по возвращеніи ихъ въ Аккерманъ, говоритъ Коломиецъ, запорожцы тронулись въ путь.

Но оказывается, по разсказу Коломийца, что запорожцы отправились вовсе не въ турецкія владѣнія, на устья Дуная, а поднялись по Дунаю вверхъ и, заключивши договоръ съ „німецькимъ царемъ“, т. е. съ австрійскимъ императоромъ, поселились въ „німещині“. „Коло Сербіи, разсказываетъ Коломиецъ, есть, оттамъ десь, городъ *Панчулова* (Pančova), то отамъ вони й осіли. Тамъ такъ—по одинъ бікъ Сербія, а черезъ Дунай, по другий бікъ—німещина!“ Какъ фактъ переселенія запорожцевъ въ австрійскія владѣнія, такъ и мѣсто ихъ пребыванія тамъ указываются разсказомъ Коломийца почти совершенно вѣрно, разница съ истиной только хронологическая, зависящая отъ смѣшенія выхода запорожцевъ въ Турцію послѣ перевода ихъ на Кубань съ выходомъ въ 1775 году. Дѣйствительно мы имѣемъ извѣстія, что въ 1785 г. запорожцы вышедшіе въ Турцію обратились черезъ начальника австрійскаго гарнизона въ Яссахъ кап. Будеуса къ австрійскому правительству съ просьбою

---

[1]) Соловьевъ. XVI, 37.

объ отведеніи имъ земли для жительства на австрійской границѣ. Предложеніе это было принято и запорожцы по указанному имъ маршруту черезъ Трансильванію и Венгрію переселились на отведенныя имъ мѣста въ Банатѣ, на берегахъ Тиссы и въ бачскомъ комитатѣ, около города Zenta. На основаніи договора заключеннаго съ австрійскимъ правительствомъ запорожцы получали землю на вѣчныя времена, за что обязаны были нести службу въ случаѣ войны. При этомъ запорожцы сохраняли самостоятельность своего внутренняго управленія, съ правомъ самимъ выбирать Кошеваго и куренныхъ атамановъ, распредѣлять между собою отведенныя имъ земли, судиться собственнымъ судомъ и по своимъ войсковымъ обычаямъ. Національныя особенности запорожцевъ также были вполнѣ признаны австрійскимъ правительствомъ, начиная съ одежды и кончая вооруженіемъ. Всѣхъ переселенцевъ по современнымъ извѣстіямъ австрійскихъ газетъ и отдѣльной брошюры, написанной австрійскимъ офицеромъ Гендльовичемъ, оказалось около 8,000 чел. и первое основанное ими центральное поселеніе получило названіе Сѣчи (Setscha) [1]). Дальнѣйшая судьба переселившихся въ Банатъ запорожцевъ на основаніи историческихъ источниковъ остается неизвѣстною. О предположеніяхъ, въ родѣ сдѣланнаго Головацкимъ, что запорожцы постепенно вымерли вслѣдствіе своей безбрачной жизни, нечего и упоминать. Нельзя согласиться также и съ предположеніемъ уважаемаго автора цитируемой нами замѣтки въ „Кіев. Стар.“, что потомство запорожцевъ сохранилось въ Банатѣ и до сихъ поръ, въ видѣ украинскаго населенія села Керештуры въ бачскомъ комитатѣ. Мы удивляемся, какъ г. В. А., принимая этихъ банатскихъ русиновъ за потомковъ запорожцевъ, не обратилъ вниманія на то, что въ той-же самой статьѣ, на которую онъ ссылается [2]), прямо указывается на происхожденіе этихъ русиновъ: „тѣ русины воеводиньськи уже передъ стома роками выйшли зъ горъ карпатскихъ и поселились на урожайной низинѣ коло Керестуре... и не покинули анѣ свого родного языка, анѣ письма, анѣ вѣры своеи“. Они дѣйствительно не покинули ни своей вѣры, ни своего языка,

[1]) «Кіевская Старина», іюнь, 1882 г., 519—532.

[2]) «Письмо зъ Просвѣты», I сѣчня, 1879 г., ч. I, стр. 4.

такъ какъ, судя по ихъ письму, напечатанному въ бывшемъ органѣ „Просвіты“, оказывается, что они говорятъ языкомъ карпаторусскимъ, но ничуть не тѣмъ „чистымъ малорусскимъ языкомъ“, на которомъ безъ сомнѣнія говорили запорожцы и который приписывается банатскимъ русинамъ авторомъ замѣтки въ „Кіев. Стар.“, не могущимъ не знать, какъ рѣзко отличаются эти нарѣчія украинскаго языка другъ отъ друга. Допуская разумѣется возможность того, что нѣкоторое количество запорожцевъ и могло остаться въ Банатѣ, смѣшавшись потомъ съ переселившимися туда карпато-руссами, мы находимъ болѣе естественнымъ предположить, что, согласно съ разсказомъ Коломийца, запорожцы вышли изъ Баната и переселились въ Сеймены. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Сеймены дѣйствительно находятся на пути изъ Баната въ Добруджу, куда, какъ мы увидимъ далѣе, запорожцы не могли переселиться съ разу. Нѣтъ разумѣется никакихъ основаній принимать на вѣру ту легендарную причину, по которой запорожцы принуждены были удалиться изъ Баната, т. е. убійство какимъ-то Янчо „племенниці німецького короля“, но самый фактъ переселенія въ Сеймены по нашему мнѣнію совершенно правдоподобенъ, такъ какъ пребываніе запорожцевъ въ Сейменахъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Во всякомъ случаѣ фактъ пребыванія запорожцевъ въ Банатѣ и дальнѣйшаго передвиженія ихъ въ Сеймены по нашему мнѣнію можно считать установленнымъ. Но спрашивается, гдѣ-же были вышедшіе послѣ разоренія Сѣчи запорожцы до времени ихъ переселенія въ Банатъ, т. е. до 1788 г.? Обыкновенно принято думать, что запорожцы, уйдя изъ Россіи, тогда-же поселились на устьяхъ Дуная и именно на островѣ Понтисъ-Лети, находящемся между Сулинскимъ и Килійскимъ гирлами, при чемъ указывается даже урочище Гедрилле-Богозы, на берегу Дуная, гдѣ будто-бы было мѣстопребываніе задунайской Сѣчи [1]). Это какъ будто-бы подтверждается до нѣкоторой степени и замѣткой г. Левченка [2]), въ кото-

---

[1]) Матер. для геогр. и статист. Рос., собр. офиц. ген. шт. Бессарабская область. составл. кап. Защукомъ, 1862 г., стр. 529, со ссылкой на Хронологич. обозр. исторіи новор. края. II, 116.

[2]) «Кіевск. Стар.», май 344—345.

рой онъ, со словъ знакомаго ему офицера, бывшаго на Лети во время послѣдней войны, указываетъ на селенія Лети, Сатановъ, Перевозъ и проч., какъ на мѣстожительство запорожцевъ, давшихъ будто-бы свое имя цѣлому острову. Но ни въ воспоминаніяхъ Коломийца, ни въ нашихъ собственныхъ изслѣдованіяхъ по этому поводу, мы не находимъ никакого подтвержденія этому мнѣнію. Намъ лично не пришлось посѣтить эти указываемыя г. Левченкомъ слободы, но, бывая въ Сулинѣ (верстахъ въ 10-ти отъ Лети) да и во всей Добруджѣ, мы встрѣчались не съ однимъ десяткомъ лицъ или живущихъ на островѣ Лети въ вышеупомянутыхъ слободахъ, или прежде жившихъ тамъ и очень близко знающихъ эти мѣста, и ни отъ одного изъ этихъ лицъ мы не слышали ни малѣйшаго указанія на то, чтобы тамъ жили запорожцы массою, въ видѣ болѣе или менѣе постояннаго населенія, и вообще *во всей дунайской Дельтѣ и Добруджѣ мы не нашли ни одного воспоминанія о пребываніи тамъ запорожской Сѣчи до перенесенія ея изъ Сеймень въ Дунавецъ*, т. е. до 1812—23 г. Если нѣкоторые жители Лети и прочихъ селеній и выдавали себя бывшему тамъ офицеру за потомковъ запорожцевъ, то это могло быть очень естественно, такъ какъ вообще трудно найти въ этихъ мѣстностяхъ хоть одинъ уголокъ, куда-бы не заходили оставшіеся послѣ 1828 г. и разсѣявшіеся по всей дунайской Дельтѣ запорожцы и гдѣ-бы не встрѣчались болѣе или менѣе прямые ихъ потомки, а кромѣ того происхожденіе отъ запорожцевъ считается и до сихъ поръ на устьяхъ Дуная почетнымъ и очень часто приписывается себѣ позднѣйшими переселенцами ради нѣкотораго хвастовства. Такимъ образомъ существованіе запорожской Сѣчи на дунайской Дельтѣ до начала настоящаго столѣтія представляется намъ очень сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что, познакомившись съ географіей и условіями жизни въ низовьяхъ Дуная, трудно даже и допустить, чтобы въ этихъ мѣстахъ, особенно сто лѣтъ тому назадъ было возможно такое во всякомъ случаѣ многолюдное поселеніе, какъ Кошъ. На устьяхъ Дуная и въ настоящее время, за исключеніемъ Вилкова, Киліи, Сулины, Катирлеза, Кара-Ормана и Дунавца, всѣ остальныя населенныя мѣста представляютъ собою болѣе или менѣе только рыбачьи стоянки, перечисленныя-же нами мѣста или были заняты некрасовцами, или-же были неудобны для сколько нибудь крупнаго населенія; во

всякомъ случаѣ въ нихъ не сохранилось ни малѣйшаго слѣда воспоминаній о существованіи тамъ когда нибудь Сѣчи, тогда какъ вообще память о запорожцахъ еще очень жива во всей этой странѣ. Въ виду всего сказаннаго, намъ остается только предполагать, что въ теченіи десятилѣтняго періода, предшествовавшаго выходу запорожцевъ въ Банатъ, т. е. до 1785 г., правильной Сѣчи на устьяхъ Дуная вѣроятно не существовало вовсе, а запорожцы жили отдѣльными небольшими рыбальскими ватагами, разбросанными по всей дунайской Дельтѣ, преимущественно-же около бессарабскихъ лимановъ, Вилкова, Киліи, Лети и можетъ быть съ центромъ въ упомянутомъ выше Гедрилле-Богозы, нами нигдѣ на картахъ не разысканномъ. Свои предположенія о географическомъ расположеніи запорожскихъ ватагъ мы дѣлаемъ на основаніи того, что, по разсказамъ Коломийца, во время пребыванія запорожцевъ въ Сейменахъ, они выходили съ своими рыбальскими заводами именно въ эти мѣста и имѣли тамъ даже небольшіе рыбачьи поселки. Впослѣдствіи, въ виду трудности пребыванія на устьяхъ Дуная вмѣстѣ съ хорошо организованными и укрѣпившимися уже тамъ некрасовцами, разсѣянные запорожцы принуждены были соединиться для передвиженія въ Австрію. Часть-же запорожцевъ все таки оставалась еще на устьяхъ Дуная, такъ какъ мы имѣемъ указанія, что въ 1806-мъ году, по приглашенію генерала Михельсона, нѣкоторое количество запорожцевъ вернулось въ Россію и вошло въ составъ усть-дунайскихъ полковъ [1]). Что-же касается причины переселенія запорожцевъ въ Австрію, то тѣ войны съ некрасовцами, которыя предшествовали потомъ перенесенію Сѣчи на Дунавецъ и о которыхъ мы будемъ

---

[1]) Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что употребляемое г. В. А. названіе запорожской Сѣчи за Дунаемъ — *Усть-Дунайскою* — совершенно неправильно и можетъ нести только къ недоразумѣніямъ. Задунайская Сѣчь такимъ образомъ никогда не именовалась, назвали-же они себя просто запорожцами, а Сѣчь свою задунайскою. Эта терминологія употребляется и въ добруджскихъ историч. пѣсняхъ. Казенное-же названіе усть-дунайскихъ козаковъ было дано указомъ 20 февр. 1807 г. козачьему войску, составленному изъ всякаго рода бѣглецовъ: цыганъ, молдаванъ и сербовъ, а отчасти изъ остатковъ запорожцевъ, вернувшихся по приглашенію Михельсона, и существовавшему потомъ подъ именемъ *акманчинскихъ* или по народному «*манчинськихъ*» козаковъ (Мат. для геогр. и ст. Рос. Защукъ, Бессарабская обл., стр. 530).

говорить далѣе, достаточно объясняютъ, по нашему мнѣнію, почему именно запорожцы не могли сначала удержаться въ дунайской Дельтѣ и должны были искать себѣ новаго мѣстопребыванія и „протекціи", которыя опять таки не оказались достаточно продолжительными и прочными.

Возвращаясь опять къ разсказу Коломийца, мы видимъ, что изгнанные изъ Баната запорожцы должны были обратиться опять къ Турціи и основать Кошъ въ Старыхъ-Сейменахъ, между Силистріей и Гирсовой. На этомъ мѣстѣ Сѣчь существовала, какъ мы увидимъ далѣе, до 1812 г., но исторія ея въ теченіи почти всего этого періода остается для насъ темною, начинаясь только съ разсказами Коломийца, который попалъ на Сѣчь, какъ мы знаемъ, въ 1811 г. Изъ этихъ разсказовъ мы знаемъ только, что въ Сейменахъ правильно устроенной, настоящей Сѣчи, въ смыслѣ военно-братскаго общежитія, не было и запорожцы повидимому смотрѣли на эту мѣстность, какъ на свою только временную стоянку. „У Сейменахъ запорожци не у въ одному місті жили—у Сейменахъ були, у Партокалахъ, по подъ Иглицею... Жили у землянкахъ, у бурдіяхъ... настоящої Січи не було... не такъ, якъ тутъ (т. е. въ Дунавцѣ). Главнымъ занятіемъ запорожцевъ и въ Сейменахъ было рыболовство: они имѣли ерики, рыболовные заводы на Дунаѣ и Иглицѣ, а кромѣ того выходили заводами на устья Дуная и къ морю. Изъ событій, предшествовавшихъ появленію Коломийця на Сѣчи, мы имѣемъ въ разсказѣ его только свѣдѣнія о русско-турецкой войнѣ 1807—1809 годовъ и о томъ участіи, какое принимали въ этой войнѣ запорожцы въ качествѣ вассаловъ султана. По случаю этой войны запорожцы были пожалованы изъ Сейменъ въ крѣпость Рущукъ, куда и явились подъ предводительствомъ своего тогдашняго кошевого Самійла Калниболотского. Комендантомъ Рущука былъ тогда Омеръ-Паша, хорошо знавшій и любившій запорожцевъ. Омеръ, по выраженію Коломийца, „живъ зъ ими добре", и вѣроятно въ силу этихъ хорошихъ отношеній началъ съ того, что показалъ передъ Портою количество прибывшаго къ нему запорожскаго войска гораздо большимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, съ цѣлью доставить своимъ друзьямъ—запорожцамъ побольше жалованья и провіанта (таину), при чемъ по всей вѣроятности не забывалъ и себя. По этому случаю Коломиецъ разсказы-

ваетъ эпизодъ, которому конечно трудно было-бы повѣрить, если-бы мы не знали множество другихъ разсказовъ, не менѣе характерныхъ для турецкой администраціи. На Омера-пашу, по поводу показаннаго имъ количества запорожцевъ, былъ сдѣланъ доносъ и изъ Стамбула ожидались чиновники для разслѣдованія этого дѣла. Тогда Омеръ позвалъ къ себѣ Самійла Калниболотскаго: „треба, каже, щобъ все більше було!"—„Зробимо, що й більше буде!"—отвѣчалъ на это Кошевой и дѣйствительно устроилъ это, употребивши, какъ разсказываетъ Коломиецъ, тотъ-же пріемъ, какой употребляютъ, показывая войско на театральныхъ сценахъ. Онъ воспользовался будто-бы тѣснотою Рущука, узостью его улицъ и недостаткомъ площадей и проведя передъ ревизорами нѣсколько разъ свое войско, снялъ всякія подозрѣнія съ добраго Омера, чему конечно способствовалъ должно быть и бакшишъ, о которомъ не забываетъ упомянуть въ своемъ разсказѣ и самъ Коломиецъ. Но затѣмъ, когда начались военныя дѣйствія, положеніе запорожцевъ сдѣлалось гораздо болѣе труднымъ. Возведя въ Рущукѣ батареи для обстрѣливанія противоположнаго берега, на которомъ укрѣпились русскіе, турки, судя по разсказу Коломийца, передающаго эти событія изъ третьихъ рукъ, предприняли вылазку за Дунай, чтобы выбить русскихъ изъ ихъ позицій и при этомъ назначили запорожцевъ въ первый огонь. Между тѣмъ начальство русскихъ войскъ, узнавши о присутствіи въ турецкой арміи запорожцевъ, вступило съ ними въ тайные переговоры, желая склонить ихъ на свою сторону. Очутившись въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и видя по положенію дѣлъ, что имъ грозитъ опасность всѣмъ погибнуть,—„що перебьють ихъ усіхъ такъ, що й ноги не останеться", запорожцы избрали, по словамъ Коломийца нейтральный выходъ, условившись съ русскими стрѣлять холостыми зарядами, съ разсчетомъ вѣроятно въ свалкѣ уклониться отъ сраженія: „я-бъ такъ и не знавъ усёго діла, прибавляетъ старикъ, такъ бувъ тутъ козакъ одинъ—стебліївський курінний Трохимъ Перегудовъ, то вінъ розказувавъ". Неизвѣстно, насколько правды въ этомъ разсказѣ, но изъ дальнѣйшаго хода дѣла оказывается, что запорожцы остались съ турками въ прежнихъ отношеніяхъ, часть-же ихъ, около 200—300 человѣкъ, была взята русскими войсками въ плѣнъ и отправлена въ Сибирь (?), что врядъ-ли могло-бы случиться,

если-бы дѣйствительно состоялось переданное Коломийцу Перегудовымъ соглашеніе между русскими и запорожцами. Отправленные въ Сибирь козаки успѣли дойти только до курской губерніи и оттуда по заключеніи мира были возвращены въ качествѣ военнопленныхъ обратно. Проходя на возвратномъ пути черезъ Кіевъ, они пробыли тамъ двѣ недѣли и въ это время нашли тамъ старыхъ запорожцевъ, бѣжавшихъ въ Кіевъ еще послѣ разоренія Сѣчи. Двое изъ этихъ запорожцевъ Романъ Вівсяникъ и Данило Хуторный, узнавши отъ плѣнныхъ о судьбѣ своихъ товарищей въ Туреччинѣ, передали имъ „гостинця" для сѣчевой церкви три вещи: „ризу, хрестъ и евангелію"... Такимъ образомъ еще одинъ разъ завязались непосредственныя сношенія задунайской Сѣчи съ Украйной, сношенія, которыя, какъ мы увидимъ далѣе, всегда очень дѣятельно поддерживались.

Между тѣмъ уже послѣ окончательнаго замиренія въ 1811 году, въ Молдавіи и Валахіи начала производиться провѣрка населенія посредствомъ смѣшанныхъ коммисій, состоявшихъ изъ представителей турецкаго правительства—*бишлиговъ*, румынскихъ *сердарей* и русскихъ *коммисаровъ*. „Прийдуть у селеніе, разсказываетъ объ этомъ Коломиецъ, потребують старосту, скликають народъ и питаються, хто який підданний?" Объявлявшимъ себя турецкими подданными выдавали проходной билетъ (кичкирь), „пашкрябае на коліні та й дасть!", говоритъ Коломиецъ, и по „юзлуку" или „стопарнику" (тоді тиі парі (деньги) велики були—зъ кінську підкову) и отправляли партіями человѣкъ по 60 по 80 на „Сербську пристань" противъ Силистріи, молдаванъ и валаховъ оставляли на своихъ мѣстахъ, а русскихъ отправляли въ ихъ отечество—„тамъ вже имъ розборка була, хто одъ пана втікъ, то до пана, кого куди слідувало." Очевидно, что провѣрка эта не могла производиться съ достаточной строгостью, такъ какъ мы видимъ, что она дала возможность многимъ „забіглимъ душамъ", въ томъ числѣ даже и такимъ военнымъ дезертирамъ, какъ Коломиецъ, очень благополучно сойти за турецкихъ подданныхъ и избавиться отъ невольнаго возвращенія на родину для водворенія къ панамъ. Для Сѣчи-же эта провѣрка оказалась даже очень полезною, увеличивши вѣроятно довольно значительно контингентъ ея силъ.

А силы эти были нужны, такъ какъ сейменскимъ запорожцамъ предстояла долгая и кровавая борьба для завоеванія себѣ мѣста на устьяхъ Дуная. Рыболовство и охота всегда были главными занятіями запорожцевъ на Днѣпрѣ и, строго говоря, служили основнымъ источникомъ ихъ существованія, такъ какъ военная добыча была подспорьемъ все таки случайнымъ и рискованнымъ, да и набѣги для полученія ея предпринимались не всей Сѣчью, а частнымъ образомъ, отрядами охотниковъ. Рыбальство-же было общимъ и постояннымъ занятіемъ: днѣпровскіе сѣчевики ежегодно дѣлили между собою лиманы и рыбныя ловли по куренямъ, ловили и солили рыбу, заготовляли звѣриныя шкуры и служили главными поставщиками всего этого на всю Украйну, такъ что, напримѣръ, послѣ разоренія Старой Сѣчи въ 1709 г., въ статьяхъ, поданныхъ гетманомъ Скоропадскимъ для утвержденія царю, поставленъ былъ пунктъ о разрѣшеніи торговыхъ сношеній съ удалившимися въ турецкіе предѣлы запорожцами, для покупки у нихъ рыбы и звѣриныхъ шкуръ. Изъ этого понятно, что очутившись за Дунаемъ, запорожцы должны были искать себѣ мѣстъ, гдѣ-бы они могли заниматься своимъ обычнымъ промысломъ, и поэтому устья Дуная не могли не быть для нихъ предметомъ постоянныхъ стремленій. Но устья эти, какъ мы знаемъ, были уже заняты и заняты народомъ далеко не безразличнымъ, а хорошо умѣвшимъ постоять за свои интересы—некрасовцами. Эти донскіе козаки-раскольники, выведенные Некрасовымъ еще „зъ древности", какъ говоритъ Коломиецъ, застали дунайскую Дельту еще въ совершенно дикомъ состояніи—не орали и не сѣяли цѣлыхъ три года, ѣли „папору" и какіе-то „водяные орѣхи" и когда пришли запорожцы, они были еще полными хозяевами Дельты, въ значительной степени ими самими культивированной, гдѣ это разумѣется было возможно. Понятно, что при появленіи запорожцевъ они не только не обнаруживали ни малѣйшей охоты посторониться на занятыхъ ими удобныхъ мѣстахъ, но и съ большимъ неудовольствіемъ отнеслись къ первымъ попыткамъ запорожскаго рыболовства въ странѣ, въ которой они привыкли считать себя единственными хозяевами. Тѣмъ не менѣе запорожцы, живя въ Сейменахъ, все таки занимались рыболовствомъ на устьяхъ Дуная и каждое лѣто, по словамъ Коломийца, выходили въ Дельту 80-тью, а то и сотней заводовъ, держась впрочемъ, кажется, преимущественно

окрестностей килійскаго гирла. Понятно, что при этомъ не могло не происходить постоянныхъ столкновеній, постепенно усиливавшихъ взаимное раздраженіе и подготовлявшихъ почву для рѣшительной схватки, которая неизбѣжно должна была послѣдовать и для которой нуженъ былъ только толчекъ. Такой толчекъ не замедлилъ и случиться въ видѣ слѣдующаго, самого по себѣ не особенно важнаго происшествія, о которомъ мы предоставимъ разсказать самому Коломийцю:

.... Бувъ у липованъ[1]) такий не піпъ, а монахъ—безштанько (липованьски, бачте, чевци—то вони безъ штанівъ ходять у довгихъ сорочкахъ...), то оттутъ на сімъ таки (катирлезскомъ) Дунаи на гряді, на Качатині—Качатинъ зветься—тутъ дубъ бувъ высокий, а на дубі три одноги були; отъ вони у тихъ одногахъ дірки подовбали та й позапускали дерево кругомъ, тай зробили ёму гніздо—то вінъ и живъ у тому гнізді. А підъ дубомъ хату ёму поставили и келію зробили. А якъ вінъ умеръ, то тамъ таки, на гнізді тому, поклали ёго и покрыли ёго червонымъ сукномъ—щобъ мощи значить були. А козакъ бувъ *Притыка*, вінъ скрізь ходивъ по плавняхъ, охотничівъ—дикихъ свиней бивъ до що, не боявсь никого и знали ёго усі... То ото вінъ ходивъ тамъ та й побачивъ, що червоніє щось на дубі, излізъ, подививсь, що то той липованський святый (бо вінъ вже у ихъ за святого бувъ), скинувъ ёго зъ дуба, та зверху, выбачайте, ще й напаскудивъ, а сукно червоне узявъ та й пішовъ собі. Ну, ото-жъ липоване дозналися, та ёго й уштопорили! Баба була у ихъ волшебниця, Ковпачиха її звали, то ото вона, та други липованськи бабы ёго й уштопорили... чи вони ёго заманили, чи якъ піймали,—якъ видно ёму вже срокъ выйшовъ, чи вони таки старши за ёго були волшебниці. Ото-жъ, піймавши, липоване узяли ёго, та повезли ёго у Приславъ—оттутъ коло сулинськихъ Чаталъ[2]), то тамъ на дошку розіпъяли та й пустили по воді!... То вже у Сулині греки піймали ёго—коло судна плававъ неживый вже, то покликали козакивъ, а ти вже ёго пізнали—що нашъ козакъ"...

---

[1]) Т. е. некрасовцевъ. Коломиецъ почти вездѣ называетъ некрасовцевъ липованами, тогда какъ это названіе присвоено главнымъ образомъ позднѣйшимъ великорусскимъ переселенцамъ, также раскольникамъ, хотя не только липованамъ (филипонамъ), но и всѣхъ согласій.

[2]) Мѣсто раздѣленія Дуная на гирлы сулинское и св. Георгія (катирлезское).

Понятно, что звѣрски жестокое убійство Притыки не могло не взволновать все украинское козачество на Дунаѣ. Сначала впрочемъ дѣло пошло довольно мирнымъ путемъ, далеко не обѣщавшимъ такой кровавой развязки, какая произошла въ дѣйствительности. Объ убійствѣ Притыки дано было знать Кошевому, который поспѣшилъ пріѣхать по этому случаю изъ Сейменъ и потребовалъ удовлетворенія со стороны некрасовцевъ. Эти послѣдніе согласились выдать денежное вознагражденіе за убійство Притыки и даже дали обязательство въ этомъ Кошевому на бумагѣ. Но послѣ того, когда Кошевый отъ нихъ уѣхалъ, они спохватились и начали выражать сожалѣніе о томъ, что неосторожно выпустили запорожцевъ съ ихъ главнымъ предводителемъ, бывшихъ у нихъ совсѣмъ въ рукахъ. Это сдѣлалось извѣстнымъ Кошевому и онъ рѣшился дѣйствовать иначе. Такъ передаетъ это Коломнецъ, но по всей вѣроятности на рѣшимость Кошеваго не столько подѣйствовало открывшееся вѣроломство некрасовцевъ, сколько то возбужденіе, которое должно было господствовать между запорожцами, а очень можетъ быть и то, что Кошевый просто нашелъ удобнымъ воспользоваться сложившимся положеніемъ дѣлъ, какъ предлогомъ для давно уже задуманнаго вооруженнаго нападенія на некрасовцевъ и очистки себѣ мѣста на устьяхъ Дуная. Къ послѣднему предположенію насъ приводитъ то обстоятельство, что прежде, чѣмъ начинать какія-нибудь военныя дѣйствія, Кошевый, по разсказу Коломийца, счелъ нужнымъ обратиться къ тремъ пашамъ, управлявшимъ тогда Добруджей: тульчинскому—Абріямъ-пашѣ, сулимскому—Назиръ-пашѣ и бабадагскому—Гиба-пашѣ и говорилъ съ ними, какъ выходитъ по словамъ Коломийца, не столько объ отмщеніи или удовлетвореніи за смерть Притыки, сколько объ изгнаніи некрасовцевъ съ занятой ими территоріи. По разсказу Коломийца, паши отвѣтили Кошевому прямо: „що-жъ, маете силу—то бийте ихъ, выганяйте ихъ къ чорту та й годі!“, по варіанту-же этого разсказа, записанному нами въ Тульчѣ со словъ другаго старика, *Остапа Данчука*, паши выразили только сначала удивленіе къ враждѣ единовѣрцевъ, а затѣмъ полное равнодушіе къ ихъ спорамъ и дальнѣйшей участи, предоставляя имъ драться между собою, сколько угодно, но не становясь на сторону ни тѣхъ, ни другихъ. „Оттутъ де Січъ була, разсказываетъ Остапъ, тутъ були засіли липоване—отъ козаки ка-

жуть наші, щобъ вінъ позволивъ ихъ звідти выбити, а турчинъ каже: „ода козакъ—ода козакъ (и то козакъ и то козакъ!)—та вони-жъ христіяне таки-жъ, якъ и вы?!—„Такъ що, що христіяне—христіяне да не таки!... Э, рѣшилъ турокъ—ода гяуръ-ода гяуръ... коли маете силу—бийтесь собі!“... Какъ-бы то ни было, но Самійло Калниболотскій, возвращаясь послѣ переговоровъ съ пашами въ Сеймены, несомнѣнно имѣлъ уже въ виду начать правильныя военныя дѣйствія противъ некрасовцевъ и пріѣхавши сейчасъ-же объявилъ объ этомъ козакамъ. Изъ дальнѣйшихъ событій мы увидимъ, что на устьяхъ Дуная, гдѣ было разсѣяно по заводамъ очень много запорожцевъ, имъ были сдѣланы уже распоряженія въ этомъ смыслѣ. Немедленно-же по прибытіи Кошевого въ Сеймены, оттуда отправились внизъ двѣ партіи козаковъ: одна, состоявшая изъ восьмидесяти человѣкъ, отправилась по лѣвой сторонѣ Дуная, другая-же небольшая партія, но заключавшая въ себѣ такихъ эпическихъ головорѣзовъ, какъ Коваликъ, Лалымъ, Кирюшка и Кирило Маковецькій, пошла по правой сторонѣ Дуная, по слободамъ, „и де які були слободы липованьскі, то заразъ усе й вырізували“. Обѣ партіи сошлись въ Вилковѣ, деревнѣ лежащей на правомъ берегу Килійскаго гирла при впаденіи его въ море. Тамъ уже собралось къ тому времени очень много запорожцевъ и во всѣхъ окружающихъ поселеніяхъ липоване были уже вырѣзаны. Соединивши свои силы, запорожцы сѣли въ лодки и моремъ отправились къ Портицѣ, мелководному проливу, соединяющему заливъ или лиманъ Разинъ съ моремъ. Стратегическій планъ ихъ заключался очевидно въ томъ, чтобы, обойдя непріятеля сзади, напасть на главныя некрасовскія поселенія Сарикіой, Журиловку и проч. находившіяся по берегамъ Разина, и въ случаѣ полнаго успѣха двинуться на главный некрасовскій оплотъ—Дунавецъ. Однако, перетянувшись черезъ Портицу, запорожцы увидѣли, что некрасовцы приготовлялись къ оборонѣ и съ этой стороны и собрали довольно значительныя силы въ Кучукѣ, недалеко отъ Кюстенджи. Такъ какъ численный перевѣсъ оказался на сторонѣ некрасовцевъ, то запорожцы должны были изъ наступательнаго положенія перейти въ оборонительное—сдѣлали наскоро окопы, нарубили „драчівъ“, т. е. колючаго кустарника, обложили имъ свои окопы и укрѣпившись такимъ образомъ, отстрѣливались отъ липованъ, ожидая подкрѣпленій, которыя должны были прійти

къ нимъ тоже водою изъ Тульчи. Когда-же ожидаемые баркасы, съ подкрѣпленіями и даже съ отрядомъ турокъ, наконецъ, явились, тогда запорожцы начали уже полное истребленіе липованъ: „кого побили, кого повъязали та на тихъ баркасахъ и привезли у Сирікіой.“ Въ этомъ большомъ некрасовскомъ селеніи запорожцы уже не встрѣтили никакого сопротивленія и безпрепятственно расположились въ немъ, какъ у себя дома. Это объясняется, по нашему мнѣнію, какъ пораженіемъ, понесеннымъ некрасовцами у Портицы, такъ и тѣмъ, что некрасовцы, по всей вѣроятности, должны были сосредоточить всѣ оставшіяся у нихъ силы для защиты Дунавца, куда вѣроятно вслѣдствіе этого запорожцы на этотъ разъ и не рѣшились идти, предпочитая двинуться на Тульчу и оставляя такимъ образомъ главную свою цѣль, т. е. взятіе Дунавца, все таки недостигнутою. Во время пребыванія въ Сарикіойѣ съ запорожцами случилось маленькое происшествіе, чуть было не стоившее жизни двумъ героямъ этой войны, происшествіе, показывающее, до какой степени доходило тогда взаимное раздраженіе между запорожцами и некрасовцами: „Сидять вони (запорожцы), разсказываетъ Коломиецъ, а приходять липованки—тыі самыі волшебниці, що Притыку піймали, три ихъ, та й кажуть: „покажить намъ Лалима й Ковалика—вінъ наши діти поівъ!“ Лалимъ обізвавсь, а вона—баба одна—Ковпачиха отая, пистоль выхопила зъ запазухи, та зъ пистоля у груди Лалимови!... а турокъ изъ заду стоявъ, вынявъ ятаганъ та усімъ тромъ головы й поодрубувавъ...“ Дальнѣйшее движеніе запорожцевъ въ Тульчу было рядомъ болѣе или менѣе кровопролитныхъ стычекъ и наконецъ въ Тульчѣ все это закончилось трехдневной рѣзней, размѣры которой, по сохранившимся до сихъ поръ воспоминаніямъ, были дѣйствительно ужасны: „три дні різали, усіхъ липованъ, геть-чисто, до ноги вырізали... и ноги не осталось!...“ Жутко становилось, слушая старчески монотонное повѣствованіе Коломийца о всѣхъ этихъ ужасахъ, повѣствованіе спокойное и безстрастное, какъ древняя лѣтопись...

Память объ этой рѣзнѣ очень живо сохранилась и до сихъ поръ въ Тульчѣ, а у одного стараго начетчика въ Сарикіойѣ уцѣлѣло, говорятъ, даже описаніе всѣхъ перипетій этой страшной борьбы, но намъ, къ сожалѣнію, не только не удалось добыть это описаніе, но даже и удостовѣриться въ дѣйствительности его существованія.

Послѣ тульчинской рѣзни эта борьба между великорусскимъ и украинскимъ элементами, сошедшимися, но не помирившимися и на чужой почвѣ, какъ будто не много притихла, т. е. другими словами прекратилась только правильная война, а продолжались отдѣльныя нападенія другъ на друга небольшими отрядами. Чуть-ли не съ каждой грядой, съ каждымъ бугоркомъ въ болотахъ и плавняхъ Дельты связаны воспоминанія о стычкахъ запорожцевъ съ некрасовцами и о поголовныхъ истребленіяхъ цѣлыхъ отрядовъ то съ той, то съ другой стороны. Интересно то, что во многихъ изъ этихъ воспоминаній и легендъ играютъ очень важную роль женщины. Онѣ то заводятъ интрижки съ непріятельской стороной и выдаютъ своихъ, то напротивъ, жертвуя собой, завлекаютъ непріятеля въ засаду и такимъ образомъ доставляютъ своимъ возможность легкой побѣды. Одна легенда, очень впрочемъ мало правдоподобная, разсказываетъ, что запорожцамъ удалось какъ-то ночью овладѣть цѣлымъ турецкимъ судномъ и перерѣзавши экипажъ, утопить самое судно, а пушки затащить въ плавни и укрѣпить ими свои позиціи у одного изъ входовъ въ Дунай. Многія легенды имѣютъ чисто фантастическій характеръ, приписывая во всей этой борьбѣ большую роль волшебству, умѣнью заговаривать ружья и т. п. Въ отношеніи ожесточенности борьбы и для характеристики тогдашней жизни въ Дельтѣ интересны свѣдѣнія сообщаемыя Коломийцемъ о двухъ уже упоминавшихся нами герояхъ Коваликѣ и Лалымѣ. Послѣ прибытія запорожцевъ въ Тульчу и истребленія тамошнихъ некрасовцевъ, въ чемъ разумѣется оба они принимали самое дѣятельное участіе, они были потребованы въ Константинополь для представленія султану, „щобъ вінъ побачивъ, які вони запорожци", какъ разсказываетъ Коломиецъ, или можетъ быть просто на слѣдствіе по поводу происшедшей въ Добруджѣ рѣзни, какъ кажется намъ. Какъ-бы то ни было, а султанъ ихъ помиловалъ и сказалъ будто-бы, чтобы они отправлялись обратно на устья Дуная. „А Коваликъ и каже: не піду, эффенди-султанъ, я ще чоловікъ молодый!..."— „боявсь липованівъ!" прибавляетъ, разсказывая это Коломиецъ. По всей вѣроятности, и было таки чего бояться, такъ какъ Коваликъ дѣйствительно не вернулся уже потомъ на Дунай и поселился въ „Ядерному", т. е. въ Андріанополѣ, женился тамъ и жилъ спокойно, получая по 50 левъ въ мѣсяцъ отъ турецкаго правительства до са-

мой смерти, но очень можетъ быть, что Коваликъ остался въ Адріанополѣ не изъ страха передъ липованами, а просто по приказанію турецкаго правительства. Что-же касается Лалыма, то онъ благополучно вернулся на Дунай и поселился на небольшомъ островѣ Курбіи, на лиманѣ Разинѣ, окруживши себя впрочемъ на этомъ островѣ громаднѣйшей стаей собакъ. Объ этихъ собакахъ и до сихъ поръ ходятъ самые удивительнѣйшіе разсказы, благодаря которымъ имя Лалыма не скоро еще будетъ забыто въ Добруджѣ. „Тамъ (на Курбіи), разсказываетъ Коломнецъ, вінъ и собакъ отихъ завівъ, що липованъ рвали... Не було никого зъ имъ, тільки собаки... Собаки добрі мавъ!... Выйде було который собака на дорогу, почуе слідъ, що липованъ пішовъ, заразъ на другихъ собакъ бреше и вже бижять, шукають, поки не доженуть и не розірвуть.. Проходу нигде не було липованамъ за тими собаками и у плавні, заразъ найдуть!... а другои породы людей не займали, тільки липованъ!...“ А вотъ и другой варіантъ разсказа о лалымовскихъ собакахъ, слышанный нами отъ *Владиміра Чумака* въ Тульчѣ: „А що липованівъ отихъ, то ихъ не то, що наши били, а й собаки рвали... Тутъ запорожецъ бувъ, Лавимъ ёго, бачте, звали, а вінъ *Авимъ* бувъ (Авивъ), то потімъ вже перевернули на *Лавимъ*—турки ёго такъ звали усе... то у того Лавима були собаки... собакъ изъ 50 було... то такъ вінъ понавчавъ отихъ собакъ, що бігають було вони по плавняхъ, попадуть було де чоловіка, то якъ зачують, що люлькою не смердить—липована значить (а то якъ хто й не курить, то й такъ пізнають свого)—такъ заразъ на шматьтя й роздеруть и кістки порозносять... А своіхъ не займали, таки вже вивчені були... липована заразъ почують и розірвуть, проходу имъ не було у плавняхъ за тими лавимовими собаками“.

Между тѣмъ какъ происходили всѣ эти отдѣльныя стычки и преслѣдованіе другъ друга, некрасовцы оказались уже настолько ослабленными, что запорожцы рѣшились наконецъ передвинуться всѣмъ своимъ Кошемъ на устья Дуная. Въ концѣ 1812 года они вышли изъ Сейменъ, но успѣли дойти только до Исакчи, гдѣ захватила ихъ зима, прекратившая очень рано сообщеніе по Дунаю и заставившая ихъ перезимовать въ этомъ городѣ. „Страшна зима була проты 13-го году“, говоритъ Коломнецъ, да если-бы она и не была особенно страшна, то внезапное замерзаніе Дуная и еще

болѣе внезапное началу ледохода, бывающее всегда далеко не въ одно и то-же время, очень легко могло прекратить всякое сообщеніе и заставить запорожцевъ остановиться. Ранней весной 1813 г. въ великій постъ, вслѣдъ за очисткой Дуная отъ льда, запорожцы двинулись далѣе и прибыли въ Катирлезъ, гдѣ и основали Кошъ. Но не смотря на то, что они очевидно рѣшились сдѣлать Катирлезъ своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ и начали даже постройку церкви, „но вікна вже її підняли", ихъ все таки тянуло завладѣть Дунавцомъ, предметомъ ихъ постоянныхъ стремленій. Чтобы понять это желаніе, достаточно взглянуть на карту дунайской Дельты. Дѣло въ томъ, что Балканы, оканчиваясь своими отрогами въ Добруджѣ, даютъ отъ себя два послѣднихъ отпрыска, одинъ изъ которыхъ образуетъ порфировую скалу въ Тульчѣ, идущую за Дунай и служащую причиной отдѣленія отъ Дуная килійскаго гирла, другой-же, образуя собой небольшую цѣпь Бешъ-тепé, врѣзывается между Разинымъ и Дунаемъ почти въ самую средину Дельты и спускомъ отъ „пяти холмовъ" Бешъ-Тепе къ Разину, соединяющимся съ возвышенностями, тянущимися вдоль западнаго берега этого лимана, представляетъ единственное достаточно высокое и сухое мѣсто на всемъ болотистомъ пространствѣ Дельты, покрытой сплошнымъ камышемъ и плавнями. Вотъ эта то возвышенность, образуемая Бешъ-Тепé, между Дунаемъ и сѣвернымъ берегомъ Разина, самую восточную, ближайшую къ Черному морю точку которой составляетъ собой Дунавецъ, и была тѣмъ, что такъ нужно было запорожцамъ, какъ людямъ занимавшимся и жившимъ почти исключительно рыболовствомъ, а потому принужденнымъ держаться возможно ближе къ морю, имѣя въ то же время извѣстное количество твердой земли для поселеній и хоть небольшаго земледѣльческаго и скотоводнаго хозяйства. Въ этомъ смыслѣ описываемая нами мѣстность представляетъ собой единственное возможное для обитанія мѣсто на всей Дельтѣ, проѣзжая по которой путешественникъ отъ самой Тульчи, т. е. на разстояніи около 50 километровъ, не видитъ вокругъ себя буквально ничего, кромѣ камышей и воды. Всѣ-же прочія населенныя мѣста—Иванча, Катирлезъ, Горгова и т. д., и даже сама Сулина, могутъ быть только развѣ рыбальскими стоянками или (какъ Катирлезъ и Сулина) мореходными пунктами, но никакъ не мѣстомъ поселенія для общины въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ.

Этимъ объясняется то, почему запорожцы выбрали для своего жительства именно южную, а не сѣверную, болѣе близкую къ ихъ родинѣ часть Дельты, почему они не могли помириться и такъ отчаянно боролись за этотъ кусочекъ земли съ некрасовцами, почему этотъ кусочекъ былъ занятъ этими послѣдними и былъ такъ дорогъ для нихъ. Это мѣсто было въ экономическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ для запорожцевъ тѣмъ-же, чѣмъ было оно когда-то для генуэзцевъ, развалины крѣпости которыхъ находятся въ $1^1/_2$—2-хъ верстахъ отъ мѣста бывшей Сѣчи. Развалины эти существуютъ и теперь въ видѣ полуразрушившейся цементной кладки на горѣ и очень хорошо сохранившагося квадрата окопа около озера Круглика. Очень можетъ быть, какъ мы увидимъ далѣе, что и самое мѣсто прежней Сѣчи было также въ свое время крѣпостью, если не генуэзской, то какого-нибудь другаго народа, такъ какъ окружающіе это мѣсто со стороны суши валы, по словамъ Коломийца, насыпаны не запорожцами, а некрасовцами, по нашему-же мнѣнію они должны быть гораздо древнѣе... По стратегическому значенію мѣсто Дунавца можно сравнить съ той скалой, которая находится у входа изъ Разина въ багадагскій лиманъ и на которой и до сихъ поръ стоятъ тоже развалины древняго генуэзскаго замка—Иракліи, или, по липованскому, Раклѣи. Сообразивши все это, дѣлается вполнѣ понятнымъ и стремленіе запорожцевъ оттѣснить некрасовцевъ изъ Дунавца и со склона Бешъ-Тепе къ Бабадагу и предоставить имъ долину р. Славы и западные берега Разина, не имѣвшіе для запорожцевъ особенно важнаго значенія. Позднѣйшая, вполнѣ земледѣльческая украинская эмиграція не имѣла уже стремленія селиться въ этихъ мѣстахъ и концентрировалась въ гораздо болѣе удобной мѣстности къ юго-западу и отчасти къ сѣверо-востоку отъ Тульчи, для запорожцевъ-же вопросъ о Дунавцѣ былъ вопросомъ существованія вообще въ дельтѣ Дуная. „У Катырлезі не схотіли сидіти, объясняетъ Коломиецъ, бо тамъ лучче у Дунавці—степи есть, а тутъ (т. е. въ Катирлезѣ) отъ якъ бачите—тільки вода, та комишъ, та небо зверху та й годі!“... Правда и возлѣ Катирлеза наберется нѣсколько десятковъ десятинъ земли годной подъ посѣвовъ и для сѣнокосовъ, въ особенности-же выгодной по своей солонцоватости для разведенія скота (вслѣдствіе чего она и занята теперь исключительно скотопромышленническими *кишлами*

(нѣчто въ родѣ африканскихъ кроалей), но для запорожцевъ это количество земли было очень ничтожно, а Катирлезъ, въ которомъ нѣтъ и до сихъ поръ ни одного, кажется, деревца, за исключеніемъ вербъ надъ Дунаемъ, и улицы котораго во время бурь сплошь и рядомъ заливаются морской водой, могъ для нихъ быть исключительно только рыбальскимъ поселкомъ и морской гаванью.

Неудивительно поэтому, что основавшись въ Катирлезѣ, запорожцы тѣмъ не менѣе продолжали употреблять всѣ усилія овладѣть Дунавцомъ и что некрасовцы съ своей стороны дѣлали все, чтобы не дать его, и дѣйствительно не давали въ теченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ еще послѣ перенесенія Коша въ Катирлезъ, не смотря на постоянныя ожесточенныя нападенія запорожцевъ. Неудивительно затѣмъ и то, что когда наконецъ Дунавецъ былъ уже взятъ, то взятіе это послужило съ одной стороны причиной для выселенія некрасовцевъ въ Малую-Азію—въ Майносъ, а съ другой, подало поводъ народной легендѣ дать этому факту и самой борьбѣ фантастическую окраску и примѣшать сюда всякаго рода волшебство съ обѣихъ сторонъ. „Дунавця черезъ те такъ довго не могли узять.“ разсказываетъ даже такой сравнительно развитый и все таки бывалый человѣкъ, какъ Коломнецъ, „що бувъ тамъ липованський піпъ—волшебникъ. Ото-жъ запорожци нинякъ не могли доступитись до ёго, до хаты, то найшли вони липованку на полі и кажуть: „иди, скажи попови, щобъ иповъ чоловіка сповідать!“ Тільки що вінъ выйшовъ, а вони до ёго, затягли у хату—хотіли різать, а ёго ни шабля, ни ножъ не бере... Оттоді вже Кирило Маковецькій догадавсь: „шукайте, каже, оттамъ у ёго якъ не ятаганъ, то шабля підъ головами!“... отъ найшли та тимъ вже ятаганомъ и зарізали... Оттоді-вже й Дунавець узяли... и перейшли туди, й сами переселись и церкву перевезли“... Почти въ томъ-же родѣ исторію разсказываетъ и Останъ Данчукъ. Но легенда Данчука замѣчательна тѣмъ, что героемъ ея со стороны некрасовцевъ является ни больше, ни меньше, какъ Стенька Разинъ: „Оттутъ-де Січъ була, засіли липоване..., а бувъ у ихъ чоловікъ одинъ Разимъ—одъ ёго й лиманъ назвавсь, а бувъ той Разимъ такий старый, що ажъ луска вже на ёму поросла; вінъ волшебникъ бувъ и нихто не мігъ ёго испразнить... Коли-жъ бувъ и запорожець такий, що собаками липованъ цькувавъ, то якъ закликали вже ёго, то вінъ вже того липо-

вана й убивъ... А якъ-же-жъ отой запорожець піймавъ ёго?!.. Ёго не можна було піймати, бо якъ підходить хто, або підплива човномъ, то вінъ здалека почуе й сховаеться... счезне—звісно волшебникъ. То отой запорожець и догадавсь таки: підійду я до ёго, каже, такъ—и не по воді, и не по сухому—одниею ногою ставъ на човенъ, а другою по березі йшовъ... то такъ до ёго куріня й дойшовъ... а вінъ значить ниякъ не мігъ ёго спобігти, бо вінъ не то по воді, не то по сухому до ёго дойшовъ... То вже якъ дойшовъ, та піймавъ ёго, то обухомъ вбивъ... нічимъ, бачте, не можна було ёго більше вбить..., а обухомъ вбивъ"...

И такъ въ концѣ концовъ Дунавецъ былъ взятъ и запорожцы перенеслись туда всѣмъ Кошемъ, со всѣмъ своимъ войсковымъ имуществомъ и съ недостроенною въ Катирлезѣ церковью. Такимъ образомъ Сѣчь попала наконецъ на свое настоящее мѣсто и получила свою окончательную организацію.

(Продолженіе будетъ).

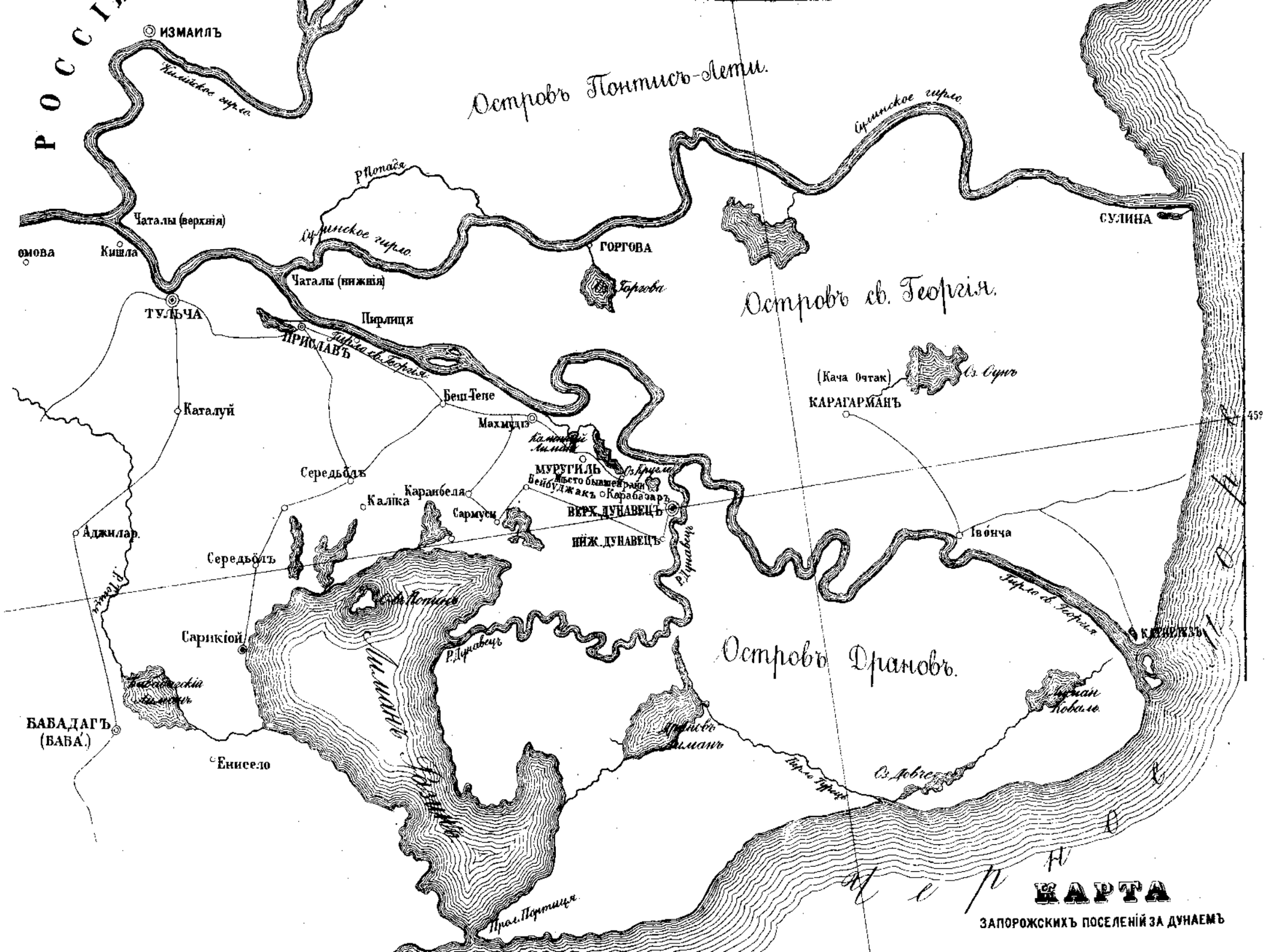
РОССІЯ
ИЗМАИЛЪ
Килійское гирло
Островъ Понтисъ-Лети.
Сулинское гирло
Р. Попайя
Чаталы (верхнія)
Сулинское гирло
Кишла
Чаталы (нижнія)
ГОРГОВА
Оз. Горгова
СУЛИНА
Островъ св. Георгія.
ТУЛЬЧА
Пирлиця
ПРИСЛАВЪ
Гирло св. Георгія
Беш-Тепе
Каталуй
Махмудія
Камышный лиманъ
МУРУГИЛЬ
Оз. Кругло
Мѣсто бывшей Рени
Бейбуджакъ
Карабазаръ
Середьбдъ
Каранбеля
Калїка
Сармуси
ВЕРХ. ДУНАВЕЦЪ
НИЖ. ДУНАВЕЦЪ
Р. Дунавецъ
(Кача Очтак)
Оз. Сунь
КАРАГАРМАНЪ
Івонча
Аджилар
Середьбдъ
Гирло св. Георгія
КАТАЛЕЖЪ
Оз. Понтисъ
Сарикіой
Р. Дунавецъ
Островъ Драновъ.
Оз. Кугуй
Оз. Ковало
БАБАДАГЪ
(БАБА)
Енисело
Оз. Ковче
Гирло Турціи
Прол. Портиця
Мѣрка
КАРТА
ЗАПОРОЖСКИХЪ ПОСЕЛЕНІЙ ЗА ДУНАЕМЪ

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія, харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

(Продолженіе)*).

6) Судьба одной старозаимочной дачи.

Болѣе другихъ мѣстностей нынѣшней харьковской губерніи намъ извѣстна одна поземельная дача ахтырскаго уѣзда, г. Ахтырки, заключающая въ себѣ болѣе 20,000 десятинъ земли, по своему происхожденію и характеру исключительно старозаимочной. Въ этой дачѣ и въ настоящее время во владѣніи государственныхъ крестьянъ (бывшихъ войсковыхъ обывателей) ахтырскаго общества состоитъ болѣе 15,000 десятинъ старозаимочной земли, а остальная часть въ этой дачѣ принадлежитъ другимъ сословіямъ (духовенству, дворянамъ, купцамъ, мѣщанамъ и цеховымъ) и заключается въ огромномъ количествѣ иногда самыхъ мелкихъ черезполосныхъ участковъ. Поземельное владѣніе государственныхъ крестьянъ въ этой дачѣ и до сихъ поръ *личное*, съ переходомъ по наслѣдству къ дѣтямъ и роднымъ вообще. На исторической судьбѣ этой дачи можно послѣдовательно и довольно наглядно прослѣдить всю полную такъ называемыхъ „недоразумѣній" и многообразныхъ административныхъ опытовъ судьбу народнаго землевладѣнія въ мѣстности слободскихъ полковъ. Сельско-хозяйственная оргавизація этой дачи, какъ сохранилась она за нѣкоторыми исключеніями и до настоя-

---

*) См. ноябрь и декабрь «Кіевской Старины», 1882 г.

щаго времени, представляетъ приблизительно слѣдующій порядокъ: по всей видимости еще первые поселенцы принесли съ собой систему трехпольнаго хозяйства и поэтому раздѣлили всю дачу на три „руки", или поля,—озимь, ярину и толоку (паръ), и каждый домохозяинъ (глава семьи, господарь) вѣроятно въ началѣ получилъ въ каждой „рукѣ" особую нивку, грунтъ или державу, причемъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, позволительно предполагать, что первоначальное количество земли во всѣхъ трехъ „рукахъ" у каждаго домохозяина было не менѣе 20 – 30 десятинъ. Толочное поле, какъ и всегда при трехпольной системѣ, ежегодно перемѣнное, служило ежегодно и выгоннымъ мѣстомъ для скота бывшихъ козаковъ, потомъ войсковыхъ обывателей и затѣмъ съ 30 годовъ—просто государственныхъ крестьянъ, какъ съ немногими измѣненіями служитъ оно для той-же цѣли и въ настоящее время. Весьма незначительная часть этой дачи, находящаяся на ея окраинѣ и называемая почему-то „государщиной", считается теперь въ общемъ владѣніи крестьянъ, не входитъ ни въ одну изъ „рукъ" и есть, можетъ быть, остатокъ прежней „вольницы".

Мы не имѣемъ теперь никакихъ свѣдѣній о томъ, какимъ образомъ возникла въ войсковыхъ старозаимочныхъ дачахъ трехпольная система, съ вѣроятнымъ первоначальнымъ надѣломъ каждаго домохозяина земельнымъ участкомъ въ каждой „рукѣ", т. е. было-ли это первоначально рѣшеніе цѣлой *громады*, общества, или-же оно совершилось по иниціативѣ и распоряженію еще первыхъ мѣстныхъ полковыхъ властей. Изъ имѣвшихся у насъ подъ руками свѣдѣній и мѣстныхъ преданій мы знаемъ только, что уже съ незапамятныхъ временъ эта дача не дѣлилась между обывателями и установившійся первоначально личный наслѣдственный порядокъ поземельнаго владѣнія бывшихъ ахтырскихъ козаковъ не испытывалъ вновь общаго поземельнаго передѣла. Въ особенности примѣненъ этотъ порядокъ въ лѣсной части дачи, которой большіе или меньшіе участки составляли всегда личную собственность большинства населенія. Собственники такихъ участковъ изъ поколѣнія въ поколѣніе хорошо помнили свои *лужки* и *ниі*, хотя границы ихъ для посторонняго глаза были трудно уловимы, ибо выражались предметами самой природы: отъ такого-то сухаго дуба по такой-то „бридокъ", или такой-то „саги" (залива мѣстной рѣчки Ворсклы)

до такой-то лѣсной дорожки. Совершенно индивидуальный характеръ поземельнаго владѣнія въ этой дачѣ въ общемъ сельско-хозяйственномъ ея устройствѣ не исключалъ, правда, и нѣкоторыхъ элементовъ ассоціаціи, которые можно усматривать отчасти въ самомъ первоначальномъ устройствѣ трехпольной системы, въ общемъ выгонѣ, который ежегодно переходилъ въ новое поле, гдѣ открывалась толока, въ общихъ издержкахъ на присмотръ скота и наконецъ даже въ суровомъ обычаѣ наказанія за кражу копенъ въ полѣ, въ которомъ народная расправа съ виновнымъ мало чѣмъ отличалась по своимъ послѣдствіямъ отъ смертной казни и которому мѣстное населеніе обязано тѣмъ, что и до послѣдняго времени копны въ полѣ, иногда за десятки верстъ отъ поселенія, могли стоять совершенно безопасно даже до Покрова. Такой-же характеръ носитъ и оранка толочнаго поля на озимый хлѣбъ, производившаяся болѣе или менѣе одновременно, дабы крестьяне, не имѣвшіе скота, или-же не нуждавшіеся почему-либо въ выгонѣ, не портили-бы раннимъ пахаціемъ своихъ нивъ въ толочной рукѣ пастбищнаго мѣста для остальнаго скота. За возможной одновременностію этой оранки толочнаго поля даже и въ послѣдніе годы довольно заботливо наблюдало волостное начальство. Трехручное хозяйственное устройство всей ахтырской дачи установилось такъ прочно, что даже лица другихъ сословій, владѣвшія въ ней черезполосными участками, иногда даже въ 30 и болѣе десятинъ въ одномъ кускѣ, должны были подчиняться и подчиняются и въ настоящее время этому порядку, такъ что если ихъ черезполосная пахатная земля лежитъ въ извѣстномъ году въ той „рукѣ", гдѣ у крестьянъ въ этомъ году ярина, то и у этихъ владѣльцевъ должна быть ярина, иначе почти физически было-бы невозможно преслѣдовать за потравы вообще, а въ годъ толоки въ той „рукѣ" въ особенности. Зависимость земельныхъ собственниковъ въ ахтырской дачѣ изъ лицъ не крестьянскаго сословія отъ общаго въ крестьянскомъ населеніи этой дачи хозяйственнаго порядка идетъ еще далѣе; она служитъ между прочимъ причиною того общаго здѣсь явленія, что собственная обработка земель такихъ лицъ посредствомъ наемнаго труда просто немыслима; въ ахтырской дачѣ издавна установилась и теперь практикуется ежегодная отдача такъ-называемыхъ господскихъ земель крестьянамъ за извѣстную часть урожая, такъ-назы-

ваемая въ Малороссіи „скіпщина“, большею частію съ „пятерика“, то есть изъ пяти копъ три крестьянину, а двѣ собственнику земли, а въ послѣднее время уже нерѣдко и съ половины. Самое существованіе въ ахтырской дачѣ черезполосицы и появленіе въ ней иносословныхъ собственниковъ, которые, какъ частыя мелкія пятна на бумагѣ, густо вкраплены въ общую массу крестьянскихъ земель, сохраняющееся нерѣдко въ памяти современниковъ, служитъ подтвержденіемъ какъ принадлежности этого обширнаго пространства земли одному недѣлимому населенію, въ которомъ каждый владѣлъ своею частью на правахъ личной собственности, такъ существовавшаго здѣсь изстари того хозяйственнаго порядка землевладѣнія, который, вытекая изъ общихъ условій и выгодъ пользованія землею, былъ потому необходимостію для всѣхъ собственниковъ, помимо ихъ сословнаго, впослѣдствіи установившагося различія. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что большинство теперешнихъ иносословныхъ собственниковъ въ ахтырской дачѣ или сами потомки бывшихъ козаковъ, или пріобрѣли ихъ земли хотя-бы изъ третьихъ и десятыхъ рукъ. По мѣрѣ расширенія прерогативъ государственной службы, многіе изъ козаковъ, благодаря именно этой службѣ, или-же торговлѣ разновременно выдѣлялись изъ общей народной массы, причемъ ихъ наслѣдственныя старозаимочныя земли, по спеціальнымъ законоположеніямъ для высшаго служилаго сословія, пріобрѣтали уже безспорный характеръ поземельной собственности, что, конечно, практически во многомъ зависѣло и отъ инаго общественнаго положенія и мѣстныхъ вліятельныхъ связей этихъ выходившихъ изъ массы лицъ. Какъ-бы ни было скромно имущественное богатство многихъ изъ этихъ иносословниковъ, но во всякомъ случаѣ это были уже паны, которые или прямо входили въ сферу чиновниковъ, или-же были весьма близки этой сферѣ, чувствовали себя въ ней своими людьми и потому права и преимущества свои въ своемъ поземельномъ владѣніи не всегда имѣли надобность отстаивать длинной дорогой закона, но болѣе кратчайшимъ путемъ личныхъ мѣстныхъ отношеній.

На сколько личное поземельное владѣніе крестьянъ, въ разсматриваемой мѣстности, фактически, почти на условіяхъ полной собственности, срослось со всѣмъ строемъ мѣстной жизни, съ народнымъ характеромъ и его исконными привычками, можно судить

уже потому, что самый хуторъ Малороссіи—эта, такъ сказать, преобладающая форма разселенія народа и самой его колонизаціи, тѣсно связанъ съ личнымъ поземельнымъ владѣніемъ. Отдѣльныя семейства различныхъ южно-русскихъ поселеній (городовъ, слободъ и селъ) не рѣдко выселялись изъ этихъ поселеній на ближайшіе къ нимъ собственные поземельные участки, грунты, и примѣромъ различныхъ хозяйственныхъ удобствъ (наприм. имѣть всю землю подъ рукой) давали поводъ другимъ селиться съ ними по сосѣдству, также на своихъ собственныхъ грунтахъ; такъ разростались и еще до сихъ поръ растутъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ называемые города, въ сущности болѣе или менѣе обширныя земледѣльческія слободы и села Малороссіи, путемъ образованія цѣлыхъ группъ хуторовъ, мало по малу примыкающихъ, а потомъ и совершенно сливающихся съ тѣми старыми поселеніями, откуда они сами выселялись. Понятно, что при общинномъ характерѣ землевладѣнія хуторъ, какъ форма разселенія и роста первоначальныхъ осѣдлыхъ мѣстъ, по меньшей мѣрѣ неудобна, если не совсѣмъ невозможна. Опять таки мы не оцѣниваемъ ни положительныхъ, ни отрицательныхъ сторонъ такого положенія вещей, а указываемъ на нихъ только какъ на извѣстные факты.

Отъ этихъ общихъ свѣдѣній о порядкѣ землевладѣнія въ ахтырской дачѣ перейдемъ къ историческимъ даннымъ о ея происхожденіи. Уже въ началѣ настоящей статьи мы видѣли, что первоначальное населеніе г. Ахтырки „черкасами“ относится еще до времени присоединенія этой мѣстности къ московскому государству. У насъ подъ руками имѣется рукописная копія акта 7165 г. (1657 г.), мая 7 дня, даннаго отъ царя Алексѣя Михайловича въ Бѣлгородъ окольничему и воеводѣ князю Григорію Ромодановскому „по челобитью ахтырскихъ черкассъ Дмитрія Иванова съ товарищи“. „Ахтырскіе черкассы“ просили отмежевать ихъ земли отъ сосѣднихъ уже бывшихъ въ то время поселеній; почему грамота и повелѣвала князю Ромодановскому послать изъ Бѣлгорода на ахтырское городище товарища своего Ивана Акипѳова „и съ нимъ велѣть съѣхаться изъ городовъ воеводамъ и приказнымъ людямъ—съ Вольнаго, съ Олешина, и съ Колонтаева, и съ Ахтырскова, и черезъ рѣку Ворсклъ лѣсу отдѣлить къ рѣкѣ Ворсклу на 500 сажень, а вдоль на 5 верстъ и пашни, и сѣнныхъ покосовъ, и рыбныхъ ловель и всякихъ

угодій по муромской сакмѣ вверхъ по Ворсклу... на тысячу на триста человѣкъ, чтобъ имъ земли отдѣлить не скудно и ту землю и сѣнные покосы и всякое угодье отмежевать и на межахъ столбы поставить"... Межа земли ахтырскихъ черкасъ опредѣлена между прочимъ до рѣкъ Рабыни (Рябина) и Мерла [1]).

Кромѣ указанной грамоты и описи ахтырскаго полка 1726 г., изъ которой раньше сдѣлано нами довольно подробное извлеченіе данныхъ, имѣвшихъ хотя косвенное отношеніе къ поземельному вопросу, въ нашихъ рукахъ имѣется еще рукописная копія одного акта прошлаго вѣка; въ немъ не обозначенъ годъ его составленія, но видно, что онъ явился еще до времени генеральнаго межеванія земель теперешней харьковской губерніи. Актъ этотъ начинается слѣдующимъ содержаніемъ: „книга именная бѣлогородской губерніи, слободскаго ахтырскаго полку, сотенныхъ мѣстъ козачимъ подмощникамъ свидѣтельства отъ кавалеріи астраханскаго полку подполковника Шамшева, который до сочиненія именныхъ книгъ отправленъ въ полкъ, коликое число въ ономъ ахтырскомъ полку въ городѣхъ, селѣхъ и деревняхъ, живущихъ на жалованныхъ полковыхъ земляхъ малороссіянъ явилось и въ которомъ селѣ и деревняхъ состоитъ мужеска полу душъ, которые подмощники платятъ въ ахтырскую полковую канцелярію на довольствіе армейскихъ и одного

---

[1]) Когда впослѣдствіи по ахтырской земельной дачѣ возникъ судебный процессъ съ казной, то, по порученію харьк. каз. палаты, данному губ. землемѣру, относительно этого документа были наведены справки въ дѣлахъ губ. чертежной: по этимъ справкамъ, онъ названъ былъ «выписью изъ писцовой межевой книги XVII вѣка», а количество опредѣленной этимъ документомъ земли, по свидѣтельству этой-же справки, около 55,000 десятинъ. Такъ какъ въ этой выписи говорится объ отводѣ земли черкасамъ «на тысячу на триста человѣкъ... отдѣлить не скудно», и если принять, что эти 1300 человѣкъ были главы семействъ, то въ такомъ случаѣ среднимъ числомъ на каждую семью приходилось-бы свыше 42 десятинъ, что значительно превышало-бы возможность непосредственной обработки земли силами одной семьи; по этому позволительно предположить, что это челобитье атамана ахтырскихъ черкасъ съ товарищами имѣло въ виду опредѣленіе уже существовавшаго поземельнаго владѣнія гораздо большей массы малорусскаго населенія, или-же сами просители имѣли въ виду земельный запасъ для будущаго: можетъ быть часть этого обширнаго пространства составляла въ первое время такъ называемую въ Малороссіи «вольницу», т. е. запасныя земли общаго владѣнія всѣхъ классовъ населенія.

гарнизонныхъ полковъ на порціоны и раціоны въ годъ по 18 копѣекъ по $^{3}/_{4}$ съ души, значится ниже сего". Далѣе идетъ запись обывателей въ двухъ ахтырскихъ сотняхъ; подворно означены имена, отчества и фамиліи. Въ особой графѣ на первой страницѣ написано: „онаго ахтырскаго полку нижеписанное число 1778 душъ (т. е., нужно думать, въ двухъ сотняхъ), козачи подпомощники, живутъ на пашнѣ, на жалованной малороссійской землѣ своими дворами и платятъ подпомощничій окладъ въ ахтырской полковой канцеляріи". Итакъ земли, въ предѣлахъ которыхъ находилась впослѣдствіи и генерально обмежеванная ахтырская дача, офиціально признавались „жалованной полковой малороссійской землей", а денежныя повинности жителей передъ правительствомъ ограничивались только $18^{3}/_{4}$ коп. съ души, причемъ самая земля, какъ нужно думать, не была обложена еще никакимъ налогомъ.

Изъ имѣющейся у насъ копіи межевой книги дачи г. Ахтырки видно, что она была генерально обмежевана и межевые документы на нее значатся отъ 17 сентября 1769 года. Въ этой межевой книгѣ „учинена межа дачѣ владѣнія живущихъ въ Ахтыркѣ войсковыхъ обывателей съ ея пашенными землями, сѣнными покосы, лѣсными и прочими угодьями отъ всѣхъ смежныхъ постороннихъ земель"... Изъ дальнѣйшаго содержанія этой-же межевой книги видно, что въ дачѣ войсковыхъ обывателей г. Ахтырки отдѣльно вымежованы земли и пустоши лицъ другихъ сословій, а земля войсковыхъ обывателей показана общей массой въ количествѣ 21,252 десятинъ, а собственно удобной 20,249 десятинъ. „На семъ числѣ, сказано въ концѣ книги, во время межеванія земли внутри окружной межи... живущихъ въ г. Ахтыркѣ войсковыхъ обывателей... по послѣдне поданнымъ къ ревизіи сказкамъ состоитъ положенныхъ въ подушный окладъ мужеска пола 4,986 душъ". И такъ генеральное межеваніе ахтырской, а слѣдовательно и другихъ старозаимочныхъ земель слободской территоріи, уже потому, что оно было только генеральное, не осуществило первоначальнаго благаго пожеланія Екатерины II: „дабы всякій свой удѣлъ, или замку зналъ". Къ старозаимочнымъ землямъ была примѣнена общая межевая инструкція 1766 г., въ которой вся 19 глава была посвящена именно однодворческимъ и другихъ служилыхъ людей помѣстнымъ землямъ, которыя въ это время были уже окончательно признаны ка-

зенными, а въ первомъ пунктѣ этой главы именно и сказано: всѣ состоявшіе за однодворцами и другими служилыми людьми земли „утверждать не каждому порознь, а вообще всему селенію, особо отъ другихъ". По этимъ причинамъ всѣ земли ахтырскихъ войсковыхъ обывателей были просто замежеваны одной окружной межой къ г. Ахтыркѣ. При такихъ отношеніяхъ закона къ личному поземельному владѣнію войсковыхъ обывателей, оно—это личное и наслѣдственное поземельное владѣніе большинства народной массы харьковской губерніи, можно сказать, уже не имѣло себѣ формальной защиты въ законахъ и оберегалось развѣ только обычаемъ, или различными случайными обстоятельствами.

Такое необезпеченное положеніе землевладѣнія въ классѣ бывшихъ войсковыхъ обывателей, переходившихъ теперь въ разрядъ крестьянъ, давало постоянный поводъ къ притязаніямъ другихъ классовъ, при взаимномъ столкновеніи ихъ интересовъ и земельныхъ правъ; отсюда сословный аграрный антагонизмъ между массой войсковыхъ обывателей г. Ахтырки съ одной стороны и купцами, цеховыми и мѣщанами того-же города съ другой. Въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ о немъ подробнѣе, здѣсь-же замѣтимъ, что если этотъ антагонизмъ примѣчается не раньше конца прошлаго вѣка и не выражается на бумагѣ со стороны духовенства и дворянства, то отсюда не слѣдуетъ еще, чтобы онъ не проявлялся и раньше сего въ той скрытой формѣ, въ какой сталъ обнаруживаться въ воззрѣніяхъ массы въ послѣднее время. Впрочемъ упомянутые нами выше межевые документы на ахтырскую дачу даютъ намъ по этому предмету нѣкоторые, хотя и скудные факты. Книга генеральнаго межеванія ахтырской дачи отъ 17 сентября 1769 г. упоминаетъ только два элемента населенія г. Ахтырки: это во 1-хъ сплошное населеніе войсковыхъ обывателей, которымъ въ дачѣ принадлежало около $^5/_6$ всего ея пространства и поземельное владѣніе которыхъ показано въ книгѣ общей цифрой, а на планѣ общей массой за всѣмъ ихъ обществомъ, и во 2-хъ нѣсколько десятковъ лицъ другихъ классовъ, владѣвшихъ на правѣ собственности мелкими, также генерально-обмежеванными пустошами въ нѣсколько десятинъ каждая, среднимъ числомъ 20—30 дес., кромѣ двухъ пустошей отъ 100 до 200 десятинъ. Землевладѣльцы послѣдней категоріи перечислены въ межевой книгѣ поименно: они видимо были люди исклю-

чительно почти мѣстные, но только выдѣлившіеся изъ массы войсковыхъ обывателей фортуной позднѣйшей канцелярской или военной службы, или лица духовнаго званія. Въ качествѣ земельныхъ собственниковъ тутъ названы: премьеръ-маіоры, подпрапорные, прапорщики, вахмистры, протопопы, священники, канцеляристы, копіисты, бывшіе сотники, бывшіе полковые судьи; было нѣсколько пустошей, показанныхъ за ахтырскимъ троицкимъ монастыремъ. Но ни въ книгѣ генеральнаго межеванія всей ахтырской дачи 1769 г., ни въ межевой книгѣ уѣзднаго города Ахтырки съ выгонной землею 1771 г., нигдѣ ни однимъ словомъ не упомянуты: купцы, мѣщане и цеховые, хотя трудно сомнѣваться въ томъ, что населеніе Ахтырки въ нѣсколько тысячъ человѣкъ не могло существовать безъ всякой торговли и городскихъ ремеслъ. Это обстоятельство даетъ поводъ думать, что за исключеніемъ самаго скромнаго процента населенія, выдѣлившагося изъ массы путемъ канцелярской, полковой или духовной службы, остальное населеніе ахтырскихъ войсковыхъ обывателей во время генеральнаго межеванія представляло еще однородное, безсословное общество.—Было еще незначительное количество одного разряда населенія, которое уже отмѣчено въ межевыхъ актахъ г. Ахтырки прошлаго вѣка: это „подданные черкасы": въ межевой книгѣ 1769 г. ихъ указано всего лишь нѣсколько человѣкъ, жившихъ въ хуторахъ и отдѣльныхъ пустошахъ вышедшихъ въ чины частныхъ владѣльцевъ, а въ межевой книгѣ городской и выгонной земли (1771 г.) сказано, что въ чертѣ городской земли, въ размѣрѣ около 2,790 десятинъ, находится г. Ахтырка, въ коемъ войсковыхъ обывателей мужскаго пола числится 4,986 душъ, да „за разными помѣщики и владѣльцы подданныхъ черкассъ, живущихъ въ городѣ, 143, всего 5,129 душъ".

Межа городской земли г. Ахтырки была опредѣлена ранѣе генеральнаго межеванія ахтырской дачи, т. е. до 1769 года, межевая книга на эту дачу составлена въ 1769 г., а на городскую землю, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, только въ 1771 году. Спустя нѣсколько лѣтъ вводилось въ Ахтыркѣ городовое положеніе Екатерины II, которымъ офиціально опредѣлены новые разряды населенія: купцы, мѣщане и цеховые. Въ слѣдъ за этимъ замѣтны уже явные слѣды борьбы изъ-за вопросовъ землевладѣнія между земледѣльческой массой населенія съ одной стороны, купцами, мѣ-

щанами и цеховыми съ другой. Очень можетъ быть, что при самомъ введеніи городоваго положенія не обошлось безъ какихъ-либо новыхъ нежданныхъ пертурбацій въ существовавшемъ аграрномъ строѣ жизни, ибо возникновеніе регламентированнаго закономъ городскаго сословія, со стороны его писанныхъ правъ и обязанностей, врядъ-ли могло быть предметомъ яснаго сознанія въ глазахъ патріархальной земледѣльческой массы населенія; а впослѣдствіи этотъ антагонизмъ долженъ былъ идти прогрессивно, возбуждаемый и поддерживаемый нѣкоторыми позднѣйшими офиціальными мѣропріятіями, о которыхъ будетъ сказано ниже. Во всякомъ случаѣ только со времени введенія этого городоваго положенія почти безсословное населеніе войсковыхъ обывателей, большею частію земледѣльцевъ, должно было мало-по-малу выработаться въ низшее (сословіе), замкнутое и подчиненное уже своимъ особымъ спеціальнымъ вѣдомствамъ крестьянское сословіе. Можно предположить, что такимъ именно путемъ произошелъ разжалованный изъ обывателей позднѣйшій „мужикъ“ въ земледѣльческихъ городахъ харьковской губерніи. Такое раздѣленіе безсословнаго прежде населенія войсковыхъ обывателей на высшія и низшія городскія сословія въ земледѣльческихъ городахъ Слободской Украйны, въ связи съ болѣе общими и глубокими историческими причинами, соотвѣтственно принизило весь численно преобладавшій классъ войсковыхъ обывателей во всей губерніи, по селамъ и деревнямъ, на степень почти паріевъ позднѣйшей эпохи, съ весьма вѣрнымъ названіемъ „государственныхъ крестьянъ“, т. е. безотвѣтныхъ крѣпостныхъ людей государства. Въ этихъ превращеніяхъ рѣшающее вліяніе врядъ-ли принадлежало тѣмъ или другимъ преднамѣреннымъ дѣйствіямъ правительства; скорѣе здѣсь могла сказываться стихійная сила общаго порядка вещей въ обширномъ государствѣ, гдѣ между правящими и управляемыми элементами не могло уже быть ни взаимнаго пониманія, ни постоянно дѣйствующей органической связи: вольная и невольная нивелировка жизни, до степени повсемѣстно-однообразнаго механическаго порядка, могла вызываться простой необходимостью для бюрократическаго режима хотя какъ-нибудь оріентироваться въ дѣлѣ администраціи, вводя въ посильныя для себя упрощенныя и однообразныя формы необъятное разнообразіе и естественное непрерывное творчество соціальной жизни.

Какъ можно видѣть по дальнѣйшему ходу различныхъ аграрныхъ мѣропріятій мѣстной администраціи относительно старозаимочныхъ земель теперешней харьковской губерніи, взгляды такихъ осмотрительно дѣйствовавшихъ администраторовъ, какъ Чертковъ, не были, къ сожалѣнію, преобладающими, и повидимому скоро почти совсѣмъ исчезли изъ мѣстныхъ административныхъ традицій и практики. Мы не будемъ здѣсь объяснять причинъ такого явленія, ибо, по всей вѣроятности, онѣ довольно сложны; но врядъ-ли послѣднюю роль игралъ здѣсь пришлый характеръ административнаго персонала, который просто могъ не знать мѣстнаго аграрнаго устройства, а личный ихъ опытъ и общій ходъ аграрнаго законодательства въ примѣненіи къ народной массѣ имѣлъ дѣло только съ великорусскимъ поземельнымъ порядкомъ, общиннымъ характеромъ крестьянскаго землевладѣнія. Въ ноябрѣ 1814 г. „войсковой голова“ и повѣренные г. Ахтырки, т. е. общества тогдашнихъ войсковыхъ обывателей, жаловались слободско-украинской казенной палатѣ на сильное умаленіе земли войсковыхъ обывателей г. Ахтырки и непомѣрное обремененіе ихъ различными повинностями. Между прочимъ они объясняли, что хотя „по плану, выданному на г. Ахтырку“ числится удобной земли около 15,000 десятинъ (мы округляемъ цифру), но въ числѣ этой земли около 5,000 десятинъ черезполосностей принадлежатъ чиновникамъ, „да купцамъ и мѣщанамъ, вышедшимъ въ сіе званіе изъ войсковыхъ поселянъ“, и потому во владѣніи ихъ, жалобщиковъ, остаются не полныя десять тысячъ десятинъ, а какъ по послѣдней въ то время 6 ревизіи войсковыхъ обывателей г. Ахтырки числилось 4,520 платежныхъ, или ревизскихъ душъ, то слѣдовательно на каждую душу приходилось всего съ небольшимъ двѣ десятины. Просители прибавляли, что кромѣ общаго уменьшенія войсковой земли, вслѣдствіе выхода многихъ обывателей въ другія сословія, по ордеру бывшаго губернатора Теплова, „съ 1798 года поступило въ распоряженіе ахтырской городовой думы 60 десятинъ, сѣнокосной земли для доставленія отъ города пастбищныхъ мѣстъ квартировавшимъ въ Ахтыркѣ гусарскимъ полкамъ и „разнымъ воинскимъ командамъ“; но что уже около десяти лѣтъ никакихъ военныхъ постоевъ въ г. Ахтыркѣ не имѣлось, а дума все таки продолжаетъ владѣть сѣнокосной землей, бывшей собственностію ихъ обывателей, „нанимаетъ ее разнымъ

купцамъ и мѣщанамъ и арендную плату обращаетъ въ городской доходъ", въ случаяхъ-же прохожденія черезъ городъ „командъ", тѣ команды „всегда довольствуетъ обывательское общество (т. е. войсковые обыватели г. Ахтырки, по городовому положенію Екатерины, не вошедшіе даже въ составъ городскихъ классовъ) приготовляемымъ для себя сѣномъ и овсомъ, съ дворовъ и покупкою за деньги, почему они, обыватели, и пришли къ крайнему малоземелію, въ пропитаніи себя и платежѣ казенныхъ податей въ крайнее изнеможеніе, ибо во многихъ вовсе земли на хлѣбопашество не имѣется", а потому просятъ возвратить имъ землю, неправильно задерживаемую городскою думою еще со времени ордера губернатора Теплова. Изъ указа слободско-украинской казенной палаты по этой жалобѣ видно, кромѣ того, какъ неустойчивъ былъ характеръ и фактъ землевладѣнія въ частности, въ отдѣльныхъ мѣстахъ этой дачи: тутъ въ видѣ справки приведенъ, между прочимъ, такой эпизодъ. Слободско-украинская гражданская палата еще въ 1805 г. постановила свое опредѣленіе по ходатайству какого-то ахтырскаго обывателя Степана Слухая „съ товарищи", касательно предоставленія во владѣніе имъ „яко-бы жалованной ихъ предкамъ пушкарямъ, по выписи 7170 г. (1662 г.), въ ахтырскихъ дачахъ, въ разныхъ урочищахъ земли, находящейся въ завладѣніи у городничаго Мандрыкина и другихъ"... Въ справкахъ значится, что „по разсужденію воеводы маіора Львова изъ той жалованной пушкарской сѣнокосной земли третью часть положено содержать для искошенія на городское общественное обывательское облегченіе и надобности, употребляя искашиваемое сѣно въ продажу и во время проходящихъ полковъ и командъ съ вѣрною запискою, а оставшуюся за тѣмъ землю раздѣлить между пушкарями, какое распредѣленіе ахтырская провинціальная канцелярія въ 1779 г. рѣшеніемъ своимъ подтвердила". Гражданская палата, не отмѣняя онаго, присудила токмо находящуюся изъ числа оной земли у Мандрыки предоставить по прежнему обывательскому обществу, а имъ Слухаю съ товарищи въ просьбѣ отказала. Но прежде того рѣшенія въ 1798 г. бывшій губернаторъ Тепловъ, даннымъ ахтырской городской думѣ предложеніемъ, предписалъ: „упоминаемымъ сѣннымъ покосамъ, которые, какъ изъ рапорта ахтырскаго нижняго земскаго суда явствуетъ, состоятъ за городской чертой и въ вѣ-

домствѣ онаго суда, находиться въ вѣденіи той думы и получаемые съ нихъ доходы обращать въ городскую сумму, почему съ 1800 г. по 1814 г. показано въ счетахъ ахтырской городской думы собраннаго съ найма тѣхъ сѣнокосовъ дохода 771 р. 30 к."

Уже одинъ этотъ въ сжатой справкѣ приведенный эпизодъ вызываетъ рядъ предположеній: Слухай съ товарищи ищутъ пожалованную ихъ предкамъ пушкарямъ землю въ свое личное или-же общее владѣніе; упоминаніе о пожалованныхъ землей какихъ-то ахтырскихъ пушкаряхъ предполагаетъ земельныя пожалованія не только въ пользу всего ахтырскаго козачьяго сословія, но и отдѣльныхъ его спеціальностей. Воеводское „разсужденіе" постановило: треть этой земли назначить на „городское облегченіе" относительно военныхъ повинностей, а остальныя $^2/_3$ земли раздѣлить между пушкарями. Гражданская палата, съ своей стороны, часть этой земли, бывшую во владѣніи частнаго лица, городничаго Мандрыки, присудила всему обывательскому обществу, а губернаторъ Тепловъ, не ожидая палатскаго рѣшенія, приказалъ всю эту спорную землю отдать во владѣніе ахтырской городской думы. Такимъ образомъ даже въ одномъ этомъ эпизодѣ мы видимъ цѣлую путаницу разнородныхъ претензій и распоряженій: со стороны частныхъ лицъ, отдѣльныхъ сословій и всего ахтырскаго общества. Отсутствіе прочныхъ, опредѣленныхъ правъ личныхъ и имущественныхъ, полная безконтрольность провинціальной администраціи, которая и сама врядъ-ли могла знать, что кому принадлежало вчера и что кому поэтому должно принадлежать сегодня, всѣ эти условія должны были порождать такой порядокъ вещей въ сферѣ мелкаго поземельнаго владѣнія, что, можетъ быть, даже насильственное, но быстрое введеніе общиннаго владѣнія было-бы еще наименьшимъ изъ золъ, сравнительно съ произволомъ частнаго и офиціальнаго характера, упраздняющимъ всякій прочный разсчетъ на завтрешній день.

---

7) Причины и начало уравнительнаго раздѣла старозаимочныхъ земель.

Замѣна прежняго, ископнаго порядка землевладѣнія въ Слобожанщинѣ инымъ, господствовавшимъ въ другой половинѣ Россіи порядкомъ наступила не вдругъ и произошла подъ непосредствен-

нымъ и неотразимымъ давленіемъ мѣстной и центральной администраціи, долго еще производившихъ свои эксперименты надъ перерождавшимся постепенно козачьимъ населеніемъ Слобожанщины, не справляясь съ его исторіею, вѣковымъ правомъ, привычками и всѣмъ строемъ мѣстной жизни, но лишь по собственному, не рѣдко весьма узкому пониманію нуждъ и пользъ государства. Въ высокой степени интересны и поучительны разсужденія по этому предмету мѣстныхъ и заѣзжихъ администраторовъ, повидимому проникнутыя заботами о благѣ населенія, а въ сущности не восходившія выше желанія отличиться по службѣ исправнымъ взысканіемъ казенныхъ податей и ради этого не церемонившихся съ историческими началами мѣстной жизни. Въ упомянутомъ нами выше дѣлѣ по жалобѣ „войсковаго головы съ товарищи" на умаленіе земли бывшихъ войсковыхъ обывателей и чрезмѣрное обремененіе ихъ казенными налогами, бывшая слободская казенная палата, въ которой производилось это дѣло, въ своемъ рѣшеніи основалась главнымъ образомъ на слѣдующемъ предложеніи тогдашняго харьковскаго вице-губернатора. Такого-то мѣсяца и числа „сего 1814 года, говорится въ указѣ палаты, здѣшній г. вице-губернаторъ и кавалеръ сей палатѣ предложилъ, что, разсматривая онъ получаемые отъ уѣздныхъ казначействъ вѣдомости о приходѣ и расходѣ денежной казны, а равно о недоимкахъ, усматриваетъ, что сіи послѣднія накопляются до знатнаго количества и взысканіе ихъ происходитъ медленно; посему вникая подробно въ причины умноженія оныхъ и трудности, съ каковою казенными поселянами вносятся слѣдующія казнѣ подати, онъ по внимательномъ изслѣдованіи всего относящагося до сего предмета, равномѣрно, какъ и по тщательномъ соображеніи положенія казенныхъ поселянъ находитъ, что главнѣйшею и почти, можно сказать, единственною причиною несостоятельности казенныхъ поселянъ къ заплатѣ податей и другихъ государственныхъ повинностей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сопряженныхъ затрудненій въ сборѣ оныхъ и накопленія недоимокъ, есть то, что во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ, обмежеванныя къ онымъ земли и слѣдовательно вообще всѣмъ казеннымъ поселянамъ принадлежащія, раздѣлены между ними неуравнительно, такъ что нѣкоторые изъ поселянъ владѣютъ весьма знатнымъ количествомъ земель, далеко превосходящимъ ту пропорцію, которая-бы имъ по числу душъ въ ихъ семействахъ

слѣдовала, другіе-же напротивъ того владѣютъ только самымъ малѣйшимъ участкомъ, или и вовсе ничего не имѣютъ и число сихъ послѣднихъ гораздо превосходитъ первыхъ; неуравнительность-же сія произошла отъ того, что, не взирая на существующія съ давнихъ временъ узаконенія, коими воспрещено казеннымъ поселянамъ продавать, закладывать, или какимъ-либо образомъ переводить свои участки земель въ постороннія руки, злоупотребленія сіи подъ разными предлогами всегда продолжались, да и нынѣ, не смотря на строгія подтвержденія о пресѣченіи оныхъ, продолжаются, отъ чего съ одной стороны тѣ, кои таковыми непозволительными средствами сбываютъ свои земли, не только повергаютъ сами себя въ бѣдность и несостояніе къ платежу казенныхъ податей, но потомковъ своихъ неповинно оставляютъ въ бѣдственномъ положеніи, а съ другой— заводятъ напрасныя дѣла, обременяющія правительство, почему онъ, г. вице-губернаторъ, и полагаетъ, что какъ для безнедоимочнаго взноса казенныхъ податей, такъ и для приведенія казенныхъ поселянъ въ состояніе пріобрѣтать потребные способы къ прокормленію себя и платежу государственныхъ повинностей, необходимо надлежитъ во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ всѣ имѣющіяся и обмежеванныя къ онымъ земли раздѣлить между поселянами уравнительно по числу душъ въ каждомъ семействѣ въ окладѣ состоящихъ, исключая только такихъ участковъ, на которые имѣются у кого-либо законные документы, съ тѣмъ, чтобы казенные поселяне, кромѣ предоставленнаго имъ въ межевой инструкціи права отдавать свои участки по-годно въ лаймы, ни какъ не смѣли ни продавать оныхъ и ни закладывать, ниже какимъ-бы-то ни было образомъ переводить въ постороннія руки".—Въ настоящее время насъ, привыкшихъ къ инымъ порядкамъ, способно озадачить то обстоятельство, что вице-губернаторъ, хотя и кавалеръ, такъ легко справляется съ сложнымъ аграрнымъ и экономическимъ вопросами и однимъ, такъ-сказать, взмахомъ своего пера разрушаетъ вѣковой порядокъ жизни; но тогда ничто подобное не казалось страннымъ и палата, какъ видимъ, приняла предложеніе вице-губернатора къ исполненію. Правда, онъ оставляетъ еще значеніе за документами законными, но какіе документы могли быть у населенія, низведеннаго уже разными мѣропріятіями на степень „мужика" и какіе изъ имѣющихся документовъ, послѣ столькихъ перемѣнъ, могли быть признаны за-

конными"? Не менѣе интересны нѣкоторыя числовыя данныя, приведенныя въ томъ-же указѣ палаты и подтверждающія, хотя далеко не точно, то умаленіе земли, на которое жалуется „войсковой голова съ товарищи". Изъ этихъ данныхъ отмѣтимъ слѣдующія: 1) что по 5-й ревизіи ревизскихъ душъ войсковыхъ обывателей города Ахтырки числилось 4,582 души (больше чѣмъ по послѣдней 6-й ревизіи), а на каждую душу приходилось по свѣдѣніямъ палаты свыше 4½ десятинъ; 2) что, по тѣмъ-же свѣдѣніямъ палаты, въ видѣ различныхъ вѣдомостей и отчетовъ, выходитъ, что „по 6-й ревизіи причитается на 4,520 душъ... безъ малаго по 5 десятинъ, но „изъ числа означенной земли, замѣчаетъ палата, сколько имѣется во владѣніи тамошнихъ купцовъ и мѣщанъ, вышедшихъ изъ обывательскаго званія, въ палатѣ свѣдѣнія точнаго нѣтъ".

Такъ объяснялъ „вице-губернаторъ и кавалеръ", а за нимъ и палата слободско-украинская причины „крайняго изнеможенія" ахтырскихъ обывателей. Намъ предоставляется это дѣло нѣсколько въ иномъ видѣ. На общество войсковыхъ обывателей г. Ахтырки возложена была не только подушная подать, но и различныя натуральныя повинности, источникомъ которыхъ могла быть для земледѣльческаго населенія только земля. По свѣдѣніямъ палаты, этой земли числилось свыше 20,000 десятинъ, въ дѣйствительности-же во владѣніи податнаго сословія не было уже и половины этого количества. При этомъ условіи „крайнее изнеможеніе обывателей", особенно въ виду другихъ добавочныхъ причинъ, становится совершенно понятно. Внутренняя раскладка всѣхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей главнымъ образомъ подавляла бѣднѣйшую часть населенія; разъ установленный размѣръ этихъ повинностей падалъ не на одинъ и тотъ-же поземельный фондъ, въ чьихъ-бы рукахъ ни находилась земля, но только на классъ войсковыхъ обывателей, которыхъ законъ предполагалъ единственными землевладѣльцами, а мѣщане и цеховые, по закону, предполагались безземельными, хотя по обычному старозаимочному праву движеніе мелкаго поземельнаго владѣнія между этими сословіями происходило постоянно и въ рукахъ богатыхъ людей поземельное владѣніе могло накопляться даже въ относительно большихъ размѣрахъ. Мы не думаемъ ошибиться, если скажемъ, что главная причина этого недуга заключалась въ полномъ несоотвѣтствіи податной системы

съ порядкомъ личнаго землевладѣнія на правѣ полной собственности и вообще бытовымъ строемъ землевладѣнія. Податная система, предполагая общинное землевладѣніе, а слѣдовательно и неизмѣнный имущественный фондъ, для удобства счета и контроля, устанавливала разъ на многіе годы неизмѣнныя цифры подати и извѣстный объемъ натуральныхъ повинностей съ цѣлаго крестьянскаго или обывательскаго общества, а источникъ этой подати—мелкая обывательская (позже крестьянская) собственность—находилась въ постоянномъ движеніи изъ рукъ въ руки, переходя даже къ другимъ и высшимъ сословіямъ, что по характеру и механизму податной системы оставалось безъ всякаго наблюденія и контроля, или, лучше сказать, совсѣмъ игнорировалось. Поземельный фондъ крестьянъ постоянно измѣнялся и уменьшался вслѣдствіе перехода земли въ другія сословія, а размѣръ этого фонда на бумагѣ оставался одинъ и тотъ-же; а слѣдовательно оставалась одна и таже общая цифра душевой подати и натуральныхъ повинностей.

Никакія подобныя обстоятельства не входили, конечно, въ соображенія палаты. Стремясь выполнить данное ей вице-губернаторомъ и кавалеромъ предложеніе, она подтягиваетъ къ нему всевозможныя справки, подводитъ законы объ однодворцахъ, а также о 15-ти и 8-ми десятинномъ надѣлѣ землею и, наконецъ, приводитъ извлеченіе изъ указа сената по межевому департаменту отъ 12 іюля 1809 г., „по дѣлу объ отдачѣ земли ахтырскаго уѣзда (велирусской) деревни Печинъ однодворческому обществу“, отрѣзанной въ казенное вѣдомство изъ владѣнія князя Кантеміра (около 1,000 десятинъ)... въ которомъ, между прочимъ, было предписано, чтобы казенная палата, до приведенія въ извѣстность всѣхъ земель, принадлежащихъ казеннымъ крестьянамъ, „старалась елико возможно, хотя частно, приступать къ надѣленію тѣхъ крестьянъ, кои крайне малоземельны, дабы они за земли, имъ въ надѣлъ слѣдующія, не обременялись болѣе платежемъ оброчныхъ денегъ и не несли въ платежѣ слѣдующихъ съ нихъ повинностей отягощенія“. Въ заключеніе всѣхъ своихъ справокъ и мотивовъ казенная палата, ссылаясь на предположенія въ высочайшихъ указахъ 1798 г. іюля 21 дня и 1800 г. декабря 17, приходитъ къ заключенію, что „къ надѣленію скудныхъ поселянъ землею надлежитъ всю слѣдуемую обывательскому обществу землю, дабы никто изъ нихъ въ оной не

нуждался, раздѣлить равномѣрно между тѣми обывателями по числу ревизскихъ душъ. Постановивъ, для увеличенія подлежащей раздѣлу земли, отобрать и отданную прежде ахтырской городской думѣ сѣнокосную землю, съ возложеніемъ на обывателей обязанности довольствовать полки и воинскія команды фуражемъ въ натурѣ, палата рѣшила всю землю, принадлежащую войсковымъ обывателямъ, раздѣлить между ними по числу душъ, „дабы всякъ изъ нихъ, обывателей, получивъ себѣ довлѣемый участокъ, могъ улучшать свое состояніе и быть исправнымъ къ платежу государственныхъ податей и общественныхъ повинностей“, ахтырскому-же нижнему земскому суду предписала, „чтобы означенный раздѣлъ земли съ точностію, уравнительно и безобидно для каждаго произведенъ былъ“, и въ тоже время отнеслась въ слободско-украинское губернское правленіе о немедленномъ отборѣ отъ ахтырской думы земли общества войсковыхъ обывателей, равно и объ откомандированіи „для того раздѣленія земли уѣзднаго землемѣра“.

Такое стремленіе мѣстной администраціи къ равномѣрному раздѣлу земель въ дачахъ „казенныхъ обывателей“, начавшееся еще съ 20 годовъ, имѣло особенно напряженный характеръ въ 30—40 годахъ текущаго столѣтія. Мы имѣемъ въ рукахъ три циркулярные приказа слободско-украинской казенной палаты—въ лебединскій уѣздъ межирицкому волостному правленію (въ 1829 и 1830 годахъ). По историко-статистическому описанію харьковской епархіи слобода Межиричъ въ 1765 г. была сотеннымъ мѣстечкомъ сумскаго полка, а съ этого времени до 1781 г. коммисарскимъ городкомъ. Основаніе этого поселенія малороссійскими козаками относится ко времени не позже 1642 г. Землевладѣніе здѣсь, какъ видно изъ бывшей полковой организація, было старозаимочное, т. е. участково-наслѣдственное и, конечно, неравномѣрное. Въ это время, какъ видно изъ приказа палаты, губернію обозрѣвалъ сенаторъ Горголій. Онъ былъ во многихъ волостяхъ, и всюду замѣчалъ „весьма неуравнительное казенными поселянами владѣніе принадлежащими имъ землями, такъ что одни имѣютъ оной весьма много, тогда какъ у другихъ вовсе таковой нѣтъ“; сенаторъ нашелъ также, что „допускается уступка нѣкоторыми казенными поселянами своихъ земель постороннимъ лицамъ, и на время даже неограниченное (тутъ перечислены неизбѣжныя свойства и признаки старозаимочнаго

владѣнія), и полагая, что все сіе имѣетъ величайшее вліяніе на накопленіе недоимки", строго предписалъ, чтобы палата, „по случаю наступающаго весенняго времени, поспѣшила предписать всѣмъ волостнымъ правленіямъ, чтобы произвели между собой уравненіе землями"... Палата немедленно вмѣнила въ обязанность городничихъ и земскихъ судовъ: „всѣмъ селеніямъ и городамъ изъ владѣемыхъ ими земель, по числу ревизскихъ душъ, по сколько на каждую уравнительно причитаться будетъ, сдѣлать раздѣленіе, кромѣ лѣсовъ и такихъ земель, на которыя имѣются у кого либо изъ поселянъ узаконенныя крѣпости"... Положеніе волостныхъ правленій подъ гнетомъ этихъ высоко авторитетныхъ требованій было, можно сказать, безвыходное: они естественно представляли на видъ начальству, что дѣлить земли безъ землемѣровъ не могутъ, но въ своемъ безсиліи исполнить требованіе начальства особенно упирали на то обстоятельство, что „въ каждой казенной дачѣ имѣются черезполосныя владѣнія". Палата требовала подѣлить между поселянами всю ту землю, которая находится въ безспорномъ ихъ владѣніи и непремѣнно уравнительно, по количеству въ каждомъ семействѣ ревизскихъ душъ; „а какъ отъ неуравнительнаго владѣнія полагается и самое накопленіе время отъ времени недоимки въ государственныхъ податяхъ", то палата постановила войти въ сношеніе съ губернаторомъ относительно предписанія городскимъ и земскимъ полиціямъ, чтобы онѣ, кромѣ настоянія на раздѣлѣ крестьянскихъ земель, понудили-бы и черезполосныхъ владѣльцевъ другихъ сословій „къ представленію въ узаконенный срокъ документовъ на владѣнія свои и окончили дѣла о новыхъ привладѣніяхъ и разныхъ притѣсненіяхъ казеннымъ обывателямъ". Такимъ образомъ въ дачахъ старозаимочнаго владѣнія не было уже покою не только казеннымъ обывателямъ, но и всѣмъ владѣльцамъ мелкихъ черезполосныхъ дачъ. Повторимъ опять, что всю эту пертурбацію можно объяснять только существовавшей системой податей съ ревизскихъ душъ, вслѣдствіе чего администрація естественно желала обезпечить, такъ сказать, платежный фондъ каждой души „довлѣемымъ участкомъ". При такомъ положеніи вещей состоятельные члены сельскихъ обществъ, которымъ жилось сравнительно легко, были поражены внезапнымъ отборомъ части ихъ земель, за то бѣдные, которымъ особенно чувствительна была

тяжесть ихъ положенія, должны были всячески стремиться къ равномѣрному передѣлу земель. Это стремленіе ихъ къ имущественному уравненію сельскихъ обществъ могло быть тѣмъ энергичнѣе, что его поддерживала и спѣшно шла ему на встрѣчу административно-фискальная политика. Такъ могла возникать и обостряться глухая борьба между имущими и неимущими классами, переходя изъ крестьянской среды и на другія сословія. Примѣненіе къ дѣлу распоряженія объ уравнительномъ распредѣленіи земель не замедлило вызвать и жалобы на неточное исполненіе онаго. Такая жалоба занесена была, какъ видимъ изъ втораго приказа слободско-украинской казенной палаты, отъ нѣсколькихъ обществъ ахтырскаго и зміевскаго уѣзда. Въ приказѣ дѣлается ссылка на ревизію губерніи, произведенную сенаторомъ Брозинымъ, бывшую какъ видно, также въ связи съ поземельнымъ вопросомъ въ губерніи. Въ третьемъ приказѣ выступаетъ снова сенаторъ Горголій. Его сенаторское око, обращенное „найпаче на благосостояніе казенныхъ поселянъ, въ отношеніи онаго усмотрѣло *важнѣйшій безпорядокъ*“ все въ томъ-же неуравнительномъ распредѣленіи земли по числу душъ, въ семействахъ состоящихъ, и количеству платимой каждымъ обывателемъ подати. „*Зло сіе*, разъяснялъ сенаторъ, проистекаетъ сколько отъ упорства въ раздѣлѣ земель со стороны волостныхъ начальниковъ, и послабленія... мѣстныхъ полицій, столько и отъ долговременнаго неокончанія уѣздными судами находящихся въ нихъ дѣлъ о спорныхъ и черезполосныхъ между казенными поселянами и разными частными владѣльцами земляхъ“... Какъ видно, жизнь крѣпко стояла за свои излюбленныя формы, извѣчныя, наслѣдственно имущественныя права, ей вторили и низшіе органы власти; но благопопечительное начальство давало этой жизни иной поворотъ, по своему высшему разумѣнію. Тамъ и здѣсь преслѣдуются, повидимому, благо населенія и польза государственная, но какъ не одинаково понимаются они одной и другой стороной! Казенная палата и въ этомъ приказѣ строго побуждаетъ всѣ подлежащія власти (исправниковъ, уѣздные суды и въ особенности волости) къ безотлагательному раздѣлу крестьянскихъ земель на ревизскія души, неизмѣнно поучая, что казенные поселяне „отъ неуравнительнаго владѣнія землей доведены до накопленія въ значительномъ количествѣ недоимокъ въ государственныхъ податяхъ“.

Подъ вліяніемъ такого общаго неотразимаго административнаго давленія, охотно поддерживаемаго бѣднѣйшею частію сельскаго населенія, въ 20—40 годахъ происходило, вѣроятно, повсемѣстное превращеніе въ бывшей Слобожанщинѣ участково-наслѣдственныхъ старозаимочныхъ дачъ въ дачи общиннаго владѣнія. Мы приведемъ здѣсь только не многіе извѣстные намъ факты.

Въ дачѣ бывшей войсковой слободы ахтырскаго полка Хухры совершенъ уравнительный раздѣлъ на души и возникло общинное владѣніе землей, по частнымъ свѣдѣніямъ, еще въ половинѣ 20 годовъ текущаго вѣка.—Въ бывшемъ сотенномъ мѣстечкѣ ахтырскаго полка Колонтаевѣ раздѣлъ земли на души совершился лѣтъ за 15—20 до выдачи владѣнныхъ записей, т. е., вѣроятно, уже въ 50 годахъ. Мѣстное преданіе помнитъ даже, что въ колонтаевскомъ обществѣ былъ какой-то мѣстный крестьянинъ, агитаторъ поземельнаго раздѣла—Собко, который яко-бы исхлопоталъ раздѣлъ земли (*ледачій* человѣкъ, по выраженію одного старожила). По сообщеннымъ намъ частнымъ свѣдѣніямъ въ Колонтаевѣ и его дачѣ было и крѣпостное владѣніе какъ крестьянъ, такъ и мѣщанъ, были и крѣпостныя усадьбы. Въ послѣднее время на душу въ колонтаевской дачѣ, по частнымъ свѣдѣніямъ, приходилось около 4½ десятинъ.—Въ селѣ Жигайловкѣ раздѣлъ земли на души произошелъ лѣтъ 40 тому назадъ, еще до крымской войны, хотя населеніе помнитъ, что и лѣсъ и пахоть здѣсь были старозаимочнаго владѣнія. Здѣсь 1160 душъ имѣютъ 5,600 десятинъ. Со времени введенія общиннаго владѣнія было около трехъ передѣловъ земли; послѣдній передѣлъ былъ лѣтъ восемь тому назадъ.—Въ Боромлѣ участко-наслѣдственный старозаимочный порядокъ замѣненъ общиннымъ и земля уравнительно подѣлена на души еще около 30 лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ введеніемъ кадастра. Раздѣлъ былъ произведенъ насильно, по требованію ахтырскаго окружнаго начальника и безземельныхъ крестьянъ. Здѣсь также мѣстная память называетъ одного крестьянина, по фамиліи Хухря, который долго стоялъ за старый участковый порядокъ и вслѣдствіе этого едва самъ не пропалъ. За все это время было, по мѣстной памяти, всего два передѣла земли, ибо, говорятъ, боромлянское общество не любитъ передѣловъ. Поле какъ было, такъ и осталось въ трехъ рукахъ. Душевой надѣлъ въ Боромлѣ: въ одной рукѣ 1 десятина, въ другой рукѣ 2140 кв·

саж., въ третьей рукѣ 2000 кв. саж. Еще наканунѣ перваго передѣла старозаимочной земли около 1851 года, въ крестьянскомъ обществѣ уже ходили о немъ слухи, вслѣдствіе этого болѣе догадливые люди въ крестьянскомъ мірѣ заблаговременно постарались продать свои грунты или нивки, въ надеждѣ, что при передѣлѣ они опять получатъ землю на свой пай, что и случилось.—Въ слободахъ лебединскаго уѣзда Червленномъ Курганѣ и Азакѣ были также земли старозаимочнаго владѣнія. Здѣсь введено общинное владѣніе (уравнительный раздѣлъ на души) еще въ половинѣ 20 годовъ, и съ этихъ поръ передѣлы идутъ по ревизіямъ. Послѣдній передѣлъ былъ въ 1858 году. Въ слободѣ Олешнѣ (лебединскаго уѣзда) живутъ на смежныхъ земляхъ однодворцы и бывшіе войсковые обыватели: у однодворцевъ прежде была четвертная земля, а послѣ выдачи владѣнной записи (кажется, около 1872 г.) земля уже подѣлена на души. Бывшіе войсковые обыватели Олешни подѣлили свою старозаимочную землю на души послѣ кадастра: около 1853—54 г. лѣса старозаимочнаго и четвертнаго владѣнія береглись еще каждый своимъ хозяиномъ, „а какъ пошло подъ казну, то кто заѣдетъ—тотъ и рубитъ“, говорилъ одинъ олешанскій однодворецъ.—Въ дачѣ г. Харькова, какъ и во всей пересѣчанской дачѣ, тоже харьковскаго уѣзда, еще до сихъ поръ сохраняется старозаимочный порядокъ участково-наслѣдственнаго владѣнія.—Въ дачѣ Лебедина (бывшаго сотеннаго мѣстечка сумскаго полка) владѣніе было прежде старозаимочное, участково наслѣдственное, но въ 30 или 40-хъ годахъ подѣлено уравнительно на души. Сами крестьяне, побуждаемые на мѣстѣ своими безземельными членами, какъ умѣли, просто веревками раздѣлили дачу на души.

Нѣсколько свѣдѣній о позднѣйшемъ раздѣленіи старозаимочныхъ дачъ на души и возникновеніи такимъ путемъ общиннаго владѣнія, замѣнившаго начало личной собственности, мы надѣемся привести еще въ другомъ мѣстѣ.

А. Л. Шимановъ.

(Продолженіе будетъ),

Ириней Фальковскій,

КОАДЪЮТОРЪ КІЕВСКІЙ.

Изъ земли взятъ, въ землю и пойдешь, іерархъ, и если время все уноситъ, то дѣла живутъ вѣчно.

(Изъ эпитафіи пр. Иринею).

Въ екатерининскомъ придѣлѣ главной церкви кіево-златоверхо-михайловскаго монастыря, на одной изъ арокъ, скромно ютится небольшая мѣдная дощечка съ незамысловатою эпитафіею: *„здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго епископа Иринея Фальковскаго, бывшаго викаріемъ кіевскимъ, потомъ епархіальнымъ смоленскимъ и снова, по желанію своему, возвратившагося въ эту обитель 1812 г.*[1]) *съ званіемъ коадъютора“*... и т. д. Едва-ли кто изъ посѣщающихъ михайловскую обитель останавливалъ свое вниманіе на этой маленькой дощечкѣ; а иной, быть можетъ, хотя и видѣлъ, но далекъ былъ отъ мысли, что скромная эпитафія говоритъ о человѣкѣ, которымъ вправѣ гордиться время, породившее его, школа, воспитавшая его, учрежденіе, считавшее его своимъ членомъ, общество, послужившее ареною дѣятельности его. Преосвященный Ириней обладалъ замѣчательною, по своему времени, эрудиціею. Это былъ самый многосторонній ученый между русскими пастырями церкви и вообще между русскими учеными конца XVIII и начала XIX вѣка. Какъ питомецъ, наставникъ и, наконецъ, начальникъ кіевской академіи, въ его время отживавшей свой достославный, почти двухсотлѣтній, старый

---

[1]) Дата эта, какъ увидимъ впослѣдствіи, не вѣрна.

порядокъ, преосв. Ириней является вѣрнѣйшимъ отраженіемъ и выраженіемъ ея тогдашняго отличительнаго научнаго направленія—эклектическаго. За скамьей ученической, на каѳедрѣ профессорской имъ все было изучаемо—отъ поэзіи и богословія съ философіею до сферической тригонометріи, астрономіи, механики, гидравлики, пиротехники, архитектуры, экономіи и разныхъ языковъ. Въ періодъ своего двадцатилѣтняго наставническаго служенія при академіи (1783—1804 г.), онъ читалъ лекціи почти во всѣхъ классахъ ея, начиная отъ *ариѳметическаго* и *грамматическаго* до самыхъ высшихъ курсовъ *философіи* и *богословіи*. Языки еврейскій и греческій зналъ самымъ точнымъ научнымъ образомъ; по-венгерски, нѣмецки и французски могъ свободно писать; латинскимъ-же языкомъ, разговорнымъ и литературнымъ, владѣлъ въ такомъ совершенствѣ, что могъ на немъ объясняться и писать, какъ на родномъ русскомъ. Имѣя необыкновенно четкій и въ то-же время весьма красивый, близко подходящій къ печатному шрифту, почеркъ, любя уединеніе и трудъ и соблюдая во всемъ до мельчайшихъ подробностей точность [1]), преосвященный Ириней столько *собственноручно* написалъ своихъ сочиненій и переписалъ чужихъ, сколько иному, даже призванному, ученому за всю жизнь не удастся перечитать рукописнаго.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ разнообразныхъ и обширныхъ ученыхъ занятій преосв. Иринея было необыкновенное разнообразіе и многочисленность его сочиненій, въ которыхъ онъ началъ пробовать силы свои еще съ *риторическаго* класса. И чего только онъ не сочинялъ, о чемъ только не писалъ! Писалъ и псальмы, и гимны, и элегіи на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ; составлялъ стихиры съ тропарями и въ тоже время производилъ самыя сложныя алгебраическія и метеорологическія вычисленія; писалъ богословскіе трактаты и философскія разсужденія—на ряду съ замѣтками по хронологіи, медицинѣ и военной архитектурѣ; излагалъ цѣлыя системы наукъ, редактируя кіевскіе календари съ астрономическими вычисленіями и историческими

[1]) Преосвященный, напр., дѣлалъ такія собственноручныя отмѣтки: 1) кто изъ послушниковъ кіево-михайловскаго монастыря и пѣвчихъ ежедневно ходилъ въ церковь и кто не ходилъ; 2) чѣмъ и въ какое время самъ былъ болѣнъ; 3) записывалъ ежедневно расходы и проч. (См. рукописи кіево-софійскаго собора XIX, 1, №№ 618, 582 и др.).

статьями; составлялъ толкованіе на слово Божіе и писалъ ноты съ ариометикою для духовныхъ училищъ и каждое богослуженіе предлагалъ пасомымъ проповѣдное слово!...

О преосв. Иринеѣ писали многіе; но все писанное о немъ представляетъ собою только простой пересказъ очень краткой біографіи преосвященнаго, составленной митр. Евгеніемъ *Болховитиновымъ* [1]). Большею самостоятельностію, цѣльностію и полнотою отличается „Хроника" объ Иринеѣ Фальковскомъ проф. прот. *Скворцова* [2]).

Матеріаломъ для предлагаемой монографіи послужили *исключительно:* 1) рукописи преосв. Иринея Фальковскаго (въ количествѣ 92 томовъ), 2) печатныя его сочиненія [3]), 3) архивныя „дѣла" кіево-михайловскаго монастыря за 17 лѣтъ (1807—1823 г.), 4) резолюціи преосвященнаго Иринея (за 1813 г.) по дѣламъ смоленской епархіи, 5) его-же резолюціи (за тоже время) по дѣламъ могилевской епархіи, и 6) рукописные „акты кіево-братскаго училищнаго монастыря и академіи, собранные В. Аскоченскимъ (четыре тома).

---

[1]) См. „Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви", т. 1, стр. 208—210; изд. 2, 1827 г.

[2]) См. „Кіевск. Еп. Вѣд.", 1881 г, стр. 173—187; 244—263; 305—321.

[3]) До настоящаго времени изъ всѣхъ многочисленныхъ сочиненій преосв. Иринея извѣстны въ печати только слѣдующія:

1) „Сокращеніе церковной хронологіи, называемой наукою о Пасхаліи. Москва. 1797 г.

2) „Christianae orthodoxae dogmatico-polemicae Theologiae... Compendium", въ двухъ томахъ. Москва. 1802 г. 2-е изд. Москва. 1810 г.

3) „Толкованіе на посланіе св. апостола Павла къ римлянамъ". Кіевъ. 1806 г.

4) „Толкованіе на посланіе св. апостола Павла къ галатамъ". Кіевъ. 1807 г.

5) „Кіевскій мѣсяцесловъ на лѣто отъ Рождества Христова 1798 которое есть простое, съ „Историческимъ извѣстіемъ о святѣйшихъ патріархахъ константинопольскихъ, бывшихъ отъ временъ Константина Великаго даже до взятія турками Цареграда въ 1453 году".

6) „Кіевскій мѣсяцесловъ на лѣто отъ Рождества Христова 1799, которое есть простое" (хранится, по указанію Сопикова, въ Императорской публичной Библіотекѣ; въ мѣстныхъ библіотекахъ намъ не удалось разыскать его).

7) „Кіевскій мѣсяцесловъ на лѣто отъ Рождества Христова 1800, которое есть высокосное", съ „Кратикмъ историческимъ извѣстіемъ о кіевской академіи".

8) „Сокращенный прологъ, или краткія жизнеописанія святыхъ". Кіевъ. 1876 г. Изданіе кіево-печерской лавры.

и 9) „Сокращеніе и толкованіе находящихся во 2-й части кормчей книги церковныхъ правилъ о степеняхъ родства". Кіевъ. 1876 г. Изд. прот. Н. Оглоблина. См. также „Руков. для сельск. паст.", 1876 г.

I.

Свѣдѣнія о родословномъ, такъ сказать, древѣ *Фалковскихъ* или *Фальковскихъ* весьма скудны и ограниченны. Извѣстно только, что дѣдъ преосвященнаго Иринея былъ „преубогой нѣкоторой ремесельной человѣкъ“ [1]), жившій въ началѣ XVIII ст. въ городѣ Лебединѣ (харьковской губ.). и влачившій полную лишеній невзрачную жизнь свою. Бѣдственное положеніе семьи Фальковскихъ еще болѣе ухудшилось по смерти главы ея, дѣда пр. Иринея. Оставленной безъ всякихъ средствъ къ жизни вдовѣ пришлось заняться торговлею овощами, чтобы имѣть хотя какую-либо возможность доставить пропитаніе голодной семьѣ. Мало по-малу дѣти начали пристраиваться по разнымъ мѣстамъ и трудами собственныхъ рукъ добывать себѣ насущный кусокъ хлѣба. Какія именно профессіи избрали *всѣ* братья, для насъ это не представляетъ интереса. Мы послѣдуемъ только за однимъ изъ нихъ, *Іоакимомъ,* отцемъ пр. Иринея.

Еще въ ранніе дѣтскіе годы выказывая особенную любовь и охоту къ ученію, онъ впослѣдствіи добился наконецъ того, что приготовился къ причетнической должности, которую „нѣгдѣ чрезъ нѣсколько времени и отправлялъ“ [2]). Познакомившись затѣмъ кое съ кѣмъ изъ студентовъ черниговскаго коллегіума и увлекаемый жаждою знанія, онъ отправился въ Черниговъ и здѣсь принялся за изученіе латинскаго языка. Вскорѣ послѣ этого, „по несчастнымъ нѣкоторымъ обстоятельствамъ“, Іоакимъ Фальковскій вынужденъ былъ оставить Черниговъ, и мы уже встрѣчаемъ его на скамьѣ одного изъ низшихъ классовъ кіевской академіи. Не приглядны были первые годы академической жизни его; пришлось бороться со всевозможными лишеніями и не рѣдко терпѣть всѣ ужасы нищеты. Только сильные характеры въ состояніи выдержать до конца неравную борьбу съ подавляющими непомѣрнымъ гнетомъ своимъ неблагопріятными обстоятельствами и мужественно пролагать себѣ дорогу къ разъ намѣченной цѣли. Къ числу такихъ характеровъ принадлежалъ и Іоакимъ Фальковскій. Лишенія и голодъ были знакомы ему отъ самой колыбели; а потому и теперь они нисколько не помѣшали этому *великовозрастному* ученику быть однимъ изъ

---

[1]) Рукопись проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 5.
[2]) Тамъ-же.

лучшихъ по успѣхамъ. Извѣстный арх. Георгій Конисскій, состоявшій въ то время учителемъ поэзіи, назначилъ его цензоромъ *поэтическаго класса* и по окончаніи годичныхъ испытаній далъ ему въ награду книгу „Hugonis Pia Desideria". Кромѣ того, въ послѣдніе годы школьной жизни и матеріальныя средства Іоакима Фальковскаго значительно улучшились. Съ переходомъ въ *философскій классъ* ему удалось пристроиться „на самыхъ знатныхъ кондиціяхъ" (т. е. частныхъ урокахъ въ качествѣ репетитора, или домашняго учителя).

Великовозрастенъ былъ Іоакимъ Фальковскій, ему было уже болѣе 30 лѣтъ, а онъ дослушивалъ еще философію. Разъ какъ-то, побуждаемый, вѣроятно, благочестіемъ, заѣхалъ онъ въ золотоношскій женскій монастырь; тутъ приглянулась ему келейница игуменіи, ея дальняя родственница и онъ рѣшился, женившись на ней, оставить академію и принять священническій санъ. Митрополитъ кіевскій далъ ему приходъ въ с. Смотри (полтавской губ., прилукскаго уѣзда); но въ то время приходскія общины Малороссіи пользовались вполнѣ правомъ выбора священника: помѣщикъ и прихожане протестовали противъ этого назначенія, имъ хотѣлось имѣть священникомъ у себя нѣкоего живописца, хотя не обучавшагося въ училищахъ, но оказавшаго имъ какія-то услуги. Пришлось митрополиту уступить не нарушенному еще общему порядку, а Фальковскому искать прихода этимъ естественнымъ путемъ. Въ с. Бѣлоцерковкѣ (пирят. у.) [1]) сладилъ онъ дѣло съ помѣщикомъ Яковомъ Тарновскимъ и прихожанами. Тѣ представили его митрополиту и митрополитъ назначилъ его, *яко учительнаго и честнаго человѣка*, отрѣшивъ его предмѣстника, конечно, также по желанію прихожанъ.

Семнадцать лѣтъ прожилъ о. Іоакимъ въ Бѣлоцерковкѣ, пока, со смертію жены, не принялъ постриженія въ монашество въ кіевобратскомъ училищномъ монастырѣ. 28 мая 1762 года родился у него сынъ, Іоаннъ [2]), извѣстный впослѣдствіи преосв. Ириней.

О первыхъ дѣтскихъ годахъ Іоанна не сохранилось никакихъ почти свѣдѣній. Съ достовѣрностію извѣстно только, что онъ рано

---

[1]) Ibid., стр. 6—8.

[2]) Всѣхъ дѣтей у о. Іоакима было 9,—шесть сыновей и три дочери. Іоаннъ былъ четвертымъ по времени рожденія. Въ живыхъ остались только онъ, братъ Степанъ и сестра Елена.

лишился нѣжныхъ материнскихъ ласкъ. Овдовѣвшій о. Іоакимъ всѣ силы свои, всѣ свои заботы и попеченія, всю послѣдующую жизнь свою посвятилъ на воспитаніе сыновей—Іоанна и Степана. Это оказалось тѣмъ болѣе удобнымъ, что въ іюлѣ 1771 г. шестнадцатилѣтняя дочь Елена вышла замужъ за *окончившаго философскій классъ въ кіевской академіи, Симеона Даміановича Яновскаго,* вскорѣ послѣ рукоположеннаго въ санъ священника. Такимъ образомъ Елена Акимовна не нуждалась уже болѣе въ особенныхъ заботахъ о себѣ отца; она была вполнѣ пристроена и матеріально обезпечена. Тогда-то о. Іоакимъ усадилъ дѣтей своихъ за латинскую грамматику и самъ началъ обучать ихъ вмѣстѣ съ другими священническими дѣтьми [1]) книжной премудрости, съ любовію и отеческимъ вниманіемъ слѣдя за успѣхами сыновей. Іоанну легко давался латинскій языкъ. Къ маю 1773 г. онъ зналъ уже не только этимологію его, но довольно основательно прошелъ и всю латинскую грамматику, извѣстную подъ названіемъ „Піарской" (изданіе кіево-печерской лавры); онъ самъ говоритъ о силѣ познаній своихъ въ латинскомъ языкѣ, „что упражненія латинскія могъ иногда безъ всякой ошибки сочинять" [2]).

Находя предварительную подготовку дѣтей болѣе или менѣе удовлетворительною, о. Іоакимъ вознамѣрился дать имъ дальнѣйшее образованіе; для этого онъ оставилъ приходъ, отказался отъ сравнительно сносно обезпеченной жизни сельскаго священника и отправился вмѣстѣ съ сыновьями въ Кіевъ. Чтобы возможно ближе быть къ дѣтямъ и лично слѣдить за ихъ успѣхами, онъ въ томъ-же 1773 году принялъ монашество въ кіево-братскомъ монастырѣ съ нареченіемъ имени Іустина и, будучи уже 52-лѣтнимъ старикомъ, самъ принялся за изученіе богословія и греческаго языка въ публичныхъ классахъ.

Въ тоже время 10-лѣтній Іоаннъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Кіевъ (т. е. въ маѣ 1773 года) поступилъ въ *инфиму* и подъ руководствомъ преподавателя этого *низшаго латинскаго класса, іеромонаха Иринарха Базилевича,* обучался въ ней только до вакаціи. До-

---

[1]) Въ числѣ этихъ соучениковъ преосв. Иринея находился и бывшій впослѣдствіи профессоромъ московскаго университета *Павелъ Сохацкій.*

[2]) Рукоп. проф. М. Ф. Буланова-Владимірскаго, стр. 9.

машняя подготовка его по латинскому языку оказалась настолько основательною, что академическое начальство нашло вполнѣ возможнымъ и справедливымъ перевести его въ томъ-же году въ слѣдующій *синтаксическій классъ*. Здѣсь Иванъ Фальковскій пробылъ весь 1773—4 учебный годъ и съ значительнымъ успѣхомъ занимался у того-же іеромонаха Иринарха латинскимъ языкомъ, у магистра *Ивана Самойловича* нѣмецкимъ языкомъ и, наконецъ, начаткамъ географіи, которая преподавалась въ то время учителемъ-иностранцемъ на латинскомъ языкѣ. Съ сентября 1774 года Иванъ Фальковскій обучался уже въ *поэтическомъ классѣ* начаткамъ латинской риторики (по *Бурію*), латинской поэзіи (по запискамъ *Самойловича*), россійской поэзіи (по печатному руководству *Андрея Байбакова*) и нѣмецкому языку.

Но не суждено было ему не только продолжать дальнѣйшее свое образованіе въ аудиторіяхъ кіевской академіи, а даже прослушать до конца курсъ поэтическаго класса ея. Счастливо, хотя и непредвидѣнно, сложившіяся обстоятельства, разлучивъ его на нѣсколько лѣтъ съ родиною, въ тоже время доставили ему возможность получить въ чужихъ земляхъ болѣе многостороннее, болѣе основательное и разумное образованіе, чѣмъ какое могла дать находившаяся въ тѣ годы въ сильномъ упадкѣ кіевская академія. Въ 1774 г. о. Іустинъ опредѣленъ былъ іеромонахомъ къ домашней церкви при токайской коммисіи [1]), въ Венгріи.

Токайская коммисія учреждена была при имп. Елисаветѣ въ 1745 г. спеціально для заготовленія и доставки ко двору венгерскаго вина, которое почиталось тогда во всей Европѣ лучшимъ и потреблялось всюду въ огромномъ количествѣ, пока не было вытѣснено шампанскимъ. Венгерское вино привозилось къ нашему двору еще съ 1714 г., по почину Петра Великаго, который потреблялъ оное въ гомерическихъ размѣрахъ одновременно съ карлсбадскимъ *шпруделемъ*. Для закупки онаго командировались особыя лица; но вино получалось не всегда хорошее, командировки обходились дорого, вызывали столкновенія по оплатѣ пошлиною и давали поводъ командируемымъ къ провозу за границу русскихъ и оттуда иностранныхъ товаровъ. Рѣшено было учредить въ Токаѣ постоянную коммисію. Коммисія завела своихъ виноградники и ви-

[1]) Рукоп. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 12—13.

подѣльни, покупала и готовое вино; однихъ высшихъ сортовъ доставлялось иногда въ годъ до 100,000 бутылокъ. Личный составъ коммисіи былъ не малъ. Предсѣдателемъ оной было лице въ чинѣ генералъ-майора и получало огромное по тогдашнему содержаніе, свыше 2000 р. При немъ былъ помощникъ, секретарь, 15 драгунъ и нѣсколько мастеровыхъ для пріученія къ винодѣлію, кромѣ личной прислуги. Для этой-то колоніи, т. е. для совершенія ей требъ и богослуженія состоялъ при коммисіи іеромонахъ, на нищенскомъ впрочемъ содержаніи. Въ инструкціи, данной кіевскимъ митрополитомъ Гавріиломъ Кременецкимъ Іустину Фальковскому, при отправленіи его въ Венгрію, между прочимъ требовалось совершать 21 ноября церковнослуженія за „счасливо совершившійся ея имп. величества и его имп. высочества въ перехожденіи оспы подвигъ", наблюдать, чтобы члены колоніи соблюдали посты и никто въ церкви не безчинствовалъ и не шумѣлъ, а равно въ перепискѣ съ кіевскими знакомыми не сообщать „въ государственныхъ дѣлахъ тайности".

Получивъ назначеніе, о. Іустинъ быстро собрался въ путь и 23 февр. 1775 г. былъ уже съ дѣтьми въ Токаѣ. Недружелюбно приняла нашихъ переселенцевъ на первыхъ порахъ чужая сторона: „три или четыре мѣсяца спустя по пріѣздѣ нашемъ въ Токай", писалъ о. Іустинъ къ іеромонахамъ кіево-михайловскаго монастыря въ январѣ 1776 года, „такъ для насъ воздухъ здѣшній показался не здоровымъ, что мы всѣ больны были на горячку да на лихорадку, и иные изъ дѣтей моихъ по шесть и по восемь недѣль въ болѣзни оной, безъ надежды почти живота, страдать принуждены были". Кромѣ того, „...съ здѣшними жителями, яко съ иновѣрными, ужиться никакъ не могу; а жители города сего по большей части суть паписты, лютеране, кальвинисты, кромѣ немногихъ русняковъ уніатовъ, венгерскаго языка употребляющихъ, да малаго числа грековъ, въ купечествѣ упражняющихся [1]). И въ письмѣ отъ 30 декабря 1776 г. къ іеромонаху Иринею говоритъ: „А каково мы съ здѣшними ужились жителями, болѣе нечѣмъ похвалиться, какъ только, что хуже мы отъ пса и гадины имъ кажемся, особливо папистамъ, которые власть и великое надъ лютеранами и кальвинами и надъ

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 21.

другими народами имѣютъ преимущество. Они съ жидами и цыганами (которыхъ также здѣсь довольное число имѣется) пріятнѣйше обходятся, нежели съ нами" [1]). Къ этому присоединилась еще довольно чувствительная скудость матеріальныхъ средствъ. Жалованья о. Іустину отпускалось всего только „съ верхъ квартиры *по сту двадцати рублевъ* въ годъ", между тѣмъ какъ жизнь въ Токаѣ, въ особенности-же хлѣбъ и другіе съѣстные припасы, была несравненно дороже кіевской [2]). Нечего послѣ этого удивляться, что о. Іустинъ на все свое жалованье „...въ силу съ дѣтьми пропитаться" могъ, „а одѣяніемъ по большей части кіевскимъ и понынѣ, хотя и гнусно довольствоваться принужденъ" [3]). Наконецъ, какъ-бы къ довершенію всѣхъ бѣдствій, между нимъ и новымъ коммисаромъ прапорщикомъ *Саввою Михайловичемъ Горевымъ* [5]) начали возникать почти постоянныя недоразумѣнія и непріятности; а въ іюнѣ 1777 г. о. Іустинъ похоронилъ младшаго сына, Степана. „Ахъ! жестокая то язва была!", пишетъ по этому поводу Иванъ Акимовичъ: „цвѣтущія его (брата) лѣта не то намъ предсказывали. Среди самой живой надежды, среди чувствительнаго утѣшенія, когда онъ, ходя въ школы, прочихъ всѣхъ превосходилъ; когда крестами, звѣздами и образками за прилежность свою отъ учителей награждаемъ былъ; когда приватныя мои изъясненія скоропостижно понималъ и въ памяти задерживалъ, словомъ, когда найлучше молодые свои лѣта провождалъ, нечаянно насъ и свѣтъ сей оставилъ" [6]).

Сильно загоревалъ престарѣлый о. Іустинъ о ранней кончинѣ много обѣщавшаго въ будущемъ сына. Правда, и раньше о. Іустинъ не отличался особенною общительностію; но по смерти сына онъ становится какимъ-то суровымъ отшельникомъ, проводящимъ жизнь въ четырехъ стѣнахъ казенной квартиры, почти совершенно

---

[1]) Ibid., стр. 32.

[2]) Ibid., указъ отъ 21 янв. 1775 г.

[3]) Ibid., письмо къ іеромонахамъ Иринею и Фавсту отъ неизвѣстнаго числа января 1776 г.

[4]) Ibid., стр. 23, письмо къ совѣтнику вѣнскаго посольства Григорію Ивановичу Полетикѣ, отъ 17 ноября 1776 г.

[5]) Горевъ опредѣленъ коммисаромъ на мѣсто умершаго, къ большому прискорбію всего персонала миссіи, въ декабрѣ 1776 года премьеръ-маіора Антона Рарога.

[6]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 80.

прервавшимъ всякія сношенія съ остальнымъ міромъ. Только впослѣдствіи уже, внявши совѣтамъ добрыхъ знакомыхъ, онъ рѣшился предпринять поѣздку въ Вѣну, чтобы хотя сколько-нибудь разъсѣяться, да кстати ужъ за-одно и попытаться опредѣлить оставшагося въ живыхъ сына въ одну изъ высшихъ вѣнскихъ школъ. До этого времени сынъ Иванъ неотлучно находился при отцѣ въ званіи причетника походной успенской церкви съ жалованьемъ по 25 руб. въ годъ и какъ причетническая должность отнимала у него всего лишь нѣсколько часовъ въ недѣлю, то онъ въ тоже время посѣщалъ токайское четырехклассное римско-католическое училище, въ первыхъ двухъ классахъ котораго занимался изученіемъ венгерской и латинской грамматикъ.

28 іюля о. Іустинъ прибылъ съ сыномъ своимъ въ Вѣну; но оказалось, что въ вѣнскій университетъ русскихъ почему-то не принимали. Между тѣмъ пришло извѣстіе, что на его имя въ Токай присланъ какой-то указъ. Нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, кн. Д. М. Голицынъ, узнавъ объ этомъ, поторопилъ о. Іустина для доставки ему копіи съ указа. О. Іустинъ, по пути, опредѣлилъ сына въ пресбургскую гимназію, а самъ поспѣшилъ въ Токай. Оказалось, что въ пакетѣ подъ именемъ указа были частныя письма на имя его знакомыхъ,—обыкновенная въ то время уловка частныхъ лицъ въ пересылкѣ писемъ чрезъ курьеровъ, по государственнымъ дѣламъ отправляемыхъ. Письма о. Іустинъ роздалъ по адресамъ, а посланнику пришлось отправить лишь пустой конвертъ [1]).

Чему и какъ обучали молодаго Фальковскаго въ петербургской гимназіи, точно показываетъ присланное имъ отцу въ письмѣ отъ 8 декабря 1777 г. подробное недѣльное росписаніе: „въ понедѣльникъ утро (учитель) пропоцуетъ (излагаетъ) намъ исторію римскую или лучше политическую универсальную; на обѣдъ завдастъ намъ вокабула (фразы) изъ Целларія три страницы; по обѣдѣ читаетъ новины [2]) съ полчаса; потомъ рецетуемъ вокабула и исторію политическую сказываемъ наизустъ; въ конецъ Imitationis Versionem (упражненіе въ подражаніи), которую намъ въ субботу на недѣлю (воскресенье) диктовалъ, поправляетъ первѣе; потомъ

---

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 85—86.

[2]) Т. е. *газеты*, за что полагалась особая плата.

диктуетъ оную, какъ надобно было. Въ вторникъ утро пропонуется Sacra lectio (чтеніе св. книгъ), а рацы (сербы) тогда ничего не учатъ; до 9-го часа пропонуется Sacra lectio; отъ 9-го до 10-го часа греческая грамматика изъясняется для тѣхъ, которые греческому языку учатся; а которые не учатся, тѣ изъ пропозиціи, данной отъ учителя, дѣлаютъ Variationes (упражненія латинскія); на обѣдъ опять зазначаются вокабула; по обѣдѣ рецетуемъ (повторяемъ) вокабула, посемъ Geographica lectio пропонуется; наконецъ фразесы на четвертокъ изъ Корнелія зазначаются до 30 и больше. Въ среду рекреціалной день. Онымъ днемъ переписуемъ мы начисто въ особливой секстернѣ имитацію, диктованную по-нѣмецку и латинску. Кромѣ того изъ темы диктованныя намъ Variationes дѣлаемъ. Потомъ Корнелія главу одну на нѣмецкой языкъ переводимъ, и ежели гдѣ на латинскомъ языкѣ переложенныя или разброшенныя слова находятся, въ натуральный порядокъ приводимъ, на что особливыя регулы есть. Въ четвертокъ утро рецетуемъ фразесы; потомъ главу оную переведенную показываемъ учителю; наконецъ въ школѣ Корнелія разбираемъ и на нѣмецкой языкъ переводимъ; и учитель диктуетъ Excerpta seu Notationes quasdam ex Cornelio (выдержки), которыя мы въ особливой секстернъ переписуемъ; на обѣдъ завдаетъ регулы (правила) синтаксическія 10 или 12. По обѣдѣ сказываетъ повины; рецетуемъ регулы; посемъ изъясняетъ оныя далѣ; наконецъ диктуетъ Laborem Extemporalem (устныя упражненія) по-нѣмецку, чтобъ мы какъ найскорѣйше на латинскій языкъ перевели, и поправивши, диктуетъ, какъ надобно было, и мы его на-чисто въ той секстернъ, гдѣ имитаціи, переписуемъ. На пятокъ завдаются Carmina (стихи) de Prosodia. Въ пятокъ утро рецетуемъ Carmina; показуемъ Carmina fracta reducta et Operationes (упражненія) ex Arithmetica, которыя онъ намъ тижднемъ (недѣлею) напередъ на сей пятокъ зазначилъ; потомъ изъясняетъ поэтику и ариѳметику и завдаетъ на другій пятокъ Carmina fracta reducenda et Operationes ex Arithmetica. По обѣдѣ орацію, завданную на сей пятокъ тижднемъ напередъ, сказываемъ (peroramus); потомъ диктуется на слѣдующій пятокъ Oratio ex Sallustio, Livio, Curtio et aliis auctoribus. Посемъ поправляются въ секстернахъ погрѣшности ортографическія; одинъ читаетъ, а другіе всѣ поправляютъ. Въ субботу утро Sacra lectio такъ, какъ и во вторникъ, и диктуется

имитація на недѣлю да фразесы зазначаются съ главою одною изъ Корнелія, которую намъ на нѣмецкой языкъ перевесть должно. По обѣдѣ рекреація" [1]).

Независимо отъ посѣщенія гимназіи Иванъ Акимовичъ имѣлъ еще и „приватнаго прецептора", который занимался съ нимъ два раза въ день по латинскому и нѣмецкому языкамъ. Съ 1778 г. онъ началъ слушать еще „въ рекреаціонные дни" и естественную исторію.

Надобно видѣть, какими неусыпными заботами окружалъ о. Іустинъ своего любимаго единственнаго сына. Живя въ Токаѣ, онъ, можно сказать, духомъ постоянно виталъ то въ убогой горенкѣ „лютеранки" въ квартирѣ Ивана Акимовича, то въ тѣсныхъ классахъ пресбургской гимназіи. Каждое письмо свое онъ сопровождаетъ самыми подробными совѣтами, касающимися всевозможныхъ случаевъ и отношеній Ивана Акимовича какъ въ школьной, такъ и въ доступной ему общественной жизни. Это, впрочемъ, совершенно понятно. Лишившись младшаго сына и оставшись въ чужихъ краяхъ одинъ-одинешенекъ, о. Іустинъ, естественно, всю свою любовь перенесъ на послѣдняго сына и вправѣ былъ писать ему: „Я ожидаю и хочу, чтобъ ты, судьбою мнѣ въ чужой сей сторонѣ оставленный, язву оную жестокую, которую братъ твой покойникъ мнѣ вѣчнымъ своимъ отъ меня разлученіемъ нанесъ, добропорядочнымъ твоимъ и безпорочнымъ житіемъ, паче-же отмѣннымъ въ ученіи честныхъ наукъ преуспѣваніемъ уврачевалъ и совсѣмъ отъ сердца моего изгладилъ. И далъ-бы Богъ", продолжаетъ онъ далѣе, „чтобъ я сего отъ тебя дождался, а не противнаго! Ибо ежели противные чаянію своему поступки видитъ въ сынѣ своемъ отецъ; то о таковомъ сказуетъ священное слово, что лучше ему умерсть безчадну, нежели имѣти чада нечестива, затѣмъ, что *студъ отцу*

---

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 105—107. Въ послѣдней части рукописи кіево-софійскаго собора № 379 помѣщены весьма четко и даже изящно переписанныя ученическія упражненія Фальковскаго на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ отъ этого времени. Они представляютъ собою два рода занятій: „Imitatio" (подражаніе) и „Labor extemparalis" (изустныя упражненія). Каждое состоитъ изъ нѣмецкаго текста и латинскаго перевода его. Перваго вида трудовъ 44, втораго 23 №№. Съ самаго начала идутъ упражненія, относящіяся къ исторіи Алкивіада (cap. 9—11), затѣмъ Trhasybuli (cap. 1—4), Cononis (cap. 1—5), Pionis (cap. 1—10), Iphicrati (cap. 1—3), Chabriae (cap. 1—4), Timothei (cap. 1—4) и Patamis (cap. 1—7).

не наказанъ (не наученный) *сынъ*" [1]). Исходя изъ таковаго, въ высшей степени здраваго, взгляда на отношенія отца къ сыну въ дѣлѣ воспитанія, о. Іустинъ особенно старается внушить Ивану Акимовичу правила добраго поведенія. „Слыхалъ я", пишетъ онъ къ сыну отъ 16 октября 1777 г., „и съ радостію моею слыхалъ, что тебе и тамъ такъ, какъ въ Токаю учители за прилежаніе твое къ ученію похваляютъ: но хотѣлъ-бы я, любезной! чтобъ еще и за добронравіе и смиренномудренное житіе твое не только учители, но и домашніе, съ которыми ты проживаешь, хвалили и любили. Вслѣдствіе чего должно тебѣ не только въ школахъ, или гдѣ съ соучениками своими обыкновенно сходишься, отъ всякихъ шалостей беречь себе; но и на квартерѣ, какъ предъ хозяйкою съ крайнею учтивостію и почитаніемъ, такъ и предъ другими домашними съ тихостію и съ снисхожденіемъ, уступая всякому, обращеніе свое продолжать" [2]). Самъ испытавшій безчисленное множество бѣдствій и горестей въ своей многотрудной жизни и въ одной только религіи находившій подкрѣпленіе и отраду, изъ нея только одной черпавшій силы въ борьбѣ съ невзгодами, престарѣлый служитель алтаря Божія и въ сынѣ своемъ старается особенно вселить вѣру и любовь къ Богу, совѣтуя ему различныя благочестивыя упражненія: „къ молитвѣ будь усерденъ",—пишетъ онъ отъ 6 сентября 1777 г., „и смотри, чтобъ ни одного въ жизни твоей дня безъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ не пропустилъ еси: но и легая и востая приноси ихъ Господу Богу твоему съ разумомъ, не хватаяся. По недѣлямъ (воскресеньямъ) въ полуставѣ находящееся послѣдованіе вычитывай не лѣностно; а въ Господскіе и Богородичные и другихъ великихъ святыхъ праздники, хотя одни по обыкновенныхъ утреннихъ молитвахъ тропари да кондаки прочитывай; чрезъ что-бъ ты могъ знать, когда и какіе церковь наша православная имѣетъ праздники [3]); и смотри, чтобъ ты зналъ всякаго дня какое число и какого святаго по нашему календарю: а еще и лучше сдѣлаешь

---

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, письмо о. Іустина къ сыну отъ 29 ноября 1777 г.

[2]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 96—97.

[3]) Въ Пресбургѣ не было православной церкви, такъ что Иванъ Акимовичъ и студенты—„разы" для исповѣди и св. причастія вынуждаемы были ѣздить въ Вѣну.

ежели всякой день по утреннихъ молитвахъ тропарь и кондакъ дневному святому прочитывать будешь. Въ недѣльные и рекреціалные (свободные отъ занятій) дни по городу напрасно не шатайся и съ рацами (сербами) по ихъ квартерахъ, какъ они обыкли, не броди; но всемѣрно молитвамъ святымъ да означаемымъ урокамъ прилежи въ тые дни" [1]). Такіе совѣты свои о. Іустинъ считалъ тѣмъ болѣе умѣстными и необходимыми для сына, что этотъ послѣдній, какъ человѣкъ молодой, живя среди людей другихъ вѣроисповѣданій, могъ, пожалуй, сдѣлаться индиферентистомъ, или—что еще хуже—презрѣннымъ ренегатомъ отечественной религіи. Поэтому о. Іустинъ какъ-бы вскользь наказываетъ ему въ письмѣ отъ 20 сентября 1777 г.: „...о наступающемъ по нашему благочестію высокоторжественномъ Рождества Христова праздникѣ тебѣ напоминая, отческо увѣщеваю, чтобъ ты, будучи между инаго исповѣданія людьми, хотя внутренно возбуждалъ себя къ празднованію и прославленію рождшагося Христа Спасителя нашего, и понеже не имѣешь отправы въ книжкахъ твоихъ свѣтлому сему празднику; то хотя тропарь да кондакъ чрезъ всѣ свята съ вниманіемъ и умиленіемъ прочитовать тщися" [2]). Давая совѣты сыну предъ поѣздкою его въ Вѣну для исповѣди и св. причастія, о. Іустинъ пишетъ: „любезной сынъ! отческо тебя увѣщеваю, чтобъ ты въ поѣздкѣ оной крайне себя благочинно и свято вести старался; ибо я довольно вѣдаю, что въ собраніи молодыхъ да еще *нравовъ развращенныхъ юношъ* [3]), важности дѣла, къ которому готовитись имѣютъ, ни мало не разсуждающихъ, по большой части смѣхи, празднословія, кощунства и другія подобныя богопротивства къ собственному ихъ осужденію происходить будутъ; отъ коихъ ты себя тѣмъ удобнѣе уберечь возможешь, чѣмъ твердѣе и живѣе въ памяти содержать будешь, ради чего путь творишь, и т. д: [4]). Когда-же узналъ, что у сына украденъ „Полуставъ", уже и нѣсколько прямѣе выражаетъ свои опасенія: „когда получилъ о кражѣ такой книги вѣдомость, вдругъ

---

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 92.

[2]) Тамъ-же, стр. 112—113.

[3]) Непремѣнный, хотя и не лестный эпитетъ студентовъ—„рацовъ" пресбургской гимназіи того времени.

[4]) Письмо отъ 25 марта 1778 г. (рукоп. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 136—137).

изъ радостнаго перемѣнился въ смутное и жалостное духа состояніе, представляя себѣ во умѣ, что ежели у тебя книга такая украдена, то какъ-бы и благочестіе отъ тебя унесено и послѣдующее тому будущей жизни наслѣдіе совсѣмъ уворовано... Всегда меня это безпокоить будетъ и жалость сердцу моему поводитеметъ, когда ни подумаю, что человѣкъ въ праздники великіе и недѣльные дни, словословіе хотя малое Господу Богу приносящій, тѣмъ словословіемъ освящается и благодать Божію на себя привлекаетъ; чего ты, лишась книги оной, всегда лишаться принужденъ будешь. Къ большему-же моему оскорбленію и то въ разсужденіе приходитъ, что всякой возрастъ по природѣ къ злу преклоненъ; кольми-жъ паче такой, въ какомъ ты находишься, удобопоползновенъ есть и всякимъ безмѣстіямъ отъ преступленія еще первозданнаго человѣка въ жертву какъ-бы предуготованъ. Чего-жъ отъ такого возраста безъ орудія, освященіе и благодать привлекающаго, надѣятися должно?" [1])

О. Іустинъ, не смотря на свое ничтожное содержаніе [2]) и дороговизну жизни въ Венгріи, нисколько не жалѣлъ денегъ на образованіе сына. „О присылкѣ денегъ прося помысломъ колеблешься", пишетъ онъ ему отъ 22 августа 1778 г., „не досадно-ли мнѣ это будетъ. Я тебя увѣряю, любезной сынъ! что хотя-бы у меня одинъ только и былъ червонецъ, я-бы и того, ничего для себя не оставляя [3]), хотя-бы и жебрать довелось, отправилъ къ тебѣ, чтобъ тебѣ въ чужой сторонѣ нужды какой не претерпѣть, которая болѣе чувствительна была-бы мнѣ, нежели самому тебѣ [4])...

И сынъ оказался вполнѣ достойнымъ всѣхъ этихъ заботъ и жертвъ отца. Онъ настолько успѣлъ за послѣднее время въ изученіи латинскаго языка, что уже въ письмѣ отъ 1 января 1778 г. отправилъ къ отцу поздравительные съ праздникомъ Рождества Христова

---

[1]) Письмо отъ 14 янв. 1778 г. (рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 117—118).

[2]) Первоначально, какъ мы знаемъ, онъ получалъ всего только 120 руб. въ годъ; но къ этому времени, благодаря ходатайству кн. Дм. Мих. Голицына, ему было прибавлено еще 30 руб. къ прежнему годовому окладу жалованья (см. письмо о. Іустина къ сыну отъ 29 ноября 1777 г.,—ibid., стр. 102.

[3]) Ему и дѣйствительно почти ничего не оставалось. Годъ и 24 дня содержанія сына въ Пресбургѣ обошлись о. Іустину въ 168 флориновъ и 51 крейцеръ, т. е. около 92 руб. на наши деньги (см. Ibid., стр. 159).

[4]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 158.

и новымъ годомъ стихи, которые привели о. Іустина въ неописанный восторгъ [1]). Въ письмѣ отъ 1 марта 1778 г. изложены были латискими-же сафическими стихами „Новины“ о происходившихъ въ Европѣ войнахъ [2]). Кромѣ того, въ одной изъ школьныхъ черновыхъ тетрадей Ивана Акимовича сохранился и еще цѣлый рядъ стохотвореній его на латинскомъ языкѣ [3]), ясно свидѣтельствущихъ о довольно близкомъ знакомствѣ автора съ Виргиліемъ и другими латинскими поэтами. Важнѣйшее и лучшее изъ этихъ стихотвореній „Изображеніе четырехъ временъ года“. Оно состоитъ изъ шести частей. Въ первой сравниваются четыре части года съ четырьмя частями дня (32 стиха); вторая часть содержитъ въ себѣ описаніе весны (38 стиховъ); третья—описаніе лѣта (34 стиха); четвертая—описаніе осени (20 стиховъ); пятая—описаніе зимы (28 стиховъ) и шестая—„Epylogus“.

Въ области русской поэзіи этотъ годъ почти ничѣмъ не выдается. Написано всего 14 стиховъ. Они слабы и сочинены, но и эту первую пробу quasi-поэтическаго пера мы приведемъ для характеристики настроенія ихъ автора.

„*Предъ иконою при молитвахъ утреннихъ положенною сіи написаны стихи:*

Се мы, воставъ отъ сна, мольбы Тебѣ приносимъ,
Воскресшій Господи, и отъ Тебя вси просимъ:
Сподоби въ тишинѣ во дни семъ намъ пребыть,
Чтобъ въ оной и Тебѣ, Творцу всѣхъ, угодить,
И—о, Христе! Твои не дремлящія очи
Пусть насъ содѣлаютъ сыновъ дне, а не ночи.

„*А предъ иконою при вечернихъ молитвахъ положенною сіи:*

Умершему за насъ и снятому съ креста
И силой адовы разверзшему уста,
Вечернія молитвы мы нынѣ возсылая,
Смиренно молимся, да отвратитъ вся злая,
Что въ мірѣ семъ нощномъ могли-бъ намъ помѣшать
И сна покойнаго мечтаньми насъ лишать.

---

[1]) Ibid., стр. 117—письмо о. Іустина къ сыну отъ 14 янв. 1778 г.
[2]) Ibid., стр. 133—134.
[3]) Рукоп. кіево-софійскаго собора, № 621.

„*Подъ другою иконою сіи написаны* [1]):

Простерлъ еси, о Спасе, руки,
Ты и меня избавь отъ муки,
Чтобъ грѣшниковъ принять къ Себѣ,
Да славу воздаю Тебѣ“ [2]).

II.

Приближалось время экзаменовъ въ пресбургской гимназіи. По плану о. Іустина дальнѣйшее образованіе сынъ его долженъ былъ получить, начиная съ класса *риторики*, въ пештинской римско-католической гимназіи. Согласно съ этимъ намѣреніемъ отца, Иванъ Акимовичъ, послѣ блистательно выдержанныхъ экзаменовъ, оставилъ Пресбургъ и 4 сентября 1778 г. прибылъ въ Пештъ [3]). Здѣсь онъ сначала было поступилъ въ классъ *поэзіи*, но, по настоянію отца, тотчасъ-же перевелся въ *риторику* и съ прежними усердіемъ и успѣхомъ занимался науками, нисколько не подозрѣвая, что надъ его сиротскою головою давно уже собирается грозная туча, готовая разразиться страшнымъ бѣдствіемъ. Еще въ сентябрѣ 1778 г. о. Іустинъ заболѣлъ лихорадкою, тщательно скрывая отъ Ивана Акимовича свое положеніе. Но къ марту мѣсяцу слѣдующаго года болѣзнь приняла настолько острый характеръ, что онъ рѣшилъ немедленно-же вызвать сына къ своему страдальческому одру [4]). Получивши печальное извѣстіе объ опасномъ положеніи отца, Иванъ Акимовичъ тотчасъ оставилъ гимназію и 8 апрѣля былъ уже у изголовья больнаго. Болѣзнь длилась и послѣ сего еще полгода, а съ 8 октября 1779 г. Иванъ Акимовичъ остался круглымъ сиротою, вдали отъ родины, среди чужихъ для него людей безъ всякихъ средствъ къ жизни. По смерти отца, осталось

---

[1]) Леоническимъ стихомъ; о немъ въ статьѣ проф. Н. И. Петрова: „О слов. наукахъ и литерат. занятіяхъ въ кіев. академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 г.“ (Труды кіев. дух. акад., 1866 г., кн. 7, стр. 321 и дал.).

[2]) Рукоп. кіево-соф. собора № 621, въ самомъ началѣ.

[3]) См. письмо его къ отцу отъ 10 сент. того-же года (рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 160).

[4]) См. письмо къ сыну отъ 26 марта 1779 г. (см. рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 184—185).

всего 342 флорина и 20 крейцеровъ, что по тогдашнему счету на наши деньги составляло, какъ отмѣчено на духовномъ завѣщаніи о. Іустина, 186 руб. 72 $^{8}/_{11}$ коп. [5]). Но изъ этой суммы, по завѣщанію отца, Иванъ Акимовичъ долженъ былъ, по возвращеніи въ Россію, дать сестрѣ своей 4 червонца, въ монастырь кіево-братскій на поминъ души четыре-жъ червонца и наконецъ сиротамъ разнымъ также для поминовенія 10 червонцевъ [2]), да кромѣ того уплатить аптекарю за лѣченіе отца, покрыть всѣ расходы по его погребенію, разсчитать прислугу и пр. До какой степени горемычный сирота чтилъ волю отца, видно изъ того, что онъ не только самъ обязался къ исполненію оной особою подписью на завѣщаніи покойнаго, но упросилъ подписаться тутъ-же, въ качествѣ свидѣтеля, и комиссійскаго сержанта *Варѳоломея Милюкова* [3]).

Сильное впечатлѣніе произвела на Ивана Акимовича смерть отца. „Вывезлъ меня изъ отечества моего, Россіи, родитель мой", пишетъ онъ сербскому архіепископу и митрополиту *Викентію Видоку*, спустя три мѣсяца послѣ этого событія (16 янв. 1780 г.),— „въ самыхъ молодыхъ перваго возраста лѣтахъ въ Венгрію, и проживъ Токаѣ при россійской тамошней коммисіи въ чинѣ капеллана пять лѣтъ, наконецъ увы! лютѣйшими звѣрми—смертными болѣзньми разумѣю—согласующемуся промыслу Божіему, долженъ былъ суровѣйшимъ образомъ растерзанъ быть и отсюда на вѣчность преселиться. Тогда я пораженъ болше, нежели тысячью сердечныхъ болѣзней стрѣлами; не жалостнѣйшимъ крикомъ, но только внутренными частыми воздыханіями удовлетворялъ внезапной своей горести и несчастію. Ежели я, говорю, начну всего себе предавать плачевному воплю; то не счастливѣе со мною поступлено будетъ, какъ съ отрокомъ, который, естли, видя растерзаемую свою мать, закричитъ, зубовъ свирѣпаго волка въ силу избѣжать въ состояніи будетъ" [4]). Это горе его еще болѣе усилено было тѣмъ обсто-

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. собора, № 621, т. 2, подъ 7-мъ окт. 1779 г.

[2]) Относительно послѣднихъ денегъ Иванъ Акимовичъ въ концѣ записки дѣлаетъ такое замѣчаніе: „вышеписанные 10 червонцы употребить такъ, чтобы двумъ сыротамъ два, напр. въ 3 рубли и болѣе каждой, кожухи готовые купить, двумъ двѣ свитки пошить, двумъ пару сапоговъ, двумъ пару шапокъ и пр., пока разыдутся всѣ червонцы" (рукоп. кіево-соф. собора, № 621, т. 2).

[3]) Ibid.

[4]) Рукоп. кіево-соф. собора, № 621, т. 2.

ятельствомъ, что „его покойный родитель“, какъ жалуется Иванъ Акимовичъ въ письмѣ къ капеллану вѣнской миссіи іеромонаху Іезекіилю,—„не порядочно и не такъ, какъ онъ г. сержанту (Варѳоломею Милюкову) завѣщалъ, погребенъ. Ибо унѣятскій парохъ, пришедъ съ своими прихожанами и взявъ насильно тѣло покойнаго, оное безъ звону съ немалымъ безчестіемъ погребъ; хотя между тѣмъ покойникъ многократно г. сержанту сказывалъ, чтобъ его греческій священникъ съ дозволеніемъ плебановымъ погребъ, которое стараніемъ помянутаго г. сержанта и дано было ему, но не можно было по оному ничего (сдѣлать): вышеписанный уніатскій попъ оное совсѣмъ уничтожилъ“ [1]).

Неутѣшное горе и полная нищета не подавили въ безпріютномъ юношѣ-сиротѣ „жажды ученія“: ему предложена была „писарская должность въ Токаѣ“ [2]), но онъ отъ нея отказался. Его задушевнымъ желаніемъ было—поскорѣе отправиться „въ городъ ученіемъ цвѣтущій Пештъ“, чтобы тамъ „ученія совершить“. Чтобы добыть средства для продолженія ученія, онъ рѣшился просить пособія у полномочнаго нашего министра при вѣнскомъ дворѣ, кн. Димитрія Михайловича Голицына, и для этого прибѣгъ къ посредству состоявшихъ при нашей миссіи совѣтника Григорія Ивановича Полетики и капеллана іером. Іезекіиля [3]).

Надежда его не обманула: князь—посолъ назначилъ ему пособіе, и „изъ единаго своего любопытства“, какъ извѣщалъ Полетика, освѣдомился о лѣтахъ просителя. Иванъ Акимовичъ отвѣчаетъ: „...лѣтъ имѣю 17; ученія риторическія прохожу; два языка — латинской, нѣмецкой и отчасти третій венгерскій знаю“. Обрадованный нежданною милостію, онъ, по обычаю того времени, благодарилъ князя въ стихахъ, доставившихъ ему лишній случай піитическаго упражненія. Впрочемъ пособіе, если принять въ разсчетъ положеніе безпріютнаго юноши въ чужихъ краяхъ, едва-ли стоило стиховъ: изъ суммъ, конечно, посольства ему назначено было по 5 гульденовъ въ мѣсяцъ, съ выдачею денегъ впередъ за 4 мѣсяца. Болѣе важно было то, что посолъ вошелъ съ ходатайствомъ къ

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid. Письмо къ Гр. Ив. Полетикѣ; число не обозначено.
[3]) Рукоп. кіево-соф. собора, № 621.

гофмаршалу Гр. Н. Орлову о назначеніи сиротѣ Фальковскому постоянной субсидіи отъ двора для продолженія образованія.

25 ноября 1779 г. Иванъ Акимовичъ „выѣхалъ изъ Токая, принявъ впредь за четыре мѣсяца денегъ 20 гульденовъ...; декабря 2-го дня пріѣхалъ въ Пешту". Этотъ именно городъ избралъ онъ для продолженія своего образованія „ради того только, что тамъ удобнѣе пропитаться можно (въ Пресбургѣ квартира со столомъ стоила ему 80 гульденовъ, а въ Пештѣ 50). Впрочемъ, писалъ онъ Полетикѣ, въ „Пресбургъ я ради совершеннаго изученія нѣмецкаго языка и другихъ ученій охотнѣе-бы поѣхалъ" [1]). Въ Пештѣ жилъ нѣкто Георгій Ракославъ, вѣроятно сербъ, пріятель отца Ивана Акимовича. Къ этому времени Ракослава не было уже въ живыхъ, но онъ оставилъ распоряженіе о припятіи въ домъ сироты Фальковскаго, когда онъ пребудетъ въ Пештъ для ученія. Сиротствующихъ связывали взаимные интересы: Фальковскій давалъ уроки дѣтямъ Ракослововой, а она сбавила ему плату за содержаніе. Сохранились стихи, написанные признательнымъ Фальковскимъ двумъ его питомцамъ Константину и Петру Ракославовымъ въ видѣ рождественской вирши; стихи леоническіе, писаны силлабомъ.

Немедленно по прибытіи въ Пештъ, Фальковскій ревностно принялся за занятія. Не смотря на то, что въ классѣ *риторики* онъ былъ всего лишь около 5 мѣсяцевъ, теперь, „по удостоенію учителей" его приняли прямо (въ декабрѣ 1779 г.) въ *первый философскій классъ*, гдѣ онъ, какъ писалъ потомъ къ Гр. Ив. Полетикѣ, „знатнѣйшимъ наукамъ обучался: *логикѣ, исторіи* и *математикѣ*. Послѣднюю, прибавлялъ любознательный юноша, которая въ Малой Россіи не преподается, я съ особливымъ вниманіемъ слушалъ и при концѣ ученій публично изъ оной подъ печатными положеніями былъ экзаминованъ" [2]).

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 621, письмо къ Гр. Ив. Полетикѣ (число не выставлено).

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 621, т. 2. Одновременно съ логикою слушалъ онъ *исторію философіи* и потомъ *метафизику*, сверхъ того *алгебру* и *геометрію теоретическую* и *практическую*, вмѣстѣ съ *тригонометріею, исторію прагматическую вселенскую* и *всеобщую*, и наконецъ *сельскую экономію*, которую преподавалъ профессоръ физики (рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 195).

Но увлекаясь науками, Фальковскій не могъ забыть того, что даннаго ему пособія хватитъ не на долго. Прошли тѣ четыре мѣсяца, на которые оно выдано было впередъ, прошли и другіе три мѣсяца, а пособія новаго не давали. Фальковскій пришелъ въ тревогу, писалъ къ капеллану Іезекіилю, спрашивалъ преемника своего отца Аарона Пекалицкаго, обращался и къ сержанту Милюкову, наконецъ самъ отправился въ Токай и лишь тамъ, къ неописанной своей радости, прочелъ указъ, которымъ назначена ему ежегодная, такъ сказать, стипендія по 60 руб. до окончанія имъ образованія, съ причисленіемъ его къ токайской коммисіи для письменныхъ дѣлъ. Указъ былъ отъ 24 іюня 1780 г., а стипендія назначалась лишь съ 1 сентября.—Отъ этого времени, быть можетъ, самаго тяжелаго въ жизни Фальковскаго, осталось нѣсколько стихотвореній его на русскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, на которыя, конечно, нельзя смотрѣть иначе, какъ на школьныя упражненія, показывающія только, что юный ихъ авторъ, не смотря на увлеченіе свѣтскими науками, оставался всегда въ сферѣ религіозныхъ представленій. На это указываютъ самые сюжеты его стихотвореній, или ихъ названія. „Стихи, отходя ко сну и раздѣваясь читанныя, стихи, изъ тропаровъ мертвенныхъ сложенные“ [1]), „О краткости жизни сей и о искушеніи, бываемомъ отъ бѣсовъ, Къ душѣ увѣщевательные стихи, *Ода двенадесяточленная, двенадесятострофная*“ и четыре стихотворенія на отдѣльные стихи псалмовъ. Мы не приводимъ самыхъ стиховъ,—отъ нихъ вѣетъ схоластикою и монотонностію, но они правильны, запечатлѣны единствомъ мысли и обнаруживаютъ напряженный и упорный трудъ, или-же оригинальность внѣшней формы. На нѣмецкомъ языкѣ—всего только одно стихотвореніе (на тему: не должно судить недостатковъ другихъ, а всегда обращать вниманіе на свои собственные); на латинскомъ языкѣ четыре, въ томъ числѣ двѣ эпиграммы, представляющія собою довольно замысловатыя шарады, отгадка которыхъ заключается въ имени и фамиліи ихъ автора. Это по преимуществу школьныя упражненія,—образчики преодолѣванія трудностей латинской рѣчи. Упорный трудъ, столь полезный однако при изученіи наукъ, примѣненъ въ особенности еще въ одномъ, къ этому-же времени относящемся произведеніи Фальковскаго. Это такъ-называемая „роспись праздничнымъ праздникамъ и святымъ

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 621, т. I.

угодникамъ Божіимъ въ греко-россійскомъ мѣсяцесловѣ", въ которой имена всѣхъ святыхъ расположены въ алфавитномъ порядкѣ, съ обозначеніемъ времени ихъ жизни и времени празднованія.

Дождавшись постоянной правительственной субсидіи, въ количествѣ 60 руб. въ годъ, Фальковскій могъ смѣлѣе смотрѣть въ глаза неприглядной дотолѣ будущности. Предъ нимъ заманчиво рисовалась теперь въ перспективѣ картина высшаго образованія, къ которому онъ стремился, такъ сказать, всѣмъ существомъ своимъ. Пройдя пѣшкомъ изъ Пешта въ Токай за полученіемъ стипендіи, онъ тѣмъже способомъ отправляется теперь изъ Токая въ Офенъ, чтобы выслушать въ тамошнемъ университетѣ, кромѣ другихъ наукъ, курсъ экспериментальной физики, которая не читалась тогда въ Пештѣ. Его не смущаетъ ни трудность пути, ни дороговизна содержанія въ будимской крѣпости, ни недостатокъ средствъ: онъ все готовъ перенести, лишь-бы пріобрѣсть „полезныя, какъ выражался онъ, любезному отечеству моему знанія". Его путешествіе, полное всякихъ приключеній, такъ живо рисуетъ намъ бытъ тогдашняго русскаго студента за границей, — его несокрушимую энергію, неутолимую жажду знанія и твердость въ перенесеніи всякихъ нуждъ и лишеній, непонятную уже стипендіатамъ нынѣшняго времени, что описаніе онаго мы приведемъ цѣликомъ, какъ оно изложено въ письмѣ Фальковскаго къ русскому-же студенту Андрею Павловичу Ставинскому, который однако не случайно, какъ Иванъ Акимовичъ, попалъ за границу, но сознательно пришелъ сюда искать высшаго образованія, послѣ того какъ исчерпалъ всю россійскую премудрость въ своихъ родныхъ школахъ. „Вышелъ я изъ Токая во вторникъ (15 сентября) по полудни", пишетъ Фальковскій своему пріятелю въ Пресбургъ [1]),

---

[1]. Письмо отъ 24 декабря 1780 г. *Славинскій*—родимецъ черниговскій, тамъ и въ школахъ первоначально учился; потомъ съ *риторики* прослушалъ весь курсъ въ кіевской академіи; отсюда перешелъ въ Умань къ оо. базиліанамъ для нѣмецкаго языка и философіи, которую вторично слушалъ, а затѣмъ отправился въ Саксонію, Силезію и наконецъ въ Пресбургъ, гдѣ снова слушалъ философію, нѣмецкій языкъ и кромѣ того исторію, географію и математику. Въ 1782 г. принялъ монашество съ именемъ *Анатолія*, былъ учителемъ кіевской академіи, префектомъ смоленской семинаріи, снова учителемъ той-же академіи, префектомъ и профессоромъ богословія въ ней и послѣ долгаго странствованія по разнымъ монастырямъ въ санѣ архимандрита, скончался на покоѣ въ новгородскомъ юрьевскомъ монастырѣ (Рукоп. кіево-соф. соб., VIII, 4. «Библіографическія извѣстія...» «Акты кіево-бр. учил. мон. и акад.» и рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 161—162, 204).

„и минувъ Зомборъ, началъ изнемогать: мнѣ особливо частыя калюжи (лужи) затрудненіе въ пути дѣлали; и ежели-бъ мужикъ съ своимъ возомъ не подъѣхалъ, мнѣ-бы или бресть по поясъ, или ночевать предъ калюжею оставалось. Онъ не долго со мною разговаривалъ, и взявъ два *дудки* [1]), за двѣ мили, меня до Луца свезъ, гдѣ я и ночевалъ. Въ среду рано я, оттуду вышовъ, продолжалъ путь и въ 2 часа по полудни пришелъ въ корчму, отъ которой до Керестеша двѣ мили было. Здѣсь тоже нашолъ мужика и ему два дудки уплативъ, въ 5 часовъ въ Керестешъ привезенъ былъ. Оттуду ишолъ пѣшки и по маломъ времени опять нашолъ мужика, которой меня въ село, называемое Сигаломъ, за 1 дудокъ свезъ. Здѣсь я ночевалъ. Въ четвертокъ рано, уставъ (вставши), по многихъ заходкахъ, пришолъ въ село Калъ точно въ обѣднее время. Отъ онаго до Аро-саллаша еще двѣ мили было. Я здѣсь радостно и тучно обѣдалъ. И еще не все предложенное мясо поѣлъ, какъ уже подвода, точно какъ-бы для меня наряженная, подъ окошкомъ стояла. Я, вышовъ, весьма удивлялся нечаянному счастію. Подвода сія была коляска съ 6 лошадями, которою господа нѣкоторые въ Пешту ѣхали. Я было почалъ съ фурманомъ еднаться (входить въ соглашеніе); но онъ, повидѣвъ меня и спросивъ, кто я таковъ: бѣдной, говоритъ, студентъ—я тебя даромъ въ Пешту свезу, ежели на заду коляски сидѣть похочешь и вещи тамъ положенныя присматривать будешь. Я думалъ, что онъ шутитъ; но между тѣмъ какъ повидѣлъ, что онъ меня садиться заставляетъ, благодарно сѣлъ. Мы летѣли, а не ѣхали. Я думалъ, что мы тово-жъ еще дня Пешту увидимъ. Уже и казалось, будто верхи пештанскихъ церквей видно: толь крѣпкое воображеніе было. Бѣдной студентъ! Поколь ты будешь такъ благодушествовать? Внезапно, среди утѣхъ, среди отрадъ, всталъ вихорь и шляпу изъ головы силою содралъ. Что дѣлать? Надобно изскочить, ежели шляпы не хочется потерять. Коляска будто-бы вмѣсто 6 лошадей 6 крилъ имѣла. Ужасно быстро бѣжала. Я какъ только выскочилъ и шляпу подхвачиваю, уже епанчу злый вихрь содралъ; и когда оную подхватилъ, опять шляпу избросилъ и такъ смѣшно со мною боролся, что всѣ-бы предстоящіе думали,

---

[1]) *Дудокъ* или *грошъ*, серб. *грошитъ*, венг. *горошъ*—мелкая серебряная монета, равняющаяся 3 *крейцерамъ*.

что онъ за свое нѣчто своровавное такъ жестоко меня обижаетъ. Вы и сами можете знать, что уже коляски давно не видно было. Проклятая тварь! сказалъ я ему,—теперь ты меня нѣсколько дудковъ лишилъ. Найгорше то было, что я объѣлся и къ путешествію вовся не способенъ сталъ. Всилу приползъ въ корчму, которая недалече оттуду была. Въ ней были мужики съ порожними возами, къ которымъ я тотчасъ пошолъ. Они мое несчастіе сами видѣли и, не ожидая моего вопроса: нѣтъ, сказали, севодни не видать тебѣ той коляски. Однакъ скажи, куда ты такъ быстро летѣлъ?—Я объявилъ. Тогда одинъ изъ нихъ: ежели, говоритъ, хочешь, я тебя ближе Пешта подвезу. Ты севодни еще можешь быть въ томъ селѣ, которое за 4 только мили отъ Пешта отстоитъ; а завтра ты, конечно, въ Пештѣ. За подводу не болѣе какъ два гулдена. Я-бы ему точно далъ оные, будучи въ толикой слабости, ежели-бы онъ однимъ гулденомъ, которой я ему обѣщалъ, не былъ доволенъ. Въ 5 часовъ село тое я увидѣлъ, которое однакъ мужикъ миновалъ, понеже сказывалъ, что оно въ боку, и что онъ меня далѣ еще подвезть хочетъ. Между тѣмъ меня насредъ поля вывезъ: здѣсь, говоритъ, сойди съ воза—и видишь-ли церкви? Этотъ городъ называется Изберинъ, чрезъ которой тебѣ проходить должно, ежели въ Пештѣ быть хочешь. Тутъ я примѣтилъ, что онъ меня обманулъ: ибо я изъ географіи зналъ, какъ далеко отъ сего города до Пешты. Итакъ, проклиная обманчивость мужика, къ вечеру приближился подъ оной и, повстрѣчавъ нѣкотораго старика, спросилъ: Изберинъ-ли этотъ городъ?—Такъ, отвѣтствовалъ онъ. Того ради пошолъ далѣ, какъ внезапно со всѣхъ сторонъ открылось множество болотъ и заливовъ, которые путь пресѣкли. Я, возвратясь къ мужику, спрашивалъ его, какъ этыя воды перейтить? На что онъ мнѣ сказалъ, что понеже оныя не глубоки, перебресть ихъ надобно: другова пути никакова нѣтъ. Я по многихъ думкахъ отважился и, избросивъ сапоги и штаны, болото перебрелъ. Уже темно было, и я не видѣлъ церквей; того ради не зналъ, куда итить. Вѣтеръ ужасно вѣялъ. Я, бродивъ съ два часа, наконецъ хотѣлъ было на полѣ ночевать; но собаки, которыя въ близу лаяли, объявляли, что недалеко городъ. Итакъ, понеже ночь весьма темна была, пришовъ на весьма грязное мѣсто, въ которомъ, какъ началъ погрузать, слышу быстро бѣжащую скотину, на которой нѣкто сидѣлъ и, почувъ мой ходъ, отозвался.

Чего ради я его обо всемъ разспросилъ и, надеждою подкрѣпленъ, наконецъ пришелъ въ городъ болотами наполненный. Я и здѣсь цѣлой часъ корчмы искалъ, пока нѣкоторому человѣку обѣщавъ *полбу* вина, нимъ въ корчму приведенъ былъ. Мнѣ кажется, что уже тогда 11 часовъ было. Я, голодомъ моримъ, требовалъ ѣсть, и дали мнѣ мясо холодное съ капустою, котораго и половины не съѣлъ: ибо оно мнѣ такъ противнымъ показалось, что я все тотчасъ что ѣлъ, выбросалъ. Въ пятокъ (18 сентября) рано отправился я изъ сего города, увѣдомляемъ, что отъ него до Пешта 4 мили, и цѣлой сей день ишолъ пѣшки. Въ вечеру пришелъ въ село Менде, въ которомъ и переночевалъ. Наконецъ въ субботу (19 сентября) по полудни въ два часа пѣшимъ въ любезнѣйшую Пешту пріѣхалъ".

Другая половина этого любопытнаго письма рисуетъ бытъ студента-труженика на мѣстѣ, его поиски за частными уроками и квартирой и неудачи въ томъ и другомъ. Изъ длиннаго, не лишеннаго куріезовъ разсказа Ивана Акимовича, мы передадимъ лишь главное и существенное. Квартира стоила ему 6 гульденовъ въ мѣсяцъ со столомъ, мытьемъ бѣлья и свѣчами; но какъ стипендія его составляла всего 60 руб. въ годъ, то ихъ далеко не хватало на все содержаніе. Надо было искать частныхъ уроковъ; но тутъ новая трудность: или квартира, или уроки были далеко отъ университета, помѣщавшагося въ крѣпости. Какой-то сербъ, Налвановичъ, 11 лѣтъ торговавшій, попросился къ нему латыни учиться. Ради его онъ вышелъ изъ крѣпости, но „великанъ" ученикъ чрезъ полтора мѣсяца возгнушался латынью и повздоривъ съ учителемъ отказался уплатить ему за данные уроки. Иванъ Акимовичъ, по тогдашнему университетскому обычаю, прибѣгъ къ декану и именемъ декана притянулъ обидчика къ суду. Тотъ повинился и слѣдуемое уплатилъ, а Иванъ Акимовичъ „заклялся никакихъ великановъ больше не учить".

Въ такихъ и подобныхъ передрягахъ протекала студенческая жизнь Ивана Акимовича, полная труда и лишеній. Не успѣлъ онъ устроиться на новомъ мѣстѣ ученія, какъ пронесся слухъ о перемѣщеніи университета изъ будимской крѣпости (Офена) въ Пештъ. Это однако мало смутило привыкшаго къ странствованіямъ студента. Шутливымъ тономъ передаетъ онъ свои впечатлѣнія по этому поводу тому-же пріятелю Ставинскому: „сказываютъ, гово-

ритъ, смѣхотворныи люди, что будто по окончаніи школъ будимскіе жители университетъ изъ крѣпости ажъ до самой Пешты поженутъ и въ шею выженутъ, разгнѣвався на то, что отъ него никакой пользы не имѣютъ, а на мѣсто онаго царскую какую-сь судебную канцелярію пріймутъ. Дураки! Зачѣмъ-же намѣрили было, для лучшей удобности ходить въ школу, отворить съ оной ворота стороны, съ которой мы, знаете, войшовъ въ узки дверцы, наконецъ толь сильно назадъ бѣжали, что всѣ-бы подумали, что за нами вѣдьма гналась. Я, ежели это правда будетъ,не ожидаясь будимскаго учтивства, лучше самъ себя отсюду выжену".

Для характеристики воззрѣній какъ самаго Ивана Акимовича, такъ и окружавшей его внѣ университета среды, сдѣлаемъ еще слѣдующую выдержку изъ письма его къ тому-же лицу: „нѣкогда, пишетъ онъ, сидя мы за столомъ, слышимъ отъ нашего хозяина, что онъ въ прошедшей ночи весьма испужался, повидѣвъ нѣкоторое привидѣніе. Это, говоритъ онъ, другая уже ночь, какъ я отъ страха съ моею женою и дѣтьми чуть не умеръ. Мы другій уже разъ видимъ тяжелый огненный возъ..., который въ ночи въ полдванадцатаго часа какъ-бы съ крѣпости чрезъ нашу улицу внизъ спущается и спустя четверть часа опять возвращается. Проходя поузъ (мимо, подлѣ) нашъ домъ, весьма кровавымъ и страшнымъ огнемъ оной освѣщаетъ. Я съ ученикомъ до сытости смѣялся сей баснѣ; ибо наши горницы за хозяйскою въ дворѣ стояли, и мы сего видѣнія не примѣтили. Итакъ, слѣдующей ночи оба до дванадцатаго часа сидимъ. Въ $^1/_2$ 12 часа слышимъ шумъ будто-бы весьма тяжелаго воза, помалу проходящаго. Того ради, пришовъ къ хозяину, нашли всѣхъ въ великомъ страхѣ. Насъ просилъ хозяинъ, чтобъ мы съ четверть часа подождали, пока возвратится. Мы сіе сдѣлали и къ окошкамъ постановились. И се внезапно съ шумомъ издалека повидѣли кровавой огонь, отъ воза сыплющійся, и такъ убоясь, отступились и отъ страху не смѣли на него глядѣть, хотя онъ и весьма помалу (тихо, медленно) ишовъ. Болѣе трехъ разовъ никто его не видалъ. Нѣкоторые курьезные люди, которые ему присматривались, сказывали, что видѣли на немъ людей безъ головъ. Сіе передъ смертію Терезіиною случилось. И такъ нѣкоторые набожные нѣмецкіе пророки говорили, что это видѣніе смерть императрицы означаетъ".

Начатыя такъ поздо занятія Ивана Акимовича въ университетѣ были прерваны неожиданно въ началѣ слѣдующаго 1781 года. Въ то время, когда самъ онъ, не тяготясь никакимъ трудомъ и ни какими лишеніями, думалъ только о продолженіи своего образованія, не намѣтивъ для него и въ собственныхъ мысляхъ скораго окончанія, неизвѣстные благодѣтели, которыхъ онъ самъ, кажется, не зналъ и не называетъ, но которыхъ всего ближе можно предполагать въ томъ-же капелланѣ Іезекіилѣ и совѣтникѣ посольства Гр. И. Полетикѣ, въ заботливости своей о скитальцѣ-сиротѣ, задумали иначе устроить его судьбу и хотя благое намѣреніе ихъ не исполнилось, по упорству самаго ихъ кліента, и онъ продолжалъ еще и въ этомъ году слушать физику и философію; но это былъ скорѣе годъ странствованія, нежели годъ ученія. 8 января получено имъ письмо изъ Вѣны съ приказаніемъ кн. Дим. Мих. Голицына поспѣшить въ Вѣну. Здѣсь ему, по предварительномъ испытаніи въ знаніи латинскаго и нѣмецкаго языковъ и письмѣ, предложено было мѣсто при канцеляріи посольства съ заманчивою карьерою въ не такъ далекомъ будущемъ. Его богатыя природныя способности, пріобрѣтенныя разностороннія и основательныя познанія, любовь и привычка къ труду и въ добавокъ превосходный, рѣдкій почеркъ могли давать на то ему и его покровителямъ полную надежду. Но столь лестное предложеніе встрѣтило неожиданный отпоръ въ завѣтныхъ стремленіяхъ выдѣлявшагося изъ ряду другихъ юноши. Убѣждали и склоняли его члены посольства и отказъ его называли просто дурачествомъ; самъ князь—посолъ склонялъ его къ принятію предложенія ласковыми словами и милостивыми обѣщаніями. Упорствовавшему философу дано было три дня на размышленіе; тѣмъ временемъ и квартира ему была дана, и экипировка на счетъ князя обѣщана, и столъ съ офиціантами князя предложенъ, и наставленія отъ дворецкаго даны, какъ ему себя съ ними держать и гдѣ за столомъ сидѣть. Всѣ, и самъ князь, предложенное мѣсто считали и называли счастьемъ юноши; — иначе разсуждалъ самъ онъ. Не теплое мѣстечко съ хорошимъ окладомъ, не блестящая карьера въ послѣдствіи были его завѣтною мечтою. „Я, отвѣчалъ онъ, желалъ-бы еще окончить начатыя ученія“; ему доказывали, что никакія ученія въ его новомъ положеніи вовсе не нужны. Припертый, что называется къ стѣнѣ, фанатикъ ученія—

юноша отдѣлывался молчаніемъ. Учительское званіе было дальнѣйшею его мечтою, которой онъ однако не рѣшался еще открыть. Вмѣсто 3-хъ дней около 3-хъ недѣль прошло въ самыхъ тяжелыхъ для Ивана Акимовича хожденіяхъ въ канцелярію посольства и неизбѣжныхъ при томъ объясненіяхъ. Какъ-бы на выручку ему получилось письмо къ нему изъ Токая отъ поручика Горева, который звалъ его за полученіемъ оставшихся тамъ его и отцевскихъ вещей. „Куды какъ не спокоенъ я въ сей дорогѣ былъ!—писалъ онъ потомъ пріятелю Ставинскому. „Непрестанное размышленіе и въ ночныхъ снахъ меня смущало, котораго дѣйствіемъ наконецъ то учинилось, что я пріѣхавъ въ Пештъ 28 января, вдругъ письменно объявилъ, что въ государеву службу вступить желанія вовсе не имѣю; но напротивъ того всегда приготовлялся къ учительскому званію и потому намѣренъ въ отечество мое, Кіевъ, возвратиться“.

Съ дороги-же или изъ Токая въ письмѣ къ Гр. Ив. Полетикѣ онъ выражается еще опредѣленнѣе относительно своихъ намѣреній: „сколь я спокоенъ буду, ежели послышу, что симъ моимъ объявленіемъ (отказомъ отъ предлагаемой должности) великихъ моихъ благодѣтелей не раздражилъ, которые объ томъ старались, дабы меня какимъ-нибудь образомъ отечеству полезнымъ сдѣлать.. Я сіе ихъ намѣреніе совершенно зная и видя, что оно весьма доброе, старался оное исполнить, но въ такомъ состояніи, въ какомъ я отъ юности быть желалъ... Мнѣ ничего, кажется, неизвѣстно, какъ то, что вы учительское состояніе обществу такъ полезнымъ почитаете, какъ и другія; и ежели я въ семъ не обманулся, нижайше прошу ваше выс—діе, дабы вы мнѣ въ оное вступить вспомоществованіе дали“.

Отказавшись наотрѣзъ отъ службы при посольствѣ, Иванъ Акимовичъ сильно безпокоился, чтобы эта его „съ вѣнскими поступка“ не повлекла за собою дурныхъ послѣдствій: „...кажется, писалъ онъ Ставинскому, что 1-е не только цѣлой вѣнскій дворъ, но и половина токайскаго за сію мою поступку на меня разгнѣвается“, „2-е, стараться будутъ доказать, что я по-дурачески сдѣлалъ, т. е. своевольно отъ счастія своего удалился, 3-е, слѣдовательно и жалованья мнѣ опредѣленнаго производить больше не будутъ, и наконецъ 4-е—смѣяться будутъ, зная, что я горестно до окказіи (случая отправленія въ Кіевъ) проживать принужденъ буду“.

21 февраля Иванъ Акимовичъ получилъ отвѣтъ изъ Вѣны, въ которомъ говорилось, чтобы онъ, „въ какое-бы состояніе ни пожелалъ вступить, къ присягѣ приведенъ былъ". По какимъ дѣламъ, или съ какою цѣлію онъ оставался въ Токаѣ, когда уходило дорогое время ученія, остается неизвѣстнымъ. 9 мая онъ снова отозванъ былъ въ Вѣну, гдѣ занимался при канцеляріи до 21 мая. Въ Токаѣ мы видимъ его еще 29 мая, а за тѣмъ принявши присягу [1]), увлекаемый жаждою знанія, онъ снова отправился въ Пештъ доканчивать свое образованіе и поступилъ въ *первый философскій классъ*.

„Сравняя прежнее мое *пьшенестоіе* съ теперешнимъ,—дѣлился онъ съ пріятелемъ своимъ,—о дорогѣ сей можно вообще такъ сказать:

До Кала [2]) грязь вездѣ, и грязь въ пути являлась;
За Каломъ-же пески и суша водворялась.
Предъ Пештой грязь опять заставила бродить,
Чтобъ въ Пештѣ бѣднаго студента посрамить" [3]).

Въ Пештѣ студентъ нашъ „за обученіе дѣтей у г. Даміановича („нѣкоего ученаго купца") столъ имѣлъ, а квартеру—у нѣмца, недалеко отъ него живущаго". И снова всѣ мечты его сводились къ тому, какъ-бы „вѣрную окказію въ Россію" найдти и поскорѣе увидѣть свою дорогую родину. Съ чувствомъ живѣйшаго восторга сообщаетъ онъ Ставинскому: „я вамъ не могу умолчать, въ какой радости я здѣсь (въ Пештѣ) живу, познакомившись съ тѣмъ господиномъ, которой мнѣ обѣщается всякой почти мѣсяцъ окказію въ Кіевъ найтить, т. е. отсюду непосредственно въ Львовъ, при отправкѣ винъ туда, часто случающейся..., а изъ Львова чрезъ своего брата, тамъ живущаго, въ самой Кіевъ: такъ что я будущаго мая, какъ самого Бога дожидаюсь".

По окончаніи годичныхъ испытаній (въ 1781 г.), Иванъ Акимовичъ переведенъ былъ во *второй философскій классъ*, въ кото-

---

[1]) Присягу принималъ онъ собственно для того, чтобы числиться *номинально* при токайской коммисіи и, такимъ образомъ, имѣть quasi—законное право по прежнему получать 60 руб. годоваго содержанія отъ казны.

[2]) Городокъ въ Венгріи.

[3]) Въ томъ-же письмѣ передается, какъ смѣялись надъ нимъ прохожіе при входѣ въ Пештъ, видя его всего въ грязи.

ромъ продолжалъ слушать экономію, геометрію, механику, архитектуру гражданскую, оптику, гидравлику и экспериментальную физику [1]). Наконецъ, послѣ испытаній 1782 г., „чрезъ три года философскаго моего въ Венгріи ученія“, говоритъ въ одномъ изъ писемъ своихъ, „*по окончаніи коего съ нѣкоторою знаменитостію* и съ выдержанными тремя годишними публичными экзаменами при печатныхъ подъ именемъ моимъ физическихъ, математическихъ и прочихъ философскихъ положеніяхъ, *получилъ я* изъ королевской пештанской отцовъ піаристовъ гимназіи *довольно изрядный аттестатъ, одобряющій превосходнымъ образомъ какъ ученіе, такъ и поведеніе мое*“ [2]).

Остальную часть этого года (съ октября мѣсяца) и начало слѣдующаго Иванъ Акимовичъ провелъ въ качествѣ канцеляриста при токайской коммисіи и домашняго учителя двухъ сыновей коммисара Саввы Михайловича Горева.

Отъ студенческаго періода жизни Ивана Акимовича дошло до насъ очень немногое; но и это немногое свидѣтельствуетъ, что ни скудость матеріальныхъ средствъ, ни частые разъѣзды по вызову вѣнской и токайской канцелярій не могли нанести особеннаго уже ущерба его занятіямъ. Такъ, мы имѣли подъ руками относящіяся къ этому періоду „*Additamentum ad Physicam*“ и „*Historia Philosophiae*“ (та и другая на латинскомъ языкѣ). „Additamentum“ [3]) представляетъ собою записки по физикѣ со словъ профессора [4]); „Historia Philosophiae“ [5]) писана къ публичному экзамену 1780 г. и представляетъ изложеніе вкороткѣ исторія философіи у евреевъ, персовъ и проч. У грековъ описываются „секты“: италійская, іоническая, киринейская, элейская и др. Послѣ того: о славнѣйшихъ филосо-

---

[1]) Акты кіево-бр. учил. мон. и акад., т. III, № 105.

[2]) Рукоп. проф. М. Ф. Будашова-Владимірскаго, стр. 293 – 294.

[3]) Рукоп. кіево-соф. собора, № 247.

[4]) Содержаніе «*Additamentum ad Physicam*» слѣдующее: De quantitate ignis in corporibus. 2) De electrophoro. 3) Ad aërem ejusque effecta. 4) Ad globum terraqueum. 5) Ad mundi systema. 6) De solis substantia. 7) Ad reges aequilibrii. 8) De perpetuo mobili. 9) Ad naturam ignis. По мѣстамъ приводятся математическія фигуры и вычисленія.

[5]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 247.

фахъ послѣ разрушенія государства греческаго, объ Аполлоніѣ Тіанскомъ, о „сектѣ“ эклектической, о Сенекѣ, Августинѣ, о схоластикахъ. Въ заключеніе—о Галилеѣ и Исаакѣ Ньютонѣ.

Къ 1781 году должно отнести еще и незаконченную статью Ивана Акимовича: „*Краткое географическое описаніе Венгріи*“ [1]), обличающую очень наблюдательный умъ автора „Описанія“. Содержаніе ея слѣдующее: „§ 1. Раздѣленіе Венгріи и вычисленіе всѣхъ городовъ и селеній Первой Округи, по описанію Іоанна Томки Саскія. § 2. Вычисленіе всѣхъ городовъ и селеній Второй Округи, что по ту сторону Дуная. § 3. Вычисленіе всѣхъ городовъ и селеній Третьей Округи, что по сю сторону Тисы. § 4. Вычисленіе всѣхъ городовъ и селеній въ Четвертой Округѣ, что по ту сторону Тисы [2]). § 5. О правительствахъ сербскихъ. § 6. О родѣ вельможъ венгерскихъ. § 7. О гербѣ и монетѣ венгерской“. Далѣе слѣдуетъ очень интересное „*Прибавленіе о сербахъ особь*“. Содержаніе „Прибавленія“: „§ 1. О природѣ и состояніи сербовъ. § 2. О состояніи (внѣшнемъ) сербскихъ церквей. § 3. О состояніи сербскихъ священниковъ. § 4. О церковномъ правительствѣ у сербовъ. § 5. О уложеніи или регламентѣ сербскомъ“. „Часть вторая. О Венгріи особь“ представляетъ собою только не большое *введеніе* и *семь строкъ первой главы* [2]).

---

[1]) Пріурочивая время написанія этой статьи къ 1781 г., мы основываемся на слѣдующихъ словахъ ея: «По немъ (послѣ митрополита *Іоанна Георгіевича*) *Викентій Видакъ* на престолъ взошелъ и сидѣлъ на ономъ *до 1780 г.; а по смерти его нынѣ недавно выбранъ* въ архіепископы бывшій темишварскій епископъ *Моисей Путникъ, который теперь церкви сербскія пасти начинаетъ*». И точнѣе: «новосадскій (епископъ), въ Новосадѣ резиденцію имѣющій, прежде сего былъ *Арсеній Радивоевичъ*, который за подозрѣніе содомскаго грѣха въ заточеніе *въ началѣ сего 1781 года* въ монастырь Бездинъ съ жалованьемъ 200 фл. посланъ, къ римскому епископу тайно ушолъ и вѣру измѣнилъ». (См. рукоп. кіево-соф. соб. № 580).

[2]) Первыхъ 4 §§ нѣтъ въ рукописяхъ кіево-софійскаго собора, они находятся только въ рукописи проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго (стр, 294—299).

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 580.—Въ рукописи проф М. Ф. Буданова-Владимірскаго находится замѣтка Ивана Акимовича, что отъ студенческаго періода жизни была еще у него «не малая книга», заключавшая въ себѣ пространныя записки, со словъ профессора, по гражданской архитектурѣ. Но въ настоящее время

Въ началѣ 1783 года сбылась наконецъ самая задушевная мечта Ивана Акимовича. Въ концѣ февраля отправлялся въ Россію сержантъ *Варѳоломей Ѳеодоровичъ Милюковъ* съ транспортомъ сухогроздныхъ винъ для русскаго двора. Иванъ Акимовичъ поспѣшилъ воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ и въ апрѣлѣ того-же года увидѣлъ, наконецъ, Кіевъ, съ которымъ разстался около 8 лѣтъ тому назадъ.

Г. Булашевъ.

(Продолженіе будетъ).

врядъ-ли гдѣ можно разыскать ее, такъ какъ «бывъ отдана... одному изъ свѣтскихъ... (кіевской) академіи учителей (а именно Никитѣ Соколовскому) для чтенія, у него навсегда и осталась» (см. стр. 282).

Волынская революція первой четверти XIX столѣтія*)

Письма надворнаго совѣтника Опытова къ графинѣ Старожиловой.

Письмо первое.

1818 года іюля дня изъ Вѣны.

Исполняя порученіе вашего сіятельства, въ проѣздъ мой по волынской губерніи, я нарочно останавливался по нѣскольку дней въ городахъ Бердичевѣ, Житомірѣ, Дубнѣ и Радзивиловѣ, чтобъ, развѣдавъ о бывшей на Волыни въ 1815 и 1816 годахъ революціи, доставить вамъ обстоятельное свѣдѣніе, какимъ образомъ сей моральный переворотъ обратился на пагубу толикаго числа невинныхъ людей, въ томъ числѣ и вашихъ родственниковъ. Вотъ пріобрѣтенныя мною свѣдѣнія:

---

*) Печатаемая рукопись, хранившаяся въ числѣ бумагъ б. секретаря Потетклина, В. С. Попова, была подарена сыномъ его, также Василіемъ, умершему недавно профессору Ставровскому, съ такою надписью по строкамъ рукописи: «Изъ решетиловскаго архива д. т. с. Василія Степановича Попова. На память любезнѣйшему профессору моему Алексѣю Ивановичу Ставровскому отъ любящаго и уважающаго, бывшаго студента университета св. Владиміра, нынѣ греческѣя Василія Попова. 10 декабря 1864 г. Решетиловка». Озаглавливаемъ ее словами самаго автора писемъ, имени котораго, къ сожалѣнію, мы доискаться не могли. Псевдонимы, придуманные имъ для себя, а равно и лица, къ которому онъ писалъ, ясно указываютъ на то, что письма предназначались для негласнаго обращенія въ пріятельскомъ кружкѣ и имѣли, быть можетъ, въ свое время извѣстность. Письма писаны подъ впечатлѣніемъ недавно совершавшихся событій и нѣкоторая ихъ страстность портитъ общее отъ нихъ впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе они содержатъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія о времени и лицахъ, совершенно для насъ не извѣстныхъ, о томъ, что творилось въ только что возвращенномъ нами достояніи Игоря

Волынская губернія издавна славится враждебными для Россіи происшествіями; въ повѣтахъ ея: овручскомъ—убитъ измѣнически великій князь Игорь, въ кременецкомъ—Лжедимитрій разстрига, съ помощію бояръ польскихъ, началъ бунтъ противу нашего отечества, въ Острогѣ до сихъ поръ есть развалины той церкви, гдѣ онъ обвѣнчанъ съ дочерью Мнишка, въ Новоградъ-волынскомъ и староконстантиновскомъ (уѣздахъ) предъ войною гетмана Хмельницкаго помѣщики здѣшніе, къ утѣсненію православія, отдавали на откупъ жидамъ храмы Божіи греко-россійскаго исповѣданія, въ житомірскомъ, подъ предлогомъ гайдаматчины, переказнили безъ всякаго милосердія болѣе десяти тысячь крестьянъ, въ луцкомъ и владимірскомъ, при послѣднемъ издыханіи Польши, свирѣпствовали надъ россійскими подданными нарочито учрежденныя коммисіи, убивая нашихъ разнощиковъ и купцовъ и предавая смертной казни единовѣрныхъ съ нами священниковъ, наконецъ въ Дубнѣ 1794 года съѣхавшіеся на контракты съ Великой Польши, Литвы и со всей Красно-Россіи дворяне положили намѣреніе, кому, гдѣ и какъ дѣйствовать въ краковской и варшавской

и св. Ольги, какъ безнаказанно давила польская шляхта коренное русское населеніе Волыни, какъ сильно она интриговала противъ представителей русской власти, какъ горячо преслѣдовала свѣжую мечту возстановленія Польши, ловко отводя глаза правительству, и какъ мало это послѣднее понимало свои обязанности относительно возвращеннаго края и возвращенія ему его историческихъ правъ и характера. И въ польскихъ источникахъ относительно этого времени мы находимъ много указаній на то, какъ на пропалую веселилась польская шляхта, похоронивъ свое крулевство и вовсе не чувствуя перемѣны режима.

Печатаемыя письма изображаютъ не революцію въ томъ смыслѣ, какъ мы обыкновенно ее понимаемъ, но постоянное революціонное настроеніе волынскихъ пановъ, закончившееся дѣйствительною революціею 1831 г. Дни ихъ, подъ конецъ Рѣчи Посполитой, становились все мрачнѣе и тяжелѣе: напрягая всѣ силы къ спасенію погибающей отчизны, они доходили до совершеннаго разоренія, власть и законъ, гарантировавшіе общественное спокойствіе и безопасность, утратили уже тогда всю свою силу, иноземныя войска входили и выходили, а разъяренный народъ готовъ былъ каждую минуту броситься на своихъ притѣснителей. Теперь все стихло и замолкло; подъ охраною рускаго оружія, подъ эгидой русской власти паны продолжали давить беззащитный народъ и предаваться нескончаемымъ вакханаліямъ: у нихъ пиры и веселіе, а въ народѣ стонъ и плачь.—Ред.

революціи и какимъ-бы болѣе измѣнническимъ образомъ истребить въ одно время всѣхъ россіянъ въ Польшѣ находящихся. По актамъ смоленской слѣдственной коммисіи видно, сколько тамъ сидѣло въ тюремныхъ заклепахъ волынянъ блятвопреступниковъ; а изъ дѣлъ по министерству финансовъ, по министерству полиціи и по министерству иностранному удостовѣриться можно, сколько у волынскихъ измѣнниковъ конфисковано имѣній и какимъ образомъ вели себя дворяне во время военное 1798 и 1799-го, также 1806, 1807 — 1809 и 1812 годовъ. И сколько дѣтей своихъ и другихъ молодыхъ людей выслано здѣшними помѣщиками за границу, единственно для поднятія оружія противу русскихъ. Меня увѣряли, что нѣтъ почти ни одной богатой и знатной фамиліи на Волыни, которая-бы не оплакивала или не носила траура о погибшихъ въ сраженіяхъ противу Россіи дѣтяхъ, братьяхъ и родственникахъ; а сколько и теперь считается такихъ, кои, по заключеніи мира, возвратясь къ своимъ, не краснѣя, хвастаются грабежемъ и убійствами въ Москвѣ и другихъ россійскихъ городахъ. Преступленія ихъ покрыты высочайшими манифестами, для того я перестану открывать ихъ.

Теперь обратимъ, ваше сіятельство, вниманіе свое на тѣ намѣренія волынянъ, кои они съ начала присоединенія сей провинціи къ Имперіи имѣли и имѣютъ. По республиканскому духу и природной къ россіянамъ ненависти, они не могли терпѣть ни Кречетникова, ни Тутолмина. Но смоленская ссылка и конфискація имѣній обуздали ихъ до того, что сіи гордецы изъ высокомѣрія пришли до гнусной подлости: боготворили по наружности и Тутолмина и перваго губернатора Шереметьева, не стыдились во всѣхъ орденахъ своихъ отдавать визиты секретарямъ и писарямъ ихъ, кланялись исправникамъ и цѣловали городничихъ, клялись въ вѣчной дружбѣ всякому русскому чиновнику и ползали у ногъ ихъ, видя нужду или свою пользу; но коль скоро, по кончинѣ Екатерины, узрѣли перемѣну въ правленіи, тотчасъ республиканскія страсти пробудились, начали волноваться, заводить интриги и вымышлять клеветы на губернское начальство. На Тутолмина жаловались, что онъ бралъ отъ нихъ взятки и притѣ-

снялъ ихъ; на Шереметьева жаловались, что онъ самоправно изъ помѣщиковъ, кого хотѣлъ, того бралъ подъ стражу и посылалъ въ Смоленскъ, конфискуя имѣнія; на прочихъ губернскихъ чиновниковъ, что позахвачивали себѣ чужую принадлежность, что поразоряли помѣщичьи имѣнія, бывшія въ казенномъ присмотрѣ и поселили на земляхъ старостинскихъ хутора. Всѣ таковыя и тому подобныя жалобы помѣщикъ волынскій, нынѣшній графъ и сенаторъ Иллинскій, отъ имени дворянства, коего онъ былъ тогда губернскимъ маршаломъ, представилъ лично императору Павлу, а въ слѣдъ за тѣмъ Тутолмина позвали въ столицу, Шереметьевъ остался при полку шефомъ, а губернія волынская, получивъ прежнія польскія права, получила съ тѣмъ вмѣстѣ новаго генералъ-губернатора Беклешова и новаго губернатора Миклашевскаго: сего очень хвалятъ потому, что ничего не дѣлалъ и былъ въ должности только одинъ годъ; но Беклешова не запомнятъ во вѣки, по многимъ знакамъ его къ нимъ дружбы, подобно Федору Федоровичу Эртелю и покойному Шишковскому, имъ оказанной, отъ того не смѣли ни роптать, ни жаловаться, особливо когда на мѣсто Миклашевскаго пріѣхалъ губернаторъ Гревсъ, который на вечеринкахъ у себя заставлялъ ихъ слушать, вмѣсто музыки, бой двадцати четырехъ барабановъ. Жалобы на Тутолмина, Шереметьева и чиновниковъ оказались ложными, а Иллинскій въ публикѣ прослылъ ябедникомъ. При Гревсѣ у волынянъ прилипъ языкъ къ гортани. Скорая отставка, а потомъ и смерть избавила его отъ ихъ преслѣдованія. Наступилъ по немъ Глазенапъ, у котораго жена была полька; при ней все потекло по ихъ мыслямъ, или, лучше сказать, ничего не дѣлалось. Полиція спала и только польскіе суды дѣлали, что хотѣли. Между тѣмъ магнаты душили среднихъ помѣщиковъ, а сіи нападали на мѣлкую шляхту: въ Житомірѣ балы и вечеринки, а по деревнямъ отъ мужиковъ плачъ и вопль. Въ это время богатѣйшій изъ владѣльцевъ хорунжій Стецкій, не давши хлѣба своимъ подданнымъ, уморилъ нѣсколько десятковъ съ голоду; за то, будучи вызванъ въ Житоміръ, принужденъ былъ сдѣлаться данникомъ губернаторши и своимъ карманомъ пятнадцать дней съ ряду веселить по вечерамъ

сенаторовъ Иллинскаго и Голохвастова, изъ которыхъ первый во всемъ блескѣ графскаго и сенаторскаго достоинства явился въ то время сюда ревизоромъ волынской губерніи. Все преисправно, все прекрасно, все безподобно нашли, отрапортовали и поѣхали съ Глазенапомъ въ Романовъ къ Иллинскому. Тамъ было большое собраніе дворянъ, между коими отличался дерзостію и запальчивостію зять Иллинскаго, удаленный отъ службы за польскій образъ мыслей, генералъ-маіоръ Гижицкій, извѣстный по исторіи тиранскаго обхожденія съ греко-россійской религіи священниками, коихъ запрягали въ плугъ и мучили разными способами. Какъ скоро разгорячили виномъ головы, тотчасъ, по случаю заграничныхъ дѣлъ, вступили въ мятежническіе разговоры. Старой Голохвастовъ дремалъ, Иллинскій хотя и сенаторъ русскій, но притворялся, что онъ патріотъ, обыватель; одинъ добрый Глазенапъ вступился за честь нашей имперіи, за то посыпались на него со всѣхъ сторонъ насмѣшки и укоризны; а генералъ-маіоръ русской службы Гижицкій, воображая, что онъ воюетъ подъ знаменами Костюшки, за то, чтобъ Глазенапъ не вступался за наше правительство, схватя со стола стаканъ, такъ треснулъ въ лобъ бѣднаго начальника губерніи, что тотъ полетѣлъ со стула и обагрилъ кровію своею весь полъ романовскаго зàмка, украшеннаго, какъ говорятъ, изъ мраморнаго дворца украденными мебелями. Чрезъ сей случай избавился Глазенапъ дальнѣйшаго оклеветанія, ибо спустя нѣсколько недѣль переведенъ въ Оренбургъ, а оттоль на его мѣсто поступилъ Курисъ. Едва узнали волыняне, что новый губернаторъ былъ правителемъ канцеляріи величайшаго изъ героевъ Суворова, котораго за взятіе Праги и Варшавы терпѣть не могли, то и вооружились противу него свойственнымъ имъ оружіемъ,—ябедою, клеветами и жалобами. Долго ни въ чемъ имъ не вѣрили, ибо пустые доносы Иллинскаго на Тутолмина и Шереметьева, были въ Петербургѣ у всѣхъ въ свѣжей памяти; но интриганты коснулись самой тонкой и деликатной струны правительства,—налгали, что Курисъ равнодушно смотритъ на привозъ контрабандовъ, получая отъ таможень и купечества плату, и Куриса въ 1801 году не стало. Дали опять новаго губернатора Ре-

шетова, человѣка слабаго, стараго, но честнаго и одного изъ друзей Державина,—у него слово законъ не выходило изъ языка, а обмана такъ не любилъ, что сердился до безконечности, естьли кто, играя въ бостонъ, не хотѣлъ съ тремя тузами помогать другому. Цѣлой годъ волыняне прославляли его прозорливость, хотя онъ за два шага ничего не видѣлъ, хвалили его мудрость, скрывавшуюся въ журналахъ секретаремъ правленія писанныхъ, и величали рѣдкую расторопность, по дѣйствію которой сжегъ онъ генералъ-губернаторскій домъ, стоившій казнѣ болѣе ста тысячь рублей; но на другой годъ называли упрямымъ безумцемъ, нелюдимомъ и человѣкомъ не рожденнымъ для Волыни; на третій годъ стали говорить, что жена и сестра ея выписываютъ изъ Радзивилова и покупаютъ въ Бердичевѣ дешевою цѣною товары и посылаютъ оные безпрестанно по коммисіямъ въ Петербургъ и что покровительствуютъ очень жидовъ, на четвертой годъ вооружили противу его военнаго губернатора Эссена и принудили дряхлаго старика вытти изъ службы. Опредѣлили начальникомъ губерніи князя Волконскаго 1805-го года, въ то самое время, какъ изъ австерлицкой компаніи вся армія наша собравшись, остановилась въ двухъ повѣтахъ волынской губерніи и готовилась къ будущимъ компаніямъ. Волконскій трактовалъ волынянъ хуже всѣхъ губернаторовъ, никто не смѣлъ передъ нимъ разинуть рта: маршалы стояли у порога, но, имѣя въ виду собственную пользу отъ поставокъ для арміи, а къ тому зная за собою грѣхи, что недавно помогали непріятелямъ капиталами и людьми, волыняне молчали и трепетали. Неизвѣстно, какими извѣтами очернили-бы они Волконскаго, если-бы само правительство не удалило его отъ должности, въ которой былъ восемь мѣсяцей. Во второй половинѣ 1806 года показался Комбурлей. Уже волыняне по письмамъ изъ Петербурга отъ Иллинскаго, Ворцеля и другихъ знали, что онъ довѣренная у государя особа, что министры его друзья, что человѣкъ богатый и любитъ жить хорошо. Въ самомъ дѣлѣ, какъ заиграла роговая инструментальная музыка, какъ запѣли пѣвчіе, какъ уставили столы серебромъ и фарфоромъ, какъ увидѣли, что на перестройку тѣснаго губернаторскаго дому употребилъ своихъ

болѣе двадцати тысячь рублей и не требуетъ изъ казны возврата, что удалилъ самъ собою нѣсколькихъ изъ прежнихъ чиновниковъ и опредѣлилъ по выбору своему новыхъ, что по объѣздѣ губерніи созвалъ дворянство и преподалъ способы къ облегченію тяжестей, лежавшихъ по военнымъ обстоятельствамъ на губерніи, что избавилъ ее отъ перевозки пятидесяти тысячь четвертей хлѣба, доставленаго сюда изъ другихъ провинцій, что всякаго принималъ ласково и учтиво, что домъ его днемъ и ночью открытъ были для богатыхъ и бѣдныхъ, требующихъ защиты его и покровительства, что казна безбоязненно ввѣряла ему милліоны суммъ на исправленіе разныхъ порученій, что всѣ представленія его были уважаемы, что многіе получили по онымъ награжденія, что данное кому либо слово сдерживалъ въ точности и что напослѣдокъ хотя и доходили къ нему свѣдѣнія о преступническихъ намѣреніяхъ нѣкоторыхъ волынянъ, принявшихъ у непріятеля за границею службу, но онъ безъ воли вышняго начальства, не рѣшался приступить къ крутымъ мѣрамъ; то въ такой всѣ пришли энтузіазмъ, что не знали, какими знаками изъявить ему свою благодарность и признательность: одни предлагали поставить въ дворянской залѣ мраморный бюстъ Комбурлея, другіе сдѣлать съ приличною надписью золотую чашу, иные выстроить домъ и въ честь ему украсить его имянемъ, а наконецъ всѣ согласились поднести ему золотую съ бриллiантами табакерку, на что испросивъ высочайшее соизволеніе, поручили сенатору Ворцелю изготовить оную въ Петербургѣ, давъ знать о томъ во всѣ польскія губерніи, и отъ многихъ ученыхъ людей требуя совѣта, какую положить на табакеркѣ надпись. Присланы были разные изъ Варшавы, изъ Кракова и Вильны, отъ Колонтая, отъ Чацкаго, отъ Потоцкаго и отъ другихъ знаменитыхъ ученостію поляковъ; но выборъ палъ на ту, которую доставилъ славный польскій стихотворецъ Трембецкій. Она заключается въ сихъ латинскихъ словахъ: Grata Volynia Michaëli Komburloe, recto custodi Regiminis, то есть: признательная Волынь Михайлѣ Камбурлею, ревностному блюстителю званія (sic). Изобрали февраль мѣсяцъ для торжественнаго табакерки поднесенія. Въ самомъ дѣлѣ всѣ волыняне и даже дво-

рянство окрестныхъ губерній, окончивъ въ генварѣ контракты въ Кіевѣ, въ началѣ февраля составили многочисленный съѣздъ въ Житомірѣ. Въ назначенный день въ полномъ собраніи губернскаго и повѣтовыхъ маршаловъ составили и подписали актъ, содержащій въ себѣ живѣйшія чувствованія благодарности дворянства къ справедливому и благодѣтельному губерніи начальнику и среди радостныхъ со всѣхъ сторонъ восклицаній, вмѣстѣ съ онымъ, поднесли табакерку Комбурлею. Одинъ только Иллинскій стоялъ задумчивъ и не могъ скрыть скорби грызомаго завистію сердца; но его въ то время не примѣчали, а по прошествіи уже изступленія узнали, что въ самый пріятнѣйшій цвѣтникъ удовольствія можетъ вползти змѣя, пагубный ядъ подъ языкомъ скрывающая. Во все продолженіе веселостей, каждый полякъ казался быть русскому братомъ и на перерывъ спѣшилъ обнимать и цѣловать того изъ чиновниковъ, на кого Комбурлей бидалъ ласковые взоры. Умолкнувшу въ Житомірѣ торжеству благодарности, отозвалось эхо объ немъ въ повѣтахъ и съ тѣхъ самыхъ поръ начались разные толки: одни кричали, что на табакерку собрано десять, пятнадцать и даже двадцать тысячь червонныхъ, а сенаторъ Ворцель половину оставилъ у себя; другіе нападали на маршаловъ, что они для полученія только себѣ отличій, а не для пользы губерніи, затѣяли праздникъ торжественной признательности; были и такіе, кои въ слухъ говорили, на что мы поднесли Комбурлею табакерку, естьли и поставка артиллерійскихъ лошадей по повѣтамъ не отмѣнена и военные реквизиціи продолжаются, и недоимки взыскиваются, и подводы требуются. Вообще-же большая часть средняго состоянія шляхты воображали себѣ, что послѣ столь знатнаго подарка не Комбурлей губерніею, но дворянство Комбурлеемъ управлять будетъ. Дары нечестивыхъ всегда окаянны! Богъ знаетъ, какой-бы имѣло конецъ пустословіе болтуновъ, когда-бы тильзитскій миръ, а съ нимъ вмѣстѣ учрежденіе варшавскаго герцогства не всклужило вѣтренныя головы. Сотнями явно и тайно полетѣли въ Варшаву; имъ воображалось, что Костюшка, Заіончикъ и Домбровскій, остатки богатырей послѣдней революціи, воздвигли на развалинахъ республики Имперію Польскую и потому вѣрили,

что всемощная десница Наполеона, изторгнувшая изъ гроба умершаго поляка, присоединитъ и ихъ къ воскресшему стаду. Странно, а вмѣстѣ и смѣшно было слушать, какъ многіе изъ шляхты, выѣзжая изъ домовъ своихъ въ дальную дорогу, приказывали беременнымъ женамъ, что ежели въ отсутствіи ихъ родится сынъ, чтобы непремѣнно дано было ему имя Наполеонъ. Такъ и случилось, между прочимъ въ имѣніи Графа Иллинскаго. Экономъ по дѣламъ уѣхалъ въ Гданскъ; жена безъ него въ нѣкоторой ничтожной, для обороны отъ татаръ построенной, ветхой тайкурской крѣпостицѣ родила сына, и такъ громко, звучно извѣстила своего мужа о имяни дитяти: na murach taykurskich powstał Napoleon, то есть на стѣнахъ тайкурскихъ возсталъ Наполеонъ. У Иллинскаго все, чрезвычайно дрянное, небольшое мѣстечко Романовка, отъ дѣда его Романа получившее названіе, онъ наименовалъ Новымъ Римомъ, завелъ училище глухо-нѣмыхъ, гдѣ ученики умираютъ съ голоду, построилъ на казенные деньги суконную фабрику, пожравшую всѣ его доходы и самаго его сдѣлавшую банкрутомъ; для пустаго честолюбія удерживаетъ езуитовъ, также немецкой и италіанской театры, въ которыхъ лакеи его и экономы занимаютъ первые мѣста, потому, что дорога къ нему заросла крапивой и бурьяномъ; а что и до сихъ поръ не всѣ еще актеры разбѣжались, тому причиною крайность, что за десять лѣтъ не получили своей принадлежности; роговая музыка и балетницы отдаются въ аренду, а палаты замка романовскаго представляютъ разительную смѣсь насмнаго богатства съ блестящею бѣдностію. Когда какой нибудь мимоѣдущій захочетъ разсмотрѣть рѣдкости романовскаго дома, то всякому совѣтуютъ запастись нищею и мѣдными деньгами; первою для того, что въ цѣломъ замкѣ и мѣстечкѣ не найдете и куска хлѣба, а послѣдними потому, что за переходъ изъ комнаты въ комнату надобно всякой разъ платить по нѣсколько грошей голоднымъ и оборваннымъ проводникамъ, которыхъ скорѣе можно счесть за нищихъ, вышедшихъ изъ богадѣльни просить милостины, нежели за оффиціалистовъ превозносимаго въ варшавскихъ газетахъ Романовскаго замка. Но оставимъ, ваше сіятельство, сего Донъ-Кишота, а об-

ратимся къ Комбурлею. Поднесенная дворянствомъ табакерка и безпрестанныя куренія лести и раболѣпства не встревожили души его до того, чтобъ онъ не видѣлъ настоящаго къ нему расположенія волынянъ; онъ зналъ, что дѣлалось за границею и что происходило въ домахъ здѣшнихъ вельможъ, которые разомъ съ помѣщиками средняго класса, на яву и во снѣ, бредили возстаніемъ республики польской, а жены ихъ и дѣти пѣли хвальныя пѣсни въ честь такъ называемыхъ надвислянскихъ героевъ, подъ штандартами Наполеона подвизавшихся. Зналъ онъ и то, что первѣйшіе изъ патріотовъ варшавскихъ къ здѣшнимъ споборникамъ своимъ писали и просили не жалѣть ни трудовъ, ни денегъ, чтобъ сбыть съ рукъ Комбурлея, важнѣйшую препону къ достиженію той цѣли своихъ намѣреній, которые мятежниками давно уже направлены во вреду нашего государства. Зналъ всѣ вражескіе козни и, какъ ревностный сынъ отечества и благоразумный политикъ, прекратилъ зло въ началѣ, изходатайствовалъ высочайшее повелѣніе о конфинскованіи имѣній у тѣхъ, кои безъ вѣдома правительства отлучаются за границу, или, по истеченіи сроковъ въ пашпортахъ, сюда не явятся. Между тѣмъ послѣ Иллинскаго, пріѣхалъ изъ Петербурга на Волынь другой сенаторъ Ворцель, которой, по извѣстному въ столицѣ и здѣсь корыстолюбію, заставившему его не одинъ разъ въ самомъ сенатѣ при откупныхъ торгахъ стоять на одной доскѣ съ жидами, думалъ за табакерку выторговать что нибудь у Комбурлея и для того не довольствуясь взятіемъ почтовыхъ станцій во всей губерніи, пригласилъ маршаловъ, презеса Домбровскаго и нѣкоторыхъ дворянъ къ провіантской поставкѣ и заключилъ въ 1808-мъ году болѣе, нежели на милліонъ рублей, съ губернаторомъ контрактъ. Жадность къ прибытку и безпорядочная организація сей компаніи, вмѣсто барышей, привела и Ворцеля и его товарищей къ убыткамъ, а покупка на ихъ счетъ хлѣба произвела въ нихъ ненависть, вовсе не заслуживаемую Комбурлеемъ. Съ тѣхъ поръ Ворцель, Домбровскій и прочіе контрагенты съ ихъ родственниками и друзьями сдѣлались тайными ему врагами. 1809-го года новый губернскій маршалъ Гостинскій, сынъ отцу неблагодарный, мужъ женѣ невѣрный, со-

сѣдъ сварливый, владѣлецъ для крестьянъ тяжкій, другъ своекорыстный, чиновникъ гордый, несправедливый и человѣкъ въ молодости своей представлявшій образецъ блуднаго сына, а въ преклонномъ вѣкѣ препровождающій жизнь свою въ тяжбахъ и ябедахъ, взялъ также на себя поставку провіанта до 1,000,000 рублей. Губернаторъ Комбурлей, при заключеніи съ нимъ контракта, весьма для казны выгоднаго, чтобъ не упустить изъ рукъ такого контрагента, по неприсылкѣ отъ министерства суммы, далъ ему въ задатокъ собственныхъ шестьдесятъ тысячь рублей; но Гостинскій не умѣлъ пользоватися временемъ, получивъ деньги, поѣхалъ съ ними въ Кіевъ на контракты и расплатился съ старыми кредиторами, а между тѣмъ ассигнаціи упали, хлѣбъ вздорожалъ; коммисары и экономы его обманули и поставка остановилась. Цѣлаго имѣнія его не доставало-бы на удовлетвореніе казенныхъ передачъ, естьли-бы Комбурлей не помогъ представленіями и личнымъ 1810 года у министровъ и въ государственномъ совѣтѣ за него ходатайствованіемъ, посредствомъ коего избавленъ Гостинскій отъ всякаго за неустойку по контракту взысканія. Но сей непризнательный и подлый полякъ, вмѣсто благодарности, клеветалъ въ столицѣ на своего благодѣтеля, а на Волынь писалъ къ помѣщикамъ, что Комбурлей есть первый притѣснитель губерніи, что онъ предъ государемъ императоромъ и предъ правительствомъ вообще выставилъ волынскихъ дворянъ за людей подозритевныхъ и опасныхъ и что отъ его величества данный указъ брать въ тюрьму владѣльцевъ, дѣлающихъ наѣзды, исходатайствовалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы имѣть случай и удобность болѣе притѣснять дворянство. Извѣстное всему свѣту здѣшней націи легковѣріе тотчасъ прильнуло къ словамъ Гостинскаго и, какъ электрическая искра, привело въ судорожное движеніе неспокойныя сердца волынскихъ мятежниковъ, которые безъ всякаго разсужденія, изъ крайней степени преданности и наружной къ Комбурлею любви, начали переходить къ сильнымъ ощущеніямъ противу его злобы и могли-бы невинно погубить начальника, когда-бъ Богъ на тотъ разъ не обратилъ всуе начинаній ихъ. Новая французовъ война съ Австріею привлекла въ ту сторону все ихъ вниманіе и естьли-бы

дѣятельность и прозорливость Комбурлея не положила неистовому ихъ изступленію преграду, то большая половина губерніи старой и молодой шляхты кинулась-бы ордою на ратоборство. Конфискація имущества и нарочно-учрежденные коммисіи для розысканія объ отсутствующихъ отняли у многихъ честь побѣды надъ австрійцами подъ Краковымъ; однако-жъ по возвращеніи въ край всякого изъ нихъ оставили мужество, а страхъ потерять имѣніе такъ былъ великъ, что ни совѣсть, ни стыдъ не могли удержать бродягъ отъ ложной присяги, будто никогда не были за границею. Скрежетали отъ злости зубами волынскіе патріоты, что не весь цвѣтъ своего юношества предали въ когти жаждавшаго нашей крови Корсиканца и мысленно обвиняли въ томъ Комбурлея, губернское начальство и мѣстные полиціи, а потому и обратили сугубо жестокую свою вражду то на того, то на другаго изъ русскихъ чиновниковъ; но коварство и на сей разъ не успѣло затмить славу, пріобрѣтенную достоинствами; на противу того примирило Комбурлея съ знатнѣйшими изъ его непріятелей. Особливо въ 1811-мъ году, когда Ворцель и Иллинскій сенаторы, напавъ на Чацкаго, старались предъ государемъ очернить честь сего заслуженнаго въ ученомъ свѣтѣ мужа, то Комбурлей, предсѣдательствуя въ слѣдственной коммисіи, обнаружилъ невинность Чацкаго, и предъ публикою, съ нетерпѣніемъ ожидавшею его приговора, показалъ, что низкія души клеветниковъ никогда не могутъ помрачить славы высокихъ дарованій. Чацкій, друзья его и гимназія были благодарными, но посрамленные доносители сокрыли жало злобы своей въ утробу, ожидая удобнаго времени укусить самаго Комбурлея. Въ 1811 году выбранъ губернаторскимъ маршаломъ помѣщикъ Ганскій, человѣкъ спокойный и не самолюбивый; товарищи его, уѣздные предводители, тоже были люди нестяжательные пустой славы патріотовъ. Враги Комбурлея умолкли и начальники раздоровъ не могли и не смѣли явно покровительствовать партій. Между тѣмъ война съ турками, прибытіе на Волынь съ многочисленною свитою князя Багратіона, вступленіе въ губернію войскъ, приготовленія къ сильной брани съ французами, умноженіе податей и большой рекрутской наборъ заняли мысли

дворянъ. Но звукъ непріятельскаго оружія, приближавшагося къ границамъ Имперіи, громко отдавался въ сердцахъ патріотовъ волынскихъ. Они, бывъ готовы противу насъ дѣйствовать, переводили имѣнія свои въ руки родственниковъ, или закладывали ихъ для полученія денегъ; Комбурлей зналъ о томъ и не молчалъ предъ правительствомъ.

Теперь коснусь 1812, кроваваго и для Россіи славнѣйшаго, а для всѣхъ народовъ достопримѣчательнаго года. Въ какомъ состояніи была тогда волынская губернія и въ какомъ положеніи губернское и мѣстное ея начальство, вы узнаете, милостивая государыня, изъ нижеслѣдующихъ словъ одного, разговаривавшаго со мною въ Житомирѣ, не молодыхъ лѣтъ и довольно знающаго исторію прошедшей войны, русскаго чиновника, который повѣствовалъ мнѣ такъ: „Еще въ генварѣ мѣсяцѣ онаго года, схвачено полиціями нѣсколько шпіоновъ, присланныхъ сюда изъ Варшавы, потомъ обнаружилась непозволенная съ здѣшними переписка, наконецъ и самое нѣкоторыхъ участіе въ преднамѣреваемомъ злоумышленіи. Лишь только армія Багратіона двинулась въ Литву на встрѣчу непріятелю, то изъ волынскихъ мятежниковъ, яко уже опытныхъ измѣнниковъ и клятвопреступниковъ, одни тотчасъ бѣжали подъ знамена враговъ нашихъ, а другіе сперва старались вооружить противу насъ крестьянъ и посредствомъ ксендзовъ мѣлкую шляхту, потомъ чрезъ отдатчиковъ уговаривали рекрутъ бѣжать изъ командъ на прежнее жительство, съ обѣщаніемъ денежнаго награжденія и покровительства, напослѣдокъ чрезъ приставовъ возбуждали погонщиковъ, съ транспортами для армій шедшихъ, чтобъ медлили въ пути или доставляли припасы непріятелямъ. Отъ таковыхъ безбожныхъ убѣжденій платежъ податей совершенно почти пресѣкся, прихожане въ иныхъ мѣстахъ оставляли и церкви православныя и священниковъ своихъ. Рекруты бѣжали сотнями изъ Житоміра и Кіева, а погонщики съ транспортами отдавались въ руки непріятелей. Между тѣмъ сильные и слабые, богатые и малопомѣстные, должностные и безчиновные дворяне и мелкая шляхта, старые и молодые, всѣ гордымъ окомъ и несытымъ сердцемъ смотрѣли на насъ русскихъ,

какъ на рабовъ своихъ; а въ занятыхъ непріятелями повѣтахъ жестокосерднѣйшіе изъ волынянъ поставили эшафотъ и висѣлицы и естьли-бы не австрійцы, то тирански пролита-бъ была кровь русскихъ помѣщиковъ и священниковъ: въ губернскомъ городѣ противъ генералъ-губернаторскаго дому, на большомъ щитѣ, въ вензелевомъ государя имяни и на тріумфальныхъ воротахъ полиція всякое утро должна была смывать обидные для чести и славы русскихъ польскія надписи. На россійскихъ судилищахъ и публичныхъ строеніяхъ сдирали приклеиваемые поносительныя цыдулки, а на площадяхъ собирали подкидываемые пасквили. Въ письмахъ и въ разговорахъ о начальникѣ губерніи и губернскихъ чиновникахъ отзывались самымъ презрительнымъ образомъ, почитая всѣхъ насъ обреченными въ жертву польской лютости. Среди пучины, клокочущей на насъ злобою и мщеніемъ, Комбурлей, а съ нимъ чиновники русскіе, дни и ночи препровождали безъ пищи, безъ сна въ непрестанныхъ трудахъ и въ ежеминутномъ ожиданіи измѣны. По указанію военныхъ начальниковъ четырехъ изъ волынскихъ помѣщиковъ, яко то: Графиню Ропищевскую, Валескаго, Пражмовскаго, Выжгу, да нѣсколько изъ шляхты — не такъ значительныхъ, взято и отправлено во внутренность Россіи, Комбурлей оказывалъ посылаемымъ всевозможныя ласки и благодѣянія: Ропищевскую въ деревняхъ жены своей въ слободской-украинской губерніи велѣлъ угощать, какъ знатную госпожу; она по слабости здоровья прожила тамъ двѣ недѣли, угощаема самымъ лутчимъ образомъ, а потомъ снабдѣна всѣмъ нужнымъ и унапутствованная отправилась на мѣсто своего предназначенія покойна и довольна. Но враги Комбурлея въ послѣдствіи времени, украшая лжесвидѣтельствомъ клевету свою, вымышляли, что онъ самоправно Ропищевскую и другихъ дворянъ посылалъ въ заточеніе подъ ничтожными предлогами сообщенія ихъ съ заграничными мятежниками, чѣмъ-де обидѣлъ цѣлое дворянское сословіе вѣрныхъ и приверженныхъ яко-бы къ высочайшему трону волынянъ!.. Богу и цѣлому свѣту извѣстны расположенія ихъ къ нашему правительству. Какъ-же могъ начальникъ умолчать объ нихъ? Правда, волыняне давали для арміи водку и воловъ, дѣлали также

и денежныя пожертвованія; но всѣ сіи дары въ совокупности непревосходили двухъ сотъ тысячь рублей ассигнаціями, за то милліоны рублей въ золотѣ и серебрѣ, вмѣстѣ съ душами и сердцами ихъ, высылались тайно за границу и летѣли на помощь къ тѣмъ ихъ братьямъ, которыхъ святотатственныя руки раскапывали для добычи гробы царей и предковъ нашихъ, убивали предъ олтарями священниковъ, влекли невинныхъ дѣвъ и женъ на поруганіе, обнажали отъ украшеній святыя иконы и Божіихъ угодниковъ, превращали въ пепелъ храмы и съ варварскимъ остервененіемъ рубили для забавы своей головы мирныхъ гражданъ. Не жалѣли на это дать мятежники наши послѣднюю рубашку, послѣдній грошъ и послѣдній кусокъ хлѣба. Они имѣли и съ Вильною и съ Варшавою безпрестанную корреспонденцію, обо всемъ, что у насъ дѣлалось, ежедневно давали знать непріятелямъ. Таково было внутреннее состояніе губерніи, когда съ запада вошелъ въ пять повѣтовъ съ австрійцами, венгерцами и поляками Шварценбергъ, съ сѣвера угрожалъ съ корпусомъ своимъ Домбровскій и саксонцы, а на югѣ, въ сосѣдственной подольской губерніи, свирѣпствовала моровая язва. Въ сіе критическое для нашей губерніи и отечества время кто не отдастъ Комбурлею справедливости за спасеніе здѣшней провинціи? Но онъ спасъ и оставленные близь границы лазареты военные, въ коихъ лежало болѣе семи тысячь больныхъ, спасъ и вагенбурги цѣлой багратіоновой арміи, брошенные по разнымъ повѣтамъ, спасъ и всю казенную принадлежность, раскиданную по губерніи. А когда двѣ арміи, сперва Тормасова, потомъ Чичагова, входили и выходили отселѣ, то кто далъ имъ пищу и продовольствіе, кто транспортировалъ ихъ тяжести, собиралъ для нихъ реквизиціи облегчалъ во всѣхъ трудностяхъ и пособствовалъ къ быстротѣ ихъ направленія, какъ не Комбурлей, дѣйствовавшій и лично, и съ помощью губернскихъ чиновниковъ, при неусыпности мѣстной полиціи, да еще въ такую пору, когда подъ его-же начальствомъ и главнымъ руководствомъ рекрутскіе наборы, одинъ по другомъ, шли съ самымъ поспѣшнѣйшимъ выполненіемъ и собиралось въ губерніи болѣе семи тысячь лошадей. Осталось ли сколько нибудь времени ему,

или градскимъ и земскимъ полиціямъ подумать, что происходитъ по торговлѣ и посмотрѣть за пропускомъ чрезъ границу контрабанды? Но, великій Боже! ябеда и клевета всю свою желчь пролила на то, дабы съ сей стороны замарать честь Комбурлея". При сихъ словахъ у чиновника, со мною разговаривавшаго, показались на глазахъ слезы и бесѣда наша пресѣклась; но я слышалъ отъ другихъ, что какъ у насъ въ Россіи учредилось патріотическое общество дамъ для человѣколюбиваго призрѣнія пострадавшихъ отъ войны, такъ на Волыни и въ другихъ мѣстахъ дамы патріотки завели между собою тайную связь, въ томъ намѣреніи, чтобъ молодыхъ людей убѣждать ко вступленію противу насъ въ непріятельскую службу, давая бѣднымъ изъ нихъ всю аммуницію и на дорогу деньги, а богатыхъ соблазняя приманками любви и роскоши. Неповинующіеся внушеніямъ сихъ прелестныхъ сиренъ были въ крайнемъ презрѣніи у женскаго пола; не смѣли нигдѣ показаться въ собраніяхъ и почитались за трусовъ и измѣнниковъ. Такъ-то любятъ въ польскихъ провинціяхъ русскихъ!...

Не ожидали волыняне, чтобъ взятіе Наполеономъ Москвы сопровождалось столь пагубными для нашихъ враговъ послѣдствіями, и потому не хотѣли вѣрить реляціямъ побѣдоносныхъ армій нашихъ; но когда бѣглецы изъ ихъ собратій, то съ отрубленными носами, то съ отмороженными ушами, безъ ногъ и безъ рукъ, начали появляться въ губернію и возвѣстили о плачевной участи арміи своей подъ командою Понятовскаго, то нѣкоторые изъ здѣшнихъ клятвопреступниковъ съ досады тотчасъ лопнули, другіе перенесли жестокую горячку, а дамы патріотки отъ спазмовъ и конвульсій впали въ неизлѣчимую болѣзнь, отъ ихъ домашнихъ докторовъ французскимъ бредомъ названную. По занятіи русскими героями варшавскаго герцогства, на Волыни изъ деревни въ деревню летали отчаянные ѣздоки; тутъ-то было надо видѣть поляка во всей его формѣ. Сколько въ счастіи гордъ, высокомѣренъ и неприступенъ, столько въ несчастіи низокъ, подлъ и льстивъ. Ни богатство, ни знатной чинъ, ни ленты на плечахъ, ни звѣзды на грудяхъ, не могутъ замѣнить круженья головы и пустоты сердца. Есть ли ему сегодня благопріятствуетъ судьба, онъ встрѣчаясь съ

генералъ губернаторомъ на улицѣ, въ порывахъ надменности своей, не примѣчаетъ его и не кланяется. Чрезъ недѣлю пріѣзжаетъ къ нему въ деревню засѣдатель и требуетъ недоимки: помѣщикъ пяти деревень, въ орденѣ Станислава, кланяется засѣдателю въ поясъ, хватаетъ его за колѣна, обнимаетъ, цалуетъ въ полу, для чево же? чтобъ избавиться отъ платежа штрафныхъ десяти и пятнадцати рублей ассигнаціями. Мы видѣли своими глазами (сказывали мнѣ въ Житомірѣ) коронныхъ кухмистровъ, литовскихъ подчашихъ, королевскихъ шамбеляновъ, трибунальскихъ президентовъ, старостъ и маршалковъ, кои, имѣя дѣло въ главномъ судѣ, не хотѣли отъ спѣси и высокомѣрія удостоить Комбурлея хотя послѣ обѣденнымъ визитомъ, за то у секретаря главнаго суда Рожанскаго въ какой нибудь корчмѣ цѣлое утро хлопотали, какъ-бы не пятьдесятъ, а только двадцать червонцевъ заплатить ему за декретъ. Зачѣмъ далеко ходить за примѣрами? Сенаторъ Иллинскій, сенаторъ Стройновскій и покойный Ворцель, какъ скоро бывало какое нибудь ихъ дѣло поступитъ въ правленіе, главный судъ или палату, то, оставивъ все въ Петербургѣ, бѣгутъ сюда; для чего? чтобы раза по два и по три въ день побывать съ просьбою у секретарей, разцѣловать въ плечи совѣтниковъ, стиснуть за руку одного и другаго столоначальника, угостить пятью или шестью обѣдами судей и, выигравъ несправедливый процессъ, послѣ того въ заблужденіи высокомѣрія своего не удостоить никого изъ прежнихъ даже ласковымъ словомъ, а губернатору и презусамъ насуливъ тысячи пустыхъ обѣщаній и ходатайствъ, убраться поскорѣе въ столицу, чтобъ дѣлать вновь несправедливости. Вотъ характеръ отъ мала до велика всѣхъ здѣшнихъ стыдопродавцевъ.

Мятежники волынскіе не знали расположеній нашего правительства и потому, снявъ съ себя кожу тигрову, надѣли агнчью и съ трепетомъ взирали на мечь правосудія, висѣвшій надъ главою измѣнниковъ. Всемилостивѣйшій манифестъ, въ декабрѣ 1812 г. въ Волыни состоявшійся, оживотворилъ сердца ихъ смертельнымъ ужасомъ пораженные. Но пока въ 1813 году продолжались большіе рекрутскіе наборы, поставка и перевозка за границу провіанта,

переходы многочисленныхъ ратныхъ ополченій и конныхъ ремонтовъ, они молчали; однакожъ всѣ случаи, по военнымъ тогдашнимъ обстоятельствамъ тягостные, тайно между собою относили на счетъ чиновниковъ. Еще никому не было извѣстно, чѣмъ кончится судьба Европы и что послѣдуетъ съ варшавскимъ герцогствомъ. Со времени лейпцигской битвы надежда на Наполеона совершенно оставила мятежниковъ, а смерть князя Понятовскаго уничтожила всѣ ихъ воздушные замки. Должно отдать справедливость усерднымъ чувствованіямъ горести о погибели сего безвременно увядшаго непріятельскаго героя, единоземца ихъ; нетолько друзья, но всѣ мущины и женщины, даже дѣти, по внушенію родителей, плакали при отправленіи погребальныхъ обрядовъ. Перстень съ надписью его имени сдѣлался талисманомъ у поляковъ, а для рускаго новымъ поводомъ къ заключенію: „dopoki swiat stoi swiatem, polak rusinowi nie bedzie bratem, то есть: до скончанія вѣка не будетъ полякъ русскому братомъ.

Прошелъ достославный 1813 годъ. Поляки не были увѣрены, чтобъ за многократные вѣроломства свои, за наглости, за свирѣпыя оскорбленія россіянъ, за убійства, пожары и святотатства, произведенныя ими въ нашемъ отечествѣ, вмѣсто карающей могли цѣловать милующую руку. Волынскіе патріоты, или такъ сказать противуборцы наши, потомки ляха, также недоумѣвали, что воспослѣдуетъ съ ними и потому скрыли жала свои въ утробу. Но лишь только упалъ на нихъ лучь высокомонаршихъ милостей и согрѣлъ ехидну запазушныхъ, они тотчасъ зашипѣли и расползлись по цѣлой губерніи, Высочайшій указъ, повсемѣстно разосланный ко всѣмъ губернаторамъ, о ежегодномъ доставленіи свѣденій, во что обошлась дворянству каждая земская повинность, отверзъ онымъ шипящимъ на Волыни гадинамъ тѣсныя норы въ сердца самыхъ спокойныхъ дворянъ—стали толковать его въ худую для губернаторовъ сторону, провозвѣстили, что государево повелѣніе было слѣдствіемъ жалобы кіевскаго губернскаго маршала Потоцкаго, лично великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, на губернское начальство отъ него принесенной. Распустили слухи, что каждому помѣщику возвратятся изъ казны всѣ тѣ издержки, кои

на исправленіе повинностей употреблены, лишь-бы только претензіи ихъ были о вымогательствахъ и относились къ губернскому или мѣстному начальству. Такимъ образомъ нечувствительно сѣяли раздоръ въ собраніяхъ дворянства и вдали острили оружіе злобной клеветы. Сіи люди, коихъ двадцать лѣтъ вражда держала прикованными къ своей колесницѣ, рядовались, что представилась удобность сдѣлать зло нетерпимымъ отъ нихъ русскимъ чиновникамъ, и потому, бѣгая изъ города въ городъ, кричали вслухъ помѣщикамъ: „теперь то случай показать намъ, какъ обдираетъ насъ русское правительство: не упускайте времени!" Однакожъ благомыслящіе помѣщики гнушались подлыми наущеніями и только одни недоброжелательствующіе Комбурлею: Иллинскій, Ворцель, Стройновскій, Гостинскій, Павша, Букаръ, съ нѣкоторыми малопомѣстными владѣльцами, отъ нихъ зависящими, или имъ преданными, подали въ маршаламъ регистры о противу законныхъ издержкахъ такихъ, которые или отдатчики рекрутъ, или поставщики въ казну лошадей, или бывшіе при подводахъ съ провіантомъ приставы, всѣ, но вообще ихъ служители показали въ своихъ отчетахъ. Замѣчательно, что изъ двухъ тысячь или болѣе по цѣлой губерніи объявленій не было и пятидесяти, заключающихъ клевету или доносы; замѣчательно и то, что ни одинъ изъ князей Сангушковъ, Любомирскихъ, Яблоновскихъ, Четвертинскихъ и ни одинъ изъ богатыхъ и знатныхъ помѣщиковъ, каковы: Браницкій, Ржевуцкій, Чацкій, Холоневскій, Ганскій, Олизаръ и Корженевскій съ прочими, не слѣдовали примѣру нашихъ сенаторовъ поляковъ, присвоившихъ себѣ графское достоинство, а не слѣдовали потому, что мерзили и мерзятъ зачинщиками раздоровъ; за то въ счетахъ Иллинскаго, Стройновскаго, Ворцеля или Гостинскаго сыщете даже то написаннымъ, что „дано цирюльнику за обритіе 10 рекрутъ десять копѣекъ, дано солдату 5 копѣекъ, дано фактору за приводъ лошадей къ пріему полтину" и прочее. Коль скоро извѣстно стало начальнику губерніи о показаніи противу законныхъ расходовъ, касающихся частію до рекрутскаго присудствія, а частію до чиновниковъ генералъ-адъютанта графа Комаровскаго, бывшаго у пріема лошадей главнымъ начальникомъ,

то Комбурлей требовалъ назначить строжайшую коммисію къ открытію истины и къ показанію, точно-ли происходили описанныя въ счотахъ злоупотребленія, или же они нарочно владѣльцами, либо ихъ отдатчиками выдуманы. Требовали чрезъ губернскаго предводителя депутата отъ дворянства; но когда оказалось, что повѣтовые маршалы основали выписки о издержкахъ на показаніяхъ помѣщиковъ, а сіи на вѣдомостяхъ управителей своихъ, а управители на счетахъ отдатчиковъ, а отдатчики на собственномъ произволеніи, не имѣя ни письменныхъ доказательствъ, ни свидѣтелей своимъ расходамъ, а когда съ другой стороны, по увѣренію самихъ уѣздныхъ предводителей, открылось, что почти всѣ вообще дворяне подали объявленія свои о расходахъ не съ тѣми мыслями, чтобъ сдѣлаться противу кого доносщиками, не имѣя доказательствъ, но въ одномъ только томъ намѣреніи, чтобъ исполнить требованіе начальства, не растолковавшаго впрочемъ, какими правилами должно было имъ при дачѣ объявленій руководствоваться, то коммисія осталась безъ дѣйствія, а вѣдомость представлена государю императору согласно желанію дворянства. Враги Комбурлея скрежетали зубами на Ганскаго и на повѣтовыхъ маршаловъ, для чего они исхитили изъ челюстей ихъ столь богатую добычу, и съ тѣхъ поръ положили въ сердцѣ своемъ безбожное, безсовѣстное и варварское намѣреніе—погубить, во чтобы ни стало, и начальника губерніи и подчиненныхъ ему русскихъ чиновниковъ. Уже наступилъ 1814-й годъ, славный завоеваніемъ Франціи и уничтоженіемъ Наполеона. Уже отъ сего любимца фортуны, низверженнаго съ престола и въ заточеніе сосланнаго, ни надвисленскіе легіоны, ни варшавскіе и виленскіе гвардіи, ни измѣнники здѣшнихъ провинцій, не могли ожидать корысти грабежами и разбоями пріобрѣтенной, а потому и должны были покориться необходимости, то-есть обратясь къ сильнѣйшему изъ сильныхъ, пасть къ стопамъ Александра Благословеннаго. Восемьсотълѣтніе враги Россіи преклоняютъ колѣна свои и съ благоговѣніемъ повергаются въ ея объятія. Величественное и вмѣстѣ умилительное зрѣлище! Но послы скиѳскіе говорили Александру Македонскому тако: „между владыкою и рабомъ нѣтъ никакой дружбы; побѣжденные не могутъ

чувствовать пріязни къ побѣдителямъ; народъ порабощенный не считаетъ за грѣхъ бунтовать и во время мира". Дай Боже намъ не испытывать истины таковыхъ словъ и не пережить подобнаго несчастія!

Едва пронесся слухъ, что воскреснетъ царство польское, какъ наши волынскіе мятежники, въ мечтаніяхъ о возстановленіи прежней республики, возжаждали присоединиться къ ней. Имъ уже грезилось, что Днѣпръ и Двина будутъ отъ Россіи польскими границами и хотя никакихъ слѣдовъ не зрѣли ко внезапному общихъ своихъ желаній выполненію, однакожъ не скрывали горячей готовности присвоить себѣ всю Малороссію. Тѣшились, какъ дѣти, забавными мыслями, говоря: „отъ Балтійскаго до Чернаго и Азовскаго морей все будетъ наше", и въ памятозлобіи своемъ хвастались: сей тѣмъ, что получилъ обратно конфискованное у клятвопреступныхъ его родственниковъ имѣніе, тотъ, что всегдашнюю къ россіянамъ ненависть его, по внушенію которой не хотѣлъ никогда и не платилъ иначе въ казну нашу податей, какъ по экзекуціи, новое польское правительство вознаградитъ пожалованіемъ ему какого нибудь староства, иной—что, получивъ начальственную власть въ Кіевѣ и Черниговѣ, будетъ располагать собственностію прежнихъ великихъ князей и царей нашихъ, а другой, что украинскіе вельможи, славящіеся даже въ чужихъ государствахъ своею силою и могуществомъ, тогда въ своей землѣ принуждены будутъ преклониться предъ гордыми польскими панами. Слыша таковые расказы, смѣялись заносчивости рабовъ Гедимина и слугъ Казимира; не менѣе того для всякаго русскаго обидно подобное сквернословіе, выходящее изъ устъ такихъ людей, кои гордо хвалятся на пирахъ, а отъ одной козацкой плети малодушно бѣгаютъ до лясу,—до стараго замку.

Парижъ отворилъ врата побѣдителямъ, остатки польскихъ войскъ получили повелѣніе итти въ Варшаву, гдѣ нашего генерала, князя Лобанова-Ростовскаго, пасквилювали различными способами. Дѣйствующіе противу насъ патріоты имѣли съ варшавскими безпрестанную переписку и наконецъ выдумали планъ, ежели волынская и прочія губерніи не могутъ быть присоединены

къ царству польскому, то сдѣлать такъ, чтобы ни одинъ русской чиновникъ на всемъ пространствѣ бывшихъ польскихъ провинцій не остался при своемъ мѣстѣ. Труднѣе всего казалось свергнуть Комбурлея, который по заслугамъ и по долговременной службѣ долѣе прочихъ губернаторовъ пользовался высочайшею довѣренностію и по личнымъ достоинствамъ, также богатству и знатности, имѣлъ первѣйшихъ вельможъ своими покровителями. Для того положили совокупно и всѣми силами кинуться на Комбурлея. Еще семь лѣтъ прежде того обѣщана волынянамъ къ удаленію его помощь отъ одного изъ могущественнѣйшихъ польскаго князя, занимавшаго въ имперіи нашей первостепенное мѣсто; но тогда не смѣли, а въ 1814-мъ году оживотворенные высочайшими манифестами, предавшими вѣчному забвенію постыдныя дѣла неблагодарнѣйшихъ измѣнниковъ, приступили къ произведенію волынской революціи, которая кончилась тѣмъ, что выписали сюда сенатора Иллинскаго, не по уму и благотвореніямъ, но по интригамъ, по зависти къ Комбурлею и по надутой мишурнымъ графствомъ спѣси извѣстнаго. На контрактахъ въ Кіевѣ дѣйствовали коварствомъ, а на выборахъ въ Житомірѣ отличались обманами и всякими пропырствами. Истощили всѣ усилія, чтобъ партія недовольныхъ имѣла свой перевѣсъ. Не оставили при должностяхъ ни одного изъ тѣхъ прежнихъ маршаловъ, которые въ смутное для губерніи время руководствовались духомъ кротости— въ бесѣдахъ домашнихъ и во время пиршествъ, одобряли такихъ, коихъ личныя претензіи къ начальнику губерніи были извѣстны. Чѣмъ кто смѣлѣе и велерѣчивѣе, тѣмъ болѣе возбуждалъ къ себѣ уваженія. На мѣсто Ганскаго выбрали губернскимъ маршаломъ Гижицкаго, разбившаго стакономъ лобъ губернатору Глазенапу—первый знакъ революціи. Потомъ Иллинскій, шуринъ его, началъ предъ всѣми жаловаться, что ему отъ земскаго исправника Царенка житія нѣтъ, что не даетъ отдыху за казенную недоимку, что безпрестанно посылаются совѣтники къ осмотру его фабрики и рапортуютъ о неисправности, что не взирая на сенаторское достоинство, поставили экзекуцію въ романовскомъ замкѣ и смѣли не послушать графа въ то время, когда онъ одного изъ своихъ актеровъ, окованнаго

цѣпями, прислалъ въ нижній земскій судъ и велѣлъ судить за то, что соблазнилъ якобы дѣвку (фаворитку мадамъ Кракъ, его любовницы), жаловался и на Комбурлея, за чѣмъ онъ смѣялся, что Аману французу, директору суконной фабрики, пожаловалъ онъ портретъ свой, при письмѣ, начинающемся сими словами „мы Августъ графъ на Романовѣ Иллинскій, князь отсрожскаго княжества“ и прочее, и еще за чѣмъ критиковалъ его, что называетъ себя сенаторомъ четвертой части имперіи, и что въ несчастномъ и долгами казенными и партикулярными обремененномъ имѣніи своемъ учредилъ бумажныя деньги для крестьянъ и графскую регенцію для вѣчнаго неплатежа долговъ своихъ кредиторамъ,—вычислялъ предъ дворянствомъ заслуги свои, что умѣлъ императора Павла увѣрять, будто городъ Житоміръ есть его собственность, а послѣ, подъ предлогомъ пожертвованія имъ въ казну, получилъ за Житоміръ улановское староство, въ коемъ до двухъ тысячь душъ; однако-же не награжденъ отъ дворянства за тѣ свои издержки, кои будто понесъ, выпрашивая для поляковъ прежнія права ихъ и выпускъ клятвопреступниковъ изъ Сибири. Гижицкій, не имѣя подобныхъ Иллинскому заслугъ, кромѣ полученной въ австерлицкомъ сраженіи раны, съ которою отъ самаго мѣста битвы, не оглядываясь, скакалъ до деревни своей Молочекъ и тамъ остался брошеннымъ и заржавѣлымъ генераломъ, выбранъ атаманомъ дѣйствовавшей противу Комбурлея шайки, въ той надеждѣ, что будучи запальчивъ, опрометчивъ, нахаленъ, драчунъ, завистникъ и со всѣми женскими капризами, могъ болѣе другихъ споспѣшествовать адскимъ замысламъ оной шайки. Маршалами въ повѣтахъ сдѣлались тѣ, кои къ Комбурлею или Хрущеву имѣли свои личные неудовольствія; дѣйствовали притомъ и фамильныя связи, но пуще всѣхъ возставали на губернское начальство тѣ, кои 1812 года были вывезены отсель во внутренность Россіи, или у которыхъ за измѣну состояли въ секвестрѣ имѣнія, а Гостинскій, Валескій, Букарь, Павша, Домбровскій, Телѣжинскій и прочіе явные враги Комбурлея, въ теченіе выборовъ ничѣмъ болѣе не занимались, какъ поджиганіемъ дворянства, къ жалобамъ на губернское и мѣстное начальство. Иначе быть не могло! особливо въ такой, какъ волынская, польской провинціи, гдѣ во многихъ домахъ, подобно прилипчивой заразѣ, никогда не выводится страсть

въ участію въ конфедераціяхъ, мятежахъ и насильствахъ; а всѣ поимянованные выше родоначальники суть изъ числа тѣхъ опустѣлыхъ фамилій, къ коимъ весьма кстати можно приложить русскую пословицу: „голый разбоя не боится". Князья и лутчіе изъ помѣщиковъ, не знающіе интригъ политическихъ, не ходили на совѣтъ нечестивыхъ, а только старались о томъ, чтобъ подкоморыхъ и судей выбрать изъ дѣтей бывшихъ своихъ коммисаровъ или пленипотентовъ, а подсудковъ, писарей и засѣдателей изъ шляхты, служившей у нихъ камердинерами, конюшими и ключниками, и имѣть ихъ на тотъ конецъ, чтобъ или отнять у кого деревню, или свое имѣніе такъ отдать подъ разборъ кредиторамъ, дабы за рубль пришлось имъ по десяти копѣекъ. Двѣ недѣли продолжались выборы и двѣ недѣли ѣли и пили у генералъ губернатора. Ни одна душа не жаловалась на градскую и земскую полицію и разъѣхались совершенно по наружности довольными губернскимъ начальствомъ. Только Иллинскій и Гижицкій разстались злобными врагами Комбурлея, будучи-жъ главою крамольной партіи тотчасъ по выборахъ посланали въ Петербургъ, представляя собою лице депутаціи отъ волынской губерніи уполномоченной, принести побѣдоносному государю императору всеподданнѣйшее поздравленіе о благополучномъ возвращеніи его величества въ столицу. Естьли бы Комбурлей исполнилъ въ то время предположеніе свое въ разсужденіи поѣздки въ Петербургъ, позволенной ему комитетомъ министровъ, и удостоясь представленія государю, лично доложилъ бы его величеству о бывшемъ и настоящемъ состояніи ввѣренной ему губерніи, тобъ и самъ безвинно не страдалъ и его подчиненные не имѣли-бы причины оплакивать тѣхъ незаслуженныхъ бѣдствій, которыя вмѣстѣ съ нимъ и ихъ постигли. Симъ разсужденіемъ оканчиваю первое мое къ вамъ письмо, показавъ отдаленные и ближайшіе начала волынской революціи, но въ будущихъ постараюсь донести вамъ подробно, что я слышалъ, видѣлъ и узналъ документально о продолженіи безначальственныхъ сценъ на Волыни, о свирѣпости враговъ Комбурлеевыхъ, о гоненіи русскихъ чиновниковъ и о сенаторѣ Сиверсѣ, съ пространнымъ описаніемъ дѣйствій махіавелизма, употребленнаго при обревизованіи волынской губерніи. (Съ подлиннымъ вѣрно).

(Продолженіе будетъ),

Записки Карла Хоецкаго.

(1768—1776 г.).

Записки польскаго дворянина Карла Хоецкаго о Россіи обнимаютъ время съ 1768 по 1776 годъ; онѣ изданы были въ Варшавѣ въ 1789 году въ частной (wolnej) типографіи въ маленькомъ томикѣ (въ 165 +VIII страницъ), въ восьмую долю листа малаго формата. Изданіе это, составляющее въ настоящее время библіографическую рѣдкость, неизвѣстно понынѣ въ русской исторической литературѣ, да и въ польской, кажется, оно было мало замѣчено; по крайней мѣрѣ въ сочиненіяхъ, относящихся къ исторіи Барской конфедераціи, мы не встрѣчали ссылокъ на это сочиненіе.

Между тѣмъ записки Хоецкаго, обнимающія его воспоминанія о восьмилѣтнемъ пребываніи въ плѣну въ Россіи, заключаютъ многочисленныя данныя, относящіяся къ этнографіи, географіи, къ областному и военному управленію страны во второй половинѣ XVIII столѣтія и не лишены историческаго интереса. Вотъ данныя о біографіи автора записокъ, которыя можно извлечь изъ ихъ текста: Карлъ Хоецкій принадлежалъ къ числу дворянъ краковскаго воеводства; онъ принималъ участіе въ барской конфедераціи, находился въ томъ отрядѣ конфедератскаго войска, который осажденъ былъ русскими войсками въ Краковѣ и, послѣ сдачи этого города, попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ другими своими соучастниками. Въ качествѣ плѣнника Хоецкій препровожденъ былъ изъ Кракова черезъ воеводства белзское и волынское въ Кіевъ, откуда, послѣ довольно продолжительной остановки, отправился въ дальнѣйшій путь черезъ Глуховъ, Тулу, Муромъ, Нижній-Новгородъ — въ Казань. Здѣсь опять онъ остановился болѣе, чѣмъ на полъ-года и затѣмъ былъ отправленъ въ Сибирь, въ г. Тару. Вскорѣ потомъ Хоецкій, вмѣстѣ съ другими конфедератами, былъ вызванъ въ Омскъ, зачисленъ солдатомъ въ сибирскій отдѣльный корпусъ и сталъ принимать участіе въ военныхъ походахъ этого корпуса. Въ 1771 году часть сибирскаго корпуса

командирована была въ погоню за калмыками, рѣшившимися переселиться въ предѣлы китайской имперіи; преслѣдуя калмыковъ, полкъ, въ который зачисленъ былъ Хоецкій, прошелъ Киргизскія степи, Бухару, Ташкентъ и Хиву до границъ Китая. Затѣмъ Хоецкій принималъ участіе въ походахъ русскихъ войскъ противъ Пугачева, участвовалъ во многихъ стычкахъ и слѣдилъ внимательно за ходомъ и подробностями кампаніи. Наконецъ, онъ участвовалъ въ походѣ противъ ногайскихъ татаръ, и во время этого похода, пользуясь относительною близостью къ польскимъ владѣніямъ, рѣшился бѣжать на родину. Онъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе въ то время, когда его полкъ расположился лагеремъ на берегахъ рѣки Калміуса; бѣжавъ въ степь, Хоецкій прошелъ пѣшкомъ весь новороссійскій край, котораго картину и представилъ въ своихъ запискахъ, и, въ исходѣ 1776 года, достигъ Крылова, у котораго тогда начиналась граница Рѣчи Посполитой. О дальнѣйшей судьбѣ Хоецкаго мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, но изъ посвященія его книги Яну Потоцкому, крайчію коронному и депутату на сеймѣ (1788 г.), мы видимъ, что Хоецкій нашелъ покровительство и поддержку со стороны этого вельможи; по крайней мѣрѣ, посвящая ему свои записки и прославляя въ панегирическомъ тонѣ его великодушіе, Хоецкій говоритъ: «благодѣянія ты щедро расточаешь землякамъ своимъ, и я, удостоившись получить долю твоихъ панскихъ милостей, желаю заявить публично мою благодарность».

Записки Хоецкаго изданы имъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Воспоминаніе о дѣяніяхъ поляковъ, о ихъ неудачахъ и странствіи, сочиненіе Карла Любичь-Хоецкаго» [1]). Тексту записокъ предпослано витіеватое и напыщенное посвященіе сочиненія Яну Потоцкому, о которомъ мы выше упомянули, а также изображеніе герба Потоцкаго и, сообразно съ пошибомъ того времени, стихи въ честь этого герба. Затѣмъ слѣдуетъ краткое предисловіе, въ которомъ авторъ передаетъ побужденія, заставившія его писать записки, а также общее содержаніе послѣднихъ. Мы приводимъ это предисловіе цѣликомъ, такъ какъ оно характеризуетъ точку зрѣнія и степень развитія автора. Вотъ его текстъ.

«Доволенъ бываетъ морякъ, когда послѣ нѣсколькихъ лѣтъ мореплаванія, выдержавъ многочисленныя, метавшія имъ бури, онъ наконецъ достигнетъ желанной гавани. Веселъ бываетъ узникъ, когда, послѣ продолжительнаго заточенія, снимутъ съ него оковы и возвратятъ ему свободу. Также доволенъ и я, испытавшій самыя странныя превратности судьбы, бѣдствія и случайности, когда увидѣлъ предѣлъ своего плѣненія,

[1]) Pamięć dzieł polskich, podróż i niepomyślny sukcess polaków przez urodzonego Karola Lubiec Chojeckiego. W Warszawie. 1789 roku. W drukarni wolnej.

продолжавшагося нѣсколько лѣтъ. Я рѣшился описать всѣ свои похожденія, а также изобразить города и области, которые пришлось мнѣ посѣтить, и разсказать всѣ приключенія, случившіяся не только со мною, но и съ моими товарищами. Такъ какъ я проѣхалъ до самой границы Европы и усланъ былъ въ Азію, болѣе чѣмъ за 500 миль отъ родины, то я рѣшаюсь описать и тѣ невѣдомые народы, которые мнѣ случилось встрѣтить на пути или среди которыхъ я проживалъ нѣкоторое время; я помѣщаю всѣ свѣдѣнія, какія успѣлъ собрать объ ихъ обычаяхъ, бытѣ, нравахъ и религіи. Мнѣ довелось быть на самой границѣ Китая, откуда оставалось въ Пекинъ, столицу этого государства, не болѣе 300 миль; затѣмъ я проходилъ многія татарскія области, лежащія уже за предѣлами Россіи, какъ-то киргизскую страну, Бухару, Хиву и Ташкентъ; я старался и здѣсь наблюдать нравы, бытъ и образъ правленія. Въ теченіи шести лѣтъ я служилъ въ русскомъ войскѣ, въ которое я былъ зачисленъ, находился въ походѣ противъ бунтовщика Пугачева и принималъ участіе въ нѣсколькихъ битвахъ. Притомъ я постараюсь изобразить судьбу моихъ товарищей и соузниковъ, припомнить количество тѣхъ, которые скончались въ плѣну, указать число бѣжавшихъ въ Китай, къ киргизамъ и въ другія татарскія земли, вспомнить тѣхъ, которые были убиты или ранены въ кампаніи противъ Пугачева и тѣхъ, которые остались навсегда въ военной службѣ въ Россіи, а также тѣхъ, которые присоединились къ православной церкви. Я полагаю, что слѣдуетъ обнародовать описаніе всѣхъ этихъ бѣдствій нашего народа для свѣдѣнія современникамъ и для памяти потомству».

Характеръ изложенія записокъ Хоецкаго весьма простой и безхитростный: Хоецкій передаетъ свои личныя впечатлѣнія по мѣрѣ того, какъ онѣ уцѣлѣли въ его памяти; онъ разсказываетъ все случившееся съ нимъ совершенно спокойно и объективно, не увлекаясь ни раздраженіемъ, ни страстью, сужденія его о случавшихся съ нимъ событіяхъ безпристрастны и никогда не носятъ отпечатка личнаго чувства или озлобленія.

Хоецкій человѣкъ получившій, повидимому, весьма скромное образованіе и не отличавшійся большимъ развитіемъ, но за то онъ обладалъ большою долею наблюдательности и любознательности и не смотря на весьма неудобную для наблюденій обстановку, онъ, даже въ проѣздѣ на пути, успѣваетъ подмѣтить болѣе характеристическія черты быта странъ и народовъ, съ которыми судьба его привела въ столкновеніе. Конечно, наблюденія эти поверхностны; но врядъ-ли можно требовать болѣе подробнаго описанія отъ лица, находившагося въ той обстановкѣ, въ которую поставленъ былъ судьбою Хоецкій во время своего путешествія.

По временамъ въ запискахъ Хоецкаго встрѣчаются географическія ошибки и неточности,—обстоятельство это зависитъ отъ того, что авторъ не имѣлъ возможности дѣлать письменныхъ замѣтокъ и разсказалъ свои воспоминанія по памяти, послѣ возврата на родину; не удивительно потому, что мы встрѣчаемъ ошибки относительно разстояній между видѣнными имъ мѣстностями, относительно послѣдовательнаго географическаго ихъ порядка и т. п. Кромѣ чисто личныхъ воспоминаній Хоецкій сообщаетъ еще и тѣ свѣдѣнія, которыя онъ успѣлъ получить отъ другихъ лицъ. Впрочемъ въ этомъ отношеніи онъ ограничивается только свѣдѣніями или о болѣе важныхъ событіяхъ, случившихся въ Россіи во время его пребыванія, какъ-то: о чумѣ, о пугачевскомъ бунтѣ и т. п., или извѣстіями о своихъ соотечественникахъ, разсѣянныхъ въ различнымъ мѣстностяхъ восточной Россіи и Сибири, которыя онъ собиралъ особенно тщательно и аккуратно.

Все сочиненіе Хоецкаго раздѣлено на 10 главъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ отдѣльное заглавіе. Хотя только въ главахъ 1, 2, 3 и 10 авторъ разсказываетъ, какъ онъ, отправляясь въ ссылку и потомъ убѣгая изъ нея, прослѣдовалъ черезъ южную Русь: Волынь, Кіевъ, черниговскую область и новороссійскій край, но мы считаемъ не безполезнымъ предложить вниманію читателей «Кіевской Старины» всѣ главы сочиненія Хоецкаго, такъ какъ онѣ содержатъ историческія, географическія и этнографическія данныя не безъинтересныя для обрисовки нѣкоторыхъ сторонъ быта и внутренняго состоянія восточной Россіи и Сибири. **В. А.**

ГЛАВА I.

Объ отправкѣ въ плѣнъ польскихъ конфедератовъ изъ Кракова въ Россію.

Въ 1768 году вслѣдствіе различныхъ интригъ возникло смятеніе въ нашей Рѣчи Посполитой, результатомъ котораго, какъ мы впослѣдствіи убѣдились, испытавъ тяжелыя неудачи, было неизбѣжное и достойное вѣчнаго сожалѣнія бѣдствіе нашей страны. Въ это время воеводства краковское и сандомирское, а также земля саноцкая (составлявшая часть воеводства червонорусскаго) составили конфедераціи, по примѣру и образцу барской, направленныя противъ войскъ россійскихъ. Слабыя наши силы, состоявшія притомъ изъ людей совершенно не знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, поднявшіяся для борьбы съ могущественнымъ войскомъ,

искали опоры и защиты въ стѣнахъ города Кракова; но вслѣдствіе этого и самъ городъ испыталъ горькую участь, такъ какъ значительная часть его вмѣстѣ со всѣми предмѣстьями сдѣлалась жертвою пламени, и наше конфедератское войско подверглось не меньшимъ бѣдствіямъ, ибо судьба, благопріятствовавшая россійскому войску, обезпечила его успѣхъ, низвергнувъ многихъ изъ насъ преждевременно въ могилу, другихъ же бросивъ въ продолжительную неволю. Мы выдержали осаду города и приступы къ нему въ теченіи десяти недѣль и, наконецъ, вслѣдствіе дурного устройства нашего войска и господствовавшаго въ немъ безпорядка, а также вслѣдствіе неискренняго поведенія нѣкоторыхъ лицъ, вступившихъ въ сношенія съ непріятелемъ, мы были принуждены сдаться. Мы положили оружіе, выдали всѣ военныя принадлежности и ожидали рѣшенія нашей участи. Предводительствовавшій русскимъ войскомъ генералъ графъ Апраксинъ подалъ намъ надежду, что мы будемъ отпущены на волю, когда подпишемъ отреченіе отъ конфедераціи; мы оставались въ городѣ, окруженные военною стражею, но имѣли право свободно ходить внутри городскихъ стѣнъ.

Послѣ истеченія двухъ недѣль, мы были призваны въ канцелярію краковскаго замка, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы подписать отреченіе; но оказалось, что ворота были отперты только для входа, выходить-же обратно никому не было дозволено. Мы вошли въ канцелярію съ готовностью подписать отреченіе, но не нашли въ ней никакихъ приготовленій для совершенія этого акта. Русскіе офицеры то входили, то уходили, но никто изъ нихъ не предлагалъ намъ писать отреченія; они лишь наблюдали, всѣ-ли мы собрались въ замкѣ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго ожиданія, явился плацъ-маіоръ и приказалъ намъ слѣдовать за нимъ изъ канцеляріи въ замокъ, объявивъ, что тамъ каждый изъ насъ получитъ билетъ для выѣзда изъ города. Мы послѣдовали за комендантомъ смущенные и исполненные сомнѣній. Такъ какъ мы составляли три отдѣльныя конфедераціи: краковскую, сандомирскую и сианоцкую, то насъ распредѣлили на три группы и каждую изъ нихъ препроводили въ отдѣльную комнату. Лишь только мы вошли, неожиданно появилась вооруженная стража; она заняла двери, стала у оконъ и окружила насъ со всѣхъ сторонъ. Мы до того были поражены этимъ распоряженіемъ, что не осмѣлились вступать другъ съ другомъ въ раз-

говоръ, спрашивать о причинѣ или сообщать взаимныхъ впечатлѣній, ибо намъ казалось, что жизни нашей угрожаетъ неминуемая опасность; стража, окружавшая насъ, также не смѣла бесѣдовать съ нами; такимъ образомъ мы пребывали въ молчаніи и страхѣ съ 10 часовъ утра до 5 вечера. Плацъ-маіоръ, препроводившій насъ сюда, исчезъ тотчасъ, оставивъ насъ подъ охраною многочисленнаго караула; онъ возвратился лишь въ 5 часовъ, но уже и настроеніе его и инструкціи были измѣнены: онъ приказалъ намъ быть готовыми въ дорогу къ завтрешнему утру и распорядился, чтобы два человѣка изъ каждой группы отправились въ сопровожденіи сильнаго караула по квартирамъ, дабы собрать все нужное намъ для дороги; онъ прибавилъ притомъ, что, въ случаѣ, если что либо необходимое нужно будетъ пріобщить къ нашему багажу, то слуги наши и солдаты (которые не были призваны въ замокъ вмѣстѣ съ нами) должны доставить эти вещи къ гродскимъ воротамъ, черезъ которыя намъ опредѣлено было выступить на слѣдующее утро. Все случилось, какъ было приказано комендантомъ: наши посланные отправились на квартиры подъ бдительнымъ карауломъ и возвратились назадъ. Между тѣмъ, такъ какъ приближалась ночь, мы-же въ теченіи цѣлаго дня оставались безъ пищи, то въ каждую комнату для насъ принесли по два десятка хлѣбовъ, испеченныхъ изъ отвратительной муки, пополамъ съ мякиною, такъ что, не смотря на голодъ, никто изъ насъ не пожелалъ воспользоваться этимъ хлѣбомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ намъ доставили болѣе 10 кувшиновъ вина, довольно сноснаго, которымъ мы и подкрѣпили свои силы и, подавленные печалью, улеглись спать, какъ были одѣты, на кирпичномъ полу.

Количество плѣнныхъ, взятыхъ при сдачѣ города состояло болѣе чѣмъ изъ 400 человѣкъ пѣхоты, гусаръ и другаго наименованія солдатъ; сверхъ того насъ, шляхтичей и офицеровъ, было 260 человѣкъ, въ томъ числѣ и два конфедератскіе маршала: Чарнецкій—краковскій и Потоцкій, воеводичь волынскій—сандомирскій. Мы съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ ожидали слѣдующаго дня: въ пять часовъ утра вошелъ къ намъ тотъ-же плацъ-маіоръ и приказалъ выступать въ походъ, мы вышли толпою изъ замка и, миновавъ ворота, очутились между двумя шеренгами пѣхоты, на флагахъ которой стояли конные драгуны: сопровождаемые этими войсками, мы отправились въ уныніи къ город-

скимъ воротамъ, по ту сторону которыхъ нашъ конвой смѣненъ былъ новымъ, гораздо болѣе численнымъ, состоявшимъ изъ драгунъ и донскихъ козаковъ; подъ ихъ охраною мы отправились въ путь по отвратительной грязной дорогѣ. Наши паны маршалы ѣхали въ собственныхъ экипажахъ; каждаго изъ нихъ сопровождалъ русскій оффицеръ, не спускавшій съ глазъ плѣнника ни на минуту. Третій маршалъ (саноцкій)—Броницкій, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, успѣлъ бѣжать изъ города послѣ его сдачи.

Въ этотъ день мы прошли пѣшкомъ четыре мили до корчмы прецлавской; хотя повозки были для насъ приготовлены, но онѣ двигались за нами безъ нужды, ибо никому не было дозволено помѣститься на нихъ; вѣроятно до перваго ночлега насъ проводили пѣшкомъ для посрамленія и въ знакъ презрѣнія къ намъ. Достигши ночлега, мы расположились въ огромной конюшнѣ при корчмѣ, гдѣ для насъ была приготовлена въ большомъ количествѣ свѣжая солома; русскіе квартирмейстры позаботились также о нашей пищѣ: разставивъ насъ рядами, они раздали каждому: ложку, хлѣбъ и вареную говядину, такъ что мы могли достаточно утолить голодъ. Переночевавъ въ названной прецлавской корчмѣ, на другой день весьма рано мы поднялись въ дальнѣйшій путь; насъ сразу усадили на приготовленныя повозки, соображаясь съ количествомъ лошадей, запряженныхъ въ каждую, возлѣ повозокъ ѣхали неотступно сопровождавшіе насъ драгуны и донскіе козаки. Наши гусары и другіе солдаты, которыхъ было болѣе 400 человѣкъ, какъ я уже о томъ упомянулъ, были отдѣлены отъ насъ, составили особую партію и препровождались пѣшкомъ также въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя. Проѣхавъ цѣлый день, мы остановились на ночь въ Шкальмирѣ, гдѣ насъ помѣстили болѣе удобно, распредѣливъ въ три дома. Нѣкоторымъ изъ насъ разрѣшили отправиться въ городъ, изъ чего мы заключили, что приближается время облегченія нашей участи. Мы не знали вовсе, куда насъ отправляютъ, и никто не умѣлъ назвать намъ мѣста нашего назначенія; насъ утѣшали ложною надеждою, будто съ одной изъ стоянокъ на пути мы будемъ освобождены, и утѣшенія эти сообщали намъ, пока мы не выѣхали изъ польскихъ предѣловъ. Такимъ образомъ мы двигались день за днемъ, пользуясь постоянно достаточнымъ провіантомъ. Каждое утро, передъ тѣмъ

какъ мы садились на возы, насъ поименно повѣряли по списку; не смотря однако на всѣ предосторожности, каждый день оказывался недочетъ въ два или три человѣка, которые находили возможность ускользнуть, не взирая на весьма тщательные и численные караулы. Впрочемъ это удавалось не всѣмъ: двое плѣнныхъ, намѣреваясь бѣжать, спрятались на одномъ ночлегѣ подъ солому, но убѣжище ихъ было открыто и они понесли тяжелое наказаніе за свою попытку: ихъ раздѣли до нага и долго нещадно били палками, такъ что они едва остались живы

Слѣдуя такимъ образомъ изъ Кракова, мы проѣхали слѣдующіе города: Шкальмиръ, Иваниска, Сташевъ, Новое Мѣсто, Опатовъ, Завихостъ, Закликовъ, Розвадовъ, Яновъ, Франкополь, Щебрешинъ, Замость, Варенжъ, Сокаль, Берестечко, Кременецъ и Заславъ, въ которомъ намъ разрѣшили двухдневный отдыхъ. На пути, кромѣ достаточнаго содержанія, получаемаго нами по распоряженію русскихъ начальниковъ, польскіе помѣщики тѣхъ мѣстностей, чрезъ которыя мы проѣзжали, руководимые врожденнымъ человѣколюбіемъ, присылали намъ обильное подаяніе, которое мы постоянно получали отъ неизвѣстныхъ намъ благодѣтелей. Отдыхая два дня въ Заславѣ, мы воспользовались остановкою для того, чтобы изготовить письма къ друзьямъ и родственникамъ, на ходатайство которыхъ о нашемъ освобожденіи мы могли надѣяться. Когда мы принялись за составленіе многочисленныхъ писемъ и стали вести оживленныя бесѣды, отовсюду раздавались горькіе упреки, направленные противъ тѣхъ лицъ, которые измѣною сдали и городъ Краковъ и насъ всѣхъ въ руки непріятелей. Воодушевившись общимъ разговоромъ, одинъ изъ насъ (вѣроятно самъ авторъ) почувствовалъ вдохновеніе и сталъ писать стихи на тему „объ измѣнѣ"; но едва начало стихотворенія было составлено, какъ явился караульный офицеръ; онъ отнялъ у насъ всѣ чернильницы, нѣкоторыя разбилъ, швыряя ими въ насъ, и запретилъ намъ рѣшительно вести переписку. Начатое стихотвореніе состояло въ слѣдующемъ: (въ подлинникѣ слѣдуютъ 24 стиха начатой сатиры, стихи весьма плохіе и напыщенные).

Отдохнувъ два дня въ Заславѣ, мы отправились оттуда въ мѣстечко Судылковъ, лежащее въ двухъ миляхъ отъ Заслава. Хотя повозки были для насъ приготовлены, но количество ихъ оказалось не-

достаточнымъ, командиръ-же нашъ, не обращая на это вниманія, приказалъ намъ тронуться въ путь; кто успѣлъ захватить мѣсто, тотъ помѣстился на повозкѣ, большинство-же насъ отправилоть пѣшкомъ. Такъ какъ дѣло было утромъ, во время подобающее для молитвы, мы стали пѣть часы и окончивши ихъ, затянули молитвенную пѣснь Богородицѣ. Едва мы пропѣли четыре стиха, какъ увидѣли сильно тронувшее зрѣлище: маленькая птичка опустилась и сѣла на остріе копья одного изъ конвойныхъ козаковъ и хотя копье сильно колебалось на ходу, птичка довольно долго держалась на немъ; солдаты спрашивали у насъ названіе этой птички, но мы не знали его, находя однако нѣкоторое сходство съ жаворонкомъ, мы назвали ее этимъ именемъ. Между тѣмъ въ половинѣ перехода насъ нагналъ обозъ новыхъ повозокъ, которые собралъ и отправилъ въ догонку за нами заславскій экономъ; мы воспользовались ими и всѣ разсѣлись на возы, на которыхъ и пріѣхали къ ночи въ Судылковъ. Переночевавъ здѣсь, мы отправились дальше въ Каменку, а оттуда на ночь въ Полонное. На этомъ только ночлегѣ мы узнали достовѣрно, что насъ отправляютъ въ Кіевъ; извѣстіе это однихъ повергло въ отчаяніе, въ другихъ-же породило желаніе насильно освободиться изъ подъ стражи, но желаніе это оказалось тщетнымъ, ибо съ этого времени усилили нашъ караулъ, который постоянно окружалъ насъ столь тщательно, что мы изъ за него почти свѣта не видали. Въ Полонномъ къ нашей партіи присоединили 90 человѣкъ гайдамаковъ изъ запорожья, принимавшихъ участіе въ роковой рѣзнѣ въ Умани и содержавшихся до того времени въ тюрьмѣ въ Полонномъ. Вмѣстѣ съ ними мы отправились въ дальнѣйшій путь къ Кіеву. Мы проѣзжали разныя мѣстечка, въ которыхъ останавливались для ночлега, а именно: Чудновъ, Котельню, Ходорковъ, Хвастовъ, наконецъ Калантырь, расположенный на самой границѣ двухъ государствъ; здѣсь мы видѣли польскихъ солдатъ, составлявшихъ пограничную стражу, но намъ не было дозволено говорить съ ними. Проѣхавъ границу, мы ночевали въ первомъ русскомъ городкѣ, называемомъ Васильковъ; ночлегъ былъ здѣсь крайне мучительный, ибо, по недостатку-ли свободнаго помѣщенія въ этомъ городѣ, или съ тою цѣлью, чтобы выразить къ намъ презрѣніе, насъ заперли въ два хлѣва, устроенные для свиней; мы томились всю ночь, какъ вслѣдствіе досаждавшаго намъ зловонія, такъ и по причинѣ

страшной тѣсноты, отъ которой мы едва не задохлись. На другое утро послѣ этой злосчастной ночи, мы около 10 часовъ утра прибыли въ Кіевъ.

ГЛАВА II.

Пребываніе плѣнныхъ въ Кіевѣ.

Когда мы въѣхали въ Кіевъ, попадавшійся намъ на встрѣчу народъ разсматривалъ насъ съ любопытствомъ, какъ будто представителей народа неизвѣстнаго и никогда не виданнаго. Мы очень долго ждали у крѣпостныхъ воротъ, пока насъ допустили въ Печерскъ (такъ называется крѣпость); между тѣмъ дождь пополамъ со снѣгомъ обдавалъ насъ и усиливалъ сознаніе нашего горестнаго положенія. Мы пали духомъ и погрузились въ мрачное раздумье: сердце наше было удручено мыслью о томъ, что мы разстались съ отечествомъ, а страхъ и опасеніе за будущее были столь велики, что мы полагали, что нашей злосчастной жизни угрожаетъ опасность.

Наконецъ отворили ворота и мы въѣхали въ крѣпость; повозки остановились только предъ приготовленнымъ для насъ помѣщеніемъ. Это были казармы, построенныя для солдатъ. Когда возы наши остановились, намъ сдѣлали перекличку по списку и распредѣлили насъ въ казармахъ; въ каждой камерѣ помѣстили столько плѣнныхъ, сколько она могла вмѣстить, т. е. 80—90 человѣкъ. Въ тотъ же день прибыли въ Кіевъ и несчастные товарищи наши, числомъ болѣе 400, которые весь путь изъ Кракова въ Кіевъ совершили пѣшкомъ по нашимъ слѣдамъ; они, подобно намъ. были размѣщены въ казармахъ.

Въ теченіи первыхъ двухъ сутокъ нашего заточенія намъ не доставляли вовсе пищи; такъ какъ у насъ отъ дороги не осталось никакихъ припасовъ, то мы претерпѣли сильный голодъ и уже склонялись къ мнѣнію, что насъ намѣрены истребить голодомъ; но третьяго дня намъ роздали хлѣбъ и по 6 грошей каждому на прокормленіе. Эти паи мы получали потомъ изъ рукъ офицера ежедневно; впрочемъ рядовые солдаты наши получали только одинъ хлѣбъ, денегъ-же для прокормленія имъ не отпускалось. Выдаваемый намъ хлѣбъ содержалъ, вслѣдствіе недобросовѣстности провіантскихъ чиновниковъ, огромное количество песку и хотя порціи были большія и по казенной оцѣнкѣ

каждая дневная порція должна была равняться стоимости 4 грошей, но мы ихъ продавали солдатамъ по одному грошу, ибо ѣсть этого хлѣба никоимъ образомъ невозможно было. Когда начальство наше узнало объ этомъ, къ намъ явился плацъ-маіоръ и предложилъ намъ на выборъ: получать впредь хлѣбъ натурою, или-же вмѣсто хлѣба его стоимость деньгами—по 4 гроша на человѣка; мы всѣ попросили выдавать намъ деньги и съ того дня стали получать каждый по 10 грошей, а рядовые по 4 гроша.

Казармы, въ которыхъ мы помѣщались, были окружены бдительнымъ карауломъ; если кто изъ насъ выходилъ въ сѣни, его сопровождалъ вооруженный солдатъ. Вслѣдствіе скопленія большого количества людей, мы страдали отъ затхлости воздуха и тѣсноты: не каждый успѣвалъ занять мѣсто для ночлега и иные должны были проводить ночь стоя и сильно томясь отъ безсонницы; вслѣдствіе этихъ условій среди насъ развились изнурительныя болѣзни и многіе изъ нашихъ несчастныхъ земляковъ умерли. Къ намъ допускали торговокъ со съѣстными припасами, и мы могли покупать у нихъ пищу за деньги, которыя намъ выдавали. Маршалы наши имѣли помѣщеніе болѣе удобное, ибо имъ отвели для жительства какой-то дворецъ. Мы застали уже въ Кіевѣ 110 человѣкъ плѣнныхъ шляхтичей и кромѣ того конфедератовъ изъ помѣстій ея сіятельства княгини Сангушковой, которыхъ какой-то шляхтичъ, принявъ на себя ложную личину патріотизма, увлекъ въ конфедерацію, принялъ подъ свое начальство, а потомъ измѣннически предалъ русскимъ въ мѣстечкѣ Тоноровѣ. Гайдамаковъ привезенныхъ вмѣстѣ съ нами изъ Полоннаго, помѣстили въ тѣхъ-же казармахъ возлѣ насъ, но въ другихъ камерахъ. Мы ежедневно видѣли, какъ выводили по нѣсколько человѣкъ изъ ихъ числа, наказывали кнутомъ, вырывали имъ ноздри, по существующему въ этой странѣ обычаю, и затѣмъ отправляли въ вѣчную ссылку.

Въ концѣ третьей недѣли нашего заключенія въ Кіевѣ, болѣзни страшно усилились въ занятыхъ нами камерахъ, ежедневно умирало отъ 5 до 8 человѣкъ; мы принуждены были проводить нѣсколько дней и ночей совмѣстно съ трупами, пока успѣвали выпросить, чтобы ихъ прибрали; обстоятельство это было особенно тягостно по причинѣ тѣсноты Я самъ, уже пораженный болѣзнью, долженъ былъ провести три ночи

рядомъ съ трупомъ лежавшаго возлѣ меня товарища, Яна Кіянскаго; на третью ночь трупный запахъ сильно меня поразилъ и былъ поводомъ того, что болѣзнь моя страшно усилилась и надолго затянулась. Мы обязаны были хоронить мертвыхъ и копать имъ могилы, хотя сами были до того больны, что едва могли двигаться; болѣли-же мы всѣ безъ исключенія.

Въ это время 45 человѣкъ конфедератовъ были выпущены на свободу вслѣдствіе ходатайства о нихъ въ Варшавѣ ихъ друзей. Мы поздравляли ихъ съ неожиданнымъ счастіемъ и умоляли, прощаясь, чтобы они, послѣ возвращенія въ отечество, не забыли похлопотать и о нашемъ избавленіи. Они попрощались съ нами и отправились исполненные радости въ обратный путь, мы-же остались удрученные горемъ и печалью.

Мы прожили въ Кіевѣ 13 недѣль; въ теченіи этого времени изъ числа болѣе 600 человѣкъ почти половина перемерла. Наконецъ мы узнали, что насъ приказано препроводить въ городъ Казань, лежащій въ 170 миляхъ отъ Кіева, уже въ азіятской части Россіи; распоряженіе это послѣдовало вслѣдствіе того, что Турція объявила войну Россіи. Совершенно для насъ неожидавно согнаны были подводы и командированы для эскорта козаки; насъ раздѣлили на партіи; въ той, къ которой я былъ причисленъ, находилось 180 человѣкъ. Затѣмъ явился плацъ-маіоръ и, вызывая насъ по списку, усаживалъ по три человѣка на каждую повозку; поручикъ-же кіевскаго гарнизона, получившій начальство надъ конвойными козаками и притомъ сопровождаемый сержантомъ и десятью солдатами, принималъ насъ подъ свое начальство. Когда такимъ образомъ вся партія въ 180 человѣкъ усѣлась на сани, мы двинулись въ путь изъ Кіева среди страшнаго холода. Точно такимъ-же порядкомъ вслѣдъ за нами отправлены были и другія партіи плѣнныхъ.

ГЛАВА III.

Пересылка плѣнныхъ изъ Кіева въ Казань.

Когда мы отправились въ путь изъ Кіева въ Казань, стояли весьма сильные морозы и лежалъ глубокій снѣгъ. Мы были до того слабы, что едва душа въ насъ сохранялась, притомъ у насъ вовсе не

было теплой одежды и потому холодъ причинялъ намъ страшныя мученія; мы ѣхали полу-живые. Поручикъ, подъ командою котораго мы состояли, былъ человѣкъ добрый, разсудительный, обращавшій вниманіе на наши нужды, опытный и самъ испытавшій превратность судьбы; онъ обращался съ нами ласково и человѣколюбиво; мы съ благодарностью цѣловали его руки, называли его отцемъ и благодѣтелемъ и умоляли оказывать намъ и впредь милосердіе и участіе. Онъ обѣщалъ, когда выѣдемъ изъ Малороссіи, придумать средства для того, чтобы доставить намъ теплую одежду. Выѣхавъ изъ Кіева, мы ѣхали довольно быстро и остановились на ночь въ маленькомъ мѣстечкѣ Броварахъ, лежащемъ въ трехъ миляхъ [1]) отъ Кіева; здѣсь насъ размѣстили по по квартирамъ—по 10 человѣкъ плѣнныхъ въ каждомъ домѣ и по 5 козаковъ для ихъ охраны. Дома, въ которыхъ насъ помѣстили, были теплы и уютны такъ, что послѣ пути, продрогши на морозѣ, мы могли удобно отдохнуть. Подкрѣпившись пищею по возможности, мы улеглись спать; козаки, опасаясь, чтобы мы не бѣжали, отобрали у насъ для безопасности сапоги и спрятали ихъ, соображая весьма вѣрно, что въ виду страшнаго холода и мороза, никто изъ насъ не отважится бѣжать босикомъ.

Послѣ ночлега въ Броварахъ, мы отправились въ дальнѣйшій путь и, проѣхавъ на хорошихъ лошадяхъ 6 миль, достигли передъ вечеромъ Козельца; въ этотъ день морозъ былъ значительно легче и холодъ насъ угнеталъ гораздо меньше. Въ Козельцѣ намъ позволено было отдохнуть въ теченіе слѣдующаго дня и разрѣшено выходить въ городъ для покупки провизіи въ сопровожденіи конвойнаго козака. Мы нѣсколько отдохнули въ теплыхъ квартирахъ и, пробывъ въ Козельцѣ двѣ ночи и одинъ день, отправились въ дальнѣйшій путь. Слѣдующую ночь мы провели въ селѣ Носовкѣ и затѣмъ отправились въ городъ Нѣжинъ, гдѣ назначенъ былъ слѣдующій ночлегъ. Здѣсь мы провели ночь весьма удобно; городъ этотъ благоустроенъ и многолюденъ; жители оказались очень человѣколюбивы: не только хозяева отведенныхъ намъ квартиръ обращались съ нами ласково и прилично, но и другіе жители,

---

[1]) Авторъ считаетъ разстоянія, измѣряя ихъ польскими милями—по 7 верстъ въ каждой.

когда мы уѣзжали, обгоняли насъ на саняхъ, бросая намъ хлѣбъ ржаной и пшеничный и деньги. Мы были глубоко тронуты человѣколюбіемъ этого народа, встрѣчая первый разъ со времени нашего заточенія признаки дружелюбнаго къ намъ отношенія жителей. Городъ Нѣжинъ хорошо обстроенъ; дома по большей части деревянные, но есть нѣсколько и каменныхъ; жители ведутъ обширную торговлю и среди нихъ есть много богатыхъ купцевъ частью грековъ, частью малороссіянъ. Въ Нѣжинѣ находится и католическая церковь, а при ней монастырь отцевъ капуциновъ; послѣдніе хотѣли посѣтить насъ, но это не было имъ дозволено. Слѣдующую ночь мы ночевали въ городѣ Батуринѣ, принадлежащемъ, какъ намъ сказывали князю Трубецкому [1]), красивый дворецъ котораго мы видѣли. Затѣмъ, отправившись въ дальнѣйшій путь, мы проѣзжали многочисленныя мѣстечка, переправились по льду черезъ рѣку Сеймъ [2]) и миновавъ Королевецъ, пріѣхали въ Глуховъ, послѣдній городъ Малороссіи, въ которомъ намъ довелось ночевать. Это городъ довольно значительный, но окружающія оный укрѣпленія: валъ и каменная стѣна, запущены и почти разрушены. Здѣсь мы встрѣтили пана Щенявскаго, старосту Трехтымировскаго, попавшаго еще раньше насъ въ плѣнъ за участіе въ барской конфедераціи и сосланнаго сюда въ заточеніе. Въ трехъ миляхъ отъ Глухова мы пріѣхали въ первое великороссійское село; намъ сказывали, что нѣкогда до этого мѣста простиралась граница кіевскаго воеводства, хотя оно лежитъ въ разстояніи 33 миль отъ Кіева. Мы остановились въ упомянутомъ селѣ на ночь, и встрѣтили совершенно для насъ новое народонаселеніе, рѣзко отличавшееся своими обычаями Это настоящіе россіяне (москали); они, по принятому обычаю, всѣ отпускаютъ бороды, ибо въ Россіи крестьянамъ запрещено бриться и только дворянамъ и мѣщанамъ это разрѣшается; вообще въ Россіи каждый житель одѣвается не по собственному усмотрѣнію, а согласно съ установленными для каждаго сословія предписаніями. Когда мы въѣзжали въ село, все почти его народонаселеніе сбѣжалось смотрѣть на насъ, какъ на зрѣлище; они насмѣхались надъ нами, бросали въ насъ снѣгомъ и комками нечистотъ. Командовавшій конвоемъ

---

[1]) Очевидно Хоецкому измѣнила память и онъ замѣнилъ имя графа Разумовскаго, которому Батуринъ былъ пожалованъ въ 1764 г., именемъ князя Трубецкого.

[2]) Въ подлинникѣ вмѣсто Сейма по ошибкѣ названа Ока.

поручикъ, увидавъ это, соскочилъ изъ своего экипажа и, нанося имъ удары палкою по головамъ, разогналъ ихъ. Люди эти обращались съ нами недружелюбно и на квартирахъ: съ трудомъ они соглашались продать намъ что либо, а если и соглашались, то требовали непомѣрныя цѣны. Переночевавши въ этомъ селѣ, мы поѣхали дальше въ городъ Сѣвскъ. На пути насъ настигла и даже опередила другая партія нашихъ плѣнныхъ, вмѣстѣ съ которою мы ночевали въ Сѣвскѣ. Начальникомъ этой партіи былъ капитанъ кіевскаго гарнизона, человѣкъ строгій и жестокій, поступавшій весьма круто съ плѣнниками, которые страшно жаловались на его обращеніе; онъ постоянно ругалъ ихъ и билъ нагайкою, неразлучно при немъ находившеюся; если кто-либо, по причинѣ болѣзни не могъ скоро взобраться на сани, немедленно получалъ удары нагайкою, капитанъ обзывалъ плѣнныхъ поляковъ данцигскими жидами и придумывалъ другія оскорбительныя ругательства.

Переночевавъ въ Сѣвскѣ, мы на другой день отправились въ дальнѣйшій путь; прежде выступилъ капитанъ съ своею партіею, а вслѣдъ за нимъ и мы. Нашъ командиръ поручикъ объявилъ намъ, что, такъ какъ мы уже вступили въ область великорусскую, то должны заняться пріобрѣтеніемъ полушубковъ; онъ посовѣтовалъ намъ съ этою цѣлью на каждомъ ночлегѣ стараться захватить тайно у хозяевъ три или четыре полушубка и прятать ихъ въ его экипажѣ. На другой день обыкновенно хлопы приносили ему жалобу и сельскій староста (такъ называются въ Россіи войты) отказывалъ въ выдачѣ нашему командиру росписки, или квитанціи въ томъ, что команда его вела себя безобидно по отношенію къ жителямъ; тогда поручикъ отдавалъ намъ всѣмъ приказаніе садиться на сани и мы выѣзжали за селеніе на дорогу. Здѣсь обозъ нашъ останавливался, поручикъ дѣлалъ намъ строгій выговоръ за дурное поведеніе и разрѣшалъ крестьянамъ произвести обыскъ въ нашихъ саняхъ; но когда они не находили въ нихъ похищенныхъ полушубковъ, то онъ изливалъ на нихъ свой гнѣвъ и приказывалъ солдатамъ подать палокъ и кнутовъ, чтобы расправиться за клевету на свою команду; тогда мужики, опасаясь наказанія, не только выдавали ему квитанцію, но и задабривали его довольно значительною суммою денегъ, въ офицерскомъ-же экипажѣ никто никогда не дерзалъ производить обыска; затѣмъ, отъѣхавъ дальше, поручикъ отдавалъ полушубки тѣмъ, кто ихъ

добылъ. Этимъ промысломъ мы занимались на каждомъ ночлегѣ, такъ, что пока мы пріѣхали въ Казань, большая часть партіи была одѣта въ полушубки.

Слѣдуя по Великой Россіи, мы проѣзжали слѣдующіе города: Тулу, въ которой мы узнали, что въ 10 миляхъ отъ нея въ городѣ Калугѣ содержатся въ заточеніи нѣкогда арестованные на сеймѣ епископы, а также гетманъ польный коронный Ржевускій вмѣстѣ съ сыномъ; всѣ мы были глубоко опечалены, узнавъ о заточеніи этихъ знатныхъ сенаторовъ и патріотовъ нашихъ. Тула городъ довольно большой; всѣ дома въ немъ деревянные; весь городъ населенъ почти исключительно различными ремесленниками, изготовляющими оружіе для всей русской арміи. Намъ разсказывали, что въ Тулѣ живетъ такое количество мастеровыхъ, что они могли-бы въ 3 дня изготовить вооруженіе для 20,000 солдатъ. Переночевавъ въ Тулѣ, мы отправились въ городъ Каширъ, а оттуда въ Муромъ; въ обоихъ городахъ этихъ мы ночевали; затѣмъ изъ Мурома мы ѣхали по льду Оки, рѣки широкой и значительной, въ городъ Нижній, гдѣ ночевали. Нижній лежитъ на берегу Волги и носитъ названіе губернскаго города, ибо въ немъ живетъ губернаторъ; это уже на пути нашемъ была третья губернія—ибо прежде мы слѣдовали по губерніямъ кіевской и московской. Въ Нижнемъ много каменныхъ домовъ, но еще больше деревянныхъ; городъ этотъ славится своею торговлею и судоходствомъ, въ немъ много зажиточныхъ жителей и богатыхъ купцовъ; и вообще мѣстоположеніе города весьма удачно выбрано, благодаря особенно его очень удобной гавани. Переночевавъ въ Нижнемъ, мы проѣхали мѣстечко Чебоксары, нѣсколько селъ и городъ Свяжскъ, лежащій въ 3 миляхъ отъ Казани, и наконецъ прибыли въ этотъ послѣдній городъ около перваго часу по полудни.

В. А.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому.

(1853—1857 г.).

Сообщилъ М. Т—овъ.

Нѣсколько предварительныхъ словъ.

Предлагая читателямъ «Кіевской Старины» нижеслѣдующія письма Т. Гр. Шевченка, важность которыхъ они сами, надѣемся, оцѣнятъ, мы считаемъ не лишнимъ сказать предварительно нѣсколько словъ о способѣ, которымъ досталась намъ эта драгоцѣнность, прибавивъ къ нимъ также нѣсколько краткихъ замѣчаній по поводу высказанныхъ уже въ печати мнѣній относительно характера сношеній украинскаго поэта съ ссыльными поляками, друзьями Бр. Залескаго.

Еще лѣтъ девять тому назадъ мы прочли въ одной польской газетѣ извѣстіе о существованіи переписки между Шевченкомъ и Бр. Залескимъ, находившимся тогда въ Парижѣ, переписки, какъ говорилось, интересной какъ для личной исторіи Шевченка, такъ и для характеристики его политическихъ мнѣній. Мы стали принимать мѣры для полученія копіи съ этихъ писемъ Шевченка, но это долго намъ не удавалось, такъ какъ, говорили намъ, письма должны были быть напечатаны особой брошюрой въ оригиналѣ (автографически) и польскомъ переводѣ. Два раза появлялось въ печати извѣстіе, что письма Шевченка къ Залескому будутъ напечатаны то польскимъ «Историческимъ Обществомъ» въ Парижѣ, то краковской академіей наукъ, въ руки которой дѣйствительно и переданы были названныя письма. Но проходило время, а письма не являлись въ печати. Въ концѣ 1874 г. намъ посчастливилось услышать о названныхъ письмахъ отъ Вл. Д. Спасовича, лично знакомаго съ Бр. Залескимъ. Г. Спасовичъ взялся быть посредникомъ между нами и Залескимъ съ цѣлью получить отъ послѣдняго копіи съ писемъ Шевченка. Но каково было наше горе, когда мы узнали отъ г. Спасовича черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, что самъ Залескій уже не знаетъ, гдѣ теперь на-

ходятся письма Шевченка, отправленныя имъ въ Краковъ. По счастью почти черезъ годъ мы получили отъ г. Спасовича вѣсть, что письма отыскались у Игнатія Крашевскаго въ Дрезденѣ, и что послѣдній, съ свойственной ему любезностью, принялъ мѣры къ доставленію намъ точной копіи, какъ съ писемъ, такъ и съ примѣчаній къ нимъ Залескаго. Недолго спустя, мы получили эту копію, но тутъ наступили времена, не совсѣмъ благопріятныя всему, что связано съ именемъ Шевченка, и съ письмами послѣдняго пришлось придержаться.

Появленіе книги г. Чалаго: «Жизнь и произведенія Тараса Шевченка», а особенно основаніе «Кіевской Старины», изданія, которое не поскупится на мѣсто для напечатанія цѣликомъ писемъ геніальнаго украинца, обнадежило насъ, и мы сочли себя долѣе не въ правѣ удерживать подъ спудомъ имѣющійся уже у насъ матеріалъ для біографіи Шевченка, каковой и предоставляемъ въ распоряженіе редакціи «Кіевской Старины» въ точной копіи съ копіи, доставленной намъ г. Крашевскимъ. Послѣднему, вмѣстѣ съ г. Спасовичемъ, надлежитъ благодарность отъ всѣхъ почитателей Шевченка за ихъ усилія спасти письма нашего Тараса отъ потери и за хлопоты по доставленію копій съ этихъ писемъ въ руки украинца, который почиталъ своимъ долгомъ свято сохранить эту копію и при первой возможности обнародовать ее. Самъ Залескій не можетъ уже принять на себя этой благодарности, такъ какъ уже около двухъ лѣтъ, какъ онъ умеръ. Что сталось съ оригиналами писемъ къ нему Шевченка, въ настоящую минуту мы сказать не можемъ. Мы наводимъ теперь о томъ справки, но пока не желаемъ замедлять публикаціи имѣющейся у насъ точной съ нихъ копіи.

Прочитавъ и ее, всякій убѣдится въ подлинности заключающихся въ ней писемъ, а также въ важности ихъ для біографіи Тараса Григорьевича. Кромѣ яркаго изображенія его жизни въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, въ письмахъ этихъ содержатся богатыя указанія на литературные интересы и на работы Шевченка, какъ живописца въ 1853—1857 гг. Затѣмъ письма эти проливаютъ окончательно точный свѣтъ на характеръ отношеній украинскаго поэта къ польской ссыльной колоніи въ Прикаспійскомъ краѣ, о которыхъ доселѣ въ публику пускались весьма невѣрныя свѣдѣнія, какъ польскими, такъ и русскими писателями. Такъ еще въ послѣднія минуты жизни и тотчасъ по смерти Шевченка нѣкоторыя польскія газеты дошли до того, что увѣряли, будто Шевченко въ ссылкѣ совершенно отказался отъ своего отрицательнаго взгляда на старую Польшу и даже будто бы перешелъ въ уніаты. Подобное-же повторено было одною познанскою газетою и въ 1866 году, причемъ Шевченко представленъ былъ человѣкомъ, который будто бы послѣ ссылки

усвоилъ себѣ идеи и стремленія «историческихъ» польскихъ патріотовъ, т. е. сторонниковъ возстановленія Польши въ границахъ 1772 г., если даже не 1648 г. Это измышленіе перенесено было изъ польской познанской газеты на страницы «Московскихъ Вѣдомостей», которымъ оно оказалось пригоднымъ для ихъ борьбы съ т. наз. «украинофильствомъ».

Тенденціозныя невѣрныя свѣдѣнія эти и имъ подобныя, подкрѣпляемыя темными слухами о какихъ-то письмахъ Шевченка къ Залескому, повліяли и на новѣйшаго біографа Шевченка, г. Чалаго, у котораго мы встрѣчаемъ слѣдующія строки «.....поляки обошли Шевченка.... слѣдуя іезуитскому правилу—не пренебрегать никакими средствами, если они ведутъ къ достиженію цѣли, и воспользовавшись довѣрчивостью и простодушіемъ Тараса, Сѣраковскій и Подлевскій задумали изъ малорусскаго народнаго поэта создать украинское знамя и завладѣть этимъ знаменемъ [1]). Изъ яраго врага польской національности они хотѣли сдѣлать его ручнымъ и чуть не обратили въ орудіе польской справы» (стр. 82).

Эти строки уже вызвали замѣчаніе со стороны рецензента въ «Вѣстникѣ Европы», который не нашелъ никакого іезуитства въ отношеніяхъ оренбургскихъ поляковъ къ Шевченку, а видѣлъ въ нихъ только гуманное сочувствіе къ собрату по участи, къ образованному человѣку, заброшенному въ полудикій край, со стороны такихъ-же изгнанниковъ. И вѣрность этого замѣчанія подтверждается и словами самого г. Чалаго на стр. 87 его книги объ «отрадныхъ минутахъ, проведенныхъ Кобзаремъ въ бесѣдѣ съ умными и образованными товарищами по ссылкѣ».

Наглядное знакомство съ письмами Шевченка къ Залескому окончательно показываетъ всю невѣрность заключеній г. Чалаго о характерѣ отношеній между оренбургскими поляками и Шевченкомъ. Эти отношенія были прежде всего отношеніями «умныхъ и образованныхъ товарищей», которые поддерживали другъ въ другѣ нравственную энергію бесѣдою и трудомъ надъ культурными интересами искусства, литературы. Насколько въ этихъ отношеніяхъ не было національной исключительности, видно напр. изъ того, что поляки доставляли Шевченку сочиненія Гоголя и его біографію,—не говоря уже о томъ, что они переписывались съ украинскимъ поэтомъ по русски. Ни одно слово изъ писемъ

[1]) Послѣднюю фразу мы не совсѣмъ понимаемъ: *малорусскій* поэтъ и *украинскій* поэтъ—одно и тоже, даже и по смыслу этихъ словъ, какого держится самъ г. Чалый; *народный*-же поэтъ непремѣнно составляетъ одно изъ украшеній національнаго знамени; изъ Шевченка нечего было дѣлать знамени: онъ былъ уже частью этого знамени. Самъ г. Чалый говоритъ это и всею своею книгой и эпиграфомъ ея, взятымъ у Дизраэли, который говоритъ о связи „памяти о народномъ поэтѣ“ съ „національною честью“.

Шевченка не намекаетъ на то, чтобы онъ «изъ яраго врага польской національности» готовъ былъ «обратиться въ орудіе польской справы», если разумѣть подъ этими послѣдними словами возстановленіе стараго польскаго государства въ «историческихъ границахъ».

Прежде всего будетъ невѣрно называть Шевченка «врагомъ польской, да и какой-бы то ни было національности». Въ первыхъ своихъ поэмахъ изъ украинско-козацкой исторіи Шевченко безъ дальнихъ размышленій рисовалъ картины прежней національно-религіозно-сословной борьбы на Украинѣ, но едва только сталъ выходить изъ первоначальнаго, болѣе или менѣе наивнаго періода своего развитія, какъ сейчасъ же сталъ выше страстей и идей XVII в. Уже въ «Гайдамакахъ»,—поэмѣ, которую совершенно напрасно польскіе критики называли «крикомъ вороньяго горла», и въ которой самъ г. Спасовичъ совершенно напрасно видитъ «выдаванье звѣрства и безчеловѣчности за геройство» (Истор. слав. литер. Пыпина и Спасовича, II), Шевченко оплакиваетъ взаимныя кровопролитія поляковъ и украинцевъ и говоритъ:

Болить серце, якъ згадаешъ:
Старихъ славъянъ діти
Випились кровъю,—а хто виненъ?!
Ксёндзы, іезуиты!

Дальнѣйшее усвоеніе Шевченкомъ идей кирилло-меѳодіевскаго братства съ его всеславянскимъ демократическимъ федерализмомъ еще болѣе развили въ украинскомъ поэтѣ этотъ истинно гуманный взглядъ на польско-украинскія отношенія. Какимъ образомъ поэтъ, написавшій въ посланіи къ Шафарику слова:

Щобъ усі славъяне стали
Добрыми братами и т. д.

могъ быть «яримъ врагомъ польской національности?» Объ отношеніи Шевченка къ полякамъ въ ту пору, о которой говоритъ г. Чалый на 83 стр. своей книги, свидѣтельствуетъ стихотвореніе Тараса Григорьевича къ Бр. Залескому: «Ще якъ були мы козаками» (1859 г.) По своей идеѣ оно ничѣмъ не отличается отъ выписанныхъ выше словъ Шевченка въ «Гайдамакахъ» (1841 г.) и «Посланіи» къ Шафарику (1845 г.). Между прочимъ слѣдующія дальше письма служатъ прекраснымъ объясненіемъ къ упомянутому стихотворенію.

М. Т—овъ.

ПИСЬМА ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

КЪ СОСЛАННОМУ ТОЖЕ ВЪ СОЛДАТЫ, ВЪ ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИНЕЙНЫЙ БАТАЛІОНЪ,

Брониславу Залескому,

писанныя изъ ново-петровскаго укрѣпленія, построеннаго на восточномъ берегу Каспійскаго моря, на полуостровѣ Мангишлакъ [1]).

1.

1853-ій годъ.

Извини мнѣ, друже мой добрый, что пишу такъ мало, не имѣя ни времени, ни мѣста. Благодатное лѣто прошло и унесло съ собою и самую тѣнь чего-то похожаго на свободу; до сихъ поръ еще боятся позволить пріютиться мнѣ гдѣ нибудь, кромѣ казармъ. Эгоизмъ и эгоизмъ! больше ничего.

Добрый мой друже! получилъ я съ твоимъ послѣднимъ письмомъ сердцу милыя портреты. Безконечно благодарю тебя; я теперь какъ-бы еще между вами—и слушаю тихіе задумчивые ваши рѣчи. Если-бы мнѣ еще портретъ Карла, и тогда-бы я имѣлъ все, что для меня дорого въ Оренбургѣ.

Съ послѣдней почтой послалъ тебѣ *Байгушей;* пріюти ихъ, если можешъ гдѣ нибудь, а передъ тѣмъ, какъ пустишъ ты ихъ въ чужіе люди, здѣлай мнѣ, если это не трудно, фотографическія копіи въ величину обыкновеннаго конверта; мнѣ хотѣлось-бы подарить ихъ А., ей они очень нравятся [2]). Я здѣлался настоящій попрошайка, въ каждомъ моемъ письмѣ я чего нибудь прошу у тебя, просто безсовѣстный я! а (кто) совѣстится въ такихъ случаяхъ друга, значитъ не имѣетъ друга: мое такое понятіе о дружбѣ, и это понятіе должно быть общее.

Попробуй, не удастся-ли тебѣ на темномъ фонѣ дѣтскія головки, и чтобъ не искать модели, то посади secondo Цейзика; я такъ люблю дѣтей, что не насмотрѣлся-бы на вѣрный отпечатокъ ангела.

Хорошо-бы было, еслибъ коллекція картинъ Н. Ш. состояла не изъ его собственныхъ произведеній; но на безрыбьи и ракъ рыба:

---

[1]) Напоминаемъ читателю, что онъ имѣетъ передъ собою точную копію съ тетради приготовленной къ печати самимъ Бр. Залескимъ. Примѣчанія, какія дальше найдетъ читатель подъ текстомъ, сдѣланы также Залескимъ, кромѣ нѣкоторыхъ, прибавленныхъ нами, которыя и отмѣчены нашимъ вензелемъ.—*М. Т.*

[2]) Какъ видно изъ дальнѣйшаго,—жена Ускова, коменданта новопетровскаго крѣпленія, которую дальше Шевченко зоветъ—Агата.—*Т. М.*

можетъ быть въ его копіяхъ есть хоть что нибудь похожее на оригиналъ, а если и этого нѣтъ, то все таки есть человѣкъ любящій прекрасное божественное искусство, а между варварами это даръ Божій.

Если въ Защитѣ у Дмитрьева найдешъ хорошіе естампы новой французской школы, какъ-то Делякрои, Делякроша, Ораса Вернье и другихъ, то хорошо скопировать ихъ посредствомъ фотографій, и держи эти копіи у себя, смотри, любуйся ими каждый день и каждый часъ: это такъ можетъ научить и образовать вкусъ, какъ никакая многоумная и многоглаголивая эстетика и философія. Великій Брюловъ говаривалъ бывало: „не копируй, а всматривайся", и я совершенно вѣрю безсмертному Брюлову. Но я кажется взялъ на себя роль профессора, это для тебя только, друже мой милый, потому что въ Оренбургѣ тебѣ и этого нѣкому сказать, а ты такъ любишъ прекрасное искусство. Боже мой! когда мы увидимся? когда мы поговоримъ съ тобою, глядя другъ на друга? Неужели все къ лучшему? Нѣтъ, это поговорка близорукихъ.

Я вчера только узналъ отъ Мостовскаго, что Колесинскій въ Оренбургѣ; кланяйся ему отъ меня и отъ Мостовскаго. М. для меня теперь настоящій кладъ: это одинъ единственный человѣкъ, съ которымъ я на распашку, но о поэзіи ни слова. Странно, человѣкъ тихій, добрый благородный, безо всякаго понятія о прекрасномъ! Неужели это доля всего военнаго сословія? Жалкая доля!

Мнѣ давно хочется завести переписку съ Совою [1]), но не знаю, какъ и начать. По польски я писать не умѣю, а по русски какъ-то не ловко, но на всякій случай сообщи мнѣ его подробный адресъ. Будешь писать ему, кланяйся и цѣлуй его за меня.

Что мнѣ еще написать тебѣ на скорую руку? Кажется, ничего больше, какъ только поцѣлуй щиро Михайла [2]) и Карла [3]), когда пріѣдетъ.

---

[1]) Польскій поэтъ Эдуардъ Юліановичъ Желиговскій, пишущій подъ именемъ Антонія Совы, сосланный на жительство въ Петрозаводскъ, а оттуда переведенный въ Оренбургъ.—Прим. Бр. Залескаго.

[2]) Михаилъ Ѳаддѣевичъ Зѣленко, монахъ ордена св. Доминика, въ тридцатыхъ годахъ префектъ гимназіи въ Литвѣ, сосланный въ Оренбургъ въ 1834 году, впослѣдствіи католическій капеллянъ оренб. корпуса. Польскіе изгнанники называли его: *ojciec prefekt.*—Пр. Бр. З—аго.

[3]) Карлъ, должно быть, Карлъ Ивановичъ Гернъ. У г. Чалаго онъ зовется генералъ Гернъ; не знаемъ, почему въ письмѣ Ш—ка, напечатанномъ у г. Чалаго (стр. 75) К. И. Г. называется — «его благородіе».—*М. Т.*

Поцѣлуй руку *ojca prefecta* и если Средницкій въ Оренбургѣ, поцѣлуй его щиро. —Гдѣ Турно и что съ нимъ?.. Прощай, мой единый друже. Будешь писать Аркадію, цѣлуй его отъ меня. Пиши S. и его цѣлуй и всѣхъ, кто помнитъ обо мнѣ, цѣлуй.

2.

20 маія. 1853.

Благодарю тебя, мой друже, за *Мертвыя души* Гоголя, и за лаконическое посланіе, на которое отвѣчаю тебѣ такимъ и по тѣмъ самымъ причинамъ, т. е. по причинѣ сегодня отходящей почты.

Ты вѣроятно не получилъ еще послѣдняго моего письма и двухъ кусковъ шерстяной матеріи [1]), потому что ничего не упоминаешъ ни о посылкѣ, ни о письмѣ. Когда получишь, потрудись увѣдомить съ первой-же почтой. Одинъ кусокъ, который ты выберешъ, оставь у себя на память обо мнѣ, а другой предложи Бюрно (разумѣется за деньги) [2]). Пріятнѣе какъ-то, когда знаешь, что вещь находится у человѣка, понимающаго вещи. А фотографіи непремѣно здѣлай. Кстати о фотографіи и просить тебя, когда получитъ Михайло фотографическій приборъ, напиши ему или мнѣ о его свойствахъ и его цѣнѣ, и подробный адресъ, отъ кого его выписать можно, и можно-ли также и отъ кого выписывать химическую бумагу. У насъ, видишъ-ли, есть желаніе заняться фотографіей, да не знаю, будетъ-ли толкъ.

Ты мнѣ совѣтуешъ не просить многово. И съ самой малой просьбой я не имѣю къ кому обратиться, да и жалѣю; послѣдняя неудача меня такъ озадачила, что я потерялъ всякую надежду хоть на малѣйшее облегченіе моей отвратительной участи; хоть-бы изъ этого гнѣзда проклятаго меня вытянули. Послѣ этой катастрофы... (для меня она дѣй-

---

[1]) На приговорѣ, осуждающемъ Шевченка въ солдаты, было прибавлено: «запретить ему писать, рисовать и пѣть»; потому Шевченко, присылая рисунки свои и акварели Залѣскому, называлъ ихъ шерстяною матеріею. За эти рисунки артистъ получалъ деньги на чай, табакъ и прочія необходимости.—Пр. Бр. З—аго. Изъ писемъ Ш—ка, напечатанныхъ у г. Чалаго, не видно, чтобъ ему запрещено было пѣть (Ср. въ книгѣ г. Чалаго, стр. 66).

[2]) Бюрно—одинъ изъ высшихъ военныхъ чиновъ въ краѣ; упоминается далѣе съ очень симпатичной стороны.—*М. Т.*

ствительно катастрофа); но я послѣ напишу тебѣ, что со мной случилось, а теперь и мѣста и времени мало, и происшествіе слишкомъ свѣжо для повѣствованія. И кстати о повѣствованіи: по извѣстному адресу отошли только *Варнако,—Княгинь* оставь у себя, она уже приготовилась. Какъ-бы ты досталъ карандаши, которые находятся у меня въ пальтѣ въ карманѣ, у Карла. Мягки, которые ты мнѣ прислалъ, или у меня рука очерствѣла. Живъ-ли мой альбомъ чистый у Карла? Возьми его и спрячь у себя.

Прощай, мой искренній друже, кланяйся Совѣ, Михайлу и протчимъ. На Варнакѣ напиши Желиховскому, или оставь такъ. Какъ ты найдешь лучше, такъ и здѣлай.

Цѣлую тебя всѣмъ сердцемъ моимъ.

3.

1854. Генваря.

Радуюсь твоею радостью, друже мой единый! Дай тебѣ Господи увидѣть твою скорбную мать и свою прекрасную родину.

Прости меня, друже мой единый, ежели найдешъ письмо мое нескладнымъ и можетъ быть безсмысленнымъ. У насъ сегодня Байрамъ у Ирак.[1]), и я пишу тебѣ далеко за полночь, т. е. часу въ 4-мъ, а въ этомъ часу, я думаю, и у Юнга мысли были-бы не на мѣстѣ. Но это въ сторону, а вотъ въ чемъ дѣло: благодарю тебя сердечно за *Тріо*[2]) и проч., благодрю тебя за письма къ Аркадію; благодарю тебя за память о Варварѣ[3]), и ежели ты получишь о ней какое-бы то не было извѣстье и вскорѣ сообщишь мнѣ, то я тебя не благодарить буду, а боготворить.

Еще рязъ благодарю тебя за копію Монаха и—я тебѣ какъ Богу вѣрю—ежели Левъ Филиповичъ[4]) такой человѣкъ, какъ ты говоришь, то и ты, и онъ скоро увидите и Акъ Тау и Каро-Тау, ежели не красками, то покрайней мѣрѣ *Сепію.*

Съ того времени, какъ мы разсталися съ тобою, я два раза былъ на Ханта-бабѣ, пересмотрѣлъ и перещупалъ всѣ деревья и вѣточки, ко-

[2]) Праклій Усковъ, комендантъ новопетр. укр.—*М. Т.*
[1]) Акварель Шевченки.—Пр. Бр. 3—аго.
[3]) Варвара Николаевна Репнина.—*М. Т.*
[4]) Должно быть, Бюрно.—*М. Т.*

торыми мы съ тобою любовались, я признаюся тебѣ, друже мой, заплакалъ. Не было съ кѣмъ посмотрѣть на твореніе руки Божей.—вотъ причина слезъ моихъ: ты былъ далеко, близкіе куропатокъ и дикихъ голубей искали въ полѣ: мнѣ хотѣлося посѣтить Ханга-бабу съ Д. и Д. тоже хотѣлося, но фонъ-Беръ [1]), такой акуратный нѣмецъ, какого и въ сердцѣ Германіи рѣдко встрѣтить можно; три дня, говоритъ, буду на Мангишлакѣ, т. е. въ Ново-петровскомъ укрѣпленіи: сказалъ какъ отрѣзалъ—просто хуже всякаго нѣмца.

Поцѣлуй Карла за меня и скажи ему, что ежели онъ рѣшился побывать на Сырѣ: то я пойду за нимъ на Куанъ и на Аму, въ Тибетъ и всюду, куда только онъ пойдетъ.

Съ слѣдующею почтою напиши мнѣ о дѣлахъ Карла, или какъ ты говоришъ при первомъ добромъ извѣстіи. *Іордана* [2]) и Сову я знаю, какъ твое сердце и, спасибо тремъ людямъ, теперь уже не въ Петрозаводскѣ, которые знали меня лично и не забыли меня, а потому, что остался одинъ изъ трехъ, посылаю сердечный поцѣлуй, а тѣмъ, которые знаютъ меня не лично и вспоминаютъ обо мнѣ, тысячу кровосердечныхъ поцѣлуевъ и братскую любовь.

Ты говоришь мнѣ о Бѣлозерскомъ и о моей бѣдной *Катеринѣ*, какъ будто ты ихъ лично знаешь; а коли знаешь, то напиши мнѣ о Бѣлозерскомъ и о *Катеринѣ*. Мы съ тобою поговоримъ, когда увидимся, и тогда я тебя съ ею познакомлю, а *Ильяшенка* и Петрова [3]) забудь и ты такъ, какъ я ихъ не помню.

Алексѣю Ивановичу пожелай всѣхъ благъ отъ меня въ его новой жизни: поблагодари его за память обо мнѣ, а ее за копіи съ монаха.

Поцѣлуй Поспѣлова, ежели онъ въ Оренбургѣ (и скажи ему, что г-жа Юрасова дрянь, к..... л..... скажи ему, что все это я ему говорю) [4]).

---

[1]) Должно быть, извѣстный академикъ Беръ, изучавшій тогда рыбъ Каспія. Онъ упоминается, какъ знакомый Шевченка въ письмѣ Писемскаго. Чалый, 93.

[2]) Поэма Желиговскаго. Пр. Бр. 3—аго.

[3]) Петровъ—тотъ студентъ, который донесъ на кирило-меѳодіевское братство. Ильяшенко не есть-ли тотъ прап. И—въ, который донесъ въ Оренбургъ, что Шевченко рисуетъ? (Ср. Чалаго 75).—*М. Т.*

[4]) Слова, взятыя нами въ скобки, въ нашей копіи перечеркнуты; вѣроятно такъ было и въ подлинникѣ.—*М. Т.*

Гороновичу скажи, что въ Бельгіи и прославленнымъ художникамъ дѣлать нѣчего,.. въ прочемъ поклонися ему.

Земляка изъ *Тального* и Михайла земляка С. обними и поцѣлуй такъ, какъ я-бы его поцѣловалъ. Съ Михайловымъ [1]) ты видѣлся мимоходомъ и говорилъ онъ тебѣ *Быкъ* съ *Киргизомъ* [2]) и за то благодарю. Дай Богъ ему всего того, чего онъ самъ себѣ желаетъ, а намъ съ тобою дай Боже еще разъ увидѣться въ этой жизни.

Поздравь Ѳому отъ меня и извинись за меня, что я ему не пишу съ этой почтой; завтра ученье и караулъ, и Алексѣю скажи тоже.

Изъ приказовъ я вижу, что ты назначенъ въ д. Баталь, а ты пишешъ, что вскорѣ отправляешься на Сыръ, и я не знаю, что думать. Напиши мнѣ, ради святого Брониславa, какъ тебѣ адресовать мои грѣшныя посланія.

Цейзика [3]) и Людвига [4]) поцѣлуй отъ щирого сердца.

Цѣлую руки *ojca prefekta*.

Когда увидишь Ѳому Лазаревскаго, отдай ему мою грамотку, и скажи ему, что не было времени больше написать.

Ты мнѣ ничего не пишешь о Аркадіи. Что онъ и что съ нимъ? Пиши ему и цѣлуй его за меня, и скажи ему, чтобы онъ безбоязненно адресовалъ свои письма на имя коменданта новопетровскаго укрѣпленія.

Прощай, не забывай. *Ш.*

4.

6-го Іюня. 1854.

Витаю тебе, друже мій, Богу милый! Витаю тебе на лонѣ дѣвственной, торжественно прекрасной природы [5])! Много-бы и много молитвъ сердечныхъ послалъ бы я ко престолу живого Бога за одинъ часъ, проведенный съ тобою въ дремучемъ сосновомъ лѣсу, подъ темной тѣнью широковѣтвистой, мрачной, какъ дума Оссіяна, если. Хорошо и,

---

[1]) Извѣстный потомъ писатель, оренбуржецъ родомъ, сосланный въ Сибирь. *М. Т.*

[2]) Bas-relief произведеній Шевченки изъ гипса. Пр. Бр. 3—аго.

[3]) Полякъ, аптекарь въ Оренбургѣ Пр Бр. 3—аго.

[4]) Людвигъ Сигизмундовичъ Турно, сосланный въ солдаты, сынъ полковника Турно.—Пр. Бр. 3—аго.

[5]) Письмо писанное въ богословскіе заводы, въ сѣверномъ Уралѣ, куда Залескій былъ переведенъ по производствѣ въ офицеры. Пр. Бр. 3—аго.

Боже милый, какъ хорошо прошолъ-бы этотъ часъ съ тобою вмѣстѣ. Мы-бы выбрали хорошій пунктъ и освѣщеніе, и нарисовали-бы, по мѣрѣ силъ, грустную и величественную царицу лѣсовъ туманнаго сѣвера. Но увы! этой великой радости не суждено испытать мнѣ безталанному. Самая горькая отрава нашего моральнаго бытія это безнадежность, и эту жестокую отраву я вполнѣ чувствую.

Прочь! прочь! змія лютая, ненасытная хоть на одинъ часъ, пока бесѣдую съ тобою, друже мой милый! друже мой единый!

Первое твое письмо прочиталъ я и не мало удивился, что ты въ немъ ничего не вспоминаешь о моей просьбѣ, а это вышло потому, что ты не читалъ моего письма отъ 5-го февраля, а я читалъ твое письмо и не посмотрѣлъ, что оно писано 20 февраля. Слова то, какъ говоритъ Крыловъ, я и не замѣтилъ, да сдуру и задаю себѣ вопросъ, чтобы это могло значить. Во второмъ твоемъ письмѣ я прочиталъ, что ты получилъ мое письмо уже на мѣстѣ твоего теперешнего пребыванія: и слава Богу, какъ ты говоришь. Письмо твое къ Сигизмунду вѣроятно не застало уже Карла въ Оренбургѣ, потому что и до сей поры не имѣю отъ него никакого извѣстія. У П... дѣйствительно не оказалось германскихъ книгъ, не оказалось даже денегъ, чтобы купить ихъ: это естественно, человѣкъ передъ походомъ. А ты до глубины обрадовалъ мое сердце обѣщаніемъ прислать *Кернера* и особенно *Богдана Залескаго*. Благодарю тебя, друже мой милостивый! Благодарю я тебя и за прекрасные пѣсни *Совы*: мнѣ особенно понравилось изъ нихъ *„Два слова“* и *„Экспромтъ“*: если ты съ нимъ въ перепискѣ, то въ каждомъ твоемъ (письмѣ) цѣлуй его за меня всею полнотою моего сердца.

Отъ поэзіи перехожу прямо въ прозу. Что дѣлать! такова жизнь наша. Вотъ въ чемъ дѣло: Ираклій проситъ тебя, чтобы заказалъ для него въ Екатеринбургѣ яшмовую или топазовую печатку, для чего и посылается тебѣ это изображеніе, правду сказать, весьма неуклюжее, а потому ты и оставъ его вѣтунѣ, а закажи такой величины и формы, какъ ты свое послѣднее письмо запечаталъ, съ изображеніемъ лука и колчана на щитѣ, а на верху щита, вмѣсто шлема, дворянская корона.

Если просьба эта не будетъ сопряжена съ большими затрудненіями, то, прошу тебя, исполни ее. Есть у меня въ Екатеринбургѣ на гра-

пильномъ заводѣ товарищъ мой, нѣкто Пономаревъ: обратися къ нему, или какъ найдешь лучше.

Кланяется тебѣ Ираклій и Агата, кланяется тебѣ З. и Н.

Вотъ еще что: если ты не запасься *Каламомъ*, то совѣтовалъ-бы тебѣ выписать его черезъ Аркадія хоть нѣсколько эпизодовъ: это было-для тебя весьма полезно. Я изъ Одессы не имѣю совершенно никакихъ свѣдѣній, а самъ не пишу туда потому, что не имѣю адреса. Богаради, пришли ты мнѣ адресъ Аркадія.

Въ послѣднемъ письмѣ Л. писалъ мнѣ, что *ojciec prefect* сильно и опасно захворалъ; правда-ли это?

Добрый Л. Ф. [1]) просилъ В. А. [2]), чтобы позволилъ мнѣ написать образъ для здѣшней церкви и мнѣ отказано!

Грустно! невыносимо грустно! При такихъ неудачахъ, я думаю, и величайшій поэтъ откажется отъ всякой надежды на лучшую долю, а мнѣ безталанному и давно можно закрыть глаза для будущаго лучшаго.

Прощай, друже мой вѣрный! да благословитъ Господь всѣ дѣла твои и всѣ намѣренія твои! Не забудь выписать Оссіяна, онъ кажется есть въ французскомъ переводѣ. Ты теперь его съ наслажденіемъ прочитаешь. Декорація у тебя для Оссіяна превосходная.

Не имѣю больше тебѣ ничего сообщить, друже мой, ни хорошого, ни худого, окромѣ развѣ, что у меня ни полъ карандаша Фабера не имѣется; а хорошее вотъ что у насъ: прошедшей осенью Ираклій посадилъ на извѣстномъ тебѣ огородѣ нѣсколько вербъ и онѣ теперь зеленѣютъ; лѣтъ черезъ 10 ихъ можно будетъ рисовать, а пока я ограничиваюсь воображеніемъ, тебѣ-же совѣтую, друже мой, какъ можно болѣе дѣлать этюдовъ съ деревьевъ. Не упускай случая, учись, Богъ знаетъ, прійдется-ли другой разъ провести лѣто въ лѣсу.

Какъ-бы я радъ былъ, если-бы хотя къ зимѣ состоялся твой переводъ въ Оренбургъ: я бы себя чувствовалъ меньше сиротою, нежели это я теперь чувствую.

---

[1]) Левъ Филипповичъ.—*М. Т.*

[2]) Василій Алексѣевичъ Перовскій, корпусный командиръ и оренбургскій губернаторъ.—Пр. Бр. З—аго. У г. Чалаго въ письмѣ Бр. Залескаго къ Шевченку (стр. 83) стоитъ почему-то около имени Василій Алексѣевичъ—?—*М. Т.*

Кланяйся и цѣлуй Аркадія и сына его Бронислава.

Еще разъ прошу тебя на счетъ печатки, а въ отношеніи формы я полагаюсь совершенно на тебя. Еще маленькое условіе, чтобы печатка обошлась не болѣе 10 руб. сер.

Поцѣлуй Ѳ. и извини меня передъ нимъ, что я не пишу ему теперь,—въ караулъ гонятъ.

5.

9 октября. 1854-й годъ.

Вотъ что, мой искренный друже! Мы вообще болѣе или менѣе любимъ извинять свои даже неизвинительные проступки и маскировать ихъ, чѣмъ попало, лишь-бы казалось правдоподобно. Я тоже человѣкъ, только не маскирую передъ тобою моего долгаго, ничѣмъ неизвинительнаго молчанія, а раскажу тебѣ всю правду, какъ было. Почти вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ прибыла къ намъ и экспедиція Бера, а въ этой экспедиціи (какъ я тебѣ и прошлый годъ писалъ) находится и твой знакомый N. Данилевскій (который помнитъ и кланяется тебѣ), а такое явленіе, какъ Д., въ нашей пустынѣ можетъ скружить и не мою голову. Въ продолженіи его пребыванія здѣсь я почти съ нимъ не разлучался. Онъ своимъ присутствіемъ оживилъ во мнѣ одинокомъ давно прожитые прекрасные дни. Теперь, я думаю, ты простишь меня за молчаніе. Вообрази меня нѣсколько дней сряду счастливымъ, и ты, какъ мой самый искренный другъ, простишь меня и въ сердцѣ порадуешся моей мимолетной радости. Д. уѣхалъ теперь на короткое время въ устье Эмбы и я, пользуясь его отсутствіемъ, пишу панегирикъ прекрасному уму и сердцу N. Д., а впротчемъ все, что мнѣ бы хотѣлося написать тебѣ объ немъ, то это не умѣстилось-бы и на двухъ дестяхъ бумаги, а не то, что на одномъ листѣ, а потому и ограничусь, сказавъ тебѣ, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ; жаль только, что онъ ученый, а то былъ-бы настоящій поэтъ.

Но довольно пока о Д., поговорю о себѣ: съ наслажденіемъ прочиталъ я твое искренное письмо и душевно порадовался твоей надеждѣ быть переселену въ Оренбургъ, все таки ближе ко мнѣ. С. даже пишетъ мнѣ, что ты оставляешь военное сословіе и дѣлаешся библіотекаремъ оренбургской публичной библіотеки. Далъ-бы Богъ! я впрочемъ повѣрю только тогда, когда ты мнѣ самъ напишешь. Такъ-ли, или иначе, только

я сердечно желаю, чтобы ты скорѣе переселился въ Оренбургъ. Изъ твоего описанія окрестностей Златоуста я вижу, что тамошніе лѣса совсѣмъ не похожи на оссіановскіе лѣса, а болѣе похожи на полярные, безлюдные пустыни, величавыя только своимъ пространствомъ.

Милого Богдана [1]) я получилъ съ сердечною благодарностію и теперь съ нимъ не разлучаюсь; многіе пьесы наизусть уже читаю, одно иногда сердце тяготитъ - нѣкому слушать, нѣкому передавать той прелести, которую заключаетъ въ себѣ поэзія, а одному тяжело носить этотъ избытокъ возвышенныхъ божественныхъ идей. Во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ необходимъ для человѣка. Нынѣшнее лѣто прибыло сюда нѣсколько человѣкъ комфирмованыхъ; но лучше было-бъ не видать мнѣ ихъ никогда. Пустота страшная! но Богъ съ ними.

Переводы Совы такъ прекрасны, какъ и его оригинальная поэзія, и я не изъ скромности авторской, а говорю, какъ понимаю вещь. *Катерина* моя не такъ хороша, а главное не такъ цѣла, чтобы ее переводить, и переводить Совѣ, а впротчемъ онъ можетъ быть это лучше меня знаетъ. *Два слова* — эта идея такъ возвышенно прекрасна и такъ просто высказана у Совы, что Плещеева переводъ хотя и передаетъ идею вѣрно, но хотѣлось-бы изящнѣе стиха, хотѣлось-бы, чтобы стихъ легче и глубже ложился въ сердцѣ, какъ это дѣлается у Совы.

Ты мнѣ обѣщалъ еще томъ B. Z. [2]); благодарю тебя, друже мой единый! Что-же я тебѣ пошлю? чѣмъ я съ тобою подѣлюся? Я здѣсь, по милости N. читаю постоянно *Новины русской литературы*, и прочиталъ біографію Гоголя, которую ты мнѣ рекомендуешь. Она заинтересовала меня, какъ и тебя, письмами какъ документами, но какъ біографія она не полна [3]). Ты мнѣ въ первый разъ говоришь о Гороновичѣ довольно ясно, и я радъ, что ты его наконецъ увидѣлъ съ настоящаго пункта. Какъ живописца я его не знаю, а какъ человѣкъ онъ дрянь, это я знаю; но Богъ съ нимъ.

---

[1]) Поэзія Богдана Залескаго, на польскомъ языкѣ. — Пр. Бр. З—аго.

[2]) Богдана Залескаго. — Пр. Бр. З—аго.

[3]) Дѣло идетъ, очевидно, объ «Опытѣ біографіи Гоголя» П. М. (т. е. П. А. Кулиша) въ «Современникѣ». — *М. Т.*

Одескіе событія и на милого нашего Аркадія имѣли вліяніе, а въ томъ числѣ и на меня, разумѣется косвенно; я впротчемъ еще и *цыгана* [1]) не промоталъ, слѣдовательно до нужды еще далеко, а онъ то бѣдный, какъ видно, въ порядочныхъ тискахъ. Когда будешь писать ему, не забудь поцѣловать его за меня.

Я такъ опоздалъ теперь съ своимъ письмомъ, что не знаю куда и адресовать. Теперь уже осень и я тебя воображаю въ Оренбургѣ, а ты можешь быть еще въ богословскомъ заводѣ: что дѣлать, не знаю. Во всякомъ случаѣ я адресую на имя ojca prefecta, и когда ты уже въ Оренбургѣ и Карлъ тоже, то прошу тебя, поторопися выслать то, о чемъ я тебя просилъ, кромѣ платья, поторопися потому, что къ намъ тяжелая почта приходитъ въ послѣдній разъ въ октябрѣ. Естли не успѣешь, то отложи до марта. Сигизмундъ [2]) прислалъ мнѣ 6 карандашей Фабера № 2, и онѣ лежатъ у меня безъ употребленія. Не забудь, что карандаши мои въ карманѣ въ пальто, тамъ-же въ карманѣ есть еще двѣ гравировальные иглы и два куска чорнаго лаку для натиранія мѣдной доски; ихъ тоже пришли.

Ираклій кланяется тебѣ и проситъ тебя не забыть о печати, и я о томъ-же прошу тебя; ты этимъ меня заставишь долго и искренно благодарить тебя.

Агата тоже тебѣ кланяется: эта прекраснѣйшая женщина для меня есть истинная благодать Божія. Это одно, единственное существо, съ которымъ я увлекаюсь иногда даже до поэзіи. Слѣдовательно я болѣе или менѣе счастливъ; можно сказать, что я совершенно счастливъ; да и можно-ли быть иначе въ присутствіи высоконравственной и физически прекрасной женщины? Она тебя помнитъ и вспоминаетъ о тебѣ часто съ удовольствіемъ.

Что-же мнѣ еще написать тебѣ, друже мой единый? Ничего не напишу, чтобы не испортить письма какою-нибудь грустною мыслію. Неправда-ли, ни одно письмо мое къ тебѣ не оканчивалось такъ отрадно, какъ это? Великая вещь — сочувствіе ко всему благородному и прекрасному въ природѣ, и естли это сочувствіе раздѣляется съ кѣмъ-бы то

[1]) Акварель Шевченка. — Пр. Бр. З-аго.
[2]) Сѣраковскій. — Тоже.

не было, тогда человѣкъ не можетъ быть не счастливъ. Естли будешь писать Совѣ, то поцѣлуй его за меня и пожелай ему много-много возвышенныхъ мыслей и стиховъ.

А если ты теперь въ Оренбургѣ, то поцѣлуй за меня руку ojca prefecta и поцѣлуй милого моего и добраго Цейзика. Сигизмунду я пишу теперь-же.

Не забывай меня, друже мой единый.

(Продолженіе будетъ).

Библіографія.

Izydor Szaraniewicz.—O latopisiach i kronikach ruskich XV i XVI wieku, a zwłaszcza „wielikoho kniażtwa litowskoho i żomoitskoho“. Osobne odbicie z rospraw wydziału filozoficznego akademij umiejętności. T. XV. Krakow. 1882.

Исидоръ Шараневичъ.—О русскихъ лѣтописяхъ и хроникахъ XV и XVI ст., въ особенности-же о лѣтописи великаго княжества литовскаго и жомоитскаго.—Оттискъ изъ извѣстій философскаго отдѣла краковской академіи наукъ, томъ XV. Краковъ. 1882 г.

Уважаемый львовскій профессоръ г. Исидоръ Шараневичъ, въ качествѣ члена краковской академіи наукъ, предложилъ этой академіи предпринять изданіе западно-русскихъ лѣтописцевъ XV и XVI столѣтій и составилъ трудъ, заглавіе котораго выписано выше, въ качествѣ предварительнаго разсужденія съ цѣлью обратить вниманіе академіи на предложенные имъ для изданія памятники. Этою цѣлью и объясняется то обстоятельство, что записка много потрудившагося для исторіи галицкой Руси ученаго появилась на польскомъ языкѣ.

Въ изслѣдованіи своемъ г. Шараневичъ подвергаетъ внимательному разбору и сличенію между собою слѣдующія западно-русскія лѣтописи, такъ называемаго литовскаго или средняго цикла, который онъ строго отграничиваетъ какъ отъ цикла древнихъ русскихъ лѣтописей, такъ и отъ цикла лѣтописцевъ позднѣйшихъ, козацкихъ:

1) Лѣтопись великихъ князей литовскихъ (изд. Даниловича и Попова).

2) Русская лѣтопись (изд. Даниловича).

3) Краткая кіевская лѣтопись (изд. кн. Оболенскаго, такъ наз. Супральская).

4) Хроника литовская (изд. Нарбутта, такъ наз. Быховца).

5) Лѣтописцы Волыни и Украины (рукопись института Оссолинскихъ во Львовѣ).

6) Лѣтописецъ великаго княжества литовскаго и жомоитского (рукопись библіотеки Рачинскихъ въ Познани и копія его fac-simile, изготовленная Бѣлёвскимъ для рукописнаго отдѣленія института Оссолинскихъ во Львовѣ).

Первые четыре источника хорошо извѣстны въ русской исторіографіи, потому мы обратимъ вниманіе только на два послѣдніе. *«Лѣтописцы Волыни и Украины»* представляютъ собственно рукописный сборникъ лѣтописей, въ составъ котораго вошли 6—7 отрывковъ мѣстныхъ лѣтописей: кіевскихъ, волынскихъ и смоленскихъ XVI и XVI столѣтій, текстъ которыхъ частью совпадаетъ, частью поясняетъ и дополняетъ извѣстныя понынѣ русскія лѣтописи; нѣкоторые-же отрывки представляютъ совершенно самостоятельные и оригинальные лѣтописные разсказы. *«Лѣтописецъ великаго княжества литовскаго и жомоитскаго»*, разборомъ котораго г. Шараневичъ занялся особенно тщательно и подробно, представляетъ по его мнѣнію совершенно самостоятельную лѣтопись и напрасно по нынѣ почитался варіантомъ лѣтописи Быховца. Мнѣніе это авторъ подтверждаетъ многочисленными сличеніями обоихъ текстовъ; важнѣйшіе его аргументы состоятъ въ слѣдующемъ: составитель «лѣтописца великаго княжества литовскаго» по убѣжденіямъ своимъ преданъ монархической власти великихъ князей и одобряетъ ихъ политическія тенденціи; онъ съ особою любовью повѣтствуетъ о дѣяніяхъ великихъ князей Александра и Сигизмунда, не одобряетъ князя Михаила Глинскаго и при каждомъ удобномъ случаѣ заноситъ въ лѣтопись распространяемые его врагами дурные о немъ слухи; составитель этой лѣтописи жилъ правдоподобно при дворѣ Сигизмунда I; ему не только точно и подробно извѣстна политическая дѣятельность этого великаго князя, но онъ заноситъ въ лѣтопись съ мельчайшими подробностями (указывая часы, обстановку, погоду и т. п.) всѣ случаи чисто семейной его жизни и мелкія придворныя происшествія; притомъ составитель лѣтописи пользуется совершенно самостоятельными оффиціальными документами, изъ которыхъ подробно вымѣчаетъ различныя пожалованія, назначенія въ должности и т. д., а также, вѣроятно изъ придворной метрической книги, выписываетъ обстоятельныя свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія князей, о дняхъ рожденія дѣтей въ семьѣ великаго князя и т. п. Источники эти не были извѣстны составителю лѣтописи Быховца, который за то пользовался при разсказѣ событій XIII вѣка Ипатскою лѣтописью, совершенно не извѣстною «Лѣтописцу великаго княжества

литовскаго и жомоитскаго». Притомъ, по своему субъективному настроенію и по политическимъ симпатіямъ, составитель лѣтописи Быховца стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія; онъ сочувствуетъ группѣ литовско-русскихъ князей, пытавшихся ограничить власть великаго князя и противудѣйствовавшихъ уніи съ Польшею, вслѣдствіе этого отзывы его о князѣ Глинскомъ сочувственны, а дѣйствія вел. кн. Александра подвергаются часто порицанію. Наконецъ обѣ лѣтописи, хотя составлены по одному плану, тѣмъ не менѣе и начинаются не вполнѣ тождественно и прекращаются въ различное время.

Конечно, сколь ни авторитетно имя г. Шараневича, мы полагаемъ, что его выводы могутъ быть окончательно провѣрены историческою критикою только послѣ изданія «Лѣтописца великаго княжества литовскаго и жомоитскаго», но тѣмъ не менѣе мы признаемъ, что его добросовѣстный ученый трудъ въ значительной мѣрѣ подготовляетъ разработку историческаго матеріала для исторіи западной Руси, надъ которымъ понынѣ трудились весьма немногіе ученые. Въ случаѣ-же, если состоится предположенное г. Шараневичемъ изданіе западно-русскихъ лѣтописей, исторія западно-русскаго края будетъ ему вдвойнѣ признательна какъ за иниціативу этого весьма желательнаго научнаго предпріятія, такъ и за солидный трудъ, предпринятый имъ для объясненія и оцѣнки самыхъ существенныхъ памятниковъ западно-русскаго бытописанія.

В. А.

Дренякинъ.—Бѣлгородъ съ уѣздомъ. Историко-статистическій очеркъ. Харьковъ, 1882 г.

Книжка г. Дренякина, «члена сотрудника императорскаго русскаго географическаго общества», какъ значится въ его подписи подъ предисловіемъ, привлекла наше вниманіе какъ своимъ заглавіемъ, такъ и квалификаціею автора. При крайней скудости какъ источниковъ, такъ и разработки исторіи слободскихъ полковъ, мы разсчитывали найти въ монографіи г. Дренякина мѣстный матеріалъ для дополненія малочисленныхъ свѣдѣній, приведенныхъ понынѣ въ извѣстность, объ исторической судьбѣ слободской Украйны. Ожиданія наши были естественны, такъ какъ въ теченіи всего XVIII столѣтія Бѣлгородъ былъ центральнымъ мѣстомъ управленія козацкихъ слободскихъ полковъ, находившихся подъ главнымъ начальствомъ бѣлгородскихъ воеводъ.

Къ несчастію, надежды наши не оправдались и изъ брошюры г. Дренякина мы не только не узнали ничего новаго, но нашли въ ней

менѣе данныхъ, чѣмъ въ двухъ страницахъ географическо-статистическаго словаря Семенова, посвященныхъ Бѣлгороду и его уѣзду, съ которыми авторъ даже не справился, не смотря на свое знаніе «члена сотрудника географическаго общества». Вся тощая, хотя роскошно изданная, брошюра (65+II стр.) раздѣлена, согласно заглавію, на двѣ части: историческую и статистическую. Въ статистической части помѣщены подъ видомъ статистическихъ таблицъ различныя перечневыя вѣдомости, не дающія метеріала ни для сличеній, ни для выводовъ; при чемъ мы замѣтили, что нѣкоторыя таблицы составлены по весьма странному методу: одни и тѣже заглавія надписаны и въ верхнихъ графахъ и въ боковыхъ и имъ конечно отвѣчаетъ одна и таже цыфра. Предоставляя впрочемъ статистикамъ судить о достоинствѣ этой части труда г. Дренякина, мы конечно обратились съ большимъ интересомъ къ исторической части, но здѣсь мы нашли даже не компиляцію, а простыя выписки изъ двухъ сочиненій, которыми, по неизвѣстной причинѣ, авторъ нашелъ возможнымъ исключительно ограничиться,—изъ «Городскихъ поселеній россійской Имперіи» и изъ статьи архимандрита Анатолія: «Бѣлгородъ и его святыня», помѣщенной въ «Курскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Хотя изъ выписокъ этихъ мы узнаемъ, въ чемъ впрочемъ и раньше мы не сомнѣвались, что Бѣлгорода (курскаго) не слѣдуетъ отождествлять ни съ Бѣлгородомъ кіевскимъ, ни съ Бѣлою Вѣжею хазарскою; но за то ни объ исторіи колонизаціи хотя-бы только бѣлгородскаго уѣзда, ни о значеніи бѣлгородскихъ воеводъ въ XVII ст., ни объ устройствѣ слободскихъ полковъ, мы не находимъ ничего, кромѣ намековъ на общіе, всѣмъ давно извѣстные факты. Воздержаніе свое по этому поводу авторъ объясняетъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, всѣ матеріалы для болѣе обстоятельной мѣстной исторіи «то вывезены, то подверглись тлѣнію, мышеѣду (sic) или пошли на обертку корицы и гвоздики». Изъ такого безнадежнаго и безвыходнаго положенія историкъ Бѣлгорода спасенъ только тѣмъ, что уцѣлѣли «Городскія поселенія россійской имперіи» и статья архимандрита Анатолія.

Прочитавъ книжку г. Дренякина, читатель невольно задаетъ себѣ вопросъ: къ чему и для кого она издана? На вопросѣ этотъ авторъ отвѣчаетъ, что онъ желалъ «распространить по лицу родной мѣстности вѣрныя о ней свѣдѣнія—новизну для большинства». Сомнѣваясь нѣсколько въ «новизнѣ» свѣдѣній, мы полагаемъ, что даже желанію популяризировать эти скудныя свѣдѣнія авторъ самъ положилъ довольно существенную преграду»,—его тощая во всѣхъ отношеніяхъ брошюра стоитъ 1 рубль.

В. А.

Сношенія императора Рудольфа II съ козаками и ихъ участіе въ войнѣ угро-турецкой 1594—1592 года. Написалъ Корнило Заклинскій. Львовъ. 1882 г.

Г. Корнило Заклинскій молодой, весьма трудолюбивый и талантливый галицко-русскій ученый, недавно еще выступилъ на литературное поприще. Если не ошибаемся, первый его трудъ появился на страницахъ научно литературнаго львовскаго журнала «Зоря» въ 1880 г., подъ заглавіемъ: «Руски лѣтописи и лѣтописцѣ XVII столѣтія». Въ этомъ трудѣ авторъ представилъ весьма тщательный и дѣльный разборъ т. н. козацкихъ лѣтописей XVII ст. Продолжая заниматься въ избранномъ направленіи, г. Заклинскій помѣстилъ въ годичномъ отчетѣ академической (русской) гимназіи во Львовѣ за 1882 г., въ которой онъ состоитъ учителемъ, монографію, заглавіе которой мы выписали.

Не смотря на скромный размѣръ предположенной задачи, г. Заклинскій познакомился весьма основательно съ многочисленными источниками и пособіями, относящимися къ избранному имъ сюжету и малѣйшую подробность обставилъ ссылками, свидѣтельствующими о крайне добросовѣстномъ отношеніи его къ историческому изученію. Кромѣ сочиненій и документовъ, относящихся непосредственно къ исторіи козачества и южной Руси, онъ изучилъ важнѣйшіе источники для исторіи Германіи, Турціи, Польши, Венгріи и Трансильваніи въ концѣ XVI столѣтія и извлекъ изъ нихъ всѣ указанія и данныя для своего сюжета. Очеркъ отличается живымъ и толковымъ изложеніемъ. Указаны причины борьбы Турціи съ Германіею и, вслѣдствіе завоевательной политики первой, изолированное положеніе императора Рудольфа второго въ то время, когда турки устремились съ усиленною энергіею на завоеваніе Венгріи. Вслѣдствіе малодушной и недальновидной политики Польши, императоръ Рудольфъ долженъ былъ одинъ вынести все бремя борьбы, средства-же его были весьма ограничены; члены германской имперіи не доставляли на военныхъ контингентовъ, ни денегъ, и императоръ принужденъ былъ силы для борьбы извлекать исключительно изъ своихъ родовыхъ владѣній. Между тѣмъ въ 1593 году сильная турецкая армія, подъ начальствомъ Синана-паши, переправилась черезъ Дунай, заняла южную часть Венгріи, вмѣстѣ съ ея столицею Будою, и овладѣла сильною крѣпостью Рабатъ; въ помощь этой арміи вызваны были крымскіе татаре; они цѣлою ордою прорвались черезъ польскія владѣнія, прошли Карпаты и соединились на Дунаѣ съ турецкою арміею. Среди столь трудныхъ обстоятельствъ при дворѣ императора въ Прагѣ появился политическій авантюристъ, нѣкто Станиславъ Хлопицкій, который, выдавая себя за козац-

каго гетмана, предложилъ императору содѣйствіе козацкаго корпуса, числомъ въ 10,000 человѣкъ, которые будто отправили его въ Прагу, съ порученіемъ заявить свою готовность поступить на императорскую службу. Рудольфъ II не имѣлъ яснаго представленія о томъ, что такое козаки, и потому поручилъ своему послу, отправлявшемуся въ Москву, собрать справки по этому предмету. Посолъ вскорѣ донесъ, что въ Москвѣ совѣтуютъ принять козаковъ на службу, что это народъ воинственный, искони враждебный туркамъ и весьма удобный въ качествѣ наемнаго войска, особенно для партизанской войны. Получивъ это извѣстіе, императоръ рѣшился воспользоваться предложеніемъ Хлопицкаго и отправилъ къ казакамъ посла—Эриха Ляссоту съ подарками и съ предложеніемъ явиться къ нему на помощь въ Венгрію и безпокоить турокъ нападеніями на ихъ владѣнія. Исторію этого посольства г. Заклинскій описалъ весьма подробно по извѣстному дневнику самаго Ляссоты. Результатомъ договора, заключеннаго послѣднимъ съ козаками въ Сѣчи на Базавлукѣ, были три похода козаковъ противъ турокъ и ихъ союзниковъ, предпринятые въ 1594 и 1595 годахъ подъ начальствомъ Лободы и Наливайка. Первый походъ Наливайка, въ іюлѣ 1594 года, имѣлъ цѣлію произвести диверсію въ тылу турецкой арміи; Наливайко сжегъ города Тягинь, Килію и опустошилъ турецкія и татарскія поселенія по нижнему Дунаю и Пруту. Гораздо болѣе вліянія на общій ходъ войны имѣлъ походъ, предпринятый въ сентябрѣ того-же года на Молдавію; Лобода и Наливайко съ отрядомъ въ 12,000 козаковъ опустошили сѣверную Молдавію, заняли Яссы и разбили у Сучавы молдавскаго господаря Арона, вѣрнаго понынѣ вассала султана; пораженіе это заставило Арона отказаться отъ зависимосси отъ Турціи и вступить въ союзъ съ волошскимъ господаремъ Михаиломъ и трансильванскимъ княземъ Сигизмундомъ Батори; союзники рѣшили отложиться отъ Турціи и подчиниться императору, который такимъ образомъ пріобрѣталъ весьма солидную поддержку въ борьбѣ съ турками. Комбинацію эту давно уже предлагалъ Сигизмундъ Батори, но она не могла состояться вслѣдствіе сопротивленія Арона, который принужденъ былъ приступить къ союзу только вслѣдствіе погрома, нанесеннаго ему козаками. Это важное политическое значеніе похода Лободы и Наливайка первый разъ указано г. Заклинскимъ, такъ какъ понынѣ, со словъ польскихъ бытописателей, обыкновенно полагали, что походъ этотъ былъ предпринятъ исключительно съ цѣлью грабежа. Наконецъ третій походъ состоялся въ августѣ 1595 года. Наливайко прорвался черезъ Карпаты въ Венгрію и до поздней осени принималъ участіе въ дѣйствіяхъ противъ турокъ имперской арміи, состоявшей подъ начальствомъ эрцгерцога Максимиліана. Въ 1596 году участіе

козаковъ въ венгерско-турецкой войнѣ прекратилось, потому что въ это время имъ пришлось бороться съ поляками. Поводомъ этого столкновенія и были главнымъ образомъ походы козаковъ въ Венгрію, такъ какъ польское правительство въ данное время, руководясь взглядами канцлера Яна Замойскаго, старалось не только сохранить строгій нейтралитетъ, но и оказывало косвенно нерасположеніе къ императору и поддержку Турціи,—поляки пропустили черезъ свои владѣнія татаръ, стремившихся въ Венгрію и потомъ способствовали возведенію на престолъ Молдавіи господаря, расторгшаго союзъ христіанскихъ князей въ придунайскихъ земляхъ. Конечно при такомъ настроеніи польское правительство должно было воздержать козаковъ отъ походовъ въ помощь императору и потому приказало гетману Жолкевскому разсѣять ополченія Лободы и Наливайка.

Мы передали въ краткихъ чертахъ содержаніе монографіи г. Заклинскаго; остается намъ пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свои изслѣдованія съ такими-же научными пріемами, какіе мы встрѣтили въ его первыхъ двухъ работахъ, и мы не сомнѣваемся, что онъ займетъ весьма почетное мѣсто среди тружениковъ, разрабатывающихъ исторію южной и западной Руси.

В. А.

О Богданѣ Хмельницкомъ, соч. Н. П. Буцинскаго. Харьковъ, въ тип. Зильберга. 1882 г. 8°. 240.

Въ весьма недавнее время въ Харьковѣ вышла интересная по сюжету и проводимому въ ней взгляду книжка, заглавіе которой сейчасъ приведено. Авторъ оной, г. Буцинскій, силится, такъ сказать, пролить совершенно новый свѣтъ на личность Богдана Хмельницкаго, на его отношенія къ московскому государству и Украйнѣ, заявивъ, что онъ воспользовался матеріаломъ, который находится въ «польской коронной метрикѣ» и которымъ до сихъ поръ ни одинъ изъ изслѣдователей эпохи Богдана Хмельницкаго не пользовался.

«Польская коронная метрика» составляетъ собственно архивъ королевства польскаго, послѣ взятія Суворовымъ Варшавы, по повелѣнію императрицы Екатерины II, перевезенный въ Петербургъ. Впослѣдствіи часть этого архива перевезена въ Москву и въ настоящее время она составляетъ особый отдѣлъ въ главномъ московскомъ «архивѣ иностранныхъ дѣлъ». «Эти матеріалы, при надлежащемъ сопоставленіи и обсужденіи, говоритъ нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ, должны измѣ-

нить вообще принятый наукою взглядъ на личность Богдана Хмельницкаго и на характеръ его многознаменательной эпохи».

Не входя въ разборъ книги Буцинскаго, а только дѣлая библіографическое извѣстіе, прибавимъ слова автора, по поводу смерти Богдана: «онъ (т. е. народъ украинскій) не получилъ отъ Богдана ничего, кромѣ ничтожнаго преемника, въ лицѣ его сына Юрія, которому приличнѣе было-бы «козацкіе курени подметать, по выраженію народной думы, чѣмъ гетманствовать», ничего, кромѣ смутъ, волненій, междоусобій и тысячи новыхъ бѣдствій».

Эпиграфомъ къ книгѣ взяты слѣдующія слова изъ народной пѣсни:

О бодай Хмеля Хмельницкого
Перви куля не минула...
А другая устрелила,
У серденько уцелила.

Мы указали основную мысль автора; какъ онъ справился съ нею, насколько успѣлъ раскрыть и подтвердить оную положительными историческими данными, съ помощію стараго и новаго матеріала, о томъ будетъ сказано особо. Выдающаяся историческая личность Хмельницкаго и установившіеся въ наукѣ взгляды на него требуютъ, конечно, осторожнаго и крайне серьезнаго обращенія съ ними. Остался-ли авторъ названной книги вѣрнымъ этой мысли, увидимъ впослѣдствіи.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ПАНЪ ЯНЪ МОНАСТЫРСКІЙ,

(раціональный хозяинъ-помѣщикъ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія).

Обыкновенно разсказываютъ, что помѣщики нашего края во времена крѣпостнаго права заботились о томъ, чтобы привести своихъ крестьянъ въ самое лучшее экономическое положеніе,—что это было прямо въ интересахъ самого помѣщика, что если и жилось тяжело крестьянамъ, если и бывали они поставлены въ безвыходное положеніе, то только въ тѣхъ случаяхъ, когда село было отдано въ поссесію или вообще на тѣхъ или другихъ условіяхъ находилось во временномъ владѣніи какого-нибудь лица. Далеко не такъ было на самомъ дѣлѣ, далеко не такъ думалъ самъ помѣщикъ, желавшій и умѣвшій, какъ можно больше, извлечь пользы изъ своего имѣнія; онъ, напротивъ того, старался, какъ можно больше, обнищить своихъ крестьянъ, убить ихъ морально, принудить сдѣлаться его должниками и такимъ образомъ превратить въ своихъ вѣчныхъ экономическихъ рабовъ. У насъ подъ рукой нѣсколько уголовныхъ дѣлъ начала двадцатыхъ годовъ этого столѣтія о угнетеніи помѣщиками своихъ крестьянъ, и помѣщики эти, по заявленію современниковъ, сосѣднихъ съ первыми пановъ, хорошіе, разумные хозяева; таковы: въ кіевскомъ уѣздѣ—помѣщикъ Рущицъ, владѣтель с. Рубежевки, въ липовецкомъ уѣздѣ—Ягеловичъ, владѣ-

тель с. Терлицы, Халандовой, въ звенигородскомъ—Янъ Монастырскій, повѣтовый хорунжій, владѣтель Окниной, Рушковки и Неморожа. Изъ нихъ болѣе характерный послѣдній, и дѣло [1]) его съ неморожскими крестьянами полнѣе дѣлъ первыхъ двухъ; на немъ мы остановимся и покажемъ, въ чемъ заключалась его раціональная система хозяйства.

Въ началѣ 1816 года въ с. Неморожъ пріѣхалъ новый владѣлецъ, Монастырскій, купившій его у помѣщика Чарковскаго; послѣдній, собравъ все неморожское общество въ свой дворъ, представилъ ему новаго повелителя. Не весело встрѣтили неморожане такую перемѣну; они знали, какъ хозяйничалъ Монастырскій въ недалеко лежащемъ отъ Неморожа селеніи Окниной, и громко заявляли опасенія на счетъ ожидающей ихъ участи: „пропали жъ мы теперь“, говорили они при представленіи. Чарковскій, хотя владѣлъ Неморожемъ въ пору значительнаго усиленія крѣпостнаго права въ звенигородскомъ уѣздѣ, но опасаясь борьбы съ крестьянами, не измѣнялъ издавна заведеннаго инвентаря, и крестьянамъ жилось болѣе или менѣе сносно, было нѣсколько хозяевъ, которые жили даже богато. Монастырскій, какъ новый владѣлецъ и опытный хозяинъ, ничего не побоялся, ничѣмъ не стѣснялся; онъ тутъ же въ дворѣ предложилъ крестьянамъ новое условіе:

— Вы до сеи поры робили панщины по три дні въ тыждень, відъ кожнои хати, говорилъ онъ неморожской громадѣ, а теперь мені робіть по три дні відъ кожнои души, а за се я платитиму за васъ всі казенни податки и чиншу не буду требовать зъ васъ!

— Добре, пане! коли такъ, то будемо робить по три дні видъ души, отвѣтили селяне, соглашаясь на предложеніе своего новаго помѣщика; но письменно никакого условія не заключали; „мы думали, говорили они въ послѣдствіи на судѣ, шо якъ договорились, то такъ и повинно буть“. Монастырскій этого не думалъ, а сдѣлалъ такое предложеніе только для облегченія перехода къ новымъ условіямъ,—онъ заплатилъ подати за первую половину 1816 года, а дальше заставилъ уплачивать самихъ крестьянъ; условленную жъ

---

[1]) Дѣло изъ звенигородскаго повѣтоваго суда о угнетеніи помѣщикомъ Монастырскимъ крестьянъ с. Неморожи 1823 г., хран. въ кіев. цент. арх.

работу все-таки требовалъ: всякій крестьянинъ и крестьянка отъ пятнадцати до пятидесяти лѣтъ должны были выходить на барщину по три дня въ недѣлю; при этомъ Монастырскій такъ опредѣлилъ рабочій день, что крестьяне вмѣсто трехъ дней часто должны были работать пять, шесть, а иногда оканчивали и въ седьмой. Въ лѣтнее время онъ положилъ для каждой рабочей души урочной работы—пажать въ три дня пять копъ сноповъ, мѣрою каждый „въ шесть пядей", т. е. полтора аршина,—работа, которую самый лучшій работникъ едва можетъ выполнить въ четыре дня; зимой каждому нужно было вымолотить такую копу въ одинъ день; „такъ що мы молотимъ—молотимъ цілый тиждень, а въ неділю, якъ задзвонять усі дзвоны, и у людей до церкви йдуть Богу молиться, мы стаемъ віяти паньське жито",—объясняли неморожане трудность этой работы.

Жали у Монастырскаго не только рожь да пшеницу, но и овесъ, ячмень, просо, косили только траву, такъ что лѣтомъ почти все время у крестьянъ уходило на экономическія работы; если успѣвали они сдѣлать что нибудь для себя, то пользовались для этого воскресеньями и лунными ночами. Оканчивали неморожане у себя жатву, но барщина еще оставалась за ними, тогда Монастырскій выгонялъ ихъ на работу въ Окнину или Рушковку, при чемъ приказывалъ набирать и харчей своихъ. Впрочемъ, кто не имѣлъ или же по какой либо другой причинѣ не могъ взять съ собой съѣстныхъ припасовъ, тому давали въ Окниной кашу изъ остатковъ отъ всякихъ круповъ и хлѣбъ, черный какъ земля, изъ „посліду" жита, ячменя, гречки, гороху и овса, да и того давалось очень мало. На переходъ туда и обратно въ Неморожъ употребляли обыкновенно два дня, но этого Монастырскій въ счетъ барщины не вносилъ; да и по возвращеніи изъ Окниной не давалъ „одпочить" (т. е. поработать для себя), а сейчасъ-же гонялъ на экономическія работы.

Наставала уборка хлѣба съ поля на гумно, и крестьяне должны были по цѣлымъ недѣлямъ работать въ пользу помѣщика своимъ скотомъ и возами; а на воскресенье Монастырскій приказывалъ возы ихъ запирать на гумнѣ, чтобы никто изъ крестьянъ не могъ свезти съ поля своего хлѣба раньше помѣщика, такъ что у многихъ крестьянъ если не пропадалъ хлѣбъ на нивѣ, то простоявъ

сжатый до поздней осени на полѣ отъ частыхъ дождей, бывающихъ въ это время года, проросталъ и сгнивалъ въ копнахъ. Да и на слѣдующій урожай у многихъ крестьянъ не было никакой надежды. Монастырскій распорядился, чтобы сначала были покончены всѣ экономическія полевыя работы, и только по окончаніи таковыхъ позволилъ крестьянамъ пахать для себя; запашка была сдѣлана поздно и наскоро, изъ посѣяннаго что взошло, то вымерзло отъ наступившихъ вскорѣ холодовъ, а что не взошло, то такъ и сгнило зерномъ въ землѣ.

Пришла зима, неморожане оказались безъ хлѣба, а Монастырскій не отпускаетъ никуда на заработки; тогда кто былъ побогаче, продавалъ своему-же помѣщику что нибудь изъ своего имущества— лошадь, вола, корову, конечно, за безцѣнокъ, а тѣ, что были побѣднѣе, должны были обратиться къ Монастырскому съ просьбой дать въ займы. Монастырскій съ удовольствіемъ удовлетворялъ ихъ просьбѣ, но выдавалъ „нечистое зерно", а на слѣдующій годъ требовалъ чистаго и на бо́льшую мѣру. Конечно, при такихъ условіяхъ крестьяне никогда не могли вполнѣ возвратить занятаго, напротивъ того, все болѣе и болѣе влѣзали въ долги; тогда Монастырскій сталъ переводить долгъ на барщину и вмѣсто занятаго требовалъ извѣстное количество рабочихъ дней.

Прохозяйничавъ такимъ образомъ въ теченіи двухъ лѣтъ, Монастырскій успѣлъ до половины неморожскихъ крестьянъ превратить въ своихъ должниковъ; оставалась другая половина изъ болѣе зажиточныхъ, привести и этихъ въ такое положеніе онъ поручилъ племяннику своему Бардецкому, а самъ переѣхалъ въ Рушковку.

Бардецкій началъ прямо грабить крестьянъ: какъ-то въ экономическій дворъ зашла свинья съ поросятами крестьянина Гончара, Бардецкій приказалъ загнать ее въ хлѣвъ и на другой день за обѣдомъ наслаждался жаркимъ изъ Гончареваго поросенка; вѣроятно, такая-же участь постигла-бы и всѣхъ прочихъ поросятъ и самую свинью, если-бы пастухъ не тронулся просьбами Гончара и ночью не выпустилъ ихъ изъ хлѣва. У Юрія Горбаченка онъ-же Бардецкій „взялъ насильно одного барана и употребилъ въ свою пищу". У Андрея Кишлыка, скупившаго съ крестьяниномъ Мов-

чаномъ по разнымъ мѣстамъ „лісокъ для обручей“, тотъ-же племянникъ отнялъ весь матеріалъ, а хозяевъ заковалъ въ желѣзныя пута и закованныхъ употреблялъ въ теченіи недѣли для молотьбы хлѣба. И слуги экономическіе, смотря на своихъ пановъ, поступали точно также; такъ, асаулъ Макогонъ, увидавъ на полѣ подлѣ стоявшихъ въ связкахъ конопель укормленнаго кабана одного крестьянина, убилъ его, осмалилъ и саломъ подѣлился съ Бардецкимъ.

Но больше всѣхъ потерпѣлъ Максимъ Бурсакъ; предки его, какъ разсказывалъ онъ въ своемъ прошеніи, лѣтъ двѣсти тому назадъ поселились около озера, называемаго Неморожъ, и вырубивъ тутъ часть лѣса, стали пахать расчищенную землю; затѣмъ построили мельницу, винокурню и всѣмъ этимъ пользовались, платя помѣщику условленный чиншъ. На такихъ-же основаніяхъ думалъ пользоваться достояніемъ своихъ предковъ и Максимъ съ двумя братьями. Монастырскій стерпѣлъ два года, а на третій подъ разными предлогами приказалъ Бардецкому разобрать винокурню, въ мельницу посадить другого мельника, а Бурсака выселить въ избу перваго. Бурсакъ занесъ жалобу въ судъ, но безуспѣшно; тогда Монастырскій обвинилъ его „въ ослушности помѣщичьей власти“, приказалъ высѣчь, отнять скотъ, заковать въ кандалы и, какъ крѣпостнаго, выгонять на барщину. Еще разъ попробовалъ Бурсакъ жаловаться на Монастырскаго, указывалъ при этомъ на свое шляхетское происхожденіе, на которое, впрочемъ, документовъ не имѣлъ,—указывалъ на затраты, произведенныя его предками и имъ самимъ при постройкѣ мельницы, винокурни; но напрасно, судъ его доводовъ не слушалъ, и Бурсакъ долженъ былъ позабыть о своихъ вольностяхъ и сдѣлаться крѣпостнымъ Монастырскаго.

Такое разореніе понуждало многихъ оставлять свое село и уходить то на заработки, то на поселеніе въ Бессарабію, Херсонщину; этимъ пользовался Монастырскій, какъ нельзя лучше: бѣгство, даже всякая попытка къ бѣгству давала ему поводъ завладѣть всѣмъ имуществомъ бѣглеца и завладѣть безвозвратно; если и возвращался крестьянинъ назадъ въ свое село, имущество его все таки удерживалось въ экономіи, и помѣщикъ объяснялъ, что оно удерживается, или въ предотвращеніе побѣга, или за неотработанную бѣглецомъ барщину и уплоченныя будто-бы за него казенныя

подати, хотя подати были взысканы Монастырскимъ съ общества, а заведенную барщину отрабатывалъ крестьянинъ по возвращеніи. Впрочемъ, убѣжавшіе рѣдко сами, по своей волѣ возвращались назадъ; ихъ отыскивали и возвращали дворовые люди Монастырскаго,— своего рода ищейки, такъ вышколенные своимъ паномъ, что достаточно было имъ разъ напасть на слѣды бѣглецовъ, и они доходили по нимъ до мѣста укрывательства, призывали на помощь полицію и при ея содѣйствіи доставляли къ своему помѣщику.

Кромѣ того всякая экономія имѣла право остановить проходившихъ черезъ село крестьянъ и потребовать у нихъ паспорта, и если такого не оказывалось, то долженъ былъ представить ихъ или въ полицію, или прямо къ ихъ владѣльцу. Такъ и случилось съ тремя неморожскими крестьянами: Маковѣемъ, Коваленкомъ и Набащенкомъ, которые ушли было безъ вѣдома экономіи на заработки въ Херсонщину; въ селеніи Новой Парасковеи ихъ встрѣтилъ помѣщикъ Ивановъ, потребовалъ билета, и когда не могли его представить, то Ивановъ, отнявъ у нихъ заработанные ими девяносто пять рублей, препроводилъ бѣглецовъ въ Рушковку къ Монастырскому. Тутъ ихъ ожидала панская немилость. Монастырскій приказалъ днемъ заковывать ихъ въ кандалы и въ такомъ видѣ выводить на работу, а на ночь набивать на ноги колодки и запирать въ имѣвшуюся для такихъ цѣлей въ каждомъ имѣніи Монастырскаго „мурованую тюремку". Такъ они работали въ теченіи семи недѣль; на восьмой помѣщикъ, собравъ все рушковское общество, для отвращенія и другихъ отъ побѣга велѣлъ наказать бродягъ по голому тѣлу въ двѣ розги: съ одной стороны сѣкъ асаулъ Макогонъ, а съ другой дворецкій Монастырскаго, и дали каждому по триста ударовъ. Затѣмъ избитыхъ до крови положили на повозки и отвезли въ Неморожъ; здѣсь по настоянію Монастырскаго они должны были дать клятвенное обѣщаніе въ церкви передъ евангеліемъ въ томъ, что въ другой разъ не уйдутъ изъ села; но и это казалось Монастырскому недостаточнымъ, онъ потребовалъ, чтобы каждый изъ нихъ представилъ по три поручителя изъ надежныхъ крестьянъ, и только когда таковые были представлены, Монастырскій позволилъ снять съ нихъ кандалы. Вскорѣ послѣ этого дворовые привели изъ бѣговъ крестьянина Лобзенка, Монастырскій наказалъ его „немилосерднымъ образомъ розгами", а потомъ велѣлъ

мальчику, покоевому козачку, Дарнадѣ поливать окровавленную спину уксусомъ, смѣшаннымъ съ водкой, посыпать солью и растирать по избитымъ мѣстамъ. „Дарнада исполнялъ приказаніе пана, Лобзенко-же производилъ ужасный крикъ и вопль“; затѣмъ панъ обрилъ Лобзенку половину головы, одну щеку, усъ и въ такомъ видѣ отпустилъ его домой.

Въ другой разъ, пересылая изъ Рушковки въ Неморожъ бѣглецовъ, Монастырскій такъ писалъ Бардецкому: „этимъ гунцволамъ,—збѣгамъ выправить кожу въ пятнипу подлѣ корчмы или гдѣ найболѣе собирается народа; приказываю непремѣнно дать каждому по сто розокъ; къ исповѣди можно снять кандалы, а какъ отговѣются, сейчасъ-же заковать и посадить въ тюремку, чтобы и другіе, смотря на нихъ, не имѣли повадки къ бѣгству“.

Такое-же наказаніе ожидало всякаго, ослушавшагося приказанія помѣщика или служителей его; крестьянина Левченка за то, что не успѣлъ почистить къ пріѣзду Монастырскаго винокуренныхъ котловъ, Монастырскій велѣлъ Бардецкому бить толстою палкою; за двадцатымъ ударомъ палка переломалась, тогда Монастырскій замѣтилъ Бардецкому: „если такъ погано наказываешь при мнѣ, то безъ меня, вѣроятно, и того не дѣлаешь“, и схвативъ кочергу, билъ Левченка до усталости. Наказаніе было такъ жестоко, что даже такой жестокосердый человѣкъ, какъ асаулъ Макогонъ, не могъ выдержать и ушелъ, чтобы не видѣть этой картины. Левченка подняли едва живаго съ земли.

Не миловали и женщинъ, даже беременныхъ: Ульяну Негоденкову за то, что не вывела съ собой, какъ приказывалъ Бардецкій, своей одинадцатилѣтней дочери жать экономическую пшеницу, тотъ-же Бардецкій велѣлъ асауламъ повалить на землю и своеручно наказалъ розгой, сложенной изъ трехъ прутьевъ, не смотря на то, что Ульяна замѣтно была беременна, да и сама она заявляла объ этомъ Бардецкому; черезъ четыре дня послѣ этихъ побоевъ Негоденкова родила невременно не живаго ребенка. Такихъ случаевъ заявлено крестьянами до восьми.

Монастырскій достигъ своей цѣли: какъ ни эксплоатировалъ своихъ крестьянъ, сколько ни билъ ихъ, какъ ни издѣвался надъ ними, они все молча сносили. Между тѣмъ почти весь крестьянскій скотъ перешелъ въ его непосредственное владѣніе: „бывало

за владѣнія помѣщика Чарковскаго, объясняли крестьяне свою бѣдность, собираютъ самыхъ хорошихъ воловъ, и выходитъ на поле двѣнадцать плуговъ шестиволовыхъ, теперь-же собираютъ и негодныхъ къ работѣ бычковъ, и то не выходитъ даже восьми плуговъ". Теперь каждый крестьянинъ по уши въ долгахъ у Монастырскаго, и послѣдній можетъ безвозмездно пользоваться на законномъ основаніи крестьянскимъ трудомъ въ теченіи всего года, а въ случаѣ жалобы со стороны крестьянъ можетъ выставить себя на судѣ, какъ это онъ и сдѣлалъ, даже благодѣтелемъ своихъ подданныхъ, потому что не разъ давалъ хлѣбъ на отработокъ, нѣкоторыхъ на такихъ-же условіяхъ снабжалъ одежей, и, кто знаетъ, до чего довелъ-бы онъ неморожанъ, если-бы ненаскочилъ на крестьянина Андрея Погорѣлаго, который находился семь лѣтъ въ бѣгахъ и за это время отвыкъ отъ рабской покорности. Погорѣлый былъ когда-то въ Окниной придворнымъ рыбалкой Монастырскаго и обязанъ былъ ежедневно доставлять къ столу помѣщика опредѣленное количество рыбы; случалось, что, не смотря на всѣ его старанія, рыба не шла въ сѣти, и Погорѣлый не могъ доставить требуемаго; тогда Монастырскій строго наказывалъ его. Выдержалъ Погорѣлый три наказанія, за четвертымъ, оставивъ въ селѣ жену и двухъ сыновей", ушелъ въ Бессарабію; устроился тутъ, обзавелся хозяйствомъ и черезъ семь лѣтъ подъѣхалъ къ Окниной, чтобы „подхватить жену, сыновей" и увезти съ собой въ Бессарабію, но былъ пойманъ, ему обрили половину головы, набили на ноги колодки и заставили молотить хлѣбъ; тутъ Погорѣлый сталъ подговаривать крестьянъ подать жалобу на помѣщика въ губернское правленіе, и Монастырскій, опасаясь худыхъ послѣдствій отъ пребыванія Погорѣлаго среди его крестьянъ, отправилъ его, какъ бродягу въ судъ. На судѣ Погорѣлый объяснилъ всѣ причины, побудившія его къ бѣгству, разсказалъ, что и другіе крестьяне претерпѣваютъ отъ его помѣщика. Такъ было поднято дѣло объ угнетеніи Монастырскимъ своихъ подданныхъ;—окончилось оно для крестьянъ почти ничѣмъ, такъ какъ Монастырскій обставилъ себя съ юридической стороны довольно хорошо, да къ тому-же умеръ вскорѣ, а наслѣдники склонили крестьянъ къ медіаторскому суду; послѣдній рѣшилъ крестьянамъ за смертью виновника предать все забвенію, а наслѣдникамъ не требовать на работу по праздникамъ и воскрес-

нымъ днямъ. Десять лѣтъ тому назадъ намъ случилось провести каникулы въ Неморожи, и тогда еще помнили и разсказывали крестьяне о раціональномъ хозяинѣ; ни время, ни гнетъ офранцуженнаго нѣмца Рота не изгладили памяти о Монастырскомъ.

К—во.

ВАСИЛЬКОВСКАЯ ТАМОЖНЯ И ГОРОДНИЧІЕ—МОНАХИ *).

Если вамъ, читатель, случалось когда проѣзжать уѣздный городъ кіевской губерніи Васильковъ и направляться отъ него далѣе къ югу,—вы, конечно, не приходили къ мысли, что оставляете Россію и уѣзжаете за границу... Но въ подобномъ положеніи долженъ былъ чувствовать себя до конца почти прошлаго столѣтія всякій русскій и иностранецъ, не исключая даже историческаго графа Фалькенштейна, или императора Іосифа II, ѣхавшаго этимъ-же путемъ для свиданія въ Каневѣ съ императрицею Екатериною II. Со времени андрусовскаго договора между Россіею и Польшею и до конца прошлаго столѣтія Васильковъ, древній Василевъ, городъ Владиміра В., родина препод. Ѳеодосія печерскаго, былъ пограничнымъ городомъ, а отъ него до границъ Запорожья въ исконной землѣ русской была Польша. „Переѣхали границу русскую близъ Василькова", „ушелъ отъ Василькова за границу", „въ Польшу ушелъ",—такъ говорили здѣсь вплоть до 1792 г. Собственно граница проходила въ 6 или 8 верстахъ за Васильковымъ, въ с. Мытницѣ, какъ проходитъ теперь наша съ Австріею граница въ 8 верстахъ отъ г. Томашева люблинской губерніи.

Со временъ Владиміра св. и до нашихъ дней лучшее время для Василькова было именно то, когда онъ состоялъ пограничнымъ городомъ. Тутъ была русская таможня, пограничная таможенная команда, состоявшая частію изъ кіевскихъ гарнизонныхъ полковъ, частію изъ малороссійскихъ козаковъ, присылавшихся сюда изъ гетманщины на извѣстные сроки, отсюда давались эскорты для

---

*) Основаніемъ настоящаго разсказа послужило для насъ вполнѣ 1777 г. дѣло архива б. кіево-губернской канцеляріи «о найденныхъ въ печерской крѣпости подметныхъ письмахъ» и другія отрывочныя бумаги того же архива.

проѣзжавшихъ за границу высокихъ особъ или конвои для разныхъ служащихъ, по дѣламъ въ Польшу, Запорожье и Турцію отправлявшихся; тутъ живали по долгу или съѣзжались пограничные польскіе и русскіе комиссары, разбирая сосѣдственныя тяжбы; тутъ очищались пошлиною товары, сюда съѣзжалось множество купцевъ и другихъ людей, тутъ кипѣла торговля, примѣчалась смѣсь нарѣчій и племенъ. Словомъ: Васильковъ былъ населенъ, оживленъ, какъ никогда во всю свою свыше тысячелѣтнюю исторію.

Кромѣ множества другихъ властей и чиновъ, тутъ жилъ городничій, не тотъ городничій, котораго воспѣлъ Гоголь и который ведетъ свой родъ отъ знаменитаго городоваго положенія Екатерины II. Нѣтъ, этотъ городничій никакого мундира не носилъ, Свистуновыхъ и Держимордъ не держалъ, купцовъ и никого не обиралъ, не только базарнаго, но и вообще мяса на пробу даже не бралъ и вовсе не употреблялъ и никакихъ этакихъ заборовъ не ставилъ... Короче сказать: это былъ городничій—монахъ. На немъ часто не было никакого священнаго чина и никакихъ внѣшнихъ отличій: подрясникъ и на головѣ шлычекъ, или „подкапокъ черничій"—вотъ и весь его костюмъ. Но это была дѣйствительная и значительная власть, съ которою считались другія мѣстныя власти, представитель такъ сказать особаго вѣдомства, начальникъ отдѣльной части, и если-бы въ тѣ поры созывались, какъ теперь, на парадные обѣды представители отдѣльныхъ вѣдомствъ и частей, то городничій—монахъ занималъ-бы на нихъ не послѣднее мѣсто.

Городничими въ прошломъ столѣтіи и раньше того во всей Малороссіи назывались монахи, управлявшіе монастырскими населенными имѣніями, а крѣпостные монастырей назывались ихъ „подданными". Надъ этими-то подданными они и начальствовали, распоряжаясь ихъ трудомъ, имуществомъ и самою судьбою. *De jure* городничій былъ представитель доминіальной монастырской власти, *de facto*—сама эта власть. Въ отношеніи къ другимъ властямъ тѣмъ большее онъ имѣлъ значеніе, чѣмъ выше было учрежденіе, представителемъ котораго онъ являлся и именемъ котораго дѣйствовалъ. Для „подданныхъ" онъ былъ ближайшею и единственною видимою ими властію. Хорошъ былъ городничій и „подданнымъ" жилось хорошо. Онъ управлялъ ими, но онъ-же и отстаивалъ ихъ предъ всѣми, въ случаѣ нужды. Когда примемъ въ разсчетъ, какую нужду въ

захолустной жизни имѣетъ всякій въ производителѣ и работникѣ— селянинѣ, тогда поймемъ, какое значеніе имѣлъ городничій въ глазахъ лицъ соприкасавшихся съ его „подданными“.

Городничій въ Васильковѣ былъ такъ сказать на особомъ счету. Васильковъ съ 1259 г. и по 1786 г., т. е. до введенія въ Малороссіи монастырскихъ штатовъ, принадлежалъ кіево-печерской лаврѣ; такимъ образомъ васильковскій городничій являлся представителемъ въ извѣстномъ отношеніи этой древнѣйшей и пользовавшейся тогда особымъ почетомъ обители. Столкновенія его съ другими мѣстными властями возникали на почвѣ мелкой будничной жизни и принимали острый характеръ, когда та и другая сторона начинали считаться правами и достоинствомъ. Жалобы восходили къ высшимъ духовнымъ и гражданскимъ властямъ и тогда *писала губернія*... Начиналось напр. съ того, что какая нибудь военная или гражданская власть хотѣла попользоваться подводою или фуражемъ отъ подданныхъ св. обители. Городничій горячо отстаивалъ ихъ „неподлеглость“. Обиженная власть записывала это на счетъ и подловивъ лаврскихъ подданныхъ въ контрабандѣ или какихъ либо спорахъ съ пограничными жителями Польши, привлекала ихъ къ отвѣтственности. Городничій защищалъ; тогда мелкіе случаи ссоръ возводились въ „нарушеніе сосѣдственной съ Польшею пріязни“ и дѣло принимало характеръ политическій, международный. Проигравшая сторона искала новаго случая поддѣть противную ей и бой снова закипалъ. Столкновенія учащались, счеты усложнялись, борьба властей становилась какъ-бы традиціонною. Именно такого рода вражда существовала, кажется, между васильковскими городничими и ихъ „подданными“ съ одной и таможенными властями съ другой стороны. Иногда они обмѣнивались своими естественными ролями, что ясно указывало на искуственность борьбы съ прямымъ намѣреніемъ отстоять т. ск. честь полка. Подобный случай былъ въ 1744 г. На командовавшаго въ ту пору васильковскимъ форпостомъ секундъ-маіора Кульнева нашло вдохновеніе позаботиться о доброй нравственности своихъ солдатъ и васильковскихъ обывателей. Онъ требовалъ отъ городничаго іеромонаха Максима, чтобы тотъ „искоренилъ“ размножившихся въ Васильковѣ женщинъ легкаго поведенія; городничій вдался въ несвойственный его сану и званію либерализмъ, „ничего съ тѣми женщинами не учинилъ,

кромѣ какъ одобрилъ, и объявилъ, что они де добрые люди". Раздосадованный секундъ-маіоръ подловилъ одну изъ такихъ добрыхъ женщинъ и взялъ ее подъ караулъ, а кіево-губернской канцеляріи обо всемъ написалъ и просилъ указа, что съ нею учинить. Генералъ-губернаторъ не похвалилъ такой ревности секундъ-маіора и, по поводу его репорта, написалъ лишь къ архимандриту кіево-печерской лавры: „понеже м. Васильковъ вѣдомства вашей превелебности зъ братіею, а къ кіево-губернской канцеляріи ничѣмъ не присутствуетъ, и того ради къ надлежащей о вышеписанномъ резолюціи предаю вашей превелебности зъ братіею, а секундъ-маіору Кульневу изъ кіево-губернской канцеляріи предложено, дабы онъ означенную жонку изъ-подъ караулу свободилъ и отдалъ, кому отъ вашей превелебности опредѣлено будетъ, да и впредь-бы до подданныхъ кіево-печерской лавры ничѣмъ не интересовался, но представлялъ-бы о томъ вашей превелебности".

Секундъ-маіору не трудно было, кажется, сообразить, что кто и виною развившейся въ Васильковѣ проституціи, какъ не его-же подчиненные и что слѣдовало ему подтянуть команду прежде, чѣмъ выступать въ роли учителя строгости нравовъ и обличителя распущенности подданныхъ св. лавры; но желая насолить чѣмъ-то задѣвшему его противнику, онъ видимо зарвался и отъ того проигралъ.

Какъ въ данномъ, такъ и въ другихъ случаяхъ столкновеній между названными властями наѣзжала, такъ сказать, пограничная команда; городничіе только стояли за интересы и обиды управляемыхъ или подданныхъ. Въ 1761 г. лавра вела дѣло въ кіево-губернской канцеляріи о растлѣніи барабанщикомъ васильковской форпостной команды Казановымъ десятилѣтней дочери васильковскаго жителя Романа Максименка; въ 1776—77 г. велось тамже другое дѣло объ изнасилованіи дочери одного изъ жителей таможеннымъ копіистомъ Семеномъ Человымъ. Гораздо чаще возникали дѣла по жалобамъ на вымогательства со стороны пограничныхъ властей и кражи совершаемыя солдатами и козаками пограничной стражи, а причиною этихъ послѣднихъ были злоупотребленія въ продовольствіи солдатъ, по которымъ вся команда, какъ позже сознавался самъ начальникъ оной, вовсе не имѣла, „чѣмъ себя пропитать, а козаки питались только милостынею". Сами командиры

смотрѣли сквозь пальцы на продѣлки своихъ подчиненныхъ, а второстепенные и третьестепенные изъ числа начальствующихъ и сами подражали имъ. Въ особенности отличался по этой части сотникъ Лисянскій. Ходила молва, что онъ состоялъ въ родствѣ съ архимандритомъ кіево-михайловскаго монастыря и по его ходатайству былъ назначенъ въ „васильковскую дистанцію". Ему все сходило съ рукъ, да и по другимъ многочисленнымъ случаямъ, до него возникавшимъ, васильковскіе жители ничего дойти не могли. Много разъ жаловались они самой лаврѣ, не разъ послѣдняя возбуждала иски о кражахъ, но ничего изъ того не выходило. Въ 1771 г. успѣли уличить едва одного козака, а съ 1771 по 1775 г., по свѣдѣніямъ лавры, у васильковскихъ жителей было украдено нижними чинами пограничной команды на огромную по тогдашнимъ цѣнамъ сумму 606 р. 74 к. Крали хлѣбъ, сѣно и овесъ, уводили воловъ и коровъ, телятъ и овецъ, похищали кабановъ, куръ и гусей. Жители Василькова потеряли всякое терпѣніе, а между ними были не просто грамотные, но и начитанные, какъ замѣтить можно по описямъ имуществъ умершихъ изъ нихъ, въ которыхъ между разною рухлядью значились и книги. Придумано было (кѣмъ и при какихъ пособіхъ,—неизвѣстно) крайнее, радикальное средство, чтобы обуздать расходившуюся пограничную команду,—средство на столько неподходящее къ той мѣстности и средѣ, въ которыхъ оно было продѣлано, что оно было-бы совершенно не мыслимо, если-бы не переплелись къ этому времени самымъ страннымъ образомъ отношенія двухъ такъ долго препиравшихся между собой вѣдомствъ—монастырскаго и таможеннаго. Тутъ, по видимому, явились перебѣжчики съ той или другой стороны, и дѣло приняло громкую извѣстность.

10 іюля 1771 г., вечеромъ, когда въ святой печерской обители все отошло уже ко сну, фурьеръ Коноваловъ запиралъ всѣ крѣпостныя ворота. Направляясь съ ключами къ дому оберъ-коменданта, на дорогѣ, близъ ѳеодосіевской церкви, не смотря на наступившій сумракъ, онъ усмотрѣлъ два кѣмъ-то брошенные пакета. Поднявъ и осмотрѣвъ находку, онъ снесъ ее къ плацъ-маіору Ивану Тряскину. Пакеты оказались запечатанными; на одномъ былъ адресъ оберъ-коменданту Ельчанинову, на другомъ—секундъ-маіоръ Куликову. Тряскинъ доставилъ ихъ по принадлежности. Когда оберъ-комендантъ вскрылъ принесенный ему пакетъ, въ немъ оказались стихи съ такимъ заглавіемъ и содержаніемъ:

1. Вопль пограничныхъ жителей въ васильковской дистанціи

Пронесся вездѣ слухъ, что ѣдетъ на форпости
Лѣсянской сотникъ! тотъ, который былъ не простий,
Который ушъ давно навелъ жителямъ страхъ,
Чтобъ воловъ и коровъ держать имъ на цѣпяхъ;
Барановъ, кабановъ и протчіихъ живностей
Глоталъ онъ хитро все, не оставля и костей.
По пріѣздѣ-жъ ево въ тотъ городъ Васильковъ,
Трепетали ужъ всѣ, вспомня, что онъ каковъ,
И въ храмѣ Покрова молися всеусердно,
Чтобъ отъ напастей тѣхъ пребывать имъ безъвредно.
По выходѣ-жъ изъ храма кричали всѣ согласно,
Что настало для нихъ время опасно,
И согласясь потомъ, здѣлали совѣтъ таковъ,
„Чтобъ вѣшать на коморѣ по десяти замковъ,
Кошары укрѣплять, спущать съ цѣпей собаки,
Бо пойдутъ отъ нево вездѣ опять козаки
Воловъ, коровъ таскать и все, что попадетъ,
А въ чемъ спомогутся, то онъ въ оныхъ отъберетъ.
Съ ними-жъ дѣлясь мясомъ, а кожи сохранитъ,
А вычиня опять велитъ сапоги шить;
На каждую редуту положитъ онъ налогъ,
Чтобъ черезъ двѣ недѣлѣ здѣлали пять паръ сапогъ.
Лой, сало велитъ красть, стопя вливать въ мазницу,
Вымазавъ сапоги, пошлетъ онъ за границу,
Тайно то учиня, и отъ ближнихъ вреда
Не имѣя, совѣсти, ни малаго стыда.
Въ попа кобылу вкралъ, отвелъ ее въ табунъ,
Но вскорѣ попъ позналъ, такъ руками вернулъ.
То што лошадей красть, то всѣ уступятъ воры,
И инструменты въ нево есть, не устоятъ коморы.
Съ кладовой юпку вкралъ и въ старухи сала,
Но та, время сыскавъ, все то отобрала.
Не спущалъ никому, и въ командировъ кралъ,
Привычку такъ сдѣлалъ, будто какъ онъ игралъ,
Съ виду-же посмотрѣть, кажется человѣкъ,
А крадетъ все удачно чрезъ цѣлый свой вѣкъ.

Ласкается онъ къ тѣмъ, въ коихъ надежду мнитъ,
Въ сто кратъ честняй себя старается въязвить,
И ночи онъ не спитъ, съплетая съ лжи порокъ,
Но кто сему повѣритъ;—развѣ малой отрокъ;
Представь всякъ въ умъ себѣ толко одни вѣсы;
Правды зерна не тягнетъ, тысяча пудъ лжи".

Внизу приписка: „Таковая похвала объ ономъ сотникѣ послана ужъ вездѣ, и въ василковской брамѣ прибитъ сей похвальный листъ", а за тѣмъ слѣдующее обращеніе:

2. „Ваше превосходительство, высокомилостивый государь и отецъ Яковъ Василіевичъ!

Помилуй, защити, избавъ насъ отъ сего,
Прійдетъ лишиться намъ имѣнія всего:
Давно извѣстенъ намъ Лѣсянской сотникъ сей.
Теперъ двухъ воловъ вкралъ и шестерыхъ гусей.
Естли не защитишь, вконецъ насъ разоритъ,
Что прійдется всѣмъ намъ въ далные мѣста итить.
До пріѣзда его у насъ все было тихо,
А какъ толко онъ прибылъ, то вновъ настало лихо.
Прости насъ, что трудимъ. Отдайте конвертъ сей,
Которой очень нуженъ, чтобъ онъ при васъ прочелъ".

Что было въ другомъ пакетѣ,—въ дѣлѣ, которое у насъ въ рукахъ, не значится; но понятно, находился такой-же пасквиль, хотя съ измѣненнымъ обращеніемъ.

Въ тотъ же вечеръ способомъ, который изъ дѣла не видѣнъ, архимандриту кіево-михайловскаго монастыря Исаіѣ былъ доставленъ пакетъ, въ которомъ, по вскрытіи, оказался тотъ-же „Вопль", но съ такимъ въ концѣ обращеніемъ:

„Высокопреподобнѣйшій господинъ отецъ архимандритъ Исайя!

Пріими похвальной листъ сроднику твоему,
О коемъ ты просилъ, ко вреду своему.
Иль для того толко, чтобъ насъ онъ обокралъ?
Дашь предъ Богомъ отвѣтъ за то, что къ намъ послалъ.
Познай, сколь легокъ намъ господинъ сотникъ сей:
Ужъ вновь воловъ двухъ въкралъ и шестерыхъ гусей.

Иль въ роднѣ лутше нѣтъ?—Возми-жъ отъ насъ сего,
Пока мы злой смерти не предадимъ сво.
Не винны будемъ въ томъ, ты дашъ отвѣтъ предъ Богомъ,
Бо не можно болше сносить обиды намъ.
Принужденны писать о прошедшемъ о всемъ:
Нѣтъ инъ средствъ, отъ него не скроемся ни съ чемъ".

А 10 іюля пробудившійся отъ сна мирный Васильковъ былъ взволнованъ и пораженъ молвой, что „на воротахъ городскихъ прибито какоесь-то письмо, съ описаніемъ о всѣхъ бывшихъ отъ сотника Лисянскаго поступкахъ", т. е. тотъ-же самый „Вопль", который въ тоже время извѣстенъ сталъ и кіевскимъ властямъ.

Заволновался прежде всѣхъ архимандритъ Исаія и немедленно отправилъ пасквиль оберъ-коменданту. Архимандритъ писалъ, что эта „укоризна, якобы онъ сотникъ мнѣ въ роднѣ и якобы по моему прошенію онъ посланъ въ васильковскую дистанцію, есть ложь". По обычаю того времени пасквили, когда они правительства и царствующаго дома касались, сожигались публично чрезъ палача. О. Исаія былъ такъ полученнымъ пасквилемъ возмущенъ, что требовалъ, чтобы и сему пасквилю чрезъ палача сожженіе было учинено.

Ельчаниновъ полученный имъ пасквиль послалъ прежде всего къ архимандриту лавры Зосимѣ съ просьбой: „по вѣдомству своему обыскать въ Васильковѣ и освидѣтельствовать сходство руки, ктобы оныя письма писать могъ, а не меньше сего навѣдаться и разспросить у тамошнихъ жителей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, когда и что именно у кого украдено, и у кого опознано и найдено, или и понынѣ что въ неотысканіи осталось". Разслѣдованіе поручено было соборному старцу и уставнику лавры іеромонаху Ѳеофилакту. Тотъ разслѣдовалъ и донесъ, что „хотя о написаніи того письма имъ обыскивано и къ характеру знающихъ грамотѣ людей, подсудственныхъ лаврѣ (выключая неподчиненное лаврѣ духовенство) онъ примѣнялся, но такова, которой-бы то письмо писалъ, не сыскалось; происходитъ-же де между обывателми васильковскими слухъ, якобы оное писано таможенными, однако кто оное писалъ, совершенно знать не можно". Архимандритъ Зосима отвѣтилъ Ельчанинову, какъ доносилъ старецъ Ѳеофилактъ, приложивъ къ отвѣту и вѣдомость о кражахъ, совершенныхъ у васильковскихъ жителей

съ 1771 по 1775 годъ, съ свѣдѣніями, которыя нами приведены выше.

Всю эту переписку оберъ-комендантъ препроводилъ въ васильковскую пограничную таможню, требуя „всѣхъ вѣдомства оной таможни служителей освидѣтельствовать сходство руки, не окажется-ли, кто-бы оные письма писать могъ", а пасквильный листъ отобрать и съ него копіи отнюдь не снимать (онъ не зналъ, конечно, что пасквиль тамъ давно красуется на воротахъ).

Таможенное вѣдомство было какъ-то особенно щепетильно въ оберегаціи своей чести и независимости отъ другихъ властей. Какъ разъ въ это время оно вело борьбу съ кіево-губернскою канцеляріею по поводу дѣлаемыхъ ею проволочекъ въ пріемѣ таможенныхъ сборовъ и требованія ею къ суду таможеннаго служителя Алексѣя Ивановскаго и его жены Наталіи за небытіе ихъ у исповѣди. Требованіе Ельчаникова и добродушное заявленіе старца Ѳеофилакта привели директора таможни Болтина въ великій азартъ. Въ своемъ репортѣ Ельчанинову онъ не только отвергаетъ сходство почерка пасквиля съ почеркомъ кого либо изъ его подчиненныхъ, но не допускаетъ самой возможности высказаннаго на счетъ его подчиненныхъ подозрѣнія и выражаетъ крайнее свое негодованіе противъ сообщившаго столь нелѣпый и бездоказательный слухъ іеромонаха и силится доказать, что „іером. Ѳеофилактъ ни отъ кого о томъ не слыхалъ, а выдумалъ такія слова самъ къ обидѣ таможенниковъ". „И таможнѣ, прибавляетъ онъ, можно тожъ про него Ѳеофилакта сказать, что слухъ носится здѣсь, что сочинилъ пасквиль тотъ онъ, Ѳеофилактъ; да и приличнѣе ему Ѳеофилакту быть того пасквиля сочинителемъ, нежель таможенникамъ, ибо слогъ того пасквиля и почеркъ руки малороссійской, что съ перваго взгляду усмотрѣть можно, а при таможнѣ васильковской ни одного малороссіянина нѣтъ". Въ заключеніе Болтинъ, увѣряя, что изъ подчиненныхъ ему лицъ „ни одинъ въ такое подлое и законопротивное дѣло не войдетъ, ибо хотя таможенные служители и изъ разночинцевъ, но каждой въ своемъ званіи достойнѣе себя ведетъ, нежель помянутой монахъ Ѳеофилактъ", просилъ Ельчанинова, въ случаѣ Ѳеофилактъ не укажетъ, отъ кого именно онъ слышалъ такое указаніе на авторство таможенниковъ, поступить съ нимъ, какъ съ ложнымъ до-

носчикомъ, „дабы впредь ему и подобнымъ ему не повадно было соплетать таковые коварные въ обиду другихъ клеветы и порицалія“.

Ельчаниновъ препроводилъ копію съ этой жалобы Болтина къ архимандриту Зосимѣ, съ просьбою „надлежаще“ изслѣдовать, отъ кого именно іером. Ѳеофилактъ слышалъ и не самъ-ли выдумалъ, что пасквиль писанъ таможенниками.

Дѣло разгоралось; предметъ спора—утѣсняемые лаврскіе подные и украденные ихъ волы, коровы, кабаны и проч.—остался въ сторонѣ, самъ городничій ступшевался; въ замѣнъ того ставился вопросъ, какой націи „слогъ и почеркъ руки того пасквиля“, а къ отвѣту привлекался неповинный старецъ іеромонахъ Ѳеофилактъ, хотя упомянувшій о ходившемъ въ Васильковѣ слухѣ, будто пасквильное письмо писано таможенными, но съ осторожностію прибавлявшій: „однако кто оное писалъ, совершенно знать не можно“. И много, конечно, истрачено еще бумаги и пролито чернилъ, но былъ-ли то „слогъ и почеркъ руки малороссійской“, такъ и осталось для насъ неизвѣстнымъ, ибо письмомъ Ельчанинова къ арх. Зосимѣ и оканчивается это „дѣло о найденныхъ въ печерской крѣпости подметныхъ письмахъ“.

Разыгравшееся столь „пашквильное“ дѣло не улучшило, конечно, но напротивъ обострило недружелюбныя издавна отношенія между „таможенниками—разночинцами“ и монахами городничими и ихъ патронессою св. лаврою. Въ попадавшихся намъ обрывкахъ дѣлъ бывшей кіево-губернской канцеляріи мы не нашли указаній, какъ тянулись далѣе эти отношенія, но можемъ сказать, что тянулись они уже не долго. 1786 г., памятный въ Малороссіи отборомъ монастырскихъ „подданныхъ“ въ казну, отодвинулъ въ область преданія титулъ городничаго монаха, а съ 1792 г. не стало ни таможни въ Васильковѣ, ни границы близъ него, и все слилось въ потокѣ новой жизни, уносящемъ и самое различіе „слога и почерка руки“...

Ал. А—скій.

КАКЪ СПРАВЛЯЛИ ЧЕРНОМОРЦЫ СВОЕ НОВОСЕЛЬЕ НА ТАМАНИ И КАКІЯ БЫЛИ ПО СЕМУ СЛУЧАЮ РѢЧИ И ПѢСНИ.

(СОВРЕМЕННАЯ РУКОПИСЬ *).

Вѣрное козацкого черноморского Коша войско, получивъ высочайшія ея императорскаго величества милости, содержащіяся въ грамотахъ, привезенныхъ посланнымъ отъ него войсковымъ судьею и кавалѣромъ Головатымъ, принимало оныя и праздновало день новаго бытія своего августа 15-го числа слѣдующимъ порядкомъ:

1-е. Когда посланный прибылъ до рѣки Буга съ высочайшими ея императорскаго величества милостивѣйшими дарами, то далъ знать Кошевому, которой отрядилъ ко-встрѣчи пятисотной конной полкъ съ полковникомъ, старшинами и значкомъ за 30 верстъ въ урочище Кучурганъ, отколь оной препровождалъ его Головатого до селенія Кошеваго, гдѣ въ семь часовъ утра собыралось войско на назначенное мѣсто къ той сторонѣ, отъкуда посланному прибыть надлежало и расположась на двѣ стороны стало на каждой въ двѣ лавы (ряда), простираясь далеко за селеніе Кошевое; лавы сіи оканчивались у войсковой церкви близь предоградія, которой съ западной стороны уготовано было возвышенно нарочитое мѣсто на подобіе амвона, покрытое турецкими коврами; на немъ въ виду всего войска должно было послѣдовать принятію грамотъ и протчихъ монаршихъ даровъ; тамъ-же поставле(нъ) былъ столъ, покрытой матеріею для положенія на немъ тѣхъ монаршихъ даровъ; противу сего амвона стояли полукружіемъ старшины съ булавами, знаменами и значками, а въ вокругъ ихъ множество посторонныхъ зрителей разного званія, возраста и пола, по правую-же онаго сторону духовенство въ облаченіи.

---

*) За сообщеніе копіи съ этой рукописи, подлинникъ которой 8 лѣтъ тому назадъ переданъ редакціи „Русской Старины» и доселѣ остался не напечатаннымъ, приносимъ искреннюю признательность Д. К. Морозу. Въ современности рукописи, судя по ея языку и орѳографіи, сомнѣнія быть не можетъ. Тѣмъ большій она имѣетъ интересъ, какъ и самыя рѣчи и пѣсни, относящіяся къ водворенію черноморцевъ на Тамани. Пѣсни, правда, извѣстны, но рѣчей въ печати мы не встрѣчали.—Ред.

2-е. Посланный, извѣщенъ будучи о времени, приближался по малу къ вышеписаннымъ лавамъ, а между тѣмъ Кошевый и писарь стали на возвышенномъ ономъ мѣстѣ; когда выпалено было трижды съ пушки въ знакъ того, что посланный приближился къ устроеннымъ лавамъ, то Кошевый отрядилъ отъ себя на встрѣчу ему первѣйшихъ старшинъ съ хлѣбомъ и сѣлью.

3-е. Войсковый судья, принявъ оныя и поблагодаривъ, устроилъ шествіе свое сквозь войско слѣдующимъ образомъ: четырѣ штабъ-офицера въ переди несли присланный монаршій хлѣбъ на блюдѣ, покритомъ матеріею, за ними судья несъ на пожалованномъ блюдѣ таковую-жъ солонку и грамоты, съ нымъ сыни его малолѣтные несли: Афанасій къ Кошевому писмо, а Юрій всемилостивѣйше пожалованную ему, осыпанную дорогими каменьями, саблю.

4-е. При первомъ вступленіи несущихъ дары въ строй началась пушешная и изъ мѣлкого ружья пальба и продолжалась до самого приближенія судьи къ Кошевому, стоящему на мѣстѣ своемъ.

5-е. Тутъ судья, взошедъ къ Кошевому, отдалъ изъ своихъ рукъ по порядку всѣ высочайшіе дары: хлѣбъ, соль, грамоты, съ краткимъ привѣтствіемъ и препоясавъ Кошеваго саблею.

6 е. Кошевый поцеловалъ хлѣбъ-соль, поставилъ на выше упомянутомъ столѣ, а грамоты отдавалъ войсковому писарю.

7-е. Писаръ принявъ оныя читалъ громкимъ голосомъ предъ всѣмъ войскомъ и паки отдавалъ Кошевому.

8-е. По прочтеніи Кошевый, поклонясь на всѣ четырѣ стороны, поздравилъ войско съ высочайшими монаршими милостьми; тогда со всѣхъ сторонъ вдругъ закричали: „ой! спасибѣ-жъ нашей матери за ея милости“.

9-е. Между тѣмъ вышеписанные четиры штабъ-офицера, взявъ столъ съ положенными на немъ монаршими дарами, несли въ церковъ; предъ ними шло духовенство, а за ними Кошевый съ судьею, писаремъ, старшинами и войскомъ.

10-е. По внесеніи и поставленіи предъ Спасителевою иконою начато служеніе божественыя литургіи, которую совершалъ преосвященный Амвросій, архіепископъ екатеринославскій, съ архимандритами и протчимъ духовенствомъ, по окончаніи-же оной, предъ начатіемъ благодарственнаго Господу Богу о монаршемъ долголѣтномъ здравіи молебствія, говорилъ краткое поученіе, которое у сего при-

лагается[1]); а потомъ совершилъ и самое то молебствіе съ колѣно-приклоненіемъ, при чемъ въ обыкновенное время выпалено изо ста одной пушки, а отказано въ трое кратно вистриленно бѣглимъ огнемъ.

11-е. По окончаніи сего тѣже старшины несли на блюдѣ хлѣбъ-соль и грамоты въ домъ Кошеваго, въ препровожденіи булавъ, знаменъ и значковъ, за ними слѣдовалъ Кошевый и судья съ старшинами. Тамъ пожалованный хлѣбъ раздѣленъ на части, одна для вѣчнаго памятствованія положена въ войсковой церквѣ, вторая отправлена на Тамань къ войску во флотиліи служащимъ, третая роздана на полки при Кошѣ, четвертая поставлена была у Кошеваго на столѣ, гдѣ старшины оною послѣ горѣлки закупно(ва)ли, остатокъ доволній отчасти. Сей послѣдній несенъ былъ съ таковимъ-же препровожденіемъ въ домъ войсковаго судьи, гдѣ приготовленъ былъ для почетнѣйшихъ обѣденный столъ, протчіе-же старшины и часть духовенства остались обѣдать въ домѣ Кошеваго, а для полковниковъ и протчихъ козаковъ не далеко отъ церкви приготовлены были пять большихъ столовъ на зеленой травѣ, куда принесши подъ значками данный имъ монаршій хлѣбъ, пили горѣлку и онимъ закушовали и за обѣдомъ тужъ горѣлку повторяючи за здравіе всемилостивѣйшей монархини, палили изъ мѣлкаго ружья.

12-е. Въ домѣ судьи за столомъ при питіи за высочайшее ея императорскаго величества здравіе здѣланъ сто одинъ выстрѣлъ, за его императорское высочиство, съ высокою фамиліею, съ любезнѣйшими дѣтьми, пятдесять одинъ; не забуто притомъ такъ-же пити и палити за сенатъ, за синодъ, за все православное россійское воинство, за Кошевого съ старшинами, за черноморскій Кошъ и все его войско, за гостей и такъ далѣе. При продолженіи стола пѣли пѣсню: „Эй, годѣ намъ журитися“, которая при семъ прилагается.

13-е. Такимъ образомъ пообѣдавъ Кошевый съ старшинами и гостьми благодарили Бога и всемилостивѣйшую монархиню, а войско тожъ благодаря отправилось въ домы свои, съ пѣніемъ той-же пѣснѣ, повторять еще и тамъ горѣлкою желаніе долголѣтнаго здравія всеавгустѣйшей благодѣтелницы своей.

---

[1]) Въ дошедшихъ до насъ листахъ не находится поученія.—*Д. М.*

РѢЧЬ.

Всеавгустѣйшая монархиня,
Всемилостивѣйшая государыня!

Жизнодательнымъ державнаго велѣнія твоего словомъ прерожденный изъ неплоднаго бытія вѣрный черноморскій Кошъ приемлетъ нынѣ дерзновеніе мною вознести благодарный гласъ свой къ святѣйшему величеству твоему и купно изъглаголати глубочайшую преданность сердецъ его. Пріими оную, яко жертву единой тебѣ отъ насъ сохраненную, пріими и уповающимъ на сѣнь крылу твоею пребуди прибѣжище и покровъ, радованіе, тай годѣ!

Внизу подписано подъ рѣчью: сія рѣчь говоренная Головатымъ ея величеству въ 1-й день апрѣля 1792 года.

ДРУГАЯ РѢЧЬ.

Всеавгустѣйшая монархиня,
Всемилостивѣйшая государыня.

Мы къ тебѣ прибѣгли, къ тебѣ монархинѣ правовѣрной; ты насъ приняла, яко матерь, Тамань, даръ твоего благоволенія о насъ, будетъ вѣчнымъ для обитающыхъ въ немъ залогомъ милостей твоихъ. Мы воздвигнемъ грады, населимъ села и сохранимъ безопасность предѣломъ. Наша преданность и усердіе къ тебѣ, монархинѣ, и любовь къ отечеству пребудетъ вѣчно, а сему свидѣтель всемогущій Богъ.

За симъ въ рукописи слѣдуетъ пѣсня, о которой упоминается въ описаніи празднества по случаю полученія запорожцами въ даръ Тамани:

ПѢСНЯ.

Эй, годѣ намъ журитися, пора перестати,
Дождалися отъ царицѣ за службу заплати:
Дала хлѣбъ сѣль и грамоты за вѣрные службы,
Отъ теперь мы миліе братье забудемъ всѣ нужды.
Въ Таманѣ жить, вѣрно служить, границю держати,
Рыбу ловить, горѣлку пить, ще й будемъ багати.
Да вже-жъ треба женитися и хлѣба робити,
Хто прийде къ намъ изъ невѣрныхъ, то якъ врага бити.

Слава Богу и царицѣ, а покой гетману,
Злѣчили намъ въ сердцахъ нашихъ великую рану.
Благодарѣмъ императрицѣ, молѣмося Богу,
Що вона намъ показала на Тамань дорогу.

Конецъ.

На томъ-же листѣ написана пѣсня и подписи:

ПѢСНЯ,

Господиномъ полковникомъ черноморскимъ и кавалеромъ Антономъ Андреевичемъ Головатымъ пѣтая въ Петербургѣ Платону Александровичу Зубову, докладчику императрицы:

Ой, Боже нашъ, Боже, Боже милостивій,
Що мы народилися въ свѣтѣ нещасливи.
Служили вѣрно въ полѣ и на морѣ,
Та остались убоги, боси и голи;
Старались землю заслужити,
Щобъ въ волности намъ вѣку дожити.
Да й давъ-же гетманъ отъ Днѣстра до Богу,
Границя по бендерску дорогу,
Днѣстровій и Днѣпровій обидва лиманы,
Въ нихъ добувати рыбу, справляти каптаны.
Прежнюю взяли да й сю отбирають,
А намъ дати Тамань обѣщають.
Мы-бъ туда пѣшли, абы-бъ намъ сказали,
А бы не загубить козацкои славы.
Устань батьку, великій гетмане!
Будь милостивый, велможный нашъ пане!
Устань, Грицьку, промовъ до насъ слово,
Проси царицѣ, все буде готово:
Дасть грамоту на вѣчность намъ жити,
А мы и ей вѣрнѣйше будемъ служити.

Надпись на блюдѣ такова:

Даръ великія государыны войску вѣрному черноморскому чрезъ войскового судію и кавалера Головатого. 1792 г, іюля 3 дня.

На солонцѣ надписъ таковъ:

Пожалована съ хлѣбомъ войску черноморскому 1792 года, 13 дня іюля.

Сообщ. **Д. Морозъ.**

ГОРОДНЯ—МѢСТО ЖИДОТРЕПАНІЯ XVIII В.

29 генваря 1882 года Городня праздновала столѣтнюю годовщину своего существованія въ качествѣ уѣзднаго города черниговской губерніи. Ни само по себѣ это событіе, ни вся столѣтняя жизнь мелкаго уѣзднаго города не представляютъ другаго интереса, кромѣ чисто мѣстнаго; но ко дню празднества извѣстнымъ знатокомъ мѣстной старины А. И. Ханенкомъ была прислана и на празднествѣ прочитана историческая замѣтка о Городнѣ, могущая имѣть и болѣе широкій интересъ. Мы извлекаемъ изъ нея здѣсь болѣе существенныя свѣдѣнія для ознакомленія нашихъ читателей съ мѣстомъ, въ которомъ происходило воспроизводимое теперь нашимъ маститымъ историкомъ-художникомъ Н. И. Костомаровымъ: *Жидотрепаніе начала XVIII в.*

Городня, находящаяся при сліяніи рѣчекъ Чибирижи и Бутовки, образующихъ р. Городну, по справедливому мнѣнію незабвеннаго ученаго богослова и историка нашего Филарета, архіепископа черниговскаго,—поселеніе очень древнее, до татарское. Доказательствомъ тому служитъ находящееся на лѣвомъ берегу рѣки Городни городище, — земляное укрѣпленіе, которое возобновляемо было во время гетманства и срыто по открытіи уѣзда, для постройки на немъ судебныхъ мѣстъ. Шафонскій говоритъ, что этотъ городокъ достопамятенъ и тѣмъ, что „императоръ Петръ 1-й, во время шведской войны, праздновалъ на семъ мѣстѣ день своего тезоименитства, іюня 29 дня". Въ городницкой полиціи до сихъ поръ хранятся три пушки, одна называемая единорогъ, въ 35 пуд. 35 ф., другая длинная въ 19 пуд. 30 фун., а третья куцая въ 17 пуд.

Мнѣніе о древности Городни подтверждается лѣтописнымъ указаніемъ подъ 1158 г. „Княгиня же супруга Изъяслава Давидовича бѣжа... Переславлю, и оттуда ѣха на Городокъ, та на Глѣбль, та на Хоробръ, та на Гондскъ"; а также видно по разряду 1552 г., которымъ назначены на казанскій походъ изъ сѣверскихъ городовъ вмѣстѣ съ стародубцами боярскія дѣти Городни и Мощинцы.

Во время польскаго владычества Городня, съ окружающими ее селами, принадлежала польскому дворянину Фацу; домъ его, винокурня и колодецъ находились надъ р. Чибрижимъ, въ 1786 г. слѣды ихъ были замѣтны и на томъ мѣстѣ жилъ войсковой това-

КАФЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ XVIII ВѢКА.

(Посмертная замѣтка М. Н. Александровича).

Мнѣ удалось пріобрѣсти въ г. Козельцѣ, черниговской губерніи, изразцы (кафли), снимки съ которыхъ прилагаю *). Изразцы эти представляютъ образецъ давняго малорусскаго *кустарнаго* производства и выдѣлка ихъ должна быть отнесена къ началу прошлаго столѣтія, когда еще не угасла національная украинская жизнь и были живы воспоминанія о борьбѣ съ татарами, козацкихъ усобицахъ и только что оконченной шведской войнѣ. Изображенные на изразцахъ *рисунки* служатъ вѣрнымъ выраженіемъ міровоззрѣнія тогдашняго полуграмотнаго малоросса простолюдина, глубоко проникнутаго религіозными и другими вѣрованіями, къ которымъ теперь скептически относятся его потомки. Постоянная опасность грозила жизни человѣка въ то время не отъ одного непріятельскаго нашествія; въ дремучихъ лѣсахъ десенскаго побережья плодилось множество дикихъ звѣрей, вызывавшихъ человѣка на постоянную борьбу; мысль о ней со всѣми частными ея явленіями и опасностями не покидала малоросса и его воображенію представлялись разные ужасы, часто въ чудовищномъ, фантастическомъ видѣ. Даже водившіяся въ огромномъ числѣ птицы и рыбы представлялись вредными и опасными. Первые уничтожали только что посѣянныя сѣмена и могли выклевать глаза пьяному или больному человѣку (№ 38), а встрѣча съ огромными сомами, жившими въ глубокихъ озерахъ и заливахъ, грозила участью пророка Іоны (№ 34).

Все, чѣмъ была занята мысль и воображеніе гончара-поселянина, онъ изобразилъ на приложенныхъ рисункахъ, которые по этому можно раздѣлить на слѣдующія рубрики:

А. *Относящіяся къ политической и военной жизни.*

1) Гетманъ или войсковой старшина на конѣ съ саблей въ рукѣ, въ костюмѣ того времени.

2) Наѣздникъ верхомъ на лошади, топчущій лежащаго подъ нимъ человѣка.

*) Изъ этихъ снимковъ, принадлежащихъ нынѣ А. М. Лазаревскому, обязательно намъ ихъ сообщившему, составлена виньетка для „Кіевской Старины" на 1883 г., но изъ всей коллекціи ихъ помѣщено лишь 12-ть.—Ред.

3) Шведъ верхомъ, съ поднятой шпагою.

4) Татаринъ верхомъ, лѣвой рукой держитъ булаву; правою вынимаетъ изъ-за пояса пистолетъ или кинжалъ.

5) Татаринъ рубитъ голову монаха; вблизи видна церковь.

6) Козацкая арматура.

Б. *Относящіяся къ общественной и домашней жизни.*

7) Малороссійскій панъ въ *жупанѣ* и *кунтушѣ* и *пани въ роброцѣ.*

8) Пани съ платкомъ въ одной и съ цвѣткомъ въ другой рукѣ.

9) Городская барышня въ повозочкѣ съ собачкой, на изразцѣ надпись: *„мѣская пана“.*

10) Встрѣча брата съ сестрой. На израцѣ надпись: *„б(р)атьку, давно ми съ тобою бачились“.*

11) Женщина подходящая къ церкви.

12) То-же, причемъ въ рукахъ держитъ приношеніе.

13) Музыкантъ, наступившій ногой на пьянаго и играющій на скрипкѣ.

14) Мальчикъ съ *млинкомъ* (четырьмя на крестъ сбитыми палочками, насаженными на палку, которыя крутятся отъ вѣтра).

15) Музыкантъ, играющій на инструментѣ, въ родѣ гуслей.

16) Крестьянинъ съ корзинами.

17) Женщина съ птицею въ рукахъ.

18) Женщина съ ведрами.

19) Мущина, прислонившійся къ дереву въ испуганной, или умоляющей позѣ.

20) Мущина и женщина; первый поднялъ камень и хочетъ бросить.

21) Хозяинъ ласкающій борзую собаку.

22) } Прядущія женщины.
23) }

24) Мущина съ трубою.

25) Мужъ бьетъ жену цѣпомъ, приговаривая: *„знай себе* (дальше нельзя разобрать) *дома наказую.*

26) Крестьянинъ сѣетъ; птицы клюютъ.

27) Щеголь съ собакой въ европейскомъ костюмѣ того времени.

28) }
29) } Изображеніе зданій и деревьевъ.
30) }
31) }

В. *Чудовища, звѣри, рыбы, птицы.*

32) Чудовище съ рогами и рыбьимъ хвостомъ.

33) *Драконъ* хватаетъ человѣка.

34) Сомъ проглатываетъ человѣка.

35) Громадный ракъ схватываетъ человѣка клешнею.

36) Медвѣдь деретъ человѣка; на изразцѣ надпись: *нѣкому сказати, уже мѣнѣ отъ сего бачу помѣрати.*

37) Волкъ схватилъ человѣка за животъ и поднялъ на воздухъ.

38) Птицы клюютъ умирающаго въ степи козака.

39) Волкъ или собака схватила человѣка за руку.

40) Повѣшеннаго волка клюютъ птицы.

41) Медвѣдь съ ульемъ.

42) Олень.

43) Лошадь.

44) Свинья.

45) Птица клюетъ черепаху.

46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55) Изображенія разныхъ птицъ и сценъ изъ ихъ жизни.

Г. 56) Царь Давидъ, играющій на лирѣ.

САБЛЯ МАЗЕПЫ.

Сабля оправлена вызолоченнымъ серебромъ, обронной работы во вкусѣ rennaissance. Рукоять обложена змѣиною шкуркою и вмѣсто ефеса имѣетъ широкую изъ четыреугольныхъ пластинокъ цѣпочку. Ножны изъ черной кожи, съ наконечниками и перехватами для колецъ изъ золоченаго серебра. Длина всей сабли около 1½ арш. Клинокъ имѣетъ слѣдующія надписи: съ одной стороны—*Надежда въ Бозе, а крипость въ руце—правому дилу конець. Мазепа*, на другой—*на гибель супостата въ Сиче дерзающему смерть 1687 г.* Начертаніе буквъ—рукописное, а форма ихъ—южнорусская, та самая, какую мы видимъ въ письмѣ напр. универсаловъ того самаго Мазепы. Эта сабля была пожертвована въ 1836 году графомъ Батурлинымъ для музея, который предполагалось учредить въ Воронежѣ, въ память Петра Великаго, и хранилась до 1849 г. въ воронежской городской думѣ. Въ этомъ-же году сабля поднесена была министромъ внутреннихъ дѣлъ императору Николаю Павловичу. Въ настоящее время сабля хранится въ царскосельскомъ музеѣ.

А. Л.

ИЗГОНЪ ІУДЕЕВЪ НАЧАЛА XVII ВѢКА.

Правительство бывшей Рѣчи Посполитой, вообще покровительствовавшее евреямъ и дававшее имъ разныя льготы и привилегіи по селитьбѣ и торговлѣ, выступало иногда противъ нихъ съ строгими ограничительными распоряженіями. Случалось это найбольше тогда, когда усиливалась сторона козаковъ, и тутъ бывшее польское правительство держалось, кажется, той политики, которую на нашихъ глазахъ практиковало правительство Австріи относительно поляковъ и русиновъ въ Галиціи, попеременно поддерживая то ту, то другую сторону, въ данную пору болѣе ему нужную. Къ числу такихъ распоряженій относится универсалъ королевича Владислава отъ 8 февраля 1623 г. о недопущеніи евреевъ къ селитьбѣ, торговлѣ, арендамъ и инымъ занятіямъ въ черниговской и новгородъ-сѣверской областяхъ, данный въ Гроднѣ за 25 лѣтъ до возстанія народа, подъ предводительствомъ Хмельницкаго. Универсалъ данъ въ то время, когда свѣжа еще была въ памяти услуга, оказанная Сагайдачнымъ королевичу Владиславу въ московскомъ походѣ, и данъ несомнѣнно подъ вліяніемъ усилившагося значенія козаковъ. Въ немъ съ высоты королевскаго престола произносится не лестный для іудеевъ приговоръ объ ихъ экономическомъ значеніи не только въ мѣстности, къ которой относится универсалъ, но и вообще въ государствѣ. Такіе приговоры должны были врѣзываться съ особою силою въ память народную и въ случаяхъ крайняго возбужденія народа противъ эксплоатаціи со стороны евреевъ могли служить ему какъ-бы легальнымъ основаніемъ для предпринимавшагося не разъ очищенія страны отъ еврейской примѣси.

Предлагаемый теперь въ точномъ переводѣ съ польскаго языка актъ сохранялся у меня, между прочими, много лѣтъ, а полученъ мною, кажется, изъ черниговскаго архива, а быть можетъ и изъ частныхъ рукъ, —за давностью времени (начала шестидесятыхъ годовъ) не помню. Въ концѣ грамоты на подлинникѣ печать съ изображеніями, которыхъ нельзя разобрать. На оборотѣ надпись: *о жидахъ дана сія грамота.* Вотъ текстъ этой грамоты:

Владиславъ Сигизмундъ Божіею милостію польскій и шведскій наслѣдственный князь, великій князь и правитель княжествъ Московіи, Смоленска, Сѣверіи и Чернигова.

Всѣмъ вообще и каждому въ особенности, кому о томъ вѣдать надлежитъ, а особливо панамъ старостамъ, урядникамъ замковымъ

и городскимъ и инымъ старшинамъ, въ волости черниговской и новгородъ-сѣверской находящимся, изъявляемъ наше благоволеніе.

Зная хорошо, какъ много жиды невѣрные въ городахъ и мѣстечкахъ и другихъ поселеніяхъ препятствуютъ жизни христіанскаго населенія какъ въ торговлѣ, такъ и въ поддержаніи хорошаго управленія и процвѣтанія городовъ, заблагоразсудили мы постановить, чтобы они не были терпимы нигдѣ въ области черниговской и новгородъ-сѣверской, и о томъ къ свѣдѣнію каждаго объявляя, выражаемъ нашу непремѣнную волю, чтобы въ указанныхъ мѣстахъ не допускали жидовъ ни селиться, ни проживать, чтобы не осмѣливались принимать ихъ въ города и чтобы они не только не брали никакихъ арендъ, но никакой торговли и продажи не производили, въ тѣхъ видахъ, чтобы они ко вреду подданныхъ не разширялись. Что исполните, желая снискать наше благоволеніе. Данъ въ Гроднѣ дня 8, мѣсяца февраля, лѣта Господня 1623 г.

Владиславъ Сигизмундъ.

Ст. фонъ-Носъ.

УКРАИНСКАЯ ЗЛОПОЛУЧНИЦА.

Въ звенигородскомъ и уманскомъ уѣздахъ мнѣ часто приходилось слышать пѣсню о трехъ „чужоземцахъ“, соблазнившихъ „молоду дівчину“ и потомъ жестоко надъ нею наругавшихся. Она распространена въ означенныхъ уѣздахъ повсемѣстно и составляетъ одну изъ любимѣйшихъ народныхъ пѣсень. Мотивъ ея вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію и необыкновенно грустный и печальный. Яркими красками рисуется въ ней злополучіе „дівчины“ и сердечное ея раскаяніе.

Но кто здѣсь разумѣется подъ „чужоземцями“? Самые пѣвцы и пѣвицы этого не поясняютъ, а если спросишь, то въ отвѣтъ они пересказываютъ своими словами содержаніе пѣсни. Не можетъ, конечно, подлежать сомнѣнію, что пѣсня сложена подъ вліяніемъ того ужаснаго случая, который въ ней изображенъ, хотя народная память не сохранила никакихъ указаній на время и мѣсто, къ которымъ самый случай относился, какъ не сохранила даже общаго названія виновниковъ ужасной катастрофы, на что указываютъ постоянно мѣняющіяся въ печатныхъ (Сборникъ Головацкаго и др.)

и устныхъ варіантахъ этой пѣсни названія: чужоземець, запорожець, донскій козакъ и даже татаринъ. Записанный нами варіантъ представляетъ значительныя отличія отъ извѣстныхъ уже въ печати и потому мы рѣшаемся предложить оный вниманію читателей „Кіевской Старины". Самое начало пѣсни, какъ она у насъ поется, имѣетъ два варіанта.

1.

Ой на горі сосна, а въ долині коршма
Муромъ мурована, дилёмъ дилёвана,—
А въ тіі коршомці тамъ три чужоземці (чорноморці)
Все пьють та гуляють, дівча підмовляють:
Одинъ чужоземець (чорноморець) медъ, вино зливае,
Другий чужоземець на скрипочку грае,
Третій чужоземець дівча підмовляе:
«Ходи, дівча, зъ нами, зъ нами козаками,
Луче тобі буде, якъ въ рідноі мамы!»
Дівча послухало, сіло—поіхало....

2.

Ой хто въ коршмі е?—
Три козаки пье.
Ой одинъ козакъ пье, гуляе,
А другий козакъ на скрипку грае,
А третій козакъ дівчину підмовляе:
«Ой ідь, дівчино молода, зъ нами,
Луче тобі буде, якъ въ рідноі мамы:
Въ мамы ходила въ сірі свитині,
А въ насъ будешъ ходить въ сині кармазині,
Въ мамы ходила въ чорни запасці,
Въ насъ будешъ ходить въ червоні китайці...»
Молода дівчина тай послухала,
Сіла зъ козакомъ тай поіхала.
Привезли дівчину въ чистее поле—
«Вернись, дівчино, бо буде горе!»
—«Ой я не вернусь, бо славы боюсь—
Зъ донськимъ козакомъ въ чужий край забьюсь!»
Привезли дівчину де зелене жито—
«Вернись, дівчино, бо будешъ бита!»
—«Ой я не вернусь—матіньки боюсь,

Зъ донськимъ козакомъ дай вірно люблюсь!».
Привезли дівчину до зеленого дуба—
«Вернись, дівчино, бо вже не люба».
—«Ой я не вернусь, бо неньки боюсь,
Зъ донськимъ козакомъ въ чужий край забьюсь!
Привезли дівчину до зеленої сосны—
«Вернись, дівчино, бо буде тошно».
— «Ой я не вернусь—не славы боюсь,
Зъ донськимъ козакомъ дай вірно люблюсь!»
Ввязали дівчину до сосны косыма,
До сосны косыма, на лісъ очима,
Запалили сосну зверху до-долу;
Сосонка горить, дівчина кричить.
— «Ой хто въ лісі є, нехай сюда йде,
Ой хто въ лісі ночуе, мій голосъ чуе,
Хто дочки мае, нехай научае—
Зъ донськимъ козакомъ гулять не пускае»...
Сосонка палае, дівчина умлівае,
Зъ сосонки тече, дівчину пече...

1882 г. декабря 10.
Г. Умань.

А. Смонтій.

УКРАИНСКАЯ ГЕТЕРА.

Украинки всегда славились строгостію и чистотою своихъ нравовъ; но и между ними попадались особы *гулящія*, не доходившія до грубаго разврата, но отгуливавшія свою молодость и не щадившія своихъ прелестей, пока эта небезцѣльная гульня не заканчивалась прочно обезпеченною брачною жизнію. Типъ такой свободной женщины-украинки рисуется въ слѣд. пѣснѣ:

Ой по-за ярами, по-за ланами
Ой пье—гуля та Галюточка
Усе зъ чумаками.
Ой хочь вона пье, такъ не купуе,
Своимъ личкомъ та білявенькимъ
Все підманюе.
Та прийшовъ къ ii батенько ii—
Ой часъ-пора та Галюточко
Тобі до двора.

Ой ище не часъ, ище не пора,
Не выграла сто червінцівъ,
Ще й збрув, коня.
Ой по-за ярами, по-за ланами
Ой пье, гуля та Галюточка
Усе съ козаками.
Ой хочь вона пье, такъ не купуе,
Своимъ личкомъ та білявенькимъ
Та підманюе.
Выйшла къ її матінка її—
Ой часъ-пора та Галюточко
Тобі до двора.
Ой ище не часъ, ище не пора,
Не выграла сто червінцівъ,
Ще й збрув коня.
Ой по-за ярами, по-за ланами
Ой пье—гуля та Галюточка
Усе изъ панами.
Ой хочь вона пье, такъ не купуе,
Своимъ личкомъ білявенькимъ
Все підманюе.
Ой прийшовъ къ її братічокъ її
Ой часъ—пора та Галюточка
Тобі до двора.
Ой уже часъ, уже и пора
Та выграла сто червінцівъ,
Сама заміжъ пішла.

Слоб. Алексѣевка,
Александров. у., екатер. губ. **Иванъ Манжура.**

ЭПИЗОДЪ О ПАМЯТНИКѢ ШЕВЧЕНКУ И О ЕГО МОГИЛѢ—ВЪ ПОЛТАВСКОМЪ ЗЕМСКОМЪ СОБРАНІИ 1882 ГОДА.

Два слова очевидца объ этомъ эпизодѣ, интересномъ и неожиданномъ, быть можетъ, не будутъ лишними въ мѣстномъ историческомъ журналѣ: это страничка современной исторіи.

Шестого декабря прошлаго года въ полтавскомъ губернскомъ земскомъ собраніи шли пренія по докладу управы о дорожныхъ

сооруженіяхъ. Когда кончено было чтеніе отчета ревизіонной коммисіи и частности доклада предложены были вниманію коммисіи новой, предсѣдатель собранія, губернскій предводитель дворянства г. Устимовичъ, заявилъ о полученіи имъ съ почты письма и пригласилъ собраніе его выслушать. Въ этомъ письмѣ шла рѣчь о могилѣ Шевченка.

Сообщались факты, оглашенные газетами о томъ состояніи разрушенія, въ которомъ находится эта могила, съ ея осыпавшимся холмомъ, крестомъ, упавшимъ и разбившимся, обломки котораго жгутъ мальчики—пастухи, грѣясь у подошвы холма въ осеннія ночи. Высказывалась увѣренность, что собраніе положитъ конецъ такому печальному акту забвенія памяти поэта, ассигновавъ необходимыя средства на приведеніе могилы въ прежній видъ. Авторъ письма, г. Кулябка, напоминалъ собранію то время, далекую старину, 60-е годы, когда имя великаго народолюбца было въ Полтавѣ священнымъ именемъ. Кулишъ, прежній Кулишъ, писалъ тогда своему другу-поэту о томъ чувствѣ горячей любви къ нему, какое онъ встрѣтилъ у полтавцевъ. Эти давнія слова Кулиша цитировались въ письмѣ.

Письмо произвело впечатлѣніе и вызвало пренія крайне интересныя. Доблестные отпрыски стараго строя, принципіальные противники чествованія памяти „мужицкаго поэта“, хотѣли, очевидно, сказать много, но порывъ ихъ сдерживало это имя... Какъ ни суди, но рѣчь шла о человѣкѣ, который, вмѣстѣ съ Гоголемъ, обозначаетъ двѣ высшія точки проявленія генія своего племени, созданія котораго, со стороны творчества, живѣйшіе образы нашего народа, а со стороны нравственнаго значенія—источникъ великой духовной красоты, благотворное вліяніе котораго не изсякнетъ, пока будетъ на землѣ два человѣка, понимающихъ малорусское слово...

Были пущены, въ видѣ пробныхъ шаровъ, соображенія о необходимости экономіи въ расходахъ, послышались сомнѣнія въ дѣйствительномъ разрушеніи могилы... Свидѣтельство кіевскаго губернскаго предводителя дворянства, кн. Репнина, заставило замолкнуть послѣдніи сомнѣнія, и нѣсколько горячихъ словъ о неприличіи торга надъ могилой того, кто отдалъ родинѣ свою великую душу, прекратили соображенія членовъ собранія, вдругъ оказавшихся столь экономными, въ противность ихъ рѣшеніямъ по другимъ ассигновкамъ сомнительной пользы.

На предварительный вопросъ о принятіи участія вообще въ этомъ дѣлѣ отвѣтило утвердительно огромное большинство. Кажется, только четверо гласныхъ поспѣшно вскочили съ своихъ мѣстъ, выражая свое несогласіе съ такимъ рѣшеніемъ собранія.

Непродолжительныя совѣщанія привели къ двумъ рѣшеніямъ: 1) ассигнованію 500 рублей изъ земскихъ суммъ на поправку могилы, съ порученіемъ золотоношской земской управѣ, какъ ближайшей къ мѣсту погребенія поэта, принятія на себя заботъ о такой поправкѣ и 2) ходатайствованію о разрѣшеніи открытія въ предѣлахъ полтавской губерніи подписки на сооруженіе памятника Шевченку. Въ виду возможныхъ случайностей, первое рѣшеніе признано было неотложнымъ.

Это замогильное, позднее чествованіе поэта было какъ-бы отвѣтомъ на призывъ, который, при жизни своей, онъ обращалъ не къ людямъ, а къ единственному своему вѣрному другу—музѣ:

А якъ умру, моя святая,
Моя ты мамо! Положи
Свого ты сына въ домовину
И хочъ единую слёзину
Въ очахъ безсмертнихъ покажи!...

Прекрасное рѣшеніе собранія отозвалось въ присутствовавшихъ умиленнымъ и чистымъ чувствомъ, какое является всегда при видѣ торжества правды. И чувство это было также свѣтло и ясно, какъ веселый утренній свѣтъ, заливавшій, чрезъ высокія окна, залу собранія въ тотъ памятный день.

В. Г—ко.

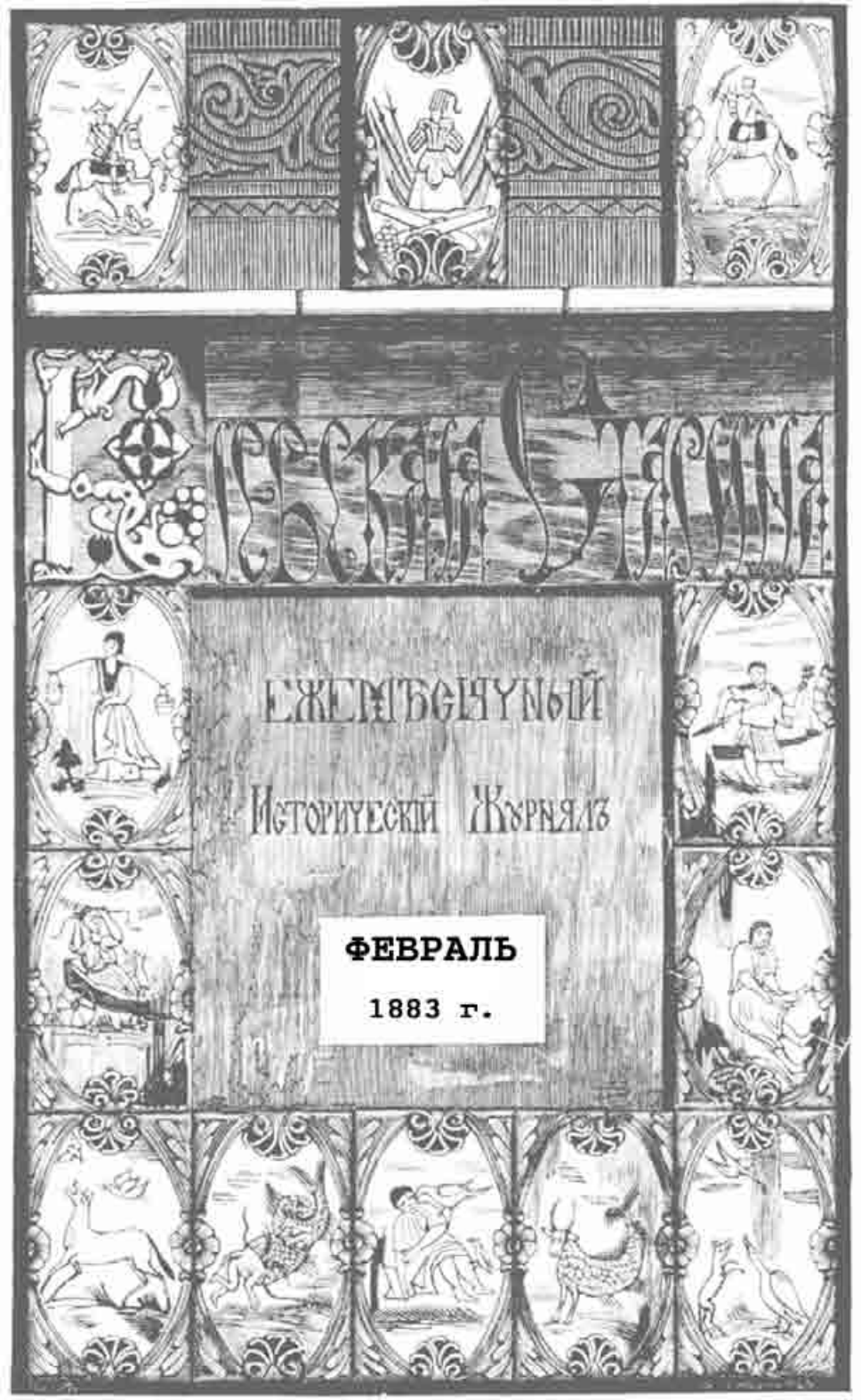
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
ФЕВРАЛЬ
1883 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1883 г.

I. П. А. КУЛИШЪ И ЕГО ПОСЛѢДНЯЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. **Н. Костомарова** 221

II. ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ. (Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній). **Ник. Лѣскова** 235

III. ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ (по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ). (*Продолженіе*). **Ѳ. Кондратовича** 269

IV. УДѢЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ И ЕГО ИЗУЧЕНІЕ. **Дм. Багалѣя** 301

V. ВОЛЫНСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX СТОЛѢТІЯ . . 319

VI. НОВЫЯ СВАДЕБНЫЯ МАЛОРУССКІЯ ПѢСНИ въ общемъ ходѣ свадебнаго дѣйствія. **Ѳ. Николайчика** 366

VII. ВОСЕМЬ ПИСЕМЪ ТАРАСА ГРИГОРЬЕВИЧА ШЕВЧЕНКА КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ. Сообщилъ **С. Пономаревъ** 401

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVIII вѣкѣ. И. Лучицкаго. (Отечественныя записки. 1882 г. ноябрь).—б) Историческая хронологія харьковской губерніи. Составилъ К. П. Щелковъ. Харьковъ. 1882 г.—в) Буцинскій.—О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ, 1882 г. 409

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Второбрачіе южно-русскихъ священниковъ конца XVIII вѣка и его историческіе прецеденты.—б) Двѣ ревизіи (немировская гимназія въ концѣ 40-хъ годовъ).—в) Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива.—г. Какъ готовили Кременчугъ къ встрѣчѣ имп. Екатерины II.—д) Визитъ Кармелюка.—е) Три псальмы.—ж) Изъ неизданныхъ стихотвореній д-ра Руданскаго. I. Спілка. II. Мазуръ у болоті.—з) Письмо изъ Вѣны о кафельномъ производствѣ въ Галиціи. 429

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1882 и 1883 гг. Подписавшіеся на 1882 г. получаютъ журналъ за весь годъ, начиная съ 1-го номера. Цѣна за каждый годъ съ приложеніями и пересылкою 10 руб. —Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софіевская площадь, д. Севастьяновой, противъ памятника Хмельницкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ V.

ФЕВРАЛЬ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Приложеніе къ журналу „Кіевская старина“

Фото-Гравюра Шерера, Набгольца и К° въ Москвѣ.

Ананій Ивановичъ Коломыэцъ.

1762.—1882.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 20 Декабря 1882 г.

П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность.

П. А. Кулишъ, слишкомъ извѣстное въ нашемъ литературномъ мірѣ лицо своими произведеніями въ области этнографіи, исторіи, языковѣдѣнія и беллетристики южно-русскаго края, въ послѣднее время оставилъ родину и перебрался въ Австро-Венгрію, гдѣ продолжаетъ писать на родномъ южно-русскомъ нарѣчіи. Въ „Вѣстникѣ Европы" за прошлый годъ мы уже имѣли случай говорить объ одномъ изданномъ имъ тамъ сочиненіи „Крашанка", гдѣ, между прочимъ, онъ заявляетъ о причинахъ, побудившихъ его къ переселенію изъ отечества. По его словамъ, ему хотѣлось пользоваться бо́льшею свободою слова и высшею культурою. На сколько онъ на своемъ новосельѣ достигъ желаемаго, это ближе можетъ быть извѣстно ему самому; мы-же вознамѣрились говорить о его тамошней литературной дѣятельности.

Г. Кулишъ издалъ въ Вѣнѣ сдѣланный имъ вмѣстѣ съ докторомъ Пулюемъ переводъ Новаго Завѣта на южно-русское нарѣчіе. По этому поводу ничего не можемъ сказать, кромѣ благодарности за дѣло, предпринятое съ добрымъ побужденіемъ, и выразить искреннее желаніе возможности пользоваться этимъ переводомъ. Что касается до оцѣнки достоинствъ этого перевода, то желательно было-бы, чтобъ за такую оцѣнку принялись люди, спеціально посвятившіе себя религіознымъ знаніямъ; они указали-бы, на сколько этотъ переводъ достоинъ высокаго предмета и на сколько онъ можетъ быть пригоденъ для употребленія между грамотными простолюдинами южно-русскаго происхожденія.

Кромѣ этого почтеннаго труда, г. Кулишъ является съ переводомъ Шекспира на южно-русское нарѣчіе. На первый разъ онъ издаетъ переводъ трехъ піэсъ Шекспира: „Отелло", „Троила и Крес-

сиды" и „Комедіи Ошибокъ". Относительно выбора піэсъ, казалось, было-бы полезнѣе начинать передачу великаго британскаго драматурга съ піэсъ болѣе славныхъ, пріобрѣвшихъ давна репутацію лучшихъ и безспорно по своимъ эстетическимъ достоинствамъ имѣющихъ право считаться такими; Отелло дѣйствительно и принадлежитъ къ такимъ произведеніямъ, но двѣ остальныя поэмы, переведенныя г. Кулишомъ, не могутъ быть отнесены къ такому разряду и могли-бы появиться послѣ многихъ другихъ. Вѣроятно, г. Кулишъ, надѣется перевести всего Шекспира и заранѣе показываетъ, что не хочетъ ничего опускать изъ его твореній, такъ какъ во всѣхъ его произведеніяхъ, даже слабѣйшихъ, можно найти достоинства. Желаемъ успѣха г. Кулишу, но не можемъ не напомнить ему со вздохомъ старинной избитой поговорки: Ars longa, vita brevis, а г. Кулишу, сколько мы знаемъ, болѣе шестидесяти лѣтъ отъ роду и для тѣхъ, которые могли-бы быть заинтересованы переводомъ Шекспира на южно-русское нарѣчіе, было-бы неутѣшительно по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ лишиться возможности прочитать по южно-русски такія міровыя творенія, какъ Гамлетъ, Макбетъ, Ричарды и другіе. Относительно достоинствъ явившагося перевода мы уклонимся отъ ихъ оцѣнки вотъ по какой причинѣ. Мы уже заявляли въ печати, что настоящее положеніе южно-русскаго нарѣчія таково, что на немъ слѣдуетъ творить, а не переводить, и вообще едвали умѣстны переводы писателей, которыхъ каждый интеллигентный малоруссъ прочтетъ на русскомъ языкѣ, который давно уже сталъ культурнымъ языкомъ всего южно-русскаго края; притомъ этотъ общерусскій языкъ—не чужой, не заимствованный языкъ, а выработанный усиліями всѣхъ русскихъ, не только великороссіянъ, но и малоруссовъ. За тѣмъ, не отнимая у народнаго малорусскаго нарѣчія права на саморазвитіе, права, присущаго каждому человѣческому нарѣчію въ мірѣ, мы убѣждены, что всякая литература, чтобы существовать съ пользою, должна удовлетворять потребностямъ того общества, которое говоритъ языкомъ этой литературы. А какъ нѣтъ у насъ иного общества малорусскаго, кромѣ простонароднаго, то и литература малорусская должна быть литературою простонародною, какъ по выбору предметовъ, такъ и по способу выраженія мыслей объ этихъ предметахъ, иными словами, по-малорусски писать можно только то, что понятно и

нужно для простонародія; языкъ долженъ развиваться разомъ съ развитіемъ народа и если даже писатель станетъ передавать то, что народу было до сихъ поръ чуждо, то долженъ дѣлать такъ, чтобъ народъ понималъ и усвоивалъ то, съ чѣмъ его знакомятъ; иначе писатель можетъ подвергнуться обличенію въ бездарности и неумѣлости. Намъ казалось-бы, нѣтъ надобности переводить на южно-русское нарѣчіе Шекспира, такъ какъ всякій малоруссъ, получившій на столько развитія, чтобъ интересоваться чтеніемъ Шекспира, можетъ прочитать его въ русскомъ переводѣ, да иногда даже съ большимъ удобствомъ, чѣмъ въ южно-русскомъ, потому что рѣдкій сколько-нибудь образованный малоруссъ не знаетъ русскаго книжнаго языка въ равной степени съ своимъ природнымъ нарѣчіемъ, передавать-же по-русски Шекспира въ настоящее время легче, чѣмъ по-малорусски, даже и такому знатоку малорусскаго слова, какъ самъ г. Кулишъ. Но это примѣнительно только къ южно-русскому краю, вошедшему въ предѣлы русской имперіи и притомъ только тамъ, гдѣ общее воспитаніе въ такой степени уже оказало свою силу, что русскій книжный языкъ успѣлъ сдѣлаться какъ-бы природнымъ языкомъ интеллигентнаго класса.

Судьба южно-русскаго нарѣчія совсѣмъ иная въ австрійской монархіи, гдѣ нѣсколько милліоновъ говорятъ этимъ нарѣчіемъ: для нихъ общерусскій книжный языкъ не могъ сдѣлаться языкомъ интеллигентнаго общества, какъ у нашихъ южно-руссовъ. Тамъ интеллигентный человѣкъ долженъ былъ усвоивать себѣ культурный языкъ—чужой, польскій, а въ послѣднее время даже нѣмецкій, или же, желая во что-бы-то ни стало оставаться южно-руссомъ, долженъ былъ пытаться собственное свое простонародное нарѣчіе возводить въ значеніе культурнаго языка; это дѣлалось и дѣлаться должно было неизбѣжно; тутъ дѣйствовало не какое-нибудь патріотическое побужденіе, всегда, впрочемъ, само по себѣ достойное сочувствія, а прямая необходимость. У нихъ не было культурнаго языка, а безъ него невозможно никакое осмысленное положеніе; литературный русскій языкъ, ставшій культурнымъ языкомъ для южно-руссовъ въ русскомъ государствѣ, былъ для обитателей австрійскаго государства болѣе чужимъ, чѣмъ нѣмецкій, который былъ имъ ближе по крайней мѣрѣ потому, что былъ языкомъ правительства, которому они подчинялись. Нѣмецкій языкъ не могъ быть

легко и скоро ими усвоенъ по корневой отдаленности отъ ихъ родной рѣчи, а языкъ польскій, который силилась постоянно имъ навязывать польская и ополяченная интеллигенція края, напоминалъ имъ слишкомъ много враждебнаго и противнаго, чтобъ замѣнить имъ свое родное нарѣчіе. Такимъ образомъ стеченіе обстоятельствъ приводило къ стремленію развивать родное нарѣчіе и преобразовать его въ культурный языкъ.

И такъ южно-руссы Австро-Венгріи, хотя и принадлежатъ къ одной этнографической вѣтви съ южно-руссами русской имперіи, но очутились въ иномъ положеніи относительно культурнаго языка, чѣмъ послѣдніе. Вотъ почему не приходится примѣнять къ явленіямъ въ галицкой южно-русской литературѣ ту мѣрку, какая пригодна для нашихъ южно-руссовъ. Притомъ въ Галичинѣ, при ея, не схожемъ съ нашимъ, политическомъ строѣ, при конституціонномъ правительствѣ, при отсутствіи всякихъ стѣсненій южно-русскаго слова, народная рѣчь начала развиваться и шагнула уже на болѣе высшую ступень культурности, чѣмъ у насъ; а потому многое въ переводѣ Кулиша для насъ можетъ показаться неестественнымъ, не народнымъ, искусственнымъ, натянутымъ, выкованнымъ произвольно, тогда какъ совсѣмъ иначе тоже самое можетъ представиться галицкому читателю.

Кромѣ этихъ указанныхъ трудовъ г. Кулиша, достойныхъ уваженія и одобренія, г. Кулишъ издалъ книжку подъ названіемъ „Хуторна поэзія“, книжку имѣющую значеніе публицистическое. Книжка эта составлена на половину въ прозѣ, а на половину въ стихахъ; она раздѣляется на три части. Первая часть написанная прозою носитъ названіе: „Историчне оповіданне“. Здѣсь г. Кулишъ вспоминаетъ происходившія у насъ у всѣхъ на памяти событія, въ которыхъ онъ г. Кулишъ самъ pars magna fuit. Онъ сообщаетъ своимъ читателямъ, что въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія въ Кіевѣ украинская народная поэзія вдохновила тамошнюю молодежь мыслію выдвинуть свой народъ изъ мрака, который не давалъ его духовнымъ силамъ подняться и тѣмъ самымъ подрывалъ его благосостояніе. То были, по словамъ г. Кулиша, юноши, глубоко просвѣтленные чистотою христіанскаго ученія, преданные до энтузіазма апостольской любви къ ближнему. Въ кругу образованнаго украинскаго дворянства они стали проповѣдывать освобожденіе

народа изъ подъ крѣпостной зависимости путемъ христіанскаго и научнаго просвѣщенія. Остерегаясь „современныхъ пилатовъ-игемоновъ и коварныхъ злостныхъ книжниковъ и фарисеевъ", они избѣгали облеченія своего дѣла въ какую-либо формальность, не составляли ни статутовъ, ни договоровъ, ни конспектовъ своего дѣла, не устанавливали изъ среды себя начальства и старѣйшинства, всѣ были равны между собою и развѣ только тотъ между нихъ могъ считаться старшимъ, кто былъ прочимъ всѣмъ слугою. Единственное лицо, на которое они взирали какъ на небесный свѣтильникъ, былъ Шевченко, который съ своею поэзіею являлся какъ-бы оправданіемъ ихъ общаго вдохновенія.

Осенью 1845 года г. Кулишъ разстался съ своими кіевскими друзьями и единомышленниками и перебрался въ Петербургъ, гдѣ сошелся съ Петромъ Александровичемъ Плетневымъ, котораго образъ г. Кулишъ передаетъ въ чрезвычайно увлекательныхъ и, что всего лучше, въ вѣрныхъ чертахъ; при его содѣйствіи, академія наукъ, по случаю кончины профессора Прейса, предположила отправить г. Кулиша за границу для изученія славянскихъ языковъ съ цѣлію, по возвращеніи, сдѣлать его адъюнктомъ академіи и профессоромъ въ университетѣ. Въ концѣ 1846 года Кулишъ отправился въ путь за границу черезъ Кіевъ, гдѣ, какъ узналъ, во время его пребыванія въ Петербургѣ, его кіевскіе друзья составили общество, которому дали названіе общества св. Кирилла и Меѳодія, написали уставъ и вымыслили даже знакъ или символъ общества, перстень изъ литого желѣза съ вырѣзанными на немъ начальными буквами именъ Кирилла и Меѳодія. Въ Кіевѣ, собираясь ѣхать за границу въ славянскія земли съ однимъ молодымъ человѣкомъ, бывшимъ въ числѣ основателей этого общества, г. Кулишъ, какъ самъ сообщаетъ, спрашивалъ этого молодого человѣка объ обществѣ, а тотъ отвѣчалъ, что то была ребяческая забава, что сами основатели одумались, уничтожили написанный уставъ и побросали въ воду перстни. Но г. Кулишъ при этомъ догадывался, что отъ него, какъ и отъ Шевченка, таятся, а впослѣдствіи узналъ, что основатели не хотѣли принимать въ число членовъ Кулиша и Шевченка, не потому, чтобъ не довѣряли имъ, а потому что слишкомъ дорожили ими и опасались подвергать ихъ могущимъ постигнуть ихъ непріятностямъ, будучи увѣрены, что, и не вступая въ общество, они по своей дѣятельности всегда будутъ ему полезны.

Такъ какъ объ этомъ обществѣ Кирилла и Меѳодія уже появлялись въ разныхъ печатныхъ органахъ неясные и невѣрные намеки, то не лишнимъ будетъ, по случаю сообщенія г. Кулиша, сказать объ этомъ обществѣ правдивое слово. Г. Кулишъ и теперь заявляетъ и прежде пытался заявлять, что не былъ членомъ этого общества и даже не зналъ о немъ. Мы прошлымъ лѣтомъ случайно наткнулись на такое заявленіе г. Кулиша въ газетѣ „Новости". Г. Кулишъ правъ, утверждая, что онъ не былъ ни членомъ, ни основателемъ такого общества; но мы прибавимъ, что собственно и самаго общества не существовало, такъ какъ нельзя считать организованнымъ обществомъ разговоры частныхъ лицъ, случайно сошедшихся для бесѣды безъ всякой предвзятой цѣли. Дѣло происходило такъ: въ генварѣ 1846 года пишущій эти строки вмѣстѣ съ пріятелями своими Никол. Ив. Гулакомъ, Вас. Мих. Бѣлозерскимъ и Александр. Александров. Навроцкимъ толковали о томъ, какъ-бы слѣдовало путемъ воспитанія юношества, изданія сочиненій, относящихся къ славяновѣдѣнію и при всякомъ случаѣ частными бесѣдами стараться знакомить русское общество съ славянскимъ міромъ. При этомъ мы составили для себя desiderata, въ которыхъ выражалось то, что, по нашимъ убѣжденіямъ, должно было лечь въ основу будущей славянской взаимности. Первое желаніе касалось способовъ дѣятельности тѣхъ лицъ, которые-бы нашли въ себѣ силу быть апостолами славянскаго возрожденія. Это желаніе состояло въ томъ, чтобъ соблюдалась искренность и правдивость и отвергалось іезуитское правило объ освященіи средствъ цѣлями, за тѣмъ слѣдовали желанія касавшіяся славянъ. Онѣ были немногочисленны и несложны, и состояли въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) освобожденіе славянскихъ народностей изъ-подъ власти иноплеменниковъ, 2) организованіе ихъ въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ федеративной ихъ связи между собою; установленіе точныхъ правилъ разграниченія народностей и устройства ихъ взаимной связи предоставлялось времени и дальнѣйшей разработкѣ этого вопроса исторіей и наукою, 3) уничтоженіе всякаго рабства въ славянскихъ обществахъ, подъ какимъ-бы видомъ оно ни скрывалось, 4) Упраздненіе сословныхъ привилегій и преимуществъ, всегда наносящихъ ущербъ тѣмъ, которые ими не пользуются, 5) религіозная свобода и вѣротерпимость, 6) при полной свободѣ всякаго вѣро-

ученія употребленіе единаго славянскаго языка въ публичныхъ богослуженіяхъ всѣхъ существующихъ церквей, 7) полная свобода мысли, научнаго воспитанія и печатнаго слова и 8) преподаваніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народностей. Этимъ собственно и ограничились тогдашнія наши desiderata. Нѣкоторыя изъ нихъ были приведены въ исполненіе, другія—намѣчены и частію совершены императоромъ Александромъ II. Въ оное время мы очень желали, чтобъ могло образоваться общество на вышеозначенныхъ принципахъ, но мы не задавали себѣ вопроса: можетъ-ли такое общество, хотя-бы съ чисто ученымъ характеромъ, быть одобрено тогдашнимъ правительствомъ, хотя отрицательный отвѣтъ на такой вопросъ заранѣе указывался здравымъ разсудкомъ, даже при поверхностномъ знакомствѣ съ окружающимъ насъ міромъ. Но мы были въ этомъ отношеніи дѣти и привыкли жить болѣе въ книгахъ и въ собственныхъ идеалахъ, чѣмъ въ мірѣ дѣйствительности, и оттого, быть можетъ, Бѣлозерскій (а это его разумѣетъ г. Кулишъ, вспоминая о молодомъ человѣкѣ, собиравшемся съ Кулишомъ ѣхать за границу) былъ отчасти правъ, называя все это „ребяческою забавою". Но тѣмъ не менѣе тайнаго общества со всѣми неизбѣжными аттрибутами: выборами, предсѣдателями, секретарями, собраніями, членскими взносами, отчетами, у насъ организовано не было, также точно какъ не было „перстня изъ литого желѣза" въ качествѣ символа общества. Былъ у меня перстень не желѣзный, а золотой съ вырѣзанными внутри его именами св. славянскихъ апостоловъ. Я сдѣлалъ его себѣ гораздо ранѣе и мысль къ тому подали мнѣ продававшіяся въ михайловскомъ золотоверхомъ монастырѣ кольца съ именемъ Варвары великомученицы, освященныя на мощахъ этой святой. Увидя такое кольцо у меня, кто-то изъ знакомыхъ сдѣлалъ себѣ такое кольцо, хотя съ иными акцессуарами, потомъ, какъ мнѣ говорено было, и еще кто-то... Но символами общества эти кольца не были.

Когда я былъ арестованъ и доставленъ въ III-е отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, я былъ въ крайне затруднительномъ положеніи. Мнѣ-бы слѣдовало сразу сказать всю правду, тѣмъ болѣе, что собственно преступленія противъ законовъ за мною не было; но сказать правду, то есть что велись разговоры о сла-

вянскомъ единеніи и хотя общество не организовалось, но существованіе его было желательнымъ—было невозможно; меня-бы допрашивали, съ кѣмъ велись подобныя бесѣды и я долженъ былъ-бы указать на другихъ, я-же, находясь въ III-мъ отдѣленіи, не зналъ, кто еще кромѣ меня арестованъ. Я по неволѣ сталъ увертываться, а моя увертливость возбуждала противъ меня подозрѣніе: думали такъ, что вѣрно у насъ было и есть что-то важное, когда мы стараемся его скрыть. Изъ Кіева то и дѣло присылались новые доводы существованія тайнаго зловреднаго общества, доводы неосновательные и нелѣпые, но тѣмъ не менѣе наводившіе подозрѣніе. Такъ, между прочимъ, открыто было, будто у членовъ славянскаго общества есть на тѣлѣ какіе-то вытравленные знаки. Насъ раздѣвали, а тавра̀ ни на комъ не нашли. Признали печатью общества мою именную печать, употреблявшуюся уже болѣе десяти лѣтъ, съ вырѣзанными на ней словами: Іоанна гл. VIII, ст. 32, и не обратили вниманія на мою просьбу убѣдиться, что этою печатью я давно печаталъ письма и никто другой, кромѣ меня, не употреблялъ ее. Наконецъ изъ моихъ лекцій и рукописныхъ сочиненій вырѣзывались мѣста безотносительно къ предыдущей рѣчи и къ послѣдующей и имъ придавался смыслъ, обличающій существованіе тайнаго вреднаго общества. Двое кіевскихъ студентовъ Петровъ и Андрусскій въ III-мъ отдѣленіи показывали на меня ужаснѣйшія вещи и хотя первый, по смыслу заключавшагося въ его показаніяхъ, былъ самымъ графомъ Орловымъ обличенъ во лжи, а второй, написавши про меня множество клеветъ, поставленный на очную ставку со мною, объявилъ, что все написанное имъ обо мнѣ ложь, тѣмъ не менѣе ихъ показанія оставляли вліяніе на генерала Дубельта, который, подозрѣвая, что я умышленно утаиваю вины свои, сердился, ругалъ меня самыми площадными словами и угрожалъ даже употребить жестокія мѣры съ цѣлію заставить меня говорить искренно. Наконецъ дѣлопроизводитель секретной экспедиціи прочелъ мнѣ показаніе Бѣлозерскаго, сообщивши при томъ, что оно, по своей искренности и по духу смиренія и покорности, понравилось государю императору. Онъ совѣтовалъ и мнѣ измѣнить свои прежнія показанія и подать новое, подобное по смыслу и по духу показанію Бѣлозерскаго. Тогда я увидалъ, что всѣ, кого могли привлечь и наказать по поводу основанія общества, уже

находятся въ III-мъ отдѣленіи и что я не въ состояніи болѣе своею откровенностію притянуть кого нибудь вновь въ III-е отдѣленіе; я послѣдовалъ предложенному мнѣ совѣту и написалъ показаніе, подобное показанію Бѣлозерскаго. Послѣдній сознавался, что общество дѣйствительно возникло, но оно имѣло въ виду только тѣхъ славянъ, которые не состоятъ подъ русскою державою и при томъ въ видахъ подчинить ихъ всѣхъ россійскому скипетру и распространить между ними православіе. За тѣмъ и Николай Ивановичъ Гулакъ, до сихъ поръ упорно не хотѣвшій давать никакого показанія и тѣмъ усиливавшій на всѣхъ насъ подозрѣніе, подалъ такое-же показаніе, какъ Бѣлозерскій. Насъ наказали различно. Бѣлозерскаго государь императоръ за искренность и смиреніе простилъ, приказавъ избавить его отъ всякаго заключенія и отправить въ Петрозаводскъ на гражданскую службу, внушивъ тамошнимъ властямъ самое лестное о немъ мнѣніе. Этотъ молодой человѣкъ не только не проигралъ, но въ служебномъ отношеніи выигралъ: его, не смотря на очень молодые лѣта, сдѣлали совѣтникомъ губернскаго правленія, что въ оное время казалось блестящею карьерою въ началѣ служебнаго поприща. Меня осудили на годичное заключеніе въ Петропавловской крѣпости, а потомъ отправили въ Саратовъ на гражданскую службу съ воспрещеніемъ на всегда печатать и преподавать. Гулака за упорство наказали строже: посадили въ шлиссельбургскую крѣпость на три года съ половиною, а по окончаніи этого срока отправили въ Пермь съ такими-же ограниченіями, какъ и меня въ Саратовъ; Навроцкаго—въ вятскую губернію съ выдержкою на мѣстѣ подъ арестомъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Кулиша и Шевченка наказали не зависимо отъ насъ: участія въ составленіи славянскаго общества за ними не признали, но поставили имъ въ вину ихъ малорусскія сочиненія. Кулишъ, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ крѣпости, былъ отправленъ въ Тулу съ такими-же ограниченіями, какія постигли меня и Гулака, а Шевченко былъ наказанъ, какъ всѣмъ извѣстно, гораздо суровѣе за то, что въ его стихахъ были оскорбительные отзывы объ отжившихъ и живущихъ высочайшихъ особахъ. Кромѣ тяжелой солдатской службы, онъ осужденъ былъ на запрещеніе писать и рисовать и долженъ былъ постоянно тяготиться присутствіемъ ефрейторовъ, наблюдавшихъ, чтобъ онъ не дѣлалъ противнаго

высочайшему запрещенію. Такъ окончилось дѣло о славянскомъ обществѣ Кирилла и Меѳодія. Вотъ уже прошло съ тѣхъ поръ тридцать пять лѣтъ, воды много утекло и тѣ, которые тогда поступали на службу, теперь уже получаютъ полную пенсію, слѣдовательно самое это событіе отошло уже въ міръ исторіи русской протекшей жизни: пора сказать о немъ сущую правду, а правда о немъ будетъ такова, что общества Кирилла и Меѳодія не существовало; происходили только разговоры о немъ, безъ всякаго намѣренія основывать его. Дѣйствительно, Кулишъ и Шевченко не были участниками разговоровъ, происходившихъ въ генварѣ 1846 года; Кулишъ находился тогда въ Петербургѣ, а съ Шевченкомъ я еще не былъ лично знакомъ; но я слишкомъ хорошо помню, что ни отъ того, ни отъ другого мы съ нашими славянскими симпатіями не таились, напротивъ, Шевченко, познакомившись со мною, относился къ идеѣ о славянской взаимности съ поэтическимъ восторгомъ, а Кулишу не могли онѣ оставаться въ неизвѣстности, потому что впослѣдствіи, бывши съ нимъ не только близокъ, но друженъ, много разъ я вспоминалъ съ нимъ о прошедшемъ.

За „Историчнымъ оповіданнемъ“ въ книгѣ „Хуторна поэзія“ слѣдуютъ стихотворенія въ числѣ двадцати четырехъ: всѣ почти въ публицистическомъ тонѣ. Всѣ онѣ богаты мыслями, но тяжелы и вообще возбуждаютъ желаніе, чтобъ г. Кулишъ оставилъ стихотворное поле и ограничился прозаическою формою, которая у него выходитъ удачнѣе стиховъ. Два стихотворенія г. Кулиша невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе: это прославленіе двухъ царственныхъ особъ; одно стихотвореніе называется „Гимнъ единому царю“, а другое—„Гимнъ единой царицѣ“. Подъ царемъ разумѣется Петръ Великій, подъ царицею—императрица Екатерина Вторая. Петръ по истинѣ такъ великъ, что никакой дифирамбъ ему не будетъ совершенно не вѣренъ и если намъ придется отозваться безъ особыхъ похвалъ о стихотвореніи Кулиша въ честь Петра, то потому только, что въ самомъ этомъ стихотвореніи не видно присутствія дарованія. Мысль о похвалѣ Екатеринѣ II-й заключаетъ въ себѣ столько-же ложнаго, сколько было неправды въ представленіяхъ, усвоенныхъ нами всѣми издавна о царствованіи этой государыни, царствованіи мудромъ и блестящемъ, но не всегда и не вездѣ благотворномъ для народной жизни, какъ современниковъ, такъ и

потомковъ. Авторъ негодуетъ на враговъ ея, которые называли ее „голодною волчицею". „Ты была—говоритъ Кулишъ, обращаясь къ личности государыни—волчицею для проклятыхъ людоѣдовъ, ты была врагомъ кровопійцъ людскихъ, и это будетъ помнить культурный міръ. Ты убила за порогами змѣю несытую разбоями и разореніями; ты раздавила ядовитую голову ехидны. Хвала тебѣ, царица, за зло, учиненное злымъ, и за добро, оказанное добродѣтельнымъ. Хвала тебѣ, любомудрая жрица, прорицательница благословенныхъ временъ!"

Змѣя, раздавленная за порогами, есть Запорожская Сѣчь, уничтоженная Екатериною II-ою.

Г. Кулишъ написалъ эти стихи подъ увлеченіемъ негодованія противъ запорожцевъ, нерѣдко совершавшихъ разбои и злодѣянія. Мы далеки отъ того, чтобъ скорбѣть объ уничтоженіи Запорожской Сѣчи и готовы признать это уничтоженіе дѣломъ мудрой государственной политики. Но иное дѣло цѣль, а иное—способы къ достиженію этой цѣли. Вспомнимъ участь Калнишевскаго и Глобы! Ужасъ овладѣваетъ воображеніемъ, когда представишь себѣ несчастнаго Кошеваго, глубокаго старика, ничего иного не показавшаго русскому престолу, кромѣ вѣрности и послушанія: теперь въ воздаяніе за долгую преданность его, бросили его въ сырую и мрачную темницу соловецкаго монастыря и томили тамъ въ одинокомъ заключеніи болѣе тридцати лѣтъ. А что сдѣлали съ запорожскимъ краемъ послѣ уничтоженія Сѣчи? Выгнали наплывшее туда уже издавна вольное населеніе и отдали превращенныя въ пустыни поля и угодья въ добычу вельможамъ, любимцамъ счастія и временщикамъ! Это-ли прославляемая Кулишомъ культура? Уничтоженіе гетманщины въ Малороссіи хотя и могло оправдываться теченіемъ историческихъ судебъ всего русскаго міра, но совершенно съ такими послѣдствіями, которыя не послужили къ пользѣ, благосостоянію и духовному развитію народа. Чтобы сплотить тѣснѣе малорусскій край съ другими областями русскаго государства и истребить въ немъ могущія ожить уже примершія завѣтныя историческія побужденія, сочли лучшимъ и простѣйшимъ средствомъ разрознить сословія: козацкимъ старшинамъ даровать наравнѣ съ русскими служащими въ офицерскихъ чинахъ дворянское достоинство и право владѣть крестьянами, а простой народъ, такъ называемое

въ Малороссіи посполитство, отдать въ порабощеніе новоиспеченному дворянству. Что-жъ, и это—культура! Тридцать лѣтъ спустя, малороссійскій дворянинъ графъ Безбородко восхищался этою мѣрою и совѣтовалъ примѣнять ее къ новоприсоединенному западному краю отъ Польши, совѣтовалъ ласкать тамошнихъ дворянъ, покровительствуя ихъ власти надъ простымъ народомъ, но такъ думать могъ баринъ въ тотъ вѣкъ, когда люди главнымъ образомъ цѣнились по ихъ благородному происхожденію, а о такъ-называемомъ подломъ народѣ думали, что его и Богъ на то создалъ, чтобъ онъ повиновался дворянству. Но, конечно, такая общественная мудрость въ нашъ вѣкъ не годится, и не выйдетъ-ли, что „мужицкія, полупьяныя, какъ ихъ честитъ г. Кулишъ, воззрѣнія Шевченка на царствованіе Екатерины II-й сообразнѣе съ исторической правдою, чѣмъ высокомудрыя воззрѣнія г. Кулиша? Многія историческія эпохи представляются въ одобрительномъ свѣтѣ, когда ихъ будемъ разсматривать съ точки зрѣнія всемірно-исторической, но если ихъ распластать и заглянуть поглубже въ мелочи и подробности протекшей жизни, то откроются возмутительныя картины страданій и насилій, которыя стушевывались во время обзора эпохи въ цѣломъ. Нерѣдко положительныя стороны въ прошедшихъ эпохахъ, возбуждающія наши симпатіи и похвалы, слѣдуетъ приписывать вѣку, географическимъ и этнографическимъ условіямъ и закону сцѣпленія событій между собою въ ихъ поступательномъ движеніи, а вовсе не побужденіямъ тѣхъ или другихъ историческихъ дѣятелей.

Послѣ ряда стиховъ, не отличающихся даровитостію, слѣдуетъ у г. Кулиша составленное прозою призывное посланіе къ украинской интеллигенціи. Онъ бѣгло проходитъ соціальную исторію южной Руси, вспоминаетъ, какъ южно-русскій высшій классъ усвоилъ польскую національность, увлекшись превосходствомъ культуры, какъ южно-русская національность низошла исключительно въ сферу простонародія, вспоминаетъ эпоху разцвѣта простонародной изъустной литературы, и новую измѣну своей національности высшаго класса, устремившагося не къ выработкѣ своенародной культуры, а къ усвоенію языка и нравовъ великорусской аристократіи, и повторившаго въ другомъ видѣ то, что прежде совершено имъ въ отношеніи къ польской національности. Потомки стали обращаться въ великороссійскихъ дворянъ, подобно тому, какъ предки ихъ когда-

то дѣлались польскимъ шляхетствомъ. Простонародный украинскій языкъ осужденъ былъ пребывать въ летаргіи и только въ текущемъ столѣтіи стали извлекать его изъ этой летаргіи. Починъ принадлежитъ Котляревскому, которому г. Кулишъ даетъ большую заслугу. По его словамъ, это былъ соціальный реформаторъ: „онъ стащилъ съ олимпійскихъ высотъ боговъ и богинь съ полубогами; онъ спустилъ съ высокихъ постаментовъ на землю широко славныхъ героевъ, которыхъ сильные міра брали себѣ за образецъ, и все это олимпійское и обоготворенное барство обратилъ въ мужицкую простоту. Съ его почину возникла литература, которая по ходу вещей должна была носить демократическій характеръ, потому что она возникла не въ угоду панамъ, а въ угоду тѣмъ, которые не желаютъ, чтобъ темный братъ былъ ихъ слугою, а хотятъ сами послужить темнымъ братьямъ". Такъ-ли все это на самомъ дѣлѣ? Смыслъ, какой даетъ Кулишъ Котляревскому, былъ-бы умѣстенъ, если-бъ это происходило въ странѣ, гдѣ классическое воспитаніе доходило уже до крайности; но этого нельзя сказать о южной Руси: число учившихся и проникнутыхъ классицизмомъ было слишкомъ ничтожно въ сравненіи съ безграмотною массою, которая никогда не слыхала ни о какихъ олимпійскихъ богахъ и обоготворенныхъ герояхъ древности. Какое такое барство въ Малороссіи, которое ставило себѣ за образецъ этихъ героевъ? Дѣйствительно, заслуга Котляревскаго велика, но она состоитъ не въ томъ, въ чемъ находитъ Кулишъ. Котляревскій взялъ Энеиду, перенесъ ея остовъ въ малороссійскій мужичій міръ и изобразилъ этотъ міръ чрезвычайно вѣрно и талантливо. Тутъ не главное дѣло въ богахъ древняго міра и его герояхъ. Еслибъ Котляревскій взялъ что-нибудь иное, откуда-бы то ни было, хотя-бы изъ освобожденнаго Іерусалима Тасса или изъ Жильблаза, да одѣлъ взятое такъ искусно въ малорусскую плоть и одежду, какъ онъ сдѣлалъ это съ Энеидою, то результатъ вышелъ-бы все тотъ-же. Демократичность, какъ выражается самъ Кулишъ, явилась отъ того, что иного народа, говорящаго по-малорусски, кромѣ простонародія, почти не было. Понятно, что и въ литературѣ нельзя было выводить никого, кромѣ малорусскаго простолюдина.

Далѣе г. Кулишъ вспоминаетъ, какъ люди съ превратными этнографическими понятіями стали проводить мысль, что развитіе простонароднаго украинскаго нарѣчія вредно съ государственной

точки зрѣнія; они-то настроили правительство смотрѣть неблагосклонно на всякое проявленіе народнаго духа въ украинской литературѣ и запрещать на южно-русскомъ нарѣчіи издавать то, что дозволялось другимъ народностямъ, вошедшимъ въ предѣлы русскаго государства—жмудинамъ, самоѣдамъ, тунгузамъ и проч. По поводу такого стѣсненія г. Кулишъ находитъ, что, не сопротивляясь волѣ власти, остается послѣдовать наставленію великаго Учителя человѣчества, который повелѣваетъ намъ, если гонятъ насъ въ одномъ мѣстѣ, уходить въ другое. Исполняя это наставленіе Спасителя, Кулишъ уходитъ въ культурный свѣтъ и посылаетъ во всю русскую землю вѣщаніе на пробужденіе сонныхъ и воскресеніе мертвыхъ. Онъ призываетъ всѣхъ въ кругъ, и великихъ и малыхъ, и господскихъ и мужичьихъ дѣтей—спасать свое родное слово! Онъ поднимаетъ національное знамя и надѣется собрать подъ него расточенныхъ чадъ Украйны! По нѣкоторымъ отношеніямъ, въ какія въ послѣднія времена стали между собою г. Кулишъ съ одной стороны и немногочисленная, разсѣянная въ разныхъ краяхъ малорусская интеллигенція съ другой, мы опасаемся, какъ-бы изъ этого призыва г. Кулиша подъ распускаемое имъ за границею національное знамя не вышло fiasco! Мы опасаемся, что г. Кулишъ уже не имѣетъ за собою того обаянія, какое окружало его долго въ глазахъ земляковъ.

Если писатель, пріобрѣвъ довѣріе къ себѣ своихъ читателей, вздумаетъ испытывать степень этого довѣрія — станетъ возвѣщать имъ совершенно противное тому, что они прежде привыкли слышать отъ него, и все это дѣлаться будетъ съ гордымъ самомнѣніемъ, что читатели его глупцы, которымъ можно, что угодно, выставить за правду и они по прежней привычкѣ станутъ и этому вѣрить, то онъ можетъ быть жестоко наказанъ за свою гордыню: исчезнетъ прежнее къ нему довѣріе, испарится любовь къ нему и вмѣсто прежнихъ похвалъ и восторговъ посыплется на него рядъ упрековъ и презрительныхъ насмѣшекъ, а то еще и хуже — его забудутъ, на него не станутъ обращать никакого вниманія. Кулишъ, по нашимъ соображеніямъ, именно стоитъ на такомъ пути, который можетъ довести его до этого не привлекательнаго положенія. Не желаемъ ему такой судьбы!

Н. Костомаровъ.

ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ.

(Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній).

Старинный характеръ и бибиковскія преобразованія.—Нѣчто о Карасивнѣ и Пиднебесной и объ акафистѣ „матери Кукурузѣ".—Печерскій Кесарь и его импровизаціи.—Стремленіе войска уйти въ походъ противъ Вылезарія.—Легенда о бибиковской тещѣ и о всепомогающемъ докторѣ. Способъ обращать верхніе зубы въ нижніе.—Квартальный антикварій. Наѣздъ Виньёля.—Старецъ Малафей Пимычъ и отрокъ Гіезій.—Порча отрока человѣчиной.—Открытіе моста.—Аскоченскій въ поэтическомъ восторгѣ.—Альфредъ фонъ-Юнгъ—его опечатки и его поэзія.—Анекдоты съ коннымъ нѣмцомъ и съ отцомъ Строфокамиломъ.—Малафеево стояніе.—Неисполнившееся откровеніе.—Старцева смерть — отрокова женидьба.—Миръ въ тропарѣ.—Два дворянина.—Исключительный священникъ.—Тайна троицкой церкви.—Нѣчто о „Запечатлѣнномъ Ангелѣ".

«Мнѣ убо, возлюбленніи, желательно есть вспомянути доброе житіе крѣпкихъ мужей и предложити вашей любви слово нехитрорѣчивое, но истиною украшенное. Вамъ-же любезно да будетъ слышати добрыя повѣсти о мужахъ благостныхъ».

Изъ предисловія къ повѣсти «объ отцахъ и страдальцахъ».

I.

При большомъ моемъ сочувствіи „Кіевской Старинѣ", я лишенъ возможности сдѣлать, какой-бы то ни было, настоящій историческій вкладъ въ это почтенное изданіе. Причины тому двѣ: во первыхъ, я не имѣю въ рукахъ ни какихъ интересныхъ бумагъ, касающихся кіевской Руси, а во вторыхъ, я вообще и не знатокъ исторіи. Я высоко цѣню и люблю эту науку, но служить ей могу

только съ одной стороны, обозначенной гдѣ-то покойнымъ Сергѣемъ Михайловичемъ Соловьевымъ т. е. со стороны самой легкой и поверхностной, со стороны изображенія какихъ нибудь не важныхъ людей, которые однако самою своею жизнію, до извѣстной степени, выражаютъ исторію своего времени.

Разскажу нѣчто про кіевскихъ оригиналовъ, которыхъ я зналъ въ дни моей ранней юности, и которые, мнѣ кажется, стоятъ вниманія, какъ личности очень характерныя и любопытныя.

Вначалѣ, да позволено мнѣ будетъ, сказать два слова о себѣ. Онѣ необходимы для того, чтобы показать, гдѣ и какъ я познакомился съ „печерскимъ Кесаремъ", съ котораго я долженъ начать мою кіевскую галлерею антиковъ.

II.

Меня въ литературѣ считаютъ „орловцемъ", но въ Орлѣ я только родился и провелъ мои дѣтскіе годы, а затѣмъ въ 1849 г. переѣхалъ въ Кіевъ.

Кіевъ тогда сильно отличался отъ нынѣшняго, и разница эта заключалась не въ одной внѣшности города, но и въ нравахъ его обитателей. Внѣшность измѣнилась къ лучшему, т. е. городъ наполнился хорошими зданіями и такъ сказать *осевропеился*, но мнѣ лично жаль многаго изъ стараго, изъ того, что сглажено и уничтожено, можетъ быть, нѣсколько торопливою и во всякомъ случаѣ слишкомъ безцеремонною рукою Бибикова. Мнѣ жаль, напримѣръ, лишеннаго жизни Печерска и облегавшихъ его урочищъ, которые были застроены какъ попало, но очень живописно. Изъ нихъ нѣкоторыя имѣли также замѣчательно своеобразное и характерное населеніе, жившее неодобрительною и даже буйною жизнью въ стародавнемъ запорожскомъ духѣ. Таковы, были напримѣръ, удалыя Кресты и Ямки, гдѣ „мѣшкали безсоромнія дівчата", составлявшія любопытное видоизмѣненіе городской, культурной проституціи съ козацкимъ простоплетствомъ и хлѣбосольствомъ. Къ этимъ дамамъ, носившимъ не европейскіе, а національные малороссійскіе уборы, или такъ называемое „просте платье", добрые люди хаживали въ гости съ своею „горілкою, съ ковбасами, съ саломъ и рыбицею", и тѣ изъ всей этой приносной провизіи готовили снѣди и проводили съ своими посѣтителями часы удовольствій „по фамильному".

Были изъ нихъ даже по своему благочестивыя: эти открывали свои радушныя хаты для пировъ только до „благодатной", т. е. до втораго утренняго звона въ лаврѣ. А какъ только раздавался этотъ звонъ, козачка крестилась, громко произносила: „радуйся благодатная, Господь съ тобою", и сейчасъ-же всѣхъ гостей выгоняла, а огни гасила.

Это называлося „досидѣть до благодатной".

И гости,—трезвые и пьяные этому подчинялися.

Теперь этого оригинальнаго типа непосредственной старожилой кіевской культуры съ запорожской заправкой уже нѣтъ и слѣда. Онъ исчезъ, какъ въ Парижѣ исчезъ типъ мюзаревской гризеты, съ которою впрочемъ „крестовыхъ дівчатъ" сравнивать нѣтъ никакой надобности.

Жаль мнѣ тоже живописныхъ надбережныхъ хатокъ, которыя лѣпились по обрывамъ надъ днѣпровской кручей: онѣ придавали прекрасному кіевскому пейзажу теплый, жилой характеръ и служили жилищемъ для большаго числа бѣдняковъ, которые хотя и получили какое-то вознагражденіе, но не могли за него построить себѣ лучшихъ домовъ и сдѣлались бездомовниками. А между тѣмъ эти живописныя хаточки никому и ничему ни мѣшали. Ихъ разбросала и разметала властная личность, какъ мнѣ кажется, лишенная вкуса, а можетъ быть даже лишенная и состраданія. Жаль превосходнѣйшей аллеи рослыхъ и стройныхъ тополей, которая вырубана уже при Анненковѣ для устройства на ея мѣстѣ нынѣшняго дряннаго увеселительнаго балагана, съ дряннымиже развлеченіями. Но всего болѣе жаль тихихъ куртинъ верхняго сада, гдѣ у насъ былъ свой лицей. Тутъ мы, молодыми ребятами, бывало проводили цѣлыя ночи до бѣла свѣта, слушая того, кто намъ казался умнѣе,—кто обладалъ большими противъ другихъ свѣдѣніями и могъ разсказать намъ о Кантѣ, о Гегелѣ, о „чувствахъ высокаго и прекраснаго", и о многомъ другомъ, о чемъ теперь совсѣмъ и не слыхать рѣчей въ садахъ нынѣшняго Кіева. Теперь, когда доводится бывать тамъ, все слышишь нѣчто о банкахъ и о томъ, кого во сколько надо цѣнить на деньги. Любопытно подумать, какъ это настроеніе отразится на нравахъ подростающаго поколѣнія, когда настанетъ его время произнести оцѣнку доблестямъ отцовъ...

Нравы, собственно говоря, измѣнились еще болѣе, чѣмъ зданія, и тоже можетъ быть не во всѣхъ отношеніяхъ къ лучшему. Перебирать и критиковать этого не будемъ, ибо „всякой вещи свое время подъ солнцемъ“, но пожалѣть о томъ, что было мило намъ въ нашей юности, надѣюсь, простительно, и кто, подобно мнѣ, уже пережилъ лучшіе годы жизни, тотъ вѣроятно не осудитъ меня за маленькое пристрастіе къ тому старенькому, сѣрому Кіеву, въ которомъ было еще очень много простоты, нынѣ совершенно исчезнувшей.

Я зазналъ этотъ милый городъ въ его дореформенномъ видѣ съ изобиліемъ деревянныхъ домиковъ, на углахъ которыхъ тогда впрочемъ были уже вывѣшены такъ называвшіяся „бибиковскія доски“. На каждой такой доскѣ была суровая надпись: „сломать въ такомъ-то году“.

Этихъ несчастныхъ, обреченныхъ на сломку домиковъ было чрезвычайно много. Когда я пріѣхалъ въ Кіевъ и пошелъ его осматривать, то „бибиковскія доски“ навели на меня невыразимую грусть и уныніе. Смотришь—чистенькіе окошечки, на нихъ горшочки съ краснымъ перцемъ и бальзаминами, по сторонамъ пришпилены бѣлыя „фиранки“, на крышахъ воркуютъ голуби, и въ глубинѣ дворриковъ хлопотливо кудахчутъ куры, и вдругъ почему-то и зачѣмъ-то придутъ сюда какіе-то сторонніе люди и все это разломаютъ... Для чего это? И куда дѣнутся, куда тогда пойдутъ эти люди, которымъ повидимому довольно удобно и хорошо живется за ихъ бѣлыми „фиранками“? Можетъ статься, что все это было необходимо, но тѣмъ не менѣе отдавало какимъ-то непріятно безцеремоннымъ и грубымъ самовластіемъ.

Бибиковъ конечно, былъ человѣкъ твердаго характера и настоящаго государственнаго ума, но, я думаю, если-бы ему было дано при этомъ немножко по-больше сердца,—это-бы не помѣшало ему войти въ исторію съ болѣе пріятнымъ аттестатомъ.

Старый городъ и Печерскъ особенно щедро были изукрашены „бибиковскими досками“, такъ какъ здѣсь должно было совершиться и въ весьма значительной степени и совершилось помѣченное Бибиковымъ капитальное „преобразованіе“. А на Печерскѣ жилъ самый непосредственнѣйшій изъ кіевлянъ, про которыхъ я попробую здѣсь для начала разсказать, что удержала моя память.

III.

Я съ пріѣзда поселился на Житомірской улицѣ въ домѣ бывшаго секретаря коммисаріатской коммисіи Запорожскаго (тоже въ своемъ родѣ антика), но совершенно одинокій и предоставленный самому себѣ, я постоянно тяготѣлъ къ Печерску, куда меня влекли лавра и пещеры, а такъ-же и нѣкоторое еще въ Орлѣ образовавшееся знакомство.

Печерскіе знакомцы мои были молодые родственники нѣкогда чѣмъ-то знаменитаго въ Кіевѣ Николая Семеновича Шіянова.

Къ тому времени, когда я пріѣхалъ въ Кіевъ, старикъ Шіяновъ уже не жилъ на свѣтѣ, и даже о быломъ его значеніи ничего обстоятельнаго не говорили, такъ я собственно и до сихъ поръ не знаю, чѣмъ и въ какомъ родѣ былъ знаменитъ Шіяновъ; но что онъ былъ все-таки знаменитъ, — этому я всегда вѣрилъ такъ-же православно, какъ пріялъ это въ Орлѣ отъ его родственниковъ, увлекшихъ меня обольстительными разсказами о красотѣ Кіева и поэтическихъ прелестяхъ малороссійской жизни.

Я остаюсь имъ за это всегда благодарнымъ *).

Наслѣдники Шіянова были тогда уже въ разбродѣ и въ захудалости. Когда-то значительные капиталы старика были ими торопливо прожиты или расхищены, о чемъ ходили интересныя сказанія въ духѣ французской исторіи наслѣдства Ренюпоновъ. Отъ всего богатства остались только дома.

Это были престранные дома,—большіе и малые, всѣ деревянные; они выстроились тутъ въ такомъ множествѣ, что образовывали собою двѣ улицы: Большую Шіяновскую и Малую Шіяновскую.

---

*) Со временемъ потомство, можетъ статься, не въ силахъ будетъ составить себѣ ясное понятіе даже и о такихъ достопримѣчательныхъ личностяхъ Кіева, какъ напр. Карасивна и Пиднебесная, за знаменитыми булками которыхъ бѣгалъ на Подолъ весь городъ. Все это происходитъ отъ аристократизма нашихъ хроникеровъ и лѣтописцевъ. Впрочемъ эти полезныя дѣятельницы, помнится, названы въ одномъ изъ варіантовъ «акафиста матери Кукурузѣ», который былъ сложенъ студентами кіевской духовной академіи, какъ протестъ противъ дурнаго стола и ежедневнаго почти появленія на немъ кукурузы въ пору ея созрѣванія. Акафистъ «Кукурузѣ» начинался такъ: «Бысть посланъ коммисаръ (помощникъ эконома) на базаръ рыбы купити, узрѣвъ-же тя кукурузу сущу, возопи гласомъ велімъ и рече: «Радуйся кукурузо, пище презѣльная и пресладкая, радуйся кукурузо, пище ядомая и николяже изъядаемая, радуйся кукурузо, отцемъ ректоромъ николи-же зримая, радуйся и инспекторомъ николи-же ядомая» и т. д. Тамъ гдѣ-то было и о Карасивнѣ съ Пиднебесною, послѣ которыхъ уже нѣтъ такихъ пекарокъ въ Кіевѣ.—*Н. Л.*

Обѣ Шіяновскія улицы находились тамъ-же, гдѣ вѣроятно, находятся и теперь, т. е. за печерскимъ базаромъ, и по всей справедливости имѣли право считаться самыми скверными улицами въ городѣ. Обѣ онѣ были немощенныя,—каковыми, кажется, остаются и до настоящаго времени, но вѣроятно теперь онѣ немножко выровнены и поправлены. Въ то-же время, къ которому относятся мои воспоминанія, они находились въ привилегированномъ положеніи, которое дѣлало ихъ во все влажное время года непроѣзжими. По какимъ-то геологическимъ причинамъ, онѣ были низменнѣе уровня базарной площади и служили просторнымъ вмѣстилищемъ для стока жидкой черноземной грязи, которая образовывала здѣсь сплошное болото съ вонючими озерами. Въ этихъ озерахъ плавали „шіяновскіе" гуси и утки, которымъ было здѣсь очень привольно, хотя впрочемъ, они часто сильно страдали отъ вползавшихъ имъ въ носъ дрянныхъ, зеленоватыхъ піявокъ. Что-бы защитить птицъ отъ этого бѣдствія, имъ смазывали клювы „свяченой оливой", но и это вѣрное средство не всегда и не всѣмъ помогало. Утята и гусята отъ піявокъ дохли.

По вечерамъ здѣсь, выставивъ наружу голову, пѣли свои антифоны очень крупныя и замѣчательно басистыя лягушки, а звонкоголосые молодячки канонархали. Иногда онѣ всѣ — молодые и старые всѣмъ соборомъ выходили на бережки и прыгали по бугорочкамъ. Это замѣняло барометрическое указаніе, ибо предвѣщало ясную погоду.

Словомъ, картина была самая буколическая, а между тѣмъ, въ двухъ шагахъ отсюда былъ базаръ и при томъ базаръ очень завозный и дешевый. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, здѣшняя мѣстность представляла своего рода удобства особенно для людей не богатыхъ и не прихотливыхъ.

Впрочемъ она такъ-же имѣла свои особенныя удобства для домохозяевъ еще въ отношеніи полицейскомъ, которое въ Кіевѣ тогда смѣшивали съ политическимъ.

IV.

Большіе и малые дома Шіянова, со множествомъ надворныхъ флигельковъ и хаточекъ, приспособленныхъ кое-какъ къ житью изъ старинныхъ служебныхъ построекъ, давно уже сдавались въ наймы, и не смотря на свою ветхость всѣ были обитаемы.

Постройки всѣ подъ рядъ были очень ветхи и стояли повидимому аридовы вѣки. Доски съ надписями, которыми „строго воспрещалось“ чинить эти дома и были указаны сроки ихъ сломкѣ, красовались на ихъ углахъ, но дома упорно избѣгали опредѣленной имъ злой участи, и нѣкоторые изъ нихъ едва-ли не уцѣлѣли до настоящаго времени.

Во мнѣніи жителей шіяновскіе дома охраняла отъ „бибиковскаго разоренія“ одна необычайная личность, создавшая себѣ въ то время героическую репутацію, которая, казалось-бы, непремѣнно должна перейдти въ легенду. Быстрое забвеніе подобныхъ вещей заставляетъ только поникнуть головою передъ непрочностію всякаго земнаго величія.

Легендарная личность былъ артиллеріи полковникъ Кесарь Степановичъ Берлинскій, на сестрѣ котораго, кажется, Клавдіи Степановнѣ, былъ женатъ покойный Шіяновъ.

Такихъ людей, какъ Кесарь Степановичъ, нѣтъ уже болѣе не только въ Кіевѣ, но, можетъ быть, и во всей Россіи. Пусть въ ней никогда не переводятся и вѣроятно впередъ не переведутся антики, но „печерскій Кесарь“ дважды повторенъ быть не можетъ.

Сказать, что Берлинскій „управлялъ“ домами Шіянова было-бы кажется не точно, потому что управлялъ ими, по выраженію Берлинскаго, „самъ Господь Богъ и Николай угодникъ“, а деньги съ квартирантовъ собирала какая-то дама, въ конторскую часть которой не вмѣшивались ни Господь Богъ, ни его угодникъ и даже ни самъ Кесарь Степановичъ. Этотъ герой Печерска, какъ настоящій „Кесарь“, только господствовалъ надъ мѣстностью и надъ всѣми, кто живучи здѣсь обязанъ былъ его знать. Кесарь Степановичъ нравственно командовалъ жильцами обѣихъ Шіяновскихъ улицъ и вообще всею прилегающею областію за базаромъ. Всѣхъ онъ содержалъ въ решпектѣ и всѣмъ умѣлъ давать чувствовать свое авторитетное военное значеніе. Слово „*моментъ*“, впослѣдствіи основательно истасканное нашими военными ораторами, кажется впервые было пущено Берлинскимъ, и съ его легкой руки сдѣлались необходимымъ подспорьемъ русскаго военнаго краснорѣчія.

При случаѣ, Берлинскій готовъ былъ оказать и иногда дѣйствительно оказывалъ нуждающимся свое милостивое отеческое заступленіе. Если за кого нужно было идти попросить какое либо

начальство, печерскій Кесарь надѣвалъ свой военный сюртукъ безъ эполетъ, бралъ въ руки толстую трость, которую носилъ на правахъ раненнаго, и шелъ „хлопотать". Нерѣдко онъ что нибудь и выпрашивалъ для своихъ protégé, дѣйствуя въ сихъ случаяхъ на однихъ лаской, а на другихъ угрозою. Существовало убѣжденіе, что онъ можетъ всегда „писать къ Государю", и этого многіе очень боялись. Младшихъ-же „чиноваловъ", говорили, будто онъ иногда убѣждалъ даже при содѣйствіи своей трости, per argumentum baculinum. Послѣднее онъ допускалъ впрочемъ не по свирѣпости нрава, а „по долгу вѣрноподданничества", единственно для того, чтобы не часто безпокоить Государя письмами.

На базарѣ Берлинскаго всѣ знали и всѣ ему повиновались, не только за страхъ, но и за совѣсть, потому что молва громко прославляла „печерскаго Кесаря", и при томъ рисовала его въ весьма привлекательномъ народно-героическомъ жанрѣ

Такъ какъ легенда о Берлинскомъ составляетъ несомнѣнное достояніе кіевской старины, ибо она сложена въ Кіевѣ, и такъ какъ она долго внушала соотвѣтственныя чувства кіевлянамъ пятидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія, то я думаю, что ее и надлежитъ занести на страницы мѣстнаго журнала. Это очень любопытно, какъ образецъ эпическаго творчества въ новѣйшее время. Легенда о Берлинскомъ сложилась частію изъ чрезвычайно смѣлыхъ и бойкихъ импровизацій самаго героя,—частію-же изъ домысловъ и фантазій простодушныхъ людей, которымъ хотѣлось видѣть въ немъ богатыря въ ихъ собственномъ вкусѣ. А потому тутъ не разберешь, что сочинено молвою и что вылилось непосредственно изъ головы „печерскаго Кесаря", которому въ искусствѣ убѣжденнаго мечтательства я во всю мою дальнѣйшую жизнь не встрѣчалъ никого равнаго.

Объяснясь на счетъ происхожденія легенды, теперь, кажется, можно представить и самаго „Кесаря.

V.

Берлинскій съ молоду былъ молодецъ и писаный красавецъ въ тогдашнемъ гвардейскомъ родѣ; такимъ-же онъ оставался до старости, а можетъ быть и до самой кончины, которая послѣдовала, если не ошибаюсь, въ 1864 или 1865 году. Въ жизнь свою онъ видѣлъ не одни красные дни, а перенесъ не мало нужды, горя

и несправедливостей, но обладая удивительною упругостью души, никогда не унывалъ и выворачивался изъ положеній самыхъ трудныхъ средствами самыми смѣлыми, и подъ часъ даже невѣроятными и отчаянными.

Сердца Кесарь Степановичъ былъ кажется добраго и въ свою мѣру благороднаго, а также онъ былъ несомнѣнно чувствителенъ къ чужому горю и даже нѣженъ къ несчастнымъ. Онъ не могъ видѣть равнодушно ни чьего страданія, чтобъ тотчасъ-же не возмущаться духомъ и не обнаруживать самыхъ горячихъ и искреннихъ порывовъ помочь страдающему. По мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія онъ это и дѣлалъ. Характеръ Берлинскій имѣлъ очень смѣлый, рѣшительный и откровенный, но нѣсколько съ хитринкой. Знавшіе его смолоду увѣряли, что ранѣе хитрости въ немъ будто не было, но потомъ впослѣдствіи несправедливость и разныя суровыя обстоятельства заставили его понемножечку лукавить. Впрочемъ въ его устахъ и во лбу свѣтило нѣкоторое природное лукавство. Берлинскій былъ самый большой фантазеръ, какого мнѣ удавалось видѣть, но фантазировалъ онъ тоже не безъ разсчета, иногда очень наивнаго и почти всегда безвреднаго для другихъ. Соображалъ онъ быстро и сочинялъ такія пестрыя фабулы, что если-бы онъ захотѣлъ заняться сочинительствомъ литературнымъ, то изъ него конечно вышелъ-бы сочинитель, какихъ мало. Въ добавокъ къ этому, все что Кесарь разъ о себѣ сочинилъ, это становилось для самого его истиною, въ которую онъ глубоко и убѣжденно вѣрилъ. Вѣроятно оттого анекдотическія импровизаціи „печерскаго Кесаря" производили на слушателей неотразимо сильное впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго тѣ досочиняли еще большее. Кесарь Степановичъ умѣлъ вдохновлять и умѣлъ поставить себя такъ, что во всѣхъ отношеніяхъ,—и чиномъ, и значеніемъ стоялъ во мнѣніи Печерска несравненно выше настоящаго.

По моему мнѣнію онъ былъ только храбрый и вѣроятно въ свое время очень способный артиллеріи полковникъ въ отставкѣ. По крайней мѣрѣ, такимъ я его зналъ въ Орлѣ, черезъ который онъ „везъ къ государю" восемь или десять (а можетъ быть и болѣе) сыновей. Тогда онъ былъ во всей красѣ мужественнаго воина, съ георгіевскимъ крестомъ, и поразилъ меня смѣлостію своихъ намѣреній. Онъ ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы „выставить" гдѣ то всѣхъ сво-

ихъ ребятъ государю и сказать: „Если хочешь, чтобы изъ нихъ тебѣ вѣрные слуги вышли, то бери ихъ и воспитай, а мнѣ ихъ кормить не чѣмъ“.

Мы всѣ, т. е. я и его орловскіе племянники (сыновья его сестры Юліи Степановны) недоумѣнно спрашивали:

— Неужели вы такъ и скажете: *ты государь?*

А онъ отвѣчалъ:

— Разумѣется, такъ и скажу,—и потомъ прибавилъ, будто это непремѣнно такъ даже и слѣдуетъ говорить, и будто государь Николай Павловичъ „такъ любитъ“.

Насъ это просто поражало.

Кормить дѣтей Берлинскому дѣйствительно было не чѣмъ. Онъ очень нуждался, какъ говорили, будто-бы по причинѣ его какой-то отмѣнной честности, за которую онъ, по его собственнымъ разсказамъ, имѣлъ „кучу враговъ около государя“. Но онъ не унывалъ, ибо онъ очень ужъ смѣло разсчитывалъ на самого императора Николая Павловича. Смѣлость эта его и не постыдила: съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, Кесарь Степановичъ опять прослѣдовалъ изъ Петербурга въ Кіевъ черезъ Орелъ уже совсѣмъ одинъ. Государь велѣлъ принять въ учебныя заведенія на казенный счетъ „всю шеренгу“, и увеличилъ будто-бы пенсію самого Берлинскаго, а также велѣлъ дать ему не взачетъ какое-то очень значительное пособіе. Кромѣ принятія дѣтей, все остальное было какъ-то въ туманѣ.

Въ разсказѣ объ упомянутомъ сейчасъ событіи я и познакомился впервые съ импровизаторствомъ этого необыкновеннаго человѣка, которое потомъ мнѣ доставляло много интересныхъ минутъ въ Кіевѣ.

Многое множество изъ его грандіозныхъ разсказовъ я позабылъ, но кое что помню, хотя теперь къ сожалѣнію никакъ не могу разсортировать, что слышалъ непосредственно отъ него самаго, и что отъ людей ему близкихъ и имъ вдохновенныхъ.

VI.

По словамъ Кесаря Степановича, которымъ я впрочемъ не смѣю никого обязывать вѣрить безъ критики, онъ встрѣтилъ государя гдѣ-то на почтовой станціи.

— Сейчасъ-же, говоритъ, я упросилъ графа Орлова дозволить мнѣ стоять съ дѣтьми на крылечкѣ, и стэлъ. Ребятъ построилъ въ шеренгу малъ-мала меньше, а самъ сталъ на концѣ въ правомъ флангѣ.

Государь какъ вышелъ изъ коляски на крыльцо, замѣтилъ мой взводъ и говоритъ:

— Это что за ребята?

А я ему отвѣчаю:

— Это мои дѣти, а твои будущіе слуги, Государь.

Тогда Николай Павловичъ взглянулъ будто на Берлинскаго и сейчасъ-же его узналъ.

— А-а! говоритъ, это ты братецъ, Берлинскій! Ну, что какъ поживаешь?

— Точно такъ, говорю, ваше величество; это я, а поживаніе мое очень плохо, если не будетъ ко мнѣ твоей милости.

Государь спросилъ: отъ чего тебѣ плохо? Ты мнѣ хорошо служилъ.

— Овдовѣлъ, отвѣчалъ Берлинскій, и вотъ дѣтей у меня цѣлая куча; прикажи, государь, ихъ вскормить и выучить, а то мнѣ нечѣмъ, я бѣденъ, въ чужомъ домѣ живу и изъ того Бибиковъ выгоняетъ.

Государь, говоритъ, сверкнулъ глазами и крикнулъ:

— Орловъ! опредѣлить всѣхъ дѣтей Берлинскаго на мой счетъ. Я его знаю: онъ храбрый офицеръ и честный.

А потомъ будто опять оборотился къ Кесарю Степановичу и добавилъ:

— За что тебя Бибиковъ выгоняетъ?

— Домъ, говорю, гдѣ я живу, подъ крѣпость разломать хочетъ.

Государь будто отвѣтилъ:

— Вздоръ; домъ, гдѣ живетъ такой мой слуга, какъ ты, долженъ быть сохраненъ въ крѣпости, а не разломанъ. Я тебя хорошо знаю и у меня, кромѣ тебя и Орлова, нѣтъ такихъ людей. А Бибикову скажи отъ моего имени, что-бы онъ тебя ничѣмъ не смѣлъ безпокоить. Если-же онъ тебя не послушается, то напиши мнѣ страховое письмо,—я за тебя заступлюсь, потому что я тебя съ дѣтства знаю.

Почему государь Николай Павловичъ могъ знать Берлинскаго „съ дѣтства“, этого я никогда не могъ дознаться; но выходило это

у Кесаря Степановича какъ-то складно и статочно, а при томъ и имѣло любопытное продолженіе.

Когда государь будто самъ напомнилъ о столь давнемъ знакомствѣ „съ дѣтства“, то Берлинскій этимъ сейчасъ-же воспользовался и сказалъ:

— Да, ваше величество, это справедливо: вмѣстѣ съ вами играли, а съ тѣхъ поръ какая разница: вы вотъ какую отмѣнную карьеру изволили совершить, что теперь всѣмъ міромъ повелѣваете и всѣ васъ трепещатъ, а я во всемъ нуждаюсь.

А государь ему на это будто отвѣтилъ:

— Всякому, братецъ, свое назначеніе: мой перелетъ соколиный, а ты воробей не робѣй—приди ко мнѣ въ Петербургъ во дворецъ, я тебя хорошимъ пайкомъ устрою.

Берлинскій будто-бы ходилъ во дворецъ и результатомъ этого былъ тотъ паекъ или „прибавокъ“ къ пенсіи, которымъ „печерскій Кесарь“ всѣхъ сосѣдей обрадовалъ и самъ очень гордился. Однако и съ прибавкою Берлинскій часто не могъ покрывать многихъ, самыхъ вопіющихъ нуждъ своей крайне скромной жизни на Печерскѣ. Но такъ какъ всѣ знали, что онъ „имѣетъ пенсію съ прибавкомъ“, то „Кесарь“ не только никогда не жаловался на свои недостатки, а напротивъ скрывалъ ихъ съ большою трогательностію.

Порою, сказывали, дѣло доходило до того, что у него не бывало зимою дровъ и онъ буквально стылъ въ своей холодной квартирѣ, но увѣрялъ, что это онъ „такъ любитъ для свѣжести головы“.

Цифры своей пенсіи Берлинскій какъ-то ни за что не объявлялъ, а говорилъ, что получаетъ „много“, но можетъ получать и еще больше.

— Стоитъ мнѣ написать страховое письмо государю,—говорилъ онъ, и государь сейчасъ-же прикажетъ давать мнѣ, сколько я захочу, но я не прошу болѣе того, что пожаловано, потому что у государя другія надобности есть.

VII.

Если вѣрить сказаніямъ, то государь Николай Павловичъ будто очень грустилъ по разлукѣ съ Берлинскимъ и даже неутѣшно жалѣлъ, что не можетъ оставить его при себѣ въ Петербургѣ. Но, по разсказамъ судя, пребываніе Берлинскаго въ столицѣ и дѣйстви-

тельно было совершенно неудобно: этому мѣшала слишкомъ большая и страстная привязанность, которую питали къ печерскому Кесарю „всѣ солдаты“.

— Они такъ его любили, что ему нигдѣ будто нельзя было показаться: какъ солдаты его увидятъ, сейчасъ всѣ перестаютъ слушать команду и бѣгутъ за нимъ и кричатъ:

— Пусть насъ ведетъ отецъ нашъ полковникъ Берлинскій,—мы съ нимъ и Константинополь возьмемъ, и самаго побѣдоноснаго полководца Вылезарія на царскій смотръ въ цѣпяхъ приведемъ.

Доходило это, по разсказамъ, до такихъ ужасныхъ безпорядковъ, что нѣсколько человѣкъ за это были даже будто разстрѣляны, какъ нарушители дисциплины, и тогда Берлинскому самому уже не захотѣлось въ Петербургѣ оставаться, да и графъ Чернышевъ прямо будто сказалъ государю:

— Какъ вашему величеству угодно, а это невозможно есть: или пусть Берлинскій въ Петербургѣ не живетъ, или надо отсюда всѣ войска вывесть.

Государь будто призвалъ Кесаря Степановича и сказалъ:

— Такъ и такъ, братецъ, мнѣ съ тобою очень жаль разстаться, но ты самъ видишь, что въ такомъ случаѣ можно сдѣлать. Я тобою очень дорожу, но безъ войскъ столицу тоже оставить нельзя, а потому тебѣ жить здѣсь невозможно. Ступай въ Кіевъ и сиди тамъ до военныхъ обстоятельствъ. Въ то время я про тебя непремѣнно вспомню и пошлю за тобой.

А „лысый Чернышевъ“ такъ его торопилъ выѣздомъ, что только нѣсколько дней дозволилъ ему пробыть въ Петербургѣ, но и тутъ не обошлось безъ большихъ затрудненій, имѣвшихъ при томъ роковыя послѣдствія.

Это было будто, по разсказамъ, именно въ тотъ годъ, когда въ Петербургѣ на Адмиралтейской площади сгорѣлъ съ народомъ извѣстный балаганъ Лемана.

Балаганъ сгорѣлъ съ народомъ, стало быть, во время представленія, но по винѣ самого импровизатора или благовѣстниковъ его славы на сей разъ выходило что-то немножко нескладно: дѣло будто происходило *ночью*.

Берлинскій будто тогда стоялъ на квартирѣ въ Гороховой улицѣ, у одной нѣмочки, и дожидался бритвеннаго прибора, который

заказалъ по своему рисунку одному англичанину. У нихъ въ родствѣ было много лицъ, отличавшихся необыкновеннымъ умомъ и изобрѣтательностію, и одинъ племянникъ Берлинскаго будто такія бритвы выдумалъ, что онѣ могли брить превосходно, а обрѣзаться ими никакъ нельзя.

Англичанинъ взялся эти бритвы исполнить, да не хорошо по рисунку сдѣлалъ и опять сталъ передѣлывать. А лысый графъ Чернышевъ, которому непріятно было, что Берлинскій все еще въ Петербургѣ живетъ, ничего этого въ разсчетъ взять не хочетъ. Онъ уже нѣсколько разъ присылалъ дежурнаго офицера узнать, скоро-ли онъ выѣдетъ.

Берлинскій, разумѣется, дежурнаго не боялся и отвѣчалъ: „пусть вашъ лысый графъ не безпокоится и пусть, если умѣетъ, самъ Вылезарія въ плѣнъ беретъ, а я только моего особеннаго бритвеннаго прибора дожидаюсь, и какъ англичанинъ мнѣ приборъ сдѣлаетъ, такъ я сейчасъ-же выѣду, и буду, гдѣ государю угодно, вѣкъ доживать, да печерскихъ чудотворцевъ за него молить, чтобы ему ничего непріятнаго не было. А пока мои бритвы не готовы, я не поѣду. Такъ лысому отъ меня и скажите“.

Чернышевъ его насильно выслать не смѣлъ, но опять прислалъ дежурнаго сказать, чтобы Берлинскій днемъ не могъ на улицѣ показываться и солдатъ будоражить, а выходилъ-бы для прогулки на свѣжемъ воздухѣ послѣ зари, когда изъ пушки выпалятъ и всѣхъ солдатъ въ казармахъ запрутъ.

Берлинскій отвѣчалъ:

— Я службу такъ уважаю, что и лысому повинуюсь.

Послѣ этого онъ будто жилъ еще въ Петербургѣ нѣсколько дней, выходя подышать воздухомъ только ночью, когда войска были въ казармахъ и ни одинъ солдатъ не могъ его увидѣть и за нимъ бѣгать. Все шло прекрасно, но тутъ вдругъ неожиданно и подвернулся роковой случай, послѣ котораго дальнѣйшее пребываніе Кесаря въ столицѣ сдѣлалось уже рѣшительно невозможнымъ.

VIII.

Идетъ одинъ разъ Кесарь Степановичъ, закрывъ лицо шинелью, отъ Краснаго моста къ адмиралтейству, какъ другъ видитъ впереди себя на Адмиралтейской площади „огненное пламя“. Берлинскій

подумалъ: не зимній-ли дворецъ это горитъ и не угрожаетъ-ли государю какая опасность... И тутъ, по весьма понятному чувству, забывъ все на свѣтѣ, Берлинскій бросился къ пожару.

Прибѣгаетъ онъ и видитъ, что до дворца, слава Богу, далеко, а горитъ Лемановъ балаганъ и внутри его страшный вопль, а снаружи никого нѣтъ. Не было будто ни пожарныхъ, ни полиціи и ни одного человѣка. Словомъ снаружи пустота, а внутри стоны и гибель, и только отъ дворца кто-то одинъ, видный, рослый человѣкъ, бѣжитъ и съ одышкою спотыкается.

Берлинскій возрился въ бѣгущаго и узналъ, что это никто иной, какъ самъ государь Николай Павловичъ.

Скрываться было некогда и Кесарь Степановичъ сталъ ему во фронтъ, какъ слѣдуетъ.

Государь ему будто закричалъ:

— Ахъ, Берлинскій! тебя-то мнѣ и надобно. Полно вытягиваться, видишь никого нѣтъ, бѣги за пожарными.

А Кесарь Степановичъ будто отвѣтилъ:

— Пожарные тутъ, ваше императорское величество, никуда не годятся, а дозвольте, ваше величество, призвать артиллерію.

Государь изволилъ его спросить:

— Зачѣмъ артиллерію?

А онъ будто отвѣтилъ:

— Затѣмъ, что тутъ *надо схватить моментъ*. Деревяннаго балагана залить трубами нельзя, а надо артиллеріей *въ одинъ моментъ* стѣну развалить, и тогда сто или двѣсти человѣкъ убьемъ, а за то остальной весь народъ сразу высыпется (вотъ еще когда и при какомъ случаѣ, значитъ, говорено военнымъ человѣкомъ о значеніи *момента*).

Но государь его не послушался,—ужасно ему показалось сто человѣкъ убить; а потомъ, когда балаганъ сгорѣлъ, тогда изволилъ будто съ сожалѣніемъ сказать:

— А Берлинскій мнѣ однако правду говорилъ: все дѣло было въ моментѣ, и надо было его послушаться и артиллерію пустить. Но только все таки лучше велѣть ему сейчасъ-же выѣхать, а бритвенный приборъ ему въ Кіевъ по почтѣ выслать.

Сдѣлано это послѣднее распоряженіе было въ такомъ разсчетѣ, что если-бы при Берлинскомъ случился въ Петербургѣ другой по-

добный острый моментъ, то все равно нельзя было-бы артиллерію вывесть потому, что всѣ солдаты и съ пушками за нимъ-бы бросились-бы, чтобы онъ велъ ее плѣнять Вылезарія.

Такъ этимъ и заключилась блестящая пора служебной карьеры Кесаря Степановича въ столицѣ, и онъ не видѣлъ государя до той поры, когда послѣ выставилъ передъ его величествомъ „свою шеренгу", а потомъ вернулся въ Кіевъ съ пособіемъ и усиленною пенсіею,—настоящую цифру которой, какъ выше сказано, онъ постоянно скрывалъ отъ непосвященныхъ и говорилъ коротко, „что и беретъ много", а можетъ взять еще больше.

— Стоитъ только государю страховое письмо написать.

Мнѣ кажется, что онъ искренно вѣрилъ, что имѣетъ дозволеніе вести съ государемъ переписку, и, Богъ его знаетъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ—ему что нибудь въ этомъ родѣ сказано, если не лично государемъ, то кѣмъ нибудь изъ лицъ, черезъ которыхъ Кесарь Степановичъ устроилъ дѣтей и получилъ свою прибавку.

Во всякомъ случаѣ это куражило старика и давало ему силу переносить весьма тяжелыя лишенія съ непоколебимымъ мужествомъ и внушающимъ достоинствомъ.

IX.

Такъ Берлинскій и старѣлся, отмѣнно преданный государю и вѣрный самому себѣ во всемъ и особенно въ импровизаторствѣ. А когда онъ сталъ очень старъ и во всѣхъ отношеніяхъ такъ поотсталъ отъ современности, что ему нечего было сочинять о себѣ, то онъ перенесъ задачи своей импровизаціи на своего племянника (моего школьнаго товарища) доктора, имя котораго было Николай, но такъ какъ онъ былъ очень знаменитъ, то этого имени ему было мало, и онъ назывался *„Николавра"*. Здѣсь значеніе усиливалось звукомъ *лавра*. Николай это было простое имя, какъ бываетъ простой монастырь, а Нико*лавра*—это то-же самое, что лавра среди простыхъ монастырей.

Кесарь Степановичъ разсказывалъ удивительнѣйшія вещи о необычайныхъ медицинскихъ знаніяхъ и талантахъ этого очень много учившагося, но замѣчательно несчастливаго врача, и человѣка съ отмѣнно добрымъ и благороднымъ сердцемъ, но тоже большаго чудака.

Опять и тутъ я не помню многаго, и можетъ быть самаго замѣчательнаго, но однако могу записать одинъ анекдотъ, который объясняетъ, въ какомъ духѣ и родѣ были другіе, пущенные въ обращеніе для прославленія Николавры.

Шелъ одинъ разъ разговоръ о зубныхъ боляхъ,—объ ихъ жестокой неутолимости и о неизвѣстности такихъ медицинскихъ средствъ, которыя дѣйствовали-бы въ этихъ боляхъ такъ-же вѣрно, какъ напр. хининъ въ лихорадкахъ или касторовое масло въ засореніяхъ желудка и кишекъ.

Въ обществѣ было нѣсколько молодыхъ, въ тогдашнее время, врачей и всѣ согласно утверждали, что такихъ универсальныхъ средствъ дѣйствительно нѣтъ,—что на одного больнаго дѣйствуетъ одно лекарство, на другого другое, а есть такіе несчастные, на которыхъ ничто не дѣйствуетъ, „пока само пройдетъ".

Вопросъ очень спеціальный и не интересный для бесѣды людей не посвященныхъ, но чуть къ нему коснулся художественный геній Берлинскаго,—произошло чудо, напоминающее въ малѣ источеніе воды изъ камня въ пустынѣ. Крылатый Пегасъ импровизаторъ ударилъ звонкимъ копытомъ и изъ сухой скучной матеріи полилась сага,—живая, сочная и полная преинтересныхъ положеній, надъ которыми люди въ свое время задумывались, улыбались, и даже можетъ быть плакали, а во всякомъ случаѣ тѣхъ, кого это сказаніе касается, прославили.

Кесарь Степановичъ опротестовалъ медицинское мнѣніе и сказалъ будто, что универсальное средство противъ зубной боли есть и что оно изобрѣтено именно его племянникомъ, докторомъ Николаврою и одному ему Николаврѣ только и извѣстно. Но средство это было такое капризное, что, не смотря на всю его полезность, оно могло быть употребляемо не всякимъ и не во всѣхъ случаяхъ. Медикаментъ этотъ, утолявшій будто всякую боль, можно было употреблять только въ размѣрѣ одной капли, которую нужно было очень осторожно капнуть на больной зубъ. Если-же эта капля хоть крошечку стечетъ съ зуба и коснется щеки или десенъ, то въ тоже самое время человѣкъ мгновенно умираетъ. Словомъ опасность страшная! И выходило такъ, что нижніе зубы этимъ лѣкарствомъ можно было лѣчить, потому что на нижніе можно осторожно кап-

нуть, но если заболѣли верхніе, на которые капнуть нельзя, то тогда уже это лѣкарство безполезно.

Было ужасно слушать, что есть такое спасительное изобрѣтеніе и оно въ значительной долѣ случаевъ должно оставаться неприложимымъ. Но Кесарь Степановичъ, владѣя острымъ умомъ и рѣшительностью, нашелъ однако средство, какъ преодолѣть это затрудненіе, и усвоилъ для медицинской науки „перевертошный способъ", которымъ до тѣхъ поръ зубоврачебная практика не пользовалась. Этотъ этюдъ былъ извѣстенъ между нами подъ названіемъ „Берлинскаго анекдота о Бибиковской тещѣ".

X.

Жила-была будто „Бибиковская теща", дама „полнищая и преогромная", и пріѣхала она будто на лѣто къ себѣ въ деревню, гдѣ-то неподалеку отъ Кіева. Въ Кіевъ ей Бибиковъ въѣзжать не позволялъ „по своему характеру", потому что онъ „на счетъ женскаго сословія заблуждался, и съ тещею не хотѣлъ объ этомъ разговаривать, чтобы она его не стала стыдить лѣтами, чиномъ и убожествомъ" (такъ какъ у него одна рука была отнята).

Несчастная „полная дама" такъ и жила будто въ деревнѣ и пошла будто она одинъ разъ съ внучками въ лѣсъ гулять и напла на кустѣ орѣшника два орѣха,—сорвала ихъ и захотѣла раскусить. Внучки говорятъ ей:

— Не кусай, бабушка, не раскусишь, у тебя зубки стары.

А Бибиковская теща отвѣчаетъ:

— Нѣтъ раскушу.

Орѣхи были крѣпковаты, но и „старушенція была крѣпкая—орѣхи разгрызла". Но только послѣ этого у нее сейчасъ-же зубы заныли, и ныли, ныли и до того ее доняли, что она стала кричать: „лучше убейте меня, потому что это невозможно вытерпѣть". А у нее былъ управитель, и онъ ей говоритъ: „чѣмъ если убивать—за что отвѣчать придется, то лучше дозвольте я вамъ изъ Кіева всепомогающаго лѣкаря привезу: онъ изъ извѣстной Шіяновской родни—и всякую зубную боль въ одну минуту унять можетъ".

Бибиковская теща про Шіяновыхъ много хорошаго слыхала и отвѣчаетъ: „сдѣлай одолженіе, привези его, и не возможно-ли это скорѣй".

Управитель, чтобы не произошло какой медленности, сейчасъ-же собрался и самъ поѣхалъ.

Вечеромъ онъ изъ имѣнія выѣхалъ, а рано на зарѣ сталъ уже на дымящихся и вспѣненныхъ коняхъ посреди печерскаго базара; сталъ, а дальше не зналъ куда ѣхать: по Большой или по Малой Шіяновской, и закричалъ во все горло:

— Гдѣ тутъ всепомогающій лѣкарь Николавра, который во всякой зубной боли вылѣчиваетъ?

(По причинѣ большой извѣстности этого доктора, фамилія его никогда не произносилась, а довольно было одного его имени „Николавра", которое было такъ-же славно, какъ напр. имя Абеляръ).

Чумаки, которые стали тутъ съ вечера и спали на своихъ возахъ съ пшеномъ, и саломъ, и съ сухою таранью, сейчасъ отъ этого крика проснулись и показали управителю:

— Годи тебѣ кричать, говорятъ, вотъ туточка сей лѣкарь живетъ, тільки що вінъ теперь, якъ и усе христіянство, спочивае.

Управитель побѣжалъ по указанію и заколотилъ о запертыя ставни.

Оттуда ему кричатъ:

— Кто се такий и чого вамъ треба?

А онъ отвѣчаетъ:

— Отчиняйте скорѣй, або я всѣ окна побью,—мнѣ надо всепомогающаго лѣкаря Николавру, который всякую боль излѣчиваетъ. Здѣсь онъ, или нѣтъ, а то я долженъ дальше скакать его розыскивать.

Управителю говорятъ:

— Никуда вамъ скакать дальше не нужно, потому что всепомогающій докторъ Николавра здѣсь живетъ, но онъ теперь, якъ и усе христіанство, спитъ. А вы майте собі трохи совісти и если въ Господа Бога вѣруете, то не колотайте такъ крѣпко, бо нашъ домъ старенькій, еще не за сихъ временъ, и шибки изъ оконъ повыскакують, а тутъ близко ни якого стекольщика нѣтъ, а теперь зима лютая и съ малыми дѣтьми смерзти можно.

Разсказывалось именно такъ, что при этомъ переговорѣ было упоминаемо про „зиму" и про „холодъ", и читатель не долженъ смущаться, что дѣло происходило во время лѣтняго наѣзда Бибиковской тещи въ свое имѣніе. Вскорѣ мы опять увидимъ, вмѣсто скучной и лютой зимы, веселое знойное лѣто.

XI.

Управитель Бибиковской тещи былъ человѣкъ горделивый, потому что по необразованности своей считалъ, какъ и другіе многіе, будто государь Бибикову Кіевъ все равно какъ въ подарокъ подарилъ, и что потому всѣ, кто тутъ живетъ, ему будто принадлежатъ въ родѣ крѣпостныхъ и должны все дѣлать.

— Велика важность, говоритъ, ваши окна! Я отъ Бибиковской тещи пріѣхалъ за лѣкаремъ и подавай мнѣ лѣкаря.

Ему отворили двери и привели его къ самому Николаврѣ.

Тотъ—лихой молодчина былъ и хотя такой ученый, что страшно все понималъ, но церемониться ни съ кѣмъ не любилъ.

Какъ ему сказали, что отъ Бибиковской тещи управитель пришелъ, онъ говоритъ:

— Приведите его ко мнѣ въ спальню. Если онъ во мнѣ надобность имѣетъ, то можетъ меня и безъ пантолонъ во всякомъ видѣ разсматривать.

Управитель пришелъ и разсказываетъ, а лѣкарь Николавра на него и вниманія не обращаетъ: лежитъ подъ одѣяломъ да колѣнки себѣ чешетъ. А когда тотъ кончилъ, лѣкарь только спросилъ:

— А въ какомъ строю у нее зубъ болитъ, въ верхнемъ или въ нижнемъ?

Управитель отвѣчаетъ:

— Я ей въ зубы не глядѣлъ, а полагаю, что должно быть болитъ въ строю *въ верхнемъ,* потому что у нее опухоль подъ самымъ глазомъ.

Тогда Николавра завернулся къ стѣнѣ и говоритъ:

— Прощай и ступай вонъ. Если боль въ верхнемъ строю, то мнѣ тамъ дѣлать нечего: я верхнихъ зубовъ лѣчить не могу.

Управитель говоритъ:

— Да вамъ-то не все-ли равно лѣчить, что верхній зубъ, что нижній? Все равно, говоритъ, кость окостенѣлая, что тотъ, что этотъ, одно въ нихъ естество, одно поврежденіе и одно лѣкарство.

Но лѣкарь на него посмотрѣлъ и говорить не сталъ.

Тотъ спрашиваетъ:

— Что-же, отвѣчайте что-нибудь.

Тогда лѣкарь далъ ему такой отвѣтъ:

— Я, говоритъ, могу разговаривать съ равнымъ себѣ по наукѣ, а это не твоего дѣло ума, что-бы я съ тобою сталъ разговаривать. Ты управитель, и довольно съ тебя—имѣніемъ и управляй, а не въ свое дѣло не суйся. Людей лѣчить это не то, что навозъ запахивать. Медицинѣ учатся. А тебѣ сказано, что я въ нижнемъ строю все могу вылѣчить, а до верха моимъ спасительнымъ лѣкарствомъ дотронуться нельзя.

— Но черезъ что-же такое?—вопитъ управитель.

— А черезъ то, что она въ ту-же минуту „окачурится" и мнѣ за нее отвѣчать придется; а я моей репутаціей дорожу, потому что я очень много учился.

Управитель какъ услыхалъ, что она можетъ „окачуриться", еще больше сталъ просить лѣкаря, что-бъ непремѣнно ѣхалъ, а тотъ разсердился, вскочилъ, вытолкалъ его въ шею и опять легъ ночь досыпать.

Тутъ въ это дѣло и вступился вездѣ находчивый Кесарь Степановичъ.

XII.

Увидалъ онъ, что племянникъ хотя, по его словамъ, и уменъ и въ своемъ медицинскомъ дѣлѣ очень свѣдущъ, а не достаетъ ему еще настоящей тактики и практики и молодой его разсудокъ еще не очень находчивъ, какъ себѣ большую славу сдѣлать.

Кесарь Степановичъ, прослушавъ весь ихъ разговоръ изъ своей комнаты, сейчасъ всталъ съ постели, надѣлъ туфли и тулупчикъ и съ трубкой вышелъ въ залу, по которой проходилъ изгнанный лѣкаремъ управитель. Увидалъ онъ его и остановилъ,—говоритъ:

— Остановись, прохожій, никуда не гожій, и объясни мнѣ своей рожей, не выходивши изъ прихожей: на чемъ ты сюда пріѣхалъ, и есть-ли тамъ третье сидѣніе, что-бы еще одного человѣка посадить.

Управляющій очень радъ, что съ нимъ такой извѣстный человѣкъ заговорилъ и отвѣчаетъ, что у него есть четверомѣстная коляска, и онъ можетъ не одного, а даже двухъ людей помѣстить.

Кесарь Степановичъ далъ ему щелчка въ лобъ и говоритъ:

— Ты спасенъ и твое дѣло сдѣлано: я сейчасъ къ племяннику взойду и совѣтъ ему дамъ. Николавра меня послушается и мы переговоримъ и, можетъ быть, всѣ вмѣстѣ поѣдемъ. Я ему одинъ

способъ покажу, какъ можно верхніе зубы въ нижній рядъ поставить и тогда на нихъ чортъ знаетъ чѣмъ можно накапать.

— А ты, прибавляетъ, только скажи мнѣ: очень-ли она мучится?

Управитель отвѣчаетъ:

— Ужъ совсѣмъ замучилась и на весь домъ визжитъ.

— То-то, говоритъ Кесарь Степановичъ, — мнѣ это знать надо, потому что моимъ способомъ съ ней круто придется обращаться— по военному.

Управитель отвѣчаетъ:

— Она военныхъ даже очень уважаетъ и на все согласится, потому что у нее очень болитъ.

— Хорошо, сказалъ Кесарь Степановичъ и пошелъ къ племяннику. Тамъ у нихъ вышелъ споръ, но Кесарь Степановичъ все кричалъ: „не твое дѣло, за всю опасность я отвѣчаю", и переспорилъ.

— Ты, говоритъ, бери только свое спасительное лѣкарство и употребляй его по своей наукѣ, какъ слѣдуетъ, а остальное, что-бы верхніе зубы снизу стали—это мое дѣло.

Лѣкарь говоритъ: вы забываете, какого она званія,—она обидится.

А Кесарь Степановичъ отвѣчаетъ:

— Ты молодъ, а я знаю, какъ съ дамами по военному обращаться. Вѣрь мнѣ, мы ей на верхній зубъ капнимъ, и она намъ еще книксенъ присядетъ. Ѣдемъ скорѣе,—она мучится.

Лѣкарь было сталъ еще представлять, что капнуть на верхній зубъ нельзя, а она можетъ послѣ Бибикову жаловаться, но тутъ Кесарь Степановичъ его даже постыдилъ.

— Ты вѣдь, говоритъ, кажется не простой докторъ, а училъ двѣ науки по физикѣ и понять не можешь, что тутъ надо только *схватить моментъ,* и тогда все можно. Не безпокойся. Это не твое дѣло: ты до нее не будешь притрогиваться, а мнѣ Бибиковъ ничего сдѣлать не смѣетъ. Ты, кажется, мнѣ можешь вѣрить.

Племянникъ повѣрилъ дядѣ и говоритъ:

— Въ самомъ дѣлѣ при васъ я не боюсь, а между прочимъ мнѣ это впередъ для таковыхъ-же случаевъ можетъ пригодиться.

Одѣлся, положилъ пузыречекъ со своими лѣкарствами въ жилетный карманъ и безъ дальнихъ разсужденій всѣ они втроемъ покатили на верхній зубъ капать.

Управитель все ѣхалъ и думалъ: непремѣнно она у нихъ окачурится!

XII.

Скакали путники безъ отдыха цѣлый день, и за то вечеромъ, въ самое то время, когда стадо гонятъ, пріѣхали на господскій дворъ, а зубы если когда разболятся, то къ вечеру еще хуже болятъ.

Бибиковская теща ходитъ по комнатамъ, и сама преогромная, а плачетъ какъ маленькая.

— Мнѣ очень стыдно, говоритъ, этакъ плакать, но не могу удержаться, потому что очень черезъ силу болитъ.

Кесарь Степановичъ сейчасъ-же съ ней заговорилъ по военному, но ласково.

— Это, говоритъ, даже къ лучшему, что вамъ такъ больно болитъ, потому что вы должны скорѣе на все рѣшиться.

А она отвѣчаетъ:

— Ахъ, Боже мой, я уже и рѣшилась. Что вы хотите, то и дѣлайте, только-бы мнѣ выздоровѣть и въ Парижъ для развлеченія уѣхать.

— Въ такомъ разѣ, говоритъ Берлинскій, мы должны сдѣлать „повертонъ" и вы спасены и даже черезъ пять минутъ можете въ Парижъ ѣхать.

— Она удивилась и вскричала:

— Неужели черезъ пять минутъ!?

Берлинскій говоритъ: что мною сказано, то вѣрно.

— Въ такомъ разѣ, хоть что хотите.—Я на все согласна.

— Хорошо, говоритъ Берлинскій: велите-же мнѣ поскорѣе подать два чистые носовые платка и хорошую, крѣпкую пробку изъ сотерной бутылки.

Та приказала.

— И еще, говоритъ Кесарь Степановичъ, одно условіе: прикажите сейчасъ, чтобы всѣ, кто тутъ есть, ваши родные и слуги ваши, ни во что не смѣли вступаться, пока мы свое дѣло кончимъ.

— Все, говоритъ, приказываю: мнѣ лучше умереть, чѣмъ такъ мучиться.

Словомъ, больная безусловно предалась въ ихъ энергическія руки, а тѣмъ временемъ Кесарю и Николаврѣ подали потребованные платки и пробку изъ сотерной бутылки.

XVI.

Кесарь Степановичъ пробку осмотрѣлъ, погнулъ, подавилъ и сказалъ: „это хорошо, а платки надо перемѣнить: батистовые, говоритъ, не годятся, а подать самые плотные полотняные“.

Ему такіе и подали. Онъ сложилъ ихъ оба съ угла на уголъ, какъ складываютъ, чтобы зубы подвязывать, и положилъ на столикъ, а Бибиковской тещѣ говоритъ:

— Ну-те-ка, что нибудь заговорите.

Она спрашиваетъ:

— Для чего это нужно?

— Для того, отвѣчаетъ, чтобы *схватить моментъ*.

Бибиковская теща стала это исполнять и только открыла ротъ, чтобы по французски говорить, а Берлинскій въ эту самую секунду сотерную пробку ей въ ротъ и вставилъ. Такъ ловко вставилъ ее между зубами, что Бибиковской тещѣ ни кричать и ни одного слова выговорить нельзя при такой распоркѣ.

Удивилась она и испугалась и глазами хлопаетъ, а чѣмъ больше старается что-то спросить, тѣмъ только крѣпче зубами пробку напираетъ. А Кесарь Степановичъ, въ это-же острое мгновеніе, однимъ платкомъ ей руки назади связалъ, а другимъ внизу платье вокругъ ногъ обвязалъ, какъ дѣлаютъ простонародныя дѣвушки, когда садятся на качели качаться. А потомъ крикнулъ племяннику:

— Теперь лови моментъ!

И сейчасъ-же ловко, по военному, перевернулъ ее внизъ головою и поставилъ въ уголъ на подушку теменемъ. И вышло такъ, что у нее верхніе зубы стали нижними, а нижніе верхними. Непріятно, разумѣется, но всего на одну секунду, а лѣкарь, какъ одной породы съ дядею—также ловкій и понятливый, схватилъ моментъ,—каплю ей на верхній зубъ капнулъ, и опять даму перевернули, и она стала на ногахъ такая здоровая, что сотерную пробку перекусила и говоритъ:

— Ахъ, мерси,—и какое блаженство! чѣмъ я могу васъ отблагодарить?

Кесарь Степановичъ отвѣчалъ:

— Я не врачъ, а военный, а военные во всѣхъ несчастіяхъ дамамъ такъ помогаютъ, а денегъ не берутъ.

Бибикова теща распросила о Кесарѣ Степановичѣ: кто онъ такой и въ какомъ положеніи у государя, и когда узнала, что онъ при военныхъ дѣлахъ будетъ опять призванъ, подарила ему верховаго коня совершенно необыкновеннаго. Конь былъ что-то въ родѣ Сампсона: необычайная сила и удаль заключалась у него въ необычайныхъ волосахъ, и для того онъ былъ съ удивительнымъ хвостомъ. Такой былъ огромный хвостъ, что если конь скакалъ, то онъ сзади растилался, какъ облако, а если шагомъ пойдетъ, то концы его на двухъ маленькихъ колесцахъ укладывали и они ѣхали за конемъ, какъ шлейфъ за дамой.

Только удивительнаго коня этого нельзя было ввести въ Кіевъ, а надо было его гдѣ-то скрывать, потому что онъ былъ самый лучшій на всемъ орловскомъ заводѣ и Бибикову очень хотѣлось его имѣть, но благодарная теща сказала: „на что онъ ему? Какой онъ воинъ!“ и подарила коня Берлинскому, съ однимъ честнымъ словомъ, чтобы въ „Бибиковское царство“ не вводить, а содержать „на чужой сторонѣ“.

Кесарь Степановичъ ногою шаркнулъ, „въ ручку поцаловалъ“, и коня принялъ, и честное слово свое сдержалъ.

Объ этомъ конѣ, въ свое время, было много протолковано на печерскомъ базарѣ. Собственными глазами никто это прекрасное животное никогда не видалъ, но всѣ знали, что онъ вороной безъ отмѣтинъ, а ноздри огненныя, и можетъ скакать черезъ самыя широкія рѣки.

Теперь когда пересказываешь это, такъ все кажется такимъ вздоромъ, какъ сказка, которой ни минуты нельзя вѣрить, а тогда какъ-то одни смѣялись, другіе вѣрили, и всё было складно.

Печерскія перекупки готовы были клясться, что этотъ конь жилъ въ таинственной глубокой пещерѣ въ броварскомъ бору, который тогда былъ до того густъ, что въ немъ еще водились дикіе кабаны. А стерегъ коня тамъ старый москаль, „хромой на одно око“. Въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что москаль приходилъ иногда на базаръ и продавалъ въ горшкѣ табакъ „прочухрай“, отъ котораго, какъ понюхаешь, такъ и зачихаешь. Ввести-же коня въ Кіевъ нельзя было „по причинѣ Бибика“.

Изцѣленіе тещи имѣло однако и свои невыгодныя послѣдствія, если не для Кесаря Степановича, то для всепомогающаго врача, и

виною тому была малообразованность публики. Какъ дамы узнали объ этомъ изцѣленіи способомъ „перевертона“, такъ начали осаждать доктора, чтобы и надъ ними былъ сдѣланъ „перевертонъ“. И злоупотребляли этимъ до чрезвычайности. Николавра имъ внушалъ, что это дѣло серьезное и научное, а не игрушка и не шутка, но онѣ съ чисто женскимъ легкомысліемъ все отъ него не отставали. Происходило это болѣе оттого, что онъ дамамъ сталъ очень нравиться и онѣ въ него влюблялись въ это время безъ памяти. А онъ, будучи очень честенъ, не хотѣлъ разстраивать семейную жизнь во всемъ городѣ, и предпочелъ совсѣмъ оставить и Кіевъ, и медицинскую практику.

Такъ онъ и сдѣлалъ.

XV.

Разумѣется, вся „причина Бибика“, о которой выше сказано, была чистѣйшій плодъ быстрой и сложной фантазіи самаго печерскаго импровизатора или его восторженныхъ почитателей. На самомъ-же дѣлѣ Бибиковъ не только не гналъ и ни за что не преслѣдовалъ занимательнаго полковника, но даже едва-ли не благодѣтельствовалъ ему, на сколько къ тому была склонна его жесткая и мало податливая на добро натура. Кажется, Бибиковъ былъ даже чѣмъ-то полезенъ Берлинскому въ устройствѣ его дѣтей и вообще никогда на него не нападалъ, хотя по весьма странной любви къ сплетнямъ и наушничеству онъ зналъ очень многое о томъ, что импровизовалъ на его счетъ Берлинскій. Вполнѣ возможно, что иногда скучавшій Бибиковъ имъ даже немножко интересовался, конечно, только ради смѣха и потѣхи.

Въ Кіевѣ въ то время проживалъ академикъ с.-петербургской академіи художествъ, акварелистъ Михаилъ Макаровичъ Сажинъ. Онъ составлялъ для Дмитрія Гавриловича акварельный альбомъ открытыхъ при немъ кіевскихъ древностей, и не разъ бывало сказывалъ, что Бибиковъ шутилъ надъ своею зависимостью отъ Берлинскаго. Особенно его забавляло, какъ Берлинскій увѣрялъ, что „безрукій“ мимо его домовъ даже *ѣздить боится.*

Бибиковъ и въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, никогда не проѣзжалъ по Шіяновскимъ улицамъ, но разумѣется, не потому, чтобы ему былъ страшенъ Берлинскій, а потому, что тутъ невозможно было

проѣхать, не затонувъ или, по крайней мѣрѣ, не измаравшись. Кесарь Степановичъ или вдохновенные имъ почитатели давали этому свое толкованіе, которое имъ гораздо болѣе нравилось, а для Кесаря имѣло притомъ и свои выгоды. Всѣ эти легенды и басни значительно возвышали авторитетъ „галицкаго воина", который никого не боится, между тѣмъ какъ его всѣ боятся и „даже самъ Бибикъ".

Такъ какъ смѣлые люди всегда рѣдки и всякому интересны, то Кесарь Степановичъ пользовался у многихъ особенною любовью, и это выражалось своеобразнымъ къ нему поклоненіемъ. Думали, что онъ очень много можетъ защитить; а это въ свою очередь благопріятно отражалось на дѣлахъ шіяновскихъ развалинъ, которыя Бибиковъ, по словамъ Сажина, называлъ „шіяновскими нужниками", но за то ихъ не трогалъ,—можетъ въ самомъ дѣлѣ изъ какого нибудь добраго чувства къ Берлинскому. Людямъ робкимъ, равно какъ и людямъ оппозиціоннаго образа мыслей было лестно жить въ этихъ „нужникахъ" вмѣстѣ, или „въ одномъ кольцѣ" съ такимъ вдохновительнымъ героемъ, какъ Кесарь Степановичъ. А какъ при томъ къ чистотѣ и благоустройству обиталищъ у насъ относятся еще довольно нетребовательно, то эти дрянныя развалины были постоянно обитаемы. Между невзыскательными жильцами здѣшнихъ мѣстъ встрѣчалось не мало тогдашнихъ „нелегальныхъ", т. е. такихъ, у которыхъ были плохи паспортишки. Они были увѣрены, что будто имѣютъ въ лицѣ Кесаря Степановича могущественнаго защитника. Думали, чуть, храни Богъ, встрѣтится какое нибудь несчастіе или притѣсненіе отъ полиціи, то Кесарь Степановичъ заступится. А главное, что полиція сюда почему-то и дѣйствительно съ полицейскими цѣлями не ходила.

Вѣроятно не хотѣла, чтобы про нее было что нибудь написано государю. Это обыкновенно имѣлось въ виду при наймѣ квартиръ, и нетребовательный жилецъ переѣзжалъ въ шіяновскія развалины съ пріятнымъ убѣжденіемъ, что здѣсь хоть и „худовато да спокойности много".

XVI.

Дорожа „спокойностью", въ Шіяновскіе закутки набиралась всякая нищета и мелкота, иногда очень характерная и интересная.

Аристократію составляли захудалое армейское офицерство и студенты медики пятаго курса, которымъ надо было ходить въ

клиники военнаго госпиталя. Эти были менѣе всѣхъ искательны на счетъ покровительства и протекціи, но Кесарь Степановичъ впрочемъ и имъ иногда сулилъ свои услуги.

— Люблю молодежь, говорилъ онъ, и сейчасъ-же вздохнувъ прибавлялъ: но за то, спасибо имъ, и они меня любятъ. Бѣдные ребятки, понимаютъ, что безрукій совсѣмъ готовъ-бы ихъ затѣснить, да не смѣетъ,—боится...

Боялся онъ, разумѣется, страховаго письма.

Студенты впрочемъ къ полковнику за содѣйствіемъ не обращались и даже слегка надъ нимъ подтрунивали, или просто его избѣгали.

Иногда встрѣчались такіе, которымъ и самъ Кесарь Степановичъ, и его защитительная предупредительность казались очень подозрительными. Думали, будто онъ можетъ служить Богови и мамону... Но „сѣрый жилецъ", т. е. публика изъ простолюдиновъ, и особенно старовѣры, которымъ въ тогдашнее сердитое время приходилось очень жутко, питали къ нему безграничное довѣріе.

Эти отношенія мнѣ представлялись тогда очень странными, и я никакъ не могъ понять, происходило-ли это довѣріе къ Кесарю отъ большаго практическаго ума, или отъ неразумѣнія. Но такъ или иначе, а репутація дома все-таки на этомъ выигрывала, и теперь это воспоминается мило и живо, какъ веселая старая сказка, подъ которую сквозь какую-то теплую дрёму свѣжо и ласково улыбалося сердце...

Люди банковаго періода должны намъ простить романтическую чепуху нашего молодаго времени.

Явнымъ противорѣчіемъ между словомъ и поступками Берлинскаго было то, что безпредѣльно храбрый въ своихъ импровизаціяхъ, онъ въ практическихъ дѣлахъ съ властями былъ очень предусмотрителенъ и можетъ быть даже искателенъ. Такъ напримѣръ, считая Бибикова не только не выше себя, но даже нѣсколько ниже, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что онъ могъ писать о немъ что угодно государю, Кесарь Степановичъ иногда надѣвалъ мундиръ и являлся „въ Липки" къ Бибикову. Политиканы, склонные къ обобщеніямъ, придавали этому большое значеніе и подозрительно истолковывали такіе визиты въ неблагопріятномъ смыслѣ; но всего вѣроятнѣе полковника заводила къ генералъ-губернатору просто

нужда, въ которой Бибиковъ ему, можетъ быть, помогалъ изъ обширныхъ средствъ, находившихся въ его безъотчетномъ распоряженіи. Простолюдины-же толковали это совсѣмъ иначе и получали выводы прекрасные, говорили:

— Нашъ-то, батюшка, воинъ-то нашъ галицкій, Кесарій Степановичъ, опять пополозъ ругать Бибика. Пущай его проберетъ недобраго.

Сажинъ сказывалъ, что Бибиковъ даже и это зналъ, и очень надъ этимъ смѣялся, а отношеній своихъ къ Берлинскому все-таки ни мало не измѣнялъ и не отказывался быть ему полезнымъ.

Такимъ образомъ Берлинскій, позабытый или незамѣчаемый въ высшихъ сферахъ кіевскаго общества, въ которомъ не было и нѣтъ родовой знати, въ среднемъ слоѣ слылъ чудакомъ, котораго потихоньку вышучивали, но за то въ низшихъ слояхъ былъ героемъ, съ феноменальною и грандіозною репутаціею, которая держалась чрезвычайно крѣпко, и привлекла подъ шіяновскія текучія крыши два безподобнѣйшіе экземпляра самаго заматорѣлаго во тьмѣ „древляго благочестія", изъ разряда „опасныхъ немоляковъ".

Впрочемъ, пока до нихъ, посмотримъ еще одно вводное лице,— это квартальный—классикъ.

XVII.

Была одна статья, которая, кажется, непремѣнно должна-бы бросить тѣнь на независимость и отвагу Кесаря,—это операціи, имѣвшія цѣлію поддержаніе „шіяновскихъ нужниковъ".

Всѣ набитые сбродомъ домы и домишки, хлѣвушки и закуточки шіяновскихъ улицъ давно валились, а починять ихъ строго запрещалось суровымъ Бибиковскимъ эдиктомъ о „преобразованіи". Но о Берлинскомъ говорили такъ, что онъ этихъ эдиктовъ не признаетъ, и что Бибиковъ не смѣетъ ему воспретить дѣлать необходимыя починки, ибо самъ государь желалъ, что-бы домъ, гдѣ живетъ Кесарь Степановичъ, былъ сохраненъ въ крѣпости. Между тѣмъ, какъ думалъ объ этомъ Бибиковъ, было неизвѣстно, а починки были крайне нужны, особенно въ крышахъ, которыя прогнили, проросли и текли по всѣмъ швамъ. И что-же? на перекоръ всѣмъ Бибиковскимъ запрещеніямъ, крыши эти чинились, но какъ? Этотъ способъ достоинъ занесенія его въ кіевскую хронику.

Къ Кесарю Степановичу былъ вхожъ и почему-то пользовался его расположеніемъ мѣстный квартальный, котораго, помнится, какъ будто звали Діонисій Ивановичъ или Иванъ Діонисовичъ. Онъ былъ полу-хохолъ, полу-полякъ, а по религіи „изъ тунеядскаго исповѣданія". Это былъ человѣкъ пожилой и очень неопрятный, а подъ часъ и зашибавшійся хмѣлемъ, но службистъ, законовѣдъ и разнаго мастерства художникъ. При томъ, какъ человѣкъ, получившій воспитаніе въ какихъ-то іезуитскихъ школахъ, онъ зналъ отлично по латыни и говорилъ на этомъ языкѣ съ какимъ-то престарѣлымъ уніатскимъ попомъ, который проживалъ гдѣ-то на Рыбальской улицѣ за лужею. Латынь служила имъ для объясненій на базарѣ по преимуществу о дороговизнѣ продуктовъ и о другихъ предметахъ, о которыхъ они, какъ чистые аристократы ума, не хотѣли разговаривать на низкомъ нарѣчіи плебея.

Въ служебномъ отношеніи, по части самовознагражденія классикъ придерживался старой доброй системы—натуральной повинности. Денежныхъ взятокъ классикъ не вымогалъ, а взималъ съ прибывающихъ на печерскій базаръ возовъ „что кто привезъ съ того и по штучкѣ,—щобъ никому не було обиды". Если на возу дрова, то дровъ по полѣну, капуста—то по кочану капусты, зерна по пригоршнѣ и такъ все до мелочи, со всѣхъ поровну, „якъ отъ Бога показано".

Гдѣ именно все это „было показано отъ Бога"—это зналъ одинъ классикъ, въ памяти котораго жила огромная, но престранная текстуализація изъ „Божого писанія" и особенно изъ апостола Павла.

— Ось у писаніи правда сказано, що „хлопъ якъ бувъ собі дурень, такъ вінъ дурнемъ и подохне".

Мужикъ слушалъ и можетъ быть вѣрилъ, что это о немъ писано. А въ другой разъ классикъ приводилъ уже другой текстъ:

— Тоже, видать, правда, що каже апостолъ Павелъ: „бій хлопа по потылицѣ", и такъ какъ за этимъ слѣдовала сама потылица, то вѣры тому было еще болѣе.

Натуральную подать принималъ ходившій за классикомъ нарочито учрежденный custos. Онъ все бралъ и сносилъ на піяновскій дворъ, гдѣ у квартальнаго въ какомъ-то закоулочкѣ была ветхая, но помѣстительная амбарушка. Тутъ все получаемое склады-

вали и отходили за дальнѣйшимъ сборомъ, а потомъ въ свободное время все это сортировали и нѣчто пригодное для домашняго обихода брали домой, а другое пріуготовляли къ промѣну на вещи болѣе подходящія. Словомъ тутъ былъ свой маленькій мѣновой дворъ, или караванъ-сарай взяточныхъ продуктовъ, полученныхъ отъ хлоповъ, которыхъ апостолъ Павелъ „казавъ бить по потылицѣ".

Платилъ-ли что Иванъ Діонисовичъ за этотъ караванъ-сарай— не знаю, но за то онъ дѣлалъ дому всякія льготы, значительно возвышавшія репутацію „покойности" здѣшнихъ, крайне плохихъ на взглядъ, но весьма богохранимыхъ жилищъ.

Тутъ не бывало никакихъ обысковъ, тутъ, по разсказамъ, жило не мало людей съ плохими паспортами кромскаго, нѣжинскаго и мѣстнаго кіевскаго приготовленія. Обыкновенные сорта фальшивыхъ паспортовъ приготовлялись тогда по всему главному путю отъ Орла до Кіева, но самыми лучшими слыли тѣ, которые дѣлали въ Кромахъ и въ Дмитріевѣ на Свапѣ. Въ шіяновскихъ домахъ впрочемъ можно было обходиться и вовсе безъ всякихъ паспортовъ, но главное, что тутъ можно было дѣлать на полной свободѣ,—это *молиться Богу, какъ хочешь*, т. е. какимъ хочешь обычаемъ.

Послѣднее обстоятельство и было причиною, что на этотъ дворъ, подъ команду полковника Берлинскаго, приснастился оригинальнѣйшій богомолецъ. Сей бѣ именемъ Малахія, старецъ прибывшій въ Кіевъ для совершенія тайныхъ требъ у старовѣровъ, которые пришли строить каменный мостъ съ англичаниномъ Виньёлемъ. Старецъ Малахія, въ просторѣчіи Малафей Пимычъ, былъ привезенъ своими единовѣрцами „изъ невѣдомаго ключа" и „сокрытъ" въ шіяновскихъ закоулкахъ „подъ тайностію". Все это въ надеждѣ на Кесаря—ибо имя его громко звучало по простолюдью дальше Орла и Калуги.

При старцѣ былъ отрокъ лѣтъ двадцати трехъ, котораго звали Гіезій.

Было-ли это его настоящее имя, или только шуточная кличка— теперь не знаю, а тогда не интересовался это разслѣдовать.

Имени Гіезій въ православныхъ мѣсяцесловахъ нѣтъ, былъ такой отрокъ при пророкѣ Елисеѣ. Можетъ быть, это оттуда и взято.

Какъ старецъ Малафей, такъ и его отрокъ были чудаки первой степени и поселены они были въ шіяновской слободѣ въ разсчетахъ

на защиту „печерскаго Кесаря". Но прежде, чѣмъ говорить о старцѣ и его мужественномъ отрокѣ, окончу объ Иванѣ Діонисовичѣ и о его художествахъ.

XVIII.

У латыниста квартальнаго было два искусства, изъ коихъ однимъ онъ хвастался, а о другомъ умалчивалъ, хотя собственно второе въ общественномъ смыслѣ имѣло гораздо большее значеніе.

Иванъ Діонисовичъ хвалился тѣмъ, что онъ „самъ себя стригъ". Это, можетъ быть, покажется кому нибудь пустяками, но пусть кто угодно на себѣ это попробуетъ, и тогда всякъ легко убѣдится, что остричь самому себя очень трудно и требуетъ большой ловкости и таланта. Второе-же дѣло, которое еще болѣе артистически исполнялъ, но о которомъ умалчивалъ квартальный, относилось къ антикварному роду: онъ зналъ секретъ, какъ „старить" новыя доски для того, чтобы ими „подшивать" ночью прогнившія крыши. И дѣлалъ онъ это такъ, что никакой глазъ не могъ отличить отъ стараго новыхъ заплатъ его мастерскаго приготовленія.

Въ томъ самомъ караванъ-сараѣ, гдѣ складывались натуральныя подати съ базарныхъ торговцевъ и производилась мѣновая торговля, тутъ-же у Ивана Діонисовича была и антикварная мастерская. Здѣсь находились дрань, лубья и деготь или колесная смола, по-малороссійски „коломазь". Все это было набрано на базарѣ съ торговцевъ безданно, безпошлинно, и назначалось въ дѣло, которое, при тогдашнихъ строгостяхъ, заключало въ себѣ много тайности и не мало выгодъ. Химія производилась въ огромномъ старомъ корытѣ съ разведеннымъ въ немъ коровьимъ пометомъ и другими соединеніями. Элементы все были простые: навозъ, песокъ, смола и зерна овса „для проросли". Въ этомъ корытѣ лежали пріуготовляемыя для антикварныхъ работъ лубы и дранцы. Они подвергались довольно сложному процессу, за которымъ классикъ наблюдалъ не хуже любого техника, и новому матеріалу придавался видъ древности изумительно хорошо и скоро. Квартальный самъ дошелъ до того, какъ составлять этотъ античный колоритъ и пускать по нему эту веселую зелененькую проросль отъ разпѣженныхъ овсяныхъ зеренъ. Стоило приготовленную такимъ способомъ доску приколотить на мѣсто и какъ „Бибикъ" около нее ни разъѣзжай, ничего онъ не отличитъ.

Дошелъ до этого производства Иванъ Діонисовичъ „вѣроятно изъ тѣхъ побужденій", что-бы у него не пропадали такіе продукты, какъ лубья и коломазь, для которыхъ нельзя было найти особенно хорошаго сбыта въ ихъ простомъ видѣ.

Кажется, квартальный иногда самъ и приколачивалъ приготовленныя имъ заплатки, а впрочемъ я достовѣрно этого не знаю. Знаю только, что онъ ихъ приготовлялъ и притомъ приготовлялъ въ совершенствѣ.

Способъ нанесенія этого матеріала на ветхія востройки былъ простъ: избиралась ночь потемнѣе и къ утру дѣло было готово. На слѣдующій день Кесарь Степановичъ ходилъ, гулялъ, поглядывалъ и говорилъ, улыбаясь:

— Что?—много взялъ, безрукій!

А ему отвѣчали:

— Что онъ противъ тебя можетъ!

Такъ и это все шло въ подтвержденіе, что Бибиковъ ничего будто противъ „кесаря" сдѣлать не можетъ, а тѣмъ временемъ пришла постройка моста и къ Виньёлю притекла масса людей, изъ которыхъ много было раскольниковъ. Эти привезли съ собою свои образа и своихъ „молитвенниковъ", между которыми всѣхъ большей тайности и охранѣ подлежалъ уже разъ упомянутый „старецъ Малафей". Онъ былъ „пилипонъ" (т. е. филиповецъ) и „немолякъ", т. е. такой сектантъ, который ни въ домашней, ни за общественной молитвой о царѣ не молился. Такіе сектанты, при тогдашнемъ маломъ знаніи и пониманіи духа русскаго раскола, почитались „опасными и особенно вредными".

Большинство людей, даже очень умныхъ, смотрѣли на этихъ наивныхъ буквоѣдовъ, какъ на политическихъ злоумышленниковъ и во всякомъ случаѣ „недруговъ царскихъ".

Этого не избѣгали наши старинные законовѣды и новѣйшіе тенденціозные фантазеры въ родѣ Щапова, который принесъ своими мечтательными изъясненіями существенный вредъ нѣжно любимому имъ расколу.

Куда было дѣть въ Кіевѣ такого опаснаго старца, какъ Малахія? гдѣ его помѣстить такъ удобно, чтобы онъ самъ былъ цѣлъ, и чтобы можно было у него „поначалиться" и вкусить съ нимъ

сладость молитвеннаго общенія? Христолюбцамъ предлежала серьезная забота, „гдѣ сохранить старичка отъ Бибика“.

Но гдѣ-же лучше можно было устроить такого особливаго богослова, какъ не въ „шіяновскихъ нужникахъ“. Сюда его и привела подъ крыло печерскаго „Кесаря“ громкая слава дѣлъ этого независимаго и безстрашнаго человѣка.

XIX.

Старца Малафея съ его губатымъ отрокомъ въ шіяновскихъ палестинахъ водворили два какіе-то каменьщика. Эти люди приходили осматривать помѣщеніе, съ большими предосторожностями. О цѣнѣ помѣщенія для старца они говорили съ барышней, которая вѣдала домовые счеты, а потомъ бесѣдовали съ Кесаремъ Степановичемъ о чемъ-то гораздо болѣе важномъ.

Это тогда заинтересовало всѣхъ близкихъ людей.

Каменьщики были люди вида очень степеннаго и внушительнаго, притомъ со всѣми признаками самаго высокопробнаго русскаго благочестія: чолочки на лобикахъ у нихъ были подстрижены, а на маковкахъ въ честь Господню гуменца пробриты; говоръ тихій, а взглядъ умѣренный и „поникновенный“.

О деньгахъ за квартиру для старца и его отрока раскольники не спорили. Очевидно, это было для нихъ послѣднимъ дѣломъ, а главное было то, о чемъ говорено съ Кесаремъ Степановичемъ.

Онъ ихъ „исповѣдывалъ во всѣхъ догматахъ“ ихъ вѣры, и— надо ему отдать честь—пришелъ къ заключеніямъ весьма правильнымъ и для этихъ добрыхъ людей благопріятнымъ.

На наши распросы: что это за необыкновенные люди, онъ намъ съ чисто военною краткостію отвѣчалъ:

— Люди прекрасные и дураки.

Результатомъ такого быстраго, но правильнаго опредѣленія было то, что злостные раскольники получили разрѣшеніе устраиваться въ подлежащемъ отдѣленіи „шіяновскихъ нужниковъ“, а квартальный—классикъ въ слѣдующую-же ночь произвелъ надъ крышею отданнаго имъ помѣщенія надлежащія антикварныя поправки.

Ник. Лѣсковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ

(по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ).

(Продолженіе) *).

Разсказъ Коломийца объ основаніи задунайской Сѣчи на Дунавцѣ такъ обстоятеленъ и такъ точно совпадаетъ со всѣми извѣстными намъ событіями, къ тому времени и мѣсту относящимися, что врядъ-ли есть надобность заниматься серьезнымъ опроверженіемъ того, что говорится объ этомъ предметѣ въ книгѣ Чайковскаго. Этотъ авторъ, какъ мы уже упоминали, по не совсѣмъ понятнымъ для насъ причинамъ, желаетъ непремѣнно выводить начало дунайскаго Запорожья со временъ Мазепы, отъ тѣхъ запорожцевъ, которые ушли вмѣстѣ съ нимъ въ Бендеры. По его разсказу, Сѣчь была перенесена на Дунавецъ въ 1800 году Кошевымъ Василіемъ Щербиною, сыномъ Демъяна Щербины, бывшаго Кошевымъ (гдѣ?) въ 1785 г. Этотъ-же Василь Щербина былъ будто-бы и основателемъ селъ Райя, Бешъ-Тепе, Сарны и Вилки... Послѣ смерти Щербины, разсказываетъ далѣе Чайковскій, въ 1806 году, Кошевымъ былъ избранъ какой-то польскій шляхтичъ, котораго называли Ляхомъ... Знакомъ достоинства Кошеваго была будто красная шуба, подбитая черными медвѣдями, которая была дана султаномъ Ахметомъ III Константину Городискому, бывшему Кошевымъ при Мазепѣ въ 1710 году. Къ этой шубѣ запорожцы питали будто-бы какое-то суевѣрное уваженіе и Кошовый будто-бы дотолѣ только былъ признаваемъ въ своемъ званіи, пока былъ одѣтъ въ эту шубу, вслѣдствіе чего будто-бы Ляхъ носилъ эту шубу запи-

*) См. «Кіев. Стар.», январь 1883 г.

тою на себѣ и никогда не снималъ ее и такъ и умеръ, будучи зашитымъ въ этой шубѣ, въ 1821 году... О войнахъ съ некрасовцами Чайковскій упоминаетъ только вскользь, при чемъ время ихъ относитъ къ 1821-му и слѣдующимъ годамъ, а причиною этихъ войнъ оказывается у него вражда, возбужденная между некрасовцами и запорожцами интригами русскаго правительства... Почему бывшему „attamanu kozaków ottomańskich" понадобилось искать именно такого рода объясненія, объ этомъ конечно можно только догадываться и, разумѣется, естественнѣе всего думать, что автору „Kozaczyzny", мечтавшему о слитіи липованскаго и украинскаго населенія Добруджи въ „kozaków ottomańskich", просто нужно было придумать какую-нибудь внѣшнюю причину для объясненія старинной вражды между этими двумя элементами и притомъ такую причину, которая, примиряя враждующія стороны, возстановляла-бы ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ противъ Россіи...

Между тѣмъ, какъ мы видимъ, все это происходило совершенно иначе. Перенесеніе Сѣчи въ Дунавецъ совершилось еще при томъ-же Самійлѣ Калниболотскомъ, который былъ Кошевымъ во время русско-турецкой войны 1809 г., во время войнъ съ некрасовцами и перенесенія Сѣчи въ Катирлезъ. И только около 1814 г. Самійло Калниболотскій уступилъ наконецъ свое мѣсто старому *Рогозяному-Дідови,* давнему запорожцу, пришедшему еще изъ приднѣпровской Сѣчи, выбранному впрочемъ, какъ говоритъ Коломиецъ, только на время. Затѣмъ послѣ него только является въ качествѣ Кошевого *Ляхъ,* бывшій въ этомъ званіи не до 1821 г., а только въ теченіи 3-хъ лѣтъ, и не только не предводительствовавшій козаками во время похода на Сербію, но даже и не бывшій въ то время Кошевымъ. Послѣ Ляха былъ Кошевымъ *Литвинъ,* о которомъ Чайковскій разсказываетъ очень скандалёзную исторію, состоящую въ томъ, что будто-бы этотъ Кошевой, будучи любителемъ прекраснаго пола, имѣлъ обыкновеніе по ночамъ отправляться въ Райю для ухаживанія за тамошними женщинами и переодѣваться для этого въ костюмъ шинкаря Мошка, надѣвавшаго на это время пресловутую красную шубу, и однажды былъ пойманъ запорожцами во время одного изъ такихъ похожденій, былъ судимъ, лишенъ своего званія и избитъ кіями, повѣшенный-же за профанацію священной шубы Мошко былъ замѣненъ сейчасъ-же явившимся изъ

Киліи Лейбою. Нѣчто подобное, по разсказу Коломийца, случилось дѣйствительно, но не съ Литвиномъ, а съ *Олексою Ряснымъ*[1]), который за секретное посѣщеніе Райи съ эротическими цѣлями былъ, какъ мы увидимъ далѣе, въ самомъ дѣлѣ отставленъ отъ своего уряда и наказанъ по приговору вѣчевой рады бичами; что-же касается Литвина, то онъ, по воспоминаніямъ Коломийца, былъ очень серьезнымъ и богобоязненнымъ человѣкомъ и окончилъ дни свои въ монастырѣ, по совѣту своего духовника о. Лукьяна, священника сѣчевой церкви, о которомъ мы еще будемъ говорить далѣе. Вѣроятно около того-же времени былъ Кошевымъ и *Василь Смыкъ*, но только не послѣ Литвина, какъ говоритъ Чайковскій, а можетъ быть послѣ Олексы Ряспого, послѣ-же Литвина, по перечисленію Коломийца, былъ *Білюга*, потомъ *Гордина*. Вообще въ промежуткѣ между началомъ 1816 и 1817 г. Сѣчь, очевидно, испытывала періодъ какихъ-то большихъ внутреннихъ волненій, о чемъ мы можемъ судить по тому, что въ теченіи этого короткаго времени Кошевые смѣняются съ замѣчательной быстротой другъ послѣ друга, и самъ Коломиецъ оказался не въ силахъ припомнить точно послѣдовательность смѣны тогдашней войсковой старшины. Въ 1817 г., а можетъ быть и въ концѣ 1818 г. Кошевымъ былъ Олександръ *Сухина*. Время его „старшинованья" обозначается для насъ приблизительно точно, такъ какъ оно отмѣчено въ исторіи задунайской Сѣчи походомъ, совершеннымъ запорожцами, подъ предводительствомъ наказнаго отамана *Ивана*, поповичевского курінного, противъ сербовъ. Объ этомъ походѣ Коломиецъ, къ сожалѣнію, не сообщаетъ почти ничего, за исключеніемъ не особенно правдоподобнаго разсказа о печальной судьбѣ наказнаго—пана, умершаго во время похода будто-бы отъ голода, такъ какъ, будучи совершенно лишенъ зубовъ, онъ не могъ ѣсть сухарей, для размачиванія которыхъ въ теченіи нѣсколькихъ дней пути будто-бы не было воды. Затѣмъ въ 1817—1818 г. Кошевымъ былъ *Морозъ*, какъ говоритъ Чайковскій, кіевскій уроженецъ. Во время его управленія турец-

---

[1]) Въ воспоминаніяхъ Коломийца, записанныхъ нами въ 1881 г., этотъ Рясный названъ Грицькомъ, во время-же послѣдняго нашего свиданія Коломиецъ объяснилъ, что Кошевымъ былъ Олекса Рясный, а Грицько Рясный совсѣмъ другая личность, о которой будетъ упомянуто ниже.—*К.*

кимъ правительствомъ былъ потребованъ въ Константинополь отрядъ запорожцевъ изъ 600 человѣкъ для работъ „на кавузахъ". Въ этой мирной экспедиціи принималъ участіе и Коломиецъ, который разсказываетъ, что козаки были употребляемы при этихъ постройкахъ на земляныя работы, взрывали порохомъ скалы, дѣлали „муругілі или заставки", т. е. шлюзы,—„у шести містахъ воду закладали". Турки, по его разсказу, относились къ нимъ чрезвычайно добродушно, давали очень хорошее содержаніе („три хлібы на день давали") и хорошо платили за работу: „паша було приіде, то безъ бокшиша не выідс: три разы на тиждень іздивъ и на баркасі було везе повні мішки сребра да золота". Другихъ особенно выдающихся событій въ бытность Мороза Кошевымъ не было, а самъ онъ, сложивши съ себя приблизительно въ 1818—1819 г. это званіе, подобно многимъ сѣчевикамъ удалился на „Святу Гору", т. е. на Аѳонъ, и тамъ постригся и даже сдѣлался архимандритомъ въ одномъ изъ греческихъ монастырей. Но, какъ случалось тоже со многими принимавшими монашество запорожцами, Морозъ удалился отъ міра сего, сохранивши въ себѣ еще очень большой запасъ боевой энергіи и какъ только въ воздухѣ пронесся запахъ пороха, мы видимъ его уже опять на Сѣчи превратившимся изъ смиреннаго архимандрита въ наказнаго отамана войска запорожскаго, да еще вдобавокъ—отамана, ведущаго это войско для усмиренія христіанъ, возставшихъ противъ мусульманскаго владычества, для усмиренія греческаго возстанія за независимость. .

Это была фатальная черта въ жизни задунайскаго Запорожья, прямо вытекавшая изъ того cercle vicieux, изъ котораго оно не могло выйти, вслѣдствіе политическаго своего положенія. Сначала война противъ русскихъ, затѣмъ противъ тоже единовѣрныхъ и единоплеменныхъ сербовъ, бившихся вдобавокъ за свою политическую свободу, наконецъ противъ грековъ, отстаивавшихъ тоже и свою вѣру и свою независимость. Все это, разумѣется, могло коекакъ улаживаться въ силу врожденнаго авантюризма или личныхъ соображеній и темперамента въ головахъ такихъ людей, какъ архимандритъ—отаманъ Морозъ, но въ общемъ сознаніи задунайскаго козачества оно не могло не вызывать разъѣдающаго чувства, которое было роковымъ для существованія задунайской Сѣчи и которое выражается въ словахъ народной исторической пѣсни:

„Ой крикнула лебедочка изъ степу летючи,
Заплакавъ нашъ Кошовый одъ цариці йдучи:
„Великій світъ, миле—братьтя,—нема де прожити;
Заприсягнімъ турчинови на сто-тридцять годъ жити.
За все добре, миле—братьтя, підъ туркомъ жити,
Тілько одно неприятно, що на віру бити!...

(Зап. въ Тульчѣ отъ М. Михайленка).

или:

„Ой наробили та славні запорожци
Та великого жалю:
Що не знали, кому поклониться,
Та которому царю...
Ой поклонилися турецькому;
Підъ нимъ добре жити.
А за все добре, за одно не добре,
Що братъ на брата бити“!

(Ост. Данчукъ. Тульча).

Сознаніе фальшивости своего положенія относительно единовѣрцевъ—грековъ было на столько сильно, что небольшая сравнительно часть запорожцевъ не могла все таки устоять противъ доводовъ другаго, тоже святогорскаго архимандрита, Филарета и по его настояніямъ рѣшилась отправиться въ Россію. Въ числѣ этихъ вернувшихся, какъ мы знаемъ, былъ и нашъ Коломиецъ, прямо мотивирующій свое возвращеніе въ отечество тѣмъ, „що якъ-бы не пішовъ, то хто ёго зна, за яку віру й голову-бъ прийшлося нести“.

Филаретъ былъ аѳонскимъ архимандритомъ, зашедшимъ въ Сѣчь передъ войною, можетъ быть съ прямой даже цѣлью помѣшать какъ нибудь участію запорожцевъ въ усмиреніи готовившагося возстанія. „Чого мы, говорилъ онъ, будемо воювать зъ христіянами? Лучче я васъ выведу въ Россію“... На этотъ призывъ откликнулось около 800 запорожцевъ; на 28 лодкахъ они выѣхали изъ Сѣчи и отправились въ Одессу. Тамъ они, по разсказу Коломийца, были приняты очень радушно: Филаретъ получилъ золотой наперсный крестъ, а козакамъ было отведено помѣщеніе, въ которомъ они могли жить, пока долженъ былъ рѣшиться вопросъ о надѣлѣ ихъ землею. Многіе изъ нихъ, какъ мы знаемъ, разбрелись по хуторамъ и проживали такимъ образомъ до времени окончательнаго раззоренія за-

дунайской Сѣчи въ 1828 г. Архимандритъ-же, бывшій, судя по разсказу Коломийца, особой не вполнѣ свободной отъ мірскихъ увлеченій, вернулся въ Измаилъ и разбилъ свою побывавшую во многихъ приключеніяхъ голову во время какого-то кутежа въ Браилѣ. Само собою разумѣется, что главными мотивами этого выхода запорожцевъ было, какъ мы сказали, сознаніе фальшивости своего положенія въ готовившейся войнѣ съ христіанами, но кромѣ этого несомнѣнно слѣдуетъ признать существованіе и другихъ мотивовъ, болѣе прозаическаго свойства, которые могли вліять на людей болѣе или менѣе состоятельныхъ и неособенно расположенныхъ къ военнымъ похожденіямъ, какимъ былъ напримѣръ Коломиецъ. Для настоящихъ-же сѣчевиковъ стараго закала запорожская свобода была все таки дороже всего,—ради нея они покинули свое горячо ими любимое отечество, ради нея они готовы были пойти и на такую трагическую уступку, какъ война противъ единовѣрцевъ и людей искавшихъ тоже независимости.

Конечно, строгая исторія сниметъ въ будущемъ этотъ тяжелый упрекъ съ памяти послѣднихъ сѣчевиковъ, указавши прямо на ту силу и тѣ обстоятельства, благодаря которымъ запорожцамъ приходилось жаловаться на то, что „великий світъ, миле-братьтя, а нігде прожити", но тѣмъ не менѣе глубоко правъ „січовый панотець" *Лукянъ Кулішъ,* говорившій задунайскимъ сѣчевикамъ, что „іхъ церква уся у золоті, а по вікна у крови христіянські", и запорожцы не могли этого не чувствовать, а поэтому врядъ-ли безпристрастный историкъ рѣшится упрекнуть ихъ за то, что они два раза пожертвовали своей козацкой свободой и своимъ политическимъ существованіемъ, лишь-бы избавиться отъ такого невыносимаго фальшиваго положенія.

Но такъ или иначе, а въ 1821 году, когда европейская цивилизація, въ лицѣ Байрона, спѣшила въ Миссолонги на помощь задавленной Греціи, наши несчастные земляки на 40 турецкихъ судахъ плыли туда-же помогать давить ее. По разсказу Коломийца, запорожцы ходили только въ „Біле-море", т. е. въ сѣверную часть Архипелага, но изъ біографіи Гладкаго, написанной его сыномъ, видно, что запорожцы участвовали и въ осадѣ Миссолонги. Какъ-бы то ни было, но несомнѣнно то, что походъ этотъ былъ крайне неудачнымъ для запорожцевъ, такъ какъ греки „таки добре поклин-

цювали" тотъ турецкій флотъ, на которомъ возвращалась часть козаковъ послѣ этой войны. Корабль, на которомъ былъ Морозъ съ 600 козаковъ, былъ взорванъ греческой миной и всѣ они погибли. По разсказу Коломийца, турецкая флотилія, вышедши съ острова „Новорени" (Наваринъ?), была взорвана греками посредствомъ такъ называемыхъ „мистиковъ", небольшихъ лодочекъ, наполненныхъ взрывчатымъ веществомъ, которыя подводились подъ непріятельскій корабль съ баркаса и взрывались черезъ небольшое отверстіе—„ласбортъ", находившееся на кормѣ этихъ лодочекъ. Въ менѣе правдоподобномъ, но за то гораздо болѣе эффектномъ видѣ изображаетъ это событіе Чайковскій, будто-бы со словъ запорожца Завильскаго, найденнаго имъ въ какомъ-то кирганѣ [1]) надъ Дунаемъ. По его разсказу, Морозъ въ моментъ приближенія греческой эскадры былъ на кораблѣ Капуданъ-паши и завидя непріятеля, сейчасъ-же бросился на тотъ корабль, на которомъ были его запорожцы, но, пересѣвши на тотъ корабль, онъ нашелъ руль сломаннымъ, а всѣхъ своихъ козаковъ до безчувствія пьяными. Между тѣмъ греческій флотъ подходилъ и черезъ нѣсколько минутъ долженъ былъ начаться абордажъ; тогда Морозъ въ отчаяніи бросился въ трюмъ и самъ взорвалъ корабль находившимся тамъ запасомъ пороха. Разумѣется, мы расположены болѣе вѣрить разсказу Коломийца, тѣмъ болѣе, что онъ передаетъ объ этомъ происшествіи со словъ одного изъ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ отъ смерти запорожцевъ, козака *Устина*, который вмѣстѣ съ своимъ дядькомъ *Грицькомъ Рясным* былъ вытащенъ греками изъ воды и отданъ потомъ въ заточеніе въ какой-то греческій монастырь, изъ котораго они были выпущены черезъ нѣсколько лѣтъ, только вслѣдствіе своего ходатайства передъ константинопольскимъ патріархомъ. По разсказу Чайковскаго, это пораженіе запорожцевъ произошло тогда, когда они возвращались уже послѣ осады Миссолонги, Коломнецъ-же въ своихъ воспоминаніяхъ объ этомъ не говоритъ ничего, но слѣдуетъ думать, что несчастіе это постигло запорожцевъ дѣйствительно на обратномъ пути, такъ какъ участіе запорожцевъ въ осадѣ Миссолонги, кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Кромѣ упомя-

---

[1]) *Кирганъ*—плетеный изъ хвороста или камышевой шалашъ, въ которомъ рѣжутъ и солятъ рыбу на заводахъ.

нутой нами біографіи Гладкаго, который тоже принималъ участіе въ этой войнѣ, мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о подвигахъ запорожцевъ въ Греціи при осадѣ какого-то города еще отъ одного 80 лѣтняго старика, *Марка Глухого*, доживающаго свой вѣкъ въ Тульчѣ и слышавшаго объ этихъ подвигахъ отъ самихъ запорожцевъ, участвовавшихъ въ походѣ. Названія города Марко Глухій, къ сожалѣнію, не могъ припомнить, въ событіяхъ-же греческаго похода, по его разсказу, особенно выдается личность *Ивана Півторaки*, прозваннаго такъ за свой необыкновенно высокій ростъ и необычайную силу („півтора чоловіка"). Этотъ Півторака, какъ и многіе изъ козацкихъ героевъ, обладалъ, по разсказамъ Марка, всѣми качествами настоящаго запорожца-характерника, его не брали ни пуля, ни желѣзо... Греки, увидя, что имѣютъ дѣло съ такими опасными противниками, разумѣется, разбѣжались и оставили городъ въ рукахъ запорожцевъ, не дѣлая даже дальнѣйшихъ попытокъ къ сопротивленію...

Запорожцы принимали участіе въ усмиреніи греческаго возстанія не только въ Греціи, но также и „на Молдаві", гдѣ дѣйствовали греческіе отряды подъ предводительствомъ знаменитаго Ипсиланти, нашедшаго себѣ потомъ могилу въ Кіевѣ [1]). У Коломийца впрочемъ изъ событій войны въ Молдавіи удержались главнымъ образомъ воспоминанія о грабежахъ, совершавшихся какъ греками, такъ и запорожцами. Такъ онъ разсказываетъ объ одномъ греческомъ суднѣ, задержанномъ русскими въ Сулинѣ, которое было наполненно вещами, награбленными въ Галацѣ, а говоря о сѣчевой церкви, онъ упоминаетъ о томъ, что многія церковныя вещи для нея и даже колокола были также награблены во время войны въ Молдавіи.

А между тѣмъ существованію задунайской Сѣчи начиналъ уже приближаться конецъ. Послѣ Губы, во время греческаго возстанія, тянувшагося нѣсколько лѣтъ, былъ Кошевымъ какой-то стебліевскій курінный, имени котораго Коломиецъ не могъ припомнить, а послѣ него выбранъ былъ Василь Незамаївський, во время „старшинуванья" котораго появились въ Сѣчи уже первые

---

[1]) Могила эта находится въ георгіевской церкви (около софійской ограды) подъ художественнымъ памятникомъ работы Кановы.

признаки и серьезнаго внутренняго разложенія и грозы, приближавшейся извнѣ. Пока на Сѣчи держались еще старые наддніѣпровскіе запорожцы, пока составъ ея пополнялся выходцами изъ Черноморья и тому подобными людьми, достаточно испытанными, коихъ не очень-то тянуло на родину, до тѣхъ поръ на Сѣчи крѣпко держались старыя традиціи свободнаго козачества и задунайскіе запорожцы, какъ намъ извѣстно, неоднократно отказывались отъ предложеній русскаго правительства возвратиться въ предѣлы своего отечества:

Ой пише москаль та й до Кошового:
„А йдіте до мене жити,
Ой я дамъ землю та по прежнёму
А по Дністеръ—границю“.
—„Ой брешешъ, брешешъ ты, вражий москалю,
А ты хочешъ обманити:
Ой якъ підемъ мы у твою землю—
Ты будешъ лобы голити!“...

(Зап. Метлинскій въ гадяч. уѣздѣ, полт. губ.).

Такія и тому подобныя соображенія заставляли запорожцевъ остаться вдали отъ своей родины, какъ ни тяжело это было и какъ ни наводили ихъ на раздумье русскія предложенія, судя по слѣдующей пѣснѣ, записанной нами у Коломийца: [1])

Закричала ластівонька,
Зо дна моря вырпнаючи,
Говорили запорожци,
Тай по Січі похожаючи:
„А що будемъ, браты, робити
А що будемъ мы починати?
А чи будемо на Русь ити,
Чи будемо у турчина проживати?“
—„А чимъ-же намъ на Русь ити?
Вже-жъ намъ братьтя, зъ родиною
Та й да віку не видатися!“

[1]) Вообще отъ Коломийца намъ удалось записать наиболѣе старинныя и лучше сохранившіяся пѣсни, которыми онъ, такъ сказать, иллюстрировалъ свои разсказы. Понятно, эти пѣсни были не спѣты, а только „проказани“.—*К.*

Такъ рѣшали до тѣхъ поръ запорожцы подобные вопросы, не смотря ни на горькое сознаніе того, что „зъ родиною вже до віку не видатися", ни на постоянно мучившую ихъ идею о необходимости „братъ на брата бити". Но въ позднѣйшее время, какъ мы говорили, начинаютъ замѣчаться уже и признаки разложенія старыхъ сѣчевыхъ традицій и признаки опять приближавшагося сильнаго давленія извнѣ, того давленія, которому всегда было такъ трудно сопротивляться запорожцамъ. Признаки внутренняго разложенія мы видимъ въ тѣхъ фактахъ, которые сопровождали потомъ избраніе Гладкаго въ Кошевые и заключались въ усиленіи значенія райи, т. е. женатыхъ козаковъ, жившихъ не въ Сѣчи, а въ принадлежавшихъ къ ней слободахъ, и разумѣется представлявшихъ собою элементъ болѣе мирный и склонный пойти на разныя уступки, лишь-бы обезпечить свое спокойствіе. Признаки-же приближавшейся грозы заключались въ письмѣ, полученномъ черезъ австрійскаго консула въ Галацѣ отъ русскаго генерала Тучкова, бывшаго въ то время градоначальникомъ въ Измаилѣ. Письмо это заключало въ себѣ извѣстіе объ имѣющей начаться войнѣ и совѣтъ заблаговременно „тікать", какъ говоритъ Коломиецъ, т. е. косвенное, а можетъ быть и прямое предложеніе передаться на сторону Россіи, скорѣе впрочемъ косвенное, такъ какъ прямые переговоры, какъ мы увидимъ далѣе, велись секретно съ отдѣльными лицами и главнымъ образомъ съ Гладкимъ. Когда писарь прочиталъ это письмо въ Паланкѣ, въ присутствіи куренныхъ отамановъ и всѣхъ вообще должностныхъ лицъ Сѣчи, старшина задумалась. „Тікать?! якъ ёго тікать!...", говорилъ Кошевый Василь Низамаівський, „багато народу запропастимо,—турчинъ выріже!"... „Ні, рѣшилъ онъ, нехай хто заводивъ, той и выводить, а я не буду выводить!"... Но тѣмъ не менѣе Кошеваго, видѣвшаго Сѣчь между двумя огнями, повидимому, брало все-таки раздумье, такъ какъ старые отаманы начали совѣтовать ему: „підожди до Покрова, а тамъ якъ выберуть другого, то той нехай й робить се діло!",—совѣтъ ясно выражавшій большую нерѣшительность въ виду опасной альтернативы со стороны не только того, кому давался, но и тѣхъ, кто давалъ его. Василь дѣйствительно послѣдовалъ этому совѣту, тѣмъ болѣе, что, кажется, это и было незадолго до Покровы. На Покрову 1827 г. Василь Незамаівський рѣшительно отказался отъ новаго избранія

и товариству пришлось выбирать другаго Кошеваго. Тутъ происходитъ явленіе, на которое обращаетъ вниманіе самъ Коломиецъ, какъ на фактъ небывалый прежде: возвышаетъ голосъ какой-то Уласъ изъ Райи и прямо заявляетъ, что „багато вже ставили запорожцы Кошовыхъ,—нехай и мы *мужики* постановимо!...“ и предложилъ избрать своего кума, платнирівського курінного Йосипа Гладкого. Очевидно, что сущность этого предложенія заключалась вовсе не въ желаніи упомянутаго Уласа видѣть въ качествѣ Кошеваго своего кума, а въ томъ, что въ виду нерѣшительности запорожцевъ, происходившей вслѣдствіе сознанія важности разрѣшенія предстоявшаго вопроса, рѣшилась принять активное участіе въ дѣлахъ Сѣчи райя, которая до тѣхъ поръ только просто состояла при ней и для которой готовившаяся война представляла наиболѣе опасности. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о численности райи въ это время, но можно предполагать, что она была достаточно велика, даже сравнительно съ Сѣчью, такъ какъ Сѣчь въ это время уже почти не заключала въ себѣ старыхъ запорожцевъ съ Днѣпра и была наполнена позднѣйшими эмигрантами, изъ которыхъ большая часть могли быть семейными. Какъ-бы-то ни было, но мы видимъ, что не имѣвшая уже прежнихъ запорожскихъ традицій райя взяла перевѣсъ и Кошевымъ былъ выбранъ бывшій бондарь, а въ то время платнирівський курінный Осипъ Гладкій. Гладкій былъ уже очевидно представителемъ извѣстной партіи, такъ какъ мы видимъ, что очень скоро послѣ своего вступленія во власть онъ прежде всего позаботился „поодказувать“ прежнимъ курінным изъ старыхъ козаковъ и „понастановлявъ своихъ молодихъ“, потому что „боявсь стариківъ“,—фактъ опять таки указывающій на то значеніе, какое пріобрѣлъ въ Сѣчи и самъ Кошевый и новый пришлый элементъ, воспитавшійся уже въ крѣпостномъ правѣ, болѣе связанный съ родиной и, разумѣется, болѣе расположенный пойти на разныя обѣщанія русскихъ властей, чѣмъ старые сѣчевики. Очевидно, что усиленіе власти Кошеваго не обходилось безъ оппозиціи со стороны стараго козачества, но оппозиція эта терялась среди партіи взявшей перевѣсъ, а можетъ быть и не была особенно рѣшительна, не имѣя яснаго представленія о степени грозившей бѣды. Между тѣмъ Василь Незамаївський, по

порученію своихъ товарищей Олійника и Коломийца [1]), тайно отправился въ Измаилъ къ Тучкову разузнать подробнѣе, въ чемъ дѣло, и получилъ отъ него только совѣтъ идти „на потайну“ опять въ Сѣчь и уговаривать Гладкаго передаться Россіи. Но врядъ-ли была и надобность: какъ видно изъ біографіи Гладкаго, написанной его роднымъ сыномъ [2]), онъ былъ уже раньше въ тайныхъ сношеніяхъ съ Тучковымъ и велъ съ нимъ секретную переписку относительно перехода на сторону Россіи, въ которой перепискѣ оговорены были и всемилостивѣйшее прощеніе и разныя милости для всѣхъ, кто вернется въ Россію. „Въ величайшей тайнѣ, говоритъ сынъ—біографъ Гладкаго, отецъ мой началъ склонять къ побѣгу въ Россію сначала куренныхъ отамановъ, а посредствомъ ихъ и всю Сѣчь, *распустивъ предварительно вымышленные слухи о томъ, что, по случаю предстоящей войны съ Россіей, султанъ намѣренъ переселить запорожскую Сѣчь въ Египетъ,* потому что земля, занимаемая Сѣчью, долженствовала сдѣлаться первымъ мѣстомъ дѣйствія наступающей войны“. Распуская изъ подъ руки подобные „вымышленные“ слухи, Гладкій самъ передъ своими товарищами, по всей вѣроятности, держался строго лойальнаго положенія по отношенію къ Турціи. Въ цитируемой нами біографіи его говорится, что онъ будто-бы открылся запорожцамъ въ своемъ намѣреніи передаться Россіи, но изъ хода дальнѣйшихъ событій мы увидимъ, что до самой послѣдней минуты это было рѣшительно невозможно, такъ какъ въ пользу Россіи было далеко не большинство запорожцевъ. По всей вѣроятности въ тайныя комбинаціи Гладкаго были посвящены только очень немногіе даже и изъ его партіи, желавшей выхода въ Россію. Достаточно сомнительной представляется намъ въ это время дѣятельность бывшаго Кошевого Василя Незамаївського. По воспоминаніямъ Коломийца, онъ является противникомъ перехода на сторону Россіи и дѣлаетъ экскурсіи въ Измаилъ къ Туч-

---

[1]) Въ участіи Коломийца въ отправкѣ Василя въ Измаилъ есть какое-то недоразумѣніе, къ сожалѣнію, нами не выясненное: судя по его автобіографическимъ воспоминаніямъ, онъ былъ въ это время въ Россіи, а между тѣмъ выходитъ, что онъ былъ на Сѣчи. Можетъ быть это было какое-нибудь временное посѣщеніе имъ Сѣчи.

[2]) „Русская Старина“, февр., 1881 г., стр. 383 и слѣд.

кову только какъ будто-бы для провѣрки слуховъ, возбужденныхъ письмомъ этого генерала и распускавшихся, какъ мы теперь знаемъ, Гладкимъ. Между тѣмъ одно изъ записанныхъ нами въ Тульчѣ воспоминаній (Сидора шинкаря), передаваемое правда изъ вторыхъ рукъ, говоритъ совсѣмъ другое. „Передъ Бондаремъ, разсказываетъ Сидоръ, ще бувъ Кошовый; то вінъ поки самъ бувъ, то нічого не казавъ, а якъ ставъ Бондарь, то вінъ и почавъ ходить то на руську сторону, то на Січу... усе, значить, договорювались, щобъ передаться... Бондарь сидить собі у Січі, а той усе ходить та лагодить... отъ и налагодили!"—прибавляетъ онъ.

А между тѣмъ, пока они „лагодили", начало уже приготовляться къ войнѣ и турецкое правительство. Великій визирь уже два раза присылалъ въ Палапку приказанія о томъ, чтобы 13,000 козаковъ были высланы подъ Силистрію; наконецъ на страстной недѣлѣ въ 1828 г. было получено отъ визиря третье и рѣшительное приказаніе, не исполнить котораго уже нельзя было, такъ какъ это значило-бъ прямо уже показать свои карты, что разумѣется повело-бы за собою страшныя для Сѣчи послѣдствія. Гладкому впрочемъ и не было никакой надобности совершенно отказываться отъ посылки козаковъ, такъ какъ онъ имѣлъ при этомъ свои разсчеты. Съ одной стороны, пославши козаковъ, онъ успокоивалъ турецкое правительство, съ другой-же это давало ему возможность отдѣлаться отъ безпокойныхъ элементовъ, которые могли помѣшать его планамъ. Поэтому Гладкій, по полученіи третьяго приказанія изъ Силистріи, рѣшился съ выгодой для себя вывернуться довольно ловко изъ своего двусмысленнаго положенія. Онъ немедленно-же послалъ куренныхъ отамановъ по плавнямъ разыскивать и собирать козаковъ и снарядивши двухтысячный отрядъ, въ который разумѣется вошли если не всѣ, то большая часть тѣхъ, „кого вінъ боявсь, що не схотять передаваться" Россіи, и самъ повелъ этотъ отрядъ въ Силистрію, желая такимъ образомъ увѣрить и козаковъ, что онъ не замышляетъ ничего дурнаго. Что такое намѣреніе дѣйствительно было у Гладкаго и что онъ скрывалъ отъ козаковъ свои планы относительно Россіи, не рѣшаясь открыть ихъ въ виду настроенія большинства, это показываетъ намъ самый фактъ отправки двухъ тысячъ козаковъ въ Силистрію. Если-бы намѣреніе Гладкаго передаться Россіи было извѣстно шедшимъ въ походъ козакамъ и раз-

дѣлалось кѣмъ нибудь изъ нихъ, то само собою разумѣется, что врядъ-ли они рѣшились-бы отправиться въ Силистрію, очень хорошо зная, что гнѣвъ и подозрительность турокъ обрушатся непремѣнно на нихъ, что, какъ увидимъ далѣе, дѣйствительно и случилось; кромѣ того, если-бы между козаками преобладало стремленіе въ пользу Россіи, то гораздо проще было-бы, не отправляя никого въ Силистрію, уходить всѣмъ вмѣстѣ на русскую сторону Дуная. Но мы знаемъ изъ разсказа Коломийца, что въ Силистрію было отправлено двѣ тысячи человѣкъ, изъ упоминаемой-же нами біографіи Гладкаго видно, что перешедшихъ съ нимъ въ Россію козаковъ было не болѣе 500 чел., такъ какъ въ біографіи прямо говорится, что изъ нихъ былъ сформированъ пятисотенный запорожскій полкъ, слѣдовательно ясно, что число соумышленниковъ Гладкаго было настолько не велико, что до отправки $^{2}/_{3}$ всего наличнаго количества козаковъ, онъ не могъ и думать открывать свои планы и могъ приступить къ ихъ выполненію, только удаливши огромное большинство товариства. Такимъ образомъ мы видимъ, что далеко не большая часть запорожцевъ высказывала желаніе бѣжать въ Россію, какъ говоритъ г. В. Гладкій, а напротивъ часть сравнительно ничтожная; кромѣ того нельзя согласиться съ мнѣніемъ этого автора и о томъ, что желавшіе оставаться или бѣжать, куда угодно, только не въ Россію, были главнымъ образомъ изъ бѣглыхъ крѣпостныхъ, военныхъ поселянъ и людей вообще совершившихъ въ Россіи какое нибудь преступленіе. Сколько мы можемъ видѣть изъ воспоминаній Коломийца и другихъ, противъ перехода на сторону Россіи были именно старые козаки, хранившіе свои историческія традиціи и, совершенно наоборотъ, въ пользу перехода были именно люди новѣйшаго времени, разнаго рода уголовные и другіе бѣглецы, къ числу которыхъ принадлежалъ впрочемъ и самъ Гладкій [1]). Это

---

[1]) Какъ видно изъ цитируемой нами біографіи Гладкаго, онъ былъ родомъ изъ селенія Мельниковъ, золотоиош. уѣзда, полт. губ., козакъ по происхожденію. Около 1820 г., оставивши семью, онъ отправился въ Одессу на заработки и «сдѣлавши у своего хозяина какую-то шалость», ушелъ за Дунай къ запорожцамъ, гдѣ, скрывши свое семейное состояніе, поступилъ въ платнирівський курінь. Вмѣстѣ съ прочими онъ принималъ участіе въ походѣ на грековъ и осадѣ Миссолонги, а по возвращеніи оттуда былъ избранъ отаманомъ платнирівського куриня. («Рус. Ст.», I. с.).

и совершенно естественно, такъ какъ эти послѣдніе имѣли во всякомъ случаѣ несравненно болѣе связей съ Россіей, и разъ имъ было обѣщано прощеніе лежавшихъ на нихъ винъ, то ихъ, какъ людей болѣе свободныхъ отъ всякихъ козацкихъ традицій, ничто не могло болѣе удерживать въ Турціи. Приведя козаковъ въ Силистрію какъ разъ на первый день свѣтлаго праздника, Гладкій явился къ визирю и заявилъ ему, что „отъ я привівъ дві тысячи козаківъ, а тамъ ще позбірать треба по плавняхъ..: та й Січи вже тамъ оставатись не можна, то поіду я, козаківъ зберу, а райю заберу й церкву и одвезу у Ядерне!" Ничего не могло быть естественнѣе этого заявленія,—визирь не могъ не знать, что козаковъ въ Сѣчи никогда много не бывало, что всѣ они, особенно въ это время, находятся въ плавняхъ и на карматныхъ заводахъ по взморью и т. п., а съ другой стороны онъ также не могъ видѣть ничего подозрительнаго и въ томъ, что Гладкій хотѣлъ убрать Сѣчь и райю изъ Дунавца, такъ какъ въ случаѣ вторженія русскихъ они, конечно, должны были (особенно по мнѣнію турокъ) подвергнуться большимъ опасностямъ и непріятностямъ. Между тѣмъ заявленіе о переѣздѣ въ Адріанополь было придумано очень находчиво, такъ какъ оно давало возможность произвести всѣ приготовленія для переправы черезъ Дунай не спѣша, въ надлежащей аккуратности и главное—не возбуждая раньше времени вниманія и подозрѣній со стороны турокъ. Впрочемъ этотъ послѣдній разсчетъ Гладкаго, очевидно, совсѣмъ не удался, такъ какъ мы видимъ, что по возвращеніи Гладкаго на Сѣчь тамъ началась страшная суматоха, представлявшая собой настоящее бѣгство. По всей вѣроятности намѣренія Гладкаго все таки стали болѣе или менѣе извѣстны туркамъ и ему съ его соумышленниками пришлось думать только о спасеніи своихъ собственныхъ головъ, не заботясь больше ни объ остальныхъ козакахъ, бывшихъ на заводахъ и въ плавняхъ, ни о райѣ, т. е. главнымъ образомъ о женщинахъ и дѣтяхъ, бросаемыхъ безъ всякой защиты на произволъ разъяренныхъ турокъ, моканъ, молдаванъ, липованъ и прочаго полудикаго и разбойничьяго населенія Дельты и Добруджи. Изъ Сѣчи, какъ разсказываетъ Коломиецъ, отправилось всего 4 лодки съ церковью, сѣчевымъ имуществомъ и самими бѣжавшими. Очень можетъ быть, что или Коломиецъ сильно уменьшаетъ количество ушедшихъ лодокъ, или, что гораздо вѣроятнѣе,

лодки съ прочими бѣжавшими присоединились къ вышедшимъ изъ Дунавца по пути, такъ какъ союзникамъ Гладкаго не было разсчета оставаться въ это время въ Сѣчи, гдѣ они по неволѣ могли попасть въ число отправлявшихся въ Силистрію. Какъ-бы то ни было, но число ушедшихъ въ первый разъ съ Гладкимъ въ Измаилъ козаковъ, какъ мы говорили уже, ни въ какомъ случаѣ не превышало 500 человѣкъ, изъ которыхъ тогда-же былъ сформированъ пятисотенный полкъ подъ начальствомъ Гладкаго. По полученіи извѣстія о выходѣ Гладкаго изъ Дунавца, во всѣхъ остальныхъ запорожскихъ поселеніяхъ—въ Кара-Орманѣ, Катирлезѣ и проч., оставленныхъ на волю судьбы, произошла полная паника: топили „посуду" въ морѣ и Дунаѣ, бросали все, кто могъ, уходилъ въ Базарджикъ, остальные-же разбѣгались по плавнямъ, гдѣ и дѣлались жертвами полудикихъ моканъ. „Багато народу пропало тоді, говоритъ Коломиецъ, ховались люде по плавняхъ, по комышахъ... а молдаване которыхъ піймають, головы й поодрубують..., до тысячи душъ пропало тоді"... Пятеро старыхъ запорожцевъ, не отправленныхъ вѣроятно за дряхлостью въ Силистрію, но и не захотѣвшихъ слѣдовать за Гладкимъ и оставшихся на Сѣчи, были безжалостно убиты турками, благодаря впрочемъ, можетъ быть, и собственной безпечности: „Келеповський, Рогозяний-дідъ, Люлька Яківъ, Дурный Хведіръ и Мамалига Тимішъ (пъятеро ихъ було, старыхъ козаківъ), якъ Гладкий пішовъ, то вони зосталися у платнирівському куріні... а тамъ бочка зъ горілкою була,—покинули, якъ ишли,—то вони понапивались та й поснули, тамъ таки у куріні, а турки якъ набігли, то голови имъ й поодрубували!"... Райю чуть не постигло то-же, если даже еще не худшее: узнавши о выходѣ козаковъ, молдаване—жители селенія Бешъ-Тепé хотѣли просто вырѣзать оставшихся безъ всякой защиты женщинъ и дѣтей, разумѣется, только для того, чтобы воспользоваться ихъ имуществомъ, и были удержаны только своимъ священникомъ Іоанномъ Карацамындра, который прямо объявилъ имъ, какъ говоритъ Коломиецъ: „и на васъ и на вашихъ дітей проклятіе положу!" Это спасло райю отъ вѣрной гибели и дало возможность нѣсколько дней спустя убраться болѣе или менѣе благополучно тоже за Дунай, гдѣ стояли уже въ это время русскія войска.

Гладкій-же со своими сторонниками вышелъ гирломъ св. Георгія мимо Катырлеза въ море и затѣмъ по Килійскому гирлу достигъ Измаила. Здѣсь, разсказываетъ сынъ Гладкаго, запорожцы выдержали сокращенный карантинъ и Кошевой вмѣстѣ съ куренными отаманами былъ представленъ императору, который уже находился въ то время въ Измаилѣ. Запорожцы повергнись къ стопамъ его величества и искренно просили прощенія и помилованія. Государь принялъ отъ Кошевого грамоты и регаліи, жалованныя Сѣчи турецкими султанами, и произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: „Богъ васъ проститъ, отчизна прощаетъ и я прощаю!“ Слова эти онъ повторилъ потомъ и всему составу Сѣчи, присовокупивъ: „я знаю, что вы за люди!“ Изъ мѣстныхъ воспоминаній у насъ есть два разсказа объ этомъ событіи. Одинъ изъ нихъ (Игната Васильківського) говоритъ приблизительно то-же, что и біографія напечатанная въ „Русской Старинѣ“, смѣшивая только фактъ пожалованія Гладкому ордена съ временемъ перваго представленія его государю. „Зъ Січи якъ тікали у 28-му годі, то поіхали на Катырлезъ, а тамъ моремъ та у килійське гирло, та вже тимъ Дунаемъ та у великий Дунай да й у Змаіловъ. А тамъ вже руське войсько було— и царь тамъ бувъ Миколай. Ну, приіхали вони, поставали рядами, якъ слідъ... царь выйшовъ, питается: хто отаманъ? Гладкій выйшовъ у передъ, а царь каже, що „спасибі й тобі и вамъ запорожці, що підъ мою руку передались!“ а потімъ знявъ зъ себе хрестъ, та й почепивъ Гладкому. А тутъ Дибичъ стоявъ—генералъ, то вінъ показуе цареві, що на Гладкому не хворменна одежа, а вінъ у штаняхъ широкихъ, у шапці смушевій, капаранъ на ёму зъ чотирма рукавами, а царь каже: „нічого, каже, що не хворменна одежа, схочу, каже, до й до сорочки причеплю!“ Другой разсказъ Сидора шинкаря—гораздо болѣе легендарный, но и болѣе характерный, очевидно, старается представить запорожцевъ и въ этомъ случаѣ какими-то богатырями: „(запорожці) позбірали де були, які лодки, да на Дунай, такъ увесь Дунай и вкрыли, якъ отъ качки табуномъ плывуть, то й вони такъ... такъ усі й приіхали. А царь давъ Бондареві генеральску одежу и апалеты, генераломъ ёго зробивъ!.. А тоді приказъ бувъ, щобъ козаки и—хто приіхавъ зъ того боку, то щобъ у карантині скільки день були, а запорожці не хотіли, бунтуваться почали. Отъ царь изъ Гладкимъ выйшли до ихъ, а вони

побачили Гладкого та й кажуть: „эге!.. оце ты, сучій сыну, генераломъ убрався, то що ты собі думаешъ?! така да така твоя матіръ!“... А царь Миколай почувъ та й каже: „якъ-се вони такъ кажуть? якъ вони сміють?—„Гé! якъ?!.. та вы ще не знаете, ваше царське величество, що се за люде?!.. ихъ не вдержишъ—біда буде!.. Вы имъ и не кажіть нічого, бо . . . . . Зъ ими нічого не зробишъ... ихъ ни куля, ни залізо не бере!“... Отъ царъ бачить, що такъ не можна, що зъ ими нічого не вдіешъ, та й питаеть, якъ-же-жъ ёму до ихъ говорити? Той и сказавъ, навчивъ ёго, якъ зъ ими говорити и сказавъ, щобъ заразъ пустити ихъ, щобъ карантину имъ не було. Тоді царь выйшовъ до ихъ та й каже: „здраствуйте, каже, добрі молодці, славне військо запорожське! будьте здорови зъ празникомъ и зъ приіздомъ, а карантину вамъ не буде й одного дня, йдіть собі, пийте, гуляйте... тільки щобъ розбою не було!.. „То пили вони ажъ три дні: по усіхъ шинькахъ безъ грошей имъ вина й горілки давали!“...

Между тѣмъ въ это самое время русскія войска готовились къ переправѣ черезъ Дунай, но мѣсто для переправы не было еще избрано, было-же извѣстно, что весь турецькій берегъ Дуная сильно укрѣпленъ и хорошо оберегается турецкими войсками. „А Гладкій велику силу при царі мавъ тоді, разсказываетъ Игнатъ, було скрізь у трохъ іздять—де було не выіде царь, то зъ имъ Дибичъ и Гладкий, бо вінъ Дунай знавъ... усякий камінь, усяку гряду знавъ, а вони тоді переправы шукали... То Гладкий показавъ коло Шакпи (Исакчи); „оттутъ, каже, більше й не шукайте!“ То тамъ и була переправа. Дѣйствительно, Гладкій, знавшій въ качествѣ бывшаго рыбалки, всѣ плавни и гряды по Дунаю, указалъ на неизвѣстный туркамъ земляной валъ, который велъ отъ Дуная черезъ плавни къ берегу, возлѣ Исакчи, и могъ быть прекраснымъ мѣстомъ для переправы, такъ какъ турки, считая это мѣсто неприступнымъ, оставили его безъ всякой охраны. Послѣ переправы въ этомъ мѣстѣ, Гладкій удостоился чести собственноручно перевезть государя на своей лодкѣ черезъ Дунай.

За всѣ эти несовсѣмъ рыцарскіе по отношенію къ туркамъ подвиги Гладкій, какъ извѣстно, получилъ чинъ сначала полковника, а потомъ генералъ-маіора, георгіевскій крестъ 4-й степени, былъ

удостоенъ приглашенія къ высочайшему столу въ Одессѣ, и назначенъ сначала командиромъ пятисотеннаго пѣшаго запорожскаго полка, сформированнаго изъ перешедшихъ съ нимъ козаковъ, а потомъ наказнымъ атаманомъ азовскаго козачьяго войска, составленнаго изъ тѣхъ-же выведенныхъ имъ козаковъ и изъ присоединившихся къ нимъ потомъ, вслѣдствіе объявленной амнистіи, всевозможныхъ бѣглецовъ, жившихъ въ Бессарабіи и Новороссіи. Переселясь на Кальчикъ, мѣсто выбранное имъ для новаго козачьяго поселенія, Гладкій вызвалъ къ себѣ изъ полтавской губерніи оставленное имъ тамъ семейство, существованіе котораго онъ долженъ былъ скрывать до того времени передъ козаками, которые очень удивились потомъ, узнавши, что ихъ прежній Кошевый оказался женатымъ: „якъ поприїздили жінки й діти у Змаіловъ (разсказъ Сидора, очевидно, ошибоченъ здѣсь относительно мѣста соединенія Гладкаго съ его семействомъ), то й Бондарева жінка пріихала,—то запорожци оттоді тільки й взнали, що вінъ жонатый, то й казали ёму: „ну, добре-жъ, що не знали мы, а то-бъ мы тобі дали!“... А не можна було Кошовому, що бувъ жонатый, бо казали, що якъ жонатый, то вінъ за жінку та за дітей дбатиме, а не за насъ, не за товариство!“ Въ званіи наказнаго атамана Гладкій пробылъ довольно долго, вышедши-же въ отставку, кажется въ 1849 г., поселился въ одной изъ станицъ своего бывшаго войска, откуда черезъ три года „принужденъ былъ удалиться по причинѣ часто слышанныхъ нареканій отъ запорожцевъ за то, что оставилъ ихъ“. Проживши затѣмъ еще 14 лѣтъ въ своемъ хуторѣ въ екатеринославской губ., онъ умеръ въ 1866 г. отъ холеры.

Не знаемъ, до какой степени объективны взгляды автора біографіи, изъ которой мы беремъ всѣ эти подробности, на отношенія, существовавшія между его отцемъ и запорожцами во время пребыванія ихъ на Азовскомъ морѣ, но за Дунаемъ всѣ воспоминанія о Гладкомъ лишены всякаго слѣда даже малѣйшей симпатіи. Остатки задунайскаго козачества да и все украинское населеніе Добруджи сохранило, что и очень естественно, далеко не добрую память о послѣднемъ Кошевомъ, и не столько впрочемъ по политическимъ мотивамъ, сколько за множество жертвъ, погибшихъ вслѣдствіе его выхода въ Россію. „Гладкий не своєю смертью вмеръ“, говоритъ Коломиецъ, выходящій при разсказѣ объ этомъ даже изъ своего

обычнаго эпическаго спокойствія, „єго затовкло!... Єго било усе... злый духъ бивъ... Єму й баба Передядчиха казала: „не будешъ ты, Йосипъ Михайловичъ, довго панувать!... Запакувавъ ты яку тысячу душъ, Йосипъ Михайловичъ, пропадешъ ты, якъ собака!“... Оттакъ ёму баба Передядчиха казала... Вона увійшла разъ (въ присутствіи самаго Гладкаго и гостей) у хату, почала дитину качать та й каже (обращаясь къ дитяти): „и батько твій с..... с..., людоідъ, поівъ, каже, народъ, то й ты таке будешъ?!.“ А вінъ каже: „Бабо, каже, нехай ты мене лаешъ, ну, вже є за що, а за що-жъ вже дитину?!“. А жінка ёго каже: „не наводь ты мені, каже, гостей, ни у неділю, ни у будень, щобъ хочъ дітей при людяхъ не лаяли!“ Се вже тамъ, на Кальчику було... розказували тиі, що повертались“... Такимъ образомъ, если вѣрить Коломийцу, то и въ самой семьѣ своей Гладкому приходилось выслушивать страшные упреки, а каковы-же были эти упреки среди козачества, если Гладкаго и до сихъ поръ никто не поминаетъ добромъ во всѣхъ украинскихъ поселеніяхъ за Дунаемъ, гдѣ намъ только приходилось бывать. Въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ, сохранившихся въ Добруджѣ и дунайской Дельтѣ, какъ было уже сказано выше, мы не нашли никакихъ указаній на мѣстныя событія запорожской жизни вообще, отсутствуютъ въ нихъ и какія-бы то нибыло воспоминанія о Гладкомъ, за исключеніемъ одного варіанта пѣсни „про руйнуваньня Січи“, въ которомъ послѣднія строки пріурочены къ Гладкому и заключаютъ въ себѣ по отношенію къ нему очень горькую иронію:

„Ой летіла бомба—середъ Січи впала,
Пропало військо запорожське—не пропала слава.
А насъ Гладкий—отаманъ поголивъ ще й поголить,
А все-жъ намъ козацькую славу зробить.“...

(Зап. отъ Маріи Михайлиги въ Тульчѣ).

Другую подобную-же передѣлку и почти въ тѣхъ-же словахъ пріуроченную къ памяти Гладкаго встрѣтили мы уже не въ пѣснѣ, а въ юмористической „приказкѣ“:

„Лежить запорожець у своимъ куріні—підъ возомъ, и не може головою знести, якъ изъ річки, изъ ковбані воды принести: „відра не було, бакла не случилося... Пішла жінка у сиричуватихъ постолахъ воды принести, та й спіткнулась, підковзнулась, та й упала,

та й прийшла, та й плаче: „лучче-бъ мені було панщину робити, якъ на волі жити!“ „Не журись, жоно, объ тімъ, есть у мене голова Антінъ—нашъ Гладкий, вінъ голивъ и поголить, та все-жъ намъ козацькую славу зробить!“... (Зап. отъ нея-же).

Упоминаніе о рѣчкѣ Ковбані, т. е. Кубани, и то обстоятельство что Гладкій названъ Антономъ (тогда какъ Гладкій былъ Осипъ), Антономъ-же звали Головатого, показываютъ ясно, что приказка эта была сложена по поводу незавидной жизни запорожцевъ, переведенныхъ на Кубань, т. е. черноморцевъ, и затѣмъ примѣнена уже и къ жизни азовскихъ козаковъ, которыхъ потомъ „поголили“, т. е. превратили въ солдатъ и которыхъ атаманомъ былъ генералъ Гладкій.

Исторія уничтоженія задунайской Сѣчи въ Kozaczyźn'ѣ Чайковскаго отличается тѣми-же недостатками, какъ и все прочее въ этомъ сочиненіи, о чемъ мы уже говорили, съ той только развѣ разницей, что эта часть исторіи дунайскаго Коша подверглась у него еще болѣе основательной и тенденціозной передѣлкѣ, сообразно требованіямъ книги. По разсказу Чайковскаго, Гладкій затѣялъ переходъ на сторону Россіи чуть-ли не единолично, не только безъ согласія, но и безъ вѣдома хотя-бы даже самаго небольшого количества козаковъ, ушедшіе съ Гладкимъ козаки будто-бы и слышать не хотѣли о переговорахъ съ русскими и Гладкій едва успокоилъ ихъ обѣщаніемъ вести ихъ немедленно-же для нападенія на Измаилъ, Кошъ не былъ переведенъ Гладкимъ за Дунай, а напротивъ Гладкій указалъ только дорогу на Сѣчь русскимъ войскамъ, бывшимъ подъ начальствомъ генерала Бринкена, и помогъ взять ее, напоивши всѣхъ козаковъ до безчувствія пьяными, во избѣжаніе сопротивленія съ ихъ стороны, райя-же не была оставлена и не уходила, но была взята русскими приступомъ, при чемъ оказала самое геройское сопротивленіе и истребила чуть-ли не $^{1}/_{3}$ посланнаго противъ нее отряда, но за то была перебита и сама, такъ какъ на полѣ сраженія было найдено 185 труповъ однихъ женщинъ, живьемъ-же было взято только 36 старыхъ бабъ и 20 грудныхъ дѣтей, и наконецъ самъ Гладкій впослѣдствіи отъ угрызеній совѣсти запилъ и умеръ въ отставкѣ отъ пьянства. Ко всему этому, разумѣется, врядъ-ли нужны еще какія нибудь поясненія съ нашей стороны...

Тяжело и крайне двусмысленно по отношенію къ туркамъ было положеніе запорожцевъ оставшихся въ Туреччинѣ послѣ измѣны Гладкаго. Двѣ тысячи козаковъ, находившихся въ Силистріи, были немедленно обезоружены и отправлены сначала въ Адріанополь, а потомъ въ Константинополь и тамъ заключены въ тюрьму. „Попереду ихъ вырізати хотіли, разсказываетъ Коломиецъ,... у Ядерному выйшовъ приказъ ихъ вырізати усіхъ", но ихъ спасло вмѣшательство тамошняго „німецького", т. е. вѣроятно австрійскаго консула: „німецький консулъ Баронъ заступивсь: „за що ты, каже, ихъ выріжешъ? за одного чоловіка да тысячу різать?! хиба-жъ се по правді?!" То папа вже тамъ написавъ султанові, чи що, то ихъ и не порізали... Держали у острозі, по 15 паръ на день давали жалуваньня, по три хлібы на день, чечевицю, уксусъ, деревъяне масло... и що дня по 300 чоловікъ на роботу йдуть—дерево носили, перетягали колоды, землю копали... Не дуже заставляли робить: такъ, абы день до вечора. А упісля вже у Царяградъ перевезли"... Во время пребыванія въ Константинополѣ они также были употребляемы на крѣпостныя работы и утѣшали себя только надеждою на близкое освобожденіе, признаки котораго видѣли въ томъ, что взятая ими съ собою икона-складень оказалась чудотворною и предсказывала имъ свободу тѣмъ, что, будучи аккуратно закрыта съ вечера, утромъ раскрывалась сама собою. „Було священникъ (о. Устипъ) вечерню одправить, візьме икону, зачинить и клямочку засуне, а у ранці прийдуть, а вона розчинена... У тарсані (тюрьмѣ) бувъ *Баланъ Иванъ*, ивапівського куріня, за пана наказного (вони й у тюрмі були, то усе свои січови козацьки порядки держали), то ніпъ побачивъ, що икона одчиняется, та й каже ёму: „пане вельможный, будемо на волі, бо вже икона два разы сама одчинялася! „Та може ты її не такъ защипаешъ? недовѣрчиво спрашивалъ отаманъ: „Та ні, защипаю добре и защиночка хороша! Ото-жъ вони по тому й знали, що будуть на волі!"—добавляетъ отъ себя Коломиецъ...

Предсказанія иконы сбылись и козаки дѣйствительно были выпущены наконецъ на волю. Тогда явился вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи Сѣчи. Турецкое правительство, убѣдившись поступкомъ Гладкаго въ ненадежности запорожцевъ въ качествѣ охранителей дунайской границы, не хотѣло допустить болѣе существованія запорожской Сѣчи въ дунайской Дельтѣ, въ такомъ непосредствен-

номъ сосѣдствѣ съ Россіей, и поэтому предложило запорожцамъ поселиться подальше отъ Россіи „на Білому морі", за Соляникомъ-городомъ" (Салоники). Четыреста человѣкъ запорожцевъ отправились изъ Константинополя для осмотра отведенной имъ земли и даже для поселенія тамъ, въ случаѣ если мѣсто окажется удобнымъ, такъ какъ, по свидѣтельству Коломийца, они взяли съ собою и свой скарбъ и походную церковь. Мѣсто оказалось дѣйствительно очень хорошимъ, обильнымъ водою и рыболовными лиманами, изъ которыхъ, говоритъ Коломиецъ, и теперь возятъ рыбу на „Святу Гору"; земля оказалась тоже хорошей и запорожцы даже уже нашли ее отмежованною для нихъ закопанными въ землю столбами. Но тѣмъ не менѣе запорожцы все таки не рѣшились поселиться тамъ и вернулись обратно. Чайковскій говоритъ, что козаки сдѣлали это вслѣдствіе какихъ-то наговоровъ аѳонскихъ монаховъ, по разсказу-же Коломийца это объясняется гораздо болѣе понятными мотивами: „невыгодно, далеко, народу немае... а що-жъ мы безъ народу?!. Усі до одного чоловіка переведемось!"... „Місто хороше було, говоритъ Коломиецъ, знавшій о немъ изъ разсказа Клима Тимошівського, та що далеко дуже!.. народъ туди не піде!.. насъ тутъ тілько й держало ото, що народъ изъ Россіи йшовъ: одъ панщины тікали, зъ москалівъ,... не далеко було, а туди хто піде?!.. Було-бъ пійти на Ядерне, або хочъ на Анадольску сторону, и тамъ не далеко... Ишовъ-же народъ зъ Чорноморья ажъ сюди... та ще й малою лодочкою рыбальскою"... Какъ мы видимъ изъ этихъ словъ Коломийца, запорожцы совершенно ясно понимали возможность своего существованія только на Черномъ морѣ, вблизи Украйны, для которой Сѣчь была мѣстомъ, куда по старинной исторической традиціи уходило все принужденное искать свободы внѣ своего отечества. А разъ это оказалось невозможнымъ, то немыслимо было и дальнѣйшее существованіе Сѣчи, она теряла свой raison d'être. Мы не знаемъ, почему въ самомъ дѣлѣ козаки не пристроились около Адріанополя или, еще лучше, на малоазіатскомъ берегу; по всей вѣроятности они не могли получить на это разрѣшенія турецкаго правительства, но во всякомъ случаѣ, увидѣвши, что Сѣчь далѣе существовать не можетъ, они вернулись на привычную дунайскую Дельту и разбрелись по ней, доживая свой вѣкъ безъ всякой уже прежней организаціи, просто въ качествѣ обыкновенныхъ рыбалокъ...

Скоро къ нимъ начали мало по-малу присоединяться и многіе изъ тѣхъ ихъ товарищей, которые вышли съ Гладкимъ. Еще въ 1828 г., какъ говоритъ одинъ изъ мѣстныхъ разсказовъ (Игната Васильківського), „царь сказавъ Гладкому, що яки, каже, е тутъ бродяги, хто одъ пана втікъ, або що, нехай до тебе йдуть, бери ихъ у козаки: хто піде,—тому вже усе дарую!“ То якъ объявили тоді, то заразъ зъ усіхъ боківъ люде туди й подались, хто де бувъ— усі до Гладкого, у козаки... Записували усіхъ, хто одъ якого пана, й бумагу давали, що вже вільный буде, абы у козаки йшли“. Затѣмъ, когда Гладкій, послѣ занятія Дельты русскими войсками, вернулся обратно на Сѣчь („Гладкий ото выйшовъ у Россію у апрілі..., а у августі вернувсь“, — разсказываетъ Коломиецъ), онъ разослалъ по всѣмъ придунайскимъ мѣстностямъ своихъ посланцовъ собирать козаковъ опять на прежнее мѣсто, такъ какъ по всей вѣроятности въ то время надѣялись, что дунайская Дельта можетъ быть останется за Россіей. Изъ автобіографіи Коломийца мы знаемъ, что между прочимъ онъ былъ изъ числа такихъ призванныхъ опять на старое мѣсто козаковъ, хотя онъ и жилъ въ то время на „Ганськихъ степахъ“, подъ Одессою. Черезъ два года однако, т. е. въ 1830 г., козаки Гладкаго вышли окончательно уже изъ-за Дуная и были переведены подъ Азовъ, вызовъ-же желающихъ записываться въ козаки къ Гладкому не прекращался и эмиссары его разъѣзжали по всей Бессарабіи и Новороссіи; очень многіе шли къ нему, но очень скоро потомъ то поодиночкѣ, то небольшими партіями азовскіе козаки начали уходить обратно за Дунай, въ особенности послѣ того, когда ихъ начали „голить“, т. е. превращать въ регулярное войско, въ солдатъ. „Втікъ я одъ пана, разсказывалъ намъ *Корній Білый* въ Тульчѣ, молодымъ ще хлопцемъ у Бесарабію..., а тоді саме приїздивъ одъ Гладкого людей набірать у азовські козаки якій-сь панъ Рачковський... такъ ото й мы пішли, — молоди ще хлопці були!... А якъ прийшли туди, та якъ побачили, що тамъ робиться, такъ и зновъ таки сюди повтікали... А тамъ, питаете, що?... звістно що: на москалівъ поперевертали!... Ну, то мы й втекли“... Судя по добруджскимъ разсказамъ, неудовольствія азовскихъ козаковъ противъ Гладкаго и жалобы ихъ на свою судьбу не прекращались почти до самаго конца существованія этого войска. Бывавшій въ азовскихъ козачьихъ поселеніяхъ Игнатъ разсказываетъ,

что козаки, съ которыми ему пришлось видѣться тамъ, были очень недовольны своимъ положеніемъ: „не добре, говорили ему, тутъ жить... теперь, кажуть, царь нашъ уже у мужики повернувъ,— „не треба, каже, мені вашого козацтва, робить землю, якъ и робили, а хто хоче козакувать, то щобъ на линію йшли, не знаю де вже вона тая линія... Туди-жъ й чорноморцівъ, кажуть, посылають, не знаю... А зъ іхъ зъ азовськихъ багато сюди поверталось... Гладкого и тамъ лають и досі: „запанастивъ, кажуть, козацтво, одуривъ насъ"! Неудивительно послѣ этого, что побѣги были очень часты, особенно со стороны людей болѣе или менѣе успѣвшихъ пожить сѣчевою жизнью. „Багато зъ тиеі выходноі народу поверталось", говоритъ Коломиецъ, и не знаемъ, случайное ли это совпаденіе въ разсказѣ его, или онъ съ умысломъ подчеркиваетъ несчастную судьбу этихъ вышедшихъ, а потомъ вернувшихся козаковъ, но со всѣми лицами, которыхъ вспоминаетъ по этому поводу Коломиецъ, случилось какое-нибудь несчастіе: Яківъ Мошенецъ бувъ—ослѣпъ, Микола Бруховецький—и той ослѣпъ, Павло Божокъ присягавъ и той—письменний бувъ—помішавсь розумомъ и діти усі помішались... Печально и по большей части въ одиночествѣ доживали свой вѣкъ старые запорожцы за Дунаемъ, то ловя рыбу, то охотясь, часто въ большой бѣдности и стараясь утопить въ винѣ тоску по минувшемъ козацкомъ житьѣ, но все-таки гордясь своимъ запорожскимъ званіемъ. Многіе изъ нихъ дожили до очень недавняго еще времени. Чайковскій говоритъ, что въ 1849 г. онъ нашелъ въ Добруджѣ двухъ старыхъ запорожцевъ — Семена Безверхаго въ Кучукъ-Сейменахъ, около Гирсовы, и Степана Зарембу въ Кара-Орманѣ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, znalazłem, говоритъ онъ, w Kyderlezie tych sławnych rybałków, mołdawianów, bołgarów, moskali, rusinów, było tego z trzystu najwięcej—miedzy nimi pięciu zaporożców: dwoch jednookich, a trzech kulawych—szwanki te poniesli nie na wojnach, ale po karczmach... Żydzi wódką szynkówali, lipowani zabierali ryby, rybałkom dawali żydowskie rachunki, a żydom pieniędze... Что вѣрно въ этой замѣткѣ—что нѣтъ, объ этомъ мы будемъ имѣть случай сказать въ другомъ мѣстѣ; но запорожцы въ это время въ Катирлезѣ дѣйствительно были и бывали до самаго послѣдняго времени. Въ 1857 г. Чайковскій нашелъ въ кирганѣ надъ Дунавцомъ запорожца Завильскаго и упоминаетъ о

жившемъ еще въ то время Костогризѣ—въ Катирлезѣ и Смыкѣ—бывшемъ Кошевомъ—въ Коликѣ. Объ этомъ послѣднемъ онъ говоритъ, что видѣлъ его перепившимся до потери всякаго смысла, воображавшимъ, что онъ поставленъ запорожцами „на варту" въ этомъ мѣстѣ и поэтому выходившимъ ежедневно на курганъ, осматривавшимся и объявлявшимъ, что все благополучно. Само собою разумѣется, что всѣмъ этимъ разсказамъ автора Kozaczyzny нельзя не относиться *cum magno grano salis*, какъ и ко всему изложенному въ его книгѣ. Много легендарныхъ разсказовъ ходитъ о личности и подвигахъ знаменитаго *Ивана Півторакы*, о которомъ мы упоминали уже и еще будемъ имѣть случай упомянуть. Не менѣе легендарны разсказы и о запоромцѣ *Петрѣ Мокромъ*, который умѣлъ „замовлять" ружья враговъ, такъ что они переставали стрѣлять, и приводилъ этимъ въ отчаяніе русскую пограничную стражу. Игнатъ Васильковскій разсказываетъ, что при немъ въ Катирлезѣ жили запорожцы: *Кирило, Климъ, Яківна, Книшъ Демко*... „той ще й не дуже старый чоловікъ бувъ, а здоровый, здоровый—біда який!.. багато ихъ було, повмірали усі... отъ Коломиецъ тільки- та й годі... одинъ ще держиться"... Недавно еще жилъ въ Катирлезѣ и Кара-Орманѣ старикъ — запорожецъ *Баранъ*, прозванный такъ за привычку, разбушевавшись въ пьяномъ видѣ, не отворять иначе дверей въ кабакахъ, какъ вышибая ихъ головою. Въ Катирлезѣ намъ разсказывали о немъ, что онъ велъ очень оригинальный, но по всей вѣроятности въ прежнія времена Сѣчи довольно обыкновенный, образъ жизни. Онъ появлялся въ жилыхъ мѣстахъ очень рѣдко, для того только, чтобы запастись всѣмъ необходимымъ и непремѣнно каждый разъ основательно погулять. Сдѣлавши все это, онъ навьючивалъ на себя затѣмъ мѣшокъ муки, казалокъ, запасъ соли, крупъ, сала, сокиру, ружье и проч.,—окъ до 60 (180 фун.), говорятъ, на себя навѣситъ и идетъ въ плавни, гдѣ и пребываетъ иногда въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вовсе не показываясь въ населенныя людьми мѣста, стрѣляя утокъ, дикихъ гусей, кабановъ и т. п. дичь, водящуюся еще въ баснословномъ изобиліи на дунайской Дельтѣ. Лѣтъ шесть еще тому назадъ живъ былъ знаменитый *Кирило Маковецький*, герой войны съ некрасовцами. Онъ доживалъ свой вѣкъ въ Тульчѣ, въ качествѣ сторожа при одной изъ двухъ существующихъ тамъ руснацкихъ церквей, изъ которыхъ

одна—старая, построенная изъ чамура и обшитая деревомъ, сооружена, какъ говорятъ, еще запорожцами. Свѣжа, совсѣмъ свѣжа еще память о запорожцахъ въ Добруджѣ, но живымъ намъ удалось застать, и то благодаря только рѣдкой долговѣчности, одного Ананія Коломийца, настоящаго автора почти всего того, что узнаетъ читатель изъ нашей статьи, послѣдняго запорожца, точно нарочно оставленнаго судьбою для того, чтобы исторія задунайской Сѣчи не была потеряна навсегда для будущаго.

Мы сдѣлали, какъ видитъ читатель, возможно полный очеркъ главнѣйшихъ событій, относящихся къ пребыванію запорожцевъ за Дунаемъ, начиная съ выселенія ихъ изъ Россіи и кончая уничтоженіемъ задунайской Сѣчи. Само собою разумѣется, что полнота этого очерка находится въ прямой зависимости отъ количества добытаго нами матеріала и поэтому очеркъ этотъ можно считать полнымъ только по отношенію къ имѣющимся у насъ даннымъ, вообще-же онъ чрезвычайно еще не полонъ и заключаетъ въ себѣ очень много замѣтныхъ и для читателя пробѣловъ. Въ матеріалахъ для исторіи турецкой войны 1828 г. и въ сѣчевыхъ документахъ, переданныхъ русскому правительству Гладкимъ, несомнѣнно найдется очень многое, что дастъ возможность возстановить эту главу исторіи украинскаго козачества съ надлежащей полнотой и критикой. Но мы не знаемъ, дадутъ-ли и эти матеріалы возможность пополнить съ достаточной достовѣрностью одинъ изъ самыхъ главныхъ пробѣловъ, а именно недостающую у насъ хронологію Кошевыхъ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что въ періодъ 1816—1817 годовъ и затѣмъ передъ греческимъ возстаніемъ и послѣ него, въ Сѣчи происходили постоянныя смѣны Кошевыхъ, очень часто не управлявшихъ и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Коломиецъ въ своихъ воспоминаніяхъ прямо говоритъ, что онъ рѣшительно отказывается припомнить хронологическую послѣдовательность ихъ управленія: „якъ ихъ пригадаешъ? при мені ихъ. Кошевыхъ отихъ, може душъ 50 перевернулось... де тамъ пригадать усіхъ... инший по 3 по 4 разы бувавъ за Кошевого: отъ Смыкъ—разівъ три чи чотырі бувъ... и другі!.. Оце прийде Покрова, то й каже: „господа козацтво, шукайте собі пана,— я більше не хочу!... то й выберуть другого,

а тамъ дивись—того скинули, а цёго-жъ знову выбірають, черезъ якій часъ... багато ихъ було". Если мы сдѣлаемъ тѣмъ не менѣе попытку возстановить все таки эту хронологію, хоть по возможности, то, собравши все, что можно извлечь изъ воспоминаній Коломийца, получимъ слѣдующую *приблизительную* таблицу:

1811 1812 1813	Самійло Калиноболотський.	1817 1818	Олекса Рясный, Ол. Сухина Морозъ	1823 1824	? Стеблівський куріпний, и др.
1814 1815 1816	Рогозяный Дідь Ляхъ Литвинъ, Білюга Гордина, Смыкъ.	1819 1820 1821 1822	Грицько Головатый и др. Губа Грицько и др.	1825 1826 1827 1828	Василь Черпѣга Василь Незамаївський Йосипъ Гладкій (бондарь).

Понятно, повторяемъ еще разъ, что эта таблица чрезвычайно приблизительна и заключаетъ въ себѣ пробѣлы; такъ мы знаемъ уже, что Смыкъ былъ Кошевымъ нѣсколько разъ, по всей вѣроятности, нѣсколько-же разъ былъ и Губа, наконецъ имена, можетъ быть, большинства Кошевыхъ, особенно бывшихъ въ этомъ званіи непродолжительное время, остаются намъ и вовсе неизвѣстными. Трудно также выяснить въ настоящее время и всѣ причины такихъ частыхъ перемѣнъ войсковой старшины. Изъ всего, что передаетъ намъ Коломиецъ, можно усмотрѣть только самыя ближайшія причины: нежеланіе самыхъ Кошевыхъ оставаться въ должности, удаленіе ихъ за разные неблаговидные поступки, всего одинъ случай добровольнаго удаленія Кошевого (Василя Незамаївського) по причинамъ чисто политическимъ и т. п., но причинъ болѣе глубокихъ и органическихъ въ воспоминаніяхъ Коломийца мы не находимъ. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи намъ остаются только предположенія. До извѣстной степени можно думать, что одною изъ важныхъ причинъ частой смѣны Кошевыхъ было начало раздѣленія товариства на людей болѣе состоятельныхъ и „голоту" или „сіромашню", составлявшую въ Сѣчи большинство, бывшее въ состояніи производить coups d'état, но не имѣвшее достаточной организаціи, чтобы удержать поставленное имъ начальство болѣе или менѣе долго. Указаніе на существованіе такого раздѣленія мы имѣемъ въ упоминаніи Коломийца о „безштанькахъ" и „голоколінчикахъ", оказывавшихъ давленіе даже на судебные приговоры, постановлявшіеся старшиной, а происхожденіе этого раздѣленія само собой ясно изъ того экономическаго неравенства, которое, какъ мы увидимъ

впослѣдствіи, появилось съ выдѣленіемъ женатыхъ козаковъ изъ общиннаго куреннаго хозяйства и съ возникновеніемъ частныхъ рыболовныхъ заводовъ помимо общинно-куренныхъ и особенно съ наплывомъ въ Сѣчь разнаго рода бродягъ, не расположенныхъ къ трудовой жизни и привыкшихъ еще въ отечествѣ къ добыванію себѣ средствъ разными темными, но легкими путями. Женатое козачество, составлявшее райю, вмѣстѣ съ новообразовавшеюся сѣчевою денежною аристократіей, представляло собою, разумѣется, котерію болѣе стремившуюся къ поддержанію порядка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе расположенную къ урѣзыванію козацкой свободы и равноправности, не особенно дорожившую старыми запорожскими традиціями и наиболѣе тяготившуюся фальшивымъ положеніемъ Сѣчи относительно Турціи. Старое-же козачество вмѣстѣ съ обдѣленною экономически голотою, принужденною работать съ ная и даже искать помѣщенія своего труда внѣ Сѣчи, составляло, конечно, котерію менѣе спокойную, строго хранившую и готовую защищать всегда свободныя запорожскія традиціи и изъ-за нихъ мирившуюся даже и съ своимъ положеніемъ въ Турціи. Наконецъ, между этими котеріями была группа, можетъ быть, и не особенно многочисленная, но бывшая въ состояніи давать собою перевѣсъ то той, то другой изъ котерій и состоявшая изъ бѣглыхъ авантюристовъ, разнаго рода бродягъ и т. п. уголовныхъ эмигрантовъ изъ Россіи. Этой послѣдней группѣ, разумѣется, не было уже никакого дѣла ни до какихъ традицій или принциповъ и она готова была всегда поддерживать или сторону вступавшуюся за сѣчевую свободу, чтобы злоупотреблять этою свободою для своихъ цѣлей, или-же другую сторону—изъ корыстныхъ разсчетовъ и въ виду возможности безнаказанно вернуться въ Россію, какъ это было при Гладкомъ. Понятное дѣло, что при существованіи такихъ различныхъ и прямо между собою противоположныхъ теченій, положеніе Кошевыхъ не могло не быть чрезвычайно труднымъ. Охраняя порядокъ и дѣйствуя рѣшительно противъ всякихъ увлеченій по части „добычи“ и т. п., Кошевый всегда рисковалъ быть обвиненнымъ въ желаніи расширить свою власть въ ущербъ козацкой свободѣ, смотря-же сквозь пальцы на разныя безобразія, онъ навлекалъ на себя упреки со стороны болѣе порядочнаго козачества и со стороны денежной аристократіи и ставилъ себя въ неловкое положеніе относительно турецкаго пра-

вительства, поручавшаго надзоръ за поведеніемъ козаковъ ихъ собственной старшинѣ. Отсюда ясно, что при отсутствіи особенно большаго такта и при нѣкоторой безхарактерности Кошевому не оставалось ничего больше, какъ или уходить, или быть прогнаннымъ, или-же—еще хуже, идти на всевозможныя, часто совсѣмъ безчестныя сдѣлки и компромиссы. А все это не могло не дѣйствовать разлагающимъ образомъ и на весь складъ сѣчевой жизни. „Жили вони добре, запорожци, разсказывалъ намъ Игнатъ Васильковскій,... якъ-бы вони не такъ пили, свого-бъ короля мали!. а то де-жъ тамъ!.. Ну, отъ хочь-бы й паны тиі, ну вже вы знаете—звістно панъ... Кошевый!—вже выберуть ёго, то треба слухати!.. Приведуть було козаківъ хто на добычъ ходивъ, та піймавсь, або вкравъ що—ну що-жъ ёго робить? задеруть було ноги до горы, та бичами по пъятахъ, а то й повісять... То ото-жъ було дивляться, дивляться козаки, а далі й почнуть говорити: „що се вінъ собі думя? усіхъ хоче вывішати, чи що? Зберуться отаманы, закличуть Кошевого та й кажуть: „а скільки ты оце вже козаківъ перевішавъ? чи не годі вже оце тобі самому панувати? Одберуть у ёго бунчуки тиі, шаблю тую здиймуть, усе, выведуть передъ Паланку, повалять, ноги до горы задеруть, та бичівъ 200 й дадуть... оттакъ було! А у після поскликають козаківъ, отаманівъ, та другого выберуть... Турокъ було дивуеться тільки: разъ було отакъ—що султанъ питаеться у паши: „якъ-же вони сміють? я, каже, награду тому Кошевому давъ, а вони ёго скинули!? А паша каже: „що-жъ, у ихъ уже законъ, *адатъ* такий: кого схочуть, того й выбірають!“...

Нельзя, разумѣется, не признать эту тираду значительно одностороннею, но во всякомъ случаѣ картина сю рисуемая даетъ намъ достаточно ясное представленіе и о положеніи Кошевого и о томъ, что въ Сѣчи не обходилось и безъ довольно печальныхъ явленій, которыя не могли не вліять на нравственную сторону сѣчевой старшины. Одинъ изъ разсказовъ Коломийця можетъ служить намъ въ этомъ отношеніи не менѣе хорошей иллюстраціей. Въ бытность Кошевымъ Гордины, нѣсколько козаковъ—Макуха, Яківча́ и другіе „затягли затягъ“, т. е. образовали разбойничью шайку, съ которой и отправились „на добычъ“ въ окрестности города Кирклиссей. Когда молва о ихъ подвигахъ достигла до турецкаго правительства, оно потребовало отъ Кошевого поимки и наказанія виновныхъ. Ко-

шевой послалъ за ними козаковъ съ строгимъ приказаніемъ немедленно вернуться въ Сѣчь; они дѣйствительно и вернулись, ведя съ собой, по словамъ Коломийця, каждый „по двое коней,—на одному іде, а на другому добычъ везе", но пріѣхавши въ Сѣчь, они не отправились въ Паланку, „А бувъ чоловікъ одинъ — Тихономъ звався,—живъ у Райі—разсказываетъ далѣе Коломиецъ, отъ вони заіхали до того Тихона, пьють тамъ день, другий, третій, а далі й кажуть: „чи не можешъ ты, Тихоне, зъ своимъ кумомъ поговорити, зъ Кошовымъ?" (а Кошовый бувъ кумъ того Тихона)... „Добре!" каже. Отъ приходить до Кошового: „а що-бъ имъ було, каже, отимъ розбійникамъ, якъ-бы вони вернулися?—А що-жъ, каже, якъ-бы гроши оддали, то й пустивъ-бы!"—„А чи такъ-же буде?" „Буде!"—каже Кошовый. То ото-жъ вони ёму по два оки золота й дали, то вінъ за іхъ и заступивсь"... Характеръ этого заступничества показываетъ впрочемъ, что Кошевый далеко не могъ распоряжаться въ подобныхъ случаяхъ вполнѣ самостоятельно. Для освобожденія этихъ разбойниковъ Гордина долженъ былъ ждать до Покрова и затѣмъ, уходя по своему желанію съ уряда, выговорилъ имъ свободу взамѣнъ обычнаго въ такихъ случаяхъ подарка отъ товариства. Не менѣе характерно въ этомъ отношеніи и восклицаніе Коломийца по поводу нашего вопроса о контролѣ подъ дѣйствіями Кошевыхъ въ сферѣ финансоваго управленія: „Повірять!?.. хто ихъ тамъ повірявъ?!.. Дичь, якъ ті кури, якъ ті гуси у плавні... а вы кажете: повірять!... Де тамъ! не дурно-жъ іхъ и били, Кошовыхъ отихъ, якъ коли допече вже! Якъ ще черево невеличке, то й нічого було, а якъ черево розросталось, отъ и пішло!.. Було якъ и замітять яке мошенство, то иноді й скажуть, а той и питае: „а чи багато ты козакувавъ? тобі яке діло?!.. А якъ схотівъ поспориться у Паланці, то й горло часомъ укоротять!"...

Всѣ эти сѣчевые безпорядки, разбойничество, раздѣленіе на партіи и деморализація управленія, неизбѣжныя во всякомъ обществѣ, въ которомъ начинается или происходитъ уже извѣстная соціальная борьба, разумѣется, не могутъ ни удивлять насъ, ни считаться сами по себѣ причинами паденія Сѣчи, такъ какъ мы встрѣчаемъ эти явленія и въ обществахъ современныхъ, гораздо болѣе цивилизованныхъ и не смотря на всѣ эти явленія благополучно процвѣтающихъ. Но въ Сѣчи, въ присутствіи извѣстнаго уже

намъ фатальнаго обстоятельства, заключавшагося въ ненормальности отношеній къ Турціи, эти явленія имѣли характеръ въ высшей степени общественно-разлагающій и рѣшительно пагубный. Каждая изъ сторонъ, боровшихся между собою въ Сѣчи, была не только съ своей точки зрѣнія, но и въ дѣйствительности права во многомъ, настаивая на своемъ, соглашеніе-же между ними врядъ-ли было возможно, такъ какъ не было возможности измѣнить отношенія къ Турціи, не удалившись, при тогдашнихъ по крайней мѣрѣ обстоятельствахъ, отъ русской границы, что, по вполнѣ справедливому мнѣнію самихъ запорожцевъ, было-бы уничтоженіемъ Сѣчи. Такимъ образомъ положеніе дѣлъ въ Сѣчи представляло собою настоящій cercle vicieux, изъ котораго дѣйствительно не было никакого выхода и который такъ или иначе, а долженъ былъ кончиться болѣе или менѣе полнымъ распаденіемъ козацкой общины, по крайней мѣрѣ какъ военной организаціи. Можетъ быть, и даже очень вѣроятно, что если-бы это распаденіе произошло естественнымъ путемъ, то результаты его были-бы совсѣмъ иными... но объ этомъ мы не будемъ пока говорить, не разсмотрѣвши предварительно экономическую и культурную стороны запорожской жизни за Дунаемъ.

Для Коломийца-же, понятно, паденіе задунайской Сѣчи представлялось въ значительной степени фатальнымъ послѣдствіемъ войсковыхъ неурядицъ, разбойничества и проч. Подъ вліяніемъ почти религіознаго благоговѣнія къ минувшей славѣ днѣпровскаго Запорожья, всѣ подобныя явленія, существованія въ неменьшихъ размѣрахъ и въ приднѣпровской Сѣчи, окружаются въ его глазахъ ореоломъ рыцарской доблести, борьбы за вѣру и т. п., въ задунайской-же Сѣчи онъ не можетъ уже находить для нихъ оправданія и поэтому сравненіе приднѣпровскаго Запорожья съ дунайскимъ у него выходитъ далеко не въ пользу послѣдняго: „э!.. про тутешніхъ нічого й зачіпать и занімать—тутъ мало що було!.. Оті були козаки—на Дніпрі, а тутъ що? на що воно перевелось?! Доказакувались до краю, дозапорожили?!“...

Ѳ. Кондратовичъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Удѣльный періодъ и его изученіе[1]).

Въ современной русской исторической литературѣ нужно отмѣтить два теченія. Съ одной стороны идетъ только изданіе памятниковъ, и такимъ документальнымъ направленіемъ характеризуются преимущественно семидесятые годы. Количество вновь изданныхъ матеріаловъ для новой русской исторіи XVIII вѣка таково, что приводитъ въ трепетъ изслѣдователя. Вспомнимъ только, какая масса документовъ издана нашими учеными обществами (Русскимъ Историческимъ, Московскимъ—Исторіи и Древн. Рос. и пр.) и спеціальными историческими журналами (Русскою Старипою, Русскимъ Архивомъ и др.). Независимо отъ чисто историческихъ документовъ было собрано и издано множество матеріаловъ по русской народной словесности (Рыбниковымъ, Безсоновымъ, Шейнымъ, Далемъ, Головацкимъ, Антоновичемъ, Чубинскимъ) и археологіи (въ трудахъ археологическихъ съѣздовъ, спеціальныхъ археологическихъ журналахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ).

Но рядомъ съ этимъ шла и разработка политической и бытовой исторіи какъ въ отдѣльныхъ монографіяхъ, такъ и въ общихъ сочиненіяхъ. Являлись попытки общихъ взглядовъ на ту или иную эпоху и даже на весь ходъ русской жизни.

Уже Соловьевъ въ основаніе своей „Исторіи Россіи" положилъ опредѣленную идею народнаго самосознанія; личности являются для него только представителями этого самосознанія; развитіе же общества идетъ органически, а не случайно. Поэтому-то „Исторія Россіи" стоитъ несравненно выше „Исторіи государства рос-

---

[1]) Пробная лекція, читанная въ имп. харьковскомъ университетѣ 17 декабря 1882 года магистромъ русской исторіи Д. И. Багалѣемъ.

сійскаго". Можно не соглашаться съ опредѣленіемъ тѣхъ ступеней, которыя прошло русское общество отъ колыбели своей до нынѣшняго зрѣлаго возраста; но нельзя спорить противъ основной мысли автора—постепеннаго развитія идеи самосознанія.

Естественно, что чѣмъ больше разработана извѣстная эпоха, тѣмъ болѣе возможности уловить ея общій духъ. Неудивительно поэтому, что въ древне-русской исторіи, гдѣ фактическая разработка значительно подвинута впередъ, гдѣ количество матеріала замѣтно не увеличивалось, разница-же была только въ группировкѣ и освѣщеніи его, мы видимъ больше философскихъ обобщеній, чѣмъ въ средней и особенно новой. Тоже самое приложимо въ частности и къ удѣльному періоду.

Является такимъ образомъ необходимость разобраться въ мнѣніяхъ и взглядахъ, стоящихъ часто въ противорѣчіи другъ съ другомъ.

Конечно, затронутый нами вопросъ слишкомъ обширенъ для того, чтобы его можно было исчерпать въ теченіе одной лекціи; но мы и не претендуемъ на это, а дадимъ только краткій конспектъ того, что явилось результатомъ нашего изученія удѣльнаго періода.

Разработка удѣльно-вѣчеваго періода началась еще съ прошлаго вѣка, но въ ней не было еще той исторической критики въ широкомъ смыслѣ этого слова, которая была создана Шлецеромъ.

„Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ" Татищева, не смотря на многія свои достоинства, представляетъ изъ себя сводную лѣтопись до смерти Ѳеодора Іоанновича, при чемъ нѣкоторыя извѣстія почерпнуты изъ недошедшихъ до насъ источниковъ.

Почти тоже самое можно сказать и о книгѣ Арцыбашева „Повѣствованіе о Россіи". Хотя Арцыбашевъ издалъ свое сочиненіе послѣ кн. Щербатова и даже Карамзина, но оно прямо примыкаетъ къ сводамъ лѣтописныхъ извѣстій въ родѣ „Исторіи" Татищева. Самъ Арцыбашевъ сознается, что онъ сличалъ слово въ слово, а иногда буква въ букву всѣ лѣтописи, какія могъ имѣть. Впрочемъ книга Арцыбашева имѣетъ значеніе по тѣмъ примѣчаніямъ, которыя заключаютъ въ себѣ опредѣленіе древнихъ географическихъ названій или-же критическій разборъ извѣстій иностранцевъ.

Сюда-же до нѣкоторой степени примыкаютъ труды еще одного историка, хотя дѣятельность его относится ко второй четверти

нынѣшняго столѣтія и прекратилась всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ—я говорю о Погодинѣ. Онъ у насъ былъ творцомъ такъ-называемаго математическаго метода, результатомъ котораго было 7 томовъ „Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій“ и 3 тома „Древней русской исторіи до-монгольскаго ига“. Пріемы историческаго изслѣдованія у Погодина очень просты: лѣтописный матеріалъ онъ распредѣляетъ по извѣстнымъ формальнымъ рубрикамъ, не допуская себѣ ни малѣйшаго отступленія въ область общихъ взглядовъ и теорій; далѣе буквальнаго пониманія лѣтописнаго текста онъ не идетъ; смыслъ фактовъ онъ измѣряетъ ихъ количествомъ, обращая факты въ цифровую величину. Такимъ образомъ „Древняя русская исторія“ Погодина имѣетъ нѣкоторое значеніе по группировкѣ, хотя чисто механической, однородныхъ фактовъ. Но и въ этомъ отношеніи несравненно выше нужно поставить его „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи“, которыя послужили основою его „Исторіи“. Въ нихъ мы имѣемъ прекрасныя справочныя книжки, а въ нѣкоторыхъ томахъ и основательныя изслѣдованія (о древней русской лѣтописи, о норманскомъ вопросѣ). Самостоятельнаго взгляда на удѣльно-вѣчевую эпоху у Погодина нѣтъ: онъ стоитъ на перепутьи между Карамзинымъ и Соловьевымъ.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на нѣкоторыхъ другихъ менѣе важныхъ попыткахъ изложенія древне-русской исторіи—„Запискахъ касательно русской исторіи“ Екатерины II [1]) и „Россійской исторіи“ Штриттера [2]). Гораздо выше нужно поставить кн. Щербатова и его противника Болтина.

„Исторія Россіи“ Щербатова представляетъ первую попытку прагматической русской исторіи. Въ основаніе своего труда онъ кладетъ теорію Юма о причинахъ и слѣдствіяхъ; но новость труда, отсутствіе достаточнаго количества данныхъ не позволили ему хотя сколько-нибудь совладать со своей задачей; желая для всякаго событія найти ближайшую причину, онъ часто дѣлаетъ странныя, неестественныя объясненія.

Рядомъ съ Щербатовымъ нужно поставить Болтина, написавшаго критическія примѣчанія на Исторію Щербатова: у него уже

---

[1]) Онѣ доведены до 1276 года и составляютъ простой пересказъ лѣтописи.
[2]) Доведена до 1462 года; сухая и скучная компиляція.

больше критическаго таланта, умѣнья различать важное отъ неважнаго.

Несравненно большею опредѣленностью отличается взглядъ Карамзина на удѣльный періодъ. Карамзинъ явился выразителемъ и послѣдователемъ такъ-называемой *государственной теоріи*. Первые кіевскіе князья были, по его мнѣнію, самодержцами: „славяне, говоритъ онъ, добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе и требуютъ государей отъ варяговъ, которые были ихъ непріятелями". Съ Рюрика уже устанавливается монархія и продолжаетъ свое существованіе до Ярослава Мудраго. „Но съ Ярославомъ, говоритъ далѣе Карамзинъ, древняя Россія погребла свое могущество и благоденствіе; наслѣдники не умѣли соединить частей въ цѣлое, и государство, шагнувъ такъ-сказать отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ". Но признавая, что раздробленіе Россіи на множество областей разрушало монархію первыхъ кіевскихъ князей, Карамзинъ тѣмъ не менѣе и въ удѣльный періодъ хочетъ видѣть государство, только со многими государями. Сначала Кіевъ, потомъ Владиміръ являются для него государственными центрами и къ нимъ онъ пріурочиваетъ всю исторію удѣльно-вѣчеваго періода, строго слѣдя за преемственностью великокняжеской власти.

Въ послѣднее время государственную теорію снова выдвинулъ пр. Самоквасовъ [1]).

Но трудно доказать то, что стоитъ въ противорѣчіи съ фактическими данными. Не возможно игнорировать власти вѣча, которое придавало князю, какъ своему вождю, большую политическую силу и могущество. Съ другой стороны нельзя видѣть ни у древнихъ князей, ни у древнихъ областей сознательной государственной идеи; власть древне-русскаго князя основывалась не на принципѣ, а на фактѣ. Византійскія государственныя идеи проникли и получили значеніе при посредствѣ церкви гораздо позже; не мало способствовало этому также и татарское иго, которое усилило великокняжескую власть, сдѣлавъ ее органомъ и орудіемъ ханской воли. Капитальная ошибка Карамзина состояла въ томъ, что современныя понятія о государствѣ онъ переносилъ въ сѣдую древность и порицалъ

---

[1]) Зам. по ист. рус. гос. устройства и управленія («Журн. мин. нар. пр.», 1869 г.; 11 и 12-я кн.

у древне-русскихъ князей всякое уклоненіе отъ его собственной излюбленной мысли, забывая совершенно объ условіяхъ тогдашней жизни.

Государственная теорія Карамзина слѣдила за преемственностью великокняжеской власти въ удѣльный періодъ, но не выставила основнаго принципа, руководившаго взаимными отношеніями князей. Эту задачу приняла на себя *теорія родоваго быта*, впервые научно обоснованная Эверсомъ. Послѣдователи этого направленія подмѣтили тотъ вѣрный фактъ, что въ княжескихъ отношеніяхъ играютъ значительную роль родовые счеты. Заслуга Эверса и его послѣдователей заключается въ томъ, что они открыли первичную общественную клѣточку, изъ которой потомъ органически развивались всѣ дальнѣйшія ступени жизни русскаго народа. Этой клѣточкой, по ихъ словамъ, является родъ, родовой бытъ народа, который впослѣдствіи переносится на княжескую семью. Вопросъ о родовыхъ отношеніяхъ князей преимущественно разработанъ Соловьевымъ. Всѣ отношенія, устанавливающіяся между князьями, опредѣляются, по его мнѣнію, идеею родоваго старшинства: дяди въ этомъ случаѣ старше племянниковъ; великому князю наслѣдуетъ не сынъ его, а слѣдующій за нимъ братъ. Всякій разъ со смертью великаго князя остальные перемѣщаются на слѣдующую ступень; въ доказательство этого приводятся между прочимъ слова Ярослава Всеволодовича Черниговскаго: „яко-же отъ прадѣдъ нашихъ лѣствицею кождо восхождаше на великое княженіе кіевское, сице и намъ, и вамъ лѣствичнымъ восхоженіемъ, кому аще Господь Богъ дастъ взыти [1])". Сыновья князей, не достигшихъ великокняжескаго стола, являются героями; они не имѣютъ участія въ общемъ наслѣдіи князей русской земли или въ лучшемъ случаѣ получаютъ отдѣльныя волости, въ родѣ Полоцка или Галича. Между тѣмъ въ сѣверо-восточной Руси появляется и растетъ новое начало территоріальное, послужившее переходомъ къ государственному. Начало это Соловьевъ ставитъ въ связь съ новыми городами въ Ростово-Суздальской землѣ. Княжеская власть усилилась тамъ, потому что въ происшедшей борьбѣ верхъ взяли новые города, обязанные своимъ происхожде-

---

[1]) Ник. лѣт., II, 265 стр. Сергѣевичъ справедливо говоритъ, что это мѣсто сомнительно, ибо въ Ип. лѣт. сказано: «при вашемъ животѣ не ищемъ, а по васъ кому Богъ дастъ».

ніемъ княжеской колонизаціи; это вмѣстѣ съ тѣмъ была побѣда княжеской власти. Съ возникновеніемъ и расширеніемъ территоріальнаго начала начинается борьба внутри его самого, въ которой одерживаютъ верхъ московскіе князья; тогда получаетъ господство идея государственности. Такъ представляетъ себѣ Соловьевъ послѣдовательный ходъ древне-русской исторіи. На первый планъ онъ выдвигаетъ, какъ мы видимъ, родовыя отношенія. „Владѣнія, города, области, по выраженію Соловьева, имѣютъ значеніе второстепенное, имѣютъ значеніе только въ той степени, въ какой соотвѣтствуютъ старшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство и потому князья безпрестанно мѣняютъ ихъ. Князь, у котораго во владѣніи обширная область на сѣверѣ, оставляетъ ее и бьется изо всѣхъ силъ за одинъ городъ на югѣ, потому что этотъ городъ приближаетъ его къ старшинству: однимъ словомъ, интересъ собственника вполнѣ подчиняется интересу родича". Въ связи съ этимъ Соловьевъ отрицаетъ обособленное существованіе такихъ напримѣръ земель, какъ Сѣверская или Суздальская. Святославичи Черниговскіе являются у него князьями, ратующими за единство всего потомства Ярославова, за общность владѣнія всею русскою землею [1]).

Оставляя въ сторонѣ соображенія Соловьева о родовомъ бытѣ народа, противъ которыхъ выставлены сильныя возраженія славянофилами и вообще приверженцами общиннаго быта, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о родовыхъ отношеніяхъ князей въ удѣльно-вѣчевой періодъ. Нельзя всѣ событія удѣльно-вѣчевой эпохи объяснять родовыми счетами князей; были и другіе элементы, игравшіе важную роль въ тогдашней жизни, напримѣръ, географическое положеніе земель, симпатіи или антипатіи вѣча, ряды или договоры и т. д. Отрицать ихъ мы не имѣемъ никакой возможности, потому что они существуютъ на самомъ дѣлѣ и оказываютъ чрезвычайно сильное вліяніе на ходъ событій. Можно, конечно, спорить о степени компетентности вѣча въ томъ или иномъ княжествѣ, можно не придавать ему такого значенія, какое придаютъ ему славянофилы; но отрицать сильное вліяніе вѣчеваго элемента на ходъ древне-русской жизни вообще мы не имѣемъ никакой возможности.

[1]) «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома» и «Исторія Россіи» Соловьева.

Г. Сергѣевичъ на основаніи всей совокупности фактовъ древнерусской жизни даетъ довольно полную характеристику вѣчевыхъ порядковъ (опредѣляетъ пространство и время, въ которыя дѣйствовалъ вѣчевой бытъ, устройство вѣчевыхъ собраній, предметы вѣдомства вѣча). Народъ и князь, по его словамъ, суть два одинаково существенные элемента древне-русскаго общественнаго быта: съ одной стороны народъ не можетъ жить безъ князя, съ другой—главную силу князя составляетъ тотъ-же народъ. Участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявляется подъ формою вѣча. Вѣче не создано княземъ; оно составляетъ первоначальную форму быта. Конечно, предѣлы вѣдомства вѣча не были вполнѣ точно обозначены: иногда власть вѣча и князя находились въ полномъ согласіи другъ съ другомъ, иногда-же вмѣсто его былъ антагонизмъ и борьба, въ которой родовое старшинство должно было смиряться передъ симпатіями вѣча; такихъ случаевъ было очень много.

Вообще можно сказать, что родовое старѣйшинство рѣдко когда соблюдалось: столы большею частью переходили или по завѣщанію, или по призванію.

Что касается теоріи новыхъ городовъ и территоріальнаго начала, то она очень неясна и не вполнѣ убѣдительна; почему, напримѣръ, новые города по Роси, Стугнѣ и въ землѣ Рязанской не повели къ подобнымъ же результатамъ? Самъ Соловьевъ, какъ-бы понимая это, указываетъ еще на природу сѣверо-восточной Руси и видитъ въ ней причину развитія тамъ государственной идеи.

Такимъ образомъ, родовая школа, выдвигая одно начало, умаляетъ и даже вовсе игнорируетъ значеніе остальныхъ; держась искусственно созданной руководящей нити—великокняжеской власти, она путается во взаимныхъ столкновеніяхъ князей и совершенно упускаетъ изъ виду особенности жизни областной.

Въ противоположность родовой теоріи выдвинута была *личная*, придающая громадное значеніе „произволу личности во всей ея случайности, свободѣ во всей ея необузданности". Подобныя воззрѣнія господствовали въ западной Европѣ въ XVII и XVIII вв. вплоть до XIX вѣка, когда эти механическія теоріи замѣнились органическими; тогда-то и возникли ученія о естественномъ состояніи и общественномъ договорѣ. Въ естественномъ состояніи мы видимъ механическое, а не органическое соединеніе отдѣльныхъ

лицъ съ полнымъ индивидуальнымъ произволомъ; въ общественномъ договорѣ мы открываемъ также присутствіе личнаго начала. У насъ это ученіе въ приложеніи къ древне-русской исторіи проповѣдуется гг. Чичеринымъ и Сергѣевичемъ; первый преимущественно развилъ начало частноправной собственности (вотчинное), а другой—договорное, т. е. такое-же частноправное начало. Князья удѣльнаго періода, осѣвшіе по разнымъ областямъ, представляются г. Чичерину просто хозяевами—помѣщиками. „Впослѣдствіи времени, говоритъ онъ, князья сдѣлались осѣдлыми въ своихъ областяхъ; изъ начальниковъ дружины они превратились въ вотчинниковъ, но характеръ управленія остался тотъ-же: не было еще понятія объ общественныхъ потребностяхъ, составляющихъ предметъ государственнаго управленія; какъ въ частномъ хозяйствѣ, вся цѣль состояла въ полученіи дохода княземъ и его слугами... Самое управленіе носило тотъ-же частный характеръ; доходы жаловались въ кормленіе княжескимъ слугамъ, отдавались на откупъ или собирались хозяйственнымъ образомъ княжескими прикащиками... Община въ вотчинной Руси, лишенная собственнаго суда, имѣла одно значеніе: уплату податей и отправленіе повинностей въ пользу землевладѣльца“ [1]).

Вообще вотчины являются для князей частною собственностью, которую они дѣлятъ между дѣтьми, продаютъ, покупаютъ, мѣняютъ; даже Новгородъ г. Чичерину представляется до нѣкоторой степени „большимъ вотчинникомъ“. У г. Кавелина ученіе о вотчинѣ не доведено до такой крайности.

Теорія г. Чичерина имѣетъ за собой реальную основу: вотчина дѣйствительно является основнымъ элементомъ древне-русскаго политическаго быта. Только не за чѣмъ признавать эту вотчину исключительно частноправнымъ явленіемъ, особенно въ удѣльный періодъ. Если князья и осѣли по областямъ, то это не значитъ, что они обратились въ простыхъ собственниковъ—помѣщиковъ. Ученіе г. Чичерина основано главнымъ образомъ на изслѣдованіи княжескихъ грамотъ татарскаго періода, гдѣ будто-бы не дѣлается различія между правами князя на волость и на частную собственность. Но противъ этого представили серьезныя возраженія гг. Градовскій и

[1]) Областныя учрежденія Россіи въ XVII в. Чичерина, стр. 2—3.

Бестужевъ-Рюминъ. Соглашаясь съ тѣмъ, что князья въ силу практическихъ соображеній въ свои духовныя вносили частныя, хозяйственныя распоряженія наравнѣ съ общими, Бестужевъ-Рюминъ тѣмъ не менѣе указываетъ на разницу между частною собственностью и волостью, являющуюся въ этихъ-же грамотахъ и свидѣтельствующую о томъ, что государственныя понятія не совсѣмъ сливались съ понятіями гражданскаго права: селомъ князь владѣлъ вполнѣ; съ волостей только пользовался доходами и данями—былъ государемъ. Но и тѣ фактическія данныя, которыя г. Чичеринъ приводитъ въ пользу своего мнѣнія, относятся ко второй половинѣ удѣльнаго періода—послѣтатарской; до татарскаго-же нашествія не можетъ быть и рѣчи о такихъ вотчинникахъ, о какихъ говоритъ г. Чичеринъ.

Г. Сергѣевичъ, какъ мы уже сказали, всѣ явленія общественной жизни древней Руси объясняетъ договорами. „Взаимныя отношенія князей, какъ и всякихъ независимыхъ одинъ отъ другаго правителей, опредѣляются договорами. Исторія княжескихъ отношеній есть ничто иное, какъ исторія договоровъ,.. Право вступать въ договоры принадлежитъ каждому князю, не смотря ни на степень родства, соединяющую его съ другими князьями, ни на относительное значеніе управляемой имъ волости“. Обыкновеннымъ средствомъ для заключенія договоровъ служили княжескіе съѣзды, не имѣвшіе впрочемъ обязательнаго характера. Здѣсь, какъ и вообще въ княжескихъ отношеніяхъ, основаніемъ всего является свободная воля участниковъ. Въ отношеніяхъ князя къ народу г. Сергѣевичъ видитъ тоже договорное начало: въ моментъ призванія князь и народъ заключаютъ между собою *рядъ;* „въ теченіе самаго княженія могло возникнуть множество вопросовъ, подлежавшихъ обыкновенно рѣшенію вѣча и князя. По этимъ вопросамъ были необходимы новыя соглашенія“; являлись снова ряды. „Такимъ образомъ, князь и вѣче стояли другъ подлѣ друга, какъ двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совокупнаго дѣйствія которыхъ было необходимо взаимное соглашеніе“. Вѣче тоже носитъ на себѣ характеръ личный, индивидуальный. „Народъ участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ не по призванію князя, который самъ призванъ вѣчемъ, а въ силу присущаго каждому „мужу“ права устраивать свои собственныя дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлились общественныя, какъ

нѣчто особое, живущее своей самостоятельной жизнью. Присутствуя на вѣчѣ въ силу личнаго права, народъ является для обсужденія общественныхъ дѣлъ не чрезъ представителей, а поголовно; а съ другой стороны онъ не ограниченъ въ предметахъ своего разсужденія: онъ обсуждаетъ какіе хочетъ вопросы и самъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія. Собраніе, каждый отдѣльный членъ котораго представляетъ только себя и говоритъ только во имя своихъ личныхъ интересовъ, составляетъ *цѣлое* только въ случаяхъ соглашенія *всѣхъ*. Если этого соглашенія нѣтъ, оно распадается на части, между которыми возгорается война. Такимъ образомъ характеръ нашего вѣча опредѣляется двумя условіями: *слабостью* княжеской власти и всемогуществомъ личной свободы, столь обыкновеннымъ въ первоначальномъ обществѣ".

И такъ главнѣйшіе элементы древне-русскаго общества— власть князя и вѣча г. Сергѣевичъ выводитъ изъ договорнаго начала. Какъ Соловьевъ всѣ взаимныя отношенія князей сводилъ къ родовому принципу, такъ г. Сергѣевичъ сводитъ ихъ къ договорному. Признавая иногда фактъ добыванія волостей путемъ захвата, г. Сергѣевичъ и въ этомъ случаѣ считаетъ необходимымъ договоръ, который одинъ только въ состояніи закрѣпить за тѣмъ или инымъ лицомъ ту или иную волость [1]).

Такова сущность теоріи Сергѣевича. Нужно сознаться, что и она выходитъ изъ реальнаго факта: *рядъ* дѣйствительно существовалъ въ удѣльный періодъ; но имѣлъ-ли онъ такой смыслъ, какой придаетъ ему г. Сергѣевичъ? Врядъ-ли.

Скорѣе можно согласиться съ тѣмъ объясненіемъ, которое даетъ ряду г. Леонтовичъ. По его мнѣнію, рядъ по первоначальному его смыслу, означалъ вообще *законъ, поконъ* или *уставъ*, т. е. обычай, норму или правило обычнаго права, державшагося въ народномъ сознаніи или изложеннаго письменно „въ рядахъ и докончаньяхъ". Случайность, фактическій характеръ отношеній едва-ли имѣли здѣсь мѣсто. Таковы договоры всѣхъ общинъ, а въ особенности Новгорода, съ князьями XIII-го и слѣдующихъ столѣтій. Ихъ нельзя считать чѣмъ-то новымъ, что измѣняло бытъ Новгорода и отношенія его къ князьямъ, вносило въ нихъ новыя начала, неиз-

[1]) «Вѣче и Князь», пет. оч. В. И. Сергѣевича.

вѣстныя прежнему времени. „Такимъ образомъ, говоритъ г. Леонтовичъ, все говоритъ въ пользу того, что общественный бытъ древней Руси не слагался изъ какихъ-то безсвязныхъ, случайныхъ, лишенныхъ всякаго органическаго характера отношеній между различными общественными силами и элементами. Въ основѣ всего быта лежали народные обычаи, обычное право служило, если можно такъ выразиться, общею канвой, на которой развились „ряды и докончанья" князей и общинъ. Ряды и докончанья, въ существѣ дѣла, не имѣли самостоятельнаго и произвольнаго характера, были выраженіемъ не столько субъективной воли рядившихся сторонъ, сколько общей правды и пошлинъ, регулировавшихъ весь народный бытъ" [1]). Личность въ этомъ случаѣ не только не царила надъ общимъ, а скорѣе тонула въ немъ, потому то не всегда и проводится разница между частнымъ и общественнымъ.

Со времени татарскаго нашествія, договорный элементъ дѣйствительно усиливается и получаетъ въ большей степени формальный характеръ. Въ грамотахъ сильные князья формальнымъ договоромъ упрочиваютъ свою власть, слабые такимъ-же путемъ желаютъ себя оградить отъ притязаній сильныхъ. Отецъ умирая оставляетъ своимъ сыновьямъ духовное завѣщаніе, гдѣ опредѣляетъ точно волость каждаго, регулируетъ ихъ взаимныя отношенія и предусматриваетъ малѣйшія случайности. Такъ мало по-малу московскіе удѣльные князья обращаются въ московскихъ государей.

Но въ дотатарскій періодъ все это не имѣло такого характера: тамъ царила народная правда, пошлина, которая съ одной стороны уничтожала случайный характеръ отношеній, а съ другой—не допускала тѣхъ формальныхъ рядовъ, которые мы видимъ въ началѣ государственнаго періода.

Главная ошибка г. Сергѣевича заключается въ томъ, что онъ излагаетъ вопросъ догматически, а не исторически и потому смѣшиваетъ эпохи. Между тѣмъ количество и достоинство собраннаго имъ матеріала дали-бы ему возможность прійти къ болѣе правдоподобнымъ заключеніямъ, если-бы онъ разграничилъ эпохи и обратилъ вниманіе и на другія основы тогдашняго быта. И такъ, личная

---

[1]) Задружно-общинный характеръ быта древней Россіи въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1874 г., августъ, стр. 220—222.

школа принесла свою пользу, указавъ на значеніе личнаго начала въ удѣльный періодъ; но выводы ея слишкомъ односторонни; въ нихъ хорошо разработанъ юридическій характеръ отношеній, но мало обращено вниманія на бытовой.

Крайности родовой и отчасти личной школы вызвали возраженія со стороны *общинной,* главнымъ образомъ со стороны славянофиловъ, подвергнувшихъ самой строгой критикѣ теорію родовыхъ отношеній. Но славянофилы не привели своего ученія въ стройную систему и тѣмъ менѣе выяснили вопросъ о роли общины въ удѣльный періодъ, такъ какъ излагали свое ученіе, подобно г. Сергѣевичу, догматически, а не исторически.

Гораздо болѣе въ этомъ отношеніи сдѣлалъ г. Кавелинъ. Г. Кавелинъ собственно говоря является экклектикомъ: въ древне-русской жизни, по его мнѣнію, оба элемента—родовой и общинный—семейный дѣйствовали совмѣстно. Вся исторія удѣльно-вѣчеваго періода „есть исторія родоваго начала, предоставленнаго самому себѣ, исторія его постепеннаго разложенія и упадка". Ярославъ первый задумалъ установить государственный порядокъ на родовомъ началѣ. Вся Русь должна была находиться въ общемъ владѣніи всего рода Ярославова. Но едва только стали обозначаться линіи, какъ уже онѣ начали забывать свое общее происхожденіе, стали преслѣдовать свои частныя особенныя цѣли; частный, болѣе кровный, семейственный союзъ исключалъ болѣе общій родовой; между ними идетъ борьба, которая заканчивается побѣдою семейнаго, вотчиннаго начала. Сначала князья—полуправители, полувотчинники живутъ между собою согласно, но потомъ (очень скоро) происходитъ борьба дядей съ племянниками—родоваго начала съ семейственнымъ; начинаются вообще безпрерывныя войны изъ-за удѣловъ. Устраиваются княжескіе съѣзды, но и они не въ состояніи поддержать падающаго родоваго начала. Во время и подъ вліяніемъ этихъ княжескихъ распрей развивается политическое значеніе общинъ, выражающееся въ расширеніи власти вѣча. Особенно усилилась новгородская община, такъ что она является типическимъ образцомъ русско-славянской общины съ ясно обозначенными формами быта.

Съ разграбленіемъ Кіева Андреемъ Боголюбскимъ, падаетъ прежній центръ Руси и вмѣстѣ съ нимъ и всякій признакъ политическаго единства. Потомство Ярослава распадается на нѣсколько

вѣтвей, которыя теряютъ всякое сознаніе родоваго единства. Выступаетъ на первый планъ вотчинное начало: чѣмъ владѣли отцы и дѣды, тѣмъ желаютъ владѣть и ихъ потомки; княжескія вѣтви и фамиліи получаютъ осѣдлость; семья одержала верхъ надъ родомъ. Но и родовое начало сохранилось, только подъ другою формою: его нужно искать не въ цѣлой Руси, а въ отдѣльныхъ земляхъ, княжествахъ; въ каждомъ изъ нихъ повторяется то, что прежде можно было наблюдать въ цѣлой Руси; отдѣльныя вѣтви въ свою очередь размножаются; между ихъ членами господствуетъ принципъ родоваго старѣйшинства: является много великихъ князей. Далѣе князья уже получаютъ новый характеръ: они дѣлаются просто вотчинными владѣльцами, наслѣдственными господами отцовскихъ имѣній. Вѣче теперь мало по-малу теряетъ свое государственное значеніе; прежде вольные дружинники дѣлаются великокняжескими слугами. Самое управленіе областей получаетъ другой характеръ—дѣлается болѣе домашнимъ, вотчиннымъ: прежде областями управляли дѣти княжескіе, теперь—воеводы, получающіе ихъ въ кормленіе.

Окончательное господство новыхъ понятій ускорило монгольское иго. Для хановъ, которые утверждали князей на ихъ столахъ, родовое старѣйшинство уже не имѣло никакого значенія. Кромѣ того монгольское иго усилило великокняжеское достоинство, которое обратилось было уже въ пустой титулъ, а теперь сдѣлалось орудіемъ, выраженіемъ всемогущей ханской власти. Такимъ образомъ отрицательнымъ путемъ татарскіе ханы способствовали окончательному паденію у насъ удѣльной системы. Но положительнымъ путемъ дѣйствовали московскіе князя—собиратели, которыхъ и нужно признать создателями новаго государственнаго порядка. Для достиженія своей цѣли они не пренебрегали никакими средствами; родовое начало пало; нужно было еще ослабить и уничтожить начало семейственное въ собственной-же своей семьѣ—и это было сдѣлано: чтобы отвратить соперничество въ собственной семьѣ, великіе князья московскіе мало по-малу уменьшаютъ области младшихъ сыновей, пока наконецъ Иванъ Грозный не дѣлается единственнымъ владѣльцемъ всего московскаго государства [1]).

---

[1]) Взглядъ на юрид. бытъ др. Россіи (соч. К. Кавелина, ч. I-я).

Нельзя не признать за взглядомъ г. Кавелина серьезнаго научнаго значенія. Несомнѣнно, что процессъ разложенія родоваго начала подъ вліяніемъ семейственнаго обрисованъ имъ съ чрезвычайною простотою, ясностью и убѣдительностью. Только врядъ-ли можно согласиться съ той характеристикой, которая придана вотчинному началу. Фактъ „осѣданія" князей по волостямъ совершенно точный и реальный. Но на сколько это вотчинное начало отличалось частнымъ характеромъ, въ какой степени князья являются помѣщиками, управлявшими своими волостями также, какъ и помѣстьями, это еще вопросъ спорный.

Скорѣе всего отчина есть просто столъ отца и можетъ обозначать собою всякую волость по отношенію къ дѣтямъ владѣвшаго ею князя, даже въ томъ случаѣ, если имъ не удалось овладѣть ею по смерти отца. Нельзя также согласиться съ тѣмъ, что вотчинное начало, осѣданіе князей по областямъ развилось у насъ со времени Андрея Боголюбскаго. Обособленіе областей произошло раньше, хотя и не одновременно. Вотчинный принципъ былъ уже поставленъ и принятъ на Любецкомъ съѣздѣ 1097 года. Тогда-же въ нѣкоторыхъ областяхъ „осѣдаютъ" отдѣльныя княжескія семьи: Святославичи въ землѣ Сѣверской, Ростиславичи въ землѣ Галицкой. Другія земли обособляются, получая себѣ отдѣльныя княжескія вѣтви, нѣсколько позже (Волынская, Ростово-Суздальская). Такой характеръ носило вотчинное начало до второй половины XIII вѣка и измѣнилось только подъ вліяніемъ татарскаго нашествія. Съ раздробленіемъ земель и княжествъ, съ размноженіемъ княжескихъ вѣтвей и обращеніемъ ихъ въ многовѣтвистые роды, владѣнія получаютъ до нѣкоторой степени частный характеръ. Таковы напримѣръ владѣнія князей Новосильскихъ, Воротынскихъ, Одоевскихъ, Мезецкихъ, Мосальскихъ—потомковъ Михаила Всеволодовича Черниговскаго, владѣнія, образовавшіяся на территоріи прежней земли вятичей. Княжества эти до такой степени измельчали, что обратились просто въ крупныя имѣнія и, конечно, не играли уже почти никакой политической роли.

Но г. Кавелинъ обратилъ вниманіе, какъ мы видимъ, преимущественно, если не исключительно, на юридическую сторону быта. Оставался все таки мало выясненнымъ вопросъ объ этнографическихъ особенностяхъ племенъ.

Постановка и разработка этого вопроса принадлежитъ *федеративно-областной школѣ.*

И прямыя свидѣтельства исторіи, и этнографическое изученіе современныхъ племенъ и народностей привели къ мысли, что въ древней Руси единство и цѣлость земли сочетались съ раздѣльностью и своеобразностью частей. Вотъ основная мысль школы. Мысль эта впервые была высказана кн. Щербатовымъ, а за тѣмъ Полевымъ, авторомъ „Исторіи русскаго народа". Полевой уже высказалъ то положеніе, которое въ наши дни было подробно развито Н. И. Костомаровымъ—что отдѣльныя славяно-русскія вѣтви были основаніемъ обособившихся потомъ княжествъ. Н. И. Костомаровъ изъ этнографическихъ особенностей племенъ создалъ цѣлое ученіе о федеративномъ строѣ древней Руси. Это федеративное начало вело, по словамъ Н. И. Костомарова, „къ образованію политическихъ обществъ, которыя сохраняя каждое свою самобытность, не теряли бы между собою связи и единства, выражаемаго ихъ совокупностью". Еще лѣтописецъ подмѣтилъ, что славяно-русскія племена „имяху обычаи и законъ отець своихъ и преданья, кождо свой нравъ". Это извѣстіе лѣтописи подтверждается цѣлымъ рядомъ фактовъ и соображеній. И географическія условія мѣстностей, и историческія обстоятельства вели къ различію, особности племенъ. Не нужно также забывать, что чѣмъ неразвитѣе народная масса, тѣмъ уже ея понятіе о своенародности: все, сколько нибудь не похожее на свое, кажется чужимъ. Такимъ образомъ каждое племя представляло изъ себя этнографическую единицу; всѣ они находились другъ съ другомъ въ федеративной связи. Такова была до-княжеская Русь.

Но вотъ на сцену является семья Рюриковичей и вытѣсняетъ мѣстныхъ князьковъ. Во внутренней жизни народа отъ этого собственно ничто не перемѣнилось, хотя все таки племена должны были чувствовать нѣкоторый гнетъ чуждой власти. Но и онъ совершенно исчезъ, когда въ областяхъ утвердились отдѣльныя княжескія линіи.

„Народные интересы, говоритъ Н. И. Костомаровъ, сами собою стали пробиваться сквозь путаницу княжескихъ междоусобій, совершенно подчиняли своему направленію княжескія побужденія, и хотя сами измѣняли свой характеръ, но за то и характеры княжескихъ отношеній совершенно сообразовались съ ними. Правда

нѣсколько болѣе мелкихъ народностей объединились, за то докончились, опредѣлились и укрѣпились большія, слитныя изъ меньшихъ".

Такихъ народностей Н. И. Костомаровъ насчитываетъ 6: 1) южно-русская, 2) сѣверская, 3) велико-русская, 4) бѣлорусская, 5) псковская, 6) новгородская. Прежде всего обособляется земля Новгородская: развивается понятіе о волости новгородской отдѣльно отъ прочихъ русскихъ волостей; выдвигаются на первый планъ мѣстные новгородскіе интересы. Вслѣдъ за тѣмъ обособляются Кривичи и образуютъ два княжества—Полоцкое и Смоленское, которыя въ свою очередь распадаются на массу мелкихъ; но эти послѣднія сохраняютъ все таки постоянное тяготѣніе другъ къ другу. Точно также выдѣляются Псковская, Волынская и др. земли.

Русь удѣльно-вѣчеваго періода представляла изъ себя такимъ образомъ рядъ областей, дробившихся на множество мелкихъ княжествъ, находившихся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи; дѣленіе могло продолжаться постоянно, но въ предѣлахъ данной этнографической группы: количество княжествъ въ Полоцкой землѣ могло увеличиваться до безконечности, но единица Полоцкой земли оставалась постоянно та-же. Каждая народность образуетъ землю съ стольнымъ городомъ во главѣ; къ этому главному городу тянутъ пригороды, къ пригородамъ—волости. Это-то сознаніе земельнаго единства и выражается словами: „Новгородская земля, Сѣверская земля". Всѣ эти земли тянули другъ къ другу и образовали вмѣстѣ Русскую землю. Единство ихъ основывалось на общности происхожденія, быта, языка, княжескаго дома и христіанской православной вѣры. Особенно сильнымъ объединяющимъ началомъ служили единый княжескій родъ и единая православная вѣра съ ея книжнымъ языкомъ, іерархіей и церковными законами. „Такъ Русь, говоритъ Н. И. Костомаровъ, стремилась къ федераціи, и федерація была формою, въ которую она начинала облекаться [1]).

Несомнѣнно, что основная мысль федеративной школы о сочетаніи въ древней Руси единства и цѣлостности земли съ своеобразностью частей,—мысль вѣрная и плодотворная. Вѣрно также

---

[1]) Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси (Ист. мон. и изслѣдованія Ник. Костомарова, ч. I).

указаны условія, которыя вели къ единству и разнообразію частей. Не совсѣмъ удачнымъ только представляется намъ терминъ „федеративный“ для обозначенія тогдашняго политическаго строя Россіи. Подъ федераціей обыкновенно разумѣютъ такой порядокъ вещей, при которомъ отдѣльныя единицы, составляющія федерацію, сознательно переуступаютъ часть своей власти въ пользу какого-нибудь центральнаго правительственнаго учрежденія (конгресса или сейма). Ничего подобнаго мы не можемъ отыскать въ древне-русской жизни. Да и тѣ условія федеративной связи (общность происхожденія, быта, языка, православной вѣры), на которыя ссылается Н. И. Костомаровъ, относятся къ области этнографіи, между тѣмъ какъ федерація—принципъ преимущественно, если не исключительно, политическій. Если уже опредѣлять какимъ-нибудь терминомъ начала древне-русской жизни, то мы бы предпочли терминъ „областность“, „областной“, хотя онъ нѣсколько шире и, пожалуй, неопредѣленнѣе, чѣмъ первый. Онъ только указываетъ намъ на автономію земель, степень которой не всегда будетъ одинакова. Вопросъ этотъ самъ по себѣ заслуживалъ-бы вниманія, но мы не можемъ на немъ останавливаться, а отсылаемъ интересующихся къ существующимъ областнымъ монографіямъ. Намъ кажется, что терминъ „областной“ болѣе удаченъ, чѣмъ принятый доселѣ „удѣльный“, и потому періодъ съ половины XI вѣка до половины XIV скорѣе можетъ быть обозначенъ какъ „областно-вѣчевой“, чѣмъ „удѣльно-вѣчевой“.

Идея областности, будучи примѣнена къ разработкѣ русской исторіи, оказала ей существенную пользу, значительно подвинула ее впередъ. Прежній способъ изученія и изложенія событій областно-вѣчеваго періода (Карамзина и Соловьева) оказался неудобнымъ ни для изслѣдователя, ни для читателя: попытка прилѣпить всѣ событія къ государственной идеѣ или идеѣ родоваго старѣйшинства оказалась неудачной. Исходя изъ того положенія, что каждое древне-русское княжество представляло извѣстныя особенности, нѣкоторые изслѣдователи занялись изученіемъ исторіи каждаго княжества отдѣльно. И этотъ новый способъ изслѣдованія принесъ блестящіе результаты: явился цѣлый рядъ областныхъ монографій, которыя значительно разсѣяли тотъ мракъ, которымъ была опутана наша древняя исторія. Тутъ, стоя въ зависимости отъ фактовъ, можно было избѣжать крайностей общихъ взглядовъ и теорій и,

наоборотъ, придать имъ ихъ надлежащее значеніе и смыслъ. Такъ явилась исторія Новгорода и Пскова Н. И. Костомарова, Бѣляева, Никитскаго, исторія галицко-володимірскаго княжества—Зубрицкаго, Шаранѣвича, исторія ростовскаго княжества—Корсакова, рязанскаго—Иловайскаго, болоховской земли—Дашкевича и мн. др. Въ связи съ этимъ тоже областное этнографическое начало дало полезные результаты въ приложеніи къ русской археологіи. Благодаря ему, сдѣлались возможны такіе капитальные труды, какъ гр. Уварова „Меряне и ихъ быть по курганнымъ раскопкамъ" и г. Самоквасова „Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи". Если-бы вообще археологическій матеріалъ удалось распредѣлить этнографически, т. е. пріурочить, какъ это сдѣлано гг. Уваровымъ и Самоквасовымъ, къ тѣмъ или инымъ славяно-русскимъ вѣтвямъ, то мы-бы пріобрѣли цѣлую массу новыхъ данныхъ, которыя дополнили-бы прямое, но общее указаніе лѣтописи, что всякое племя имѣло свои отличительныя черты—„кождо свой правъ". Для дальнѣйшаго политическаго существованія древне-русскихъ народностей мы имѣемъ уже несомнѣнные историческіе источники, въ видѣ лѣтописей и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ.

Наше высшее ученое учрежденіе—императорская академія наукъ признаетъ вполнѣ цѣлесообразной областную разработку древне-русской исторіи, ставя темами сочиненій для соисканія Уваровскихъ премій изслѣдованіе отдѣльныхъ областей древней Руси.

Такой-же способъ изложенія событій удѣльнаго періода принятъ и во многихъ общихъ сочиненіяхъ по русской исторіи. Даже Погодинъ излагалъ событія удѣльно-вѣчевой эпохи по княжествамъ; также поступилъ и пр. Бестужевъ-Рюминъ.

Въ послѣднее время явилось два общихъ сочиненія по русской исторіи—замѣчательный трудъ г. Иловайскаго: „Исторія Россіи" и „Русская исторія въ памятникахъ быта" Полеваго. Въ обоихъ исторія каждаго княжества разсматривается отдѣльно.

Во всѣхъ этихъ фактахъ мы находимъ, что разработка идетъ по правильному пути и много еще плодотворныхъ результатовъ мы увидимъ въ будущемъ.

Дм. Багалѣй.

Волынская революція первой четверти XIX столѣтія.

Письма надворнаго совѣтника Опытова къ графинѣ Старожиловой.

Письмо второе*).

Изъ Вѣны, августа дня, 1818 года.

Гдѣ старцы отрокамъ, наставники юношамъ, а матери младенцамъ съ молокомъ своимъ вливаютъ въ сердца непримиримую къ россіянамъ ненависть и гдѣ алчность мщенія непрестанно грызетъ утробу древнихъ и самыхъ жесточайшихъ враговъ нашихъ, тамъ начальникъ волынской губерніи Комбурлей, посвятившій всего себя на службу отечеству, бодрствовавшій день и ночь о пользѣ государственной, сквозь тысячу измѣнъ безчестныхъ людей и сквозь всѣ бури тайныхъ мятежей, ведшій порученную ему провинцію къ миру и тишинѣ и, въ самое критическое время, дѣятельнѣйшею заботливостію своею подкрѣпившій колеблющееся ея состояніе, занимая напослѣдокъ степень генералъ-губернатора, имѣющую вездѣ право на уваженіе каждаго чина людей, сталъ оклеветанъ самимъ опаснѣйшимъ обвиненіемъ и отъ ухищренныхъ враговъ своихъ невинно обезчестенъ оскорбительнымъ поруганіемъ, вопіющимъ объ отмщеніи, но еще доселѣ ненаказаннымъ. Въ первомъ письмѣ моемъ изобразилъ я предъ вами, милостивая государыня, ходъ происшествій, покрытыхъ чертою махіавелизма, а теперь долженъ поднять завѣсу и показать невѣрныя донесенія, ложныя описанія, гнусные доносы, громкія слова, шарлатанскую

*) См. январь «Кіевской Старины», 1883 г.

выставку республиканскихъ правилъ, заманчивыя обѣщанія, хитрые обманы,—словомъ, все, что не было упущено, дабы вкоренить въ душу дворянъ вражду къ Комбурлею, недовѣрчивость къ чиновникамъ и жаркую привязанность къ своимъ демагогамъ. Долженъ говорить откровенно, какимъ образомъ сенаторъ-ревизоръ, опираясь на личную къ нему милость государя, на многочисленность волынскихъ своихъ поборниковъ, на успѣхи ихъ гоненія русскихъ чиновниковъ и на нѣкоторыя дѣла, кажущія видъ справедливости, но совершенныя безъ всякаго человѣколюбія, истины и законнаго порядка, устоялъ на степени высочайшей довѣренности. Наконецъ, по принятой мною на себя обязанности, долженъ сказать о такихъ злодѣяхъ, которыхъ содержитъ природа для того единственно, чтобъ ощутительно удостовѣрить въ заблужденіи людей, сомнѣвающихся о бытіи ада. Почерпнутыя мною свѣдѣнія изъ судебныхъ актовъ въ Петербургѣ, собранныя извѣстія въ бытность мою на Волыни, въ Бродахъ и во Львовѣ, записки и достовѣрныя свидѣтельства очевидцевъ будутъ служить основаніемъ чистосердечнаго повѣствованія и безпристрастнаго объявленія исторической истины о волынской революціи, а совѣты благодѣтеля моего и начальника, съ коимъ нынѣ путешествую, удержатъ отъ того, чтобъ я, бывъ въ странѣ вымысловъ, не заимствовалъ языка ея; но прежде нежели приступлю къ продолженію той матеріи, на которой въ первомъ письмѣ остановился, имѣю вамъ разсказать любопытный анекдотъ, касающійся описываемаго мною предмета.

По пріѣздѣ нашемъ въ Львовъ, его превосходительство, несравненный мой благотворитель, посѣтилъ тамошняго областнаго начальника, барона Гауера, и меня взялъ съ собою. Я при семъ случаѣ познакомился съ польскимъ секретаремъ его, по фамиліи Досвятчинскимъ, молодымъ, любезнымъ и умнымъ человѣкомъ. Онъ уроженецъ города Кременца, гдѣ славная гимназія, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Житомірѣ, знаетъ лично всѣхъ прежнихъ членовъ присутственныхъ мѣстъ, знакомъ со многими тамошними помѣщиками, но о перемѣнахъ, случившихся на Волыни, несовершенно извѣстенъ; въ одно время, когда зашла объ нихъ рѣчь, онъ спросилъ меня:

— Знаете-ли, кто главою переворота?

— Ильинскій, отвѣчалъ я.

— А видѣли-ли вы его?

— Нѣтъ.

— Хотите посмотрѣть на портретъ?

— Охотно.

— Только не масляными, а сухими красками писанный?

— Нѣтъ нужды.

Онъ взялъ французскую книгу и началъ читать:

„Имѣетъ счастливую физіогномію, которую, по видимому, чистосердеціе назначило своимъ жилищемъ. Чувствительность и ласковый его пріемъ требовали искренности и внушали довѣренность, а отъ немощи, коею онъ одержимъ, природныя дарованія сдѣлались еще трогательнѣе, но вся сія наружная привлекательность есть и была ничто иное, какъ льстивое очарованіе опредѣленной къ сокрытію, жесточайшей и совершенно развращенной души, какою никогда еще не осквернялось человѣчество. Подъ умильными чертами, подъ оберткою полуразвалившагося и лишеннаго жизни тѣла, носитъ онъ сердце, чуждое всякой чувствительности, пожираемое любочестіемъ самымъ необузданнымъ, способное ко всякимъ подлостямъ, чтобы возвыситься, и ко всякимъ злодѣяніямъ, чтобы утвердить власть свою". Это сказано (продолжалъ Досвядчинскій) о Кутонѣ, одномъ изъ друзей Робеспіеровыхъ, тиранствовавшемъ вмѣстѣ съ нимъ во Франціи и разомъ съ нимъ же погибшемъ на эшафотѣ. Апостолы революціи и начинщики партій во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ имѣютъ себѣ подобныхъ. Общее презрѣніе сопровождаетъ ихъ въ жизни, а по смерти въ самомъ гробѣ проклятіе тревожитъ ихъ кости. Потомъ спросилъ меня: неужели Комбурлей, къ которому государь вашъ императоръ имѣлъ великую довѣренность, котораго уважали министры, котораго вездѣ хвалили отличные генералы, десять лѣтъ управлявшій славно губерніею, удаленъ теперь отъ мѣста, считается подъ слѣдствіемъ и судится, яко нарушитель государственныхъ законовъ? У насъ говорятъ, что клеветники его обжаловали, а

ревизоръ-сенаторъ, имѣя личность къ нему, ни о чемъ столько не старался на Волыни, какъ помрачить его славу и замарать честь пустыми разглашеніями о небывалыхъ преступленіяхъ, имъ самимъ вымышленныхъ и на Комбурлея возведенныхъ. Я не прекословилъ, а онъ подхватилъ: вы не знаете Волыни! тамъ въ обыкновенное время клевета имѣетъ сто голосовъ; то не надобно удивляться, если во дни самовластной инквизиціи Сиверса обманъ имѣлъ на своей сторонѣ тысячу, и опять спросилъ: что сдѣлалось съ вице-губернаторомъ Хрущовымъ, съ прокуроромъ Курутомъ, съ полковникомъ Зеленугомъ и съ прочими губернскими чиновниками? Удовлетворяя любопытство, я отвѣчалъ: Хрущовъ оклеветанъ, отрѣшенъ отъ должности и судится въ сенатѣ. Курута, племянникъ славнаго Куруты, что въ Варшавѣ, покровительствуемый его высочествомъ, цесаревичемъ, великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, былъ подверженъ тому-же несчастію. Сиверсъ, по пустымъ доносамъ, и сего чиновника отрѣшилъ отъ мѣста, но, заглянувши въ дѣло, самъ потомъ оправдалъ его. Сенатъ, найдя доносщиковъ виновными, освободилъ Куруту отъ дальнѣйшаго слѣдствія, а извѣтчиковъ предалъ суду. Государь императоръ простилъ ихъ. Полковникъ Зеленуга, угощавшій маршаловъ волынскихъ, принимавшій въ своемъ домѣ Багратіона и Тормасова, Сакена и Раевскаго, уважаемый начальникомъ своимъ, графомъ Комаровскимъ, оклеветанъ ненавидящими насъ дворянами, очерненъ ревизоромъ, лишенъ мѣста и нынѣ томится въ Кіевѣ подъ военнымъ судомъ. Большая часть прежнихъ губернскихъ чиновниковъ, служившихъ по 30 и болѣе лѣтъ со славою и честію, покрытыхъ ранами, полученными въ сраженіяхъ за отечество, и украшенныхъ знаками отличія за ревность къ службѣ, подверглись той же плачевной участи. Зависть и самая мрачная клевета испустила на нихъ ядъ свой. По пустымъ доносамъ, безъ слѣдствія и оправданія, отрѣшены Сиверсомъ отъ мѣстъ, поруганы, судимы, пресмыкаются во прахѣ. Я самъ видѣлъ, какъ они ѣдятъ черствый хлѣбъ съ горестью и пьютъ воду съ желчью, я самъ слышалъ, какъ жены и дѣти наполняютъ уши ихъ воплемъ и стенаніями. При сихъ словахъ вошелъ къ намъ нечаянно баронъ Гауеръ,

львовскій губернаторъ, и сказалъ: я весь вашъ разговоръ знаю; прибавьте къ нему слова одного славнаго греческаго мудреца, слѣдующія: *разгнѣванный государь подобенъ раздраженному божеству, предъ коимъ надобно „только смириться“.*

Обратимся теперь къ настоящему содержанію моего письма. Дворянскіе выборы на Волыни кончились въ августѣ мѣсяцѣ 1814-го года. Мирные обыватели, коихъ было три части, выполнивши свои обязанности, спокойно и безъ всякаго, по видимому, неудовольствія къ начальству разъѣхались по деревнямъ, но партія крамольниковъ, составлявшая четвертую часть, занималась нѣсколько дней данными графу Ильинскому и генералъ-маіору Гижицкому тайными инструкціями, какимъ образомъ дѣйствовать въ Петербургѣ. И какъ складка неважной суммы, для того собранной, недостаточна была къ выполненію обширныхъ ихъ замысловъ, то мятеже-начальники воспользовались добросердечіемъ и богатствомъ князя Максимиліана Яблоновскаго, котораго душа, обвороженная прелестями милой и прекрасной его супруги, не имѣла на тотъ разъ проницательности видѣть, подъ личиною мнимыхъ друзей своихъ, зависть, подлость и коварство, у ногъ его пресмывавшіяся. Итакъ уговорили князя оставить домашнюю праздность и показаться на театрѣ свѣта. Кто безъ денегъ, безъ кредита и безъ душевнаго спокойствія, того ничто въ пути не останавливаетъ. Наши депутаты и легко и скоро пріѣхали въ столицу; горячія головы ихъ, устремившись разрушить прежній образъ вещей на Волыни, той-же ночи посѣтили сенаторовъ Ворцеля, Стройновскаго и Огинскаго. На другой день сіи господа, отдавши визиты пріѣзжимъ, уговорились составить собраніе;—въ самой столицѣ не было имъ недостатка въ поборникахъ, безмолвныхъ, когда царствуетъ порядокъ, и видимыхъ только въ минуту бури, подобныхъ тѣмъ насѣкомымъ, кои прилѣпляются ко всѣмъ тѣламъ въ разрушеніи. Едва образовался сей польско-сенаторскій конгрессъ, какъ уже и явилъ въ себѣ грозное лицо и голосъ. Какъ нѣкогда на революціонномъ сеймѣ въ Варшавѣ разсвирѣпѣвшіе поляки ежедневно изрыгали желчь свою и язвительнѣйшими словами поносили Россію, такъ въ семъ новосоставленномъ сборищѣ со всѣхъ сторонъ сыпались

на волынское начальство стрѣлы злобы и клеветы. Новоприбывшіе же депутаты наши, наэлектризованные сообщительнымъ энтузіазмомъ варшавскихъ патріотовъ, забывъ, что интрига въ колыбели должна рости съ осторожностію, возжелали дѣйствовать отдѣльно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ имъ только самимъ воспользоваться славою низверженія столь сильнаго начальника, какъ Комбурлей. И тотчасъ родились личности: Стройновскій не хотѣлъ уступить первенства Ильинскому, Ворцель прекословилъ Гижицкому, и пришло до явной ссоры, безъ каковой ни одного собранія не бываетъ въ Польшѣ. Ильинскій, возвыся голосъ, говорилъ Стройновскому: «Вы со мною никакъ равняться не можете: я графъ настоящій и даже князь по владѣнію Острогскимъ княжествомъ, а вы простой шляхтичъ: у меня отецъ былъ староста, братъ генераломъ и я самъ до сего званія проходилъ всѣ военные чины; вашъ же родитель былъ экономъ или конюшій, братья попами, а вы сами цѣлой вѣкъ свой подьячимъ. Я и въ республикѣ имѣлъ и въ имперіи имѣю свое значеніе. Обвѣшанъ орденами, осыпанъ государевыми милостями, я вельможа въ полномъ смыслѣ;—я удѣльный владѣлецъ, королямъ—другъ, министрамъ первокласнымъ—братъ, второкласнымъ—покровитель, славенъ, знатенъ, богатъ, а вы, добившись званія бугскаго подкоморего, значившаго не болѣе восьмаго класса, злоухищреннымъ образомъ достали себѣ переименованіе въ тайные совѣтники; вы служили стряпчимъ у одной богатой, но пожилой вдовы, которая, взявъ васъ за мужа, исходатайствовала чины и купила ордена; значеніемъ вашимъ въ республикѣ обязаны вы мѣсту посла въ революціонномъ сеймѣ, который по безразсудной вольности въ сужденіяхъ, по анархизму и по раздору своихъ членовъ, поглотилъ наконецъ существованіе нашего отечества. Но не думаете ли вы славиться напечатанною вами въ Вильнѣ 1809 года книгою подъ заглавіемъ: *О условіяхъ между помѣщиками съ крестьянами*, въ которой съ крайнимъ заблужденіемъ нападаете на русское дворянство, порицая лживыми нарсканіями цѣлый классъ государственный въ отношеніи слова: рабство крестьянъ? развѣ не видите и не примѣчаете, что во всемъ новоприсоединенномъ краѣ нѣтъ бѣднѣе,

нѣтъ несчастнѣе, нѣтъ утѣсненнѣе крестьянъ, какъ ваши подданные въ Гороховскомъ ключѣ? Характеръ вашъ, г. сенаторъ, также не заслуживаетъ подражанія: вы за одного казначея дали поручительство, а потомъ подъ присягою отперлись отъ руки своей, вы съ жидомъ факторомъ своимъ Ицекъ-Зономъ посылали тайно за границу серебряную монету въ Броды и, когда поймали её, вы не стыдились признаться, что деньги ваши посланы были въ Радзивиловъ, и допустили, что дѣло о семъ разсматривалось въ Сенатѣ. Вы, разбогатѣвши по милости жены своей, бросили ее и жили явно и ненаказанно съ женою роднаго брата своего, шамбелина Стройновскаго. Отдавая справедливость талантамъ вашимъ и искуству законовѣденія, нельзя умолчать, что вы многихъ сиротъ и вдовъ лишили наслѣдства, а отъ того, увеличивъ омоченное ихъ слезами достояніе свое, прослыли первѣйшимъ на Волыни ябедникомъ: вспомните процессъ съ Маевскимъ и тяжбу съ Балтазаромъ Комаровскимъ. Наконецъ вы, милостивый государь, графъ, отреклись отъ родной своей дочери, чтобъ не выдѣлить ей части имѣнія и, публикуя въ судебныхъ актахъ, якобы она у васъ незаконнорожденная, старались и стараетесь укрѣпить все нажитое—кому-жъ?—дѣтямъ брата своего, вами съ женою его беззаконно прижитымъ... Скромность запрещаетъ раскрыть другія дѣянія ваши, но знайте, г. сенаторъ, что, рано или поздно, сильная Немезида блестящимъ мечемъ мщенія сокрушитъ всѣ вредныя предначинанія и злобныя надежды ваши, а публика вновь удостовѣрится, что возвышеніе низкаго породою и душою человѣка есть сущая его пагуба».—Ильинскій замолчалъ, а Стройновскій началъ говорить такъ: «Слушая васъ, графъ, никто не станетъ сомнѣваться, чтобъ вы не принадлежали къ той націи, которая болѣе всѣхъ прочихъ отличается своимъ легковѣріемъ и легкомысліемъ, непостоянствомъ характера и безпокойною возмутительностію: въ рѣчи своей противу меня вы употребили прекрасныя фразы и о своихъ личныхъ достоинствахъ; позвольте же и мнѣ, оставя подлость и лесть, говорить съ вами языкомъ чистосердечія. Много ли у насъ въ Польшѣ было графовъ? и кто вамъ, или мнѣ, или г. Ворцелю, или множеству другихъ помѣ-

щиковъ, пріѣзжающихъ сюда изъ нашихъ провинцій, далъ право величаться сіятельнымъ? Въ россійской и нѣмецкой имперіяхъ титулами сими жалуютъ отличнѣйшихъ государственныхъ чиновниковъ и за императорскимъ подписомъ выдаются дипломы, а вы, я и подобные намъ, имѣемъ ли ихъ на наше „сіятельство"? Знаете ли, отъ чего родилось сіе злоупотребительное присвоеніе не заслуженныхъ отличій? Отъ польскаго себялюбія и гордости, а какимъ образомъ?—то стыдно сказать. Первый узналъ сію тайну фельдмаршалъ графъ Гудовичъ и вывелъ ее наружу. Будучи подольскимъ военнымъ губернаторомъ, когда въ одинъ изъ торжественныхъ дней принималъ поздравленія отъ чиновниковъ и дворянства, вдругъ отворяются двери, входитъ въ гостинную страшнаго роста сарматская фигура съ выбритою головою, въ кунтушѣ, подпоясанная золотымъ поясомъ, а при боку дюжій кавалъ желѣза,—подступаетъ къ хозяину и рекомендуется, что онъ графъ Прездѣцкій. „Графъ Прездѣцкій?"—повторилъ Гудовичъ и три шага сдѣлалъ назадъ.—„Послушайте, чѣмъ-же это кончится! Боже мой! (были собственныя слова фельдмаршала) я графъ за то, что взялъ Анапу, Суворовъ графъ за то, что поразилъ визиря турецкаго подъ Рымникомъ, Ферзенъ графъ за то, что разбилъ и полонилъ Костюшку, а вамъ кто сказалъ, что вы графъ? Знаете-ли вы цѣну сего достоинства? Понимаете ли, что титулъ графскій пріобрѣтается великими пожертвованіями и трудными для общаго блага подвигами; а вы что достохвальнаго сдѣлали? Развѣ то, что республику свою погребли въ развалинахъ анархіи, а въ новомъ отечествѣ обезславились измѣною и клятвопреступленіями? Ваши голые уши, привыкнувъ въ столицахъ нашихъ слушать, что содержатели постоялыхъ домовъ и трактировъ, разнощики, мясники и извощики, всѣхъ изъ польскихъ губерній новопріѣзжихъ пановъ величаютъ: Ваше сіятельство!—дали вамъ поводъ мечтать, будто вы и въ самомъ дѣлѣ графы. Нѣтъ, господа, прошу васъ симъ титломъ не величаться, а иначе будете сидѣть на гауптвахтѣ».—Признаюсь, я самъ при полученіи подорожной нѣсколько разъ платилъ писарю по червонцу, продолжалъ Стройновскій, чтобъ онъ, записывая мою фамилію, къ слову помѣщика

прибавлялъ: „графу Стройновскому“, и знаю, что сему примѣру многіе изъ нашихъ собратій слѣдовали, отъ того меньше татарскихъ и грузинскихъ князей, нежели польскихъ графовъ. Скоро вашъ кучеръ Бичохлопскій, мой камердинеръ Бутохандожевскій и козакъ г. Ворцеля Сидоръ Муха станутъ, по примѣру господъ своихъ, называться графами. Слѣдовательно, г. Ильинскій, вы не извольте много хвастать графскимъ достоинствомъ; въ разсужденіи же княжества Острогскаго, то вамъ нельзя говорить о немъ не краснѣясь. Вспомните, какъ вы его пріобрѣли? Можно ли безъ нарушенія совѣсти и добраго имени купить на вѣчность за семдесятъ пять тысячь рублей такое имѣніе, которое приноситъ годоваго доходу до двухъ сотъ тысячь рублей? Можно полагать, что съ помощію добрыхъ негоціантовъ своихъ, пользуясь неопытностію и разсѣянностію молодаго графа Ферзена, вы не купили у него Острогскій ключь, а какъ бы въ карты выиграли, да и условленную сумму заплатили не чистыми деньгами, но разнообразно скупленными за безцѣнокъ у честныхъ трактирщиковъ и безкорыстныхъ заимодавцевъ графскими векселями. Теперь позвольте сказать нѣчто о рожденіи, воспитаніи и службѣ вашей. Правда, отецъ вашъ былъ староста, но такой же шляхтичъ, какъ и мой: республика не имѣла отъ него пользы ни на грошъ; ибо онъ цѣлой вѣкъ свой или угнеталъ житомірскихъ мѣщанъ, или съ ними процессовался, а блаженныя памяти мать ваша въ молодыхъ лѣтахъ весьма славилась красотою въ Варшавѣ, открытымъ знакомствомъ съ министрами и благоснисходительною ко всѣмъ молодымъ людямъ привѣтливостію, на старость же, ради отпущенія грѣховъ и спасенія души своей, строила кляшторы. Братъ вашъ былъ храбръ; но, за всѣмъ тѣмъ, не принеся отечеству пользы, палъ жертвою своей безразсудности, на глупой брани за вольность скончавъ животъ свой, подъ плетьми донскихъ козаковъ. По милости его вы вылѣзли изъ грязи ничтожества. Онъ вамъ купилъ чины до полковника, а симъ поздравила васъ революція; но генеральскій мундиръ присвоили вы себѣ безстыдно, во время гродненскаго сейма. Если у васъ есть память, то поищите въ ней того случая, когда блаженныя памяти славный Анквичь (кото-

раго вскорѣ потомъ за преданность къ Россіи наши собратія повѣсили), примѣтивъ на васъ не принадлежащіе вамъ знаки генеральскаго достоинства, приказалъ ваше сіятельство вывесть съ безчестіемъ изъ залы собранія, чему и теперь есть очевидный свидѣтель въ Житомірѣ, такой же масти генералъ Рачинскій. Скажу вамъ и объ орденахъ вашихъ. Неправда ли, что, выключая одного или двухъ всемилостивѣйше пожалованныхъ, прочіе всѣ далъ вамъ невидимою рукою Богъ, а каинями по вашему велѣнію украсилъ ихъ ювелиръ?—Три губерніи, волынская, подольская и кіевская, да половина Галиціи и даже въ Царствѣ Польскомъ знаютъ и смѣются высокомѣрію и тщеславію вашему, что во всѣхъ лентахъ своихъ и въ полномъ блескѣ свѣтящихся на васъ звѣздъ, въ костелѣ стоите вы на колѣнахъ передъ образами, въ залѣ своей на торжественной аудіенціи предъ своими заимодавцами, а въ театрѣ Романовскаго замка предъ актрисами, актерами и музыкантами, позволяя имъ цѣловать у себя руку. Знаютъ и смѣются тому, что вы въ мундирѣ и въ орденахъ со звѣздами прохаживаетесь отъ скуки въ полѣ, чтобы великолѣпнѣе утѣшаться потомъ и работою своихъ крестьянъ; ѣздите съ заставными своими поссесорами и кредиторами на гумно, чтобъ дорже продать имъ хлѣбъ, въ скирдахъ еще стоящій; бываете иногда на фабрикахъ, чтобъ работники, пораженные вашимъ сіяніемъ, не смѣли отворить рота и жаловаться на нужду и скудость въ пропитаніи, посѣщаете смиренныхъ патеровъ іезуитовъ, чтобы слаще насытиться духовною ихъ бесѣдою; знаютъ и болѣе всего смѣются тому, что вы даже спите въ орденахъ, забывъ сіи прекрасные стихи Державина:

„Оселъ останется осломъ,
„Хотя осыпь его звѣздами;
„Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
„Онъ только хлопаетъ ушами.

Что касается вашего значенія въ республикѣ и въ имперіи, позвольте вамъ въ откровенности изъяснить мои мысли. Я сидѣлъ на сеймѣ посломъ и былъ государственнымъ человѣкомъ,

до самаго издыханія нашей вольности, но объ Ильинскомъ и слуху тогда не было. За то во время варшавской революціи, когда всѣ наши сотоварищи патріоты, подвизались на ратномъ полѣ, вы, милостивый государь, сидя дома, тихонько разсѣвали въ здѣшнемъ краѣ правила варшавскаго безначалія и, бывъ съ измѣнникомъ Дзялынскимъ и съ другими клятвопреступниками, производившими неосторожно мятежъ въ нашихъ мѣстахъ и за то сосланными въ Сибирь, въ тѣсной дружеской связи, обманули и ихъ и правительство; никогда бы не видѣть вамъ своего и отцовскаго имѣнія, если бы не висѣли вы безпрестанно на шеи у Шереметьева, не играли въ цвикъ съ его женою и сестрою, не ѣздили нѣсколько разъ въ Цѣсвижъ къ Тутолмину и не принуждали жену свою на балахъ у того и другаго прыгать козачка и забавлять ихъ старость лѣтъ разными манерами. За то не конфисковано у отца вашего житомірское староство, которымъ владѣли вы по ложной записи; за то выбрали васъ въ 1796 году губернскимъ предводителемъ, за то, по представленію Тутолмина, сдѣлали васъ камергеромъ. Вспомните, что часъ смертный Екатерины былъ зарею вашего счастія и славы *), вспомните, сколько вы тогда, подъ предлогомъ ходатайствованія о низверженіи Тутолмина и россійскаго здѣсь правленія, получили изъ губерніи червонцевъ, вспомните, чего стоятъ волынянамъ ваши жалобы на Шереметьева и чиновниковъ и сколько выманили вы отъ насъ денегъ, подъ видомъ искательства свободы сосланнымъ въ Сибирь полякамъ. Я сенаторскимъ своимъ достоинствомъ обязанъ моему уму и талантамъ, а вы интригѣ, случаю и женщинамъ; мои знанія въ юристовской наукѣ, или, по вашему, въ вѣдничествѣ, столь велики, что никто не смѣетъ разинуть противу меня рта, ибо всякаго изъ моихъ противниковъ задавлю и задушу въ самомъ Сенатѣ; а васъ оберъ-прокуроры не уважаютъ, сенаторы оставляютъ безъ вниманія, а министры презираютъ, даже самые

---

*) Когда съ ней послѣдовалъ ударъ, то Ильинскій бросился на конѣ верхомъ въ Гатчино къ Павлу и первый извѣстилъ его, что императрица умираетъ. Павелъ, одѣваясь въ шпоры, сказалъ: не забуду.—Прим. А. И. Ставровскаго.

челобитчики встрѣчаютъ и провожаютъ васъ съ насмѣшливою улыбкою. Вы дѣлаете мнѣ упрекъ, что я бросилъ свою жену, что прелюбодѣйствовалъ съ снохою и что отвергнулъ родную дочь свою; а вы сами развѣ лучше сдѣлали, промѣнявъ супругу свою на модную торговку, которой угождая всѣмъ прихотямъ и капризамъ, скоро не оставите дѣтямъ вашимъ и куска хлѣба? — Богатство ваше намъ извѣстно, а о Романовскомъ Замкѣ, въ иностранныхъ газетахъ, по вашему тщеславію, опубликованномъ, можно сказать пословицу: »Славны бубны за горами«. Въ заключеніе моихъ словъ противу васъ, графъ, выучите наизусть Оду безсмертнаго пѣвца Фелицы: „Вельможа", или вытвердите изъ нея хотя сію строфу:

„Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться,
Не можно вѣвъ носить личинъ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ супостатовъ,
Всякъ думаетъ, что ты Чупятовъ,
Въ мороккскихъ лентахъ и звѣздахъ".

Тутъ, вставъ съ мѣста, сенаторъ Ворцель подошелъ къ Стройновскому и шепнулъ емо на ухо: вы забыли, графъ, спросить у г. Ильинскаго, какимъ образомъ онъ получилъ староство улановское, лучшее изъ числа всѣхъ казенныхъ имѣній и въ коемъ болѣе двухъ тысячъ душъ. Гижицкій, услышавъ то, подхватилъ съ гнѣвомъ: — „До васъ не касается воскрешать память такихъ событій, о коихъ двадцать лѣтъ молчитъ правительство, а частнымъ лицамъ говорить и вовсе не слѣдуетъ: всѣми дѣлами въ мірѣ управляютъ люди; а сіи люди всегда бываютъ подвержены вліянію страстей. Понимаете ли меня?" — „Понимаю", возразилъ Ворцель; — „но не хочу скрывать моего заключенія, что шуринъ вашъ, г. Ильинскій, пользуясь въ 1797 году высочайшею милостію, очень не деликатно поступилъ съ казною, или, лучше сказать, обманулъ государя, употребивъ императорскую къ себѣ

довѣренность во зло. Цѣлому краю нашему извѣстно, какъ утѣснялъ и отецъ и сынъ, оба гг. Ильинскіе, городъ Житоміръ; но и затѣмъ доходы его были гораздо меньше собираемыхъ съ деревень староства житомірскаго. Покойной государынѣ Екатеринѣ угодно было въ старостинскихъ мѣстечкахъ устроить города и дать имъ привилегіи по городовому положенію, а дожизненнымъ ихъ владѣльцамъ платить изъ казны тотъ доходъ, котораго, за обращеніемъ мѣстечекъ въ города, лишились съ оныхъ. За Житоміръ никакого вознагражденія Ильинскому не слѣдовало, для того, что по разсчету такое количество денегъ выключено изъ числа кварты за селенія, слѣдовательно никакого убытку ему не было, однако-жъ, улучивъ благопріятное время, жаловался императору Павлу, что у него отняли собственное его имѣніе городъ Житоміръ, которымъ-де казна съ обидою его пользуется. Можетъ ли на свѣтѣ быть жалоба сей несправедливѣе? Но проситель столь былъ наглъ и предпріимчивъ, что государь приказалъ возвратить Житоміръ Ильинскому, яко его собственность и за все прошедшее время заплатить съ него доходы. Страхъ будущаго наказанія за обманъ, который рано или поздно долженъ былъ открыться, подружился съ вѣроломнымъ коварствомъ и корыстолюбіемъ, и Ильинскій, подъ видомъ избавленія имперіи отъ убытковъ, неразлучныхъ съ устроеніемъ новыхъ зданій для губернскихъ судилищъ, вновь обезпечилъ себя презрительнѣйшимъ лукавствомъ, принося въ даръ императору тотъ самый городъ, на притязаніе котораго не имѣлъ онъ ни малѣйшаго права. Государь, не предувѣдомленный о подлогѣ, благодаритъ льстеца и, обративъ Житоміръ въ губернскій городъ по прежнему, за учиненное пожертвованіе награждаетъ Ильинскаго улановскимъ староствомъ. Вотъ дерзость, самое воровство превосходящая! Чѣмъ свыше ниспадаютъ таковые примѣры, тѣмъ глубочайшее дѣлаютъ они впечатлѣніе. Есть-ли подобное развращеніе дерзнетъ овладѣть сенаторами, въ коихъ предержащая власть видитъ себѣ помощниковъ, то отъ нихъ оно низвергаться должно гораздо съ большею силою, нежели сами законы дѣйствуютъ".—Встревоженный Гижицкій поблѣднѣлъ и прерывающимся голосомъ сказалъ Ворцелю: „Гораздо удобнѣе раз-

множать изображенія чужихъ поступковъ, нежели замѣчать свои пороки. Теперь я вижу, что сенаторы разненствуютъ отъ насъ одною только мѣрою власти и возможностію творить зло и слабостями всѣхъ меньшихъ судей превысить могутъ. На что вамъ, графъ, поносить моего шурина, когда вы сами кругомъ пахнете человѣческою слабостію? Вашими устами говорила зависть, а сію возбудило въ васъ возвышеніе моего родственника. Купеческая, или, какъ говорятъ непріятели ваши, продажная душа удобнѣе можетъ найти себѣ пищу въ с.-петербургскомъ, рижскомъ и одесскомъ портахъ, нежели въ сенатѣ, гдѣ бываетъ она въ величайшей дѣятельности тогда только, когда производятся торги на винные откупы и казенные подряды. Вспомните, что вы и сами оставили богатую и достойную жену, для того, чтобы жить явно съ распутною молдаванскою дѣвкою; вы хвалились духовною, заключающею въ себѣ видимые знаки нечистоты вашихъ нравовъ; смотрите, чтобъ ею еще больше не помрачился конецъ вашей жизни, проведенной въ распутствѣ и мздоимствѣ. Незаконорожденный сынъ вашъ, для котораго лишаете вы знатной части наслѣдія дочерей своихъ, не дастъ вамъ покоя ни во гробѣ, ни во глубинѣ самаго ада". —Гижицкій еще хотѣлъ было продолжать матерію своего слова, но Ворцель началъ говорить съ жаромъ:—„Признаюсь вашему превосходительству, что, хотя вы не имѣете такихъ злоѣдкихъ достоинствъ и столь обширнаго и превысприняго ума, какимъ блистаетъ шуринъ вашъ, но есть и вамъ чѣмъ похваляться. Вы рождены отъ шляхтича, а не отъ магната, слѣдовательно, по натурѣ вещей, вамъ бы должно было или гонять воловъ отца своего на продажу въ Шлюнскъ, или, въ званіи диспозитора, побуждать плетью къ работѣ лѣнивыхъ крестьянъ, либо у котораго нибудь изъ нашихъ богатыхъ князей быть берейторомъ и хлопать для его забавы арапникомъ, однако-жъ вы теперь генералъ и генералъ съ именемъ: причиною таковаго измѣненія уставовъ природы есть, конечно, не что иное, какъ искусство ваше жить въ свѣтѣ. Мнѣ разсказывали, что когда вы еще воспитывались на королевскомъ коштѣ въ корпусѣ кадетовъ, то и тогда всѣ называли васъ смѣлымъ, ибо иному изъ своихъ товарищей откусили

вы ухо, другому отгрызли кусокъ носа, многимъ въ дракѣ выцарапали глаза, а нѣкоторымъ выщипали на головѣ волосы; по выпускѣ же изъ корпуса, хотя и пресмыкались въ нижнихъ чинахъ, но недолго. Благодаря просвѣщенію, ловкости и отличной любезности польскихъ дамъ пожилыхъ, но богатыхъ, вы черезъ два года въ состояніи были купить себѣ ротмистрство, и, кажется, Вонсовичъ вамъ продалъ его, вмѣстѣ съ орденомъ св. Станислава. Вы, не видя никогда въ глаза непріятеля, служили прежнему отечеству своему весьма храбро; но когда наступилъ второй раздѣлъ Польши и когда вынудили у васъ присягу на вѣрность россійскому подданству, тогда слава объ васъ гремѣла повсюду. Распространенію ея обязаны вы тѣмъ, что умѣли болтать отъ утра до вечера безъ умолку, что передразнивали каждаго искуснѣйшимъ образомъ, что владѣли чудеснымъ даромъ кривляться, что всякъ, завидуя вашимъ талантамъ, называлъ васъ мастерскимъ плясуномъ, неподражаемымъ скоморохомъ и безподобнымъ шутомъ. Извѣстясь о таковыхъ отличіяхъ вашихъ, графъ Зубовъ взялъ васъ въ свое покровительство, познакомилъ съ Петербургомъ, возилъ въ Персію и доставилъ мѣсто и чинъ полковничій. Жалѣю сердечно, что русскіе офицеры и начальники ихъ не любили васъ, и какъ, по интригамъ своимъ, не могли вы не выказать своего характера, то даже многіе васъ возненавидѣли и какъ бы выгнали изъ полку. Тогда то вашъ геній воспарилъ подъ облака! О, какъ вы были счастливы, когда васъ, по особенной склонности къ забавамъ, въ часы веселія, зимою, въ трескучіе морозы, возили въ одномъ мундирѣ отъ Дубно до Петербурга и какъ вы охотно, по первому данному вамъ знаку, пѣвали въ нѣкоторыхъ корчмахъ жидовскій »маюфисъ«. Различными способами искушали ваше терпѣніе, но вы всегда были тверды въ своемъ навыкѣ, и какъ дубъ выше мелкихъ кустовъ, такъ вы стояли выше всѣхъ насмѣшекъ и ругательствъ. За то схватили два чина, за то его высокографское сіятельство, сенаторъ, Августъ Ивановичъ графъ на Романовѣ Ильинскій удостоилъ васъ чести быть его сестры мужемъ, за то въ лучшихъ домахъ въ Петербургѣ и на провинціяхъ знали васъ за... За то, сдѣлавшись ше-

фомъ на счетъ продовольствія безсловесныхъ тварей, нетрепетною рукою набивали себѣ карманы; за то во время похода въ Италію пожалѣли васъ, и когда другіе шефы выставляли чело и грудь свою противу бомбъ, ядеръ и картечь, вы, подобно римскому диктатору Цинципату, сидѣли подъ отеческимъ кровомъ и спокойно ходили за плугомъ, возсылая смиренныя молитвы къ Богу о дарованіи тишины и мира. Былъ, однакожъ, и вамъ случай отличиться подъ Австерлицомъ, но проклятая пуля сорвала съ головы вашей лавры и, говорятъ, такъ сильно уязвила (только ни вы сами, и никто не помнитъ въ которое мѣсто), что, безъ всякихъ чувствъ стыда и совѣсти, вы очутились въ своей деревнѣ, разсуждая по дорогѣ, какая кому въ томъ нужда, не я первый, не я и послѣдній. При всей однакожъ готовности вашей по службѣ, многіе считали и считаютъ васъ трусомъ и великіе вами совершенные рыцарскіе подвиги толкуютъ превратно. Напримѣръ: рѣшимость вашу, по стремленію коей запрягали вы нѣвогда русскихъ священниковъ, называютъ безразсудностію, а смѣлость и отважность, съ которыми въ пьянствѣ разбили вы бутылкою голову одному русскому губернатору, за то, чтобъ не вступался за честь своей оскорбленной вами націи, поставляютъ выше дерзости и сумашествія; но вы, однакожъ, равнодушно всѣхъ увѣряете, что тотъ и другой поступокъ ничего не заключаютъ въ себѣ противузаконнаго, для того, что остались безъ вниманія и наказанія«.

Гижицкій, пожимая плечами, прервавъ рѣчь Ворцеля, воскликнулъ: »Боже милосердый! какихъ мы имѣемъ сенаторовъ«! а Стройновскій отозвался: »прибавьте къ тому еще и какого губернскаго маршала«!

Казалось, что та и другая сторона, послѣ толикихъ другъ другу нанесенныхъ ругательствъ и колкостей, не иначе вражду свою окончатъ, какъ потушивъ ее въ крови слабѣйшаго; однакожъ гг. польскіе паши сенаторы сравнялись въ семъ случаѣ съ польскими юристами и адвокатами, кои во время опроверженія или защищенія тяжбъ, естьли въ виду патроновъ говорятъ судныя рѣчи, то, кажется, готовы рѣзаться другъ съ другомъ, а вышедъ изъ судовой залы, сами смѣются съ наемнаго своего краснорѣчія.—Огинскій дотолѣ молчавшій, обратясь

къ спорющимся, спрашивалъ ихъ: »можетъ ли быть въ толь различныхъ умахъ, каковы польскіе, согласіе въ столь пристрастныхъ желаніяхъ, какъ у нашего дворянства? умѣренность—въ столь не постоянныхъ, какъ у васъ, гг. депутаты, волляхъ? твердость и единство въ дѣйствіяхъ толико робкихъ? Положитесь лучше всего на фортуну, предметъ нашего поклоненія; но только не забывайте, что для неосторожности она вѣтрена, а для благоразумія постоянна«.—По семъ замолкло все собраніе, и какъ скоро ненависть, незаслуженная Комбурлеемъ, погасила всѣ другія страсти, то Ильинскій паки говорить началъ такъ: »когда всемилостивѣйшій императоръ, по безпримѣрному великодушію и человѣколюбію, простилъ всѣхъ клятвопреступниковъ изъ нашей націи, отпустилъ вины грабителямъ смоленскимъ, возвратилъ достояніе кровопійцамъ московскимъ, принялъ въ свое покровительство Варшаву, бывшую всегдашнимъ гнѣздомъ и скопищемъ мятежниковъ польскихъ, да и память о всѣхъ прошедшихъ нашихъ злодѣяніяхъ предалъ вѣчному забвенію, то не всякаго ли патріота первѣйшій есть и будетъ долгъ принять оружіе и щитъ противу русскихъ начальниковъ и губернскихъ чиновниковъ и противу градской и земской ихъ полиціи?—Начнемъ съ гордаго Комбурлея и докажемъ, что, хотя мы по вѣтренности своей не имѣемъ никакого характера, однакожъ въ злобѣ и мщеніи не уступимъ ни гишпанцамъ, ни жителямъ Корсики, а въ интригѣ превзойдемъ всѣхъ патеровъ езуитовъ и самихъ великихъ инквизиторовъ. Мы тѣмъ обратимъ на себя вниманіе цѣлой Россіи, а единоземцевъ нашихъ въ Польшѣ и Литвѣ увѣримъ, что ежели чудовище варшавской революціи потеряло голову, то на Волыни еще двигается увитый скорпіонами хвостъ его«. Потомъ отозвался Гижицкій: »Комбурлей ничѣмъ меня не обидѣлъ, да и никому въ цѣлой губерніи не причинилъ зла, кромѣ того, что, по излишней ревности къ соблюденію казеннаго интереса, не щадитъ неплатильщиковъ податей, взыскиваетъ экзекуціею недоимки, строго удерживаетъ отъ самовластія надъ крестьянами, не смотритъ ни на сенаторскія званія, ни на чины генеральскіе, при понужденіи къ платежу банковыхъ и другихъ казенныхъ долговъ,—убѣждаетъ без-

преставно дворянъ ко внесенію патріотическихъ пожертвованій и неприступенъ къ тѣмъ, которые для собственной своей пользы хотѣли бы ему оказывать свои услуги. Подчиненные Комбурлея также всѣ добрые люди. Но для чего же намъ, рожденнымъ въ вольности и воспитаннымъ въ свободѣ, еще двигать ярмъ русскаго чиноначалія? Неужели у насъ не можетъ быть губернаторомъ польскій вельможа или генералъ, совѣтникомъ—польскій шляхтичъ, городничимъ—польскихъ легіоновъ офицеръ, а исправникомъ—польскій обыватель? Развѣ золотой вѣкъ нашихъ пястовъ и сасовъ никогда не посѣтитъ сію землю? Потребна только рѣшимость. Уже положено прекрасное основаніе переворота. Уже при нынѣшнихъ выборахъ много трактовано о тайныхъ мѣрахъ и пособіяхъ къ сооруженію зданія, долженствующаго вмѣщать въ себѣ будущее наше счастіе. Я самъ избранъ губернскимъ маршаломъ не для чего инаго, какъ только для того, чтобы дѣйствовать при помощи вашей, почтеннѣйшіе сенаторы, къ низверженію Комбурлея и подчиненныхъ ему русскихъ чиновниковъ. Тутъ раздались въ залѣ ихъ собранія голоса: »*Комбурлея низложить трудно*«, »*Комбурлей въ милости у двора*«, »*Комбурлей богатъ и славенъ*«; но Гижицкій продолжалъ: »въ междоусобныхъ браняхъ счастіе всегда склоняется къ тому, кто разитъ, мимо того, кто разсуждаетъ. Всякъ изъ насъ долженъ почитать себя защитникомъ общаго дѣла, а потому, видя въ врагѣ злодѣя, вправѣ позволять себѣ всѣ средства, самыя незаконныя, для достиженія своей цѣли. Когда предстанемъ предъ лице государя, принесемъ высочайшему его престолу на все губернское и мѣстное начальство жалобы, а естьли крайность заставитъ, то для чего-жъ нельзя чести, жизни и имущества обжалованныхъ обрещи въ жертву общему единоземцовъ своихъ благоденствію? *Audaces fortuna juvat* (за смѣлымъ Богъ)! Велятъ произвести слѣдствіе? Ручаюсь, что оно будетъ намъ въ пользу, есть-ли только не пожалѣемъ времени, трудовъ и кошельковъ нашихъ. Потребуютъ доказательстъ? Тогда мы выпустимъ ехиднъ съ навѣтами, аспидовъ съ ябедами и убійственныхъ василисковъ съ доносами... Не всегда должно сообразоваться съ строгими законами совѣсти.

Разсѣемъ повсюду ложь, неправду и лесть, потомъ, съ глубокообдуманною злобою, разстелемъ сѣти ухищренія и коварства. Когда же вся губернія, въ лицѣ тайныхъ поборниковъ нашихъ, роптать и на Комбурлея вопіять станетъ, тогда верховное правительство, сколь бы оно твердо, безпристрастно и справедливо ни было, пріиметъ нашу сторону. Гласъ народа—гласъ Божій. У насъ есть агенты во всѣхъ повѣтахъ. Почтенные фамиліи: Ворцелей, Стройновскихъ, Ржищевскихъ, Гостынскихъ, Стецкихъ, Яловицкихъ, Домбровскихъ, Павшовъ, Залесскихъ, Плятеровъ, Пражмовскихъ, Букарей, Охоцкихъ, Древецкихъ, Лѣдуховскихъ, Юновскихъ, Буковецкихъ, Валѣскихъ, Ропикеровъ, Выжговъ, Кашевскихъ, Грохольскихъ, Прушинскихъ, Тарновскихъ, Хоткѣвичей, Потоцкихъ, Бензымовъ, Залынскихъ и прочихъ, недовольныхъ правленіемъ Комбурлея и Хрущова, поклялись жертвовать собою и имуществами своими, къ пагубѣ русскихъ и къ возстановленію польскихъ чиновниковъ. Средній классъ обывателей и вся шляхта, коль скоро увидятъ успѣхи въ нашихъ предпріятіяхъ, тотчасъ обратятся къ намъ и будутъ готовы ко всякимъ услугамъ. Это, можно сказать, простой народъ, мало чѣмъ различествующій отъ черни; а чернь есть такая скотина, на которой всякъ можетъ ѣздить по очереди«. При семъ разсужденіи князь Яблоновскій обратилъ на себя вниманіе, сказавъ: »а мнѣ кажется, что шляхта наша есть оружіе въ ядъ омоченное и кто владѣетъ имъ счастливо, тотъ погибаетъ наконецъ ихъ жертвою«.

Говорили многіе, шумѣли, спорили, а напослѣдокъ положили: сенатору Ильинскому, во время представленія депутатовъ, поднести государю громкую на волынское начальство жалобу и таковую же доставить предсѣдателю совѣта, князю Салтыкову; генералъ-маіору Гижицкому тотчасъ затѣмъ скакать на Волынь и, прежде вступленія въ должность губернскаго маршала, стараться подъ рукою черезъ своихъ агентовъ распалять умы и поджигать волынянъ ко всѣмъ дерзскимъ предпринятіямъ противу Комбурлея и его подчиненныхъ, Яблоновскому склонять на ихъ сторону князей и богачей, не изъявившихъ при выборахъ охоты къ мятежническимъ предпріятіямъ, Огинскому писать къ своимъ друзьямъ въ

Вильно и Варшаву о напряженія общихъ силъ къ тому, чтобъ, съ низверженіемъ Комбурлея, по всѣмъ провинціямъ, отъ Польши присоединеннымъ, губернаторы и другіе чиновники могли быть поляки, а не русскіе, Стройновскому и Ворцелю по всѣхъ юрисдикціяхъ въ столицѣ и въ кабинетахъ министерствъ, пріобрѣсть себѣ друзей, а чрезъ нихъ дѣйствовать по корреспонденціи Волыни, всѣмъ же вообще, какъ самимъ собою, такъ и чрезъ своихъ соучастниковъ и тайныхъ шпіоновъ, гдѣ бы кому ни случилось—при дворѣ-ль, въ сенатѣ-ль, въ министерствахъ, въ домахъ вельможъ и знатнѣйшихъ особъ, въ клубахъ, въ собраніяхъ и на бесѣдахъ, разсѣвать слухи и съ божбою увѣрять, что въ волынской губерніи происходятъ отъ начальниковъ и русскихъ чиновниковъ страшныя злоупотребленія, что самыя жестокія претерпѣваютъ отъ нихъ насилія всѣ вообще состоянія, а въ особенности дворянство, что грабительства и утѣсненія, по части мѣстныхъ полицій, умножились до невѣроятной степени, а найначе кричать со всей мочи, что у бѣднаго народа безчисленное множество поборовъ вымучено ими въ свою пользу. При всемъ томъ ничего не должно говорить языкомъ холоднаго разсудка, а употреблять только краснорѣчіе страстей и наружность патріотизма, всякую же умѣренность почитать за вѣроломство. Напрасно Огинскій и Яблоновскій представляли собранію, что первые шаги на пути беззаконія возведутъ всѣхъ ихъ къ величайшимъ пропастямъ тѣхъ ужаснѣйшихъ преступленій, кои до самаго гроба не перестанутъ терзать ихъ совѣсть. Гижицкій, возвысивъ голосъ, подобно Стентеру, закричалъ: »клянитесь ненарушимо исполнять наши постановленія«! Всѣ, кромѣ двухъ, въ одинъ голосъ закричали: клянемся! Тогда Ильинскій, ставъ на колѣни, воздѣлъ руки къ небу и такъ молился: »Господи, верховный Царю народовъ, укрѣпи незлолюбивые наши сердца и сотвори, да не внидемъ въ сѣти милосердаго снисхожденія къ слабостямъ русскихъ чиновниковъ, но да возрадуемся о погибели ихъ«! Симъ актомъ безбожія зачинщики волынской революціи запечатлѣли союзъ свой. И во время торжественной аудіенціи, данной всемилостивѣйшимъ государемъ депутатамъ, сенаторъ Ильинскій дерзнулъ поднесть императору

записку въ сихъ словахъ: »яко бы, при взыманіи на Волыни установленныхъ повинностей, происходятъ разныя и раззорительныя притѣсненія обывателямъ, что мѣстное начальство крайне оскорбляетъ ихъ и, вопреки совѣсти, вымучиваетъ отъ нихъ почти въ-двое противъ назначеннаго правительствомъ, употребляя притомъ разныя средства, дабы таковыя злоупотребленія, съ крайнимъ отягощеніемъ народа сопряженныя, не дошли до высочайшаго свѣденія, и что обыватели угрозами и примѣрами мщенія запуганы до того, что не смѣютъ приносить жалобъ«. Подобная записка доставлена князю Салтыкову, генералъ-фельдмаршалу, и господину министру финансовъ отъ его же, сенатора Ильинскаго, представленъ доносъ на казенную палату о неправильномъ, яко бы, исключеніи изъ ревизіи душъ. Гижицкій скоро потомъ получилъ орденъ св. Анны перваго класса, а польскій за заслуги самъ далъ себѣ. Ему приказано состоять по арміи, что и помѣшало вступить въ должность губернскаго маршала. На другой день послѣ аудіенціи, князь Яблоновскій, усмотрѣвъ выставленную бурю злобы, несомую на крыльяхъ интриги отъ сѣвера къ западу, притворно занемогъ и подъ видомъ болѣзни никуда не показывался. Сенаторъ Огинскій, искусившійся опытомъ не вѣрить ложному патріотизму разгоряченныхъ головъ, не хотѣлъ, подобно своимъ товарищамъ, заслужить народное удивленіе отъ обольщенной Волыни, зная, что сей жертвы удостоиваютъ иногда и самихъ величайшихъ злодѣевъ; за то другіе, чуждые добродѣтели, чуждые патріотическихъ чувствованій и истинной славы, мечтали, подстрекаемые только единою злобою и честолюбіемъ; видя, что поднесенная Ильинскимъ записка не отвергнута, возмнили цѣлой Петербургъ наполнить крикомъ и воспользоваться благопріятною минутою для удовлетворенія страстей своихъ. Они бѣгали вездѣ по домамъ искать слушателей, дѣлали у себя пиры и вечеринки и, назвавъ гостей, большею частію разказщиковъ новостей и проповѣдниковъ о пожарахъ, смертоубійствахъ и о другихъ несчастныхъ приключеніяхъ, съ жадностію ловили всѣ случаи разглашать, что волынская провинція есть кусокъ земли одинъ на цѣломъ земномъ шарѣ Богомъ отверженный, что Комбурлей

управляетъ оною жезломъ желѣзнымъ, что подчиненные ему начальники градской и земской полиціи всѣхъ угнетаютъ, раззоряютъ и, подобно варварамъ, опустошаютъ ихъ города и села, что помощники правителя, руководимые духомъ наживы, проводятъ время въ пирахъ и празднествахъ, что въ мѣстахъ засѣданія совѣтниковъ нѣтъ ни правосудія, ни кротости, а царствуетъ ужасъ и страхъ, что сонмъ приказныхъ служителей, какъ стадо голодныхъ волковъ, день и ночь рыщетъ за добычею, что у помѣщиковъ въ деревняхъ и мѣстечкахъ домы разрушены военными постоями и помѣщеніемъ лазаретовъ, а фавориты Комбурлея построили себѣ палаты, украсили ихъ бронзою съ дорогими картинами и наполнили блестящими мебелями, что дворяне, чрезъ здирство и поборы обнищавшіе, едва имѣютъ кусокъ насущнаго хлѣба, а губернскіе чиновники и секретари бросаютъ тысячи на угощеніе генераловъ и на пріемы Комбурлеевой фамиліи, что губернскіе маршалы Верцель и Гостынскій, предсѣдатели главнаго суда Бачинскій и Четвертинскій, также и другіе знатнѣйшіе изъ дворянства помѣщики чрезъ Комбурлея обанкрутились и отдали имѣнія свои подъ разборъ, а исправники, повятовые казначеи и прочіе русскіе чиновники сотни тысячъ рублей отдаютъ на проценты, что даже ключвойты, самый нижній классъ полиціи, служащій безъ жалованья, разъѣзжаютъ въ каретахъ, словомъ: готты и вандалы, татары и монголы впаденіями своими и набѣгами менѣе злодѣйствовали и чинили опустошеній, нежели сколько, по ихъ словамъ, чиновники русскіе подъ начальствомъ Комбурлея произвели на Волыни насилій, грабительствъ и всякаго рода преступленій, достойныхъ казни. Такимъ-то языкомъ зачинщики революціи волынской въ самой столицѣ выражали черты души своей, вселяя подозрѣнія о постыднѣйшихъ и оскорбительнѣйшихъ намѣреніяхъ своихъ. Хладнокровные и безпристрастные слушатели, коихъ однакожъ немного, почитали сіи сказки за ужасную смѣсь подлостей, свирѣпости и посмѣянія, но жадные охотники до новостей и тѣ, коимъ неизвѣстны были пружины, направленныя разскащиками къ пагубѣ Комбурлея, распустили сами отъ себя еще больше басень и тѣмъ дали видъ правдоподобія всѣмъ

гнуснымъ и нелѣпымъ слухамъ, ненавистію, завистію и злобою разглашаемымъ.

Государь императоръ изволилъ отправиться въ началѣ сентября въ Вѣну на конгресъ; записка, препровожденная въ комитетъ, пошла въ дѣло. Ильинскій торжествовалъ и отъ избытка удовольствія, что успѣваетъ въ мщеніи Комбурлею, встрѣчаясь съ министрами, ни одному уже изъ нихъ не кланялся. Стройновскій и Ворцель, уступивъ ему первую ролю, довольствовались второю степенью лицедѣевъ. Прочіе изъ ихъ труппы статисты, хотя съ боязнію взирали на скопляющуюся грозную тучу, но намѣревались воспользоваться раззореніями, въ случаѣ обрушенія оной. Гижицкій, сломя голову, поскакалъ на Волынь и во все продолженіе пути предъ знакомыми и незнакомыми жаловался, что ему очень жарко, скидалъ безпрестанно шинель, подъ которою на военномъ мундирѣ видны были двѣ звѣзды, и разсказывалъ всякому, кто и какимъ образомъ всунулъ ему въ петлицу польскій орденъ за заслуги. Природа въ законахъ своихъ не измѣнила: она зоветъ волка въ лѣсъ, а поляка тянетъ къ хвастовству.

Между тѣмъ какъ адъ зависти раскрылъ зѣвъ свой, чтобы поглотить Комбурлея, онъ въ кругу своего семейства наслаждался душевнымъ спокойствіемъ и за спасеніе волынской провинціи въ опасное время жесточайшихъ браней ожидалъ награды; а когда приближенные къ нему доносили о злоухищреніяхъ тайно вооружающейся противу него партіи и совѣтывали принять благовременныя мѣры къ истребленію крамолы въ самомъ ея началѣ, то онъ въ незлобіи сердца своего отвѣчалъ имъ: „Я не хочу для пресѣченія временныхъ замѣшательствъ воздвигать неукротимую бурю. Насиліе есть удѣлъ только нѣкоторыхъ, а законъ есть защита всѣхъ; крамолы губятъ почти всегда тѣхъ, которые ихъ основали, и предразсудки уступятъ мѣсто истинѣ. Для пылкихъ честолюбцевъ не всегда бываютъ открыты пути къ славѣ. Вражда безъ мѣры, презрѣніе безъ причины и надежность безъ основанія сами по себѣ приближатъ враждующую мнѣ партію на край бездны. Будьте спокойны, кто въ совѣсти чистъ и въ дѣлахъ своихъ непороченъ, тотъ не боится клеветниковъ, отъ малодушія

и страха всегда почти преступающихъ за границы благоразумія". —Нѣкто въ семъ случаѣ припомнилъ слова славнаго философа, что великодушныя жертвы „власти и силы, въ угожденіе мнѣнію, возбуждаютъ восторгъ и благодарность, но невольныя жертвы слабости, изъ одной боязни и робости, умножаютъ недовѣрчивость „и лишаютъ уваженія", а Комбурлей, вздохнувъ, сказалъ на то: „для чего же умалчиваете, что всякая умалительная жертва политики оплакиваема будетъ добрыми сердцами и найдетъ мстителя въ другомъ мірѣ". Тутъ прекрасная и предобродѣтельная супруга Комбурлея, вмѣстѣ съ почтеннѣйшею матерію своею, генералъ-порутчицею Рахмановою, приступили къ нему съ повтореніемъ неоднократныхъ просьбъ своихъ оставить службу и удалиться въ деревню, гдѣ ожидаютъ его семейственныя утѣхи, дружба и блаженство. Слезы ихъ были выразительнѣе самихъ рѣчей; горестное предзнаменованіе незаслуженныхъ несчастій! Всего же чувствительнѣе для сердца было видѣть, какъ миленькія ихъ дѣточки, внимая словамъ бабки и матери, безмолвно смотрѣли отцу въ глаза и осыпали поцѣлуями своими его руки; но высокій духъ выступилъ противу нѣжности и благородное честолюбіе вступило въ права свои. Онъ изрекъ: «Естьли должно заплатить дань роковому стеченію обстоятельствъ, то лучше пасть съ мечемъ въ рукѣ, нежели безъ обороны протягивать мечь предъ коварными врагами. Есть ли интрига возьметъ перевѣсъ и я удалюсь, что будетъ тогда съ моими подчиненными? Кто защититъ ихъ? Вы знаете, что средній классъ здѣшняго дворянства и огрубѣлая шляхта, нищетою ожесточенная, суть такія существа, кои слѣпо готовы слѣдовать за всѣми крамолами и творить всякія неистовства. Не время помышлять объ отставкѣ; отсутствіе можетъ поглотить и достоинства и всю пріобрѣтенную мною славу. Надѣюсь на правосудіе и любовь мою къ отечеству, могущество истины непобѣдимо. При всемъ томъ не могу скрыть предъ вами опасенія, чтобъ коварные мои враги не увлекли за собою общественнаго мнѣнія, которое хотя по виду есть оружіе слабое, но мочное по дѣйствію. Это пружина тѣмъ страшнѣйшая, что сила ея неизчислима.—Комбурлей умолкъ; нѣкоторое горестное предчув-

ствіе покрыло свѣтлое лицо его туманомъ печали. Ему мечтались тѣ времена ужасовъ, раздоровъ и варварства, которые долго покрывали Польшу глубокимъ мракомъ, освѣщеннымъ только факелами злодѣйства.

Волынь, выславшая депутатовъ въ столицу, не подозрѣвая никого изъ нихъ въ черноду́шіи, наглости и подлости, съ нетерпѣніемъ ожидала ихъ возвращенія, а тайные друзья начавшейся революціи, будучи природными врагами всему тому, что хочетъ выйти изъ безпорядка, выглядали своихъ сообщниковъ съ непрестаннымъ желаніемъ распространить кругъ своей ненависти къ Комбурлею. Извѣстнѣйшіе изъ нихъ были нижеслѣдующіе: Залескій, въ отсутствіи губернскаго маршала*), исправлявшій его должность, о которомъ вездѣ носится такая молва, что онъ породою грубый шляхтичъ, званіемъ житомірскій маршалъ, фигурою запорожскій козакъ, умомъ деревенскій мужикъ, обращеніемъ изъ-за стойки цѣловальникъ; простъ, какъ ворона, но хитръ, какъ бѣсъ. Сей маршалъ, кромѣ безмѣрной склонности къ горячимъ напиткамъ, кромѣ буянства и сваръ съ своими родственниками, кромѣ признанія, подобно герцогу Орлеанскому, проименованному Равенствомъ, что онъ сынъ кучера, обезчестилъ себя предводительствованіемъ шайкою, которая въ 1808 году, напавъ ночью на бывшаго здѣсь прокурора Руссова, среди улицы высѣкла его плетьми за одно сочиненіе подъ именемъ: «Волынскія записки», изданное по высочайшему повелѣнію. Какъ злодѣи были въ маскахъ и скрылись отъ очей полиціи, то и преступленіе ихъ осталось безъ наказанія; а нынѣ, подъ покровомъ десятилѣтней давности, панъ указываетъ пальцемъ на оныхъ санъ-кюлотовъ. Сосѣди Залѣскаго, помѣщикъ Букаръ и Охоцкій, были ему друзьями, Ильинскому рабами, Гижицкому братьями, а Комбурлею злѣйшими непріятелями не потому, чтобъ онъ ихъ обидѣлъ, ибо, напротивъ, тотъ и другой пользовались всегдашнимъ въ домѣ его гостепріимствомъ; но для того, чтобъ угодить Ильинскому и насы-

---

*) Гижицкаго.

тить національную свою ненависть къ русскимъ. Первый изъ нихъ Букаръ хвастался родовою непреклонностію и отвращеніемъ ко всему русскому, говоря, что еще дѣдъ и отецъ его питали къ нимъ непримиримую злобу, а онъ самъ лишился даже имущества своего, гонимаясь за славою патріота; другой же, Охоцкій, взросшій въ домѣ дяди своего, аббата сего имени, во время варшавской революціи подвизавшагося въ овруцкомъ повѣтѣ за вольность и съ пастырскимъ смиреніемъ проповѣдывавшаго тамошней шляхтѣ о всеобщемъ возстаніи и о убійствѣ русскихъ, былъ разомъ съ тѣмъ же дядею въ смоленской секретной коммиссіи и, за правила безбожія и клятвопреступство, получилъ тамъ должное возмездіе, о которомъ не говоритъ для того, что далъ подписку въ молчаніи. Весь родъ Охоцкихъ и Букарей не терпитъ ни одного изъ русскихъ чиновниковъ. Вележинскій, зять Букаревъ, напыщенный ученостію студентъ, теперешній маршалъ, начитавшись книгъ о революціяхъ, наслышавшись отъ тестя о патріотизмѣ и будучи къ тому жены своей униженный слуга, также не возлюбилъ Комбурлея; а помѣщикъ Валевскій, горячій любовникъ Вележинской, думающей о себѣ, что она патріотка, сдѣлался также горячимъ недругомъ начальника губерніи. Всѣ сіи пять человѣкъ принимали волю Ильинскаго за законъ, и въ двухъ повѣтахъ, житомирскомъ и новоградволынскомъ, стояли въ переднихъ шеренгахъ конфедераціи противу Комбурлея. Помѣщикъ Буковецкій, староконстантиновскій въ то время маршалъ, и видомъ и душею страшный сарматъ, со злости чуть было не повѣсившійся за то, что дочь его тайно вышла замужъ за русскаго офицера, рыкаетъ на русскихъ, какъ левъ; онъ въ своемъ повѣтѣ взялся быть главою противудѣйствующей Комбурлею партіи. Павша, овруцкій маршалъ, одинъ изъ четырехъ братьевъ, обличенныхъ въ клятвопреступленіи и измѣнѣ и за то лишенныхъ достоянія своего, взросшій между звѣрей, среди болотъ и лѣсовъ непроходимыхъ, рано и вечеръ изрыгающій хулу проклятія на тѣхъ россійскихъ владѣльцевъ, коимъ досталось конфискованное у братьевъ его имѣніе, съ превеликою радостію взялъ себѣ ролю гонителя всѣхъ русскихъ чиновниковъ. Графъ Тарновскій, кременецкаго повѣта мар-

шалъ, молодой, неопытный помѣщикъ, привязанный болѣе къ картамъ, нежели къ своей должности, обнищавшій чрезъ мотовство своего брата, бывшаго также въ Кременцѣ маршаломъ и бѣжавшаго за границу, не имѣлъ ни малѣйшаго повода къ жалобамъ на Комбурлея, но захотѣлъ быть врагомъ его только потому, что бродяги и бѣглецы изъ легіоновъ польскихъ натрубили ему въ уши, будто предокъ его, славный гетманъ Тарновскій, оставилъ завѣщаніе потомству своему мстить всякому россіянину за его пораженіе. Въ томъ же повѣтѣ два брата Древецкихъ и вся фамилія Ржищевскихъ, за то, что Комбурлей въ 1812 году исполнилъ повелѣніе главнокомандовавшаго войсками и выслалъ Ржищевскую и Древецкаго внутрь Россіи, кипѣли противу его злобою; маршалъ ровенскаго повѣта Линьвевичъ, ни добра, ни зла творить неумѣющій, по одному только наущенію матери, отправившей трехъ сыновей, кромѣ его, на службу противу Россіи, что и было причиною секвестра ихъ имѣнія, а ея ненависти къ Комбурлею, вызвался угождать Ильинскому. Маршалъ заславскаго повѣта Бензымъ, внукъ конюшаго, а сынъ стряпчаго князей Сангушковъ, самъ плотникъ, каретникъ, подрядчикъ, купецъ, факторъ и почтъ содержатель, болѣе всѣхъ, подъ маскою преданности къ Комбурлею и пріязни къ губернскимъ чиновникамъ, умѣлъ питать въ душѣ своей склонность къ предательству, объявляя причиною того нежеланіе Комбурлея доставить ему орденъ св. Анны 2-го класса. Малынскій и Липскій, первый маршалъ острогскаго, а послѣдній луцкаго повѣтовъ, оба промотавшіеся помѣщики и оба облагодѣтельствованные Комбурлеемъ, вмѣсто признательности заплатили ему самою жестокою неблагодарностію изъ угожденія Ильинскому и Гижицкому. О характерѣ и поведеніи ихъ говорятъ такъ, что они изъ числа тѣхъ людей, у коихъ на челѣ, какъ на дверяхъ дома, написаны большими буквами сіи слова: „Отдается въ наймы или продается". Маршалъ дубенскаго повѣта Молодецкій, скупѣйшаго отца прескупой сынъ, примѣръ тщеславія и гордости, полюбилъ Ильинскаго за его высокомѣріе и безъ всякой другой причины сдѣлался врагомъ Комбурлея. Одинъ только владимірскій маршалъ, Холопѣвскій, оказалъ

благородство души своей, пренебрегая увѣщаніями, просьбами и угрозами Ильинскаго соединиться съ нимъ на пагубу Комбурлея, и когда уже не могъ отвратить зла, то согласился, взявъ пашпортъ, лучше выѣхать за границу, чѣмъ дышать однимъ воздухомъ съ клеветниками. Друзья сенаторовъ Стройновскаго и Ворцеля, разсыпанные по разнымъ повѣтамъ, также арендаторы и ихъ заставники, кои никакой обиды не понесли отъ губернскихъ начальниковъ, вписали имена свои въ списокъ конфедератовъ противу Комбурлея для того, чтобъ показать польскую фантазію, питающуюся пустыми звуками, и чтобы сказали объ нихъ сіи слова:

„Ай, моська! знать она сильна,
Что лаетъ на слона“....

Но всѣ сіи мнимые поборники вольности и патріотизма, чудаки и принужденные наемники, чрезъ коихъ, какъ чрезъ морскую трубу, начальники раздоровъ хотѣли говорить съ дворянствомъ, до возвращенія депутаціи, сидѣли въ домахъ, какъ вѣтры въ ущелинахъ. Говорятъ, что великая тишина въ морѣ предзнаменуетъ наступающую бурю. Кажется, что такъ случилось и въ волынской губерніи. Шляхта во время выборовъ, подобно стаѣ воронъ, кракала, кракала и разлетѣлась въ свои гнѣзда; Ильинскій и губернскій маршалъ Гижицкій, какъ два коршуна, пустились въ столицу искать пищи своему самолюбію, а ихъ агенты, подражая ястребамъ, разгоняющимъ стада невинныхъ голубей, дожидались случая, съ какой стороны лучше ударить на русскихъ чиновниковъ. Комбурлей, ненавидя тщеславныхъ, сожалѣя о глупыхъ, гнушаясь подлыми и имѣя отвращеніе отъ обманщиковъ и лжецовъ, видѣлъ всю интригу, неизбѣжное дѣйствіе пороковъ человѣческихъ, и думалъ, поелику клевета, съ давняго времени устремившаяся на него, была и есть составомъ противныхъ стихій, то безъ всякой посторонней помощи надлежитъ ей скоро разрушиться. Ильинскаго, Гижицкаго и другихъ враговъ своихъ онъ уподоблялъ тѣламъ поверженнымъ на землю громовымъ ударомъ, кои хотя бы и сохранили одинъ, болѣе или менѣе блестящій, составъ, но отъ легкаго прикосновенія и самой

слабой руки, должны тотчасъ разсыпаться въ прахъ. Забылъ Комбурлей, что польскія провинціи всегда были театромъ кровопролитія, разбоя и безначалія и что нѣтъ предѣловъ для честолюбія. Само губернское начальство держало возжи правленія какъ будто въ сонныхъ рукахъ. Никому не приходило въ голову, что и робость есть также страсть, которой льстецы угождать умѣютъ, окружая ее туманами и питая мечтами, и что поляки не даютъ мира врагамъ своимъ и въ могилѣ. Но поспѣшимъ слѣдовать за нитью произшествій, коихъ простое повѣствованіе, какъ они одни за другими слѣдовали, откроетъ начало и причины волненій по повѣтамъ и покажетъ употребленные средства къ произведенію начертаннаго плана.

Гижицкій изъ столицы прискакалъ въ половинѣ сентября ночью прямо въ Андрушевку, деревню маршала Залескаго. Тутъ явились Букаръ, Охоцкій и сосѣдъ ихъ, главнаго суда перваго департамента предсѣдатель Домбровскій, о котораго характерѣ разскажу я вамъ подробно въ свое время, а теперь упомяну только объ одной отличной чертѣ его злобы противу русскихъ.—Въ 1804 году никакъ онъ не могъ добиться предсѣдательства въ уголовномъ департаментѣ, а потому чрезъ всѣ подлости старался посадить туда депутатомъ или засѣдателемъ зята своего, однофамильца же, Домбровскаго. Вотъ что писалъ онъ ему въ наставленіе: «Коль скоро придетъ къ тебѣ на столъ дѣло о чиновникѣ «или обывателѣ русскомъ, берегись оправдать и самую невин«ность: мечи на нее перуны, не внемли ни воплю, ни моленіямъ. Правосудіе должно быть для нихъ чуждо. Они покорители «наши, слѣдовательно виновны. Пусть гремитъ цѣпями тиран«ство, а ты наслаждайся удовольствіемъ мщенія. Проклятъ, ежели «преступишъ мою заповѣдь»!—Перо, начертавшее таковыя строки, окованное хладнокровіемъ ко всему священному и омоченное ядомъ злости, чего не могло написать и подписать при сужденіи отрѣшенныхъ сенаторомъ Сиверсомъ и подъ топоръ польскихъ палачей отданныхъ русскихъ чиновниковъ?! Залескій о пріѣздѣ желаннаго гостя далъ знать во всей околицѣ. Вызвана Букаремъ дочь его, житомірская Аспазія, г. Вележинская съ толпою своихъ

обожателей, между коими отличались Валевскій въ ролѣ Сократа, а молодой Карвицкій—Алкивіада. Мужъ пріѣхалъ безъ просьбы. Уже зала наполнилась всякаго помета шляхтою: ордеровыми въ кунтушахъ, недорослями въ мундирахъ съ круглыми шляпами и съ саблями въ рукахъ, бывшими подкоморами, судьями, подсудками и засѣдателями. Гижицкій спитъ.—Уже одинадцать часовъ; жидъ, по повелѣнію хозяина, принесъ изъ корчмы алембиковой водки; поставлено на столъ завтракъ: колбаса съ часнокомъ, гультайскій бигосъ, руляда изъ поросенка, повидло изъ сливъ и донская селедка съ лукомъ. Гижицкій спитъ.—Уже кучера начинаютъ хлопать бичами,—знакъ, что просятъ водки, и тогда камердинеръ Гижицкаго, съ растрепанными волосами, въ рейтузахъ входитъ къ залу. Со всѣхъ сторонъ голоса: „панѣ Томашу, панѣ Томашу! витамы, витамы!"—оглушаютъ его. Потомъ начинаются вопросы: здоровъ ли генералъ? видѣлъ ли государя, былъ ли въ католицкомъ костіолѣ? скоро ли имѣетъ командовать арміею? какова была его квартира въ мраморномъ дворцѣ?—Звонитъ колокольчикъ, камердинеръ уходитъ; хозяинъ Залескій берстъ въ одну руку съ широкимъ плюмажемъ шляпу, а въ другую рапортъ и всѣ приступаютъ къ спальнѣ. Дверь отворяется, Гижицкій лежитъ небрежно на софѣ, въ сѣрой военной шинелѣ, и держитъ въ зубахъ трубку; передъ нимъ на маленькомъ столѣ положены ордена: Анны 1-го класса, Станислава и учрежденный во время революціи крестъ за заслуги; близъ ихъ двѣ звѣзды. «Виншуемъ мы, пану генералови, виншуемъ мы!»—кричатъ со всѣхъ сторонъ и приближаются къ софѣ, а онъ, поднявши голову, дѣлаетъ на воздухъ поцѣлуи и пожимая у каждаго гостя руку, говоритъ всякому: «якъ сѣ машъ, якъ сѣ машъ»? прибавляя къ друзьямъ: «панѣ Бухаруню, панѣ Добросю, панѣ Вележинею, панѣ Охосю!» и такъ далѣе.—Уменьшеніемъ фамиліи и перемѣною на окончательныя слоги *нь* и *сю* поляки изъявляютъ къ подчиненнымъ особенный знакъ ласковости безъ душевнаго и сердечнаго въ томъ участія.—Начали опять отзываться къ нему: „цожъ тамъ? якъ тамъ?" Отвѣтъ былъ: „все хорошо, все благополучно. Вотъ орденъ, а вотъ генеральскій мундиръ съ шитьемъ".—Хвали-

те Бога, мы счастливы! Всемилостивѣйшій Государь съ неизреченною благостію принялъ желаніе сердецъ вашихъ и сколько къ намъ былъ добръ и благосклоненъ, столько воспалился гнѣвомъ на Комбурлея и подчиненныхъ ему чиновниковъ, снисходя на всеподданнѣйшіе жалобы ваши". При сихъ словахъ предстоящіе взглядывали одинъ на другаго. Легко можно было признать мятежниковъ изъ той вѣроломной радости, которая ихъ оживляла, а Гижицкій продолжалъ: „худо, очень худо будетъ Комбурлею, если я не подамъ ему помощи. Защитникъ правъ и свободы нашей графъ Ильинскій еще въ столицѣ: я поѣду въ армію; избирайте для себя другаго губернскаго маршала; а естьли хотите, чтобы я остался, нужно пожертвованіе: Петербургъ любитъ деньги". Собраніе было многочисленное и неодномыслящее, для того Гижицкій не распространялъ далѣе сей матеріи. Во время обѣда превозносимы были похвалами Ильинскій, Стройновскій и Верцель, а о запискѣ, поданной Государю, ни слова. Выпивши по нѣсколько бокаловъ „душкѣмъ", пили „о кишкахъ": виватъ депутація волыньска! виватъ Гижицкій! виватъ згода! Кохаймы сѣ! Гости встали изъ за стола, какъ обыкновенно здѣсь водится, съ шумнымъ веселіемъ. Тогда Гижицкій, отозвавши на сторону Залѣскаго, Букаря и Домбровскаго, удалились въ особенную комнату и тамъ началъ говорить такъ: „Друзья и братья! совершилось мое и ваше желаніе. Комбурлей, столь страшный для шляхты своимъ колоссальнымъ могуществомъ, падетъ и не возстанетъ. Вотъ записка, поданная Государю и его величествомъ не отвергнутая: съ сей минуты повинны мы разорвать всѣ связи съ русскими чиновниками и почитать ихъ своими врагами. Разсудку должно умолкнуть. Пусть говорятъ страсти. Одна только медленная осторожность можетъ раскрыть свободное поле для исполненія нашихъ желаній. Въ Житомірѣ мы будемъ обѣщаніями усыплять Комбурлея, а по повѣтамъ пусть имя его служитъ предлогомъ ко всѣмъ безпокойствамъ и сигналомъ къ нападенію на его подчиненныхъ. Графъ Ильинскій возвратится чрезъ три недѣли; къ сему времени всѣ наши друзья могутъ собраться въ Романовъ, но должно имѣть тайныхъ своихъ разсыльщиковъ, чтобъ разго-

рячить вездѣ головы, а естьли нужно, то привести и въ бѣшенство. Уже цѣлой Петербургъ на нашей сторонѣ. Графъ Стройновскій и графъ Ворцель восхищаютъ всѣхъ искуснымъ расположеніемъ скрытыхъ мѣръ для достиженія нашей цѣли. Намъ предлежитъ дѣлать такъ, чтобъ быть въ одно время и повелителями, и свидѣтелями, и доносчиками, и обвинителями, и судьями; но до времени скрывать все сіе въ глубокой тайнѣ; берегитесь, да не проникнутъ въ оную губернскіе или мѣстные чиновники; лучше всего сдѣлаемъ, когда засыплемъ цвѣтами сѣть, разставленную для ихъ пагубы. Вамъ еще неизвѣстна тактика собраній. Романовскій замокъ покажетъ оную и будетъ средоточіемъ всѣхъ совѣщаній. Дерзайте! все прочее потечетъ само собою за вихремъ переворота". Потомъ, обратясь къ Залѣскому, продолжалъ: „На васъ, маршалъ житомірскій, лежитъ теперь вся обязанность споспѣшествовать общей волѣ дворянства, но не забывайте, что его привычка къ узамъ, къ страху и предразсудкамъ, долго—долго не можетъ изчезнуть".—Гижицкій умолкъ, а Залѣскій, Букаръ и Домбровскій, преклонивъ головы къ землѣ, цѣловали его колѣна. Черезъ часъ обо всемъ происходившемъ дано знать съ нарочными козаками Павшѣ въ Озручь, Гостынскому въ Дубно, Бензыму въ Заславль, Стецкому въ Мензиричь и Плятеру въ Кременецъ. Строптивый сонмъ, поднявъ разъяренную десницу свою на все русское чиноначаліе, воздыхалъ по той минутѣ, въ которую бы начать смятеніе. Она приближалась. Сенаторъ Ильинскій, подхватя изъ министерства финансовъ болѣе тридцати тысячъ рублей, Богъ знаетъ по какому расчету, будто за городъ Житоміръ ему недоплаченные, оставивши дѣтей своихъ босыхъ и голыхъ въ Петербургѣ и, чтобъ ни съ кѣмъ не расплатиться, въ полночь оттоль поскакалъ на Волынь и дѣйствительно въ назначенный Гижицкимъ срокъ прибылъ въ Романовъ.—Ударили по губерніи тревогу честолюбія, и всѣ маршалы, выключая Холонѣвскаго, явились къ нему въ Романовскій замокъ. При нихъ были съ каждаго повѣта въ видѣ делегатовъ по нѣскольку помѣщиковъ готовыхъ на всякую подлость и на всякое поползновеніе, взводить затѣянныя на честность преступленія.—Гижицкій, За-

лѣсвій, Гостынскій, Букаръ, Домбровскій, Павша, Балтазаръ, Комаровскій и Прушинскій, подкоморій острогскій, составили изъ себя буйственную спиру обмана, рѣшившуюся возжигать ложною молвою дворянъ противу начальства, и приведя умы ихъ въ изступленіе, враждебно преслѣдовать истину.

Какъ мы уже приблизились къ той пороховой минѣ, которую предводители партій направили для взорванія Комбурлеевой славы и высочайшей къ нему довѣренности, то и хочу представить вамъ, милостивая государыня, ни лестію не украшенное, ни злобою не обезображенное описаніе случившихся притомъ произшествій, въ коихъ человѣческая слабость является во всей наготѣ своей.—Графъ Ильинскій въ палатахъ романовскаго замка дастъ маршаламъ, повѣтовымъ делегатамъ и съ ними собравшемуся дворянству торжественную аудіенцію, плодъ постыднаго лицемѣрія; но, всегда любезный тщеславію, онъ, имѣя передъ собою пятьдесятъ или болѣе слушателей, въ томъ числѣ бывшаго губернскаго маршала Ганскаго, князя Максимиліана Яблоновскаго и другихъ не терпящихъ клеветы помѣщиковъ, начинаетъ къ нимъ говорить такъ: „Государи мои! Природа и судьба условились наконецъ свергнуть моею рукою съ высоты могущества того, кто желѣзнымъ жезломъ суровости управлялъ нашею провинціею. Жребій Комбурлея рѣшился. Опасность грозы миновалась. У престола всемилостивѣйшаго государя услышанъ вопль, стонъ и жалобы ваши. Отъ нашего единодушія и отъ сліянія волей въ одну зависитъ счастливый конецъ благополучнаго начала. Уповайте на силу и власть мою! Что былъ полякъ въ царствованіе Екатерины? Измѣнникъ и клятвопреступникъ. Я исхитилъ жертву у неправды и защитилъ его отъ стрѣлъ клеветы. Безъ меня права польскія, хранившіяся въ архивахъ, истлѣли бы въ прахѣ. Кому весь край, присоединенный къ имперіи, естьли не мнѣ, обязанъ благодарностію за возстановленіе прежнихъ законоположеній и за введеніе въ судилища языка польскаго? Кто, естьли не я, Тутолмина свергъ съ высоты славы и надменнаго величія,—Беклешову преградилъ пути самовластія и насилія, Гудовичу стеръ рогъ гордости, Шереметева принудилъ выйти въ отставку, Куриса на-

поилъ уничиженіемъ и лишилъ губернаторскаго мѣста, князя Волконскаго выгналъ изъ губерніи и изъ службы? Не меня ли трепетали военные губернаторы Розенбергъ и Эссенъ? Самъ великій Суворовъ не боялся ли вліянія моего при дворѣ? А Комбурлей вздумалъ отвѣдать силы съ сенаторомъ четвертой части имперіи! пигмей и атлантъ—вотъ сравненіе между нами. Неужели духъ вашъ не плаваетъ въ удовольствіи, когда вообразите себѣ о возвращеніи изъ ссылки томимыхъ тысячъ нашихъ собратій? Кто же, естьли не я, ходатайствовалъ у государя Павла, да согрѣются сердца сихъ несчастныхъ высочайшею милостію? Когда бѣшеное изступленіе русскихъ патріотовъ и нашихъ губернаторовъ вездѣ, въ столицѣ и на провинціи, преслѣдовало остатки народа польскаго униженіемъ своимъ славнѣйшаго паче другихъ славящихся величіемъ своимъ,—кто-жъ, естьли не я, двадцать лѣтъ сряду глубокимъ, добродѣтельнымъ чувствомъ моимъ противустоялъ порывамъ жестокихъ дѣйствій, самовольства и насилія? Правда, мы, восхотя проложить дорогу къ славѣ, блуждались иногда въ узкой и извилистой дорогѣ ложной политики; но забудемъ прошедшее, не воспомянемъ о своемъ безуміи. Теперь для всѣхъ, а особенно для насъ, отверзто святилище, куда до того никто не заглядывалъ, кромѣ любимцевъ счастія. Будьте великосердны и мужественны! Чувствованіе своей слабости приводитъ человѣка въ отчаяніе, а чувствованіе силы умножаетъ его совершенно.—Прочтите поднесенную мною Государю Императору записку и дайте свое мнѣніе". Пересталъ говорить Ильинскій. Глаза его были сухи, подобно трупу, а сердце наполнялось только удовольствіемъ мщенія.—Читаютъ записку. Какъ скоро дошло въ ней до сихъ словъ: „При взысканіи установленныхъ повинностей происходятъ разныя и разорительныя притѣсненія обывателямъ",—поднялся шумъ въ собраніи. Иной изъ маршаловъ говорилъ: „Это противно моимъ представленіямъ начальству," другой, что въ его повѣтѣ подобныхъ притѣсненій не было, тотъ, что таковой пунктъ жалобы будетъ причиною различнаго объ немъ сужденія обывателей, а сей отзывался, что не надобно ни въ чемъ щадить Комбурлея и его подчиненныхъ.—Утихли споры, продолжаютъ чи-

тать: „Мѣстное начальство крайне оскорбляетъ дворянъ и, вопреки совѣсти, вымучиваетъ отъ нихъ почти въ двое противу назначеннаго правительствомъ, употребляя разныя средства, дабы таковыя злоупотребленія, съ крайнимъ отягощеніемъ народа сопряженныя, не дошли до высочайшаго свѣдѣнія, и что обыватели угрозами и примѣрами мщенія запуганы до того, что не смѣютъ приносить жалобъ". „Какъ?—возразилъ Ганскій; я въ самое критическое и бѣдственное отъ войны время былъ губернскимъ маршаломъ, при мнѣ происходили два года безпрерывно наборы рекрутъ, при мнѣ генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій и началъ и кончилъ пріемъ лошадей, при мнѣ продолжалась поставка ихъ для артиллеріи въ Полонное и въ Кіевъ, при мнѣ давали обыватели воловъ, водку и хлѣбъ для арміи, при мнѣ брали погонщиковъ и всѣ многочисленныя и важнѣйшія повинности при мнѣ отбывало дворянство; однакожъ никто изъ нихъ, ни великопомѣстный, ни малопомѣстный, ни сами чрезъ себя, ни чрезъ отдатчиковъ, ни къ повѣтовымъ маршаламъ, ни къ губернскому, ни просьбы на словахъ, ни жалобы на бумагѣ не подавали, не присылали и не пересказывали. Я вамъ доложу, государи мои, что проэкты жалобъ, помѣщенные въ запискѣ, суть выдумка и пустыя умозрѣнія, или праздныхъ и слабыхъ головъ, или хитрыхъ и мстительныхъ лицемѣровъ".—Потомъ говорилъ князь Яблоновскій: „дворянство, въ лицѣ маршаловъ, должно почитать представителей и ходатаевъ о ихъ нуждахъ; для чего-жъ бы имъ три года молчать объ оскорбленіяхъ, насиліяхъ и вымучиваніи въ двое наборовъ, естьли бы таковыя злоупотребленія происходили дѣйствительно. Могу васъ увѣрить, почтеннѣйшіе мои собратіи, что затѣянная въ досадахъ клевета сколько вредна и пагубна для невинности, столько мерзка предъ очами Государя, съ коимъ сидитъ на престолѣ человѣколюбіе и милосердіе". Гижицкій, Гостынскій, Букаръ, Домбровскій и Охоцкій кричали: „прочь Комбурлейчиковъ! прочь друзей рабства! Можно ли сомнѣваться въ справедливости записки и подозрѣвать въ пристрастіи того, котораго руку водила сама истина?—Послушайте! послушайте! Когда мы доставляли рекрутъ, громады сельскія и экономы наши признавали ихъ год-

ными, цирюльники осматривали и увѣряли, что они здоровы, мы сами даже глядѣли на нихъ издали и видѣли, что люди плотные и высокаго росту; но лишь только приведутъ въ рекрутское присутствіе, кругомъ освидѣтельствуютъ, то и кричитъ Комбурлей или Хрущовъ: *затылокъ*! Для чегожъ? для того, что у одного нѣтъ переднихъ двухъ зубовъ сряду, у другаго ковтунъ на головѣ, третій на палецъ въ мѣру не доходитъ, у четвертаго бѣлое пятнушко въ правомъ глазѣ на зрачкѣ, у пятаго одна нога немножко другой короче, шестой, явившійся изъ бѣглецовъ, по ревизіи не записанъ, у седьмаго маленькій наростъ на кости, тотъ чахотный для того, что очень худъ, а у того раздувшіеся на ногахъ жилы и ходить долго не можетъ. Всѣ сіи капризы не сущее ли притѣсненіе для обывателей, а между тѣмъ посылай въ деревню за другими людьми и тѣхъ съ такими малыми недостатками не принимаютъ. Посылай за третьими. Наконецъ сбыли съ рукъ рекрутъ. Даютъ мундиръ и обувь,—не берутъ.—По какой же причинѣ?—Не въ указанную-де доброту.—Великая бѣда, что сукно пополамъ съ коровьею шерстью, а обувь немного поношена! Это новыя затѣи военнаго пріемщика. Сладятъ съ мундиромъ и обувью, идетъ отдатчикъ за квитанціею,—не даютъ, говорятъ—заплати за провіянтъ и за соль; и такъ водятъ его нѣсколько дней, а онъ, между тѣмъ, издерживается за квартиру, кормитъ и поитъ погонщиковъ и стражей, кормится въ трактирѣ, да еще и не дешево, а иногда запьется или проиграется въ карты и, возвратясь къ помѣщику, долженъ, бѣдной, выдумать, какъ лучше размѣстить взятые на расходъ деньги; а тутъ ужъ и не безъ грѣха:—пишетъ, что ему угодно, далъ за объявленіе, за квитанцію пріемщикамъ, докторамъ, попамъ за присягу, цырюльникамъ, солдатамъ; а кто всему этому виноватъ? Комбурлей, зачѣмъ приказываетъ браковать... Вотъ и правда, что вымучиваютъ въ двое противу назначеннаго правительствомъ.—Теперь обратимся къ поставкѣ лошадей. Ведутся въ Житоміръ пять, десять или двадцать ихъ. Самъ хозяинъ выбралъ, коновалъ осмотрѣлъ, а другихъ и берейторъ свидѣтельствовалъ: прекрасныя, полнотѣлыя, круглыя, рослыя, здоровыя. Десять дней откармливаютъ, ведутъ наконецъ

въ пріему. Любо смотрѣть: всѣ жиды на рынкѣ и всѣ мимоидущіе хвалятъ. Приведутъ, поставятъ въ мѣру,—полъ-вершка не доходитъ, и кричатъ, что не годится въ кирасирскіе и драгунскіе, а выйдетъ въ мѣру, такъ стара—за тѣмъ, что ей за восемь лѣтъ; естьли жъ молода, такъ голова у ней не хороша, потому что вислоуха, и уже не годится, не годится и веди домой. Чтожъ дѣлать отдатчику?—Ѣхать прочь? но домой далеко, триста верстъ, да тамъ же стоитъ и экзекуція; принужденъ купить въ Житомірѣ или Бердичевѣ. Даетъ двѣсти, а покажетъ триста рублей, да прибавитъ расходовъ на пріемщика, на факторовъ, на коноваловъ, на берейторовъ рублей на сто. Помѣщикъ бѣдный и терпитъ противу положенія въ двое; а кто этому виноватъ? Генералъ графъ Комаровскій и Комбурлей,—за чѣмъ приказывали браковать полковнику Макарову? Точно такое угнетеніе терпѣли помѣщики при отдачѣ воловъ и артиллерійскихъ повозокъ въ Полонномъ, гдѣ пріемщикъ не хотѣлъ нарушить даннаго повелѣнія и браковалъ колеса, что онѣ не кованы, а оси, что безъ подъосокъ. Ну, посудите жъ, не притѣсненіе ль это обывателямъ?—Теперь посмотримъ въ казначейства.—Приноситъ отдатчикъ подати; чѣмъ бы казначею взять на настоящій годъ, а недоборъ бы пусть оставался,—нѣтъ, онъ засчитаетъ въ недоимку, а сколько пени, штрафовъ, за все бѣдный помѣщикъ отвѣчаетъ.—Не будемъ говорить о пріемщикахъ водки и погонщиковъ, то наши; но зачѣмъ же браковали провіантъ? Хотя одна четверть изъ цѣлаго транспорта окажется съ затхлою мукою, или крупою, а овесъ съ пылью, тотчасъ не годится и перемѣнивай другимъ хлѣбомъ, а это значитъ насиліе и прижимки; а кто виноватъ? Все Комбурлей, для чего не распорядился иначе?—Заглянемъ въ градскія и земскія полиціи.—Тамъ по большой дорогѣ идутъ войска и слѣдуютъ ихъ тяжести. Ключвойты, засѣдатели и исправники бѣгаютъ, суетятся, кричатъ: давай подводы! Помѣщики отбираютъ билеты, даютъ лошадей, а, пока ихъ найдутъ, солдаты не выходятъ съ квартиръ, крестьяне ихъ безплатно кормятъ, безплатно везутъ и хотя комиссары и экономы наши, получивъ отъ начальниковъ командъ за то удовлетвореніе, даютъ имъ квитанціи, удерживая

деньги въ своемъ карманѣ, однакожъ помѣщики и крестьяне, ихъ не получая, раззоряются; а кто виноватъ? Русскій исправникъ и Комбурлей,—зачѣмъ не вступятся за дворянъ, зачѣмъ такъ не дѣлаютъ, чтобъ переходовъ войскъ и во все не было?—Дороги испортились, артиллерійскія орудія остановились въ пути и не могутъ слѣдовать по худобѣ мостовъ и гатей. Исправники и засѣдатели въ рабочій часъ собираютъ съ полей крестьянъ нашихъ и заставляютъ чинить дороги; уборка хлѣба останавливается, помѣщикъ бѣдный терпитъ отъ того голодъ, и повинность починки дорогъ дѣлается для него въ двое тяжелѣе противу установленной. Ктожъ виноватъ? Комбурлей,—для чего онъ не снесся съ артиллерійскимъ департаментомъ, чтобы обождалъ съ перевозкою пушекъ, пока жатва кончится и дорога въ удобное время исправится?—Даютъ курьерскія тройки помѣщики: лошади хоть куда, однакожъ въ пути захромаютъ или отъ неумѣнія погонщиковъ, во время разгона, ослабѣютъ, либо отъ скудости корма падутъ. Давай помѣщикъ другихъ, а не пришлетъ на перемѣну, договариваютъ подрядчиковъ на его счетъ, со взысканіемъ по 50 рублей, какъ положено въ сутки. Бѣдный дворянинъ терпитъ и страшно разоряется, а кто сему вымучиванію лошадей виноватъ? Комбурлей, для того, что не приказалъ исправникамъ и городничимъ дѣлать —для насъ снисхожденія.—Евреи въ нашихъ мѣстечкахъ, не записанные въ гильдіи, производятъ купеческій торгъ или въ селеніяхъ шинкуютъ виномъ горячимъ: что-жъ, это мѣшаетъ благосостоянію государства? Нѣтъ—исправникъ или городничій запрещаетъ мѣщанамъ торговлю, купечеству присвоенную, и не даютъ продавать водки; жидки банкрутуютъ, не платятъ ни аренды ни чиншу владѣльцамъ; бѣдный помѣщикъ терпитъ въ доходахъ ущербъ и разоряется; а кто виноватъ? Комбурлей,—зачѣмъ допускаетъ исправникамъ и городничимъ такъ утѣснять насъ?—Захочется иногда дворянину, въ своемъ городѣ, запретить жителямъ онаго, евреямъ, нигдѣ не покупать съѣстныхъ припасовъ, а только у его арендарей, для чего вздумается ему возвысить и цѣны. Тотъ-часъ жиды съ просьбами въ полицію, та съ рапортомъ въ правленіе; оттоль строжайшее предписаніе запретить установленіе

новыхъ податей. Несчастный помѣщикъ, по таковому губернскихъ и полицейскихъ чиновниковъ корыстолюбію, лишается знатной отрасли своихъ доходовъ, черезъ то не платитъ долговъ своимъ кредиторамъ, отдаетъ имѣніе въ разборъ, угнѣтается и разоряется; а кто виноватъ? Комбурлей,—для чего онъ велитъ покровительствовать евреямъ?—Вспомните еще и то, милостивые государи, что эти проклятые ключвойты, эти русскіе засѣдатели и исправники намъ дѣлали. Напримѣръ: во время прошедшихъ браней съ Наполеономъ, помѣщикъ нѣсколькихъ деревень, человѣкъ въ обществѣ почтенный и наполненный вѣрностію и приверженностію къ высочайшему престолу, только, бывало, что снарядитъ сына своего или двухъ, да съ ними человѣкъ десять бѣдной шляхты и хочетъ секретно отправить за границу, въ польскіе войска на службу противу Россіи,—ключвойтъ ужъ и тутъ, распрашиваетъ у людей, для чего такія приготовленія и куда, развѣдываетъ у крестьянъ, узнаетъ и доноситъ въ судъ, а оттоль рапортуетъ далѣе. Вѣрноподданнѣйшій помѣщикъ радъ, не радъ, оставляетъ сыновъ дома, а они безъ службы балуются, таскаются по непотребнымъ домамъ, распиваются и, среди цвѣтущей молодости, сходятъ во гробъ, сопровождаемые отъ крестьянъ своихъ проклятіями. О, Польша, любезное отечество наше! сколько ты, чрезъ этихъ мерзкихъ полицейскихъ шпіоновъ, въ сынахъ и родственникахъ нашихъ лишилась храбрыхъ поборниковъ? А кто всему этому несчастію причиною? Комбурлей,—для чего онъ учредилъ ключвойтовъ?—Теперь скажемъ о другихъ случаяхъ. Прошелъ, напримѣръ, срокъ платежа податей; помянутая сія экономія господская всѣ слѣдующіе съ деревень подушныя деньги ассигнаціями собрали съ крестьянъ рубль за рубль серебрянною монетою, но не успѣли еще размѣнять: ключвойтъ уже узналъ о томъ, бѣжитъ въ село съ экзекуціею, за нимъ засѣдатель, а за тѣмъ исправникъ, истяжая все разомъ о скорѣйшемъ взносѣ, не даютъ бѣдному помѣщику времени послать въ городъ нарочнаго и размѣнять по выгодному курсу серебро; онъ беретъ ассигнаціи у жида по три, а не по четыре, за одинъ серебрянной, рубли и платитъ; между тѣмъ карманъ его лишается знатнаго

отъ своихъ крестьянъ пріобрѣтенія; онъ черезъ то останавливается въ исполненіи обѣщанія выписать для жены изъ Варшавы модныхъ бездѣлокъ;—жена капризничаетъ, грозитъ разводомъ, а, между тѣмъ идетъ въ сепарацію. Мужъ возвращаетъ ей посагъ или приданное, чрезъ то входитъ въ долги, разоряется и погибаетъ. Кто-жъ виноватъ? Комбурлей,—зачѣмъ не запрещаетъ взыскивать подати чрезъ экзекуцію? О, эта экзекуція много дворянству причинила бѣдствій! Представьте, что непотребная нога ея осмѣлилась даже топтать сей прекрасный полъ и видѣть себя въ сихъ удивительныхъ зеркалахъ величественнаго Романовскаго замка. И когда отъ регенціи его высокографскаго сіятельства, графа Августа Ивановича Ильинскаго, посланъ былъ приказъ исправнику Царенкѣ воздержать свое неистовство, въ не-до-имо-взы-сканіи, то сей служитель тиранства гордо и смѣло отвѣчалъ, что не онъ экономія, а экономія его должна слушать. Вы не повѣрите, почтеннѣйшіе господа обыватели и шляхта, сколько сей Царенко, съ вѣдома Комбурлея, причинилъ печали, досады и болѣзней его рейсъ-графскому сіятельству нашему Августу. Когда любимая актриса графская съ однимъ вольнымъ человѣкомъ изъ лучшихъ виртузовъ сіятельной капеліи ушла и, противъ высокаго его желанія, потомъ обвѣнчана, и когда сію чету схватили и, по повелѣнію его сіятельства, сковали ей руки и ноги, пославши отъ регенціи въ новоградъ-волынскій нижній земскій судъ, съ предписаніемъ отправить преступниковъ по повелѣнію сенатора, владѣльца Романовскаго, въ Сибирь на работу, то Царенко (О! неслыханное преступленіе!) презрѣлъ волю сенатора и нашего графа не послушалъ. Потомъ отрапортовалъ Комбурлею, а сей завелъ съ его сіятельствомъ, начальникомъ своимъ, безполезную и тщетную переписку, стараясь нашего графа увѣрить, что безъ суда никто не наказывается, чѣмъ Комбурлей и погубилъ самъ себя. Сколько-жъ еще Фаеріусъ, сколько Смирницкій, сколько и другіе исправники причинили подобныхъ обидъ инымъ обывателямъ! Хроники соблазновъ могутъ упрекнуть ихъ не въ одномъ противу скромности и патріотическаго нашего духа преступленіи. Оставимъ дѣйствовать времени! мы только указали вамъ мате-

ріалы, служащіе для рамъ большой картины, которую, со включеніемъ всѣхъ дѣяній Комбурлея и его подчиненныхъ, мы напишемъ сами. Какой сердцевѣдецъ не подпишетъ имени своего подъ тѣми истинами, о коихъ столь убѣдительно мы васъ увѣряли"! Тутъ отозвался Ильинскій и пресѣкъ продолжавшіеся въ собраніи споры семь часовъ сими словами: „Противящіеся стремленію общественнаго мнѣнія рѣдко исходятъ изъ одной пропасти, чтобы паки не упасть въ другую. Будьте единодушны и важностію числа своего и множества подкрѣпите принесенныя мною жалобы. Начальство, не могущее защищать собственной своей чести, есть отголосокъ слабой власти, которой лишась Комбурлей, Хрущовъ и всѣ ихъ подчиненные исчезнутъ отъ насъ, какъ исчезаетъ прахъ предъ лицемъ вѣтра. Тогда-то начнемъ господствовать на развалинахъ благосостоянія русскихъ чиновниковъ и память дѣлъ нашихъ въ самой безднѣ вѣковъ не истребится".—Собраніе умолкло и послѣ обѣда разъѣхалось. Когда, послѣ другихъ звѣрообразныхъ мятежначинщиковъ, сѣлъ въ свою коляску Гижицкій, то князь Яблоновскій, взглянувъ на него и на Ильинскаго, провожавшаго его до дверей, сказалъ почти въ слухъ: „Это лисица волынскаго переворота; она переживетъ львовъ и тигровъ и похоронитъ вашу революцію".

Отвратите, ваше сіятельство, взоры свои отъ порожденія ехидны и посмотрите на Комбурлея, котораго мы оставили погруженнымъ въ глубокую задумчивость, со встревоженною душею и съ колеблемымъ непріятными предчувствіями сердцемъ. Еще не извѣстно было въ Житомірѣ о пріѣздѣ Гижицкаго и о возвращеніи Ильинскаго, какъ ужъ молва на пестрыхъ крыльяхъ своихъ, нарисовавъ исторію возставшей противу Комбурлея крамолы, летала изъ города въ городъ и сѣяла правду и ложь. Въ одно время онъ сидѣлъ въ кругу своихъ приближенныхъ,—приносятъ петербургскую почту, онъ распечатываетъ письма и казенныя бумаги, читаетъ и поспѣшно удаляется въ кабинетъ, опять перечитываетъ и предается величайшему унынію. Никто не смѣлъ спросить о перемѣнѣ, только нѣкоторые изъ другой комнаты слышали произнесенныя имъ громко и съ великимъ вздохомъ сіи слова: „Святая

истина, ты будь мнѣ покровительница и, когда ѣдкая ненависть, злобная зависть и жестокость неправосудія, отрыгнутъ противъ меня свои козни, ты пріосѣни посѣдѣвшую въ трудахъ главу мою непроницаемымъ щитомъ своимъ; не попусти адской клеветѣ терзать память заслугъ моихъ! Сердце мое любитъ благо согражданъ и славу отечества". Потомъ десять дней, подъ видомъ болѣзни, Комбурлей и самъ не выходилъ и къ себѣ не пущалъ никого. Наконецъ показался въ кругу чиновниковъ и нѣкоторымъ изъ нихъ сказалъ: „возстали на насъ ябедники и лжесвидѣтели; а чтобъ дать силу ядовитѣйшимъ ударамъ гнусной клеветы, то подана правительству никѣмъ не подписанная записка, заключающая въ себѣ мерзость вымышляемыхъ злодѣями доносовъ. Вотъ письма о томъ и вотъ повелѣніе комитета господъ министровъ! Въ письмахъ своихъ важнѣйшія въ государствѣ особы увѣряли, что все то, что только влилось въ перо безъименнаго доносщика изъ какой-либо страсти или заблужденія, уничтожится само собою, что завѣса спадетъ съ глазъ и обнаружитъ зачинщиковъ волненій въ настоящемъ ихъ видѣ, а записка была та самая, о которой упомянулъ я прежде". Комбурлей замолчалъ, но молчаніе его выражало больше, нежели всѣ разговоры. Тутъ пошли разные толки, и отъ чиновника къ чиновнику разливалось недоумѣніе. Сердце человѣческое всегда одинаково и тоже нынѣ, каково было отъ самаго вѣковъ начала. Многіе при семъ случаѣ отдавали справедливость закону римскихъ кесарей, который, какъ со святотатцами, поступалъ съ тѣми, кои сомнѣвались о достоинствахъ и заслугахъ людей избранныхъ имъ къ званію подобному, какъ имѣлъ Комбурлей. Черезъ нѣсколько времени является къ нему Гижицкій. Лесть и лицепріимство, исчадія страха и награды, обнажаютъ его сердце и характеръ; обладая искусствомъ много говорить, а мало вразумлять его слушающихъ, Гижицкій распространялся въ рѣчахъ о подвигахъ депутаціи, о полученномъ имъ отъ государя награжденіи, о милостивомъ принятіи его у двора, о повелѣніи числить его по арміи, а мелькомъ сказалъ, что кѣмъ-то доведено до свѣдѣнія его величества, яко-бы дворянство волынской губерніи мѣстнымъ начальствомъ жестоко угнѣтается и претерпѣваетъ страшныя

насилія и озлобленія, но прибавилъ: „это пустые наговоры, не могущіе имѣть никакихъ дурныхъ слѣдствій. Здѣлайте только, чтобъ я остался губернскимъ маршаломъ, то увидите, какой ябедѣ будетъ конецъ". Комбурлей обѣщался послать о томъ представленіе и сдержалъ слово, а Гижицкій, умильно, лукаво взглянувъ на него, такъ началъ говорить: „Михайло Ивановичъ, ваше превосходительство восемь лѣтъ здѣсь начальникомъ губерніи и нисколько насъ не знаете. Польскій народъ, перейдя изъ дикаго состоянія въ теперешнее, сохранилъ еще у себя большую часть прежняго своего качества. Онъ не навидитъ трудовъ, склоненъ къ битвѣ и распрямъ, удивляется запальчивости мятежниковъ своихъ, любитъ конфедераціи, больше трусъ, а нежели храбръ; однако-жъ радъ скорѣе пролить кровь свою, нежели опрокинуть рюмку съ венгерскимъ. Ежели-бы иногда изъ нѣдръ отчаянія и тоски по отчизнѣ возникло скопище недовольныхъ вами, то большая часть приверженныхъ къ нему владѣльцовъ были-бы изъ того скотскаго рода, которымъ одинъ обычай управляетъ, а обычай заключается въ полномъ кругѣ пьянства. Когда слухъ о жалобахъ нашего дворянства коснется вашего уха, дѣлайте такъ, какъ будто вы ничего не знаете; неспокойные останутся въ надеждѣ, а вы знаете, что надежда есть сонъ человѣка неспящаго. Между тѣмъ я получу дозволеніе вступить въ должность губернскаго предводителя; поѣдемъ по повѣтамъ, всякій изъ маршаловъ дастъ намъ обѣдъ и два, позовутъ лучшихъ обывателей, запѣнятся бакалы съ венгерскимъ. Выпьемъ, вы ихъ обласкаете, они разцѣлуютъ ваши ноги и всемогущее вино зальетъ самый сильный огонь вражды и несогласія". Комбурлей, зная лукавое помышленіе Гижицкаго, притворился, будто повинуется его совѣту, и оба разстались, повидимому, друзьями. Между тѣмъ, 6 ноября 1814 года всѣмъ повѣтовымъ маршаламъ дано отъ него предписаніе о увѣдомленіи его, буде, при взысканіи установленныхъ повинностей, были злоупотребленія и притѣсненія обывателямъ; то кѣмъ именно произведены они, отъ кого, что и когда излишне противу назначенія вытребовано, по какому случаю ни отъ кого и ни какихъ не имѣлъ онъ о томъ представленій, кто потерпѣлъ за жалобы,

мщеніе и, наконецъ, какіе кто на существованіе оныхъ злоупотребленій и притѣсненій имѣетъ законные доказательства и не подозрительныхъ свидѣтелей. При чемъ давалось знать маршаламъ, что какъ таковыя обстоятельства должны быть болѣе всѣхъ имъ извѣстны, для того естьли они оставляли тѣ злоупотребленія безъ вниманія, то отвѣтственность за сіе на нихъ падать должна.

Коль скоро урядовымъ порядкомъ извѣстно стало по повѣтамъ о принесеніи государю жалобы, вся губернія пришла въ изумленіе. Маршалы, приверженные къ враждебной системѣ Ильинскаго и Гижицкаго, не знали, съ какой стороны начать тревогу, а дворянство вообще, выключая нѣкоторыхъ, не будучи еще взволновано бурею интриги, казалось равнодушнымъ и взирало на поджигателей къ жалобамъ, какъ на орудіе мщенія и на послѣдствія небесной казни. Отъ того 8-го числа ноября, въ Михайловъ день, на имянины къ Комбурлею собралось со всѣхъ мѣстъ столько помѣщиковъ, что въ городѣ квартиръ, а въ домѣ генералъ-губернаторскомъ мѣста для гостей не доставало. Отъ того всѣ почти въ губерніи живущіе князья, вельможи, первостепенные изъ богатѣйшихъ дворянъ, бывшіе и настоящіе маршалы, презесы, подкоморіе и хорунжіе спѣшили одинъ передъ другимъ лично привести Комбурлею поздравленіе. Отъ того на балѣ, когда отъ танцовъ и вина въ кругахъ бѣсѣдующихъ умножалась веселость, простодушные и неподозрительные громко выражали свое огорченіе на счетъ жалобы, принесенной Ильинскимъ. Только Гижицкій, Гостынскій, Букаръ, Домбровскій и наемная челядь ябедническаго ремесла ихъ ходили въ молчаніи, съ поникшими головами, и, когда встрѣчались съ русскими чиновниками, то цѣловали и обнимали, чтобъ лучше задушить ихъ. Еще мрачная завѣса простерта была надъ всѣми надеждами, коими они себя питали; но можно ль возстановить тишину и порядокъ тамъ, гдѣ сіи чада развратности, съ крайнимъ напряженіемъ разнузданныхъ страстей своихъ, старались только о томъ, чтобъ ядъ зависти, злобы и клеветы распространился, подобно мировому повѣтрію, въ палатахъ вельможъ и въ хижинахъ убогой шляхты. Чѣмъ-бы маршаламъ, получивши отъ Комбурлея сказанное выше повелѣніе, разослать свои курсоріи по

повѣтамъ, съ объявленіемъ помѣщикамъ подать лично, или прислать черезъ почту, свѣдѣніе о притѣсненіяхъ, къ мѣстному начальству, съ доказательствами, и назначить къ тому срокъ, они, дѣйствуя по тактикѣ мятежеводителей, сдѣлали представленіе къ Комбурлею, чтобъ позволилъ для того быть собранію дворянства, по повѣтамъ. Губернское начальство, не препятствуя исполненію ихъ замысловъ и черныхъ плановъ, изъявило на то свое согласіе, а таковымъ поступкомъ и дало воспылать злобѣ. Слабость обыкновенно беретъ охотнѣе среднія мѣры, которыя однакожъ бываютъ самыя опасныя. Какъ только начались собранія, такъ бурливая безразсудность здѣшней націи и открылась во всей наготѣ своей. Тутъ-то ораторы противной Комбурлею партіи отличались звукомъ пустыхъ словъ о патріотизмѣ, о желѣзномъ управленіи Комбурлеемъ губерніею, о тиранствахъ подчиненныхъ ему чиновниковъ, о преступленіяхъ ключвойтовъ и земскихъ исправниковъ. Тутъ-то требовали съ наглостію, или просили съ подлостію, чтобъ въ подкрѣпленіе Ильинскаго жалобъ представили владѣльцы, сколько можно, пространнѣйшіе списки о излишнихъ поборахъ, о взяткахъ, о вымагательствахъ, о насиліяхъ и о всякихъ злоупотребленіяхъ, чинимыхъ, якобы, со стороны мѣстнаго начальства, тутъ-то проповѣдывали о чести и о твердости національнаго характера, и что ежели воспослѣдуетъ здѣсь перемѣна русскихъ на польскихъ чиновниковъ, то волынская будетъ служить примѣромъ для прочихъ польскихъ губерній. А между тѣмъ по особенному распоряженію взяты настоящія мѣры къ открытію тѣхъ, кто потерпѣлъ насилія и озлобленія и посланы повѣстки чрезъ нижніе земскіе суды, дабы каждый обиженный объявилъ отдѣльно о своихъ претензіяхъ. Какъ увидѣлъ Ильинскій и его прислужники, что сотнями идутъ изъ повѣтовъ къ управляющему губерніею благопріятные для Комбурлея отзывы и что многіе изъ помѣщиковъ въ адресахъ своихъ даже благодарятъ его за полученіе защиты и за справедливое удовлетвореніе просьбъ своихъ, то ни о чемъ столько не старались, какъ о томъ, чтобъ употребляемыя благоразуміемъ усилія доставить вниманіе языку истины безпрестанно уничтожать своими проныртвами. На сей конецъ для безпрерывнаго между собою

сообщенія учредили свою почту: выбрали для себя молодыхъ и способныхъ къ шпіонству крамольниковъ, употребляя ихъ въ разъѣзды по домамъ дворянскимъ, сыпали щедро душегубное золото, лгали на всякаго исправника, безчестили каждаго русскаго чиновника и прервали повсюду дворянскія собранія. Явные примѣры возмутительнаго духа оказались въ Дубно и въ домѣ графа Ильинскаго. Тамъ Гостынскій, собравъ изъ разныхъ мѣстъ болѣе ста пятидесяти человѣкъ шляхты и, упоивъ ихъ за обѣдомъ, заставилъ подписать безразсудную жалобу на Комбурлея и отправилъ ее къ сенатору Стройновскому въ Петербургъ, а тутъ самъ Ильинскій, сочинивъ таковую-же, послалъ въ комитетъ господъ министровъ, выражая въ оной, что Комбурлей насильно вынуждаетъ отъ дворянъ каждаго, въ особенности черезъ земскія полиціи, квитанціи и употребляетъ къ той-же самой цѣли маршала Холонѣвскаго, а когда имъ показалось мало таковой новой клеветы, то всѣми ухищренными способами довели даже генерала графа Ланжерона, что онъ донесъ главному начальству, якобы никогда и нигдѣ, какъ на Волыни, не видалъ подобной цѣпи мошенниковъ, кои всѣ за одно согласились грабить и обманывать императора, что отъ Комбурлея не ждетъ онъ никакого поправленія, ибо чиновники его ужасные люди. Жаль, однакожъ, что на столь славнаго и безкорыстнаго генерала, по выходѣ его съ корпусомъ во Францію, говорили очевидцы, что онъ дѣлился контрабандами пополамъ съ полковникомъ Турскимъ и взялъ въ Дубно отъ главнаго таможеннаго чиновника, помѣщика Корсака, самъ четыре тысячи червонныхъ, да адьютанты его тысячу, въ чемъ и Корсакъ не запирается, ибо получилъ отъ его сіятельства открытый листъ для поимки товаровъ. Всѣ таковые слухи на счетъ Комбурлея, доведенные комитету господъ министровъ до свѣдѣнія Ильинскимъ, Стройновскимъ и Ланжерономъ, побудили правительство послать въ волынскую губернію ревизора. Какъ только жребій палъ на сенатора Сиверса, то всѣ мятежники на Волыни всплескали руками и по всей губерніи наступила тишина. Чудо, уставы естества побѣждающее!

Естьли, ваше сіятельство, прочитавъ письма сего строки, скажете или подумаете, что нѣтъ на свѣтѣ правды и что истина лежитъ сокрыта въ глубочайшей ямѣ, то и прибавилъ-бы къ вашему мнѣнію, что хотя-бы ее и выпустили на свѣтъ, то никогда нога ея не станетъ на земляхъ волынскихъ помѣщиковъ.

Теперь я съ моимъ благодѣтелемъ отправляюсь въ Италію. Краткость времени и важность предметовъ принуждаютъ меня описаніе ревизіи сенатора Сиверса, со всѣми многочисленными ея послѣдствіями, помѣстить въ третьемъ письмѣ, которое получите отъ меня ваше сіятельство изъ Рима. Но гдѣ-бы я ни былъ, всегда сохраню къ вамъ чувствованіе сердечной моей преданности и неограниченнаго высокопочитанія.

(Продолженіе будетъ).

Новыя свадебныя малорусскія пѣсни

въ общемъ ходѣ свадебнаго дѣйствія.

Въ 4-мъ томѣ „Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной императорскимъ географическимъ обществомъ", собранъ и приведенъ въ порядокъ, подъ наблюденіемъ Н. И. Костомарова, весь накопившійся къ тому времени (1877 г.) матеріалъ, относящійся къ обрядовой сторонѣ народной малорусской свадьбы. Кромѣ пѣсенъ и обрядовъ, записанныхъ членами самой экспедиціи, сюда вошли всѣ свадебныя пѣсни изъ сборниковъ: Терещенка, Маркевича, Метлинскаго, Кулиша, Новицкаго, Lozinskiego, Żegoty Pauli, Steckiego, Nowosielskiego, изъ журнала „Основа", изъ „Сборн. стат. свѣд. о кіев. губ.", изъ „Этнограф. свѣд. о подол. губ." Данильченка и проч. Не смотря на обиліе матеріала, находящагося въ этомъ томѣ „Трудовъ" (1943 пѣсни, не считая варіантовъ, и 13 типовъ свадьбъ изъ разныхъ мѣстностей изслѣдуемаго района), репертуаръ народной свадебной поэзіи далеко, конечно, не исчерпалъ. Не говоря уже о громадномъ количествѣ варіантовъ разныхъ пѣсенъ, которые такъ-же многочисленны въ области народной поэзіи, какъ индивиды въ органическомъ мірѣ, самые, такъ сказать, виды пѣсенъ попали въ печать сравнительно въ очень ограниченномъ количествѣ. Вышедшая въ прошломъ году въ Краковѣ книжечка г-жи Мошинской („Kurajło etc...", см. въ библ. отд. іюньской книги „Кіев. Стар.", и ея-же: „Zwyczaje, obrzędy i pieśni weselne ludu ukraińskiego z okolic Białej-Cerkwi") показываетъ, что даже въ мѣстахъ, наиболѣе подвергавшихся научному наблюденію, каковы окрестности Бѣлой-Церкви, можно безъ особенныхъ усилій набрать массу матеріала,—и не безъ новыхъ данныхъ.

Намъ доставлено обширное описаніе свадьбы, сдѣланное въ чигиринскомъ уѣздѣ, кіев. губ. Молодой авторъ этого описанія, обнаружившій въ своемъ нелегкомъ трудѣ большую наблюдательность и точность, силился проникнуть во внутреннее значеніе свадебныхъ обрядовъ и пѣсень, уловить связующую ихъ нить и лежащее въ основѣ ихъ народное представленіе объ этомъ важнѣйшемъ жизненномъ актѣ, имѣющее столь сложную и разнообразную внѣшнюю форму и представляющее такъ много историческихъ измѣненій и наростовъ; эта задача была, очевидно, выше силъ его, да едва-ли была-бы по силамъ и записнаго ученаго, при настоящемъ состояніи южно-русской исторіи и этнографіи. По этому, оставляя въ сторонѣ такую попытку, достойную вниманія по ея основной мысли, а равно большую часть обрядоваго и пѣсеннаго матеріала, какъ уже извѣстнаго, мы извлекаемъ изъ всего описанія только или совершенно неизвѣстные обряды и пѣсни, или тѣ изъ варіантовъ къ напечатаннымъ уже, на которые по ихъ особенностямъ стоитъ обратить вниманіе.

Чтобы однако читатель съ большимъ удобствомъ могъ разобраться въ предлагаемомъ неизвѣстномъ новомъ матеріалѣ, мы распредѣляемъ оный по тѣмъ отдѣльнымъ свадебнымъ дѣйствіямъ, къ которымъ онъ относится, а для этого оставляемъ самый, такъ сказать, остовъ описанія малорусской свадьбы отъ перваго ея начала до послѣдняго заключительнаго акта.

Малорусская народная свадьба, гдѣ бы она ни происходила, сохраняетъ строго одну и туже, весьма сложную, обрядность. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ, предшествующихъ, сопровождающихъ и заканчивающихъ, дѣйствій, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою вѣками установленную форму и обряды, а большинство сопровождается пѣснями. Начинается она съ рѣшенія вопроса о женитьбѣ парня въ подходящее время года.

Самымъ удобнымъ временемъ для свадьбы считается, вообще въ деревняхъ и въ частности въ описываемой мѣстности, промежутокъ времени отъ 1 октября до 14 ноября и рождественскій мясоѣдъ, т. е. части года, въ которыя поселянинъ свободенъ отъ полевыхъ работъ и наиболѣе обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи. Вопросъ о женитьбѣ „парубка“ рѣшается цѣлой семьей, при чемъ первенствующее значеніе

имѣетъ отецъ. Когда дѣло его въ семьѣ жениха рѣшено, происходитъ «сватання».

„Сватання“. Женихъ приглашаетъ „въ старосты“ одного или чаще двухъ родственниковъ, людей пожилыхъ и „балакучихъ“, т. е. рѣчистыхъ. Подъ вечеръ они съ женихомъ идутъ къ родителямъ невѣсты съ хлѣбомъ, „позиченымъ“ у кого-нибудь изъ сосѣдей [1]). Если при этомъ не удастся занять хлѣбъ у перваго, къ кому обращаются, это считается признакомъ неудачи при сватаньи. Обычай этотъ, впрочемъ, по отзыву мѣстныхъ жителей, выходитъ уже изъ употребленія.

Большею частію невѣста намѣчается на семейномъ совѣтѣ у жениха; но бываетъ и такъ, что „сваты“ или старосты съ женихомъ отправляются въ другое село и, не имѣя въ виду той или другой „дівчины“, просто ходятъ изъ двора въ дворъ и выбираютъ невѣсту. Для такихъ случаевъ въ нѣкоторыхъ селахъ чигиринскаго уѣзда дѣлается примѣта на хатахъ, гдѣ есть взрослая дѣвушка: красится въ красный цвѣтъ часть задней стѣны въ хатѣ.

При сватаньи женихъ входитъ въ хату послѣ старостъ и садится у „помыйниці“, т. е. у порога, опустивъ глаза. Въ случаѣ благопріятнаго исхода сватанья, что выражается подачею старостамъ „рушниківъ“, устраивается пирушка, для которой за водкой въ шинокъ должны идти непремѣнно „молодый зъ молодою“ [2]).

„Розглядины“. Если по какой-бы то ни было причинѣ родители невѣсты не могутъ окончательно рѣшиться на бракъ дочери при посѣщеніи „сватовъ“, то старостамъ рушниковъ не даютъ, а оставляютъ у себя ихъ хлѣбъ и обѣщаютъ явиться „на розглядины“.

Дня черезъ три или четыре послѣ посѣщенія сватовъ, родня невѣсты—отецъ, мать и кто-либо изъ ближайшихъ родственниковъ—и она сама идутъ къ жениху ознакомиться съ его семейнымъ и имущественнымъ положеніемъ. Въ домѣ жениха для такого случая заранѣе все приводится въ порядокъ, болѣе цѣнное имущество выставляется на показъ. Иногда даже родители жениха занимаютъ только на розгля-

---

[1]) Тотъ-же обычай см. у Мошинской («Zwyczaje etc...», стр. 3).

[2]) О подробностяхъ «сватанья» см. 4-й т. «Трудовъ»—свадьбы, записанныя въ м. Гостомлѣ, кіев. уѣзда, и въ м. Борисполѣ, переяслав. у.

дины у сосѣдей хорошую одежду и проч. Гостей принимаютъ очень радушно, съ вышивкой и закуской. Собственно изслѣдованіемъ положенія жениха занимается женскій персоналъ, мущины-же проводятъ время въ пріятныхъ разговорахъ и вышивкѣ. Женщины стараются возможно внимательнѣе разсмотрѣть одежду жениха, узнать, сколько у него семьи, домашняго скота, птицы, утвари. Иногда украдкой отлучаются изъ хаты и разспрашиваютъ у сосѣдей о нравственности жениха, его трудолюбіи, о нравѣ будущей свекрови и проч. Родители жениха во все время пребыванія гостей обходятся съ ними какъ можно предупредительнѣе и деликатнѣе. Самъ женихъ съ низкими поклонами усердно „частуе" родителей невѣсты, а его родственники безпрестанно повторяютъ: „та ваній (имя невѣсты) буде добре жить у насъ"!

Характеристика „выгодной партіи" выражается въ слѣдующемъ: „парубокъ гарный (безъ физическихъ недостатковъ), одежу мае хорошу, сімья маленька и скотина водиця". Если розглядины приводятъ родителей къ такому именно заключенію о женихѣ, то они просятъ присылать за рушниками, и невѣста оставляетъ у жениха свой хлѣбъ. Если результатъ розглядинъ неблагопріятенъ, то, напротивъ, жениху возвращается невѣстой хлѣбъ, оставленный у нея „старостами" [1]).

„*Сговорины*". Сватаньемъ собственно называется посѣщеніе „сватовъ", а самый уговоръ о днѣ свадьбы, подаркахъ и проч. „сговорінами", которыя сопровождаются пирушкой, что называется „пить сватання". „Пьють сватання" сперва у родителей невѣсты. Сюда собираются родственники жениха и невѣсты и приходитъ самъ женихъ. Въ особенномъ почетѣ при этомъ крестные отцы и матери „молодыхъ". Пирушка начинается утромъ и кончается поздно вечеромъ. Во все это время будущая свекровь сурово обращается съ своей будущей невѣсткой, грубо высказываетъ сомнѣніе въ ея способностяхъ и не удостоиваетъ ни однимъ ласковымъ словомъ. Дня черезъ три „пьють сватання" у жениха, гдѣ собираются всѣ бывшіе на сговоринахъ у невѣсты, кромѣ ея самой.

Какъ на пирушкѣ у жениха, такъ и у невѣсты происходятъ „сговорины": условливаются, какіе подарки должна будетъ давать въ

[1]) О «разглядинахъ» см. также 4-й т. «Трудовъ», стр. 95.

разное время на свадьбѣ каждая сторона. Здѣсь нужно отмѣтить слѣдующую черту: *на долю жениха приходится мало давать подарковъ и много получать, на долю-же невѣсты—наоборотъ.*

Со времени сговоринъ у „молодой", женихъ до самой свадьбы ночуетъ въ домѣ невѣсты, съ разрѣшенія ея родителей—вмѣстѣ съ ней. Въ эти ночи „молодые" близко знакомятся другъ съ другомъ. Не рѣдко можно слышать передъ свадьбой такого рода отзывы о невѣстѣ: „брава дівчина и богата; та й парубокъ казавъ, що *все гарно,* якъ ходивъ ночувать". Выраженія „все гарно" нельзя, однако, понимать въ смыслѣ фактическаго освѣдомленія жениха о цѣломудріи невѣсты. Обычай такъ называемой „коморы" на столько строгъ, что служитъ достаточной гарантіей противъ преждевременнаго увлеченія молодой четы. „Все гарно" надо понимать въ смыслѣ отсутствія у невѣсты физическихъ недостатковъ.

„Коровай". Послѣ сговоринъ свадьба откладывается большею частію на недѣлю или двѣ, чтобы стороны успѣли приготовиться. За день до вѣнчанія, происходящаго обыкновенно въ воскресенье, стало быть въ пятницу, въ домахъ жениха и невѣсты пекутъ „коровай". Еще въ четвергъ вечеромъ дѣлаетъ запару для коровая „молодиця", имѣющая непремѣнно перваго мужа. Въ пятницу утромъ отъ жениха и невѣсты посылаютъ звать „лінить коровай". Приглашаются „молодиці" и „дівчата". Обязанность первыхъ состоитъ въ приготовленіи самаго коровая, вторыхъ—разныхъ аттрибутовъ къ нему: „лежня, дивня, бороны и шишокъ". Дивень—большой, толстый бубликъ, съ пасѣчкой на поверхности—приготовляется только у невѣсты; борона—подобіе земледѣльческаго орудія того-же имени—только у жениха. „Молода" самолично приглашаетъ для этого случая наиболѣе любимую подругу или дѣвушку-родственницу, которая съ этихъ поръ становится „старшей дружкой". Приготовленіе коровая происходитъ обыкновеннымъ способомъ [1]). „Дівчата" все время поютъ пѣсни или спеціально относящіяся къ дѣланію коровая (варіанты къ №№ 491, 487, 501, 520, 6, 546, 555, 4-го т. „Трудовъ"), или навѣянныя печальнымъ видомъ

---

[1]) См. «Труды и проч.», т. 4, стр. 214—248. Moszyńska («Zwyczaje etc...»), стр. 5—7.

невѣсты,—болѣе или менѣ общаго содержанія. Изъ послѣднихъ въ чигиринскомъ уѣздѣ поютъ слѣдующія:

1. Ой чому, чому въ сёму дому
Такъ рано засвітилося?
Тамъ молода біли руки мыла,
Зъ молодымъ говорила:
—Поідь та убій куночку
Мині на шубочку,
А зъ лапочки—шапочку.
Та ще молодый не доізжає,
А куночка промовляє:
—Зъ мене куночки
Не буде шубочки,
А зъ лапочки—шапочки.

---

2. „Ты молода, тъя не вінчана!
За що тебе мати пірчила?"
—Била рублемъ та качалкою,
Що-бъ я були хазяйкою.
То було-бъ, мати,
Впередъ научати,
Якъ були я не заручена.
А теперь я заручена,
Отъ челяди[1]) *та й одлучена.*

---

3. Выйшла мати дочку час товати
Та на вечерниці посылати.
„Та пора тобі, дочко, на вечерниці
Погулять межъ дівиці!"
—Було-бъ, мати, впередъ посылати,
Поки була не заручена,
А теперь я заручена,
Одъ челяди та й одлучена.
Чомъ мині давно не казали,
Поки мене попы не звінчали,
Поки мині руки не вязали.

---

[1]) Отъ подругъ.

Теперъ попы звінчали,
Руки мині звязали.

(Кромѣ того—варіанты къ №№ 39, D; 343; 29-му 4-го т. „Трудовъ" и вар. къ № 20 кн. Мошинской: „Zwyczaje etc...").

Вѣнчаніе. Вѣнчаются или въ день свадьбы, или недѣлею-двумя раньше ея, но всегда въ воскресенье. Сопровождая „молоду" къ вѣнцу, хоръ дѣвушекъ поетъ:

4. *„Ой, попе, батьку нашъ,*
Одчиняй церковцю за-для насъ,
Та вінчай дітокъ—однолітокъ
Въ добрый часъ."
Нема попа
Поіхавъ до Кіева
Ключи забирати,
Тоді молодыхъ вінчати [1])

Надъ женихомъ держитъ вѣнецъ „старшій бояринъ", надъ невѣстой—„старша дружка". Возвращаясь отъ вѣнца, дружки поютъ: „Січена калина, січена"... (вар. къ № 720-му 4-го т. „Трудовъ"). Подходя къ дому родителей невѣсты, поютъ: „Выйди, матінко, зъ калачемъ" и проч. (ibidem, вар. къ № 742), и „Ой дяковать попонькові" (ibid., вар. къ № 696). Послѣ вѣнца молодые вмѣстѣ обѣдаютъ въ домѣ невѣсты.

„Дівичъ-вечіръ" [2]). Наканунѣ дня свадьбы, въ субботу, съ самаго утра, женихъ и невѣста, каждый отдѣльно, заняты приглашеніями гостей на свадьбу. Женихъ съ „старшимъ бояриномъ", котораго онъ избралъ раньше, какъ невѣста „старшу дружку", запасшись „пишками" для болѣе уважаемыхъ лицъ въ селѣ, обходятъ съ приглашеніемъ всѣхъ,

---

[1]) Хотя эта пѣсня—варіантъ къ № 683 т. 4-го «Трудовъ», но здѣсь мы помѣщаемъ ее ради характерной приставки, заключающейся въ послѣднихъ 4 стихахъ. Изъ всѣхъ варіантовъ (числомъ 7) только въ одномъ,—въ свадьбѣ, записанной въ кобринскомъ у., гродней. губ., есть такая приставка. Вмѣсто слова *до Кіева*, тамъ—*до Львова*.

[2]) Въ 4 т. «Трудовъ»—не дівитъ-вечіръ, дівичъ вечіръ, въ книгѣ же г-жи Мошинской («Zwyczaje etc...») странное слово dewicz-weczir.

кого надо пригласить „на весілля". Въ маленькихъ селахъ просто не оставляютъ ни одного двора безъ приглашенія. Приглашаютъ обыкновенною фразою: „проситъ батько й мати, и я прошу" и проч. Если въ домѣ есть парубокъ, то бояринъ вымогаетъ у него деньги, говоря: „підкуй молодого!" Дошедши до хаты родителей невѣсты, приглашающіе заходятъ туда и закусываютъ.

Гораздо интереснѣе процессъ приглашенія со стороны невѣсты. Свита ея состоитъ при выходѣ изъ дому изъ „старшей и підстаршей" дружекъ и одной изъ сосѣдокъ-дівчатъ. Но по мѣрѣ того, какъ невѣста обходитъ село, свита ея увеличивается все болѣе и болѣе „дівчатами", изъ которыхъ каждая, получивъ приглашеніе отъ невѣсты, тотчасъ, съ разрѣшенія родителей, присоединяется къ ея свитѣ. Сопровождающія невѣсту дѣвушки - дружки все время поютъ пѣсни, въ которыхъ или обращается вниманіе на красоту молодой, на ея нарядъ и проч., или на сопровождающія актъ приглашенія обстоятельства.

Какъ только „молода" начнетъ прощаться съ матерью при выходѣ изъ хаты, дружки поютъ:

5 *Не спи, матінко, у ночі,*
Печи, матінко, калачи!
Печи на меду:
Я тобі дружокъ наведу.
Печи, матінко, на яйцяхъ—
Я тобі наведу въ сапьянцяхъ.

По выходѣ со двора:

6. *Уже сонечко въ гору йде,*
Уже наша молода зъ двору йде,—
По-підъ вишневымъ садочкомъ;
За нею дружечки рядочкомъ.
„Ламайте калиноньку червоненьку,
Квічайте Марусеньку молоденьку.

На дорогѣ поютъ слѣдующія пѣсни, относящіяся къ самому обряду:

7. *Де наша княжна ходила,*
Тамъ калина уродили;
А де дружечки,—
Вродили ягідки.
По дорозі барвинокъ,
Наші молоді на вінокъ.

8. „Низомъ, дружечки, низомъ
Закидана доріженька хмизомъ.“
—Та у молодого кінь вороненький
Перескочить хмизъ зелененькій;
А въ молодої ще й вороніший,
Перескочить ще й зеленіший.

9. Ой мы йдемо, йдемъ,
Та все однимъ слідомъ,
Зъ червоною порошою,
Зъ молодою хорошою.

И варіанты къ №№ 143, 664, 713, 200, 172 („Труды“, т. 1).

Когда „молода“ съ дружками проходитъ мимо шинка, туда заходятъ выпить водки на деньги, собранныя старшей дружкой „на підковы молодий“. Послѣ такого угощенія поютъ:

10. Якъ були мы въ пана,
То була намъ шана [1]*:*
Пили медъ, горілку
За Марусю діеку.

Поровнявшись съ домомъ жениха, невѣста со свитой заходитъ въ хату, какъ дѣлаетъ это и женихъ, дошедши до дома невѣсты. Интересно сопоставить пѣсни, которыя поются дружками при посѣщеніи матери жениха, съ пѣснями, сопровождающими возвращеніе невѣсты домой и встрѣчу съ родной матерью.

Подходя къ дому жениха, дружки обращаются къ свекрови:

11. Не сама я йду:
Сімсотъ ще й пятнадцять,
Та всі въ сапьянцяхъ;
Сімсотъ ще й чотирі,
Та всі чорнобриві.
Одна молода чорнобрива,
И всіхъ покрасила.

---

[1]) Шана (отъ шановать)—почетъ, хорошее угощеніе.

У самыхъ воротъ поютъ: „Замітайте двіръ“ и т. д. (вар. къ № 217. „Труды“, т. 4). Дру́жки во дворѣ, но встрѣчать никто не выходитъ. Проходя мимо оконъ, поютъ: „Не пізнала мати и проч.“ (Вар. къ № 219 и еще болѣе близкій къ № 749. „Труды, т. 4). Наконецъ выходитъ на встрѣчу свекровь. „Молода“ низко кланяется ей, а дружки поютъ:

12. *Падали ластівкою*
Передъ матінкою
Передъ дверечками,
Передъ своими дружечками.
Це й не рідная мати,
Щобъ не вынала зъ хаты.

Вошедши въ домъ, поютъ: „Добривечіръ тому, хто въ цёму дому́ и пр.“ (вар. къ № 233. „Труды“, т. 4).

Совсѣмъ иной пріемъ у родной матери. Обходивъ все село, невѣста къ вечеру возвращается домой. Подходя къ хатѣ родителей невѣсты, дружки поютъ:

Ой матінко, утко!
Умывайся хутко и проч. [1])

И далѣе:

Утка йде,
Утенята веде и проч. [2])

Въ самомъ дворѣ поютъ:

Ріжь, мати, китайку и проч. [3])

Мать спѣшитъ на встрѣчу и принимаетъ радушно, что и выражается въ пѣснѣ:

13. *„Не пізнайся, моя ненько,*
Що я веду до тебе челяденьку!“
—Я-жъ тебе, моя дочко, не лаю,
Я-жъ твою челядоньку угощаю.

---

[1]) Вар. къ № 231 («Труды», т. 4).
[2]) Вар. къ № 187 (ibidem).
[3]) Вар. къ № 231 (ibidem).

Дружки усаживаются ужинать и поютъ:

Брязнули ложечками и пр. [1])

Если женихъ и невѣста въ одномъ домѣ, — у жениха (бываетъ такъ въ томъ случаѣ, когда они изъ разныхъ селъ; тогда женихъ забираетъ къ себѣ невѣсту до свадьбы, и свадьба цѣликомъ происходитъ въ его домѣ), то во время ужина поютъ:

14. По за ярами пшениця ланами.
Просили Андрійка: вечеряй зъ нами!
Ой по-за ярами пшениця ланами.
—Спасибі, сестрички, вечеряйте сами!

Отмѣтимъ слѣдующія подробности хожденія невѣсты съ приглашеніями. Она начинаетъ ходить непремѣнно по солнцу, хотя далѣе можетъ и измѣнить направленіе. Если на улицѣ невѣста и ея свита встрѣтятся съ женихомъ, то шаги съ обѣихъ сторонъ замедляются, „молода й молодый" выдвигаются впередъ, кланяются другъ другу и цѣлуются. Если женихъ при этомъ стѣсняется, то дружки поютъ:

15. „Тобі, дружко, не дружковати;
Тобі, князю, не князювати;
Тобі, дружко, свині пасти!
Тобі, князю, завертати!
Бо не вміли ціловати".

Если въ одномъ селѣ нѣсколько свадьбъ въ одинъ день, то, при встрѣчѣ невѣстъ, онѣ тоже другъ другу кланяются и цѣлуются. Цѣлуются даже женихъ и невѣста разныхъ паръ; но послѣднее уже выходитъ изъ употребленія.

Кромѣ приведенныхъ выше пѣсень, дружки поютъ еще и другія, не относящіяся прямо къ обстоятельствамъ приглашенія, а рисующія положеніе женщины въ замужествѣ вообще. Къ такого рода пѣснямъ относятся слѣдующія:

16. „Та чи макъ, чи рожа
На дворі процвітає?"
—А ни макъ, ни роженочка,
Дочко моя,

[1]) Вар. къ №№ 421 и 771 («Труды», т. 4).

А то-жъ твоя челядь гуля.
„Ой пусти-жъ, мій батеньку,
Межъ ту челядь гуляти!“
—Доненько моя,
Не воля моя;
Питайся у матінки.
„Чи макъ, чи рожа, моя матінко,
На дворі процвітае?“
—Ой не макъ, ни рожа,
Доненько моя,
А то-жъ твоя челядь гуля.
„Ой пусти-жъ, моя матінко,
Межъ ту челядь гуляти!“
—Ой, дочко-жъ моя,
Не воля моя;
Питайся у брата!
„Чи макъ, чи рожа, братіку мій,
На дворі працвітае?“
—Ой не макъ, ни рожа,
Сестрице моя,
То-жъ твоя челядь гуля.
„Ой пусти-жъ, мій братічку,
Межъ тую челядь гуляти!“
—Сестрице, не воля моя!
Питайся у сестры.
„Чи макъ, чи рожа, сестричко моя,
На дворі процвітае?“
—Ой не макъ, ни рожа,
Сестрице моя,
А то-жъ твоя челядь гуля.
„Пусти-жъ мене, моя сестро,
Межъ тую челядь гуляти!“
—Ой сестрице моя,
Не воля моя—
Питайся дружины.
„Ой чи макъ, чи рожа, дружино моя,
На дворі процвітае?“
—Не макъ, ни рожа,
Дружино моя,
А то-жъ наша челядь гуля.

„Ой пусти-жъ, дружино моя,
Межъ ту челядь гулять!“
—Я и самъ не піду
И тебе не пущу:
Привыкаймо доми жить!

---

17. *Ой уставай, ненько моя,*
Уже годі спать.
Уже-жъ мині съ тобою не вікъ віковать:
Одну нічь суботьнюю переночувать,
Одинъ день-неділеньку переднювать.

---

18. *Уже лужки-бережки вода й обняла,*
Уже на нашу молоду журба наляла,
Що її молодого та дома нема:
У чиночку, на рыночку музыкъ найма.
Заграйте, музыченьки: „изъ села до села;“ [1])
Щобъ моя молода була весела.
Заграйте ще й різніще,
Щобъ моій молоді було ще й веселіще!

---

19. *Назбираю я галочокъ*
Та полечу въ садочокъ,
Сяду на черешеньці,
Ти на вышій.
Батенько выйде
Галочекъ зганяти,—
Я буду обзываця:
„Я цей садъ садила,
Я цей садъ поливала,
Я цю черешеньку й общипала.“
Батенько стане,
На галочку гляне,
Та й мене згадае:
„Якъ оцій галоцці,
Такъ моій дочці
На чужій сторонці!“

---

[1]) Эта пѣсня есть у Шевченка въ «Гайдамакахъ».

29. *Тихо, тихо Дунай воду кольше,*
А ще й тихішъ Маруся косу чеше,
А що начеше,
То на Дунай однесе;
А що надрывае,
То й на Дунай пускае.
„Ой плыви, косо,
Та й до свекорки въ двіръ просто[1]*);*
Та й слухай, косо,
Що свекорко говорить.
Свекорко каже: „добрая година,
Прійде до насъ чужая дитина:
Не зобували, не зодягали,
Та й будемъ посылати;
Не годували,
Та й будемъ замышляти“ [2]*).*
Ой тихо, тихо Дунай воду кольше,
А ще й тихішъ Маруся косу чеше;
А що начеше,
То на Дунай однесе;
А що й надрывае,
То й на Дунай пускае.
„Ой плыви, косонько,
До батенька въ двіръ просто,
Та й слухай, косо,
Що батенько говорить!“
Батенько говорить:
„Не добрая година:
Піде одъ насъ рідная дитина.
Нікому буде по дворочку походити,
Нікому буде батенька звеселити,
Нікому буде постілоньку постелити,
Нікому буде головоньки поськати“ [3]*).*
И батько сіночки вымітае,
Що нахилиця,
То слізоньками вмыеця.

---

[1]) Прямо.

[2]) Управлять по произволу.

[3]) Поськать — поискать. Спеціальное слово для выраженія *искать вшей въ головѣ.*

Кромѣ того сюда относятся варіанты къ №№ 138, 955, т. 4-го „Трудовъ".

Вечеромъ, когда приглашенія окончены, къ жениху и невѣстѣ сходятся родственники и сосѣди. Во дворѣ жениха играютъ „музыки" и танцуютъ „дівчата". Родители „молодого" выходятъ во дворъ и приглашаютъ въ хату стоящихъ въ публикѣ пожилыхъ людей. Согласившійся войти съ этихъ поръ считается членомъ свадьбы и обязанъ участвовать во всѣхъ ея частяхъ; это сопряжено съ расходами (на подарки, на угощеніе и проч.), а потому въ хату идутъ не всѣ охотно. Изъ приглашенныхъ въ хату семейнымъ совѣтомъ выбирается „дружко". Обязанность дружка—распоряжаться на свадьбѣ; въ помощники къ нему выбирается „піддружій". Обязанность дружка на столько почетна, что каждый изъ гостей съ большимъ удовольствіемъ принялъ-бы ее на себя. „Въ дружки" выбирается человѣкъ солидный, опытный въ дѣлѣ обрядовъ, разсудительный, „балакучій". Дружка всегда легко узнать въ толпѣ: онъ ходитъ съ палкой, поступь медленная, постоянно распоряжается. „Піддружій" только исполняетъ нѣкоторыя распоряженія дружка.

Прежде всего дружко приказываетъ старшему боярину набрать бояръ. Тотъ приглашаетъ изъ публики парубковъ, отъ 7 до 12 душъ. Кромѣ бояръ выбираются у жениха: „свашки"—большею частію жены братьевъ жениха, или ближайшія родственницы, и „світилка"—незамужняя сестра „молодого". Когда выборъ конченъ, дружко собираетъ вокругъ себя выбранныхъ, подходитъ къ дверямъ хаты и говоритъ: „Старòста, пані [1]) старòста!"

— А мы рады слухать, отвѣчаютъ старосты (они—непремѣнные члены свадьбы и давно уже сидятъ въ хатѣ).

— Благословіть молодого въ хату ввести!

Другій и третій разъ!

— Богъ благословить всі три разы!

Тогда всѣ входятъ въ хату, садятся въ извѣстномъ порядкѣ за столъ, ужинаютъ съ выпивкой и отправляются съ музыкой къ невѣстѣ,

---

[1]) Именно *пані*, а не *пане*. Дружко во всѣхъ дальнѣйшихъ случаяхъ благословляется непремѣнно вышеприведенной формулой.

гдѣ и проводятъ вечеръ въ танцахъ, угощеніи и проч. [1]). У невѣсты тоже бываетъ ужинъ, при чемъ молодые съ старшими бояриномъ и дружкою ужинаютъ отдѣльно, въ коморѣ.

У жениха, въ то время, когда даютъ выбраннымъ членамъ свадьбы „по чарці", стоящая въ хатѣ у дверей женская публика поетъ:

21. Въ суботу за сонця [2])
Сидить Андрійко у віконця,
Та й радиця батенька свого:
„Скільки мині старостівъ брати?"
—Та бери, сыночку,
Скілько силочка зможе,
Скілько Богъ поможе.—
Та й радиця батька свого:
„Скілько мині бояръ брати?"
—Та й бери, сыночку, челядиночку,
Всю свою родиночку:
Бери старшого на коні,
А підстаршого въ жупані.—
Та й радиця батенька свого:
„Скілько мині світилокъ брати?"
—Бери світилку краснихъ,
А свашки пышнихъ [3]).

Когда родители благословляютъ жениха „у Божу путь" выйти (къ невѣстѣ), поютъ:

Ой приступи, Петрусю, та близенько и проч.

Когда „молода" даетъ „молодому" „хустку", дружки поютъ:

22. Плавала уточка підъ мостомъ,
Давала молода рученьку двомъ;
Хоть двомъ, хоть не двомъ, та одному:
„Ни-жъ тобі, молодый, самому".

Кромѣ того въ соотвѣтственныхъ случаяхъ поются варіанты къ №№ 239, 39 или 70 („Труды", т. 4).

---

[1]) См. «Труды», т. 4, стр. 99—212.
[2]) Отдаленный варіантъ къ № 823 («Труды», т. 4).
[3]) Пышно одѣтыхъ, разряженныхъ

„Гильце“. Въ воскресенье утромъ, если вѣнчаніе отбылось раньше, женихъ и невѣста, каждый изъ своего дома, идутъ въ церковь. Послѣ обѣдни женихъ подходитъ къ невѣстѣ и приглашаетъ ее вмѣстѣ съ дружками къ себѣ на обѣдъ. Обѣдаютъ безъ пѣсенъ. Послѣ обѣда „молода“ съ дружками уходитъ домой приготовляться къ пріѣзду „молодого“, а „у молодого квічають гильце“. Только въ немногихъ селахъ чигиринскаго уѣзда „гильце“ бываетъ у жениха и невѣсты; большею частію оно бываетъ только у жениха. „Гильце“ есть верхушка сосенки, вырубленная утромъ въ субботу самимъ женихомъ съ старшимъ бояриномъ. Теперь его вносятъ въ хату и убираютъ колосьями ржи, ячменя, пучками калины, барвінкомъ. Самъ женихъ привязываетъ квітку большую, чѣмъ другіе, и изъ лучшаго матеріала.

При убираніи „гильця“ женская публика поетъ:

23. *Летівъ горностай черезъ садъ* [1]),
Розпустивъ пірьячко на весь садъ.
„Збірайте, бояре, пірьячко,
Звийте молодому гільячко“.
—Якъ мы молодому гильце зведемъ,
То щирі [2]) *бори вырубаімъ,*
Та въ лузі калину выломаімъ,
Сто возівъ овесъ высмикаімъ,
Та въ саду барвінокъ выщипаімъ,
Та молодому гильце зведемъ.

Кромѣ того поются варіанты къ №№ 96, 145, 141, 94 („Труды“, т. 4).

Поѣздка за невѣстой. Когда „гильце“ готово, дружко собираетъ всѣхъ „весільныхъ“, становится передъ дверью, бьетъ палкой въ косякъ и говоритъ:

— Старòста, пані старòста!

— А мы рады слухать!

— Благословить молодому князеві въ Божу путь выйти!—Другій и третій разъ!

— Богъ благословитъ всі три разы!

---

[1]) Отдаленный варіантъ къ № 99 («Труды», т. 4).
[2]) Густые.

Отправляются къ молодой. Отъ имени матери хоръ напутствуетъ молодого:

24. *„Доломъ, доломъ*
Иди, сыну, зъ Богомъ!
Дай тобі, Боже, добрую годиноньку
Привезти чужую дитиноньку“.
— Ой не такъ, мати,
Чуже дитя взяти.
Ой треба, мати,
Въ порогахъ постояти.

Идутъ съ музыкой. Во время шествія старшій бояринъ, попеременно съ „підстаршимъ“, держитъ „гильце“ наклонно надъ головой жениха. Передъ воротами у невѣсты весь поѣздъ останавливается. Только дружко съ „піддружихъ“ или старостою отправляются къ дверямъ хаты невѣсты и, послѣ обычнаго благословенія, входятъ въ нее. Ихъ привѣтствуютъ пѣсней:

25. *Прилетіло ажъ два голубочки*
Изъ чужої стороночки.
Ой дайте имъ пити
Водиці зъ криниці,
Ой дайте имъ їсти
Солодкого меду.

Въ хатѣ дружка съ товарищемъ угощаютъ и даютъ ему сосудъ съ водкой и хлѣбъ. Взявъ водку и хлѣбъ, дружко съ піддружимъ выходятъ къ стоящимъ за воротами поѣзжанамъ и подчуютъ ихъ. Дѣло происходитъ такъ. Дружко сначала выпиваетъ самъ и при этомъ отступаетъ назадъ, какъ пьяный. Его поддерживаютъ и спрашиваютъ:

— А що, кренке!

— Крымське, гарне вино! отвѣчаетъ дружко.

Каждый выпившій дѣлаетъ то-же. Дружко уходитъ въ хату три раза и каждый разъ при выходѣ „частуе весільныхъ“ вынесенной водкою. Въ послѣднее посѣщеніе дружка и піддружаго въ хатѣ перевязываютъ рушниками. При выходѣ дружка изъ хаты въ третій разъ, стоящая во дворѣ невѣсты публика бросается къ воротамъ, запираетъ и налегаетъ на нихъ. Бояре стараются отворить. Происходитъ маленькая

драка, при чемъ иногда стрѣляютъ изъ холостыхъ ружей. Если бояре не въ состояніи открыть ворота силою, дѣло рѣшается подкупомъ: за кварту водки ворота отворяютъ. Поѣздъ входитъ во дворъ и останавливается у дверей хаты. Изъ хаты выходятъ родители невѣсты съ подарками, состоящими изъ платковъ—жениху, боярамъ и „світилці", „очіпковъ"—свашкамъ, и опять рушниковъ—дружку съ піддружимъ (теперь они перевязаны накрестъ). При раздачѣ подарковъ поютъ:

26. *Не тівайтесь вы, боярочки,*
Що коротенькі подарочки:
Конопельки не вродили,
Подарочки вкоротили.

Послѣ раздачи подарковъ входятъ въ хату, при чемъ мать невѣсты, въ вывороченномъ кожухѣ, сыплетъ жениху въ лицо ячмень.

При встрѣчѣ поѣзда молодаго еще поются варіанты къ №№ 834, 1003, 883 и 355, 886.

Въ то время, какъ женихъ собирается и ѣдетъ или идетъ къ невѣстѣ, эта послѣдняя сидитъ дома за убраннымъ столомъ, окруженная дружками, и „частуе" родню. При поднесеніи рюмки родителямъ невѣсты дружки поютъ:

27. *Ой роступися, чужина,*
Нехай приступить родина,
Нехай батенько частуе,
Щастямъ, здоровьямъ дарує.

Каждый изъ родственниковъ, выпивая рюмку, кладетъ копѣйку, которую въ нѣкоторыхъ селахъ старшая дружка беретъ и бросаетъ невѣстѣ „за коміръ". Если молода—сирота, ей поютъ:

28. *Зеленая пшениченька*
Та все й полягла.
Десь у тебе, Марусеньчо,
Та батьча немы.
Та не зайдеця гори зъ горою,
Та не поймиця щука-рыба зъ водою.
„Та плыви, щука-рыба, тихо по воді,
Та прибудь, прибудь, мій батеньку,
Тепера къ мині,

Та дай порадоньку мині,
Бідній сиротині!"
—Та кланяйся, доненько, чужій чужині,
Нехай дає порадоньку бідній сироті.
Ой кланялась не разъ, не два,
Та не дає порадоньки чужа чужина;
Ой кланялась разівъ три,
Не дає порадоньки, якъ ты".

И вар. къ № 161 („Труды", т. 4). Если-же родители живы, то дружки поютъ вар. къ №№ 416 и 18 (ibid.). Когда поѣздъ жениха уже приближается ко двору, поется слѣдующая пѣсня:

29. *Гусли гудуть,*
До двору йдуть:
Та наряжайся [1]*), Марусю,*
Бо возьмуть тебе.
Хоть я нарядюся,
А я вась не боюся,—
Есть у мене
Рідный батенько,
Той не дасть мене.
Та й гусли гудуть,
У двірь идуть;
Наряжайся, дівко Марусю,
Бо возьмуть тебе.
—Хоть я нарядюся,
Та вась не боюся:
Ой есть у мене
Рідна ненька,
Та не дасть мене.
Та гусли гудуть,
До порога йдуть;
Наряжайся, дівко Марусю,
Бо возьмуть тебе.
—Я хоть нарядюся,
Та вась не боюся:

---

[1]) Приготовляйся.

Ой есть у мене
Рідный братичокъ—
Той не дасть мене.
Та гусли гудуть,
У хату йдуть.
Та наряжайся, дівко Марусю,
Бо возьмуть тебе.
—Я хоть нарядюся,
Та вась не боюся:
Ой есть у мене рідна сестриця,
Та не дасть мене.
Гусли гудуть,
До столу йдуть.
Та наряжайся, дівко Марусю,
Бо возьмуть тебе.

Когда женихъ уже въ хатѣ, дружки поютъ:

Заховай мене, мій батеньку,
За садъ вишневый и проч [1]).

Далѣе слѣдуетъ выкупъ невѣсты у ея брата, при чемъ свашки поютъ:

30. Ой не будемъ, ой не будемъ
Ні дня, ні годины,
Таки скупимъ, таки скупимъ
Отецького сына.

Женихъ усаживается около невѣсты [2]). Еще разъ родителями невѣсты раздаются подарки, а со стороны жениха свашки раздаютъ родственникамъ невѣсты „шишки". При этомъ дружки поютъ:

31. Свашечки,
Наши голубочки,
Сыпте шишки,
Якъ горішки!
Ділить дружокъ,
Хоть по-трішки:
Отъ старшої
До найменшої
Дружки.

[1]) Вар. къ № 865 («Труды, т. 4).
[2]) Объ этомъ и о выкупѣ см. «Труды», т. 4, стр. 342—364

Свашки отвѣчаютъ имъ:

32. *Мы їхали шляшкомъ,*
Загубили шишки зъ мішкомъ.
А вы, дружечки, не гуляйте:
Ідіть, шишки позбірайте.

Черезъ нѣсколько времени дружко дѣлитъ „коровай"). При пріемѣ жениха въ разное время еще поются нар. къ №№ 1003, 883, 355, 886, 161, 416, 18, 940, 935, 936, 979, 115, 1148 и 345, 263, 74, 1068 и 1069, 1063 и 1064, 451, 453, 1138.

Затѣмъ братъ невѣсты вплетаетъ изъ косы сестры ленту, называемую „кісникомъ". По мѣрѣ приближенія момента, когда невѣстѣ придется покинуть домъ родителей, настроеніе присутствующихъ, при видѣ печали невѣсты, становится все смутнѣе. Это отражается и на пѣсняхъ, которыя тогда поются. При вплетаніи „кісника" дружки поютъ:

33. *Молодої неньки до дружокъ приступами,*
Все дружокъ питали:
„Вы дружечки, вы голубочки!
Роспитайтесь моеї дочки:
Кого її найжалькіше,
Чи кісоньки, чи своеї неньки?"
—Не жаль мині русої косы,
А жаль мині своеї неньки,
Що не буде въ неї служебоньки
Ні великої, ні маленької,
Ні мене молоденької:
Що нікому воды принести,
Що нікому світлоньки замести.

Дружки, какъ помощницы и подруги невѣсты въ ея дѣвичьей жизни, становятся теперь болѣе не нужны. Онѣ собираются уходить и поютъ:

34. *Сидить соловейко на ліщину.*
Часъ мині, бояре, до дому:
У мене ненька старенька,
У мене сестриця маненька;

---

1) Объ этомъ см. «Труды», т. 4, стр. 375—384.

Нікому водиці принести:
Часъ мене, бояре, одвести!

---

35. *Прощай, прощай, сестро наша!*
Теперь мы не твои, ты не наша...

Наконецъ молода прощается съ родителями; сначала съ отцомъ. Тревожное состояніе ея въ этотъ моментъ выражается въ пѣснѣ:

36 *„Ой, батенько, мій рідненькій!*
Снився мині сонъ дивнесенькій".
—Сама ты, доненько, знаешь—
Сама отгадаешь:
Що гарный шовкъ,—
То кісонька твоя;
Що золото,—
То слізонька твоя,
Та чорнымъ шовкомъ заплетена,
Та золотомъ переведена [1])

Тогда-же поется и слѣдующая пѣсня:

37. *Заиграли коники на подолі,*
Та брязнули музыченьки въ батенька во дворі.
„Наіхали, мій батеньку, гостеньки до насъ".
—Ой я цілъ гостенькамъ радъ, не радъ:
Возьмуть та й одъ мене тебе, якъ винаградъ.

Когда невѣста прощается съ матерью, поютъ:

38. *„Ты отдаешь мене, моя ненько, одъ себе,*
Та остаеця все зілья мое въ тебе:
И рутонька, и мятонька зелененька,
Ще-жъ я, ненько моя, въ тебе молоденька!
Вставай, моя ненько, раненько,
Та поливай зілья мое частенько:
Ранніми и пізніми зірочками,
Ще й дрібними слізонькамы".
—Та уставала, доненько моя, раніщъ тебе,
Та поливала зілья частішъ тебе,
И ранніми и пізніми зіронькамы,
Ще й своими дрібненькими слізонькамы.

---

[1]) Интересно, что самый сонъ не приводится.

Печальную сцену прощанья сокращаютъ слѣдующей грубой пѣсней, которую поютъ свашки:

39. Чого сидишь, дурепо?
Повезуть тебе далеко,
Дрáными саньми,
Зъ дурными людьми,
По-підъ горою,
Сторчъ головою,
Скаженою кобылою.

Въ то время, какъ укладываютъ на повозки пожитки невѣсты, поются пѣсни:

40. Чи не жаль тобі, Марусенько,
Матінки покидати?
У тебе матінка стареньки,
Сестриця маненька, сама молоденька.
Що матінка по воду йде — спотыкаеця,
А зъ водою йде — слізоньками умываеця.

41. Молодої сестра зъ боярами говорили:
„Грайте-жъ вы, бояре, грайте, —
Кіньками двору не зколупаете!
Бо якъ вы двіръ зколупаете,
То вы батенька та розгніваете;
То вы жъ ёго та й не впросите
И Марусеньки не возьмете“.
— Ой мы жъ ёго упросимо,
Медомъ-виномъ упоимо,
Таки молоду возьмемо!

Выѣздъ происходитъ съ обыкновенными обрядами [1].

На пути къ дому жениха свашки поютъ:

42. Кучерявый гвоздиче!
Поганяй волы швидче.
Не будешь поганяти, —
Будемъ тутъ ночувати.

[1]) См. кн. г-жи Мошинской: «Zwyczaje etc...», стр. 18—19.

Въ домѣ невѣсты остаются только родственники ея. Оставшіяся женщины поютъ къ матери невѣсты:

43. Закувала зозуленька въ зеленімъ вівсі,
Оглядїлась (имя матери), *що дочки не всі.*
—Чи сорока, чи ворона ухватила,
Чи я її добримъ людямъ надїлила?
—Ни сорока, ни ворона не ухватила,
А я її добримъ людямъ надїлила.

При выплетеніи „кісника" и прощаніи „молодої" съ родителями поются еще вар. къ №№ 1014, 1122, 1040, 1128, 1111, 1145, 1142 („Труды", т. 4) и вар. № 6 dodatka къ кн. Мошинской: „Kupajło etc.".

Во все время пребыванія жениха у невѣсты въ этотъ разъ, происходитъ очень характерная пѣсенная перебранка свашекъ съ дружками; первыя представляютъ сторону жениха и защищаютъ всѣхъ членовъ его свиты: бояръ, світилку и проч., вторыя—невѣсты и защищаютъ ея свиту. Пѣсни въ большинствѣ случаевъ пересыпаны бранными словами, часто даже неприличными. Иногда стороны увлекаются до того, что начинаютъ импровизировать,—не всегда, разумѣется, удачно, но всегда полновѣсно; когда-же и это становится недостаточнымъ, побѣжденные переходятъ въ словесную площадную брань.

Не отклоняясь отъ задачи—представить здѣсь только сырой матеріалъ, мы не можемъ не указать въ данномъ случаѣ на дисгармонію обряда съ основнымъ характеромъ малоросса,—мягкимъ, чуткимъ въ отношеніи нравственности. Упомянутый обрядъ есть, очевидно, остатокъ сѣдой старины, когда стороны во время брака были враждебны другъ другу. На это обстоятельство очень прозрачно указываютъ и взятіе съ боя воротъ невѣсты, и вывороченный вверхъ шерстью кожухъ тещи, и другіе обряды.

Обрядъ перебранки теперь начинаетъ выходить изъ употребленія. Часто стороны уговариваются раньше или пропѣть опредѣленное число пѣсенъ, или не пѣть ихъ вовсе. Вотъ пѣсни подобнаго рода, записанныя въ чигиринскомъ уѣздѣ (въ 4-мъ т. „Трудовъ" и въ другихъ мѣстахъ записано много такихъ-же пѣсенъ).

Когда женихъ со свитою входитъ въ хату невѣсты, дружки поютъ:

44. *Роскотився горохъ по долині.*
Ваши бояре, якъ свині,
Въ хату понилазили;
Щобъ имъ очи повылазилиі

Свашки отвѣчаютъ:

45. *Пекли дружки раки,*
Брешете, якъ собаки!—
За стіль позалазили,—
Очи вамъ повылазили!

Дружки:

46. *Бодай тебе, князю,*
Зъ твоими боярами:
Старі та вусати,
Якъ мыши хвостати.

Свашки:

47. *Бодай тебе, княжна,*
Зъ твоими дружками;
Сидять по-за стилью,
Якъ жабы по за тинью!

Дружки:

48. *Якъ у саду соловейко гніздо вье;*
Чи всімъ свашкамъ місце е?
А которій не мае,
Нехай на помыйниці сідае,
Помыи нехай висёрбае,
Зо дна гущи достыгае!

Свашки отвѣчаютъ:

49. *Якъ у саду соловейко гніздо вье:*
Чи всімъ дружкамъ місце е?
А который не мае,
Нехай на припічку сідае!

Дружки:

50. *Якъ у саду соловейко гніздо вье:*
Чи всімъ боярамъ місце е?
А которому немае,
Нехай на припічку сідае!

И дальше: „здвинулися стіны, якъ свашки сіли“ и проч. (см. Труды, т. 4, № 336).

Дружки обращаются къ старостамъ и боярамъ:

51. *Ой старосты вы, старецькії* [1]):
Вы, бояре, сыны отецькії!
Десь вы, старосты, коникіовъ добували,
Вы, бояре, жупанівъ позичали,
Що вы до насъ не рано поналіжджали?

Свашки защищаютъ старостъ и бояръ:

52. *Десь вы, дружечки, звычаю не знаете,*
Що въ нашихъ старостъ кониківъ питаете,
У бояръ жупанівъ.
Наши коникі по станяхъ стояли,
Наши жупаны по скриняхъ лежали!

Дружки къ боярамъ:

53. *Де вы, бояре, волочилися,*
Що до насъ опізнилися?
Чи сіно косили,
Чи хліба просили,
Чи въ соломі спали,
Що мыши уха пообыдали!

Свашки защищаютъ:

54 *У молодого ласкава ненька,*
Забарила насъ ласковими словами,
Годувала насъ білыми калачами,
Напувала насъ солодкими медами,
Выряжала насъ съ скрипками, съ цымбалами!

Чрезъ нѣсколько времени сами свашки начинаютъ:

55. *Въ нашого свата*
Изъ вербы-лозы хата,
А сволокъ изъ осыки.
Дружки безъязыки

---

[1]) Чисто народное, буквальное употребленіе слова *староста*, въ смыслѣ *старый человѣкъ*.

Дружки отвѣчаютъ:

56. *А велика голова*
У сома,
А ще й більша у щуки.
Брешете свашки, якъ суки!

Свашки:

57. *Біла сучка яромъ,*
А дружки за нею рядомъ.
Вони думали, що ихъ мати,
Зачали сучку ссати!

Дружки:

58. *Підъ поломъ пляшка стояла*
Туди кішка на . . . яла.
Будемъ пити-гуляти,
Свашокъ частувати.

Свашки:

59. *Підъ припічкомъ стружки,*
По....ся дружки.
Дайте черепушку
Підъ старшу дружку!

Дружки отвѣчаютъ,—и на этотъ разъ, кажется, не совсѣмъ удачно:

60. *Якъ були мы коло ставу,*
Іли мы рыбу та тарань.
Брешете, свашки,
Чортова дрянь!

Свашки:

61. *Въ старшої дружки рясный жупанъ;*
Поміжъ тими рясницями
Сидять воши копицями.
А вы, дружки, не гуляйте:
Берітъ воши оббирайте!

Дружки:

62. *Старил свашка [illegible] ворося вбила,*
На череві осмалила,
На [illegible] попарила
И на стіль поставила!

Свашки:

63. Старша дружка ...ха,
Друга черевата,
А третя на дняхъ ходить.
По семеро водить.

Или:

Шелестять дружки по дубині—
Найшли собі по дитині
А старша пищить,—
Семеро тащить!

Неугомонныя дружки обращаются къ дружку:

Чи бачишь ты, дружко,
Що бояре коровай крадуть и проч.
(„Труды", т. 4, № 1068).

Свашки накидываются на зачинщицу:

64. Зась тобі, початухо, зась!
Твій батько [illegible]вась.
Годі тобі починати,—
Иди батька прибирати!

Пріѣздъ молодыхъ въ домъ жениха.

Еще дорогою свашки поютъ:

65. „Куда вы мене везете, люде?
Ой що мині одъ вась буде?"
—Положимъ на току, на току,
Та постелимъ осоку, осоку.
Положимъ тебе зъ хлопцемъ,
Зъ добрымъ молодцемъ!

Подъѣзжая ко двору жениха, свашки поютъ:

66. Топи, мати, грубу:
Везуть невістку любу.
Хоть люба, хоть не люби,
Абы тепла груба!

При этомъ поются еще и вар. къ №№ 78 (въ приложеніи), 1242 4 т. Трудовъ).

Въ нѣкоторыхъ селахъ черкасскаго уѣзда практикуется слѣдующій обычай: проѣзжая мимо церкви, женихъ соскакиваетъ съ повозки, подбѣгаетъ къ церкви и ищетъ щели, въ которую бросаетъ нѣсколько копѣекъ, послѣ чего опять продолжаетъ путь.

По пріѣздѣ къ жениху, всѣ входятъ въ хату, кромѣ молодыхъ, которые на дворѣ ждутъ, пока дружко приготовитъ имъ въ „коморѣ" постель, и за тѣмъ, не заходя въ хату, слѣдуютъ за дружкомъ въ комору. *Дружко* раздѣваетъ молоду и проч.

Въ случаѣ, когда невѣста не потеряла невинности до „коморы", съ ея рубахой продѣлываютъ то-же, что и въ другихъ мѣстахъ [1]). Въ то время, когда молодые въ коморѣ, родители и родственники невѣсты приходятъ къ дому жениха и стоятъ за воротами, ожидая исхода перваго сожительства новобрачныхъ. Если результатъ благопріятенъ, ихъ приглашаютъ въ хату и окружаютъ всевозможнымъ почетомъ; въ противномъ-же случаѣ они убѣгаютъ домой и на другой день подвергаются унизительнымъ выходкамъ „весільныхъ": имъ надѣваютъ на голову горшки, верши [2]), хомуты и водятъ въ такомъ видѣ по селу.

По выходѣ молодыхъ изъ коморы служба бояръ оканчивается и нѣкоторые изъ нихъ уходятъ домой, другіе остаются принимать участіе, когда будутъ „смалить молоду". Этотъ обрядъ состоитъ въ слѣдующемъ: выпивъ изрядно въ хатѣ послѣ демонстраціи надъ рубахой невѣсты, мущины и замужнія женщины выходятъ за дворъ и гдѣ нибудь въ оврагѣ раскладываютъ костеръ. Пьяныя бабы, обнажившись до пояса, прыгаютъ черезъ костеръ, при чемъ мущины бросаютъ въ нихъ куски горящей соломы. Наиболѣе усердныхъ дружко угощаетъ водкой. Пьяная оргія продолжается до тѣхъ поръ, пока сожгутъ около воза соломы. Иногда прыгающія такъ усердствуютъ, что получаютъ серьезные обжоги. Послѣ этого попойка продолжается далеко за полночь.

Послѣдніе дни свадьбы. Въ понедѣльникъ бываетъ дѣлежъ коровая у молодаго, при чемъ гости дарятъ новобрачныхъ деньгами и натурою, для обзаведенія хозяйства; подарковъ собирается иногда руб-

---

[1]) См. въ 4-мъ т. «Трудовъ» всѣ типы свадебъ.

[2]) Верши—рыболовный снарядъ; дѣлается изъ прутьевъ лозы.

лей на сто. Въ этотъ-же день утромъ, въ качествѣ первой закуски послѣ опохмѣленія, ѣдятъ „лежень" (продолговатый пшеничный хлѣбъ) [1], получившій и названіе отъ этого обстоятельства (ѣдятъ, полежавъ). Въ понедѣльникъ-же вводятъ невѣсту къ священнику для покрытія и пекутъ пироги, съ которыми ходятъ къ родителямъ невѣсты. Во вторникъ опохмѣляются, разными штуками добываютъ водку и кутятъ до вечера, послѣ чего свадьба большею частью оканчивается.

Уже было окончено это *извлеченіе*, когда мы получили отъ г. Ба—скаго краткое описаніе малорусской свадьбы въ посадѣ Вилковѣ, бессарабской губ. Посадъ Вилковъ (близь Килія, въ устьяхъ Дуная) имѣетъ смѣшанное населеніе: малоруссовъ, потомковъ запорожскихъ выходцевъ, и великороссовъ-старообрядцевъ [2]), Оба племени, не смотря на долгое и близкое сосѣдство, смѣшиваются крайне туго. Свадебныя пѣсни и обряды *малорусскаго* населенія посада Вилкова, присланные г. Ба—скимъ, носятъ на себѣ очень незначительные слѣды великорусскаго сосѣдства; слѣды эти заключаются въ едва замѣтномъ измѣненіи языка и допущеніи въ свадебный репертуаръ 2—3 великорусскихъ пѣсенъ, при чемъ сразу бросается въ глаза слѣдующая характерная вещь: заимствованныя пѣсни ни на іоту не ассимилировались со стороны языка, а введены въ кругъ свадебныхъ пѣсенъ такъ, какъ это сдѣлалъ-бы культурный человѣкъ, знакомый съ обоими нарѣчіями. Пѣсни эти и поются на „дѣвичникѣ", тоже *заимствованномъ* свадебномъ актѣ [3]), такъ что вилковцы-малороссы тутъ очевидно руководятся такимъ соображеніемъ: лишняго случая повеселиться упускать не слѣдуетъ; но для чужой формы—чужое и содержаніе, свои-же собственныя пѣсни и обряды такъ прекрасно скомпонованы, что ни прибавлять, ни убавлять не приходится. Лучшимъ доказательствомъ того, что вилковцы-мало-

---

[1]) См. выше, стр. 9.

[2]) См. въ библіогр. отд. «Кіев. Стар.» (августъ 1882 г.) рецензію на брошюру: «Посадъ Вилковъ и проч.» Бахталовскаго.

[3]) «Дѣвичнику» соотвѣтствуетъ въ малорусской свадьбѣ «дівичъ-вечіръ». Если-бы въ Вилковѣ былъ только одинъ «дѣвичникъ», можно было-бы думать, что измѣнено только названіе; но тутъ за «дѣвичникомъ» слѣдуетъ «головиця», которая, какъ увидитъ читатель, есть тотъ-же «дівичъ-вечіръ».

россы дѣйствительно свято соблюдаютъ свадебныя пѣсни и обряды своей покинутой родины, служитъ то обстоятельство, что въ обрядахъ единственное нововведеніе—„дѣвичникъ“ [1]), а изъ 35 пѣсенъ, доставленныхъ намъ г. Ба—скимъ, нѣтъ ни одной, неизвѣстной до сихъ поръ въ печати, и только приводимыя ниже 5 пѣсенъ представляютъ изъ себя отдаленные варіанты; всѣ остальныя—близкіе варіанты къ напечатаннымъ въ 4-мъ томѣ „Трудовъ“.

Малороссійская свадьба въ Вилковѣ состоитъ изъ сватанья, „дѣвичника“, „головиці“ и собственно свадьбы.

Сватанье ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго (см. выше „сватання“ въ нашемъ извлеченіи и также „Труды“ т. 4, стр. 56—66).

На другой день послѣ сватанья бываетъ „дѣвичникъ“. Женихъ созываетъ парней, а невѣста дѣвушекъ. Вся компанія собирается вечеромъ въ домѣ невѣсты; гости садятся за столъ; невѣста угощаетъ ихъ виноградным виномъ, а женихъ—орѣхами, изюмомъ, конфектами и пряниками. Дѣвушки, выпивъ по стаканчику вина и закусивъ пряникомъ, поютъ:

1 *Да не милостивъ, сударь батюшка, на меня:*
Отдаешь меня молодешеньку отъ себя!
Остается моя сирота—мята вся у тебя...
Уставай-ка ты, родная матушка, раненько,
Поливай-ка ты сироту-мяту частенько!
Какъ наѣхалъ свѣтъ Петръ Ивановичъ,
Какъ увидѣла его свѣтъ Маринушка—смолчала,
Какъ увидѣла его матушка—вскричала.
Да какъ вырвала она чернобыль-травку,
Такъ и ударила воронова коня по ребрамъ,
Да ударила Петръ Иваныча по кудрямъ.
Какъ и съ тѣхъ-то поръ мои кудерьки не вьются,
Какъ изъ тѣхъ-то поръ мои русые сѣкутся.

2. *Бѣлый заюшка-горностаюшка,*
Вернись, заюшка, куда идешь?
Куда бѣжишь, не оглянешься назадъ?
Аль у тебя гдѣ принадушка есть?
Принада моя—камышъ да трава.

---

[1]) Конецъ свадьбы, начиная отъ привоза невѣсты, у г. Ба—скаго не записанъ.

Принада моя—тестевой теремъ.
А въ теремѣ томъ Маринушка сидитъ,
Она-то меня все принадила къ себѣ:
Лицемъ бѣлая, бровью черная,
Заставила часто въ гости ходить,
Въ гости ходить, изюмъ-ягоды носить.

---

3. *Вострубили трубушки рано на зарѣ,*
Восплакнула Маринушка по русой косѣ:
О, свѣтъ моя русая коса, дѣвичья краса!
По-утру ранешенько матушка косыньку плела,
Шелковую ленточку она не вплела;
Поутру ранешенько дѣвушки плели,
И они шелковую ленточку вплели.

Послѣ каждой пѣсни, для освѣженія горла, дѣвушки отпиваютъ изъ стаканчика по немногу вина. По окончаніи всѣхъ приведенныхъ пѣсенъ, компанія поднимается изъ-за стола, благодаритъ жениха и невѣсту за угощеніе и расходится по домамъ.

На канунѣ дня вѣнчанія, которое бываетъ всегда въ воскресенье, вечеромъ бываетъ „головиця"—то-же, что „дівічъ-вечіръ". Также невѣста ходитъ по посаду и сзываетъ подругъ. Женихъ является съ четырмя боярами. У невѣсты жениху и боярамъ пришиваютъ къ шапкамъ цвѣтки изъ ленточекъ. Когда берутъ шапку у жениха, дру́жки поютъ:

4. *Я-жъ тебе, зятечку, попрошу*
За твою шапочку хорошу,
Пришити віночокъ—
Зеленый барвіночокъ.

Женихъ кидаетъ на тарелку нѣсколько мѣдныхъ, или серебряныхъ монетъ. При этомъ поютъ:

5. *Не труси тарілкою,*
Не мани горілкою,
Выкинь мині біленького,
Якъ голуба сивенького.

Затѣмъ слѣдуетъ ужинъ и танцы на дворѣ подъ звуки *гармоники*. На „головиці"-же вьютъ „гильце", которое составляетъ вѣтка калины.

Послѣ вѣнчанія новобрачныхъ у воротъ церковной ограды встрѣчаютъ посадскіе парни. Они ко времени выхода изъ церкви ставятъ здѣсь столъ, покрытый бѣлой скатертью, на немъ ведро воды, называемой въ этомъ случаѣ *дунайскимъ виномъ*, и требуютъ у жениха выкупа.

Давъ въ видѣ выкупа рубль, новобрачные проходятъ. Роль „дружка" раздѣляется для двухъ человѣкъ: для старосты со стороны жениха и для старшаго свата со стороны невѣсты.

Когда „поіздъ" жениха является за невѣстой, онъ тоже долго стоитъ у воротъ, пока староста не побываетъ 3 раза въ хатѣ невѣсты.

Коровай дѣлитъ старшій бояринъ; второй бояринъ разламываетъ на части гильце. Къ нимъ подходитъ сватъ съ двумя тарелками; на одну старшій бояринъ кладетъ кусокъ коровая, на другую второй бояринъ кладетъ кусокъ „гильця". Сватъ все это разноситъ гостямъ. Въ числѣ другихъ пѣсенъ при этомъ поютъ:

6. *Ой вы, славни запорожці,*
Не лякайтеся!
За пороги, за высокіи,
Не ховайтеся!
Просимо васъ до хаты,
Коровиемъ дарувати.

При разставаніи съ молодой старшая дружка поетъ:

7. *Не того я прійшла,*
Щобъ сама я выйшла!
Дайте мині хозяина —
Старшого боярина;
Дайте коновочку пива,
Що-бъ мене ненька не била;
Дайте и каличівъ пару, —
Понесу неньці на славу!..
Ой крикнула уточка на лугу,
Пора мині, дружки, до дому:

У мене ненька старенька,
У мене сестра маленька;
Нікому затопити,
Вечеряти наварити.

Идутъ къ старшей дружкѣ (бояре и дружки), при чемъ старшую дружку ведутъ два боярина подъ руки. Въ домѣ старшей дружки ихъ угощаютъ. При этомъ поютъ:

8. *Широкая кладка на воду,*
Хорошая дружка на вроду,
Хорошого батька мае,
Хорошенько насъ пріймае.
Ой, казали: дружка не богата!
А вона таки богата:
Рушникъ на кілочку,
Въ хаті, якъ въ садочку,
Брови на шнурочку!

Старшая дружка даритъ старшему боярину платокъ, тотъ благодаритъ деньгами. Затѣмъ гости благодарятъ за угощеніе и расходятся.

Въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ поются кромѣ того варіанты къ слѣдующимъ №№ пѣсенъ 4-го тома „Трудовъ“: 233, 101, 981, 694, 742, 664, 1120, 451, 141, 609, 882, 928, 886, 1003, 29, 1050, 1068, 693, 1029, 1045, 1040, 694, 1128, 1113 и другіе.

Ѳ. Николайчикъ.

Восемь писемъ Тараса Григорьевича Шевченка къ разнымъ лицамъ.

„Разъ добромъ налите серце
„Ввѣкъ не проходоне“.

Подлинники предлагаемыхъ писемъ тщательно сохраняются у В. В. Тарновскаго, въ его усадьбѣ Качановкѣ (борзенскаго уѣзда, черниг. губерніи); мы представляемъ здѣсь точную копію ихъ, въ хронологическомъ порядкѣ, съ нѣкоторыми поясненіями. О значеніи писемъ, какъ матеріала для біографіи, распространяться не станемъ: читатели его сами увидятъ. Пожелаемъ при этомъ, чтобы всѣ письма Шевченка, равно и „Дневникъ“ его, печатавшійся въ „Основѣ“ 1861—1862 г., вошли въ предполагаемое полное изданіе его „Кобзаря“, съ необходимыми поясненіями.

I.

Къ Гр. Ст. Тарновскому [1]).

С.-Пб. 1842 г., марта 26.

„Я думаю, вы меня хорошенько побранили за „Гайдамаки“. Было мнѣ съ ними горя! На силу выпустилъ цензурный комитетъ:

---

[1]) Это—тогдашній владѣлецъ Качановки и 9,000 душъ, камеръ-юнкеръ, бывшій въ ту пору 50-ти лѣтъ слишкомъ. Бездѣтный, онъ воспитывалъ племянницъ, любилъ принимать гостей, литераторовъ, артистовъ и весьма радушно развлекалъ ихъ оркестромъ, родными пѣснями, танцами, деревенскими играми, иллюминаціями, поѣздками. Такъ, лѣтомъ 1838 года у него гостили—М. И. Глинка (выбиравшій тогда въ Малороссіи пѣвчихъ для придворной капеллы), историкъ Н. А. Маркевичъ, художникъ В. П. Штернбергъ, поэтъ В. Н. Забѣла. Нѣкоторыя мѣста изъ оперы Глинки „Русланъ и Людмила“ были написаны и исполнены въ первый разъ въ Качановкѣ; и до нынѣ здѣсь существуетъ обширная бесѣдка, каменная, на холмѣ, среди роскошнаго сада, гдѣ Глинка писалъ своего „Руслана“. Шевченко сблизился съ Тарновскимъ въ Петербургѣ, куда послѣдній часто пріѣзжалъ на зиму; потомъ съ лѣта 1844 г. Шевченко неразъ бывалъ въ Качановкѣ и гостилъ въ ней по мѣсяцамъ. Г. С. Тарновскій умеръ 1853 г. декабря 9 и погребенъ въ склепу мѣстной церкви. Дружескія отношенія Шевченка ко всему семейству Тарновскихъ не прекращались до самой смерти его.

„возмутительно!“ да и кончено! На силу кое-какъ я ихъ увѣрилъ, что я не бунтовщикъ. Теперь спѣшу разослать, чтобы не спохватились. Посылаю вамъ три экземпляра; одинъ возьмить соби, другій отдайте Ник. Андреевичу Maestro Маркевичу, третій Виктору Забѣлѣ, на заочное знакомство. По вашему реестру, я поручилъ И. М. Корбѣ роздать экземпляры. Прощайте. Желаю вамъ встрѣтить весну весело, а у насъ еще зима.

Вашъ покорный слуга Т. Шевченко.

P. S. Трохи, трохи не забувъ. Я чувъ, шо въ васъ е молоденьки дивчата. Не давайте имъ, будьте ласкави, и не показуйте мои „Гайдамаки“, бо тамъ е багато такого, шо ажъ самому соромъ. Нехай трошки пидождуть,—я имъ пришлю „Черницю Марьяну“; къ Великодню думаю надрюковать. Це вже буде *не возмутительна.*

Ще разъ P. S. Поправляйте, будьте ласкави, сами граматику, бо такъ погано выдержана корректура, шо цуръ ёму!

Намѣреніе Шевченка издать „Черницю Марьяну“ не удалось; едва-ли онъ ее и кончилъ, отрывокъ изъ нея въ первый разъ появился въ „Основѣ“ 1861 г., № 9, потомъ былъ напечатанъ въ изданіи „Кобзаря“ 1867 года, на стр. 266—277.

II.

Тому-же лицу.

С.-Пб. 25 января 1843 г.

„Спасыби вамъ, Григорій Степановичъ, шо вы мене таки не забуваете, ще разъ спасыби! А я вже думавъ, шо мене всѣ одцуралысь, ажъ бачу ни; есть ще на свити хочъ одинъ щирый чоловикъ. Чувъ я, шо вы нездужалы, але думавъ, шо такъ тилько, звычайне—по панському. Ажъ якъ росказавъ мени Дараганъ, то я ажъ злякався. Слава Господови, шо минуло! Цуръ ёму, шобъ и не згадувать! А ось що шкода: шо вы сю зиму не пріѣхалы! У насъ була выставка въ академіи и дуже добра; а теперь черезъ день дають „Руслана и Людмилу“. Та що то за опера, такъ ну! А надто, якъ Артемовскій спѣва Руслана, то такъ, шо ажъ потылицю почухаешъ, далебя правда! Добрый спивака, ничого сказать. Отъ вамъ и все, шо тутъ робыться. Василій Ивановичъ[1])

---

[1]) Григоровичъ, конференцъ секретарь академіи художествъ, нѣкогда издатель „Журнала изящныхъ искусствъ“, умеръ 1865 г. марта 15.

вернувся изъ Италіи ще товщій якъ бувъ, и розумнишій, и добришій; дякуе вамъ и кланяется. Карлъ Павловичъ [1]) байдыки бье соби на здоровье, а „Осада Пскова“ жде лѣта. Михайловъ кончилъ вашу картину добре. Штернбергъ [2]) пише мени, шо винъ вездужавъ, але теперъ вычунявъ, и вамъ кланяется, бо винъ дума, шо вы въ Петербургѣ. А я... чортъ зна що! ни то роблю що, ни то гуляю, сповыгаю по оцёму чортовому болотови, та згадую нашу Украину. Охъ, якъ-бы то мени можно було пріѣхать до соловья, весело-бъ було! Та не знаю; спиткалы мене прокляты кацапы такъ, шо не знаю, якъ и выпручатьця. Та вжежъ, якъ небудь вырвусь, хочъ писля Великодня, и прямисинько до васъ, а потимъ уже дальше. Ще ось що: намалювавъ я се лѣто двѣ картины и сховавъ, думавъ, шо вы пріѣдете: бо картины, бачьте, наши, то я ихъ кацапамъ и не показувавъ; але Скобелевъ [3]) таки пронышпорывъ и одну выманчачивъ, а друга ще въ мене; а щобъ и ця не помандрувала за якимъ небудь москалемъ (бо це, бачьте, моя „Катерина“), то я думаю послать іи до васъ. А шо вона буде коштувать, то це вже ваше дѣло; хочъ кусокъ сала, то и це добре на чужини. Я намалѣвавъ „Катерину“ той часъ, якъ вона попрощалася съ своимъ москаликомъ и вертается въ село; у царины пидъ куренемъ дидусь сидыть, ложечки соби струже и сумно дивитця на Катерину; а вона сердешна тильки не плаче, та пидіймае переднюю червону запашчину, бо вже, знаете, трошки тее... А москаль дере соби за своими, тилько курява ляга; собачка ще поганенька доганя его, та пибы то гавкае. По однимъ боци могила, на могили витрякъ, а тамъ уже степъ, тилько мріе. Отака моя картина [4]).

---

[1]) Брюлловъ, род. 1799, ум. 1852 г. іюня 11. Его картина „Осада Пскова“ осталась неоконченной. См. о немъ статьи В. В. Стасова въ „Русск. Вѣстникѣ“ 1861 г., №№ 9 и 10. Михайловъ—ученикъ Брюллова, равно какъ и Шевченко.

[2]) Василій Ивановичъ, талантливый художникъ, „*кроткое, благороднѣйшее созданіе*“, какъ отзывается о немъ Шевченко въ своей повѣсти „Музыкантъ“. Ему посвятилъ Шевченко своего „Ивана Подкову“. О немъ съ любовію отзывались М. И. Глинка и Даль. Штернбергъ написалъ нѣсколько эскизовъ изъ малороссійской жизни; особенно извѣстна его картина „Освященіе пасокъ“; потомъ „Видъ Кіева изъ-за Днѣпра“, „Крещатикъ“, „Игра въ кошку и мышку“, родился въ 1816, умеръ въ 1845 г.

[3]) Извѣстный „Инвалидъ“, командиръ Петропавловскій цитадели, дѣдъ героя М. Д. Скобелева.

[4]) Это—совершенно вѣрное описаніе картины, подлинникъ которой хранится и доселѣ, въ золоченой рамѣ, въ кабинетѣ В. В. Тарновскаго. Картина писана масляными красками. Лицо „Катерины“ очень ужъ идеализировано; станъ, поступь, самый

Коли вподобаете—добре; а нѣ, то на горище, поки я пріѣду. А вже колы пріѣду, то не выганяйте мѣсяць або другій, бо въ мене и на Украини, окроме васъ, нема пристанища; а я вамъ шо небудь намалюю.

Спасыби вамъ и за ласкове слово про дѣтей моихъ—„Гайдамакивъ". Пустивъ я ихъ у люде, а до ціи поры ще нихто и спасыби не сказавъ. Може й тамъ надъ ними смѣются, такъ якъ тутъ москали [1]). Зовутъ мене интузіастомъ, сиричь дурнемъ. Богъ имъ звидыть! Нехай я буду мужицькій поэтъ, абы тилько поэтъ, то мени бильше ничого и не треба. Нехай собака лае, вѣтеръ рознесе. Вы, спасыби вамъ, боитеся мени росказувать про людей,—цуръ имъ! Покоштувавъ уже я цего меду, щобъ вінъ скисъ!

„Бачивъ я вчора вашого хлопця рисунки: добре, дуже добре! Тилько треба ему другого майстра, бо винъ тилько яблука, та огирки и малюе; а це така рѣчь, що сердце не нагодуешь. А зъ его бувъ-бы добрый маляръ, бо воно хлопья до всего беруче.

Обицянку пришлю вашимъ дивчаатмъ къ Великодню, а може и раньше, колы впораюсь. Тилько не ту, що я вамъ писавъ, а иншу, по московському скомпонованy, щобъ не казалы москали, що я ихъ языка не знаю. Бувайте здоровы! Нехай зъ вами діетця все добре и не забувайте щирого вашого Т. Шевченка".

III.

Къ артисту С. С. Артемовскому.

(Безъ означенія даты).

„Благороднѣйшій ты изъ людей, брате—друже мій единый, Семене! Не треба було-бъ тее... та знать у тебе стала потылиця

костюмъ, тонкій и ловко сшитый, скорѣе напоминаютъ городскую барышню, нарядившуюся по малороссійски, чѣмъ истую хохлушку. Величина картины—аршина два въ длину, и аршинъ слишкомъ въ ширину. Въ письмѣ сдѣланъ и набросокъ ея чернилом и карандашомъ.

[1]) Шевченко, вѣроятно, разумѣетъ устные отзывы и бѣглыя замѣтки „Отечественныхъ записокъ"; но въ печати мы знаемъ и сочувственный отзывъ о немъ Плетнева. Еще въ 1840 г. Плетневъ говорилъ о его „Кобзарѣ": „Въ немъ собрано нѣсколько простонародныхъ лирическихъ изліяній души, живыхъ и счастливо переданныхъ авторомъ". Позднѣе, въ 1844 г. по поводу „Тризны" Шевченка, Плетневъ писалъ: „г. Шевченко пользуется у всѣхъ, знающихъ малороссійское нарѣчіе, необыкновенною славою. Его стихи знаетъ вся Украйна и наслаждается ихъ чтеніемъ точно такъ-же, какъ Великороссія стихами Пушкина". Но въ „Тризнѣ" Плетневъ не находитъ признака

глубока, бо брешешъ соби ниврoку, та й не схаменесся. Ну, кажи по правди, чи есть та великая душа на свѣтѣ,—кромѣ твоей благородной души,—щобъ згадала про мене въ далекій неволи, та ще й 15 карбованцивъ дала? Нема теперъ такихъ великихъ душъ на свѣтѣ! Може и булы колы небудь, та въ ирій полѣтелы. Одна твоя осталася межъ нами зимовать, та тулячись самотня на морози, и сочинила соби поэму, да такую сердечную, задушевную поэму, шо я и доси читаю да плачу. Великій ты поэтъ, друже мій Семене! Благодарю тебе всимъ серцемъ и всимъ помышленіемъ моимъ. Чимъ, якъ, и колы заплачу́ я тоби за твое истинно христіянськее дѣло? Теперъ, кромѣ слезъ благодарныхъ, ничого въ мене нема. Я—нищій въ полномъ смыслѣ этого слова, и не только матеріально,—душею, сердцемъ обнищалъ. Отъ що зробила зъ мене проклятая неволя, трохи-трохи не ідіота! *Десятый* годъ [1]) не пишу, не рисую и не читаю навіть ничого. А якъ-бы ты побачивъ, межъ якимъ людомъ верчуся я оци десять лѣтъ! Та не дай, Господи, щобъ и приснылыся тоби колы небудь таки недолюдки! А я у ихъ въ кулакѣ сижу: давять, безъ всякого милосердія давять; а я повиненъ ще и кланяться, а то возьме разомъ та и роздавить якъ ту вошу межъ ногтями. До тяжкого горя прививъ мене Господь на старисть, а за чіи грѣхи? ей-же Богу—не знаю!

Два, чи вже и три годы тому буде, якъ писавъ я до тебе, друже мій единый, и до Иохима, але одвіту не получивъ; думавъ, шо письма мои пропалы де небудь, або... прости мене, друже мій единый... була и така думка, шо може вы мене занехаяли. Ажъ бачу, шо Богъ мене ще не покида.

Якъ побачишъ Иохима, то поклонися ему гарненько одъ мене и попроси его, нехай винъ мени, ради святого Аполлона,

---

таланта и весьма справедливо прибавляетъ: „это заставляетъ насъ думать, что одна часть поэтическихъ концепцій лежитъ во глубинѣ души автора, *а другая—въ языкѣ, на которомъ онъ пишетъ*".

[1]) Письмо это, какъ выше сказано, безъ всякой даты; но слова „*десятый годъ*" даютъ ясное указаніе на время письма—*1856 годъ*. Отсутствіе даты объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что лежащее предъ нами письмо (единственное изъ всѣхъ) не подлинникъ, а копія, снятая П. А. Кулишомъ. Изъ письма Шевченка къ М. М. Лазаревскому отъ 8 окября 1856 г. (напечатаннаго въ мартовской книжкѣ „Основы" 1862 г., стр. 3) убѣждаемся несомнѣнно, что письмо къ Артемовскому писано *осенью 1856 года*. Артемовскій Сем. Степ. былъ взятъ М. Глинкою изъ Кіева въ 1838 году въ придворный хоръ, а въ 1839 г. онъ уѣхалъ за границу для образованія себя, потомъ около 20 лѣтъ пѣлъ партіи баритоновъ; скончался или здравствуетъ—не знаемъ.

пришле хоть малесенькій болванчикъ (статуэтку), або барельефикъ якій небудь изъ купидонівъ своеи фабрики гальванопластическои; ему воно недорого куштуватиме, а мени буде великій подарокъ. Ще позаторикъ заходився я бувъ липить изъ воску, и ничого не вдіявъ, тимъ шо передъ очима нема ничого доброго скульптурного; а якъ-бы Иохимъ приславъ мени що небудь, то я-бъ знову заходився коло воску. Нудьга, крый Мати Божа, яка нудьга—сидѣть склавши руки, и такъ сидѣть дни, мисяци и годы! О, Господи! сохрани всякого чоловіка одъ такои живои смерти.

Кланяюсь твоій добрій жипочци, цѣлую твое единее дитя и плачу разомъ зъ вами о погребеніи вашои Александры. Прощай, друже мій единый, не забувай безталаннного, сердцемъ преданнаго тоби земляка твого Т. Шевченка".

Адресъ: Оренбургской губерніи, въ Новопетровское Укрѣпленіе, его в.-благ. Ираклію Александровичу Ускову.

IV.

Къ Вас. Вас. Тарновскому (старшему) [1]).

Любый мій Василь Васильевичъ!

„Якъ-бы не трапилыся вы, або я до васъ не заѣхавъ, то довелося-бъ мени и въ Москвѣ захряснуть на безгришьи. А теперъ, спасибі вамъ и моій не ледачій доли, теперъ я въ Петербургѣ ниначе въ своій господѣ. Вчора бачився я зъ вашимъ батькомъ и матерью и зъ моею кумасею. Вы ихъ ще не швидко побачите дома. Посылаю вамъ зъ братомъ вашимъ письмо оце и по четыре экземпляра моеи роботы, а одинъ любому невеличкому Горленяткови. Перешлить ему, будте ласкови. Та напишить, шобъ воно не забувало обицянки. Якъ побачите Иванишева и Селина, то поцѣлуйте ихъ за мене [2]).

Нехай вамъ Богъ помога на все добре!

1859 г. сент. 28. Спб. Щирый вашъ Т. Шевченко.

---

[1]) В. В. Тарновскій, воспитанникъ нѣжинскаго лицея, 1-го выпуска (1826 г.), товарищъ П. Г. Рѣдкина, другъ Гоголя, учитель исторіи въ житомирской гимназіи, членъ коммисіи для описанія губерній кіевскаго учебнаго округа, извѣстный своими сочиненіями „Юридическій бытъ Малороссіи" (1842 г.), „О дѣлимости семействъ въ Малороссіи" (1853 г.) и преимущественно своимъ участіемъ въ крестьянскомъ вопросѣ. Скончался въ Качановкѣ 1866 г. декабря 4, погребенъ въ церковномъ склепу. Надъ могилой его возвышается великолѣпный мраморный саркофагъ.

[2]) Профессора кіев. университета: † 1874 г. октября 14, † 1876 г. марта 17.

V.

Надеждѣ Вас. Тарновской.

Кумасю, серце мое!

„У вечерѣ я буду у Карташевскихъ. Ще на тимъ тыжни обицяно. Якъ матиму часъ, то прійду обѣдать, и поговоримо. А поки що, пріимить, мое серденько, моя единая кумасю, оцей никчемный рисунокъ, на згадування 8 октября 1859 року.

Оставайтеся здорови!

И кумъ, и другъ, и братъ вашъ щирый Т. Шевченко.

22 окт. 1859 г. Спб.

VI.

Вас. Вас. Тарновскому (младшему).

Милостивый государь

Василій Васильевичъ!

100 экземпляровъ „Кобзаря", взятые вами у Д. С. Каменецкаго [1]) для передачи Михаилу Корнѣевичу Чалому, инспектору 2-й кіевской гимназіи, я эти сто экз. „Кобзаря" подарилъ моей невѣстѣ, и она покорнѣйше васъ проситъ, и я тоже, 50 экз. переслать въ Черниговъ, въ пользу воскресныхъ школъ, на имя Романа Дмитріевича Тризны, а 50 экз. въ пользу тѣхъ-же школъ въ Кіевѣ, на имя М. К. Чалаго. И будущая жена моя, и я, будемъ вамъ благодарны, если вы исполните нашу просьбу.

1860 г. 7 авг. Спб. Готовъ къ услугамъ Т. Шевченко.

VII.

Якову Вас. Тарновскому [2]).

1860 г. дек. 23. С.-Пб.

„Давно, дуже давно мы зъ вами не бачились, щиро шануемый Яковъ Васильевичъ! И такъ якъ вы чоловикъ щирый и

---

[1]) Каменецкій Пан. Сем., издатель портретовъ украинскихъ писателей, завѣдывалъ нѣкогда типографіей Кулиша, скончался 1880 г., октября 15.

[2]) Братъ Вас. Вас. старшаго, жившій тогда въ селѣ Потокахъ, каневскаго уѣзда, кіевской губерніи. Князь Лопухинъ, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ письмѣ, скончался въ 1873 г.; некрологъ его см. въ „Кіевлянинѣ" 1873 г., № 25.

розумный, а я тежъ трошки похожій на такихъ людей, якъ вы, то мы безплодно и написали одинъ другому измятое слово „*Милостивый государь!* Лучше любить и робить, а нижъ писать и говорить.

Двоюродный братъ мій Варфоломей Григорьевичъ Шевченко—почти управляющій корсунскимъ имѣніемъ князя Лопухина, чоловикъ розумный, щирый и, какъ говорятъ, мастеръ своего дѣла; это вы лучше меня можете узнать отъ вашихъ сосѣдей, нежели отъ меня. Братъ мой тяготится нѣмцами и ляхами и въ особенности его свѣтлѣйшествомъ; прочувши, що вамъ треба замѣстить чимъ-небудь лучшимъ вашего теперешняго управителя, хочетъ, и я прошу васъ, пріймить его до себе, та й більшъ ничого!

Літомъ, якъ Богъ поможе, я буду въ Потокахъ и щиро, щиро васъ поцѣлую, а поки що, бувайте здоровы.

Искренній вашъ Т. Шевченко.

„Кума моя Над. Вас. занедужала и осталася въ Петербугѣ. Вас. Вас. и Людмила Владиміровна поѣхали въ Качаповку.

VIII.

В. В. Тарновскому (младшему).

16 февраля, 1861 г., С.-Пб.

Милостивый государь

Василій Васильевичъ.

Сегодня получилъ я письмо изъ Чернигова отъ Романа Дмитріевича Тризны, на имя котораго въ прошломъ году просилъ я васъ переслать 50 экз. „Кобзаря“ въ пользу черниговской воскресной школы. Тризна пишетъ мнѣ, что онъ и до сего дня не получилъ вашей посылки. Во имя Божіе увѣдомьте меня, на чье имя и когда послали вы въ Черниговъ помянутые экземпляры, чѣмъ много обяжете готоваго къ услугамъ Т. Шевченка.

Желаніе поэта было исполнено, но отвѣтъ на письмо это едвали засталъ уже поэта въ живыхъ: настоящее письмо его было писано имъ за десять дней до смерти...

Сообщилъ **С. Пономаревъ.**

Библіографія.

Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII вѣкѣ. И. Лучицкаго (Отечественныя записки. 1882 г. Ноябрь).

Статья профессора кіев. университета И. В. Лучицкаго принадлежитъ къ числу тѣхъ, мимо которыхъ не можетъ пройти ни ученый спеціалистъ, ни обыкновенный читатель. Она выдвигаетъ цѣлый рядъ новыхъ, неизвѣстныхъ фактовъ и на нихъ старается построить свою теорію землевладѣнія въ южной Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, а эта теорія идетъ въ разрѣзъ съ господствовавшими доселѣ мнѣніями.

Статья состоитъ изъ краткаго введенія и трехъ небольшихъ главъ.

Въ введеніи авторъ указываетъ на тѣ факты современнаго землевладѣнія, которые навели его на мысль, что мнѣніе о малороссахъ, какъ о народѣ — индивидуалистѣ par exellence, несостоятельно, что формы общиннаго землевладѣнія существовали въ Малороссіи еще не такъ давно. Но нужно было документальными данными подтвердить это апріористическое соображеніе. Такія-то документальныя данныя и отыскались въ такъ называемой Румянцевской описи Малороссіи, часть которой, хранящаяся въ библіотекѣ кіевскаго университета и обнимающая кіевскій и переяславскій полки, и была въ рукахъ автора.

«На основаніи какъ самой описи, такъ и документовъ, приложенженныхъ къ ней, говоритъ Лучицкій, я попытаюсь представить читателю общую картину поземельныхъ порядковъ въ Малороссіи XVIII вѣка, картину далеко не полную, не всегда и не вездѣ достаточно освѣщенную. Я не претендую на окончательное разрѣшеніе вопроса, на выясненіе всѣхъ сторонъ общиннаго землевладѣнія въ Малороссіи. На многіе вопросы опись не даетъ отвѣтовъ, и мнѣ придется вовсе не касаться ихъ. Ихъ разъясненіе будетъ возможно лишь послѣ изслѣдованія бумагъ, сохранившихся въ сельскихъ архивахъ».

Въ первой главѣ г. Лучицкій говоритъ о тѣхъ экономическихъ результатахъ, которыя имѣло возстаніе Богдана Хмельницкаго для всей лѣвобережной Украины и въ частности ея южной части, т. е. нынѣшней полтавской губерніи. Всѣ тѣ экономическія отношенія, которыя установились было при польскомъ владычествѣ съ крупнымъ землевладѣніемъ и «послушенствомъ» населенія, были теперь скасованы козацкой саблей. Въ южной Украинѣ возстаніе привело еще къ болѣе радикальнымъ и рѣзкимъ перемѣнамъ, чѣмъ въ сѣверной. Здѣсь непосредственно послѣ возстанія не существовало ни малѣйшихъ препятствій для вполнѣ свободнаго и спокойнаго развитія. «Пустопорожнихъ вольныхъ земель было вдоволь, всѣ онѣ были объявлены собственностью войска и сюда устремились, главнымъ образомъ, переселенцы. Въ теченіе полустолѣтія, послѣдовавшаго за возстаніемъ, значительная часть этой мѣстности была заселена».

Во второй главѣ г. Лучицкій говоритъ о характерѣ заселенія края. Казалось-бы, нужно было ожидать установленія въ этомъ случаѣ личнаго подворнаго землевладѣнія. «Но въ томъ-то и дѣло, что этого не было и что при заселеніяхъ мы встрѣчаемся съ явленіемъ совершенно противоположнаго характера. Данныя Румянцевской описи не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Всѣ новыя поселенія, извѣстныя намъ по описи, возникаютъ на началахъ *общиннаго владѣнія*. Характерною, выдающеюся ихъ чертою является *полное* отсутствіе личной собственности. Община, завладѣвая землею, пользуется сообща. Не только выгоны и лѣса, но и дворовыя мѣста, пахоть, сѣнокосы, луга, рыбныя ловли составляютъ предметъ общаго владѣнія, общаго пользованія». За тѣмъ г. Лучицкій приводитъ нѣсколько доказательствъ этого положенія изъ Румянцевской описи для селеній поздняго происхожденія (Богодуховка и Чернобай). «Но что именно такимъ образомъ и на такихъ основаніяхъ совершалось заселеніе, доказательство тому представляютъ села древняго происхожденія, гдѣ общинное владѣніе сохранилось еще и во время составленія описи. Буромка—одинъ изъ такихъ поселковъ... Въ деревнѣ Мутихи, существовавшей еще при польскомъ владычествѣ, владѣніе и пользованіе землей происходили на началахъ общинныхъ. Мутошинскіе козаки сѣяли хлѣбъ на «обще владѣемой козачьей землѣ» и только два домохозяина имѣли сверхъ того личную собственность (пахоть), но въ ничтожномъ количествѣ... Тоже и въ весьма древнемъ поселеніи, селѣ Котловѣ. Здѣсь всѣ домохозяева (за исключеніемъ одного, живущаго съ заработковъ) сѣютъ хлѣбъ также «на обще владѣемой, обще обывательской землѣ», хотя нѣкоторые успѣли пріобрѣсти уже и личную собственность. Что такой способъ, чисто общинный, владѣнія зем-

лею существовалъ прежде повсюду, во всѣхъ селеніяхъ, видно изъ тѣхъ данныхъ, которыя относятся до деревень, перешедшихъ уже въ XVIII в. къ подворному владѣнію, выдѣленному изъ общиннаго. Указанія на это особенно часты въ Румянцевской описи».

Доказательства свои г. Лучицкій сводитъ къ тремъ положеніямъ: во-первыхъ, никто изъ козаковъ не могъ представить документовъ на тѣ земли, которыя онъ называлъ «наслѣдными, предковскими» — очевидно, что эти «наслѣдныя земли» выдѣлены изъ общинныхъ, а общинное происхожденіе ихъ забывалось уже во второмъ поколѣніи; во-вторыхъ, указанія на такое выдѣленіе встрѣчаются въ Румянцевской описи: мы имѣемъ въ ней нѣсколько актовъ раздѣла общинныхъ земель; въ третьихъ, наконецъ, во многихъ селеніяхъ мы находимъ въ половинѣ XVIII в. остатки не только общинныхъ угодій, но и общинной пахоти; такими общинными землями пользуется извѣстное количество дворовъ, не имѣющихъ «никакихъ принадлежностей и угодій». Словомъ, какъ говоритъ г. Лучицкій, «не только козаки, но и посполитые и даже начинавшая выдѣляться изъ козачьей среды войсковая старшина входили въ составъ общины и, какъ члены ея, члены товариства, пользовались и общею собственностью, общинною пахотью и общинными угодьями».

Въ третьей главѣ г. Лучицкій старается опредѣлить характеръ малороссійской общины. Община малороссійская, первобытнаго типа, безъ передѣловъ, безъ ограниченія времени держанія земли, безъ равномѣрныхъ надѣловъ, совершенно подходитъ къ общинѣ индійской; въ основѣ ея лежало фактическое завладѣніе, санкціонируемое, вѣроятно, товариствомъ. Законодательство взяло подъ свою защиту общинные порядки — защищало обиженныхъ сябровъ (соучастниковъ), регулировало общинные раздѣлы.

Вотъ содержаніе интереснаго изслѣдованія г. Лучицкаго.

Основная мысль его та, что въ южной части Малороссіи (нынѣшней полтавской губ.) первоначальною и единственною формою землевладѣнія, установившагося при колонизаціи края во второй половинѣ XVII вѣка, была община, но община своеобразная — безъ передѣловъ, безъ равномѣрности участковъ, безъ ограниченія времени держанія земли.

Мы вполнѣ признаемъ важное значеніе за тѣми фактами, которые приводятся И. В. Лучицкимъ, потому что они въ значительной степени освѣщаютъ характеръ землевладѣнія въ Малороссіи въ XVII и XVIII в.; въ общемъ мы совершенно согласны и съ самою характеристикою землевладѣнія; только врядъ-ли можно назвать подобные порядки общинными.

При общинномъ землевладѣніи владѣльцемъ земли является не отдѣльное лицо, а юридическая единица — община, которая уже распоряжается ею по своему усмотрѣнію. Но этого основнаго, необходимаго признака мы не можемъ констатировать въ земельныхъ распорядкахъ, господствовавшихъ въ лѣвобережной Украйнѣ XVII и XVIII в. Самъ И. В. Лучицкій принужденъ здѣсь обращаться къ предположеніямъ. Характеризуя малороссійскую общину, онъ говоритъ, что это было землевладѣніе, въ основѣ котораго лежало фактическое завладѣніе, *по всѣмъ видимостямъ*, санкціонируемое товариствомъ, дозволявшимъ при раздѣлахъ брать нужное количество земли»*). Эту санкцію товариства И. В. Лучицкій усматриваетъ изъ того обстоятельства, что «общество» само устанавливало порядокъ сѣвооборота, дѣлило общественныя земли и распоряжалось селищами, оставшимися впустѣ. Но данныхъ этихъ слишкомъ недостаточно; при томъ они указываютъ на такія функціи малороссійской громады, которыя остались и доселѣ и въ которыхъ никто никогда не сомнѣвался. Громадскія общинныя склонности у малорусскаго народа всегда были: онѣ проявились и въ запорожскомъ товариствѣ, и въ копныхъ судахъ, и въ разнаго рода братствахъ, и въ современныхъ артеляхъ — «спілкахъ» и наконецъ въ устройствѣ нынѣшней громады. Отождествлять ихъ съ общинными порядками нѣтъ никакой возможности. Нужно фактически доказать роль громады въ распредѣленіи общинныхъ земель. Между тѣмъ ни спеціальные малороссійскіе законы, ни данныя Румянцевской описи не говорятъ о земельной общинѣ въ Малороссіи. «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ», знаютъ дѣйствительно «сябринное владѣніе», но какъ совладѣніе частныхъ собственниковъ. Если кто захочетъ прочистить лѣсъ, то долженъ будетъ «другимъ участникамъ своимъ такъ много и въ толикой добротѣ лѣсу и степу оставить, *какъ много на части ихъ противъ его займа принадлежить*»**). Въ Румянцевской описи, какъ говоритъ самъ И. В. Лучицкій, способъ владѣнія постоянно опредѣляется словами: «одинъ передъ другимъ, гдѣ кто пожелалъ», «гдѣ кто себѣ застигнетъ, тамо оретъ либо коситъ».

При чемъ-же тутъ компетенція общины?

Мы уже не говоримъ о томъ, что о передѣлахъ и срокѣ владѣнія здѣсь не можетъ быть и рѣчи — это подтверждаетъ и самъ И. В. Лучицкій.

Мы не хотимъ сказать, чтобы тотъ способъ землевладѣнія, который очерченъ И. В. Лучицкимъ, можно было назвать личнымъ, участ-

---

*) Слѣды общ. земл., стр. 115.

**) Изданіе А. Ѳ. Кистяковскаго. Кіевъ. 1879 г., стр. 515.

ковымъ. Мы думаемъ, что онъ не былъ ни личнымъ, ни общиннымъ, хотя изъ него долженъ былъ выработаться тотъ или другой. Это было дѣйствительно первобытное отношеніе человѣка къ землѣ, неопредѣленное и неупорядоченное, но имъ всегда начинается исторія естественнаго заселенія страны, когда земли еще слишкомъ много сравнительно съ населеніемъ, и она не имѣетъ почти никакой цѣны. Община—это дальнѣйшая ступень въ развитіи поземельныхъ отношеній.

Между тѣмъ И. В. Лучицкій считаетъ ее въ данномъ случаѣ первымъ шагомъ, основою, которая впрочемъ не доразвилась въ строгую опредѣленную систему и преждевременно разложилась. Мы находимъ такое быстрое разложеніе очень страннымъ. Начавъ устанавливаться въ южной Малороссіи, по словамъ И. В. Лучицкаго, со второй половины XVII вѣка, ко второй половинѣ XVIII в., она уже почти совершенно исчезла, будучи вытѣснена подворно-участковымъ владѣніемъ

Но и въ началѣ XVIII в. мы наталкиваемся на факты, которые не совмѣщаются съ понятіемъ общины. Въ козацкихъ компутахъ и ревизіяхъ первой половины XVIII в., относящихся къ южной Малороссіи, мы находимъ массу малоземельныхъ и безземельныхъ, количество коихъ превосходитъ всѣ остальные классы, взятые вмѣстѣ.

Возьмите, напримѣръ, компутъ Гадяцкаго полка 1723 года *). Козаки распадаются тамъ на слѣдующія категоріи: 1) можніе кгрунтовие, 2) средніе кгрунтовие, 3) полъсредніе пѣшие по малой частицѣ грунту маючие, 4) убогіе безгрунтовие пѣшие, 5) крайне убогіе, весма нѣчого неимущие. Процентное отношеніе этихъ классовъ на весь гадяцкій полкъ таково: 1) грунтовихъ можнихъ козаковъ, якие могуть конно служити—1306, 2) грунтовихъ среднихъ козаковъ, якие такожъ могуть конно служити—2119, 3) полсреднихъ по малой части грунту маючихъ козаковъ, якие могуть пѣшо служити—1276, 4) убогихъ безгрунтовихъ козаковъ, якие такожъ могуть пѣшо служити—2000, 5) крайне убогихъ козаковъ, весма нѣчего не маючихъ, якие, ни конно, ни пѣшо не могуть служити—970; итого, малогрунтовыхъ и безгрунтовыхъ 4246 на 7671, т. е. болѣе половины общаго числа.

Въ компутѣ гадяцкаго полка 1735 года **) мы находимъ болѣе ясное опредѣленіе исчисленныхъ категорій. Тамъ мы находимъ слѣдующія группы: 1) грунтовіе, 2) малогрунтовіе, 3) весма нищетніе и убогіе при огородахъ жиючие, воли и конѣ робочіе въ себе имеючіе, 4) при огородахъ жиючие, ни вола, ни коня въ себе не имѣючие, зъ зажону и иной

*) Рукоп. отдѣл. библіотеки кіевской арх. ком. за № 388.
**) Ibidem, за № 384.

роботизны себе кормятъ, 5) подсусѣдки козачіе весма нищетніе, которіе въ себе коней и воловъ не имеютъ, зъ зажону и иной роботизни кормятся. Общій итогъ таковъ: 1) можнимъ промисломъ бавячихся—6, 2) среднимъ промисломъ бавячихся—24, 3) грунтовыхъ козаковъ и вдовъ—1251, 4) малогрунтовыхъ—2555, 5) убогихъ и весьма нищетныхъ—4515, 6) подсусѣдковъ козачихъ—752; всего 8863. Приблизительно такія же данныя мы находимъ и въ компутахъ полковъ прилуцкаго *) и полтавскаго **) за 1735 г. Вотъ, напримѣръ, цифры одной изъ южныхъ сотенъ, кобелицкой: 1) грунтовыхъ козаковъ — 42, малогрунтовыхъ—131, 3) нищетныхъ, крайне убогихъ, которые живутъ въ одной хатѣ при огородахъ—374, 4) подсусѣдковъ, живущихъ съ зажону и другихъ работъ—13. Тоже самое мы видимъ и среди посполитыхъ.

Всѣ приведенные примѣры указываютъ на значительное развитіе среди козаковъ класса мало и безземельныхъ; для насъ особенно характерна группа безгрунтовыхъ, имѣющихъ воловъ и коней; очевидно, они должны были нанимать землю для обработки, отличаясь этимъ отъ слѣдующей группы безгрунтовыхъ, не имѣвшихъ скота и живщихъ съ зажона.

Рядомъ съ этимъ мы можемъ привести рядъ фактовъ, доказывающихъ существованіе личной собственности въ южной Малороссіи еще въ XVII в.; нѣкоторые изъ нихъ непосредственно относятся къ той мѣстности, которую разсматриваетъ И. В. Лучицкій — золотоношскому уѣзду, полт. губ.

Въ 1700 году Палажка Литовчиха продала свой *дѣдовскій грунтъ* жителю сел. Бузки; въ одной купчей 1719 года мы встрѣчаемъ указаніе на купчую 1699 года, по которой житель сел. Васютинецъ Супрукъ купилъ у Савки Атамосенка его тестевскій грунтъ, состоявшій изъ гая, сада и лозы; ирклѣевскій мѣщанинъ Николай Сергіевичъ покупаетъ у товариша ирклѣевской сотни его «луку дѣдизную» въ 1713 году. И. В. Лучицкій отсутствіе купчихъ на «предковскія, наслѣдныя» земли считаетъ доказательствомъ общиннаго землевладѣнія. «При составленіи описи, говоритъ онъ, никто изъ козаковъ не могъ представить документовъ на право владѣнія тѣми землями, которыя они называли «наслѣдными, предковскими». Крѣпости, между тѣмъ, были ими предъявлены во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда земля была пріобрѣтена ими или ихъ предками въ личную собственность путемъ либо купли, либо замѣны, либо по закладу ***). Но утвержденіе, что купчія всегда представлялись на

*) Рукоп. отд. библ. кіев. арх. ком. за № 385.
**) Ibidem, за № 386.
***) Слѣды общ. земл., стр. 102.

купленныя земли, не вѣрно: въ той-же Румянцевской описи намъ приходилось встрѣчать примѣры противоположные. Въ миргородскомъ полку козакъ Лукьянъ Марченко заявилъ, что онъ вымѣнялъ у миргородскаго козака Алексѣя Скоробогатенка вербовый лѣсокъ за плугъ «безъ жадныхъ крѣпостей» *); посполитый подданный Лукъянъ Вовченко заявилъ, что ему лѣсокъ на томъ-же островѣ достался по наслѣдству отъ отца и дѣда; другой же смежный онъ прикупилъ, но крѣпостей на него не имѣетъ **). Отсутствіе-же крѣпостей на отеческія и дѣдовскія земли можетъ быть объяснено во многихъ случаяхъ фактическимъ, личнымъ завладѣніемъ того или иного участка; часто на такія личныя займища брались подтвердительныя грамоты, но часто ихъ и не бывало.

Здѣсь мы должны указать еще на другой видъ займанщины, который совершенно игнорируется и даже отрицается И. В. Лучицкимъ; я говорю о займищахъ, которыя производились не отдѣльными сотнями, не отдѣльными даже селеніями, а отдѣльными лицами. Довольно многочисленныя указанія на подобные факты можно найти въ Румянцевской описи, главнымъ образомъ въ той части ея, которая издана въ извлеченіи гг. Лазаревскимъ и Константиновичемъ.

Въ настоящей краткой замѣткѣ мы не имѣемъ возможности останавливаться на этихъ фактахъ, а позволимъ себѣ поговорить о нихъ въ статьѣ: «О займанщинѣ въ лѣвобережной Украйнѣ», которая появится въ слѣдующей книжкѣ «Кіевской Старины».

Такимъ образомъ и ту общину, которую пропагандируетъ И. В. Лучицкій, и то первоначальное личное завладѣніе, которое мы также открываемъ въ очень давнее время, можно свести къ *займанщинѣ*, которая была, по нашему мнѣнію, основнымъ, первичнымъ явленіемъ въ исторіи малороссійскаго землевладѣнія на лѣвомъ берегу Днѣпра въ XVII и XVIII в. Изъ него уже могла выработаться или община, или подворно-участковое владѣніе; факты показываютъ, что выработалось послѣднее, хотя кое-гдѣ, напримѣръ, на полтавскомъ побережьи (въ нынѣшнемъ золотоношскомъ уѣздѣ) и по Орели развилась и община, которая сохранилась до настоящаго времени.

Дм. Багалѣй.

---

*) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку мирг.

**) Ibidem.

Историческая хронологія харьковской губерніи. Составилъ К. Н. Щелковъ. Харьковъ. 1882 г., VI + 365.

Всякая новая книга, касающаяся исторіи Слободской Украйны, невольно возбуждаетъ къ себѣ интересъ; объясняется это тѣмъ, что Харьковщина и доселѣ представляетъ еще terram incognitam. И доселѣ книга пр. Филарета: «Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи» остается единственнымъ капитальнымъ сочиненіемъ. Г. Щелкову принадлежитъ уже одно сочиненіе по исторіи харьковской губ.— «Харьковъ, историко-статистическій опытъ». Теперь, годъ спустя, является уже другой его трудъ, заглавіе котораго мы привели выше. Къ сожалѣнію онъ уже и послѣдній: прочитавши окончательную корректуру предпослѣдняго листа, К. Н. Щелковъ умеръ. Покойный былъ харьковскій уроженецъ, воспитывался въ харьковскомъ университетѣ и въ послѣдніе годы ревностно занимался мѣстной стариной. Выпустилъ въ свѣтъ книгу прот. І. Чижевскій, редакторъ Харьковскихъ Епарх. Вѣдомостей.

Въ трудѣ Щелкова мы имѣемъ краткую лѣтопись событій харьковской губерніи, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ съ XII по XIX вѣкъ включительно, при чемъ на долю XIX вѣка приходится ровно половина книги, а на долю XII—XVI в.—четыре страницы. Главнымъ содержаніемъ событій является древняя географія и церковныя древности; исторія политическая затронута слегка и то въ такой мѣрѣ, въ какой это необходимо для топографіи; въ XIX в. событій уже больше, но они представляютъ какую-то пеструю и случайную смѣсь. Впрочемъ на книгу г. Щелкова нельзя иначе и смотрѣть, какъ на справочную,— и съ этой точки зрѣнія она довольно удовлетворительна. Очень полезны будутъ географическія и топографическія данныя, особенно въ виду того, что въ концѣ книги приложенъ азбучный указатель именъ и мѣстностей, упоминаемыхъ въ текстѣ; очень хорошо также, что при всякомъ событіи выставляется источникъ, откуда свѣдѣніе о немъ заимствовано. Всѣ историческія и географическія извѣстія почерпнуты изъ труда пр. Филарета; можно сказать, что г. Щелковъ разбилъ книгу пр. Филарета на рядъ отдѣльныхъ фактовъ и распредѣлилъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Другими пособіями послужили автору клировыя вѣдомости харьковскихъ церквей и нѣсколько другихъ мѣстныхъ изданій.

Изъ этого видно, что новыхъ фактовъ мы не найдемъ въ книгѣ г. Щелкова, потому что онъ не пользовался архивными матеріалами. Нельзя поэтому согласиться съ почтеннымъ издателемъ этой книги, о. Чижевскимъ, который говоритъ, что, на основаніи сочиненія г. Щелкова, можно будетъ составить, и исторію отдѣльнаго поселенія, и исторію го-

рода, уѣзда, епархіи, губерніи. Пр. Филаретъ много трудился, но не напрасно, ибо онъ разъискивалъ новые факты; книга-же г. Щелкова группируетъ только матеріалы извѣстные.

Во всякомъ случаѣ помянемъ добромъ покойнаго К. П. Щелкова, который принялъ на себя такой кропотливый, неблагодарный, но не безполезный трудъ, какъ «Историческая хронологія».

Дм. Багалѣй.

Бушинскій.—О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ, 1882 г.

Передъ нами новая монографія, посвященная Богдану Хмельницкому, принадлежащая перу писателя, имя котораго первый разъ мы встрѣчаемъ въ печати. Мы съ удвоеннымъ вниманіемъ принялись за чтеніе книги, какъ вслѣдствіе избраннаго авторомъ сюжета, такъ и потому, что намъ было въ высокой степени интересно познакомиться съ сочиненіемъ понынѣ намъ неизвѣстнаго ученаго, посвятившаго первый свой трудъ изслѣдованію самаго крупнаго историческаго момента въ исторіи южной Руси.

Дѣятельность Хмельницкаго и изложеніе событій, происходившихъ въ его время въ Украйнѣ, давно уже обращали на себя вниманіе бытописателей; не говоря о многочисленныхъ историческихъ трудахъ, вызванныхъ этими событіями въ XVII ст. въ польской литературѣ, несомнѣнно эпоха Хмельницкаго пробудила къ дѣятельности изъ зачаточнаго состоянія лѣтописаніе въ Малороссіи: многочисленныя козацкія лѣтописи второй половины XVII и XVIII в. имѣютъ исходною точкою войны Богдана Хмельницкаго и ничего или почти ничего сколько-нибудь точнаго и достовѣрнаго не сообщаютъ объ исторіи козачества до 1648 г. Въ современной исторической литературѣ многочисленные писатели останавливали также свое вниманіе на данной эпохѣ; часто разноглася между собою какъ въ частностяхъ, такъ и въ освѣщеніи событій и дѣйствующихъ лицъ, а также въ общихъ выводахъ, они, тѣмъ не менѣе, въ весьма значительной мѣрѣ разработали историческій матеріалъ и способствовали къ уясненію эпохи. Не говоря о многочисленныхъ статьяхъ, монографіяхъ и изслѣдованіяхъ, посвященныхъ этому вопросу, довольно указать на капитальныя труды Максимовича и Н. И. Костомарова въ русской исторической литературѣ и г. Кубали въ польской, чтобы убѣдиться, что сюжетъ этотъ не принадлежитъ къ числу неразработанныхъ и оставленныхъ въ наукѣ безъ вниманія.

Конечно, не смотря на все понынѣ сдѣланное, для новаго изслѣдователя остается еще широкое поле; каждому писателю, посвящающему свой трудъ разработкѣ эпохи Богдана Хмельницкаго, мы въ правѣ поставить два требованія, при выполненіи которыхъ литература вопроса будетъ дѣйствительно обогащена новымъ вкладомъ; полагаемъ, что каждая новая монографія должна сообщить намъ или новыя, дотолѣ невѣдомыя, открытыя авторомъ, историческія данныя, или-же авторъ ея долженъ намъ сообщить новые выводы изъ матеріала уже извѣстнаго, добытые имъ внимательнымъ изученіемъ и критическимъ анализомъ этого матеріала, при чемъ, конечно, авторъ провѣритъ выводы и освѣщеніе своихъ предшественниковъ, замѣтитъ многое, ускользнувшее отъ ихъ вниманія, и многое представитъ въ новомъ освѣщеніи, добытомъ усиліями своей критической работы.

Эту двойную цѣль своей монографіи г. Буцинскій понялъ прекрасно и заявилъ въ предисловіи къ своей книгѣ, что «составляя настоящую книгу, онъ имѣлъ въ виду: во-первыхъ, дополнить прежнія изслѣдованія о знаменательной эпохѣ Б. Хмельницкаго, а, во-вторыхъ, сообразно новому матеріалу, представить нѣкоторые новые выводы относительно занимающаго насъ предмета».

Первую изъ намѣченныхъ задачъ г. Буцинскій выполнилъ на столько, на сколько дозволилъ ему тотъ историческій матеріалъ, которымъ онъ пользовался; г. Буцинскій просмотрѣлъ дипломатическій отдѣлъ «польской коронной метрики» и извлекъ изъ него документы, доселѣ неизвѣстные, которые и доставили ему сюжетъ для нѣсколькихъ послѣднихъ главъ его сочиненія; въ главахъ этихъ мы находимъ новыя или мало понынѣ извѣстныя данныя о сношеніяхъ Хмельницкаго съ Турціею, Крымомъ, Швеціею и семиградскимъ княземъ Ракочи; къ этому-же отдѣлу принадлежитъ и лучшая, по нашему мнѣнію, глава сочиненія г. Буцинскаго (8-я), въ которой онъ старается весьма удачно, путемъ строго критическимъ, возстановить утерянный текстъ статей, постановленныхъ въ Москвѣ и обусловливавшихъ отношенія Малороссіи къ русскому государству. Впрочемъ, вслѣдствіе односторонности матеріала, которымъ пользовался г. Буцинскій, всѣ новыя, сообщаемыя имъ данныя относятся исключительно къ исторіи дипломатическихъ сношеній Хмельницкаго; конечно, онѣ представляютъ важный интересъ, но невольно возбуждаютъ въ читателѣ сожалѣніе о томъ, что автору не удалось извлечь равно важныхъ новыхъ указаній, относящихся къ другимъ, болѣе существеннымъ сторонамъ дѣятельности Хмельницкаго.

Во взглядахъ на внутреннюю дѣятельность Богдана, на его отношенія къ польскому государству, къ козачеству, къ народу, г. Буцинскій

долженъ былъ ограничиться матеріаломъ уже извѣстнымъ и на немъ исключительно основывать свои выводы. Эта часть труда г. Буцинскаго, по нашему мнѣнію, выполнена гораздо менѣе удовлетворительно и представляетъ нѣкоторые весьма существенные недостатки.

Первый упрекъ, какой мы можемъ сдѣлать автору, состоитъ въ томъ, что, составляя монографію, по сюжету, для изученія котораго существуетъ весьма обширная литература, онъ познакомился только съ извѣстною долею этой литературы, оставивъ безъ вниманія многія сочиненія, весьма существенныя и исключительно посвященныя предмету его изслѣдованія; такъ, изъ польскихъ писателей XVII столѣтія г. Буцинскій пользуется только Гровдскимъ и записками анонима, изданными Войцицкимъ *), но, по неизвѣстной причинѣ, совершенно игнорируетъ сочиненія, спеціально посвященныя описанію столкновенія Польши съ Хмельницкимъ и содержащія безчисленныя историческія и бытовыя подробности, какъ напр.: «Климактеры» Каховскаго, «Война домова» Самуила Твардовскаго, «Исторія Польши» Лаврентія Рудовскаго **), «Bellum scythico-cosacicum» и т. п. Записки современныхъ мемуаристовъ почему-то также не пользуются вниманіемъ г. Буцинскаго, не смотря на то, что многія изъ нихъ содержатъ существенныя черты какъ для характеристики Хмельницкаго, такъ и для обрисовки положенія страны и состоянія въ ней общества; достаточно, я думаю, въ этомъ отношеніи указать на Ерлича, Павла, діакона Аленскаго, на записки еврейскаго раввина (Егошія-бенъ-Давидъ), Перетятковича, Освѣцима (переводъ коего печатался раньше выхода книги г. Буцинскаго), чтобы констатировать нерасположеніе автора къ этого рода историческимъ свидѣтельствамъ. Г. Буцинскій весьма справедливо отдаетъ предпочтеніе матеріалу археографическому, но матеріалъ этотъ не можетъ доставить сколько-нибудь цѣльной картины; онъ уже по своему существу отрывоченъ и не полонъ; онъ не можетъ служить для точнаго констатированія фактовъ, но не возможно, желая изображать цѣльную картину жизни и дѣлать о ней выводы, ограничиваться исключительно архивнымъ матеріаломъ. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи у г. Буцинскаго есть существенные пропуски: минуя болѣе мелкіе сборники, мы не можемъ не удивляться, что, составляя спеціальную монографію, авторъ ея не ознакомился съ такимъ сборникомъ, какъ записная книга Якова Михаловскаго ***), заключающая въ себѣ 351 документовъ за время 1647—1655 г.; всѣ эти документы,

*) Pamiętniki do panowania Zygmunta III, etc.
**) Historiarum Poloniae ab excessu Wladislai IV, etc, libri IX.
***) Jakuba Michałowskiego—Xięga pamiętnicza. Krakow, 1864.

за незначительнымъ исключеніемъ, относятся къ исторіи козачества и хотя нѣкоторые изъ нихъ и повторяются въ другихъ сборникахъ, но большинство совершенно самостоятельно и встрѣчается только въ книгѣ Михаловскаго.

Относительно новѣйшей литературы предмета, мы не можемъ себѣ объяснить причины молчанія г. Буцинскаго о сочиненіяхъ Кубали *). Безотносительно ко взглядамъ автора, монографіи Кубали составляютъ трудъ самостоятельный, основанный, въ значительной части, на рукописномъ архивномъ матеріалѣ; соглашаться съ его взглядами или оспаривать ихъ конечно можетъ каждый новый изслѣдователь, но сомнѣваемся, возможно-ли автору монографіи о Богданѣ Хмельницкомъ игнорировать это сочиненіе. Другой современный намъ писатель, не пользующійся должнымъ, по нашему мнѣнію, вниманіемъ г. Буцинскаго — это покойный М. А. Максимовичъ; имя его едва упоминается вскользь 2—3 раза въ книгѣ г. Буцинскаго, справокъ-же на положенія разработанныя Максимовичемъ и ссылокъ на его сочиненія мы вовсе не находимъ, а между тѣмъ покойный историкъ посвятилъ весьма точной и кропотливой разработкѣ времени Хмельницкаго множество весьма дѣльныхъ и глубоко ученыхъ статей, какъ о томъ можно убѣдиться при разсмотрѣніи 1-го тома собранія его сочиненій.

Помимо неполнаго знакомства съ литературою предмета, намъ кажется, что г. Буцинскій пользуется тѣми источниками, которые онъ изучалъ, не вполнѣ критически. Дѣлая многочисленные ссылки и цитаты, авторъ не обращаетъ вовсе вниманія на степень достовѣрности цитируемаго имъ источника; въ сочиненіи г. Буцинскаго мы встрѣчаемъ сличенія между несопоставимыми текстами; подъ рядъ другъ друга опровергаютъ или подтверждаютъ ссылки на документы и на «Исторію Руссовъ», на Самовидца и Грабянку и на «Запорожскую старину», на современные мемуары и на «Запорожскую рукопись» Сементовскаго и т. п.

Насъ непомѣрно удивило присутствіе въ солидномъ историческомъ трудѣ многочисленныхъ ссылокъ на свидѣтельства такихъ источниковъ о времени Хмельницкаго, какъ Исторія Руссовъ и Запорожская Старина. Г. Буцинскій держится мнѣнія ни на чемъ не основаннаго и давно уже опровергнутаго Максимовичемъ, — по которому составленіе Исторіи Руссовъ приписывалось Георгію Конисскому; но, допустивъ даже эту гипотезу, нельзя не признать, что Исторія Руссовъ, кѣмъ-бы она составлена ни была, есть весьма талантливый памфлетъ, апологія или что угодно другое, но не лѣтопись и не серьезный историческій источникъ; мы удивляемся,

*) Kubala - Szkice historyczne, т. 1—2. Львовъ, 1880 г.

какъ солидный авторъ въ наше время можетъ дѣлать изъ этого источника цитаты и помѣщать ихъ, даже не повѣривъ несообразности передаваемыхъ этимъ мнимымъ источникомъ фактовъ. Возьмемъ для примѣра образецъ такой странной цитаты изъ книги г. Буцинскаго. На стран. 18 сказано: «въ 1623 году, когда князь Острожскій, воевода кіевскій, принесъ самыя убѣдительнѣйшія жалобы королю и сенату о горестномъ состояніи народа русскаго» и т. д. Неужели, дѣлая эту цитату, г. Буцинскій не замѣтилъ, что источникъ, которымъ онъ пользуется, слѣдуетъ устранить. Автору вѣдь несомнѣнно должно быть извѣстно, что кіевскій воевода, князь Константинъ Острожскій, скончался въ 1608 году и что въ 1623 г. должность кіевскаго воеводы занималъ Ѳома Замойскій, не дѣлавшій никогда представленій о нуждахъ русскаго народа; очевидно, что вся цитируемая тирада есть не болѣе, какъ вымыселъ Исторіи Руссовъ. Точно такую-же историческую суету представляютъ росказни Исторіи Руссовъ о мнимомъ секретарствѣ Хмельницкаго (стр. 9), о томъ, что воспріемникомъ его былъ какой-то князь Сангушко, неизвѣстно по какому случаю очутившійся на крестинахъ въ Чигринѣ (стр. 7) и т. п.; а между тѣмъ авторъ цитируетъ всѣ эти извѣстія будто факты сообщаемые если не современнымъ, то во всякомъ случаѣ достовѣрнымъ источникомъ.

Такую-же точно роль, какъ Исторія Руссовъ, хотя еще съ меньшимъ правомъ, играетъ въ сочиненіи г. Буцинскаго «Запорожская Старина». Пожалуй, можно еще спорить о достоинствѣ этнографическаго матеріала, собраннаго въ этомъ изданіи, хотя большинство думъ и легендъ, помѣщенныхъ въ немъ, ясно составлены по той-же Исторіи Руссовъ или по лѣтописи Рубана и, подъ видомъ народныхъ, сообщены (Евецкимъ и друг.) покойному И. И. Срезневскому. Не вполнѣ еще тогда опытный ученый былъ введенъ въ обманъ ловкими и дѣйствительно талантливыми фальсификаторами; какъ результатъ этихъ продѣлокъ и вышла «Запорожская Старина». Но, представивъ этнографамъ разчистить этотъ сомнительный матеріалъ яко-бы народнаго творчества, мы полагаемъ, что во всякомъ случаѣ смотрѣть на этотъ сборникъ, какъ на историческій источникъ, невозможно, если только авторъ желаетъ сохранить за своимъ сочиненіемъ значеніе сколько нибудь серьезнаго труда. Если даже допустимъ, что думы и легенды «Запорожской Старины» не поддѣльны, то въ крайнемъ случаѣ онѣ могутъ служить лишь для общей характеристики эпохи, но ни въ какомъ случаѣ не для установленія фактическихъ данныхъ, а между тѣмъ г. Буцинскій передаетъ, со словъ «Запорожской Старины», цѣлые разсказы о небывалыхъ историческихъ событіяхъ: о возстаніи Липчая (стр. 38—39), о столкновеніяхъ Хмельницкаго съ мнимымъ полковникомъ Сулимою (стр. 102, 104, 145) и съ фантастическимъ дру-

гомъ своимъ Тухою (стр. 175, 183). Мы удивляемся, какъ г. Буцинскій, отводя этимъ разсказамъ почетное мѣсто въ своей книгѣ и скрѣпляя ими свои выводы, не обратилъ вниманія на то, что ни одинъ серьезный источникъ—ни лѣтописи, ни документы, ни записки современниковъ не упоминаютъ ни единымъ словомъ о столь важныхъ событіяхъ,—что въ числѣ сподвижниковъ Хмельницкаго положительно не было никакого полковника Сулимы, какъ равно не существовали ни Линчай, ни Туха.

Вообще относительно ссылокъ и цитатъ г. Буцинскаго мы должны замѣтить, что многія изъ нихъ сдѣланы не то небрежно, не то нѣсколько тенденціозно; вотъ нѣсколько тому примѣровъ:

Текстъ книги:	Ссылки:
Въ лѣтописи Грабянки говорится: «Богданъ Хмельницкій пришелъ отъ короля въ свои помѣстья, началъ населять ихъ людьми, надѣясь на свои великія заслуги у Рѣчи Посполитой». (Буц., стр. 10).	*Лѣтопись Грабянки* (*loco citato, стр. 33*) за пришествіемъ его отъ двору королевского на свою отчизную землю, завистуючи якожъ и слободѣ населенной, подстаростій Чаплинскій за неслушность разумѣлъ Хмельницкому быти богатымъ.
Одинъ польскій писатель по поводу этого письма (отъ Кромвеля къ Хмѣльницкому) замѣчаетъ, что бунтовщикъ писалъ къ бунтовщику... (ссылка: pamiętniki do panow, ч. II, стр. 235). Буц., стр. 91.	Pamiętniki do panowania (loco citato). Перехвачено письмо отъ начальника англичанъ, Оливьера Кромвеля, называющаго себя протекторомъ Британіи, писанное къ Хмельницкому, начинающееся со словъ: и т. д.

Не будемъ продолжать этихъ выписокъ; ихъ можно привести очень много. Чтобы покончить съ мелочами, замѣтимъ только, что такую-же небрежность, какую мы замѣтили въ ссылкахъ, мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ; географическія данныя иногда приведены наугадъ въ весьма странномъ видѣ: такъ, напримѣръ, разсказывая походъ поляковъ на Брацлавщину 1654 года (въ томъ числѣ и истребленіе Бушп), авторъ утверждаетъ, что опустошеніе это относится къ *Червоной Руси* и Подоліи (стр. 195); описывая дѣйствія Ивана Нечая въ Бѣлой Руси, онъ почему-то относитъ къ этому походу и взятіе Люблина (стр. 202); наконецъ, разсказывая условія договора, заключеннаго относительно предположеннаго раздѣла Польши между Швеціей, Трансильваніей и Хмельницкимъ, г. Буцинскій утверждаетъ, что «шведскій король долженъ былъ получить: Прусь, Курляндію, Гданскъ и Данцигъ» (стр. 211); но вѣдь Гданскъ и Данцигъ это два варіанта одного и того-же имени.

Иногда мы встрѣчаемъ у г. Буцинскаго совершенно неправильныя или анахронистическія названія общественныхъ явленій; такъ, напримѣръ, онъ почему-то называетъ «гайдамаками» и «гайдамацкими загонами» отряды народнаго ополченія, сформировавшіеся при Хмельницкомъ (стр. 57, 91); между тѣмъ какъ гайдамачество—это явленіе возникшее только въ началѣ XVIII столѣтія; отыскивая нѣкогда документы, относящіеся къ исторіи гайдамачества и собравъ ихъ болѣе 350, мы, послѣ тщательной повѣрки, убѣдились, что терминъ «гайдамаки» первый разъ входитъ въ употребленіе только въ первой четверти XVIII столѣтія (мы его не нашли раньше 1717 года) *), въ XVII-же вѣкѣ и само гайдамачество не существовало и терминъ былъ неизвѣстенъ.

Впрочемъ не будемъ далѣе останавливаться на недостаткахъ болѣе или менѣе мелочныхъ, такъ сказать техническихъ, зависящихъ вѣроятно отъ непривычки къ отдѣлкѣ подробностей; мы увѣрены, что въ дальнѣйшихъ трудахъ самъ авторъ обратитъ болѣе вниманія на внѣшнюю сторону своихъ работъ и изгладитъ подобные указаннымъ неточности, которыя несомнѣнно могутъ значительно умалить значеніе почтеннаго, въ другихъ отношеніяхъ, труда и подорвать, можетъ быть излишне, довѣріе къ прочности данныхъ, на которыхъ основаны выводы автора

Обратимся къ предмету болѣе важному и серьезному—къ выводамъ г. Буцинскаго о личности и дѣятельности Хмельницкаго. Личность Богдана вышла изъ подъ пера г. Буцинскаго въ крайне не привлекательномъ видѣ: по его мнѣнію, 1) Хмельницкій по воспитанію, связямъ, имущественному положенію, воззрѣнію на народъ и по сложившимся идеаламъ общественнаго устройства былъ такой-же полякъ—«панъ» и крѣпостникъ, какъ и тѣ шляхтичи, съ которыми онъ велъ борьбу. 2) Мотивы, побудившіе Хмельницкаго на брань, лежали исключительно въ чувствѣ личной мести и личномъ интересѣ. 3) Характеръ Богдана сверхъ того дополняется, съ одной стороны, трусостью, съ другой—вѣроломствомъ, хитростью и ложью въ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Посмотрѣвъ безпристрастно на эти положенія, мы готовы признать за ними нѣкоторую долю справедливости, но еще большую долю утрировки и произвола. Дѣйствительно, Хмельницкій не понималъ другого общественнаго устройства, какъ то, среди котораго онъ выросъ, и которое исключительно было ему знакомо; дѣйствительно онъ стремился къ такому порядку вещей, въ которомъ, отдѣлавшись отъ ополяченной шляхты, отъ гнета религіознаго, сохранивъ лишь зависимость отъ короля, можно было-бы создать изъ козачества, особенно-же изъ старшины, нѣчто въ видѣ своего, новаго, туземнаго шляхетства; все это вѣрно, но я думаю,

*) См. Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. III, стр. 23.

что черты эти нисколько не зависятъ отъ личнаго характера и личнаго интереса Богдана, а онѣ служатъ лишь указателемъ той слабой степени умственнаго и гражданскаго развитія, которая, къ несчастью, была достояніемъ всего южно-русскаго народа въ данное время. При Хмельницкомъ всѣ сколько-нибудь выдававшіяся образованіемъ лица, стремясь къ самобытности, подразумѣвали подъ нею польскія формы государственнаго устройства, только съ своенародными элементами; стремленіе это не зависѣло отъ того, чтобы устройство польское было хорошо и пригодно для южно-русскаго народа, а оттого, что образцы лучшаго устройства были неизвѣстны южноруссамъ ни у себя, ни кругомъ себя,—народъ-же южно-русскій не стоялъ на такой степени развитія, при которой путемъ критики и умственной работы отбрасываются выработанныя исторіею формы быта и создаются новыя, лучшія. Правда, можно указать на то обстоятельство, что въ народныхъ массахъ выдѣляется инстинктъ, неясное стремленіе къ болѣе прогрессивнымъ, демократическимъ формамъ быта; но вѣдь исключительно на инстинктѣ, не просвѣщенномъ культурою, не умѣющемъ ни уложиться въ опредѣленную гражданскую норму, ни даже формировать своихъ пожеланій, не можетъ вырости никакая политическая форма общественнаго быта. Среди сподвижниковъ Хмельницкаго, равно какъ и во время, непосредственно за нимъ слѣдовавшее, было среди козацкой старшины много лицъ, пытавшихся стать на демократической, народной точкѣ зрѣнія, но всѣ они сокрушены были вслѣдствіе недостаточной гражданской подготовки самаго народа, не нашли ни опредѣленной формулы своихъ стремленій, ни умѣнія въ массѣ сгруппироваться для ихъ поддержки; они или погибли въ хаотической, безплодной борьбѣ, какъ Мартынъ Пушкарь и Иванъ Поповичъ, или превратились въ демагоговъ, эксплоатировавшихъ народъ для личной пользы, какъ Брюховецкій, или, подержавшись нѣкоторое время, благодаря неимовѣрнымъ усиліямъ, должны были, подобно Дорошенку, признать свое стремленіе неосуществимымъ. При невозможности опереться на некультурную массу, неудивительно, что большинство козацкихъ предводителей идетъ по торной, по, по крайней мѣрѣ, ясной для нихъ дорогѣ: добиться автономіи и усвоить себѣ, съ большими или меньшими поправками, единственный извѣстный имъ строй гражданскаго быта, а такимъ былъ въ то время строй польскій. Въ этомъ отношеніи Хмельницкій былъ лишь однимъ изъ многихъ сыновъ своего времени и своего общества, и мы полагаемъ, что невозможно ему ставить въ личную вину того, что было результатомъ культурнаго неразвитія массы, въ главу которой судьба его выдвинула. Если-бы мы могли допустить въ немъ какія нибудь сверхъ-естественныя дарованія, въ силу которыхъ онъ могъ-бы ура-

зумѣть или придумать такіе политическіе идеалы, которые и не грезились въ его время окружавшимъ его людямъ, то тогда онъ все равно не совершилъ-бы ничего существеннаго въ ихъ пользу, остался-бы одинокимъ и непонятнымъ и, правдоподобно, не всплылъ-бы въ роли начальника движенія. Мы полагаемъ, что предводитель каждаго народнаго движенія есть только выразитель тѣхъ убѣжденій, того нравственнаго капитала, которымъ обладаетъ масса, и шире ея подготовки онъ ни самъ пойти, ни тѣмъ болѣе повести ее не можетъ.

И такъ намъ кажется, что неудачи, неясность идеаловъ, готовность уложиться въ польскіе порядки не были результатомъ личнаго характера Хмельницкаго, а зависѣли отъ той степени культуры, на которой стоялъ въ его время весь народъ. Г. Буцинскій полагаетъ, напротивъ того, что въ личномъ характерѣ Хмельницкаго слѣдуетъ искать причины неудачнаго и непрочнаго хода поднятаго подъ его предводительствомъ возстанія. Посмотримъ, на сколько вѣрны доказательства, приводимые почтеннымъ авторомъ.

Г. Буцинскій утверждаетъ, что имущественное и экономическое положеніе Хмельницкаго было таково, что интересы его совпадали съ интересами польскихъ пановъ. Поставивъ это положеніе a priori, авторъ, незамѣтно для самаго себя, далъ ему неимовѣрное, но далеко не реальное, историческое развитіе. Въ книгѣ имущественное положеніе Хмельницкаго опредѣляется, впрочемъ, совершенно голословно, слѣдующимъ образомъ: «онъ владѣлъ на Украйнѣ, подобно польскимъ панамъ, хорошо устроеннымъ имѣніемъ и крестьянами» (стр. 1), «Хмельницкій обладалъ громадными помѣстьями, густо населенными крестьянами, такъ, что ему завидовали даже польскіе паны» (стр. 4); «онъ, благодаря польскимъ порядкамъ, имѣлъ много земли и крестьянъ» (стр. 5); «онъ стоялъ на сторонѣ порядковъ, которые освящали крѣпостничество и облегчали возможность эксплоатаціи черни» (стр. 12); «живя въ своихъ богатыхъ помѣстьяхъ по-пански, въ знакомствѣ съ польскою шляхтою и т. д.» (стр. 13), «Хмельницкій остается тѣмъ-же польскимъ паномъ, который богатство и личный произволъ ставилъ выше и т. д.» (стр. 75); для Хмельницкаго, какъ и для пановъ, было невыгодно лишиться такой массы «быдла», какъ назывался тогда простой народъ» (стр. 107) и т. д. до безконечности. Прочитавъ всѣ эти цитаты, можно подумать, что Хмельницкій владѣлъ имуществомъ громаднымъ, подобно какому-нибудь Конецпольскому или Острожскому, что его богатству завидовалъ Іеремія Вишневецкій, что сотни и тысячи крестьянъ стонали подъ его ярмомъ и т. п.— и все это не болѣе, какъ миражъ, созданный въ фантазіи г. Буцинскаго и не опирающійся ни на какія свидѣтельства, хотя-бы даже не точно цитируемыя.

Все то, что мы знаемъ о земельномъ владѣніи Хмельницкаго, ограничивается слѣдующимъ: чигринскій староста Даниловичъ далъ въ пользованіе отцу Богдана хуторъ Субботовъ, принадлежавшій къ чигринскому старостству. Хмельницкій развелъ на немъ хозяйство, которое и оставилъ сыну; о размѣрахъ этого хозяйства можно судить до нѣкоторой степени потому, что когда Чаплинскій присвоилъ себѣ его гумно, то нашелъ въ немъ 400 копъ хлѣба; указаній на то, чтобы Хмельницкій владѣлъ крѣпостными, нѣтъ никакихъ; если даже принять во вниманіе намеки о томъ, что онъ насаждалъ слободу, то это указываетъ только на возможность существованія въ Субботовѣ нѣсколькихъ дворовъ подсусѣдковъ или «коморниковъ», и только. Земля, бывшая въ пользованіи Хмельницкаго, не была даже его собственностью—она принадлежала старостству и была дана только въ пользованіе «do dalszej woli mojej», какъ гласила формула, обыкновенно въ такихъ случаяхъ употреблявшаяся старостами при подобнаго рода временныхъ уступкахъ. Не мудрено, что Хмельницкій не могъ юридически доказать своего права на землю, потому что староста легально имѣлъ право передать ее въ другія руки; юридически онъ могъ лишь доказать обиду, происшедшую вслѣдствіе грабежа его движимаго имущества, побоевъ, нанесенныхъ сыну и т. п. А между тѣмъ, увлекшись собственною постановкою вопроса, г. Буцинскій превратилъ Субботовскій хуторъ въ «громадное помѣстіе, густо населенное крестьянами», заставилъ Хмельницкаго эксплоатировать воображаемыхъ крестьянъ, какъ «быдло», вселилъ зависть къ его богатству въ сердца польскихъ пановъ и т. д. Всѣ эти чудеса онъ совершилъ лишь для того, чтобы объяснить и безъ того понятный фактъ, что Хмельницкій не былъ на столько развитъ, чтобы могъ придумать другое общественное устройство, помимо того, которое онъ видѣлъ въ Рѣчи Посполитой.

Другое положеніе, которое г. Буцинскій отстаиваетъ весьма усердно, состоитъ въ томъ, что Хмельницкій не могъ участвовать и не участвовалъ въ козацкихъ возстаніяхъ противъ Польши, подымавшихся раньше 1648 г., подъ предводительствомъ Тараса, Острянина и Гуни (стр. 3, 4, 9) *). Дѣйствительно мы не имѣемъ никакихъ указаній ни положительныхъ, ни отрицательныхъ въ этомъ отношеніи, но за то мы имѣемъ документъ, сохранившійся въ дневникѣ Окольскаго объ участіи Хмельницкаго въ возстаніи Павлюка **). Документъ этотъ заключаетъ въ себѣ условія, на

*) Замѣтимъ, что о возстаніяхъ этихъ г. Буцинскій имѣетъ нѣсколько не точныя свѣдѣнія; такъ онъ полагаетъ, что битва подъ Кумейками происходила въ 1638 году во время возстанія Острянина, между тѣмъ какъ она происходила въ 1637 году подъ предводительствомъ Павлюка (стр. 39).

**) Okolski. Djarjusz tranzakcji wojennej etc. стр. 66—68.

которыхъ побѣжденные козаки сдаются подъ Боровицею польскому войску, и подъ нимъ подписанъ «Богданъ Хмельницкій, именемъ всего войска Е. К. М., писарь войсковой». Въ немъ Хмельницкій разсказываетъ вкратцѣ весь ходъ компаніи и, между прочимъ, говоритъ: «Всѣ мы, находившіеся въ осадѣ въ Боровицѣ» и т. д. Можетъ быть, при извѣстномъ толкованіи, и можно до нѣкоторой степени ослабить силу этого прямого указанія; но, полагаю, что во всякомъ случаѣ, желая доказать непричастность Хмельницкаго къ козацкимъ возстаніямъ, слѣдовало-бы по меньшей мѣрѣ комментировать указанный документъ, а не умалчивать о немъ.

Немногіе приведенные примѣры достаточны для того, чтобы убѣдиться, что характеристика Хмельницкаго составлена г. Буцинскимъ нѣсколько произвольно, по предвзятому шаблону и не безъ извѣстной доли утрировки. Слѣдить за дальнѣйшимъ ея ходомъ шагъ за шагомъ мы не станемъ, такъ какъ нашъ отчетъ и безъ того уже принялъ слишкомъ обширные размѣры, а между тѣмъ положеній, подобныхъ предъидущимъ, съ которыми намъ трудно было-бы согласиться, наберется не мало. Ограничимся потому еще 2—3 бѣглыми замѣчаніями о мѣстахъ книги, слишкомъ, по нашему мнѣнію, несправедливыхъ и рѣзкихъ.

На стр. 53 авторъ, желая указать, насколько Хмельницкій мирволилъ шляхтѣ и угнеталъ собственный народъ, авторъ приводитъ, со словъ письма Киселя, слухъ, дошедшій до послѣдняго *), будто Хмельницкій приказалъ освободить всѣхъ плѣнныхъ шляхтичей, казнилъ 100 человѣкъ козаковъ и приковалъ къ пушкѣ «одного изъ храбрѣйшихъ полковниковъ» — Кривоноса. Г. Буцинскій, нисколько не сомнѣваясь въ истинѣ этихъ фактовъ, конечно, весьма справедливо негодуетъ на Хмельницкаго; но если-бы почтенный авторъ заглянулъ въ записную книгу Михаловскаго, то онъ-бы убѣдился, что Кисель сообщилъ ложный слухъ, и только. У Михаловскаго помѣщено это письмо Киселя, а непосредственно передъ нимъ находится письмо Осинскаго, писанное изъ совершенно другой мѣстности днемъ только раньше Киселя, и въ немъ Осинскій повѣствуетъ очень подробно о стычкѣ, въ которой ему довелось сражаться съ Кривоносомъ **).

Описывая битву у Берестечка, г. Буцинскій старается доказать, что Хмельницкій не былъ насильно захваченъ ханомъ, но будто добровольно бѣжалъ съ поля битвы потому, что имъ «овладѣла трусость» (стр. 95—96); заключеніе свое авторъ основываетъ на разговорѣ полковника Савича, разсказывавшаго ходъ берестечской битвы московскимъ боярамъ. Хотя

*) Кисель пишетъ: „mam tę wiadomość"...
**) Michałowski. Xięga pamiętnicza, №№ 55 и 56.

Савичъ и не сопровождалъ Хмельницкаго въ бѣгствѣ, но г. Буцинскій полагаетъ, что ему это обстоятельство «должно было быть хорошо извѣстно». Насколько лично былъ храбръ Хмельницкій, мы не знаемъ, да и вопросъ о доли храбрости считаемъ болѣе физіологическимъ, чѣмъ историческимъ; знаемъ однако, что Хмельницкій лично принималъ участіе во многихъ битвахъ и никогда не уклонялся отъ опасности, если присутствіе его въ битвѣ было необходимо для ея успѣшнаго исхода; относительно-же плѣненія гетмана ханомъ подъ Берестечкомъ можемъ указать нѣсколько свидѣтельствъ очевидцевъ: такъ шляхтичъ, писавшій на пути письмо къ королю подъ диктовку хана, прибавляетъ отъ себя извѣстіе, что Хмельницкій находится въ цѣпяхъ. Кубаля приводитъ допросы, снятые въ польскомъ лагерѣ съ какой-то шляхтянки, которая показала подъ присягою, что 1-го іюля она видѣла въ Константиновѣ, какъ татаре привязывали Хмельницкаго къ лошади, наконецъ о плѣнѣ Хмельницкаго свидѣтельствуетъ Маскевскій въ письмѣ къ королю *).

Особенно глубоко возмущается г. Буцинскій коварствомъ, неискренностью и хитростью Хмельницкаго въ его дипломатическихъ сношеніяхъ (мы полагаемъ, что вообще всякія дипломатическія сношенія не отличаются искренностью и прямотою) и, особенно усердно оттѣняя эти дурныя качества его характера, ставитъ ему по временамъ въ вину, такія дѣйствія, которыя для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя свидѣтельствуютъ о гораздо большихъ способностяхъ и тактѣ Богдана, чѣмъ можно было ожидать отъ его времени и степени его развитія. Между прочимъ г. Буцинскій сообщаетъ (стр. 121) весьма интересный фактъ, свидѣтельствующій, по его мнѣнію, о неискренности Хмельницкаго: во время дружелюбныхъ сношеній съ московскимъ дворомъ (еще до 1654 года) Алексѣй Михайловичъ потребовалъ выдачи какого-то самозванца, называвшагося Иваномъ Шуйскимъ и укрывшагося въ Украйнѣ; но Хмельницкій отказался выдать его, утверждая, что, по козацкимъ обычаямъ, выдавать лице, ищущее убѣжища, невозможно; но что онъ готовъ будетъ самъ судить его и казнить, буде перебѣжчикъ захочетъ продолжать играть самозванную роль. Намъ кажется, что изъ даннаго факта слѣдуетъ не заключеніе о неискренности, а скорѣе указаніе на то, что Хмельницкому не были чужды общія понятія о международномъ правѣ.

Всѣ эти замѣчанія на характеристику Богдана Хмельницкаго мы привели не потому, чтобы желали во чтобы то ни стало возвеличить его личность, а потому только, что утрировка и предвзятая оцѣнка, какъ въ панегерическомъ, такъ и въ отрицательномъ тонѣ, кажется намъ равно неумѣстна въ серьезномъ историческомъ трудѣ.

Впрочемъ давно уже пора окончить нашъ отчетъ о книгѣ г. Буцинскаго, на которой мы остановились слишкомъ долго, благодаря интересу ея сюжета и содержанія. **В. Антоновичъ.**

*) Дневникъ Освѣцимъ, „Кіевская Старина" 1882 г., т. IV. стр. 331; Kubala — szkice historyczne, т. I, стр. 288. Памятники, т. II, отд. 3, стр. 87.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ВТОРОБРАЧІЕ ЮЖНО-РУССКИХЪ СВЯЩЕННИКОВЪ КОНЦА XVIII ВѢКА И ЕГО ИСТОРИЧЕСКІЕ ПРЕЦЕДЕНТЫ.

(по поводу протопопа комара) *).

Протопопъ Комаръ былъ не единственнымъ двоебрачнымъ лицомъ духовнаго сана на югѣ Россіи въ прошломъ столѣтіи. Въ концѣ этого столѣтія, при возсоединеніи уніатовъ въ предѣлахъ нынѣшнихъ кіевской, волынской и подольской губерній, наступившемъ послѣ 2-го раздѣла Польши, между возсоединенными священниками оказалось нѣсколько такихъ, которые состояли во второмъ бракѣ. Изъ нихъ состоявшіе въ нынѣшней кіевской епархіи священники: м. Бородянки (кіев. уѣзда) Петръ *Тарюній*, с. Веприна (радомысл уѣзда) Иванъ *Тарюній*, с. Ситникъ (канев. уѣзда) Василій *Завадскій* и Теодоръ *Петровскій*, прошеніемъ отъ 10 сентября 1796 г., просили св. синодъ разрѣшить имъ священнодѣйствіе. Съ такимъ-же прошеніемъ къ св. синоду, отъ 16 мая 1797 г., обратились и священники: Яковъ *Багриновскій*, Теодоръ *Романовскій*, Симеонъ *Карновичъ* и Петръ *Тарковскій*, состоявшіе также во второмъ бракѣ. Первые въ своемъ прошеніи прописывали, что, бывъ возсоединены съ православною церковью, вмѣстѣ съ своими паствами, преосвященнымъ епископомъ минскимъ Викторомъ, они священнодѣйствовали въ своихъ приходахъ въ теченіи цѣлаго года, но по

*) См. «Кіев. Стар.» 1882 г., декаб. кн., стр. 607.

причисленіи ихъ приходовъ къ кіевской епархіи, запрещены въ священнодѣйствіи преосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ Самуиломъ, и преосвященный митрополитъ кіевскій Іероѳей, преемникъ Самуила, на ихъ мѣста опредѣлилъ уже другихъ священниковъ. Положеніе ихъ было крайнее: „принявъ православіе, писали они, мы остались на поруганіе народа, который, видя, что мы отъ западной церкви отстали, а восточною православною церковью въ санѣ священниковъ не признаны, считаетъ насъ послѣдними людьми и дѣлаетъ намъ разныя съ поводу сего укоризны, найпаче-же терпимъ мы поруганія отъ поляковъ".

Еще раньше сего Викторъ Садковскій, архіепископъ минскій, коадъюторъ кіевской митрополіи, репортомъ отъ 7 іюля 1795 г., за № 386-мъ, доносилъ св. синоду, что между присоединившимися изъ уніи къ православію священниками есть такіе, которыхъ брачное положеніе, несогласное съ правилами нашей церкви, ставитъ его въ затрудненіе относительно оставленія ихъ на приходахъ и разрѣшенія имъ священнодѣйствовать. „Одни изъ нихъ, писалъ онъ въ этомъ репортѣ, сочетавшись бракомъ съ бывшими во вдовствѣ священническими и свѣтской статьи женами, другіе, сами бывъ во вдовствѣ и потомъ оженившись, получили отъ уніатскихъ своихъ бискуповъ священство съ опредѣленіемъ на приходы и съ позволеніемъ вся священническая дѣйствовать. Вѣдалъ я и прежде начатія дѣла о благочестіи (т. е. о возсоединеніи уніатовъ), что уніатская церковь и таковыхъ во священство пріемлетъ, почему въ инструкціи благочиннымъ (командированнымъ преимущественно изъ кіев. епархіи на Волынь и Подолье) хотя позволилъ и оныхъ по желанію опредѣлять, но токмо при случаѣ самаго крѣпчайшаго въ правильномъ благочестивомъ священствѣ недостатка и *буде народъ безъ всякаго о ихъ священникѣ соблазна согласится;* единственно-же рѣшился на таковое позволеніе съ тѣмъ предметомъ, дабы отказъ онымъ не сдѣлалъ какого въ успѣхѣ дѣла помѣшательства. А понеже, по преданіямъ нашей церкви, не могутъ они священнодѣйствовать и за удовольствіемъ церквей правильными священниками нѣкоторые остаются уже безъ мѣстъ и какъ сами о себѣ испрашиваютъ резолюціи, такъ и духовныя правленія о томъ репортуютъ; для того о показанныхъ чрезъ бракъ сомнительныхъ священникахъ, и буди еще по изяславской (нынѣшней волынской) и минской губерніямъ

пожелаютъ быть благочестивыми, присоединять-ли ихъ и на какой конецъ, о томъ нижайше прошу снабдить меня синодскимъ указомъ".

Св. синодъ разсудилъ такъ: „какъ означенные священники вступили въ показанные браки, будучи еще въ уніи, по дозволенію на сіе отъ уніатскихъ епископовъ, которые первою причиною тому состоятъ, и если симъ священникамъ, по присоединенію ихъ къ нашей церкви, запретить священнодѣйствіе и отрѣшить отъ приходовъ, то чрезъ сіе можетъ послѣдовать въ присоединеніи прочихъ помѣшательство и остановка; почему за лучшее признается оставить ихъ въ священствѣ при церквахъ по прежнему, не входя ни въ какое о семъ производство. Въ слѣдствіе сего, не посылая о семъ изъ св. синода указа, предоставить синодальному члену, преосвященному Гавріилу, митрополиту новгородскому и с.-петербургскому, послать отъ себя къ архіепископу минскому письмо съ прописаніемъ *на таковый случай* наставленія въ пристойныхъ выраженіяхъ, сообразуясь сему св. синода разсужденію; по изготовленіи же онаго, предложить оное во первыхъ для свѣдѣнія и общаго положенія св. синоду".

Такимъ образомъ св. синодъ уклонился отъ принципіальнаго разрѣшенія поставленнаго вопроса, его *разсужденіе* лишь *приспособительное* къ данному случаю. Въ такомъ-же смыслѣ писалъ, съ одобренія св. синода, митрополитъ Гавріилъ къ преосвященному Виктору въ сентябрѣ 1795 года: „на сіе (о второбрачныхъ священникахъ) представленіе ваше поручено мнѣ отписать къ вашему преосвященству, чтобъ вы въ сіе, на первый случай, не входили, для того: 1) чтобъ не остановить обращенія къ церкви; 2) ежели что они (двоебрачные іереи) и дѣлали, дѣлали не упорствуя православной церкви, но слѣдуя положенію унитовъ; 3) они нынѣ, прибѣгая, яко блудные сыны, къ матери съ раскаяніемъ, требуя млека, а не твердыя пищи, заслуживаютъ снисхожденіе къ бывшимъ ихъ заблужденіямъ; дозволять сего имъ не должно, но что происходило отъ ухищренія папистовъ, сіе лежитъ на ихъ отвѣтѣ. И такъ рекомендую и въ изысканіе таковыхъ обстоятельствъ не входить, а наблюдать, чтобъ обратившіеся жили согласно ученію и преданію православной церкви" [1]).

---

[1]) Архивъ св. синода, дѣло 1794 г. №№ 143—265.

Такого-же содержанія письмо было послано въ послѣдствіи времени и преосвященному митрополиту кіевскому Іероѳею, въ разрѣшеніе просьбы 8-ми вышеупомянутыхъ второбрачныхъ священниковъ, по случаю передѣла епархій юго-западнаго края и перечисленія нѣкоторыхъ мѣстностей онаго изъ бывшихъ минской и изяславской въ кіевскую епархію.

Нужно замѣтить, что Викторъ Садковскій, до посвященія своего въ санъ епископа, былъ капелланомъ православной церкви въ Варшавѣ при нашемъ посольствѣ, а послѣ, въ званіи коадьютора кіевскаго митрополита, завѣдывалъ всѣми православными церквами въ б. польскомъ королевствѣ, заключавшемъ тогда въ себѣ и весь юго-западный край Россіи, за исключеніемъ Кіева съ окрестностями по р. Стугну,—слѣдовательно онъ могъ хорошо знать и зналъ порядки, бывшіе въ уніатскомъ духовенствѣ. Потому особеннаго вниманія заслуживаетъ свидѣтельство его о томъ, что уніатскіе священники женились на священническихъ и иныхъ вдовахъ и вступали сами во второй бракъ, что такое отступленіе отъ каноническихъ правилъ допускалось ими не самовольно, а съ разрѣшенія уніатскихъ епископовъ, и что прихожане не видѣли въ томъ никакого соблазна; потому онъ, не колеблясь, разрѣшилъ благочиннымъ не устранять таковыхъ священниковъ отъ приходовъ и священнодѣйствія. Изъ этого-же періода временъ уніи намъ извѣстенъ даже случай производства въ санъ священника изъ двоебрачныхъ. Въ троицкой церкви м. Бѣлой-Церкви въ теченіи всего XVIII вѣка священствовали Артасѣвичи, преемствуя сынъ отцу; въ концѣ XVIII вѣка послѣдній Артасѣвичъ, получившій презентъ помѣщика и одобреніе прихожанъ на занятіе священническаго мѣста при той-же церкви послѣ своего отца, вступивши для сего въ первый бракъ, отправился въ г. Радомысль, резиденцію уніатскаго митрополита Ѳеодосія Ростоцкаго, для рукоположенія во іереи, но почти наканунѣ своего посвященія получаетъ извѣстіе о смерти своей жены. Отдавши ей послѣдній долгъ прибытіемъ на ея погребеніе, онъ, по совѣщаніи съ прихожанами, вступаетъ во второй бракъ съ одной изъ крестьянскихъ дѣвицъ своего будущаго прихода; съѣздивши затѣмъ вновь въ Радомысль, удостоивается рукоположенія въ санъ священника и священствуетъ на этомъ мѣстѣ какъ въ послѣдніе годы уніи, такъ и по возстановленіи православія, уступивъ

свой приходъ уже около 1816 г. зятю своему Іакову Кондрацкому, умершему тамъ-же въ м. Бѣлой-Церкви, въ 1877 году, на 90 году жизни.

Какъ могли уніатскіе епископы и митрополиты допускать такія ненормальности, когда римская церковь, которой они подчинились, абсолютно воспрещаетъ бракъ своимъ священникамъ и діаконамъ, а низшихъ клириковъ, которымъ не возбранено вступать въ браки, вовсе не числитъ въ составѣ церковнаго клира? Дѣло въ томъ, что въ римской церкви, при всей строгости церковной дисциплины, почти нѣтъ правила безъ исключенія. Считая себя выше соборовъ, папы всегда давали и даютъ на частные случаи индульты или временныя разрѣшенія отступать отъ общихъ церковныхъ правилъ приспособительно къ обстоятельствамъ мѣста, времени и лицъ. Съ тою-же приспособительностью отнеслись папы къ русскимъ священникамъ, состоявшимъ въ бракѣ, по принятіи ими уніи; папы не только дали имъ дозволеніе сохранять супружество вопреки своему правилу о безбрачіи священства, обязательному въ римской церкви со временъ папы Григорія Гильдебранда, но и не воспрещали нѣкоторымъ изъ нихъ по овдовѣніи вступать во 2-й бракъ съ сохраненіемъ священства. Намъ самимъ случилось, лѣтъ двадцать тому назадъ, видѣть папскій индультъ или буллу половины прошлаго столѣтія на пергаментѣ, которою уже не епископъ или митрополитъ, а самъ папа разрѣшилъ вдовому уніатскому священнику Лужинскому вступить во 2-й бракъ съ сохраненіемъ права священнодѣйствовать.

Не трудно отгадать, почему эти индульты можно было допустить въ видахъ римской куріи именно въ Польшѣ? У папъ память хороша: они еще помнили тогда, что первоначальною церковью въ Польшѣ была церковь славянская, съ обрядами восточной церкви и съ священствомъ, имѣвшимъ законныхъ супругъ, а не сожительницъ подъ именемъ господынь, ключницъ и кузинъ, что хотя христіанство введено въ Польшѣ еще въ IX вѣкѣ, но воспрещеніе польскому бѣлому духовенству брачной жизни послѣдовало только въ 1197 году на краковскомъ соборѣ, въ правленіе Лешка, и хотя оно повторено въ 1215 году на провинціальномъ соборѣ польскаго духовенства, но не могло быть достигнуто вполнѣ даже въ 15 вѣкѣ. Такъ, по свидѣтельствамъ польскихъ-же историковъ,

споръ о безженствѣ польскихъ священниковъ былъ еще въ 1550 году, на Петроковскомъ сеймѣ, и шесть лѣтъ спустя король Сигизмундъ Августъ, отправляя пословъ на тридентскій соборъ, отъ своего имени и отъ всего польскаго королевства просилъ папу Павла IV, чтобы онъ не воспрещалъ браковъ римско-католическимъ священникамъ въ Польшѣ [1]). Насколько тяготилось безбрачіемъ само польское духовенство, доказательствомъ служитъ то, что въ 16 вѣкѣ каноникъ польскій Оржеховскій, состоя въ семъ санѣ, равномъ протоіерейскому, вступилъ въ супружество. Хотя за это онъ былъ судимъ мѣстнымъ епископомъ, но на слезное моленіе къ папѣ, подкрѣпленное примѣрами древней церкви, получилъ разрѣшеніе оставаться въ священномъ санѣ и въ супружествѣ, не въ примѣръ прочимъ: *tibi soli* —сказано въ резолюціи папы на это письмо [2]). Этотъ-же индультъ могъ служить прецедентомъ для папскихъ разрѣшеній второбрачія уніатскимъ священникамъ въ Польшѣ въ 17 и 18 в.

Тѣмъ съ большею справедливостію св. синодъ могъ, не въ примѣръ другимъ, оказать снисхожденіе нѣсколькимъ возсоединеннымъ священникамъ, вступившимъ во второй бракъ съ разрѣшенія прежняго ихъ духовнаго начальства. Такое снисхожденіе вполнѣ оправдывается и чрезвычайными обстоятельствами современной русской церкви, воспринимавшей тогда въ свое лоно 3 милліона отпавшихъ отъ нея въ 17 вѣкѣ по насилію и обману.

Кто осмѣлился-бы сказать слово укоризны тогдашнему составу св. синода, тотъ пусть вспомнитъ, подъ вліяніемъ какихъ особенныхъ обстоятельствъ состоялось въ православной церкви воспрещеніе брака епископамъ и второбрачія священникамъ, и какъ снисходительно церковь первыхъ вѣковъ христіанства относилась къ отдѣльнымъ случаямъ нарушенія этого запрещенія, помня, что *изначала не бысть тако.* Правда, ветхозавѣтный іудейскій первосвященникъ по закону не могъ имѣть въ супружествѣ вдовы; но ветхозавѣтный іудейскій священникъ могъ вступить въ супружество со вдовой священника (Левит.. 21, 7; Іезек., 44, 22). Вступленіе-же

---

[1]) Rys hist. polsk. Miklaszewskiego p. 60; Bandtke tom. 11. p. 154. Petri Poluni hist. conc. Trid. lib. v. p. 409.

[2]) Bandtke, tom. 11. p. 154.

во второй бракъ не воспрещалось въ ветхомъ завѣтѣ ни священникамъ, ни первосвященнику.

Іисусъ Христосъ не требовалъ безбрачія отъ своихъ послѣдователей и не далъ никакихъ особыхъ правилъ относительно брака священнослужителей новозавѣтной церкви. Извѣстно, что въ числѣ его апостоловъ были женатые и сожительство съ женами своими продолжали и во время исполненія апостольскаго служенія, какъ видно изъ словъ апостола Павла: *еда не имамы власти сестру жену водити, яко и прочіи апостоли* (1. Кор. 9, 5)? Тотъ-же первоверховный апостолъ въ посланіи къ коринѳянамъ заявилъ, что ему неизвѣстна заповѣдь Господня относительно дѣвства или безбрачія (1. Коринѳ. 7, 25), и рекомендовалъ коринѳянамъ безбрачіе только какъ временную мѣру, полезную при тѣсныхъ обстоятельствахъ ихъ церкви (1. Коринѳ. 7, 26); людей-же, проповѣдующихъ абсолютное безбрачіе, называлъ онъ *сожженными въ своей совѣсти* (1. Тимоѳ. 4, 1—3), предостерегая христіанъ отъ таковыхъ лжеучителей. Молодымъ изъ христіанъ, чувствующимъ себя слабыми въ воздержаніи, апостолъ совѣтовалъ вступать въ браки даже и при тогдашнихъ бѣдственныхъ временахъ, признавая, что лучше жениться, нежели разжигаться (1. Коринѳ. 7, 9). Апостолъ Павелъ признавалъ также благоприличнымъ, чтобы діаконы и епископы, подъ именемъ коихъ разумѣлись тогда и пресвитеры, состояли въ бракѣ и имѣли благочестивыхъ чадъ: *подобаетъ епископу быти единыя жены мужу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою; діакони да бываютъ единыя жены мужи, чада добрѣ правяще и своя домы* (1. Тимоѳ. 3, 3. 4. 12). Хотя здѣсь предъявляется требованіе, чтобы епископы и діаконы были мужьями *одной* жены; но по изъясненію древнѣйшихъ учителей церкви—св. Іоанна Златоуста, который считается лучшимъ толкователемъ писаній св. апостола Павла, и Ѳеодорита Кирскаго, сочиненія котораго пользовались большимъ уваженіемъ въ древней церкви, апостолъ воспрещаетъ здѣсь допущеніе къ степенямъ священства только тѣхъ, которые имѣли двухъ женъ единовременно по языческому обычаю, или, оставляя однихъ женъ, при ихъ жизни вступали въ бракъ съ другими по іудейскому и языческому обычаямъ. Правильность этого изъясненія видна въ особенности изъ того, что иначе требованіе единобрачія отъ современныхъ апостолу Павлу діаконовъ было-бы вовсе излишне и неумѣстно, такъ

какъ 17 правиломъ 6-го вселенс. собора, на основаніи мнѣнія св. Іоанна Златоуста, признано, что первые діаконы, поставленные апостолами, не были служителями при совершеніи таинствъ или, что тоже, священнослужителями, а были только служителями при трапезахъ—вечеряхъ любви и завѣдывали церковнымъ хозяйствомъ, слѣдовательно, не принадлежали ни къ высшему клиру, ни къ низшему, которому никогда не воспрещалось второбрачіе. Это изъясненіе словъ апост. Павла о единоженствѣ епископовъ и діаконовъ стоитъ въ полномъ согласіи и съ 19-мъ апостольскимъ правиломъ, воспрещающимъ священство только тѣмъ, кто въ супружествѣ имѣлъ двухъ сестеръ или племянницу.

И церковь первыхъ двухъ вѣковъ христіанства точно слѣдовала мудрымъ совѣтамъ апостола, не налагая ни на кого изъ клира ига безбрачія и не дѣлая ни для кого изъ своихъ членовъ особыхъ ограниченій относительно вступленія въ супружество. Кромѣ историческихъ свидѣтельствъ, это подтверждается 5 и 51-мъ апостольскими правилами, изъ коихъ первое гласитъ: „епископъ или пресвитеръ или діаконъ да не изгонитъ своей жены подъ видомъ благочестія“, а послѣднее правило угрожаетъ изверженіемъ изъ священнаго чина и отлученіемъ отъ церкви епископу, пресвитеру и діакону или вообще изъ священнаго чина лицу, удаляющемуся брака, мясъ и вина. Правда, 26-е апостольское правило повелѣваетъ, да изъ вступившихъ въ клиръ безбрачными желающіе вступаютъ въ бракъ одни токмо чтецы и пѣвцы“; но такъ какъ извѣстно, что особыхъ чтецовъ и пѣвцовъ не было еще въ церковномъ клирѣ во времена апостоловъ, а появились они только въ III вѣкѣ, то нужно принять во вниманіе и мнѣніе тѣхъ, которые не признаютъ этого правила апостольскимъ [1]). Слѣдовательно, особое ограниченіе брачныхъ правъ для лицъ церковнаго клира появилось не раньше начала III в. Соборныя ограниченія относительно брака лицъ св. сана являются въ первый разъ въ постановленіи анкирскаго собора, бывшаго въ 314—315 г. Соборъ этотъ, обративъ вниманіе на то, что одни изъ діаконовъ его области вступили въ бракъ до своего рукоположенія, а другіе по рукоположеніи въ санъ

---

[1]) Сборникъ правилъ, извѣстныхъ подъ именемъ Апостольскихъ, появился въ VI вѣкѣ.

діакона, опредѣлилъ, что принимающіе діаконскій санъ должны заявлять епископу о своемъ намѣреніи вступить въ бракъ и, согласно сему постановленію, заявившимъ о таковомъ намѣреніи предъ рукоположеніемъ дозволилъ священнодѣйствовать, а умолчавшимъ о семъ воспретилъ священнодѣйствіе (правило 10-е).

Чрезъ 10 лѣтъ послѣ сего, на 1-мъ вселенскомъ соборѣ (325 г.) сдѣлана нѣкоторыми ревнителями благочестія не по разуму попытка наложить безбрачіе на всѣхъ священнослужителей церкви отъ епископа до клирика, но предложеніе это не одобрено большинствомъ св. отецъ, собравшихся въ числѣ 318, и оставлено безъ послѣдствій. Потому не только діаконы и пресвитеры, но даже многіе епископы безпрепятственно оставались въ супружествѣ до конца VII вѣка. Къ числу таковыхъ епископовъ принадлежали изъ IV вѣка отецъ св. Григорія Богослова, бывшій епископомъ въ г. Назіанзѣ, и св. Григорій Нисскій, братъ св. Василія Великаго. Изъ писемъ-же папъ Сириція и Иннокентія (402 —416 г.) видно, что современные имъ епископы Греціи и Испаніи не имѣли сомнѣнія при рукоположеніи двубрачныхъ въ средѣ своего клира (Bingham, кн. VI, гл. 5, отд. 4), епископы Понта и Галатіи поступали также, а блаженный Ѳеодоритъ (422—457 г.) рукоположилъ двубрачнаго Иринея даже въ санъ епископа и свой поступокъ оправдывалъ практикой другихъ церквей и примѣромъ своихъ предшественниковъ на кирской епископской каѳедрѣ (Ep. 110 ad Dominum). Не сдѣлали никакихъ по сему предмету воспрещеній 2, 3, 4, 5 и 6-й вселенскіе соборы, изъ коихъ послѣдній собирался въ Константинополѣ въ 680 году. Но императоръ Юстиніанъ Ринотменъ (безносый), ревнуя о возвышеніи достоинства духовнаго чина, императорскою своею новеллою или приказомъ (Novella 123, п. 14) воспретилъ священнослужителямъ церкви вступать въ бракъ по рукоположеніи. Право свое давать подобные приказы, вѣроятно, онъ основывалъ на примѣрѣ недавнихъ своихъ предшественниковъ, издававшихъ приказы даже по предметамъ вѣры подъ названіемъ энотиковъ, *типовъ вѣры* и *изложеній вѣры*. За тѣмъ онъ предложилъ и трульскому собору, собравшемуся въ его дворцѣ въ 692 году, „считающихся въ клирѣ и другимъ преподающихъ божественная представити *чистыми* и непорочными служителями и очистити отъ скверны, прильнувшія къ нимъ отъ незаконныхъ браковъ“. Но

справкѣ оказалось дѣйствительно не малое число пресвитеровъ и діаконовъ, жившихъ тогда во 2-мъ бракѣ, а также вступившихъ въ бракъ съ вдовами и оженившихся по рукоположеніи (прав. 3). Соборъ нашелъ также, что въ Африкѣ, Ливіи и иныхъ мѣстахъ нѣкоторые изъ боголюбезнѣйшихъ епископовъ не оставляютъ купно жити съ своими супругами и по совершившемся надъ ними рукоположеніи. Въ отмѣну казавшихся неправильностей, отцы собора опредѣлили возобновить древнее правило (*17-е апостольское*), гласившее, что „не можетъ быть ни епископомъ, ни пресвитеромъ, ни діакономъ, ниже вообще въ спискѣ священнаго чина, кто по крещеніи двумя браками обязанъ былъ или наложницу имѣлъ“, и за тѣмъ, сославшись на 26-е апостольское правило, постановили: „да *отнынѣ* ни иподіаконъ, ни пресвитеръ не имѣетъ позволенія, по совершеніи надъ нимъ рукоположенія, вступати въ брачное сожительство“. Состоявшихъ во второмъ бракѣ и вступившихъ въ бракъ по рукоположеніи соборъ разлучилъ съ женами, но священнодѣйствія имъ не воспретилъ подъ условіемъ разлученія съ женами (прав. 3-е л. 6). „Сверхъ сего, прилагая попеченіе о преуспѣяніи людей на лучшее“, соборъ воспретилъ дальнѣйшее сожительство епископовъ съ ихъ женами, дозволенное апостольскими правилами 5 и 51-мъ, установивъ, чтобы жена производимаго въ епископское достоинство, разлучась предварительно съ своимъ мужемъ по общему согласію, вступила въ отдаленный отъ его пребыванія монастырь съ содержаніемъ отъ своего мужа (прав. 13 и 48). Впрочемъ, отцы собора изрекли тогда осужденіе и на требованіе, принятое въ римской церкви, чтобы пресвитеры и діаконы разлучались съ своими женами, съ которыми состояли въ бракѣ до рукоположенія. Соборомъ постановлено: не считать сожительство съ законною женою препятствіемъ къ возведенію въ санъ иподіакона, діакона и пресвитера, при чемъ соборъ сослался на слова Евангелія: *яже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ* (Матѳ. 19, 6) и слова апостола: *бракъ честенъ и ложе нескверно* (Евр. 13, 4); *привязался еси къ женѣ, не ищи разрѣшенія* (1. Кор. 7, 27). Неизвѣстно, однако, почему эти слова св. писанія не примѣнены тогда къ бракамъ епископовъ.

Указанныя сейчасъ постановленія трульскаго собора получили общеобязательную силу для всей церкви чрезъ 90 лѣтъ, по утвержденіи ихъ 7-мъ вселенскимъ соборомъ (778 г.), ко времени котораго

большинство епископскихъ каѳедръ замѣщено было уже монахами по распоряженію императрицы Ирины.

Впрочемъ и послѣ 7-го вселенскаго собора держался еще нѣкоторое время въ византійской имперіи обычай, по которому духовныя лица вступали въ супружество, спустя два года по своемъ рукоположеніи; окончательно прекращено это уже въ половинѣ IX вѣка новеллою императора Льва Философа (novella, 3).

Что-же побуждало церковь стѣснять свободу первыхъ вѣковъ христіанства и издавать постановленія относительно брака священнослужителей вообще и брака епископовъ въ частности, хотя подъ видомъ „прехожденія на лучшее", но, тѣмъ не менѣе, въ отмѣну нѣкоторыхъ несомнѣнныхъ апостольскихъ правилъ? Конечно могло здѣсь имѣть силу и предположеніе о недостаткѣ нравственной воздержности, требуемой отъ совершителей таинствъ, а женитьба на вдовѣ могла казаться обстоятельствомъ иногда не вполнѣ благопріятнымъ для гармоніи семейной жизни священнослужителя церкви; но какъ нерѣдко второбрачный могъ быть нравственно выше и чище первобрачнаго, а бракъ со вдовою могъ также иногда удовлетворять нравственнымъ требованіямъ не менѣе брака съ дѣвой, то источникомъ запрещеній, положенныхъ въ соборныхъ правилахъ о бракахъ священнослужителей церкви, не могло быть одно обезпеченіе нравственныхъ требованій отъ клира. Главное значеніе здѣсь имѣли внѣшнія, случайныя обстоятельства, съ которыми правители вселенской церкви не могли не считаться. Такими обстоятельствами были съ одной стороны подмѣсь къ христіанскому ученію антихристіанскихъ элементовъ еллинской философіи и восточной ѳеософіи, проявившаяся въ *гностицизмѣ* и *манихействѣ*, съ другой стороны— реакція въ самой церкви христіанской, сказавшаяся стремленіемъ замѣнить нравственность аскетизмомъ и ввести въ жизнь строжайшій ригоризмъ, поставляя задачей христіанства не очищеніе, а умерщвленіе плоти.

Обстоятельства эти таковы. *Гностицизмъ* съ своимъ дуалистическимъ ученіемъ о противоположности духа и матеріи, какъ началахъ добра и зла, и съ требованіемъ строжайшаго аскетизма для освобожденія духа отъ матеріи или, что тоже, для спасенія, проникъ весьма рано въ христіанскую церковь. Зародыши его уже видѣлъ апостолъ Павелъ (Дѣян. 20, 29, 30). Не замедлили явиться

и предсказанные имъ *лжесловесники*, запрещавшіе вступать въ бракъ и употреблять въ пищу то, что Богъ сотворилъ (1 Тим. IV, 3). Поставляя искупленіе въ порабощеніи матеріи и освобожденіи отъ нея, *Василидъ* въ Александріи и его соученикъ *Сатурнинъ* въ Антіохіи, для достиженія этого спасенія, какъ побѣды духа надъ матеріею, рекомендовали уже избѣгать не только употребленія мяса, но въ особенности брака, какъ дѣла сатаны. Тоже проповѣдывали основатель секты Енкратитовъ (воздержныхъ) *Татіанъ*, б. ученикъ Іустина мученика, впавшій въ гностицизмъ по смерти своего учителя, и *Маркіонъ*, учившій сначала въ Римѣ, а потомъ въ Антіохіи въ началѣ II вѣка. Еще дальше пошли въ семъ направленіи *манихеи*, появившіеся первоначально въ Персіи и распространившіеся въ въ III вѣкѣ главнымъ образомъ въ римской имперіи, и преимущественно въ Африкѣ, Сициліи и Италіи, гдѣ имѣли много приверженцевъ до VI вѣка: задавшись мыслію соединить христіанство съ парсизмомъ и эту смѣсь сдѣлать всемірною религіею, они подвергли воспрещенію не только бракъ и мясо, но также употребленіе вина и даже молока, требуя строжайшаго аскетизма отъ своихъ послѣдователей, чтобы доставить свѣтлой душѣ господство надъ душею злою чрезъ усвоеніе элементовъ свѣта, разсѣянныхъ въ природѣ и преимущественно въ растеніяхъ.

Еще болѣе благопріятный пріемъ нашли себѣ ригористическія крайности въ ученіи о церковной дисциплинѣ новообращеннаго въ христіанство фригійца *Монтана*, появившіяся въ половинѣ II вѣка. Дозволяя женщинамъ только траурную одежду вмѣсто всякихъ украшеній и нарядовъ и воспретивъ мущинамъ науки и искусства, военную и государственную службу, Монтанъ сдѣлалъ обязательными для всѣхъ посты, которые до того времени предоставлялись волѣ каждаго, и училъ, что брака должны, по возможности, избѣгать всѣ, по крайней мѣрѣ, жениться только одинъ разъ въ жизни; второй бракъ—грѣхъ. Ученіе это, оправдывавшее себя стремленіемъ къ возвышенію нравственной чистоты, считалось въ началѣ безвреднымъ и у такихъ учителей, каковъ былъ Ириней Ліонскій, а другіе готовы были признать это ученіе даже спасительною *солію* церкви. *Тертулліанъ*-же прямо защищалъ его въ своихъ сочиненіяхъ о единобрачіи, постахъ и друг., написанныхъ по вступленіи въ секту монтанистовъ; въ особенности много послѣдователей нашли

себѣ монтанисты въ Римѣ, который и безъ того былъ уже склоненъ къ ригоризму.

Церковь не могла признать аскетизмъ общимъ требованіемъ; но подъ вліяніемъ идей монтанизма, подкрѣпленныхъ не менѣе ригористическимъ ученіемъ отдѣлившагося отъ римской церкви пресвитера Новата о покаяніи и чистотѣ христіанъ, не трудно было многимъ дойти до осужденія втораго брака, а въ безбрачіи видѣть характеристическое отличіе христіанской нравственности отъ ветхозавѣтной. Еще легче было дойти до мысли о несовмѣстимости супружества съ достоинствомъ священнаго сана. Естественнымъ послѣдствіемъ сего была возможность выступить на 1-мъ вселенскомъ соборѣ съ требованіемъ сдѣлать безбрачіе обязательнымъ для всѣхъ священнослужителей церкви. Вселенскій соборъ не возложилъ на всѣхъ посвященныхъ мужей этого неудобоносимаго ига, но тѣмъ не менѣе мысль о безбрачіи священства не оставлена и, не долго спустя послѣ сего, Евстаѳій севастійскій (355 г.), ученикъ Арія, дошелъ до безусловнаго отверженія брака, такъ что его приверженцы не хотѣли признавать ни одного женатаго священника, а, по свидѣтельству Григорія Богослова, и въ его время (381 г.) многіе желали принимать таинства отъ епископовъ и пресвитеровъ только неженатыхъ (orat. 40 de baptism).

Противудѣйствуя такому ученію лжесловесниковъ, сожженныхъ своею совѣстію, осуждавшихъ *бракъ честенъ и ложе нескверно* (Евр. 13, 4) и возбранявшихъ жениться, церковь то произносила клятву на порицавшихъ бракъ съ вѣрною и благочестивою женою и превозносившихся дѣвствомъ надъ бракосочетавшимися, а также на уклонявшихся причащенія отъ женатаго пресвитера (Гангр. прав. 1, 10, 4-е), то ограждала брачное право церковнаго клира постановленіями, направленными противъ гностическаго и ригористическаго ученія о пищѣ, винѣ и бракѣ. Постановленія эти выражены въ слѣдующихъ правилахъ апостольскихъ: 5, 51, 53: „Епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ да не изгонитъ жены своея подъ видомъ благочестія. Аще-же изгонитъ, да будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго, и, оставаясь непреклоннымъ, да будетъ изверженъ отъ священнаго чина“; „Аще епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, или вообще изъ священнаго чина, удаляется отъ брака, и мяса, и вина, не ради подвига воздержанія, но по причинѣ гну-

шенія, забывъ, что вся добра зѣло, и что Богъ, созидая человѣка, мужа и жену сотворилъ ихъ, и такимъ образомъ клевещетъ на созданіе: или да исправится, или да будетъ изверженъ изъ священнаго чина и отверженъ отъ церкви, такожде и мірянинъ"; „Аще кто, епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ во дни праздниковъ не вкушаетъ мясъ и вина, гнушаяся, а не ради подвига воздержанія: да будетъ изверженъ, яко сожженный въ собственной совѣсти и бывающій виною соблазна многихъ". Но уступая обстоятельствамъ, чтобы не подавать соблазна немощнымъ, увлекавшимся внѣшнею чистотою послѣдователей Монтана, церковь должна была по временамъ допускать и нѣкоторыя ограниченія относительно брака лицъ церковнаго клира, воспрещая имъ то, чѣмъ соблазнялись немощные въ вѣрѣ, напримѣръ: запрещая священнослужителямъ вступленіе въ бракъ съ вдовою, чѣмъ не только епископы, но и пресвитеры и діаконы приравнивались въ семъ отношеніи къ ветхозавѣтнымъ первосвященникамъ, то не дозволяя состоящимъ въ клирѣ ни второбрачія, ни вступленія въ бракъ по рукоположеніи, то допуская къ епископству преимущественно лицъ безбрачныхъ. Впрочемъ, церковь дѣлала иногда и послабленія въ томъ или другомъ отношеніи, какъ это видно изъ 10-го правила анкир. собора, которымъ діаконамъ предоставлялось вступать въ бракъ и по рукоположеніи, и изъ 3-го правила трульскаго собора, которымъ разрѣшалось священнодѣйствіе не только діаконамъ, но и пресвитерамъ, до 5-го генваря 692 года вступившимъ въ бракъ съ вдовою или въ первый бракъ по рукоположеніи.

И такъ историческія указанія приводятъ къ тому заключенію, что воспрещеніе втораго брака пресвитеровъ и діаконовъ, а также безбрачіе епископовъ явились въ опредѣленной формѣ соборнаго правила въ слѣдствіе охужденія брака вообще и брака священнослужителей въ частности со стороны лжеучителей и ревнителей не по разуму Христову; что оно вызвано особенными, временными обстоятельствами церкви и было уступкою давленію этихъ обстоятельствъ, давно уже миновавшихъ.

Помѣстный соборъ какой либо частной церкви не можетъ своею властію отмѣнить того, что одобрено вселенскимъ соборомъ. Но если принять во вниманіе во 1-хъ то, что 17-е апостольское правило, на основаніи котораго трульскій соборъ воспретилъ священ-

нослужителямъ вступленіе во второй бракъ, имѣетъ основаніе только въ словахъ апостола Павла: *подобаетъ епископу быти единыя жены мужу* (1. Тимоѳ. 3, 2), а по изъясненію св. Іоанна Златоуста и Ѳеодорита, жившихъ 3-мя вѣками раньше трульскаго собора, словами этими воспрещается рукополагать только тѣхъ, которые, по принятіи христіанства, имѣли двухъ женъ одновременно, или, оставляя однихъ женъ безъ причины, при ихъ жизни вступали въ бракъ съ другими, т. е. воспрещается рукополагать *многоженцевъ*; во 2-хъ, что 17-е апостольское правило, понимаемое въ смыслѣ воспрещенія 2-го правильнаго брака, стояло-бы въ противорѣчіи съ 19-мъ апостольскимъ правиломъ, которымъ воспрещается священство только имѣвшимъ въ супружествѣ двухъ сестеръ, а не вообще безбрачнымъ, то нельзя не согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые полагаютъ, что теперь, когда не существуютъ поводы, вызывавшіе ограниченіе брака священно-служителей церкви, церковь могла-бы въ особыхъ случаяхъ дозволять нѣкоторое отступленіе отъ правила трульскаго собора, которымъ воспрещенъ вторый бракъ священниковъ и діаконовъ, тѣмъ болѣе, что и самъ трульскій соборъ сдѣлалъ изъятіе изъ этого правила для священнослужителей, оказавшихся тогда во второмъ бракѣ. И намъ кажется, что правительственная власть церкви могла-бы допускать это даже съ большимъ правомъ, чѣмъ съ какимъ допускается широко практикуемое нынѣ сложеніе св. сана овдовѣвшими священниками и діаконами, не дозволявшееся прежде у насъ и не дозволяемое въ римской церкви. Во всякомъ случаѣ, по нашему убѣжденію, соблазна отъ второбрачія священника или діакона, въ особенности съ перемѣщеніемъ таковаго въ другую епархію и даже въ другой уѣздъ той-же епархіи, будетъ меньше, чѣмъ сколько случается нынѣ отъ умноженія чиновниковъ изъ бывшихъ духовниковъ, которымъ ввѣрялись тайны вѣрующихъ душъ.

Безъ сомнѣнія такими-же соображеніями руководился и нашъ св. синодъ, оказавъ отеческое снисхожденіе двоеженцамъ изъ возсоединенныхъ отъ уніи священниковъ, принявъ при семъ въ уваженіе въ особенности то, что прихожане нисколько не соблазнялись ихъ двоебрачіемъ и не считали его препятствіемъ къ прохожденію священнической должности.

Помянемъ-же благодарнымъ словомъ мудрыхъ и благосердныхъ членовъ святѣйшаго правительствующаго синода, правившихъ тогда россійскою церковію. А судящій строго о сдѣланномъ допущеніи второбрачныхъ пресвитеровъ къ продолженію священнослуженія пусть вспомнитъ, что въ евангельскомъ родословіи Іисуса Христа есть второбрачные праотцы и праматери и что второбрачныхъ можно найти также въ числѣ святыхъ мужей и св. женъ христіанской церкви. С. Ц.

ДВѢ РЕВИЗІИ.

(НЕМИРОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ ВЪ КОНЦѢ 40-ХЪ ГОДОВЪ).

Однажды утромъ, пришедши въ гимназію, мы узнали отъ всевѣдущаго директорскаго мажордома, надзирателя Е. И. Корсуна, что въ первомъ часу ночи пріѣхалъ ревизоръ, Матвѣй Матвѣевичъ, и остановился не у директора, какъ это дѣлалось прежде, а въ домѣ, занимаемомъ больницей. „Представленіе“ назначено въ 9 часовъ, въ полной парадной формѣ. Разошлась наша учоная братія по квартирамъ, пріодѣлась въ мундиры и собралась въ залу ожидать прибытія г. ревизора.

— Идетъ! идетъ! возгласилъ Ефимъ Ивановичъ, показавшись въ дверяхъ и махая рукой, чтобъ не шумѣли.

Директоръ, не смѣшиваясь съ толпой, выжидалъ незваннаго гостя гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ и, какъ только изъ своей засады замѣтилъ, что Матвѣй Матвѣевичъ шествуетъ въ гимназію *даже* не въ вицмундирѣ, а просто въ черномъ сюртукѣ,—ту-жъ минуту задними воротами прошмыгнулъ домой, сбросилъ мундиръ и явился въ залу въ вицмундирѣ. Его оскорбило такое пренебреженіе ревизора къ цѣлой корпораціи наставниковъ, а еще болѣе къ нему—извѣстному въ цѣломъ округѣ Зимовскому, облачившемуся было въ полную парадную форму для какого нибудь инспектора казенныхъ училищъ.

Представлены мы были ревизору по одиночкѣ, при чемъ онъ держалъ себя съ величайшимъ достоинствомъ, удостоивая разговора только нѣкоторыхъ, лично ему извѣстныхъ учителей, и наставляя правое ухо къ самому рту говорившаго. Должно быть ревизоръ

не пользовался хорошимъ слухомъ, а можетъ онъ дѣлалъ это для большей важности.

И откуда, подумаешь, берется эта важность у людей, облеченныхъ властію и полномочіемъ контролировать дѣйствія другихъ? И что такое былъ ревизоръ? Просто Матвѣй Матвѣевичъ, слонявшійся до полученія должности инспектора, т. е. до 1843 года, впродолженіи 15 лѣтъ, то по канцеляріямъ разныхъ министерствъ, то по типографіямъ. Хотя въ книгѣ „Лицей кн. Безбородка" образованіе его названо „многостороннимъ", на томъ-де основаніи, что онъ получилъ его не тамъ, гдѣ получаютъ обыкновенные смертные, а за границей, въ страсбургскомъ университетѣ; но, во-первыхъ, если его образованіе и было многостороннимъ, то оно давно испарилось и выдохлось вмѣстѣ съ французскими духами, вывезенными изъ Парижа, а, во-вторыхъ, мы позволимъ себѣ сильно усомниться не только въ многосторонности его образованія, но даже и въ основательномъ знаніи когда нибудь и какой нибудь науки. О разнообразіи его познаній, вѣроятно, наши педагоги заключили изъ того, что онъ во время ревизій „мѣшался во всѣ предметы"; но вѣдь гимназическій курсъ не Богъ знаетъ какая мудрость, да онъ и того не зналъ. Отправляясь на ревизію, Матвѣй Матвѣевичъ бралъ съ собой всѣ учебники и, идучи въ гимназію, вызубривалъ какую нибудь теорему по геометріи, прочитывалъ страницъ пять изъ исторіи, замѣчалъ годы важнѣйшихъ событій и изумлялъ недальновидное учительство своею „многосторонностію". Я вполнѣ убѣжденъ, что онъ, кромѣ французскаго языка, ничего не зналъ основательно, кромѣ скандалезныхъ романовъ французской стряпни, ничего не читалъ, кромѣ офиціальныхъ бумагъ за такимъ-то номеромъ и нѣжныхъ billex doux къ кокоткамъ, безъ всякаго нумера, никогда ничего не писалъ и вынесъ изъ заграницы только искусство одѣваться по послѣдней модѣ, шнуроваться, какъ старая дѣва, въ корсеты, чернить волосы, бѣлиться и румяниться, да самый утонченный развратъ, какимъ только славятся чистокровные парижане.

По окончаніи комедіи „представленія" намъ предложено разойтись по классамъ. Ревизоръ и директоръ остались въ залѣ одни. Между ними было что-то не ладно. Матвѣй Матвѣевичъ видимо придирался къ директору, между тѣмъ какъ за годъ предъ тѣмъ

нашелъ все въ немировской гимназіи въ примѣрномъ порядкѣ. Дѣло разъяснилось послѣ: въ первую ревизію онъ занялъ у директора деньги, въ которыхъ постоянно нуждался; но Егоръ Яковлевичъ не промахъ: онъ взялъ вексель на имя своей супруги, которая, по пріѣздѣ своего мнимаго кредитора, немедленно, черезъ Корсуна, напомнила ему о долгѣ—inde ira.....

Не приступая въ первый день къ осмотру учебной части, визитаторъ принялся за хозяйственную. Общія ученическія квартиры у насъ содержались въ образцовомъ порядкѣ; стало быть, по этой статьѣ не предвидѣлось никакихъ дефектовъ. Но Матвѣй Матвѣевичъ съумѣлъ и тутъ найти недостатки. Осматривая дортуары и переворачивая вверхъ дномъ каждую постель, онъ отыскалъ гдѣ-то клопа.

— Однако-жъ, у васъ въ спальняхъ довольно таки и гадости, обратился онъ къ директору. Смотритъ Егоръ Яковлевичъ, и глазамъ своимъ не вѣритъ: клопъ, дѣйствительно клопъ, живехонькій, откормленный ученическимъ тѣломъ!... Какой для гордости ударъ! Онъ, который не допускаетъ въ „своемъ заведеніи" ни одного посторонняго атома, онъ, который искалъ пыли на печкахъ и подъ ножками табуретовъ и кроватей, уличенъ въ недосмотрѣ и небрежности по службѣ! Нѣтъ, я отказываюсь вѣрить тому, что-бы ревизоръ нашелъ клопа въ кровати: онъ вѣрно его принесъ съ собой, чтобы досадить Егору Яковлевичу. Чего не сдѣлаетъ человѣкъ, коли захочетъ нагадить своему ближнему?

Ну, да и досталось-же этому несчастному клопу, за одно съ надзирателемъ Мальцовымъ, въ отдѣленіи коего найдено это противное животное!

Едва только вышелъ Матвѣй Матвѣевичъ къ себѣ на квартиру пить кофе, какъ директоръ предался неистовымъ порывамъ бѣшенства. Прежде всего онъ казнилъ клопа: схвативъ большой поварской ножъ, принесенный наверхъ въ числѣ другихъ кухонныхъ принадлежностей для осмотра, онъ пронзилъ его навылетъ и, держа на остріѣ ножа, поднесъ подъ самый носъ штабсъ-капитану Мальцову.

— Василій Ивановичъ, что это? Смотрите, смотрите! понюхайте! приговаривалъ директоръ, тыкая ножомъ подъ самый носъ Мальцову: что это? смотрите!

— Клопъ-съ! отвѣчаетъ Василій Ивановичъ, откидывая назадъ голову, чтобъ уклониться отъ ножа.

— Да вы хорошенько присмотритесь: что это? а?

— Да я вижу, Егоръ Яковлевичъ, клопъ-съ, настоящій, какъ есть, клопъ...

— Понюхайте-же, понюхайте, понюхайте! продолжаетъ наступать на пятившагося къ печкѣ надзирателя, съ тѣмъ-же самымъ отвѣтомъ: клопъ-съ, я вижу, клопъ...

Но какъ ни бѣсновался директоръ, ураганомъ носясь съ клопомъ по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ общей квартиры, въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ; а потому, не желая получить замѣчанія отъ попечителя за какое-нибудь ничтожное насѣкомое, онъ перемѣнилъ тактику въ отношеніи ревизора, отсрочивъ уплату по векселю на неопредѣленное время. Иначе, чѣмъ объяснить случившуюся на другой день перемѣну въ обхожденіи визитатора, какъ съ самимъ начальникомъ, такъ и со всѣми прочими чиновниками? Даже все то, что вчера было дурно, на другой день стало хорошо.

Ревизія части учебной состояла въ хожденіи по классамъ на уроки преподавателей, въ слушаніи учительскихъ объясненій и спрашиваніи учениковъ. Мнѣніе г. ревизора о достоинствахъ и недостаткахъ каждаго учителя всегда почти при визитаціяхъ согласовалось съ мнѣніемъ начальника гимназіи: какія очки надѣнетъ онъ визитатору, черезъ такія тотъ и смотритъ на преподавателя. Правъ или неправъ директоръ въ своихъ рѣшительныхъ приговорахъ о способностяхъ учителя, этого ревизоры не старались доискиваться. Дѣйствуя по принципу поддержанія авторитета начальника заведенія всѣми правдами и неправдами, тѣмъ они ставили несчастныхъ тружениковъ внѣ покровительства законовъ. Не разсуждать, а безпрекословно исполнять волю начальства—вотъ все, что требовалось отъ чиновника, желавшаго заслужить хорошее о себѣ мнѣніе высшаго начальства.

У меня ревизоръ былъ въ V классѣ, гдѣ преподавалась тогда пресловутая риторика Кошанскаго, которую я, по возможности, замѣнялъ собственными записками. Въ присутствіи именитаго гостя, мнѣ пришлось читать о судебномъ краснорѣчіи въ Римѣ. Для образца этого рода ораторскихъ рѣчей я избралъ рѣчь Цицерона

pro Milone. Желая познакомить своихъ слушателей съ обстоятельствами дѣла, вызвавшими этотъ замѣчательный уголовный процессъ, я коснулся, на сколько было нужно, республиканскаго образа правленія въ Римѣ, стараясь нагляднѣе представить жизнь древняго римлянина; затѣмъ приступилъ къ изложенію содержанія самой рѣчи и прочелъ изъ нея, по переводу Гриневича, лучшіе отрывки.

По моему крайнему разумѣнію, лишняго я ничего не сказалъ, какъ говорится, не проговорился; между тѣмъ, г. ревизоръ сдѣлалъ мнѣ конфиденціальное замѣчаніе, якобы за высказанное мною сочувствіе къ республикѣ, чего никоимъ образомъ нельзя допускать въ русскомъ учебномъ заведеніи, и въ особенности такомъ, гдѣ большинство учащихся состоитъ изъ поляковъ, которымъ слѣдуетъ внушать мысли въ духѣ православія, самодержавія и народности.

— Это, милостивый государь, основы нашего могущества и благосостоянія, да-съ!—заключилъ ревизоръ свое наставленіе и зачавкалъ губами, для большаго апломбу.

На другой день послѣ этого Матвѣй Матвѣевичъ уѣхалъ. До первой станціи, т. е. до города Липовца, отстоящаго отъ Немирова на 35 верстъ, г. ревизора, неизвѣстно для чего, сопровождалъ надзиратель Корсунъ, помѣстившись на запяткахъ вмѣсто лакея, въ форменномъ вицмундирѣ.

Бывшая при мнѣ въ немировской гимназіи другая ревизія немножко покурьезнѣе. Къ намъ прибылъ, скоро послѣ своего назначенія, попечитель округа, генералъ-маіоръ Траскинъ.

Первый дебютъ его на совершенно незнакомомъ ему поприщѣ —пріемка построеннаго гр. Браницкимъ для гимназіи зданія въ м. Бѣлой-Церкви. Сначала, говорятъ, генералъ, по своему обыкновенію, сильно раскричался, найдя капитальные недостатки въ постройкахъ; но потомъ, когда главноуправляющій графскими имѣніями Пржесмыцкій, подвезши его къ зданію на лихой четвернѣ заводскихъ лошадей, которыя его превосходительству очень приглянулись, предложилъ вопросъ: какъ вы полагаете, генералъ, вывезетъ-ли эта четверка бѣлоцерковскую гимназію, или нѣтъ?

— Пожалуй, что вывезетъ, отвѣчалъ генералъ и расхохотался остроумной выходкѣ Пржесмыцкаго.

Зданіе найдено во всѣхъ частяхъ удовлетворительнымъ, хотя многаго-бы еще можно было пожелать для приведенія его въ надлежащій видъ; но за то Траскинъ уѣхалъ въ Кіевъ на собственной четверкѣ.

Занимая, до своего назначенія попечителемъ, должность начальника штаба на Кавказѣ и совершенно незнакомый съ устройствомъ учебныхъ заведеній гражданскаго вѣдомства, генералъ Траскинъ, приступивъ къ осмотру гимназій ввѣреннаго ему округа, вообразилъ, что онъ дѣлаетъ смотръ войскамъ. Мужчина чудовищно-тучный, съ рыканіемъ льва вмѣсто обыкновеннаго человѣческаго голоса, онъ могъ-бы навести страхъ на самыхъ неустрашимыхъ воиновъ, а не то что на насъ, смиренныхъ педагоговъ, у которыхъ и душа въ пятки ушла, какъ только послышался на гимназическомъ дворѣ зычный голосъ его п-ва.

— Я всю подноготную узнаю! Нѣтъ, братъ, меня не проведешь— дудки! да! я всю подноготную узнаю!

Такъ оралъ генералъ, идя по двору въ классы, въ сопровожденіи директора, разумѣется, въ полной парадной формѣ.

— Не прикажете-ли, в. п-во, представить вамъ чиновниковъ ввѣреннаго мнѣ заведенія? смиренно спрашивалъ директоръ.

— Не нужно мнѣ вашего представленія. Маршъ по своимъ мѣстамъ! Я ихъ тамъ ужо! Я всю подноготную узнаю!

Всѣ имѣвшіе уроки учителя въ припрыжку поспѣшили каждый вскочить въ свой классъ, и тамъ ожидали рѣшенія своей участи.

— Съ какого класса, ваше п-во, угодно будетъ вамъ начать ревизію: съ перваго или съ седмаго? спросилъ директоръ.

— Разумѣется, съ перваго; нечего и спрашивать.

Вошли въ первый классъ. Генералъ прямо полѣзъ на каѳедру и, охая, сѣлъ на учительскій стулъ, сильно подъ нимъ затрещавшій: онъ уже утомился, не приступая къ ревизіи, и едва доползъ до стула.

— Что у васъ тутъ? обратился ревизоръ къ учителю Казиміру Петровичу Чарнецкому (это былъ послѣдній изъ могиканъ прежнихъ польскихъ школъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій).

— Латынскій языкъ, ваше п-во, отвѣчалъ тотъ, кланяясь въ поясъ.

— Подавай сюда латынскій языкъ! рявкнулъ сердито генералъ.

— Вашему п-ву угодно будетъ самимъ вызвать ученика? спрашиваетъ директоръ.

— Вотъ еще что выдумали! вызывайте сами! обратился онъ къ учителю, не поворачивая головы къ директору.

Чарнецкій вызвалъ что ни на есть лучшаго мальчугана, который, не робѣя, могъ отвѣчать на какіе угодно вопросы.

— Угодно вашему п-ву предложить вопросъ? опять спрашиваетъ директоръ.

— Да что вы ко мнѣ пристаете? Неужели я самъ долженъ экзаменовать ученика, когда учитель на лицо? Ну, спросите этого пузыря! обратился генералъ къ Казиміру Петровичу.

— Проскланяй намъ mensa, вопрошаетъ учитель.

— Nom. mensa, gen. mensae, dat. mensae, accus. mensam, abl. mensa, отбарабанилъ, не переводя духу мальчуганъ.

— Да ты, братецъ, лучше меня по латыни знаешь! похвалилъ его генералъ.

Поощренный такой похвалой Казиміръ нашъ, искрививъ нижнюю губу во что-то похожее на улыбку и держа весь корпусъ на перевѣсъ, обратился къ генералу:

— Ваше п-во! Онъ и множественное число умѣетъ — прикажете просклонять?

— Довольно, довольно! застоналъ генералъ: уморили вы меня совсѣмъ!...

Вслѣдъ затѣмъ затрещалъ учительскій стулъ. Генералъ съ усиліемъ приподнялся и вышелъ изъ класса, въ сопровожденіи директора.

Въ томъ-же родѣ производились испытанія и въ другихъ классахъ. Значитъ, сдержалъ свое генеральское слово: узналъ всю подноготную!

— У васъ что такое? обратился генералъ ко мнѣ, ввалившись въ VI классъ и занявши мое мѣсто на каѳедрѣ.

— Логика, ваше п-во! отвѣчалъ я, придерживая шпагу.

— Логика, логика! передразнилъ меня генералъ: а подавайте сюда логику!

— Сегодня, ваше пр-во, мы занимаемся силлогизмами.

— Силлоизмы, силлоизмы! опять передразнилъ меня: а ну-ка, силлоизма!

Замѣтивъ, что г. визитаторъ не изъ серьёзныхъ людей, а любитъ больше курьёзы, я, потѣхи ради, заставилъ одного ученика составить *рогатый* силлогизмъ, другаго—*плѣшивый*, третьяго—*кучу*, такъ что мой генералъ животикъ надорвалъ, пока не переслушалъ всѣхъ этихъ софистическихъ фокусовъ.

— Довольно! Уморилъ меня совсѣмъ! завопилъ генералъ и двинулся по корридору, едва передвигая ноги, въ VII классъ.

Окончивъ такимъ манеромъ ревизію учебной части и узнавъ всю ея подноготную, генералъ велѣлъ распустить учениковъ по домамъ. Во время выхода учениковъ изъ классовъ, онъ обратился къ директору съ вопросомъ: скоро-ли подадутъ въ общихъ квартирахъ обѣдъ? Директоръ отвѣчалъ: какъ прикажете—хоть сейчасъ.

— Но не угодно-ли вашему пр-ву, пока подадутъ обѣдъ, осмотрѣть нашу библіотеку и физическій кабинетъ?

— А гдѣ у васъ физическій кабинетъ?

— Въ зданіи общихъ квартиръ, на второмъ этажѣ.

— Ахъ, зачѣмъ вы туда его запровадили? скорчивъ кислую мину, упрекнулъ генералъ директора.

— Учитель, ваше п-во, нашелъ, что тамъ кабинету удобнѣе, такъ какъ при немъ устроенъ классъ для физическихъ опытовъ, пояснилъ директоръ.

— Учитель? учитель? крикнулъ во все горло генералъ, уставлясь на меня своими буркалами: учитель долженъ логику позабыть, коли начальникъ приказываетъ.

Вѣроятно, смѣшавъ физику съ логикой, генералъ накинулся на меня, принявъ меня за того вольнодумца, который позволилъ себѣ разсуждать, что физику необходимо читать въ самомъ кабинетѣ. Я промолчалъ, считая безполезнымъ разъяснять генералу такое уморительное qui pro quo. Это-бы, конечно, долженъ былъ сдѣлать г. директоръ, но онъ до того восхищенъ былъ генеральскимъ афоризмомъ, что даже въ его присутствіи не удержался прогуляться на мой счетъ: подавшись корпусомъ въ мою сторону, онъ сказалъ съ ѣдкою улыбкой: „слышите, слышите М. К., что говоритъ г. попечитель? Учитель долженъ логику позабыть, коли начальникъ приказываетъ. Примите это къ свѣдѣнію“!

— Обѣдъ готовъ, что-ли? зарычалъ генералъ, держась обѣими руками за животикъ.

— Если, ваше п-во, прикажете, я велю позвонить.

— Да я-же вамъ говорилъ уже, что пора.

Раздался звонокъ, и генералъ, кряхтя, отправился на 2-й этажъ. Началъ онъ съ перваго отдѣленія, гдѣ обѣдъ былъ попроще; съѣлъ тамъ всѣ три блюда пробной порціи, крякнулъ и перешелъ во 2-е отдѣленіе, гдѣ тоже скушалъ пробную порцію съ аппетитомъ; а когда пришелъ въ 3-е отдѣленіе, гдѣ обѣдъ былъ сравнительно превосходнѣе, то пробной порціи оказалось ему мало, и онъ потребовалъ къ послѣднему блюду прибавки.

Уписавши съ Божіей помощью три обѣда, генералъ до того отяжелѣлъ, что уже не могъ произнести ни одного слова, съ великимъ трудомъ сошелъ съ лѣстницы, сѣлъ въ коляску и отправился въ палацъ, гдѣ, по приглашенію гр. Браницкаго, онъ имѣлъ квартиру на время ревизіи. Тамъ, спустя часъ съ небольшимъ, ему предложили завтракъ и онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, кушалъ преисправно. Наконецъ многотрудный для его пр-ва день закончился въ 6 часовъ отличнымъ обѣдомъ, котораго menu согласовалось съ гастрономическимъ вкусомъ такого небывалаго гостя, на котораго паны, страдающіе вѣчнымъ катаромъ желудка, смотрѣли съ завистью, удивляясь невиданному ими аппетиту русскаго генерала.

Въ день отъѣзда попечителя, директоръ отправился въ палацъ прощаться. Съ увѣренностью человѣка, у котораго все идетъ отлично, Егоръ Яковлевичъ обратился къ его п-ву съ покорнѣйшею просьбою высказать ему свое мнѣніе о результатахъ ревизіи, чтобы, воспользовавшись замѣченными недостатками, на будущее время еще больше усовершенствовать „свое заведеніе". Генералъ, вообще не любившій, когда тревожили его умственный покой и требовали отъ его мозговъ какихъ-нибудь соображеній, смотрѣлъ осовѣлыми глазами на директора, стараясь хоть что-нибудь припомнить изъ того, что онъ видѣлъ въ гимназіи, и первое, что ему взбрело на мысль, онъ и поставилъ на видъ назойливому прохвосту.

— У васъ въ больницѣ часы стоятъ, а вѣдь этого, батенька, допустить нельзя: больные по часамъ лѣкарства принимаютъ-съ. Вотъ вамъ и все, что я замѣтилъ, больше не спрашивайте.

Да, все! какъ-бы не такъ! О, если-бы вы, ваше пр-во, дѣйствительно узнали всю подноготную не на словахъ, а на дѣлѣ, если-бы вы соблаговолили покопаться въ закулисномъ мірѣ, прикрытомъ снаружи красивыми декораціями: вы бы нашли тамъ всѣ тѣ машины, колеса, веревки и другія орудія, которыми нашъ ловкій фокусникъ незримо приводитъ въ дѣйствіе свой кукольный театръ, исполняя во время самаго дѣйствія то шутовскую роль полишинеля, то самаго дьявола, исконнаго врага всего, что носитъ названіе правды, добра и справедливости. Полюбовавшись красивыми декораціями „его заведенія", вы только замѣтили остановившіеся часы и то только потому, что они замедлили время насыщенія вашей неизмѣримой утробы, а еслибы вы заглянули за кулисы, вы-бы спросили: куда дѣваются экономическія суммы, скопленныя всѣми правдами и неправдами? Куда дѣвались серебрянныя, 84 пробы, ложки, внесенныя втеченіе 10 лѣтъ воспитанниками, при поступленіи въ общую квартиру? Вы-бы узнали, что они хранятся въ директорскихъ сундукахъ и еще недавно, во время всеобщей паники, наведенной на мѣстечко разбойничьей шайкой Рахальскаго, два сундука съ ложками были спрятаны церковнымъ старостой Корсуномъ въ гимназической церкви въ алтарѣ, подъ престоломъ. Вы-бы наконецъ узнали, сколько пущено по міру подрядчиковъ общей квартиры, гдѣ обѣды вамъ такъ понравились. Вы-бы узнали, какую пытку претерпѣваютъ служащіе подъ начальствомъ этого проходимца, въ какомъ состояніи находится нравственность учащихся, какъ плохо идетъ учебная часть, благодаря тому обстоятельству, что г. директоръ боится бриться острыми бритвами, а пользуется тупыми, старыми и зазубренными.

М. К. Чалый.

ИЗЪ СТАРЫХЪ БУМАГЪ ХОЛМСКАГО АРХИВА.

Помѣщаемые здѣсь три документа присланы намъ при слѣдующемъ письмѣ:

„М. Г. Въ разбросанныхъ грудахъ старыхъ рукописей бывшаго холмскаго архива есть множество документовъ латино-польскаго и русскаго письма, между которыми многіе имѣютъ важное значеніе и непосредственное отношеніе къ политической и церковной исторіи

западныхъ областей нынѣшней Россіи. Хорошо сохранившіеся и полные манускрипты будутъ, по всей вѣроятности, приведены въ порядокъ и составятъ доступную для науки часть открываемаго въ скоромъ времени въ г. Холмѣ историко-археологическаго музея, отрывки-же и поврежденныя или разрозненныя неполныя рукописи, не имѣя особой цѣнности для музея и оставшись, такимъ образомъ, внѣ его стѣнъ, могутъ представлять, тѣмъ не менѣе, интересъ и, изданные въ печати, послужатъ при случаѣ путеводной нитью и указаніями при разныхъ археологическихъ и историческихъ разысканіяхъ. Это послѣднее обстоятельство и побудило меня препроводить къ вамъ, м. г., прилагаемые при семъ 3 перевода съ латинскаго и польскаго языка, подлинники которыхъ находятся у меня на разсмотрѣніи.

Рѣчь митрополита и письмо протоархимандрита имѣютъ между собою непосредственную связь и относятся, очевидно, къ тому времени и обстоятельствамъ, когда императоръ Павелъ I, какъ мальтійскій рыцарь, отмѣнилъ всѣ общегосударственныя учрежденія Екатерины II въ только что присоединенномъ отъ Польши западномъ краѣ и возстановилъ въ немъ господство статутовъ литовскихъ, сеймовъ и сеймиковъ польскихъ, надѣливъ при этомъ привиллегіями и римско-католическое духовенство. „Pro memoria“ составляетъ копію (безъ конца) съ офиціальной записки о дѣлахъ русиноуніатскихъ въ нынѣшней Галиціи, по присоединеніи ея къ австрійской монархіи“.

Къ этимъ словамъ уважаемаго В. М—ча мы прибавимъ, что въ помѣщенномъ въ настоящей книжкѣ 2-мъ письмѣ о Волынской революціи находятся нѣкоторыя указанія на то, какими путями добыто возвращеніе при имп. Павлѣ ново-присоединенному русскому краю стараго польско-католическаго строя и какія оно имѣло послѣдствія для жившаго въ немъ православнаго крестьянства и духовенства. Не одинъ Гижицкій запрягалъ православныхъ священниковъ въ плугъ и не однимъ запряганіемъ въ плугъ вымещали польскіе паны свою злобу за потерю политическаго существованія Польши. Тутъ дѣйствовалъ всякій, даже мелкій шляхтичъ по своей собственной фантазіи. Именно къ 1800-мъ годамъ относится слышанный нами еще въ дѣтствѣ разсказъ очевидцевъ о томъ, какъ священникъ с. Зеленой Дубравы (кіев. губ., звениг. у.) Михаилъ Иль-

яшевичъ за неплатежъ чинша за землю, которая дана была ему въ безплатное владѣніе кн. Любомірскимъ, по приказанію мѣстнаго эконома, брошенъ былъ въ яму, прикрытую зажженнымъ навозомъ, въ которой едва до смерти не задохся, и какъ потомъ панскій асаулъ, надѣвъ на него узду и хомутъ, ѣздилъ на немъ по селу, пока не вымучилъ безправно наложеннаго чинша. Такіе и подобные имъ факты надо всегда имѣть въ памяти, читая столь хвалебные гимны, какъ помѣщенная вслѣдъ за симъ рѣчь митрополита.

I.

Рѣчь, произнесенная въ Петербургѣ его высокопреосвященствомъ, митрополитомъ при вступленіи на престолъ императора Павла Петровича [1]).

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

Beata terra, cujus Rex Nobilis est (Счастлива земля, гдѣ государь добродѣтельный). Эти слова св. Павла лучше всего могутъ относиться къ тебѣ, всемилостивѣйшій государь! Какъ только ты унаслѣдовалъ скипетръ твоихъ предковъ, тотчасъ-же показалъ своимъ подданнымъ, какого кроткаго правленія (отъ тебя) они должны ожидать. Качества хорошаго монарха: снисхожденіе, доступное всякому, милосердіе, справедливость—это твои качества. Я съ своею паствою, къ которой ты, всемилостивѣйшій государь, изволилъ возвратить меня—служу лучшимъ свидѣтелемъ твоего милосердія. Вопль преслѣдованныхъ и угнетенныхъ твоихъ подданныхъ донесся до твоего царственнаго престола и услышанъ тобою. Ты возвращаешь свободу и счастіе народу, который за то только былъ притѣсняемъ, что воздавалъ честь Богу по обычаю своихъ предковъ. Въ то время какъ одни изъ пастырей церкви, угнетенные силою религіозной нетерпимости, уступили,—другіе, подвергнутые насилію, удаленные отъ алтарей и лишенные имущества и крова, стонали въ молчаніи, потому что жаловаться было невозможно. Христіанинъ безсовѣстно угнеталъ христіанина. Ты, государь, это замѣтилъ, и все измѣнилось къ лучшему. Народъ, оставленный при своей

---

[1]) Рѣчь принадлежитъ, по всей вѣроятности, архіепископу могилевскому Сестреньцевичу (1782—1826), носившему титулъ католическаго митрополита.

вѣрѣ, уже утираетъ слезы и, радостно возведши очи къ небу, благодаритъ его за то, что оно даровало ему столь мудраго и справедливаго монарха. Счастье этого народа—дѣло твоихъ рукъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, твоя награда. Прими, всемилостивѣйшій государь, слова глубокой благодарности, которыя отъ себя и своей паствы я повергаю къ подножію твоего престола. Каждый изъ насъ въ моленіяхъ при алтарѣ, къ которому возвращаетъ насъ твое милосердіе, будетъ просить Бога о счастливомъ правленіи добраго государя.

Царю царей, милосердный Боже! Ты, видѣвшій несчастье наше, узри и наше блаженство, которое даровалъ намъ добрый государь. Данный намъ тобою Павелъ есть дѣло Твоего милосердія надъ нами. Услышь моленія наши, возносимыя къ Тебѣ за него, и даруй ему счастливое царствованіе въ теченіи многихъ лѣтъ. Да почіетъ благословеніе Твое на потомкахъ его, да обрѣтетъ народъ благоденствіе въ счастливомъ ихъ правленіи и да крѣпнетъ престолъ ихъ изъ вѣка въ вѣкъ!

(Приписка): *Надпись на гробѣ Петра III и Екатерины II.*

Два сердца и два тѣла, судьбою разлученныя,
Соединилъ примѣрный сынъ . . . . . .
. . . . . и исполнилъ сыновній долгъ въ отношеніи къ отцу и матери.
Россія чтитъ въ немъ примѣръ любви столь рѣдкій.
Въ столь нѣжномъ сынѣ видишь . . . . . .
Видишь милостиваго царя и отца отечества.
Чтó народъ теряетъ въ Петрѣ и Екатеринѣ,
То небеса возвращаютъ ему въ Павлѣ I.

II.

Копія съ письма, составленнаго 14 мая 1801 г. высокопреподобнымъ отцемъ протоархимандритомъ ордена св. Василія Великаго, къ генеральному прокуратору, проживающему въ Римѣ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО).

Высокопреподобный отецъ и высокопочтеннѣйшій патронъ!

Когда въ 1799 г. 1-го мая преосвященный епископъ брестскій вступилъ во владѣніе и управленіе своею епархіею, а я оставилъ свою

должность (до того времени изрядно мною исправляемую), не по причинѣ добровольной уступки, или же опредѣленнаго указа, а вслѣдствіе моей безполезности и непригодности, такъ какъ все уже было въ зависимомъ положеніи и подъ властью епископовъ, то я не писалъ къ вамъ, вѣроятно, цѣлый годъ, потому что лишенъ былъ всякой должности и не имѣлъ никакого интереса вести какія либо сношенія съ Римомъ, вы же, высокопреподобный отецъ, обращаясь письменно ко мнѣ, сообщали мнѣ разныя вѣсти, или докладывали о своихъ личныхъ нуждахъ, взглядахъ и интересахъ, исполненіе которыхъ тогда не зависѣло отъ меня.

Вслѣдствіе этой переписки, я сдѣлался подозрительнымъ лицомъ безъ всякой вины съ моей стороны. Затѣмъ уже, по моему собственному желанію и прошенію, отставленъ отъ должности въ Іорканахъ. Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, я вновь получилъ мѣсто игумена въ Жировицахъ и все таки не имѣлъ никакого повода къ перепискѣ съ вами.

Теперь, во исполненіе условій, касающихся духовнаго управленія въ Россіи, составленныхъ на основаніи Тридентскаго собора и скрѣпленныхъ его императорскимъ величествомъ Павломъ I-мъ отъ 11 декабря прошлаго года, и во исполненіе указа императорской государственной коллегіи вѣдомства римско-католическаго отъ 1 марта, даннаго исключительно мнѣ, введенному снова въ должность и управленіе монашескими орденами, съ болѣе обширной дѣятельностью чѣмъ прежде, такъ какъ моему вѣдѣнію подлежитъ и область бѣлорусская, я обращаюсь къ вамъ, высокопреподобный отецъ, не съ цѣлью, конечно, имѣть въ настоящее или будущее время къ вамъ какое либо дѣло (просьбу) — этого быть не можетъ, исключая какихъ-нибудь непредвидимыхъ обстоятельствъ—но съ цѣлью утѣшить васъ неожиданнымъ улучшеніемъ нашей судьбы и вторичнымъ предоставленіемъ вольностей сословію римско-католическихъ монаховъ. Высокопреподобный отецъ Рымашевскій, главный консультантъ (consultor generalis), не смотря на дряхлую старость свою, навѣстилъ меня. Высокопреподобный отецъ Тарнавскій скончался, желая соединиться съ своими товарищами. Эта потеря вознаградится слѣдующимимъ образомъ: въ губерніяхъ соберутся губернскія собранія; послѣдуетъ перемѣна начальниковъ монашескаго чина (игуменовъ); затѣмъ состоится общее собраніе, въ которомъ, кромѣ вы-

бора необходимыхъ чиновниковъ, будетъ избранъ и главный прокураторъ съ мѣстопребываніемъ въ Петербургѣ. Во время нашего несчастія никто о насъ не заботился и даже высокопреподобный отецъ Литта, назначая игуменовъ, не оказалъ намъ никакой помощи. Теперь возлагаемъ всю надежду на Бога. Все идетъ къ лучшему. Высказавъ все это въ короткихъ словахъ, желаю знать, какъ идутъ ваши дѣла, и остаюсь съ искреннымъ почтеніемъ и должнымъ уваженіемъ.

N. N. (Подписи нѣтъ).

III.

Для памяти

(pro memoria).

Прежде чѣмъ священное общество распространенія христіанской вѣры вышлетъ вашему превосходительству въ городъ Вѣну оффиціальную записку о іерархіи русиновъ-уніатовъ въ областяхъ Польши, только что присоединенныхъ къ имперскимъ владѣніямъ, и прежде чѣмъ изъ этихъ областей, нынѣ называемыхъ Галиціею восточною и западною, русинскіе епископы, а также мѣстные начальники базиліанскихъ монаховъ заявятъ свои желанія, ниже подписавшійся генеральный попечитель русиновъ, проживающій въ Римѣ, со всевозможнымъ смиреніемъ вашему превосходительству честь имѣетъ почтительнѣйше представить слѣдующую вѣдомость объ упомянутой русинской іерархіи.

Во первыхъ, іерархія русиновъ, соединенныхъ со святою римскою церковью, при существованіи королевства польскаго, состояла приблизительно изъ 13,000 приходовъ и приблизительно изъ 200 базиліанскихъ монастырей; по раздѣленіи-же этого королевства между государствами: Россіею, Пруссіею и Австріею неизвѣстно какое количество населенія осталось въ государствахъ Россіи и Пруссіи, въ государствѣ-же священнаго вашего императорскаго и королевскаго величества осталось въ настоящее время только три епископіи, а именно: львовская, перемышльская и холмская, а въ этихъ трехъ епископіяхъ осталось 26 базиліанскихъ монастырей, изъ которыхъ нѣкоторые имперскими указами утверждены и на будущее время, другіе-же подлежатъ упраздненію.

Во вторыхъ, вышесказанные три епископа, будучи отдѣленными отъ своего митрополита, оставшагося во владѣніяхъ Россіи и до сихъ поръ живущаго въ Московіи, не имѣя сообщенія съ нимъ, какъ съ своимъ главою, обращаются при посредничествѣ священной вѣнской нунціатуры къ императору съ просьбою, чтобы, соединившись съ другими епископами того-же отряда и исповѣданія, живущими въ Венгріи и Семиградіи, могли избрать изъ среды своей особаго митрополита, отдѣльнаго отъ Россіи. Это желаніе свое епископы, при посредничествѣ нижеподписавшагося попечителя, довели до свѣдѣнія святаго общества распространенія христіанской вѣры, но такъ какъ святое общество, по важнымъ причинамъ, касающимся отношеній имперій россійской и австрійской, при жизни настоящаго русскаго митрополита не сочло возможнымъ осуществить желаніе избранія новаго митрополита во владѣніяхъ Австріи, то вышеупомянутые три епископа, такимъ образомъ, должны остаться акефальными (безначальными), чему хотя мѣшаетъ законъ императора Іосифа II-го, препятствующій общенію съ властями заграничными, но такъ какъ этотъ законъ болѣе относится къ латинянамъ, имѣющимъ законченную іерархію во владѣніяхъ императорскихъ, чѣмъ къ русинамъ, отдѣленнымъ отъ своего митрополита, то, по постановленію священной нунціатуры, они должны обращаться во всякой нуждѣ къ римскому первосвященнику, согласно ихъ обѣщанію.

Въ третьихъ, ежели въ іерархіи русиновъ существуетъ только единственный орденъ монаховъ базиліанъ, который приноситъ столько пользы церкви католической, сколько и бѣлое духовенство, и если базиліанскій монастырь, на основаніи имперскихъ законовъ, не можетъ въ теченіи года принимать къ себѣ болѣе четырехъ послушниковъ и, затѣмъ, принятыхъ послушниковъ долженъ содержать въ продолженіе семи лѣтъ въ существующихъ университетахъ съ гражданскими профессорами на монастырскомъ иждивеніи, а, по окончаніи ученія, допускать ихъ къ религіозно-клятвенному обѣщанію не иначе, какъ по достиженіи ими 24-хъ-лѣтняго возраста, то его императорскому величеству слѣдуетъ всеподданнѣйше представить, чтобы для упроченія соединенія со святою римскою церковью базиліанскому ордену были, во-первыхъ, возвращены отнятые у него монастыри и, во вторыхъ, чтобы было дозволено ежегодно принимать болѣе чѣмъ четырехъ послушниковъ, дабы

они, обучившись въ самомъ монастырѣ при учителяхъ своего исповѣданія, здѣсь-же могли быть допускаемы къ произнесенію религіозно-клятвеннаго обѣщанія въ 16, 18 и, въ крайнемъ только случаѣ, въ 20 лѣтъ, потому что эти малочисленные послушники, проникшись мыслями гражданскихъ профессоровъ, весьма часто не выдерживаютъ въ послушаніи до 24 года, или-же, оставаясь въ вѣдѣніи и на иждивеніи монастырскомъ и давъ клятвенное обѣщаніе, но будучи воспитанными въ дурныхъ правилахъ (въ университетахъ дѣлаются негодными для религіозныхъ обществъ, отчего . . . . . (окончанія не достаетъ).

Сообщ. **В. М—чъ.**

КАКЪ ГОТОВИЛИ КРЕМЕНЧУГЪ КЪ ВСТРѢЧѢ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II.

Императрица Екатерина II, предпринявъ въ 1787 году извѣстное путешествіе въ Новороссію и Крымъ, въ январѣ этого года выѣхала изъ Петербурга черезъ Смоленскъ, проѣхала въ Кіевъ и здѣсь ожидала вскрытія Днѣпра, чтобы на судахъ спуститься къ порогамъ и дальше. Въ Каневѣ встрѣтилъ царицу король Станиславъ Августъ и присоединился затѣмъ къ ея огромной свитѣ. Въ числѣ городовъ, ожидавшихъ увидѣть у себя государыню, былъ и Кременчугъ. Какъ онъ понравился Екатеринѣ, видно изъ слѣдующаго отрывка ея письма къ московскому главнокомандующему, генералу Еропкину: „Здѣсь теперь теплѣе, нежели въ Москвѣ въ началѣ мая мѣсяца (письмо отъ 30 апрѣля 1787 г.). Городъ несравненно веселѣе Кіева. Домъ военнаго губернатора, въ которомъ живу, построенъ близъ прекрасной дубовой рощи и пріятнаго плодовитаго сада. Домъ сей очень хорошо расположенъ и имѣетъ огромную залу. Множество поляковъ слѣдовало за нами сюда. Впрочемъ здѣсь и безъ того великое стеченіе народа. Въ семъ намѣстничествѣ вездѣ видна дѣятельность, которая меня увеселяетъ премного“ [1])... Въ архивѣ кременчугской городской думы мы нашли

---

[1]) Скальковскій. Хронологич. обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края. Одесса, 1836 г., т. I, стр. 189.

нѣсколько бумагъ, которыя показываютъ, какой видъ долженъ былъ принять городъ, чтобы заслужить столь лестный о себѣ отзывъ государыни. О приготовленіи города начальство начало заботиться почти за годъ до пріѣзда императрицы. Вотъ-что писалъ еще 13 іюня 1786 г. тогдашній губернаторъ екатеринославскаго намѣстничества, генералъ-маіоръ Иванъ Синельниковъ градскому главѣ Милькову [1]):

„Его свѣтлость, высокоповелительный господинъ генералъ-фельдмаршалъ, государственной военной коллегіи президентъ, сенаторъ, екатеринославскій и таврическій генералъ-губернаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, изображая въ послѣдовавшемъ ко мнѣ ордерѣ, дабы всѣ состоящіе въ здѣшнемъ городѣ Кременчугѣ деревянныя домы были обмазаны и выравнены кривизны въ фасадахъ, предписывать изволитъ побудить жителей къ скорому сего исполненію, въ чемъ и сдѣлать имъ нѣкоторую помощь, лавки-же всѣ чтобъ были выкрашены.

Я поруча исправленіе сего въ точное наблюденіе здѣшнего городничаго, секундъ-маіора Чичерова, предписалъ обьявить немедленно всѣмъ жителямъ города Кременчуга, чтобъ непремѣнно всѣ домы были обмазаны и выбѣлены мѣломъ, или самою лутчею бѣлою глиною, а такъ-же стараться выравнять вездѣ въ фасадахъ кривизны, и улицы привесть въ самое лутчее состояніе, засыпавъ и уравнявъ повсюду низменныя мѣста, а по необходимости, гдѣ нужно, сдѣлать каналы, жителямъ-же внушить притомъ, что для вспомоществованія ихъ въ семъ исправленіи отпускаться будутъ колодники по требованію каждого изъ управы благочинія безпрепятственно, кому будетъ надобность въ работникахъ, съ заплатою въ день по три копѣйки за работу одного колодника, коихъ и велѣлъ я отпустить здѣшнимъ жителямъ за означенную цѣну невозбранно, наблюдая притомъ, дабы и деньги, колодниками выработанные, вѣрно были плачены, и работа-бъ была порядочно исправляема. для лутчаго-жъ въ семъ успѣха и чтобъ все повелѣнное произведено было въ точности, раздѣля каждому квартальному улицы, велѣть еженедѣльно о успѣхахъ порученного дѣла рапортовать, напротивъ-же того, дабы и

[1]) Дѣло № 12.

жителямъ не было иногда причиняемо излишнихъ и безвременныхъ настояній, то предписываю вамъ надзирать за симъ прилѣжно, наблюдая притомъ, дабы каждой исправлялъ сіе дѣло безъ отягощенія одного предъ другимъ и безъ потерянія времени, а равномѣрно и о побужденіи купечества къ выкрашенію здѣшнихъ лавокъ рекомендую вамъ употребить надлежащее попеченіе, чтобъ оныя сходно съ предписаніемъ его свѣтлости непремѣнно были окрашены по сдѣланному г. купцомъ ..... образцу, коему чрезъ васъ за успѣшность отдаю справедливо заслуживаемую похвалу, яко человѣку, пекущемуся о украшеніи города и о славѣ купеческого общества, къ чему не оставте побудить и всѣхъ образомъ благовиднымъ, а также и всѣхъ тѣхъ, которые содержутъ трактиры, о самобѣднѣйшихъ-же и изнеможенихъ по какимъ либо нещастиямъ въ капиталахъ особливо мнѣ объясните".

Нѣсколько позже, именно отъ 20 авг. 1786 года, бригадиръ екатеринославскаго намѣстничества, вице-губернаторъ и кавалеръ Андрей Войновъ въ ордерѣ тому-же городовому кременчутскому главѣ Милькову давалъ и болѣе подробныя, на тотъ-же случай, предписанія: „1-е, во всѣхъ здѣшнего города улицахъ мокрыя и весной водою понижающія мѣста приказать жителямъ, до кого принадлежитъ, въ совершенномъ порядкѣ замостить мостами, а гдѣ можно обойтится безъ мостовъ, тамъ выкласть фашинникомъ и сверху усыпать землею съ пескомъ, а гдѣ-жъ необходимо потребно, тамъ провесть канавы; 2-е, чтобъ ни у кого никакое строеніе подъ соломой или очеретомъ отнюдъ не оставалось, а вездѣ покрыто было тёсомъ или дранью; 3-е гдѣ есть ветхія строенія, которыя безобразятъ городъ, таковые велѣть немедленно переправить и перекрыть по плану; стѣны мазанныя, буде обвалились, приказать порядочно выбѣлить, такъ какъ и выведенные сверхъ кровель трубы во всѣхъ домахъ отбѣлить; 4-е, при всякомъ домѣ у воротъ приказать поставить по два столба одинакого образца для фонарей, не ниже четырехъ аршинъ столярной работы, и выкрасить порядочно тёмновишневою и бѣлою красками и, наконецъ, 5-е, каждому обывателю со внушеніемъ подтвердить, чтобы предъ домомъ на улицѣ ничѣмъ завалено не было, а наблюдалась совершенная во всемъ чистота, и чтобы по вышеписанному непремѣнно исполнено было всѣми, до наступленія глубокой осени, а дороги исправить въ нынѣшнемъ-же мѣсяцѣ".

На постройку мостовъ и гатей было рѣшено думою взыскать съ жителей 1333 р. 80 к., разложивъ эти деньги такъ, чтобы болѣе состоятельные и платили болѣе: купцы отъ 1 до 30 руб. каждый, мѣщане отъ 10 к до 10 р., цеховые по 20 к. съ души и бездворные по 20 к. съ семьи, греки 2—30 р., нѣмцы 1—10 р. и наконецъ живущіе въ Кременчугѣ „разныхъ городовъ породы россійской"—отъ 50 к. до 50 р. каждый. Плотники и другіе рабочіе получали за работу отъ 25 до 42 к. въ день.

Поставка лошадей подъ императорскій поѣздъ возлагалась также на счетъ городскаго общества и лошадей требовалось заготовить къ 15 ноября 1786 г., а слѣд. и содержать въ готовности до пріѣзда государыни, срокъ котораго въ слѣдующемъ году не могъ быть въ точности извѣстенъ. Распорядительное начальство допустило однако въ этомъ пунктѣ небольшую оплошность, которую потомъ пришлось поправлять, именно: не опредѣлило числа потребныхъ лошадей и ямщиковъ, а потребовало вообще заготовить въ такомъ количествѣ, „сколько почтенное общество потщится". Предоставленное самому себѣ „почтенное общество потщилось только приуготовить лошадей двадцать годныхъ съ надлежащею упряжью и ко онымъ восѣмъ человѣкъ погонщиковъ, одѣтыхъ въ мундиры по штату екариноcлавского намѣстнического правленія", между тѣмъ, по росписанію того-же правленія, кременчугскому купечеству, мѣщанству и цеховымъ, по числу двухъ тысячъ ста сорока четырехъ душъ, требовалось поставить лошадей сто сорокъ три и погонщиковъ семдесятъ одинъ. Оплошность во время замѣчена была кременчугскимъ магистратомъ, и онъ, извѣщая объ этомъ городскаго голову, требовалъ, для учиненія въ томъ надлежащего распоряженія, собрать жителей въ магистратъ на 26 октября 1786 года [1]). Городской сходъ, безъ сомнѣнія, состоялся и надлежащее распоряженіе, какъ по этому, такъ и по всѣмъ пунктамъ „штата екатеринославскаго намѣстничества", учинено, и ничтожный, сравнительно съ Кіевомъ, Кременчугъ удостоился предпочтительнаго отзыва великой путешественницы.

Приведенныя нами свѣдѣнія составляютъ, конечно, милліонную долю въ массѣ тѣхъ мелочей, изъ которыхъ слагалась закулисная

---

[1]) Дѣло № 9.

сторона устроеннаго великолѣпнымъ княземъ Тавриды тріумфальнаго шествія повелительницы Сѣвера. Въ свое время писали и вѣрили, что всемогущій Потемкинъ волшебнымъ своимъ жезломъ превратилъ дикія, предъ тѣмъ, пустыни въ страну кипѣвшую медомъ и млекомъ, покрытую цвѣтущими городами и богатыми селеніями и что жители послѣднихъ въ такой степени благоденствовали, что, заходя въ ихъ жилища, высокіе путешественники видѣли столы покрытые яствами, а въ числѣ этихъ послѣднихъ жаренныхъ поросятъ. Впрочемъ уже тогда для ближайшихъ участниковъ шествія была видима таинственная рука, производившая изумлявшія всѣхъ чудеса. Извѣстенъ разсказъ, что когда бывшій въ свитѣ Екатерины графъ Сегюръ, замѣтивъ большое сходство видѣнныхъ имъ въ разныхъ хатахъ поросятъ, попробовалъ въ одной хатѣ, не замѣтно для другихъ, оторвать хвостъ у красовавшагося на столѣ поросенка, то въ слѣдующей хатѣ онъ пришелся какъ разъ къ оказавшемуся тутъ безъ хвоста поросенку. Попавшіяся намъ случайно свѣдѣнія даютъ бо́льшое вѣроятіе такимъ, перешедшимъ уже въ исторію, разсказамъ, и, въ связи съ другими, въ значительной степени могутъ иллюстрировать художество знаменитаго любимца фортуны.

Ѳ. Ни—къ.

СТАРИННЫЯ ПОЗДРАВЛЕНІЯ И ВЫБОРЫ.

Ниже вливаютъ вино ново въ мѣхи ветхи.

То уже извѣстная истина, что какъ-бы совершенны ни были новыя установленія, но если выполнители ихъ съ прежнимъ духомъ, никакого обновленія въ жизни не прибудетъ и обычаи старые долго будутъ процвѣтать. Вотъ нѣсколько изъ множества такихъ примѣровъ.

Къ числу реформъ Великой Екатерины принадлежитъ знаменитое ея *городовое положеніе*. Учреждены шестигласныя думы. Сколько надеждъ на нихъ возлагалось! Сколько похвалъ коллегіальному порядку писалось еще раньше, въ знаменитомъ регламентѣ Петра Великаго! Но *тлятъ обычаи злы нравы блаи*, портятъ они и самыя учрежденія...

Учреждена была шестигласная дума и въ г. Кременчугѣ; но былъ тамъ, какъ и вездѣ тогда, обычай поздравлять начальство не

съ пустыми руками. Начальствомъ былъ тамъ городничій. Пришелъ какъ-то праздникъ Рождества Христова. Сошлись гласные, конечно, съ головою, посовѣтовались и поздравили начальство, а послѣдствіемъ того былъ такой рапортъ старосты Захара Ложешникова [1]):

„По словесному оной думы приказу употреблено на покупку для поздравленія здѣшнего градоначальника, г. секундъ-маіора Федора Федоровича Адлѣрштраля праздникомъ, двадцать фунтовъ сахару, по сороку пяти копѣекъ, девять рублей пять копѣекъ [2]), десять фунтовъ кофею, пять рублей пятдесятъ копѣекъ; три ведра вина, десять рублей пятдесятъ копѣекъ, всего на двадцать пять рублей, пять копѣекъ. Прошу о запискѣ оныхъ въ расходъ дать мнѣ повелѣніе". 1790 г. И шестигласный ареопагъ не отрекся отъ своего словеснаго приказа и призналъ произведенный расходъ.

Случилось потомъ выбирать судей, и тотъ-же староста представилъ потомъ въ ту-же думу „регистръ, сколько при балтированіи судей и на что именно денегъ":

3 фарты запѣканой водки по 60 коп. - - -	1 р. 80 к.
Квасу на - - - - - - - - -	— 60 к.
Водки сладкой штофъ - - - - - - -	1 р. 40 к.
Водки крѣпкой - - - - - - - -	— 80 к.
Водки запѣканой 4 кварты по 60 к. - - -	2 р. 40 к.
Вина полиннаго двѣ кварты по 40 к. - - -	— 80 к.
Вина бѣлого четыре кварты по 40 к. - - -	1 р. 60 к.
Булокъ на - - - - - - - -	— 56 к.
Икры 6 фунтовъ по 15 к. - - - - - -	— 90 к.
Икры малосольной по 25 к. - - - - - -	— 75 к.
Сторожамъ на водку и булки - - - - -	— 95 к.
Галанскихъ селдей бочонокъ - - - - -	1 р. 20 к.
Масла барванскаго (sic) бутилку - - - - -	— 50 к.
Соку лимонного чверку - - - - - -	— 25 к.
2 рюмки разбили - - - - - - -	— 30 к.

---

[1]) Архивъ кременчугской городской думы, дѣло №70.

[2]) Почтенный староста ошибся на 5 коп.

Одинъ стаканъ - - - - - - - -	—	10 к.
Двѣ тарѣлки - - - - - - - -	—	50 к.
Попамъ за молебень - - - - - -	8 р.	— к.
Итого - -	23 р.	41 к.

А потомъ опять кого-то надо было поздравлять, можетъ быть, того-же градоначальника, а можетъ быть и кого нибудь повыше, и опять расходъ, какъ гласитъ слѣдующее „прошеніе въ кременчугскую градскую шестигласную думу кременчугскаго купца Федора Привалова прикащика кременчугскаго-жъ купца Ивана Калашникова".

„На щотъ общественной куплено въ меня изъ лавки хозяйской шубу ведмежью, ценою за восѣмдесятъ пять рублей, портретъ за шесть рублей, денегъ-же еще не уплачено, для того оной думы покорно прошу за вышеписанную покупку принадлѣжащие денги, кому слѣдуетъ, повелѣть выдать" 1790 г.

И этотъ расходъ, какъ и предъидущій были, какъ видно изъ дѣлъ, признаны новою шестигласною думою, *тлятъ бо обычаи злы нравы благи...*

Ѳ. Ни—къ.

ВИЗИТЪ КАРМЕЛЮКА.

(ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ).

Г. Редакторъ! Прочитавъ въ вашемъ уважаемомъ журналѣ народныя преданія о Кармелюкѣ, я вспомнилъ одинъ разсказъ, переданный мнѣ моею матерью, уроженкою Подоліи. Вотъ онъ:

„Я сама бачила Кармалюка[1]), говоритъ моя мать, вінъ бувъ у насъ (т. е. у ея отца—священника). Якъ теперъ памятаю, було це на святый вечіръ. Мы зъ мамою щось порались коло печи, а татунё (т. е. ея отецъ) були въ церкві; коли дивимось въ вікно, хтось въїзжае до насъ на подвірье поодинокими саночками, сірою конячкою. Мама й кажуть: „що це за гість у таку пору?" та все дивимось въ вікно. Гість ставъ, выпрігъ коняку, давъ її істи тай иде прямо до покоівъ. Прийшовъ тай каже: „Помагайбі вамъ!"

---

[1]) На Подоліи не говорятъ Кармелюкъ.

ну, мы ёму отказуемо: „доброго здоровья". „А чи е батюшка дома?" пытае вінъ далі. Мы ще гірше здивувались: що це за віра, що не знае, що у таку пору попы не сидять дома; тай мама кажуть ёму: „батюшка въ церкві". „То я ихъ почекаю", отказавъ вінъ тай сівъ. Сидить, не каже намъ нічого, а мы ёго й не питаемо, хто вінъ, бо полякались, Боже мій, якъ, а про себе думаемо: чи не Кармалюкъ? бо скрізь пішла поголоска, що Кармалюкъ ходить. Ото прийшли татунё изъ церкви, сіли вечеряти, попросили й ёго, сівъ и вінъ. Якъ повечеряли, вінъ й проситься у татуня на нічъ. Татунё казали взяти ёго коняку до стані (въ конюшню), бо тежъ перелякалися, тежъ думають, чи не Кармалюкъ це часомъ? Лишився вінъ ночувати. Мама почали готувати мясо на другий день, та треба було ёго порубати; покликали парубка; ударивъ вінъ разъ, другий, а далі третій, ніякъ не розрубае: то не попаде по кістці, то кістка выскочить изъ-підъ сокири. Бувъ тутъ и гість, дивився вінъ, дивився, тай далі каже до наймита: „тай парубокъ-же зъ тебе, небоже! а дай лишень мені сокиру". Плюнувъ вінъ въ праву руку, а ліву заклавъ за поясъ; ядъ ударивъ, до разу якъ не було кістки, въ дрібні кусочки розскочилась. Мы всі такъ и похолонули на місці, а на думці у всіхъ „Кармалюкъ!!"... Ни живі, ни мертві поросходилися мы спати. „Я цілу нічъ не спала, кажу я вранці моі сестрі: такъ боялася Кармалюка, бо я чула, що вінъ здіймае рукавички зъ рукъ: отакъ обріже кругомъ коло кісточокъ, тай здирае зъ живого шкуру". Тілько що я це промовила, коли це відчиняються двері въ нашу хату, а Кармалюкъ й каже: „даремпісенько вы, панночко, боялися;—Кармалюкъ добрыхъ людей не зачіпае.—Сівъ на своі саночки, тілько мы ёго й бачили".

А. В.

Харьковъ 1882 г. Декабря 31.

ТРИ ПСАЛЬМЫ.

Стихи религіозно-нравственнаго содержанія, псальмы или „божественні пісні" привлекали меньше вниманіе собирателей произведеній малорусской народной поэзіи, чѣмъ всѣ другіе ея виды. Въ погонѣ за лучшими созданіями народной музы эти скромныя ея дѣти оставлялись въ сторонѣ. Между тѣмъ онѣ представляютъ

не малый интересъ въ вопросѣ взаимодѣйствія старой школьной церковной науки и народнаго творчества. Тутъ-же и значеніе ихъ для исторіи языка. Но, кромѣ чисто религіозныхъ, есть еще другая разновидность псальмъ, псальмы морально-нравоучительныя, важныя, между прочимъ, въ дѣлѣ изученія формъ народной поэзіи. Складъ ихъ близокъ къ складу такъ называемыхъ „семейныхъ" думъ, т. е. не историческихъ, а бытовыхъ и морализирующихъ. Образчикомъ произведеній этого рода изъ напечатанныхъ ниже можетъ служить № 2. Ихъ нѣтъ совсѣмъ въ сборникахъ украинскихъ этнографовъ и если встрѣчаются они, то только въ сборникахъ галицкомъ Головацкаго и великорусскомъ Безсонова. Печатая, на первый разъ, три псальмы неизвѣстные по сборникамъ, мы желали-бы побудить гг. собирателей къ обнародованію и другихъ неизвѣстныхъ произведеній этого рода и къ записыванію ихъ отъ лирниковъ,— благо такое записываніе еще возможно.

I.

Охъ, зийшли мои літа, якъ вихорь зъ круга світа,
Якъ во сні мені здалося, що на світі прожилося.
Вже и смерть предо мною; страшни вельми собою,
Лютымъ огнемъ наполненна, изъ лиця престрашена!...
Ой и шо-жъ то за дорога? То на той світъ до Бога,
А по тій-же дорозі треба йти душі небозі!
Ой, тамъ стража и зиська, злимъ діламъ переписка!
Вінъ словами промовляе, на смерть вину покладае:
«На сотню літъ закладавъ я,
И о смерти своей не дбавъ я,
Ще й старости не дождався,
И на той світъ не прибрався!
То такъ мене смерть израдпула,—
Якъ косою осікнула.
То теперъ на світі стало новое
Жития наше малое;
Шо теперъ треба помирати,
Передъ Божимъ судомъ стати.
Чимъ я Богу изъявлюся,
Съ чимъ я Богу поклонюся?
Ни світила, ни кадила—
Ступай, душе, съ чимъ спостигла!

А Ты, Тройце пресвятая,
Покрый наши діла злая!
Сохрань, Боже, вічнои муки,
Не подай нашои душі злому въ руки
На віки!»

(Зап. отъ лирника Порфирія, въ хуторѣ Довжикъ, прилуцк. уѣзда).

II.

Ой горе, горе на симъ світи жити,
Боронь, Боже смерті—буде Богъ судити!

Шо якъ здоровъ чоловікъ—то всякъ ёго кохае,
А при лихій годині и рідъ ёго цурае.

Шо якъ прийде той часъ-уремя помирати,
Хоть яке багатство,—то й треба покидати.

Якъ прийде той часъ и тая година,
То не поможеть хворобі ніяка родина!

А мати старая изъ жалю помирала:
«Діти-жъ мої діти! Я васъ годувала!»

Ой якъ же то й трудно той камінь глодати,
А ище трудніше дітей годувати.

А діти на тее и мало не дбають,
Отця свого й матіръ словами огорчають.

Якъ-бы-жъ то мы хотили у небі прежити,—
Було-бъ намъ отця й матері по вікъ не гнівити.

А якъ-бы мы хотіли у небі царствовати,—
Було-бъ намъ отця и матері словами не огорчати!

Ой Ісусе, Ісусе, Ісусе назарянський,
Прощай и помилуй весь родъ християнський!

Ой Ісусе, Ісусе, Ісусе крижуваний,
Прощай и помилуй весь миръ православный!...

Кого Господь любить,—того й наражда е,
А за отця за матіръ Сынъ Божий карае!

(Отъ кобзаря Крюковскаго, въ Лохвицѣ).

III.

Ой хто въ мирі являетця,
Той беззконешно
Всякъ чоловікъ завдже грішить—
Тай безстатечно.
А, грішачи, змысливъ собі:
«Шо ще я младъ;
Покаюся прежде смерти,—
Не пійду и въ адъ».
Воскресный день барзе рано
Не пиймо вина,
Есть у вину блуду много,
Изведеть зъ ума.
Ступивъ соборъ въ харчевный домъ,—
Хмелемъ закусивъ,
Закусивши ума загубивъ,—
Грішитель усімъ!
За нимъ идеть злая віра,
Зъ ума изводить,
На гріхъ, на блудъ чоловіка
Завдже людей призводить.
По правый бокъ анелъ грядеть,
На гріхъ, на блудъ
Людей не допущаеть...
Прибуде блудящему
Отець и мати,
На добрый умъ наущати
Своеі дитяти:
«Покийсь, дитя, зле творити.
Бо ище ты младъ,
На симъ сеіті грішить мыслишь,
Такъ не будешь радъ».
А вінъ одъ ихъ якъ звіръ біжить,—
Слова не злюбивъ!..
Біжить грішникъ огнемъ-пекломъ,
Просить смутку,
Просе свого отця-неньку:
—«Ратуй, ратуй, отець-ненько,
Я чадо ваше!»

— *«Потопай, дитя, въ огні, въ пеклі*
Такъ ты заробивъ,
На добрый умъ призводили,—
Ты не возлюбивъ!»

(Въ с. Щербаняхъ, близъ Полтавы, отъ лирника Игн. Шмиголя).

В. Г—ко.

ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ Д-РА РУДАНСКАГО *).

I.

СПІЛКА.

Сидить Мошко на корчомці,
Шинькуе горілку;
Не разъ бідный ажъ жахнеця,
Якъ згадае спілку...
А спілка та така була:
Разъ середь болота
Найшовъ мужикъ табакирку
Изъ самого злота.
Найшовъ мужикъ, подивився—
Штука не погана:
Куды зъ нею повернуця?
Иде вінъ до пана.
Идс собі край корчомки,
А Мошко: «куда ты?»
Той каже: иду до пана
Знайду продавати.
«Що за знайда? Покажи-но!»
Протирае очи,
А той ёму вытягае—
«Дивись, коли хочешь!»
Ото Мошко якъ поглянувъ
Тай приставъ смолою:
«Иванчику, голубчику!
Я піду зъ тобою».

---

*) См. іюньскую книжку «Кіев. Старины» на 1882 г. стр. 556.

Далі зачавъ підмовляши,
Щобъ на половину...
Той и каже: «та ходи вже
Въ лихую годину».
Отъ приходять, показали;
Дідичъ оглядае.
Подобалась табакирка—
«Czyjaż to?» питае.
«Моя, пане! мужикъ каже,
Але за горілку
Причепився оце Мошко
До мене на спілку!»
«Coż to za tę tabakierkę?
Powiedź, каже, chłopie!»
А той каже: «та що-жъ, пане?
Нагаівъ дві копы!
Одну копу ёму, пане,
А мені другую,
А зъ рештою, пане,
Я и ту дарую».
Догадався собі дідичъ,
Якіи то штуки,
Та півсотни карбованцівъ
Мужикови въ руки;
А спілника ёго Мошка
Заразъ протягнули
Та дві копы прегарячихъ
Нагаівъ креснули.
И сівъ Мошко на корчомці,
Шинькуе горілку;
Не разъ бідный ажъ жахнеця,
Якъ згадае спілку.

II.

МАЗУРЪ У БОЛОТІ.

Застрягъ Мазуръ у болоті,
Хуру підпирае,
Тай до помочи Дороту
Святу упрошае:

«Свята панно, каже, панно!
Святая Дорота!
Будь ласкова надо мною,—
Выратуй зъ болота».
І на зъ місця ёго кони!
Нічого робити.
Давай тоді Antoniego
На помічъ просити.
Підперъ хуру, та якъ крикне:
«Swięty мій Antoni!
Выратуй хочь ты зъ болота
Мои бідни кони!»
То відъ крику кони раптомъ
Рушили зъ болота,
А той каже: «отъ що хлопець,—
Не панна Дорота!»

ПИСЬМО ИЗЪ ВѢНЫ О КАФЕЛЬНОМЪ ПРОИЗВОДСТВѢ ВЪ ГАЛИЦІИ.

Высокоповажный г. Редакторъ! *)

Прочитавъ въ январьской книжкѣ „Кіевской Старины" о гончарскихъ и кафельныхъ издѣліяхъ въ Украйнѣ, подаю нѣкоторыя извѣстія о такихъ-же издѣліяхъ украинскаго люду въ Галичинѣ, въ надеждѣ, что они будутъ не безъ интересны для читателей „Кіевской Старины".

Теперь издѣлія малорусскихъ гончаровъ изъ Коссова и Коломыи получаютъ первыя награды на хозяйственно-промышленной выставкѣ во Львовѣ и этнографической въ Коломыи. Они были выставлены въ Österreichisches Museum für Kunst und Industrie и удостоены одной изъ высшихъ наградъ. Рядомъ съ печью тироль-

---

*) Письмо это прислано въ редакцію на галицко-русскомъ нарѣчіи, но для удобства читателей мы помѣщаемъ оное въ переложеніи на русскій литературный языкъ, удержавъ подлинникъ одного лишь обращенія. За сообщеніе изложенныхъ въ письмѣ свѣдѣній приносимъ искреннюю признательность уважаемому автору онаго г. Окуневскому.—Ред.

скаго и другими изразцовыми издѣліями тамъ стояла украинская изразцовая печь и украинскія миски и подсвѣчники, съ рисунками и узорами украинскими. Нѣмецкіе критики высказались съ большою похвалою о подборѣ красокъ и изяществѣ поливы, а также въ особенности о правильности и оригинальности узоровъ. Въ послѣднее время, когда гончарское училище въ Коломыѣ, подъ руководствомъ свѣдущихъ (фаховыхъ) людей, производитъ всякія гончарскія вещи и, украшая ихъ украинскимъ орнаментомъ, разсылаетъ по всему краю, — уже не рѣдкость видѣть украинскія издѣлія. Тамъ, гдѣ прежде кафли выписывались издалека за большія деньги, теперь стоятъ печи изъ кафель мѣстной выдѣлки. Красота и прочность работъ, равно какъ подборъ красокъ и узоровъ, доставили украинскимъ произведеніямъ извѣстность и вытѣснили заграничныя издѣлія въ этой отрасли промышленности.

Можетъ быть читателямъ небезъинтересно будетъ узнать о началѣ этого, нынѣ столь распространеннаго, производства.

Въ восточной части Карпатъ лежитъ мѣстечко Коссовъ. Полотна и горшки коссовскіе славятся на всѣхъ рынкахъ. Коссовскіе ткачи производили найлучшіе „перемитки и опонки", а съ гончарами никто не могъ сравниться во всемъ округѣ. Первымъ между ними былъ Иванъ Бахминскій, человѣчекъ маленькій, неказистый... Никто-бы не подумалъ, что этотъ индивидуумъ въ мѣщанскомъ капотѣ тотъ самый гончаръ, произведенія котораго получили преміи на всѣхъ выставкахъ въ краѣ и на вѣнской выставкѣ. Но въ гончарскомъ цехѣ онъ пользовался великимъ уваженіемъ и уже издавна была главою гончарнаго товариства. Выдѣлывалъ онъ миски, подсвѣчники, а что касается печи, то никто не поставитъ такъ искусно, какъ панъ Бахминскій. Нѣсколько такихъ печей я самъ осматривалъ; одну изъ нихъ и сію минуту припоминаю, такъ она поразила меня оригинальностью замысла, чистотою и правильностью работы.

По срединѣ печи изображенъ былъ большой двуглавый орелъ; надъ нимъ св. Георгій пронзаетъ копьемъ змія. Эти два изображенія были довольно большихъ размѣровъ; вокругъ нихъ, въ маленькихъ рисункахъ, были все сцены изъ военной жизни: здѣсь солдаты выстроены въ рядъ, тамъ стрѣляютъ въ цѣль, тутъ опять наказываютъ провинившагося розгами и т. д. Съ одной стороны печ-

ки—карета, запряженная четверней, а на другой—женщина прядетъ, а мужчина стрѣляетъ зайца. Всѣ рисунки переплетены цвѣтами и иными узорами. Эта печь поразила меня своей оригинальностью и я спросилъ объ ней у хозяина. — „Это, говоритъ, Бахминскій сдѣлалъ для моего отца; они долго служили вмѣстѣ въ военной службѣ, такъ это потому такъ Бахминскій для него придумалъ".

Не берусь судить, дѣйствительно-ли „отецъ" имѣлъ намѣреніе чрезъ эту пластику передать своимъ сыновьямъ свѣдѣнія о своихъ геройскихъ подвигахъ и своей дальнѣйшей жизни человѣка женатаго и охотника, или это произошло чисто случайно, потому что мнѣ часто приходилось видѣть работы этого мастера, въ которыхъ онъ бралъ для изображеній сцены изъ военной жизни. Тѣмъ не менѣе правильность въ расположеніи рисунковъ, мимо воли, наводитъ на мысль: „а можетъ быть это и въ самомъ дѣлѣ своего рода біографія". Можетъ еще вѣрнѣе—это pendant къ украинскимъ пѣснямъ, въ которыхъ такъ печально и незавидно рисуются жизнь рекрута, загнаннаго въ чужіе края, плачъ старой матери, прощанье съ любимой дѣвушкой, нѣмецкая *муштра*; то опять противупоставляется (надпись): „а вы браты товарищи мете-жъ газдувати, а я иду цісареви службу відбувати"... Другую печь видѣлъ я у одного жида; тутъ изображены были преимущественно фигуры геометрическія и цвѣты; бытовыхъ сценъ не было никакихъ. Но вся орнаментика, въ отношеніи фигуръ и расположенія ихъ, всецѣло отвѣчала узорамъ на вышивкахъ тамошняго украинскаго народа *).

Долгое время жилъ такъ Бахминскій, никѣмъ не примѣченный и неизвѣстный свѣту, и выдѣлывалъ свои подсвѣчники для церквей,

*) Прекрасная коллекція образчиковъ орнаментики того уголка Украйны находятся у г-жи Е. Озаркевичъ и вскорѣ будетъ выпущена отдѣльнымъ изданіемъ. Пока вышли три тома подъ заглавіемъ: «Орнаментика украінського люду въ Галичині», изданные промышленнымъ товариществомъ во Львовѣ. Первыхъ два тома содержатъ въ себѣ образцы вышивокъ и тканей, а третій, особенно хорошо составленный, содержитъ въ себѣ снимки съ работъ крестьянина—рѣзбаря Юрія Шкриблака, изъ Яворова,—между которыми особенно хороши его мозаичныя работы (или, какъ онъ выражается, «жыровані» работы). Изъ проволокъ, блёстокъ и косточекъ выкладываетъ онъ, въ своихъ произведеніяхъ, самыя изящныя и въ высшей степени правильныя фигуры.

печи изъ кафель для сосѣдей и миски на ярмарокъ. Продавалъ всё это и жилъ себѣ спокойно, не подозрѣвая даже, какой у него кроется талантъ. Уже когда въ Коломыѣ въ 1877 г. была основана школа для поддержанія и дальнѣйшаго развитія гончарнаго производства, просвѣщенный учитель этой школы обратилъ вниманіе на коссовскаго мастера. Пригласили его быть учителемъ, но старый Бахминскій не желалъ разстаться со своею мастерскою въ Коссовѣ, гдѣ онъ столько лѣтъ трудился, и согласился лишь на то, что принялъ къ себѣ въ науку нѣсколькихъ учениковъ коломыйской школы. Наибольшій почетъ выпалъ на долю Бахминскаго на этнографической выставкѣ въ Коломыѣ, въ 1880 году, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ токаремъ Шкриблакомъ, выставлялъ свои произведенія и получилъ главную медаль. Тогда-же онъ былъ представленъ и австрійскому императору, который, во время своего переѣзда черезъ Галичину, посѣтилъ выставку.

Теперь еще нѣсколько словъ о способѣ выполненія Бахминскимъ своихъ работъ. Для поливы онъ употреблялъ самые простые составы, а рисовалъ простымъ гвоздемъ.

— „А що зъ того буде, пане майстеръ?"—спрашиваю я старика Бахминскаго, который задумчиво выдавливалъ своимъ импровизированнымъ снарядомъ на глинѣ плоды своей фантазіи.

— „Або я знаю? може заяць, може квітка, а може які узоры, отвѣтилъ онъ. Одна секунда, и рисунокъ былъ уже готовъ для *поливы*.

Въ прошломъ году пріѣзжаю я домой и спрашиваю про Бахминскаго. Заболѣлъ, говорятъ, весною и умеръ. Послѣ я прочелъ его біографію въ галицкихъ и нѣмецкихъ газетахъ.

І. О—скій.

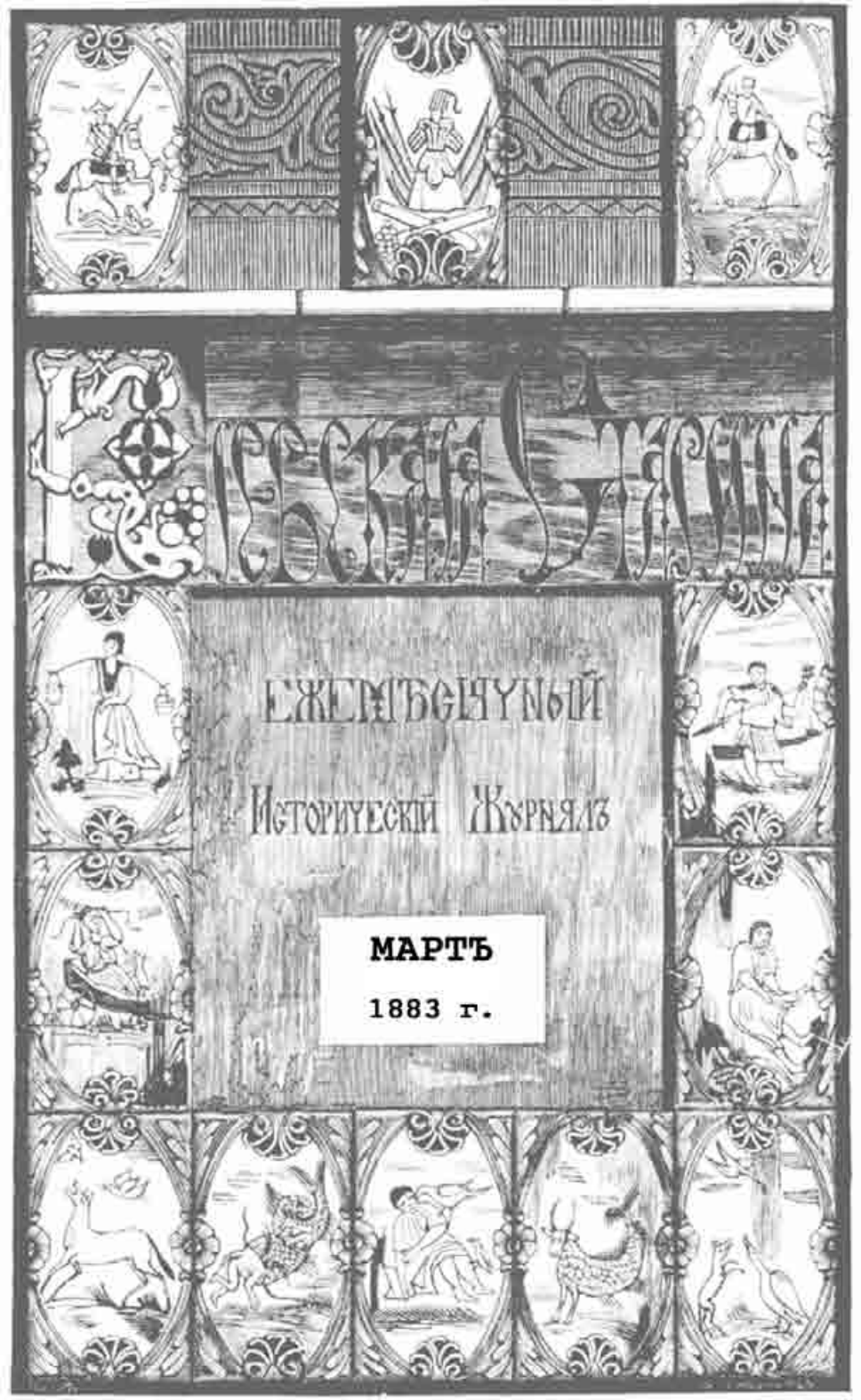
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
МАРТЪ
1883 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1883 г.

I. ЖИДОТРЕПАНІЕ ВЪ НАЧАЛѢ XVIII ВѢКА. (*Окончаніе*). **Н. Костомарова** 477

II. ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ (отрывки изъ юношескихъ воспоминаній). (*Продолженіе*). **Н. Лѣскова** 493

III. СЕМЕНЪ ГАРКУША (1772—1784 г.). **К. Кошовика** 528

IV. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. (*Продолженіе*). **А. Л. Шиманова** 555

V. ДОПРОСЪ ГРИГОРІЯ ГЕРЦЫКА ОБЪ УЧАСТІИ ЕГО ВЪ ИЗМѢНѢ МАЗЕПЫ 595

VI. ПИСЬМА Т. Г. ШЕВЧЕНКА КЪ БР. ЗАЛЕСКОМУ (1853—1857 г.) (*Продолженіе*). Сообщилъ **М. Т—овъ**. 611

VII. ПИСЬМА Н. В. ГОГОЛЯ КЪ В. В. ТАРНОВСКОМУ (1833—1834 г.). Сообщилъ **С. Пономаревъ**. 623

VIII. ЗАПИСКИ КАРЛА ХОЕЦКАГО (1768—1776 г.). (*Продолженіе*). **В. А** 630

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Leopold Hauzer.—Monografja miasta Przemyśla. Przemyśl, 1883.—б) Ол. Барвѣньскій. — Исторія Руси. Часть VI. Львовъ, 1882 г.—б) Историческіе, матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Составилъ Ал. Андріевскій. Кіевъ, 1882 г.—г) Городъ Холмъ и его древняя святыня—чудотворная икона Божіей Матери. Варшава. 1882 г.—д) Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи. Черниговъ. 7 ч. 1873 г. 647

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Вертепъ въ Духовщинѣ.—б) Очерки національныхъ типовъ въ украинской народной словесности.—в) Два типа южнорусскихъ монастырей.—г) Лѣтописныя замѣтки. (1651—1749 г).—Еще о старинныхъ трактахъ въ южной Россіи.—е) Голосъ запорожскаго депутата во всероссійскомъ собраніи депутатовъ 1768 г.—ж) Новыя извѣстія о старыхъ фигурныхъ изразцахъ.—з) Стихотворный памятникъ нашествія шведовъ на Украйну 659

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1883 г. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой, противъ памятника Хмельницкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ V.

МАРТЪ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1-го марта 1883 года.

Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка.

(Окончаніе*).

Когда путники скрылись за воротами, цадикъ обвелъ суровымъ взглядомъ все іудейское сонмище и молча, но многозначительно указывалъ рукою на востокъ, гдѣ комета при стухавшей на западѣ вечерней зарѣ становилась ярче и почему-то казалась какъ будто грознѣе. Ядро ея находилось вблизи горизонта, ея хвостъ поднимался вверхъ и достигалъ половины небеснаго свода.

Эта звѣзда хвостатая, произнесъ наконецъ цадикъ,—это предвѣстіе бѣды іудейской общинѣ въ гетманщинѣ. А бѣда—вонъ она, выѣхала изъ этого двора! Да, израильтяне! Этотъ молодой крикунъ—это бѣда наша. Это змѣя угрожающая уязвить пяту израиля. Скорѣе, скорѣе растоптать эту злую гадину. Сами слыхали, съ какою злобою шипѣла она противъ израиля. Это не простой, обыкновенный врагъ, какихъ много между поклонниками проклятаго Толюя. Онъ—книги наши читалъ, выучился нашему языку священному, а все за тѣмъ, чтобъ намъ чинить вредъ. Что онъ говоритъ намъ въ глаза, а того хуже говоритъ онъ про насъ съ своими гоями. Ужасно! Они ему вѣрятъ. Онъ можетъ поднять на насъ глупую толпу почитателей Толюя и тогда можетъ произойти такое, что и вообразить страшно. Израильтяне, внимайте! по примѣру предковъ нашихъ, великихъ учителей, произношу надъ нимъ великое проклятіе; беззаконія отцовъ его да падутъ на него и онъ не достигнетъ преполовенія дней своихъ. Болѣзни адовы да поразятъ его. Пусть червь источитъ его. Пусть страдаетъ такъ, чтобъ не могъ ни ѣсть, ни пить, ни сидѣть,

---

*) См. январьскую книжку «Кіевской Старины» за 1883 г., стр. 1—26.

ни стоять, ни лежать, пусть вопитъ и кричитъ отъ страшной боли день и ночь, пусть смрадъ нестерпимый исходитъ отъ него и родители его не въ силахъ будутъ подойти къ нему. Пусть конецъ его будетъ теменъ и скользокъ, пусть ангелъ Господень преслѣдуетъ его, пусть все достояніе его расхитятъ чужіе и никто не пожалѣетъ о немъ, и память его изгладится изъ земли живущихъ, и діаволъ во вѣки не отходитъ отъ десной страны его! Не любилъ онъ благословенія, а возлюбилъ зло и проклятіе на бѣдныхъ сыновъ израиля; пусть-же проклятіе наше, какъ одежда, обовьетъ всѣ члены его, пусть какъ елей всосется въ тѣло его и проникнетъ въ кости его! Готовилъ онъ сѣть израилю—пусть самъ завязнетъ въ нее; рылъ онъ ровъ смертный израилю—пусть впадетъ въ него; пусть всѣ злые замыслы развѣются какъ пыль въ вихрѣ, какъ солома предъ вѣтромъ! Таково воздаяніе отъ Бога на замышляющихъ зло и неправду на израиль! Отселѣ никто изъ васъ, братья, да не дерзаетъ не только что пріятельствовать съ нимъ, но даже говорить съ нимъ, ниже отвѣчать ему, если онъ къ кому обратится; пусть каждый при встрѣчѣ съ нимъ отвратится отъ него и трижды произнесетъ: буди проклятъ! Тотъ-же, кто не соблюдетъ сего и войдетъ съ нимъ въ какое-либо сношеніе, да изгонится самъ отъ сонмища благочестивыхъ! Если-же кто подниметъ на себя трудъ удалить этого злодѣя изъ числа живущихъ, тотъ получитъ милость и награду отъ Бога вышняго, ибо тотъ свершитъ благое дѣло предъ Нимъ, избавивъ народъ вѣрный Богу отъ врага, клеветника и губителя. Гдѣ живетъ этотъ злодѣй?

— Въ Городнѣ—былъ отвѣтъ отъ Шмуля! Только онъ тамъ рѣдко бываетъ; учится въ Кіевѣ и теперь поѣхалъ въ Кіевъ съ домашней побывки. Теперь должно быть пріѣдетъ зимой къ своему празднику.

— Такъ пусть-же, пріѣхавши къ роднымъ своимъ, онъ уже не ѣдетъ болѣе въ Кіевъ! Кто живетъ въ Городнѣ!?

— Я, отвѣчалъ Давидъ, — держу тамъ корчму, да мой своякъ Яковъ служитъ у пана Дубовика, тамошняго сотника.

— Пусть-же они примутъ на себя святой долгъ избавить своихъ единовѣрцевъ отъ опаснаго врага, сказалъ цадикъ.—Велико утѣшеніе будетъ всему израилю, когда услышится, что его нѣтъ болѣе на свѣтѣ.

Приближался праздникъ Рождества Христова. Тѣ студенты кіевской коллегіи, которыхъ родные жили недалеко отъ Кіева, пользуясь наступавшимъ свободнымъ отъ ученія временемъ, спѣшили провѣдать своихъ кровныхъ, чтобъ на досугѣ вмѣстѣ съ ними поѣсть колбасъ, послушать колядокъ и самимъ, при возможности, пощеголять декламаціею виршъ и вертепныхъ дѣйствъ. Каждому хотѣлось пріѣхать домой, по крайней мѣрѣ, дня за три или за два до праздника, чтобы принять участіе и въ домашнихъ приготовленіяхъ къ праздничному торжеству, которыя въ Малороссіи заключаютъ въ себѣ что-то веселое. Отправился изъ Кіева и Микола Сохно въ свою родную Городню, гдѣ у него проживали постоянно козакъ отецъ съ матерью, двѣ сестры и меньшій братъ. Микола на перепутьи заѣхалъ къ Вендюху, котораго считалъ и называлъ своимъ протекторомъ, пробылъ у него въ усадьбѣ цѣлый день, а потомъ Вендюхъ отправилъ его на своихъ лошадяхъ въ Городню. Сохно пріѣхалъ въ родительскій домъ 23 декабря уже передъ вечеромъ. Послѣ первыхъ выраженій радости свиданія и веселаго домашняго, хотя и скромнаго, какъ надлежало, во время поста, ужина, родители отвели сыну отдѣльную избу и помѣстили его тамъ съ меньшимъ братомъ.

Утромъ на другой день меньшой братъ ушелъ изъ избы, домашніе были заняты приготовленіями къ празднику, а Микола, повидавшись съ ними, сѣлъ одинъ въ избѣ и сталъ читать какую-то книгу привезенную съ собою. Вдругъ къ нему кто-то постучался и Микола удивился, когда къ нему вошелъ іудей, городненскій корчмарь Давидъ.

— Что тебѣ надобно, жидъ? спросилъ его отрывисто Микола.

Былъ прежде жидъ—сказалъ Давидка: а теперь такой, что ужь не хочетъ быть жидомъ!

— Что ты хочешь сказать? съ удивленіемъ спросилъ его Микола.

— То, что хочу креститься, сказалъ іудей.

— Богъ тебя благословитъ на доброе дѣло, если истинно желаешь совершить его. Какъ-же это пришла тебѣ такая благая мысль? — спрашивалъ Сохно.

— Самъ не знаю, отвѣчалъ Давидъ.—Видно благодать послана отъ Бога. Вотъ, сижу себѣ и думаю, и вдругъ какъ будто мнѣ что-то ясно стало, что въ нашемъ жидовскомъ законѣ что-то не-

правильно; ждемъ мы пришествія Мессіи напрасно! Мессія уже приходилъ: это былъ вашъ Іисусъ Христосъ; какъ обѣщалъ Богъ черезъ пророковъ, такъ оно и совершилось; онъ есть царь неба и земли. И отъ того вѣрующіе въ него всю власть получили, а бѣдные глупые жидки, что не хотѣли одни изъ всѣхъ народовъ признать его, терпятъ наказаніе отъ Бога и у всѣхъ пребываютъ въ пренебреженіи и униженіи; прежде были первый народъ на землѣ, а теперь стали самый послѣдній. Хотѣлось мнѣ вчитаться въ ваши книги. Я бралъ читать вашъ Новый Завѣтъ, чтобы познакомиться съ закономъ христіанскимъ, да многаго не понимаю. Я прихожу къ твоей милости; окажи мнѣ помощь и содѣйствіе. Хочу поговорить съ тобою!

Молодой студентъ съ живостію, свойственною его пылкому характеру, принялъ близко къ сердцу слова іудея и пришелъ въ восторгъ. Онъ съ увлеченіемъ началъ излагать основныя начала христіанскаго вѣроученія, стараясь свидѣтельствами Ветхаго Завѣта доказывать іудею, что Христосъ есть именно тотъ обѣтованный Мессія, котораго предвозвѣстили пророки. Іудей слушалъ его, по видимому, съ напряженнымъ вниманіемъ и съ чувствомъ, которое выражалось по временамъ вздохами. За тѣмъ іудей сталъ дѣлать нѣкоторые вопросы, касавшіеся обрядовой стороны религіи. Миколѣ не приходило въ голову, что іудей говоритъ неискренно, хотя другой, болѣе Миколы опытный, замѣтилъ-бы это, такъ какъ іудей, начавши съ заявленія желанія уразумѣть Новый Завѣтъ, сошелъ вдругъ на второстепенные предметы, напримѣръ: сколько постовъ уставлено въ православной церкви и какъ ихъ соблюдать, какіе праздники надобно особенно почитать, что значитъ освященіе воды на іордани? Опытнаго остановило-бы то, что это все вопросы, которые всякому иновѣрцу могли придти въ голову изъ простаго любопытства, какъ неизвѣстные пріемы въ чужой для него религіи, и не показывали еще желанія узнать сущность вѣроученія, чтобы самому усвоить его. Микола простодушно удовлетворилъ іудея отвѣтами, а Давидко сказалъ, что готовъ креститься хоть тотчасъ, только вотъ жена его немного колеблется. Іудей просилъ Миколу идти съ нимъ и убѣждать жену его и дѣтей не противиться горячему желанію хозяина и вмѣстѣ съ нимъ принять крещеніе. Не долго размышляя, Микола увлекся представлявшеюся ему апостольскою дѣя-

тельностью и согласился. Домашніе, въ другой избѣ занятые хлопотами по хозяйству, не видали проходившаго къ Миколѣ жида и онъ, не сказавши ничего родителямъ, вышелъ съ нимъ изъ дома, надѣясь скоро воротиться. Микола уже не возвратился.

Сначала родители, замѣтивъ, что сына нѣтъ дома, думали, что онъ отправился къ обѣднѣ и, устроивши домашнія свои хлопоты, сами пошли въ церковь. Сына своего они тамъ не видали. Окончилась навечерняя обѣдня. Уже смеркалось. Собралась вся семья на кутью. Микола не приходилъ. Отецъ былъ недоволенъ, ворчалъ и грозилъ дать ему нагоняя за то, что онъ невѣсть-куда запропастился изъ дома въ такой торжественный день. Вотъ уже наступила ночь. Никто не могъ уснуть, безпрестанно прислушивались къ каждому шороху внѣ дома, ожидая возвращенія Миколы. Но его не было. Дочери въ безпокойствѣ бросились по сосѣдямъ спрашивать о братѣ. Никто его не видалъ, ни къ кому не заходилъ онъ. Мать стала плакать и вопить, да и у самаго отца негодованіе уступило мѣсто страху. Такъ проходила эта безпокойная зловѣщая ночь. Зазвонили къ заутрени. Всѣ пошли въ церковь. Миколы тамъ не было. Спрашивали священника, не видалъ-ли онъ его; спрашивали церковнослужителей; никто не сообщилъ о немъ чаемаго извѣстія. Началась литургія. И ее отстояла семья Сохны съ тревогою, Микола не показывался. Воротились домой. Сѣли по обычаю разговляться, но вмѣсто того, чтобъ ѣсть и пить—всѣ плакали. „Праздника люди дождались, сказалъ отецъ, а мы—великаго горя! Микола пропалъ!“—„Его нѣтъ болѣе въ живыхъ, мой Микола пропалъ!“ кричала мать и какъ безумная, металась изъ угла въ уголъ.

Быстро разнеслась по Городнѣ вѣсть объ исчезновеніи неизвѣстно куда кіевскаго студента, пріѣхавшаго къ родителямъ на праздники. На второй день праздника является къ Сохнамъ посполитый обыватель Лаврипъ Хорогвиненко и объявляетъ, что въ навечеріе праздника онъ случайно видѣлъ, какъ Микола Сохно шелъ вмѣстѣ съ жидомъ Давидкомъ въ корчму послѣдняго.

— Я, говорилъ Хорогвиненко, ходилъ въ шинковный домъ купить вина къ празднику. Выходя изъ корчмы съ виномъ, я на порогѣ корчмы повстрѣчался съ Сохномъ, когда онъ вмѣстѣ съ корчмаремъ туда входилъ. Мы поздоровались, а Микола, указавши на жида, сказалъ, что этотъ почтенный израильтянинъ хочетъ къ Хри-

сту обратиться. А жидъ Давидко махнулъ рукою и проговорилъ: „это еще не рѣшенное дѣло“. Я ушелъ съ виномъ къ себѣ домой, а ихъ въ корчмѣ оставилъ. Съ той поры я Миколы Сохна не видалъ.

Свидѣтельство Хорогвиненка въ данную минуту было очень важно. Слѣдъ пропавшаго безъ вѣсти начиналъ отыскиваться. Родители пошли къ городненскому сотнику Дубовику и просили, на основаніи свѣдѣнія, доставленнаго Хорогвиненкомъ, сдѣлать допросъ жиду Давиду.

Сотникъ немедленно приказалъ позвать корчмаря. Онъ прежде того находился съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и называлъ добрымъ человѣкомъ, а потому принялъ его ласково и спрашивалъ: знаетъ-ли онъ кіевскаго студента Миколу Сохна и не видалъ-ли его послѣ его пріѣзда къ родителямъ къ празднику? Жидъ отвѣчалъ, что онъ Сохна не знаетъ и никогда его въ глаза не видывалъ. Дубовикъ, не сказавши жиду ни слова, приказалъ позвать Хорогвиненка. Послѣдній сталъ уличать жида, что на канунѣ праздника онъ ходилъ къ нему въ корчму за виномъ и на порогѣ встрѣтилъ Сохна, шедшаго въ корчму вмѣстѣ съ ея хозяиномъ. Давидка, увидя Хорогвиненка, сначала смутился и поблѣднѣлъ, но скоро оправился и сказалъ, что не видалъ ни того, ни другого, а потомъ подался и говорилъ Дубовику: „вельможный панъ, ко мнѣ въ этотъ день предъ праздникомъ много народа приходило. Можетъ быть и онъ приходилъ, я его хорошо не замѣтилъ“.

— Странное дѣло!—сказалъ Хорогвиненко—какъ это меня ты могъ не узнать! Вѣдь мы очень давно одинъ другого знаемъ. Мы съ тобой сосѣди. Наши дворы заборами сошлись. И Сохна ты знаешь, когда съ нимъ рядышкомъ шелъ въ свою корчму, а Сохно при тебѣ сказалъ мнѣ, что ты хочешь креститься, ты-же махнулъ рукою и проговорилъ: это дѣло еще не рѣшенное. Это дѣлалось всего только позавчера.

— Ничего такого не было! говорилъ Давидко. Этотъ мужикъ просто выдумалъ. Я никакого Сохна не видалъ и въ лицо не знаю!

— Ну, это уже черезъ чуръ, сказалъ сотникъ. Съ чего таки этому человѣку на тебя выдумывать? Я понимаю: ты Давидка, человѣкъ хорошій, ни въ чемъ судомъ не объявлялся. Но ты просто трусъ, какъ вся ваша братія жиды. Ты боишься, самъ не зная, чего. А это напрасно. Ну, что изъ того, если къ тебѣ приходилъ

этотъ Сохно? Мало-ли кто къ тебѣ приходитъ? У тебя корчма. Входъ никому не закрытъ.

Это ободрило Давидка. Помявшись еще не много, онъ сказалъ, что хорошо не помнитъ, можетъ быть и этотъ Сохно приходилъ. Много народа входило и выходило. Тѣ пили, другіе покупали вино и съ собой уносили. Кажется точно съ этимъ Хорогвиненкомъ входилъ какой-то молодой, но Сохно-ли онъ, или иначе прозывается, онъ, Давидъ, не знаетъ.

Хорогвиненко еще разъ заявлялъ, что съ нимъ никто не приходилъ, напротивъ онъ встрѣтилъ въ дверяхъ корчмы Сохна, шедшаго туда вмѣстѣ съ корчмаремъ.

— Вонъ, сказалъ сотникъ, говорятъ про тебя, что ты обѣщалъ Сохну креститься и это про тебя Сохно Хорогвиненку сказалъ. Что ты на это намъ скажешь?

— Неправда, отвѣчалъ Давидко; у меня и на умъ это никогда не приходило.

— Говорятъ, ты ходилъ къ Сохну въ тотъ день и родители Сохна сказывали, что приходилъ къ ихъ сыну какой-то жидъ, но они его не видали?—продолжалъ сотникъ.

— Не ходилъ я къ Сохну, сказалъ Давидко; можетъ быть какой-то тамъ жидъ и ходилъ, да не я!

— Эхъ Давидко, Давидко! говорилъ сотникъ:—самъ на себя ты наводишь подозрѣніе, я увѣренъ, что напрасное. А все изъ своей трусости, боишься правду сказать.

— Вельможный панъ сотникъ! произнесъ немного помолчавши Давидко: прости меня глупаго. Я точно испужался. Правду я скажу. Былъ у меня молодой человѣкъ: Сохно-ли онъ или другой кто—не знаю. Онъ приходилъ вмѣстѣ съ нимъ, купили вина и вмѣстѣ пили, выпивши по чаркѣ.

— Ни я, ни Сохно у тебя вина не пили, сказалъ Хорогвиненко: купилъ вино у тебя я, а ты пришелъ вмѣстѣ съ Сохномъ откуда-то и остался съ нимъ въ корчмѣ.

— Вотъ таки ты, Давидко, начинаешь подаваться. Подайся-жъ до конца!—говорилъ сотникъ: лучше будетъ и для насъ и для тебя самаго. Видно изъ всего, что Хорогвиненко говоритъ правду, а ты отъ страха путаешься. Ты самъ пришелъ съ Сохномъ въ свою корчму, а не съ Хорогвиненкомъ Сохно приходилъ, какъ ты по-

казываешь. Сознайся-ка. Скажи откровенно, куда ты ходилъ съ Сохномъ, или гдѣ его встрѣтилъ? Говори правду. Ничего не бойся.

— Я, твердилъ Давидко, съ Сохномъ никуда не ходилъ и не зналъ его. А что, быть можетъ онъ у меня въ корчмѣ былъ, такъ у меня много людей перебывало въ этотъ день. Всѣхъ не узнаешь!"

— Такъ ты съ Сохномъ никуда не ходилъ и съ нимъ въ корчму не входилъ? спрашивалъ сотникъ. Это твое послѣднее слово?

— Да, вельможный панъ!— сказалъ жидъ.

— Ну, смотри-же, сказалъ сотникъ; если что-нибудь откроется, какъ-бы ты не запутался чрезъ свое упрямство.

Жида отпустили. Родители Сохна были этимъ недовольны, но сотникъ сказалъ имъ: „я по праву не могъ задержать его. Сами слышали, какъ онъ запирался. Никакихъ уликъ противъ него не имѣется".

Послѣ новаго года наступила продолжительная оттепель. Въ теченіи трехъ недѣль она дошла до того, что походила уже на весеннюю распутицу. Дворъ Хорогвиненка прилегалъ къ двору корчмаря. За садомъ у него было гумно, а за нимъ ограда, за которою начиналась ограда корчмаря. Между двумя оградами было пустое мѣсто шириною сажня въ два и тамъ навалена была большая куча перетлѣлой соломы, выброшенной изъ гумна Хорогвиненка. Однажды Хорогвиненко обходилъ свое гумно и, приблизившись къ оградѣ, за которою лежала солома, почуялъ трупный запахъ; онъ перелѣзъ черезъ невысокую ограду и, пригнувшись къ соломѣ, удостовѣрился, что запахъ исходитъ оттуда. Хорогвиненко пригласилъ въ свидѣтели двухъ сосѣдей и при нихъ сталъ разрывать солому. Наткнулись на человѣчій трупъ, который началъ уже разлагаться. Тѣмъ не менѣе на немъ можно было замѣтить слѣды порѣзовъ, а на рукахъ были веревки, которыми трупъ, какъ видно, былъ къ чему-то привязанъ.

— Это Сохно! сказалъ Хорогвиненко;—тотъ самый, что на кутью пропалъ не вѣсть куда. Это онъ!

Тотчасъ дали знать сотнику. Дубовикъ приказалъ принести трупъ въ сотенный дворъ и помѣстить въ пустую холодную клѣть (хижу). Одного изъ служителей послалъ онъ за родителями Сохна, а сотенному хорунжему Ничипоренку поручилъ съ понятыми произвести обыскъ во дворѣ жида корчмаря и самаго корчмаря доставить

въ сотенную избу. Ничипоренко во дворѣ корчмаря въ пустой клѣти нашелъ висящіе на перекладинѣ остатки веревки и когда приложили ихъ къ тѣмъ веревкамъ, которые находились на рукахъ трупа, оказалось, что онѣ были отрѣзками однѣ отъ другихъ.

Въ то время, когда въ холодной хижѣ, гдѣ положенъ былъ трупъ, посреди набившагося туда народа, родители разливались въ слезахъ и вопляхъ, въ сотенной избѣ Дубовикъ дѣлалъ допросъ Давидкѣ.

— Ну, жидъ, говорилъ сотникъ, что теперь ты скажешъ? Тутъ ужъ не подозрѣніе, а прямыя улики. Это твое дѣло съ Сохномъ.

— Отчего мое? крикливымъ голосомъ заговорилъ жидъ. — Я тутъ причемъ? Мало кто ко мнѣ въ корчму ходитъ вино пить и покупать! За всѣхъ развѣ я отвѣчать долженъ, если какой гдѣ пропадетъ! Что? развѣ онъ у меня въ дворѣ найденъ? Пусть отвѣчаетъ тотъ, у кого въ соломѣ нашли его.

— Отчего-же, говорилъ сотникъ, такъ случилось, что веревки, висѣвшія на перекладинѣ въ твоей клѣти, оказались отрѣзками тѣхъ, что найдены у трупа на рукахъ?

— Не знаю, говорилъ жидъ, почему-же тѣ? Веревка всякая похожа на другую веревку.

— А что ты вѣшалъ на перекладинѣ въ своей клѣти подъ овиномъ?—допрашивался сотникъ.

— Это ужъ давно было, милостивый панъ, отвѣчалъ іудей. Когда-то рѣзали барана, такъ тамъ висѣла туша. Такъ и оставались съ той поры отрѣзки веревокъ.

— Это ты врешь! сказалъ сотникъ; отрѣзокъ, висѣвшій у тебя въ клѣти, ясно показываетъ, что онъ отъ той самой веревки, что была на рукахъ у мертвеца. Это твое дѣло! Сознавайся! Не то я тебя прикажу заковать, а потомъ велю вести на „тортуры", чтобъ добыть отъ тебя правду.

— За что такъ, вельможный, милостивый панъ? говорилъ жидъ; развѣ только за то, что я бѣдный жидъ и насъ горемыкъ всѣмъ обижать можно? Гдѣ-же тутъ правда? У кого нашли мертвое тѣло, того и ведите въ тортуры и допытывайтесь, а не меня; я къ этому дѣлу ничѣмъ не приличенъ, мое дѣло совсѣмъ сторона.

— Ты, говорилъ сотникъ, съ покойникомъ входилъ откуда-то въ свою корчму и не хотѣлъ въ томъ сознаться, когда тебя въ томъ уличали, а теперь у тебя въ хижѣ нашли отрѣзокъ той са-

мой веревки, которою былъ привязанъ мертвецъ. Это прямыя улики. И когда ты запираешься, по праву тебя слѣдуетъ вести въ тортуры и допытываться правды муками.

Сколько ни кричалъ жидъ, его заковали, и потомъ сотникъ еще разъ предложилъ ему сознаться безъ мукъ добровольно, а жидъ твердилъ одно и тоже: „допытывайтесь правды у того, въ чьей соломѣ нашли мертвое тѣло, а я тутъ ни при чемъ". Его повели къ пыткѣ, въ другую комнату, приспособленную къ такимъ цѣлямъ.

Едва жидъ увидалъ дыбу, кнуты и желѣзо, положенное на горячіе уголья, какъ упалъ на колѣни и закричалъ, что безъ мукъ всю правду объявитъ. Его не стали пытать и привели снова въ сотенную избу.

— Я пропалъ! кричалъ жидъ, пропалъ на вѣки! Пропащій я теперь человѣкъ! Сознаюсь во всемъ: мы убили Сохна—я вмѣстѣ съ Хорогвиненкомъ.

— Ты брешешь, какъ песъ!—воскликнулъ Хорогвиненко.

— Молчи! грозно крикнулъ на Хорогвиненка сотникъ и приказалъ надѣть на него цѣпь. Потомъ, обратившись къ жиду, онъ сказалъ:

— По праву слѣдуетъ тебя вести въ пытку, чтобъ ты на тортурахъ подтвердилъ то, что сказалъ.

Напрасно жидъ кричалъ въ совершенномъ умоизступленіи. Его быстро потащили въ пыточную, подняли на дыбу, но едва дали одинъ ударъ, какъ онъ закричалъ, что сказалъ неправду. Его стащили и привели въ сотенную избу.

Скрежеща зубами и трепеща всѣмъ тѣломъ, жидъ, прерывая рѣчь всхлипываніями, сказалъ:

— Я напрасно показалъ на Хорогвиненка. Я сдѣлалъ такъ изъ злобы за то, что Хорогвиненко донесъ на меня.

Снимите цѣпь съ Хорогвиненка, проговорилъ сотникъ и, обратившись снова къ жиду, говорилъ:

— Кто былъ съ тобою, когда ты мучилъ Сохна?

— Мой своякъ Яковъ, проговорилъ Давидко.

— Тотъ, что у меня служитъ? спросилъ сотникъ.

— Тотъ самый, отвѣчалъ Давидко.—Болѣе никого не было.

— Мы васъ не станемъ болѣе допрашивать и мучить. Убійство найдено, одинъ убійца сознался. Препроводимъ его вмѣстѣ съ его

товарищемъ и Хорогвиненкомъ въ Черниговъ. Пусть тамъ полковыя власти ихъ судятъ. А ты, писарь, напиши отъ меня донесеніе,— сказалъ сотникъ.

Писарь написалъ донесеніе черниговскому полковнику Евфиму Лизогубу: въ этомъ донесеніи было выражено, что „сотни городницкой одинъ жидъ, по имени Давидко, прибравши въ товарищи другого жида, свояка своего Якова, ночью, въ навечеріе праздника Рождества Христова, одного христіанина Миколу Сохна изъ шинковнаго дома запровадили на особое мѣсто и тамъ онаго безбожно замучили, и рѣзали его, и кровь точили. И хотя жидъ Давидко обвинилъ въ участіи съ нимъ еще одного христіанина, но на первой пыткѣ его оправилъ". Вмѣстѣ съ рапортомъ посылалось подробное описаніе признаковъ убійства, найденныхъ на трупѣ Сохна.

Тѣло убитаго было отдано родителямъ на погребеніе, которое и совершилось обычнымъ порядкомъ.

Въ городѣ Черниговѣ на ратушѣ, по приказу черниговскаго полковника Евфима Лизогуба, засѣдали: полковой судья Затиркевичъ, въ качествѣ его товарищей или подсудковъ Ялинскій и Свободецкій, черниговскій войтъ Іосифъ Евлевичъ, бурмистръ годовой Ѳедоръ Якимовичъ, двое сотниковъ приглашенныхъ къ суду—Стефановичъ и Молявка, двое райцевъ черниговскихъ и мѣйскій писарь Емельянъ Якимовичъ. Судья провозгласилъ, что будетъ разбираться „дѣло по донесенію сотника городненскаго Дубовика о мученіи Сохны, жителя городненскаго, отъ жидовъ учиненномъ".

— Говори, подсудимый, да только всю правду говори, сказалъ судья введенному на судъ Давидку корчмарю, иначе знай, что если правды не скажешь добровольно, то поведутъ тебя на тортуры.

Жидъ Давидко объявилъ, что въ селѣ „Жуковцахъ, въ корчмѣ сотника дѣвицкаго Вендюха, у жида орандаря Шмуйла, собирались жиды на свой жидовскій праздникъ Трубки, и пришелъ къ нимъ христіанинъ Микола Сохно и сталъ ругать и поносить всѣхъ жидовъ, и жиды, которыхъ тамъ было болѣе сорока человѣкъ, и они всѣ озлобились и по отъѣздѣ того христіанина Сохна, жителя городненскаго, приговорили его убить за то, что онъ жидовъ и ихъ жидовскую вѣру поносилъ. И онъ Давидко съ своякомъ своимъ Яковомъ, живучи въ Городнѣ, поднялись на то дѣло".

— Неправда, сказалъ судья. Ты не сказалъ настоящей причины. Вамъ, жидамъ, потребно было крови христіанской. Вы обыкли красть христіанскихъ дѣтей и мучить ихъ, кровь изъ нихъ выточивать для употребленія въ свои жидовскіе мацы. Въ вашемъ проклятомъ законѣ такъ постановлено, только вы сохраняете это отъ насъ втайнѣ и никто изъ васъ не долженъ того открывать, если-бъ даже его стали рѣзать и жечь. Намъ-же теперь именно о томъ власно идетъ, чтобъ васъ въ томъ обличить, да не то, что тебя или другую такую какъ ты шельму, а все ваше жидовство, дабы допытаться до вашей тайной науки и ее всему міру объявить и искоренить навсегда, хоть-бы и со всею вашею богопротивною злодѣйскою жидовскою породою. Теперь вотъ ты вѣдомый преступникъ, и въ преступствѣ своемъ сознаешься, а причины преступства своего добровольно ни за что не откроешь. Такъ мы намѣрены тебя заставить повѣдать намъ всю правду. Мы тебя такъ припаримъ, что ты у насъ заговоришь и скажешь намъ такъ, какъ мы захотимъ. Говори, собачій сынъ, ты замучилъ христіанина затѣмъ, чтобъ изъ него крови христіанской наточить. Сознавайся!

Жидъ трясся всѣмъ тѣломъ, не удержался на ногахъ и повалившись ничкомъ, вопилъ въ отчаяніи: „пропалъ я! пропалъ я! милостивые паны! я виноватъ, казните меня, вершите меня, только не мучьте меня!“

— Говори, проклятый! закричалъ судья; говори то, о чемъ тебя спрашиваютъ. Добромъ говори, коли не хочешь отвѣдать нашей припарки.

— Ай вей миръ! вей миръ! вопилъ жидъ. Я ничего такого не знаю. Далибугъ не знаю! чтобы мнѣ сейчасъ провалиться сквозь землю, если я знаю что нибудь объ этой крови, что вы спрашиваете.

— Ведите его въ баню, заревѣлъ судья; положить ему на спину и на животъ припарку, такъ заговоритъ иное.

Козаки потащили жида, который продолжалъ кричать и падалъ на землю... Пыточная здѣсь, какъ и въ сотенномъ домѣ въ Городнѣ, была рядомъ съ судовою избою, гдѣ производился судъ. Съ преступникомъ пошли туда Ялинскій и Свободецкій. Сняли съ Давидка одежду и стали водить по спинѣ раскаленнымъ желѣзомъ. Его пронзительные крики разносились въ судейской комнатѣ и слышны

были на дворѣ. Между тѣмъ въ судейской комнатѣ происходило такое совѣщаніе.

Войтъ сказалъ:

— Городненскій обыватель Хорогвиненко объявлялъ, что покойный Сохно, встрѣтившись съ нимъ въ день своей плача достойной смерти, говорилъ, что этотъ жидъ приходилъ къ нему Сохну и заявлялъ желаніе креститься. Мнѣ кажется, теперь-бы этому жиду сказать, что если онъ окрестится и откроетъ всю ихъ жидовскую тайну, то ему будетъ помилованіе: онъ трусъ, на все согласится, и изложитъ подробно на письмѣ о всемъ, что по ихъ закону дѣлается.

— Безполезно — сказалъ судья; жиды изведутъ его, какъ измѣнника имъ, и будутъ твердить, что онъ отъ трусости крестился и клевещетъ, чтобъ намъ угодить.

Въ эту минуту вошли бывшіе при пыткѣ и объявили, что преступникъ согласенъ показать, какъ велятъ.

Ввели истерзаннаго, обожженнаго жида. Онъ отъ боли не могъ пошевелиться. Его поддерживали.

Судья ласковымъ голосомъ сказалъ ему:

Присядь, Давидъ, и переведи духъ, а потомъ повѣдай намъ все, что знаешь. Говори смѣло. Не бойся!

Жидъ попросилъ воды, ему подали. Онъ выпилъ, и хотѣлъ было подняться, но закричалъ отъ боли и упалъ на скамью.

— Сиди, сиди! сказалъ судья. Не бойся! Говори сидя, только прошу тебя честью, говори правду, иначе уже не на насъ пеняй, а на самого себя.

Жидъ прерывистымъ голосомъ говорилъ такое показаніе:

— Какъ собрались жиды въ селѣ Жуковцахъ въ корчмѣ сотника Дѣвицкаго, у корчмаря Шмуля, на свой праздникъ Трубки, и было насъ тамъ человѣкъ сорокъ, и стали всѣ просить меня достать крови христіанской на праздникъ жидовскій пейсахъ, на которое дѣло поднялся я съ своякомъ своимъ Яковомъ. И какъ воротились мы съ Яковомъ въ Городню и черезъ нѣсколько недѣль, въ навечеріе христіанскаго рождественскаго праздника, пришелъ ко мнѣ въ корчму Хорогвиненко съ Сохномъ и купилъ вина, а какъ пошли домой, я догналъ Сохна, взялъ его и повелъ на гумно, и тотчасъ свояк мой Яковъ, бывшій на то время у меня въ поварнѣ, при-

шелъ, и мы съ нимъ Сохна связали и у сохи за руки и за шею повѣсили на перекладинѣ и привязавъ къ сохѣ, языкъ у него мотузкомъ вытянули и отрѣзали, потомъ уши понарѣзовали и въ платокъ завертѣли, а на позѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мякишъ, жилу вытянули для крови, и я ту кровь платкомъ обтеръ, а его умучивъ, съ перекладу снявъ и на овинъ тѣло встянувъ, съ своякомъ своимъ Яковомъ въ солому схоронилъ, которое двумя днями оттуду вывезъ ночью передъ свѣтомъ за гумно христіанина Лаврентія Хорогвиненка. А что перво на него Хорогвиненка я говорилъ, будто онъ мнѣ къ тому мученію былъ доточенъ, противъ того нынѣ его совершенно свобождаю, онъ не зналъ о томъ, а я для того Хорогвиненка былъ опорочилъ, что онъ въ корчмѣ былъ, когда Сохно приходилъ. И съ тѣхъ составовъ куски ушей посрѣзанныхъ я сѣдневскому жиду Шмулю отослалъ, а тупичевскому жиду Юдцѣ отвезъ языкъ и въ Сѣдневѣ на торгу подлѣ воза съ нимъ снявся далъ.

— А платокъ съ кровью куда дѣлъ? спрашивали судьи.

Жидъ отвѣчалъ, что отослалъ въ Жуковцы жиду Шмулю для раздачи жидамъ по кусочкамъ.

Допросили жида Якова. Онъ сказалъ:

— Заѣхалъ было я въ Жуковку, гдѣ многіе жиды на свой праздникъ собрались, и какъ туды и своякъ мой Давидко изъ Городни пріѣхалъ, и учалъ меня наговаривать, чтобъ я на житье въ Городню ѣхалъ, обѣщая мнѣ мѣсто тамъ возлѣ себя въ Городнѣ сыскать. А какъ перешелъ я въ Городню на житье, нашелъ мнѣ своякъ Давидъ мѣсто у господина Дубовика. А что Давидъ своякъ на меня говорилъ, будто я былъ доточенъ до мученія христіанина, и о томъ онъ лжетъ и клевещетъ на меня напрасно.

Въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ гетмана Мазепы царю говорится, что послѣ этого показанія жида Якова велѣно было „съ суда голову и бороду обрить“, а потомъ позвавши его въ судовую избу, допрашивали ласково безъ пытки. Вѣроятно, ему обрили голову и бороду съ намѣреніемъ дѣлать какую нибудь пытку, но потомъ замѣтивши, что и безъ пытки можно допроситься отъ него правды, пріостановились.

Жидъ Яковъ еще нѣкоторое время путался и запирался, наконецъ сказалъ:

— Что Давидъ въ своихъ рѣчахъ говорилъ, и то мученіе такъ велось. Я-же съ поварни какъ пришелъ, засталъ уже Сохна не-

живого. При мнѣ Давидъ у Сохна отрѣзалъ часть языка и у одной ноги, кожу разрѣзавъ, вытянулъ жилу. А христіанинъ Хорогвиненко съ нами въ томъ дѣлѣ не былъ.

Обоихъ преступниковъ отвели въ тюрьму скованными. По оговору Давида потребовали сѣдневскаго жида Шмуля и тупичевскаго Юдку. Но то были не изъ того трусливаго десятка, какъ жидъ Давидко. Они во всемъ заперлись; ихъ подвергли жестокимъ пыткамъ; два раза палачъ водилъ имъ по спинамъ раскаленнымъ желѣзомъ, но отъ этихъ жидовъ не могли добиться никакого сознанія.

Хотя въ тѣ времена не существовало ни электрическихъ телеграфовъ, ни телефоновъ, но вѣсть о томъ, что жиды замучили въ Городнѣ христіанина съ цѣлію добыть изъ него христіанской крови, распространилась съ непонятною быстротою. Даже подробности суда надъ двумя обвиненными стали повсемѣстно извѣстны.

Не происходило нигдѣ стачекъ и заговоровъ, а въ селахъ черниговскаго полка поднялся народъ, какъ одинъ человѣкъ. Толпы бросались на жидовскіе дворы и орандъ. Началось всеобщее жидотрепаніе. Несчастный Шмуль въ Жуковцахъ поплатился жизнію со всѣмъ своимъ семействомъ. Его самаго убили дубьемъ, какъ бѣшеную собаку, по выраженію его убійцъ. Жену его и дѣтей заперли въ избѣ и зажгли избу со всѣхъ сторонъ, подобно тому побили до смерти нѣсколькихъ другихъ жидовъ въ ихъ орандахъ: эта жестокая судьба постигала тѣхъ, которыхъ народъ, зная ихъ ненависть къ христіанству, считалъ способными принимать участіе въ убійствѣ христіанина и вытачиваніи изъ него крови. Гдѣ только была іудейская синагога—народъ превращалъ ее въ груду развалинъ, извлекалъ свитки Торы и сожигалъ, предавая прежде всяческимъ поруганіямъ іудейскую святыню. Въ большей части орандъ поступили, однако, съ жидами милостивѣе: ихъ ограбили до ниточки, забрали у нихъ деньги и отдавали на церковь, истребляли ихъ движимое имущество, выпустили изъ бочекъ ихъ вино и черпали съ земли кто успѣлъ зачерпнуть и напиться, порвали и пометали въ огонь жидовскіе наряды, порубали въ домахъ мебель и утварь, перебили посуду, въ добавокъ самихъ поколотили и пустили чуть не нагишомъ на всѣ четыре стороны. Изгнанники безъ оглядки бѣжали, стараясь добраться до Днѣпра и перебраться въ польскія владѣнія. Но многимъ это не удалось и они погибли отъ голода и стужи, въ особенности такая участь постигла бѣдныхъ израильскихъ дѣтей, но о нихъ никто не жалѣлъ: у всякого въ воображеніи были живы образы тѣхъ христіанскихъ дѣтей, которыхъ жиды, по общей увѣренности.

страшно мучили, вытачивая изъ нихъ кровь. Гетманъ, узнавши о волненіи, издалъ универсалъ, въ которомъ приказывалъ народу оставить самоуправство, обѣщая правомъ преслѣдовать и карать тѣхъ, которые окажутся виновными. Но не столько этотъ универсалъ, сколько утомленіе, скоро наступившее послѣ первыхъ порывовъ, остановило народное волненіе, хотя не угасило его вовсе и оно при первомъ случаѣ готово было возобновиться. На этотъ разъ жидотрепаніе ограничилось черниговскимъ полкомъ и только отчасти захватывало поселенія кіевскаго и нѣжинскаго.

Въ числѣ жертвъ народной расправы были и главные дѣятели этой трагедіи, съ которыхъ она и началась. Гетманъ, получивъ отъ черниговскаго полковника донесеніе о судѣ надъ двумя жидами, обвиненными въ убійствѣ христіанина, приказалъ препроводить ихъ къ нему въ Батуринъ, намѣревая „держать ихъ въ крѣпкомъ связаньѣ", чтобъ какъ нибудь добраться до полнаго открытія злодѣйской жидовской тайны. Но чуть только изъ Чернигова отправлены были арестанты, за конвоемъ козаковъ, городненскіе обыватели, узнавши объ этомъ, напали на дорогѣ на козаковъ, разогнали ихъ и, схвативши обоихъ преступниковъ, растерзали ихъ въ клочки въ буквальномъ смыслѣ слова. Гетманъ, получивши объ этомъ извѣстіе, произнесъ въ кругу приближенныхъ: „темна вода во облацѣхъ! Темное дѣло было, темнымъ и остается эта христіанская кровь у жидовъ! А мнѣ сдается, чуть-ли не правое было первое показаніе жида, что убили они студента за то, что ругалъ ихъ жидовскую вѣру и можетъ быть еще грозилъ. А потомъ какъ въ Черниговѣ на судѣ его приперли, домогаясь, чтобъ сознавался, что ради доставленія христіанской крови совершилъ убійство, онъ и сталъ имъ говорить, что тѣмъ угодно было. Если-бъ жиды были живы, я-бы можетъ вывелъ дѣло на чистую воду, а теперь—кто ихъ разберетъ!"—Гетманъ сообщилъ обо всемъ царю, и Петръ, какъ говорятъ, по этому поводу сказалъ: мудро поступали наши прародители, что не допускали въ подвластный имъ край этихъ жидовъ. Отъ нихъ только смута, понеже они нашу вѣру и нашъ народъ ненавидятъ, а нашъ народъ ненавидитъ родъ жидовскій и его вѣру. Притомъ и въ коммерціи и въ промыслахъ они нашимъ людямъ дѣлали-бы помѣху. Вреда отъ нихъ не мало, а полезности никакой нѣтъ! Лучше, когда ихъ у насъ нѣтъ; желательно, чтобъ и впередъ не было!

Іюль 1882 года. **Н. Костомаровъ.**

ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ.

(Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній).

(*Продолженіе*) *).

XX.

Подъ старца была занята довольно обширная, но весьма убогая хибара,—впрочемъ въ самомъ излюбленномъ раскольничьемъ вкусѣ. Это была низенькая, полудеревянная, полумазанная, совершенно отдѣльная хибара. Она стояла гдѣ-то на задворкѣ и была ни откуда невидима. Точно она здѣсь нарочно построена въ такомъ сокрытіи, чтобы править въ ней нелегальныя богомольства.

Чтобы добраться до этого, буквально сказать, молитвеннаго хлѣва, надо было пройти одинъ дворъ, потомъ другой, потомъ завернуть еще во дворикъ, потомъ пролѣзть въ закоулочекъ и оттуда пройти черезъ дверь съ блочкомъ въ дровяную закуточку. Въ этой закуточкѣ былъ сквозной ходъ еще на особый маленькій дворишко, весь закрытый пупомъ поднявшеюся высокою навозною кучею, за которою по сторонамъ ничего не видно. Куча была такъ высока, что закрывала торчавшую изъ ея средины высокую шелковицу почти по самыя вѣтви.

Хатина имѣла три окна и всѣ они врядъ выходили на упомянутую навозную кучу, или, лучше сказать, навозный холмъ. При хатѣ имѣлись досчатыя сѣни, надъ дверями которыхъ новые наемщики тотчасъ-же по водвореніи водрузили небольшой мѣдный литой крестъ изъ тѣхъ, что называютъ „корсунчиками“.

Съ другой стороны на кучу выходило еще одно маленькое окно. Это принадлежало другому, тоже секретному помѣщенію, въ

*) См. февр. кн. «Кіевской Старины», за 1883 г., стр. 235—268.

которое входили со втораго двора. Тутъ жили двѣ или три „старицы“, къ которымъ ходили молиться раскольники иного согласія— „тропарники“, т. е. пѣвшіе тропарь: „Спаси, Господи, люди твоя“. Я въ тогдашнее время плохо понималъ о расколѣ и не интересовался имъ, но какъ теперь соображаю, то это должно быть были поморцы, которые издавна уже „къ тропарю склонились“.

Молитвенная хата, занятая подъ старца Малафея, до настоящаго найма имѣла другія назначенія: она была когда-то банею, потомъ птичною, „индѣечной разводкою“, т. е. въ ней сиживали на гнѣздахъ индѣйки насѣдки, а теперь, наконецъ, въ ней поселился святой мужъ и учредилась „моленна“, въ знакъ чего надъ притолками ея досчатыхъ сѣней и утвержденъ былъ мѣдный „корсунчикъ“.

Въ противоположность большинству всѣхъ помѣщеній шіяновскаго подворья эта хата была необыкновенно теплая.

XXI.

Старца Малахію каменьщики привезли поздпимъ вечеромъ на парныхъ деревенскихъ саняхъ и прямо привели его во храмину и заключили тамъ на безъисходное житье.

Убранства хатѣ никакого не полагалось, а что было необходимо, то сами-же прихожане устроили безъ всякой посторонней помощи.

Мы ее однажды осматривали черезъ окно, при посредствѣ отрока Гіезія, въ тѣ часы, когда Малафей Пимычъ, утомясь въ жаркій день, „держалъ опочивъ“ въ сѣничкахъ. По одной стѣнѣ горенки тянулись въ два тябла старинныя иконы, передъ которыми стоялъ аналой съ поклонною „рогозинкою“, въ углѣ простой деревянный столъ и предъ нимъ скамья, а въ другомъ углѣ двѣ скамьи, поставленныя рядомъ. Въ одномъ концѣ этихъ скамеекъ былъ положенъ толстый березовый обрубокъ, покрытый обрывками старой крестьянской свиты.

Это была постель старца, который почивалъ по правиламъ добляго житія, „не имѣя возглавицы мягкія“.

Для отрока Гіезія совсѣмъ не полагалось никакой ни утвари, ни омеблировки. Онъ велъ житіе не только иноческое, но прямо

спартанское: пилъ онъ изъ берестяного сверточка, а спалъ лѣто и зиму на печкѣ.

Старецъ „понилъ“, т. е. полагалъ „началъ“ чтенію и пѣнію, исповѣдалъ и крестилъ у своихъ раскольниковъ, а Гіезій состоялъ при немъ частію въ качествѣ дьячка, т. е. „аминилъ“ и читалъ, а частію въ родѣ слуги и послушника. Послушаніе его было самое тяжкое, но онъ несъ его безропотно и съ терпѣніемъ неимовѣрнымъ. Старецъ его никуда почти не выпускалъ, „кромѣ торговой нужды“, то есть хожденія за покупками; томилъ его самымъ суровымъ постомъ и при томъ еще часто „началилъ“. За малыя прегрѣшенія „началенье“ производилось ременною лѣстовицею, а за болѣе крупныя грѣхи—концомъ веревки, на которой бѣдный Гіезій самъ-же таскалъ для старца воду изъ колодца. Если-же вина была „особливая“, тогда веревка еще нарочно смачивалась и оттого удары ею наносимые спинѣ отрока были больнѣе.

Старца Малахію мы никогда вблизи не видали, кромѣ того единственнаго случая, о которомъ наступитъ разсказъ. Извѣстно было только одно общее очертаніе его облика, схваченное при одномъ рѣдкомъ случаѣ, когда онъ появился какой-то нужды ради передъ окномъ. Онъ былъ роста огромнаго, сѣдъ и бѣлобородъ и даже съ прозеленью: очи имѣлъ понурыя и почти совсѣмъ невидныя за густыми, длинными и тяжело нависшими бровями. Лѣтъ старцу, по наружности судя, было близко къ восьмидесяти; онъ былъ сильно сутулъ и даже согбенъ, но плотенъ и несомнѣнно еще очень силенъ. Волосы на его головѣ были острижены не въ русскій кружокъ, а какими-то клоками; можетъ быть „постризало“ на нихъ уже и „не восходило“, а они сами не росли отъ старости. Одѣтъ онъ былъ всегда въ черный мухояръ и черезъ плечи его на грудь висѣла длинная связка какихъ-то шаровъ, похожихъ на толстые баранки. Связка эта спускалась до самаго пупа и на пупѣ приходился крестъ, вершка въ три величиною. Это были чотки.

Голосъ старца былъ яко кимвалъ бряцаяй, хотя мы сподоблены были слышать въ его произношеніи только одно слово: „парень“. Это случалось, когда старецъ кликалъ изъ двери Гіезія, выходившаго иногда посидѣть на гноищѣ у корня рябины.

Болѣе старецъ былъ не видимъ и не слышанъ, и судить о немъ было чрезвычайно трудно; но Кесарь Степановичъ и его характеризовалъ краткимъ опредѣленіемъ:

— Дуракъ приснoблаженный.

XXII.

Гіезія мы знали несравненно ближе, потому что этотъ, по молодости своей, самъ къ намъ бился, и не смотря на то, что „дѣдушка" содержалъ его въ безмѣрной строгости и часто „началилъ" то лѣстовицей, то мокрой веревкой, отрокъ все таки находилъ возможность убѣгать къ намъ, и велъ себя въ нашемъ растлѣнномъ кругѣ не совсѣмъ одобрительно. За то, какъ ниже увидитъ читатель, съ нимъ однажды и воспослѣдовало такое бѣдствіе, какое навѣрное ни съ кѣмъ другимъ не случалось: онъ былъ окормленъ *человѣчьимъ мясомъ*... Или, точнѣе сказать, онъ имѣлъ несчастіе думать, будто надъ нимъ было совершено такое коварство „учоными", въ которыхъ онъ видѣлъ прирожденныхъ враговъ душевнаго спасенія.

Впередъ объ этомъ ужасномъ случаѣ будетъ разсказано обстоятельно.

Отроку, какъ я выше сказалъ, было двадцать два года. „Отрокъ", по примѣненію къ нему, не выражало поры его возраста, а это было его званіе, или лучше сказать его санъ духовный. Онъ былъ широкорожаго великорусскаго обличья, мордатъ и губастъ, съ русыми волосами и голубыми глазами, имѣвшими странное, пытливое и въ то-же время совершенно глупое выраженіе. Румянецъ бился на его лицѣ, гдѣ только могъ, но нигдѣ просторно не распространялся и отъ того молодое, едва опушавшееся мягкою бородкою, лицо отрока имѣло видъ и здоровый и въ то-же время нездоровый. Бываютъ такія собаки, которыя „въ щенкахъ заморены". Видно, что породиста, да отъ заморы во всю свою природу не достигаетъ.

По уму и многимъ свойствамъ своего характера, Гіезій былъ найсовершеннѣйшимъ выразителемъ того русскаго типа, который мѣтко и сильно рисуетъ въ своей превосходнѣйшей книгѣ профес. Ключевскій, т. е. „заматорѣлость въ преданіяхъ и никакой идеи". Сдѣлать что нибудь иначе, какъ это заведено и какъ дѣлается,

Гіезію никогда не приходило въ голову: это помогало ему и въ его отроческомъ служеніи, въ которое онъ, по его собственнымъ словамъ, „вданъ былъ родительницею до рожденія по оброку“.

Это разъяснялось такъ, что у его матери была несносная болѣзнь, которую она, со словъ какихъ-то врачей, называла „азіятикъ“; болѣзнь эта происходила отъ какихъ-то происковъ злаго духа. Бѣдная женщина долго мучилась и долго лѣчилась, но „азіятикъ“ не проходилъ. Тогда она дала обѣтъ балыкинской Божіей Матери (въ Орлѣ), что если только „азіятикъ“ пройдетъ и послѣ исцѣленія родится дитя мужеска пола, то „вдастъ его въ услуженіе святому мужу, въ мѣру возраста Христова“, т. е. до тридцати трехъ лѣтъ.

Послѣ такого обѣта больная, заступленіемъ балыкинской Божіей Матери, выздоровѣла и имѣла вторую радость—родила Гіезія, который съ восьми лѣтъ и началъ исполнять материнъ обѣтъ, проходя „отроческое послушаніе“. А до 33 лѣтъ ему еще было далеко.

Старецъ на долю отрока Гіезія выпалъ, можетъ быть и весьма святой и благочестивый, но очень суровый и, по словамъ Гіезія, „столько объ него мокрыхъ веревокъ обначалилъ, что можно-бы по нимъ уже десяти человѣкамъ до неба взыйдти“.

Но ученіе правиламъ благочестія Гіезію давалось плохо и не памятливо. Не смотря на свое рожденіе по священному обѣту, онъ, по собственному сознанію, былъ „отъ природы блудливъ“. То онъ сны нехорошіе видѣлъ, то кошкамъ хвосты щемилъ, то мирщилъ съ никоніанами, или „со иновѣрными спорился“. А бѣсъ, всегда неравнодушный ко спасенію людей, стремительно восходящихъ на небо, безпрестанно подставлялъ Гіезію искушенія и тѣмъ опять подводилъ его подъ мокрую веревку.

На шіяновскомъ дворѣ, который былъ удаленъ отъ всякаго шума, Гіезій прежде всего впалъ въ распри съ тѣми поморами, окно которыхъ выходило на ихъ совмѣстную навозную кучу, раздѣлявшую „ихъ согласія“.

Какъ поморы бывало начнутъ пѣть и молиться, Гіезій залѣзаетъ на рябину и дразнитъ ихъ оттуда, крича:

— Тропари—мытари.

А тѣ не выдержатъ и отвѣчаютъ:

— Немоляки—раскоряки.

Такъ обѣ вѣры были взаимно порицаемы, а послѣдствіемъ этого выходили стычки и „камнеметаніе“, заканчивавшіяся иногда разбитіемъ оконъ съ обѣихъ сторонъ. Въ заключеніе-же всей этой духовной распри Гіезій, какъ непосредственный виновникъ столкновеній, былъ „началенъ“ веревкою и иногда ходилъ дня по три, согнувшись.

Затѣмъ, разумѣется, и Богъ и старецъ его прощали, но онъ скоро впадалъ еще въ большія искушенія. Одно изъ таковыхъ ему едва не стоило потери разсудка и даже самой жизни.

XXIII.

При полномъ типическомъ отсутствіи идей, у Гіезія была пытливость и при томъ самая странная. Онъ любилъ задавать такіе неожиданные вопросы, которые въ общемъ напоминали вопросы дѣтей.

Прибѣжитъ бывало подъ окно и спрашиваетъ.

— Отчего у льва грива растетъ?

Ему отвѣчаютъ:

— Пошелъ ты прочь—почему я знаю, отчего у льва грива растетъ?

— А какъ-же, говорятъ, въ чемъ составляется наука свѣтская?

Его прогонятъ, а онъ при случаѣ опять пристаетъ съ чѣмъ нибудь подобнымъ, и это безъ всякой задней мысли или ироніи,— а такъ какой-то рефлексъ его толкнетъ, онъ и спрашиваетъ:

— Отчего рябина супротивъ крыжовника горче?

Но больше всего его занимали вещи таинственныя, для которыхъ онъ искалъ разъясненія въ природѣ. Напримѣръ ему хотѣлось знать: „какое бываетъ сердце у грѣшника“, и вотъ это-то любопытство его чутъ не погубило.

Такъ какъ въ домѣ жило нѣсколько медицинскихъ студентовъ, между которыми бывали ребята веселые и шаловливые, то одинъ изъ нихъ пообѣщалъ разъ Гіезію „показать сердце грѣшника“.

Для этого требовалось придти въ анатомическій театръ, который тогда былъ во временномъ помѣщеніи, на нынѣшней Владимірской улицѣ, въ домѣ Беретти.

Гіезій долго не рѣшался на такой рискованый шагъ, но страстное желаніе посмотрѣть сердце грѣшника его преодолѣло, онъ пришелъ разъ къ студентамъ и говоритъ:

— Есть теперь у васъ мертвый грѣшникъ?

— Есть, говорятъ, да еще самый залихватскій.

— А что онъ сдѣлалъ?

— Отца продалъ, мать заложилъ и въ томъ руку приложилъ, а потомъ галку съѣлъ и зарѣзался.

Гіезій заинтересовался.

— Меня завтра дѣдушка къ Батухину въ лавку за оливой къ лампадамъ пошлетъ, а я къ вамъ въ анатомію прибѣгу, покажите мнѣ сердце грѣшниче.

— Приходи, отвѣчаютъ,—покажемъ.

Онъ сдержалъ свое слово и явился, весь дрожа отъ любопытства, но въ страхѣ несказанномъ.

Ему дали выпить мензулку препаровочного спирта для храбрости, подъ видомъ „осмѣлительныхъ капель", сказавъ при томъ, что безъ этого нельзя видѣть сердце.

Онъ выпилъ и осатанѣлъ, сердце онъ нашелъ совсѣмъ неудовлетворительнымъ и вовсе не похожимъ на то, какъ его себѣ представлялъ, судя по извѣстному лубочному листу: „сердце грѣшника—жилище сатаны". Чтобы увидѣть сатану въ сердцѣ, его уговорили выпить еще вторую мензулку, и онъ выпилъ и потомъ что-то ѣлъ. А когда съѣлъ, то студенты ему сказали:

— Знаешь-ли, что ты съѣлъ?

Онъ отвѣчалъ: „не знаю".

— А это ты, братецъ, съѣлъ котлету изъ человѣческаго мяса.

Гіезій поблѣднѣлъ, зашатался и тутъ-же упалъ.

Его насилу привели въ себя и ободрили, увѣряя, что котлета сжарена изъ мяса человѣка зарѣзавшагося, но отъ этого съ Гіезіемъ сдѣлался второй обморокъ и потомъ рвоты, такъ что его насилу привели въ себя, и на этотъ разъ уже стали разувѣрять, что это было сказано въ шутку и что онъ ѣлъ мясо говяжье; но никакія слова на него уже не дѣйствовали. Онъ бѣгомъ побѣжалъ на Печерскъ къ своему старцу и самъ просилъ „сильно его поначалить", какъ слѣдуетъ отъ страшнаго прегрѣшенія.

Старецъ исполнилъ просьбу отрока.

И дорого это обошлось здоровью бѣднаго парня: дней десять послѣ этого произшествія мы его вовсе не видали, а потомъ, когда онъ показался съ ведромъ за плечами, то имѣлъ видъ человѣка перенесшаго страшныя муки. Онъ былъ худъ, блѣденъ и самъ на себя не похожъ, а вдобавокъ долго ни за что ни съ кѣмъ не хотѣлъ говорить и не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ.

Послѣ, по особому къ одному изъ насъ довѣрію, онъ открылъ, что дѣдушка его „вдвойнѣ началивъ", т. е. призвалъ къ сему дѣланію еще другаго случившагося тутъ благовѣрнаго христіанина, и оба они имѣли въ рукахъ концы веревки „свитые во двое и держали „ихъ оборучь". И началили Гіезія въ углѣ въ сѣняхъ, уложивъ „мордою въ войлокъ, даже до той совершенной степени, что у него отъ визгу ротъ трубкой закостенѣлъ, и онъ всей памяти лишился".

Но на дѣдушку отрокъ все таки ни мало не роптал, ибо сознавалъ, что „битъ былъ во славу Божію", и надѣялся черезъ это болѣе „съ мірскими не суетить и исправиться".

XXIV.

Кажется, это и въ самомъ дѣлѣ произвело въ немъ такой сильный переломъ, къ какому только была способна его живая и увлекающаяся натура. Онъ рѣже показывался и вообще уже не заводилъ ни разговоровъ съ нами, ни пререканій съ благоневѣрными поморами, которые „на тропарѣ повисли".

Къ тому-же обстоятельства поизмѣнились и поразмели нашу компанію въ разныя стороны, и старецъ съ отрокомъ на время вышли изъ вида.

Между тѣмъ мостъ былъ оконченъ и къ открытію его въ Кіевъ ожидали государя Николая Павловича. Наконецъ и государь прибылъ и на другой день было назначено открытіе моста.

Теперь ничего такъ не торжествуютъ, какъ тогда торжествовали. Вечеръ наканунѣ былъ оживленный и веселый: всѣ ходили, гуляли, толковали, но были люди, которые проводили эти часы и иначе.

На темномъ задворкѣ шіяновскихъ закутокъ и поморы и филипоны молились, одни съ тропаремъ, другіе безъ тропаря. Тѣ и

другіе ждали необычайной для себя радости, которая ихъ благочестію была „возвѣщена духомъ“.

Около полуночи мнѣ довелось проводить одну дѣвицу, которая жила далеко за шіяповскимъ домомъ, а на возвратномъ пути у калитки я увидѣлъ темную фигуру, въ которой узналъ Гіезія.

— Что это, говорю, вы въ такую позднюю пору на улицѣ?

— Такъ, отвѣчаетъ, все равно, нонче надо не спать.

— Отчего надо не спать?

Гіезій промолчалъ.

— А какъ это васъ дѣдушка такъ поздно отпустилъ на улицу?

— Дѣдушка самъ выслалъ. Мы вѣдь до самаго сего часа молитвовали,—почитай сію минуту только заамиинили. Дѣдушка говоритъ: „повыдь посмотри“.

— Чего-же смотрѣть?

— Како, говоритъ, „суетятъ никоніаны и чего для себя ожидаютъ“.

— Да что такое, спрашиваю, случилось и чего особеннаго ожидаете?

Гіезій опять замялся, а я снова повторилъ мой вопросъ.

— Дѣдушка, говоритъ, много ждутъ. Имъ, дѣдушкѣ, вѣдь видѣніе было.

— Какое видѣніе?

— Съ завтрешняго числа одна вѣра будетъ.

— Ну-у!

— Увидите сами,—до завтра это въ тайнѣ, а завтра всѣмъ царь объявитъ. И упротивные (т. е. поморы) тоже ждутъ.

— То-же объединенія вѣры?

— Да-съ; должно быть того-же самаго. У насъ съ ними нынче, когда наши на сѣдальняхъ на дворикъ вышли, межъ окно опять легкая война произошла.

— Изъ за чего?

— Опять о тропарѣ заспорили. Наши имъ правильно говорили: „подождать-бы вамъ тропарь-то голосить въ особину; завтра разомъ всѣ вообче запоемъ; столпомъ воздымемъ до самаго до неба“. А тѣ несогласны и отвѣчаютъ: „мы давно на тропарѣ основались и съ своего не снидемъ“. Слово по слову и было плеваться стали.

— Я полюбопытствовалъ, какъ именно это было.

— Очень просто, говоритъ Гіезій: наши имъ въ окно кукиши казать стали, а тѣ оттуда плюнули, и наши не уступили,—имъ то самое, на оборотъ. Хотѣли войну сдѣлать, да полковникъ закричалъ. А теперь дѣдушка одинъ остался и страсть какъ внѣ себя ходитъ. Онъ вѣдь завтра выходъ сдѣлаетъ.

— Какъ-же-съ,—дѣдушка вѣдь завтра на улицу пойдетъ, на государя смотрѣть. Скоро сорокъ лѣтъ, говорятъ, будетъ, какъ онъ по улицамъ не ходилъ, а завтра пойдетъ. Ему ужъ наши и шляпу принесли, въ шляпѣ идти будетъ. Я поведу.

— Вотъ какъ! воскликнулъ я и простился съ Гіезіемъ, совсѣмъ не понявъ тѣхъ многозначительнѣйшихъ намековъ, которые заключались въ его малосвязномъ, но таинственномъ разсказѣ.

XXV.

День открытія „новаго моста", который нынче называютъ уже и „старымъ", былъ ясный, погожій и превосходный по впечатлѣніямъ.

Всѣ мы тогда чувствовали себя необыкновенно веселыми и счастливыми, Богъ вѣсть, отчего и почему. Никому и въ голову не приходило сомнѣваться въ силѣ и могуществѣ родины, историческій горизонтъ которой казался чистъ и ясенъ, какъ покрывавшее насъ безоблачное небо съ ярко горящимъ солнцемъ. Всѣ какъ-то смахивали тогда на воробьевъ послѣдняго тургеневскаго разсказа: прыгали, чиликали, наскакивали, и ни кому въ голову не приходило посмотрѣть, не рѣетъ-ли гдѣ по верху ястребъ, а только бойчились и чирикали:

— Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!

Воевать тогда ужасно хотѣлось, и военные люди были въ большой модѣ и пользовались этимъ не всегда великодушно. Но главное—тогда мы были очень молоды и каждый изъ насъ провожалъ кого нибудь изъ существъ, заставлявшихъ скорѣе биться его сердце. Волокитство и ухаживанья тогда входили въ „росписаніе часовъ дня" благопристойнаго кіевлянина, чему и можетъ служить найлучшимъ выраженіемъ „дневникъ Виктора Аскоченскаго", напечатанный въ 1882 году въ „Историческомъ Вѣстникѣ". И самъ авторъ этого „дневника", тогда еще молодцоватый и задорный, былъ среди насъ и даже, можетъ быть, служилъ для многихъ образ-

цомъ въ тонкой наукѣ волокитства, которую онъ практиковалъ впрочемъ преимущественно „по купечеству". У женщинъ настоящаго свѣтскаго воспитанія онъ никогда успѣха не имѣлъ и даже не получалъ къ нимъ доступа. Аскоченскій одѣвался щеголемъ, но безъ вкуса, и не имѣлъ ни мягкости, ни воспитанности въ разговорѣ и въ манерахъ.

По словамъ одного изъ его кіевскихъ современниковъ А. О. Яновича, онъ всегда напоминалъ „переодѣвшагося архіерея". Въ сіяющій день открытія моста Аскоченскій ходилъ въ пантолонахъ рококо и въ свѣтлой шляпѣ на своей крутой головѣ, а на каждой изъ его двухъ рукъ висѣло по одной подольской барышнѣ. Онъ велъ дѣвицъ и металъ встрѣчнымъ знакомымъ свои тупыя семинарскія остроты. Въ этотъ-же день онъ, останавливаясь надъ кручею, декламировалъ:

. . . Вотъ—онъ Днѣпръ
Тотъ самый Днѣпръ, гдѣ вся Русь крестилась
И, по милости судебъ, гдѣ она омылась.

За этими стихами слѣдовало его командирское слово:

На молитву-же, друзья:
Кіевъ передъ вами!

Послѣ все это вошло въ какое-то большое его призывное стихотвореніе, по обыкновенію, съ тяжелою версификаціею и съ массою неглагольныхъ риѳмъ. Его муза, подъ пару ему самому, была своенравна и очень неуклюжа.

Объ немъ хочется сказать еще два слова: „*дневникъ*" этого довольно любопытнаго человѣка напечатанъ, но, по моему, онъ не только не выяснилъ, но даже точно закуталъ эту личность. По моему, дневникъ этотъ, который я прочелъ *весь* въ подлинникѣ, имѣетъ характеръ сочиненности. Тамъ даже есть *пятна слезъ*, орошившія страницы, гдѣ говорится о подольскихъ купеческихъ барышняхъ. Или есть такія замѣтки: „я пьянъ и не могу держать пера въ рукахъ", а между тѣмъ это написано совершенно трезвою и твердою рукою...

Вообще надо жалѣть, что никто изъ знавшихъ Аскоченскаго кіевлянъ не напишетъ хорошей безпристрастной замѣтки о тре-

волненной жизни и трудахъ этого человѣка съ замѣчательными способностями, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ едва-ли не самое худшее употребленіе, какое только могъ-бы ему выбрать его злѣйшій врагъ. Праху его миръ и покой, но его жизнейныя невзгоды и карьерная игра характерны и поучительны. Кромѣ Виктора Ипатьича тогда въ Кіевѣ водились еще и другіе поэты, въ плосской части доживалъ свой маститый вѣкъ Подолинскій, а по городу ходили одна молодая дѣвица и одинъ молодой кавалеръ. Дѣвица, подражая польской импровизаторшѣ Деотымѣ, написала много маленькихъ и очень плохихъ стихотвореній, которые были ею изданы въ одной книжечкѣ подъ заглавіемъ: „Чувства патріотки". Складъ изданія находился въ „аптекѣ для души", т. е. въ подольской библіотекѣ Павла Петровича Должикова. Стихотворенія совсѣмъ не шли и Должиковъ иногда очень грубо издѣвался надъ этою книгою, предлагая всѣмъ „вмѣсто хлѣба и водки—чувства патріотки". Въ день открытія моста стихотворенія эти раздавались безденежно. На чей счетъ было такое угощеніе—не знаю. Подолинскій, кажется, еще жилъ, но не написалъ ничего, да про него тогда и позабыли, а Альфредъ фонъ-Юнгъ что-то пустилъ съ своего Олимпа, но что именно такое—не помню. Невозможно тоже не вспомнить объ этомъ добрѣйшемъ парнѣ, совершенно безграмотномъ и лишенномъ малѣйшей тѣни дарованія, но имѣвшемъ неодолимую и весьма разорительную страсть къ литературѣ. И онъ, мнѣ кажется, достоинъ благодарнаго воспоминанія отъ кіевлянъ, если не какъ поэтъ, то какъ самоотверженнѣйшій піонеръ—періодическаго издательства въ Кіевѣ. До Юнга въ Кіевѣ не было газеты, и предпринять ее тогда значило навѣрное разориться. Юнга это не остановило: онъ завелъ газету и вмѣсто благодарности встрѣчалъ отовсюду страшныя насмѣшки. По правдѣ сказать, „Телеграфъ" юнговскаго изданія, представлялъ собою не мало смѣшнаго, но все таки онъ есть *дѣдушка* кіевскихъ газетъ. Денегъ у Юнга на изданіе долго не было и чтобы начать газету, онъ прежде пошелъ (во время крымской войны) „командывать волами", т. е. погонщикомъ. Тутъ онъ сдѣлалъ какія-то сбереженія и потомъ все это самоотверженно повергъ и сожогъ на олтарѣ литературы. Это былъ настоящій литературный маньякъ, котораго не могло остановить ничто, онъ все издавалъ, пока совсѣмъ не на что стало издавать. Литературная неспособность его была образцовая,

но кромѣ того его и преслѣдовала какая-то злая судьба. Такъ напримѣръ съ „Телеграфомъ“ на первыхъ порахъ случались такіе анекдоты, которымъ пожалуй трудно и повѣрить; напримѣръ газету эту цензоръ Лазовъ считалъ полезнымъ запретить „за невозможныя опечатки“. Поправки-же Юнгу иногда стоили дороже самыхъ ошибокъ: разъ напримѣръ у него появилась поправка, въ которой значилось дословно слѣдующее: „во вчерашнемъ № на столбцѣ такомъ-то у насъ напечатано „*пуговица*“, читай: *Богородица*“. Юнгъ былъ въ ужасѣ больше отъ того, что цензоръ ему выговаривалъ: „зачѣмъ-де поправлялся!“

— Какъ-же не поправиться? вопрошалъ Юнгъ, и въ самомъ дѣлѣ надо было поправиться.

Но едва это сошло съ рукъ, какъ Юнгъ опять ходилъ по городу въ еще большемъ горѣ: онъ останавливалъ знакомыхъ и, вынимая изъ жилетнаго кармана маленькую бумажку, говорилъ:

— Посмотрите, пожалуста,—хорошъ цензоръ! Что онъ со мною дѣлаетъ!—онъ мнѣ не разрѣшаетъ поправить вчерашнюю ошибку.

Поправка гласила слѣдующее: „вчера у насъ напечатано: кіевляне преимущественно всѣ *онанисты*,—читай *оптимисты*“.

— Каково положеніе! восклицалъ Юнгъ.

Черезъ нѣкоторое время Алексѣй Алексѣевичъ Лазовъ однако, кажется, разрѣшилъ эту въ самомъ дѣлѣ необходимую поправку. Но былъ и такой случай цензорскаго произвола, когда поправка не была дозволена. Случилось разъ, что въ статьѣ было сказано: „неудивительно, что при такомъ воспитаніи выростаютъ *недоблуды*“. Лазовъ удивился, что это за слово? Ему объяснили, что хотѣли сказать „лизоблюды“; но когда вечеромъ принесли сводку номера, то тамъ стояло: „по ошибкѣ напечатано: *недоблуды*,—должно читать *переблуды*“. Цензоръ пришелъ въ отчаяніе и совсѣмъ вычеркнулъ поправку, опасаясь, что-бы не напечатали чего еще худшаго.

Пора однако возвратиться отъ литераторовъ къ старцу Малахіи, который украсилъ этотъ торжественный день своимъ появленіемъ въ поднесенной ему необыкновенной шляпѣ.

XXVI.

Густыя толпы людей покрывали все огромное пространство городскаго берега, откуда былъ видѣнъ мостъ, соединившій Кіевъ

съ черниговскою стороною Днѣпра. Только болѣе страстные до зрѣлищъ или особенно патронируемые кѣмъ нибудь изъ властныхъ нашли возможность протѣсниться „за войска", расположенныя внизу у въѣзда на мостъ и наконецъ шпалерами вдоль самаго моста. Но такихъ счастливцевъ было не много, сравнительно съ огромными массами, покрывшими надбережные холмы, начиная отъ выдубицкаго монастыря и Аскольдовой могилы до террасъ прилегающихъ къ монастырю Михайловскому. Кажется, безъ ошибки можно сказать, что въ этотъ день вышло изъ домовъ все кіевское населеніе, чѣмъ и объясняли множество благоуспѣшно сдѣланныхъ въ этотъ день кражъ. И не смотря на всю длину этой страшно растянутой береговой линіи, трудно было найти удобное мѣсто. Были люди, которые пришли сюда спозаранка съ провизіей въ карманахъ и крѣпко заняли всѣ найлучшія позиціи. Оттого зрителямъ, которые пришли позже, нужно было перемѣнять множество мѣстъ, пока удавалось стать такъ, что было видно.

Были люди, которые взлѣзли на деревья, были и такіе смѣльчаки, которые прилѣпились къ песчанымъ выступцамъ обрывовъ, и иногда скатывались внизъ вмѣстѣ съ своимъ утлымъ подножьемъ. Случайности въ подобномъ родѣ вызывали веселый хохотъ и шутливыя замѣчанія. Было довольно неудовольствій по поводу обиднаго обращенія господъ военныхъ съ цивическимъ элементомъ, но все это до судовъ не доходило, военные люди тогда свободно угнетали „аршинниковъ, хамовъ и штафирокъ". Духовенство тоже претерпѣвало отъ этого заурядъ съ мірянами и тоже не жаловалось. Это было въ порядкѣ вещей. Военные, повторяю, чувствовали себя тогда въ большомъ авантажѣ и, по современному выраженію, „сильно форсили". Они имѣли странный успѣхъ въ кіевскомъ обществѣ, и часто позволяли себѣ много совершенно неприличнаго. Особенно одно время (именно то, котораго я касаюсь) среди офицеровъ ожесточенно свирѣпствовало поголовное притворство въ остроуміи. Они осчастливили своимъ знакомствомъ и купеческіе дома и здѣсь вели себя такъ развязно, что передъ ними спасовалъ даже самъ Аскоченскій.

Изъ военныхъ шутокъ при открытіи моста я помню двѣ: у самой ограды бывшаго зданія минеральныхъ водъ появился какой-то нѣмецъ верхомъ на рыжей лошади, которая безпрестанно ма-

хала хвостомъ. Его просили отъѣхать, но онъ не соглашался и отвѣчалъ: „не понимаю". Тогда какой-то рослый офицеръ сдернулъ его за ногу на землю, а лошадь его убѣжала. Нѣмецъ былъ въ отчаяніи и побѣжалъ за конемъ, а публика смѣялась и кричала вслѣдъ:

— Что, братъ, понялъ, какъ по военному!

Офицеръ прослушалъ это нѣсколько разъ и потомъ крикнулъ:

— Перестать, дураки!

Они и перестали.

Должно быть не любилъ лести.

Это впрочемъ была болѣе отвага, чѣмъ остроуміе; настоящее-же остроуміе случалось въ мѣстѣ болѣе скрытомъ и тихомъ, именно за оградою монастыря Малаго Николая.

На непирокой, но сорной и сильно вытоптанной площадкѣ здѣсь мѣстилось всякое печерское разночинство и нѣсколько человѣкъ монашествующей братіи.

Были маститые иноки съ внушительными сѣдинами и легкомысленные слимаки съ ихъ дѣвственными гривами вразметъ на какую угодно сторону.

Одинъ изъ иноковъ, повидимому, изъ почетныхъ, сидѣлъ въ креслѣ, обитомъ присаленною черною кожею и похожемъ по фасону своему не на обыкновенное кресло, а на госпитальное судно.

Къ этому иноку подходили простолюдины: онъ всѣхъ ихъ благословлялъ и каждаго спрашивалъ буквально одно и то-же:

— Чьи вы и изъ какой губерніи?

Получивъ отвѣтъ, инокъ поднималъ руку и говорилъ: „Богу въ пріемъ", а потомъ, какъ-бы чувствуя нѣкую силу изъ себя изшедшую, зѣвалъ, жмурилъ глаза и преклонялъ главу. Замѣтно было, что вообще оживленіе его какъ будто совсѣмъ не захватывало и ему, можетъ быть, лучше было-бы идти спать.

На него долго любовалися и пересмѣивались два молодые офицеры, а потомъ они оба вдругъ снялись съ мѣста, подошли къ иноку и довольно низко ему поклонились.

Онъ поднялъ голову и сейчасъ-же спросилъ ихъ:

— Чьи вы и какой губерніи?

— Изъ Чревоматерняго, отвѣчали офицеры.

— Богу въ пріемъ, произнесъ инокъ и преподавъ благословеніе, снова зажмурился. Но офицеры его не хотѣли такъ скоро оставить.

— Позвольте, батюшка, побезпокоить васъ однимъ вопросомъ,—заговорили они.

— А что такое? какой будетъ вашъ вопросъ?

— Намъ очень хотѣлось-бы отыскать здѣсь одного нашего земляка іеромонаха.

— А какой онъ такой и какъ его звать?

— Отецъ Строфокамилъ.

— Строфокамилъ? не знаю. У насъ кажется такого нѣтъ. А впрочемъ спросите братію.

Нѣсколько человѣкъ подвинулись къ офицерамъ, которые, не теряя ни малѣйшей тѣни серьезности, повторили свой вопросъ братіи, но никто изъ иноковъ тоже не зналъ „отца Строфокамила". Одинъ только сообразилъ, что онъ вѣрно грекъ, и посовѣтывалъ разыскивать его въ греческомъ монастырѣ на Подолѣ.

Кадетскіе корпуса тогда въ изобиліи пекли и выпускали въ свѣтъ такихъ и симъ подобнымъ остроумцовъ, изъ которыхъ потомъ однако выходили „севастопольскіе герои" и не менѣе знаменитые и воспрославленные „крымскіе воры", и „полковые морельщики".

До чего заносчиво тогда, передъ крымскою войною, было офицерство и какія они себѣ позволяли иногда выходки, достойно вспомнить. Вскорѣ этому вѣроятно уже не будутъ вѣрить.

Разъ пріѣхалъ напримѣръ въ Кіевъ офицеръ Р. (впослѣдствіи весьма извѣстный человѣкъ) и вдругъ сдѣлалъ себѣ блестящую репутацію тѣмъ, что „умѣлъ говорить дерзости". Это многихъ очень интересовало и офицера на расхватъ зазывали на всѣ балики и вечеринки. Онъ ошалѣлъ отъ успѣховъ и дошелъ до наглости невѣроятной. Одинъ разъ въ домѣ нѣкоего г. Г—ва онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ обругалъ цѣлое сборище. Г. собралъ къ себѣ на вечеринку друзей и пригласилъ Р. Тотъ осчастливилъ, пріѣхалъ, но поздно и не входя въ гостиную, остановился въ дверяхъ, оглянулъ всѣхъ въ лорнетъ, произнесъ: „какая, однако, сволочь!" и уѣхалъ... никѣмъ не побитый! Послѣднимъ финаломъ его пошлыхъ наглостей было то, что однажды въ Кинь-грусти, стоя въ парѣ въ горѣлкахъ съ извѣстною въ свое время г-жею П., онъ не тронулся съ мѣста, когда его дама побѣжала; ту это смутило и она спросила его: „почему-же вы не бѣжите?" Р. отвѣчалъ: „потому, что я не привыкъ падать, какъ вы". Тогда его выпро-

водили, но только по особому вниманію Бибикова къ этой дамѣ. Другой бѣдовый воитель былъ артиллеристъ К—аль. Этотъ больше всего поражалъ тѣмъ, что являлся на балы пьяный, хотя, впрочемъ, онъ и трезвый стоилъ пьянаго. До чего онъ могъ довести свою безцеремонность, свидѣтельствуетъ слѣдующій случай: разъ, танцуя въ домѣ Я. И. П—на, К—аль полетѣлъ вмѣстѣ съ своею дамою подъ столъ. Его оттуда достали и начали оправлять. Хозяинъ былъ смущенъ и, кажется, замѣтилъ офицеру, что онъ уже слишкомъ веселъ, но тотъ не сконфузился.—„Да, отвѣчалъ К—ль, я веселъ. Это моя природа. Впрочемъ, здѣсь мнѣ особенно весело",— и сію-же минуту, не ожидая возраженія, онъ добавилъ:

— Скажите, пожалуста, мнѣ говорили, будто тутъ есть какой-то г. Б.—онъ, будто, ужасный дуракъ, но отлично, каналья, кормитъ. Вотъ я очень хотѣлъ-бы сдѣлать ему честь у него поужинать.

Хозяинъ смѣшался, потому что Б. стоялъ тутъ-же возлѣ, но самъ Б. сейчасъ-же пригласилъ этого шалуна на свои вечера, и это служило къ ихъ оживленію.—Третій припоминается мнѣ офицеръ разформированнаго нынче жандармскаго полка, К—ій, котораго одна, очень юная и милая, подольская барышня имѣла неосторожность полюбить, а полюбя поцѣловала и при какомъ-то случаѣ подарила ему свой бѣлокурый локонъ. Офицеръ сохранилъ эту галантерейщину и не отказывался отъ поцѣлуевъ, но съ предложеніемъ женитьбы медлилъ. Родители-же дѣвушки находили это несоотвѣтственнымъ, и дѣвушка была помолвлена за другаго. Ни барышня, ни женихъ ни въ чемъ не были виноваты, но г. К—ій пришелъ къ нимъ въ домъ на именинное собраніе и съ грубымъ ругательствомъ бросилъ *невѣстѣ въ лицо* ея локонъ, а жениха ударилъ. Многимъ и этотъ надѣлавшій шуму поступокъ казался своего рода развеселымъ, но довольно позволительнымъ фарсомъ, и когда покойный чиновникъ генералъ-губернатора Друкартъ, производя объ этомъ слѣдствіе, не поблажалъ К—му, то Друкарта осуждали за „грубость" къ интересному герою.

Впрочемъ подобное ожесточенное свирѣпство милитеровъ тогда было повсемѣстно въ Россіи, а не въ одномъ Кіевѣ. Въ Орлѣ бывшій елисаветградскій гусарскій полкъ развѣшивалъ на окнахъ вмѣсто шторъ похабныя картины; въ Пензѣ, въ городскомъ скверѣ, взрослымъ барышнямъ завязывали надъ головами низы платьевъ, а

въ самомъ Петербургѣ рвали съ низу до верха шинели несчастныхъ „штафирокъ". Успокоила этихъ сорванцовъ одна изнанка крымской войны. Но оставимъ ихъ будущему историку культуры русскаго общества и поспѣшимъ къ тѣмъ, непосредственность которыхъ гораздо интереснѣе.

Въ ту-же минуту, какъ изъ глазъ моихъ скрылись офицеры, распрашивавшіе монаховъ объ отцѣ Строфокамилѣ, я замѣтилъ невдалекѣ одного моего товарища, который такъ-же, какъ я, зналъ Берлинскаго, Малахію и Гіезія.

Пріятель меня спрашиваетъ:

— Видѣлъ-ли ты морское чучело?

— Какое? говорю.

— А старца Малахая (онъ имѣлъ привычку звать его Малахаемъ).

— А гдѣ онъ?

— Да вотъ сейчасъ, говоритъ, недалеко здѣсь налѣво, за инженерскимъ домомъ на кирпичахъ стоитъ. Иди, смотри его, восхитителенъ!

— Неужели, говорю, въ самомъ дѣлѣ хорошъ?

— Описать нельзя, и самъ хорошъ, и притомъ обставленъ удивительно! Вокругъ него всѣ столпы древняго благочестія „вообче" и нашъ губошлепый Гіезька, весь, подлецъ, деревяннымъ масломъ промасленъ... А на самаго Малахая, увидишь, какую шляпу наложили.

— А что въ ней такого замѣчательнаго?

— Антикъ,—другой такой нѣтъ. Говорятъ, изъ Москвы, изъ грановитой палаты выписали на подержаніе,—еще самъ царь Горохъ носилъ.

Я не заставлялъ себя болѣе убѣждать и поспѣшилъ розыскивать старца.

XXVII.

Надо вспомнить, что между монастыремъ Малаго Николая и крѣпостною башнею, подъ которой нынѣ проходятъ никольскія ворота, былъ только одинъ старый, но преудобный домъ съ дворомъ, окруженнымъ тополями. Въ этомъ домѣ съ нѣкоторыхъ поръ жили кто-то изъ начальствующихъ инженеровъ. За это его, кажется, и не разломали. Стоило обойти усадьбу этого очень просторно рас-

положившагося дома, и сейчасъ-же надо было упереться въ отгороженный временнымъ заборчикомъ задворочекъ, который пріютился между башнею и садомъ инженернаго дома. На этомъ задворочкѣ были свалены разные строительные остатки—доски, бревна, нѣсколько кулей съ известкой и нѣсколько кладокъ бѣлаго кіевскаго кирпича. Тутъ-же стояла и маленькая, тоже временная, хатка, въ которой жилъ сторожъ. У воротъ этого загражденія была и надпись, объявлявшая, что „постороннимъ лицамъ сюда входить строго воспрещается". Въ день открытія моста запрещеніе слабо дѣйствовало и дало сторожу возможность открыть сюда входъ за деньги. Сторожъ, рыжій унтеръ, съ серьгою въ ухѣ и вишневымъ пятномъ на щекѣ, стоялъ у этой двери и самъ приглашалъ благонадежныхъ лицъ изъ публики вступить въ запрещенное мѣсто. По его словамъ, оттуда было „все видно", а плату за входъ онъ бралъ умѣренную, по „злотувкѣ", т. е. по 15 коп. съ персоны.

Взнеся входную цѣну и переступивъ за досчатую фортку, я увидалъ передъ собою такой „пейзажъ природы", который нельзя было принять иначе, какъ за символическое видѣніе.

Мусоръ всѣхъ сортовъ и названій, обломки всего, что можетъ значиться въ смѣтѣ матеріаловъ, нужныхъ для возведенія зданія съ подземнаго бута до кровли: доски, бревна, известковыя носилки и тачки, согнутые и проржавленные листы стараго кровельнаго желѣза, цѣлый ворохъ обломковъ водосточныхъ трубъ, а посреди всего этого хлама, надъ самымъ берегомъ шесть или семь штабелей запаснаго кирпича. Сложены они были столбиками не равной высоты, одни—пониже, другіе немного повыше, и наконецъ на самомъ высокомъ зрѣлося человѣчище прекрупное, вельми древнее и дебелое. Это стоялъ Малахія. Одѣянъ онъ былъ благочестивымъ предковскимъ обычаемъ, въ синей, широкой, суконной чуйкѣ, сшитой совсѣмъ, какъ старинный охабень, и отороченной по рукавамъ, по вороту и по правой полѣ какимъ-то дряннымъ подлѣзлымъ мѣхомъ. Одеждѣ отвѣчала и обувь: на ногахъ у старца были сапоги рыжіе съ мягкою козловою холявою, а въ рукахъ долгій крашеный костыль; но что у него было на головѣ посажено, тому дѣйствительно и описанія не сдѣлаешь. Это была шляпа, но кто ее дѣлалъ и откуда она могла быть въ нашъ вѣкъ добыта, того никакой многобывалый человѣкъ опредѣлить-бы не могъ. Историческая полнота

свѣдѣній требуетъ однако сказать, что штука эта была добыта почитателями старца Малахіи въ Кіевѣ, а до того содержалась въ тайникахъ магазина Козловскаго, гдѣ и обрѣтена была случайно приказчикомъ его Скрипченкомъ при перевозѣ рѣдкостей моды съ Печерска на Крещатикъ.

Шляпа представляла собою превысокій плюшевый цилиндръ, съ самымъ смѣлымъ перехватомъ на серединѣ и съ широкими, совершенно ровными полями, безъ малѣйшаго загиба ни на бокахъ, ни сзади, ни спереди. Сидѣла она на головѣ словно рожонъ, точно какъ будто она не хотѣла имѣть ни съ чѣмъ ничего общаго.

Величественная фигура Малафея Пимыча утвердилась здѣсь вѣроятно раньше всѣхъ, потому что позиція его была всѣхъ выгоднѣе: занимая самую высокую кладку кирпича, старецъ могъ видѣть дальше всѣхъ и самъ былъ всѣмъ видѣнъ.

Рядомъ съ Пимычемъ на кладкѣ, которая была немножко пониже, помѣщался Гіезій. Онъ былъ въ бутылочномъ азямчикѣ съ тремя христіанскими сборами на кострецахъ и въ суконномъ шлычкѣ безъ козырька. Онъ безпрестанно перемѣнялъ ноги и въ его покосившейся на одно плечо фигурѣ чуялась несносная скука, лѣнь и томительное желаніе шевельнуть затекшими ногами и брызнуть въ ходъ.

Вокругъ нихъ было еще немало людей, пропущенныхъ крѣпостнымъ заказникомъ, но эти, по своей безцвѣтности, не останавливали на себѣ особеннаго вниманія.

XXVIII.

Часто вращавшійся по сторонамъ Гіезій замѣтилъ мое желаніе поближе полюбоваться его дѣдушкой и показалъ глазами, что можетъ потѣсниться и дать мнѣ мѣсто возлѣ себя.

У питабеля стоялъ опрокинутый известковый ящикъ, по которому я могъ подняться на такую высоту, что Гіезій подалъ мнѣ свою руку и поставилъ меня съ собою рядомъ.

Малафей Пимычъ не обратилъ на наше размѣщеніе никакого вниманія: онъ былъ похожъ на матераго волка, который на утрѣ вышелъ походить по насту; сѣрые глаза его горѣли дикимъ, фанатическимъ огнемъ, но самъ онъ не шевелился. Онъ устремилъ взоры на мостъ, который отсюда видѣнъ былъ, какъ на ладони, и

не смаргивалъ оттуда ни на мгновеніе. Но я забылъ и мостъ и Днѣпръ, „гдѣ *вся Русь* крестилась“, и даже всю церемонію, которая должна сейчасъ начаться: всѣмъ моимъ чувствомъ овладѣлъ одинъ Пимычъ. Не смотря на свой чудной уборъ, онъ былъ не только поразительно и вдохновительно красивъ, но, если только простительно немного святотатственное слово, онъ былъ въ своемъ родѣ божественъ и при томъ характерно божественъ. Это не Юпитеръ и не Лаокоонъ, не Улиссъ и не Вейнелаиненъ, вообще не герой какой-бы то ни было саги, а это стоялъ олицетворенный *символъ древляго благочестія*.

Если я долженъ его съ кѣмъ-нибудь сравнить, что всегда имѣетъ своего рода удобство для читателя, то я предпочелъ-бы всему другому указать на извѣстную картину, изображающую урокъ стрѣльбы изъ орудія, даваемый Петру Лефортомъ. Отрокъ Петръ, горя восторгомъ, наводитъ пушечный прицѣлъ... Вся его огневая фигура выражаетъ страстное уносящее стремленіе. Лефортъ въ своемъ огромномъ парикѣ тихо любуется царственнымъ ученикомъ. Нѣсколько молодыхъ русскихъ лицъ смотрятъ съ сочувствіемъ, но вмѣстѣ и съ недоумѣніемъ. На нихъ однако видно, что они желаютъ царю „попасть въ цѣль“. Но тутъ есть фигура, которая въ своемъ родѣ не менѣе образна, типична и характерна. Это сѣдой старикъ въ старорусскомъ охабнѣ съ высокимъ воротомъ и въ высокой собольей шапкѣ. Онъ одинъ изъ всѣхъ не на ногахъ, а *сидитъ* и сидитъ крѣпко; въ правой рукѣ онъ держитъ костыль, а лѣвою оперся въ ногу и смотритъ на упражненія царя вкось, черезъ свой локоть. Въ его глазахъ нѣтъ ненависти къ Петру, но чѣмъ удачнѣе дѣлаетъ юноша то, за что взялся, тѣмъ рѣшительнѣе символическій старецъ не встанетъ съ мѣста. За то, если Петръ не попадетъ и отвернется отъ Лефорта, тогда... старичокъ встанетъ, скажетъ: „плюнь на нихъ, батюшка: они всѣ дураки“, и, опираясь на свой старый костыль, уведетъ его, „своего прирожоннаго“ *домой*—мыться въ банѣ и молиться московскимъ угодникамъ, „одолѣвшимъ и новгородскихъ и владимірскихъ“.

Этотъ старикъ, по мысли художника, представляетъ собою на картинѣ *старую Русь*, и Малафей Пимычъ теперь на живой картинѣ кіевскаго торжества изображалъ тоже самое. Моментъ, когда передъ нами является Пимычъ, въ его сознаніи имѣлъ тоже исто-

рическое значеніе. Старикъ, Богъ вѣсть почему, ждалъ въ этотъ день какого-то великаго событія, которое сдѣлаетъ поворотъ во всемъ.

Такія торжественныя настроенія, безъ удобопонятныхъ причинъ, нерѣдко являются у аскетовъ, подобныхъ Пимычу, когда они, сидя въ спертой задухѣ своихъ промзглыхъ закутъ, начинаютъ считать себя центромъ вниманія Творца вселенной.

XXIX.

Могучая мысль, вызвавшая Малахію, побудила его явиться суетному міру во всеоружіи всей его изувѣрной святости и глупости. Сообразно обстоятельствамъ, онъ такъ пріубрался, что отъ него даже на всемъ просторѣ открытаго нагорнаго воздуха струился запахъ ладана и кипариса, а когда вѣтерокъ раскрывалъ его законный охабень съ звѣриной опушью, то внизу видѣнъ былъ новый мухояровый „рабскій азямчикъ“ и во всю грудь черезъ шею висѣвшая нить крупныхъ деревянныхъ шаровъ. Связка, по обыкновенію, кончалась у пупа большимъ восьмиконечнымъ крестомъ изъ красноватаго рога.

Стоялъ онъ, какъ сказано, точно изваяніе—совершенно неподвижно и такъ-же неподвиженъ былъ его взглядъ, устремленный на мостъ, только жолтобѣлые усы его изрѣдка шевелились; очевидно, отъ истомы и жажды онъ овлажалъ свои засохшія уста.

— Съ шестаго часа тутъ стоимъ, шепнулъ мнѣ Гіезій.

— Зачѣмъ такъ рано?

— Дѣдушка еще раньше хотѣлъ, никакъ стерпѣти не могли до утра. Все говорилъ, опоздаемъ, пропустимъ—царь раньше выѣдетъ на мостъ, потому этакое дѣло надо на тщо сдѣлать.

— Да какое такое дѣло? О чемъ вы это толкуете?

Гіезій промолчалъ и покосилъ въ сторону дѣдушки глазами: дескать, нельзя говорить.

Вмѣсто отвѣта онъ, воздохнувъ, молвилъ:

— Булычку-бы надо сбѣгать купить.

— Зачѣмъ-же дѣло стало? сбѣгайте.

— Разсердится. Три дня уже такъ говѣйно живемъ. Самъ-то даже и капли всѣ дни не принималъ. Тоже вѣдь и государю это не

легко будетъ. За то какъ нонѣ при всѣхъ едиными устнами тропарь за царя запоемъ, тогда и ѣсть будемъ.

— Отчего-же нынѣ едиными „устнами“ запоете?

Гіезій скосилъ глаза на старца и, закрывъ ладонью ротъ, сталъ шептать мнѣ на ухо:

— Государь черезъ мостъ пѣшо пойдетъ...

— Ну!

— Только вѣдь до середины рѣки идти будетъ прямо.

— Ну, и что-же такое? Что-же дальше?

— А тутъ, гдѣ крещебная струя отъ Владиміра князя пошла, онъ тутъ станетъ.

— Такъ что-же изъ этого?

— Тутъ онъ свое исповѣданіе объявитъ.

— Какое исповѣданіе? Развѣ неизвѣстно его исповѣданіе?

— Да, то извѣстное-то извѣстно, а намъ онъ покажетъ истинное.

Я и теперь еще ничего вьявь не понялъ, но чувствовалъ уже, что въ нихъ дѣдушкою внушены какія-то чрезвычайныя надежды, которымъ очевидно никакъ невозможно сбыться. И все это сейчасъ-же, или даже сію минуту придетъ къ концу, потому что въ это самое мгновеніе открытіе началось.

XXX.

По мосту между шпалерами пѣхоты тронулась артиллерія. Пушки, отчищенныя со всякою тщательностію, которою отличалось тогдашнее время, ярко блестѣли на солнцѣ и производили большой эффектъ; потомъ двигалось еще что-то (теперь хорошенько не помню), и наконецъ вдругъ выдался просторный интервалъ, и въ немъ на свободномъ просвѣтѣ показалась довольно большая и блестящая группа. Здѣсь все были лица, украшенныя мундирами и лентами, и впереди всѣхъ ихъ шелъ самъ государь Николай Павловичъ. По его спеціально военной походкѣ его можно было узнать очень издали: голова прямо, грудь впередъ, шагъ маршевой, крупный и съ наддачею, лѣвая рука пригнута и держитъ пальцемъ за пуговицей мундира, а правая или указываетъ что нибудь повелительнымъ жестомъ, или тихо, мѣрнымъ движеніемъ обозначаетъ тактъ, соотвѣтственно шагу ноги.

И теперь государь шелъ этою-же самою своею отчетистою военною походкою, мѣрно, но такъ скоро подаваясь впередъ, что многіе изъ слѣдовавшихъ за нимъ въ свитѣ едва поспѣвали за нимъ въ притруску. Когда старенькій генералъ съ опереніемъ на головѣ бѣжитъ, и опереніе это прыгаетъ, выходитъ забавно: точно какъ будто его кто встряхиваетъ и изъ него что-то сыпется.

Шествіе направлялось отъ городскаго гористаго берега кіевскаго къ пологому черниговскому, гдѣ тогда тотчасъ-же у окончанія моста были „виньелевскія постройки“: дома, службы и проч. Гораздо далѣе была слободка, а потомъ извѣстный „броварской лѣсъ“, который тогда еще не былъ вырубленъ.

Въ свитѣ государя издали можно было узнать только старика Виньеля и одного его, необыкновенно красиваго, сына, и то потому, что оба они были въ своихъ яркихъ англійскихъ мундирахъ.

Разумѣется, взоры всѣхъ устремились на эту группу: всѣ слѣдили за государемъ, какъ онъ перейдетъ мостъ и куда потомъ направится. Думали: „не зайдетъ-ли къ англичанамъ *спасибо* сказать“, но вышло не такъ, какъ думали и гадали всѣ, а такъ, какъ открыто было благочестивому старцу Малахіи.

Да, какъ разъ на самой серединѣ моста государь вдругъ остановился, и это моментально отозвалось въ нашемъ пунктѣ разнообразными, но сильными отраженіями: во первыхъ, Гіезій, совсѣмъ позабывъ себя, громко воскликнулъ: „сбывается!“ а, во вторыхъ— всѣхъ насъ всколебало чѣмъ-то въ родѣ землетрясенія; такъ сильно встряхнуло кирпичи, на которыхъ мы стояли, что мы по неволѣ схватились другъ за друга. По малодушію своему я захотѣлъ найти этому объясненіе и увидалъ, что это палъ на колѣни старецъ Малафей Пимычъ...

Съ этой поры я уже не зналъ, куда глядѣть, гдѣ ловить болѣе замѣчательное—тамъ-ли на обширномъ мосту, или тутъ у насъ на сорномъ задворкѣ. Взоръ и вниманіе по неволѣ рвались туда и сюда.

Между тѣмъ государь, остановясь „противъ крещебной струи“, которую старецъ проводилъ по самой серединѣ Днѣпра, повернулся на минуту лицомъ къ городу, а потомъ взялъ правое плечо впередъ и пошелъ съ средины моста къ перилам верхней стороны. Тутъ у насъ опять произошло свое дѣйство; Малахія крикнулъ:

— Гляди!

А Гіезій подхватилъ:

— Видимъ, дѣдушка, видимъ!

Государь пошелъ съ середины влѣво, то есть къ той сторонѣ, откуда идетъ Днѣпръ и гдѣ волны его встрѣчаютъ упоръ ледорѣзовъ, т. е. со стороны Подола. Вѣроятно, онъ захотѣлъ здѣсь взглянуть на то, какъ выведены эти ледорѣзы и въ какомъ отношеніи находятся они къ главному теченію воды.

Государя, въ этомъ отклоненіи отъ прямаго хода къ периламъ моста, сопровождалъ Виньель и еще кто-то, одинъ или два человѣка, изъ свиты. Теперь я этого въ точности вспомнить не могу и о сю пору изумляюсь, какъ я еще могъ тогда наблюдать, что происходило и тутъ и тамъ. Впрочемъ, съ того мгновенія, какъ государь остановился на серединѣ моста „противъ крещебной струи"— тамъ я видѣлъ очень мало. Помню только одинъ моментъ, какъ публика, стоявшая за войсками у перилъ, увидя подходившаго государя, смѣшалась и жалась вмѣсто того, чтобы разступиться и открыть видъ на воду. Государь подошелъ и самъ собственною рукою раздвинулъ двухъ человѣкъ какъ бы приклеившихся къ периламъ.

Эти два человѣка по случаю были мнѣ знакомы, и съ этого событія они на нѣкоторое время получили особый интересъ для многихъ, такъ какъ пролетѣла вѣсть, что государь ихъ не только тронулъ рукою, но и что-то сказалъ имъ. Объ этомъ будетъ ниже. Съ того мгновенія, какъ государь отстранилъ двухъ оторопѣвшихъ дворянъ и сталъ лицомъ къ открытой рѣкѣ, вниманіе мое уже не разрывалось на двое, а все было охвачено Пимычемъ.

Первое, что отвлекло меня отъ торжественной сцены на мосту— было паденіе внизъ какого-то чернаго предмета. Точно черный фаустовъ пудель будто вырвался изъ подъ кирпичей, на которыхъ мы стояли, и быстро запрыгалъ огромными скачками къ низу.

Если это былъ звѣрь, то онъ очевидно кого-то преслѣдовалъ или отъ кого-то удиралъ. Разобрать этого я не могъ, какъ черный предметъ скатился внизъ и совершенно неожиданно нырнулъ и исчезъ гдѣ-то подъ берегомъ. Но отрокъ Гіезій. былъ глазастѣе меня и воскликнулъ:

— Ай, пропала теперь дѣдушкина шляпа!

Я посмотрѣлъ на Пимыча и увидѣлъ, что онъ стоитъ на колѣняхъ и съ непокрытою головою. Онъ буквально былъ внѣ себя: „огонь горѣлъ въ его очахъ и шерсть на немъ щетиной зрилась". Правая рука его съ крѣпко стиснутымъ двуперстнымъ крестомъ была прямо поднята вверхъ надъ головою, и онъ кричалъ (да, не говорилъ, а во всю мочь, громко *кричалъ*):

— Такъ, батюшка, такъ! Вотъ этакъ-вотъ, родненькій, вотъ какъ! Сложи, какъ надо, два пальчика! Дай всей землѣ одно небесное исповѣданіе.

И въ это время, какъ онъ кричалъ, горячія слезы обильными ручьями лились по его покрытымъ сѣдымъ мохомъ щекамъ и прятались въ бороду... Волненіе старца было такъ сильно, что онъ не выстоялъ на ногахъ, голосъ его оборвался, онъ зашатался и рухнулъ на лицо свое и замеръ... Можно-бы подумать, что онъ даже умеръ, но тому мѣшала его правая рука, которую онъ все таки выправилъ, поднялъ къ верху и все махалъ ею государю двуперстнымъ сложеніемъ... Опасался, бѣднякъ, чтобы государь не ошибся, какое надо дать „небесное исповѣданіе".

Я не могу передать, какъ это выходило трогательно!.. Во всю мою жизнь послѣ этого я не видалъ серьезнаго и сильнаго духомъ человѣка въ положеніи болѣе трагическомъ, восторженномъ и въ то-же время жалкомъ.

Я былъ до глубины души потрясенъ душевнымъ напряженіемъ этого алкателя единыя вѣры, и не могъ себѣ представить, какъ онъ изъ этого выйдетъ. Одно спасеніе, думалось: государь отъ насъ такъ далеко, что нѣтъ возможности увидать двумя или тремя перстами онъ перекрестится, и стало быть дѣдушку Пимыча можно будетъ обмануть, можно будетъ пустить ему „ложь во спасеніе". Но я мелко и недостойно понималъ о высокомъ старцѣ: онъ такъ окинулъ прозорливымъ окомъ ума своего всю вселенную, что не могло быть никого, кто-бы могъ обмануть его на этотъ счетъ.

И вотъ наступилъ наконецъ мигъ, рѣшительный, жесточайшій мигъ.

Шествіе на мосту вѣроятно кончилось, вокругъ насъ почувствовалось какое-то нервное движеніе, люди какъ-бы хотѣли перемѣнять мѣста и наконецъ запумѣли: значитъ, кончено. Стали расходиться.

Гіезій позвалъ два раза: дѣдушка! дѣдушка!

У Пимыча шевельнулась спина и онъ сталъ приподниматься. Гіезій подхватилъ его подъ руки.

XXXI.

Старецъ поднимался медленно и тяжело, какъ поднимается осенью коченѣющій шмель съ тѣмъ, чтобы перетянуть немножко и околѣть.

Гіезій изнемогалъ, вспирая старика вверхъ за оба локтя.

Я захотѣлъ ему помочь, и мы взялись одинъ за одну руку, а другой за другую и поставили старца на колеблющіяся ноги.

Онъ дрожалъ и имѣлъ видъ человѣка смертельно раненаго въ самое сердце. Ротъ у него былъ широко открытъ, глаза въ остолбенеціи и съ тусклымъ остекленіемъ.

Столь недавній живой фанатическій блескъ ихъ исчезъ безъ слѣда.

Гіезій если не понялъ, то почувствовалъ положеніе старца и съ робкимъ участіемъ сказалъ:

— Пойдемъ домой, дѣдушка!

Малахія не отвѣчалъ. Медленно, тяжелымъ сердитымъ взглядомъ повелъ онъ по небу, вздохнулъ, словно послѣ сна, и остановилъ взоръ на Гіезіѣ.

Тотъ еще съ большимъ участіемъ произнесъ:

— Довольно, дѣдушка; нечего ждать, пойдемъ; государь уже перекрестился.

Но при этомъ словѣ старика всего словно прожгло, и онъ вдругъ отвердѣлъ и закричалъ:

— Врешь, анаѳема! Врешь, не крестился государь двумя персты. Вижу я, еще не въ постыжденіи отступники никоніаны. И за то, что ты солгалъ, Господь будетъ бить тебя по устамъ.

Съ этимъ онъ замахнулся и наотмашъ такъ сильно ударилъ Гіезія по лицу, что уста отрока въ то-же мгновеніе оросились кровью.

Кто-то вздумалъ было за него заступиться и заговорилъ: „какъ это можно?“—но Гіезій попросилъ участливаго человѣка ихъ оставить.

— Мы свои, сказалъ онъ,—это мой дѣдушка, и началъ бережно сводить перестоявшагося старца съ кирпича подъ руки.

XXXII.

Малахіи было видѣніе, мечта, фантазія, назовите какъ хотите, что государь станетъ среди моста „лицомъ противъ крещебной струи“ и передъ всѣми людьми перекрестится древлимъ двуперстіемъ.

А тогда, разумѣется, настанетъ для Малахіи и иже съ нимъ торжество, а митрополитомъ и епископомъ и всему чину церковному со всѣми нечестивыми никоніанами—посрамленіе до черноты лицъ ихъ. А тѣ, кои не покорятся, ихъ „Господь рукою вѣрныхъ своихъ будетъ бить по устамъ“, и всѣ они окровянятся, какъ Гіезій. „Старая вѣра побьетъ новую“. Вотъ чего желалъ и о чемъ, можетъ быть, всю жизнь свою молился доброчестный старецъ.

Но не сбылося по его вѣрѣ и упованію и погибли въ мигъ всѣ его радости. Старецъ былъ посрамленъ.

Я помню и никогда не забуду, какъ онъ шелъ. Это была грустная картина: тяжело и медленно передвигалъ онъ какъ будто не свои остарѣлыя ноги по мягкой пыли Никольской улицы. Руки его были опущены и растопырены; смотрѣлъ онъ безпомощно и даже повиновался Гіезію, который одною рукою обтиралъ кровь на своемъ лицѣ, а другою подвигалъ старца ладонью въ спину и, плача о немъ, умолялъ:

— Иди-же мой, дѣдушка, Христа ради, иди... Ты безъ шляпы... на тебя всѣ смѣяться будутъ.

Старецъ понялъ это слово и прохрипѣлъ:

— Пусть смѣются.

Это было послѣдній разъ, что я видѣлъ Малахію, но за то онъ удостоилъ меня вспомнить. На другой день по отъѣздѣ государя изъ Кіева старецъ присылалъ ко мнѣ своего отрока съ просьбою сходить „къ боярамъ“ и узнать: „что царь двумъ господіямъ на мосту молвилъ, коихъ своими руками развелъ“.

— Дѣдушка, говорилъ Гіезій, сомнѣваются на счетъ того: кія словеса рекъ государь. Нѣтъ-ли чего отъ насъ утаеннаго?

Я могъ послать старцу отвѣтъ самый полный, безъ всякаго утаенія. Два господина, остолбенѣвшіе у перилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ захотѣлъ взглянуть на Днѣпръ императоръ Николай Павловичъ, къ счастью были мнѣ извѣстны. Это были звенигородскіе помѣщики, братья Протопоповы. Они мнѣ даже приходились въ отдаленномъ

свойствѣ по теткѣ Натальѣ Ивановнѣ Алферьевой, которая была замужемъ за Михаиломъ Протопоповымъ. А потому мы въ тотъ-же день узнали, что такое сказалъ имъ государь. Онъ отстранилъ ихъ рукою и проговорилъ только три слова:

— Пошли прочь отсюда!

Въ кружкѣ знакомыхъ это составляло такой интересъ, что вечеромъ въ этотъ-же день въ квартирѣ Протопоповыхъ на Бульварѣ перебывало множество знакомыхъ, и всѣ приступали къ виновнику событія съ распросами:

— Правда-ли, что съ вами государь разговаривалъ?

— Да-съ, разговаривалъ, отвѣчалъ Протопоповъ.

— А о чемъ разговоръ былъ?

Протопоповъ съ удивительною терпѣливостію и точностію начиналъ излагать все по-порядку: гдѣ они стояли, и какъ государь къ нимъ подошелъ, „раздвинулъ“ ихъ и сказалъ: „пошли прочь отсюда“.

— Ну, и вы отошли?

— Какъ-же, нельзя-же,—сію-же минуту отошли.

Всѣ находили, что братья поступили именно такъ, какъ слѣдовало, и съ этимъ, кажется, всякій долженъ согласиться. Ни къ старой и новой вѣрѣ это нимало не относилось и что-бы не дать повода къ какимъ-нибудь толкованіямъ, я просто сказалъ Гіезію, что государь съ „господіами“ ничего не говорилъ.

Гіезій вздохнулъ и молвилъ: плохо наше дѣло.

— Чѣмъ и отчего плохо?—полюбопытствовалъ я.

— Да, дѣдушкѣ ужъ очень хочется тропарь пѣть, а невозможно!...

Среди безчисленныхъ нападокъ и клеветъ, которымъ я долговременно подвергался въ литературѣ за мою неспособность и нехотѣніе рабствовать отвратительному и пошлому деспотизму направленій, меня сурово укоряли также за то, что я не раздѣлялъ пустыхъ и вредныхъ мнѣній Аф. Прокофьев. Щапова, который о ту пору прослылъ въ Петербургѣ умникомъ и вращаясь среди неповинныхъ въ знаніяхъ литераторовъ, вѣщалъ о *политическихъ* задачахъ, которыя скрытно содержитъ будто нашъ русскій расколъ. Щаповъ стоялъ за это горой и увѣрилъ въ томъ даже Герцена, который потомъ уже не умѣлъ разобрать ни Ив. Ив. Шебаева, ни архіерея Пафнутія. Я тогда напечаталъ письмо о „людяхъ древ-

няго благочестія", гдѣ старался снять съ несчастныхъ старовѣровъ вредный и глупый поклепъ ихъ въ революціонерствѣ. Меня пошли казнить. Писали, что меня растлило въ этомъ отношеніи вредное вліяніе Павла Ив. Мельникова (Печерскаго), а петербургскому профессору Ив. Ѳ. Нильскому даже печатно поставили въ непростительную вину, что этотъ почтенный ученый гдѣ-то ссылался на мои наблюденія надъ нравами раскола и давалъ имъ вѣру, какъ будто даже не замѣчая того, что хотѣли навязать расколу представители „крайней лѣвой фракціи". Г-нъ Нильскій давалъ писателямъ „лѣвой фракціи" отповѣдь, гдѣ говорилъ что-то въ пользу моихъ наблюденій. Въ самомъ-же дѣлѣ, хороши они или дурны, но они есть *наблюденія* того, что существовало и было, а не выдумка, не тенденціозное фантазерство фракціонистовъ, которымъ чуть не удалось оклеветать добрыхъ и спокойныхъ людей. Твердое и неизмѣнное убѣжденіе, что русскій расколъ не имѣетъ противуправительственныхъ „политическихъ" идей, получено мною не изъ книгъ и даже не отъ Павла Ив. Мельникова (знанія котораго я конечно высоко цѣню), а я пришелъ къ этому убѣжденію прямо путемъ личныхъ наблюденій, которымъ вѣрю болѣе, чѣмъ забавнымъ для меня натяжкамъ Щапова и всякимъ инымъ ухищреніямъ тенденціозныхъ теоретиковъ. То, что я разсказалъ здѣсь о старцѣ Малахіи, было для меня едва-ли не первымъ урокомъ въ изученіи природы не дѣланнаго, а живаго раскольника. Я не могу, да и не обязанъ забыть, какъ этому суровому „немоляку за имя царево" хотѣлось „попѣть тропаря", и вся остановка была только за тѣмъ, что-бы государь „двумя персты" перекрестился. А тогда-бы они позапечатлѣли *не* раскольниковъ, какъ старецъ запечатлѣлъ Гіезьку, и горячѣе всѣхъ, пожалуй, приложили-бы руки къ „крайней лѣвой фракціи".

Вотъ и вся ихъ политика. А между тѣмъ было время, когда требовалось имѣть отвагу, что-бы рѣшиться дать пріютъ въ домѣ такому опасному сектанту, какъ старецъ Малахія... И это смѣшное и слѣпое время было не очень давно, а уже такъ хорошо позабыто, что „крайняя правая фракція" пружится, что-бы Волга-матушка вспять побѣжала, а они-бы могли начать лгать сначала. Раки, которые „перешепчутся", приходятъ въ „пустотѣлъ", а люди, которые хотятъ пятиться, какъ раки, придутъ къ пустомыслію.

XXXIII.

Отрока Гіезія я видѣлъ еще одинъ разъ въ жизни. Это было много лѣтъ спустя въ Курскѣ, вскорѣ послѣ постройки кіевской желѣзной дороги.

Я ѣхалъ въ Кіевъ повидаться съ родными. Поѣзда ходили тогда еще не совсѣмъ аккуратно, и въ Курскѣ приходилась остановка довольно долгая. Я когда-то ѣзжалъ изъ Орла въ Курскъ, и теперь мнѣ хотѣлось посмотрѣть на этотъ городъ, гдѣ сидятъ „мои-то-те куряне, вѣдомые кмети", которые до того доцивилизовались, что потеряли цѣлую рощу.

Я прошелъ черезъ вокзалъ, чтобы съ задняго крыльца посмотрѣть на соборъ и на прочее, что можно разглядѣть отсюда.

Дѣло было утромъ, погода прекрасная. Курскъ въ такомъ раннемъ освѣщеніи очень весело смотритъ съ своихъ горокъ, изъ за своей сонной Тускари. Онъ напоминаетъ собою Кіевъ, разумѣется, въ миніатюрѣ и en laid. Но только теперь, въ ту минуту, когда я хотѣлъ любоваться, весь видъ или, лучше сказать, все поле зрѣнія застилалось какими-то, во множествѣ летающими и безъ толку мечущимися въ воздухѣ безголовыми птичками... Престранное видѣніе въ іезекіилевскомъ жанрѣ: на одной какой-то точкѣ бьютъ фонтаномъ и носятся какими-то незаконченными, трепетными взмахами въ воздухѣ однѣ крылья; они описываютъ какіе-то незаконченные круги и зигзаги, и вдругъ падаютъ, упадутъ, встрепенутся, и опять взлетятъ снова, и опять посерединѣ подъема ослабѣютъ и снова упадутъ въ пыль...

Это что-то какъ будто апокалипсическое.

Въ довершеніе сходства характера — тутъ были и „жены"; онѣ подбираютъ обезглавленныхъ пташекъ и суютъ ихъ себѣ куда-то въ пѣдра или, по просту говоря, за пазухи. Тамъ тепло.

Заинтересовало меня: что это такое!

Вотъ съ одной, пронесшейся надъ моею головою безголовой пташки что-то капнуло... Тяжелое... точно она на меня зерно гороху уронила, и при томъ попало это мнѣ прямо на руку...

Это была кровь и при томъ совершенно свѣжая, даже теплая.

Что за исторія?

Оглядываюсь—на противуположной сторонѣ площадки, такъ-же какъ и я, глазѣютъ на безголовыхъ летуновъ человѣкъ шесть городскихъ извощиковъ и нѣсколько ребятишекъ...

Вотъ одна безголовая пташка со всего розмаха шлепнулась о желѣзную крышу какой-то надворной постройки.

Летѣла—казалась птичка, а упала—словно стаяла.

Осталось только самое маленькое пятнышко, которое надо было съ усиліемъ не потерять изъ глазъ,—до того стало оно ничтожно.

За то теперь можно было разсмотрѣть, что это такое.

Я опустилъ руку въ дорожную сумку, гдѣ у меня былъ маленькій биноклъ, и только что сталъ наводить его на крышу, какъ кто-то сѣрымъ рукавомъ закрылъ мнѣ „поле зрѣнія".

У меня въ Курскѣ не могло быть знакомыхъ, которые-бы имѣли право допустить такую короткую фамиліарность, но прежде чѣмъ я успѣлъ отнять отъ глазъ биноклъ, сѣрая завѣса уже снялась и я увидалъ ворону, которая уносила въ клювѣ обезглавленную пташку.

Послышался хохотъ, свистъ; въ ворону съ добычею, безвредно для нея, полетѣли щепы и палки, и потомъ опять пошелъ фонтаномъ взлетъ обезглавленныхъ пташекъ.

Я захотѣлъ видѣть источникъ этого необычайнаго явленія и оно объяснилось: тутъ-же за угломъ стояла низкая крестьянская телѣга, [illegible]женная заморенною крестьянскою лошадкою. Лошадь ѣла сѣнцо, которое было привязано къ запрягу ея оглобли; а на телѣгѣ стоялъ большой лубочный коробъ, по верху котораго затянут[illegible]итяная сѣтка. Надъ коробомъ, окорячивъ его ногами, упер[illegible] въ телѣжныя грядки, сидѣлъ рослый поваръ въ бѣлыхъ панталонахъ, въ бѣлой курткѣ и въ бѣломъ колпакѣ, а передъ нимъ на землѣ стоялъ, среднихъ лѣтъ, торговый крестьянинъ и держалъ въ рукахъ большое рѣшето, въ которое поваръ что-то сбрасывалъ, точно какъ будто орѣшки.

Прежде опустить руку въ коробъ, потомъ вынетъ ее точно чѣмъ-то обросшую, встряхнетъ ею и сей-же моментъ всюду по воздуху полетятъ безголовыя птички, а онъ сброситъ въ рѣшето горсточку орѣшковъ. И все такъ далѣе.

Спросилъ, что это дѣлаютъ? и получилъ короткое объясненіе:

— Перепелокъ рвутъ.

— Какъ, говорю, странно?

— Отчего странно? отвѣчаетъ продавецъ,—это у насъ завсегда такъ. Они теперь жирные; какъ заберешь ихъ въ руку, между пальчиками по головешкѣ, и встряхнешь, у нихъ сейчасъ всѣ шейки милымъ дѣломъ и оборвутся. Полетаетъ безъ головки—изъ нее кровочка скапитъ, и скусъ тоньше. А по головешкамъ, кои въ рѣшетѣ сбросаны, считать очень способно. Сколько головешекъ, за столько штукъ и плата.

— Ахъ, вы, думаю, „вѣдомые кмети"! Съ этакимъ-ли способнымъ народомъ не убрать безъ слѣдовъ монастырскую рощу!

Но мнѣ интереснѣе всего былъ самъ продавецъ, ибо—коротко сказать—это былъ никто иной, какъ оный, давній отрокъ Гіезій. Онъ обородатѣлъ и постарѣлъ, но видъ имѣлъ очень болѣзненный.

XXXIV.

Какъ только я назвалъ себя, Гіезій узналъ меня сразу и подалъ свою уваленную птичьимъ пухомъ руку. А между тѣмъ и перепелиная казнь была кончена; поваръ соскочилъ на землю и пошелъ къ бочкѣ съ водою мыть руки, а мы съ старымъ знакомцемъ отправились пить чай. Сѣли уютненько, рѣшето съ птичьими головками подъ столъ спрятали и разговорились.

Гіезій сообщилъ мнѣ, что онъ давно отбылъ годы обѣтованнаго отрочества и уже женатъ на второй женѣ, имѣетъ дѣтей, а живетъ промысломъ—торгуетъ то косами и серпами, то пенькою и пшеномъ, иногда-же, между дѣломъ, и живностію.

Спрашиваю: счастливо-ли живете?

— Ничего-бы, отвѣчаетъ, если-бы не ракъ.

— Какой ракъ?

— А какъ-же, говоритъ, вѣдь у меня ракъ въ желудкѣ; я скоро умру.

— Да почему вы знаете, что у васъ ракъ?

— Много докторовъ видѣли, всѣ одно сказали: ракъ. Да я и самъ вижу. Никакой пищи принять не могу, отъ всего тошнитъ.

— Чѣмъ-же вы лѣчитесь?

— Прежде лѣчился, а нынѣ бросилъ, одинъ морковный сокъ на тощакъ пью. Все равно, пользы никакой быть не можетъ.

— Отчего вы такъ печально думаете?

— Помилуйте, развѣ я дитя, что не понимаю. Тридцать вѣдь, сударь, лѣтъ и три года этакое тиранство я соблюдалъ при дѣдушкѣ Малахіи! Вѣдь это вспомянуть страшно становится. Онъ говѣлъ въ лѣтѣхъ своихъ заматорѣлыхъ, а я одно и такое-же мученіе съ нимъ претерпѣвалъ въ цвѣтущей моей младости.

— И потомъ онъ васъ тоже билъ.

— Да, разумѣется, „началилъ", да это ничего, безъ того и невозможно. А вотъ голодъ—это ужасно. Бывало въ госпожинъ постъ и оскребки изъ деревянной чашки всѣ со щепой переѣшь и, что въ землѣ случаемъ ногами втоптано, вездѣ выковыряешь да проглотишь, а теперь вотъ черезъ это старовѣрское злое безуміе и умирай безъ времени, а дѣтей пусти по міру.

— Вы, говорю, постъ называете безуміемъ?

— Да-съ. А что такое? Впрочемъ, не осудите, съ досады иной разъ, какъ о ребятишкахъ вздумаешь, очень что-нибудь скажешь. Дѣтей жалко.

— А какъ теперь ваши религіозныя убѣжденія?

Онъ махнулъ рукою.

— Тропарь по старому не поете?

Гіезій улыбнулся и отвѣчалъ: „что вспомнили!—пѣлъ да уже и позабылъ".

— Какъ позабыли?

— Ну, Господи мой, вѣдь я-же вамъ говорю, какая у меня страшная боль въ животѣ. Ракъ! Я теперь даже не токмо, что среду и пятокъ, а даже и великій постъ не могу никакой говѣйности соблюдать, потому меня отъ всего постнаго сейчасъ вытошнитъ. Сплошь теперь, какъ молоканъ, мясное и зачищаю, точно баринъ. При вѣрной церкви уже это нельзя, я и примазался...

— Къ единовѣрческой?

— Нѣтъ, чего! Тамъ тоже еще есть жизни правила, я къ простой, къ греко-россійской.

— Значитъ, даже тремя перстами креститесь.

— Все равно. Да и какое уже мое крещеніе. Почитай и о молитвѣ забылъ. Только-бы пожить для ребятъ хочется. Для того и присталъ къ церковной вѣрѣ, что слабже.

— А прочіе ваши собратія?

— Они тогда, какъ въ Кіевѣ дѣдушку схоронили, сейчасъ съ сосѣдями тропарь пѣть замоталися, да такъ на тропарѣ и повисли. Нравится имъ это, да оно и отчего-же?— заключилъ онъ:—если у кого силы живота постоянныя, то вѣдь можно какъ угодно вѣрить; но съ такимъ желудкомъ, какъ мой, какая ужъ тутъ вѣра! Боль одна!

Съ тѣмъ мы и разстались.

Обѣтованный отрокъ, не читая энциклопедистовъ и другихъ проклятыхъ писателей, самъ приблизился къ теоріи Дидро и поставилъ вѣру въ зависимость отъ физіологіи.

Епископъ Амвросій Ключаревъ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ Москвѣ, напрасно порѣшилъ, что намъ грѣшнымъ „лучше-бы не родиться". Тотъ, кто призвалъ насъ къ жизни, конечно, лучше почтеннаго архипастыря зналъ, кому лучше родиться, а кому не родиться, а отъ вѣры-то удаляемъ народъ не мы, писатели, которыхъ простой народъ еще не знаетъ и не читаетъ, а тѣ, кто „возлагаетъ на человѣки бремена тяжкія и неудобоносимыя". Но мы покорно вѣримъ, что въ большомъ хозяйствѣ Владыки вселенной даже и этотъ ассортиментъ людей пока еще на что-то нуженъ.

Н. Лѣсковъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СЕМЕНЪ ГАРКУША.

(1772—1784 г.).

Зовуть мене розбійникомъ, кажуть—розбиваю;
Я-жъ никого не вбивъ, бо й самъ душу маю.
Возьму гроши зъ богатого, убогому даю,
А такъ гроши поділивши, самъ гріха не маю.
(С. Максимовъ. „Сибирь и Каторга", ч. I, стр. 416)

Вторая половина прошлаго столѣтія—самое тяжелое время въ жизни крестьянства лѣвобережной Украйны. Проведеніе линіи форпостовъ на границѣ теперешней полтавской губерніи и екатеринославскихъ степей, постепенное стѣсненіе запорожцевъ и наконецъ совершенное уничтоженіе существованія послѣднихъ, — все это обстоятельства, значительно повліявшія на ухудшеніе положенія крестьянъ черниговской и полтавской губерній. Запорожье уже не могло своимъ вліяніемъ поддерживать протестующіе элементы родственной ему гетманщины, а линія форпостовъ значительно препятствовала осуществленію единственнаго возможнаго тогда протеста—побѣга съ мѣста жительства къ берегамъ Чернаго моря,—на Донъ, или-же на Кубань.

Всѣмъ этимъ пользовалась все выдѣлявшаяся изъ среды козачества войсковая старшина, наростающее украинское дворянство, и съ успѣхомъ работала надъ достиженіемъ своихъ цѣлей: ограбленія, а затѣмъ и закрѣпощенія своихъ собратій, простыхъ козаковъ, не обладавшихъ такой житейской мудростью и беззастѣнчивостью въ выборѣ средствъ къ наживѣ, какими отличалась старшина.

Въ это время слышатся частыя жалобы со стороны крестьянъ и простаго козачества на притѣсненія старшины; жалуются на того

или другаго сотника, обвиняютъ его въ захватѣ общественныхъ земель, или-же въ отнятіи у козака его участка и затѣмъ присвоеніи прежняго владѣльца себѣ въ крестьянство. Но жалобы эти поступали на разсмотрѣніе высшей мѣстной администраціи, хотя назначенной контролировать дѣйствія козацкой старшины, но отличавшейся взяточничествомъ, и вслѣдствіе этого жаловавшіеся бѣдняки никогда не были удовлетворяемы.

Съ другой стороны старшина жалуется на постоянные разбои и грабежи, производимые простымъ людомъ. Послѣдняго рода жалобы къ концу семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія особенно усиливаются; въ это время входитъ въ среду протестующихъ элементовъ бывшій запорожецъ-купецъ Семенъ Гаркуша, подъ руководствомъ котораго грабительства учащаются и отличаются замѣчательнымъ успѣхомъ. Его значительная энергія, большая разборчивость въ выборѣ предмета нападенія, именно самаго непопулярнаго пана, помощь угнетеннымъ — все это привлекаетъ къ нему расположеніе крестьянства, чѣмъ значительно облегчается успѣхъ его предпріятій. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, во время значительнаго перелома въ жизни непривиллегированныхъ классовъ Украины, грабежи его наводятъ ужасъ на пановъ, имя его дѣлается пугаломъ для капризныхъ барчатъ, и если грабежи его съ компаніей не переходятъ въ открытое заявленіе протеста противъ окончательно устанавливавшагося тогда общественнаго строя и экономическаго гнета, то только благодаря чисто географическимъ условіямъ мѣстности, не позволявшимъ правильно организоваться всѣмъ недовольнымъ.

Семенъ Гаркуша [1]), сынъ крестьянина пана Старинскаго, Ивана Николаенка, родился около 1739 года въ небольшомъ полѣсскомъ селеніи Березани, теперешнемъ Березовѣ, мозырскаго уѣзда. До девяти лѣтъ онъ жилъ при родителяхъ, посѣщалъ между прочимъ приходскую школу, находившуюся въ томъ-же селѣ, но недолго: съ масляной недѣли началъ, а въ петровъ постъ прекратилъ. Вѣроятно, тогдашняя школьная наука и система обученія пришлись

---

[1]) Дѣло о разбойникахъ Семенѣ Гаркушѣ, Романѣ Босенку и Петрѣ Тарасенку-Дроботу, изъ передержателяхъ и участникахъ, 1783 г., хранится въ библіотекѣ кіевской временной коммисіи для разбора древнихъ актовъ.

не по сердцу молодому школяру, и онъ такъ скоро безъ согласія отца прекратилъ ученье въ ней. Этому весьма много помогли проходившіе тогда черезъ Березань купцы - запорожцы, которые своими разсказами о житьѣ на Запорожьи и другими приманками увлекли за собой Семена. Девяти лѣтъ отъ роду оставляетъ онъ отца, мать, родное село, оставляетъ и школу съ ея непривѣтливымъ дьячкомъ учителемъ съ тѣмъ, чтобы уйти на житье въ далекій, ему невѣдомый, но какъ-то фантастически-привлекательно рисующійся въ его воображеніи край.

Случаи сманиванія и даже увода силой чужихъ дѣтей довольно часты въ жизни запорожцевъ. Иной холостой козакъ сидитъ въ лугу зимовникомъ, занимается хозяйствомъ, наживаетъ значительное состояніе, и всего у него вдоволь, а все таки живется ему какъ-то тяжело, чувствуется, какъ будто ему еще чего-то не достаетъ, такъ трудно ему разстаться съ унаслѣдованной вѣками привычкой; не разъ задаетъ онъ себѣ вопросъ: „хто-жъ поживе після мене все мое добро? для кого се я роблю?“ И вотъ онъ рѣшается найти себѣ наслѣдника; если онъ имѣетъ родственниковъ, то у нихъ выпрашиваетъ себѣ въ сыновья мальчика, а по большей части уводитъ лаской или силой чужаго. Приводитъ къ себѣ въ зимовникъ, селитъ въ немъ, если еврейское дитя, то предварительно креститъ, усыновляетъ и воспитываетъ, какъ своего роднаго. Такъ поступилъ и Яковъ Легкоступъ, сманившій Гаркушу.

— „Доглядай, сынку, хозяйства; умру, все тобі-жъ зостанеться, не кому иншому“, не разъ говорилъ старый Легкоступъ Семену; а Семенъ и безъ того не нарадуется своему новому житью: лѣтомъ онъ пасетъ лошадей, сопровождаетъ отца на охотѣ; настанетъ осень, снаряжаетъ съ отцомъ возы въ Крымъ, набираетъ тамъ соли и везетъ продавать на Украйну. Правда, случается иной разъ и поголодать въ дорогѣ, и промокнуть на дождѣ, но все это не такъ тяжело чувствуется, какъ чувствовалось, когда пасъ панскихъ лошадей.

Такъ текла жизнь Семена въ теченіи восьми лѣтъ. Между тѣмъ старый Легкоступъ еще болѣе постарѣлъ, сталъ чувствовать, что не долго уже ему оставаться на этомъ свѣтѣ; поэтому передалъ все свое хозяйство Семену, распорядился похоронами, да вскорѣ и умеръ. Остался Гаркуша полнымъ хозяиномъ всего имущества

Легкоступа: у него теперь — табунъ лошадей, стадо рогатаго скота, отара овецъ; но продолжать хозяйничать, какъ хозяйничалъ Легкоступъ, онъ не думаетъ: ему хочется пожить въ Сѣчи, а главное—вести хозяйство въ такихъ размѣрахъ, какъ прежде, теперь нельзя. Тогда на сѣверѣ запорожскихъ степей селились выходцы изъ Австріи, сербы, и годъ за годомъ подвигались къ югу, оттѣсняя запорожцевъ все болѣе и болѣе во внутрь ихъ степей. Приходилось жившимъ тамъ запорожцамъ или сокращать свое хозяйство за недостаткомъ нужнаго количества пастбищъ, или совсѣмъ оставлять его. Многіе избирали послѣднее; это-же выбралъ и Гаркуша; онъ продалъ отцовскихъ лошадей, воловъ, овецъ, выручилъ за нихъ до полуторы тысячи рублей и съ вырученными деньгами явился въ Сѣчь, гдѣ былъ принятъ и записанъ въ число козаковъ шкуринскаго куреня. Тутъ братчики, всегда цѣнившіе человѣка по его личнымъ достоинствамъ или недостаткамъ, а не по заслугамъ отца его, окрестили новичка по своему звычаю, давъ ему прозвище Гаркуши, „по причинѣ гаркавости его въ произношеніи рѣчей“: Гаркуша сильно картавилъ. Это прозвище носилъ онъ въ теченіе всей своей послѣдующей жизни, подъ нимъ извѣстенъ онъ и потомству.

Жизнь на Запорожьи, какъ разсказываютъ, проходила или за чаркой, или въ походахъ на турокъ да татаръ, по пословицѣ: „козакъ або пье, або турка бье, а все не гуляе“. Не такъ повелъ свою жизнь Гаркуша; онъ, на принесенныя съ собой въ Сѣчь деньги, купилъ шесть пароконныхъ возовъ и ходилъ вмѣстѣ съ другими запорожцами въ Перекопъ, на Прогнои, набиралъ здѣсь соли, а на Запорожьи рыбы и возилъ продавать въ Нѣжинъ, Конотопъ, Глуховъ и другіе украинскіе города; а отсюда набиралъ хлѣба, веревокъ, килимовъ и другихъ товаровъ и возилъ ихъ сбывать на Запорожье. Такъ занимался онъ торговлей въ продолженіи четырнадцати лѣтъ; на пятнадцатомъ долженъ былъ на нѣкоторое время прекратить свои торговыя дѣла и заняться военными.

Тогда Россія вела войну съ Турціей, и запорожцы лѣтомъ 1770 года были посланы на лодкахъ подъ Очаковъ; въ этой флотиліи въ продолженіе всего лѣта находился и Гаркуша. Былъ онъ еще и другой разъ въ походѣ на турокъ,—это походъ подъ Хаджибей подъ начальствомъ войсковаго старшины Андрея Посача. Тутъ были они не долго: „три дня простояли мы подъ Гаджибеемъ,

разсказывалъ Гаркуша, были перестрѣлки съ турками, много турокъ побили и ранили; съ нашей стороны ранили только двухъ: меня да товарища моего. На четвертый день повернули назадъ въ Сѣчь, при чемъ дорогой отбили у татаръ нѣсколько табуновъ лошадей и подуванили ихъ въ степи".

Вернулся Гаркуша на Запорожье, залѣчилъ рану, да и занялся по прежнему торговлей; но въ этотъ разъ не надолго: скоро онъ лишился всего своего состоянія. Случилось это около Межигорья, въ тогдашнихъ польскихъ владѣніяхъ. Предъ этимъ онъ ѣздилъ въ Харьковъ, накупилъ тамъ килимовъ, сала, вернулся назадъ въ Запорожье; отсюда взялъ еще два воза рыбы и думалъ все это везти на продажу въ Мозырь. Нужно было пробраться черезъ польскую границу, которая тогда со стороны запорожскихъ степей тщательно оберегалась, и, такъ какъ побаивались повторенія уманской рѣзни, то пропускъ запорожцевъ въ польскія владѣнія былъ строжайше воспрещенъ; но Гаркуша съ двѣнадцатью другими козаками ухитрился перейти границу, минуя кордонную стражу; перешелъ и, отъѣхавъ на нѣсколько верстъ отъ кордону, остановился въ лѣсу на ночлегъ. Тутъ наѣхалъ на нихъ кордонный объѣздъ, и Гаркуша, зная, какая участь постигаетъ въ Польшѣ всякаго заподозрѣннаго въ гайдамачествѣ, счелъ за лучшее оставить весь свой товаръ на десяти повозкахъ и сорокъ лошадей при нихъ и уйти, чѣмъ защищаться съ малой надеждой на успѣхъ и въ послѣдствіи быть посажену на колъ или повѣшену на висѣлицѣ.

Ушелъ Гаркуша, но не въ Сѣчь: не хотѣлось ему теперь показываться между своими товарищами козаками, прежде знавшими его, какъ весьма состоятельнаго человѣка; пошелъ онъ въ Черниговщину, гдѣ думалъ подыскать себѣ бѣглаго солдата или крестьянина и вмѣстѣ съ нимъ раздобыть средства къ жизни такимъ-же образомъ, какимъ лишился бывшихъ у него, а затѣмъ зажить по прежнему. Остановился онъ въ ново-млинскихъ лѣсахъ, что подлѣ Борзны, и въ теченіи трехъ недѣль высматривалъ товарища, по временамъ оставляя лѣсъ, чтобы сходить въ Борзну или Новые-Млины и купить тамъ хлѣба на деньги, унесенныя имъ въ карманѣ во время побѣга отъ польской стражи. Скоро всѣ деньги издержалъ, а товарища все нѣтъ. Тутъ случайно встрѣтился онъ съ прежнимъ хорошимъ знакомымъ, значковымъ товарищемъ Ефимомъ Бѣлявскимъ, который и пригласилъ его къ себѣ на житье.

Было утро праздничнаго дня; въ Борзнѣ собирался базаръ, и уже много проѣхало и прошло козаковъ и крестьянъ, поспѣшая въ городъ на торгъ. Вышелъ Гаркуша, чтобы послѣдній разъ сходить въ городъ и купить тамъ хлѣба на остававшіяся еще въ карманѣ двѣ копѣйки. Неопредѣленность положенія, недостатокъ въ пищѣ замѣтно изнурили его; онъ плелся по дорогѣ, опустивъ голову внизъ и едва передвигая нога за ногою. Шелъ онъ и раздумывалъ, что дальше будетъ, когда издержитъ эти двѣ копѣйки. Въ это время сзади его показалась повозка, запряженная въ три лошади, на ней человѣкъ, подлѣ него мальчикъ. Это ѣхалъ Ефимъ Бѣлявскій, нѣжинскій козакъ, не такъ еще давно первый дука въ Нѣжинѣ, теперь почти такой-же бѣднякъ, какъ и Гаркуша. Да, было время, когда Бѣлявскій былъ богатъ, велъ значительную торговлю хлѣбомъ, всякое лѣто высылалъ нѣсколько десятковъ волоныхъ возовъ въ Крымъ съ пшеницей; тогда и Гаркуша не разъ заѣзжалъ къ нему съ солью, а у него набиралъ хлѣба; тогда они и свели знакомство между собою. Но къ богатству захотѣлось Бѣлявскому и вліянія; тутъ нужно было посчитаться силами съ нѣжинскимъ сотникомъ, и Бѣлявскій остался въ проигрышѣ; сотникъ пообѣщалъ оставить его безъ рубахи и сдержалъ свое слово: въ недавно бывшую войну съ турками потребовалъ отъ Бѣлявскаго нѣсколько разъ не въ очередь подводъ; волы въ дорогѣ пали, фуражъ пропалъ, сотникъ обвинилъ его въ растратѣ, и пришлось Бѣлявскому продать домъ, лавки въ Нѣжинѣ и выбраться на хуторъ, лишь-бы задобрить старшину и избавиться отъ суда. Вчера отвезъ онъ въ Глуховъ послѣдніе сто рублей, сегодня, возвращаясь домой, раздумывалъ, кончится-ли этимъ дѣло, или нужно будетъ лишиться и хутора. И такъ ему хотѣлось съ кѣмъ-нибудь поговорить, пожаловаться на свою недолю, поругать старшину. Поровнявшись съ Гаркушей, онъ нѣсколько пріостановилъ лошадей, пустилъ ихъ шагомъ и вступилъ въ разговоръ съ путникомъ.

— Здоровъ, козаче, а куды такъ Богъ несе?

— Та йду въ Борзну, на базаръ—отвѣтилъ Гаркуша, не подымая глазъ на спрашивавшаго; но кто разъ слыхалъ голосъ Гаркуши, тому трудно было не узнать его; узналъ и Бѣлявскій.

— Се ты, Семене? Звідкіля и якъ се ты тутъ? Сідай-же сюды до мене, та роскажи!

Присѣлъ Гаркуша на повозку и началъ разсказывать, какъ попалъ онъ въ Черниговщину; разсказалъ и Бѣлявскій о своемъ горѣ, и въ концѣ оба сошлись въ планахъ дальнѣйшей жизни. И вотъ они, подыскавъ еще двухъ товарищей, нѣсколько разъ, переправясь черезъ Днѣпръ, грабятъ тамошнихъ пановъ. На одномъ изъ грабежей ихъ поймали, выдали русскому правительству, а это осудило на поселеніе въ застраивавшемся тогда Таганрогѣ. Здѣсь Гаркуша прожилъ годъ, а на другой ушелъ, сманивъ съ собой и солдата, который караулилъ его.

Въ это время у Гаркуша является желаніе устроиться такъ, чтобы его никто не тревожилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ можно было-бы искупить свои прегрѣшенія: онъ пробуетъ въ нѣсколькихъ монастыряхъ опредѣлиться послушникомъ, но вездѣ получаетъ отказъ, такъ какъ не можетъ представить паспорта. Эта неудача и невозможность устроиться иначе снова наталкиваютъ его на прежнее занятіе. Товарищей подыскивать теперь онъ умѣетъ, да это и не такъ трудно: то было время, когда по Полтавщинѣ и Черниговщинѣ скиталось много разнаго люда, готоваго всякую минуту на протестъ противъ установлявшагося тогда экономическаго порядка; были то или крестьяне, ушедшіе отъ невыносимыхъ притѣсненій своихъ помѣщиковъ, или козаки, обезземеленные и обнищенные всесильной войсковой старшиной, или люди литовской породы, вынужденные частыми голодовками покинуть свой родной край и искать въ другомъ мѣстѣ лучшаго.

Въ этотъ періодъ мѣстомъ жительства Гаркуша избираетъ хуторъ козака Палюхи, что подлѣ селенія Терновъ, лебединскаго уѣзда; здѣсь онъ свелъ знакомство съ терновскимъ жителемъ Романомъ Боссикомъ, который почти во всю жизнь не разставался со своимъ атаманомъ. Боссико лишился отца, когда ему было только два года отъ роду, и до восемьнадцати лѣтъ проживалъ при матери. На девятнадцатомъ ушелъ на заработки на донскіе рыбные заводы и работалъ здѣсь въ теченіе шести лѣтъ, стараясь скопить копѣйку и обзавестись своимъ хозяйствомъ. Сберегъ онъ кое-какъ двадцать рублей, купилъ на нихъ лошадь и повозку, положилъ заработанную рыбу и вернулся въ Терны къ матери. Не ласково встрѣтилъ его помѣщикъ послѣ шестилѣтней самовольной отлучки, и Романъ, прослышавъ, что поблизу проживаетъ Гаркуша, присталъ къ нему.

Изъ Палюхинаго хутора ѣздили они на гребежъ въ селеніе Крыгу [1]); тамъ жила мѣщанка Дѣвичка, у которой разсчитывали найти большія богатства, но ошиблись: Дѣвичка обыкновенно закапывала деньги въ землю, а на верху держала только самое необходимое для мелкихъ расходовъ, и какъ ни старались выпытать, гдѣ хранятся ея деньги, Дѣвичка все-таки не сказала. Взяли только тѣхъ двадцать съ лишнимъ рублей, что не были закопаны въ землю, да нѣсколько сувоевъ полотна, нѣсколько дорогихъ платковъ, съ тѣмъ и ушли домой.

Болѣе удачна была поѣздка въ Новгородъ-Сѣверскъ къ тамошнему бургомистру Ивану Зимаку или Зименку; у него нашли до пяти-сотъ рублей, нѣсколько „цѣновыхъ тарелокъ" и серебряныхъ рюмокъ. Вернулись на хуторъ, подѣлились добычей и прожили здѣсь до мая мѣсяца. Въ маѣ пріѣхали къ Палюхѣ Василь Подолянка, Микита Дурный, Якимъ Шугайло, Кирило Стягайло и Степанъ Барабашъ—бывшіе запорожцы, все товарищи Гаркуши, и стали приглашать его съ компаніей на грабежъ въ польскія владѣнія, въ Каневъ. Гаркуша согласился, и черезъ два дня вся компанія двинулась въ путь. Подойдя къ Днѣпру подлѣ Кіева, они остановились въ лозахъ и стояли здѣсь до пяти дней, пока не удалось въ одну ночь уворовать дубъ и перетащить его въ лозы. Въ слѣдующую ночь всѣ они съ лошадьми и повозками переправились на ту сторону Днѣпра и, оставляя въ сторонѣ села, деревни и кордонную стражу, полемъ да лѣсами подошли къ Каневу и остановились въ ближайшемъ лѣсу.

Отсюда Гаркуша съ двумя запорожцами пошелъ осматривать расположеніе тѣхъ дворовъ, на которые расчитывали сдѣлать нападеніе; послѣ осмотра онъ рѣшилъ, что имѣющихся силъ достаточно и, переждавъ въ лѣсу до наступленія ночи, повелъ своихъ двѣнадцать товарищей глухими улицами въ дворъ каневскаго жида Лейбы Боруховича. Тутъ нашли до десяти человѣкъ, всѣхъ ихъ перевязали и бросили въ погребъ, а Лейбу водили по комнатамъ, требуя отъ него денегъ. Не выдержалъ Лейба, указалъ, гдѣ хранятся его семь тысячъ, да золотая и серебряная посуда, и Гаркуша, очистивъ поскорѣе сундуки, снесъ все къ повозкамъ въ лѣсъ,

---

[1]) Народное названіе Бѣлополья, заштатнаго, сумскаго уѣзда.

и въ ту-же ночь пошелъ обратно въ Каневъ къ другому мѣстному богачу, польскому пану Левойтовичу. Долго Левойтовичъ не хотѣлъ выдавать денегъ, но удары „барбарой“ заставили и его отсчитать три тысячи червонцевъ и вынести всю дорогую посуду. Тогда пана связали и заперли въ погребъ, а сами пошли въ лѣсъ къ повозкамъ и, отъѣхавъ верстъ пятнадцать отъ Канева, подѣлились добычей, послѣ чего запорожцы отдѣлились и пошли своей дорогой, а Гаркуша съ компаніей воротился къ Палюхѣ.

Это былъ послѣдній грабежъ Гаркушинъ послѣ побѣга изъ Таганрога; черезъ нѣсколько дней, когда онъ вмѣстѣ съ Босенкомъ зашелъ въ Ромны, чтобы купить харчей, онъ былъ опознанъ сидѣвшимъ въ роменскомъ острогѣ козакомъ Осадчимъ и, по его указанію, схваченъ и преданъ суду. Судъ осудилъ его съ Босенкомъ на ссылку въ вѣчную каторгу. По дорогѣ въ Казань, куда въ то время ссылали каторжниковъ, въ Москвѣ дали Гаркушѣ двадцать пять ударовъ кнутомъ, вырвали ноздри и поставили три указныхъ знака: на лбу и обѣихъ щекахъ.

Живетъ Гаркуша въ Казани, работаетъ исправно, все начальство довольно имъ; а между тѣмъ никакъ не можетъ позабыть жизни на Украйнѣ; иной разъ вспомнится ему его зимовникъ, Запорожье; тогда и безъ того тяжелое положеніе дѣлается еще болѣе тяжелымъ. Прожилъ онъ такъ годъ, на другой не выдержалъ, ушелъ; не остановилъ его и страхъ передъ кобылой, заплечнымъ мастеромъ и его кнутомъ.

Какъ-то ему позволено было пойти на базаръ для испрошенія милостыни; тутъ онъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, купилъ долото и тайнымъ образомъ пронесъ его въ казармы. Наступила ночь, всѣ уснули, а Гаркуша съ Босенкомъ, Зміенкомъ, да тремя „русской породы колодниками“ принялись разбирать стѣну; быстро пошла работа, скоро достаточная дыра была готова, и шесть арестантовъ еще за долго до разсвѣта стали разбивать въ лѣсу на свободѣ кандалы. Гаркушѣ это было не въ первые, и онъ быстро разбивалъ цѣпи на своихъ товарищахъ, приставляя долото къ спайкѣ кольца, а тѣ, наученные Гаркушею, разбили и ему.

Два дня шли они лѣсами безъ всякой пищи; на третій набрели на избенку, въ которой жилъ чувашъ; онъ далъ имъ полхлѣба, но такое количество могло только возбудить ихъ аппетитъ,

но не утолить его; и сколько они ни просили чуваша дать имъ еще хоть два хлѣба, тотъ не умилостивлялся никакими просьбами; тогда компанія рѣшила силой взять пять хлѣбовъ, ружье, пороху, дроби и идти дальше. Черезъ два дня они подошли къ большой рѣкѣ; на песчаномъ берегу ея въ челнокахъ сидѣло нѣсколько рыбаковъ черемисовъ. Это была Волга, черезъ которую имъ необходимо было переправиться. Встрѣченные черемисы оказались весьма гостепріимнымъ народомъ, подѣлились съ бѣглецами пищей, какая была у нихъ и перевезли на ту сторону. Теперь они были на обыкновенной дорогѣ бѣглыхъ арестантовъ, и заботиться о пищѣ уже не приходилось: жители селеній, лежавшихъ по этой дорогѣ, чтобы избавиться отъ нападеній бѣглыхъ арестантовъ, выставляли на ночь въ баняхъ или другихъ стоящихъ на отшибѣ строеніяхъ хлѣбъ, молоко и другую пищу; арестанты заходили, поѣдали выставленное и шли дальше, не трогая хозяевъ. Въ Казани наши бѣглецы слыхали объ этомъ самымъ собою установившемся договорѣ и пользовались имъ до самой Москвы. Не доходя до Москвы, русскіе отдѣлились и пошли въ свой край, а Гаркуша съ Босенкомъ на Украйну, потому что Зміенко также отдѣлился отъ нихъ.

Опять Гаркуша на Украйнѣ, опять своими смѣлыми грабежами наводитъ страхъ на пановъ и возбуждаетъ массу толковъ о своемъ характерствѣ въ простомъ народѣ. Разсказывали тогда, что его и пуля не беретъ; что будто-бы во время побѣга изъ тюрьмы въ него нѣсколько разъ стрѣляли, но пули, заговоренныя Гаркушей, летѣли мимо него или возвращались назадъ. Разсказывали, что у него „есть злодійське зіллья—розрывъ трава“, которая всякое желѣзо разрываетъ, и стоитъ его лишь приложить къ кандаламъ или замку, какъ они разорвутся и спадутъ. И много, много разсказывали тогда о его характерствѣ. Проживалъ онъ послѣ побѣга изъ Казани то подъ м. Смѣлымъ, на хуторѣ козака Кондрата Бардака, то въ самомъ Смѣломъ (мѣстечко роменскаго уѣзда) у смѣлянскаго сотника Тарана [1]). Здѣсь Гаркуша организовалъ нѣсколько партій

[1]) О Таранѣ производившіе слѣдствіе не упоминали ни въ показаніяхъ Гаркуши, ни въ показаніяхъ Босенка. Судиловскій указываетъ только на его участіе, да несомнѣнный свидѣтель факта—народная пѣсня; по ней выходитъ, что потерпѣлъ наказаніе Бардакъ, какъ простой козакъ, Таранъ-же, какъ войсковая старшина, остался безнаказаннымъ. Вотъ эта пѣсня:

и однихъ пускалъ на гребежи, съ другими дѣйствовалъ подъ своимъ личнымъ предводительствомъ. Завелъ артельную кассу, изъ которой выдавалъ деньги на покупку предметовъ, нужныхъ для общаго употребленія: саней, повозокъ, лошадей, на съѣстные припасы, на уплату за предостереженія и т. д.

Послѣ праздника Покрова пресвятой Богородицы 1782 года Гаркуша отправилъ одну партію въ семь человѣкъ на грабежъ въ екатеринославскія степи, а съ другой задумывалъ самъ пойти въ Воронежъ (мѣстечко глуховскаго уѣзда) къ тамошнему помѣщику, бунчуковому товарищу Матвѣю Холодовичу. Богатъ былъ Холодовичъ, всю жизнь копилъ онъ деньгу, собирая правымъ и неправымъ образомъ; накопилъ три сундука серебра да золота. Для кого-жъ обижалъ онъ крестьянъ и простыхъ козаковъ, чтобы положить лишній рубль въ свой карманъ: природа его обидѣла, уже онъ и постарѣлъ, а дѣтей не далъ Богъ; были, правда, внуки, сы-

---

Да хотівъ Бардакъ, да хотівъ Кіндратъ
Зъ Тараномъ зрівняться;
Дала-жъ ёму вража мати
Зъ Гаркушею зізнаться...
Що у Бардака, у Кіндрата
Весь двіръ на помості,
Наіхали до Бардака
Не весели гости.
—Здоровъ, Бардакъ, здоровъ Кіндратъ!
Якъ ты поживаешъ?
Зъ далекою краю гости маешъ,
Чимъ ты ихъ привитаешъ?
Ой чи медомъ, чи виномъ, чи горілкою?
Попрощайся, Бардакъ Кіндратъ,
Зъ дітками та зъ жінкою!
—Отъ вамъ, братця запорожці,
Грошей по коробці,
Та не ведіть вы мене, Бардака,
Въ Конотопъ въ колодці.
Ой въ неділю рано пораненьку,
Въ Конотопі усі дзвони дзвонять,
На рыночку за Бардакомъ
Жінка, діти голосять...

С. Поповка, конотоп. у. Сообщ. П. А. Терентьевъ.

новья братовой дочери Массалитиновой, но къ нимъ онъ почему-то не благоволилъ; и вотъ Холодовичъ началъ строить, украшать церкви, заводить богадѣльни. Прослышали объ этомъ внуки и рѣшили напомнить дѣдушкѣ о своемъ существованіи; какъ-то осенью послали они въ подарокъ Холодовичу коня. Холодовичъ коня принялъ и съ своей стороны поблагодарилъ внуковъ свѣжей рыбой. Въ Филипповъ постъ Массалитиновы опять послали дѣдушкѣ коня. Холодовичъ разсердился:

— Шо се вони менi шлють, да шлють коней, хиба у мене своихъ нема?—и велѣлъ своему господарю Гладкому отвесть втораго коня назадъ.

Поняли внуки, что наслѣдство уходитъ отъ нихъ, и рѣшили взять силой, если старый хрычъ не хочетъ дать по доброй волѣ.

— Коли такъ, то наведемъ мы на ёго Гаркушу, сказалъ старшій Массалитиновъ Гладкому (когда тотъ разсказывалъ, какъ разсердился Холодовичъ, получивъ второй подарокъ), вынулъ изъ кармана два рубля, подалъ господарю и спросилъ, гдѣ живетъ Гаркуша.

Гаркуша принялъ предложеніе Массалитиновыхъ: съѣздилъ съ товарищами нѣсколько разъ въ Воронежъ, чтобы высмотрѣть, какъ удобнѣе забраться во дворъ къ Холодовичу, познакомился съ господаремъ Холодовича, Петромъ Гладкимъ, и склонилъ его руководить предпріятіемъ.

Настали рождественскіе праздники; первые два дня Гаркуша прогулялъ въ Смѣломъ у Тарана, на третій пустился въ путь, взявъ съ собой тринадцать товарищей. Подъѣхавъ къ избѣ Гладкаго, онъ постучалъ въ окно и вызвалъ хозяина на дворъ.

— Сёгодні не можна: багато людей ночуе у дворі; ідьте за містечко и тамъ пробудьте до завтра, а на ту нічъ я зоставлю въ дворі тілько тихъ, шо завше ночують; ну, ихъ не багато, зъ ними легко справитесь.

Такъ и сдѣлали. На слѣдующую ночь пошли прямо во дворъ Холодовича. Въ винницѣ нашли нѣсколькихъ рабочихъ и самаго господаря; всѣхъ ихъ перевязали и рабочихъ бросили въ погребъ, а господаря водили за собою, показывая видъ, что бьютъ его и этимъ вынуждаютъ указывать, гдѣ кто ночуетъ. Въ кухнѣ спало трое мущинъ, да двѣ женщины; ихъ также связали и отправили къ первымъ въ погребъ, подлѣ котораго поставили на сторожѣ

Босенка съ пикой въ рукахъ. Предупредивъ такимъ образомъ все, что могло помѣшать имъ распоряжаться имуществомъ Холодовича, они всей компаніей пошли къ самому пану въ комнаты. Холодовичъ уже собирался улечься спать, и на „сонъ грядущій“ читалъ стоя какую-то книгу.

— Добрывечіръ, пане!

— Здравствуйте! отвѣчалъ Холодовичъ.

— Чи ради гостямъ?

— Та вже чи радъ, чи не радъ, а приймать мушу.

— Ото мы, пане, прочули, шо вы багато грошей назбірали; дітей вамъ не давъ Богъ, сами вже стари, скоро на той світъ підете, такъ зъ собою не заберете-жъ ихъ; такъ отсе мы прийшли до васъ, чи не оддасте вы ихъ намъ?

— Отутъ всі мои гроши, отвѣтилъ Холодовичъ, указывая на стоявшіе на полу сундуки,—а то висить ключъ до нихъ, и указалъ на стѣну; сѣлъ на кровать, закрылъ лице руками и проговорилъ: „такъ-то на світі Божімъ водиться: не той поживае, хто наживае, а той, кому Богъ судить“...

— Такъ, такъ, дідусю!—замѣтилъ стоявшій позади всѣхъ парень съ надвинутой до носа шапкой; то былъ внукъ Холодовича, Иванъ Масалитиновъ, но старикъ не узналъ его.

Открыли сундуки; въ нихъ все мѣшки съ червонцами да карбованцами; было много и разной посуды, золотой, серебряной съ позолотою и просто серебряной. Набрали каждый по-столько, поскольку снести могли, и для этого очистили два сундука, третьяго-же не тронули, оставили для Холодовича.

— Спасибі, пане, шо надбали. А чи нема у васъ чого поісти?

Холодовичъ указалъ на переднюю; тамъ въ шкафу стояли колбасы, хлѣбъ и водка. Взялъ Гаркуша нѣсколько колбасъ, три хлѣба, да „барыльце горілки“, прихватилъ съ собой свѣчу и все это отнесъ тѣмъ, что сидѣли въ погребѣ.

— Нате, іжте, пийте, та сидіть тихо, не кричить!—а самъ воротился въ комнаты, взялъ два мѣшечка съ червонцами и понесъ въ погребъ.

— Осе вамъ, шобъ малиеьте за шо одправить праздники; та дякуйте панови, шо надбавъ стільки.

Не позабылъ наградить и господаря.

— Отсе тобі, Петре! сказалъ Гаркуша, подавая Гладкому мѣшечекъ, въ которомъ значилось по надписи Холодовича четыреста рублей; тотъ былъ связанъ и попросилъ бросить въ стоявшій въ коморѣ кадовбъ съ просомъ и зарыть тамъ. Досталъ Босенко мѣшечекъ и, протоптавъ на снѣгу дорожку до воротъ, зарылъ его тамъ въ снѣгу.

— Візьмешь собі ихъ завтра, сказалъ онъ Гладкому.

Затѣмъ отвели и господаря къ прочимъ въ погребъ, заперли всѣ выходы изъ комнатъ, сѣли на поджидавшія ихъ у воротъ сани и ускакали на хуторъ къ Бардаку. У Бардака стали дѣлиться награбленнымъ; оказалось, что на каждаго изъ четырнадцати участниковъ приходится по тысячѣ семисотъ рублей, да Тарану съ Бардакомъ по такой-же части; отсчитали и въ общую кассу до трехъ тысячъ.

Цѣлыхъ двѣ недѣли угощали попеременно то Бардакъ, то Таранъ дорогихъ гостей. На третьей Гаркуша съ Босенкомъ сталъ приготовляться къ поѣздкѣ на самарскія степи. Нужно было перепрятать деньги, и Гаркуша, какъ разсказывалъ на допросѣ поступившій около этого времени въ его компанію Иванъ Звѣревъ-Судиловскій, „схоронилъ въ двухъ сторонахъ двора Таранового: въ первой на городинѣ, подъ хатою, въ покутнемъ углѣ живущаго вблизу съ Тарановымъ дворомъ мужика, по прозванію Короля, серебряныхъ денегъ чугунный котельчикъ, величиною какъ-бы съ водопоное ведро, и въ другой, въ конюшнѣ Тарана, подъ помостомъ, съ входу въ нее на правую руку, подъ угломъ, въ четырехъ полотняныхъ мѣшкахъ, въ двухъ серебрянные, а въ другихъ двухъ золотые имперіалы, да червонцы. Въ лежащемъ недалеко мѣстечка Смѣлаго окопѣ козака Гусака Гаркуша тогда-жъ спряталъ съ Петромъ Гусаченкомъ въ яловичей нечиненной шкурѣ разныхъ денегъ: мѣдныхъ, серебрянныхъ и золотыхъ какъ-бы мѣрокъ четыре казенныхъ. Да въ третьемъ мѣстѣ, въ лѣсу, около монастыря Петро-Павловскаго, состоящемъ надъ рѣкою Клевенью, вблизи гумна монастырскаго, по лѣвую сторону въ яру, въ примѣтѣ: недалеко двухъ большихъ дубовъ, отъ поля тѣмъ яромъ состоящихъ, изъ которыхъ на одномъ и борть имѣется, зарылъ Гаркуша въ полотняныхъ мѣшкахъ до двухъ тысячъ рублей мѣдной монеты“.

Передъ праздникомъ трехъ святителей гости распрощались съ Бардакомъ и поѣхали ромодановскимъ трактомъ черезъ Константиновъ,

мимо с. Бобрика. Ѣхали они къ Самарѣ, гдѣ въ зимовнику одного бывшаго запорожца проживалъ тогда бѣжавшій изъ ссылки Филиппъ Каневецъ. Еще въ Таганрогѣ слыхалъ Гаркуша о немъ, какъ о весьма искусномъ дѣлателѣ фальшивыхъ паспортовъ; теперь онъ думалъ раздобыть у Каневца для себя видъ и по дорогѣ развѣдать, гдѣ удобнѣе устроиться на своемъ хозяйствѣ.

Первую ночь провели въ Бодаквѣ у Ивана Козачка; здѣсь послѣ ужина Гаркуша, снявъ съ ногъ хозяина постолы, порѣзалъ ихъ на мелкіе куски и выбросилъ, затѣмъ вынулъ изъ кармана нѣсколько рублей и подалъ хозяину.

— На, да поший собі чоботы, а въ постолахъ не ходи!

На другой день подъѣхали къ шинку генерала Шамшева, что подлѣ слободы Бригадировки (хорольскаго уѣзда). Въ шинкѣ объявили себя роменскими чумаками и что ѣдутъ они на кобеляксія степи, гдѣ зимуютъ ихъ волы.

За чаркой, когда разговорились съ шинкаремъ, объявили ему, что ищутъ мѣста, гдѣ-бы поселиться; шинкарь сказалъ, что его господинъ заводитъ въ разныхъ мѣстахъ слободы и въ близь-лежащую Бригадировку уже четыре года вызываетъ переселенцевъ, и совѣтовалъ имъ поѣхать и осмотрѣть мѣстность. Поѣхали, осмотрѣли; Босенку понравилось мѣсто, и условія, предлагаемыя помѣщикомъ, онъ нашелъ выгодными, поэтому, купивъ у одного крестьянина избу съ огородомъ за сорокъ рублей, началъ торопить Гаркушу съ поѣздкой въ Самару за паспортомъ. Пріѣхали къ Самарѣ, нашли козака, у котораго проживалъ Каневецъ, но паспортовъ не получили: фабрикатора не было дома. Тутъ случайно встрѣтились съ другимъ дѣлателемъ фальшивыхъ видовъ, старымъ знакомымъ Гаркуши, Воровченкомъ.

Фабриковать паспорта было постояннымъ занятіемъ Воровченка; за двадцать копѣекъ всякій могъ, въ любое время, получить у него видъ на жительство; для такихъ случаевъ онъ постоянно носилъ при себѣ бумагу, перо, чернильницу, сургучъ и печать, купленную имъ когда-то въ Азовѣ, на рынкѣ, за два рубля.

Далъ онъ имъ паспортъ, одинъ на двоихъ; Гаркушѣ сказалъ называться азовскимъ купцемъ Иваномъ Ивановымъ, а Босенку— его работникомъ Петромъ.

— Но теперь уже не безпешно іздить зъ моими пашпортами; начальство довідалось про нихъ, и дуже додивлюется до всіхъ азовцівъ,—добавилъ онъ и пообѣщалъ свезти ихъ къ своему знакомому Пикинеру, который могъ снабжать всякаго рода видами, такъ какъ умѣлъ вырѣзать какую угодно печать на камнѣ, стоило лишь хоть разъ взглянуть ему на нее.

Познакомились съ Пикинеромъ, Гаркуша и Босенко разсказали ему, кто они таковы и зачѣмъ пріѣхали. Удовлетворилъ ихъ просьбу Пикинеръ, да и самъ вмѣстѣ съ Воровченкомъ присталъ въ компанію къ Гаркушѣ. Послѣ этого Босенко, имѣя въ рукахъ паспортъ на имя кременчугскаго мѣщанина Романа Коломійца, отдѣлился отъ Гаркуши и поселился въ Бригадировкѣ, а Гаркуша съ двумя новыми товарищами воротился въ Смѣлое къ Тарану.

Къ этому времени возвратились и тѣ, что ходили на грабежъ въ екатеринославскія степи. Не съ пустыми руками возвратились они.

— Коло Таганрогу зустріли мы валку чумаківъ,—разсказывали они,—везли вони рыбу; обступили мы ихъ, потребували грошей; вони зняли зъ возівъ пять мішківъ мідяківъ и віддали намъ. Звідсіль мы перебрались за Дніпро и підъ Херсономъ зустріли калмиківъ, гнали вони стадо коней, въ котрімъ було штукъ зо сто; половили мы стадниківъ и перевязали, а коней заняли и роспродали въ разныхъ містахъ, и отсе гроши, шо взяли за нихъ!

Не похвалилъ ихъ Гаркуша за такую неразборчивость.

— Не варто трогать того, хто може стать намъ инколи въ пригоді, сказалъ онъ, слушая разсказъ объ ограбленіи чумаковъ; взялъ деньги, отсчиталъ четвертую часть въ общую кассу, а остальное подѣлилъ поровну между участниками.

Въ это время Гаркуша замышлялъ повести компанію на новый грабежъ въ Конотопъ.

Въ Конотопѣ въ то время славилась своими богатствами Степанида Парпуриха, бывшая теперь уже второй разъ въ замужествѣ за конотопскимъ городничимъ Петромъ Базилевичемъ.

Первый ея мужъ Осипъ Парпура когда-то былъ первымъ купцемъ въ Конотопѣ; обозы его съ хлѣбомъ, крупой ходили въ Азовъ, на Запорожье; въ ту пору и Гаркуша не разъ заѣзжалъ къ Парпурѣ съ рыбой, солью и мѣнялся съ нимъ на хлѣбъ; тогда они были пріятелями, и Парпура часто удерживалъ Гаркушу по нѣ-

скольку дней въ своемъ домѣ, угощая его, какъ своего друга. Это было девять лѣтъ тому назадъ, и многое измѣнилось съ того времени.

Парпура умеръ; жена его вышла замужъ за другаго, и Гаркуша уже не купецъ-запорожецъ, а каторжникъ, съ рваными ноздрями и клеймами на лицѣ. Одна Степанида не измѣнилась; какъ прежде она управляла Парпурой, такъ теперь помыкала конотопскимъ городничимъ Петромъ Базилевичемъ.

Городничій того времени отправлялъ полицейскую должность въ полковомъ городѣ и сотенномъ мѣстечкѣ, а также въ его вѣдѣніи находились колодники. При немъ всегда стояло на дежурствѣ нѣсколько асаульцевъ или стойчиковъ, козаковъ назначавшихся городничему для посылки по различнымъ казеннымъ надобностямъ.

Были постоянно такіе стойчики и при Базилевичѣ; было много и работниковъ въ дворѣ Парпурихи, и никто прежде не допустилъ-бы той мысли, что найдутся такіе смѣльчаки, что отважатся напасть и ограбить домъ конотопскаго охранителя общественнаго порядка и безопасности. Зналъ Гаркуша и о постоянныхъ стойчикахъ, и о большомъ числѣ прислуги, зналъ, какъ и управиться съ ними.

Мѣсяца за два до этого онъ отправилъ въ Конотопъ двухъ товарищей съ тѣмъ, чтобы они нанялись на работу къ Парпурихѣ и основательно развѣдали все, что дѣлается въ ея дворѣ; теперь они доставляли всѣ свѣдѣнія, нужныя для Гаркуши. За недѣлю до праздника Петра и Павла передавали они, что всѣ работники отправляются на хуторъ для уборки хлѣба, даже четырехъ асаульцевъ выслала туда Парпуриха.

Не теряя удобнаго случая, Гаркуша собралъ пятнадцать душъ, самъ шестнадцатый, и пустился съ ними въ путь. Подъѣхавъ къ Конотопу, они оставили лошадей при греблѣ Луганкѣ, а сами пѣшкомъ пошли по болоту къ Кандибиной греблѣ, близь которой находился дворъ Парпурихи. Ночь была темная; и какъ съ этой стороны никто изъ нихъ прежде не подходилъ къ городу, то они, боясь сбиться съ пути и попасть въ чужой огородъ, поворотили назадъ и рѣшили переждать въ ближайшемъ лѣсу до болѣе удобнаго времени. Въ слѣдующій разъ они подъѣхали къ Конотопу съ другой стороны и, оставивъ лошадей съ повозкой въ житахъ, пошли въ городъ, пробираясь подъ заборами, бросавшими тѣнь отъ захо-

дящей луны. Подойдя къ двору Парпурихи, они перелѣзли черезъ заборъ и пошли прежде всего къ кухнѣ; тамъ спало нѣсколько человѣкъ прислуги; ихъ перевязали и, оставивъ при нихъ сторожу, пошли въ конюшню; тутъ такъ-же связали четырехъ работниковъ и отвели на кухню. У покоевъ, на крыльцѣ, спало три козака, поставивъ у изголовья оружіе. Гаркуша съ Пикинеромъ тихонько подкрались и унесли ружья, сабли и пики; прочіе кинулись вязать козаковъ ихъ-же поясами. Тогда пошли въ комнаты. Въ первой спала дочь Парпурихи, падчерица городничаго, и при ней двѣ служанки; ихъ разбудили и не связанныхъ отвели въ кухню. Слѣдующая комната была спальня городничаго; онъ только что улегся, не успѣлъ еще и свѣчи потушить.

— Здоровъ, пане!

— Здраствуйте! отвѣчалъ городничій и началъ было вставать. Его связали его-же галстухомъ и положили на кровать.

— Лежи, пане, не до тебе маемъ діло, а до пані; де-жъ се вона?

Городничій кивнулъ головой на слѣдующую комнату. Парпуриха ложилась рано и теперь спала первымъ крѣпкимъ сномъ; ее разбудили, позволили одѣться, затѣмъ повели въ комнату мужа и приступили съ допросомъ, гдѣ ея деньги, гдѣ хранятся ея сорокъ тысячъ. Парпуриха повела ихъ въ комору къ своимъ сундукамъ. Открыли: тамъ было много серебряной посуды: чарокъ, тарелокъ, кувшиновъ, нѣсколько мѣшковъ съ червонцами да рублями, мѣшечекъ жемчугу, перстень золотой съ дорогими камнями и много дорогихъ тканей; все это забралъ Гаркуша съ товарищами, да еще у самаго городничаго взяли саблю, кирею и изъ его собственнаго сундучка семь рублей серебромъ: только и нашли у него.

Покончивъ съ имуществомъ Парпурихи, принялись за самую хозяйку.

— Ты постовъ не шануешъ; навить и въ великий пістъ іси скоромно, обратился къ ней Ѳедоръ Пикинеръ, поднявъ нагайку надъ ея спиной.

— Такъ осе тобі, шо-бъ по постамъ мяса не іла, продолжалъ онъ, хлестая по спинѣ Парпуриху.

— Ты и чоловіка (мужа) зневажаешъ! замѣтилъ съ своей стороны Микита Пикинеръ.

— Осе тобі, вража бабо, шобъ не понижала свого чоловіка, а шановала ёго.

Взялъ и Гаркуша нагайку.

— А се одъ мене, шобъ не згнущалась надъ дівчатами, кісъ имъ не різала.

Сдѣлавъ такимъ образомъ наставленіе Парпурихѣ и строго приказавъ городничему не извѣщать никого объ нихъ до утра, гости заперли на замокъ двери, взяли изъ конюшни трехъ лошадей и пошли къ житамъ, гдѣ оставили повозку; но ни повозки, ни лошадей на томъ мѣстѣ уже не было.

— Се поганый знакъ: хтось насъ підстерігъ, замѣтилъ Гаркуша: треба намъ, хлопці, поспішать.

Идутъ дальше и встрѣчаютъ на дорогѣ чумаковъ съ водкой; подошли къ нимъ и стали просить свезти ихъ въ ближайшій хуторъ; тѣ не согласились, отговариваясь тѣмъ, что ихъ панъ завтра утромъ будетъ ѣхать въ слѣдъ за ними и если узнаетъ, то будетъ плохо, но угостили ихъ водкой. Гаркуша вынулъ „пригорщей съ три червонцевъ“ и подалъ ихъ чумакамъ.

— Нате вамъ трохи зъ добутку Гаркуши, та якъ хто буде доганять насъ, то зведить ёго на мильну дорогу.

Дальше въ лѣсу опять встрѣчаютъ обозъ съ водкой, везли се литвины. Гаркуша подошелъ къ нимъ, высыпалъ изъ капшука червонцевъ и сталъ упрашивать свезти ихъ вещи къ ближайшему лѣсу, гдѣ они оставили своихъ лошадей. Литвины согласились; скатили съ одного воза бочку, положили на него награбленныя вещи и пустились въ путь.

Ночь была темная, тихая; все спало; улегся вѣтерокъ; казалось, утихъ даже и постоянно дрожащій осиновый листъ; умолкли и усталые гайдамаки...

Но вотъ донесся до нихъ одинъ ударъ колокола, за нимъ другой, третій, чаще и чаще, и вся окрестность огласилась колокольнымъ звономъ.

— Се такъ насъ провожають, замѣтилъ какъ-то не весело Гаркуша и не ошибся.

Въ эту ночь не спали не только въ домѣ городничаго, не спалъ также и своякъ его Лука Парпура. Днемъ онъ замѣтилъ, что кто-то ночью пасетъ лошадей въ его житахъ, и теперь,

дождавшись захода луны, вышелъ въ поле съ козакомъ и какъ разъ напалъ на лошадей, оставленныхъ Гаркушей. На возвратномъ пути, проѣзжая мимо дома Парпурихи, увидѣлъ въ окнахъ свѣтъ: „чи не заболівъ се хто, шо такъ рано засвітили"—подумалъ онъ и заѣхалъ въ дворъ. Тутъ онъ узнаетъ, что не задолго передъ его пріѣздомъ вышелъ изъ дома Гаркуша съ компаніей, и спѣшитъ къ отцу Петру, священнику Варваринской церкви, и, заявивъ ему о случившемся грабежѣ у городничаго въ эту ночь, проситъ донести объ этомъ кому слѣдуетъ, а самъ съ козакомъ пустился въ погоню.

Отецъ Петръ, перепуганный такимъ извѣстіемъ, приказалъ церковному сторожу ударить въ набатъ и побѣжалъ къ сотнику. Жители Конотопа, привыкшіе съ такимъ колокольнымъ звономъ соединять извѣстіе о пожарахъ, столь часто случавшихся въ городѣ, выбѣжали въ испугѣ на улицы, но пожара нигдѣ не было видно, и еще больше испугались, когда узнали, что вся эта тревога поднята изъ-за Гаркуши.

Сотникъ велѣлъ собрать пятьдесятъ козаковъ и подъ начальствомъ значковаго товарища Похлыста послалъ преслѣдовать Гаркушу; къ нимъ присоединился отецъ Петръ, а также нѣкоторые изъ жившихъ въ Конотопѣ цыганъ.

Въ это время Парпура нагналъ грабителей и потребовалъ выдачи всего награбленнаго. Въ отвѣтъ на такое требованіе Гаркуша съ товарищами пустился ловить его; Парпура поворотилъ назадъ, но, будучи сброшенъ испугавшейся лошадью, былъ пойманъ; его связали и, положивъ на повозку, повезли съ собой. Еще прибавилось тяжести для тощихъ лошадокъ литвина; до этого они шли почти шагомъ, съ Парпурой пошли еще медленнѣе, нужно было перемѣнить ихъ свѣжими, поэтому заѣхали на стоявшій невдалекѣ отъ ихъ пути хуторъ Лободы.

Въ дворѣ они встрѣтили хозяйку и потребовали у нея лошадей, на что та отвѣтила бранью. Это взорвало опьянѣвшаго Пикинера, и онъ уже навелъ на хозяйку ружье, намѣреваясь застрѣлить ее, но Гаркуша не допустилъ до этого: быстро подскочивъ, онъ выхватилъ ружье изъ рукъ Пикинера.

— Осе, дурный: баба языкомъ меле, а вінъ готовый и душу зъ світа звести! А шо, молодице, хозяинъ дома?—обратился онъ къ

хозяйкѣ, и узнавъ, что дома, но еще спитъ, пошелъ въ хату. Разбудили хозяина и потребовали лошадей, заявивъ ему напередъ, что они гайдамаки, были ночью на грабежѣ у Парпурихи, дорогой взяли „въ ясыръ“ Луку Парпуру и теперь поспѣшаютъ домой. Далъ имъ хозяинъ лошадей, просилъ только возвратить ему, для чего и послалъ съ ними паробка.

Не успѣли отъѣхать и трехъ верстъ отъ хутора Лободы, какъ сзади ихъ послышался конскій топотъ, который чѣмъ далѣе, тѣмъ явственнѣе и явственнѣе становился; то гналась конотопская козацкая команда. Нагнавъ Гаркушу съ товарищами, значковый товарищъ Похлыстъ приказалъ стрѣлять по нимъ. Козаки выстрѣлили, и Кравченко, раненный въ лѣвый бокъ, свалился съ лошади; всѣ прочіе, оставивъ добычу преслѣдовавшимъ, бросились въ лѣсъ.

Но уйти имъ не удалось; ихъ нагнали во второй разъ и всѣхъ переловили; спасся только Гаркуша: онъ скрылся на болотѣ, куда никто изъ козаковъ не рѣшился идти, и, переждавъ здѣсь до слѣдующаго вечера, ночью лѣсами пробрался на хуторъ къ Бардаку, разсказалъ ему, какая участь постигла товарищей, совѣтовалъ принять всякія предосторожности, потому что и къ нему могутъ явиться, затѣмъ, взявъ хранившіяся у Бардака полторы тысячи рублей, попрощался съ нимъ и пустился на екатеринославскія степи, разсчитывая купить тамъ овецъ и заняться хозяйствомъ.

За рѣчкой Самарой, въ зимовникѣ козака Чорного, купилъ онъ двѣстѣ съ лишнимъ овецъ и перегналъ ихъ къ знакомому козаку Крамеру, оставилъ у послѣдняго и овецъ, и до тысячи денегъ, а самъ поѣхалъ въ Кременчугъ, чтобы купить себѣ одежу и раздобыть паспортъ. Тутъ встрѣтился Гаркуша съ своимъ старымъ знакомымъ Щербатымъ, который, узнавъ, что онъ хлопочетъ о паспортѣ, обѣщался раздобыть таковой въ мѣстномъ магистратѣ; на другой день повелъ его въ магистратъ, объявилъ тамъ, что это его братъ, Иванъ Щербатый,—до сихъ поръ проживалъ у моря, на рыбныхъ ловляхъ, а теперь хочетъ записаться въ кременчугскіе мѣщане. Видно, тогда очень легко было въ Кременчугѣ приписаться въ мѣщане, потому что черезъ нѣсколько дней былъ уже у Гаркуши „печатный паспортъ во всѣ города срокомъ на годъ“.

Воротился Гаркуша къ Крамеру въ Очереватое, но ни овецъ, ни денегъ, ни самого Крамера не засталъ тамъ: во время его от-

лучки все его имущество вмѣстѣ съ Крамеромъ было арестовано по распоряженію начальства, какимъ-то образомъ напавшаго на слѣды Гаркуши. Опять остался онъ безо всего; опять судьба толкаетъ на прежнее занятіе.

Съ этого времени Гаркуша проживалъ въ Бригадировкѣ и отсюда также совершилъ нѣсколько грабежей. Бригадировка тогда только что заселялась. Генералъ Шамшевъ, которому позволено было завести на этомъ мѣстѣ слободу, уже пятый годъ какъ поставилъ столбъ, съ просверленными въ немъ двѣнадцатью дырочками, что означало двѣнадцать льготныхъ лѣтъ для поселенцевъ, и каждый годъ забивалъ колкомъ въ присутствіи слобожанъ одну изъ такихъ дырочекъ; теперь уже было вбито пять колковъ. Со всѣхъ сторонъ переселялись къ генералу Шамшеву козаки, мѣщане, крестьяне и всѣ, кого „недоля“ заставляла покидать свой домъ и „садокъ“. Поселилось здѣсь и нѣсколько знакомыхъ Гаркуши, между ними и Босенко; теперь онъ хозяинъ: у него нѣсколько паръ воловъ, нѣсколько лошадей, которые, какъ и самъ хозяинъ, не гуляютъ: лѣтомъ онъ ѣздитъ на Донъ, въ Азовъ, покупаетъ тамъ рыбу, соль и везетъ домой, а настанетъ осень, скупаетъ по окрестнымъ селамъ табакъ, овесъ и сбываетъ его на Самарѣ козакамъ.

Поразвѣдавъ обстоятельно, можно-ли поселиться въ Бригадировкѣ, Гаркуша купилъ себѣ хатку за пятнадцать рублей и поселился въ ней [1].. Слава о Гаркушиныхъ подвигахъ, молва о томъ, что онъ отплачиваетъ панамъ за угнетеніе ими своихъ подданныхъ, распространились уже далеко, и многіе крестьяне искали случая встрѣтиться съ Гаркушей и навести его на своего пана. Черезъ нѣсколько времени въ Бригадировку пришли убѣжавшіе изъ мѣс-

---

[1]) Раньше, въ одно изъ посѣщеній Бригадировки, Гаркуша рѣшилъ устроить каплицу надъ колодцемъ. Случилось это такъ: Гаркуша, однажды вечеромъ, повелъ поить лошадей, но нигдѣ не нашелъ воды,—Бригадировка построена на равнинѣ, и вода добывается изъ глубокихъ колодцевъ. Тогда Гаркуша воротился назадъ и на другой день заявилъ жителямъ Бригадировки о своемъ намѣреніи выкопать колодецъ и поставить надъ нимъ каплицу, чтобы всякій зналъ, гдѣ можно достать воды; просилъ ихъ выхлопотать ему разрѣшеніе на это у помѣщика. Генералъ Шамшевъ согласился; тогда Гаркуша нанялъ пятнадцать человѣкъ за сто рублей для устройства колодца.

течка Лѣплявого отъ сотника Левицкаго, разсказывали, что послѣдній заставляетъ ихъ воровать воловъ, лошадей у сосѣднихъ помѣщиковъ, забираетъ ворованое у нихъ, продаетъ, а выручкой не дѣлится, и предлагали Гаркушѣ свои услуги въ качествѣ проводниковъ для грабежа своего сотника.

Фамилія Левицкихъ не такъ давно выбилась въ войсковую старшину и еще не успѣла разбогатѣть; поэтому Иванъ Левицкій, добившись сотничества въ мѣстечкѣ Лѣплявомъ, пускался на всѣ средства, лишь-бы разбогатѣть. О немъ одинъ изъ участниковъ Гаркуши Щербань, сидя въ тюрьмѣ, показывалъ, что „когда онъ ушелъ отъ своего владѣльца и пришелъ къ Левицкимъ, то послѣдніе приняли его безъ всякаго паспорта и поселили на своей землѣ; затѣмъ, выдавъ билетъ, послали его уворовать гдѣ либо лошадей и привести къ нимъ, объясняя при томъ, что они легко могутъ сбыть ворованное, за что обѣщали выдать ему половину выручки. Щербань пошелъ, но въ этотъ разъ ничего нигдѣ не удалось уворовать.

Въ другой разъ онъ совмѣстно со Стягайломъ, бѣжавшимъ изъ ссылки, ходилъ, также по порученію Левицкихъ, воровать лошадей и черезъ нѣсколько дней привелъ пару вороныхъ коней, и какъ Левицкіе думали взять этихъ лошадей безъ ничего, то Щербань не отдалъ ихъ, а рѣшился самъ продать. Тогда сотникъ съ подданнымъ своимъ, Хижнякомъ, ночью уворовали у него и перевели на лугъ подъ Лѣплявое; къ этимъ лошадямъ Хижнякъ уворовалъ еще гдѣ-то четыре, и вмѣстѣ съ сотникомъ водили ихъ въ Литву, чтобы тамъ продать. Воротившись домой, Хижнякъ потребовалъ отъ Левицкаго обѣщанной части, но послѣдній отказался выдать; тогда Хижнякъ сталъ грозить расправиться съ нимъ.

Опасаясь угрозъ, Левицкій задумалъ покончить съ Хижнякомъ и велѣлъ другому своему подданному Степаненку убить Хижняка. Тотъ исполнилъ приказаніе; затѣмъ, получивъ отъ Левицкаго паспортъ, ушелъ къ морю и тамъ поселился. У Стягайла, показывалъ тотъ-же Щербань, сотникъ Левицкій взялъ двѣ уворованныхъ лошади и продалъ ихъ. Стягайло потребовалъ себѣ части, но Левицкій не далъ и еще угрожалъ застрѣлить его; тогда Стягайло ушелъ къ Гаркушѣ. Много находилось такихъ, которые желали свести счеты съ Левицкимъ; они то и уговорили Гаркушу ограбить лѣплявскаго сотника.

Сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ шинокъ Алексѣя Дранки, находившійся подлѣ с. Чернухъ. Сюда собралось семь человѣкъ и на четырехъ повозкахъ поѣхали по направленію къ Лѣплявому; подъ мѣстечкомъ, въ березняку оставили они лошадей и, вооружившись двумя пистолетами, ратищемъ да топоромъ, пошли къ двору сотника; въ дворѣ продѣлали тоже, что и вездѣ: всѣхъ, кого только нашли тамъ, перевязали и бросили въ погребъ.

Въ комнатахъ спалъ старикъ Левицкій, судья лѣплявскій, жена и дочь его; ихъ связали и пошли къ сыну, сотнику.

— Добрывечіръ, пане сотнику,—заговорилъ Щербань, войдя въ комнату, гдѣ спалъ Левицкій:—се мы прийшли до тебе за росчотомъ. Пізнаешъ насъ?

Левицкій схватился съ кровати и думалъ было защищаться; но, увидавъ передъ собой пять дюжихъ мужиковъ и между ними два знакомыхъ лица: Щербаня и Стягайла, опустился на кровать и предался въ руки грабителей; его связали и стали пытать, гдѣ хранятся его деньги. Разсказываютъ, что Левицкаго ставили на горячія уголья, стараясь узнать, гдѣ его деньги. Но сотникъ перенесъ всѣ мученья, не выдалъ своей казны, указалъ только на сундучекъ, тамъ было до полутораста рублей; деньги разобрали по карманамъ, взяли еще двѣ сабли, жупанъ, пару пистолетовъ, нѣсколько свертковъ холста. Потомъ разложили сотника и, припомнивъ ему смерть Хижняка, угрозы Стягайлѣ, высѣкли „немилосерднымъ образомъ". Не пожалѣли и старика судью.

— А ты якъ-бы бувъ правдивый судія, то сына твого давно вже тутъ не було-бъ,—обратился Гаркуша къ Василію Левицкому и собственноручно далъ ему до пятнадцати плетей.

Воротились домой въ Бригадировку, пожили здѣсь нѣкоторое время и, по чьему-то предложенію, отправились въ Бѣлоруссію. По дорогѣ, въ Мглинѣ Гаркуша, встрѣтивъ среди бѣла дня на улицѣ мглинскаго сотника, велѣлъ своимъ товарищамъ разложить его и высѣчь.

— Осе тобі за те, шо неправедно судишъ, прибавилъ онъ;—затѣмъ сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ другими ускакалъ изъ города.

Опасаясь преслѣдованія, они поворотили назадъ и подъѣхали къ Ропску, имѣнію графа Разумовскаго; такъ какъ у нихъ не было съѣстныхъ припасовъ, то Гаркуша, оставивъ другихъ това-

рищей подъ мѣстечкомъ, поѣхалъ съ Щербатымъ въ Ропскъ, чтобы купить хлѣба. На базарѣ увидѣлъ Гаркушу одинъ изъ жителей ропскихъ, сидѣвшій когда-то вмѣстѣ съ Гаркушей въ глуховскомъ острогѣ, и донесъ о немъ управляющему имѣніемъ. Управляющій распорядился арестовать и отвести его въ волостную канцелярію. Окружили Гаркушу пять десятскихъ и повели въ волость; сзади ихъ шелъ управляющій.

На пути, подлѣ графскаго двора стоялъ Щербатый, держа въ рукахъ двухъ лошадей. Увидавъ его, Гаркуша объявилъ управляющему, что это его слуга, и просилъ позволенія подойти къ нему и сказать, чтобы ѣхалъ за мѣстечко, запрегъ лошадей въ оставленный ими тамъ возъ и ѣхалъ къ нему въ Ропскъ. Управляющій позволилъ. Но у Гаркуши другой умыселъ былъ: не успѣли десятскіе опомниться, какъ онъ сидѣлъ уже на лошади.

— Бувай здоровъ, пане! Не такому дурню, якъ ты, ловить мене, Гаркушу! закричалъ онъ управляющему, хлеснулъ нагайкой лошадь и помчался съ Щербатымъ изъ мѣстечка. Посылалъ-ли управляющій кого въ погоню за ними, или нѣтъ, но они уходили, нигдѣ не останавливаясь на долго, до самой Бригадировки.

Это происходило осенью, не задолго до праздника Арх. Михаила, какъ опредѣляетъ Гаркуша, а подъ заговѣны Филипповаго поста задумалъ онъ жениться. Уже два мѣсяца тому назадъ сошелся онъ очень близко съ дочерью одной бригадировской вдовы Меланьею Чвыркой, и теперь родственники послѣдней настаивали, чтобы онъ обвѣнчался съ ней. Гаркуша не противился и, съ позволенія прикащика генерала Шамшева, капрала Алексѣя Тумасова, вступилъ съ ней въ законный бракъ. Но не долго пожили они вмѣстѣ; черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы наѣхала въ Бригадировку козачья команда, гнавшаяся по слѣдамъ за ограбившими въ с. Клепарахъ домъ козака Демуры, и произвела обыскъ у всѣхъ бригадировскихъ жителей. Гаркуша скрылся, а жена со всѣмъ имуществомъ была взята въ Лубны, гдѣ и умерла въ острогѣ.

Пять дней бродилъ Гаркуша по полямъ, пока не добрался до шинка Алексѣя Дранки; у него засталъ Стягайла и Воровченка, также убѣжавшихъ изъ Бригадировки.

— А шо теперъ будемъ робить? Я втікъ и ничого не взявъ зъ собою; не маю за шо и хліба купить, заговорилъ Гаркуша.

— Та и мы втекли безъ ничого. Ходімъ до Оникія въ Еньковку (село хорольск. у.), еднакъ вінъ давно вже закликавъ до полковниці Войнихи.

На другой день вечеромъ Оникій повезъ въ Хороль къ своей госпожѣ гостей. Въ дворѣ Войновой всѣ спали, только полусонный сторожъ, постукивая по временамъ въ клепало, заявлялъ о своемъ бодрствованіи. Къ нему незамѣтно подкрались и, зажавъ ротъ, связали и приказали молчать, угрожая въ противномъ случаѣ застрѣлить изъ пистолета, затѣмъ отбили замокъ у амбара, гдѣ хранилось все имущество полковницы Войновой. Взяли изъ сундуковъ до двухъ тысячъ рублей, шубу, нѣсколько кусковъ дорогихъ тканей и, зарывъ въ снѣгу нѣсколько десятковъ червонцевъ на глазахъ сторожа, чтобы онъ впослѣдствіи взялъ ихъ себѣ, пошли вмѣстѣ съ послѣднимъ къ санкамъ. Въ концѣ сада посадили сторожа и привязали его къ дереву, обложивъ со всѣхъ сторонъ сѣномъ, чтобы онъ не замерзъ, такъ какъ былъ декабрь и на дворѣ стояли большіе морозы.

Это былъ послѣдній грабежъ Гаркуши: столь частыя и отважныя нападенія на дома пановъ подняли на ноги администрацію. По всѣмъ дорогамъ въ черниговской и полтавской губерніи учреждена была стража, которой приказано было останавливать проѣзжающихъ и осматривать ихъ паспорты и вещи.

Не проходило той ярмарки, на которой не читали-бы публикаціи о Гаркушѣ и его товарищахъ. Если и прожилъ онъ на свободѣ около двухъ мѣсяцевъ послѣ ограбленія Войновой, то только благодаря сочувствію, которое питало къ нему угнетенное населеніе и постоянно предупреждало его о грозившей опасности. Послѣдніе два мѣсяца онъ метался изъ стороны въ сторону, уходя отъ преслѣдованія. Сначала думалъ было пробраться въ Бѣлоруссію, но на дорогѣ чуть не попался въ руки начальства, что измѣнило его намѣреніе.

Это было въ февралѣ 1784 года. Гаркуша съ Босенкомъ и Дроботомъ заѣхалъ къ одному изъ бѣловѣжскихъ крестьянъ и заказалъ ему изготовить для нихъ сухарей; пока изготовлялись сухари, они ходили въ ближайшій шинокъ и тамъ проводили время; сюда заѣхали солдаты, ведшіе лошадей въ Черниговъ. Гаркуша сейчасъ-же началъ прятать свой носъ въ рукавъ; это показалось

вахмистру страннымъ, и онъ потребовалъ у него паспортъ. Приходилось жутко, но Гаркуша нашелся, какъ выйти изъ такого положенія: онъ отвѣтилъ, что паспортъ его въ санкахъ и что онъ сейчасъ-же принесетъ его. Вахмистръ позволилъ пойти на дворъ и послалъ за нимъ нѣсколькихъ солдатъ. Подойдя къ санкамъ, Гаркуша и другіе товарищи вскочили на лошадей и пустились со двора; солдаты на своихъ лошадяхъ погнались за ними, но туманная погода вскорѣ скрыла уходившихъ, и солдаты воротились ни съ чѣмъ. Санки и все, что было на нихъ, кромѣ куньей шубы Войновой, представилъ вахмистръ въ судъ; шубу-жъ доставилъ своему капитану Деденову, и въ послѣдствіи очень много было истрачено бумаги на переписку съ капитаномъ: онъ никакъ не хотѣлъ разстаться съ столь дорогимъ подаркомъ своего вахмистра; наконецъ, уступая крайнимъ угрозамъ, возвратилъ, но все-таки снялъ золотыя сѣтчатыя обкладки на рукавахъ и воротникѣ.

Опять полетѣли въ земскіе суды, магистраты и къ городничимъ указы и извѣщенія, гдѣ въ послѣдній разъ напали на слѣдъ Гаркуши. Нужно было поскорѣе пробираться далѣе; онъ разсчитывалъ еще на знакомства въ Полтавщинѣ и думалъ при ихъ помощи пробраться въ Новороссію, а оттуда въ Молдавію. Но не удалось: въ Ромнахъ, по доносу одного калачника, его схватила полиція. Посадили Гаркушу въ тюрьму, заковали руки и ноги въ кандалы, а „крѣпкимъ цѣпомъ приковали за шею къ стѣнѣ такъ, что и двинуться на мѣстѣ онъ не можетъ“, доносилъ роменскій городничій Сегуновъ въ намѣстническое правленіе.

Въ теченіе одинадцати дней допрашивали Гаркушу, стараясь узнать всѣхъ участниковъ его грабежей; но напрасно: ни пытки, ни увѣщанія не помогли; онъ указывалъ только тѣхъ, которые были уже пойманы и сидѣли въ острогѣ. Начался судъ, улики ясны, и судьи положили такой приговоръ: вырѣзать до костей ноздри, поновить указные знаки на лбу и щекахъ и дать 280 ударовъ кнутомъ, по семидесяти въ четырехъ мѣстахъ преступленія, затѣмъ сослать въ вѣчную каторжную работу, въ г. Херсонъ.

Дальнѣйшая судьба Гаркуши изъ дѣла о немъ не видна. Извѣстно только, что онъ перенесъ наказаніе и доставленъ по этапу въ Херсонъ; тамъ, вѣроятно, и окончилъ онъ свою жизнь...

К. Кошовикъ.

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

(Продолженіе)*).

8) Полюбовное размежеваніе старозаимочныхъ дачъ.

Исторія ахтырской дачи показываетъ, что какъ эта типичная старозаимочная дача, съ давняго времени составлявшая цѣлую массу личнаго и наслѣдственнаго мелкаго поземельнаго владѣнія, такъ и вообще старозаимочное землевладѣніе б. Слобожанщины, съ конца прошлаго столѣтія, офиціально разсматривались уже не какъ особый аграрный порядокъ бывшей слободской козачьей жизни, а какъ результатъ какихъ-то злоупотребленій и обхода закона, и что въ судьбѣ старозаимочныхъ дачъ боролись два противуположныя направленія: сверху положительное стремленіе обращать эти дачи въ общинное владѣніе, а снизу пассивное сопротивленіе личнаго начала собственности, которое однако скоро нашло себѣ новаго энергичнаго противника въ безземельной части населенія старозаимочныхъ дачъ.

Во всѣхъ офиціальныхъ мѣропріятіяхъ конца прошлаго и почти всей первой половины текущаго столѣтія, въ примѣненіи къ крестьянскому землевладѣнію, мы видимъ съ одной стороны стремленіе власти обратить личное участковое владѣніе въ общинное, съ другой глухую оппозицію и зараждающіяся въ крестьянской массѣ странныя аграрныя воззрѣнія и толки, переходящія потомъ въ упорную вѣру

---

*) См. янв. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 67—88.

въ имѣющій наступить нѣкогда общій передѣлъ земель, и всѣ они находятся въ тѣсной преемственной связи съ печальными недоразумѣніями въ бывшей практикѣ нашей администраціи. Простой и ясный по первоначальному происхожденію вопросъ не разрѣшается, но все болѣе осложняется и запутывается и вмѣсто личнаго наслѣдственнаго историческаго землевладѣнія выступаетъ и всею силою власти поддерживается государственный соціализмъ, самымъ дружескимъ образомъ уживающійся съ массой громадныхъ пожалованій обширныхъ населенныхъ имѣній, не исключая порой и цѣлыхъ городовъ. Основная его цѣль заключается въ томъ, дабы въ старозаимочныхъ дачахъ, по мѣткому выраженію харьковскаго вицегубернатора, каждый обыватель, а послѣ крестьянинъ, получилъ себѣ „довлѣемый участокъ", для неукоснительнаго выполненія своей земной миссіи—„быть исправнымъ къ платежу государственныхъ податей и общественныхъ повинностей". Цѣль эта могла быть достигнута двумя способами: или принятіемъ какихъ-либо особенно быстрыхъ и чрезвычайныхъ мѣръ межеванія, при чрезвычайно усиленномъ составѣ межевыхъ чиновъ и на основаніи спеціально соображенныхъ со всѣми мѣстными условіями инструкцій, или-же предоставленіемъ дѣла на произволъ грубаго насилія дѣйствительнаго или мнимаго большинства самыхъ крестьянъ того или другаго сельскаго общества. Это дѣйствительное или мнимое большинство могло уже само совершить простое насиліе надъ всякимъ мелкимъ личнымъ владѣніемъ, не стѣсняя себя, конечно, ни въ чемъ—ни исторіей, ни документами. Многія мелкія, разбросанныя данныя изъ смутной судьбы старозаимочныхъ земель харьковской губерніи приводятъ насъ къ мысли, что въ дѣлѣ снабженія каждаго изъ крестьянъ „довлѣемымъ участкомъ", или обращенія личнаго старозаимочнаго владѣнія въ общинное, имѣли мѣсто оба указанные способа. Правда, межевыя средства наши всегда были скудны; особыхъ чрезвычайныхъ мѣръ для распредѣленія земель въ старозаимочныхъ дачахъ харьковской губерніи долгое время не предпринималось, а переходъ личнаго владѣнія въ общинное путемъ только однихъ канцелярскихъ предписаній начальства имѣлъ на своемъ пути тѣ почти неодолимыя преграды, которыя представляло внутреннее положеніе старозаимочныхъ дачъ. На примѣрѣ ахтырской дачи мы видѣли, какая чрезвычайная черезполосица земельныхъ владѣній лицъ различныхъ сословій, одного

и того-же класса и даже однихъ и тѣхъ-же лицъ. Между тѣмъ по господствовавшимъ административнымъ воззрѣніямъ, особенно со времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, крестьянскія земли считались казенно-общественною землею и правовое положеніе крестьянскаго землевладѣнія было совершенно иное, чѣмъ положеніе почти такого-же мелкаго землевладѣнія лицъ другихъ сословій. Участки этихъ послѣднихъ все таки считались за ними, по крайней мѣрѣ *de jure*, на правѣ полной собственности; но на дѣлѣ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе не рѣдкой бездокументальности или неопредѣленности самыхъ этихъ участковъ, происходило частое взаимное нарушеніе границъ, дѣйствительное внутреннее положеніе дачи, можетъ быть, никогда не было извѣстно начальству, и владѣніе другихъ сословій не рѣдко раздѣляло судьбу крестьянскаго землевладѣнія: особенно земли злополучныхъ мѣщанъ и цеховыхъ подвергаемы были въ позднѣйшее время со стороны вѣдомства государственныхъ крестьянъ почти сплошной, такъ сказать, конфискаціи все въ пользу земельнаго фонда одного только крестьянскаго сословія, который въ свою очередь не оставался неприкосновеннымъ, но путемъ захвата со стороны лицъ другихъ сословій также уменьшался въ своихъ размѣрахъ, какъ увеличивался произвольными прирѣзками со стороны власти административной. Словомъ: въ фактическомъ землевладѣніи б. Слобожанщины водворился такой-же хаосъ, какъ и въ пониманіи правоваго положенія онаго. Это обстоятельство, въ связи съ невыгодами для всѣхъ сословій господствовавшей черезполосности землевладѣнія, и возникавшія частыя тяжбы и споры изъ-за нарушенія земельныхъ границъ привели наконецъ къ такъ называемому *полюбовному размежеванію*, которое, казалось, путемъ личныхъ разъясненій, соглашеній и уступокъ одно въ силахъ было упорядочить потрясенное различными мѣропріятіями землевладѣніе. На самомъ дѣлѣ оно внесло лишь новую путаницу въ мѣстный аграрный вопросъ, произвело новыя правонарушенія и представляетъ собою новый шагъ къ превращенію личнаго участково-наслѣдственнаго землевладѣнія въ общинное. Мы не коснемся исторіи и вообще подробностей этого размежеванія, но предложимъ лишь общую характеристику онаго, насколько то нужно для подтвержденія высказанной нами сейчасъ мысли.

Возникло оно въ 40-хъ годахъ, было примѣнено къ ахтырской дачѣ, практиковалось во многихъ другихъ уѣздахъ. Въ основѣ его лежало неправильно понятое подлежащей властію юридическое основаніе крестьянскаго землевладѣнія. Въ ахтырской дачѣ вся крестьянская земля была показана на планшетахъ одной общей массой сѣрой краски, какъ общинное владѣніе, и на огромномъ планѣ ахтырской дачи пестрѣли особыми пятнами только черезполосности лицъ другихъ, главнымъ образомъ, высшихъ сословій. Такимъ образомъ офиціально была установлена основная юридическая рознь землевладѣнія низшаго класса, собственно крестьянъ-землевладѣльцевъ, и остальныхъ сословій: личное, участково-наслѣдственное крестьянское землевладѣніе было совершенно игнорировано. Но что легко было начертить на межевомъ планѣ, то не легко было измѣнить на дѣлѣ, фактическое положеніе котораго противупоставляло неодолимыя преграды хитро придуманной теоріи. Сельско-хозяйственные интересы классовъ привиллегированныхъ и крестьянства были существенно различны между собой. Самое дѣло такъ называемаго *спеціальнаго полюбовнаго размежеванія* дачи было не только безразлично для крестьянскихъ интересовъ, но даже скорѣе было для нихъ вредно. Объ этомъ размежеваніи главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ всегда хлопотали землевладѣльцы высшихъ сословій и преимущественно тѣ изъ нихъ, которые, скопивъ въ своихъ рукахъ нѣсколько десятковъ десятинъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ обширной дачи, имѣли естественный интересъ соединить всѣ эти мелкія черезполосности въ одинъ общій кусокъ, который далъ-бы имъ возможность хоть сколько нибудь установить самостоятельное хозяйство, а не принудительную почти сдачу земли крестьянамъ на условіяхъ такъ называемой *скіпщины*. Крестьянамъ-же это полюбовное размежеваніе уже потому не могло быть полезнымъ, что оно, во 1-хъ, лишало ихъ цѣлой массы земель, которыя изъ году въ годъ состояли въ ихъ пользованіи изъ-за скіпщины, такъ какъ съ уничтоженіемъ черезполосностей землевладѣльцы другихъ сословій сами могли завести свои хуторскія хозяйства, или-же отдавали-бы свои земли уже въ денежную аренду болѣе крупнымъ предпринимателямъ, и, во 2-хъ, образованіе самостоятельныхъ хозяйствъ лицами другихъ сословій неизбѣжно умалило-бы пространство крестьянскихъ выгоновъ, ибо

толока во всѣхъ трехъ „рукахъ“ уменьшилась-бы, можетъ быть, на нѣсколько тысячъ десятинъ земли. Наконецъ дѣло полюбовнаго размежеванія въ томъ видѣ, какъ оно было начато и ведено, никогда и не могло придти къ благополучному исходу безъ предварительнаго, хотя-бы насильственнаго, но фактическаго обращенія всего мелкаго участково-наслѣдственнаго крестьянскаго владѣнія въ общинное пользованіе всего общества. Сущность этого заколдованнаго круга, въ который попало полюбовное размежеваніе старозаимочныхъ дачъ, фактически сохранившихъ участково-наслѣдственное землевладѣніе, заключалась въ слѣдующемъ. Въ ахтырской, напримѣръ, дачѣ, сколько помнится, и теперь находится до 5,000 десятинъ черезполосностей другихъ сословій, главнымъ образомъ купцовъ, дворянъ и духовенства. Эти 5,000 десятинъ, находясь въ настоящее время, можетъ быть, въ нѣсколькихъ стахъ и даже тысячахъ участковъ, разбросанныхъ по всей дачѣ, по проэкту полюбовнаго размежеванія должны были слиться въ нѣсколько десятковъ участковъ, уже только по числу самихъ владѣльцевъ, изъ которыхъ каждый обыкновенно выбиралъ найбольшій участокъ своихъ черезполосностей и къ нему старался прирѣзать такое количество смежной крестьянской земли, которое равнялось-бы остальнымъ его черезполоснымъ нивкамъ. Но на этой, проэктированной къ прирѣзкѣ, крестьянской землѣ жили нѣсколько десятковъ крестьянскихъ семействъ, которые владѣли отрѣзываемыми участками по праву наслѣдственному и въ нихъ имѣли единственный источникъ пропитанія. Спрашивается: кого-же именно изъ крестьянъ должна согнать съ наслѣдственныхъ мѣстъ эта прирѣзка и гдѣ согнанные крестьяне должны въ обмѣнъ за свои теряемые участки получить соотвѣтствующія части земли? Ничего этого не разъясняло дѣло о полюбовномъ размежеваніи и никакихъ для этого данныхъ не было ни въ планшетахъ, ни въ проэктѣ полюбовной сказки, такъ какъ самый проэктъ былъ построенъ на признаніи всего землевладѣнія крестьянъ общиннымъ, а земель ихъ казенно-общественными. Такимъ образомъ въ основѣ самаго проэкта лежала глубокая фальшь, непримиримое противорѣчіе, полная несостоятельность, и никогда задуманное размежеваніе не могло быть полюбовнымъ; но если-бы хотя принудительно довести оное до конца, то, съ одной стороны, явились-бы внушительныя массы насильственно обезземеленныхъ

крестьянъ, съ другой—отрѣзываемая въ общій фондъ крестьянскихъ земель масса черезполосностей другихъ сословій, хотя-бы и соотвѣтствовала общему количеству отходившихъ отъ крестьянъ земель, въ дѣйствительности-же какъ-бы выбрасывалась на дорогу, безъ малѣйшаго распорядка, кому изъ обезземеленныхъ крестьянъ, гдѣ и сколько можно получить себѣ земли изъ этихъ поступившихъ въ пользу ихъ сословія черезполосностей. Понятно, что такое полюбовное размежеваніе оставило-бы безъ куска хлѣба можетъ быть цѣлую четверть населенія ахтырскаго крестьянскаго общества и могло-бы, подъ вліяніемъ голода и нужды, вызвать самыя серьезныя замѣшательства... А между тѣмъ такія безнадежныя межевыя дѣла велись по разнымъ старозаимочнымъ дачамъ харьковской губерніи многіе, многіе годы... И все это должна была глубокомысленно вѣдать посредническая коммисія, а оплачивать самое межеваніе деньгами и натурой должны были тѣ, кому вообще оплачивать надлежитъ... Неудивительно, что эти гордіевы узлы разрубливались иногда уже не закономъ, а просто руками крестьянъ, которые подъ гнетомъ давившихъ ихъ недоразумѣній сами обращали свои участковыя дачи въ общинныя [1]).

Но и это еще не все. Злополучный проэктъ полюбовнаго размежеванія касался тѣхъ изъ мѣщанъ и цеховыхъ, за которыми остались ихъ земли. Нерѣдко они не могли уже доказать своихъ наслѣдственныхъ правъ на владѣемую ими землю, но и въ общинномъ крестьянскомъ пользованіи принять участія не могли, не теряя своего званія; званіе же ихъ было таково, что лѣтомъ они были

---

[1]) Такъ, намъ извѣстна одна старозаимочная дача слободы Котельвы, которая, не смотря на всѣ фискально-административныя мѣропріятія, сохранила свое участково-наслѣдственное устройство почти до 70 годовъ, а лѣтъ семь тому назадъ, именно подъ вліяніемъ принудительныхъ мѣръ якобы полюбовнаго размежеванія, по-неволѣ должна была обратиться къ общинному владѣнію и раздѣлиться на души, при чемъ дѣлежъ былъ произведенъ на «живыя души». Такое вліяніе полюбовнаго размежеванія объясняется давленіемъ солидарнаго интереса высшихъ сословій и значительныхъ личныхъ собственниковъ—размежеваться во что-бы-то ни стало, а отрѣзъ у крестьянъ земли къ частнымъ владѣльцамъ, при условіяхъ, объясненныхъ нами выше, порождалъ въ крестьянскомъ обществѣ новую массу безземельныхъ членовъ, которая, вмѣстѣ съ прежними безземельными, уже составила подавляющее большинство, потребовавшее уравнительнаго раздѣла земли.

земледѣльцы, а зимой городскіе ремесленники, и въ дѣйствительности трудно было причислить ихъ къ тому или другому сословію. Самыя средства обыкновеннаго межеванія были таковы, что объ нихъ разбивались всѣ усилія сторонниковъ этого quasi полюбовнаго размежеванія. Представьте себѣ, что въ дачу такого сложнаго юридическаго характера и сельско-хозяйственнаго порядка, какъ ахтырская, являлся одинъ землемѣръ на лѣтнее время; этому землемѣру обыкновенно не доставало пустяка: сколько-нибудь удовлетворительнаго знакомства съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла въ этой дачѣ, съ розніо юридическихъ основъ и противорѣчіемъ сельско-хозяйственныхъ интересовъ различныхъ сословій и при всемъ этомъ онъ долженъ непремѣнно соблюсти 551 ст. X т., ч. I, ст. 802 и прим. 778 ст. X т., ч. III, т. е. достигнуть общаго соглашенія всѣхъ совладѣльцевъ межуемой дачи. Понятно, что его дѣло само по себѣ, въ большинствѣ случаевъ, должно было сказаться крайней иллюзіей (см. еще 774 ст. X т., ч. III).

Наконецъ, и это едвали не самое главное, въ проэктѣ полюбовнаго размежеванія совершенно упускался изъ виду промежутокъ времени, въ теченіи котораго долженъ былъ совершиться такой радикальный переворотъ, какъ переходъ индивидуальнаго владѣнія въ общинное въ такой напримѣръ дачѣ, какъ ахтырская, имѣвшая почти 25 тысячъ десятинъ. Вѣдь почти все крестьянское населеніе изъ году въ годъ жило въ этой дачѣ исключительно земледѣльческимъ промысломъ; этотъ-же промыселъ, какъ извѣстно, почти не допускаетъ никакихъ перерывовъ, а тѣмъ болѣе при трехпольной системѣ хозяйства. Только толочная рука (клинъ, т. е. $^1/_3$ всего количества земли) ежегодно бываетъ свободна нѣсколько мѣсяцевъ, но и въ это время она идетъ подъ выпасъ скота, а съ половины лѣта уже обыкновенно распахивается подъ озимый хлѣбъ; поэтому дѣлежъ дачи на „довлѣемые участки", если бы онъ оказался невозможенъ въ одну осень (по обширности дачи и массѣ крестьянскаго населенія, можетъ, никогда не знавшаго пріемовъ и техники мірскаго дѣлежа), долженъ бы былъ распредѣлиться на три года, для ежегоднаго дѣлежа осенью толочнаго поля, и такимъ образомъ всѣ три „руки" пошли-бы въ подѣлъ.

Мы уже совершенно обходимъ другія, не менѣе темныя стороны этого вопроса, напр. что, по мѣстнымъ условіямъ, пришлось-

бы признать за единицу дѣлителя: число-ли ревизскихъ, или живыхъ душъ, дворовъ или рабочихъ рукъ? Всѣ эти вопросы и ихъ подраздѣленія врядъ-ли практически знакомы населенію, привыкшему къ старозаимочному участковому владѣнію землей, со всѣми выгодами и невыгодами этого владѣнія, а умозрительное канцелярское рѣшеніе этихъ вопросовъ „въ одну весну" могло-бы вызвать такой катаклизмъ въ матеріальномъ существованіи цѣлой массы земледѣльческаго населенія, предъ которымъ отступили-бы и самые смѣлые сторонники идеала „довлѣемаго участка", при остальномъ statu quo нашего положенія.—Таковы въ общихъ чертахъ были сложныя причины, благодаря которымъ ахтырская старозаимочная дача, не смотря на весь гнетъ офиціальнаго давленія и даже страдая почти полной неопредѣленностію игнорируемыхъ закономъ внутреннихъ отношеній, была и осталась волей-неволей дачей участково-наслѣдственнаго владѣнія.

Вообще можно сказать, что начавшееся, спеціальное полюбовное размежеваніе во многихъ уѣздахъ харьковской губерніи вносило только новую безплодную путаницу и трату силъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно имѣло дѣло съ старозаимочными дачами, еще не обращенными въ общинное владѣніе.

---

9) Сословные споры за земли и эпоха усиленнаго отыскиванія казенныхъ земель.

Путаница въ аграрныхъ отношеніяхъ и понятіяхъ въ населеніи б. Слобожанщины началась, конечно, гораздо раньше опытовъ полюбовнаго размежеванія,—послѣднее только усилило ее,—была-же она, какъ мы уже видѣли, непосредственнымъ послѣдствіемъ примѣненія къ мѣстности слободскихъ полковъ общинныхъ земельныхъ порядковъ путемъ нѣкоторыхъ общихъ законодательныхъ мѣръ прошлаго столѣтія и еще болѣе мѣстныхъ административныхъ мѣропріятій, устанавливавшихъ новые общественные порядки и частнѣе порядокъ землевладѣнія. Ближайшимъ, нагляднымъ представителемъ порядка общиннаго была великорусская, вольная и правительственная, колонизація въ сѣверной части бывшей слободской-украинской

губерніи. Многія изъ великорусскихъ колоній явились уже въ царствованіе Екатерины II, поселяемы были, быть можетъ, не безъ задней мысли обрусѣнія края, нерѣдко въ сосѣдствѣ съ украинскими или малорусскими поселеніями и получали даже ихъ имя, откуда такіе двойники, какъ Русская Лозовая и Черкасская-Лозовая, Русскіе Тишки и Черкасскіе Тишки, Русская Лопань и Черкасская или Козачья Лопань и другія. Этотъ живой, столь близкій примѣръ, не примѣтно для сознанія мѣстнаго кореннаго населенія, какъ-бы помогалъ ему свыкаться съ новымъ положеніемъ дѣла и все болѣе и болѣе затемнять въ себѣ понятіе о правѣ вообще и самостоятельномъ характерѣ личнаго поземельнаго владѣнія въ частности. Помимо этого, обывательское сословіе, переименованное послѣ въ крестьянъ, все болѣе и болѣе было замыкаемо въ какую-то невѣдомую остальному міру касту людей, подъ исключительной административной опекой: въ касту имѣлъ право входа только одинъ чиновникъ, и сама каста также никого, кромѣ чиновника, не знала и поэтому издавна привыкала считать закономъ только слово чиновника, своего то милостиваго, то грознаго опекуна. Такова была въ общихъ чертахъ нравственная почва, на которой уже издавна сталъ развиваться глухой аграрный антагонизмъ крестьянъ противъ другихъ сословій вообще и въ своей собственной средѣ въ частности. Дальнѣйшія событія только еще болѣе усилили эту взаимную рознь и взаимное озлобленіе. Многими замѣчаемое въ наше время острое положеніе аграрнаго вопроса въ умахъ крестьянъ имѣетъ свое объясненіе не въ одномъ только бѣдственномъ матеріальномъ ихъ положеніи, но и въ той нравственной школѣ, которую они прошли и въ которой они могли видѣть только хаосъ, насиліе и крайнюю нецеремонность обращенія даже съ самыми несомнѣнными исконными правами поземельной собственности. Еще будущее рѣшитъ, когда именно болѣе всего разшатывались такъ называемыя въ позднѣйшее время „основы“: тогда-ли, какъ еще самое это слово никому не было вѣдомо и никому ни о чемъ и знать не полагалось, или-же, когда это слово стало появляться въ книгахъ, которыя были и остались невѣдомы массамъ темнаго крестьянства.

Любопытнымъ и поучительнымъ проявленіемъ зародившагося на почвѣ аграрной сословнаго антагонизма въ населенія б. Слобо-

жанщины служатъ такъ называемыя „вотчинныя дѣла". Съ начала 30-хъ годовъ возникаетъ такое дѣло по ахтырской дачѣ на цѣлые десятки лѣтъ. Споръ идетъ почти о 3000 десятинъ земли, „оспариваемыхъ ахтырскимъ обществомъ государственныхъ крестьянъ изъ владѣнія ахтырскихъ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ". Подобныя-же „дѣла" возникли почти одновременно, и также на десятки лѣтъ, во всѣхъ уѣздахъ слободско-украинской губерніи. Разростанію этихъ дѣлъ значительно благопріятствовало возникшее съ 1837 года вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ; это „попечительное учрежденіе" надъ государственными крестьянами, безъ всякаго различія ихъ происхожденія по тѣмъ или другимъ областнымъ особенностямъ, уже самымъ фактомъ принятія въ свое вѣдѣніе всѣхъ крестьянскихъ старозаимочныхъ земель харьковской губерніи прямо выразило ту мысль, что земли эти въ глазахъ его входятъ всецѣло въ общую массу земель казенныхъ или, употребляя болѣе обычный терминъ, земель казенно-общественныхъ. „Вотчинныя" дѣла на заголовкахъ своихъ имѣли обыкновенно истцами крестьянскія общества, но для всѣхъ сколько-нибудь знакомыхъ съ особенностями составленія приговоровъ сельскихъ сходовъ понятно, что тутъ не маловажную роль играли окружные начальники, бывшіе, какъ извѣстно, уѣздными органами министерства государств. имуществъ. Только благодаря поддержкѣ органовъ новоявленнаго министерства и могли тянуться десятки лѣтъ дѣла, которыя заключали въ себѣ несомнѣнное внутреннее противорѣчіе: ибо если старозаимочныя земли принадлежали въ собственность ихъ владѣльцамъ, то переходъ этихъ владѣльцевъ въ другія сословія никоимъ образомъ не могъ вліять на ихъ поземельныя права и въ такомъ случаѣ „обществу казенныхъ кростьянъ" не было ни малѣйшаго основанія тягаться съ лицами, вышедшими изъ ихъ среды въ другія сословія, за владѣніе этими землями, вслѣдствіе покупки или наслѣдства отъ предковъ; если-же эти земли считать „казенными", то государственные крестьяне всѣхъ старозаимочныхъ дачъ не имѣли никакого права считать эти земли своею собственностію и противиться равномѣрному раздѣлу ихъ на души, что однако-же по ахтырской и нѣкоторымъ другимъ старозаимочнымъ дачамъ имѣло мѣсто и до послѣдняго времени. Выходитъ, что это логическое противорѣчіе развѣ только въ извѣстной степени могло быть постав-

лено на счетъ самыхъ „обществъ“, и что дѣйствія въ семъ случаѣ окружныхъ начальниковъ отъ имени и именемъ „крестьянскихъ обществъ“ были сами по себѣ, а воззрѣнія и интересы этихъ обществъ также сами по себѣ.

Фактическая сторона „вотчиннаго дѣла“ въ ахтырской дачѣ была слѣдующая: еще въ 1830 году нѣсколько мѣщанъ и цеховыхъ г. Ахтырки (около 20 человѣкъ) въ прошеніи своемъ, поданномъ слободско-украинскому гражданскому губернатору, а отъ него препровожденномъ въ мѣстную казенную палату, жаловались, что, владѣя своими землями безпрепятственно до 1830 года, „съ отбытіемъ всѣхъ повинностей“, они, просители, и послѣ причисленія своего въ общество мѣщанъ и цеховыхъ, имѣли тѣ земли (покупкою, или по наслѣдству) въ безспорномъ своемъ владѣніи; но въ послѣднее время ахтырское обывательское общество, при раздѣлѣ между собою земли подушно (раздѣла на самомъ дѣлѣ не было, но было, значитъ, настойчивое требованіе начальства) включаетъ въ раздѣлъ принадлежащую имъ, просителямъ, землю, всю безъ остатка, какъ ихъ, просителей, такъ и другихъ мѣщанъ и цеховыхъ города Ахтырки. Къ этому ходатайству первыхъ просителей примкнули черезъ два года еще около 60 мѣщанъ и цеховыхъ и совмѣстно просили подлежащія власти „воспретить ахтырскому обывательскому обществу отбирать у нихъ земли“ для душеваго раздѣла. Но пока подоспѣло ходатайство остальныхъ мѣщанъ и цеховыхъ, въ отвѣтъ на прошеніе первыхъ просителей уже состоялась скорая резолюція мѣстной казенной палаты; резолюціей этой предписывалось ахтырскому уѣздному суду и волостному правленію: „какъ мѣщане и цеховые на владѣніе землями никакихъ документовъ не представили и вѣроятно находящаяся во владѣніи ихъ земля, прежде доставшаяся предкамъ просителей на души въ быту поселянскомъ, при переводѣ ихъ въ званіе мѣщанъ и цеховыхъ ими удержана въ своемъ владѣніи, то всю сію землю отъ нихъ, мѣщанъ и цеховыхъ, отобравъ, предоставить въ раздѣлъ на души ахтырскому обывательскому обществу“. Палата, какъ видно, была увѣрена, что подѣлъ на душу существовалъ, такъ сказать, испоконъ вѣка; она не предполагала другаго порядка землевладѣнія, кромѣ существовавшаго на ея глазахъ и показываемаго ближайшими справками, а потому постановила, такъ сказать, принципіально „поворотить земли

просителей въ общій раздѣлъ между ахтырскими обывателями, предоставляя, буде изъ нихъ кто либо пожелаетъ поступить по прежнему въ званіе обывателей, просить о томъ оную палату установленнымъ порядкомъ, съ тѣмъ, что таковой можетъ быть соразмѣрно его душамъ надѣленъ землею изъ означенной дачи; а безъ того помянутые просители, по присвоенному имъ званію, должны довольствоваться не отъ пашни, а отъ торговли и промысловъ",—точь-въ-точь какъ слѣдовало по 19 главѣ межевой инструкціи 1766 г., гдѣ прямо сказано, что „перешедшимъ въ мѣщанство и купечество земель въ однодворческой дачѣ не нарѣзывать". Тогда просители, видя, что старозаимочнымъ землямъ не сказывается уже никакого уваженія, рѣшились, какъ видно, сбить палату съ ея позиціи: заявивъ, что земля ихъ не „есть старозаимочная, а пріобрѣтена покупками предками ихъ и собственно ими у разныхъ лицъ и владѣльцевъ въ разныя времена, на что имѣются акты", просили разсмотрѣть бумаги судебнымъ порядкомъ. Казенная палата передала все дѣло съ различными справками на разрѣшеніе въ ахтырскій уѣздный судъ. Это было въ 1832 году. Мѣстная полиція доставила всѣ формальные и партикулярные акты просителей на владѣніе ихъ землями: тутъ была и масса купчихъ крѣпостей и партикулярныхъ „уступныхъ писемъ", и даже просто замѣтокъ изъ вѣдомостей о владѣемыхъ изъдавна земляхъ. Дѣло однако не двигалось. Въ 1834 г., спустя около двухъ лѣтъ, въ дополненіе къ прежнимъ документамъ ахтырскій городничій прислалъ въ ахтырскій уѣздный судъ рапо́ртъ ахтырскаго „городскаго старосты", а въ рапортѣ этомъ было объяснено, что „болѣе выписанныхъ (т. е. сверхъ представленныхъ) документовъ у мѣщанъ и цеховыхъ г. Ахтырки не имѣется, а хотя-бы и были таковые, то во время бывшаго въ 1790 г. въ г. Ахтыркѣ пожара погорѣли; земли-же у мѣщанъ и цеховыхъ во владѣніи находящіяся, которые, ему, старостѣ, отозвались, что та земля есть старозаимочная, досталась предкамъ ихъ до запретительныхъ указовъ и сіи предки происходили изъ козачьяго званія, на занятіе земель имѣли право, и оная земля досталась нынѣшнимъ владѣльцамъ ея по наслѣдству, переходомъ изъ рода въ родъ; владѣютъ-же они сею землею нѣсколько десятковъ лѣтъ". Городничій съ своей стороны добавилъ, что „по произведенному имъ розысканію все изложенное въ рапортѣ городскаго старосты ока-

залось справедливо. Послѣ многолѣтней переписки и всяческихъ справокъ, въ 1838 г. состоялось наконецъ рѣшеніе уѣзднаго суда, но только въ пользу тѣхъ мѣщанъ, которые имѣли формальные акты. Дѣло пошло на ревизію въ гражданскую палату, но откуда, по несоблюденію разныхъ формальностей, опять возвращено въ уѣздный судъ. На этотъ разъ со стороны „казенныхъ крестьянъ" принялъ энергическое участіе ихъ окружной начальникъ; должность эта часто занималась отставными военными, нерѣдко людьми пришлыми издалека. Второе рѣшеніе уѣзднаго суда состоялось спустя пять лѣтъ, именно въ 1843 г.; земли были признаны собственностію тѣхъ просителей, у которыхъ были не только формальные, но даже партикулярные документы. Достоинъ особаго вниманія тотъ изъ мотивовъ рѣшенія уѣзднаго суда, что и „со стороны крестьянскаго общества (вѣрнѣе со стороны тогдашняго окружнаго управленія государственныхъ имуществъ) никакихъ доказательствъ не предъявлено, а спорные земли оспариваются лишь по одному состоянію въ генеральномъ планѣ, опредѣляющемъ границы всей земельной дачи сего города (Ахтырки)". Судъ смутно догадывался, а попечительное надъ „казенными крестьянами" вѣдомство и совсѣмъ изъ виду упустило, что этотъ генеральный планъ именно и опредѣлилъ внѣшнія границы земель бывшихъ войсковыхъ обывателей, въ послѣднее время „казенныхъ крестьянъ", т. е. опредѣлилъ границы старозаимочной, а отнюдь не казенной земли.

Но хроническая пертурбація мѣстнаго поземельнаго владѣнія не остановилась на этомъ моментѣ: дѣло, какъ водится, опять перешло въ гражданскую палату и опять начались различныя тяжебныя мытарства: несправедливыя притязанія однихъ, житье вѣрой и и надеждой для другихъ, проѣсти, волокиты и т. д. Ревностный по долгу службы окружной начальникъ еще разъ объяснилъ, что „онъ доказательствъ въ зищиту казны, кромѣ плана и межевыхъ книгъ, не имѣетъ", а этотъ генеральный планъ и межевыя книги 1769 г. именно и выданы были на старозаимочную дачу войсковыхъ обывателей г. Ахтырки; состоявшееся въ 1859 г. важное по своему содержанію, но не по практическимъ результатамъ, мнѣніе государственнаго совѣта о старозаимочныхъ земляхъ не повліяло на ходъ ахтырской тяжбы. Дѣло о ней было опять передано въ уѣздный судъ и опять перешло въ гражданскую палату, и разрѣшилось

здѣсь уже почти на канунѣ введенія судебной реформы въ 1866 г. Рѣшеніе состоялось весьма близкое къ первому рѣшенію уѣзднаго суда; но опять таки и это было еще не послѣднее слово хронической тяжбы. До времени этого рѣшенія протекло 36 лѣтъ, и теперь, конечно, уже не учесть, сколько это административное недоразумѣніе повлекло за собой траты времени, силъ и всяческихъ средствъ для управлявшихъ и особенно для управляемыхъ, и на сколько попятно пошла матеріальная и нравственная сторона жизни мѣстнаго населенія, для котораго не могло не быть очевиднымъ, въ какомъ непримиримомъ антагонизмѣ были между собою съ одной стороны писаный законъ, а еще, можетъ быть, болѣе его произвольное толкованіе и примѣненіе, съ другой — исконный, традиціонный правовой бытъ.—Совершенно однородныя тяжбы начались и длились многіе десятки лѣтъ по всѣмъ уѣздамъ харьковской губерніи и, можно полагать, съ такими-же результатами, какъ и въ дачѣ ахтырской.

Авторъ одной, неизвѣстной публикѣ, книги, вышедшей, кажется, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, безъ означенія года и мѣста изданія, подъ заглавіемъ: „Судебно-статистическія свѣдѣнія по харьковской губерніи", даетъ намъ крайне любопытныя и чрезвычайно важныя свѣдѣнія относительно юридическаго положенія и вообще офиціальной судьбы старозаимочнаго землевладѣнія въ харьковской губерніи. Онъ имѣлъ, какъ видно, офиціальное порученіе ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ харьковской губерніи наканунѣ судебной реформы и, при разсмотрѣніи старыхъ нерѣшенныхъ дѣлъ въ изюмскомъ уѣздномъ судѣ, наткнулся на производящееся съ 1838 года дѣло о казенныхъ земляхъ харьковской губерніи, находящихся во владѣніи частныхъ лицъ. Справки показали, что подобное дѣло производится съ 1838 г. во всѣхъ уѣздныхъ судахъ харьковской губерніи. Поводомъ къ возбужденію этихъ дѣлъ, по собраннымъ авторомъ свѣдѣніямъ, было слѣдующее обстоятельство:

Ревизовавшій въ 1831 г. харьковскую губернію сенаторъ (Мечниковъ), въ отношеніи своемъ къ министру финансовъ, замѣтилъ, что нѣкоторые изъ казенныхъ поселянъ, записавшись въ купцы, мѣщане и цеховые, продали свои участки разнымъ людямъ и эти проданныя ими земли стали переходить въ дальнѣйшія руки. Вслѣдствіе этого правительствующій сенатъ, указомъ своимъ 1835 г.,

5 марта, предписалъ харьковскому губернскому правленію поручить, кому слѣдуетъ, произвесть „тончайшія о семъ изслѣдованія“ и результаты предоставить разсмотрѣнію подлежащаго суда. Въ силу этого указа мѣстное губернское правленіе поручило губернскому уголовныхъ дѣлъ стряпчему произвести „тончайшія изслѣдованія по каждому городу харьковской губерніи съ уѣздомъ отдѣльно“ и о результатахъ донести губернскому правленію.

Такъ началось повсемѣстное въ губерніи „розысканіе“ казенныхъ земель, причемъ главнымъ, если не единственнымъ, источникомъ и основаніемъ для этихъ розысканій служили объясненія и отвѣты волостныхъ правленій. Получивши наконецъ эти „розысканія“, губернское правленіе при своихъ указахъ въ 1838 г. разослало ихъ почти во всѣ уѣздные суды харьковской губерніи, для разсмотрѣнія ихъ съ магистратомъ и ратушей и для „постановленія по нимъ законнаго опредѣленія“.

Авторъ „Судебно-статистическихъ свѣдѣній по харьковской губерніи“, составляя, повидимому, свою книгу наканунѣ судебной реформы, т. е. въ половинѣ 60-хъ годовъ, говоритъ, между прочимъ, что „дѣло“ это, т. е. о розысканіяхъ, „возникшее назадъ тому 33 года и переданное еще въ 36—38 году на обсужденіе всѣхъ уѣздныхъ судовъ харьковской губерніи, до сихъ поръ ни по одному еще уѣзду не рѣшено окончательно“, но тѣмъ не менѣе приводимая авторомъ судьба этого „дѣла“, по каждому уѣзду отдѣльно, не лишена своего печальнаго интереса. Мы приведемъ почти дословныя извлеченія изъ названной нами книги только по двумъ-тремъ уѣздамъ харьковской губерніи.

1) По изюмскому уѣздному суду: „дѣло это было рѣшено въ 1840 г. тѣмъ, чтобы по непредставленію со стороны казны доказательствъ на спорныя земли оставить ихъ во владѣніи частныхъ лицъ; но харьковская гражданская палата, признавая приведенныя уѣзднымъ судомъ основанія „пустымъ размышленіемъ“ и находя, что самъ уѣздный судъ обязанъ отыскивать доказательства правъ казны на спорныя земли, возвратила дѣло въ уѣздный судъ для новаго рѣшенія. Съ того времени дѣло это остается въ уѣздномъ судѣ не рѣшеннымъ. Производство по этому дѣлу заключаетъ въ себѣ до 2000 листовъ. Примѣчаніе: справка эта показываетъ затруднительное и, можно сказать, даже безвыходное положеніе уѣзд-

ныхъ судовъ по этому дѣлу: гражданская палата требуетъ, чтобы судъ отыскивалъ по гражданскому дѣлу доказательства, которыхъ самъ истецъ не могъ представить; въ исполненіе этого требованія судъ по гражданскому дѣлу назначаетъ слѣдствіе, которое состоитъ только въ томъ, что отъ частныхъ лицъ отбираются документы на принадлежащія имъ земли и такимъ образомъ по производству дѣла въ судахъ права частныхъ лицъ усиливаются, а права казны ослабляются, а между тѣмъ судъ знаетъ, что если дѣло будетъ рѣшено въ пользу частныхъ лицъ, то палата непремѣнно возвратитъ его въ судъ для новаго рѣшенія". Это по истинѣ безвыходное положеніе!

2) „Справка по сумскому уѣздному суду... показываетъ, во 1-хъ, что сумскій уѣздный судъ, признавая невозможность исполненія задачи, данной губернскимъ правленіемъ, возложилъ исполненіе ея на земскій судъ, отчего исполненіе ея конечно не облегчилось, и, во 2-хъ, что наблюденія за этимъ дѣломъ со стороны харьковской палаты государственныхъ имуществъ не было, такъ какъ дѣло это сгорѣло 25 лѣтъ тому назадъ, 23 августа 1839 года, и никто о немъ не вспомнилъ".

3) „Справка по лебединскому уѣзду. Къ этому дѣлу, въ коемъ участвуетъ 913 человѣкъ, истребовано много документовъ прошедшихъ столѣтій, произведено разслѣдованіе о правахъ владѣнія, но все это смѣшано по разнымъ дачамъ, такъ что безъ особаго формальнаго производства по каждой дачѣ отдѣльно о правахъ владѣнія каждаго лица невозможно приступить къ рѣшенію онаго... Подлинное дѣло заключало въ себѣ 2850 листовъ. Примѣчаніе: изъ справокъ видно, что дѣло это состоитъ въ тѣсной связи съ производствомъ спеціальнаго межеванія по харьковской губерніи, что оно составляетъ одно изъ препятствій къ исполненію этого важнаго предпріятія, что дѣло не можетъ быть разрѣшено безъ участія землемѣра, а землемѣръ весьма справедливо отказался отъ этого участія, такъ какъ дачи, гдѣ обрѣтаются искомыя земли, уже измѣрены межевыми чиновниками по распоряженію харьковской палаты государственныхъ имуществъ и составлены планы съ показаніемъ всѣхъ существующихъ въ дѣйствительномъ владѣніи у частныхъ лицъ земель, и что судъ весьма справедливо полагаетъ прекратить это дѣло, а палата также не безъ основанія предписы-

ваетъ ему продолжать это производство, вредное для казны и пагубное для частныхъ лицъ.

Сопоставляя время начавшихся „тончайшихъ розысканій“ казенныхъ земель по харьковской губерніи съ временемъ начавшихся жалобъ городскихъ сословій на повсемѣстное посягательство на ихъ поземельную собственность со стороны „казенныхъ крестьянъ“, руководимыхъ своими попечительными учрежденіями, не трудно понять истинный источникъ этой поземельной „исторіи“, которая въ свою очередь составляетъ только одинъ изъ частныхъ эпизодовъ болѣе общей „исторіи“ въ томъ-же родѣ — трагической исторіи поземельнаго вопроса въ харьковской губерніи.

Въ заключеніе своего богатаго важнымъ содержаніемъ труда, цитируемый нами авторъ приводитъ слѣдующіе итоги собранному имъ матеріалу:

„Дѣло это (т. е. все таки о „розысканіяхъ“), по разнообразнымъ своимъ особенностямъ, очевидно, выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Изслѣдованія, названныя въ указѣ сената 1835 г. „тончайшими“, превратились въ толстѣйшія производства. 33 года они обременяютъ правительство и судебныя мѣста харьковской губерніи, служатъ страшилищемъ для нѣсколькихъ тысячъ частныхъ лицъ, нарушаютъ спокойствіе множества семействъ, поддерживаютъ и усиливаютъ неопредѣленность владѣнія поземельной собственности въ цѣлой губерніи, и хотя самое дѣло называется „сопряженнымъ съ казеннымъ интересомъ“, но въ сущности составляетъ бездонный колодезь казенныхъ расходовъ и слѣдовательно по справедливости можетъ быть названо дѣломъ сопряженнымъ съ казеннымъ ущербомъ. Стоитъ только привести въ извѣстность, сколько было употреблено денегъ на неисчислимыя командировки по этому дѣлу, начиная отъ сенатора Мечникова и губернскаго стряпчаго Броховича до тѣхъ исправниковъ, у которыхъ оно находится теперь въ рукахъ въ худшемъ еще положеніи, чѣмъ было у Броховича въ 1838 году“.

„Для большей ясности надо разсмотрѣть вкратцѣ судьбу этого дѣла во всѣхъ уѣздахъ. Въ изюмскомъ уѣздномъ судѣ оно было рѣшено еще въ 1840 году, но возвращено изъ харьк. гражданской палаты для новаго рѣшенія“.

„Въ сумскомъ уѣздномъ судѣ оно сгорѣло въ 1839 г. и никто объ немъ не вспомнилъ“.

„Въ лебединскомъ оно было прекращено по связи своей съ полюбовнымъ размежеваніемъ, но, по предписанію палаты, вновь возобновлено и ожидаетъ рѣшенія“.

„Богодуховскій уѣздный судъ только приступилъ къ разсмотрѣнію этого дѣла и присоединилъ къ нему нѣсколько другихъ дѣлъ“.

„Въ волчанскомъ уѣздномъ судѣ оно было прекращено, но возвращено изъ палаты для разсмотрѣнія и рѣшенія; не смотря на это, оно вновь прекращено уѣзднымъ судомъ на основаніи указа прав. сената 21 января 1849 года“.

„Въ купянскомъ уѣздномъ судѣ оно было рѣшено, но возвращено изъ палаты для новаго рѣшенія“.

„Въ ахтырскомъ уѣздномъ судѣ оно было рѣшено три раза; два раза возвращалось изъ палаты и теперь ожидаетъ той-же участи“.

„Въ старобѣльскомъ уѣздномъ судѣ оно рѣшено въ 1848 г., возвращено изъ палаты по поводу несоблюденія одной формальности, а черезъ 14 лѣтъ вновь представлено въ палату, гдѣ быть можетъ его ожидаетъ таже участь.“

„Наконецъ харьковскій уѣздный судъ 4 года тому назадъ приступилъ къ составленію выписки изъ того дѣла, но до сихъ поръ ее не составилъ. Производство по валковскому и зміевскому уѣздамъ просоединено къ производству харьк. уѣзднаго суда“.

„Сколько участвующихъ въ этомъ дѣлѣ частныхъ лицъ, это неизвѣстно въ точности. Изъ данныхъ мнѣ справокъ видно только, что по лебединскому уѣзду участвующихъ 913 человѣкъ, а по старобѣльскому 29; изъ этихъ лицъ съ 1838 г. въ теченіи 26 лѣтъ многіе уже умерли, имѣнія ихъ раздробились на болѣе мелкіе участки, множество участковъ перешло по наслѣдству или по продажѣ въ другія и даже въ третьи и десятыя руки; между тѣмъ документы отобраны еще отъ прежнихъ владѣльцевъ, такъ что настоящіе едва-ли знаютъ о существованіи этихъ документовъ и слѣдовательно лишены всякой возможности доказать передъ судомъ свои права на землю, принадлежащую имъ безспорно въ силу за-

кона о давности, если они не принадлежатъ къ сословію государственныхъ крестьянъ".

„Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ судахъ есть документы прошедшихъ столѣтій, писанные на столбцахъ; прочитать ихъ и понять, конечно, могутъ только лица, занимавшіяся изданіемъ нашихъ юридическихъ древностей".

„При внимательномъ обсужденіи этого дѣла нельзя, кажется, не придти къ убѣжденію, что оно должно быть рѣшено во всѣхъ уѣздахъ въ пользу частныхъ лицъ; поэтому и всѣ рѣшенія, которыя уѣздные суды пытались постановить по этому дѣлу, состоялись въ этомъ смыслѣ; если-же рѣшенія эти и возвращались въ суды палатою, то не по разсмотрѣнію существа дѣла, а по поводу несоблюденія той или другой формальности. Юридическихъ основаній для разрѣшенія этого дѣла въ пользу частныхъ лицъ или для совершеннаго его прекращенія представляется очень много".

Но кромѣ этихъ общихъ процессовъ о „розысканіяхъ", колоссальныхъ какъ по числу привлеченныхъ и претерпѣвшихъ лицъ, такъ и по времени ихъ продолженія, одновременно съ этими процессами возникла цѣлая масса мелкихъ тяжбъ, имѣвшихъ тѣ-же причины и тоже содержаніе. Одинъ современный практическій юристъ такъ объясняетъ причины и содержаніе массами возникавшихъ дѣлъ по старозаимочнымъ землямъ.

Обычное здѣсь (въ одномъ изъ уѣздовъ харьковской губерніи) начало этихъ дѣлъ таково: уполномоченный-ли отъ казны, посредникъ-ли по размежеванію земель, или кто нибудь изъ государственныхъ крестьянъ представляетъ по какому нибудь случаю въ палату государственныхъ имуществъ документъ, или документы семисотыхъ годовъ, по крайней мѣрѣ, такіе документы всегда были по купянскому уѣзду и документы почти всѣ одинаковые: купчія или закладныя письма, данныя частнымъ лицомъ другому на продажу, или залогъ участковъ съ правомъ вѣчнаго владѣнія; въ послѣднемъ случаѣ при неуплатѣ денегъ, или-же при представленіи свидѣтельства отъ общества, что такой-то и его предки съ незапамятныхъ временъ владѣли такимъ-то участкомъ угодьевъ и что общество никогда въ этотъ участокъ не вмѣшивалось, палата задаетъ вопросы: что это за документы? Имѣютъ-ли они силу

крѣпостныхъ актовъ? Имѣлъ-ли право такой-то, положимъ въ 1739 г., продавать, закладывать клочекъ земли, или общество свидѣтельствовать о принадлежности того клочка земли частному лицу и можно-ли этотъ клочекъ земли теперь назвать частною собственностію? Разрѣшая эти вопросы всегда отрицательно, палата передаетъ документы въ уѣздные суды для производства дѣла слѣдственнымъ порядкомъ, какъ о казенномъ интересѣ. Суды не смѣютъ, прежде собранія всѣхъ справокъ, прежде произведенія мѣстнаго изслѣдованія, и разсуждать, что земля, о которой идетъ рѣчь, больше 100 л. въ частномъ владѣніи, какъ видно изъ самаго документа и что общество нисколько не претендуетъ на это владѣніе. Такимъ образомъ дѣла эти производятся десятки лѣтъ безъ всякой надобности,—дѣла, которыхъ не слѣдовало-бы и начинать, такъ какъ оканчиваются они всегда утвержденіемъ того, что и безъ этого утверждено силою давности, силою исторіи, силою законовъ; еще имѣлъ-бы смыслъ споръ общества, какъ владѣльца казенной земли, противъ какого нибудь неправаго, по его мнѣнію, частнаго владѣнія. Кому-же въ самомъ дѣлѣ знать лучше: обществу или палатѣ, правильно или неправильно извѣстное владѣніе? Начинать-же палатѣ дѣло только потому, что прежніе документы не такъ написаны, какъ теперешніе, не спросясь даже ни о чемъ у общества, сколько я ни размышлялъ объ этомъ, не нахожу логичнаго основанія.

Такимъ образомъ это повсемѣстное, можно сказать, осадное положеніе поземельнаго владѣнія губерніи изъ-за однихъ только „розысканій“ продлилось почти вплоть до судебной реформы и окончательная судьба всего этого недоразумѣнія, въ примѣненіи къ большинству старозаимочныхъ земель губерніи, автору настоящей статьи неизвѣстна.

---

10. Кадастръ крестьянскихъ земель, съ цѣлями переложенія податей съ душъ на доходы.

Еще въ самомъ разгарѣ „розысканій“ казенныхъ земель въ харьковской губерніи недавно возникшее тогда министерство государственныхъ имуществъ выступило съ новыми опытами благихъ на-

чинаній и однимъ изъ первыхъ мѣстъ для своихъ экспериментовъ избрало харьковскую губернію [1]).

Такимъ опытомъ явилось сложное дѣло, извѣстное подъ краткимъ именемъ кадастра. Трудно понять, почему именно харьковская губернія была наиболѣе обычнымъ мѣстомъ непрерывныхъ „опытовъ"; своеобразный строй землевладѣнія этой губерніи, повидимому, долженъ былъ-бы скорѣе всего освободить ее отъ разныхъ примѣрныхъ опытовъ, а бывшія въ самомъ разгарѣ „розысканія" должны были остановить реформаторовъ на той мысли, что только тѣ или другіе результаты производившихся „розысканій" уяснятъ дѣйствительную почву для будущихъ правильныхъ мѣропріятій; но этихъ результатовъ не хотѣло, видно, ждать энергичное и богатое идеями новое министерство.

Во второй половинѣ 40-хъ годовъ въ немъ возникла заманчивая идея объ уравненіи денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ харьковской губерніи, для чего и предположено было ни болѣе, ни менѣе, какъ „оцѣнить доходы казенныхъ селеній", въ видахъ переложенія податей съ душъ на доходы. Самая эта мысль уравненія сборовъ по харьковской губерніи прямо обусловливалась убѣжденіемъ въ повсюдной наличности въ ней общиннаго владѣнія, хотя старозаимочныя дачи составляли и тогда еще крупный процентъ крестьянскаго землевладѣнія въ губерніи; имѣлось въ виду опредѣлять доходъ не каждаго малоземельнаго крестьянина до какой нибудь четверти десятины включительно, а всей земли, числящейся за тѣмъ или другимъ крестьянскимъ обществомъ и владѣемой, по предположенію министерскаго проэкта, общинно. И вотъ началась на многіе годы бумажная работа „центральной коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ".

Но прежде, чѣмъ излагать ходъ этой работы, представимъ, хотя въ общихъ чертахъ, существенное содержаніе кадастровой инструкціи.

Основная ея идея возникла еще въ 1848 году, но окончательно разработана въ утвержденномъ министромъ государственныхъ

---

[1]) Тотъ-же «опытъ» предстоялъ и екатеринославской губерніи, но эта послѣдняя была освобождена отъ него вслѣдствіе неурожая, цынготной болѣзни и падежа скота.

имуществъ журналѣ центральной коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ отъ 13 ноября 1831 года, на основаніи котораго составлена и самая инструкція. Эта инструкція заключаетъ въ себѣ 444 §§ и теперь представляетъ собою весьма рѣдкую книгу. Она, по самому происхожденію своему, не представляетъ закона въ техническомъ смыслѣ этого слова, а только административное положеніе, почему вѣроятно и не могла войти въ полное собраніе законовъ. Ея исключительная цѣль—фискальная, по возможности облегчить отбываніе всяческихъ повинностей и для этого уяснить все могущее подлежать налогу въ матеріальныхъ средствахъ крестьянъ, посредствомъ „уравненія ихъ въ денежныхъ сборахъ". Въ ней заключалась весьма смѣлая идея—установить изъ далекаго центра какой-то правильный подоходный налогъ съ вѣчно волнующагося моря мелкихъ крестьянскихъ достатковъ, хотя-бы и въ общинномъ владѣніи, ибо налогу этому должны были подлежать не только земли, предметъ, какъ извѣстно, при общинномъ владѣніи, довольно устойчивый, по крайней мѣрѣ для разсчета налога, но даже и всяческіе крестьянскіе промыслы: 388 § инструкціи указываетъ цѣль кадастра: „подоходную систему податей въ губерніи". Инструкція возлагаетъ всѣ приготовительныя работы и подготовку надлежащихъ матеріаловъ и свѣдѣній на палаты государственныхъ имуществъ и ихъ уѣздные органы (окружныхъ начальниковъ), съ подвѣдомственными имъ волостными правленіями. Палаты составляютъ „соображенія объ относительной степени благосостоянія государственныхъ крестьянъ по разнымъ мѣстностямъ губерніи" и указаніе способовъ крестьянскаго владѣнія землями („душеваго, четвертнаго, захватнаго и тому подобное", о старозаимочныхъ земляхъ нѣтъ даже и помину), а за тѣмъ передаютъ эти свѣдѣнія начальнику коммисіи, или ея „отряда", по прибытіи этого начальника въ данную губернію.

Самая „оцѣнка доходовъ казенныхъ селеній и переложеніе податей въ губерніи производятся или коммисіей уравненія денежныхъ сборовъ, или отрядомъ". Въ руки этого новаго пріѣзжаго начальства волостныя правленія доставляютъ всяческія свѣдѣнія и, между прочимъ, „подворные списки", а также свѣдѣнія о земляхъ, различныхъ оброчныхъ статьяхъ, недоимкахъ, торговыхъ свидѣтельствахъ, количествѣ отпускаемыхъ каждому селенію лѣсныхъ матеріаловъ и т. п. Кромѣ того, „по всякому селенію выбираются,

примѣрно на каждыя сто душъ, два добросовѣстныхъ, одинъ мѣрщикъ и одинъ писарь". „Въ званіе добросовѣстныхъ и мѣрщиковъ избираются смышленнѣйшіе и лучшей нравственности крестьяне, въ числѣ которыхъ должны быть въ особенности знакомые съ мѣстными обстоятельствами, крестьянскимъ хозяйствомъ и главными промыслами".

Всестороннее хозяйственное изученіе губерніи предположено было такъ широко и глубоко, что „начальникъ коммисіи или отряда" получаетъ отъ губернскаго начальства свѣдѣнія „о всѣхъ, какъ внѣшнихъ въ отношеніи губерніи, такъ и внутреннихъ пунктахъ сбыта земледѣльческихъ произведеній", и, кромѣ того, не довольствуясь губернскимъ начальствомъ, вообще входитъ въ сношеніе съ гражданскимъ губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства о приглашеніи помѣщиковъ, именитыхъ купцовъ, фабрикантовъ и заводчиковъ сообщать свѣдѣнія о качествахъ и урожаѣ разныхъ почвъ, о торговлѣ и разныхъ промыслахъ и всѣ эти свѣдѣнія собираетъ „не столько офиціальными требованіями, сколько сближеніемъ съ дворянами и торговцами". Работы кадастровой коммисіи должны были начинаться одновременно по всей губерніи и закончиться въ три года, при чемъ инструкція подробно регламентируетъ будущее и опредѣляетъ работы эти на каждый годъ. Такъ въ первомъ-же году членъ коммисіи или отряда (каждый въ своемъ участкѣ) собираетъ предварительныя свѣдѣнія о благосостояніи крестьянъ „посредствомъ личныхъ объясненій съ окружнымъ начальникомъ"; для той-же цѣли собираются „старожилы селеній", на сходахъ членъ коммисіи объясняетъ крестьянамъ цѣль предстоящихъ занятій и изслѣдованій; избраннымъ добросовѣстнымъ, мѣрщикамъ и писарямъ внушаетъ, съ одной стороны, „всю важность довѣрія, которое имъ дѣлается", а съ другой—ихъ серьезную отвѣтственность за невѣрныя показанія... Въ числѣ самыхъ разностороннихъ свѣдѣній о матеріальныхъ средствахъ и хозяйствѣ крестьянъ собираются также весьма любопытныя свѣдѣнія, „по какому способу крестьяне каждаго селенія владѣютъ землей въ каждой дачѣ и въ какомъ угодьи и какимъ образомъ раздѣляется угодье по каждому хозяйству"... сортируется почва по своимъ сельско-хозяйственнымъ качествамъ, дѣлаются даже пробные умолоты хлѣбовъ и пробные укосы травъ. На основаніи всѣхъ этихъ свѣдѣній составляется

„хозяйственное описаніе селеній“, при чемъ даже составляются „таблицы среднихъ цѣнъ на земледѣльческія произведенія и таблицы стоимости рабочаго дня“, а результаты всего этого изученія въ опредѣленные сроки доносятся департаменту сельскаго хозяйства.

Опуская всѣ дальнѣйшія подробности этой инструкціи, мы скажемъ только, что въ заключеніе третьяго года предписывалась „дѣйствительная раскладка податей и введеніе новой податной системы“. Одновременно съ этимъ, т. е. къ концу 3-го года, составляется „хозяйственное описаніе цѣлой губерніи“, а также и статистическое описаніе ея вообще. На основаніи всего этого матеріала, какъ вѣнецъ изслѣдованія, составляются губернскія книги: оцѣночная и окладная... и изготовляются окладные листы по обществамъ и селеніямъ, и такимъ образомъ происходитъ „переложеніе податей съ душъ на доходы“, хотя собственно подушная подать оставляется неприкосновенно въ прежнемъ положеніи.

По главному вопросу настоящей статьи—о старозаимочномъ владѣніи—въ этой инструкціи единственное упоминаніе дѣлается въ примѣчаніи къ § 53. По силѣ этого примѣчанія „старозаимочныя земли, состоящія во владѣніи войсковыхъ обывателей, перешедшихъ въ городское сословіе и вообще постороннихъ лицъ, не подвергаются ни оцѣнкѣ, ни измѣренію“; но въ § 48 той-же инструкціи сказано: „всѣ удобныя земли, предоставленныя отъ казны въ пользованіе государственныхъ крестьянъ, изъ коихъ они извлекаютъ непосредственную выгоду, подлежатъ оцѣнкѣ“. Сопоставляя эти два мѣста инструкціи, нельзя не видѣть, что новое министерство не приняло въ соображеніе историческаго происхожденія и дѣйствительнаго юридическаго характера старозаимочнаго владѣнія, а потому отнеслось къ нему, какъ къ землѣ, будто-бы „предоставленной отъ казны въ пользованіе государственныхъ крестьянъ“, результатомъ-же этого воззрѣнія было, сколько намъ извѣстно, примѣненіе кадастра къ землямъ государственныхъ крестьянъ и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ему не могло быть мѣста по огромной массѣ старозаимочнаго крестьянскаго землевладѣнія. Эта основная, обусловленная, конечно, прежними еще мѣропріятіями, ошибка со стороны министерства государственныхъ имуществъ, особенно наглядно выражается въ § 62 инструкціи, который говоритъ: „къ собственнымъ землямъ государственныхъ крестьянъ, на основаніи суще-

ствующихъ постановленій, принадлежатъ: а) земли, жалованныя предкамъ однодворцевъ до 1724 г. въ отчину высочайшими грамотами; б) земли, купленныя и другимъ образомъ пріобрѣтенныя однодворцами у лицъ другихъ состояній до времени запрещенія; в) земли первыхъ двухъ родовъ, пріобрѣтенныя однодворцами отъ лицъ равнаго сословія и прежде и послѣ изданія межевой инструкціи; г) земли, пріобрѣтенныя вообще государственными крестьянами послѣ указа 12 декабря 1801 г.; д) земли, купленныя государственными крестьянами отъ казны съ аукціоннаго торга; ж) земли, присужденныя въ личную собственность рѣшеніями правительствующаго сената и з) земли, купленныя цѣлыми обществами государственныхъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, или отъ казны". Приведенными пунктами захватывалась и вся область старозаимочнаго крестьянскаго землевладѣнія, по допущенному гораздо раньше, какъ мы видѣли, смѣшенію земель старозаимочныхъ съ однодворческими; кадастръ, какъ видимъ, совершенно игнорировалъ всю массу старозаимочнаго крестьянскаго владѣнія и всецѣло примѣнилъ къ нему спеціальные законы и распоряженія о земляхъ однодворцевъ. Это недоразумѣніе министерства государственныхъ имуществъ усилило только извѣстныя уже намъ „розысканія казенныхъ земель"; онѣ предписывались нѣсколькими §§ инструкціи и теперь должны были принять характеръ повсемѣстности по всей губерніи. По 67 § инструкціи палата, по мѣрѣ хода работъ кадастровой коммисіи, отправляла на разсмотрѣніе уѣздныхъ судовъ дѣла о такихъ даже земляхъ крестьянъ, которыя, по ея собственному мнѣнію, можно было признать ихъ собственностію даже „съ большою вѣроятностію".

Кромѣ примѣчанія къ 53 § инструкція нигдѣ болѣе и не упоминаетъ о старозаимочныхъ земляхъ, хотя нѣсколько разъ останавливается на четвертномъ владѣніи, которое по индивидуальному своему характеру значительно подходитъ къ старозаимочному. Вотъ одинъ изъ параграфовъ кадастровой инструкціи (§ 77, пунктъ 2-й), способный показать, какъ легко было выполнителямъ кадастра правила, касавшіяся четвертныхъ земель, примѣнить къ старозаимочному владѣнію: „если крестьяне владѣютъ четвертными землями совершенно неуравнительно, не только въ отношеніе цѣлаго селенія, но и каждой фамиліи въ особенности, то измѣряются земли

каждаго домохозяина отдѣльно; но и здѣсь должно наблюдать: нѣтъ-ли такихъ домохозяевъ, которые, происходя отъ одного родоначальника, получили свои дачи на основаніи правильнаго наслѣдственнаго раздѣла; и если при этомъ они явственно показываютъ, на сколько и на какія части дѣлилось владѣніе ихъ родоначальника, низводя сіи раздѣлы до настоящаго времени, то удобнѣе и вѣрнѣе измѣрять земли такихъ домохозяевъ совокупно и впослѣдствіи въ составленныхъ реестрахъ разсчитывать владѣніе каждаго домохозяина по той пропорціи, какая опредѣляется ему правомъ наслѣдства. Для сего (примѣчаніе къ §) въ четвертныхъ селеніяхъ собираются у каждаго домохозяина свѣдѣнія о числѣ четвертей или той части владѣнія, которою онъ, по наслѣдственному раздѣлу, пользуется изъ земель, принадлежащихъ его фамиліи. На основаніи сихъ свѣдѣній составляются реестры четвертнымъ владѣльцамъ, въ коихъ показывается также по сдѣланному разсчету мѣра владѣнія каждаго домохозяина въ десятинахъ и сажняхъ и число душъ числящихся въ его семействѣ". Что это правило инструкціи было примѣняемо дѣятелями кадастра и къ наслѣдственно-участковымъ старозаимочнымъ дачамъ, можно заключать изъ дошедшихъ до насъ такъ называемыхъ измѣрительныхъ таблицъ. Таблицы эти были теперь составлены по всякому крестьянскому обществу наслѣдственно-участковаго владѣнія, между тѣмъ до времени кадастра въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ намъ старозаимочныхъ крестьянскихъ дачахъ совершенно не было никакихъ записей мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, которое существовало до этого времени только какъ фактъ, никакой бумагѣ невѣдомый: только въ измѣрительныя таблицы кадастра была впервые занесена эта мелкая, въ тысячахъ участковъ состоявшая старозаимочная крестьянская собственность [1]).

---

[1]) Изъ одной бумаги въ дѣлѣ кадастра по ахтырской дачѣ видно, что случайныя и отрывочныя записи крестьянскаго владѣнія до кадастра обозначали размѣръ мелкихъ крестьянскихъ участковъ самою неопредѣленною мѣрою: у такого — земли «на три дня оранки», у другаго «на одинъ день оранки»; только изрѣдка показывалась длина и ширина участка. Часто употребляется выраженіе: земли «одинъ загонъ», «одинъ загонъ — оранки на три дня и сѣнокосу на 20 копицъ»; «одинъ загонъ на два дня оранки»; «одинъ загонъ на три дня оранки», «два загона поля на два дни оранки», отсюда видно, что и загонъ величина не постоянная. Еще встрѣчаются такія выраженія: «земли оранки на 8 дней, поля —

О захватныхъ земляхъ взглядъ кадастра выраженъ въ 78 §: „...дознается также, не находятся-ли общественныя земли въ захватномъ пользованіи государственныхъ крестьянъ, на основаніи котораго всякій изъ нихъ пользуется для посѣва и сѣнокоса такимъ пространствомъ земли, какое успѣетъ захватить прежде другихъ. Въ такомъ случаѣ вмѣняется въ обязанность мѣстному управленію государственными имуществами, до начала оцѣнки земель, побуждать крестьянъ къ уравнительному раздѣлу предоставленныхъ имъ земель, коими они пользуются на захватъ; а чиновникамъ уравненія денежныхъ сборовъ содѣйствовать крестьянамъ и руководить ихъ въ семъ дѣлѣ".

Изъ послѣдующаго хода этого дѣла въ харьковской губерніи есть основаніе заключить, что кадастровая практика, подъ вліяніемъ уже извѣстнаго намъ основнаго административнаго недоразумѣнія, повидимому, смѣшала старозаимку съ „захватомъ" въ смыслѣ, какой приданъ этому термину самой „инструкціей", и примѣнила къ первой всѣ послѣдствія, установленныя для послѣдняго.

Не касаясь другихъ многочисленныхъ параграфовъ обширной кадастровой инструкціи, не имѣющихъ прямаго отношенія къ изслѣдуемому нами вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи, отмѣ-

---

одна гона, опругъ, півупруга». Эта неопредѣленная мѣра земли (загонъ, столько-то дней оранки и т. д.) нерѣдко означалась и въ такъ-называемыхъ уступныхъ письмахъ, въ которыхъ обыкновенно писалось, что занимается такая-то сумма денегъ, а кредитору вмѣсто процентовъ дается во владѣніе земля до уплаты долга. Это такъ-называемая застава. Эта уступныя письма иногда свидѣтельствовались въ полиціи. Одно извѣстное намъ уступное письмо написано въ 1833 г. въ ахтырскомъ словесномъ судѣ, при свидѣтеляхъ. Въ одномъ уступномъ письмѣ уже въ 1846 г. говорится, что уступленъ одинъ загонъ поля на 6 дней оранки за 100 рублей впредь до возврата занятыхъ денегъ. Въ этихъ-же актахъ мы нашли упоминаніе одного загона, въ коемъ оранки на четыре дня, другой загонъ—оранки на два дня; одно закладное письмо 1788 г., написанное въ ахтырской приказной избѣ—здѣсь заложена была сѣнокосная лука, въ 2,000 кв. сажень за 12 рублей на 5-тилѣтній терминъ. Еще мѣра земли: «оранки на два опруга». При обмѣнѣ участковъ составлялись частныя полюбовныя сказки при свидѣтеляхъ, иногда на 30 копѣечной бумагѣ. У насъ въ рукахъ была опись болѣе сотни различныхъ поземельныхъ актовъ крестьянъ; между этими актами многочисленнѣе всѣхъ другихъ были закладныя письма и закладныя росписки 1780—1850 годовъ; особенно-же часты были эти акты въ 20—30 годахъ.

тимъ въ заключеніе, что по 250 и 251 §§ „переложенію съ душъ на доходы казенныхъ селеній подлежали сборы: 1) общественный, 2) на капиталъ продовольствія, 3) земскіе сборы: а) общій земскій сборъ, б) на содержаніе земской полиціи, в) на вспомогательный капиталъ (гдѣ сей сборъ существуетъ), г) на устройство присутственныхъ мѣстъ и 4) оброчная подать. Подушная-же подать, какъ личный налогъ, общій для всѣхъ податныхъ сословій, и мірскіе сборы, установляемые для удовлетворенія нуждъ одного общества, оставались „при прежней подушной раскладкѣ", при чемъ также оставалась, повидимому, неизмѣнной и общая сумма налога на губерніи, ибо въ 260 и 251 §§ говорится, что при исчисленіи извѣстныхъ категорій налоговъ должна приниматься въ основаніе послѣдняя высочайше утвержденная смѣта. Всѣ остальные параграфы разсматриваемой инструкціи приводятъ насъ къ мысли, что главной заботой составителей оной было всяческое облегченіе обложенія, учета и взысканія подлежащихъ налоговъ. Подъ вліяніемъ этой господствующей заботы, не смотря на всю распространенность личнаго крестьянскаго землевладѣнія въ харьковской губерніи (по старозаимочному праву и обычаю), податной единицей принято не лицо, а „селеніе", т. е. извѣстная группа фактическихъ поземельныхъ собственниковъ, которымъ за то въ дѣлахъ, такъ сказать, внутренняго самоуправленія sui generis дана свобода до степени laissez faire etc., т. е. полный произволъ большинства, вѣрнѣе произволъ малочисленнаго грамотнаго персонала сельскаго правленія, или-же волости. Фискальный интересъ гарантировалъ себя репрессіей круговой поруки, которая, если и можетъ быть признаваема за органическую часть общиннаго устройства, то относительно личнаго владѣнія является прямымъ его отрицаніемъ: къ личному землевладѣнію круговая порука могла быть примѣнена только чисто внѣшнимъ, механическимъ образомъ, внося, вмѣстѣ съ другими условіями, постепенное затемнѣніе понятія о моемъ и твоемъ и привычку возлагать надежды на разныя внѣшнія случайности помимо условій личнаго труда и самостоятельной личной заботы. Созданіе на почвѣ личнаго поземельнаго владѣнія групповыхъ платежныхъ единицъ съ круговой порукой и вообще цѣлой системой условій, взятыхъ прямо изъ общиннаго порядка, должно было внести и, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно внесло такую неопредѣ-

ленность въ поземельный бытъ крестьянъ, въ которой врядъ-ли можно было разобраться одинокой личной энергіи не только неграмотнаго участника въ жизни деревни, но даже и посторонняго наблюдателя, культурнаго человѣка.

---

11) Подробности примѣненія кадастровой операціи къ одной старозаимочной дачѣ.

Ознакомившись съ содержаніемъ и характеромъ кадастровой инструкціи, посмотримъ теперь, какъ она была примѣнена въ разсматриваемой нами мѣстности и какими сопровождалась послѣдствіями для мѣстнаго крестьянскаго населенія и его землевладѣнія. Правда, мы не имѣемъ данныхъ относительно примѣненія этой инструкціи на пространствѣ всей харьковской губерніи, но какъ кадастръ являлся мѣрою общею, то по даннымъ, какія имѣются у насъ относительно уѣзда ахтырскаго, частнѣе-же ахтырской старозаимочной дачи, можно съ достовѣрностію заключать о томъ, что происходило въ этомъ отношеніи и въ другихъ пунктахъ губерніи.

Опытамъ кадастра и кадастровой инструкціи предшествовало учрежденіе „коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ". По требованію ея, еще въ 1847 году окружными правленіями государственныхъ имуществъ харьковской губерніи предписано было всѣмъ подвѣдомственнымъ имъ волостнымъ правленіямъ „приготовить немедленно" для коммисіи цѣлыя массы различныхъ юридическихъ, статистическихъ, хозяйственныхъ и другихъ свѣдѣній. Волостныя правленія такимъ образомъ были prima fonte всѣхъ данныхъ, по которымъ строилась *a priori* задуманная или заимствованная система, основной и самой кипучей лабораторіей для всяческихъ въ крестьянскомъ мірѣ мѣропріятій. Въ числѣ разныхъ справокъ, потребовавшихся отъ этихъ замѣчательныхъ, по своему обязательному всевѣдѣнію, учрежденій, требовались, кромѣ неизбѣжныхъ справокъ въ родѣ количества недоимокъ, мірскихъ и оброчныхъ статей, количества душъ по каждому селенію, и свѣдѣнія о раздѣленіи этихъ душъ на разряды относительно способовъ владѣнія землями, „какъ напримѣръ душеваго, четвертнаго и захватнаго". Послѣдній терминъ, при отсутствіи упоминанія о старозаимочномъ владѣніи, получаетъ

для насъ особое значеніе: онъ неизбѣжно предполагаетъ или совершенное невѣдѣніе наличности старозаимочнаго владѣнія во всей губерніи, или-же усмотрѣніе въ немъ одного только самоуправства и безпорядка. Такъ какъ одновременно съ этимъ министерство государственныхъ имуществъ, съ почина той-же коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ, озабочиваясь устройствомъ государственныхъ крестьянъ, „не пользующихся никакимъ надѣломъ казенной земли въ губерніяхъ, въ коихъ подати уже переложены съ душъ на доходы", собирало „свѣдѣнія о томъ, сколько подобныхъ безземельныхъ крестьянъ по всѣмъ великороссійскимъ губерніямъ и не можно-ли надѣлить ихъ землей изъ оброчныхъ статей въ тѣхъ-же губерніяхъ", то таже забота, вмѣстѣ съ сопровождавшими ее мѣропріятіями и заборомъ всевозможныхъ справокъ изъ извѣстнаго уже намъ источника, была всецѣло примѣнена и къ харьковской губерніи, хотя эта послѣдняя ни въ этнографическомъ отношеніи, ни по господствующему характеру своего землевладѣнія не могла быть приравнена къ губерніямъ великорусскимъ. Поступавшія по запросамъ, вслѣдствіе этой новой мѣры, донесенія, которыя мы имѣли случай разсматривать, показываютъ съ одной стороны, какое смутное представленіе начальствующія лица имѣли о порядкѣ землевладѣнія въ харьковской губерніи, а съ другой какъ нерѣдко органы крестьянскаго управленія становились въ тупикъ предъ запросами и, отвѣчая на нихъ, старались попасть въ тонъ запроса и давали данныя, по которымъ всего менѣе можно было построить вѣрное заключеніе.

Такъ слѣдовалъ, наприм., ахтырскому волостному правленію запросъ, сколько въ ахтырскомъ обществѣ оброчныхъ статей, какія и гдѣ именно, сколько безземельныхъ крестьянъ и пр. Тутъ понятія не имѣли объ оброчныхъ статьяхъ: въ ахтырской, какъ почти и во всякой старозаимочной дачѣ, все принадлежало отдѣльнымъ лицамъ, а не міру. Волостное правленіе указало число безземельныхъ крестьянъ,—ихъ въ это время въ ахтырской волости было 336 душъ, но прибавило, что они не могутъ быть надѣлены землей „до уравнительнаго раздѣла земли на ревизскія души",—точно оно само желало этого раздѣленія, или было убѣждено въ необходимости онаго.

Пертурбація въ крестьянскомъ населеніи харьковской губерніи усилилась и недоумѣнія вопрошающихъ и отвѣчающихъ увеличились

съ тѣхъ поръ, какъ министерство государственныхъ имуществъ, отмѣнивъ, какъ прежде было нами упомянуто, опытъ уравненія денежныхъ сборовъ по екатеринославской губерніи, двинуло оттуда „часть чиновъ коммисіи“ въ харьковскую губернію для предварительныхъ изслѣдованій, въ видахъ переложенія податей съ душъ на землю и содѣйствія палатѣ государственныхъ имуществъ къ размѣну черезполосностей. Лѣтомъ 1849 г. ахтырское окружное управленіе циркулярно предписало волостнымъ правленіямъ „немедленно“ составить подворные списки и выбрать изъ среды крестьянъ присяжныхъ добросовѣстныхъ, причемъ самый этотъ выборъ „необходимо“ долженъ былъ окончиться ко времени прибытія въ Ахтырку „чиновъ отряда“.

Самая форма этого подворнаго списка домохозяевамъ деревни N N и т. д. показывала какъ будто, что для составленія проэкта „уравненія“ ни въ чемъ не представлялось затрудненій и что статистика видимо тогда процвѣтала: въ различныхъ рубрикахъ этого списка должны были вмѣститься такія напр. свѣдѣнія, какъ фамилія домохозяина, число душъ въ семьѣ и число работниковъ во дворѣ (хотя въ данной мѣстности, кромѣ самихъ домохозяевъ и членовъ ихъ семьи, работниковъ обыкновенно не бываетъ), число скота, чѣмъ кто занимается въ разное время года, какія у кого промышленныя заведенія, сколько недоимки и проч.; не забыты даже пчелы, и тѣхъ требовалось показать, „сколько именно“.

Одновременно съ предписаніемъ составить подворные списки ахтырскій окружный начальникъ предписалъ волостямъ о выборѣ мѣрщиковъ, добросовѣстныхъ и писарей, а также о высылкѣ плановъ на дачи и пустоши, при чемъ требовалось, чтобы „въ званіе добросовѣстныхъ и мѣрщиковъ избирались смышленнѣйшіе и лучшей нравственности крестьяне, въ числѣ которыхъ должны быть въ особенности знакомые съ мѣстными обстоятельствами, крестьянскимъ хозяйствомъ и главными промыслами“, а въ числѣ мѣрщиковъ былъ, по крайней мѣрѣ, одинъ грамотный.

Всѣ эти сельскіе чины, призывавшіеся для осуществленія блестящаго проэкта, избирались на три года и при всемъ томъ никому изъ нихъ, кромѣ писарей, вознагражденія не полагалось: писаря оплачивались изъ суммъ мірскаго сбора, т. е. на счетъ тѣхъ-же крестьянъ, что-жъ касается добросовѣстныхъ и мѣрщиковъ, то начальство раз-

судило экономично, что работы ихъ по измѣренію и оцѣнкѣ земель могутъ быть вмѣнены имъ въ общественную службу, или натуральную повинность. Положеніе выборныхъ и ихъ избирателей по истинѣ разорительное, если принять во вниманіе, что въ числѣ ревизскихъ душъ были умершіе и малолѣтніе, или неспособные къ работамъ, и что отъ каждыхъ 100 ревизскихъ душъ бралось „примѣрно" по четыре человѣка, да еще въ самую горячую пору и три года подъ рядъ, и бралось въ губерніи, гдѣ нѣтъ многочисленнаго по количеству людей, великорусскаго „двора", а есть только отдѣльныя малочисленныя семейства [1]), въ которыхъ на рукахъ отца лежало все бремя содержанія семьи съ малолѣтними дѣтьми. И это при недоимкѣ въ 163,111 руб. на 8036 душъ населенія ахтырской волости, т. е. по 20 р. на валовую ревизскую душу, въ памятный 1849 годъ, которому предшествовалъ годъ неурожая хлѣбовъ и травъ, смертность на людяхъ, падежъ скота и частые пожары, какъ свидѣтельствовало мѣстное волостное правленіе,—при годичномъ размѣрѣ натуральныхъ повинностей въ суммѣ свыше 5000 р. на то-же общее число ревизскихъ душъ [2]) и при душевомъ податномъ (не считая винной подати) окладѣ въ 4 р. 87 ½ к.

---

[1]) Для опредѣленія средняго числа членовъ въ семьѣ въ ахтырской волости интересны слѣдующія данныя изъ того-же дѣла о кадастрѣ: въ ахтырскомъ обществѣ (т. е. собственно у государственныхъ крестьянъ г. Ахтырки) находится 2,011 дворовъ, ревизскихъ душъ мужескаго пола 4,669, женскаго пола 4,743; въ хухрянскомъ сельскомъ обществѣ 503 двора, ревизскихъ душъ, т. е. мужескихъ 1,192 чел., женскаго пола 1,200; кириковскаго сельскаго общества 458 дворовъ, мужескаго пола 1,464, женскаго пола 1,261; въ Бакировкѣ 95 дворовъ, мужескаго пола 247, женскаго пола 298; въ деревнѣ Литовкѣ 109 дворовъ, мужескаго пола 292, женскаго пола 346. Отсюда средній размѣръ населенія двора или семьи 4,8 человѣка.

[2]) Размѣръ натуральныхъ повинностей, выпадавшихъ на одну ахтырскую волость, какъ видно изъ дѣла о кадастрѣ, былъ слѣдующій:

Подводъ:

1) Для разъѣздовъ по службѣ: 565 подводъ на 169 р. 50 к. (т. е. всего по 30 коп. подвода).

2) Для войскъ и ремонтовъ (?) 720 подводъ, на 216 р.

3) Для арестантовъ по этапамъ, 52 подводы, на 15 р. 60 к.

4) Для исправленія мостовъ, дорогъ и гатей: а) конныхъ—280, б) пѣшихъ—500, на 159 р.

Здѣсь пѣшій рабочій день принятъ всего въ 15 коп.

Въ августѣ 1849 г. „завѣдывающимъ отрядомъ коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ“, чрезъ мѣстнаго окружнаго начальника были затребованы „въ самоскорѣйшемъ времени“, въ числѣ другихъ, свѣдѣнія о количествѣ земли по способу владѣнія; при этомъ требованіи была приложена и форма всего только на двѣ рубрики для крестьянъ собственниковъ: 1) земли заимочной, владѣемой по документамъ прежнихъ лѣтъ (?) и 2) земли, принадлежащей въ личную собственность по §§ 60, 62, 63 и 67 „инструкціи“. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, конечно, подъ вліяніемъ прежнихъ и позднѣйшихъ разъясненій начальства, ахтырское волостное правленіе въ первой рубрикѣ не проставило земли ни одной десятины, а „принадлежавшей въ собственность“ по вышеприведеннымъ параграфамъ обозначило всего только 113 дес. (это изъ 15—20 тысячъ десятинъ старозаимочной крестьянской земли!)

Въ отвѣтахъ различныхъ сельскихъ обществъ ахтырской волости относительно различныхъ, свыше опредѣленныхъ категорій земли весьма часто фигурируетъ 18 декабря 1801 г. (земли, пріобрѣтенныя до этого времени и послѣ), что только лишній разъ указываетъ, что старозаимочныя земли въ глазахъ подлежащаго вѣдомства были совершенно смѣшаны съ четвертнымъ и другихъ категорій поземельнымъ владѣніемъ однодворцевъ. Произведенный во время кадастра отборъ у крестьянъ документовъ на собственныя ихъ различныхъ категорій земли произвелъ такую путаницу

---

5) Для обработыванія общественной запашки: а) конныхъ—525, б) пѣшихъ—723, на 265 р. 95 к.

6) Для скопки и разсадки лѣсовъ: пѣшихъ 325 чел., на 48 р.

7) Для разсылки пакетовъ: а) конныхъ—250, б) пѣшихъ—150, на 97 р. 50 коп.

Исключительно пѣшихъ рабочихъ:

8) Для препровожденія арестантовъ—280 чел., на 42 р.

9) Для караула къ церквямъ—832 чел. на 124 р. 80 к.

10) Присмотръ хлѣбныхъ магазиновъ—280 чел. на 31 р. 20 к.

11) Сторожа сельскихъ правленій—520 чел. на 78 р.

12) Отведено квартиръ на 1500 р.

Всего даже по этой изумительно дешевой оцѣнкѣ труда, подводъ и квартиръ на 2,748 р. 30 коп., что по самому скромному переводу на дѣйствительныя современныя цѣны требуетъ, по крайней мѣрѣ, удвоенія, т. е. около 5,496 руб.

въ земельныхъ правахъ, которой не распутать уже и нашему времени. Хотя начальство требовало тогда только копій крестьянскихъ документовъ, но такъ какъ значительная часть этихъ актовъ была писана почеркомъ прошлаго вѣка, а палеографія была рѣшительно неизвѣстна писарямъ волостныхъ правленій, то во исполненіе требованія начальства у крестьянъ отбирались большею частію подлинные документы и таковые цѣлыми тюками препровождались въ Харьковъ, въ палату государственныхъ имуществъ. Что здѣсь съ ними сталось, намъ неизвѣстно, но о судьбѣ ихъ догадываться отчасти можно потому, что въ Харьковѣ и теперь еще живетъ память объ одномъ, давно уже покойномъ, отставномъ чиновникѣ, по фамиліи Наливайко, въ домѣ котораго весь чердакъ былъ заваленъ документами и другими старыми актами крестьянскаго землевладѣнія.

Отборъ земельныхъ документовъ и увеличившіяся тягости отбыванія повинностей и оплаты налоговъ усилили эмиграцію крестьянъ, начавшуюся еще раньше, а это въ свою очередь отражалось на судьбѣ мѣстнаго земельнаго владѣнія. Оно видимо уже давно разлагалось, и однородный прежде участково-наслѣдственный старозаимочный порядокъ землевладѣнія съ теченіемъ времени принималъ все болѣе и болѣе смѣшанный характеръ. Такъ еще въ 1837, 1839 и въ 1848 г., т. е. въ годъ начала кадастра, изъ ахтырской и другихъ волостей ахтырскаго уѣзда переселилось въ черноморскіе и линейные козаки, а также въ екатеринославскую и саратовскую губерніи 734 ревизскихъ души [1]).

Такъ какъ на переселенцахъ оказывалась нерѣдко недоимка, то она оплачиваема была оставленіемъ принадлежавшихъ имъ земель за обществами, а эти оставшіяся земли и положили начало тѣмъ общественнымъ землямъ, которыя съ этого преимущественно времени мы встрѣчаемъ среди личнаго крестьянскаго владѣнія. Впрочемъ нѣкоторые изъ переселенцевъ поступили съ своими землями совершенно согласно старозаимочному праву и обычаю: одни изъ нихъ предъ выселеніемъ продали свои земли, а другіе оставили ихъ въ рукахъ родственниковъ, отъ которыхъ, вѣроятно, получили какое-нибудь

---

[1]) Наибольшее было переселеніе въ саратовскую губернію въ 1837 и 1839 годахъ: 443 ревизскихъ души.

вспомоществованіе на дорогу. Почти въ то-же время лица, переходившія изъ крестьянскаго сословія въ городское (мѣщане, цеховые), должны были подъ вліяніемъ принятыхъ начальствомъ мѣръ, оставлять свои старозаимочныя земли въ крестьянскомъ обществѣ, хотя и здѣсь имѣли мѣсто и случай и исключенія изъ общаго правила.

Представленіе документовъ, у кого они сохранились, на владѣемую тѣмъ или инымъ крестьяниномъ землю рѣдко гарантировало владѣльца въ признаніи за нимъ права собственности. Такое признаніе требовало длинной процедуры разсмотрѣнія ихъ въ судѣ и утвержденія въ гражданскомъ порядкѣ, а между тѣмъ самъ чиновникъ „уравненія" производилъ юридическую оцѣнку документамъ и только новѣйшіе крѣпостные акты признавалъ въ силѣ, все-же остальное, даже документальное владѣніе крестьянъ по актамъ прежняго времени было подчинено всѣмъ операціямъ кадастра. Въ способѣ дѣйствительной раскладки податей въ натурѣ, а не на бумагѣ, примѣчалось изрядное замѣшательство; выселенія продолжались, и иначе и быть не могло. Въ ахтырскомъ обществѣ, имѣвшемъ тогда по послѣдней ревизіи 4798 душъ мужскаго пола, совсѣмъ оставило хлѣбопашество 672 двора (—1895 ревизскимъ душамъ = 953 работникамъ), а по занятію другими промыслами оставило хлѣбопашество 166 дворовъ (=ревизскимъ душамъ 384 = работникамъ 160, т. е. всего по одному работнику на дворъ).

Недоимка росла, ея приходилось по 40 р. на душу, если считать только половину работниковъ въ общемъ числѣ ревизскихъ душъ. Появлялись уже и способы „принудительнаго взысканія" оной. Изъ числа ихъ, правда, гораздо позже, получилъ извѣстность одинъ, называвшійся въ народѣ „штурмою". Появлялась цѣлая компанія волостныхъ и полицейскихъ чиновъ въ періодѣ сбора податей, разѣзжала по недоимщикамъ и забирала у нихъ для продажи съ аукціона въ волостное правленіе всякую домашнюю движимость и утварь.

Въ какія тонкости и детали вникали „чины отряда уравненія" и, между прочимъ, какъ мало стѣснялись волостныя правленія отвѣтами на всяческіе вопросы, видно, между прочимъ, уже изъ того, что былъ опредѣленъ, напримѣръ, чистый годовой доходъ плотниковъ хухрянскаго сельскаго общества (отъ 3 до 5 р. въ годъ), когда не только въ то время, но и въ гораздо позднѣйшіе годы,

врядъ-ли на 10 помѣщиковъ хоть одинъ зналъ приблизительно свой чистый доходъ, а кольми паче не было матеріаловъ для вывода этого дохода по средней сложности за нѣсколько лѣтъ. Кромѣ плотниковъ въ той-же слободѣ Хухрѣ былъ опредѣленъ чистый годовой доходъ портныхъ, чумаковъ, мироныиковъ, колесниковъ, сапожниковъ и вообще ремесленниковъ. Судя по этимъ свѣдѣніямъ о Хухрѣ, нужно думать, что „чины отряда" успѣли добыть эти высоко интересныя цифры для всѣхъ мѣстностей государственныхъ крестьянъ ахтырскаго уѣзда и вообще всей харьковской губерніи. Вообще все имущество крестьянъ было такъ тщательно проревизовано, что не осталось, кажется, статьи дохода, подлежавшей обложенію. Какъ мы раньше замѣтили, не упущены были изъ виду даже пчелы, бывшія у крестьянъ во время этой ревизіи: въ ахтырскомъ обществѣ оказалось 27 человѣкъ, у которыхъ нашлось отъ двухъ до двадцати колодокъ пчелъ, хотя при мѣстной системѣ пчеловодства эта статья хозяйства наиболѣе случайна и скоро преходяща и свѣдущимъ по этому предмету людямъ хорошо извѣстно, что не только двѣ колодки, но десятки колодокъ нерѣдко погибаютъ за зиму сполна и послѣ этого пчелы обыкновенно заводятся снова, если только не истощается терпѣніе и любовь къ этому дѣлу того или другаго мелкаго пчеловода.

Какъ энергично обращался „отрядъ уравненія" не только съ крестьянами, но, при случаѣ и съ лицами другихъ сословій, видно изъ одного требованія счетнаго чиновника „отряда" въ формѣ предписанія волостному правленію: „также выслать ко мнѣ немедленно наслѣдниковъ, или тѣхъ лицъ, кто пользуется землей умершаго прапорщика Михаила Переходы". Любознательные и строгіе чины „отряда" задавали иногда волостнымъ чисто Суворовскіе вопросы: такъ, между прочимъ, потребованы были „въ найскорѣйшемъ времени свѣдѣнія о цѣнахъ на рожь, овесъ и сѣно за 14 лѣтъ, и непремѣнно за каждый мѣсяцъ всякаго года". Это еще въ 1850 г. Волостныя правленія, конечно, также по-Суворовски и отвѣчали [1]).

[1]) Въ дѣлѣ о кадастрѣ по ахтырской волости имѣются слѣдующія числовыя данныя о промыслахъ и мастерствахъ крестьянъ по ахтырскому сельскому обществу, а такъ какъ ахтырское сельское общество составляло и составляетъ земледѣльческій городъ Ахтырку, то нижеслѣдующія цифры относятся собственно къ городу.

Нѣкоторые изъ запросовъ и отвѣтовъ довольно загадочны и не лишены нѣкоторой доли комизма.

Въ 1851 году, т. е. уже на 3-й годъ кадастра, когда, какъ полагать надо, всѣ свѣдѣнія о земляхъ были собраны и упорядочены, ахтырское окружное правленіе шлетъ запросъ ахтырскому волостному правленію: „имѣется-ли у государственныхъ крестьянъ г. Ахтырки приговоръ о раздѣлѣ земель на души, а ежели таковые имѣются, то были-ли утверждены палатою и когда отъ оной возвращены"? Волостное правленіе отвѣчаетъ, что такой приговоръ былъ составленъ еще въ 1846 году, т. е. болѣе, чѣмъ за два года до начала кадастра (видно, сильное было административное давленіе на ахтырское общество въ смыслѣ всяческихъ „уравненій") и представленъ самому-же ахтырскому окружному начальнику для отсылки (въ палату) на утвержденіе, но приговоръ возвращаемъ обратно не былъ..., а получено только предписаніе начальства (какого, неизвѣстно), которымъ велѣно произвести въ ахтырскомъ обществѣ уравнительный раздѣлъ земли; но таковаго раздѣла до вывода чрезполосностей и до настоящаго времени не учинено". Отъ того-же ахтырскаго волостнаго правленія требовалась „вѣдомость о земляхъ, отведенныхъ нижнимъ чинамъ въ казенныхъ селеніяхъ". Отвѣтъ, какъ и слѣдовало ждать, былъ такой, что „нижніе чины не имѣютъ надѣльной отъ общества земли (и откуда было ее взять?), а владѣютъ, у кого есть, *родонаслѣдственной*".

Занимающихся мелочной торговлей—25 душъ, живописнымъ мастерствомъ (маляровъ)—7 душъ, столярнымъ—8 душъ, серебряннымъ—8 душъ, карстанцкимъ—2 души, кузнечнымъ—7 душъ, кушнирскимъ (выдѣлкою кожъ)—13 душъ, портняжнымъ (кравці)—28 душъ, сапожнымъ (шевці)—76 душъ, ткацкимъ—6 душъ, шапошниковъ—4 души, гончаровъ—11 душъ, кирпичнымъ—8 душъ, плотническимъ—25 душъ, бондарствомъ—23 души; хухранскаго сельскаго общества слободы Хухры: занимающихся чумачествомъ—20 душъ, бондарнымъ ремесломъ—3 души, сапожничествомъ—2 души, кузнечною работою—2 души; кириковскаго сельскаго общества: столярной работой—3 души, плотничной—1, кузнечной—1, портняжной—3 души, чумачествомъ—16 душъ. Такимъ образомъ въ средѣ самаго крестьянскаго общества уже давно возникали разные ремесла и промыслы, хотя всѣ эти ремесленники по прежнему уже оставались въ крестьянскомъ обществѣ и не переходили въ городскія сословія мѣщанъ и цеховыхъ, можетъ быть, главнымъ образомъ, изъ-за боязни потерять свои земли.

Но всего курьезнѣе слѣдующій приказъ чиновника отряда ахтырскому волостному правленію: „собрать сходъ изъ тѣхъ многоземельныхъ крестьянъ, которые объявили, что они не въ состояніи оплачивать поземельную подать, и поэтому уступаютъ часть своей земли въ пользу общества, а равно собрать и тѣхъ, которые изъявили желаніе принять отъ нихъ землю, дабы одни уступку, а другіе пріемъ земли подтвердили приговоромъ". И приговоръ былъ составленъ и представленъ; но „на рапортъ волостнаго правленія отъ 19 іюня 1852 г., ахтырскій окружной начальникъ 11 іюля 1852 г., возвращая въ ахтырское волостное правленіе неутвержденный имъ приговоръ о надѣленіи безземельныхъ крестьянъ 708 душъ землею, далъ знать для объявленія обществу, что безземельныхъ крестьянъ надѣлять землею нельзя, потому что коммисія не нашла у нихъ таковой (?!), и въ настоящее время кто имѣетъ землю, тотъ и долженъ такимъ количествомъ владѣть, не имѣющій-же земли и остается безземельнымъ; а чиновникъ отряда Черновъ хотя и надѣлялъ крестьянъ тѣхъ землею, но онъ дѣлалъ это самоуправно".

Тотъ-же ахтырскій окружной начальникъ объявилъ ахтырскому обществу statum quo ante bellum относительно платежныхъ обязанностей безземельныхъ крестьянъ, разъяснивъ, что по этому предмету все остается по прежнему, а именно прежній душевой окладъ въ 5 р. 8¼ коп., къ которому, вѣроятно, присчитана теперь такъ называемая винная подать, не объяснилъ только, остался-ли этотъ окладъ въ 5 рублей 8¼ копѣекъ на душу и для тѣхъ ремесленниковъ изъ крестьянъ, годовой чистый доходъ которыхъ кадастровый „отрядъ" опредѣлилъ отъ 3 до 5 рублей...

Только въ первой половинѣ 1852 года, какъ можно судить по дѣлу, окончились труды кадастра въ ахтырской волости, а слѣдовательно, нужно думать, и во всемъ уѣздѣ, если не по всей губерніи. Въ маѣ этого года членъ „отряда", въ присутствіи мѣстнаго окружнаго начальника, предъявилъ крестьянамъ оцѣнки и налоги на землю, промыслы, мірскія оброчныя статьи и лѣсной матеріалъ. Какъ и нужно было ожидать, „со стороны крестьянъ никакихъ возраженій не было".—Такъ послѣдовало переложеніе сборовъ съ душъ на земли и объявлено было государственнымъ крестьянамъ харьковской губерніи введеніе съ 1853 года „поземельной,

лѣсной и промышленной подати, которую они будутъ платить взамѣнъ прежняго душеваго оклада". Остается прибавить: но не подушнаго, который остался въ своей прежней силѣ.

Послѣдовало-ли отъ того облегченіе крестьянамъ въ отбываніи повинностей и платежѣ налоговъ, или кадастръ только облегчилъ и обезпечилъ дѣйствія фиска,—это вопросъ для насъ второстепенный, такъ какъ мы коснулись кадастра лишь по связи его съ судьбою поземельнаго владѣнія въ харьковской губерніи. Прикрѣпилъ-ли кадастръ доходъ къ землѣ вмѣсто души, и на это отвѣчать затрудняемся, не имѣя существенныхъ матеріаловъ для отвѣта на вопросъ, какъ именно въ дѣйствительности разлагалась подать всѣхъ категорій внутри крестьянскихъ обществъ на отдѣльныхъ ихъ членовъ—до кадастра и послѣ его введенія? Относительно ахтырскаго крестьянскаго общества, въ которомъ земля была и осталась при прежнемъ участково-наслѣдственномъ порядкѣ во владѣніи огромнаго большинства крестьянъ, врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что кадастръ не внесъ ничего существенно новаго въ способъ внутренней раскладки налоговъ въ средѣ самаго общества. Въ другой старозаимочной дачѣ ахтырскаго уѣзда, слободы Котельвы, налоги съ крестьянскаго общества до времени кадастра платились съ душъ: всѣхъ денежныхъ сборовъ на душу выпадало безъ малаго около 6 рублей; при этомъ за абсолютно-бѣдныхъ, въ силу круговой поруки, платила остальная масса, по не по наличному количеству земли, или другаго имущества у каждаго домохозяина, а по равномѣрной раскладкѣ всего дефицита за бѣдныхъ на всѣхъ остальныхъ плательщиковъ; со времени-же кадастра, когда составлены были измѣрительныя таблицы, налогъ былъ перенесенъ съ души на землю, въ размѣрѣ приблизительно около рубля на десятину, и эта часть налога взыскивалась уже соразмѣрно землевладѣнію каждаго домохозяина, а остальная сумма налога по прежнему разлагалась на ревизскія души.

Въ заключеніе нашего изложенія о кадастрѣ замѣтимъ еще, что ко времени введенія его въ ахтырскомъ уѣздѣ прежде господствовавшій участково-наслѣдственный строй старозаимочнаго владѣнія удержался главнымъ образомъ только въ большихъ земельныхъ дачахъ, гдѣ была особенно сильна чрезполосица съ другими

сословіями, напримѣръ въ дачахъ г. Ахтырки, слободы Котельвы, и, если вѣрны наши частныя свѣдѣнія, еще въ Боромлѣ и Краснопольѣ, большинство-же менѣе значительныхъ дачъ, также старозаимочнаго происхожденія, имѣли уже землю, подѣленную на души.

А. Л. Шимановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Допросъ Григорія Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы *).

Сынъ полтавскаго полковника, Григорій Павловичъ Герцыкъ, разсказавшій въ общихъ чертахъ свою біографію въ прилагаемомъ допросѣ, принадлежалъ къ числу самыхъ преданныхъ сторонниковъ Мазепы и Орлика; съ послѣднимъ при томъ его связывали родственныя отношенія, такъ какъ Орликъ женатъ былъ на его сестрѣ Аннѣ. Послѣ полтавской битвы, Герцыкъ находился въ числѣ той козацкой старшины, которая бѣжала вмѣстѣ съ Карломъ XII и Мазепою въ Бендеры. „По издохновеніи Мазепы" (какъ выражаются допросные пункты), Герцыку поручено было сопровождать его тѣло для погребенія и, затѣмъ, послѣ избранія въ гетманы Орлика, онъ получилъ отъ послѣдняго титулъ генеральнаго ассаула. Послѣ заключенія прутскаго договора и удаленія Карла XII изъ турецкихъ предѣловъ, дѣло его сторонниковъ оказалось безвозвратно проиграннымъ; вслѣдствіе этого козацкая старшина, находившаяся въ Бендерахъ, рѣшилась просить прощенія у русскаго правительства и возвратиться на родину. При посредничествѣ русскаго посланника въ Константинополѣ Шафирова, имъ разрѣшено было возвратиться; разрѣшеніемъ этимъ воспользовались въ 1715 году: бывшій прилуцкій полковникъ Дмитрій Горленко, генеральный писарь Иванъ Максимовичъ, генеральный обозный Ломиковскій и нѣкоторые другіе. Между тѣмъ Орликъ рѣшился отстаивать дальше

---

*) Списанъ съ подлинника, хранящагося въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. За сообщеніе этого столько-же любопытнаго, сколько и важнаго для исторіи документа, приносимъ глубокую благодарность многоуважаемому А. Н. Барсукову, такъ много потрудившемуся въ разработкѣ отечественной исторіи и еще недавно подарившему публику капитальнымъ и роскошно изданнымъ трудомъ: «Родъ Шереметьевыхъ». — Ред.

свою роль гетмана, покровительствуемаго Швеціею; въ томъ-же 1715 году онъ съ семействомъ и немногими, послѣдовавшими за нимъ малороссіянами, въ числѣ которыхъ находился и Герцыкъ, отправился въ Штокгольмъ. Исторію жалкаго пребыванія въ этомъ городѣ изгнанниковъ и безуспѣшныхъ ихъ происковъ передаетъ намъ въ отвѣтахъ на допросные пункты Григорій Герцыкъ. Очевидно изъ нихъ, что въ данный періодъ времени (1715—1720 г.) Орликъ самъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ своего дѣла и поддерживалъ сношенія съ запорожцами, ханомъ, польскими вельможами и т. п. для того только, чтобы не потерять въ глазахъ шведскаго правительства значенія важнаго политическаго дѣятеля и не лишиться пенсіи, которую бѣглецамъ выдавали весьма не охотно послѣ смерти Карла XII. Въ этомъ отношеніи очень характерно показаніе Герцыка о томъ, что Орликъ поручилъ ему, въ случаѣ отсутствія настоящей отвѣтной грамоты отъ запорожцевъ, доставить ему хотя-бы подложную; такую грамоту про всякій случай Орликъ самъ сочинилъ и поручилъ Герцыку, переписавъ и снабдивъ ее войсковою печатью, которую вручилъ ему съ этою цѣлью, выслать ему по почтѣ изъ Бреславля въ Штокгольмъ.

Въ исходѣ 1719 года, Герцыкъ отправленъ былъ Орликомъ въ Польшу съ порученіемъ передать отъ его имени корреспонденцію разнымъ польскимъ сенаторамъ, и затѣмъ попытаться войти въ сношенія съ запорожцами и ханомъ крымскимъ, къ которымъ грамоты онъ и вручилъ посланному. Но въ Варшавѣ Герцыкъ отказался отъ путешествія въ Запорожье, подъ предлогомъ болѣзни, и туда посланъ былъ съ грамотою Орлика бывшій слуга Мазепы, Ѳедоръ Нахимовскій. Грамота къ запорожцамъ (отъ 8 декабря 1719 года) дошла до насъ — она напечатана въ приложеніяхъ къ „Исторіи Малороссіи", Маркевича [1]); въ ней Орликъ побуждаетъ запорожцевъ къ войнѣ съ Россіею и обнадеживаетъ ихъ помощью Швеціи, заключившей будто-бы союзъ противъ Россіи со всѣми европейскими державами. Увѣряя запорожцевъ въ своей преданности родинѣ, Орликъ заключаетъ посланіе слѣдующими словами: „посылаю передъ собою передомъ шваграа моего, асаула генеральнаго, пана Григорія Герцыка съ симъ моимъ листомъ, и изустно

---

[1]) См. томъ IV, стр. 350—354.

обширнѣйшимъ предложеніемъ и донесеніемъ, черезъ котораго такожъ пишу до хана его милости листъ".

Пока Нахимовскій везъ это письмо въ Алешки, надъ Герцыкомъ въ Варшавѣ разразилась бѣда: по требованію русскаго посланника, князя Григорія Ѳедоровича Долгорукаго, онъ былъ арестованъ и выданъ русскимъ властямъ; его препроводили въ Петербургъ и заточили въ крѣпость, гдѣ и снятъ былъ прилагаемый допросъ. Въ послѣдствіи Герцыкъ переведенъ былъ въ тюрьму въ адмиралтейство и только въ 1728 году его съ женою и дѣтьми отпустили на жительство въ Москву; послѣднее извѣстіе о его участи, извлеченное Бантышъ-Каменскимъ изъ архива коллегіи малороссійскихъ дѣлъ, относится къ 1732 году; онъ жилъ тогда въ Москвѣ въ крайней нищетѣ и хлопоталъ о выдачѣ ему средствъ для погребенія жены [1]).

Отвѣты на допросные пункты составлены Герцыкомъ очень сдержанно; разсказывая весьма подробно о жизни малороссійскихъ бѣглецовъ за границею, онъ старается смягчить по мѣрѣ возможности все то, что относится къ его личной отвѣтственности и при томъ избѣгаетъ весьма тщательно какихъ либо указаній на сношенія съ лицами, жившими въ Малороссіи.

Въ числѣ его показаній есть одна подробность, противурѣчащая мнѣнію установившемуся понынѣ. Въ 5-мъ пунктѣ отвѣтовъ онъ говоритъ, что посланъ былъ Орликомъ „въ волоскую землю въ мѣстечко Галицію (очевидно Галацъ) къ митрополиту тамошнему съ Мазепинымъ трупомъ, которымъ митрополитомъ тотъ трупъ тамъ похороненъ". Между тѣмъ Бантышъ-Каменскій описалъ весьма подробно смерть и похороны Мазепы, заимствовавъ это описаніе изъ исторіи Энгеля и изъ записокъ Ник. Ник. Бантышъ-Каменскаго [2]). Въ описаніи этомъ онъ категорически утверждаетъ, что „тѣло Мазепы предано землѣ въ Варницѣ близъ Бендеръ". Этотъ разсказъ Бантыша находитъ подтвержденіе и въ мѣстномъ преданіи; понынѣ проводники указываютъ путешественникамъ въ Варницѣ полуосыпавшійся курганъ на возвышенномъ берегу Днѣстра, какъ мѣсто погребенія Мазепы [3]). Мнѣніе это на столько общепринято, что

---

[1]) Бантышъ-Каменскій. «Исторія Малой Россіи», томъ III, примѣчаніе 187.
[2]) «Исторія Малой Россіи», т. III, стр. 124.
[3]) Аѳанасьевъ-Чужбинскій. «Поѣздка въ южную Русь», томъ II, стр. 388.

только свидѣтельство лица, провожавшаго тѣло покойника, въ состояніи поколебать его; впрочемъ окончательно недоумѣніе это можетъ быть рѣшено съ одной стороны открытіемъ надгробной надписи или метрической записи о похоронахъ Мазепы въ одной изъ галацкихъ церквей, а съ другой—раскопкою указываемаго у Варницы кургана.

1721 года марта 15 въ день въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ рѣшено привезеннаго изъ Польши измѣнника Герцика распросить по нижеписаннымъ пунктамъ: и въ публичномъ апартаментѣ передъ полковникомъ и отъ гвардіи капитаномъ Петромъ Ивановичемъ Вельяминовымъ-Зерновымъ и передъ ассесоры тотъ привезенной изъ Польши измѣнникъ Герцикъ противъ пунктовъ распрашиванъ,

А въ распросѣ сказалъ:

1.

Какой онъ націи, и гдѣ родился, и въ которой вѣрѣ?

Григорьемъ зовутъ, Павловъ сынъ, прозваніемъ Герцикъ, вѣры благочестивой, дѣдъ его Семенъ, какъ онъ слыхалъ, пришолъ на Украйну изъ Литвы; а отецъ ево Павелъ и онъ Григорей родились въ Малой Россіи въ Полтавѣ, и былъ отецъ ево полтавскимъ полковникомъ передъ полковникомъ Искрою, и тому лѣтъ съ двадцать отецъ его умеръ; а послѣ отца ево осталось дѣтей: онъ Григорей да еще два брата Иванъ да Афонасей, да двѣ сестры Марья да Анна, и Марья выдана въ Переяславлѣ за попова сына Владиміра Максимовича, а Анна за измѣнникомъ Орликомъ. Онъ, Григорей, съ братьями своими по смерти отца жили всѣ въ маетностяхъ своихъ и уряду никакова не имѣли, въ наукѣ латинской онъ Григорей былъ въ Кіевѣ только одинъ годъ, и мало что того языка изучился.

2.

О Мазепиной измѣнѣ прежде его преступленія къ королю шведскому свѣдомъ-ли онъ былъ, ибо, чаять, ему, отъ Орлика яко отъ зятя, о томъ сказывано?

О Мазепиной измѣнѣ прежде его преступленія къ королю шведскому онъ не вѣдалъ, и отъ зятя своего Орлика и ни отъ кого о томъ

никогда не слыхалъ, и въ томъ походѣ съ Мазепою, когда онъ изменя перешолъ къ шведскому королю, онъ Герцикъ не былъ, а былъ въ Полтавѣ въ домѣ своемъ.

3.

Какъ онъ и для чего за Мазепою пошелъ и его царскому величеству измѣнилъ?

За Мазепою онъ пошелъ и его царскому величеству измѣнилъ такимъ случаемъ: какъ пріѣхалъ отъ Мазепы изъ Батурина въ Полтаву полковникъ ихъ Левенецъ и ничего онъ о Мазепиной измѣнѣ не объявлялъ; но послѣ того, спустя съ недѣлю, пріѣхалъ полковой сотникъ Василій Зеленейскій и, ѣдучи дорогою и пріѣхавъ въ Полтаву, объявлялъ всѣмъ, что Мазепа измѣня пошелъ къ шведу, и по такой вѣдомости собирались мужики въ городъ и старшину били и грабили, и отъ того купцы и знатные люди выбѣгали изъ города вонъ въ иные мѣста. въ то время и онъ Григорій, оставя жену и дѣтей своихъ съ братомъ своимъ Иваномъ, поѣхали за Днѣпръ, въ Корсунь, гдѣ они имѣли дворъ свой и маетности; а третій меньшой ихъ братъ былъ тогда при Орликѣ для науки, и какъ они пріѣхали въ Чигиринъ, и стоявшей тамо съ войски генеральной ясаулъ Гамалей, и корсунской полковникъ Кандыба, которые въ томъ городѣ, по опредѣленію отъ Мазепы, держали насъ, ихъ Герцика съ братомъ одержали и въ Корсунъ ѣхать не допустили и иныхъ малороссійскихъ жителей, которые изъ-за Днѣпра поуходили и тамо задерживали-жъ, и въ тотъ-же день пріѣхалъ туда и чигиринской полковникъ Мокѣевскій, и на другой день его Григорья и брата его Ивана и другихъ, кто въ то время съ сей стороны Днѣпра уходили и тамо одержаны, взяли и отвезли паки на сю сторону, и незнатныхъ роспустили, кто куда хотѣлъ, только-бъ за Днѣпръ не переходили, а ево Григорья съ братомъ и прилукскаго полковника Горленка дѣтей и иныхъ знатныхъ козаковъ привезли въ Лубны, а изъ Лубенъ въ Роменъ, гдѣ тогда Мазепа уже былъ.

4.

Въ бытность при Мазепѣ въ какихъ дѣлехъ онъ употребленъ былъ, и не вѣдаетъ-ли онъ, не имѣлъ-ли съ кѣмъ на Украйнѣ Мазепа корреспонденцію?

Какъ онъ въ Ромнахъ передъ Мазепу былъ представленъ и онъ спрашивалъ на немъ денегъ 400 руб., которые надлежали ему платить за аренду, и платить было ему нечемъ, и сталъ быть при обозѣ его, у присяги и у дѣлъ тогда, при животѣ Мазепы, онъ Герцикъ не былъ; а ѣздилъ при обозѣ безъ караулу и покупля вино, велѣлъ людемъ своимъ шинковать и тѣмъ кормился, и къ зятю своему Орлику и къ сестрѣ онъ хаживалъ, а имѣлъ-ли тогда Мазепа на Украйнѣ съ кѣмъ корреспонденцію, того онъ Герцикъ не вѣдаетъ, а когда король шведской посылалъ изъ Ромна обрѣтающагося при немъ резидента отъ Сапеги, Лимента къ Станиславу Лещинскому въ Польшу съ листами, съ которымъ Лиментомъ и Мазепа къ нему Лещинскому писалъ; а что король швецкой и Мазепа въ листахъ своихъ писали, того онъ не вѣвѣдаетъ, и тотъ Лиментъ, не доѣхавъ до Днѣпра, паки возвратился къ королю шведскому, имѣя опасность отъ россійскихъ пословъ, а отъ Мазепы до полтавской баталіи и по баталіи уйтить и въ сторону царскаго величества придти онъ Герцикъ не смѣлъ, а держался при немъ, смотря на другихъ измѣнниковъ.

5.

По издохновеніи Мазепиномъ все-ль онъ былъ при Орлику и былъ-ли при королѣ шведскомъ, и не посыланъ-ли ко двору турскому или къ Хану для побужденія противъ его царскаго величества?

По издохновеніи Мазепиномъ жилъ онъ Герцикъ у Войнеровскаго за слугу, а не при Орликѣ, и живучи при Войнеровскомъ посыланъ былъ отъ него съ двѣмя ево челядниками и съ однимъ волохомъ въ волоскую землю, въ мѣстечко Галицію, къ митрополиту тамошнему съ Мазепинымъ трупомъ, которымъ митрополитомъ тотъ трупъ тамо похраненъ, а какъ оттуды возвратился, и Орлика нарѣкли они, измѣнники, своимъ гетманомъ, и послѣ того нѣсколько времени спустя призывалъ его Орликъ къ себѣ, говоря, что ему то непріятно, что онъ, яко его

свойственникъ, у Войнеровскаго служитъ, а Войнеровской ево отъ себя не опускалъ, и по прошенію Орликову шведской король присылалъ къ нему Войнеровскому комисара своего Золтана и ево Герцика у Войнеровскаго взявъ отдали Орлику, и былъ онъ при немъ Орликѣ, и отъ него Орлика посланъ полтавскаго полку съ обознымъ Дорошемъ на Кубань къ измѣннику Некрасову съ листомъ объявительнымъ, что онъ Орликъ учиненъ гетманомъ, а иного никакого письменнаго и словеснаго съ ними дѣла не было, и Некрасовъ съ ними отправилъ къ Бендерю, кубанскому султану Бахты-Гирею, сына своего и Бахты-Гирей присылалъ къ Орлику того Некрасова сына съ словесимъ на гетманствѣ поздравленіемъ. Потомъ по акцій при Прутѣ посыланъ онъ былъ къ запорожцамъ и отвозилъ къ нимъ отъ короля шведскаго денегъ девять кесъ, всякой кесъ сочиняетъ 500 левковъ, а письма къ нимъ запорожцамъ были отъ Орлика; а прибывъ туда, посыланъ былъ полковникъ Горленко, судья генеральный Долгополой, писарь Максимовичъ, и онъ Герцикъ съ листами отъ Орлика къ везирю, и тогда написалъ его Герцика Орликъ асауломъ генеральнымъ. Прося порты Орликъ себѣ и войску протекціи, такожъ и денегъ и провіанта, о которой посылкѣ говорилъ Орлику крымской ханъ, что надобно ему къ Портѣ своихъ нарочныхъ; а посылая ихъ Орликъ, далъ три инструкціи: одну показавъ королю шведскому, похлебствуя ему, другую публичную, въ которой было написано, что просить у Порты протекціи, денегъ и провіанта, и домогаться во владѣніе себѣ той бочной стороны Днѣпра, притомъ хотя онъ аккуратно сказать не упомнитъ, однакожъ помнится ему, что было такожде приказано отъ стороны Орликовой обѣщанія чинить, показывать свои Портѣ службы и быть въ вѣрности, когда они тотъ край отдадутъ; а третья инструкція, о которой онъ Герцикъ и полковникъ Горленко не вѣдали, дана была тайно одному писарю Максимовичу, а что въ ней написано, не знаетъ, а признали они Герцикъ и Горленко о той тайной инструкціи по возвращеніи изъ Царяграда, что стало у Орлика съ нимъ, писаремъ Максимовичемъ, несогласіе въ томъ, что Максимовичъ, уединяся отъ нихъ Герцика и Горленка и Долгополова, ходилъ къ резиденту шведскому Функу, и знатно о той тайной инструкціи ему объявилъ, въ которой писано было въ противность шведскому королю, о чемъ король отъ резидента своего чрезъ письма увѣ-

домясь, былъ на Орлика сердитъ и за то обѣщанныхъ ему 20000 ефимковъ не далъ, а будучи они у Порты въ Константинополѣ, получили Орлику 3 кесы; на войско 8 кесъ, которые деньги посланы были отъ везиря не съ ними, но съ Агою, да имъ-же вѣлѣно дать нѣсколько провіанта, собравъ съ волоховъ и съ татаръ, и съ тѣмъ Агою къ Орлику посланъ былъ листъ, съ котораго листа Горленко и Максимовичъ получили копію, еще будучи при дворѣ Порты, и переводилъ имъ тотъ листъ одинъ грекъ на латинской языкъ; а ему Герцику о томъ тайно было не сказано, знатно, что они ево опасались, чтобъ по свойству къ Орлику не писалъ, и сами боялись, чтобъ ихъ тамо не задержали, и какъ Ага съ тѣмъ листомъ пріѣхалъ къ Орлику и о томъ листу онъ Герцикъ увѣдомился, что въ ономъ было написано, что Порта опредѣлила ему Орлику быть подъ протекціею и подъ правленіемъ хана крымскаго, и для увѣренія-бъ онъ Орликъ далъ къ нему хану сына своего въ аманаты, и онъ Орликъ выразумѣвъ отъ Порты такое опредѣленіе, учинить того не похотѣлъ, однако-жъ деньги и провіантъ онъ Орликъ получилъ, а такого имъ полковнику Горленку съ товарищи отъ Орлика приказу, чтобъ Порту побуждать противъ царскаго величества, не было и въ инструкціи ихъ не написано, а въ той инструкціи Максимовичу что было писано, про то онъ не вѣдаетъ; а къ хану крымскому онъ никогда не посыланъ, а братъ ево Иванъ жилъ при немъ, Григорьѣ Герцикѣ, безъ всякаго уряду и кормился работою своею, дѣлалъ шоры и лядунки, а меньшаго брата Афонасья онъ Орликъ изъ службы своей отпустилъ и служитъ онъ въ Швеціи у полковника, родомъ поляка, Росохацкаго.

6.

Съ Орликомъ не корреспондовалъ-ли кто изъ малороссійскаго народу?

Съ Орликомъ изъ малороссійскаго народа кто корреспондовалъ ли или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ, только онъ вѣдаетъ, что передъ полтавскою баталіею въ Будищахъ писаны были универсалы въ миргородскій полкъ къ сотникамъ, чтобъ они полковника своего Данила Апостола скинули съ полковничества, и слышалъ онъ, что съ тѣми листами никто въ тотъ полкъ ѣхать не отважился.

7.

Какъ онъ въ Швецію за королемъ поѣхалъ, и кто (sic) *съ ними всѣхъ малороссіянъ туды въ Швецію переѣхало?*

Какъ король шведской изъ турецкой области поѣхалъ въ Швецію и за нимъ королемъ переѣхало туды-жъ малороссіянъ: Орликъ съ женою и съ тремя сыновьями: Григорей, которой нынѣ 24 лѣтъ, Михайло нынѣ 10 лѣтъ, Яковъ, рожденный въ Бендерѣ, у котораго воспріемникомъ былъ король, дочери: Настасья нынѣ 25 лѣтъ, Марфа рожденная въ Бендере-жъ, да судья Долгополой, которой умеръ въ Стоксгольмѣ, Ѳедоръ Третьякъ, дозорца переволочинской, Ѳедоръ Мировичъ, переяславскаго полковника сынъ, Ѳедоръ Нахимовскій, Мазепинской слуга, да онъ Герцикъ съ двумя братьями. Ѣхали они чрезъ венгерскую землю на Вѣну, а съ Вѣны въ Стралзунтъ, и передъ взятіемъ Стралзунта жили въ немъ и на Ругенѣ лѣто, гдѣ у Орлика еще родилась дочь Марья, а оттуда переѣхали въ Сканію и дана имъ была квартира въ Христіяншатѣ, потомъ онъ Герцикъ взятъ на работу въ Кроль-скронъ, а Войнеровской изъ турецкой области выѣхалъ тогда-жъ и и остался въ Вѣнѣ, и онъ ево послѣ того не видалъ.

8.

Изъ Швеціи къ кому Орликъ писывалъ, и не имѣлъ-ли съ кѣмъ онъ Орликъ, тако-жъ и онъ Герцикъ и другіе корреспонденціи съ малороссіянами?

Орликъ еще изъ Бендеря посылалъ къ гетману Синявскому и отъ него Синявскаго письма получалъ, онъ-же тогда посылалъ къ гетману Ревутскому да къ Конецпольскому, а въ чемъ та корреспонденція ихъ состояла, того онъ не вѣдалъ, а вѣдалъ про тое ихъ корреспонденцію писарь Максимовичъ; изъ Стралзунта писалъ онъ Орликъ къ Ревуцкому-жъ, а Ревуцкой къ нему писалъ уже въ Швецію, какъ онъ Орликъ былъ въ Христіяншатѣ, которое письмо онъ Герцикъ у Орлика при отъѣздѣ изъ Стокгольма видѣлъ, въ которомъ написано, чтобъ Орликъ ево Ревуцкаго увѣдомилъ, гдѣ онъ живетъ; а къ малороссіянамъ онъ Орликъ изъ Швеціи и малороссіяне къ нему, тако-жъ и онъ Герцикъ и другіе измѣнники оттуды съ малороссіяны корреспонденціи не имѣли.

9.

Какъ онъ отправленъ, и къ кому изъ Швеціи, и что отъ короля было наказано, или отъ Орлика и къ кому какія съ нимъ письма были?

По смерти короля шведскаго, изъ Карлсъ-Крона пріѣхалъ онъ въ Стокгольмъ ради требованія задѣльныхъ своихъ изъ адмиралтейства денегъ и по нѣскольку времени пріѣхалъ изъ Христіянштата въ Стокгольмъ и Орликъ, и онъ Герцикъ съ нимъ тутъ видѣлся, и Орликъ изъ Стокгольма отъѣзжалъ паки въ Христіянштатъ, и по нѣскольку времени пріѣхалъ въ Стокгольмъ, а именно въ осень 1719 года, и въ то время позванъ онъ Герцикъ къ герцогу Гесенъ-Касельскому, чрезъ оберъ-коммисара Залтана, и говорилъ ему онъ, герцогъ Гесенъ-Касельскій, чрезъ того оберъ-коммисара, что какъ умершій король шведской взялъ Орлика и ихъ подъ свою протекцію и обѣщалъ при миротвореніи съ царскимъ величествомъ старатися у его царскаго величества о отпущеніи ихъ вины, въ томъ и онъ ихъ обнадеживаетъ; а понеже Орликъ имѣетъ и показывалъ ему листы изъ Дрездена, писанные отъ бискупа Куявскаго и отъ Ревуцкаго и отъ канцлера князя Вишневецкаго, которые писали указомъ короля польскаго, обѣщая ему Орлику протекціи королевскую, и что дано будетъ ему мѣсто для его прокормленія и чтобъ Орликъ пріѣхалъ въ Бреславль, а оттуды писалъ-бы къ нимъ въ Дрезденъ, объявя о своемъ пріѣздѣ, и дабы для увѣренія того ѣхалъ напередъ въ Польшу, онъ Герцикъ, взявъ къ польскимъ сенаторамъ отъ Орлика письма и пріѣхавъ въ Польшу, отдалъ тѣ письма генералу Понятовскому, которой имѣетъ сенаторамъ отдать; а ему Понятовскому отъ него, герцога Гесенъ-Касельскаго, приказано о томъ стараться; а онъ Понятовской, бывъ въ Стокгольмѣ и отъѣхавъ въ Польшу передъ его отъѣздомъ мѣсяца за два, взялъ съ собою малороссіянъ Нахимовскаго и Мировича, и былъ-бы онъ Герцикъ въ Польшѣ и навѣдався о томъ, писалъ къ Орлику, какая ему въ той протекціи надежда будетъ, и что ему Орлику и всѣмъ ихъ измѣнникамъ лутчее будетъ, когда объ нихъ отъ двухъ коронъ, шведской и польской, къ царскому величеству стараніе будетъ, и съ тѣмъ-же оберъ-коммисаромъ Зултаномъ послалъ ево къ Орлику, и Орликъ писалъ письма къ би-

скопу Куявскому, къ гетману Ревуцкому, къ Вишневецкому да еще къ генералу Флемингу, къ Конецпольскому, Клямеру, къ Понятовскому, которые всѣ, запечатавъ въ одинъ пакетъ, надписалъ на имя Понятовскаго, а онъ Герцикъ ходилъ на свою квартиру для убиранія въ дорогу, и того-жъ дня паки къ Орлику онъ пришолъ съ полякомъ Рубановичемъ, съ которымъ онъ имѣлъ въ Польшу ѣхать, и Орликъ при томъ Рубановичѣ читалъ имъ листы, присланные изъ Дрездена отъ Куявскаго, Вишневецкаго и Ревуцкаго, писанные о вышеписанной матеріи, и при томъ Орликъ говорилъ, что понеже онъ, не имѣя въ Швеціи никакова довольства, оскудалъ и обнищалъ, а изъ Польши сенаторы обѣщаютъ ему протекцію и мѣсто дать къ пропитанію, и можетъ быть что ему, Орлику, въ Польшѣ лучше будетъ, того-бъ ради ѣхалъ онъ Герцикъ съ письмами ево туда и навѣдався тамъ увѣдомилъ ево вѣрно, что ему Понятовскій на письма ево скажетъ; а писемъ, которые онъ писалъ ему, не читалъ, а сказывалъ на словахъ, что писалъ въ оныхъ, прося сенаторей о рекомендаціи ево Орлика къ королю, а на словахъ ему Герцику приказывалъ Орликъ Лямеру напомнить прежнее ево Орликово желаніе, когда еще онъ, Орликъ, будучи при Бендерѣ, видѣлся съ нимъ, Лямеромъ (когда онъ былъ при ханѣ крымскомъ посланцомъ), что ежели король польской приметъ ево Орлика подъ свою протекцію и дастъ ему гдѣ мѣсто, чтобъ быть ему подъ одною ево королевскою протекціею, а не у Рѣчи Посполитой, при томъ-же далъ ему Герцику Орликъ печать запорожскую и письмо написанное ево Орликовою рукою, будто отъ запорожцовъ къ нему, что они ево Орлика зовутъ къ себѣ въ войско, и приказывалъ ему, Герцику, сыскать въ Бреславлѣ нѣкотораго малороссіянина Костю, которой у Войнеровскаго живалъ и велѣть ему то письмо переписать и данною печатью запечатавъ, къ себѣ чрезъ почту прислать для показанія въ Швеціи въ королевской канцеляріи, чтобъ ему чрезъ то къ полученію себѣ изъ казны королевской денегъ и къ отправленію ево оттуда лучшей способъ получить. Да съ нимъже Герцикомъ послалъ онъ Орликъ письмо къ хану крымскому благодарственное за содержаніе запорожцевъ, другое письмо къ запорожцамъ, съ котораго въ письмахъ ево есть копія, и съ тѣмъ ево и отправилъ, и выѣхалъ онъ Герцикъ изъ Стокгольма съ Рубановичемъ, не взявъ никакова проѣзжева листа; и отъ Стокгольма поѣхали до Малмы сухимъ

путемъ, а отъ Малмы до Копенгагена моремъ и въ Копенгагенъ прибыли прошлаго 1720 году на Богоявленьевъ день; изъ Копенгагена ѣхали черезъ Гамбургъ, Берлинъ, Бреславль въ Варшаву, а на дорогу отъ герцога Гессенъ-Касельскаго и Орлика ничего ему не дано, а везъ ево Рубановичъ на своемъ коштѣ.

10.

Что имъ въ Швеціи давалось жалованья, какъ Орлику, такъ и имъ?

Въ Швеціи давано жалованья при умершемъ королѣ Орлику и всѣмъ при немъ будучимъ измѣнникамъ по тринадцати тысячей курантъ талярей шведской монеты на годъ, и давано по четвертямъ года; изъ того давалъ онъ, Орликъ, имъ неравно по своему усмотрѣнію, а ему, Герцику, давано изъ тѣхъ денегъ по 24 талера тамошнихъ, а по смерти короля до отъѣзду его Герцикова ему Орлику и другимъ ничего не дано.

11.

Будучи въ Польшѣ, что дѣлалъ и къ кому имѣлъ листы, и отдалъ-ли оныя и не побуждалъ-ли изъ поляковъ кого къ противности его царскому величеству, и что отъ поляковъ кого слышалъ и писалъ до Орлика, и кто тутъ Орлику и ему Герцику былъ пріятелемъ и съ нимъ корреспондовалъ, и у кого онъ имѣлъ протекцію и вспоможенія, такожъ изъ саксонцовъ министровъ съ кѣмъ знаемости не имѣлъ-ли, и чрезъ нихъ и чрезъ другаго кого къ королю какихъ предложеній не чинилъ-ли, и отъ оного въ отвѣтъ что получилъ-ли, или какого съ королевской стороны ему предложенія не было?

Пріѣхавъ въ Варшаву стали на дворъ генерала Понятовскаго, и явясь ему, отдали пакетъ съ письмами, посланный отъ Орлика, и притомъ Рубановичъ его, Понятовскаго, спрашивалъ, что учинилъ-ли онъ что для Орлика, и Понятовскій отвѣтствовалъ, что еще ничего не сдѣлано, и всѣ письма, кромѣ двухъ—Лямера и Конецпольскаго, они, Понятовскій и Рубановичъ, сенаторамъ роздали, понеже въ то время король и они, сенаторы, при немъ были въ Варшавѣ; а Лямера въ Варшавѣ въ то время не было, а Конецпольскій по пріѣзду ихъ умеръ, и приказали ему писать при себѣ къ Орлику отвѣтъ, диктуя тако, что при принятіи тѣхъ писемъ Орликовыхъ всѣ тѣ сенаторы сожалѣли Орлика, что онъ при дворѣ короля шведскаго съ женою и дѣтьми пропадаетъ, а можетъ такой умной человѣкъ у всякаго монарха при дворѣ годиться и имѣть мѣсто, при шведѣ-же и другіе, которые были,

поляки Лещинскій, Сапѣга и иные пропали, и обѣщаются они, сенаторы, за него Орлика просить, чтобъ ево принялъ въ свою протекцію и мѣсто для пропитанія далъ, и когда-бы ево Орлика изъ Швеціи выслали, чтобъ онъ ѣхалъ въ Польшу въ мѣстечко Вилюнъ, которое отъ Штетина миль въ двѣнадцати принадлежитъ Сапегѣ, старостѣ бобруйскому, и жилъ-бы тамъ, покамѣсть король ему мѣсто назначитъ, подъ такою кондиціею, что не имѣть ему никакого характера, но яко простой шляхтичъ; о чемъ-де они сенаторы и Сапегу просили, чтобъ ево въ ту свою маетность принялъ, и когда онъ такое письмо написалъ и запечатавъ отдалъ Понятовскому для отсылки къ Орлику, и онъ то письмо къ Орлику послалъ чрезъ почту, и отъ себя о томъ-же они, Понятовской и Рубановичъ, писали; потомъ Понятовскій и Рубановичъ взяли у него Орликовъ листъ къ хану крымскому, который писанъ былъ по-польски и за отворчатою печатью, и казали Флемингу, спрашивали, какъ тотъ листъ отправить, и Флемингъ сперва того листа посылать не велѣлъ, потомъ, спустя недѣли четыре, онъ Флемингъ самъ тотъ листъ спросилъ и велѣлъ перевесть по латинѣ и, выразумѣвъ изъ онаго, велѣлъ тотъ къ хану листъ и другой къ запорожцомъ послать съ нимъ Герцикомъ, что ему Понятовскій объявилъ, и на дорогу давалъ сорокъ червонныхъ, но онъ не поѣхалъ, а отговорился своею болѣзнію, что онъ верхомъ ѣздить не можетъ; для того сысканъ въ Польшѣ вышереченной Нахимовскій, которой изъ Швеціи выѣхалъ съ Понятовскимъ и жилъ въ Лещинѣ, и посланъ съ оными листами, а окромѣ тѣхъ листовъ къ хану и къ запорожцамъ ни отъ Флеминга, ни отъ другихъ польскихъ сенаторей, ни отъ него Герцика, ни отъ другихъ изъ Варшавы не послано, только Мировичъ въ дорогѣ изъ мѣстечка Вишневецъ князя Вишневецкаго, въ которомъ онъ Мировичъ жилъ, писалъ съ нимъ Нахимовскимъ къ Кошевому о выѣздѣ своемъ въ Польшу, и когда ему случится, то онъ и къ нимъ (какъ ему о семъ Нахимовскій сказывалъ) на Запорожье будетъ, и послѣ того получилъ онъ отъ Орлика на свое письмо отвѣтъ, въ которомъ онъ ему благодарствовалъ за увѣдомленіе, и чтобъ онъ и впредь ево, когда получитъ еще о дѣлѣ ево подлинное извѣстіе, писалъ, и тожъ другое отъ него Орлика письмо получилъ, въ которомъ онъ къ нему писалъ, что когда онъ самъ въ Польшу прибудетъ, то лучше дѣло свое испра-

витъ, и къ нему Орлику на первое письмо отвѣтствовалъ онъ Герцикъ, и при томъ объявилъ, что къ хану и запорожцамъ письма отправлены съ Нахимовскимъ, а онъ, Герцикъ, не поѣхалъ за болѣзнію; а, по принятіи другова письма, къ нему Орлику писалъ только, что онъ имѣлъ ѣхать съ Рубановичемъ въ Литву, и когда король хотѣлъ выѣзжать изъ Польши въ Саксонію и Понятовскій за нимъ-же, а Рубановичъ до отъѣзду ихъ поѣхалъ въ свою маетность въ Литву, а ему, Герцику, въ Варшавѣ остаться было не при комъ, то онъ Герцикъ отъѣхалъ съ Рубановичемъ въ маетность его Холуецъ, недалеко отъ Свисловичъ, и былъ тамо и въ Вильнѣ недѣль съ десять, и въ Вильнѣ получили Рубановичъ и онъ отъ Орлика письма, и въ томъ письмѣ Орликъ нарекалъ на него, Герцика, что онъ съ письмами самъ къ хану и къ запорожцамъ не поѣхалъ; и потомъ пріѣхали они оба паки въ Варшаву, и стали съ Рубановичемъ на одномъ дворѣ, гдѣ еще отъ Орлика получилъ четвертое письмо, въ которомъ написано, что онъ имѣетъ выправить отъ себя съ письмами къ сераскеру хотинскому брата ево Ивана и заѣхать къ нему приказалъ, и чтобъ онъ самъ съ нимъ съ тѣми письмами ево въ Хотинъ поѣхалъ; при томъ-же объявилъ, что король шведской и сенатъ отправляетъ на бранивицкой конгрессъ министровъ для трактованія о мирѣ и наказано имъ министрамъ за нихъ старатся, чтобъ въ трактатѣхъ было включено о ихъ прощеніи, и о томъ-же писалъ онъ Орликъ къ Понятовскому и къ Рубановичу, и на тѣ письма отвѣтствовали они всѣ трое къ нему Орлику, чтобъ онъ, оставя Швецію, ѣхалъ къ королю англійскому, для того, что есть у двора польскаго вѣдомость, что король англійской имѣетъ намѣреніе, оставя ихъ шведовъ, искать прежней дружбы съ царскимъ величествомъ, и тако тотъ монархъ лутче можетъ ему Орлику прощеніе у царскаго величества исходатайствовать, и чтобъ онъ Орликъ не имѣлъ болѣе кореспонденцій ни съ турки, ни съ татары, и къ запорожцамъ не писалъ, для того, что и король польской тако-жъ-де хочетъ къ нему таковую милость показать, что объ немъ прощеніе у царскаго величества испросить, а о дѣлехъ ево и о корреспонденціяхъ вѣдать не желаетъ; по семъ писалъ Орликъ къ Рубановичу и къ Нахимовскому, объявляя, чтобъ тотъ Нахимовской ожидалъ въ Варшавѣ ево экспедиціи, съ которою онъ имѣетъ паки поѣхать до Сѣчи запорожской; и вычитавъ то

письмо, Рубановичъ и Понятовской велѣли ему съ сочиненнаго ими письма въ отвѣтъ къ Орлику писать, что они Нахимовскаго до присылки ево экспедиціи въ Варшавѣ удержатъ. А въ Польшѣ сейму не было, а была только сессія. Мировичъ просилъ министровъ польскихъ, чтобъ за него заступали у посла царскаго величества, и испросили ему прощеніе, но министры польскіе до того ево не допустили, и давъ ему Понятовской листъ, отправилъ въ Крымъ и писалъ, чтобъ ему дано было тамо пропитаніе; при томъ-же написалъ онъ Герцикъ отъ воеводы кіевскаго Потоцкаго ему Орлику комплементъ, и чтобъ писалъ онъ Орликъ объ немъ Герцикѣ до Рубановича, чтобъ ево Герцика болѣе у себя не держалъ и отпустилъ-бы къ нему, воеводѣ кіевскому. для работы въ маетностяхъ ево, и того письма отослать онъ не успѣлъ; будучи онъ въ Варшавѣ и въ другихъ польскихъ мѣстахъ, ни у кого изъ сенаторей польскихъ (кромѣ одного воеводы кіевскаго), также и у саксонскихъ министровъ самъ не бывалъ и знаемости не имѣлъ и ничего съ ними, къ противности его царскаго величества, не говаривалъ, и письменно не корреспондовалъ, и никакой отъ поляковъ и саксонцовъ противности не слыхалъ, и кто изъ тѣхъ вышеписанныхъ министровъ. къ которымъ отъ Орлика письма были, къ нему Орлику пріятнѣе, то-жъ онъ не вѣдаетъ, и самъ онъ никого изъ поляковъ къ противности царскаго величества не возбуждалъ и королю никакихъ предложеній не чинилъ, и отъ короля ему такожъ никакихъ указовъ не было, только коммисію свою отправилъ чрезъ Понятовскаго и Рубановича, и отъ нихъ что слышалъ и что ему приказали, о томъ, какъ выше показано, къ Орлику писалъ; что-же Орликъ приказалъ сыскать въ Бреславлѣ Войнеровскаго слугу Костю и написать отъ запорожцовъ къ себѣ листъ. и того Кости въ Бреславлѣ они не нашли, и для того въ Варшавѣ Понятовской и Рубановичъ приказали ему, Герцику, при себѣ сдѣлать пакетъ, вложить въ оной проѣзжей листъ и запечатать данною ему отъ Орлика запорожскою печатью и, сдѣлавъ то, послали къ Орлику по почтѣ, и отъ него получили отвѣтъ, что тотъ пакетъ онъ принялъ и на томъ проѣзжемъ листу написалъ Орликъ самъ отъ запорожцовъ такое письмо, какое онъ самъ хотѣлъ, отписываяся отъ своей руки, и объявилъ то письмо въ королевской канцеляріи, что ему Орлику при дворѣ шведскомъ послужило къ ево пользѣ.

12.

Орликъ въ Швеціи намѣренъ быть, или куды ѣхать, и каковъ нынѣшней король къ нему и сенатъ, и какую имъ надежду подаютъ и что имъ обѣщаютъ?

Орликъ въ Швеціи быть не хотѣлъ, а желалъ лучше выѣхать въ Польшу, а каковъ къ нему нынѣшней король, того онъ не вѣдаетъ, для того, что при немъ еще нынѣшней король не былъ, а о сенатѣ слышалъ онъ отъ выше объявленнаго шведскаго оберъ-коммисара Зултана, что когда онъ Орликъ по смерти королевской пріѣхалъ въ Стокголмъ, былъ у одного изъ сенаторей, Тоубе, прося о квартирѣ, и онъ ему съ крикомъ отвѣтствовалъ, что ему нынѣ не будетъ того, какъ при прежнемъ королѣ, квартиру-бы онъ нанималъ и кормился самъ собою, чего онъ Орликъ самъ знатно стыдился имъ сказать, а какъ онъ Герцикъ былъ въ другой разъ въ Варшавѣ и предъ самою поимкою ево, писалъ изъ Стокголма полковникъ польской націи Росохатскій къ Рубановичу, что онъ Орликъ изъ Швеціи выѣхалъ, а куда и одинъ-ли или съ фамиліею, о томъ имянно не написалъ.

13

О бывшемъ прилуцкомъ полковникѣ, о Максимовичѣ и о Войнеровскомъ: знали-ли они про Мазепину измѣну, и въ какомъ кредитѣ у короля были?

Бывшей прилуцкой полковникъ Горленко, Максимовичъ и Войнеровской про измѣну Мазепину напередъ знали-ль, того онъ не вѣдаетъ, а какъ онъ отъ нихъ слыхалъ, сказывали, что не знали, а у короля умершаго ни въ какомъ кредитѣ они не были.

14.

Не имѣютъ-ли нынѣ съ кѣмъ корреспонденцію на Украйнѣ, и не писалъ-ли чего онъ къ кому, будучи въ Польшѣ?

Будучи онъ нынѣ въ Польшѣ, корреспонденцій на Украйнѣ ни съ кѣмъ не имѣлъ и ни къ кому ни о чемъ не писывалъ.

Въ семъ распросѣ сказалъ онъ Герцикъ сущую правду, и ничего не затаялъ, и не утаилъ, и никого не прикрылъ; а ежели что сказалъ неправду или что утаилъ, и за то-бъ указалъ царское величество учинить ему смертную казнь безо всякаго милосердія.

Подлинный распросъ по листамъ скрѣпленъ рукою Герцика тако: къ сему распросу Григорій Павловъ сынъ Герцикъ руку приложилъ.

Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому.

(1853—1857 г.).

Сообщилъ М. Т—овъ.

(Продолженіе)*).

6.

8-го ноября 1854 г.

Каждое письмо твое, друже мой добрый, приноситъ мнѣ тихую, чистую, сердечную радость; но послѣднее твое короткое посланіе меня изъ мертваго сдѣлало, по крайней мѣрѣ, полуживымъ. Писалъ тебѣ о Данилевскомъ, что онъ прогостилъ у насъ около двухъ мѣсяцевъ; въ продолженіи этого времени я съ нимъ сблизился до самой искренней дружбы. Онъ недавно уѣхалъ въ Астрахань, и я, проводивши его, чуть не одурѣлъ. Въ первый разъ въ жизни моей я испытую такое страшное чувство. Никогда одиночество не казалося мнѣ такимъ мрачнымъ, какъ теперь, и письмо твое такъ кстати пришлыло ко мнѣ, что я не знаю, какъ тебя и благодарить за его, друже мой единый! Съ полученіемъ твоего письма я началъ приходить въ себя, началъ чувствовать и думать; правда, что думы мои по прежнему не радужные, но все-таки думы. Ты говоришь, что ты сроднился въ своемъ углу съ безотраднымъ одиночествомъ; я самъ тоже думалъ, пока не показался въ моей тюрьмѣ широкой человѣкъ! Человѣкъ умный и благородный, въ широкомъ смыслѣ этого слова: и показался для того только, чтобы

*) См. янв. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 161—176.

встревожить мою дремавшую бѣдную душу; все-же я ему благодаренъ, и благодаренъ глубоко.

Сердечно благодарю тебя за извѣстіе о Варварѣ: цѣлую трижды добраго Аркадія. На счетъ монаха напиши ему, чтобы онъ не безпокоился: деньги у меня пока еще имѣются. Я тебя давно уже воображаю въ Оренбургѣ, и уже другое письмо адресую по прежнему адресу. Когда ты пріѣдешь въ Оренбургъ, то напиши мнѣ и сообщи свой настоящій адресъ.

Агата тебѣ кланяется, а Ираклій пишетъ тебѣ письмо и адресуетъ въ Богословскъ. Зелинскій посылаетъ тебѣ поклонъ. Почтарь стоитъ надъ головою и не даетъ писать. Извини меня, друже мой, за мое короткое письмо и не разлюби искренного твоего—*Ш.*

Данилевскій тебѣ кланяется.

7.

10 февраля 1855 г.

Сердечно радуюсь твоему возвращенію, мой милый, мой сердечный, мой единый друже! Мнѣ легко и весело на сердцѣ стало, когда я прочелъ твое милое письмо, писанное уже въ Оренбургѣ. Мнѣ отрадно думать, что ты ко мнѣ хоть не совсѣмъ близко, а все таки приблизился на нѣсколько десятковъ миль, и теперь (завидую тебѣ, друже мой единый) любуешься добрыми и сердцу милыми лицами Карла и Михайла, и мнѣ самому грустно думать, что для полной твоей радости не достаетъ тебѣ вдохновеннаго Совы; завидую и радуюсь твоею радостью, друже мой Богу милый!

Ты просишь Бога—увидѣться теперь со мною. О, какъ я прошу Его объ этомъ! Но молитвы, знать, наши до него не скоро доходятъ. Вѣришь-ли, мнѣ иногда кажется, что я и кости свои здѣсь положу, иногда просто и одурь на меня находитъ, такая жгучая, ядовитая сердечная боль, что я себѣ нигдѣ мѣста не нахожу, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе эта отвратительная болѣзнь усиливается. И то сказать: видѣть передъ собою постоянно эти тупыя и въ добавокъ пьяныя головы—человѣку и болѣе меня хладнокровному немудрено съ ума сойти; и я въ самомъ дѣлѣ отчаиваюся видѣть когда либо конецъ моимъ жестокимъ испытаніямъ.

Какое чудное, дивное созданіе непорочная женщина! Это самый блестящій перлъ въ вѣнцѣ созданій. Если-бы не это одно единственное, родственное моему сердцу, я не зналъ-бы, что съ собою дѣлать. Я полюбилъ ее возвышенно, чисто, всѣмъ сердцемъ и всей благодарной моею душою. Не допускай, друже мой, и тѣни чего либо порочнаго въ непорочной любви моей.

Она благодаритъ тебѣ сердечно за твое милое, искренное (письмо) привѣтствіе, а я и благодарить тебя не умѣю.

Ты спрашиваешь меня, можно-ли тебѣ взять кисть и палитуру; на это мнѣ отвѣчать тебѣ и совѣтовать довольно трудно, потому что я давно не видѣлъ твоихъ рисунковъ и теперь я могу тебѣ сказать только, что говаривалъ когда-то ученикамъ своимъ старикъ Рустемъ, профессоръ рисованія при бывшемъ виленскомъ университетѣ: „*шесть лѣтъ рисуй и шесть мѣсяцевъ малюй и будешь мастеромъ*“. И я нахожу совѣтъ его основательнымъ; вообще, не хорошо прежде времени приниматься за краски. Первое условіе живописи рисунокъ и круглота, второе колоритъ. Не утвердившись въ рисункѣ, браться за краски—это все равно, что отыскивать ночью дорогу.

Если можно достать въ Оренбургѣ хорошій пейзажъ, масляными красками написанный, то попробуй его скопировать; но безъ хорошаго оригинала я тебѣ совѣтую кистей въ руки не брать.

Пеняешь ты, почему я тебѣ не прислалъ *Тріо* или *Христа;* эти вещи черезъ почту посылать неудобно, а случаи здѣсь такъ рѣдки, или, лучше сказать, ихъ вовсе не бываетъ. Я началъ еще лѣпить, въ пандамъ Христу, *Ивана Крестителя,* на текстъ „*Гласъ вопіющаго въ пустынѣ*“, и мнѣ-бы ужасно хотѣлося весной-же переслать тебѣ хоть форму, но не предвижу никакой возможности.

Кланяйся Карлу и скажи ему, что для смазыванія формы употребляется деревянное масло, смѣшанное съ свѣчнымъ саломъ по поламъ, алебастръ или гипсъ розводится въ густоту обыкновенной сметаны, и, заливши форму, нужно дать трое сутокъ сохнуть въ сухомъ и тепломъ мѣстѣ, или на солнцѣ; потомъ немного погрѣть передъ огнемъ и сейчасъ-же тоненькимъ ножомъ отдѣлить осторожно предметъ отъ формы; но и въ этомъ, какъ и во всемъ, важную роль играетъ опытъ.

Я чрезвычайно радъ, что тебѣ поручена новая библіотека; лучше для тебя занятія я не могъ-бы придумать.

Какъ-бы я радъ былъ, чтобы ты сблизился съ В. А.

Посылки, о которой ты мнѣ пишешь, я еще не получилъ: она вѣрно зазимовала въ Гурьевѣ.

Что мнѣ Сигизмондъ [1]) ничего не пишетъ? Что онъ и гдѣ онъ? Напиши хоть ты объ немъ пару словъ. Что дѣлается съ Людвигомъ? и не имѣешь-ли какихъ извѣстій о А. П. и Ѳомѣ? Сообщи мнѣ.

А если увидишь Сову, или будешь писать ему, то разцѣлуй его за меня, за его прекрасные сердечные стихи. Мнѣ грустно, что я ему не могу ничего прислать своего произведенія. Онъ долженъ быть въ высшей степени симпатическій человѣкъ. Какъ-бы я былъ счастливъ, если-бы мнѣ удалося когда нибудь обнять и поцѣловать его!

Будешь писать къ Аркадію, кланяйся ему отъ меня. Кланяйся и Михайлу и всѣмъ, кто не забылъ меня.

Если увидишь Михайлова, скажи ему отъ меня, пускай онъ мнѣ напишетъ хоть что нибудь. Прощай, не забывай меня!

О чемъ такъ долго и такъ постоянно думаю, о томъ чуть было не забылъ просить тебя. Увѣдоми меня, принялъ-ли В. А. [2]) представленіе Фреймана обо мнѣ и пошло-ли оно дальше? Если ты знакомъ съ Фрейманомъ, то попроси его, пускай онъ тебѣ покажетъ мою *Ночь* акварелью.

Мы здѣсь о зимѣ и понятія не имѣемъ: въ продолженіи генваря мѣсяца съ 5° тепло не сходитъ, а я въ продолженіи всей зимы не снимаю кителя.

Кланяются тебѣ *Z.* и Ираклій.

Прощай еще разъ, мой незабвенный друже!

8.

25 сентября, 1855 г.

Вчера былъ я на Ханга-Бабѣ, обошелъ всѣ овраги, поклонился, какъ старымъ друзьямъ, деревьямъ, съ которыхъ мы когда-то рисовали, и въ самомъ дальнемъ оврагѣ—помнишь, гдѣ огромное дерево у са-

---

[1]) Сѣраковскій.—Пр. Бр. З—аго.
[2]) Василій Алексѣевичъ Перовскій.—Пр. Б—аго.

маго колодца обнажило свои огромные старые корни?—подъ этимъ деревомъ я долго сидѣлъ. Шелъ дождикъ, пересталъ; опять пошелъ, я все не трогался съ мѣста; мнѣ такъ сладко, такъ пріятно было подъ вѣтвями этого стараго великана, что я просидѣлъ-бы до самой ночи, если-бы не охотники (чтобъ имъ ни одного воробья не застрѣлить) меня потревожили. О, какія прекрасныя, свѣтлыя отрадныя воспоминанія въ это время пролетѣли надъ моей головою! Я вспоминалъ нашъ каратовскій походъ со всѣми его подробностями, тебя, Турно и кой-гдѣ изрѣдка Антонова; и онъ, хоть это весьма рѣдко бывало, иногда похожъ на человѣка. Когда-же воспоминанія мои перенеслись на Ханга-Бабу, я такъ живо представилъ себѣ это время, что мнѣ показалось, будтобы ты сидишь здѣсь за деревомъ и рисуешь; я тогда только опомнился, когда позвалъ тебя, и ты не отозвался; а тутъ и охотники пришли. Походъ въ Каратау на долго у меня останется въ памяти, навсегда.

Я уже двѣ почты пропустилъ, не писалъ тебѣ; чуть было и третьей не перепустилъ; а возвратясь изъ Ханга-Бабы, выдержалъ порядочный пароксизмъ лихорадки; боялся, чтобы не продлилась, но теперь, слава Богу, ничего: какъ съ гуся вода. Я извиняю себя еще и тѣмъ, что письмо мое все равно дожидало-бы тебя на почтѣ, пока ты возвратился изъ Уфы. Напиши мнѣ подробнѣе, добрый мой друже, о бѣдномъ нашемъ Совѣ: какъ и чѣмъ онъ живетъ и что онъ дѣлаетъ? Напиши все: меня глубоко трогаетъ этотъ страдалецъ.—Что дѣлаетъ Турно и гдѣ онъ? Письмо вдохновеннаго Сигизмунда [1]) я съ наслажденіемъ прочиталъ. Настоящій поэтъ! Не отвѣчаю ему теперь, потому что надѣюсь вскорѣ съ нимъ увидѣться въ Акъ-Мечети; а надѣюсь я потому, что ты мнѣ пишешь, не хочу-ли я туда? Хочу, куда угодно хочу! потому что я начинаю одурѣвать въ этомъ безотрадно-однообразномъ прозябаніи. Прошу тебя, Карла и всѣхъ добрыхъ людей, кто можетъ помочь мнѣ хотя единымъ словомъ. Въ Акъ-Мечети хотя я не предвижу для себя слишкомъ отрадной перспективы, но по крайней мѣрѣ не буду видѣть этихъ голыхъ сѣрыхъ скалъ, которыя мнѣ

---

[1]) Сигизмундъ Игнатовичъ Сѣраковскій, тогда солдатъ, впослѣдствіи подполковникъ генеральнаго штаба, повѣшенный въ Вильнѣ въ 1863 г., во время послѣдняго польскаго возстанія.—Пр. Бр. З—скаго.

до того опротивѣли, что я радъ спрятаться отъ нихъ, но увы! куда спрятаться?

Послалъ я тебѣ съ Зелинскимъ экземпляръ *Тріо,* а съ Фреймановъ экземпляръ Спасителя; сходи ты на квартиру Фреймана и у слуги его Матвѣя спроси ящикъ на твое имя; кромѣ медальона, найдешь ты въ ящикѣ книги, которыя прошу тебя отдать переплести въ два или въ три волюма, какъ ты найдешь лучше, и оставь ихъ у себя до весны, а весною, если я останусь здѣсь, то перешли мнѣ ихъ. Я посылалъ эти книги въ Астрахань, и, вообрази себѣ, губернскій и еще портовый городъ переплетчика не имѣетъ! Настоящіе скифы!!

Если ты можешь какъ нибудь узнать о судьбѣ *княгини,* то сообщи мнѣ: меня она очень безпокоитъ. Узнай, Бога ради, цѣлъ-ли у Карла мой тюкъ съ платьемъ; тамъ есть въ карманѣ, въ пальто, дюжины двѣ карандашей Фаберъ № 3; возьми ихъ себѣ, а платье приберегі. Я не знаю, на чемъ я основываю надежду, а мнѣ кажется, что я это пальто носить еще буду, если его моль не съѣла. Нельзя-ли тебѣ будетъ достать, хоть у топографовъ, пару акварельныхъ кистей: у меня одна единственная осталась, да и та иступлена.

Я тебѣ надоѣдаю своими просьбами; но что-же дѣлать мнѣ? кромѣ тебя обратиться не къ кому, а въ тебѣ я совершенно увѣренъ, что ты не назовешь меня надоѣдалой, попрошайкою.

Вчера не дали мнѣ кончить письмо, а сегодня, вопреки ожиданію, пришла почта и привезла твое второе письмо съ драгоцѣннымъ для меня подаркомъ, съ портретомъ Совы. Я не знаю, какъ тебя и благодарить, друже мой, за этотъ подарокъ. Что-то близкое, родное я вижу въ этомъ добромъ, задумчивомъ лицѣ; мнѣ такъ любо, такъ отрадно смотрѣть на это изображеніе, что я нахожу въ немъ самаго искренняго, самаго задушевнаго собесѣдника! О, съ какимъ-бы наслажденіемъ я прочиталъ-бы теперь его *Іордана!* Но это желаніе несбыточное. Благодарю тебя, тысячу разъ благодарю за этотъ сердечный подарокъ.

Ты пишешь, что желалъ-бы сблизить меня съ нимъ покороче. Дай Богъ, чтобы всѣ люди были такъ коротко близки между собою, какъ мы съ нимъ; тогда-бы на землѣ было счастье! Пиши ему и цѣлуй его за меня, какъ моего роднаго брата. Если ты хочешь, чтобы моя радость была полная, то въ первое твое письмо, которое ты мнѣ на-

пишешь, вложи свой портретъ и портретъ Михайла, а если можно, то и Карла,—ты меня этимъ подымешь на седьмое небо.

Боже мой! Когда я увижу тебя? Когда я увижу доброе лицо Михайла и Карла? Грустно! Невыразимо грустно это безконечное ожиданіе.

Ты пишешь, что къ вамъ пріѣхали два просвѣщенныхъ любителя прекраснаго искусства; сердечно радуюсь такому рѣдкому явленію и душевно желаю, чтобы ты съ ними скорѣе познакомился; быть можетъ въ самомъ дѣлѣ ты встрѣтишь въ ихъ коллекціяхъ что нибудь замѣчательное, а это для тебя необходимо. Истинно изящное произведеніе на художника и вообще на человѣка сильнѣе дѣйствуетъ, нежели самая природа. Говоришь, что будто бы въ коллекціи начальника штаба есть оригиналы голландскихъ мастеровъ. Дай Богъ, чтобы это была правда! Я вотъ почему сомнѣваюсь: всѣ произведенія голландскихъ артистовъ XVII вѣка на перечетѣ, а въ послѣдующемъ столѣтіи Голландія была бѣдна замѣчательными мастерами. Но все таки лучше увидѣть что нибудь, нежели не видѣть ничего.

Прощай, мой единый друже! Кланяйся Средницкому и *ojcu prefektu* и не забудь мнѣ написать объ Аркадіѣ.

Не знаю, имѣлъ-ли какое вліяніе на судьбу мою всемилостивѣйшій манифестъ.

Съ послѣдней морской почтою пошлю тебѣ что нибудь въ родѣ Монаха, а теперь ничего не имѣю конченнаго, да правда и кончить порядочно нечѣмъ.

9.

21 апрѣля.

Христосъ Воскресе!

Я такъ давно не писалъ тебѣ, искренный мой друже, что теперь не знаю, съ чего и начать? Начну съ сердечной моей благодарности за твою пересылку, которую получилъ я отъ И., и за будущіе твои пересылки, о которыхъ ты мнѣ пишешь; еще разъ благодарю. Что-же я тебѣ пошлю? Ропотъ на судьбу, ничего больше; а впрочемъ, кромѣ этой грустной посылки, посылаю тебѣ два куска шерстяной матеріи;

любой изъ нихъ выбери себѣ на память обо мнѣ, а другой продай и пришли фотографіи. Еще посылаю тебѣ *Варнака* и *Княгиню;* прочитай ихъ и поправь, гдѣ нужно, отдай переписать и пошли по слѣдующему адресу: „въ С.-Петербургъ, въ академію художествъ, художнику Николаю Осиповичу Осипову [1]), на квартирѣ графа Толстаго,—а если имѣешъ тамъ добраго и надежнаго человѣка, то пошли на его имя для извѣстнаго употребленія. Еще посылаю тебѣ случайно мнѣ попавшееся въ руки объявленіе о изданіи „*Monumenta Regum Poloniae Cracovientia*". Мнѣ кажется, что это хорошее изданіе, то не вздумаешъ-ли ты его выписать.

Ты такъ прекрасно говоришь мнѣ о генералѣ Бюрно, что и я полюбилъ его такъ, какъ ты его любишь; это явленіе весьма рѣдко между господами генералами. Жаль, что онъ скоро, какъ ты говоришь, оставляетъ Оренбургъ. Онъ, говорятъ, пользуется хорошимъ вниманіемъ графа В. А. [2]). Попроси его, не можетъ-ли онъ для меня сдѣлать что нибудь, хоть вырвать меня изъ этого проклятаго гнѣзда. Я не знаю, что думать о моемъ упорномъ несчастіи. Львовъ-ли причиною его, или кто нибудь выше его? Во всякомъ случаѣ безъ В. А. [3]) для меня никто ничего добраго сдѣлать не можетъ, окромѣ государя. Напиши ты Аркадію и проси его отъ меня, чтобы онъ повидался, или написалъ Варварѣ на счетъ прошенія на высочайшее имя; она не должна отказать во имя нашей дружбы и христіанскаго милосердія.

Теперь долженъ быть въ Оренбургѣ А. И. Бутаковъ [4]); кланяйся ему отъ меня и проси его, не можетъ-ли онъ ходатайствовать обо мнѣ у В. А., проси его, проси всѣхъ, мой нелицемѣрный друже! Тебѣ болѣе, нежели кому нибудь, извѣстно мое горькое положеніе. Такое продолжительное испытаніе, какъ я терплю, извиняетъ меня передъ тобою въ моей назойливости. Постоянное несчастіе и твердѣйшіе характеры разрушаетъ, а мой и въ лучшее время принадлежитъ къ числу непрочныхъ.

---

[1]) О немъ см. въ книгѣ г. Чалаго, стр. 89 и далѣе.

[2]) Василія Алексѣевича Перовскаго.—Бр. З.

[3]) Тоже.

[4]) Объ отношеніяхъ его къ Ш—ку см. у г. Чалаго, стр. 74.

Съ слѣдующей почтой, если буду въ силахъ, напишу Совѣ, а въ настоящее время я такъ встревоженъ, такъ нравственно убитъ, что не могу простой мысли связать въ головѣ моей бѣдной, а не то, чтобы написать что нибудь похожее на дѣло. Пиши ему, цѣлуй его отъ меня, желай ему, какъ и я желаю, полнаго здоровья и всякаго счастія.

Кланяйся отъ меня Карлу, и не забудь прислать мнѣ фотографическое поличіе.

Цѣлую Михайла, Людвига, Евстафія, Сигизмунда и всѣхъ меня помнящихъ. Прощай, мой единый друже! Не забывай меня.

Я пишу тебѣ такъ рѣдко и такъ мало, что мнѣ совѣстно передъ тобою; но что дѣлать? Самъ знаешъ, о чемъ я здѣсь могу писать пространно, или хоть даже кратко, но о чемъ? однообразіе и тоска!

Чуть было не забылъ. Бюрно совѣтуетъ тебѣ оставить службу и посвятить себя искусству. Онъ имѣетъ основаніе такъ тебѣ совѣтовать: у тебя есть любовь къ искусству, а это вѣрное ручательство за успѣхъ. Однако съ оговоркою: къ любви нужно прибавить хоть самое умѣренное обезпеченіе, по крайней мѣрѣ лѣтъ на пять, чтобы прежде времени не начать работать изъ-за насущнаго хлѣба. Нужда охолодитъ любовь и тогда все пропало. Я больше ничего не могу сказать, искренный друже!

10.

10 іюня 1856 г.

Сегодня я получилъ твое во всѣхъ отношеніяхъ для меня дорогое письмо. Сегодня-же и отвѣчаю, сегодня вечеромъ и почта отходитъ и если мало напишу тебѣ, то это извини мнѣ, друже мой единый.

Я началъ уже было на тебя сердиться за твое долгое молчаніе, забывши мудрое правило: „Когда нечего сказать добраго, то лучше молчать". Ты мнѣ напомнилъ это правило и я тебѣ благодаренъ. Все посланное тобою я получилъ съ благодарностью. Карандаши еще не пробовалъ, да не на чемъ, правду сказать, и пробовать; мнѣ здѣсь все, начиная съ людей, такъ омерзѣло, что я и не смотрѣлъ-бы на ничто. Пишешь ты, что Карлъ не нашелъ моихъ карандашей; онъ вѣроятно забылъ или совсѣмъ не знаетъ, гдѣ онѣ хранятся. У него оставилъ я небольшой тюкъ съ платьемъ; тамъ, между прочимъ, есть пальто,

а въ томъ пальто въ карманѣ двѣ дюжины карандашей Фабера № 3. Если найдешъ ихъ, то возьми себѣ, а для меня и присланныхъ тобою на долго станетъ, потому что терминъ моего заключенія безконеченъ, а здѣсь совершенно дѣлать нечего. Пріѣхалъ сюда старикъ Козловъ Штейгеръ,—помнишъ, что съ Антоновымъ ходилъ въ Кара-Тау. Онъ тоже теперь отправляется тамъ для собранія коллекцій окаменѣлостей. Думалъ было и я съ нимъ проситься, да раздумалъ. Хорошо, весело было тогда намъ съ тобою; одному было-бы мнѣ точно также скучно, какъ и въ укрѣпленіи, съ тою развѣ разницею, что я долженъ былъ подчиняться пьяному козачьему офицеру; и это то больше и было причиною моего раздумья.

Я очень радъ, что ты оставилъ масляныя краски, и очень не радъ, что ты занимаешься теперь фотографіею. Она у тебя много времени отнимаетъ теперь, а послѣ, я боюся, ты увлечешься ею, когда покажутся удовлетворительные результаты. Это дѣло химіи и физики; пускай Михайло и занимается ими, а тебѣ это, какъ художнику, повредитъ. Фотографія какъ ни обольстительна, а все таки она не заключаетъ возвышеннаго прекраснаго искусства. А между прочимъ если ты не читалъ, то прочитай прекрасную статью Хотинскаго и Писаревскаго о фотографіи въ Современникѣ за 1852 г., не помню какой №.

Сигизмунду и Алексѣю я писалъ, будучи совершенно увѣренъ, что они въ Оренбургѣ; но это все равно: благодарю тебя, что отослалъ имъ письмо. Я писалъ Алексѣю, чтобы онъ справился черезъ своихъ знакомыхъ въ Петербургъ о рукописи *К. Дармограя*; но такъ какъ ему теперь почти невозможно, то прошу тебя, если ты имѣешъ знакомаго въ столицѣ, то чтобы онъ зашелъ въ контору „Отечественныхъ Записокъ" и взялъ (если она только не напечатана) рукопись подъ названіемъ: *Княгиня, К. Дармограя*, и прислалъ-бы ее тебѣ, или передалъ въ другой журналъ; если-же напечатана, то что-бы сдѣлалъ условіе съ редакторомъ, на какихъ условіяхъ можетъ К. Дармограй доставлять въ редакцію свои рукописи. У Карла есть братъ въ Петербургѣ, попроси его,—у меня тамъ знакомыхъ не осталось.

А между прочимъ скажи ты мнѣ ради всѣхъ святыхъ, откуда ты взялъ эти вялые, лишенные всякаго аромата, *кіевскіе ландыши?* Бѣдные земляки мои думаютъ, что на своемъ чудномъ нарѣчіи они

имѣютъ полное право не только что писать всякую чепуху, но даже и печатать! Бѣдные! и больше ничего. Мнѣ даже совѣстно и благодарить тебя за эту, во всѣхъ отношеніяхъ тощую, книжонку.

Тріо пришлю тебѣ съ Зелинскимъ. Вѣроятно вамъ опыты не удалися по моимъ наставленіямъ; хотѣлъ я и книги твои переслать тебѣ съ нимъ, но онъ не беретъ. Перешлю осенью съ Штейгеромъ.

Много еще кое-чего нашлося-бы передать тебѣ, друже мой; но почта на носу виситъ, а потому и кончаю. Бывай здоровъ и счастливъ, мой друже единый. Пиши и цѣлуй отъ меня Сову. Кланяйся Карлу и Михайлу и Станкевичу. Прощай.

Повидайся съ Лазаревскимъ и попроси его, чтобы онъ сообщилъ тебѣ адресъ своего старшаго брата, а ты сообщи его мнѣ.

Узнай, пожалуста, у Карла, цѣлъ-ли мой альбомъ?

11.

10 апрѣля.

Я ничего не пишу тебѣ съ этою почтою, мой друже единый, потому что добраго написать нечего, а о скверномъ, то узнаешь изъ письма А. П. Прошу тебя только, если ты можешь, объясни мнѣ, что все это значитъ. Какимъ родомъ могло быть предпочтено представленіе генерала представленію маіора? Это для меня вопросъ темнѣе безлунной ночи. Напиши мнѣ, кто такой Станкевичъ? Я знаю, что это добрый человѣкъ, и больше ничего не знаю.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я забылъ тебѣ сказать, чтобы ты ходилъ въ свободное время за Уралъ въ паркъ или рощу и дѣлалъ этюды; тамъ есть образцы живописныхъ деревьевъ. И еще разъ скажу тебѣ: съ масляными красками будь остороженъ, пока не утвердишься въ карандашѣ. Ничего больше теперь не имѣю сказать тебѣ. Прощай! Не забывай меня, мой единый друже! Цѣлуй *ojca prefekta*, Карла, Цейзика и всѣхъ, кто вспомнитъ обо мнѣ.

Въ продолженіи восьми лѣтъ, кажется, можно-бы было пріучить себя ко всѣмъ неудачамъ и несчастіямъ, — ничего не бывало... Настоящее горе такъ страшно потрясло меня, что я едва владѣлъ собою. Я до сихъ поръ еще не могу прійти въ себя; въ такихъ случаяхъ ну-

женъ сердцу самый искренный, самый безкорыстный другъ. Полуучастью тутъ не мѣсто; оно хуже холоднаго эгоизма.

Счастливы тѣ, для которыхъ слово: «участье» больше ничего, какъ пустое слово! Когда я доживу до этого счастія?

А моя нравственная, моя единственная опора, и та въ настоящее время пошатнулась, и вдругъ сдѣлалась пустой и безжизненной: картежница, ничего больше! или это мнѣ кажется такъ, или оно въ самомъ дѣлѣ такъ есть. Я такъ ошеломленъ этою неудачею, что едва различаю черное отъ бѣлаго.

Когда будешь писать Совѣ, кланяйся ему, а мнѣ объ немъ напиши подробнѣе, потому что я знаю его, какъ поэта, и ничего больше.

Прощай, мой друже! Кернера и протчее я получилъ исправно. Теперь ожидаю карандашей и, если можешь, то пришли 1 и 2 томы B. Zalieskiego.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Письма Гоголя къ В. В. Тарновскому.

(1833—1834 г.).

Письма Гоголя, предлагаемыя нынѣ вниманію читателей, относятся къ лучшей порѣ жизни и таланта великаго писателя и дополняютъ прежній матеріалъ для объясненія его внутренней жизни и характера въ ту пору. Они дышатъ юношескою свѣжестію, говорливостію на распашку, желаніемъ развеселить любимаго товарища. Въ нихъ подтверждаются вновь тѣ черты, которыя мы уже знаемъ въ Гоголѣ,—его сердечная память о товарищахъ, его прямое участіе въ судьбѣ ихъ, заботливость объ ихъ лучшей участи, желаніе помочь имъ словомъ и дѣломъ, его живые разсказы и распросы объ нихъ,—черты, которыя такъ рѣдко встрѣчаются въ однокашникахъ, особенно нынѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь дорожитъ полнотою писемъ товарища и даетъ ему обильный матеріалъ для отвѣта, предлагая множество самыхъ разнородныхъ вопросовъ.

Подлинники писемъ написаны на листахъ въ осьмушку, съ немногими помарками и поправками, съ обычными Гоголю орѳографическими ошибками и описками, которыхъ мы не сочли нужнымъ воспроизводить здѣсь. Первое изъ этихъ писемъ написано старательно, тонкимъ, какъ-бы женскимъ, почеркомъ; другія два съ большею свободою, бѣглымъ, крупнымъ почеркомъ. Личность В. В. Тарновскаго, корреспондента Гоголя, товарища его по нѣжинской гимназіи, уже извѣстна читателямъ «Кіевской Старины» изъ писемъ къ нему Шевченка. Подлинники писемъ хранятся у сына его, В. В., и сберегаются съ любовію, достойною великаго писателя. Къ печатаемымъ письмамъ мы прилагаемъ нѣсколько необходимыхъ поясненій.

I.

1833 г., октября 2, Спб.

«Фу ты пропасть, какая скорая почта! Письмо твое, писанное въ апрѣлѣ, я получилъ въ октябрѣ. Рудановскій [1]) весною не нашелъ меня, въ продолженіи-же лѣта не могъ найти, потому что я лѣто и часть весны живу на дачѣ, весьма не близко отъ города. Какъ-бы то ни было, только я обрадовался письму, чертовски запоздалому. Я былъ очень сердитъ на тебя, что ты вдругъ заглохъ и не далъ никакой объ себѣ вѣсти. Потомъ сердце мое прошло. Я хотѣлъ писать къ тебѣ, не смотря на два года антракта [2]). Освѣдомлялся о твоемъ жительствѣ у дядюшки твоего, «что съ сладкою миною» (и) у *настоящаго* [3]); но ни одинъ изъ нихъ не далъ мнѣ никакого удовлетворительнаго отвѣта. Дядюшка объявилъ, что «совершилъ-де какой-то странной карьеръ и находится, не смотря на древность фамиліи, учителемъ въ волынской, или литовской, или гродненской губерніи». Я, зная самъ, что русское землеописаніе есть самая неблагопристойная вещь, не утруждалъ его вопросомъ, что́ значитъ именно волынская, и что́ литовская, и что́ гродненская, и въ которой изъ нихъ долженъ обрѣтаться ты, и рѣшился было писать къ твоей маменькѣ въ славную губернію Антоновку [4]) Но Рудановскій съ письмомъ твоимъ весьма во время упредилъ меня. И такъ, ты находишься въ Житомірѣ... Житоміръ! Клянусь Іисусомъ, если мнѣ не во второй разъ только приходится произносить это имя. Одинъ разъ, когда Мойсеевъ [5]) спрашивалъ урокъ, а другой нынѣ. Житоміръ!... у тебя должно быть много слушателей жидовъ. Тебѣ

---

[1]) Товарищъ по нѣжинской гимназіи, выпуска 1832 г., впослѣдствіи кавказскій генералъ.

[2]) Значитъ, были письма Гоголя къ Тарновскому и въ 1831 году, но они не сохранились.

[3]) Подъ дядюшкой *«съ сладкой миной»* Гоголь разумѣлъ Григ. Ст. Тарновскаго, бывшаго владѣльца Качановки, скончаннаго 1853 г., дек. 9. Въ то-же время былъ въ Петербургѣ и другой дядя Тарновскаго.

[4]) Антоновка — село пирятинскаго уѣзда, полт. губ., принадлежитъ нынѣ брату Вас. Вас., Владиміру Вас.

[5]) Мойсеевъ — профессоръ русской исторіи и статистики въ нѣжинской гимназіи (1820—1837 г.).

должно удовлетворить меня подробнымъ описаніемъ этого города въ отношеніи къ тебѣ, только чтобъ это описаніе не пахло каѳедрой. Какъ у тебя бѣжитъ день твой? Домосѣдъ-ли ты или гость? Какова твоя даже квартира, и проч., и проч ?—О себѣ совершенно не имѣю ничего сказать: я давно не видался съ тобою; должно думать, что все таковъ, какъ прежде, хотя лѣнивъ, нестерпимо лѣнивъ.

Наши одноборщники [1]) всѣ, слава Богу, здоровы. Прокоповичъ Николай женился на молоденькой, едва только выпущенной актрисѣ. Прокоповичъ Василій получилъ х ..... [2]). Кукольникъ навалялъ дюжину трагедій. Романовичъ не добылъ ума ни на копѣйку послѣ того, и часто, идя на должность изъ Литейной на Гагаринскую, забѣгаетъ по дорогѣ ко мнѣ въ Малую Морскую. Данилевскій опять здѣсь, только служитъ не въ военной, а въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. *Благопристойный,* иначе Николай Бороздинъ, кланяется тебѣ (его костыль получилъ такую гибкость, что онъ отваживается съ нимъ даже плясать мазурку). Кобеляцкій такъ-же мастерски умѣетъ плясать, какъ и прежде. Прочія лица такъ-же безцвѣтны, какъ и прежде. Не видалъ-ли ты, или не слыхалъ-ли чего-нибудь о Лукашевичѣ, особенно о Высоцкомъ, и что Редкинъ?

Прощай! Если ты мнѣ напишешь поподробнѣе, то, можетъ быть, и я роспишусь.

Твой Гоголь.

Адресъ мой: въ Малой Морской, въ домѣ подъ № 97, артиста Лепена, прямо Гоголю, Яновскаго не называть.

---

[1]) Гоголь составляетъ свое слово (вмѣсто однокашники), которымъ хочетъ обозначить не однихъ товарищей по выпуску, но вообще земляковъ, полтавцевъ. Лица, о которыхъ онъ говоритъ далѣе, студенты *разныхъ* выпусковъ, а Кобеляцкій и Лукашевичъ вовсе не были товарищами по гимназіи; только Данилевскій одного выпуска съ Гоголемъ (1828 г.).

[2]) Крѣпкое словечко, одно изъ тѣхъ, которыя Гоголь позволялъ себѣ въ письмахъ къ короткимъ пріятелямъ.

II.

Спб., 1834 г. августа 7.

Извини меня, любезный Василь [„э, Василь! а що, якъ-бы гимназія сгоріла?“] [1]), извини, что долго не писалъ къ тебѣ. Я немного обчелся въ обстоятельствахъ своихъ. Думалъ было на каникулахъ быть въ Малороссіи и лично видѣться съ тобою, откладывалъ нарочно для того писать къ тебѣ; но ничего этого не случилось. Я по прежнему пребываю въ Питарѣ. Посылаю тебѣ Нибура столько книгъ, сколько до сихъ поръ переведено на фрунцузскомъ.

Что, видѣлъ-ли ты Редкина? Онъ поѣхалъ на мѣсяцъ полобызаться съ батюшкою и потомъ долженъ опять возвратиться сюда. Онъ говорилъ, что если ты будешь дома, то заѣдетъ къ тебѣ въ Антоновку; если-же ты будешь въ Житомірѣ, то по краткости времени не можетъ заглянуть къ тебѣ туда. Ну, каково живутъ дѣла твои? Какъ ты проводишь дома время каникулъ? Что болящій? что дядюшка Гриша Степановичъ? Что попъ, который говоритъ: *„и чого-бъ таки сидить такъ? вы-бъ таки або жалы, або танцювалы и такъ и такъ!“* Бываешь-ли ты часто въ Кіевѣ? Вѣдь тебѣ, кажется, чрезъ него лежитъ дорога домой. Я слышалъ, что Бѣлоусова дѣла [2]) довольно поправились, я этому очень радъ. Да, пожалуста, скажи, если будешь въ Кіевѣ, Максимовичу, который тамъ профессоръ словесности, скажи, что я просто пріѣду и поколочу его на всѣ боки. Что въ самомъ дѣлѣ за дрянь такая! Вотъ ровно мѣсяцъ, если не больше, какъ я отъ него ни строки

---

[1]) Гоголь очевидно вспоминаетъ ту фразу, которою часто обмѣнивались школьники-товарищи въ низшихъ классахъ (а, пожалуй, обмѣниваются и нынѣ) о своемъ учебномъ заведеніи: «какъ было-бы хорошо, еслибы гимназія сгорѣла! Насъ-бы роспустили!» ... и проч.

[2]) Бѣлоусовъ—профессоръ и инспекторъ нѣжинской гимназіи во время Гоголя; въ 1830 г. онъ былъ удаленъ со службы по интригамъ своихъ товарищей, и только въ 1834 г. онъ пріобрѣлъ себѣ покровительство графа Левашева, кіевскаго генер.-губерн., и ему дозволено было поступить на службу въ Кіевѣ по гражданской части; умеръ въ 1854 г. «Нѣжинскіе профессора—большіе бестіи», писалъ по этому поводу Гоголь.

не получаю. По крайней мѣрѣ изъ Кіева онъ мнѣ ни двухъ запятыхъ [1]) до сихъ поръ не написалъ, и я не знаю, что съ нимъ, мерзавцемъ, дѣлается. Ты скажи ему, что я велѣлъ ему—особенно полюбить тебя и стараться перевести тебя въ Кіевъ, хотя адъюнктомъ, потому что киснуть тебѣ въ литовскомъ городѣ не годится. Что, какъ твое здоровье? Какъ с..... ты, въ крутъ или въ смятку? и регулярно, или нерегулярно? Также на счетъ поясницы и прочихъ почечуйностей. Каково идетъ ваша житомірская гимназія? Часто-ли посѣщаетъ васъ пресловутый Б...? [2]). Ну, какой сволочи набрали въ вашъ кіевскій университетъ! Мнѣ даже жаль бѣднаго Максимовича, что онъ попалъ между нихъ. Можно-ли это? Новый университетъ! тутъ-бы нужно стараться, пользуясь этою выгодою, набрать новыхъ профессоровъ, а вмѣсто этого набрали старой плѣсени изъ глупаго кременецкаго лицея. Я самъ было думалъ въ кіевскій университетъ, да къ счастію не сошелся съ вашимъ Б., остался въ здѣшнемъ, и лучше, потому что черезъ четыре мѣсяца получаю здѣсь экстраординарнаго профессора.

Не слышалъ-ли чего нибудь о нашихъ, особенно о Лукашевичѣ старшемъ [3]), или о Высоцкомъ? Видаешь-ли Маркова? Кажется, мнѣ кто-то говорилъ, что онъ намѣревался сюда ѣхать. Имѣешь-ли хорошій аппетитъ и чѣмъ именно болѣе всего обжираешься—арбузами, или дынями, или грушами? Много-ли ходишь, прогуливаешься и вообще дѣлаешь муціону (sic!), и есть-ли у васъ гдѣ нибудь такія мѣста, гдѣ можно прогуляться? Чѣмъ изобилуетъ въ это время Житоміръ? И какой у..... [4]) обыкновенно употребляешь—фаянсовый, или мѣдный?

Впрочемъ, да хранятъ тебя вышнія власти!

Будь здоровъ, пиши и не забывай твоего Гог... [5]).

---

[1]) Вмѣсто *«ни двухъ запятыхъ»* прежде было написано *«ни строчки»*; но Гоголь, какъ видно, перечитывалъ это письмо и замѣтилъ повтореніе одного и того-же слова. Въ это время Гоголь по-два и по-три письма въ мѣсяцъ писалъ Максимовичу, интересуясь Кіевомъ.

[2]) Брадке, бывшій тогда попечителемъ въ Кіевѣ. Гоголь его крѣпко не залюбилъ за то, что Брадке предпочелъ ему проф. Цыха на каѳедру всеобщей исторіи въ кіевскомъ университетѣ.

[3]) Во второй разъ уже Гоголь вспоминаетъ о Лукашевичѣ, но въ спискѣ его товарищей мы не находимъ этого имени. Марковъ—товарищъ Гоголя, одного съ нимъ выпуска.

[4]) Опять крѣпкое словечко.

[5]) Въ подписи можно разобрать только «Гог.», а все остальное слилось въ самыя проказливыя завитушки, словно у Гоголя перо закружилось.

III [1]).

Письмо твое получилъ тоже не слишкомъ по скорой почтѣ. Хорошъ, братецъ, ты! Пишешь съ 1 сентября, а я получаю 20. Между тѣмъ какъ письмо изъ Житоміра идетъ никогда не больше 10 дней. Ты, вѣрно, поступаешь со мною такъ-же, какъ я съ почтенными родителями своими, т. е. выставляешь заднимъ числомъ. Что я не пишу аккуратно къ тебѣ, это извинительно, потому что я лѣнивъ; но что ты не пишешь, то это вовсе непростительно тебѣ, потому что ты былъ всегда трудящимся человѣкомъ... Ну, какъ поживаешь? Да: что тебѣ за охота думать о перемѣщеніи въ Нѣжинъ? Охота-же возиться съ этою дрянью, каковы напримѣръ Мазепичъ-Самойленко, Лопушевскій, Урсо и прочіе [2]). Мнѣ кажется, нѣтъ лучше тебѣ мѣста, какъ въ Кіевѣ. Если хочешь, я напишу объ тебѣ Максимовичу; но если до того времени увидишься съ нимъ, то скажи ему только, что ты мой товарищъ. Мы съ нимъ большіе друзья, и онъ для тебя, вѣрно, съ большою готовностію будетъ стараться. Имѣешь-ли ты нужныя пособія для твоихъ лекцій? Какими ты курсами руководствуешься? Есть-ли у тебя Исторія Мишеленовая, или средняя Демишеля, и если неполныя, то, по крайней мѣрѣ, Précis? Если нѣтъ, то увѣдоми меня: я тебѣ постараюсь ихъ выслать.

А что, какъ твоя женитьба? А я собираюсь крестить маленькаго крикуна-козленка, который имѣетъ отъ тебя быть. Пожалуста, увѣдоми меня, когда будутъ крестины. Какъ идетъ ваша административная, ученая часть? Что говорятъ объ университетѣ, о профессорахъ, о попечителѣ и о прочемъ? Я познакомился здѣсь съ твоимъ дядюшкой. Видѣлъ дорогого нашего Булыча [3]). Впрочемъ, да хранитъ тебя Богъ отъ всего злаго и поведетъ тебя тою дорогою, по которой желаетъ душа твоя!

Весь твой Гоголь.

---

[1]) Третье письмо не имѣетъ на себѣ никакой даты, но мы относимъ его къ осени 1834 года и ставимъ непосредственно за предыдущими, какъ по связи содержанія и хронологическому намеку, такъ и по сходству почерка съ предыдущимъ.

[2]) Все это—тогдашніе учителя нѣжинской гимназіи: Самойленко—учитель географіи, Лопушевскій—ариѳметики, Урсо—фехтованія.

[3]) Въ спискѣ нѣжинскихъ воспитанниковъ его нѣтъ; вѣроятно, это одинъ изъ близкихъ земляковъ Гоголя и Тарновскаго.

Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе согласія Тарновскаго на ходатайство о переводѣ его въ Кіевъ, Гоголь въ 1835 году два раза писалъ о немъ Максимовичу; отъ 22 января:

„Есть нѣкто, мой соученикъ, чрезвычайно добрый малый и очень преданный наукѣ. Онъ, имѣя довольно хорошее состояніе, рѣшился на странное дѣло: захотѣлъ быть учителемъ въ житомірской гимназіи, изъ одной только страсти къ исторіи. Фамилія его Тарновскій. Нельзя-ли его какъ-нибудь перетащить въ университетъ? Право, мнѣ жаль, если онъ закиснетъ въ Житомірѣ. Онъ былъ послѣ и въ московскомъ университетѣ и тамъ получилъ кандидата. Узнай его покороче. Ты имъ будешь доволенъ".

Максимовичъ изъявилъ полное согласіе и просилъ Тарновскаго къ себѣ въ адъюнкты по русской словесности. Гоголь на это отвѣчалъ отъ 22 марта:

„Тарновскій идетъ по исторіи, и потому не знаю, согласится-ли онъ перемѣнить предметъ. А что касается до его качествъ и души, то это такой человѣкъ, котораго всегда на-подхватъ можно взять. Онъ добръ и свѣжъ чувствами какъ дитя, слегка мечтателенъ, и всегда съ самоотверженіемъ. Онъ думаетъ только о той пользѣ, которую можно принесть слушателямъ, и дѣтски преданъ этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себѣ, награждаютъ-ли его, или нѣтъ. Для него не существуетъ ни чиновъ, ни повышеній; ни честолюбія. Если-бы даже онъ не имѣлъ тѣхъ достоинствъ, которыя имѣетъ, то и тогда я-бы совѣтовалъ тебѣ взять его за одинъ характеръ; ибо я знаю по опыту, что значитъ имѣть при университетѣ однимъ больше благороднаго человѣка" [1]).

Изъ дальнѣйшаго хода дѣла оказывается, что Тарновскій соглашался поступить адъюнктомъ къ Максимовичу, и Максимовичъ ходатайствовалъ о немъ предъ попечителемъ; но Брадке не внялъ его представленію, не принялъ ни Тарновскаго, ни М. Г. Чистякова [2]).

Сообщилъ **С. Пономаревъ.**

---

[1]) Сочин. и письма Гоголя, изд. 1857 г., т. V, стр. 231 и 237.

[2]) Письма о Кіевѣ, М. Максимовича, Спб. 1871 г., стр. 59.

Записки Карла Хоецкаго.

(1768—1776 г.).

(Продолженіе)*).

ГЛАВА IV.

Пребываніе плѣнныхъ въ Казани и дальнѣйшая ихъ судьба.

Мы прибыли въ Казань удрученные горемъ и печалью вслѣдствіе столь значительнаго удаленія отъ родины; ибо чѣмъ дальше насъ препровождали въ глубь Россіи, тѣмъ болѣе усиливались наши сомнѣнія относительно возможности возврата на родину, притомъ, никто изъ насъ не могъ предъугадать, какая участь ожидаетъ насъ впереди, но ежедневный опытъ удостовѣрялъ насъ въ томъ, что мы не должны надѣяться на благополучіе въ будущемъ.

Пріѣхавъ въ Казань, мы застали здѣсь своихъ земляковъ изъ той партіи, которая подъ начальствомъ капитана, о которомъ я выше упомянулъ, опередила насъ въ Сѣвскѣ. Мы встрѣтили ихъ съ радостью, и, замѣтивъ, что имъ предоставлено свободно ходить по городу безъ стражи, обрадовались тому, что, хотя пребывая въ болѣе отдаленной мѣстности, не будемъ подвергаться столь тяжелому заточенію, какъ въ Кіевѣ. Мы долго ожидали, пока насъ препроводили въ то мѣсто, гдѣ новый начальникъ, назначенный генералъ-губернаторомъ, долженъ былъ насъ принять отъ препровождавшаго насъ коменданта; стоя здѣсь на площади, мы ожидали до вечера сдачи; наконецъ оба начальника наши явились; насъ поставили въ два ряда и старый начальникъ, вызывая

---

*) См. янв. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 145—160.

каждаго по списку, передавалъ насъ новому. Послѣдній, принявъ надъ нами начальство, приказалъ сержанту развести насъ на квартиры, которыя были намъ назначены заблаговременно, такъ какъ пріѣзда нашего ожидали. Провожая насъ, сержантъ объявилъ, что намъ разрѣшено занимать квартиры не держась порядка, въ которомъ мы были внесены въ списокъ, но избирая сожителей по взаимному соглашенію. Обрадовавъ насъ этимъ распоряженіемъ, онъ тотчасъ распредѣлилъ намъ квартиры, помѣщая въ каждой, смотря по ея объему, двоихъ или троихъ, а въ небольшихъ домахъ помѣщая по одному. Мы находились подъ надзоромъ солдатъ, изъ которыхъ каждый завѣдывалъ десятью плѣнными; они ежедневно утромъ и вечеромъ посѣщали насъ и потомъ являлись къ своему начальству съ рапортомъ. Намъ дозволено было свободно ходить по городу, подъ условіемъ являться каждое утро ко времени составленія рапорта и проводить ночь въ своей квартирѣ. Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда доставлена была изъ Кіева третья партія плѣнныхъ и, подобно намъ, размѣщена въ городѣ.

Мы оставались въ Казани довольно долго, пользуясь и лучшими условіями жизни, и большею дешевизною, чѣмъ въ Кіевѣ. Казань городъ значительный, больше Кіева, расположенъ у рѣчки Казанки; нѣкогда былъ столицею и резиденціею хановъ казанскихъ татаръ; московскій царь, Иванъ Васильевичъ, взялъ приступомъ Казань, устроивши подкопъ подъ Казанкою и взорвавъ укрѣпленія порохомъ; понынѣ видны развалины и углубленія въ почвѣ, происшедшія отъ взрыва. Съ того времени Казань вошла въ составъ наслѣдственныхъ владѣній русскихъ царей. Городъ, или, лучше сказать, его цитадель окружена толстыми стѣнами, построенными изъ каменныхъ плитъ. Внутри этихъ стѣнъ построены каменные дома, отличающіеся впрочемъ архитектурою отъ европейскихъ построекъ; домовъ этихъ не много, ибо крѣпость занимаетъ незначительное пространство; сверхъ того въ цитадели помѣщается нѣсколько церквей—нѣкогда это были мечети, нынѣ онѣ передѣланы и внутри и снаружи и обращены въ церкви, но, не смотря на это, ихъ азіятская архитектура весьма явственна. По обѣ стороны крѣпости на значительномъ пространствѣ расположенъ городъ, состоящій изъ каменныхъ и деревянныхъ построекъ; онъ окруженъ другою стѣною и въ немъ живутъ исключительно россіяне; для поселенія татаръ отведена

только одна улица, расположенная за городомъ. Хотя городъ нѣкогда и принадлежалъ казанскимъ татарамъ, но теперь въ Казани ихъ осталось весьма незначительное количество, ибо россіяне заняли весь городъ; впрочемъ татаре имѣютъ на своей улицѣ довольно красивую мечеть. За то въ окрестности Казани всѣ села безъ исключенія заселены татарами и среди нихъ нѣтъ вовсе русскихъ деревень; татарское населеніе занимаетъ край на 40 миль, за ними-же начинаются поселенія какого-то иного народа.

Среди россіянъ, живущихъ въ Казани, мы встрѣтили много знатныхъ, великодушныхъ и человѣколюбивыхъ лицъ, которыя помѣстили у себя болѣе знатныхъ нашихъ офицеровъ и позаботились объ ихъ содержаніи помимо продовольствія, выдаваемаго имъ изъ императорской казны; великодушіе и гуманность возбудили въ сердцахъ нашихъ чувства истинной благодарности къ этимъ благодѣтелямъ.

Въ теченіи зимы три партіи плѣнныхъ препровождены были изъ Кіева въ Казань, два-же маршала наши, арестованные вмѣстѣ съ нами въ Краковѣ, оставлены были въ Кіевѣ впредь до дальнѣйшаго распоряженія. Мы проводили въ Казани праздникъ св. Пасхи (праздники-же Рождества Христова мы провели еще въ Кіевѣ); послѣ свѣтлаго праздника въ Казань препровождена была новая партія конфедератовъ, состоявшая изъ 160 человѣкъ, взятая въ плѣнъ у Сороки въ Молдавіи. Они были размѣщены, подобно намъ, на квартирахъ; отъ нихъ мы получили свѣдѣнія о ходѣ войны Россіи съ Портою.

Во время пребыванія нашего въ Казани, мы могли удовлетворительно продовольствоваться на получаемые 10 грошей въ сутки, но наши рядовые, получавшіе только по 4 гроша, страдали отъ голода и нищеты; они пытались искать работы, но не всѣ были въ состояніи найти занятіе: многіе изъ нихъ по пятницамъ, а также во время татарскаго байрама отправлялись къ мечети и тамъ получали обильную милостыню отъ татаръ; другіе выдавали себя за медиковъ, пользуясь тѣмъ, что въ Россіи немного лицъ, знающихъ медицину; они почти явно обманывали русское простонародіе, слѣпымъ смазывали глаза медвѣжьимъ жиромъ, утверждая, что средство это можетъ возвратить зрѣніе и т. п.

Три недѣли спустя послѣ прихода партіи конфедератовъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Молдавіи, прибылъ въ Казань новый отрядъ плѣнныхъ поляковъ; въ немъ находился капитанъ Беньовскій, который въ Польшѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ Гадика и получилъ чинъ полковника; онъ испыталъ большія бѣдствія, ибо солдаты, взявшіе его въ плѣнъ, ограбили его почти до нага; но въ Казани онъ поправилъ свои обстоятельства: выдавая себя за протестанта, онъ получилъ значительное пособіе отъ протестантовъ, и, при томъ, пользуясь тѣмъ, что хорошо зналъ химію, онъ свелъ дружбу съ мѣстнымъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ и, сообщивъ ему свои познанія, вошелъ въ сдѣлку, благодаря которой вскорѣ пріобрѣлъ значительныя деньги и весьма порядочный гардеробъ. Вообще Беньовскій былъ человѣкъ, получившій прекрасное образованіе; онъ зналъ много языковъ и обладалъ умомъ весьма сообразительнымъ и изворотливымъ. Казанскій генералъ-губернаторъ любилъ проводить время въ его обществѣ и часто приглашалъ его къ обѣду.

По истеченіи недѣли пришла еще одна довольно многочисленная партія конфедератовъ, въ числѣ которыхъ находился панъ Пулавскій, староста черешинскій и много другихъ знатныхъ лицъ; ихъ размѣстили по квартирамъ; пану Пулавскому отвели дворецъ и другимъ знатнымъ лицамъ предоставили хорошія и удобныя помѣщенія; такимъ образомъ въ Казани собралось довольно значительное количество плѣнныхъ; всѣ мы пользовались правомъ свободно ходить по городу и жили пока безъ всякаго стѣсненія. Казанскій генералъ-губернаторъ, Андрей Самаринъ, былъ сановникъ человѣколюбивый и великодушный; о немъ сказывали, что онъ нѣкогда былъ посланникомъ въ Польшѣ; жена его, дама очень умная, получила воспитаніе при императорскомъ дворѣ; они приглашали къ себѣ ежедневно пана Пулавскаго, старосту черешинскаго, и принимали его весьма гостепріимно; благодаря ихъ великодушію, онъ не только самъ устроился очень удобно, но былъ въ состояніи весьма щедро помогать другимъ конфедератамъ, находившимся въ крайней нуждѣ. Вниманіе, оказываемое въ домѣ генералъ-губернатора пану Пулавскому, отразилось улучшеніемъ положенія всѣхъ насъ вообще, ибо жители Казани, взирая на примѣръ начальника, стали оказывать намъ болѣе расположенія; въ лучшія общества насъ приглашали на вечера и развлеченія и обращались какъ съ почетными гостьми. Простонародіе также

смотрѣло снисходительно на продѣлки нашихъ солдатъ, а начальство, подъ властью котораго мы находились, обращалось съ нами мягко и не взыскивало за проступки противъ объявленныхъ намъ правилъ.

Опять прибыла изъ Кіева новая партія конфедератовъ, взятая въ плѣнъ въ послѣднее время; въ составѣ ея находились и наши маршалы: Петръ Потоцкій, воеводичъ волынскій, и панъ Чарнецкій; мы почти всѣ вышли имъ на встрѣчу, желая привѣтствовать своихъ вождей и командировъ. Генералъ-губернаторъ, узнавъ о прибытіи ихъ въ городъ, прислалъ свою карету къ пану Потоцкому, приглашая къ себѣ обоихъ маршаловъ; но панъ Потоцкій, чувствуя большую усталость отъ дороги, извинился въ невозможности явиться немедленно и заявилъ, что онъ исполнитъ приказаніе губернатора нѣсколько предварительно отдохнувши. Карета была прислана въ другой и въ третій разъ, но онъ повторилъ свои извиненія и завѣрилъ, что явится на слѣдующій день. Между тѣмъ маіоръ, князь Голицынъ, посѣтилъ маршаловъ, и, подружившись съ паномъ Потоцкимъ, пригласилъ обоихъ къ себѣ ужинать; сопровождая маршаловъ, всѣ мы присутствовали на этомъ вечерѣ. На слѣдующее утро оба маршала отправились пѣшкомъ во дворецъ губернатора; нѣсколько сотъ конфедератовъ собралось, чтобы сопровождать ихъ, ибо мы хотѣли заявить, что не только на родинѣ обязаны были повиноваться вождямъ своимъ, но даже и въ неволѣ считаемъ долгомъ своимъ оказывать имъ почтеніе и возможныя заявленія почета; толпа наша не могла помѣститься не только въ пріемной, но и во дворѣ дома, и привела генералъ-губернатора въ нѣкоторое удивленіе; проводивъ такимъ образомъ маршаловъ, мы разошлись по домамъ.

Нѣсколько недѣль спустя доставлена была изъ Кіева въ Казань еще одна партія плѣнныхъ; эти разсказывали намъ, что въ Кіевѣ они оставили еще значительное количество плѣнныхъ, какъ поляковъ, такъ и турокъ, которыхъ уже достаточное количество находится въ плѣну; ихъ препровождаютъ изъ Кіева въ Ригу, Владиміръ и Петербургъ. Такъ какъ Казань оказалась переполнена конфедератами, то начальство стало заботиться о томъ, чтобы часть ихъ препроводить на жительство въ другіе города, часть-же включить въ составъ своей арміи. Съ этою цѣлью всѣхъ насъ, за исключеніемъ болѣе знатныхъ лицъ, призывали въ канцелярію, мѣряли ростъ каждаго и записывали возрастъ. Правда,

при этомъ губернаторъ освѣдомлялся, кто изъ насъ по происхожденію дворянинъ, слѣдовательно свободенъ отъ солдатской службы, но среди насъ-же оказалась нѣкая презрѣнная личность, которая стала убѣждать губернатора не обращать на это вниманія и всѣхъ шляхтичей безъ разбору зачислять въ солдаты. Дѣло клонилось уже къ такому исходу; но, узнавъ объ угрожавшей опасности, мы отправились всѣ во дворецъ и подали записку вмѣстѣ со спискомъ всѣхъ конфедератовъ, въ которомъ противъ каждой фамиліи находилось обстоятельное поясненіе сословія, званія и военнаго чина, принадлежавшихъ каждому изъ насъ. Генералъ-губернаторъ обратилъ вниманіе на эту записку и уважилъ наше заявленіе, но солдаты наши были раздѣлены на два отряда и отправлены: одинъ въ числѣ 270 человѣкъ въ Оренбургъ, городъ отстоящій отъ Казани на 170 миль, другой изъ 200 человѣкъ—въ Тобольскъ, лежащій въ 200 миляхъ отъ Казани; оба отрада были зачислены въ мѣстные гарнизоны. Мы были сильно опечалены, разставаясь съ ними въ виду столь отдаленнаго похода, въ который они отправлялись пѣшкомъ; мы предчувствовали, что подобная-же участь вскорѣ и насъ постигнетъ и дѣйствительно послѣдовавшія распоряженія оправдали наше грустное предчувствіе. Они выступили въ походъ и со слезами прощались съ нами; мы также плакали разставаясь, проводили ихъ за городъ и, попрощавшись по братски, возвратились удрученные печалью въ свои квартиры.

Вскорѣ, вслѣдствіе излишняго скопленія плѣнныхъ въ Казани, рѣшено было до наступленія зимы препроводить нѣкоторыхъ изъ насъ на жительство въ другіе города. Составлена была партія въ 170 человѣкъ и приказано было препроводить ее въ городъ Кунчуръ, находящійся въ 70 миляхъ отъ Казани. Для насъ приготовили повозки, и, усадивъ по три человѣка на каждую, отправили въ путь, въ сопровожденіи 10 конвойныхъ солдатъ и подъ начальствомъ капитана.

Выѣхавъ изъ Казани, мы ѣхали среди сплошнаго татарскаго населенія, на ночь останавливались въ татарскихъ селахъ, гдѣ хозяева принимали насъ весьма радушно. Ко мнѣ впрочемъ татаре относились съ омерзѣніемъ, потому что я купилъ на дорогу цѣлую свинную тушу и варилъ ее себѣ въ пищу на ночлегахъ. Это вселяло въ нихъ отвращеніе, ибо свинное мясо по корану считается нечистымъ. Въ татарскихъ

селахъ вовсе нѣтъ помѣщиковъ и села эти не подчиняются и не принадлежатъ панамъ; всѣ жители зажиточные и бѣдные свободны. Въ каждомъ селѣ есть начальникъ, назначенный изъ татаръ, который разбираетъ ихъ тяжбы и ссоры; въ каждомъ селѣ есть также мечеть, куда они собираются для молитвы. Татарскія села встрѣчались намъ на протяженіи болѣе 30 миль; миновавъ ихъ, мы въѣхали въ страну, заселенную другимъ народомъ,—вотяками. Народъ этотъ отличается отъ татаръ обычаями и костюмомъ и исповѣдуетъ особую религію. Письменъ и литературы они вовсе не знаютъ и никогда не имѣли. Женщины ихъ поражали насъ странною одеждою, особенно-же головнымъ уборомъ, почти въ аршинъ вышиною; входя въ избу, они принуждены въ дверяхъ наклонять очень низко голову изъ опасенія задѣть и испортить постройку, возвышающуюся на ихъ головѣ; остальная одежда ихъ сдѣлана изъ холста и разшита цвѣтною шерстью, притомъ каждая носитъ поверхъ одежды небольшой мѣшечокъ, укрѣпленный на узкомъ ременномъ пояскѣ. Мужчины носятъ костюмъ, ничѣмъ не отличающійся отъ костюма великороссіянъ, и отпускаютъ бороды. Мы видѣли ихъ молящихся—совершать молитву они отправляются въ лѣсъ и творятъ ее у избранной высокой и гладкой березы. Они также приносятъ жертвы: быковъ и барановъ, которыхъ сожигаютъ и остатки бросаютъ на съѣдніе собакамъ. Среди этого населенія мы ѣхали около 20 миль, затѣмъ уже встрѣтили села великорусскія. Останавливаясь на ночлеги, мы продовольствовались на собственный счетъ, ибо на пути мы продолжали получать опредѣленныя на наше содержаніе деньги; проѣхавъ болѣе 10 миль отъ границъ вотяковъ, мы наконецъ достигли города Кунгура. На другой день послѣ нашего пріѣзда, насъ настигла здѣсь другая партія плѣнныхъ поляковъ, отправленная изъ Казани; вмѣстѣ съ ними прислано было распоряженіе о томъ, чтобы эту партію поселить въ Кунгурѣ, а насъ отправить на зиму еще дальше за 80 миль въ городъ Соликамскъ. Отдохнувъ еще два дня въ Кунгурѣ и запасшись въ виду наступающей зимы необходимымъ, мы отправились на повозкахъ въ дальнѣйшій путь. По дорогѣ въ Соликамскъ мы встрѣчали села татарскія, черемискія и великорусскія; впрочемъ по ту сторону Кунгура татаре поселились въ незначительномъ количествѣ; намъ однако довелось еще нѣсколько разъ ночевать въ ихъ селахъ и мы покупали

у татаръ по довольно сходной цѣнѣ войлоки и бурки, въ которыхъ чувствовалась необходимость, ибо вдругъ наступили сильные морозы и намъ пришлось оставить повозки и продолжать путь на саняхъ. Вскорѣ мы въѣхали въ страну населенную черемисами. Народъ этотъ показался намъ менѣе культурнымъ, чѣмъ тѣ народы, которые мы понынѣ видѣли; онъ отличался также особеннымъ костюмомъ и своеобразными обычаями. Одежда женщинъ весьма оригинальна: она состоитъ изъ холщевой рубахи, расшитой разноцвѣтною шерстью и обхваченной поясомъ; поверхъ рубахи черемиски надѣваютъ одежду также холщевую, совершенно похожую на кармелитскій нагрудникъ (scapularium), также расшитую цвѣтною шерстью и украшенную многочисленными бляшками оловяными и бронзовыми; внизу, спереди и сзади, эта одежда обшита длинною бахромою изъ цвѣтной шерсти. Дѣвушки носятъ на головѣ шапочки, совершенно похожія на ермолки, которыя надѣваютъ наши евреи; на шапочкахъ этихъ также нашиты многочисленныя круглыя бляшки оловяныя и бронзовыя, сдѣланныя на подобіе монетъ; впрочемъ болѣе богатыя нашиваютъ настоящія серебряныя монеты. Шапочки эти шьются изъ шелковой китайской матерія различнаго цвѣта; онѣ бываютъ черныя, красныя, зеленыя и т. п. Замужнія женщины носятъ головной уборъ еще болѣе странный, напоминающій покроемъ капюшонъ бернардинской рясы: онъ очень длиненъ и свѣшивается сзади почти до пояса; каждая женщина носитъ притомъ небольшой мѣшечокъ, привѣшенный на узкомъ ремешкѣ; какъ кажется, мѣшечокъ этотъ онѣ обязаны надѣвать по предписаніямъ своей вѣры. Костюмъ мужчинъ не отличается нисколько отъ одежды великоруссовъ. Религія этого народа совсѣмъ отлична отъ религіи другихъ языческихъ племенъ, но мнѣ не удалось собрать о ней свѣдѣній, ибо черемисы говорятъ совершенно непонятнымъ, самостоятельнымъ языкомъ; я замѣтилъ только, что въ селахъ ихъ нѣтъ вовсе ни мечетей, ни другихъ молитвенныхъ домовъ; не случилось также видѣть ихъ совершающими молитву; говорятъ, что они приносятъ жертвы посредствомъ сожиганія; вообще это народъ грубый, деревенскій, не имѣетъ ни письменности, ни грамоты. Проѣхавъ около 20 миль по странѣ черемисской, мы вновь встрѣтили села великорусскія и, постоянно пользуясь санною дорогою, достигли города Соликамска среди сильныхъ морозовъ. Пріѣхавъ въ городъ, мы остановились на

рынкѣ; здѣсь на встрѣчу къ намъ вышелъ капитанъ Вольскій, также изъ числа плѣнныхъ конфедератовъ; его взялъ къ себѣ въ домъ изъ Казани соликамскій воевода и поручилъ ему преподавать своимъ дѣтямъ французскій языкъ; онъ былъ одѣтъ весьма прилично, между тѣмъ какъ наша одежда была очень невзрачна и изорвана. Вольскій привѣтствовалъ насъ весьма любезно, обнималъ и многимъ окоченѣвшимъ отъ холода помогалъ выходить изъ саней. Насъ, по приказанію начальства, поспѣшно размѣстили въ теплыя квартиры и только на слѣдующій день комендантъ, сопровождавшій насъ, передавалъ насъ по списку мѣстному начальству.

Соликамская провинція принадлежитъ къ казанской губерніи, не смотря на то, что лежитъ въ значительномъ разстояніи отъ Казани; она состоитъ подъ управленіемъ особаго воеводы (такой титулъ въ Россіи носятъ начальники провинцій). Названіе города произошло отъ солеваренныхъ заводовъ, находящихся въ его окрестности и отъ имени большой рѣки Камы, протекающей вблизи города. Городъ окруженъ весьма обширными и густыми лѣсами, въ которыхъ мы видѣли неимовѣрное количество тетеревей; мѣстные крестьяне ловятъ ихъ весьма легко и доставляютъ въ городъ цѣлыя повозки нагруженныя этою дичью; пара тетеревей обыкновенно стоитъ не дороже трехъ грошей; за то хлѣбъ въ Соликамскѣ былъ очень дорогъ, такъ что денегъ, выдаваемыхъ намъ, не хватало на прокормленіе, тѣмъ болѣе что мы должны были часть ихъ употреблять на пріобрѣтеніе одежды; конечно, положеніе тѣхъ, которые получали только по 4 гроша въ сутки, было безвыходно. Намъ разрѣшено было совершенно свободно ходить по городу и за городъ въ близъ лежащія села; излишне было опасаться побѣга кого-либо изъ насъ; мы находились на разстояніи болѣе 300 миль отъ границъ Польши, и очевидно никто изъ насъ не дерзнулъ-бы и подумать о столь отдаленномъ и опасномъ пути; даже мѣстные уроженцы не отваживаются удаляться болѣе чѣмъ за три мили безъ паспорта, ибо, въ противномъ случаѣ, они подвергаются аресту и большимъ взысканіямъ.

Въ Россіи вообще наказанія, положенныя за различныя преступленія, очень строги и суровы; странно однако то обстоятельство, что страхъ наказанія нисколько не удерживаетъ отъ преступленій и не

ослабляетъ дурныхъ наклонностей; такъ лицъ, занимающихся воровствомъ и разбоемъ, очень много въ томъ краѣ; разбойники промышляютъ и на сушѣ и на водѣ; они разъѣзжаютъ въ суднахъ по Волгѣ и Камѣ, производятъ грабежи и затѣмъ укрываются въ дремучихъ лѣсахъ на берегахъ этихъ рѣкъ. Мы видѣли многихъ разбойниковъ, попавшихся въ руки правосудія; между ними были молодые и старики, сознававшіеся въ томъ, что съ ранней молодости, въ теченіи 40 лѣтъ и болѣе, они исключительно жили разбоемъ. Наказаніе, которому они обыкновенно подвергались, состояло въ томъ, что ихъ били кнутомъ, вырывали ноздри, выжигали на лицахъ позорныя надписи и затѣмъ ссылали въ ссылку, опредѣляя ихъ до конца жизни на работу въ серебрянныхъ рудникахъ или въ крѣпостяхъ. Такихъ преступниковъ во всей Россіи насчитываютъ до 200,000, а сосредоточены они главнымъ образомъ въ Сибири; имъ выдаютъ ежегодно одежду, для прокормленія же они получаютъ натурою муку и по четыре гроша въ мѣсяцъ для покупки соли.

Городъ Соликамскъ застроенъ довольно порядочными деревянными домами; въ немъ находится нѣсколько каменныхъ церквей. По ту сторону города лежатъ громадные дремучіе лѣса, совершенно пустынные и необитаемые, которые простираются, какъ намъ сказывали, на разстояніи 200 миль до береговъ Ледовитаго океана; къ востоку-же предѣлы лѣса невѣдомы и для россіянъ. Находясь въ этомъ городѣ зимою, мы были удивлены продолжительностью ночи: до 12 часовъ дня господствуетъ такой мракъ, что, идя по улицѣ, не видишь мимо проходящихъ людей; только послѣ полудня восходитъ солнце и можно пользоваться нѣкоторое время дневнымъ свѣтомъ. За то лѣтомъ нельзя отличить ночи отъ дня и даже послѣ заката солнца можно свободно читать и писать безъ освѣщенія. Пребываніе наше въ Соликамскѣ было для насъ очень тягостно по причинѣ непомѣрной дороговизны съѣстныхъ припасовъ, случившейся вслѣдствіе плохаго урожая; конфедераты должны были искать возможности трудиться и предлагали свои услуги для всякой работы. Въ городѣ жилъ въ то время знатный вельможа, по имени Турчаниновъ; онъ намъ щедро отпускалъ подаяніе и часто приглашалъ къ себѣ обѣдать; послѣ обѣда онъ никого не отпускалъ безъ того, чтобы не надѣлить гостя подаркомъ. Ежедневно на дворъ его дома при-

ходило до 150 человѣкъ изъ мѣстныхъ неимущихъ жителей и о ъ всѣхъ снабжалъ милостынею. Вельможа этотъ былъ очень богатъ, но его добродѣтель и великодушіе превосходили его богатство. Мѣстные жители его очень любили и уважали, мы-же осыпали его искренними похвалами и чувствовали къ нему глубокое почтеніе и благодарность. Въ Соликамскѣ мы получали часто извѣстія отъ своихъ земляковъ изъ Казани, которыя сообщали намъ проѣзжавшіе купцы. Они извѣщали насъ какъ о ходѣ войны, такъ и о судьбѣ плѣнныхъ поляковъ; количество послѣднихъ постоянно увеличивалось и безпрестанно присылались новыя партіи изъ Кіева въ Казань, отсюда-же ихъ распредѣляли въ другія города и водворяли тамъ на жительство. Въ Соликамскѣ мы праздновали и Рождество Христово и св. Пасху; здѣсь мы встрѣтили 1770-й годъ, въ теченіи котораго отправились въ дальнѣйшій путь, какъ о томъ ниже будетъ сказано. Во время пребыванія нашего въ этомъ городѣ, семь изъ числа нашихъ товарищей умерли; мы ихъ похоронили въ отдѣльномъ мѣстѣ, далеко за городомъ. Соликамскій воевода былъ человѣкъ строгій и ненавидѣвшій поляковъ, но онъ не могъ насъ притѣснять излишне, такъ какъ долженъ былъ подчиняться инструкціямъ, заключавшимся въ указахъ, присланныхъ ему вмѣстѣ съ нами.

Въ этомъ году стали насъ называть оффиціально и обозначать въ спискахъ конфедератами, до того-же времени насъ именовали бунтовщиками и мятежниками; перемѣна эта случилась вслѣдствіе спеціальнаго указа, присланнаго изъ военной коллегіи. Въ исходѣ года пребыванія нашего въ Соликамскѣ, мы получили извѣстіе о томъ, что партія въ 200 человѣкъ плѣнныхъ поляковъ отправлена изъ Казани въ Сибирь, въ городъ Тобольскъ, что она должна слѣдовать черезъ Соликамскъ и что полученъ указъ изъ военной коллегіи, чтобы всѣхъ насъ туда-же препроводить. Дѣйствительно вскорѣ мы дождались прихода этой партіи; она оставалась въ Соликамскѣ въ теченіи двухъ дней и запасалась провіантомъ для дальнѣйшаго пути, который пролегалъ на протяженіи 30 миль по лѣсной пустынѣ; хотя въ лѣсу у дороги и построены кое-гдѣ деревушки и дома для стоянокъ, но въ нихъ невозможно достать съѣстныхъ припасовъ, особенно для столь многочисленнаго отряда. Отдохнувъ два дня въ Соликамскѣ и скупивъ достаточное количество провіанта, партія плѣнныхъ отправилась на

повозкахъ въ дальнѣйшій путь. Двѣ недѣли спустя послѣ ея выхода, приказано было и намъ, жившимъ въ Соликамскѣ, собираться въ дорогу и запасаться провіантомъ. Когда нужные запасы были приготовлены, отправили насъ въ путь по слѣдамъ проходившей партіи.

ГЛАВА V.

Препровожденіе плѣнныхъ въ Сибирь.

Понынѣ мы погружены были въ печаль вслѣдствіе удаленія изъ отечества и ссылки въ отдаленную страну и претерпѣвали большую нужду и голодъ; но отчаяніе наше еще болѣе усилилось при извѣстіи, что насъ предназначено услать еще дальше; все то, что мы претерпѣли понынѣ, служило намъ несомнѣннымъ указаніемъ на то, что угрожало намъ въ будущемъ. Изъ Соликамска насъ отправили въ путь на повозкахъ. Проѣхавъ милю отъ города, обозъ нашъ вступилъ въ огромный, густой лѣсъ, по которому мы ѣхали въ продолженіи цѣлаго дня; къ ночи мы достигли поселенія, гдѣ назначенъ былъ нашъ ночлегъ. Это была маленькая деревушка, состоящая изъ десятка дворовъ; она расположена у подножія каменистыхъ горъ, на берегу рѣки и совершенно окружена лѣсомъ; жители не пользуются вовсе полями и охота составляетъ единственный источникъ ихъ пропитанія. Въ лѣсахъ водится большое количество лосей, которыхъ они ловятъ во множествѣ, загоняя въ приспособленныя для этой цѣли ямы. Деревушку посѣщаютъ купцы, которые въ обмѣнъ за лосьи кожи доставляютъ жителямъ хлѣбъ и другіе съѣстные припасы; мы нашли здѣсь въ изобиліи мясо лосей и покупали его не дороже двухъ грошей за фунтъ. Переночевавъ въ этой деревушкѣ, тронулись въ дальнѣйшій путь. Мы спрашивали жителей деревни, какъ далеко простираются окружающіе ихъ лѣса; они отвѣчали намъ, что никто изъ нихъ этого не знаетъ, ибо если-бы кому-нибудь пришла мысль изслѣдовать ихъ пространство, то онъ навѣрно потерялся-бы въ пустынѣ, умеръ-бы отъ голода и не былъ-бы въ состояніи возвратиться обратно. Въ теченіи пяти дней мы ѣхали среди лѣса, останавливаясь въ деревушкахъ, подобныхъ описанной; наконецъ мы встрѣтили пахатное поле, принадлежащее городу Верхотурью,

который принадлежитъ уже къ Сибири; въ полумили отъ лѣса мы достигли этого города около двѣнадцати часовъ дня. Здѣсь тотчасъ узнали, что мѣстный воевода получилъ приказъ задержать насъ на зиму въ этомъ городѣ. Конвой, провожавшій насъ, возвратился въ Соликамскъ, сдавъ насъ мѣстнымъ властямъ, и намъ отвели довольно удобныя квартиры. Въ городѣ этомъ припасы были дешевле, чѣмъ гдѣ либо въ Россіи, и потому мы обрадовались возможности устроиться болѣе удобно, чѣмъ въ Соликамскѣ. Верхотурье главный городъ провинціи того-же имени, входящей въ составъ тобольской губерніи; воевода, управлявшій провинціею, оказался человѣкомъ весьма образованнымъ и учтивымъ; онъ былъ къ намъ милостивъ и снисходителенъ, приглашалъ насъ часто къ себѣ и обращался вѣжливо во время нашихъ посѣщеній; мы всѣ полюбили его искренно и были глубоко благодарны за его великодушіе и человѣколюбіе.

Въ Верхотурьи мы прожили два мѣсяца; вдругъ присланъ былъ неожиданно приказъ о томъ, чтобы насъ препроводить еще за 15 миль дальше, въ городъ Тюмень, такъ какъ новая партія плѣнныхъ поляковъ назначена была въ Верхотурье, и мы должны очистить для нея мѣсто. Немедленно приготовлены были повозки, и мы, собравшись поспѣшно, отправились въ дальнѣйшій путь. Дорога наша пролегала по обширной равнинѣ, на которой часто встрѣчались селенія. Вообще понятія наши о Сибири оказались совершенно ошибочными; мы полагали, что страна эта представляетъ пустыню, весьма слабо населенную, а между тѣмъ на пути мы встрѣчали многочисленныя, богатыя и многолюдныя села, изобиловавшія всѣмъ необходимымъ для жизни; народонаселеніе было гораздо привѣтливѣе, чѣмъ въ европейской Россіи. Путь нашъ пролегалъ черезъ богатыя слободы, и вскорѣ мы достигли города Тюменя, въ который прибыли около 4 часовъ дня. По обыкновенію начальникъ нашего конвоя передалъ насъ по списку мѣстнымъ властямъ, и мы были размѣщены на довольно удобныхъ квартирахъ. Городъ Тюмень гораздо больше и красивѣе Верхотурья, притомъ онъ славится торговлею и предпріимчивостью своихъ купцовъ и вслѣдствіе того изобиліемъ предметовъ продовольствія. Говядина и рыба здѣсь неимовѣрно дешевы: мы покупали 60 карасей за копѣйку (т. е. за два гроша) и за такую-же цѣну, а иногда еще дешевле, пріобрѣтали фунтъ говядины;

равно дешевы были хлѣбные и молочные продукты. Мы покупали также по весьма сходной цѣнѣ китайскія ткани и лосьи кожи, изъ которыхъ многіе шили себѣ весьма прочную одежду. Въ окрестности Тюменя, кромѣ русскихъ селъ, находится также много татарскихъ слободъ, такъ какъ вся Сибирь составляла нѣкогда татарское самостоятельное царство.

Между тѣмъ наступала зима, которую мы надѣялись прожить въ Тюмени. Тотъ отрядъ плѣнныхъ, который жилъ въ Кунгурѣ, отправленъ былъ прямымъ путемъ въ Тобольскъ, и вообще всѣ партіи конфедератовъ отовсюду разными трактами стали пересылать туда-же. Генералъ-губернаторъ тобольскій по своему усмотрѣнію распредѣлялъ ихъ по мѣрѣ того, какъ они подходили; однимъ онъ прибавлялъ плату на содержаніе, другихъ опредѣлялъ въ солдаты и въ козаки. Наши рядовые всѣ были тогда сданы въ военную службу, которая въ Россіи очень тяжела и вознаграждается весьма скуднымъ жалованьемъ, и потому тѣ изъ нихъ, которые были въ нее зачислены, предавались глубокому отчаянію. Тобольскаго генералъ-губернатора звали Денисъ Ивановичъ Чичеринъ; это былъ человѣкъ великодушный, но очень гордый и притомъ самодуръ; украшенъ былъ тремя звѣздами, носилъ титулъ сибирскаго намѣстника, пользовался властью весьма обширною и имѣлъ почти неограниченныя полномочія. Онъ говорилъ немного по-польски; каждый день нѣсколько десятковъ поляковъ онъ призывалъ къ своему столу, ибо велъ жизнь открытую, и множество людей у него обѣдало ежедневно. Многіе среди насъ знали довольно сносно музыку и имѣли инструменты, купленные въ Казани; это очень понравилось генералъ-губернатору, и онъ призывалъ ихъ въ качествѣ оркестра на свои балы и вечера, такъ какъ лучшихъ музыкантовъ въ той странѣ не было; вообще генералъ-губернаторъ любилъ всякія увеселенія и могъ имъ предаваться, такъ какъ былъ очень богатъ; онъ былъ вдовъ, и все его семейство состояло изъ одной, еще малолѣтней, дочери.

Многіе изъ нашихъ шляхтичей, желая пріобрѣсти болѣе значенія, выдавали себя графами, хотя въ отечествѣ не только не пользовались знатностью, но даже не имѣли поземельной собственности; нѣкоторое время имъ удавалось пользоваться почетомъ и извлекать выгоды изъ своего самозванства. Другіе играли роль опытныхъ медиковъ, хотя на родинѣ занимались портняжествомъ или другимъ ремесломъ; долго и эти

пользовались успѣхомъ и даже собрали практикою значительныя суммы, но обманъ ихъ потомъ обнаружился, и они понесли жестокое наказаніе. Многіе составили драматическую труппу и стали давать представленія по образцу діалоговъ, устраиваемыхъ въ іезуитскихъ школахъ. Генералъ-губернаторъ помогъ имъ пріобрѣсти нужные костюмы и посѣщалъ ихъ представленія вмѣстѣ съ дочерью; при этомъ онъ каждый разъ платилъ за билетъ по 150 рублей; притомъ всѣ знатныя лица и офицеры, бывшіе на этихъ спектакляхъ, должны были вносить соразмѣрную плату. Вообще плѣнные стали придумывать всевозможныя развлеченія, желая извлечь для себя пользу изъ права вельможи богатаго и щедраго. Нѣсколько человѣкъ поступили на службу въ число его придворныхъ гусаръ, другіе-же были зачислены насильно въ этотъ отрядъ.

Между тѣмъ мы проживали покойно въ Тюмени и встрѣтили здѣсь праздники Рождества Христова; вѣроятно мы-бы провели здѣсь всю зиму, если-бы легкомысленный поступокъ одного изъ насъ, капитана Мочидловскаго, не подалъ повода къ новому передвиженію. Неожиданно полученъ былъ приказъ о немедленной отправкѣ насъ въ Тобольскъ; въ полночь приказано было намъ собираться въ путь, который притомъ, не смотря на страшный морозъ и большіе снѣга, мы должны были совершить пѣшкомъ; мы едва имѣли время собраться, должны были за безцѣнокъ продать нашимъ хозяевамъ запасы, которые заготовили на зиму и, среди ночи, тронулись изъ Тюменя въ дорогу. Мы совершили пѣшкомъ путь въ 25 миль въ Тобольскъ и, прибывъ въ этотъ городъ, долго стояли на площади, ожидая распоряженій начальства. Здѣсь простояли мы на сильномъ морозѣ 4 часа, наконецъ, подъ вечеръ, насъ провели на дворъ губернаторскаго дворца; оттуда мы были позваны въ канцелярію, гдѣ стали записывать нашъ возрастъ и мѣрять нашъ ростъ; это предвѣщало намъ опредѣленіе въ военную службу. Когда составленіе списковъ было окончено, насъ выпровадили изъ канцеляріи и построили передъ гауптвахтою въ двѣ шеренги, затѣмъ вызвали изъ строя капитана Мочидловскаго и, помѣстивъ его передъ фронтомъ, стали его жестоко наказывать палками, двѣ связки которыхъ были доставлены для этой экзекуціи. Наказаніе продолжалось очень долго и, когда онъ не былъ уже въ силахъ устоять на ногахъ, тогда отрядили четырехъ гренадеръ, которые поддерживали его на ружьяхъ. Оставаясь

въ шпренгахъ, мы принуждены были смотрѣть на эту казнь; она продолжалась до того времени, пока изъ дворца генералъ-губернатора не раздался окликъ: „полно". Тогда бившіе прекратили наказаніе и потерпѣвшій отправленъ былъ на гауптвахту для отдыха. Проступокъ, совершенный Мочидловскимъ, былъ по истинѣ пустой, и по всей справедливости не заслуживалъ столь суровой кары; я не стану разсказывать о немъ, какъ вслѣдствіе его маловажности, такъ и для избѣжанія излишняго велерѣчія [1]).

Послѣ того всѣхъ насъ еще разъ повѣрили по списку и отвели на квартиры, за исключеніемъ трехъ человѣкъ, отличавшихся высокимъ ростомъ: Павла Скрелевскаго, Михаила Милевскаго и Войтеха Тенчинскаго, которыхъ назначили въ гренадерскую роту и отправили въ казармы вмѣстѣ съ солдатами. На слѣдующій день упомянутыхъ трехъ рекрутовъ отвели въ церковь и приказали имъ исполнить присягу на вѣрность въ военной службѣ; они отказались наотрѣзъ принять присягу и потому были посажены подъ арестъ и затѣмъ жестоко и позорно наказаны: ихъ вывели на площадь, раздѣли до нага и, привязавъ къ

---

[1]) Это умолчаніе Хоецкаго мы можемъ пополнить со словъ другого мемуариста, его современника и соузника. Въ числѣ плѣнныхъ конфедератовъ находилось нѣсколько французскихъ офицеровъ, поступившихъ на службу въ конфедератское войско, съ согласія своего правительства; между ними былъ полковникъ Белькуръ (Belcourt), составившій, послѣ возврата на родину, обстоятельныя записки о своемъ пребываніи въ Сибири; записки эти были изданы въ 1776 году въ Амстердамѣ подъ заглавіемъ: «Relation ou journal d'un officier français au service de la confédération de Pologne, pris par les Russes et relégué en Siberie». Въ запискахъ Белькура, на стр. 67, мы находимъ слѣдующій разсказъ о дѣлѣ Мочидловскаго: «одинъ капитанъ польскій, сосланный въ Тюмень, былъ помѣщенъ на квартирѣ въ домѣ какой-то женщины, состоявшей въ негласной связи съ предсѣдателемъ одной изъ коллегій. Пребываніе капитана въ этомъ домѣ предсѣдатель счелъ для себя неудобнымъ и употребилъ мѣры для того, чтобы удалить его и склонить къ переходу на другую квартиру. Но такъ какъ капитанъ не внялъ внушеніямъ, то предсѣдатель прибѣгъ къ средству весьма дѣйствительному. Онъ написалъ генералъ-губернатору доносъ на капитана, обвинивъ его во всемъ, что ему вздумалось, и присоединилъ къ доносу подарокъ. Тотчасъ полученъ былъ приказъ о томъ, чтобы отправить всѣхъ плѣнныхъ въ Тобольскъ и, лишь только они прибыли въ этотъ городъ, капитанъ былъ наказанъ 200 ударовъ и затѣмъ, полумертвый, былъ уложенъ на сани и отправленъ въ г. Тару, лежащій въ 500 верстахъ дальше за Тобольскомъ.

какому-то деревянному снаряду ремнями за шею, ноги и руки, долго били ихъ плетью до того, что по временамъ клочки ихъ тѣла отрывались; послѣ наказанія ихъ отвели на гауптвахту, гдѣ они находились въ теченіи сутокъ подъ арестомъ. Затѣмъ на слѣдующій день выстроены были два баталіона солдатъ, и барабанщикамъ приказано было принести нѣсколько связокъ палокъ и „батожья"; арестантовъ вывели, угрожая имъ вторичнымъ наказаніемъ, но при видѣ этихъ несчастныхъ, едва переводившихъ дыханіе, для всѣхъ стало очевиднымъ, что они не выдержатъ новой казни; потому, благодаря заступничеству нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ, они были освобождены отъ наказанія и отправлены въ лазаретъ на излеченіе, а послѣ выздоровленія ихъ зачислили въ военную службу. Капитанъ Мочидловскій былъ также освобожденъ изъ подъ ареста по причинѣ болѣзни, и затѣмъ всѣ мы, прибывшіе изъ Тюмени, вмѣстѣ съ 150 другихъ конфедератовъ, жившихъ въ Тобольскѣ, отправлены были въ городъ Тару, находящійся въ 50 миляхъ отъ Тобольска.

В. А.

Библіографія.

Leopold Hauzer.—Monografja miasta Przemyśla. Przemyśl, 1883.

Леопольдъ Гаузеръ.—Монографія о городѣ Перемышлѣ. Перемышль, 1883 г.

Сочиненіе г. Гаузера, посвященное описанію одного изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, представляетъ книжку весьма интересную по содержанію и притомъ изданную весьма тщательно и изящно. Къ книгѣ приложены четыре рисунка, исполненные очень удовлетворительно, изображающіе: планъ и видъ города въ XVII столѣтіи, современный видъ Перемышля и копію изъ древней картины, хранящейся въ перемышльской ратушѣ и изображающей, согласно съ народнымъ преданіемъ, чудесное избавленіе города отъ нашествія войскъ семиградскаго князя Юрія Ракочи въ 1657 году.

По содержанію книга распредѣлена на два отдѣла: историческій и статистическій. Въ историческомъ отдѣлѣ мы встрѣчаемъ главу, содержащую библіографическій перечень 14 статей и монографій, посвященныхъ описанію Перемышля, съ указаніемъ содержанія и краткимъ разборомъ важнѣйшихъ изъ нихъ. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе многочисленныхъ архивовъ свѣтскихъ и духовныхъ, заключающихъ въ себѣ матеріалы для исторіи Перемышля. Особенный интересъ представляетъ подробное описаніе магистратскаго перемышльскаго архива, понынѣ неизвѣстнаго въ исторіографіи, такъ какъ архивъ этотъ былъ собранъ, приведенъ въ порядокъ и описанъ только въ послѣднее время (1874—1877) по почину и на счетъ перемышльской городской рады (т. е. думы). Этотъ въ высокой степени цѣнный и обширный архивъ заключаетъ въ себѣ документы, относящіеся къ исторіи города, начиная съ половины XIV столѣтія (древнѣйшій документъ помѣченъ 1356 годомъ). Сообщая

довольно подробное описаніе этого архива, г. Гаузеръ разсказываетъ при каждомъ отдѣлѣ его значеніе и сообщаетъ въ краткихъ, но весьма отчетливыхъ чертахъ сущность городскаго управленія при господствѣ магдебургскаго права, характеризируетъ дѣятельность и районъ власти городскихъ коллегій, цеховое устройство, управленіе городскими финансами и т. п.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ изложенію исторіи города Перемышля и передаетъ ее въ весьма живомъ и обстоятельномъ разсказѣ, основываясь какъ на архивныхъ документахъ, важнѣйшіе изъ которыхъ приводитъ цѣликомъ, такъ и на ссылкахъ на историческихъ писателей. Въ этомъ отдѣлѣ труда г. Гаузера мы, впрочемъ, не можемъ не замѣтить нѣкоторой неравномѣрности въ отдѣлкѣ частей его. Такъ исторіи Перемышля за время съ 981—1341, т. е. за то время, когда городъ этотъ былъ столицею или однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ галицко-русскаго княжества, посвящено едва 5 страницъ; авторъ отказывается даже сообщить важнѣйшіе факты и хоть-бы бѣглый перечень исторіи Перемышля за это время и рекомендуетъ читателю искать ихъ въ книгѣ, составленной г. Анатоліемъ Левицкимъ. Полагаемъ, что это уклоненіе автора отъ изображенія исторіи избраннаго имъ города въ русскій періодъ его жизни, является пробѣломъ, достойнымъ сожалѣнія и нарушающимъ хорошее общее впечатлѣніе, производимое его почтеннымъ трудомъ.

Съ 1340 и особенно съ 1389 года, когда Перемышль получилъ отъ короля Владислава Ягайла жалованную грамоту на магдебургское право, авторъ разсказываетъ его исторію весьма подробно, сначала въ общемъ очеркѣ, потомъ въ подробной лѣтописи, въ которую онъ заноситъ по годамъ всѣ важнѣйшія событія, касавшіяся внѣшней и внутренней исторіи города. Очеркъ свой авторъ заключаетъ подробнымъ описаніемъ города и возстановленіемъ его плана въ XVII столѣтіи. Планъ и видъ города составлены г. Гаузеромъ на основаніи старинныхъ рисунковъ (Целляріуса и двухъ хранящихся въ мѣстномъ магистратѣ) и дополнены весьма тщательно и удачно данными, заимствованными изъ архивныхъ источниковъ.

Статистическій отдѣлъ книги заключаетъ въ себѣ многочисленныя данныя относительно состоянія и движенія народонаселенія, очеркъ современнаго городскаго управленія и отчетъ о состояніи просвѣщенія и школъ, санитарной части, перечень товариществъ кредитныхъ, сельскохозяйственныхъ, благотворительныхъ и т. п., а также данныя о фабричной и ремесленной производительности Перемышля. Въ отдѣлѣ этомъ весьма видное мѣсто отведено управленію и учрежденіямъ духовнымъ, разсказана исторія отдѣльныхъ церквей и монастырей, исторія насажде-

нія католичества въ Перемышлѣ, постепенный захватъ «схизматическихъ», какъ выражается авторъ по старой привычкѣ, церквей, введеніе уніи и вліяніе на церковныя дѣла реформъ Іосифа II; приложены при этомъ списки епископовъ: католическихъ, православныхъ и уніатскихъ, управлявшихъ перемышльскою епархіею.

Вообще книга г. Гаузера представляетъ сводъ весьма интересныхъ и многостороннихъ свѣдѣній о Перемышлѣ; свѣдѣнія эти изложены толково и интересно; просмотрѣвъ «монографію о Перемышлѣ», невольно является желаніе, чтобы появлялось побольше работъ подобнаго рода, несомнѣнно весьма полезныхъ для разъясненія фактовъ областной исторіи.

В. А.

Ол. Барвѣньскій.—Исторія Руси. Часть IV. Львовъ 1882 г.—коштомъ и заходомъ товариства „Просвѣта", цѣна 16 крейцеровъ (12 коп.).

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ во Львовѣ основано было общество «Просвѣта», поставившее своею задачею распространеніе русской грамотности среди галицко-русскаго народа. Не смотря ни на скудныя средства, которыми располагали основатели общества, ни на внѣшнія препятствія, которыя встрѣчала ихъ дѣятельность, общество съ достойнымъ всякой похвалы усердіемъ и съ непоколебимою энергіею преслѣдовало свою задачу. Изъ послѣдняго отчета общества мы узнаемъ, что за время своего существованія «Просвѣта» издала 76 сочиненій, назначенныхъ для народнаго чтенія, въ количествѣ до 350,000 экземпляровъ, и сверхъ того 17 учебниковъ, принаровленныхъ къ курсу наукъ гимназіи (12,500 экземпляровъ). На сколько общество удовлетворяло дѣйствительной потребности народа и на сколько изданія его были составлены умѣло и понятно, можно судить уже потому, что, не смотря на крайне стѣсненное экономическое положеніе галицко-русскаго народа, изданія «Просвѣты» расходятся въ громадномъ количествѣ. За 14 лѣтъ книги, назначенныя для популярнаго чтенія, разошлись въ количествѣ 220,000 экземпляровъ, учебники въ количествѣ 8,000 экземпляровъ (въ Галиціи только двѣ русскія гимназіи). Успѣхъ этотъ объясняется съ одной стороны тѣмъ, что грамотность относительно довольно развита въ галицко-русскомъ народѣ и вслѣдствіе этого въ средѣ народа все болѣе и болѣе возрастаетъ потребность чтенія, съ другой — весьма умѣлымъ подборомъ сюжетовъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ самаго текста популярныхъ книгъ. Внѣшняя сторона дѣла обставлена также вполнѣ удов-

летворительно: книжки издаются довольно изящно, на хорошей бумагѣ, шрифтъ выбранъ отчетливый, не мелкій и не густой и, что важнѣе всего, цѣна книжекъ весьма доступна: она, смотря по объему книжки, колеблется между 5 и 35 крейцерами (4—28 коп.) и никогда не превосходитъ этой цыфры; вообще-же средняя стоимость книжки равняется 14 крейцерамъ.

По содержанію изданія «Просвѣты» обнимаютъ всѣ области знанія, могущія заинтересовать селянина или принести пользу въ крестьянскомъ быту; мы встрѣчаемъ здѣсь: молитвенники, катехизисъ, житія святыхъ, сборники церковныхъ пѣсней, затѣмъ многочисленныя книжки, посвященныя естествознанію, гигіенѣ, сельскому хозяйству и экономическимъ вопросамъ, поскольку пониманіе ихъ необходимо въ сельской сферѣ (о сельскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, о дурномъ вліяніи на хозяйство лихвы и т. п.). Затѣмъ слѣдуютъ многочисленныя книжки содержанія беллетристическаго: повѣсти, разсказы, пѣсенники, сказки, стихотворенія и т. д.; наконецъ календари, справочныя книги, указатели счетоводства и т. д. Къ числу достоинствъ изданій «Просвѣты», конечно, слѣдуетъ отнести и тотъ языкъ, на которомъ онѣ написаны; составители стараются всѣми средствами избѣгать неудобопонятныхъ и заимствованныхъ словъ и выраженій и, по мѣрѣ возможности, приближаются къ народной разговорной рѣчи.

Въ числѣ другихъ изданій «Просвѣта» обратила вниманіе и на распространеніе среди народа знанія родной исторіи и съ 1879 года стала издавать отдѣльными выпусками «Исторію Руси»; изъ нихъ послѣдній (4-й) вышелъ въ свѣтъ въ исходѣ прошлаго года. Первый выпускъ, озаглавленный «Русскіе князья», заключаетъ въ себѣ исторію великаго княжества кіевскаго до появленія монголовъ; второй названъ: «Нападенія татаръ и литовцевъ на Русь» и содержитъ исторію Руси въ XIII столѣтіи; третій разсказываетъ исторію западной и особенно галицкой Руси въ XIV столѣтіи до соединенія Литвы и Польши при Ягайлѣ въ 1386 году. Наконецъ послѣдній выпускъ: «Русь подъ властью дома Ягеллоновъ до начала подготовки люблинской уніи» обнимаетъ время съ 1386 по 1510 годъ и заканчивается разсказомъ о дѣлѣ Михаила Глинскаго.

Всѣ выпуски отличаются ясностью изложенія; составители ихъ старались сосредоточить вниманіе читателей на главнѣйшихъ историческихъ событіяхъ, не обременять ихъ памяти и вниманія излишними мелочными подробностями, но за то никогда не теряли изъ виду главной цѣли: возбудить и просвѣтить народное самопознаніе. Особенно, по нашему мнѣнію, талантливо составлены двѣ послѣднія книжки, редакцію

которыхъ «Просвѣта» поручила г. Александру Барвинскому. Составитель употребилъ не мало усилій для того, чтобы приготовиться къ исполненію своей задачи: онъ внимательно изучилъ многочисленныя сочиненія галицкихъ, русскихъ, польскихъ и иностранныхъ писателей, относящіяся къ избранному имъ періоду исторіи Руси, зорко слѣдилъ за ходомъ русской исторической науки, воспользовался ея новѣйшими произведеніями, и, составивъ себѣ ясное и отчетливое понятіе о судьбѣ своего народа въ данный періодъ времени, изложилъ его весьма доступно, но вмѣстѣ съ тѣмъ удержалъ въ разсказѣ совершенно серьезный и объективный тонъ; г. Барвинскій не прибѣгаетъ ни къ поученіямъ, ни къ тенденціознымъ выходкамъ; онъ разсказываетъ просто и спокойно, но разсказываемые факты взываютъ къ народному сознанію громче всякихъ фразъ. Видно, что авторъ проникнутъ самъ глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, сознаніемъ правоты своего народнаго дѣла и потому не считаетъ нужнымъ прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ для тенденціознаго освѣщенія событій.

Въ послѣсловіи, которымъ заключается 4-й выпускъ «Исторіи Руси», г. Барвинскій характеризуетъ свою ккижку слѣдующими словами: «предлагая землякамъ моимъ этотъ трудъ, я чувствую, что на долю мою выпало разсказать не одно грустное событіе изъ нашего прошедшаго, раскрыть не одну картину нашей злосчастной судьбы; но, не смотря на личное чувство, я старался исключительно руководиться лишь любовью къ истинѣ и безпристрастіемъ, помня, что книжка моя назначена для того, чтобы послужила для науки и пользы моему народу.... На сколько я съумѣлъ выполнить это условіе, пусть судятъ наши историки».

Мы не можемъ не заявить полнаго сочувствія той точкѣ зрѣнія, изъ которой исходитъ г. Барвинскій, и не признать, что, по нашему мнѣнію, онъ провелъ ее совершенно умѣло и добросовѣстно. Искренно желаемъ, чтобы дальнѣйшіе выпуски «Исторіи Руси» были написаны съ такою-же любовію къ своему народу и съ такою-же пользою для развитія его историческаго самопознанія. **В. А.**

Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Составилъ редакторъ неоффиціальной части „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ Ал. Андріевскій. Кіевъ, 1882 г.

Въ исходѣ прошлаго года г. Андріевскій издалъ 4-й выпускъ матеріаловъ, извлеченныхъ имъ изъ архива кіевскаго губернскаго прав-

ленія [1]). Слѣдуя плану изданія, принятому г. Андріевскимъ уже съ выходомъ 3-го выпуска, онъ въ каждой книгѣ группируетъ архивный матеріалъ, связанный общимъ содержаніемъ. Въ послѣднемъ выпускѣ помѣщены исключительно дѣла относящіяся къ порубежнымъ отношеніямъ Россіи и Польши во второй половинѣ XVIII столѣтія. Всѣ акты раздѣлены на три главы: въ первой помѣщено «дѣло о разграниченіи Россіи съ Польшею» 1782—1784 года; въ дѣлѣ этомъ мы находимъ какъ многочисленные донесенія, рапорты и отчеты коммисаровъ, устанавливавшихъ пограничную черту и водружавшихъ межевые столбы, такъ и самый актъ «описаніе границы Малыя Россіи съ Польшею», начиная отъ границъ новороссійской губерніи, у устья Тясьмина въ Днѣпръ, и до границъ губерніи бѣлорусской, у впаденія въ Днѣпръ рѣки Сожи, около города Лоева.

Во второй главѣ помѣщены дѣла пограничной судебной коммисіи (1783—1785 г.), въ составъ которой входили коммисары какъ польскіе, такъ и русскіе; коммисіи поручено было судить всѣ тяжбы о взаимныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, возникавшихъ между жителями обоихъ государствъ. Среди жалобъ, поступившихъ въ коммисію, важнѣйшее въ тѣ годы дѣло возникло вслѣдствіе буйства шляхтича Вавржинскаго, напавшаго на русскій пограничный форпостъ въ с. Мостищахъ съ толпою вооруженныхъ людей, убившаго одного изъ козаковъ пограничной стражи и ранившаго двухъ другихъ. Въ дѣлѣ этомъ польскіе коммисары Потоцкій и Трипольскій держатся своеобразной тактики: они стараются не допустить дѣла къ докладу и достигаютъ этого тѣмъ, что нарушаютъ правила приличія въ засѣданіяхъ коммиссіи; они, подъ предлогомъ болѣзни, не снимаютъ шапокъ въ присутствіи, пріѣзжаютъ на засѣданія на русскую территорію, окруженные военнымъ конвоемъ съ обнаженнымъ оружіемъ и т. п. Вызвавъ этими поступками замѣчанія со стороны русскихъ коммисаровъ, они обижаются, жалуются на оскорбленіе своей чести («упомянувъ *пунктъ гонора*», какъ доноситъ русскій коммисаръ, маіоръ Козачинскій) и уѣзжаютъ домой, прекращая такимъ образомъ засѣданія коммисіи.

Въ третьей главѣ помѣщено 12 дѣлъ такой-же смѣшанной пограничной коммиссіи, засѣдавшей въ 1732—1758 годахъ въ пограничномъ мѣстечкѣ Мотовиловкѣ; въ числѣ разсматривавшихся претензій, особенно интересно дѣло, возбужденное по жалобѣ кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго объ ограбленіи церковнаго и монастырскаго имущества

---

[1]) О первыхъ трехъ выпускахъ „Кіевская Старина" сообщила отчетъ своевременно (см. 1882 г., январь, іюль и ноябрь).

въ лебединскомъ монастырѣ по приказанію кн. Любомирскаго. На запросъ коммисіи по этому дѣлу, Любомирскій отказывается дать объясненія, утверждая, что лебединскій монастырь находится въ его собственномъ имѣніи и подъ его патронатомъ и что въ духовномъ отношеніи онъ находится въ вѣдѣніи львовскаго (уніатскаго) митрополита; затѣмъ Любомирскій заявляетъ жалобу на митрополита кіевскаго за то, что онъ вмѣшивается въ дѣла, не входящія въ кругъ его юрисдикціи.

В. А.

Городъ Холмъ и его древняя святыня—чудотворная икона Божіей Матери. Изданіе холмско-богородицкаго православнаго братства. Варшава. 1882 г.

Мы только что получили книжечку, названіе которой сейчасъ привели. Это не большая, въ 30 стр., въ 8 долю листа, брошюра, составленная однимъ изъ мірскихъ членовъ холмскаго братства и представляющая оттискъ изъ „Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника“ на 1882 г. Изъ присланнаго намъ отчета того-же братства за 18$^{81}/_{82}$ г., второй годъ его существованія, узнаемъ, что названная нами брошюра издана въ числѣ 3,000 экземпляровъ и предназначена для безплатной раздачи *народу*, т. е. возсоединившимся въ 1875 г. изъ уніи въ православіе холмскимъ уніатамъ. Изъ того-же отчета узнаемъ, что изданіе этой брошюры, какъ и другой предположенной—объ иконѣ лѣсняиской Божіей Матери, входитъ въ кругъ миссіонерскихъ дѣйствій братства за истекшій годъ, а это располагаетъ насъ, говоря о брошюрѣ, сказать и объ отчетѣ, какъ изданіяхъ одного и того-же братства, отчасти взаимно другъ другъ друга пополняющихъ.

Брошюра, какъ показываетъ ея названіе и поясняетъ отчетъ братства, написана съ цѣлію распространить въ средѣ недавно обращенныхъ въ православіе жителей Холмщины точныя историческія свѣдѣнія о древней святынѣ Холма—чудотворной иконѣ Божіей Матери. Древность святыни Холма расположила автора сказать и о древности самаго города, а къ брошюрѣ приложить точное изображеніе иконы, видъ Холма въ XVII ст., видъ холмскаго каѳедральнаго собора, въ которомъ помѣщается икона Божіей Матери, и наконецъ видъ двухъ древнѣйшихъ, находящихся близъ Холма каменныхъ башенъ. Кромѣ доступности и обстоятельности изложенія предмета брошюры, изданіе вообще производитъ впечатлѣніе пріятное, печать и бумага весьма удовлетворительны. Намъ кажется, что всякій новообращенный житель Холмщины, прочитавъ эту

книжечку, получить отчетливое и наглядное представленіе о холмской чудотворной иконѣ и о томъ, какъ она, составляя издревле достояніе православія, въ теченіи долгаго времени переходила отъ православныхъ къ уніатамъ, отъ этихъ къ католикамъ и обратно, пока окончательно вновь не стала достояніемъ церкви православной. Это одна изъ тѣхъ четырехъ древнѣйшихъ русскихъ иконъ (кромѣ нея, почаевская, ченстоховская и виленская остробрамская), которыя въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ составляли предметъ спора между двумя родственными, но раздѣляемыми исповѣданіемъ вѣры племенами, и изъ которыхъ двѣ послѣднія остаются доселѣ въ рукахъ католиковъ.

Къ брошюрѣ, написанной съ такою спеціальною цѣлію, нельзя, конечно, примѣнять строго научныхъ требованій. Она и не имѣетъ такихъ претензій; и тѣмъ не менѣе это не большое, популярное изслѣдованіе передаетъ вполнѣ не особенно обильныя историческія данныя, какія можно найти о Холмѣ и его древней святынѣ. Авторъ брошюры, относя существованіе Холма ко временамъ Владиміра св. и дальше, основательно отстраняетъ ходячее мнѣніе, относящее начало Холма ко времени князя Даніила Романовича Галицкаго и приписывающее построеніе его этому князю. Намъ непонятно только, отъ чего, разбирая разсказъ объ этомъ ипатьевской лѣтописи, авторъ не опредѣляетъ значенія слова *мѣсто* въ вопросѣ Даніила: «како именуется *мѣсто* сей», съ которымъ князь обратился къ одному изъ туземцевъ при видѣ Холма. Слово *мѣсто* или *місто* въ смыслѣ города столь-же древнее въ нарѣчіи южно-русскомъ, какъ *miasto* въ томъ-же смыслѣ въ языкѣ польскомъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ смыслѣ оно употреблено въ передачѣ лѣтописцемъ вопроса князя.

Доказательствъ древности Холма приведено довольно и сгруппированы они удачно; но рядомъ съ свидѣтельствами никоновской лѣтописи, Длугоша и Кромера нѣсколько странно встрѣтить, безъ оговорки даже, ни на чемъ не основанное извѣстіе о найденныхъ будто на мѣстѣ древней Дорочи, нынѣшняго Угря, якоряхъ, свидѣтельствующихъ яко-бы о судоходствѣ этой рѣки. Къ такимъ-же извѣстіямъ надо отнести «слова старожиловъ (холмскихъ), читавшихъ будто-бы древнія пергаменныя рукописи, находившіяся въ любомльскомъ (волынской губ.) монастырѣ св. Георгія, о томъ, что первая холмская церковь построена Владиміромъ святымъ». Зная лично этотъ источникъ, мы можемъ сказать, что ему столько-же можно довѣряться, какъ и приведеннымъ за тѣмъ, также безъ оговорки, словамъ холмскаго епископа Якова Суши о томъ, что «въ его время (въ половинѣ XVII ст.) холмскую церковь считали *семисотлѣтнею*». Слѣдующее за тѣмъ свидѣтельство того-же Суши о суще-

ствовавшей будто-бы въ холмской его времени церкви греческой надписи, съ означеніемъ 1001 года, какъ года построенія, хотя и могло-бы быть допущено, но опирать на этомъ и послѣдующихъ разсказахъ Суши не ясно проводимую авторомъ брошюры мысль о томъ, что нынѣшняя холмская церковь есть именно та древняя, но только расширенная и перестроенная, не представляется никакой возможности; этого рѣшительно не допускаютъ кладка стѣнъ, кирпичъ и цементъ церкви, не имѣющія въ себѣ ничего древняго. Намъ кажется, что и въ книгахъ для народа надо быть точнымъ, а этого условія не соблюлъ авторъ разбираемой брошюры и далѣе, говоря о происхожденіи холмской иконы Божіей Матери. Онъ не только не отвергаетъ извѣстія Суши о томъ, будто эта икона писана евангелистомъ Лукою, но видимо самъ склоняется къ этому мнѣнію. «И дѣйствительно, говоритъ онъ, образъ этотъ, если сравнить его съ образомъ евангелиста Луки, описаніе котораго составлено церковнымъ историкомъ Никифоромъ, ничѣмъ не отличается отъ сего послѣдняго, какъ по сходству изображеній, такъ и по тѣнямъ красокъ и матеріалу». Способъ доказательства, не вызывающій, конечно, на серьезныя возраженія; достаточно сказать, что подобное сходство могло-бы быть произведено въ мастерской Сорокина и что и прочія древнѣйшія иконы, которыхъ очень много, приписываются также евангелисту Лукѣ. Тутъ ужъ не гипербола историческая, а просто метонимія...

Помимо отмѣченныхъ мѣстъ брошюры, обойти которыя мы не считали себя въ правѣ, въ виду почтенной ея задачи, не можемъ не пожалѣть о томъ, что авторъ, увлекшись какъ-бы временами глубокой древности, мало мѣста и времени оставилъ для послѣдующихъ столѣтій и сказавъ обстоятельно о судьбѣ святыни вплоть до нашего времени, мало или вовсе не сказалъ о послѣдующей судьбѣ Холма и холмской земли, и русской въ нихъ народности. Сжатый очеркъ исторіи Холмщины и Подлясья въ такой брошюрѣ былъ-бы весьма не лишнимъ даже въ задачахъ братства. Отстаивая въ этой мѣстности нашу святыню и наше древнее православіе, не слѣдуетъ упускать изъ виду и нашей народности: этому учили насъ такіе умные учители, какъ П. А. Милютинъ и кн. В. А. Черкасскій

Замѣтивъ въ заключеніе, что количество экземпляровъ брошюры менѣе, чѣмъ недостаточно въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, для кого она предназначается, переходимъ къ отчету о дѣятельности братства.

Дѣятельность эта, какъ заявляетъ отчетъ, была обращена на подавленіе *латино-польской* пропаганды, которая, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, ведется съ особенною настойчивостію и усиленною энергіею въ предѣлахъ не только сѣдлецкой, но и люблинской губерніи. Для до-

стиженія этой цѣли, по словамъ отчета, совѣтомъ братства предпринятъ послѣдовательный рядъ мѣръ, каковы: исходатайствованіе принятія братства подъ Высочайшее Государя Императора покровительство, періодическое изданіе брошюръ для безмездной раздачи народу, учрежденіе при братствѣ церковно-археологическаго музея, ходатайство объ учрежденіи внѣшняго знака принадлежности къ братству, безмездная раздача церковныхъ облаченій, церковной утвари, иконъ, книгъ, брошюръ, медальоновъ и разныхъ священныхъ изображеній, выдача денежныхъ пособій православнымъ членамъ мѣстной епархіи и пріобрѣтеніе медальоновъ и крестиковъ и наконецъ распространеніе свѣдѣній о существованіи братства, съ цѣлію умноженія братскихъ суммъ. Холмское братство имѣетъ, конечно, членовъ почетныхъ, которые тутъ-же и перечислены, и дѣйствительныхъ, которые не поминаются, имѣетъ и свой совѣтъ, состоящій изъ 12 членовъ, вѣроятно, по числу 12 апостоловъ... Перечисленіемъ статей прихода и расхода и подведеніемъ итоговъ и заканчивается отчетъ. Капиталъ братства за первый годъ его существованія составлялъ 4,000 р., въ теченіе втораго отчетнаго года поступило 5,039 руб. 22 коп., пущено въ расходъ 1,345 р. 38 к., осталось всего 8,193 руб. 84 к. Для двухъ только лѣтъ для такого спеціальнаго учрежденія, въ маленькомъ притомъ городкѣ, гдѣ болѣе $^2/_3$ еврейскаго и польскаго населенія, сумма пріобрѣтенія весьма солидная.

Указанная отчетомъ задача, которую намѣтило братство, весьма почтенна. Кому не извѣстно, какъ неожиданно для всѣхъ послѣдовало возсоединеніе холмскихъ и подляскихъ уніатовъ, и какъ многое надо поправлять въ этомъ дѣлѣ! «Послѣдовательный рядъ мѣръ братства», по видимому, также внушителенъ. Намъ кажется однако не совсѣмъ яснымъ значеніе въ частности нѣкоторыхъ мѣръ. Прежде всего мы не понимаемъ соотношенія между первою мѣрою, которую отчетъ считаетъ самою важною, и преслѣдуемою братствомъ задачею. Не имѣлъ-ли при этомъ совѣтъ братства другихъ побужденій? Въ Холмѣ есть другое учрежденіе, которое раньше исхлопотало себѣ Высочайшее покровительство, хотя, какъ извѣстно, это обстоятельство не измѣнило его внутренняго положенія. Мало отвѣчающимъ задачѣ братства намъ кажется ходатайство объ учрежденіи внѣшняго знака принадлежности къ братству; отдаленную связь съ нею имѣетъ весьма важное въ другихъ отношеніяхъ учрежденіе не открытаго доселѣ церковно-археологическаго музея; очень ограниченнымъ является изданіе брошюръ для народа,—доселѣ издана одна, предположена другая, дальнѣйшаго плана братства совсѣмъ не видимъ. Раздача церковныхъ облаченій и пр., полученныхъ въ даръ натурою, произведена на сумму 1746 р. 65, иконъ и священныхъ и историческихъ изображе-

ній на бумагѣ на 659 р. 10 к., книгъ и брошюръ на 528 р., но въ числѣ вторыхъ мы нашли виды Москвы, а въ ряду послѣднихъ еженедѣльную газету «Русь» и «Солнышко» Радонежскаго. Отчетъ удостовѣряетъ, что двѣ брошюры обратили двухъ закоренѣлыхъ уніатовъ, хотя мы положительно знаемъ, что названныя брошюры были гораздо раньше въ Холмщинѣ и не обратили за долгое время ни одного уніата. Пособія выдавались въ 5 и 10 р., всего на сумму 139 р.; въ числѣ пособій значатся и гонорары книгоношамъ и за переписку братскихъ бумагъ, а въ числѣ вообще расходовъ братства обращеніе наличныхъ денегъ въ процентныя бумаги и оплата телеграммъ, посланныхъ въ Петербургъ по случаю принятія братства подъ высочайшее покровительство. Главная и болѣе видная дѣятельность братства состояла въ раздачѣ преосвященнымъ его предсѣдателемъ крестиковъ и иконъ во время объѣзда епархіи, но она и прежде производилась тѣмъ-же преосвященнымъ, хотя вѣроятно на личныя его средства. Вообще, сравнивая приходъ съ расходомъ, нельзя не видѣть, что братство налегало на пріумноженіе прихода и очень экономничало въ расходахъ, а сопоставляя провозглашенную имъ задачу съ израсходованными имъ суммами, можно подумать, будто совѣтъ братства надѣется, вопреки изреченію народной мудрости, «нагрѣть шиломъ море».

Холмскій Братчикъ.

Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи. Черниговъ. 7 ч. 1873 г.

Въ журналѣ, посвященномъ малоразработанной исторіи южной Россіи, на ряду съ обзорами вновь выходящихъ въ этой области книгъ, не лишне было-бы дѣлать указанія и замѣтки на такія изданія прежнихъ годовъ, которыя въ свое время прошли не замѣченными, а между тѣмъ составляютъ такой цѣнный вкладъ въ нашу юную историческую науку, пользоваться которымъ имѣетъ надобность всякій, посвящающій ей свои силы. Къ числу такихъ изданій принадлежитъ то, заглавіе котораго сейчасъ выписано нами. Мы не намѣрены касаться содержанія этого многотомнаго изданія и значенія его для мѣстной исторіи, но хотимъ указать на его происхожденіе и составъ, съ цѣлію открыть не замѣченную въ немъ въ свое время нѣкоторую фальсификацію, требующую поправки.

Названное нами изданіе въ большей части своей есть капитальный трудъ извѣстнаго нашего ученаго и историка пр. Филарета, архіепископа черниговскаго, скончавшагося въ 1866 г. Извѣстно, что съ самаго почти пріѣзда своего въ Черниговъ, онъ горячо принялся за изученіе исторіи новой своей епархіи и плодомъ сего были изданныя еще въ 1861 г. брошюры: «Общій обзоръ епархіи черниговской» и «Каѳедральные черниговскіе монастыри: ильинскій, троицкій, елецкій и бо-

рисоглѣбскій», съ приложеніемъ нѣсколькихъ неизданныхъ сочиненій св. Димитрія и многихъ грамотъ и плановъ древняго Чернигова.

Съ іюня 1861 г. началось изданіе Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и въ нихъ помѣщены имъ: Описаніе монастырей нѣжинскаго, глуховскаго, думницкаго, козелецкаго, крупецкаго, рыхловскаго, женскихъ и закрытыхъ монастырей, также описаны г. Черниговъ съ уѣздомъ, Остеръ съ уѣздомъ, Нѣжинъ, Глуховъ, Стародубъ, Мглинъ и Новозыбковъ съ уѣздами, а по смерти его описаніе уѣздовъ—въ 1868 г. борзенскаго, а въ 1872 г. новгородъ-сѣверскаго, сосницкаго, городнянскаго, конотопскаго, козелецкаго, суражскаго и кролевецкаго.

Всѣ эти статьи вошли въ названное нами изданіе 1873 г. Изданіе сдѣлано бывшимъ тогда епископомъ черниговскимъ Паѳанаиломъ и представлено имъ въ св. синодъ, но въ немъ допущены разныя дополненія и урѣзки и при этомъ не указаны не только имя пр. Филарета, но имена и другихъ лицъ, статьи которыхъ вошли въ изданіе. Почему это такъ сдѣлано, намъ неизвѣстно; знаемъ только, что въ слѣдъ за этимъ пр. Паѳанаилъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа.

Составленное такимъ образомъ описаніе епархіи издано на грязной сѣрой бумагѣ, со множествомъ ошибокъ и опечатокъ, издано почти по числу церквей въ епархіи и хотя цѣна назначена дешевая, всего три рубля, но оно почти не было въ продажѣ.

Вотъ какія въ немъ сдѣланы перемѣны и добавки: во 2 томѣ явилось заглавіе «Черниговскій архіерейскій домъ», вм. «Ильинскій монастырь»; въ томъ-же томѣ, послѣ вышеприведенной статьи, на стр. 107—148 помѣщена статья Н. Докучаева: «Первые годы существованія черниговской семинаріи», помѣщенная въ «Чер. Епар. Вѣд.» 1870 г. и 1871 г., и ст. Л. Бѣлоусовича: «Построеніе новыхъ зданій для семинаріи», заимствованная изъ тѣхъ-же Вѣдомостей 1866 г. Въ 3 томѣ, на стр. 157—208 помѣщено описаніе нѣжинскаго благовѣщенскаго второклассного монастыря, называемый Назареть пресвятыя Богородицы, написанная Л. Бѣлоусовичемъ и помѣщенная первоначально въ «Черн. Епарх. Вѣд.» 1867 и 1868 гг. Въ 4 томѣ въ статьѣ о закрытыхъ монастыряхъ, въ концѣ книги напечатана на стр. 198—255 моя статья: «Антоніевскій любечскій монастырь», помѣщенная въ «Черн. Губ. Вѣд». за 1860 г., а раньше въ томъ-же томѣ помѣщено описаніе того-же любечскаго монастыря, составленное пр. Филаретомъ на основаніи моей статьи, уже двумя годами позже, при чемъ въ оглавленіи моей статьи напечатано: «2-й антоніевскій монастырь», какъ будто существовало два монастыря этого имени Къ 3 тому прибавленъ уставъ рыхловскаго монастыря относительно церковнаго богослуженія и правилъ общежитія, не бывшій въ описаніи пр. Филарета, между тѣмъ не изданныя сочиненія св. Димитрія и планъ древняго Чернигова, приложенные къ описанію черниговскихъ каѳедральныхъ монастырей, къ этому изданію не приложены.

10 лѣтъ прошло, какъ сочиненіе знаменитаго ученаго іерарха нашего издано въ такомъ недостойномъ его видѣ, и намъ кажется, что слѣдовало-бы возобновить это какъ-бы не бывшее изданіе, но при этомъ издать все описаніе по тексту пр. Филарета, что составило-бы тома два въ восьмую долю, статьи-же другихъ авторовъ, если-бы въ томъ была надобность, издать въ видѣ приложенія.

Графъ Милорадовичъ.

Черниговъ. 1 февр. 1883 года.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ВЕРТЕПЪ ВЪ ДУХОВЩИНѢ

*(уѣздномъ городѣ смоленской губерніи).**)

Духовщинскій вертепъ, видѣнный мною раза два-три въ дѣтствѣ, былъ очень большой ящикъ, раздѣленный на четыре отдѣленія, съ крышею сверху. Въ верхнемъ и слѣдующемъ за нимъ второмъ отдѣленіи вертепа стѣны были оклеены цвѣтною бумагою, полъ устланъ заячьей шкурою, а перегородка, въ видѣ рѣшетки, отдѣлявшей „сцену" отъ зрителей, сколько помнится, была украшена вырѣзными „фестонами" изъ цвѣтной же бумаги; такими же „фестонами" были разукрашены и столбики съ карнизомъ. Въ глубинѣ верхняго отдѣленія стоялъ балдахинъ, разукрашенный золотою короною и такою же бахрамою; а подъ балдахиномъ—золотой тронъ; на немъ сидѣлъ Иродъ. Въ правомъ углу этого же верхняго отдѣленія стояли маленькія ясли; въ нихъ лежало изображеніе младенца Іисуса; съ одной стороны яслей сидѣла Божія Матерь, съ другой стоялъ Іосифъ. Во второмъ отдѣленіи, украшенномъ значительно бѣднѣе, чѣмъ первое, не было ничего. Третье отдѣленіе

---

*) «Малорусскій вертепъ», статья Г. П. Галагана, помѣщенная въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины», вызвала у пишущаго эти строки воспоминанія о видѣнномъ въ началѣ 60 годовъ вертепѣ и вертепномъ представленіи въ Духовщинѣ, уѣздномъ городѣ смоленской губерніи. Какъ читатель увидитъ, малорусскій вертепъ и его духовщинскій собратъ—если не родные, то несомнѣнно двоюродные братья.

было скрыто отъ глазъ публики. Во время представленія въ немъ находились руки представляющаго, который приводилъ куклы въ движеніе. Въ четвертомъ отдѣленіи, въ небольшомъ, выдвижномъ ящикѣ, находились куклы. Сколько помнится, верхнее и второе отдѣленія закрывались занавѣсками изъ „матеріи".

Какъ попалъ вертепъ въ Духовщину, откуда и кто устроилъ его, мнѣ не извѣстно. Знаю только то, что вертепъ существовалъ въ Духовщинѣ еще въ 30 годахъ и находился въ рукахъ мѣщанъ; что духовенство не имѣло никакого отношенія къ вертепу; что онъ, кажется, переходилъ изъ рукъ въ руки при посредствѣ купли и продажи, сначала,—вѣроятно въ ту пору, когда куклы были цѣлы,—за дорогую цѣну, такъ что для покупки его образовалась чуть не артель, а потомъ—за дешевую. Послѣдній владѣлецъ вертепа, пришедшаго въ ветхость въ половинѣ 60 годовъ, былъ бѣдный мѣщанинъ, молодой человѣкъ. Какъ-то случайно пришлось мнѣ попасть въ амбаръ, правильнѣе сказать, въ старый сарай послѣдняго владѣльца вертепа и посмотрѣть на брошенный въ уголъ, покрытый пылью и паутиною, оборванный и грязный, но когда-то красивый и привлекательный вертепъ. Невольно вспомнилъ я тѣ мгновенія, когда мнѣ хотя издали, въ толпѣ взрослыхъ, но все-таки пришлось увидѣть вертепное представленіе; я вспомнилъ ту радость, какую доставилъ мнѣ вертепъ, и разговорился съ владѣльцемъ вертепа. Помню, онъ разсказалъ мнѣ, что купилъ вертепъ уже подержаннымъ, что многихъ куколъ уже не было, что попробовалъ было собрать „парней", чтобы „спѣться", припомнивъ вертепныя пѣсни, и подготовить представленіе. „Но", продолжалъ владѣлецъ вертепа, „дѣло не пошло на ладъ; охотники „ходить съ вертепомъ" нашлись было, но никто изъ нихъ не зналъ вертепныхъ пѣсенъ и „приговорокъ". Побился я, побился, кое-что разучилъ, хотя и самъ мало зналъ, и пошелъ было съ вертепомъ по городу, но крайне не удачно: сборъ былъ очень ничтожный. Я увидѣлъ, что овчинка не стоитъ выдѣлки, взялъ и бросилъ вертепъ въ „амбаръ".—Вѣроятно, вертепъ и сгнилъ тамъ, а куклы разошлись по рукамъ,—благо, не много и было ихъ. Такъ печально окончилъ свою блестящую жизнь духовщинскій вертепъ! А было время, въ сороковыхъ, пятидесятыхъ и даже въ началѣ 60 годовъ, духовщинскій вертепъ водилъ знакомство только съ важными барскими да купеческими домами,

позволялъ любоваться собою дѣткамъ только богатыхъ людей, а если и подпускалъ къ себѣ дѣтей бѣдняковъ, то не иначе, какъ на почтительномъ разстояніи, да и то послѣ значительныхъ поклоновъ и ухаживаній. Бѣдному мальчику нужно было много часовъ побѣгать за вертепомъ, чтобы удостоиться чести приблизиться къ санкамъ, на которыхъ возили вертепъ; нужно было не мало покланяться, чтобы получить позволеніе взяться за веревку санокъ и везти ихъ; нужно было особое счастье, чтобы, войдя съ „вертепщиками" въ домъ, быть допущеннымъ сначала къ задней сторонѣ вертепа, потомъ къ боковой, а потомъ (о, счастье!) и къ лицевой... Такимъ счастьемъ два-три раза воспользовался и пишущій эти строки. Яркимъ пятномъ выдѣляется воспоминаніе о вертепѣ изъ всѣхъ моихъ дѣтскихъ воспоминаній, и кажется мнѣ, что мое воспоминаніе о вертепѣ очень подробно, обстоятельно и правдиво,— кажется мнѣ, что я описываю вертепное представленіе такимъ, каково оно было на самомъ дѣлѣ.

Собравшись въ домъ владѣльца вертепа, вертепщики, преимущественно взрослые „парни", прежде всего „спѣвались", потомъ обсуждали, въ какіе улицы и дома „поѣхать"; потомъ выносили вертепъ, ставили его на сани; двое-трое-четверо впрягались въ сани и „ѣхали", а вертепщики шли за санями и около нихъ, образовывая какъ-бы конвой. Такая предосторожность была очень и очень необходима: на вертепъ и вертепщиковъ бывали нападенія. Если вертепщиковъ было много, то нападенія быстро отбивались, иногда при помощи рукъ, иногда при помощи кольевъ; если же нападающихъ было больше, то доставалось и вертепщикамъ, и вертепу; послѣ такихъ схватокъ бѣдный вертепъ очень часто возвращался обратно домой и долженъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ дней врачевать свои раны.

Странны и до нѣкоторой степени необъяснимы эти нападенія на вертепъ и его владѣльцевъ. Причины нападеній были, какъ мнѣ кажется, отчасти ревность, положительно таки ревность, отчасти отместка за какое нибудь старое злодѣяніе вертепщиковъ, отчасти та удаль, которую опредѣляютъ словами: „руки чешутся", отчасти—дикость нравовъ. Въ Духовщинѣ и понынѣ два прихода: соборный и духовскій. Между прихожанами обѣихъ церквей съ давнихъ поръ идетъ вражда-невражда, а нѣкоторая непріязнь и

соревнованіе. Сдѣлаютъ что нибудь для своей церкви „соборные",— „духовскіе" стараются сдѣлать что-нибудь лишнее; „духовскіе" испросятъ позволеніе поставить икону и читать предъ нею въ опредѣленный день недѣли акафистъ,—„соборные" дѣлаютъ то же; „духовскіе" разукрасятъ храмъ живописью,—„соборные" стараются сдѣлать лучше. Соревнованіе не ограничивалось церковью, проходило и въ будничную жизнь. „Соборные не составляли компаніи для торговли съ „духовскими"; „соборныя дѣвки" рѣшительно отказывались выходить замужъ за „духовскихъ ребятъ", считая ихъ болѣе грубыми и невѣжественными, чѣмъ „соборные"; въ свою очередь „духовскіе ребята" не любили видѣть „соборныхъ" ухаживающими за „своими дѣвками"; чуть представлялась возможность, и „духовскіе ребята" подчивали кольями „соборныхъ" и приговаривали: „идите и ухаживайте за своими дѣвками"; „соборные", конечно, не оставались въ долгу и платили кольями. Такая вражда двухъ приходовъ проявлялась и при хожденіи съ вертепомъ. Сколько помнится, вертепъ принадлежалъ „духовскимъ" ребятамъ. Конечно „соборные" не могли перенести преобладанія „духовскихъ" ребятъ и, пылая ревностію къ славѣ своего прихода, а также отчасти и завистью,—старались вредить вертепщикамъ и ни въ чемъ невиновному вертепу. Много пострадалъ прекрасный вертепъ во время схватокъ „соборныхъ" ребятъ съ „духовскими"! И, кажется мнѣ, не столько время сокрушило стѣны, полки, обои, украшенія и куклы вертепа, сколько жестокія раны и увѣчья, полученныя во время схватокъ. Но не всегда схватки бывали. Случалось, что между приходами бывали и перемирія, даже продолжительный миръ. Въ такія времена вертепъ благополучно „переѣзжалъ" съ улицы въ улицу и появлялся то въ одномъ, то въ другомъ домѣ, конечно, съ разрѣшенія хозяина. Вотъ вертепъ въ комнатѣ, уставленъ на видное мѣсто. Зрители (хозяева съ дѣтьми и гостями, а также прибывшіе съ улицы) окружили вертепъ и ждутъ—не дождутся начала представленія. Настала наконецъ торжественная минута. Свѣчки у перилъ зажжены. Внутренность вертепа освѣтилась. Вниманіе напряжено. И вдругъ появляются два ангела въ бѣлыхъ одеждахъ, крестъ-на-крестъ опоясанные, съ золотыми крыльями, съ тоненькими свѣчками въ рукахъ. Главный вертепщикъ говоритъ:

„Ангелы съ небеси слетѣли,
„Слава въ вышнихъ“ запѣли“.

А хоръ подхватываетъ и поетъ:

„Слава въ вышнихъ! воспѣвайте,
Рожденнаго прославляйте“!

Во время этого припѣва, повторяемаго три раза, ангелы скрываются; мѣсто ихъ занимаютъ пастухи; они одѣты въ теплое платье съ заячьими шкурами на плечахъ; осмотрѣвшись по сторонамъ, пастухи идутъ въ тотъ уголъ, гдѣ около яслей находятся пресвятая Дѣва и Іосифъ, подходятъ къ яслямъ и кланяются. А хоръ поетъ:

*„Пастухи съ янятком*ъ
Предъ малымъ дитяткомъ
На колѣни выпадали,
Христа прославляли.
Даруй, Боже, лѣто тепло,
Лѣто тепло и счастливо,
Сего дома господину,
Хозяину—дворянину,
Многая лѣта“! *).

Въ концѣ пѣнія этой пѣсни пастухи уходятъ. Являются три царя въ золотыхъ коронахъ, съ дарами въ рукахъ, и идутъ къ Ироду, который сидитъ на тронѣ, и поговоривъ съ нимъ, отходятъ къ яслямъ, кланяются и уходятъ въ другія двери. Иродъ въ это время произноситъ монологъ и, видя, что царей нѣтъ, зоветъ воина и приказываетъ идти и убивать дѣтей. Воинъ уходитъ и черезъ секунду возвращается съ Рахилью, которая держитъ на рукахъ

---

*) Замѣчательно сходно съ пѣсней «Малорусскаго вертепа»:

Передъ тимъ дитяткомъ
*Пастухи зъ янятком*ъ
На коліньця упадають,
Христа Бога выхваляють.
Просимъ Тебе, Царю,
Небеській Шапарю,
Пошли, Боже, многа літа
Сему господарю». («Кіев. Старина», окт. 1882 г.)

дитя. Иродъ приказалъ убить ребенка. Рахиль плачетъ и такъ укоряетъ Ирода:

„Иродъ ты проклятый,
Будешь въ огонь взятый.
За мое дитя будешь въ огнѣ горѣть
И въ смолѣ кипѣть“.

Воинъ выгоняетъ Рахиль. Царь Иродъ въ смущеніи и начинаетъ говорить о томъ, что онъ боится смерти. А она, страшный скелетъ, съ косой въ рукѣ, тутъ какъ-тутъ и срѣзываетъ голову Ирода. А тутъ и черти вбѣгаютъ, играютъ головой Ирода, хохочутъ и убѣгаютъ. На смѣну ихъ является женщина, богато одѣтая, въ сопровожденіи воина, плачетъ надъ трупомъ Ирода и уноситъ его тѣло.—„Духовное“ представленіе окончилось. „Не желаете-ли, господа, свѣтскаго?“ спрашиваетъ глава вертепщиковъ. Конечно, отвѣтъ получается утвердительный. Дѣйствіе переносится во второе отдѣленіе. Прежде всего выѣзжаютъ два всадника; простые игрушечные бумажные всадники, на бумажныхъ-же коняхъ, разъѣзжаютъ нѣсколько секундъ, потомъ ударяютъ другъ друга копьями; одинъ изъ всадниковъ падаетъ. Въ это время хоръ поетъ:

„Александръ Македонскій,
Царю Породинскій (?),
Побивайте вы насъ, насъ, насъ!..“

Этотъ безсмысленный припѣвъ пѣли три раза. Быстрый припѣвъ: „насъ, насъ, насъ“ смѣнялся еще быстрѣйшими:

Во лузяхъ, во лузяхъ,
Во зеленыхъ во лузяхъ“...

и являлись цыганъ съ цыганкою и лихо отплясывали. На смѣну ихъ вбѣгалъ козелъ подъ пѣсню:

„Пошелъ козелъ въ огородъ,
Ай-люли, въ огородъ...
Поѣлъ козелъ капусту,
Ай-люли, капусту“...

и бѣгаетъ по сценѣ; его ловитъ баба; козелъ сбиваетъ ее съ ногъ; наконецъ баба одолѣваетъ-таки козла и ведетъ его за рога, чтобы продать. Сколько помнится, послѣ козла сцена стоитъ нѣкоторое

время пустою. Вниманіе зрителей возбуждается. Видѣвшіе вертепъ шепчутъ: „жидъ". Дѣйствительно, является характерная фигурка, прекрасно исполненная кукла, изображающая жидка, съ пейсиками, въ ермолкѣ, въ длинномъ черномъ лапсердакѣ, и съ ... боченочкомъ водки въ рукахъ. За жидкомъ идетъ полицейскій солдатъ и, незамѣтно подойдя къ еврею, спрашиваетъ, что онъ продаетъ.—„А, корчемную водку!... въ полицію!.." кричитъ солдатъ. Еврей проситъ помилованія и предлагаетъ выпить водочки. Солдатъ поддается искушенію и пьетъ, пьетъ и тутъ-же валится съ ногъ. Еврей хохочетъ и начинаетъ издѣваться надъ солдатомъ, бьетъ его и щиплетъ. Солдатъ схватывается и въ свою очередь начинаетъ бить еврея. Онъ кричитъ „благимъ матемъ". На крикъ прибѣгаетъ квартальный и хочетъ взять еврея въ полицію. Еврей упрашиваетъ и поетъ:

„Я жидочекъ бѣдный,
Худенькій, мизерный"...

Увидѣвъ, что просьбы не помогаютъ, еврей начинаетъ плясать, приговаривая:

„Передъ паномъ Ѳедорôмъ
Ходитъ жидъ ходорôмъ"...

И пляска не помогаетъ: еврея тащутъ-таки въ полицію. Лишь только исчезаетъ еврей, является послѣднее лицо—„Максимка, сорока пяти годочковъ, несмысленничекъ *)", одѣтый въ оборванное платье съ кошелькомъ, на манеръ церковнаго, въ рукѣ и начинаетъ говорить разныя небылицы:

. . . . . ;
„Батька нашъ
Курей кралъ
Подъ печь ховалъ"...

Въ заключеніе Максимка проситъ денегъ. Первыми кладутъ въ кошелекъ дѣти, потомъ гости, наконецъ хозяинъ. Получивъ деньги, Максимка спрашиваетъ: „не позволятъ-ли, господа, выстрѣлить изъ пушки?" Если получается дозволеніе, то выкачивается игрушечная пушка, однако заряженная; глава вертепщиковъ говоритъ многолѣтіе хозяину и его семьѣ; при возгласѣ: „многая лѣта!" выстрѣлъ

*) «Максимка», сорока пяти годочковъ, «несмысленникъ» — это «Савочка нищій» «Малорусскаго вертепа».

гремитъ; хоръ подхватываетъ: „многая лѣта!“ Вертепное представленіе окончилось. Съ грустью разставались дѣти съ вертепомъ, а кто знаетъ, можетъ быть вздыхали о немъ и взрослые; можетъ быть, что вздыхаютъ и теперь.

Интересное явленіе—духовщинскій вертепъ. Очевидно, онъ—заносное удовольствіе. Сколько мы знаемъ, въ другихъ городахъ смоленской губерніи о вертепахъ не слыхали, а слыхали,—то не видали. Пишущему эти строки пришлось учиться въ такомъ учебномъ заведеніи, въ которомъ были уроженцы со всѣхъ концовъ смоленской губерніи, и ни одинъ изъ нихъ не говорилъ о вертепѣ. Ходъ представленія, а также совпаденіе стиховъ, въ особенности, неправильность рѣчи — все это указываетъ, что духовщинскій вертепъ принесенъ изъ Малороссіи. Кажется, что такъ оно и было. Духовщинскіе купцы и мѣщане, преимущественно „ду́ховскіе“, въ прежнее время „вели торговлю“ съ полтавскою губерніею: покупали въ Ромнахъ воловъ и простой табакъ. Случалось, что духовщинскіе купцы подолгу живали въ Ромнахъ и другихъ городахъ полтавской губерніи. Несомнѣнно, что купцамъ приходилось видѣть вертепъ и прельститься имъ. Очень можетъ быть, что кто-нибудь и купилъ вертепъ съ куклами и привезъ въ Духовщину, въ „ду́ховщину“, т. е. „ду́ховскій“ приходъ. Тутъ онъ и пребывалъ въ теченіи долгаго времени. Послѣдніе только дни своей нѣкогда славной жизни пришлось провести вертепу въ „соборномъ“ приходѣ; „соборному“ же нѣкогда прихожанину пришлось написать и эту памятку о вертепѣ, бывшемъ нѣкогда яблокомъ раздора между двумя приходами. Но можетъ быть и другое объясненіе появленію вертепа въ Духовщинѣ. Смоленская губернія, какъ извѣстно, пограничная между великорусскими и бѣлорусскими губерніями. Одна часть виленской губерніи, примыкающая къ тверской, московской и калужской, населена великороссами, а другая, меньшая часть губерніи, примыкающая къ витебской, могилевской и черниговской—отчасти великоруссами, отчасти бѣлоруссами. Духовщина—граница великорусскаго и бѣлорусскаго племени. Въ этомъ городѣ встрѣтились два племени со своими взглядами, обычаями и повѣрьями, а также и съ удовольствіями. Судя по нѣкоторымъ личнымъ свѣдѣніямъ, мы можемъ утверждать, что въ Бѣлоруссіи вертепъ—дѣло обычное. Возможно, что и духовщинскій вертепъ бѣлорусскаго про-

исхожденія. Торгуя съ Малороссіею, духовщинскіе купцы торговали и съ Ригою, сплавляя хлѣбъ по Касѣлѣ, а потомъ по Двинѣ. Идя по этому пути, „духовляне" должны были останавливаться въ витебской губерніи и видѣть вертепъ. Если это объясненіе имѣетъ достовѣрность, то можно объяснить появленіе въ вертепѣ еврея, торгующаго корчемною водкою. Дѣйствительно, въ смоленскую губернію очень часто при откупахъ проникала „деревка" изъ витебской губерніи. Какъ-бы-то ни было, изъ Малороссіи, или изъ Бѣлоруссіи зашелъ въ Духовщину вертепъ,—онъ былъ любимый гость въ Духовщинѣ.

Александръ Тарнавскій.

ОЧЕРКИ НАЦІОНАЛЬНЫХЪ ТИПОВЪ ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Черты типа еврейскаго).

Украинское народное творчество по количеству и разнообразію его произведеній представляетъ огромный интересъ и обширное поле для изслѣдованія [1]). Сохраняя до настоящаго времени элементы древнѣйшаго склада міровоззрѣнія и слова, наша народная словесность имѣетъ въ себѣ много различныхъ теченій и наслоеній, вплоть до отпечатлѣнія въ ней явленій жизни самаго послѣдняго времени. Будучи почти совершенно изолированною отъ движеній и направленій письменнаго творчества классовъ интеллигентныхъ, отъ котораго нашему народу попадаютъ лишь ничтожныя крохи, область народныхъ произведеній самостоятельно разрабатываетъ свои пути, имѣя свои особые углы наблюденія, особые пріемы изображенія, съ которыми не мѣшало-бы познакомиться и людямъ пишущимъ (въ особенности желающимъ писать для народа).

При своей отзывчивости къ ближайшимъ переживаемымъ явленіямъ жизни и большой реальности ихъ изображенія, какъ это сказалось напримѣръ въ складываніи нашихъ историческихъ пѣсень,

---

[1]) Припомнивъ ту массу матеріаловъ украинской народной *словесности*, которую даютъ намъ колоссальные «Сборники» Чубинскаго, Головацкаго и др., нельзя не признать ее одной изъ богатѣйшихъ.

украинская народная словесность отпечатлѣла въ себѣ, въ видѣ характерныхъ изображеній, также типы ближайшихъ національностей, съ которыми жизнь сводила украинскій народъ. Въ этихъ изображеніяхъ интересующійся изслѣдователь замѣчаетъ прежде всего отсутствіе крайней субъективности отношенія: онъ видитъ, наоборотъ, что эти изображенія дышутъ какимъ-то эпическимъ спокойствіемъ. Въ большинствѣ случаевъ характерной чертой изображенія является лишь извѣстный украинскій юморъ, не искажающій, однако-же, изображеніе типа до крайней фантастичности, а лишь, какъ это должно быть въ каждомъ художественномъ произведеніи, рельефнѣе подчеркивающій характерныя черты.

Среди этихъ изображеній иноплеменниковъ въ украинской народной словесности находимъ обширный отдѣлъ своеобразно-художественныхъ очерковъ типа еврейскаго. При разборѣ накопившихся разнообразныхъ этнографическихъ матеріаловъ, принадлежащихъ правобережной Украйнѣ, у меня нашлось нѣкоторое количество характернаго матеріала, относящагося къ только что упомянутой области, изображенію еврейскаго типа. Выбирая для настоящаго сообщенія то, что имѣетъ интересъ новизны, я надѣюсь, что предлагаемый матеріалъ будетъ, въ числѣ прочаго, не безъинтересной прибавкой къ этнографическому отдѣлу, который, какъ это видятъ съ великимъ удовольствіемъ этнографы-собиратели, „Кіевская Старина" также не оставляетъ внѣ своего вниманія.

Надо однако пояснить, что подъ словомъ „изображеніе типа" я разумѣю не одни лишь, болѣе или менѣе развитые въ подробностяхъ, цѣльные разсказы, пѣсни, но также и мелкія прибаутки, пословицы и пр., которыя, не обладая распространенной формой, какъ извѣстно, даютъ тѣмъ не менѣе, въ видѣ конкретныхъ образовъ, очень рельефныя изображенія.

Передачу своего матеріала я и начну прежде всего съ этихъ мелкихъ замѣтокъ.

Присказки:

„Звычайне, жидъ за жидомъ".

„Любимося, якъ браты, рахуймося, якъ жиды".

„Трусиця, якъ жидъ надъ грішми".

„Величаеця, якъ жидівській патинокъ".

„Пишаеця, якъ жидъ на родинахъ".

„Розумный, якъ Берківъ яломокъ".
„Цытьте жиды, нехай рабинъ бреше!"
„Жидъ ни сіе, ни оре, лишъ обманомъ живе".
„Такій жвавый, якъ жидъ молотити".
„Чесный, якъ жидівська потылиця".
„Якъ прийде біда, не йди до жида".
„Якъ у воді не безъ чорта, такъ у великого пана не безъ жида".
„Хоть-бы жидъ бувъ зъ неба, вірити ёму не треба".
„Жидівського духу не відхристишъ".
„Зъ ворога примиреного, зъ вовка годованого, зъ жида хрещеного добра не сподівайся".

Переносъ имени:

„Жидомъ" называютъ полевой цвѣтокъ, имѣющій особый рѣзкій запахъ (если не ошибаюсь, по научной терминологіи, цвѣтокъ этотъ имѣетъ названіе *cimicifuga faetida*). Женщины подгородныхъ селъ на югѣ Волыни, идя въ городъ съ сельскими продуктами, кладутъ этотъ цвѣтокъ въ коробку или корзину, для лучшаго успѣха въ продажѣ и покупкѣ.

„Жидкамы" зовутъ, шутя, маленькихъ свѣтлыхъ мурашекъ, водящихся въ домахъ. „Де що не поставъ, якъ не закрывай,—уже повнісінько ціхъ жидківъ!" говорятъ бабы въ Кіевѣ.

Примѣты:

1) *На жидівськи кучки мусить бути дощъ.*

Народъ вѣритъ, что въ этотъ осенній праздникъ евреи для того просятъ дождя у Бога, чтобъ ихъ „парши не напали". Иные объясняютъ тѣмъ, что имъ равно въ праздникъ дома сидѣть надо.

2) *Жиды волочатьця,—дощъ буде.* Объясняется при этомъ, что молъ евреи „духомъ чують" приближеніе дождя и спѣшатъ покончить ближайшія дѣла, требующія хожденія.

3) *Якъ молоди, йдучи одъ шлюбу улицею, першъ усёго зострінуть жида, або жидівку, то будуть бачити на діти.*

Прыповѣстки:

1) Якъ наймавъ жидъ наймичку, та й каже: у мене, чуешъ, не багато роботы: замети хату,—та й сядь, выдой корова,—та й сядь, звари обідъ,—та й сядь, прижени корова,—та й сядь"... Итакъ далѣе .. перечисляется столько занятій, что управившись съ ними, наймичка на сидѣнье совсѣмъ уже не будетъ имѣть времени.

2) „Або тежъ якъ жидъ годився зъ наймичкою. „Ты въ мене голодна не будешъ сидіти: яйця варитимешъ,—юшка твоя, картоплю варитимешъ,—юшка твоя; а часомъ ще й грішъ дамъ, купишъ рака, юшку ззіси, а грішъ мені віддаси.

3) „Мовлявъ жидъ: на що мені рыба безъ хвістъ, нехай моя наймичка ззість!"

4) „Жидъ николи не дивиця на сонце, тільки, якъ треба, питае: а що тамъ ще рано?"

Комическіе разсказы.

I.

Якъ створивъ Богъ жидівъ, то вони перше й шанувались, а дальше розкоренились, та й розібрались; а тутъ и всякого иншого народку намножилося, отъ и думають жиды, якъ-бы то имъ краще шахрувати, та й почали Богови дорікати: „не гараздъ ты, Господи, сей світъ створивъ".—„Якъ не гараздъ? питае Богъ: яка вамъ, проклятимъ, ще недогода?"—„А отъ яка, говорять жиды: хиба-жъ то до речи, створити та держати на небі таку річъ, що вона тамъ зовсімъ не потрібна й жадної корысті зъ неи нема?"—„Яка-жъ тамъ така річъ на небі—непотрібна?" питае Богъ.—А жиды й кажуть: „а зори? на що вони? аже-жъ сонце світить у день, місяць—у ночи, а зори зовсімъ даремне стремлять! краще-бъ ты, Господи, взявъ та тиі зори повернувъ у золоти гроши та й намъ давъ. Зроби, Господи, такъ!"—„Ну, та й набридли вы мені! каже Богъ, одно лізете, коли не зъ тымъ то зъ тымъ! Уже такій марудный народъ, що й на світъ-бы васъ не слідъ було пускати. Ну вже-жъ, нехай буде такъ: дамъ вамъ золотихъ грошей доволі,—тілько-жъ, якъ зори на небі, такъ я васъ самихъ розкидаю по всёму світу".

(Подольск. губ.)

II.

Варіантъ того-же мотива.

Візъ мужикъ на ярмарокъ пана зъ жидомъ; тілько дорогою вісь поломилась, мусіли заночувати середъ шляху. „Ну, що-жъ, ласкавый пане", каже мужикъ: „я зъ того не виненъ, що така причина впала, але вже теперъ кладітеся спати—де хочете!" Доніро панъ положився на килимку підъ деревомъ, жидъ на возі, а мужикъ, фурманъ той, біля коней, на облозі (наглядати, щобъ часомъ коней не покрадено). Ну, нічого, літнёі поры ничъ тепла; а зоряно такъ, що не надивитись!—Лежать всенькі трое та й думають коженъ свое. Панъ лежить, дивиться на небо та й медитуе: „отже й на небі не однаково,—одни зори менши, други більши, знати-бъ то шляхетніши; а цікавый бымъ знати, за кого-жъ місяць промежъ зорями, чи то за круля, чи за ксёнза?"—Иванцё дивився, дивився на небо та й каже: „хороше, Господи, якъ хороше у небі святому! а все ліпше, що небо такъ высоко, а то люде й небо помежували-бъ: вельможни та дужи забрали-бъ більши кутки, а иншимъ-бы менши достались, а якъ кому, то й ничого-бъ не зосталось"... А жидъ позирнувъ у-гору, покрутивъ головою та й помысливъ: „гітъ!—а що-то якъ-бы въ мене стілько кербеливъ було, скілько зірокъ на небі? ай вей миръ! може-бъ и на процентъ не дававъ!"...

(Подольск. губ.)

III.

„Прийшовъ Мошко зъ лісу та такій переляканый! Трапився ёму чоловікъ, а Мошко ёму оповідае: ой, коли-бъ ты знавъ, Иванцю, що я бачивъ!

— Шо-жъ ты тамъ таке бачивъ?

— Ажъ 50 вовкіфъ! каже жидъ.

— Що це тобі таке, Мошку? де-жъ-бы ты бачивъ стілько вовківъ? у насъ у лісі й зъ роду не було стілько!

— Ну, вже-жъ, пьятдесятъ не пьятдесятъ, а тридцять, то вже певно!

— Та ну-бо, Мошку, не бреши! кажи вже по правді, бо не повірю.

— Ну вже коли не було зъ десять, то нехай я не буду Мошко!

— Отже й не будешъ, бо брешешъ,—не бачивъ ты стілько вовківъ!

— Ну, слухай Иванцю, вже дай мені Богъ стілько жить, коли я не бачивъ трехъ вовківъ!

— Отъ бачъ, уже на трёхъ звелось! кажи вже по правді: може й ни одного вовка не було?

— Ой дежъ тамъ не було! Може ще шо небудь страшніше за вовка: само сіре, хвістъ якъ шило, та попередо мною въ траву шурхъ!

— *Отожъ була мышъ.*

(Волынь).

Этотъ разсказъ имѣетъ много варіантовъ. Предметъ испугавшій храбраго еврея оказывается то мышью, то ящерицею, то тѣнью дерева; вставляются промежуточные эпизоды, въ родѣ того, что еврей въ то время, когда ему сдѣлалось жутко въ лѣсу, снимаетъ свою ермолку, надѣваетъ на палку и говоритъ при этомъ: „стало насъ двое, стало мені веселішъ!“ или: „теперъ насъ двое,—а що *два*, то все-жъ не *одинъ!*“ и т. дал.

IV.

Разсказъ какъ-бы въ передачѣ самаго еврея.

„Якъ ишли наши жидки на війна; якъ не одинъ, такъ два, якъ не день, такъ нічъ. Питаютьця люде; куды вы йдете?—„Білого царя воювати!“ И приказали, щобъ усі свои собака замыкали, бо буде військо йти! Всі своя собака позамыкали, тілько мельникъ свого куцого собачко не замкнувъ, бо воно въ млыні мука іло. А якъ ишло наше славне та хоробре військо черезъ гребля, а тутъ якъ выскочило те куце собачко, якъ стали наши жидки утікати, зъ гребли чимъ-дужъ скакати! Хто не боявся, то той трошечки за гребля держався, а хто боявся, то въ річці зостався!“ (предпочтя броситься вплавь черезъ рѣчку, чѣмъ быть вблизи собачки)!

Волынь. **П. Ковалько.**

ДВА ТИПА И ДВѢ СЦЕНЫ ИЗЪ МИНУВШЕЙ ЖИЗНИ ЮЖНО-РУССКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ.

Было то давно. Въ одной изъ южно-русскихъ, незаброшенныхъ обителей жили-были два соборные старца о. Руфъ и о. Іуда. Соборные старцы—это члены совѣта или правленія обители, какъ-бы

представители мнѣнія и интересовъ братіи, не по выбору, правда, а по назначенію,—выборный порядокъ въ монастыряхъ, какъ и во всей церкви, давно отмѣненъ. Званіе соборнаго старца почетное, мѣсто это, говорятъ, покойное и прибыльное: соборному старцу больше кружки, больше жалованья, лишняя порція всего изъ трапезы, не обязательное хожденіе въ трапезу, не очередное служеніе и въ добавокъ лишняя келія и хлопецъ на послушаніе, точнѣе прислуга. Монастырское управленіе весьма сложная машина: соборные старцы—это по большей части начальники отдѣльныхъ частей. Какъ у военныхъ начальники артиллеріи, кавалеріи, ордонансъ-гауза, или цейхъ-гауза, такъ тутъ больничный, трапезный, гостинникъ, келарь, духовникъ, экклисіархъ и пр. и пр. Но какъ въ кабинетахъ европейскихъ бываютъ иногда министры безъ портфеля, такъ и тутъ встрѣчаются старцы безъ особаго назначенія, просто мужи совѣта. Такими были въ обители N о. Руфъ и о. Іуда. Злачны были ихъ мѣста, но до такихъ мѣстъ добирались не многіе. Надо было пройти много степеней по лѣстницѣ монастырскихъ чиновъ, претерпѣть много испытаній, чтобы добиться такой чести, спокойствія и довольства. И о. Руфъ и о. Іуда добились ихъ не скоро.

Родились они и очутились въ обители уже въ ту пору, когда южно-русскіе монастыри утратили давно свое историческое значеніе, когда миновала вѣковая борьба за вѣру и народность, державшая силы иноковъ въ непрерывномъ и крайнемъ напряженіи, требовавшая знанія, ума, ловкости, изворотливости, бодрости и труда и жизни безупречной. Отрекшіеся отъ міра принимали иногда горячее участіе въ дѣлахъ міра, иноки шли въ первыхъ рядахъ кипѣвшей народной брани и безстрашно слагали головы свои за вѣру и отчизну. Были между ними люди просвѣщенные, книжные, были и ангелы во плоти, какъ печатно о томъ заявлялъ славный митрополитъ Петръ Могила, указывая мѣста и лица. Но ангелы давно улетѣли изъ плоти и остались потомъ однѣ плоти. Настали времена мира и спокойствія, настала тихая, однообразная, ни къ чему не располагающая, ни на что не вызывающая, ничего не требующая жизнь,—жизнь не дающая простору личности монаха даже въ дѣлахъ общины, къ которой онъ принадлежалъ. Цѣлымъ рядомъ строгихъ мѣръ монастыри заключены отъ міра въ ихъ собственныхъ стѣнахъ, но къ удивленію міръ съ его страстьми и похотьми сталъ царить

теперь въ нихъ болѣе, чѣмъ когда либо. Иноки порвали всякую другую съ нимъ связь и онъ, какъ-бы въ отместку за это, платилъ имъ лишь ѣдкою сатирою ихъ жизни и нравовъ.

Въ такую-то пору пріяли на себя яремъ иноческаго житія о. Руфъ и о. Іуда.

О. Руфъ большую половину жизни своей провелъ въ мірѣ и только въ юномъ возрастѣ года два учился пѣнію въ одномъ изъ монастырей. Былъ онъ пономаремъ, дьячкомъ и наконецъ дьякономъ. Овдовѣвъ и оставшись одинокимъ, онъ послѣ долгаго раздумья сказалъ наконецъ самъ себѣ:

„Піду въ монастырь вікá доживать. Чого мені тутъ сидіть? Жінку поховавъ, дітей выгудувавъ, роспорядивъ; нема до кого притулиця. Піду въ ченці“.

Имѣвъ уже санъ діакона, онъ безъ особаго труда достигъ сана іеромонаха и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ послушанія въ разныхъ среднихъ чинахъ достигъ, наконецъ, званія соборнаго старца, обязанный этимъ главнымъ образомъ своему спокойному характеру. Карьера о. Іуды была нѣсколько иная. Онъ былъ изъ мѣщанскихъ дѣтей, сирота, и отданъ въ монастырь какою-то теткою еще въ малыхъ лѣтахъ. Долго учили его здѣсь грамотѣ и били преизрядно; потомъ онъ канонаршилъ, пока съ голосу не спалъ; былъ у разныхъ старцевъ на послушаніи и доставалось тутъ ему и въ гриву и въ хвостъ; облекшись въ иноческую одежду, зажигалъ свѣчи, ходилъ съ кошелькомъ, просфорничалъ, продавалъ иконы и книги, сидѣлъ у кропила и едва лѣтъ въ сорокъ посвященъ въ іеродіаконы, а потомъ не особенно скоро и въ іеромонахи. Но тутъ жизнь ему улыбнулась. Новый настоятель видимо къ нему благоволилъ за его аккуратность и распорядительность и предоставлялъ ему болѣе почетныя обязанности. Все таки санъ соборнаго старца достался ему весьма не скоро и, правду сказать, послѣ долгихъ искательствъ съ его стороны и угощеній болѣе вліятельной братіи и самаго о. архимандрита.

Во сколько жизнь убаюкивала о. Руфа, во столько она ожесточала и раздражала о. Іуду. Настоящее имя послѣдняго было *Анемподистъ*, но какъ оно было трудно для выговора, то кто-то изъ братіи, не долюбливавшій его, воспользовался однимъ невѣроятнымъ случаемъ и далъ ему кличку *Іуда*, которая потомъ усвоена была всѣми и употреблялась всегда, какъ только говорили объ

о. Анемподистѣ заглазно. Происхожденіе этой клички добродушный о. Руфъ объяснялъ любопытствовавшимъ такъ:

„Разъ, бачите, ёго взяли за Іуду на умовеніе ногъ, а въ его халявы и панчохи довги були. Отъ якъ приступавъ до ёго владыка, а вінъ почавъ стягать чобітъ, а потимъ панчоху, та задравъ ногу такъ высоко, що похитнувся и перекинувся зъ стільцемъ... Владыка прогнівавсь, та одъ того часу не велівъ ёго вже за Іуду брать, а ёго и почали звать Іудою, а вінъ зувсімъ не Іуда, а Ампо... Аппос... А-не-мпо-дистъ. Якій-же вінъ Іуда?“

О. Руфъ, очевидно, и самъ уже давно раззнакомился съ настоящимъ именемъ своего сослужителя и только по своему добросердечію защищалъ его въ неблаговидной перемѣнѣ его имени. Однажды онъ говорилъ даже одному изъ своихъ гостей по поводу этого казуса такъ:

„Я попереду наветь не знавъ, що есть таке имя; тільки якъ святився ще на діакона, та бувъ у печеряхъ, то якійсь чернець стрівъ тогді мене, та й питае: а звідкиля вы? А я кажу? зъ Селища. А вінъ каже: а чи знаете въ Хилькахъ о. Ивана? Знаю, кажу, ще й добре.—Отже, каже, кланяйтесь ёму одъ мене; скажить, що кланявся вамъ Іуда.—То же-жъ есть таке имя“.

Самъ о. Іуда узналъ наконецъ, какая кличка ему дана, и сначала сердился, а потомъ привыкъ, а привыкши, въ добрый часъ такъ говорилъ:

„Або-жъ то не святый? Такій-же апостолъ, якъ и другі, та ще й братъ Господень... не той, що Христа продавъ“.

О томъ, чтобы его когда либо брали за Іуду на умовеніе, онъ никогда не упоминалъ, и это просто надо считать выдумкою.

Почтенные одинаковымъ званіемъ, о. Руфъ и о. Іуда какъ-бы сблизились между собою и дѣлили иногда досужее время, угощая другъ друга своими не скудными уже запасами и хотя не всегда сходились во взглядахъ, но до столкновеній дѣло у нихъ не доходило, такъ какъ о. Руфъ примирялъ все своимъ благодушіемъ. О. Іуда рѣзко осуждалъ монастырскіе порядки и о своемъ прошломъ вспоминалъ съ весьма примѣтнымъ озлобленіемъ.

„Понаставляли теперъ начальниками якихсь блазнивъ. У иншого ще й на бороді не гуртъ-що, а вінъ уже начальникъ: той больничный, той трапезный, а той благочинный. Отъ нехай-бы вы-

крепивъ такъ, якъ я!“ говорилъ не рѣдко о. Іуда, но о. Руфъ добродушно успокаивалъ его.

Въ одномъ они сходились вполнѣ, это во взглядѣ на пѣніе, какъ оно было теперь въ обители.

„Яки теперь півці?—начиналъ о. Руфъ, страстно любившій громкое пѣніе. Отъ якъ колись було, якъ я ще самъ співать тутъ вчився, якъ ще Мардарій бувъ... Було якъ потягне: *аминь,* неначе въ дзвінъ бовкне, а потимъ якъ поведе: *Блаженъ мужъ*—такъ товсто та сумно, що ажъ душа тримтить. Або якъ выйдемъ було на *экзапостиларій:* самъ, якъ груба, зниме підкапокъ, пара стовпомъ зъ ёго піде, одставить трохи едну погу и скаже намъ: хлопці! дивиця на губы, а самъ якъ гукне, ти якъ ревнуть, то ажъ стіны загримлять. А теперь що?—Ни у церкві, ни за церквою“.

О. Іуда въ свою очередь говорилъ:

„Якійсь народъ теперь миршавый ставъ. Нема вже такихъ поставнихъ, якъ колись були, и голосу въ ихъ Богъ-ма. Ось якъ у мене голосъ бувъ! Якъ я канархистрою бувъ, то було якъ лясну: *Гласъ пятый. Монаховъ множество...*, то ажъ уши позатулюють, луна по церкві піде“...

И оба оставались довольны своими воспоминаніями.

Обезпеченные въ содержаніи, эти два собрата могли-бы жить теперь въ полномъ спокойствіи, если-бы не искушалъ каждаго свой бѣсъ. Извѣстно, что у всякаго христіанина есть особый ангелъ хранитель, а у каждаго монаха, кромѣ ангела хранителя, есть еще особый бѣсъ-искуситель. Такихъ бѣсовъ есть много, но пристаютъ къ монаху то тотъ, то другой, смотря по возрасту, темпераменту, наклонностямъ, даже обстоятельствамъ искушаемаго: бѣсъ сребролюбія, бѣсъ чревоугодія, бѣсъ гордости и зависти, бѣсъ буесловія. У одержимаго послѣднимъ бѣсомъ, по словамъ о. Руфа, „языкъ якъ калатало, все такъ: ла-ла-ла“... О. Руфъ и о. Іуда искренно вѣрили въ бѣсовскую силу. Когда молодой изъ *ученыхъ* о. Поліэвктъ завелъ паровикъ для печатанія книгъ, о. Руфъ прямо, даже въ соборѣ говорилъ:

„Тамъ чортяка коло колеса стоить, та хвостикомъ крутить, та все підганяе, а вінъ каже: пара. Яка тамъ пара!“

О. Руфъ и о. Іуда вѣрили также въ вѣдьмъ и о. Руфъ божился даже, что когда былъ молодымъ, то однажды самъ поймалъ вѣдьму и хвостъ у ней будто ощупалъ.

О. Руфъ и о. Іуда доподлинно знали, кого какой бѣсъ искушалъ, но сами о себѣ того не знали, да и нельзя каждому монаху того о себѣ знать,—то дѣло провидцевъ. А ихъ искушали—одного бѣсъ празднолюбія, другаго бѣсъ любоначалія. И вотъ какъ это открылось.

О. Руфъ всегда былъ плотный мущина и еще въ діаконствѣ пріобрѣлъ нѣкоторое *благоутробіе*. Тамъ въ большомъ приходѣ на частыхъ требахъ онъ получилъ привычку къ такому состоянію, котораго нельзя назвать пьянымъ, но при которомъ хмѣль не выходилъ изъ головы. О. Руфъ нерѣдко и жаловался на какой-то шумъ въ головѣ. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ обители, онъ совсѣмъ ожирѣлъ и осовѣлъ. Держалъ онъ и здѣсь свою сулейку и сперва цыбулею или чехонею закусывалъ, а потомъ постепенно возлюбилъ осетрину, балычекъ и икру. О. Іуда хотя тоже не гнушался явствія и питія, ни никакой хлѣбъ ему, какъ говорилъ онъ, „не панувавъ", и какъ былъ, такъ и остался онъ сухопарымъ, или, какъ выражалася братія, „трошки хортуватымъ".

Насталъ разъ одинъ изъ сумрачныхъ осеннихъ дней. Иноки только и различали по погодѣ, да по святцамъ дни, такъ однообразные и похожіе другъ на друга. Что-жъ? и сегодня, и завтра, и всегда пища одна и таже, и служба и жизнь все таже. Политикой тогда не занимались,—развѣ внутренней, монастырской, къ чтенію также не пріучены были. Такъ развѣ для очищенія совѣсти иной раскроетъ Патерикъ, либо заглянетъ въ Лугъ духовный Іоанна Мосха или Лавсаикъ. Съ міромъ связей никакихъ: благочинный былъ строгъ и ворота рано запирались. Но и погода дѣйствовала на нашихъ собратовъ не одинаково: о. Руфа дурная погода окончательно усыпляла, о. Іуду напротивъ раздражала. Еще болѣе перваго усыпляло, втораго раздражало это безконечное однообразіе и какъ-бы безцѣльное существованіе. Вотъ такъ и въ этотъ день: проклепалъ въ полночь сторожъ, послышался стукъ въ било, раздался благовѣстъ... Стала братія въ церковь тянуться. Собрались, размѣстились, отпѣли полунощницу и утреню. О. Руфъ часто опускался въ форму, а на каѳизмахъ совсѣмъ засыпалъ, о. Іуду лишній разъ передернуло и богослуженіе показалось ему почему-то очень уже длиннымъ. „Чого той хамаркае? чого вони выгукують?" говорилъ онъ не разъ про себя.

Воротились отъ заутрени. Утомленный о. Руфъ сразу завалился досыпать, а о. Іуда немножко помечталъ еще на тему о томъ, что если-бъ онъ былъ благочиннымъ, „або"..., но на этомъ онъ и запнулся, и тоже прилегъ досыпать.

Оби были „служащими", оба „на позднюю", хотя въ разныхъ церквахъ. Прошелъ обѣдъ. Выпили и снова заснули. Сходили къ вечернѣ, а потомъ томленіе и тоска... Долго каждый изъ нихъ боролся съ мыслями, какъ-бы вечеръ укоротить.

О. Руфъ медленно, едва двигая ногами и руками, занимался въ этотъ вечеръ осмотромъ своихъ бутылей и фляшечекъ: передвигалъ и переставлялъ, развязывалъ и опять завязывалъ, пробовалъ, сцѣживалъ и процѣживалъ, иногда доливалъ. Изрѣдка слышно было: „це тричи перегнаный (спиртъ), а це тільки разъ, це звіробой, це полынь, що до грому рваный".

Приведя въ порядокъ свой скарбъ, о. Руфъ, едва держась на ногахъ отъ собственной тяжести и часто присаживаясь, кое-какъ прочелъ „правило" и молитвы на сонъ грядущимъ, а потомъ, „повечерявъ", что осталось отъ обѣда, съ прибавкою домашней осетрины и, выпивъ еще разъ на „потуху", погрузился въ продолжительную дремоту. Наконецъ очнувшись и увидѣвъ своего хлопца, который давно стоялъ у порога, чтобы приготовить своего отца ко сну, онъ хриплымъ голосомъ проговорилъ:

— А що, хлопче, чи не пора вже намъ и спать?

— Якъ ваша святая воля,—отвѣчалъ хлопецъ.

— Підведи-жъ мене, хлопче!

Хлопецъ съ большимъ усиліемъ подвелъ.

— Въ кімнату одведи!

Хлопецъ провелъ.

— Роздягни-жъ мене, хлопче!

Хлопецъ раздѣлъ.

— Роззуй мене, хлопче!—продолжалъ о. Руфъ все болѣе слабѣющимъ голосомъ.

Хлопецъ раззулъ.

— Поклади мене, хлопче!

Хлопецъ улечься помогъ.

— Укрый мене, хлопче!

Хлопецъ кафтаномъ прикрылъ и концы подвернулъ.

— Перехрести мене, хлопче!

Хлопецъ перекрестилъ.

— А засну вже я самъ,—чуть слышно произнесъ утомленный о. Руфъ, и минуту спустя послышалось ровное сопѣнье какъ-бы органнаго мѣха.

Не такъ мирно отошелъ ко сну о. Іуда. Его, какъ мы знаемъ, мучилъ бѣсъ любоначалія; но онъ былъ скрытенъ, слагалъ мечты свои въ сердцѣ своемъ, за то можетъ быть и прозвали его Іудою. Только про себя онъ думалъ иногда: „эге, якъ-бы мені такій настоятель давно трапивсь, де вже-бъ я досі бувъ! Може досі начальникомъ, игуменомъ бувъ, свій манастыръ мавъ... Та що тамъ игуменомъ. Це вже для мене низько. Я вже соборный. Мені-бъ келаремъ, або эклесіархомъ буть, а далі“... Но тутъ онъ отгонялъ уже отъ себя помыслъ лукавый. Нѣкоторые изъ братіи, знавшіе немного по китайски, говорили ему при встрѣчѣ: „куды оце біжите, ваше высокопреподобіе“, или „якъ здоровьячко вашого высокопреподобія“? Это очень радовало о. Іуду; но онъ скрывалъ отъ всѣхъ и эту радость, и свое страстное желаніе, чтобы его иначе и не называли, какъ „ваше высокопреподобіе“. Только наединѣ въ келіи онъ отдавался вполнѣ своей страсти то въ тайныхъ помыслахъ, то въ произносимыхъ про себя словахъ, а бѣсъ любоначалія хвостикомъ подмахивалъ ее и она разгоралась день за днемъ и разгорѣлась до того, что о. Іуда рѣшился наконецъ обучить своего хлопца произносить въ подходящихъ случаяхъ его настоящій титулъ. Вотъ утромъ придетъ хлопецъ „грубу“ топить, стукнетъ въ дверь и начнетъ обычное: „за молитовъ св. отець нашихъ и о. Анемпо“..., а о. Іуда выкрикнетъ изъ келіи: „якого тамъ *диста*? Его высокопреподобія. Чуешь?“ И хлопецъ поправится и точно произнесетъ подобающій титулъ. Иногда о. Руфъ читалъ ему на этотъ счетъ длинныя и рѣзкія нотаціи: „що то я тобі простый чернець? ты хиба не знаешь, що я соборный? Повиненъ казать: ваше высокопреподобіе, ёго высокопреподобіе, пема дома ёго высокопреподобія, пішли на двіръ ёго высокопреподобіе... Та не кажи мені: высо-ке-е... Ось я тобі дамъ высо-ке-е!“ Мало по малу и пріучилъ хлопца ко всѣмъ видоизмѣненіямъ своего титула, а въ этотъ вечеръ пожелалъ примѣнить это и къ домашнимъ молитвамъ.

Послѣ долгихъ сборовъ ко сну, не зная, чѣмъ наполнить время, о. Іуда, въ состояніи нѣкоторой досады, позвалъ наконецъ своего хлопца и приказалъ ему читать молитвы *на сонъ грядущимъ* съ надлежащими примѣненіями его титула. „Ты отъ якъ побачишь въ книжці *мя*, або *мені*, то не кажи *мя*, або *мені*..., то такъ тільки оти прости, а кажи заразъ: его высокопреподобіе, его высокопреподобію“... Хлопецъ началъ, но съ непривычки путался на каждомъ словѣ. „Боже милостивъ буди мені“...—„Его высокопреподобію“, скажетъ о. Іуда.—„Боже очисти мя“...—„Его высокопреподобіе...“ выкрикнетъ о. Іуда. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Пришла молитва Ангелу Хранителю. „Коими очима, началъ хлопецъ, воззриши на мя“... „На его высокопреподобіе“, сердито поправилъ о. Іуда. Хлопецъ поправился и продолжалъ: „или како приступиши къ его высокопреподобію, аки ко псу смердящему“... „Брешешь, брешешь, то до тебе“... закричалъ о. Іуда, вырвалъ книжку изъ рукъ хлопца и прогнавъ его вонъ, заперъ двери на ключъ.

И долго огонь горѣлъ въ его кельѣ, и долго обезпокоенный своею неумѣлостію хлопецъ заглядывалъ въ щелку, чтобы узнать, заснулъ-ли, или нѣтъ, его духовный руководитель, его высокопреподобіе, соборный старецъ, о. Анемподистъ, въ просторѣчіи о. Іуда.

Б. Целляріусъ.

ЛѢТОПИСНЫЯ ЗАМѢТКИ (1651—1749 г.).

Нашли мы еще въ сулиминскомъ архивѣ*) небольшую „кроничку“, обнимающую время отъ 1640 до 1762 г. Заключая въ себѣ повтореніе общеизвѣстныхъ фактовъ, сулиминская „кроничка“ приводитъ однакожъ и такіе, которыхъ мы въ печати, сколько помнится, или вовсе не встрѣчали, или встрѣчали не съ тѣми подробностями, какія нашли здѣсь. Отмѣчаемъ эти факты.

1651. У осень начались осѣдать слободы; въ началѣ: Лебединъ, Сумы, Ахтырка и Харьковъ (ср. лѣт. Самовидца, изд. 1868 г., стр. 29).

1660. Слободы, за поселеніемъ многаго народа, государь раздѣлилъ на пять полковъ и учреждены полковники.

---

*) «Кіевск. Стар.» 1882 г., ноябрь.

1679. Заднѣпра на сію сторону Днѣпра согнано сыномъ Самойловича Семеномъ (Ср. Самовид., 147).

1689. Другой походъ подъ Перекопъ, гдѣ личманами Голицынъ Василь обманенъ (Ср. Самовид., 177).

1697. Голодній рокъ.

1711. Ханъ крымскій выходилъ зимою зъ ордами въ слободскіе полки и досталъ въ полку харьковскомъ мѣстечка Водолагу, Марефу и Волное.

1721. На работу ладозкаго канала высылано козаковъ зъ Малой Россіи 10,000, гдѣ въ томъ-же году змерло 3,000.

1727. Жиды безъ остатка вси зъ Россіи выгнаты.

1736. Полковникъ миргородскій Павелъ Апостолъ не дошедъ Козлева, въ Атанѣ (?) юня 5 пушкою раненъ, отчего тогожъ юня 14 и умеръ.

— Полковникъ переяславскій Томара тамъ-же въ Крыму, подъ рѣкою Алтою, порубанъ татарами.

1737. Днѣпръ отъ Кіева до Самари полонили вширъ на 5 шаговъ. Въ февралѣ, на масляной, ханъ крымскій зъ многими ордами перешедъ Днѣпръ чрезъ не прополоненое мѣсто, у Мишурина Рога, многіе въ полкахъ миргородскомъ и полтавскомъ въ людяхъ и скоту ихъ, до Решетиловки и Остапя, починивъ убитки, возвратился.

— Фоплессій зъ другою арміею ходилъ въ Крымъ. На Гайманъ— долинѣ силную баталію имѣлъ и татаръ разбилъ, при чемъ бунчучной генералной Галецкій и другіе старшины побити, а полковникъ гадяцкой Гребянка безвѣстно задѣлся.

1739. Освобожденіе Малой Россіи отъ чинячихся зъ 1736 года несказанихъ бѣдствъ и разореній и отъ заборовъ ежегодно многихъ тисящей воловъ подъ арміи лошадей и всякихъ припасовъ.

1742. Генералъ князь Рѣпнинъ розграничилъ съ турками одъ Днѣпра по заливи Конскихъ водъ, до Міуса.

1743. Коммисія економіи въ Малой Россіи учреждена.

1744. Несказаной падежъ товару (скота) моровимъ повѣтрямъ начался съ весни по Вкраинѣ.

1745. Падежъ скота продолжился. Для обереженя отъ того падежу вреда, собаки всѣ безъ остатка вибиты, по сенатскому указу, во всей Россіи, гдѣ падежъ былъ.

— Архимандритъ нѣжинскій Велецкій сложився (согласившись) съ женою, за границю въ Полщу бѣжали, у великой постъ.

1747. Полковникъ кіевскій Михайло Танскій умре.

1748. Превеликій отъ саранчи, а по мѣстамъ и за неурожаемъ, начался голодъ дѣйствительно зъ лѣта, что лободу, гнилое дерево и протчое необычное въ пищу употребляли.

1749. Превеликой голодъ. **А. Л.**

ЕЩЕ О СТАРИННЫХЪ ТРАКТАХЪ ИЛИ ДОРОГАХЪ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ.

Въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины" на 1882 г., въ отдѣлѣ „Извѣстій и Замѣтокъ" описаны нѣкоторые старинные „шляхи" южной Россіи. Въ сентябрьской книжкѣ есть къ этой замѣткѣ добавленіе, къ которому я присовокупляю теперь и свое.

Напримѣръ: 1) *Родоманъ* или *Ромоданъ* проходитъ черезъ весь глуховской уѣздъ, отъ г. Путивля, курской губерніи, до г. Новгородъ-Сѣверска, черниговской губерніи. Отъ Новгородъ-Сѣверска до м. Воронежа по Ромодану (можетъ быть съ небольшими отклоненіями) проложена почтовая дорога, идущая на г. Глуховъ. Между м. Воронежомъ и с. Землянкою почтовая дорога идетъ также по Ромодану, лишь частію оставляя *Старый шляхъ* въ сторонѣ, гдѣ онъ составляетъ объѣздку песковъ почтовой дороги. Отъ самаго села Землянки, съ восточной стороны озера Сливки, на 20-й верстѣ отъ г. Глухова, *Ромоданъ* поворачиваетъ на юго-востокъ и идетъ мимо (западнѣе) сс. Обложекъ и Щеберъ, х. Рети на х. Суписки, далѣе все лѣсами и полемъ до с. Волокитина, гдѣ на р. Клевени существуетъ перевозъ, за которымъ „шляхъ" пересѣкаетъ границу черниговской губерніи и тянется до г. Путивля.

Вербъ, когда-то обремлявшихъ дорогу, давно нѣтъ, но шляхъ почти на всемъ своемъ протяженіи остался широкимъ. Теперь *Ромоданъ* служитъ скотопрогонной дорогой изъ южныхъ губерній: онъ отъ Путивля идетъ на Смѣлое и Ромны, изъ Путивля-же есть другія старинныя дороги на югъ, но я ихъ съ точностію не знаю и опредѣлить не могу. По *Ромодану* ходили чумаки и теперь онъ служитъ непризнанной, но настоящей транспортной дорогой между сѣверными уѣздами черниговской губерніи и харьковской губерніей и другими южными частями Россіи. Говорятъ, что этой дорогой

шелъ Шереметьевъ на защиту Россіи противъ Карла XII шведскаго. Въ описаніи с. Черторигъ, архіепископъ черниговскій Филаретъ указываетъ мѣсто стоянки русскихъ войскъ, въ 4-хъ верстахъ отъ с. Черторигъ. Но надо полагать, что мѣсто стоянки вѣрнѣе указывается народомъ, ближе къ м. Воронежу, между с. Землянкою и воронежскими хуторами, въ урочищѣ „Шереметовщина", въ лѣсахъ.

Мнѣ разсказывалъ землянскій козакъ Вас. Голубъ, что лѣтъ 25 назадъ во время сѣнокоса, пасшаяся на Шереметовщинѣ лошадь ногами провалилась въ погребъ, гдѣ люди нашли бодянку сала, совершенно сгнившаго, и другіе съѣстные припасы, тоже сгнившіе. „Або одъ Шереметова остались, або одъ Гаркуши, чи Гаряина."

2) *Ярославецкій шляхъ* идетъ отъ г. Глухова на юго-западъ чрезъ с. Слѣпородъ, мимо дер. Богданова, с. Дунайца, на х. Реть, близъ котораго пересѣкаетъ *Ромоданъ*, чрезъ села: Ярославецъ глух. уѣзда, построенный кн. Ярославомъ, и Мутинъ, кролевецкаго уѣзда, до г. Конотопа, гдѣ сходится съ *Ромоданомъ*, идущимъ отъ г. Конотопа на г. Ромны. На Ярославецкомъ шляху существовали „екатерининскія" версты, изъ которыхъ послѣднія исчезли около 20 лѣтъ назадъ. Кромѣ этихъ двухъ „шляховъ" до послѣдняго времени въ юго-восточной части уѣзда существовалъ „Злодійскій шляхъ", или Гаркушинъ. Нынѣ остатки этого шляха существуютъ между „злодійскими хуторами", близъ м. Воронежа, на границѣ трехъ уѣздовъ: глуховскаго, кролевецкаго и новгородъ-сѣверскаго. Часть „злодійскаго шляху", между м. Воронежомъ и с. Черторигами порѣзана при межеваніи и перепахана на поле. **П. Литвинова.**

ГОЛОСЪ ЗАПОРОЖСКАГО ДЕПУТАТА ВО ВСЕРОССІЙСКОМЪ СОБРАНІИ ДЕПУТАТОВЪ 1768 Г. *).

Этотъ слабый голосъ слышался, такъ сказать, наканунѣ смерти Запорожья и б. Гетманщины и послышался, конечно, лишь благодаря раздавшемуся съ высоты трона Екатерины общему призыву—

*) За сообщеніе этого интереснаго документа приносимъ нашу искреннюю признательность уважаемому П. А. Китицыну, которымъ онъ найденъ въ одномъ изъ архивовъ полтавской губерніи. Бумага и очень извѣстный намъ почеркъ указываютъ на принадлежность документа тому времени, которое означено въ помѣтѣ. Документъ написанъ на большомъ листѣ чисто и старательно.

высказать свои нужды и желанія. Въ этомъ призывѣ многіе усмотрѣли тогда надежду на осуществленіе завѣтныхъ мечтаній, какія лелѣяла каждая особая группа въ слабо сплоченномъ госуударственномъ организмѣ, не замѣчая того направленія, какое издавна получилъ общій потокъ жизни, которымъ снесены и либеральныя тенденціи самаго „Наказа". Депутаты были собраны, ихъ мнѣнія выслушаны, а жизнь текла своимъ ранѣе образовавшимся русломъ. За знаменитымъ Наказомъ послѣдовала жалованная грамота дворянству, городовое положеніе, усиленіе крѣпостничества и распространеніе онаго на такія окраины и классы населенія, которыя дотолѣ не вѣдали о немъ.

Запорожью съ его desiderata-ми, какъ они изложены въ прилагаемомъ документѣ, пришлось испытать разочарованіе раньше другихъ государственныхъ группъ; тѣмъ не менѣе эти desiderata представляютъ для насъ особый интересъ, какъ по существу своему, такъ и потому еще, что они доселѣ оставались въ неизвѣстности, тогда какъ приведены въ извѣстность мнѣнія всѣхъ другихъ депутатовъ. Темное преданіе заключало ихъ въ лаконическую форму, такъ свойственную Запорожью. На вопросъ будто-бы Екатерины, какъ устроить Запорожье, сообразно съ его нуждами и желаніями, представитель запорожской корпораціи отвѣчалъ: *якъ було, такъ нехай и буде.* Помѣщаемое подлинное мнѣніе запорожскаго депутата какъ-бы подтверждаетъ это не ясное и оригинальное преданіе. Сущность мнѣнія депутата—тоже statu quo; онъ только старается подкрѣпить его, какъ можетъ, отстраняетъ высказанныя уже офиціально противъ него возраженія, не допускаетъ и мысли о возможности какихъ либо въ немъ измѣненій. По видимому, въ немъ только не развитость и та простота, которую депутатъ указываетъ въ недавней политикѣ Запорожья; политическій и общественный идеалъ его крайне не высокъ—это тотъ-же старошляхетскій строй, который представляла разрушавщаяся теперь Польша и надъ которымъ не могъ возвыситься самъ освободитель Малороссіи—Богданъ Хмельницкій; запорожецъ стоитъ будто только за свое, мало идущее къ нему, благородство и боится смѣшать себя съ „черносошными". Но прокникните глубже въ эту завитую форму и вы увидите тутъ нѣчто большее простоты, которую мы привыкли соединять съ именемъ Запорожья. Правда, старо-польскій обществен-

ный строй теперь показалъ уже полную свою несостоятельность; но, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, онъ былъ все-таки выше того рабовладѣльческаго строя, къ которому видимо направлялась теперь судьба Запорожья и гетманщины, и нельзя считать ни простотою, ни отсталостію запорожскаго депутата, если онъ стоитъ за этотъ старый строй. И въ этомъ, правда, строѣ есть свои „черносошные" и депутатъ, признавая ихъ какъ-бы естественнымъ явленіемъ, стоитъ, повидимому, въ противорѣчіи съ основными принципами своей общины; но его основной пунктъ—общее всѣмъ земельное исконное право, и за него онъ стоитъ, какъ и за шляхетныя права своего войска: Запорожье, говоритъ онъ, отбившись отъ Короны Польской, обще съ Малороссіею, добровольно перешло съ своими собственными землями подъ всероссійскій престолъ, и права ихъ не только признаны россійскими монархами, но могли быть расширены, если-бы не помѣшала собственная ихъ „искренняя простота". Впрочемъ, чувствуя какъ-бы, что срокъ давности правъ уплываетъ, депутатъ всю надежду сохраненія вожделѣннаго status quo возлагаетъ на справедливое милосердіе премудрой Матери Отечества...

Какъ извѣстно, надежда эта не осуществилась и спустя семь лѣтъ Запорожья не стало, а обширныя его земли, по выраженію народной пѣсни, разобрали „паны-енералы".—Вотъ самый документъ.

Въ коммисію о сочиненіи прожекта новаго уложенія.

Сколько я всего вѣрноподданнаго ея императорскаго величество запорожскаго войска давно уже ожидалъ способного случая, чтобъ представить почтеннѣйшему собранію основаніе существеннаго состоянія, на которомъ утверждается издревле сіе войско, теперь же за необходимость уже почитаю изъяснить о томъ свое мнѣніе въ нижеслѣдующемъ представленіи.

Въ присланномъ отъ дирекціонной коммисіи въ большое собраніе сообщеніи между протчимъ написано: „что-жъ до козацкихъ войскъ принадлежитъ, то основаны оныя на такъ называемыхъ древнихъ обыкновеніяхъ, а въ самомъ дѣлѣ на весьма перемѣнчивомъ, да и не въ томъ блаженство состоитъ, чтобъ всякой все то имѣлъ, что нравится прихотливому желанію" и прочее.

Хотя-жъ таковое вышеписанное о войскахъ утвержденіе по самой справедливости и не принадлежитъ до войска запорожскаго,

однако-жъ общее наименованіе войскъ наводитъ нѣкоторое сомнѣніе, дабы молчаніемъ моимъ въ сей немаловажной матеріи не подавать поводу къ послѣдованію въ томъ числѣ и запорожскому войску сего неприличнаго ему нарѣканія, а чрезъ то не остаться-бы мнѣ нарушителемъ возложенной отъ моей собратіи довѣренности, такъ я имѣю честь почтеннѣйшему собранію представить, что сіе войско запорожское хотя и на обыкновеніяхъ состоитъ, однако оные суть самые древніе, а потому ужъ и основателние. Сверхъ оныхъ утверждается на особливѣйшихъ правахъ и волностяхъ, не въ примѣръ протчихъ козацкихъ войскъ, ибо оно, отбившись отъ Короны польской, обще съ Малороссіею, добровольно подъ всероссійскій престолъ зъ своими собственными землями перешло и всегда въ шляхетствѣ, а не въ черносошныхъ пребывало, такъ какъ и прежде отправляемые отъ войска запорожскаго къ сеймамъ депутаты названіемъ благородства всегда и отъ всѣхъ отличались, на что въ войскѣ запорожскомъ и подлинные отъ королей польскихъ привилегіи имѣются, да и когда уже благоприсоединилось оно къ россійской державѣ, то и всепресвѣтлѣйшіе россійскіе государи на тѣхъ-же королевскихъ привилегіяхъ, цѣло, свято и ненарушимо оное войско содержать обѣщались и договорными статьями подтвердили. Хотя-же нынѣ при сочиненіи прожекта новаго уложенія запорожское войско къ третьему роду и причтено, однако на высоко-матернее нынѣ царствующей, Богомъ вѣнчанной императрицы, премудрой матери отечества справедливое милосердіе имѣетъ не сумнѣнную надежду, что въ такомъ впредь оставлено не будетъ. А особенно, когда войско запорожское приводитъ себѣ на память, что оно въ прежде бывшую турецкую баталію за ихъ вѣрные и усердные службы отъ блаженныя славы и вѣчно достойныя памяти покойной государыни императрицы Анны Іоанновны въ 1736 и 1737 годахъ, при окончаніи похода похвальными грамотами были обсыланы, по такимъ щастливѣйшимъ тогдашнимъ для войска запорожскаго обстоятельствамъ, за такія вѣрныя и принятыя съ великимъ монаршимъ удовольствіемъ въ вышепомянутыхъ годахъ службы, могло-бы оно получить все то, что-бы ни просило, толко-жъ по искренней своей простотѣ остались спокойными на одномъ томъ, что имѣли несумнѣнную надежду, на имѣющихся у нихъ государственныхъ россійскихъ грамотахъ и королевскихъ привилегіяхъ ут-

верждаясь, прожить вѣчно на таковомъ и съ волностьми соединенномъ основаніи, почитая при томъ за щастіе, чтобъ не щадить живота своего, съ наслѣдниками своими, при древнемъ своемъ обыкновеніи, а не при теперешнемъ своемъ и прихотливомъ основаніи, до послѣдней капли крови служить россійскому престолу.

На послѣдокъ-же какъ принадлежащіе до козацкихъ войскъ законы уповательно не въ продолжительномъ времени имѣютъ быть сочинены, для сего при семъ случаѣ симъ моимъ примѣчаніемъ о вышеписанныхъ обстоятельствахъ большому собранію имѣю честь представить для наблюденія какъ своей должности, такъ обязательства въ совѣсти моей, дабы молчаніемъ моимъ при такомъ о козацкихъ войскахъ упомянутомъ обстоятельствѣ, не подать причины къ заключенію того-же самого мнѣнія и о запорожскомъ войскѣ, а чрезъ то по окончаніи о козацкихъ войскахъ положенія законовъ излишняго частной коммисіи не было-бы затрудненія. Въ протчемъ отдаю сіе всѣхъ достопочтенныхъ господъ депутатовъ общему собранію и частной коммисіи, куда оно принадлежитъ въ лучшее разсмотреніе.

На подлинномъ:

Депутатъ войска запорожского *Мойсей Скапа.*

Читано въ большомъ собраніи іюля 23 дня 1768 года.

НОВЫЯ ИЗВѢСТІЯ О СТАРЫХЪ ФИГУРНЫХЪ ИЗРАЗЦАХЪ.

Замѣтки „Кіевской Старины“ объ украинскихъ кафляхъ стариннаго стиля вызвали въ моемъ воображеніи живое представленіе о такихъ-же своеобразныхъ изразцахъ, видѣнныхъ мною въ лѣта моей юности въ г. Чигиринѣ. Помню, нѣсколько душъ насъ „подорожнихъ“ какимъ-то образомъ попали на ночлегъ къ одному изъ чигиринскихъ священниковъ, и здѣсь-то моему наблюденію на цѣлый вечеръ представились изразцы комнатной печки съ необыкновенными изображеніями, которыя очень меня занимали. Рисунки были черные на бѣломъ полѣ, покрытые глянцемъ; изображали они разныя растенія и разныхъ животныхъ, а воспроизведеніе совершенно такого стиля, какъ образцы на обложкѣ книжекъ „Кіевской Старины“.

Не ужели у насъ навсегда исчезли эти начатки столько интереснаго и своеобразнаго искусства?—Пріятно было узнать, („Кіев. Стар.", февр. 1883 г.), что хотя у нашихъ закордонныхъ братьевъ это производство не умерло.

А. С.

А у насъ оно умерло и едва-ли можетъ воскреснуть, какъ все, что явилось и жило при иныхъ условіяхъ жизни. Наше дѣло собирать уцѣлѣвшіе остатки этого производства, а они уцѣлѣли еще кой-гдѣ, какъ показываетъ слѣдующее недавно полученное нами извѣстіе:

„Къ свѣдѣнію редакціи „Кіевской Старины" считаю для себя пріятною обязанностію сообщить, что образцы древнихъ кафель (если вѣрить разсказамъ, имъ уже лѣтъ 200) съ рисунками на нихъ, похожими на тѣ, какіе есть уже на обложкѣ журнала, сохранились на печкѣ экономическаго дома въ с. Куриловкѣ, черниговской губерніи, нѣжинскаго уѣзда. Въ 1879 г. я лично видѣлъ ихъ, пріѣзжая въ Куриловку по дѣлу".

Уважаемый А. А. Русовъ, сообщая это извѣстіе, даетъ подробные адресы лицъ, при посредствѣ которыхъ можно пріобрѣсть или самыя кафли, или фотографическіе снимки съ нихъ, мы-же, принося ему нашу искреннюю благодарность за такое интересное сообщеніе, можемъ, къ свѣдѣнію его и нашихъ читателей, прибавить, что нами приняты уже мѣры къ сохраненію для науки этой весьма цѣнной находки.—*Ред.*

СТИХОТВОРНЫЙ ПАМЯТНИКЪ НАШЕСТВІЯ ШВЕДОВЪ НА УКРАЙНУ.

Въ пепелѣ забвенія всё часъ погребаетъ,
О чесомъ писаніе намъ не возвѣщаетъ.
Сего ради судихомъ въ память написати,

Кто и когда сей образъ [1]) дерзнулъ обругати.
Недостоинъ имени добраго Мазепа—
Івашко отъ адскаго пришедъ заклепа,
Той оставилъ государя христіанска всероссійска,
Петра Великаго, той самъ короля Свѣйска
Приведе съ оружіемъ въ Россію Малу́ю,
Имѣя въ сердци своемъ коварній мисль злую.
О, кто исповѣсть тогда пролитіе крови,
Бѣды, страхъ, гоненія и ужасъ суровый!
Лютри церквы святыя въ турми превращаху,
Подножіе и дамы съ іконъ сочиняху;
Съ іконъ—увы!—помости дѣлаша подъ кони.
Тогда и та ікона пострада святая,
Юже въ дамы пречерта рука проклятая.
Ликуй убо днесь, стадо красное Христово,
Имѣя другихъ святыхъ начертанныхъ ново—
Патріарха съ Пророкомъ: тіи святіе раны
Предлагающе Богу, сохранятъ отъ брани;
Того врагамъ каменемъ пророкъ сотретъ главу,
Лествицею Іаковъ возведетъ насъ въ славу.—
Эпиграма!
Звѣри устыдѣшася въ ровѣ Даніила,
Исавля патріарха ярость уступила:—
Надъ звѣрей здѣсь лютѣйша и паче Исава
На образѣ семъ зрится эретиковъ справа!

Эти стихи, въ видѣ эпиграммы, написаны неизвѣстнымъ современникомъ нашествія шведовъ въ Малороссію къ образу Іакова Лѣствичника въ церкви с. Жуковъ, полтавской губерн., обращенному шведами въ шахматную доску для игры въ шашки (дамы). Образъ, какъ видно, переписанъ былъ вновь и къ патр. Іакову прибавленъ пророкъ Даніилъ. Стихи списаны моимъ покойнымъ отцомъ,

---

[1]) Іакова Лѣствичника.

А. И. Ставровскимъ, б. профессоромъ кіевскаго университета, въ бытность его въ с. Жукахъ въ 1857 году. Въ той-же церкви села Жуковъ хранилась плаха-топоръ, на коей сложилъ голову предокъ нынѣшняго владѣльца Диканьки. Эти вещи потомъ взяты Кочубеемъ и въ 1857 г. онѣ были уже въ Диканькѣ.

К. А. Ставровскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на 1883 годъ на слѣдующіе журналы и газеты:

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ“.

изданіе **Е. Лебедевой** (бывшее Львовой).

Журналъ выходитъ семнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ, въ хорошемъ переводѣ, произведенія иностранныхъ писателей. Редакція считаетъ долгомъ заявить передъ гг. подписчиками, что всѣ ея стремленія будутъ направлены къ тому, чтобы знакомить съ дѣйствительно лучшими, имѣющими, по той или другой причинѣ, самый наибольшій успѣхъ заграничными авторами такъ, чтобы журналъ не только служилъ пріятнымъ препровожденіемъ досуга читателя, но и знакомилъ бы его съ дѣйствительно интересными, пользующимися успѣхомъ на Западѣ произведеніями изящной литературы.

Для лучшаго знакомства съ писателями, имена которыхъ почему либо еще мало извѣстны въ Россіи, но которые пользуются уже популярностью за границей, редакція будетъ прилагать ихъ краткія біографіи и, по возможности, портреты.

Въ 1883 г. журналъ будетъ выходить по той же программѣ и въ томъ-же объемѣ, при благосклонномъ участіи лучшихъ нашихъ переводчиковъ-литераторовъ: В. Крестовскаго (псевдонимъ), П. И. Вейнберга, Лѣтнева, В. Ранцева, Хмѣлевой и другихъ.

Успѣхъ данныхъ въ этомъ году историческихъ романовъ («Императрица Елисавета» и «Великая Княгиня») приводитъ насъ къ убѣжденію, что историческіе романы болѣе нравятся публикѣ, почему мы въ 1883 году постараемся давать побольше такихъ романовъ, не забывая, конечно, о всемъ новомъ, что появится въ иностранныхъ литературахъ. Кромѣ того, всѣ подписчики 1883 г. получатъ *въ премію* талантливое произведеніе извѣстнаго *Эмилія Габоріо «Знаменитыя Женщины»*, гдѣ, въ двухъ книгахъ, въ увлекательной формѣ, изложены біографіи всѣхъ извѣстныхъ, отъ самыхъ древнихъ временъ, французскихъ женщинъ, фаворитокъ, имѣвшихъ часто огромное вліяніе на судьбы этого народа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ доставки:	Съ доставкой на домъ.	Съ пересылкой во всѣ города.
На 12 мѣс.	8 р. — к.	8 р. 50 к.	8 р.
« 6 «	4 « 25 «	4 « 50 «	5 «

Допускается разрочка по полугодично и по третямъ съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 р., во второмъ 3 рубля.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1883 годъ на слѣдующіе журналы и газеты:

„СТРАННИКЪ“

(третій годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ „Странникъ“ съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно книгами отъ **10**-ти до **12**-ти и болѣе листовъ.

Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи*.

2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи*.

3) Церковныя *слова*, *поученія*, рѣчи, бесѣды и другія нравоучительныя произведенія.

4) *Разсказы*, *повѣсти*, *характеристики*, *очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.

5) *Бытовые очерки* и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа.

6) Стихотворенія.

7) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе*.

8) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.

9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.

10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.

11) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*.

12) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій.

13) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.

14) *Библіографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы.

15) *Книжная лѣтопись:* ежемѣсячный указатель русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подъ духовной цензурой; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.

16) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и др. обществъ, и проч.; новости; корреспонденціи; отвѣты редакціи; объявленія.

Подписная цѣна за годовое изданіе 1883 года остается прежняя: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересылкою за границу ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ. Адресоваться: *въ редакцію журнала «Странникъ», въ С. Петербургѣ* (Невскій просп., д. № 105).

Редакторы-издатели: **А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.**

„НОВОРОСІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ"

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1883 году ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.		Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.
На 1 мѣс.	**1** р. **30** к.	**1** р. **50** к.	На 7 мѣс.	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	**9** » **60** »	**11** » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	**5** » — »	**6** » — »	» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	**7** » — »	**8** » — »	» 12 »	**12** » — »	**14** » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россія слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Подписываться можно на какой угодно срокъ, по цѣнамъ, означеннымъ въ приведенной выше расцѣнкѣ, съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Лица, подписавшіяся позже 1-го числа, получаютъ всѣ предъидущіе №№. Подписка съ промежуточныхъ чиселъ не допускается.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые по 7 руб. (къ 1 января и 1 іюля), или по четвертямъ года, по 3 руб. 50 коп. (къ 1 января, 1 марта, 11 іюня и 1 сентября), т. е. всегда ЗА МѢСЯЦЪ ВПЕРЕДЪ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка на «Нов. Тел.» въ кредитъ, по письменнымъ офиціальнымъ бумагамъ, чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1882 года.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1883 г., всѣмъ подписчикамъ «Нов. Тел.» будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ безплатныя премія, состоящія изъ статей преимущественно беллетристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, передовыхъ статей, разсказовъ, смѣси— или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или карикатуры.

ИЗВѢСТІЯ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1883 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ ИЗВѢСТІЙ безъ пересылки шесть р. и съ пересылкою шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода *приложеній* (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики ИЗВѢСТІЙ. при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи правленія университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ коммиссіонеру университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, № 4 и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Лятова).

Каждая книжка ИЗВѢСТІЙ, за исключеніемъ текущихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, посвященныхъ университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ сочиненій и статей научнаго содержанія, которыя распредѣляются въ такомъ порядкѣ: отдѣлъ I—*историко-филологическій;* отдѣлъ II—*юридическій;* отдѣлъ III—*физико-математическій;* отдѣлъ IV—*медицинскій;* отдѣлъ V—*научная хроника*, въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетѣ; отдѣлъ VI—*критико-библіографическій.* Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, состав-

ляетъ въ годъ до 500 страницъ. Кромѣ того, въ *прибавленіяхъ* къ каждой книжкѣ печатаются научные матеріалы и переводы болѣе замѣчательныхъ сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЛУЧЪ".

„ЛУЧЪ" издается безъ предварительной цензуры; экономическіе вопросы русской жизни въ немъ поставлены на первый планъ. Передовыя руководящія статьи и корреспонденціи, изо всѣхъ мѣстностей имперіи, составляютъ его характерную особенность. Между подписчиками и редакціею существуетъ тѣсная нравственная связь. «ЛУЧЪ», въ отличіе отъ прочихъ иллюстрированныхъ журналовъ, представляющихъ одно собраніе картинокъ и повѣстушекъ, является настоящимъ журналомъ, со строго обдуманною программою и намѣченными цѣлями. *Либеральный и патріотическій журналъ «ЛУЧЪ» пріобрѣлъ сочувствіе русскихъ людей, борясь со зломъ, хищеніемъ и всякою неправдою.*

Не увеличивая подписную цѣну, редакція дастъ въ 1883 году, на улучшенной бумагѣ, за 6 руб. съ доставкою и пересылкою:

52 иллюстрированныхъ номера, два печатныхъ листа каждый.

12 большихъ книгъ—приложеній романовъ и повѣстей.

Шесть безплатныхъ сюрпризовъ: Большую олеографическую картину. Четыре пейзажа акварелью (красками). Альбомъ 20 видовъ Петербурга (фототипія) въ переплетѣ.

Желающіе подписаться на одинъ «ЛУЧЪ» безъ книгъ и сюрпризовъ, платятъ за годъ съ перес. ТРИ р.

Въ каждомъ номерѣ будетъ помѣщаться передовая статья С. С. Окр—ца,

Для будущаго года въ редакціи имѣются матеріалы: 1) **„Черный годъ"**, большой историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. С. С. Окрейна. 2) **„Болѣзнь выдала"**, романъ покойнаго Н. И. Глушицкаго. 3) **„Ящикъ Пандоры"**, повѣсть Николаевой. Кромѣ того, въ первыхъ книгахъ будутъ помѣщены: **„Исторія завоеванія Перу и Мексики"**, Вильяма Прескота и интересный большой романъ **„Золотая Свинья"**, соч. Фортюнэ-дю-Буагобей.

Подписка принимается: С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) ул., д. № 15, въ редакціи журнала „ЛУЧЪ".

„КУБАНЬ“

газета общественная, литературная и политическая.

(второй годъ изданія).

Выходитъ отъ 1 до 2 разъ въ недѣлю.

Подписка принимается въ ЕКАТЕРИНОДАРѢ (Куб. обл.), въ конторѣ редакціи, на Красной улицѣ.

ЦѢНА съ пересылкою 7 руб. за годъ, 4 руб. за $^1/_2$ года и 2 руб. за $^1/_4$ года.

Редакторъ-издатель Н. Г. Мойсеенко.

РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои затребованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу:

ВАРШАВА. Въ редакцію «Русскаго Филологическаго Вѣстника».

«Русскій Филологическій Вѣстникъ» выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (№№) отъ 10 до 15 листовъ каждая, [Двѣ книги (два №№) составляютъ томъ]. Общее число листовъ годоваго изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Изслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библіографія, научная хроника.

Къ каждому № журнала будетъ, сверхъ того, прибавляемо нѣсколько листовъ (IV) педагогическаго отдѣла, въ который войдутъ:

а) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ, по преимуществу среднихъ;

б) Критика учебниковъ по этимъ предметамъ;

в) Пробные листы новыхъ учебниковъ по языку и словесности.

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

Редакторъ-издатель *А. Смирновъ.*

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

Въ наступающемъ году «Одесскій Листокъ» будетъ выходить ежедневно листами большаго формата по слѣд. программѣ:

ВНУТРЕННІЙ ОТДѢЛЪ будетъ содержать въ себѣ статьи по текущимъ вопросамъ общественной и экомической жизни, извлеченія изъ выдающихся статей столичныхъ газетъ, обращающихъ на себя наибольшее вниманіе, хронику событій общественной, городской и сельской жизни, корреспонденціи изъ всѣхъ пунктовъ юга Россіи.

ЗЕМСКІЙ ОТДѢЛЪ будетъ состоять изъ отчетовъ о дѣятельности земствъ, о всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, касающихся земства, о наиболѣе выдающихся новѣйшихъ сочиненіяхъ по земскимъ вопросамъ.

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ. Статьи по городскому хозяйству Одессы, а также и другихъ южныхъ городовъ. Дѣятельность городскихъ думъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. Статьи оригинальныя и переводныя по земледѣлію, скотоводству, овцеводству, пчеловодству, лѣсоразведенію, огородничеству и садоводству. Сельско-хозяйственныя техническія производства. Обзоры сельско-хозяйственныхъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и спеціальныхъ сочиненій. Свѣдѣнія объ урожаѣ.

ФЕЛЬЕТОНЪ. Повѣсти и разсказы, оригинальные и переводные. Очерки провинціальной жизни. Художественная лѣтопись. Научная хроника.

ИСКУССТВО и ЛИТЕРАТУРА. Театральная хроника; новости драматической литературы; извѣстія о всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ искусства; эпизоды изъ жизни знаменитыхъ литераторовъ, артистовъ и художниковъ и о всѣхъ выдающихся сочиненіяхъ.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА. Отчеты о замѣчательныхъ русскихъ и иностранныхъ процессахъ; рефераты о засѣданіяхъ въ мировыхъ и общихъ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ; практика коммерческаго суда; статьи по юридическимъ вопросамъ.

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ ХРОНИКА. Статьи по желѣзнодорожному хозяйству, узаконенія и распоряженія правительства, касающіяся желѣзныхъ дорогъ; случаи въ желѣзнодорожномъ мірѣ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ. Руководящія статьи, посвященныя обзору и оцѣнкѣ важнѣйшихъ событій въ иностранныхъ государствахъ. Телеграммы, письма и корреспонденціи.

ФИНАНСОВАЯ, ТОРГОВАЯ, АКЦІОНЕРНАЯ и БИРЖЕВАЯ ХРОНИКА. Телеграммы, хлѣбныя и торговыя сдѣлки, показанія рыночныхъ цѣнъ на шерсть, сахаръ и проч.; колоніальные рынки и новости биржеваго міра и проч. Справочный отдѣлъ и объявленія казенныя и частныя.

Телеграммы изъ Россіи и заграницы печатаются ежедневно отъ спеціальныхъ корреспондентовъ, отъ Международнаго Телеграфнаго Агентства и отъ Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства.

Для расширенія же спеціально литературнаго отдѣла, редакція будетъ выпускать время отъ времени полуторные номера, въ которыхъ найдутъ мѣсто повѣсти, разсказы и др. выдающіяся произведенія отечественной и иностранной литературы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для городскихъ подписчиковъ съ доставкой:

на годъ 9 р., полгода 5 р., три мѣсяца 3 р, одинъ мѣсяцъ 1 руб.

Для иногородныхъ подписчиковъ съ пересылкою по почтѣ:

на годъ 10 р., полгода 6 р., три мѣсяца 3 р. 50 к., одинъ мѣсяцъ 1 р. 25 к.

Денежные пакеты адресовать непосредственно въ контору «Одесскаго Листка», въ Одессѣ, на углу Греческой ул. и Краснаго пер, д. Доре, № 10.

Редакторъ-издатель *В. В. Навроцкій.*

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Содержаніе «Виленскаго Вѣстника» такое же, какъ и всѣхъ провинціальныхъ газетъ. Давая отчетъ о всѣхъ явленіяхъ дня и фактахъ, совершающихся въ нашемъ обширномъ отечествѣ, «Виленскій Вѣстникъ» удѣляетъ значительную часть своихъ столбцовъ интересамъ мѣстнымъ, т. е. сѣверо-западнаго края Россіи. «Виленскій Вѣстникъ» получаетъ ежедневно, непосредственно по телеграфу, телеграммы о всѣхъ выдающихся событіяхъ дня какъ въ Имперіи, такъ и заграницею. Кромѣ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстностей сѣверо-западнаго края, «Виленскій Вѣстникъ» имѣетъ корреспондентовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ главныхъ городахъ Имперіи.

«Виленскій Вѣстникъ» выходитъ ежедневно, кромѣ дней воскресныхъ; въ эти же дни выходятъ прибавленія, въ которыхъ помѣщаются полученныя въ предшествовавшій день телеграммы и послѣднія свѣдѣнія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Вильнѣ, съ доставкою на домъ по городской почтѣ,

На годъ	8 р.
— полгода	4 » 50 к.
— 3 мѣсяца	2 » 40 »
За 1 мѣсяцъ	— » 80 »

Съ пересылкою по почтѣ въ другіе города,

На годъ	10 руб.
— полгода	5 »
— 3 мѣсяца	3 »
За 1 мѣсяцъ	1 »

При перемѣнѣ адреса гг. подписчики платятъ 20 коп. При перемѣнѣ адреса городского на иногородный, кромѣ 20 коп., гг. подписчики доплачиваютъ разность цѣнъ по пересылкѣ.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» *(Виленская улица, домъ г. Ленскаго)*, въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина *(Большая улица, собственный домъ)* и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

Объявленія для печатанія въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» принимаются: въ Вильнѣ, въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» и въ его конторѣ; въ Петербургѣ, въ центральной конторѣ для объявленій Петрика *(уголъ Невскаго и Малой Морской, домъ № 11)*; въ Москвѣ, въ конторѣ объявленій Метцля *(Покровка, домъ Солодовникова)*; въ Варшавѣ, въ конторѣ объявленій Рейхмана и Френдлера *(Сенаторская, домъ № 22)*; въ Парижѣ, у Гаваса *(Agence Havas et Cie Paris, place de la Bourse, 8)*; въ Лондонѣ, у Даубе *(London, 130, Fleet, street, E. C.)*; въ Гамбургѣ, у Адольфа Стейнера *Gänsenmarkt, 58)*.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ",

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1883 году по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе три года.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять руб. съ пересылкой и доставкой.

Въ 1883 году число гравюръ, помѣщаемыхъ въ текстѣ журнала, будетъ значительно увеличено; съ этой цѣлью редакція уже сдѣлала заказы граверамъ: *Паннемакеру* въ Парижѣ, *Клоссу* въ Штуттартѣ, *Зубчанинову* и *Рашевскому* въ Петербургѣ.

Для первыхъ книжекъ въ распоряженіи редакціи уже находятся слѣдующія статьи:

Министръ-академикъ. *Д. В. Аверкіева.*—Женщины Пугачевскаго возстанія. *А. В. Арсеньева.*—Выгорѣцкіе совратители. *Его-же.*—Генералъ Антоній Езеранскій. *Н. В. Берга.*—Возстаніе поляковъ на кругобайкальской дорогѣ. *Его-же.*—Разсказы бабушки. Изъ воспоминаній вдовы инженеръ-лейтенанта *А. Я. Бутковской.*—Ковно во время польскаго мятежа 1863 года. Воспоминанія *Я. Н. Бутковскаго.*—Одинъ изъ забытыхъ писателей (князь А. А. Шаховской). *Е. М. Гаршина.*—Чума и Пугачевщина въ Шацкой провинціи. *И. И. Дубасова.*—Меньшиковъ и видѣніе монаха Порфирія. Разсказъ изъ дѣлъ Преображенскаго приказа. *Г. В. Есипова.*—Борьба за существованіе мысли. *В. Р.*

Зотова.—Московскіе люди XVII вѣка. (Съ рисунками). *Е. П. Карновича.*—Время Елизаветы Петровны и Людовика XV. *Его-же.*—Бытовые очерки изъ русской исторіи. 1. Двѣ торговки. 2. Царскій родичъ. 3. Черви. *Н. И. Костомарова.*—Сербскіе гости въ Бессарабіи. *А. А. Кочубинскаго.*—Шипка въ 1877 году. Отрывокъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта *В. Д. Кренке.*—Усмиреніе польскаго мятежа въ Кіевской губерніи въ 1863 году. *Его-же.*—Женщина древней Греціи. (Съ рисунками). *Д. П. Лебедева.*—Русскіе дѣятели въ Остзейскомъ краѣ. *Н. С. Лѣскова.*—Изъ Кишиневской старины. (Разсказы о Пушкинѣ, архіепископѣ Иринеѣ и др.). *Л. С. Мацѣевича.*—Петръ Великій на сѣверѣ Россіи. (Съ рисунками). *В. Н. Майнова.*—Отрывки изъ воспоминаній. *А. П. Милюкова.*—Заграничныя воспоминанія *В. И. Модестова.*—Семейство Скавронскихъ. Картинка изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. *В. О. Михневича.*—Скептическое матеріалистическое направленіе въ литературѣ Екатерининскаго времени. *А. И. Незеленова.*—Очерки изъ современной украинской литературы. *П. И. Петрова.* Исторія моего дяди. Разсказъ изъ семейной хроники. *С. Т. Славутинскаго.*—Отрывки изъ воспоминаній. *П. С. Усова*—Булгаринъ въ послѣднѣе десятилѣтіе своей жизни. *Его же.*—Воспоминаніе и замѣтки. *Ѳ. В. Чижова.*—Письма изъ Америки и Австралія. *С. Б. Чичерина* и др.

Обиліе матеріаловъ, поступившихъ въ редакцію **«Историческаго Вѣстника»**, и необходимость давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли текущій интересъ, заставили насъ отложить печатаніе нѣсколькихъ статей, обѣщанныхъ на 1882 годъ (Государственный человѣкъ Екатерининскаго времени. *Е. П. Карновича.*—Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо. *Д. Ф. Кобеко.*—Во славу Божію. Разсказъ *В. Н. Майнова.*—Плавня. Разсказъ *С. В. Максимова.*—Соціалистъ прошлаго вѣка. Повѣсть *Д. Л. Мордовцева.*—Записки ссыльнаго. *А. Пасляка.*—Александръ I и русская партія въ Польшѣ. *Ѳ. М. Уманца.*—Суевѣрія человѣчества. *М. К. Цебриковой* и др.)- Статьи эти будутъ непремѣнно помѣщены въ теченіи 1883 года.

Въ приложеніи къ **«Историческому Вѣстнику»**, съ январьской книжки, начнется печатаніе, въ переводѣ, историческаго романа *Ю. Роденберга* подъ заглавіемъ **«Кромвель»**.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины **«Новаго Времени»**: въ Петербургѣ, Невскій просп., № 58; въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

еженедѣльная, иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная

Выходитъ въ 1883 г., безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ, съ значительными улучшеніями. Болѣе 400 рисунковъ и моды. Особыми приложеніями—художественные рисунки по русской исторіи, изъ которыхъ составится

особый альбомъ. Въ «газетѣ» будетъ печататься новая повѣсть Н. С. Лѣскова: «Соколій перелетъ».

ПРЕМІИ: «Крестный календарь» 1884 г. на лучшей бумагѣ и олеографическая картина одного изъ важнѣйшихъ событій въ Россіи 1883 года.

Подписная цѣна на годъ безъ пересылки **4** р., съ перес. **5** р.; на ½ г. **3** р.; на 1 мѣс. **75** к.

Адресъ редакціи: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ"

Съ 1882 г. «Церковно-Общественный Вѣстникъ» превращенъ въ **полуежедневное изданіе** и выходитъ аккуратно черезъ день, исключая времени скопленія нѣсколькихъ праздниковъ въ недѣли Св. Пасхи и Рождества Христова.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскихъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «Церковно-Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостью* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнью вопросамъ, существеннымъ образомъ затрогивающимъ интересы духовенства и общества, мы вмѣстѣ съ тѣмъ всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны нашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 9-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

Для лицъ, незнакомыхъ съ нашихъ изданіемъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что «Церковно-Общественный Вѣстникъ» наравнѣ съ другими газетами выходитъ безъ предварительной цензуры и не имѣетъ никакого отношенія къ духовному вѣдомству. Просимъ также не смѣшивать наше изданіе съ журналомъ «Церковный Вѣстникъ», издающимся при здѣшней духовной академіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при «Церк.-Общ. Вѣстникѣ» въ 1883 г. будетъ изданъ въ видѣ безплатнаго приложенія «Календарь для духовенства», въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія ука-

занія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случаи общественной жизни духовенства.

Условія подписки на «Церк.-Общ. Вѣстн.» на годъ **8** руб., на полгода **4** руб. **50** коп., на три мѣсяца **2** руб. **50** коп., на мѣсяцъ 1 р. Годовая цѣна за границей **10** руб. Отдѣльные №№ по **10** коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію «Церковно-Обществ. Вѣстника», въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ"

(еженедѣльное изданіе отъ 2-хъ до 4-хъ печ. листовъ въ №; въ годъ до 142 печ. лист. больш. формата)

И

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ"

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.).

«Церковный Вѣстникъ» въ офиціальной своей части, составляющей офиціальный органъ св. синода, печатаетъ *сполна* и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ неофиціальной-же части даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (на правосл. востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестантствѣ), и имѣетъ слѣдующіе *постоянные отдѣлы* (кромѣ передовыхъ статей): 1) мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 2) иностранное обозрѣніе—восточное и западное; 3) обозрѣніе духовной журналистики; 4) библіографическое обозрѣніе; 5) лѣтопись церковную; 6) лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграницей; наконецъ 7) разныя извѣстія и замѣтки. Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ, печатаются статьи и кореспонденціи различнаго рода.

При журналѣ «Христіанское чтеніе», составляющемъ прибавленіе къ «Церк. Вѣстн.» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того «*Толкованія на ветхій завѣтъ*» съ особымъ счетомъ страницъ (въ 1883 г. будетъ продолжаться печатаніе «*Толкованія на книгу Псалмовъ*», и вмѣстѣ съ тѣмъ начато будетъ печатаніе «*Толкованія на книгу пророка Исаіи*», такъ что къ концу 1883 г. выйдетъ *особою книжкою* четвертый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала съ «Толкованіями на Ветхій Завѣтъ»—семь руб. съ перес., отдѣльно за «Церк. Вѣстн.»—пять руб., за «Христ.

Чтеніе» съ «Толкованіями» — пять руб. За границей для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р съ перес.

Иногородные подписчики адресуются: «въ редакцію Церк. Вѣстн. и Христ. Чтенія, въ С.-Петербургѣ». Петербургскіе подписчики подписываются въ отдѣл. конторы ред. близъ Знам. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пер., д. № 5, кв. 3), или при книжн. маг. Тузова (бывш. Кораблева).

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Газета общественная, политическая и литературная

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края», отъ «Международнаго» и «Сѣвернаго» телеграфныхъ агентствъ. VI. Послѣднія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Внѣшнія извѣстія. IX. Внѣшнія корреспонденціи «Южнаго Края». X. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библіографія. XIII. Смѣсь. XIV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVII. Стороннія сообщенія. XVIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе, чѣмъ въ ста губернскихъ и уѣздныхъ городахъ южной Россіи.

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція озаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 чѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки.	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногородн. . .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ на Московской ул., въ домѣ харьковскаго университета, № 7-й.

Съ іюля мѣсяца 1882 г. газета печатается въ собственной типографіи, шрифтомъ болѣе убористымъ, вслѣдствіе чего текстъ газеты увеличился на одну треть прежняго размѣра.

Редакторъ-издатель. А. А. Іозефовичъ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

„ВОЛЫНЬ“

Вступая въ пятый годъ своего существованія, съ будущаго 1883 года газета «Волынь» будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю по слѣдующей программѣ:

1) Телеграммы. 2) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности волынской губерніи. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія во всѣхъ частяхъ свѣта. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Смѣсь, гдѣ будетъ помѣщаться шутки, курьезы, анекдоты и остроты изъ прошлаго и настоящаго времени. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ преимущественно въ предѣлахъ волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій.

Кромѣ того по временамъ будутъ помѣщаться фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ, въ домѣ женской гимназіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ	3 р. 30 к.
На 1/2 года	1 „ 80 „
На 3 мѣсяца	1 „ — „
На 1 мѣсяцъ	— 40 „

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики на доставленіе адреса и на замѣну таковаго новымъ въ случаѣ перемѣны мѣста жительства приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к., адресуя въ г. Житоміръ въ редакцію газеты «Волынь».

Редакторъ-издатель С. Блонскій.

„ДѢЛО“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Издается въ Львовѣ, на малорусскомъ языкѣ, подъ редакціею В. Барвинскаго.

Съ 1-го января 1883 года выходитъ *три* раза въ недѣлю, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Цѣна на годъ 12 рублей, полгода 6 р., а на три мѣсяца 3 руб.

При газетѣ, по прежнему, будетъ издаваться *«Библіотека повѣстей»*, выходящая два раза въ мѣсяцъ, 15 и послѣднихъ чиселъ, по 2 печатныхъ листа.

Цѣна «Дѣла» вмѣстѣ съ «Библіотекой повѣстей» на годъ 16 руб., полгода 8 руб., три мѣсяца 4 руб. Отдѣльно *«Библіотека повѣстей»* — на годъ 5 р., полгода 2 р. 50 коп., Приплачивающіе *два* рубля получаютъ 26 печат. листовъ неоконченной въ 1882 году повѣсти: «Трудъ и деньги».

Подписываться можно въ редакціи «Дѣла» (Львовъ, ул. академическая, № 8) и въ редакціи «Кіевской Старины» (Кіевъ, Соф. площ., д. Севастьяновой).

„ДОНСКОЙ ГОЛОСЪ“

(4-й годъ существованія).

Программа, сроки выхода (по воскресеньямъ и четвергамъ), размѣръ газеты остаются прежніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкой по почтѣ и доставкой на домъ городскимъ подписчикамъ

на годъ . . . . . 6 руб.
на полгода . . . . . 3 р. 50 к.
одинъ мѣсяцъ . . . . . — 75 к.

Просятъ адресоваться: въ Новочеркаскъ въ редакцію «Донскаго Голоса».

Редакторъ издатель *Е. Д. Жимановскій.*

ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ.

„ЗАПИСКИ“

КІЕВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО СВЕКЛОСАХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Программа „**Записокъ**“: протоколы общихъ собраній Отдѣленія, засѣданій Совѣта Отдѣленія и назначаемыхъ Отдѣл. коммиссій, правительственныя распоряженія, оригинальныя изслѣдованія, разныя статьи, замѣтки, извѣстія и корреспонденціи, касающіяся разныхъ сторонъ свеклосахарной промышленности; обзоръ литературы по тому же предмету. Кромѣ того, въ „Запискахъ“ будутъ печататься **статистическія свѣдѣнія** о свеклосахарной промышленности въ Россіи, составляемыя по отчетамъ, обязательно доставляемымъ въ Департаментъ неокладныхъ сборовъ.

„Записки“ выходятъ по **два раза въ мѣсяцъ, 24 выпуска въ годъ.**

Подписная цѣна „Записокъ“ для подписчиковъ внутри и внѣ Россіи **8 рублей въ годъ**, съ приложеніемъ „Трудовъ“ Кіевскаго Вспомогательнаго Комитета по Московской Выставкѣ 1882 г.—**10 р. 50 к.**

Подписка принимается въ Бюро Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества (*Кіевъ, Верхне-Владимірская улица, домъ Тамары, вблизи оперного театра*), *а также: въ С.-Петербургѣ, въ центральной конторѣ объявленій (Невскій пр., Мал. Морская, № 11.); въ Варшавѣ: въ конторѣ Райхманъ и Френдлеръ (Сенаторская, д. № 22.) и въ Гамбургѣ, у Адольфа Стейнеръ.*

Объявленія принимаются исключительно въ Бюро Отдѣленія на слѣдующихъ условіяхъ.

	За каждую строку или ея мѣсто до 16 строкъ	болѣе 16 строкъ.
За одинъ разъ.	15 коп. . . .	10 коп.
За каждый разъ свыше одного .	7½ „ . . .	5 „

За разсылку при „**Запискахъ**“ печатныхъ объявленій, рекламъ и т. п., которыя будутъ доставлены въ Бюро, взимается, за одинъ разъ, съ каждаго лота по 6 руб.

Гг. подписчики и члены Отдѣленія, извѣщая Бюро о своихъ адрессахъ, благоволятъ обозначать точно: имя, отчество и фамилію, также то почтовое мѣсто (съ указаніемъ губерніи и уѣзда), чрезъ которое желаютъ получать „Записки“.

О несвоевременной высылкѣ „**Записокъ**“ просятъ заявлять по слѣдующему адрессу: **Т. И. Лопачевскому** (Кіевъ, зданіе Университета).

„СЛОВО“

Вступая въ XXIII годъ своего изданія, наша газета останется вѣрною своей программѣ: честно и бодро стоять до конца за права русскаго народа въ Австро-Венгріи и защищать правду, о сколько то сегодня намъ возможно.

Газета наша, какъ до теперь, такъ и въ 1883 году, будетъ выходить три раза въ недѣлю: по *Вторникамъ*, *Четвергамъ* и *Субботамъ*, за исключеніемъ праздничныхъ и послѣпраздничныхъ дней.

Подписная цѣна на „Слово“ остается прежняя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

безъ почтовой пересылки

На цѣлый годъ:	На полъ года:	На одинъ кварталъ:	На одинъ мѣс.
12 зр. — кр.	6 зр. — кр.	3 зр. — кр.	1 зр. — кр.

Съ почтовою пересылкою въ Австро-Венгріи:

14 зр. — кр.	7 зр. — кр.	3 зр. 50 кр.	1 зр. 20 кр.

Съ почтовою пересылкою за границу:

17 зр. — кр.	8 зр. 50 кр.	4 зр. 50 кр. (14, 7 и 4 рублей).

Частныя лица въ Россіи могутъ газету выписывать во всѣхъ «конторахъ газетъ», въ головныхъ «экспедиціяхъ газетъ», а также прямо въ нашей конторѣ, адресуя: «Въ г. Львовъ, Галиція, въ контору газеты «Слово».

„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ"

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Въ Варшавѣ:		Съ пересылкою:	
На годъ	9 руб. 60 коп.	На годъ	12 руб. — коп.
» полгода . .	4 » 80 »	» полгода . .	6 » — »
» три мѣсяца .	2 » 40 »	» три мѣсяца .	3 » — »
» мѣсяцъ . . .	— » 80 »	» мѣсяцъ . . .	1 » — »

За границу (подъ бандеролью); за годъ—15 руб., полгода—7 руб. 50 коп., три мѣсяца—3 руб. 75 коп., на мѣсяцъ—1 руб. 25 коп.

Требованія, съ приложеніемъ денегъ, адресуются въ контору редакціи «Варшавскаго Дневника», въ Варшавѣ, Медовая, 18.

Редакторъ: Князь Н. Н. Голицынъ.

„УСТОИ."

Литературный, научный и политическій журналъ „УСТОИ" будетъ выходить въ 1883 году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

1) Беллетристика оригинальная и переводная: романы, повѣсти, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія.

2) Научный отдѣлъ: статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ, общественно-политическихъ и историческихъ наукъ.

3) Критика: общія статьи по вопросамъ литературнаго творчества; разборъ журналовъ и книгъ русскихъ и иностранныхъ.

4) Внутренній отдѣлъ: статьи по вопросамъ внутренной жизни, лѣтопись событій, корреспонденціи, судебные отчеты.

5) Политическій отдѣлъ: обозрѣніе жизни иностранныхъ государствъ.

6) Фельетонъ: очерки современной русской и западной жизни.

7) Театръ и музыка.

8) Смѣсь: краткія сообщенія и мелкія замѣтки.

9) Объявленія.

Въ журналѣ будутъ участвовать: Я. В. Абрамовъ (Ѳедосѣевецъ). М. П. Альбовъ, Александровъ, К. Баранцевичъ, Максимъ Бѣлинскій, С. А. Венгеровъ, В. В., Алексѣй Ник. Веселовскій, Ѳ. Ѳ. Воронопоевъ, В. М. Гаршинъ, И. И. Ивановъ, проф. В. О. Ключевскій, проф. П. А. Костычевъ, С. Н. Кривенко, Н. В Максимовъ, Н М. Минскій, Д. Л. Мордовцевъ, Н. Морозовъ (М. А. Протопоповъ), С. Я. Надсонъ, Н. Н. Пауновъ, В. Н. Орловъ, А. Н, Плещеевъ, А. В. Погожевъ, Г. Н. Потанинъ, Н. С. Русановъ, В. Н. Семевскій, Л. З. Слонимскій, проф. Н. Н. Стороженко, проф. К. А Тимирязевъ, Гл. И. Успенскій, О. А. Щербина, Ѳ. Ѳ. Эрисманъ, проф. Н. И. Якжулъ. Н. В. Якубовичъ и др.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала, С.-Петербургъ, Пушкинская ул., д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, Невскій проспектъ противъ Гостиннаго двора № 46.

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки—10 р., съ доставкою въ Петербургѣ.—11 р., съ пересылкою въ другіе города—12 р.; на полгода: безъ доставки—5 р. 50 к., съ доставкою въ Петербургѣ—6 р., съ пересылкою въ другіе города—7 р.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было бы адресовать книги журнала, а также въ случаѣ неисправной высылки журнала заявлять объ этомъ не позже выхода слѣдующей книги. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ. Жалобы и извѣстія о перемѣнѣ адресовъ адресуются исключительно въ контору „УСТОЕВЪ.“

Новый журналъ съ 1-го января 1883 г.

„ИСКУССТВО.“

Еженедѣльный художественно-литературный органъ поэзіи, музыки, театра, живописи, скульптуры, декоративнаго искусства, хореографіи, архитектуры и пр.

Задача новаго журнала—служить выразителемъ художественно-артистической жизни Европы и Россіи.

Каждый № журнала будетъ заключать: 1) Руководящія статьи по всѣмъ отраслямъ искусствъ. 2) Статьи по теоріи искусства, по худож. археологіи, по эстетикѣ. 3) Критическіе обзоры петерб. и москов. театровъ и выставокъ 4) Театр.-музыкальн. корреспонденціи и извѣстія изъ всѣхъ провинціальн. городовъ Россіи. 5) Худож.-литературн. новости изъ заграницы. 6) Театрально-музыкальн. письма изъ Парижа, Лондона, Вѣны, Берлина, Рима, Милана, Мадрида. 7. Хроника текущихъ событій по всѣмъ отд. искусства. 8) Худож. и литер. фельетонъ. 9) Біографіи, мемуары, воспоминанія артистовъ, музыкантовъ и художниковъ, какъ русск., такъ и европейск. Кромѣ того, „справочный отдѣлъ“ со всѣми необход. свѣдѣніями и указаніями для артистовъ, художниковъ и антрепренеровъ. Два раза въ мѣсяцъ (25 въ годъ) при журналѣ прилагаются портреты крупныхъ дѣятелей въ области искусства. Каждый нумеръ журнала отъ $1^1/_2$ до 2-хъ листовъ, въ форматѣ приб. „Вс. Иллюст.“

Подписка прин. въ конторѣ редакціи: уг. Ивановской и Николаевской, д. № 14, кв № 9.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ достави.	Съ доставкой.	Для иногород.	За границу.
Годъ. . .	8 руб.	9 р. 50 к.	10 р.	14 р.
Полгода. .	5 руб.	5 р. 75 к.	6 р.	8 р.
3 мѣсяца .	3 руб.	3 р. 50 к.	4 р.	5 р. 50 к.

Разсрочка платежа допускается черезъ казначеевъ и по соглашенію съ конторой редакціи. Иногородные подписываются исключительно въ конторѣ редакціи.

Въ предстоящемъ году журналъ „Искусство" предполагаетъ дать слѣдующую галлерею большихъ портретовъ, исполненныхъ по заказу редакціи въ Парижѣ, по новому цинкографическому способу.

Шекспиръ (снимокъ съ неизвѣстнаго еще портрета въ Россіи), Дидеро, Тенисонъ, Словацкій, Хмѣльницкій, кн. Шаховской, Рашель, Гаррикъ, Маллибранъ, Паста, Мочаловъ, Асенкова, Щепкинъ, Шумскій, Берліозъ, Листъ, Даргомыжскій, Вагнеръ, Мусоргскій, Канова, Деларошъ, Маккартъ, Брюловъ, Ивановъ, Антокольскій.

Редакторы-издатели **Ѳ. Гриднинъ** и **В. Чуйко.**

При главной конторѣ журнала „Искусство" принимается подписка на „Библіотеку европейскихъ писателей" (2 годъ), изд. В. Чуйко, 10 вып. въ годъ. 6 руб. съ пересылкою.

„ВАЗА"

дамскій иллюстрированный литературно-модный и рукодѣльный журналъ.

(СУЩЕСТВУЕТЪ 52 ГОДА).

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ **С.-ПЕТЕРБУРГЪ**, Ивановская, № 14.

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями и даетъ въ годъ:

24 двойныхъ номера журнала, т. е. **24 номера литературныхъ** (оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, путешествія, разныя извѣстія, новости, и т. п.) и **24 номера рукодѣльно-модныхъ** (самыя обстоятельныя описанія и объясненія кройки и отдѣлки костюмовъ, рисунки парижскихъ модъ и рукодѣлій, модную хронику, домашнее хозяйство). Новоизобрѣтенія по части модъ, медицины, косметиковъ и т. д.

1000 политипажей въ текстѣ. 24 модныя раскрашенныя гравюры. Исполняются и печатаются заграницей по подлиннымъ парижскимъ образцамъ.

12 вырѣзныхъ выкроекъ—въ натуральную величину.

12 листовъ литографированныхъ узоровъ и выкроекъ (до 1000 формъ и узоровъ).

12 листовъ узоровъ: вязанья, вышиванья, тамбурныхъ и т. п. работъ.

6 раскрашенныхъ узоровъ для различныхъ женскихъ рукодѣлій.

Карманный календарь на 1883 годъ, заключающій святцы и необходимыя свѣдѣнія.

Каждый подписчикъ 1883 года получитъ 6 ПРЕМІЙ, а именно:

I. Туфли съ окончательно вишитымъ узоромъ. Вышивка передовъ исполнена выпуклымъ бархатнымъ швомъ (цѣна въ отдѣльной продажѣ 4 руб.).

II. Олеографическая картина (ландшафтъ) громадныхъ размѣровъ $1^1/_4$ аршина длины и $14^1/_4$ вершк. шир. Картина исполнена въ 20 красокъ, въ королевскомъ олеографическ. институтѣ въ Берлинѣ. (Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р. 50 к.).

III. Шарфъ à Lavalière изъ тюля съ накладной вышивкой по концамъ. Новость, весьма изящной заграничной работы.

IV. Салфетка для сухарницы, узорчатаго тканья съ длинной бахрамой.

V. Корзинка рабочая } Обѣ вещи изъ тисненнаго papier-mâché со
VI. Башмачекъ для часовъ } вставками для вышивки.

Образцы премій можно видѣть въ Редакціи.

Раздача и разсылка премій начнется съ первыхъ чиселъ Января, по старшинству поступленія подписныхъ денегъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ пересылкой	Безъ пересылки.	
На годъ съ преміями	12 р.	11 р. — к.	На укупорку премій слѣдуетъ добавлять 50 копѣекъ.
„ „ безъ премій	7 р.	6 р. — к.	
На $^1/_2$ года съ преміями	9 р.	8 р. — к.	
„ „ безъ премій	4 р.	3 р. 40 к.	

„МОСКВА“

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Большое еженедѣльное иллюстрированное изданіе съ разными безплатными приложеніями и **пятнадцатью роскошными** художественными преміями, рисованными **цвѣтными тонами извѣстными русскими художниками** по заказу редакціи; эти большія картины, отпечатанныя, въ золотыхъ рамкахъ, на выписанной изъ заграницы веленевой бумагѣ, къ концу года составятъ богатый альбомъ, а вставленныя въ рамы могутъ служить украшеніемъ каждой гостинной.

Такихъ художественныхъ приложеній редакціей будетъ разослано въ теченіе 1883 года **болѣе пятнадцати**.

Вотъ краткій перечень картинъ, которыя уже пріобрѣтены редакціей для подписчиковъ на 1883 годъ.

Русалка, акварель Профессора *В. В. Пукирева*. Чукаки, рисунокъ тонами академика *А. К. Саврасова*. Сельская ярмарка, акварель академика *К. А. Трутовскаго*. „На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко на голой вершинѣ сосна“, пейзажъ художника И. И. Левитанъ. „Мишку подняли“, акварель художника А. И. Левитанъ. Іоаннъ Грозный предъ Филиппомъ митрополитомъ, рисунокъ сепіей профессора *В. В. Пукирева*. „Черный конь“, рисунокъ къ поэмѣ: „Еще одинъ, поцѣлуй“ рисунокъ цвѣтными тонами, „Вальпургіева ночь“, фантастическій рисунокъ, „Странники“, акварель „Плачъ Ярославны“ истор. рисун., „Алеша Поповичъ“, Тяга, аквар., „Приволжская вольница“, акар. и другіе.

Въ художественномъ отдѣлѣ постоянными сотрудниками на 1883 годъ будутъ:

Профессора живописи *В. В. Пукиревъ*, *К. А. Трутовскій*, академики *А. К. Саврасовъ*, *С. И. Грибковъ* и художники Лебедевъ, Богатовъ, А. Левитанъ, Яновъ, Коровинъ, Протопоповъ, Симоновъ, Матвѣевъ, Клавгъ, Рябушкинъ, Святославскій, Чеховъ, Турлыгинъ, Россовъ и мног. друг.

Журналъ „Москва“ будетъ выходить въ 1883 году въ значительно увеличенной противъ прежняго программѣ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, всего, 50 №№ въ годъ, печатанныхъ на роскошной глазированной бумагѣ и кромѣ **пятнадцати художественныхъ премій**, въ теченіе года будетъ помѣщено множество виньетокъ, портретовъ выдающихся дѣятелей и болѣе 200 оригинальныхъ рисунковъ, исполненныхъ красками.

Вотъ тѣ сюжеты, которые уже пріобрѣтены редакціей:

Смотрины въ купеческомъ домѣ, Катя, бѣлолицая (поэма изъ народнаго быта), Оправданный, Типы темнаго царства (10 рисунковъ), Ванька Ключникъ, Не гулялъ съ кистенемъ я въ дремучемъ лѣсу, Домовой на купеческой свадьбѣ (15 рисунковъ), Сѣнокосъ, Лысая гора (нѣсколько фантастическихъ картинокъ), „Пьяная ночь“ (Некрасова), Охотничьи сцены, „Самъ имянинникъ“, Потокъ богатырь, Кабатчикъ (поэма 15 рисунковъ), Рыболовы, Маленькій воръ, Вылазка, Въ ссудной кассѣ, Прекрасный полъ, Кладъ, Проповѣдь, У желѣзной дороги, Ванька отчаянный, Пименъ и Григорій Отрепьевъ, Съ яблоками, Въ ученьѣ, Весна, Русскіе богатыри (нѣсколько рисунковъ), Колдунъ Ѳомка, На далекой окраинѣ и многіе другіе.

Кромѣ этого въ теченіе года предполагается дать нѣсколько роскошныхъ иллюстрацій къ произведеніямъ *Д. В. Григоровича*, „Рыбаки“, *И. С. Тургенева* „Записки Охотника“, *Гончарова*, „Обрывъ“, *Гоголя*, Вчера на хуторѣ близъ Диканьки, *Графа А. Толстаго*, „Князь Серебряный“ и стихотвор. *Н. А. Некрасова* и друг.

Надъ исполненіемъ этихъ рисунковъ заняты художники журнала Москва.

Въ 1883 году будетъ особенно подробно описано и иллюстрировано красками предстоящее въ Москвѣ Коронованіе

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Всѣ годовые подписчики на 1883 годъ получаютъ главную годовую премію:

роскошную, художественно-исполненную и лакированную олеографію

БОЛЬШУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ КАРТИНУ ХУДОЖНИКА К. В. ЛЕБЕДЕВА.

Русская свадьба въ XVI столѣтіи.

ПРОВОДЫ МОЛОДЫХЪ ВЪ ОПОЧИВАЛЬНЮ ВЪ ДОМѢ БОЯРИНА.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Къ участію въ журналѣ приглашены лучшія литературныя силы.

Въ теченіи года журналъ „Москва“ составитъ два объемистыхъ тома, около 1200 столбцовъ убористаго текста, въ который войдутъ: 1) Иллюстрированные историческіе романы и повѣсти 2) Очерки и разсказы изъ русской жизни 3) Большіе переводные романы знаменитыхъ иностранныхъ писателей 4) Статьи по вопросамъ искусства 5) Иллюстрированныя поэмы и стихотворенія 6) Фельетонъ, хроника общественной жизни 7) Сцены и описанія рисунковъ 8) Юмористическіе наброски на злобы дня 9) Разнообразный отдѣлъ Смѣси: остроты, анекдоты, курьезы, замѣчательныя открытія и изобрѣтенія, полезные совѣты и т. п.

Въ портфелѣ редакціи уже находятся слѣдующія литературныя произведенія: „Поволжская вольница“, повѣсть, **„Очень любила“**, разказъ, **„Вася Блаженный“**, повѣсть, **„Цезарь Борджія“** переводъ, **„Степной домикъ“** очеркъ, **„Царица грезъ“** разсказъ, **„Послѣдняя воля“** повѣсть и многіе другіе.

Съ 1-го января начнется печатаніе **большаго иллюстрированнаго историческаго романа изъ XIV вѣка: „НА РУБЕЖѢ ЯЗЫЧЕСТВА“.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ доставки .	7 р. — к.	На годъ съ дост. и перес.	8 р. — к.
На полъ года.	4 р. — к.	На полъ года	5 р. — к.
На 1 мѣс. безъ гл. прем.	1 р. — к.	На одинъ мѣсяцъ . . .	1 р. — к.

Для Гг. служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и казенныхъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербургѣ Москвѣ и другихъ городахъ) допускается разсочка за ручательствомъ Гг. казначеевъ и управляющихъ

Подписка принимается во всѣхъ магазинахъ Москвы и Петербурга. Въ конторѣ редакціи при литографіи И. И. Клангъ, уголъ Знаменки д. Звѣрева, въ отдѣленіи конторы редакціи: Петровка, д. Петровскаго монастыря, при типографіи А. В. Дитмаръ.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи на имя И. И. Клангъ.

Самый дешевый, самый практичный и полный модный, рукодѣльный и семейный журналъ

ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ

Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ.

Отличается отъ всѣхъ другихъ русскихъ модныхъ журналовъ своей *практичностью:* 1) всякій модный или рукодѣльный рисунокъ сопровождается не простымъ описаніемъ внѣшняго вида, но и объясненіемъ способовъ исполненія, а также разсчетомъ количества нужнаго матерьяла и цѣны. 2) Даетъ 4 раза въ годъ образцы модныхъ матерій, съ показаніемъ ширины и цѣнъ 3) Для достиженія ясности въ объясненіяхъ, даетъ подписчикамъ таблицу цвѣтовыхъ оттѣнковъ, содержащую болѣе 500 тѣней всѣхъ цвѣтовъ.

12 нумеровъ модныхъ и 12 нумеровъ рукодѣльныхъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ „ЖЕНСКОМУ ТРУДУ".

12 раскрашенныхъ модныхъ картинъ.
12 раскрашенныхъ узоровъ рукодѣлій.
6 листовъ выкроекъ для снимапія рѣзцомъ. Монограммы.
12 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину.
4 листа образцовъ модныхъ матерій.
6 раскрашенныхъ картинъ русскихъ костюмовъ.
Ноты для фортепьяно модныхъ танцевъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Гардеробъ; искусство одѣваться къ лицу.—Тайны туалета и косметика.—Кухня и кладовая.—Домоводство.—Цвѣтоводство.—Музыка, театръ, пѣніе и танцы.—Свѣтская жизнь и законы приличія.—Дамскій спортъ.—Уходъ за дѣтьми.—Игры общественныя, карточныя, дѣтскія.—Пасьянсы.—Гаданья.—Условный языкъ.

Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, анекдоты, шарады, задачи, ребусы и т. п.

ЦѢНА ПОДПИСКИ:

Безъ доставки и пересылки.		Съ доставкой и пересылкой.	
въ годъ	4 р. — к.	въ годъ	5 р. — к.
„ полъ года . . .	2 р. 25 „	„ полъ года . . .	3 р. — „
„ четверть года .	1 р. 25 „	„ четверть года .	1 р. 75 к.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, 9 Рождественская ул. д. 32.

Иллюстрированный дѣтскій журналъ

РОДНИКЪ

2-й годъ изданія.

Журналъ **„Родникъ“** выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, съ отдѣльными картинками и политипажами въ текстѣ. Годовое изданіе составитъ четыре тома, около 20 печатныхъ листовъ каждый.

Въ „РОДНИКѢ,“ между прочимъ участвуютъ слѣдующія лица: В. И. Авенаріусъ, К. С. Баранцевичъ, М. Н. Богдановъ (профессоръ), Е. М. Бемъ, П. В. Быковъ, Е. Н. Водовозова, В. И. Водовозовъ, К. В. Ельницкій, Н. Н. Каразинъ, А. В. Кругловъ, А. П. Мунтъ, А. Л. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, Н. И. Позняковъ, Л. Х. Симонова, Н. Н. Северинъ, М. Б. Чистяковъ, М. К. Цебрикова, А. К. Шеллеръ (Михайловъ) и мн. др.

Въ журналѣ помѣщаются: стихотворенія, небольшія повѣсти и разсказы, очерки изъ народной жизни, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, популярныя статьи по исторіи, этнографіи и естествознанію, игры, задачи, шарады, анекдоты и проч.

Выборъ статей принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ.

Приложеніе къ „Роднику:“ педагогическій сборникъ „Воспитаніе и Обученіе“ выходитъ 3 раза въ годъ, книжками въ 5 и болѣе печатныхъ листовъ каждая.

Въ нихъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, критика и библіографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ, педагогическая хроника, русская и иностранная.

Условія подписки на 1883 годъ:

на годъ съ приложеніемъ съ дост. и перес. 6 руб., на годъ безъ приложенія съ дост. и перес. 5 р., на полгода безъ приложенія 3 р., за границу на годъ съ приложеніемъ 8 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи дѣтскаго журнала **„Родникъ,“** Спасская ул., д. № 1.

Редакторъ-Издательница **Е. Сысоева.**

„РУССКІЙ АРХИВЪ“

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

Въ будущемъ году **«Русскій Архивъ»** будетъ издаваться, на прежнихъ основаніяхъ, шестью книжками въ годъ.

Желающіе получать **«Русскій Архивъ»** въ 1883 г. обращются въ Москвѣ: близъ Тверской, по Ермолаевской Садовой, д. 175.

Въ Петербургѣ: близъ Императорской Публичной Библіотеки, по Большой Садовой, въ книжный магазинъ И. И. Глазунова.

Цѣна Русскому Архиву 1883 года съ пересылкою и доставкою на домъ — девять рублей.

Выписывающіе Русскій Архивъ въ чужіе края платятъ 12 руб. Отвѣтственность за исправную доставку принимается только при подпискѣ въ указанныхъ мѣстахъ.

Вступая въ третье десятилѣтіе своего существованія, «Русскій Архивъ не имѣетъ надобности въ особыхъ заявленіяхъ и обѣщаніяхъ.

„РАЗСВѢТЪ"

ОРГАНЪ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Газета **„Разсвѣтъ"** будетъ издаваться и въ 1883 году, подъ тою-же редакціей, по прежней программѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 9 м.	На 6 м.	На 3 м.
Съ доставкою и пересылкою въ Россіи	7 р.	6 р.	4 р.	2 р. 50 к.
Съ доставкою и пересылкою за границею	10 »	8 »	6 »	4 » — »

Разсрочка уплаты подписныхъ денегъ допускается на слѣдующихъ условіяхъ: къ 1 января—3 р., къ 1 апрѣля—2 р., къ 1 іюля—2 р.

С требованіями на газету «РАЗСВѢТЪ» благоволятъ обращаться въ контору редакціи газеты «РАЗСВѢТЪ», С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 16.

Для городскихъ подписчиковъ контора открыта ежедневно, отъ 10—4 часовъ пополудни.

(ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ"

газета политическая, экономическая и литературная

будетъ выходить листами большаго формата по той-же программѣ и съ тѣми-же отдѣлами, какъ и въ настоящемъ году.

Читателямъ извѣстно, что въ текущемъ году намъ разрѣшено открыть и мы открыли отдѣлъ „юридической хроники„, дающій возможность разбирать судебныя рѣшенія и приговоры. Въ продолженіе года у насъ были помѣщаемы разборы приговоровъ, и мы намѣреваемся расширить этотъ отдѣлъ по возможности, въ виду ожидаемой пользы отъ ознакомленія публики съ юридическими вопросами и практикою судовъ.

Въ прошломъ году, въ объявленіи о подпискѣ, мы упоминали о нашихъ отношеніяхъ къ славянскому иноземному міру, съ явленіями котораго постоянно знакомимъ читателей. Что мы не ошибаемся, сознавая важность для Россіи культурнаго, умственнаго и экономическаго общенія въ славянами—доказательствомъ, помимо самой дѣйствительности, служитъ и то, что нѣкоторые органы печати, чуть не глумившіеся надъ нами, стали, въ послѣднее время, также помѣщать статьи о славянскихъ дѣлахъ.

Относительно расширенія областнаго отдѣла мы полагаемъ, что исполнили наше обѣщаніе по мѣрѣ возможности. Помимо небольшихъ корреспонденцій, которыя мы получаемъ изъ значительнаго числа южныхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ, мы дали въ текущемъ году мѣсто обширнымъ обработаннымъ статьямъ отдѣлахъ земскихъ въ Бессарабіи, Одесскомъ, Верхне-Днѣпровскомъ, Александрійскомъ, Тираспольскомъ, Елисаветградскомъ и другихъ уѣздахъ, о городскихъ дѣлахъ Таганрога, Николаева, Херсона, Винницы, Летичева, Аньева и др. Мы не говоримъ уже о послѣдовавшемъ значительномъ расширеніи мѣстной хроники, на которую будетъ обращено особое вниманіе, какъ на выраженіе жизни города.

Статьямъ о желѣзнодорожномъ дѣлѣ, по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, по садоводству и виноделію мы, по прежнему, охотно будемъ удѣлять мѣсто на страницахъ нашего изданія.

Не гонялись за сенсаціонными, большею частью невѣрными или скандальными происшествіями и слухами, вызывающими однако въ массѣ невольные разговоры о газетѣ и, слѣдовательно, пропагандирующими изданіе,—мы давали читателямъ и будемъ продолжать помѣщать повѣсти, разсказы, фельетоны объ общественной жизни (русской и иностранной), литературные очерки и вообще статьи беллетристическаго содержанія. Въ текущемъ году въ нашей газетѣ помѣщено до *шестидесяти* отдѣльныхъ повѣстей и разсказовъ, оригинальныхъ и переводныхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки или доставки:		*съ пересылкой или доставкой:*	
За годъ (12 мѣсяцевъ) . . .	12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ)	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ	7 „ — „	За 6 мѣсяцевъ	8 „ — „
За 3 мѣсяца	3 „ 85 „	За 3 мѣсяца	4 „ 50 „
За 1 мѣсяцъ	1 „ 30 „	За 1 мѣсяцъ	1 „ 50 „

ЗАГРАНИЦУ къ стоимости экземпляра въ Россіи присоединяется на пересылку 50 копѣекъ въ мѣсяцъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодичные, или по четвертямъ года. Для *различныхъ учрежденій* также допускается разсрочка на означенныхъ условіяхъ, и газета можетъ высылаться по ихъ письменнымъ заявленіямъ впредь до полученія ими надлежащихъ ассигновокъ (о срокѣ полученія коихъ должно быть упомянуто въ заявленіи).

Подписка принимается въ **Одессѣ**, въ конторѣ „Одескаго Вѣстника", по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

Городскіе подписчики могутъ подписываться съ какого угодно срока; *иногородные-же*—не иначе, какъ съ 1-го или 15-го числа каждаго мѣсяца. При *перемѣнѣ* адреса должно сообщать прежній адресъ и № билета или бандероли, подъ которыми высылается газета, и, кромѣ того, приложить 20 коп., которыя могутъ быть высланы почтовыми марками.

Редакторъ-издатель **П. А. Зеленый.**

ЛИТЕРАТУРНО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МАЯКЪ“

будетъ издаваться по извѣстной уже читателямъ программѣ.

Продолжая улучшать изданіе съ художественной стороны (читатели обратили вѣроятно вниманіе на работы приглашеннаго нами художника г. Вербеля), въ будущемъ году мы расширимъ какъ отдѣлъ „юмористическій“, такъ и „обозрѣніе общественной жизни“,—расширимъ, конечно, на столько, на сколько не будутъ препятствовать внѣшнія обстоятельства и условія.

Не распространяясь болѣе, находимъ необходимымъ повторить сказанное нами въ минувшемъ году: Всякое правдивое обличительное слово, какихъ бы сферъ и сторонъ нашей жизни оно ни касалось, всякая острая шутка, всякая дѣльная сатира и карикатура перомъ и карандашемъ найдутъ радушный пріемъ на страницахъ „Маяка“, задача котораго, какъ показываетъ и самое названіе, освѣщать все то, что привыкло и любить скрываться во мракѣ.

Срокъ выхода—еженедѣльный:

въ объемѣ двухъ печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: *Для подписчиковъ „Одесскаго Вѣстника„*: безъ пересылки за годъ—4 р., за полгода—2 р. 50 коп., съ пересылкою за годъ—4 р. 50 коп., за полгода—3 р.

Для *постороннихъ*: безъ пересылки за годъ—5 р., за полгода—3 р.; съ пересылкою за годъ—6 р., за полгода—3 р. 50 к.

Статьи, рисунки, карикатуры, письма и проч. просить адресовать: **въ редакцію „Маяка“**

Редакторъ—Издатель **П. А. Зеленый.**

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

будутъ издаваться по прежде утвержденнымъ программамъ:

1) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости.

Церковная, по преимуществу мѣстная, *газета*. Программа ея въ общемъ слѣдующая: **Отдѣлъ оффиціальный**: Высочайшіе манифесты и повелѣнія, синодальные указы и правительственныя распоряженія, относящіяся къ кіевской епархіи, мѣстныя административныя распоряженія и извѣстія и проч. **Отдѣлъ неоффиціальный**: мѣстныя церковныя историко-статистическія извѣстія и достопримѣчательные письменные памятники, хроника мѣстная и общецерковная, извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ церковной жизни въ церкви русской, восточной, западной и проч.

2) Воскресное Чтеніе.

Журналъ *религіозно-нравственнаго* содержанія и характера въ общедоступномъ и общепазидательномъ изложеніи и въ томъ духѣ, направленія и видѣ, какъ онъ издавался *первоначально* Въ немъ будутъ помѣщаемы общепонятныя статьи, служащія къ уразумѣнію слова Божія, богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утвержденію въ сердцѣ любви, вѣры и упованія христіанскаго, краткія житія святыхъ и тому под.

3) Труды Кіевской Духовной Академіи.

Журналъ *научнаго* содержанія и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей. При журналѣ **бтдутъ продолжаться переводы твореній блаженнаго Іеронима** и **Аегустина**.—Изъ твореній бл. Іеронима въ 1883 г. будутъ издаваться его **толкованія на ветхозавѣтныя книги;** изъ твореній бл. Августина—его твореніе **о градѣ Божіемъ.**

Такимъ образомъ изданія кіевской духовной академіи имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей: 1) своевременнаго знакомства съ текущими церковными событіями (*газетное* чтеніе, - „Епархіальныя Вѣдомости"), 2) *религіозно-нравственнаго*, общепазидательнаго и общепонятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе") и 3) научнаго образованія, богословскаго („Труды Кіевской Духовной Академіи").

„Епархіальныя Вѣдомости" выходятъ *два раза* въ мѣсяцъ, въ 4-ю д. л., *не менѣе двухъ листовъ*, „Воскресное Чтеніе"—*еженедѣльно*, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, *не менѣе одного листа въ недѣлю*, „Труды Кіевской Духовной Академіи" будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками *отъ 10 до 12* листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.; Воскреснаго Чтенія—4 р.; Трудовъ Кіевской Духовной Академіи—7 р Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей вмѣстѣ съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р.; Епарх. Вѣдомостей съ Трудами—10 р.; Воскреснаго Чтенія съ Трудами—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудами—12 р. с.

Адресъ: въ редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, или Воскреснаго Чтенія, или Трудовъ, при кіевской духовной академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, 2) Игн. Л. Тузова—въ С.-Петербургѣ, 3) А. Н. Ферапонтова—въ Москвѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе" за слѣдующіе годы существованія журнала при академіи: I (1837—38), II 1838—39), V (1841—42), X (1846—47), XI (1847—48) XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIII (1859—60), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVII (1863—64),

XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 2 руб. 60 к. за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—1881 г.г. по 4 р. за экземпляръ съ перес.

Епарх. Вѣдомости за 1880 и 1881 г.г. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп. за экземпл. съ перес.

«Труды Кіевской духовной Академіи» продаются *по уменьшенной цѣнѣ:* 1860—1866, 1868 годы по 2 р. 60 к.; за 1869—1873 годы по 4 р; за 1874—1878 г.г. по 5 руб. съ пересылкою, за 1879, 1880 1881 г.г. по 6 руб. съ пересылкою.

Выписывающимъ единовременно не менѣе 10 годовыхъ экземпляровъ «Трудовъ» и «Воскреснаго Чтенія» дѣлается уступка по 25% съ номинальной цѣны; выписывающіе «Воскресное Чтеніе» получаютъ сверхъ того указатель къ первымъ 25 годамъ этого журнала.

Мѣсячныя книжки «Трудовъ» 1860—1873 г. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 75 коп.

„МОСКОВСКАЯ ГАЗЕТА“

(ЕЖЕДНЕВНОЕ, БЕЗЦЕНЗУРНОЕ ИЗДАНІЕ).

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Газета поставила себѣ задачею служить исключительно русскимъ интересамъ и будетъ содержать въ себѣ:

1) Политическое обозрѣніе: Обзоръ иностранной и русской жизни. 2) Телеграммы внутреннія и иностранныя. 3) Внутреннее обозрѣніе: обзоръ столичной и провинціальной жизни. Случаи, происшествія, корреспонденціи. 4) Мѣстный дневникъ: случаи и происшествія московской жизни. 5) Театральная хроника. 6) Биржевыя и торговыя свѣдѣнія. 7) Судебная хроника: судебныя новости и отчеты. 8) Заграничная хроника: извѣстія о жизни иностранныхъ государствъ.— Корреспонденціи. 9) Мануфактурныя и торговыя свѣдѣнія. 10) Фабричная и промышленная дѣятельность. 11) Науки, искусства и художества. 12) Фельетонъ: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія, разборъ журналовъ и книгъ. 13) Почтовый ящикъ. 14) Московскій справочный календарь. 15) Рекламы и объявленія.

Въ будущемъ, второмъ году своего существованія, «Московская газета» будетъ издаваться по той-же программѣ (программѣ всѣхъ большихъ газетъ), подъ редакціею и при участіи какъ нынѣшнихъ, постоянныхъ, такъ и нѣсколькихъ новыхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ.

Помимо обстоятельной и полной картины общественной жизни древней русской столицы, «Московская газета» представляетъ о каждомъ болѣе или менѣе выдающемся событіи свое мнѣніе, въ руководящихъ статьяхъ, написанныхъ живымъ языкомъ, чуждымъ такъ называемой газетной рутины; кромѣ того, въ ней отведено видное мѣсто взглядамъ и мнѣніямъ другихъ органовъ печати какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ съ критической оцѣнкой этихъ мнѣній и взглядовъ; такимъ образомъ, подписчики «Московской газеты» могутъ составить себѣ самый широкій и безпристрастный взглядъ на всякое событіе.

Подписка на газету и продажа ея отдѣльными №№ производятся въ конторѣ редакціи: Москва, Софійская набережная, д. Котельниковой, и въ отдѣленіяхъ конторы: на станціи конно-желѣзной дороги, у Иверскихъ воротъ; въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ университета; С. И. Леухина у Иверскихъ воротъ и Андронова, на Петровкѣ, д. Хомяковыхъ; Прѣснова и Земскаго на Никольской улицѣ; Васильева на Страстномъ бульварѣ; Вольфа на Кузнецкомъ мосту и въ Охотномъ ряду, въ газетной торговлѣ Девяткина.

Кромѣ того, подписка принимается также: въ С.-Петербургѣ, Литейная № 48 и въ Казани, въ книжномъ магазинѣ, «Восточная Лира».

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой:

За годъ	9 р.	— к.
„ полгода	5 „	— „
„ три мѣсяца	3 „	— „
„ одинъ мѣсяцъ	1 „	— „

БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

За годъ	8 р.	— к.
„ полгода	4 „	50 „
„ три мѣсяца	2 „	50 „
„ мѣсяцъ	— „	90 „

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ главную контору редакціи: въ Москву, у Большаго Каменнаго моста, домъ Котельниковой.

Примѣчаніе. Столбцы нашей газеты постоянно будутъ открыты для гг. иногороднихъ корреспондентовъ, которые могутъ быть вполнѣ гарантированы, что ихъ имена будутъ сохранены въ полной тайнѣ.

Для личныхъ объясненій редакція открыта отъ 2 до 3 часовъ дня, кромѣ праздниковъ.

ПРОГРАММА

ЖУРНАЛА

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозные, правовые и т. п., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и заграницею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Къ изданію отъ времени до времени прилагаются портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа и снимки со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“, по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. Б., Багалѣй Д. И., Будановъ М. Ф., Бѣлозерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Викторовъ А. Е., Воронинъ А. Ѳ., Галаганъ Г. П., Ганицкій М. А., Головацкій Я. Ѳ., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Горленко В., Дашкевичъ Н. П., Ефименко П. С., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. Ѳ., Костомаровъ Н. И., Каманинъ И. М., Крыжановскій Е. М., Кондратовичъ Ѳ. К., Лазаревскій А. М., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій П. С., Левицкій О. Н., Лѣсковъ Н. С., Малышевскій И. И., Мацѣевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Новицкій Н. И., Петровъ Н. Н., Пономаревъ С. И., Потебня А. А., Праховъ А. В., Скальковскій А. А., Смокгій А. И., Терновскій Ф. А., Шимановъ А. Л., Ханенко А. Н., Чалый М. К. и другіе.

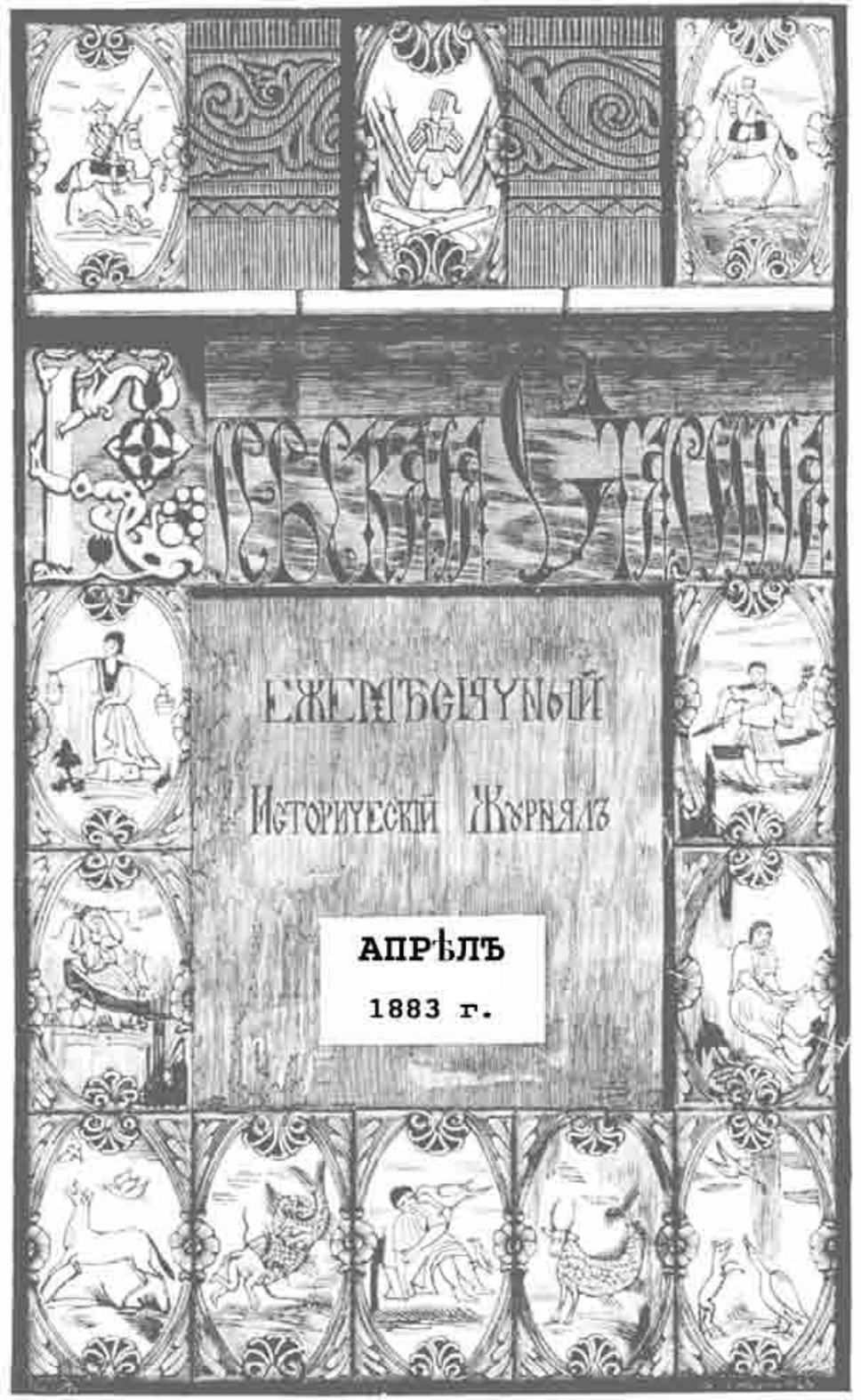
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Апрѣлъ
1883 г.

Отъ Редакціи.—Въ дальнѣйшихъ книжкахъ „Кіевской Старины“ сего года будутъ помѣщены заказываемые въ Дрезденѣ снимки съ рѣдкихъ старинныхъ портретовъ знаменитаго защитника православія князя Константина Острожскаго и ближайшихъ виновниковъ уніи: Ипатія Поцея, епископа владимірскаго, и Кирилла Терлецкаго, епископа луцкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1883 г.

I. ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ. (*Окончаніе*). **Н. Лѣскова** 691

II. ШПИТАЛИ ВЪ МАЛОРОССІИ. **П. Ефименка**. 709

III. ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ. (*Окончаніе*). **Ѳ. Кондратовича**. 728

IV. ВОЛЫНСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX СТОЛѢТІЯ. . 774

V. ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ. (Письма С. Т. Аксакова и др.). Сооб. **С. Покомаревъ**. 829

VI. ПИСЬМА Т. Г. ШЕВЧЕНКА КЪ БР. ЗАЛЕСКОМУ (1853—1857 г.) (*Окончаніе*). Сообщилъ **М. Т—овъ**. 853

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Покажчикъ новоі українськоі літератури. Зібравъ М. Комаровъ. Кіевъ 1883 г.—б) Dr. Antoni I.—Niewiasty kresowe. Warszawa 1883. *В. А.*—в) Iuljan Zacharjewicz i Isydor Szaraniewicz.—Wycieczka do Załukwi, Halicza i na Kryłos. Lwów. 1882. *В. А.*—г) Историческіе дѣятели юго-западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ. Выпускъ 1-й. Сост. проф. унив. св. Владим. В. Б. Антоновичъ и В. А. Бецъ по коллекціи В. В. Тарновскаго. Кіевъ. 1883 г. 867

III. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Попытка основанія православной архіерейской каѳедры въ г. Немировѣ, въ XVIII столѣтіи. Архим. *Арсенія*. —б) «Отъ чего духъ геройства въ Малороссіи исчезъ?» —Сооб. *А. Л.*— в) Кіевская пертурбація 1786 г.—г) Словечко по поводу замѣчанія о федеративномъ началѣ въ древней Руси. *Н Костомарова*.—д) Письмо Кошевого Осипа Гладкого къ А. А. Скальковскому. Сообщ. *Скальковскій*.—е) Отживающая или начальная форма «Вертепной драмы?» *О. Пч.*—ж) Подлясская злополучница. *N.*—з) Талавиря Сообщ. *И. Манжура* 883

ПРИЛОЖЕНІЯ: а) Указатель, б) Планъ задун. Сѣчи и в) Видъ Дунавца.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1883 г. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой, противъ памятника Хмельницкаго. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 г. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ V.

АПРѢЛЬ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27-го марта 1883 года.

ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ.

(Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній).

(Окончаніе). *)

XXXV.

Теперь еще хочется упомянуть объ одномъ кіевскомъ событіи, которое прекрасно и трогательно само по себѣ и въ которомъ вырисовалась одна странная личность съ очень сложнымъ характеромъ. Я хочу сказать о священникѣ Евфиміѣ Ботвиновскомъ, котораго всѣ въ Кіевѣ знали просто подъ именемъ „попа Ефима", или даже „Юхвима".

Усопшій епископъ рижскій Филаретъ Филаретовъ, въ бытность его ректоромъ духовной академіи въ Кіевѣ, 28 декабря 1873 года писалъ мнѣ: „спрашиваете о Евфимѣ. Евфимъ, другъ нашъ, умре 19 сентября. Оставилъ семейство изъ шести душъ, трехъ женскихъ и трехъ мужескихъ. Но, видно, Евфимъ при слабостяхъ своихъ имѣлъ въ себѣ много добраго. При его погребеніи было большое стеченіе народа, провожавшаго его *съ большимъ плачемъ*. Дѣти остались на чужомъ дворѣ, безъ гроша и безъ куска хлѣба; но добрыми людьми они обезпечены теперь такъ, что едва-ли-бы и при отцѣ могли имѣть то, что устроила для нихъ попечительность людская".

Съ тѣхъ поръ, когда мнѣ довелось быть въ Кіевѣ, я никогда и ни отъ кого не могъ получить никакихъ извѣстій о дѣтяхъ отца Евфима; но, что всего страннѣе, и объ немъ самомъ память какъ будто совершенно исчезла, а если начнешь усиленно будить ее, то

*) См. март. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 493—527.

услышишь развѣ только что-то о его „слабостяхъ". Въ письмѣ своемъ пр. Филаретъ говоритъ: „не дивитеся сему—банковое направленіе все заѣло. Въ Кіевѣ ничѣмъ не интересуются, кромѣ *картъ* и *денегъ*".

Не знаю, совершенно-ли это такъ, но думается, что довольно близко къ истинѣ.

Что-бы не вызывать недомолвками пустыхъ толкованій, лучше сказать, что „слабости" о. Ефима составляли просто *кутежи*, которые тогда были въ большой модѣ въ Кіевѣ. Отецъ Евфимъ оказался большимъ консерваторомъ и переносилъ эту моду немножко дальше, чѣмъ было можно. Отецъ Евфимъ любилъ хорошее винцо, природу и охоту. Онъ былъ лучшій билліардный игрокъ *послѣ Курдюмова* и отлично стрѣлялъ; при томъ онъ, по слабости своего характера, не могъ воздержаться отъ удовольствія поохотиться, когда попадалъ въ кругъ друзей изъ дворянъ. Тутъ о. Евфимъ переодѣвался въ егерскій костюмъ, хорошо приспособленный къ тому, что-бы спрятать его „гриву", и „полювалъ" по преимуществу съ гончими. Нрава Юхвимъ былъ веселаго, даже дѣтски шаловливаго и увлекающагося до крайностей, иногда непозволительныхъ; но это былъ такой человѣкъ, какихъ родится немного и которыхъ грѣшно и стыдно забывать въ одно десятилѣтіе.

Каковъ Юхвимъ былъ, какъ священникъ,—этого я разбирать не стану, да и думаю, что это извѣстно одному Богу, которому служилъ онъ, какъ могъ и какъ умѣлъ. Внѣшнимъ образомъ въ священнодѣйствіи Юхвимъ былъ мастеръ и знатокъ, но лѣноватъ, и потому служилъ рѣдко—больше содержалъ у себя для служенія какихъ-то „приблудныхъ батюшокъ", которые всегда проживали у него-же въ домѣ. Отецъ Юхвимъ прекрасно читалъ и иногда, читая великопостные каноны, неудержимо плакалъ, а потомъ самъ надъ собою шутилъ, говоря:

— Стілько я, ледачій піпъ, нагрішивъ, що Богъ вже змиловався надо мною и давъ мені слезы, що-бъ плакати ділъ моихъ горько. Не можу служить, не плачучи.

Разберите и разсудите хоть по этому, что это былъ за человѣкъ *по отношенію къ вѣрѣ?* По моему мнѣнію, онъ былъ человѣкъ богопочтительный, но его кипучая, художественная, артистическая натура, при умѣ живомъ, но крайне легкомъ и не серьез-

номъ, постоянно увлекала его то туда, то сюда, такъ что онъ могъ бы и совершенно извертѣться, если-бы не было одного магнита, который направлялъ его блужданія къ опредѣленной точкѣ. Магнитомъ этимъ, дѣйствовавшимъ на Юхвима съ страшною, всеодолѣвающею *органическою* силою была его громадная, прирожденная *любовь къ добру* и *состраданіе*.

Когда я зазналъ отца Евфима, онъ былъ очень юнымъ священникомъ маленькой деревянной церковки Іоанна Златоуста противъ нынѣшней старокіевской части. Приходъ у него былъ самый бѣднѣйшій, и отцу Евфиму совершенно не чѣмъ-бы было питаться, если-бы семьѣ его Господь не послалъ „врана".

Этотъ „питающій вранъ" былъ *разучившійся грамотѣ* дьячекъ Константинъ, или Котинъ, длинный, худой, съ сломанымъ и согнутымъ на сторону носомъ, за что и прозывался „Ломоносовымъ".

Онъ самъ о себѣ говаривалъ:

— Я вже часто не здужаю, бо ставъ старый; але що маю подіяти, якъ робити треба.

„Треба" была—вотъ почему, что Ломоносовъ считалъ „на своемъ воспитаніи" молодую, но быстро нароставшую семью своего молодаго и совершенно беззаботнаго священника.

Дьячекъ Котинъ служилъ при его отцѣ, Георгіѣ Ботвиновскомъ, зналъ Евфима дитятею и студентомъ академіи, и теперь, видя его крайнюю безпечность обо всѣхъ домашнихъ нуждахъ, принялъ домъ священника „на свое воспитаніе".

Трудъ Ломоносова состоялъ въ томъ, что все лѣтнее время, пока Кіевъ посѣщается „богомулами", онъ вставалъ до зари, садился у церковной оградочки съ деревяннымъ ящичкомъ, съ прорѣзкою въ крышкѣ, и „стерегъ богомуловъ".

Дѣло это очень заботное и требовало не малой сообразительности и остроты разума, а также смѣлости и такта, ибо, собственно говоря, Ломоносовъ „воспитывалъ семейство" на счетъ другихъ приходовъ и преимущественно на счетъ духовенства церквей Десятинной, Андреевской и всѣхъ вкупѣ святынь Подола.

Константинъ отпиралъ церковь, зажигалъ лампадочку и садился у дверей на маленькой скамеечкѣ;—передъ собою онъ ставилъ мѣдную чашку съ водою и кропило, рядомъ ящичекъ или „карнавку",

а въ руки бралъ шерстяной пагленокъ, который вязалъ вѣчно и безъ окончанія.

— Бо духовному лицу треба бути въ трудѣхъ бденныхъ.

Какъ большинство обстоятельныхъ и сильно озабоченныхъ людей, Котинъ былъ порядочный резонеръ и уважалъ декорумъ и благопристойность.

„Богомулъ“ (въ собирательномъ смыслѣ) идетъ по Кіеву опредѣленнымъ путемъ, какъ сельдь у береговъ Шотландіи, такъ что прежде „напоклоняется усімъ святымъ печерскимъ, потімъ того до Варвары, а потімъ Макарію софійскому, а потімъ вже геть просто *мимо Ивана* до Андрея и Десятинного и на Подолъ“.

Маршрутъ этотъ освященъ вѣками и до такой степени традиціоненъ, что его никто и не думалъ-бы измѣнять. Церковь Іоанна Златоуста, или, въ просторѣчіи, кратко „*Иванъ*“, была все равно что пунктъ водораздѣла, откуда „богомулъ“ принимаетъ наклонное направленіе, „*мимо Ивана*“.

Къ „Ивану“ заходить было не принято, потому что Иванъ самъ по себѣ ничѣмъ не блестѣлъ, хотя и отворялъ радушно свои двери съ самыхъ спозаранокъ. Но нужда, изощряющая таланты, сдѣлала умъ Котина столь острымъ, что онъ изъ этого мимоходнаго положенія своего храма извлекалъ сугубую выгоду. Онъ сидѣлъ здѣсь на водораздѣлѣ теченія и „переловливалъ богомуловъ“, такъ что они не могли попадать къ святынямъ Десятинной и Подола, пока Котинъ ихъ „трохи не вытруситъ“. Дѣлалъ онъ это съ превеликою простотою, тактомъ и съ такою отвагою, которою даже самъ хвалился:

— Тиі богомулы, що у лавру до святыхъ поприходили,—говорилъ онъ,—тихъ я до себе затягти не можу, не про те, що мій храмъ такій малесенькій, а про те, що лавра на такімъ пути, що іі скрізь видно. Одъ нихъ вже нехай лаврикові торгують. А що до подольскихъ, або до Десятинного, то сіи вже нехай собі пальци поссуть якъ я имъ дамъ що уторгувати и необібранихъ богомулівъ спущу имъ.

Онъ „обиралъ“ богомуловъ вотъ какимъ образомъ: имѣя подлѣ себя „карнавку“, Котинъ, чуть завидитъ или заслышитъ двигающихся тяжелыми ногами „богомуловъ“, начиналъ „трясти грошъ“ въ ящичкѣ, приговаривая:

— Богомули! богомули! Куды це вы? Жертвуйте, жертвуйте до церковці Ивана Золотоустого!

И чуть мужики пріостанавливались, чтобы достать и положить по грошу, Котинъ вдругъ опутывалъ ихъ ласкою. То онъ спрашивалъ: „звіткиля се вы?“, то „якъ у васъ сей годъ житечко зародило?“, то предложитъ иному „ужить табáки“ изъ его тавлинки, а затѣмъ и прямо звалъ въ церковь.

— Идить-же, идить до храму святого... усходьте... я вамъ одну таку святыню покажу, що ніде іі не побачите.

Мужички просились:

— Мы, выбачайте, на Подолъ йдемо, та до князя Владиміра.

Но Котинъ уже не выпускалъ „богомула“.

— Ну, та що тамъ таке у святого Владиміра?—начиналъ онъ съ неодолимою смѣлостію ученаго критика.—Богъ зна, чи що тамъ есть, чи чого нема. Вінъ собі бувъ ничого, добрый князь; але, якъ усі чоловіки, мавъ жінку, да ще не единую. Заходьте до мене, я вамъ свячену штучку покажу, що святивъ той митрополитъ Евгеній, що підъ софійскимъ підъ поломъ лежитъ... Евгеній, то, бачите, бувъ еній (Котинъ почему-то не говорилъ *геній*).

А во время такого убѣдительнаго разговора онъ уже волокъ мужика или бабу, которая ему казалась вліятельнѣе прочихъ въ группѣ, за руку и вводилъ всѣхъ въ церковь и подводилъ ихъ къ столу, гдѣ опять была другая чаша съ водой, крестъ, кропило и блюдо, а самъ шелъ въ олтарь и выносилъ оттуда старенькій парчевый воздухъ и начиналъ всѣхъ обильно кропить водою и отирать этимъ перепачканнымъ воздухомъ, приговаривая:

— Боже благослови, Боже благослови!.. Умыхся еси, отерся еси; умыхся, отерся... То нашъ еній Евгеній сей воздухъ святивъ... цілуйте его, христіяне, собі на здоровье... души во спасеніе... во очищеніе очесъ... костей укріпленіе... И потомъ вдругъ приглашалъ прилечь отдохнуть на травкѣ около церкви, или-же идти „впростъ— до батюшки, до господы“, т. е. на дворъ къ отцу Евфиму, который былъ тутъ-же рядомъ.

Котину почти ежедневно удавалось заманить нѣсколькихъ „богомуловъ“ на батюшкинъ дворъ, гдѣ имъ давали огурцовъ, квасу и хлѣба и мѣсто подъ сараемъ, а они „жертвовали“ кто что можетъ.

Выходило это такъ, что и „богомуламъ“ было безъобидно, и „дома“ хозяину выгодно. Каждый день былъ „свѣжій грошъ“, а на другое утро „богомулы шли опустошени“, и Котинъ ихъ самъ напутствовалъ:

— Идіть теперички, христіяне, куди собі хочете,—хоть и до святого Владиміра.

Перехожая пошлина съ нихъ у Ивана была уже взята.

Таковъ былъ простодушный, но усердный печальникъ о семьѣ безпечальнаго отца Евфима въ первое время; но потомъ, когда Евфима перевели на мѣсто усопшаго брата его Петра, въ троицкую церковь, его начали знать болѣе видные люди и стали доброхотствовать его семьѣ, о которой самъ Евфимъ всегда заботился мало.

— Нашъ батюшка, говорилъ Котинъ, завжди въ росході, бо ёго люде дуже люблять.

Это была и правда. Ни семейная радость, ни горе не обходилось безъ „Юхвима“. Ему давали „за руки“ спорныя деньги, его выбирали душеприказчикомъ, и онъ всѣ *чужія дѣла* исполнялъ превосходно. Но о своихъ не заботился нимало и довелъ это до того, что „самъ себя изницилъ“.

Вотъ событіе, которымъ онъ одно время удивилъ Кіевъ и далъ многимъ хорошій поводъ оклеветать его за добро самыми черными клеветами.

XXXVI.

Былъ въ Кіевѣ уѣздный казначей Осипъ Семеновичъ Т—ій, котораго привезъ съ собою изъ Житоміра предсѣдатель казенной палаты Ключаревъ. Мы этого чиновника знали мало, а отецъ Евфимъ *нисколько*. Вдругъ при одной повѣркѣ казначейства новымъ предсѣдателемъ Кобылинымъ оказался прочетъ въ казенныхъ суммахъ, кажется, около 20,000 рублей, а можетъ быть и нѣсколько меньше. Казначей былъ извѣстенъ своею честностію и аккуратностію. Какъ образовался этотъ прочетъ,—я думаю никто навѣрно не знаетъ, потому что дѣло было замято и потушено; но семьѣ казначея угрожала погибель. Объ этомъ много говорили и очень сожалѣли маленькихъ дѣтей казначея.

Дошло это дѣло до Евфима и ужасно его тронуло. Онъ задумался, потомъ вдругъ заплакалъ и воскликнулъ:

— Тутъ надо помочь!

— Какъ-же помочь? надо заплатить деньги.

— Да, конечно, надо заплатить.

— А кто ихъ заплатитъ?

— А вотъ попробуемъ.

Отецъ Евфимъ велѣлъ „запречь игумена" (такъ называлъ онъ своего карого коня, купленнаго у какого-то игумена) и поѣхалъ къ Кобылину съ просьбою подержать дѣло въ секретѣ два, три дня, пока онъ „попробуетъ".

Предсѣдателю такое предложеніе, разумѣется, было во всѣхъ отношеніяхъ выгодно, и онъ согласился ожидать, а Евфимъ пошелъ гонять своего „игумена". Объѣздилъ онъ всѣхъ друзей и пріятелей и у всѣхъ, у кого только могъ, просилъ пособить—„спасти семейство". Собралъ онъ не мало, помнится, будто тысячъ около четырехъ, что-то далъ и Кобылинъ; но недоставало все-таки много. Не помню теперь, сколько именно, но много что-то недоставало, кажется, тысячъ двѣнадцать, или даже болѣе.

У насъ были совѣты и рѣшено было „собранное сберечь для семьи", а казначея предоставить его участи. Но предобрѣйшему Евфиму это не нравилось.

— Что тамъ за участь дѣтямъ безъ отца! проговорилъ онъ и на другой-же день *внесъ всѣ деньги,* сколько ихъ слѣдовало.

Откуда-же онъ ихъ взялъ?

Онъ *раззорилъ свое собственное семейство:* онъ заложилъ домъ свой и домъ тещи своей, вдовы протоіерея Лободовскаго, надавалъ векселей и сколотилъ сумму, что-бы выручить человѣка, котораго, опять повторяю, *онъ не зналъ,* а зналъ только о бѣдствіи, его постигшемъ...

Разсудительнымъ или безразсуднымъ кому покажется этотъ поступокъ, но во всякомъ случаѣ онъ столь великодушенъ, что о немъ стоитъ вспомнить, и если слова еп. Филарета справедливы, что дѣти Ботвиновскаго призрѣны, то поневолѣ приходится повторить съ псалмопѣвцемъ: „не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмени его просящя хлѣба".

Другаго такого поступка, совершеннаго съ полнѣйшею простотою сверхъ силъ и по одному порыву великодушія, я не видалъ ни отъ кого, и когда при мнѣ говорятъ о пресловутой „поповской жадности", я всегда вспоминаю, что самый, до безразсудности, безкорыстный человѣкъ, какого я видѣлъ,—это *былъ попъ*.

Поступокъ Евфима не только не былъ оцѣненъ, но даже былъ осмѣянъ и послужилъ поводомъ къ разнообразнымъ клеветамъ, имѣвшимъ дурное вліяніе на его расположеніе и положеніе.

Съ этихъ поръ онъ началъ снова захудѣвать, и все въ его дѣлахъ пошло въ разстройство: домъ его былъ проданъ, долгъ тещѣ его тяготилъ и мучилъ; онъ переѣхалъ къ своей, перенесенной на Новое Строеніе троицкой церкви и, вдобавокъ, овдовѣлъ, а во вдовствѣ такой человѣкъ, какъ Евфимъ, былъ совершенно не возможенъ.

Жена его была прекрасная и даже очень миленькая женщина, веселаго и добраго нрава, терпѣливая, прощающая и тоже беззаботная. Лучшей пары отцу Евфиму и на заказъ нельзя было подобрать, но когда въ дѣлахъ ихъ пошелъ упадокъ, и она стала прихварывать, ей стало скучно, что мужа никогда почти нѣтъ дома. Она умерла какъ-то особенно тихо и грустно, и это обстоятельство вызвало въ отцѣ Евфимѣ еще одинъ необыкновенный порывъ въ свойственномъ ему малоразсудительномъ, но весьма оригинальномъ родѣ. Мало удосуживаясь видѣть жену свою при ея жизни, онъ *не могъ* разстаться съ нею съ мертвою, и это побудило его рѣшиться на одинъ крайне рискованый поступокъ, еще разъ говорящій о его причудливой натурѣ.

XXXVII.

Троицкая церковь, къ которой перешелъ о. Евфимъ послѣ смерти своего брата, находилась на Старомъ Кіевѣ, противъ зданія присутственныхъ мѣстъ, гдѣ нынѣ начинается скверъ отъ стороны софійскаго собора. Церковь эта была маленькая, деревянная и вдобавокъ ветхая, какъ и церковь Іоанна Златоуста, находившаяся по другую сторону присутственныхъ мѣстъ, и съ постройкою этихъ послѣднихъ ее рѣшено было перенести на Новое Строеніе, гдѣ, конечно, надо было строить церковь вновь, сохранивши названіе прежней. Отецъ Евфимъ самъ распоряжался постройкою церкви и осуществилъ при этомъ нѣкоторыя свои фантазіи. Такъ, наприм.,

въ бытность его въ Петербургѣ, онъ мнѣ разсказывалъ, что устроилъ гдѣ-то въ боковой части олтаря маленькую „комору подъ землею",—что-бы тамъ лѣтомъ, въ жары, хорошо было отдыхать.

Я не видѣлъ этой „коморы" и не знаю, какъ она была устроена, но знаю несомнѣнно, что она есть, и что въ ней скрывается теперь ни для кого уже не проницаемая тайна.

— Гдѣ схоронена покойная Елена Семеновна? спросилъ я отца Евфима, разсказывавшаго мнѣ тяжесть своего вдоваго положенія.

— А у меня подъ церковью, отвѣчалъ онъ.

Я удивился.

— Какъ, говорю, подъ церковью? Какъ-же вы это могли выхлопотать? Кто вамъ разрѣшилъ?

— Ну вотъ, говоритъ,—„разрѣшилъ"! Что я за дуракъ, чтобы сталъ объ этомъ кого-нибудь спрашивать? Разумѣется, никто-бы мнѣ этого не разрѣшилъ. А я такъ, чтобы она, моя голубонька, со мною не разставалась,—я *самъ ее закопалъ подъ поломъ въ коморѣ,* и хожу туда и плачу надъ нею.

Это мнѣ казалось невѣроятнымъ и я безъ стѣсненія сказалъ отцу Евфиму, что ему не вѣрю, но онъ забожился и разсказалъ исторію погребенія покойницы подъ церковью въ подробностяхъ и съ такою обстоятельностію, что основаніе къ недовѣрію исчезло.

По словамъ отца Евфима, какъ только Елена Семеновна скончалась, онъ и два преданные ему друга (а у него ихъ было много) разобрали въ нижней „коморѣ" полъ и сейчасъ-же стали *своими руками* копать могилу. Къ отпѣванію покойной въ церкви—могила была готова. Приготовлялась-ли тоже, какъ слѣдовало, могила на кладбищѣ,—я не спросилъ. Затѣмъ покойную отпѣли въ большомъ собраніи духовенства и, кажется, въ предстояніи преосвящ. Филарета Филаретова, который тогда былъ еще архимандритомъ и ректоромъ кіевской академіи. По отпѣваніи и запечатлѣніи гроба *выносъ былъ отложенъ* до завтра, будто за неготовностью могильнаго склепа. Затѣмъ, когда отпѣвавшее духовенство удалилось, отецъ Евфимъ съ преданными ему двумя друзьями (которыхъ онъ называлъ) пришли ночью въ церковь и *похоронили покойницу въ могилѣ, выкопанной въ коморѣ подъ олтаремъ.* Потомъ полъ

опять заслали и слѣдъ погребенія исчезъ навсегда, „до радостнаго утра“ *).

Покойный еп. Филаретъ Филаретовъ, кажется, зналъ объ этомъ. По крайней мѣрѣ, когда я его спрашивалъ: *гдѣ* погребена Елена Семеновна? онъ, улыбаясь, махалъ рукою и отвѣчалъ: „Богъ его знаетъ, гдѣ онъ ее похоронилъ“.

XXXVIII.

Какъ-же относились къ такому священнику люди?

Моралисты и фарисеи его порицали, но простецы и „мытари“ любили „предобраго Евфима“ и, какъ писалъ мнѣ преосв. Филаретъ, „провожали его съ большимъ плачемъ“.

Не каждаго такъ проводятъ даже и изъ тѣхъ, кои „носили всѣ книги кожаны“ и соблюли всѣ посты и „субботы“.

И какъ было не плакать о такомъ простякѣ, который являлъ собою живое воплощеніе добра! Конечно, онъ не то, что пасторъ Оберлинъ; но онъ нашъ, простой русскій попъ, человѣкъ, можетъ, и безолаберный, и грѣшный, но всепрощающій и безкорыстнѣйшій. А много-ли такихъ на свѣтѣ?

А что думало о немъ начальство?

Кажется, не одинаково. От. Евфимъ служилъ при трехъ митрополитахъ. Выс.-преосв. Исидоръ Никольскій былъ мало въ Кіевѣ и едва-ли успѣлъ кого узнать. Преемникъ его Арсеній Москвинъ *не* благоволилъ къ Ботвиновскому, но покойный Филаретъ Амфитеатровъ, надо полагать, его любилъ. Разъ онъ призывалъ Евфима по какой-то жалобѣ или какому-то слуху, о существѣ коего впрочемъ на митрополичьемъ разбирательствѣ ничего обстоятельно не выяснилось.

О разбирательствѣ этомъ разсказывали слѣдующее: когда Филарету наговорили что-то о „необстоятельности“ Ботвиновскаго,

---

*) Собранныя нами теперь по поводу предложеннаго разсказа свѣдѣнія способны только подтвердить его достовѣрность: никто изъ тѣхъ, кого мы разспрашивали, не помнитъ, даже со словъ другихъ, факта провода на кладбище тѣла умершей жены о. Ефима, а помнятъ только фактъ совершеннаго надъ нею торжественнаго отпѣванія и предложенной затѣмъ поминальной трапезы.—Ред.

митрополитъ о немъ разспросилъ и, должно быть, составилъ мнѣніе въ „смягчающемъ“ тонѣ. А самый судъ произвелъ такъ:

— Ты Батвиневской? спросилъ онъ обвиняемаго.

— Ботвиновскій, отвѣчалъ от. Евфимъ.

— Что-о-о?

— Я Ботвиновскій.

Владыка сердито стукнулъ по столу ладонью и крикнулъ:

— Врешь!.. Батвиневской!

Евфимъ молчалъ.

— Что-о-о? спросилъ владыка.—Чего молчишь?

Тотъ подумалъ—что ему отвѣчать? и благопокорно произнесъ:

— Я Батвиневской.

Митрополитъ успокоился и съ добраго лица его радостно исчезла непривычная тѣнь напускной строгости и онъ протянулъ своимъ беззвучнымъ баскомъ:

— То-то и есть... Батвиневской!.. Покорился!.. Ну, теперь иди къ своему мѣсту.

А „прогнавъ“ такимъ образомъ „Батвиневскаго“, онъ говорилъ намѣстнику лавры (тогда еще благочинному) отцу Варлааму.

— Добрый мужиченко этотъ Батвиневской,—очень добрый... И покорился... Только зачѣмъ онъ трубку изъ длиннаго чубука палитъ?

Инокъ отвѣчалъ, что онъ этого не знаетъ, а добрый владыка разворковался:

— Это его Крамаревъ обучилъ... Скажи ему, чтобы не курилъ изъ длиннаго чубука.

Очевидно, что шло что-то о куреніи. Отецъ Евфимъ и въ этомъ *покорился*,—курилъ папиросы.

Къ сему развѣ остается добавить, что Ботвиновскій былъ очень видный собою мужчина и, по мнѣнію знатоковъ, въ молодости превосходно танцовалъ мазурку, и... искусства этого никогда не утаивалъ.

Мнѣ думается, что такой непосредственный человѣкъ непремѣнно долженъ имѣть мѣсто среди кіевскихъ *антиковъ*, и даже можетъ быть воспоминаніе о немъ окажется самымъ симпатичнымъ для кіевлянъ, между коими вѣроятно еще не мало тѣхъ, что „шли плача за его гробомъ“.

Какъ-бы хорошо было, если-бы при этомъ кто нибудь вспомнилъ и поискалъ: гдѣ теперь дѣти этого достойнаго памяти добряка?

XXXIX.

О *кіевскихъ богатыряхъ* я знаю мало. Видоизмѣняясь отъ облика Ильи и Чурилы до фигуры Остапа Бульбы, къ моему времени въ Кіевѣ они являлись въ лицахъ того-же приснопамятнаго Аскоченскаго, студента Кол--ва и торговаго человѣка (прикащика купца Козловскаго) Ивана Филипповича Касселя (чистаго, безпримѣснаго хохла, наказаннаго за какой-то первородный грѣхъ иноземною кличкою).

О силѣ Аскоченскаго говорили много, приводя примѣры, что будто ее иногда по неволѣ принимали въ соображеніе бывшій въ его время ректоромъ „русскій Златоустъ" Иннокентій Борисовъ и инспекторъ Іеремія. Достовѣрнаго въ этомъ кажется то, что когда инспекторъ отобралъ разъ у студентовъ чубуки и снесъ ихъ къ Иннокентію, то Аскоченскій, съ его „непобѣдимою дерзостію", явился къ Иннокентію „требовать *свою собственность*". А когда Иннокентій назвалъ это нахальствомъ и приказалъ наглецу „выйдти вонъ", то Аскоченскій взялъ „весь пукъ чубуковъ" и сразу всѣ ихъ переломилъ на колѣнѣ.

Все остальное, что касается его легендарной силы, выражалось въ такомъ родѣ: онъ все „ломалъ". Болѣе всего онъ ломалъ или, лучше сказать, гнулъ за столами металлическіе ножи, ложки, вилки, а иногда подсвѣчники. Дѣлалъ онъ это всегда сюрпризомъ для хозяевъ, но не всегда ихъ тѣмъ радовалъ.

О „непобѣдимыхъ его дерзостяхъ" разсказывалось тоже много, но надо всѣмъ предоминировало сообщеніе о „стычкѣ его съ профессоромъ Серафимомъ" на лекціи церковной исторіи.

Дѣло было такъ, что профессоръ послѣ безпристрастнаго изложенія фактовъ, пришелъ научнымъ путемъ къ достовѣрному выводу, который изложилъ въ слѣдующихъ словахъ:

— И такъ, мы ясно видѣли, что мать наша святая православная церковь въ Россіи, принявъ богоучрежденныя постановленія отъ апостоловъ, нынѣ управляется *самимъ Духомъ святымъ*.

— Въ генеральскомъ мундирѣ!—отозвался съ своей парты Аскоченскій.

Профессоръ смутился и, какъ-бы желая затушевать неумѣстное вмѣшательство студента, повторилъ:

— Самимъ Духомъ святымъ.

Но Аскоченскій снова не выдержалъ и еще громче произнесъ:

— Да, въ генеральскомъ мундирѣ!

— Что ты разумѣешь, несчастный?—спросилъ его Серафимъ.

— Не *что,* а *нѣчто,* отвѣчалъ Аскоченскій, и пояснилъ, что онъ разумѣетъ военнаго оберъ-прокурора синода, Н. Ал. Протасова.

Серафимъ побѣжалъ жаловаться къ Иннокентію, но тотъ какъ-то спустилъ это мягко.

Послѣдній фактъ „непобѣдимой дерзости" Аскоченскаго былъ не въ его пользу. Это случилось тогда, когда въ одно время сошлись на службѣ въ Каменцѣ Аскоченскій, занимавшій тамъ мѣсто совѣстнаго судьи, и бывшій его начальникъ по воронежской семинаріи Елпидифоръ, на эту пору архіепископъ подольскій.

Пр. Елпидифоръ былъ изрядно нетерпѣливъ и вспыльчивъ, въ свою очередь онъ зналъ продерзостную натуру Аскоченскаго, когда тотъ учился въ воронежской семинаріи. Однажды Елпидифоръ служилъ обѣдню въ соборѣ, а Аскоченскій стоялъ въ олтарѣ (любимое дѣло ханжей нарушать церковное правило и стѣснять собою служащее духовенство).

Во время литургіи какой-то діаконъ или иподіаконъ что-то напуталъ, а вспыльчивый владыка сказалъ ему за это „дурака".

Тѣмъ дѣло и кончилось-бы, но послѣ обѣдни у преосвященнаго былъ пирогъ, и къ пирогу явился Аскоченскій, а во время одной паузы онъ ядовито предложилъ такой вопросъ:

— Владыко святый! что долженъ пѣть клиръ, когда архіерей возглашаетъ „дуракъ"?

— „Совѣстный судья", отвѣчалъ спокойно преосвященный.

— А я думалъ: „и духови твоему", отвѣчалъ „непобѣдимый въ дерзости", но вскорѣ потерялъ мѣсто совѣстнаго судьи и навсегда лишился службы.

Другой *богатырь* Кол—въ дѣйствительно обладалъ силою феноменальною и ночами ходилъ „переворачивать камни у Владиміра". Идеалъ его былъ „снять крѣпостныя вороты и отнести ихъ на себѣ на Лысую гору", которой тогда еще не угрожалъ переходъ въ собственность многополезнаго для Россіи рода бояръ Анненковыхъ. Тогда тамъ слетались простыя кіевскія вѣдьмы. Но воротъ Кол—въ не снялъ, а погибъ инымъ образомъ.

Третій, самый веселый богатырь моего времени былъ Иванъ Филипповичъ Кассель, имѣющій даже двойную извѣстность въ русской арміи. Во первыхъ, торгуя военными вещами, онъ обмундировалъ чуть-ли не всѣхъ офицеровъ, переходившихъ въ Крымъ черезъ Кіевъ, а во вторыхъ онъ положилъ конецъ большой войнѣ, не значащейся ни въ какихъ хроникахъ, но тѣмъ не менѣе продолжительной и упорной.

Не знаю, съ какого именно повода въ Кіевѣ установилась вражда не вражда, а традиціонное преданіе о необходимости боевыхъ отношеній между студентами и вообще штатскою молодежью съ одной стороны и юнкерами съ другой. Особенно считалось необходимымъ „бить саперовъ", т. е. юнкеровъ саперпаго училища. Шло это съ замѣчательнымъ постоянствомъ и заманчивостью, которая увлекала даже такихъ умныхъ и прекрасныхъ людей, какъ Андрей Ивановичъ Друкартъ, бывшій въ то время уже чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ Фундуклеѣ.

Съ утра бывало сговариваются приходить въ трактиръ къ Кругу или къ Бурхарду, гдѣ поджидались саперные юнкера, и тамъ „ихъ бить".

Ни за что, ни про что, а такъ просто „бить".

Но иногда для этого выѣзжали на дубу, или пѣшкомъ отправлялись „за мостъ" къ Рязанову или на Подолъ, къ Коткову и тамъ „бились".

Порою съ обѣихъ сторонъ были жертвы, т. е. не убитые, но довольно сильно побитые, а война все упорствовала, не уставала и грозила быть такою-же хроническою, какъ война кавказская. Но случилось, что въ одной стычкѣ юнкеровъ (сдѣлавшихъ вылазку изъ урочища Кожемяки) съ статскою партіею (спускавшеюся отъ церкви св. Андрея) находился Кассель. Будучи призванъ къ участію въ битвѣ, Иванъ Филипычъ одинъ положилъ на землю всѣхъ непріятелей, а потомъ за одно и всѣхъ своихъ союзниковъ. Въ пылу битвы онъ не могъ успокоиться, пока не увидалъ вокругъ себя *всѣхъ* „полегшими". Это было такъ не по сердцу для обѣихъ воюющихъ сторонъ, что съ этимъ разомъ битвы прекратились.

Богатырей прославленныхъ силою болѣе ихъ уже не было. Эти, кажется, были послѣдніе.

XXXX.

О *кладахъ* мнѣ только извѣстно въ смыслѣ литературномъ. Гдѣ-то и у кого-то въ Кіевѣ долженъ храниться одинъ не особенно богатый, но интересный кладъ,—это одно дѣйствительно мѣткое и остроумное сочиненіе В. И. Аскоченскаго, написанное въ формѣ рѣчи, произносимой кандидатомъ епископства при нареченіи его въ архіереи. Рѣчь новонарекаемаго епископа, сочиненная Аскоченскимъ, не только ни мало не похожа на тѣ рѣчи, какія обыкновенно при этихъ важныхъ случаяхъ произносятся, но она имъ діаметрально противуположна по направленію и духу, хотя сводится къ тѣмъ-же результатамъ. Въ заправдошныхъ рѣчахъ кандидаты обыкновенно говорятъ о своихъ слабостяхъ и недостоинствахъ,—вообще какъ-бы отнѣкиваются отъ епископства, боясь, что не пронесутъ обязанностей этого сана, какъ слѣдуетъ. Обыкновенно только къ концу, и то полагаясь на всемогущую благодать Божію и на воспособляющую силу молитвъ предсѣдящихъ святителей, они „пріемлятъ и ни что-же вопреки глаголятъ". Но рѣчь Аскоченскаго идетъ изъ иного настроенія: его кандидатъ епископства, человѣкъ смѣлаго ума и откровенной прямой натуры, напоминающей впрочемъ „Племянники г-на Рамо". Онъ смотритъ на жизнь весело и не видитъ никакой надобности возводить на себя самообвиненія въ тяжкихъ недостоинствахъ. Напротивъ, нарекаемый епископъ Аскоченскаго признается, что санъ епископскій ему издавна весьма нравился и очень, очень пріятенъ. Онъ разсказываетъ даже, какія мѣры и усилія онъ употребилъ для достиженія своей цѣли—быть епископомъ. Потомъ говоритъ и о своихъ „недостоинствахъ", но опять по своему: онъ не ограничивается общимъ поверхностнымъ упоминаніемъ, что у него есть „недостоинства", а откровенно припоминаетъ ихъ, какъ добрый христіанинъ добраго времени, стоящій на открытой, всенародной исповѣди. Кандидатъ доводитъ свою откровенность до того, что „недостоинства" его въ самомъ дѣлѣ какъ будто заставляютъ опасаться за его годность къ епископскому служенію и за него становится и жалко, и больно... Но вдругъ живая душа исповѣдника дѣлаетъ быстрый взмахъ надъ міромъ и зритъ оттуда съ высотъ, что и другіе, пріявшіе уже яремъ епископства, были не только не достойнѣе его, но даже и послѣ

таковыми-же остались. А онъ клянется, что когда ему на епископствѣ станетъ жить хорошо, то онъ, какъ умный человѣкъ, ни за что не станетъ искать никакихъ пустяковъ, не имѣющихъ прямой цѣны для счастія, и „потому пріемлетъ и ни что-же вопреки глаголетъ".

Аскоченскій мнѣ самъ читалъ эту рѣчь, замѣчательную какъ въ литературномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи, и читалъ онъ ее многимъ другимъ, пока объ этомъ не узналъ покойный митрополитъ московскій Иннокентій Веніаминовъ. Онъ *запретилъ* Аскоченскому читать эту рѣчь и давать ее списывать, и Викторъ Ипатьичъ, часто прибѣгая къ Иннокентію по дѣламъ своего изнемогавшаго изданія и другимъ личнымъ нуждамъ, далъ слово митрополиту запретъ этотъ исполнить. Въ „Дневникѣ" Аскоченскаго, который я по редакціонной обязанности *весь прочелъ*, прежде пріобрѣтенія его редакціею „Историческаго Вѣстника", *нѣтъ этой рѣчи*. Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ „Дневникѣ" записано множество выходокъ гораздо менѣе удачныхъ и литературныхъ шалостей несравненно болѣе непристойныхъ и дерзкихъ, по отношенію къ предстоятелямъ церкви. Можетъ быть Аскоченскій вырвалъ эти листы, въ угоду митрополиту, который, по словамъ Виктора Ипатьича, „просто позволялъ ему *обыскивать свой бумажникъ*". Во всякомъ случаѣ этотъ литературный кіевскій кладъ *) очень ин-

---

*) Мы знаемъ другой кладъ, оставленный В. И. Аскоченскимъ въ Кіевѣ и находящійся, вѣроятно, и теперь у кого-либо изъ его кіевскихъ знакомыхъ. Это обширное его изслѣдованіе о тогдашнемъ состояніи русскихъ университетовъ, озаглавленное, сколько помнимъ, такъ: «Наши университеты». Въ свое время мы читали эту толстую, листовъ въ 70, рукопись, написанную, если не ошибаемся, въ 1854 или 1855 г. Въ ней онъ съ безпощадною рѣзкостію осуждаетъ весь строй университетскій и раскрываетъ недуги этихъ дорогихъ для всякаго учрежденій, оказываясь однако безсильнымъ предложить дѣйствительныя средства къ ихъ исцѣленію. Рукопись наполнена массою самыхъ непригляднымъ фактовъ, обличавшихъ пустоту университетскихъ чтеній, грошовое либеральничество профессоровъ, распущенность студентовъ и пр. и пр. Рукопись шибко ходила по рукамъ и произвела въ ученомъ и административномъ мірѣ бурю, кончившуюся тѣмъ, что безшабашнаго автора, какъ не служащаго дворянина, посадили недѣли на двѣ на гауптвахту при кіевскомъ ордонансъ-гаузѣ.

Разсказывали въ ту пору, что когда Аскоченскій былъ «приличнымъ образомъ» доставленъ къ тогдашнему кіевскому генералъ-губернатору, кн. Васильчикову,

тересенъ какъ для характеристики самаго Аскоченскаго, такъ и въ смыслѣ опредѣленія прозорливости тѣхъ, которые чаяли видѣть въ Викторѣ Ипатьевичѣ защитника падающаго авторитета своего сана, съ дозволеніемъ иногда „*обыскивать* ихъ бумажники".

XXXXI.

Затѣмъ еще „послѣднее сказаніе",—тоже касающееся кіевскихъ преданій и литературы.

Когда въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*" М. Н. Каткова былъ напечатанъ мой разсказъ „*Запечатлѣнный Ангелъ*", то въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, при снисходительныхъ похвалахъ моему маленькому литературному произведенію, было сказано, что „въ немъ передано событіе, случившееся при постройкѣ кіевскаго моста" (разумѣется, *стараго*). Въ разсказѣ идетъ дѣло объ иконѣ, которую чиновники „запечатлѣли" и отобрали въ монастырь, а старовѣры, которымъ та икона принадлежала, подмѣнили ее копіею во время служенія пасхальной заутрени. Для этого одинъ изъ старовѣровъ *прошелъ съ одного берега рѣки на другой при бурномъ ледоходѣ по цѣпямъ*.

Всѣмъ показалось, что мною въ этомъ разсказѣ описана кіевская мѣстность и „событіе случившееся тоже въ Кіевѣ". Такъ это и остается до сей поры.

Позволю себѣ нынѣ замѣтить, что первое совершенно справедливо, а второе нѣтъ. Мѣстность въ „Запечатлѣнномъ Ангелѣ", какъ и во многихъ иныхъ моихъ разсказахъ, дѣйствительно похожа на Кіевъ,—что объясняется моими привычками къ кіевскимъ картинамъ, но *такого произшествія*, какое передано въ разсказѣ, *въ Кіевѣ никогда не происходило*, т. е. никакой иконы старовѣръ не кралъ и по цѣпямъ черезъ Днѣпръ не переносилъ. А было дѣйствительно только слѣдующее: однажды, когда цѣпи были уже натянуты, одинъ калужскій каменьщикъ, по уполномочію отъ това-

---

послѣдній далъ Аскоченскому прочесть ту статью изъ Свода законовъ, которая грозила ему чѣмъ-то въ родѣ высылки «въ мѣста отдаленныя». Аскоченскій прочелъ и улыбнулся.— Васъ, стало, это забавляетъ?» — проговорилъ добродушный князь.— «Не думаю, отвѣчалъ Аскоченскій, что бы кого-нибудь забавляла возможность прогуляться въ Сибирь».— Ред.

рищей, сходилъ во время пасхальной заутрени съ кіевскаго берега на черниговскій *по цѣпямъ*, но не за иконою, а *за водкою*, которая на той сторонѣ Днѣпра продавалась тогда много дешевле. Наливъ боченокъ водки, отважный ходокъ повѣсилъ его себѣ на шею и имѣя въ рукахъ шестъ, который служилъ ему балансомъ, благополучно возвратился на кіевскій берегъ съ своею корчемною ношею, которая и была здѣсь распита во славу св. Пасхи.

Отважный переходъ по цѣпямъ дѣйствительно послужилъ мнѣ *темою* для изображенія отчаянной русской удали, но цѣль дѣйствія и вообще вся исторія „Запечатлѣннаго Ангела", конечно, иная, и она мною просто вымышлена.

Николай Лѣсковъ.

20 декабря 1882 г.
С.-Петербургъ.

Шпитали въ Малороссіи*).

Въ древній періодъ русской исторіи дѣло общественнаго призрѣнія сосредоточивалось въ рукахъ церкви. При церквяхъ устраивались богадѣльни, убогіе дома, гостинницы для пріема странниковъ и другія учрежденія этого рода. Уже уставы о церковныхъ судахъ Владиміра Святаго, Ярослава Мудраго и Всеволода Мстиславича отдаютъ всѣ эти учрежденія и лицъ, пользовавшихся ими, подъ покровъ церкви. Въ уставахъ этихъ слѣпцы, хромцы и вообще калѣки, также вдовицы называются «людьми богадѣльными и церковными», подлежащими суду митрополита или епископа, какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ; самыя больницы, страннопріимницы и другія заведенія считаются подъ главнымъ завѣдываніемъ епископовъ или митрополита [1]).

Въ первый разъ мы встрѣчаемъ извѣстіе о подобнаго рода учрежденіяхъ въ житіи преподобнаго Ѳеодосія, игумена кіево-печерскаго монастыря. Тамъ сказано, что этотъ игуменъ близъ монастыря «дворъ сотвори на пріятіе нищимъ» [2]). Само собою разумѣется, что число богадѣленъ, страннопріимныхъ домовъ, какъ отдѣльныхъ учрежденій, въ древній періодъ было весьма ограниченное и при томъ этого рода учрежденія сосредоточивались лишь въ самыхъ значительныхъ городахъ. Но, кажется, съ древняго времени были у насъ и такого рода учрежденія общественнаго призрѣнія, которыя не нуждались въ самостоятель-

---

*) Читано 10 ноября 1882 г. въ засѣданіи историко-филологическаго общества, состоящаго при харьковскомъ университетѣ.

[1]) Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древн. русск. права. Спб. 1859 г., стр. 395, 397, 409.

[2]) Житіе препод. Ѳеодосія по списку XII вѣка, въ Чтен. моск. общ. ист. и древн. рос. 1858 г., кн. 3, стр. 30.

ныхъ помѣщеніяхъ. По крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ ученыхъ полагаютъ, что убогіе и дряхлые находили себѣ повсемѣстно пріютъ и пристанище въ церковныхъ притворахъ, подобно тому, какъ нѣкогда въ притворѣ храма Соломонова помѣщались убогіе и недужные [1]).

Высказанное предположеніе о замѣнѣ богадѣленъ церковными притворами подтверждается тѣмъ, что на глубокомъ сѣверѣ до XVII столѣтія сохранился обычай давать пріютъ нищимъ въ церковныхъ трапезахъ. При теперешнемъ устройствѣ церквей трудно понять, какимъ образомъ церковные притворы могли служить помѣщеніемъ для людей. Но этому легко повѣрить, если принять, что въ древности церкви устраивались такимъ образомъ, какъ онѣ нынѣ устраиваются на крайнемъ сѣверѣ. Въ архангельской губерніи въ старинныхъ городскихъ и сельскихъ церквяхъ притворъ, или по мѣстному трапеза, отдѣляется капитальной стѣной отъ средней части храма, въ которую ведетъ лишь небольшая дверь изъ трапезы, такъ что, если эта дверь закрыта, трапеза представляется обширной комнатой. Въ этой комнатѣ обыкновенно помѣщается печь, а вокругъ стѣнъ лавки, въ болѣе-же старыхъ церквяхъ сохранились деревянные или даже каменные столы; иконъ въ трапезѣ бываетъ не болѣе одной, двухъ.

При такомъ устройствѣ притворовъ, они могли служить и дѣйствительно служили, во 1-хъ, помѣщеніемъ для нищихъ, во 2-хъ, мѣстомъ, куда собирались прихожане во время храмовыхъ и другихъ праздниковъ для устройства общественныхъ пировъ (отсюда названіе трапезы) и, въ 3-хъ, мѣстомъ для сходокъ крестьянъ по общественнымъ дѣламъ. Въ подтвержденіе указаннаго назначенія притворовъ въ двинской области, приведемъ нѣсколько словъ изъ имѣющагося у насъ рукописнаго документа 1649 г.: «въ трапезахъ живутъ многіе нищіе всякіе люди, днемъ и ночью безпрестанно они всѣ съ женами и дѣтьми въ трапезѣ спятъ и въ трапезныхъ печахъ пекутъ и варятъ и мясную, и рыбную и всякое ядивное, и въ дверь изъ трапезъ и изъ церквей ходятъ на сторону мужескаго и женскаго полу и около церкви и трапезъ близко мочатся и кастятъ, и отъ того въ церквяхъ бываетъ

---

[1]) Литератур. вечеръ (Сборникъ). М. 1844 г., ст. «Справки о началѣ богадѣленъ и о бытѣ нищихъ въ Москвѣ до XVIII вѣка».

великій смрадъ; а робята малые также въ церквяхъ и въ трапезахъ играютъ, а иные бьютца кулаки и бранятся матерно, и всякое неподобное браютъ; да въ трапезѣ-же приходятъ и продаютъ колачники колачи, и хлѣбники хлѣбъ, и пирожники пироги, и ягоды всякія и орѣхи, да по тѣмъ трапезамъ послѣ пѣнья, послѣ заутрени до обѣдни, до вечерни и послѣ вечерни многіе люди и робяти ночи просиживаютъ, и въ дверяхъ, въ притворныхъ церковныхъ всякія игры, шахардою и чрезъ кладули скачутъ, а иные бѣсовскіе сказки, небылицы сказываютъ; да тѣ-же посадскіе люди на посадѣхъ и въ уѣздѣхъ волостные крестьяне приходятъ къ церкви во время пѣнія и послѣ пѣнія въ трапезахъ кричатъ и вопятъ о всякихъ земскихъ своихъ дѣлѣхъ»...[1]).

Подобно описанному, т. е. съ трапезами, церкви устраивались также въ новгородскихъ пятинахъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Тамъ даже въ XVI-мъ столѣтіи трапезы служили для жителей погоста мѣстомъ собраній не только по церковнымъ, но и по гражданскимъ дѣламъ[2]). Но служили-ли церковныя трапезы въ указанное время пріютомъ для нищихъ и для странниковъ въ новгородскихъ пятинахъ, этого изъ писцовыхъ книгъ не видно. Очень можетъ быть, что московское правительство отмѣнило тамъ этотъ обычай давать пріютъ нищимъ въ трапезахъ, какъ позднѣе оно уничтожило его въ Двинской области. Изъ указа 1649 г., отрывокъ изъ котораго мы привели выше, можно убѣдиться, что указанный обычай въ XVII столѣтіи сохранился лишь въ двинскомъ уѣздѣ и что центральная власть, узнавъ о существованіи такого поразившаго ее обыкновенія, послала нарочно пристава, чтобы тотъ прекратилъ этотъ обычай, какъ нарушавшій церковное благочиніе. Въ половинѣ XVII-го столѣтія центральной московской администраціей было издано много актовъ для возстановленія церковнаго благочинія въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ государства, но ни въ одномъ изъ нихъ не упоминается о томъ, чтобы въ трапезахъ жили нищіе и вообще чтобы въ нихъ происходили такіе-же безпорядки, какъ на далекомъ сѣверѣ[3]). Если-бы то-же самое

---

[1]) Указъ и память приставу Савкѣ Звягину, 1649 г.

[2]) Неволина. «О пятинахъ и погостахъ новгор. въ XVI вѣкѣ». Спб. 1853 г., стр. 105.

[3]) Акты археографич. экспедиціи, т. IV, стр. 145, 160, 241, 495.

повторялось въ другихъ мѣстахъ, то администрація не преминула-бы обратить на это вниманіе духовенства.

Кромѣ церковныхъ трапезъ, пріютомъ для нищихъ, по крайней мѣрѣ въ новгородской области, служили иногда особыя избушки, или кельи при церквяхъ; новгородскія и двинскія писцовыя книги XVI и XVII столѣтій показываютъ, что на погостѣ, близь церкви, на церковной землѣ, помѣщались всегда дворы священника, діакона, причетника, просвирницы и *трапезника*, т. е. церковнаго сторожа, здѣсь-же обыкновенно ютились кельи нищихъ и вдовицъ и домишки бобылей, словомъ сказать, здѣсь помѣщались всѣ лица, находившіяся подъ покровомъ церкви и въ вѣдѣніи духовной власти. Всѣ перечисленные дворы и помѣщенія составляли всегда отдѣльную погосскую деревню. По всей вѣроятности, каждый нищій жилъ въ особой избушкѣ, такъ какъ число келій, въ которыхъ помѣщались они, иногда доходило до 20 [1]). Пропитывались нищіе на счетъ церкви, а иногда и на счетъ прихода. Въ писцовыхъ книгахъ всегда пишется число келій нищихъ и чѣмъ они существуютъ: „...да 6 келій, а въ нихъ живутъ нищіи, питаютца милостынею о церкви Божіи" [2]) или: ...столько-то келій „а въ нихъ живутъ нищіе бѣлцы старцы и старицы, а питаютца милостынею о церкви Божіи и о приходѣ" [3]).

Кромѣ того въ новгородской области нищіе помѣщались иногда въ монастыряхъ. Но такихъ монастырей было немного, какъ показываютъ тѣ-же писцовыя книги, и при томъ это были монастыри незначительные, построенные крестьянами, иногда прямо съ цѣлью дать пріютъ своимъ бѣднякамъ. Вотъ, напримѣръ, монастырь на р. Мологѣ, въ никольскомъ погостѣ. Онъ состоитъ изъ 2-хъ келій, въ которыхъ живутъ два старца, далѣе въ немъ помѣщаются дворы—попа, дьяка, пономаря, проскурницы да 4 кельи, а въ нихъ живутъ нищіе и питаютца о церкви Божіей [4]). Николаевскій чухченемскій монастырь, холмогорскаго уѣзда, былъ построенъ въ концѣ XV-го столѣтія міромъ нѣсколькихъ сосѣднихъ волостей, которые дали ему для содержанія нѣсколько дере-

---

[1]) Неволина. «О пятинахъ новгородскихъ», стр. 151, 153, 352 и т. д.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Тамъ-же, стр. 335, 345.

вень земли, и это было сдѣлано, какъ позднѣе объясняли крестьяне, „для царскаго богомолія и душевнаго своего спасенія и на поминокъ родителей своихъ и для постриганія безвкладныхъ нищихъ, нуждныхъ людей, которые ходя по міру скитаютца“ [1]). Впослѣдствіи, съ усиленіемъ государственной централизаціи, подобные мелкіе монастыри были или закрыты, или поглощены большими монастырями (подъ именемъ приписныхъ), разумѣется, при содѣйствіи московскаго правительства.

Въ эпоху полнаго развитія московскаго государства, въ центрѣ этого государства, главнымъ мѣстомъ для пріюта нищихъ считались монастыри, за ними уже слѣдовали церкви. Судебникъ Іоанна Васильевича 1550 года прямо предписываетъ: „а на монастырѣхъ житя нищимъ, которые питаютца милостынею отъ церкви Божія“. Тамъ-же есть мѣсто, показывающее, что отъ церкви Божіей питались также бѣдныя вдовицы и что онѣ были подсудны святителю или его судьямъ (§ 91).

Въ большихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Москвѣ, при царяхъ московскихъ существовали особыя богадѣльни, которыя состояли подъ покровомъ церкви, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и пользовались ругой отъ правительства. Богадѣльни частныхъ лицъ, какъ напримѣръ богадѣльня кн. Пожарскаго, составляли крайне рѣдкое и исключительное явленіе [2]). Московскія богадѣльни, въ которыхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ призрѣвалось до 412 нищихъ и старицъ на счетъ правительства, съ 1678 г. переданы по повелѣнію Ѳеодора Алексѣевича на попеченіе патріаршаго дома. Чтобы прокормить такую массу нищихъ, патріархъ потребовалъ вспоможенія отъ церквей всѣхъ епархій, по гривнѣ съ каждой и въ каждый годъ [3]). Въ XVIII столѣтіи мы находимъ указанія, что богадѣльни и вообще помѣщенія для нищихъ, кромѣ монастырей, устраивались также при архіерейскихъ домахъ; эти богадѣльни содержались какъ на счетъ архіерейской казны, такъ и на счетъ опредѣленныхъ сборовъ съ каждой церкви своей епархіи. Позднѣе (при Екатеринѣ II-й),

---

[1]) Арханг. Губ. Вѣд. 1870 г., № 87. Моя статья: «Матеріалы для исторіи поземельн. владѣнія въ арханг. губерніи».

[2]) Литератур. вечеръ, ст. «Справки о началѣ богадѣленъ въ Москвѣ».

[3]) Акты археограф. экспед., IV, стр. 314, 414.

какъ извѣстно, дѣло общественнаго призрѣнія было изъято изъ рукъ церкви и передано особымъ приказамъ.

Указавъ въ общихъ чертахъ на судьбу общественнаго призрѣнія въ сѣверной и центральной Россіи, остановимся на судьбѣ южно-русскихъ богадѣленъ, усвоившихъ себѣ западное названіе *шпиталей* (латин. hospitale, польск. szpital). Мацѣевскій, авторъ исторіи славянскихъ законодательствъ, видитъ существенное различіе московскихъ богадѣленъ отъ польскихъ и другихъ славянскихъ въ томъ, что въ московскомъ государствѣ богадѣльнями завѣдывало и о нихъ заботилось почти исключительно духовенство, по крайней мѣрѣ въ XVII столѣтіи. Относительно западно-славянскихъ, въ томъ числѣ и южно-русскихъ, шпиталей онъ пишетъ: „настоящіе бѣдные и даже такіе, которые стыдились просить милостыню, далѣе калѣки, больные, а особливо старые воины, находили себѣ пріютъ въ шпиталяхъ. Шпитали имѣли свои собственные фундуши, составлявшіеся изъ имѣній земскихъ и городскихъ, также изъ записанныхъ на нихъ капиталовъ. Въ особенности чешскіе законы, также моравскіе и польскіе, брали ихъ подъ особенное покровительство. Свѣтскіе правители и духовенство наблюдали за ихъ цѣлостью; безъ ихъ вѣдома ничто изъ указанныхъ фундушей не могло быть отчуждено“ [1]). Вѣрность приведеннаго заключенія Мацѣевскаго подтверждается историческими фактами. Но все таки настоящее обобщеніе нужно признать одностороннимъ, такъ какъ авторъ забылъ сказать о широкомъ распространеніи шпиталей въ западной и южной Руси и о томъ живомъ участіи, какое въ судьбѣ ихъ принималъ народъ.

Разсматривая отдѣльные факты изъ исторіи западно и южно-русскихъ шпиталей, мы прежде всего замѣчаемъ, что на православные шпитали обращаютъ вниманіе польскіе короли. Такъ, король Сигизмундъ-Августъ, узнавъ въ 1565 году, что шпиталь находившійся въ королевскомъ городѣ Гроднѣ, при каменной церкви Пречистыя Богородицы, передъ замкомъ, не имѣетъ средствъ, изъ которыхъ могли-бы содержаться бѣдные и нищіе въ немъ живущіе, назначилъ на ихъ содержаніе по 10 копъ литовскихъ грошей. Эти деньги должны были ежегодно выдаваться городненскимъ городничимъ изъ сборовъ съ королевскихъ имѣ-

---

[1]) Historya prawod. słowianst., wyd. dr., t. IV, 479.

ній [1]). Въ 1601 году королевскимъ привилеемъ отдается мостовое троицкому виленскому шпиталю, который принималъ къ себѣ каждаго безъ различія состояній. Этотъ шпиталь и ранѣе имѣлъ наибольшій доходъ съ каменнаго моста, но терпѣлъ крайнюю нужду за неотдачей ему мостоваго [2]). Въ томъ-же году королевской грамотой обѣщано отдать городъ Трехтемировъ на шпиталь, въ которомъ находили пріютъ раненные и больные козаки [3]), частныя лица также устраивали шпитали въ своихъ имѣніяхъ. Наприм. брацлавскій кастелянъ Василій Загоровскій въ 1577 г. пожелалъ построить въ одномъ изъ своихъ имѣній шпиталь при существовавшей уже церкви, въ другомъ выстроить и церковь, и шпиталь [4]). Въ 1596 г. Елена Горноставская, выкупивъ изъ подъ залога монастырь пересопницкій, который со всѣми имѣніями былъ пожалованъ королемъ Александромъ фамиліи князей Чарторыйскихъ, а затѣмъ былъ заложенъ однимъ изъ лицъ этой фамиліи, возстановила этотъ монастырь; для чего назначила монастырю село Пересопницу со всѣми доходами [5]). При возстановленіи монастыря, она обязала монаховъ, чтобы тѣ устроили при монастырѣ шпиталь для бѣдныхъ и больныхъ. Иногда жители той или другой мѣстности устраивали монастыри, имѣя въ виду филантропическія цѣли. Такъ очень древній монастырь св. Онуфрія подъ г. Львовымъ, находившійся въ завѣдываніи своихъ основателей, мѣщанъ львовскихъ, и подъ вѣдомствомъ кіевскаго митрополита, какъ видно изъ митрополичьей грамоты отъ 1590 года издревле (т. е. гораздо ранѣе этого года) служилъ дѣлу милосердія: тамъ львовскіе мѣщане питали своихъ престарѣлыхъ отцевъ и немощныхъ братій, принимали странниковъ духовныхъ и иноковъ [6]). Сами духовныя лица основывали шпитали или на личныя средства, или на счетъ духовныхъ имѣній. Въ 1588 г. епископъ владимірскій Ѳеодосій Лазовскій, съ согласія соборнаго духовенства, выдѣливъ изъ церковныхъ имѣній 1 мѣстечко и 11 селеній, назначилъ до-

---

[1]) Акты виленской коммис. Вильна. 1865 г., т. I, стр. 14.

[2]) Volumina legum, изд. 2-е подъ 1601 годомъ.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Архивъ юго-зап. Руси, ч. 1, т. 1-й, стр. 67, 490.

[5]) Тамъ-же.

[6]) Памятн. изд. кіевск. археогр. коммис., III, 47.

ходы этихъ имѣній на благоустройство соборной церкви г. Владиміра и на учрежденіе при ней школы и богадѣльни. Собственно подъ шпиталь была обращена старая школа: „при той-же церкви, подъ замочкомъ епископскимъ, поступили и надали есмо домокъ, у которомъ теперъ дѣти учивано, на шпиталь, у которомъ хорыхъ и уломныхъ людей уставичне ховати маемъ". На содержаніе шпиталя предназначено 1 село. Для выполненія всего выбрано два справца изъ духовныхъ и два шафаря изъ мѣщанъ, а главными дозорцами пановъ подстаросту и войта [1]). Знаменитый поборникъ православія, митрополитъ Петръ Могила на собственныя средства устроилъ на Печерскѣ, возлѣ церкви св. Ѳеодосія, шпиталь и обезпечилъ дальнѣйшее его существованіе 1500 злотыхъ [2]). Но самое живое участвіе въ устройствѣ шпиталей и больницъ принимали западно и южно-русскія братства, повсемѣстно распространявшіяся, въ особенности большія изъ нихъ, какими были кіевское, львовское, виленское, луцкое и др. Укажемъ на заботы нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ братствъ въ настоящемъ дѣлѣ. Львовское братство церкви Успенія Богородицы, принявъ въ 1591 году въ свое завѣдываніе монастырь св. Онуфрія, о которомъ сказано выше, и возобновивъ его, устроило при немъ гостинницу для странниковъ, больницу и богадѣльни мужескую и женскую для призрѣніи старыхъ людей, инокинь, старицъ, дѣвицъ, странниковъ и слугъ церковныхъ, и вообще для пристанища и покоя братскимъ нищимъ, престарѣлымъ, осиротѣвшимъ, вдовамъ и всякимъ сиротамъ [3]). Въ Кіевѣ на грунтѣ, подаренномъ Анной Гулевичевой, основано было братство милосердія, которое, какъ видно изъ королевскаго привилея 1629 г., заложило церковь и при ней устроило шпиталь для людей убогихъ, старыхъ и уломныхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ и, какъ сказано въ привилеѣ, „людей рыцерскихъ, на послугахъ нашихъ и Рѣчи Посполитой отъ непріятелей нашихъ въ разныхъ битвахъ покалѣченыхъ" [4]). Больше нежели о кіевскомъ братствѣ, мы можемъ сказать о дѣятельности луцкаго братства милосердія. Это братство возникло въ Луцкѣ въ 1617 году послѣ того, какъ ста-

---

[1]) Архивъ юго-зап. Рос., ч. I, т. I, стр. 237.
[2]) Памятн. изд. кіев. археогр. ком., т. II, стр. 149.
[3]) Тамъ-же, т. I, 44, 147, 160; II, 92; III, 47, 70.
[4]) Тамъ-же.

ринная русская тамошняя богадѣльня сгорѣла до основанія и не могла быть возобновлена, такъ какъ не имѣла собственныхъ средствъ. Поэтому основалось братство для построенія вновь богадѣльни съ церковью и школой. По уставу братства, денежныя суммы его должны быть обращаемы, между прочимъ, „на милостыню людямъ въ разныхъ случаяхъ, а особенно находящихся въ братствѣ, и на призрѣніе убогихъ, и на содержаніе сиротъ, и на погребеніе странныхъ и убогихъ" [1]). Разныя лица, принадлежавшія къ членамъ братства, жертвовали братству имѣнія или деньги на ту или другую благотворительную цѣль. Такъ кн. Николай Черторыйскій, опредѣливъ извѣстную сумму постоянныхъ доходовъ на разныя учрежденія, между прочимъ, назначилъ на вѣчныя времена въ кружку братскую нищенскую 50 злотыхъ польскихъ да на одѣяніе 10 душъ мужескаго и 10 женскаго пола богадѣльныхъ слѣпыхъ и хромыхъ, т. е. на сермяги, рубахи, исподнее платье, шапки, чепцы, башлыки и сапоги, по 150 злотыхъ [2]). Анна Мельницкая опредѣлила въ 1638 году для ежегодной выдачи 10 злотыхъ на шпиталь, 6 злотыхъ шпитальнымъ въ раздѣлъ, а 4 злотыхъ стороннимъ нищимъ [3]). Дворянинъ Александръ Мозени въ 1645 г. далъ средства братству на перенесеніе и устройство богадѣльни на новомъ мѣстѣ [4]). Небольшія церковныя братства и даже нѣкоторые ремесленные цехи заводили шпитали на свои средства. Напримѣръ въ г. Ковлѣ цехъ портныхъ между прочимъ ставилъ себѣ цѣлью, по мѣрѣ средствъ, устроить себѣ шпиталь, какъ это видно изъ королевскаго привилея, даннаго цеху въ 1618 году [5]).

Относительно внутренняго устройства шпиталей въ польско-литовскій періодъ мы знаемъ не много, и при томъ эти свѣдѣнія весьма отрывочны. Извѣстно, что въ шпиталяхъ помѣщались нищіе, бѣдняки и неизлѣчимо больные, иногда въ шпиталяхъ находили пріютъ бѣдные ученики братскихъ и другихъ школъ; иногда даже обѣднѣвшіе и лишившіеся здоровья дворяне. Такъ въ богадѣльни луцкаго братства

---

[1]) Памятн. издан. кіевск. коммис., I, 44, 147, 160; II, 92; III, 47, 70.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Тамъ-же.

[5]) Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, I, 321.

въ 1624 году, между прочимъ, доживалъ свой вѣкъ Лука Крицкій, „дворянинъ хорошаго происхожденія, который получилъ увѣчье отъ враговъ св. креста въ разныхъ экспедиціяхъ и войнахъ и, потерявъ свое имущество, не имѣлъ ни откуда пособій". Вдовы иногда проживали при шпиталяхъ отдѣльно, своимъ домомъ. Въ большихъ шпиталяхъ нищимъ и больнымъ давалось полное содержаніе: одежда, обувь, пища, постели и т. д. Для завѣдыванія шпиталями назначались такъ называемые шпитальные старшіе; главное-же наблюденіе надъ шпиталями поручалось старшимъ братьямъ въ братствахъ, игуменамъ при монастыряхъ и священникамъ при церквяхъ, совмѣстно съ ктиторами или патронами церковными [1]). Самое подробное указаніе на счетъ устройства шпиталей заключается въ завѣщаніи брацлавскаго кастеляна Василія Загоровскаго, написанномъ въ 1577 году. Въ своей духовной Загоровскій обязываетъ своихъ душеприкащиковъ и наслѣдниковъ устроить два шпиталя: одинъ въ г. Владимірѣ при существовавшей церкви, другой, вмѣстѣ съ церковью, въ имѣніи Суходолѣ. Шпиталь въ Суходолѣ долженъ былъ заключать въ себѣ избу бѣлую, трехъ сажень, такихъ-же размѣровъ сѣни, а чрезъ сѣни, напротивъ, черную избу въ три-же сажени; сѣни предполагалось „въ бокъ на полторы сажня поперекъ переперыты", т. е. загородить, чтобы образовалось двѣ коморки, или чулана, одна для бѣлой, другая для черной избы; въ сѣняхъ кирпичный очагъ для варенья пищи; двери изъ сѣней однѣ на улицу, а другія въ бокъ, въ садъ, для выхода къ церкви. Во Владимірѣ при церкви св. Ильи домъ долженъ быть поставленъ такой-же, какъ и въ Суходолахъ, съ той разницей, что тамъ предлагалось пристроить къ шпиталю домикъ для дьякона въ одну стѣну и подъ одной крышей съ шпиталемъ. Какъ въ Владимірѣ, такъ и въ Суходолахъ шпиталь предназначался для 12 особъ „убогихъ, а здоровья неспособнаго". На содержанія шпиталя въ Владимірѣ должно было ежегодно отпускаться „муки ржаной 24 мацы, пшеничной 2 мацы, крупъ или пшена 1 маца, гороха 1 маца, маку четверть мацы, а деньгами на одежду и проч. убогимъ 12 копъ литовскихъ. Для содержанія убогихъ въ Суходолахъ назначено такое-же количество муки и другихъ припасовъ. На это

---

[1]) Памятн. кіев. ком., I, стр. 212, 213. Акты вилен. ком., т. 1-й, стр. 14.

опредѣлена третья мѣрка съ мельницы суходольской да третья мѣрка дегтевской мельницы и мыто, гребельное (мостовое), которое Загоровскому дозволилъ собирать король Сигизмундъ-Августъ, отъ купеческаго воза по четыре пенязи. Кромѣ того предназначено дать изъ дворца на каждый шпиталь по двѣ коровы и отпускать въ годъ по три полти свинаго мяса въ каждый годъ. Исполнительница завѣщанія обязана была въ каждое воскресенье и въ большіе праздники устраивать въ шпиталяхъ торжественые обѣды, по силѣ возможности, для убогихъ, одну недѣлю въ Суходолахъ, а другую въ Владимірѣ; при этомъ убогіе должны были получать по полбарилка пива. Относительно ближайшаго наблюденія надъ богадѣльней опредѣлено: „при шпиталяхъ старшими абы цнотливые люди вставлены были, которые-бы того пилне догледали, жебы порадокъ пристойный, а не лотровство якое въ шпиталяхъ было". Относительно участія священниковъ и церковниковъ въ надзорѣ за шпиталями ничего не сказано, хотя нѣкоторой доли вліянія ихъ, конечно, нельзя отрицать[1]).

Вообще власть духовенства надъ шпиталями и надъ нищими въ южной Руси врядъ-ли была особенно сильна. Могло-ли мѣстное духовенство играть независимую роль, когда церкви и монастыри находились подъ патронатомъ помѣщиковъ, а иногда и прихожанъ, когда монастыри со всѣми ихъ селами жаловались королями частнымъ лицамъ, а тѣ могли отдавать ихъ въ залогъ. Власть духовенства надъ шпиталями и нищими не могла быть особенно значительна, если самихъ духовныхъ судили и часто стѣсняли старосты и владѣльцы. Даже въ кіевскомъ воеводствѣ, при воеводѣ Константинѣ Острожскомъ, паны старосты нарушали всякимъ способомъ права духовенства, такъ что этотъ воевода, по жалобѣ епископа луцкаго и острожскаго, принужденъ былъ напомнить имъ о предѣлахъ ихъ власти по отношенію къ духовенству и о правахъ духовенства по стариннымъ церковнымъ уставамъ: „протопопы, презвитери всѣ, архимандритове и игуменове, діакони, калугери, слуги церковные всѣ, проскурници, слѣпые, хромые, недугучіе и все убозство во всякихъ справахъ и въ роспустахъ вѣнчальныхъ, до тыхъ всѣхъ абысте ніякого дѣла не мѣли, ихъ не судили, не рядили,

---

[1]) Архивъ юго-зап. Руси, т. I, ч. I, стр. 67 и сл.

и ничимъ ся не вступовали, бо то все суть справы епископомъ належачіе, а не вамъ свѣтскимъ" [1]).

Изъ фактовъ, подобныхъ приведенному, мы заключаемъ, что въ польско-литовскій періодъ, хотя въ южной Руси шпитали всегда помѣщались при церквяхъ и монастыряхъ, но вліяніе на нихъ духовенства было болѣе ограниченно, чѣмъ наприм. въ московскомъ государствѣ, гдѣ власть приходскаго духовенства не встрѣчала себѣ такихъ сильныхъ соперниковъ, какъ южно и западно-русское дворянство. Это, однако-же, ни мало не мѣшало значительному развитію изслѣдуемыхъ учрежденій, такъ какъ въ судьбѣ ихъ принимало живое участіе само общество, т. е. не только дворянство, но и народъ.

Мы не можемъ ничего сообщить ни о числѣ собственно мелкихъ, приходскихъ шпиталей, въ болѣе древній періодъ, ни о способахъ ихъ содержанія, хотя думаемъ, что число ихъ было значительно, при развитіи и распространеніи церковныхъ братствъ въ тѣ времена. Но мы располагаемъ большимъ количествомъ свѣдѣній, хотя все-таки отрывочныхъ, о шпиталяхъ второй эпохи ихъ существованія, т. е. московскаго періода. Свѣдѣнія эти касаются тѣхъ шпиталей, которые распространены были на лѣвой сторонѣ Днѣпра.

Въ переписныя книги прошлаго столѣтія вносились, въ числѣ прочихъ зданій, и шпитали, такъ что по нимъ мы можемъ составить себѣ понятіе о степени распространенности этихъ учрежденій въ указанное время. По свѣдѣніямъ, имѣвшимся у меня подъ рукой, въ одномъ черниговскомъ полку въ 1732 г. находилось 118 шпиталей. По даннымъ, извлеченнымъ А. М. Лазаревскимъ изъ ревизскихъ книгъ 1740—1747 г., въ семи полкахъ лѣвобережной Украйны (о трехъ полкахъ свѣдѣній не найдено) оказалось 589 шпиталей; изъ того-же числа болѣе половины (306) въ черниговскомъ и нѣжинскомъ полкахъ. Впрочемъ, надобно предполагать, что большинство этихъ шпиталей было небольшихъ размѣровъ, такъ что въ нихъ помѣщалось среднимъ числомъ по 5 душъ [2]).

---

[1]) Архивъ юго-зап. Руси, ч. I, т. I, стр. 269.

[2]) Основа. 1862 г., май, ст. А. М. Лазаревскаго: «Статистич. свѣдѣнія объ украин. народн. школахъ и госпиталяхъ въ XVIII вѣкѣ».

Кажется, всѣ шпитали, какъ и школы, считались состоящими при той или другой церкви; по крайней мѣрѣ въ ревизскихъ книгахъ въ каждомъ отдѣльномъ селеніи число шпиталей соотвѣтствуетъ числу церквей, иногда менѣе, но никогда не болѣе числа церквей. Помѣщались же шпитали иногда вдали отъ церквей, иногда на землѣ, не принадлежавшей церкви; напр. въ г. Нѣжинѣ общественный шпиталь находился на выѣздѣ изъ города, по московскому тракту [1],—въ с. Сѣнномъ, богодуховскаго уѣзда, шпиталь былъ выстроенъ на землѣ, принадлежавшей священнику [2]).

Большинство шпиталей состояло, кажется, на попеченіи церковныхъ братствъ и цеховъ. Были, впрочемъ, шпитали, которые содержались отъ подаянія мірскаго, наприм. въ г. Нѣжинѣ [3]). Въ черниговской городской богадѣльнѣ, находившейся на кладбищѣ, бѣдные (7 душъ муж. пола и 6 женскаго) содержались на городскомъ подаяніи; выстроена-же была эта богадѣльна иждивеніемъ гражданъ, въ особенности на крупныя пожертвованія двухъ фамилій [4]). Были, наконецъ, и такіе шпитали, которые какъ строились, такъ и содержались на средства частныхъ лицъ [5]).

Для постройки и содержанія приходскихъ шпиталей отдѣльныя лица нерѣдко жертвовали какимъ-нибудь недвижимымъ имуществомъ. Наприм. въ 1725 г. въ с. Обложкахъ, глуховскаго уѣзда, товарищество козаковъ, владѣльцевъ одного лѣса, отдало на церковь свой лѣсъ хмызнякъ, для построенія и на поправленіе школы и шпиталя [6]); иногда имъ были жертвуемы мельницы [7]). Для поддержанія шпиталей устраивались даже шинки: въ д. Березномъ, черниговскаго полка, былъ старецкій шинкъ, построенный въ 1682 г. ктиторами церковными; это,

---

[1]) Топограф. описаніе черниговъ. намѣстнич., Шафонскаго, II, стр. 463.

[2]) Историко-статист. опис. харьк. епархіи, Филарета, III, 210.

[3]) Шафонскій, II, 463, 285.

[4]) Тамъ-же.

[5]) Историко-стат. опис. черниг. епархіи Филарета, т. 5, стр. 344; т. 6, стр. 252; т. 7, стр. 37, 250, 281, 299, 321. Опис. харьк. епархіи, его же, II, 419.

[6]) Тамъ-же.

[7]) Тамъ-же.

по замѣчанію архіепископа Филарета, нѣчто похожее на нынѣшніе танцы и театры въ пользу бѣдныхъ [1]).

Обитателями шпиталей, по крайней мѣрѣ, мелкихъ, сельскихъ, были главнымъ образомъ нищіе и увѣчные старики, преимущественно слѣпые; въ 1767 году въ с. Тополи, новозыбковскаго у., мы встрѣчаемъ въ шпиталѣ 5 слѣпцовъ съ поводаремъ [2]). Часто эти обитатели шпиталей составляли особое старечее братство или цехъ. Старечье братство складывалось изъ всѣхъ старцевъ, жившихъ въ шпиталяхъ одного города или селенія, оно имѣло во главѣ особаго старосту. Иногда, подобно братствамъ и цехамъ, старцы имѣли свой братскій домъ и свое погребальное сукно [3]). У старечихъ братствъ часто была своя кружка для сбора подаяній; ею распоряжалась вся община [4]). Иногда братство нищихъ располагало на столько средствами, что могло дѣлать небольшія пожертвованія въ мѣстную церковь. Въ разныхъ церквяхъ до сихъ поръ сохраняются евангеліе и разныя церковныя принадлежности, пожертвованые старостою и братіей шпиталя [5]), иногда шпитальные пользовались даже правомъ отчуждать имущество, принадлежавшее шпиталю: въ одномъ случаѣ четыре представителя товарищества убогихъ калѣкъ разныхъ шпиталей с. Носовки продали на сторону издавна завѣщанный на нищихъ млинъ, „не будучи въ состояніи его поддерживать" (актъ XVII столѣтія) [6]).

Какъ извѣстно, приходскіе шпитали въ настоящее время представляютъ лишь достояніе исторіи. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности въ городахъ, до сихъ поръ сохранились или слѣды ихъ существованія, или живыя преданія о нихъ. Представляемъ здѣсь то, что намъ удалось узнать о шпиталяхъ въ городахъ черниговской губерніи: Острѣ, Борзнѣ и Конотопѣ.

---

[1]) Историко-стат. опис. черниговъ. епархіи Филарета, т. 5, стр. 344; т. 6, стр. 252; т. 7, стр. 37, 250, 281, 299, 321. Опис. харьк. епархіи, его-же, II, 419.

[2]) Опис. черниг. епархіи, т. 7, 250.

[3]) Топогр. опис. черниговъ. намѣстничества Шафонскаго, II, 386, 483.

[4]) Описаніе черниг. епархіи, 5, 344.

[5]) Описаніе черниг. епархіи, 7, 37, 415. Описаніе харьк. епархіи, II, 419.

[6]) Тамъ-же.

Въ г. Острѣ былъ шпиталь до 1863 года; онъ помѣщался на городской землѣ, близъ кладбища, и принадлежалъ городу. Въ немъ жили нищіе, которые питались милостыней: выходили за подаяніемъ на базаръ; отъ того и кормились. Въ г. Борзнѣ изъ числа пяти шпиталей, находившихся при пяти приходскихъ церквяхъ, въ послѣдніе годы сохранился одинъ шпиталь, построенный на усадебномъ мѣстѣ, принадлежащемъ церкви Благовѣщенія. Это старый домъ, построенный лѣтъ сто тому назадъ, въ которомъ двѣ хаты черезъ сѣни; въ немъ прежде помѣщалось отъ 10 до 12 душъ нищихъ и безпріютныхъ стариковъ. Завѣдывалъ шпиталемъ старикъ, выбранный самими-же шпитальными. Харчь имъ подавали жители, а если никто не приносилъ, то сами ходили собирать кусочки. Если у кого изъ жителей былъ поминальный обѣдъ, то никогда не забывали шпитальныхъ старцевъ: „отошлемъ припасы въ шпиталь, пускай они тамъ себѣ состроютъ обѣдъ"—такъ говорили въ домѣ, гдѣ справлялся обѣдъ. Цеховыя братства также помогали. Во время цеховаго праздника, въ шпиталь обыкновенно посылалось $^1/_2$ пуда печенаго хлѣба, $^1/_2$ пуда баранины, пшена 5 фунт., соли 1 ф., восковая свѣча въ 5 коп., $^1/_4$ фун. ладану и кварта водки. Старцы, принявъ припасы, изготовляли себѣ обѣдъ, зажигали свѣчку и поминали предковъ цеховыхъ. Съ учрежденіемъ земства, шпиталь перешелъ въ завѣдываніе земской управы, изъ которой отпускаются деньги на одежду шпитальнымъ и кромѣ того на содержаніе каждаго по $1^1/_2$ руб. въ мѣсяцъ. Этихъ средствъ, конечно, не хватаетъ; поэтому они также просятъ подаянія. Милостыню между шпитальными распредѣляетъ староста. Пищу готовитъ каждый себѣ отдѣльно; только во время поминокъ бываютъ общіе горшки. Дрова и солому сами покупаютъ, сами-же нанимаютъ прачку и мазальщицу (обмазывать избу), для чего ежемѣсячно складываются по 5—15 коп. Въ г. Конотопѣ шпиталь уничтожился лѣтъ 15 тому назадъ; онъ помѣщался возлѣ кладбища, на кладбищенской землѣ. Это была постройка также на двѣ половины; въ ней помѣщалось отъ 5 до 20 душъ мужескаго и женскаго пола увѣчныхъ и нищихъ. Надъ ними и изъ нихъ-же самыхъ былъ староста, богобоязливый и болѣе крѣпкій старикъ. Случалось, впрочемъ, что въ шпиталь попадали и бродяги, такъ что въ немъ приходилось находить покраденныя вещи, и тогда стали строго при-

сматривать за шпитальными. Питались старцы милостыней, которую испрашивали болѣе здоровые изъ нихъ; послѣдніе садились на крыльцѣ и кричали. Въ праздники и по субботамъ зажиточные люди посылали въ шпиталь съѣстное. На Пасху и Рождество Христово цехи присылали пасхи, яйца, мясо. Ремесленная управа и волостное правленіе оказывали помощь: давали топливо, постное масло для освѣщенія, посылали мѣлъ, глину и женщинъ для бѣленья хаты.

Институтъ шпиталей началъ разлагаться въ Малороссіи еще въ концѣ прошлаго столѣтія, когда братства пришли въ упадокъ, прихожане лишились прежняго вліянія на дѣла церкви и когда вообще была парализирована самодѣятельность южно-русскаго общества. Но кромѣ этого, говорятъ, была и другая, болѣе близкая причина, подсѣкшая въ корнѣ наши шпитали. Намъ передавалъ г. Ѳ. Уманецъ, земскій дѣятель въ черниговской губ. и отчасти мѣстный изслѣдователь, что шпитали были отмѣнены по распоряженію правительства, вслѣдствіе какихъ-то злоупотребленій, открытыхъ въ нихъ, кажется, вслѣдствіе того, что въ шпитали иногда попадали подозрительныя личности. Дѣйствительно, такого и подобнаго рода злоупотребленія открывались въ шпиталяхъ издавна, и не у однихъ насъ. Въ московскомъ государствѣ въ богадѣльни вторгались подъ видомъ больныхъ и нищихъ люди здоровые, не желавшіе работать. Это обстоятельство вызвало слѣдующее постановленіе московскаго собора въ 1561 году: „Милосердіе христіанское устроило во многихъ мѣстахъ богадѣльни для недужныхъ и старыхъ, а злоупотребленіе ввело въ нихъ молодыхъ и здоровыхъ тунеядцевъ. Посему и опредѣлено было: изгнать послѣднихъ и на мѣсто ихъ ввести первыхъ, поручивъ смотрѣніе за богадѣльнями добрымъ священникамъ, людямъ градскимъ и цѣловальникамъ, а къ недужнымъ приставить здравыхъ строевъ и бабъ стряпчихъ“ [1]). У насъ, на югѣ, въ прошломъ столѣтіи замѣчено было другого рода, но подходящее злоупотребленіе. Въ 1734 г. открыто было, что лица разныхъ состояній укрывались подъ разными предлогами отъ участія въ общихъ земскихъ повинностяхъ, въ особенности въ отбываніи постойной повинности, въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ шпитальныхъ, имѣвшихъ свои

---

[1]) Исторія государ. рос. Карамзина, изд. Эйнерменга, IX, 271.

грунты: нѣкоторые старцы, у которыхъ были грунты, вписывались въ шпитали, чтобы избѣжать отбыванія повинностей. Поэтому велѣно было всѣхъ шпитальныхъ старцевъ, имѣвшихъ свои грунты и дворы, привлекать къ отбыванію повинностей, на равнѣ съ прочими лицами [1]). Очень легко могло быть, что въ болѣе позднее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ шпитали попадали личности подозрительнаго свойства, какъ объ этомъ сообщали намъ въ г. Конотопѣ. Но, тогда какъ въ прежнее время принимали лишь мѣры къ устраненію недостатковъ въ такомъ благомъ учрежденіи, какъ шпитали и богадѣльни, въ болѣе позднее время у насъ прибѣгли къ болѣе радикальной мѣрѣ, уничтоживъ самые шпитали. Это было сдѣлано въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но въ которомъ именно году, намъ неизвѣстно.

Вотъ выводы, которые можно сдѣлать на основаніи приведенныхъ выше фактовъ. Введеніе христіанства можно принять за исходный пунктъ въ исторіи нашей благотворительности; съ нимъ появляются и достовѣрныя попытки организовать дѣло благотворительности; нищіе, калѣки, вдовицы, согласно требованію апостольскихъ правилъ, отдаются подъ покровъ и въ завѣдываніе церкви. Сколько можно судить по немногимъ дошедшимъ до насъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, въ этотъ древній періодъ русской жизни, который примыкаетъ къ эпохѣ введенія христіанства и заканчивается развитіемъ Москвы, организація благотворительности была въ главныхъ чертахъ всюду одинакова: нищіе содержались преимущественно приходами, при церковныхъ притворахъ и въ особыхъ кельяхъ при церквяхъ, отчасти при монастыряхъ, которые иногда и предназначались для этого (наприм., нѣкоторые монастыри въ новгородской области и монастырь св. Онуфрія въ Львовѣ). Въ дѣлѣ благотворенія равное участіе принимали, какъ церковь, такъ и прихожане, такъ какъ въ то время было значительное единство между церковью и приходомъ, не нарушаемое вмѣшательствомъ постороннихъ вліяній. Нарожденіе московскаго царства, съ его объединяющими стремленіями, должно быть сочтено за поворотный пунктъ въ исторіи благотворительности. Вмѣшательство власти въ дѣло благотворительности, сокращеніе общественной самодѣятельности въ этомъ отношеніи—вотъ тѣ признаки, все усиливаю-

---

[1]) Дневныя записки Якова Маркевича, I, 507.

щіеся, которые характеризуютъ этотъ новый періодъ. Центральная власть опредѣляетъ (въ сборникѣ Іоанна Васильевича) мѣстомъ для жительства нищихъ монастыри, которые дѣлаются все крупнѣе и крупнѣе, между прочимъ, черезъ поглощеніе мелкихъ крестьянскихъ монастырей. Старое обыкновеніе содержать нищихъ въ приходахъ при церквяхъ постепенно уничтожается, удерживаясь долѣе на отдаленномъ сѣверѣ, но и тамъ оно, наконецъ, исчезаетъ подъ давленіемъ центральной власти. Параллельно съ этимъ явленіемъ замѣчаемъ возникновеніе обширныхъ богадѣленъ въ большихъ городахъ, преимущественно въ Москвѣ. Но и на нихъ обнаруживается сила централизованной власти и подчиненная роль церкви: одинъ царь даетъ средства богадѣльнямъ изъ приказа большаго дворца, другой отнимаетъ содержаніе и велитъ патріарху содержать ихъ на средства патріаршей казны, а послѣдній дѣлаетъ сборъ съ церквей всѣхъ епархій. Позднѣе свѣтская власть предписываетъ завести богадѣльни при архіерейскихъ домахъ, для чего облагаются сборомъ всѣ церкви епархіи, а еще позднѣе отбираетъ это дѣло отъ духовенства и передаетъ казеннымъ приказамъ общественнаго призрѣнія. При такой системѣ благотворительности для самодѣятельности прихода не было мѣста; нищенство-же, не находя дома организованной благотворительности, принуждено было бросать свои приходы и скитаться или сосредоточиваться въ большихъ центрахъ, гдѣ заводились богадѣльни.

По другому пути двинулось было развитіе благотворительности въ южной Руси. Здѣсь благотворительная роль монастырей слабѣетъ, а въ замѣнъ того усиливается значеніе церкви. Церковь-же на югѣ, какъ извѣстно, выработалась въ оригинальное и сложное учрежденіе, которое заключало въ себѣ, такъ сказать, три дирекціи: религіозную, образовательную и благотворительную (собственно церковь, школа и шпиталь), тѣсная, органическая связь ея съ приходомъ поддерживалась путемъ братствъ, церковныхъ и иныхъ, которые принимали сами дѣятельное участіе въ основаніи и поддержкѣ шпиталей. Такія учрежденія, какъ шпитали, помимо общественной благотворительности, находили себѣ поддержку и въ частной: многіе частные люди основывали шпитали на свои собственныя средства. Вообще духъ благотворительности въ южно-русскомъ народѣ проявлялся интенсивнѣе, чѣмъ гдѣ либо, съ одной стороны,

вслѣдствіе подъема религіознаго чувства, постоянно обострявшагося борьбой за свободу вѣры, съ другой, вслѣдствіе такого соціальнаго строя того времени, который не подавлялъ, а напротивъ развивалъ личный починъ и общественную самодѣятельность. Но вотъ все ближе и ближе, тѣснѣе и тѣснѣе надвигается духъ всенивеллирующаго центра съ его механическимъ бюрократизмомъ, желающимъ всѣ жизненныя формы выкроить по одному, придуманному въ приказѣ или въ канцеляріи, шаблону. Подъ гнетомъ предписаній и запрещеній живой духъ творческой благотворительности замираетъ. Тамъ, гдѣ еще недавно дѣйствовала обхватывавшая весь край сѣть мелкихъ народно-благотворительныхъ учрежденій, водворилось запустѣніе: центръ замѣнилъ ихъ губернскими приказами общественнаго призрѣнія. Выигралъ или проигралъ край отъ этой замѣны?

П. Ефименко.

ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ

(по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ).

(окончаніе) *).

II.

Прослѣдивши по возможности весь ходъ событій въ исторіи задунайской Сѣчи, обратимся теперь къ внутренней организаціи и жизни этой козацкой общины, на сколько это возможно возстановить по воспоминаніямъ Коломийца и другимъ слышаннымъ нами разсказамъ.

Задунайская Сѣчь, подобно своей приднѣпровской метрополіи, до самого конца своего существованія, сохранила тотъ строго-военный, полумонашескій характеръ, въ силу котораго женщины не могли входить въ составъ козацкой общины и вообще жить въ Сѣчи. Мы упоминали уже о томъ, что Кошевымъ даже не могъ быть вообще женатый человѣкъ, хотя-бы семья его и была очень далеко. Но такъ-же точно, какъ вокругъ приднѣпровской Сѣчи группировались поселки и слободы, населенныя семьями женатыхъ запорожцевъ,—при Сѣчи въ Дунавцѣ было нѣсколько слободъ, въ которыхъ жили семейные люди. Всѣ эти слободы, или, лучше сказать, ихъ жители были извѣстны подъ общимъ собирательнымъ именемъ *Райи,* которымъ у турокъ вообще обозначалось христіанское населеніе деревень, находившееся въ извѣстныхъ вассальныхъ отношеніяхъ къ спагіямъ, игравшимъ прежде въ оттоманской имперіи роль европейскаго феодальнаго дворянства. Понятно, что райя запорожская носила только это имя, безъ всякаго подчиненія кому-бы

*) См. февр. кн. «Кіевской Старины», за 1883 г., стр. 269—300.

то ни было въ указанномъ нами смыслѣ и только съ подчиненіемъ исключительно административнымъ Кошевому Сѣчи. Райя занимала слободы: поселокъ возлѣ самой Сѣчи, возлѣ лимана Мурургіля и озерца Круглика, заключавшій въ себѣ около 80—100 хатъ и носившій имя *Райи* по преимуществу; *Мурургіль*, небольшой поселокъ, на лиманѣ того-же имени, дальше по направленію къ Бешъ-Тепе; *Карагарманъ*, или правильнѣе Кара-Орманъ (Черный лѣсъ), заключавшій въ себѣ хатъ около 40 внутри острова, образуемаго сулинскимъ и георгіевскимъ гирлами. Кромѣ того запорожскія поселенія и рыбачьи стоянки были въ *Катирлезѣ*, *Ивонгѣ*, *Горговѣ*, *Вилковѣ*, *Летѣ* и проч. и вообще по рыболовнымъ заводамъ и плавнямъ. Сѣчь состояла также, какъ и приднѣпровская, изъ 38 куреней, титарви и паланки, т. е. куреня, въ которомъ жилъ Кошовый и помѣщалась войсковая канцелярія. Изъ 35 названій куреней, которыя въ состояніи былъ припомнить намъ Коломиецъ, мы видимъ, что почти всѣ они носили тѣ-же названія, какъ и курени днѣпровской Новой Сѣчи, за исключеніемъ *джирліївського* и *пластунівського*, которыхъ въ днѣпровской Сѣчи не было. Къ сожалѣнію, отсутствіе названій трехъ куреней не позволяетъ намъ провести это сравненіе до конца. Какъ въ названіяхъ куреней, такъ и во всемъ административномъ устройствѣ задунайской Сѣчи, составляющемъ по возможности копію днѣпровской, мы видимъ полное желаніе удержать въ возможной чистотѣ прежнюю сѣчевую традицію. Между прочимъ и Коломиецъ говоритъ, что число куреней никогда не превышало 40-ка (включая паланку и титарню) и что намѣреніе кого-то устроить на свой счетъ новый курень, который-бы назывался по имени основателя, было отклонено именно потому, что это шло-бы въ разрѣзъ съ исторической традиціей: „нехай, якъ тамъ було сорокъ, нехай и тутъ буде“! Составъ войсковой старшины былъ тотъже почти, что и на Днѣпрѣ: Кошовый, писарь, асаулъ—со включеніемъ еще „товмача“ или „драгомана“—переводчика. Эти лица избирались ежегодно 1-го октября „на Покрову“, которая была патрономъ и задунайской Сѣчи, и вмѣстѣ съ прислугою—„хлопцемъ“, „конюхомъ“ и проч. составляли населеніе паланки—особаго огороженнаго домика, составлявшаго центральный пунктъ Сѣчи. Курени избирали каждый своего куренного отамана, бывшаго какъ административнымъ представителемъ и начальникомъ своего куреня,

такъ и хозяиномъ его въ смыслѣ чисто экономическомъ. Избраніе старшины и вообще празднованіе „Покрова“ сопровождалось такой-же торжественностью, какъ и въ приднѣпровской Сѣчи. Къ этому дню собирались на Сѣчь по возможности всѣ козаки, „де-бъ хто не бувъ“, такъ какъ на Сѣчи обыкновенно жили только старшина и только самое небольшое количество козаковъ, преимущественно старыхъ, не бывшихъ уже въ состояніи вести охотничью и рыбальскую жизнь, все-же остальное почти круглый годъ проводило на рыболовныхъ заводахъ, въ плавняхъ, на охотѣ и т. п. Послѣ обѣдни на площадку передъ паланкой выносили столъ, клали на немъ крестъ, евангеліе и хлѣбъ и всѣ войсковыя регаліи, или „військові причандали“, какъ называетъ ихъ Коломиецъ, хранившіяся обыкновенно въ церкви на престолѣ. Сѣчевыя регаліи составляли: *грамоты,* полученныя запорожцами „одъ німця и одъ турчина и одъ поляка (?), *бунчукъ, перначъ* и *топузъ*“, послѣдній—родъ ножа мѣднаго, „четверти три довжины, за поясомъ носили“,—вѣроятно какое-нибудь парадное оружіе, данное кѣмъ-нибудь изъ султановъ. Въ числѣ войсковыхъ регалій Коломиецъ упоминаетъ еще и о какихъ-то „головкахъ“, имѣвшихъ видъ человѣческихъ головъ, „тільки маленькихъ“, но что это были за головки, этого изъ его разсказа, не смотря на всѣ наши разспросы, невозможно было понять. Когда передъ паланкою все было готово, то „ото выйде Кошовый, поцілуе евангелію й хрестъ, а далі поцілуе хлібъ и каже: „спасибі вамъ, панове отаманы, и вамъ, панове воинство, за хлібъ, за сіль и за панство... Я теперъ вамъ не буду паномъ... выбирайте собі кого хочте!“... тоді козаки, якъ согласни, щобъ вінъ зновъ бувъ, то уговорюють, а якъ не хочуть, то часомъ и скажуть: „хочъ-бы й хотівъ, то не будешь, пора вже другому бути“! Десять, пъятьнадцять чоловіка кричать: „того!“, а зъ другои купы—„того!“ Инший и самъ не хоче, а другий хотівъ-бы, та збоку!... Оттакъ и стоить галасъ, поки вже кого не выберуть... Ну, а тамъ вже обідъ, гуляньня!“...

Таковъ былъ обыкновенный обрядъ избранія Кошеваго на „Покрову“, но, какъ мы упоминали уже, далеко не каждый Кошевый благополучно оканчивалъ даже и свой годичный срокъ. Констатированный нами общій упадокъ прежней политической организаціи дошелъ, какъ мы видѣли, до постоянныхъ смѣнъ Кошевыхъ, очень

часто въ угоду только самой безшабашной части сѣчеваго товариства, съ другой-же стороны—до немыслимаго прежде расширенія власти Кошевыхъ, какъ это было напримѣръ при Гладкомъ, который находилъ возможность вмѣшиваться даже въ выборы куренныхъ атамановъ. Оставляя въ сторонѣ все то, что могло быть явленіемъ случайнымъ и временнымъ, мы не можемъ не признать того, что въ извѣстной намъ исторіи задунайской Сѣчи замѣтно явное ослабленіе самыхъ принциповъ запорожскаго политическаго строя. Рядомъ съ этимъ въ еще большей степени замѣтенъ явный упадокъ и чисто военной организаціи. Въ военномъ отношеніи дунавецкая Сѣчь далеко не представляла собой того, чѣмъ была днѣпровская; „якъ утікали за Дунай", говоритъ цитированная нами выше народная пѣсня, „то усе забирали, и изъ церковъ иконы, тільки покидали золотую збрую та ворони кони"! Дѣйствительно, судя по разсказамъ Коломийца, мы видимъ въ задунайской Сѣчи полное отсутствіе артиллеріи и кавалеріи, отсутствіе постоянной аванпостной службы, которая у прежнихъ запорожцевъ замѣняла собой военное обученіе и маневры, замѣтно отсутствіе наконецъ или упадокъ вообще военнаго духа. Мы не знаемъ, къ сожалѣнію, условій, на которыхъ приняло къ себѣ запорожцевъ турецкое правительство; очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ военной организаціи происходили именно вслѣдствіе этихъ условій, но въ очень значительной степени констатируемое нами явленіе должно было происходить и вслѣдствіе измѣненій самой жизненной обстановки, связанныхъ съ перемѣною мѣстности, и кромѣ того, разумѣется, и отъ условій чисто соціальныхъ и экономическихъ. На нашъ вопросъ о лошадяхъ, Коломиецъ отвѣчалъ намъ съ оттѣнкомъ даже нѣкоторой досады: „де тамъ у ихъ тиі кони!?... и штанівъ не було й сорочки!... воля, хочъ голый ходи!"... Далѣе мы приведемъ нѣсколько фактовъ, касающихся дѣйствительно болѣе, чѣмъ незатѣйливой обмундировки задунайскихъ сѣчевиковъ, приводившей въ недоумѣніе даже турокъ. Войсковаго знамени дунайскіе запорожцы тоже не имѣли, и оно замѣнялось у нихъ турецкимъ бунчукомъ, по всей вѣроятности вслѣдствіе несоотвѣтствія христіанскихъ эмблемъ прежняго запорожскаго знамени съ тогдашнимъ положеніемъ войска, считавшагося во всякомъ случаѣ турецкимъ. Впрочемъ каждый курень имѣлъ свой *байракъ* — родъ значка изъ

краснаго сукна съ бѣлымъ полумѣсяцемъ и шестью звѣздами. Въ случаѣ смерти кого-нибудь изъ козаковъ, передъ куренемъ выставлялся этотъ байракъ въ видѣ военной почести умершему. Въ случаяхъ походовъ военная организація задунайцевъ разумѣется нѣсколько подтягивалась и все принимало болѣе или менѣе настоящій военный характеръ. Высылаемыми изъ Сѣчи отрядами предводительствовали *наказные отаманы*, выбиравшіеся всегда самими отправлявшимися въ походъ козаками [1]). Само собою разумѣется, что при выборѣ наказнаго отамана имѣлась въ виду прежде всего военная опытность избираемаго, знаніе имъ дорогъ, мѣстностей и т. п., но независимо отъ этого обращалось также большое вниманіе и на его хозяйственныя способности и жизненную честность: „оцей козакъ, говорили запорожцы, старый, хороший, не запиваеться,—нехай намъ буде за пана: вінъ и у таіні и у жалуваньні ни шматочка хліба не попуститъ". Впереди отряда обыкновенно шли „кухари или хорульники", т. е. хлѣбопеки; они должны были выбирать удобныя для стоянокъ мѣста и печь хлѣбъ для продовольствія войска. Все это дѣлалось, разумѣется, по мѣрѣ возможности и смотря по условіямъ похода; чаще всего разумѣется козакамъ въ походѣ приходилось додольствоваться сухарями, размоченными въ водѣ, саламахою съ саломъ, а не то и просто съ водою и т. п. Въ далекіе походы обыкновенно брали съ собой походную церковь и священника.

Въ отбываніи козаками военной повинности также замѣчаются очень характерныя черты упадка какъ военнаго духа, такъ и вообще соціальной организаціи. За Дунаемъ уже входитъ въ обычай *откупаться* отъ участія въ походѣ, ставя за себя наемнаго козака, и само собой разумѣется, что обычай этотъ устанавливается въ пользу людей болѣе состоятельныхъ и преданныхъ болѣе мирнымъ и выгоднымъ занятіямъ. До нѣкоторой степени это регулировалось правиломъ, по которому ставить за себя наймита могъ только козакъ уже бывавшій въ походѣ и такимъ образомъ пріобрѣвшій уже себѣ нѣкоторое право на отдыхъ. Но изъ словъ Коломийца мы видимъ, что правило это далеко не всегда соблюдалось и что въ крайнемъ

---

[1]) Названіе наказнаго пана или отамана давалось также и козакамъ, которыхъ Кошевый посылалъ куда-нибудь съ порученіемъ вмѣсто себя, давая имъ широкія полномочія дѣйствовать въ размѣрахъ своей собственной власти и компетенціи.

случаѣ практиковалось и дезертирство: „а якъ було вже не выкрутишься, то—поздоровъ, Боже, ноги!—на човенъ да й у плавню... шукай тамъ, коли хочъ!“... Понятно, что это явленіе находится въ глубокой связи съ экономической организаціей и бытомъ запорожской общины, и поэтому мы будемъ имѣть еще случай вернуться къ нему, говоря объ этой сторонѣ жизни задунайской Сѣчи.

Военная дисциплина и вообще гражданскій порядокъ на Сѣчи поддерживались очень строго по принципу, но далеко не всегда успѣшно на практикѣ. Мелкія дѣла разрѣшались въ куренях авторитетомъ отамана, болѣе-же серьезныя нарушенія сѣчевыхъ порядковъ восходили до Кошеваго, собранія отамановъ, а въ особенно важныхъ случаяхъ и всего товариства. Обыкновеннымъ наказаніемъ въ сколько нибудь серьезныхъ случаяхъ были „бичи“,—средней толщины кизилевые прутья, въ важныхъ-же случаяхъ, въ родѣ убійствъ и т. п., и смертная казнь на висѣлицѣ. Этотъ послѣдній родъ наказанія подъ конецъ былъ, какъ кажется, изъятъ изъ сферы юрисдикціи Кошеваго и вообще самой Сѣчи, и особенно важные уголовные преступники были отправляемы для суда и наказанія къ пашѣ въ Браилу или Галацъ. Наказаніе бичами могло быть присуждаемо даже за такіе сравнительно маловажные проступки, какъ неснятіе шапки кѣмъ нибудь изъ молодыхъ при встрѣчѣ съ старикомъ, или при проходѣ мимо паланки. Изъ разсказовъ Коломийца о разныхъ случаяхъ примѣненія этого наказанія, мы видимъ, что оно имѣло иногда добродушно-родительскій характеръ (эпизодъ напр. въ его воспоминаніяхъ о Смыкѣ), иногда-же гораздо болѣе серьезный характеръ, какъ напр. въ томъ случаѣ, когда какой-то хлопець-молдаванчукъ завелъ слѣпаго старика въ болото и оставилъ его просидѣть тамъ цѣлую ночь; иногда-же, наконецъ, оно являлось просто предлогомъ для товариства или, лучше сказать, для сѣчевыхъ гулякъ „голоколінчиківъ“, какъ называетъ ихъ Коломиецъ, показать свою власть и воспользоваться случаемъ, чтобы взыскать съ провинившагося штрафъ („выдерти *джереме*“) водкою или виномъ. Разсказъ Коломийца о козакѣ *Кінська-Шерсть* интересенъ, кромѣ того, еще въ томъ отношеніи, что козакъ этотъ обвинялся повидимому въ такомъ преступленіи, за которое никакая политически свободная община не считала-бы себя въ правѣ карать своего сочлена, и которое даже въ глазахъ куренныхъ отамановъ вовсе не

казалось чѣмъ нибудь очень серьезнымъ. Этотъ козакъ оставилъ Сѣчь и приписался, вѣроятно, подъ покровительство австрійскаго консула; его поймали на Дунаѣ, привели въ Сѣчь и начали судить. Отаманы кажуть: „подаруймо ёму!" а безштаньки збоку стоять та кричать: „бийте ёго, щобъ не робивъ того!"... „То якъ отиі голоколінчики схотіли", такъ и выйшло! прибавляетъ Коломиецъ. Въ этихъ послѣднихъ словахъ старика обращаютъ на себя вниманіе выраженія: „безштаньки" и „голоколінчики"; они указываютъ, по видимому, на то, что обвинявшійся козакъ принадлежалъ къ числу запорожскихъ „дуківъ-сріблянниківъ", т. е. людей болѣе состоятельныхъ, представлявшихъ собою нѣчто въ родѣ сѣчевой денежной аристократіи, пользовавшейся потому снисходительностью начальства, но за то, понятно, и не особенно долюбливаемой голотою-безштаньками, составлявшими, конечно, большинство. Отъ этого запорожскаго плебса доставалось не разъ и самимъ Кошевымъ, если они, подобно Олексѣ Рясному, ловились на такихъ крайне предосудительныхъ въ ихъ званіи поступкахъ, какъ посѣщеніе молодицъ въ Райѣ, подъ часъ-же и тогда, когда Кошевой оказывался черезчуръ строгимъ и придирчивымъ и совершалъ, по мнѣнію товариства, явныя несправедливости. „Трёхъ, чи чотырёхъ оттакъ наказували, говоритъ Коломиецъ, бичами попобъють и *джереме* візьмуть". Выше мы упоминали о примѣрахъ того, какъ, при извѣстной степени распущенности, это право товариства карать своего Кошеваго достигало до рѣшительныхъ злоупотребленій и полной разнузданности толпы, которая рѣшительно не хотѣла терпѣть стѣсненій со стороны ею-же выбраннаго начальника, если онъ покушался водворить хоть какой нибудь порядокъ и прекратить разбойничество, грозившее, между прочимъ, и серьезнымъ вмѣшательствомъ со стороны турецкаго правительства. Дальше мы увидимъ случаи, показывающіе, до чего доводила въ концѣ концовъ вынужденная подобными нравами уступчивость со стороны Кошевыхъ.

Составъ Сѣчи пополнялся и поддерживался, какъ мы знаемъ, почти исключительно народомъ приходившимъ изъ Украйны. Въ этомъ отношеніи задунайская Сѣчь вполнѣ являлась преемницей своей приднѣпровской метрополіи, одною изъ историческихъ задачъ которой было давать пріютъ и возможность работать всѣмъ искавшимъ политической и личной свободы, бѣглецамъ отъ притѣсненій

пановъ на Украйнѣ, отъ административнаго самоуправства въ гетманщинѣ и т. п. Въ соціальныхъ и политическихъ мотивахъ, которые-бы давали поводъ уходить за Дунай, разумѣется, не было недостатка и во все время существованія задунайской Сѣчи, если только не было ихъ еще больше, чѣмъ въ прежнія времена. Достаточно вспомнить, что это было время полнаго уничтоженія украинскаго козачества со всѣми его политическими и аграрными „вольностями", формальнаго учрежденія крѣпостнаго права на лѣвомъ берегу Днѣпра и полнаго разцвѣта его въ правобережной Украйнѣ, время обезземеленія и отдачи помѣщикамъ цѣлой массы свободнаго до тѣхъ поръ населенія, время начала рекрутчины и военныхъ поселеній на Украйнѣ и наконецъ большихъ стѣсненій для всякаго безпаспортнаго люда, укрывавшагося въ степяхъ Новороссіи и Бессарабіи. Понятно, что подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ появлялось очень много людей, для которыхъ не было никакого другаго исхода, кромѣ дороги за Дунай, на Запорожье. Лучше насъ можетъ это разсказать одна изъ записанныхъ нами въ Добруджѣ историческихъ пѣсенъ, которую и приводимъ здѣсь.

Ходивъ, блудивъ молодый козакъ по річці по Дону,
Пришатався, примотався и къ самому Дунаю:
Ой, вы, хлопци-перевозци, перевезіть мене на той бікъ Дунаю,
А я вамъ сімсотъ рублівъ заплатю,
А що мало—небагато, до тысячи доложу!
Оглянеться добрый молодець, ажъ немае—нітъ ничого:
„Що мені робити?—чи обнявши свою головоньку
Та йти у військо служити?"...

„Пішовъ-бы я до отця-до матки", разсуждаетъ козакъ,—„отець-мати померли, пішовъ-бы я до роду, до плоду, а рідъ-племя не прийма, пішовъ бы я до жінки молодои, жинка молода та заміжъ пішла!" Куда-же идти?

Ой у полі криниченька, тамъ дівчина воду брала,
Мені молодому шляхи розказала:
—„Ото-жъ тобі, ты добрый молодець,
А ни плакать, ни тужить—

Ото-жъ тобі, та добрый молодець,
Ажъ три дороги лежать:
Одна на Дінъ, а другая у Крымъ,
А третяя на Запорожье!"

(Зап. отъ Марія Михайлихи въ Тульчѣ).

И шли дѣйствительно на Запорожье, какъ это ни было трудно и связано съ цѣлой массой всевозможныхъ препятствій. Разсказывая біографію Коломийца, мы упоминали о томъ, что ему пришлось странствовать около 9 лѣтъ прежде, чѣмъ удалось попасть въ Сѣчь. Перейдя границу около Аккермана, онъ и его товарищи, въ качествѣ бѣглецовъ, не знавшихъ ни страны, въ которую они попали, ни мѣстнаго языка, и имѣвшихъ основаніе ежеминутно опасаться выдачи, очутились въ полной зависимости отъ перваго-же встрѣчнаго, который захотѣлъ воспользоваться ихъ положеніемъ. Такимъ дѣйствительно оказался какой-то турокъ, забравшій ихъ къ себѣ на багу (виноградникъ) и продержавшій ихъ у себя тамъ въ теченіи пяти лѣтъ, пока наконецъ держать долѣе не было никакой возможности, вслѣдствіе приближенія русскихъ войскъ. Затѣмъ они ушли въ Молдавію и тамъ бурлаковали въ теченіи 4-хъ лѣтъ, переходя отъ хозяина къ хозяину, пока наконецъ не подхватила ихъ провѣрка населенія, благодаря которой они увидали конецъ своимъ странствованіямъ. Конечно, исторія Коломийца фактъ можетъ быть и исключительный, но во всякомъ случаѣ она показываетъ, какъ не легка была дорога на Запорожье. Это обстоятельство, разумѣется, не могло не приниматься во вниманіе и запорожцами и вслѣдствіе этого, а также вѣроятно и вслѣдствіе того, что для возбужденія рѣшимости уйти за Дунай требовался все таки нѣкоторый стимулъ извнѣ, въ видѣ пропаганды козацкой свободной жизни на Сѣчи, задунайскіе запорожцы не предоставляли эмиграцію къ себѣ разнымъ случайностямъ, а старались правильно организовать ее, высылая отъ времени до времени, а иногда и ежегодно особыхъ эмиссаровъ—*„вожаівъ"*, задачею которыхъ было подбирать на Украйнѣ людей годныхъ въ козаки, уговаривать ихъ бѣжать на Сѣчь и затѣмъ проводить ихъ извѣстными и заранѣе устроенными запорожцами путями. Коломиецъ указываетъ намъ и имя одного изъ такихъ „вожаівъ"; то былъ *„Андрій Вершибало"*,

сергѣевскій куренный; „той було, разсказываетъ Коломиецъ, що году ходивъ по Малороссіи и Украині, чоловіка 15 було збере такихъ, що може назватись козакъ, та й веде!“ О такихъ-же вожаяхъ и вообще объ организованной эмиграціи изъ Украйны говоритъ и слѣдующая, записанная нами въ Тульчѣ народная пѣсня, указывающая также и на тѣ препятствія, которыя нужно было обойти прежде, чѣмъ попасть въ Сѣчь, и на тѣ соціальныя условія, которыя заставляли уходить туда:

...Ой да Дунай річка та широка.
Та на перевозі усе глибока.
Да луги изъ лугами,
А береги зъ берегами...
Ой тамъ запорожци проіжжали
И молодихъ бурлакъ провожали...
А теперъ не проходять
И бурлакъ не проводять—
За превражими панами!
Ой да наши паны усе поляки.
А пишуть письма про бурлаки:
„Да коли-бъ намъ ихъ піймати.
Да кого-бъ намъ оддати
Да у ти нещастниі салдати“!

(Зап. отъ Остапа Данчука).

Прибывшихъ въ Сѣчь принимали очень просто: „прийде чоловікъ у паланку, роспитають ёго, звідки й якъ...— „Буденъ козакувать?“ „Буду, пане!“—„А у якій курінь хочешъ?“—„Та самъ не знаю!“... А тутъ обізветься который курінный: „нехай иде до мене!“—„Ну, козакуй-же, говорилъ Кошовый новому товарищу, та якъ що коли й бувало, то більше не роби!.. отъ рыбаль собі, а на добичъ не ходи!“... Этимъ и оканчивалась вся церемонія пріема новаго козака въ Сѣчь. Относясь снисходительно къ тому, что „бувало“ прежде, и предостерегая вновь поступавшаго на счетъ хожденія „на добичъ“, старшина Сѣчи никогда не прочь была дать пріютъ и защиту каждому гонимому въ Россіи, хотя-бы даже и за преступленія. Особенно-же, понятно, покровительство оказывалось тѣмъ, кого преслѣдовали за преступленія, имѣвшія оттѣнокъ со-

ціально-политическій. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи разсказъ Колимийца объ одной изъ выходокъ бывшаго извѣстнымъ по своей эксцентричности Василя Смика: „Зъ Россіи, не знаю одъ якихъ-сь то господъ, втікло три чоловіки и багато щось грошей занесли... Отъ—що робить? У Галацъ, до німецького консула! А німецький консулъ пославъ свого капрала: „поідь у Тульчу, скажи паші, що отъ такъ и такъ... одъ господъ люде втекли и гроши занесли,—щобъ звелівъ Кошовому, нехай тихъ людей оддасть, бо вони тамъ десь у ихъ!"... Паша написавъ Кошовому, а той скликавъ курінвихъ и каже: „господа отаманы! отъ що паша пише... чи е такі люде тутъ у насъ?... треба мабуть мені самому іхати у Тульчу!" А Смикъ стоить тутъ та каже: „скидай, каже одежу, нехай я поіду!" одягся та й поіхавъ... Приіздить, а паша вже знавъ ёго,—якъ побачивъ, каже тому капралови: „ховайсь, каже, бо се такий чоловікъ, що вінъ и тебе й мене вбье оттутъ!"... Той сховавсь у другу кімнату, а Смикъ побачивъ, що вінъ тамъ, якъ увійшовъ, та якъ крикне: „а що, каже, багато вони коней поперганяли сюди, що вінъ сюди за зищика приіхавъ?"... та бухъ у стіну зъ пистоля! разъ, та у друге! Той злякавсь та швидче другими дверима на двіръ, та на лодку, черезъ Дунай!.. Такъ и пропало—більше вже й не присылали й не писали!"...

Описывая принятіе новыхъ козаковъ въ Сѣчь, Коломиецъ не упоминаетъ объ обычномъ у днѣпровскихъ запорожцевъ вопросѣ относительно вѣроисповѣданія. По всей вѣроятности это впрочемъ разумѣлось само-собой и должно было вытекать изъ предварительныхъ разспросовъ у явившагося. Но на это отсутствіе вопроса о религіи ничуть не слѣдуетъ смотрѣть какъ на признакъ того, что въ задунайской Сѣчи религія не играла особенно важной роли. Такой взглядъ былъ-бы чрезвычайно ошибочнымъ, такъ какъ, судя по разсказамъ Коломийца, глубокая резигіозность дунайскихъ сѣчевиковъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ и, между прочимъ, въ варіантахъ ихъ, записанныхъ нами въ Добруджѣ, мы встрѣчаемъ черты какъ будто-бы противорѣчащія только что высказанному нами взгляду. Одна изъ такихъ пѣсень юмористически указываетъ напр. на то, что запорожцы какъ будто имѣли очень смутное понятіе о такихъ даже предметахъ, какъ церковь или священникъ:

Були у насъ хлопци—славни запорожци, [1])
Та не бачили зъ роду церкви,
Та побачили въ степу скирту сіна...
Одинъ каже: „що то, брате, въ степу стоить?“
А другий каже: „ото-жъ церква наша.“

Були у насъ хлопци—славни запорожци,
Та не бачили зъ роду попа,
Та побачили на степу цапа...
Одинъ каже: „що то, брате, ходить“?
А другий каже: „ото-жъ піпъ нашъ.“

Були у насъ хлопци—славни запорожци,
Та не бачили попаді зъ роду,
Та побачили чаплю на болоті—
Одинъ каже: „що то, брате, ходить?“
А другий каже: „ото-жъ, мабуть, попадя наша.“

(М. Михайлиха).

Другая пѣсня: „Ой у полі *шелемъ-белемъ* [2]) коливається“, представляющая собою слегка пріуроченный къ Добруджѣ варіантъ общеизвѣстной на Украйнѣ пѣсни, намекаетъ на нѣсколько критическое отношеніе козаковъ къ духовенству:

Ой нехай мене не ховають ни попы, ни дяки,
А нехай мене поховають задунайські козаки!
Бо ті попы, бо ті дяки за парами бьються,
А задунайські козаченьки хочъ меду-вина напьються!

(Въ Тульчѣ отъ Тараса Корніенко).

Мы не станемъ, разумѣется, спорить относительно того, что содержаніе этихъ пѣсень могло имѣть свое основаніе въ правахъ и условіяхъ жизни задунайскаго козачества, можетъ быть по цѣлымъ годамъ дѣйствительно не видавшаго церкви и не всегда имѣвшаго возможность быть особенно разборчивымъ въ выборѣ своихъ духовныхъ пастырей, но во всякомъ случаѣ эти пѣсни

---

[1]) Припѣвъ мы для краткости опускаемъ.

[2]) *Шелемъ-белемъ* (тур. букв. *сюда-туда*)—ковыль, stipa pennata s capillata.

ничуть не могутъ характеризовать общаго отношенія дунайскихъ запорожцевъ къ религіи. Напротивъ, сколько можно видѣть изъ воспоминаній Коломийца, сѣчевики отличались большой набожностью, выражавшеюся не только въ ихъ постоянной заботливости о своей сѣчевой церкви и въ обычаѣ удаляться подъ конецъ своей жизни въ монастырь, но и въ томъ извѣстномъ авторитетѣ, какимъ пользовались, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые сѣчевые священники, какъ видно не разъ рисковавшіе говорить своей паствѣ не совсѣмъ пріятную истину. Однимъ изъ такихъ фактовъ, упоминаемыхъ у Коломийца (кромѣ приведеннаго уже нами выхода запорожцевъ, по настоянію архимандрита Филарета) является разсказъ о столкновеніи бывшемъ между Кошевымъ Михайломъ Литвиномъ и сѣчевымъ священникомъ Лукьяномъ Кулішемъ. Этотъ послѣдній въ одной изъ своихъ проповѣдей, въ достаточно суровыхъ выраженіяхъ, поставилъ на видъ товариществу его разбойническій образъ жизни, постоянное хожденіе „на добичъ", сопровождающееся очень часто пролитіемъ даже христіанской крови и т. п., и призывалъ къ покаянію всѣхъ, не исключая и войсковой старшины, которую также обвинялъ, если не въ прямомъ, то въ косвенномъ участіи во всѣхъ этихъ дѣяніяхъ. Кошовый приказалъ осаулу пригласить о. Лукъяна по окончаніи службы въ паланку, для того, разумѣется, чтобы сдѣлать ему приличное внушеніе. Но, вмѣсто этого, Кошевому Литвину пришлось самому выслушать отъ „панотця" еще болѣе суровое обличеніе: „церква у насъ уся у золоті, говоритъ о. Лукьянъ, а по вікна у крови християнській: ты цёго не бачишъ, а я бачу!" —„То що-жъ робити?" спрашивалъ у него растерявшійся Литвинъ. —„А отъ що: отъ поки паномъ, пануй, ты чоловікъ добрый, а якъ не будешъ більше Кошовымъ, то йди у ченці, та Богови молись!" „Такъ вінъ и зробивъ, прибавляетъ Коломиецъ, побувъ кілько тамъ часу Кошовымъ, а якъ скинули ёго, пішовъ у Мирнопоянъ у ченці, та тамъ ченцемъ и вмеръ". Монастырь Poiana Mărului [1]), переименованный въ *Мирнопоянъ,* игралъ очень важную роль въ исторіи задунайской Сѣчи. Въ этотъ монастырь, находящійся недалеко отъ желѣзнодорожной станціи Kimnicu-Sărat въ Молдавіи, уходили окан-

---

[1]) Въ переводѣ «поляна яблонь». Объясненіемъ совсѣмъ искаженнаго названія «Мирнопоянъ» мы обязаны любезности г. проф. букарештской академіи, Точилеску.

чивать свои дни очень многіе сѣчевики. Тамъ доживали свой вѣкъ, кромѣ Литвина, Кошевой Гордина; тамъ-же постригся и послѣдній сѣчевой священникъ, о. Іустинъ, бывшій съ козаками въ походѣ и тюрьмѣ послѣ выхода Гладкого... Мирнопоянъ сдѣлался любимою козацкою обителью, вѣроятно, въ силу традиціи, созданной еще примѣромъ „Василя (Безрукавого?), Мазепиного ще писаря", который, по словамъ Коломийца, построилъ церковь св. Параскевы въ Галацѣ и умеръ монахомъ въ этомъ монастырѣ. Не малое количество козаковъ уходило и въ монастыри на „святу Гору", т. е. на Аѳонъ: тамъ, между прочимъ, былъ, какъ мы знаемъ, и бывшій Кошевой *Морозъ*, вернувшійся потомъ въ Сѣчь и погибшій во время греческой войны.

Въ отношеніи духовенства задунайская Сѣчь сохраняла до конца самую полную независимость и всегда сама выбирала для себя священниковъ, иногда даже изъ своей-же среды, отсылая ихъ только для рукоположенія къ молдавскимъ архіереямъ: „сами козаки попівъ выбирали.... выберемо которого зъ козаківъ, разсказываетъ Коломиецъ, письменного чоловіка, то (преосвященный) й пострижe". Это было тѣмъ легче, что въ числѣ молдавскихъ владыкъ бывали иногда и украинцы родомъ, какъ напримѣръ тотъ ясскій митрополитъ Гавріилъ, о которомъ упоминаетъ въ своемъ разсказѣ Коломиецъ. Вообще избирательное духовенство держалось долго въ этой мѣстности и держится даже и до сихъ поръ между украинскимъ населеніемъ Добруджи. Долгое время, а именно еще въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія, право сельскихъ обществъ набирать себѣ священниковъ держалось и въ козацкихъ поселеніяхъ въ Бессарабіи, какъ мы можемъ видѣть это изъ замѣтки, напечатанной въ апрѣльской книгѣ „Кіев. Стар." (стр. 166).

Экономическая организація задунайской Сѣчи и вообще экономическая сторона жизни запорожцевъ за Дунаемъ въ основныхъ чертахъ представляются такими-же, какими они были на Днѣпрѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они заключаютъ въ себѣ и новыя явленія, задатки которыхъ были безъ сомнѣнія и въ жизни приднѣпровской Сѣчи, но не успѣли тамъ еще достаточно развиться. Къ числу такого рода явленій относятся, по нашему мнѣнію, попытки перехода

къ земледѣльческому хозяйству, значительное развитіе частной собственности и предпринимательства, хожденіе на заработки, гораздо болѣе, чѣмъ въ приднѣпровской Сѣчи, развившееся распаденіе козаковъ на „дуківъ“ и „голоту“ и т. п. Большая часть этихъ явленій была занесена въ зачаточномъ видѣ еще изъ Россіи, нѣкоторыя-же развились въ силу чисто-мѣстныхъ условій; но во всякомъ случаѣ ни одно изъ нихъ не успѣло развиться до такой степени опредѣленности, чтобы можно было дѣлать какіе-нибудь рѣшительные выводы. Экономическая жизнь запорожцевъ за Дунаемъ остановилась именно въ такой моментъ, когда она должна была переформироваться на совершенно новыхъ началахъ.

Послѣ взятія Дунавца и перенесенія туда запорожской Сѣчи, турецкое правительство отвело для запорожцевъ и ихъ слободъ опредѣленную территорію, или, лучше сказать, признало за ними право на извѣстныя земли, ими-же самими отвоеванныя у некрасовцевъ. По указанію Коломийца, граница запорожскихъ земель шла отъ Каменнаго Лимана, между Махмудіе и Муругілемъ, на югъ къ Разину, а на юго-востокъ владѣнія запорожцевъ шли до самаго моря, включая въ себя, значитъ, и островъ Драповъ. Оставляя въ сторонѣ болота и плавни, все остальное пространство этой территоріи, годное для поселеній и земледѣлія, представляется въ видѣ почти равнобедренно-треугольной площади, имѣющей въ основаніи около 30 километровъ и въ высотѣ около 15—17 кил. По словамъ другихъ добруджскихъ старожиловъ, граница запорожскихъ земель шла отъ Прислова на югъ къ Разину и слѣдовательно земли эти занимали гораздо большее пространство. Наконецъ, по утвержденіямъ Півтораченка, сына извѣстнаго запорожца Півтораки, граница эта начиналась еще дальше, а именно почти отъ Исакчи. „Тутъ молодый Півтораченко бувъ, говорилъ мнѣ очень горячо сочувствовавшій и содѣйствовавшій моимъ разысканіямъ Остапъ Данчукъ, то я ёму казавъ, що вы роспитуете за запорожцівъ... шкода, каже, що я того чоловіка не бачивъ, отъ мене-бъ вінъ роспитавъ!.. Я усе знаю за запорожські границі, мені батько розказувавъ и бумаги у насъ були, то якъ хата сгоріла, то й вони погоріли... А батько більшъ за Коломийца знавъ, бо Коломиецъ хочь и старый, а вінъ настоящій козакъ не бувъ, вінъ більше у Райі та по заводахъ, а мій батько зъ Січи й не выходивъ“... „То ото, каже, вінъ

мені розказувавъ за оті границі: отамъ, на тімъ боці Дунаю манастыръ есть, коло Сатанова (если не ошибаемся, николаевскій мужескій мон.)... тамъ мостъ бувъ наплавный—руськи войска переходили, то якъ разъ проти отого мосту, тутъ пониже Шакши, криниця була и містъ, то оттамъ коло тиеі криниці було 3 кілки ясеновихъ у землю убито, то ото й знакъ!... Отъ тихъ кілківъ границя йшла старымъ бабинськимъ шляхомъ—зъ Шакши на Бабу, черезъ Пошту на Аджиларъ, мимо Визиръ-Мотли ажъ до бабинського лиману; тамъ село есть Зимбіль (Zibyl—на картѣ), то ёго якъ разъ на двое тая границя перерізувала"... Если принять во вниманіе, что Добруджа начала заселяться болѣе или менѣе правильно только въ началѣ нынѣшняго столѣтія и только съ того времени началось въ ней земледѣльческое хозяйство, то очень возможно допустить предположеніе, что съ самаго начала граница запорожскихъ земель и въ самомъ дѣлѣ могла быть тамъ, гдѣ указываетъ ее Півтораченко. Затѣмъ первоначальная граница сама собою должна была постепенно отодвигаться къ востоку и наконецъ дойти до предѣла, указываемаго Коломийцемъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что запорожцамъ въ дѣйствительности такое большое количество земли вовсе не было особенно важно, а между тѣмъ разроставшееся населеніе Тульчи, Прислова, Бешъ-Тепе и т. д., состоявшее по большей части изъ украинскихъ-же переселенцевъ, должно было требовать для себя земли, отказывать въ которой запорожцамъ, почти не занимавшимся тогда земледѣліемъ и не имѣвшимъ сначала при себѣ особенно большой райи, не было никакихъ причинъ.

Мѣстность въ границахъ указываемыхъ Коломийцемъ представляетъ собою очень пологій скатъ по направленію отъ Бешъ-Тепе къ югу и юго-востоку, т. е. къ Разину и низменности Дунавца, составляющей часть дунайской Дельты. Будучи слегка холмистымъ и окруженнымъ почти со всѣхъ сторонъ горами, скатъ этотъ является мѣстами настоящей степью, мѣстами-же чрезвычайно удобенъ для пахатныхъ полей, будучи покрытъ сплошь не особенно толстымъ, но за то очень хорошимъ слоемъ чернозема. Проѣхавши почти всю эту мѣстность, мы могли своими глазами убѣдиться, до какой степени обладаніе ею было важно для запорожцевъ не только въ стратегическомъ, но и въ экономическомъ отношеніи, въ осо-

бенности принимая во вниманіе райю, чисто уже земледѣльческое населеніе, мало по малу собравшееся вокругъ Сѣчи. Въ настоящее время земля эта занята отчасти татарами, живущими въ Кара-ибелѣ, Бейбуджанѣ, Атманджи и пр., отчасти-же моканами и украинскимъ населеніемъ Верхняго и Нижняго Дунавцовъ, Муругіля, Махмудіе, Прислова, Пырлицы и пр. Запорожцамъ земля эта была отведена съ полнымъ освобожденіемъ отъ десятины не только съ земледѣльческихъ продуктовъ и скота, но и съ рыбной ловли въ ихъ предѣлахъ, т. е. по Дунавцу и лиманамъ и плавнямъ вокругъ Сѣчи. Въ Дунаѣ-же, Черномъ Морѣ и Разинѣ рыбная ловля подлежала оплатѣ пошлиной въ пользу турецкаго правительства на общихъ для всѣхъ основаніяхъ.

Въ предѣлахъ запорожской общины и состоявшей при ней райи пользованіе землей было совершенно свободно и размѣры его опредѣлялись только количествомъ рабочихъ силъ и потребностями семьи. Никакого раздѣла земель, ни постояннаго, ни временнаго не было и каждый, желавшій пользоваться землей, занималъ ее гдѣ хотѣлъ и въ какомъ хотѣлъ, или, лучше сказать, въ какомъ могъ количествѣ. „И турокъ, замѣчаетъ по этому поводу Коломиецъ, було ніколи не казавъ: „земля *моя*“, а усе каже „*наша*, нашого царя“. Эта полная слобода пользованія общею землей, безъ всякаго даже регулированія ее со стороны общины, зависѣла, разумѣется, больше всего отъ обилія земли, далеко превосходившаго потребности тогдашняго населенія, особенно того, которое занималось хлѣбопашествомъ. Этимъ-же обиліемъ земли объясняется и то, что значительная часть ея, а именно почти вся средина образуемой запорожскими землями треугольной площади, въ особенности съ южной ея стороны, отдавалась въ аренду моканамъ, т. е. трансильванскимъ румынамъ, держащимъ и по настоящее время въ этой мѣстности свои стада. Кромѣ моканъ, въ селахъ Кара-Баіръ на сѣверъ и Сармуси или Сарнасу на югъ жили болгары и молдаване, также занимавшіеся по большей части скотоводствомъ и снимавшіе для своихъ пастбищъ земли у запорожцевъ. Этою отдачею земель въ аренду завѣдывалъ самъ Кошевый, получавшій и арендную плату, взымавшуюся обыкновенно съ количества головъ скота или отъ плуга. Кромѣ арендной платы гуртовщики давали иногда и скотъ для мясного продовольствія Сѣчи; но это, какъ кажется, не было даже и предметомъ

договора, а вѣроятно давалось просто въ видѣ любезности или взамѣнъ получаемой отъ запорожцевъ рыбы.

Украинское населеніе, составлявшее райю, и имѣвшіе хозяйство козаки скотоводствомъ не занимались, занимались-же исключительно хлѣбопашествомъ. Судя по тому, что Коломиецъ во всѣхъ запорожскихъ слободахъ (Райѣ) насчитываетъ не болѣе 200 хатъ, слѣдуетъ думать, что вообще земледѣльческій контингентъ Сѣчи съ ея слободами былъ не особенно великъ; но очень было важно то, что онъ постепенно увеличивался, и мы, кажется, имѣемъ полное основаніе думать, что, при болѣе благопріятно сложившихся политическихъ обстоятельствахъ, онъ долженъ былъ въ довольно близкомъ будущемъ перерости остальное неженатое населеніе Сѣчи, не занимавшееся земледѣліемъ. Изъ запорожцевъ, какъ мы сказали уже, хлѣбопашествомъ занимались только женатые и жившіе поэтому въ слободахъ, изъ настоящихъ-же сѣчевиковъ Коломиецъ указываетъ только на одного, *Гната Головача*, стеблівського козака, у котораго были „и волы, й коровы, й кони, й вівці, й усе... и баги були свои“, и который „було усе оре та сіе, оре та сіе“... Но, принимая это во вниманіе, не слѣдуетъ забывать и того, что, чѣмъ дальше шла колонизація изъ Россіи, тѣмъ болѣе должно было прибывать въ Сѣчь народа уже вполнѣ земледѣльческаго и вотъ этотъ-то элементъ, по нашему мнѣнію, и могъ произвести тотъ экономическій поворотъ въ существованіи Сѣчи, который могъ сообщить всему ея существованію совершенно новое и несомнѣно болѣе прочное направленіе.

И такъ, какъ-бы ни было, мы видимъ все таки, что земледѣліе играло въ экономіи Сѣчи роль только второстепенную. Главнымъ-же занятіемъ запорожцевъ были по прежнему рыболовство и охота, производившіяся на очень широкихъ основаніяхъ и дававшія наиболѣе средствъ къ жизни всей козацкой общинѣ. Въ этомъ-же главномъ занятіи выражался больше всего и экономическій характеръ Сѣчи, какъ рабочей ассоціаціи или, лучше сказать, союза ассоціацій, представлявшихся отдѣльными куренями. Ежегоднаго распредѣленія мѣстъ для рыбной ловли между куренями, какъ это дѣлалось на Днѣпрѣ, въ задунайской Сѣчи не происходило, что зависѣло, по всей вѣроятности, какъ отъ обилія такихъ мѣстъ, такъ и отъ того, что рыбная ловля производилась главнымъ образомъ

на взморьѣ, такъ называемыми кормаками или переметами, которые постоянно должны переставляться съ мѣста на мѣсто, смотря по образованію песчаныхъ отмелей и т. п. Почти всѣ курени имѣли свои общинные куренные рыболовные заводы, многіе курени имѣли свои общинные ерики и невода или „матулы", доходы съ этихъ заводовъ составляли общинную собственность каждаго куреня. Нѣкоторые курени, болѣе многолюдные, имѣли по нѣсколько заводовъ, большая-же часть по два и по три. Работа на этихъ заводахъ отбывалась членами каждаго куреня по очереди, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, кто уходилъ на заработки, или былъ занятъ общественною службою въ качествѣ отамана, осаула и т. п. Такимъ образомъ эти куренные заводы были настоящими рабочими ассоціаціями и представляли собой то экономическое ядро, вокругъ котораго группировались козаки, входившіе въ составъ куреня, какъ не только общественной, но и экономической общинной единицы, жившей вполнѣ самостоятельной жизнью. Но такъ какъ военная организація Сѣчи не допускала въ составъ общины женщинъ и вообще семьи, а между тѣмъ Сѣчь за Дунаемъ начинала мало по малу, подъ вліяніемъ позднѣйшей эмиграціи, утрачивать свой прежній, исключительно боевой характеръ, вслѣдствіе чего вокругъ Сѣчи появились цѣлыя поселенія запорожскихъ семействъ, не входившихъ, въ силу прежней традиціи, въ составъ куренныхъ общинныхъ хозяйствъ, то поэтому и въ куреняхъ, рядомъ съ общинными рыболовными заводами, появляются и частные заводы, принадлежавшіе сначала по всей вѣроятности товариществамъ женатыхъ козаковъ, а потомъ и отдѣльнымъ лицамъ. Начало этого явленія было между прочимъ и въ приднѣпровскомъ Запорожьѣ, особенно въ послѣднее время его существованія, а оттуда оно занесено было и за Дунай, уже въ качествѣ обычая не возбуждавшаго ничьего удивленія и казавшагося вполнѣ естественнымъ, такъ какъ, возставая противъ этого въ силу принципа общинности, пришлось-бы возставать и противъ семьи, съ которою задунайская Сѣчь очевидно начала уже вполнѣ мириться. Ввести-же семью въ составъ общины, т. е. куреня, мѣшали запорожцамъ не только ихъ козацкія традиціи, но и условія ихъ жизни на устьяхъ Дуная, дѣлавшія обязательнымъ для нихъ военное ремесло, а слѣдовательно и военную организацію. Такимъ образомъ людямъ, имѣвшимъ семью или разсчитывавшимъ имѣть ее,

не оставалось ничего больше, какъ устраивать свои частные заводы помимо куренныхъ, а разъ это вошло въ обычай, то понятно, что это уклоненіе отъ общинно-экономической жизни сдѣлалось мало по малу и обычнымъ средствомъ просто личнаго обогащенія. Нѣкоторые козаки дѣйствительно и составляли себѣ заводами относительно очень крупныя состоянія. Какъ объ одномъ изъ примѣровъ подобнаго обогащенія, Коломиецъ упоминаетъ, между прочимъ, о козакѣ *Хведорѣ Головатомъ*, который одинъ имѣлъ 24 кармашныхъ завода и возбудилъ этимъ такую зависть къ себѣ со стороны турокъ, что они, не смотря на дружбу Хведора съ браиловскимъ Мехметъ-пашой, хотѣли было, по иниціативѣ одного рыбопромышленника турка, заманить его хитростью и утопить въ отхожемъ мѣстѣ. Но если такое обогащеніе частныхъ лицъ вызывало на сторонѣ только зависть, то въ самой Сѣчи оно давало результаты несравненно болѣе тревожные. Однимъ изъ послѣдствій выдѣленія частныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ и въ особенности рыболовныхъ заводовъ, было, какъ мы уже сказали, появленіе въ Сѣчи людей болѣе состоятельныхъ, сѣчевыхъ „дуківъ-сріблянниківъ“ и рядомъ съ ними—своего рода плебеевъ, если не пролетаріевъ, „голоколінчиківъ“, словомъ распаденіе товариства на два неравныхъ и, конечно, враждебныхъ между собою общественныхъ класса. Само собой разумѣется, что указываемыя нами экономическія явленія далеко не успѣли еще развиться до такой степени, чтобы самостоятельно и непосредственно обусловливать собою появленіе пролетаріата, такъ какъ земли было довольно и ею могъ пользоваться рѣшительно всякій, равно какъ и работавшіе на частныхъ рыболовныхъ заводахъ были не наемными рабочими, а пайщиками, товарищами въ предпріятіи; но тѣмъ не менѣе обогащеніе отдѣльныхъ лицъ не могло не вносить въ житье товариства извѣстной розни и экономической дисгармоніи, которая въ свою очередь не могла не отражаться на ходѣ всей общественной жизни Сѣчи. Занятые земледѣльческимъ хозяйствомъ и веденіемъ своихъ заводовъ члены товариства, разумѣется, не такъ легко могли оставлять свои дѣла для того, чтобы отправляться наприм. въ походъ; это-же вело къ желанію замѣнить себя кѣмъ нибудь другимъ по найму и, разумѣется, удавалось, благодаря возможности, съ одной стороны, хорошо заплатить, а съ другой—легкимъ, хотя и рискованнымъ, способомъ получить извѣст-

ную сумму денегъ въ свое личное распоряженіе. Такое-же уклоненіе болѣе состоятельныхъ козаковъ отъ общей повинности всего товариства, извѣстное вниманіе, которымъ пользовались богатые со стороны войсковой старшины, наконецъ болѣе вліятельное положеніе ихъ въ Сѣчи—все это вмѣстѣ не могло не порождать весьма понятнаго антагонизма между этими болѣе состоятельными людьми, „дуками", и тѣми, которыхъ Коломиецъ называетъ „голоколінчиками" и которые, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, были, по всей вѣроятности, не столько жертвами обогащенія „дуківъ", сколько совершенно самостоятельными искателями „легкого хліба", благодаря именно этому ушедшими и изъ Россіи. Частные-же рыболовные заводы, принимавшіе, какъ мы говоримъ, рабочихъ въ качествѣ найщиковъ, а не по найму, могли только развѣ *косвенно* содѣйствовать накопленію въ Сѣчи болѣе бѣднаго люда, доставляя возможность частныхъ заработковъ помимо общиннаго труда. Такое значеніе частныхъ заводовъ могло имѣть тѣмъ болѣе мѣста, что количество ихъ было во всякомъ случаѣ достаточно велико. Ихъ было на Сѣчи если не больше, чѣмъ куренныхъ, то во всякомъ случаѣ врядъ-ли и меньше. Вообще-же количество всѣхъ запорожскихъ заводовъ было очень значительно. Къ сожалѣнію Коломиецъ не могъ опредѣлить намъ даже и приблизительно точно этого количества, но, судя по тому, что нѣкоторые курени имѣли, по его словамъ, даже до 30-ти заводовъ (и общественныхъ и частныхъ вмѣстѣ), мы можемъ видѣть только, что рыбальство велось Сѣчью въ очень обширныхъ размѣрахъ.

Въ болѣе скромныхъ, но все таки въ немалыхъ размѣрахъ, производилась и охота. Дунайская дельта въ то время отличалась баснословнымъ изобиліемъ всякаго рода дичи, начиная съ оленей, дикихъ кабановъ, козъ и т. п. и кончая несмѣтными табунами дикихъ гусей, утокъ, лебедей, пеликановъ и т. п. Еще и теперь, когда населеніе значительно увеличилось и когда послѣ знаменитаго наводненія, бывшаго въ 1857 г., пропало множество дикихъ животныхъ, мы, проѣзжая изъ Сулины въ Катирлезъ по берегу моря, имѣли единственный въ жизни случай видѣть тянувшіяся на версту и болѣе стада дикихъ утокъ и гусей; почти въ каждомъ шинкѣ въ Верхнемъ и Нижнемъ Дунавцахъ можно видѣть цѣлыя кучи шкурокъ нырковъ, лебедей, бабъ, лисьихъ и волчьихъ шкуръ

и т. п. Въ воспоминаніи Коломийца мы не находимъ указаній на то, чтобы охота производилась запорожцами въ видѣ общественнаго предпріятія, но, по всей вѣроятности, хотя отчасти, она должна была производиться цѣлыми компаніями козаковъ, а можетъ быть и цѣлыми куренями, независимо отъ отдѣльныхъ лицъ, сдѣлавшихъ охоту своимъ спеціальнымъ занятіемъ. Кромѣ ружейной охоты, запорожцы ловили звѣрей капканами и т. п. и вообще посвящали этому занятію все время, неудобное для рыболовства, преимущественно-же во время зимы.

Продукты рыбной ловли и охоты были отправляемы для продажи обыкновенно въ Галацъ и Браилу на большихъ лодкахъ, такъ-же точно, какъ это дѣлается и теперь, съ той, разумѣется, разницей, что тогда продажа производилась прямо изъ первыхъ рукъ, безъ посредства разныхъ коммисіонеровъ и скупщиковъ, которые теперь почти совсѣмъ уже оттираютъ рыбалокъ отъ рынка. Выручаемыя за рыбу деньги въ куреняхъ составляли общинную собственность каждаго изъ куреней, не поступая въ общую кассу Сѣчи, въ частныхъ-же заводахъ дѣлились между участниками, такъ что рабочихъ въ тѣсномъ смыслѣ, какъ мы сказали, на этихъ заводахъ не было. Частные заводы представляли собой тоже своего рода ассоціаціи, въ которыхъ извѣстная часть валовой прибыли, т. е. улова (въ началѣ $^1/_3$, а потомъ, такъ какъ и теперь, половина) шла въ пользу владѣльца завода, остальное-же дѣлилось поровну между пайщиками, участвовавшими въ ассоціаціи своимъ трудомъ. Такимъ образомъ пайщики раздѣляли съ хозяиномъ рискъ, но за то и всѣ выгоды предпріятія, что въ рыболовствѣ чрезвычайно важно, а особенно въ случаѣ хорошаго успѣха ловли. Эти отношенія между хозяевами рыболовныхъ заводовъ съ ихъ пайщиками-рабочими сохраняются между дунайскими рыбалками и до сихъ поръ, съ той только впрочемъ разницей, что теперь хозяинъ беретъ на себя хлопоты по снабженію рабочихъ пищею, одеждой и т. п. и разумѣется при помощи отамана, подбирающаго артель, находитъ гораздо болѣе способовъ ихъ обсчитывать и эксплоатировать въ свою пользу вообще.

Часть населенія Сѣчи, не находившая или почему нибудь не хотѣвшая находить себѣ занятіе на Сѣчи и ея заводахъ или Райѣ, выходила каждое лѣто на заработки: „на косовицю, на жнива,

папушой (кукурузу) бить, сапувать, підбивать" и т. п. въ Турцію, въ Македонію, Сербію, Молдавію и т. д. Зарабатываемыя такимъ образомъ деньги запорожцы частью отдавали въ курени, но главнымъ образомъ употребляли для своихъ личныхъ надобностей: „одежу собі справляли, чоботы купували, зброю" и т. п., не говоря уже о томъ, что прогуливалось. Это послѣднее обстоятельство, т. е. стремленіе къ удовлетворенію чисто личныхъ потребностей, постепенно расширяясь, было по всей вѣроятности главною причиною, толкавшею запорожцевъ искать себѣ работы внѣ Сѣчи. Эта-же причина въ значительной степени обусловливала и другую промышленность, которую приходится тоже помѣстить въ число отхожихъ промысловъ населенія Сѣчи, а именно хожденіе „на добичъ", такъ или иначе, а все таки игравшее извѣстную роль въ экономическомъ быту запорожцевъ. Какъ ни запрещалось въ Сѣчи разбойничество, какъ ни каралось оно строго сѣчевою юстиціей, оно повидимому никогда не прекращалось въ ней, не смотря на то, что создавало для сѣчевой старшины цѣлую кучу непріятнѣйшихъ столкновеній съ турецкой администраціей. По всей вѣроятности всѣ эти грабежи и разбойничество были прямымъ послѣдствіемъ большой разнородности элементовъ, входившихъ въ составъ Сѣчи, между которыми было не мало людей ушедшихъ изъ Россіи по всевозможнымъ причинамъ уголовнаго характера, людей, для которыхъ сколько нибудь трудовая жизнь была невыносима. Мотивомъ-же, заставлявшимъ Сѣчь смотрѣть на такого сорта подвиги болѣе или менѣе снисходительно, кромѣ указываемыхъ Коломийцемъ случаевъ прямаго небескорыстія старшины, была конечно и прежняя запорожская традиція, признававшая хищническіе набѣги на турокъ или татаръ рыцарскими подвигами, скорѣе достойными всякой похвалы, чѣмъ порицанія. Само собою разумѣется, что тутъ уже не могло идти въ счетъ то, что турки были во время существованія задунайской Сѣчи не врагами, а союзниками запорожцевъ, и что разбойническіе набѣги производились главнымъ образомъ уже не на „невіру-бусурмана", а на христіанское населеніе Македоніи, Сербіи, Молдавіи и т. п. Нужно, впрочемъ, сказать, что, зная нравы полудикихъ народовъ хоть-бы даже и тѣхъ, которые населяютъ и теперь Добруджу, невольно начинаешь относиться болѣе или менѣе безстрастно и къ похожденіямъ запорожцевъ, такъ какъ то, что они совершали, въ

глазахъ тогдашняго общественнаго мнѣнія дѣйствительно не считалось вполнѣ преступленіемъ, а скорѣе разсматривалось какъ своего рода молодечество, болѣе или менѣе простительная шалость, преслѣдуемая только потерпѣвшими да начальствомъ, въ виду разныхъ политическихъ соображеній. Разбойничество или хожденіе „на добичъ" производилось по большей части правильно организованными шайками или „затягами", которые „затягались" бывалыми уже и опытными козаками, знавшими, куда нужно идти и какъ нужно во время скрыться отъ преслѣдованія. Коломиецъ передаетъ намъ цѣлый рядъ разсказовъ о такого рода похожденіяхъ, при чемъ оказывается, что начальство Сѣчи то изъ корыстныхъ видовъ, то по добротѣ и снисходительности очень часто старалось выгородить поймавшихся съ добычей запорожцевъ. Такъ было напр. съ знакомымъ уже намъ „затягомъ", составленнымъ Чокаемъ, Макухою и прочими. Читатель помнитъ, что эти разбойники вели съ Кошевымъ Гординою правильные переговоры, при посредствѣ его кума Тихона изъ Райи, и были освобождены за уплату приличнаго количества золота въ пользу Кошеваго. Но изъ нѣкоторыхъ разсказовъ Коломийца мы видимъ, что были случаи показывающіе, что разбойничество доходило до размѣровъ, которые и въ то время не могли уже считаться сколько нибудь извинительными и по поводу которыхъ „скільки ихъ вывішали отихъ розбійниківъ!"... Доходило до того, что имѣвшаго деньги человѣка, „якъ турки не вбъють, то свои вбъють!"... „Тутъ два козаки пішли, разсказываетъ Коломиецъ—одинъ *Гаврило Цишнбкъ*, а другий—*Лукъянъ Машамба́*,—знали вони пана одного, що у ёго червінці були"...; съ помощью панской дворни они добрались благополучно къ этимъ червонцамъ, подѣлились ими и отправились гулять въ Браилу. Но тамъ Машамба́ началъ уговаривать Гаврила отдать ему его долю, такъ какъ онъ собирался свататься. Гаврило отказался, тогда Машамба́ убилъ его и забралъ деньги себѣ. „Коли уранці дивляться—плавае Гаврило по воді!.. А греки бачили, що вони пьянствували удвохъ зъ вечора, піймали того Машамбу й заперли... дали знать до Кошового у Січъ. А Кошовый, тоді Литвинъ бувъ, посыла наказного пана: „ідь, каже, у Браилу, що хочъ, те зъ ими и роби!" Отъ вінъ поіхавъ наказный панъ, заразъ давай роспитувать того Машамбу, де вінъ гроши дівъ, а той каже, що закопавъ за кріпостьтю у землю. Тоді наказный

забравъ того Машамбу, гроши выкопавъ, а ёго у Дунай, а упісля сказавъ, що втікъ... а самъ на Січъ поіхавъ зъ грішми! Здається, Губа Михайлю тоді наказнымъ іздивъ, крилівський курінный!"...

Къ числу войсковыхъ доходовъ относился и доходъ съ сѣчеваго шинка. Оптовая продажа спиртныхъ напитковъ отдавалась на откупъ какому-то „галацькому жидови", державшему въ Сѣчи свою оптовую контору, изъ которой производилась только ведерная продажа. Розничная-же продажа въ сѣчевомъ шинкѣ была въ рукахъ самихъ козаковъ и велась по очереди каждымъ куренемъ, отряжавшимъ для этой цѣли по 4 человѣка въ теченіи того мѣсяца, когда очередь торговать въ шинкѣ была за этимъ куренемъ. Доходъ съ продажи питей былъ обще-сѣчевымъ и находился въ распоряженіи паланки. Эти порядки, описываемые нами со словъ Коломийца, порядки во всякомъ случаѣ довольно раціональные, далеко не похожи на то, что разсказываетъ объ этомъ въ своей книгѣ Чайковскій. По его описанію въ сѣчевомъ шинкѣ торговали не сами козаки, а всегда какой-нибудь жидъ, который безпощадно обиралъ козаковъ, но за то и самъ почти всегда былъ обираемъ, если даже не убиваемъ расходившимися запорожцами.

Наконецъ довольно важную статью въ хозяйствѣ Сѣчи составляла и субсидія, получавшаяся черезъ посредство браиловскаго паши отъ турецкаго правительства и состоявшая изъ денежнаго жалованья и изъ „таину", т. е. провіанта—отчасти натурою, отчасти деньгами. Понятно, что эта субсидія выдавалась только исключительно Сѣчи, райя-же не получала ничего, но за то и не обязана была выходить въ походъ. Размѣръ этой субсидіи намъ не удалось опредѣлить достаточно точно. Коломиецъ говоритъ, что Кошевый получалъ 3,000 левовъ (піастровъ) въ годъ, куренные-же отаманы получали, смотря по рѣшенію своего куреня, отъ 200 до 300 левовъ въ полугодіе—„одъ Покровы до Юрья и одъ Юрья до Покровы". На каждый курень отпускалось турецкимъ правительствомъ по 600 (?) окъ муки и по 600 левовъ деньгами въ каждое полугодіе. Эта цифра, относительно муки, кажется намъ очень сомнительной по своей крайней незначительности, особенно въ виду того, что козаки, какъ объ этомъ согласно говорятъ и Коломиецъ и Чайковскій, постоянно старались увеличивать передъ турецкимъ правительствомъ свое количество и получали всегда и жалованье и

провіантъ въ разсчетѣ на тысячный составъ каждаго куреня, чего въ дѣйствительности никогда не бывало. Кромѣ муки, Сѣчь получала также натурою чечевицу, уксусъ и, кажется, деревянное масло. Порохъ и свинецъ выдавался также ежегодно турецкимъ правительствомъ, но оружіе и одежду козаки всегда должны были имѣть свою. Все это впрочемъ вещи, которыя будутъ рано или поздно опредѣлены въ точности, когда будутъ розысканы и напечатаны грамоты и договоры турецкихъ султановъ, врученные, какъ извѣстно, Гладкимъ имп. Николаю Павловичу.

Сводя имѣющіяся у насъ данныя относительно экономическаго устройства задунайской Сѣчи, мы видимъ, что сѣчевое хозяйство раздѣлялось на *обще-сѣчевое,* находившееся въ завѣдываніи паланки, и *куренное,* отдѣльное для каждаго куреня и совершенно независимое въ своей сферѣ отъ общаго хозяйства всей Сѣчи. Обще-сѣчевыми доходами были: доходы съ земель, съ продажи питей и жалованье, получаемое отъ турецкаго правительства. Изъ этихъ „войсковихъ парівъ" покрывались и расходы, имѣвшіе главнымъ образомъ общій характеръ, т. е. выдача жалованья всѣмъ должностнымъ лицамъ, ремонтъ общественныхъ построекъ, разъѣзды старшины, праздничныя угощенія на Покрову и проч. Затѣмъ все остальное составляло уже предметъ отдѣльныхъ куренныхъ хозяйствъ. Каждый курень распоряжался вполнѣ самостоятельно своей частью жалованья и тайна, доходами съ своихъ рыболовныхъ и охотничьихъ промысловъ, приношеніями своихъ членовъ, занимавшихся частными промыслами и т. п. [1]). Главнымъ распорядителемъ куреннаго хозяйства является атаманъ, который, какъ мы сказали выше, былъ не только административнымъ и военнымъ представителемъ своей общины, но и экономическимъ ея главою, такъ ска-

---

[1]) Какъ мы видимъ изъ этого, и въ экономическомъ своемъ устройствѣ задунайская Сѣчь сохранила, если даже не развила еще, традиціи Сѣчи днѣпровской. Въ этой послѣдней, какъ мы видимъ изъ словъ современнаго французскаго писателя Scherer'a, «Chacune (kurène) avoit son économie et son administration particulières. Tous ceux qui demeuroient dans la même kurène n'avoient qu'une bourse et qu'une table et ils alloient ensemble à la guerre». *Scherer. Annales de la petite Russie ou Histoire des Casaques Zaporogues.* P. 1788, T. I, p. 135.

зать, хозяиномъ. Въ число его обязанностей, и притомъ главныхъ, входила забота объ экономическомъ благосостояніи куреня, о порядкѣ въ немъ, о содержаніи въ исправности построекъ, объ устройствѣ огорода и заготовленіи хозяйственныхъ запасовъ и т. п. Степенью его заботливости по части куреннаго хозяйства измѣрялось и его достоинство, какъ должностнаго лица, и опредѣлялось его право на вознагражденіе: „якъ добрый отаманъ, говоритъ Коломиецъ, що й горо́дъ зробить, и капусты придбае, и за усімъ добре дивиться, то й 200 и 300 лев. давали... А окрімъ того й сами одъ себе давали... Побачить, що у куріні порядокъ, усе чисто, у горо́ді городины повно, й дае“... Непосредственнымъ помощникомъ отамана по хозяйству былъ *кухарь*, тоже своего рода должностное лицо, состоявшее на жалованьѣ (100—120 лев. въ семестръ), для мелкихъ-же, особенно женскихъ работъ, въ родѣ мазанья хатъ, работъ въ огородѣ и т. п. нанимались женщины изъ Райи, получавшія плату или изъ паланки (за работы при постройкахъ), или отъ куреня, въ послѣднемъ случаѣ очень часто натурою—хлѣбомъ и т. п. Предметы хозяйства, не производившіеся дома, пріобрѣтались покупкою, также каждымъ куренемъ для себя, по своимъ средствамъ и потребностямъ. Покупали муку (главнымъ образомъ изъ Базарджика), уксусъ, деревянное масло, возили „кашказаки“, т. е. большіе глиняные сосуды съ „грецькимъ виномъ“ и оливою. Вино привозилось, главнымъ образомъ, изъ Одобешти—въ Румыніи... Судя по сообщаемымъ Коломийцемъ, существовавшимъ въ то время цѣнамъ на разнаго рода припасы и вообще предметы первой необходимости, куренныхъ доходовъ вѣроятно было вполнѣ достаточно для довольно сноснаго существованія, особенно при болѣе или менѣе большомъ хозяйствѣ, какимъ было куренное. Пшеничная мука продавалась по 7 левъ за 100 окъ, т. е. по нынѣшнему курсу около 7 коп. за пудъ, кукурузная мука по 3 пари за 4 ока, т. е. $1^1/_3$ сантима за 12 фунтовъ; пара воловъ вмѣстѣ съ возомъ стоила 70 левъ, корова 30—35 левъ, *гоба*, т. е. нѣчто въ родѣ армяка или кобеняка—25 левъ, мѣховая куртка безъ рукавовъ—$2^1/_2$ лева и т. п. Правда, и трудъ тогда цѣнился не особенно дорого—за день косьбы платили 15 сант. (30 паръ), за день жатвы 30 сант., только тяжелыя крѣпостныя работы оплачивались цѣлымъ махмудіе, т. е. 50—60 сант. Впрочемъ, только немногіе изъ запорож-

цевъ ходили на заработки, да, сравнительно съ цѣнами на хлѣбъ и мясо, и тогдашняя заработная плата была все таки выше теперешней.

Относительно бытовой стороны дунавецкой Сѣчи мы также имѣемъ въ воспоминаніяхъ Коломийца очень цѣнный матеріалъ, по которому мы можемъ составить себѣ довольно детальное этнографическое представленіе объ исчезнувшей козацкой общинѣ,—представленіе тѣмъ болѣе интересное, что этнографія днѣпровской Сѣчи извѣстна еще не особенно подробно. Сѣчь, какъ уже извѣстно читателю, была расположена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится селеніе Верхній Дунавецъ и на которомъ прежде, до появленія запорожцевъ, было некрасовское селеніе того-же имени. До перваго своего свиданія съ Коломийцемъ я не имѣлъ возможности побывать въ Дунавцѣ и потому, не смотря на самые усердные распросы относительно мѣстности и расположенія Сѣчи, мнѣ было чрезвычайно трудно составить себѣ о нихъ сколько-нибудь ясное представленіе. Къ сожалѣнію и во время втораго свиданія съ Коломийцемъ, уже въ Нижнемъ Дунавцѣ, мнѣ не удалось обойти мѣстность Сѣчи вмѣстѣ съ нимъ, какъ я разсчитывалъ, такъ какъ старецъ оказался уже лишеннымъ возможности передвигаться при помощи ногъ. Пришлось осмотрѣть Верхній Дунавецъ самому, въ сопровожденіи моего товарища по этому путешествію, г. Д—а, и священника Нижняго Дунавца, о. Стефана Крушталева, который былъ такъ любезенъ, что предложилъ намъ, въ качествѣ мѣстнаго жителя, свое сопутствіе. Выйдя изъ Нижняго Дунавца, довольно жалкой татарской деревушки, не болѣе 2—3-хъ лѣтъ только занятой руснаками, передѣлывающими ее теперь по своему, и поднявшись на небольшой пригорокъ, мы увидѣли передъ собою почти прямо на сѣверъ довольно высокую гору и немного правѣе отъ нея, вдоль довольно высокаго (саженей около 10) обрывистаго берега круто заворачивающей вправо рѣки Дунавца, самую деревню Верхній Дунавецъ—бывшую Сѣчь. Съ лѣвой стороны отъ насъ была широкая волнистая степь, съ виднѣвшимися вдали горами Бешъ-Тепé, а съ правой стороны тянулось необозримое болото—дунайская плавня, красиво прорѣзываемая змѣеобразными, очень прихотливыми изгибами Дунавца и уходящая, сколько видно глазу, вдаль, слегка только окаймленная едва виднѣющимися на горизонтѣ вербами, растущими по берегу Дуная... У входа въ деревню, у самаго загиба Дунавца,

мы перешли черезъ остатки почти разрушившихся уже, но еще вполнѣ замѣтныхъ вала и рва, окружавшаго прежде Сѣчь, и потомъ, слегка повернувши вправо, прошли улицей, почти паралельной рѣкѣ, къ самой оконечности выдающагося въ болото небольшаго мыса, гдѣ на небольшой площадкѣ стоятъ два шинка, содержимые, какъ и слѣдовало ожидать, жидами. Отъ мыса идетъ довольно крутой спускъ къ рѣкѣ, черезъ которую въ этомъ мѣстѣ сдѣланъ мостикъ съ прорѣзомъ посрединѣ для пропуска судовъ и съ переброшенной черезъ этотъ прорѣзъ доской. Здѣсь была прежде запорожская пристань, да и теперь это мѣсто служитъ для того-же назначенія, о чемъ свидѣтельствовала небольшая группа лодокъ возлѣ берега и въ маленькой рѣченкѣ, текущей вдоль обрыва и скоро пропадающей въ плавнѣ. Въ шинкѣ, гдѣ, благодаря празднику, оказалось довольно много народа, какъ руснаковъ, такъ и моканъ, мы, при помощи о. Стефана, старались разспросить, не знаетъ-ли кто-нибудь изъ теперешнихъ жителей чего-нибудь о расположеніи прежней Сѣчи, но всѣ наши разспросы, какъ и слѣдовало ожидать, оказались напрасными, и мы, кромѣ ссылокъ на Коломийца, ничего больше не услышали, что и совершенно естественно, такъ какъ мѣсто Сѣчи долгое время оставалось почти вовсе незаселеннымъ, затѣмъ послѣ крымской войны было отдано переселившимся изъ Крыма татарамъ, а большая часть теперешняго его населенія живетъ тамъ не болѣе 4—5 лѣтъ, т. е. со времени послѣдней войны, когда татары начали переселяться въ Турцію. Вслѣдствіе этого и Верхній Дунавецъ заключаетъ въ себѣ довольно много уцѣлѣвшихъ еще татарскихъ мазанокъ, хотя въ общемъ оно все таки представляетъ собой уже и по наружности малороссійское село, очень напоминающее села какого-нибудь черкасскаго или чигиринскаго уѣзда [1]). Вышедши изъ шинка, мы обошли по сѣверо-восточному краю села, прилегающему къ плавнѣ, но находящемуся все таки довольно высоко надъ нею, и, оставивши дорогу на Муругіль, перерѣзывающую опять остатки вала, повернули лѣвѣе на гору, ко-

[1]) Мы воздерживаемся отъ болѣе подробнаго описанія этого и другихъ руснацкихъ селъ въ Добруджѣ, такъ какъ это отвлекло-бы насъ отъ общаго содержанія настоящей статьи и потому что мы надѣемся сдѣлать это въ особой статьѣ о современномъ украинскомъ населеніи Добруджи и устьевъ Дуная.—К.

торую мы видѣли передъ собою, вышедши изъ Нижняго Дунавца, и у подошвы которой лежитъ Верхній Дунавецъ. На самой верхушкѣ обрыва, недалеко отъ пристани, о. Стефанъ показалъ намъ едва замѣтные остатки какой-то старинной постройки, объясняя, что многіе изъ жителей считаютъ эти остатки каменнымъ фундаментомъ бывшей будто-бы на этомъ мѣстѣ запорожской церкви. Предположеніе это, по нашему мнѣнію, очень правдоподобно, хотя мы должны сказать, что эти остатки каменной постройки показались намъ имѣющими видъ болѣе древняго происхожденія и чрезвычайно похожими по матеріалу на развалины каменныхъ генуэзскихъ валовъ, находящихся возлѣ Сѣчи, около Кругдика, а также на развалины генуэзскихъ построекъ, какія мы видѣли въ Добруджѣ (около Енисселе, возлѣ Словы и пр.). Идя отъ этого мѣста далѣе по направленію къ сѣверо-востоку, мы видѣли по лѣвой сторонѣ отъ себя довольно замѣтныя неровности почвы, происшедшія очевидно отъ бывшихъ когда-то построекъ, очень можетъ быть, что и запорожскихъ куреней. Съ горы мы увидѣли къ сѣверу озерцо Кругликъ, находящіеся возлѣ него остатки древняго генуэзскаго укрѣпленія, подымавшагося на близъ лежащую гору, вдали Муругіль, а правѣе опять-таки безконечную болотистую равнину, на краю которой мѣстами сверкалъ Дунай. Еще правѣе на сѣверо-востокъ виднѣлись черные лѣса Кара-Ормана, а совсѣмъ направо—едва-едва замѣтная полоска далекаго моря. Сзади, т. е. на юго-востокъ и югъ отъ горы, на которой мы находились, какъ на ладони былъ видѣнъ весь Дунавецъ, занимающій, какъ можетъ видѣть читатель изъ нашего описанія, довольно большой тупой уголъ, образуемый возвышенностью, вдающеюся въ плавню и омываемой съ южной стороны р. Дунавцомъ, а съ восточной ограждаемый плавней. Сѣверная-же и западная стороны этого пространства, занимаемаго селомъ, защищены землянымъ валомъ со рвомъ, который замыкаетъ такимъ образомъ все мѣсто бывшей Сѣчи, образуя изъ него нѣчто въ родѣ крѣпости, имѣющей видъ трапеціи. Сѣверный валъ, идущій на пространствѣ приблизительно 2500—3000 шаговъ, и берегъ рѣки Дунавца, прилегающій къ селу съ южной стороны, составляютъ почти паралельныя стороны этой трапеціи, западный валъ, имѣющій всего 340 шаговъ въ длину, идетъ перпендикулярно къ нимъ, прямо съ с. на ю., а восточная сторона трапеціи, составляемая границей

возвышенности и плавней, уклоняется довольно значительно на сѣверо-востокъ. Что касается описываемыхъ нами валовъ со рвомъ, то, какъ мы говорили уже, Коломиецъ считаетъ ихъ насыпанными руками некрасовцевъ, мы-же склонны думать, что эти валы должны быть болѣе древняго и, можетъ быть, тоже генуэзскаго происхожденія. Но во всякомъ случаѣ мы должны сказать, что эти валы какъ по матеріалу, такъ и по прочности постройки, значительно не похожи на валы возлѣ Круглика. Эти послѣдніе представляютъ собой почти совершенно правильный квадратъ, шаговъ около 300 длины и ширины, вертикальныя стороны котораго лежатъ по направленію съ сѣверо-востока. Черезъ дорогу отъ этихъ валовъ тянется небольшой валъ вверхъ на гору и заканчивается на ея верхушкѣ небольшой группой остатковъ грубой каменной кладки, а Остапъ Данчукъ сообщалъ намъ, что не такъ давно еще этотъ идущій черезъ дорогу валъ былъ въ непосредственномъ соединеніи съ квадратными валами. Всѣ эти валы сдѣланы изъ каменныхъ валуновъ и грубыхъ осколковъ, скрѣпленныхъ очень крѣпкимъ бѣлымъ цементомъ, содержащимъ въ себѣ известь, валы-же окружающіе мѣсто Сѣчи сдѣланы просто изъ земли и глины. Матеріалъ и способъ кладки развалинъ, принимаемыхъ за фундаментъ бывшей сѣчевой церкви, вполнѣ сходенъ съ матеріаломъ и кладкой валовъ возлѣ Круглика.

Само собой разумѣется, что возстановленіе плана бывшей Сѣчи при имѣющихся у насъ данныхъ можетъ быть только приблизительнымъ. Отъ сѣчевыхъ построекъ не осталось почти ни малѣйшаго слѣда, что и нисколько не удивительно, если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что они были сдѣланы изъ чамура, т. е. изъ битой глины и земли съ навозомъ, травой и соломой, и что мѣсто Сѣчи, будучи долгое время совсѣмъ необитаемымъ, было занято потомъ татарскими поселками, на мѣстѣ которыхъ поднимается теперь уже новое село. Чайковскій, бывшій „na gruzach Siczy“ въ пятидесятыхъ годахъ, говоритъ, что въ то время уже „wszystkie slady budowy w ziemię pozapływali, oprocz jednej karczmy, która jeszcze nad zgliszczami sterczy i w której żyd wódką i winem dotąd szynkuje“..., а Остапъ Данчукъ, бывшій на Сѣчи нѣсколько раньше, разсказывалъ намъ, что онъ засталъ еще довольно явственные остатки куреней и другихъ построекъ: „мені

Галабала Иванъ показувавъ... водивъ мене скрізь по тому місту, показувавъ, де який курінь стоявъ... якъ ити зъ Муругіля у Січъ, такъ и знать було, де курени були, де отаманський домокъ бувъ и канцелярія ихня... у праву руку вони були якъ зъ Муругіля йти, такъ підъ гору... одъ отаманського дому ще й печи поостава-лися, а тамъ, де куріни були, то такъ тільки купки земли... смітьтя, рыбъячи кісточки... знать, що люде жили"... Теперь, какъ мы говоримъ, не осталось и этого, а старость не позволила Коломийцу показать намъ на мѣстѣ все имъ разсказанное. Тѣмъ не менѣе, на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ, мы все таки можемъ сдѣлать попытку возстановить прежній планъ Сѣчи. Судя по разсказамъ Коломийца, у самаго входа въ Сѣчь съ пристани, направо, недалеко отъ обрыва, омываемаго внизу Дунавцемъ, стояла запорожская церковь. Прямо противъ входа или нѣсколько лѣвѣе былъ сѣчевой шинокъ, прямо противъ котораго начиналась длинная улица, состоявшая изъ двухъ рядовъ куреней и шедшая вдоль теченія Дунавца, который, какъ выражается Коломиецъ, „коліна робить, а улиця пряма була" и шла по направленію къ сѣверо-востоку, переходя затѣмъ въ муругільскую дорогу. Въ „*нижній пиріи*", т. е. въ восточномъ ряду куреней, болѣе близкомъ къ плавнѣ и рѣкѣ, крайнимъ отъ церкви былъ крылівській курінь, за нимъ слѣдовалъ батуринський и т. д., а на самомъ концѣ, на выѣздѣ уже къ Муругілю—платнирівський. На западной сторонѣ улицы, т. е. у „*вышчій пиріи*", бывшей подъ горой, первымъ налѣво отъ шинка былъ калниболотський курінь, за нимъ была титарня, а потомъ паланка; за паланкою былъ джирліивський курінь, потомъ риклiівський, а на самомъ концѣ, противъ платнирівського, былъ ведмедівський курінь, послѣдній въ этомъ ряду. Мы дѣлаемъ этотъ планъ, на основаніи подробнаго разсказа Коломийца еще во время нашего свиданія съ нимъ въ Катирлезѣ и двухъ сдѣланныхъ въ разное время вмѣстѣ съ нимъ плановъ. Впослѣдствіи, во время нашего послѣдняго свиданія съ нимъ, въ отвѣтъ на вопросъ, какой курень былъ первымъ съ правой стороны при входѣ въ Сѣчь изъ Нижняго Дунавца, Коломиецъ назвалъ калниболотський курінь, поясняя, что за нимъ слѣдовала титарня, затѣмъ паланка и т. д. Къ сожалѣнію, съ нами не было тогда прежде составленныхъ плановъ и поэтому это противорѣчіе не было замѣчено и осталось безъ разъясненія,

но потомъ, сопоставивши всѣ данныя, я убѣдился, что послѣднее указаніе Коломийца было можетъ быть и вѣрно и произошло по всей вѣроятности оттого, что, не бывши въ теченіи очень многихъ уже лѣтъ въ В. Дунавцѣ, Коломиецъ имѣлъ въ виду, говоря это, не нынѣшнюю дорогу изъ несуществовавшаго прежде Нижняго Дунавца въ Верхній, а другую, современную ему, но существующую и теперь дорогу на Сарнаси и Караібелъ, которая перерѣзываетъ сѣверный валъ недалеко отъ угла его съ западнымъ и, идя по которой, дѣйствительно калниболотскій курень могъ оказываться первымъ съ правой стороны. Составленный нами планъ совпадаетъ также и съ указаніями Остапа Данчука, который говоритъ, что развалины паланки онъ видѣлъ подъ горой съ правой стороны, идя изъ Муругіля. Далѣе Коломиецъ говоритъ, что „куріни стояли причілками на улицю и на востокъ, а вікнами на полудень"; это, строго говоря, не вполнѣ вѣрно, такъ какъ улица шла не прямо съ юга на сѣверъ, а нѣсколько уклоняясь на сѣверо-востокъ, кромѣ того нужно замѣтить, что курени имѣли по 2 причілка, а слѣдовательно только курени верхней пиріи могли быть обращены восточными причільными окнами на улицу [1]).

По наружности Сѣчь вѣроятно мало чѣмъ отличалась отъ обыкновеннаго украинскаго села. Церковь была небольшая, деревянная, съ однимъ куполомъ, покрытая досками и даже не окрашенная. Внутреннее ея устройство, по словамъ Коломийца, было гораздо лучше: „дуже добра була—уся у золоті". Это было неудивительно, такъ какъ мы знаемъ уже, что запорожцы, стараясь захватить во время войны добычу, никогда не забывали о своей церкви и привозили изъ своихъ походовъ, особенно изъ Молдавіи,

---

[1]) Считаю, впрочемъ, необходимымъ замѣтить, что, принимая во вниманіе заявленіе Коломийца о направленіи улицы «вздовжъ річки», я сначала очень расположенъ былъ думать, что церковь находилась у самаго въѣзда въ Сѣчь, по нынѣшней дорогѣ изъ Нижняго Дунавца въ Верхній, направо отъ дороги, у самаго загиба рѣки, и что улица, начинаясь оттуда, шла паралельно Дунавцу съ запада на востокъ. Но затѣмъ, припомнивши выраженіе Коломийца, что «Дунавець робить коліна, а улиця пряма була» и принявши въ соображеніе положеніе куреней фасадами на востокъ и окнами на югъ и проч., а также и то, что разстояніе отъ западнаго вала до пристани очень не велико, я долженъ былъ отказаться отъ этого мнѣнія и признать сообщаемый мною планъ за болѣе правдоподобный.—К.

очень много разныхъ церковныхъ вещей, между прочимъ даже колокола. Для Кошеваго въ церкви особаго мѣста не было, обыкновенно-же онъ стоялъ всегда возлѣ праваго клироса. Паланка отличалась отъ прочихъ куреней тѣмъ, что была огорожена и заключала въ себѣ „хату зъ кімнатами", т. е. домъ для Кошеваго и канцелярію. Во дворѣ паланки помѣщались разныя службы—амбары, конюшни, погребъ и т. п. Курени представляли собою какъ въ архитектурномъ, такъ и въ прочихъ отношеніяхъ обыкновенныя малороссійскія хаты, раздѣленныя сѣнями на двѣ половины и только довольно длинныя, такъ что въ каждой изъ половинъ было не менѣе трехъ оконъ въ рядъ. По величинѣ, впрочемъ, курени были далеко не одинаковы, сообразно количеству заключавшагося въ нихъ населенія. Самымъ большимъ и благоустроеннымъ куренемъ былъ, по словамъ Коломийца, платнирівський; „стеблиівський курінь хочъ и малый бувъ, а народу у ёму багато". Крыши были изъ камыша; какъ и на теперешнихъ хатахъ въ Дунавцѣ, возлѣ куреней были амбары или „будки", игравшія роль кладовыхъ, и небольшіе огороды и даже садки. Огородами и садками особенно отличалась нижняя пирія, болѣе близкая къ водѣ, а въ ней лучшимъ огородомъ и садомъ владѣлъ платнирівський курень, выходившій уже совсѣмъ въ поле. Внутренность куреней была также чрезвычайно проста: въ сѣняхъ помѣщалась печь для варки кушанья лѣтомъ,— по обѣ стороны сѣней хаты съ глинянымъ поломъ, съ широкими, какъ нары, лавами, на которыхъ можно было спать. Однимъ словомъ, „просто було, я-жъ вамъ кажу!"—только развѣшанныя по стѣнамъ ружья, ятаганы, сабли, пистолеты и прочія военныя и охотничьи принадлежности отличали козацкія жилища отъ обстановки любой украинской хаты. Населеніе куреней никогда не было особенно многочисленно: на зиму еще больше собиралось народа, лѣтомъ-же всѣ расходились по плавнямъ, рыболовнымъ заводамъ, въ Туреччину на заработки и т. п. Въ нѣкоторыхъ куреняхъ, говоритъ Коломиецъ, только и народу иногда бывало, что отаманъ да кухарь, да еще, можетъ быть, 3—4 старыхъ козака, неспособныхъ уже совсѣмъ къ работѣ и принужденныхъ кончать свои дни на завалинкѣ роднаго куреня, замѣнявшаго имъ и семью и все...

Въ отношеніи пищи, какъ мы говорили уже, курень составлялъ одну семью: „іли разомъ усі, говоритъ Коломиецъ, хто що

принесе, хто що притягне, те й буде—*за братъ жили!..* рыбу було возили, й кабанівъ, и визигу, й кабаки (тыквы), й усе.—На, каже, кухарю! або нате, пане-отомане,—нехай козаки голодни не будуть!"—Пьять—шість столівъ постановлять було у хаті та й ідять!" Утромъ обыкновенно бывалъ ранній завтракъ, обѣдъ часовъ около 9-ти, потомъ полдничали, а вечеромъ ужинали. Скоромнаго въ постъ запорожцы не ѣли никогда, очень можетъ быть даже, что, подобно румынамъ и грекамъ, воздерживались даже и отъ рыбы, въ обыкновенные-же дни ихъ обычную пищу составлялъ борщъ съ саломъ или мясомъ, иногда съ соленою рыбою, галушки, мамалыга и т. п. Праздники отличались особою торжественностью и роскошью въ пищѣ: „на Покрову, говоритъ К—цъ, скотину різали—празникъ бувъ... вина й горілки скільки вгодно, и притомъ на військові гроші", такъ какъ, по случаю торжества, угощеніе производилось изъ паланки. По части впрочемъ питія запорожцы и за Дунаемъ не оставляли своихъ древнихъ обычаевъ и пили, если не такъ ужасно, какъ объ этомъ разсказываетъ Чайковскій, то во всякомъ случаѣ въ количествѣ вполнѣ достаточномъ для того, чтобъ о нихъ осталось воспоминаніе, выражаемое словами Игната Васильковскаго: „якъ-бы вони не такъ пили,—свого-бъ короля мали!"... „Корякомъ було горілку пьють, говорилъ Остапъ Данчукъ, а хліба немає!"...

Изъ всѣхъ бытовыхъ особенностей запорожцевъ вѣроятно раньше всего подвергся измѣненіямъ костюмъ, что зависѣло, вѣроятно, какъ отъ новыхъ климатическихъ условій, такъ и отъ того, что запорожцы никогда не отличались особой заботливостью объ этой части своей обстановки, а носили больше то, что попадалось подъ-руку. О традиціонныхъ козацкихъ одеждахъ, въ родѣ кунтуша и т. п., мы въ Добруджѣ рѣшительно ничего не слыхали, не смотря на всѣ распросы. Хотя Игнатъ Васильковскій и увѣряетъ, что Гладкій, во время представленія своего государю, былъ одѣтъ въ „куртку зъ чотырма рукавами", но это вѣроятно говорится имъ по наслышкѣ о запорожскомъ костюмѣ еще въ Россіи. Коломисцъ-же прямо говоритъ, что за Дунаемъ запорожцы все время имѣли уже костюмъ полу-турецкій, за исключеніемъ шапки и сапогъ и отчасти штановъ, которые сохранились у добруджскихъ руснаковъ и до сихъ поръ въ полной неприкосновенности. Кошевый, по его разсказу, носилъ сивую смушевую шапку съ верхомъ,

выложеннымъ позументами, шелковый элекъ, т. е. турецкую куртку, замѣняющую собой жилетъ, капаранъ или антеревъ—верхнюю, тоже турецкую, куртку изъ тонкаго краснаго сукна; синіе шаровары изъ тонкаго сукна, подпоясанные персидскимъ поясомъ, и хорошіе сапоги съ голенищами. Костюмъ Ивана Півтораки, по описанію Остапа Данчука, отличался не меньшей изысканностью, но и не меньшими отступленіями отъ національнаго типа: „штаны на ёму шовкові, білого шовку, поясъ шовковый, капаранъ хороший шовковый—шапка чорна... и не пізнаешъ!“... такъ какъ дѣло идетъ о Півторакѣ въ парадномъ видѣ, а не въ обыкновенномъ рыбальскомъ лохмотьѣ. Обыкновенные козаки носили, по словамъ Коломийца, почти такой-же костюмъ, какой носятъ и теперь руснаки въ Добруджѣ: широкіе штаны въ голенища, суконный капаранъ изъ верблюжьяго или овечьяго сукна (въ послѣднемъ случаѣ, по большей части синій или черный), красный поясъ и сѣрую или черную барашковую шапку. Этотъ костюмъ дѣйствительно совершенно сходенъ съ нынѣшнимъ, съ той только разницей, что вмѣсто капарана, особенно въ будніе дни, нынѣшніе добруджскіе украинцы носятъ жилеты съ рукавами, по большей части синіе, спинка которыхъ и рукава почти всегда сдѣланы изъ фланели болѣе или менѣе яркаго цвѣта и непремѣнно клѣтчатой;—спереди этотъ жилетъ украшается еще большимъ количествомъ свѣтлыхъ металлическихъ пуговокъ, иногда ряда въ четыре. Лѣтомъ запорожцы носили чулки и красные восточные башмаки. Вообще-же, по словамъ Коломийца, запорожцы не особенно щеголяли своимъ костюмомъ, въ особенности-же дома. „...А на иншому, говоритъ онъ, то й штанівъ нема й сорочки, сами рубці висять... мовъ той цыганъ!“... Неудивительно поэтому, что пріѣзжавшіе на Сѣчь турецкіе сановники съ изумленіемъ спрашивали, почему козаки такъ оборваны, и ихъ приходилось увѣрять, что козаки эти только что прибыли изъ Россіи; неудивительно и то, что объ „сіромствѣ“ запорожцевъ остались въ Добруджѣ цѣлыя легенды, въ родѣ той, какую намъ пришлось слышать отъ Остапа Данчука на счетъ происхожденія ряда кургановъ, идущихъ отъ Сѣчи къ Бешъ-Тепé. Эти курганы, по его словамъ, „запорожци торбинками понасыпали“, для того, чтобы бѣгать зимою, не имѣя обуви: собираются они въ путь, а постолы на всѣхъ одни—вотъ они и посылаютъ одного въ постолахъ впередъ, чтобы онъ, добѣжавши до

ближайшаго кургана, огонь разводилъ, а сами, когда увидятъ огонь, и бѣгутъ, прибѣгутъ къ огню и грѣютъ ноги, пока тотъ, что въ постолахъ, не добѣжитъ до слѣдующаго кургана и не разведетъ тамъ огня и т. д. Конечно, это шутка, но шутка характерная. Не менѣе характерны и тѣ шутки на счетъ запорожскихъ причесокъ, которыя читатель можетъ найти въ воспоминаніяхъ Коломийца, шутки по поводу того, что старые козаки носили еще чубы (оселедці) на бритыхъ головахъ, тогда какъ молодые начали уже распускать свои чубы по выстриженной гладко головѣ, какъ это дѣлаютъ еще и теперь старики на Украйнѣ. Было, впрочемъ, и своего рода щегольство на Сѣчи, на которое тратилось не мало денегъ. Это традиціонное щегольство хорошимъ и дорогимъ оружіемъ: „було хочъ якій обідраний, а зброя дорога й хороша!.. люльки було запорожци обковували тими червінцями—тынфами... а самъ безъ чобітъ, пъятками світить!!“... добавляетъ Коломиецъ, добродушно улыбаясь при воспоминаніи о козацкой безшабашности...

Въ высшей степени интересно было получить отъ Коломийца какія-нибудь свѣдѣнія объ интеллектуальной жизни Сѣчи. Принимая во вниманіе разнообразіе и большую или меньшую избранность элементовъ, входившихъ въ составъ Сѣчи, ея собственныя историческія традиціи и проч., слѣдовало ожидать, что населеніе ея во всякомъ случаѣ должно было быть гораздо выше обыкновеннаго уровня массы по своему развитію. Дѣйствительно и личность самого Коломийца и его разсказъ въ этомъ отношеніи подтверждаютъ вполнѣ такое предположеніе. Если мы припомнимъ большое сравнительно количество свѣдѣній Коломийца, его, такъ сказать, большую начитанность, если можно такъ выразиться о неграмотномъ человѣкѣ, слышавшемъ только чтеніе и разсказы другихъ, его знаніе народныхъ историческихъ пѣсенъ и умѣнье составить себѣ изъ нихъ извѣстную цѣпь историческихъ представленій, то, принимая во вниманіе, что Коломиецъ былъ на Сѣчи человѣкомъ во всякомъ случаѣ среднимъ, мы имѣемъ полное право составить себѣ довольно высокое мнѣніе о средѣ его воспитавшей, которой онъ исключительно обязанъ своимъ развитіемъ. Судя по словамъ Коломийца, историческія пѣсни и преданія пользовались въ Сѣчи очень большимъ уваженіемъ и, какъ мы можемъ видѣть на примѣрѣ его самого, не забывались тамъ, не смотря на полное отсут-

ствіе кобзарей или „лірниківъ", которые у насъ служатъ единственными, да и то уже исчезающими хранителями ихъ въ народѣ. Разсказчики про старину, въ родѣ упоминаемаго Коломийцемъ Ивана Глухого, пользовались большимъ вниманіемъ, „оповіданьня" ихъ слушались съ напряженнымъ интересомъ и изъ этихъ то разсказовъ и пѣсень и складывались тѣ, болѣе или менѣе цѣльныя и даже до извѣстной степени правильныя историческія представленія, которымъ мы удивляемся въ Коломийцѣ. Но Сѣчь имѣла не только устную народную литературу: тамъ были и книги и, что всего интереснѣе и важнѣе, книги эти представляли собой не частную собственность какихъ-нибудь исключительно грамотныхъ людей, которые одни только ими и интересовались, а принадлежали всему товариству, составляя *сѣчевую библіотеку,* хранившуюся въ паланкѣ въ завѣдываніи писаря и находившуюся въ полномъ распоряженіи всѣхъ желавшихъ читать. Къ несчастію, теперь мы совершенно лишены возможности знать составъ этой сѣчевой библіотеки, такъ какъ Коломиецъ, разумѣется, не могъ дать намъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній, но, судя по его разсказу, слѣдуетъ думать, что въ этой библіотекѣ были книги, или, какъ выражается Коломиецъ, *„описи"* преимущественно духовнаго и историческаго содержанія, понятно, главнымъ образомъ удовлетворявшаго потребности сѣчевиковъ. До какой степени велика была эта потребность въ чтеніи, можно судить по тому вниманію, которое обнаруживали къ чтенію совершенно даже неграмотные люди и по той настойчивости, съ которою они, какъ разсказываетъ Коломиецъ, упрашивали „письменныхъ" людей читать имъ, не жалѣя даже для этого довольно крупныхъ угощеній—„відеръ пъять вина було дадуть, абы читавъ"! Не ограничиваясь чтеніемъ въ Сѣчи, козаки брали съ собой книги даже на рыболовные заводы: „підуть було до писаря та й просять... „візьмить, візьмить, писарь було каже, тільки читайте!"—то брали й туды й тамъ читали". Кромѣ того, не довольствуясь сѣчевой библіотекой, козаки обращались, какъ видно изъ разсказа Коломийца, за книгами и къ частнымъ лицамъ и притомъ на значительномъ разстояніи отъ Сѣчи, какъ напримѣръ къ *Барклію,* „чоловіку одъ породы малороссійськои", жившему въ Браилѣ и т. п. Трудно разумѣется догадаться, что это была за „велика книга", о которой говоритъ Коломиецъ, что въ ней было написано и „про Юрика, и

про Чорный лісъ, и про Байракъ" и которую, по его словамъ, „по праздникамъ часто було читають... збіраються та й читають!"... Не была-ли эта книга, изъ которой очевидно и Коломиецъ почерпнулъ часть своихъ историческихъ свѣдѣній, какой-нибудь рукописной копіей „Исторіи руссовъ", которая, какъ извѣстно, ходила въ то время по Украинѣ въ большомъ количествѣ списковъ и, разумѣется, могла попасть и на Сѣчь? На это намекаютъ до извѣстной степени нѣкоторые факты изъ исторической части разсказовъ Коломийца, между прочимъ и производство козаковъ отъ козаръ и т. п... Какъ-бы то ни было, но во всякомъ случаѣ фактъ нахожденія книги подобнаго содержанія въ сѣчевой библіотекѣ и интереса, какой возбуждала эта книга у товариства, есть фактъ для насъ въ высшей степени поучительный и характерный.

Извѣстный уровень умственнаго развитія, требовавшій для себя такихъ вещей, какъ чтеніе и историческіе разсказы, обусловливался и поддерживался на Сѣчи довольно большимъ количествомъ грамотныхъ людей. „На Січи мало було неграмотныхъ, а то усе більше письменни були", говоритъ Коломиецъ и объясняетъ это большимъ наплывомъ въ Сѣчь болѣе или менѣе интеллигентныхъ людей изъ Россіи. Въ видѣ примѣра онъ указываетъ на одного какого-то ремонтера и на другаго козака Олександра Не рыдай мене-мати изъ донцовъ, братья котораго были въ Россіи полковниками. Но кромѣ этого Сѣчь и сама обнаруживала извѣстную заботливость о поддержкѣ и распространеніи у себя „письменства". Этимъ дѣломъ, говоритъ Коломиецъ, занимались войсковые священники и писаря, имѣвшіе у себя нѣчто въ родѣ маленькой школы, въ которой обучались дѣти изъ райи, бывшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и пѣвчими въ сѣчевой церкви. Учились иногда даже и взрослые, какъ это видно изъ словъ Коломийца: „инші и тутъ навчáлися!"... Какъ ни незначительны эти имѣющіяся у насъ данныя относительно интеллектуальной жизни задунайской Сѣчи, но они показываютъ намъ, что въ ней все таки существовали и начинали развиваться задатки своеобразной культуры, задатки, заключавшіе въ себѣ очень много жизненности, такъ какъ они развивались снизу вверхъ, въ силу внутреннихъ потребностей общества и при томъ на почвѣ историческихъ народныхъ традицій. Эти задатки представляли собой въ зачаточной формѣ такое-же здоровое и вполнѣ нормальное обще-

ственное явленіе, какимъ была въ свое время культура кіевская, сама собою естественно выросшая на почвѣ народныхъ потребностей и давшая результаты, слѣды которыхъ далеко не изгладились и до сихъ поръ. Мы говоримъ это не для того, чтобы преувеличивать указываемые нами слабые въ сущности культурные задатки задунайской Сѣчи, но чтобы показать ихъ основной *характеръ*, не могущій не имѣть для насъ важнаго значенія, въ виду возможно болѣе вѣрной оцѣнки задунайской Сѣчи, какъ историческаго явленія, бывшаго во всякомъ случаѣ продолженіемъ ненормально прерванной жизни гораздо болѣе крупной и болѣе близкой намъ козацкой общины—приднѣпровскаго Запорожья. Къ этой оцѣнкѣ мы теперь и приступимъ.

Мы только что сказали, что задунайская Сѣчь была продолженіемъ жизни Сѣчи приднѣпровской; это нужно понимать, разумѣется, не только въ генетическомъ смыслѣ, но и въ смыслѣ совокупности всѣхъ тѣхъ жизненныхъ задачъ, которыя обусловливали начало и существованіе этихъ козацкихъ общинъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что одной изъ историческихъ и до извѣстной степени сознательныхъ задачъ запорожскаго козачества была защита себя, своей родины и отчасти даже западной Европы отъ нашествія татаръ и турокъ. Но были ближайшія причины, которыя заставляли это выдѣлившееся изъ массы народа военное сословіе переселиться за предѣлы своего отечества и жить совершенно почти изолированной общиной, отказываясь даже отъ тѣхъ преимуществъ, какія имѣло вездѣ военное сословіе въ видѣ вознагражденія за свою общественную службу. Причины эти чрезвычайно важны, такъ какъ они показываютъ намъ истинный смыслъ козацкой военной организаціи и ея ближайшіе мотивы. Они заключаются, какъ извѣстно, въ томъ, что запорожцы, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ въ основной своей массѣ, не могли выносить общественныхъ условій, тяготѣвшихъ надъ ихъ родиной, и принуждены были уходить изъ нея для того, чтобы найти себѣ возможность жить на свободѣ. Не романтически-рыцарская погоня за славой въ борьбѣ съ невѣрными, ни даже хищническое исканіе добычи, всегда впрочемъ близко граничившее съ рыцарствомъ, заставляло людей бросать свою родину и уходить на Сѣчь, а крѣпостное право, гнетъ политическій и духовный, притѣсненія національныя и т. п. Эмиграція составив-

шая и поддерживавшая собою Запорожье была такой-же эмиграціей, какими были всѣ подобныя переселенія въ Европѣ и изъ Европы, обусловливавшіяся причинами экономическими, политическими и религіозными. Удаляясь-же изъ своего отечества на границы татарскихъ степей, прежде всего для того, чтобы *жить*, чтобы, работая только на себя, добывать себѣ средства для ежедневнаго существованія, для того чтобы не терпѣть надъ собой и своей совѣстью ничьего господства, запорожцы, разумѣется, не могли не имѣть въ виду и своей защиты какъ сзади, такъ и впереди себя, какъ отъ польскихъ жолнѣровъ, такъ и отъ татарскихъ и турецкихъ ордъ. Вслѣдствіе этого и приднѣпровская Сѣчь вовсе не должна быть разсматриваема какъ исключительно или даже главнымъ образомъ военная ассоціація, такъ какъ она вовсе не была войскомъ въ строгомъ соціологическомъ смыслѣ этого слова, т. е. не представляла собой выдѣлившагося изъ народной массы военнаго сословія, занимавшагося, въ силу принципа раздѣленія труда, исключительно войной и жившаго на счетъ народа или государства, содержавшаго его для своей защиты. Она была *прежде всего* ассоціаціей экономической, рыболовно-охотничьей, жившей продуктами своихъ промысловъ на занимаемой ею территоріи, считавшей себя немыслимой *безъ* этой территоріи, какъ мы это знаемъ и изъ историческихъ народныхъ пѣсенъ и изъ историческихъ документовъ о препирательствахъ за „вольности", т. е. за запорожскія земли съ русскимъ правительствомъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Военная-же организація Запорожья, вызванная сначала простою потребностью въ защитѣ, а затѣмъ обусловливавшаяся политическимъ давленіемъ со стороны Польши, а потомъ Россіи, было явленіемъ уже второстепеннымъ, зависѣвшимъ не столько отъ внутреннихъ соціальныхъ причинъ, сколько отъ мотивовъ внѣшнихъ, явленіемъ въ значительной степени вынужденнымъ, существовавшимъ въ видѣ компромисса для огражденія, пока было возможно, своей подъ конецъ уже призрачной свободы... Въ качествѣ такой цѣльной экономической общины, Запорожье несомнѣнно имѣло всѣ данныя для своего дальнѣйшаго развитія, для перехода къ болѣе сложному земледѣльческому хозяйству, для постепенной переформировки сообразно съ требованіями времени и культуры, для превращенія въ обыкновенную нормальную общественную группу, со всѣми шансами очень

прогрессивнаго существованія. Тѣ явленія, которыя повидимому мѣшали этому, какъ напр. удаленіе изъ Сѣчи женщинъ, наклонность къ разнаго рода хищническимъ набѣгамъ и т. п., эти явленія еще при жизни Запорожья начинали уже замѣтно сглаживаться путемъ образованія вокругъ Сѣчи многочисленныхъ слободъ, населенныхъ семьями запорожцевъ и другихъ ушедшихъ изъ Украйны людей, путемъ все болѣе и болѣе начинавшаго развиваться земледѣльческаго хозяйства, занятіе которымъ въ большихъ размѣрахъ, какъ извѣстно, было даже поставлено въ вину запорожцамъ манифестомъ объ уничтоженіи Сѣчи (14 авг. 1775 г.), путемъ наконецъ все большаго и большаго развитія гражданственности. Однимъ словомъ, мы врядъ-ли можемъ сомнѣваться въ томъ, что Запорожье могло имѣть свою историческую будущность, само собою разумѣется, не беря во вниманіе государственныхъ условій близь-лежащихъ странъ и даже своей метрополіи...

Въ одинаковой, если не въ большей еще степени, мы находимъ тѣ-же существенныя черты и въ только что разсмотрѣнной нами исторіи задунайской Сѣчи. Припоминая все нами сказанное, припоминая то, что запорожцы, уходя изъ Россіи, хотѣли „*земли* заслужити, абы у волности хочъ віку дожити", что землю эту „дарували одъ Дністра ажъ до Богу", но „дарували, дарували та й назадъ одібрали", „козацькую землю на вражихъ панівъ роздали", а самыхъ „козаченьківъ на Кубань ріку заслали", козаченьки-же „тамъ не схотіли жити, посідали на лодочки та й за Дунай махнули" и послѣ неудачной попытки найти себѣ землю у нѣмецкаго цесаря, нашли ее наконецъ у турецкаго султана, припоминая все это мы видимъ, что, кромѣ желанія „у волности хочъ віку дожити", главнымъ и основнымъ желаніемъ и *цѣлью* уходившихъ запорожцевъ была прежде всего *земля*, т. е. именно то, что составляло предметъ исканій всѣхъ народныхъ эмиграцій на свѣтѣ и составляетъ предметъ тщетныхъ вожделѣній и стремленія къ переселеніямъ и нашего народа и по сей день. Мы видимъ, что, получивши или правильнѣе говоря, отвоевавши себѣ землю, запорожцы сейчасъ-же основались въ видѣ правильной рыболовной общины или союза общинъ и, давая у себя пріютъ всякому бѣжавшему отъ разныхъ притѣсненій люду, начали жить не какъ какая нибудь наемная нѣмецкая гелейта, или хищническое племя, а какъ совсѣмъ

благоустроенное общество, развивавшее у себя и начало гражданскаго равенства, и болѣе или менѣе правильный экономическій бытъ, и даже извѣстную умственную культуру. Помимо пріюта всякому гонимому тогдашними общественными порядками „бурлацтву", всякимъ „забіглимъ душамъ" изъ Украйны, пріюта, давать который задунайская Сѣчь не только считала своей нравственной обязанностью, но и необходимымъ условіемъ своего существованія, помимо этого она группировала возлѣ себя цѣлыя слободы семейныхъ людей —райи, которую надѣляла землей и держала подъ своей военной защитой. Многіе изъ козаковъ были женаты и жили съ своими семьями въ райѣ, Сѣчь-же являлась только центральнымъ пунктомъ всего козачьяго населенія и мѣстопребываніемъ неженатыхъ людей— бурлацтва. Развитіе семейной жизни между козаками было по всей вѣроятности одною изъ главныхъ причинъ выдѣленія нѣкоторыхъ лицъ изъ общиннаго куреннаго хозяйства и появленія рядомъ съ нимъ цѣлой группы частныхъ хозяйствъ, но это выдѣленіе, какъ извѣстно, всегда почти связанное съ переходомъ къ болѣе усовершенствованнымъ формамъ хозяйства, и въ этомъ случаѣ было связано съ переходомъ отъ охотничьяго быта къ земледѣльческому и, во всякомъ случаѣ, далеко не успѣло еще сложиться въ какую нибудь настолько опредѣленную форму, чтобы мы могли видѣть въ немъ прочное и органическое уклоненіе отъ принципа даже общинности. До извѣстной степени такого рода уклоненіе мы замѣчаемъ впрочемъ въ фактѣ появленія частныхъ рыболовныхъ заводовъ рядомъ съ общественными; но не говоря уже о томъ, что эти частные заводы, какъ мы видѣли, имѣли все таки болѣе характеръ товариществъ, чѣмъ чисто личнаго предпринимательства, это явленіе приприпадлежитъ къ числу тѣхъ общихъ явленій, отъ которыхъ врядъ-ли было свободно хоть одно изъ извѣстныхъ намъ обществъ, не исключая даже и сохранившихъ свое общинное устройство кантоновъ Швейцаріи. Впрочемъ, какъ-бы то ни было, но всѣ эти перечисленныя нами явленія, т. е. развитіе семейнаго начала, начало перехода къ земледѣльческому хозяйству, даже выдѣленіе частныхъ хозяйствъ и промышленныхъ предпріятій — все это свидѣтельствуетъ только о томъ, что задунайская Сѣчь вовсе не представляла изъ себя какой нибудь отжившей и неспособной къ дальнѣйшему развитію общественной группы, но, напротивъ, очевидно развивалась

и имѣла всѣ данныя для дальнѣйшаго развитія въ будущемъ. Въ пользу этого говоритъ, по нашему мнѣнію, и замѣтный упадокъ въ задунайской Сѣчи военнаго духа, милитаризма и вообще военной организаціи. По окончаніи войнъ съ некрасовцами запорожцамъ не предстояло уже никакой надобности въ защитѣ отъ какихъ-бы то ни было враговъ, военный-же строй, поддерживавшійся только въ силу обязательствъ передъ турецкимъ правительствомъ, какъ мы говорили, началъ естественно слабѣть и даже очевидно становиться тягостью, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для очень многихъ уже изъ состава Сѣчи, уступивши мѣсто болѣе мирнымъ наклонностямъ. Однимъ словомъ, жизнь задунайской Сѣчи, особенно въ послѣднее время ея существованія, доходила уже до того интереснаго для насъ момента, когда, потерявши совершенно свой военный характеръ и благодаря традиціонному невмѣшательству турецкаго правительства во внутреннюю жизнь подвластныхъ ему народовъ, давшему возможность сохраниться общинному быту южныхъ славянъ и до сихъ поръ, задунайская Сѣчь имѣла шансы превратиться въ оригинальную, совершенно самобытно и свободно развившуюся украинскую колонію.

Но мы знаемъ, что въ условіяхъ существованія задунайской Сѣчи былъ одинъ факторъ, котораго было достаточно для того, чтобы нарушить весь ходъ ея естественнаго развитія,—это ея фальшивое положеніе въ политическомъ отношеніи. Мы видѣли, что, начиная отъ момента, когда Калнишевскій не позволилъ своимъ запорожцамъ „на башті стати“, чтобы сопротивляться разрушенію Сѣчи, и кончая переходомъ Гладкаго въ 1828 г., фальшь эта, выражавшаяся, по словамъ народной пѣсни, въ необходимости „на віру“ или „братъ на брата бити“, какъ красная ниточка проходитъ сквозь всю исторію задунайской Сѣчи... И по всей вѣроятности, въ теченіи всего времени существованія Сѣчи за Дунаемъ, врядъ-ли былъ хоть одинъ моментъ, когда-бы эта фальшь забывалась и не давала-бы себя чувствовать, не возбуждала-бы въ запорожцахъ желанія какъ нибудь отъ нея отдѣлаться. Мы видѣли признаки этого во время русско-турецкой войны 1809 г., во время сербскаго возстанія, во время возстанія Греціи за независимость, наконецъ передъ войною 1828 г. Каждое изъ этихъ событій несомнѣнно вызывало хоть у небольшой части товариства, если не

попытку, то, по крайней мѣрѣ, желаніе ухватиться даже за призрачную возможность выйти изъ этого своего фальшиваго положенія и основаться опять въ Россіи на тѣхъ-же свободныхъ началахъ, ради которыхъ они ушли оттуда и терпѣли это свое положеніе въ Турціи. Но мы знаемъ, чѣмъ могли кончаться и чѣмъ кончались эти попытки, понятно, логически невозможныя при тогдашнемъ строѣ русской государственной жизни. А, между тѣмъ, эти постоянныя колебанія между фальшью своего положенія и стремленіемъ къ свободѣ не могли не отразиться и на внутреннемъ состояніи общины, не могли не производить извѣстнаго рода деморализаціи, не могли не понижать уровня политическихъ и соціальныхъ идеаловъ и неизбѣжно вели къ тому внутреннему разложенію, признаки котораго были нами указаны выше. Очень можетъ быть, что все это естественно улеглось-бы и, ведя къ уничтоженію военнаго характера Сѣчи, даже посодѣйствовало-бы къ ея трансформаціи къ лучшему, но новая война и ударъ, нанесенный Гладкимъ, прекратили наконецъ сразу весь этотъ процессъ вмѣстѣ съ существованіемъ самой Сѣчи. Разъ-же общинная сѣчевая организація была разрушена, разрушилась и связь между тѣми достаточно еще многочисленными осколками Сѣчи, которые оставались еще за Дунаемъ, и, вмѣсто общественно-организованной украинской колоніи, мы находимъ теперь въ Добруджѣ только разрозненныя, ничѣмъ почти между собою не связанныя группы руснацкихъ семей... „Яки теперъ запорожци!?—говорилъ намъ со вздохомъ старый Остапъ Данчукъ; теперъ уже таки запорожци, що якъ не пустять у хату, то й за порогомъ постоимо... Оттаки теперъ запорожци!“...

Должно быть такая уже судьба нашего украинскаго народа. По сдѣлавшейся теперь общепринятою и вполнѣ вѣрной исторической теоріи, каждый народъ пользуется такимъ общественнымъ и политическимъ строемъ, какой онъ самъ создалъ себѣ всей своей исторической жизнью, своимъ культурнымъ развитіемъ и т. п. Но бываютъ случаи, когда народъ совершенно независимо отъ себя, подчиняясь force majeure разныхъ внѣшнихъ стимуловъ, попадаетъ въ совершенно чуждыя для него соціальныя и политическія условія... Исторія задунайской Сѣчи представляетъ, по нашему мнѣнію, одинъ изъ такихъ случаевъ и можетъ служить въ миніатюрѣ прекраснымъ примѣромъ того, какъ непрочно и гибельно бываетъ вся-

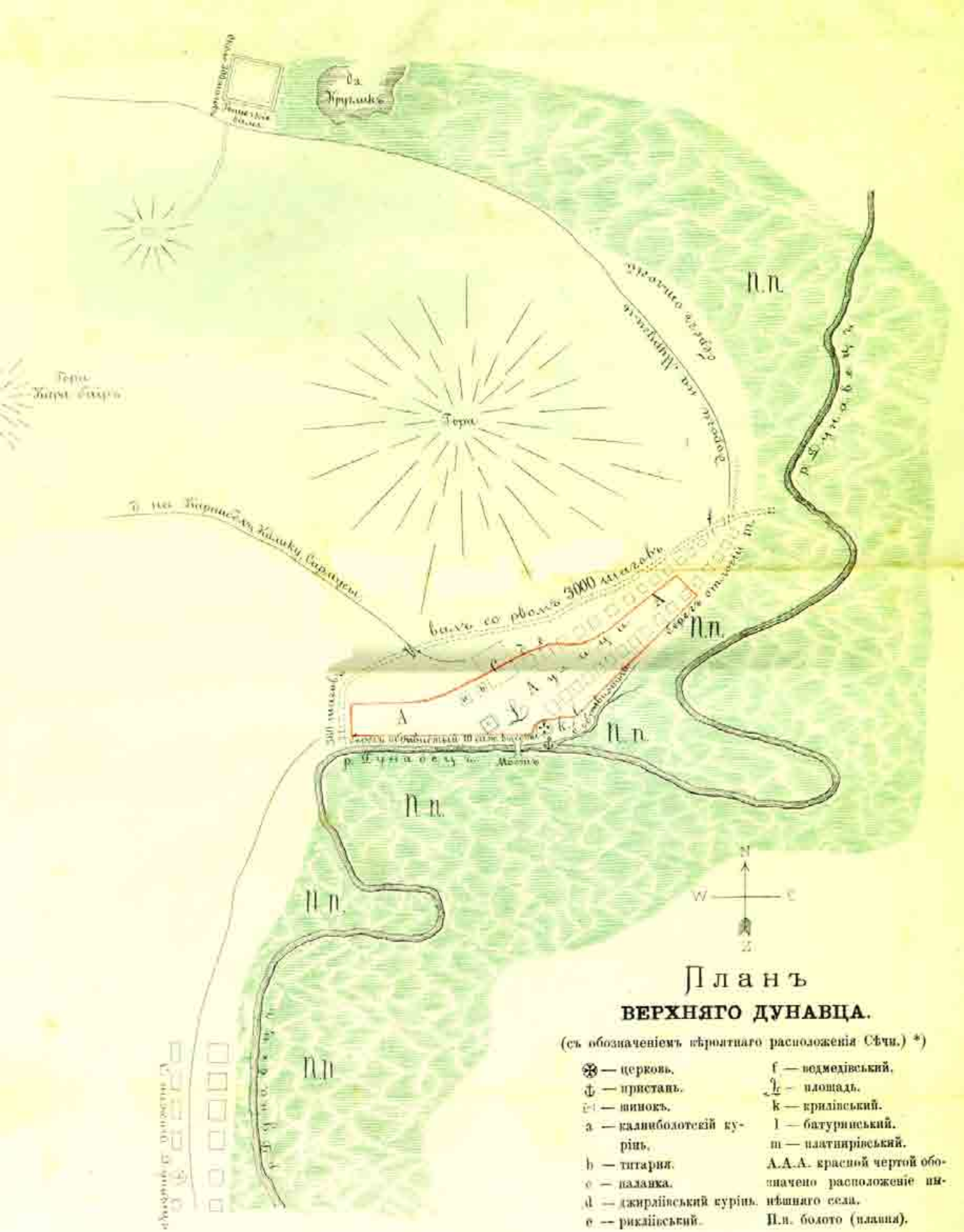

Планъ
ВЕРХНЯГО ДУНАВЦА.

(съ обозначеніемъ вѣроятнаго расположенія Сѣчи.) *)

⊗ — церковь.
⚓ — пристань.
🍷 — шинокъ.
a — калниболотскій курінь.
b — титарня.
c — паланка.
d — джирліївський курінь.
e — рикліївський.
f — ведмедівський.
g — площадь.
k — крилівський.
l — батуринський.
m — платнирівський.
A.A.A. красной чертой обозначено расположеніе нынѣшняго села.
П.п. болото (плавня).

*) Постройки прежней Сѣчи обозначены пунктиромъ. Шинокъ находится вѣроятно на старомъ мѣстѣ. Церкви теперь нѣтъ.

Между западнымъ валомъ и пристанью берегъ Дунавца обрывистый, саженей около 10 вышины, затѣмъ отъ пристани, обрывъ продолжается къ С. В, постепенно уменьшаясь и скоро переходя въ отлогій спускъ къ плавнѣ.

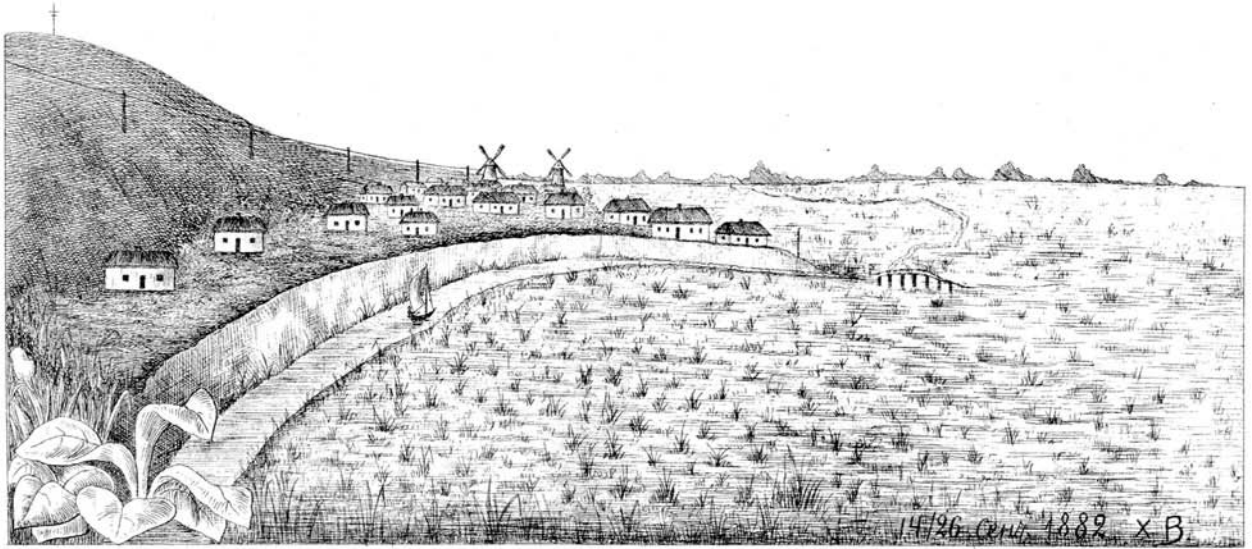

с. Верхній Дунавець (на лѣвомъ б. Случ.)

кое, вольное или невольное, уклоненіе всякаго общества отъ своего естественнаго пути въ ту среду, принципы существованія которой по тому или другому противоположны съ принципами существованія этого общества. Украинѣ не разъ въ теченіи ея исторической жизни приходилось испытывать такія уклоненія: связывала ее судьба съ феодально-аристократической и клерикальной Польшей... пробовала связать даже съ стихійно давившей или позволявшей давить славянство Турціей...

Но безстрастному историку, должно быть, ничего не остается болѣе, какъ стать на точку зрѣнія той вполнѣ глубокой и несомнѣнно вѣрной, хотя и совсѣмъ лѣтописной, философіи, которою заключилъ свои разсказы достойный нашей благодарной памяти Ананій Ивановичъ Коломиецъ, послѣдній дунайскій запорожецъ: „а усе знаете—отъ якъ бачите, якій уже вікъ на світі живу, усёго бачивъ, а усе я вамъ скажу: усе знаете, що далі, то неначе лучче стае... розбійства того меньше... людоідства того нема... А перше були!... А за насъ... то наше не пропаде... досі не пропало, то вже й не пропаде!... нашого насіньня нихто не скоренить“...

Ѳ. Кондратовичъ.

Волынская резолюція первой четверти XIX столѣтія.

Письма надворнаго совѣтника Опытова къ графинѣ Старожиловой).*

Письмо третье.

Изъ Рима, октября дня, 1818 года.

Я въ Римѣ,—въ томъ городѣ, на которой съ изумленіемъ взирала вся вселенная; здѣсь и самые камни говорятъ, естьли кто умѣетъ ихъ спрашивать.

Я видѣлъ безсмертнаго Канову и благоговѣлъ предъ драгоцѣнными памятниками его искуства. Изъ разныхъ земель, разные люди, разными языками выражали удивленіе свое, смотря на произведенія рѣзца Праксителя нашего вѣка. А онъ предъ другими посѣтителями отдавалъ честь знатока несравненному моему благодѣтелю, русскому боярину. Оставя статуи и указывая на одинъ не совсѣмъ обдѣланный камень, Канова говорилъ: „знаете-ли, что это рѣдкость, достойная примѣчанія?“ Потомъ, удовлетворяя любопытство, продолжалъ: „сей кусокъ мрамора, въ теченіи послѣднихъ двадцати семи лѣтъ, былъ шесть разъ у меня подъ рѣзцомъ и шесть разъ оставлялъ я его въ покоѣ. Друзья графа Мирабо 1791 года просили сдѣлать бюстъ его; члены якобинскаго клуба 1794 года желали имѣть у себя подобный тому ликъ старшаго Робеспьера; марсельскіе патріоты хотѣли украсить залу собранія мраморнымъ изображеніемъ Колло-Дербоа, товарища и друга Робеспьерова; жители острова Гаиты, въ честь Туссена-Лу-

---

*) См. февр. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г.

вертюра, избавившаго ихъ отъ рабства, вздумали, чтобъ я изваялъ его статую; въ 1815 году французскій полковникъ Лабедоіеръ, съ друзьями своими, поручилъ мнѣ высѣчь изъ мрамора маршала Нея; наконецъ съ 1816 году писали ко мнѣ изъ волынской провинціи (что въ Красной Россіи) и съ крайнимъ убѣжденіемъ просили тамошніе дворяне сдѣлать истуканъ сенатора Сиверса. Чтожъ послѣдовало? Графа Мирабо за его бездѣльничество и измѣны возненавидѣлъ дворъ и народъ, а потомъ уморили ядомъ; Робеспьеръ, бичъ рода человѣческаго и одинъ изъ величайшихъ свѣта тирановъ, погибъ на эшафотѣ; Колло-Дербоа и кровопійца Ліонскій сосланъ въ Каенну и тамъ ра терзанъ братьями своими — тиграми; Туссень-Лувертюръ за безвинно пролитую кровь въ Сентъ-Домингѣ удавленъ, по повелѣнію Наполеона, въ парижской темницѣ; Лабедоіеръ и Ней, оба клятвопреступники и измѣнники, разстрѣляны, а о сенаторѣ Сиверсѣ вотъ что я доложу вамъ: Волыняне прислали ко мнѣ портретъ его и хотѣли, чтобъ я изобразилъ Сиверса въ видѣ такого смертнаго, о которомъ говоритъ Горацій: Si totus illabitur orbis, impavidum fuerunt ruinae (ежели цѣлой свѣтъ разрушится, онъ безтрепетно стоять будетъ на его развалинахъ). Такова надпись на портретѣ. Не прошло трехъ недѣль, перемѣнили свои мысли и уже пожелали видѣть его во образѣ римскаго цензора Катона, съ тѣмъ, чтобы лѣвою рукою касался книги законовъ, а въ правой держалъ дубину геркулесову. Чрезъ мѣсяцъ опять требованіе - снять съ него римскую тогу, а нарядить въ старопольскій бунтушъ; чрезъ двѣ недѣли еще новое желаніе—поставить его лифляндскимъ рыцаремъ; напослѣдокъ раздумались: просятъ оставить всѣ лишнія украшенія и изваять Сиверса въ подобіи Сенеки философа, которой цѣлой вѣкъ кричалъ другимъ: убѣгайте знатности, любите бѣдность, презирайте богатство, а самъ обѣими руками хваталъ сокровища, пока палъ жертвою честолюбія. Но вотъ уже скоро два года, продолжалъ Канова, и никто изъ волынянъ о мраморной головѣ Сиверса не помышляетъ, и я не знаю, какую дать ей фигуру. Удивляюсь непостоянству характера людей, столь щедрыхъ на обѣщанія — награждать всякаго безсмертіемъ. Когда такимъ образомъ всѣ оные

идеальные люди вырвались изъ подъ моего рѣзца, то сей отломокъ горы Паросской осужденъ мною на вѣчное необразованіе".

Канова пересталъ говорить. Нѣкоторые изъ почтеннѣйшихъ посѣтителей отозвались, что они господина сенатора Сиверса знаютъ лично, а между ими одинъ лифляндской дворянинъ, качая головою, возгласилъ: Боже мой! какія времена! и Сиверсу памятники ставятъ! Потомъ, обратясь къ Коновѣ, началъ говорить такъ: можетъ ли несравненное ваше искусство въ ваятельномъ художествѣ изобразить на мраморѣ черты души мрачной, недовѣрчивой, жестокой и часто вѣроломной? Какъ вы представите человѣка, у коего воображеніе исполнено всегда самыми страшными картинами бѣдствій человѣческихъ, а слухъ горестнѣйшимъ воплемъ отчаянія, у кого слова: оскорбленіе, притѣсненіе, наказаніе безпрестанно сверкаютъ въ разговорахъ, у кого нѣтъ ласковаго пріема ни достоинствамъ, ни заслугѣ, ибо сердце съ самыхъ юныхъ дней ничему такому не подвержено, что возбуждаетъ въ немъ жалость или благотворительность? Можетъ-ли мраморный истуканъ вашъ имѣть на себѣ отпечатокъ такой головы, которая съ рѣдкимъ ожесточеніемъ, достигнувъ старости, отказала всѣмъ страстямъ, оставивъ при себѣ только ненависть къ человѣчеству и непомѣрное желаніе выдумывать образцы всякаго уничтоженія людей, которая смотритъ на все окружающее ее въ радужныя стекла и потому никогда не можетъ видѣть того, что есть на самомъ дѣлѣ, въ которой родятся всегда такія распоряженія, коими только одна рука случая управляетъ, у которой языкъ, щедро расточая клевету свою, употребляется на изъясненіе единственно такихъ выраженій, кои буде бы истина повелѣла раздѣть, то едва-бы одна справедливая идея отъ нихъ осталась? Удивляюсь, какія у волынянъ души, что могли приковать свою благодарность къ такому предмету. Пусть спросятъ у потомковъ рыцарей эстонскихъ: они скажутъ, кто сенаторъ Сиверсъ.—И я знаю его, отвѣчалъ не далеко насъ стоявшій, знатный литовскій помѣщикъ, графъ Оссолинскій:—случай заставилъ меня видѣть нѣкоторые черты домашней его жизни, съ такой точки зрѣнія, которая не весьма хорошее произвела во мнѣ впечатлѣніе, на

счетъ безкорыстія господина сенатора-ревизора. 1816 года весною, проѣзжая изъ Литвы черезъ Кіевъ въ Галицію, я былъ остановленъ друзьями своими въ Житомірѣ. Волынянс, въ тогдашнемъ изступленіи ума, именовали Сиверса россійскимъ Катономъ: иди, кричали на меня со всѣхъ сторонъ, и пади предъ смертнымъ, нами боготворимымъ. Не пугайся наружности скромной и простой его жизни. Небо дало ему голову только для того, чтобы острой умъ ея и тонкая политика разорвали оковы нашего рабства; все прочее для насъ суета. Знатности не ищетъ, почестей не требуетъ, богатства не желаетъ: великій человѣкъ! На другой день пошелъ я къ нему рано чуть свѣтъ (такъ мнѣ совѣтовали). Приближаюсь къ одному дому, окруженному солдатами, и спрашиваю у нихъ:

— Что это значитъ?

— Берсжемъ сенатора Сиверса.

— Для чего?

— Такъ отъ него приказано.

— Сколько васъ?

— Отъ вечерней зари до полуночи ходитъ около дома двѣнадцать, да отъ полуночи до утренней зари тоже караулятъ домъ ежедневно двѣнадцать вооруженныхъ солдатъ.

— Всталъ-ли его превосходительство?

— Давно уже не спитъ,—и указали мнѣ дорогу въ сѣни.

Послѣ мнѣ разсказывали, что выпущенные сенаторомъ, а нашими разсѣянные слухи, якобы жизнь его находится въ опасности отъ русскихъ чиновниковъ, были причиною толико грознаго караула. Сенатскій курьеръ отворилъ мнѣ двери въ комнаты. Вхожу въ одинъ, въ другой, въ третій покой,—вездѣ пусто, даже простой скамейки нѣтъ; вездѣ, какъ въ древнемъ рыцарскомъ замкѣ, безмолвно; только вѣтеръ свиститъ въ щели разбитыхъ оконъ. Наконецъ слышу человѣческой голосъ. Иду въ гостинную, вижу въ дальней комнатѣ одного пожилаго мущину и одну съ нимъ молодую женщину, которые меня не примѣтили. Останавливаюсь; не смѣю ни впередъ, ни назадъ сдѣлать шагу—едва перевожу въ себѣ духъ. Смотрю,—мущина прячетъ въ шкатулку что-то завернутое въ бумагу; слушаю, а онъ ворчитъ сквозь зубы:

— Я забылъ, сколько вашъ здѣсь денегъ, сказывалъ тебѣ Ерингъ?

— Тридцать тысячъ рублей, новыми пятидесятирублевыми бумажками, на часть вашу по расчету доставшихся,—отвѣчала пригожая дѣвушка и, подпося обшитую холстомъ пачку, прибавила: здѣсь подарокъ для ея превосходительства, помнится, десять или двѣнадцать штукъ разной, но прекрасной матеріи; а вотъ жемчуги и бриллiантовыя серьги, кои прислалъ Шодуаръ чрезъ Еринга для дочери вашей.

— А тебѣ что?—пробормоталъ старикъ.

— Я по милости вашей всѣмъ довольна.

Чрезъ нѣсколько дней узналъ я, что Ерингъ есть радзивиловской таможни членъ, командированный въ Бердичевъ для продажи съ публичнаго торгу, подъ рукою сенатора Сиверса, безъ счету контрабандныхъ товаровъ, которые при конфискаціи ихъ были дорогія разныхъ сортовъ шелковыя матеріи, а при продажѣ силою волшебнаго аукціоннаго молотка превратились въ нанкинъ, въ ситцы и полу-ситцы и въ толстой стамедъ,—что дѣвушка есть молодая чухонка, по имени Анхенъ, безъ которой сенаторъ дышать не могъ и которую многіе изъ волынянъ цѣловали въ руки, заставляя женъ своихъ возить съ собою въ каретѣ на редуты и касино, и что Шодуаръ есть богатѣйшій купецъ въ Бердичевѣ, у котораго передъ тѣмъ таможенный чиновникъ Корсакъ, не далѣе 50 верстъ отъ Радзивилова, остановилъ брыки съ товарами и за то, что въ нихъ найдено контрабандовъ болѣе какъ на 200,000 рублей, взялъ съ Шодуара пять тысячъ червонцевъ и возвратилъ заарестованное, а хотя сенаторъ Сиверсъ въ Радзивиловѣ удостовѣрился лично о сей поимкѣ, читая дѣла и показанія присяжныхъ свидѣтелей, но для чего оное уничтожилось и почему не возобновилось слѣдствіе о злоупотребленіяхъ Шодуара, Корсака и другихъ, а напротивъ того предано все вѣчному забвенію, о томъ молчатъ волынскія хроники. Я не радъ будучи жизни, что зашелъ въ такой лабиринтъ, возвратясь назадъ въ другую комнату, стукомъ дверей далъ знать о себѣ, и меня по-

звали въ кабинетъ. Кабинетъ, въ которомъ все мыслящее должно стонать и стыдиться, комната ничѣмъ не обитая, полъ три года не метенъ, постель неубранная, черная, одѣяло изношенное, подушки замаранныя, столъ запачканой, на столѣ безпорядочная куча бумагъ, на верху ихъ лежало выщербленное фаянсовое блюдо, въ которое подъ разбитую тарелку экономическая скупость спрятала валявшіеся остатки жаркого, отъ давности покрытаго зеленою плесенью съ мохомъ. У кровати, въ головахъ, на липовой скамьѣ лежали двѣ шкатулки, а на нихъ кусковъ двадцать шелковой и бумажной матеріи. Бѣдная чухонка—однимъ одна во всемъ домѣ; изъ ея глазъ видно было, что она исправляетъ и мужскую и женскую службу. Увидѣвъ старика среди комнаты, мнѣ показалось, что я стою въ Діогеновой бочкѣ, а не въ жилищѣ особы, толико дѣйствующей на театрѣ честолюбія и политики.

— Вы помѣщикъ?—спросилъ меня Сиверсъ.

— Такъ, ваше превосходительство.

— Конечно, хотите принести жалобу на Комбурлея?

— Нѣтъ.

— То вѣрно на губернскихъ его чиновниковъ или мѣстную полицію? Пожалуйте.

И протянулъ ко мнѣ руки. Я поклонился, пожалъ у него правое колѣно и сказалъ:

— Не имѣю никакой причины къ жалобамъ; одна только слава о безкорыстіи и правосудіи вашемъ заставила меня предстать къ вамъ, чтобъ узрѣть свѣтлое лицо безсмертнаго мужа.

Я внутренно досадовалъ на себя за подлую лесть, но чтожъ было дѣлать? Всѣ почти волынскіе помѣщики, съ низверженіемъ Комбурлея давшіе безпредѣльную надъ собою власть Сиверсу, Гижицкому, Ильинскому, Стройновскому и другимъ демагогамъ, принуждены стали влачить ихъ узы и кадить смрадные пороки утѣснителей своихъ.

Сиверсъ улыбнулся, посадилъ меня и началъ ругать Комбурлея, Хрущова, Булгарія и Ланжерона. Слова: мошенники, воры, разбойники—безпрестанно вылетали изъ устъ его.

Что шагъ, кричалъ онъ, то находилъ я преступленіе, что шагъ, то вопль народный оглушалъ меня. Я раззорилъ гнѣздо крамолы, разрушилъ силу утѣсненія, выгналъ Комбурлея изъ губерніи, удалилъ всѣхъ чиновниковъ, посадилъ на ихъ мѣста вашихъ единоземцевъ, сдѣлалъ начальникомъ Гижицкаго, возстановилъ свободу вашихъ правъ, искоренилъ мздоимство, преградилъ ввозъ контрабандовъ и собратьямъ вашимъ доставилъ найлучшую повсюду репутацію. Теперь блаженствуйте и наслаждайтесь плодами трудовъ моихъ.

Слушая сіи слова, всякъ, кому не удалось быть въ послѣдніе три года въ Житомірѣ, Бердичевѣ, Дубнѣ, Луцкѣ, Радзивиловѣ и въ другихъ мѣстахъ волынской губерніи, ни мало бы не подозрѣвалъ сенатора Сиверса въ томъ, что онъ говорилъ сущую неправду; но я,—продолжалъ Оссолинскій,—совершенно знаю, что Волынь теперь представляетъ страшныя противуположности: въ ней столько проповѣдниковъ свободы, что куда не поглядишь, вездѣ видать рабство, столько патріотовъ, что вовсе никакой нѣтъ любви къ отечеству, столько правителей, чиновниковъ и судей, что нѣтъ никакого правосудія, никакой управы, никакого порядка, столько филантропическихъ пожертвованій, что нищіе ходятъ толпами, столько во всѣхъ мѣстахъ контрабандовъ, что купцы сидятъ въ лавкахъ безъ всякой торговли, наконецъ столько ябедниковъ, что судебныя мѣста всѣ пустые, а селенія наполнены слѣдователями. Вотъ въ какомъ положеніи сенаторъ Сиверсъ оставилъ волынскую провинцію; водворивъ въ ней всякаго рода безпорядки, онъ выманулъ у обольщенной публики славу, что искоренилъ злоупотребленія. Нельзя равнодушно слушать, какъ кричатъ волынскіе обыватели, желая возвращенія 1812 и 1813 годовъ, кои для нихъ гораздо были счастливѣе, нежели нынѣшніе. Что думать о такомъ управленіи губерніею, подъ которымъ радуются общественнымъ несчастіямъ! Проѣзжая недавно черезъ Волынь, я имѣю подробное свѣдѣніе о всѣхъ тамошнихъ происшествіяхъ и заключаю мой разговоръ увѣреніемъ васъ, что престолъ волынской интриги противу Комбурлея утвержденъ только на жертвенникѣ личнаго мщенія, гдѣ льстецы, клеветники и доносчики день и

ночь курили ѳиміамъ передъ сенаторомъ Сиверсомъ, а то для того, чтобъ корыстолюбіе и любостяжаніе могло легче пускать корни свои подъ самымъ жертвенникомъ. Вотъ что значитъ теперь на Волыни превозносимая Сиверсомъ свобода:—угнетать и необходимость терпѣть угнетеніе!

Оссолинскій умолкъ, а мой несравненный благодѣтель и начальникъ, дотолѣ наблюдавшій строгое молчаніе, пресѣкъ оное и сказалъ: „изо всего я заключаю, что зависть, какъ не грызетъ Комбурлеевъ истуканъ, а онъ бронзовый“.

Слушая съ великимъ вниманіемъ сіи разговоры, я такъ твердо напечатлѣлъ ихъ въ моей памяти, что, пришедши домой, внесъ отъ слова до слова въ книжку, въ число важныхъ статей о волынской революціи, и вмѣсто предисловія помѣстилъ ихъ въ началѣ сего третьяго моего письма, разсуждая о мірскихъ дѣлахъ такъ: что возбуждаетъ удивленіе и восторгъ въ однихъ, то для другихъ быть можетъ предметомъ смѣха и презрѣнія.

Обратимся къ волынскимъ происшествіямъ 1815 года. Я уже познакомилъ васъ, милостивая государыня, съ сенаторами Ильинскимъ, Стройновскимъ и Ворцелемъ, также съ генераломъ Гижицкимъ и со многими волынскими дворянами. Вы видѣли, какъ черная змѣя ожесточенной злобы грызла у нѣкоторыхъ изъ нихъ внутренность; вы замѣтили, какъ блѣдная зависть, косыми глазами ихъ день и ночь глядѣла, чтобъ высмотрѣть пятна въ Комбурлеѣ. Посмотрите теперь въ особенности на Гижицкаго, когда послѣдовало дозволеніе быть ему губернскимъ маршаломъ. Не вступая въ должность, онъ бѣжитъ на контракты въ Кіевъ. Уже входитъ въ залу контрактовую, гдѣ изъ разныхъ губерній было многочисленное собраніе дворянъ. Снѣдаемый честолюбіемъ бѣднякъ воображалъ себѣ, что всѣ кинутся обнимать и цѣловать его, но толпа, при его входѣ, не только не раздвигается, но даже и не примѣчаетъ его. Нашъ мученикъ суетныхъ желаній трепещетъ отъ злости и утѣсняемый тяжестію долговъ влечется впередъ. И къ неизреченной радости своей находитъ собранныхъ въ одну кучу волынянъ, друзей своихъ: Гостынскаго, Домбровскаго, Павшу, Букаря, Стецкаго и всѣхъ почти повѣтовыхъ маршаловъ. Ильин-

скій стоялъ среди ихъ въ золотѣ и бриллiантахъ; все на немъ блистало, кромѣ души. Посмотрите, посмотрите, какъ онъ хватаетъ обѣими руками колѣна у богатаго шляхтича Сабинскаго, какъ онъ цалуетъ въ плечо другаго шляхтича—Креза Ярошинскаго и, увидѣвъ издали простой масти, но туза Завишу, какъ онъ кланяется ему въ поясъ. Вы скажете: какая подлость! сенаторъ, графъ, обвѣшанный орденами, осыпанный звѣздами, не обращающій никуда глазъ, кромѣ на небо, пресмыкается у ногъ шляхты. Не удивляйтесь! Они миллiонщики, а ему надобно сорокъ тысячъ червонныхъ. Тутъ Гижицкій съ своими друзьями берутся помогать Ильинскому. Расходятся по залѣ, хлопочутъ, бѣгаютъ по всѣмъ угламъ и очаровательными словами превозносятъ подвиги Ильинскаго, а вмѣстѣ и свое намѣреніе освободить польскія провинціи отъ русскихъ чиновниковъ, напослѣдокъ читаютъ и всякому любопытному раздаютъ копіи записки, составленной Гостынскимъ и отправленной сенатору Стройновскому въ Петербургъ. Въ ней, кромѣ неимовѣрно дерзкаго нареканія на губернское и мѣстное начальство, было помѣщено и то, будто-бы Комбурлей, во время собранія дворянъ на выборы, держалъ ихъ нѣсколько недѣль въ Житомірѣ для того, чтобъ, забавляя спектаклями, могъ выручаемою за то суммою содержать музыку и пѣвчихъ. Все, что читаетъ въ Кіевѣ, читало сію клевету; все, что мыслитъ, судило объ ней; все, что чувствуетъ, приходило отъ нее въ негодованіе. Подольскіе, кіевскіе и другихъ губерній помѣщики громко хохотали и въ одинъ голосъ говорили: „мы знаемъ Комбурлея; онъ не Ильинскій, чтобъ босыхъ музыкантовъ и голыхъ актеровъ обувалъ и одѣвалъ на счетъ шляхты“. Самъ Гостынскій, Залескій и Букаръ смѣялись такой глупости, но смѣхъ ихъ уподоблялся страшному зіянію мильтоновыхъ ангеловъ потеряннаго рая. Итакъ, записка не имѣла дѣйствія и сочинитель ея освистанъ.

Теперь прошу васъ, милостивая государыня, вновь послушать, что говорилъ мнѣ о продолженіи волынской революціи тотъ изъ русскихъ чиновниковъ, съ которымъ я познакомилъ васъ въ первомъ письмѣ моемъ. Онъ началъ такъ: естьли-бы Комбурлей въ 1814 году былъ ангелъ во плоти, а не человѣкъ, то и тогда-

бы нашлись въ губерніи люди, готовые роптать на него и жаловаться. Вообразите обстоятельства того времени. Наполеонъ палъ, Понятовскій погибъ, громъ брани умолкъ, штыкъ русскій вылѣчилъ Варшаву отъ консульсій, Александръ въ стѣнахъ Парижа, армія польская на пиру у Плутона. Какая-жъ волынянамъ оставалась надежда быть республиканцами? Къ тому-жъ представьте, что дворяне сыты и пьяны, жены кокетки и интригантки, дѣти воспитанники французскаго безбожія. Куда-жъ было имъ обращаться съ своими червонцами, съ своимъ безстыдствомъ? Явились на сцену Ильинскій, Стройновскій, Гижицкій, Гостынскій и начался переворотъ, служащій неложнымъ доказательствомъ безхарактерности тѣхъ, кои всегда плавали и плаваютъ по волѣ мнѣній и обстоятельствъ. Предлогомъ конфедераціи избрали природную ненависть къ русскимъ. Напрасно газеты по всей Европѣ возглашали, что съ возстановленіемъ Царства Польскаго два сососѣдственные народы соединятся неразрѣвнымъ узломъ братства. Сарматы думали, думаютъ и всегда думать будутъ, что мы русскіе желаемъ имъ зла. Но они ошибаются. Зла никогда не желаютъ тѣмъ, кого презираютъ, а обыкновенно желаютъ зла тѣмъ, кто имѣетъ право презирать. Другая причина закоренѣлой вражды есть духъ непокорности. Боже сохрани васъ сказать послѣднему лабею шляхтичу, что онъ не принадлежитъ къ свободной націи: онъ радъ перенести сто ударовъ плетью, съ тѣмъ только, чтобъ положили его на коврѣ, а не на голой землѣ, нежели слышать такую обиду. Слово „вольный народъ“ точно такъ берегутъ поляки, какъ нищіе свои раны. Назовите шляхтича—водовоза, кучера, ремесленника, камердинера и подобныхъ сему слугъ собственнымъ именемъ по его званію и не прибавьте прилагаемаго ими слова *панъ*, тотчасъ увидите страшную перемѣну въ его лицѣ. Мнѣ самому случилось однажды пастуха-шляхтича назвать просто по имени—Войцехъ. Онъ обидѣлся и съ жаромъ мнѣ отвѣчалъ: „вы знаете, что у древняго нашего царя Леха первый двора совѣтникъ пасъ свиней; что-жъ за бѣда, что я пасу господскихъ воловъ, а я все таки панъ Войцехъ!“. Когда такъ отзываются пастухи, то что сказать объ экономахъ, рахмистрахъ, коммисарахъ,

арендаторахъ, поссесорахъ, дѣдичахъ и магнатахъ? Естьли засѣдатель, исправникъ, городничій, совѣтникъ и самъ даже губернаторъ, разговаривая съ бывшимъ когда-то маршаломъ, не скажетъ: ясне-вельможный маршалу,—онъ сочтетъ за обиду,—естьли на конвертѣ письма не будетъ прописанъ весь титулъ его, прійметъ это за большую еще обиду, а естьли не будетъ добавлено: пану добродзѣеви, тогда сдѣлается совершеннымъ врагомъ тому, кто къ нему пишетъ. За то и они чрезвычайно деликатны. Губернатора и вице-губернатора всегда величаютъ графами, къ совѣтнику не пишутъ титула на конвертѣ иначе, какъ полковнику войскъ россійскихъ, ассесора не назовутъ, какъ совѣтникомъ, а секретаря ротмистромъ кавалеріи; когда-жъ имѣютъ къ кому дѣло, то титулы у нихъ ростутъ, какъ грибы, и всякаго жалуютъ кавалеромъ. Для чего вы такъ дѣлаете?—многіе изъ русскихъ ихъ спрашивали. У всѣхъ одинъ отвѣтъ: лучше прибавить, нежели убавить,—разумѣется, когда это не стоитъ ни гроша. Грузомъ таковыхъ и симъ подобныхъ мечтательныхъ обидъ наполнивъ сердца свои, волыняне, когда въ другихъ царствахъ кровавая брань утихала, объявили войну губернскому и полицейскому начальству, а чтобъ имѣть на своей сторонѣ выгоду, открыли спектакль и начали играть комедію, подъ названіемъ „Ябеда". Роли розданы, выучены, но не всѣми артистами вытвержены. Въ три года едва могли сыграть четыре дѣйствія, пятое отъигриваютъ въ столицѣ. Вамъ уже извѣстно, какъ въ первомъ дѣйствіи не акредитованные послы не бывалаго народа приносили верховному правительству несбыточныя жалобы и какъ проповѣдники отъ стороны ихъ расказывали въ столицѣ о бѣдствіяхъ претерпѣваемыхъ волынянами отъ русскихъ чиновниковъ. Знаете вы уже и о первыхъ явленіяхъ втораго дѣйствія и о всемъ, что происходило до того времени, какъ получено на Волыни извѣстіе, что назначенъ особенный ревизоръ. Теперь услышите о дальнѣйшихъ сценахъ.

Протекли контракты кіевскіе 1815 года и всепоѣдающее время стерло злымъ зубомъ своимъ новый умыселъ волынскихъ мятежниковъ: не удалось ни Ильинскому, ни Гижицкому выманить ни у кого ни гроша. Но интрига горитъ и безъ денегъ, въ

опасности потухнуть; чтожъ дѣлаютъ? Возвращается Гижицкій въ Житоміръ, вступаетъ въ должность, угощаетъ великолѣпными обѣдами Комбурлея и всѣхъ русскихъ чиновниковъ, между тѣмъ забываетъ священную свою обязанность и, поправъ законъ, употребляетъ во зло довѣренность къ нему дворянства. Договаривается съ повѣтовыми маршалами и даетъ имъ секретнѣйшія отношенія согласить помѣщиковъ, чтобъ по десяти копѣекъ, разумѣется серебромъ, съ души пожертвовали они на дѣло общественное, то есть на интригу противъ Камбурлея и на изгнаніе русскихъ чиновниковъ. Не явный-ли поджогъ къ возстанію дворянъ противу правительства, не сущій ли мятежъ? А чтобъ ослѣпить близорукія глаза наружною дѣятельностію, то на счетъ оной беззаконной складки приглашаются въ маршальскую канцелярію двадцать человѣкъ писцовъ,—ни одного русскаго, всѣ изъ шляхты,—заводится необычайная переписка съ повѣтовыми маршалами, градскими и земскими полиціями, а въ губернское правленіе и въ казенную палату посылаются безпрестанныя требованія. Напримѣръ: для чего учреждены такіе-то поборы? Сколько дворянскихъ имѣній въ опекѣ? Сколько недоимки сложено? Какіе и отъ кого изъ дворянъ поступили жалобы и что по онымъ сдѣлано? Для чего обывателямъ не заплачено по квитанціямъ за провіантъ денегъ? Сколько у кого взято, и прочее, и прочее. Самъ Гижицкій всякой день у генералъ-губернатора: то увѣряетъ его въ своей къ нему преданности, то требуетъ съ наглостію отрѣшить исправниковъ Фаеріуса, Царенка и Калашникова, болѣе прочихъ отличившихся, совѣтниковъ осыпаетъ поцѣлуями и, встрѣчаясь съ вице-губернаторомъ или прокуроромъ, хватаетъ ихъ за руки и не отпускаетъ, пока не дадутъ слова у него обѣдать. Между тѣмъ тощій Ильинскій сидитъ, запершись въ романовскомъ замкѣ, и мучится страхомъ, что начальство за платежъ банковаго долга, за неисправность суконной фабрики сегодня, завтра осеквеструетъ его имѣніе и мишурнаго царя сгонитъ съ его карточнаго престола. Вдругъ промчался слухъ, что ревизоромъ на Волынь назначенъ сенаторъ Сиверсъ. Поляки ахнули, русскіе чиновники вздохнули. Зло всегда сопровождается предчувствіями. Отъ Стройновскаго, отъ Ворцеля эстафетъ за эста-

фетомъ изъ Петербурга, отъ Гижицкаго нарочный за нарочнымъ къ маршаламъ, отъ Ильинскаго козакъ за козакомъ къ Букарю, Гостынскому и къ другимъ ревностнымъ служителямъ крамолы волынской. Разъѣзжаютъ маршалы по повѣтамъ, приглашаютъ къ себѣ своихъ приближенныхъ, навѣдываются о общественномъ мнѣніи и, видя, что первыя безпокойства утихли, а не угасли, собираютъ къ себѣ отовсюду людей, отправляющихъ честное ремесло наемныхъ ораторовъ, кои не дорого брали за то, что и перо и языкъ продавали неправосудію, клеветѣ и всякому, кто хотѣлъ платить за употребленіе во зло дарованій. Сіи разсыпаются по домамъ извѣстныхъ помѣщиковъ, изрыгаютъ хулу на Комбурлея, украшаютъ ложь вымыслами и увѣряютъ, что Ильинскаго, Стройновскаго, Ворцеля, Гижицкаго и прочихъ ревностнѣйшихъ поборниковъ о благѣ Волыни Комбурлей передъ верховнымъ правительствомъ описалъ самыми черными красками, а дворянъ выставилъ за бунтовщиковъ. Разсказываютъ о готовности русскихъ чиновниковъ ко всякому роду мщенія и клянутся, что естьли не поспѣшатъ низложить Комбурлея, то вся губернія потерпитъ наказаніе, запретятъ на десять лѣтъ выборы, опредѣлятъ дожизненныхъ предсѣдателей и судей и отъ герольдіи, пришлются чиновники во всѣ мѣста земской полиціи. Но буде раздерутъ завѣсу безпечности, скрывающую несчастныя послѣдствія отъ глазъ ихъ, и станутъ Ильинскому, Гижицкому, Стройновскому и Ворцелю общими силами споспѣшествовать къ достиженію предположенной ими спасительной цѣли, то истребится тиранство, падетъ Комбурлей, исчезнутъ русскіе чиновники и вся полиція достанется въ наши руки. Тогда, говорили, вольный народъ, носившій двадцать три года оковы рабства, начнетъ дышать свободно. Не опасайтесь прежней силы магнатовъ нашихъ и не страшитесь, что, разорвавъ узы, погибнемъ отъ безвластія. Вамъ небезъизвѣстно, что хотя вольность когда начнетъ ходить одна, всегда падаетъ, но за то каждое паденіе научаетъ ее и каждый шагъ укрѣпляетъ ее. Пожертвуйте теперь малымъ, чтобъ стяжать великое. Комбурлей не тотъ, что былъ прежде. Дни его счастія и славы тогда еще прошли, какъ жалобы Ильинскаго и Гижицкаго милостиво

приняты. Мы и для него все дѣлали, пока требовала того наша польза. Теперь нѣтъ въ немъ надобности. Пусть всѣ и вездѣ называютъ его честнымъ и правосуднымъ, уже помочь ему не могутъ. Самая добродѣтель, часто превозносимая похвалами, увядаетъ, какъ цвѣтъ, часто палимый солнечными лучами. Выбирайте одно изъ двухъ: или, оставшись другомъ Комбурлею, быть посмѣшищемъ въ обществѣ, или, сдѣлавшись врагомъ его, участвовать въ славѣ патріотизма. Не забывайте, что восходящее солнце болѣе имѣетъ поклонниковъ, нежели заходящее.

Таковымъ и тому подобнымъ наемнымъ стремленіемъ мятежныхъ слововыраженій не только умы развращенные въ своихъ понятіяхъ и сердца развращенныя въ своихъ чувствованіяхъ, но даже самыя твердыя души скромныхъ и спокойныхъ помѣщиковъ приводимы были въ судорожное движеніе. Такъ! вода, наполняющая сосудъ, вдругъ не выливается, а надобна лишняя капля. Надобно, чтобъ пріѣхалъ въ губернію сенаторъ Сиверсъ, который у волынянъ былъ въ одно время и наружнымъ идоломъ, и слѣпымъ орудіемъ, и свирѣпою игрушкою. И вотъ онъ уже не далеко, за сто двадцать пять верстъ отъ Житоміра, въ Овручѣ. Но что есть Овручь? Этотъ городъ и цѣлой повѣтъ овруцкій есть логовище дикой шляхты, вмѣстилище ябедниковъ и вертепъ разбойниковъ. Сюда пріѣзжаютъ не только изъ повѣтовъ волынской, но изъ минской, подольской и кіевской губерній покупать свидѣтелей. Десять, двадцать, тридцать достанете во всякое время. Они подъ присягою будутъ говорить, что видѣли собственными глазами, какъ вы зарѣзали такого-то и такого-то человѣка, какъ вы ограбили такую и такую-то церковь, какъ вы разбили лавку и какіе именно взяли въ ней товары. Берутъ за криво-присяжство недорого—по два рубля серебромъ на человѣка и кормъ хозяйскій. Симъ ремесломъ такъ прославился повѣтъ овруцкій, что естьли случится тамошнего Феникса, добросовѣстнаго дворянина (что очень, очень рѣдко бываетъ) спросить, изъ котораго вы повѣта, онъ тотчасъ покраснѣетъ и запинаясь отвѣтствуетъ: вездѣ есть добрые люди—я.... изъ.. овруцкаго. Сей повѣтъ волынской губерніи былъ первый по пути, куда пріѣхалъ сенаторъ Сиверсъ.

Знатнѣйшее дворянство, коего родоначальники всѣ почти извѣстны смоленской секретной слѣдственной коммисіи, собрались въ домѣ городничаго. Маршалъ Павша, лишившійся почти всего имѣнія за измѣну родныхъ братьевъ и собственное свое клятвопреступленіе, первый встрѣтилъ сенатора рѣчью, наполненною лестью и похвалою еще никому неизвѣстному правосудію ревизора и хулою произнесенною на Комбурлея и чиновниковъ. Сей самый маршалъ Павша чрезъ нѣсколько дней потомъ, услышавши о побѣгѣ Наполеона изъ острова Эльбы въ Парижъ, дѣлалъ нарочно для сего праздникъ и на ономъ, отзываясь передъ всею публикою презрительнымъ образомъ о властяхъ предержащихъ, пилъ здоровье французскаго императора, покровителя поляковъ. Исправникъ, по учиненіи слѣдствія, донесъ начальнику губерніи, сей комитету министровъ, и его, раба Божія, велѣно за карауломъ отправить въ столицу. Онъ, узнавши о семъ, бѣжалъ и скрывался неизвѣстно гдѣ до того времени, пока сенаторъ Сиверсъ не пріѣхалъ въ Бердичевъ. Услышавъ-же, что всѣ враги Комбурлея Сиверсомъ покровительствуются, прибѣгнулъ подъ его защиту и жилъ при глазахъ его болѣе мѣсяца; но когда приключилось сенатору бездѣйствіе, онъ паки ушелъ за границу, но, по выѣздѣ Комбурлея, возвратился и могуществомъ Сиверса избавленъ отъ дальнѣйшихъ законныхъ преслѣдованій. Гижицкій секретно командировалъ въ Овручь житомірскаго хорунжаго Гржибинскаго, какъ для встрѣчи сенатора, такъ болѣе и для того, чтобъ убѣдить его, дабы по пріѣздѣ въ Житоміръ пренебрегъ квартирою, отведенною ему начальствомъ, но остановился-бы въ дворянскомъ домѣ, гдѣ и самъ губернскій маршалъ жительствуетъ. На какой-бы, вы думали, это конецъ? Дабы удобнѣе было паушничать, а въ шляхту вселить мнѣніе, будто Гижицкій такъ силенъ, что самъ сенаторъ-ревизоръ изъ уваженія къ нему не могъ отказать его просьбѣ; сія бездѣлица прибавила дерзости всѣмъ его послѣдователямъ. Между тѣмъ сенаторъ, окруженный овруцкою сволочью, равнодушно обонялъ куренія польской лести и подъ видомъ, что уклоняется великолѣпныхъ пріемовъ, остановился въ жидовской корчмѣ. Онъ хотѣлъ показать свою дѣятельность на первомъ шагу: вечеръ провелъ въ бесѣдѣ съ овру-

чанами, а ночь употребилъ на разныя развѣдыванія о полицмейстерѣ, исправникѣ и о русскихъ другихъ чиновникахъ; призывалъ къ себѣ по одиночкѣ жидовъ—то Лейзера, то Зелика, то Боруха—и секретно спрашивалъ каждаго, каковъ Комбурлей и Хрущовъ, какъ они живутъ, кто у нихъ изъ евреевъ фактора,—хороши-ль губернскіе чиновники, берутъ-ли взятки и прочее. Не довольствуясь ихъ отвѣтами, сенаторъ самъ изволилъ принимать трудъ инкогнито въ ночи посѣщать жидовскія лачужки, гдѣ каждому хозяину безъ разбора дѣлалъ тѣже вопросы, какихъ удостоивалъ почтеннѣйшихъ изъ дворянъ. Пріобрѣвъ въ Овручѣ столь дорогой запасъ свѣдѣній, отправился г. сенаторъ въ Житоміръ, сопровождаемый крикомъ шляхты: „Виватъ, нашъ избавитель и отецъ?"...

На другой день по выѣздѣ его грянули вѣсти, что всѣ русскіе чиновники, губернскіе и повѣтовые, немедленно будутъ лишены мѣстъ своихъ и преданы суду. Сыскались, однако, добросердечные овручане, которые по дружбѣ совѣтовали пріятелямъ своимъ изъ чиновниковъ, не дожидаясь отрѣшенія, просить отставки, угрожая въ противномъ случаѣ неизбѣжнымъ несчастіемъ, ибо де сенаторъ ревизоръ торжественно объявилъ имъ, что не оставитъ изъ русскихъ камня на камени. 6-го апрѣля, вечеромъ поздно, прибылъ г. сенаторъ Сиверсъ въ Житоміръ и заѣхалъ прямо къ Гижицкому. Изъ старой четверомѣстной, ничѣмъ не обремененной кареты, кромѣ его, вышли три чиновника и четвертая молодая чухонка, извѣстная подъ именемъ Анхенъ. Гижицкій отъ восхищенія въ безпамятствѣ. Не буду вамъ говорить о встрѣчѣ, о пріемѣ, о собраніи всего того, что носитъ мундиръ—это картина обыкновенная; но нѣкоторые въ ней оттѣнки должны обратить на себя глаза. Чиновниковъ губернскихъ всѣхъ не болѣе пятнадцати, а шляхты, подъ именемъ дворянъ, было не меньше ста. По наряду нагнали въ домъ юристовъ, палестрантовъ, подсудковъ, и вся сія смѣсь, въ разницу ничего не значущая, представлена въ совокупности за обывателей волынскихъ. Было въ числѣ ихъ много и такихъ, которые отъ роду не носили шпагъ, а потому и прицѣпили ихъ къ правому боку. Вице-губернаторъ Хрущовъ поднесъ рапортъ, объяснилъ сенатору, что и самъ

начальникъ губерніи не замедлитъ сюда пріѣхать съ поздравленіемъ о благополучномъ его прибытіи. Сиверсъ крайне засуетился: то спрашиваетъ о его здоровьѣ, то приказываетъ полицеймейстеру бѣжать и доложить генералъ-губернатору, что онъ самъ тотчасъ къ нему ѣдетъ, то подзываетъ того и другаго изъ своихъ чиновниковъ и велитъ ѣхать и сказать Михайлѣ Иванычу поклоны отъ министра Трощинскаго, отъ Василія Степановича Попова и другихъ знатныхъ особъ; самъ между тѣмъ вперивши глаза свои въ русскихъ чиновниковъ, стоялъ неподвиженъ, а Гижицкій съ язвительною на устахъ улыбкою, бѣгая изъ комнаты въ комнату и встрѣчаясь съ своими приближенными, того толкнетъ въ бокъ, другаго ущипнетъ за руку, иному покажетъ языкъ, не зная самъ, что дѣлать отъ избытка сердечнаго восторга. Наконецъ является Комбурлей и невольно обращаются глаза цѣлой публики въ ту сторону, гдѣ старшій и по чину и по первенству пожалованія сенаторскимъ достоинствомъ сенаторъ, начальникъ губерніи, встрѣчается съ сенаторомъ-ревизоромъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, начинаетъ Сиверсъ хвалить порядокъ, усмотрѣнный имъ въ губерніи. Какая прекрасная дорога, въ какой безподобной исправности всѣ мосты, черезъ кои онъ переѣзжалъ! А почтъ не видалъ онъ лучше по всему пути отъ Петербурга. Комбурлей, чтобъ не дать распространяться похваламъ, отвѣтствовалъ съ сердечнымъ движеніемъ: „Это первые признаки тѣхъ безпорядковъ въ губерніи, на кои нѣкоторые изъ дворянъ жалуются". Обратили рѣчь въ другую сторону. Долго говорили о Петербургѣ, о знакомыхъ, о приключеніяхъ въ дорогѣ, а о настоящемъ дѣлѣ ни слова. Затѣмъ доложили сенатору, что для него очищенъ особый домъ, а въ томъ, куда его завезли, живетъ губернскій маршалъ и бываютъ собранія дворянства, слѣдовательно, быть можетъ для него квартирою безпокойною.

— Да, да,—отвѣчалъ Сиверсъ, я посмотрю.

Но трудъ былъ напрасенъ.

Скоро уѣхалъ Комбурлей, разошлись и всѣ посѣтители, оставивъ пріѣзжаго гостя съ Гижицкимъ, который во все это вечернее время не узнавалъ ни одного изъ губернскихъ чиновниковъ.

На другой день слухъ прошелъ по городу, что ночью собирали въ домѣ къ Гижицкому жидовъ, съ которыми сенаторъ разговаривалъ милостиво, спрашивалъ, не имѣютъ-ли обиды отъ губернскаго или мѣстнаго начальства, не пользуется ли чѣмъ нибудь отъ нихъ Комбурлей, Хрущовъ или другіе, и буде кто изъ общества ихъ имѣетъ къ кому либо изъ чиновниковъ какую либо претензію, смѣло и безбоязненно подавали-бы къ его превосходительству просьбы, не смотря на лица и не уважая никакой власти.

7-го числа сенаторъ заплатилъ визитъ за визитъ Комбурлею и у него обѣдалъ. Это дѣло обыкновенное; но необыкновенное то, что всякій его выходъ изъ дому и приходъ въ домъ имѣли на себѣ какой то очень древній отпечатокъ странности. Коль скоро бывало онъ, съ окружающею его шляхтою, выходитъ на улицу, тотчасъ снимаетъ съ себя шляпу и всѣ дѣлаютъ тоже. Потомъ не идетъ просто къ Комбурлею, но ведетъ процессію по цѣлому городу и по всѣмъ улицамъ, пока толпа народа, а особливо малыхъ жидіонковъ до того всегда увеличится, что полицейскіе служители принуждены идти впередъ и очищать дорогу. Такимъ же точно порядкомъ, въ сопровожденіи Комбурлея, всегда возвращался и домой. Я не знаю, чему народъ болѣе удивлялся: странному ли покрою военнаго его мундира съ шифомъ и эполетами, или честолюбію, которое водило за собою длинные ряды дворянъ и чиновниковъ въ мундирахъ съ непокрытыми головами.

Простите меня, продолжалъ мой собесѣдникъ, что я до сихъ поръ не увѣдомилъ васъ, кого изъ чиновниковъ привезъ на Волынь г. сенаторъ Сиверсъ съ собою. Первый изъ числа ихъ Вейдемееръ, честнаго и заслуженнаго отца благовоспитанный сынъ, статскій совѣтникъ, милый и ласковый, въ обращеніи ко всѣмъ привѣтливый, въ поступкахъ образецъ для молодыхъ людей, уменъ и добръ; но казалось, что сенаторъ менѣе всѣхъ показывалъ къ достоинствамъ его уваженія и менѣе всѣхъ имѣлъ къ нему довѣрія. Вторый—Фіялковскій, тонкій секретарь сената уголовнаго департамента; доброжелательный спазматикъ, чувствительный бѣлорусецъ, любитель золотыхъ и серебрянныхъ меда-

лей и дорогихъ антиковъ; говоритъ мало, а болѣе смотритъ въ глаза, пишетъ перомъ обоюду острымъ, умѣетъ принаравливаться ко всякимъ обстоятельствамъ, словоохотливъ съ сенаторомъ и за то до сихъ поръ при немъ держится. Третій—Михельсонъ, чиновникъ внутренняго министерства, любимый воспитанникъ супруги Сиверса, по стремительности характера часто вѣтренъ, въ слововыраженіяхъ скоръ; при исполненіи воли сенаторской слишкомъ горячъ, но къ нещастіямъ другихъ равнодушенъ, а къ оказанію помощи очень холоденъ; впрочемъ ко всему страстный охотникъ и по симъ то способностямъ Сиверсъ уважалъ его паче первыхъ двухъ. Четвертый—Кіяновъ, отставной подьячій; но что онъ, это загадка. Способностей никакихъ, а дерзости выше мѣры. Безъ воспоминанія, безъ характера, онъ у сенатора иногда ничего, а часто значилъ все. Самое пріятнѣйшее его упражненіе дѣлить по братски время съ бахусомъ, но успѣваетъ и шептать на ухо. Менѣе всѣхъ къ дѣламъ способенъ, но болѣе всѣхъ у сенатора въ довѣренности. Ни одинъ случай, доставляющій легкую возможность скоро разбогатѣть, не ушелъ его рукъ. Надобно конфисковать контрабанды, посылается Кіяновъ; надобно-ли оставить провозимые товары, употребляется къ тому Кіяновъ; надобно обревизовать въ губерніи лавки, даютъ Кіянову открытый листъ: онъ ѣздитъ по дорогамъ и безбоязненно грабитъ купцовъ. Два смертоубійства, въ такомъ разѣ имъ учиненные, одно въ мѣстечкѣ Купелѣ, а другое подъ Бердичевомъ, не только прошли безъ наказанія, но еще не угодно было г. сенатору велѣть учинить объ нихъ розысканія, а вмѣсто того доставили ему чинъ коллежскаго ассесора, владиміровій крестъ и послали въ Бердичевъ исправлять должность полицмейстера; хотя-жъ бѣдной сей городъ отъ него стонетъ и вопіетъ на небо, но губернское начальство не смѣетъ коснуться волоса его, потому что Кіяновъ ведетъ безпрестанную переписку съ Сиверсомъ. Я бы вамъ сказалъ истину, отъ чего сей баловень пользуется въ такой высокой степени необычайною къ нему привязанностію сенатора, да это большая тайна, а къ тому-жъ сама скромность удерживаетъ мой языкъ въ предѣлахъ молчанія. И въ старыхъ головахъ бываютъ молодыя

души. Но открою вамъ другую причину достовѣрнѣйшую: Кіяновъ женатъ на крѣпостной дѣвкѣ Сикерса, который, въ воздаяніе вѣрной ея службы, никогда и ни въ чемъ не отказываетъ ея мужу.

8-го и 9-го чиселъ того-жъ апрѣля, при неотступномъ Гижицкаго сопровожденіи, сенаторъ, по долгу ревизора, осматривалъ губернскія присутственныя мѣста; ему было угодно ревизовать не только регистры всякого рода, журналы, опредѣленія и что вообще называется канцелярскій порядокъ, но и входить въ подробнѣйшее разсмотрѣніе самаго производства дѣлъ, особливо въ губернскомъ правленіи и въ казенной палатѣ, на которую одинъ непотребный ея членъ, о которомъ послѣ раскажу вамъ обстоятельнѣе, посылалъ черезъ сенатора Ильинскаго доносъ къ министру финансовъ; ревизоръ, нашедши въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ успѣшное и точное выполненіе по указамъ и предписаніямъ правительства, теченіе жъ дѣлъ во всѣхъ частяхъ совершенно соотвѣтствующимъ съ установленными на то правилами и малое количество не разрѣшенныхъ бумагъ, удивлялся до чрезвычайности тому, что всякій порознь совѣтникъ или членъ судебнаго мѣста, зная совершенно свою часть, подробно и скоро и съ невѣроятною удобностію на всѣ вопросы сенатора удовлетворительно отвѣтствовали. Отдавая полную справедливость трудамъ, усердію и ревности къ службѣ, всѣмъ вообще и каждому порознь, изъявлялъ отмѣнное удовольствіе свое чиновникамъ—съ начала въ мѣстахъ судебныхъ, а потомъ публично, въ присутствіи Гижицкаго и всего собравшагося къ нему дворянства, повторяя нѣсколько разъ, что ни въ одной губерніи, гдѣ ему случилось быть, не видалъ онъ такой исправности, порядка и успѣха въ дѣлахъ, какъ въ вельинской, и обратясь по званію ревизора къ Комбурлею, отъ имени правительства приносилъ ему, яко главному начальнику, особенную благодарность за то, что попеченіемъ своимъ о благѣ общемъ, довелъ до столь видимаго совершенства всѣ части ввѣреннаго ему управленія. Остолбенѣли враги Комбурлея, а Гижицкій, показывая видъ, будто никто не читаетъ, что происходитъ въ его сердцѣ, скрежеталъ зубами и смотрѣлъ вокругъ себя со взорами, исполненными ярости.

Тутъ я прервалъ рѣчь новаго моего почтеннаго знакомца и просилъ удовлетворить мое любопытство, разсказавъ, въ чемъ именно заключалась та отличная во всѣхъ частяхъ управленія губерніи исправность, которой ни враждующіе Комбурлею дворяне, ни въ послѣдствіи времени ожесточеный противу него Сиверсъ, сколько ни старались, не могли однако-жъ и самымъ злѣйшимъ ядомъ клеветы и ужасныхъ доносовъ отравить.

Охотно, естьли имѣете терпѣніе слушать,—былъ его отвѣтъ, и онъ продолжалъ такъ:

Начнемъ отъ управленія губерніи вообще. Всѣ имянныя высочайшія повелѣнія и сенатскіе указы приведены въ исполненіе, всѣ присутственныя мѣста наполнены опредѣленнымъ числомъ членовъ и безъ недостатка снабдѣны канцелярскими служителями,—вездѣ не рѣшенныхъ дѣлъ очень мало и причины, для чего они остались безъ окончанія, крайне уважительны. Судьба колодниковъ, относительно времени содержанія подъ стражею и прочихъ обстоятельствъ достойныхъ уваженія, облегчена соразмѣрно преступленіямъ каждаго. Тюрьмы устроены вездѣ такъ, что невредно для глазъ милосердія и снисхожденія войти въ оныя. Порядокъ въ содержаніи арестантовъ и въ прокормленіи ихъ основанъ на состраданіи къ человѣчеству. Сборы съ народа, взыскиваемые согласно узаконеніямъ, вступаютъ въ казну въ опредѣленные сроки и разсылаются въ свое время, въ тѣ мѣста, куда по ассигнаціямъ назначены. Въ казначействахъ губернскомъ и повѣтовыхъ свидѣтельствуется надлежащими чиновниками денежная наличная сумма со всею предписанною аккуратностію. Недоимки по губерніи къ пріѣзду сенатора осталась столь малая часть, что самые враги губернскаго начальства не могли не отдать справедливости ему за употребленные къ тому мѣры. Арендныя и старостинскія имѣнія находились въ положеніи имъ свойственномъ и доходъ съ нихъ въ казну поступалъ бездоимочно.—Теперь кинемъ взоръ на обстоятельства по управленію губерніи въ частяхъ.—Приказъ общественнаго призрѣнія найденъ въ совершенномъ порядкѣ: капиталы его въ цѣлости, а обращеніе ихъ, бывъ основано на правилахъ правительствомъ установленныхъ, ощутительную прино-

сятъ пользу. Заведенія, отъ приказа зависящія, находились въ найлучшемъ состояніи и тогдашнее ихъ положеніе весьма достаточно было къ прочному оныхъ содержанію. Хотя же въ волынской губерніи, яко на особенныхъ правахъ состоящей, дворянскихъ опекъ и сиротскихъ судовъ не учреждено, по повелѣнію губернскаго начальства дѣлалось и дѣлается всевозможное призрѣніе вдовамъ и сиротамъ, какъ благородно рожденнымъ, такъ и другихъ состояній. Объ учебныхъ заведеніяхъ по губерніи, какъ публичныхъ, такъ и партикулярныхъ, доставлены г. сенатору подробныя вѣдомости и не можно судить иначе, какъ что волынская губернія далеко превосходитъ другія успѣхами и учрежденіями по сему предмету. По части народнаго продовольствія г. сенаторъ получилъ за три года вѣдомости о посѣвѣ и урожаѣ хлѣба, къ тому же доставлены къ нему подробныя свѣдѣнія о сельскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, съ показаніемъ мѣстъ, количества хлѣба и числа душъ, наполняющихъ оные. Свѣденія о раздачѣ крестьянамъ хлѣба, о пополненіи онаго, о сохраненіи и о томъ, какъ свидѣтельствуется, съ изъясненіемъ, достаточно ли онаго на годовое продовольствіе жителей и какіе бываютъ отъ того избытки,—доказываютъ стараніе губернскаго и мѣстнаго начальства предупреждать малѣйшія нужды въ продовольствіи. О соли, изъ доставленныхъ увѣдомленій, видѣлъ г. сенаторъ, отколь она привозится, по какой цѣнѣ продается и достаточно ли ее къ удовлетворенію народной надобности. По части медицинской не только всѣ повѣты снабжены казенными лѣкарями, но кромѣ ихъ два и три раза больше находится тамъ вольнопрактикующихъ. Аптекъ же, запасенныхъ нужными медикаментами, въ одной волынской губерніи столько, что въ десяти другихъ едва подобное число сыскать можетъ. Повивальныхъ бабокъ достаточно, и никто вообще изъ жителей нисколько не нуждается въ пособіяхъ отъ врачебной управы зависящихъ. По операціи-же прививанія коровьей оспы неимовѣрные успѣхи, потому что благовременными отъ начальства мѣрами пріобрѣтено къ принятію оной расположеніе жителей. По части лѣсной—казенные лѣса въ губерніи растущіе раздѣлены на лѣсосѣки, а какой доходъ по-

лучаетъ съ нихъ казна, изъяснено въ особенной о дѣлахъ по сей части вѣдомости, притомъ со списками чиновникамъ и служителямъ оной. По части мануфактуръ, внутренней торговли и публичныхъ зданій—благоразумнымъ учрежденіемъ отъ приказа общественнаго призрѣнія суконной фабрики Комбурлей доставилъ сему заведенію возможность получать въ годъ чистаго доходу болѣе семи тысячь рублей. О партикулярныхъ-же фабрикахъ и заводахъ, къ приращенію коихъ и избавленію отъ всякихъ притѣсненій начальство губернское всегда оказывало свою помощь, нашелъ г. сенаторъ въ дѣлахъ подробное свѣдѣніе: вручонъ ему списокъ всѣхъ купцовъ по губерніи, записанныхъ въ гильдіи, и иногороднимъ гостямъ, производящимъ торговлю, дана также вѣдомость, въ какихъ городахъ и въ которое время гдѣ бываютъ ярмонки и какія предпринимаются мѣры къ предохраненію торговли отъ стѣсненія. Не оставило начальство безъ увѣдомленія его о количествѣ самыхъ товаровъ, привезенныхъ и продаваемыхъ на тѣхъ ярмонкахъ, а о публичныхъ зданіяхъ, въ какомъ положеніи находятся и сколько на починку ихъ назначается и отколь суммы, представленъ обстоятельный реестръ. По части земскихъ повинностей—естьли бы я говорилъ рѣчь въ защищеніе губернскаго начальства, то съ пламенными взорами устремивъ глаза свои на портретъ Комбурлея, воззвалъ-бы къ нему патетическимъ голосомъ такъ: О, ты, несравненный мужъ, спасшій отъ враговъ волынскую провинцію безъ войска, войска продовольствовавшій безъ денегъ, деньги свои собственныя употреблявшій на закупку въ казну провіанта! Когда внѣшніе супостаты наши оторвали три повѣта отъ губерніи, а внутренніе простирали уже хищныя руки свои къ разграбленію въ Кіевѣ храмовъ Божіихъ и заносили ногу свою къ попранію святыни,—Ты, день и ночь дѣйствовавшій въ преподаніи способовъ къ ускоренію хода побѣдоносныхъ корпусовъ Тормасова и Чичагова, не жалѣвшій здоровья и самой жизни для блага своего отечества и не искавшій другой славы, кромѣ быть вѣрнымъ исполнителемъ священной воли обожаемаго тобою всемилостивѣйшаго Монарха, думалъ ли ты въ то время, какъ высылалъ многія тысячи подводъ для поднятія полковыхъ

тяжестей, сухарей, муки и фуража, какъ выпрашивалъ для арміи пожертвованія, состоявшія въ волахъ, въ водкѣ и въ другихъ потребностяхъ, какъ доставлялъ всевозможное облегченіе дворянамъ, при поставкѣ, вмѣсто рекрутъ, кирасирскихъ, драгунскихъ, гусарскихъ и особо артиллерійскихъ лошадей, какъ дѣлалъ отеческое, можно сказать, снисхожденіе всѣмъ прибѣгавшимъ къ тебѣ съ просьбами во время многочисленныхъ рекрутскихъ наборовъ и при дачѣ козаковъ, и напослѣдокъ какъ, по нахожденію губерніи въ военномъ положеніи, старался умѣрить всѣ вообще важныя земскія повинности, дабы ни одно состояніе не терпѣло крайней тягости, —Ты воображалъ ли тогда, что, по счастливомъ окончаніи кровопролитныхъ браней, вмѣсто частыхъ наградъ, за ревность свою къ высочайшей службѣ, будешь пить давно уже кеветою для тебя приготовленную, горькую чашу бѣдствій и могъ ли представить въ умѣ своемъ, дабы злоба и зависть дошли даже до такой степени подлости, что тебѣ, получающему триста тысячъ рублей годоваго доходу, припишутъ желаніе корыствованія отъ дворянъ продажею имъ двухъ или трехъ лошадей изъ своей конюшни и за держаніе ихъ во время выборовъ для того, чтобы выручаемою отъ спектаклей суммою платить жалованье пѣвчимъ своимъ и музыкантамъ?

По семъ мой дорогой собесѣдникъ, отерши слезы, говорилъ: виноватъ, забылъ, что я не ораторъ; станемъ продолжать начатое. При доставленіи о всѣхъ земскихъ повинностяхъ полнаго свѣдѣнія г. сенатору, докладывано и то, что о злоупотребленіяхъ, вымогательствахъ или притѣсненіяхъ по сему предмету никогда никакой и ни отъ кого не было приносимо начальству жалобы. По части городскихъ доходовъ, расходовъ и повинностей представлены г. сенатору свѣдѣнія, сколько въ 1812, 1813 и 1814 годахъ поступило порознь по каждому городу ежегодно сборовъ, сколько изъ того, на что и по чьему распоряженію употреблено изъ оныхъ въ расходъ. Къ тому же присовокуплено и другое: какимъ образомъ въ семъ расходѣ и кому отдаются отчеты, сколько остатковъ и гдѣ оные хранятся. По части полицейской—во всѣхъ городахъ полицейскіе чиновники и служители въ надлежащемъ

были комплектѣ, а пожарные инструменты, со всѣми принадлежностями къ онымъ, въ такомъ числѣ и исправности, что во всякое время достаточны къ утушенію пожаровъ. По симъ распоряженіямъ г. сенаторъ могъ быть увѣренъ, что губернское начальство неусыпное имѣетъ бдѣніе о безопасности городовъ, равно какъ и объ освѣщеніи оныхъ, ассигнуя на сіе особенную сумму; въ разсужденіи-же повѣтовой земской полиціи, то назначеніе по деревнямъ войтовъ было для земскихъ исправниковъ и засѣдателей по должности ихъ такимъ пособіемъ, котораго ничѣмъ другимъ замѣнить не можно; впротчемъ дороги раздѣлены на участки, мосты и перевозы во всякой исправности и о всемъ томъ г. сенаторъ получилъ подробнѣйшее свѣдѣніе. По части почтовой—въ губерніи станціи расположены по трактамъ самымъ выгоднѣйшимъ образомъ, а число на каждой изъ нихъ лошадей положено содержать сообразно мѣстоположенію и пространству разстоянія. Почтъсодержатели обязаны контрактами, за исполненіемъ коихъ, кромѣ исправниковъ и почтовыхъ чиновниковъ, поручено имѣть наблюденіе и производить ежемѣсячно освидѣтельствованіе лошадей повѣтовымъ маршаламъ, сверхъ законтрактованныхъ на станціяхъ лошадей, содержались и отъ земли, для разъѣздовъ фельдъ-егерей и курьеровъ; во что же въ каждомъ году содержаніе сихъ и почтовыхъ лошадей обходилось, какая плата, кому именно и за сколько лошадей производилась и въ какой исправности состояли почтовые дома, о томъ представлено сенатору полное и подробное свѣдѣніе.

Вотъ въ какомъ положеніи нашелъ губернію сенаторъ Сиверсъ, который, разсмотрѣвъ доставленныя къ нему свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ при исполненіи повинностей, самъ видѣлъ, что главнѣйшія жалобы дворянъ состояли въ томъ, якобы при проходѣ войскъ, въ теченіи прошедшихъ трехъ лѣтъ, претерпѣвали они притѣсненія и угнетенія, о чемъ однако-жъ никто не жаловался ни управлявшему губерніею, ни губернскому правленію. Еще-же г. сенаторъ Сиверсъ читалъ и разматривалъ тысячу двѣсти сорокъ семь отзывовъ дворянскихъ, данныхъ ими въ то время, какъ по дошедшимъ до государя императора жалобамъ велѣно каждому объявить о претензіяхъ своихъ. Въ чемъ-бы, вы думали, заклю-

чались сіи отзывы?—Девять сотъ двадцать одинъ человѣкъ, владѣющихъ имѣніями дворянъ, сказали, что не имѣютъ никакихъ претензій, а напротиву того свидѣтельствовали, что отъ Комбурлея получали защиту и справедливое удовлетвореніе; изъ остальныхъ-же 326 человѣкъ нѣкоторые объявили неудовольствіе въ томъ, что не получали удовлетворенія за учиненныя ими поставки и что при проходѣ войскъ имъ было тягостно,—другіе-же, что объявятъ претензіи свои повѣтовымъ маршаламъ. Гдѣ-жъ справедливость тѣхъ громкихъ жалобъ, кои сенаторъ Ильинскій осмѣлился безъ всякихъ доказательствъ поднести къ высочайшему усмотрѣнію? Гдѣ вымучиваніе вдвое поборовъ? Гдѣ страшныя разоренія? Развѣ ограбленная и утѣсненная губернія за низложеніе Комбурлея и Хрущова (какъ Сиверсъ самъ докладывалъ сенату) въ состояніи дарить Ильинскому болѣе шести сотъ тысячъ рублей и въ пользу казны жертвовать 2,641,044 рублей. Напрасно противу ябеды пишутъ строгіе законы, когда въ тоже время нравы наши дѣлаютъ ихъ ничѣмъ. Можно ли торговаться съ казною за перемѣну начальниковъ губерніи? Можно-ли платить сенатору Ильинскому за ремесло доносчика? Можно-ли безъ какихъ нибудь видовъ сенатору-ревизору принимать на себя въ томъ посредничество? Невольно припомнишь себѣ слова Тацита въ жизни Тиверія, гдѣ онъ говоритъ: „естьли желаютъ незапрещеннаго, боятся запрещенія; но когда оное сдѣлано и беззаконно нарушено, страхъ, стыдъ, ничто не удерживаетъ болѣе.“ Можно къ сему прибавить и то еще: когда сотовариществуетъ насиліе проискамъ, то лучше оставить въ покоѣ пороки сильно вкоренившіеся, нежели выставлять невозможность истребленія оныхъ.

Возвратимся къ Гижицкому, коего мы оставили скрежещущимъ зубами, и къ сенатору Сиверсу, который найденнымъ порядкомъ во всѣхъ частяхъ управленія губерніи, дѣятельною способностію губернскихъ членовъ, скорымъ и исправнымъ теченіемъ въ присутственныхъ мѣстахъ дѣлъ, заботливостію начальства о судьбѣ колодниковъ и исправностію вообще градской и земской полиціи, столько былъ восхищенъ, что не находилъ словъ и выраженій, которыми-бы могъ, по его увѣренію, довольно похвалить чинов-

никовъ и Комбурлею изъявить свою признательность. И въ самомъ дѣлѣ: что онъ чувствовалъ и наружно передъ всѣми показывалъ, то все излилъ въ представленіяхъ своихъ къ г. министру юстиціи отъ 16 и 21 апрѣля, давая черезъ Вейдемсера читать оные Комбурлею и повторяя всякой разъ сіи слова: „естьли я когда нибудь имѣть буду губернію, то дай Богъ, чтобъ она была въ такой исправности, какъ волынская". Недоброжелатели Комбурлея, видя въ г. сенаторѣ необыкновенную наклонность все хвалить, тотчасъ начали подозрѣвать, что чиновники подкупили его канцелярію и самъ-де г. ревизоръ, конечно, не безъ грѣха; но пріѣзжаетъ Ильинскій, нигдѣ не останавливаясь, приходитъ прямо къ Сиверсу, запираются въ кабинетѣ и остаются четыре часа въ ономъ самъ на самъ. Потомъ провожаемый уже Гижицкимъ Ильинскій съ торжественнымъ лицомъ возвращается въ свою карету и ни съ кѣмъ не видавшись, удаляется въ романовскій замокъ. А когда одинъ изъ нашихъ чиновниковъ спросилъ Вейдемсера, для чего Сиверсъ такъ щедро разсыпаетъ похвалы Комбурлею и его управленію губерніи, для чего Ильинскій секретничаетъ и для чего самъ Гижицкій такъ долго политикуетъ, онъ отвѣтствовалъ на всѣ сіи вопросы такъ: „Злодѣйство всегда сильнѣе дѣйствуетъ, когда одѣвается въ лицемѣріе." И съ сихъ поръ враги губернскаго начальства удвоили и учетверили къ нему свои ласкательства.

Между тѣмъ что день пиры, то у Комбурлея, то у Гижицкаго, гдѣ отборные дворяне и чиновники (первые съ наморщеннымъ челомъ, а послѣдніе съ лицемъ веселымъ) смотрѣли на взаимное перессиленіе въ учтивостяхъ, сенаторомъ сенатору оказываемыхъ, и слушали изъ устъ ревизора весьма лестныя одобренія всему тому, что сдѣлано или дѣлается. Въ одинъ день вздумалось и вице-губернатору Хрущову дать обѣдъ съ приглашеніемъ къ оному сенатора. Въ продолженіи стола хозяинъ для знаменитаго своего гостя сыскалъ и поставилъ передъ нимъ бутылку самаго лучшаго венгерскаго стараго вина. Сиверсъ выпилъ три рюмки, налилъ столько-же близь его сидѣвшимъ Комбурлею и Гижицкому; всѣ три пили и хвалили вино, какъ чрезвычайную рѣдкость, давали пробовать знатокамъ, и тѣ того-же были мнѣнія. Вдругъ Сиверсу дѣлается

дурно: глаза у него постолбенѣли, руки и ноги начало корчить, ротъ скривило, голову свернуло на сторону, словомъ—страшную изъ сенатора сдѣлало каррикатуру. Иной изъ предсѣдящихъ говорилъ, что то спазмы, тотъ кричитъ конвульсіи, а сей называетъ болѣзнь истерикою; но Михельсонъ и Фіялковскій, его письмоводители, то тому, то другому шепчутъ на ухо, что г. сенаторъ Сиверсъ, Богъ знаетъ съ которыхъ лѣтъ, имѣетъ, по просту сказать, падучую болѣзнь или черную немочь, которою одержимъ бываетъ, чаще въ то время, когда или разгнѣвается, или изволитъ выпить... нѣсколько рюмокъ крѣпкаго напитка. Представьте-же, что черезъ нѣсколько потомъ мѣсяцей, когда сдѣлался Сиверсъ непримиримымъ врагомъ Комбурлея и Хрущова, то не только здѣсь и въ столицѣ, но по цѣлой Россіи разгласилъ, будто Комбурлей, согласясь съ Хрущовымъ, подмѣшали въ вино яду и хотѣли его отравить. Самъ Гижицкій какъ тогда, такъ и послѣ и даже теперь, разсказывая сенаторскій принадокъ, хотя въ душѣ величайшій недругъ Комбурлея и Хрущова, божится съ клятвою, что онъ съ Сиверсомъ пилъ разомъ то вино съ одной бутылки и что нѣтъ ничего не основательнѣе таковой выдуманной имъ клеветы. Какъ бы то ни было, хотя Сиверсъ того-же вечера былъ совершенно здоровъ, но никого не хотѣлъ принимать къ себѣ, на другой-же день, подъ видомъ крайней слабости, легъ въ постель и долго никому не показывался. Только Гижицкій зналъ тайну притворства, ибо, оставивъ своего мнимаго больнаго на одрѣ будто смертномъ, самъ уѣхалъ къ Ильинскому, а какъ приближался свѣтлый праздникъ, и всѣ его сподвижники убрались одинъ по другомъ изъ города, давъ слово пріѣхать на третій день праздника въ Романовъ, гдѣ 20-го числа апрѣля положено быть многочисленному съѣзду дворянства. Коль скоро выѣхалъ Гижицкій, то сенаторъ, оставшись безъ опекуна и безъ вожатаго, сталъ принимать у себя Комбурлея и Хрущова и иногда по вечерамъ, разговаривая съ полицмейстеромъ, шутилъ даже на счетъ поляковъ, отзываясь: „Я ихъ знаю мошенниковъ, они меня не обманутъ; только та бѣда, что я мягкосердеченъ, а къ нимъ-бы послать надобно Ѳедора Ѳедоровича Эртеля“. Фіялковскій и Михельсонъ каждый день у Комбурлея

или Хрущова обѣдаютъ и ужинаютъ и всякому изъ чиновниковъ трубятъ въ уши: ахъ, какъ сенаторъ не любитъ поляковъ! ахъ, какъ онъ добръ ко всѣмъ русскимъ! И въ увѣреніе сего, то тому, то другому изъ подъ руки показываютъ посланныя въ столицу сенаторскія представленія. Сими и подобными дѣйствіями лукавства производятъ во всѣхъ чиновникахъ такое впечатлѣніе, что они, не зная, чѣмъ изъявить усердіе свое къ г. сенатору, предаются всякой печали о притворной болѣзни. То ходятъ вокругъ сенаторской квартиры и безпрестанно навѣдываются о здоровьѣ, то посылаютъ за его подаянія въ острогъ и въ больницы, то собираютъ нищихъ и милостынею хотятъ преклонить небо ко изцѣленію болящаго. Жены-же и дѣти ихъ съ непритворною скорбію, стоя въ церквахъ на колѣнахъ, искренно молятся Богу о его выздоровленіи. Сама добродѣтельнѣйшая супруга Комбурлея во все время болѣзни сенатора, собирая отвсюду, гдѣ у кого что можно найти изъ питательныхъ яствъ, приготовляла ихъ почти собственными руками и посылала ему въ пищу. А когда увидѣли сенатора въ тепломъ шлафрокѣ, въ колпакѣ и въ туфляхъ сидящаго на улицѣ близъ своей квартиры, то ничто не могло сравниться съ чувствованіемъ ихъ радости о выздоровленіи благодѣтельнаго защитника отъ клеветъ. Никто не смѣлъ сомнѣваться, чтобъ не прекрасное время заставляло его нѣсколько дней сряду по утру и вечеру, часовъ по четыре и болѣе, пользоваться такимъ образомъ весеннею погодою. И потому мимоходящіе, останавливаясь, смотрѣли на него съ удивленіемъ, а онъ на нихъ тоже, и не могли насытиться зрѣніемъ. Одинъ только опытъ открываетъ всякое тайное благо и всякое сокрытое зло. Между тѣмъ какъ плѣняющій своимъ добродушіемъ сенаторъ-ревизоръ, подъ видомъ болѣзни, сидитъ и, казалось, безъ всякаго дѣйствія остается въ губернскомъ городѣ, въ повѣтахъ собирались тучи, долженствовавшія разродиться доносами, клеветою и ябедою. Собирались и деньги, по десяти копѣекъ съ души, для вѣрнѣйшаго пущенныхъ стрѣлъ направленія къ своей цѣли. Собирались и дворяне-интриганты, чтобъ дѣйствовать,—дерзкіе, чтобъ клеветать, богатые, чтобъ слушать клевету, а простодушные, чтобъ раболѣпствовать и по-

виноваться интригѣ. Планъ былъ, во первыхъ, замануть сенатора въ Романовъ, потомъ, не заѣзжая ни въ одинъ повѣтовый городъ, возить его по всѣмъ тѣмъ домамъ, куда заблаговременно должны были съѣхаться недовольные дворяне и ихъ друзья, и гдѣ припасено по нѣсколько стопъ гербовой бумаги, для употребленія которой въ пользу недовольныхъ наняты были нѣкто Бобровскій и Примовичъ, общіе ябедники, получавшіе жалованье отъ Гижицкаго. Затѣмъ препроводить сенатора до Радзивилова, тамъ неотступно быть при немъ, пока къ пріему его превосходительства въ повѣтовыхъ городахъ все будетъ готово. По наступленіи времени, ѣхать Гижицкому и отборнымъ врагамъ Комбурлея, вмѣстѣ съ сенаторомъ, для обревизованія городовъ; послѣ того съѣхаться всѣмъ въ Кременцѣ, тамъ составивъ обвинительный противу Комбурлея и всѣхъ русскихъ чиновниковъ актъ, собраться всѣмъ маршаламъ и делегатамъ въ губернскій городъ и подписавъ его, отдать торжественно сенатору, который, по осмотрѣ въ Романовѣ фабрики, разомъ съ Ильинскимъ, въ началѣ іюля, долженствовалъ возвратиться въ Житоміръ. Естьли правосудіе не управляетъ предпріятіями человѣка, высочайшею довѣренностію облеченнаго, то все прочее служитъ жертвою сильнымъ страстямъ его, а ненаказанность усугубляетъ своевольства.

Наступилъ свѣтлый праздникъ—сенатору легче. На другой день еще легче. На третій день онъ совсѣмъ былъ здоровъ. Прощается съ Комбурлеемъ, Хрущовымъ и со всѣми чиновниками, увѣряетъ перваго въ отличномъ своемъ уваженіи къ его достоинствамъ, втораго въ дружбѣ, послѣднихъ въ добромъ къ нимъ расположеніи, а секретари его чистосердечные, откровенные, любезные—ну, такъ и лѣзутъ каждому въ душу. Но опыты всѣхъ временъ, а особливо нашего, доказываютъ истину, что чѣмъ щедрѣе кто расточаетъ обѣщанія, тѣмъ менѣе надобно вѣрить ихъ исполненію. Мы пренебрегли сіи правила и за то страдаемъ.

На четвертый день праздника, 22-го апрѣля, солнце при своемъ восходѣ не застало уже Сиверса въ Житомирѣ. Сопровождаемый благословеніями русскихъ душъ, онъ поѣхалъ по тракту, ведущему въ Радзивиловъ. Оставимъ его на нѣкоторое время

а поговоримъ о томъ, что было поводомъ къ посылкѣ сенатора въ волынскую губернію.

Отвѣтъ находится въ его запискѣ, поданной въ общее сената собраніе, гдѣ онъ говоритъ, что причиною къ тому послужили: во первыхъ, жалобы дворянства на счетъ грабительства, произведеннаго волынскимъ мѣстнымъ начальствомъ, принесенныя Государю Императору сенаторомъ графомъ Ильинскимъ, увѣренія его жъ Ильинскаго, что Комбурлей, которому поручено сдѣлать о томъ слѣдствіе, намѣренъ сокрыть истину отъ его императорскаго величества, и доносъ другаго сенатора, графа Стройновскаго, что Комбурлей насильственнымъ образомъ исторгалъ отъ дворянъ свидѣтельства и потому мѣры его клонятся къ сокрытію злоупотребленій, во вторыхъ—отношенія фельдмаршала Барклая-де-Толли къ министрамъ полиціи и финансовъ, коими приглашалъ онъ ихъ принять неукоснительныя мѣры къ пресѣченію происходившихъ по таможенной части злоупотребленій, въ третьихъ—отзывъ министра финансовъ, что власть и мѣры, входящія въ составъ таможеннаго начальства, не достаточны къ пресѣченію зла, естьли мѣстное начальство и земская полиція не будутъ ему содѣйствовать Въ сихъ трехъ пунктахъ и заключается существенная надобность, по которой посланъ Сиверсъ ревизоромъ въ волынскую губернію. Пока дойдемъ до развязки дѣла, объяснимъ посылку сенатора подобіемъ. Напримѣръ: къ богатому и знатному помѣщику, живущему по должности въ столицѣ, доходитъ черезъ нѣкоторыхъ его офиціалистовъ до свѣденія, что въ одной изъ отдаленныхъ его вотчинъ крестьяне раззоряются и утѣсняются экономіею; контора посылаетъ изъ столицы приказъ главному той вотчины управителю разыскать по жалобамъ крестьянъ. Объявляется въ деревняхъ на міреской сходкѣ, чтобъ всякъ изъ жителей, имѣющій претензіи къ десятцкимъ ли, соцкимъ, бурмистрамъ или старостамъ, объявилъ оныя передъ главнымъ управителемъ; крестьяне, не имѣя повода къ жалобамъ на экономію, отзываются о служителяхъ найлучшимъ образомъ; офиціанты, враги главнаго управителя, видя неудачу, вкось клевещутъ, что онъ старается скрыть истину отъ владѣльца и что насильствен-

ными мѣрами вынуждаетъ отъ крестьянъ въ пользу свою свидѣтельства. Наряжается отъ помѣщика ревизоръ съ повелѣніемъ осмотрѣть всю вотчину и войтить въ состояніе крестьянъ. Онъ отправляется медленно, а одинъ изъ офиціантовъ-доносщиковъ беретъ отпускъ, ѣдетъ прежде его въ вотчину, собираетъ своихъ родственниковъ и пріятелей, поселяетъ въ деревняхъ раздоръ и по личной злобѣ на управителя внушаетъ имъ, чтобъ приготовили сколько можно больше на экономическое управленіе жалобъ, не щадя и главнаго управителя. Друзья его помогаютъ волновать умы крестьянъ, во всѣхъ деревняхъ происходитъ большая суматоха, а между тѣмъ одинъ бурмистръ, ближайшій его родственникъ, коему обѣщано управительское мѣсто, нападаетъ на самого коммисара и чрезъ разсылаемыхъ отъ себя вѣстовщиковъ творя партіи, научаетъ недовольныхъ крестьянъ, какіе именно и на кого принести жалобы и доносы. Пріѣзжаетъ въ имѣніе ревизоръ. Смотритъ теченіе дѣлъ, входитъ во всѣ части управленія, видитъ повсюду чрезвычайный порядокъ: строенія господскія въ найлучшемъ видѣ, гумна и анбары, наполненные хлѣбомъ, заведенія, приносящія помѣщику прибыль, въ самомъ отличномъ состояніи, на крестьянахъ ни казенныхъ, ни владѣльческихъ недоимокъ нѣтъ, дороги и мосты прекрасные, лѣса сбережены и расчищены, пруды наполнены рыбою. Ревизоръ восхищается и, отдавая должную справедливость главному управителю и его сотрудникамъ, съ величайшею объ нихъ похвалою о найденной во всѣхъ частяхъ исправности доноситъ помѣщику и домовой его конторѣ. Естьли бы послѣ этого случилось такъ, что сей самый ревизоръ, соединясь неразрывною дружбою съ бурмистромъ, враждующимъ главному управителю, ввѣрилъ всего себя его попеченіямъ, то есть на все окружающее смотрѣлъ его глазами и слушалъ его ушами, а желая узнать на мѣстѣ, отъ кого и какъ притѣснены крестьяне, поѣхалъ бы съ тѣмъ бурмистромъ по селеніямъ, и не примѣчая, что во всемъ по теченію экономіи совершенный происходитъ порядокъ, что крестьяне нисколько не разорены, что имѣютъ у себя хлѣбъ, скотъ и всякую домашнюю рухлядь, ни чѣмъ другимъ не занялся, кромѣ, по указанію недовольнаго бур-

мистра, началъ бы то у одного, то у другаго поселянина принимать просьбы на старостъ, на соцкихъ и на десяцкихъ и не требуя отъ просителей доказательствъ или свидѣтелей въ подтвержденіе справедливости жалобъ, а отъ обжалованныхъ не пріемля никакихъ оправданій, сталъ бы удалять ихъ отъ мѣстъ и предавать суду, какъ преступниковъ, не разсмотря же надлежащимъ порядкомъ объ нихъ дѣлъ, доносилъ бы владѣльцу по одностороннимъ извѣтамъ, что вопль народный оглушалъ его и что на всякомъ шагу находилъ преступленіе, а между тѣмъ сопутствующій ему подуститель бурмистръ, въ глазахъ ревизора, собиралъ съ народа деньги,—чтобъ сказали о такомъ ревизорѣ, о такомъ бурмистрѣ и о конѣшномъ только незаконномъ сборѣ?—Обратимся теперь къ нашему ревизору сенатору. Когда онъ нашелъ во всѣхъ частяхъ управленія губерніею порядокъ и отрапортовалъ объ ономъ правительству, когда видѣлъ со всѣхъ дѣлъ и даже изъ свѣденій, представленныхъ ему отъ губернскаго маршала, что со стороны чиновниковъ и начальниковъ губерніи не могло быть притѣсненія дворянству, когда онъ всѣхъ ихъ чистосердечно разхвалилъ, то для чего отъ Ильинскаго или Гижицкаго не потребовалъ доказательствъ на принесенныя ими жалобы, или, по крайней мѣрѣ, для чего не спросилъ и не взялъ отъ нихъ списка, кто именно изъ помѣщиковъ ограбленъ, раззоренъ или чѣмъ обиженъ? Отвѣтъ готовъ: для того, что доказательства не было и нѣтъ. А всего болѣе, что денежная по 10 копѣекъ съ души складка не вся еще собрана и, куда по обѣщанію слѣдовало, не поступила. Одно только время откроетъ сіе важное обстоятельство. А мы посмотримъ, что дѣлается по выѣздѣ сенатора

Гижицкій, не дождавшись въ Романовѣ Сиверса, какъ предназначено было въ ихъ планѣ, прискакалъ оттоль верхомъ въ Житоміръ. Боже мой! какъ онъ смѣшался, когда, встрѣтясь съ Комбурлеемъ, узналъ о выѣздѣ сенатора. „Можно ли такъ безбожно обманывать и тайно отъ меня уѣзжать!—Не снесу, не стерплю, не попущу!“ были слова его.—Всѣмъ, кто смотрѣлъ на него, казалось, что въ то время адъ раскрылъ зѣвъ свой, чтобъ палить его жестокимъ огнемъ своимъ и терзать всѣми возможными

муками. Но притворство и въ семъ случаѣ не стоило его. Отобѣдалъ у Комбурлея, съ дружескою улыбкою пожалъ у него руку, сѣлъ на перекладную телѣжку и пустился догонять сенатора. Тутъ въ послѣдній разъ видѣли мы въ маскѣ того, который поѣхалъ отсель человѣкомъ, а возвратился къ намъ звѣремъ. Естьли бы Гижицкій тремя или двумя часами поспѣшилъ пріѣхать въ Новоградъ-Волынскъ, Сиверсъ не ревизовалъ бы тамошнихъ присутственныхъ мѣстъ, ибо недовольные начальствомъ дворяне того повѣта были всѣ въ Романовѣ, а безъ нихъ какая ревизія? Все найдено въ отличномъ порядкѣ, градская и земская полиція въ исправности и просьбъ никакихъ. Изумился сенаторъ, какъ это такъ сдѣлалось, что въ томъ повѣтѣ, гдѣ живетъ Ильинскій, ни одна душа ему не жалуется; но, увидѣвъ свою ошибку, въ другихъ за то четырехъ повѣтовыхъ городахъ, по тракту лежащихъ, какъ то: въ Острогѣ, Ровномъ, Дубнѣ и Кременцѣ не смѣлъ противу воли Гижицкаго приступить къ ревизіи. И для того пробѣжали сіи города *incognito*, а 24 и 25 апрѣля стали въ Радзивиловѣ, съ намѣреніемъ заняться преимущественно злоупотребленіями по таможнѣ.

Здѣсь позвольте мнѣ отступить нѣсколько отъ матеріи, нами продолжаемой, и въ откровенности изъяснить слѣдующую мысль мою. Когда всѣ части въ государствѣ, по естественному вещей порядку, съ начала составляются, потомъ возвышаются, процвѣтаютъ, а затѣмъ повреждаются, падаютъ и наконецъ изчезаютъ попеременно, для чего таможенная всегда въ совершенствѣ? Когда удары оружія, на большомъ пространствѣ пограничныхъ губерній, мѣшали посѣву земледѣльца и причиняли то, что хлѣбопашество сдѣлалось невозможнымъ, скотъ похищенъ, житницы опустошены, хижины сожжены, хозяева тысячами бѣжали въ иностранныя земли,—для чегожъ таможенные и пограничной стражи чиновники не только не похудѣли, но въ такое приведены состояніе, что обувь и платье стало имъ не въ пору? Когда въ тайномъ провозѣ товаровъ обвиняютъ исправниковъ, засѣдателей и всю полицію, для чего жъ награждаютъ главнаго начальника таможенной, а смотрителей и объѣзчиковъ не только не наказываютъ, но даже по-

дозрѣній не оставляютъ? Не потому ли сіе происходитъ, что у всякаго преступающаго законъ есть страхъ, а у нихъ никакого? Или для того, что у каждаго изъ нихъ, сверхъ привычки даромъ ничего не пропускать чрезъ границу, есть непонятное самонадѣяніе, будто никакой ревизоръ не возможетъ и не захочетъ причинить имъ зла? Кажется, убѣдительнымъ примѣромъ въ семъ случаѣ самъ г. Сиверсъ послужитъ, который за контрабанды перевернулъ вверхъ дномъ цѣлую волынскую губернію, однако-жъ таможенныхъ и пограничную стражу не только оставилъ въ покоѣ, но выгналъ изъ Радзивилова слѣдственную коммиссію, крайне имъ докучившую; сверхъ того начальнику округа Булгарію, за усмотрѣнное только имъ отличное усердіе къ службѣ, исходатайствовалъ повышеніе чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Правду сказалъ Лафонтень: «мы вѣчно будемъ то, чѣмъ быть намъ суждено. Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно».

Теперь приступимъ опять къ нашему предмету.

Какъ скоро узнали въ Романовѣ, что сенаторъ выѣхалъ въ Радзивиловъ, а Гижицкій побѣжалъ догонять его, такъ и данъ сигналъ ко всеобщему по всѣмъ повѣтамъ на губернское и мѣстное начальство возстанію недовольнаго дворянства. Наступило время анархіи. Не дѣйствовали ни угрозы губернскаго правленія, ни предписанія начальника губерніи. Дворянство обратилось къ Гижицкому, Гижицкій къ Сиверсу, а Сиверсъ къ насильственнымъ мѣрамъ. Наемные ораторы, ко многимъ тайно подсылаемые шпіоны были вездѣ виною гнусныхъ сценъ, при которыхъ даже святая истина служила коварнымъ людямъ игралищемъ. Безвластіе въ губерніи казалось единственнымъ средствомъ для достиженія недовольной партіи къ ея цѣли. Путь къ тому надлежало проложить безпорядками.—Ударили тревогу, выступили впередъ маршалы, со спирами доносщиковъ, клеветниковъ и ябедниковъ: въ первомъ раду стояли промотавшіе въ чужихъ краяхъ свое имѣніе и въ замѣну того привезшіе съ собою развратъ благовоспитанные помѣщики, во второмъ—разорившіеся отъ процессовъ владѣльцы, коихъ имѣніе пожрали юристы, адвокаты, депутаты и судьи, въ третьемъ—по уши въ долгахъ сидѣвшіе дворяне, которые, намѣ-

реваясь отдать подъ разборъ свое имущество, искали благовидныхъ причинъ раззорить своихъ кредиторовъ, въ четвертомъ—заставные и арендные поссесоры, кои, безпрестанными въ пользу свою работами измучивъ крестьянъ, хотѣли сложить вину съ себя на мѣстное начальство, будто они довели ихъ до такого состоянія, въ пятомъ—эксъ-презесы, эксъ-маршалы, эксъ-подкоморіе, эксъ-хорунжіе, эксъ-депутаты, эксъ-судьи, получившіе по службѣ отъ начальства выговоры или понесшіе штрафы, либо имѣющіе личную къ кому-либо изъ русскихъ чиновниковъ претензію, въ шестомъ—кандидаты, дожидавшіеся мѣстъ городническихъ, исправничьихъ, засѣдательскихъ, частныхъ приставовъ и квартальныхъ, въ седьмомъ—всѣ великопомѣстные и малопомѣстные владѣльцы, кои за участіе въ прежде бывшихъ мятежахъ и войнахъ, или за свое клятвопреступленіе, терпѣли сами или родственники ихъ изгнаніе, съ потеряніемъ имѣнія, и кои, чтобъ польстить свое мщеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ на прежнія поступки свои бросить оттѣнокъ, покрывающій самыя мрачныя черты ихъ характера, вздумали всю вину сложить съ себя на ключвойтовъ или на членовъ земской полиціи. Сенаторъ засталъ въ Радзивиловѣ слѣдственную комиссію, составленную изъ людей отличныхъ, командированныхъ туда министрами. Сіи чиновники, зная порядокъ и законное теченіе слѣдственныхъ дѣлъ, при всей своей готовности открыть истину, не могли даже въ теченіи восьми мѣсяцевъ, найти доступъ къ ней, потому что графъ Булгарій оказывался первою причиною всякихъ безпорядковъ и виновникомъ явныхъ злоупотребленій Но Булгарій, надѣясь на права свои, ускакалъ въ Вѣну, желая видѣть конгрессъ, а заступавшій его мѣсто не понравился г. сенатору, который, желая все дѣлать хоть непрочно, да скоро, на третій день по пріѣздѣ въ Радзивиловъ, подъ видомъ якобы найденнаго имъ въ дѣлахъ коммисіи безпорядка, представилъ 30 апрѣля съ нарочнымъ с.-петербургскому военному губернатору объ уничтоженіи оной. И въ самомъ дѣлѣ, на что ей быть очевидною свидѣтельницею тѣхъ сенаторскихъ распоряженій, подъ защитою которыхъ самыя важнѣйшія преступленія пограничной стражи вообще и начальника ея въ осо-

бенности, ради непроницаемой какой-то запутанности обстоятельствъ, преданы вѣчному забвенію. Къ томужъ сенаторъ, посѣщая въ Радзивиловѣ таможню, не замѣтилъ никакого безпорядка и злоупотребленія, кромѣ, что въ пакгаузѣ множество контрабандныхъ товаровъ, оцѣненныхъ во сто тысячь рублей, приходили въ большую порчь отъ лежанія. Для чегожъ, говорили сенатору, не продать ихъ съ публичнаго торгу, а во время продажи за чѣмъ быть членамъ слѣдственной коммисіи? Надобно непремѣнно прогнать ихъ. Когдажъ по секрету спрашивалъ нѣкто у таможенныхъ служителей, какіе то были товары, что отъ полугодоваго лежанія начали портиться? Конечно, лимоны или апельсины?—„нѣтъ, говорили улыбаясь объѣзчики,—то шелковыя и бумажныя дорогія матеріи, да тонкое сукно и полотно", и прибавляли: «Наши господа долго, очень долго говорили, пока могли увѣрить Сиверса, что пакгаузъ не магазейнъ и не лавка, гдѣ такого сорта товары могутъ лежать по десяти лѣтъ безъ порчи», а сенаторъ и былъ такъ добръ, что, не дождавшись отъ министра финансовъ отвѣта, назначилъ заблаговременно никому другому, а только Ерингу, таможенному 2-му члену, быть при продажѣ съ публичнаго торгу оныхъ товаровъ. Да, продолжалъ разсказывающій мнѣ исторію о волынской революціи чиновникъ, цѣлой Бердичевъ—свидѣтель, какъ ловко сіи или только имъ уже подобные товары продавались Ерингомъ въ квартирѣ самаго сенатора, при глазахъ его. Они всѣ святые люди, ничѣмъ не пользуются. Другое не менѣе важное дѣло сдѣлалъ г. сенаторъ 2-го мая, пославъ приближеннаго къ себѣ чиновника Кіянова, съ радзивиловскими факторами, ловить товары по чертѣ границы; а 4-го мая далъ ему знать Гижицкій, что въ повѣтахъ все готово къ принятію ревизора.

Тотчасъ собрались къ отъѣзду. Устроился парадъ: впереди нѣсколько молодыхъ дворянъ, сопутствующихъ обыкновенно Гижицкому въ жидовскихъ бричкахъ; за ними два или три маршала въ коляскахъ, потомъ секретари ихъ на перекладныхъ телѣжкахъ, далѣе многочисленная канцелярія губернскаго маршала, за нею въ огромной бричкѣ писцы, договоренные къ сочиненію и перепискѣ просьбъ, а на особой повозкѣ тюкъ съ гербовою бума-

гой; вслѣдъ за ними сенаторскіе секретари, въ собственныхъ недавно купленныхъ бричкахъ, на ресорахъ, и такъ много наполненныхъ всякою всячиною, что едва сидѣть можно; наконецъ четверомѣстная карета сенатора-ревизора, въ которой, кромѣ ревизора, сидѣли Гижицкій, Вейдемееръ и чухонка Анхенъ. Любопытные примѣтили, что карета выѣзжала изъ Радзивилова гораздо грузнѣе, нежели туда въѣхала и что дѣвка Анхенъ отъ шкатулки ни на шагъ не отходила.—Приближаются къ городу Дубно. Приготовленный для встрѣчи народъ гонятъ десяцкіе впередъ палками. Жиды заняли замковые ворота и стояли съ балдахиномъ и десятью Мойсеевыми приказаніями, а вдоль по улицѣ мѣщане держали свои цеховые знаки. Сенаторъ скромный, не любящій церемоніи и не терпящій никакихъ оказываемыхъ ему почестей, еще передъ городскими воротами вылѣзъ изъ кареты, и въ сопровожденіи многочисленной свиты своей, въ мундирѣ съ генеральскими эполетами и въ шарфѣ, изволилъ идти пѣшкомъ, потомъ милостиво выслушавъ подъ балдахиномъ сказанную въ похвалу себѣ жидовскую рѣчь, продолжалъ путь съ открытою головою до самой площади. Всѣ окружающіе его шли безъ шляпъ. Естьли бы при семъ случаѣ звонили въ колокола, то бы всякъ подумалъ, что идетъ по большой улицѣ похоронная процессія. Земской и градской полиціи члены съ трепетомъ шли впереди, за то повѣтовой судъ, магистраты и всѣ отъ выборовъ зависящіе чиновники терлись пола объ полу съ сенаторомъ.

— Ведите меня въ нижній земскій судъ, сказалъ онъ Гижицкому.

— Тамъ нечего дѣлать, отвѣчалъ сей, а дубенскій маршалъ подхватилъ:

— У насъ исправника нѣтъ, переведенъ въ другой повѣтъ, а засѣдатели съ нашей руки.

— Ну, такъ пойдемъ въ полицію. Кто у васъ полицемейстеръ?

— Отставной подполковникъ Корфъ, такой дерзкій старикъ, что никому не даетъ покою, не смотритъ ни на дворянина, ни на его ордена, однимъ только русскимъ генераламъ угождаетъ и за то любимъ Комбурлеемъ.

— Вотъ я жъ его! только приготовьте жалобъ побольше.

Приходятъ въ полицію; сенаторъ вдругъ встрѣчаетъ Корфа сими словами:

— Гдѣ ты служилъ?

— Цѣлой вѣкъ въ военной службѣ, ваше превосходительство.

— Не тотъ ли ты Корфъ, что тридцать лѣтъ тому назадъ командовалъ арнаутами?

— Тотъ самый.

— А... а... Такъ я знаю сего буяна.—У тебя дѣла запущены?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, только есть два не исполненныхъ по краткости времени.

— Инструментовъ пожарныхъ нѣтъ.

— Ежели угодно посмотрѣть, найдете всѣ, сколько быть должно.

— Десяцкіе не одѣты и не въ комплектѣ.

— Вотъ 25 человѣкъ, какъ положено, и всѣ по образцу въ новомъ одѣяніи.

— Что ты оправдываешься? на тебя цѣлой городъ кричитъ, что ты грабишь и разоряешь жителей.

— Напротивъ того, ваше превосходительство, на меня кричитъ одинъ только помѣщикъ, владѣлецъ здѣшній, что я запретилъ учрежденную имъ монополію на хлѣбъ и прочіе съѣстные припасы, а жители всѣ мною довольны. Извольте спросить сами. Тутъ Гижицкій, Гостынскій и другіе дворяне отозвались въ одинъ голосъ:

— Какой грубіянъ! Какая дерзость!

А сенаторъ:

— Я вижу, что Комбурлей васъ избаловалъ. Завтра же тебя подъ судъ, стараго негодяя!

И хлопнулъ дверями, выходя изъ полиціи.

А Фіялковскій и Михельсонъ, секретари Сиверса, приступили къ Корфу съ совѣтами, чтобъ онъ просилъ о пощадѣ своей Гижицкаго или бы искалъ прощенія у сенатора чрезъ дворянъ.— Корфъ отвѣчалъ имъ лаконически:

— Я такимъ подлецомъ, какъ ..... не былъ и никогда не буду.

На другой день тридцать просьбъ и столько же доносовъ

поступило на Корфа къ сенатору, изъ коихъ важнѣйшія были слѣдующія: что Корфъ играетъ въ карты съ графомъ Булгаріемъ и однажды, примѣтивъ нескромность его пальцовъ, поступилъ съ нимъ очень неделикатно, что когда одинъ жидъ, дѣлая для пожарныхъ лошадей упряжь, перепортилъ хомуты, то Корфъ, примѣряя ихъ къ его головѣ, сказалъ, видишь, какъ они узки, что на тебя не взойдутъ; слѣдовательно, онъ запрягалъ жида въ хомутъ; что чрезъ Дубно идутъ контрабанды, которые провожаются таможенными и, въ глазахъ Булгарія и Байкова, переправляются за рогатку контрольной таможни; слѣдовательно, Булгарій и Байковъ правы, а Корфъ виноватъ, зачѣмъ не видѣлъ и не заарестовалъ ихъ. Прочіе доносы были въ ближайшемъ родствѣ съ выпущенными на всѣхъ русскихъ чиновниковъ. Однакожъ сенаторъ еще столько былъ милосердъ, что отдалъ Корфа не подъ судъ, а подъ слѣдствіе, а чрезъ нѣсколько мѣсяцей, когда донесено, что Корфъ, по указу губернскаго правленія, объявилъ въ городѣ объ окончаніи ревизіи сенатора, то тогда уже отрѣшилъ его отъ мѣста и, по упомянутымъ жалобамъ, велѣлъ судить. Корфъ въ Житомірѣ умеръ, такъ сказать, съ голоду; жена тоже за нимъ пошла во гробъ, а мщеніе исполнено настояще по рыцарски.

Послѣ полиціи, ревизія прочихъ судебныхъ мѣстъ оставлена до утра. Между тѣмъ ночью сенаторъ, не выступая изъ своихъ правилъ, ходилъ по всѣмъ смраднымъ жидовскимъ закоулкамъ, собиралъ свѣденія о провозѣ контрабандовъ, о расположеніи жителей къ начальникамъ губерніи, о состояніи кагальныхъ, и слушалъ съ умиленіемъ, какъ нижній классъ евреевъ, извѣстный подъ именемъ цеховыхъ, лгалъ и клеветалъ на купцовъ, на сборщиковъ податей и на зажиточнѣйшихъ своихъ собратій изъ гражданъ. А Гижицкій съ своими поборниками цѣлую ночь упражнялся въ сортированіи просьбъ.

Какъ бы, вы думали, происходило ихъ приготовленіе?—Вы скажете, что всякій дворянинъ, имѣющій поводъ къ жалобамъ, изъяснивъ оные кратко и основательно, по пунктамъ, самъ или посредствомъ другаго, составитъ изъ того, какъ должно, просьбу, потомъ на гербовой бумагѣ перепишетъ и подпишетъ и съ пріобщеніемъ къ ней доказательствъ подастъ лично г. сенатору?

— Да.

— Такъ, по вашему, сколько бы гдѣ поступило просьбъ къ сенатору, выключая пересылаемыхъ черезъ почту, столько долженствовало и просителей быть у него на лицо?

— Конечно.

— Хорошо, и по закону такъ слѣдовало; а естьли я вамъ раскажу совсѣмъ противное?

— Быть не можетъ.

— Божусь и увѣряю въ томъ моею честію. Вотъ какъ происходило.

Извѣстно изъ предыдущаго, что, кромѣ повѣтовыхъ маршаловъ, въ каждомъ уѣздѣ было по нѣсколько человѣкъ отборныхъ зачинщиковъ волынской революціи, дѣйствовавшихъ за одно съ Гижицкимъ, Ильинскимъ, Стройновскимъ и Ворцелемъ; напримѣръ въ житомирскомъ—Букарь и Охоцкій, въ новоградъ-волынскомъ—Ольшевскій и Вележинскій, въ острогскомъ—Кароль Яблоновскій и Прушинскій, въ ровенскомъ—Яловицкій и Стецкій, въ дубенскомъ—Ледуховскій и Яновскій, въ кременецкомъ—Држенецкій и Дениско, въ луцкомъ—Быстрый и Шиметъ, во владимірскомъ—Гостынскій и Ропикеръ, ковельскаго—Чернецкій и Весоловскій, заславскаго—Валѣвскій и Янишевскій, староконстантиновскаго—Ржеуская и Кохановскій, овруцкаго—Галецкій и Залынскіе. Извѣстно, что когда, по возвращеніи Ильинскаго и Гижицкаго изъ столицы, были въ Романовѣ и въ другихъ мѣстахъ мятежныя сборища, что когда получено увѣдомленіе о назначеніи сюда ревизора, то маршалы, и сами собою, и черезъ наемныхъ ораторовъ, то силою, то просьбами, то происками, кого могли, возбуждали къ участвованію въ ихъ конфедераціи. Наконецъ извѣстно о томъ, что едва Сиверсъ занесъ ногу свою въ Житомиръ, то вся губернія пришла въ судорожное движеніе. Чтожъ дѣлали всѣ сіи образцовые люди?—Открыли для пиршествъ собственные и друзей своихъ дома, учредили небывалыя празднества, приглашали на оныя богатыхъ и бѣдныхъ сосѣдей и среди забавъ толковали безпрестанно, что настоящее и будущее ихъ счастіе зависитъ отъ единомыслія, что не порознь, а совокупно должно дѣйствовать противу Комбурлея и противу губернскаго и мѣстнаго начальства, что сенаторъ Сиверсъ уже на ихъ сторонѣ, что онъ все то сдѣлаетъ, чего желать и просить будемъ. Потомъ говорили: вспомните, что мы терпѣли и терпимъ. И начали изчи-

слять. Погонщики за рекрутъ не зачтены, рекруты изъ ревизіи не исключены, помѣщики за взятой хлѣбъ не удовлетворены, обывательскія тройки не спущены, разоренные повѣты отъ дачи лошадей не освобождены, засѣдатели, отъ короны опредѣленные, не удалены, маршалы наши не знаютъ ни о какихъ указахъ и распоряженіяхъ правительства и даже увольнены, мы не пользуемся ни подрядами, ни откупами, продовольствуемъ въ пути арестантовъ безъ платежа, отводимъ пастбища для войскъ въ самыхъ сѣнокосныхъ мѣстахъ, раззоряемся воинскими командами, а начальство не защищаетъ. Въ какомъ теперь состояніи наши поселяне? А что стоятъ рекруты? Что отдача лошадей? Что платежъ въ казну податей?—Неужели вы не имѣете причинъ къ жалобамъ? Противу сего нѣкоторые изъ благомыслящихъ отзывались такъ: чтожъ виноватъ Комбурлей или мѣстное начальство, естьли я или другой не просилъ и не взялъ на погонщика квитанцію, если не представилъ требуемыхъ неоднократно списковъ рекрутамъ, естьли на удовлетвореніе за хлѣбъ денегъ изъ казны не отпущено, естьли о снятіи троекъ повелѣнія не послѣдовали, естьли брать лошадей и съ раззоренныхъ повѣтовъ приказано, естьли засѣдатели отъ короны гораздо способнѣе къ должности, нежели служащіе по выборамъ, естьли не маршальское дѣло публиковать указы, естьли мы сами никогда не являемся къ торгамъ на подряды и откупы, а когда и пріѣзжаемъ, то безъ залоговъ, естьли на пустыхъ и голыхъ мѣстахъ пастбищъ для казенныхъ лошадей быть не можетъ, естьли военнымъ командамъ о нераззоренія насъ даемъ сами квитанціи и естьли сами же мы запускаемъ подати въ недоимку? А въ разсужденіи отдачи рекрутъ и лошадей виновато ли правительство, что насъ обираютъ и обманываютъ наши отдатчики, которые потомъ на наши же деньги купили себѣ недвижимыя имѣнія или отъ насъ же самихъ взяли деревни въ аренду? Но всѣ таковыя выраженія оставались безъ успѣха, ибо гдѣ дѣйствуютъ страсти, тамъ не слушаютъ голоса благоразумія. Послѣ споровъ и противурѣчій садились за столъ. Покалы съ венгерскимъ и самыхъ скромныхъ дѣлали дерзкими. Послѣ обѣда попойка удвоилась, разговоры возвышались, претен-

зіи прибавлялись, ненависть къ начальству часъ отъ часу возрастала, партія недовольныхъ усиливалась, а хозяинъ дома или одинъ изъ друзей его, ставъ на возвышенномъ мѣстѣ, проситъ *о голосѣ*, то есть, чтобы позволили ему говорить. Пьянственный шумъ умолкаетъ, а онъ, показывая собранію заблаговременно составленныя и въ общую просьбу обращенные дворянскихъ жалобъ пункты, начинаетъ точно то читать, о чемъ я вамъ говорилъ прежде, только добавляетъ лица и Комбурлея вмѣшиваетъ во всякое дѣйствіе. Окончивъ чтеніе, возглашаетъ: кто любитъ отечество и благо своихъ земляковъ, тотъ да приступитъ сюда и подпишетъ на сей бумагѣ свое имя. Партія недовольныхъ бѣжитъ къ столу первая, потомъ однихъ ведутъ, а другихъ несутъ туда и никто не смѣетъ не приложить руки своей къ толико непринужденной, справедливой и безпристрастной просьбѣ. Подаютъ вновь покалы. Виватъ, Сиверсъ! Ильинскій! Гижицкій! виватъ, повѣтовые маршалы!—раздается по всему пространству дома. Напослѣдокъ вся сія комедія-опера оканчивается колѣнопреклоненіями одного передъ другимъ, признаніями въ совершенномъ невѣденіи, что они подписали, увѣреніями въ постоянной ненависти къ русскимъ чиновникамъ и всеобщимъ недоумѣніемъ, какой успѣхъ имѣть будетъ клевета. Хозяинъ, унося просьбу, оповѣщаетъ всѣхъ, что сей же часъ представляетъ пункты жалобъ ихъ повѣтовому маршалу, а собраніе отвѣчаетъ крикомъ, что истину общеподписанную готовы утвердить частными показаніями.

На другой день хозяинъ и его друзья, каждый особенно подхвативши себѣ писаря, по русски силлабизующаго, и взявъ нѣсколько дестей гербовой бумаги, отправляются по вчерашнимъ гостямъ, куда кому назначено, и пока еще не простылъ въ головахъ у нихъ жаръ, принуждаютъ сдержать данное слово и по обѣщанію дать частное показаніе. Полупьяный претендаторъ косвеннымъ языкомъ бормочетъ о Комбурлеѣ, о губернскомъ начальствѣ, о насиліяхъ полиціи, о вымогательствахъ, о грабежѣ отъ войскъ, о ключвойтахъ и Богъ знаетъ о чемъ. Безграмотный писарь чертитъ по словамъ его планъ просьбы къ Сиверсу, а ново-пріѣзжій наблюдаетъ, чтобы не вкралась туда жалоба на кого либо изъ

польскихъ чиновниковъ. Симъ образомъ поспѣвшая просьба тамъ же подписуется, а послѣ пріобщается къ прочимъ таковымъ же, а когда ихъ соберется пятьдесятъ, сто и болѣе, тогда всѣ разомъ препровождаются къ повѣтовому маршалу, который, доставъ въ свои руки столь богатый скарбъ, хранитъ его, какъ зѣницу ока, до пріѣзда господина сенатора. Но на этомъ еще не конецъ. Даютъ сигналъ, что въ такой то день Сиверсъ выѣзжаетъ для ревизіи городовъ повѣтовыхъ. Отъ маршала летятъ по деревнямъ письма и повѣстки, чтобъ явились всѣ претендаторы туже минуту. Начинщики раздоровъ всѣ въ городъ, а изъ подписавшихъ просьбы иной забылъ, что послалъ жалобу, другой боится, третій не помнитъ, къ какой бумагѣ приложилъ свою руку, четвертый жалѣетъ издержекъ, пятый говоритъ, что и безъ него дѣло обойдется. Итакъ не пріѣхало и третьей части, за то другіе изъ любопытства или по надобности явились въ городъ безъ особаго приглашенія. Тутъ-то уже недовольные начальствомъ общими силами старались и сихъ преклонить на свою сторону. Для нихъ то Гижицкій приготовлялъ жалобы самъ, а наемная канцелярія переписывала. Какъ же теперь представлять жалующихся? Ихъ на лицо сто или еще меньше, а просьбъ триста или четыреста? Бѣглый въ махіавелевой наукѣ умъ нашелъ прекрасное къ тому средство, и вотъ какое: какъ скоро сенаторъ пріѣзжаетъ въ повѣтовый городъ, то тамошній маршалъ Гижицкому, а Гижицкій сенатору доноситъ, что нѣсколько сотъ несчастныхъ обывателей съ жалобами на обиды и притѣсненія, отъ губернскаго начальства претерпѣваемыя, ожидаютъ отъ него справедливости, милосердія и покровительства. Потомъ Гижицкому вручаютъ списокъ, кто изъ дворянъ есть на лицо, а кого изъ подписавшихъ жалобы нѣту. На другой день рано собираются всѣ наличные къ повѣтовому маршалу. Гижицкій видитъ, что ихъ очень мало, уговариваетъ судій, подсудковъ, юристовъ, палестрантовъ, а гдѣ есть, то и студентовъ соединиться съ первыми. И такимъ образомъ умноживъ число, ведетъ ихъ въ препровожденіи маршала къ сенатору на дворъ, гдѣ между тѣмъ стоитъ собранная тѣмъ же маневромъ толпа жидовъ, мѣщанъ, женщинъ, дѣтей и разнаго званія людей,

вводятся дворяне въ комнату сенатора, и тѣ, кои въ рукахъ держатъ просьбы, ставятся въ первые ряды. Выходитъ сенаторъ-ревизоръ. Гижицкій представляетъ ему повѣтоваго маршала, дворянство и толпу народа съ перваго взгляда многочисленную. Сиверсъ проговорилъ предъ ними длинную рѣчь о достоинствѣ власти и могуществѣ ревизора, о выборѣ къ тому въ сей особѣ учиненномъ, о высочайшемъ къ нему довѣріи, обыкновенно оканчиваетъ слово свое вопросомъ: не имѣете ли какихъ отъ кого либо обидъ и притѣсненій? Тутъ слышимы становятся со всѣхъ сторонъ голоса. Насъ угнетаютъ, притѣсняютъ, раззоряютъ, грабятъ и вымучиваютъ поборы въ-двое и въ-трое, а къ тому запрещаютъ жаловаться. Кто? что? какъ?—На сіи вопросы иной отвѣчалъ: губернское начальство, другой говоритъ: мѣстная полиція, исправники, городничіе, тотъ кричитъ: стряпчіе, засѣдатели отъ короны и ключвойты, а сей войска, провіантскіе смотрители и пріемщики.—Не забыли нѣкоторые о казначеяхъ, секретаряхъ и канцелярскихъ служителяхъ; всѣ же вообще объявили, что они не довольны начальникомъ губерніи. (Пройдите всю Россію, спросите у крестьянъ въ деревняхъ, довольны ли они своими приказчиками или старостами? Что они скажутъ? Принесутъ тысячи жалобъ—для чего? для того, что рады всякую недѣлю имѣть новаго управителя). Сенаторъ опять къ нимъ отзывается: „ахъ, какъ вы несчастны! отдайте просьбы свои губернскому маршалу, а мы разсмотримъ ихъ. Я донесу моему государю и правительству о вашихъ бѣдствіяхъ. Я знаю, все знаю, что вы терпите. Будьте покойны!“—Когда дворяне уходили, то впускали тѣмъ же порядкомъ жидовъ, мѣщанъ и всю на дворѣ стоявшую сволочь. Тѣже были вопросы, тѣ отвѣты, тѣ восклицанія, тѣ увѣренія и тѣмъ же путемъ достигали просьбы къ сенатору. Еще не конецъ исторіи. Гижицкій, чтобъ представить Сиверсу, сколь многочисленно жалующееся дворянство, послѣ ревизорской аудіенціи, одну часть изъ прежнихъ просителей командируетъ въ повѣтовый судъ, чтобъ тамъ стояли и ожидали бъ прибытія его съ сенаторомъ, другую такимъ же образомъ въ нижній земскій судъ, а третью въ казначейство. Итакъ куда сена-

торъ не приходитъ, вездѣ встрѣчается съ жалобами. Лица тѣже, но дѣйствія новыя и явленія безпрестанно перемѣняются; слѣдовательно, судя по числу просьбъ, не трудно было увѣрить сенатора, что въ такомъ-то городѣ было дворянъ просителей триста, въ такомъ-то четыреста, тамъ двѣсти пятьдесятъ, а въ томъ двѣсти—вездѣ-же около трехъ тысячъ, а въ самомъ дѣлѣ не было ихъ во всѣхъ городахъ и пятисотъ. Вотъ какъ по всѣмъ повѣтамъ происходили наборы просителей, доступъ ихъ къ сенатору и пріемъ жалобъ. Надобно повѣтовымъ маршаламъ быть слѣпымъ, дабы не видѣть, что они во все время конфедераціи романовской были ничто иное, какъ гладіаторы, подстрекаемые недовольною партіею къ тому, чтобъ, во вреду своей чести, поддерживать вражду, обѣщавшую вѣрную пользу двумъ только человѣкамъ: Ильинскому и шурину его Гижицкому.

— Извините меня,—сказалъ мой историкъ:—я такъ заговорился, что позабылъ, гдѣ мы оставили сенатора.

— Въ Дубнѣ, отвѣчалъ я,—поднявшаго десницу свою на Корфа и готоваго разить всякое русское чиноначаліе.

— Правда, правда, и продолжалъ такъ:

Послѣ осмотра полиціи, на другой день г. ревизоръ былъ страдательною причиною тѣхъ дѣйствій и явленій, которые по порядку выше сего мною описаны, то есть принималъ дворянство, мѣщанство и жидовъ, говорилъ къ нимъ рѣчь, слушалъ ихъ словесныя жалобы, письменныя поручилъ Гижицкому, показывалъ на словахъ и на лицѣ своемъ неудовольствіе къ Комбурлею, отзывался весьма худо на счетъ губернскаго начальства, членовъ градской и земской полиціи величалъ мошенниками, казначеевъ ворами, а ключвойтовъ разбойниками. Потомъ, расхваливъ въ повѣтовомъ судѣ и въ магистратѣ служащихъ по выбору членовъ, побранивъ нижній земскій судъ и стряпчаго за дѣла, по случаю бывшихъ военныхъ обстоятельствъ неоконченныя, подтвердивъ казначею, чтобъ былъ въ своей должности еще исправнѣе, отдавъ подъ слѣдствіе Корфа и кагальныхъ, выѣхалъ въ Луцкъ, провожаемый далеко за городъ зрителями таковой небывалой никогда въ здѣшнемъ краю скороспѣшной ревизіи.

Въ Луцкѣ тѣже сцены, тѣже дѣйствія, но съ нѣкоторою перемѣною въ явленіяхъ. Въ Дубнѣ не было исправника, для того обрушилось мщеніе на полицмейстера; а въ Луцкѣ не было городничаго, для того напали на нижній земскій судъ. Трудно было при такихъ обстоятельствахъ остановить стремленіе пристрастныхъ побужденій. Исправника луцкаго не возлюбили съ тѣхъ поръ въ новѣтѣ, какъ имъ стали довольны военные генералы, войска и гражданское начальство, слѣдовательно во время переворота нельзя было уже удержаться ему на своемъ мѣстѣ, а какъ средства къ удаленію всякаго отъ должности состояли въ томъ, чтобъ кто нибудь его обжаловалъ, то безъ дальняго труда нашли двадцать помѣщиковъ, подписавшихъ вообще и порознь просьбы съ жалобою на исправника, а на другой день, не спрашивая отъ просителей доказательствъ и оправданія отъ отвѣтчика, отрѣшеніе его было готово. Странно, что уже и бумага о томъ была сенаторомъ подписана, но не имѣла дѣйствія. Говорятъ, что на сторонѣ исправника была канцелярія. Итакъ строгость, наказывая въ жару гнѣва, всегда почти заблуждается, и милость ея не въ милость. Исправникъ подалъ послѣ въ отставку и увольненъ съ честію. Да и самые тѣ дворяне, кои его обжаловали, дали черезъ годъ свидѣтельство, что никакой обиды отъ него не чувствовали и никакой претензіи къ нему не имѣютъ. Впрочемъ въ Луцкѣ, какъ и въ Дубнѣ, по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ найденъ совершенной порядокъ, отдана благодарность и путь взятъ во Владиміръ.

Тутъ таже церемонія, таже процессія, но съ большими декораціями. Дворянству надобно было сбыть съ рукъ исправника Фаеріуса и городничаго Янковича; Фаеріуса за то, что онъ во времена браней съ Наполеономъ, ревностію къ службѣ и усерднымъ отправленіемъ своей должности столько отличался, что командующіе арміями: фельдмаршалъ князь Кутузовъ, князь Багратіонъ, графъ Тормасовъ и адмиралъ Чичаговъ, кромѣ прочихъ генераловъ, отдавали трудамъ его и дѣятельности величайшую похвалу, начальникъ-же губерніи, въ вознагражденіе таковыхъ заслугъ, исходатайствовалъ ему два ордена: Владимірской и Анненской, да

пожалованіе чиномъ колежскаго ассесора. Къ тому-жъ еще говоритъ, что въ 1812 году, по случаю неоднократнаго впаденія его, Фаеріуса, съ передовыми козачьими командами въ предѣлы тогдашняго варшавскаго герцогства, отъ тамошняго правительства положена даже была за его голову плата. Преступленіе Янковича состояло въ томъ, что онъ съ молодыхъ лѣтъ знакомъ Комбурлею и что, по усердію къ своей обязанности, доносилъ начальнику о неблагопристойности и измѣнѣ нѣкоторыхъ владимірскихъ помѣщиковъ. При обревизованіи сенаторомъ нижняго земскаго суда, окружающая его вмѣстѣ съ Гижицкимъ толпа дворянства и письменно и словесно просили удалить Фаеріуса отъ должности, а естьли сего не послѣдуетъ, то они выѣдутъ жить за границу. Любопытно было видѣть, какъ обжалованный исправникъ, при глазахъ ревизора Сиверса, одинъ противу многихъ возставшихъ на него помѣщиковъ огрызался и доказалъ, что просьбы ихъ неосновательны, желанія пустыя, а жалобы ничего незначущія. Однако-жъ едва-ли-бы успѣлъ Фаеріусъ, естьли-бы не оправдывался и не объяснялся съ г. Сиверсомъ на нѣмецкомъ языкѣ, отъ котораго звуки, а особливо ланцманства такъ много подѣйствовали на сердце сенатора, что онъ, дабы, чрезъ отрѣшеніе отъ мѣста и отдачу Фаеріуса подъ судъ, не причинить ему несчастія, милостиво совѣтовалъ проситься въ отставку. Просьба подана; онъ увольненъ, и дворяне вострубили побѣду. Янковичъ сербинъ, по нѣмецки не знаетъ, а къ тому-же голъ и немощенъ, для того по одной безъдоказательной просьбѣ помѣщика, будто городничій опустошилъ его лѣсъ, отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду. Забавно слушать, что черезъ восемь мѣсяцей потомъ, когда проситель на Янковича, Пригоцкій, оказался по слѣдствію безъдоказательнымъ клеветникомъ, а городничій во всемъ правъ, то сенаторъ, предписавъ отдать перваго подъ судъ за ябеду, послѣдняго не допустилъ къ мѣсту, а еще забавнѣе, что отданный подъ судъ клеветникъ Пригоцкій, безъ судоваго оправданія, избранъ въ должность владимірскаго исправника и Гижицкимъ утвержденъ, а 65-ти-лѣтній Янковичъ, не имѣя куска хлѣба и прибѣжища, считается подъ судомъ, и выѣздъ ему изъ губерніи запрещенъ. Хорошо такъ искоренять

злоупотребленія! Кромѣ сихъ двухъ жертвъ сенаторской политики, отрѣшены, изъ угожденія дворянству, засѣдатели отъ короны, а послѣ обыкновеннаго одобренія и похвалы за найденную во всѣхъ частяхъ по повѣту и городу Владиміру исправность, повезъ ревизора Гижицкій въ Ковель.

Здѣсь такимъ-же образомъ забравши приготовленный запасъ жалобъ, расхваливши всѣ присутственныя мѣста, разругавши жидовскихъ кагальныхъ, сенаторъ Сиверсъ принужденъ былъ показать безпристрастную справедливость надъ земскимъ исправникомъ Смирницкимъ. Вы, можетъ быть, подумаете, что у него въ повѣтѣ дороги, мосты и гати неисправны, что недоимка запущена, что много важныхъ колодничьихъ дѣлъ слѣдствіемъ неконченныхъ? Совсѣмъ нѣтъ. Юристъ Веселовскій, да еще какая-то помѣщица, подали сенатору на него жалобу о грубомъ обращеніи исправника съ дворянами. Веселовскій представилъ въ доказательство письмо Смирницкаго, изобличающее самаго-же просителя въ клеветѣ, а помѣщица голословно представляла, что исправникъ въ 1813 году, внезапнымъ для войскъ требованіемъ изъ деревни ея подводъ и личнымъ затѣмъ въ оную своимъ прибытіемъ, перепугалъ ее до смерти. Дворянство не хотѣло имѣть у себя Смирницкаго. Повѣтовый маршалъ шепнулъ о томъ Гижицкому, Гижицкій представилъ столь важную причину сенатору. Жалобы изготовлены, подписаны и поданы. Чего-жъ долго дожидаться? Отрѣшить Смирницкаго отъ должности и предать суду. Отрѣшенъ и судится Но ни одинъ судъ не знаетъ, какъ взяться за это дѣло, а подсудимый бѣднякъ, страдая напрасно, не находитъ нигдѣ помощи, ибо рука Сиверса лежитъ на немъ. Помышляя о семъ, по неволѣ скажемъ такъ: снѣжный шаръ тѣмъ болѣе увеличивается, чѣмъ болѣе его катаютъ.

Между тѣмъ какъ удобопреклонностію сенатора къ слушанію пустыхъ жалобъ насыщалась недовольной партіи жадность къ перемѣнѣ исправниковъ и другихъ полицейскихъ чиновниковъ, въ губернскомъ правленіи состоялись два опредѣленія и по онымъ посланы указы: первое о томъ, что буде-бы не имущимъ крестьянамъ помѣщики не давали пропитанія (какъ то случилось въ

одной сказанной тамъ деревнѣ, гдѣ поселяне пухли съ голоду), то велѣно земскому начальству брать господскій хлѣбъ и кормить голодныхъ крестьянъ, а второе—по поводу перехваченныхъ и къ начальству доставленныхъ маршальскихъ повѣстокъ о незаконномъ сборѣ съ души по десяти копѣекъ для Гижицкаго, чтобъ впредь повѣтовые маршалы посылали къ дворянамъ повѣстки свои не прямо отъ себя, но посредствомъ нижнихъ земскихъ судовъ, съ увѣдомленіемъ содержанія оныхъ, а въ случаѣ незаконности, судамъ предписано—не приводить ихъ въ исполненіе; а какъ причиною тому былъ Гижицкій, то о поступкѣ его, вышедшемъ изъ предѣловъ власти и его обязанности, представлено на благоуваженіе сенатора-ревизора. Но сенаторъ-ревизоръ нетолько не взялъ на себя труда розыскать объ ономъ и поступить съ преступникомъ по строгости законовъ, но, не взирая на установленные обряды правосудія, не могъ будто-бы, какъ говорятъ, по весьма важнѣйшимъ причинамъ не простить его; а чтобъ на вѣки уморить сіе дѣло, яко памятникъ дворянской признательности къ ревизору, то оправдалъ Гижицкаго предъ самимъ государемъ императоромъ, какъ свидѣтельствуетъ высочайшій на имя его данный указъ отъ 28 го ноября 1815-го года. Что-жъ худого заключали въ себѣ означенныя два опредѣленія губернскаго правленія? Однакожъ маршалы такъ разошлись, что готовы были вызывать на поединокъ совѣтниковъ подписавшихъ указы и вѣчными остались имъ за то мстителями. Они кричали со всей мочи по повѣтамъ и жаловались сенатору, что ихъ подъ надзоръ отдали земской полиціи, а опубликованіемъ помѣщика, у коего крестьяне умирали съ голоду, нанесено безчестіе всему дворянству. Ревизоръ Сиверсъ не разсудилъ за благо обратить ихъ на другія мысли, боясь, что Гижицкій противу него самаго воздвигнетъ страшную бурю; къ тому-же Сиверсъ крайне подружился съ Гижицкимъ, а быть другомъ его гораздо опаснѣе, нежели непримиримымъ врагомъ.

Изъ Ковля отправился г. сенаторъ обратно, чрезъ владимірскій, луцкій и дубенскій повѣты, въ городъ Ровно. Тутъ ожидалъ его графъ Ильинскій. Увидѣлись, обнялись, поцѣловались и заплакали отъ радости: одинъ, что его предпріятія и затѣи вѣн-

чаются толикими успѣхами, а другой, что доставленный интригою случай быть волынскимъ ревизоромъ открылъ для честолюбія его ту дорогу, по которой на высоту славы восходятъ только одна истинная заслуга и отличныя дарованія. Но оба гг. сенаторы забыли, что сильные земли за всякую слезу подвластныхъ имъ, невинно пролитую, должны дать отчетъ Господу силъ и Богу отмщеній. Гижицкій и со всѣхъ обревизованныхъ повѣтовъ маршалы слѣдовали за ревизоромъ. Трепещите, градская и земская полиція, и вы, засѣдатели отъ короны, и ты, стряпчій! Конецъ вамъ приближается.

— Кто здѣсь исправникъ? спросилъ Сиверсъ.

— Царенко.

— Царенко? (тотъ самый, который посылалъ экзекуцію въ романовскій замокъ, который не исполнилъ воли его сіятельства графа Августа Ивановича Ильинскаго, который дерзнулъ клеветать на Валевскаго, на Яловицкихъ, на Ленкевичеву и на многихъ другихъ помѣщиковъ, высылавшихъ дѣтей и друзей своихъ за границу въ несчастное время прошедшей войны, будто они подозрительны и неискренно привязаны къ высочайшему престолу, который помѣщика Кашевскаго осмѣлился преслѣдовать за то, что онъ завелъ у себя фабрику для дѣланія убійственныхъ орудій и для запрещенной подчинки ружей, раздаваемыхъ секретно неизвѣстнымъ людямъ на извѣстное употребленіе, который прежде другихъ исправниковъ доносилъ Комбурлею о подозрительныхъ собраніяхъ и о всякихъ движеніяхъ въ его совѣтѣ?)—Подъ судъ его, непремѣнно подъ судъ.

— А городничій кто?

— Кутузовъ.

Услыша сіе имя, спросилъ опять сенаторъ:

— Каковъ онъ?

— Человѣкъ добрый; — но... княгиня, владѣлица города Ровно, не любитъ его (а особливо арендари ея не терпятъ такого градоначальника, который запрещаетъ имъ брать мыто, мостовое и разныя пошлины, взимаемыя по контракту отъ продажи печенаго хлѣба и всѣхъ прочихъ жизненныхъ припасовъ).

— Есть-ли на его жалобы?

— Будутъ.

— Подъ судъ его.

— Стряпчій хорошъ ли?

— Великій интригантъ.

— Вонъ и его негодяя изъ повѣта.

Рече и быша!

На другой день, послѣ подачи на аудіенціи установленнымъ порядкомъ многочисленныхъ по заведенному обыкновенію просьбъ на губернское и мѣстное начальство, посыпались жалобы на городничаго, на исправника, на стряпчаго, на засѣдателей, на ключвойтовъ. Можетъ быть поступили-бы претензіи и на соцкихъ и на десятскихъ, но они помѣщичьи крестьяне, для того сама благопристойность запрещала жаловаться. Не взирая однако жъ на жалобы, г. сенаторъ, обревизовавъ присутственныя мѣста и видя во всѣхъ частяхъ исправность, долженъ былъ, хотя съ принужденнымъ удовольствіемъ, отдать справедливость и градской полиціи, и нижнему земскому суду, и стряпчему. Но выѣзжая изъ Ровного, исправника и стряпчаго отрѣшилъ отъ мѣстъ и отдалъ подъ судъ, а городничему позволилъ проситься въ отставку. Вотъ въ полномъ значеніи слова роскошь милосердія и человѣколюбія! Представьте себѣ, когда начали стряпчаго судить и потребовали доказательствъ отъ обжаловавшихъ его помѣщиковъ, то всѣ отъ просьбъ своихъ отреклись и дали стряпчему свидѣтельство, что онъ имъ никакой не причинилъ обиды, а главному суду удостовѣреніе, что и они съ своей стороны никакой къ нему претензіи не имѣютъ. Вотъ каковы волынскіе помѣщики! Исторія сего дѣла извѣстна сенату и министру юстиціи, котерый велѣлъ дать стряпчему мѣсто въ другомъ повѣтѣ. Царенко такимъ-же образомъ давно-бы оправдался, естьли-бъ не впутали его въ другія дѣла, а Кутузовъ хотя совершенно не виноватъ, однакожъ уволенъ затѣмъ, что не умѣлъ угодить помѣщицѣ города Ровно, княгинѣ Любомирской, ревностнѣйшей патріоткѣ, извѣстной еще до замужества по своимъ любовнымъ интригамъ съ ославленнымъ предводителемъ мятежныхъ польскихъ войскъ, генераломъ Костюшкою.

Изъ Ровного въ Острогъ, кромѣ Гижицкаго и маршаловъ съ знатнѣйшими изъ недовольной партіи дворянами, препровождалъ сенатора Сиверса самъ графъ Ильинскій, мнимый князь мнимаго острогскаго княжества. Тутъ хотѣли сыграть какую-то странную комедію, подъ предлогомъ, что не вездѣ по губерніи русскіе чиновники дурные люди, а есть и хорошіе. И для того, представъ предъ сенатора, многочисленное дворянство и по извѣстному уже церемоніалу, принявъ отъ него аудіенцію, а ему насказавъ столько жалобъ, сколько говорить имъ приказано, и подавъ столько просьбъ, сколько было изготовлено, пустились всѣ въ запуски рекомендовать полиціймейстера, исправника и стряпчаго. Хвалятъ и улыбаются. Сенаторъ слушаетъ и самъ усмѣхается. Ахъ, какъ вредно для глазъ смотрѣть на такія сцены послѣ того, какъ наглядишься на лукавство, неправосудіе и неукротимую жестокость! Однако-жъ пойдемъ вслѣдъ за сенаторомъ. Онъ въ городническомъ правленіи. Удивляется порядку и скорому теченію дѣлъ, одобряетъ прочность пожарныхъ инструментовъ, хвалитъ чистоту улицъ, одѣяніе десятскихъ и исправность вѣсовъ и мѣръ. Отдавши благодарность словесно и на письмѣ начальнику города и его подчиненнымъ, вотъ онъ идетъ въ нижній земскій судъ. И тутъ все прекрасно, все исправно. Обращается въ казначейство и тамъ находитъ казну и книги въ совершенномъ порядкѣ. Куда-же онъ теперь поспѣшаетъ? Въ жидовскій кагалъ, и въ семъ старозаконномъ собраніи видитъ все на своемъ мѣстѣ. Тамъ кагальскія книги, тамъ счеты, а тамъ наличная казна. Повѣряетъ самъ приходъ съ расходомъ, вѣрно; читаетъ порознь статьи издержекъ, нѣтъ незаконныхъ; подзываетъ къ себѣ кагальныхъ и, въ знакъ благоволенія, гладитъ ихъ по бородѣ и даетъ отъ себя кагалу найлучшее свидѣтельство. Надобно замѣтить, что все сіе происходило безъ бытности настоящаго города Острога владѣльца, князя Кароля Яблоновскаго, крайне недовольнаго городничимъ, стряпчимъ и самимъ сосѣдомъ своимъ Ильинскимъ. Княжеская партія жидовъ, числомъ небольшая, но голая, дерзкая, во всему рѣшительная, хотя и приходила къ сенатору съ жалобами по наущенію управителя владѣльческаго, но его превосходительство, ненавидя-

щій доносовъ и пустыхъ извѣтовъ, приказалъ прогнать ябедниковъ. Что жъ потомъ дѣлаетъ упрямый князь?—Прибѣгаетъ въ Острогъ, одѣваетъ на свой счетъ оную дерзкую сволочь въ новые кафтаны, нанимаетъ двѣнадцать бричъ, везетъ ихъ къ сенатору въ Радзивиловъ, представляетъ ихъ, яко добычу мщенія градской полиціи и стряпчаго, клевещетъ обще съ ними на чиновниковъ; но сенаторъ пребываетъ непреклоненъ. Князь съ ничѣмъ возвращается назадъ, ищетъ по всему городу матеріаловъ къ жалобамъ, поитъ непотребныхъ сыновъ израилевыхъ и, наполнивъ ими пятнадцать бричъ, въ другой разъ везетъ ихъ къ огорченному и раздраженному па Комбурлея Сиверсу въ Бердичевъ. Ищетъ у него, то чрезъ Михельсона, то чрезъ любимца его Кіянова, то чрезъ дѣвку чухонку Анхенъ, словомъ атакуетъ со всѣхъ сторонъ и хотя съ потеряніемъ, говорятъ, двухъ или трехъ тысячь червонныхъ, но возвращается, поставивъ на своемъ. Онъ испросилъ повелѣніе удалить отъ должностей полицмейстера, стряпчаго и одного засѣдателя, отрѣшить кагальныхъ, коихъ недавно сенаторъ гладилъ по бородѣ, по жалобамъ княжескихъ клевретовъ, отдать всѣхъ ихъ подъ судъ, къ произведенію-же надъ ними слѣдствія послалъ нѣкоего хорошего Грибинскаго, о которомъ и его неслыханныхъ подвигахъ разскажу вамъ послѣ. Вотъ какъ иногда безчеловѣчно играютъ судьбою людей!

Обратимся назадъ. Сенаторъ изъ Острога отправился въ Заславь и оттоль въ Кременецъ. Ни тутъ, ни тамъ ничего не сдѣлалъ достопамятнаго, кромѣ того, что все хвалилъ, всему удивлялся и принималъ жалобы на губернскія присутственныя мѣста и на коронныхъ чиновниковъ. Хотя по всѣмъ повѣтамъ было дѣлаемо ему чрезвычайное угощеніе, но въ Кременцѣ, гдѣ славная гимназія и три женскихъ пансіона, гдѣ много ученыхъ, а мало добрыхъ, гдѣ собираются пожилыя дамы и убиваютъ время, а молодыя учатся разврату, приняли сенатора отличнѣйшимъ образомъ. Но среди великолѣпнаго балу пріѣзжаетъ нарочный и доноситъ сенатору, что генералъ-адъютантъ Кутузовъ дожидается его въ Радзивиловѣ съ повелѣніями отъ императорскаго величества. И такъ г. сенаторъ-ревизоръ, выѣхавшій четвертаго числа мая, возвра-

тился паки въ Радзивиловъ 23 того-же мѣсяца. Какая неимовѣрная дѣятельность! въ двѣнадцать дней проѣхать семь сотъ верстъ, обревизовать восемь повѣтовъ, принять болѣе двухъ тысячь никѣмъ не читанныхъ и никому непонятныхъ жалобъ, вездѣ видѣть порядокъ и исправность и нигдѣ ни малѣйшаго злоупотребленія, всѣхъ хвалить, а послѣ отрѣшать отъ должностей!! А какъ Кутузовъ, по увѣренію Сиверса, вручилъ ему разныя бумаги, относящіеся до радзивиловской слѣдственной коммисіи, до угнетеній и притѣсненій, чинимыхъ волынянамъ отъ губернскаго начальства, до злоупотребленій губернскихъ и таможныхъ чиновниковъ и до существовавшей въ Бердичевѣ складки отъ запрещенныхъ товаровъ, съ высочайшимъ повелѣніемъ произвести на мѣстѣ строжайшее изслѣдованіе, каковыя бумаги, говоритъ Сиверсъ, весьма сильно поколебали въ немъ тѣ впечатлѣнія на счетъ Комбурлея, которые онъ вывезъ съ собою изъ Петербурга, то матерія о сихъ пространныхъ предметахъ столь нова и столь занимательна, что на объясненіе ея надобно употребить гораздо болѣе времени, нежели сколько мы имѣемъ онаго свободнымъ.

Я благодарилъ любезнаго моего собесѣдника, который дѣйствительно устоялъ въ словѣ, ибо въ послѣдующіе затѣмъ три дни разсказалъ мнѣ окончательно не только объ интригахъ дворянства и всеобщемъ онаго непослушаніи къ начальству, но подробно далъ знать о дѣлахъ таможенныхъ, о дѣлахъ до ревизіи еврейской касающихся, о Булгаріи, о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ по части ввоза контрабандовъ, о вызовѣ Гижицкаго въ армію, о собраніи дворянъ въ Кременцѣ, потомъ въ Житомірѣ, о подписаніи ими акта противу начальства, о сопротивленіи маршаловъ законной власти, о путешествіяхъ г. сенатора Сиверса въ Романовъ, изъ Романова въ Житоміръ, изъ Житоміра въ Бердичевъ, о неотступномъ повсюду слѣдованіи за Сиверсомъ Ильинскаго и всей вообще партіи недовольныхъ, о началѣ, продолженіи и окончаніи слѣдствія, о бердичевской складкѣ, о ужасныхъ сценахъ при томъ бывшихъ, о новыхъ доносахъ на Комбурлея, Хрущова и на всѣхъ вообще губернскихъ чиновниковъ, объ отрѣшеніи ихъ, о выѣздѣ сенатора въ Петербургъ и о возвращеніи, о новыхъ ужасахъ, насильствахъ и несправедливостяхъ и о всеобщемъ торжествѣ волынянъ. Разговоры наши и мѣстныя удостовѣренія о справедливости мнѣ пересказаннаго такъ важны и такъ къ объясненію трудны, что я, дабы не утомить разомъ вашего вниманія, рѣшился помѣстить ихъ въ четвертомъ письмѣ, коимъ и заключу пространное мое описаніе о волынской революціи.

Имѣю честь быть и прочее.

I.

Изъ писемъ къ М. А. Максимовичу.

(Письма С. Т. Аксакова).

«Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалой;
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ:
И зримо ей минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ!»...
Жуковскій.

Бывшій профессоръ московскаго университета, профессоръ и первый ректоръ кіевскаго университета М. А. Максимовичъ оставилъ по себѣ рѣдкую добрую память. Отношенія къ нему многихъ лицъ, выдающихся представителей литературнаго и ученаго міра, были весьма дружественны и постоянны. Его любили и уважали не только товарищи и знакомые, но и цѣлыя ихъ семейства, отъ старшаго до самаго меньшаго грамотнаго члена. Ему помогали многіе не только добрымъ словомъ и ходатайствомъ, но весьма часто и „презрѣннымъ металломъ" и не напоминали о долгѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Все это доказывается обширнымъ собраніемъ ихъ писемъ къ нему, уцѣлѣвшихъ доселѣ. Изъ этихъ писемъ мы и хотимъ сдѣлать здѣсь нѣкоторыя извлеченія. Весьма вѣрный и теплый очеркъ симпатичной личности Максимовича читатели могутъ найти въ „Русскомъ Архивѣ" 1874 г., т. II, стр. 1055—1087, въ статьѣ П. А. Чаева, читанной въ публичномъ засѣданіи общества любителей россійской словесности. Мы здѣсь хотимъ говорить о лицахъ, которые любили Максимовича и помогали ему бороться съ сильною нуждою, угнетавшею его до конца жизни. Много этихъ лицъ еще остается въ живыхъ; теперь мы будемъ говорить только о почившихъ.

Личность С. Т. Аксакова, какъ *писателя,* извѣстна всякому читателю; но весьма немногіе знаютъ его, какъ *человѣка.* Пора намъ ближе присматриваться къ нашимъ славнымъ дѣятелямъ и узнавать въ нихъ не только степень таланта, но и мощь души,—не только силу слова, но и дѣло сердца. Большая часть современниковъ С. Т. Аксакова уже отошла, а въ настоящемъ поколѣніи немногіе знаютъ, что цѣлые десятки лѣтъ домъ его, равно и А. П. Елагиной, былъ яркимъ, грѣющимъ средоточіемъ, куда стекались всѣ даровитые дѣятели—отживающіе и начинающіе, вполнѣ обезпеченные счастливцы и труженики, сами пробивающіе себѣ дорогу. И всѣхъ одинаково радушно встрѣчалъ и покоилъ гостепріимный, сердечно-заботливый хозяинъ...

Но воспоминаніе объ Аксаковскихъ вечерахъ—весьма долгая пѣсня, которую не намъ заводить... Вмѣсто всякаго слова съ своей стороны, мы лучше приведемъ отрывки изъ его переписки съ Максимовичемъ, которые ясно откроютъ читателямъ высокосердечную личность *старика Аксакова.* Къ этимъ отрывкамъ присоединимъ нѣсколько историческихъ напоминаній.

Въ 1833—1834 годахъ Максимовичъ, по долгой болѣзни, сталъ хлопотать о своемъ переводѣ въ кіевскій университетъ; вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Гоголемъ, кн. Вяземскимъ, принялъ участіе въ переселеніи Максимовича и С. Т. Аксаковъ; вотъ записка его по этому поводу къ Максимовичу:

Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ!

„Если вы не послали еще извѣстнаго письма въ Питеръ, то удержите его на нѣсколько времени. Я имѣю вамъ сообщить кое-что отъ Брадке. Надѣюсь, что пріѣдете щей хлебать, и по-раньше, чтобъ потолковать“.

Вашъ душою С. Аксаковъ.

Многія записки Аксакова не имѣютъ на себѣ никакого обозначенія—ни года, ни мѣсяца, и мы размѣщаемъ ихъ только приблизительно. Вѣроятно къ этому-же времени относится слѣдующая записка:

„Пейкеръ весьма желаетъ познакомиться съ вами, почтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ. И такъ я готовъ ѣхать съ вами, когда

вамъ (угодно), только не сегодня. Всего лучше утромъ, часу въ 10-мъ. Обнимаю васъ". С. А.

(Пейкеръ Ив. Ив., бывшій потомъ главнымъ начальникомъ межеваго корпуса и усердный ревнитель раціональнаго сельскаго хозяйства, ум. въ 1844 г.).

Переводъ Максимовича состоялся наконецъ; ему надо было ѣхать, а онъ въ долгахъ по-уши; провѣдалъ объ этомъ Аксаковъ и пишетъ къ нему:

„Возлюбленнѣйшій Михаилъ Александровичъ! Надеждинъ сказалъ мнѣ вчера, что вы затрудняетесь въ *нѣкоторыхъ обстоятельствахъ;* если вы ихъ не уладите, то я готовъ охотно служить вамъ". Вашъ С. А.

„Только подъ секретомъ".

Такіе-же „секреты" заводилъ Аксаковъ со многими,—и секреты конечно были крупные... Въ іюлѣ 1834 года Максимовичъ уѣхалъ въ Кіевъ; тамъ дѣятельность его профессорская по *новому* для него предмету и суета ректорская не давали ему возможности вести частую переписку съ своими многочисленными московскими друзьями. Изрѣдка отзывался онъ къ Сухово-Кобылинымъ (въ домѣ которыхъ нѣкогда давалъ уроки), къ Елагиной, къ Надеждину, къ Погодину, Морошкину, а предъ Аксаковымъ помалчивалъ и, какъ видно, довольно долго. Но мысль о своемъ обязательствѣ его тревожила, и онъ писалъ своему ближайшему пріятелю Погодину о помощи, сдѣланной Аксаковымъ, и поручилъ освѣдомиться объ отношеніи Аксакова. Погодинъ въ ноябрѣ 1835 года отвѣчалъ ему: „Сергѣй Тимофѣевичъ на тебя не сердится". Между тѣмъ воспитаніе сестры, поддержка отца, устройство памятника на могилѣ матери поглощали всѣ средства Максимовича, и онъ не собрался съ силами уплатить свой долгъ. Въ февралѣ 1838 г. Погодинъ уже тормошитъ его на проломъ: „съ мѣсяцъ тому назадъ мнѣ послышалось, что ты не заплатилъ еще денегъ Аксакову. Помилуй, что́ ты это?" И въ декабрѣ того-же года: „что ты дѣлаешь съ Аксаковымъ! Ахъ, братецъ!"...

Наконецъ въ августѣ (1835 г.) пишетъ самъ Аксаковъ.

„Не могу думать, чтобы любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ совершенно забылъ меня, своего искренняго пріятеля! Хочу думать, что онъ писалъ ко мнѣ, даже не одинъ разъ,—не получалъ отъ меня отвѣта, подосадовалъ на меня, рѣшился молчать, но не разлюбилъ лѣ-

ниваго пріятеля. Впрочемъ я знаю, что вы поживаете хорошо, и что дѣла ваши идутъ прекрасно. Пейкеръ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ объ отзывахъ вашего попечителя. По старой дружбѣ, вы вѣрно хотите знать наше положеніе. Мы всѣ здоровы. Я сдѣланъ директоромъ и приступаю къ преобразованію моего училища въ институтъ. Костя мой выпущенъ кандидатомъ и тѣломъ становится богатырь. Онъ рѣшительно посвящаетъ себя ученой жизни и, можетъ быть, явится къ вамъ въ Кіевъ. Прилагаю у сего письмо къ Николаю Ивановичу [1]). Прошу васъ *содержать съ секретъ полученіе сего письма и ожиданіе его прибытія.* Онъ хозяинъ своихъ тайнъ, онъ объяснитъ вамъ все; я увѣренъ, что вы, какъ добрый его пріятель, примете въ немъ искреннее участіе".

„Простите, любезнѣйшій Михайла Александровичъ! Будьте здоровы и счастливы. Всѣ мои вамъ кланяются и желаютъ того-же".

Вашъ С. Аксаковъ.

„Хоть мнѣ совѣстно вамъ напоминать, но если васъ не затруднитъ, то я просилъ-бы о высылкѣ денегъ".

Конечно, Максимовичъ отозвался на это письмо, послалъ Аксакову свой „Кіевлянинъ" (и прежде постоянно посылалъ ему свои изданія) и, безъ сомнѣнія, просилъ объ отсрочкѣ, объ извиненіи, сохраненіи расположенія... Аксаковъ отвѣчалъ ему при одномъ изъ Погодинскихъ писемъ въ апрѣлѣ 1840 г.

„Давно уже хвораю, но не хочу пропустить случая написать нѣсколько строкъ. Будьте спокойны, любезнѣйшій Михайла Александровичъ, на счетъ извѣстнаго дѣла. Вѣдь я обвинялъ васъ только за молчаніе, котораго вначалѣ хранить было не надобно. Я ужасно пораженъ сейчасъ мною полученнымъ извѣстіемъ: сегодня въ 1-мъ часу утра кончилъ жизнь ударомъ Михаилъ Григ. Павловъ. Положеніе жены и 10 человѣкъ дѣтей ужасно; а онъ убрался славно"...

„Очень благодарю за „Кіевлянинъ" и за прежніе подарки".

---

[1]) Надеждину, который ѣздилъ за границу и на возвратномъ пути долженъ былъ ѣхать черезъ Кіевъ.—С. П.

Какъ ни обширно у Максимовича собраніе писемъ къ нему, но значительная часть ихъ роздана была имъ разнымъ лицамъ, собиравшимъ для чего-то автографы; поэтому и писемъ Аксакова у него сохранилось немного. Приводимъ здѣсь ихъ всѣ, какія уцѣлѣли.

„Здравствуйте, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ! Хотя не своей рукой пишу къ вамъ, но съ прежней своей дружбой. Въ короткихъ словахъ скажу вамъ, что я ослѣпъ лѣвымъ глазомъ и плохо начинаю видѣть правымъ... Но дѣло не объ этомъ. Я прошу вашего вниманія, участія и содѣйствія къ общему нашему литературному предпріятію, исполненіе котораго вручено Вас. Ал. Панову, прекрасному и достойному уваженія молодому человѣку, мною и всѣми нашими очень любимому [1]). Онъ просилъ меня, чтобъ я познакомилъ его съ вами, что я съ удовольствіемъ исполняю".

„Когда-же мы съ вами увидимся? Когда вспомнимъ доброе старое время? Что ваши глаза? Напишите или продиктуйте ко мнѣ нѣсколько строчекъ и вложите въ ваше отвѣтное письмо Панову. Прощайте! Обнимаю васъ по старинному".

Душевно преданный С. Аксаковъ.

„Жена и всѣ мои вамъ очень кланяются. Ѣду въ Питеръ къ доктору Исупову" (?).

1846 г., янв. 2. Радонежье, Подмосковная, близъ Тройцы.

Осенью 1849 г. Максимовичъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ прожилъ до іюня 1850 г. И, безъ сомнѣнія, къ этой порѣ относятся двѣ записки Аксаковыхъ:

„24 апрѣля. Пишу лежа въ постели. Сыновья обѣдаютъ сегодня у дяди, а Гоголь будетъ у насъ въ среду; но если вамъ не скучно будетъ, любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, отобѣдать со мной наединѣ—почти, то я очень буду радъ. Пріѣзжайте и сегодня и въ середу.

Вашъ душою С. Аксаковъ.

Что́ съ вами дѣлается, любезнѣйшій Михайло Александровичъ? Я слышу, вы больны... Пріѣхала-бы сама навѣстить васъ, но не могу

[1]) Рѣчь идетъ о «Московскомъ Сборникѣ», задуманномъ Пановымъ, при содѣйствіи Аксаковыхъ, Языкова, Хомякова, Самарина, Попова и друг. Изданъ на счетъ Панова.

отлучиться отъ Сергѣя Т.—Посылаю вамъ сушеной клубники отъ ревматизма; настойте ее, какъ чай, и кушайте съ сахаромъ; еще баночку варенья изъ клубники-же полевой. Прощайте, до свиданія! Ваша Ольга Аксакова.

Не знаю, какъ васъ, читатель, а меня, случайнаго переписчика этихъ простыхъ записокъ, строки эти чрезвычайно трогаютъ и умиляютъ... Писанныя на какихъ-то лоскуткахъ сѣрой бумаги, карандашомъ, торопливой рукой—они такъ и переносятъ меня въ грѣющую, сочувственную, животворящую среду. И какъ легко вѣрится, что въ такой средѣ и чужому было легко, какъ въ родной семьѣ, и больной скорѣе выздоравливалъ, и дѣло скорилось, и веселѣе глядѣлось на Божій свѣтъ... Благо и вспоминать о такихъ людяхъ... особенно теперь, когда не слышно о подобныхъ литературныхъ кружкахъ. Къ 1850 году относится слѣдующая записка Константина С. Аксакова:

„*31 августа, Кіевъ.* Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ! Мы въ *Кіевѣ!*.. Каково! Извѣщаемъ васъ объ этомъ, какъ обѣщали мы вамъ въ Москвѣ. Очень жалѣемъ, что васъ нѣтъ здѣсь. Вы-бы показали намъ Кіевъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Если-бъ мы поѣхали ранѣе, мы-бы поѣхали на Переяславль непремѣнно. Теперь погода становится уже такъ дурна, что мы спѣшимъ обратно въ Москву и пробудемъ здѣсь не болѣе недѣли“.

„Сестры вамъ кланяются и очень жалѣютъ, что васъ нѣтъ здѣсь. Что́ вы и Николай Васильевичъ [1]) не дали извѣстія о себѣ? Кіевъ всѣхъ насъ привелъ въ восхищеніе. Но Малороссія вздумала угостить насъ морозомъ и холодной погодой, что мѣшаетъ нашимъ обозрѣніямъ. Мы остановились въ гостинницѣ Лондонъ, близъ Печерска“.

„Прощайте, можетъ быть до скораго свиданія здѣсь или въ Москвѣ“.

Вамъ душевно преданный Константинъ Аксаковъ.

„Вяземскій здѣсь и также очень желаетъ васъ видѣть“.

---

[1]) Гоголь, выѣхавшій лѣтомъ 1850 года изъ Москвы вмѣстѣ съ Максимовичемъ на родину.

Кн. П. А. Вяземскій въ это время возвращался изъ Палестины, встрѣченный въ Одессѣ литературнымъ обѣдомъ, чрезвычайно его порадовавшимъ. Кіевъ проглядѣлъ его. Москва оказала ему блистательный пріемъ (См. „Москвитянинъ“ 1850 г., № 21, с. 33, Моск. Лѣтопись).

Возвращаемся къ письмамъ старика Аксакова.

5 іюля 1854 г.

„Давно уже получилъ я письмо ваше, любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, писанное вами 13 и 19 мая, а черезъ недѣлю послѣ письма получилъ и двѣ первыя книги „Кіевлянина“. Благодарю васъ за все; крѣпко обнимаю и поздравляю отъ души съ милою жинкою. Я недавно узналъ объ этомъ пріятномъ и великомъ событіи въ вашей жизни и попенялъ вамъ, что вы не увѣдомили объ этомъ немедленно стариннаго вашего пріятеля. Я потому только не отвѣчалъ въ первые дни на ваше дружеское, теплое письмо, что вы не написали мнѣ своего адреса. На Михайлову гору почта вѣрно не ходитъ; но на посылкѣ вашей написано „Золотоноша“, и такъ вѣроятно можно туда адресовать вамъ письма, что я теперь и дѣлаю и что я могъ-бы сдѣлать назадъ тому двѣ недѣли, еслибъ все это время не былъ очень боленъ. Теперь поправляюсь немножко и спѣшу отвѣчать вамъ.

„Выраженіе „*соколъ въ мытахъ бываетъ*“ рѣшительно означаетъ то время, когда соколъ линяетъ, т. е. перемѣняетъ свои перья; этотъ процессъ сопровождается у птицъ всегда мытомъ, т. е. поносомъ.

„Очень радъ, что Ивану удалось побывать у васъ... Спасибо ему, онъ описалъ мнѣ подробно ваше житье-бытье“.

„Благодарю васъ за доброе слово о моей книгѣ: оно мнѣ очень дорого и пріятно [1]). Есть-ли у васъ второе изданіе „Объ уженьѣ рыбы“? Если нѣтъ, то я непремѣнно пришлю вамъ. Вы, вѣрно, получаете „Москвитянинъ“, а потому знаете все, что я напечаталъ. Но я недописалъ довольно и многое желалъ-бы прочесть вамъ, потому что не все будетъ пропущено цензурой, да и не все можетъ быть напечатано“ [2]).

---

[1]) Это конечно «Записки ружейнаго охотника» оренбургской губерніи, вышедшія незадолго передъ тѣмъ новымъ изданіемъ.

[2]) Аксаковъ въ этомъ случаѣ самъ смотрѣлъ на себя сквозь очки тогдашней цензуры.

„Вы вѣрно уже знаете, какъ я познакомился съ Паликопомъ и какъ мы полюбили другъ друга [1]). Я уже послалъ ему кое-что и обѣщалъ окончаніе; но хворость и знойное лѣто отнимаютъ у меня руки“.

„Безсмысленная цензура не пропускаетъ ничего, что́ пишетъ Константинъ, даже патріотическихъ стиховъ, даже грамматики! Согласитесь, что это тяжело. Теперь лѣто, и мы съ нимъ наслаждаемся природой и удимъ рыбу; но къ зимѣ надо будетъ употребить всѣ усилія, чтобъ выйти изъ такого тяжелаго положенія. Голоса украинскихъ пѣсенъ по прежнему вьются и въ Абрамцевѣ, и число ихъ увеличивается“.

„Чаялъ и я также, что громы святой Руси возгремятъ во славу ей, за святое дѣло, во благо всемірное; но послѣднія событія, кажется, доказываютъ, что еще не пришло то время. Впрочемъ, можетъ быть, путемъ испытанія и всякихъ скорбей дойдемъ мы до великой цѣли. Во всякомъ случаѣ: быть грому великому!“

„Отъ всей души желаю, чтобъ вы съ милою жинкою перебрались съ Михайловой горы въ Москву; тогда-бы и мы увидали обоихъ васъ въ моемъ мирномъ Амрамцевѣ“.

„Крѣпко я постарѣлъ и похилѣлъ тѣломъ... Слава Богу, покуда сохраняю бодрость духа; но на долго-ли? Скверное дѣло—старость!“

„У насъ сегодня настоящее лѣто: 25 град. въ тѣни. Я люблю лѣтній зной. Въ немъ есть что-то роскошное и привольное“.

„Моя старуха и всѣ мои дочери очень вамъ кланяются, а также вашей милой супругѣ: вы вѣрно заочно познакомили ее съ нами. Константинъ васъ обнимаетъ. У насъ съ 25 марта совершенный лазаретъ. Старуха моя была очень больна, а я хвораю безпрестанно съ 22 августа прошлаго года. Нынѣшнимъ лѣтомъ еще не наслаждался. Авось теперь удастся запастись лѣтнимъ тепломъ на зиму. Прощайте, мой любезнѣйшій Мих. Алекс.! Не забывайте насъ, а мы васъ всегда помнимъ. Крѣпко обнимаю“.

Душою вашъ С. Аксаковъ.

---

[1]) Здѣсь вѣроятно разумѣется Кулишъ, занимавшійся тогда біографіей Гоголя; Аксаковъ дѣйствительно доставлялъ ему не мало матеріаловъ въ то время.—С. П.

Москва, 10 апрѣля 1856 г.

„Лучше поздно, чѣмъ никогда"—говоритъ французская пословица; но она не оправданіе мнѣ, мой любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ! Прошло слишкомъ мѣсяцъ, какъ я получилъ письмо ваше отъ 17 февраля... Не оправдываюсь также суетою московской жизни, отъ которой я поотвыкъ въ продолженіи безвыходной 4-хъ лѣтней жизни въ деревнѣ, суетой, которая удесятерилась въ сравненіи съ прежней. Едва я имѣю 3 или 4 часа свободныхъ утромъ, которые посвящаются исключительно литературному дѣлу... Но я не хочу оправдываться, а прошу васъ вѣрить моей искренней, неизмѣнной дружбѣ. Какъ обрадовали вы меня извѣстіемъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ вы пріѣдете въ Москву! Авось, Богъ дастъ, увидимся, потому что до моего Абрамцева всего 56 верстъ; да я и самъ въ концѣ лѣта, къ коронаціи намѣренъ пріѣхать со всей семьей недѣли на двѣ въ Москву, а въ исходѣ октября надѣюсь переѣхать въ Москву на всю зиму и даже до половины мая.

„Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ прискорбно, что до 17 февраля вы не имѣли моей „Хроники", которую я немедленно выслалъ къ вамъ; но, увы! имѣлъ глупость сдѣлать это черезъ Кулиша, потому что на ту минуту не зналъ вашего адреса [1]). Ежели вы и до сихъ поръ не получили моей книги, то это приведетъ меня въ отчаяніе. Кулишъ явился ко мнѣ въ Москву совсѣмъ неожиданно и объявилъ мнѣ, что ожидалъ васъ въ Кіевѣ и потому книги вамъ не послалъ. Онъ однакоже написалъ немедленно, чтобъ книга была вамъ сейчасъ доставлена. Если вы ее получили и прочли, то прошу васъ написать мнѣ настоящую правду. Я требую этого отъ васъ во имя нашей 30-ти лѣтней пріязни. Замѣтьте все, что васъ непріятно остановитъ въ какомъ-бы то ни было отношеніи; ради Бога, не бойтесь показаться взыскательнымъ и придирчивымъ: мнѣ это необходимо, потому что я приступаю къ исправленію книги для втораго изданія [2]).

---

[1]) Максимовичъ съ 1856 г. часто ѣзжалъ въ Кіевъ и проживалъ тамъ по нѣсколько мѣсяцевъ.

[2]) Это желаніе С. Т. Аксакова замѣчательно, какъ въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, какъ много довѣрялъ онъ эстетическому вкусу Максимовича, такъ и въ томъ еще, что онъ вовсе не былъ отуманенъ громкими похвалами, раздавшимися почти одновременно со стороны авторитетныхъ цѣнителей, какъ гг. Анненковъ, Гиляровъ, Дудышкинъ, Плетневъ...—С. Н.

Я написалъ четвертый отрывокъ „Сем. Хроники“ и пишу пятый. Уступаю общему желанію узнать, какъ начнутъ свою жизнь молодые Багровы, хотя для меня это очень трудно и щекотливо.“

„Я тогда-же передалъ Погодину данное вами мнѣ порученіе; но у него идетъ какая-то темная исторія съ „Москвитяниномъ“: то онъ его уничтожаетъ, то передаетъ, то самъ выдаетъ“ [1]).

„Въ Русской Бесѣдѣ я не принималъ участія, но сыновья мои участвуютъ. Иванъ на дняхъ воротился и долженъ теперь заняться отчетами географическому обществу. Константинъ печатаетъ „Луповицкаго“ [2]). Кулишъ (онъ проситъ, чтобъ его болѣе не называли Кулѣшъ), слава Богу, отдохнулъ теперь; онъ получилъ право общей цензуры [3]) и печатаетъ теперь въ Петербургѣ „Записки о жизни Гоголя“, которыя немедленно выходятъ. Вѣроятно, онъ началъ уже печатать свои этнографическія „Записки о южной Руси“ и проживетъ въ Петербургѣ до іюня. Я очень полюбилъ этого энергическаго и преданнаго своему дѣлу человѣка“.

„Много любопытнаго и новаго происходило у насъ въ Москвѣ. Если вы читаете газеты, то вѣрно замѣтили праздники черноморскимъ морякамъ. Жаль, что вы не узнаете до пріѣзда въ Москву рѣчи Погодина на обѣдѣ Сакену и также рѣчей моего Константина. Много пріятныхъ надеждъ зашевелилось въ сердцахъ честныхъ людей; но я боюсь, что онѣ рановременны. Впрочемъ будемъ надѣяться. Государь нашъ добръ и разсудителенъ. Нельзя вдругъ освободиться отъ тины, которая полтораста лѣтъ постоянно наплывала.“

„Успѣхъ моей книги удивилъ меня. Вы знаете, что мое самолюбіе незаносчиво, и оно остается такимъ, не смотря на всѣ печатныя, письменныя и словесныя похвалы, которыя иногда доходятъ до нелѣпостей. Я всегда зналъ, что у меня есть дарованіе, и говаривалъ, что я потому не пишу, что некому меня заставить писать; и меня заставили писать полуслѣпота и деревня. Я прожилъ жизнь, сохранилъ

---

[1]) «Москвитянинъ» прекратился въ 1856 г.

[2]) Эта комедія лѣтъ пять не была дозволяема къ печати, но списки ея ходили въ провинціи уже въ 1852 г.; мнѣ самому случилось ее переписывать подъ строжайшимъ запретомъ—никому не показывать...

[3]) До той поры онъ печаталъ подъ псевдонимомъ «Николай М.».

теплоту и живость воображенія, и вотъ отчего обыкновенный талантъ производитъ необыкновенное дѣйствіе".

Прощайте, до свиданія! Крѣпко васъ обнимаю.

Душою вашъ С. А.

На этомъ-же самомъ письмѣ, глазамъ не вѣря, читаешь слѣдующую приписку самаго Аксакова:

„Сегодня съ Хомякова полиція беретъ подписку—не ходить въ русскомъ платьѣ и бородѣ!!! Печальное событіе, глубоко оскорбляющее всѣхъ русскихъ людей, способныхъ уважать честь, честность, умъ и всѣ дары Божіи въ Хомяковѣ".

Аксаковъ могъ-бы прибавить: любовь къ Россіи, ко всему ея завѣтному и многія гражданскія доблести въ Хомяковѣ, которыя онъ въ сто разъ болѣе проявилъ, чѣмъ его запретители...

Въ 1857 г. Максимовичъ былъ вызываемъ въ Москву для завѣдыванія редакціей „Русской Бесѣды", и онъ извѣстилъ Аксакова о своемъ скоромъ пріѣздѣ. Вотъ отвѣтъ Аксакова:

1857 г., 3 мая.

„Извините меня, любезнѣйшій пустынникъ Михайловой горы, мой добрый, старый собесѣдникъ Михаилъ Александровичъ, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ на ваше дружеское письмо. Московская хлопотня, да еще сватьба дочери [1]), совершенно вскружили мою голову, и я хотѣлъ отвѣчать вамъ уже изъ деревни; но вчера былъ у меня Осипъ Максимовичъ и прочелъ мнѣ по секрету ваше письмо [2]). Благодарю васъ за память о старомъ и за новую довѣренность. Кажется, это не трудно будетъ уладить. Въ свое время Бодянскій увѣдомитъ васъ обо всемъ подробно. Не нужно васъ увѣрять, какъ мы, старинные ваши пріятели, т. е. я и сватъ мой Антонъ, будемъ рады вашему переѣзду въ Москву. Авось, мы съ вами вмѣстѣ еще что-нибудь поработаемъ".

„Вы встрѣтили новую «Молву» [3]) точно съ такимъ-же чувствомъ въ вашемъ письмѣ, съ какимъ я встрѣтилъ ее печатно въ 1 №. Война

---

[1]) Маріи Серг. за Томашевскаго.

[2]) Ос. Мак. Бодянскій. Секретъ касался предполагаемаго переѣзда въ Москву.

[3]) «Молва»—газета, основанная въ 1857 г. К. С. Аксаковымъ подъ его-же редакціею; номинальнымъ редакторомъ былъ г. Шпилевскій. Она просуществовала только годъ. Говоря о «Молвѣ», Бодянскій писалъ Максимовичу: «это—конница при пѣхотѣ» («Рус. Бесѣдѣ»).—С. П.

загорѣлась кровавая! Не за литературныя мнѣнія, а за убѣжденія душевныя: народныя и политическія. Покуда—дѣло идетъ хорошо; но когда мы съ Константиномъ переѣдемъ въ деревню, то оно неминуемо испортится. Разумѣется, Константинъ каждую недѣлю дня на два будетъ пріѣзжать въ Москву, но это все уже будетъ не то. Отвѣтственный редакторъ—неопытный юноша, и ему не справиться съ такой обузой.

„Я дописываю большую книгу. Кажется, я писалъ къ вамъ о моей работѣ. Это *должно* быть (хорошо, если *будетъ*) художественнымъ воспроизведеніемъ моихъ дѣтскихъ лѣтъ, начиная съ третьяго до девятаго года моей жизни. Сначала—отрывочныя воспоминанія, а потомъ—цѣльный и подробный разсказъ. Кое-что я читалъ всѣмъ нашимъ друзьямъ и знакомымъ, и они увѣряютъ меня, что это лучше всего того, что я написалъ. Я самъ такъ думаю о *нѣкоторыхъ* мѣстахъ, но совсѣмъ не увѣренъ еще въ достоинствѣ цѣлаго сочиненія, и, совершенно увѣренъ, оно не можетъ возбудить такого общаго сочувствія, какое возбудила „Хроника и воспоминанія". Жизнь человѣка въ дитяти не всѣмъ будетъ понятна, и подробности разсказа многимъ покажутся мелкими и ничтожными. Отрывокъ будетъ помѣщенъ въ 3-й книгѣ „Бесѣды" [1]).

„Прощайте, любезнѣйшій другъ! Если вздумаете писать ко мнѣ, то адресуйте въ Сергіевскій посадъ. Да подкрѣпитъ Богъ ваше здоровье. Всѣ мои усердно кланяются вамъ и вашей женѣ и я также. Обнимаю васъ по старому".

Душою вашъ С. Акс.

„Обнимите за меня Чижова. Я душевно скорблю объ его болѣзни".

Это было послѣднее письмо С. Т. къ Максимовичу. Въ 1858 и отчасти въ 1859 г. Максимовичъ жилъ въ Москвѣ, а 30 апрѣля 1859 г. скончался С. Т. Аксаковъ...

---

[1]) Послѣдняя половина письма этого является новымъ доказательствомъ здраваго и вѣрнаго взгляда автора на свое сочиненіе («Дѣтскіе годы») и вмѣстѣ съ тѣмъ критическимъ предвидѣніемъ, которое оправдалось на опытѣ.

„Самыя полныя, искреннія записки — говоритъ кн. Вяземскій — не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какими дышутъ и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда проговаривающеюся рукою. Письма — это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ ея".

Раздѣляя эти мысли, мы и предлагаемъ вниманію читателей былую „жизнь по горячимъ слѣдамъ ея".

II.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ.

(Мерзлякова, Раича, Одоевскаго, М. Г. Павлова, Чижова, стихи Максимовича).

«И много славныхъ тѣней встало!»...
Жуковскій.

Въ послѣдніе годы своей жизни Максимовичъ самъ собирался печатать нѣкоторыя извлеченія изъ писемъ къ нему, подъ общимъ заглавіемъ „Перекати-поле". Помнится, одна тетрадка была уже готова и отправлена въ какую-то редакцію, и тамъ пропала... Намъ случалось видѣть ее у Максимовича, и мы ясно помнимъ, что первыя свои извлеченія и воспоминанія онъ посвятилъ „наставникамъ, хранившимъ юность" [1]). Слѣдуя его завѣту, мы предлагаемъ нынѣ кажется все то, что было избрано имъ самимъ.

Въ началѣ 1826 г. Максимовичъ, служившій тогда еще въ Москвѣ, былъ назначенъ помощникомъ проф. Гофмана въ наблюденіи за ботаническимъ садомъ, а по смерти Гофмана (въ мартѣ) принялъ въ самостоятельное завѣдываніе садъ и гербаріи университетскіе; въ ботаническомъ саду онъ провелъ все время своей московской жизни. Туда къ нему очень часто обращались товарищи и добрые знакомые за цвѣтами и пр., и онъ не отказывалъ, особенно когда просительная записка привѣтливо обвивалась около его

---

[1]) Погодинъ писалъ къ Максимовичу въ 1871 г.: «Перекати-поле» я прочелъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Непосвященные, непонимающіе (чтобъ не сказать — дурни) забраковали его. Не сердись.

сердца. Въ бумагахъ Максимовича сохранилась одна подобная записка *Мерзлякова:*

„Къ юному, доброму русскому Линнею обращаюсь съ извѣстною просьбою и посылаю моего человѣка, которому поручено сокровища милостивой Флоры переселить въ мою колонію, то есть, въ Сокольники. Вы спрашивали, какихъ надобно цвѣточковъ? Отвѣтъ: какіе можно. Я не хозяинъ въ вашемъ добрѣ. Разумѣется женщины любятъ, что поцвѣтнѣе, что подушистѣе, покрасивѣе. Женѣ хочется поглядѣть и полюбоваться въ продолженіи вакаціи: и потому она просила у васъ напр. маргаритокъ, резеды и пр. и пр., что придумаете. Надѣюсь на ваше ко мнѣ благорасположеніе и пріязнь, безпокою васъ такой комисіей и увѣренъ, что вы на меня не разсердитесь. Что дѣлать? Отъ женщинъ не отговориться. За то обѣщаютъ онѣ вамъ прелестную невѣсту.

Съ истиннымъ почтеніемъ"... и проч.

Записка помѣчена „3 мая", безъ означенія года, но несомнѣнно относится къ концу 20-хъ годовъ. Это единственный, извѣстный намъ образецъ дружеской записки Мерзлякова, о которомъ Жихаревъ говорилъ: „нѣтъ человѣка любезнѣе его, когда онъ на распашку". Вспомнимъ при этомъ прекрасное выраженіе Мерзлякова: „десятокъ умныхъ головъ не стóитъ одной веселой и доброй души: всѣ умны *по своему*".

По тому-же поводу обращается не разъ къ Максимовичу незаслуженно-забытый, добродушный Раичъ-Амфитеатровъ Егор. Сем. (родной братъ кіевск. митроп. Филарета), и притомъ въ стихахъ; вотъ образчикъ:

„Хотѣлось-бы васъ просить
Стихами или прозой—
Мой садъ обогатить
И тополемъ и розой,
Лилеей, сирингой;
Хотѣлось-бы въ садикъ мой
Переманить шевръ-фёли,—
А впрочемъ—то-ли, то-ли
Пришлете,—все равно!

Раичъ былъ когда-то предсѣдателемъ одного изъ литературныхъ кружковъ московскихъ, въ которомъ членами были А. Н. Муравьевъ (паломникъ), Вл. П. Титовъ, С. П. Шевыревъ, Д. П. Ознобишинъ, Н. И. Рожанинъ, переводчикъ „Страданій Вертера", А. И. Писаревъ, остроумный водевилистъ, А. И. Кошелевъ, Н. В. Путята и кн. Вл. Ѳ. Одоевскій. Единственныя свѣдѣнія объ этомъ обществѣ, и то невѣрныя, сохранены К. А. Полевымъ въ его неоконченной книгѣ „Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полеваго" (Спб. 1860 г.). Нѣсколько бѣглыхъ, разбросанныхъ воспоминаній можно найти въ нашей литературѣ о каждомъ изъ этихъ лицъ; но лучше всякихъ воспоминаній для насъ—ихъ собственныя письма, которыхъ хотѣлось-бы больше и больше видѣть въ печати. Мы очень рады, что можемъ привести здѣсь два письма кн. Вл. Ѳ. Одоевскаго къ Максимовичу, относящіяся къ 1833 году и имѣющія біографическое значеніе. Надо замѣтить, что князь писалъ письма очень рѣдко.

Сближеніе кн. Одоевскаго съ Максимовичемъ началось еще въ 1824 году. Первая книга, изданная Максимовичемъ „Зоологія", вызвала у кн. Одоевскаго весьма сочувственную рецензію (въ Сынѣ Отечества); мало того: князь позаботился отыскать самаго Максимовича, познакомился съ нимъ, ввелъ его въ кругъ литераторовъ и вседушевно радовался успѣхамъ его научнымъ и литературнымъ. Чуть только вышла у Максимовича „Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ", князь немедленно послалъ ему слѣдующій привѣтъ:

Спб., 10 іюня 1833 г. (?)

„Поздравляю и благодарю васъ отъ сердца, любезнѣйшій Михаилъ Максимовичъ [1]); я отъ вашей книги Наума безъ ума отъ восхищенія и доказательствомъ тому можетъ служить то, что я пишу къ вамъ,— дѣло, на которое, какъ вы сами знаете, я рѣдко покушаюсь. Что будешь дѣлать? Время бѣжитъ такъ быстро, такъ быстро, работы на семъ свѣтѣ такъ много, такъ много, что если давать сердцу свободу слѣдовать своему влеченію, то не успѣешь оглянуться, какъ исчезнутъ силы для дѣятельности, а останется только одна охота ничѣмъ неудовлетворимая. И это письмо есть письмо полудѣловое: знаете-ли вы,

---

[1]) Sic! Князь или запамятовалъ отчество, или титулуетъ его прямо по фамиліи.

что мы встрѣтились съ вами на дорогѣ литературней? Можетъ быть, вы слышали уже, что я теперь прилежно занимаюсь естественными науками и въ особенности химіею; я здѣсь весь прошедшій годъ бралъ уроки у академика Гессе (ужаснаго атомистика, но того-то мнѣ и надобно было), съ цѣлію написать „Народную Химію". Образчикъ моей работы „*Краткое понятіе о химіи, необходимое для свѣчныхъ мастеровъ*", можете прочесть во 2-й книжкѣ „Журнала общеполезныхъ свѣдѣній". Не можемъ-ли мы соединить наши труды? Увѣдомьте меня, какія части вашего изданія еще вами не обработаны, или—не сообщите-ли вы мнѣ, прежде напечатанія, уже готовые ваши труды? Сверхъ того, что я стану для васъ работать даромъ, т. е. *не* участвовать въ выгодахъ, я могу помочь вамъ и въ издержкахъ изданія; а если Богъ поможетъ мнѣ въ нѣкоторыхъ моихъ предпріятіяхъ, то мнѣ возможно будетъ взять на себя и всѣ издержки на печатаніе безъ возврата; это вамъ дастъ способъ пустить книгу дешевле, что мнѣ кажется необходимымъ. Подумайте о семъ и сообщите мнѣ ваше мнѣніе, безъ всякихъ обиняковъ и церемоній, ибо въ такомъ дѣлѣ, котораго цѣль единственно общая польза, всякія вѣжливости почти преступленіе. Вы меня знаете и потому можете вѣрить, что это не пустыя фразы, а дѣйствительно то, что я думаю и чувствую. Когда вы согласитесь на мое предложеніе и напишете мнѣ подробно, какъ вы думаете соединить наши работы, тогда я вамъ сообщу нѣкоторыя замѣчанія на 1-ю книжку вашего изданія. Она вообще прекрасна, вы совершенно попали на тонъ, необходимый въ семъ родѣ книгъ; но боюсь, будетъ-ли книга ваша совершенно понятна: по странному стеченію обстоятельствъ, вы пропустили именно то, что мнѣ казалось необходимымъ выяснить въ моей химіи для свѣчныхъ мастеровъ, а именно: увѣрить ихъ, что воздухъ есть дѣйствительно тѣло. А напротивъ мнѣ и въ голову не входило, что можно сдѣлать краткую географію столь занимательною для простолюдина, какъ ее сдѣлалъ г. Наумъ. Слава и честь ему! Это самое навело меня на мысль, что въ дѣлѣ такого рода соединеніе трудовъ можетъ быть полезно больше, нежели въ чемъ другомъ, ибо что не придетъ на мысль одному, то придетъ другому. За всѣмъ тѣмъ я повторяю, что появленіе вашей книжки произвело во мнѣ радость, какой я давно ужъ не испытывалъ при появленіи русскихъ книгъ; она хороша

и сама по себѣ, и съ прекрасною цѣлію, и во время. Вы знаете, что теперь вошло въ моду и между самыми образованными людьми сомнѣваться въ благѣ просвѣщенія и не вѣрить уму человѣческому. Я-же не перестаю говорить этимъ господамъ: „Мм. гг., чтобы видѣть ясно, надобно освѣтить комнату, а безъ того вы не имѣете права даже сомнѣваться". Тѣ чудеса, которыя должно произвести просвѣщеніе русскихъ, подтвердятъ слова мои, и способствовать тому почитаю цѣлію всякаго человѣка, у котораго есть мозгъ въ головѣ и сердце въ груди. Сею мыслію я руководствуюсь во всѣхъ моихъ поступкахъ, и она-же заставила меня порадоваться отъ души вашему прекрасному труду. Я теперь пишу статью о вашемъ Наумѣ для Журнала Мин. Вн. Дѣлъ. Пришлите мнѣ нѣсколько экземпляровъ вашей книги, я спущу ихъ съ рукъ. Прилагаю при семъ для васъ экземпляръ моихъ „Сказокъ", который давно уже былъ вамъ назначенъ и который я забывалъ послать вамъ".

Васъ душевно любящій и уважающій кн. Вл. Одоевскій.

Другое письмо кн. Одоевскаго не имѣетъ на себѣ никакой помѣты; но оно несомнѣнно относится къ концу 1833 года, какъ видно изъ самаго содержанія письма и изъ того обстоятельства, что въ немъ идетъ рѣчь объ альманахѣ Максимовича („Денница"), который готовился онъ издать на 1834 годъ.

„Не имѣю времени, любезнѣйшій Михаилъ Максимовичъ, отвѣчать порядочно на ваше письмо, ибо дѣла у меня по уши. Отыщите у Кирѣевскаго мою статью „*Сцена изъ Петра Пустынника*" и пришлите мнѣ ее, ибо ее надобно переплавить; я вамъ обѣщаю ее отправить обратно на другой-же день; сегодня 23-е, слѣдов. чрезъ 10 дней она можетъ у васъ уже печататься. Чрезъ мѣсяцъ буду свободнѣе и буду подробно писать вамъ. Вашъ „Наумъ" будетъ взятъ для школъ канцелярскихъ служителей; это будетъ довольно большое количество экземпляровъ, въ семъ случаѣ какую вы цѣну ему назначите? Увѣдомьте меня".

„Я печатаю — ужасъ—что! —съ Гоголемъ „Двейчатку", книгу, составленную изъ нашихъ двухъ новыхъ повѣстей [1]); сверхъ того: *„Дѣтскую книжку для воскресныхъ дней"*, почти всю составленную изъ моихъ оригинальныхъ піесъ и сверхъ того еще особенно дѣтскую фантастическую сказку „Городокъ въ табакеркѣ"; корректуры на меня рѣкой льются, а пуще всего къ концу года *служебныя дѣла* обыкновенно умножаются, и потому не имѣю минуты свободной. О Наумѣ буду писать къ вамъ, когда все это угомонится; я для него много приготовилъ, а еще болѣе пріискалъ. Прощайте! Вашъ кн. Од."

„Да напишите мнѣ вашъ адресъ".

Съ переѣздомъ Максимовича изъ Москвы въ Кіевъ, письма къ нему московскихъ друзей уже именно рѣкой полились. Въ главѣ ихъ мы поставимъ письмо любимаго его наставника Мих. Григ. Павлова.

Москва, 1834 г., ноября 13.

„Очень радъ вашему, хотя довольно позднему, отзыву, почтеннѣйшій Михайло Александровичъ! Пыланіе хоть куда! Васъ посѣщаетъ, видно, и тамъ вдохновеніе; не изъ Москвы-ли оно прилетаетъ? Думаю, что Кіевъ не могъ еще сдѣлаться для васъ тѣмъ, чѣмъ была Москва. Мы сами очень объ васъ жалѣемъ, но что-жъ дѣлать! Мое по крайней мѣрѣ побужденіе—не удерживать васъ—доселѣ остается въ томъже видѣ Весь сѣверъ погруженъ въ атомизмъ; нельзя-ли хоть на югѣ распространить динамизмъ? Увѣренъ, что вы въ этомъ успѣете. Вотъ моя мысль, когда я вамъ совѣтовалъ ѣхать въ Кіевъ".

„Видите-ли: вышла еще „Физика" въ Петербургѣ, какого-то Щеглова, вѣрно—это потомокъ перваго. „Сѣверная Пчела" прожужжала, что эта „Физика" превосходитъ не только всѣ русскія, но и всѣ иностранныя. Я ея еще не читалъ, но видно по полёту; тамъ-же, въ

---

[1]) Вовсе не выходила. А «Дѣтская книжка» вышла въ 1833 г., на заглавіи сказано: *Издан. В.* и *О.* «Городынъ» вышелъ въ 1834 г. Если предполагается полное собраніе сочиненій кн. Одоевскаго, то надо будетъ обратить вниманіе и на его «Дѣтскую книжку», и на сцену изъ «Петра пустынника», которыя въ Денницѣ не появлялись, и на рецензію «Наума».

„Сѣверной Пчелѣ“ сказано: Щегловъ и Перевощиковъ суть представители современной Физики. Теперь судите: какъ атомистика крѣпко еще держится. Жаль, что у насъ, гдѣ все ново и юно, поддерживается старая нелѣпость. Помогите мнѣ совершить побѣду надъ атомистами. Знаю, что вы уже воевали противъ нихъ, но боюсь, чтобъ дѣла ректорства не отвлекли васъ отъ сего полезнаго дѣла въ русскомъ просвѣщеніи“.

„Съ сею почтою отправляются къ вамъ 7 экземпляровъ моей „Физики“ и 2 „Земледѣльческой Химіи“. За первую съ пересылкою полагаю по 5 р. асс. за экземпляръ, за вторую—10 р. асс. Это та цѣна, за которую получаютъ эти книги изъ московскихъ книжныхъ лавокъ; слѣдовательно“...

„Пишите чаще, не лѣнитесь; переписка ваша съ нами должна служить вамъ вмѣсто освѣженія и успокоенія отъ дѣлъ ректорскихъ, отъ скуки непривычной жизни“.

„У насъ всё по старому; право, нѣтъ никакого движенія, ни взадъ, ни впередъ, хотя двигатели и хлопочутъ. За обѣдомъ у меня 8 ноября пито было здоровье и кіевскаго ректора; видите-ли, какъ мы васъ помнимъ; на что-жъ и вамъ забывать насъ? Повторяю: пишите чаще“.

Вамъ преданнѣйшій Мих. Павловъ.

„Убѣдите вашего Абламовича, что французы—дѣти въ теоріяхъ своихъ“.

Щегловыхъ было два: одинъ—Никол. Прокофьевичъ (1793—1831) былъ профессоромъ въ санктпет. университетѣ, издавалъ книги о физикѣ въ 1823, 24 и 29 годахъ и на его „Руководство къ физикѣ“ отчасти ополчился Максимовичъ, какъ на слѣдовавшее системѣ атомистической (рец. въ „Моск. Телегр.“ 1830, № 7, с. 339—354). Но въ 1834 г. вышли „Начальныя основанія физики“ другого Щеглова, Николая Тихоновича, бывшаго адъюнктомъ въ петерб. университетѣ; объ его сочиненіи Максимовичъ уже не имѣлъ времени отозваться, чтобы исполнить желаніе своего учителя. Мнѣніе Максимовича о „Физикѣ“ самаго Павлова было напечатано въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1833 г. (№№ 192 и 207); онъ-же разбиралъ и его „Земледѣльческую Химію“ („Моск. Телегр.“ 1825 г., №№ 21 и 24).

Абламовичъ Игн. Карл. былъ профессоромъ физики въ кіевскомъ университетѣ, поступилъ туда изъ волынскаго лицея и не оставилъ никакихъ ученыхъ трудовъ. Въ генварѣ 1835 г. пытался было перейти на службу въ Кіевъ и Д. М. Перевощиковъ, какъ видно изъ письма его къ Максимовичу, но переводъ его почему-то не состоялся.

Слова Павлова о письмѣ Максимовича *„посланіе хоть куда!“* могутъ быть примѣнены ко многимъ его письмамъ. Многочисленные его корреспонденты и корреспондентки, безъ сомнѣнія, живо помнятъ то радостное чувство, съ какимъ они встрѣчали его письма, которыя мы не можемъ иначе характеризовать, какъ словами—*свѣтлыя и теплыя*. И потому весьма желательно было-бы, еслибы всѣ, имѣющіе у себя письма Максимовича, печатали хотя нѣкоторыя изъ нихъ. Та искренность и теплота, которыя дышутъ въ письмахъ его, дадутъ имъ несомнѣнную цѣнность и въ глазахъ стороннихъ читателей. Иногда въ своихъ письмахъ Максимовичъ помѣщалъ по нѣскольку строчекъ стиховъ, большею частію экспромптовъ, и они блестѣли животрепещущимъ вдохновеніемъ. Хорошо-бы собрать и ихъ, это была-бы прелестная антологія, не чуждая историко-литературнаго характера. Стихи его цѣнили самые знатные судьи въ дѣлѣ поэзіи. Въ письмахъ Хомякова къ Максимовичу мы нашли, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Благодарю за милые стихи, которые бережно спряталъ и хранить буду“.

Но что это за стихи—рѣшить навѣрно не можемъ. Въ бумагахъ Максимовича мы встрѣтили слѣдующій черновой набросокъ, который всего скорѣе можетъ быть отнесенъ къ словамъ Хомякова:

Господь тебя благословилъ
  На пѣснопѣнье и на слово,
И мысль высокую внушилъ,
  И сердце далъ къ добру готово.
И много истинъ ты вѣщалъ
  Въ простыхъ рѣчахъ и въ пѣснопѣньи,
И русскій человѣкъ внималъ
  Тебѣ въ сердечномъ умиленьи...
И вотъ великій часъ пришелъ,
  Часъ лучшей жизни въ русскомъ мірѣ:

Пускай же нынѣ твой глаголъ
Звучитъ на вдохновенной лирѣ!
Пусть утвердитъ и ладъ и строй
Въ немолчномъ шумѣ словопреній...

Стихотвореніе не кончено... Въ другомъ мѣстѣ мы нашли видимый варіантъ послѣдняго неоконченнаго куплета, также не конченнымъ:

Не ждивай себя съ толпой
Въ немолчномъ шумѣ словопреній,
Ты дашь имъ лучшій ладъ и строй..

Въ бумагахъ Хомякова, конечно, сохранился исправленный листокъ этого стихотворенія; пожелаемъ, чтобы онъ былъ отысканъ... Легко догадаться, что стихи эти относятся къ 1858 году, когда у насъ начались „словопренія", по поводу крестьянскаго вопроса.

Иногда случалось Максимовичу произносить и живые экспромты, въ которыхъ если не было блестящей формы, за то сіяла мысль и теплилось чувство; таковъ напр. его застольный экспромтъ на обѣдѣ 25 марта 1858 г.

За „Русскую Бесѣду" — сей бокалъ —
И „Сельское Благоустройство":
Чтобъ русскій умъ просторъ позналъ,
И русскій міръ вкусилъ довольство!

Чего и хотѣть больше, послѣ „простора уму" и всеобщаго довольства!

Всѣ подобныя блестки ума и чувства были-бы своего рода иллюстраціей въ будущей исторіи нашего развитія, и потому весьма желательно было собраніе во-едино всѣхъ подобныхъ поэтическихъ отголосковъ, производившихъ столько радости и ободренія въ дружескихъ кружкахъ. Намъ вѣрится, что подобное дружеское слово не мало вліяло на энергію главнѣйшихъ подвижниковъ въ великомъ дѣлѣ. Въ подтвержденіе своей мысли прибавимъ слѣдующее:

Максимовичъ когда-то собирался писать свои воспоминанія, но сборами дѣло и кончилось, какъ ни подстрекалъ его къ этому Погодинъ [1]). Узнавъ отъ кого-то о мысли Максимовича, вотъ что писалъ къ нему Ѳ. В. Чижовъ:

---

[1]) Чуть-ли не единственнымъ исключеніемъ являются «Письма о Кіевѣ» Максимовича, гдѣ онъ переписалъ почти всѣ письма къ нему Иннокентія и обставилъ ихъ интересными фактическими объясненіями. — С. П.

„Душевно радъ слышать, что вы желаете писать ваши воспоминанія; въ настоящее время они дороги, какъ изображеніе уже невозвратнаго и непонятнаго настоящему поколѣнію времени. Все, начиная съ понятій и чувствъ до обыденной жизни, такъ перемѣнилось, что наше дѣтство стало истинною стариною, и чѣмъ оно подробнѣе и ярче изобразится, тѣмъ дороже будутъ такія воспоминанія для исторіи нашего развитія".

Ѳ. В. Чижова, какъ общественнаго дѣятеля, знаютъ хорошо многіе; но какъ писателя, какъ человѣка, едва-ли его знаютъ въ нашемъ читающемъ обществѣ, и потому приведемъ одно изъ его писемъ къ Максимовичу. Оно относится къ февралю 1850 г., когда Максимовичъ гостилъ въ Москвѣ, а Чижовъ въ Кіевѣ.

„Радъ душевно, почтеннѣйшій, многоуважаемый и душевно любимый мною Михаилъ Александровичъ, что наконецъ я пишу къ вамъ. Почему-бы, казалось, не писать раньше? Я думаю—по лѣни, первое; второе—потому, что не было положительнаго дѣла, а безъ дѣла писать—какъ-то не писалось. Съ радостію узналъ изъ письма вашего, что Москва вызвала васъ снова на литературную дѣятельность; вѣрьте слову человѣка, не имѣющаго нужды ни льстить, ни угождать, вѣрьте, что ваша дѣятельность для насъ нужна. День-ото-дня болѣе и болѣе теряемъ мы изъ немногаго числа тѣхъ писателей, которые еще по преданію сохранили художественность языка. Вы изъ нихъ на первомъ планѣ, и потому ваше молчаніе вредно. Мы можемъ писать дѣльно, умно, положимъ—занимательно; но не знаю—чѣмъ объяснить то, что мы совершенно какъ будто-бы потеряли художественное чувство и забыли, что идея, являясь на свѣтъ, требуетъ тѣла, проситъ художественнаго слова, какъ своего непремѣннаго выраженія, а безъ его цѣлости органической она сама дѣлается неполною. У васъ эта гармонія мысли со словомъ является сама собою. Радуюсь искренно вашей дѣятельности; разумѣется, я не отказался-бы способствовать ея обстановкѣ моими посильными трудами, и благодарю васъ за честь—участвовать въ вашемъ изданіи. Но есть препятствіе, вотъ оно: я обязанъ, во первыхъ, устнымъ приказаніемъ, во вторыхъ—подпискою: все, что ни напишу, представлять на цензуру въ собственную его величества канцелярію; это можетъ весьма много задержать мою статью; если-же

напечатать безъ этой цензуры, то, по силѣ подписки, и я, и издатель мною предупрежденный, подвергнутся справедливому наказанію. Если я успѣю скоро написать, тогда я пришлю къ вамъ для переписки и отсылки при моемъ письмѣ къ генералу Дубельту. Отвѣтьте на это письмо поскорѣе, тогда быть можетъ я еще и успѣю написать о софійскомъ соборѣ и объ иконостасѣ въ церкви села Романовки, черниговской губерніи, мглинскаго уѣзда, написанномъ Боровиковскимъ".

„Жаль, что вы не написали раньше, а то я только сегодня возвратился изъ мглинскаго уѣзда, куда я ѣздилъ къ сильно больному графу Гудовичу; только что возвратился и уже собираюсь ѣхать въ Одессу для занятія шелководствомъ. Все это время я прожилъ въ братскомъ монастырѣ, гдѣ занимался чтеніемъ церковныхъ писателей, то есть всего относящагося къ иконописи. Сказать правду, я пріобрѣлъ немного; но не виню въ этомъ прочитанныхъ мною писателей, а возлагаю всю вину на мою глупую голову; самъ не понимаю, отчего она отказывается глубоко входить въ смыслъ прошедшаго, между тѣмъ какъ чувствуетъ присутствіе этого смысла. Иконописаніе одно изъ такихъ явленій церковной, а слѣдовательно и народной нашей жизни, которое передаетъ многое, указываетъ на то, какъ нашему племени Богъ судилъ принимать неискаженную чистоту священныхъ преданій, точно также, какъ нѣкогда избранному народу Божію далъ обѣтованіе провести во всей чистотѣ преданіе о своемъ существѣ и довести его до минуты воплощенія Своего въ Спасителѣ міра. Не знаю, связно-ли я пишу (только что возвратился съ дороги), но знаю, что мысль есть, только видно еще она не возросла до того, чтобъ явиться въ словѣ и явиться со всею ясностію и отчетливостію".

„Въ заключеніе всего скажу вамъ: простите, если не умѣю написать статьи для „Кіевлянина", и вѣрьте, что это не моя вина, а немножко ваша. Есть у меня большая статья—разборъ италіянскаго сочиненія о политической экономіи, написанный еще въ 1843 году, но и тотъ не отдавался еще въ назначенную мнѣ цензуру. Окончу желаніемъ успѣха вашему начинанію и дружескимъ пожатіемъ вашей руки. Если увидите общихъ нашихъ пріятелей, всѣмъ по низкому поклону, особенно Хомякову, Гоголю и почтеннѣйшей, благословенной семьѣ Аксаковыхъ".

Душевно васъ уважающій Ѳ. Чижовъ.

Кромѣ біографической черты, письмо это ясно указываетъ читателю на чрезвычайную многосторонность свѣдѣній и дѣятельности этого человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ на его полное уваженіе къ другому, выдающемуся лицу въ ученомъ и литературномъ мірѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, чего не дѣлалъ, чѣмъ не занимался этотъ человѣкъ! Онъ изучаетъ иконописаніе[1]), онъ занимается политической экономіею, онъ развиваетъ шелководство, онъ завѣдуетъ постройкою желѣзныхъ дорогъ, и все это съ полнымъ знаніемъ дѣла и строжайшей добросовѣстностію.

Будемъ-же собирать и хранить воспоминанія о всѣхъ подобныхъ дѣятеляхъ, знакомство съ которыми, даже заочное, посмертное, согрѣваетъ сердце и подымаетъ душу къ неослабному веденію труда, какой кому Богъ послалъ.

Въ другой разъ мы приведемъ здѣсь письма Венелина, Хомякова, Самарина, Елагиной, Кирѣевскихъ...

С. Пономаревъ.

25 февраля 1883 г.

---

[1]) Не только въ Россіи, но и за границей.

Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому.

(1853—1857 г.).

Сообщилъ М. Т—овъ.

(Окончаніе)*).

12.

8 ноября 1856 г.

Давно, очень давно я не пишу тебѣ, друже мой единый. Не было о чемъ писать, не было матеріала и ни малѣйшихъ событій въ нашемъ забытомъ захолустьи. Отвратительное бездѣйствіе и однообразіе! 15 сентября посѣтилъ насъ Бюрно, но такъ не на долго (на пять часовъ), что я потерялъ надежду увидѣться съ нимъ. Онъ однако-жъ вспомнилъ обо мнѣ передъ самымъ выѣздомъ своимъ. Принялъ меня, какъ давно и хорошо знакомый человѣкъ. Свиданіе наше длилось нѣсколько, и въ эти короткіе минуты я успѣлъ полюбить этого счастливаго человѣка. Я его называю потому счастливымъ, что такіе люди, какъ онъ, не требуютъ долгаго и пристальнаго взглядыванья въ свой характеръ. Такіе любимцы Бога однимъ движеніемъ, однимъ взглядомъ говорятъ вамъ: намъ можно все довѣрить. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ (такому сообщишь то), чего иному въ продолженіи жизни не скажешь.

Онъ не обѣщалъ мнѣ много, чѣмъ я особенно доволенъ; много обѣщать—значитъ ничего не сдѣлать. Онъ просилъ меня писать ему и присылать куски матеріи. Но я этого не дѣлаю, мнѣ кажется неделикатной подобная корреспонденція. И встрѣтились, и простились мы съ

---

*) См. март. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 611—622.

нимъ, какъ старые и добрые пріятели. Надолго останется въ моемъ сердцѣ это кратко-длинное свиданіе, эта симпатическая благородная физіономія, издающая тихіе кроткіе звуки. Напиши ему отъ меня самое глубокое сердечное привѣтствіе.

О высочайшихъ помилованіяхъ, по случаю коронаціи, у насъ еще ничего неизвѣстно. Я не ласкаю себя ни малѣйшей надеждою. Чѣмъ и какъ я могу уничтожить предубѣжденія В. А. [1])? Есть у меня на это оправданіе, но я не смѣю привести его въ исполненіе. Необходимо, чтобы В. А. спросилъ у графа Орлова, на чей счетъ я воспитывался въ академіи и за что мнѣ запрещено рисовать? словомъ, чтобы графъ Орловъ пояснилъ мою темную конфирмацію. Но кто легко разстается съ своими предубѣжденіями? Писалъ я черезъ Михайлова тебѣ еще въ началѣ лѣта; не знаю, получилъ-ли ты мое письмо. Михайловъ не написалъ мнѣ еще и двухъ строчекъ и кажется, что и не напишетъ. Я не знаю, чтобы это значило? Не время-ли ему, или просто непростительная лѣнь, или что нибудь другое, не знаю. Во всякомъ случаѣ мнѣ это больно. Кажется, одинъ ты мой вѣрный, неизмѣнный корреспондентъ. Сердечно благодарю тебя, мой друже единый. Извини меня передъ Сигизмундомъ, что я не пишу ему. Причина натуральная, не знаю, куды писать. Если онъ еще въ Петербургѣ, то напиши ему мой искренній привѣтъ и покорнѣйшую просьбу уничтожить Варнака (я настоящій попрошайка), прислать мнѣ двѣ плитки сепіи, фирмы *Sepiadi Roma*, или фабрики Шанеля. Въ настоящее время у меня этой краски ни полграна. Хорошо еще, что и другихъ нѣтъ средствъ и главнѣйшаго — помѣщенія, а то-бы я умеръ съ досады. Недавно мнѣ пришла мысль представить въ лицахъ евангельскую притчу о блудномъ сынѣ, въ нравахъ и обычаяхъ современнаго русскаго сословія. Идея сама по себѣ глубоко поучительна, но какія душу раздирающія картины составилъ я въ моемъ воображеніи на эту истинно нравственную тему. Картины съ мельчайшими подробностями готовы (разумѣется въ воображеніи) и дай мнѣ теперь самыя бѣдныя средства, я окоченѣлъ-бы надъ работой. Я почти доволенъ, что не имѣю теперь средствъ начать работу. Мысль еще не созрѣла, легко могъ-бы надѣлать промаховъ; выношу,

---

[1]) Василія Алексѣевича Перовскаго. — Б. З.

какъ мать младенца въ своей утробѣ, эту безконечно разнообразную тему, а весной, помолясь Богу, приступлю къ исполненію хотя-бы то въ собачей канурѣ.

Если Богъ поможетъ мнѣ осуществить мое предположеніе, то изъ этой темы составится порядочной толщины альбомъ и если-бы хоть когда нибудь мнѣ удалось издать въ литографіи, то я былъ-бы выше всякаго земнаго счастія. Но сохрани Боже неудачи, то я умру: идея слишкомъ тѣсно срослась съ моей душою.

Въ слѣдующемъ письмѣ я опишу тебѣ нѣсколько картинъ такъ, какъ онѣ теперь мнѣ представляются.

О чемъ-же мнѣ еще писать тебѣ, мой друже единый? Отвратительное однообразіе. Полгода уже прошло, какъ я писалъ тебѣ, и теперь писать не о чемъ. Если продлится еще годъ мое заточеніе, то я непремѣнно одурѣю, и изъ завѣтной моей мысли, изъ моего *Блуднаго сына* выйдетъ безъцвѣтный образъ разслабленнаго воображенія, и ничего больше. Грустная, безъотрадная перспектива! Для исполненія задуманнаго мною сюжета необходимы живые, а не воображаемые типы. А гдѣ я ихъ возьму въ этомъ вороньемъ гнѣздѣ? А безъ нихъ, безъ этихъ путеводителей, легко сбиться съ дороги и надѣлать самыхъ нелѣпыхъ промаховъ. Но довольно объ этомъ! Напиши ты мнѣ, какъ ты намѣренъ распорядиться своимъ будущимъ. Кого ты намѣренъ изъ себя сдѣлать—артиста или чиновника? И на томъ и на другомъ поприщѣ сердечно желаю тебѣ успѣха. Но мнѣ-бы искренно хотѣлось, чтобы ты избралъ поприще артиста. Не знаю твоихъ матеріальныхъ средствъ,—фундаментъ всѣхъ нашихъ предпріятій. Моральными средствами ты владѣешь, у тебя есть любовь къ искусству и этого достаточно; о способностяхъ не хлопочи: онѣ вѣрные спутники этого прекраснаго свѣтила. О, если-бы когда нибудь привелось мнѣ увидѣть тебя и увидѣть истиннымъ артистомъ (не истиннымъ ты не можешь быть)! Тогда радость моя была-бы безгранична. Устрой свое будущее, если можно, такъ, а не иначе; тогда, гдѣ-бы я ни былъ, пѣшкомъ прійду любоваться твоими произведеніями. Посовѣтуй, что мнѣ дѣлать съ лоскутьями шерстяной матеріи [1])? У меня ихъ накопилось кусковъ около десятка. Прошедшее лѣто благопріятствовало моей ману-

---

[1]) Съ рисунками.—Бр. З.

фактурѣ. Въ Оренбургѣ, кромѣ Бюрно, я никого не имѣю; но я ни за что не рѣшуся безпокоить его такимъ матеріальнымъ предложеніемъ. На Михайла и Карла надежда плохая, а на лѣнивыхъ земляковъ моихъ и того хуже. Они непремѣнно требуютъ *пломбы;* простота и ничего больше. Гдѣ Аркадій и что онъ дѣлаетъ? Пиши ему и цѣлуй его за меня. Пиши Совѣ и его цѣлуй. Пиши Михайлу и его сначала поцѣлуй, а потомъ попеняй за непростительную лѣнь, если это лѣнь только; не забудь написать Сигизмунду и въ заключеніе пиши Бюрно и цѣлуй за меня этого благороднѣйшаго человѣка.

Отъ всего сердца цѣлую твою щастливѣйшую мать.

Не забывай меня, друже мой единый!

13.

БРОНИСЛАВУ.

1856 годъ.

Какое однако-жъ себялюбивое созданіе человѣкъ вообще, а я въ особенности! Ты съ такимъ чистымъ восторгомъ (иначе и быть не можетъ) пишешь мнѣ о своемъ возвращеніи на милую родину, а я... Прости мнѣ, мой единый друже! я чуть не заплакалъ; разумѣется, разстояніе не можетъ измѣнить тебя, моего истиннаго, испытаннаго друга, но безъ тебя все-таки я сирота круглый въ оренбургскомъ безлюдномъ краю. Къ кому я въ этой пустыни прильну полнымъ сердцемъ безъ тебя? Къ кому я такъ братски откровенно адресуюсь съ моими нуждами, и кто такъ искренно, какъ ты, возьметъ на себя тяжелый трудъ сбывать мою матерію? Никто! а для меня необходимъ такой другъ въ Оренбургѣ, особенно теперь, потому особенно, что я все-таки не теряю надежды, разумѣется, не раньше зимы, перемѣнить солдатскій бѣдный бытъ на что-нибудь лучшее; но это еще въ рукахъ слѣпой фортуны! Скажи ты мнѣ: на всегда-ли ты оставляешь этотъ безлюдный край или только на время? Если только на нѣкоторое время, то я подожду тебя, если-же на всегда (чего желаю тебѣ ото всего сердца), то я долженъ буду отправить матерію къ землякамъ моимъ, которые (чудаки между прочимъ) непремѣнно требуютъ моего штемпеля, на что я никогда не рѣшуся, на каждомъ кускѣ; а иначе въ ихъ глазахъ произведеніе никакой цѣны не имѣетъ.

Изъ этого ты видишь, что земляки мои—порядочные вандалы.

Полученные мною фотографіи не совсѣмъ удачны. Портретъ С. Сѣраковскаго хотя и блѣденъ, но его даже солдаты узнаютъ, которые видѣли его когда-то въ Уральскѣ. Благодарю его за этотъ милый подарокъ, а за письмо не благодарю, потому что его до сихъ поръ прочитать не могу—ужасно неразборчиво написано. Но все таки цѣлую его всею полнотою души. Попроси его, чтобы онъ мнѣ прислалъ свой адресъ изъ Екатеринослава и чтобы хоть немного умѣрилъ свой почеркъ. Ты вѣроятно заѣдешь въ Уфу,—поцѣлуй Сову и Людвика.

Бюрно у насъ еще не былъ и вѣроятно онъ будетъ здѣсь не раньше, какъ по окончаніи курса леченія въ Пятигорскѣ, а къ тому времени ты сдѣлалъ-бы доброе дѣло, если-бы написалъ ему обо мнѣ хоть нѣсколько словъ, или, еще лучше, еслибы письмо прислалъ мнѣ; тогда я смѣло могъ-бы явиться къ нему, а то я такъ одичалъ здѣсь, что едва-ли безо-всего осмѣлюсь явиться къ военному генералу; ты не повѣришь, какіе для меня теперь это страшилища, просто ужасъ! Не полѣнися, напиши, мой добрый Брониславе!...

Сдѣлаетъ-ли безъ тебя милую для меня фотографію? Ахъ, если-бы сдѣлалъ! Какъ-бы я ему благодаренъ былъ! Устрой это такъ, чтобы сдѣлалъ и непремѣнно (попроси) уважаемаго мною Карла. Я самъ теперь пишу ему и прошу его объ этомъ. Ираклій [1]), кажется, немного охладѣлъ къ фотографіи. А знаешь-ли, что у насъ вышла маленькая контра? А. [2]) имѣла неосторожность попрекнуть меня своими благодѣяніями, и я отряхнулъ прахъ отъ ногъ моихъ, и повторяю слова великаго флорентинскаго изгнанника:

Горекъ хлѣбъ подаянія
И жестки ступени чужого крыльца.

Происшествіе непріятное, но я теперь себя чувствую гораздо спокойнѣе и свободнѣе, нежели подъ покровительствомъ этихъ, въ сущности добрыхъ, людей.

---

[1]) Усковъ, комендантъ Ново-Петровскаго укрѣпленія.—Пр. Бр. З—аго.

[2]) Агата Ускова, о которой выше съ такой горячностью говорилъ Шевченко.—М. Т.

Что мнѣ еще писать тебѣ? Ничего больше, какъ повторю мою просьбу на счетъ Бюрно, и гдѣ-бы ты ни былъ, пиши мнѣ, не забывай меня, теперь совершенно одинокого, а когда будешь дома, то поцѣлуй за меня родившую тебя моего искренняго, моего единаго друга.

Если застанетъ тебя это письмо въ Оренбургѣ, то возьми мою мизерію у Карла и передай Михайлу. Я весьма опрометчиво поступилъ съ моимъ Варнакомъ, и тѣмъ болѣе, что черновую рукопись уничтожилъ. И теперь не знаю, что мнѣ и дѣлать. Если онъ у тебя переписанъ, то пришли его мнѣ: тамъ нужно многое поправить. Слогъ вообще довольно шершавый. Во всякомъ случаѣ не посылай его Осипову. Я содержаніе помню и напишу его вновь. Будешъ писать Аркадію, цѣлуй его отъ меня.

14.

10 февраля 1857 г.

Письмо твое, мой искренный друже, отъ 18 сентября [1]) минувшаго года получилъ я 28 генваря текущаго года. Что значитъ эта черепашная медленность, я не понимаю. Ираклій говоритъ, что ты адресовалъ его черезъ Астрахань, и что оно опоздало къ послѣднему почтовому переходу, и должно было черезъ Самару и Оренбургъ путешествовать въ наше кочевье. Такъ-ли, иначе-ли, все-же оно дошло до меня и я со слезами сердечной радости прочиталъ его.

Друже мой единый! твоя радость, твое счастье такъ безпредѣльно полны, что мнѣ остается только пожелать тебѣ, твоей счастливой матери, отцу и всему близкому твоему сердцу, пожелать долгихъ и долгихъ и безмятежныхъ дней. Ты такъ искренно, такъ живо радостно описываешь свое свиданіе, что я какъ-бы присутствую при этой прекрасной сценѣ, какъ будто самъ цѣлую и слезами обливаю руки твоей такъ долго скорбящей, и теперь такъ полно счастливой матери. Ты боялся возмутить мое искренно любящее тебя сердце описаніемъ своей радости. Напрасно, твоя радость нераздѣльна съ моей радостью, нераздѣльна, какъ любящая душа съ такой-же любящей душою. Эта психологическая истина требуетъ матеріальныхъ доказательствъ.

---

[1]) Напечатано у г. Чалаго на стр. 83—84.

Ты пишешь, что кароокіе и голубоокіе siestrzeńcy твои спрашиваютъ тебя, когда пріѣдетъ къ нимъ старый другъ твой, который любитъ добрыхъ и милыхъ дѣтей? Цѣлуй ихъ, мой единый друже, и скажи имъ, что сердце мое давно уже съ ними, и что самъ я пріѣду къ нимъ скоро и поцѣлую ихъ такъ, какъ ты ихъ теперь цѣлуешь. Фантазія! воображаемое счастіе! пока и этого довольно. Для душъ сочувствующихъ и любящихъ воздушные замки прочнѣе и прекраснѣе матеріальныхъ палатъ эгоиста. Эта психологическая истина непонятна людямъ положительнымъ. Жалкіе эти положительные люди; они не знаютъ совершеннѣйшаго, величайшаго счастія на землѣ, они, одурманенные себялюбіемъ, лишены этого безграничнаго счастія,—рабы лишенные свободы, и ничего больше.

Вмѣстѣ съ твоимъ радостнымъ письмомъ получилъ я письмо изъ академіи художествъ отъ жены нашего вице-президента графа Толстаго. Она пишетъ мнѣ, что сдѣлано все для моего искупленія, и что въ скоромъ времени она ожидаетъ счастливаго результата. Какъ ты думаешь, можно-ли на этомъ фундаментѣ строить воздушные замки? Ты скажешь: можно, а я уже ихъ и построилъ. И какіе прекрасные, какіе свѣтлые замки! Безъ бойницъ и амбразуръ, безъ золота и мрамора мои роскошные прекрасные замки! но имъ позавидовалъ-бы и самъ Несвижскій „Panie Kochanku“ [1]) *), еслибъ онъ могъ теперь завидовать чему нибудь. Я вотъ что построилъ на этомъ прекрасномъ фундаментѣ.

Первое, или первая поэма, интродуксіо: разставанье съ пустыней, въ которой я столько лѣтъ терпѣлъ, разставанье съ Карломъ, Михайломъ и Бюрно, котораго я только разъ увидѣлъ и полюбилъ, потомъ наука до Москвы, потомъ Москва, оставшіеся друзья и школьные товарищи, потомъ, потомъ... вотъ какой финалъ. Вмѣсто петербургской желѣзной дороги я выбираю простую почтовую дорогу—смоленскую или виленскую и пріѣзжаю прямо въ Рачкѣвичи [2]). Здѣсь начинается вторая

---

[1]) Поговорка извѣстнаго князя Карла Радзивилла, служившая ему названіемъ.—Ир. Бр. З—аго.

*) Въ нашей копіи внизу написано и зачеркнуто слово: «мосцанку», выраженіе фамиліарности и пренебреженія въ отношеніи къ низшимъ и даже животнымъ, напр. кормленой свиньѣ.—М. Т.

[2]) Имѣніе родителей Залескаго, минск. губ., слуцк. у.—Ир. Бр. З—аго.

часть поэмы. Встрѣчаюся съ тобою, плачу и цѣлую руки твоей счастливой матери, цѣлую твоего счастливаго отца, сестеръ, кароокихъ и голубоокихъ *siostrzeńców* твоихъ и, въ объятіяхъ полнаго счастія, отдыхаю, повторяя стихъ великаго поэта: „Мало воздуха всей Аравіи наполнить мою свободную грудь". Вмѣсто Аравіи я буду говорить Литвы. Отдохнувши отъ этой полной радости, я почти силою беру тебя изъ объятій твоей счастливой матери, и въ одно прекрасное утро мы съ тобою молимся передъ образомъ Божіей Матери Остробрамской. Вильно также дорого по воспоминаніямъ моему сердцу, какъ и твоему. Изъ литовской столицы по варшавскому шоссе мы летимъ прямо въ академію художествъ и дополняемъ наше и безъ того полное счастіе двумя годами студенческой затворнической жизни. А сколько радости въ этой затворнической жизни! Эта радость и это счастіе понятно только тому, кто любитъ божественное искусство такъ, какъ мы съ тобою его любимъ. Не правда-ли,—прекрасный, великолѣпный и не совсѣмъ воздушный замокъ? Фундаментъ почти ручается за его сбыточность и прочность.

Второй воздушный замокъ, или поэма на одну и туже тему: вступленіе тоже самое, сцена въ Москвѣ таже самая, но вмѣсто смоленской дороги выбрана петербургская желѣзная, и я въ Петербургѣ, въ скромной квартирѣ о двухъ комнатахъ, изучаю искусство гравированія *акватинта*, и ожидаю къ себѣ тебя, моего искренняго друга. Ты пріѣхалъ, живемъ мы съ тобою скромно, почти бѣдно, въ маленькихъ комнаткахъ, неутомимо работаемъ, учимся и наслаждаемся своимъ ученіемъ. Два года пролетаютъ незамѣтно надъ нами, и мы, ежели не полные, по крайней мѣрѣ, сознательные артисты, черезъ Вильно и Слуцкъ возвращаемся въ Рачкѣвичи, цѣлуемъ твою мать, отца, сестеръ и кароокихъ и голубоокихъ сыновцевъ твоихъ.

Вторая моя поэма немного прозаичная, но въ сущности полнѣе первой. Такъ или иначе, а ты долженъ быть въ академіи художествъ или будетъ прорѣха, не зашитая дыра въ твоей и въ моей жизни. Недостаточно видѣть, любоваться прекраснымъ, умнымъ, добрымъ человѣкомъ человѣка, необходимо нарисовать его на бумагѣ и любоваться имъ, какъ созданіемъ живаго Бога. Вотъ что нужно для полноты нашей радости, для полноты нашей жизни!

Позычъ, выпроси 25 рублей на мѣсяцъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ. Какъ знаешь, сдѣлай, только сдѣлай; это для тебя и даже для меня необходимо: для меня потому, что я желаю видѣть и цѣловать моего друга совершеннаго, а для твоего совершенства необходима академія художествъ. Безъ разумнаго пониманія красоты человѣку не увидѣть Всемогущаго Бога въ мелкомъ листочкѣ малѣйшаго растенія. Ботаникѣ и зоологіи необходимъ восторгъ, а иначе ботаника и зоологія будетъ мертвый трупъ между людьми. А восторгъ этотъ пріобрѣтается только глубокимъ пониманіемъ красоты, безконечности, симметріи и гармоніи въ природѣ. О, какъ-бы мнѣ хотѣлось теперь поговорить съ тобою о Космосѣ и послушать, какъ ты читаешь пѣсни Вайделоты!

Пускай молятся твои карооке и голубооке siostrzeńcy: молитва ангеловъ внятнѣе Богу.

15 февраля.

Я остановился на высшемъ градусѣ моей сердечной фантазіи, остановился для того, чтобъ дождать слѣдующей почты и подкрѣпить мои предположенія яснымъ и положительнымъ документомъ. Почта пришла 14 февраля и не привезла мнѣ ничего такого, на чемъ-бы основываясь я могъ продолжать свои предположенія. Предвѣстіе, вѣра, надежда, и ничего больше.

Получилъ-ли ты мое письмо отъ октября, не помню, котораго дня, адресованное прямо въ Слуцкъ, а не въ Рачкѣвичи? Я писалъ тогда о свиданіи моемъ съ сердечнымъ старымъ Бюрно. Если не получилъ, то напиши мнѣ: я тебѣ другой разъ опишу это короткое и безконечно длинное свиданіе. А теперь, какъ и тогда, прошу тебя, мой сердечный друже, пиши ему, цѣлуй его сѣдую—молодую голову, цѣлуй его чистое живое сердце, цѣлуй его божественную христіанскую душу. Цѣлуй его, какъ артиста, какъ брата, какъ человѣка. Я ничего теперь не могу больше сказать. Сердце мое переполняется любовью и изнемогаетъ при воспоминаніи о немъ.

Цѣлуй Аркадія, жену его и дѣтей его. Цѣлуй Сигизмунда и желай ему самаго блестящаго успѣха на избранной имъ дорогѣ. Писалъ-бы тебѣ еще много и много, но, какъ я сказалъ, документа нѣтъ; а безъ него самая яркая фантазія ничего больше, какъ сальная свѣча

въ казармахъ. Фантазія должна опираться на положительное. Сѣмена Джугары и двѣ штуки матеріи шерстяной пошлю тебѣ въ послѣдней половинѣ марта, а когда ты его получишь, Богъ знаетъ. Цѣлую твою счатливую мать, твоего отца, твоихъ сестеръ и твоихъ ангеловъ siostrzeńców. Не забывай меня, друже мой единый!

15.

8 мая, 1859 г. (1857 г.).

Мой единый друже, Брониславе! Ради нашей святой дружбы растолкуй ты мнѣ, что значитъ твое упорное молчаніе? [1]) или ты облѣнился и прокисъ наконецъ въ деревнѣ, или ты заболѣлъ? Да хранитъ тебя Господь! или ты скрылся въ невѣдомое тридесятое государство, гдѣ о почтѣ и понятія не имѣютъ? или я не знаю, что и думать. До полученія послѣдняго письма твоего отъ 18 сентября минувшаго года, я писалъ къ тебѣ два раза, по адресу Балинскаго. Первый разъ въ ноябрѣ, а второй разъ въ генварѣ, вмѣстѣ съ Б., и ни на одинъ привѣтъ не получилъ отвѣта; что это значитъ, и ума не приложу. Письмо твое отъ 18 сентября получилъ я въ послѣднихъ числахъ марта, на которое отвѣчаю только теперь. Я все дожидалъ отъ тебя позднѣйшихъ извѣстій и, не дождавшись, рѣшился адресовать тебѣ третье посланіе въ твои милые задушевные Рачкѣвичя. Вмѣстѣ съ твоимъ послѣднимъ письмомъ, получилъ отъ тебя письмо и Ираклій, въ которомъ ты просилъ (его) о присылкѣ сѣмянъ Джугары, а меня просилъ прислать тебѣ для извѣстнаго употребленія два куска матеріи собственнаго рукодѣлія. Просьба твоя исполнена не совсѣмъ удовлетворительно; посылка отправлена поздно, сѣмена не получишь ты ко времени посѣва. Тебѣ не безъизвѣстно, что на время зимы денежная и вообще интересная корреспонденція у насъ прекращается. Вотъ причина запоздалости. Вмѣстѣ съ сѣменами послано тебѣ и мое рукодѣлье, три штуки. Двѣ для твоего собственнаго употребленія, т. е. для продажи по твоему усмотрѣнію, а третья съ надписью для графини Т., которой и прошу тебя немедля

[1]) У г. Чалаго напечатано письмо 3-—скаго отъ 3 марта 1857 г.

переслать съ письмомъ или безъ письма, какъ знаешь, по нижеслѣдующему адресу:

Въ С.-Петербургъ, графинѣ Наталіи Ивановнѣ Толстой, въ академію художествъ,

а деньги, вырученныя за остальные два куска, отошли на имя Михайла Матвѣевича Лазаревскаго въ С.-Петербургъ, на Большой Морской улицѣ, въ домѣ графа Уварова. Сдѣлай такъ, какъ я тебя прошу, друже мой единый! На дняхъ мы дожидаемъ почты, и потому я не кончаю моего письма. Почта должна привезти мнѣ твое письмо и.... но я боюся выговорить... Ты замѣчаешь-ли перемѣну моего почерка? Добрый знакъ, друже мой единый, знакъ свободы! Но подождемъ, что скажетъ почта.

10 мая.

Сегодня пришла почта и принесла твое отъ 3 марта, такъ долго-долго ожиданное, дорогое письмо; но чего я дожидалъ съ судорожнымъ замираніемъ сердца, того не привезла, и причина простая, которую объяснилъ мнѣ М. Лазаревскій своимъ братскимъ письмомъ, полученнымъ съ этою-же почтою. Не въ генварѣ, какъ я тебѣ писалъ, а только къ 7 апрѣля представленъ я со многими другими; но чѣмъ разрѣшилось это представленіе, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ я не унываю, но ожиданіе, какъ и всякое ожиданіе, самое несносное чувство. Не говоря уже о разумномъ какомъ занятіи, я даже романа читать не могу. Несносное состояніе, и оно должно продлиться еще по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, если не больше.

Глубоко уважаю твои чувства, друже мой милый, въ отношеніи къ матери; но все таки не могу не пожалѣть, что ты рѣшительно отказался отъ моей милой академіи. Два года только, и ты артистъ, по крайней мѣрѣ для себя, если не для публики. Мелкіе города опасны, а столицы нечего бояться ни въ какомъ отношеніи; а какое неизъяснимое блаженство увидѣть волшебное искусство во всемъ его блескѣ, во всемъ его магическомъ очарованіи! Рай, заповѣданный только святымъ! Но если ты уже рѣшительно посвятилъ себя идилліи, то сдѣлай-же эту идиллію полною, совершенною. Женись, а иначе идиллія будетъ вяла, суха и однообразна; а впрочемъ ты не Улиссъ, а я не Менторъ.

Отъ Сигизмонда я не получилъ до сихъ поръ ничего, а для „Блуднаго сына“ мѣшалъ бистру съ тушью и вышелъ тонъ почти сепіи. Готовыхъ уже у меня 8 штукъ. Первыхъ четырехъ сценъ еще не начиналъ за неимѣніемъ модели. Необходимъ русскій типическій купецъ, чего здѣсь не имѣется. Я отложилъ это до Москвы или до Петербурга. Разскажу тебѣ о „Блудномъ сынѣ“ подробно въ слѣдующемъ письмѣ, а теперь тороплюсь, завтра почта отходитъ.

Ты пишешь, друже мой единый, на счетъ матеріи; въ слѣдующей почтѣ пошлю тебѣ еще двѣ штуки, не знаю, какого содержанія, а для виленскаго альбома пришлю нѣсколько штукъ изъ нашего каратаускаго вояжа и изъ здѣшнихъ окрестностей, а что пришлю, о томъ напишу. Изъ посланныхъ тебѣ кусковъ одинъ можетъ быть покажется тебѣ непонятнымъ. Это преданіе о происхожденіи рисованія. Дочь хіоскаго горшечника нарисовала на дверяхъ хижины силуетъ своего возлюбленнаго, и это была первая рисовальщица.

Экспедиція по Виліи можетъ быть чрезвычайно интересна. Какъ-бы я желалъ поплавать по этой матери литовскихъ рѣкъ.

Цѣлую Бюрно, Аркадія, Сигизмунда, цѣлую твоего старика, твою добрую, любящую мать, сестеръ и твоихъ каро и голубоокихъ siostrzeńców.

13 мая.

Почта отправляется еще черезъ два дня, что и дало возможность мнѣ устроить для тебя посылку.

Посылаю тебѣ 17 штукъ для В. А. Выбери изъ нихъ, которые тебѣ покажутся лучшими и пригоднѣйшими къ дѣлу, и самъ назначь имъ цѣну, какую найдешь приличною. Поторгуйся, мнѣ теперь болѣе, нежели когда, деньги необходимы. Кромѣ предстоящей дороги я похожъ теперь на турецкаго святого, а турецкіе святые, какъ тебѣ извѣстно, не разборчивы въ отношеніи костюма: они щеголяютъ иногда *au naturel*. Если-бы заплатили по 15 рублей, я былъ-бы болѣе нежели доволенъ, и эти деньги посвятилъ-бы на дорогу отъ Москвы до Рачкѣвичъ.

Еще посылаю тебѣ *счастливаго ловца* и *ловкаго продавца*. Этимъ молодцамъ тебѣ цѣна извѣстна. Устрой, друже мой, все это най-

лучше и найскорѣе, и жди меня, твоего искренняго друга, въ свои теплыя объятія.

Форму и величину 17 штукамъ можно дать одну, это не повредитъ эффекту;—такую, напримѣръ, какъ 17 № *Коганъ*.

20 мая.

Сегодня только отходитъ почта и я прибавляю еще двѣ штуки. Я назвалъ ихъ молитвою по умершимъ. Это религіозное повѣрье киргизовъ. Они по ночамъ жгутъ бараній жиръ надъ покойниками, а днемъ наливаютъ воду въ ту самую плошку, гдѣ ночью жиръ горѣлъ, для того, чтобы птичка напилася и помолилась Богу за душу любимаго покойника. Не правда-ли, поэтическое повѣрье?

16.

Пишу тебѣ менѣе, нежели мало, но пишу изъ Астрахани, на пути въ Петербургъ, и слѣдовательно это миніатюрное письмо родитъ въ твоемъ благородномъ сердцѣ огромную, роскошную библіотеку. Въ одинъ день съ твоимъ письмомъ отъ 30 мая получилъ я офиціальное извѣстіе о моей свободѣ. Добрый Ираклій далъ мнѣ отъ себя пропускъ прямо въ Петербургъ, минуя Уральскъ и Оренбургъ, а слѣдовательно и 1000 верстъ лишняго и дорогого пути. Сердечно ему благодаренъ за эту экономію денегъ и времени, теперь для меня такъ драгоцѣннаго. 15 августа понесетъ меня пароходъ изъ Астрахани до Нижняго-Новгорода, а оттуда дилижансъ въ Москву, а изъ Москвы паровозъ въ Петербургъ. Весело, друже мой единый, невыразимо весело, когда наши волшебные воздушные замки начинаютъ быть осязательными. Я спѣшу теперь въ Петербургъ для того единственно, чтобы поцѣловать руки моей святой заступницы, графини Наталіи Ивановны Толстой. Послалъ-ли ты ей моего Киргизенка? или, лучше сказать, получилъ-ли ты самъ его, и его родныхъ братьевъ—счастливаго рыбака и смышленнаго продавца? Въ послѣднемъ своемъ письмѣ ты мнѣ ничего не пишешь о моихъ посылкахъ. Получилъ-ли ты ихъ? Если получилъ, то распорядись ими, какъ находишь лучше, и напиши мнѣ въ Петербургъ по адресу, тебѣ извѣстному. Я также, какъ и ты, вполнѣ и совершенно вѣрую,

что мы съ тобою увидимся, но когда и гдѣ, не знаю; во всякомъ случаѣ не въ киргизской степи.

До свиданія, мой друже единый! Не забывай своего искренняго друга и теперь свободнаго художника.

Т. Шевченко.

Цѣлую твою святую мать, отца и все близкое твоему сердцу.

10 августа, 1857 г.

Астрахань.

Библіографія.

Покажчикъ нової української літератури (1798—1883 р.). Зібравъ М. Комаровъ. Кіевъ 1883 г. (1—74 стр.). Ц. 50 к.

Всякій, занимавшійся вопросомъ объ украинской литературѣ, до сихъ поръ встрѣчался съ непреодолимыми препятствіями, по отсутствію полнаго указателя всего того, что написано на малорусскомъ языкѣ, а также и того, что появлялось по этому вопросу въ русской литературѣ. Единственными справочными книгами были: «Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ» В. Межова и «Исторія русской и всеобщей литературы, библіографическіе матеріалы» —его-же. Кто знакомъ хорошо съ этими трудами почтеннаго библіографа, тотъ знаетъ, насколько неудовлетворительны они при занятіяхъ указаннымъ выше вопросомъ, во 1-хъ, потому, что «Систематическій указатель» составленъ только о книгахъ, вышедшихъ съ 1825 года, а «Библіографія русской и всеобщей литературы» —съ 1855 г. по 1870 г., во 2-хъ потому, что въ обоихъ этихъ трудахъ встрѣчается очень много пропусковъ, особенно книгъ, издававшихся не въ столицахъ. Благодаря появленію въ свѣтъ разбираемой книги М. Комарова, теперь значительно облегчается положеніе занимающагося изученіемъ украинской литературы, такъ какъ авторъ «Покажчика», надо отдать ему полную справедливость, весьма усердно потрудился для собранія всего того, что было написано по украински, начиная съ «Энеиды» Котляревскаго (1798 г.) и кончая послѣдними произведеніями 1883 года, и при каждой книжкѣ помѣщая указанія критическихъ разборовъ, біографическихъ и библіографическихъ данныхъ, появлявшихся въ русской и галицкой періодической печати. Не можемъ впрочемъ не указать здѣсь-же на одинъ, по нашему мнѣнію, маленькій промахъ: зачѣмъ авторъ не закончилъ книгами, вышедшими въ 1882 году, а помѣстилъ и то, что появилось въ первые мѣсяцы

настоящаго года? Вѣдь черезъ нѣсколько лѣтъ кто-либо, взявъ въ руки «Покажчикъ» и не зная, что онъ вышелъ изъ печати въ концѣ февраля 1883 г., будетъ введенъ въ сомнѣніе тѣмъ, что не найдетъ въ немъ книгъ, которыя отпечатаны еще будутъ въ остальные мѣсяцы этого года. Если уже хотѣлось автору довести литературную лѣтопись до послѣднихъ дней, то нужно было объ этомъ сообщить въ предисловіи къ книжкѣ. Конечно, мы отмѣчаемъ этотъ фактъ, лишь какъ нѣкоторое неудобство для пользованія въ будущемъ.

Въ предисловіи къ «Покажчику», написанкомъ, кстати сказать, очень хорошимъ украинскимъ языкомъ, авторъ съ прискорбіемъ заявляетъ, что литература Галиціи не могла войти въ его трудъ, такъ какъ при тѣхъ слабыхъ литературныхъ связяхъ, которыя имѣются въ настоящее время съ нашими закордонными братьями, нѣтъ возможности собрать данныхъ о литературѣ въ Галиціи. Надо утѣшаться тѣмъ, что во Львовѣ готовится теперь подобный-же библіографическій указатель галицкой литературы и вѣроятно скоро появится въ свѣтъ. Что же касается писателей русской Украины, то авторъ собралъ все, что только ему было возможно узнать, включая и тѣ книги, которыя издавались за границей русскими украинцами. Тутъ мы опять сдѣлаемъ маленькое замѣчаніе. Въ «Покажчикѣ» помѣщены иногда авторы, у насъ на Руси невѣдомые, ничего въ Россіи не издававшіе,—чѣмъ-же г. Комаровъ докажетъ, что это русско-украинскіе писатели? Придется вѣрить ему на слово; напр. *Банасико Ф.* (Дикий піпъ), *Біликъ И.* (Біографія Тургенева), *В. П.*— (Дворянка). и мн. др. Намъ кажется, что правильнѣе было-бы, не помѣщая всей галицкой литературы, ограничиться только книгами, изданными въ Россіи, да заграничными изданіями сочиненій хорошо извѣстныхъ украинскихъ писателей, какъ-то: Гулака-Артемовскаго, Квітки-Основьяненка, Кулиша, Шевченка и др.; всѣхъ-же остальныхъ, о которыхъ случайно могъ узнать составитель «Покажчика», предоставить указать галичанамъ, такъ какъ большинство такихъ изданій было у нихъ, тѣмъ болѣе, что въ замѣнъ этого мы имѣемъ право помѣстить у себя (правда—въ значительно меньшомъ количествѣ) изданія галичанъ, вышедшія въ Россіи, наприм. «Пѣсни Галицкой и Угорской Руси» Я. Головацкаго.

Что касается системы расположенія книгъ въ «Покажчикѣ», то составитель указываетъ какъ на лучшую въ данномъ случаѣ—алфавитный перечень. Съ своей стороны мы вполнѣ соглашаемся съ этимъ мнѣніемъ составителя, но замѣтимъ, что алфавитный указатель имѣетъ одно неудобство при отыскиваніи той или другой книги, а именно: если при книгѣ имя автора обозначено только начальными буквами, которыя

конечно легко забываются, то приходится, зная даже заглавіе книги, пересмотрѣть весь «Покажчикъ», пока набредешь на нее; напр. нужно навести справку о книгѣ «Якъ розпізнати грунтъ»: если позабылъ, что она переведена *И. М. Р.* (а кто это будетъ помнить?), то никакъ не догадаешься, гдѣ ее искать. Равное затрудненіе встрѣчается и въ томъ случаѣ, когда книга не указываетъ автора. Въ „Покажчикѣ" она помѣщается по алфавиту, при чемъ составитель беретъ за основу такую случайную примѣту, какъ начальная буква заглавнаго листа, что конечно очень неудобно при отысканіи книги, если точно не помнишь заглавія ея. Напр. намъ нужно было навести справку о книгѣ, трактующей о «лікахъ свойенародныхъ",—случайно удалось ее найти скоро, раскрывъ страницу 43, гдѣ она помѣщается на букву *П*, такъ-какъ озаглавлена «Про ліки свойенародні» (замѣтимъ кстати, что книга эта въ дѣйствительсности озаглавлена такъ: «ліки свойенародні, зъ домашнего обиходу і въ картинахъ життя», ц. 7 к.) Конечно, это мелкій недостатокъ, который почти равняется нулю, если принять во вниманіе неоспоримыя достоинства труда г. Комарова; но все-таки до извѣстной степени можно было-бы избѣжать его, приложивъ въ концѣ книги предметный указатель по главному сюжету книги, расположивъ его въ алфавитномъ порядкѣ и сдѣлавъ ссылку на номеръ.

Въ «Покажчикъ» вошли не только заглавія книгъ, но и критическія и біографическія статьи, собранныя съ примѣрной тщательностью, хотя не безъ пропусковъ, о которыхъ мы скажемъ впереди.

Наименѣе полный и удобный для справокъ отдѣлъ, приложенный въ концѣ «Покажчика»—«Найглавнійші спільні писаня про украінську мову, літературу і про украінське питання». Тутъ ужъ алфавитный порядокъ авторовъ или періодическихъ изданій, если авторъ не указанъ, совершенно ничему не помогаетъ; отдѣлъ этотъ слѣдовало-бы составить въ систематическомъ порядкѣ, раздѣливъ на нѣсколько существенныхъ рюбрикъ.

Дѣлая эти общія замѣчанія, мы имѣемъ въ виду только тѣ измѣненія, которыя, можетъ быть, г. Комаровъ найдетъ нужнымъ сдѣлать въ въ будущемъ изданіи своего труда, а совсѣмъ не желаніе упрекнуть его въ недостаткахъ, такъ-какъ отлично понимаемъ, сколько труда пришлось затратить составителю,—труда, за который, кромѣ самаго искренняго «спасибо», никто, мы думаемъ, иного не скажетъ. И вотъ, имѣя въ виду лишь будущее исправленное изданіе «Покажчика», мы прилагаемъ теперь-же тѣ мелкія добавленія и поправки, которыя на первый разъ пришли намъ на память и оказались подъ руками, и приглашаемъ всѣхъ библіографовъ послѣдовать нашему примѣру и сообщить и свои

замѣтки въ благодарность г. Комарову за цѣнный подарокъ, сдѣланный имъ любителямъ украинской литературы.

Просимъ прощенія въ томъ, что замѣтки наши будутъ носить отрывочный характеръ, такъ какъ онѣ явились при бѣгломъ обзорѣ различныхъ мѣстъ самаго «Покажчика».

1) Не указано: *Инфимовскій Ник.*, свщ., «Бесѣда въ 12 недѣлю по Пятидесятницѣ» (на малорус. яз.). Помѣщена въ «Домашней Бесѣдѣ» 1860 г. вып. 33-й.

2) *Стеценко.* «Доля, драма въ 5 діяхъ» печаталась не въ «Харьк. Губ. Вѣдом.», а въ газетѣ «Харьковъ» (прибавленіе къ Харьк. Губ. Вѣд.) 1863 г. №№ 39—43.

3) Не указана статья (по вопросу о малор. учебн. въ школѣ) *Хуторянина*: „Какія руководства удобнѣе употреблять при первоначальномъ обученіи крестьянскихъ дѣтей“ (Черниг. Лист. 1862 г. №№ 2—27; точно начала статьи указать не могу).

4) Не указанъ „Сонетъ“ *Кулиша*, напечатан. въ Черниг. Листкѣ 1862 г. № 27 (Кажется, нигдѣ больше не напечатано; начинается такъ: «Ще любо дивлятся на мене карі очі»).

5) *Гречулевичъ.* «Проповѣди на малороссійскомъ языкѣ», издан. въ 1857 г. вторымъ изданіемъ, кажется, печатались въ Черн. Губ. Вѣд. въ томъ-же году; по крайней мѣрѣ, одна изъ проповѣдей на Новый годъ была помѣщена въ № 1 (см. «Украинск. Литер. лѣтоп. за 1857 г. въ Черн. Губ. Вѣд. 1857 г. № 47»).

6) «Наймычка», поэма *Шевченка* была первоначально напечатана въ «Зап. о Южн. Руси» т. 2-й, издан. Кулиша, безъ указанія автора, такъ какъ имени Шевченка тогда нельзя было поминать (1856 г.); о ней было сказано, что авторъ поэмы неизвѣстенъ и что сама поэма найдена въ альбомѣ какой-то барышни. Эту библіографич. справку, намъ кажется, слѣдовало-бы привести.

7) Статья въ Маякѣ 1840 г. т. I, ч. 2-ая, указанная въ числѣ рецензій на сочиненія *Квитки*, подписана *С. Б.* и разбираетъ «Листи до любезнихъ землякивъ».

8) Статья «О древности и самобытности южнорускаго языка» (стр. 65), помѣщенная въ Жур. Мин. Нар. Просв., перепечатана въ «Записк. о Южн. Руси» Кулиша, т. 2-ой.

9) Не указана статья *Максимовича М.* «Мнѣніе о малороссійскомъ языкѣ и правописаніи онаго, помѣщенная въ «Русскомъ Зрителѣ» 1829 г. ч. VI, № 21 и 22.

10) Не указанъ привѣтъ *Максимовича* Шевченку на обѣдѣ 25 марта 1858 г. «Привѣтъ на малорус. яз.», помѣщенъ въ Основѣ 1861 г. № 6 въ статьѣ «Значеніе Шевченка для Украйны».

11) Не указано стихотвореніе *Максимовича* на малорос. яз. «На смерть Шевченка», помѣщенное въ «Основѣ» 1861 г. № 6. Также не указано его-же стихотвореніе, помѣщенное тамъ-же «На похоронъ Т. Г. Шевченка підъ Каневомъ».

12) Не указана статья *Погодина* «О древнемъ русскомъ языкѣ», напеч. въ видѣ письма къ И. Срезневскому въ «Извѣст. 2-го Отдѣл. Импер. Акад. Наукъ» т. V, вып. 2-ой и перепечатан. въ «Москвитянинѣ». 1856 г. № 2; въ ней отрицалось существованіе въ Кіевѣ малороссіянъ до татарскаго періода. Эта-то статья и вызвала переписку между Максимовичемъ и Погодинымъ, которая и указана въ «Покажчикѣ», хотя не вся, такъ напр.: не помѣщенъ еще одинъ отвѣтъ Погодина, напечатан. въ „Русской Бесѣдѣ" 1857 г. № 3 и перепечат. въ «Москвитянинѣ» 1857 г. № 13—16.

13) Не указана статья *А. Скавронскаго* «Кто наши обвинители» (такъ называемый украинскій вопросъ и его враги), напечат. въ «Современ. Словѣ» 1862 г. № 157.

14) Всѣ статьи по поводу концерта въ пользу родственниковъ Шевченка гораздо большее значеніе имѣютъ для характеристики Кулиша, а потому ихъ надо исключить изъ числа статей о Шевченкѣ (стр. 57), особенно же—помѣщенная въ „Сѣверн. Пчелѣ" 1861 г. въ №№ 116 и 171. Первая пропущена совсѣмъ въ „Покажчикѣ": *Мокрицкій П.* «Отвѣтъ на статью г-на Кулиша».

15) О „Ландышахъ Кіевской Украины" *Гр. Карпенка* помѣщенъ очень сочувственный отзывъ въ Галицкомъ журналѣ «Сборникъ» 1857 г. № 7, подъ заглавіемъ „Конвалія Кіевской Украины". Тутъ-же для образца перепечатаны нѣкоторыя стихотворенія въ №№ 7, 9, 10, 12 и 14.

16) Стихотвор. *Шевченка*: „Якъ би мені черевики", помѣщено въ «Народномъ Чтеніи» 1859 г. кн. 5-я.

17) Стихотв. *Шевченка:* «Балъ» («Огні горять, музика грае») въ переводѣ Курочкина; помѣщено въ „Народномъ чтеніи" 1860 г. кн. 6-ая (Переводъ больше похожъ на передѣлку).

18) «Первоцвітъ» Кузьменка и Щоголева, съ предисловіемъ Кулиша, помѣщенный въ „Хатѣ", изд. Кулиша, вышелъ кажется и отдѣльной книжкой. Ц. 30 к. (по крайней мѣрѣ было объявленіе отъ типографіи Кулиша въ 1859 г., что она печатается).

19) Разсказъ *Марка-Вовчка*: «Два сини», въ переводѣ на русскій яз. Степ. Яковенка, помѣщенъ въ «Русскомъ Мірѣ» 1861 г. № 68.

20) О „хохлацькихъ співахъ" *Крутоярченка* помѣщена неодобрительная рецензія Кулиша въ „Парусѣ" 1859 г. № 2.

21) Повѣсть *И. Нечуя-Левицкаго* „Причепа“ переведена на польскій языкъ подъ заглавіемъ: „Przybłęda, powieść ukraińska“ (см. извѣстіе объ этомъ въ галицкой „Правдѣ“ 1878 г. Т. 2-ой).

22) Изслѣдованіе *М. Тулова* „О малорусскомъ правописаніи“ первоначально напечатано было въ «Филологическихъ запискахъ» 1879 г. № 4 и 5.

23) Не указана статья *Воронина:* „Мѣстные вопросы“ (объ украинофильствѣ), помѣщенная въ „Вѣстникѣ юго-запад. Россіи“ 1863 г. Т. 3-й.

24) Не указана повѣсть *Стороженка* «Якъ Богъ дасть, то і въ вікно подасть». С.-ПБ. 1862 г. ц. 3 к.

25) *Марка-Вовчка* „Народні оповідання“ изданы не въ 1857 г., а въ 1858. Не указаны также изданія повѣстей его: «Викупъ» въ 1862 г. С.-ПБ. Ц. 5 к., «Сестра» С.-ПБ. 1862 г. Ц. 7 к.

26) *Забоцня* «Гордовита пара» издана еще разъ въ С.-ПБ. 1862 г. Ц. 3 к.

27) *Мордовцева* «Салдатка» издана еще разъ въ С.-ПБ. 1862 г. Ц. 5 к.

28) *Кузьменка* „Не такъ ждалося, да такъ склалося» издано еще разъ въ С.-ПБ. 1862 г. Ц. 5 к.

29) *Гатцука* «Українська Абетка» издана не въ 1863 г., а въ 1861.

30) Не указана статья *С. Гогоцкаго* «На какомъ языкѣ слѣдуетъ обучать въ сельскихъ школахъ юго-западной Россіи», помѣщенная въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» 1863 г. № 33—35 и изданная отдѣльной брошюрой.

31) Не указанъ „Букварь южно-русскій“. 1861 року ц. 3 к. С.-ПБ. (можетъ быть впрочемъ, я его не нашелъ, хотя выписанное заглавіе вполнѣ точно).

32) Не могу точно указать, гдѣ напечатано «Слово про мою щирость до людей убогихъ», дума *Степана Карпенка 1-го.* (Подписано: Кіевъ 1849 року; у меня имѣется эта дума вырванной изъ какого-то сборника).

33) Тоже въ какомъ-то сборникѣ помѣщены: а) «Голубка» — *Думитрашка-Раїча* (подписано: Переясловъ 1850 р.); б) «На могильна» — его-же (подписано: Переясловъ 1850 р.); в) «Шпыгачка» — его-же; г) «Камінь» — его-же; д) «Чуже не свое» — *Романа Андрієвича* (подписано: Переясловъ 1850 р.), и е) «Панъ Сюсюрченко, побрехенька въ лицедійстві» — его-же (въ Покажчикѣ указано, какъ напечатанное въ «Чайкѣ», альманахѣ изданія Пискунова).

34) Были еще и такіе писатели: а) *Надхинъ Григорій;* его малор. стих. «Землякамъ», помѣщ. въ «Русск. Инвал.» 1854 г. № 74; б) *Ваненко*

Иванъ, котораго «Дадимо прочухана» (малорус. стихотвор.) напечатано въ «Москов. Вѣд.» 1854 г. № 24.

35) Нѣсколько малорусскихъ думъ, сообщ *А. Афанасьевымъ*, напечатаны были въ „Извѣст. Акад. Наукъ 1853 г.

37) Статья о *Котляревскомъ* помѣщена въ «Журн. Мин. Народ. Просв.» № 10 въ 1849 г., а не въ 1846, какъ значится въ «Покажчикѣ». (Статья эта, какъ сказано въ концѣ ея, заимствована изъ «Кіевск. Губ. Вѣд.», но въ какомъ номерѣ помѣщена—не знаю).

37) Послѣдняя моя поправка на этотъ разъ будетъ лично касаться меня.—На стр. 24-й сказано, будто-бы въ «Кіевлянинѣ» 1878 г. № 143 и 144 была помѣщена моя статья о Квиткѣ. Смѣю увѣрить, что никогда ни одной строчки не помѣщалъ въ «Кіевлянинѣ»; въ указанныхъ-же выше номерахъ былъ помѣщенъ репортеромъ «Кіевлянина» отчетъ о засѣданіи Общества Нестора лѣтописца, въ которомъ мною прочитанъ былъ рефератъ о Квиткѣ въ день празднованія его юбилея.

Не въ осужденіе пусть приметъ уважаемый составитель „Покажчика“ наши поправки и дополненія; мы признаемъ, что пропусковъ въ подобномъ трудѣ никто избѣжать не можетъ, особенно, если приходится вести его въ провинціальномъ городѣ, гдѣ достанешь далеко не все нужное для справокъ. Единственная возможность пополнить пробѣлы библіографическаго указателя—сдѣлать извѣстными имѣющіяся у каждаго свѣдѣнія путемъ печати, что мы на первый разъ и сдѣлали, обѣщая и впредь, по мѣрѣ накопленія матеріала, предавать его тисненію. А пока что, скажемъ еще разъ большое «спасибо» М. Комарову, отъ лица всѣхъ занимающихся малорусской литературой, за составленный имъ «Покажчикъ»!

В. Науменко.

D-r Antonij I.—Niewiasty kresowe. Warszawa. 1883.

Д-ръ Антоній I.—Женщины на окраинахъ. Варшава. 1883 г.

Новое сочиненіе доктора Антонія I., появившееся подъ этимъ заглавіемъ, содержитъ шесть біографическихъ очерковъ, обрисовывающихъ типы женщинъ шляхетской среды въ юго-западномъ краѣ; одинъ очеркъ относится къ концу XVI столѣтія, два къ первой и два ко второй половинѣ XVII ст. и одинъ къ концу XVIII ст. Первые три біографіи изображаютъ въ сущности одинъ и тотъ-же типъ женщины, выросшей и воспитанной среди безграничнаго своеволія шляхетской среды своего времени, не сдерживаемаго ни извнѣ—властью и закономъ, ни внутри—

прочными нравственными принципами и сознаніемъ гражданскаго долга. Изъ очерковъ доктора Антонія мы видимъ, что болѣе энергическія женщины не только усваивали себѣ бытовыя черты своего общества, но старались и во внѣшнихъ ихъ формахъ и пріемахъ не уступать мущинамъ; онѣ ведутъ безконечныя тяжбы, усваиваютъ себѣ страсть къ кляузамъ, умѣютъ весьма ловко пользоваться юридическою казуистикою; онѣ вчинаютъ иски или отбиваются отъ нихъ вооруженною силою, предпринимаютъ заѣзды, выдерживаютъ осады, держатъ на жалованьи вооруженные отряды и во главѣ ихъ даютъ сраженія и т. п. Первая біографія посвящена Аннѣ Борзобогатой-Красненской, урожденной княжнѣ Сокольской;—эта энергическая женщина была невѣсткою извѣстнаго епископа луцкаго и острожскаго Іоны Борзобогатаго-Красненскаго; подчиняя своему вліянію и слабохарактернаго мужа и престарѣлаго тестя-владыку, Анна Борзобогатая руководила ихъ дѣятельностью и направляла ее на безпрестанныя тяжбы, самоуправства и заѣзды, въ которыхъ и сама нерѣдко принимала лично участіе; она управляла самопроизвольно имѣніями и казною луцкой епископіи, раздавала и отчуждала ихъ въ пользу какъ свою, такъ и своихъ родственниковъ и пріятелей и отказывалась исполнять всякія требованія властей и даже распоряженія короля. Весьма интересенъ между прочимъ эпизодъ столкновенія Борзобогатыхъ съ княземъ Курбскимъ; послѣдній предъявилъ судебное рѣшеніе, подтвержденное королевскимъ приказомъ о взысканіи съ Борзобогатыхъ довольно крупной суммы, но Анна отказала на отрѣзъ въ ея уплатѣ; два раза по повелѣнію короля подымалось поголовное ополченіе дворянъ волынскаго воеводства для того, чтобы заставить ее подчиниться приговору и оба раза оказалось безсильнымъ для достиженія этой цѣли. Анна Борзобогатая встрѣтила ополчившихся дворянъ во главѣ наемной милиціи и въ рѣшительной стычкѣ, въ которой она, одѣтая въ панцырь, командовала гайдуками и артиллеріею, нанесла имъ рѣшительное пораженіе и заставила ихъ разсѣяться.

Другая аналогическая личность — это Ѳеофила Хмѣлецкая, жена кіевскаго воеводы Стефана Хмѣлецкаго; мужъ ея, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ полководцевъ XVII столѣтія, прославившійся нѣсколькими блестящими побѣдами надъ татарами, происходилъ изъ дворянскаго, совершенно бѣднаго и безземельнаго семейства. Онъ родился на Волыни и сдѣлалъ первоначальную карьеру на частной службѣ въ надворныхъ милиціяхъ сначала у князя Януша Острожскаго, потомъ у кіевскаго воеводы Ѳомы Замойскаго, который впослѣдствіи, занявъ должность подканцлера, воспользовался своимъ вліяніемъ при дворѣ, чтобы доставить должность кіевскаго воеводы полковнику своей надворной милиціи Хмѣ-

лецкому. Послѣ смерти мужа Ѳеофила Хмѣлецкая получила отъ короля на содержаніе въ пожизненное владѣніе тоборовское староство; она энергически стала вести процессы съ сосѣдями и еще болѣе энергически поддерживала эти процессы заѣздами. Д-ръ Антоній, по документальнымъ источникамъ, насчитываетъ 7 вооруженныхъ заѣздовъ, предпринятыхъ Хмѣлецкою въ теченіи 10 мѣсяцевъ; одинъ изъ нихъ, подъ личнымъ предводительствомъ воинственной вдовы, кончился совершеннымъ разореніемъ «подобнымъ татарскому» села Сабаровки, принадлежавшаго противникамъ ея дворянамъ Юшковскимъ.

Совершенно такой-же типъ представляетъ и третяя изъ описанныхъ женщинъ Софія, вдова князя Романа Ружинскаго, бывшая во второмъ бракѣ женою виленскаго кастелана, Іеронима Ходкевича. Огромное количество тяжбъ и процессовъ, заѣздовъ и насилій, наполняетъ всю ея біографію, пока наконецъ въ преклонныхъ уже лѣтахъ она не рѣшилась окончить тревожную жизнь въ монастырѣ.

Со второй половины XVII столѣтія типъ шляхетской женщины въ юго-западномъ краѣ измѣняется; по крайней мѣрѣ два эскиза, начерченные весьма талантливо д-ромъ Антоніемъ, изображаютъ намъ лица совершенно другаго характера—болѣе пассивныя, не отличающіяся ни буйствомъ, ни своеволіемъ, и мужественно переносящія бѣдствія, которыя обрушиваются на нихъ вслѣдствіе неустройства края. Самый живой и интересный очеркъ, по нашему мнѣнію, представляетъ біографія Елены Немиричевой, жены Іосифа Немирича Олевскаго. Поселившись съ мужемъ въ его глухомъ полѣсскомъ помѣстьи, она изнывала отъ скуки и тоски и рѣшилась переѣхать на жительство въ свое родовое имѣніе на Волыни, но здѣсь она встрѣтила преслѣдованіе и продолжительный процессъ со стороны своего шурина Суходольскаго, который, наконецъ, напалъ на ея домъ, убилъ ея брата и самую Немиричеву изгналъ почти нагую изъ дому, причинивши ей разныя истязанія и побои; она должна была опять отправиться къ мужу въ Олевскъ. Но этимъ не окончились ея бѣдствія: семь лѣтъ спустя татарскій загонъ, опустошавшій Полѣсье, захватилъ ее въ плѣнъ вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ; послѣ продолжительныхъ невзгодъ татаре пригнали ее пѣшкомъ въ Крымъ, гдѣ она очутилась въ качествѣ невольницы въ домѣ одного изъ татарскихъ чиновниковъ въ Карасубазарѣ. Пока мужъ разыскивалъ ее и посылалъ агентовъ для ея выкупа, она получила неожиданно свободу: во время похода запорожскаго кошеваго Сѣрка въ Крымъ, козаки напали на Карасубазаръ и въ числѣ другихъ плѣнныхъ христіанъ увели съ собою и Немяричеву. Изъ Сѣчи она уже возвратилась къ мужу и дожила вѣку въ Олевскѣ.

Слѣдующій очеркъ представляетъ біографію женщины, принадлежавшей по рожденію къ числу околичной шляхты опруцкаго повѣта— это Анна Меленевская, вышедшая замужъ за товарища военной хоругви Яна Блоцкаго; она представляетъ типъ женщины, преданной до самопожертвованія семейнымъ обязанностямъ; она переноситъ изъ-за преданности мужу продолжительное гоненіе отъ родственниковъ своихъ и сосѣдей Меленевскихъ, неохотно принимавшихъ въ свою сельскую общину пришельцевъ, особенно католиковъ: затѣмъ, когда во время одного изъ военныхъ походовъ мужъ ея попалъ въ плѣнъ къ туркамъ, она отправилась пѣшкомъ въ Царьградъ, отыскала его на одной изъ галеръ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ раздѣляла его судьбу и облегчала энергическимъ трудомъ его положеніе, пока наконецъ Блоцкій не получилъ свободы по ходатайству польскаго посланника.

Наконецъ вся серія заканчивается біографіею Анны Грабянко, дочери извѣстнаго мистика и массона, жившаго въ концѣ XVIII столѣтія. Это типъ женщины, получившей исключительное, весьма солидное, научное образованіе, но, благодаря мистическому вліянію отца и тепличному воспитанію, проведшей жизнь въ странной, повидимому безповодной и безплодной тоскѣ. Конечно, личность изображенная въ послѣднемъ очеркѣ блѣдна въ сравненіи съ предыдущими энергическими типами и притомъ она поставлена жизнью въ слишкомъ исключительныя условія, для того, чтобы можно было въ ней признать типъ женщины того времени и той общественной среды, къ которой она принадлежала.

В. А.

Julian Zacharjewicz i Izydor Szaraniewicz.— Wycieczka do Załukwi, Halicza i na Kryłos. Lwów. 1882.

Ю. Захарьевичъ и Ис. Шараневичъ. Экскурсія въ Залуковъ, Галичъ и Крылосъ. Львовъ. 1882 г.

Книга, вышедшая подъ этимъ заглавіемъ, содержитъ результаты экскурсій, предпринятыхъ авторами съ цѣлію возстановленія топографіи и открытія древностей стараго города Галича. Книга распадается на двѣ части: первая, составленная профес. Шараневичемъ, содержитъ обстоятельную исторію города Галича до половины XIII столѣтія и разсказъ о раскопкахъ предпринятыхъ въ мѣстности, занятой нѣкогда Галичемъ, съ цѣлію открытія древнихъ памятниковъ, принадлежавшихъ этому городу. Другая часть написана г. Захарьевичемъ, профессоромъ

львовскаго политехническаго института; она посвящена историко-архитектурному изслѣдованію памятниковъ церковнаго зодчества, открытыхъ во время предпринятыхъ раскопокъ.

Въ теченіи уже трехъ лѣтъ проф. Шараневичъ занимается спеціальнымъ изслѣдованіемъ топографіи древняго Галича; съ этою цѣлію онъ предпринялъ нѣсколько поѣздокъ въ этотъ городъ, собралъ многочисленныя названія урочищъ, окружающихъ его, сопоставилъ ихъ съ данными, извлеченными изъ лѣтописи и весьма тщательно комментированными и на основаніи этихъ подготовительныхъ работъ, опубликованныхъ имъ еще въ 1880 году въ отдѣльной книжкѣ («Старорусскій княжій городъ Галичъ»), онъ приступилъ къ раскопкамъ въ намѣченныхъ по его соображеніямъ мѣстностяхъ; раскопки эти увѣнчались полнымъ успѣхомъ. По мнѣнію г. Шараневича, нынѣшній Галичъ, основанный въ позднѣйшее время (въ XIV столѣтіи), построенъ не на томъ мѣстѣ, которое занималъ обширный древній Галичъ, разрушенный монголами и бывшій въ теченіи столѣтія столицею могущественныхъ князей—Ростиславичей и Романовичей; древній Галичъ занималъ обширное пространство, въ 5 верстъ длины и въ 3 версты ширины, между нынѣшнимъ Галичемъ и селами Залуквою и Крылосомъ; изслѣдуя это пространство, проф. Шараневичъ весьма удачно опредѣлилъ, руководясь лѣтописными текстами, мѣстоположеніе нѣкоторыхъ древнихъ церквей, и, произведши раскопки на намѣченныхъ мѣстахъ, дѣйствительно открылъ фундаменты церковныхъ зданій; по нынѣ обнаружены имъ основанія церквей: 1) св. Спаса, бывшей придворною замковою церковью въ XII столѣтіи, 2) церковь пресвятой Богородицы, служившей въ XIII столѣтіи какъ-бы цитаделью среди городскихъ укрѣпленій и извѣстной въ лѣтописи тѣмъ, что въ ней затворился въ 1220 году венгерскій королевичъ Коломанъ и послѣ продолжительной защиты, принужденъ былъ сдаться осадившему его Мстиславу Удалому и 3) неизвѣстной по лѣтописи церкви, построенной въ видѣ ротонды.

Желая провѣрить открытые имъ памятники въ отношеніи ихъ архитектуры и кладки, проф. Шараневичъ пригласилъ съ этою цѣлью въ качествѣ эксперта проф. Захарьевича, который занялся очень тщательнымъ изслѣдованіемъ архитектурныхъ особенностей остатковъ открытыхъ зданій. Г. Захарьевичъ, сличивъ ихъ съ извѣстными удѣлѣвшими памятниками того времени, относитъ ихъ безъ всякаго колебанія къ стилю византійскому и къ періоду времени XII—XIII столѣтія и такимъ образомъ вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе проф. Шараневича.

Вообще оба издателя занялись предпринятымъ ими изслѣдованіемъ съ большимъ знаніемъ дѣла и съ истиннымъ увлеченіемъ научными

цѣлями своей работы и составили книгу, принесшую новый вкладъ для исторической топографіи древней княжеской Руси. Впрочемъ развѣдки и изслѣдованія древностей Галича далеко еще ими не исчерпаны и они обѣщаютъ еще нѣсколько экскурсій для дополненія начатаго ими труда.

В. А.

Историческіе дѣятели юго-западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ. Выпускъ 1-й. Составили профессора университета св. Владиміра В. Б. Антоновичъ и В. А. Бецъ по коллекціи В. В. Тарновскаго. Кіевъ. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 70 к.

Изъ предисловія къ названному изданію узнаемъ, что все оно должно состоять изъ 3-хъ отдѣловъ: въ первый войдутъ «44 портрета различныхъ лицъ (?), находящихся въ коллекціи В. В. Тарновскаго», во второй — «описаніе и изображеніе старинныхъ предметовъ, домашней утвари, одежды и оружія», а въ третій — «могутъ войти факсимиле различныхъ мѣстныхъ документовъ XVII и XVIII вѣка и 1-й половины настоящаго столѣтія». Первый отдѣлъ распадается на пять выпусковъ; теперь вышелъ 1-й выпускъ перваго отдѣла, а если два другіе отдѣла будутъ имѣть также по пяти выпусковъ, то всѣхъ выпусковъ должно быть пятнадцать. Понятно отсюда, какъ великъ можетъ быть объемъ всего изданія, какъ много времени и силъ потребуетъ оно и какъ велика должна быть его стоимость, судя по цѣнѣ настоящаго выпуска.

Задуманный трудъ разсчитываетъ, повидимому, обнять всю минувшую жизнь южной Россіи и представить ее въ лицахъ и дѣйствіяхъ, памятникахъ вещественныхъ и письменныхъ. Предпріятіе не только почтенное и въ высшей степени важное, но до нѣкоторой степени грандіозное и, безъ преувеличенія, можно-бы притти отъ него въ восторгъ, если-бы были всѣ данныя для надежды на соотвѣтственное замыслу выполненіе. Полагаемъ, что болѣе или менѣе внимательное разсмотрѣніе настоящаго 1-го выпуска можетъ хотя отчасти открыть намъ, какъ много шансовъ для осуществленія такой надежды.

Предисловіе указываетъ какъ будто трехъ участниковъ предпріятія: инціатива дѣла принадлежитъ извѣстному собирателю памятниковъ южно-русской старины, землевладѣльцу черниговской губерніи В. В. Тарновскому, въ числѣ двухъ именъ составителей стоитъ почтенное имя извѣстнаго историка В. Б. Антоновича, издателемъ-же объявляетъ себя дебютирующій въ первый разъ въ области южно-русской исторіи и этнографіи, профессоръ анатоміи въ университетѣ св. Владиміра В. А. Бецъ. Какъ ни почтенны названныя лица, мы склонны думать, что однихъ ихъ

силъ недостаточно для столь обширнаго и сложнаго труда; остается при томъ неизвѣстнымъ, будетъ-ли и все изданіе ведено названными лицами. Но обратимся къ самому изданію, начало котораго предъ нами.

Разсматриваемый выпускъ состоитъ изъ портретовъ девяти гетмановъ и одного сотника (Саввы Туптала) и десяти біографій этихъ лицъ, а также факсимиле нѣсколькихъ изъ нихъ. Біографіи идутъ въ такомъ порядкѣ: Сагайдачнаго, Богдана Хмельницкаго, Юрія Хмельницкаго, Туптала, Выговскаго, Тетери, Многогрѣшнаго, Брюховецкаго, Ханенка и Дорошенка. Портреты и факсимиле названы почему-то «таблицами», а всѣхъ таблицъ показано 20 и это потому, что Богданъ Хмельницкій представленъ въ 7-ми различныхъ изображеніяхъ, Сагайдачный, Дорошенко и Туптало въ 2-хъ. Такимъ образомъ въ изданіи надо различать текстъ и иллюстрацію къ нему, или часть научно-литературную и техническую или художественную, а кромѣ ихъ общій планъ работы и источники послѣдней его части. Что-же кому изъ трехъ названныхъ лицъ во всемъ этомъ принадлежитъ, какъ каждое изъ нихъ выполнило свою задачу и каково вообще все изданіе?—Въ предисловіи говорится, что г. Тарновскому принадлежитъ иниціатива изданія, а г. Антоновичу составленіе біографій; слѣд. все остальное принадлежитъ профессору Бецу. Но это такъ вообще, въ частностяхъ нѣсколько иначе. Во 1-хъ, судя потому, что говоритъ въ предисловіи г. Бецъ о горячей, до страсти доходящей любви г. Тарновскаго къ южно-русской старинѣ и огромныхъ затратахъ, сдѣланныхъ этимъ послѣднимъ на составленіе коллекціи ея памятниковъ, позволительно предполагать, что одною иниціативою въ этомъ дѣлѣ онъ не ограничился; во 2-хъ хотя въ заглавіи сказано, что выпускъ составили профессора Антоновичъ и Бецъ по коллекціи Тарновскаго, но изъ объясненій къ портретамъ видно, что далеко не всѣ приложенныя изображенія сняты съ портретовъ этой коллекціи, и въ 3-хъ хотя девять изъ десяти біографій, помѣщенныхъ въ изданіи, приписаны г. Антоновичу, но, кромѣ другихъ данныхъ, по самымъ біографіямъ можно догадываться, что и эти 9-ть не всѣ принадлежатъ перу даровитаго и многоученаго историка.

Переходя къ выполненію начала изданія, мы не войдемъ въ подробный разборъ историко-литературной его части, такъ какъ вошедшія въ изданіе біографіи имѣютъ спеціальное назначеніе служить пояснительнымъ текстомъ изданія, а разсматривая ихъ съ этой стороны, достаточно сказать, что написанныя съ очевиднымъ знаніемъ предмета, сжато, но довольно полно, и изложенныя въ общедоступной формѣ, онѣ вполнѣ почти достигаютъ своей цѣли, и хотя не всѣ онѣ принадлежатъ одному перу, но по нимъ прошла одна опытная и умѣлая рука. Не можемъ

впрочемъ не замѣтить, что хотя лица, которыхъ біографіи предложены, слѣдуютъ въ порядкѣ времени одно за другимъ и всѣ они, за исключеніемъ одного, стояли во главѣ управленія Малороссіей, но самыя біографіи не связаны между собою въ такой степени, чтобы представляли собою очеркъ исторіи Малороссіи въ данную эпоху. Видно, что работа была заказная, что въ подборѣ сюжетовъ для части историко-литературной не участвовала мысль того, кому главнымъ образомъ принадлежитъ разработка оной, что прежде подбирались портреты, а къ нимъ пригонялись біографіи, а быть можетъ и самыя біографіи писались по мѣрѣ изготовленія портретовъ. Этимъ только и можно объяснить то между прочимъ, что въ разрядъ историческихъ дѣятелей первой, выдающейся категоріи введено лице, правда весьма почтенное, но не идущее съ ними въ рядъ по своему гораздо низшему положенію и не оставившее по себѣ въ исторіи слѣдовъ своей дѣятельности,—лице сотника макаровскаго Саввы Туптала, извѣстное въ исторіи болѣе по имени сына своего, св. Димитрія Ростовскаго. Прибавимъ также, что біографіи, помѣщенныя въ вышедшемъ 1-мъ выпускѣ изданія служатъ поясненіемъ жизни и дѣяній избранныхъ лицъ, но не ихъ портретовъ, т. е. археологическаго значенія этихъ послѣднихъ, и въ этомъ отношеніи, кромѣ не многихъ, весьма краткихъ и не вѣрныхъ указаній въ предисловіи, нѣтъ никакого другаго пояснительнаго текста.

Обратимся теперь къ технической или художественной части вышедшаго выпуска. Главное ея назначеніе—археологическое и въ этомъ отношеніи имѣютъ значеніе не одни точные образы историческихъ дѣятелей, но портреты, какъ предметъ искусства даннаго времени и мѣста, въ особенности костюмы и другія принадлежности изображеній. Выше мы замѣтили, что до необходимости археологическихъ объясненій въ изданіяхъ такого рода почтенный профессоръ-издатель не додумался. Имѣютъ-ли по крайней мѣрѣ сами по себѣ изданные портреты археологическое значеніе? Воспроизведены они, какъ говорится въ заглавіи настоящаго выпуска, по коллекціи В. В. Тарновскаго. Мы не имѣли случая видѣть эту коллекцію; научнаго описанія и оцѣнки ея предметовъ въ печати также нѣтъ. Остается въ этомъ случаѣ основаться на отзывахъ лицъ ее видѣвшихъ и ознакомившихся съ нею болѣе или менѣе обстоятельно. По обще распространенному о ней мнѣнію, раздѣляемому и людьми вполнѣ свѣдущими въ дѣлѣ исторіи и археологіи, въ этой коллекціи не много предметовъ, имѣющихъ историко-археологическое достоинство и всѣ признаки *автентичности;* въ составленіи оной не участвовала опытная рука, въ нее не внесены научные критическіе пріемы, даже обыкновенная строгая разборчивость и наблюдатель-

ность,—коллекція образовалась подъ вліяніемъ страсти, охватившей человѣка со средствами, но не историка и не археолога. Это отнюдь не умаляетъ его чести и заслуги; но не было-бы ни чести, ни заслуги тому, кто сталъ-бы пользоваться ею въ цѣляхъ научныхъ безъ строгаго разбора и оцѣнки каждаго избираемаго изъ нея предмета. Такъ однако поступилъ издатель разсматриваемаго выпуска, судя по тому, что онъ говоритъ о коллекціи, происхожденіи и значеніи заимствованныхъ изъ нея для изданія портретовъ; есть на то и нѣкоторыя другія данныя. Пройдите напр. въ Кіевѣ по Крещатику и остановитесь у любаго изъ двухъ лотковъ, на которыхъ продаются всякаго рода портреты—карточки и изображенія,—вы найдете между ними въ форматѣ малыхъ и кабинетныхъ фотографическихъ карточекъ портреты гетмановъ, тождественные съ тѣми, которые заимствованы г. Бецомъ изъ коллекціи В. В. Тарновскаго. Спросите продавца, откуда онъ получаетъ эти карточки для продажи и получите въ отвѣтъ: отъ кіевскаго фотографа Пастернака. Извѣстно однако, что фотографъ Пастернакъ пустилъ въ продажу свои карточки—портреты раньше появленія снимковъ художника Васька и что первые были сняты съ оригиналовъ лѣтописи Велички, когда рукопись оной была еще въ Кіевѣ; вопросъ о томъ, кто съ кого или съ чего снималъ, остается открытымъ и невольно является предположеніе, не содержится-ли въ объясненіи издателя какой-либо недомолвки или неточности. На это предположеніе наводитъ насъ и то обстоятельство, что почтенный издатель считаетъ напримѣръ *автентичнымъ* портретъ гетмана Сагайдачнаго, находящійся въ актовой залѣ кіевской духовной академіи, и фототипный снимокъ съ котораго помѣщенъ у него на первомъ планѣ, автентичность-же эту доказываетъ ксилографическимъ изображеніемъ Сагайдачнаго, изданнымъ вмѣстѣ съ стихами на смерть его въ 1621 г. и находящимся въ императорской публичной библіотекѣ. Смутное-же понятіе объ автентичности вообще и въ частности этого портрета имѣетъ г. издатель. Не говоря о томъ, что между ксилографіею 1621 г. и ея подлинникомъ, или чертами Сагайдачнаго, срисованными съ неизвѣстнаго портрета, судя по техникѣ того времени и случайности изданія, трудно предполагать большое сходство,—живописный снимокъ съ ксилографіи, находящійся въ академической коллекціи, сдѣланъ лѣтъ 15—16 назадъ отнюдь не художникомъ и между снимкомъ и ксилографіею сходства весьма не много: на ксилографіи мы видимъ пожилаго и сановитаго человѣка, какимъ и былъ Сагайдачный, а на снимкѣ какой-то моложавый *Волько* въ шабасъ, безъ всякой мысли и выраженія. Между тѣмъ г. Бецъ, считая изданные имъ портреты антиками и объявляя оные своею собственностію, воспрещаетъ воспроизведеніе ихъ въ какую-бы то ни было величину фотографіей и иными способами. Напрасное, кажется, безпокойство...

Вообще, какъ мы раньше замѣтили, частнѣйшее содержаніе выпуска не отвѣчаетъ общему его заглавію, которое слѣпилось какъ-то

неудачно и имѣло повидимому другіе разсчеты и побужденія: изъ 18-ти помѣщенныхъ въ немъ портретовъ 10-ти дѣятелей только половина заимствована изъ коллекціи В. В. Тарновскаго, остальные сняты съ другихъ оригиналовъ и гравюръ, добытыхъ изъ разныхъ источниковъ. Лучшая изъ гравюръ—Петра Дорошенка, антверпенское изданіе конца XVII в., рѣдкій экземпляръ которой принадлежитъ А. М. Лазаревскому. Нельзя не поблагодарить издателя за собраніе и изданіе до 7-ми различныхъ изображеній Хмельницкаго, между которыми есть рѣдкіе гравюрные портреты. По такимъ изображеніямъ, съ помощію сличенія, можно будетъ впослѣдствіи опредѣлить болѣе достовѣрныя черты лица этого замѣчательнаго дѣятеля и установить типъ, по которому можно-бы опредѣлять значеніе массы находящихся въ обращеніи портретовъ Хмельницкаго.

Намъ остается сказать о воспроизведеніи собранныхъ такимъ образомъ портретовъ, равно объ общемъ планѣ и качествахъ изданія. Портреты, вошедшіе въ составъ выпуска, какъ сказано въ предисловіи къ нему, воспроизведены фототипіей, но фирма и мѣсто фототипіи почему-то не указаны. Какъ ничто не бываетъ безъ причины, то должна быть и на это какая-нибудь причина. Извѣстно, что г. Бецъ занимается самъ фототипнымъ дѣланіемъ, преимущественно для цѣлей излагаемой имъ науки анатоміи. Воспроизведены-ли выпущенные теперь портреты въ его фототипіи и онъ умолчалъ объ этомъ изъ скромности, или-же они составляютъ заграничное издѣліе—остается неизвѣстнымъ; но сличая прежнія извѣстныя намъ издѣлія фототипіи г. Беца съ выпущенными портретами, мы можемъ сказать, что если они изготовлены имъ самимъ, то его фототипія сдѣлала громадный успѣхъ: такъ отчетлива и чиста работа портретовъ, хотя и нельзя сказать, чтобы она не оставляла желать ничего лучшаго.

Относительно общаго плана изданія и настоящаго выпуска скажемъ коротко, что онъ не разработанъ въ научномъ отношеніи и не соображенъ съ источниками для главной технической его части. Это потому быть можетъ, что почтенный издатель преданъ другому дѣлу и его профессія совсѣмъ иная; но не спѣшите говорить: «Бѣда, коль пироги»... Не это намъ приходитъ на мысль, когда соображаемъ недостатки настоящаго 1-го выпуска и громадность предстоящаго труда дальнѣйшихъ выпусковъ, которыхъ можетъ быть до 15-ти и которыя могутъ представить гораздо большія трудности въ научномъ отношеніи. При видѣ теперешнихъ средствъ издателя и его какъ-бы одинокаго въ этомъ дѣлѣ положенія, намъ припоминаются слова, сказанныя кн. Хованскимъ иноку Сергію, когда тотъ вызывался одинъ «препрѣть» никоніанъ на соборѣ московскомъ 1681 года: «вижду тя, отче, кротка и блага, но не достанетъ тя на толикое дѣло»...

Цѣна выпуска, скажемъ въ заключеніе, непомѣрно высокая и едва ли сколько-нибудь соображена съ дѣйствительною его стоимостію.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ПОПЫТКА ОСНОВАНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ АРХІЕРЕЙСКОЙ КАѲЕДРЫ ВЪ Г. НЕМИРОВѢ, ВЪ XVIII СТ.

Въ извѣстномъ сочиненіи протоіерея Андрея Іоаннова „Полное историческое извѣстіе о раскольникахъ“ вскользь упоминается, что раскольники изъ окрестностей Елисаветграда отправили было въ Немировъ къ тамошнему архіерею Евсевію избранныхъ отъ себя для посвященія, но Евсевія тамъ уже не застали. Нѣкоторыя свѣдѣнія о личности Евсевія находятся въ книгѣ М. О. Кояловича „Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ“. Предлагаемъ отъ себя то, что удалось намъ собрать объ этой темной личности и ея похожденіяхъ въ взволнованной уніатскимъ движеніемъ западной Украйнѣ, въ которыхъ, какъ намъ показалось, проглядываетъ мысль образованія православной архіерейской каѳедры въ отдаленной отъ центровъ тогдашняго православно-церковнаго управленія Подоліи.

Въ апрѣлѣ 1778 года прибылъ въ Могилевъ на Днѣстрѣ бывшій призрѣнскій митрополитъ Евсевій, укрывшись сюда изъ Молдавіи отъ политическихъ враговъ своихъ. Могилевъ, какъ извѣстно, до основанія Одессы бывшій важнымъ торговымъ пунктомъ по отпуску хлѣба за границу, еще съ половины XVII столѣтія имѣлъ греческую церковь для тамошнихъ греческихъ торговцевъ; при этой церкви проживалъ нѣкоторое время (1712—1719 г.) и Михаилъ, митрополитъ преславскій, встрѣчавшій Петра Великаго гдѣ-то въ Бессарабіи, послѣ прутскаго мира; онъ скрылся здѣсь, опасаясь за

свою жизнь отъ турокъ, и скончался въ г. Нѣжинѣ 1720 г.[1]). Командиръ русскихъ войскъ, занимавшихъ Немировъ, генералъ Ржевскій, вытребовалъ Евсевія къ себѣ и донесъ объ немъ фельдмаршалу Румянцеву, а Румянцевъ переслалъ его въ Кіевъ и просилъ кіевскаго митрополита Гавріила Кременецкаго (1772—1783 г.) дать ему приличное помѣщеніе. Евсевій прибылъ въ Кіевъ 20 мая и помѣщенъ въ пустынно-николаевскомъ монастырѣ. Для донесенія объ немъ св. синоду, митрополитъ поручилъ члену дикастеріи, протопопу Біелявскому, хорошо разумѣвшему греческій языкъ, отобрать отъ него показаніе, „каковъ онъ есть". Протопопъ доношеніемъ отъ 4-го іюля увѣдомилъ митрополита, что Евсевій просилъ доложить о себѣ слѣдующее:

„Рожденъ онъ въ Константинополѣ отъ знаменитѣйшей и первой по тому городу фамиліи, обучался еллинскому ученію и на собственномъ своемъ иждивеніи учителями греческими, Евгеніемъ іеродіакономъ, что нынѣ преосвященный Славенскій, философіи три года, содержа онаго три года въ домѣ своемъ, а три года у его-жъ преосвященнаго вообще съ прочими въ публичномъ преподаяніи грамматики и другихъ наукъ въ іеродіакона Іакова. Когда-же оказалась праздная епархія Ипекійская, гдѣ до того испрежде патріархи были[2]), то константинопольскій патріархъ Самуилъ и весь освященный соборъ его, безъ всякаго чьего либо прошенія и его высокопреосвященства желанія, призвавъ къ себѣ, уговорили его преосвященнаго склониться воли ихъ, что быть ему въ той епархіи митрополитомъ. Убѣгая-же онъ преосвященный такого высокаго сана и имѣвши тогда отъ роду только двадцать два года, а къ тому еще будучи и мірскимъ, отказывался тѣмъ и другими резонами. И какъ все то не подѣйствовало, то просилъ дать ему на размышленіе нѣсколько времени, что̀ получа и никому не объявляя своего на-

---

[1]) Это краткое свѣдѣніе о Михаилѣ сообщилъ намъ преосв. Никодимъ, архіепископъ ѳаворскій, нѣкогда просматривавшій обрывки греч. бумагъ въ Могилевѣ. Въ греч. церкви Могилева настали русскіе священники только съ 1814 г.

[2]) Значитъ, это происходило въ 1766 г. Къ сожалѣнію, пишущій не имѣетъ подъ руками брошюры Τά κατὰ τὰς ἀρχιεπισκοπὰς Ἀχριδῶν καὶ πεκίω—1860, χωρς, гдѣ есть актъ отъ 11 сент. 1766 г. о низведеніи каѳедры печской на степень митрополіи и переводѣ ея въ Призрѣнъ. См. *Голубинскаго* «Краткій очеркъ исторіи церквей болгарской и сербской», стр. 487.

мѣренія, чрезъ одинъ день выѣхалъ изъ Константинополя къ патріарху антіохійскому, коему и донесъ о всемъ, и жилъ у него нѣсколько, гдѣ нарочно пріѣхавшіе отъ реченнаго святѣйшаго патріарха константинопольскаго съ соборомъ за нимъ со многимъ прошеніемъ возвратиться и явиться къ его святѣйшеству"... вмѣстѣ съ патріархомъ антіохійскимъ, какимъ тогда былъ Филимонъ, проживавшій больше въ Валахіи, убѣдили его ѣхать въ Константинополь, гдѣ онъ и посвященъ въ митрополита Призрѣнскаго. „Которая епархія ажъ до его преосвященства прибытія имѣла долгу девятьдесять тысячъ рублей, то и неусыпно старался уплатить оный, для чего большею частію и жилъ въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ, нежели въ своей епархіи. Напослѣдокъ ѣздилъ и въ Черногорію, гдѣ отъ преосвященнаго митрополита Саввы и отъ христолюбцовъ принятъ честно и снабдѣнъ по силѣ и возможности ихъ подаяніемъ [1]). Собравъ-же онъ преосвященный отъ доброхотныхъ дателей и отъ родственниковъ и отъ знаемыхъ своихъ подаяніе, а притомъ и свое собственное имѣніе употребя, заплатилъ оный своей епархіи долгъ, однакъ не совсѣмъ, а осталось только одинадцать тысячъ. Для совершенной-же уплаты того долга онъ преосвященный прибылъ и паки въ Константинополь, и за явкою своею у святѣйшаго патріарха константинопольскаго извѣстился отъ его святѣйшества, что при Портѣ Оттоманской услышано бытіе его преосвященства въ Черногоріи. А какъ-де во оной тогда послѣдовало съ турками замѣшательство, то-де и возлагаютъ вину на его преo-

---

[1]) Посѣщеніе Черногорія состоялось вѣроятно въ концѣ 1774 или началѣ 1775 года. Въ «Магазинѣ сербско-далматинскомъ» за 1862 годъ помѣщена грамота Евсевія такого содержанія:

«Евсевие Бжею млтию православни архіепископъ пецки и скендериски и прочаіа».

(Печать: въ срединѣ какіе-то знаки съ турецкими буквами, а около греческая надпись).

«Мѣрность наша пишетъ ва бгохранимому инорню протопопа Илие Поповича милость, миръ и блгословение. и даемъ на знакъ, какога запротопопихъ, какоцое изнапринетъ било и тако знаите, и да го дрьжите и почитуете... ануарніа 12. издадеся у Подгорицу 1775».

Въ 1778 году митрополитъ черногорскій Савва Петровичъ подтвердилъ протопопство Иліи, но потребовалъ «синделію, коею имашъ отъ Евсевия исархіерея» выслать себѣ въ станевичскій монастырь.

священство, яко-бы то учинено его преосвященствомъ, по каковымъ-де обстоятельствамъ и быть въ Константинополѣ и въ епархіи своей ему невозможно, и совѣтовалъ его святѣйшество [1]) его преосвященству куда-либо отлучиться до времени. Чего для, получа онъ преосвященный отъ его святѣйшества грамоты открытыя съ дозволеніемъ священнослуженія и рекомендаціею всѣмъ преосвященнымъ принять его преосвященство Евсевія честно и страннолюбно, отъѣхалъ въ городъ Триесты, гдѣ и жилъ до 1777 году, а въ томъ годѣ прибылъ въ Яссы, гдѣ преосвященному Гавріилу, митрополиту ясскому, отъ его святѣйшества грамоты о себѣ представилъ, по которымъ какъ принятъ, такъ и священнодѣйствіе въ Яссахъ отправлялъ чрезъ семь мѣсяцевъ. Когда-же по убіеніи господаря Гики [2]) прибылъ на его мѣсто другой господарь и дѣлалъ притѣсненія дому онаго Гики, который домъ въ родствѣ его преосвященству состоитъ, то его преосвященство великаго четверга прошедшей четыредесятницы [3]), имѣя священнослуженіе въ церкви святыя Параскевы, говорилъ во оной поученіе довольное въ небытности его, господаря, во оной церкви, касающееся къ дому умершаго Гики. Нѣкоторыя-же изъ явныхъ враговъ онаго Гики дому, желавшихъ тогда отъ его преосвященства Божественныя Тайны получить, не удостоились. За что хотя отъ онаго господаря и отъ другихъ тѣхъ неудостоенныхъ и не имѣлъ онъ преосвященный опасности, однакъ въ нынѣшнее время по приближенію турецкаго войска имъ не довѣрялся. И для того съ совѣта преосвященнаго митрополита ясскаго Гавріила выѣхалъ изъ Яссъ и жилъ въ Могилевѣ-Подольскомъ, на границѣ турецкой. А оттуда по требованію господина генерала Ржевскаго пріѣхалъ въ Немировъ, и оттоль присланъ въ Кіевъ по приказанію фельдмаршала Румянцева".

Отъ 4-го ноября 1779 года кіевскій митрополитъ донесъ святѣйшему синоду, что митрополиту Евсевію съ августа того-же года

---

[1]) Съ 25 декабря 1774 года на константинопольской каѳедрѣ сидѣлъ Софроній.

[2]) То есть Григорія Гики, который за несогласіе передать австрійцамъ уступленную турками Буковину, принадлежавшую Молдавіи, и искаціе защиты у Россіи, обманомъ захваченъ въ самыхъ Яссахъ и убитъ 12 октября 1777 года. Послѣ него былъ господаремъ Константинъ Мурузи.

[3]) Слѣдовательно 5-го апрѣля 1778 года.

дозволено было жить въ кіево-кириловскомъ монастырѣ, но октября 12-го кіевскій оберъ-комендантъ Елчаниновъ сообщилъ, что оный преосвященный по случаю приключившейся ему болѣзни, дабы удобнѣе могъ пользоваться, проситъ о переводѣ его изъ кирилловскаго въ петропавловскій или греческій монастырь. И какъ игуменъ греческаго екатерининскаго монастыря еще отъ 8-го августа доношеніемъ просилъ не опредѣлять туда его преосвященства по прописаннымъ отъ него резонамъ, а въ петропавловскомъ монастырѣ приличныхъ келій нѣтъ, то и посланъ игумену петропавловскому указъ очистить игуменскія келіи для пребыванія оному преосвященному впредь до разсмотрѣнія. А 16-го октября кирилловскій архимандритъ Кириллъ донесъ, что преосвященный Евсевій 14 числа въ восьмомъ часу по полудни невѣдомо куда отлучился было, и на донесеніе о томъ оберъ-коменданту извѣщено, что Евсевій находится въ печерскомъ форштатѣ. Но 16-го преосвященный этотъ скрылся вмѣстѣ съ бывшимъ при немъ игуменомъ сербской націи Ѳеофиломъ и экипажемъ, находившимся въ греческомъ екатерининскомъ монастырѣ.

Евсевію было только тридцать пять лѣтъ и вѣроятно очень соскучилось въ монастырскомъ уединеніи, безъ привычныхъ ему занятій; вѣроятно кто нибудь въ случайномъ разговорѣ надоумилъ его искать выхода изъ настоящаго положенія и даже способствовалъ тому. По крайней мѣрѣ Евсевій благополучно перебрался за границу съ повозкою и багажемъ своимъ.

Неизвѣстно, куда непосредственно изъ Кіева направился Евсевій, но тогдашняя граница польская была близко, всего въ тридцати верстахъ, и онъ скоро очутился внѣ предѣловъ Россіи. „Въ концѣ зимы 1780 года“, слѣдовательно въ генварѣ или февралѣ сего года, онъ былъ уже въ Варшавѣ, принятъ въ лучшемъ обществѣ, какъ человѣкъ учоный, и чрезъ какое-то „третье лицо“ (по выраженію документа) видѣлся съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ. Дѣйствительно-ли онъ думалъ, пользуясь смертію уніатскаго архіепископа львовскаго и подольскаго, занять его мѣсто хоть въ Каменцѣ-Подольскомъ, какъ носились слухи, за достовѣрное нельзя принять. Извѣстно только, что лѣтомъ 1780 года онъ явился въ Могилевъ-Подольскій съ какою-то грамотою короля, дозволявшею ему управлять православными въ тамошней сторонѣ.

Король могъ словесно и письменно дозволить ему это, даже съ предпочтеніемъ его русскому подданному, переяславскому епископу, отъ коего зависѣли православные Подоліи. Впрочемъ „многокоролевье или безкоролевье“ въ Польшѣ было уже такъ ощутительно, что согласіе короля Станислава оказалось ненадежнымъ, положеніе же православныхъ въ томъ краѣ весьма способствовало Евсевію привлечь къ себѣ ихъ симпатіи. Послѣ усмиренія „Коліивщины“ и гайдамацкаго бунта въ Уманьщинѣ и Смилянщинѣ, уніаты взяли рѣшительный перевѣсъ и тамъ и во всей Брацлавщинѣ и всюду преслѣдовали православныхъ, не смотря на частное покровительство, оказываемое послѣднимъ со стороны крупныхъ помѣщиковъ, дававшихъ поселянамъ льготы въ видахъ привлеченія къ заселенію пустырей, а также и на присутствіе иногда русскаго войска. Любопытный найдетъ подробное и обстоятельное изложеніе тогдашняго состоянія православныхъ и движенія многихъ уніатовъ къ православію въ соч. *Кояловича:* „Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ“. Спб., 1873 г.

Евсевій пріобрѣлъ въ Могилевѣ домъ, служилъ въ греческой церкви и рукополагалъ ставленниковъ; но безпокоимый и тѣснимый уніатскимъ деканомъ, онъ въ октябрѣ 1780 г. переѣхалъ въ брацлавское воеводство, въ городъ Немировъ, который составлялъ частное владѣніе, и гдѣ было не мало грековъ, также сербовъ и волоховъ, которымъ покровительствовалъ владѣлецъ, графъ Викентій Потоцкій, въ видахъ развитія торговли и промышленности. Тутъ-то Евсевій учредилъ консисторію и разослалъ православнымъ священникамъ ордеръ, которымъ приказывалъ имъ явиться къ нему и представить обстоятельныя донесенія, какія обиды терпятъ православные отъ своихъ пановъ-колляторовъ, поссесоровъ и поповъ уніатскихъ. Когда-же явились священники, то объявилъ имъ, „яко-бы-де онъ, митрополитъ, отъ его величества короля польскаго имѣетъ въ себе подкрѣпленіе о бытіи ему тамо и о защищеніи православныхъ отъ уніатовъ“. Протопопія немировская обнимала семь православныхъ приходовъ, но въ самомъ Немировѣ всѣ православныя церкви отняты уже были уніатами. Евсевій объѣзжалъ приходы и служилъ, напримѣръ, въ Фастовцахъ съ двумя священниками и своимъ архидіакономъ грекомъ. Кромѣ немировской протопопіи онъ служивалъ и рукополагалъ ставленниковъ и въ протопопіи брац-

лавской. Немировскій владѣлецъ, графъ Викентій Потоцкій, покровительствовалъ Евсевію, приглашалъ его къ себѣ обѣдать и по просьбѣ немировскихъ греческихъ торговцевъ дозволилъ ему устроить въ Немировѣ, въ частномъ домѣ, православную церковь. 21 ноября Евсевій торжественно служилъ въ ней съ прибывшимъ духовенствомъ, а „по литургіи чечельницкій протопопъ Романовскій говорилъ наизусть проповѣдь, въ которой приписывалъ похвалы митрополиту за подвиги, къ защищенію благочестія принятые, а владѣльцу дѣдичному за позволеніе воздвигнуть въ добрахъ его православную церковь. По проповѣди отправляли соборомъ государственное молебствіе и имѣли какъ служащіе, такъ и прочіе, случившіеся тамо православные священники, открытый въ квартирѣ онаго митрополита вмѣстѣ съ нимъ столъ". Такъ доносилъ Василій Саржинскій, намѣстникъ протопопіи немировской, переяславскому преосвященному Иларіону. Саржинскій имѣлъ приходъ въ г. Войтовцахъ, что верстахъ въ двадцати отъ Немирова, и пользовался особымъ довѣріемъ Евсевія.

Но это было едва-ли не послѣднее торжественное служеніе митрополита. Уніатскій оффиціалъ Любинскій не разъ и прежде являлся къ Евсевію и допытывался, по какому праву онъ вторгается въ уніатскую паству, жаловался и Потоцкому, но безуспѣшно. Евсевій то давалъ уклончивые отвѣты, то прямо заявлялъ, что не хочетъ никого знать, кромѣ короля и свят. синода; Потоцкій уклонялся отъ участія въ дѣлѣ, а жители Немирова внушали Любинскому опасенія за его жизнь. Тогда онъ рѣшился дѣйствовать собственными средствами и, оставивши Немировъ въ покоѣ, заняться въ окрестностяхъ его. Онъ схватилъ одного священника, рукоположеннаго Евсевіемъ, и въ самый день торжества православныхъ въ Немировѣ „съ шестьюдесятью уніатскими попами и дьячками гвалтовно наѣхалъ въ село Войтовцы", приходъ намѣстника протопопіи немировской, „отбилъ приходскую его православную церковь, изъ собственнаго его намѣстника дому жену, дѣтей и домашнихъ разогналъ и все имѣніе заарестовалъ". Вѣсть обо всемъ этомъ дошла до Саржинскаго въ Немировѣ уже послѣ обѣда. Саржинскій жаловался митрополиту, а митрополитъ, сказавъ: „поѣдемъ туда всѣ и будемъ бить за то уніатовъ", велѣлъ ему ѣхать впередъ, а самъ вслѣдъ выѣхалъ въ своей каретѣ, имѣя при себѣ не-

мировскихъ торговцевъ грековъ, вооруженныхъ саблями и пистолями, человѣкъ съ десять. „Но какъ только въѣхалъ онъ, намѣстникъ, въ свой дворъ, то вдругъ повозку и самого его окруживъ зъ дручьямъ уніаты, хотѣли бить, однакъ едва по усилной просьбѣ самъ безъ повозки выпущенъ съ двора, и о таковомъ гвалтовномъ нападеніи собравшимся около двора на позорище тамошнимъ обывателямъ протестовался, съ прошеніемъ защищенія. Между тѣмъ и митрополитъ началъ приближаться къ церквѣ своимъ поѣздомъ, котораго увидѣвъ народъ бросился на колокольню звонить, а уніаты, вслѣдъ устремившись за онымъ, начали всѣхъ звонящихъ людей безъ уваги бить, отъ чего и народъ принужденъ былъ защищаться. Митрополитъ-же, смотря на то съ двора его намѣстника, велѣлъ народу, защищаясь, бить уніатовъ за гвалтовніи нападенія на ихъ православные церкви. Потомъ митрополитъ возвратился въ Немировъ съ намѣреніемъ выѣздить другого дни въ Варшаву для взнесенія о таковыхъ уніатскихъ на православныхъ посягательствахъ его величеству польскому королю жалобы“. Такъ доносилъ преосвященному переяславскому Саржинскій, а въ извлеченіи жалобы Любинскаго своему начальству говорится, что когда онъ для успокоенія мятежнаго противъ уніи настроенія народнаго отлучился въ Войтовцы, то узнавъ о томъ Евсевій, „ночью на 4 декабря [1]) устремился съ своими новообратившимися, вооруженными фузеями и турецкими ножами на домъ [2]) оффиціала, велѣлъ въ колокола звонить и, держа въ одной рукѣ карабинъ, другою благословлялъ и собравшемуся народу кричалъ: вы, вѣрующіе во Іисуса Христа, бейте сихъ погибельныхъ уніатовъ. Вдругъ бѣшеная толпа бросилась на оффиціала, на его причетъ и слугъ. Нѣкоторые отвели сего прелата въ сторону и били его нещадно. Его вопль, его униженное прошеніе утолили наконецъ ихъ лютость и спасли ему жизнь“... По свидѣтельству Любинскаго, народъ еще болѣе сталъ бросать унію и устремляться къ Евсевію.

---

[1]) По новому стилю, а по старому 23 ноября. Можетъ быть, несоотвѣтствіе числа съ показаннымъ у Саржинскаго произошло отъ случайной обмолвки или описки; впрочемъ см. *Кояловича*, «Исторія возсоединенія», стр. 177.

[2]) Т. е. на домъ, въ которомъ находился оффиціалъ, на его квартиру въ Войтовцахъ. Самъ оффиціалъ обыкновенно жилъ въ Корсунѣ.

Узналъ объ этомъ извѣстный преслѣдователь гайдамаковъ, кіевскій кастелянъ (въ Каневѣ) Стемпковскій, и велѣлъ схватить Евсевія. Евсевій между тѣмъ и самъ выѣхалъ, должно быть въ ноябрѣ-же, въ Могилевъ на Днѣстрѣ, а отсюда мѣсяца чрезъ три въ Варшаву, по словамъ Саржинскаго—жаловаться на Любинскаго, по уніатскимъ извѣстіямъ—оправдываться. Изъ Варшавы ему не суждено было воротиться въ Подолію.

Въ Варшавѣ тогда не было еще православнаго храма и греческіе торговцы тамошніе съ своими церковными нуждами обращались то въ Калишъ (гдѣ выходцы изъ Венгріи устроили, съ позволенія польско-саксонскаго короля Августа, домашнюю церковь въ 1740 году), то въ яблочинскій монастырь, на предѣлахъ Польши и Литвы. Евсевій проживалъ у своихъ единовѣрцевъ, грековъ. Вліяніе богатыхъ торговцевъ можетъ быть и поддержало-бы домогательство Евсевія и доброжелательство къ нему короля, но тутъ встрѣтились другія препятствія, вѣроятно неожиданныя нашимъ архіереемъ. Переяславскій епископъ Иларіонъ жаловался въ святѣйшій синодъ на незаконное вмѣшательство Евсевія въ дѣла переяславской епархіи, а 11-го апрѣля 1781 года славенскій и херсонскій архіепископъ Никифоръ Феотоки прислалъ въ синодъ донесеніе елисаветградскаго протоіерея Димитрія Смолодовича, въ которомъ говорилось: „слухомъ мнѣ извѣстно учинилось, что нѣкой волоскій архіерей, кой называетъ себе роднымъ братомъ волоского-жъ господаря, казненнаго турками, проживая нынѣ въ польскомъ мѣстечкѣ Могилевѣ, состоящемъ надъ рѣкою Днѣстромъ, нѣсколько человѣкъ произвелъ во священство. Раскольники стародубскихъ слободъ, прослыхавъ о таковомъ его дѣйствіи, просили его о поставленіи имъ епископа, и, будучи онъ разными образы уласканъ отъ раскольниковъ, обѣщался просьбу ихъ исполнить, а раскольники таковымъ его обнадеживаніемъ будучи обрадованы, прошедшаго февраля среднихъ чиселъ повезли къ нему для посвященія во епископа іеромонаха Іосифа изъ діаконовскаго раскольничаго скита, чему очевидніи у насъ суть свидѣтели. Но поелику оный архіерей въ мартѣ первыхъ чиселъ изъ Могилева отъѣхалъ въ Варшаву къ польскому королю съ жалобою на духовную унѣятскую власть, то раскольники, не заставъ его въ Могилевѣ, дожидаются съ кандидатомъ своимъ въ селѣ Борскомъ его прибытія“ (*Коялович*, „Исторія возсоединенія“, стр. 178).

Вслѣдствіе переписки св. синода съ иностранною коллегіею, русскій посолъ въ Варшавѣ получилъ предписаніе домогаться высылки Евсевія изъ Польши, и представленіе посла имѣло рѣшающее вліяніе на исходъ дѣла. Въ уніатской краткой выпискѣ о винахъ Евсевія, приложенной на русскомъ языкѣ къ дѣлу № 312, 1778 г., архива св. синода, не сказано ни слова о посягательствѣ его на права русскаго церковнаго правительства, а только о вторженіи въ унитскую епархію, о присвоеніи унитскихъ приходскихъ церквей, и что „въ Немировѣ освящалъ публично палки, приготовленныя къ біенію уніатовъ, а особливо оффиціала брацлавскаго, хотя по истинѣ обрядовъ таковаго освященія ни въ какомъ Требникѣ не находится". Какъ видно изъ сейчасъ прилагаемаго извѣстія, повелѣніе русскому послу о высылкѣ Евсевія изъ польскихъ предѣловъ состоялось еще до полученія св. синодомъ донесенія отъ архіепископа славенскаго, и значитъ на основаніи только жалобъ преосвященнаго Иларіона переяславскаго.

Именно, отъ 5 апрѣля 1781 года довѣренное лицо митрополита Смогоржевскаго, Левинскій, писалъ ему изъ Варшавы, между прочимъ, слѣдующее: «Względem Euzebiusza już y poseł tuteyszy Rossyjski odebrał z Petersburga rozkaz, który ja czytałem, by go wypędził z Ukrainy, a to in sequetam zaniesioney skargi do Synodu przez biskupa perejasławskiego, że mu pomieniony Euzebiusz innolabat in jura y uzurpował jurisdictionem nad nieunitami ukrainskiemi. Diabeł na diabła trafił». (Относительно Евсевія уже и здѣшній русскій посолъ получилъ изъ Петербурга приказъ, который я самъ читалъ, чтобы выгнать его изъ Украйны, а это по жалобѣ въ синодъ епископа переяславскаго, что помянутый Евсевій вторгается въ его права и незаконно присваиваетъ себѣ юрисдикцію надъ украинскими дизунитами. Чортъ на чорта наскочилъ!).

Послѣднюю вѣсть о Евсевіѣ подалъ тотъ-же Левинскій въ донесеніи Смогоржевскому отъ 3-го мая: «O Euzebiuszu mam tu zapiewnienie, jż kordonem Cesarskim przejeżdżał y był widziany w Soczawie (въ австрійской Буковинѣ). Że perejasławski uskarżył go w swoim synodzie, to indubitatum, jest na to dowód w gabinecie pańskim, który czytałem». (О Евсевіѣ имѣю здѣсь достовѣрное извѣстіе, что проѣзжалъ по австрійской границѣ и что видѣли его

въ Сочавѣ. Что переяславскій (епископъ) обжаловалъ его въ синодѣ, это не подлежитъ сомнѣнію; есть на то документъ въ королевскомъ кабинетѣ, который я читалъ).

10 марта 1883 года. Спб. **Архимандритъ Арсеній.**

„ОТЪ ЧЕГО ДУХЪ ГЕРОЙСТВА ВЪ МАЛОРОССІИ ИСЧЕЗЪ?"

Этотъ интересный вопросъ и отвѣтъ на оный находимъ въ слѣдующемъ письмѣ (князя) А. А. Безбородко, 3 августа 1790 г., къ одному изъ его пріятелей [1]):

„Государь мой, Петръ Никифоровичъ"!—„Вручителемъ сего будетъ дѣтина [2]), о которой вы такъ много заботились, чтобъ оно и носомъ пороху не слышало. Я признаюсь, что чадолюбіе подобное не можетъ въ моей головѣ вмѣститься. Не былъ я отцомъ, но имѣлъ по крайней мѣрѣ отца, который при началѣ бывшей турецкой войны не только не противорѣчилъ моему намѣренію оставить суддейскій стулъ и ѣхать на войну, да еще меня похвалилъ за то. Не ожидалъ я никогда отъ васъ подобнаго малодушія. У меня есть одинъ братъ и наслѣдникъ всего моего имѣнія, въ знатномъ чинѣ, и на такой дорогѣ, что почти сидя дома или веселясь въ столицѣ, могъ получить многіе почести; но и ему, и мнѣ стыдно показалось сидѣть спокойно посредѣ войны; почему онъ поѣхалъ въ армію и теперь себя пресчастливымъ почитаетъ, что посланъ къ важному посту впередъ, поближе къ непріятелю, подъ команду графа Суворова-Рымникскаго. Въ одномъ письмѣ писали вы Осипу Степановичу [3]), что вы любите козацтво и жалѣете объ немъ. Знаете-ли вы, отчего оной духъ геройства въ Малороссіи ис-

---

[1]) Изъ Сулиминскаго архива, гдѣ письмо сохранилось въ копіи, снятой вдовою нѣжинскаго полковника Петра Разумовскаго (ум. 1711 г.) Пелагеей Семеновною (ум. 1792 г.) для брата своего Акима Семен. Сулимы. Кто былъ Петръ Никифоровичъ, не знаемъ.

[2]) Т. е. дитя, такъ какъ здѣсь Безбородко беретъ малорусское слово *дитина*.

[3]) Судіенку.

чезъ?—Отъ того, что уже отъ нѣкотораго времени мѣсто козатства заняло школярство; вмѣсто Палія Белоцерковскаго, Христы Сенчанскаго, Лавра Остапскаго и другихъ имъ подобныхъ, заняты стали фирчиками и штатиками, которые сперва позакидавъ выліоты [1]), а потомъ въ нѣмецкое перебрались платье и сдѣлались прямо такими, какъ покойный старый Степанъ Афендикъ [2]) говаривалъ: въ полѣ не жолнѣръ, и дома не господарь [3]). Не вѣдаю прямо, имѣетъ-ли дѣтина ваша склонность къ военной службѣ, но ежели онъ се имѣетъ, то неужели вы его не отпустите? Онъ къ ней въ кадетскомъ корпусѣ воспитанъ. Безъ вашего заказу давно-бы онъ былъ маіоромъ и крестоносцемъ; ассесоромъ всегда успѣть быть можно, а честь воинскую не такъ легко получать. Да дай Богъ впредъ не такъ часто, ибо война право наскучила. Извините мою искренность и поставте ее на счетъ дружбы, которою я къ вамъ исполненъ. Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ, государь мой, вашимъ вѣрнымъ и покорнымъ слугою Г. А. Безбородко.

Въ Царскомъ Селѣ.
Августа 3 дня, 1790 г.

Кромѣ мнѣнія Безбородка о причинахъ упадка стараго малорусскаго козачества, въ этомъ письмѣ находимъ интересное указаніе на двухъ старыхъ козаковъ, которыхъ Безбородко за ихъ геройство, приравниваетъ къ извѣстному Семену Палію. Ни козацкія лѣтописи, ни другіе мѣстные памятники, ни слова не говорятъ ни о Христѣ Сенчанскомъ, ни о Лаврѣ Остапскомъ; а между тѣмъ видно, что оба они и въ концѣ XVIII в. еще жили въ народной памяти на ряду съ Паліемъ. Догадываемся, что подъ Христою Сенчанскимъ (изъ м. Сенчи, лохвицк. уѣзда) слѣдуетъ разумѣть родоначальника теперешнихъ дворянъ роменскаго уѣзда, Криштофовичей, происходящихъ отъ сѣнчанскаго сотника Кирила Криштопенка

---

[1]) Рѣзрѣзные рукава малорусскихъ *жупановъ*.

[2]) Степанъ Семеновичъ Афендикъ, сынъ выходца изъ Молдавіи, сначала сотникъ бориспольскій, а потомъ—наказный полковникъ переяславскій. См. о немъ «Русск. Арх.», 1880 г., I, 205.

[3]) Т. е. въ полѣ не воинъ и дома—не хозяинъ.

(1723 г.), который должно быть былъ сыномъ того именно Христофора, котораго Безбородко называетъ Христою Сенчанскимъ. Подъ Лавромъ Остапскимъ (изъ м. Остапья, миргор. уѣзда) не слѣдуетъ-ли разумѣть Лаврентія Васильевича Базилевскаго? (См. „Русскій Архивъ", 1857 г., I, 96). Другихъ Лавровъ среди козацкой старшины XVII и нач. XVIII в., мы, сколько помнится, не встрѣчали.

А. Л.

КІЕВСКАЯ ПЕРТУРБАЦІЯ 1786 г.

1786 годъ памятенъ всей Малороссіи и особливо духовному ея центру по введенію штатовъ въ малороссійскихъ епархіяхъ и самомъ Кіевѣ. Штаты раньше введены были въ Великороссіи, къ Малороссіи ихъ долго примѣривали, пока не примѣрили окончательно. Въ майской книжкѣ «Кіевской Старины» на 1822 г. былъ помѣщенъ самый указъ объ этой многозначительной реформѣ, съ указаніемъ, что изъ него выполнено и что осталось безъ исполненія.

Въ отношеніи къ Великороссіи, гдѣ узаконеніями Петра I-го духовенство раньше было замкнуто въ особую касту, введеніе штатовъ было простымъ переводомъ содержанія его съ натуральнаго довольствія на деньги, съ общества на государство, съ отобраніемъ въ казну монастырскихъ и вообще духовныхъ имѣній; относительно Малороссіи, гдѣ духовенство сохраняло еще отчасти свое прежнее положеніе, штаты означали окончательное подчиненіе его созданнымъ на сѣверѣ порядкамъ, уничтоженіе въ немъ выборнаго начала, измѣненіе внутреннихъ отношеній его членовъ, уничтоженіе связи его съ обществомъ и коренное измѣненіе его соціальнаго положенія.

Въ примѣненіи штатовъ къ духовенству и монастырямъ Малороссіи принималъ непосредственное участіе злой геній ея, великолѣпный князь Тавриды, Г. А. Потемкинъ, по запорожскому его титулу Григорій Нечоса. Въ доставшейся намъ части писемъ извѣстныхъ его сподручниковъ Попова и Гарновскаго есть на то не одно указаніе. Князь былъ тогда въ Крыму и проэкты штатовъ съ нимъ. Скакали фельдъегери, курьеры: императрица совѣтовалась съ своимъ любимцемъ объ этомъ, какъ и о томъ, кого изъ владыкъ нарядить въ бѣлые клобуки, заключая словами: «а впрочемъ, какъ ты, душечка, скажешь». Екатерина торопила его, и онъ самъ имѣлъ причины торопиться. Еще въ началѣ 1786 г. возвѣщено было затѣянное имъ грандіозное путешествіе повелительницы Сѣвера чрезъ Малороссію въ Новороссію. Потемкину хотѣлось, конечно, чтобы все на пути ея было уже реформировано и чтобы повсюду видны были слѣды его дѣяній. Покончивъ съ Запорожьемъ и гетманщиной, онъ и въ самомъ примѣненіи къ Малороссіи *штатовъ*

рѣшился, по-видимому, стереть все, что такъ или иначе напоминало о ея прежней жизни, и въ своей безшабашной ломкѣ посягнулъ на вѣковое созданіе народной вѣры и благочестія, святыя обители, получившія уже значеніе историческихъ памятниковъ, каковыми были въ Кіевѣ св. лавра печерская, кіево-софійскій каѳедральный соборъ, монастырь братскій и при немъ знаменитое общенародное созданіе—кіевская академія, монастыри кіево-кирилловскій и кіево-межигорскій. Ихъ судьба была рѣшена и подписана. Какую пертурбацію произвело это, въ великой тайнѣ подготовлявшееся рѣшеніе и какимъ громовымъ ударомъ разразилось оно надъ Кіевомъ, показываетъ помѣщаемое ниже письмо митрополита кіевскаго, Самуила Миславскаго, къ гр. П. А. Румянцеву. Подлинникъ этого письма хранится въ библіотекѣ кіево-печерской лавры, а копія въ библіотекѣ кіево-софійскаго собора, но въ послѣдней при письмѣ находится примѣчаніе, писанное, по всей вѣроятности, митрополитомъ кіевскимъ Евгеніемъ Болховитиновымъ. Трудно допустить, чтобы въ этомъ дѣлѣ руководила Потемкинымъ забота о государственной экономіи; примѣчаніе также не исчерпываетъ сокровенныхъ его мотивовъ. Помѣщаемъ прежде примѣчаніе, а потомъ самое письмо. Читая это послѣднее, больно становится за санъ митрополита, за его старость, уныніе и самую тяжкую скорбь. Что чувствовали кіевляне, можно судить по скорби достойнаго ихъ архипастыря.

I.

Примѣчаніе на письмо митр. Самуила къ гр. П. А. Румянцеву о неперемѣщеніи въ кіев. лавру академіи и митрополичьяго дома.

Въ 1786 г. при введеніи духовныхъ штатовъ въ малороссійскія епархіи положено и высочайше утверждено было—митрополиту кіевскому имѣть пребываніе въ кіево-печерской лаврѣ и быть архимандритомъ оныя, митрополичій домъ при софійскомъ соборѣ отдать подъ главное народное училище и подъ одну часть кіевской академіи, а другую часть академіи помѣстить въ лаврѣ; братскій училищный монастырь обратить въ главный госпиталь, а межигорскій—въ больницу для помѣщенія отставныхъ инвалидовъ или дряхлыхъ офицеровъ. Все сіе распоряженіе, мимо синода и преосвященнаго митрополита Самуила, дѣлалъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій. Но по ходатайству генералъ-фельдмаршала, графа Петра Александровича Румянцева, въ томъ-же году перемѣнено сіе назначеніе: митрополиту дозволено имѣть пребываніе какъ въ лаврѣ, такъ и въ софійскомъ соборѣ, академіи оста-

ваться въ братскомъ монастырѣ и госпиталь устроить въ межигорскомъ, а послѣ въ кирилловскомъ.

Императрица и князь Потемкинъ тайно не благорасположены были къ преосвященному митрополиту Самуилу, вѣроятно за дружескую переписку его съ наслѣдникомъ, цесаревичемъ и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Потемкинъ имѣлъ намѣреніе даже вытѣснить преосвященнаго Самуила и на его мѣсто перевести любимца своего, екатеринославскаго архіепископа Амвросія.

II.

Письмо митрополита Самуила къ гр. П. А. Румянцеву объ оставленіи кіевской академіи и митрополитанскаго дома на прежнихъ мѣстахъ, не переводя въ кіево-печерскую лавру [1]).

Милостивый государь и вѣчно почитаемый благодѣтель!

Всѣ выраженія, кои благоугодно было вашему сіятельству въ всепочтеннѣйшемъ вашемъ ко мнѣ письмѣ, отъ 9 іюня начертанномъ, совершенно увѣряютъ меня о непоколебимой вашей ко мнѣ милости и благоволеніи. Чувствую, искренно почитаемый и великодушный благотворитель! всю оныхъ цѣну и доколѣ будетъ во мнѣ дыханіе, благодарность мою свидѣтельствовать обязаннымъ себя нахожу.

Вѣрю, милостивый государь! что вамъ желательно было, чтобы наши обстоятельства оставлены были въ прежнемъ положеніи до всевожделѣннѣйшаго высочайшаго къ намъ пришествія, но Вышняго судьбамъ угодно было рѣшеніе оныхъ предъускорить. Да будетъ Его воля святая! Отъ меня никакова никогда мнѣнія не требовано, все сокрыто было. Духовная коммисія нимало въ семъ произшествіи, какъ я примѣчаю, не участвовала. Мнѣ только извѣстно было, что выдетъ непремѣнно новое положеніе о здѣшнихъ епархіяхъ, но обстоятельства онаго сокрыты были непроницаемою завѣсою.

Признаюсь чистосердечно, что при болѣзняхъ, непрерывно сопровождающихъ мою жизнь и нынѣ ежеминутно умножающихся, перемѣщеніе академіи и дома архіерейскаго до крайности меня

---

[1]) Митрополитъ *Самуилъ Миславскій* вступилъ на кіевскую митрополичью каѳедру въ 1783 г., скончался 5 января 1793 г. и погребенъ въ софійскомъ соборѣ.

озабочиваетъ и даже ввергаетъ меня въ неописанное уныніе, или, лучше сказать, приближаетъ меня ощутительнымъ образомъ къ послѣднему концу моея жизни. Возлагаю все упованіе мое на безпредѣльную благость Божію и всемогущество, но чувствую, что хотя духъ бодръ, однако плоть немощна. Не знаю, что предпріять. Рѣшился я послать всеподданнѣйшее прошеніе о прибавкѣ сроку для помѣщенія академіи и адресовалъ оное къ его сіятельству, графу Александрѣ Андреевичу господину Безбородкѣ; но вѣдая, сколь его сіятельство обремененъ дѣлами, о успѣхѣ и отмѣнѣ сомнѣваюсь, а срокъ въ семъ короткой предписанъ. Въ лаврѣ академію помѣстить почти не можно и дому архіерейскому тамъ быть совсѣмъ не удобно: нѣтъ покоевъ ни для классовъ, ни для учителей, ни для казеннымъ учениковъ; мѣсто тѣсное, безводное, бездровное; своекоштнымъ ученикамъ вовсе нѣгдѣ квартиры нанять. Умалчиваю о другихъ трудностяхъ и препятствіяхъ. Со всѣмъ тѣмъ долженъ я исполнить, что на меня возложено. Покои архимандричьи приказалъ внутри, сколько возможно, вычинить, а для академіи не могу сыскать средства. Нахожусь въ превеликомъ смущеніи духа и недоумѣніи, что предпріять; рѣшиться-ли по болѣзнямъ моимъ на избраніе уединенія, или ожидать того-же жребія, каковому подверженъ отецъ архимандритъ Зосима [1]). Его состояніе достойно всякаго сожалѣнія. Лишился зрѣнія вовсе, удаленъ отъ города, отъ пріятелей, отъ врачей и нѣтъ кому подать ему руку помощи, и ближніи его отдалече его сташа. Господи! не введи и меня во искушеніе. Но можетъ быть моя жизнь скоро прекратится. При другихъ болѣзняхъ причинилась мнѣ лихорадка: по пословицѣ „бѣда бѣды родитъ"; едва перомъ дѣйствовать могу. Но да будетъ воля Господня! Я не столько пекусь о моей жизни, сколько желаю, чтобы академія осталась на прежнемъ мѣстѣ и при соборѣ софійскомъ—архіерейскій домъ. Но, вообразивъ стеченіе обстоятельствъ, отчаяваюсь. Граждане подольскіе со слезами просятъ, чтобъ братскій монастырь остался; но я помочь имъ не въ силахъ. По моему мнѣнію найвыгоднѣйшее мѣсто для госпиталя въ межигорскомъ монастырѣ,

---

[1]) Архимандритъ *Зосима Валькевичъ* (1762—1786 г.) послѣдній настоятель кіево-печерской лавры, архимандричьяго чина и послѣдній изъ избираемыхъ въ сіе званіе вольными голосами, въ 1786 г. уволенъ на пребываніе въ голосѣевскую пустыню, гдѣ и скончался въ 1793 г.

гдѣ и лазарету быть удобно и садъ ботаническій завести можно, а для отставныхъ офицеровъ прилично занять кириловской монастырь, за штатомъ оставшійся. Такъ я мышлю.

Милостивый государь и благотворитель! подкрѣпите многомощнымъ вашимъ предстательствомъ ко престолу величества сіе мое желаніе и намѣреніе. Я-бы и тѣмъ счастливъ былъ, естьли-бы повелѣно высочайше, хотя впредь до особливаго указа, оставить академію и домъ архіерейской на прежнемъ мѣстѣ, или по крайней мѣрѣ отсрочить на два года. Все сіе открыть осмѣлился я для собственнаго вашего свѣдѣнія.

Всесильный Господь да укрѣпитъ дражайшее вашего сіятельства здравіе непоколебимо къ истинной радости и удовольствію того, кой съ нелицемѣрнымъ высокопочитаніемъ до конца жизни есмь.

Вашего сіятельства, милостиваго государя, всеусерднѣйшій богомолецъ и вѣрно покорнѣйшій слуга, Самуилъ митрополитъ кіевскій.

1786 г., іюня 24 дня.
Кіевъ.

СЛОВЕЧКО ПО ПОВОДУ ЗАМѢЧАНІЯ О ФЕДЕРАТИВНОМЪ НАЧАЛѢ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Въ статьѣ: „Удѣльный періодъ и его изученіе“, напечатанной во 2-мъ нумерѣ „Кіевской Старины“ текущаго года, авторъ вспомнивши мимоходомъ о моей статьѣ: „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси“, помѣщенной лѣтъ тому болѣе двадцати назадъ въ журналѣ „Основа“, находитъ, что терминъ федеративный не совсѣмъ удаченъ для обозначенія тогдашняго политическаго строя Россіи. Подъ федераціею, говоритъ почтенный авторъ, обыкновенно разумѣютъ такой порядокъ вещей, при которомъ отдѣльныя единицы, составляющія федерацію, сознательно переуступаютъ часть своей власти въ пользу какого нибудь центральнаго правительственнаго учрежденія (конгресса или сейма). Ничего подобнаго не можемъ мы отыскать въ древней русской жизни. Тѣ условія федеративной связи (общность происхожденія, быта, языка, православной вѣры), на которыя ссылается Костомаровъ, относятся къ области этнографіи, между тѣмъ какъ федерація—принципъ преимущественно,

если не исключительно политическій. Если ужь опредѣлять какимъ нибудь терминомъ начала древне-русской жизни, то мы предпочли-бы термины областность, областной" и пр.

Когда-то въ залѣ санктпетербургскаго университета защищалъ диссертацію одинъ господинъ, бывшій впослѣдствіи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ на каѳедрѣ русской исторіи. Онъ въ своей диссертаціи коснулся также мыслей о федеративномъ началѣ въ древней Руси и, упомянувши при этомъ обо мнѣ, замѣтилъ, что слово федеративный совсѣмъ не пригодно къ русской древней исторіи; мы де знаемъ федерацію только въ Нидерландахъ, въ Швейцаріи да въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. По окончаніи возраженій, дѣланныхъ офиціальными оппонентами, вступилъ въ диспутъ и я. Говорилъ я тогда этому господину тоже, что теперь выскажу снова по поводу статьи, напечатанной въ „Кіевской Старинѣ".

Въ древней Руси я не видѣлъ вполнѣ сложившейся федераціи и нигдѣ, сколько помнится, не назвалъ удѣльно-вѣчевую Русь федераціей въ смыслѣ политическаго тѣла, съ конгрессами или сеймами, въ родѣ Соединенныхъ Штатовъ; я говорилъ только о федеративномъ началѣ и если позволялъ себѣ видѣть въ древней Руси что-то въ родѣ федераціи, то развѣ федераціи въ зачаточномъ видѣ. У насъ въ древней Руси все было неопредѣленно: *земля бѣ невидима и неустроена, и тьма верху бездни,* въ которой зачинались, бродили и возростали сѣмена исторической жизни, и духъ творчества носился надъ этою бездною. Подъ федеративными началами я разумѣлъ тѣ признаки, изъ которыхъ непремѣнно должна была образоваться опредѣленная федерація, если-бы жизнь предоставлена была своему естественному саморазвитію, не подвергаясь случайнымъ переворотамъ, обратившимъ ее въ иную сторону. Произошло нѣчто такое, чего никто не могъ ожидать и еще менѣе предвидѣть—произошло монгольское завоеваніе; все перевернулось вверхъ дномъ, пошла русская жизнь совершенно по новому пути, сложился совсѣмъ иной строй и древнія федеративныя начала, вмѣсто того чтобы дозрѣть до сознательной федераціи, остались только въ воспоминаніяхъ объ отдаленной старинѣ. Впрочемъ какъ въ матеріальномъ мірѣ нѣтъ двухъ тождественныхъ особей, такъ и въ мірѣ отвлеченномъ нѣтъ двухъ представленій совершенно тождественныхъ. Я полагаю, что слово федерація нельзя понимать такъ узко,

чтобъ не смѣть его употребить относительно чего нибудь иного, кромѣ республиканскихъ союзовъ новѣйшей формаціи, которымъ мы привыкли давать это названіе. Оно въ наукѣ должно имѣть болѣе широкое приложеніе. Не всякая федерація непремѣнно должна быть во всемъ одинакова съ другою, какъ и общества человѣческія стоятъ между собою не въ одинаковой степени развитія. Едва-ли станутъ отрицать, что въ древней Греціи была федерація, хотя и недодѣланная. Но если мы сравнимъ ее съ нашею Русью удѣльно-вѣчеваго уклада, то, при чрезвычайно важныхъ и рѣзкихъ несходствахъ и различіяхъ, найдемъ черты очень подобныя въ той и другой. Въ Греціи связь частей была слаба и основывалась на такихъ признакахъ, которые присущи были нашей древней Руси: единство племени, хотя съ отличающимися другъ отъ друга колѣнами, единство языка, хотя съ тремя нарѣчіями, единство религіи, хотя съ мѣстными божествами и съ мѣстными въ честь этихъ божествъ обрядами. Что касается до институцій, которыя-бы сознательно учреждены были съ цѣлію сохранять и поддерживать связь частей, кромѣ олимпійскихъ и пиѳійскихъ игръ, да таинствъ—что относится собственно къ области религіи—мы знаемъ однихъ амфиктіоновъ, во всѣ времена безсильныхъ остановить внутреннія несогласія и войны, точь въ точь какъ были безсильны наши попытки съѣздовъ княжескихъ. Греція, при всей высотѣ своего интеллектуальнаго развитія, не доросла до прочной, крѣпкой федераціи: кто-же скажетъ, что въ ней не было федеративныхъ началъ? Съ другой стороны можно-ли ручаться за совершенную прочность и незыблемую крѣпость новѣйшихъ такихъ федерацій, на которыя указываютъ въ опроверженіе намъ, когда мы прилагаемъ этотъ терминъ къ русской исторіи удѣльно вѣчеваго уклада? Исторія Америки, не только южной, но и сѣверной, Соединенныхъ Штатовъ, достаточно даетъ отрицательный отвѣтъ. Что касается до замѣны словомъ *областной* слова *федеративный*, то термины *область, областность, областное* возможны въ самомъ централистичномъ государствѣ и совсѣмъ не идутъ туда, гдѣ мы хотимъ усматривать начала федераціи.

Николай Костомаровъ.

ПИСЬМО КОШЕВОГО ОСИПА ГЛАДКОГО КЪ А. А. СКАЛЬКОВСКОМУ.

Милостивый государь,

Аполлонъ Александровичъ!

На почтеннѣйшее письмо ваше отъ 21 іюля имѣю честь съ удовольствіемъ отозваться: до поступленія моего Кошевымъ запорожскаго войска въ Турціи были *Кошевыми*, съ 1815 года, какъ мнѣ извѣстно: 1-й Иванъ Таранъ, 2-й Василій Смыкъ, 3-й Никифоръ Белюга, 4-й Семенъ Морозъ, 5-й Игнатъ Стеблиівській, 6-й Михайло Губа, 7-й Андрей Стрѣльцовъ и 8-й Василій Чернега, и сей послѣдній и здалъ мнѣ правленіе Кошеваго.

„При переходѣ моемъ въ Россію 1828 года были при мнѣ: *эсауломъ* Василій Туминевичь, *писаремъ* Степанъ Коханенко, а атаманы куренные: платнирівськаго Григорій Смирный (что нынѣ эсаулъ), пашківскаго Трофимъ Баланъ, чистяківськаго Василій Федоренко, каленівськаго Мойсей Католикъ (что нынѣ заурядъ эсаулъ), черелівськаго Антонъ Чернега, произведенный въ турецкую кампанію сотникомъ, дидьківськаго Василій Бурый, незамаиівськаго Иванъ Чуприна, сергиівськаго Иванъ Дубина, крилівськаго Иванъ Таранъ, щербинівськаго Павло Орелъ, полтавськаго Иванъ Оберемокъ, миньскаго Илья Бардашенко, величківськаго Степанъ Чумакъ, иванівськаго Андрей Стрѣльцовъ, бывшіе Кошевыми: ведмедівськаго Петръ Зайка, пластунівськаго Григорій Чернега, выше-стеблівськаго Антонъ Бартовскій, куринівськаго Иванъ Калокай, донскаго Иванъ Кожуховъ, бруховецькаго Григорій Таранъ, титорівськаго Якимъ Середа, шкурінськаго Никифоръ Чалый и корсунськаго Петро Рудый, а остальныхъ куриней отамановъ не припомню, списка-же имъ не велось. Войсковыхъ старшинъ не было, а полковники наряжались при сходкѣ всѣхъ отамановъ Кошевымъ; при надобности, для посылки на слѣдствіе или другіе дѣла, давался ему отъ Кошеваго приказъ и вмѣстѣ поручался вице-пирначь, и этимъ утверждался на время полковникомъ, возвратившись-же съ командировки таковый наряженный полковникъ отдаетъ Кошевому обратно приказъ и вице-пирначь, поступаетъ на свое мѣсто куреннаго отамана, и такимъ образомъ при всякой надобности назначался

полковникъ изъ расторопныхъ отамановъ куреней, а постоянныхъ полковниковъ не было.

„У меня осталась печать запорожскаго войска, когда оно было подъ турецкимъ владѣніемъ, и я по желанію вашему снявъ съ ея на сургучѣ образецъ, при семъ вамъ посылаю [1]).

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вамъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугой.

Подлинное подписалъ: „Осипъ Гладкій".

23 августа 1841 года.
Посадъ Петровскій.

Письмо это въ копіи обязательно сообщено намъ маститымъ историкомъ Запорожья А. А. Скальковскимъ, по поводу законченной теперь печатаніемъ статьи г. Кондратовича: *Задунайская Сѣчь* по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ, и служитъ дополненіемъ и подтвержденіемъ такъ заботливо собранныхъ г. Кондратовичемъ свѣдѣній. Особенный интересъ представляетъ замѣчаніе Гладкого о званіи полковника въ Задунайской Сѣчи, которая была точнымъ сколкомъ Сѣчи Днѣпровской. Не въ этомъ-ли временномъ характерѣ полковничьяго званія заключается разгадка того не разъясненнаго факта, что извѣстный предводитель украинскаго возстанія 1768 года Максимъ Желѣзнякъ явился изъ Запорожья въ Украйну съ титуломъ полковника? Если онъ выступилъ въ защиту народа по полномочію или наказу Коша, то этотъ титулъ на время военной операціи принадлежалъ ему, такъ сказать, по праву; если-же онъ бросился въ отчаянную экспедицію лишь съ вѣдома и согласія Коша, въ чемъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія, то и въ семъ случаѣ онъ не былъ ни лжецомъ, ни обманщикомъ, а носилъ почетный титулъ въ силу давняго запорожскаго обычая и строя.—*Ред.*

ОТЖИВАЮЩАЯ ИЛИ НАЧАЛЬНАЯ ФОРМА „ВЕРТЕПНОЙ ДРАМЫ"?

Къ вопросу о вертепныхъ представленіяхъ, разработываемому въ „Кіевской Старинѣ", могу сообщить небольшую справку. Два

[1]) Образчикъ напечатанъ мною въ III-й части «Исторіи Новой Сѣчи».—А. С.

года назадъ мнѣ случилось видѣть своего рода вертепное театральное представленіе въ г. Луцкѣ, волынской губерніи. Это было на рождественскихъ праздникахъ. Въ домъ, гдѣ я находилась, пришелъ какой-то странствующій „мазуръ“ и предложилъ показать „представленіе“. Мазура впустили; онъ явился вмѣстѣ со своимъ помощникомъ, небольшимъ мальчикомъ; войдя въ комнату, они стали располагаться съ ящикомъ, чрезвычайно похожимъ на тотъ, который изображенъ въ приложеніи къ октябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1882 г. (при текстѣ вертепной драмы, сообщенной г-номъ Галаганомъ). Къ ящику принадлежалъ цѣлый мѣшокъ со многими куклами, которыя и явились дѣйствующими лицами драмы, въ то время какъ „мазуръ“ исполнялъ за нихъ пѣніе, монологи и діалоги. Дѣйствіе раздѣлено было на двѣ части, неравныя по объёму: первая часть, очень короткая, представляла эпизодъ религіозный, гдѣ изображалась Дѣва Марія и Іосифъ, подлѣ младенца Іисуса—цари, приходящіе ему поклониться и т. д.; вторая часть, несравненно большая, не имѣла никакого отношенія къ первой и представляла собою рядъ бытовыхъ сценъ комическаго характера. Здѣсь фигурировали представители разныхъ народностей: цыганъ, жидъ, мазуръ и русинъ, всѣ въ сопровожденіи также своихъ женъ. Среди дѣйствія являлась нѣсколько разъ смерть и похищала нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, несмотря на ихъ лестныя предложенія отступнаго (такъ цыганъ предлагалъ смерти лучшаго своего коня, еврей—тысячу злотыхъ, безъ уплаты процентовъ); но смерть оставалась неумолима, утаскивая свои жертвы и приводя въ нѣкоторый страхъ маленькихъ зрителей—дѣтей, съ необычайнымъ любопытствомъ слѣдившихъ за ходомъ дѣйствій кукольныхъ персонажей, одухотворяемыхъ ловкимъ мазуромъ. Искусство послѣдняго ярче всего обнаружилось при фигурированіи куклы, изображавшей тоже мазура: съ большой бравурностью былъ нѣсколько разъ повторяемъ танецъ мазура, съ припѣвомъ, начинавшимся такъ:

„Krakowiaczek jestem
W Krakowie się rodził,
Cztery liata nie miał,
Do panienek chodził“.

Все представленіе велось на польскомъ языкѣ. Мнѣ чрезвычайно показалось интереснымъ это незатѣйливое народное представленіе;

захотѣлось, не смотря на чуждый языкъ, записать хотя часть интереснаго текста, совершенно для меня незнакомаго (кромѣ двухъ извѣстныхъ польскихъ-же колядокъ, исполненныхъ въ первой части представленія). Однако-же на мое предложеніе записать нѣкоторые номера, *„режиссеръ“*—мазуръ сказалъ, что теперь ему некогда: надо-молъ воспользоваться послѣднимъ святочнымъ вечеромъ, чтобы показать вертепъ еще въ нѣсколькихъ домахъ города, „а вотъ завтра утромъ“, успокоилъ меня мазуръ, „приду опять къ вамъ и тогда можно будетъ писать“. Но увы, поспѣшно исчезнувши, мазуръ больше не показывался: перспектива записыванія отъ него „польскаго“ (!) текста, должно быть, устрашила его, чему я, соображая хорошо извѣстныя мнѣ обстоятельства жизни въ юго-западномъ краѣ, признаться сказать, не особенно удивляюсь. Жалѣю только, что, благодаря этому обстоятельству, у меня въ памяти осталось лишь содержаніе вертепнаго представленія, да общій характеръ текста, совершенно простонародный.

О. Пч.

ПОДЛЯСКАЯ ЗЛОПОЛУЧНИЦА.

Въ январской книжкѣ „Кіевской Старины“ за нынѣшній годъ, въ отдѣлѣ *Извѣстій и Замѣтокъ*, напечатанъ варіантъ пѣсни о молодой дѣвицѣ, жестоко пострадавшей отъ своихъ соблазнителей. Напечатанный варіантъ служитъ дополненіемъ къ тѣмъ пѣснямъ о томъ-же событіи, которыя имѣются въ разныхъ печатныхъ сборникахъ и въ которыхъ постоянно мѣняются названія жестокихъ соблазнителей: чужеземецъ, запорожецъ, донскій козакъ, татаринъ. Любопытно, что эта-же пѣсня поется и на послѣдней окраинѣ русскаго населенія со стороны Польши, на Подлясьи, именно въ сѣдлецкой губерніи. Но у подляской злополучницы свой врагъ, совершенно отличный отъ бродячихъ или захожихъ враговъ другихъ южно-русскихъ злополучницъ, не чужеземецъ, не запорожецъ, не козакъ, не татаринъ, но „дворанинъ“, „дворакъ“. „Дворани“ или „двораки“ часто фигурируютъ въ подляскихъ пѣсняхъ и—всегда какъ враги народа, какъ люди праздные, пустые, гулящіе и жестокіе. Извѣстно, что подляское русское дворянство, охваченное съ

двухъ сторонъ литвинами и ляхами, раньше другихъ своихъ собратій было нравственно подавлено и деморализовано, раньше всѣхъ приняло чуждый языкъ и обычаи, прежде всѣхъ согласилось на люблинскую унію, найболѣе дѣятельно пропагандировало унію церковную. Народъ, нѣкогда твердо стоявшій за свою русскую народность и православную вѣру [1]), не могъ сохранить признательной памяти о такомъ дворянствѣ. Вотъ самая пѣсня, записанная въ числѣ многихъ другихъ, по просьбѣ нашей, въ 1867 году, въ бѣльскомъ уѣздѣ б. учителемъ греко-уніатскаго училища въ д. Полоскахъ, г. *Медвѣдемъ*.

Ой вже сонце низенько, вже вечóръ близенько.
Дівчино, серденько, присуньсь близенько!
На двóрі криниця, зимнáя водиця,—
Що дворанина, то все ледащиця!
Пье въ корчмі, гуляе, дівча намовляе.
Ходи, дівча, зъ нами, зъ нами двораками,
Буде тобі ліпше, якъ у твеі мамы.
У твосі мамы кошуля латана,
А въ насъ двораченькôвъ шовкомъ вышивана.
Ой у твеі мамы дубовіи лычка [2]),
А въ насъ двораченькôвъ жовті черевички.
Ой стала дівчина, стала й подумала,
Стала—подумала, сіла й поіхала.
Завезли дівчину подъ быструю воду:
Вернися, дівчино, до своёго роду!..
Въ воду не втоплюся, къ роду не вернуся,
Бо отъ свого роду стыду наберуся.
Ой везли дівчину лісами-борами,
Питали дівчину: що-жъ то буде зъ нами?
Ой стала дівчина, сосны полічила...
Вчепили дівчину до сосны плечима.
Выкресали огню зъ білого кременя,
Запалили сосну зъ верха до корéня.

---

[1]) См. въ «Холмскомъ греко-уніатскомъ Мѣсяцесловѣ» на 1871 годъ статья «Нѣсколько данныхъ о переходномъ состояніи Подлясья послѣ брестскаго собор 1595 года».

[2]) Лапти изъ коры молодаго дубняка.

Сосна догорае, дівча промовляе:
„Хто въ бору ночуе, нехай тое чуе,
А хто дочку мае, нехай научае,
Нехай зъ двораками въ корчмі не гуляе“.

N.

Варшава.

ТАЛАВИРЯ.

(ПАСТУШЕСКАЯ ПѢСНЯ).

Въ августовской книжкѣ „Кіевской Старины“ помѣщена „пастушеская пѣсня-былина Курта“. Мнѣ удалось записать варіантъ ея совсѣмъ подъ другимъ заголовкомъ и болѣе подходящій къ размѣру думъ. Записанъ онъ въ александровскомъ уѣздѣ, екатерин. г., кромѣ того я слышалъ его и въ харьк. губ., изюмск. у. Варіантъ фонъ-Носа, мнѣ кажется, тронутъ рукою грамотнаго человѣка и вотъ почему: въ стихѣ „и гадюку и казюку—усе бачишь“—два равнозначущіе слова, потомъ—къ чему полудикій чабанъ упоминаетъ Брюховецкаго и кошевого Сірка? (въ моемъ варіантѣ Сірко—собака). Обращеніе къ вѣтру кажется черезчуръ многорѣчивымъ, и слово „стружки“ не наше, его замѣняютъ „тріски“. Вообще александровскій варіантъ по своему юмору и чисто реальнымъ представленіямъ—отдаетъ болѣе народнымъ непосредственнымъ творчествомъ и заслуживаетъ полнаго вниманія.

Талавирі—вирі—вирі—вирі,
Та якъ пасъ я штирі [1])—бирі—
Сімсотъ ще й чотырі,
Та вона мені по глечику молока носила,
Та по коряку сыра.
Та якъ зійду на могилу,
Та прокину сірячину,
Та ляжу трохи спочину.
А чи спавъ, чи не спавъ,
Четвертого дня вранці вставъ!
А чи івъ, чи не івъ,
Трое хліба взівъ!
Та нема-жъ моей штырі-бирі—

[1]) Штыря—яловая стриженая овца.

Сімсотъ ще й чотырі!
Якъ пішовъ я лугами та берегами—
Шукати своей штирі-бирі,—
Сімсотъ ще й чотырі.—
Ой я-жъ думавъ, що то біліють овечки,
Ажъ то мій хозяинъ та насіявъ гречки.
Ой я-жъ думавъ, що то баранці, баранці,
Ажъ то мого хазяина кабанці, кабанці.
Ой я-жъ думавъ, що то вітеръ шумить,
Ажъ то мій хазяинъ на сивімъ коню біжить.
Та запахли мені горячіи книши...
Яжъ думавъ, що то гарячіи книши,
Ажъ то мій хазяинъ та запаривъ на мене бичи.
Якъ узявъ мене тими книшами годувати,
Якъ узявъ мене тими бичами потягати,
Бивъ, бивъ,
Десятого не добивъ,
Тай той коло мене положивъ!
Ой орлику, братіку,
Ты высоко літаешь,
Ты далеко видаешь,
Чи не бачивъ ты моеі штирі-бирі,
Сімсотъ ще й чотырі?
Ажъ тамъ твоі штири-бирі,
Сімсотъ ще й чотырі:
Та погнавъ вовчикъ сіренькій...
Та въ теі нема ноги,
Въ теі головы,
А въ теі хвоста,
Та цапъ напирае,
А Сірко підганяе,
А сучка Муштучка припиняе...
Найшовъ вівці,
Найшовъ вівці,
Найшовъ вівці!..

Ив. Манжура.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ V томѣ „Кіевской Старины“ *).

Аккерманъ, г., 736.
Аксаковъ С. Т., писат., 829—841.
Александръ I, императ. русскій, 140. 209.
Алексѣй Михайловичъ, царь москов., 713.
Амфитеатровъ Филаретъ, митропол. кіевск., 700.
Анатолій, архимандритъ, 180.
Антонтій I., д-ръ, польскій писатель, 873.
Антоновичъ В. Б., проф., 878.
Апостолъ Данило, миргород. полковн., впослѣдствіи гетманъ, 602.
Апраксинъ, графъ, 149.
Аронъ, господарь молдав., 182.
Арсеній, архимандр., 903.
Артемовскій С. С., артистъ императ. театровъ, 404.
Аскоченскій В. И., писат., редакт. «Дом. Бесѣды», 702, 705.
Ахметъ III, султ. турецк., 269.

—

Багалѣй Д. И., авторъ нѣсколькихъ истор. монографій, 301, 415, 417.
Багратіонъ, кн., русскій военачальникъ, 132, 820.
Байронъ, поэтъ англійск., 274.
Бантышъ-Каменскій, истор. малорус., 597.
Барвинскій Александръ, галицк. писат., 649.
Барклай-де-Толли, фельдмарш., 804.
Батори Сигизмундъ, кн., 182.
Батуринъ, мѣст. черн. губ., нѣкогда резиденція гетмановъ, 158, 599.
Бутурлинъ, графъ, русскій полковод., 213.
Безбородко, графъ, секр. Екатерины II, 238, 903—904.
Беклешовъ, моск. генер.-губерн., 124.
Белькуръ, франц. полковн., авторъ мемуаровъ о Сибири, 645.
Берестечко, м., 152, 428.
Бестужевъ-Рюминъ, истор., 309.
Бецъ В. А., проф., 878, 881.
Богунъ Оедоръ, козацкій полковн., 209.
Болховитиновъ Евгеній, уч., кіевск. митроп., 91.
Борзобогатый-Красненскій Іона, еписк. луцкій, 874.
Ботвиновскій Евфимій, священ. кіев., 691.
Брадке, попеч. кіев. учебн. округа, 267.
Брозинъ, сенат., 86.
Брюловъ, живописецъ, 166.
Брюховецкій, гетманъ малор., 879.
Булашовъ Г., авт. ст.: «Ириней Фальковскій», 120.
Буцинскій П. И., авт. кн.: «О Богданѣ Хмельницкомъ», 183.
Быховецъ, лѣтоп., 178.

---

*) Цифры означаютъ стр. тома.

Бѣлоусовъ, преподав. нѣжинской гимн., 626.
Бѣлявскій Евфимъ, значков. товарищъ, 532.

—

Валецкій, архимандр., 681.
Варшава, г., 125, 145.
Веніаминовъ Иннокентій, митрополитъ московскій, 706.
Видокъ Викентій, сербскій митр., 106.
Вильна, г., 127.
Вишневецкій, кн., канцлеръ польскій, 604.
Владиміръ Мономахъ, вел. кн. кіев., 1.
Волконскій, кн., губер., 126.
Воротынскіе, князья, 314.
Ворцель, сенат., 128, 130, 137, 223, 230.
Выговскій Иванъ, гетм., 879.
Вяземскій П. А., кн., писат., 835.

—

Галецкій, генер. бунчучный, 681.
Гамалій, эсаулъ генер., 599.
Гаркуша Семенъ, предвод. украинск. разбойн. банды, 528—554.
Гауеръ, баронъ, 220.
Гваглиини Александръ, писат. XVI в., 20.
Герцыкъ Григ. Павл., сторонникъ Мазепы, 595—610.
Гессе, академикъ, 844.
Гижицкій, вол. маршалъ, ген.-маіоръ, 125, 223, 231.
Гладкій-Осипъ, послѣдній Кошов. задун. Сѣчи, 28, 30, 39, 274, 279—290, 731, 762, 771; его письмо къ А. А. Скальковскому, 912—913.
Глазенапъ, губернат., 125, 142.
Глинка, композиторъ, 401.
Глинскій Михаилъ, кн., 178, 179.
Глоба, послѣдн. писарь запорожскій, 231.
Глуховъ, г., б. резиденція гетм., 145, 158, 531.
Гоголь Н. В., писат., 167, 174, 194, 406, 834.
Голицынъ Д. М., князь, 98, 107, 115.
Головатый Антонъ, запорож. старшина, 41, 207.
Голохвастовъ, сенат., 125.
Гонорій, импер. визант., 19.
Горголій, сенат., 84.
Гордина, Кошевой задунайск. Сѣчи, 298.
Горленко Дмитрій, прилуцкій полковн., 595, 599, 601, 610.
Городня, м., нынѣ у. г. черн. губ., 208—210.
Гофманъ, проф., 841.
Градовскій А. Дм., проф., 308.
Гревсъ, губерн., 124.
Грековичоръ Соломонъ-бенъ-Захарія, львовскій падакъ, 9.
Гречулевичъ, свящ., авт. «Проповѣдей на малорос. языкѣ», нынѣ пр. Виталій, еписк. мог., 870.
Гудовичъ, графъ, фельдмаршалъ, 226, 351.

—

Даніилъ Романовичъ, князь галицкій, 654.
Данчукъ Остапъ, житель Добруджи, 758, 760, 763, 772.
Державинъ, поэтъ, 126.
Днѣстръ, р., 38.
Довгополый, генеральн. судья, 601, 603.
Долгорукій, Григ. Ѳедор., русскій послан., 597.
Дорошенко Петръ, гетм., 424, 879, 892.
Дренякинъ, авт. книги: «Бѣлгородъ съ уѣздомъ», 179—180.
Дубельтъ, генер., шефъ жандармовъ, 228.

—

Евлевичъ Іосифъ, черниговск. войтъ, 487.
Екатерина II-я, импер., 183, 193, 231.
Елисавета, импер. русск., 95.
Еропкинъ, генер., 460.

—

Жегота Паули (Żegota Pauli), галицко-польскій этнографъ, 366.
Житоміръ, г., 121.
Жолкевскій, гетм. польскій, 183.

—

Забѣла В. П., помѣщикъ черниг., другъ Шевченка, 401.
Загоровскій Василій, брацлавск. кастел., 715.
Заклинскій Корнило, галиц. уч., 181.
Залескій Богданъ, поэтъ польск., 174.

Залескій Брониславъ, письма къ нему Т. Г. Шевченка, 161—176, 611—622.
Замойскій Янъ, канцлеръ польск., 183.
— Ѳома, воевода кіевск., 421, 874.
Захарьевичъ, проф. львовскій, 876.
Зеленейскій Василь, сотникъ, 599.
Зелепугъ, полковн., 222.
Зимакъ Иванъ, новгородъ-сѣверскій бургомистръ, 535.

—

Иванишевъ, проф. кіев. унив., 406.
Игнатовичъ Демьянъ, козацкій полковн., 209.
Ильинскій, графъ, сенат., 124, 142, 144.
Иловайскій Дм. И., истор., 218.
Ипсиланти, предвод. греческ. возст., 270.
Искра, полтав. полковн., 598.

—

Іосифъ II, импер. австрійскій, 193.

—

Кавелинъ, ученый, 308.
Казиміръ, король польскій, 141.
Калниболотскій Самійло, кошевой задун. Сѣчи, 53, 59, 270.
Калнишевскій, послѣдн. кошевой приднѣпр. Сѣчи, 27, 29, 35, 231, 771.
Каменецкій Дан. Сем. (ум. въ 1880 г.), издат. малор. книгъ, 407.
Кандыба, полковн. корсунскій, 599.
Канова, знамен. итальянск. скульпторъ, 774.
Кантеміръ, кн., 83.
Карамзинъ, истор., 302.
Карлъ XII, король шведскій, 595.
Квитка, украин. писат., 873, 870.
Кельсіевъ, писат., 29.
Кисель Адамъ, воевода кіевскій, 427.
Ключаревъ, предсѣд. казен. кіев. палаты, 696.
Ковалько П., авт. замѣтки «Очерки націон. типовъ въ украинск. нар. словесности», 667—672.
Колоинецъ А. И., бывшій запорожецъ, 31—40, 53.
Комаровскій, графъ, 222.
Комбурлей, начальн. волынской губ., 126, 130, 131, 134, 136, 140, 142, 145, 219, 335, 364.
Конисскій Георгій, архіеп., 93.
Костомаровъ Н. И, истор., 26, 36, 183, 234, 315, 366, 492, 911.
Костюшка, военач. польскій, 125, 226, 825.
Котельва, слобода, 594.
Котляревскій Ив. П., украин. писат., 233, 867, 833.
Кошовикъ К., авт. статьи: «Семенъ Гаркуша», 554.
Краковъ, г., 127, 145, 154, 366.
Кременецкій Гавріилъ, митрополитъ кіев., 96, 884.
Кременецъ, г., 220.
Кривоносъ, полковн. козацкій, 427.
Криштопенко Кирило, сотникъ, 904.
Крыловъ И. А., писат., 171.
Кубаля, польскій писат., 420, 428.
Кубань, р., 41.
Кулишъ П. А., писат. украин., 219, 221—234, 366, 405, 836, 837, 870.
— Лукьянъ, священ. въ Задунайской Сѣчи, 274.
Кульневъ, секундъ-маіоръ, 194.
Курбскій, кн., 874.
Курутъ, прокуроръ, 222.
Кутузовъ, кн., фельдмар., 820.
Кунвскій, катол. епископъ, 604.

—

Лазаревскій А. М., писат., 720, 892,
Лазовскій Ѳеодосій, епископъ владимір., 715.
Ланжеронъ, гр., генер., 364.
Лебединъ, г. харьк. губ., 91.
Левенецъ, козацкій полковн., 599.
Левицкій, сотникъ, 550.
Лизогубъ Евфимъ, черниговск. полковн., 487.
Литвинъ Михайло, кошевой задунайск. Сѣчи, 740.
Лобановъ-Ростовскій, князь, русскій генер., 141.
Лобода, предв. украин. козаковъ, 182.
Лопушевскій, учит. нѣжинской гимн., 628.
Лучицкій И. В., проф. кіевск. универ., 409.
Львовъ, г., 715.

Лѣсковъ Н. С., писат., 268, 708.
Лясота Эрихъ, мемуаристъ XVI в., 182.

—

Мазепа, гетм. малорос., 269, 490.
Макаровъ, полковн. русской службы, 355.
Максимиліанъ, эрцгерцогъ, 182.
Максимовичъ М. А., профес., ректоръ, ученый писатель, 420, 829, 870, 871.
— Иванъ, генерал. писарь, 595, 601, 610.
Мальта, островъ, 46.
Маркевичъ Н. А., малорусскій истор., 401.
Марко Вовчокъ (псевд.), украин. и русск. писат., 871.
Мезецкіе, князья, 314.
Мерзляковъ, поэтъ, 842.
Мечниковъ, сенат., 568, 571.
Миклашевскій, губерн., 124.
Милорадовичъ, гр., авт. рецензіи на кн. «Историко-стат. опис. черниг. епархіи», 658.
Мирабо, французъ. вельможа временъ Людовика XVI, 774.
Миславскій Самуилъ, митроп. кіев., 906.
Михаилъ, господарь волошскій, 182.
Михаловскій, авт. мемуаровъ на польск. яз., 427.
Михельсонъ, рус. генер., 52.
Могила Петръ, митроп. кіевскій, 716.
Мокіевскій, чигир. полковн., 599.
Морозъ, кошевой задунайской Сѣчи, 262.
Мосальскіе, князья, 314.
Москвинъ Арсеній, митр. кіев., 700.
Мотовиловка, м., 652.
Мошинская, собир. этногр. матер., 366.
Муравьевъ А. Н., писат., 843.

—

Наливайко, предвод. малор. козаковъ, 182.
Наполеонъ I, имп. франц., 129, 130, 136, 140, 357.
Науменко В., его рецен. на брошюру «Покажчикъ нової украін. літер.», 867—873.
Паоананлъ, еписк. черниговъ., 658.
Незамаевскій Василь, кошевой задун. Сѣчи, 278.
Нестелей, козацкій полковн., 209.
Николай I, импер. русс., 209, 213, 286.
Николайчикъ Ѳ., авт. ст.: «Новыя свадебн. малор. пѣсни», 366—400.
Никольскій Исидоръ, митроп. кіев., 700.
Новицкій, литер., 366.
Новосельскіе, князья, 314.
Новосельскій, этногр., 366.
Новгородъ-Волынскъ, г., 807.
Нѣжинъ, г., 531.

—

Огинскій, сенат., 223, 334.
Одоевскіе, князья, 314.
Окольскій, авт. мемуаровъ, 428.
Оренбургъ, г., 125.
Орликъ, секрет. гетм. Мазепы, 595; гетм., 604, 605, 607, 609, 610.
Орловъ Гр. П., гофмаршалъ, 108.
Осиповъ Н. О., художникъ, 618.
Оссолинскій, графъ, 776.
Остеръ, г., 723.
Острожскій Константинъ, кн., воевода кіевск., 421, 719.
— Янушъ, сынъ его, 874.

—

Павелъ I, импер. русскій, 142, 454.
Перовскій В. А., оренбургскій губер., 172, 618.
Петръ Великій, импер. русскій, 95, 883.
Пештъ, г., 105. 112.
Плетневъ П. А., русскій писат., 225, 837.
Погодинъ, писатель, историкъ, публицистъ, 303, 831, 838, 871.
Полевой, русскій истор., 315.
Полетика Григ. И., совѣтн. русск. посольства въ Вѣнѣ, 108, 115, 116.
Понощатенко Авксентій, полков. судья, 210.
Пономаревъ С., библіогр., 408, 629.
Понятовскій, польскій военач., 136, 138, 604, 608.
— Станиславъ, кор. польск., 887.
Поповъ В. С., секретарь кн. Потемкина, 121.

Потемкинъ Григ. Алекс., князь, временщикъ ц. Екатерины II, 461, 805.
Потоцкій, маршалъ кіевск., 138.
— Петръ, конфедер. маршалъ сандомірскій, 150, 634.
— коммисаръ польскій, 652.
Похлыстъ, значков. товарищъ, 548.
Прага, г., 125.
Прейсъ, проф., 225.
Пресбургъ, г., 105.
Протасовъ Н. А., оберъ-прокуроръ синода, 703.
Пугачевъ Емельянъ, самозванецъ, бунтовщикъ, 146.
Пушкарь Мартинъ, козац. полковн., 424.
Пулавскій, староста черешин., 633.
Пулюй, д-ръ, доцентъ вѣнскаго унив., 221.

—

Разинъ Стенька, донск. козакъ, стоявшій во главѣ народн. движенія, 65.
Ракочи Юрій, семиградс. князь, 147.
Ревутскій, гетманъ польскій, 160, 603.
Репнинъ, кн., кіевск. губерн. предвод. дворянства, 219.
Ржевскій, генер., 884.
Робеспьеръ, дѣятель великой французъ. революціи, 774.
Родакъ, генеральн. эсаулъ, 209.
Розенбергъ, военн. губерн., 352.
Росохацкій, полковн. шведской службы, 602.
Рубанъ, авт. малорус. лѣтописи, 421.
Ружинскій Романъ, кн., 875.
Рудольфъ II, импер. германскій, 181.
Румянцевъ, гр., правит. Украйны, 806.
Руссовъ, прокуроръ, 343.

—

Савяцкій Д. В., инженеръ-архитекторъ, 209.
Сагайдачный, малорус. гетманъ, 214, 789.
Салтыковъ, кн., 337.
Самаринъ Андрей, генер.-губерн. казанскій, 633.
Самойленко, учитель нѣжинск. гимн., 628.
Самойловичъ Иванъ, магистръ, 95.
Самоквасовъ, проф., 304.
Самуилъ, патр. константинопол., 794.
Сангушки, князья, древн. фамилія, 345.
Сапѣга, староста бобруйскій, 607.
Святополкъ-Михаилъ, удѣльн. князь кіевскій, 1.
Селинъ, проф. кіев. универс., 406.
Семеновъ, русскій ученый, 180.
Сенека, философъ греческій, 775.
Сергѣевичъ, проф. с.-петербург. унив., 307, 308.
Сиверсъ, сенат., 144, 222, 364, 775, 798, 723, 728.
Сигизмундъ-Августъ, король польскій, 714.
Синанъ-паша, турецкій военач., 181.
Синельниковъ Ив., губернат. екатерин. намѣстнич., 461.
Скальковскій А., истор., 42.
Скапа Мойсей, депутатъ запорож. въ екатеринин. коммисіи о составл. новаго уложенія, 683—687.
Скворцовъ, проф., 91.
Скоропадскій, гетманъ украин., 56.
Смоленскъ, г., 124.
Сова, поэтъ польск., 174, 612.
Соловьевъ, русскій истор., 301.
Сохацкій Павелъ, проф. московс. унив., 94.
Спасовичъ Вл. Д., юристъ, 161.
Срезневскій И. И., академикъ, проф., 421.
Ставровскій, проф., 121, 690.
Стемпковскій, кастел. кіев., 801.
Стройновскій, сенаторъ, 137, 223, 225, 364.
Суворовъ, фельдмаршалъ, 125, 183, 226, 352, 903.
Суша Яковъ, холмскій епископъ, 654.
Сѣраковскій Сигизмундъ, полковникъ генеральн. штаба, 615.
Сѣрко, кошевой запорожскій, 875.

—

Таганрогъ, г., 534.
Танскій Михайло, полковн. кіев., 682.
Тарнавскій Александръ, авт. замѣтки: «Вертепъ въ Духовщинѣ», 659—667.
Тарновскій, графъ, 344.
Тацитъ, истор. римскій, 799.
Текелій, русскій военач., 27, 43.
Томара, полковн. переяславльскій, 681.
Торнасовъ, начальн. русской арміи, 135, 820.
Точилеску, проф. букарештской акад., 740.

Трипольскій, польск. коммисаръ, 652.
Трощинскій, русскій министръ, 790.
Туловъ М. А., быв. помощн. попеч. кіевск. учебн. округа, 872.
Туптало Савва, сотникъ, 879.
Турскій, полковн., 364.
Тучковъ, генер. русской службы, 278.

—

Уваровъ, гр., археологъ, 218.
Умань, г., 153.
Урсо, учит. нѣжин. гимн., 628.
Устимовичъ, полтав. губерн. предводитель дворянства, 219.

—

Фаеріусъ, исправникъ, 358.
Фалькенштейнъ, графъ, (Іосифъ II австр. имп.), 193.
Фальковскій Иринеи, коадъюторъ кіевскій, 89—120.
Филаретовъ Филаретъ, епис. рижскій, 691.
Фундуклей, губерн. кіев., 704

—

Хмелецкій Стефанъ, воевода кіев., 874.
Хмельницкій Богданъ, малорос. гетманъ, 3, 15, 122, 183, 209, 410, 417, 889.
— Юрій, сынъ Богдана, также гетманъ, 184, 879.
Ходкевичъ Іеронимъ, вилен. кастел., 875.
Хоецкій Карлъ, плѣнный польскій конфедератъ; его записки о времени плѣна, 145—160.
Холодовичъ Матвѣй, бунчуковый товарищъ, 538.
Хомяковъ А. С., поэтъ-славянофилъ, 839, 848.
Хрушовъ, волын. вице-губерн., 222, 881, 800, 828.

—

Царенко, исправникъ, 358.
Цыхъ, проф. кіев. унив., 627.

—

Чаевъ Н. А., писат., 829.
Чайковскій Михаилъ (Садыкъ-паша), писат. польскій, 29, 270, 289.
Чалый М. К., авт. книги: «Жизнь и произвед. Т. Шевченка», 162, 407.
Чарнецкій, конфедератскій марш. краковскій, 150.
Черниговъ, г., 92.
Черторыйскій Николай, кн., 717.
Чичаговъ, адмир., 135, 820.
Чичеринъ, русскій ученый, 308.
— Д. И., тобольскій генер.-губернаторъ, 643.

—

Шамшевъ, генер., 542, 549, 552.
Шараневичъ Исидоръ, львовскій проф., 177, 218, 876.
Шафировъ, русскій послан. въ Константинополѣ, 595.
Шахъ, гетм. украин., 2.
Шевченко Т. Г., его письма къ Бр. Залескому, 161—176, 218—220, 229, 401—408.
Шекспиръ В., знамен. англійс. писат., 221, 223.
Шереметьевъ, губерн., 123, 125.
Шимановъ А. Л., авт. статьи: «Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія», 594.
Шлецеръ, ученый, 302.
Штернбергъ В. П., художн., 401, 403.

—

Щербатовъ, кн., авт. «Ист. Россіи», 303.
Щербацкій Тимофей, кіев. митрополитъ, 652.
Щоголевъ, поэтъ украин., 871.

—

Эссенъ, военный губерн., 126.

—

Юнгъ, редакт.-издат. первой газеты въ Кіевѣ, 504.

—

Яблоновскій Максимиліанъ, князь, 223.
Ярославъ Мудрый, вел. князь кіевск., 304.
Яссы, г., 48, 886.

—

Ѳеотоки Никифоръ, херсонскій архіеп., 891.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на 1883 годъ на слѣдующіе журналы и газеты:

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ“.

изданіе **Е. Лебедевой** (бывшее Львовой).

Журналъ выходитъ семнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ, въ хорошемъ переводѣ, произведенія иностранныхъ писателей. Редакція считаетъ долгомъ заявить передъ гг. подписчиками, что всѣ ея стремленія будутъ направлены къ тому, чтобы знакомить съ дѣйствительно лучшими, имѣющими, по той или другой причинѣ, самый наибольшій успѣхъ заграничными авторами такъ, чтобы журналъ не только служилъ пріятнымъ препровожденіемъ досуга читателя, но и знакомилъ бы его съ дѣйствительно интересными, пользующимися успѣхомъ на Западѣ произведеніями изящной литературы.

Для лучшаго знакомства съ писателями, имена которыхъ почему либо еще мало извѣстны въ Россіи, но которые пользуются уже популярностью за границей, редакція будетъ прилагать ихъ краткія біографіи и, по возможности, портреты.

Въ 1883 г. журналъ будетъ выходить по той же программѣ и въ томъ-же объемѣ, при благосклонномъ участіи лучшихъ нашихъ переводчиковъ-литераторовъ: В. Крестовскаго (псевдонимъ), П. И. Вейнберга, Лѣтнева, В. Ранцева, Хмѣлевой и другихъ.

Успѣхъ данныхъ въ этомъ году историческихъ романовъ («Императрица Елисавета» и «Великая Княгиня») приводитъ насъ къ убѣжденію, что историческіе романы болѣе нравятся публикѣ, почему мы въ 1883 году постараемся давать побольше такихъ романовъ, не забывая, конечно, о всемъ новомъ, что появится въ иностранныхъ литературахъ. Кромѣ того, всѣ подписчики 1883 г. получатъ *въ премію* талантливое произведеніе извѣстнаго *Эмиліи Габоріо «Знаменитыя Женщины»*, гдѣ, въ двухъ книгахъ, въ увлекательной формѣ, изложены біографіи всѣхъ извѣстныхъ, отъ самыхъ древнихъ временъ, французскихъ женщинъ, фаворитокъ, имѣвшихъ часто огромное вліяніе на судьбы этого народа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ доставки:	Съ доставкой на домъ.	Съ пересылкой во всѣ города.
На 12 мѣс.	8 р. — к.	8 р. 50 к.	8 р.
« 6 «	4 « 25 «	4 « 50 «	5 «

Допускается разрочка по полугодично и по третямъ съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 р., во второмъ 3 рубля.

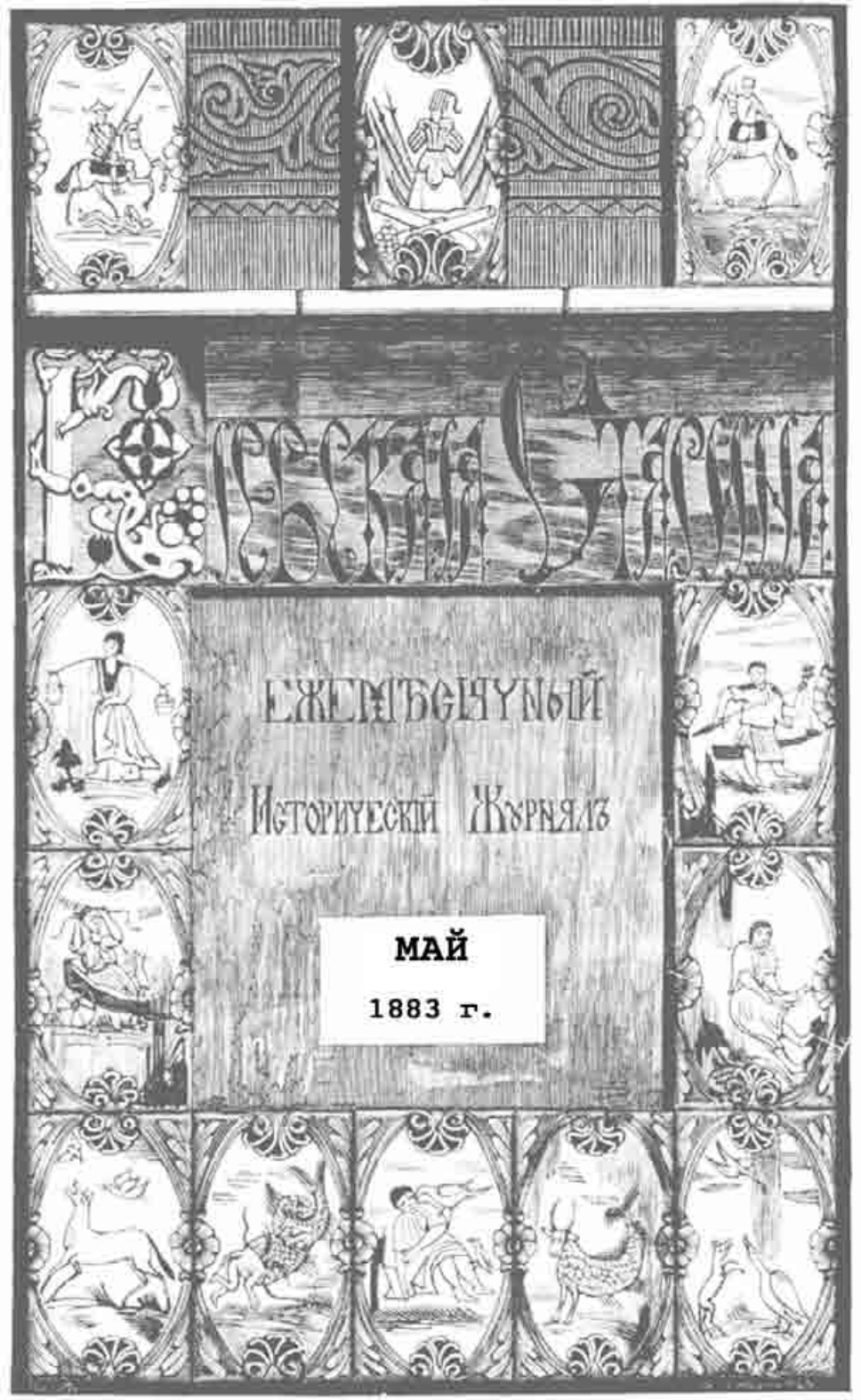
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
МАЙ
1883 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VI. 1883 г.

Май, 1883 г.

стр.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ (историко-этнографическія замѣтки). **Ир. Житецкаго** 1

II. ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ. **В. Ястребова** 30

III. ХАРЬКОВСКІЙ ВЕРТЕРЪ. (Психологическо-юридическій очеркъ изъ харьковской хроники начала тридцатыхъ годовъ). **А. Барымова** . . . 49

IV. ИРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, коадъюторъ кіевскій. (*Продолженіе*). **Г. Булашева** 66

V. ФРЕСКИ КІЕВО-КИРИЛЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ XII в. (Рѣчь, произнесенная въ общемъ собраніи императорскаго русскаго археологическаго общества, 9 января 1883 г.). **Адріана Прахова** 97

VI. ПИСЬМО ЕПИСКОПА ЯКОВА СУШИ КЪ ГЕТМАНУ ВЫГОВСКОМУ СЪ ЦѢЛЮ СКЛОНИТЬ ЕГО КЪ УНІИ. (Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива). Сообщилъ **В. Т. М—чъ** 111

VII. ЗАПОРОЖСКІЕ ВЫБОРЫ И ПОРЯДКИ ПОЛОВИНЫ XVIII в. (По современнымъ описаніямъ). **Ал. Андр—скаго** 127

VIII. НЕИЗВѢСТНЫЙ ДОСЕЛѢ ГЕТМАНЪ И ЕГО ПРИКАЗЪ. **В. Антоновича**. 140

IX. ИЗЪ БУМАГЪ И. И. КОТЛЯРЕВСКАГО. **В. Горленка** 146

X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Исторія русской церкви Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Томъ XII. Спб. 1883 г.—*Т—скаго*.— б) В. Е. Бучневичъ. Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава. 1882 г.—*Ивана Матченка*.—в) Географія кіевской губерніи. Сост. Н. Мукаловъ. Кіевъ. 1883 г.—г) Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію. И. И. Срезневскаго. Харьковъ, 1883 г.—*В. А.* 155

стр.

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Школа для обученія пѣвчихъ, назначавшихся ко двору. *П. Ефименка* —б) Археологическая находка въ Черниговѣ. *А. Ханенка.*—в) Письмо изъ Варшавы отъ 6-го апрѣля 1790 г. —г) Князь Яблоновскій въ неловкомъ положеніи. *И. Л.*—д) Записавшійся во власть помѣщика священникъ. Священ. *П. Саббатовскаго.* —е) Къ исторіи бугскихъ козаковъ. *А. Скальковскаго.*—ж) Еще объ украинской злополучницѣ. *Ц. Г. Неймана.* 169

Іюнь, 1883 г.

стр.

I. Г. Ѳ. КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО. Историко-литературный очеркъ. **Н. Маркова** 193

II. ПРОИСХОЖДЕНІЕ МАЛОРУССКОЙ ДУМЫ О САМУИЛѢ КОШКѢ. **В. Науменка**. 212

III. БѢГЛЫЕ И КРѢПОСТНЫЕ ВЪ ЧЕРНОМОРІИ. **Ф. Щербины** . . . 233

IV. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. (*Окончаніе*). **А. Л. Шиманова** 249

V. УКРАИНСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Историческіе разсказы д-ра Антонія I. (Переводъ съ польскаго). 268

VI. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ЕВГЕНІЯ, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО, КЪ АРХИМАНДРИТУ МЕЛЕТІЮ, РЕКТОРУ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. Сообщилъ свящ. **Левандовскій**. 310

VII. ПРОШЕНІЕ МАЛОРОССІЙСКАГО ШЛЯХЕТСТВА И СТАРШИНЪ, ВМѢСТѢ СЪ ГЕТМАНОМЪ, О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ РАЗНЫХЪ СТАРИННЫХЪ ПРАВЪ МАЛОРОССІИ, ПОДАННОЕ ЕКАТЕРИНѢ II-й ВЪ 1764 ГОДУ.—Сообщ. проф. **А. Ѳ. Кистяковскій** 317

VIII. ТРИ ПИСЬМА ГР. Ѳ. КВИТКИ КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ 346

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Малорусскія изданія 1882 года.—б) Повія, романъ П. Мирного. Частина перша. («Рада», украинскій альманахъ. Кіевъ, 1883 г.)—*В. Г—ка*. 353

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Упыри. (Изъ исторіи народныхъ вѣрованій).—*П. Ефименка.*—б) Къ свѣдѣніямъ о козацкомъ гетманѣ Иванѣ Куцковичѣ.—Сообщ. *А. С—ко.*—в) Малороссійскіе чины и должности и окладъ ихъ содержанія.—г) Гдѣ подлинникъ любечской чудотворной иконы Божіей Матери?—*П. Л—ва.*—д) Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ.—е) «Гнідко», варіантъ Кармелюка.—*Александра Ом—скаго.*—ж) Образчикъ малорусскихъ эпитафій XVIII в.—Сообщ. *Ал. Маркевичъ.*—з) Современный отзывъ кіевлянъ о В. И. Аскоченскомъ.—Сообщ. *П. Д—въ*. 371

стр.

Іюль, 1883 г.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). (*Продолженіе*). **Ир. Житецкаго** 399
II. СУДЬБА ОДНОГО ГАЛИЦКО-РУССКАГО УЧЕНАГО. (Къ біографіи Ивана Николаевича Вагилевича). **Я. Г.** 453
III. РЕБЪ ЛЕЙБЪ-СУРЕСЪ. (Изъ еврейскихъ легендъ). **Александра Тарнавскаго** 473
IV. УКРАИНСКІЙ СОЛОМОНЪ, его кейфъ и судъ. (По фамильнымъ воспоминаніямъ). **Ст. фонъ-Носа** 492
V. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ЗАБѢЛА, ЗНАТНЫЙ ВОЙСКОВОЙ ТОВАРИЩЪ. (1665—1703 г.) (Отрывки изъ семейнаго архива). **Ал. Лазаревскаго** 506
VI. ПОСѢЩЕНІЕ КІЕВА В. КН. ПАВЛОМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ И В. КН. МАРІЕЮ ѲЕДОРОВНОЮ. (Современное описаніе). 539
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Акты, издаваемые виленскою археологическою коммисіею. Т. XII. Акты главнаго литовскаго трибунала. В. 1883 г. *В. И.*—б) Отчетъ замостьскаго свято-никольскаго церковнаго братства за время съ 9 мая 1882 г. по 9 мая 1883 г. Замостье.—*Посторонній* 563
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Воспоминаніе объ архіепископѣ могилевскомъ и мстиславскомъ Анатоліѣ. *Н. Пирожкова.*—б) Подозрѣніе, взведенное на проѣзжающихъ въ отравленіи воды во время холеры 1848 г. *П. Ефименка.*—в) Административное распоряженіе по поводу слуховъ о кончинѣ міра. *П. Ефименка.*—г) Наговоры отъ болѣзней у черноморцевъ. Сообщ. *Ф. Щербина.*—д) Покровская церковь въ Переяславлѣ. *А. Т.*—е) Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ.—ж) О портретахъ Мазепы. *Ѳ.*—з) Современные стихи на измѣну Мазепы. Сообщ. *П. Л.* 573

Августъ 1883 г.

стр.

I. КУПЛЕТНЫЯ ФОРМЫ НАРОДНОЙ ЮЖНО-РУССКОЙ ПѢСНИ. **Ц. Г. Неймана** 659
II. КЪ ИСТОРІИ ГАЛИЦКО-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. (Нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину). **Я. Г.** . . 645
III. ИРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, коадъюторъ кіевскій. (*Окончаніе*). **Г. Булашева** 664
IV. ДВА ДОКУМЕНТА О ХОЗЯЙСТВѢ КІЕВСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII ст. 719

стр.

V. ИЗЪ СТАРЫХЪ БУМАГЪ ХОЛМСКАГО АРХИВА. Записка поданная генералъ-губернатору Тутолмину жидичинскимъ архимандритомъ Флоріаномъ Корсакомъ. *Сообщилъ* **В. Т. М—чъ** 735

VI. УКАЗЪ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГІИ 738

VII БИБЛІОГРАФІЯ: а) Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Т. 1-й. С. Голубева. Кіевъ, 1883 г. 1225 стр.—*П. Л.*— б) О достопамятностяхъ Чернигова. Маркова, бывшаго директора черниговской гимназіи. Черниговъ. 1882 г.—*П. Голубовскаго.*—в) О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. Вып. I. А. Маркевича. Одесса. 1883 г.—*П. Голубовскаго.*—г) Дополненіе къ «Покажчику нової украінскої літератури» М. Комарова.—*М. Гаврилова.* 741

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Какъ получали запорожцы денежное и хлѣбное свое жалованье.—б) Почему десятинная въ Кіевѣ церковь извѣстна въ народѣ подъ именемъ десятиннаго Николая? *П. Л—ва.*— в) Уцѣлѣвшая Старина. *М. Гаврилова.*—Выдержки изъ сборника украинскаго дѣвичьяго монастыря.—г. Не привившійся на полтавской почвѣ ревень. *Ѳ. Ни—ка.*—д) Во что обошлась опись библіотеки преосв. Иринея Фальковскаго послѣ его смерти. *А. Титова.*— е) Варіантъ пѣсни о правдѣ. Сообщ. *В. Горленко.*—ж) Клады въ предѣлахъ кіевской губерніи.—з) Вызывающее сообщеніе. Прапорщ. *Т. Зиньковскаго.*—и) Изъ области народныхъ повѣрій. *В. О.* . . 751

IX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

МАЙ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го апрѣля 1883 года.

Смѣна народностей въ южной Россіи

(историко-этнографическія замѣтки).

ВВЕДЕНІЕ.

Территорія, которой касаются наши историко-этнографическія замѣтки, — это страна, заселенная южноруссами или малоруссами (они-же русины, русняки, рутенцы, хохлы, черкассы и т. д.). Трудно при современномъ состояніи русской этнографіи точно обозначить предѣлы поселеній малорусской народности. Съ одной стороны ни языкознаніе, ни антропологія, ни этнографія не указали еще всей суммы признаковъ, которыми рѣзко и несомнѣнно *малоруссъ* отграничивается не только отъ *великорусса* и бѣлорусса, но даже отъ *поляка* (въ привислянскомъ краѣ и Галиціи), словака (въ Венгріи) и пр.; съ другой стороны въ мѣстахъ смежнаго поселенія двухъ племенъ всегда одно племя врѣзывается въ предѣлы другаго, и довольно широкая пограничная полоса обыкновенно состоитъ изъ смѣшаннаго населенія. Единственнымъ критеріумомъ, устраняющимъ хотя отчасти затрудненіе втораго рода при опредѣленіи территоріальнаго разселенія народности, служитъ статистическій матеріалъ. И вотъ, основываясь на данныхъ статистики [1]), мы можемъ сказать, что южноруссы занимаютъ своими поселеніями

[1]) По статистическимъ цифрамъ малоруссы составляютъ большинство населенія въ слѣдующихъ областяхъ Россіи и Австро-Венгріи: 1) въ міусскомъ и донецкомъ округахъ земли Войска Донскаго; 2) въ бирючскомъ, богучарскомъ, острогожскомъ, въ западной половинѣ валуйскаго и юго-западной трети павловскаго уѣздовъ, воронежской губерніи; 3) въ грайворонскомъ, новооскольскомъ, въ половинѣ суджанскаго и въ трети бѣлгородскаго и путивльскаго уѣздовъ курской губерніи; 4) въ харьковской губ.; 5) въ полтавской губ.; 6) въ черниговской (кромѣ су-

отношенія разныхъ народностей недостаточно, чтобы характеризовать этнографическій составъ населенія въ такомъ сравнительно обширномъ краѣ, какъ южная Русь [1]). Въ этомъ отношеніи болѣе матеріала дадутъ намъ частныя цифры распредѣленія населенія въ разныхъ частяхъ Малороссіи. Частей, на которыя можетъ быть раздѣлена Малороссія по характеру группировки въ ней разныхъ національностей, шесть: 1) *Сѣверо-западная полоса южной Россіи* [2])*) —въ ней кромѣ малоруссовъ остальное населеніе распредѣляется главнымъ образомъ между *евреями, поляками* и отчасти *нѣмцами;* 2) *юго-западная полоса* [3]); отличіе ея: значительный процентъ, кромѣ евреевъ и поляковъ, *молдованъ;* 3) *сѣверная полоса* [4]) характеризуется присутствіемъ, кромѣ евреевъ и поляковъ, *бѣлоруссовъ;* 4) *восточная полоса* [5]), гдѣ послѣ малоруссовъ главное населеніе составляютъ великоруссы; 5) *южная полоса* [6]) выдается смѣсью народностей инородческихъ, безъ особеннаго преобладанія какой-нибудь изъ нихъ и наконецъ 6) *центральная полоса* [7]), которая отли-

---

[1]) Слѣдующія страны Европы менѣе южной Россіи: a) *По пространству:* Австро-Венгрія (1880 г.), Германія (1880 г.), Франція (1876 г.), Испанія (1876 г.), Швеція (1878 г.), Норвегія (1875 г.), Великобританія (1881 г.), Италія (1878 г.), Турція съ восточной Румеліей, Румынія, Боснія и Герцоговина (1873 г.), Болгарія, Сербія (1876 г.) и Черногорія (смот. *Суворинъ,* «Русск. календарь» на 1882 г.); b) *по населенію:* Испанія (1877 г.), Турція съ восточной Румеліей, Бельгія (1878 г.), Румынія, Швеція (1878 г.), Португалія (1878 г.), Нидерланды (1878 г.), Швейцарія (1880 г.), Болгарія, Норвегія (1875 г.), Греція (1879 г.), Сербія (1876 г.), Боснія и Герцоговина и Черногорія (смот. ibid.).

[2]) Ее составятъ: восточная Галиція, малор. уѣзд. люблинск. губ., сѣдлецкая и гродн. губ., волынская, кіевская и подольская губ., кромѣ уѣздовъ балтскаго и ольгопольскаго.

*) Основаніемъ для дѣленія Малороссіи на полосы служитъ преобладаніе той или другой изъ инородческихъ націй.

[3]) Ее составятъ: малорос. провинціи Буковины, хотинскій уѣздъ, Бессарабія, балтскій и ольгопольскій уѣзды, подольской губ.

[4]) Пинскій и мозырскій уѣзды, минской губ.

[5]) Новозыбковскій и стародубскій уѣзды, черниг. губ.; константиноградскій уѣздъ, полтав. губ., малор. части курской, воронеж. губ. и земли Войска Донскаго и харьковская губ.

[6]) Аккерманскій уѣздъ Бессарабіи, херсонская и екатеринос. губ. и три сѣверные уѣзда таврич. губ.

[7]) Полтавская губ. (кромѣ константиногр. уѣз.) и черниговская губ., кромѣ уѣздовъ суражскаго, новозыбковскаго и стародубскаго.

Полосы	Малоруссы. число.	Малоруссы. %	Евреи.	Великоруссы.	Пол	мцы.	Румыны.	Греки.	Болгары.	Бѣлоруссы.	Армяне.	Цыгане.	Сербы.	Чехи.	Татары.	Проч.	Итогъ по полосамъ.
I Сѣверо-западная	7,675,800	76,76	(13,10) 1,390,700	(0,50) 50,600	(8, 801,	),61) ,250	(0,01) 1,650	»	»	»	(0,02) 2,400	(0,02) 2,070	»	(0,07) 7,100	(0,01) 900	(0,05) 5,050	9,998,770
II Юго-западная. .	643,600	76,33	(8,00) 67,800	(0,70) 6,450	(2,0 17,1	),21) ,600	(9,87) 83,000	»	»	»	(0,31) 2670	»	»	(0,001) 100	»	(0,16) 1350	840,670
III Сѣверная . . .	109,000	78,23	(7,85) 10,950	?	(9,13 12,72	),21) 300	»	»	»	(4,52) 6300	»	»	»	»	(0,01) 10	»	139,285
IV Восточная . . .	2,600,200	73,32	(0,26) 9,350	(25,74) 914,500	(0,09 3,500	),11) ,975	»	»	»	(0,34) 12,380	(0,001) 50	(0,05) 1950	»	»	(0,006) 210	(0,006) 225	355,234
V Южная	2,362,600	69,41	(6,06) 171,900	(9,97) 339,460)	(1,53) 62,300	,78) 6,875	(4,42) 150,500	(2,05) 70,450	(2,02) 69,000	(0,25) 8850	(0,78) 26,850	(0,10) 3,460	(0,22) 7575	»	(0,02) 850	(0,03) 1050	3,403,720
VI Центральная . .	3,027,800	95,93	(2,53) 80,100	(0,90) 28,550	(0,18) 5,900	),12) 850	»	(0,01) 365	»	(0,26) 8700	(0,0001) »	(0,01) 600	»	»	(0,002) 135	(0,006) 200	3,156,205
Итогъ по народностямъ[1])	16,425,000		1,730,800	1,331,600	902,775	4,850	235,150	70,800	69,000	36,230	31,975	8,000	7575	7,200	2145	7825	

[1]) Итогъ данной таблицы не вполнѣ сходится съ цифрами общей таблицы (см. выше) потому, что источникомъ для этой таблицы служилъ главнымъ образомъ Риттихъ, тогда какъ при составленіи первой приняты во вниманіе и др. источники.

чается незначительностью примѣси инородческаго населенія. Такимъ образомъ, группируя населеніе по отмѣченнымъ шести полосамъ, мы получаемъ особо прилагаемую при семъ таблицу *).

Изъ данныхъ таблицы мы видимъ, что кромѣ *малоруссовъ* изъ прочихъ народнотей по всей странѣ, хотя и не въ одинаковой пропорціи, живутъ еще *евреи, поляки, нѣмцы* и *великоруссы*; отчасти это можно сказать и о татарахъ, армянахъ и цыганахъ. При этомъ основное населеніе—южно-руссы составляютъ не одинаковый процентъ обитателей во всѣхъ частяхъ страны: самый высокій процентъ оно даетъ въ центральной полосѣ, гдѣ на долю малоруссовъ приходится до 95,93%; къ периферіямъ-же % его падаетъ, причемъ уменьшеніе % малоруссовъ къ востоку обратно пропорціонально возрастанію великоруссовъ, къ сѣверу — бѣлоруссовъ, къ сѣверо-зап.—главнымъ образовъ поляковъ и евреевъ, къ юго-зап.—румыновъ, и къ югу—разныхъ инородцевъ, между которыми выдаются значительностью процента румыны и нѣмцы. Совершенно иначе понижается процентъ у инородцевъ, живущихъ по всей южной Руси, именно: a) *у евреевъ и поляковъ* % понижается съ запада на востокъ; b) *у великоруссовъ*—съ востока на западъ; c) *у нѣмцевъ* съ юга на сѣверъ (рѣзче на сѣверо-востокъ и постепеннѣе на сѣверо-западъ). Что касается прочихъ народностей, то изъ нихъ 1) *татаръ, армянъ и цыганъ* можно встрѣтить повсюду въ странѣ, но вездѣ въ ничтожномъ количествѣ; 2) *бѣлоруссовъ* въ сѣверной, а также въ восточной, центральной и южной полосахъ, *румыновъ* лишь въ юго-зап. и южной полосахъ и въ ничтожномъ количествѣ въ сѣверо-западной; 4) *грековъ*—въ южной полосѣ и въ ничтожномъ числѣ въ центральной (именно въ нѣжинск. у. черниг. губ.); 5) *чеховъ* въ сѣверо-зап. полосѣ, 6) *болгаръ и сербовъ* лишь въ южной полосѣ. Если мы прибавимъ еще замѣчанія о системѣ поселенія разныхъ иногородцевъ въ краѣ, то получимъ всѣ основныя свѣдѣнія, какія мы можемъ извлечь изъ статистическихъ данныхъ объ этнографическомъ составѣ населенія южной Руси. Въ этомъ отношеніи инородческое населеніе представляетъ три категоріи: 1) *татары, армяне и евреи* (за ничтожнымъ исключеніемъ) живутъ совмѣстно съ малоруссами, 2) *сербы, чехи, болгары* и въ большинствѣ случаевъ *нѣмцы, румыны и греки* живутъ въ отдѣльныхъ поселеніяхъ или колоніяхъ, 3) поселенія-же *великоруссовъ,*

бѣлоруссовъ и поляковъ бываютъ перваго и втораго типа, причемъ преобладаютъ отдѣльныя поселенія.

Совмѣстная жизнь на одной территоріи разныхъ народностей, въ силу экономическихъ, соціальныхъ и культурныхъ побужденій, само собою разумѣется, ведетъ къ національному взаимодѣйствію, а послѣднее всегда отражается на измѣненіи типа взаимо-дѣйствующихъ націй, такъ что изъ картины разселенія народностей въ странѣ южно-руссовъ можно теоретически заключить, что типъ кореннаго обитателя—малорусса въ разныхъ частяхъ территоріи различенъ, и что модификація типа произошла, какъ подъ вліяніемъ не идентичности въ физико-географическихъ и историко-политическихъ условіяхъ, такъ и чрезъ отраженіе на немъ свойствъ различныхъ націй, именно: къ востоку—великоруссовъ, къ сѣверу—бѣлоруссовъ, къ западу—поляковъ, къ сѣверо-западу—румыновъ и т. д. Но было-бы неосторожно думать, что типъ южнорусса варьируется лишь подъ вліяніемъ народностей, имѣющихъ многочисленныхъ представителей въ странѣ: въ этомъ отношеніи играетъ роль не одна численная величина національности, но и внутреннія богатства ея. Тоже нужно думать и объ обратномъ дѣйствіи основнаго населенія: національныя черты и особенности малоруссовъ такъ или иначе отразились на свойствахъ всѣхъ прочихъ народностей. Понятно отсюда, что этнографическое изученіе края не должно ограничиваться кореннымъ населеніемъ страны—южноруссами, но должно въ равной степени коснуться и всѣхъ прочихъ національностей, имѣющихъ своихъ представителей на постоянномъ жительствѣ въ странѣ. Но достигнется-ли даже ближайшая цѣль этнографіи—пониманіе и объясненіе современныхъ этнологическихъ особенностей, наблюдаемыхъ въ населеніи края, если мы ограничимся изученіемъ національныхъ особенностей лишь въ современный намъ моментъ?

Между племенами, народами и національностями при ихъ взаимодѣйствіи происходитъ та же борьба, „борьба за существованіе", что и въ мірѣ животномъ и растительномъ. Племя, народъ и національность въ своемъ историческомъ ростѣ зависитъ не только отъ физико-географическихъ и историко-политическихъ условій, но и отъ взаимнаго вліянія народностей, отъ ихъ взаимной борьбы. Самый племенный и національный ростъ какъ качественный, такъ

и количественный нужно понимать не въ смыслѣ только (прогрессивнаго или регрессивнаго) развитія природныхъ индивидуальныхъ особенностей племени или народа, но и какъ воспріятіе особенностей постороннихъ (вліяющихъ) народностей, какъ своего рода постороннее напластованіе въ національномъ организмѣ. При этомъ, какъ въ сферѣ растеній и животныхъ, и здѣсь не происходитъ, можно думать, безслѣднаго абсолютнаго исчезновенія не только народностей, но даже отдѣльныхъ свойствъ. Смерть народности это такое-же относительное явленіе, какъ и смерть человѣческаго индивидуума, или растительнаго объекта: прекращается существованіе въ смыслѣ опредѣленной народности, но исчезнувшая народность продолжаетъ жизнь или въ видѣ новыхъ народностей, въ которыя первая модифицировалась, или на которыя она диференцировалась, или-же наконецъ въ видѣ отдѣльныхъ чертъ постороннихъ народностей, поглотившихъ уничтоженную. На глазахъ исторіи произошло безчисленное количество „исчезновеній" и „поглощеній" народностей. Кромѣ уничтоженія разныхъ первобытныхъ народовъ и племенъ при встрѣчѣ съ болѣе развитыми племенами, гдѣ гибель племенъ шла очень быстро (такъ гибли индійцы въ Америкѣ, туземцы Полинезіи и Африки при встрѣчѣ съ европейцами), мы имѣемъ цѣлый рядъ медленнаго, постепеннаго исчезновенія народностей. Уже въ историческую эпоху совершился процессъ поглощенія кельтовъ англо-саксами въ Великобританіи, славянъ полабскихъ— германцами, литовцевъ, финновъ, разныхъ тюркскихъ народцевъ славяно-руссами и т. д. Въ концѣ прошлаго столѣтія и даже въ началѣ нынѣшняго число сербовъ въ Новороссіи Скальковскій считаетъ до 100,000, между тѣмъ въ 1875 г. Риттихъ находитъ сербовъ около 7000, а о пребываніи тамъ 100,000 сербовъ говоритъ лишь имя „Новой Сербіи", не имѣющее этнографическаго значенія, такъ какъ здѣсь совершился уже процессъ сліянія сербской народности съ южно-руссами [1]) за такой короткій періодъ. Но народности поглощенныя оставили въ живущихъ народностяхъ неизбѣжно и свое вліяніе. Такъ наши историки давно сдѣлали предположеніе и признаютъ, что племена, поглощенныя русско-славянскою народ-

---

[1]) *А. С. Будиловичъ*; «Статист. таблицы распредѣленія славянъ». Спб. 1875 г.

ностью, слившіяся съ ней, обрусѣвшія, не могли не участвовать въ образованіи типа, который существуетъ теперь на мѣстахъ ихъ прежнихъ жилищъ, что примѣсь литовскихъ, финскихъ и тюркскихъ элементовъ произвела въ восточномъ отдѣлѣ славянства тѣ особенности, которыя развили потомъ отличія между бѣлоруссами, великоруссами и малоруссами. Но еще болѣе доказательствъ въ этомъ пунктѣ взаимодѣйствія племенъ дастъ намъ языкознаніе.

Сравнительная филологія путемъ изслѣдованія современныхъ языковъ открыла цѣлый рядъ народностей, которыя въ разное время, нерѣдко уже въ доисторическое, потеряли свое индивидуальное существованіе, но наслѣдство которыхъ, въ видѣ элементовъ языка, продолжаетъ жить въ современныхъ намъ живыхъ языкахъ. Путемъ сравнительнаго языкознанія: a) возстановленъ общій праязыкъ, а, понятно, и пранародъ для всей индо-европейской или арійской семьи; b) указанъ праязыкъ для языковъ романскаго отдѣла; c) предполагается одинъ языковый предокъ для всѣхъ современныхъ намъ славянскихъ языковъ и т. д. [1]). Такой-же языкъ родоначальникъ научно указанъ и для современныхъ намъ трехъ вѣтвей восточныхъ славянъ, и живое существованіе его отнесено уже въ историческую эпоху, не позже XIII—XIV в. [2]). Такимъ путемъ изслѣдованія сравнительное языкознаніе съ очевидностью утвердило положеніе, что элементы языковъ вымершихъ народностей продолжаютъ существовать въ языкахъ живыхъ народовъ и что между языками постоянно происходитъ своего рода эндосмосъ. Къ тому-же выводу приводятъ и сравнительныя изслѣдованія миѳологіи, религіи, наконецъ бытовыхъ учрежденій, и надобно думать, что воздѣйствіе какъ поглощенныхъ народностей, такъ и живыхъ, не подлежитъ сомнѣнію, не только по языковымъ элементамъ, но и по физическому типу, и по культурнымъ свойствамъ" [3]).

Въ указанныхъ выводахъ науки находится косвенное основаніе и для гипотезы въ области этнографіи, что вообще этнологическія оригинальности одной народности отражаются такъ или иначе на сосѣднихъ народностяхъ, и что даже прекратившія инди-

---

[1]) *Пыпинъ*; «Вѣстникъ Евр.», 1875 г., № 11.

[2]) *П. Житецкій*; «Очеркъ звук. исторіи малор. нарѣчія», стр. 31, 34—38.

[3]) *Пыпинъ*; «Вѣст. Евр.», 1875 г., № 11, стр.

видуальное существованіе народности не исчезли абсолютно, но оставили живой слѣдъ въ другихъ народностяхъ.

На перемѣну особенностей въ извѣстной націи, а равно и на ея ростъ и смерть, какъ мы уже сказали выше, оказываютъ вліяніе, конечно, не въ одинаковой степени, *всѣ окружающія* національности безъ различія ихъ количественной силы, племеннаго родства и культурнаго развитія: въ этомъ случаѣ интенсивность вліянія не всегда пропорціональна количественной силѣ народности, а зависитъ отъ качественныхъ ея особенностей, ея этнологическаго богатства, ея живучести и самой сущности особенностей націи. Примѣровъ для иллюстраціи высказаннаго положенія весьма достаточно. Сравнительно малочисленная народность Лаціума въ древнемъ мірѣ подчинила своему культурному вліянію всѣ окружающіе народы, достигла высокой степени развитія своихъ силъ и, оставивъ этнологическое наслѣдство Европѣ въ романскихъ національностяхъ, исчезла сама, какъ отдѣльная этнографическая особь. Разновидность французской національности—провансальское населеніе до нашихъ дней не только живетъ со своими особенностями, вопреки ассимилирующему вліянію многочисленной и высоко-культурной государственной народности, но еще болѣе или менѣе вліяетъ на послѣднюю. Въ нашей исторіи поляне не были количественно большее племя, чѣмъ сѣверяне, волынянe и др., тѣмъ не менѣе они оказывали преобладающее вліяніе. И обратно: еврейское племя численно превосходитъ всѣ прочія народности среди южно-руссовъ и живетъ здѣсь почти тысячелѣтіе, но нельзя сказать, чтобы евреи импонировали на послѣднихъ въ этнологическомъ смыслѣ болѣе, чѣмъ менѣе численные народы, какъ теперь нѣмцы, молдоване, въ средніе вѣка литовцы, а въ удѣльный періодъ ассимилированные черные клобуки, берендеи и пр.

Съ такой точки зрѣнія каждая національность въ данный моментъ, по словамъ г. Пыпина, „безъ сомнѣнія есть опредѣленный типъ съ отличительными свойствами, въ значительной степени наслѣдственными, родовыми, но... этихъ отличительныхъ свойствъ данной минуты невозможно распространить на цѣлую исторію націи, или даже на какой-либо обширный историческій періодъ“. При этомъ *измѣняемость* національнаго типа „бываетъ столь обширна, что начальныя и конечныя ступени развитія на обыкновенный взглядъ

представляютъ нерѣдко совершенно разныя формы, единство которыхъ объясняетъ только наука, именно тѣмъ, что указываетъ промежуточныя ступени" [1]). Отсюда выводъ, кажется, единственный, что полное опредѣленіе національнаго типа не заключается въ одной данной или настоящей его формѣ, а во всемъ его историческомъ развитіи [2]). Слѣдовательно, этнографическое изображеніе существующаго образа народа не можетъ имѣть смысла, если мы не будемъ знать, что привело его къ этому образу, что сгруппировало признаки, составляющіе сущность этого образа, отчего онъ сложился такъ, а не иначе. „Нельзя иначе уразумѣть состоянія народовъ, говоритъ г. Костомаровъ, какъ прослѣдивши прежніе пути, по которымъ народъ дошелъ до своего состоянія; всѣ признаки современной жизни не иначе могутъ имѣть смыслъ, какъ только тогда, когда они разсматриваются, какъ продуктъ предъидущаго развитія народныхъ силъ" [3]). Такимъ образомъ при изученіи южно-русскаго края въ этнографическомъ отношеніи, нельзя принимать наблюдаемые теперь въ немъ національные типы, какъ готовые въ данный моментъ, только съ тѣми свойствами, въ тѣхъ отношеніяхъ, какія они теперь имѣютъ. Напротивъ, эти типы должны быть изучаемы во всей своей исторіи и исходная точка для ихъ опредѣленія должна быть тамъ, гдѣ только исторія можетъ услѣдить первые ихъ слѣды [4]).

Этнографическое изученіе южной Руси началось лишь въ послѣднее время, лѣтъ 20—30 тому назадъ, когда произошло измѣненіе во взглядахъ русскихъ ученыхъ на исторію народа. Теорія государственности въ исторіи, представленная такими крупными историками, какъ Карамзинъ и Соловьевъ, была оставлена за свою односторонность: при этой теоріи исторія занималась главнымъ образомъ политико-административною стороною государства и охватывала лишь высшіе свои общества.

Подъ вліяніемъ иныхъ взглядовъ въ западно-европейской исторической наукѣ и подъ давленіемъ вновь открывающихся истори-

---

[1]) *Пыпинъ*, ibid. стр. 100—101.

[2]) Ibid.

[3]) *Костомаровъ*; «Истор. моногр.», т. 3-й, стр. 356, 359.

[4]) *Пыпинъ*; «Вѣст. Евр.», 1875 г., № 11, стр. 103.

ческихъ матеріаловъ и критической ихъ разработки созрѣло новое требованіе отъ исторіи и у насъ. Историкъ ставилъ задачею историческаго знанія жизнь всего человѣческаго общества, а слѣдовательно и народа, и такимъ образомъ, въ кругъ исторіи вошла и нетронутая государственниками „жизнь народныхъ массъ съ ихъ общественнымъ и домашнимъ бытомъ, съ ихъ привычками, обычаями, понятіями, сочувствіями, привычками и стремленіями“ [1]). Ученіе о необходимости русскому историку имѣть на первомъ планѣ народъ, а не государство, явилось прежде всего у славянофиловъ 40-хъ годовъ, развито-же оно было главнымъ образомъ г. Бестужевымъ-Рюминымъ въ критическихъ статьяхъ по русской исторіи и г. Ешевскимъ, который между другими русскими историками внимательнѣе другихъ относился къ изученію народа [2]). Но окончательно утвержденъ принципъ народности въ исторической наукѣ и разработанъ въ деталяхъ такъ называемою „федеративно-областною“ школою, центральнымъ представителемъ которой служитъ г. Костомаровъ, за которымъ слѣдуетъ довольно многочисленная и свѣтлая плеяда ученыхъ областниковъ, какъ проф. Антоновичъ, гг. Корсаковъ, Зубрицкій, Шараневичъ, Дашкевичъ и начинающіе ученые гг. Багалѣй, Голубовскій и др. Новая постановка вопроса въ исторической наукѣ родила понятную потребность знать *современное положеніе* русскаго народа, и такимъ путемъ вызвана была на свѣтъ русская этнографія вообще и южно-русская въ частности. Культурное движеніе, выразившееся у западныхъ славянъ національнымъ возрожденіемъ, а у насъ появленіемъ кружка славянофиловъ и группы украинскихъ народниковъ, а также реакція противъ общаго соціальнаго недуга — крѣпостничества, помогли русской наукѣ о народѣ пріобрѣсть живой интересъ среди интеллигентнаго русскаго общества и родить себѣ довольно многочисленныхъ ученыхъ адептовъ. Но указанныя обстоятельства имѣли и свою невыгодную сторону: они вліяли на то, что этнографія получила съ первыхъ шаговъ одностороннее направленіе; она фактически объявила своимъ предметомъ не народъ, а лишь простонародье, и притомъ простонародье господствующей національности — русской, въ трехъ ея

---

[1]) *Костомаровъ.* «Ист. моногр.» т. 3., стр. 356.

[2]) *Ешевскій.* «Русская колонизація сѣверо-зап. края» и др.

развѣтвленіяхъ: великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ. Изъ трехъ указанныхъ славяно-русскихъ національностей до сихъ поръ болѣе полной разработкѣ подверглась малорусская національность [1]).

Но и южно-русская этнографія, понятно, не избѣжала указанной односторонности: она не вышла за предѣлы малорусскаго простонародія, и такимъ образомъ отъ взоровъ южно-русскихъ этнографовъ почти совсѣмъ ускользали, во 1-хъ, всѣ другіе слои русскаго населенія, кромѣ простонародія, и во 2-хъ, остальныя народности, обитающія среди малорусскаго населенія. Между тѣмъ изъ всего сказаннаго уже очевидно, что на измѣненіе этнологическихъ свойствъ воздѣйствуютъ не только сталкивающіяся между собою націи, но даже и всѣ общественные слои этихъ націй, хотя конечно не въ одинаковой степени, и это нужно сказать не только относительно современнаго намъ момента, но и относительно всей исторической жизни народа. Достаточно припомнить вліяніе въ исторической жизни южноруссовъ такихъ факторовъ, какъ княжескаго дружиннаго класса и духовенства въ до-монгольскій періодъ, „панства" въ литовско-польскій періодъ, козацкой старшины и самаго козачества, а равно и духовенства въ періодъ козацкій, чтобы согласиться, что на этнологическую физіономію южно-русскаго народа накладывали и накладываютъ свои краски и всѣ существовавшіе и существующіе въ немъ самомъ сословія и классы: черезъ нихъ, между прочимъ, прежде всего шла и идетъ ассимиляція

---

[1]) Прежде всего крупный вкладъ въ южно-русскую этнографію сдѣланъ въ видѣ изданій разнообразнаго этнографическаго матеріала, какъ отдѣльными лицами (кн. Цертелевъ, гг. Максимовичъ, Головацкій, Закревскій, Номисъ, Кистяковскій (по обычному праву) и особенно г. Кулишъ), такъ и учеными обществами: имп. р. геогр. общ. («Труды Чубинск.»), юго-зап. отд. геогр. общ. «Историч. пѣсни» гг. Антоновича и Драгоманова, «Малор. преданія» Драгоманова, «Пѣсни Буковинскаго народа» Купчанко и пр. Въ послѣднее время можно ожидать изданій этногр. матеріаловъ отъ «кіевск. юрид. общ.» съ открытіемъ при немъ отдѣленія по обычному праву. Однако изданіемъ матеріала изъ сферы «простонародія» и ограничивалось дѣло до сихъ поръ; научной обработкѣ по малор. этнографія подлежали лишь вопросы изъ области языкознанія (въ трудахъ гг. Срезневскаго, Потебни, П. Житецкаго и др.); по другимъ-же вопросамъ въ нашей литературѣ можно встрѣтить лишь нѣсколько рефератовъ и брошюръ (рефераты гг. Русова и Иващенко въ юго-зап. отд. геогр. общ.; г. Драгоманова на 3-мъ археолог. съѣздѣ).

южно-руссовъ съ другими національностями, не говоря уже о другихъ вліяніяхъ.

Такимъ образомъ предметомъ южно-русской этнографіи должны быть всѣ безъ исключенія народности, связанныя съ ея территоріей, какъ въ наше время, такъ и во всю историческую жизнь Южной Руси, начиная съ того момента, который въ состояніи схватить наука. Мы уже констатировали въ началѣ статьи тѣ народности, какія въ наше время обитаютъ на территоріи южной Руси, теперь является другой вопросъ: какія народности обитали во весь періодъ, доступный въ наукѣ, въ предѣлахъ теперешней южной Россіи (въ періодъ съ VI-го в. до Р. Х. и по первую половину включительно XIX в.)? Отвѣтъ на поставленный вопросъ и составитъ задачу нашихъ историко-этнографическихъ замѣтокъ подъ заглавіемъ: *„Смѣна народностей въ южной Россіи“*.

I.

Доисторическій періодъ.

Древняя эпоха въ исторіи южной Руси до сихъ поръ очень темна. Довольно сказать, что для всего періода до VIII в. въ исторической литературѣ имѣется 5—6 извѣстій, раздѣленныхъ между собою цѣлыми столѣтіями [1]). На разстояніи шести вѣковъ, съ V в. до Р. Х. и по II в. послѣ Р. Х., намъ извѣстны три главныя историческія указанія о населеніи въ южной Руси, именно: 1) Геродотъ (460—444 до Р. Х.), 2) Плиній (350—336 до Р. Х.) и 3) Птоломей (175 и 182 по Р. Х.). Съ этого историческаго момента данныя по заселенію юга Россіи умножаются, и между ними первое мѣсто занимаютъ: „Певтингерова карта“ (ок. 422 г.), из-

---

[1]) Это—извѣстія греческихъ и римскихъ историковъ и географовъ; они малочисленны, отрывочны, не страдаютъ деталями, не блещутъ научною отчетливостью, но миновать ихъ нельзя: иначе пришлось бы начать исторію заселенія края съ IX—X вв., т. е. съ того періода, когда югъ Россіи уже вступилъ въ историческій, государственный періодъ. Между тѣмъ такой соціальной организаціи населеніе страны добивается путемъ долгой предшествующей жизни. Объ этой жизни и можно судить хотя гипотетически лишь на основаніи упомянутыхъ извѣстій грековъ и римлянъ.

вѣстія Іорнанда и Прокопія (VI в.) и др. Мы прежде всего извлечемъ главныя и болѣе вѣроятныя данныя о населеніи южной Руси изъ указанныхъ источниковъ. Въ эпоху Геродота сѣверное побережье Чернаго и Азовскаго морей и сѣверо-вост. послѣдняго усѣяно было *греческими* колоніями—факторіями. Такъ у устья р. Днѣстра, гдѣ теперь г. Аккерманъ, находилась греческая колонія Тирасъ; у устья р. Буга, вблизи теперешняго г. Николаева—Ольвія, самая важная и цвѣтущая факторія. Въ промежуткахъ между указанными рѣками было еще до 30 колоній: Мелитополисъ, Никоніумъ, Фискъ, гавань Исіаковъ (гдѣ теперь Одесса), гавани Истріанъ, Одессосъ, Скопули и проч. На азовскомъ побережьѣ Пантикапея, около Керчи, Фанагорія—подлѣ Тамани. Двѣ послѣднія принадлежали къ „Босфору Киммерійскому", который представлялъ изъ себя полу-греческое царство, раскинувшееся отъ восточнаго берега Азовскаго моря, вдоль Чернаго моря, до Малой Азіи. Греческими-же колоніями было усѣяно прибрежье Азовскаго моря у устьевъ р. Дона, близъ Таганрога и Маріуполя. Въ сосѣдствѣ съ греческими поселеніями у Чернаго моря, преимущественно на западъ отъ Днѣпра, по р. Бугу (Гипанису) обитали *Каллипиды* (Κηλλιπίδαι), смѣсь грековъ со скиѳами, какъ предполагаетъ Шафарикъ [1]). Подвигаясь далѣе на сѣверъ, на всемъ пространствѣ отъ р. Дона до Днѣстра (конечно, выше карпатскихъ отроговъ), доходя на сѣверѣ до устьевъ р. Псла и верховьевъ рр. Буга и Днѣстра, обитали скиѳы, подъ разными названіями. Такъ, между Дономъ и Днѣпромъ Геродотъ помѣщаетъ *кочевыхъ* скиѳовъ, подъ двумя именами: a) *скиѳы кочующіе* (νομάδες Σκύθαι) и b) *царскіе скиѳы* (βασιλήιοι Σκύθαι), именно: первыхъ въ части ногайско-таврической степи, разстилающейся между нижнимъ Днѣпромъ на югѣ отъ впаденія р. Конскія воды (или Пантикапеи) и таврическимъ полуостровомъ [2]), а вторыхъ—въ странѣ *Герросъ*, т. е. по побережью р. Днѣпра въ теперешней екатеринос. губерніи, далѣе на востокъ въ степяхъ между Донцомъ и Дономъ (не далѣе вершины его) и по Дону до самаго Азовскаго моря. На остальномъ пространствѣ южной Россіи отъ Днѣпра до Карпатъ Геродотъ помѣ-

[1]) «Славянскія древности», т. II, стр. 8—10.

[2]) Ibid., стр. 7.

щаетъ *осѣдлыхъ* скиѳовъ, именно: a) *скиѳы-земледѣльцы* (Σκύθαι γεωργοί), на сѣверъ отъ царскихъ скиѳовъ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра до устья р. Псла (при этомъ можно думать, что указанные скиѳы жили только на небольшомъ разстояніи отъ берега [1]). b) *скиѳы пахари* (Σκύθαι ὁρατῆρες), они-же борисѳениты, жили по правую сторону Днѣпра, отъ Нижняго Днѣпра до вершины Буга и Днѣстра, c) третья отрасль скиѳовъ пахарей, называвшаяся *алозонами* (Ἀλαζόνες), жила по среднему теченію р. Буга и, можно думать, далѣе на западъ въ Галицію, къ Карпатамъ.

За Днѣстромъ, въ Бессарабіи, а слѣдовательно и въ теперешнемъ аккерманскомъ у., кромѣ прибрежья, а равно въ хотинскомъ у. Бессарабіи и вѣроятно въ Буковинѣ жили, *по Геродоту, геты* или *даки*, въ зависимости отъ скиѳовъ, отчего, можетъ быть, Бессарабія вмѣстѣ съ Добруджею и получила названіе „Малой Скиѳіи" [2]).

На сѣверо-западѣ, въ мѣстахъ теперешнихъ поселеній въ привислянскомъ и сѣверо-западномъ краѣ, по рр. западному Бугу и Нареву, на сѣверъ отъ истоковъ рр. южнаго Буга и Днѣстра (это польская „нурская земля") обитали *невры* или *нуры*, сосѣди на востокъ у Днѣпра, можетъ быть въ минско-кіевскомъ и черниговскомъ полѣсьяхъ (въ полт. и черн. губ.), съ *будинами* или *вудинами*, жилища которыхъ простирались на востокъ до р. Дона на сѣверъ отъ изворота его вблизи р. Волги [3]), гдѣ Геродотъ помѣщаетъ также *андрофаговъ, меланхленовъ* и *фисагетовъ*. Такимъ образомъ, слѣдуя указаніямъ Геродота, мы видимъ, что въ V—VI в. передъ Р. Х. вся южная Русь уже была заселена; онъ не даетъ намъ данныхъ лишь для опредѣленія населенія сѣверо-восточной части Малороссіи, что выше устьевъ р. Псла (въ теперешней харьковской, отчасти полтавской, курской и воронежской губерніяхъ).

Отъ Геродота и до Птоломея, который послѣ него даетъ первыя извѣстія о жителяхъ южной Россіи, проходитъ около 630 лѣтъ, и въ эти шесть вѣковъ мы можемъ уловить только два движенія чуждыхъ народностей въ предѣлы Малороссіи: съ запада *геты* или

---

[1]) *Соловьевъ*. «Исторія Россіи», т. I, стр. 29.

[2]) *Брунъ*. «Черноморье», сборникъ изслѣдованій по историч. геогр. южн. Россіи, ч. 1, Одесса, 1879 г., стр. 33.

[3]) *Забѣлинъ*. «Исторія русской жизни съ древн. врем.», т. 2, часть 2, стр. 492—494.

даки переходятъ Днѣстръ, разоряютъ греческія факторіи, между прочимъ Ольвію и др. и доходятъ до Днѣпра [1]), вѣроятно по берегу Чернаго моря, а на сѣверо-западъ до Карпатъ; это случилось въ I в. до Р. Х., и тогда-же даки подпадаютъ подъ владычество *римлянъ*, которые при Троянѣ овладѣваютъ Дакіей (Румынія) и Панноніей (Венгрія) до Карпатскихъ горъ, гдѣ они сталкиваются съ карпіанами, а на югѣ переходятъ рѣку Днѣстръ [2]). Предѣлы римскихъ владѣній на востокѣ отмѣчены такъ называемыми Трояновыми валами (какіе римляне часто дѣлали для удаленія иноплеменныхъ народовъ); восточный отрогъ такого вала замѣчается по нынѣ въ южной части Бессарабіи, къ сѣверу отъ Гирлъ Дуная. Приводимая между прочимъ у Шафарика гипотеза объ остаткахъ Троянова вала въ нынѣшней подольской губерніи, идущаго яко-бы отъ Днѣстра къ Сбручу, по уѣздамъ ушицкому, каменецкому и проскуровскому и переходящаго въ самую Галицію, нынѣ оставлена нашими учеными, какъ несостоятельная, и мы не приводимъ ее, не найдя для подкрѣпленія оной какихъ либо новыхъ данныхъ [3]). Въ Дакію, какъ и во всѣ завоеванныя римлянами страны, явились, конечно, и римскіе колонисты [4]). На встрѣчу *гетамъ*, а потомъ и римлянамъ *съ востока*, изъ-за Дона, двигались *сарматы* [5]) (Σαρμάται)—народъ кочевой [6]). Во время Геродота сарматы жили на восточной сторонѣ р. Дона, въ сосѣдствѣ съ кочевыми скиѳами; обезсиливъ послѣднихъ, они заняли ихъ мѣсто въ южной Руси, и страна, вмѣсто Скиѳіи, начинаетъ именоваться Сарматіей [7]), а всѣ народы, въ ней обитающіе, преимущественно-же южные—сарматами [8]). Подъ такимъ названіемъ находитъ южно-русскую страну Птоломей во II в. по Р. Хр. Изъ 50-ти слишкомъ народовъ, перечисленныхъ этимъ писателемъ, къ жителямъ южной Руси можно отнести: 1) *сарматы-роксоляне* по Меотійскому заливу (Азовск. м.)

---

[1]) Шафарикъ. «Слав. древн.», т. II, стр. 316, 317.

[2]) Ibid., стр. 393—394.

[3]) *Шафарикъ*. «Слав. древн.», т. II, стр. 393—394.

[4]) *Брунъ*. «Черноморье», стр. 246.

[5]) *Шафарикъ*, т. II, стр. 110.

[6]) Ibid, 107.

[7]) *Шмидтъ*. «Матеріалы для геогр. и стат. Россіи» (херс. губ.), ч. I, стр. 7.

[8]) *Забѣлинъ*, 7, 2, стр. 37.

между Дономъ и Днѣпромъ [1]); 2) *северы*—сѣверо-восточнѣе роксолянъ [2]); 3) *навары* и 4) *бодины*, очевидно Геродотовы невры и будины, на старыхъ мѣстахъ [3]); 5) *бастарны* въ южныхъ отрогахъ Карпатъ [4]), а также, можно думать, въ Седмиградіи до самаго Днѣстра [5]), а слѣдовательно, въ Буковинѣ и хотинск. уѣздѣ Бессарабіи. Тамъ-же указываются еще 6) *певны* или *певкины* [6]), 7) *бессы*, въ восточной Галиціи надъ Карпатами, можетъ быть, къ той части Карпатъ, которая и теперь называется бескидами [7]); 8) *траномонтаны*—въ Карпатахъ, это очевидно *загорцы* (горалы) въ римскомъ переводѣ [8]); 9) *карпіаны*—подъ Карпатами [9]); 10) *тираниты*, въ сосѣдствѣ съ бастарнами, по Днѣстру (древн. Тирасъ), вѣроятно въ верхнемъ и среднемъ теченіи; 11) *сабоки* въ восточной-же Галиціи въ окрестностяхъ р. Санока [10]); 12) *сарматы-языги* въ нынѣшней Бессарабіи, Валахіи и отчасти Венгріи [11]). Въ остальныхъ названіяхъ народовъ у Птоломея очень трудно оріентироваться, и такимъ образомъ для насъ остается совершенно неизвѣстнымъ, даже по названіямъ, населеніе центральной Малороссіи во II-мъ в. по Р. Хр., хотя несомнѣнно эта часть въ то время была заселена.

Къ концу II в. по Р. Хр. южная Русь вмѣсто Сарматіи дѣлается извѣстна подъ именемъ *страны готовъ*. Около этого времени въ южно-русскую равнину изъ нынѣшняго привислянскаго края двинулось германское племя *готы* (готеы) [12]), сопровождаемые другими одноплеменными народцами—герулами, бургундами, гепидами и пр. и утвердились подъ именемъ *остъ-готовъ* между Днѣпромъ и Дономъ и подъ именемъ *вестъ-готовъ* далѣе на западъ въ Да-

---

[1]) *Шафарикъ*. т. I, стр. 201; *Соловьевъ*, «Ист. Россіи», т I, стр. 36, 37.

[2]) *Голубовскій*, «Исторія сѣверской земли до половины XV стол.», Кіевъ, 1881 г., стр. 3.

[3]) *Шафарикъ*, т. I, стр. 340.

[4]) *Соловьевъ*, т. I, стр. 36, 37.

[5]) *Шафарикъ*, т. I, стр. 201.

[6]) Ibid.

[7]) Ibid., 343—357.

[8]) Ibid.

[9]) Ibid.

[10]) Ibid.

[11]) *Соловьевъ*, т. I, стр. 36, 37.

[12]) Его-же, т. I, стр. 82.

кіи [1]); на сѣверо-зап. власть готовъ охватывала вендовъ и литовско-чудскія племена, какъ *Эстіи* [2]). Владычество готовъ окончательно разрушило и истребило всѣ греческія колоніи по побережью Чернаго и Азовскаго морей [3]). Можно думать, что готы властвовали надъ всѣми народностями въ предѣлахъ южной Россіи.

Не прошло и трехъ столѣтій, какъ владычество европейскаго народа, какимъ были готы, снова замѣнилось властью надъ страной кочеваго азіатскаго народа—*гунновъ*. Они двинулись къ намъ въ IV в. изъ за р. Дона [4]), разлились по южной Россіи, Венгріи и Польшѣ [5]) и бродили здѣсь до начала V в., и южная Русь, по обитавшимъ тамъ гуннамъ, стала называться иногда *Гунигардъ* (или Хунигардъ) [6]); при этомъ само имя гунновъ, по выраженію г. Котляревскаго, „утратило точность этнологическаго чекана, вывѣтрилось и стало нарицательнымъ“: гуннами тогда называли и собственно гунновъ, и подвластныхъ имъ славянъ, готовъ и др. нѣмецкія племена, позже тѣмъ-же именемъ называли аваровъ, мадьяръ и пр. [7]), хотя уже во второй половинѣ V-го в. остатки гунновъ можно найти только въ кочевомъ состояніи, по р. Дону и Азовскому морю [8]). Послѣ гуннскаго нашествія южно-русскія страны опять ступевались для исторіи, какъ и послѣ скиѳовъ-сарматовъ.

Къ ближайшему времени эпохи гунновъ относятся указанія Певтингеровой карты, по которой между бастарнами, обитающими въ Карпатскихъ горахъ, отъ верхней Тисы и Днѣстра [9]), финнами и Чернымъ моремъ обитали народы *венедскаго поколѣнія* [10]), которые Птоломеемъ указаны по всему Венедскому заливу [11]). Въ VI в. ве-

---

[1]) *Шафарикъ*, т. II, стр. 247, 272—333.

[2]) Ibid. 249.

[3]) *Шмидтъ*, ч. I, стр. 7.

[4]) *Соловьевъ*, т. I, стр. 88—89.

[5]) *Шафарикъ*, т. II, стр. 86—96.

[6]) Ibid.

[7]) *А. Котляревскій;* «Исторія рус. жизни съ древнѣйшихъ временъ. Забѣлина. Критическая оцѣнка». Кіевъ, 1851 г., стр. 21.

[8]) *Шафарикъ*, т. II, стр. 94—95.

[9]) Его-же, т. II, стр. 196.

[10]) Ibid., т. I, стр. 212.

[11]) Ibid., стр. 200—201.

недами оказывается занята южная Русь отъ Днѣстра до Днѣпра и даже Дона [1]) и на сѣверъ до Вислы: такъ, по Іорнанду и Прокопію, венеды или анты жили въ указанномъ пространствѣ, мѣняя имена, „по различію племенъ и мѣстопребыванія“ [2]) *).

Въ томъ-же вѣкѣ (558 г.) изъ-за Волги явились *авары* (обры) и напали на антовъ; они быстро переходятъ въ Угрію и утверждаются въ зап. части ея, т. е. по обѣимъ сторонамъ р. Дуная, но по пути въ Угрію, черезъ Галицію, одна отрасль аваровъ останавливается между Бугомъ и Стыремъ и „примучаша Дулѣбы, сущая славяны“ [3]).

Слѣдуя отрывочнымъ, краткимъ и неяснымъ указаніямъ греческихъ и римскихъ писателей (Геродотъ, Птоломей, Плиній и Прокопій), единственныхъ для насъ пока свидѣтелей о населеніи южной Россіи въ тѣ отдаленныя времена, мы подошли къ VIII—IX в., когда этнографическая картина юга Россіи можетъ быть набросана съ большей отчетливостью и детальностью, при помощи, главнымъ образомъ, мѣстныхъ источниковъ—лѣтописей. Конечно свѣдѣнія наши о до-лѣтописномъ періодѣ скудны, и при такомъ состояніи нашихъ знаній о древнѣйшемъ населеніи юга Россіи нельзя и думать объ отчетливомъ исполненіи требованій историко-этнографеческой науки, именно: *представить послѣдовательныя перемѣны въ составѣ населенія страны и постепенныя измѣненія быта отдѣльныхъ племенныхъ группъ.* Но мы можемъ, благодаря указаніямъ классическихъ писателей и еще болѣе благодаря счастливой аналогіи съ событіями болѣе ясной исторической эпохи, именно съ IX по XIV в., дать себѣ общій отчетъ объ этнографическихъ явленіяхъ

---

[1]) Ibid., т. III, стр. 35.

[2]) Ibid., стр. 34, 35.

*) Анты, по Прокопію, получили отъ Юстиніана (545 г.) г. Турисъ (по мнѣнію г. Бруна, Турисъ—это Тирасъ, едва-ли не антами названный «Бѣлымъ городомъ» и переименованный турками въ Аккерманъ, стр. 167)—съ условіемъ защищать границу имперіи; слѣдовательно антами называется здѣсь по-днѣстрянское населеніе. Но, какъ думаетъ г. Костомаровъ, имени антовъ придавали тогда «пространнѣйшее географическое значеніе» («Моногр.», т. I, стр. 59), относящееся не только къ жителямъ по Днѣстру, такъ что можно думать, что Поднѣстровье было только западною границею антовъ.

[3]) *Шафарикъ*, т. III, стр. 93, 94, 95.

на югѣ Россіи, и прежде всего разгруппировать ихъ по этнологическому родству и идентичности быта на тѣ народности, о которыхъ выше мы дали краткія свѣдѣнія.

Намъ кажется, что за все время отъ Геродота до Нестора мы имѣемъ дѣло съ четырьмя племенными группами: 1) *народами греко-италійской вѣтви*—греками и римлянами; 2) *народами алтайской группы*, какъ скиѳы, сарматы, гунны и авары; 3) *народами германскаго корня*—даки (или геты) и готы (или готѳы) и 4) народностями, которыхъ естественнѣе всего назвать *аборигенами* юга Россіи и, какъ увидимъ, отнести *къ славянской вѣтви*. О населеніи первой группы у насъ болѣе всего свѣдѣній: несомнѣнно, что греки, именно іоняне, въ VIII в. до Р. Хр. [1]) были уже на черноморскомъ и азовскомъ побережьяхъ, какъ они были и на всѣхъ побережьяхъ Средиземнаго моря. Явились въ южную Русь греки, какъ и повсюду, по побужденіямъ исключительно коммерческо-промышленнаго характера: колоніи ихъ служили рынками для мѣны греческихъ произведеній на продукты туземцевъ. Болѣе многочисленны и вліятельны они были, кромѣ таврическаго полуострова, въ такъ называемомъ Босфорскомъ царствѣ, въ предѣлахъ теперешней Кубанской области, у устьевъ рѣкъ Днѣпра, особенно-же Буга и Днѣстра. Находясь на несравненно болѣе высокой ступени культуры, чѣмъ населеніе юга Россіи, съ которымъ грекамъ приходилось сноситься, и выселяя въ свои колоніи главнымъ образомъ представителей торговаго класса, греки конечно не могли здѣсь подпасть чуждому вліянію, но едва-ли этимъ торговымъ факторіямъ слѣдуетъ приписывать значительное вліяніе на населеніе юга Россіи: греки, по замѣчанію Мишле, всегда держали себя въ сторонѣ при сношеніяхъ съ варварами. Ихъ вліянію могло подпасть развѣ самое близкое сосѣднее населеніе, привлеченное, можетъ быть, сюда на поселеніе изъ-внутри страны экономическими выгодами сожительства съ греками-колонистами. Таковы и были вѣроятно *каллипиды*—эти эллино-скиѳы, по замѣчанію Геродота. Только искусство грековъ проникало далѣе, вглубь страны: такъ археологія открываетъ въ „скиѳскихъ могилахъ" предметы роскоши, вышедшіе несомнѣнно изъ рукъ греческихъ художниковъ, а исторія показы-

---

[1]) *Соловьевъ*, т. I, стр. 25.

ваетъ между скиѳами людей царскаго происхожденія, обольщенныхъ греческими женщинами и прелестями греческой цивилизаціи: они строятъ себѣ великолѣпные мраморные дворцы въ греческихъ колоніяхъ, даже ѣздятъ учиться въ Грецію [1]). Цвѣтущее время греческихъ колоній—это скиѳская эпоха; вслѣдъ за нею начинается паденіе ихъ и наконецъ въ III в. по Р. Хр. полное ихъ исчезновеніе.

Такое-же окраинное положеніе занимали и *римляне*. Послѣдніе явились, какъ мы видѣли выше, въ восточную Европу съ оружіемъ въ рукахъ и не подвинулись собственно далѣе р. Днѣстра, т. е. едва коснулись страны, ставшей впослѣдствіи территоріею малорусскою. Трудно, хотя съ приблизительною вѣроятностію, предположить, на какихъ мѣстахъ оной могли быть поселенія римскія; несомнѣнно одно, что гдѣ они были, тамъ оставляли по себѣ болѣе глубокіе и продолжительные слѣды, нежели поселенія греческія. Вообще характеръ римскихъ поселеній былъ другого типа, чѣмъ греческихъ. Вслѣдъ за войсками въ покоренную страну — Дакію шло, какъ и въ другія римскія провинціи, римское населеніе не только торговое, но и земледѣльческое. Дакія сдѣлалась органическою частью римской имперіи; туда постоянно прибывало новое, свѣжее римское населеніе, и потому романизація въ той или другой формѣ туземнаго населенія была неизбѣжна, и слѣды такого вліянія не исчезли и до сихъ поръ, какъ это мы можемъ видѣть на теперешнихъ румынахъ.

Что касается народностей второго порядка (скиѳы, сарматы и пр.), то хотя и до сихъ поръ не окончились еще споры объ ихъ этнологическомъ происхожденіи [2]), болѣе вѣроятнымъ намъ кажется мнѣніе, которое причисляетъ всѣ эти народы къ урало-алтайскому племени [3]); во всякомъ случаѣ бытовая обстановка очень идентична съ таковою у половцевъ, печенѣговъ и особенно у монголовъ. Всѣ народы второй категоріи являются въ южно-русскую страну съ

---

[1]) *Соловьевъ*, т. I, стр. 30.

[2]) Такъ скиѳовъ одни ученые считаютъ монголами (Нибуръ, Нейманъ), другіе—финнами (Эйхвальдъ), третьи кочевниками арійскаго племени (Гриммъ, Берговъ, Гильфердингъ, Пыпинъ) и т. д. Такое-же разногласіе и относительно сарматовъ, гунновъ, аваровъ и пр.

[3]) *Котляревскій*, «О книгѣ Забѣлина», стр. 20, 21.

Волги и Дона: степи Азіи постоянно выкидываютъ на нашу равнину кочевыя племена. Рядъ этихъ кочевниковъ, начавшійся скиѳами, закончился монголами [1]), и появленіе каждаго изъ этихъ народовъ (скиѳовъ, сарматовъ, гунновъ и пр.) стоитъ въ несомнѣнной этнологической связи съ періодическимъ движеніемъ народовъ съ востока, составляя только одно кольцо въ цѣпи движеній урало-алтайскихъ племенъ на западъ [2]), кольцо того-же типа, какое мы наблюдаемъ въ исторіи, въ лицѣ венгровъ, печенѣговъ, хазаръ и монголовъ. Такимъ образомъ движенія восточныхъ народовъ непрерывно шли съ VIII в. до Р. Хр., т. е. въ теченіи 20-ти столѣтій, и были всегда болѣе или менѣе идентичны, болѣе или менѣе однородны; разница между ними скорѣе количественная, чѣмъ качественная. Всѣ эти народы отъ скиѳовъ до монголовъ были кочевники; они стремительно врывались въ южно-русскую страну, разрушительнымъ ураганомъ проносились по ней, но потомъ централизовались въ полосѣ степной, болѣе пригодной для ихъ быта, оставляя жителей другихъ частей южной Руси въ положеніи своихъ данниковъ. Таковою страною кочевниковъ и была южная степная половина Малороссіи между отрогами Карпатовъ, пересѣкающихъ ее съ сѣверо-запада на юго-востокъ, и Чернымъ и Азовскимъ морями, а также юго-восточная часть ея. Только нѣкоторые изъ нихъ достигали, благодаря счастливымъ историческимъ обстоятельствамъ, нѣкоторой степени культуры, какъ въ древнѣйшее время часть скиѳовъ (царскіе), въ болѣе позднее—хазары (въ Саркелѣ) и монголы въ Сараѣ; остальные-же пребывали въ первобытномъ состояніи. Обыкновенная судьба кочевой орды была такова: вслѣдъ за удаленіемъ въ степную полосу кочевники начинали подпадать вліянію своихъ данниковъ, какъ болѣе культивированныхъ, ассимилироваться съ ними и терять грозную силу дикой орды, отчего послѣдующая волна новой азіатской народности оказывалась гибельною для предшествующей: часть послѣдней уничтожалась въ дикой борьбѣ съ новымъ пришельцемъ, другая сливалась съ нимъ, *третья ассимилировалась окончательно съ аборигенами страны.* Такъ исчезли скиѳы подъ натискомъ сарматовъ, сарматы подъ напоромъ гунновъ,

---

[1]) *Бестужевъ-Рюминъ*, «Р. И.», стр. 4.

[2]) *Котляревскій*, ibid.

послѣдніе—слѣдующихъ движеній и т. д. до монголовъ. Такъ что въ этнологическомъ отношеніи вліяніе народовъ алтайской группы выражалось, главнымъ образомъ, въ ассимиляціи съ туземцами, въ привнесеніи своихъ свойствъ въ типъ послѣднихъ, но главное значеніе азіатскихъ ордъ для туземцевъ состояло въ томъ, что онѣ являлись задерживающею силою въ размноженіи и распространеніи мѣстнаго населенія на югѣ и юго-востокѣ южной Россіи.

Есть нѣкоторое сходство между народностями 2-й группы и 3-ей (геты и готы): это—періодичность появленія и временность вліянія, но и только. Движенію гетовъ (даковъ) и готовъ, особенно послѣднихъ, въ южную Русь мы можемъ найти аналогію скорѣе всего въ движеніи въ историческое время норманнъ и въ основаніи рюриковаго государства. Мы и здѣсь не останавливаемся на вопросѣ о происхожденіи какъ готовъ, такъ и даковъ, и относительно ихъ въ исторической литературѣ существуютъ пока одни непримиримыя мнѣнія [1]). Относительно ихъ одно несомнѣнно, что эти народы явились въ южно-русскую область изъ западной Европы, а по одному этому они уже не могли быть въ кочевомъ бытѣ. Трудно сказать, въ какой фазѣ бытоваго строя были даки, относительно-же готовъ можно утверждать съ большою вѣроятностью, что они представляли изъ себя рядъ военныхъ дружинъ, аналогичныхъ тѣмъ, какими изобиловала тогда центральная Европа, и проникали на сѣверо-востокъ до Уральскаго хребта. Спустились они въ предѣлы южной Руси изъ Балтійскаго поморья главнымъ образомъ по нѣмано-днѣпровскому пути, завладѣли этимъ основнымъ торговымъ путемъ [2]), подчинили себѣ постепенно всѣ почти народности южной Руси и основали „готское царство", достигшее при Германарихѣ тѣхъ обширныхъ размѣровъ, въ какихъ послѣ явились владѣнія Рюриковичей [3]), и павшее подъ натискомъ гунновъ. Готы передвинулись въ это время далѣе изъ предѣловъ южной Руси на юго-западъ, оставивъ конечно свои слѣды на туземномъ населеніи.

Но готы и геты, греки и римляне, и всѣ народности алтайскаго порядка были, какъ мы видѣли, пришельцы: они являлись въ

---

[1]) Гетовъ признаютъ то за германцевъ, то за кельтовъ, литовцевъ, славянъ или причисляютъ ихъ къ «Ѳракійской вѣтви» (Брунъ, стр. 256, 257, 265).

[2]) *Забѣлинъ*, II, 40.

[3]) *Соловьевъ*, II, 83.

южную Русь временно и потомъ исчезали, въ странѣ-же оставалось постоянное населеніе, съ которымъ пришельцы становились въ мирныя или враждебныя отношенія. Уже у Геродота мы находимъ свѣдѣнія объ аборигенахъ южной Руси. Геродотъ разсказываетъ намъ, что берега Азовскаго и Чернаго морей, обращенные къ сѣверу, покрыты были многочисленными торговыми цвѣтущими поселеніями, а это уже предполагаетъ обширную торговлю. Главными предметами вывоза для грековъ съ сѣвернаго берега былъ хлѣбъ, за нимъ слѣдовали: рыба, потомъ воскъ, медъ, кожи, мѣха, шерсть, лошади, рабы [1]). Если лошади, шерсть, кожи и т. под. продукты животнаго царства могли вымѣниваться греками на ввозимыя ими въ страну выдѣланныя кожи, одежду, масло, вино и произведенія искусствъ у сосѣднихъ кочевниковъ-скиѳовъ, то остальные предметы, какъ воскъ, медъ, мѣха, особенно-же *хлѣбъ* непремѣнно шли изъ болѣе отдаленныхъ странъ, такъ какъ ихъ не могла дать природа степей, потому что предметы эти предполагаютъ обязательно земледѣльческое населеніе, какое трудно тогда было предполагать въ тѣхъ степяхъ, гдѣ оно явилось лишь въ послѣднее столѣтіе. Земледѣльческое населеніе въ ту эпоху могло быть только въ сѣверной половинѣ южной Россіи, по ту сторону Карпатскаго отрога, гдѣ и природа благопріятствовала земледѣльческой культурѣ и населеніе было болѣе безопасно отъ разграбленія кочевниками. На это указываетъ и то обстоятельство, что греческія факторіи располагались главнымъ образомъ у устьевъ сплавныхъ рѣкъ, при посредствѣ которыхъ и шла торговля грековъ съ населеніемъ, обитавшимъ на побережьяхъ этихъ рѣкъ, по ту сторону степной полосы. Подтвержденіе высказанному предположенію даетъ намъ и Геродотъ, помѣщая, напримѣръ, на побережьѣ Днѣпра двѣ народности: *скиѳовъ пахарей* и *скиѳовъ земледѣльцевъ*. Нельзя думать, чтобы такія искусственныя названія были собственными именами жителей; очевидно, что они созданы самими-же греками и означаютъ, что это населеніе было подвластно кочевникамъ - скиѳамъ и занималось земледѣліемъ. Греки всю южно-русскую страну называютъ Скиѳіей, т. е. именемъ властнаго въ то время народа, съ которымъ имъ приходилось болѣе всего сталкиваться, какъ съ самымъ близкимъ

---

[1]) Ibid., 39—40.

сосѣдомъ по поселеніямъ; имъ также было извѣстно, что и дальше на сѣверъ живетъ населеніе, подвластное скиѳамъ, но уже не кочевое, а производящее *хлѣбъ*, главный предметъ греческой торговли, и вотъ названіе готово—*скиѳы пахари* и *скиѳы земледѣльцы*. По свойствамъ природы, географическому положенію и по размѣщенію греческихъ факторій, можно предполагать земледѣльческое населеніе въ южной Руси, на западъ отъ Днѣпра (переходя на лѣвый берегъ развѣ узкой полосой) [1]) и до Карпатъ, т. е. земледѣліемъ тогда уже занимались, какъ скиѳы-пахари и скиѳы-земледѣльцы, такъ и алазоны, агафирсы, невры, будины и т. д. Такимъ образомъ вся сѣверная половина Малороссіи уже въ V—VIII в. до Р. Хр. была занята населеніемъ земледѣльческимъ или, по крайней мѣрѣ, переходнымъ, которое, хотя еще и не отстало отъ своихъ степныхъ обычаевъ и не привыкло къ хлѣбу, однако сѣетъ его, какъ предметъ выгодный для торговли [2]); къ югу оно могло опускаться ниже Карпатскихъ отроговъ, по р. Днѣпру и особенно по рр. Бугу и Днѣстру, даже до моря. Распространеніе земледѣлія показываетъ, что степень культуры населенія была уже довольно значительна. Разъ населеніе какой-нибудь страны достигло той высоты культуры, которая характеризуется присутствіемъ земледѣлія, бытъ племени получаетъ большую прочность, населеніе теряетъ потребность и даже способность къ массовому передвиженію и разстается со своей родиной лишь побуждаемое какими-нибудь особенными катастрофами природы, какъ наводненія, геологическіе перевороты, наконецъ истощеніе почвы и т. п. Даже политическія перемѣны, въ родѣ завоеванія ихъ страны, рѣдко сопровождаются выселеніемъ: скорѣе земледѣлецъ дѣлается рабомъ побѣдителя, чѣмъ оставляетъ свою родину. Поэтому, если мы отъ времени Геродота и до VII—VIII в. и не находимъ прямыхъ доказательствъ относительно идентичности, или, по крайней мѣрѣ, родственности земледѣльческаго населенія юга Россіи временъ Геродота съ населеніемъ временъ Птоломея, Плинія и позже Прокопія и Іорнанда, и еще позже—Константина Багрянороднаго и Льва Діакона, то на основаніи такихъ двухъ крупныхъ данныхъ, какъ: а) существованіе земледѣлія въ южной

---

[1]) *Соловьевъ*, I, 29.

[2]) Его-же.

Россіи въ V в. до Р. Хр. и потомъ b) жительство здѣсь огромнаго земледѣльческаго славянскаго населенія въ VII—VIII в. по Р. Хр., есть возможность построить гипотезу, что при Птоломеѣ, когда южная Русь называлась, по имени новыхъ своихъ азіатскихъ завоевателей, Сарматіей, подъ особыми именами, каковы бастарны, бессы, траномонтаны, карпіане, тирагеты, сабины, сарматы-роксоляне, саверы, навары, бодіане, нужно разумѣть коренное земледѣльческое населеніе южной Руси. При готахъ и гуннахъ мы не знаемъ, помимо имени завоевателей, частныхъ названій для этого населенія; но въ V в. на Певтингеровыхъ картахъ общимъ именемъ для нихъ служитъ имя *Венеды*, тогда какъ въ томъ-же вѣкѣ Прокопій населеніе южной Руси именуетъ „безчисленнымъ антскимъ народомъ". Генеалогія славяно-русскихъ народностей лѣтописнаго періода съ венедами, антами, а также спорами (или сербами Льва Діакона)—фактъ общепризнанный въ славянской исторіи и филологіи; но были-ли и Птоломеевы саверы, траномонтаны и т. д., а тѣмъ болѣе Геродотовы скиѳы-оратаи, невры, будины и пр.—славяне, вопросъ открытый. Несомнѣнно въ этомъ случаѣ одно, что указанные народы у Геродота и Птоломея отличаются не только отъ греко-италійскихъ народовъ, но и отъ алтайскихъ народностей, равно какъ отъ гетовъ и готовъ. Есть нѣсколько въ матеріалахъ по этому вопросу фактовъ, наводящихъ на утвердительное рѣшеніе въ пользу признанія славянъ за туземцевъ въ сѣверной половинѣ южной Руси. Къ такимъ даннымъ прежде всего нужно отнести тождество въ названіяхъ и въ топографіи поселенія народовъ, раздѣленныхъ между собой цѣлыми столѣтіями, такъ: 1) *невры* у Геродота, *навары* у Птоломея, *nerivani*—у землеописателя баварскаго въ XI ст. и наконецъ „Нурская земля" польскаго королевства, по рр. Нареву и Нурчику; 2) *будины*—Геродота и *будіаны* Птоломея, 3) *карпіане* Птоломея и *хърваты* (хръбаты) отъ VII—X в. у Карпатскихъ горъ, 4) *саверы* Птоломея, Саврика Певтингеровыхъ картъ и лѣтописные *сѣверяне* и т. д. Далѣе не только въ IX в., но и ранѣе двумя-тремя вѣками [1])

---

[1]) Первыя извѣстія о славянахъ начинаются не ранѣе первыхъ вѣковъ по Р. Хр. Для Плинія или Птоломея славянскія страны были такъ отдалены, славянскія имена такъ неправильны (и притомъ ихъ такъ мало умѣли тогда передавать), что выводы, извлекаемые изъ ихъ свѣдѣній, остаются слишкомъ мало доказательными. Историки римской имперіи, въ разсказахъ о борьбѣ Рима съ варварами, ка-

южную Русь мы находимъ занятою уже славянскими народами, какъ туземцами и полными господами земли: количество ихъ, занятіе земледѣліемъ и наконецъ расчлененность на отдѣльныя племена (таковое расчлененіе видимо произошло главнымъ образомъ подъ вліяніемъ природы, т. е. подъ давленіемъ такого фактора, для ощутительнаго дѣйствія котораго нужны столѣтія и даже тысячелѣтія), все это говоритъ за весьма продолжительное уже проживаніе славянъ въ предѣлахъ указанной страны. Наконецъ къ доводамъ за давнее пребываніе славянъ въ равнинахъ Руси нужно отнести и отсутствіе какихъ-нибудь положительныхъ свѣдѣній о времени пришествія славянъ въ эту страну (лѣтописной легендѣ о разселеніи славянъ, конечно, нельзя придавать научнаго значенія), какъ ихъ нѣтъ и о всѣхъ туземцахъ Европы: финнахъ, литовцахъ, германцахъ, кельтахъ, греко-италійцахъ и пр. Можно допускать, что славяне не ворвались въ страну бурнымъ потокомъ, какъ гунны, авары, монголы и др., не взяли страну съ оружіемъ въ рукахъ, какъ римляне, не пришли, наконецъ, въ видѣ готскихъ и норманскихъ дружинъ, и овладѣвали территоріей тѣмъ мирнымъ и медленнымъ путемъ, какимъ русскіе славяне позже, въ историческое время, заняли финскія страны въ теперешней Великороссіи и еще позже—Сибирь. Дѣйствительно предположеніе послѣдняго рода заслуживаетъ болѣе всего вѣроятія (хотя, какъ увидимъ ниже, въ исторіи славянъ есть факты, указывающіе на иной способъ заселенія, наприм. заселеніе хорватами изъ-подъ Карпатъ ихъ теперешней родины на Балканскомъ полуостровѣ въ VII в.), но въ послѣднемъ случаѣ можетъ быть два мнѣнія: или славяне густою массою вселялись въ южно-русскую страну не позже VI-го вѣка, и тогда фактъ этотъ едва-ли не былъ бы замѣченъ сосѣдями, какъ замѣтили здѣсь появленіе готовъ и др.; и кромѣ того рядомъ съ славяно-руссами въ лѣтописное время непремѣнно обитали-бы большіе или меньшіе остатки туземцевъ не-

---

саются и племенъ славянскихъ, но этимъ историкамъ не было большой надобности различать варварскія народности, и новѣйшіе изслѣдователи съ трудомъ отыскиваютъ у нихъ то, что относилось къ славянству. Первыя опредѣленныя извѣстія начинаются у писателей VI-го вѣка, у грековъ: у Прокопія, Агафія, Менандра, Маврикія; у латинскихъ писателей—начиная съ Іорнанда. Съ этихъ поръ не прекращаются свѣдѣнія о славянахъ у византійцевъ и лѣтописцевъ западныхъ (Пыпинъ, «Вѣс. Евр.», 1875 г., № 11, стр. 121).

славянъ, или-же заселеніе края славяно-руссами шло путемъ медленной колонизаціи, но тогда потребовались-бы цѣлыя столѣтія, чтобы въ VI в. огромную южно-русскую равнину заполнили „безчисленные антскіе народы“ Прокопія. Въ Сибирь стало являться русское населеніе въ XV в., прошло такимъ образомъ около пяти столѣтій русской колонизаціи здѣсь, а славянскимъ населеніемъ занята въ наше время сравнительно незначительная часть и для полной колонизаціи края потребуются еще цѣлыя столѣтія. А между тѣмъ южная Русь, по крайней мѣрѣ въ VII в., была уже такъ заселена славянами, что колонизировала своимъ населеніемъ отдаленныя отъ нея мѣста. Такъ въ VII ст. (приблизительно около 630 г.) хорваты, по разсказу Константина Багрянороднаго, были призваны греческимъ императоромъ Цимисхіемъ изъ-за своихъ хърбовъ (или карпатъ) въ Далмацію и противопоставлены аварамъ, и здѣсь они образовали хорватское государство [1]). Фактъ переселенія хорватовъ, переданный намъ Константиномъ Багрянороднымъ, невполнѣ ясенъ по своимъ деталямъ, но смыслъ его понятенъ: славянское населеніе при-карпатскихъ странъ уже въ VII ст. достигло той степени густоты, когда является потребность выселять изъ страны значительное количество населенія. Нѣкоторую аналогію хорватамъ VII ст. мы находимъ въ антахъ XI-го, которымъ византійскій императоръ около 545 г. поручилъ защищать границы своей имперіи на р. Днѣстрѣ [2]). Далеко ранѣе изъ предѣловъ Россіи, этого первоначальнаго гнѣзда славянскаго племени“ [3]), по выраженію г. Пыпина, славяне начинаютъ двигаться все далѣе на западъ и югъ. Первыя движенія славянства замѣчаются уже съ конца II и III в. по Р. Хр. Сначала среди другихъ племенъ, потомъ и самостоятельными группами они являются въ Дакію, на Дунаѣ и за Дунаемъ. Въ V, VI и VII в. совершаются передвиженія, и славяне окончательно утверждаются въ Мизіи, Ѳракіи и Македоніи, доходятъ до

---

[1]) *Смирновъ*, «Судьбы Червонной или Галицкой Руси», стр. 12, *Пыпинъ*, «Исторія славянск. литер.», т. I, стр. 139.

[2]) *Брунъ*, «Черноморье», 167.

[3]) Г. Пыпинъ считаетъ вмѣстѣ съ др. учеными славистами первоначальнымъ мѣстомъ поселенія славянъ въ Европѣ территорію «между верховьями Дона и Днѣпромъ и за Днѣпръ, къ восточному берегу Балтійскаго моря и къ средней Вислѣ, и на югъ не далѣе Припяти». *Пыпинъ*, «Вѣстн. Евр.», 1875 г., № 11.

Өессаліи, Эпира и Пелопонесса [1]). Около того-же времени, т. е. съ V—VII в., хорваты и сербы, вышедшіе изъ своихъ *старыхъ* жилищъ „Бѣлохорватіи“ (западная часть Галиціи) и „Бѣлой Сербіи“ (Бѣл. Хорватіи, при источникахъ Днѣстра и Прута) утверждаются въ западной половинѣ Балканскаго полуострова, въ Иллиріи и Далмаціи. Тогда-же, приблизительно около V-го в., занята была славянами, двигавшимися все съ востока, Богемія, Моравія, а на сѣверо-западѣ все Балтійское поморье, гдѣ крайнія поселенія славянъ доходили до береговъ Нѣмецкаго моря и Голландіи [2]).

Приведенныя нами страницы изъ исторіи разселенія славянъ, думаемъ, доказываютъ высказанное нами выше предположеніе, что славянское племя уже въ первые вѣка по Р. Хр. достигло громаднаго количественнаго роста и переполнило территорію русской равнины. Не нужно забывать еще и того обстоятельства, что славяне заняли въ восточной Европѣ страну, покрытую лѣсами и перерѣзанную рѣками, и первоначальная очистка почвы и постепенное расширеніе ихъ области должно было занять неопредѣленно продолжительное время, тѣмъ болѣе, что въ мѣстахъ своихъ первоначальныхъ поселеній они встрѣтили безъ сомнѣнія туземныя племена и должны были имѣть время на борьбу съ ними. Конечно всѣ приведенныя нами соображенія не позволяютъ рѣшать хронологическій вопросъ о поселеніи славянъ въ южной Руси въ положительномъ смыслѣ, но они даютъ намъ основаніе признавать наиболѣе достовѣрнымъ то мнѣніе, которое считаетъ историческимъ пунктомъ, когда славянъ можно признавать обитателями южной Россіи или правильнѣе ея сѣверной, не степной половины V-й вѣкъ до Р. Хр. [3]). А въ такомъ случаѣ славянъ мы можемъ предполагать и въ земледѣльческомъ населеніи эпохи Геродота и, тѣмъ болѣе, Птоломея.

Ир. Житецкій.

(Продолженіе будетъ).

Г. Царевъ, астраханск. губ.
1883 года, марта 12-го.

---

[2]) *Пыпинъ*, «Вѣстн. Евр.», № 11, 123.
[3]) Ibidem.
[1]) *Пыпинъ*, ibid., стр. 117.

ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ.

Историческія судьбы Херсонеса представляютъ въ маломъ видѣ прошлое всего Крымскаго полуострова въ его характернѣйшихъ чертахъ. Начало ихъ вскрывается чужой легендою, и легенда эта связывается съ преданіемъ о троянской войнѣ. Дочь аргосскаго царя, знаменитаго предводителя грековъ Агамемнона, Ифигенія, обрекается на жертву оскорбленной богинѣ Артемидѣ; хитро-умный Одиссей обманомъ уводитъ ее отъ матери и въ вотъ Ифигенія— въ гавани Авлидѣ, въ воинскомъ станѣ, и жрецъ Калхасъ заноситъ уже надъ нею ножъ... но шевельнулась жалость и въ сердцѣ строгой богини: Ифигенія, одѣтая облакомъ, переносится на далекій сѣверъ, а ударъ жертвеннаго ножа поражаетъ, вмѣсто нея, лань, которая чудеснымъ образомъ замѣнила царевну. Ифигенія — въ Крыму, въ Тавридѣ, обитаемой кровожадными, страшными дикарями таврами; она во власти царя тавровъ, Тоаса, оторванная отъ семьи, вдали отъ роднаго, сіяющаго радостью неба, вдали отъ яркаго, веселаго солнца, почти безъ надежды воротиться или хотя-бы свидѣться съ близкими. Всякаго грека, по несчастному случаю попадавшаго въ Крымъ, тавры предавали смерти, принося въ жертву какой-то богини. Ифигенію, однако, обошли. Она произвела такое обаяніе на свирѣпаго Тоаса, что онъ, сохранивъ ея жизнь, назначилъ даже жрицей богини. Воспитанная въ семейномъ кругу, кроткая Ифигенія всѣми силами души вооружилась противъ изувѣрства и старалась смягчить варваровъ... напрасно! Такъ тянулись годы; война съ троянцами кончилась; Агамемнонъ воротился домой и тамъ былъ убитъ; сынъ его, братъ Ифигеніи, Орестъ, не вынесъ насильственной смерти отца и отплатилъ за нее также убійствомъ. Запятнанный преступленіемъ, мучимый угрызеніями совѣсти, гонимый безжалостными эвменидами, онъ съ другомъ своимъ Пиладомъ по-

падаетъ въ Тавриду; по требованію боговъ, для того чтобы смягчить свое наказаніе, онъ долженъ вывезти оттуда ту самую статую богини, которой служитъ его несчастная сестра Ифигенія. Но вотъ они открыты таврами на морскомъ берегу, и сестра Ореста должна принести въ жертву и брата и его друга... Однако судьба выручила ихъ изъ этого страшнаго положенія: они покинули счастливо чужую варварскую страну и воротились на родину.

Промчались столѣтія, но далекій край не забывался неустрашимими моряками греками. Черное море, прежде называвшееся негостепріимнымъ (и называвшееся такъ не безъ причины), съ теченіемъ времени въ понятіи ихъ явилось уже гостепріимнымъ (эвксинскимъ) моремъ. Въ VI и VII ст. до Р. Х. на крымскихъ берегахъ являются одна за другою греческія колоніи; не страшась варварскаго сосѣдства, греки твердой рукою водружаютъ въ крымскую почву знамя своей образованности; одна партія колонистовъ, вышедшая изъ г. Гераклія, основалась близь нынѣшняго Севастополя, на полуостровѣ, получившемъ названіе Гераклійскаго [1]). Это поселеніе и названо было Херсонисъ или Херсонесъ. По преданію Херсонесъ основанъ на томъ именно мѣстѣ, гдѣ когда-то давно Ифигенія служила жрицей таинственной богини, которая греками отождествлялась съ Артемидою и будто-бы даже храмъ ея долгое время былъ въ сохранности. Но мы не будемъ вдаваться въ безплодныя гаданія и смѣшивать легенду съ былью. Скажемъ прямо: не знаемъ, былъ-ли такой храмъ и что за народъ тавры,—не знаемъ, греки-ли познакомились съ культомъ Артемиды у тавровъ или тавры у грековъ; этого мало: при настоящемъ состояніи науки, не можемъ сказать съ увѣренностью, почему Херсонесъ основанъ близь Тройной бухты, а не ближе къ балаклеевской или севастопольской, представляющихъ неизмѣримо больше удобствъ для мореходцевъ. На это ученыя изслѣдованія отвѣчаютъ: колонистами руководили жрецы и выбрали мѣсто по религіознымъ побужденіямъ, близь храма Артемиды. Но почему-же такъ? Неужели же жрецы дѣйствительно водили грековъ какъ стадо, неужели сами жрецы, тоже греки, могли проглядѣть, что мѣсто мало удобно? неужели,

---

[1]) Гераклія понтійская лежала на сѣверномъ берегу Малой Азіи, къ востоку отъ константинопольскаго пролива, и заселена выходцами изъ г. Мегари. Гераклійскій полуостровъ ограниченъ бухтами севастопольской и балаклавской.

наконецъ, пять столѣтій могли греки оставаться въ неудобномъ мѣстѣ прежде, чѣмъ выселились въ другое?...

Дѣло въ томъ, что отъ этихъ пяти столѣтій языческой жизни Херсонеса не осталось почти никакихъ слѣдовъ. Болѣе посчастливилось въ наукѣ изслѣдованію соперницы Херсонеса Пантикапеи, лежавшей въ керченскомъ проливѣ: тамъ можно прослѣдить интересное взаимодѣйствіе культуръ греческо-іонійской и варварско-сарматской, вплоть до того момента, когда для первой пробилъ роковой часъ. Правда находили греческія издѣлія въ скиѳскихъ могилахъ разныхъ мѣстностей юга Россіи, но какъ рѣшить: что изъ нихъ относится на долю Херсонеса, а что на долю другихъ колоній, хотя-бы Пантикапеи или Ольвіи? Думаемъ только, что не слѣдуетъ преувеличивать вліянія грековъ на южно-русскій варварскій міръ, а вліянія херсонитянъ—въ особенности.

Приблизительно около начала христіанской эры херсонитяне переселяются и занимаютъ мѣстность между теперешними Карантинной и Круглой бухтами, верстахъ въ трехъ отъ нынѣшняго Севастополя; какая была причина этой перемѣны мѣста и выбора новаго, опять таки не знаемъ: карантинная бухта хотя и довольно обширна, но севастопольская куда-же лучше... Переселеніе совершилось не вдругъ, а происходило постепенно, при чемъ новый городъ строился изъ стараго матеріала, и вотъ почему отъ прежняго Херсонеса осталось такъ мало слѣдовъ, что самое мѣсто, гдѣ онъ находился, подвергалось спору.

Послѣднее столѣтіе языческой эры ознаменовалось въ исторіи Херсонеса не однимъ переносеніемъ города на новое мѣсто. Оно вообще было временемъ серьезнаго кризиса, и кризисъ этотъ, незадолго до Р. Х., окончился утратою независимости Херсонеса. Полагать надо, что и раньше этого времени варварскіе сосѣди не оставляли Херсонеса въ покоѣ и что ему приходилось вести упорную борьбу съ ними. Для защиты отъ варваровъ, херсониты выстроили каменную стѣну, на протяженіи 8 верстъ, по перешейку между гаванями—севастопольской и балаклавской, отгородивъ этимъ Гераклійскій полуостровъ отъ крымскаго материка [1]). Эта борьба съ варварами наполняетъ исторію Херсонеса и составляетъ характер-

---

[1]) Время построенія стѣны неизвѣстно.

нѣйшую черту ея. Вмѣстѣ съ этимъ приходилось ему выносить соперничество другой греческой колоніи, столицы босфорскаго царства, сильной и богатой Пантикапеи. Соперничество дорійцевъ и іонійцевъ въ самой Греціи, породившее тамъ пелопонесскую войну, вызвавшее и развившее колонизацію, не забывалось и колонистами, и въ нашемъ Крыму происходили своего рода пелопонесскія войны; противники—херсониты и босфоряне—заключали иногда перемиріе, даже помогали другъ другу, но камень за пазухой держали всегда. Въ первомъ столѣтіи до Р. Х. Херсонесу приходилось считаться съ царемъ скиѳовъ, Скилуромъ. Въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, а именно у балаклавской бухты, построилъ онъ крѣпость и отсюда постоянно тревожилъ грековъ; херсониты, не въ состояніи будучи собственными средствами избавиться отъ нападенія Скилура, вынуждены были обратиться къ царю босфорскому, знаменитому Митридату. Тотъ охотно отправилъ войско подъ начальствомъ Діофанта, и Скилуръ былъ разбитъ, а скиѳы прогнаны изъ Крыма. Но спасеніе было куплено для Херсонеса дорогой цѣной: Митридатъ оставилъ въ немъ свой гарнизонъ и назначилъ намѣстника; такимъ образомъ Херсонесъ лишился самостоятельности. Однако противъ Митридата пришли римляне; онъ былъ разбитъ, но и тутъ Херсонесъ не воротилъ своей свободы, а только перемѣнилъ зависимость, подпавъ власти Рима. Впрочемъ это было скорѣе покровительство Рима, чѣмъ полное подчиненіе. Херсониты имѣли свой собственный сенатъ и своихъ старшихъ или протевановъ; протеваны предсѣдательствовали въ сенатѣ и командовали войсками; зависимость выражалась въ уплатѣ римлянамъ дани и въ содержаніи римскаго гарнизона. Зависимость эта пошла въ пользу Херсонеса. За одно съ Римомъ херсониты ведутъ войны съ варварами и басарнами и весьма успѣшно. Такъ въ царствованіе Діоклитіана они разбили сарматовъ и заняли Пантикапею, а въ награду за это римляне освободили ихъ отъ налоговъ.

Къ этому времени относится разсказъ о поступкѣ одной херсонисской женщины, Гикіи, имя которой послѣ увѣковѣчено было статуями и дошло до времени императора Константина Багрянороднаго, который и записалъ преданіе о событіи. Одно время херсониты и босфоряне заключили миръ. Для скрѣпленія мира херсониты рѣшили устроить свадьбу; сынъ босфорскаго царя женился на

Гикіи, дочери херсонисскаго протевана, обѣщавшись жить въ Херсонесѣ и не выѣзжать изъ него даже для свиданія съ отцемъ, подъ страхомъ смертной казни. Вскорѣ послѣ свадьбы мужъ Гикіи произвелъ хитрый замыселъ; вслѣдствіе его письма изъ Пантикапеи, время отъ времени присылали подарки и для врученія ихъ пріѣзжало каждый разъ человѣкъ по 10 босфорянъ; передавъ подарки, посланцы выходили изъ города, а потомъ, дождавшись ночи, потайнымъ ходомъ проникали въ домъ его и оставались тамъ въ секретномъ помѣщеніи—въ подпольи. Года въ два накопилось ихъ до 200 человѣкъ, и мужъ Гикіи рѣшилъ наконецъ уничтожить городъ. Временемъ выполненія этого намѣренія избранъ былъ день поминокъ отца Гикіи, Ламаха, который умеръ вскорѣ послѣ ихъ свадьбы. Подобные поминки справлялись въ Херсонесѣ чрезвычайно весело: жители пировали, веселились, плясали—даже на улицахъ, безпечное веселье и общее опьяненіе гражданъ должны были помочь заговору. Но къ счастію заговоръ былъ открытъ и случилось это слѣдующимъ образомъ. Служанка Гикіи, провинившаяся въ чемъ-то, была заперта въ особую комнату, подъ которой и помѣщались босфоряне. Занимаясь въ заключеніи пряжей, служанка уронила веретено, оно докатилось до стѣны и застряло въ щели; желая вынуть его, она приподняла кирпичъ и увидала заговорщиковъ; прислушавшись къ ихъ разговорамъ, она узнала въ чемъ дѣло и тотчасъ разсказала объ открытіи госпожѣ; та позвала довѣренныхъ лицъ изъ гражданъ, передала имъ о замыслѣ мужа и просила ихъ, при помощи надежныхъ людей, ночью, въ день поминокъ, обложить ея домъ хворостомъ, облить хворостъ масломъ и потомъ зажечь. Назначенный день прошелъ такъ, какъ и слѣдовало; Гикія съ умысломъ выдала прислугѣ побольше вина, а сама не пила. Уложивъ спать своего мужа и убѣдившись, что онъ спитъ, она тихо вышла, заперла за нимъ дверь и приказала зажечь хворостъ, которымъ домъ ея былъ уже обложенъ. Хворостъ запылалъ, заговорщики спасались черезъ окно, но ихъ поражалъ народъ обступившій пожарище. Такъ Гикія спасла Херсонесъ.

Варварскія нашествія не прекращались съ переходомъ Херсонеса подъ зависимость Рима. Крымскій полуостровъ представляетъ что-то въ родѣ станціи, на которой непремѣнно останавливался всякій народъ въ своемъ движеніи изъ Азіи въ Европу, а

южная Россія съ ея равнинами, не представлявшими препятствій для передвиженія, можетъ быть названа по справедливости столбовой дорогой народовъ; благодатный климатъ Крыма, горная природа, дававшая возможность укрыться, а въ случаѣ нужды облегчавшая самозащиту, были причинами того, что эта станція обращалась въ ловушку и въ нее обязательно попадалъ всякій и задерживался иногда подолгу. Крупныя волны уходили дальше; имъ не было простора здѣсь, но осадокъ оставался всегда. Такимъ образомъ въ IV столѣтіи въ Крыму являются готы, въ V гунны, въ VII хозары... Всѣ эти народы причиняли вредъ и Херсонесу. Гунны даже держали его въ осадѣ, но взять не смогли. Наконецъ выступаютъ на сцену руссы и начинаютъ тревожить грековъ. Достойно вниманія косвенное упоминаніе объ этомъ въ договорѣ Игоря: а въ корсунской странѣ, сколько тамъ ни есть городовъ, не можетъ имѣть власти..., если русскіе увидятъ корсунскихъ рыбаковъ въ днѣпровскомъ устьи, то не должны имъ дѣлать зла; русскіе не имѣютъ права зимовать ни въ устьи Днѣпра въ Бѣлобережьи, ни у св. Еѳерія, а до того осенью возвратиться въ Русь; князь русскій обязывается не допускать нападеній черныхъ болгаръ: „пакостятъ странѣ той". Обѣщаніе не трогать корсунской страны повторяется и въ договорѣ Святослава.

Вопреки этимъ договорамъ, сынъ Святослава, Владиміръ, быть можетъ въ отместку за неудачи отца, произвелъ нашествіе, осадилъ Херсонесъ съ суши и съ моря и взялъ его. Такъ какъ это событіе связывается съ другимъ, несравненно болѣе важнымъ, а именно, съ принятіемъ христіанства, то своевременно сказать о распространеніи христіанства въ Херсонесѣ.

Впервые христіане появляются въ Херсонесѣ въ качествѣ ссыльныхъ. Сюда на работы въ каменоломни (своего рода каторжныя работы) сосланъ при императорѣ Троянѣ епископъ Климентъ, и здѣсь, за распространеніе христіанства, брошенъ въ море и потопленъ; сюда-же, и также за сочувствіе христіанству, отправлена племянница императора Домиціана Флавія Домицилла; далѣе сосланъ при сынѣ Константина Великаго Констансѣ епископъ Мартинъ, вслѣдствіе религіознаго несогласія съ строгимъ догматикомъ— императоромъ и др.

Впрочемъ, преданіе говоритъ, что Херсонесъ посѣтилъ апостолъ Андрей, отсюда направившійся далѣе по Днѣпру. Что-же касается правильной христіанской проповѣди въ Херсонесѣ, то начало ея относится къ IV в. Наканунѣ обнародованія миланскаго эдикта, въ 310 году здѣсь трудятся Ефремъ и Василій и принимаютъ мученическую смерть за евангельскую проповѣдь. Также не имѣли успѣха и были замучены пріемники ихъ Евгеній, Елпидій и Агаѳодоръ. Ко времени, слѣдовавшему за изданіемъ миланскаго эдикта, относятся труды св. Еѳерія, которые нашли дѣятельную поддержку въ самомъ Константинѣ Великомъ; отправляясь въ Константинополь благодарить императора, св. Еѳерій на пути былъ схваченъ язычниками и потопленъ. Преемникъ его, Капитонъ, имѣлъ болѣе успѣха; съ него начинается херсонесская епархія, и Корсунь становится епископскимъ городомъ. Впрочемъ глухая борьба противъ христіанства продолжалась здѣсь долго, и только въ VI—VII ст. выпускается въ Херсонесѣ первая монета съ христіанскимъ знакомъ. Такимъ образомъ отдаленный Херсонесъ упорнѣе держался національной религіи, чѣмъ центры Имперіи, и сложилъ оружіе лишь за 2, за 3 столѣтія до крещенія Руси. Здѣсь, на далекой окраинѣ, въ непрерывной борьбѣ съ варварскимъ міромъ, въ борьбѣ съ грубыми дикарями, постоянно стучавшимися въ дверь и угрожавшими разрушеніемъ, болѣе образованные греки тверже, чѣмъ гдѣ-либо, сохранили увѣренность въ своемъ превосходствѣ, въ великихъ преимуществахъ своего великаго народа и крѣпче держались народныхъ особенностей и народной религіи; всякія уступки вели къ паденію, какъ и показала болѣе податливая іонійская Пантикапея, а между тѣмъ христіанство протягивало руку этимъ самымъ варварамъ, объявляя, что нѣсть эллинъ, ни скиѳъ, ни іудей... Сюда, въ Херсонесъ, эту византійскую Сибирь, прежде ссылали христіанъ, какъ людей вредныхъ, сослали за это даже родственницу императора, а теперь хотѣли, чтобы онъ забылъ народность и принялъ проповѣдь о томъ, что и скиѳъ—тоже, что и грекъ, хотѣли, чтобы онъ забылъ свою исторію...

Какъ-бы то ни было, надо думать, что общее распространеніе христіанство получило въ Корсуни не ранѣе VII вѣка; но уже св. Кириллъ, посѣтивъ Херсонесъ, нашелъ здѣсь священное писаніе, написанное по-славянски; не можемъ умолчать о догадкѣ проф.

Григоровича относительно того, что это-то и была такъ называемая кириллица, изобрѣтенная, по мнѣнію его, именно здѣсь, въ Корсуни, для международныхъ сношеній, такъ какъ онъ былъ городомъ, гдѣ сталкивались разнообразнѣйшія и разноязычныя племена.

Теперь припомнимъ лѣтописный разсказъ о походѣ Владиміра и о крещеніи его.

Въ 988 году Владиміръ пошелъ на Корсунь; корсуняне затворились въ городѣ, а Владиміръ сталъ по ту сторону залива, на разстояніи выстрѣла; городъ сильно оборонялся, а Владиміръ обступилъ городъ; корсуняне изнемогли въ осадѣ, а Владиміръ говорилъ имъ: „если не сдадитесь, буду стоять болѣе трехъ лѣтъ", но они не слушали; Владиміръ снарядилъ воиновъ и велѣлъ возводить насыпь у города; но корсуняне по ночамъ, когда тѣ спали, подкопомъ выходили изъ города, уносили землю и ссыпали ее среди города. Однажды въ станѣ Владиміра упала стрѣла, пущенная корсунянином Настасомъ, а на стрѣлѣ написано было: „за тобою, на востокѣ, есть водоемъ, изъ котораго по трубѣ идетъ вода въ городъ: перескопай водопроводъ". Услыхавъ это, Владиміръ взглянулъ на небо и сказалъ: „если это сбудется, крещусь", и повелѣлъ немедля копать поперекъ трубъ; воду переняли; корсунцы изнемогли отъ жажды и сдались. Владиміръ вошелъ съ войскомъ въ городъ и послалъ къ императорамъ Василію и Константину съ такими словами: „вотъ я взялъ вашъ славный городъ; я слышалъ, что у васъ есть сестра дѣвушка; если не отдадите ее за меня, и съ вашимъ городомъ будетъ тоже, что съ этимъ". При этомъ извѣстіи, императоры опечалились и отвѣчали: „не достоитъ христіанку отдавать за язычника; если крестишься, и ее получишь, и царство небесное, если-же не хочешь сотворить этого, не можемъ отдать за тебя своей сестры". На это Владиміръ сказалъ посланнымъ: „скажите императорамъ, что крещусь; я раньше сихъ дней хорошо узналъ законъ вашъ, и люба мнѣ вѣра ваша и служеніе". Императоры были рады услышать такой отвѣтъ и послали къ сестрѣ съ извѣстіемъ, что Владиміръ проситъ ее выйти за него. Она отвѣчала: „не хочу я за язычника идти", но они возражали: „если ради тебя обратитъ его Господь, и ты просвѣтишь его и землю русскую, а насъ и городъ нашъ избавишь отъ плѣненій, то получишь себѣ вѣнецъ отъ Бога". И упросили сестру свою Анну, и послали къ

Владиміру сказать ему: „крестись, и тогда пришлемъ сестру къ тебѣ“. Владиміръ отвѣчалъ: „присылайте сестру и тогда крестите меня“. Императоры согласились, послали сестру, нѣсколько сановниковъ и пресвитеровъ. А она не хотѣла идти: „какъ въ полонъ, говоритъ, иду; лучше-бы умереть здѣсь“. Но братья уговаривали ее: „черезъ тебя Богъ обратитъ русскую землю къ покаянію, а греческую землю ты избавишь отъ лютой рати; видишь-ли, сколько зла сдѣлала Русь грекамъ? А теперь если не пойдешь, то же сдѣлаютъ и намъ“. Оба брата плакали, глядя на нее и видя ее въ унынiи и печали, и едва могли уговорить ее. Сѣвъ на корабль и поцѣловавъ со слезами родственниковъ, отправилась она въ путь. Прибыла въ Корсунь; корсуняне вышли съ привѣтствiями, ввели ее въ городъ и отвели для нея дворецъ. Въ это время Владиміръ заболѣлъ глазами и ослѣпъ; горевалъ сильно, не зналъ, что и дѣлать; а царевна послала сказать: „если хочешь позбыть болѣзни, скорѣе крестись, иначе не избыть тебѣ болѣзни“. Владиміръ, услыхавъ это, сказалъ: „если это будетъ подлинно такъ, то поистинѣ великъ Богъ христiанскiй“, и велѣлъ крестить себя. Огласивъ его, епископъ корсуньскiй съ священниками царевны, крестилъ его и, когда возложилъ руки на него, вдругъ Владиміръ прозрѣлъ. При такомъ внезапномъ исцѣленiи онъ прославилъ Бога и сказалъ: „въ первый разъ узналъ я Бога истиннаго“. Увидавъ это, крестились многiе изъ дружины его. Крестился Владиміръ въ церкви св. Василiя, которая стоитъ посреди города, на торговой площади; дворецъ Владиміра, рядомъ съ церковью, цѣлъ и по сей день (говоритъ лѣтописецъ), а дворецъ царевны—за олтаремъ. Послѣ крещенiя Владиміръ женился на Аннѣ. Роздана была большая милостыня убогимъ, нищимъ, странникамъ, сиротамъ и вдовамъ; по улицамъ ставили сосуды съ виномъ и медомъ, варево (перевары), мясо, рыбу и всякiе овощи: кто чего хотѣлъ, безъ всякихъ препятствiй насыщался. Послѣ свадьбы, Владиміръ взялъ царицу, Настаса и священниковъ корсуньскихъ съ мощами Климента и Фива, ученика его, взялъ церковные сосуды и иконы и возвратился въ Кiевъ. Передъ отъѣздомъ онъ поставилъ церковь Іоанна Предтечи въ Корсунѣ, на горѣ, гдѣ ссыпали землю, унося съ насыпи; церковь эта цѣла и до сего дня, прибавляетъ лѣтописецъ. Покидая Корсунь, Владиміръ взялъ двѣ мѣдныхъ статуи и четыре мѣдныхъ коня, они

и нынѣ (замѣчаетъ лѣтописецъ) стоятъ за св. Богородицею въ Кіевѣ, и несвѣдущіе считаютъ ихъ мраморными. Корсунь отдалъ Владиміръ грекамъ, какъ вѣно за царицу. По возвращеніи въ Кіевъ, Настасъ и другіе корсунскіе священники стали служить въ церкви Богородицы, такъ называемой Десятинной, въ которую поступили сосуды, иконы и кресты, привезенные изъ Корсуня.

И такъ съ именемъ Херсонеса соединяются въ исторіи Россіи самыя высокія воспоминанія о принятіи христіанства, а съ нимъ— искусства, а, можетъ быть, также и грамоты. Борецъ и защитникъ цивилизаціи, онъ сослужилъ для нея историческую службу, ставши крестнымъ отцомъ великаго народа, усыновилъ его въ семьѣ народовъ культурныхъ.

Но замѣчательно, что именно этотъ моментъ, когда Корсунь и Византія дали свое благословеніе молодому народу на новую жизнь, для нихъ самихъ былъ началомъ упадка; старые мѣха не вмѣщали новаго вина. Автономіи Корсуня пробилъ часъ еще въ IX в., когда императоръ Ѳеофилъ, вмѣсто выборныхъ протевановъ, которыми Херсонесъ управлялся доселѣ, опредѣлилъ туда своихъ стратеговъ. Хотя вмѣстѣ съ этимъ Херсонесу дано было первенство надъ другими крымскими городами, но съ этого времени плохо онъ уживается со старой, брюзгливой Византіей. Торговое соперничество съ другими городами становится для Херсонеса затруднительнымъ. Херсониты жалуются своему патрону Константинополю, что Судакъ отбиваетъ торговые обороты, проситъ монополіи, облегченія налоговъ, но тамъ отказываютъ; тогда Корсунь поднимаетъ возстаніе, пользуясь тѣмъ, что императоръ Михаилъ Дука велъ войну съ болгарами; по просьбѣ императора, русскіе князья Владиміръ Мономахъ и Глѣбъ Святославичъ идутъ усмирять корсунцевъ, но извѣстившись о смерти его, возвращаются домой (1078 г.). Корсунцы отомстили русскимъ, захвативъ ихъ купеческіе корабли; Владиміръ Мономахъ съ Давидомъ Игоровичемъ и Ярославомъ Ярополковичемъ предпринялъ новый походъ, близъ Ѳеодосіи разбилъ корсунянъ, заставилъ возвратить корабли и уплатить убытки (1095 г.). На слѣдующій годъ Корсунь снова возсталъ противъ Византіи, выставивъ своего претендента на императорскій престолъ, какого-то солдата Діогена. Съ этимъ Діогеномъ отправились въ Константинополь половцы, но были разбиты и выдали его.

Своимъ чередомъ продолжались нашествія варваровъ: печенѣговъ, половцевъ и наконецъ явились татары и надолго осѣли въ Крыму.

Въ это же самое время, въ XIII ст. возникаютъ въ Крыму генуэзскія колоніи и мало по-малу высасываютъ послѣдніе соки изъ Херсонеса. Кафа, прежняя Ѳеодосія, вмѣстѣ съ Судакомъ, становятся господами черноморской торговли и наконецъ запираютъ грекамъ самый входъ въ Черное море, которое теперь въ другой разъ становится для нихъ негостепріимнымъ, аксинскимъ моремъ. Такъ изсякали послѣдніе признаки жизни у стараго Херсонеса, и во время нашествія турокъ онъ уже такъ былъ малолюденъ, что, появившись здѣсь, новые пришельцы ограничились расхищеніемъ его дорогихъ памятниковъ, которыми воспользовались для построекъ въ Константинополѣ.

Столѣтіе спустя, а именно въ 1578 г. посолъ Стефана Баторія, Мартинъ Броневскій нашелъ Херсонесъ въ развалинахъ. „Достойныя удивленія его развалины очень явно свидѣтельствуютъ, говоритъ онъ въ своемъ „Описаніи Крыма", что это былъ нѣкогда великолѣпный, богатый и славный городъ грековъ, древнѣйшій на полуостровѣ, многолюдный и знаменитый своей отличной пристанью (sic)". „У самыхъ стѣнъ города видны водопроводы, которые за четыре мили посредствомъ подземныхъ трубъ, высѣченныхъ изъ камня, проводили воду въ городъ; въ нихъ и теперь еще есть вода, очень чистая" [1]). „Этотъ городъ уже не только много лѣтъ, но много вѣковъ стоитъ пустъ и необитаемъ и представляетъ однѣ развалины и опустошеніе... Царскій дворецъ видѣнъ... съ огромными стѣнами, башнями и великолѣпными воротами; но прекрасныя колонны изъ мрамора и серпентина, которыхъ мѣста и теперь еще внутри видны, и огромные камни были взяты турками... не видно и слѣдовъ ни храмовъ, ни зданій; домы города лежатъ въ прахѣ и сравнены съ землей; большой греческій монастырь остался въ городѣ; стѣны храма еще стоятъ, но безъ кровли..., русскіе и польскіе лѣтописцы говорятъ, что какіе-то греки, взявши изъ этого монастыря двое

---

[1]) Трубы глиняныя, а не каменныя, какъ ошибочно пишетъ Броневскій; образчики ихъ хранятся въ христіанскомъ музеѣ, въ херсонесскомъ монастырѣ; работа замѣчательная по прочности: хотя сейчасъ закапывай снова, и онѣ прослужатъ еще лишнее тысячелѣтіе...

дверей изъ коринѳской мѣди, которыя православные греки называютъ царскими вратами, также и лучшіе образа, отвезли все это въ добычу къ Владиміру, великому князю русскому или кіевскому, и что будто потомъ Болеславъ второй, король польскій, перенесъ ихъ изъ Кіева въ Гнѣзно, гдѣ и теперь еще ихъ можно видѣть у входа въ большую церковь [1]).

Еще болѣе печальные развалины представлялъ Херсонесъ во время посѣщенія его Палласомъ (1793—1794 г.). За 10 лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1783 г. Крымъ присоединенъ былъ къ Россіи и въ томъ-же году, въ трехъ верстахъ отъ развалинъ Корсуня, заложенъ Севастополь. Появленіе новаго города дорого стоило Херсонесу, изъ котораго брали въ изобиліи и возили камень, пригодный для построекъ. Такимъ образомъ разрушеніе давало соки для жизни, зарождавшейся вновь. Но исторіи не было легче отъ этого. „Постройка Ахтіара (Севастополя), пишетъ Палласъ, была причиною уничтоженія этого древняго города. Прекрасные квадеры были выкопаны даже изъ фундаментовъ за тѣмъ, чтобы строить изъ нихъ въ Ахтіарѣ дома; даже не было снято съ древняго города ни одного рисунка, ни одного сноснаго плана; по крайней мѣрѣ (замѣчаетъ Палласъ) таковые неизвѣстны... Что въ этомъ городѣ было больше великолѣпія, чѣмъ въ старомъ Херсонесѣ, говоритъ онъ далѣе, доказывается тѣмъ, что изъ него вывезена прекрасная мраморная капитель колонны свѣтло-сѣраго цвѣта коринѳскаго ордена..., въ этихъ развалинахъ находили также много обработаннаго мрамора, привозимаго сюда съ Бѣлаго моря (Архипелага)“. Площадь, занимаемую окружностью городскихъ стѣнъ, Палласъ опредѣляетъ въ 70—80 тыс. квад. саж. „Расположеніе улицъ и домовъ, замѣчаетъ онъ, различить болѣе нельзя, потому что при добываніи тесанныхъ камней все было разрушено, перерыто и завалено“. „Что городъ снабжался водою посредствомъ водопроводовъ, читаемъ мы далѣе, это доказываетъ находящееся, менѣе чѣмъ въ одной верстѣ отъ города, восьми-угольное зданіе, нынѣ разрушенное. Въ одномъ изъ угловъ этого зданія можно спуститься въ отверстіе, аршинъ на 5 внизъ, и тамъ найти очень узкій, обращенный къ востоку подземный

---

[1]) «Записки од. общ. ист. и др.», VI т., 1867 г. Извѣстіе о похищеніи бронзовыхъ дверей относится, вѣроятнѣе всего, къ Болеславу I. Храброму.

ходъ въ 15 саж. длины, при концѣ котораго находится родъ колодезя, въ нѣсколько футовъ глубины, гдѣ вытекаетъ чистая вода, переливается ко входу и затѣмъ теряется; за этимъ колодцемъ замѣтны еще два хода, изъ которыхъ одинъ совсѣмъ засыпанъ, другой идетъ далѣе. Все это, заключаетъ ученый путешественникъ, повидиму показываетъ, что указанные остатки представляютъ развалины подземнаго водопровода" [1]).

Въ 1827 г. найдены и самыя водопроводныя трубы; найдены онѣ въ двухъ мѣстахъ: на востокъ отъ развалинъ, на хуторахъ Панютина, Валявскаго и Рача, и въ восточной части города, на глубинѣ 4 футовъ. Главный источникъ, изъ котораго проведена была вода, находится верстахъ въ 8 къ юго-востоку отъ Херсонеса [2]), стало быть, согласно съ указаніемъ лѣтописи.

До послѣдняго времени открытія и раскопки въ Херсонесѣ производились безъ опредѣленнаго плана, любителями. Изъ отчетовъ одес. общ. истор. и древ. узнаемъ, что до 1835 г. производилъ раскопки лейтенантъ флота кн. Барятинскій. Въ 1853 году гр. А. С. Уваровъ открылъ великолѣпную, интересную базилику, въ сѣверной части города, на морскомъ берегу. Извѣстно, что базилика представляетъ, послѣ пещерныхъ церквей, самую раннюю форму христіанскаго храма, и что она заимствована христіанами прямо изъ языческаго искусства, представляя собою полное подобіе зданій, служившихъ для отправленія правосудія. Всякая базилика языческая и христіанская имѣетъ въ основаніи удлиненный четыреугольникъ и двумя рядами колоннъ раздѣляется на три продольныя части: среднюю, или корабль (нефъ) и боковыя галлереи; потолокъ плоскій; въ восточной части христіанскія базилики снабжены полукруглымъ выступомъ (абсида). Открытая гр. Уваровымъ базилика имѣетъ 16 саженей длины и 10 ширины, передъ входомъ въ самую церковь два притвора для оглашенныхъ и для кающихся. Полъ средняго нефа и алтаря вымощенъ мраморомъ, въ боковыхъ галлереяхъ—мозаичный. Средній нефъ отдѣляется отъ боковыхъ галлерей двумя рядами колонъ, по 11 въ каждомъ. Капители нѣкоторыхъ

---

[1]) «Зап. од. общ. ист. и др. XII, 1881 г.»; описаніе колодца Палласа напоминаетъ «колодезя», который указывалъ «перенять» Пастасъ Владиміру.

[2]) Аркасъ, Опис. иракл. нам. въ «Зап. од. общ. ист. и др.», т. 11, 1848 г.

изъ нихъ относятся къ лучшей порѣ античнаго искусства, а иныя— византійскаго стиля, т. е. по сторонамъ представляютъ опрокинутыя трапеціи, съ крестами на нихъ. На самыхъ колоннахъ найдены надписи и также кресты. Алтарный помостъ, оканчивавшійся солеею, возвышался на одну ступень надъ уровнемъ пола. Передъ солеею— амвонъ, съ колоннами по бокамъ и съ мраморными плитами между ними. Иконостасъ, состоявшій изъ такихъ-же плитъ, вставленныхъ между колоннами, былъ не выше двухъ аршинъ. Изъ надписей, открытыхъ гр. Уваровымъ въ базиликѣ, особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ одна; она находится на карнизѣ изъ дикаго камня; карнизъ былъ вдѣланъ въ стѣну; въ ней упоминается о какомъ-то гражданинѣ Мокіаріѣ, который пожертвовалъ 3000 динаріевъ на построеніе храма Афродиты. Такимъ образомъ, изъ остатковъ языческаго храма, строился новый христіанскій. Неправильное правописаніе надписи послужило основаніемъ для отнесенія ея къ II—III в. христіанской эры. Что-же касается времени построенія самой базилики, то по найденнымъ въ ней монетамъ, гр. Уваровъ относитъ ее къ царствованію Константина Великаго, а извѣстно, какъ мало изъ этой эпохи уцѣлѣло подобныхъ памятниковъ [1])...

Крымская кампанія послужила новымъ несчастіемъ и для развалинъ Херсонеса. Между дѣломъ французы занимались расхищеніемъ памятниковъ его, и многіе изъ нихъ увезены въ Парижъ. Но вслѣдъ затѣмъ раскопки Херсонеса оживляются и наконецъ дѣло это организуется правильнымъ образомъ. Главное вниманіе при раскопкахъ обращалось на храмы, которыхъ въ Корсуни было очень много. Между прочимъ расчищенъ фундаментъ одного храма, описаннаго путешественниками раньше, а также площадь вокругъ храма. Положеніе его посреди города, на площади, украшенной, какъ оказалось, многими церквями и общественными зданіями сближало интересныя развалины съ лѣтописнымъ храмомъ св. Василія и связывало ихъ съ драгоцѣнными воспоминаніями о крещеніи св. Владиміра. Въ семидесятыхъ годахъ за дѣло раскопокъ взялось Одесское Общество исторіи и древностей при денежномъ пособіи

---

[1]) Гр. Уворовъ, «Нѣск. словъ объ археолог. разыск. бл. Симферополя и Севастополя». Прошлеи IV, 1854 г.

святѣйшаго синода, сначала въ размѣрѣ 500 р., а потомъ 1000 р. въ годъ. Трудъ непосредственнаго постояннаго надзора за раскопками взялъ на себя іеромонахъ Андрей, завѣдывавшій тогда херсонскимъ монастыремъ, а для указанія и руководства пріѣзжалъ по временамъ вице-президентъ общества, г. Мурзакевичъ. Изъ монументальныхъ памятниковъ, открытыхъ вновь, преимущественное вниманіе обращали на себя опять таки церкви—то въ формѣ базиликъ, то въ византійскомъ стилѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ найдены отличные мозаиковые полы, но что касается стѣнъ, то живописныя и мозаиковыя украшенія ихъ почти совершенно пропали для науки, что очень жаль, такъ какъ извѣстно, что въ дѣлѣ живописи Корсунь имѣлъ весьма замѣтное вліяніе на Русь, и до сихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ Россіи сохранилось довольное число иконъ корсуньскаго письма. Найденныя мозаики представляютъ сочетаніе геометрическихъ фигуръ и кресты, а изъ цвѣтовъ чаще другихъ повторяются черный, бѣлый и красный. Нѣтъ сомнѣнія, что неизмѣримо важнѣе для исторіи искусства были-бы мозаики стѣнныя, но придется подождать, пока онѣ будутъ открыты. Этотъ родъ искусства пришелся какъ нельзя болѣе по вкусу художникамъ греческаго вѣроисповѣданія, отлично отвѣчая требованіямъ роскоши и прочности; строгая красота кіевскихъ мозаикъ заставляетъ желать еще настойчивѣе, чтобы и въ Корсуни были открыты памятники этого рода, такъ какъ по времени они могутъ относиться къ лучшей порѣ православнаго искусства.

Замѣчательно, что большинство открытыхъ храмовъ сложено изъ матеріаловъ, бывшихъ ранѣе въ употребленіи; стѣны ихъ сложены изъ обломковъ колоннъ и капителей (иногда съ надписями), изъ камней, носящихъ слѣды желѣзныхъ скрѣпъ, черепицы даже; бокъ-о-бокъ съ такими почтенными, историческими инвалидами нашли себѣ мѣсто простые кругляки и щебень; иногда все это скрѣплено отличнымъ цементомъ, но чаще сложено на сухо, какъ попало...

Помимо церквей, разрыты также и жилья, и хозяйственныя помѣщенія; въ погребахъ найдены запасы хлѣбнаго зерна и рыбы, сушеной и истолченной въ порошокъ; многое множество цистернъ, помимо отличнаго водопровода съ колодцами, свидѣтельствуютъ о чисто античной любви херсонитянъ къ свѣжей, здоровой водѣ. Ин-

тересно, что младшій преемникъ Херсонеса, Севастополь, открылъ водопроводъ только два года назадъ...

Изъ мелкихъ вещей находимы были въ Херсонесѣ мѣдные складные кресты, кадильницы, подсвѣчники, ручныя кольца—мѣдная и стеклянная посуда и наконецъ монеты. Изъ надписей особенно важна открытая въ 1878 г. близь Карантинной бухты, на мраморномъ камнѣ, служившемъ подножіемъ мѣдной статуи полководцу Діофанту, разбившему скиѳскаго царя Скилура. Въ особенности историческая географія почерпнула изъ нея много весьма цѣнныхъ данныхъ.

Многократныя расхищенія памятниковъ, продолжавшіяся и въ послѣднее время, вызвали мысль объ основаніи при херсонесскомъ монастырѣ „Христіанскаго Музея". Мысль эта нашла сочувствіе въ святѣйшемъ синодѣ и въ частныхъ лицахъ, оказавшихъ посильное пособіе для ея осуществленія. Президентъ одесскаго общества исторіи и древностей С. М. Воронцовъ пожертвовалъ музею важную для науки надпись V в., времени императора Зенона, пожаловавшаго Херсонесу значительную сумму денегъ на поддержаніе городской стѣны. Въ настоящее время „Христіанскій Музей" есть существующій фактъ.

Изъ Севастополя въ херсонесскій монастырь считаютъ версты три. Можно отправляться или берегомъ, или на лодкѣ, если кто не боится качки. Около монастырскихъ береговъ и при выходѣ изъ севастопольскаго рейда прибой иногда бываетъ очень сильный. Море сорвало и поглотило довольное число развалинъ. Сидя на морскомъ берегу, на развалинахъ, и слушая, съ какимъ громомъ разбивались волны, я невольно задавался вопросомъ о томъ, на сколько успѣшно подвигается разрушительная работа моря? Берегъ известковый, мягкій, и обвалившіяся древнія стѣны свидѣтельствуютъ, что море не знаетъ устали. Въ самомъ дѣлѣ, не на самомъ-же берегу строилась обширная базилика, открытая гр. Уваровымъ, а между тѣмъ алтарная стѣна не существуетъ болѣе. Затѣмъ, надо думать, городская стѣна окружала когда-то городъ и съ моря, такъ какъ теперь окружаетъ она развалины съ суши: гдѣ она? Наконецъ интересовало меня слѣдующее обстоятельство. Въ двухъ мѣстахъ на морскомъ берегу существуютъ остатки древнихъ лѣстницъ, и на планахъ развалинъ ученые надписываютъ въ этихъ мѣ-

стахъ: „пристань“; но какая-же пристань—въ открытомъ морѣ? Почему-же она не въ Карантинной бухтѣ, по берегу которой открыты только одни кладбища?.. Думается невольно, что геологія могла-бы сказать кое-что интересное и для исторіи...

Городскія стѣны во многихъ мѣстахъ сохранились отлично; башни—хуже. Стѣны сложены на цементѣ, изъ такого-же сборнаго матеріала, что и въ городскихъ постройкахъ. Въ иныхъ мѣстахъ высота ихъ доходитъ до 4 сажень, а толщина превышаетъ сажень.

Входъ въ монастырь—съ южной стороны; пройдя монастырскій дворъ, входимъ въ садикъ, главная аллея котораго обставлена коллонами и разнаго рода фрагментами. Раскопки производятся въ сѣверной части города. Груды камня сразу бросаются въ глаза, какъ только выйдешь изъ сада, а надъ ними возвышается прекрасный, новый храмъ св. Владиміра, заключающій развалины того храма, въ которомъ, судя по обстоятельствамъ, крестился Владиміръ Святой. Планъ развалинъ этого храма—византійскій, крестообразный, съ абсидою въ олтарной стѣнѣ; кладка—такая-же, какъ и всюду здѣсь: остатки античныхъ колоннъ (съ каннелюрами), огромные камни, съ выдолбами для желѣзныхъ связокъ и т. п. По серединѣ развалинъ найдена купель, но она была въ такомъ печальномъ состояніи, что ее вздумали обновить.

Обокъ съ этой церковью, на право—другая, за олтаремъ—еще... Далѣе слѣдуетъ улица, пересѣкавшая городъ отъ юга къ сѣверу. Ширина ея вездѣ ровная—3 сажени; на равныхъ разстояніяхъ пересѣкаютъ ее переулки разной широты: въ сажень, 2 аршина и даже въ 1 аршинъ. На сѣверѣ улица эта упирается въ Уваровскую базилику.

Расхищены многія зданія, выходящія на эту улицу и по сосѣдству съ ней. Жилища тѣсны, складены до крайности плохо, на сухо; стѣны тонки и, что всего удивительнѣе, въ нѣкоторыхъ комнатахъ не достаетъ дверей, а оконъ почти нигдѣ нѣтъ слѣдовъ: можетъ быть въ нижнемъ этажѣ помѣщались кладовыя, и ходъ былъ особый, хотя рѣшительно не понятно, какимъ образомъ могло держаться два этажа, сложенные, какъ дѣтская постройка. Въ церквахъ и даже по улицамъ много гробницъ, весьма не глубокихъ, и многія съ костями; снаружи онѣ заваливались

камнемъ и заливались известкой; довольное число маленькихъ погребальницъ: тѣсное зданіе, въ сажень квадратную величиной, и три или четыре гробницы въ немъ. Къ западу отъ главной улицы есть развалины нѣсколькихъ базиликъ, и одна изъ нихъ, которую въ монастырѣ называютъ церковью св. Климента, сажень 20 длины. Неподалеку отъ нея интересная крещальня, построенная въ видѣ звѣзды, изъ хорошаго матеріала и на такомъ цементѣ, что стѣны сохранились въ сажень высотой, тогда какъ въ другихъ зданіяхъ онѣ рѣдко достигаютъ 2 аршинъ; на стѣнахъ замѣтны слѣды штукатурки и краски; въ полу, по срединѣ—купель; въ стѣнѣ, на лѣво отъ входа—ниша, направо—гробницы.

Сказать правду, впечатлѣнія развалинъ Херсонеса не вяжутся съ представленіемъ о его богатствѣ и роскоши. Эти обломки стараго матеріала, этотъ булыжникъ и щебень, едва слѣпленные и готовые повалиться отъ перваго толчка, имѣютъ какой-то щемящій жалобный видъ. Эти мертвые тысячелѣтніе камни говорятъ не о жизни полной силъ, а о старческомъ истощеніи, о судорожныхъ усиліяхъ жить; не чувствуешь дыханія жизни, а предсмертный вздохъ. Не знаю, чудилось мнѣ, или на яву такъ было, но въ этихъ развалинахъ я обоняю запахъ смерти, и не то, чтобы прямо трупный запахъ, а такъ какой-то почти духовный, археологическій.

Но выѣзжая изъ Херсонеса въ послѣдній разъ, я покидалъ его съ уваженіемъ. Какъ угодно, а воспоминанія великія, и, по нашему, прошлое Херсонеса—болѣе почтенное, чѣмъ очень многихъ западныхъ городовъ, которые усердно посѣщаются туристами...

На западѣ Европы много полуострововъ и гнѣздъ разнаго рода; она представляетъ отдаленную, но благородную цѣль исканія народовъ. Отъ того исторія запада началась ранѣе, чѣмъ исторія востока. Удобныя границы, данныя природой, облегчали западнымъ народамъ самозащиту, и населеніе западно-европейскихъ областей проще по своему составу, устойчивѣе и крѣпче къ землѣ по привычкамъ; этимъ до нельзя облегчалось дѣло цивилизаціи и въ особенности дѣло культурнаго наслѣдованія. Наслѣдованіе на востокѣ не то: Россія по обширности своей территоріи и равнинности ея, по недостатку естественныхъ границъ съ Азіей и западомъ и по близкому сосѣдству съ первой—стала поприщемъ, гдѣ броженіе продолжалось гораздо дольше, гдѣ этнографическое разнообразіе

доходило (и доходитъ) до максимума; процессъ сліянія народности не конченъ здѣсь еще доселѣ и не извѣстно, когда онъ будетъ оконченъ; процессъ заселенія территоріи—также не совсѣмъ законченъ, а бродяжничество продолжалось до послѣдняго времени. Отсюда видно, сколько надо было грекамъ имѣть вѣры въ силу своей цивилизаціи и сколько смѣлости, для того, чтобы основаться на берегу Чернаго моря и въ виду неустаннаго броженія и варварства выстоять два тысячелѣтія, выстоять до послѣдняго издыханія...

Но античная цивилизація, національно-исключительная по своему характеру, успѣвъ побѣдить болѣе простое по составу населеніе запада Европы, оказалась слабою для того, чтобы остановить броженіе и ассимилировать народы на востокѣ. Здѣсь наиболѣе нужна была для дѣла прогресса религія космополитическая, какою и явилось христіанство. На такомъ историческомъ перепутьи, какова Россія, если и могло основаться государство, то не иначе, какъ на христіанскомъ началѣ: „нѣсть эллинъ, ни скиѳъ, ни іудей“...

Елисаветградъ.
3 марта, 1883 г.

В. Ястребовъ.

ХАРЬКОВСКІЙ ВЕРТЕРЪ.

Психологическо-юридическій очеркъ изъ харьковской хроники начала тридцатыхъ годовъ*).

О! если-бъ могъ я вылить звукомъ
Все сокровенное во мнѣ,
Дать выраженье думамъ, мукамъ—
Всему, что есть въ душѣ, въ умѣ,
Всѣмъ снамъ, сомнѣніямъ суровымъ,
Всю силу знаній, страсти жаръ
Могъ передать единымъ словомъ—
То былъ-бы громовой ударъ.
Но такъ какъ это лишь возможно
Въ минутномъ снѣ—не на яву,
То я умру, какъ и живу,
Съ своими думами, ничтожно,
И спрячу ихъ, забывши сны,
Какъ безполезный мечъ въ ножны.

Чайльдъ-Гарольдъ. Пѣсня 3-я, строфа XCVII. Перев. Д. Минаева.

Въ 1832 году поступилъ я въ харьковское уѣздное училище. Для меня и для жившихъ со мною соучениковъ моихъ, въ числѣ 5—6 человѣкъ, былъ нанятъ *репетиторъ*, какой-то студентъ здѣшняго университета... Говорю „какой-то“ потому, что, по тогдашнимъ моимъ

---

*) Недавно, перебирая портфель своего покойнаго отца—хранилище разнородныхъ посмертныхъ рукописей его, я остановился на полновѣсной пачкѣ бумагъ, особо связанной. Бѣгло пробѣжавъ набросанныя наскоро строки, я невольно задумался... Мнѣ вдругъ пришла на память одна историческая справка, совершенно случайно остановившая мое вниманіе во время занятій въ фундаментальной библіотекѣ здѣшняго университета, въ 1878 году. Дѣло въ томъ, что, пересматривая годовые экземпляры «Харьковскихъ Губер. Вѣдомостей» давно прошедшихъ лѣтъ,

понятіямъ объ университетскихъ студентахъ, онъ нисколько не подходилъ подъ ту мѣрку, которою измѣрялъ я школьника и великаго, какъ тогда мнѣ казалось, человѣка—студента. Нашъ репетиторъ скорѣе походилъ на бурсака: ѣлъ, какъ слонъ; университетскія лекціи переписывалъ терпѣливо, какъ оселъ, и это было его исключительное занятіе; былъ онъ неразговорчивъ, мраченъ, нисколько не занимался нами, исключая того времени, когда понукалъ насъ, и не совсѣмъ вѣжливо, твердить уроки, или, выслушивая ихъ, исправныхъ учениковъ оставлялъ безъ вниманія, а увлекавшихся не столько грамматикою, сколько зеленью расположеннаго подъ нашею хаткою огорода и дыханіемъ весенняго воздуха, удостоивалъ своимъ *вниманіемъ*... Пали, розги—были для многихъ изъ насъ тоже, что былыя *субботки* въ бурсѣ... Намъ стало невтерпежъ, мы стали жаловаться... Репетитора смѣнили. Явился другой, но оказался не лучше. Дождались мы третьяго—чуть-ли не хуже прежнихъ.

я наткнулся на одну заинтересовавшую меня статью. Это было «Описаніе харьковской губерніи» С. И. Кованько, напечатанное въ неофиціальной части «Харьк. Губ. Вѣд.» за 50-е года. Въ статьѣ этой авторъ, характеризуя харьковское общество начала тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, упоминаетъ, между прочимъ, о разныхъ, такъ называемыхъ, романическихъ происшествіяхъ: о самоубійствахъ отъ любви и т. п., какъ о слѣдствіяхъ того, что харьковцы этого времени будто-бы слишкомъ увлекались такими сочиненіями, какъ «Коварство и Любовь» Шиллера, «Вертеръ» Гете и проч. При этомъ въ статьѣ г. Кованько есть намекъ на случай самоубійства студента медицинскаго факультета здѣшняго университета... Этотъ-то студентъ, по всѣмъ догадкамъ, и есть та личность, которая была избрана героемъ отысканнаго мною посмертнаго очерка моего отца. Содержаніе очерка показалось мнѣ имѣющимъ извѣстную долю общаго интереса, не столько впрочемъ какъ характеристика харьковцевъ какого-бы то ни было вѣка, сколько какъ психологическое явленіе въ жизни человѣка вообще. Рѣшаясь поэтому напечатать этотъ посмертный очеркъ отца, я, на всякій случай, считаю нелишнимъ упомянуть здѣсь о приложенной къ рукописи оговоркѣ автора, что фамиліи дѣйствующихъ лицъ этой трагедіи нѣсколько видоизмѣнены и что родственники и близкіе имъ люди не существуютъ. Самый очеркъ написанъ авторомъ въ 1862 году. Я измѣнилъ лишь заглавіе очерка, который въ рукописи былъ названъ именемъ и фамиліею героя: «Михайло Яковлевичъ Старолюдскій», и замѣнилъ переводъ эпиграфа къ очерку (XCVII строфа 3 пѣсни Чайльдъ-Гарольда) другимъ: вмѣсто неуклюжаго подстрочнаго перевода кн. Вяземскаго я взялъ стихотворный переводъ Д. Минаева.—

А. А. Барымовъ.

Живо я помню, какъ мы радовались, когда насъ, послѣ долгаго зубренья убійственно-сухихъ книжонокъ, на которыя не падала ни одна капля живого слова изъ устъ педагога, выпускали, наконецъ, погулять—побѣгать по двору, перескочить въ бѣдный теперь, но тогда великолѣпный въ моихъ глазахъ огородъ, поиграть въ прятки. Ну, словомъ, каждая смѣна репетитора насъ радовала... Но пришла пора намъ и плакать объ этой смѣнѣ, и причиною этого былъ Михайло Яковлевичъ Старолюдскій.

Въ 1833 году поступилъ къ намъ репетиторомъ *онъ,* М. Я. Старолюдскій. Какъ ни радовались мы перемѣнѣ репетитора, въ надеждѣ встрѣтить *человѣка,* но все таки, при появленіи къ намъ Старолюдскаго, смотрѣли на него довольно недовѣрчиво... Кроткое лицо и ласковая рѣчь новаго лектора скоро разсѣяли эту недовѣрчивость, и не прошло мѣсяца послѣ его появленія въ нашемъ кружкѣ, какъ мы привязались къ нему со всею искренностью молодыхъ, благодарныхъ добротѣ сердецъ.

М. Я. Старолюдскій былъ лѣтъ 20 съ небольшимъ, довольно плечистый, средняго роста, сколько могу припомнить и сообразить теперь (многіе изъ тѣхъ, которыхъ я зналъ въ то время, являлись, впослѣдствіи къ величайшему моему изумленію, вовсе не такого роста, какой рисовался въ моихъ дѣтскихъ глазахъ: гигантъ оказывался приземистымъ). Черты его лица вообще были обыкновенны, но оно отличалось добрымъ, кроткимъ, симпатичнымъ выраженіемъ. Особенно пріятна была его улыбка, съ которою онъ постоянно обращался къ намъ въ разговорахъ съ нами. Нѣсколько выдававшаяся впередъ нижняя губа его придавала ему видъ какого-то грустнаго недовольства. Любимая одежда его была—сюртукъ сѣраго сукна, перехваченный ременнымъ поясомъ со стальною пряжкою. Бѣлые откидные воротнички его рубашки стягивались едва замѣтнымъ легкимъ галстучкомъ, такъ что шея его вся была открыта. Полновѣсный галстухъ называлъ онъ ошейникомъ.

Запуганные суровостью и нелюдимостью прежнихъ нашихъ репетиторовъ, привыкшіе видѣть въ нихъ постоянно героевъ ругательствъ, линеекъ и розогъ, мы сначала съ недоумѣніемъ смотрѣли на кроткое

обращеніе съ нами Михаила Яковлевича, недовѣрчиво слушали его ласковыя рѣчи. Бывало забуянитъ Миша Хлоповъ или напроказитъ Ѳедя Худошинъ,—Терентій, слуга и дядька нашего кружка, идетъ съ жалобою къ Михаилу Яковлевичу. Ждемъ грозы, не тутъ-то было! Наставникъ нашъ призоветъ къ себѣ провинившагося и вотъ чѣмъ наказываетъ его: „на васъ жалуются, сударь? Стыдно вамъ, сударь, что вы довели себя до этого! Пусть-же это будетъ вамъ наказаніемъ!" И это наказаніе впослѣдствіи сдѣлалось для насъ больнѣе линеекъ и розогъ, и мы старались избѣгать его.

Бывало, мы съ нетерпѣніемъ ждемъ той минуты, когда репетиторъ уйдетъ со двора. Только что захлопнется за нимъ фортка, мы книги въ сторону, на дворъ, въ огородъ, кто куда попало, и нерѣдко прибѣгали къ благороднымъ рыцарскимъ упражненіямъ—къ кулачкамъ. Съ появленіемъ-же у насъ Михаила Яковлевича все измѣнилось: мы не только привыкли къ страшному такъ недавно присутствію репетитора, но даже скучали безъ него и съ нетерпѣніемъ ждали его возвращенія. Покажется онъ на форточкѣ—мы, какою-бы интересною игрою ни были заняты на дворѣ, бросаемъ все и съ веселымъ крикомъ: „Михайло Яковлевичъ пришелъ!" бѣжимъ къ нему на встрѣчу и идемъ за нимъ въ комнату. Что-же насъ манило туда? Разсказы и—кто-бы повѣрилъ? книги, книги, отъ которыхъ давно-ли бѣжали мы съ отвращеніемъ. Да, въ первый разъ, по милости Михаила Яковлевича, взглянули мы на книги не тѣмъ враждебнымъ взглядомъ, которымъ пріучили насъ глядѣть наши прежніе суровые педагоги. Онъ собиралъ насъ вокругъ себя, ложился на плохонькую кровать въ низенькой, съ бревенчатыми стѣнами комнатѣ, разсказывалъ намъ—не помню что, но очень хорошо знаю, что разсказы его занимали насъ въ высшей степени. Чаще онъ читалъ намъ. Читалъ онъ преимущественно Пушкина и Шекспира: „Гамлета" (котораго онъ въ особенности любилъ) въ переводѣ Вронченко, „Лира" въ переводѣ Якимова. Что мы, дѣти, могли понимать въ Шекспирѣ? Но чтеніе Михаила Яковлевича всегда дополнялось разсказами и объясненіями, и мы, если не вполнѣ понимали автора, то, изъ словъ чтеца, угадывали красоты сочиненія и были близки къ сознательному пониманію ихъ. Отбросивъ книгу, онъ снова заводилъ съ нами бесѣду. Живо помню, какъ одинъ разъ поразилъ онъ насъ во-

просомъ: „Скажите, отчего мы, мужчины, любимъ женщинъ?“ Невѣжды въ отношеніи къ духовной сторонѣ этой любви, но уже порядочно знакомые съ другою стороною ея, мы съ изумленіемъ и отчасти со страхомъ (нѣкоторые даже со стыдомъ) переглянулись между собою. Онъ замѣтилъ наше смущеніе, улыбнулся своею кроткою, милою улыбкою и началъ намъ объяснять причину любви мужчинъ къ женщинамъ. Не могу теперь припомнить ни одного слова изъ его объясненій, но знаю, что мы услышали вовсе не то, что ждали услышать: и новы, и пріятны были намъ слова его...

Не могу вспомнить безъ глубокой благодарности за себя и за другихъ, имѣвшихъ близкія отношенія къ Михаилу Яковлевичу, о томъ, съ какимъ вниманіемъ, съ какою отеческою какъ-бы радостью слѣдилъ онъ за проявленіемъ какой-нибудь способности въ своихъ воспитанникахъ! Одинъ изъ насъ вздумалъ накропать стишки. Мы постарались довести ихъ до свѣдѣнія репетитора. Стиховъ онъ не похвалилъ, но совѣтывалъ маленькому автору ихъ не оставлять поэтическихъ занятій. „Прекрасно быть поэтомъ, сказалъ онъ, но поэтомъ истиннымъ; а кто знаетъ, чѣмъ вы можете быть? Пишите и показывайте мнѣ свои стихи“. Другой изъ насъ имѣлъ страсть къ рисованію, и Михайло Яковлевичъ ободрялъ ее всѣми силами. Онъ доставалъ ему краски, картины для копированья и, критикуя безпощадно каждую неудачную попытку юнаго живописца, постоянно твердилъ ему: „Прекрасная вещь живопись! У васъ, я замѣчаю, есть къ ней способность. Не бросайте ея! Богъ вложилъ въ васъ эту способность, и Онъ накажетъ васъ, если вы пренебрежете ею!“ Самъ онъ не занимался ни писаніемъ стиховъ, ни рисованіемъ. Эгоистической причины къ побужденію заниматься тѣмъ или другимъ, слѣдовательно, не было.

Года два былъ онъ у насъ репетиторомъ. Подъ конецъ своихъ занятій съ нами, онъ началъ чаще и чаще задумываться, рѣже бесѣдовалъ съ нами... Вообще я не замѣтилъ, чтобы онъ прилежно занимался студенческими тетрадками, быть можетъ, потому, что у него была, какъ я не разъ замѣчалъ, прекрасная память. Студентъ медицинскаго факультета, онъ очень не лестно отзывался о медицинѣ, какъ о наукѣ *шаткой*...

Онъ страстно любилъ музыку и театръ. Въ театръ онъ нерѣдко бралъ меня съ собою (ко мнѣ, не помню почему, онъ обнаруживалъ особенное расположеніе). Мнѣнія его о театрѣ изобличали въ немъ, какъ теперь вижу, знатока сценическаго искусства. Когда только что появился на сценѣ нашего театра Рыбаковъ, и мы увидѣли его въ драмѣ Шиллера „Марія Стюартъ", въ маленькой роли рыцаря Паулета, Михайло Яковлевичъ, слѣдя внимательно за его игрою, замѣтилъ, что онъ не умѣетъ читать стиховъ, но современемъ, поучившись, можетъ быть очень хорошимъ актеромъ. Это и сбылось.

Чѣмъ ближе подходила наша разлука съ нимъ, которой никто изъ насъ и не подозрѣвалъ, тѣмъ продолжительнѣе и мрачнѣе дѣлалась его задумчивость. Разъ, недѣли за двѣ до вѣчной разлуки съ нами, онъ сказалъ намъ, что видѣлъ во снѣ своего покойнаго отца, который звалъ его къ себѣ.. Потомъ, черезъ нашего, теперь покойнаго, дядьку Терентія, добылъ онъ себѣ пороху... За недѣлю до того, какъ мы разстались съ нимъ, я прибѣжалъ къ нему съ радостнымъ восклицаніемъ: „Михайло Яковлевичъ, нынче играютъ вашу любимую „Марію Стюартъ"! Пойдемте!" Онъ глубоко задумался и, наконецъ, сказалъ, какъ будто проснувшись: „пойдемте, въ послѣдній разъ!" „Это почему?" спросилъ я. „Такъ!"... отвѣчалъ онъ нехотя.

Дня за три или за четыре до катастрофы, поздно вечеромъ, когда мои товарищи уже спали, я и Михайло Яковлевичъ сидѣли за столомъ другъ противъ друга, при нагорѣвшей свѣчѣ. Онъ положилъ свои мощныя руки крестообразно на столъ, а на нихъ—голову; я сидѣлъ напротивъ него и чертилъ что-то карандашемъ на бумагѣ. Онъ вдругъ поднялъ голову, откинулъ ото лба свои довольно длинные бѣлокурые волосы, посмотрѣлъ на мое рисованіе и сказалъ: „рисуйте мой портретъ!" Я немножко сконфузился и, запинаясь, отвѣчалъ: „я не умѣю... я плохо рисую"... „Ничего, возразилъ онъ: хоть какъ нибудь, а не то вы вѣдь скоро меня забудете"...

14 числа октября пришелъ онъ къ моей матери и сказалъ, что онъ оставляетъ должность репетитора, потому что ему нужно заняться съ его меньшимъ братомъ...

Нужно замѣтить, что онъ и его воспитанница квартировали въ домѣ моихъ родственниковъ, съ которыми проживалъ и я. Его мачиха

и замужняя тетка, ея родная сестра, Софья Доре, съ своими семействами жили недалеко отъ нашего дома.

Мать моя, дорожа такимъ наставникомъ, какъ Старолюдскій, стала упрашивать его, чтобы онъ не оставлялъ своихъ занятій со мною,—чтобы, по крайней мѣрѣ, позволилъ мнѣ ходить къ нему для занятій. Нехотя, послѣ долгихъ колебаній, онъ согласился... Это было вечеромъ. Когда онъ сидѣлъ у моей матери, мы, его ученики, печально собралися въ особомъ флигелькѣ, на сосѣднемъ дворѣ, гдѣ жилъ онъ и мои товарищи по училищу. . Теменъ и грустенъ былъ осенній вечеръ, но еще грустнѣе его были мы: мы знали, что добрый Михайло Яковлевичъ оставляетъ насъ! Сидѣли мы молча... Вотъ отворяется дверь, на порогѣ является нашъ добрый Михайло Яковлевичъ... Онъ остановился въ дверяхъ, сдѣлалъ усиліе улыбнуться, но когда увидѣлъ насъ печальными—глаза его подернулись слезами. Мы разомъ всѣ заплакали. Тогда онъ тихо засмѣялся, подошелъ къ намъ... „Ну, что-жъ пригорюнились, что плачете? Увидимся!" Потомъ онъ перецѣловалъ всѣхъ насъ, сказалъ отрывисто: „будьте счастливы!" и быстро вышелъ изъ комнаты.

Больше мы его ужъ не видѣли!

На утро я иду къ нему въ его новую квартиру, для занятій—не застаю дома. На другой день—тоже, на третій—тоже. Но на этотъ разъ я замѣтилъ, что его мачиха и ея прислуга—всѣ въ какомъ-то разстройствѣ, съ заплаканными глазами... Кто-то сказалъ мнѣ, что Михайло Яковлевичъ *очень боленъ*... Наконецъ слышимъ, что Старолюдскій вмѣстѣ съ своею теткою исчезъ неизвѣстно куда, и вотъ въ городѣ зашумѣли, что они—*застрѣлились!*

И трупы ихъ нашли близь теперешняго Холодногорскаго кладбища, на Лысой горѣ...

Вотъ извлеченіе изъ тѣхъ свѣдѣній, какія успѣлъ я собрать объ этомъ происшествіи.

15 октября было доведено до свѣдѣнія правленія университета о томъ, что студентъ Михайло Старолюдскій отлучился изъ г. Харькова съ своею родственницею, Софьею Доре, по дорогѣ на Холодную гору, *съ цѣлью лишить себя жизни.* Правленіе университета сообщило объ этомъ харьковскому полиціймейстеру. По распоряженію по-

лиціймейстера, а также земскаго суда, было наряжено сорокъ человѣкъ понятыхъ для розысканія пропавшихъ. Послѣ аккуратныхъ и продолжительныхъ розысковъ, уже 20 октября, Старолюдскій и Доре были отысканы на Холодной горѣ—застрѣлившимися.

Искали ихъ почти цѣлую недѣлю. Еслы взять во вниманіе, что мѣсто ихъ самоубійства было въ точности извѣстно, то нельзя не удивляться такой продолжительности розысковъ, тѣмъ болѣе, что со стороны полиціи были приняты дѣятельныя для этого мѣры. Говорили въ то время, что несчастные любовники, оставивъ въ послѣдній разъ Харьковъ, посѣтили ближній къ нему (въ 8 верстахъ) куряжскій монастырь, исповѣдывались тамъ и причащались... Въ 9-мъ часу утра 20 числа мальчикъ-пастухъ, гоня свое стадо мимо урочища Лысой горы, увидѣлъ между кустами застрѣлившихся: „дивись, дядьку! сказалъ онъ своему спутнику,—паны въ кущахъ сплять"...

Трупы лежали на взлѣсьи, около версты отъ заставы. *Онъ* лежалъ на правомъ боку; лѣвая рука его покоилась на *ея* груди. Былъ онъ одѣтъ въ шинель темно-сѣраго сукна, въ студенческій вицъ-мундиръ, подпоясанный кожанымъ кушакомъ со стальною пряжкою. Газовый жилетъ и рубашка на груди были разстегнуты; подъ бокомъ у него лежала трубка съ чубукомъ.

Она лежала рядомъ съ нимъ навзничь, въ малиновомъ платьѣ, стянутомъ такимъ-же кушакомъ, какъ и онъ, въ капотѣ съ теплымъ воротникомъ. По лѣвую сторону отъ нихъ лежала пара новыхъ пистолетовъ, безъ зарядовъ, со спущенными курками...

При судебно-медицинскомъ осмотрѣ нашли у него, на лѣвой сторонѣ груди, прямо противъ сердца, рану величиною въ діаметрѣ пальца въ два (такъ сказано въ медицинскомъ актѣ); на правой сторонѣ лица синеватое пятно. Въ боковомъ карманѣ вицъ-мундира отыскали двѣ пули и пороху заряда на два, а также два письма съ заглавіями: одно—„Судьямъ нашихъ труповъ" и другое—„Друзьямъ моимъ", и два печатныхъ листка.

У нея на срединѣ груди оказалась рана меньшей величины, чѣмъ у него; тѣло ея по направленію отъ раны къ шеѣ было обожжено порохомъ.

Лѣтъ имъ, по наружности, дали: ему—25, а ей—за 30

При разслѣдованіи, по поводу этого происшествія, было открыто слѣдующее.

15 октября, часа въ три послѣ обѣда, Софья Доре, проводивъ куда-то своего мужа, позвала къ себѣ свою крестьянку Ульяну Павлову и, одѣваясь, при ея помощи, сказала, что пойдетъ на имянины. Одѣвшись, она вышла за ворота и ожидала извощика, за которымъ послала жившаго въ домѣ Доре мальчика Володьку. При ней въ это время были ея дѣти. Когда пріѣхалъ извощикъ, она простилась съ дѣтьми, заплакала, сѣла на дрожки и поѣхала.

На другой день г. Доре встревожился продолжительнымъ отсутствіемъ своей жены, сталъ распрашивать прислугу и узнавъ, что она посылала мальчика за извощикомъ, розыскалъ того извощика, за которымъ посылала. При допросѣ извощикъ показалъ, что наканунѣ, послѣ обѣда, возилъ онъ какую-то барыню на Холодногорское кладбище. Когда онъ пріѣхалъ туда съ нею, она сошла съ дрожекъ, приказала ему подождать, а сама пошла на кладбище, ходила между памятниками и крестами и читала надписи. Минутъ черезъ десять послѣ этого, подъѣхалъ къ кладбищу, на извощикѣ, какой-то баринъ въ сѣрой шинели и спросилъ прежде пріѣхавшаго извощика: „кого ты привезъ?“ „Барыню“, отвѣчалъ извощикъ. Узнавъ, что ему не заплачено, баринъ далъ по цѣлковому обоимъ извощикамъ, сказалъ: „ступайте, васъ больше не надо!“ и пошелъ на кладбище.

При дальнѣйшемъ разъясненіи этого случая, М. И. Старолюдская показала, что она живетъ въ одномъ дворѣ съ Софьею Доре, только въ особомъ отъ нея флигелѣ. 15 октября, пополудни, приходила она къ своей сестрѣ Софьѣ, которая въ это время одѣвалась. На ея вопросъ: „куда ты идешь?“—Софья отвѣчала: „погостить къ Каш—мъ“. На другой день пришелъ къ ней, говорила Старолюдская, мужъ ея сестры и сказалъ, что его жена поѣхала на кладбище и тамъ осталась одна. Она этому не повѣрила, но потомъ узнала, что ея сестра у Каш—выхъ не была, а вскорѣ были отысканы у Софьи Доре три собственноручныхъ письма ея и одно—Старолюдскаго, изъ которыхъ узнала она, что ея сестра и пасынокъ рѣшились умертвить себя...

Старолюдская увѣряла, что, живя съ своею сестрою, она никогда не замѣчала ссоры между сестрою и ея мужемъ. Иногда онъ, подозрѣвая свою жену въ связи съ М. Я. Старолюдскимъ, дѣлалъ ей за то выговоры...

Всѣ, жившіе въ домѣ Доре, единогласно сказали, что они ничего неприличнаго или подозрительнаго не замѣтили между застрѣлившимися.

Г. Доре оправдывался такъ: „женившись на Софьѣ, онъ жилъ съ нею, какъ повелѣваетъ долгъ супружества и любилъ ее, какъ истинную жену, а она была предана ему, какъ истинному другу". Въ удостовѣреніе этого онъ показалъ письмо, писанное къ нему, во время его отлучки, женою, по истеченіи десятилѣтняго супружества, при троихъ живыхъ дѣтяхъ... „Потомъ, увѣрялъ далѣе г. Доре, любовь жены къ нему перемѣнилась, и она, „забывъ обязанности матери и оставивъ дѣтей безъ призрѣнія, занималась болѣе студентомъ Старолюдскимъ, который, какъ родственникъ, былъ въ то время принятъ для занятій съ сыномъ его, Доре... Не разъ онъ просилъ свою жену оставить предосудительное поведеніе съ молодымъ Старолюдскимъ, но она не слушала этихъ просьбъ... и въ концѣ того года такъ охладѣла къ нему и къ дѣтямъ, что, передъ своимъ побѣгомъ изъ дому, призналась ему, что его вовсе не любитъ, а къ дѣтямъ питаетъ отвращеніе, и вотъ, наконецъ, довершила, несмысленная, плоды праздности и волнаго обращенія и заставила его, т. е. г. Доре, мучиться на цѣлую жизнь" и пр. и пр. „Если-же, спѣшилъ прибавить къ этому объясненію г. Доре, она въ своихъ письмахъ, найденныхъ послѣ ея смерти, и написала, что до самоубійства довело ее обращеніе съ нею ея мужа, то это она сдѣлала единственно къ оправданію своему, и письма ея не заслуживаютъ никакого довѣрія".

За то, какъ письмо, заслуживающее высочайшаго довѣрія, рекомендовалъ г. Доре цѣлый полулистъ почтовой бумаги, исписанный почеркомъ *нѣсколько сходнымъ* съ почеркомъ его жены.

Письмо это, какъ значится изъ многихъ *обстоятельныхъ* помѣтъ, было написано къ нему въ іюлѣ 1835 года. Оно наполнено необыкновенными нѣжностями къ отцу и дѣтямъ, фразами, въ родѣ слѣдующихъ: „какъ не любить такихъ дѣтокъ! Суди самъ: *какой долженъ быть извергъ отецъ или мать, которые не любятъ этихъ невинныхъ крошекъ! Но благодать Бога, этого и насъ нѣтъ.*

и я всякій разъ благодарю Создателя *о ниспосланіи мнѣ такого нѣжнаго супруга,* который"... и пр. и пр. и пр., все въ такомъ родѣ. Тутъ-же слегка упоминается о томъ, что Коля, благодаря Михайлу Яковлевичу, каждый день занимается писаньемъ, потому что Старолюдскій каждый день приходитъ къ нимъ и ей всегда приноситъ хорошія книги...

Вотъ письма, найденныя послѣ смерти *ея* и *его.*

Письма Софьи Доре.

„Милая, любезная сестра, Машенька! прости, что я тебя такъ часто обманывала! Ты чиста и невинна, ты ничего не подозрѣвала. Забудь, забудь сестру свою, забудь всѣ горести, которыя я тебѣ причинила! Будь тверда, уповай на Бога, какъ ты всегда уповала. Ты теперь нужна не для одной Анюты, но и для моихъ крошекъ. Ахъ, прошу, со слезами прошу тебя, будь имъ матерью и живи для нихъ, заступи имъ мое мѣсто. Ахъ, другъ единственный! смотри за моими дѣтьми, воображай ихъ своими. Смотри за ихъ чистотой, за нравами и скрой отъ нихъ мой поступокъ. Ахъ, заступи имъ мать! Особенно, мою Настеньку возьми къ себѣ... Будь ласкова съ моимъ мужемъ... Исполни мою послѣднюю просьбу о дѣтяхъ, а если не исполнишь— Богъ накажетъ тебя! Кланяйся моимъ знакомымъ, Барэ—мъ, Сухм—мъ, Кащ—мъ, Натальѣ Алексѣевнѣ и скажи ей, что я ей простила мое замужество. Прощай! Мы ужъ не увидимся. О, исполни, исполни мои просьбы на счетъ дѣтей! Не выходи замужъ. Ты знаешь, каково замужемъ. Постарайся, чтобы тѣла наши были вмѣстѣ положены въ могилу... Не продавай дома до возраста моихъ дѣтей... Въ бюро, въ зеленомъ платьѣ, въ лоскуткахъ найдешь 700 рублей. Сто изъ нихъ роздай бѣднымъ и дворовымъ... Не трогай дѣтей моихъ, особенно въ первое время, пока меня забудутъ... Ахъ, будь имъ мать, не различай ихъ отъ своихъ дѣтей; смотри, чтобъ каждую субботу ихъ купали, чтобъ люди не обижали... Прощай! Прощай!"

„М. г, Григорій Осиповичъ! Когда вы будете читать эти строки, я уже не буду подлежать вашимъ велѣніямъ. Такъ, государь мой, ваши поступки со мною довели меня до такого положенія! Богъ видѣлъ, что я не могла сносить всего, что вы со мною дѣлали. Но я васъ прощаю, ибо вы не понимали меня. Простите-жъ и мнѣ мой невольный поступокъ! Но я была благородна и умираю такою. Послѣдняя моя просьба къ вамъ: если можете, то не женитесь, это сдѣлаете лучше. Скройте отъ дѣтей мой поступокъ, скажите имъ, что я не умерла, а куда нибудь уѣхала. Они меня забудутъ, а то будутъ худыя послѣдствія—вы знаете, какъ они ко мнѣ привязаны. Еще прошу васъ—удаляйте моихъ дочерей отъ книгъ и мужчинъ до замужества, и не принуждайте ихъ выходить замужъ ни угрозами, ни уговорами. Обходитесь съ ними ласково. Мои вещи и бриллiанты... (тутъ слѣдуютъ распоряженія касательно имущества). Я пойду прогуливаться въ Валковскій лѣсъ или въ Кащенковъ. Тамъ ищите меня. Простите меня, вы много причиною этого. Желаю вамъ всѣхъ благъ и остаюсь себѣ принадлежащая Софья".

„Любезныя дѣти мои, Николай и Надежда! Благословляю васъ и Настасью! Любите другъ друга, будьте послушны папинькѣ, дѣдинькѣ и тетинькѣ, какъ мнѣ; уважайте старшихъ. Ты, Николай, люби сестеръ своихъ, защищай ихъ и чаще читай тѣ наставленія, которыя я тебѣ переписала. О, милые ангелы мои! молитесь какъ можно чаще за вашу мать: ваши чистыя молитвы будутъ услышаны. Будьте кротки, не забывайте бѣдныхъ, какихъ-бы то ни было. Прощайте, да благословитъ васъ Богъ. Не плачьте за мною—вы знаете, что у Бога лучше, это я вамъ сколько разъ говорила".

Письма Старолюдскаго.

„Почтенная маменька! Простите, простите, простите меня! Я васъ обманывалъ моимъ равнодушіемъ. Я любилъ невыразимо милую, достойную обожанія Софью. Любовь моя чиста, какъ молитва праведнаго. Первая любовь сильна, а я люблю въ первый разъ, люблю до изсту-

пленія. Добрая маменька, я былъ вамъ покоренъ, я хотѣлъ посвятить всю жизнь свою для васъ—это долгъ мой. Вы были избраны моимъ отцомъ, слѣдовательно, я долженъ былъ любить васъ, какъ родную мать. Я старался быть безпримѣрнымъ пасынкомъ... Если я оскорблялъ васъ тѣмъ, что отказывался жить у васъ, *то этому имѣлъ причины сильныя.* Вы ихъ должны знать. Анюта, прости: я долженъ былъ сдѣлать для тебя многое и не сдѣлалъ ничего. Предавшись непреоборимому, я не видѣлъ многаго, касавшагося до моей обязанности. Прости меня, добрая мать, да наградитъ тебя Богъ силами перенести поступокъ сына твоего. Богъ мнѣ проститъ, и ты, матерь, простишь конечно. Будьте здоровы, веселы и вспоминайте обо мнѣ. Мой духъ будетъ носиться надъ вами и просить Бога, да благословитъ васъ. Скажите моему безцѣнному брату, что я любилъ его, мучился безъ него, пока новое чувство не овладѣло мною. Шутя когда-то я говорилъ вамъ о моихъ похоронахъ—вы помните? Пусть Г. О. проститъ меня, что я похитилъ у его семейства мать. Онъ самъ виноватъ всему. Онъ насильно бросилъ мнѣ жену свою, и я не могъ не принять ее. Не сдѣлай онъ бѣшенаго поступка—ничего-бы не было, что̀ было. Но онъ проститъ насъ; упросите его, иначе и ему не быть спокойну. Похороните насъ вмѣстѣ, въ одной могилѣ, въ одномъ гробѣ, если можно. Я долженъ быть въ мундирѣ, *она*—въ своемъ любимомъ платьѣ... Желалъ-бы я, чтобъ она и я имѣли на головахъ вѣнки изъ цвѣтовъ; покрывала должны быть бѣлыя, гробы бѣлые—въ знакъ нашей невинности. Избѣгайте пышности погребенія—это лишнее. Я и она любили музыку, а потому, прошу васъ, если мои товарищи не догадаются сами, нанять духовую музыку. Вы этимъ утѣшите насъ, вы сами почувствуете облегченіе: вы угодите намъ, а *угождать отрадно.* Мама̀, не плачьте! Чуть двинутъ наши тѣла, то музыканты пусть играютъ маршъ на смерть Людовика. Тѣла наши прикажите нести мимо моей квартиры, и здѣсь пусть остановится шествіе, и противъ моего жилища пусть сыграютъ панихиду Моцарта. Когда тѣла наши опустятъ въ могилу—пусть заиграютъ увертюру изъ Фрейшюца̀. Этимъ вы облегчите бывшія наши земныя страданія. Маменька, исполните, молю васъ, мою просьбу: она не прихоть... Я любилъ музыку. Если можно, похороните насъ, но непремѣнно вмѣстѣ, подъ Валковскимъ лѣсомъ... Я прошу васъ

только объ одной музыкѣ... Если согласятся родители, то пусть позволятъ дочерямъ своимъ, въ бѣлыхъ платьяхъ, сопровождать тѣла наши. Меня будутъ нести товарищи, С. Ив. не лишится этой чести, воздаваемой истинной любви. Но музыка пусть будетъ непремѣнно! Голова моя горячится, грудь болитъ, волненіе крови... Уже часъ по полуночи. Итакъ, отдохну еще земнымъ покоемъ. Прости, мама! Простите всѣ! Я желалъ всѣмъ дѣлать добро и, по возможности, дѣлалъ. Хозяинъ моей квартиры, надѣюсь, не откажетъ мнѣ въ нѣсколькихъ доскахъ для двухъ гробовъ: онъ меня уважалъ и не пожалѣетъ дать дерева для бывшаго наставника его сына. Вы только скажите ему, что я просилъ его, то онъ не откажетъ. Гробы могутъ сдѣлать его мастеровые, изъ коихъ я нѣкоторымъ помогалъ. Моимъ Софьѣ Яковл. и Ивану Акимов. напишите, чтобы они не плакали, а чтобы поминали, какъ брата, какъ друга. Пусть простятъ они меня! Степанъ Никитичъ, тетинька, Андрюша и всѣ мои родственники—пусть простятъ меня! Саша, милый Саша, прости! Отдайте шинель студенту Соколг—му, я у него взялъ уже давно отъ дождя. Со мною часы. Трубка дорожная пусть будетъ наслѣдствомъ Полит—го. 14 октября 1835 г., въ понедѣльникъ.

„Друзья мои! Поэзія—мечта и дѣльному занятію мѣшаетъ!.. Простите меня, что я васъ лихо поддѣлъ. Вы видѣли меня равнодушнымъ, хладнокровнымъ, но теперь знайте, что наружность бываетъ обманчива. О, сколько стоило мнѣ труда казаться покойнымъ, когда я былъ у васъ. Благодаря вашей веселости, я былъ съ вами веселъ. О, други, помяните меня тѣмъ, что я любилъ... *Прекрасенъ этотъ міръ, прекрасные въ немъ люди есть—и я оставляю этихъ людей прекраснаго міра!* Простите!—Пожалуйста, смѣйтесь, когда судьба пошлетъ къ вамъ на встрѣчу Полт—ва: этотъ смѣхъ и мнѣ будетъ отраденъ. Когда увидите Мурл—на, то вспомните анекдотъ о квартальномъ, десятскомъ и пьяномъ—тогда и мнѣ будетъ весело. Я вамъ много кой-чего написалъ-бы, но время дорого, пистолеты ждутъ, чтобы дѣствовать ими. Простите! Хороните насъ съ музыкою, а не со слезами. Не оставьте моей доброй матери, утѣшьте ее!—Вы знаете меня хорошо,

но не проникнули въ мои чувства, въ душу въ послѣдніе дни нашего свиданія. Я боялся вамъ открыть мои намѣренія, чтобы не пустились съ педагогическою важностью уговаривать, читать мнѣ мораль, заставлять выбросить дурь изъ головы и т. д. Я не безуменъ, ибо... Но чѣмъ я могу оправдаться? Тысячи благочестивыхъ закричатъ, что я безуменъ, слѣдовательно, какъ мнѣ слабымъ голосомъ перекричать ихъ!— Ваня, Костя, Николай, Тихонъ, Константинъ и всѣ мои друзья добрые, задушевные, прощайте! Ну, кто изъ васъ вызовется сказать мнѣ: я надулъ тебя? Не вы, а я васъ надулъ! Но вы простите меня!— Курите, думайте, и поминайте меня поэзіей, пирогами, трубкою, смѣхомъ, крикомъ, виномъ, медициною, охотою и всѣмъ! Стихи „Байронъ" Вяземскаго я желалъ-бы, чтобы были у Тихона".

Судьямъ нашихъ труповъ.

„Есть много непонятнаго въ семъ мірѣ. Напрасно вы будете изслѣдовать—какая внѣшняя причина заставила насъ рѣшиться на поступокъ, слѣдствіемъ коего, какъ видите, два трупа. Причины эти заключаются въ насъ самихъ; никто объ этомъ не знаетъ и не узнаетъ. Я купилъ порохъ, пистолеты и пули у знакомаго мнѣ купца, котораго уже нѣтъ въ Харьковѣ. Совѣтниковъ, помощниковъ я не имѣлъ; тѣмъ болѣе она не имѣла въ нихъ нужды. Я читалъ давно уже, что въ Кіевѣ есть мощи святаго, кажется Іоанна Многострадальнаго, который, будучи чрезвычайно страстенъ, лишилъ самъ себя жизни; слѣдовательно самоубійство не всегда противно Богу, и вы не можете доказать, что нашъ поступокъ не будетъ угоденъ Богу. Богъ есть любовь, говоритъ священное писаніе. Этому-то Богу чистѣйшей любви мы приносимъ въ жертву свою любовь чистую, платоническую, приносимъ потому такимъ страннымъ обрядомъ, что, видя непрочность всего подлуннаго, опасаемся, чтобы наша любовь не измѣнилась. Мы совершили вѣнчальный обрядъ, не вошедшій въ употребленіе, но не все, вошедшее въ употребленіе, есть похвальное, честное, чистое. Будьте живы и счастливы и помните, что вы смертны! Не издѣвайтеся надъ нашими трупами. Мы теперь духи, взирающіе на вашъ судъ надъ нашими тѣлами. Мы были спокойны, не чувствовали угрызеній совѣсти, слѣдовательно, мы

духи свѣтлые, свѣтоносные. Мы вѣрили въ Бога Тройственнаго, любили Его и въ жертву Ему приносимъ нашу любовь земную, чтобы Онъ наградилъ насъ вѣчною, небесною, неизмѣняемою!"

При этихъ письмахъ въ карманѣ Старолюдскаго найдены два печатныхъ листка, вырванныхъ изъ журнала „Московскій Телеграфъ". Въ нихъ напечатанъ отрывокъ изъ стихотворенія князя Вяземскаго „Байронъ", съ эпиграфомъ, который взялъ я за эпиграфъ настоящаго очерка...

Въ отрывкѣ, между другими, есть слѣдующіе стихи:

„Мысль всемогуща въ насъ; но тотъ, кто мыслитъ, слабъ;
Мысль независима, но времени онъ рабъ.
Какъ искра вѣчности, какъ пламень безпредѣльный,
Съ небесъ запавшая она въ сосудъ скудельный:
Иль гаснетъ безъ вѣсти, или сожжетъ сосудъ".

Уѣздный судъ, разсмотрѣвъ слѣдствіе объ этомъ происшествіи, порѣшилъ: „какъ изъ дѣла *ясно видно,* что студентъ Старолюдскій, бывши домашнимъ учителемъ у Доре, возъимѣлъ въ молодыхъ лѣтахъ своихъ любовную страсть, тайно хранимую отъ мужа ея, который, примѣчая о семъ, хотя и упрекалъ свою жену, но совершенно дознаться не могъ, а сіе чувствуя, они, Софья Доре и Старолюдскій, и страшась постыднаго надъ собою нареканія, рѣшились на произвольное убивство, и какъ въ семъ преступномъ дѣйствіи участниковъ не обнаружено, то таковой случай убивства, на основаніи 2 части, 5 главы, 9 и 10 пунктовъ Воинскихъ процессовъ, предавъ волѣ Божіей, дѣло по сему суду прекратить производствомъ, зачислить рѣшеннымъ и по срочномъ времени сдать въ архивъ, а до того хранить въ уголовномъ повытіи".

Такъ легко и просто разрѣшили *ясно-видящіе* судьи задачу, надъ которой, пожалуй, призадумается не одинъ глубокомысленный философъ... Да и какъ-же иначе было рѣшить *имъ!*..

Окончу свой разсказъ нѣсколькими словами о похоронахъ... Да, *ихъ* похоронили на городскомъ кладбищѣ, за сѣверною частью города...

Ихъ не закопали, какъ это обыкновенно бываетъ съ самоубійцами, на мѣстѣ убійства. Благодаря стараніямъ мачихи Старолюдскаго, ихъ привезли въ домъ Доре. Это было въ ненастный, бурный осенній вечеръ. Помню, какъ длинные волосы усопшаго, всклокоченные вѣтромъ, придавали ему что-то страшное, когда несли его въ комнату...

На другой день весь дворъ Доре былъ наполненъ народомъ: необычайность происшествія взволновала весь городъ. Народъ тѣснился въ той комнатѣ, гдѣ на столахъ лежали рядомъ двѣ жертвы—чего?—всякій рѣшалъ по своему. Народъ наполнялъ дворъ, народъ тѣснился на улицѣ, у оконъ... Не удалось мнѣ подслушать ни одного слова сожалѣнія о покойникахъ; брани и проклятій было довольно... Но все это были *ясно-видящіе*...

Одѣты были покойники такъ, какъ они желали. Его лицо было, какъ у живого: кротко и спокойно; ея лицо, довольно полное,—въ темныхъ пятнахъ...

Не помню, въ тотъ-ли день, или на другой, ихъ понесли на кладбище. Гробы ихъ были обиты бѣлою шелковою матеріею... Разумѣется дѣтски-мечтательной просьбы юноши не уважили: музыка за гробами не играла, дѣвицы не шли... *И то, что было, много уже было*...

По страшной слякоти, при мелкомъ холодномъ дождѣ, несли ихъ гробы полупьяные работники... За гробами шли мачиха покойнаго, мужъ покойной и я... Помнится, больше никого не было... Меня очень занимало длинное безжизненное лицо *супруга*, который шелъ поодаль отъ гробовъ, въ свѣтло-голубой шинели..

Когда гробы принесли на кладбище, ихъ поставили на время въ сторожку, потому что, кажется, могилы еще не были вырыты окончательно. Похоронили ихъ не въ одной могилѣ, какъ они оба желали, но могилы эти рядомъ, одна подлѣ другой... Онѣ недалеко отъ сторожки, на краю кладбища...

Когда я возвращался домой, дождь усилился, къ нему присоединился мокрый снѣгъ, который залѣплялъ глаза... Дождь и грустныя думы овладѣли мною, и какъ ни былъ я въ то время молодъ, но во мнѣ шевелилось что-то въ родѣ безотраднаго восклицанія Гоголя:

„Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“

А. Барымовъ.

Иринеи Фальковскій *),

КОАДЪЮТОРЪ КІЕВСКІЙ.

(Продолженіе).

III.

Какъ ни обширны и многосторонни были познанія, пріобрѣтенныя Иваномъ Акимовичемъ въ заграничномъ обученіи по разнымъ отраслямъ наукъ, образованія своего онъ не считалъ законченнымъ; потому, вскорѣ по возвращеніи его изъ-за границы въ родной Кіевъ, мы видимъ его снова на школьной скамьѣ въ кіевской академіи. Здѣсь, не смотря на то, что наукамъ такъ называемымъ свѣтскимъ давалось довольно мѣста, вѣнцемъ образованія считалась все-таки наука богословская, а стремленіе къ ней вполнѣ отвѣчало развившемуся, какъ мы видѣли, въ молодомъ слушателѣ заграничныхъ университетовъ религіозному настроенію. И вотъ мы видимъ, что Иванъ Акимовичъ съ самаго прибытія своего въ Кіевъ, въ теченіи 1783 и 1784 г., съ особымъ усердіемъ и вниманіемъ слушаетъ лекціи по богословію, и въ то же время, какъ за вспомогательное въ богословскихъ студіяхъ дѣло, принимается за изученіе еврейскаго языка, а равно языка греческаго.

Но не особенно счастливая была пора для академіи, когда въ нее вступилъ нашъ студентъ. Въ правленіе кіевскою митрополіею митроп. *Гавріила Кременецкаго* (1770 — 1783 г.) прежде столь славная академія быстро начала клониться къ упадку, что отмѣчено ея историками. Въ частности не блистали ни особою широтою, ни самостоятельностію и живостію преподаванія и тѣ пред-

*) См. январ. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 89—120.

меты, изученію которыхъ посвящалъ теперь свои силы нашъ заграничный слушатель. Преподаватель богословія іером. Іакимъ Островскій излагалъ свой предметъ по богословію Ѳеофана Прокоповича, правда, еще нигдѣ тогда не напечатанному. Греческій языкъ читалъ извѣстный въ свое время знатокъ, іером. Амвросій Келембетъ; но преподаваніе еврейскаго языка было въ такомъ упадкѣ, что отъ него отшатнулось большинство учащихся. Еще раньше учитель этого предмета Павловичъ, жалуясь на недостатокъ усердія въ своихъ слушателяхъ, заявлялъ, что „когда хотятъ въ школу только приходятъ, а ежели стать ихъ увѣщевати, для чего лѣниво ходятъ и школу часто оставляютъ, или другаго пенса (урокъ) заставить, то и вовся оставляютъ, не сказавши учителеви ни дяки, ни спаси Богъ". Теперь этотъ предметъ былъ въ рукахъ іером. Гавріила Строевскаго, у котораго и сталъ было брать уроки Иванъ Акимовичъ; но скоро онъ совсѣмъ отъ нихъ отказался, когда они переданы были, за неимѣніемъ, вѣроятно, кого-либо лучшаго, одному изъ студентовъ высшаго класса, нѣкоему Полянскому.

Ученіе Ивана Акимовича въ кіевской академіи длилось съ небольшимъ полтора года. Въ концѣ 1783—84 учебнаго года онъ сдалъ вмѣстѣ съ своими товарищами экзаменъ въ знаніи богословскихъ предметовъ, и съ тѣхъ поръ мы видимъ его въ ряду преподавателей академіи, переходящимъ отъ предмета къ предмету и постепенно поднимающимся по служебной лѣстницѣ, пока не пришлось ему самому стать во главѣ родной академіи. Его выдвинули здѣсь сколько личныя его дарованія и тѣ спеціальныя познанія, которыя онъ пріобрѣлъ, благодаря своему заграничному ученію, столько-же и исключительныя обстоятельства, въ которыхъ онъ засталъ славную нѣкогда кіевскую академію.

Она находилась тогда въ состояніи переходномъ, совершивъ намѣченный ей прежнею исторіею кругъ. Обстоятельства, давшія ей до-теперешній видъ, давно миновали. Политическій и соціальный строй края, продуктомъ которыхъ она была, давно измѣнился; жизнь края входила въ новое русло, которое должно было рѣшительно измѣнить ея прежнее теченіе. Новыя начала прививались къ жизни края и новыя задачи задавались и его древнѣйшему училищу, но, по особенностямъ новаго строя всей жизни, оно не могло уже ни само выработать этихъ задачъ, ни овладѣть ими, а только

подчиниться той нормѣ, какая будетъ указана ему свыше. Положеніе академіи было роковое: общество, создавшее ее и поддерживавшее ее всѣми силами, давно сошло со сцены, и академія лишилась соковъ, ее питавшихъ, а между тѣмъ въ имперіи, въ которой и сама она и весь край стояли все еще особнякомъ, явились новыя образовательныя заведенія, на сторонѣ которыхъ было и вниманіе правительства и внѣшнія выгоды. Сюда требовались преподаватели и болѣе или менѣе подготовленные слушатели и ихъ въ большинствѣ давала кіевская академія, какъ давала людей на разныя служебныя поприща. Слѣдовалъ долгое время отливъ изъ академіи лучшихъ силъ, который не могъ не повліять парализующимъ образомъ на ея собственную жизнь. Вообще академія въ теченіе всей первой половины XVIII ст. и даже позже давала отъ себя больше, чѣмъ сколько сама воспринимала, давала дотолѣ, пока наконецъ сама не почувствовала недостатка и въ преподавателяхъ и отчасти даже въ слушателяхъ. Теперь приходилось ее подкрѣплять, подгонять и приспособлять къ новому строю и новымъ требованіямъ жизни, такъ какъ многія заведенія, которымъ она, можно сказать, дала жизнь, видимо переростали ее и на сторонѣ ихъ были и лучшія учебныя системы, и болѣе цѣлесообразные методы, и несравненно лучшій преподавательскій составъ. Но этой трудной задачи собственнаго перерожденія академія не могла уже произвести собственными силами и должна была ждать какого-либо смѣлаго и рѣшительнаго реформатора, который произвелъ-бы въ ней необходимую ломку, хотя-бы по заимствованному шаблону и съ предвзятыми мыслями. Такимъ реформаторомъ явился для нея ея-же, правда, воспитанникъ, митрополитъ Самуилъ Миславскій, а въ этомъ дѣлѣ во многихъ случаяхъ пригодился ему, по своимъ обширнымъ дарованіямъ и разностороннему образованію, оканчивавшій теперь богословскія *студія* Иванъ Акимовичъ Фальковскій.

29 ноября 1783 г. Кіевъ встрѣчалъ новоназначеннаго митрополита Самуила Миславскаго, бывшаго, какъ сказали мы, питомцемъ кіевской академіи и прошедшаго въ ней всѣ наставническія должности. По тогдашнему обыкновенію, на пріѣздъ, какъ и другіе случаи въ жизни такихъ лицъ, независимо отъ ихъ личныхъ качествъ, писались воспитанниками академіи цѣлыя оды, панегирики и стихотворныя привѣтствія, мало выражавшія дѣйствительныя

чувства писавшихъ и представлявшія массу напыщенныхъ фразъ, тщательно подобранныхъ метафоръ и сравненій и щедро нанизанныхъ вопросовъ и восклицаній, но за то служившія богатою почвою для риторическаго и піитическаго упражненія и лишь отчасти пробы самыхъ дарованій. Къ числу такихъ произведеній надо конечно отнести и то стихотворное привѣтствіе, которое изготовлено и произнесено было Иваномъ Акимовичемъ на встрѣчу митрополита Самуила. Вотъ оно:

Не се-ль я умными глазами
Отверстый зрю судьбины храмъ,
Владѣющій гдѣ небесами
Отца опредѣляетъ намъ.
Я слышу въ восхищеньи странномъ
Сіи слова отъ горнихъ силъ:
Блаженъ ты, Кіевъ, несказанно,
Когда твой пастырь Самуилъ!
О, данный Богомъ намъ святитель!
Ты нашъ Мойсей и Соломонъ!
Ты россовъ мудрый просвѣтитель,
Ты церкви храбрѣйшій Самисонъ!
Да просвѣтится благодатный
Въ тебѣ святыя славы свѣтъ,
И въ благоденствіи пріятный
Да поживешь вѣкъ многихъ лѣтъ!

Привѣтствуя такъ новоназначеннаго митрополита отъ лица всей академіи, Иванъ Акимовичъ написалъ на тотъ-же случай стихи латинскіе, которые декламировалъ при встрѣчѣ одинъ изъ учениковъ [1]). Это участіе Фальковскаго въ церемоніальной встрѣчѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ, не смотря на недавнее свое появленіе въ академіи, былъ выдающимся изъ числа ея студентовъ, и оно-же могло привлечь къ нему вниманіе новаго владыки. Предпринятая этимъ послѣднимъ всесторонняя реформа академіи должна была открыть Фальковскому поприще для приложенія тѣхъ познаній, которыя онъ съ такою ревностію старался пріобрѣсть здѣсь и

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 489.

за границею. Спустя два мѣсяца по прибытіи въ Кіевъ митрополита Самуила, Фальковскій, еще состоя студентомъ, былъ назначенъ учителемъ ариѳметики, что было въ обычаѣ того времени. „8 генваря (1784 г.), замѣчаетъ объ этомъ Фальковскій, я былъ введенъ отцемъ префектомъ въ ариѳметическій классъ; учениковъ было очень много, кажется, болѣе 200; ученіе происходило каждый день по одному часу". Въ іюлѣ того-же года онъ успѣшно сдалъ, наравнѣ съ другими студентами, въ присутствіи самого митрополита, экзаменъ какъ по богословію, такъ и по другимъ предметамъ. Познанія его были столь разносторонни, что, при тогдашней потребности въ преподавателяхъ, мы видимъ только что окончившаго курсъ Фальковскаго переходящимъ отъ предмета къ предмету, отъ одной должности къ другой. Въ октябрѣ 1784 г. изъ временнаго лектора ариѳметики онъ былъ назначенъ учителемъ инфимы, въ 1785 году мы видимъ его учителемъ нѣмецкаго языка, а въ 1786 г. онъ получаетъ видное назначеніе „высшаго класса грамматики учителемъ и академической бурсы суперъ-интендентомъ". Реформа Самуила облегчала молодому Фальковскому быстрый его ходъ. Она не по нутру приходилась тогдашней академической корпораціи, какъ не по нутру Самуилу была академія въ тогдашнемъ ея видѣ. Съ одной стороны Самуилъ, объѣхавъ предъ тѣмъ всю Россію, побывавъ въ Петербургѣ и Москвѣ, видѣлъ новыя высшія и среднія учебныя заведенія и имѣлъ много данныхъ для сравненія, а сравненіе оказывалось не въ пользу *almae matris*, съ другой—къ реформѣ, вызванной прогрессомъ науки и потребностями времени, онъ видимо примѣшивалъ частію взглядъ сословной исключительности, по которому насильно привлекалъ въ общесословную академію всѣхъ дѣтей священно и церковно-служителей, а еще больше тенденціи руссификаціи заведенія, выросшаго на мѣстной почвѣ, слишкомъ мало еще тронутой для цѣлей объединенія. Вводя въ академическій курсъ новые предметы, какъ всеобщую и естественную исторію, математику, архитектуру и живопись, отодвигая на задній планъ древніе языки и давая мѣсто и самую широкую постановку языкамъ новымъ, митрополитъ Самуилъ съ особенною силою налегалъ на изученіе русскаго языка, упрекая представителей тогдашней академической учености въ томъ, что они нисколько не заботятся о чистотѣ и правильности рѣчи и самаго выговора, мѣшая съ рус-

скими словами слова польскія и малороссійскія, даже латинскія, и часто придавая имъ самыя несвойственныя ударенія. Онъ съ одинаковою строгостію требовалъ „соблюденія выговора, каковъ употребляется въ Великороссіи“ какъ отъ учителей географіи и исторіи, такъ и отъ преподавателя французскаго языка; но для быстраго поднятія русскаго языка, повидимому, ничего большаго не могъ сдѣлать, какъ поручивъ преподаваніе россійской поэзіи и элоквенціи студенту богословіи Димитрію Снигиревичу и возлагая какъ будто всю надежду „на Правила поэзіи, напечатанныя въ Москвѣ и Ораторію господина Ломоносова“. Съ достаточнымъ резономъ заявляли ему нѣкоторые изъ учителей академіи, что „своего малороссійскаго выговора они никакъ перемѣнить не могутъ“. Фальковскій не былъ зараженъ духомъ протеста, онъ покорно подчинялся волѣ реформатора и карьера его шла ровно и плавно; ее подвинуло еще болѣе принятіе имъ монашества.

На этомъ шагѣ въ жизни Фальковскаго, который должно считать не менѣе важнымъ, какъ и вступленіе въ супружество, мы остановимся особо, такъ какъ онъ вводитъ насъ во внутренній міръ его, котораго мы не касались, слѣдя лишь внѣшнія перемѣны его жизни. Что привлекло молодаго ученаго, богато одареннаго, полнаго силъ и здоровья и такъ счастливо начавшаго свою служебную карьеру, на тѣсный путь иноческаго житія? Что толкнуло эту сильную, страстную, неудержимо кипучую и дѣятельную натуру въ такую сферу жизни, которая, повидимому, менѣе всего представляла простора для дѣятельности и влекла скорѣе къ подавленію или ограниченію его обширныхъ дарованій, нежели къ ихъ развитію? Поищемъ отвѣтовъ на эти вопросы въ его собственныхъ письмахъ и бумагахъ, которыхъ такую громаду онъ оставилъ по себѣ.

Находясь еще за границей, въ письмѣ своемъ къ Гр. Ив. Полетикѣ отъ 31 января 1781 г.[1]), оправдывая свой отказъ отъ принятія службы при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, Фальковскій писалъ такъ: „я, коротко сказать, приготовлялся къ учительству, а слѣдовательно, можетъ быть, и къ монашеству“. Но это писалъ 18-ти лѣтній юноша, смутно понимавшій жизнь, тосковавшій по родинѣ, жаждавшій ученія въ родной академіи, видѣвшій край своихъ желаній въ учи-

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 621.

тельствѣ въ ней, а учительство тамъ, въ большей части случаевъ, соединялось съ монашествомъ. Иначе онъ могъ говорить теперь, когда крайнія его мечты уже осуществились и, быть можетъ, выше его ожиданій. Правда печать религіознаго возбужденія, охватившаго душу Ивана Акимовича въ періодъ его сиротства и скитальчества за границей, ясно видна и на послѣдующихъ его дѣйствіяхъ. Все почти свободное отъ занятій время онъ посвящалъ на чтеніе книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, а читалъ онъ много и скоро: бесѣды Златоуста на кн. Бытія прочтены были имъ въ три недѣли; весь Новый завѣтъ—тоже въ три недѣли [1]). Въ кругъ ежедневной его жизни входили поклоны въ числѣ 100 и болѣе, чтеніе особыхъ молитвъ, какъ „молитва ко пресвятой Богородицѣ противу страсти душевныя или тѣлесныя каковыя-либо“ [2]) и даже собственнаго сочиненія „стихи, отходя ко сну и раздѣваясь читаемые“ [3]). Самая, такъ сказать, лира его (онъ писалъ много стиховъ) настроена была на тонъ религіозный и пѣла лишь о грѣхѣ, его гибельныхъ послѣдствіяхъ и необходимости духовнаго возрожденія. Но религіозное настроеніе не было въ ту пору явленіемъ исключительнымъ, а въ людяхъ его происхожденія и профессіи даже очень обыкновеннымъ, однако оно не влекло за собою неизмѣнно принятія монашества, а было, такъ сказать, преобладающимъ колоритомъ жизни. Изъ сохранившихся въ подлинникѣ, въ числѣ 365, ежедневныхъ размышленій Фальковскаго на весь 1786 г., въ который онъ принялъ монашество, видно, что предъ принятіемъ онаго онъ стоялъ подъ самыми различными вліяніями: былъ обуреваемъ помыслами невѣрія, боролся съ естественными влеченіями молодаго возраста, былъ подавляемъ сильною и давно зародившеюся страстію къ спиртнымъ напиткамъ, выслушивалъ „уговоры“ къ монашеству со стороны своихъ сослуживцевъ этого чина и наконецъ получилъ прямое о томъ предложеніе, всего вѣроятнѣе, со стороны благоволившаго къ нему и цѣнившаго его дарованія митрополита Самуила. Но „уговоры“ и предложеніе могли имѣть лишь внѣшнее и второ-

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 621. Изъ приложеннаго тамъ-же росписанія видно, что чтеніе велось утромъ, въ полдень и вечеромъ.

[2]) Ibid. Здѣсь-же приведены «8 главныя сласти плотскія», которыхъ должно избѣгать.

[3]) Ibid.

степенное значеніе, а помыслы невѣрія должны были влечь сомнѣвающагося въ совершенно противуположную монашеству сторону и, во всякомъ случаѣ, какъ явленіе случайное и преходящее въ молодомъ, пытливомъ умѣ, легко разбивались о теплую и глубокую вѣру, вынесенную Фальковскимъ изъ дѣтства и сохранившуюся во всей свѣжести среди скитальческой заграничной его жизни и ученія. Остается страсть къ пьянству, которую такъ горько оплакиваетъ въ своихъ размышленіяхъ Фальковскій, называя ее бѣсовскою и восклицая: „подлинно, она есть источникъ моего горькаго несчастія!“ Отдавая полную дань глубокаго уваженія рѣдкой силѣ характера и дарованій Фальковскаго, какъ они развились впослѣдствіи, и безпримѣрному его трудолюбію и плодотворной, разносторонней дѣятельности, мы склонны, по безпристрастномъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ жизни Фальковскаго, признать, что на упомянутой печальной почвѣ созрѣла собственная его рѣшимость принять монашество, на ней-же велись „уговоры“ и послѣдовало *предложеніе* о семъ, завершившее его собственную рѣшимость. Разнесшаяся еще осенью 1785 г. вѣсть о введеніи штатовъ въ малороссійскихъ монастыряхъ, послѣ котораго не будетъ дозволено принятіе вновь въ монашество, пока не будутъ размѣщены излишніе противъ штатовъ монахи, могла только ускорить рѣшимость Фальковскаго, но конечно не вызвать ее. Пагубная страсть, имѣвшая такое вліяніе на жизнь Фальковскаго, зародилась въ немъ, безъ сомнѣнія, еще во дни его ранняго сиротства и скитальчества за границею, быть можетъ, въ обществѣ сербскихъ студентовъ, отъ которыхъ въ свое время предостерегалъ его покойный его отецъ. Съ возвращеніемъ Ивана Акимовича на родину, съ вступленіемъ въ академію сперва въ качествѣ студента, а вскорѣ и учителя, она не могла быть ни подавлена, ни ослаблена, а только могла усиливаться и укрѣпляться подъ вліяніемъ окружающей его среды. Бражничанье, пьянство было преобладающимъ порокомъ тогдашняго общества; отъ него не свободна была и тогдашняя академія, и въ документахъ ея того времени можно найти много указаній на эту темную сторону ея жизни, на совершавшіяся въ средѣ усатыхъ студентовъ и монаховъ-учителей пьянственныя оргіи. Академія далеко отошла теперь отъ общества, когда-то ее создавшаго и лелѣявшаго, и жила теперь замкнутою жизнію. Вслѣдствіе измѣненія

политическаго и гражданскаго строя страны, въ обществѣ утратилась жизненная связь съ нею и сочувствіе къ ней. Прежнія средства ея истощались, новыя не притекали, въ средѣ учащихся и учащихъ царила бѣдность; студенты являлись предъ обществомъ въ качествѣ „мирщиковъ", вертепщиковъ и странствующихъ учителей, ищущихъ средствъ къ продолженію ученія. Это была своего рода Сѣчь; въ нее стекалась всякая голота, а надъ нею носился духъ недавно уничтоженнаго Коша Запорожскаго, заканчивавшаго безцѣльные дни свои въ безпробудномъ пьянствѣ. Выпивка считалась удальствомъ, за которое и на этомъ мирномъ поприщѣ многіе поплачивались, какъ и на полѣ брани. Достойно замѣчанія, что Фальковскій рѣшился, или-же объявилъ о своемъ рѣшеніи принять монашество „въ день ректорскихъ именинъ" (19 ноября 1785 г.), кто знаетъ, быть можетъ послѣ обильнаго угощенія... Рѣшился, говоритъ онъ, „по уговору отца Анатолія и другихъ, а найпаче по причинѣ громкаго слуха о скоро имѣющемъ быть учрежденіи штатовъ для всѣхъ малороссійскихъ монастырей и о препятствіяхъ ко вступленію въ монашескій чинъ, вступить въ оный прежде сей съ монастырями перемѣны" [1]). Но этой рѣшимости предшествовала и ее сопровождала мучительная душевная борьба, имѣвшая главнымъ своимъ источникомъ ту-же злосчастную страсть. Въ упомянутыхъ уже нами молитвенныхъ размышленіяхъ, которыя Фальковскій писалъ утромъ и вечеромъ въ теченіе всего 1786 г. и которыя избралъ, между прочимъ, какъ средство для достойнаго приготовленія себя къ монашескому званію и укрѣпленія въ немъ, вырисовывается вся эта борьба, а въ ней, кромѣ одолѣвающей страсти, проглядываютъ и другія побужденія, рѣшившія безповоротно судьбу этого мощнаго нравственнаго борца. Вотъ наиболѣе характерныя мѣста покаянныхъ размышленій [2]). „Проходитъ жизнь моя въ безполезномъ смятеніи"..., „снѣдаютъ меня скука и печали" [2]). „Тревожатъ меня беззаконныя мысли о невѣроятности того, что вѣра столь явно предлагаетъ"... „Я все ненавижу, какъ суетное и горькое"...

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб., VIII, 4, стр. 14.

[2]) Размышленія эти въ рукоп. кіево-соф. соб. VIII т. 4, стр. 25—275. Ихъ сохранилась лишь одна половина. Изъ нихъ мы и заимствуемъ эти и дальнѣйшія выдержки и свѣдѣнія, считая лишнимъ дѣлать указанія страницъ.

„Нѣтъ лучше для *бѣднаго* человѣка, какъ надѣяться на Бога"... „Се убо, Владыко Сердцевѣдче, хощу я оставить змінную злобу свою силою Твоею, каятися о лютыхъ неправдахъ своихъ, сожалѣть о безмѣрномъ безуміи своемъ и идти во слѣдъ великой благодати Твоей, ведущей меня на покаяніе"... „Почто ты, о душе, представляешь себѣ тяжелымъ тотъ путь, который тебя къ *покаянію* ведетъ?"... „Долженъ-ли я убо прислѣпляться къ... суетнымъ благамъ, оставивъ одно вѣчносущное и верховное добро, которое есть Богъ?... Не лучше-ли оныя всѣ оставить, а сіе одно избрать, естьли обоими вмѣстѣ наслаждаться не можно?"... „Почто убо я смущаюсь и сожалѣю, что состояніе иноческое, въ которое вступить я *предложеніе имѣю,* не принимаетъ сихъ, повидимому пріятныхъ, прелестей, но оныя для себя потерянными считаетъ, дабы пріобрѣсть Бога"... „Вверженъ я былъ въ разныя безпокойства и мятежи, причемъ оставилъ было и уреченное свое правило и находился въ великомъ смущеніи ради многаго обращенія съ людьми и многаго питія"... „Ежели-бы излишество въ питіи и не разжигало души къ сладострастію, ежели-бы склонность къ пьянству и не была достойною презрѣнія и отвращенія; то однѣ болѣзни, одни неудовольствія, одна тяжесть и скука, происходящая отъ чрезмѣрнаго употребленія крѣпкаго питія, должна-бы была отводить меня отъ стремленія сего—отъ сего безумнаго стремленія, съ которымъ я, послѣ толикихъ приготовленій къ воздержанію, соглашаюсь обременять чрево и умъ вреднымъ питіемъ"... „Настаетъ священный день [1]), и ты, непотребная душе! не воздыхаешь къ Богу, проведши цѣлый вчерашній день въ пьянствѣ и беззаконіяхъ"... „О, *бѣсовская страсть!* сколь люта ты! Свирѣпствуя *толикіе годы* въ сердцѣ моемъ, лишила ты меня и ума, и всего добра. Подлинно *она есть источникомъ моего горькаго несчастія. Она ослѣпляетъ меня и имя мое дѣлаетъ въ честности подозрительнымъ"* [2])... *„Кто свободитъ меня отъ насильствія лютой страсти моей?* Кто простретъ мнѣ руку помощи? Никто иный, развѣ милосердный Творецъ мой, вѣдающій и беззаконіе мое и сожалѣющій о несчастіи

---

[1]) Строки эти писаны въ воскресенье утромъ, какъ видно изъ сдѣланной самимъ Фальковскимъ помѣты. Каждое «Размышленіе» его имѣетъ свою опредѣленную дату.

моемъ. Господи! Ты видишь бѣду мою! Ты видишь, что нѣтъ никого толь скораго къ обремененію себя пьянствомъ, какъ я; Ты вѣдаешь, что безумное мое *мнѣніе о крѣпости желудка моего* приноситъ мнѣ больше вреда, нежели я тѣлесно въ первые часы чувствую. Удержи убо мене отъ толикаго невоздержанія!"... „Свободи мя, Боже, отъ лютой страсти"! „Не въ силахъ я своимъ трудомъ недугъ прогнать"...

Читая приведенныя выдержки душевной исповѣди Фальковскаго, можно-ли усомниться въ томъ, что не что иное, какъ борьба съ отравлявшею жизнь его страстію привела его окончательно къ монашеству, на которое онъ смотрѣлъ, какъ на путь покаянія и средство избавиться отъ удручавшаго его недуга. Не иначе конечно смотрѣли на это дѣло и тѣ, что уговаривали его, и тотъ, кто предложилъ ему принять монашество: для нихъ недугъ Фальковскаго не былъ секретомъ и въ нихъ онъ могъ вызывать только чувство состраданія къ даровитому человѣку. Но недугующій, какъ и врачи его, ошиблись въ разсчетахъ: уединенная келейная жизнь скорѣе могла поддерживать болѣзнь, требовавшую для ея лѣченія широкаго простора, свѣжаго воздуха, и злосчастному страдальцу приходилось еще долго, едва-ли не всю жизнь бороться съ неперестававшею угнетать его, хотя и ослабѣвшею отъ времени болѣзнію [1]). Кромѣ возникшаго, спустя нѣсколько лѣтъ, столкновенія его съ митрополитомъ Іероѳеемъ, которое едва не погубило всей его карьеры, сохранилось преданіе, что когда Фальковскій, въ послѣдніе годы своего коадъюторства въ Кіевѣ, въ день именинъ митрополита Евгенія, по обычаю того времени, послалъ ему въ подарокъ кулекъ съ нѣсколькими бутылками вина, то недолюбливавшій его и имѣвшій съ нимъ какіе-то счеты митрополитъ, возвращая подарокъ, сказалъ будто-бы посланнымъ: „отнесите это обратно вашему владыкѣ,—это ему можетъ быть болѣе пріятно (или пригодно), чѣмъ мнѣ". Тѣмъ выше однако кажется намъ свѣтлый ликъ

---

[1]) Кромѣ *дѣла* съ м. Іероѳеемъ, о которомъ дальше, уже въ 1805 г., встрѣчаются въ рукописи кіево-софійскаго собора XIX, 1, замѣтки въ родѣ слѣдующихъ: «боленъ былъ отъ п(итія» — съ 23 по 31 января); «боленъ былъ отъ м(ногаго) питія» (4—12 апр.) и т. п. (стр. 40).

Фальковскаго, не павшаго въ долгой и мучительной борьбѣ съ своею страстію, этимъ крестомъ его, *пакостникомъ плоти*, но, не смотря на то, совершившаго такъ изумительно много для академіи, которой онъ долго служилъ, для науки, которой онъ отдался весь отъ дней юности, для церкви, на служеніе которой онъ принесъ и свой неустанный трудъ, и живое свое слово, и толкованіе слова Божія, и изложеніе догматовъ вѣры. Какъ увидимъ впослѣдствіи, столько не сдѣлали и болѣе блестящіе таланты, при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ воспитанія, ученія и жизни. Но возвратимся къ самому факту поступленія Фальковскаго въ монахи.

Спустя около двухъ мѣсяцевъ послѣ изъявленія предъ кѣмъ-то „въ день ректорскихъ именинъ" своего намѣренія поступить въ монахи, 11 генваря 1786 г. Фальковскій представилъ митрополиту и самое прошеніе о постриженіи его въ монашество. Прошеніе, о которомъ конечно заранѣе зналъ митрополитъ, было благосклонно имъ принято; но престарѣлый и любознательный владыка возложилъ при этомъ на Фальковскаго характерное и полезное для обоихъ послушаніе, состоявшее въ томъ, что Фальковскій долженъ былъ являться къ митрополиту по субботамъ вечеромъ „для чтенія ему въ своемъ русскомъ переводѣ примѣчанія достойнѣйшихъ статей изъ гамбургскихъ нѣмецкихъ газетъ, выписанныхъ тогда-же для академіи". Послушаніе это, замѣтимъ мимоходомъ, длилось 8 лѣтъ и столько тяготило Фальковскаго впослѣдствіи, что въ своемъ дневникѣ размышленій онъ просто называетъ его „бѣдственнымъ". Изъ году въ годъ, еженедѣльно по субботамъ, Фальковскій отправлялся въ софійскую резиденцію Самуила, читалъ ему выдержки изъ газетъ, оставаясь ночевать въ нижнихъ митрополичьихъ покояхъ, и только на самомъ разсвѣтѣ пріѣзжалъ обратно въ академію, правда, софійскимъ экипажемъ и лошадьми. Какъ ни затруднительно было, при усилившихся ученыхъ занятіяхъ Фальковскаго, столь долгое исполненіе такого послушанія, но несомнѣнно оно доставляло ему нѣкоторое развлеченіе и поддерживало расположеніе къ нему престарѣлаго владыки и снисхожденіе къ его слабости.

28 февраля 1786 г., въ первую субботу великаго поста [1]), совершено было постриженіе Ивана Акимовича въ монашество.

---

[1]) Постъ начался 23 февр.; Пасха была 12 апр.

„Постригалъ меня, замѣчаетъ онъ объ этомъ событіи въ жизни своей, въ кіево-братской богоявленской церкви самъ архимандритъ и ректоръ Варлаамъ такъ, какъ послушника сего монастыря своего, съ нареченіемъ мнѣ имени *Иринея;* а подъ мантіею меня велъ къ постригу, въ званіи духовнаго отца и наставника, префектъ и богословіи учитель, Димитрій Устимовичъ". Вечеромъ того-же дня Ириней ѣздилъ, по его словамъ, „съ приготовленіемъ къ рукоположенію во *іеродіакона*,... во всемъ новопринятомъ монашескомъ образѣ и въ мантіи, къ преосвященному митрополиту читать газеты; послѣ чего въ слѣдующій день, марта 1, былъ отъ него и во іеродіакона рукоположенъ". Посвященіе въ іеромонахи совершено было въ день Пятидесятницы того-же года, слѣдовательно спустя три мѣсяца отъ постриженія въ монашество,—срокъ гораздо болѣе продолжительный того, какой теперь принятъ для такъ называемыхъ ученыхъ монаховъ.

Спустя 10 дней послѣ рукоположенія въ санъ іеромонаха (10 іюня), Ириней принялся за списываніе для себя „листоваго рукописнаго алфавитнаго Патерика", даннаго ему для чтенія Димитріемъ Устимовичемъ, духовнымъ его отцемъ въ монашествѣ, не переставая, въ тоже время, писать и ежедневныя „размышленія", законченныя лишь 12 апрѣля 1787 года. Какъ та, такъ и другая работа мало гармонировали съ постоянными научными занятіями Иринея и посѣщавшими его подъ часъ *помыслами;* но таково было это феноменальное трудолюбіе и неустанная кипучая работа. Ириней нерѣдко списывалъ и такія произведенія, которыхъ печатные экземпляры находились у него въ библіотекѣ.

IV.

Монашество, бывшее въ ту пору заурядною, такъ сказать, формою жизни для большинства служащихъ при академіи, не создавало для принимавшаго оное карьеры; но, благодаря личнымъ достоинствамъ Иринея, для всѣхъ очевиднымъ, и не смотря на коренной его порокъ, служба его, и по принятіи имъ монашества, не переставала быстрыми шагами подвигаться впередъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширялась и разнообразилась его дѣятельность въ званіи преподавателя академіи. 1 сентября 1787 года онъ назначенъ былъ учи-

телемъ *поэзіи, геометріи, алгебры* и *архитектуры* [1]); но вскорѣ ждало его другое назначеніе.

Преподаваніе высшей математики при самомъ его открытіи было поручено французу *Брульону;* но на преподавателей изъ иностранцевъ смотрѣли тогда неблагопріятно, опасаясь распространенія ими въ средѣ студентовъ вольтеріанскихъ и вообще атеистическихъ идей французскихъ энциклопедистовъ, которыя успѣли уже произвести броженіе умовъ современнаго русскаго общества [2]). Митр. Самуилу хотѣлось имѣть контроль надъ Брульономъ. Онъ началъ съ того, что велѣлъ ему, въ виду слабаго знанія имъ русскаго языка, употреблять въ помощь себѣ при лекціяхъ одного изъ свѣдущихъ въ математикѣ студентовъ, а потомъ формально поручилъ Иринею, въ присутствіи префекта академіи, производить этотъ контроль два раза въ мѣсяцъ [3]). Это взорвало Брульона, и онъ отказался отъ занимаемой каѳедры и поступилъ къ кому-то изъ мѣстныхъ обывателей простымъ домашнимъ учителемъ французскаго языка. На мѣсто Брульона былъ назначенъ Ириней Фальковскій. Мы видѣли уже, съ какою ревностію и любовію изучалъ онъ циклъ математическихъ наукъ въ пресбургской гимназіи и офенскомъ университетѣ, какъ „любезному отчеству" его „полезныя знанія". Теперь-же наконецъ открывалась для него и полная возможность пустить въ оборотъ запасъ своихъ математическихъ познаній, о чемъ онъ такъ страстно мечталъ еще на студенческой скамьѣ.

Надежды академіи на своего роднаго математика были блестящимъ образомъ оправданы имъ. Принявши на себя должность преподавателя математическихъ наукъ, онъ всю душу свою вложилъ въ новое дѣло и съ перваго-же раза успѣлъ и съумѣлъ заохотить

---

[1]) «Акты кіево-бр. уч. мон. и ак.», т. III, № 105; см. рукоп. кіево-соф. соб., № 599, въ статьѣ «Описаніе ректоровъ кіевской духовной академіи».

[2]) Нѣсколько позже (въ 1794 г. 10 авг.) митр. петерб. Гавріилъ писалъ къ Самуилу: «Семинаристы ваши (здѣсь разумѣются воспитанники кіевской академіи и переяславской семинаріи) обучаются французскому языку; но, какъ опытъ доказалъ, что неблагонамѣренные изъ нихъ знаніе сего языка злоупотребляютъ, мнѣ поручено вашему преосвященству писать, чтобъ благоволили сей классъ оставить»... 31 августа того-же года каѳедра французскаго языка была совершенно упразднена въ академіи («Акты кіево-бр. уч. мон.», т. III, № 79).

[3]) «Акты кіево-бр. уч. мон.», т. III, № 69.

студентовъ къ этому отвлеченному предмету. *Классъ математики*, посѣщаемый прежде очень немногими, сдѣлался впослѣдствіи однимъ изъ многолюднѣйшихъ [1]). „Замѣчательно, говоритъ одинъ изъ историковъ кіевской академіи, что *почти всякій изъ воспитанниковъ Фальковскаго непремѣнно отличный знатокъ математики* [2]). До чего самъ Ириней любилъ этотъ предметъ, видно изъ того, что, уже будучи впослѣдствіи профессоромъ богословія и ректоромъ академіи, онъ нерѣдко самъ являлся въ свободные часы въ *математическій классъ* для чтенія уроковъ. Впослѣдствіи, будучи коадъюторомъ кіевской митрополіи и живя въ кіево-михайловскомъ монастырѣ, пр. Ириней въ саду его, надъ скатомъ крутыхъ старогородскихъ горъ къ Днѣпру, устроилъ высокую бесѣдку, съ которой открывался обширный видъ на горизонтъ и на луговую сторону Днѣпра и Десны, и здѣсь просиживалъ долгіе часы съ телескопомъ въ рукахъ, съ любовію производя астрономическія наблюденія. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ издавалъ, при содѣйствіи студентовъ академіи, кіевскіе календари [3]), а своими астрономическими наблюденіями, при отсутствіи людей свѣдущихъ, любилъ дѣлиться даже съ братіею своего монастыря, что приводило иногда къ курьезамъ въ родѣ слѣдующаго. Наблюдая однажды довольно рѣдкое и интересное небесное явленіе, пр. Ириней, въ восторгѣ отъ своего открытія, спѣшитъ изъ сада, чтобы распорядиться собрать братію для участія

---

[1]) Въ 1803 г. въ этомъ классѣ было уже 127 учениковъ, а въ 1811 — 309 (Булгаковъ. «Ист. кіевск. акад.», стр. 152).

[2]) «Кіевъ съ его древн. учил.», т. II, стр. 541.

[3]) Въ рукописи кіево-софійскаго собора, № 582, сохранились «Кіевскіе Мѣсяцесловы» на 1799 и 1800 г. и «Составленіе корня солнечныхъ движеній» на 1801 г., съ помѣткою, что вычисленія для нихъ сдѣланы преподавателями и студентами академіи (подъ каждымъ мѣсяцемъ подписаны имена двухъ составителей). Въ той-же рукописи помѣщены собственноручно переписанныя самимъ Фальковскимъ: «Таблицы епактальныя астрономическія парижскія», «Таблица логистическихъ логариѳмовъ» съ замѣткою De logarithmis logisticis», «Таблицы астрономическія Делагировы, изданныя въ Парижѣ 1735 г.», «Таблицы астрономическія, напечатанныя въ С.-Петербургѣ въ 1791 году при второй части навигаціонныхъ изслѣдованій г-на Безу», «Показаніе теченія луны на с.-петербургскомъ меридіанѣ въ полночь 1798 г.», «Вычисленіе истиннаго мѣста луны въ полночь 1798 г.» и «Praecepta astronomica»; послѣднія писаны на латинскомъ языкѣ съ прекрасно и изящно выполненными самимъ-же Фальковскимъ чертежами.

въ наблюденіи. Собралась братія, и стали всѣ по чину и порядку. Преосвященный сдѣлалъ предварительное объясненіе наблюдаемому явленію, а затѣмъ предложилъ братіи поочередно смотрѣть въ телескопъ. Подошелъ *намѣстникъ* и, посмотрѣвъ въ трубу, воскликнулъ:

— Дивна дѣла Господня, ваше преосвященство!

— Дивна дѣла Господня, ваше преосвященство!—сказалъ, въ свою очередь, *ризничій*, уступая мѣсто *казначею*...

Тоже самое продѣлывалъ и каждый слѣдующій астрономъ. Наконецъ подходитъ послѣднимъ одинъ изъ послушниковъ.

— Дивна дѣла Господня, ваше преосвященство!—говоритъ и онъ, оставляя постъ наблюдателя и отвѣшивая преосвященному низкій поклонъ,—„только... въ трубу-то ничего не видно".

Оказалось, что преосв. Иринеей, увлекшись предварительными объясненіями, забылъ снять крышку съ телескопа.

Отъ времени преподаванія Иринеемъ смѣшанной математики, осталось имъ составленное и его рукою писанное руководство по этому предмету, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *„Сокращеніе смѣшанной математики, раздѣленное на двѣ части, изъ которыхъ первая содержитъ механику, идростатику, аерометрію, идравлику, оптику, катоптрику, діоптрику и перспективу*; а другая—*тригонометрію сферическую, начала астрономіи, географію, хронологію, гномонику, пиротехнію, архитектуру гражданскую и военную,* собранное изъ разныхъ авторовъ въ пользу кіевскаго академическаго юношества, въ Кіевѣ, 1793 г." [1]). *„Сокращеніе"* снабжено самымъ безукоризненнымъ образомъ исполненными рукою Иринея рисунками и чертежами, и, по всему видно, готовилось авторомъ къ печати, хотя и не вышло въ свѣтъ по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ.

Изъ другихъ трудовъ его въ области математики можемъ указать еще на *„Новое краткое руководство къ ариѳметикѣ, соединенное съ начальною алгеброю. Ярославль. 1812 г."* [2]). *„Руковод-*

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб., №№ 580 и 581. Здѣсь же «*Elementa Physicae*» (68 §§ и начало 69) и «*Краткое обозрѣніе естественной исторіи*».

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 578.

ство" также, очевидно, готовилось къ печати; но переписаны только первыя три главы.

Нѣсколько раньше, въ 1797 г., вышло въ свѣтъ „*Сокращеніе церковной хронологіи, называемой наукою о пасхаліи*". Руководство отличается замѣчательною практичностію. Каждое правило, каждое положеніе сопровождается примѣрами и задачами съ весьма подробными и обстоятельными объясненіями.

Кромѣ того въ „Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ на лѣто отъ Рождества Христова 1800-е" [1]) предложенъ главнымъ редакторомъ его (т. е. *архимандритомъ Иринеемъ Фальковскимъ*) „*Новый способъ скораго сыскиванія врупьльтъ и златыхъ чиселъ во всякомъ данномъ году*" [2]).

Изобрѣтательный умъ Фальковскаго, стремившійся во всемъ быть самостоятельнымъ, сдѣлалъ открытіе и въ области ариѳметики; въ его рукописяхъ находимъ „*Новый способъ дѣленія смѣшанныхъ дробей, сысканный 1-го декабря 1798 г.*" [3]). Состоитъ онъ въ томъ, что *смѣшанныя дроби* дѣлятся безъ обращенія ихъ предварительно въ *неправильныя*. Интересующіеся этимъ свѣдѣніемъ простымъ опытомъ могутъ удостовѣриться, дѣйствительно-ли при этомъ способѣ, какъ говоритъ его изобрѣтатель, *дѣленіе значительно сокращается, если знаменателями дробей будутъ числа многозначныя*.

Поэзію Иринней читалъ до 179²/₃ учебнаго года включительно, и читалъ ее по руководству какого-то прежняго преподавателя,

---

[1]) См. рукопись кіево-софійскаго собора № 378. Онъ былъ и отпечатанъ въ типографіи кіевской академіи при кіево-печерской лаврѣ. Въ настоящее время онъ, какъ и календари на другіе годы, представляетъ собою драгоцѣнную библіографическую рѣдкость. Такъ календари, на 1798 и 1799 гг. (съ историческими статьями), изданія *Иринея* хранятся въ с.-петербургской императорской библіотекѣ (см. «Справ. слов.» Геннада); пять экземпляровъ «Кіевскаго Мѣсяцеслова на лѣто отъ Р. Х. 1798-ое» намъ удалось розыскать въ библіотекѣ кіево-печерской лавры (№№ 184—190). Филаретъ, архіеп. черниговскій, приписываетъ еще Иринею и «Кіевскій Мѣсяцесловъ на лѣто отъ Р. Х. 1797-ое» (см. «Обз. дух. лит.», изд. 2, кн. 2, стр. 210).

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 378, стр. 40—44.

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 582, стр. 68.

вѣроятно *Георгія Конисскаго* [1]). Изъ самостоятельныхъ трудовъ его по преподаванію этого предмета сохранились въ рукописяхъ кіево-софійскаго собора разныя практическія работы, какъ образцы различнаго рода поэтическихъ произведеній. Таковы: „*Молитва ко пресвятой Богородицѣ*“ (1 янв. 1789 г.), *Похвальныя и молитвенныя четырестишія ко преса. Дѣвѣ Богородицѣ*“ (на каждый день января мѣсяца 1789 г.) [2]) и особо озаглавленныя: „Піитическія диктанты“ (Exercitia Poetica) 1791 и 1792 г. [3]). Въ составъ послѣднихъ входятъ: „*Exercitia grammatica*“ (6), „*Exercitia poetica*“ (8) и „*Стихи россійскіе изъ предложеній*“ (18). Мы не будемъ ни входить въ разборъ этой утратившей значеніе работы, ни приводить изъ нея выдержекъ, для современнаго слуха скучныхъ и утомительныхъ.

Замѣтимъ лишь вообще, что „*Exercitia poëtica*“ и „*Occupationes poeticae*“ представляетъ собою родъ священныхъ гимновъ. Нѣкоторые изъ нихъ очень близко подходятъ къ подобнымъ-же гимнамъ Ломоносова (каковы гимны его: „Размышленіе о Божіемъ величествѣ по случаю сѣвернаго сіянія“, „Утреннее“ и „Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ“ и т. п.) и являлись результатомъ вліянія этого колосса своего времени на кіевскихъ лириковъ. Къ чести Иринея сказать можемъ, что его гимны признаются лучшими образцами произведеній этого рода въ старой кіевской академіи [4]).

Другія произведенія Иринея этого рода представляютъ собою простое переложеніе псалмовъ (сначала на латинскій языкъ, а затѣмъ на русскій), въ которомъ мысль робко и рабски слѣдуетъ въ своемъ раскрытіи шагъ за шагомъ за оригиналомъ.

„*Стихи россійскіе изъ предложеній*“ (18) написаны на отдѣльные стихи псалмовъ, и представляютъ собою болѣе или менѣе

---

[1]) См. рукоп. кіево-соф. соб. № 489. Сохранилось и самое это руководство, переписанное *отцомъ Иринеемъ* (см. рукоп. кіево-соф. соб. № 582, стр. 122), а не неизвѣстною рукою, какъ думаетъ проф. прот. Скворцовъ въ своей «Хроникѣ».

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб. VIII. 3.

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 489. Имъ предшествуютъ «Oratio initio lectionum poëticarum Augusti 26 die anno 1791-mo dicta».

[4]) См. «Труды кіевск. дух. акад.» 1867 г., т. I, стр. 89—90, статья Н. И. Петрова: «О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ кіев. акад. отъ начала ея до преобразованія въ 1819 г.»

свободное выраженіе навѣянныхъ ими на писавшаго религіозно-нравственныхъ мыслей [1]).

Въ связи съ этими трудами Иринея стоитъ учрежденіе имъ „Вольнаго Піитическаго Общества", и это надо признать довольно важною услугою Иринея для кіевской академіи. Общество съ столь громкимъ названіемъ было не что иное, какъ студенческая читальня. Сохранился уставъ общества, писанный рукою Иринея. Каждый изъ желающихъ вступить въ общество студентовъ, внеся одинъ рубль, имѣлъ право пользоваться книгами, выписанными на складочныя деньги. На первый разъ записалось 80 членовъ и книгъ куплено на 80-же рублей. Польза такого учрежденія очевидна, а самая мысль о немъ въ то время достойна примѣчанія. Остается пожалѣть только, что объ операціяхъ его и о его состояніи въ послѣдующее затѣмъ время свѣдѣній не сохранилось въ нашихъ рукописяхъ.

---

4 августа 1793 года Ириней назначенъ былъ преподавателемъ философіи [2]), оставаясь на этой каѳедрѣ до сентября 1795 г., но свѣдѣній объ этомъ періодѣ его преподавательской дѣятельности не сохранилось почти никакихъ. Извѣстны только три вступительныя лекціи на латинскомъ языкѣ, по философіи, 1793 г., 1794 и 1795 г., а также философскіе тезисы для диспутовъ 1794

---

[1]) Ibid. loco cit. Изъ другихъ *упражненій* Иринея quasi-поэтическаго характера можно указать еще: 1) «Versus gratulatorii» (на лат. яз.) митр. Самуилу (рукоп. кіево-соф. соб. № 618, «Exerc. poët.» 1792 г.), 2) «Carmen panegyricum» (тоже на лат. яз.) на прибытіе м. Іероѳея въ Кіевъ въ маѣ 1796 г., 3) нѣсколько эпиграммъ м. Іероѳею, 4) латинскіе стихи на прибытіе имп. Павла I въ Кіевъ (сост. 21 февр. 1798 г.), 5) латинская ода на тотъ-же случай (сост. 14, 15 и 18 марта того-же года), 6) «Epigrammata in laudem Pauli 1-mi» etc. (сост. 19 мая того-же года), 7) 30 практическихъ афоризмовъ на французскомъ языкѣ (рукоп. кіево-соф. соб. № 580; въ формѣ двустишій и четверостишій; за ними помѣщены 100 басень Эзопа на французскомъ-же языкѣ), 8) четыре книги практическихъ-же афоризмовъ (тоже въ формѣ двустишій и четверостишій) на нѣмецкомъ языкѣ (въ 1-й кн. 40 афоризмовъ, во 2-й—31, въ 3-й—25, въ 4-й—34; см. ibid.) и наконецъ 9) «*Стихи изъ райскихъ цвѣтовъ*», написанные въ концѣ 1791 г. (см. рукоп. кіево-соф. соб. № 489, «Exerc. poët.»).

и 1795 г. [1]), Отсутствіе впрочемъ болѣе или менѣе капитальныхъ трудовъ Иринея по философіи можетъ быть объяснено тѣмъ обстоятельствомъ, что въ эти-же самые годы онъ читалъ еще въ высшихъ классахъ любимѣйшій предметъ свой—*чистую математику*, на которую, вѣроятно, и обращалъ исключительное вниманіе.

V.

Перемѣнивъ въ короткое сравнительно время столько каѳедръ и обнаруживъ въ каждомъ изъ предметовъ, которые были поручаемы ему для преподаванія, солидныя познанія, самостоятельную обработку и блестящее изложеніе, 3 сентября 1795 г. Ириней по избранію академической корпораціи былъ назначенъ „въ должность префекта и богословіи учителя". Это былъ послѣдній знакъ вниманія и расположенія къ нему митрополита Самуила [2]), вскорѣ потомъ скончавшагося. Назначеніе было принято съ восторгомъ какъ самымъ Иринеемъ, такъ, можно думать, и новыми его слушателями. Должность впрочемъ префекта въ томъ-же году, по желанію-ли самого Иринея, или помимо его воли, въ виду извѣстной его слабости, была передана другому лицу, но каѳедру богословскую онъ занималъ много лѣтъ и читалъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, что и среди постигшей его передряги служебной считался не замѣнимымъ. Объ ученыхъ его трудахъ по богословію скажемъ ниже, а пока коснемся нѣкоторыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ въ его жизни и службѣ.

Въ 1798 году Ириней получилъ первую награду—титулъ *соборнаго іеромонаха* въ кіево-печерской лаврѣ, точнѣе его содержаніе [3]), а въ 1799 году, помимо митроп. Іероѳея и не по вкусу ему, былъ назначенъ черниговской епархіи второклассного гамалѣевскаго монастыря настоятелемъ, съ производствомъ въ санъ архимандрита, и съ оставленіемъ при академіи въ учительской должности по прежнему [4]). Но, спустя мѣсяца два послѣ этого, Иринея

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 489.

[2]) «Акты кіево-бр. учил. мон. и акад.», т. III, № 85.

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 582

[4]) «Акты кіево-бр. мон. и акад.», т. III, № 107.

постигла служебная передряга, которой, при его слабости, давно можно было ожидать и которая едва не погубила его карьеры, а академію едва не лишила одного изъ лучшихъ ея представителей. Основа передряги [1]) лежитъ несомнѣнно въ удручавшей Иринея слабости, а поводомъ къ ней послужило мелочное обстоятельство, никакого повидимому отношенія къ Иринею не имѣвшее. Дѣло въ томъ, что въ митрополичій хоръ, въ число его пѣвчихъ, взятъ былъ одинъ изъ мальчиковъ, обучавшихся въ низшихъ классахъ академіи, и порученный родителями особому надзору студента богословія Семена Романовскаго. Подобная вербовка тогда и долгое время потомъ была дѣломъ обыкновеннымъ и не вызывала ничьего протеста; на кого падалъ выборъ регента, тотъ долженъ былъ идти въ пѣвчіе, хотя ученіе для такого совсѣмъ почти пропадало. Взятый теперь мальчикъ былъ вѣроятно сынъ достаточныхъ родителей; во всякомъ случаѣ безъ ихъ воли репетиторъ не рѣшался отпустить его, а можетъ быть съ отпускомъ его онъ и самъ лишался гонорара за репетиціи, входившаго въ бюджетъ его содержанія. Но мальчикъ взятъ насильно, или безъ вѣдома репетитора. Послѣдній, видно, былъ неробкаго десятка, — онъ отправился въ домовую митрополичью церковь и за службою церковною требовалъ мальчика обратно. Произошло рѣзкое препирательство между репетиторомъ и регентомъ. Послѣдній сослался на распоряженіе митрополита, а репетиторъ напрямикъ отвѣчалъ, что митрополитъ не имѣетъ на это права, такъ какъ мальчикъ не его, а брацлавской епархіи. Онъ старался даже проникнуть въ митрополичьи покои и настаивалъ, чтобы его допустили до самого митрополита. Узнавши обо всемъ этомъ, митроп. Іероѳей приказалъ Иринею „сдѣлать студенту и слушателю его Романовскому выговоръ въ богословскомъ классѣ въ присутствіи префекта академіи Иннокентія“. Но Ириней не только не исполнилъ даннаго ему лично приказанія, но вечеромъ того-же дня написалъ митроп. Іероѳею слѣдующее, замѣчательное по содержанію своему письмо:

---

[1]) Объ ней «Кіевъ» съ его древн. учил., кн. II, стр. 404; самое *дѣло* см. ibid. стр. 404—406; подробнѣе — «Кіевск. Епар. Вѣдом.», 1874 г., стр. 235—245, замѣтка проф. Ст. Т. Голубева.

Высокопреосвященнѣйшій владыко,
милостивый архипастырь!

„Вслѣдствіе словеснаго повелѣнія вашего высокопреосвященства, объявленнаго мнѣ сегодня поутру, по коему долженъ былъ я въ богословскомъ классѣ, въ присутствіи академіи префекта, учинить публичный выговоръ за нанесенное нѣкоторымъ изъ дому вашего высокопреосвященства оскорбленіе, студенту богословіи Семену Романовскому, пріемлю смѣлость вашему высокопреосвященству нижайше донесть, что какъ оный студентъ Романовскій не признаетъ себя виновнымъ въ возлагаемомъ на него преступленіи, а все донесенное о немъ вашему высокопреосвященству приписываетъ дѣйствіямъ клеветы и желаетъ, чтобы дѣло его разсмотрѣно было надлежащимъ порядкомъ и по оному-бы рѣшеніе было учинено: то я, не смѣя поступить противу должностей, коими обязанъ учитель къ ученикамъ, также и противъ важности богословскаго класса, который есть истинно святилище Божіе, подобное храмамъ Его, поелику въ немъ единый всѣхъ учитель Христосъ всегда невидимо, какъ мы вѣруемъ, чрезъ особливую благодать присутствуетъ и какъ въ собственномъ Своемъ классѣ всѣмъ слово Свое святое внушаетъ, а потому ни тѣлесныя наказанія, ни шумные человѣческіе выговоры не должны въ немъ имѣть мѣста: ибо инако сдѣлался-бы онъ изъ храма Божія *вертепомъ разбойниковъ:* нижайше прошу вашего высокопреосвященства: 1) Указомъ изъ дикастеріи всѣ изслѣдованія ученическихъ проступковъ и слѣдующія по онымъ указныя наказанія отъ сего священнаго класса навсегда отдѣлить; поелику чрезъ оныя и время отъ священнаго ученія отниматься и вниманіе студентовъ къ Божіему слову безполезно разстроиваться будетъ; а напротивъ того всѣ оныя изслѣдованія и наказанія приказать дѣлать или въ академическомъ правленіи (которое для того и слѣдовало-бы особливымъ указомъ по надлежащему учредить), или въ особомъ какомъ публичномъ собраніи либо всей академіи, либо нѣкоторой части, смотря по важности вины. 2) Въ случаѣ другихъ какихъ-нибудь нужныхъ по классамъ объявленій, естьли не угодно будетъ вашему высокопреосвященству одному мнѣ въ точномъ исполненіи оныхъ учинить довѣренность, приказать приходить со мною въ классъ ректору академіи для свидѣтельства, а не

префекту, коему въ классъ мой для смотрѣнія ходить не слѣдуетъ. 3) Дѣло прописаннаго студента Романовскаго нижайше прошу приказать разобрать либо въ академическомъ правленіи (въ которомъ по симъ и другимъ причинамъ слѣдовало-бы и мнѣ присутствовать), либо въ другомъ мѣстѣ, а слѣдствіе онаго указомъ въ академіи публиковать для предостереженія всѣхъ прочихъ отъ подобныхъ преступленій. Наконецъ заклинаю ваше высокопреосвященство именемъ Божіимъ безъ гнѣва выслушать слѣдующее: какимъ образомъ православная наша богословія не признаетъ непогрѣшительности римскихъ папъ (infallibilitatem), такъ равно не признаетъ она непогрѣшительности и православныхъ епископовъ или патріарховъ; она велитъ и самыхъ святыхъ отцовъ мнѣнія съ словомъ Божіимъ сносить и по довольномъ изслѣдованіи оныя одобрять или охуждать; а посему и неудивительно, естьли студенты богословіи, кои нынѣ по указу святѣйшаго синода слушаютъ Кормчую, начнутъ иногда по церковнымъ оной книги правиламъ разсуждать о правахъ и власти епископовъ, да и разсужденіе таковое запрещено имъ быть не можетъ; а какъ при томъ богословскіе православные классы составляютъ духовное церкви Христовой воинство, отъ коего она всей защиты и безопасности ожидать должна, то я и прошу нижайше ваше высокопреосвященство, какъ православнаго церкви нашей архипастыря, къ священному сему классу оказывать болѣе уваженія и благоволенія, нежели сколько враги православія, или несмысленныя церкви чада желаютъ; а потому и нижайшія наши *предложенія* или мнѣнія, яко происходящія отъ усерднѣйшихъ какъ о временномъ благосостояніи, такъ и о вѣчномъ спасеніи вашего высокопреосвященства помышленій, милостивѣйше принимать, а иногда отъ насъ и требовать оныхъ; ибо кто можетъ во всей епархіи пристойнѣе, свободнѣе и способнѣе насъ оныя въ затруднительныхъ случаяхъ подавать? Мнѣнія православныхъ богослововъ требуетъ и часто принимаетъ самый святѣйшій синодъ; поелику великая часть времени снята съ епископовъ и сложена на нихъ, и притомъ собственная ихъ должность есть та, чтобъ въ словѣ Божіемъ день и нощь упражняться и всѣ изъ онаго почерпаемыя наставленія всей Христовой церкви свободно, то есть безъ страха и стыда, проповѣдывать по онымъ Давыдовымъ словамъ: „глаголахъ о свидѣніяхъ твоихъ предъ цари, и не стыдяхся“.

Препоручаю въ прочемъ всего себя высокимъ вашимъ архипастырскимъ милостямъ, благоволенію и святительскому благословенію".

1799 года, марта 21 дня.

(Обычная подпись).

Трудно понять, писано-ли это письмо подъ вліяніемъ возбужденія темными сторонами всего происшествія, явилось-ли оно, какъ послѣдствіе всегда нѣсколько мечтательнаго настроенія Иринея и такого-же представленія его о священномъ значеніи его класса, его отношеній къ ученикамъ и какихъ-то идеальныхъ правъ православныхъ богослововъ, было-ли оно плодомъ того особаго возбужденія, въ которое приводила Иринея его гибельная страсть, или тутъ соединились и обстоятельства происшествія, и обычная настроенность Иринея, и его личныя отношенія, и даже это особое возбужденіе... Какъ-бы ни было, приведенное письмо не могло не взволновать престарѣлаго митрополита; въ особенности его оскорбило употребленное Иринеемъ заклинаніе его именемъ Божіимъ. Дождавшись утра, Іероѳей передалъ письмо въ консисторію, приказавъ запиской секретаря вызвать архим. Иринея въ присутствіе, потребовать отъ него объясненіе въ оскорбительномъ тонѣ и содержаніи письма и, записавъ все въ журналъ, заготовить отъ имени его митрополита донесеніе въ синодъ, съ приложеніемъ письма Иринея и „прописаніемъ всей невоздержной его жизни и соблазнительныхъ поступковъ, о которыхъ его высокопреосвященству и всей академіи довольно извѣстно". Въ тотъ-же день получена въ правленіи академическомъ и самая „секретарская записка". Иринея возмутило это требованіе „заразъ" явиться въ полное присутствіе кіевской дикастеріи, которой подсуднымъ или подчиненнымъ онъ не считалъ ни себя самого, ни тѣмъ болѣе академіи. На самой запискѣ Ириней отвѣчалъ, что какъ архимандритъ онъ принадлежитъ другой епархіи, какъ не членъ кіевской консисторіи быть въ присутствіи оной основанія не имѣетъ, объ отношеніяхъ-же своихъ къ ней по дѣламъ академическимъ никакихъ указовъ и резолюцій не получалъ, а потому и считаетъ себя обязаннымъ являться лишь лично преосв. митрополиту. Но митрополитъ письменно чрезъ ту-же консисторію пригрозилъ ему болѣе строгими мѣрами, и Ириней покорился. Въ назначенный день и часъ онъ явился въ присутствіе консисторіи

и тамъ объявилъ, что письмо писано имъ и что „*упоминаемое въ немъ заклинаніе онъ считаетъ дѣйствіемъ благочестивымъ, а ежели какъ то, такъ и всѣ прочія онаго письма выраженія почитаются оскорбительными, то онъ признаетъ себя въ томъ виновнымъ и обязывается испросить*“ у оскорбленнаго митрополита *прощеніе*. Повинная Иринея не принята, его объясненіе занесено въ журналъ, а по этому послѣднему составлено и послано отъ имени митрополита донесеніе въ св. синодъ, съ приложеніемъ въ подлинникѣ письма Иринея.

Въ донесеніи своемъ митрополитъ, обвиняя Иринея, безъ указанія какихъ либо данныхъ, въ подстрекательствѣ студента Романовскаго къ оказанной имъ дерзости, а равно въ присылкѣ ему, митрополиту, оскорбительнаго письма, доказываетъ незаконность и несообразность высказанныхъ Иринеемъ въ письмѣ желаній, указываетъ на ослушаніе его консисторскому указу и, какъ на крайнюю для себя обиду и поруганіе его сана и лѣтъ, на употребленіе Иринеемъ заклинанія его именемъ Божіимъ, а въ заключеніе выставляетъ во всей, такъ сказать, наготѣ несчастную страсть Иринея, его „налогъ“ и „напой“, по причинѣ котораго „нерѣдко въ теченіи года недѣль по двѣ и болѣе не бывалъ въ своемъ классѣ, присовокупляя къ пьянству и другіе крайне соблазнительные поступки, и отъ котораго истрезвляемъ былъ удаленіемъ съ нарочными изъ академіи въ принадлежащій ей загородной дворъ“. Прибавляя наконецъ, что отважность Иринея сдѣлалась въ академіи гласною и его, митрополита, честь страждетъ напрасно, Іероѳей просилъ „его отъ таковыхъ поношеній защитить, архимандрита Иринея за вышеписанные дерзостные поступки усмирить и въ страхъ другимъ не только отъ должности учительской отрѣшить, но и изъ епархіи кіевской исключить“.

„Доношеніе“ это было отправлено 29 марта 1799 г. Въ тотъ-же день (до или послѣ отправки, не знаемъ) Ириней представилъ митрополиту прошеніе, въ которомъ, признавая всю свою вину и обѣщая полную покорность и совершенное исправленіе, просилъ все „по оному письму происшедшее прекратить и, даровавъ всѣмъ въ семъ дѣлѣ виновнымъ всеобщую амнистію, оное совершенному и всегдашнему забвенію предать“.

Потребовалось около 3-хъ мѣсяцевъ, пока это прошеніе, подкрѣпленное, можетъ быть, неоднократными личными просьбами и какими либо ходатайствами, возъимѣло наконецъ желаемое дѣйствіе. Въ то время, когда со дня на день надобно было ожидать синодальнаго указа по первому донесенію митроп. Іероѳея, 20 іюня онъ отправилъ второе съ горячимъ ходатайствомъ объ Иринеѣ. Митрополитъ писалъ въ синодъ: „предпочитая общественную пользу своей обидѣ, покорнѣйше прошу, освободивъ архимандрита Иринея отъ дальнѣйшихъ послѣдствій, *оставить по прежнему при академіи, яко такова человѣка, который по своимъ дарованіямъ для оной нуженъ и полезенъ*".

По спустя три дня послѣ этого получено рѣшеніе синода по первому донесенію. Указомъ синодальнымъ предписывалось: архимандрита Иринея, по испрошеніи имъ прощенія у митрополита и взятіи съ него въ консисторіи подписки въ безпрекословномъ повиновеніи властямъ, „отрѣша отъ исправленія въ академіи должности богословіи учителя, а равно и отъ управленія... гамалѣевскимъ монастыремъ, опредѣлить въ учрежденную въ Москвѣ для свидѣтельства и разсматриванія сочиняемыхъ и переводимыхъ книгъ, до церкви и ученій церковныхъ касающихся, коммисію членомъ съ жалованьемъ *по пятисотъ рублей* въ годъ и туда отправить его съ паспортомъ по надлежащему".

Митрополитъ велѣлъ дикастеріи помедлить исполненіемъ присланнаго указа и, въ ожиданіи новаго, уполномочилъ Иринея продолжать службу при академіи. Св. синоду вѣроятно извѣстны были не одни выдающіяся дарованія Иринея, но и удручавшая его болѣзнь, и ничего невозможнаго нѣтъ въ томъ, что члены синода взглянули на оскорбленіе причиненное митрополиту Иринеемъ, какъ на случайное проявленіе этого несчастнаго недуга. Во всякомъ случаѣ новое рѣшеніе синода не только было человѣколюбиво, но какъ-бы превышало ходатайство митрополита: Ириней не только оставленъ по прежнему при академіи въ должности учителя богословія, но за переводомъ штата гамалѣевскаго монастыря на кіево-братскій [1])

---

[1]) Указомъ имп. Екатерины II отъ 10 апр. 1768 г. (см. «Полное собр. зак.», т. XXII, № 16375) Кіево-братскій училищный монастырь упразднялся и обращался въ военный госпиталь, по положенію. По поводу этого распоряженія Фальковскій замѣчаетъ: «мы были подобны онымъ сынамъ Израиля, кои воспѣвали:

назначенъ архимандритомъ и настоятелемъ сего послѣдняго. Указъ полученъ въ началѣ августа.

Такъ окончилось, къ общему удовольствію, *дѣло* архимандрита Иринея съ митроп. Іероѳеемъ. Любимый студентами профессоръ не былъ оторванъ отъ академіи и явился настоятелемъ монастыря, въ которомъ она издавна ютилась и съ которымъ была въ неразрывной связи; такимъ образомъ Ириней, и не нося оффиціально званія ректора, какъ по іерархическому сану своему, такъ равно и по вліянію на дѣла академическія, становился ближайшимъ блюстителемъ кіевскихъ школъ. Отъ самого-же *дѣла* остались горькій жизненный опытъ да подписка Иринея въ безусловномъ послушаніи начальству [1]). Независимо отъ сего происшедшая съ нимъ передряга, произведши сильное нравственное потрясеніе во всемъ существѣ Иринея, имѣла благодѣтельныя для него послѣдствія. Жизнь его, съ этой поры, носитъ печать замѣчательнаго подвижничества, перешедшаго впослѣдствіи въ строжайшій аскетизмъ. День обыкновенно начиналъ онъ горячею молитвою съ „метаніями“ и заканчивалъ такою-же молитвою съ новыми „метаніями“, доходившими отъ 150 (рѣдко) и до 700 въ день. Остальное время дня онъ проводилъ въ чтеніи св. писанія ветхаго и новаго завѣтовъ на славянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, въ чтеніи отеческихъ твореній, нѣмецкихъ комментаторовъ св. писанія (въ подлинникѣ), въ списываніи и составленіи ученыхъ изслѣдованій и въ хлопотахъ по дѣламъ ввѣреннаго его управленію кіево-братскаго монастыря. Пищею довольствовался самою скудною; „кашица съ картофелью“—вотъ вся его пища, а весьма часто онъ довольствовался „сухояденіемъ“. Дни, въ которые Ириней съѣдалъ „булку“, записывались имъ, какъ дни особенные. Чай являлся роскошью, которую Ириней дозволялъ себѣ только *въ* гостяхъ и *при* гостяхъ [2]). До чего доходили заботы его о душѣ, можно видѣть изъ тѣхъ замѣтокъ, какія велись имъ въ это время. Онъ съ математическою точностію отмѣчалъ даже

на рѣкахъ вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ» (см. рукоп. кіево-соф. соб. VIII, 4). Но въ 1799 г. кіево-братскій монастырь былъ возстановленъ въ штатное положеніе 2-го класса, и сюда-же переведенъ былъ штатъ упразднявшагося гамалѣевскаго Харлампіева монастыря съ разнизею и утварью.

[1]) «Акты кіево-бр. учил. мон. и акад.», т. III, № 112.

[2]) См. рукоп. кіево-соф. соб., XIX, 1, стр. 1—42.

такія, повидимому, мелочи, какъ напримѣръ были-ли у него въ извѣстный день и сколько именно разъ были „нерадѣнія степени“, „унынія дѣйствія“, „гнѣвныя дѣйствія“, „мысли похотныя“ и т. п. [1]). Поэтому-то онъ весьма часто исповѣдывался у духовника своего [2]) и ежедневно по-нѣсколько разъ прочитывалъ „Правила отъ искушеній“ [3]).

Съ этихъ-же поръ Ириней еще болѣе, если только это возможно было, старается посвятить все свое время, всѣ свои силы на служеніе академіи, занимаясь и преподаваніемъ въ богословскомъ классѣ, и толкованіемъ апостольскихъ посланій, въ силу синодальнаго указа отъ 18 декабря 1798 г., по воскреснымъ днямъ, ученикамъ *риторики, философіи* и *богословіи*, и изданіемъ кіевскихъ мѣсяцесловов, и, наконецъ, учеными трудами. Читая ежедневныя замѣтки его на 1799—1805 гг. [4]) поражаешься и проникаешься невольнымъ благоговѣніемъ предъ тою массою умственнаго труда, какую ежедневно выполнялъ неутомимый работникъ мысли. Въ одной изъ рукописей кіево-софійскаго собора сохранились, слабовато впрочемъ хактеризующія преподавательскую въ это время дѣятельность Иринея, вѣдомости о пройденномъ имъ въ богословскомъ классѣ за 1799—1804 годы. Приводимъ изъ этихъ вѣдомостей названія тѣхъ предметовъ, которые онъ одновременно читалъ, какъ учитель богословія. Вотъ они:

1) *Церковная исторія.* 2) *Герменевтика,* или изложеніе способовъ и правилъ объясненія свящ. писанія. 3) *Богословіе догматико-полемическое.* 4) *Нравственное богословіе.* 5) *Пасхалія.* 6) *Объяснительное чтеніе книгъ священнаго Писанія.* 7) *Книга Кормчая или церковное право.* 8) *Книга о должности приходскихъ священниковъ или пастырское богословіе.* 9) *Толкованіе воскресныхъ и праздничныхъ чтеній, евангельскихъ и апостольскихъ* [5]).

Въ вѣдомостяхъ сжато объяснено, что именно пройдено по каждому предмету за каждый годъ и преподано, показаны руководства и отчасти способы изложенія. Такъ при изложеніи Цер-

---

[1]) Ibid. «Барометръ страстей», стр. 22 и дал.

[2]) Въ 1802 г., напр., 10 разъ (см. рукоп. кіево-соф. соб. XIX, 1, стр. 30).

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб., XIX, 1, стр. 1—42.

[4]) См. ibid. первую половину.

[5]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 618, стр. 41.

ковной Исторіи Ириней старался съ возможною полнотою освѣтить главнѣйшія и важнѣйшія эпохи, пользуясь для этой цѣли доступною ему литературою предмета. Тоже замѣчаемъ и въ преподаваніи имъ св. писанія. Тутъ дѣло поставлено было на строго-научную почву. Помимо *подробнаго толкованія особенно трудныхъ мѣстъ*, Ириней здѣсь-же въ классѣ знакомитъ своихъ слушателей съ греческимъ подлинникомъ и латинскимъ переводомъ „Вульгатою", сличая съ ними славянскій текстъ. Наибольшій трудъ совершилъ и наибольшую услугу оказалъ Ириней обработкою богословской науки и приведеніемъ оной въ стройную систему, въ чемъ она такъ сильно нуждалась еще со времемъ Прокоповича, давшаго ей новое направленіе, которое должно было освободить ее отъ оковъ схоластики, но не упорядочившаго самой науки, и введеннымъ въ нее методамъ изложенія расширившаго ее до такихъ размѣровъ, что самъ онъ, читая этотъ предметъ 4 года, едва выполнилъ половину плана. Существенная услуга Иринея состоитъ въ томъ, что, взявъ за основу обширный планъ Прокоповича, онъ выполнилъ вторую его часть, представилъ обѣ части въ сжатомъ и законченномъ видѣ и далъ возможность учащимся въ четырехлѣтній срокъ, безъ обремененія, выслушать полный курсъ богословія. Говоря словами Иринея, это была „Теологія въ сокращенномъ видѣ для наставленія россійскаго юношества". Въ существенныхъ чертахъ таково и скромное названіе его капитальнаго труда.

Не входя въ разборъ онаго, скажемъ, что по ясности, отчетливости и систематической строгости „Compendium" Иринея долженъ быть признанъ самою лучшею догматическою системою своего времени. Это и было то, о чемъ воздыхали и мечтали, но чего не могли сдѣлать его предмѣстники по богословской каѳедрѣ и въ ряду ихъ даровитѣйшій Георгій Конисскій. Непосредственно-же послѣ выхода своего въ свѣтъ, „Compendium" введено было, въ качествѣ учебника по догматико-полемическому богословію, не только въ кіевской, но и въ другихъ духовныхъ академіяхъ. Впослѣдствіи право изданія было уступлено авторомъ коммисіи духовныхъ училищъ и, кромѣ перваго изданія, явилось два новыхъ. Разсматриваемая въ общемъ система Иринея представляетъ собою опытъ рѣшительнаго изгнанія схоластики. Слѣдъ схоластики остался у Иринея Фальковскаго только во внѣшней постановкѣ вопросовъ

именно въ обозначеніи частныхъ отдѣловъ того или другаго трактата принятыми у схоластиковъ терминами: *thesis* и др. и замѣчаемая иногда дробность дѣленій.

Не меньшая заслуга принадлежитъ Иринею и какъ экзегету. Справедливою извѣстностью пользуется имя его въ ряду лучшихъ нашихъ толкователей св. писанія. Назначенный въ силу упомянутаго уже нами раньше синодальнаго указа (отъ 31 окт. 1798 г.) толкователемъ апостольскихъ посланій по воскреснымъ днямъ, онъ съ честью выполнилъ возложенное на него назначеніе. Съ 27 февраля 1799 г. и по 1803 годъ включительно Иринеемъ прочтены были и написаны толкованія на *шесть* посланій ап. Павла: на первое и второе къ солунянамъ, первое и второе къ коринѳянамъ, къ галатамъ и къ римлянамъ. Изъ нихъ извѣстны въ печати только толкованія на посланіе къ римлянамъ [1]) и на посланіе къ галатамъ [2]); толкованія же на остальныя исчисленныя нами четыре посланія и по настоящее время остаются въ рукописяхъ кіево-софійскаго собора [3]).

Толкованіе посланій расположено Иринеемъ сообразно хронологическому порядку ихъ написанія св. ап. Павломъ. Послѣ общихъ свѣдѣній о времени, мѣстѣ, цѣли написанія извѣстнаго посланія и краткаго анализа содержанія слѣдуетъ самое толкованіе посланія, предложенное въ отдѣльныхъ „чтеніяхъ", весьма тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ и сопровождаемыхъ „нравоученіемъ". Толкованія снабжены хронологическими, историческими и географическими поясненіями и даже филологическими изысканіями, употребляемыми при сличеніяхъ различныхъ текстовъ. При этомъ строго-научномъ характерѣ толкованій Ириней съ рѣдкимъ искусствомъ съумѣлъ сообщить имъ ясность и удобопонятность самыхъ популярныхъ истолковательныхъ бесѣдъ.

При изъясненіи извѣстныхъ мѣстъ того или другаго посланія Ириней, гдѣ это кстати и необходимо, указываетъ иногда на разности въ ученіи восточной и западной церквей съ основательнымъ опроверженіемъ заблужденій послѣдней. Для болѣе яснаго и на-

[1]) Кіевъ, 1806 г.
[2]) Кіевъ, 1807 г.
[3]) №№ 121 и 122.

гляднаго раскрытія мысли извѣстнаго посланія экзегетъ нашъ прибѣгаетъ иногда къ примѣрамъ изъ жизни благочестивыхъ людей.

Для этой-же цѣли, Ириней прибѣгаетъ иногда и къ большимъ выдержкамъ изъ сочиненій славныхъ ученыхъ древности [1]) и при случаѣ старается показать и опровергнуть вторгавшіяся въ то время въ интеллигентную часть русскаго общества анти-православныя и анти-религіозныя деистическія и натуралистическія тенденціи [2]).

Думаемъ, что изданіе въ свѣтъ неизданныхъ еще изъ нихъ было-бы довольно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ экзегетической литературы. Не смотря на свой, нѣсколько устарѣвшій уже языкъ, толкованія эти могли-бы служить прекраснѣйшимъ пособіемъ къ составленію проповѣдей и веденію завоевывающихъ уже себѣ право гражданства воскресныхъ собесѣдованій съ народомъ.

Г. Булашевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб , № 121, стр. 35—36—выдержка изъ «Тускуланскихъ вопросовъ» *Цицерона.*

[2]) Ibid. стр. 49.

Фрески кіево-кирилловской церкви XII в.

(Рѣчь, произнесенная А. В. Праховымъ въ общемъ собраніи Императорскаго русскаго археологическаго общества, 9 января 1883 г.) *).

Мм. гг.! На мою долю выпала лестная задача сообщить вамъ объ исполненіи перваго крупнаго археологическаго труда, предпринятаго въ благополучное царствованіе Государя Императора,—задача для меня тѣмъ болѣе пріятная, что этотъ археологическій трудъ былъ исполненъ починомъ нашего общества. 30-го марта 1881 года Его Императорскому Величеству благоугодно было поручить Императорскому русскому археологическому обществу открыть и скопировать фрески кирилловской церкви въ Кіевѣ; работы длились два года, и вотъ плоды этихъ трудовъ!...

---

*) Въ виду особеннаго интереса этого недавняго открытія для читателей нашихъ вообще и въ частности кіевскихъ, воспроизводимъ по благосклонно сообщенному уважаемымъ Адріаномъ Викторовичемъ списку его изящную и богатую содержаніемъ рѣчь, которой прежде насъ далъ мѣсто на своихъ страницахъ «Журналъ министерства народ. просвѣщенія». Благодаря особой любезности ея автора, имѣвъ случай совмѣстно съ нимъ осмотрѣть еще въ сентябрѣ 1881 г. исполненное имъ тогда уже открытіе большей части фресокъ, мы съ нетерпѣніемъ ожидали обѣщаннаго намъ описанія оныхъ и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ встрѣчаемъ и воспроизводимъ оное, что оно является не въ формѣ сухаго археологическаго реферата, но въ видѣ блестящей рѣчи, съ такою легкостью вводящей читателя въ отдаленный вѣками міръ кіевскихъ древностей. Видѣвъ открытыя и полуоткрытыя тогда фресковыя изображенія—въ натурѣ и прекрасныхъ копіяхъ, мы можемъ лишь раздѣлять увѣренность такъ много потрудившагося профессора въ важности открытія. Мы особо любовались фресками бытоваго характера, воспроизводящими эпизоды изъ житія св. Кирилла Александрійскаго въ обстановкѣ кіевской жизни XII в, а разсматривая остатки картины Страшнаго Суда, пожалѣли вмѣстѣ съ почтеннымъ профессоромъ о томъ, что рука времени, сохранивъ изображенія праведниковъ, не оставила ни единаго грѣшника или грѣшницы, въ изображеніяхъ которыхъ отразилось-бы нравственное міровоззрѣніе кіевлянъ XII вѣка.—Ред.

Напомню вамъ вкратцѣ исторію нашего памятника.

Кіевскія сооруженія X, XI и XII в. группируются, какъ извѣстно, около двухъ центровъ, одного — политическаго, другаго — религіознаго. Десятинная церковь, Васильевская-Трехсвятительская, св. Софія, исчезнувшія теперь георгіевская и ирининская церкви, Михайловскій Златоверхій монастырь, всѣ эти памятники X, XI и XII вѣковъ сосредоточены на плоской вершинѣ одного кіевскаго взгорья въ разстояніи нѣсколькихъ минутъ другъ отъ друга: всѣ они заключены въ древнемъ кремлѣ Владиміра, Ярослава, Изяслава, Святополка. Другіе памятники тѣхъ-же вѣковъ сосредоточены на Печерскѣ, вокругъ главнаго религіознаго центра, Кіево-печерской лавры, или по дорогѣ къ ней. Церковь, надъ которою мы работали въ теченіе двухъ лѣтъ, кирилловская церковь, и бывшій при ней монастырь одиноко расположены въ противуположномъ сѣверо-западномъ концѣ Кіева, въ $^3/_4$ часа ѣзды отъ древняго Кремля, на послѣднемъ возвышенномъ выступѣ кіевскихъ горъ. Откуда такое своеобразное положеніе?

Кіевъ, нынѣ доступный со всѣхъ сторонъ, далеко не былъ такимъ въ древности. Съ юга его замыкали густые боры, съ востока естественною преградой являлась быстрина широкаго Днѣпра; единственный удобный доступъ къ нему былъ съ запада и сѣверозапада. Въ сѣверо-западномъ углу, подъ тѣмъ холмомъ, гдѣ стоитъ кирилловская церковь, сходились всѣ дороги, ведшія въ праматерь русскихъ городовъ; здѣсь было знаменитое въ лѣтописи Дорожиче, или Дорогожиче. Едва-ли еще гдѣ-либо въ кіевской Руси найдется мѣсто, въ такой степени напоенное человѣческою кровію и усѣянное человѣческими костями, какъ это Дорожиче. Всякій врагъ, наступавшій на Кіевъ, проходилъ по этой мѣстности, и подъ первымъ холмомъ, подъ первою естественною твердынею Кіева, угрожавшею нападающему съ праваго фланга, происходили первыя схватки. Кто овладѣвалъ этимъ ключемъ, предъ тѣмъ нижній городъ, теперешній Подолъ, былъ беззащитенъ. Народная фантазія кіевлянъ въ такой степени освоилась съ представленіемъ о врагѣ на Дорожичѣ, что сложился миѳъ о двѣнадцатиглавомъ змiѣ, гнѣздившемся въ пещерахъ кирилловской горы и оттуда пожиравшемъ кіевлянъ. Ихъ избавителемъ явился нѣкій Кирило Кожемяка, разорвавшій при вѣсти о змiѣ двѣнадцать воловьихъ шкуръ, которыя онъ мялъ въ своихъ

богатырскихъ рукахъ. На этой-же мѣстности рѣшилась судьба и честолюбиваго Ольговича Черниговскаго, Всеволода II, пришедшаго добывать себѣ великокняжескій престолъ. Напавъ на кіевлянъ на Дорожичѣ, онъ зажегъ Копыревъ конецъ и овладѣлъ Кіевомъ и престоломъ (5-го марта 1140 г.). Надъ мѣстомъ своей побѣды, на роковомъ холмѣ, онъ поставилъ памятникъ этой побѣды—кирилловскій монастырь, съ большою церковью, съ главнымъ престоломъ въ честь св. Кирилла александрійскаго и малымъ придѣломъ въ честь св. мучениковъ Бориса и Глѣба. По обычаю того времени, монастырь сдѣлался „отнимъ" въ родѣ Ольговичей. При немъ возникъ „княжій дворъ", въ которомъ охотно живали Ольговичи; здѣсь-же скончался сынъ Всеволода II, Святославъ III, и былъ положенъ „въ отнемъ ему монастырѣ". Его мать, Марія Мстиславовна, княгиня Всеволожая, также „положена бысть въ Кіевѣ у св. Кюрила, юже бѣ сама создала" (1179 г.). Итакъ, будучи „отнею" въ родѣ Ольговичей, кирилловская церковь стала ихъ усыпальницею. Въ паперти церкви видно всего четыре мѣста, гдѣ стояли княжескія гробницы: два въ южной стѣнѣ и два въ западной. Самъ храмоздатель, Всеволодъ II, однако не былъ погребенъ здѣсь: его похоронили въ Вышгородѣ; въ кирилловской-же церкви, кромѣ Маріи Мстиславовны, могли быть погребены сынъ Святослава III, Всеволодъ, и его супруга Марія Казиміровна.

Бѣдственный 1240 годъ естественно легъ тяжелымъ бременемъ и на кирилловскую обитель; но, благодаря ея удаленности отъ кіевскаго Кремля, она, по видимому, пострадала менѣе другихъ храмовъ. Порча кирилловской церкви произошла главнымъ образомъ отъ расхищенія свинцовыхъ крышъ, которыми были покрыты, по общему обычаю, ея своды; дождь и снѣгъ сдѣлали свое дѣло и вотъ, какъ вы видите изъ разрѣзовъ церкви, главное разрушеніе представляютъ верхнія части храма. Послѣ 1240 г. всякія свѣдѣнія о кирилловской церкви прекращаются вплоть до XVI вѣка... При видѣ нашихъ древнихъ храмовъ мнѣ всегда приходятъ на память житія мучениковъ: какъ житія пострадавшихъ подвижниковъ начинаютъ быть краснорѣчивыми только съ той минуты, какъ подвижникъ принялъ мученическій вѣнецъ, такъ и исторія нашихъ древнихъ храмовъ становится нѣсколько болѣе подробною лишь съ той минуты, какъ она превращается въ ихъ мартирологію.

Первое позднѣйшее свѣдѣніе о кирилловской церкви относится къ 1555 году, когда король Сигизмундъ II предоставилъ нѣкоему Богдану Ивановичу Шавулѣ „тую церковь на себѣ до живота своего держати... якъ и предки его тую церковь на себѣ держали". О *монастырѣ* ни слова. Полнымъ своимъ возстановленіемъ церковь и монастырь обязаны были знаменитому ревнителю православія и русской народности, князю Константину Константиновичу Острожскому, который, получивъ этотъ храмъ во владѣніе на правахъ патроната, поручилъ возстановленіе и управленіе храмомъ и монастыремъ своему любимцу, игумену Василію Красовскому „Чорнобрівцу" (1605 г.), для чего перевелъ его изъ г. Острога, изъ монастыря св. Креста, въ Кіевъ. Къ этому времени должна быть отнесена починка сводовъ, малыхъ куполовъ и ихъ бань, крышъ и попытки подправить и поддержать разрушающіяся отъ сырости фрески. Въ церкви устроено было три престола, въ главной абсидѣ— въ честь св. Троицы, въ южной (прежнемъ діаконикѣ?) въ честь св. Кирилла александрійскаго, въ сѣверной (прежнемъ жертвенникѣ?) въ честь св. Архангела Михаила. Въ 1614 г. Василій Красовскій скончался и былъ погребенъ въ кирилловской церкви за правымъ клиросомъ. Вслѣдъ за нимъ идетъ цѣлый рядъ настоятелей, которые придали кирилловской обители первенствующее значеніе въ борьбѣ за православіе и русскую народность; въ числѣ ихъ были люди высокообразованные, какъ Иннокентій Гизель, воспитанникъ западныхъ университетовъ; люди высокой святости, какъ Димитрій Савичъ Туптало, святитель ростовскій; наконецъ отличные хозяева, какъ Иннокентій Монастырскій. Такъ шло дѣло до XVIII в. Въ 1787 году кирилловскій монастырь былъ упраздненъ, и мѣсто съ церковью было отдано инвалидному дому; затѣмъ тутъ были устроены существующія и понынѣ богоугодныя заведенія. Религіозное значеніе отошло на второй планъ, въ колокольнѣ была устроена аптека; вѣроятно въ то же время подверглись закрытію и фрески, смущавшія новыхъ хозяевъ своимъ пятнистымъ видомъ. Церковь была забыта до 1860 года, когда случайно, при начатомъ было перетираніи штукатурки, обнаружена была древняя стѣнопись; перетираніе было остановлено, но для открытія фресокъ не было сдѣлано ничего. 1874 годъ, годъ третьяго археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, также прошелъ безслѣдно для созданія Ольговичей; даже

болѣе: кажется съ этого времени устанавливается неблагопріятное мнѣніе о кирилловскихъ фрескахъ, такъ какъ, при открытіи нѣкоторой части ихъ для съѣзда, случайно напали на худшую ихъ часть. Лишнее напоминать вамъ, мм. гг., что судьба этого опороченнаго было памятника окончательно рѣшена была, благодаря вашей энергіи и бдительности.

Ознакомившись съ памятникомъ лѣтомъ 1880 года, я старался прежде всего убѣдиться въ тожественности сооруженія, извѣстнаго намъ изъ лѣтописи, съ сохранившимся на кирилловской горѣ. Въ этомъ случаѣ играло важнѣйшую роль изслѣдованіе его кладки, которая показала, что церковь построена совершенно такъ, какъ строились всѣ зданія XI и XII вѣковъ, а именно: стѣны кладены изъ тонкихъ кирпичей, на толстомъ свѣтлорозовомъ цементѣ, съ прикладкою на разныхъ высотахъ горизонтальныхъ поясовъ изъ булыжниковъ (кладка Золотыхъ воротъ, напримѣръ). Итакъ оказалось, что существующее зданіе дѣйствительно XI или XII вѣка. Слѣдовъ отъ какой-либо другой церкви на этомъ холмѣ не уцѣлѣло, а съ другой стороны въ живомъ и лѣтописномъ преданіи церковь кирилловская является именно тою, которая была сооружена Всеволодомъ II между 1140 и 1146 г. Какъ вы помните, мм. гг., 7-го ноября 1880 года я имѣлъ честь докладывать вамъ о моей археологической поѣздкѣ въ Кіевъ, и вами было принято мое предложеніе поднять вопросъ объ открытіи кирилловскихъ фресокъ. 30-го марта 1881 года Его Императорскому Величеству благоугодно было изъявить свое Высочайшее соизволеніе на производство этихъ работъ и пожаловать обществу необходимыя для этого средства. Польщенные монаршимъ довѣріемъ, вы приступили къ дѣлу съ возможною осмотрительностію. Возложивъ исполненіе этого дѣла на меня, вы сочли за благо образовать въ Кіевѣ коммисію для наблюденія надъ работами изъ трехъ человѣкъ: каѳедральнаго протоіерея кіевософійскаго собора П. Г. Лебединцева, профессора духовной академіи П. А. Лашкарева и профессора кіевскаго университета А. А. Котляревскаго. Что́ до послѣдняго, то намъ остается только вздохнуть надъ безвременною могилой этого почтеннаго труженика. О. Лебединцевъ и г. Лашкаревъ оказывали мнѣ возможное содѣйствіе и помощь, за что́ считаю пріятнымъ для себя долгомъ принести имъ мою глубокую благодарность предъ лицемъ всего общества.

Наши работы начались въ Кіевѣ составленіемъ точнаго протокола о состояніи фресокъ, съ присоединеніемъ къ нему пояснительныхъ чертежей. Этотъ протоколъ, своевременно препровожденный вамъ, мм. гг., былъ подписанъ нами 4-го іюня 1881 г., и въ тотъ-же день было приступлено къ работамъ.

Задача, которую я поставилъ себѣ съ самаго начала, была троякая. Вопервыхъ, мнѣ представлялось необходимымъ всесторонне изслѣдовать *архитектурную сторону,* опредѣлить части древнія и новѣйшія; вовторыхъ, *открыть и скопировать, какъ фрески XII вѣка,* такъ и всѣ позднѣйшія наслоенія живописи, еслибъ они оказались. При этомъ мнѣ казалось необходимымъ сдѣлать копіи, такъ-сказать, монументальныя, то-есть по возможности въ величину подлинниковъ, на прочномъ матеріалѣ и съ воспроизведеніемъ всѣхъ порчъ, такъ чтобы эти копіи могли служить нагляднымъ протоколомъ о состояніи памятника въ минуту его открытія. Наконецъ третья *задача* была *эпиграфическая*: собрать всѣ надписи, какъ начертанныя кистью въ объясненіе изображеній, такъ и всѣ случайныя рѣченія, нацарапанныя во многихъ мѣстахъ церкви (graffitti), такъ какъ, собранныя въ порядкѣ хронологическомъ (а многія изъ нихъ съ годами), онѣ могли-бы дать небезъинтересный матеріалъ какъ для исторіи памятника, такъ и для исторіи языка.

Результатъ архитектурнаго изслѣдованія памятника вы видитите въ этихъ чертежахъ, представляющихъ три плана: 1) по землѣ, 2) на высотѣ хоръ, 3) на высотѣ чердаковъ, и три разрѣза: 1) продольный по среднему кораблю, 2) продольный по кораблю кирилловскаго предѣла и 3) поперечный по главному поперечному кораблю съ видомъ на хоры и западный входъ въ храмъ. Вы обратите, конечно, вниманіе на то, что на чертежахъ всюду древняя кладка отдѣлена (болѣе темнымъ цвѣтомъ) отъ новѣйшей; затѣмъ вы не упустите изъ виду нѣкоторыя архитектурныя находки, а именно: въ южной стѣнѣ паперти (эсонартикса) двухъ нишей съ арками (arcosolium), подобныя тѣмъ, которыя всегда оставались открытыми въ западной стѣнѣ паперти. На сводахъ всѣхъ четырехъ нишъ, справа и слѣва въ каждой, изображено по ангелу съ державой и скипетромъ. Это какъ-бы ангелы хранители, склонившіеся надъ могилами погребенныхъ князей, такъ какъ въ нижнихъ частяхъ этихъ аркасоліевъ были вдвинуты мраморные гробы Ольго-

вичей. Ихъ судьба была печальная: въ эпоху всеобщаго безправія, за властью польскихъ пановъ на Украйнѣ, эти священные останки русской старины были выломаны однимъ кіевскимъ шляхтичемъ и перевезены въ его баню. Интересною архитектурною подробностію является далѣе ходъ внутри южной стѣны южнаго (нынѣ кирилловскаго) алтаря. Черезъ низкую дверь вы попадаете въ узенькій корридорчикъ, заканчивающійся отвѣсною стѣною, въ верху которой (на высотѣ болѣе 4 аршинъ) идутъ каменныя ступеньки; на нихъ очевидно попадали при помощи приставной деревянной лѣстницы; по каменнымъ ступенькамъ вы добираетесь до окна (которое мы застали заложеннымъ); это окно, болѣе роста человѣческаго, выводитъ насъ внутрь южнаго олтаря на высотѣ $8\frac{1}{2}$ аршинъ надъ поломъ; на правой сторонѣ его амбразуры уцѣлѣли слѣды древней фрески, и верхъ увѣнчанъ шиферным карнизомъ: обстоятельство, не оставляющее никакого сомнѣнія въ томъ, что это окно современно зданію. Назначеніе этого хода загадочно. Есть мнѣніе, по которому такіе ходы въ монастырскихъ стѣнахъ служили для новопосвященныхъ іеромонаховъ для проведенія первыхъ семи дней безвыходно въ церкви; ставъ въ верхнемъ окнѣ, новопосвященный могъ слушать литургію.

Сверхъ того мы нашли еще восемь оконъ, заложенныхъ впослѣдствіи: подробности, интересныя для возстановленія храма въ первоначальномъ его видѣ. При изслѣдованіи фундаментовъ, въ четырехъ мѣстахъ (въ двухъ по кирилловскому кораблю и двухъ по главному продольному) выяснилась вся система этой несокрушимой постройки. Въ южномъ концѣ паперти мы наткнулись при этомъ на интересную гробницу XVI—XVII вѣка, въ которую заглянули случайно, но не тронули ея, дабы не заслужить упрека въ праздномъ любопытствѣ; она нанесена нами на планъ и разрѣзъ. При изслѣдованіи подпольныхъ частей паперти мы убѣдились, что древній полъ болѣе чѣмъ на 1 аршинъ былъ ниже теперешняго.

Безъ сомнѣнія, главною нашею задачею было *открытіе и копированіе фресокъ*. Я не буду утомлять васъ подробностями работъ изо дня въ день, но считаю не лишнимъ обратить ваше вниманіе на тѣ пріемы, которыми мы пользовались при открытіи фресокъ. Снявъ известковые покровы острымъ орудіемъ, деревянными и желѣзными (притупленными) ножами, мы выкатывали открытую фреску

хлѣбнымъ мякишемъ, пока хлѣбъ бралъ известь; затѣмъ, давъ постоять фрескѣ два-три дня, мы промывали ее слабымъ растворомъ поташа. Снимая механически послѣдній слой извести, поташъ въ то-же время оживляетъ краски; но по мѣрѣ того, какъ фреска высыхаетъ, она снова покрывается хотя уже и менѣе густымъ бѣлесоватымъ налетомъ, будто тончайшею бумагой. Послѣ многихъ пробъ удалось найдти средство устранить этотъ послѣдній покровъ: 5% растворъ салициловой кислоты съ небольшою примѣсью соды, нанесенный кистью нѣсколько разъ (до 10 разъ), проясняетъ фреску окончательно: краски сохраняютъ свою яркость и послѣ того, какъ стѣна высохнетъ. Чтобы предохранить эту поверхность отъ дѣйствія сырости, оставалось натереть ее составомъ изъ терпентина, воску, бѣлой смолы и небольшой части очищеннаго масла.

Мы начали открытіе фресокъ съ хоръ, гдѣ оказались лишь жалкіе слѣды ихъ. Несравненно большій уловъ ждалъ насъ въ паперти и присоединенному къ ней теплому алтарю. Въ паперти уцѣлѣли остатки страшнаго суда, а именно: 1) прямо противъ входа вверху 12 судей—апостоловъ, ниже ихъ налѣво толпы подходящихъ праведниковъ, направо колѣнопреклоненныя фигуры, ангелы, и въ самомъ низу врата адовы. Налѣво отъ этого средняго изображенія, на выступающемъ плоскомъ столпѣ, группа праведниковъ въ одеждахъ XII вѣка, ведомыхъ кѣмъ-то въ идеальной одеждѣ (св. Петромъ?); на соотвѣтствующемъ правомъ столпѣ ангелъ свивающій хартію; подпись поясняетъ: ангелъ завиваетъ небо. Надъ сѣверо-западнымъ аркосоліемъ уцѣлѣло лоно Авраамово. Сюжеты этихъ фресокъ вполнѣ выясняются чрезъ сравненіе съ фресками Дмитріевскаго собора во Владимірѣ и Передицкаго Спаса въ Новгородѣ. Сверхъ того, въ аркосоліяхъ болѣе или менѣе сохранились слѣды ангеловъ, со скипитрами и державами, и въ разныхъ мѣстахъ стѣнъ тѣ или другія изображенія. Въ теплomъ алтарѣ лучшимъ кускомъ является изображеніе молодаго мученика въ княжой одеждѣ, сохранившееся до персей. Въ главномъ продольномъ кораблѣ среди множества другихъ остатковъ обращаютъ на себя вниманіе изображеніе четырехъ столпниковъ между окнами въ южной и сѣверной стѣнѣ. Яснѣе другихъ лѣвое на южной стѣнѣ: на византійской колоннѣ изъ краснаго камня, съ зеленою базой и зеленою капителью, съ голубымъ плинтусомъ внизу и голубою абакою вверху, помѣщена рѣшетчатая

изгородь, изъ-за которой отъ пояса виднѣется фигура святаго мужа. Ниже оконъ, на южной стѣнѣ, слѣды Рождества Христова, на сѣверной—Успенія Божіей Матери. Интересная находка ждала насъ на столпахъ царской арки, закрытыхъ высокимъ иконостасомъ. По снятіи иконостаса и по очисткѣ эти столпы оказались сверху и до низу покрытыми фресками. На сѣверномъ изъ нихъ изображена Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, за нею слѣва пр. Іосифъ съ парою голубковъ. Ниже св. апостолъ Петръ съ жезломъ въ лѣвой рукѣ: (—„паси овцы моя"); подлѣ него приписано его имя. На соотвѣтствующихъ мѣстахъ южнаго столпа изображены св. Богопріимецъ Симеонъ и св. пророчица Анна. Вмѣстѣ съ предыдущимъ изображеніемъ на сѣверномъ столпѣ, эта картина составляетъ одно цѣлое: принесеніе во храмъ. Ниже Богопріимца Симеона—св. апостолъ Павелъ съ книгою; подлѣ также приписано его имя. Сѣверный придѣлъ (михайловскій) украшенъ сверху до низу рядами отдѣльныхъ лицевыхъ изображеній—то во весь ростъ, то погрудными въ медальонахъ и квадратныхъ рамахъ. Многія изъ нихъ поражаютъ своимъ величіемъ; на нѣкоторыхъ уцѣлѣли надписи: св. Климентъ, св. Константинъ, св. Іосифъ Селуньскій. На столпахъ арки, вводящей въ этотъ придѣлъ, изображены другъ противъ друга солнце и мѣсяцъ въ видѣ краснаго и зеленаго шара. Главный алтарь былъ украшенъ подобно алтарямъ большинства древнихъ церквей, а именно: въ раковинѣ алтарной ниши изображена была молящаяся Богоматерь того-же типа, что въ софійскихъ мозаикахъ. Ниже ея—св. таинство Евхаристіи, или причащеніе подъ двумя видами; еще ниже—святители. Выше Богоматери, на сводѣ алтарной арки, долженъ былъ быть изображенъ Іисусъ Христосъ, простирающій длани, но арка эта новая. Внутренній смыслъ этого подбора священныхъ изображеній могъ быть таковъ: въ самомъ верху—Іисусъ Христосъ, то-есть, Премудрость Божія, ниже—Богоматерь, то-есть, „Заступница усердная", молящаяся за міръ, ниже ея—Евхаристія, то-есть, таинство, связующее вѣрующихъ съ Спасителемъ, еще ниже—отцы церкви, первые толкователи догматовъ, первые учители міра. Обыкновенно среди нихъ помѣщаются еще два первомученика, св. Стефанъ и св. Лаврентій, какъ первые, запечатлѣвшіе своею кровію преданность Спасителю міра. Идя снизу вверхъ, алтарная стѣна представляла живое изображеніе Вѣры, Надежды, Любви и Премудрости.

Главною находкою слѣдуетъ считать, конечно, двѣнадцать бытовыхъ картинъ, представляющихъ событія изъ житія св. Кирилла александрійскаго. Св. Кириллъ правилъ александрійскою каѳедрой отъ 412 по 444 годъ. Натура энергичная, дѣятельная; онъ съ перваго появленія на архипастырской каѳедрѣ заявилъ себя ревнителемъ православія. Онъ боролся противъ новатіанъ, противъ іудеевъ, противъ классическаго язычества, во главѣ котораго въ Александріи стояла въ то время знаменитая женщина-философъ Ипатія, наконецъ, противъ язычества египетскаго, еще державшагося тамъ и сямъ. Но его главный подвигъ была борьба съ новымъ ересеархомъ, архіепископомъ константинопольскимъ Несторіемъ, желавшимъ утвердить за Пречистою Дѣвой названіе Христородицы вмѣсто Богородицы. Постепенно разгораясь, эта борьба, благодаря энергіи св. Кирилла, приняла характеръ вселенскій. Заручившись согласіемъ западныхъ епископовъ въ лицѣ папы римскаго Целестина и восточныхъ іерусалимскаго и антіохійскаго, св. Кириллъ собираетъ мѣстный соборъ въ Александріи и отъ лица собора отправляетъ Несторію ультиматумъ въ видѣ 12 пунктовъ, по которымъ Несторій долженъ былъ отречься. Такъ какъ отреченія не послѣдовало, то православные иноки константинопольскіе убѣдили императора Ѳеодосія II разрѣшить смуту собраніемъ вселенскаго собора. Весною 431 года собрался этотъ третій вселенскій соборъ въ г. Ефесѣ. Образовалось два собора: одинъ подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла, другой— архіепископа антіохійскаго Іоанна. Между ними начались пререканія и взаимныя низложенія, къ императору пошли противорѣчивыя донесенія. Императоръ приказалъ взять подъ стражу Несторія, св. Кирилла и его главнаго помощника Мемнона, епископа ефесскаго, и потребовалъ депутатовъ, по восьми отъ каждой стороны, въ Халкидонъ, гдѣ лично разобралъ дѣло и возстановилъ св. Кирилла и Мемнона. Побѣда была на сторонѣ св. Кирилла, но ему пришлось еще долго бороться съ несторіанцами. Онъ скончался въ 444 г., оставивъ церковь умиротворенною. Вотъ житіе этого святителя и изобразилъ русскій художникъ на стѣнѣ южной абсиды теперешняго кирилловскаго придѣла. При этомъ дѣло не обошлось безъ сокращеній и вторженія русской жизни. Девять картинъ лучше сохранившихся, кромѣ ихъ художественнаго и бытоваго интереса, драгоцѣнны еще надписями, поясняющими сюжеты. Въ видѣ заголовка

ко всѣмъ картинамъ вы встрѣчаете здѣсь идеальное изображеніе съ надписью: „св. Богородица благословляетъ Аѳанасія и Кирилла". Между дѣятельностью св. Аѳанасія и св. Кирилла 39 лѣтъ промежутка, но они оба трудились надъ установленіемъ догмата о Пресвятой Дѣвѣ, и вотъ Она благословляетъ ихъ на общій подвигъ. Картина съ надписью: „св. Кириллъ исцѣляетъ бѣсноватыхъ" переноситъ насъ въ первые годы его дѣятельности, еще въ предѣлахъ Египта, гдѣ онъ изгонялъ „daemones" (Acta sanctorum), то-есть, древнихъ египетскихъ боговъ (напримѣръ, Изиду изъ Мануѳиса); здѣсь это выражено фигурно въ видѣ исцѣленія одержимыхъ. Картина съ надписью: „св. Кириллъ учитъ люди" переноситъ насъ на его пастырскую каѳедру, какъ другая съ надписью: „св. Кириллъ пишетъ заповѣдь Божію" представляетъ намъ святителя въ его жилищѣ, въ присутствіи его учениковъ, стоящихъ „спустя рукава", то-есть, въ полномъ покоѣ. Но вотъ другая, прекрасно сохранившаяся фреска: „св. Кириллъ учитъ царя" уже приближаетъ насъ къ главному подвигу всей жизни св. Кирилла. Лично, сколько извѣстно изъ его житія, св. Кириллъ не училъ царя; не видно даже, чтобъ онъ бывалъ въ Константинополѣ, но онъ писалъ три книги о вѣрѣ, изъ которыхъ одну послалъ императору, другую его супругѣ, третью его сестрамъ. Это, слѣдовательно, то самое поученіе, за которое императоръ упрекалъ святителя, видя въ посланіи трехъ различныхъ поученій желаніе посѣять раздоръ въ его семействѣ. Интересенъ костюмъ царя: это полный нарядъ русскаго князя XII вѣка; вѣнецъ съ тремя образками, бармы, въ видѣ воротника съ нагрудникомъ, унизанные самоцвѣтными камнями, темно-красный короткій кафтанъ съ широкими рукавами, въ которыхъ виднѣется разшитая сорочка, зеленые шаровары и высокіе до колѣна мягкіе красные сапоги съ бусами, плотно охватывающіе ноги. Слѣдующія три картины представляютъ уже три послѣдовательные акта св. Кирилла въ борьбѣ съ Несторіемъ. На одной изъ нихъ надпись гласитъ: „св. Кириллъ проповѣдуетъ правую вѣру"; по срединѣ святитель въ своей бѣлой сѣтчатой скуфейкѣ, по бокамъ четыре епископа съ ореолами. Вѣроятно, это соборъ александрійскій. На немъ конечно было гораздо болѣе участниковъ, но *четверо* изъ нихъ отправились апокрисіаріями въ Константинополь и способствовали побѣдѣ св. Кирилла. Надпись на другой: „св. Кириллъ

учитъ въ соборѣ" заставляетъ видѣть въ ней изображеніе ничего инаго, какъ третьяго вселенскаго собора, въ Ефесѣ; но на соборѣ въ Ефесѣ императоръ не присутствовалъ, а на картинѣ онъ возсѣдаетъ по срединѣ въ вѣнцѣ, бармахъ, пурпуровой далматикѣ со свиткомъ въ рукахъ; если-же это изображеніе собранія въ Халкидонѣ, то тамъ не было св. Кирилла, находившагося въ заключеніи. Очевидно, мы сталкиваемся съ русскимъ сокращеніемъ: художнику XII вѣка важно было изобразить вообще соборъ, на которомъ Кириллъ одолѣлъ ересь при помощи императора. Не потому-ли у императора ореолъ? Третья картина вполнѣ ясна: св. Кириллъ проклинаетъ еретиковъ, то-есть, несторіанцевъ, стоящихъ въ характерной позѣ глубокой задумчивости—взявшись за бороды. Наконецъ на большой фрескѣ, находящейся въ самомъ низу алтарной стѣны, изображено погребеніе св. Кирилла. Двое молодыхъ людей полагаютъ тѣло святителя въ мраморную розовую раку съ крестомъ; налѣво опечаленные ученики, направо кадящій священникъ.

Кромѣ этихъ драгоцѣнныхъ картинъ, отличающихся яркостью красокъ и тонкимъ исполненіемъ, въ томъ-же кирилловскомъ придѣлѣ оказалось нѣсколько превосходныхъ отдѣльныхъ фигуръ святыхъ съ надписями, какъ св. Іоаннъ, св. Прохоръ, св. Евлогій александрійскій.

Вы не упустите, мм. гг., обратить ваше вниманіе на эту массу прекрасныхъ узоровъ: нѣтъ уголка въ храмѣ, гдѣ не уцѣлѣло-бы слѣдовъ узоровъ; собранные вмѣстѣ, они сразу даютъ вамъ почти полную картину орнаментики, употреблявшейся въ Россіи въ XI и XII в.

Но этимъ не ограничились наши работы надъ стѣнописью. Кромѣ фресокъ XII вѣка, тамъ и сямъ оказались фрески XVI—XVII столѣтій; такъ въ полукуполѣ главнаго алтаря исполинское изображеніе молящейся Богоматери есть фреска XVI—XVII в., писанная по слабымъ слѣдамъ древнѣйшей XII в. Живопись эпохи возстановленія храма сохранилась также и въ полукуполѣ кирилловскаго придѣла, и въ паперти. Но самымъ важнымъ ея кускомъ является портретъ игумена Василія Красовскаго на столпѣ въ теперешнемъ тепломъ алтарѣ. Подъ нимъ виднѣется фреска XII в., но чья-же рука подымется на драгоцѣнный образецъ живописи этихъ, хотя и позднѣйшихъ вѣковъ, и кто посягнетъ на достопоч-

тенныя черты человѣка, которому дорогой для насъ памятникъ обязанъ своимъ спасеніемъ!

Проработавъ столько времени надъ этимъ памятникомъ, мы должны отдать себѣ отчетъ, каково его значеніе. Во-первыхъ, для Кіева онъ является совершенно новою и краснорѣчивою страницею въ исторіи его искусства, такъ какъ до открытія кирилловскихъ фресокъ единственнымъ представителемъ кіевскаго XII вѣка были немногіе мозаики, уцѣлѣвшія въ алтарѣ кіево-михайловскаго златоверхаго монастыря. Далѣе, если сравнить кирилловскія фрески съ прочими извѣстными памятниками XII вѣка, какъ фрески георгіевской церкви въ Старой Ладогѣ, въ Нередицкомъ Спасѣ въ Новгородѣ, въ дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ, то кромѣ рѣшительнаго превосходства въ художественномъ отношеніи, кирилловскія выгодно отличаются еще тѣмъ, что только среди нихъ мы встрѣчаемся съ *картинами бытовыми*.

Но этимъ еще не ограничивается выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ наблюденія надъ новооткрытымъ кіевскимъ искусствомъ XII вѣка. Вы обратили, конечно, вниманіе на то, что всѣ изображенія мозаичныя и фресковыя XI вѣка (напримѣръ, въ кіево-софійскомъ соборѣ) сопровождаются греческими надписями. Всѣ фрески и мозаики (михайловскія) XII вѣка сопровождаются надписями русскими; фрески кирилловскія, нередицкія, ладожскія, дмитріевскія, всѣ онѣ пояснены русскими надписями. Не слѣдуетъ-ли заключить изъ этого, что въ XII вѣкѣ мы имѣли уже нашу собственную русскую художественную школу, которая вносила тѣ или другія русскія черты въ византійскіе образцы и естественно всѣ греческія пояснительныя надписи замѣнила своими русскими? Если это такъ, то мы можемъ сдѣлать еще одно интересное наблюденіе. Сравните фрески и мозаики софійскія, греческія, XI вѣка съ михайловскими мозаиками и кирилловскими фресками, русскими, XII вѣка. Вы невольно остановитесь на той особенности, что въ живописи XII вѣка стиль, прежде условный и нѣсколько деревянный, уступаетъ мѣсто большей естественности, большей свободѣ. Взгляните на эти двѣ мозаики, Евхаристію софійскаго алтаря и Евхаристію михайловскаго алтаря, и для примѣра сравните апостоловъ, подходящихъ справа къ Іисусу Христу съ чашей, — вы неминуемо отдадите преимущество михайловскому изображенію: сколько есте-

ственности въ движеніи и въ выраженіи благоговѣнія въ первой наклоненной фигурѣ, сколько благородной граціи во второй! На сколько фигуры выросли и стали стройны! Стиль *колеблется*, такъ какъ въ принесенныя Византіей формы русская фантазія, овладѣвъ ими, начинаетъ вносить *живыя наблюденія*, то есть, на нашихъ глазахъ начинается тотъ органическій, творческій процессъ, который помогъ, напримѣръ, италіанцамъ, воспользовавшись всѣмъ, что могла дать имъ Византія, повести дѣло искусства, исканіе красоты внѣшней и внутренней жизни человѣка, далѣе и далѣе до феноменальнаго совершенства въ созданіяхъ XVI столѣтія! Вѣкъ XI былъ для насъ вѣкомъ ученія, вѣкъ XII — началомъ самостоятельной художественной дѣятельности; да, самостоятельной, такъ какъ русскій ученикъ византійскаго учителя уже началъ *наблюдать дѣйствительность и вносить свои наблюденія* въ искусство. Итакъ, этой дикой Россіи, принявшей христіанство, сѣмена византійской образованности и византійское искусство въ самомъ концѣ X вѣка, достаточно было *одного только вѣка*, чтобы не только овладѣть совершеннымъ для тѣхъ временъ византійскимъ художествомъ, но и сдѣлать уже шагъ впередъ!...

Мм. гг., мнѣ не остается ничего болѣе, какъ выразить вамъ мою горячую признательность за то, что вы удостоили меня чести приложить мои силы къ открытію этого важнаго памятника. Работа была не легкая, были минуты усталости, изнеможенія... Но одна мысль всегда воскрешала мою энергію, придавала мнѣ новыя силы—мысль, что я работаю не одинъ, что я работаю какъ часть крѣпко сплоченнаго цѣлаго, цѣлаго общества, проникнутаго искреннею любовью къ нашей дорогой старинѣ. Это чувство солидарности съ вами, мм. гг., одно только и дало возможность бодро довести наши труды до конца: эти труды—ваши труды.

Адріанъ Праховъ.

Письмо епископа Якова Суши къ гетману Выговскому съ цѣлію склонить его къ уніи.

(Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива) [1]).

Необъяснимое равнодушіе и продолжительное колебаніе, съ которыми московскимъ правительствомъ были встрѣчены предложенія Богдана Хмельницкаго присоединить Малую Россію къ единовѣрной и единоплеменной Великой Руси, не могли не повліять какъ на ближайшія событія внутренней политики въ Малороссіи, такъ и на сношенія ея—съ одной стороны, съ Москвою, которая не признавала въ южанахъ родственности, называя ихъ черкасами, а на счетъ чистоты ихъ православія выражала весьма недвусмысленныя сомнѣнія, и съ другой—съ сосѣдней Польшею, которая все еще не теряла надежды соблазнить отпавшихъ обѣщаніями и, при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, возвратить ихъ себѣ. Не подлежитъ сомнѣнію также, что трехвѣковое разъединеніе двухъ областей русскаго народа, сосѣдство и даже сожительство Мало-

---

[1]) Къ сообщеннымъ мною раньше сего документамъ (см. «Кіевская Старина», февраль 1883 г.) считаю нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя поправки и дополненія. Въ документѣ 2-мъ вмѣсто названія: *«Іорканы»* должно быть *«Тороканы»*. Изъ актовъ, относящихся ко временамъ митрополита уніатскаго Гавріила Коленды и дальнѣйшихъ, видно, что тороканскій монастырь былъ первоначально въ вѣденіи митрополитовъ и епископовъ и что только, по особымъ постановленіямъ собраній жировицкаго и новогродскаго, доходы съ имѣній, принадлежащихъ этому монастырю, или часть ихъ, давались протоархимандриту, какъ главному начальнику базиліанскихъ монастырей, или-же его викарію, а иногда и вообще базиліанскимъ монахамъ. На владѣніе и распоряженіе общими доходами испрашивались особыя королевскія грамоты (напр. у Яна Казиміра въ 1662 г.), а права пользованія отдѣльными доходами по статьямъ опредѣлялись на особыхъ собраніяхъ духовенства. Наприм., вступивъ въ управленіе Тороканскими имѣніями, Гавріилъ Коленда (на собраніи членовъ конгрегаціи), изъ уваженія къ базиліанскому ордену, предоставилъ пожизненное пользованіе доходами отъ этихъ имѣній частію генеральному викарію ордена,

россіи съ шляхетской Польшей не могли не оставить въ южноруссахъ такихъ особенностей въ складѣ общественной жизни и политическихъ воззрѣніяхъ, такихъ разнообразныхъ чертъ въ ихъ характерѣ и симпатіяхъ, которыя менѣе всего могли теперь гармонировать со складомъ малоподвижной московской жизни, съ самоувѣренностію и безцеремонностію ея боярства и духовенства. Но, къ счастію, даже инстинктивное пониманіе въ массахъ выгодъ единоплеменнаго и единовѣрнаго сближенія было столь сильнымъ двигателемъ и возбудителемъ политическаго сознанія и указателемъ общегосударственныхъ задачъ, что, не смотря на вышесказанное, на частныя недоразумѣнія, раздоры, нареканія и даже возстанія, здоровое большинство было всегда за единеніе, за общерусскую цѣльность и вынесло на своихъ плечахъ вопросъ о соединеніи разрозненныхъ частей русскаго народа. Вѣковая кровавая борьба съ ляхами въ заднѣпровской части, временно снова отторгнутой отъ Россіи, ясно говоритъ о томъ, на чьей сторонѣ были народныя симпатіи. Аристократическій строй польскаго государства, въ ко-

---

частію-же монашескому чину и бытенскому духовенству; а при митроп. Заховскомъ часть доходовъ шла даже и на братскій монастырь. Протоархимандритъ или генералъ монашеской конгрегаціи избирался изъ духовныхъ лицъ, при чемъ, званіе это не могло быть предоставляемо ни митрополитамъ, ни епископамъ, на основаніи декретовъ папъ Александра VII-го и Инокентія XI-го; тѣмъ не менѣе, отступленія отъ этого закона бывали. Самая должность протоархимандрита установлена въ 1617 году на духовномъ новогродскомъ соборѣ подъ предсѣдательствомъ и по предложенію Веніамина Рутскаго. Въ спискѣ протоархимандритовъ, составленномъ Стебельскимъ, послѣднимъ стоитъ Іосифъ Моргулецъ; но извѣстно, что, послѣ его смерти въ 1786 г., эту должность занималъ вторично Важинскій изъ Жидичина, (базиліанскій св. Николая монастырь близъ Луцка на р. Стыри, упоминаемый еще при Даніилѣ Галицкомъ). Послѣ Важинскаго, назначеннаго въ 1790 г. на мѣсто Ростоцкаго епископомъ холмскимъ, должность протоархимандрита исполнялъ Максимиліанъ Вильчинскій. Въ 1796 г. должность эта уничтожена императрицею Екатериною II-ю, а въ царствованіе императора Павла опять возстановлена, и въ 1802 г. на базиліанской конгрегаціи, подъ предсѣдательствомъ брестскаго епископа Булгака, въ протоархимандриты избранъ былъ Юстинъ Гусаковскій. Очевидно, этому послѣднему и принадлежитъ *письмо*, помѣщенное въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины», такъ какъ высочайшимъ указомъ 5-го мая 1804 г. должность базиліанскаго генерала навсегда была уничтожена. Что-же касается замѣтки *Pro memoria* (см. тамъ-же), то это, вѣроятно, записка Геронтія Лисовскаго, помышлявшаго (послѣ третьяго раздѣла Польши) объ оживленіи и расширеніи уніи, переведенная съ польскаго языка на латинскій холмскимъ епископомъ Важинскимъ, (отошедшимъ съ своей епархіи къ Австріи) и препровожденная имъ въ Вѣну на имя представителя уніатскихъ епископовъ, имѣвшаго здѣсь постоянное пребываніе. (Harasiewicz: Annales ecclesiae Ruthenae).—*В. М.*

торомъ все принадлежало немногимъ избраннымъ, массы-же народа, особенно иновѣрныя, трактовались какъ безправное *быдло*, не могъ конечно возбуждать особенныхъ симпатій въ козакахъ, пріученныхъ самою жизнію къ братству, равноправности и полной свободѣ. Малообразованность тогдашняго московскаго боярства, приниженность его передъ сильной самодержавной властью со временъ Василія III-го и Іоанна IV-го, само-собой разумѣется, не особенно возвышали его надъ другими сословіями и не вносили большой *разницы* въ отношенія этихъ сословій другъ къ другу и государству. Вотъ почему соціальный строй московской Руси, уже помимо единства происхожденія и единства вѣры, какъ будто ближе подходилъ къ такому-же строю Малороссіи и болѣе естественною казалась связь этихъ частей древней Руси между собою и ожидалась большая прочность ихъ политическаго единства. Въ утѣшеніе современнымъ польскимъ политикамъ можно сказать и теперь, что ихъ сладкія пѣсни, ихъ заигрыванія могутъ быть пріятны только отдѣльнымъ, немногимъ и недальновиднымъ лицамъ, утратившимъ народное чутье и не знающимъ или не понимающимъ исторіи; въ истинныхъ-же представителяхъ народныхъ интересовъ и въ массахъ населенія такія подходы и обѣщанія вызываютъ только улыбку или трудно сдерживаемое неудовольствіе. Все лучшее и истинно-народное будетъ всегда на сторонѣ православія и Бѣлаго Царя.

Къ сожалѣнію въ то время, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, лица, стоявшія во главѣ московскаго управленія, замкнутыя въ волшебномъ кругѣ самоувѣренности, о единоплеменности присоединяемаго народа не помнили, считали его черкасскимъ племенемъ, задачъ государственныхъ широко не понимали и даже въ самой вѣрѣ присоединившихся усматривали такія еретическія особенности, что не только съ большимъ недовѣріемъ относились къ южному духовенству въ Москвѣ, когда оно являлось туда, какъ болѣе образованное, въ качествѣ учителей, но неблагопріятно смотрѣли на него и по присоединеніи Малороссіи, осуждая церковные порядки и тѣ незначительныя отступленія отъ формы восточной, которыя, нисколько не измѣняя чистоты и сущности православія, были слѣдствіемъ сосѣдства съ Польшей и слѣдствіемъ религіозной всенародной борьбы съ латинствомъ во время введенія уніи. Какъ-бы то ни было, но неудовольствія въ области политики и церковныхъ

дѣлъ до такой степени въ это время выдвинулись и настолько усилились, что уже при пріемникѣ Богдана Хмельницкаго, Иванѣ Выговскомъ въ Малороссіи является серьезная попытка отложенія отъ Москвы и соединенія съ Польшей (такъ называемый гадячскій договоръ). Съ другой стороны и московское правительство какъ-бы тяготилось новымъ пріобрѣтеніемъ и не задумалось впослѣдствіи уступить Польшѣ, какъ лишнее бремя, западную, заднѣпровскую часть его. Одновременно съ этимъ и вопросъ о единствѣ церкви и подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху, возникшій вновь по смерти митропол. Сильвестра Коссова, съ одной стороны — вслѣдствіе желанія избрать митрополита по давнему обычаю вольными голосами, а съ другой — вслѣдствіе требованія замѣнить избраніе назначеніемъ отъ московскаго патріарха, обострился до такой степени, что грозилъ совершеннымъ разрывомъ въ русской церкви. Такимъ натянутымъ положеніемъ дѣлъ внимательное польское правительство не замедлило воспользоваться. Въ политическомъ отношеніи, какъ выше сказано, начались переговоры съ Выговскимъ при помощи посла Беневскаго; Рѣчь Посполитая не скупилась на обѣщанія расширенія прежнихъ правъ, полной автономіи проэктируемаго „Великаго Княжества Русскаго“ и распространенія шляхетскихъ привиллегій на всю козацкую старшину. Это нравилось конечно старшинѣ, но мало могло нравиться козакамъ вообще, а посполитымъ въ особенности. Въ религіозно-церковномъ отношеніи попытки къ соглашенію сдѣланы были представителями латино-польскаго духовенства. Архіепископъ гнѣзненскій и уніатскій холмскій епископъ Яковъ Суша писали посланія къ представителямъ гетманскаго правительства, изъ которыхъ одно (Суши къ Выговскому) и приводится ниже въ переводѣ. Посланія эти оттѣняли разницу между *русской* православной вѣрой и *московской*, по ихъ словамъ, вѣрой еретической, съ новымъ главою церкви, не существовавшимъ прежде русскимъ патріархомъ. Разумѣется *унія* кстати выставлялась, какъ лучшій видъ и образецъ православія. Епископъ Суша человѣкъ умный и образованный, но совершенно ополяченный) былъ сторонникъ польскаго правительства и римской опеки. Правда, противъ покушеній латинства онъ защищалъ свою уніатскую епархію и паству, но это дѣлалъ только въ видахъ матеріальныхъ выгодъ и желанія сохранить тѣ выгодныя для духовенства льготныя особен-

ности, которыя еще оставались въ уніатской церкви нетронутыми, наприм. супружеское сожительство духовенства... Въ своемъ посланіи къ Выговскому Суша съ большими натяжками и риторическою искусственностію распространяется о единствѣ церкви вообще, о ея единой главѣ и значеніи римскаго первосвященника, какъ непосредственнаго пріемника власти верховнаго апостола Петра, которому одному будто-бы поручено было пасти овецъ стада Христова. Невѣрные факты приводятся, какъ непреложныя истины, освѣщаются соотвѣтственно цѣлямъ и изъ искусственнаго сопоставленія ихъ дѣлаются выводы съ іезуитской хитростію. Къ сожалѣнію въ связкѣ, хотя и хорошо сохранившихся польскихъ и латинскихъ рукописей XVII и XVIII вѣка, намъ не удалось найти конца этого интереснаго посланія. Все оно писано до такой степени мелкимъ и неразборчивымъ почеркомъ, что читать его приходилось съ большимъ трудомъ и то при помощи лупы. Весь текстъ письма испещренъ латинскими словами, какъ признакомъ учености, латинскимъ текстомъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ этого требовали пріемы богословскаго разсужденія, и наконецъ выдержками изъ отцевъ церкви, какъ доказательствомъ истинности сужденія. При этихъ выдержкахъ часто упоминается о томъ, что онѣ взяты изъ книгъ *славянскаго* письма, т. е. такихъ книгъ, которыя могли быть доступны тѣмъ читателямъ, для которыхъ письмо это предназначалось. Въ концѣ прочитаннаго мною текста письма есть приписки другимъ почеркомъ, которыхъ вполнѣ прочесть никому не удалось. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что посланіе Суши указывало далѣе за изложеніемъ приведеннаго приступа на разницу между вѣрою русскою, т. е. вѣрою населенія южной Руси, находившейся до сихъ поръ въ формальной церковной зависимости отъ константинопольскаго патріарха, и вѣрою населенія Руси московской, гдѣ былъ особый, не бывалый прежде, свой патріархъ, гдѣ происходили тогда *нестроенія* и начинался *расколъ*. Не упустилъ конечно случая Суша указать и на полную будто-бы свободу совѣсти въ церкви римской въ польскомъ государствѣ (какъ это высказывалъ польскій посолъ Беневскій въ Гадячѣ [1]). Было-ли послано приводимое письмо Суши по назначенію, какое произвело оно впечатлѣніе и

[1]) Костомаровъ, Монографія, т. II, стр. 126—128.

какія имѣло послѣдствія и успѣхъ, намъ опредѣленно не извѣстно. Но съ большимъ вѣроятіемъ можно полагать, что оно было дѣйствительно послано, тѣмъ болѣе, что въ сочиненіи извѣстнаго галицкаго ученаго о. А. Петрушевича: „О святителяхъ холмской епархіи“ упоминается еще и о другомъ письмѣ (или экземплярѣ), которое Суша посылалъ Чайковскому, чтобы и съ этой стороны подѣйствовать на Выговскаго съ цѣлію склонить его къ уніи. Такимъ образомъ можно предполагать, что для успѣха намѣченнаго дѣла были приняты всѣ мѣры, испробованы всѣ пути и предусмотрѣны всѣ обстоятельства, кромѣ... здраваго человѣческаго смысла и горькаго историческаго опыта въ людяхъ, къ которымъ обращались.

Письмо преосвященнѣйшаго и благочестивѣйшаго епископа холмскаго Якова Суши къ схизматику Выговскому, козацкому гетману и кіевскому воеводѣ.

(съ польско-латинскаго).

Высокоблагородный господинъ, вождь войска запорожскаго,

Милостивый государь!

Обращаясь къ вамъ, милостивый государь, съ настоящимъ моимъ письмомъ, я уже въ самомъ началѣ чувствую затруднительное положеніе отъ незнакомства съ вами, ибо оно обыкновенно производитъ недовѣріе къ людямъ; однакоже геній мудрыхъ и высокопоставленныхъ лицъ имѣетъ то особенное свойство, что, при обсужденіи вопросовъ общественнаго блага, и къ незнакомымъ являетъ надлежащее довѣріе. Поэтому я обращаюсь теперь къ вамъ съ тѣмъ довѣріемъ, какое вы мнѣ изволили внушить, какъ мужъ опытный и умный въ войнѣ и мирѣ, обращаюсь затѣмъ, чтобы, отъ души пожелавъ вамъ небесной росы и обилія земли (Быт. 22), прибавить съ моей стороны хотя малую частицу къ тому миру, который вы намѣрены теперь упрочить въ государствѣ. Восхвалимъ Всевышняго за то, что Онъ, послѣ столь мрачныхъ раздоровъ, послѣ столь страшныхъ кровопролитій, дозволяетъ намъ видѣть восходящее солнце этого мира, прекращающее въ странѣ кровавые приливы и отливы, подобно какому нибудь Эврину [1]).

[1]) Euripus—проливъ между островомъ Эвбеей и материкомъ Греціи.—*В. М.*

И дай Богъ когда нибудь, при вашемъ покровительствѣ, вкусить плодовъ этого мира во всѣхъ предѣлахъ нашего отечества! Но, когда уже по меньшей мѣрѣ прекратилась междоусобная война, начинается война религіозная противъ *единства* вѣры и всюду кричатъ объ уничтоженіи *его*, всюду возстаютъ на него, какъ на Іону, и велятъ бросить это единство въ море вмѣстѣ съ Іоною. Приходится этому *единству*, этой дщери одного отечества и святой каѳолической вѣры, воскликнуть съ Пророкомъ: „я ждалъ добра и пришло ко мнѣ зло, я ждалъ свѣта и явился мракъ; мои внутренности кипятъ и не перестаютъ; встрѣтили меня дни печали“ (Іовъ, 30). Но волны и рыданія, высоко поднявшіяся, надо успокоить. Я привожу здѣсь слова учителя церкви, блаженнаго Августина: „пусть устанутъ душевныя волненія, пусть прекратятся пристрастныя разсужденія, пусть будетъ одинъ Христосъ распятый на крестѣ!“ А васъ, милостивый государь, всепокорнѣйше прошу: сохраняя въ спорныхъ дѣлахъ свое мнѣніе, обратите ваше вниманіе на Спасителя нашего, распятаго на крестѣ, и на сущую истину, благоволите милостиво и внимательно разсмотрѣть все то, что я здѣсь, хотя и слишкомъ подробно, пишу, притомъ примите во вниманіе и то, что укажетъ Богъ, совѣсть и справедливость.

Съ давнихъ временъ мы сильно желали переговорить съобща съ нашею не принадлежащею къ уніи братіею, надѣясь, что когда выяснится въ этой бесѣдѣ одно только истинное благо, никто не станетъ возбуждать противъ насъ людей; но до сихъ поръ мы къ этому стремились напрасно. А между тѣмъ извѣстно, что святые отцы всѣ возникавшіе въ церкви Божіей споры рѣшали на собраніяхъ *сообща*. И если являлся даже самый упрямый еретикъ, то онъ не раньше присуждался къ наказанію, какъ по выслушаніи и осужденіи церковью; конечно, таково право и народовъ, что никого не наказываютъ, покамѣстъ не разслѣдуютъ въ чемъ дѣло. Почему-же намъ, находящимся въ такомъ положеніи, отказывать въ законной защитѣ?

Мы слѣдуемъ вѣрѣ Христовой, опредѣленной св. писаніемъ и св. отцами; чѣмъ-же мы виноваты, что *единый* Спаситель основалъ *единую* церковь, а *не многія?* „Ты еси камень (Петръ) и на этомъ камнѣ созижду церковь Мою (Матѳ. 16)—*церковь*, а не *многія церкви!* И того-же святого Петра назначилъ (Онъ) верховнымъ по Себѣ пастыремъ,

а не всѣхъ апостоловъ: „паси агнцевъ Моихъ, паси овецъ Моихъ“, (Іоан. 21), т. е. *всѣхъ* агнцевъ и овецъ, которые нынѣ есть и послѣ будутъ, „да будутъ овцы и агнцы Мои, и ты будь ихъ пастыремъ“. Но такъ какъ въ то время, когда это говорилъ Господь, едва-ли были еще какіе либо овцы и агнцы, кромѣ апостоловъ, то (значитъ) онъ преимущественно св. Петру поручилъ пасти апостоловъ. Поэтому если апостолы—овцы и агнцы Христовы, какъ это дѣйствительно и есть, то св. Петръ въ силу вышеприведенныхъ словъ: *паси*... дѣйствительно и безпрекословно ихъ пастырь. Ежели-же они не овцы и не агнцы, то почему мы ихъ считаемъ святыми? а такъ какъ тотъ-же Спаситель сказалъ: „вотъ Я съ вами есмь во вся дни, до скончанія вѣка“, (Мато. 27) т. е. съ церковью, которая есть собраніе вѣрующихъ съ законнымъ главою, то (значитъ) Онъ основалъ и церковь свою до скончанія вѣка и притомъ такою, какою была она при Его жизни. А церковь при жизни Его была *единая* (unica); при жизни своей Онъ назначилъ пастыря для церкви тоже *единаго* (unicum); изъ чего слѣдуетъ, что и по смерти Его церковь *едина* и пастырь *единый* и никто иной, какъ только св. Петръ, а послѣ него—его преемники. Этотъ первѣйшій апостолъ и пастырь со своими овцами, другими апостолами—пастырями другихъ людей—какъ глава со своими членами, въ то время составлявшими церковь Божію, передавъ намъ символъ вѣры, который мы громко и всенародно будемъ провозглашать и исповѣдывать до скончанія вѣка, основываетъ *единую святую и апостольскую вселенскую церковь*, въ то время, какъ другіе основываютъ *частныя* столицы. Онъ первоначально основываетъ патріархію въ Антіохіи лѣта Господня 39; оставивъ и назначивъ здѣсь преемникомъ своей власти Евдоксія, отправляется въ Римъ и тамъ основываетъ *свою* столицу лѣта Господня 45; отсюда одновременно отправляетъ св. Марка въ Александрію и въ Александріи основываетъ александрійскую патріархію. Такимъ образомъ въ этихъ трехъ городахъ основаны св. Петромъ первыя святыя столицы, изъ которыхъ Антіохія была главою азіатскихъ государствъ и всего востока: „государствъ, находящихся на востокѣ глава и матерь“ (Хризостомъ). Александрія была главою государствъ африканскихъ и южныхъ египетскихъ, „представляя собою главенство не только въ Египтѣ, но и въ Ѳивахъ и Ливіи“

(Cicero). Римъ-же былъ главою не только западныхъ и сѣверныхъ европейскихъ государствъ, но и всего міра: „городъ (Urbs) Римъ владыка и столица міра". Посему и св. Петръ, примѣняя духовное ко временному [1]), при помощи упомянутыхъ патріархій, распространилъ власть свою на всѣхъ овецъ цѣлаго міра. Наконецъ, положивши за вѣру голову свою въ Римѣ, онъ оставилъ его (Римъ) первопрестольною своею столицею и пріемникамъ своимъ римскимъ епископамъ передалъ на вѣчныя времена власть свою—вселенскаго пастырства, данную ему Христомъ для того, чтобы единая Христомъ основанная церковь имѣла единаго пастыря до скончанія вѣка. Хотя нѣкоторые и говорятъ, что такъ какъ Спаситель умеръ въ Іерусалимѣ, то изъ этого слѣдуетъ, что власть Христова должна остаться при іерусалимскихъ Его пріемникахъ; но въ св. писаніи нѣтъ ни буквы, ни намека на то, чтобы Спаситель передалъ власть свою св. Іакову іерусалимскому, хотя самъ тамъ и умеръ. Между тѣмъ о св Петрѣ сказано ясно и свѣтлѣе солнца, и гдѣ онъ (Петръ) умеръ, тамъ и власть, дарованная ему Христомъ, осталась и излилась на всѣхъ его пріемниковъ. Вотъ почему св. Іоаннъ Златоустъ (обращаясь къ св. отцамъ) въ 54 Hom. sup. Math. говоритъ: „Христосъ этими словами возвысилъ Петра, назначая его пастыремъ всего міра и, давши ему ключи, передалъ смертному человѣку власть во всемъ, что находится на небесахъ". А знаменитый своими сочиненіями подражатель Хризостома Ѳеофилактъ (sup. Іоан. 21 въ славянскомъ текстѣ, зачало 64) говоритъ: „поручилъ Христосъ Петру власть надъ всѣми и хотя престолъ іерусалимскій получилъ Іаковъ, но Петръ—весь всемірный", а власть эта св. Петра такова, что она излилась на его пріемниковъ римскихъ епископовъ и нѣтъ ничего вѣрнѣе этой истины у св. отцовъ. Св. Тарасій, патріархъ константинопольскій, пишетъ къ римскому папѣ Адріану: „божественный апостолъ Петръ, котораго столицу наслѣдовало твое братское святѣйшество, отвергъ Симона мага, отвергъ и ты симоніанъ... такъ твое братнее архіерейство священно и законно и, по волѣ Божіей облеченное архипастырскимъ священствомъ, пользуется знаменитѣйшею славою". Здѣсь кстати замѣчу, какъ несправедливо наши, не знаю почему,

---

[1]) Accommodans spiritualia temporalibus (соглашая).—*В. М.*

утверждаютъ въ краткомъ нашемъ молитвословѣ 25 февраля (in Breviario nostro), будто-бы сказанный Тарасій упрекалъ означеннаго папу въ симоніи; но если онъ хвалитъ его такъ, что называетъ Петромъ и приписываетъ ему низложеніе симоніанъ, то очевидно онъ совсѣмъ не упрекаетъ его въ симоніи. Изложивши это для свѣдѣнія и руководства при соотвѣтственныхъ обстоятельствахъ, я возвращаюсь къ моему предмету и привожу нѣсколько словъ Ѳеодора Студита, который жилъ во времена иконоборцевъ и такъ пишетъ къ папѣ св. Льву: „спаси насъ, верховный пастырь церкви всемірной, мы погибаемъ"; и къ папѣ Пасхалису: „выслушай насъ, глава апостольскій, Богомъ назначенный пастырь овецъ, стражъ царства небеснаго, камень вѣры, на которомъ воздвигнута каѳолическая церковь, ибо ты еси Петръ, украшаешь столицу Петрову и управляешь ею". Такое главенство подтверждаютъ всѣ соборы, на которыхъ римскій епископъ или самъ лично предсѣдательствовалъ, или-же его посланники, даже простые монахи; и, не говоря о другихъ обстоятельствахъ, славянскій текстъ гласитъ о седьмомъ вселенскомъ соборѣ: „предсѣдателями этой священной рати были: Адріанъ, папа римскій, который на свое мѣсто выслалъ благочестиваго іеромонаха и игумена римскаго монастыря св. Саввы—Петра, а также Іоанна и Ѳому іеромонаховъ, правящихъ восточными патріаршими столицами, сверхъ того съ ними былъ константинопольскій патріархъ Тарасій". Считаю лишнимъ просить васъ замѣтить, что эти полномочные монахи и пресвитеры, также *какъ и апостольскіе делегаты* у разныхъ государей, правили восточными апостольскими патріаршими столицами.

Для объясненія и подтвержденія всего этого, я привожу здѣсь по славянски слова карѳагенскаго собора; „были притомъ съ святыми отцами на этомъ соборѣ и стражи мѣста (custodes loci), высланные римскимъ первосвященникомъ; стражами-же они называются потому, что высылаются первосвященникомъ въ разныя страны и государства, дабы исполнить данныя имъ порученія и, заступая его мѣсто, пользоваться почестію ему воздаваемою, заботясь объ истинной вѣрѣ и охраняя ее во всѣхъ краяхъ. Столицу апостольскую назвали римскимъ престоломъ, такъ какъ *глава* апостоловъ Петръ на немъ прославился и послѣ себя назначилъ на немъ первосвященникомъ Линуса". Не говорю здѣсь о томъ, какъ римскіе епископы однихъ патріарховъ низвергали, другихъ

назначали, какъ къ нимъ высылались аппеляціи по разнымъ обидамъ и спорнымъ дѣламъ, какъ безъ ихъ согласія не созывались и не утверждались соборы. Всѣмъ этимъ переполнены церковныя исторіи, соборные акты, наши сборники такъ, что столько Илліадъ (Illiades) даже трудно собрать въ одно цѣлое.

Но здѣсь уже и начало несчастій св. церкви нашей, на которое надо указать, какъ будто указывая пальцемъ. Когда послѣ языческихъ тирановъ Господь далъ церкви христіанскихъ государей и когда человѣческое благоволеніе обратилось къ Іерусалиму, освященному кровію Спасителя, то вскорѣ появился канонъ (7 постановленіе): „епископъ Азіи долженъ пользоваться *почетомъ*, при сохраненіи самостоятельности палестинской митрополіи". (Императоръ Элій Аоріанъ назвалъ Іерусалимъ Азіею и возобновилъ разрушенный городъ). Хотя нѣкоторые изъ этого (канона) заключаютъ, что іерусалимскій епископъ немедленно былъ исключенъ изъ юрисдикціи и кесарійскаго и палестинскаго митрополита и былъ самостоятельнымъ патріархомъ, однако другіе говорятъ, что хотя онъ пользовался почетомъ, но все таки находился въ подчиненности своему митрополиту въ антіохійской патріархіи, что соблюдалось и во времена св. Іеронима. И хотя потомъ Ювеналій іерусалимскій на эфесскомъ вселенскомъ соборѣ старался о томъ, чтобы ему подчинялась вся Палестина, однако св. Кириллъ этому воспротивился и только на халкедонскомъ соборѣ онъ достигъ того, что епископу антіохійскому были поручены двѣ Финикіи, Аравія и другіе отдаленные народы, а ему три Палестины; затѣмъ хотя папа св. Левъ отвергнулъ такое рѣшеніе и достигъ того, (что) постановленіе о власти осталось безъ послѣдствій, однако-же, по обычаю или вслѣдствіе злоупотребленія, эта власть іерусалимскаго епископа обратилась въ законъ. Извѣстно также и то, что знаменитый императоръ Константинъ Великій, по своему смиренію, уступилъ Римъ св. Сильвестру, самъ-же перенесъ столицу свою въ Византію, находящуюся во Ѳракіи и принадлежащую къ гераклійской митрополіи; и это также полезно знать, что вся Европа, слѣдовательно и Ѳракія, принадлежала къ частной римской патріархіи. „Слѣдовательно римскій (епископъ) владѣлъ всей Европой" (говоритъ одинъ грекъ) и послѣ многаго прибавляетъ: „владѣлъ Панноніею и всѣмъ Иллирикомъ, Македоніею и

Ѳракіею, въ которой была Византія и всѣми землями, далѣе лежащими къ западу; все это подчинялось римскому (епископу)". Хотя *Русь и крещена патріархомъ константинопольскимъ, однако уже потому, что составляетъ часть Европы, вмѣстѣ съ своимъ патріархомъ принадлежитъ къ римской епархіи,* тѣмъ болѣе, что *епископъ римскій есть общій патріархъ всего христіанскаго міра,* что я выше доказалъ.

Изложивши это, я обращаюсь къ главному. Когда, по перенесеніи императорской столицы, византійскіе епископы увидѣли блескъ императорскаго величія, славу римскаго сената, обиліе благъ для ихъ собственнаго престола, почести, воздаваемыя другимъ патріархамъ, имѣющимъ власть надъ многими епископами, обширность другихъ епархій, то, какъ душа человѣческая часто возбуждается завистію, они сами начали стремиться къ такому-же значенію при подстрекательствѣ врага, распространителя Зизаніевъ [1]). Хотя по опредѣленію соборовъ и по повелѣнію государей (о которыхъ глубокое молчаніе) они, отложившись отъ гераклійскаго митрополита, сами сдѣлались архіепископами, не имѣя въ вѣдѣніи своемъ ни одного епископа, но это сдѣлалось или ради знаменитости столицы, или ради личныхъ заслугъ, или при посредствѣ и по назначенію государей. И только въ 382 году, т. е. спустя 62 года послѣ возвышенія епископа іерусалимскаго, опредѣленъ на второмъ вселенскомъ соборѣ третій канонъ: „епископъ Царьграда почитается послѣ римскаго" и прибавлено по-латыни и по-гречески, „потому, что Царьградъ есть Новый Римъ"; такъ говорятъ разные греческіе авторы, но изъ многихъ другихъ можно заключить, что это *не постановленіе, а прибавленіе* послѣ собора. Между прочими доказательствами весьма важно и то, что Хризостомъ, жившій послѣ этого собора, будучи константинопольскимъ епископомъ и приглашенный на судъ Ѳеофиломъ александрійскимъ внѣ своей епархіи, изложивши многія статьи въ свою защиту, ничѣмъ инымъ не защитилъ себя, какъ только никейскимъ соборомъ, который воспрещаетъ судить епископовъ внѣ ихъ епархій. Очевидно, что сказаннаго канона еще тогда не было, ибо, если-бы Хри-

[1]) Ζιζάνιον—плевель, ересь,—намекъ на современнаго Зизанія, противника уніи.

зостомъ зналъ, что онъ *второй* (епископъ) послѣ римскаго папы, то однимъ словомъ опровергъ-бы Ѳеофила: „ты не можешь судить меня, (потому что) я старше тебя". Этотъ канонъ подтверждаютъ потомъ греки на халкидонскомъ вселенскомъ соборѣ, послѣ отзыва пословъ папы св. Льва: „епископъ Новаго Рима пользуется равною почестію съ епископомъ Стараго Рима по причинѣ авторитета своего главенства; посему первосвященники азіатскіе, ѳракійскіе и варварійскіе должны быть ставлены епископомъ константинопольскимъ" [1]). Услышавъ объ этомъ, упомянутые послы возвратились на слѣдующій день (на собраніе), сдѣлали возраженія и опротестовали (постановленіе), говоря: „если у васъ есть привиллегіи вашей столицы, такъ зачѣмъ объ нихъ хлопочете; если-же ихъ нѣтъ, то зачѣмъ ихъ выставляете для смущенія другихъ". Вѣдь самъ Анатолій, примирившись со сказаннымъ папою, потомъ уничтожилъ этотъ канонъ. Наконецъ греки подтверждаютъ эту власть свою на трулльскомъ соборѣ [2]) въ Константинополѣ такъ: „епископъ константинопольскій получаетъ одинаковую власть послѣ римскаго" [3]) и этотъ частный соборъ наши греки присоединяютъ къ шестому вселенскому собору, какъ это подтверждаетъ Макарій Анкирскій: „не смотря на то, что они этотъ соборъ, по словамъ патріарха Тарасія (въ рѣчи къ св. отцамъ седьмого собора, совѣщаніе 4), составили черезъ 4 или 5 лѣтъ, по другимъ черезъ 10, по Ѳеофанію, константинопольскому патріарху—черезъ 27 лѣтъ послѣ шестого вселенскаго собора". Причину-же, но не сущность, этого присоединенія они оправдывали тѣмъ, что святые отцы не устанавливали каноновъ ни на пятомъ, ни на шестомъ вселенскихъ соборахъ. (Но) вселенскіе соборы могутъ быть и безъ каноновъ; они собираются, какъ говоритъ папа св. Левъ, для

---

[1]) Въ другомъ спискѣ этого письма на поляхъ прибавлено по-славянски: Новаго Рима епископъ епископу Ветхаго Рима равенъ честію царствія ради; почему епископы азіатскій, ѳракійскій и варварійскій епископомъ Константинограда да поставляются.—*В. М.*

[2]) Consilium Trullanum въ 680 г. и при Юстиніанѣ II въ 692 г. получилъ названіе отъ *труллума*—залы во дворцѣ императоровъ, гдѣ онъ собирался.—*В. М.*

[3]) Въ другой рукописи на поляхъ по-славянски: Константиногра(да) епископъ по римстѣмъ епископѣ равную пріялъ власть. Въ подлинникѣ: Constantinopolitanae civitatis episcopus post Romanum aequalem accipit potestatem.—*В. М.*

истребленія ереси и утвержденія каѳолической вѣры. Къ тому-же пятый вселенскій соборъ, бывшій за 129 лѣтъ передъ шестымъ, и безъ каноновъ имѣлъ свой непоколебимый авторитетъ: почему-же не могъ его имѣть и шестой? Все это они выдумали для того, чтобы своему частному трулльскому собору придать значеніе и авторитетъ вселенскаго собора. Кромѣ того на немъ не были епископы римскихъ странъ. Одинъ грекъ (Никита Никейскій) свидѣтельствуетъ: „однако-же, за отсутствіемъ римлянъ, каноны, которые называются канонами шестого собора, были обнародованы немного спустя, при Ринотметѣ (онъ-же Юстиніанъ [1]); съ этого времени стали появляться отпаденія римлянъ, что доказываютъ каноны 62, 64, 65, которые кажется не приняты римлянами и не подтверждены ихъ употребленіемъ". Изъ сего слѣдуетъ, что трулльскій соборъ не имѣетъ авторитета вселенскаго собора. Подтвержденіемъ сего служатъ слова св. Стефана, новаго мученика, сказанныя собору иконоборцевъ: „какимъ-же образомъ вы, отвергшіе все святое, желаете признать этотъ соборъ священнымъ? О, безуміе! какимъ образомъ названъ будетъ вселенскимъ соборъ, на который не согласился римскій верховный святитель, безъ котораго церковныя дѣла не могутъ быть рѣшаемы" [2]). Доказательствомъ служатъ также слова святыхъ отцовъ собора, направленныя противъ иконоборцевъ: „какимъ образомъ онъ (соборъ) можетъ быть великимъ и вселенскимъ, если его не приняли и не одобрили представители другихъ церквей, а предали проклятію, ибо на немъ не было тогдашняго римскаго папы, ни его священниковъ, ни викаріевъ, и онъ не былъ созванъ ни его викаріями, ни окружнымъ посланіемъ, какъ этого требуетъ законъ о соборахъ". Вслѣдствіе такихъ вышеизложенныхъ каноновъ, не смотря на то, что по сему дѣлу были возраженія не только со стороны римской столицы, но и другихъ патрі-

---

[1]) Императоръ Юстиніанъ II названъ Ринотметомъ (урѣзаннымъ), такъ какъ за жестокость былъ свергнутъ съ престола, и соперникъ его Леонтій обрѣзалъ ему носъ и уши. Юстиніанъ вскорѣ завладѣлъ престоломъ вторично и наконецъ былъ казненъ.—*В. М.*

[2]) По-славянски на поляхъ: како убо, сже святая отвергше, свѣтъ сей оставити хощете (соборъ). О безмѣстія! Како и вселенскій наречется, о немъ-же не благоволи римскій первосвященникъ, безъ него-же немощно церковная правити.
В. М.

арховъ, обиженныхъ этимъ, столица константинопольская возвысилась среди другихъ въ патріархіи только на томъ основаніи, какое изложено въ сказанныхъ канонахъ. Алексѣй Аристинъ (въ славянскомъ текстѣ), объясняя это (основаніе), говоритъ: „такъ какъ этотъ городъ гордится и императоромъ и сенатомъ, то и получилъ главенство равное древнему Риму“ [1]). Такое константинопольское главенство [2]) подтверждено только канонами и этимъ авторомъ, т. е. не властію данною съ неба, а временною силою. И такъ какъ онъ (патріархъ царьградскій) считается главою равнымъ римскому епископу, то является двѣ главы въ церкви Божіей! Прочь чудовище! Такъ какъ тотъ-же Аристинъ (въ славянскомъ текстѣ), объясняя слова: *post Romanum* (послѣ римскаго), говоритъ, что онъ былъ вторымъ послѣ римскаго *не по почести, а по времени* [3]), то слѣдуетъ, что церковь Божія, столько сотъ лѣтъ тому назадъ Христомъ основанная, и не имѣя *двухъ главъ,* была вполнѣ совершенною. Напротивъ того, одинъ (Доксопатръ) говоритъ, что римская апостольская столица, вслѣдствіе перенесенія императорской столицы, лишилась и своего главенства: „такъ какъ городъ Римъ пересталъ быть императорскимъ и повелительнымъ, то, лишившись власти, онъ лишился привиллегій и первенства, этотъ-же, т. е. Константинополь, какъ владѣтельный, пользовался властію и дѣйствительно престолъ епископскій владѣтельнаго града Константинополя остался первымъ, когда первый, т. е. Римъ пересталъ повелѣвать“. Тоже самое говорятъ и другіе греки. Но здѣсь какъ противъ Аристина, такъ и противъ Доксопатра и другихъ самъ собою напрашивается (прямо въ глаза бросается) человѣку такой выводъ: такъ какъ власть константинопольскихъ христіанскихъ императоровъ перешла теперь уже къ турецкимъ, то изъ этого слѣдуетъ, что и власть патріарховъ перешла къ духовнымъ турецкимъ и что церкви Божіей уже нѣтъ въ этомъ мірѣ, ибо нѣтъ ея главы: въ Римѣ нѣтъ, по мнѣнію его враговъ, а

---

[1]) На поляхъ по славянски: понеже царствомъ и боярствомъ почтенъ есть градъ сей и равное пріятъ начальство ветхому Риму.—*В. М.*

[2]) Еп. Суша по невѣжеству или умышленію обходитъ вопросъ о томъ, что православная церковь принимаетъ главою своимъ только Іисуса Христа.—*В. М.*

[3]) Яко не быти ему второму по римстѣмъ честію, но временемъ (славян. текстъ). —*В. М.*

въ Константинополѣ—въ силу столь очевиднаго доказательства! Такъ гдѣ-же она? Ахъ, до чего доходитъ мысль человѣческая, опираясь не на Бога и Его слова, а на слова и постановленія человѣческія! Изъ права даннаго свѣтскими властями и изъ жалкаго честолюбія явился ненужный титулъ константинопольскихъ патріарховъ и то, что они называются *экуменическими*, т. е. вселенскими пастырями. На сколько это справедливо, даже слѣпые могутъ видѣть. Всѣ наши греки, противники римской столицы, считаютъ Ахиллесовою силою своего первенства то, что глава церкви назначался и долженъ назначаться опредѣленіями отцевъ и императоровъ. Старые православные (католики) совершенно иное утверждаютъ и расходятся съ ними въ мнѣніяхъ, ибо они говорятъ, что первенство къ римскимъ епископамъ перешло не отъ святыхъ отцовъ, а отъ Господа Іисуса Христа черезъ св. Петра, не отъ христіанскихъ императоровъ по ихъ постановленіямъ, а еще до нихъ. Было-бы полезно здѣсь упомянуть, что случилось съ Павломъ Самосатскимъ, патріархомъ антіохійскимъ во время второго антіохійскаго собора, передъ первымъ никейскимъ. Святые отцы, между которыми былъ и нашъ св. отецъ, Григорій чудотворецъ, свергли съ престола этого Павла за то, что онъ представлялъ Іисуса Христа простымъ человѣкомъ. Тотъ упрямо не уступаетъ. Святые отцы обращаются къ императору Аврелію, милостивому къ христіанамъ, и получаютъ такой отвѣтъ, какъ мы видимъ изъ славянскаго текста: „Онъ-же (императоръ) велѣлъ римскому епископу, или тѣмъ, кому этотъ епископъ поручитъ, изслѣдовать, справедливо-ли онъ (Павелъ) низложенъ, и изгнать его изъ христіанской церкви, что и случилось“, какъ пишетъ Евсевій Памфилитъ. Здѣсь я останавливаюсь и спрашиваю, по какому праву (обращались) къ императору Аврелію... (конца нѣтъ) [1]).

Сообщилъ **В. Т. М—чъ.**

19 февраля 1883 г.

---

[1]) P. S. Когда это письмо сп. Суши было уже переведено, я нашелъ отрывокъ другой рукописи, болѣе четкой, но безъ начала и конца, съ помѣткою: *остального не достаетъ*. Въ этомъ новомъ спискѣ на поляхъ противъ соотвѣтственныхъ мѣстъ латинскаго текста помѣщенъ и славянскій переводъ, приведенный мною въ выноскахъ.—*В. М.*

Запорожскіе выборы и порядки половины XVIII в.

По современнымъ описаніямъ *).

Послѣ возвращенія запорожцевъ изъ Турціи въ подданство Россіи въ 1734 г., кіевскій генералъ-губернаторъ, за посредствомъ котораго велись переговоры о принятіи, становится „главнымъ ихъ командиромъ", какъ называютъ его указы того времени. Порядокъ внутренняго самоуправленія запорожцевъ не тронутъ былъ ни сколько, но посредство генералъ-губернатора требовалось для представленія всеподданнѣйшихъ ихъ просьбъ и жалобъ, для объявленія имъ высочайшей воли, въ особенности-же для внѣшняго представительства по пограничнымъ отношеніямъ Запорожья къ Турціи и Польшѣ. Для ближайшаго наблюденія за дѣйствіями Коша, въ средѣ самой Сѣчи былъ устроенъ ново-сѣченскій ретраншаментъ съ командиромъ изъ русскихъ офицеровъ, а для разбора поземельныхъ споровъ съ ихъ сосѣдями и взаимныхъ жалобъ, особенно участившихся съ 1744 г., генералъ-губернаторъ посылалъ въ запорожскую Сѣчь особыхъ офицеровъ, кромѣ упомянутаго командира.

Благоволившаго къ запорожцамъ и способствовавшаго ихъ переходу въ Россію барона Вейбаха смѣнилъ генералъ-губернаторъ Леонтьевъ, который питалъ къ нимъ особое нерасположеніе и постоянно хлопоталъ предъ высшимъ правительствомъ объ отмѣнѣ ихъ самоуправленія. Безспорно Запорожье составляло самую хлопотливую для него „команду", а для посылаемыхъ имъ туда офицеровъ поѣздки эти были самыми тягостными командировками: запорожскіе порядки представлялись имъ крайне уродливыми во всѣхъ

*) Матеріаломъ для настоящей замѣтки послужили два «дѣла» бывшей ген. губ. канцеляріи, найденныя въ растрепанномъ видѣ, безъ начала и конца, въ архивѣ кіев. губ. правленія.—*А. А.*

отношеніяхъ, а потому вопросъ о заведеніи „лучшихъ порядковъ“, „о прекращеніи своевольствъ“ не сходитъ у нихъ съ языка.

По поводу частыхъ жалобъ на запорожцевъ со стороны турецкихъ властей, ген. губ. Леонтьевъ нѣсколько разъ въ теченіи 1742 и 1743 г. обращался въ пр. сенатъ съ донесеніями о „своевольствахъ“ запорожцевъ, заявляя, что „ежели воровство и своевольство ихъ запорожское пресѣчено не будетъ, то могутъ важныя причины послѣдовать“. Правительствующій сенатъ, предписывая Леонтьеву для отвращенія запорожскихъ „своевольныхъ поступокъ“ самому „пристойные способы изыскивать и употреблять“, потребовалъ наконецъ отъ него мнѣнія о томъ, какія онъ съ своей стороны „лучшія учрежденія объ нихъ учинить разсуждаетъ“. Въ отвѣтъ на это Леонтьевъ въ 1744 г., сообщая цѣлый рядъ новыхъ жалобъ на запорожцевъ, для разбирательства которыхъ отправлялся въ Сѣчь подполковникъ Глѣбовъ, и обвиняя Кошевыхъ въ сочувствіи и потакательствѣ набѣгамъ и грабежамъ запорожцевъ, предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ исключительно къ ограниченію запорожскаго самоуправленія. Вмѣсто обычнаго избранія Кошеваго всеобщей подачей голосовъ, онъ рекомендуетъ выборъ онаго возложить на „надежнаго и искуснаго штабъ-офицера“, при участіи старшинъ, куренныхъ атамановъ и лучшихъ козаковъ отъ трехъ до четырехъ съ куреня, назначеніе къ Кошевому писаря изъ опытныхъ канцеляристовъ войсковой генеральной канцеляріи и опредѣленія къ Кошевому-же особаго офицера, который-бы его по присылаемымъ указамъ и ордерамъ „исполненіе чинить принуждалъ“. Относительно куренныхъ атамановъ генералъ-губернаторъ допускаетъ свободный козачій выборъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ утверждался все-таки особыми указами и на куренныхъ лежала-бы обязанность главнымъ образомъ полицейская и исправное веденіе списковъ козаковъ, а также ежемѣсячные рапорты Кошевому о наличныхъ и отлучныхъ козакахъ. Но, рекомендуя такой порядокъ, генералъ-губернаторъ и самъ не надѣялся на возможность скораго и безпрепятственнаго его осуществленія и рекомендовалъ соблюсти въ этомъ дѣлѣ нѣкоторую постепенность, „дабы запорожцевъ, привыкшихъ къ своевольству и легкомыслію, единожды вовсе не озлобить и въ сумнѣніе не привесть, и не дать имъ повода говорить: чего де изстари не бывало, а нынѣ регулъ вводить стали“.

Правительствующій сенатъ не призналъ проэктовъ Леонтьева своевременными и полезными и велѣлъ ему къ воздержанію запорожцевъ отъ „своевольствъ“ изыскивать „пристойные способы“. Между тѣмъ пограничные споры и ссоры между татарами и запорожцами усиливались и привели въ концѣ 1748 г. къ учрежденію смѣшанной слѣдственной коммисіи, въ которую, въ качествѣ депутата со стороны русскаго правительства, былъ назначенъ Леонтьевымъ секундъ-маіоръ Александръ Никифоровъ. Этому-то русскому депутату и обязаны мы тѣмъ любопытнымъ документомъ, съ которымъ хотимъ познакомить нашихъ читателей.

Я не буду здѣсь касаться самаго слѣдствія [1]), въ которомъ пришлось участвовать Никифорову, ни тѣхъ пограничныхъ отношеній, съ которыми оно могло-бы насъ познакомить, имѣя въ виду лишь оставленное нашимъ депутатомъ описаніе внутреннихъ распорядковъ въ Сѣчи запорожской, которые онъ имѣлъ случай наблюдать. Но прежде слова два о томъ, при какихъ обстоятельствахъ составлено это описаніе и что послужило поводомъ къ представленію онаго по начальству.

---

[1]) Объ этомъ слѣдствіи имѣются свѣдѣнія въ «Исторіи Новой Сѣчи» Скальковскаго (см. 2 изд. 1846 г., ч. II, стр. 150—158) не совсѣмъ точныя. Въ запорожскомъ архивѣ, драгоцѣнный матеріалъ котораго остается до сихъ поръ неизданнымъ, г. Скальковскій нашелъ объ этомъ слѣдствіи очевидно неофиціальный документъ, озаглавленный такъ: «Журналъ всѣхъ разговоровъ и преній коммисіи» — и напечаталъ его почти цѣликомъ въ 1841 г. въ статьѣ своей «Сношенія Запорожья съ Крымомъ», ставшей теперь библіографическою рѣдкостію. Но не видно, чтобы у него были въ рукахъ самыя жалобы татарскія, представленныя Леонтьеву и возбудившія слѣдствіе. Подлинники татарскихъ писемъ сохранились (частію) въ томъ разбитомъ «дѣлѣ», о которомъ мы выше упомянули и которое представляетъ значительную часть всего слѣдственнаго производства. Укажу здѣсь лишь на немногія неточности извѣстій г. Скальковскаго объ этой коммисіи и противорѣчія тѣмъ несомнѣннымъ указаніямъ, какія найдены мною въ упомянутомъ «дѣлѣ». Г. Скальковскій говоритъ лишь о претензіяхъ крымскаго хана, тогда какъ одновременно предъявлены были и особыя претензіи буджацкаго сераскеръ-султана, отъ котораго и депутаты въ сказанную коммисію прибыли раньше. Кромѣ того г. Скальковскій говоритъ, что секундъ-маіоръ Никифоровъ прибылъ въ Сѣчь въ мартѣ мѣсяцѣ 1749 г., а крымскіе депутаты 8-го апрѣля того-же года, тогда какъ изъ подлинныхъ репортовъ Никифорова видно, что самъ онъ прибылъ въ Сѣчь 22 декабря 1748 г., а крымскіе депутаты 4-го мая слѣдующаго года, дѣйствія-же слѣдственной коммисіи открылись 25 мая.

Въ коммисію, въ которую былъ назначенъ Никифоровъ, онъ прибылъ очень рано, именно 22 декабря 1748 г., тогда какъ уполномоченные крымскаго хана и буджацкаго сераскеръ-султана явились лишь въ маѣ слѣдующаго года. Ему приходилось ждать въ Сѣчи болѣе 4-хъ мѣсяцевъ: донося Леонтьеву о своемъ прибытіи въ Сѣчь, Никифоровъ жаловался на продолжительность и трудность пути, на томительность ожиданія, на неудобства жизни въ дикомъ почти мѣстѣ, надѣясь вѣроятно разжалобить начальство и избавиться отъ тягостной коммисіи; но въ отвѣтъ на это Леонтьевъ прислалъ ему рѣзкій и „кусательный" выговоръ, называя его жалобы „бреднями, прихотями и куръезными церемоніями" и предписывая исполнять то, что указано ему инструкціею.

Чтобы не „праздно время препровождать" и поправить дурное впечатлѣніе, произведенное неудачнымъ репортомъ, Никифоровъ сталъ присматриваться къ сѣчевымъ распорядкамъ, крайне ненавистнымъ Леонтьеву, и строчить о нихъ донесенія, которыя впрочемъ могли быть и прямо поручены ему инструкціею [1]). Въ помощь ему присталъ войсковый писарь Петръ Чернявскій, помогавшій ему въ составленіи *Описанія*, а можетъ быть и самъ настрочившій оное, какъ можно будетъ заключать изъ послѣдующаго. Никифорову, выросшему въ другихъ понятіяхъ и привычкахъ, запорожская вольница и неограниченная свобода выборовъ не могли иначе представляться, какъ верхомъ своеволія, безсмыслицы и безобразія, потому въ описаніи происходившихъ при немъ выборовъ не проглянула ни одна свѣтлая черта, а въ предшествовавшихъ донесеніяхъ онъ со всею силою настаиваетъ на отмѣнѣ выборовъ въ Запорожьѣ и подчиненіи его строгимъ регуламъ. Вѣрность такихъ убѣжденій, казалось ему, раздѣляла сама козацкая старшина, которая по секрету открывалась будто предъ нимъ въ своемъ за-

[1]) Вообще какъ бывшимъ въ Сѣчи офицерамъ, такъ и посылавшимся туда нарочито, поручалось нѣкоторое соглядатайство за дѣйствіями сѣчевой старшины, и о ней они сообщали свои аттестаціи. Мнѣ встрѣтилось особое дѣло 1747 г., такъ озаглавленное: «О развѣдываніи объ учрежденномъ на мѣсто бывшаго войска запорожскаго Кошевого атамана Василія Григорева Кошевомъ-же атаманѣ Павлѣ Козелецкомъ, какого онъ состоянія». Развѣдываніе, производившееся по порученію того-же Леонтьева, на основаніи указа прав. сената, кончилось въ пользу Козелецкаго.

вѣтномъ желаніи, „чтобъ какъ Кошевой атаманъ, такъ и судья, жалованы были отъ ея императорскаго величества или отъ правительствующаго сената, а куренные атаманы отъ высокаго генералитета, и чтобъ таковой былъ порядокъ, какъ въ войскѣ донскомъ". Понятно, что, вращаясь, какъ и изъ его репортовъ видно, въ кругу нѣсколькихъ недовольныхъ старшинъ, во главѣ которыхъ стоитъ темная личность писаря Чернявскаго, Никифоровъ все слышанное отъ нихъ не только на вѣру принималъ, но и обобщалъ, а историческій духъ общины былъ настолько выше его разумѣнія, насколько собственное его довѣріе превышало искренность бесѣдовавшихъ съ нимъ, которые не могли иначе и представить почтеннаго секундъ-маіора, какъ только въ роли развѣдчика. Самъ-же Никифоровъ въ своихъ репортахъ къ генералъ-губернатору всегда выдѣлялъ своихъ „почетнѣйшихъ" собесѣдниковъ, завѣряя его, что „во ономъ войскѣ запорожскомъ, кромѣ вышедонесенныхъ людей, другіе добросовѣстные едвали найдутся". Все это мы сочли необходимымъ сказать для опредѣленія значенія того описанія, которое Никифоровъ приложилъ къ репорту своему отъ 11-го генваря „для единаго извѣстія". Вотъ текстъ этого интереснаго описанія.

Описаніе о происшедшемъ въ Сѣчи запорожской выборѣ въ кошевые атаманы, въ судьи, писари и эсаулы, такожъ и въ разныя мѣста въ полковники, обыкновенно въ новомъ годѣ, сего 1749 года генваря 1-го дня, и до того числа что происходило и при томъ по ихъ обычаю что слѣдовало, значитъ у сего.

Къ празднику Рождества Христова находящіеся по степямъ и рыбнымъ ловлямъ изъ зимовниковъ козаки съѣхались въ Сѣчь, числомъ которыхъ изъ живущими въ Сѣчи болѣе не превосходило какъ до пяти тысячъ, между которыми по большей части были презѣльные пьяницы, изъ людей по здѣшнему называемые *сирожохи*, не имѣющіе у себя не точію лошадей или какого скота, но ниже на плечахъ платья, и чрезъ зиму валяются въ куреняхъ до весеннято времени.

Въ оной праздникъ Рождества Христова, по отслушаніи божественной литургіи, всѣ разошлись по куренямъ, а послѣ обѣда Кошевой атаманъ Акимъ Игнатовичъ долженъ былъ купленное вино въ трехъ бочкахъ, по цѣнѣ на сто пять рублей, для приласканія козаковъ роздать въ курени по равному числу, а сверхъ того безпрерывно приходящихъ къ нему поилъ виномъ-же и медомъ. То-жъ чинили судья Никита Сан-

бика и войсковый писарь Андрей Миргородскій съ нѣкоторою противъ Кошевого отамана убавкою, и такимъ образомъ продолжалось даже до перваго числа генваря; толь найпаче сиромахи находились въ безпрерывномъ пьянствѣ, чиня при томъ неописанное своевольство и старымъ и умнымъ козакамъ безпокойство и явное оскорбленіе, отъ коего угощены не были. Ибо сей выборъ въ старшины не отъ старыхъ и умныхъ людей и не отъ куренныхъ атамановъ зависитъ, но отъ упоминаемыхъ сиромахъ. А незадолго до того онъ, Кошевой, по согласію съ судьею, съ виномъ погреба́, дабы пьяницъ и своевольниковъ не умножилось, запечаталъ, яко-же въ оный день праздничный два человѣка изъ козаковъ отъ вина померли.

Помянутые сиромахи, или, по просту сказать, пьяницы и плуты, когда у нихъ во всю ту недѣлю пьянство продолжалось, между собой соглашались тайно, кого въ кошевые отаманы, въ судьи, въ писари, въ эсаулы, въ довбиши или литаврщики и пушкари выбрать.

Въ день 1-го сего генваря по отслушаніи божественной литургіи Кошевой и куренные атаманы, также и значные козаки и вся чернь разошлись по куренямъ и за городомъ по дворамъ.

Вскорости послѣ того лежащій въ церкви прапоръ или знамя (ибо по ихъ обычаю какъ клейноты, такъ бунчуки и знамена въ церкви хранятся) вынесено на дворъ и поставленно близь трапезныхъ дверей, да къ тому принесены литавры и какъ сіе скоро поставлено, тогда Кошевой атаманъ и войсковой судья, взявъ жалованныя, длинныя и серебромъ оправленныя, трости, да онъ же, Кошевой, притомъ съ собою взявъ войсковую печать, а писарь войсковую большую серебряную чернильницу, эсаулъ простую палку безъ всякой оправы, изъ жилищъ своихъ вышли и пришедъ къ прапору, постановились въ одинъ рядъ по старшинству своихъ чиновъ, снявъ шапки; а куренные отаманы становились, зачиная правый флангъ отъ Кошеваго и такимъ порядкомъ кругомъ и лѣвый флангъ примыкаетъ къ войсковому эсаулу, безъ шапокъ-же. Вся чернь, въ презѣльномъ будучи пьянствѣ, числомъ найболѣе трехъ тысячъ, стояла за куренными отаманами и кругомъ церкви, такъ что въ ихъ городкѣ другимъ вмѣститься было невозможно, за чѣмъ немалое-жъ число сидѣли поверхъ куреней и на колокольнѣ, а иные стояли по валу и по рѣкѣ.

Какъ скоро всѣ собрались, тогда метали жеребьи, написанные на малыхъ ярлыкахъ о рѣчкахъ и озерахъ, которыя рыбною ловлею на который курень достанутся. Сіе такимъ образомъ слѣдовало: помянутый войсковой писарь заблаговременно всѣ рыбныя ловли по числу куреней росписалъ по ярлыкамъ и тогда, положа всѣ вдругъ въ шапку, трусилъ,

а куренные отаманы одинъ по одному разобрали, означенный-же писарь тѣ ярлыки всѣ вслухъ прочелъ, за что куренные отаманы, поблагодаря, разошлись по своимъ куренямъ, или кто куда хотѣлъ.

Какъ скоро помянутые отаманы разошлись, тогда, ради найбольшаго собранія козаковъ, довбишъ или литаврщикъ билъ на литаврахъ, къ чему еще много съѣхалось, такъ что многимъ не токмо чего слышать, но ниже того видѣть можно было.

По прибытіи того сбора, Кошевой отаманъ, судья, писарь и эсаулъ всему войску запорожскому на всѣ стороны кланялись и громкимъ голосомъ благодарили за начальство.

Сія вышеписанная чернь, выслушавъ сіе, закричали весьма громко, всякій своимъ голосомъ, и нѣкоторые, браня оную старшину скверными и непотребными словами, говорили, что надобно ихъ скинуть, упоминая при томъ, что де козачьяго хлѣба уже наѣлись, и кричали-же «положи» (сіе «положи» значитъ тако: когда уже старшину съ общаго согласія лишатъ того достоинства, тогда Кошевой, судья и эсаулъ повинны шапки свои положить на землю, а поверхъ того вышеупомянутыя жалованныя трости и печати, а писарь чернильницу, а послѣ, взявъ тѣ шапки, убѣгаютъ въ курены или куда далѣе скрываются, дабы убить не могли). Прочіе-же, по большей части держащіе партію Кошевого отамана, кричали, что быть сему Кошевому и писарю, полагая на ихъ главы песокъ и землю, а иные и за волосы тянули, говоря: будьте, паны, здоровы и *сырны*, противники-жъ тому выбору вступили въ драку, которую жестоко и на долгій часъ производили, а Кошевого и писаря прижали къ церкви, отчего они едва не померли. Наконецъ-же судью Никиту Санбика лиша того чина, выбрали другого: титоровскаго куреня Василія Богацько, да въ эсаулы васюринскаго куреня изъ простыхъ козаковъ Петра Давыда, а прежняго прогнали кулачьемъ, да въ полковники въ Гардъ, въ Колміусъ, въ Кайдакъ и въ протчія мѣста которыхъ надлежало пять человѣкъ, по вмѣсто того двадцать человѣкъ избрали, стараяся всякій отъ своего куреня въ таковые чины удостоить, чиня при томъ между собой жестокія драки и наконецъ, взявъ кошевого отамана, судью, писаря и эсаула, также и полковниковъ, вели въ комору кошевого отамана съ такою порядочною честью: они за волосы тянули, а они по бокамъ кулачьемъ и пинками били и такъ едва живыхъ до того мѣста довели и не оставили одного ребра, чтобъ которое помято не было. И вошедъ онъ, Кошевой, съ помянутою старшиною въ свою комору, заперся и никого болѣе не пустилъ, и такъ до самаго вечера, пребывая тамъ, отдыхали.

Сія-жъ предрѣченная чернь разошлась по куренямъ и за городокъ по дворамъ и на счетъ вновь выбраннаго судьи брали изъ одного шинка

вино котлами, коновками, ведрами и горшками, коего разобрано на немалыя деньги, и такъ веселились чрезъ всю ночь, чиня между собою согласно, чтобъ и завтрашній день выбранную 1-го дня генваря старшину лишить, а другую избрать и нѣкоторый бунтъ учинить, о коемъ ниже сего послѣдуетъ.

Генваря 2-го числа поутру рано рѣченная чернь, будучи внѣ городка, чинили выборъ въ пушкари при пушкарской коморѣ, гдѣ и стояли прибывшіе турки и татары, съ превеликимъ-же крикомъ и дракою, однако по несогласію никого выбрать не могли, а во весь день находились въ пьянствѣ и бродили какъ-бы безумные; прочіе-же постоянные и зажиточные люди, кои въ Сѣчь для смотрѣнія пріѣзжали, разъѣхались въ свои зимовики.

Въ самой скорости по отслуженіи вечерни вся та чернь, взявъ изъ церкви литавры (кои для того положены были, дабы своевольники бьючи тревоги не учинили) вмѣсто палокъ полѣньемъ били сборъ, къ чему всѣ тѣ голые собравшись и поймавъ одного бывшаго предъ нѣкоторымъ временемъ судью Ивана Водолагу въ судьи-же, а въ эсаулы одного пьянаго козака, не имущаго на себѣ одежды. И въ самый тотъ шумъ выбранные въ первый день генваря писарь Миргородскій, который и до сего писаремъ-же былъ, судья Богацько, эсаулъ Давыдъ сошлись къ Кошевому въ комору и сидѣли запершись, будучи въ превеликомъ страхѣ, дабы убиты не были. Однако отъ тѣхъ выборщиковъ немалая часть, прибѣжавъ къ Кошевому, просили, дабы онъ неотмѣнно на ихъ раду шелъ, который по необходимости и крайне опечалився, взявъ по ихъ обычаю войсковую печать и церемоніальную трость, а таковую-жъ и судьѣ давъ, пошли на раду. И какъ онъ Кошевой съ судьею и эсауломъ къ церкви выступили, тогда тѣ всѣ сиромахи, бросившись къ нему, возвратили въ его покои съ такою-же честью, какъ выше упомянуто, говоря при томъ, что ты нашъ батько и будь паномъ на здоровье и до тебе ведемъ вновь выбранныхъ судью и эсаула, о коихъ уже выше упоминается, и такъ оные, пришедши въ покои заперлись, а у прежняго судьи Богацько трость, а у эсаула обыкновенную палку отнявъ, прогнали.

Оные-жъ сиромахи или чернь, какъ имѣли до сего согласіе и потому при семъ случаѣ намѣрены были свои мѣры самымъ дѣйствіемъ показать, чтобъ живущихъ за городкомъ ихъ-же запорожскихъ козаковъ, всѣми потребностями торгующихъ, тако-жъ котляровъ, кузнецовъ, пушкарей, шинкарей, тожъ великороссійскихъ и малороссійскихъ людей, грековъ и армянъ, для торгу здѣсь пребывающихъ, разбить и разогнать, а лавки отбивъ, всѣ лежащіе деньги и товары растащить, а напитки

изъ бочекъ выпустить. И къ тому охотно со всякою скоростью изъ городка начали выбѣгать было, таща съ собою литавры, и въ оные били сборъ, дабы охотниковъ сбиралось; къ чему нѣкоторые два человѣка куренные отаманы тѣхъ спромахъ поощряли, да и сами между ими замѣшались.

Какъ скоро базарные о таковомъ бунтѣ провѣдали, тогда, ради защищенія себя и недопущенія до раззоренія, тотчасъ собрались съ ружьемъ и дубьемъ до четырехъ сотъ человѣкъ и оныхъ бунтовщиковъ, не допуская ихъ до намѣреннаго дѣла, встрѣтили при самой колокольнѣ (которая стоитъ надъ самымъ рвомъ и служитъ за башню) и вонъ изъ городка въ форштатъ не выпустили; а хотя нѣкоторые оттуда и выбѣжали, оныхъ били дубьемъ смертельно, причемъ и изъ оныхъ куренныхъ отамановъ одного били немилосердно. И такъ между ними происходила суетная драка, шибая изъ стороны въ сторону полѣньемъ, а спромахи, видя озорность базарныхъ людей, принуждены были надъ колокольнею ворота запереть, а означенные базарные, опасаясь нападенія, принуждены чрезъ всю ночь не спать и при самыхъ воротахъ и при нужныхъ проходахъ стоять съ дрекольемъ. Кошевой атаманъ въ самое то время съ судьею, писаремъ и эсауломъ, сидя въ своей коморѣ, чрезъ посыланныхъ отъ себя служителей, всячески трудились, дабы куренные отаманы, всякій своего куреня, старались спромахъ отъ такого бунта отвратить, а сами для того изъ коморы выйти опасались; почему нѣкоторые старые и умные отаманы, слушаясь того повелѣнія, своихъ подчиненныхъ отъ злаго намѣренія битьемъ палками и всякимъ увѣщеваніемъ отвратили.

Въ день 3-го генваря, по отслушаніи божественной литургіи, Кошевой отаманъ Акимъ Игнатовичъ учинилъ куреннымъ отаманамъ сходку и о вчерашнемъ зломъ спромаховомъ предпріятіи имъ отаманамъ напоминалъ и увѣщевалъ, дабы своевольниковъ унимали и таковыхъ въ куреняхъ отнюдь не держали, упоминая при томъ, что таковое дѣло, чего сначала Запорожья не бывало, какъ въ началѣ Всевышнему, такъ и ея императорскому величеству и высокому генералитету и всему государству великая противность и предосужденіе войску запорожскому.

А при той сходкѣ, по единогласному совѣту, положили быть судьѣ прежде выбранному Богацькѣ, эсаулу Петру Давыду, а прочимъ нижнимъ чинамъ всѣмъ быть прежнимъ, кои до сего были.

По скончаніи того разошлись всѣ по своимъ куренямъ и такъ, по благодати Божеской, тотъ день прошелъ безъ всякаго мятежа и пьяныхъ рѣдко было, понеже Кошевой отаманъ во всѣхъ шинкахъ винную продажу запретилъ.

Выше мы высказали предположеніе, что въ составленіи этого описанія Никифорову помогалъ, а можетъ быть и самое описаніе состряпалъ, войсковый писарь Петръ Чернявскій, который видно больше другихъ сблизился съ Никифоровымъ. На эту мысль навела насъ найденная нами въ разнообразныхъ бумагахъ обширная секретная записка Чернявскаго на высочайшее имя, которую онъ въ октябрѣ 1749 г. изготовилъ и препроводилъ къ генералъ-губернатору вѣроятно черезъ того-же секундъ-маіора Никифорова. Въ ней Чернявскій главнымъ образомъ распространяется на ту же тему о преимуществахъ „безперемѣннаго Кошеваго атамана" и въ этомъ одномъ видитъ спасеніе отъ всѣхъ происходящихъ непорядковъ и хотя не думаетъ, какъ Никифоровъ, что предлагаемое уничтоженіе выборнаго начала „безъ всякаго отъ козаковъ препятствія легко учинить возможно", но тѣмъ не менѣе увѣряетъ, что такой перемѣны желаютъ будто-бы *старшки*, которые якобы поручали ему уже въ такомъ смыслѣ и прошеніе написать, а судья „въ знакъ закрѣпы того прошенія" и войсковую печать было отдалъ ему, но убоялись безъ особой высочайшей грамоты сдѣлать это,—„многаго страха ради отъ того подлого народа, что можетъ всимъ тимъ, кои будутъ въ томъ совѣтѣ, послѣдовать смертное убивство и великое и всенародное смятеніе". Вотъ тотъ пунктъ записки, въ которомъ Чернявскій изображаетъ обычный порядокъ выборовъ весьма сходно съ описаніемъ Никифорова.

«Въ Запорожской Сѣчи при войсковомъ Кошу, во время выбору въ Кошовые и въ протчую старшину, соберутся изо всѣхъ мѣстъ и изъ степей запорожскихъ и изъ куреней множество народу. Изъ нихъ хотя сойдутся по старымъ своимъ обычаямъ и добрые во заслугахъ козаки, но только по большой части подлой народъ въ радѣ войсковой находится, и кто таковымъ подлому народу, по ихъ надобности, имъ чинить волю и въ разбояхъ и воровствахъ и въ протчихъ самовольствахъ позволеніе, объ оныхъ собрався съ таковыми непостоянными людьми усилно, не слушая заслуженныхъ и добрыхъ козаковъ, къ тому выбору голосу съ великимъ крикомъ и въ безмѣрномъ пьянствѣ взявъ, кто имъ по ихъ прихотямъ надобенъ, ведутъ къ постановленію въ старшины, а тѣхъ добрыхъ и заслуженныхъ козаковъ, напавъ на ихъ и на приведенныхъ ими въ Кошевые и въ протчую старшину добросовѣстныхъ людей, чтобъ имъ таковые не чинили въ воровствѣ и въ разбоѣ препятствія, которое злодѣйство отъ онаго подлаго народу при такомъ-же

выбираніи въ радѣ и оказалось въ прошломъ 1739 г. (выбраннаго въ Кошевые отамана Якова Тукала убили до смерти), почему и въ нынѣшнихъ временахъ о такихъ достойныхъ выбираемыхъ въ Кошевые и протчую старшину съ великою дракой перемога всячески отъ тѣхъ добросовѣстныхъ козаковъ постановленіе бываетъ, но точію болѣе по ихъ подлого народа упорству чинится хотѣнію; и притомъ выборѣ великія страженія курень съ куренемъ имѣютъ, а паче тѣ злодѣи, согласясь для своего въ воровствѣ угодія между собой, и тѣхъ добросовѣстныхъ козаковъ, кои хотятъ выбирать достойныхъ въ старшину, нѣсколько до смерти убиваютъ, а кои, хотя и не до смерти убиты, но и тѣ отъ такихъ побоевъ лежавъ нѣсколько времени, помираютъ-же; и при тихъ частыхъ выборахъ народу весьма множество отъ того пропадаетъ, а знатные и заслуженные старики отъ того выбору не тако уже, како въ древнія времена бывало, что при такихъ выборахъ они въ первенствѣ находилися, но и убѣжавъ въ незнакомыя мѣста или запершись въ то время въ коморы, гдѣ-бъ ихъ и сыскать не могли, страха ради въ такомъ смертномъ убивствѣ и мятежѣ, убѣгаютъ. Въ прошломъ 1749 г. при выборѣ въ Кошевые атаманы и въ протчую старшину великое и богомерзкое учинили смятеніе такимъ случаемъ: какъ оніе подлой и подозрительной народъ не могъ упрямствомъ своимъ усилство учинить, что не по ихъ хотѣнію постановили въ Кошевые и въ протчую старшину, которая старшина по выборѣ того-жъ числа въ надлежащія свои въ здѣланныхъ въ церквѣ Божіей особливыхъ для старшинъ мѣстахъ во время службы Божіей въ вечернемъ пѣніи установились, въ то время тотъ подлой и подозрительный народъ, забывъ страхъ Божій, съ превеликимъ крикомъ гикнули и, ворвався въ ту церкомъ Божію, вытащивъ изъ мѣста за волосы новую старшину, кричавъ скверніа слова, учали бить и драть немилостиво и между собой въ той церкви въ кровь передралися и перебилися едва не до смерти и учинили то, что желали, по своему хотѣнію, чего ради принужденъ былъ служащій въ то время священникъ остановить и службу Божію, отъ котораго мятежа и кровопролитія, даже пока оная освятилась, была нѣсколько времени безъ службы Божіей».

Представляя свою записку, Чернявскій проситъ, чтобы какъ записка, такъ и его имя сохранены были въ величайшемъ секретѣ, дабы запорожцы, узнавъ объ этомъ, „не предали его и прочихъ старшинъ смертному убивству, если-жъ удержать секретъ невозможно, то повелѣно было-бы его, Чернявскаго, по особливому указу, яко-бы для знатнаго секрету, въ Кіевъ или другое мѣсто взять“.

Это обстоятельство, а равно и цѣлый рядъ писемъ Чернявскаго къ подполковнику Алексѣю Глѣбову, которыя находятся въ разсмотрѣнномъ мною „дѣлѣ“ и въ которыхъ Чернявскій, трепеща за свою судьбу, старается что-либо знать о судьбѣ записки, обличаютъ лживость его увѣреній, будто сама старшина добивалась проэктированныхъ имъ перемѣнъ и невольно подрываютъ довѣріе къ вѣрности нарисованной Никифоровымъ и Чернявскимъ картины выборовъ въ Запорожьѣ. Въ подтвержденіе этого можно указать на тотъ фактъ, что когда генералъ-губернаторъ Леонтьевъ, внявъ донесеніямъ Никифорова и Чернявскаго и возбужденный начерченными ими картинами запорожскихъ безобразій, вновь представилъ правительствующему сенату объ учрежденіи въ Запорожьѣ войсковой старшины по назначенію, то получилъ слѣдующій отвѣтъ въ сенатскомъ указѣ 29 мая 1749 года: „понеже такой порядокъ учредитъ правительствующій сенатъ, по извѣстному ихъ запорожцевъ непостоянному нраву и противъ ихъ древняго обыкновенія, весьма за невозможное и съ высочайшими ея императорскаго величества интересами не сходное быть признаваетъ, и для того-бъ нынѣ оного не чинить и впредь о томъ въ правительствующій сенатъ не писать и тѣмъ напрасно не утруждать“.

Не угомонились и послѣ этого ни Леонтьевъ, ни Чернявскій, добиваясь отмѣны самоуправленія Запорожья и рисуя оное самыми черными красками. Первый пустилъ въ ходъ извѣстную уже записку Чернявскаго, приложивъ къ ней опять свое мнѣніе, мало чѣмъ отличавшееся отъ прежнихъ, а послѣдній вновь составилъ на высочайшее-же имя и отправилъ къ Леонтьеву столь-же обширную записку, въ которой оставилъ намъ слѣдующую краткую замѣтку о происшедшихъ въ 1750 году запорожскихъ выборахъ:

«Сего 1750 г. генваря въ 1-й день въ Сѣчи Запорожской при войсковомъ Кошу былъ въ кошевые и въ протчую старшину выборъ, и тогда, съѣхавшись со степовъ, подлой и злодѣйственной народъ бывшого кошевого отамана Якима Малого, съ ранґу отставивъ, въ смерть убить намѣревали за то, что онъ Малый, по высочайшимъ ея императорскаго величества указамъ, за чинимыя ими предерзости безъ упущенія штрафовалъ, и егда бы добрые козаки не оборонили, то-бъ всеконечно отъ нихъ, злодѣйственнаго и безсовѣстнаго народа, убитъ былъ. На мѣсто-же его Кошевымъ (хотя и не лежало) Василій Сычъ опредѣленъ».

Не смотря однако на всѣ эти страхи и ужасы, которые такъ краснорѣчиво изображали секундъ-маіоръ Никифоровъ и первый изъ „людей“ запорожской старшины, Чернявскій, первый послѣ кошеваго и судьи, „во всенижайшей рабской покорности“ секретно сочинявшій записки объ уничтоженіи выборнаго начала въ войскѣ запорожскомъ, обычные выборы сохранялись тамъ до самаго уничтоженія Сѣчи, и кошевые атаманы выбирались безъ всякаго смертоубійства. Уже одинъ тотъ фактъ, что въ послѣдніе 10 лѣтъ существованія Сѣчи, въ тяжелые годы борьбы за свое существованіе, постоянно выбирался тѣми-же „презѣльными пьяницами“, какими представлялись русскимъ офицерамъ всѣ запорожцы, все одинъ и тотъ-же Кошевой Петръ Калнишевскій, уже этотъ одинъ фактъ доказываетъ, что, не смотря на видимую безпорядочность выборовъ, сознаніе собственныхъ дѣйствительныхъ „пользъ и нуждъ“ далеко не было чуждо всей той массѣ „сиромахъ“, которая, составляя „славетное войско запорожское низовое“, распоряжалось выборами своихъ представителей.

Ал. Андр—скій.

Неизвѣстный доселѣ гетманъ и его приказъ.

Въ исторіи днѣпровскаго козачества ясныя и связныя историческія данныя начинаются лишь съ половины XVII столѣтія. Продолжительная борьба, возникшая при Богданѣ Хмельницкомъ, и крупный переворотъ въ исторіи южно-русскаго края, бывшій ея результатомъ, вызвали многочисленные историческіе труды современниковъ, посвященные описанію самой борьбы и ея послѣдствій; кромѣ польскихъ и иностранныхъ писателей, появился цѣлый циклъ мѣстныхъ лѣтописцевъ, которые составляли повѣтствованія о войнахъ Богдана Хмельницкаго и затѣмъ передавали свой трудъ преемникамъ, дополнявшимъ мѣстное лѣтописаніе дальнѣйшими свѣдѣніями о исторіи козачества во второй половинѣ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ. Но о времени, предшествовавшемъ Богдану Хмельницкому, т. е. объ исторіи козачества за все XVI и первую половину XVII столѣтія, мѣстные лѣтописцы имѣли лишь самыя неточныя и общія свѣдѣнія, дошедшія до нихъ путемъ изустнаго преданія. У польскихъ писателей XVI столѣтія свѣдѣнія эти встрѣчались только въ видѣ крайне отрывочныхъ, случайныхъ и очень часто сбивчивыхъ извѣстій, отмѣчавшихъ лишь болѣе крупные факты на значительномъ разстояніи времени другъ отъ друга. Такимъ образомъ точныхъ данныхъ объ исторіи козачества до времени Богдана Хмельницкаго не существовало до послѣдняго времени, когда многочисленныя изданія документовъ и другихъ историческихъ памятниковъ дозволили, хотя въ нѣкоторой степени, уяснить подробности исторіи козачества въ указанное время. Недостатокъ историческихъ свѣдѣній отразился въ трудахъ первыхъ составителей исторіи козачества: они или наполняли свои сочиненія свѣдѣніями ясно вымышленными, подобно составителю „Исторіи Руссовъ“, или-же, желая изгладить многочисленные пробѣлы, вносили въ нихъ, подобно Бантышу-Каменскому

и Маркевичу, разсказы къ исторіи козачества не относящіеся и гипотезы не всегда удачныя. Впрочемъ отсутствіе точныхъ свѣдѣній отразилось на сочиненіяхъ названныхъ писателей не только скудостью фактическихъ данныхъ, но и невѣрнымъ представленіемъ о бытѣ козачества въ періодъ времени до половины XVII столѣтія: совершенно невольно писатели эти предполагали, что весь строй козачества, хорошо извѣстный имъ послѣ Богдана Хмельницкаго, былъ точно также развитъ и до него; они представляли себѣ гетмана, генеральную и полковую старшину, козацкія полки и сотни въ началѣ XVI столѣтія въ такомъ-же видѣ и съ такимъ-же устройствомъ, какими знали ихъ въ XVIII столѣтіи; вся трудность, по ихъ мнѣнію, состояла лишь въ томъ, что нельзя было указать послѣдовательнаго ряда гетмановъ и окружавшихъ ихъ старшинъ, и писатели эти направили всѣ усилія для того, чтобы составить такой рядъ для всего времени первоначальнаго существованія козачества за полтора столѣтія. Пользуясь неясными и неточными намеками польскихъ писателей, они приписывали званіе козацкаго гетмана всякому лицу, о которомъ нашли свѣдѣнія, что оно предводительствовало какимъ-либо козацкимъ отрядомъ, или даже любымъ ополченіемъ, ошибочно названнымъ козацкимъ; такимъ образомъ составился для XVI столѣтія рядъ мнимыхъ козацкихъ гетмановъ, въ число которыхъ были записаны и старосты украинные: Дашкевичъ, Лянцкоронскій, Вишневецкіе и т. д., и предводители шляхетской вольницы, какъ Сверчовскій, и политическіе иноземные авантюристы, какъ Подкова, и наконецъ лица никогда не существовавшія, какъ прославленный Ѳедоръ Богданъ. Въ исходѣ XVI столѣтія историческія свѣдѣнія нѣсколько становятся яснѣе: съ началомъ козацкихъ реакцій противъ Польши, крупныя козацкія возстанія, а также участіе козаковъ въ крупныхъ военныхъ столкновеніяхъ польскаго государства отмѣчены довольно подробно у польскихъ историческихъ писателей, хотя все таки между отдѣльными событіями остаются довольно значительные промежутки, которые историки Малороссіи пытались замаскировать всевозможными натяжками.

Для примѣра укажемъ время съ 1596 года, когда усмирено было козацкое возстаніе Наливайка, по 1618 г., когда польское правительство признало козацкимъ гетманомъ Петра Сагайдачнаго. Исторія Руссовъ, разсказавъ смерть Наливайка въ 1597 году, ут-

верждаетъ, что уже въ 1598 выбранъ былъ въ гетманы генеральный обозный (sic) Петръ Конашевичъ, которому польская партія противупоставила будто своего кандидата „сотника Дамьяна Кушку", но такъ какъ о дѣяніяхъ ни Конашевича, ни Кушки у автора не было подробныхъ свѣдѣній, то онъ наполняетъ указанный промежутокъ времени очень краснорѣчивымъ разсказомъ о насильственномъ введеніи уніи, о притѣсненіяхъ вообще южно-руссовъ поляками, о переходѣ въ католичество южно-русскихъ дворянъ, которыхъ онъ представляетъ себѣ чиновною козацкою старшиною, убоявшеюся лишенія „мѣстъ своихъ и ранговыхъ имѣній" и, наконецъ, разсказомъ о первомъ самозванцѣ. Маркевичъ и Бантышъ-Каменскій слѣдуютъ въ описаніи даннаго времени по пути проложенному авторомъ Исторіи Руссовъ и наполняютъ данный промежутокъ времени длинными цитатами изъ его книги; Бантышъ-Каменскій вноситъ только двѣ незначительныя поправки: начало гетманства Сагайдачнаго онъ относитъ къ 1605 году и имя Кушки поправляетъ въ Костку, при чемъ называетъ его не гетманомъ, а Кошевымъ запорожскимъ.

Между тѣмъ, если мы соберемъ данныя изъ изданныхъ понынѣ документальныхъ источниковъ, то получимъ возможность въ значительной мѣрѣ восполнить факты, относящіеся къ указанному промежутку времени. Послѣ казни Наливайка реестровые козаки оставались въ пользованіи прежнихъ своихъ войсковыхъ правъ: они выбирали начальниковъ, въ томъ числѣ и гетмана (котораго польское правительство называло „старшимъ войска запорожскаго"), имѣли свой судъ, свое управленіе, призывались въ военные походы, оберегали границу отъ татарскихъ набѣговъ, оказывали поддержку православной церкви въ борьбѣ ея съ уніею и т. д. Гетмановъ козацкихъ въ указанное время мы всѣхъ не знаемъ, такъ какъ они мѣнялись весьма часто и вѣроятно выбирались только на годичный срокъ; но восемь именъ можемъ назвать, основываясь на источникахъ, не подлежащихъ сомнѣнію.

Въ 1596 году, послѣ сдачи Наливайка, старшимъ войска запорожскаго признанъ былъ *Христофоръ Нечковскій*, которому въ томъ-же году правительство поручило охраненіе границъ отъ татарскаго набѣга [1]).

---

[1]) Listy Stanisława Żołkiewskiego (1584—1620). Краковъ, 1868, стр. 82.

Въ 1597—1598 году старшимъ былъ *Тихонъ Байбуза*, вполнѣ преданный польскому правительству и вызвавшій своимъ поведеніемъ реакцію въ Запорожьи; изъ переписки его съ гетманомъ Жолкевскимъ мы видимъ, что многіе козаки, недовольные его управленіемъ, бѣжали въ Запорожье, выбрали старшимъ бывшаго участника возстанія Наливайка—*Полоуса*, разбили отрядъ, посланный противъ нихъ Байбузою подъ предводительствомъ асаула *Скалозуба*, и овладѣли войсковою казною и флотиліею [1]).

Въ 1600—1602 годахъ старшимъ войска запорожскаго былъ *Самуилъ Кошка*, имя котораго уцѣлѣло въ народной памяти, благодаря прекрасной народной думѣ, въ которой имя Кошки связано съ разсказомъ объ освобожденіи невольниковъ изъ турецкаго плѣна. Въ 1600 году козаки подъ предводительствомъ Кошки участвовали въ походѣ поляковъ на Молдавію, затѣмъ въ 1601—1602 годахъ ходили по призыву польскаго правительства воевать со шведами; во время этого похода козаки, не получая жалованья и продовольствія отъ правительства, сильно страдали отъ голода и недостатка, вслѣдствіе чего принуждены были насильно сбирать провіянтъ въ Бѣлой Руси, пришли въ столкновеніе съ жителями Витебска и разграбили этотъ городъ. Въ началѣ 1602 года Самуилъ Кошка убитъ былъ въ сраженіи со шведами и тѣло его препровождено для погребенія въ Кіевъ. Изъ переписки этого гетмана съ польскимъ гетманомъ Жолкевскимъ, мы знаемъ, что козаки до выступленія своего въ походъ потребовали предварительно гарантію своихъ вольностей, обезпеченныхъ имъ привиллегіею короля Баторія: права судиться исключительно своимъ судомъ, неприкосновенности козацкой поземельной собственности и т. п. [2]).

Преемникомъ Кошки въ 1602 году былъ *Гаврило Крутневичъ*, или *Кортневичъ*, бывшій въ 1600 году Кошевымъ въ Запорожьи и предводительствовавшій козаками въ той-же шведской кампаніи [3]). Но въ походѣ того-же года его смѣнилъ *Иванъ Куцковичъ*, который, не находя возможности удержать дисциплину среди козаковъ, не

---

[1]) Ibidem. стр. 86—90.

[2]) Ibidem. стр. 107—110, 114—117. Боркулабовская хроника въ «Матеріалахъ, изданныхъ Кулишемъ, стр. 75—76.

[3]) Ibidem., стр. 117; Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, стр. 318—319.

получавшихъ жалованья и вслѣдствіе этого причинявшихъ насилія жителямъ Бѣлой Руси, сложилъ съ себя гетманство въ г. Могилевѣ въ половинѣ 1603 года. Мѣсто его занялъ *Иванъ Косый*, подъ предводительствомъ котораго козаки возвратились наконецъ въ Украйну [1]).

Въ 1606 году козацкимъ гетманомъ былъ *Григорій Изиновичъ*, универсалъ котораго, предостерегавшій жителей юго-западной Руси о предстоящемъ вторженіи татаръ, дошелъ до насъ [2]).

Наконецъ въ 1610 году извѣстенъ намъ козацкій гетманъ *Григорій Тискиневичъ*, оказывавшій весьма энергическую поддержку православному духовенству въ борьбѣ его съ уніатами, разразившейся по поводу занятія уніатскимъ оффиціаломъ Грековичемъ соборной церкви св. Софіи въ Кіевѣ [3]).

Къ этому далеко неполному списку козацкихъ предводителей въ промежутокъ времени съ 1596—1618 годъ, мы можемъ прибавить еще одно имя—*Дмитрія Богдановича Барабаша*, бывшаго козацкимъ гетманомъ въ 1617 году, какъ это явствуетъ изъ приложеннаго документа [4]). Имя этого гетмана связано и съ послѣдующею исторіею козачества: извѣстный современникъ и соперникъ Хмельницкаго Иванъ Барабашъ, былъ сыномъ Димитрія Барабаша; на книгахъ пожертвованныхъ имъ въ черкасскую рождественскую церковь онъ подписался „Иванъ Дмитріевичъ Барабашъ“ [5]).

Изъ самаго акта мы можемъ извлечь одну бытовую подробность для исторіи козачества въ данное время. Это положительное указаніе на существованіе самостоятельнаго и независимаго козацкаго суда, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ гетмана изъ коллегіи, названной въ документѣ „радою гетманскою зуполною“.

В. Антоновичъ.

---

[1]) Ibidem. стр. 118—121; Боркулабовская хроника, стр. 80—81.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. I, стр. 152—153.

[3]) Акты южной и западной Россіи, томъ II, стр. 66—67.

[4]) Документъ этотъ сообщенъ намъ обязательно И. В. Лучицкимъ, открывшимъ его копію, писанную почеркомъ конца XVII столѣтія въ числѣ документовъ, приложенныхъ къ Румянцевской описи Малороссіи (переяславская сотня—приложенія № 55).

[5]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, стр. 402.

Приказъ козацкаго гетмана Дмитрія Богдановича Барабаша переяславской козацкой старшинѣ о томъ, чтобы она озаботилась о возвращеніи козаку переяславскому Гаврилу Колушкевичу участка земли, отнятаго у него безправно переяславскими козаками Саченками. 1617 г., марта 7-го.

Дмитръ Богдановичъ Барабашъ, гетманъ, зо всѣмъ рицерствомъ войска его королевское милости запорожского.

Старшему на тотъ часъ надъ товариствомъ у переясловскихъ товаришовъ, такъ на тотъ часъ, яко и на потомніе часы будучему, зичимъ вашмосцемъ отъ пана Бога зо всѣмъ товариствомъ своимъ доброго здоровя, зе всими радостними помыслными потехами въ незамероные лѣта, яко самъ собе.

Приходилъ до *рады нашое зуполное* товаришъ нашъ козакъ войска запорожского Гаврило, обиватель переясловскій, перекладаючи передъ нами жаль свою на Сачченки, суседовъ своихъ, которые ему въ кгрунтахъ отцовщини его безправне, такъ въ сеножатехъ, яко и засеянемъ пашнѣ на нивахъ власное отцовщини его кривди и утиски безправне чинять и тихъ грунтовъ не будучи посессорами и ни жадними дедичами, нетъ ведома за якимъ правомъ, оного Гаврила, товариша нашего, оттерши отъ кгрунту, отцовщини его уживають. Якожъ зрозумѣли есмо зъ декрету отъ него намъ поданного, же се то ему въ такомъ обеляженю великая кривда дѣеть, зрозумѣли есмо; прото срокго а сурове росказуемо, подъ ласкою нашею войсковою и подъ срокгимъ каранемъ войсковимъ, убитку товаришевѣ нашему, тому Гавриловѣ такового обеляженя, кривды и утисковъ тимъ Сачченкамъ въ кгрунтахъ его чинить надъ тое писане наше не допущать рачили. А што пашни свое власное посеяли на нивахъ кгрунту его, аби ему десетину давши, большей уживать тихъ нивъ не важилися, яко и сеножатей косить, ихъ на пожитокъ свой оборочать не хотели, але и овшемъ, яко кгрунтъ отцовизний его власное, къ нему обернувши, потреби жадное не мели и моци жадное вечними часи не денжали, жеби се тежъ тотъ товаришъ нашъ Гаврило Колушкевичъ зъ жалемъ до насъ не приходилъ и намъ всему войску трудности не задавалъ. Писанъ у Черкасовѣ року 1617, Марта 7 дня. (М. П.).

Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго.

Подъ именемъ „бумагъ Котляревскаго“, въ отдѣленіи рукописей петербургской публичной библіотеки, хранится связка изъ пяти тетрадей, принесенная въ даръ А. В. Терещенкомъ въ 1858 году. Перечень этихъ бумагъ сдѣланъ былъ въ біографической замѣткѣ о Котляревскомъ, составленной при содѣйствіи того-же Терещенка и напечатанной въ 1861 г., въ „Основѣ“. Тамъ упоминались: „Журналъ военныхъ дѣйствій 2-го корпуса противъ турокъ“ 1806 г., веденный Котляревскимъ, въ бытность его адъютантомъ начальника корпуса, графа Мейендорфа, переводъ обширнаго богословскаго сочиненія, черновыя рукописи, переписка и документы. Просматривая въ нынѣшнемъ году эти бумаги, до сихъ поръ оставлявшіяся почему-то безъ вниманія біографами Котляревскаго, я нашелъ только рукописи, относящіяся къ двумъ послѣднимъ рубрикамъ: письма и документы. Куда дѣвались „Журналъ военныхъ дѣйствій“, черновыя „Энеиды“ и „Наталки“, заключавшія любопытныя варіанты, и богословскій трудъ—неизвѣстно. Свидѣтельствомъ ихъ пребыванія въ библіотекѣ осталась только записка Терещенка, гдѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Котляревскій оставилъ послѣ своей смерти многія рукописи, которыя неизвѣстно гдѣ и по чьимъ рукамъ ходятъ и которыя до сихъ поръ кроются... Неожиданность привела меня въ Полтаву, гдѣ я постарался отъискать мѣсто его жилища, потомъ посѣтилъ его могилу и затѣмъ розъискивалъ, нѣтъ-ли у кого его рукописей. Такія рукописи оказались въ семьѣ одного изъ друзей Котляревскаго, г. Стеблина-Каминскаго, который и передалъ ихъ мнѣ“. Утраченный „Военный журналъ“ обнималъ время съ 15 ноября по 16 декабря 1806 г., а богословскій трудъ былъ переводомъ сочиненія Дюкеня „L'Evangile medité distribué pour tous les jours de l'année, suirant la concorde des quatres evangelistes“. Переводъ носилъ названіе „Размышленія о расположеніи,

съ какимъ должно приступать къ чтенію и размышленію о св. писаніи" и распадался на восемь частей и 359 разсужденій. По словамъ Терещенка, изъ замѣтки сочинителя, обозначенной на краяхъ бумаги, видно было, что началъ онъ писать въ октябрѣ 1823 г. и кончилъ 17 іюля 1838 г., незадолго до кончины. „Твореніе это исполнено благоговѣйныхъ мыслей, простотою и ясностью изложенія и духомъ смиренія и упованія на будущую жизнь". Такъ, въ концѣ 359 размышленія, говорится: *живый и умирающій въ церкви вами основанной* (св. апостолами) *я сообщаюсь съ вами для полученія воздаянія, которое вы научили насъ испрашивать и надѣяться...* Не имѣя прямаго литературнаго значенія, этотъ послѣдній трудъ писателя являлся свидѣтелемъ глубоко-религіознаго настроенія, охватившаго его въ послѣдніе годы жизни. Это явленіе любопытно по общности его многимъ изъ крупнѣйшихъ малорусскихъ художниковъ: таковы были послѣдніе годы Квитки, славнаго живописца В. Л. Боровиковскаго, Гоголя... Нельзя не пожалѣть объ утратѣ этой рукописи. Въ собраніи писемъ, собственныхъ рукописей Котляревскаго конечно нѣтъ, кромѣ двухъ черновыхъ записокъ дѣловаго характера. Но есть письма къ нему другихъ лицъ, рисующія ту интересную эпоху и иллюстрирующія житейскія и литературныя отношенія поэта.

Въ порядкѣ годовъ идутъ сначала два письма втораго малороссійскаго генералъ-губернатора, князя Лобанова-Ростовскаго, весьма благосклоннаго къ полтавскому поэту за его остроуміе и веселость. Въ домѣ Лобанова, отличавшагося художественными наклонностями, Котляревскій былъ своимъ человѣкомъ и душею устраивавшихся часто домашнихъ спектаклей. По порученію князя, Котляревскій принималъ участіе въ формированіи малороссійскихъ „козачьихъ полковъ" въ эпоху отечественной войны. Первое письмо и относится къ одному изъ эпизодовъ этой импровизированной мобилизаціи; второе—офиціальное „отношеніе".

I.

Черниговъ, 4 сентября, 1812 г.

Кто лучше васъ знаетъ основаніе, на коемъ формируются козачьи полки, слѣдственно и сами вѣдать можете, что нѣтъ у меня власти *не бывшаго* ни въ милиціонной службѣ принимать въ офицерское званіе, а вы, не объясняя то об-

стоятельство найлучшему моему пріятелю, уложили въ повозку вручителя сего, какъ будто на то, чтобъ мѣсто одного недовольнаго сдѣлать двухъ, а самому, какъ за пустое дѣло, добиться *гонки;* далъ-бы доброй, естлибъ досугъ былъ и не усталъ отъ практики, въ коей содержутъ меня и безъ васъ. Прощайте, не дурите впредь и будьте всегда благополучны. *Князь Лобановъ-Ростовскій.*

На оборотѣ письма, рукою князя написано: „Похвальный листъ".

II.

Господину капитану и кавалеру Котляревскому.

Отправляясь до мѣста Высочайшаго Его Императорскаго Величества пребыванія, имѣете вы, по прибытіи въ Дрезденъ, взять отъ толь подлежащее пути вашему направленіе и потомъ, явись къ его сіятельству графу Алексѣю Александровичу Аракчееву, съ пріобщаемымъ къ нему пакетомъ, донесть, что ожидать будете приказаній его особы о порученномъ вамъ на Высочайшее имя донесеніи; когда-жъ послѣдуетъ отправленіе, надлежитъ вамъ предпринять немедленно обратный путь.

Малороссійскій генералъ-губернаторъ *князь Лобановъ-Ростовскій.*

Полтава, 1 мая 1813 г.

Письмо князя Н. П. Репнина, смѣнившаго Лобанова и еще болѣе расположеннаго къ Котляревскому, касается дѣла, которому поэтъ посвятилъ свои лучшія силы,—театра. Большой любитель сцены и самъ хорошій комическій актеръ, Котляревскій былъ директоромъ и режиссеромъ труппы, приглашенной княземъ Репнинымъ въ Полтаву и ранѣе сформированной антрепренеромъ Штейномъ. На сценѣ „полтавскаго вольнаго театра" впервые въ 1819 году шла „Наталка-Полтавка". Приходится опять сѣтовать на наше центральное книгохранилище. Въ публичной библіотекѣ не оказалось афишъ вольнаго полтавскаго театра и надо отказаться отъ заманчивой мысли возстановить первую афишу „Наталки". Можетъ быть такихъ афишъ въ „вольномъ театрѣ" не было вовсе? Пьеса дана была безъ цензуры, по личному разрѣшенію кн. Репнина. Извѣстно, что въ ней игралъ Щепкинъ, который, чрезъ нѣсколько лѣтъ, хотѣлъ поставить ее въ Харьковѣ, въ свой бенефисъ. Въ своей „Украинской Старинѣ" г. Данилевскій передаетъ интересный разсказъ харьковскихъ старожиловъ о томъ, какъ устроился этотъ спектакль: „Квитка сказалъ Щепкину: назначьте какую нибудь старинную пьесу и, передъ самымъ днемъ бенефиса, сошлитесь на нездоровье какого нибудь актера и просите офиціально дать, за поспѣшностью,

„Наталку-Полтавку“, пьесу уже разрѣшенную для Полтавы. Такъ дана была пьеса“... Обычная исторія малорусскихъ спектаклей, повторяющаяся и до нашихъ дней!..

Письмо касается внутреннихъ неурядицъ, царившихъ въ труппѣ, и имѣетъ очевидною цѣлью поддержать за кулисами авторитетъ Котляревскаго.

III.

Милостивый государь Иванъ Петровичъ!

Попеченіе, которое вы имѣли о здѣшнемъ театрѣ, пріобрѣло ему одобренье публики и необходимо нужно для его благоустройства, почему я прошу васъ покорнѣйше продолжать оное и на будущее время, объявляя при томъ именемъ моимъ актерамъ и актрисамъ, что они обязаны совершеннымъ повиновеніемъ и что, въ случаѣ какого-либо противу сего проступка, строго за сіе съ нихъ взыщется, ибо я нисколько не подорожу талантомъ, какимъ-бы то ни было, ежели не соединяется съ нимъ благонравіе и доброе поведеніе.

Примите при семъ случаѣ увѣреніе всегдашней и искренней моей дружбы.

Кн. Репнинъ.

Полтава, 25 мая 1820 г.

Провинціальные театры рѣдко находятъ историковъ. Нѣсколько свѣдѣній о театрѣ Штейна, этой колыбели малорусской драматургіи, находимъ въ „Запискахъ М. С. Щепкина“ и въ статьѣ Квитки „Исторія театра въ Харьковѣ“ [1]). Замѣчательная труппа Штейна появилась въ Харьковѣ около 1814—15 годовъ. Онъ поднялъ театръ въ Харьковѣ и построилъ театральное зданіе въ 1816 г. Около 1816 года въ этой труппѣ появился Щепкинъ, пріѣхавшій изъ Курска. „Мы всѣ, говоритъ Квитка, не видѣвшіе дальше провинціальныхъ театровъ, въ Щепкинѣ начали понимать, что есть и каковъ долженъ быть актеръ“.

Труппу Штейна взялъ къ себѣ въ Полтаву подъ свое покровительство князь Репнинъ. Тогда въ Полтавѣ узнали Щепкина. Доходы въ Полтавѣ, съ добавляемой суммой собственно отъ князя Репнина, не могли удовлетворить всѣмъ требованіямъ по театру. Какъ ни желалъ князь имѣть постоянно труппу при себѣ, но не было возможности. На полную труппу съ балетомъ требовались

---

[1]) «Литературная газета», 1841 г., № 15.

десятки тысячъ. Поэтому, на крещенскую и успенскую ярмарки, труппа переѣзжала въ Харьковъ. Щепкинъ, новый репертуаръ изъ комедій и оперъ, порядокъ, устройство—все привлекало публику; за ярмарку зарабатывали тысячъ 15. Штейнъ взялъ потомъ опять всю труппу на свое содержаніе. Въ Харьковъ пріѣзжалъ онъ къ успенской ярмаркѣ и потомъ, если публика поддерживала его абонировкою, оставался до поста. Онъ тратилъ все на улучшеніе и оставилъ послѣ смерти долги.

М. С. Щепкинъ, въ своихъ неоконченныхъ „Запискахъ", сообщаетъ немного о пребываніи своемъ въ Полтавѣ и у Штейна. Съ обычною скромностью, говоря вскользь о себѣ, въ воспоминаніяхъ о томъ времени, онъ останавливается съ любовью на одномъ изъ своихъ товарищей по сценѣ, актерѣ Угаровѣ, оставившемъ по себѣ память самобытнаго и оригинальнаго таланта. „Угаровъ, пишетъ Щепкинъ, былъ существо замѣчательное, талантъ огромный. Добросовѣстно могу сказать, что выше его талантовъ и теперь никого не вижу. Естественность, веселость, живость, при увлекательныхъ средствахъ, поражали васъ и къ сожалѣнію все это было направлено Богъ знаетъ какъ, все игралось на авось. Но если случайно ему удавалось попадать вѣрно на какой-нибудь характеръ, то выше этого, какъ мнѣ кажется, человѣкъ ничего себѣ создать не можетъ. Къ несчастью это было весьма рѣдко, потому что мышленіе было для него дѣломъ постороннимъ; но за всѣмъ тѣмъ онъ увлекалъ публику своей жизнью и веселостью. Какъ въ человѣкѣ, въ немъ все было перемѣшано; въ какомъ-то странномъ безпорядкѣ стояли рядомъ: добродушіе и плутоватость, театръ и карты, охота покутить. Все это было смѣшано до такой степени, что не знаешь, бывало, чему онъ отдавалъ преимущество. Несмотря на всѣ его недостатки, я любилъ его какъ человѣка и уважалъ какъ талантъ".

Изъ этого портрета видно, что Угаровъ былъ представителемъ типа, извѣстнаго въ мірѣ кулисъ подъ именемъ „мочаловскаго",—типа актера, играющаго по вдохновенію, безъ школы, однѣми нервами, подъ вліяніемъ настроенія. Такіе актеры могутъ подыматься необычайно высоко и спускаться ниже самой горькой посредственности. Въ знаменитыхъ статьяхъ о Мочаловѣ, этотъ артистическій типъ блистательно изслѣдованъ Бѣлинскимъ. Талантъ такихъ людей съ болью укладывается въ рамки извѣстной дѣятельности и ихъ

кипучій правъ отличается нерѣдко неуживчивостью и безпорядочностью. Возможно, что цитированное выше письмо Репнина, съ его рѣзкимъ концомъ, относилось къ Угарову, такъ какъ онъ только съ Щепкинымъ были двумя признанными „талантами“ труппы.

Слѣдующія письма переносятъ насъ въ міръ литературныхъ отношеній автора „Энеиды“. Первое изъ нихъ касается переговоровъ о полномъ изданіи этого произведенія, переговоровъ, не приведшихъ ни къ чему, такъ какъ вполнѣ „Энеида“ издана впервые только въ 1842 году, три года спустя послѣ смерти автора. Корреспондентъ Котляревскаго, нѣкій Н. Мельгуновъ, получилъ отъ него, какъ видно, порученіе найдти издателя его труду и письмо свое начинаетъ оправданіями...

IV.

Москва, 1820 г., іюня 12

Милостивый государь Иванъ Петровичъ!

Не знаю, какъ выразить вамъ все замѣшательство, которое я теперь ощущаю; не знаю, какъ оправдать себя въ столь продолжительномъ молчаніи. Скоро совершится годъ, какъ я въ послѣдній разъ имѣлъ удовольствіе быть у васъ въ Полтавѣ и получить лестный для меня подарокъ вашъ — экземпляръ «Энеиды». Съ тѣхъ поръ я нѣсколько разъ освѣдомлялся и справлялся у здѣшнихъ книгопродавцевъ, не пожелаютъ-ли купить «Энеиду» вашу, съ прибавленіемъ двухъ послѣднихъ пѣсней и какую назначатъ за нее цѣну. Но многіе отъ нее вовсе отказывались, говоря, что сія книга мало найдетъ себѣ охотниковъ въ Россіи и что не иначе какъ въ Малороссіи слѣдовало-бы издать ее; другіе давали 800 и 1000 рублей. Изъ числа послѣднихъ Ширяевъ и г. Полевой, издатель «Московскаго Телеграфа», брался напечатать ее на свой счетъ съ тѣмъ, чтобы ему, по выручкѣ, возвращенъ былъ употребленный на то капиталъ съ законными процентами. Многіе брали ее на коммисію, но ни одинъ рѣшительно не согласился дать и половинной цѣны той, какую вы назначили. Увѣряю васъ, что я съ своей стороны прилагалъ всевозможное стараніе къ выгодной для васъ сдѣлкѣ, но все осталось тщетнымъ. Теперь остался одинъ способъ: отнестись къ петербургскимъ книгопродавцамъ съ симъ предложеніемъ; хотя и сей способъ не очень вѣренъ, ибо Сленинъ печатаетъ однѣ *новыя* книги, Смирдинъ взялъ на себя огромныя предпріятія, которыя едва ли рѣшится умножать новыми. Не попытать-ли харьковскихъ книгопродавцевъ? Новое изданіе вашей «Энеиды» ожидаютъ съ жадностью въ Малороссіи; тому я имѣю многія доказательства» ...

V.

Письмо Д. Бантышъ-Каменскаго.

Москва, 1829 г., октября 29.

Милостивый государь Ив. Петровичъ!

Давно слѣдовало-бы мнѣ принести вамъ чувствительную благодарность за сообщенныя любопытныя свѣдѣнія, но разныя досады и хлопоты невольно воспрепятствовали исполнить долгъ сей. Простите великодушно и вѣрьте, что я всегда и вездѣ сохраню къ вамъ одинакія чувства душевнаго уваженія, коими преисполненъ. Удивляюсь, какимъ образомъ вы не получили отъ меня въ Полтавѣ экземпляра «Малороссійской Исторіи»? Въ семъ случаѣ я кругомъ виноватъ передъ вами. У князя Никол. Григор. должны храниться нѣсколько экземпляровъ сей Исторіи. Потрудитесь взять себѣ, сколько пожелаете. Если-же означенные экземпляры (о которыхъ я съ моего отъѣзда не имѣю никакого понятія) расхищены, въ такомъ случаѣ пріятнѣйшею обязанностью, по полученіи увѣдомленія, поставлю исполнить лестное требованье ваше. Первыя двѣ части новаго изданія уже печатаются; третью и послѣднюю кончилъ, но не отдавалъ въ цензуру. Нужны мнѣ кой-какія справки. Одолжите собщеніемъ сихъ свѣдѣній. Совѣстно мнѣ, что я еще безпокою васъ; но увѣренъ, зная доброе сердце ваше, что вы не будете досадовать на имѣющаго честь и проч. *Д. Бантышъ-Каменскаго.*

Слѣдуетъ рядъ вопросовъ о произношеніи малороссійскихъ словъ, о свадебныхъ обычаяхъ и т. д. Въ статьѣ „Основы" перепечатана изъ бумагъ Котляревскаго „Замѣтка о нѣкоторыхъ народныхъ обычаяхъ", составляющая обстоятельный отвѣтъ на эти вопросы, заданные Бантышъ-Каменскимъ.

Авторъ послѣдняго письма Орестъ Сомовъ довольно ревностно самъ подвизался въ сочинительствѣ. Подъ именемъ Порфирія Байскаго, онъ напечаталъ въ 30-хъ годахъ массу забытыхъ нынѣ, повѣстей („Юродивый", „Гайдамака", „Оборотень", „Сватовство", „Ночлегъ Гайдамаковъ", „Живой въ обители блаженства вѣчнаго", „Кіевскія Вѣдьмы" и пр. и пр.) Онъ издавалъ также книги для юношества (въ родѣ „Друга молодыхъ дѣвицъ или новыя повѣсти, служащія къ образованію склонностей ума и сердца" Спб., 1831 г.), учебники и т. п. Его письмо—типичная литературная болтовня того времени, одно изъ тѣхъ писемъ, которыя, при всей своей пустотѣ, будятъ умъ погрязшаго въ провинціальной глупи литератора, говоря ему о происходящемъ гдѣ-то, сравнительно большемъ, умственномъ движеніи. Изъ него видно также, какъ интересовался Котляревскій литературными новостями.

VI.

Спб., 1830 г., мая 26.

Письмо ваше отъ 19-го апрѣля получилъ я назадъ тому дней десять: бо николи було до почты чволати, а при листі була пьятидесятная гнацыя, то треба було самому взяти и листъ и гроши. Тотчасъ по полученіи денегъ пустился я къ нашимъ лучшимъ книжникамъ и фарисеямъ, Смирдину и Слепину, чтобы узнать о выходѣ требуемыхъ вами книгъ. Вотъ вамъ полный отчетъ о моихъ поискахъ: «Монастырки» 2-й части отпечатано 13 листовъ; затѣмъ Погорѣльскій уѣхалъ и не оставилъ *оригинала* (по терминологіи наборщиковъ) и до сихъ поръ еще не шлетъ оставшагося. Посему я рѣшился взять покамѣсть одну первую часть съ тѣмъ, чтобы доставить вамъ вторую, лишь только она здѣсь появится. О романѣ «Что такое хорошій тонъ?» мнѣ сказали также, что онъ допечатывается слишкомъ медленно, по буквѣ въ день, ибо и донынѣ еще не вышелъ. Между тѣмъ переводчикъ (Мосальскій) женился, вѣроятно для поддержанія хорошаго тона, и выдалъ замужъ сестру, вѣроятно для того, чтобы ей не было завидно. Де-Шаплетъ также, говорятъ, допечатываетъ свой переводъ «Карла Великаго»; но видно также допечатываетъ не такъ смѣло, какъ герой его воевалъ, ибо до сихъ поръ еще не появилась ни одна часть его перевода. Слухъ идетъ впрочемъ, что онъ выдастъ всѣ пять частей вмѣстѣ, но я усталъ ждать и для того спѣшу вамъ доставить покамѣсть одну «Монастырку», тѣмъ болѣе, что давно имѣлъ неотразимое желаніе писать къ вамъ. При «Монастыркѣ» прилагаю маленькую книжонку для дѣтей, три повѣсти, мною написанныя, а изданныя Слепинымъ и украшенныя безтолковымъ лицевымъ титуломъ и заглавною виньеткой; это обыкновенныя слѣдствія книгопродавческихъ изданій. Наши книжники всегда умѣютъ перемудрить, когда сами примутся за дѣло, не спросясь у автора..

Вотъ вамъ кое-что изъ литературно-свѣтскихъ здѣшнихъ новостей: Булгаринъ уѣхалъ въ Дерптъ, въ свою деревню писать «Петра Ив. Выжигина» и хочетъ посадить своего героя въ книжной лавкѣ, гдѣ онъ будетъ судить о литературѣ и о большомъ свѣтѣ. Нѣкто Струйскій, являющійся въ стихахъ и прозѣ подъ именемъ Тридцатаго, пишетъ также романъ «Дмитрій Самозванецъ». Въ Москвѣ готовится еще нѣсколько романовъ и тамъ-же А. Пушкинъ женится на 17-тилѣтней красавицѣ Гончаровой. Здѣсь еще печатается очень любопытный романъ Морьера «Хаджи-Баба въ Лондонѣ», переведенный съ англійскаго оріенталистомъ Сенковскимъ...

Едва-ли есть надобность печатать многочисленныя письма сестры Котляревскаго, Анны и зятя его Сем. Троф. Скоробогача, бывшаго, какъ видно изъ переписки, управляющимъ огромнаго имѣнія Лопухиныхъ м. Злотополя. Это—обращенія къ „братцу и благодѣтелю“, съ вѣчными просьбами о займѣ денегъ, клятвами объ отдачѣ, мольбами къ небу о здоровьи и проч. Какъ видно, письма достигали цѣли у добраго Ивана Петровича, такъ какъ заключаютъ не мало изъявленій благодарности. Скоробогачъ былъ „обремененъ семьей“:

у него было восемь дѣтей, въ воспитаніи которыхъ Котляревскій принималъ нѣкоторое участіе. Въ одномъ изъ писемъ Скоробогачъ говоритъ между прочимъ: „съ Володей хотѣлъ было поступить жестоко, совершенно противно условіямъ почтеннаго письма вашего. Но вы меня вразумили, и я дѣйствительно согласенъ, что совѣсть, буде оная господствуетъ въ человѣкѣ, скорѣй можетъ исправить не застарѣлые пороки, нежели страхъ опрометчивой власти"... Сестра посылаетъ лошадей за дѣтьми къ празднику и спрашиваетъ совѣта въ письмѣ: „кому подарить дюжину салфетокъ хорошихъ, при семъ посылаемыхъ: Павлу Степановичу или новому начальнику дѣтей, г. Шелкановцеву?" Подарокъ достался, кажется, вновь взошедшему свѣтилу... Эти и подобныя черты времени слишкомъ извѣстны, чтобъ умножать передачею ихъ наши выписки.

Литературную извѣстность при жизни доставили Котляревскому первыя части „Энеиды" и „Наталка". Это дѣйствительно лучшее, что онъ произвелъ. Двѣ послѣднія части „перелицованной поэмы" блѣдны и слабы, „Москаль", при всей своей веселости, не болѣе какъ грубоватый фарсъ. Но вѣчно юная „Наталка" упрочитъ за отцомъ новой малорусской литературы незыблемую славу. Помимо достоинствъ типичной картины нравовъ, живой и трогательной, она имѣла сильное вліяніе на изученіе украинской народности и, вмѣстѣ съ „Думами" кн. Цертелева, явилась первымъ сборникомъ народныхъ пѣсенъ. Послѣднее изданіе сочиненій Котляревскаго (Кіевъ, 1875 г.) убійственно по своей фантастической орѳографіи и наиболѣе тщательнымъ остается до сихъ поръ маленькое изданіе Кулиша, исчезнувшее изъ продажи. Біографическій очеркъ, приложенный къ кіевскому изданію, составленный г. Катрановымъ, не исчерпываетъ и десятой доли извѣстныхъ печатно свѣдѣній о жизни полтавскаго поэта. Этотъ очеркъ на первой-же страницѣ украшенъ едва вѣроятнымъ курьезомъ. Разсказывая объ извѣстномъ „домикѣ Котляревскаго", біографъ замѣчаетъ: „домикъ Ив. Петр., далеко измѣненный, давно уже перешедшій въ десятыя руки и теперь еще существуетъ. Его показываютъ *какъ библіографическую рѣдкость!*" Увы! Этотъ восхитительный lapsus linguae теперь двойная ложь: домикъ сломанъ, и на мѣстѣ его стоитъ полнивная уродливой новой постройки. Кому понадобился этотъ актъ вандализма и не грѣхъ-ли было полтавскому городскому управленію допустить сломку почтенной, старой, мирной „библіографической рѣдкости".

В. Горленко

Библіографія.

Исторія русской церкви Макарія митрополита московскаго и коломенскаго. Томъ XII, Спб., 1883 г. (съ портретомъ покойнаго автора).

На XII томѣ пересѣкся великій трудъ Карамзина: «*Исторія государства россійскаго*»; XII томомъ заканчивается нынѣ и другой, не менѣе монументальный и долговѣчный трудъ — «*Исторія русской церкви*» Макарія митроп. московскаго. Оба названные томы изданы послѣ смерти ихъ авторовъ, оба обрываются на XVII столѣтіи, хотя митроп. Макарій ушелъ немного дальше своего предшественника: Карамзинъ не докончилъ XII тома; митроп. Макарій написалъ начало и XIII тома; Карамзинъ остановился на 1612 г., митроп. Макарій дошелъ до 1667 г. Есть сходство и въ манерѣ изложенія. Преосв. Макарій давно уже оставилъ свою искусственную систематическую архитектонику, по которой располагалъ первые главы своей исторіи, и обратился къ простому, ясному, основанному на внимательномъ изученіи источниковъ, обстоятельному разсказу, какой мы находимъ и въ послѣднихъ томахъ Карамзина.

Послѣдній томъ исторіи митроп. Макарія обнимаетъ собою событія съ 1652 по 1667 г., слѣдовательно всего 12 лѣтъ. Центральнымъ лицемъ этого тома служитъ патріархъ Никонъ. Къ удивленію и отчасти къ стыду русскихъ историковъ, предшественникомъ своимъ въ изученіи патр. Никона высокопреосв. авторъ имѣлъ не кого-либо изъ русскихъ ученыхъ, а англичанина Пальмера. «Никто столько не потрудился надъ собираніемъ матеріаловъ для исторіи патр. Никона, (говоритъ митроп. Макарій XII, 10—11, въ подстр. прим.), сколько потрудился извѣстный англійскій ученый Пальмеръ. Онъ посвятилъ этому дѣлу десятки лѣтъ, и все, собранное имъ о Никонѣ на русскомъ и другихъ языкахъ, перевелъ на англійскій и напечаталъ вмѣстѣ съ своими оригинальными со-

ображеніями о значеніи дѣятельности Никона и о послѣдствіяхъ его низложенія въ шести большихъ томахъ подъ заглавіемъ: «The Patriarch and the Tsar. By William Palmer. London». 1871—1876 г.

Какъ не интересны жизнь и дѣятельность патр. Никона, но спеціальныя задачи *«Кіевской Старины»* заставляютъ насъ оставить Никона въ сторонѣ и обратиться къ разсмотрѣнію тѣхъ сравнительно немногихъ страницъ изъ XII тома *Исторіи* митр. Макарія, гдѣ идетъ рѣчь о судьбахъ южнорусской церкви (стр. 11—111 и 535—591).

Въ указанныхъ страницахъ изображается состояніе южно-русской церкви въ то смутное и переходное время, когда Малороссія, подъ водительствомъ Богдана Хмельницкаго и его преемниковъ по гетманству, отъ Польши отстала, а къ Москвѣ рѣшительно и безповоротно еще не пристала. *Шатость и колебаніе* въ мысляхъ и поступкахъ служатъ характерною чертою этого переходнаго времени; *шатость и колебаніе* не только между мірянами, но и между лицами духовнаго чина. Хмельницкій объявлялъ себя борцомъ *за святую* православную *вѣру;* подъ его знамена стекались православные русскіе люди также воевать *за вѣру; благочестивое,* т. е. православное духовенство, благословляло своихъ пасомыхъ *на защиту вѣры;* подъ державу московскаго государя Хмельницкій въ концѣ концовъ преклонился главнымъ образомъ по причинѣ *единовѣрія.* Естественно, по видимому, было-бы ожидать, что малороссійское духовенство съ радостію будетъ привѣтствовать рѣшимость гетмана присоединиться къ православной единовѣрной державѣ и если само не приметъ на себя починъ этого присоединенія, то по крайней мѣрѣ съ полнымъ сочувствіемъ отнесется къ совершившемуся факту. На дѣлѣ было не то. Митроп. Сильвестръ Коссовъ правда привѣтствовалъ витіеватою рѣчью пословъ московскаго государя, явившихся въ Кіевъ принять этотъ городъ подъ царскую руку, но въ то-же время послалъ заявить въ гродскомъ луцкомъ судѣ слѣдующую протестацію: *«Москва, завладѣвъ Кіевомъ, принуждаетъ отца митрополита, архимандрита й все духовенство къ противузаконнымъ поступкамъ, чтобъ, оставивъ короля, его милость, не считали его государемъ, а поддались-бы и присягнули московскому государю. Но все духовенство не желаетъ этого сдѣлать, а желаетъ имѣть государемъ короля, и какъ прежде духовные никогда не были бунтовщиками, такъ и теперь не будутъ, о чемъ по всѣмъ городскимъ судамъ они дѣлаютъ заявленія.* Дальнѣйшія отношенія митроп. Сильвестра Коссова къ московскому правительству исполнены недоразумѣній и пререканій, а послѣдующіе митрополиты Діонисій Балабанъ (избранъ 6 дек. 1657 г., поставленъ 23 февр. 1658 г., скончался 10 мая 1663 г.) и Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій совсѣмъ не жили въ

Кіевѣ, гдѣ стоялъ московскій гарнизонъ, а пребывали во владѣніяхъ польскаго короля, подъ его державою и въ его подданствѣ.

Ярый руссопетъ не задумался-бы обвинить тогдашнихъ кіевскихъ митрополитовъ въ двоедушіи, фарисействѣ, измѣнѣ и предательствѣ.

Митроп. Макарій, какъ опытный историкъ, привыкшій взвѣшивать условія мѣста, времени и обстоятельства, въ зависимости отъ которыхъ стоитъ дѣятельность человѣческая, судитъ спокойнѣе и основательнѣе, и потому мягче и справедливѣе. Вотъ образчикъ его сужденій. Когда московскіе воеводы заявили митрополиту Сильвестру Коссову, что они хотятъ строить крѣпость на мѣстѣ близъ софійскаго собора, то митрополитъ отвѣчалъ, что на томъ мѣстѣ онъ города (крѣпости) ставить не дастъ, и произнесъ: *„если начнете на томъ мѣстѣ ставить городъ, я начну съ вами биться“*. По поводу этихъ словъ митроп. Макарій замѣчаетъ: «московскимъ воеводамъ эти слова могли показаться страшнымъ преступленіемъ, но въ Литвѣ и во всей Малороссіи они вовсе не имѣли такого смысла: тамъ обыкновенно подобнымъ образомъ отстаивались имѣнія даже противъ королевскихъ указовъ не только свѣтскими, но и духовными владѣльцами. Такія сопротивленія королевскимъ грамотамъ и посланцамъ не разъ оказывали сами кіево-печерскіе иноки, а еще прежде и православные владыки» *).

Что касается до основнаго вопроса, чѣмъ объяснить шатость и колебаніе малороссійской іерархіи, которая не крѣпко тянула къ единовѣрной Москвѣ, то въ объясненіе этого находимъ у митроп. Макарія три причины: внѣшнюю, внутреннюю и формально-каноническую.

Первая причина состояла въ томъ, что малороссійскіе іерархи не были увѣрены въ полномъ и окончательномъ торжествѣ Москвы надъ Польшею. «Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ боялся, что если онъ начнетъ сноситься съ московскимъ государемъ и просить его о принятіи Малороссіи въ подданство, а государь на это не согласится, то ему, митрополиту, со всѣмъ его духовенствомъ, съ церквами и монастырями, придется плохо отъ поляковъ въ случаѣ ихъ побѣды надъ козаками. Даже и теперь, когда царь московскій согласился взять Малороссію подъ свою руку, и когда гетманъ и старшины козацкіе уже присягнули ему, даже и теперь Коссовъ съ своимъ духовенствомъ считалъ за лучшее показывать полякамъ видъ, что онъ покоряется Москвѣ противъ воли: бо́льшая часть православныхъ кіевской митрополіи жила внѣ Ма-

*) Крѣпость близъ софійскаго монастыря, не смотря на сопротивленіе митроп. Сильвестра Коссова, была все-таки построена. Остатки крѣпостнаго вала, въ которомъ засыпаны были Ярославы Золотыя врата, раскопаны уже въ послѣдніе годы при планировкѣ Львовской площади. Память о крѣпости уцѣлѣла въ названіяхъ двухъ улицъ *Рейтарской* и *Стрѣлецкой*.

лороссіи, подъ властію Польши, и ихъ участь, и безъ того тяжелая, сдѣлалась бы еще невыносимѣе, въ случаѣ открытія измѣны митрополита; а съ другой стороны нельзя еще было ручаться, что поляки не овладѣютъ вновь Кіевомъ и Малороссіею и не расправятся тогда съ измѣнниками» (стр. 58—59). Дѣйствительно это послѣднее предположеніе со всею очевидностію было высказано митроп. Сильвестромъ Коссовымъ въ его перебранкѣ съ московскими воеводами: *„не ждите начала, ждите конца: увидите сами, что вскорѣ надъ вами будетъ“*. Эта причина имѣла очень большую силу, особенно по отношенію къ западной Украйнѣ, которая, за исключеніемъ Кіева, осталась во власти поляковъ. Москва не успѣла возсоединить съ собой всей Малороссіи. Царь Алексѣй Михайловичъ, долженъ былъ, по его собственнымъ словамъ, *половину святаго хлѣба бросить собакамъ*. Бывали моменты, когда власть Москвы колебалась и въ восточной Украйнѣ, напримѣръ послѣ конотопскаго пораженія.

Была и другая, болѣе общая, важная и глубокая причина *шатости* малороссійскаго духовенства на пути его сближенія съ Москвою. Въ теченіе 400 лѣтъ отдѣльной жизни *двѣ русскія народности* — великороссійская и малороссійская выработались въ два типа, не только различные, но даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно противуположные. Это различіе достаточно отчетливо изложено въ извѣстной статьѣ Н. И. Костомарова (*Монографіи*, т. 1), и намъ нѣтъ надобности повторять здѣсь ея выводовъ. Замѣтимъ только, что у малороссовъ на столько-же преобладаетъ начало личности, на сколько у великороссовъ начало общности, а въ религіозномъ отношеніи малороссъ на столько-же склоненъ къ мечтательному піэтизму, на сколько великороссъ къ буквѣ и обрядности. Неудивительно поэтому, что два родные брата—великороссъ и малороссъ, встрѣтившись между собою послѣ долгой разлуки, взглянули другъ на друга враждебно. Это отразилось во всѣхъ частностяхъ жизни, въ томъ числѣ и въ іерархическихъ отношеніяхъ. У преосв. Макарія имѣется на эту тему не мало любопытныхъ фактовъ. Въ Малороссіи іерархи выбирались вольными голосами; въ Москвѣ назначались правительствомъ. Число лицъ, участвовавшихъ въ элекціи, было не очень значительно и повидимому исключительно принадлежало къ духовной и свѣтской аристократіи *); при *элекціи* бывали безпорядки и злоупотре-

*) Актъ избранія Сильвестра Коссова подписали болѣе 20 духовныхъ особъ и до 50 свѣтскихъ. Относительно того, кто долженъ былъ участвовать въ элекціи, повидимому обязательныхъ правилъ не было, а все опредѣлялось удобствомъ и обстоятельствами. Такъ выбираются въ настоящее время въ приходахъ церковные старосты, и мы едвали ошибемся, если въ томъ-же родѣ будемъ представлять себѣ *элекцію* малороссійскихъ архіереевъ.

бленія *); но тѣмъ не менѣе элекція была дорога для малороссіянъ, потому что соотвѣтствовала общему складу ихъ быта. Между тѣмъ малороссіяне не безъ основанія опасались, что Москва уничтожитъ *элекцію* вольными голосами, а будетъ посылать въ Кіевъ своего митрополита, назначаемаго правительствомъ. Одна мысль объ этомъ наполнята ихъ яростію и негодованіемъ. «Если, говорили кіевскіе духовные, по изволенію государя, будетъ у насъ московскій митрополитъ, *а не по нашему избранію*, то пусть государь велитъ скорѣе всѣхъ насъ казнить, нежели мы на это согласимся. Какъ только пріѣдетъ въ Кіевъ московскій митрополитъ, мы запремся въ монастыряхъ, и развѣ только за шею и за ноги выволокутъ насъ оттуда; тогда и будетъ московскій митрополитъ въ Кіевѣ... Лучше намъ принять смерть, нежели быть у насъ въ Кіевѣ московскому митрополиту» (стр. 588—589). Только такіе свѣтскіе карьеристы, какъ Брюховецкій, готовы были просить изъ Москвы русскаго святителя, и только такіе духовные карьеристы, какъ нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновичъ (въ архіереяхъ Меѳодій) готовы были принимать архіерейское поставленіе въ Москвѣ. За то малороссійскіе духовные и не хотѣли подчиняться Меѳодію, поставляя на видъ между прочимъ то, что «онъ посвященъ на епископство безъ всякой елекціи (какая бывала въ епархіяхъ кіевской митрополіи) и что онъ только по своему желанію, не имѣя никакихъ заслугъ предъ церковію, выпросилъ себѣ блюстительство» (стр. 575—576).

Но не изъ за потери только дорогаго права *элекціи* безпокоились малороссіяне; еще болѣе опасались они религіозной нетерпимости Москвы въ соединеніи съ упорною преданностію ея буквѣ и обряду. Въ самомъ ходячемъ и вульгарномъ, хотя и невѣрномъ, видѣ это опасеніе формулировалось такъ: *Москва будетъ насъ перекрещивать* (стр. 67 и стр. 589). Въ буквальномъ смыслѣ такое опасеніе было несправедливо, но это было только усиленное выраженіе для обозначенія тѣхъ постоянныхъ пререканій и недоразумѣній, какіе возникали на каждомъ шагу при новомъ сближеніи двухъ давно раззнакомившихся русскихъ народностей. «Люди злонамѣренные», говоритъ митроп. Макарій, «могли съ умысломъ распространять объ этомъ слухи (т. е. о перекрещиваніи) въ народѣ, чтобы возбуждать противъ присяги московскому царю» (стр. 61).

Была наконецъ и третья причина нежеланія Малороссіи стать подъ іерархическую власть Москвы, причина формальная и легальная,

---

*) Такъ наприм. въ ноябрѣ 1673 года было избрано на кіевскую митрополію сразу двое: Антоній Винницкій и Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, и митрополитомъ остался тотъ, кому элекція давала на сіе менѣе права.

—это вѣковая, со временъ Владиміра св., зависимость ея отъ константинопольскаго патріарха. На нее съ особенною силою указывалъ въ своей челобитной царю Алексѣю Михайловичу посланный отъ митроп. Сильвестра Коссова печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, утверждая, что она «служитъ корнемъ всѣхъ нашихъ вольностей». Какъ порвать эту зависимость безъ согласія самаго патріарха? Кто припомнитъ недавнюю исторію греко-болгарскаго церковнаго вопроса, тотъ пойметъ, какія настойчивыя усилія требовались для того, чтобы освободиться изъ-подъ власти константинопольскаго патріарха, который не прочь былъ хотя изрѣдка употребить духовную власть противъ ослушниковъ своей каѳедры, какъ показываетъ примѣръ Меѳодія (Филимоновича), мѣстоблюстителя кіевской митрополіи, котораго онъ предалъ проклятію *). Съ другой стороны зависимость отъ него южно-русской церкви, говоритъ митроп. Макарій, была только номинальною и давала полный просторъ кіевскому митрополиту жить и править своею церковію по своей волѣ, независимо ни отъ кого и безъ всякаго контроля (стр. 80). И въ самой Москвѣ хорошо знали, что по канонамъ церкви одинъ патріархъ не можетъ взять себѣ митрополіи, принадлежащей другому патріарху, безъ его на то согласія (стр. 83). Но для того, чтобы получить согласіе цареградскаго патріарха, нужно было время; еще болѣе времени нужно было для того, чтобы покончить тягостную войну съ Польшею; и еще болѣе времени для того, чтобы пріучить малороссовъ къ мысли о іерархическомъ подчиненіи Москвѣ. Для того, чтобы наполнить это переходное время, московская церковная политика создала учрежденіе *мѣстоблюстительства кіевской митрополіи*, каковую должность занимали епископы Лазарь Барановичъ и Меѳодій Филимоновичъ.

Указаніемъ этой основной мысли изслѣдованій митроп. Макарія о положеніи южно-русской церкви въ началѣ второй половины XVII ст. мы и ограничимся въ нашей замѣткѣ о его обширномъ посмертномъ изданіи, предоставляя любопытныя и драгоцѣнныя подробности онаго вниманію самихъ читателей. **Т—скій.**

---

*) Читая XII-й томъ *исторіи* митроп. Макарія, поражаешься обиліемъ проклятій, раздававшихъ направо и налѣво. Архимандритъ Ѳеодосій Василевичъ проклинаетъ жителей Могилева, преданныхъ Москвѣ (стр. 101); царь Алексѣй Михайловичъ выражаетъ желаніе, чтобы патр. Никонъ предалъ проклятію архим. Василегича и шляхтича Поповскаго (ibid.) Митроп. Діонисій Балабанъ грозитъ *неблагословеніемъ* полтавскому полковнику Пушкарю (стр. 547). Патр. Никонъ проклинаетъ крутицкаго митроп. Пигирима между прочимъ за то, что онъ поставилъ Меѳодія епископомъ въ чужую церковную область (стр. 570); патріархъ цареградскій анаѳематствуетъ Меѳодія (стр. 57. и т. д.

В. Е. Бучневичъ. Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава. 1882 г.

Родственная намъ, миньятурная, сравнительно съ колоссомъ россійскимъ, Галиція гораздо богаче насъ изслѣдованіями отдѣльныхъ мѣстностей и городовъ, у насъ-же только въ послѣднее время начали появляться изрѣдка книги такого рода. Не удивительно, что всѣ онѣ встрѣчаются публикой, особенно мѣстной, сочувственно и ожидаются съ большимъ нетерпѣніемъ. Также точно встрѣчена была полтавскимъ обществомъ и книга г. Бучневича. Къ сожалѣнію, оно обманулось въ своихъ ожиданіяхъ отъ этой книги.

Въ своей книгѣ г. Бучневичъ сообщаетъ историческія свѣдѣнія о Полтавѣ (7—34), о великой сѣверной войнѣ и въ частности о полтавской битвѣ (34—147), о полтавскихъ генералъ-губернаторахъ, гражданскихъ губернаторахъ и епархіальныхъ архіереяхъ, со времени открытія полтавской губерніи (147—157), о достопримѣчательностяхъ Полтавы, а именно: первомъ памятникѣ въ воспоминаніе битвы 1709 г., памятникѣ, воздвигнутомъ въ столѣтній юбилей ея, памятникѣ на мѣстѣ отдыха Петра I, спасской церкви, крестовоздвиженскомъ монастырѣ шведской могилѣ, николаевской, рождество-богородичной, воскресенской, соборно-успенской и срѣтенской церквахъ, о домикѣ Котляревскаго и бывшей въ Полтавѣ славянской семинаріи (152—196), о селахъ: Жуки, Горбаневка и Пушкаревка, о мѣстечкѣ Диканькѣ (196—212) и объ учебныхъ заведеніяхъ г. Полтавы (212—222); текстъ книги заключается «біографическимъ указателемъ уроженцевъ г. Полтавы, извѣстныхъ своею служебною и литературною дѣятельностію» (222—227), а въ концѣ книги приложены примѣчанія (I—XLIX).

Да не подумаетъ кто-нибудь, что это изслѣдованіе самостоятельное, или что въ книгѣ есть какія-либо новыя свѣдѣнія. Самъ авторъ въ предисловіи къ ней говоритъ, что единственною цѣлію его труда было собрать въ одно цѣлое всѣ замѣтки и цѣлыя описанія историческихъ памятниковъ и частей города. Дурнаго въ этомъ намѣреніи ничего мы не видимъ: о полтавской губерніи есть нѣсколько весьма обширныхъ и серьезныхъ изслѣдованій, каковы: Бодянскаго — «Памятная книжка полтавской губерніи», Орандаренко — «Записки о полтавской губерніи», Богдановича, Терещенко и друг. Въ нихъ и о самой Полтавѣ говорится весьма обстоятельно, и какъ названныя книги въ настоящее время довольно рѣдки, притомъ касаются всей губерніи, то дѣйствительно желаніе, хотя бы на основаніи только ихъ, составить исторію г. Полтавы, имѣетъ свой резонъ. Но г. Бучневичъ, заручившись этими книгами, а

сверхъ того—исторіей Устрялова, Бантышъ-Каменскимъ и другими, не принялъ на себя трудъ состряпать хотя-бы какую-нибудь компиляцію, а просто выписываетъ буквально изъ указанныхъ книгъ подходящія мѣста, не указывая даже, что откуда заимствовано, какъ это дѣлается въ хрестоматіяхъ. Г. Бучневичъ списанное рискуетъ выдавать за свое собственное и, перечисляя изслѣдованія, на основаніи которыхъ будто-бы составлены его «Записки», скрываетъ именно тѣ книги, изъ которыхъ дѣлаетъ прямыя заимствованія, какъ сочиненія Орандаренко и Бодянскаго. Таковы буквальныя и обширныя выписки изъ названныхъ сочиненій, составляющія всю главу Записокъ о войнѣ со шведами.

Въ основу списыванія у Бучневича положена книга Бодянскаго, въ нѣкоторыхъ-же случаяхъ Бодянскій разбавляется преимущественно Орандаренкомъ, а за тѣмъ Устряловымъ, Бантышъ-Каменскимъ и друг. Бываетъ даже такъ, что первая половина мысли выписана изъ одной, а другая изъ другой книги. Иногда же Бучневичъ беретъ на себя трудъ перифразировать чужую рѣчь, или дѣлаетъ перестановки въ словахъ и выраженіяхъ. Можно-бы такимъ образомъ всю положительно книгу Бучневича разложить на ея составныя части; но и тѣхъ указаній, какія мы на этотъ счетъ сдѣлаемъ, будетъ достаточно, чтобы подтвердить сказанное нами. Буквально выписаны изъ Бодянскаго слѣд. страницы: 19—20 (см. Бод. 20—21), 30—31 (Бод. 32—33), 41—42 (Бод. 30—31), 70—93, 103 (Бод. 35—46), 107—111 (Бод. 78—83), 147—152 (Бод. 70—75), 152—153 (Бод. 96—97), 153—157 (Бод. 90—101). Изъ числа первыхъ 12 стр. (текстъ книги начинается 7-й стр.) 5 заключаютъ описаніе (процитованное) Полтавы кн. И. М. Долгорукаго, а остальныя взяты главнымъ образомъ у Орандаренко. Стр. 36—41 выписаны буквально изъ исторіи Устрялова (т. II, 57—60). Слѣдующія страницы списаны буквально также изъ Бодянскаго, но въ перемежку съ выписями изъ другихъ авторовъ: 57—59 (см. Бод. 32—34 и дал. отрывками), 158—164 (Бод. 87—94), 164—171 (Бод. 84—86) и такъ далѣе.

Но бѣда въ томъ, что г. Бучневичъ и списать не съумѣлъ толково, обнаруживая и въ этой работѣ совершенное непониманіе и чисто механическое отношеніе къ своему труду. Списываетъ онъ все подъ рядъ, не разбирая, что относится къ дѣлу, а что нѣтъ, почему книга его и представляетъ ужаснѣйшую нескладицу и какой-то венигретъ. Видно, что объ исторіи и географіи авторъ не имѣетъ ровно никакого представленія, и это онъ доказываетъ на каждомъ шагу.

Было-бы утомительно и безполезно перечислять встрѣчающіяся въ огромной массѣ едва не на каждой страницѣ грубые промахи и искаженія историческія, географическія, логическія и даже грамматическія.

Для примѣра довольно указать, что у г. Бучневича полтавская губернія постоянно отождествляется съ Малороссіей и Украйной, Золотая Орда противуполагается Ордѣ Батыевой, великая сѣверная война заканчивается полтавской битвой, царствованіе Сигизмунда III отодвигается къ 50-мъ годамъ XVII ст., кіево-межигорскій монастырь основывается въ началѣ XV в. *греками, пришедшими съ первымъ кіевскимъ митрополитомъ Михаиломъ*, часы на соборной колокольнѣ устраиваются только по *окончаніи постройки* колокольни, городъ Полтава весь въ садахъ и на болотахъ, базары—*ежедневно* по средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ и проч. и проч.

О языкѣ книги г. Бучневича нѣкоторое понятіе могутъ дать слѣдующія на удачу выбираемыя мѣста: «въ 1648 г. *воздвигся* Богданъ Хмельницкій» (стр. 19), «избранный народнымъ *волненіемъ*» (20); «приказалъ построить оборонительную линію *отъ* засѣкъ, заваловъ и рвовъ» (37); «приняты были *съ чувствительнымъ оказаніемъ сожалѣнія* о ихъ несчастіи» (48); «*хотя* предполагаемое нападеніе было отмѣнено, *то* нѣкоторымъ образомъ»... и «*засѣсть открыто въ лѣсу*» (68); «*увѣрялъ своею милостію*», «*содержать* ихъ какъ пищею, такъ присмотромъ и лѣченіемъ» (111); «первоначально *куполу* церкви *служила* (?) деревянная крыша» (174); «колоколъ называли еще субботникомъ, потому что въ него звонили *по субботамъ, а также* въ небольшіе праздники и *въ разнымъ литургіямъ*» (180); «внутренность церкви отличается благолѣпіемъ и *вкусомъ иконостаса*, рѣзной, богато *позлащенной работы*» (182); «*за стекломъ* на холстѣ *написана* икона» (188); «городъ... принимаетъ молитвенное *состояніе духа*» (207); «*остатками* этой обители... уцѣлѣла каменная церковь» (208) и проч. и проч.

Знаки препинанія и правописаніе представляютъ также неисчислимую массу ошибокъ, въ которыхъ трудно отличить ошибки типографскія отъ погрѣшностей автора, какъ напримѣръ: «король согласиться; крепость; двѣ тріо*да*; ко*н*ариcный; ки*в*отъ; аво*н*ностъ; никойкихъ; отразив*ш*и полтавцы; колонада; пастыръ; отсюду (вм. отовсюду); Бутуринъ; на четвер*и*ньkахъ; *в*акзалъ; лучшія *Ш*ленскія овцы Силезской породы; стольнику Юрьѣ Сапегѣ» и т. д. Такія и другія ошибки дѣлаютъ почти невозможнымъ чтеніе книги.

Книга г. Бучневича довольно объемистая: она заключаетъ въ себѣ 278 стр.; собственно къ Полтавѣ относится около 100 стр., остальныя-же посвящены слѣдующимъ предметамъ: 112 стр. занимаетъ великая сѣверная война, описаніе которой должно было-бы ограничиться одной лишь полтавской битвой, на что потребовалось-бы не 112, а стр. 10,—15 стр. отдѣлены на описаніе окрестныхъ селъ и наконецъ 49 стр. на

совершенно ненужныя и безполезныя для исторіи Полтавы примѣчанія. Распространяясь объ излишнемъ и ненужномъ, г. Бучневичъ оставилъ безъ вниманія многое, что могло-бы имѣть существенное значеніе въ сочиненіи, спеціально посвященномъ Полтавѣ. Въ добавокъ ко всѣмъ указаннымъ нами недостаткамъ книги г. Бучневича, при ней нѣтъ плана города, рисунковъ памятниковъ, зданій и даже герба.

Иванъ Матченко.

Полтава 25 марта 1883 г.

Географія кіевской губерніи (учебное пособіе по родиновѣдѣнію). Сост. Н. Мукаловъ. Кіевъ. 1883 г.

Названная книга по предмету своему не подходитъ къ разряду книгъ, разсмотрѣніе которыхъ входитъ въ программу нашего журнала, и мы бы не коснулись ея въ нашемъ библіографическомъ обзорѣ, если-бы съ одной стороны она не была посвящена такой территоріи, которой каждый уголокъ вызываетъ на историческія замѣтки, а съ другой—не были сами убѣждены, что для географіи столь-же важно историческое освѣщеніе, сколько для исторіи географическая основа. По видимому, и самъ авторъ названной книги не иначе смотрѣлъ на свой трудъ, судя по разсѣяннымъ въ ней во множествѣ историческимъ поясненіямъ и замѣткамъ, равно по исчисленнымъ имъ въ предисловіи источникамъ и пособіямъ, которыми онъ руководствовался при составленіи своего труда и въ длинномъ ряду которыхъ стоятъ такія солидныя изданія, какъ Записки юго западнаго отдѣла географическаго общества, Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край (юго-западный отдѣлъ) Чубинскаго, Сказаніе о населенныхъ мѣстахъ кіевской губерніи Похилевича, Описаніе Кіева—Закревскаго, Описаніе кіевской губерніи, изд. Фундуклея, и т. под.

Мы вполнѣ понимаемъ трудность работы автора, имѣвшаго предъ собою строго опредѣленную педагогическую задачу—передать ученикамъ начальнаго училища въ сжатомъ видѣ и доступной формѣ свѣдѣнія объ ихъ родинѣ и въ тоже время соблюсти научную точность и возможную полноту изложенія. Но авторъ, какъ мы отчасти уже замѣтили, не ограничился въ своей книгѣ только географическими свѣдѣніями о кіевской губерніи, а пожелалъ присоединить къ нимъ нѣкоторыя историческія и этнографическія поясненія. Такая сложность задачи, а быть можетъ неодинаковый уровень развитія учащихся въ его школѣ привели его

къ тому, что онъ въ изложеніи своего предмета не держался строго ни аналитическаго, ни синтетическаго метода, а примѣнилъ свой особый планъ, мало удовлетворяющій общимъ научнымъ требованіямъ, но быть можетъ представлявшій извѣстныя выгоды въ распредѣленіи обширнаго и разнообразнаго матеріала и ознакомленіи съ нимъ учащихся.

Послѣ краткаго предисловія г. Мукаловъ приступаетъ сразу къ обозрѣнію географическаго положенія Кіева и дѣленія его на части, описываетъ его поверхность и почву и съ особою подробностію достопримѣчательности Кіева, знакомитъ съ особенностями климата и вѣтровъ, трактуетъ о естественныхъ произведеніяхъ Кіева, его населеніи, промышленности, торговлѣ и тутъ-же перечисляетъ кіевскія учебныя заведенія; за симъ онъ довольно обстоятельно говоритъ о болѣе примѣчательныхъ мѣстечкахъ и селахъ, въ различныхъ направленіяхъ отъ Кіева и наконецъ, дѣлаетъ общій обзоръ всего кіевскаго уѣзда въ административномъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Такимъ-же порядкомъ онъ описываетъ всѣ другіе 11 уѣздовъ кіевской губерніи, начиная съ историко-географическаго описанія уѣзднаго города, продолжая такими-же свѣдѣніями о главнѣйшихъ мѣстечкахъ и городахъ и заключая общимъ обзоромъ всего уѣзда. За симъ идетъ общее обозрѣніе губерніи, ея границъ, пространства, народонаселенія, поверхности, почвы, орошенія, климата, растительности, животныхъ и произведеній ископаемыхъ, промышленности добывающей и обработывающей, съ указаніемъ ремесленныхъ производствъ и крестьянскихъ заработковъ, —о торговлѣ, путяхъ сообщенія и учебныхъ заведеніяхъ. Наконецъ, въ видѣ приложенія къ своей книгѣ, г. Мукаловъ даетъ этнографическую характеристику кореннаго населенія—малороссовъ, ихъ характера и домашней обстановки, говоритъ о монастыряхъ и пустыняхъ, расположенныхъ на окраинахъ Кіева и прилагаетъ таблицу съ опредѣленіемъ пространства и населенія уѣздовъ кіевской губерніи, а также списокъ мѣстечекъ и селеній кіевской губерніи, въ которыхъ находятся такъ называемыя министерскія школы, существующія независимо отъ школъ церковно-приходскихъ, а иногда и рядомъ съ ними.

Это общее обозрѣніе содержанія разсматриваемой книги показываетъ, что она страдаетъ отчасти безсистемностію, особливо во 2-й ея части, а это неизбѣжно ведетъ иногда автора къ повтореніямъ. Приложенія къ книгѣ, имѣющаго такое разнородное, ничѣмъ не связанное содержаніе, мы совсѣмъ понять не можемъ. Вѣроятно недостатокъ средствъ не позволилъ автору снабдить книгу картою кіевской губерніи и планомъ г. Кіева. Особою заслугою автора мы готовы были бы считать сообщеніе историческихъ свѣдѣній о большей части мѣстностей кіевской

губерніи; но, къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія весьма часто такъ кратки что не даютъ никакого представленія о судьбахъ и значеніи извѣстнаго города или историческаго памятника, какъ напримѣръ: «Въ старинное время Чигиринъ былъ очень важнымъ пунктомъ въ Малороссіи, вслѣдствіе чего и служилъ главнымъ городомъ», или: «Умань—городъ древній, знаменитый по подвигамъ Гонты и Желѣзняка», и только. Между тѣмъ надлежащее историческое освѣщеніе извѣстнаго географическаго пункта—столь же важный педагогическій пріемъ при изученіи географіи дѣтьми старшаго возраста, сколько такъ называемая наглядность въ объясненіяхъ съ дѣтьми младшаго возраста. Не будемъ касаться недостатковъ книги въ другихъ отношеніяхъ, но не можемъ не указать на такой недосмотръ, какъ то, что извѣстный сахарный заводъ гр. Бобринскихъ въ м. Смѣлой показанъ принадлежащимъ гр. Браницкимъ и имъже приписывается заводъ въ Русской Полянѣ, принадлежащій, какъ извѣстно, администраціи б. заводовъ Яхненка и Симиренка.

Не смотря однако на указанные недостатки книги, она имѣетъ много хорошихъ качествъ: основной методъ ея подходитъ отчасти къ такъ называемому концентрическому; необходимыя свѣдѣнія собраны весьма тщательно; особенною полнотою отличаются свѣдѣнія статистическія. Языкъ книги въ большей части простъ и понятенъ; цѣна ея весьма умѣренная, всего 50 коп. Во всякомъ случаѣ не можемъ не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ этой первой попыткѣ честнаго труженика-педагога на собственныя скудныя средства дать своимъ питомцамъ обстоятельное учебное пособіе по родиновѣдѣнію. Пожелаемъ, что бы эта полезная книга была принята, какъ учебное пособіе, во всѣхъ безъ различія какъ министерскихъ, такъ и церковно-приходскихъ школахъ кіевской губерніи. Главная цѣль нашей замѣтки была—указать на необходимость и пользу примѣненія историческаго пріема въ изученіи столь важнаго въ элементарномъ курсѣ предмета, какъ географія. Рядъ такихъ книгъ, составленныхъ съ большею или меньшею самостоятельностію, по частнымъ, не всякому доступнымъ источникамъ, могъ бы способствовать не только пополненію географическихъ и статистическихъ свѣдѣній въ каждой данной мѣстности, но внесенію въ нашу историческую науку нерѣдко новыхъ данныхъ, а главное—распространенію хотя самыхъ необходимыхъ историческихъ свѣдѣній въ средѣ учащихся въ нашихъ элементарныхъ школахъ, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ и быть можетъ долго еще не будетъ мѣста отечественной исторіи.

Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію. И. И. Срезневскаго. Харьковъ, 1883 г.

Такое заглавіе носитъ брошюра, написанная еще въ 1839 году покойнымъ И. И. Срезневскимъ и напечатанная теперь вторымъ изданіемъ харьковскимъ профессоромъ г. Сокальскимъ. Издатель предпослалъ тексту брошюры весьма интересный очеркъ біографіи и литературной и ученой дѣятельности покойнаго автора до 1846 года, т. е. того времени, пока онъ переѣхалъ изъ Харькова въ Петербургъ; въ примѣчаніяхъ къ очерку помѣщены полный списокъ всѣхъ сочиненій, изданныхъ Срезневскимъ въ Харьковѣ до 1846 года, а также библіографическій указатель сочиненій и статей, посвященныхъ мѣстной исторіи Слободской Украйны. Весь указатель впрочемъ обнимаетъ только 12 названій и свидѣтельствуетъ о значительной скудости исторической литературы по данному предмету; въ виду этого обстоятельства, издатель оказалъ несомнѣнную услугу мѣстной исторіографіи, повторивъ изданіе труда знаменитаго ученаго, сдѣлавшееся въ наше время библіографическою рѣдкостью, и занимающее понынѣ весьма почетное мѣсто среди немногочисленныхъ сочиненій, посвященныхъ изученію Слободской Украйны.

Сама брошюра И. И. Срезневскаго представляетъ краткій, но весьма отчетливый очеркъ исторіи колонизаціи слободско-украинской области, затѣмъ сообщаетъ важнѣйшія характеристическія черты ея первоначальнаго устройства и исторію постепенныхъ видоизмѣненій этого устройства до того времени, когда, вслѣдствіе указа императрицы Екатерины II, послѣдовавшаго въ началѣ 1765 года, слободскіе полки были преобразованы по образцу общегосударственнаго устройства и составили одну изъ губерній россійской имперіи.

Заселеніе Слободской Украйны произошло только въ половинѣ XVII столѣтія (1640—1654 г.) и развилось весьма быстро. Переселенцы явились сюда изъ польской Украйны, укрываясь за предѣлами польскаго государства отъ тѣхъ религіозныхъ, національныхъ и экономическихъ притѣсненій, которымъ подвергались на родинѣ. Они въ теченіи 14 лѣтъ составили населеніе пустынной до того времени области, достигавшее цыфры 80—100 тысячъ. Русское правительство, предоставивъ въ пользованіе переселенцамъ свободныя земли, возложило на нихъ исключительно обязанность военной службы, необходимой для огражденія границъ отъ татарскихъ набѣговъ, и освободило ихъ отъ всякихъ другихъ государственныхъ повинностей, предоставивъ притомъ пришлому населенію право устроиться и управляться почти совершенно независимо.

Переселенцы сгруппировались въ три козацкіе полка: сумскій, ахтырскій и харьковскій, къ которымъ къ концу столѣтія прибавилось еще два: изюмскій и острогожскій; полки состояли въ управленіи выборныхъ полковниковъ и старшинъ и распадались на сотни, управлявшіяся также выборными сотниками и сотенною старшиною. Въ такомъ положеніи слободскіе полки находились до начала XVIII столѣтія, когда видоизмѣнившіяся историческія условія края, ослабленіе крымскаго ханства и быстрое развитіе на югѣ русской колонизаціи сдѣлали излишними существованіе пограничной козацкой стражи и побудили правительство къ ряду постепенныхъ мѣропріятій, клонившихся къ тому, чтобы прекратить особенное устройство края и подвести его подъ общую норму быта всего государства. Исторія этихъ мѣропріятій разсказана И. И. Срезневскимъ весьма подробно и доведена до указа 1765 года, уравнившаго права и обязанности жителей Слободской Украйны и устройство этой области съ правами и устройствомъ, установленными для всего государства.

В. А.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ШКОЛА ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ПѢВЧИХЪ, НАЗНАЧАВШИХСЯ КО ДВОРУ.

Какъ извѣстно, Малороссія въ прежнее время служила мѣстомъ, откуда поставлялись въ столицы лучшіе пѣвцы. Пѣвцы и музыканты изъ малороссіянъ служили не только при дворѣ, но и у русскихъ вельможъ; наприм., въ домѣ кн. Меншикова „при спѣвальной музицѣ" состоялъ малороссіянинъ Афанасій Ревуковичъ [1]). Царица Екатерина Іоанновна, герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, во время пребыванія гетмана Данила Апостола въ Москвѣ въ 1728 году, обращалась къ нему съ требованіемъ дать универсалъ посылаемому въ Малороссію служителю Василію Евстратову „для сыску двухъ пѣвчихъ алцѣстъ, которые необходимы къ ея двору". По этому случаю гетманъ, между прочимъ, писалъ царицѣ, что „разными временами посылаючіеся въ Малую Россію для выбираня пѣвчихъ многіе чинять обывателямъ тамошнимъ обиды, и якихъ не надобно, и такихъ, токмо для взятковъ, насильно отымають хлопцовъ". Вслѣдствіе этого Апостолъ обѣщалъ самъ, по возвращеніи въ Малороссію, распорядиться о пріисканіи двухъ пѣвцовъ-алцѣстъ и прислать ихъ ко двору царицы [2]). Въ декабрѣ мѣсяцѣ того-же года, по возвращеніи въ Глуховъ, гетманъ получилъ вторичное требованіе пріискать еще двухъ дискантовъ. Гетманъ

[1]) Матеріалы для отечеств. исторіи Судіенка, II, 11.

[2]) Тамъ-же, стр. 108.

отвѣчалъ царицѣ: „Имѣючи я въ незабвенной памяти, что въ бытность мою въ Москвѣ соблагоизволили ваше высочество требовать присылки двохъ пѣвчихъ алцѣстъ, которымъ надобно быть при дворѣ вашего высочества, прибывши-же сюда въ Глуховъ, посылалъ отъ себе въ полки рейменту моего малороссійскіе таковыхъ пѣвчихъ искать; а теперь получилъ вторично вашего высочества предложеніе, дабы до музыки спѣванной ко двору вашего высочества двохъ дишкантовъ, а двохъ алтовъ прислать; и я по тому вашего высочества требованію, которіе теперъ могли вынайтись хлопцы зъ тихъ, а именно двохъ дишкантовъ, а двохъ алтовъ отправляю, и хотя еще къ тому оные не обучены, ибо обученнихъ сискать теперъ весма трудно, понеже тутъ, въ Малой Россіи, спѣванные музики звелися, за бывшимъ здѣшнимъ премѣненіемъ, однакъ, надѣюсь, когда обучатся, то до спѣвання будутъ не неугодни. Если-жъ съ временемъ могутъ и способнѣйшіе обискатись для прислуги вашему высочеству, моей милостивѣйшей государинѣ, переслать потщуся“ [1]).

При Аннѣ Іоанновнѣ въ особенности много отправлялось пѣвчихъ изъ Малороссіи въ Петербургъ, какъ къ ея двору, такъ и ко двору царевны Елисаветы Петровны. Эти пѣвчіе набирались по всѣмъ полкамъ Малороссіи и подготовлялись въ Глуховѣ. По крайней мѣрѣ такъ было въ 1736—1738 годахъ.

На содержаніе подготовлявшихся пѣвчихъ въ Глуховѣ употреблено было изъ малороссійскихъ доходовъ въ 1736 г. 50 рублей, 1737 г. 100 руб., въ 1738 г. 250 руб. Изъ указанной суммы давалось каждому обучавшемуся пѣнію по 3 копѣйки на день, также изготовлялась одежда и обувь. Регенту назначалось также содержаніе.

Въ августѣ 1738 года изъ 19 человѣкъ пѣвчихъ, подготовлявшихся въ Глуховѣ, выбраны были 11, которые и отправлены ко двору Анны Іоанновны вмѣстѣ съ регентотъ Ѳедоромъ Яворскимъ. А 21 сентября того-же года послѣдовалъ царскій указъ, на имя майора лейбъ-гвардіи Шипова, въ которомъ, между прочимъ, пред-

---

[1]) Архивъ малорос. коллегіи, находящійся при харьков. универс. Дѣло о присылкѣ пѣвчихъ изъ Малой Россіи къ дворцовой капеліи въ Москву къ царицѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ, 1728 г., № 4199.

писывалось: „изъ оставшихся за отсылкою сюда пѣвчихъ оставить одного регента, которой-бы въ пѣніи четверогласномъ и партесномъ былъ совершенно искусенъ и учредить небольшую школу, въ которую набирать со всей Малой Россіи изъ церковниковыхъ, такожъ изъ казачьихъ и мѣщанскихъ дѣтей и протчихъ, и содержать всегда въ той школѣ до двадцати человѣкъ, выбирая, чтобъ самые лутчіе голоса были и велѣть ихъ оному регенту обучать кіевского, такожъ и партеснаго пѣнія, а при томъ, сыскавъ искусныхъ мастеровъ изъ иностранныхъ и изъ малороссіянъ, велѣть изъ оныхъ-же учениковъ обучать и струнной музыкѣ, а именно: на скрыпицѣ, на гусляхъ и на бандорѣ, дабы могли на оныхъ интрументахъ съ нотъ играть; и которые пѣнію, такожъ и на струнной музыкѣ обучены будутъ, и съ тѣхъ по вся годы лутчихъ присылать ко двору ея императорскаго величества человѣкъ по десяти, а на тѣ мѣста паки вновь набирать, и пока тѣ учители тамо въ школѣ обучать будутъ, давать имъ надлежащее жалованье, а ученикамъ опредѣлить на пропитаніе и платье и обувь сколько потребно по разсужденію его майора Шипова изъ малороссійскихъ доходовъ“.

Подробности относительно устройства школы были развиты канцеляріей министерскаго правленія малороссійскихъ дѣлъ, которая изложила ихъ въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: 1) Для содержанія пѣвчихъ и струнной музыки въ Глуховѣ устроить школу въ особномъ мѣстѣ, на которомъ построить описныхъ маетностей подданными двѣ горницы съ комнаты да пекарню; да изъ оныхъже маетностей для варенія въ школѣ е(ѣ)сть взять двухъ бабъ и одного мужика. 2) О пріисканіи угодныхъ къ пѣнію кіевскаго и партесного пѣнія регента, человѣка добраго и въ пѣніи и въ составленіи нотъ искусснаго, и о присылкѣ въ Глуховъ онаго регента, и лучшихъ голосовъ къ тому пѣнію хлопцовъ человѣкъ до двадцати къ архіереямъ кіевскому, переяславскому и къ присутствующимъ въ консисторіи черниговской писать. 3) Какъ отъ оныхъ архіереевъ къ пѣнію и къ ученію хлопцовъ искусный регентъ и лутчихъ голосовъ хлопцы присланы будутъ и которыхъ хлопцовъ, набравъ, приведетъ посланный въ нѣжинскій и черниговскій полки сотникъ Брежинской, то изъ тѣхъ выбравъ оставить угодныхъ въ Глуховѣ при школѣ, а именно регента одного, хлопцовъ лутчихъ голосовъ семнадцать, да для игранія на струнной музыкѣ пріискать

мастеровъ гуслиста, бандуриста изъ малороссіянъ, которые-бъ довольно играть знали на гусляхъ, на бандурѣ и на скрипицѣ, и чтобъ оные мастера на оныхъ инструментахъ изъ показанныхъ хлопцовъ семь человѣкъ обучали струнной музыкѣ по нотѣ. 4) Для содержанія оныхъ пѣвчихъ, гуслиста и бандуриста, всего двадцати человѣкъ, ассигновать канцеляріи министерскаго правленія изъ наличныхъ денегъ сто рублевъ, и изъ тѣхъ денегъ расходъ держать, записывать особъ учиненную книгу съ росписками, и давать онымъ регенту, хлопцамъ, мастерамъ, гуслисту и бандуристу на одежду и на протчая въ годъ со вступленія ихъ къ показанному обученію, а именно: регенту 50 рублевъ, басисту одному 5 рублевъ, да ему-жъ басисту, такожъ тенористамъ, алтистамъ и протчимъ хлопцамъ, всего на 17 человѣкъ, на платья, на кафтаны, на штаны сукна каждому по пяти аршинъ, цѣною аршинъ по 80 копѣекъ, ибо хотя малымъ хлопцамъ пяти аршинъ сукна будетъ со излишествомъ, оное излишнее можетъ употреблено быть большимъ, которымъ либо и достать не можетъ; на полукафтаны всякому по 2 рубля, на прикладъ и за работу по два-жъ рубля, да вышепоказаннымъ-же пѣвчимъ тенористамъ, алтистамъ и протчимъ хлопцамъ, которымъ денежного окладу не написано, шестнадцати человѣкамъ, на сапоги, на рубахи, на порты, на шапки, на рукавицы и на протчая по два рубли; а егда изъ оныхъ хлопцовъ которые будутъ обучаться ревностнѣе, онымъ давать по десяти копѣекъ на мѣсяцъ каждому. Гуслисту да бандуристу, когда они пріисканы будутъ, въ годъ каждому по двадцати рублевъ, да онымъ-же регенту съ хлопцы и гуслисту и бандуристу въ школу въ годъ на свѣчи пять рублевъ, да имъ-же пѣвчимъ, такожъ гуслисту и бандуристу, всѣмъ двадцати человѣкамъ на пропитаніе каждому на день по двѣ копѣйки, да хлѣба на мѣсяцъ каждому муки по полуосмины, крупъ по два гарнца, которой хлѣбъ взять изъ описного Марчихина-будьянскаго (с. Марчихина-Буда) дворца и держать въ росходъ съ росписками, а когда оная школа въ показанныя науки вступитъ, тогда къ смотрѣнію оной и чтобъ ученики не своеволили и не гуляли, опредѣлить изъ глуховского гарнизона ундеръ-офицера, человѣка доброго, которому, какъ, будучи при той школѣ у смотрѣніи, поступать, дать инструкцію.

Управлявшій Малороссіей А. И. Румянцевъ, который находился въ то время въ Переяславѣ, распорядился, чтобы остававшіеся за отсылкою ко двору четыре человѣка пѣвчихъ съ регентомъ были присланы къ нему изъ Глухова. А по явкѣ въ Переяславль, онъ командировалъ ихъ во всѣ малороссійскіе полки съ тѣмъ, чтобы они выбирали хлопцевъ съ лучшими голосами и къ апробаціи высылали бы къ нему, „а дабы оные пѣвчіе во время того набору либо изо взятковъ какихъ кого изыщутъ лутчихъ не отпускали и не таили и поступали-бъ въ томъ порядочно, для смотрѣнія въ томъ за ними опредѣлить и послать съ ними нарочныхъ и унтеръ-офицеровъ, и въ иные полки, и значковыхъ товарищей по одному, а о неучиненіи пѣвчимъ во взятьи тѣхъ лучшихъ голосовъ хлопцовъ никакого препятствія во всѣ малороссійскіе полки послать указы“... [1]).

Въ силу этихъ распоряженій, забрано было въ малороссійскихъ и слободскихъ полкахъ свыше восьмидесяти человѣкъ хлопцевъ. Изъ числа ихъ оказалось годныхъ 33 человѣка, а именно: басиста 2, тенористовъ 5, дышканцистовъ 6, алцистовъ 16, да опредѣлены въ музыканты 4. Выбраннымъ пѣвчимъ отведено было помѣщеніе въ Переяславѣ и на содержаніе давано каждому по алтыну въ день. Деньги отпущены изъ отписныхъ Кантокузинскихъ маетностей; для изготовленія же пищи и для услуги назначено два человѣка да двѣ бабы изъ подданныхъ тѣхъ же маетностей [2]).

Такъ-какъ Румянцевъ находился въ Переяславѣ недолго, то, по всей вѣроятности, школа пѣвчихъ была переведена въ Глуховъ. Впрочемъ дальнѣйшая судьба школы мнѣ неизвѣстна.

Въ заключеніе настоящей замѣтки считаю не лишнимъ привести историческую справку о бандуристахъ. Находящіеся нынѣ въ загонѣ бандура и бандуристы въ прошломъ столѣтіи были въ большомъ почетѣ. Какъ видно изъ приведеннаго выше, искусству играть на бандурѣ были обучаемы нѣкоторые изъ пѣвчихъ, назначавшихся ко двору, и это дѣлалось въ силу именного указа импе-

---

[1]) Предписаніе 11 января 1739 г.

[2]) Дѣло архива малор. коллегіи, находящагося при харьков. университетѣ, объ учрежденіи въ Глуховѣ школы для обученія пѣвчихъ и о наборѣ оныхъ, 1738 г., № 9184.

ратрицы Анны Іоановны. При Елизаветѣ Петровнѣ находился придворный бандуристъ Григорій Михайловичъ (слѣпой), который даже пожалованъ былъ въ дворяне. Къ этому бандуристу хаживали въ гости, въ бытность въ Петербургѣ, именитые наши паны, въ родѣ Маркевичей, и съ нимъ и съ придворными пѣвчими „куликали". Мода держать бандуристовъ распространилась и между петербургскими вельможами. Такъ, по словамъ Я. Маркевича, утекшій отъ него кравчикъ Данилко служилъ въ Петербургѣ въ бандуристахъ при Нестеровѣ. При самомъ Маркевичѣ находился *бандурка*, мальчикъ игравшій на бандурѣ, котораго онъ въ 1723 г. подарилъ кн. Голицыну, а въ 1728 г. встрѣтилъ его въ Петербургѣ, гдѣ онъ служилъ у Давыдова, адъютанта кн. Барятинскаго. Въ Малороссіи въ панскихъ домахъ бандура занимала почетное мѣсто въ числѣ прочихъ инструментовъ; ее даже размалевывали [1]).

П. Ефименко.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА ВЪ ЧЕРНИГОВѢ.

24 генваря с. г. въ Черниговѣ скончался соборный протоіерей о. Евфимій Пучковской. Для погребенія его избрано было мѣсто за алтарной стѣной зимняго соборнаго храма во имя св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Когда рабочіе, приступивъ къ рытью могилы, стали копать, отступя на одинъ аршинъ отъ стѣны пристроеннаго къ древнему храму алтаря, то на небольшой глубинѣ встрѣтили каменный сводъ; тогда они отступили еще на два аршина и стали копать могилу въ 3 арш. длины и въ $1^1/_2$ арш. ширины. Тутъ продольная стѣна могилы, ближайшая къ алтарю, пошла по стѣнѣ кирпичнаго склепа древней кладки [2]); по снятіи мерзлаго верхняго слоя, земля оказалась разрыхленною. Рабочіе продолжали копать и на глубинѣ $2^1/_4$ аршинъ нашли человѣческій остовъ, а при немъ черепъ и челюсти съ отлично сохранившимися, бѣлыми

[1]) Дневныя записки малорос подскарбія А. Маркевича, I, 28, 55, 271; II, 161, 169, 180, 191).

[2]) Состоящая изъ рядовъ длинныхъ кирпичей и дикаго камня, связанныхъ очень крѣпкимъ цементомъ.

не испорченными зубами; нѣсколько ниже выкопанъ другой человѣческій остовъ, въ челюстяхъ котораго зубы оказались уже не всѣ и не такъ бѣлы. Открытый позже остовъ лежалъ въ деревянномъ дубовомъ гробѣ; стѣнки послѣдняго, плотно приставшія къ землѣ, но вынутіи ихъ кусками выброшенные изъ могилы, обратились въ прахъ. По положенію обоихъ скелетовъ видно, что погребенныя тѣла обращены были лицами къ востоку. Время было къ вечеру; рытье могилы производилось безъ всякой предосторожности, никто не ждалъ найти въ разрытой могилѣ что нибудь особенное, тѣмъ болѣе, что лѣтъ 20-ть назадъ на этой мѣстности былъ вырытъ довольно большой ровъ подъ фундаментъ для алтаря. Очень можетъ быть, что рабочіе, вынувъ первый черепъ, ногами и заступами смѣшали верхнюю землю съ истлѣвшею крышкою гроба и даже вовсе не замѣтили перваго гроба, болѣе разрушившагося; могли они также растоптать и находившіяся въ гробахъ вещи и смѣшать ихъ съ землею; тѣмъ не менѣе нашлись уцѣлѣвшія и вынутыя изъ земли вещи. Это, во первыхъ, два золотые, круглые медальона; въ верхней части ихъ вмѣсто ушка дугообразная золотая проволока, что придаетъ имъ нѣкоторое сходство съ висячими круглыми замками. Медальоны эти, выпуклые по срединѣ, съужены къ краямъ; внутри ихъ замѣтна пустота, по серединѣ съ обѣихъ сторонъ находятся покрытые эмалью кружки, отороченные рядомъ жемчужинъ; но послѣднія уцѣлѣли лишь на одномъ изъ медальоновъ, въ числѣ 19-ти, на другомъ-же замѣтны только ихъ мѣста; по краямъ медальоновъ рельефныя небольшія украшенія въ византійскомъ стилѣ, на эмалевыхъ кружкахъ въ увеличительное стекло можно замѣтить на одной сторонѣ медальоновъ розетку, нѣсколько похожую на крестъ, и подъ нею круглое очертаніе, а на другой—надъ такимъ-же очертаніемъ украшеніе изъ акантовыхъ листовъ; каждый изъ медальоновъ величиною въ діаметрѣ въ 1 верш., вѣсомъ—одинъ съ уцѣлѣвшими жемчужинами $7^1/_2$, а другой съ выпавшими жемчужинами около 7 золотниковъ. Судя по выпуклости медальоновъ, они вѣроятно открывались, но въ настоящее время затрудняются ихъ открыть изъ опасенія повредить. Къ сожалѣнію, въ Черниговѣ нѣтъ искуснаго ювелира, а было-бы весьма любопытно знать, нѣтъ-ли внутри медальоновъ какого нибудь изображенія или надписи.

Вмѣстѣ съ медальонами найдены двѣ серебрянныя, сильно окисленныя, цѣпи. Одна изъ нихъ сплетена изъ довольно толстой проволоки и оканчивается прикрѣпленною къ ней змѣиною головою, съ другого-же конца такая-же голова отломана; но обѣ, какъ видно, соединялись кольцомъ; длина этой цѣпи 1 арш. 6 верш. Другая разломанная цѣпь, оканчивающаяся также змѣиною головою, изъ серебряной тонкой проволоки, внутри пустая, снаружи представляетъ мелкую сквозную рѣшетку, похожую на змѣиную чешую; длина ея съ разломанными частями $^1/_2$ аршина, а толщина $^1/_4$ верш. Эта послѣдняя цѣпь затѣйливой работы и представляетъ большое сходство съ змѣею или ужемъ. Къ одной изъ описанныхъ цѣпей долженъ принадлежать найденный, тоже окисленный крючекъ.

Кромѣ описанныхъ вещей, найдены съ ними вмѣстѣ три золотыя серьги овальной формы и 8-мь золотыхъ колецъ, похожихъ съ перваго взгляда на серьги, но меньшихъ размѣровъ. На серьгахъ не осталось ни одной жемчужины; на кольцахъ также видны мѣста украшавшихъ ихъ жемчужинъ или другихъ камней. Въ числѣ открытыхъ вещей находится также какой-то камень (кажется порфиръ), имѣющій видъ небольшаго цилиндра, просверленнаго внутри. Всѣ эти вещи имѣютъ признаки византійской работы.

Такова находка; попытаемся сказать нѣсколько словъ въ объясненіе оной.

Змѣи всегда имѣли эмблематическое различное значеніе: у язычниковъ—жезлъ Меркурія и Эскулапа, у первыхъ христіанъ епископскіе жезлы украшались и теперь еще украшаются змѣиными головами, какъ эмблемою мудрости; змѣю согнутую кольцемъ, держащую во рту свой хвостъ, считаютъ эмблемою вѣчности. Итакъ найденныя змѣеобразныя цѣпи могли имѣть и эмблематическое христіанское значеніе и служить вмѣстѣ съ тѣмъ женскимъ украшеніемъ. Такія украшенія византійскіе императоры дарили крестившимся въ Константинополѣ скифамъ и вѣроятно женамъ ихъ вождей и дружинниковъ [1]). На черниговской гривнѣ, найденной 1821 года и двухъ Ониксахъ (intaglio), найденныхъ въ Готѣ 1834 года проф. дерптскаго универ. Крузе, съ помощію которыхъ онъ могъ разобрать надпись, не разобранную прежде на черниговской гривнѣ,

---

[1]) Домашній бытъ русскихъ царицъ, И. Забѣлина, Москва, 1869 г., стр. 571.

а также на другихъ подобныхъ гривнахъ (таковы: найденная на Куликовомъ полѣ и описанная г. Напирскимъ, находящаяся въ мюнцъ-кабинетѣ казанскаго университета и описанная проф. Эрдамономъ и наконецъ гривна-медаль найденная близь села Городища, стародубскаго уѣзда, черниговской губерніи, хранящаяся теперь въ ризницѣ черниговскаго архіерейскаго дома и въ свое время описанная пр. Филаретомъ, черниговскимъ архіепископомъ) помѣщаются съ одной стороны человѣческая голова, окруженная змѣями, а съ другой на Ониксахъ надписи священнаго содержанія, а на медаляхъ, кромѣ надписей, еще и изображенія: на черниговской и казанской архистратига Михаила, на найденной на Куликовомъ полѣ образъ пресвятыя Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, а на послѣдней св. Георгія Побѣдоносца. По объясненію упомянутыхъ ученыхъ, змѣи съ одной стороны и священное изображеніе и надписи съ другой заключали въ себѣ символическое значеніе попранія язычества христіанствомъ въ побѣдоносной брани съ зміемъ, изображенной въ Апокалипсисѣ XII, 7—12 и у пророка Даніила X, 21 [1]).

Мы склонны предполагать, что найденныя цѣпи весьма древняго и при томъ византійскаго происхожденія. Аллегорическій смыслъ зміиныхъ головъ понятенъ самъ собою и не могъ быть инымъ, какъ общепринятымъ въ языческомъ и христіанскомъ мірѣ; что-жъ касается символическаго значенія другой части медальоновъ, то сказать о немъ что либо опредѣленное затрудняемся, такъ какъ лишь на одномъ изъ нихъ едва примѣтно изображеніе креста, а что внутри ихъ, пока неизвѣстно, хотя очень можетъ быть, что какъ наружныя, такъ и внутреннія изображенія погибли отъ неосторожности рабочихъ. Во всякомъ случаѣ мы думаемъ, что найденные скелеты христіанскіе. Думать, какъ это хочется нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ цѣнителей древностей, что это была языческая могила, нѣтъ никакого повода: открытые скелеты, по обычаю христіанъ, обращены къ востоку; мѣста двухъ языческихъ кладбищъ въ Черниговѣ хорошо опредѣлены профессоромъ Самоквасовымъ и находятся на Болдиной горѣ, близь троицкаго архіерейскаго дома и елецкаго монастыря, самое-же мѣсто, на кото-

[1]) «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1836 г., ч. IX, стр. 335—363. Описаніе черниговской епархіи, архіеп. Филарета, стародубск. уѣздъ, книга 7, стр. 52. Черниговъ, 1873 г.

ромъ сооруженъ борисоглѣбскій храмъ, находилось въ древней крѣпости; наконецъ значительныхъ лицъ язычники сожигали, а простые люди не могли имѣть дорогихъ украшеній, къ каковымъ несомнѣнно принадлежатъ описанныя нами.

Черниговскій борисоглѣбскій соборъ, близъ котораго найдены эти вещи, сооруженъ черниговскимъ княземъ Давидомъ Святославичемъ, отцемъ преподоб. Николы Святоши, въ 1120 году, и въ немъ погребены какъ самъ храмоздатель, такъ и сынъ его, великій князь Изяславъ, всѣ-же другіе черниговскіе князья погребены въ соборѣ спасскомъ. Итакъ, судя по найденнымъ вещамъ, можно думать, что въ раскопанной случайно могилѣ были похоронены въ гробахъ, поставленныхъ одинъ на другомъ, двѣ какія-то знатныя особы женскаго пола, можетъ быть, черниговская бояриня и ея дочь временъ князя Давида Святославича или его сына.

А. Ханенко.

ПИСЬМО ИЗЪ ВАРШАВЫ ОТЪ 6-го АПРѢЛЯ 1790 Г.

Помѣщаемое подъ такимъ заголовкомъ письмо поступило къ намъ изъ бывшаго архива секретаря Потемкина В. С. Попова. На послѣдней страницѣ надпись позднѣйшаго времени: „по приказанію императрицы Екатерины II переведено съ польскаго статсъ-секретаремъ В. С. Поповымъ". Итакъ письмо это было въ рукахъ Екатерины, относительно которой содержится въ немъ весьма важное, хотя, какъ увидимъ далѣе, совсѣмъ неосновательное обвиненіе. Кѣмъ и къ кому писано письмо, когда и какъ попало въ руки русскихъ властей, не извѣстно. Писано оно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совершавшихся въ Варшавѣ событій, обозначавшихъ собою послѣдніе дни существованія Польши, и передаетъ такъ сказать новости дня. Одною изъ самыхъ крупныхъ новостей въ то время былъ сочиняемый не въ первый разъ приходившіею въ отчаяніе волынскою шляхтою мнимый бунтъ на Волыни, сопровождавшійся на этотъ разъ арестомъ и заключеніемъ въ крѣпость слуцкаго архимандрита, впослѣдствіи минскаго и потомъ черниговскаго архіепископа Виктора Садковскаго, и съ нимъ нѣсколькихъ православныхъ священниковъ Волыни. Варварскія казни надъ участниками Коліив-

щины, производившіяся главнымъ образомъ на Волыни, не давали покоя такъ настойчиво требовавшей въ свое время кровавой кары шляхтѣ, и она въ свою очередь ожидала такого-же для себя возмездія. Опасенія и страхи усиливались въ виду раздраженія народнаго, видимаго тяготѣнія всего русскаго и православнаго въ сторону Россіи, обычныхъ въ то время такъ называемыхъ „похвалокъ“ и наконецъ очевиднаго для всѣхъ окончательнаго разложенія Польши. Полякамъ не вѣрилось, что ихъ отчизна умираетъ смертью, которую сама для себя подготовила, и они искали причинъ оной въ постороннемъ вмѣшательствѣ и подущеніяхъ. Въ теченіи почти полустолѣтія сыпались уже со стороны поляковъ на русское правительство обвиненія въ тайномъ подущеніи къ бунтамъ православнаго населенія Польши, между тѣмъ какъ это послѣднее болѣе полутораста лѣтъ само стремилось къ единенію съ Россіею, напрягая для этого всѣ свои силы, поднимая страшное кровопролитіе, но каждый разъ было отбрасываемо въ ненавистныя ему руки Польши, что еще разъ доказываетъ, что инстинкты народные выше пониманія такъ называемыхъ государственныхъ дѣятелей. Одно изъ такихъ обвиненій содержится въ приводимомъ письмѣ, при томъ въ видѣ несомнѣнной, свѣжо добытой письменной улики. Нелѣпость этого обвиненія понятна сама собою. Екатеринѣ не было надобности въ подстрекательствѣ русскаго населенія Волыни противъ Польши, когда сама Польша была всецѣло въ ея рукахъ и русскія войска наводняли польскія провинціи. Бунта и истребленія поляковъ, о которомъ здѣсь рѣчь, не послѣдовало, а спустя три года наступилъ окончательный раздѣлъ Польши и возвращеніе ея русскихъ областей въ лоно Россіи. Викторъ Садковскій томился четыре года въ заключеніи и выпущенъ на свободу, по настоянію Россіи, лишь предъ самымъ раздѣломъ Польши.

Какъ однако могло появиться извѣстіе объ отысканіи у Виктора Садковскаго письма или манифеста, посланнаго будто-бы Екатериною къ православному духовенству и населенію Волыни и возбуждающаго „чернь противъ дворянства польскаго“? Объясненіе этого не представитъ затрудненія, когда припомнимъ обстоятельства возникновенія возстанія на Украйнѣ въ 1768 году и появленія такъ называемой *Золотой грамоты*. И теперь, какъ и тогда, народъ слѣпо вѣрилъ въ защиту Россіи и что она приметъ его въ

свое подданство, не смотря на то, что она-же помогала Польшѣ усмирять ея непокорныхъ подданныхъ. Очень можетъ быть, что и теперь появился какой-либо подложный манифестъ отъ имени Екатерины, въ родѣ золотой грамоты 1768 г., или подобная вѣсть, либо мнѣніе передавалось въ какомъ-либо частномъ письмѣ, найденномъ у Виктора Садковскаго или кого-либо изъ арестованныхъ съ нимъ; очень можетъ быть, что находились и теперь люди, вѣрившіе въ подлинность такого манифеста и желавшіе воспользоваться имъ, какъ въ 1768 г., для поднятія народнаго возстанія. „Сами знатнѣйшіе вельможи польскіе не безъизвѣстны были“ о письмѣ Екатерины, т. е. вѣрили въ существованіе онаго. Нигдѣ однако, кромѣ приводимаго письма, мы не встрѣчаемъ другаго подобнаго указанія, не говоря о томъ, что производившееся долгое время надъ Викторомъ Садковскимъ слѣдствіе не открыло за нимъ никакого политическаго проступка.

Помѣщаемое письмо содержитъ и другія любопытныя извѣстія, не требующія однако какого либо объясненія; читатели ознакомятся съ ними изъ слѣдующаго текста письма въ современномъ переводѣ.

«Допросы архимандрита слуцкаго окончены. Депутація, къ тому опредѣленная, послала оныя сеймующимъ штатамъ, и вскорѣ дѣло сіе начнется въ сеймовыхъ судахъ. У архимандрита и священниковъ найдено писанныхъ бумагъ 400 листовъ, коими обнаружилось ужасное намѣреніе истребленія поляковъ; и между прочими находится письмо Ея Величества Императрицы россійской, коимъ она увѣщеваетъ архимандрита и священниковъ къ возмущенію черни противу дворянства польскаго, обнадеживая ихъ великими наградами и достоинствами, ибо симъ дѣйствіемъ и русскія области къ Польшѣ и Литвѣ принадлежащія возвратятся въ подданство скипетра ея, какъ единой покровительницы греческаго исповѣданія. О таковомъ злоумышленіи знатнѣйшіе изъ нашихъ вельможей были небезъизвѣстны. До 50-ти священниковъ сдѣлали присягу ея императорскому величеству въ вѣрномъ исполненіи предположеннаго намѣренія. Сколь скоро судъ надъ архимандритомъ начнутъ производить, то сеймующіе штаты принесутъ торжественно жалобу предъ лицемъ всѣхъ державъ противу Ея Величества Императрицы всероссійской, какъ губительницы польскаго государства.

Въ Галиціи нѣмцы много опасаются, чтобъ не послѣдовало возмущенія; почему изданы тамо указы, чтобы народъ наблюдалъ, не собирается ли къ оному дворянство и за донесеніе опредѣлены великія награжденія. Чернь много тѣмъ пользовалась, ибо коль скоро видѣла дворянина верхомъ ѣдущаго, тотчасъ доно-

сила директору и получала заплату, но когда посыланныя команды никого не находили, то доносители сказывали, что дворяне подозрительные убѣгали въ лѣсъ. Нѣмцы, узнавъ сіи обманы, больше уже награды не даютъ.

На сихъ дняхъ пріѣхалъ изъ Стамбула отъ посланника Потоцкаго, старосты Щиржецкаго, курьеръ съ весьма важными письмами, о коихъ въ сеймовомъ засѣданіи чрезъ три часа по выходѣ не принадлежащихъ къ сейму особъ (semotis arbitris) разсужденіе продолжалось. Помянутой посланникъ весьма уважается въ Стамбулѣ не токмо отъ султана и дивана, но даже и отъ всѣхъ иностранныхъ министровъ и присутствуетъ во всѣхъ совѣтахъ. Съ министрами прусскимъ, англійскимъ и шведскимъ частыя имѣетъ конференціи, послѣ коихъ тотчасъ подаетъ ноты министрамъ дивана.

Войсковая коммисія отдала приказы нѣкоторымъ воинамъ, хоругвямъ народовой кавалеріи и регментамъ пѣхотнымъ идти на Украйну. Сіе войско, составляющее 12,000 человѣкъ, имѣетъ расположиться лагеремъ повыше Смѣлы подъ командою князя Михайла Любомирскаго. Недавно пошло отселѣ войско въ Литву съ 12 пушками и военными снарядами.

Король Леопольдъ прислалъ здѣшнему императорскому резиденту г. де-Кагель извѣстіе объ кончинѣ брата его императора Іосифа II, гдѣ упоминаетъ также, что вскорѣ пришлетъ къ нашему двору полномочнаго посланника съ изъявленіемъ дружбы своей въ Рѣчи Посполитой польской.

По ревизіи оказалось, что въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ находилось жидовъ 28,000, кои дѣлали много помѣшательства здѣшнимъ мѣщанамъ въ торговлѣ и рукодѣліяхъ, но нынѣ Варшава отъ сея кучи освободится».

КНЯЗЬ ЯБЛОНОВСКІЙ ВЪ НЕЛОВКОМЪ ПОЛОЖЕНІИ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія м. Стеблевомъ (кіев. губ., канев. у.) владѣлъ польскій магнатъ князь Яблоновскій, послѣдній представитель знатной польской фамиліи: онъ умеръ бездѣтнымъ. Народная память забыла даже его имя, но не забыла личности этого оригинальнаго князя. Не смотря на свой громкій титулъ, на свое высокое положеніе въ Рѣчи Посполитой, князь Яблоновскій любилъ говорить по-украински, одѣвался по-крестьянски, въ будніе дни носилъ свиту или жупанъ, широкіе крестьянскіе шаровары, смушевую шапку. Разсказываютъ, что онъ часто являлся лично на громадскія сходки, происходившія въ орандѣ, обширномъ старинномъ зданіи среди мѣстечка, сохранившемся донынѣ, принималъ

участіе въ обсужденіи громадскихъ дѣлъ и послѣ сходокъ любилъ побалакать съ мужиками въ орандѣ и даже нерѣдко пилъ съ ними „по чарці, сидя за столомъ на беседі". Былъ-ли это капризъ знатнаго магната, или-же въ этомъ обнаруживалось демократическое направленіе небольшой фракціи польской шляхты, объ этомъ исторія умалчиваетъ. Но въ мѣстномъ населеніи сохранилось очень хорошее воспоминаніе о Яблоновскомъ, какъ о помѣщикѣ. Онъ составлялъ рѣдкое исключеніе. Съ этимъ-то княземъ Яблоновскимъ, вѣроятно вскорѣ послѣ присоединенія юго-западнаго края къ Россіи, примѣрно 1794 или 1795 г. случился очень непріятный казусъ, по всей вѣроятности ускорившій его кончину.

Домъ князей Яблоновскихъ стоялъ на островѣ Замкѣ, образуемомъ рѣкою Росью и ея рукавомъ Самовілкою. Этотъ островъ вѣроятно представлялъ безопасное мѣсто отъ нападенія козаковъ и гайдамаковъ, благодаря скалистымъ отвѣснымъ берегамъ Роси и Самовілки. Послѣдній Яблоновскій оставилъ этотъ старинный палацъ, вскорѣ обратившійся въ развалины, и основалъ свой *дворъ* близъ самаго мѣстечка. Ворота двора выходили прямо на базарную площадь. Одно зданіе въ этомъ панскомъ дворѣ, двухъ-этажный павильонъ, вѣроятно предназначенный для ночлега гостей, сохранился до настоящаго времени. Въ этомъ-то новомъ панскомъ дворѣ разыгралась траги-комедія, имѣвшая печальныя послѣдствія для князя Яблоновскаго.

Князь Яблоновскій въ старости имѣлъ привычку въ лѣтніе жары отдыхать послѣ обѣда въ костюмѣ праотца Адама, запершись въ своей опочивальнѣ. Въ такомъ видѣ, вѣроятно отъ скуки, онъ часто надѣвалъ на себя какіе-то ордена, которые у него были, но которыхъ онъ никогда не носилъ, становился передъ огромнымъ зеркаломъ и произносилъ слѣдующую рацею, обращаясь къ отраженію своей персоны, убранной въ ленты и кресты:

— Князю Яблоновській! Чого тобі недостача? Ты все маешь, чого тільки твоя душа забажае. Въ тебе волы, въ тебе отары овець, въ тебе сила хліба, грошей, людей. Въ тебе такі коні, якъ ни въ одного пана. Ты маешь ласку у короля. Тебе знае вся Польща. Въ тебе всяки регаліи. Тобі хиба птичого молока недостае. Князю Яблоновській! Який ты розумный! Чи е хто въ Польщи розумніший одъ тебе? Ты розумніший одъ усіхъ.

При этомъ князь указывалъ перстомъ на свое чело, какъ на вмѣстилище необыкновеннаго ума.

Любопытные лакеи успѣли подсмотрѣть и подслушать, что творилъ и что говорилъ князь, запираясь въ своей спальнѣ. Нашелся одинъ шутникъ лакей, которому вздумалось подшутить надъ старикомъ и напугать его. Яблоновскій былъ суевѣренъ и боялся нечистой силы. Однажды лакей этотъ спрятался въ огромномъ старинномъ каминѣ, находившемся въ спальнѣ. Яблоновскій по обыкновенію раздѣлся, надѣлъ всѣ ордена, сталъ передъ зеркаломъ и началъ читать рацею самовосхваленія.

— Князю Яблоновській! Чого тобі недостача? Ты все маешь, чого тільки душа твоя забажае. Въ тебе багато земли, въ тебе волы, въ тебе кони, въ тебе вівці. Въ тебе сила хліба, грошей. Тебе всі люблять, всі поважають. Въ тебе розуму сила. Ты розумный, розумный! розумніший одъ царя Соломона...

Въ этотъ моментъ въ комнатѣ раздался едва слышный, но отчетливый голосъ:

— Князю Яблоновський! Ты дурень, дурень, великій дурень!

Князь Яблоновскій оглянулся, услышавъ странный таинственный голосъ, отвѣчавшій въ тонъ его рѣчи, какъ эхо. Онъ осмотрѣлъ всѣ углы въ комнатѣ. Попробовалъ дверь—дверь заперта. Заглянулъ за зеркало, никого нѣтъ; посмотрѣлъ подъ кровать—никого нѣтъ. Онъ перевернулъ подушки, посмотрѣлъ подъ тюфякъ—нигдѣ никого и ничего. Яблоновскій успокоился, вѣроятно подумалъ, что ему послышалось, опять сталъ передъ зеркаломъ, поправилъ ленты на груди и началъ свою рацею: „князю Яблоновській"... но едва онъ произнесъ: „ты, князю, розумный, розумный, розумніший одъ усіхъ", опять послышался на этотъ разъ болѣе отчетливый голосъ, какъ будто раздающійся надъ головою князя въ воздухѣ: „князю Яблоновській! Ты дурень, дурень, дурніший одъ усіхъ". Яблоновскій струсилъ, поблѣднѣлъ, отперъ дверь и какъ былъ, въ костюмѣ Адама и въ орденахъ, опрометью бросился бѣжать на базарную площадь. Крестьяне и жиды, удивленные появленіемъ князя среди бѣлаго дня на базарѣ въ такомъ странномъ костюмѣ, окружили его и выслушали разсказъ о приключеніи. Князь разсказывалъ, что въ его спальнѣ завелся нечистый. Въ это время всѣ замѣтили черную фигуру, вылѣзшую изъ трубы и прыгнувшую на

крышу панскаго дома. Яблоновскій сейчасъ догадался, кто сыгралъ роль нечистаго и напугалъ его. Онъ крикнулъ: „давай рушницю!“ Ему подали заряженное ружье. Раздался выстрѣлъ, и нечистый свалился съ крыши на землю мертвымъ. За эту кару нечистаго князь попалъ подъ судъ и въ тюрьму и вскорѣ послѣ этого непріятнаго приключенія умеръ. Вѣроятно вся эта исторія случилась уже послѣ присоединенія Кіевщины къ Россіи, при новыхъ порядкахъ. Въ блаженныя времена шляхетскихъ вольностей въ старой Польшѣ конечно все окончилось-бы благополучно для Яблоновскаго. Сохранилось одно распоряженіе въ Хировской экономіи 1796 г. (Хировка—сосѣднее село, тогда принадлежало Яблоновскому), подписанное уже рукою жены Яблоновскаго, княгинею Францишкою Яблоновскою.

И. Л.

ЗАПИСАВШІЙСЯ ВО ВЛАСТЬ ПОМѢЩИКА СВЯЩЕННИКЪ.

Канувшее навсегда въ вѣчность крѣпостное право оставило намъ на память слѣды отношеній помѣщиковъ не только къ бывшимъ у нихъ въ безапелляціонной зависимости крестьянамъ, но и къ духовнымъ руководителямъ сихъ послѣднихъ—священникамъ. Ниже приводимый документъ, списанный нами съ подлинника, хранящагося въ рождество-богородичной церкви села Масловой, чигиринскаго уѣзда, кіевской губерніи, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ недалекомъ прошедшемъ, именно въ первой трети настоящаго столѣтія, право полученія священническаго сана и мѣста во многихъ случаяхъ зависѣло не только отъ личныхъ достоинствъ и заслугъ искателя священнаго сана, но и отъ согласія господина, владѣвшаго прихожанами извѣстной деревни. Можно полагать, что такому согласію помѣщиковъ придавалось не малое значеніе и высшею епархіальною властію.

Вотъ этотъ документъ, переписанный нами съ соблюденіемъ орфографіи подлинника:

„1825-го года февраля 16-го дня, я, нижеподписавшійся, кіевской губерніи, звенигородскаго уѣзда, мѣстечка Шполи, свято-троецкой церкви діаконъ Василій Гдешиньскій далъ сію подписку по-

мѣщику Василію Григоріеву сыну Цымбалистову въ томъ, что я съ рукоположенія во священника въ село Маслову къ рождества-богородичной церквѣ, состоящей въ чигиринскомъ повѣтѣ, никакихъ съ прихожанъ вымагательствъ лишнихъ требовать не стану, а такъ какъ по указному положенію; и весть себя честно и добропорядочно, какъ церковные правила священному сану дозволяютъ, чтобы пянства, ссоры, драки и буянства ни съ кимъ иникогда не было; также чтобы раждаемые младенцы безъ крещенія, а старые безъ исповѣды и безъ удостоенія святыхъ таинъ причащенія не умирали, и простолюдинами погребены не были; такоже у воскресные и праздничные дни церковъ безъ богослуженія не оставалась, въ противномъ-же случаи могло-бъ что послѣдовать выше прописанные пороки, то имѣетъ право помѣщикъ Цымбалистовъ безъ всякаго судопроизводства, споровъ и отговорокъ изъ села Масловой *отправыть*; и начто выше помянутый діяконъ согласенъ, въ томъ своеручно и подписался діяконъ Василій Гдешинскій".

Тутъ одно изъ двухъ: или сказанный помѣщикъ Цымбалистовъ былъ столь усерднымъ радѣтелемъ религіозныхъ интересовъ своихъ подданныхъ, что въ условіи съ будущимъ священникомъ прописалъ чуть не всѣ пункты ставленнической священнической грамоты, или искатель священническаго мѣста въ с. Масловой только путемъ такихъ условій съ помѣщикомъ, равно при протекціи послѣдняго, и могъ достигнуть священническаго сана. Какъ-бы то ни было, а Василій Гдѣшинскій удостоенъ былъ священства и прослужилъ въ с. Масловой лѣтъ около 30. Послѣдній пунктъ приведеннаго документа, предоставляющій право помѣщику Цымбалистову „безъ всякаго судопроизводства, споровъ и отговорокъ изъ села Масловой отправить", ясно характеризуетъ взглядъ тогдашнихъ низшихъ членовъ причта на казавшееся имъ могущество помѣщиковъ въ своихъ владѣніяхъ.

Священникъ **П. Саббатовскій.**

1883 года, февраля 21 дня.

С. Толмачь.

КЪ ИСТОРІИ БУГСКИХЪ КОЗАКОВЪ *).

Господину генералу отъ кавалерія и кавалеру Михельсону 1-му генералъ-лейтенанта, командующаго войсками въ 13-й девизіи состоящими, инспектора ихъ Дюка Де-Ришелье

РАПОРТЪ.

Войска бугскаго наказный атаманъ г-нъ полковникъ князь Кантакузенъ рапортуетъ мнѣ, что сформированные имъ молдавскіе волонтирскіе полки въ Кишиневѣ 1-й и 3-й пѣшіе, 2-й и 4-й конные, изъ коихъ 1-й подъ командою маіора Визиряна выступилъ на службу въ Бендеры, 2-го коннаго одна сотня съ хорунжимъ Сналѣевымъ въ Фалчи выкомандирована; 4-й конной полковаго есаула Шеміота выступилъ сего февраля 2-го числа. Остаются въ Кишиневѣ готовыми 2-го полка двѣ сотни, подъ командою ротмистра Гулдарія и третьяго пѣшаго 3 сотни подполковника Бицилія, за неполученіемъ оружія изъ ожидаемыхъ мѣстъ.

Вербовка въ волонтиры начало свое воспріяла съ небольшимъ полтора мѣсяца тому назадъ, въ столь короткое время успѣлъ полковникъ князь Кантакузенъ, собрать и устроить при малой помочѣ отъ казны до 2000 человѣкъ на службу. Ведаю совершенно, что онъ на пользу государственную не щадилъ здоровья и послѣдняго имѣнія своего; истиннымъ усердіемъ, отличными дѣяніями, рвеніемъ и неутомимыми трудами къ высочайшей его императорскаго величества службѣ, заставляетъ обязанностію моею отдать настоящую ему въ томъ справедливость. Онъ князь Кантакузенъ сверхъ того употребленъ мною заграницею къ соглашенію Булгаръ и другихъ христіанъ въ переселеніи оттоль ихъ на нашу сторону и въ семъ предметѣ показалъ успѣхи въ успѣшномъ сформированіи тѣхъ четырехъ волантирскихъ полковъ; полковникъ князь Кантакузенъ свидѣтельствуетъ оказанную дѣятельность и совершенное усердіе. Содѣйствовавшихъ ему въ подвигахъ подполковника *Бицилія*, полковаго есаула *Шеміота*, ротмистра *Гулдирія*, сотниковъ *Петрулина*, *Грибовецкаго* 2-го, прапорщика *Самарина*, бугскаго козачьяго войска урядниковъ *Ромоданова* и *Боднирскаго* вашему высоко-превосходительству. Осмѣливаясь представить все описанное на милости-

*) «Кіевская Старина», 1882 года.

вое благоуваженіе, всепокорнѣйше прошу къ поощренію на дальнѣйшее служеніе и въ воздаяніе отличныхъ трудовъ исходатайствовать у всемилостивѣйшаго государя императора, полковнику князю Кантакузену и протчимъ выше поименованнымъ чиновникамъ слѣдующихъ по заслугамъ каждому наградъ. Подлинной подписалъ генералъ-лейтенантъ *Дюкъ Де-Ришелье.*

Съ подлиннымъ вѣрно, князь Кантакузенъ".

№ 748.
Въ Одессѣ.
Февраля 2 дня, 1807 года.

Этотъ документъ списанъ съ безграмотнаго списка, но онъ интересенъ для памяти потомковъ упомянутыхъ бугскихъ чиновъ, которые теперь въ дѣтяхъ и внукахъ находятся въ нашемъ краѣ.

А. Скальковскій.

ЕЩЕ ОБЪ УКРАИНСКОЙ ЗЛОПОЛУЧНИЦѢ.

Въ январской и апрѣльской книжкахъ „Кіевской Старины" за настоящій годъ, въ отдѣлѣ „Извѣстій и Замѣтокъ" сообщены варіанты пѣсни о несчастной дѣвушкѣ, соблазненной и убитой заѣзжими людьми, которые называются то чужеземцами, то козаками, то татарами, то наконецъ „двораками" и „дворянами", какъ въ варіантѣ сѣдлецкомъ.

Къ тому, что сообщено доселѣ объ этой пѣснѣ, мы прибавимъ, что она въ самыхъ разнообразныхъ варіантахъ распространена почти повсемѣстно и у поляковъ [1]). Во всѣхъ извѣстныхъ намъ польскихъ варіантахъ пѣсни основная мысль та-же, что и въ малорусскихъ, но форма самая разнообразная. Не всегда соблазнителей три, чаще у поляковъ одинъ—„chłopiec czudzej krainy" или просто „Jaś" и обыкновенно жертва погибаетъ въ „głębokim Dunaju", послѣ того, какъ съ нея сняли „bogaty strój" и отняли деньги. О происхожденіи пѣсни, произшествіи, послужившемъ поводомъ къ

---

[1]) См. Kolberg O. Lud polski, I, № 5 a—z, VI № 316; Zbiór wiadomości do Antropologji kraiowej II, str. 78, № 89 и 90; IV str. 129, № 105.

составленію пѣсни, и личности соблазнителя трудно установить какой либо опредѣленный взглядъ. Несомнѣнно то, что пѣсня эта весьма древняя, подвергалась измѣненіямъ и наслоеніямъ въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ и окрашивается чисто мѣстными тонами; личность убійцы-соблазнителя совершенно зависитъ отъ мѣстныхъ общественныхъ условій. Роль такого соблазнителя и жестокаго убійцы на Украйнѣ усвоется татарину или донцу, польская-же пѣсня ищетъ героя вообще среди людей „obcych" и даже родныхъ „Jasiów". Большинство варіантовъ украинскихъ и польскихъ оканчивается правоученіемъ: умирающая дѣвушка взываетъ ко всѣмъ матерямъ или дѣвицамъ, указывая на печальныя послѣдствія то знакомства съ неизвѣстными людьми, то бѣгства отъ матери и отца,—послѣднее преобладаетъ въ пѣсняхъ польскихъ.

Намъ кажется, что авторъ замѣтки о подляской злополучницѣ, сообщая варіантъ, въ которомъ соблазнитель носитъ названіе: „дворянинъ", „дворакъ", „двораченько", и увлекшись созвучіемъ этого названія съ великорусскимъ словомъ дворянинъ, напрасно предполагаетъ такихъ соблазнителей въ средѣ дворянства и говоритъ по поводу этой пѣсни о ненависти подляскихъ малороссовъ къ своему дворянству, заклеймившему себя народнымъ и религіознымъ отступничествомъ. Малороссу, особенно подляскому, не извѣстно слово „дворянинъ" въ смыслѣ русскаго дворянства, для котораго онъ имѣетъ общеупотребительное названіе „панъ", а иногда „шляхтичъ". Подляское „дворакъ" и „дворянинъ" отвѣчаетъ украинскому „двірський, дворовый"; „dworzanin" и „dworak" встрѣчаются постоянно въ пѣсняхъ польскихъ въ значеніи людей изъ панской дворни, къ которымъ народъ также по разнымъ причинамъ относится весьма недружелюбно, но которые при своей обезпеченности и нарядности играютъ роль деревенскихъ львовъ. Кромѣ основной мысли пѣсни, въ польскихъ ея варіантахъ можно замѣтить очень много мѣстъ почти тождественныхъ съ соотвѣтственными мѣстами въ спискахъ малорусскихъ. Возьмемъ слѣд. мѣсто малорусскаго текста:

Привезли дівчину до зеленої сосны,
Вернись, дівчино, бо буде тошно!
Ой я не вернусь—не славы боюсь,
Зъ донськимъ козакомъ дай вірно люблюсь.

Этому мѣсту отвѣчаютъ слѣдующіе стихи той-же пѣсни, записанной въ плоцкой губерніи:

I powędrowali do ciemnego lasu,
Wracaj się, Kasiuniu, do domu zawczasu!
Na cóż ja tę nockę z tobą wędrowała,
Abym się do domu sama wracać miała?

Первый стихъ седьмого куплета кѣлецкаго варіанта: *„spójrzała Kazieniu wysoko po jedli“* очень напоминаетъ стихъ подляскаго списка: *„Ой стала дівчина, совны полічила“*.

Принадлежитъ-ли эта пѣсня къ бродячимъ, какой народъ и у кого позаимствовалъ ее? Перепятъ-ли только сюжетъ и оформленъ по своему, или сдѣланъ просто первоначально переводъ?— всѣ эти вопросы остаются открытыми. Интересныя указанія могло-бы дать собраніе мелодій этихъ варіантовъ; къ сожалѣнію, я не знаю ни польской, ни малорусской музыки этой пѣсни.

Ц. Г. Нейманъ.

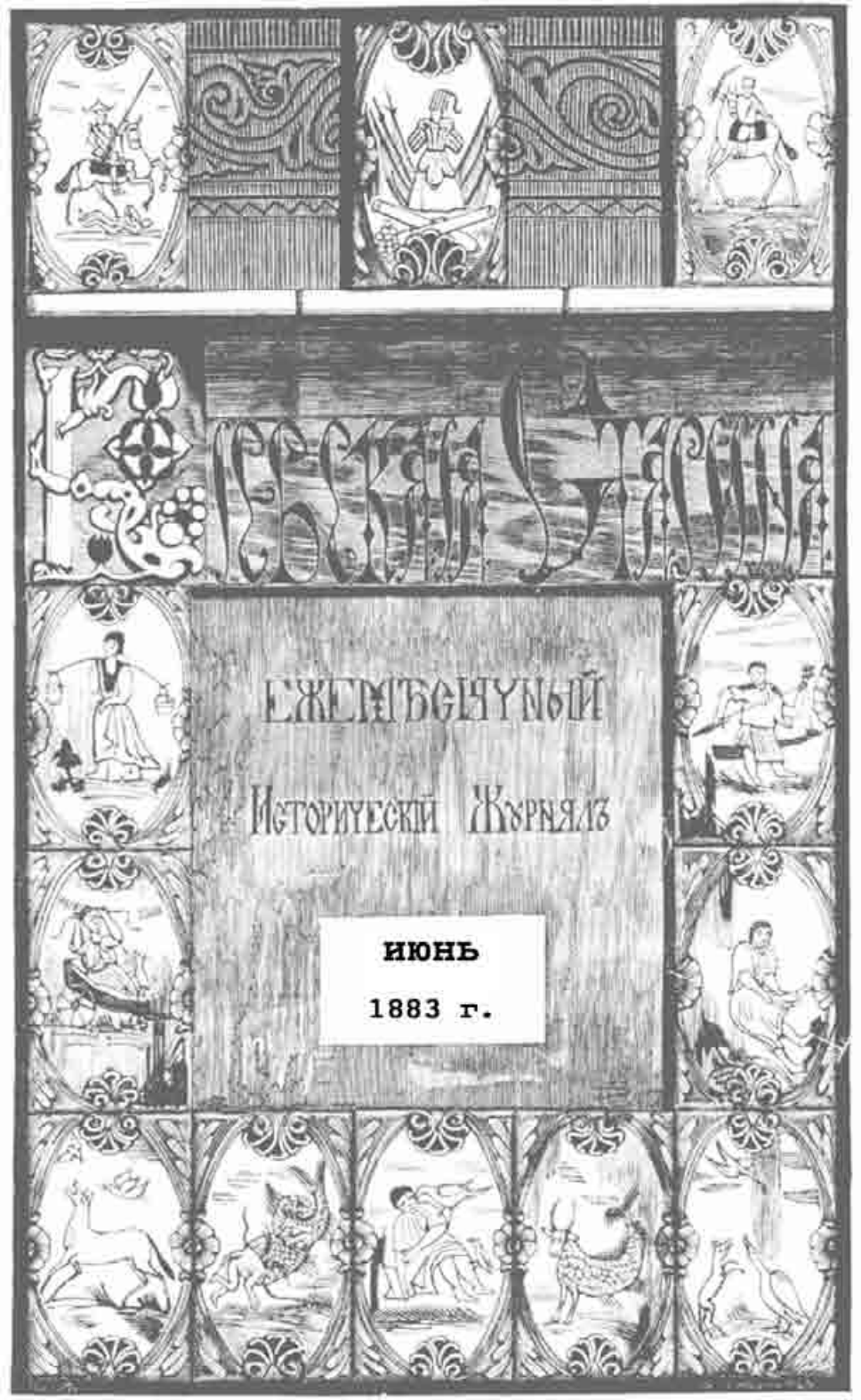
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
ИЮНЬ
1883 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VI. 1883 г.

Май, 1883 г.

стр.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ (историко-этнографическія замѣтки). **Ир. Житецкаго** 1

II. ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ. **В. Ястребова** 30

III. ХАРЬКОВСКІЙ ВЕРТЕРЪ. (Психологическо-юридическій очеркъ изъ харьковской хроники начала тридцатыхъ годовъ). **А. Барымова** . . . 49

IV. ИРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, коадъюторъ кіевскій. (*Продолженіе*). **Г. Булашева** 66

V. ФРЕСКИ КІЕВО-КИРИЛЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ XII в. (Рѣчь, произнесенная въ общемъ собраніи императорскаго русскаго археологическаго общества, 9 января 1883 г.). **Адріана Прахова** 97

VI. ПИСЬМО ЕПИСКОПА ЯКОВА СУШИ КЪ ГЕТМАНУ ВЫГОВСКОМУ СЪ ЦѢЛЮ СКЛОНИТЬ ЕГО КЪ УНІИ. (Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива). Сообщилъ **В. Т. М—чъ** 111

VII. ЗАПОРОЖСКІЕ ВЫБОРЫ И ПОРЯДКИ ПОЛОВИНЫ XVIII в. (По современнымъ описаніямъ). **Ал. Андр—скаго** 127

VIII. НЕИЗВѢСТНЫЙ ДОСЕЛѢ ГЕТМАНЪ И ЕГО ПРИКАЗЪ. **В. Антоновича**. 140

IX. ИЗЪ БУМАГЪ И. И. КОТЛЯРЕВСКАГО. **В. Горленка** 146

X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Исторія русской церкви Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Томъ XII. Спб. 1883 г.—*Т—скаго*.— б) В. Е. Бучневичъ. Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава. 1882 г.—*Ивана Матченка*.—в) Географія кіевской губерніи. Сост. Н. Мукаловъ. Кіевъ. 1883 г.—г) Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію. И. И. Срезневскаго. Харьковъ, 1883 г.—*В. А.* 155

стр.

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Школа для обученія пѣвчихъ, назначавшихся ко двору. *П. Ефименка* —б) Археологическая находка въ Черниговѣ. *А. Ханенка.*—в) Письмо изъ Варшавы отъ 6-го апрѣля 1790 г. —г) Князь Яблоновскій въ неловкомъ положеніи. *И. Л.*—д) Записавшійся во власть помѣщика священникъ. Священ. *П. Саббатовскаго.* —е) Къ исторіи бугскихъ козаковъ. *А. Скальковскаго.*—ж) Еще объ украинской злополучницѣ. *Ц. Г. Неймана.* 169

Іюнь, 1883 г.

стр.

I. Г. Ѳ. КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО. Историко-литературный очеркъ. **Н. Маркова** 193

II. ПРОИСХОЖДЕНІЕ МАЛОРУССКОЙ ДУМЫ О САМУИЛѢ КОШКѢ. **В. Науменка**. 212

III. БѢГЛЫЕ И КРѢПОСТНЫЕ ВЪ ЧЕРНОМОРІИ. **Ф. Щербины** . . . 233

IV. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. (*Окончаніе*). **А. Л. Шиманова** 249

V. УКРАИНСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Историческіе разсказы д-ра Антонія I. (Переводъ съ польскаго). 268

VI. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ЕВГЕНІЯ, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО, КЪ АРХИМАНДРИТУ МЕЛЕТІЮ, РЕКТОРУ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. Сообщилъ свящ. **Левандовскій**. 310

VII. ПРОШЕНІЕ МАЛОРОССІЙСКАГО ШЛЯХЕТСТВА И СТАРШИНЪ, ВМѢСТѢ СЪ ГЕТМАНОМЪ, О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ РАЗНЫХЪ СТАРИННЫХЪ ПРАВЪ МАЛОРОССІИ, ПОДАННОЕ ЕКАТЕРИНѢ II-й ВЪ 1764 ГОДУ.—Сообщ. проф. **А. Ѳ. Кистяковскій** 317

VIII. ТРИ ПИСЬМА ГР. Ѳ. КВИТКИ КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ 346

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Малорусскія изданія 1882 года.—б) Повія, романъ П. Мирного. Частина перша. («Рада», украинскій альманахъ. Кіевъ, 1883 г.)—*В. Г—ка*. 353

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Упыри. (Изъ исторіи народныхъ вѣрованій).—*П. Ефименка.*—б) Къ свѣдѣніямъ о козацкомъ гетманѣ Иванѣ Куцковичѣ.—Сообщ. *А. С—ко.*—в) Малороссійскіе чины и должности и окладъ ихъ содержанія.—г) Гдѣ подлинникъ любечской чудотворной иконы Божіей Матери?—*П. Л—ва.*—д) Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ.—е) «Гнідко», варіантъ Кармелюка.—*Александра Ом—скаго.*—ж) Образчикъ малорусскихъ эпитафій XVIII в.—Сообщ. *Ал. Маркевичъ.*—з) Современный отзывъ кіевлянъ о В. И. Аскоченскомъ.—Сообщ. *П. Д—въ*. 371

стр.

Іюль, 1883 г.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). (*Продолженіе*). **Ир. Житецкаго** 399
II. СУДЬБА ОДНОГО ГАЛИЦКО-РУССКАГО УЧЕНАГО. (Къ біографіи Ивана Николаевича Вагилевича). **Я. Г.** 453
III. РЕБЪ ЛЕЙБЪ-СУРЕСЪ. (Изъ еврейскихъ легендъ). **Александра Тарнавскаго** 473
IV. УКРАИНСКІЙ СОЛОМОНЪ, его кейфъ и судъ. (По фамильнымъ воспоминаніямъ). **Ст. фонъ-Носа** 492
V. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ЗАБѢЛА, ЗНАТНЫЙ ВОЙСКОВОЙ ТОВАРИЩЪ. (1665—1703 г.) (Отрывки изъ семейнаго архива). **Ал. Лазаревскаго** 506
VI. ПОСѢЩЕНІЕ КІЕВА В. КН. ПАВЛОМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ И В. КН. МАРІЕЮ ѲЕДОРОВНОЮ. (Современное описаніе). 539
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Акты, издаваемые виленскою археологическою коммисіею. Т. XII. Акты главнаго литовскаго трибунала. В. 1883 г. *В. И.*—б) Отчетъ замостьскаго свято-никольскаго церковнаго братства за время съ 9 мая 1882 г. по 9 мая 1883 г. Замостье.—*Посторонній* 563
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Воспоминаніе объ архіепископѣ могилевскомъ и мстиславскомъ Анатоліѣ. *Н. Пирожкова.*—б) Подозрѣніе, взведенное на проѣзжающихъ въ отравленіи воды во время холеры 1848 г. *П. Ефименка.*—в) Административное распоряженіе по поводу слуховъ о кончинѣ міра. *П. Ефименка.*—г) Наговоры отъ болѣзней у черноморцевъ. Сообщ. *Ф. Щербина.*—д) Покровская церковь въ Переяславлѣ. *А. Т.*—е) Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ.—ж) О портретахъ Мазепы. *Ѳ.*—з) Современные стихи на измѣну Мазепы. Сообщ. *П. Л.* 573

Августъ 1883 г.

стр.

I. КУПЛЕТНЫЯ ФОРМЫ НАРОДНОЙ ЮЖНО-РУССКОЙ ПѢСНИ. **Ц. Г. Неймана** 659
II. КЪ ИСТОРІИ ГАЛИЦКО-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. (Нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину). **Я. Г.** . . 645
III. ИРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, коадъюторъ кіевскій. (*Окончаніе*). **Г. Булашева** 664
IV. ДВА ДОКУМЕНТА О ХОЗЯЙСТВѢ КІЕВСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII ст. 719

стр.

V. ИЗЪ СТАРЫХЪ БУМАГЪ ХОЛМСКАГО АРХИВА. Записка поданная генералъ-губернатору Тутолмину жидичинскимъ архимандритомъ Флоріаномъ Корсакомъ. *Сообщилъ* **В. Т. М—чъ** 735

VI. УКАЗЪ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГІИ 738

VII БИБЛІОГРАФІЯ: а) Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Т. 1-й. С. Голубева. Кіевъ, 1883 г. 1225 стр.—*П. Л.*— б) О достопамятностяхъ Чернигова. Маркова, бывшаго директора черниговской гимназіи. Черниговъ. 1882 г.—*П. Голубовскаго.*—в) О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. Вып. I. А. Маркевича. Одесса. 1883 г.—*П. Голубовскаго.*—г) Дополненіе къ «Покажчику нової украінскої літератури» М. Комарова.—*М. Гаврилова.* 741

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Какъ получали запорожцы денежное и хлѣбное свое жалованье.—б) Почему десятинная въ Кіевѣ церковь извѣстна въ народѣ подъ именемъ десятиннаго Николая? *П. Л—ва.*— в) Уцѣлѣвшая Старина. *М. Гаврилова.*—Выдержки изъ сборника украинскаго дѣвичьяго монастыря.—г. Не привившійся на полтавской почвѣ ревень. *Ѳ. Ни—ка.*—д) Во что обошлась опись библіотеки преосв. Иринея Фальковскаго послѣ его смерти. *А. Титова.*— е) Варіантъ пѣсни о правдѣ. Сообщ. *В. Горленко.*—ж) Клады въ предѣлахъ кіевской губерніи.—з) Вызывающее сообщеніе. Прапорщ. *Т. Зиньковскаго.*—и) Изъ области народныхъ повѣрій. *В. О.* . . 751

IX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

ІЮНЬ.

1883

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31-го мая 1883 года.

Г. Ѳ. КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО.

Историко-литературный очеркъ.

Въ началѣ XIX-го столѣтія въ исторіи нашей словесности впервые замѣтнымъ образомъ начало обнаруживаться то стремленіе къ самостоятельному движенію на почвѣ національныхъ интересовъ, которое съ половины того-же вѣка сдѣлалось господствующимъ и основнымъ. Это начальное стремленіе выразилось въ сознаніи принципа народности, который, по словамъ Пыпина, и сталъ лозунгомъ нашей литературы съ первыхъ десятилѣтій настоящаго вѣка. Уже въ то время ясно понимали, что какъ ни велики характеры героевъ античной поэзіи, какъ не геніальны классическія созданія французской словесности, тѣмъ не менѣе намъ русскимъ интереснѣе и полезнѣе наблюдать характеры собственной жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ.

Уступка однако подражанія оригинальному не обошлась безъ борьбы, прикрытой даже своего рода ложнымъ стыдомъ.

Говорятъ, что Мерзляковъ, внутренно признавая высокое достоинство произведеній Пушкина, не рѣшался говорить о нихъ въ такомъ-же духѣ публично; когда-же оставался съ ними наединѣ, проливалъ слезы восторга. Таково было положеніе вещей: вѣянія времени говорили одно, усвоенный-же формализмъ требовалъ совершенно другаго.

Принципъ народности съ теченіемъ времени возросъ до такой степени, что Бѣлинскій говоритъ о народности въ такихъ выраженіяхъ: „Высочайшая похвала, какой только можетъ въ наши дни удостоиться поэтъ, самый громкій титулъ, какимъ только могутъ почтить его современники или потомки, состоитъ въ словѣ народный поэтъ“. Это обращеніе къ народности было общерусскимъ;

оно сказалось и въ Малороссіи, для которой, надо замѣтить, оно не было такъ ново, какъ для сѣвера; но Украйна должна отмѣтить это время, какъ годину своего возрожденія: утратившая при Екатеринѣ II-й послѣднюю тѣнь своей нѣкогда самостоятельной жизни, она уже близилась къ тому, чтобы окончательно потерять былыя, отличающія ея исторію черты. Теперь въ ней начинается снова энергичная общественная и литературная жизнь; этому, какъ справедливо замѣчаютъ, содѣйствовали между прочимъ слѣдующія обстоятельства: открытіе университета въ Харьковѣ, возвышеніе этого города, какъ центра сѣверной Украйны, и появленіе двухъ выдающихся писателей малорусской литературы—Г. Ѳ. Квитки и Т. Г. Шевченка.

Данилевскій говоритъ: „Харьковъ преобразился, и скоро новая умственная жизнь, возникшая въ центрѣ сѣверной Украйны, на отживающихъ остаткахъ стараго общества, соединила въ тѣсный кругъ семью молодыхъ профессоровъ и, подъ предводительствомъ Основьяненка, положила начало мѣстной литературѣ. Скоро въ Харьковѣ появились разомъ два журнала, полные любви къ просвѣщенію и общей русской отчизнѣ; рядомъ съ этимъ вошли въ моду литературные вечера; въ салонахъ вліятельныхъ особъ стали собираться для чтенія профессора, студенты и вообще любители просвѣщенія, между ними бывалъ и Основьяненко“.

Характеристика личности этого писателя, со стороны его убѣжденій и идеаловъ, и послужитъ предметомъ настоящаго очерка.

Отмѣчать именами дѣятелей страницы исторіи и жизни тѣмъ выгоднѣе и удобнѣе, что въ образѣ и нравственномъ складѣ этихъ дѣятелей часто можно черпать все содержаніе переживаемаго ими времени. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ исторіи русской литературы, какъ выразительницѣ мнѣній и въ тѣсномъ смыслѣ того времени, когда русское слово въ его поэтической формѣ стремилось къ самостоятельному развитію. Не признавая исключительности въ общерусскомъ вопросѣ, Г. Ѳ. Квитку-Основьяненко мы почитаемъ какъ одного изъ самыхъ типичныхъ представителей названнаго времени нашей литературной исторіи.

Былъ споръ, который Добролюбовъ называетъ старымъ, о томъ, возможна-ли малорусская литература, или нѣтъ. А Бѣлинскій спрашивалъ: есть-ли въ Украйнѣ своя литература?

Такая постановка вопроса вызываетъ новый вопросъ: при

какихъ-же условіяхъ возможна литература вообще? Очевидно, что и тотъ и другой критикъ разумѣютъ литературу художественную, а поэтому, оставляя въ сторонѣ поэзію устную, мы сводимъ вопросъ на обстоятельства историческаго развитія народа, съ одной стороны, и на выработку того языка, который называется литературнымъ, съ другой. Въ такомъ случаѣ можно пользоваться положеніями уже готовыми.

Отличительной чертой духа малорусскаго народа было стремленіе къ особности, къ нѣкоторой, можно сказать, замкнутости.

Съ давнихъ поръ Малороссія, раскинувшаяся на плодоносной равнинѣ южной Россіи, стремилась къ сохраненію своего абсолютизма, плохо воспринимая стороннее вліяніе; она знала только сама себя, у ней была собственная, роскошно воспѣтая въ поэзіи рѣка—чудный Днѣпръ, около котораго связалась цѣлая вереница самыхъ разнообразныхъ преданій, разсказовъ и дѣйствительныхъ событій. Она имѣла свой собственный государственный центръ, свою столицу—Кіевъ, который былъ первопрестольнымъ средоточіемъ древняго русскаго міра; она имѣла знаменитую Сѣчь, что-то въ родѣ гнѣзда, гдѣ коренились во всей чистотѣ оригинальныя способности малорусскаго духа; Малороссія наконецъ имѣла и своихъ особыхъ враговъ и особую форму съ ними расправы; она грудью защищала свои вѣрованія, въ которыхъ тоже было что-то особое. Поставленная или, лучше сказать, замкнувшаяся въ такое положеніе Малороссія естественно должна была въ устныхъ сказаніяхъ создать свою особую словесность, и такая словесность дѣйствительно создалась—она носитъ свой особый колоритъ, свою мелодію въ пѣсняхъ. Жизнь южной Россіи всегда была ближе къ своей природѣ, къ своему національному, хотя въ теченіи цѣлыхъ столѣтій ей приходилось переживать невзгоды, причиняемыя иноземными владычествами. Еще не изгладились въ народѣ впечатлѣнія отъ татарскаго разгрома, какъ юго-западная Русь подпадаетъ подъ власть Литвы и Польши, а вмѣстѣ съ тѣмъ выноситъ и тяжелое вліяніе іезуитовъ и уніи, которые затрогивали и религіозные вопросы. На защиту этихъ вопросовъ долженъ былъ выходить на ряду съ воиномъ книжникъ. Поэтому вмѣстѣ съ козачьей удалью здѣсь зарождалась работа другаго рода—книжная, серьезная умственная дѣятельность. „Въ это время, говоритъ Прыжовъ, въ южной Руси совершается

необыкновенно замѣчательное явленіе: церковь и гражданинъ соединяются въ одно; монахъ подаетъ руку воину. Вся прошедшая жизнь приводила къ тому, что монахъ часто становился въ ряды козаковъ, а козаки дѣлались монахами. Монахи благословляли козаковъ на битву, они-же святили ножи и въ тоже время запорожецъ шелъ въ монахи, а войсковой судья вдругъ дѣлался митрополитомъ. Монахъ и козакъ одинаково были гражданами своей земли, одинаково служили просвѣщенію, заводили школы, изучали исторію, занимались поэзіей.

Тимъ-то и сталась по всему світу
Страшенная козацкая сила,
Що у васъ, панове молодці,
Була воля и дума едина!...

Этотъ братскій союзъ всей земли сказался особенно въ двухъ великихъ людяхъ южной Руси начала XVI в., въ гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ и кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ" [1]).

Въ эту пору Малороссія значительно выше стояла московской Руси; она могла высылать своихъ учителей на сѣверъ и въ числѣ ихъ по вызову Москвы въ 1649 году отпустила туда Епифанія Славенецкаго, которому поручено было школьное и переводческое дѣло. Такимъ образомъ въ кипучей, вѣчно дѣятельной жизни, жизни оригинальной, достойной глубокаго уваженія, Малороссія имѣла задатки въ будущемъ создать свою собственную художественную литературу и науку, еслибы она вышла побѣдительницей изъ обстоятельствъ, завершившихся переяславской радой въ 1654 году, „на которой, говоритъ Максимовичъ, была рѣшена окончательно историческая и нравственная необходимость присоединенія Малороссіи къ державѣ русской" [2]). Въ Москвѣ Малороссія искала поддержки и защиты своей политической жизни, на которую было достаточно иноплеменныхъ и иновѣрныхъ посягателей. Сливаясь-же съ Великороссіей, съ которой у нея и безъ того было много общаго, она должна была, при воздѣйствіи на нее болѣе сильной по-

---

[1]) Малороссія въ ея словесности, „Вѣстн. Европы", іюнь, 1870 г., стр. 775.
[2]) Соч. т. 1-й, стр. 518.

литической организаціи, ассимилироваться съ ней по крайней мѣрѣ до того времени, пока не уляжется въ ней тяжелое прошлое. Быть можетъ, возрожденіе малорусской словесности въ девятнадцатомъ вѣкѣ хотя отчасти слѣдуетъ объяснить и тѣмъ, что сама народность южной Россіи нѣсколько успокоилась отъ непрестанныхъ раздираній, какія она испытывала въ прошломъ вѣкѣ. Какъ-бы то ни было, но обстоятельства политики имѣютъ важное значеніе на развитіе литературы; реформы Петра I-го принесли Россіи большую пользу, но не слѣдуетъ забывать, что при этомъ государѣ окрѣпло и наше политическое могущество... Обращаясь къ вопросу о соединеніи Малой Россіи съ Великой и значеніи этого соединенія, укажемъ еще на историческій романъ г. Кулиша: „Черная рада". Надо сказать, что авторъ придаетъ своему роману высокое значеніе; онъ, чтобы прочелся его романъ всею Россіей, написавъ его по-малорусски, перевелъ на великорусскій языкъ. Вотъ что говоритъ онъ о той идеѣ, которая руководила имъ въ собираніи матеріала и въ самомъ сочиненіи [1]): „я подчинилъ всего себя былому, и потому сочиненіе мое вышло не романомъ, а хроникой въ драматическомъ изложеніи. Не забаву празднаго воображенія имѣлъ я въ виду, обдумывая свое сочиненіе. Кромѣ того, что читатель увидитъ въ немъ безъ объясненій, я желалъ выразить во всей выразительности олицетворенной исторіи причины политическаго ничтожества Малороссіи и доказать каждому колеблющемуся уму не диссертаціей, а художественнымъ воспроизведеніемъ забытой и искаженной въ нашихъ понятіяхъ старины, нравственную необходимость сліянія въ одно государство южнаго племени съ сѣвернымъ. А это соединеніе уже было шагомъ къ потерѣ своей индивидуальности. Въ XVIII же вѣкѣ подъ русскимъ вліяніемъ Малороссія окончательно отказалась отъ прежнихъ особенностей своего быта; паденіе гетманскаго управленія и введеніе крѣпостнаго права даже между свободнымъ козачествомъ рѣзкимъ образомъ разрушило тѣнь ея автономіи. Съ тѣхъ поръ Малороссіи предстояла одна перспектива: все больше и больше превращаться въ русскую провинцію, принимать русскіе нравы, языкъ, образованіе и русскую литературу. Съ XVIII столѣтія Малороссія уже дала многихъ писателей этой литературѣ; языкъ ея

---

[1]) См. «Черная Рада», соч. Кулиша, «Эпилогъ».

сталъ мѣстнымъ жаргономъ... Для образованнаго класса болѣе широкія литературныя стремленія были теперь возможны только на русскомъ языкѣ: Богдановичъ, Капнистъ, Гнѣдичъ, Нарѣжный, малоруссы по происхожденію, не вносятъ въ свою дѣятельность ничего малороссійскаго. Гоголь сохранилъ малороссійскія симпатіи, но по широтѣ своихъ замысловъ могъ быть только русскимъ писателемъ; малорусское нарѣчіе не давало ему достаточнаго поприща. Самые-же писатели XVIII вѣка, между которыми выдѣляются Зиновій Климентій и Григорій Савичъ Сковорода, свидѣтельствуютъ о низкомъ уровнѣ малороссійской литературы; произведенія ихъ отзываются схоластикой, языкъ ихъ изуродованъ".

Въ XIX вѣкѣ произошло измѣненіе; на причины этого измѣненія мы указали выше. Русская образованность стала распространяться равномѣрно на сѣверѣ и на югѣ; исторія сдѣлалась общею; оставалось дѣло за выработкою и свободнымъ развитіемъ языка. Интересны въ этомъ отношеніи мнѣнія Бѣлинскаго на счетъ языка малорусской литературы; вотъ его общая мысль: „обыкновенно пишутъ для публики, публика-же собственно состоитъ изъ высшихъ образованнѣйшихъ слоевъ общества; а малороссійское нарѣчіе одно и тоже для всѣхъ сословій—крестьянское, поэтому наши малороссійскіе поэты пишутъ всегда изъ простаго быта и знакомятъ насъ только съ Марусями, Одарками, Прокопами... и тому подобными особами... Хороша литература, которая только и дышетъ, что простоватостью крестьянскаго языка и дубоватостью крестьянскаго ума" [1]). О малорусскомъ языкѣ и о правахъ его гражданства говорили и писали очень много; одни указывали на ненадобность его при имѣніи выработаннаго и наукой и литературой великорусскаго языка, какъ языка общерусскаго; другіе желали его удержать на родинѣ, проводя его и въ литературу и въ школу, при чемъ замѣчали, что языкъ выработается и разовьется, пусть будетъ только дана ему возможность вырабатываться. Бѣлинскій въ своемъ отзывѣ о малорусскомъ языкѣ полагаетъ его, какъ и всякій языкъ, между читающими (публикой) и пишущими; при этихъ, такъ сказать, факторахъ и возможно прогрессивное движеніе языка; но первые не мыслимы безъ вторыхъ, а слѣдовательно появленіе писателей, послѣдователь-

---

[1]) Бѣлинскій. Соч., т. 5, стр. 310.

ная взаимная ихъ смѣна есть уже существованіе языка и его исторія. Замѣчаніе, что въ малорусской литературѣ не было такого завершителя, который-бы, подобно Пушкину, „положилъ послѣдній камень въ формальномъ образованіи малорусской литературы“, быть можетъ и справедливо, но кто-же можетъ сказать, что онъ не появится; а литература существовала вѣдь и до Пушкина. Но намъ важно не объясненіе, а фактъ, что въ началѣ нашего столѣтія въ Малороссіи была своя литература, которая между именами писателей считала Котляревскаго, Артемовскаго-Гулака, Основьяненка, Шевченка и др., а между ними „первымъ писателемъ, который болѣе непосредственно отнесся къ народной жизни и основалъ свою литературную дѣятельность на элементахъ народнаго обычая и поэзіи, малороссійскіе критики согласно считаютъ Квитку“ [1]). Дѣятельность этихъ писателей обновившейся Малороссіи позволила Бѣлинскому отвѣтить на собственный вопросъ: „да, въ Украйнѣ есть своя литература“.

Историкъ русской жизни въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ говорить о проявленіи у насъ національнаго сознанія и выработки принципа народности, сдѣлаетъ большой пробѣлъ, если въ должной мѣрѣ не остановится на Квиткѣ. Выше мы сказали, что этотъ писатель „основалъ свою литературную дѣятельность на элементахъ народнаго обычая и поэзіи“; скажемъ теперь объ этомъ подробнѣе. Значеніе и важность изслѣдованія устныхъ народныхъ произведеній знатокъ нашей этнографіи Даль возводитъ до степени вліянія ихъ на литературу. Въ письмѣ своемъ къ Квиткѣ онъ говоритъ: „отчего у насъ нѣтъ доселѣ достойной изящной словесности? развѣ мы не тѣ-же люди, что нѣмцы, да голланцы? или у насъ такъ земля родитъ, да такъ печь печетъ? Совсѣмъ не то; мы попали не въ свою колею; мы сочинили какой-то книжный, надутый языкъ, пишемъ по-заморски русскими словами и удивляемся, что насъ не читаютъ и не понимаютъ! Да, не понимаютъ и не могутъ понимать... И лучшія произведенія нашихъ писателей хворяютъ этой болѣзнью; все, что они пишутъ, не русское по духу, не русское по языку; оно прекрасно, если смотрѣть на него, какъ на прекрасный переводъ съ иностраннаго, а скажите, что это родное, и вамъ природ-

[1]) Пыпинъ. Ист. слав. лит., стр. 222.

ный русскій скажетъ: неправда!" Въ другомъ мѣстѣ Даль выражается еще сильнѣй: „по мнѣ, говоритъ онъ, ужъ пусть-бы лучше припахивало сырьемъ да квасомъ, лишь-бы въ носъ попибало!" Квитка именно и былъ такимъ писателемъ, который всегда стоялъ на почвѣ роднаго; ободренный вниманіемъ Жуковскаго, совѣтовавшаго ему не бросать пера, а писать и писать болѣе, выбирая сюжеты изъ окружающей жизни, онъ щедро надѣлялъ тогдашніе журналы повѣстями изъ украинской жизни. Г. Костомаровъ говоритъ, что „Квитка имѣлъ громадное вліяніе на всю читающую публику въ Малороссіи; равнымъ образомъ и простой безграмотный народъ, когда ему читали произведенія Квитки, приходилъ отъ нихъ въ восторгъ" [1]). Въ повѣстяхъ этого писателя отразилась Малороссія съ ея природой, нравами и типами. „Живя въ Украйнѣ, пишетъ Квитка Плетневу, пріучаясь къ нарѣчію жителей, я выучился понимать мысли ихъ и заставилъ ихъ *своими словами* пересказать ихъ публикѣ. Вотъ причина, признается авторъ, вниманію, коимъ удостоена „Маруся" и другія, потому что онѣ списаны съ натуры безъ всякой прикрасы и оттушевки. И признаюся вамъ, описывая „Марусю", „Галочку" и проч., не могу, не умѣю заставить ихъ говорить общимъ языкомъ, влекущимъ за собой непремѣнно вычурность, подборъ словъ, подробностей, гдѣ въ одномъ словѣ сказывается все. Передавъ слово въ слово на понятное всѣмъ нарѣчіе... я не произвелъ, а только списалъ" [2]).

Такія выраженія писателя свидѣтельствуютъ о тѣсномъ его общеніи съ народомъ, въ средѣ котораго онъ жилъ. „Заграничныхъ людей, говоритъ онъ, въ свои повѣсти не беру. Въ высшемъ кругу единообразіе, утонченность, благонравіе, высокія чувства живутъ и дѣйствуютъ, и они свойственны людямъ, составляющимъ его по воспитанію и по понятіямъ! Нѣтъ пищи для замѣчаній, наблюденій; нечего-же выставлять всѣмъ видимое и извѣстное! Вотъ въ простомъ классѣ людей необразованныхъ, гдѣ люди дѣйствуютъ не по вложеннымъ въ нихъ понятіямъ, а по собственному чувству, уму, разсудку, если замѣчу что такое, пишу! Вотъ и выходятъ мои „Маруси", „Оксаны", „Наумы", „Мироны" и „Ситниковы". Въ

---

[1]) Поэзія славянъ, стр. 160.

[2]) Данилевскій. Украинская старина, стр. 252.

этой выпискѣ сказывается взглядъ писателя на свою литературную работу и на характеръ ея содержанія. „Еслибы, говоритъ г. Кулишъ, Гоголю дать тѣ этнографическія познанія, какія имѣлъ Квитка, то при его необъятномъ талантѣ возсоздавать дѣйствительность, его „Вечера на хуторѣ“ были-бы столь-же неизмѣнно драгоцѣнными твореніями, какъ и многія изъ послѣдовавшихъ созданій“. Но и народъ зналъ своего бытописателя; имя его пользовалось широкою извѣстностью. Однажды Гребенка, тогда молодой писатель, проѣздомъ черезъ Харьковъ, желая посѣтить „ветерана харьковской литературы“, завернулъ къ нему въ Основу и всю дорогу проговорилъ объ Основьяненкѣ съ своимъ извощикомъ. Гребенка радовался этой извѣстности.

Но Квитка не былъ человѣкомъ широкаго образованія, онъ былъ только талантомъ; обладая способностью подмѣчать и умѣніемъ читать самыя сокровенныя движенія человѣческаго чувства, онъ непосредственно силою своего дарованія какъ-бы психическимъ анализомъ воспроизводилъ въ образахъ, какъ начиналось, складывалось и разрѣшалось чувство. Онъ выражалъ, по словамъ г. Костомарова, „такую глубину, полноту и нѣжность народнаго чувства, что выжимаетъ слезу, и вездѣ является онъ вѣрнымъ живописцемъ народной жизни. Едва-ли кто превзошелъ его въ качествѣ повѣствователя-этнографа, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше своего современника—Гоголя“ [1]).

Съ такими качествами души и таланта Квитка долженъ естественно занять видное мѣсто въ небогатой именами малорусской литературѣ; имя его между прочимъ отмѣтилъ и Шевченко въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи: „Бьють пороги, місяць всходить“... въ которомъ онъ проситъ его напомнить народу о Сѣчѣ, о былой его славѣ, въ которомъ называетъ его „милымъ батькомъ“.

Помимо содержанія значенію повѣстей Квитки и его популярности много служило превосходное знаніе языка. Чужбинскій говоритъ, что „малорусскія повѣсти Основьяненка неизмѣримо выше тѣхъ, которыя онъ пишетъ по-русски“. Такое замѣчаніе выразилъ Чужбинскій самому автору; хотя это огорчило старика, но тѣмъ не менѣе въ письмѣ своемъ къ Плетневу Квитка самъ признается, что

---

[1]) Поэзія славянъ.

русскій языкъ не передаетъ вполнѣ красотъ малорусскихъ оборотовъ рѣчи. „По случаю, разсказываетъ онъ, былъ у меня споръ съ писателемъ о малороссійскомъ нарѣчіи. Я его просилъ написать что́ серьезное, трогательное. Онъ мнѣ доказывалъ, что языкъ не удобенъ и вовсе не способенъ. Знавъ его удобство, продолжаетъ Квитка, я написалъ Марусю и доказалъ, что отъ малороссійскаго языка можно растрогаться". Даль-же говоритъ, что Квитка одинъ изъ первыхъ и лучшихъ разскащиковъ на родномъ нарѣчіи своемъ.

Основною темою произведеній Основьяненка, часто украшенныхъ свойственнымъ его народности юморомъ, было—по его собственнымъ словамъ—„показать, отчего у насъ зло". Въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, онъ сходится съ Гоголемъ. „Мнѣ хотѣлось-бы умереть покойно, пишетъ онъ о себѣ; чего лишусь, когда самое прямое, благородное мое стремленіе—показать, отчего у насъ зло, будетъ осмѣяно и преслѣдуемо". Хотя глухо, но тѣмъ не менѣе достаточно слышно звучитъ въ этихъ словахъ нота сознанія незаслуженной обиды. Это еще яснѣй станетъ, когда мы разсмотримъ отношеніе столицы къ провинціи, практиковавшееся въ то время. Высокомѣріе столичныхъ обывателей, такъ громогласно заявляемое даже въ тогдашней печати и въ рѣчахъ Фамусовыхъ, считавшихъ Саратовъ глушью, чуть-ли не мѣстомъ ссылки, ставило провинціальныхъ писателей въ тяжелое положеніе; наиболѣе всѣхъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Квитка въ своихъ письмахъ. Малороссія, сдѣлавшаяся русской провинціей, притомъ отдаленной отъ сѣверныхъ столичныхъ центровъ, когда-то высылавшая своихъ учителей въ Москву, теперь отошла на задній планъ. На сѣверѣ ея не знали и даже подтрунивали надъ неловкими, нерасторопными ея жителями; интересенъ разсказъ Квитки въ его романѣ, въ которомъ онъ рисуетъ комическое положеніе украинца, попавшаго въ Петербургъ, гдѣ собираются цѣлыя толпы народа со смѣхомъ смотрѣть на него, какъ-бы на заѣхавшаее чудовище. Надо и то сказать, что Малороссія иной разъ точно стыдилась сама себя; хотя это высказывалось въ пустой формѣ, но обойти его молчаніемъ не слѣдуетъ. Гоголь говоритъ, что малорусскіе помѣщики, пріѣхавши въ столицы, спѣшили прибавить къ своимъ фамиліямъ, оканчивающимся обыкновенно на *о*, „*ов*". Гребенка разсказываетъ о себѣ то-же самое: поступивши въ нѣжинскій музей, онъ долженъ былъ обратить себя изъ Гребенки въ Гребенкина.

Въ наибольшей мѣрѣ въ этомъ отношеніи терпѣла отъ столицы малорусская печать, хотя, принадлежа украинскимъ писателямъ, она являлась и на русскомъ языкѣ. Вотъ напримѣръ что пишетъ петербургскій рецензентъ о романѣ „Панъ Халявскій“: „есть разнаго рода остроумія, болѣе или менѣе несносныя; но самое несносное изъ всѣхъ—это провинціальное остроуміе. Эти глубокомысленныя наблюденія надъ человѣческимъ сердцемъ, дѣлаемыя изъ-за плетня; эти черты нравовъ, подмѣченныя между маслобойнею и скотнымъ дворомъ; эти взгляды на жизнь, обнимающіе на земномъ шарѣ великое пространство, пять верстъ въ радіусѣ; этотъ свѣтъ, составленный изъ шести сосѣдей; эти колкіе сарказмы надъ борьбою изящества и моды съ дегтемъ и саломъ; эти насмѣшки надъ новымъ и новѣйшимъ, которыхъ даже не видно оттуда, гдѣ позволяютъ себѣ подшучивать надъ ними—весь этотъ дрянной, выдыхлый губернскій ядъ, котораго не боятся даже мухи, и эти смѣлые удары, съ трескомъ падающіе вмѣсто общества въ лужу грязи, которая отъ нихъ только распрыскивается на читателей и т. д.—все это можетъ казаться замысловатымъ какой нибудь ярмаркѣ!“ Нѣтъ силъ приводить дальше эту трескотню фразъ: кружится голова, отъ нихъ отдаетъ чѣмъ-то личнымъ, озлобленнымъ. Мы уже видѣли, какъ относится къ подобнымъ отзывамъ Квитка; они смущали его и стѣсняли его работу. Но надо и то сказать, что сама провинція дѣйствительно не высоко стояла; бюрократизмъ, заявлявшій здѣсь себя особенно, былъ гнетомъ на всякое свободное слово въ литературѣ; свидѣтельства въ этомъ отношеніи нашего автора поразительны. Въ письмѣ къ Плетневу по поводу своего романа о Столбиковѣ, онъ проситъ даже о пріостановкѣ печати. „Нельзя-ли, говоритъ онъ, въ заглавіи сказать, что издано сочиненіе какими нибудь буквами Х, Б, Ч, К или какъ лучше придумайте, что угодно, только-бы не мое или Основьяненки имя. Еще-бы я просилъ, разумѣется, когда уже не возможно пріостановить печатаніе, чтобы, не помню въ какой части, гдѣ одинъ изъ Пустолобовыхъ, производя слѣдствіе, танцуетъ кадрили и всѣхъ безъ разбора сажаетъ въ острогъ, пусть онъ будетъ не *Иванъ Савичъ,* а какъ нибудь иначе перекрестите его. Ну ихъ совсѣмъ! Еще: когда настоящій Пустолобовъ служилъ у какой-то барини, которая умничала и безпутно вела себя, сказано, что она *не имѣла волосъ и носила па-*

рикъ; выключите эту примѣту: по справкамъ оказалось, что у одной барини не имѣется волосъ на головѣ, и она носитъ парикъ; она меня съѣстъ, хотя чортъ ее знаетъ, есть у нея волосы или нѣтъ..... А что касается губернскихъ чиновъ, такъ тамъ бѣда... А полиція что скажетъ? а дворянство? Ужасъ, ужасъ, ужасъ" [1])! И самъ Квитка, хотя понималъ, что въ столицахъ нельзя изучить простоту народной жизни, что толки народные тамъ другого рода, однако отдавалъ должное тому обществу членовъ, котораго соединяли интересы болѣе широкіе и котораго нельзя было найти въ провинціи. Но и въ этомъ случаѣ въ чувствѣ его была должная мѣра. „Перечитывая журналы, говоритъ онъ, ясно вижу и понимаю занимающихся ими людей, правила ихъ жизни, старанія достигнуть своей цѣли. А любопытно было-бы взглянуть на нихъ поближе, слышать сужденія, толки ихъ, и замѣтить ихъ извороты; но гдѣ способы пріѣхать въ Петербургъ! кажется послѣднее употребилъ-бы на дорогу, тотчасъ-бы явился у васъ, разсказалъ-бы, что на душѣ, послушалъ-бы васъ, да и назадъ ѣхать" [2])! Слѣдовательно поприще его было не вдали отъ провинціи; онъ не хотѣлъ оставаться въ столицѣ, въ ней для него не все слилось, что было мило. Здѣсь-же на родинѣ завѣтною мыслью Квитки было, между прочимъ, составленіе для простонародія краткаго свода уголовныхъ законовъ съ цѣлью выяснить поселянину послѣдствія преступленій и предупредить горькія ошибки невѣжества; а также составленіе листовъ, т. е. писемъ до любезныхъ земляковъ—родъ поучительныхъ посланій на малороссійскомъ языкѣ къ простонародію, за что онъ получилъ благодарность отъ правительства.

Картину застоя провинціальной жизни Квитка изобразилъ въ своей пятиактной комедіи „Пріѣзжій изъ столицы". Замѣчательное дѣло! Комедія эта и ходомъ дѣйствія и фигурами лицъ при чтеніи ея разительно напоминаетъ „Ревизора" Гоголя. Здѣсь тоже дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, куда пріѣзжаетъ мнимый ревизоръ, тѣ-же перепуганныя лица съ своими „грѣшками", съ двумя пріятными дамами, которыя также влюбляются въ „милашку" ревизора. И тутъ вся кутерьма поднимается ради полученнаго темнаго, сбивчиваго извѣстія изъ губернскаго города. Чиновники

[1]) Данилевскій. Укр. стар., стр. 260.

[2]) Тамъ-же, корреспонденція Основьян. стр. 265.

также представляются ревизору и даютъ ему въ займы деньги. Какъ и у Гоголя, дамы толкуютъ о храмѣ изящества, о томъ, какъ печально изъ столицы вкуса быть брошену въ такую уединенную даль. Наконецъ при развязкѣ происходитъ такая-же нѣмая сцена, и всѣхъ какъ громомъ поражаютъ слова частнаго пристава о новомъ—настоящемъ ревизорѣ: „вотъ бумага отъ губернатора съ жандармомъ присланная!“ говоритъ онъ. Такова сѣть, на которой построена піеса Квитки. Здѣсь не мѣсто разбирать, было-ли у Гоголя заимствованіе; скажемъ только одно, что Гоголь въ перепискѣ своей говоритъ, что онъ даже не слыхалъ о ревизорѣ Основьяненка. Не подлежитъ сомнѣнію только то, какъ говоритъ Аксаковъ, что анекдоты о ложныхъ ревизорахъ ходили по Россіи очень широко и дали авторамъ мысль написать сходныя комедіи; для провинціальной жизни это фактъ знаменательный.

Современная Квиткѣ критика не обошла молчаніемъ его произведеній, но отношенія ея высказались въ какомъ-то великодушномъ снисходительномъ тонѣ, хотя и съ признаніемъ достоинствъ. Бѣлинскій въ короткихъ характеристикахъ всюду ставитъ имя Квитки высоко; повѣсти его въ разныхъ мѣстахъ своихъ статей называетъ „прекрасными, интересными, занимательными, остроумными, живыми и проч.“, но называетъ какъ-бы мимоходомъ; упомянувъ объ Основьяненкѣ, онъ спѣшитъ отдѣлаться коротенькой похвалой и идти дальше. Надо сказать, какъ это отчасти было замѣчено раньше, что Бѣлинскій не признавалъ необходимости малорусской литературы; говоря о самомъ языкѣ, онъ доказывалъ, что малорусскій языкъ когда-то существовалъ, а теперь его уже нѣтъ. „Какая глубокая мысль, замѣчаетъ критикъ, въ этомъ фактѣ, что Гоголь, страстно любя Малороссію, все-таки сталъ писать порусски, а не по-малороссійски! Но Гоголь, продолжаетъ онъ, не совсѣмъ можетъ служить примѣромъ. Тѣмъ не менѣе жаль видѣть, когда и мелкое дарованіе *попусту тратитъ* свои силы, пиша по-малороссійски—для малороссійскихъ крестьянъ... Въ самомъ дѣлѣ содержаніе такихъ повѣстей всегда однообразно, всегда одно и тоже, а главный интересъ ихъ—мужицкая наивность и наивная прелесть мужицкаго разговора“ [1]). Такъ говоритъ Бѣлинскій, разбирая малороссійскій альманахъ „Ластовка“.

[1]) Соч. т. 5, стр. 309.

Писать по-малороссійски, писать для народа или изъ жизни на его собственномъ нарѣчіи Бѣлинскій называлъ „по-пусту тратить время“; но Бѣлинскій вѣроятно того не зналъ, какъ популярны были напримѣръ разсказы Квитки въ средѣ народа, какое доставляли они удовольствіе своимъ читателямъ, или какое дѣйствіе производятъ пѣсни Шевченка... Поэтому только и могъ написать Бѣлинскій, разбирая „Современникъ“, слѣдующія строки: „изъ прозаическихъ статей особенно замѣчательна „Солдатскій портретъ“ Грицька Основьяненка, прекрасно переведенный съ малороссійскаго г. Луганскимъ“; дальше критикъ прибавляетъ: „увѣряемъ почтеннаго Грицька Основьяненка, что если-бы онъ написалъ свои прекрасныя повѣсти по-русски, то, не смотря на мудреную для выговора фамилію своего автора, онѣ доставили-бы ему гораздо большую извѣстность, нежели какою онъ пользуется на Руси, пиша по-малороссійски“. Такимъ образомъ отзывы Бѣлинскаго можно резюмировать въ слѣдующей формѣ: Квитка обладаетъ полнымъ правомъ на широкую извѣстность въ Россіи, но не хочетъ пользоваться имъ въ должной мѣрѣ. Въ Бѣлинскомъ въ данномъ случаѣ мы видимъ ревнивое желаніе видѣть въ лагерѣ русской литературы возможно бо́льшее число талантливыхъ писателей; такое желаніе весьма понятно, оно понятно было также и въ той бесѣдѣ друзей, когда было выражено сожалѣніе о томъ, что Марко Вовчокъ пишетъ свои произведенія какъ на малорусскомъ, такъ и на великорусскомъ языкѣ. Говорятъ, что на это сожалѣніе Шевченко сказалъ: „пускай пишетъ хотя по-самоѣдски, но лишь-бы то, что написано, была правда!“ Но вѣдь Квитка писалъ тоже и по-русски, и мы слышали, какъ отзывался о его русскихъ повѣстяхъ Чужбинскій, а вотъ что говоритъ самъ авторъ ихъ въ письмѣ къ Плетневу: „извѣстность моихъ сказокъ разохотила здѣшнихъ переложить ихъ по-русски и совершенно по-русски, точно такъ, какъ вы желаете. Слушаемъ въ чтеніи, и что-же? Малороссы—не узнаемъ своихъ земляковъ, а русскіе... зѣваютъ и находятъ маскарадомъ; выраженія не свойственныя обычаямъ; изъясненія не свойственныя національности, дѣйствія характерамъ, хотя, правду сказать, переводъ былъ сдѣланъ и вычищенъ отлично. Я предложилъ имъ свой переводъ, буквальный, не позволяя себѣ слова смѣстить, и найденъ сноснымъ, но не передающимъ вполнѣ красотъ малороссійскихъ оборотовъ“.

Совсѣмъ не такъ, какъ Бѣлинскій, относился къ малорусской словесности другой нашъ критикъ; если первый желаетъ въ Россіи видѣть только великорусскую литературу, то второй признаетъ полное право гражданства и за малорусскимъ языкомъ. Мы разумѣемъ Добролюбова, который говоритъ: „появленіе стихотвореній Шевченка интересно не для однихъ только страстныхъ приверженцевъ малорусской литературы, но и для всякаго любителя истинной поэзіи. Его произведеніе интересуетъ насъ совершенно не зависимо отъ спора о томъ, возможна-ли малорусская литература... Само собой разумѣется, продолжаетъ онъ, что никто не откажетъ малороссійскому, какъ и всякому другому народу, въ правѣ и способности говорить своимъ языкомъ о предметахъ своихъ нуждъ, стремленій и воспоминаній“ [1]). О Полевомъ самъ Квитка говоритъ, что онъ воскуривалъ ему ѳиміамы.

Изъ всѣхъ повѣстей Квитки больше всего подвергался критическому разбору, или лучше критическимъ замѣчаніямъ, его романъ „Панъ Халявскій“,—замѣчаніямъ, не всегда лестнымъ для автора. Г. Данилевскій говоритъ, что „два журнала стали систематически его (Квитку) преслѣдовать. Чтобы представить образецъ этихъ мнимошуточныхъ нападокъ, выписываемъ изъ „Библіотеки для чтенія“ за 1841 г., январь мѣсяцъ, отрывокъ изъ литературной лѣтописи, гдѣ говорится о названномъ романѣ и его авторѣ: „это, должно быть, ужасный провинціалъ, выживший изъ юмора и шутокъ, за недостаткомъ слушателей, ищущій ихъ посредствомъ печати“.

„Я назвалъ его писателемъ и тутъ-же извиняюсь въ невинномъ злоупотребленіи слова: это произошло отъ того, что какой-то литературный кругъ, который я очень уважаю и которому очень нравится умъ господина Основьяненко, иные уже говорятъ просто Основаненко, старается выдать его за примѣчательнаго русскаго писателя... на меня эти пошлости (говорится о произведеніяхъ) Квитки наводятъ скуку и уныніе“.

Скромный, застѣнчивый и мягкій по характеру, въ то время уже старикъ, Основьяненко съ грустью переживалъ такіе отзывы; „онъ, говоритъ его біографъ, отказывался впередъ печатать, просилъ возвратить все посланное въ журналы и сборники и огорченію

---

[1]) Добролюбовъ. Соч., т. IV, стр. 353.

его не было предѣловъ". Бѣлинскій о „Панѣ Халявскомъ" отозвался нѣсколько съ другой стороны въ письмѣ своемъ къ редактору „Отеч. Записокъ"; онъ говоритъ: „Панъ Халявскій для перваго чтенія потѣшенъ и забавенъ, но при второмъ чтеніи съ него немного тошнитъ. Это не творчество, а штучная работа, сборъ анекдотовъ... Впрочемъ, добавляетъ онъ, для журнала „Халявскій" кладъ: онъ найдетъ себѣ больше читателей и хвалителей, чѣмъ творческія произведенія Гоголя".

Группируя отзывы о произведеніяхъ Квитки, можно расположить ихъ на три отдѣла; одни изъ нихъ принадлежатъ тѣмъ лицамъ, которыя почему-либо соприкасались съ самою малорусскою національностью—это отзывы положительные; всѣ они ставятъ и личность автора и его сочиненія на высшую степень значенія; другіе принадлежатъ тѣмъ сѣвернымъ рецензентамъ, которые не угадывали сущности содержанія повѣстей Квитки, мало знали самую народность Малороссіи—это отзывы отрицательные; наконецъ третій отдѣлъ мнѣній, которыя признаютъ въ самомъ писателѣ талантъ, большую способность наблюденія и больше говорятъ объ авторѣ, чѣмъ о его произведеніяхъ. Мы держимся того мнѣнія, что писатель, основывающій свои литературныя произведенія на этнографическомъ знаніи, на глубокомъ пониманіи языка, на умѣніи живо воспроизводить движенія человѣческаго чувства, самъ владѣющій искрою поэтическаго огня, достоинъ изученія и близкаго знанія его произведеній тѣмъ кругомъ, которому по преимуществу была посвящена его литературная дѣятельность.

Но Квитка примѣчателенъ не только какъ писатель, но и какъ человѣкъ, какъ дѣятель на другихъ поприщахъ. Нравственная личность этого человѣка сложилась изъ суммы самыхъ разнородныхъ и противорѣчивыхъ элементовъ. Память о Квиткѣ живетъ доселѣ между людьми, знавшими и любившими его, которые когда-то бесѣдовали съ нимъ въ его любимой Основѣ. Мы перепишемъ письмо Н. И. Костомарова, въ которомъ съ достаточною полнотою выскажется личность Григорія Ѳедоровича. „Съ Г. Ѳ. Квиткою, говорится въ письмѣ, я былъ знакомъ съ 1838 по 1843 годъ. Это былъ старикъ средняго роста, съ плѣшивою головою, съ однимъ глазомъ (другой въ лѣта юности онъ выжегъ фейерверкомъ), съ пятнами на лбу, всегда въ темномъ платьѣ, или халатѣ, принимавшій по-

сѣтителей въ гостиной, въ родѣ кабинета, гдѣ обыкновенно онъ писалъ. Сначала онъ жилъ въ двухъ верстахъ отъ города, на Основѣ, въ низенькомъ домикѣ съ каменною оградою, на необозримомъ, почти пустомъ дворѣ. Почти противъ дома его возвышался деревянный огромный домъ брата его, владѣльца Основы. Потомъ я съ нимъ видѣлся въ городѣ, куда онъ переѣхалъ въ 1843 году. Наружность его квартиры не представляла ничего щегольскаго; мебель очень простая, тутъ не было никакихъ комнатныхъ украшеній. Жены его я никогда не видѣлъ въ шелковомъ платьѣ. Живучи въ городѣ, онъ часто бывалъ въ церкви, гдѣ становился на клиросъ, или въ алтарѣ, такъ что его нельзя было видѣть. Онъ былъ очень религіозенъ и почти наизусть зналъ не только обыкновенное богослуженіе, но даже многіе праздничные каноны. Въ характерѣ его просвѣчивалось то смѣшеніе скрытности и искренности, простодушія и остроумія, которое такъ оттѣняетъ украинца. Онъ охотно давалъ свои сочиненія въ рукописяхъ знакомымъ, не оставляя себѣ другаго экземпляра, и безпрестанно жаловался потомъ, что у него зачитывали. Недостатокъ классическаго образованія и знанія иностранныхъ языковъ онъ замѣнялъ здравымъ умомъ и любовью къ чтенію. Онъ постоянно съ юношескимъ пыломъ слѣдилъ за движеніемъ русской литературы, особенно непереводной. Съ рѣдкою добросовѣстностью и отсутствіемъ всякой тѣни шарлатанства не позволялъ себѣ не только сужденій о томъ, чего не зналъ, но безъ ложнаго стыда признавался въ своемъ незнаніи; удалялся отъ разговоровъ не по немъ и, великій охотникъ до „анекдотовъ", никогда не позволялъ себѣ говорить дурно о лицахъ, и о самихъ извѣстныхъ чьихъ-нибудь дурныхъ поступкахъ отзывался съ сожалѣніемъ, стараясь прекратить разговоръ объ этомъ. Не смотря на старость, былъ крѣпокъ и свѣжъ и только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти началъ слабѣть. Жена его была женщина очень добрая и образованная. Она слѣдила за французскою литературою и даже за политикой... Она чрезвычайно любила своего мужа, гордилась его литературной славой и чуть не сошла съ ума послѣ его смерти". Жизненная карьера Квитки подвергалась самымъ крайнимъ перемѣнамъ; на 15-мъ году онъ поступаетъ въ военную службу, затѣмъ переходитъ въ гражданскую, которую потомъ бросаетъ снова для военной. Но точно [illegible] онъ таитъ въ душѣ своей желаніе

уйти изъ міра въ уединеніе, ищетъ подвига и наконецъ, задумчивый, мечтательный съ примѣсью мистицизма, на 23 году онъ поступаетъ въ монастырь, гдѣ остается послушникомъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ. Но прошли эти четыре года; мечтанія разсѣялись; Квитка измѣнилъ своему желанію. И какая игра судьбы! Изъ скромнаго монаха, нѣкогда читавшаго каноны, изъ какого-то святоши Квитка вдругъ является передъ зрителями на сценѣ театра въ самой веселой комической роли. Страсть къ театру, къ музыкѣ поглотила на столько-же сильно умъ странно развивавшагося молодаго человѣка, какъ нѣкогда страсть къ трудности монастырской жизни. Затѣмъ съ тридцатаго года его жизни начинается рядъ тѣхъ полезныхъ дѣяній, которыя дали Квиткѣ видное мѣсто въ исторіи просвѣщенія южной Россіи. Онъ дѣятельно работалъ на пользу образованія и по порученію правительства открылъ харьковскій институтъ для дѣвицъ (первый на югѣ Россіи), которому, по словамъ Срезневскаго, принесъ въ жертву почти все достояніе свое, заботился также о театрѣ, оставаясь въ то-же время то директоромъ танцовальнаго клуба, то правителемъ общества благотворенія, то предводителемъ дворянства, основалъ первый украинскій литературный журналъ, былъ энергичнымъ литературнымъ дѣятелемъ въ Петербургѣ, Москвѣ и въ провинціи. Можно судить по этому, сколько энергіи и жизни было въ этомъ человѣкѣ, сколько добрыхъ побужденій таилось и воплощалось на дѣлѣ! Вотъ какъ обобщаетъ нравственный портретъ Квитки г. Данилевскій: „Слѣпой и болѣзненный въ дѣтствѣ, безпрестанно мѣнявшій военный мундиръ на канцелярское перо и канцелярское перо на военный мундиръ, — четыре года монахъ, затворникъ въ самые лучшіе, свѣжіе годы жизни, дѣятельный членъ благотворительнаго общества и директоръ странствующей труппы актеровъ, основатель института для дѣвицъ и издатель перваго украинскаго журнала, директоръ танцовальнаго клуба и авторъ юмористическихъ остроумныхъ писемъ подъ забраломъ нѣсколькихъ псевдонимовъ и въ то-же время авторъ строгихъ отчетовъ о любимомъ институтѣ... наконецъ музыкантъ и предводитель дворянства—сколько разнообразія и сколько пережитыхъ противоположностей!“

Не ускользнуло это противорѣчіе качествъ и отъ эпиграммы, и въ ту-же пору чрезвычайно широко обошло мѣстность слѣдующее четверостишіе:

„Не надивлюся я, Создатель,
Какой у насъ мудреный вѣкъ:
Актеръ, поэтъ и засѣдатель
Одинъ и тотъ-же человѣкъ!“

Убѣжденія Квитки, если еще нужно объ этомъ говорить, были демократическія; принципъ народности былъ основнымъ принципомъ его жизни и дѣятельности.

Н. Марковъ.

1883 года.
Елисаветградъ.

Происхожденіе малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ.

«Міръ поэзіи, этотъ идеальный міръ человѣка, не есть пустая, безцвѣтная область мечтаній и воздушныхъ призраковъ, одно произвольное созданіе фантазіи, а напротивъ—міръ поэзіи творится изъ матеріаловъ человѣческой-же дѣйствительности».

(Шевыр., Ист. поэзіи, стр. II.

Вопросъ о происхожденіи и процессѣ созданія народныхъ произведеній представляетъ такъ много интереса для занимающихся изученіемъ народной литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ является такимъ запутаннымъ, что всякій новый фактъ, помогающій хоть сколько нибудь уясненію онаго, достоинъ того, чтобы остановиться на немъ, съ цѣлью уясненія основныхъ положеній о народномъ творчествѣ вообще. Такимъ новымъ фактомъ является помѣщаемый ниже разсказъ, содержащійся въ одной италіанской брошюрѣ 1643 года и представляющій много аналогичнаго съ содержаніемъ извѣстной малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ, а потому дающій нѣкоторыя данныя для уясненія вопроса о происхожденіи оной. Вопросъ-же о происхожденіи малорусскихъ думъ имѣетъ немаловажное значеніе: однѣ изъ нихъ создавались народомъ на основаніи историческихъ событій и очень часто служили матеріаломъ для историковъ, пользовавшихся ими, какъ историческими данными; другія-же явились, какъ поддѣлка подъ народныя произведенія, изъ-подъ пера грамотниковъ; поэтому весьма важно опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ какъ подлинность думы, такъ и историческую достовѣрность передаваемыхъ въ ней фактовъ.

Считаю необходимымъ сначала указать нѣсколько общихъ положеній о народномъ творчествѣ, которыя вполнѣ могутъ быть

подтверждены частностями, проглядывающими въ разбираемой мною думѣ.

Если признать вѣрною мысль, высказанную въ эпиграфѣ, что міръ поэзіи творится изъ матеріаловъ человѣческой дѣйствительности, то, относительно народной эпической поэзіи, мысль эта можетъ быть формулирована еще съ большей опредѣленностью, а именно: *для созданія народно-эпическаго произведенія необходимъ фактъ, какъ дѣйствительность.* Поэтъ-художникъ очень часто создаетъ фактъ, исключительно руководствуясь фантазіей, сдерживаемой только условіями типической достовѣрности; онъ, увлеченный извѣстной идеей, вымышляетъ сознательно, не вѣря самъ передаваемымъ разсказамъ, и только допускаетъ возможность ихъ въ дѣйствительности. Народъ же, какъ безсознательный творецъ поэтическихъ произведеній, въ моментъ творчества въ каждомъ данномъ случаѣ вѣритъ передаваемому имъ факту, предполагая въ немъ реальную достовѣрность, и слѣдовательно не можетъ создать основнаго разсказа въ произведеніи, руководствуясь только фантазіей. Онъ можетъ конечно исказить фактъ до неузнаваемости, перепутать различные факты, но создать совершенно новый фактъ на основаніи фантазіи, повторяю,—не въ его натурѣ. Однимъ словомъ, поэзія въ его сознаніи—не игра воображенія, не умышленное творчество, а безусловная истина, являющаяся то какъ сводъ его религіозныхъ вѣрованій, то какъ кодексъ нравственности, то какъ его исторія. Поэтому во всякомъ народномъ произведеніи долженъ быть въ основѣ реальный фактъ, а тѣмъ болѣе—въ произведеніи съ историческимъ сюжетомъ; но только фактъ этотъ или въ исторіи затерялся, или въ произведеніи исказился до того, что узнать его мы не можемъ. Въ иной исторической пѣснѣ такой фактъ видѣнъ ясно, такъ-что и сомнѣнія не можетъ быть въ исторической основѣ ея; въ иной—могло быть смѣшано два отдѣльныхъ, но однородныхъ факта, и наконецъ многія пѣсни болѣе общаго содержанія пользуются, какъ основой, фактами типическими, которые все-таки сложились изъ отдѣльныхъ историческихъ фактовъ, но совершенно забытыхъ, таковы: дума о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, да и вообще всѣ пѣсни, передающія разсказы о плѣнѣ у татаръ и турокъ. Конечно, во всѣхъ пѣсняхъ можно замѣтить присутствіе этой послѣдней черты, т. е. что историческій фактъ пополняется и пересоздается на осно-

ваніи обще-типическихъ подробностей, собственно и составляющихъ характерное отличіе народнаго творчества данной націи, но въ однихъ пѣсняхъ такихъ чертъ больше, въ другихъ меньше [1]).

---

[1]) Года три назадъ мнѣ пришлось услышать въ золотоношскомъ уѣздѣ, полт. губ., пѣсню, которая по складу своему относится не къ эпическимъ, а къ лирическимъ пѣснямъ, и которая составлена такъ, что большая часть ея, въ отдѣльныхъ стихахъ, представляется заимствованной изъ разныхъ пѣсенъ. Однако-же упоминаемый въ ней фактъ убійства да два собственныхъ имени навели меня на мысль, что пѣсня создана на основаніи какого-то дѣйствительнаго происшествія. Оказалось, что предположеніе мое было вѣрно: я узналъ впослѣдствіи, что лѣтъ 10 назадъ въ м. Гельмязовѣ, золотон. уѣзда, было совершено убійство старшины Ярмилки братьями Томиленками, и этотъ то фактъ и послужилъ поводомъ къ созданію пѣсни. Можетъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ пѣсня эта будетъ совершенно забыта, или пересоздастся до того, что и собственныя имена изъ нея совершенно исчезнутъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ будущій изслѣдователь народныхъ пѣсенъ, не зная этого факта, естественно можетъ прійти къ выводу, что пѣсня создана на основаніи фантазіи съ извѣстной типической обстановкой. Во избѣжаніе этого, считаю умѣстнымъ при случаѣ сообщить ее здѣсь.

Не хилися, явороньку,—ще-жъ ты зелененькій!
Не журися, козаченьку, ще-жъ ты молоденькій!
Не радъ яворъ хилитися—вода корень мые,
Не радъ козакъ журитися—такъ серденько ные.

Заимствовано изъ пѣсни «Стоить явіръ надъ водою».

Тий по морю, по синёму два лебеді вьются,
А на тіхъ-же Томыленківъ кайданы куются.
Закували Томыленківъ, повезли селомъ;
Селомъ везуть, селомъ везуть, сільцемъ накидають.

Образъ лебедя весьма часто означаетъ разлуку съ свободой.

За нимъ ёго стара мати плаче та рыдае.
Не плачь, мати, не плачь, стара, - сама провинила,
Що хорошого сына породила, тай не оженила.

Томиленки были двоюродные братья.

Продай, мати, волы круторогі, выручи зъ неволи;
Продай, мати, бычки и телички, выручи зъ темнички!

Лучше-жъ мени, моя мати, у полі орати,
А нижъ мени, моя мати, зъ тюрьмы выглядати.
Лучше-жъ мени, моя мати, у лузі зъ косою,
А нижъ мени, моя мати, у тюрьмі зъ красою,
Лучше-жъ мени, моя мати, ціпомъ молотити,
А нижъ мени, моя мати, залізо носити.

Кажется, новый способъ сравненія, указывающій, какъ на крайнюю тяжесть, на земледѣльческія работы.

Було-бъ тобі, мій сыночку, горілки не пити,
Було-бъ тобі, мій сыночку, Ярмілки не бити.

Томиленки совершили убійство, будучи подпоены.

Дума о побѣгѣ Самуила Кошки изъ турецкой неволи, по моему мнѣнію, должна быть отнесена къ тому роду пѣсенъ, въ основѣ которыхъ находится историческій фактъ, соединенный затѣмъ съ такимъ-же историческимъ фактомъ, только относящимся совсѣмъ къ другимъ лицамъ, и наконецъ пополненный вышеуказанными типическими подробностями. Дума о Самуилѣ Кошкѣ, самая длинная и болѣе другихъ сохранившаяся, извѣстна была до послѣдняго времени только въ изданіи г. Лукашевича „Малорусскія и Червонорусскія думы и пѣсни“ (1836 г.) и записана въ 30-хъ годахъ въ полтавской губ. Перепечатана она была затѣмъ въ Сборникѣ Максимовича (1849 г.) и въ „Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа“, изданныхъ въ 1874 г. Этотъ, къ удивленію, единственный варіантъ думы въ послѣднее время пополнился другимъ варіантомъ, сообщеннымъ г. Горленкомъ на страницахъ декабрьской книжки „Кіевской Старины“. Послѣдній варіантъ, записанный со словъ бандуриста Ивана Крюковскаго въ лохвицкомъ уѣздѣ, полтав. губ., представляетъ жалкіе обломки нѣкогда стройнаго цѣлаго, впрочемъ до извѣстной степени дополняющіе прежній варіантъ, записанный г. Лукашевичемъ. Излагая содержаніе думы, я буду руководствоваться обоими варіантами, такъ какъ начало ея сохранилось, хотя въ самомъ отрывочномъ видѣ, въ варіантѣ Крюковскаго.

„У лузі Базалузі“, въ куренѣ, проживалъ гетманъ козацкій „Кішка Самійло“ зъ 40 человѣками „нетягъ“, не вѣдая никакого горя. Однажды по Черному морю ѣхало галерою „молоде паня, турецьке баша“; увидѣлъ онъ Лугъ-Базалугъ, прибылъ туда, захватилъ въ плѣнъ Самуила Кошку съ товарищами и, заковавъ ихъ въ цѣпи, отправился на своей галерѣ „до дівки Санжаківны“. Такъ передаетъ фактъ плѣненія варіантъ Крюковскаго. Въ варіантѣ, записанномъ Лукашевичемъ, мы видимъ уже продолженіе, такъ какъ тамъ говорится, что изъ Трапезонта выѣхала парадная галера, на которой были „Алканъ-паша, трапезонськее княжа“, 700 турокъ, 400 янычаръ и 350 (півчвартаста) бѣдныхъ невольниковъ, между которыми находились „Кішка Самійло, гетьманъ запорозькій и Ляхъ-Бутурлакъ, ключникъ галерській, сотникъ переяславській, недовірокъ християнській, що бувъ тридцять літъ у неволі, двадцять чотыре якъ ставъ на волі, потурчився, побусурманився для паньства великого, для лакомства нещасного“. Когда они далеко отъѣхали

отъ пристани, Алкану-пашѣ приснился сонъ, предвѣщавшій что-то недоброе, а именно: что галера его ограблена, что его янычары изрублены, а невольники всѣ оказались на волѣ, и что гетманъ Кошка его самого на три части разрубилъ и въ море побросалъ. Бѣдные невольники хотя хорошо знали, что этотъ сонъ означаетъ, но ничего не сказали, а Ляхъ-Бутурлакъ, успокоивая Алкана-пашу, предложилъ только, чтобы ему поручено было зорче слѣдить за невольниками и крѣпче ихъ заковать. Затѣмъ подъѣзжаютъ они къ городу Козлову, гдѣ проживаетъ „дівка Санжаківна", въ гости къ которой и отправляется Алканъ-паша. Но, не довѣряя вполнѣ Ляху-Бутурлаку, посылаетъ онъ къ галерѣ двухъ турокъ для наблюденія, чтобы Ляхъ-Бутурлакъ не вздумалъ отпереть Самуила Кошку и его товарищей. Посланные турки подслушиваютъ разговоръ Кошки съ Бутурлакомъ: на просьбы Кошки освободить его изъ оковъ Бутурлакъ предлагаетъ ему отречься отъ вѣры христіанской,—тогда, говоритъ, „будешь у нашого пана молодого за рідного брата пробувати"; на это предложеніе Кошка даетъ отвѣтъ исполненный негодованія и брани, за что Ляхъ-Бутурлакъ бьетъ его и обѣщаетъ держать строже всѣхъ. Тогда посланные турки извѣщаютъ Алкана-Пашу, что онъ имѣетъ вѣрнаго слугу въ Ляхѣ-Бутурлакѣ и потому можетъ спокойно пировать. Алканъ-паша, получивъ это извѣстіе, очень обрадовался и послалъ на галеру много всякихъ напитковъ для Бутурлака. Послѣдній, грустя о томъ, что не съ кѣмъ ему о вѣрѣ христіанской поговорить, рѣшился посадить рядомъ съ собою Кошку и сталъ угощать его; но Кошка, въ то время какъ Ляхъ-Бутурлакъ все выпивалъ, тайкомъ выливаетъ подаваемое ему угощеніе и, дождавшись того момента, когда Бутурлакъ такъ напился, что съ ногъ свалился, досталъ изъ подъ подушки его всѣ ключи и отдалъ невольникамъ съ словами: „одинъ другого одмыкайте, кайданы изъ нігъ—изъ рукъ не кидайте, полуночнои годины дожидайте".

Варіантъ Крюковскаго не передаетъ этихъ подробностей и представляетъ Ляха-Бутурлака совсѣмъ инымъ, а именно: онъ, услышавъ сонъ паши, коротко успокоиваетъ его и сейчасъ-же, давая Самуилу Кошкѣ ключи, говоритъ:

Цытьте хлопци, не гремите
И залізомъ не стучите;

Дружка дружку одмыкайте,
Залізо у Чорне море метайте,
И молодого паню, турецького башу, и панятъ ёго
У Чорне море изъ галеры скидайте".

Фактъ этотъ, какъ увидимъ ниже, имѣетъ очень важное значеніе. Но продолжу далѣе пересказъ содержанія.

Когда въ полночь прибылъ къ галерѣ Алканъ-паша и увидѣлъ своего вѣрнаго ключника крѣпко спящимъ, то отдалъ приказаніе осмотрѣть всѣхъ невольниковъ, при чемъ обманъ Самуила Кошки вполнѣ удался, такъ какъ осматривавшимъ и въ голову не пришло попробовать, заперты ли замки при кандалахъ, и они ограничились только бѣглымъ осмотромъ. Когда все успокоилось, козаки сняли съ себя оковы, изрубили всѣхъ турокъ, а

Кішка Самійло Алкана-пашу изъ ліжка взявъ,
На три части розтявъ,
У Чорнее море побросавъ...

Между прочимъ онъ отдалъ приказаніе оставить спящаго Ляха-Бутурлака въ живыхъ, въ надеждѣ, что онъ можетъ оказаться еще полезнымъ для нихъ. Покончивши съ врагами, невольники пустились въ дальнѣйшій путь. Не скоро проснулся Ляхъ-Бутурлакъ, и когда узналъ о случившемся, то поклонился Самуилу Кошкѣ и, покаявшись въ своемъ прежнемъ поведеніи, подалъ совѣтъ половину козаковъ посадить на весла, а половину нарядить въ турецкіе костюмы, чтобы обмануть турокъ, которые выѣдутъ изъ Цареграда встрѣчать Алкана-пашу. Такъ и поступили. Дѣйствительно, когда они стали подъѣзжать къ Цареграду, навстрѣчу имъ выѣхало 12 турецкихъ галеръ. Ляхъ-Бутурлакъ сталъ впереди, замахалъ турецкимъ флагомъ и сказалъ туркамъ, что Алканъ-паша съ похмѣлья крѣпко спитъ, и что побываетъ у нихъ на обратномъ пути. Затѣмъ козаки благополучно прибыли къ Днѣпру.

Тутъ я оставляю пересказъ думы, такъ какъ дальнѣйшее ея содержанія не относится къ интересующему меня вопросу о ея происхожденіи, и перейду къ сличенію разсказа думы съ сказаніями лѣтописцевъ о томъ-же фактѣ.

Какія же историческія данныя представляетъ собою разбираемая нами дума о Самуилѣ Кошкѣ?

Просматривая Лѣтопись Грабянки, Величка, Самовидца, Лѣтописи, изданныя Бѣлозерскимъ, Исторію Руссовъ, Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи Ригельмана и др., мы находимъ краткія извѣстія о Самуилѣ Кошкѣ, и извѣстія почти вездѣ однородныя, а именно: почти всѣ эти источники упоминаютъ о томъ, что Кошка былъ плѣненъ турками, но о бѣгствѣ его изъ неволи ничего не говорятъ.

Прослѣдимъ разсказъ о Кошкѣ по упомянутымъ и другимъ источникамъ, дабы опредѣлить, какія извѣстія были въ разныя времена объ этомъ героѣ думы, можетъ быть даже,—только какъ слухи.

Въ Исторіи Руссовъ читаемъ, что, когда въ 1598 году нѣкоторые малороссійскіе полки, въ противовѣсъ полякамъ, выбрали себѣ гетманомъ Сагайдачнаго, „поляки, въ опроверженіе гетмана Сагайдачнаго, а больше, чтобы всѣять вражду и междоусобіе въ войскахъ малороссійскихъ, выбрали съ приверженными къ нимъ полками гетманомъ изъ сотниковъ *Демьяна* Кушку; а онъ, вздумавъ прославить себя военными успѣхами и заслужить общее тѣмъ уваженіе, отправился съ войсками своими въ Бессарабію для освобожденія плѣнныхъ христіанъ, тамошними татарами на границахъ Подоліи забранныхъ. Но, приближаясь къ г. Аккерману, былъ аттакованъ турками и татарами и отъ нихъ взятъ въ плѣнъ и истребленъ“ [1]). На основаніи этого источника, такой же разсказъ переданъ въ Исторіи Малороссіи Н. Маркевича [2]). Въ приложеніи къ лѣтописи Самовидца, подъ заглавіемъ „Краткое описаніе Малороссіи“, упоминается подъ 1620 годомъ Самойло Кушка, какъ соучастникъ коронпаго гетмана Жолкевскаго въ извѣстной цоцорской битвѣ съ турками, съ прибавленіемъ, что его „турки живого въ полонъ взяли“ [3]). Почти тѣми же словами передается это извѣстіе въ лѣтописяхъ изданныхъ Бѣлозерскимъ [4]), а равно въ лѣтописи Грабянки [5]), съ отнесеніемъ факта плѣненія къ 1620 г. Въ приложеніяхъ къ лѣтописи

---

[1]) Исторія Руссовъ, стр. 45.

[2]) Т. I, стр. 104.

[3]) Изд. 1849 г., стр. 4; изд. 1878 г., стр. 216.

[4]) Краткое лѣтоизобразительное знаменитыхъ и памяти достойныхъ дѣйствъ и случаевъ описаніе (стр. 56); Хронологія высокославныхъ, ясневельможныхъ гетмановъ (стр. 111); Имянная перепись малороссійскихъ хетмановъ (стр. 131).

[5]) Лѣтоп. Грабянки, стр. 25; тамъ-же, стр. 260.

Величка находимъ такія же извѣстія, съ указаніемъ и мѣста погребенія Кошки; въ первомъ изъ нихъ читаемъ: „1620 года гетманъ Самойло Кошка на урочищѣ, прозываемомъ Цоціора, турками убитъ и въ городѣ Каневѣ погребенъ“ [1]), во второмъ находимъ и болѣе подробное извѣстіе: „1620 года гетманъ козацкій Самойло Кошка съ козаками, при гетманѣ коронномъ Жолковскомъ, во время султана турецкаго Османа Гордаго, на коварной, подъ видомъ мира съ поляками, на урочищѣ, прозываемомъ Цоціора, войнѣ находился, но взятъ-ли онъ турками въ полонъ и выкупили-ль его козаки изъ того полону такъ, какъ Зѣновія Богдана Хмѣльницкаго, или ни,— неизвѣстно; токмо сіе заподлинно вѣстимо, что онъ гетманъ Кошка въ городѣ украинскомъ Каневѣ погребенъ, чего въ доказательство тамъ его гробъ свидѣтельствуетъ [2]). Въ Исторіи Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго Самуилъ Кошка является преемникомъ Сагайдачнаго, но о времени его гетманства и участіи въ походахъ козаковъ противъ турокъ 1614, 1615 г. и 1616 г. говорится крайне неопредѣленно и только замѣчается, что онъ „попался въ плѣнъ къ туркамъ“ [3]). Наконецъ въ „Лѣтописномъ повѣствованіи о Малой Россіи“ Ригельмана говорится, что „въ битвѣ при Цоцорѣ козацкій гетманъ Самойло Кошка и Богданъ Хмельницкій съ прочими попались въ полонъ, кои по двум годахъ искуплены на обмѣнъ плѣненными татарами“ [4]).

И такъ, почти во всѣхъ цитированныхъ нами источникахъ мы встрѣчаемся съ фактомъ плѣненія Самуила Кошки турками, при чемъ, какъ на мѣсто и время плѣненія, всѣ они указываютъ на цоцорскую битву 1620 года, за исключеніемъ малодостовѣрнаго вообще источника—Исторіи Руссовъ, по которой Кошка попалъ въ плѣнъ во время похода въ Бессарабію, вблизи Аккермана, причемъ названъ онъ не Самойломъ, а Демьяномъ. Оставляя въ сторонѣ темное свѣдѣніе Исторіи Руссовъ, не можемъ не указать на два другія свидѣтельства, противорѣчащія приведеннымъ нами извлеченіямъ. Таковы, во 1-хъ, письмо извѣстнаго кошеваго атамана Сѣрка къ крым-

---

[1]) Лѣтоп. Величка, т. IV, стр. 151.

[2]) Тамъ-же, стр. 155—156.

[3]) Т. I, стр. 183—184.

[4]) Ригельманъ. Лѣтоп. повѣств., стр. 36.

скому хану, писанное въ 1675 году, гдѣ о Самуилѣ Кошкѣ, какъ о гетманѣ, и его походахъ упоминается до 1575 г., такъ какъ далѣе говорится, что „по немъ року 1575 Богданко зъ козаками Кримъ воевалъ и плюндровалъ“ [1]), и во 2-хъ шесть писемъ самаго Кошки къ коронному гетману Жолкевскому, писанныхъ во время походовъ его въ 1601—1602 г.г. сначала въ Молдавію, а потомъ въ Ливонію [2]). Правда, письмо Сѣрка въ вопросѣ о времени плѣна Кошки не имѣетъ значенія строго историческаго свидѣтельства, какъ писанное спустя сто лѣтъ и основанное на воспоминаніяхъ и слухахъ, за то письма Кошки, по времени написанія, занимаютъ такой срединный пунктъ между свидѣтельствомъ Сѣрка и извѣстіями лѣтописцевъ, что могутъ служить подтвержденіемъ какъ того, такъ и другихъ, и если предположить, что Самуилъ Кошка участвовалъ въ походахъ въ Молдавію и Ливонію по возвращеніи изъ плѣна, тогда извѣстію Сѣрка должно дать предпочтеніе, а если допустить, что походы были раньше плѣна его, тогда надо дать вѣру извѣстіямъ лѣтописцевъ. Издатели „Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа“ [3]), основываясь на томъ, что письма къ Жолкевскому на обратномъ пути изъ похода въ Ливонію въ началѣ писаны Самуиломъ Кошкой, а послѣднее письмо изъ того-же похода писано нѣкіимъ Гавриломъ Крутневичемъ, отдаютъ предпочтеніе извѣстію Сѣрка и дѣлаютъ предположеніе, что Самуилъ Кошка умеръ на обратномъ пути изъ похода. Подтвержденіемъ этому предположенію является повидимому Боркулабовская Хроника, изданная г. Кулишомъ въ матеріалахъ для „Исторіи возсоединенія Руси“, въ которой читаемъ: „року 601 были у Швецыи козаки запорозкие, люду четыре тысечи. Надъ ними былъ гетманомъ Самусль Кошка. Тамъ-же того Самуйла убито, а поховано у Киеве“ [4]). Но извѣстіе Боркулабовской Хроники, такъ положительно говорящей о смерти Кошки, рѣшительно опровергается двумя письмами его къ Жолкевскому, помѣченными 1602 годомъ, изъ чего ясно, что Кошка былъ живъ во время обратнаго пути изъ похода и, слѣдовательно, не былъ

---

[1]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 380.

[2]) Listy Stanisława Żolkiewskiego, стр. 107, 108, 114—117.

[3]) Историч. пѣсни, Т. I, стр. 227.

[4]) Кулишъ, Матеріалы, т. I, стр. 77.

убитъ во время войны, не говоря уже о несообразности такихъ двухъ извѣстій, какъ смерть Кошки въ Швеціи и погребеніе его въ Кіевѣ. Мало вѣроятія за собою имѣетъ и предположеніе издателей „Пѣсень малорусскаго народа" о смерти Кошки на обратномъ пути изъ похода, основанное на томъ, что послѣднее письмо съ похода писано другимъ лицемъ, именно Гавриломъ Крутневичемъ. Послѣдняго подпись въ качествѣ простаго каневскаго козака мы находимъ на рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря [1]), съ датою 1610 г., и на письмѣ къ Жолкевскому онъ подписался просто: Гаврило Крутневичъ и все запорожское войско, а слѣдовательно онъ не заступилъ мѣсто Кошки въ качествѣ гетмана, Кошка же подписался вездѣ словомъ *старшій*, которое замѣняло тогда слово гетманъ. Самуилъ Кошка въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ Жолкевскому причиною возвращенія своего изъ похода выставляетъ недовольство козаковъ и крайній недостатокъ въ содержаніи [2]) и согласно съ нимъ говоритъ объ этомъ Гейденштейнъ [3]). Составители сборника пѣсенъ въ подтвержденіе своего предположенія ссылаются еще и на то, что въ думѣ говорится, будто Кошка возвратился изъ плѣна при гетманѣ Скалозубѣ, т. е. около 1599 года. Но если довѣрять думѣ, то можно прійти къ выводу покойнаго М. А. Максимовича, что Кошка, пробывшій въ неволѣ 54 года, попалъ въ плѣнъ въ 1534 году, что ужъ совсѣмъ невѣроятно [4]). Свидѣтельство думы о возвращеніи Кошки изъ плѣна по всей вѣроятности есть типичная прибавка, вызванная желаніемъ представить цѣльный и законченный разсказъ.

Среди такихъ противорѣчивыхъ свидѣтельствъ о времени плѣненія Самуила Кошки, не дающихъ возможность рѣшить этотъ вопросъ хотя бы съ приблизительною точностію, мы желали бы удостовѣриться по крайней мѣрѣ въ томъ, подтверждается ли исторіей самый фактъ плѣненія его, а равно и возврата изъ неволи. Положительному разрѣшенію этого вопроса весьма много, повидимому, мѣшаетъ то обстоятельство, что польскія извѣстія о цоцорской битвѣ молчатъ о плѣненіи такого крупнаго лица, какъ козацкій атаманъ; но по этому нельзя еще утверждать, что факта такого

---

[1]) Рукоп. № 1636. Переводъ Новаго Зав. на южнор. нарѣчіе, 1581 г., Валентина Некгалевскаго.

[2]) Listy Stan. Żolkiew., стр. 116.

[3]) Rainolda Heidensteina. Dzieje Polski. T. II, стр. 448.

[4]) Сборн. украин. пѣсенъ 1849 г., стр. 31.

вовсе не было, скорѣе можно предположить, что наши историки фактъ этотъ, случившійся можетъ быть раньше, по слухамъ пріурочили только къ такому крупному событію, какъ битва при Цоцорѣ, и это отчасти можетъ служить подтвержденіемъ того, что Кошка плѣненъ былъ около этого времени. Какъ бы ни было, мы не можемъ отвергнуть лѣтописныхъ свидѣтельствъ, единогласно удостовѣряющихъ тотъ фактъ, что Кошка дѣйствительно былъ плѣненъ турками. Сопоставляя же разсказъ лѣтописцевъ съ разсказомъ думы объ обстоятельствахъ этого плѣненія, мы не видимъ въ нихъ ничего почти общаго. Лѣтописи передаютъ фактъ плѣненія, а основной разсказъ думы—освобожденіе изъ неволи. Если о фактѣ плѣненія упоминается въ варіантѣ думы, записанномъ со словъ Крюковскаго, то, какъ было уже сказано, это позднѣйшая прибавка, отличающаяся обще-типической картиной нападеній татаръ и турокъ на козацкія стоянки, лѣтописцы-же, говоря о плѣненіи Кошки, руководствовались народными о семъ преданіями, но только не тѣми, которыя вошли въ составъ думы.

О времени пребыванія въ плѣну ни дума, ни лѣтописи почти ничего не говорятъ, если не считать въ думѣ указанія на грубое обращеніе съ плѣнниками; но это также общетипическое мѣсто, встрѣчающееся во многихъ пѣсняхъ.

Что-же касается самаго факта бѣгства изъ неволи, т. е. главнаго предмета думы, то о немъ лѣтописцы совершенно умалчиваютъ. Только у Ригельмана сказано, что Кошка вмѣстѣ съ Богданомъ Хмѣльницкимъ и прочими черезъ два года были выкуплены въ обмѣнъ на плѣненныхъ татаръ; но откуда почерпнуто Ригельманомъ это извѣстіе—неизвѣстно. Остальныя лѣтописи сообщаютъ лишь о томъ, что Кошка былъ плѣненъ, а Исторія Руссовъ добавляетъ—и истребленъ. Одни приложенія къ лѣтописи Величка даютъ поводъ предполагать, что разсказы о возвращеніи Самуила Кошки изъ плѣна существовали, ибо въ одномъ изъ нихъ сказано: *выкупили-ль его козаки, или нѣтъ—неизвѣстно, но только извѣстно то, что онъ погребенъ въ Каневѣ* (о чемъ говоритъ и дума).

Если такимъ образомъ о бѣгствѣ Кошки изъ плѣна лѣтописныя сказанія совсѣмъ молчатъ, то мы въ правѣ усумниться въ существованіи этого факта, особенно если примемъ во вниманіе, что тѣ-же сказанія почти въ одинъ голосъ сообщаютъ о плѣненіи

его; значитъ, о бѣгствѣ Кошки изъ плѣна мало говорили народныя преданія, а можетъ быть ихъ и совсѣмъ не было, да и думы во время составленія сказаній можетъ быть также не существовало, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее знаемъ, потому что, будь она, наши лѣтописцы, не особенно разборчивые въ матеріалахъ, непремѣнно воспользовались-бы ею для разсказа.

Откуда-же, на основаніи какихъ данныхъ могъ явиться народный разсказъ объ этомъ сомнительномъ бѣгствѣ?

О Самуилѣ Кошкѣ, какъ о народномъ героѣ, попавшемъ въ плѣнъ къ туркамъ, ходило конечно много разсказовъ; когда пронесся слухъ о его возвращеніи, хотя-бы посредствомъ обмѣна или выкупа плѣнныхъ, народная фантазія легко могла нарисовать по своему картину этого возвращенія, создавъ ее по типу готовыхъ разсказовъ о бѣгствахъ разныхъ плѣнниковъ. Правда, въ думѣ является много не типическихъ чертъ, а исключительныхъ подробстей; но они-то именно, при молчаніи лѣтописцевъ о бѣгствѣ Кошки изъ плѣна, и заставляютъ насъ предполагать, что фактъ такого бѣгства существовалъ, но не съ Самуиломъ Кошкой, а съ кѣмъ-нибудь инымъ; народной-же фантазіи ничего уже не стоило пріурочить этотъ фактъ къ своему герою, особенно если фактъ случился въ то время, когда въ народѣ очень свѣжа была память о Кошкѣ. Оправданіемъ этого моего предположенія можетъ, кажется, служить упомянутый мною въ началѣ разсказъ, переданный въ итальянской брошюрѣ, о бѣгствѣ одного знатнаго русскаго офицера вмѣстѣ съ другими невольниками и истребленіи ими богатой турецкой галеры и убійствѣ командовавшаго ею паши. Брошюра эта издана въ Римѣ въ 1643 году, а русскій переводъ оной сообщенъ мнѣ В. Б. Антоновичемъ, съ поясненіемъ о мѣстѣ храненія и отысканія оной, которое подлинникомъ приводится здѣсь-же въ примѣчаніи [1]).

---

[1]) Брошюра издана въ Римѣ въ 1643 г. въ типографіи Григнани на италіанскомъ языкѣ. Авторъ разсказа не извѣстенъ, но можно догадываться, по его содержанію, что онъ составленъ участникомъ описываемаго событія Сильвестромъ изъ Ливорна, котораго дѣятельность во время подготовленія возстанія невольниковъ особенно тщательно оттѣнена. Италіанской брошюры намъ не удалось встрѣтить, но въ рукописномъ отдѣленіи Института Оссолинскихъ во Львовѣ мы нашли два различные перевода этой брошюры на польскій языкъ. Одинъ переводъ, болѣе

Приводимъ любопытный текстъ этой брошюры съ слѣдующимъ пространнымъ ея заглавіемъ:

Извѣстіе о замѣчательномъ происшествіи, недавно случившемся: о томъ, какъ взята была лучшая турецкая галера, бывшая подъ начальствомъ Анти-паши Маріоля, какъ получили свободу 207 человѣкъ невольниковъ христіанъ изъ польской Руси и 70 невольниковъ изъ другихъ христіанскихъ странъ, какъ взяты были въ плѣнъ 40 турковъ и 4 богатыхъ еврейскихъ купца, какъ убитъ былъ упомянутый Анти-паша со многими другими турками, и какая богатая добыча найдена была на галерѣ.

Нѣкій знатный офицеръ русинъ, по фамиліи Симоновичъ, находился въ плѣну у турецкаго царя въ продолженіи многихъ лѣтъ вмѣстѣ съ другими земляками своими. Онъ возъимѣлъ твердое намѣреніе освободить себя и земляковъ изъ тяжелой неволи и въ теченіи трехъ лѣтъ обдумывалъ и подготовлялъ планъ избавленія своего совмѣстно съ товарищами. Содержался онъ въ каторгѣ на изящной и отборной цареградской галерѣ, находившейся подъ начальствомъ жестокаго Анти-паши Маріоля. Наконецъ въ ноябрѣ 1642 года онъ началъ подготовлять средства для освобожденія съ большею осмотрительностью и въ глубокой тайнѣ, съобща съ нѣкоторыми болѣе близкими и вѣрными товарищами. Когда галера находилась у крѣпости Азова (въ подлинникѣ Asach?), онъ сталъ приносить понемногу ружейный порохъ и, завязывая его въ мѣшки, отдавалъ на храненіе нѣкоему русину Микулѣ. Этого Микулу Анти-паша считалъ вполнѣ вѣрнымъ себѣ слугою и предоставилъ

древній, писанный почеркомъ XVII столѣтія, находится въ записной книгѣ Петра Яблонскаго (въ каталогѣ рукописей № 6). Эта записная книга содержитъ 19 различныхъ статей, по большей части ученыхъ трактатовъ и историческихъ повѣствованій, переведенныхъ изъ языковъ: латинскаго, русскаго, италіанскаго и венгерскаго на польскій; въ томъ числѣ находится и «Извѣстіе о замѣчательномъ происшествіи». Другой варіантъ перевода находится въ рукописи, помѣченной въ каталогѣ номеромъ 967; это небольшая рукопись in quarto, состоящая изъ восьми листковъ; она содержитъ только одну статью—именно: переводъ указанной нами брошюры. Рукопись эта писана почеркомъ начала XVIII столѣтія и представляетъ переводъ того-же италіанскаго текста, только болѣе поздній и менѣе удачный. Нашъ переводъ сдѣланъ по варіанту, помѣщенному въ записной книгѣ Яблонскаго.—В. А.

ему должность эконома, поручивъ ему завѣдывать съѣстными припасами, назначенными какъ для его личнаго стола, такъ и для продовольствія турецкихъ солдатъ и невольниковъ; турки поэтому не наблюдали надъ поведеніемъ Микулы, онъ во всякое время расхаживалъ безъ цѣпей по галерѣ, и только на ночь на него налагали оковы. Пользуясь своимъ положеніемъ, Микула припряталъ мѣшокъ съ порохомъ, котораго собралось до 40 фунтовъ, положивъ его среди мѣшковъ съ сухарями, гдѣ, по милости Божьей, его не замѣтили ни шпіоны, ни сторожа турецкіе. Въ ноябрѣ галера, совмѣстно съ шестью другими, снялась съ якоря и прибыла въ Царьградъ; изъ одной галеры успѣлъ убѣжать невольникъ грекъ и донесъ султану, что, не смотря на его указы и распоряженія, обезпечивавшія безопасность грековъ, Анти-паша захватилъ въ плѣнъ на свою галеру 40 человѣкъ изъ этого народа. Султанъ сдѣлалъ выговоръ Анти-пашѣ и приказалъ ему отпустить грековъ на волю. Но паша не желалъ исполнить этого приказанія и потому 9 ноября, наканунѣ св. Мартына, онъ въ полночь снялся съ якоря, распустилъ всѣ паруса и отправился въ путь; остальныя шесть галеръ получили приказаніе на другой день слѣдовать за нимъ въ Наполи ди Романія, гдѣ паша предполагалъ провести зиму и вести выгодныя торговыя сдѣлки съ купцами этого города. Когда галера достигла Бѣлаго (Мраморнаго) моря въ двухъ миляхъ отъ Цареграда, капитанъ (сотникъ?) Иванъ Симоновичъ и его товарищи русины сочли, что имъ представился случай освободиться изъ плѣна раньше, чѣмъ они надѣялись; они рѣшили ускорить исполненіе своего предпріятія, пока ихъ не настигнутъ остальныя шесть галеръ. Переговоривши быстро между собою, они приготовились: каждый изъ нихъ запасся камнемъ, лопатою или топоромъ, нѣкоторые-же принесли сабли и спрятали ихъ между скамьями; сабли эти въ ту ночь роздалъ имъ юноша, по имени Сильвестръ изъ Ливорно, котораго и султанъ и Анти-паша считали искреннимъ и убѣжденнымъ ренегатомъ, между тѣмъ какъ онъ оставался въ тайнѣ христіаниномъ и состоялъ искреннимъ пособникомъ заговора. Юноша этотъ при наступленіи ночи улегся среди турецкихъ солдатъ и притворился спящимъ. Между тѣмъ капитанъ Симоновичъ, который былъ прикованъ цѣпью къ первой скамьѣ, сталъ фитилемъ поджигать порохъ, лежа подъ скамьею, одинъ-же изъ товарищей старался закрыть его собою;

порохъ этотъ былъ подложенъ подъ доски въ задней части галеры, подъ то помѣщеніе, гдѣ ночевалъ самъ Анти-паша и съ нимъ 37 солдатъ турецкихъ. Шесть солдатъ были разставлены на ночь на галерѣ въ качествѣ часовыхъ; они замѣтили, что у капитана блеститъ въ рукахъ огонь и окликнули его, спрашивая, что онъ дѣлаетъ? Симоновичъ отвѣтилъ, что онъ курить трубку; турки удовлетворились этимъ отвѣтомъ и успокоились. Къ несчастью порохъ оказался отсырѣвшимъ и, не смотря на двукратную попытку, не вспыхнулъ; замѣтивъ это Сильвестръ, лежавшій среди турецкихъ солдатъ, незамѣтно проползъ по галерѣ и принесъ русскому капитану горящихъ углей, завернутыхъ въ тряпку; послѣдній бросилъ уголья внизъ въ то мѣсто, гдѣ былъ заложенъ порохъ; наконецъ послѣдовалъ взрывъ, хотя менѣе сильный, чѣмъ ожидали, по причинѣ порчи пороха отъ сырости; отъ взрыва тѣмъ не менѣе взлетѣли на воздухъ 28 турокъ и загорѣлись каюты и паруса; огонь сталъ осыпать остальныхъ турокъ, которые принуждены были полуживые бросаться частью въ море, частью среди русиновъ невольниковъ. Среди смятенія и криковъ, поднявшихся вслѣдствіе взрыва и пожара, проснулся въ тревогѣ Анти-паша Маріоли; онъ выбѣжалъ на палубу исполненный ярости, сталъ громко браниться и кричать: „ахъ, вы христіанскія собаки! не трогаться съ мѣста, измѣнники! сидѣть смирно!“ Но русины храбро схватили камни, сабли и другое оружіе и бросились на турокъ съ крикомъ: „вотъ, вотъ, сейчасъ овладѣемъ галерою!“ Въ это время капитанъ Симоновичъ схватилъ саблю, напалъ съ неотразимою отвагою на пашу и нанесъ ему смертельный ударъ со словами: „не сносить тебѣ головы, проклятая собака!“ Затѣмъ онъ бросился вмѣстѣ съ товарищами на другихъ турокъ. Вся задняя часть галеры покрыта была оторванными членами и отсѣченными, облитыми кровью головами, которыя русины сбрасывали въ море. По счастливому для нихъ стеченію обстоятельствъ, турки не могли пустить въ дѣло луковъ, ибо тетивы ихъ были уничтожены горящими углями, падавшими изъ пылавшихъ каютъ, такъ что только два или три лука осталось годными къ употребленію. Изъ нихъ двумя стрѣлами раненъ былъ въ туловище и въ руку капитанъ Симоновичъ; затѣмъ онъ подвергся большой опасности, ибо одинъ старый, крѣпкій турецкій солдатъ бросился на него съ желаніемъ доконать его, но товарищи пришли ему на

помощь во время; турокъ храбро и упорно сражался съ дьявольскою неукротимостью; долго русины не могли его одолѣть, пока наконецъ не пронзили его копьемъ; онъ палъ съ страшнымъ пронзительнымъ крикомъ.

Послѣ продолжительной схватки невольники съ Божіею помощью одержали полную побѣду; они немедленно стали разбивать свои оковы съ большимъ грохотомъ и, вслѣдъ затѣмъ бросились къ канатамъ, желая распустить паруса, но при этомъ почувствовали необычную тяжесть; осмотрѣвъ паруса, они увидѣли, что многіе турки укрылись туда, пользуясь смятеніемъ; послѣдніе просили о помилованіи, и невольники согласились подарить имъ жизнь и объявили ихъ плѣнниками. Другіе турки бросились въ море изъ-за спасенія жизни, а человѣкъ 8 или 10, въ томъ числѣ и сынъ Антипаши, спрыгнули въ шлюпку; изъ галеры видно было, какъ лодка эта, полузалитая водою, кружилась по морю; весьма вѣроятно, что она потонула.

Освободившихся невольниковъ на этой галерѣ оказалось болѣе 250; все это были отборные, молодые и храбрые христіанскіе воины. Лишь только кончилась битва и водворился порядокъ, тотчасъ всѣ бросились къ весламъ и стали грести со всѣхъ силъ; они быстро помчались по морю, тѣмъ болѣе, что дулъ попутный вѣтеръ. Они безпрерывно работали веслами и плыли въ теченіи семи дней по направленію къ Калабріи, намѣреваясь пристать къ гавани въ Чивита-Веккіи, портъ Орвіетской области, тамъ высадиться, поклониться святымъ въ Римѣ и оставить галеру въ подарокъ святѣйшему папѣ Урбану VIII. Во время пути случилось, что галера встрѣтила фелюку турецкую, въ которой плыли семь человѣкъ турокъ; послѣдніе, увидѣвъ одну изъ своихъ галеръ, приблизились къ ней, спрашивая, нѣтъ-ли на пути христіанскихъ кораблей? Одинъ изъ русиновъ, выдавая себя за турецкаго начальника, отвѣтилъ имъ, что кораблей христіанскихъ въ морѣ нѣтъ, и ласково пригласилъ ихъ къ себѣ, предложивъ угощеніе. Но когда они взошли на галеру, то русины разразились громкимъ хохотомъ, турки-же съ крайнею грустью увидѣли себя неожиданно въ плѣну. Въ восьмой день плаванія поднялась страшная буря; она поломала 17 веселъ и раздробила руль галеры; вслѣдствіе этого бѣглецы должны были сократить путь, они пристали къ берегу въ гавани Мессинѣ, гдѣ и по

нынѣ находится упомянутая галера со всѣми взятыми на ней богатствами, которыя будутъ исчислены ниже.

Достойно замѣчанія то обстоятельство, что въ горячей схваткѣ съ турками убитъ былъ только одинъ русинъ и ранено до 20 человѣкъ; притомъ нѣсколько человѣкъ сидѣвшихъ въ той сторонѣ, гдѣ произошелъ взрывъ, получили обжоги.

Въ добычу освободившимся невольникамъ поступили плѣнники: 34 турка, 2 турчанки, 3 мальчика, два негра и 4 богатые купцы евреи, предложившіе 10,000 скудовъ (талеровъ) выкупа. Сама галера, принадлежавшая къ цареградской дивизіи флота, была лучшая и богатѣйшая во всемъ турецкомъ флотѣ; она вся была вызолочена, снабжена 15 прекрасными парусами различной величины, 8 большими канатами, 12 якорями, 7 большими пушками, 12 меньшими мѣдными. Кромѣ того на ней оказалось: 250 мушкетовъ, большой запасъ сабель, изъ которыхъ болѣе 20 были обдѣланы въ золото и серебро; два полные прибора лошадиной сбруи съ сѣдлами, позолоченные, отдѣланные серебромъ и украшенные жемчугомъ и дорогими каменьми въ прекрасной оправѣ; одна золотая булава, украшенная также дорогими камнями; 20 пурпурныхъ кафтановъ на соболяхъ, 20 одѣялъ изъ златоглава, 40 кинжаловъ съ серебряными рукоятками, украшенными драгоцѣнными камнями; цѣльный рогъ единорога [1])—предметъ весьма рѣдкій и цѣнный; 8,000 талеровъ, 600 венгерскихъ червонцевъ, обломковъ серебра вѣсомъ на 300 талеровъ; 60 мѣшковъ пшеницы и множество другой живности; 20 прекрасныхъ и богатыхъ знаменъ и множество богатаго и тонкаго бѣлья; по два полные мундирные костюма для 250 солдатъ; 15 прекрасныхъ ковровъ, каждый цѣною въ 150 скудовъ; 250 деревянныхъ брусовъ и 150 большихъ желѣзныхъ полосъ, предназначенныхъ для постройки новой галеры; множество свертковъ дамасской ткани и другихъ предметовъ торговли.

Въ приведенномъ разсказѣ нельзя не видѣть очень многихъ мѣстъ совершенно сходныхъ съ разсказомъ думы, и не будетъ кажется слишкомъ смѣлымъ предположить, что именно этотъ случай

[1]) Въ XVI и XVII столѣтіяхъ рогомъ воображаемаго звѣря единорога считали зубъ китообразнаго животнаго—нарвала (Monodon Monoceros).

и подалъ поводъ къ сложенію думы о Кошкѣ. Возвратившіеся изъ плѣна вмѣстѣ съ героемъ италіанскаго сказанія Симоновичемъ конечно разсказывали объ этомъ событіи; разсказъ переходилъ отъ однихъ къ другимъ, съ мѣста на мѣсто, быть можетъ отъ одного поколѣнія къ другому, личность и имя малоизвѣстнаго Симоновича забыты, а въ тоже время жила въ памяти народной личность героя Самуила Кошки, и ничего нѣтъ удивительнаго, если съ теченіемъ времени разсказъ о забытомъ Симоновичѣ пріуроченъ къ долго памятному Самуилу Кошкѣ, также бывшему въ плѣну, но умершему и погребенному на родинѣ. Въ общемъ фактъ остался тотъ-же, но дополненъ фантазіей; а, можетъ быть, и еще какими нибудь невѣдомыми намъ историческими случаями, бывшими съ другими лицами, и такимъ образомъ, до извѣстной степени пересоздался. Но, не смотря на такое пересозданіе, все-таки можно видѣть много такихъ рѣзкихъ особенностей въ думѣ, которыя сами напрашиваются на сопоставленіе съ разсказомъ брошюры. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Наиболѣе характерны въ данномъ случаѣ русинъ Микула, въ брошюрѣ, и Ляхъ-Бутурлакъ—въ думѣ. Микула оказывается какъ-бы русскимъ ренегатомъ, но такимъ, который, занимая мѣсто эконома на галерѣ и пользуясь довѣріемъ турокъ, остается втайнѣ вѣрнымъ христіанской религіи; онъ-то главнымъ образомъ, въ сообществѣ съ Сильвестромъ изъ Ливорно, другимъ ренегатомъ, даетъ возможность невольникамъ освободиться изъ плѣна. Въ думѣ о Самуилѣ Кошкѣ мы тоже видимъ ренегата въ лицѣ Ляха-Бутурлака; по варіанту, записанному Лукашевичемъ, онъ представляется *колеблющимся*, какъ справедливо замѣчаютъ издатели историческихъ пѣсенъ; онъ не помогаетъ освобожденію невольниковъ, и только когда уже фактъ совершился, становится помощникомъ ихъ въ дальнѣйшемъ путешествіи. Но такое изображеніе Ляха-Бутурлака могло быть результатомъ желанія неизвѣстнаго народнаго художника подвести личность его подъ обыкновенный типъ ренегатовъ, отличавшихся по большей части жестокостью, какимъ въ думѣ „Плачъ невольниковъ на турецкой каторгѣ“ представленъ „баша турецькій, бусурманській, недовірокъ христіянській“. Такимъ же путемъ пересозданъ въ одномъ изъ варіантовъ думы и сочувствовавшій невольникамъ Микула, сохранивъ однако и здѣсь черты *колеблющагося*; за

то въ другомъ варіантѣ той же думы, записанномъ Горленкомъ, и который по многимъ чертамъ мы считаемъ болѣе древнимъ, превращенный въ Ляха-Бутурлака Микула рисуется не колеблющимся, а прямо лицемѣрящимъ предъ турками; тутъ между Микулою и Ляхомъ-Бутурлакомъ полное сходство; послѣдній, какъ и первый, состоитъ также завѣдующимъ на галерѣ провизіей и является прямо сочувствующимъ невольникамъ, отдавая имъ ключи отъ оковъ и совѣтуя немедленно покончить съ турецкимъ пашей. Различіе въ ихъ названіяхъ только кажущееся: Микула могло быть собственнымъ и дѣйствительнымъ именемъ, а названіе Ляхъ-Бутурлакъ могло быть и приложено къ нему и замѣнять его, такъ какъ, очевидно, оно не личное историческое, а типическое, и, по справедливому толкованію г. Кулиша [1]), произошло вслѣдствіе передѣлки слова *потурнакъ*, стараго названія потурчившихся ренегатовъ.

Другимъ такимъ же сходнымъ мѣстомъ въ думѣ и брошюрѣ является разсказъ о томъ, какъ обмануты были турки, выѣхавшіе на встрѣчу галерѣ. Въ брошюрѣ мы видимъ, что при встрѣчѣ съ турецкой фелюкой, одинъ русинъ, выдавая себя за турецкаго начальника, пригласилъ турокъ на галеру, гдѣ они и очутились плѣнниками; въ думѣ, въ обоихъ варіантахъ, говорится о подобномъ-же обманѣ, при чемъ эту роль исполняетъ Ляхъ-Бутурлакъ, который

Самъ на чердакъ выступавъ,
Турецькимъ біленькимъ завивалом махавъ;
Разъ-то мовить по-грецьки,
У друге по-турецьки.

Что этотъ въ основѣ одинаковый фактъ явился въ частностяхъ разнящимся, объяснить не трудно народнымъ желаніемъ пересоздать нѣсколько самый фактъ по типу случавшихся фактовъ. Бѣгство изъ турецкой неволи сопровождалось частыми преслѣдованіями и препятствіями на пути со стороны турокъ: вотъ почему дума, по моему мнѣнію, измѣнила нѣсколько случай, разсказанный въ брошюрѣ, гдѣ рисуется случайная встрѣча съ турецкой фелюкой, и создала типическія подробности о томъ, какъ невольники, „миная турецькіи калавуры"—по Крюковскому, или проѣзжая мимо города

[1]). Кулишъ. Матеріалы, т. I, стр. 104.

Цареграда—по Лукашевичу, избавились, благодаря хитрости, отъ угрожавшей опасности.

Личность Анти-паши въ италіанскомъ разсказѣ и личность Алкана-паши въ думѣ (котораго варіантъ Крюковскаго не называетъ) очень легко могутъ быть сопоставлены, если принять во вниманіе естественное искаженіе имени. Что касается разсказа думы, который изображаетъ Алкана-пашу пирующимъ въ Козловѣ у „дівчины Санжаківны", т. е. у дочери козловскаго губернатора, то весьма возможно, что подобный фактъ былъ съ кѣмъ нибудь изъ пашей и только пріуроченъ къ данному случаю, а можетъ быть и просто дорисованъ фантазіей, чтобы объяснить причину оплошности турокъ. Типъ, подобный Санжакивнѣ, хотя и не изъ часто встрѣчавшихся, но по указаніямъ издателей историческихъ пѣсенъ вполнѣ возможенъ [1]). Нельзя не обратить вниманія и на то, что „дівка Санжаківна" пріурочена въ думѣ къ г. Козлову, а въ пѣснѣ объ Иванѣ Богуславцѣ рисуется очень свободно держащей себя „пані Кізлевская", т. е. жена важнаго сановника въ Козловѣ. Вѣроятно, былъ какой-нибудь подобный фактъ въ Козловѣ, и съ тѣхъ поръ козловскія мусульманки стали въ думахъ играть роль типическихъ самовольныхъ женщинъ.

Къ указаннымъ выше сходнымъ чертамъ нельзя не прибавить и еще одной—сходства въ описаніи галеры въ думѣ и брошюрѣ. Дума такъ описываетъ убранство галеры:

Выступала галера,
Трёма цвітами процвітана, малёвана.
Ой первымъ цвітомъ процвітана—
Златосиними кандяками побивана,
А другимъ цвітомъ процвітана—
Гарматами арештована,
Третимъ цвітомъ процвітана—
Турецькою білою набою покровена.

Сверхъ того, въ концѣ думы разсказывается, что возвратившіеся на родину невольники производили дѣлежъ богатой добычи, захваченной на этой галерѣ. Однимъ словомъ, изъ думы ясно видно, что это была одна изъ самыхъ парадныхъ и богатыхъ галеръ ту-

[1]) Историч. пѣсни, т. I, стр. 226 и 244.

рецкихъ. Описаніе галеры въ упомянутой брошюрѣ только можетъ подтвердить предположеніе, что этотъ случай съ Симоновичемъ далъ главныя черты для разсказа въ думѣ. „Сама галера, говоритъ авторъ брошюры, принадлежавшая къ цареградской дивизіи флота, была лучшая и богатѣйшая во всемъ турецкомъ флотѣ; она была вся вызолочена, снабжена прекрасными парусами, 7 большими пушками и 12 меньшими мѣдными“ и т. д. Конечно, описаніе галеры въ думѣ могло явиться просто какъ результатъ знакомства разсказчиковъ съ устройствомъ и убранствомъ галеръ парадныхъ вообще, но если мы имѣемъ въ этомъ случаѣ еще одно прибавочное совпаденіе къ цѣлому ряду другихъ, то это только можетъ подкрѣпить мое основное предположеніе о томъ, какимъ путемъ произошла дума о Самуилѣ Кошкѣ.

И такъ, исходя изъ того положенія, что народно-эпическія произведенія въ основѣ своей непремѣнно должны имѣть дѣйствительный фактъ, можетъ быть только своеобразно понятый и переданный, и не находя въ исторіи всѣхъ тѣхъ данныхъ о Самуилѣ Кошкѣ, которыя отражаются въ думѣ, мы можемъ прійти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Плѣненіе Самуила Кошки турками—фактъ историческій, который, по всей вѣроятности, случился въ началѣ XVII в., около 1620 г., фактъ-же бѣгства его изъ неволи ничѣмъ не можетъ быть удостовѣренъ, и это ведетъ къ предположенію, что такого факта вовсе не было.

2) Въ народѣ ходили толки о плѣнѣ Самуила Кошки, которые, можетъ быть, облеклись даже въ пѣсенную формулу, впослѣдствіи совершенно утратившую свой первоначальный видъ.

3) Возвратившіеся вмѣстѣ съ Симоновичемъ изъ плѣна разсказывали о подробностяхъ своего освобожденія, при чемъ разсказы эти съ теченіемъ времени пріурочены къ народному герою Самуилу Кошкѣ, о которомъ существовалъ уже раньше рядъ сказаній.

4) Въ такомъ видѣ преданія эти, видоизмѣняясь и пополняясь новыми подробностями, то какъ обще-типическими пріемами пѣвцовъ, то какъ заимствованіями отъ другихъ фактовъ однородныхъ, распространились въ цѣлую думу, которая въ болѣе цѣльномъ видѣ записана была г. Лукашевичемъ въ 30-хъ годахъ, а въ обрывкахъ, свидѣтельствующихъ о существованіи и другихъ варіантовъ ея, сохранилась и донынѣ въ памяти народной, какъ удостовѣряетъ варіантъ записанный г. Горленкомъ.

В. Науменко.

Бѣглые и крѣпостные въ Черноморіи.

Южно-русскія окраины по справедливости могутъ быть названы своего рода историческимъ притономъ для людей не мирившихся съ тяжелою экономическою долею и вольнолюбивыхъ. Тутъ, какъ извѣстно, образовалась Запорожская Сѣчь и донское войско, долго служившія потомъ мѣстами убѣжища для разнаго рода бѣглецовъ отъ панской неволи и гнетущихъ жизненныхъ условій. Такую-же роль игралъ отчасти и новороссійскій край. Херсонская губернія и теперь еще извѣстна у народа подъ именемъ „невінчанной губерніи", т. е. губерніи населенной людьми вольнобрачными, вступавшими въ брачный союзъ безъ церковнаго обряда, за отсутствіемъ метрикъ и оффиціальныхъ указаній на личность, безъ чего, какъ извѣстно, поны не „вінчають". Когда въ концѣ прошлаго столѣтія была образована Черноморія, сѣверо-западная часть нынѣшней кубанской области, то и въ этотъ, до сихъ поръ идеально желательный для южно-русскаго переселенца, уголокъ ушло не мало бѣглецовъ, искавшихъ здѣсь козацкой воли, свободныхъ земель и хозяйственнаго простора.

Притокъ въ Черноморію бѣглыхъ элементовъ начался одновременно съ заселеніемъ края. И это вполнѣ понятно. Черноморія оказалась наслѣдницею Запорожья, а Запорожье было роднымъ и законнымъ дѣтищемъ такихъ элементовъ. Бѣглые потянули, стало быть, въ Черноморію въ силу обычая, историческихъ прецедентовъ. Фактъ и обычай были на столько заразительны въ этомъ отношеніи, что, какъ увидимъ ниже, даже оффиціальные документы не могли освободиться отъ смягчающаго вліянія ихъ на вопросъ о бѣглецахъ. Да иначе и не могло быть. Сами соціальныя условія способствовали тому. То было время, когда грубая сила и произволъ пана-помѣщика

часто не имѣли никакихъ границъ и когда самымъ дѣйствительнымъ протестомъ противъ насилія служилъ именно побѣгъ. Такъ представители черноморскаго войска, оставленные въ Екатеринославлѣ въ качествѣ депутатовъ для защиты интересовъ переселенцевъ въ Черноморію, жаловались въ 1796 г. таврическому губернатору Жегулину, что „козаковъ изъ бывшихъ запорожцевъ многіе помѣщики отдаютъ въ рекруты, отрѣзываютъ чуприны, бьютъ безчеловѣчно, отправляютъ въ тюрьмы, не смотря ни на какія ихъ (козаковъ) доказательства", и что за одно съ помѣщиками дѣйствовали и земскія начальства. Изъ той-же жалобы видно, что помѣщикъ новомосковскаго уѣзда секундъ-маіоръ Куличенко просто убилъ козака каневскаго куреня Кирилла Башмаченка [1]). Если такимъ образомъ поступали съ вольными козаками, то что-же приходилось выносить подневольнымъ людямъ? Естественно, что побѣги были самымъ естественнымъ отвѣтомъ на все то, что ложилось на спину этого безправаго люда.

На первыхъ порахъ заселенія Черноморіи возникла довольно интересная переписка между войскомъ, съ одной стороны, и гражданскими властями екатеринославскаго намѣстничества, которому было подчинено черноморское войско, съ другой. Войсковая администрація жаловалась на то, что помѣщики не выпускали въ Черноморію людей, принадлежавшихъ войску; гражданскія власти требовали формальныхъ доказательствъ такой принадлежности, такъ какъ въ число переселенцевъ въ Черноморію попадали люди, непринадлежавшіе войску. Обѣ стороны были конечно правы по своему, но центръ тяжести, очевидно, лежалъ въ томъ обстоятельствѣ, что крѣпостные дѣйствительно бѣгали въ Черноморію. Этому отчасти способствовали и представители войска. Относительно войсковаго судьи Антона Головатаго извѣстно, что онъ выдавалъ за своею подписью, подъ вымышленными фамиліями, паспорты крѣпостнымъ людямъ для переселенія въ Черноморію [2]). Ему помогали въ этомъ отношеніи священникъ села Очеретовскаго, новомосковскаго уѣзда, Емельянъ Марковъ и мѣст. Новоселицы Романъ Порохня. Въ 1794 г. довѣренный генералъ-прокурора Самойлова Чер-

[1]) «Матеріалы для истор. колон. сѣв. Кавказа», Бентковскаго, стр. 23.

[2]) Тамъ-же, стр. 26—30.

нявскій жаловался таврическому губернатору на то, что хорунжій черноморскаго войска Семенъ Бурносъ, „пріѣхавши съ командою, ночью разставя вездѣ караулы, взялъ съ собою на Тамань изъ слободы Князь-Григорьевки (теперь въ днѣпровскомъ уѣздѣ, таврической губерніи) приписанныхъ къ той слободѣ въ подданство 26 семей и просилъ отыскать ихъ, а съ хорунжимъ Бурносомъ „поступить по законамъ“ [1]). Но главная пружина, двигавшая крѣпостныхъ, лежала конечно не въ покровствѣ черноморскаго войска бѣглецамъ, а въ общихъ соціальныхъ условіяхъ того времени. Большинство крѣпостныхъ бѣгало по собственному желанію и почину, а Черноморія служила только однимъ изъ удобныхъ мѣстъ для такихъ побѣговъ. Такъ видимо смотрѣло на дѣло и само правительство, ограничиваясь общими постановленіями на этотъ счетъ.

Уже въ грамотѣ 1 іюля 1792 г. говорится, что, во время прохода на пожалованную землю, войско черноморское „да возбранитъ у себя пріемъ бѣглецовъ, подданныхъ россійскихъ, какъ тогда, такъ и впредь по самовольномъ оставленіи жилищъ своихъ къ оному являющихся“ [2]). Если принять во вниманіе то соображеніе, что приведенныя слова грамоты служатъ отвѣтомъ на прошеніе войска о „совмѣстномъ поселеніи“ тѣхъ изъ его членовъ, которые „неподлежаще присвоены помѣщиками въ подданство“ и которыхъ могло-бы „собраться самаго мужскаго пола на двадцать пять тысячъ“ [3]), то не трудно конечно понять, почему правительство внесло въ законодательный актъ такую общую оговорку о непріемѣ въ войско бѣглецовъ. Это была обычная дань времени въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ. Впослѣдствіи и правительство, и войско не разъ прибѣгало къ этому мало успокоивавшему отводу глазъ отъ дѣйствительности. Такъ въ грамотѣ Александра I, данной 31 мая 1803 г., выражается надежда, что войско „не позволитъ себѣ принимать изъ внутри Россіи никакихъ людей, подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ, ибо подобные переходы противны общему порядку и благоустройству государства“ [4]). Съ своей стороны, и войско не-

---

[1]) «Матеріалы для истор. колон. сѣв. Кавказа», Бентковскаго, стр. 30.

[2]) «Черноморцы», Короленко. Прилож. XXII, стр. 23.

[3]) Тамъ-же, прил. XVIII, стр. 22.

[4]) Тамъ-же, прил. 13, стр. 61 и 62.

однократно дѣлало постановленія въ томъ-же духѣ. Такъ, въ „Инструкціи черноморскаго правительства окружнымъ правленіямъ“ 1794 г., въ пунктѣ 6-мъ говорится: „окружное правленіе бдѣніе имѣетъ, чтобы въ округѣ никто бѣглыхъ людей не принималъ, не держалъ и не укрывалъ“ [1]). Отбирались даже подписки отъ куренныхъ обществъ о непріемѣ бѣглецовъ въ свою среду. Все, разумѣется, терпѣла бумага.

Но между такими, звучавшими вынужденнымъ формализмомъ, постановленіями и практикою всегда лежала значительная пропасть. Вотъ характерный фактъ въ этомъ отношеніи. 6 іюля 1793 г. войсковая администрація рапортомъ своимъ доносила таврическому губернатору, что въ Черноморіи „малороссійской породы люди, войску черноморскому не принадлежащіе, шатаяся нѣкоторые съ женами и дѣтьми тайнымъ образомъ на войсковой землѣ по непріему, украдаяся промежду войсковыми жителями, подъ видомъ польскихъ выходцевъ, скрываются“. Хотя, поясняетъ рапортъ, войсковымъ старшинамъ и козакамъ и извѣстно, что такихъ шатающихся и прячущихся людей нельзя держать, но старшины и козаки такъ заняты „домостроительствомъ и хлѣбопашествомъ“, что положительно не имѣютъ времени „пересматривать постороннихъ людей“. Что-же касается присылаемыхъ въ войско сообщеній „съ именами, прозваніями и примѣтами“ бѣглыхъ, то по этимъ указаніямъ нельзя отыскать людей, „бѣжавшихъ отъ разныхъ россійскихъ помѣщиковъ“, потому что „таковые бѣглецы промежь войсковыми жителями скрываются перемѣною именъ и прозваній“. Эти нехитрыя объясненія въ рапортѣ заключаются довольно ловкимъ предложеніемъ: „не можно-ли истцамъ для опознанія своихъ людей присылать повѣренныхъ съ письменными доказательствами“ въ Черноморію? [2]).

Посылали-ли „истцы“, т. е. помѣщики, своихъ довѣренныхъ въ Черноморію, не извѣстно, но послѣдующія оффиціальныя данныя указываютъ, что посылки эти могли сводиться ни къ чему въ практическомъ отношеніи. Черноморія дѣлала на столько гостепріимный пріемъ Иванамъ, непомнящимъ родства, что отыскать ихъ было

---

[1]) «Черноморцы», Короленко. Прил. XXVII, стр. 39.

[2]) Вентковскій, «Матеріалы» и пр., стр. 2.

трудно, а возвратить на родину еще труднѣе, чтобы не сказать невозможно. Да и какъ иначе могло относиться черноморское войско, когда въ основѣ и его возникновенія, и существованія Запорожской Сѣчи лежалъ постоянный притокъ бѣглецовъ? Въ сущности, когда Потемкинъ-Таврическій „препоручилъ Сидору Бѣлому и Антону Головатому собрать охотниковъ, и конныхъ и пѣшихъ, для лодокъ, изъ служившихъ въ бывшей Сѣчи Запорожской козаковъ“ [1]), или когда тотъ-же Потемкинъ-Таврическій дозволилъ Захарію Чепегѣ „набрать охотниковъ изъ свободныхъ людей“ [2]), давался широкій просторъ для пріема въ число охотниковъ бѣглыхъ людей. Кто не могъ въ то время быть запорожскимъ козакомъ и какой бѣглецъ былъ на столько глупъ, чтобы не выдать себя за свободнаго человѣка? Съ другой стороны, и тогдашніе всесильные помѣщики, населяя свои обширныя помѣстья въ новороссійскомъ краѣ, не клали охулки на руку и, умышленно не отличая своего отъ чужаго, всѣхъ старались зачислить къ себѣ въ подданство“. Недаромъ впослѣдствіи наказный атаманъ черноморскаго войска Т. Т. Котляревскій, въ своемъ докладѣ о нуждахъ войска императору Павлу, жаловался, что въ „новороссійской губерніи“ осталось много поженившихся козаковъ бывшаго Запорожья, именно: во Второмъ Кодакѣ, въ Голой Камянкѣ, Половицахъ, Новомъ Кодакѣ, Таранскомъ, Сухачевкѣ, Карнауховкѣ, Третузномъ, Камянскомъ, Романковомъ, Жовтой, Зеленой, Петровкѣ, Куцовкѣ, Вельможей, Московкѣ, Богородичномъ, Камянкѣ, Сокольскомъ, Бригадировкѣ, Ревуловкѣ, Паньковкѣ, Шульговкѣ, Новосельцахъ, Петриковкѣ, Галушковкѣ, Сѣрковкѣ, Продановкѣ, Лизновой, Цеглянкѣ, Бабенковкѣ, Половещанахъ, Могилевкѣ, Бабайковой, Гуцаловкѣ, Котовкѣ, Козарщинѣ, Перещепиной, Барвинковомъ Степкѣ и Камышеватой, что, изъ числа жившихъ въ этихъ 42 селеніяхъ, „нѣкоторыя уже переселены въ другія той губерніи мѣста“ и что „сверхъ вышеписанныхъ селеній, по упраздненіи бывшей Сѣчи Запорожской, въ той-же губерніи поселены изъ запорожцевъ цѣлые города, селенія и помѣщичьи слободы“ [3]). Очевидно, что это была не пустая жалоба, какъ-бы тамъ она ни была преувеличена.

---

[1]) Короленко, прил. 1, стр. 1.
[2]) Тамъ-же, прил. 11, стр. 2.
[3]) Тамъ-же, прил. 5, стр. 53.

Однимъ словомъ, благодаря царившей въ то время путаницѣ въ вопросѣ о свободныхъ людяхъ, бѣглецахъ и бывшихъ запорожцахъ, на всякій спорный фактъ можно было смотрѣть и съ точки зрѣнія деспота-помѣщика, и съ точки зрѣнія войска-колонизатора. Каждая сторона считала себя правой, но на сторонѣ помѣщиковъ была грубая сила, а на сторонѣ войска симпатія народа. Понятно, на чью сторону должны были склониться въ концѣ концовъ вѣсы; понятно также, что и черноморское войско не могло ни индефферентно, ни тѣмъ болѣе съ отпоромъ отважиться „къ умноженію своихъ людей" пріемомъ въ казачью среду разнаго рода бѣглецовъ.

Зная такой грѣхъ за черноморцами, само центральное правительство видимо сквозь пальцы смотрѣло на желанія войска увеличить свое народонаселеніе контрабанднымъ путемъ. Въ 1808 г. тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, въ докладѣ Александру I-му о необходимости переселенія въ Черноморію 25 тысячъ козаковъ изъ малороссійскихъ губерній, въ числѣ мотивовъ приводитъ между прочимъ то соображеніе, что переселеніе это могло бы парализовать приливъ въ Черноморію бѣглыхъ людей. По свидѣтельству этого министра, Черноморія ощущала сильную убыль въ людяхъ, благодаря непріязненнымъ отношеніямъ къ козачеству кавказскихъ горцевъ. Чтобы пополнить, поэтому, убыль въ населеніи, войско „принужденнымъ себя находило прибѣгать къ средствамъ, какія прежде были употребляемы, то есть, къ склоненію изъ разныхъ мѣстъ полуденнаго края Малороссіи людей всякаго званія къ побѣгу въ ихъ сословіе" [1]). Такимъ образомъ, обычный по тому времени грѣхъ совращенія крѣпостныхъ въ особую вину войску министромъ не ставился—войско вынуждено было. Въ министерскихъ правилахъ о переселеніи было только постановлено не принимать къ поселенію „таковыхъ, кои не будутъ имѣть надлежащихъ для того отъ малороссійскаго генералъ-губернаторства свидѣтельствъ", пересылая ихъ обратно чрезъ земскую полицію на прежнее мѣстожительство. „Мѣра сія, объясняется въ докладѣ, болѣе всего пріемлется на тотъ конецъ, чтобы, подъ предлогомъ дозволеннаго переселенія козакамъ, не могли воспользоваться симъ и помѣщичьи крестьяне и наиначе бѣглые разнаго рода люди" [2]). Само собою

[1]) Бентковскій, «Матеріалы» и пр., стр. 60.

[2]) Тамъ-же, стр. 64 и 65.

понятно также, что „мѣра сія“ не удерживала ни бѣглыхъ отъ желанія уходить „въ козаки, въ Черноморію“, ни самихъ черноморцевъ отъ искушенія принимать въ свою среду бѣглецовъ. Когда въ 1820 г. правительствомъ вновь было рѣшено переселить 25 тысячъ душъ мужскаго пола изъ малороссійскихъ губерній, то одинъ изъ параграфовъ, заимствованныхъ изъ правилъ 1808 г., гласилъ о томъ, чтобы „войску не дозволять принимать другихъ поселянъ, кромѣ назначенныхъ въ спискахъ“ [1]). Видно, практика далеко не согласовалась съ писанными правилами и постановленіями.

Но черноморцы не ограничивались одною пассивною ролью въ дѣлѣ водворенія на вновь колонизуемой землѣ бѣглыхъ элементовъ. Какъ показываютъ отмѣченные выше факты относительно войсковаго судьи Антона Головатаго и хорунжаго Семена Бурноса, они сами являлись иниціаторами въ этомъ дѣлѣ, не прочь были выдать при случаѣ фальшивый паспортъ или прибѣгнуть даже къ насилію. Этого мало. Когда черноморцы совсѣмъ переселились изъ-за Буга на новое мѣстожительство, то, все съ тою-же цѣлью привлеченія въ свою среду бѣглыхъ элементовъ, они завели даже на прежнихъ мѣстожительствахъ особыхъ агентовъ. Тотъ-же министръ Александра I, слова котораго мы привели выше, говоритъ между прочимъ объ этомъ: „съ изданіемъ указа, коимъ всѣ переходы поселянъ съ мѣста на мѣсто воспрещены, побѣги (крестьянъ) нѣкоторымъ образомъ прекратились, но со всѣмъ тѣмъ войско черноморское *посредствомъ своихъ повѣренныхъ* находило способы увлекать на землю свою людей тайно, что можетъ быть и донынѣ еще продолжается“; и оно, говорится далѣе, „по необходимости поступаетъ на сію непозволенность, какъ-то и дѣйствительно полагать должно“. Такимъ образомъ, черноморское войско не только принимало и укрывало бѣглецовъ, но и само завлекало ихъ чрезъ повѣренныхъ.

Если теперь отъ оффиціальныхъ документовъ мы перейдемъ къ области устнаго преданія и воспоминаній старожиловъ, то и здѣсь найдемъ не только подтвержденіе сказаннаго выше, но и нѣкоторыя разъясненія тѣхъ ближайшихъ причинъ, которыми обусловливалось и поддерживалось на мѣстѣ, въ Черноморіи, разсматривае-

---

[1]) Бентковскій, «Матеріалы» и пр., стр. 80.

мое явленіе. Черноморія прожила всего 90 лѣтъ, и вполнѣ естественно, что въ ней и теперь еще можно найдти не мало людей когда-то, по остроумному выраженію малороссовъ, „накивавшихъ пятами“ на родину и еще больше такихъ, у которыхъ были бѣглецами отцы и дѣды. По общему говору народныхъ преданій, Черноморія въ разное время приняла и усыновила, какъ родныхъ дѣтей, достаточное количество людей, уходившихъ „изъ подъ пановъ“ и „отъ неволи“. Въ прежнее время, разсказываютъ старожилы, когда, бывало, „прибѣжитъ кто-нибудь изъ Россіи“ и когда Господь Богъ поможетъ ему благополучно переправиться черезъ рѣку Ейску“, т. е. чрезъ р. Ею, служившую пограничною чертою Черноморіи со стороны Россіи, „то уже и бувъ свій чоловікъ“. Это, по разсказамъ, вошло даже въ обычай. Преслѣдовали бѣглеца только до р. Ею, и если онъ успѣвалъ перейдти эту рѣчку прежде, чѣмъ нагоняла его погоня, то преслѣдовавшіе сами прекращали свое дальнѣйшее преслѣдованіе, на виду бѣглеца, „побачивши, що вінъ уже на козачій земли“.

Разъ бѣглецъ попадалъ въ Черноморію, онъ или сразу же здѣсь становился козакомъ, или находился нѣкоторое время въ переходномъ положеніи, служа въ качествѣ рабочей силы на хуторахъ, зимовникахъ и въ особенности „въ заброді“, т. е. въ рыболовныхъ ватагахъ. Надо полагать, что первый способъ усыновленія бѣглецовъ практиковался черноморцами на первыхъ порахъ заселенія края, а второй—впослѣдствіи. Такъ или иначе, но, по народному преданію, въ былое время въ Черноморіи многіе козаки во всякомъ случаѣ „выростали изъ падалицы“ [1]); войско жало, не сѣявши, и всякіе бѣглецы считались не плевелами, а настоящею пшеницею. Мѣстная, ближайшая и самая побудительная причина такого порядка дѣлъ носила чисто экономическій характеръ. Черноморцы искони чувствовали настоятельную нужду въ рабочихъ рукахъ не только вслѣдствіе постоянной убыли въ мужскомъ населеніи, благодаря губительной войнѣ съ черкесами, но и по причинѣ безпрерывнаго отвлеченія рабочихъ силъ этою войною и пограничною службою. Дома жили почти исключительно одни казачки да мало пригодные для труда старики и негодные къ службѣ „граж-

[1]) Попка, «Черномор. козаки», стр. 185.

дане", т. е. лица, не могшія по физическимъ недостаткамъ выполнять военную службу. При такихъ условіяхъ всякій бѣглецъ цѣнился прежде всего, какъ рабочая сила. Если онъ былъ одинокъ, то шелъ въ забродъ, если же у него на прежней родинѣ оставалась семья, то въ такомъ случаѣ онъ „приставалъ" къ какому-нибудь хозяину-хуторянину, наживалъ здѣсь добро въ видѣ „худобы" и изыскивалъ средства къ тому, чтобы увезти въ темную ночь отъ помѣщика и семью. Замѣчательно, что изъ лицъ этого втораго рода, предпочитавшихъ заброду хуторское хозяйство, вышли впослѣдствіи богачи-хуторяне и даже паны. Черноморцы и въ настоящее время назовутъ вамъ еще такія фамиліи и разскажутъ, какъ такой-то за пару воловъ получилъ урядника, а такой-то за жеребца и нѣсколько кобылицъ—пана.

Недобрую память оставило по себѣ на этотъ счетъ панство. Въ бѣглыхъ оно видѣло прежде всего матеріалъ, годный для того, чтобы обзавестись на манеръ малороссійскихъ пановъ „подданствомъ". Уже въ своемъ знаменитомъ „Порядкѣ общественной пользы", письменномъ актѣ 1 января 1794 г., оно въ лицѣ войсковой старшины постановило, что „въ отмѣнное воздаяніе старшинамъ, яко вождямъ, наставникамъ и попечителямъ общихъ сего войска благъ, при своихъ хуторахъ сродственниковъ и вольножелающихъ людей поселить дозволяется и опредѣлить имъ землю по прилагаемой штатной росписи". Правда, оно тутъ же оговорило, что „старшины поселенныхъ въ своихъ хуторахъ людей да почитаютъ не подданными своими, а вольноживущими подъ ими козаками, и выходить онымъ изъ старшинскихъ хуторовъ на войсковыя земли, куда пожелаютъ, вольно, *кромѣ долговъ*, коими ежели кто будетъ обязанъ, *не имѣетъ воли* выйтить, дондеже долгъ хозяину возвратитъ" [1]). Послѣдствія показали, куда гнуло панство. Имѣя въ виду захватить часть войсковыхъ земель въ вѣчно-спокойное владѣніе", оно очевидно стремилось образовать изъ себя помѣстный классъ и обзавестись крѣпостными, какъ это велось на Дону. И дѣйствительно, изъ рескрипта Александра I на имя Ермолова видно, что въ 1820 г. генералъ Киселевъ доносилъ о томъ, „что нѣкоторые изъ чиновниковъ войска черноморскаго *учредили изъ земель онаго частныя владѣнія и по-*

---

[1]) Короленко, Прил. XXVII, стр. 36.

селили на оныхъ крестьянъ". „Предусматривая, говорится далѣе, что изъ сего произойдти могутъ стѣсненія козаковъ въ земляхъ ихъ и другія злоупотребленія, предположено: сіе, несообразное съ существованіемъ войска черноморскаго и по единому послабленію допущенное установленіе уничтожить, крестьянъ же на войсковыхъ земляхъ поселенныхъ, коихъ чиновники ими владѣющіе не пожелаютъ перевезти на земли, или въ имѣнія въ другихъ губерніяхъ имъ принадлежащія, обратить въ козаки, сдѣлавъ имъ надлежащее за нихъ удовлетвореніе". [1]) Тѣмъ не менѣе прошло со времени изданія этого рескрипта около 8 лѣтъ, а никто, и даже самъ рьяный Ермоловъ, не думалъ приводить его въ исполненіе. По собраннымъ, по распоряженію графа Паскевича, свѣдѣніямъ въ это время считалось по 7-й ревизіи 453 д. крѣпостныхъ, жившихъ у черноморскихъ пановъ въ качествѣ „дворовыхъ людей", какъ политично поясняется въ доставленныхъ Паскевичу свѣдѣніяхъ. Впослѣдствіи эти крѣпостные были наконецъ зачислены въ козаки.

Съ своей стороны и бѣглые были не такіе люди, чтобы, избавившись отъ помѣщичьей „пуги" (кнута), добровольно подпасть подъ козачій „малахай" (нагайку). Въ число бѣглыхъ всегда попадали самые крайніе протестанты и безъ нихъ, разумѣется, не могло обойдтись дѣло и на Черноморіи. Выше мы сказали уже, что часть бѣглецовъ уходила въ заброды. Тутъ часто скрывались самыя отчаянныя головы. Здѣсь и жизнь сложилась особеннымъ образомъ: для бѣглыхъ всегда были готовые притоны, содержались лавочные товары, съѣстные продукты и устраивались кабаки [2]). Тутъ даже въ наше время имѣютъ обыкновеніе скрываться безпаспортные. И вотъ изъ этихъ-то бѣглыхъ забродчиковъ, разнаго рода табунщиковъ и др. темныхъ личностей, ютившихся въ темныхъ уголкахъ Черноморіи, въ свое время и составлялись шайки бурлаковъ, гайдамакъ, которыя жестоко мстили панамъ и богачамъ. Это былъ слабый отблескъ южно-русскаго гайдамачества, и въ народѣ такъ и называли обыкновенно эти шайки грабителей гайдамаками. Архивные документы вѣроятно въ свое время освѣтятъ, подъ чьими-нибудь умѣлыми руками, это любопытное явленіе, если только такіе

---

[2]) Бентковскій, «Матеріалы» и пр., стр. 91.

[1]) Ф. Щербина. «Очерки южно-русскихъ артелей», стр. 192 и 193.

документы „не покрутили на цыгарки“ писаря и сторожа или не продали „на пудъ лавушникамъ“ для завертыванья мыла и сальныхъ свѣчей своекорыстные „станичные правители“ [1]). Вотъ что говорило между прочимъ въ пятидесятыхъ годахъ самое компетентное изъ лицъ писавшихъ о черноморцахъ по поводу затронутаго явленія: „отъ времени до времени, на большихъ промежуткахъ, (здѣсь въ Черноморіи) вспыхнетъ застрявшая гдѣ нибудь въ глуши искра былого запорожскаго гайдамачества, и составится шайка разбойниковъ. Укрываясь въ камышахъ и захолустьяхъ степныхъ балокъ, они нападаютъ на безпечные хутора, пекутъ растопленною сѣрою денежныхъ людей, чтобы исторгнуть у нихъ завѣтную кубышку съ карбованцами, преслѣдуются вооруженною силою и гибнутъ на висилицѣ“ [2]). Изъ слышанныхъ нами разсказовъ о такихъ шайкахъ, какъ напр. о шайкѣ, ограбившей новоминскаго богача, Клеменчука, явствуетъ, что шайки эти отличались традиціонною гайдамаческою организаціею, имѣли ватажковъ, опредѣленные притоны и дѣйствовали въ теченіе довольно значительныхъ промежутковъ времени. Замѣчательно, что въ самыхъ народныхъ сказаніяхъ о пріобрѣвшихъ въ былыя времена громкую извѣстность разбойникахъ, какъ напр. въ сказаніи объ Яблуковѣ, очень явственно сквозитъ нотка „героической стихіи“. Это были, по устнымъ сказаніямъ, мстители за горе народное, отъ которыхъ круто приходилось „панамъ та дукачамъ“.

Въ архивахъ нѣкоторыхъ станичныхъ правленій сохранился очень интересный документъ, проливающій нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о бѣглыхъ въ Черноморіи и отчасти на ихъ гайдамаческія замашки. Это довольно объемистое дѣло, заключающее въ себѣ свѣдѣнія о бѣглыхъ изъ ростовскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Нижеслѣдующія данныя взяты нами изъ экземпляра уцѣлѣвшаго въ архивѣ новодеревянковскаго станичнаго правленія.

Дѣлая въ 1837 г. распоряженіе о томъ, чтобы прекратить возможность побѣговъ „изъ опредѣленныхъ войсковой земли мѣстъ всякаго рода сомнительныхъ людей“ и пресѣчь бродяжничество,

---

[1]) Къ сожалѣнію, пишущему эти строки недавно приходилось не разъ убѣждаться въ такого рода фактахъ при обзорѣ архивовъ въ нѣкоторыхъ станицахъ.

[2]) Попка, «Черномор. козаки», стр. 70 и 71.

ейское сыскное начальство препроводило въ новодеревянковское куренное управленіе и подробнѣйшее дѣло о бѣглецахъ изъ екатеринославской губерніи, послужившихъ причиною самаго распоряженія. Изъ этого дѣла оказывается, что изъ имѣній помѣщиковъ Шабельскихъ, какъ жаловался объ этомъ ротмистръ Платонъ Шабельскій въ своемъ прошеніи на имя новороссійскаго генералъ-губернатора Воронцова, „съ нѣкотораго времени усилились побѣги крестьянъ, которые увлекаются ложными слухами, будто-бы крѣпость Анапа есть мѣсто, дарующее всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ, туда уходящимъ, вольность и свободу". Опираясь на эти слухи, крестьяне уходили въ Анапу, приписывались здѣсь и, взявши паспорты, проживали потомъ въ сосѣдней Черноморіи, изъ которой дѣлали набѣги на помѣщичьи селенія и подговаривали другихъ крестьянъ къ побѣгу. Такъ крестьянинъ села Шабельскаго Семенъ Семенченко, возвратившись изъ Анапы въ іюлѣ 1836 г., „выкралъ" изъ этого села двухъ своихъ сыновей, „а съ 13 на 14 октября, подговоривъ еще другихъ крестьянъ, отбился съ товарищами вооруженною рукою отъ преслѣдовавшихъ его крестьянъ отца его (Шабельскаго) при рѣчкѣ Ки и, будучи на борзѣхъ и сильныхъ скакунахъ, ушелъ съ товарищами и скрылся въ черноморскихъ степяхъ". Отсюда Семенченко подговаривалъ къ побѣгу еще 6 крестьянъ изъ той-же деревни и 12 изъ деревни Николаевки. Какъ показывалъ впослѣдствіи одинъ изъ бѣглыхъ, Семенченко соблазнялъ крестьянъ тѣмъ, что „яко-бы въ Анапѣ открыта вольница для всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ, и что всякій крестьянинъ, явясь туда и записавшись въ Анапѣ, можетъ получить заочно билетъ на все свое семейство, съ которымъ (билетомъ) имѣетъ право слѣдовать для похищенія семейства изъ подъ владѣнія помѣщичьяго". Какъ видно изъ дѣла, Семенченко заварилъ, что называется, „крутую кашу", такъ что крестьяне, по словамъ Шабельскаго, стали уходить изъ имѣній его, жены его и отца „толпами въ Анапу и сопредѣльныя мѣста безъ всякой боязни".

Въ то же время, екатеринославскимъ гражданскимъ губернаторомъ, было поручено ростовскому земскому исправнику Маяковскому произвести слѣдствіе о побѣгахъ вообще въ этой мѣстности помѣщичьихъ крестьянъ. Маяковскій нашелъ, что „крестьяне, по учиненіи побѣговъ, собираются шайками и, наѣзжая на имѣнія за

оставшимися семействами и имуществомъ, вооружаются огнестрѣльнымъ оружіемъ, подъ защитою коего проводятъ цѣлые обозы и идутъ безъ всякаго препятствія чрезъ всю Черноморію за Кубань и въ Анапу". Основываясь на разслѣдованіяхъ Маяковскаго, мѣстный предводитель дворянства причину такого порядка дѣлъ находилъ въ „послабленіи" бѣглецамъ со стороны черноморскаго войска. Такъ онъ два раза просилъ войсковаго атамана генералъ-маіора Завадовскаго сдѣлать зависящія отъ него распоряженія о розысканіи его, предводителя, крестьянъ, бѣжавшихъ въ Черноморію, но „г. наказный атаманъ" по его прошеніямъ „не дѣйствовалъ". А между тѣмъ, благодаря такому бездѣйствію и послабленіямъ, помѣщики лишились 1759 крестьянъ, „изъ коихъ нѣкоторые прописаны въ Анапѣ, а нѣкоторые таскаются по Черноморіи". Бѣгали крестьяне отъ самаго предводителя, изъ имѣній гг. Шабельскихъ (отца, сына и его жены), помѣщика Сарондинаки и генеральши Гостемиловой.

Интересны показанія бѣглыхъ крестьянъ Хапенка и Давиденка, добровольно воротившихся на родину къ помѣщику Шабельскому. Описавъ подробно путь, по которому они бѣжали мимо Щербиновки, чрезъ Деревянковскую, Каневскую, Переяславскую, Брюховецкую, Джереліевскую, Полтавскую, Котелъ и на Темрюкъ, первый изъ нихъ характеризуетъ бѣглыхъ, проживавшихъ въ то время по рыболовнымъ мѣстамъ въ окрестностяхъ Темрюка, какъ людей, которые имѣютъ у себя оружіе—„ружья, пистолеты и пики", а второй присовокупляетъ о крестьянахъ Головковыхъ (они-же Семенченковы), что крестьяне эти „занимаются разбойничествомъ и ходятъ завсегда вооруженные, въ видѣ запорожцевъ". Головковы были настолько опасный народъ, что одинъ изъ бѣглыхъ долженъ былъ ихъ обмануть при побѣгѣ на родину, сказавши, что онъ отправляется въ Анапу для прописки; въ противномъ случаѣ они убили-бы его. Съ своей стороны и помѣщикъ Шабельскій послалъ въ Черноморію и въ Анапу своего довѣреннаго человѣка Винникова для розыска бѣжавшихъ. Винниковъ, побывавъ въ разныхъ мѣстахъ Черноморіи, дѣйствительно нашелъ многихъ крестьянъ своего помѣщика, жившихъ по паспортамъ изъ Анапы. Въ Анапѣ онъ заявлялся къ коменданту графу Цукато, но комендантъ ему сказалъ, что такъ какъ бѣглые крестьяне Шабельскаго приписаны

уже въ Анапѣ, „то возврату имъ изъ Анапы нѣту“. Въ это время, по словамъ Винникова, въ Анапѣ было приписано „семьсотъ въ одинъ мѣсяцъ“, какъ говорили ему объ этомъ бродяги, получавшіе паспорты для втораго бродяжничества по всей Черноморіи, и какъ убѣдился онъ по другимъ свѣдѣніямъ.

Такимъ образомъ офиціальныя данныя тридцатыхъ годовъ относительно бѣглыхъ въ Черноморіи ни мало не расходятся съ устными разсказами козаковъ на этотъ счетъ. Въ разныхъ мѣстахъ цитируемыхъ нами документовъ упоминается и о рыболовныхъ забродахъ, какъ о главныхъ притонахъ для бѣглыхъ, и о хуторахъ, гдѣ также скрывались бродяги, и о томъ, что бѣглые составляли шайки, занимались разбоями и ходили всегда вооруженными, „въ видѣ запорожцевъ“. Въ дѣлѣ поименованы также нѣкоторыя лица, занимавшіяся пристаподержательствомъ. Такъ въ новодеревянковскомъ куренѣ передерживалъ бѣглыхъ козакъ Смагликовъ, въ старощербиновскомъ—Иванъ Супруненко, въ другихъ мѣстахъ—козакъ Гладкій, офицеръ Романъ Сербинъ (на Бейсугѣ), куренной атаманъ Романъ Коржевскій (около Темрюка), козакъ Дубина и друг. Побѣги видимо производились на виду у всѣхъ и ни для кого не составляли секрета въ Черноморіи. То обстоятельство, что комендантъ Анапы отказалъ повѣренному Шабельскихъ въ выдачѣ бѣглыхъ, даетъ понять, что крѣпостные не совсѣмъ ошибались на счетъ Анапы, какъ мѣста, которое даровало помѣщичьимъ крестьянамъ „вольность и свободу“. Дѣло въ томъ, что, по проэкту тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Блудова, дѣйствительно было разрѣшено принимать бѣглыхъ въ Анапѣ и другихъ „закубанскихъ владѣніяхъ“, но положеніе объ этомъ не велѣно было „публиковать“ во избѣжаніе соблазна и смутъ среди помѣщичьихъ крестьянъ. Оно, это положеніе, очевидно не составляло тайны и для крѣпостныхъ крестьянъ.

Впослѣдствіи въ Черноморіи также имѣли мѣсто факты въ родѣ отмѣченнаго. Такъ въ 1848 г., при населеніи города Ейска, бродяги заняли въ немъ не послѣднее мѣсто на ряду съ другими поселенцами. Многіе изъ прежнихъ Ивановъ, не помнящихъ родства, и теперь еще здравствуютъ и состоятъ въ числѣ почтенныхъ представителей этого своеобразнаго города. Въ свое время были сдѣланы также распоряженія о томъ, чтобы нѣкоторыя станичныя

общества зачислили въ свою среду бродягъ и безпаспортныхъ, жившихъ до того большею частію въ рыболовныхъ мѣстахъ. Такъ изъ приговора ст. Бриньковской за 1879 г. видно, что въ 1858 г. было зачислено въ эту станицу 45 семействъ крѣпостныхъ, „освобожденныхъ отъ г.г. чиновниковъ“ черноморскаго войска, и что съ 1865 по 1872 г. разновременно зачислено, „по распоряженію войсковаго правительства, 10 семействъ безпаспортныхъ людей, скрывавшихся по рыболовнымъ заводамъ“. Общество станицы Новонижнестебліевской приговоромъ 1874 г. просило начальство о томъ, чтобы это послѣднее надѣлило землею тѣхъ изъ бывшихъ бродягъ и безпаспортныхъ, которые были приняты въ станицы послѣ 1865 г., по распоряженію войсковой администраціи. Въ приговорѣ общества ст. Ивановской за 1871 г. упоминается, что въ эту станицу велѣно было зачислить 25 семействъ безписьменновидныхъ; а приговоромъ 1872 г. тоже общество просило администрацію о томъ, чтобы она причислила двухъ бродягъ, приписанныхъ въ Ивановской станицѣ къ другимъ обществамъ, располагающимъ бо́льшимъ земельнымъ надѣломъ. О зачисленіи бродягъ въ ст. Ахтанизовской видно изъ приговора за 1881 г. Жители ст. Курчанской просили въ 1872 г. о дополнительномъ надѣлѣ земли на 147 душъ бродягъ и безпаспортныхъ, зачисленныхъ въ ихъ общество.

Такъ-то медленно и постепенно угасаютъ чуть не на нашихъ глазахъ тѣ явленія, которыя играли такую видную роль въ прошлой соціальной жизни южнорусскаго населенія. Еще и теперь едва ли не въ любой черноморской станицѣ вы встрѣтите какого-нибудь Явтуха или Окатаго Омелька, которые когда-то давнымъ давно зашли изъ Россіи въ Черноморію и, проживъ здѣсь десятки лѣтъ, совсѣмъ забыли и о своей прежней родинѣ, и о паспортахъ; они такъ сжились съ козаками, что сама полиція не тревожитъ ихъ, да и грѣхъ было бы безпокоить этихъ бездомныхъ людей. Это послѣдніе могикане изъ тѣхъ когда-то бродившихъ и неспокойныхъ элементовъ, которые занесены сюда общимъ потокомъ вмѣстѣ съ бѣглыми и бродягами. Но мѣняются времена, мѣняются и обстоятельства. 1861 годъ безповоротно разрѣшилъ вопросъ о бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянахъ. Съ этого времени побѣги оказались излишни. И вотъ, почуявъ свободу, не сдерживаемые больше помѣщичьей опекой, крестьяне дали волю своимъ завѣтнымъ желаніямъ, двинув-

шись въ Черноморію толпами въ качествѣ вольныхъ переселенцевъ и увлекая за собою и другихъ. Результаты получились необычайные, хотя и печальные, въ смыслѣ формулированія класса безземельныхъ арендаторовъ. Въ послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ переселенцы эти дали крупную цифру въ 250.000 душъ обоего пола, т. е. цѣлыхъ 25% мѣстнаго кореннаго населенія. И что же даже теперь оказывается?—Пришла часть переселенцевъ въ ст. Небердженевскую, поселилась на чужихъ земляхъ, сказала: „это наше; не станемъ платить ренды“ (аренды)—и не платитъ, не смотря на всѣ усилія станичныхъ властей. Заняла другая часть переселенцевъ войсковыя земли, арендуемыя мѣстными коневодчиками на Среднихъ Челбасахъ, и по той-же логикѣ отказалась платить аренду коневодчикамъ и уходить съ войсковыхъ земель, не смотря уже въ этомъ случаѣ на вооруженное даже вмѣшательство властей. Отыскала третья часть переселенцевъ пустующія владѣльческія земли за Кубанью — и водворилась на нихъ, какъ дома, считая ихъ Божьими землями, а себя ея ближайшими хозяевами... Видно, въ южно-русской массѣ сильны еще традиціи былаго, видно, по народнымъ воззрѣніямъ, Черноморія искони сулила разнаго рода бѣглецамъ и переселенцамъ не только одну юридическую „вольность и свободу“, но и вольныя, доступныя для труженика земли! Магическое помѣщичьихъ крестьянъ „на Черноморію за волей“ переродилось для теперешнихъ переселенцевъ въ назойливое „на Кубань за землей“.

Ф. Щербина.

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

(Окончаніе)*).

12) Спеціальный законъ о старозаимочныхъ земляхъ.

Спустя годъ послѣ окончанія кадастра, наше законодательство обратило наконецъ спеціальное вниманіе на старозаимочныя земли. Законодательная разработка этого вопроса съ 1854 г. возбуждаема была нѣсколько разъ, длилась въ продолженіи одинадцати лѣтъ и позднѣйшее слово закона по этому вопросу было сказано только въ 1865 году. Начало этихъ законодательныхъ работъ было вызвано однимъ частнымъ дѣломъ по харьковской или воронежской губерніи, причемъ государственный совѣтъ нашелъ, что войсковые обыватели пользовались старозаимочными землями, какъ своею собственностію. Еще раньше, именно въ 1838 году, на разрѣшеніе сената восходилъ вопросъ о земляхъ сего рода, находящихся въ чертѣ г. Харькова; сенатъ также призналъ, что „обыватели этого города землями, принадлежащими имъ по старымъ заимкамъ и крѣпостямъ, могутъ располагать какъ своей собственностью", направленіе сенатской судебной практики по этому вопросу, задолго предупредившее законодательное разрѣшеніе этого вопроса, относясь къ отдѣльнымъ и, быть можетъ, весьма скромнымъ по цѣнности гражданскимъ дѣламъ, не имѣло, какъ видно, никакого вліянія на административную практику, такъ энергично принявшуюся за превращеніе старозаимочныхъ земель въ казенныя и общинныя почти съ самаго

---

*) См. «Кіев. Ст.» на 1882 г., м. ноябрь и декабрь, и на 1883 г., генв. и мартъ.

начала текущаго столѣтія. Нельзя не цѣнить той правильной постановки этого дѣла, какая впервые дана ему государственнымъ совѣтомъ. „Принявъ во вниманіе, говорится въ мнѣніи его 21 февр. 1865 г., особенную важность сего дѣла, касающагося правъ многочисленнаго сословія войсковыхъ обывателей, и ту осторожность, съ которою должно вообще прикасаться къ древнимъ правамъ владѣнія, государственный совѣтъ, не приступая къ разрѣшенію вопроса о старозаимочныхъ земляхъ, высочайше утвержденнымъ 6 декабря 1854 г. мнѣніемъ предоставилъ II отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи права на упомянутыя земли, какъ войсковыхъ обывателей, такъ и лицъ вышедшихъ изъ этого сословія, сообразить предварительно съ историческимъ ихъ происхожденіемъ и съ постановленіями правительства, въ разное время по сему предмету изданными, и за тѣмъ, снесясь съ министерствами государственныхъ имуществъ и юстиціи, представить свое мнѣніе". Собранныя II отдѣленіемъ свѣдѣнія обнаружили, что „войсковые обыватели, изъ которыхъ образовались бывшіе слободскіе полки (въ дѣйствительности было наоборотъ: козаки слободскихъ полковъ были переименованы въ войсковыхъ обывателей), заселивъ пограничную Украйну по вызовамъ правительства и по собственному желанію, занимали тамъ земли и пользовались ими не на помѣстномъ правѣ, а на правѣ полной частной собственности, сохраняли это право по выходѣ въ иное званіе, могли оставлять старыя заимки и переходить на новыя свободныя земли, вольны были продавать своей же братьѣ, украинскимъ служилымъ людямъ и постороннимъ, могли закладывать, отдавать въ приданое дочерямъ, завѣщать и пр., и такія ихъ права въ теченіи 150 лѣтъ неоднократно были признаваемы правительствомъ".

На основаніи этой оффиціальной разработки вопроса состоялось уже 30 марта 1859 г. новое высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, который принялъ заключеніе министра государственныхъ имуществъ (вошедшее послѣ въ примѣчаніе къ 861 ст. IX т. зак. о сост. и къ 783 ст. X т. ч. 1 по прод. 1863 г.), состоявшее въ томъ, что „войсковые обыватели могутъ отчуждать, кому они пожелаютъ, только тѣ старозаимочныя земли, которыя пріобрѣтены покупкою до 30 марта 1859 г." Такая странная редакція закона заключала въ себѣ уже новыя готовыя недоразумѣ-

нія, ибо, во 1-хъ, въ ней говорилось о земляхъ пріобрѣтенныхъ только покупкой и ничего не упоминалось о массѣ старозаимочныхъ земель, которая съ незапамятныхъ временъ переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе по наслѣдству; а, во 2-хъ, неизвѣстно почему право отчужденія старозаимочныхъ земель признано только за землями купленными до 1859 г. Поэтому вполнѣ естественно, что изложенное выше мнѣніе государственнаго совѣта возбудило на практикѣ недоразумѣніе, давшее поводъ ко вторичному пересмотру сего дѣла, при которомъ II отдѣленіе, между прочимъ, объявило: „во 1-хъ, что старозаимочныя земли всегда состояли во владѣніи войсковыхъ обывателей на правѣ не помѣстной, а полной частной собственности, и во 2-хъ, что войсковымъ обывателямъ харьковской губерніи слѣдовало-бы предоставить лично и въ составѣ обществъ право отчуждать не только войсковымъ-же обывателямъ, но всякаго званія лицамъ старозаимочныя земли, перешедшія къ нимъ по наслѣдству отъ предковъ и составляющія ихъ собственность, какъ скоро эти земли принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны лишь въ пользованіе отъ казны". Государственный совѣтъ призналъ такое заключеніе правильнымъ и на семъ основаніи высочайше утвержденнымъ 24 февраля 1864 г. мнѣніемъ онаго, въ замѣну закона 30 марта 1859 г., постановилъ: „всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей харьковской губерніи, коль скоро они принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны, дозволяется симъ обывателямъ отчуждать лично и въ составѣ обществъ людямъ всякаго званія. Въ случаѣ-же неимѣнія у кого либо законнаго документа о полной принадлежности ему таковой земли въ собственность, для совершенія акта о ея отчужденіи требуется представленіе удостовѣренія харьковской палаты государственныхъ имуществъ о томъ, что отчуждаемая земля не принадлежитъ къ разряду казенныхъ".

Послѣ краткаго историческаго обзора прежнихъ законодательныхъ мѣръ по этому вопросу, цитируемое нами послѣднее мнѣніе государственнаго совѣта (1865 г.) говоритъ, что его мнѣнія 1859 и 1864 годовъ „вовсе не установляли закона новаго, а только изъясняли и подтверждали смыслъ прежняго закона" (какого—неизвѣстно), и поэтому въ послѣднемъ своемъ мнѣніи 1865 г. государственный совѣтъ призналъ, что сила законоположеній 1859 и

1864 годовъ „должна обнимать вполнѣ старозаимочныя земли не только въ харьковской губерніи, которыя собственно при этихъ мнѣніяхъ имѣлись въ виду, но даже и въ воронежской губерніи и во всѣхъ прочихъ губерніяхъ, гдѣ-бы таковыя земли могли оказаться“, а потому „всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей, коль скоро они принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны (?), дозволяется симъ обывателямъ отчуждать лично и въ составѣ обществъ людямъ всякаго званія. Въ случаѣ-же неимѣнія у кого либо законнаго документа о полной принадлежности ему той земли въ собственность, для совершенія акта о ея отчужденіи требуется представленіе удостовѣренія палаты государственныхъ имуществъ въ томъ, что отчуждаемая земля не принадлежитъ къ разряду казенныхъ; во 2-хъ, предоставить правительствующему сенату пояснить, что сила настоящаго постановленія распространяется и на всѣ возникшія до обнародованія онаго дѣла о старозаимочныхъ земляхъ, а потому судебныя мѣста должны пріостановить теперь-же производство всѣхъ таковыхъ дѣлъ, препроводить оныя въ подлежащія палаты государственныхъ имуществъ, съ тѣмъ, чтобы сіи послѣднія по надлежащемъ удостовѣреніи въ томъ, что означенныя земли не принадлежатъ къ разряду казенныхъ, сдѣлали отъ себя распоряженіе объ окончательномъ прекращеніи всѣхъ дѣлъ сего рода“. Таково было послѣднее слово спеціальнаго закона о старозаимочныхъ земляхъ.

Что-же положительнаго внесъ этотъ послѣдній законъ въ сферу старозаимочнаго крестьянскаго землевладѣнія, уже почти до основанія потрясеннаго цѣлою массою болѣе или менѣе извѣстныхъ намъ „реформъ“ и „улучшеній быта“?

Прежде всего скажемъ, что столь важный по своему предмету законъ явился слишкомъ поздно; ошибочныя или произвольныя административныя мѣропріятія, тянувшіяся болѣе столѣтія, уже сдѣлали свое дѣло, превративъ почти повсюду исконное личное землевладѣніе въ общинное и лишивъ массы населенія и цѣлыя ихъ поколѣнія достоянія ихъ предковъ, обращеніемъ ихъ личной собственности въ собственность казны. Не только впрочемъ по этой, но и по другимъ причинамъ, этотъ крайне важный законодательный актъ остался безъ всякихъ послѣдствій, если не считать дан-

ной имъ юридической основы для нѣсколькихъ исковъ къ казнѣ изъ-за старозаимочныхъ земель, и оставилъ по себѣ такія-же почти недоразумѣнія, какъ и мѣропріятія предшествовавшія. Въ самомъ дѣлѣ, что гласятъ начальныя строки этого закона? „Всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей, коль скоро они принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны, дозволяется отчуждать“ и т. д. Тутъ недоумѣніе въ первыхъ-же строкахъ: старозаимочныя земли, какъ показываетъ самая этимологія слова,—это именно тѣ земли, которыя занимались вольной заимкой и потому никоимъ образомъ уже не могли даваться „лишь въ пользованіе отъ казны“; въ виду этого простаго соображенія не легко понять истинный смыслъ этой послѣдней оговорки, если только не видѣть въ ней простой уступки въ пользу будущихъ административныхъ благоусмотрѣній, въ томъ или другомъ частномъ случаѣ.

Далѣе въ томъ-же законѣ говорится, что въ случаѣ отсутствія документовъ на старозаимочныя земли (а это отсутствіе было почти повсемѣстное) владѣльцы этихъ земель, для осуществленія своего права собственности, должны были получать „удостовѣренія“ палаты государственныхъ имуществъ „въ томъ, что отчуждаемая земля не принадлежитъ къ разряду казенныхъ“, т. е., говоря иначе, владѣльцы этихъ земель отсылались за признаніемъ своихъ правъ къ тому вѣдомству, которое само, по меньшей мѣрѣ, не имѣло основательныхъ свѣдѣній по этому предмету, поэтому сперва вызывало многочисленныя дѣла „о розысканіяхъ казенныхъ земель“, а впослѣдствіи подвергло кадастру всю харьковскую губернію, примѣненіе-же кадастра прямо показывало, что администрація не признавала за старозаимочными землями частной собственности, смѣшивала ихъ съ казенно-общественнымъ землевладѣніемъ однодворцевъ и другихъ государственныхъ крестьянъ и всегда видѣла во всякомъ крестьянскомъ владѣніи одну только казенную землю.

Практическая безслѣдность закона 1865 года могла обусловливаться и современнымъ ему нравственнымъ состояніемъ крестьянскаго населенія изъ бывшихъ войсковыхъ обывателей: къ этому времени оно уже значительно утеряло идею права на свои земли, права, которое всегда неразлучно съ возможностію его защиты; населеніе это путемъ длинныхъ пертурбацій могло убѣдиться

въ существенномъ значеніи только идеи милости начальства, которое вольно карать и миловать, а на этой ступени развитія, или, правильнѣе говоря, нравственнаго приниженія, идея права не имѣетъ для себя никакой подходящей почвы. Самое введеніе кадастра въ харьковской губерніи, занесшее почти всю массу старозаимочныхъ земель въ разрядъ казенныхъ, и на этомъ основаніи значительно измѣнившее самую систему податей, представляло слишкомъ серьезную преграду для полнаго и откровеннаго примѣненія къ жизни закона 21 февраля 1865 года. Безпрепятственное признаніе за старозаимочными землями правъ частной собственности и поэтому значительное измѣненіе цифры поземельныхъ налоговъ измѣнило-бы установленныя при введеніи кадастра строго опредѣленныя цифры налоговъ всей губерніи. Наконецъ вполнѣ справедливое отношеніе къ этому вопросу со стороны спеціальной администраціи осложнилось еще введеніемъ въ кадастръ такъ называемыхъ сомнительныхъ земель, т. е. такихъ, которыя впослѣдствіи могли-бы оказаться частной собственностію крестьянъ: съ этихъ земель подати также поступали, собираемымъ деньгамъ велись особые счеты, а образующіяся отъ сего суммы отсылались въ кредитныя установленія съ тѣмъ, „дабы, по мѣрѣ разбора дѣлъ, обращать сіи деньги или въ пользу владѣльцевъ земель, если они присуждены будутъ въ крѣпостную собственность, или-же въ пользу казны, если земля будетъ признана казенною". Понятно, что возвратъ въ частное владѣніе неправильно окадастрованныхъ земель, который неизбѣжно вынуждалъ измѣненіе въ переустановленныхъ цифрахъ поземельнаго налога по всей губерніи, а также возвратъ крестьянамъ условно собранныхъ съ нихъ суммъ, не могли иначе послѣдовать, какъ только путемъ судебныхъ процессовъ. Но вѣдомство государственныхъ имуществъ не брало на себя почина въ вызовѣ судебной оцѣнки такъ называемыхъ сомнительныхъ земель; а сами крестьяне лично и въ составѣ обществъ также не могли съ особой надеждой обращаться по этимъ вопросамъ въ прежнія судебныя мѣста, уже и потому, что сами они находились въ попечительномъ распоряженіи того же вѣдомства государственныхъ имуществъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ законъ 1865 г. остался, можно сказать, мертвымъ, безо всякихъ замѣтныхъ практическихъ послѣд-

ствій и могъ служить формальнымъ основаніемъ развѣ только для отдѣльныхъ случаевъ въ позднѣйшей судебно-гражданской практикѣ по дѣламъ крестьянскаго старозаимочнаго владѣнія, при чемъ свое исконное добро крестьяне должны были возвращать себѣ всею тягостію трудныхъ гражданскихъ процессовъ. Понятно, почему о такихъ процессахъ, можетъ быть за весьма ничтожнымъ исключеніемъ, почти до самаго послѣдняго времени не было даже и слышно: старозаимочныя земли по прежнему спокойно оставались за казной, а собиравшіяся съ уцѣлѣвшихъ у крестьянъ харьковской губерніи старозаимочныхъ земель поземельныя подати, установленныя простымъ административнымъ распоряженіемъ, спокойно оставались въ кассѣ спеціальныхъ средствъ министерства государственныхъ имуществъ.

Въ заключеніе скажемъ, что если мнѣніе государственнаго совѣта совершенно игнорировало кадастровую инструкцію, то за то и кадастровая инструкція въ свою очередь игнорировала законъ, ибо до сихъ поръ, не смотря на давнее введеніе владѣнныхъ записей, внутреннее положеніе и судьба крестьянскаго землевладѣнія въ старозаимочныхъ дачахъ осталась обусловленной и регламентированной именно различными параграфами кадастровой инструкціи, главнымъ образомъ относительно внутренней раскладки и способа взысканія поземельныхъ налоговъ.

---

13) Нѣкоторыя особенности бывшаго строя южно-русскаго землевладѣнія.

Полное изученіе отличительныхъ свойствъ и внутренней организаціи старозаимочныхъ дачъ и земель харьковской губерніи не возможно безъ параллельнаго изученія особенностей и порядковъ землевладѣнія въ бывшей гетманщинѣ, т. е. нынѣшнихъ полтавской и черниговской губерніяхъ; но какъ тотъ, такъ и другой предметъ остаются у насъ въ полномъ забвеніи. Намъ, южанамъ, позволительно даже удивляться, какъ много было говорено и писано объ общинномъ владѣніи въ Россіи, порой даже при нашемъ горячемъ либеральномъ участіи, и какъ мало намъ вѣдома судьба и организація мелкаго поземельнаго владѣнія въ нашихъ южныхъ губерніяхъ. Большинство мыслящихъ людей юга предвзято увлеклось

принципомъ общинности въ аграрномъ устройствѣ, безъ знанія исторіи происхожденія и реальнаго положенія этихъ общинъ великорусскихъ губерній; точно также это большинство a priori предубѣдилось противъ начала индивидуальности въ крестьянскомъ и козачьемъ поземельномъ владѣніи юга, мало обращая вниманія на то, что въ дѣйствительной жизни явленія бываютъ нерѣдко гораздо сложнѣе, заключаютъ въ себѣ такіе разнородные элементы, что сущность ихъ трудно исчерпать какимъ нибудь абстрактнымъ началомъ. Не касаясь вопроса, на сколько великорусская община въ существѣ своемъ вызвана и обусловлена началомъ взаимной заботы всѣхъ за каждаго и каждаго за всѣхъ, мы позволимъ себѣ сказать, что и индивидуализмъ южнаго землевладѣнія не былъ выраженіемъ односторонняго, анти-соціальнаго личнаго эгоизма. Религія была всепроницающимъ началомъ въ жизни южно-русскаго народа: она была для него закономъ нравственнымъ и политическимъ, опредѣляла его ежедневный бытъ, все его житейское міровоззрѣніе; отсюда то огромное число различныхъ религіозно-благотворительныхъ учрежденій, которыми на пространствѣ цѣлыхъ вѣковъ покрыта была вся территорія южной Руси, каковы церковныя братства, встрѣчающіяся и теперь въ малорусскихъ поселеніяхъ харьковской губерніи. Они имѣли свои подраздѣленія по возрастамъ, поламъ и даже профессіямъ и давали жизнь цѣлому ряду другихъ учрежденій, какъ школы, богадѣльни, больницы, типографіи и дворы „братерскіе". Не говоримъ о церкви и ея причтѣ, которые всегда и вездѣ составляли предметъ общественнаго попеченія. Все это высшія формы соціальнаго общенія въ народной жизни, тѣмъ болѣе примѣчательныя, что въ нихъ объединялись лица всѣхъ классовъ и общественныхъ положеній, и одно ихъ существованіе способно удостовѣрить каждаго, что въ южнорусскомъ народѣ, не смотря на сильное развитіе личнаго права, высоко было сознаніе нуждъ общественныхъ, и оно примѣчалось не только въ сферѣ высшихъ интересовъ, но и въ кругѣ такихъ дѣйствій, изъ которыхъ слагается и которыми поддерживается обыкновенная жизнь, и даже въ той спеціальной области землевладѣнія, разъясненію которой посвященъ нашъ настоящій трудъ. Лучшимъ доказательствомъ сего можетъ служить существованіе въ поселеніяхъ какъ гетманщины, такъ равно и Слобожанщины, на ряду съ личнымъ участково-наслѣдственнымъ зем-

левладѣніемъ, земель общественныхъ, бывшихъ предметомъ пользованія всѣхъ и каждаго. При прежнемъ обиліи земель, какъ это было въ особенности при заселеніи Слобожанщины, изъ огромной заимки, сдѣланной группою поселенцевъ, за удовлетвореніемъ земельно-хозяйственныхъ нуждъ каждаго изъ ея членовъ, оставались иногда обширныя пространства, которыя и становилась потому общественнымъ достояніемъ, находившимся въ распоряженіи всей поселившейся общины. Изъ этихъ общественныхъ земель, кромѣ пользованія ими по общему согласію и распредѣленію, выдѣлялись участки для церквей и состоящихъ при нихъ членовъ причта, равно религіозно-благотворительныхъ учрежденій, переходившіе нерѣдко во всегдашнюю собственность тѣхъ и другихъ. Эти-то общественныя земли, существовавшія на ряду съ личными наслѣдственными и получавшія то или другое назначеніе, въ общемъ составѣ и въ отдѣльныхъ частяхъ, не иначе, какъ по общему укладу и распредѣленію, и вводятъ, кажется, въ заблужденіе нашихъ общинниковъ; не умѣя справиться съ попадающимися имъ фактами общественнаго пользованія землею, на основаніи невѣрно понятыхъ частныхъ случаевъ такого рода, они силятся подорвать столь очевидный и цѣлымъ рядомъ офиціальныхъ данныхъ удостовѣряемый фактъ личнаго участково-наслѣдственнаго нашего землевладѣнія. Указанія на существованіе земель общественныхъ и общинное ими пользованіе можно находить во множествѣ актовъ прежняго времени, относящихся къ различнымъ пунктамъ южно-русской территоріи. Намъ нѣтъ надобности приводить ихъ; это дѣлаютъ и сдѣлаютъ за насъ наши противники, мы-же ограничимся указаніемъ здѣсь, какъ на обще-извѣстное явленіе въ минувшей жизни южно-русскаго народа, на такъ называемыя „малороссійскія вольницы". Теперь они представляютъ, скажемъ словами автора одной статьи о нихъ [1]), „жалкіе остатки нѣкогда обширныхъ недвижимыхъ имуществъ, составлявшихъ собственность городскихъ и сельскихъ корпорацій старой Малороссіи". По мнѣнію этого автора, „малороссійскія вольницы составляютъ категорію земель, совершенно соотвѣтствующую англійскимъ open fields"... Онъ приводитъ въ примѣръ одно село, гдѣ эта вольница является общиннымъ

---

[1]) «Новое Время» на 1880 г., № 1452, ст. «Малорусскія вольницы».

имуществомъ не однихъ только крестьянъ, но также и всѣхъ другихъ живущихъ здѣсь сословій, и затѣмъ продолжаетъ: „почти каждое старинное малороссійское село имѣло въ древности свою вольницу. Эти вольницы оставлены намъ прошедшими поколѣніями, какъ готовое рѣшеніе вопроса о народномъ образованіи, о призрѣніи, объ общественныхъ сооруженіяхъ и т. п. въ тѣхъ селеніяхъ, которымъ принадлежатъ вольницы. Распространеніе великорусскихъ взглядовъ на общественныя отношенія Малороссіи и неразлучное съ ними уничтоженіе самоуправленія отдѣльныхъ всесословныхъ общинъ еще въ XVIII вѣкѣ способствовали расхищенію вольницъ, этого имущества всесословной малороссійской общины. На долю текущаго столѣтія осталось уже немного изъ этого нѣкогда великаго общественнаго капитала... По межевымъ законамъ, сохранившіяся по настоящее время вольницы дѣлятся между владѣльцами пропорціонально... владѣемому ими недвижимому имуществу"... „Теперь, говоритъ тотъ-же авторъ, намъ трудно судить, въ какой мѣрѣ эти вольницы восполняли тѣ или другіе недостатки начала личнаго землевладѣнія и служили-ли они какимъ-либо фондомъ для безземельныхъ"; мы же прибавимъ отъ себя, что принципъ общественности относительно этихъ земель выдерживался строго и существованіе въ самой Слобожанщинѣ людей безземельныхъ, на что мы въ свое время указывали, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Категорія земель общественныхъ существовала еще въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія даже въ черниговской губерніи, гдѣ, какъ говоритъ авторъ статьи того времени, кромѣ небольшаго количества собственно козачьихъ общественныхъ земель, „они имѣютъ еще и такія общественныя земли, въ коихъ участвуютъ обыватели другихъ сословій, вмѣстѣ съ ними жительствующіе въ селеніяхъ, которые по большей части не допускаютъ козаковъ наравнѣ съ собой пользоваться оными землями. Прежде козаки имѣли пространныя общественныя земли, такъ называвшіяся вольницы, но онѣ всѣ почти перешли во владѣніе другихъ сословій" [1]).

---

[1]) Общее обозрѣніе мѣста жительства козаковъ въ черниговской губерніи, составленное въ 1838 году черниговскою попечительною надъ козаками конторою. «Земскій Сборникъ черниговской губерніи», 1877 г., №№ 5—8.

Особенности характера и порядка южнорусскаго землевладѣнія вызывали особыя трудности въ примѣненіи къ южно-русскимъ мѣстностямъ общихъ межевыхъ инструкцій и требовали, да и нынѣ требуютъ, особыхъ правилъ межеванія, строго согласованныхъ съ историческимъ характеромъ южно-русскаго землевладѣнія. Мы представимъ здѣсь нѣсколько данныхъ изъ области прошлаго, относящихся къ указанному сейчасъ обстоятельству. Въ своемъ мѣстѣ мы говорили объ обмежеваніи нѣсколькихъ старозаимочныхъ дачъ харьковской губерніи, еще въ 1770—1780 годахъ. Какъ ни трудно давалось тогда генеральное межеваніе этой губерніи, но оно окончилось еще при Екатеринѣ II. Иначе было съ землями бывшей гетманщины; межеваніе ихъ, не смотря на всю объединительную энергію центральнаго правительства, замедлилось почти до позднѣйшаго времени. Мы не можемъ представить себѣ другой причины для объясненія этого факта, какъ то, что правительство того и послѣдующаго времени имѣло неодинаковый взглядъ на одинъ и тотъже предметъ въ двухъ смежныхъ мѣстностяхъ: въ мѣстности бывшихъ слободскихъ полковъ оно не усмотрѣло, какъ мы въ своемъ мѣстѣ указывали, особенностей аграрнаго строя и нашло возможнымъ при обмежеваніи оной примѣнить къ ней вполнѣ межевую инструкцію, составленную для земель казенно-общественныхъ вообще и для четвертнаго владѣнія великорусскихъ однодворцевъ въ частности,—въ территоріи бывшей гетманщины оно поступаетъ съ большею осмотрительностію, быть можетъ по настоянію тамошнихъ чиновъ, и отъ того дѣло межеванія здѣсь затягивается и ведется на другихъ основаніяхъ. Еще въ 1781 г., въ указѣ тогдашнему малороссійскому генералъ-губернатору графу Румянцеву-Задунайскому, императрица Екатерина возвѣщала: „о межеваніи въ губерніяхъ кіевской, черниговской и новгородъ-сѣверской для успокоенія цѣлости имѣній тамошняго дворянства и прочихъ чиновъ народныхъ, соизволеніе наше въ свое время послѣдуетъ“. Но только въ началѣ царствованія Александра I, по представленію малороссійскаго генералъ-губернатора князя Куракина, объ учрежденіи въ малороссійскихъ губерніяхъ генеральнаго межеванія, указомъ 1803 г. 10 апрѣля, повелѣно было учредить особый комитетъ для обсужденія вопроса и составленія инструкціи, „мѣстному того края положенію соотвѣтствующей“, генеральнаго межеванія Малороссіи.

Въ числѣ существенныхъ основаній для межеванія этихъ земель было между прочимъ признано необходимымъ: межевать земли не къ именамъ владѣльцевъ, а къ именамъ мѣстечекъ, селъ и деревень, разрѣшать поземельные споры, кромѣ различныхъ письменныхъ документовъ (между прочимъ и на основаніи гетманскихъ универсаловъ), также и по свидѣтельскимъ показаніямъ и по десяти-лѣтней давности владѣнія, на основаніи статута литовскаго не требовать документовъ отъ землевладѣльцевъ, владѣнія которыхъ не подвергались спору при межеваніи губерній... размежевать поземельную собственность: дворянъ, гражданъ, людей духовнаго званія, козаковъ и прочихъ, какъ бы мало ни состояло за ними земель [1]...

Проэкты, инструкціи и правила межеванія были предметомъ разновременныхъ канцелярскихъ обсужденій и справокъ въ продолженіе болѣе полувѣка, между тѣмъ объединеніе Малороссіи въ административномъ отношеніи ушло такъ далеко впередъ, что новое обсужденіе межеваго вопроса въ 1853 г. привело правительство къ убѣжденію, что „мѣры, изложенныя въ прежней инструкціи при настоящемъ устройствѣ малорусскихъ губерній, примѣнены быть не могутъ“.

Начались новыя соображенія о размежеваніи черниговской и полтавской губерній, а спустя пять лѣтъ указаны были новыя основанія этого дѣла отъ бывшаго въ то время управляющаго межевымъ корпусомъ, впослѣдствіи графа М. Н. Муравьева. Эти основанія заключались въ слѣдующемъ: „межеваніе Малороссіи производить согласно высочайшему повелѣнію (отъ 27 января 1858 года) по настоящему безспорному владѣнію; при разрѣшеніи споровъ принимать главнымъ основаніемъ десятилѣтнюю давность владѣнія до состоянія указа объ открытіи межеванія; казенную и частную собственность, съ небольшими исключеніями, подчинить одинаковымъ условіямъ; въ одно время съ генеральнымъ производить и спеціальное межеваніе, сообразно мѣстнымъ условіямъ края и дѣйствующимъ законамъ, принимая за главное основаніе полюбовное межеваніе; а такъ какъ оно, при дробности владѣній и по особенной привязанности владѣльцевъ къ своимъ угодьямъ въ Малороссіи, будетъ затруднительно и большею частію почти невоз-

---

[1]) Прибавленіе къ 15 № «Черн. Губ. Вѣд.», 1864 г., апрѣля 12.

можно, то установить правила для обязательнаго межеванія, опредѣливъ поземельныя единицы, при которыхъ землевладѣльцы обязаны будутъ вымеживаться въ отрубныя дачи единственнаго владѣнія, и при которыхъ они могутъ остаться въ общихъ смѣнахъ, и наконецъ проэктировать межевыя учрежденія для веденія межеванія и наблюденія за правильнымъ его ходомъ, составивъ ихъ изъ представителей разныхъ сословій и межевыхъ чиновъ, при чемъ губернскія и межевыя учрежденія должны быть судебными и вмѣстѣ административными мѣстами, а уѣздныя—только административными" [1]). 19 октября 1859 года было высочайше утверждено положеніе о размежеваніи Малороссіи на вышеизложенныхъ началахъ. Положеніе это не коснулось харьковской губерніи, въ которой землевладѣніе, такъ много сходное по своему историческому происхожденію и характеру, имѣло свою особую, намъ уже извѣстную судьбу.

Эта вообще малоотрадная, какъ мы видѣли, судьба представляетъ еще одну особенность, которой не можемъ не отмѣтить въ заключеніе нашего о ней изслѣдованія. Какъ можемъ примѣчать по судьбѣ крестьянскаго землевладѣнія въ послѣдніе годы въ ахтырской дачѣ, вѣковая путаница понятій въ этомъ жгучемъ жизненномъ вопросѣ, хотя успѣла выдѣлить въ самомъ крестьянскомъ обществѣ извѣстный процентъ, недоброжелательно относившійся къ участково-наслѣдственному землевладѣнію и видѣвшій свой прямой интересъ въ общемъ раздѣлѣ всей крестьянской земли на души, но не убило въ немъ окончательно традиціоннаго и фактическаго представленія объ исконномъ въ здѣшней мѣстности характерѣ и порядкѣ землевладѣнія, а только внесла въ самую сердцевину крестьянскаго общества аграрный антагонизмъ, пробуждающійся при каждомъ новомъ случаѣ столкновенія двухъ противуположныхъ теченій. Любопытный и поучительный фактъ этой внутренней борьбы представляетъ намъ „заявленіе" нѣсколькихъ десятковъ крестьянъ, владѣльцевъ старозаимочныхъ земель, поданное въ ахтырское волостное правленіе въ 1869 г., когда начались приготовительныя работы по выдачѣ владѣнныхъ записей на крестьянскія земли. Вотъ фактъ, какъ онъ изложенъ въ этомъ заявленіи. По распоряженію мироваго посредника 1-го участка ахтырскаго уѣзда, 1 іюня 1869 г. было собрано кресть-

[1]) Приб. къ 15 № «Черн. Губ. Вѣд.».

янское общество при ахтырскомъ волостномъ правленіи въ числѣ 607 человѣкъ; мировой посредникъ предложилъ собравшимся составить приговоръ о согласіи крестьянъ на выкупъ своихъ земель и получить владѣнныя записи... Бывшіе въ сборѣ, преимущественно безграмотные и безземельные, изъявили согласіе на выкупъ земель и другихъ угодій, раздѣливъ земли на души, о чемъ и написанъ того числа приговоръ. Легко понять, какую бурю долженъ вызвать этотъ приговоръ въ душахъ тѣхъ, которые владѣли землями по наслѣдственному праву, и какую борьбу они должны были пережить, пока написали и представили слѣдующія простыя строки: „какъ-же владѣемыя нами на правѣ собственности земли и прочія угодья есть предковскія, старозаимочныя, переходящія изъ роду въ родъ по наслѣдству и пріобрѣтенныя покупкою отъ разныхъ лицъ... слѣдовательно земли наши не составляютъ ни казенной, ни общественной принадлежности... и сего-же рода землями владѣютъ черезполосно съ нами дворяне, чиновники, купцы, мѣщане и цеховые на правахъ собственности, и таковыя земли выкупу не подлежатъ, какъ составляющія собственность того, кто ими владѣетъ..., а потому и приговоръ, составленный бывшимъ въ сборѣ 1 іюня 1869 г. обществомъ изъ 607 душъ есть неправильный“... Потянулась борьба на долгіе годы и трудно въ ней безусловно оправдывать или обвинять какую-либо сторону: на сторонѣ земельныхъ были исторія и право, а незадолго передъ этимъ высказался за нихъ и законъ (783 ст. 2 прим. по продолж. 1868 г. X т., I ч.); но за то на сторонѣ безземельныхъ была, можно сказать, вѣковая административная практика и цѣлый рядъ мѣръ, прямо или косвенно вводившихъ или вызывавшихъ общинное землевладѣніе. Первоначальный исходъ борьбы имѣлъ двойственный характеръ: крестьянскія земли ахтырской дачи остались фактически „на прежнемъ основаніи“, т. е. въ видѣ участково-наслѣдственнаго владѣнія, но ахтырское сельское общество все таки получило общую владѣнную запись на свои старозаимочныя земли. Не смотря на то, оно продолжало, чрезъ избранныхъ изъ своей среды повѣренныхъ, ходатайство въ административномъ порядкѣ объ исключеніи старозаимочныхъ его земель изъ оклада кадастровой и государственной оброчной подати, и хотя ходатайство это вначалѣ не было удовлетворено и мѣстное управленіе государственныхъ имуществъ предоставило ему

отыскивать свои права на земли, находящіяся въ оцѣнкѣ (т. е. въ кадастрѣ) судебнымъ порядкомъ, но въ концѣ это громкое дѣло, подъ названіемъ ахтырскаго, было рѣшено гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ сената въ пользу крестьянъ.

---

14) Нѣкоторыя общія черты козачьяго землевладѣнія полтавской и черниговской губерніи и старозаимки въ губерніи харьковской.

По общности происхожденія и прежней судьбы козачьяго землевладѣнія бывшей гетманщины съ старозаимочными землями харьковской губерніи считаемъ умѣстнымъ закончить сводъ матеріаловъ для исторіи послѣднихъ нѣкоторыми общими чертами въ судьбѣ первыхъ.—Здѣсь также, какъ и въ исторіи старозаимки, ярче выступаютъ заботы объ упорядоченіи землевладѣнія и обезпеченіи поступающихъ съ земли государственныхъ доходовъ, чѣмъ судьба самаго землевладѣнія. Тѣ немногіе факты, которыхъ мы хотимъ здѣсь коснуться, относятся къ позднѣйшему времени, но они дорисовываютъ общую картину пертурбацій въ южно-русскомъ землевладѣніи и уясняютъ нѣкоторыя изъ перипетій, которыя прошло старозаимочное землевладѣніе харьковской губерніи. „Попеченіе о благосостояніи малороссійскихъ козаковъ“ появляется въ то позднее время, когда главный источникъ ихъ благосостоянія волею судебъ значительно понизякъ, когда историческій строй ихъ жизни путемъ перемѣнъ въ судьбѣ цѣлаго края былъ разшатанъ и измѣненъ, а земельная собственность ихъ въ большей части перешла въ руки выродившагося изъ ихъ же среды дворянства. Въ 1834 г. учреждена была главная хозяйственная контора для малороссійскихъ козаковъ и изданъ особый уставъ для управленія ими, подъ главнымъ надзоромъ черниговскаго, полтавскаго и харьковскаго генералъ-губернатора. Главная контора находилась въ Полтавѣ; ей подчинены были мѣстныя попечительныя конторы, которыхъ въ одной черниговской губерніи было четыре. „Записки“ этой конторы [1]) и даютъ намъ нѣкоторое понятіе о по-

---

[1]) См. Земск. Сборникъ черниг. губ. 1877 г.

рядкахъ козачьяго землевладѣнія въ эту и ближайшую къ ней эпоху. Изъ нихъ мы видимъ, что хотя законъ признавалъ поземельное владѣніе козаковъ на правахъ собственности, но особымъ указомъ 25 іюня 1832 г. право распоряженія наслѣдственными землями было для нихъ ограничено запрещеніемъ продавать эти земли лицамъ другихъ сословій, „дабы эти потомственныя земли навсегда оставались козачьими, даже и въ томъ случаѣ, если-бъ владѣльцы ихъ службой или инымъ образомъ пріобрѣли права другаго сословія"... „Земли козаковъ, говорится въ названномъ источникѣ, составляющія частную отдѣльную собственность каждаго изъ нихъ, доселѣ не были приводимы въ извѣстность никакимъ измѣреніемъ, и пространство ихъ опредѣлялось самымъ первобытнымъ способомъ: количествомъ высѣваемаго хлѣба, или числомъ косарей". Общій хозяйственный порядокъ въ козачьихъ земляхъ былъ такой-же, какъ и въ старозаимочныхъ дачахъ харьковской губерніи: они дѣлились на 3 руки, или поля—озимое, яровое и толоку или паръ. „По неприведеніи въ извѣстность количества земли, состоящей во владѣніи козаковъ, и по невозможности отъ сего разложить подати между козаками съ большей уравнительностію, по мѣрѣ земли каждымъ владѣемой, для облегченія ихъ тѣмъ же указомъ велѣно было взимать и здѣсь съ каждой ревизской души по 2 р. с., включая въ сію сумму 55 коп. сер. за право вольной продажи вина. Полный же окладъ съ ревизской души, считая тутъ и другія повинности, а также погашеніе податной недоимки, былъ опредѣленъ въ 12 руб. 2 коп. ассигн.". Такіе мотивы системы налоговъ на козачье сословіе черниговской и полтавской губерніи значительно уясняютъ и причины принудительнаго дѣлежа старозаимочныхъ земель харьковской губерніи по ревизскимъ душамъ. Тамъ администрація имѣла еще передъ собой наличный фактъ—особое козачье сословіе, характеръ землевладѣнія котораго на правѣ собственности ясно былъ указанъ закономъ. Здѣсь-же козачье сословіе давно было упразднено, а между тѣмъ его личное и потомственное землевладѣніе также не было опредѣлено ни фактически, ни количественно у каждаго владѣльца; вотъ почему душевая система податей въ Харьковщинѣ, падая на полное имущественное неравенство населенія, и влеча за собою постоянно возраставшую массу недоимокъ, вызвала такъ рано соблазнъ простаго противоядія—уравнительный раздѣлъ земель.

Внутренняя раскладка общаго сбора въ населеніи козаковъ полтавской и черниговской губерній до 1833 г. предоставлена была, какъ и у крестьянъ—старозаимочныхъ владѣльцевъ харьк. губерніи, самимъ обществамъ, а съ 1833 г. козачьи общества обязаны были распредѣлять подати соотвѣтственно количеству земли у каждаго члена и „сообразно другимъ принятымъ между козаками мѣстнымъ правиламъ", при чемъ за всѣхъ почему-либо выбывшихъ, но изъ оклада не исключенныхъ, а также и за несостоятельныхъ, подати должны были разлагаться „согласно тѣмъ-же правиламъ и обычаямъ на наличныхъ плательщиковъ". Такимъ образомъ круговая порука въ извѣстной степени не миновала даже и козацкихъ обществъ.

Окладные листы составлялись на цѣлыя общества, а иногда на каждое село отдѣльно. Отсюда видно, что ни распредѣленіе податей по отдѣльнымъ статьямъ, ни внутренняя ихъ раскладка въ самыхъ обществахъ не были вполнѣ согласованы съ началомъ личной собственности, ибо допускалась круговая порука и благоусмотрѣніе большинства членовъ общества.

На сколько далека была даже признанная закономъ личная собственность малорусскихъ козаковъ отъ того опредѣленія, которое сдѣлано ей въ X т., можно видѣть изъ того, что не только всѣ общія земскія натуральныя повинности отбывались одними только козаками и казенными крестьянами черниговской губерніи, но даже „самые сѣнокосы козаковъ отдавались въ распоряженіе командъ проходящихъ съ лошадьми безо всякаго вознагражденія", а въ случаяхъ пожаровъ погорѣвшіе козаки, по распоряженію главной хозяйственной конторы, помѣщались квартирами у своихъ сосѣдей.

Черезполосность козачьихъ земель съ землями другихъ сословій—явленіе и здѣсь повсемѣстное, такъ какъ козачьи земли были большею частію одного происхожденія съ старозаимочными землями харьковской губерніи, и одинаковую съ ними испытывали судьбу, то отъ вторженія элемента пришлаго, то отъ выдѣленія членовъ козачей среды въ другія сословія.

Одинаково и здѣсь, не смотря на прежнее обиліе земли, примѣчается постепенное увеличеніе въ козачьемъ населеніи процента безземельныхъ. Въ концѣ 30 годовъ всѣхъ козаковъ черниговской губерніи считалось по даннымъ послѣдней ревизіи 197,800 душъ мужескаго пола, изъ нихъ безземельныхъ числилось 16,546 душъ

(8,273 семьи), что составляетъ около 8% на все населеніе. И причины обезземеленія и вообще обѣдненія козаковъ были въ большей части тѣ-же, что привели къ обѣдненію населенія б. слободскихъ полковъ и постепенному превращенію свободныхъ войсковыхъ обывателей въ крѣпостныхъ людей. Тотъ-же источникъ, изъ котораго мы заимствуемъ всѣ эти свѣдѣнія, довольно откровенно говоритъ о той борьбѣ, какая существовала тогда между мѣстными органами общей администраціи, бывшей подъ сильнымъ вліяніемъ крѣпостныхъ интересовъ, и спеціальными вѣдомствами козаковъ и казенныхъ крестьянъ, и которая тяжело отзывалась на положеніи этихъ послѣднихъ,—не скрываетъ и того, что само попечительное о козакахъ вѣдомство не приносило имъ никакой пользы. Чрезвычайные расходы по снаряженію козачьихъ полковъ въ 1812 г., простиравшіеся, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, по одной черниговской губерніи, до 16 милліоновъ и вызвавшіе усиленную продажу козаками своихъ земель, были конечно явленіемъ исключительнымъ, какъ и наступившій голодъ 1820 и 1821 года; въ обыкновенное-же время дѣйствовали постоянныя причины, которыя „Записки“ конторы, послѣ повсемѣстнаго давленія крѣпостнаго права, указываютъ въ самой системѣ податей и способѣ ихъ взысканія, которые съ одной стороны увеличивали пролетаріатъ, а съ другой заставляли самыхъ богатыхъ козаковъ, въ виду круговой поруки, выселяться въ другія мѣстности, что еще болѣе обременяло платежныя средства оставшихся на мѣстѣ людей средняго и малаго достатка.

Всѣ эти и многія другія, еще невѣдомыя намъ данныя, общія какъ б. гетманщинѣ, такъ и харьковскому старозаимочному землевладѣнію, необходимо брать въ расчетъ, дабы при опредѣленіи теперь % безземельныхъ, хотя-бы въ козачьемъ сословіи бывшей гетманщины, а также и въ тѣхъ старозаимочныхъ дачахъ харьковской губерніи, гдѣ еще сохранилось мелкое личное землевладѣніе крестьянъ, не отнести причину нарожденія этой безземельной массы исключительно на счетъ начала самой природы мелкой земельной собственности. Психическая сторона вліянія на массоваго человѣка личнаго и общиннаго землевладѣнія при данныхъ условіяхъ происхожденія, исторіи и обстановки того и другаго, у насъ еще совсѣмъ не выяснена. Если мы не можемъ слишкомъ тѣсно понимать „зоологическую мораль“ человѣка, всецѣло состоящаго во власти

земли на общинномъ порядкѣ, то мы также не должны обходить вниманіемъ и прямаго указанія даже сухой офиціальной записки на многія симпатичныя стороны въ характерѣ людей, которые привыкли имѣть свое добро и ясно отличать его отъ добра ближняго.

На этомъ оканчиваемъ нашъ, можетъ быть, очень длинный, но, смѣемъ думать, не безполезный сводъ матеріаловъ для исторіи землевладѣнія въ харьковской губерніи. Дополнительныя свѣдѣнія объ этомъ весьма важномъ предметѣ, какія частію собраны нами, по окончаніи настоящей статьи, частію имѣются еще въ виду, а равно и заключительные изъ всего сказаннаго выводы, мы надѣемся въ послѣдствіи представить, если позволятъ обстоятельства.

А. Л. Шимановъ.

УКРАИНСКІЯ ЖЕНЩИНЫ *).

(Переводъ съ польскаго).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Жизнь польской женщины въ глубокой, коренной Польшѣ достаточно изслѣдована въ бытовомъ отношеніи; весьма подробно говорятъ объ этомъ Гурницкій, Бѣльскій, Папроцкій, подъчасъ довольно интересныя частности сообщаютъ Кохановскій, Рей, Кленовичъ и другіе польскіе писатели...

Совсѣмъ иначе шла жизнь ея на окраинахъ, у границъ татарскихъ. Женщина располагала здѣсь гораздо большею свободой, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Правда, обязательные для нея законы на Руси были тѣ-же, что и въ Литвѣ: какъ здѣсь, такъ и тамъ литовскій статутъ считался кодексомъ, съ которымъ нужно было согласовать свою жизнь; но иное дѣло законъ, и иное обычай.

*) Niewiasty kresowe. Историческіе разсказы д-ра Антонія I. Warszawa. 1883 г. — Вслѣдъ за выходомъ этой книги въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» на 1883 г. данъ былъ о ней обстоятельный отчетъ. Теперь мы рѣшились передать нашимъ читателямъ въ возможно точномъ переводѣ тѣ очерки изъ этой книги, которые представляютъ намъ типы русской женщины XVI и XVII в., выросшіе на русской-же землѣ, но въ предѣлахъ бывшей Рѣчи Посполитой и подъ неотразимымъ польскимъ вліяніемъ. Читатели, надѣемся, по достоинству оцѣнятъ почтенный трудъ польскаго историка - беллетриста, который талантливо воспроизводитъ типы нашихъ женщинъ, по нашимъ преимущественно источникамъ, давая лишь самое незначительное мѣсто своей національной точкѣ зрѣнія. Они съ интересомъ, при томъ въ первый разъ, увидятъ эти живые образы русской женщины въ западной половинѣ Россіи, создавшіеся подъ иными вліяніями и представляющіе совершенный контрастъ типу женщины того-же времени въ московской

Здѣсь, въ мѣстности полной опасностей, въ положеніи всегда угрожаемомъ, женщинѣ часто приходилось становиться на защиту семейнаго очага, на оборону домашняго скарбу... Вотъ почему, при болѣе близкомъ изученіи событій XVI-го и даже XVII-го столѣтія на окраинахъ Польши, и той выдающейся роли, какую занимала въ нихъ нерѣдко принимавшаяся за оружіе, закованная въ тяжелыя латы украинская женщина, невольно вспоминаются тѣ сказочныя амазонки, мѣсто поселенія которыхъ опредѣлялось историками между Днѣпромъ и Балтійскимъ моремъ. Не отъ этихъ-ли, въ туманѣ вѣковъ теряющихся, прототиповъ унаслѣдовали любовь къ войнамъ и наши украинскія героини?... Мягкость нравовъ внесла въ эти края лишь жена князя Василія Острожскаго, урожденная Тарновская; вмѣстѣ съ нею нахлынуло порядочное число польскихъ дворянъ и надворной шляхты, и они-то исподволь стали распространять въ волынской землѣ утонченность въ обращеніи, любовь къ музыкѣ, танцамъ, нарядамъ. Женщины, проживавшія въ укрѣпленныхъ жилищахъ, разбросанныхъ среди обширныхъ дикихъ полей, не имѣли ни малѣйшаго представленія о министреляхъ и трубадурахъ; старикъ-лирникъ, этотъ единственный степной пѣвецъ, не любовныя пѣсни приносилъ съ собою, но легенды о давнихъ битвахъ, подъчасъ предостереженіе о близкой опасности, иногда измѣну,—высматривалъ, замѣчалъ слабыя стороны на́-скоро укрѣпленнаго двора съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи сообщить объ этомъ гайдамакамъ или инымъ своевольнымъ наѣздникамъ. Романъ не произрасталъ въ степи; жизнь летѣла стрѣлой; завтрешній день не принадлежалъ никому и менѣе увѣренности въ немъ было здѣсь, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

И въ самомъ дѣлѣ: какая разница въ нравахъ и обычаяхъ какой-либо богатой пани, жившей на равнинахъ Великой Польши, и владѣтельницы многочисленныхъ имѣній на окраинѣ! Та любила изысканность, изящество. Вотъ для подтвержденія хотя бы ея сборы

Руси, и убѣдится, что, говоря о русской женщинѣ прежняго времени, что составляетъ у насъ любимый предметъ, надо строго различать ее въ двухъ отдѣльно тогда жившихъ половинахъ Россіи и нельзя мѣрять женщину южно-русскую по масштабу московскому, по чертамъ Домостроя и «Быта русскихъ царицъ XVII в.». Быть можетъ, мы передаемъ не совсѣмъ точно заглавіе подлинника, употребляя слово *украинскія*, которое понимается теперь нѣсколько иначе; но мы принимаемъ его здѣсь въ его прежнемъ, болѣе общемъ историческомъ смыслѣ.—Ред.

къ утреннему одѣванію. „Передъ комнатою такой нарядницы стоялъ мальчикъ—пажъ, обязанностью котораго было носить шлейфъ своей госпожи и оберегать двери ея уборной, чтобы во время одѣванія никто не могъ туда войти, кромѣ ея комнатной прислуги. Когда приближалось время одѣванія, изъ дѣвичьей выходили панны-прислужницы, неся каждая, что къ ней принадлежало: одна пузырьки съ пахучими пижмами, цибетами, дорогими духами, другая зеркало, третья румяны и бѣлила, флакончики съ душистыми водами, розовымъ и бальзаминовымъ масломъ, мускусомъ, амброй. Три другія дѣвушки несли кувшинъ и тазъ, рушникъ и покрывало; еще двѣ иныя слѣдовали за ними, чтобы, когда госпожа станетъ одѣваться, развлекать ее пріятными разсказами“ [1]).

Совершенно иначе въ концѣ XV ст. глядѣла „свѣтличка“ волынской княгини, хотя-бы даже знатнѣйшаго рода. Небольшой альковъ, незатѣйливая и твердая кровать, стекла въ окнахъ, какъ особая роскошь, стѣны, увѣшанныя иконами, а богатыя матеріи, альтембасовые златоглавы и среброглавы [2]), бархаты, канифасы, дорогія куньи и собольи шубы — спрятаны подъ замками въ кипарисовыхъ сундукахъ, готовыхъ въ далекую дорогу въ минуты опасности, всегда ожидаемой... Одна изъ наиболѣе богатыхъ владѣтельницъ Волыни, урожденная княжна Гольшанская, вторая жена князя Курбскаго, обладавшая, кромѣ обширныхъ помѣстій, милліонами дохода и наличнаго капитала, довольствовалась однимъ, притомъ небольшимъ зеркальцемъ, штатъ-же прислуги ея состоялъ изъ четырехъ дѣвушекъ, занимавшихся шитьемъ. А вѣдь имѣла средства не отказывать себѣ; но она предпочитала содержать и разводить табуны лошадей, хотя очень заинтересована была возбужденіемъ любви къ себѣ въ своемъ мужѣ и для этой цѣли, по совѣту знахарки, держала въ кровати мѣшечекъ, наполненный пескомъ и лошадинымъ волосомъ!...

Набожность, отличающая польскихъ женщинъ, не имѣла какъ-то времени развиться на окраинахъ; къ религіознымъ вопросамъ

---

[1]) Maciejowski: Polska i Ruś. II. 260.

[2]) Альтембасъ (отъ турецкихъ словъ: *алтынъ*—золото и *басъ*—ткань)—парча, въ которой основа шелковая, а ткань золотая или серебряная. Златоглавы и среброглавы—это головныя шапочки золотой или серебряной парчи.

Примѣч. переводчика.

относились тамъ равнодушно и только у насъ религіозное новаторство проявлялось съ такою легкостію, а главными пропагандистками онаго были женщины.

Особыя условія жизни на окраинахъ неотразимо вліяли на способности и характеръ женщины, вырабатывали изъ нея энергичную, полу-мужскую натуру, готовую на скорби и самыя ужасныя испытанія и не падающую предъ ними безъ борьбы. Пассивное противодѣйствіе нерѣдко переходило въ активное вмѣшательство: неразъ жена отправлялась вмѣстѣ съ мужемъ на развѣдки за непріятелемъ, совершала съ нимъ походы, лично командовала „заѣздами", оканчивавшимися нерѣдко кровавой схваткой; настолько-же хорошо пользовалась собственною силою, какъ и мужчина, умѣла стрѣлять, ловко вскакивала на коня, безъ усталости и отдыха совершала дальніе переѣзды, словомъ, пріобрѣтала настоящій боевой закалъ.... Борзобогатая Красинская, Хмѣлецкая, воеводина кіевская, княгиня Ружинская, о жизни которыхъ будемъ говорить здѣсь, не составляютъ исключеній: онѣ занимаютъ только болѣе видное положеніе въ современномъ имъ обществѣ; на протяженіи полутора столѣтій можно бы насчитать много другихъ, какъ Мыльская, Тышкевичъ, Стрибылова, Трипольская и т. д. и т. д., жизнь которыхъ переполнена заѣздами и тяжбами. А мелкота, глядя на женщинъ высокостоящихъ, увлекалась ихъ отвагою; и дѣйствительно, въ овручскихъ „застѣнкахъ" [1]) женщины продѣлывали то-же въ маломъ масштабѣ, на нѣсколько миль въ окружности, что первыя на территоріи цѣлой Волыни или Кіевщины.

Но не одна только женщина виновата въ этой разгульности и грубости нравовъ; довольно значительная часть этой вины падаетъ и на половину мужскую: слѣдуетъ признаться откровенно, что мы почитали женщину лишь на столько, на сколько послѣдняя импонировала намъ не только нравственною, но и физическою силою. Женщина рѣшительная, смѣлая пользовалась большимъ почетомъ, легко снискивала себѣ сторонниковъ, общество снисходительно смотрѣло на ея продѣлки. Къ молодой дѣвушкѣ относились, правда, съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, нѣсколько по-козацки, а съ жен-

---

[1]) «Застѣнками» въ Литвѣ назывались мелкіе, строго отграниченные земельные участки, которые обработывала сама шляхта, поселенная на нихъ.

щины, неспособной постоять за себя, мужчина въ ссорахъ частенько срывалъ „головную повязку“ (podwikę—чепчикъ), что считалось на Руси страшнѣйшею обидою; но съ другой стороны и дѣвушки поступали по своему, сами себѣ избирали мужей по вкусу, не очень-то слѣдуя совѣтамъ и наставленіямъ старшихъ. Если-же этотъ старшій имѣлъ достаточно силы, чтобы заставить своевольную дѣву стать съ немилымъ сердцу на подвѣнечномъ коврѣ, то она имѣла возможность и послѣ брака получить свободу,—ей оставался еще разводъ („rozpust“), въ формѣ юридической всегдашней разлуки съ мужемъ, и возможность вступить въ новый бракъ уже по собственному выбору и вкусу. Скажете, что разводы случались не особенно часто? Напротивъ, они были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Унія, а подъ конецъ латинская обрядность только затруднили, но не искоренили разводовъ; болѣе доказательствъ, болѣе расходовъ нужно было, а потому только болѣе зажиточныя семьи прибѣгали къ нимъ; между тѣмъ въ средѣ простаго народа, исповѣдывавшаго восточную не унитскую вѣру, разводы удержались до конца XVII столѣтія.

Но возвратимся къ рыцарскимъ наклонностямъ украинскихъ женщинъ. Только этими свойствами можно объяснить себѣ выносливость этихъ женщинъ, когда ихъ угоняли въ „ясыръ“ по пустыннымъ, знойнымъ степямъ. Ужъ конечно не въ люлькахъ транспортировали ихъ „поганцы“! Болѣе человѣчный изъ нихъ, или, можетъ быть, болѣе заботливый о томъ, чтобы его живой товаръ не сдѣлался непригоднымъ, помѣщалъ плѣнную за собой на конѣ; обыкновенно-же пѣшкомъ, на привязи, нужно было совершать эту дальнюю дорогу. А потомъ въ ясырѣ ее, когда-то богатую и привыкшую повелѣвать барыню, ожидала тяжелая и унизительная доля невольницы гаремной. Тѣмъ не менѣе подобная участь была еще сноснѣе тяжелыхъ работъ, невольныхъ странствованій въ Азію или Африку,—сноснѣе, но безнадежнѣе: ибо такая женщина, если она умѣла снискать себѣ любовь и расположеніе татарской семьи, съ которою связала ее судьба, теряла чрезъ это надежду когда-либо получить свободу, хотя-бы цѣною относительно громаднаго выкупа. Татаринъ или турокъ подобную находку считалъ за особый родъ благословенія Божія и вмѣстѣ съ тѣмъ за капиталъ, который въ случаѣ бѣдствія можетъ быть ему возвращенъ

съ излишкомъ. Несчастная *бранка* принуждена была выжидать дипломатическихъ соглашеній между Крымомъ, Портою и Польшею, въ силу которыхъ могла-бы добиться свободы. Выкупы, производившіеся обществами тринитаріевъ, являются только въ концѣ XVII вѣка и найболѣе дѣйствовали въ прошломъ столѣтіи. Многое дѣлалось для той-же цѣли и до появленія этого ордена, при посредствѣ договоровъ съ взаимнымъ обмѣномъ плѣнныхъ; часто происходили такіе обмѣны, но ни одинъ изъ нихъ не достигалъ такихъ размѣровъ, какъ славный обмѣнъ невольниковъ между Москвой и Запорожьемъ съ одной и татарами съ другой стороны, продолжавшійся пять лѣтъ (1681—1685 г.) и производившійся подъ Переволочною. Происходилъ этотъ обмѣнъ ежегодно лѣтомъ; сюда пріѣзжали: царскій окольничій, полковникъ и правитель гетманской канцеляріи отъ заднѣпрянъ, а съ противной стороны мурзы и султаны; „бранцевъ", какъ магометанъ, такъ и христіанъ, бывало по нѣсколько тысячъ; обмѣнъ шелъ голова за голову, хотя знатнѣйшихъ бояръ татаре утаивали; такъ Шереметьева, взятаго въ плѣнъ еще подъ Чудновымъ 1660 года, освободили только двадцать лѣтъ спустя, послѣ полученія 40,000 руб. выкупа. Вотъ на этихъ-то поляхъ подъ Переволочною можно было видѣть не одну земянку украинскихъ провинцій; заручившись письмомъ Яна III къ старшинѣ запорожской, среди которой славный король пользовался большимъ почетомъ, и захвативъ съ собою набитый золотомъ мѣшекъ, она поспѣшала въ степь, чтобы при посредствѣ Кошеваго выкупить изъ неволи родную „бранку"... А много, много ихъ попадало въ плѣнъ, особенно во второй половинѣ XVII столѣтія; на всемъ пространствѣ земли украинской не было такой семьи, которая не оплакивала-бы стонущаго въ неволѣ, близкаго и дорогаго сердцу существа... Несравненно легче было освободить изъ рукъ татарскихъ мужчину, чѣмъ женщину: послѣдняя, въ особенности молодая, предоставлена будучи сама себѣ, нерѣдко становилась женою своего господина; но и она, овдовѣвъ, съ значительнымъ числомъ дѣтей съ плоскими восточными чертами лица, возвращалась на родину,—на столько дорого было для нея родной земли воспоминанье!...

Въ XVII столѣтіи происходятъ коренныя измѣненія. Русь уже совершенно ополячена; польскій языкъ, латинская религія господствуютъ въ домахъ землевладѣльцевъ; ксёндзъ дѣлается учителемъ

и наставникомъ въ дѣтствѣ, становится впослѣдствіи другомъ и совѣтникомъ въ семьѣ, нерѣдко угождающимъ хозяйкѣ дома, такъ какъ она имѣла перевѣсъ надъ своимъ разгульнымъ супругомъ, предававшимся пьянству и забавамъ. Женщина, оставленная самой себѣ, не только внимательно слѣдитъ за „бабьимъ„ хозяйствомъ, но правитъ всѣмъ имѣніемъ; усваиваетъ себѣ вкусы женщинъ запада, обучается игрѣ на арфѣ, гитарѣ, мелодиконѣ и клавикордѣ, изучаетъ пѣсни не только духовнаго, но и свѣтскаго содержанія; подобное направленіе распространяется такъ далеко и такъ широко охватываетъ даже бѣднѣйшіе шляхетскіе кружки, что уже къ концу прошлаго столѣтія боярскія дочери въ овручскихъ „застѣнкахъ" и помѣщичьи дѣвушки (panienki) въ многочисленныхъ поселеніяхъ, разбросанныхъ по обширныхъ равнинамъ, входившимъ когда-то въ составъ барскаго староства, поютъ „Филона" [1]), сложеннаго Карпинскимъ, а въ то-же время по хуторамъ, среди украинскихъ полей, тамъ—близъ Черкасъ и Чигрина, гдѣ процвѣтала козацкая слава, услаждаются пѣснями хотя народными, но сочиненными гербовнымъ мѣщанствомъ и съ напѣвомъ на манеръ польскихъ пѣсенъ.

Прежде всего въ наиболѣе зажиточные шляхетскіе дома проникаетъ европейская роскошь, постепенно отодвигая на второй и задній планъ господствовавшую до того времени восточную обстановку: палатки, добытыя у турокъ подъ Вѣной, идутъ на обои спальныхъ комнатъ, на занавѣски, за которыми скрываются кровати, нагруженныя мягкими пуховиками и множествомъ подушекъ, доходящихъ почти самаго потолка, для оружія является оружейная, для любителей табаку—курительная (fajkarnia), вмѣсто избъ для гостей—салоны, вмѣсто разныхъ лавъ—мебель краснаго дерева, которой остатки уцѣлѣли до настоящаго времени и за которые любители старины платятъ столь баснословныя цѣны. Въ салонѣ царствуетъ женщина разодѣтая, раздушённая, напудренная, съ искуственнымъ румянцемъ на щекахъ,—точно такая-же на окраинѣ, какъ и въ Великой Польшѣ и въ Литвѣ. Своимъ чередомъ приходитъ страсть къ политикѣ; „мудриху", подражающую каменецкой каштеляновой, можно встрѣтить чуть-ли не въ каждомъ уѣздѣ, да къ

---

[1]) «Филонъ»—это любимый въ ту пору романсъ.

тому-же и не одну. Онѣ принимаютъ участіе въ конфедераціяхъ, въ совѣщаніяхъ на сеймикахъ, въ съѣздахъ сельскихъ хозяевъ, проникаютъ наконецъ въ трибуналы, въ сеймъ; любезничаютъ нерѣдко съ предводителями союзныхъ армій, тоже ради пользы „застѣнковой“ дипломатіи... однимъ словомъ, верховодничаютъ въ краѣ.

И однако, рядомъ съ этими, на видъ непривлекательными чертами, съ этими проявленіями легкомыслія и распущенности,—простите, не умѣю идеализировать, пишу по источникамъ, на основаніи фактовъ,—часто встрѣчаются прекрасные примѣры и глубокой привязанности, и безграничнаго самопожертвованія, и терпѣнія въ несчастіи,—такомъ великомъ несчастіи, котораго ты, прелестная читательница, и вообразить не можешь,—ты, бѣдное, слабое существо, воспитанное въ нѣгѣ, окруженное роскошью и достаткомъ, или по меньшей мѣрѣ тѣми мелочными удобствами, которыя дѣлаютъ для тебя жизнь пріятною и безъ которыхъ ты не въ состояніи и представить себѣ эту жизнь. Но нѣтъ, прости! погруженный въ воспоминанія о прошломъ, я совершенно забылъ, что и ты, когда полюбишь, когда рѣшишься на жертву,—съумѣешь отречься отъ всего и, выброшенная изъ колеи жизни потрясеніями, съ достоинствомъ сносишь недолю! Челомъ бью тебѣ и твоимъ предшественницамъ, хотя такъ не похожи вы другъ на друга!

Доселѣ вступленіе; теперь начерчу, одинъ за другимъ, нѣсколько типовъ.

АННА ИЗЪ КНЯЗЕЙ СОКОЛЬСКИХЪ

Борзобогатая-Красинская.

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI СТОЛѢТІЯ).

Было то въ началѣ сентября 1565 года.

Въ епископскомъ дворцѣ, во Владимірѣ-Волынскомъ, жилъ панъ Василій Борзобогатый-Красинскій, королевскій секретарь, вмѣстѣ съ женою своею Анною, изъ князей Сокольскихъ, а жилъ тамъ по той простой причинѣ, что его отецъ незадолго передъ этимъ получилъ „отъ господаря“ привиллегію на владимірское епископство и въ то время, съ котораго начинается нашъ разсказъ, находился при королѣ въ Гроднѣ.

Всего только два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ поселилась здѣсь семья епископа; она еще не получила въ свое пользованіе всѣхъ епархіальныхъ имѣній, такъ какъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ тяготѣли давнишнія обязательства, оставшіяся послѣ предшественника Красинскаго, епископа Іосифа.

И вотъ совершенно неожиданно является къ молодому Борзобогатому королевскій посланецъ, Петръ Семенóвичъ, съ грамотой Сигизмунда-Августа, и говоритъ:

— Вотъ грамота „господаря", которою владыка холмскій, Ѳеодосій Лазовскій, назначается епископомъ владимірскимъ; а потому спрашиваю тебя, панъ Василій, угодно-ли тебѣ названное епископство уступить новопоставленному святителю восточной церкви?

Натурально, онъ получилъ отвѣтъ отрицательный. Читатель не мало конечно удивится тому, какъ сталось, что король одинъ и тотъ-же епископскій престолъ отдастъ одновременно двумъ кандидатамъ. Тѣмъ не менѣе это случалось нерѣдко, притомъ вслѣдствіе причинъ, распутать которыя, слѣдуетъ сознаться, мы не умѣемъ съ достаточною полнотою. По мнѣнію Бартошевича, подобныя явленія происходили будто-бы вслѣдствіе неточныхъ справокъ, находившихся въ распоряженіи королевской канцеляріи (*ad malam informationem cancellariae*) [1]... Обыкновенно въ столицѣ и послѣ люблинской уніи немного знали о томъ, что происходило на окраинахъ, а что-жъ до уніи?.. Иногда король давалъ на одинъ случай двѣ привиллегіи, зная хорошо положеніе дѣла, но тогда послѣдняя привиллегія получала значеніе только послѣ того, какъ первая почему-либо теряла свою силу. Кажется, что въ данномъ случаѣ именно было такъ, хотя могли существовать и другія побудительныя причины: нужно знать, что Красинскій тогда не получилъ еще посвященія и оставался свѣтскимъ, а въ то-же время, и уже нѣсколько лѣтъ, на луцко-острожскомъ епископскомъ престолѣ сидѣлъ шляхтичъ Маркъ Журавницкій, который торжественно обѣщалъ, что, принявъ епархію, облечется въ святительскія ризы, но слова не сдержалъ и до конца жизни оставался владыкою, употреблявшимъ вмѣсто рясы —ферязь, вмѣсто креста—саблю. Роптала на это шляхта грече-

---

[1]) Encyklop. powszechna Orgelbranta. T. XVII, стр. 569.

скаго исповѣданія, роптало и кіевское духовенство; быть можетъ, именно эти уклоненія имѣя въ виду, король и склонился на сторону Лазовскаго, который уже издавна священствовалъ.

Послѣ этого краткаго разъясненія, возвратимся опять къ прерванному разсказу.

Василій Красинскій, какъ уже знаемъ, далъ королевскому посланцу отрицательный отвѣтъ, и именно въ такихъ словахъ:

— Пока ты, мости-шляхтичъ, не перешлешь грамоты „господаря" моему отцу, и я не получу отъ него инструкцій, какъ мнѣ быть, до тѣхъ поръ не допущу никого на епископскій престолъ.

Тогда Петръ Семеновичъ заявилъ, что къ насилію прибѣгать не намѣренъ, пригласилъ только вознаго и вмѣстѣ съ нимъ подалъ объявленіе о происшедшемъ во владимірскій гродскій судъ.

Прошло дней десять; молодой Красинскій приготовлялся къ оборонѣ, но какъ для этого средства у него были не большія, то оборона не обѣщала успѣха.

Между тѣмъ новый владыка подступилъ къ городу съ большою вооруженною свитою; онъ привелъ съ собою двѣсти конныхъ и триста человѣкъ пѣхоты, привезъ пушки, орудія для осады и занялъ старостинскій замокъ.

Прежде чѣмъ приступить къ штурму епископіи, Лазовскій еще разъ пытался покончить дѣло миромъ; онъ послалъ къ пану Василію парламентеровъ, а именно: упоминаемаго уже выше Петра Семеновича, холмскаго подсудка Яна Верещинскаго, Яроша Тура и нѣсколько другихъ мѣстныхъ земянъ. Подъ воротами епископскаго дворца произошла встрѣча враждующихъ сторонъ. Красинскій стоялъ на своемъ, требовалъ грамоты „господаря", твердилъ особенно, что безъ отца ничего начать не можетъ.

Тогда Верещинскій вспылилъ и закричалъ:

— Владыка холмскій не станетъ посылать королевской грамоты твоему отцу, или просить у тебя уступки; онъ отберетъ это епископство, какъ свое собственное, а ты за то, что не хочешь добровольно уступить, уплатишь 10,000 копъ грошей штрафа. Пропадете вы оба съ отцемъ, такъ какъ пастырь нашъ будетъ твердо настаивать на взысканіи...

Стороны разошлись, а на другой день начался уже формальный штурмъ. 14 сентября, на разсвѣтѣ раздался звонъ колоколовъ

въ „ляцкомъ костелѣ“, а вслѣдъ за тѣмъ заиграли орудія. Было девять пушекъ у Лазовскаго: четыре подкатили подъ епископскую резиденцію, четыре помѣстили въ старостинскомъ замкѣ и одну на плотинѣ. Ядра направлены были на русскій каѳедральный соборъ и на дворецъ владыки, въ которомъ проживала семья Красинскихъ. При звукѣ выстрѣловъ собралось изъ окрестныхъ селъ до полуторы тысячи простаго народа; подохоченный водкой, онъ тѣмъ смѣлѣе шелъ въ огонь съ гаковницами и рушницами, что осажденные защищались слабо. Это былъ настоящій день страшнаго суда: гулъ выстрѣловъ не прекращался до сумерекъ; всѣ, кто жилъ въ епископской резиденціи, попрятались въ погреба, деревянныя строенія обрушились отъ дѣйствія ядеръ; каменная каѳедральная паперть превратилась въ мусоръ; найболѣе пострадали колокольня и украшавшія святыню разноцвѣтныя окна. Василій потерялъ надежду отбить нападеніе, но, что важнѣе, и храбрая его супруга Анна упала духомъ; первый разъ ей пришлось быть въ боевомъ огнѣ. Рѣшили они съ наступленіемъ темноты ночной уйти изъ замка. И дѣйствительно въ два часа ночи, предъ разсвѣтомъ, они безъ шума ушли верхомъ, безъ свиты и слугъ, и направились къ Соколю, родовому имѣнію князей Сокольскихъ, все свое имущество оставляя въ рукахъ непримиримаго врага.

На другой день утромъ новый владыка съ тріумфомъ въѣзжалъ въ свою столицу и вступалъ на престолъ по ступенямъ, обагреннымъ кровію вѣрныхъ, ибо эта своевольная расправа не обошлась безъ жертвъ: во рвахъ замка лежало нѣсколько труповъ, раненыхъ было вдвое больше; но стоны этихъ послѣднихъ заглушались привѣтственнымъ трезвономъ каѳедральныхъ колоколовъ и благодарственными пѣснями за побѣду надъ врагомъ. Понятно, движимое имущество этого врага стало собственностію тріумфатора.

Красинскій подалъ жалобу королю; поднялся гвалтъ, обыкновенный впрочемъ въ эту эпоху. Уже не въ первый разъ пастыри приступомъ добывали свои епископіи. Въ данномъ случаѣ и Сигизмундъ-Августъ очевидно далъ предпочтеніе Лазовскому; онъ и не винилъ его за насильственный захватъ владимірской каѳедры, а только за разрушеніе святыни и ограбленіе Борзобогатаго. Только въ октябрѣ этого-же года, т. е. мѣсяцъ спустя послѣ описаннаго произшествія, прибылъ на Волынь новый королевскій посланецъ,

Янъ Богухвалъ, въ сопровожденіи луцкаго вознаго и нѣсколькихъ слугъ пострадавшаго, и отправился къ Лазовскому. Прибывшіе застали пастыря въ церкви,—это ободрило ихъ; они смѣло отправились въ храмъ въ увѣренности, что въ его стѣнахъ не встрѣтятъ дурнаго пріема. Но они сильно ошиблись въ разсчетѣ: епископъ Ѳеодосій, узнавъ о непріятномъ посѣщеніи, ускорилъ заутреню и съ посохомъ въ рукѣ выбѣжалъ изъ олтаря; тогда Богухвалъ подалъ ему королевское посланіе, но раздраженный владыка оттолкнулъ его и, бросившись на старшаго изъ слугъ Красинскаго, Ермолая Сѣнницкаго, избилъ его до крови, остальныхъ-же троихъ—Севастіана Осинскаго, Василія Костія и Яна Ястрембскаго повалилъ на земаю, топталъ ногами, метался въ бѣшенствѣ, а подъ конецъ закричалъ:

— „Если-бы сюда явился самъ Красинскій, то я велѣлъ-бы изрубить его въ куски и бросить собакамъ на съѣденіе“!

Обращаясь-же къ Богухвалу, прибавилъ:

— „Я и не думаю являться „на роки“ [1]) не только въ двѣ, но и въ двѣнадцать недѣль; не зачѣмъ мнѣ ѣхать; письмо, которое ты мнѣ показываешь, должно быть поддѣльное, на немъ нѣтъ подписи короля... Уходи-же, чтобъ и тебя не постигло что-нибудь недоброе“...

Этимъ и кончилось дѣло. Могло статься, что Сигизмундъ и не зналъ о сопротивленіи, оказанномъ владыкою, а можетъ быть онъ и зналъ, но молчаливо снесъ обиду; только Лазовскій, не смотря на все безправіе, какое онъ допускалъ, до самой кончины своей, т. е. до 1588 года, возсѣдалъ на владимірской каѳедрѣ.

Все это весьма походитъ на вымыселъ расходившейся фантазіи, и тѣмъ не менѣе все это, отъ начала до конца, истинная правда, даже болѣе,—вполнѣ точная передача содержанія двухъ актовъ, извлеченныхъ изъ книгъ луцкаго гродскаго суда [2]).

Но въ настоящее время намъ нѣтъ дѣла ни до владимірской епархіи, ни до пастыря, распоряжающагося въ ней слишкомъ своевольно; онъ введенъ нами въ разсказъ потому только, что имѣлъ

[1]) Роки—судебные, судебныхъ сессій сроки.

[2]) Акты, относящіеся къ исторіи православной церкви въ юго-западной Россіи. Кіевъ. 1859 г., т. I, ч. 1, стр. 7—15.

столкновеніе съ Красинскимъ, а этотъ послѣдній былъ мужемъ Анны Сокольской, съ похожденіями которой и желаемъ поближе ознакомить нашихъ благосклонныхъ читателей.

Анна, урожденная княжна Сокольская, принадлежала къ обѣднѣвшему и захудалому роду. Сокольскіе вымерли уже въ XVI в.; хотя Несѣцкій утверждаетъ, что въ Литвѣ они превратились въ Сокульскихъ, но намъ кажется это баснью [1]). О волынскихъ предкахъ Анны знаемъ немного. Подъ 1518 годомъ находимъ трехъ князей Сокольскихъ: Андрея, Солтана и Юрія. Двадцать лѣтъ спустя, при описи луцкаго замка, выступаютъ съ этою фамиліею еще двое „земянъ“ [2]), Богданъ и Иванъ, оба изъ Соколя, небольшаго сельца, лежащаго въ окрестностяхъ города Луцка; но они владѣли и въ предѣлахъ замка домами, въ которыхъ содержали большое число прислуги, ибо мѣщане жаловались ревизорамъ, что прислуга Сокольскихъ не исполняетъ городскихъ повинностей [3]). Опять другіе три Сокольскіе подписали люблинскую унію: Максимъ изъ Схолинева, Остафій, подсудокъ земскій луцкій, и Маркъ изъ Соколя [4]). Этотъ послѣдній, сынъ вышеназваннаго Солтана [5]), жилъ во второй половинѣ XVI столѣтія и состоялъ посломъ на избирательномъ сеймѣ 1573 года [6]). Онъ былъ родной братъ Анны и часто пособлялъ ей въ спорахъ съ сосѣдями. Кто былъ матерью нашей героини, намъ совершенно неизвѣстно; не можемъ такъ-же сказать, въ которомъ именно году она сдѣлалась женою Василія Борзобогатого-Красинскаго; одно только вѣрно, что въ періодъ только-что описанной борьбы двухъ владыкъ ей было лѣтъ тридцать съ лишнимъ.

Кто-же были Борзобогатые, въ семью которыхъ вступила Анна? —Въ царствованіе Сигизмунда-Августа они начинаютъ уже преобра-

---

[1]) Korona, VIII, 447.

[2]) Земянинъ—владѣлецъ земельной собственности, что давало ему право голоса на сеймахъ,—помѣщикъ.

[3]) Źródła dziejów. V. Przedmowa. стр. XXXI и 61. Памятники, издаваемые временною коммисіею. IV, 2, 146.

[4]) Postanowienia prowinc. sejmików. Стр. 3, 7. 14.

[5]) Жизнь князя Курбскаго. Кіевъ, 1849 г., I, 41.

[6]) Тамъ же, стр. 49.

жаться по типу польской шляхты и получаютъ гербъ „Jelita“ [1]), но въ то-же время теряютъ имѣнія. Имъ принадлежала Заборольская волость, расположенная въ луцкомъ уѣздѣ; но они принуждены были отдать ее за долги Малинскому, волынскому маршалку [2]). Въ ихъ владѣніи остался только небольшой клочекъ земли, называвшійся Краснымъ, Красинкомъ или Красникомъ; отсюда и стали они называть себя Красинскими. Въ памятный годъ люблинской уніи въ Рыканахъ жили ихъ родичи или однофамильцы [3]).

Янъ Борзобогатый, какъ самъ себя уже по-польски называлъ, сынъ Яцка, русинъ, обѣднѣвши, выпросилъ себѣ у Боны 1548 года луцкое войтовство, но на немъ состоянія не сдѣлалъ [4]), а семью имѣлъ, именно дочь и двухъ сыновей. Дочь сперва вышла замужъ за Добрыльчицкаго, но вскорѣ развелась съ нимъ и вторично вступила въ бракъ съ Александромъ Журавницкимъ, ключникомъ и городничимъ, а впослѣдствіи старостой луцкимъ. Одинъ изъ братьевъ, Петръ, скончался холостякомъ, а второй, по имени Василій, женился на княжнѣ Аннѣ Сокольской. Послѣдняя не принесла въ приданое мужу ничего, или-же весьма мало принесла; она была совсѣмъ бѣдная дѣвушка и развѣ только ея энергія и готовность дѣлить съ мужемъ хорошую и дурную долю могли снискать ей расположеніе семьи Красинскихъ.

Всѣ надежды представителя этой семьи, т. е. отца, сосредоточились теперь на дочери и на сближеніи, за ея посредствомъ, съ домомъ Журавницкихъ, которые пользовались большимъ почетомъ и обладали не малымъ состояніемъ. Имъ принадлежали тогда Журавницы и Жабокрики; правда, эти имѣнія были у нихъ куплены княземъ Богушемъ Корецкимъ за 4,000 копъ литовскихъ грошей, но случилось это уже значительно позже [5]). Отецъ Александра, мужа Красинской, былъ епископомъ луцкимъ и острожскимъ [6]). По истинѣ удивительный то былъ владыка! Съ именемъ только „нареченнаго“,

---

[1]) Niesiecki. II, 257.

[2]) Памятники, изд. врем. ком. III, 2, 174, 187.

[3]) Postanowienia szlach. prow. sejmików. Стр. 14.

[4]) Polska starożytna, II, 825.

[5]) Архивъ юго-западной Россіи. I, 1, 107.

[6]) Script. rerum polonicarum IV. (Ostatnie Stebelskiego prace), стр. 288.

не принимая посвященія, онъ управлялъ епархіей цѣлыхъ десять лѣтъ, вплоть до самой кончины своей [1]). Естественно, о благосостояніи и процвѣтаніи церкви совершенно не заботился, въ обращеніи съ священниками былъ суровъ; иногда занимался съ ними диспутами; непонятливыхъ билъ кіями, и хотя имѣлъ нѣкоторую начитанность въ книгахъ церковныхъ, но святительскихъ ризъ на себя не возлагалъ; не обращая вниманія на частыя напоминанія кіевскаго митрополита и предостереженія короля, жилъ и умеръ шляхтичемъ и велѣлъ даже похоронить себя въ кунтушѣ.

У этого-то Журавницкаго частенько бывалъ въ гостяхъ Янъ Борзобогатый. Прежде ихъ соединяла дружба, теперь—родство. Владыка горячо любилъ своего старшаго сына, а было ихъ у него четыре. Этотъ первенецъ, полагать должно, найболѣе умѣлъ угодить отцу и жилъ при немъ постоянно, когда прочіе искали хлѣба по бѣлу-свѣту. Красинскій въ свою очередь любилъ единственную дочь больше прочихъ дѣтей, и вотъ любовь къ дѣтямъ соединила отцовъ еще болѣе тѣсными узами. Легко могло статься, что Борзобогатый, насмотрѣвшись на полную довольства, панскую жизнь епископа Марка, или, быть можетъ, по его-же совѣту обратился къ королю съ просьбой пожаловать ему владимірскую епархію, которая оставалася вакантною послѣ недавно умершаго Іосифа. Король принялъ просьбу благосклонно, но скоро пожалѣлъ о своей поспѣшности и обратилъ свою милость на другаго; впрочемъ, и это послужило Борзобогатому въ пользу, такъ какъ онъ, въ видѣ удовлетворенія за вышеописанную обиду, получилъ жидичинскую архимандрію (въ декабрѣ 1569, или-же въ январѣ 1570 года) [2])... Онъ ждалъ терпѣливо, дождался смерти Журавницкаго и втиснулся въ Луцкъ, не смотря на соперничество Андрея Русина, владыки пинскаго. На этотъ разъ перевѣсъ оказался на сторонѣ перваго, такъ какъ теперь помогали ему и сыновья, и племянники,

---

[1]) Назначеніе получилъ 10 января 1561 г. (Жизнь кн. Курбскаго, II, 244).

[2]) Script. rer. polon. 1878. (Ostatnie Stebelskiego prace). Въ спискѣ архимандритовъ слѣдуетъ исправить ошибку (стр. 366). Красинскій сдѣлался жидичинскимъ архимандритомъ не въ 1551 г., но въ 1569 г. (можетъ быть, сейчасъ же послѣ подписанія люблинской уніи). Ѳеофанъ Грекъ былъ только *de jure* пять лѣтъ архимандритомъ, но *de-facto* почти не жилъ въ Жидичинѣ: его выгонялъ оттуда Красинскій, а послѣ его смерти Гедеонъ Балабанъ.

и зять—ключникъ и городничій луцкій, уже давно, за плечами только теперь умершаго отца, хозяйничавшій въ имѣніяхъ епархіи. По канонамъ церкви православной, шансы обоихъ владыкъ были одинаковы: оба они были только „нареченными". Красинскій началъ съ того, что удовлетворилъ требованію митрополита Проташевича: принялъ посвященіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и имя Іоны [1]). Все значитъ было въ порядкѣ. Совершена была инсталяція [2]), а послѣ нея и вводъ во владѣніе имѣніями, приписанными къ епископіи. Бѣднякъ шляхтичъ сдѣлался магнатомъ. Но и его также нимало не занимали судьбы церкви, и онъ также доходы съ имуществъ церковныхъ пряталъ въ свой собственный карманъ или раздавалъ дѣтямъ и родственникамъ.

Въ нашихъ рукахъ имѣются доказательства, что эти доходы были значительны. Луцко-острожская епархія по богатству уступала, правда, владимірской, но ее совершенно невозможно сравнивать съ имѣніями, находившимися въ распоряженіи латинскихъ епископовъ, управлявшихъ католическою церковью въ украинскихъ діецезіяхъ. Красинскому принадлежали каѳедральный соборъ въ луцкомъ замкѣ, построенный еще великимъ княземъ Любартомъ, каѳедральная церковь въ Острогѣ, церковь св. Владиміра во Владимірѣ,—всѣ обезпеченные значительными доходными статьями, да сверхъ того четыре мѣстечка и тридцать четыре села, разбросанныя по двумъ смежнымъ уѣздамъ—луцкому и владимірскому.

И чего тутъ недоставало человѣку, хотя бы даже привыкшему къ большимъ удобствамъ? Прекрасная резиденція въ верхнемъ луцкомъ замкѣ, въ которой владыка проводилъ зиму; здѣсь удобно было отсидѣться отъ нападеній и опасностей, здѣсь именно, за замковыми дверями, хранилъ онъ болѣе цѣнныя свои сокровища. Наиболѣе красивымъ дачнымъ мѣстомъ было Ружище, неподалеку отъ города. Еще князь Любартъ, строитель соборной церкви во имя Іоанна Богослова, отписалъ Ружище на содержаніе владыкъ на вѣчныя времена, и возлѣ села бобровые гоны надъ Стыромъ, съ пущами и лѣсами, сверхъ того селенія Жолобовъ, Чуднинъ, Теремецъ, Ры-

[1]) Акты, относящіеся къ исторіи правосл. церкви. Стр. 29.

[2]) Инсталяція—офиціальный актъ опредѣленія на должность.

ловъ-Боръ,—вообще говоря, прекрасный, всѣмъ изобилующій кусокъ земли [1]).

Именно здѣсь поселился новый пастырь, въ обширномъ изъ дерева modrzew дворцѣ; здѣсь была у него домовая церковь, богатая дорогою утварью; здѣсь даже подписалъ онъ актъ люблинской уніи, доставленный ему сюда королевскимъ дворяниномъ Вольскимъ, такъ какъ самъ лично по болѣзни не могъ явиться въ городъ [2]). И одинъ-ли онъ не явился по приглашенію? Чуть-ли не всякій волынскій панокъ ждалъ, пока ему принесутъ этотъ документъ на домъ; несчастный Вольскій рыскалъ по Волыни въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока собралъ эти подписи.—Далѣе, кромѣ Ружищъ съ окрестностями, луцко-острожскому владыкѣ принадлежали еще два оборонительные небольшіе замки, выстроенные въ принадлежащихъ епископіи мѣстечкахъ: одинъ въ Харлупѣ, другой въ Жабчѣ. Первый изъ нихъ, подаренный Свидригайломъ, расположенъ былъ на возвышенности, окруженъ крѣпкою стѣною съ бойницами и, во время перехода его во владѣніе Красинскаго, имѣлъ достаточное количество амуниціи: три литыя и двѣ желѣзныя пушки, въ цехгаузѣ 20 гаковницъ, 56 ружей, порохъ, ядра и пули; селеніяже Покощевъ, Бакоринъ и Новоселка поставляли нужное число способныхъ къ оборонѣ людей. Замокъ въ Жабчѣ высматривалъ еще красивѣе, былъ бо́льшихъ размѣровъ и на случай обороны имѣлъ пять орудій, пятьдесятъ гаковницъ и сто двѣнадцать ружей. Впрочемъ владыка Іона засталъ здѣсь своего зятя Александра Журавницкаго, сына предшественника Красинскаго, засталъ и оставилъ его въ той-же волости безплатнымъ арендаторомъ, прибавивъ ему еще два села: Губинъ и Колодіевъ. Журавницкіе уже привыкли къ владѣнію этою мѣстностью; переходила она отъ дѣда—епископа къ отцу—старостѣ, отъ отца къ сыновьямъ, такъ что одинъ изъ этихъ послѣднихъ, Маркъ, луцкій старостичъ, считалъ ее уже своею собственностію и, когда Кириллъ Терлецкій, сдѣлавшись луцкимъ епископомъ (1585 г.), силою выгналъ оттуда Марка, этотъ послѣдній жаловался на Кирилла въ судъ, какъ на грабителя [3]). Но, пока

[1]) Акты, относящіеся къ исторіи правосл. церкви. Стр. 206.
[2]) Postan. szlach. prowin. sejmików. Стр. 14.
[3]) Акты къ ист. правосл. церкви. Стр. 197.

это случилось, Александръ былъ самовластнымъ господиномъ въ Жабчѣ, какъ и въ родовомъ своемъ Блудовѣ. Такимъ-же точно образомъ найстаршій сынъ Красинскаго, Василій, хозяйничалъ во всѣхъ епархіальныхъ имѣніяхъ, наблюдая одновременно и за доставшимся ему въ наслѣдство Красникомъ.

Такъ сложились отношенія въ луцко-острожской епископіи къ концу 1570 года.

Собственно говоря, ни епископъ Красинскій, ни сынъ его Василій, ни даже зять его, ключникъ и городничій луцкій, не управляли епископіей: всѣмъ распоряжалась здѣсь Борзобогатая, жена Василія, женщина желѣзнаго характера, буйнаго нрава, обладавшая всѣми достоинствами и недостатками свойственными *непрекрасной* половинѣ человѣческаго рода. И дѣйствительно, ничего не было женственнаго въ этой волынской амазонкѣ: заѣзды и тяжбы поглощаютъ все ея время; не хватаетъ у ней свободной минуты на ласки для дѣтей, а потому она возитъ ихъ за собою, они сопутствуютъ ей въ походахъ на сосѣдей и настолько успѣшно воспитываются въ этой школѣ, что, едва достигши юношескаго возраста, помогаютъ матери въ ограбленіи крестьянъ, населяющихъ епископскія земли, участвуютъ въ схваткахъ съ Курбскимъ, Пронскимъ, Бокіями и даже съ княземъ Острожскимъ, который является здѣсь правительственнымъ лицомъ, какъ маршалокъ Волыни и королевскій делегатъ.

Слѣдуетъ признать, что это была незаурядныхъ способностей женщина, ибо она съумѣла сгруппировать вокругъ себя людей вліятельныхъ. Прежде всего она подчинила себѣ мужа. Панъ Василій, обладавшій только однимъ, да къ тому-же безсодержательнымъ титуломъ королевскаго секретаря, былъ надежнымъ и вѣрнымъ въ рукахъ жены орудіемъ. Мужниным отцемъ еще легче было завладѣть: старый, изжившійся, до страсти любившій пирушки и удобства жизни, онъ легко поддавался вліянію каждаго, кто только могъ ему обезпечить все это; Анна заботилась о тестѣ, а потому пользовалась у него большимъ значеніемъ; по ея старанію младшій братъ ея мужа, Петръ, получилъ отъ отца въ безплатную аренду жидичинскую архимандрію, шурину Журавницкому она обезпечила Жабче, и вотъ сторонники уже готовы; если-же сюда прибавимъ

еще нѣсколькихъ родственниковъ, людей чѣмъ либо обязанныхъ, пріятелей, то получится довольно внушительная партія.

Какимъ однако образомъ выработался въ женщинѣ столь несвойственный ея полу характеръ? И на этотъ вопросъ легко найти отвѣтъ, стоитъ только внимательнѣе присмотрѣться къ тогдашнему волынскому обществу, ближе познакомиться съ окружавшей Анну средой. Весьма интересно, хотя и не совсѣмъ пріятно это изслѣдованіе; но такъ какъ безъ него нашъ разсказъ былъ-бы не полонъ, то мы сдѣлаемъ это хотя вкратцѣ, ибо послѣ того намъ легче будетъ понять воинственныя и сутяжническія наклонности Василевой Красинской.

Волынь въ половинѣ XVI столѣтія пользовалась можетъ быть большею свободой, чѣмъ остальныя провинціи Рѣчи-Посполитой; это было какъ бы удѣльное княжество, съ немалымъ числомъ князей, соединенное съ Литвой только слабыми административными узами, зависимое отъ короля лишь на столько, на сколько этотъ послѣдній былъ великимъ княземъ литовскимъ не только *de jure*, но и *de facto*,—слѣдовательно, почти совершенно независимое. Жители этого уголка не знали, что дѣлать со своею свободой: ея было столько, что, на подобіе пѣнистаго напитка, она проливалась черезъ край, а проливаясь нерѣдко переходила въ своеволіе.

Русины по крови и кости, порвавши связь съ давними традиціями, они не успѣли еще приспособиться къ новому порядку жизни; извѣстно, какъ надменно принимали они королевскихъ посланцевъ, какъ пренебрежительно относились къ люстраторамъ, осматривавшимъ замки въ 1545 году, какъ потомъ, значительно позже, послѣ люблинской уніи, могущественный и энергичный Стефанъ Баторій не былъ въ состояніи укротить дерзкаго своеволія нѣкоторыхъ „земянъ“ и даже „земянокъ“ волынскихъ.

И не мало ихъ и было: однихъ княжескихъ родовъ было около тридцати; большинство изъ нихъ уже сходило со сцены, бѣднѣло, но и до могилы не оставляло прежняго высокомѣрія. Пріобрѣтали силу и значеніе: коширскіе и ковельскіе Сангушки, Вишневецкіе, Чарторыжскіе, Заславскіе, Четвертинскіе, Пронскіе, Корецкіе, а надъ всѣми возвышался славный родъ Острожскихъ; по состоянію громаднымъ значеніемъ пользовались вымирающіе Гольшанскіе. Но въ гордости не уступали предъидущимъ и „ходачковые“ князья,

какъ напр.: Порицкіе, Курцевичи, Крокотки, Козики, Ероговицкіе, Дубровицкіе, Воронецкіе, Соколинскіе, Любецкіе, Ружинскіе, Масальскіе, Острожецкіе, Соломерецкіе, Велицкіе, Боремельскіе и Землицкіе. Подлѣ нихъ, на территоріи трехъ волынскихъ замковъ, группировалось сто съ лишнимъ шляхтичей средней руки, въ числѣ которыхъ были и финансовые потентаты, какъ напримѣръ: Загоровскіе, Сенюты, Гойскіе.

О колонизаціи польской шляхты еще не было рѣчи въ это время; королевскіе ревизоры внесли въ списки только одну чистокровную польскую семью, именно Стадицкихъ, поселившихся во владимірскомъ уѣздѣ.

Восточная церковная обрядность господствовала въ полной силѣ; король ей покровительствовалъ, духовенство пользовалось большими преимуществами, а высшіе сановники церкви—громадными имѣніями. Но, вообще говоря, клиръ стоялъ довольно низко: низшіе чины—малограмотные, темные, „омужичившіеся“ (schłopialy), а въ верху—владыки проникнутые болѣе рыцарскимъ, чѣмъ религіознымъ духомъ. А потому справедливо замѣчаетъ Бартошевичъ, что „церковь упала; управлялъ ею, кто хотѣлъ; русскіе паны находящіеся въ ихъ имѣніяхъ монастыри обратили въ староства, о службѣ Божьей не заботились“ [1]). Дошло до того, что эти паны испрашивали себѣ у короля епископства, не получивъ еще посвященія въ духовный санъ; подобный владыка конечно не заботился о поднятіи подвластнаго ему духовенства; напротивъ, темные священники были ему на-руку, такъ какъ ихъ легче было обдирать безнаказанно.

Вотъ почему съ такою легкостью принялось здѣсь новаторство; ему помогалъ индиферентизмъ мѣстныхъ жителей.

При такихъ обстоятельствахъ и общественная и семейная жизнь имѣли видъ далеко не привлекательный. Мы готовы были-бы сказать, что подражаніе западу дало здѣшней женщинѣ слишкомъ много свободы, если-бы у насъ не было доказательствъ, что женщина на Волыни несравненно раньше пользовалась черезъ-чуръ большой свободой; она была окружена почетомъ, чуть-ли не поклоненіемъ, имѣла доступъ на совѣщанія, раболѣпно, съ покорностью ее слу-

---

[1]) Encyklop. powszechna. XV, стр. 963.

шали,—все это въ концѣ концевъ отозвалось ущербомъ на ея нравственной сторонѣ. Отсюда разводъ сдѣлался обыкновеннымъ явленіемъ, что доказываетъ разшатанность семейныхъ основъ. Эти разводы, какъ уже было сказано ранѣе, получались судебнымъ порядкомъ, помимо церкви: неудачно подобранная пара поправляла дѣло въ судѣ; иногда не обращались и къ посредничеству суда: супруги при свидѣтеляхъ выдавали другъ другу акты развода или „роспуста", и тѣмъ кончалось дѣло.

Не думайте, впрочемъ, что это были исключительныя явленія; въ доказательство приведемъ здѣсь нѣсколько такихъ случаевъ, которые имѣли мѣсто въ средѣ, окружавшей Анну Борзобогатую,—чуть-ли не съ ея сверстницами и сосѣдками. Прежде всего нужно упомянуть о Маріи Красинской, родной сестрѣ мужа пани Василевой: вступивъ въ бракъ съ Яцкомъ Стуковичемъ Добрыльчицкимъ, жила она съ нимъ нѣсколько лѣтъ, а можетъ и десятки лѣтъ; у нихъ было уже четверо дѣтей—двѣ дочери и два сына. Но вотъ женщинѣ подвернулся на глаза Александръ Журавницкій; начала капризничать, доходитъ до ссоры, затѣмъ до развода, который и совершился въ 1564 году передъ рѣшеткою луцкаго суда: „поелику Богу угодно было, говорится въ соглашеніи, за грѣхи наши порвать брачныя наши узы, то, преклоняясь предъ волею Божіею, дозволяю пану Яцку жениться, на комъ захочетъ, а я также вольна выйти замужъ по желанію". Сыновей взялъ отецъ, дочери остались при матери, и—дѣлу конецъ. Не забудьте, что этотъ разводъ происходилъ въ семьяхъ владыкъ: владимірскаго Іоны Красинскаго и луцкаго Марка Журавницкаго; обязанностью ихъ было охранять каноны церкви, хотя-бы даже съ ущербомъ для близкихъ имъ, и однако они не только не протестовали противъ новаго союза, но не безъ радости благословили оный [1]). Еще болѣе интересенъ случай съ Василіемъ Загоровскимъ, каштеляномъ брацлавскимъ и городничимъ владимірскимъ: этотъ богатый и образованный панъ женился было на Марусѣ Збараской; имѣлъ отъ нея дѣтей, но не имѣлъ счастья, разошлись поэтому въ силу частнаго „роспуста"; Маруся не искала уже лучшей доли въ новомъ бракѣ, а онъ вторично вступилъ въ

[1]) «Русская Старина», 1880 г., XI, 561. — Жизнь Курбскаго. I. Предисловіе, стр. XVII.

бракъ съ княжною Катериною Чарторижскою, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей. Отецъ попалъ въ руки татаръ, четыре года провелъ въ плѣну и умеръ среди варваровъ въ тоскѣ по родинѣ. Тогда жены заводятъ между собою процессъ объ имуществѣ: одна другой доказывала незаконность брака съ покойникомъ; много шума и соблазна произвелъ этотъ процессъ. По канонамъ церкви право было на сторонѣ Збараской, но духовный судъ, подъ предсѣдательствомъ Ѳеодосія Лазовскаго, тогдашняго владимірскаго епископа, рѣшилъ дѣло въ пользу Чарторижской; впрочемъ, обѣ женщины до смерти называли себя по фамиліи супруга [1]). И съ княземъ Курбскимъ, поселившимся въ ковельскомъ староствѣ, случилась такая-же исторія: женился онъ на Маріи Гольшанской; но скоро супруги разошлись; изгнанникъ вторично пригласилъ къ совмѣстной жизни Александру Сѣмашковну; тогда первая стала ему надоѣдать продолжительнымъ процессомъ, который окончился только со смертью пришельца [2]).

Легкость полученія развода вела за собою деморализацію, и намеки на это проглядываютъ даже въ актахъ тогдашнихъ судовъ, хотя сдѣлки о разводахъ принимались къ записи въ судахъ весьма неохотно. Правда, законъ строго наказывалъ супружескую невѣрность и еще строже распутство женщины, несвязанной таинствомъ брака; но законъ, очевидно, имѣлъ силу лишь для темнаго люда; въ слояхъ высшихъ можно было безнаказанно грѣшить,—деньги и связи обезпечивали снисходительность. Вотъ, для примѣра, хотя-бы даже, только-что упомянутая Марія Гольшанская: трижды возобновляла она супружескія связи—первый разъ съ Монтолтомъ, второй съ Тышкевичемъ-Козинскимъ и третій разъ съ княземъ Курбскимъ; отъ перваго брака имѣла двухъ сыновей, взрослыхъ уже юношей въ ту пору, когда сама съ московскимъ выходцемъ стояла на вѣнчальномъ коврѣ; отъ втораго супружества осталась у нея дочь, въ то время уже замужняя... Пожилая, должно полагать, была женщина; на это указываютъ практиковавшіяся ею набожныя привычки: шагу не дѣлала она изъ дому безъ алтарика, искусно

---

[1]) «Русская Старина», 1880 г., XI, 568.—Акты, относящіеся къ исторіи правосл. церкви. Стр. 165—181.

[2]) Жизнь кн. Курбскаго, I, 234.

вырѣзаннаго изъ кипарисоваго дерева и заключавшаго въ себѣ мощи и изображенія святыхъ угодниковъ; всегда носила съ собой евангеліе въ изящномъ переплетѣ, псалтирь, октоихъ, сборникъ, — словомъ цѣлую духовно-нравственную библіотеку [1]); но, рядомъ съ этими святостями, нашелъ доступъ къ сердцу набожной женщины молодой воспитанникъ ея, Ждапъ Мироновичъ, исправлявшій при ней обязанности секретаря. Вступивъ въ бракъ съ княземъ-выходцемъ, вмѣстѣ съ громаднымъ приданымъ она ввела въ домъ его, какъ особо важную часть инвентаря, и своего фаворита. Можно себѣ представить, какую жизнь уготовила несчастному человѣку; не даромъ онъ жалуется, что судьба его бросила „межъ людей черствыхъ и весьма негостелюбивыхъ“ [2]). Впрочемъ, за этотъ адъ онъ отплачивалъ супругѣ съ наддачей: держалъ ее по восточному обычаю подъ замками, часто пускалъ въ дѣло кулаки... Однако, не могъ одолѣть сыновей своевольной жены, молодыхъ Монтолтовъ: забавлялись они грабежами и разбоемъ, принялись было и за князя; послѣдній вынужденъ былъ выпустить ихъ мать изъ заключенія [3]). А старуха, хотя и припрятывала въ кровати „мѣшечекъ, наполненный пескомъ, конскимъ волосомъ и другими чарами“ [4]), съ цѣлію будто пробудить въ мужѣ расположеніе къ себѣ, никогда однако не забывала Ждана; онъ оставался при ней до конца, закрылъ распутницѣ глаза и заслужилъ признательное упоминаніе въ завѣщаніи вдовы по трехъ мужьяхъ, приславленное записью 200 копъ грошей литовскихъ [5]). И другая жена Курбскаго, Александра Сѣмашковна, по смерти князя, утѣшала себя, выдавая балы, на которыхъ безобразничала съ „товарищами польскихъ хоругвей“, квартировавшихъ въ окрестности Милановицъ [6]). Что ужъ... Анна Зелицинская, урожденная Монтолтъ, созналась публично въ судѣ, что позволила себя увезти (wykraść) прежде рядовому Ковнацкому, а второй разъ гайдуку Андрюшкѣ Маньку... Эта веселая и своевольная женщина утверждала, что ее подговаривали къ этому дво-

[1]) Жизнь кн. Курбскаго, I, 160.
[2]) Жизнь кн. Курбскаго, II, 303.
[3]) L. c. I, предисловіе, стр. XIII. Księga grodzka-łucka, листъ 37.
[4]) L. c. I, 95.
[5]) L. c. I, 274.
[6]) L. c. I, 256.

юродные братья, сыновья княгини Гольшанской; даже болѣе, наивнѣйшимъ образомъ созналась, что хотѣла отравить мужа, подмѣшивая къ его кушаньямъ порошокъ, приготовленный изъ высушенной черной ящерицы... и послѣ всего этого волосъ съ головы ея не палъ... Подумаете конечно, что мужъ заточилъ невѣрную въ монастырь, пожалуй меньше, выгналъ изъ дому?... Совсѣмъ нѣтъ! Приголубилъ ее, обласкалъ, съ покорностію просилъ, чтобы его въ третій разъ не бросала [1]). Наивность, доведенная до крайнихъ предѣловъ! По истинѣ, въ этой плеядѣ распутницъ мужья имѣютъ видъ жертвъ, не возбуждающихъ, впрочемъ, сочувствія къ себѣ...

Если Анна Красинская, постоянно вращаясь въ обществѣ женщинъ, немногимъ отличавшихся отъ веселыхъ виндзорскихъ кумушекъ, не пошла по той-же дорогѣ, за то тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ устремилась по пути сутяжничества и грабительства... кстати и здѣсь она имѣла образцы для подражанія, хотя, къ счастію, не съумѣла поравняться съ ними. Все время хозяйничанья Анны въ луцко-острожской епископіи тянулась ссора между дочерьми князя Гольшанскаго, на столько постоянная, что сдѣлалась общеизвѣстною, и на столько задѣвшая самолюбія людскія, что изъ-за нея забывались нерѣдко обязанности относительно края. Это—весьма интересная, характеризующая эпоху исторія, а потому для полноты картины сообщимъ ее вкратцѣ.

Князь Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій, женатый на Сангушковнѣ, умирая въ 1558 году, громадныя свои имѣнія оставилъ пяти дочерямъ, такъ какъ не было у него мужескаго потомства.

По завѣщанію все имущество раздѣлено было между наслѣдницами по-ровну: Марія получила половину Дубровицы и 11 селъ; Анна, средняя—вторую половину Дубровицы и 17 селеній; остальныя три сестры получили соотвѣтственныя части. Старшая, какъ извѣстно, имѣла трехъ мужей (Монтолта, Тышкевича и Курбскаго), изъ которыхъ первые два надѣлили ее значительными имѣніями; вторая вышла за Олизара Кердея Мыльскаго. На сколько мужъ этой послѣдней былъ спокойнымъ человѣкомъ и покорнѣйшимъ слу-

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго, I, 182—189.

гою своей жены, на столько сама она пылала тщеславіемъ, завистью и жаждою стяжанія. Сестру она никогда не любила и прежде, что-жъ теперь, когда та получала наслѣдство за наслѣдствомъ и хотя не особенно наблюдала за ходомъ хозяйства, но, по особому счастью, наживала несмѣтныя богатства.

Дѣйствительно, болѣе чѣмъ состоятельна по тѣмъ временамъ была Марія, урожденная княжна Гольшанская; для доказательства достаточно привести длинный списокъ драгоцѣнностей, которыя вмѣстѣ съ земельными имѣніями, принесла она третьему своему мужу. Величественный видъ имѣлъ поѣздъ немолодой возлюбленной, когда она переѣзжала въ Милановицы къ мрачному изгнаннику-мужу. Впереди въ коляскѣ, запряженной шестерней, сидѣла сама госпожа, окруженная тридцатью придворными; за ней слѣдовали двѣ небольшія коляски, обитыя внутри лунскимъ [1]) сукномъ, рыдванъ [2]), обитый внутри алымъ сукномъ (шарлахомъ), длинный рядъ возовъ, наполненныхъ драгоцѣнностями: на первомъ находился желѣзный сундукъ, въ которомъ хранились ожерелья, цѣпи, золотыя манели [3]), украшенныя рубинами, алмазами и сапфирами, кольца, серьги и другія украшенія; на второмъ возу—буфетъ (kredens), а въ немъ масса серебрянныхъ, вызолоченныхъ кубковъ различной величины, изящной нюренбергской работы,—кружекъ, поставцевъ, чарокъ и „роструханов", всего пятьдесятъ четыре штуки, ложекъ золоченныхъ и украшенныхъ искусною рѣзьбой четыре дюжины, солонки, тарелки, блюда и т. д. Далѣе, сундукъ съ гербами и документами на отдѣльномъ возу. На слѣдующихъ возахъ: цинковая посуда, выписанная изъ Англіи, погребцы, коробки, ящики съ данцигскими фляшками различной величины; кухня, снабженная всякою посудою и другими принадлежностями, приспособленная ко всѣмъ кулинарнымъ требованіямъ того времени; гардеробъ самой хозяйки и наконецъ возъ со всѣми святостями—алтарикомъ, иконами, молитвенниками и богослужебными книгами; вокругъ этого воза толпилась дворня, преимущественно женская прислуга, состоящая изъ разнаго рода швей. Поѣздъ замыкалъ вооруженный отрядъ гайдуковъ, чисто

[1]) Лунское сукно или лундышъ—обыкновенное, недорогое сукно.

[2]) Рыдванъ—большая, длинная телѣга съ кибиткою.

[3]) Манель—браслетъ.

и красиво одѣтыхъ. Въ колясках, возахъ, подъ всадниками, составлявшими милицію, кони красивые, на подборъ, собственныхъ заводовъ; княгиня любила лошадей и имѣла два конскихъ завода: одинъ въ Дубровицѣ въ 296, другой въ Болтеницѣ въ 252 головы, а въ обоихъ однихъ матокъ было 135, все породистыхъ, славившихся по всей Волыни [1]).

Такія богатства и роскошь возбуждали сильную зависть въ Мыльской, значительно менѣе состоятельной, чѣмъ ея сестра; она и не скрывала своей ненависти къ Маріи, и какъ у нихъ были счеты по дубровицкому имѣнію, находившемуся въ ихъ общемъ владѣніи, то нетрудно было дойти до судебнаго процесса и вооруженнаго, по тому времени, столкновенія; въ томъ и другомъ жена Кердея доказала свою желѣзную настойчивость. Споры по имѣніямъ начались вскорѣ послѣ смерти отца, но только спустя 18 лѣтъ полюбовный судъ рѣшилъ дѣло въ пользу Курбской. Судьями были: Александръ Чарторижскій, волынскій воевода, и Гаврило Бокій Печихвоскій; послѣ тщательной провѣрки счетовъ, они пришли къ заключенію, что Анна Мыльская должна уплатить сестрѣ 3,000 копъ грошей [2]) литовскихъ, а такъ какъ она не въ состояніи была уплатить этой суммы, то присудили Курбской другую половину Дубровицы. Дѣло пошло на утвержденіе короля; тѣмъ временемъ Мыльская вмѣстѣ съ мужемъ понукала заѣздами сестру, а сыновья этой отъ перваго брака, извѣстные нахалы Монтолты, мстя за мать, выдѣлывали теткѣ всякія проказы (figle płatali)...

Дошло до того, что взбѣшенная Анна дѣлала по дорогамъ засады на Курбскую; 1570 года, на челѣ вооруженнаго отряда, она напала на сестру и ограбила ее дочиста, причемъ не обошлось безъ раненыхъ и убитыхъ... Двѣ разъяренныя женщины боролись между собою съ необычайнымъ озлобленіемъ: три сосѣдніе уѣзда— луцкій, владимірскій и пинскій сдѣлались ареною ихъ печальныхъ подвиговъ. Жители съ любопытствомъ смотрѣли на эти довольно многочисленные отряды всадниковъ, снующіе по дорогамъ и бросающіеся въ огонь по мановенію закованной въ сталь женщины:

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго, I, 182—189.

[2]) Копа грошей литовскихъ во второй половинѣ XVI столѣтія составляла цѣнность отъ 3 р. 75 коп. до 3 р. 35 коп.

Мыльская всегда выступала въ походъ въ панцырѣ; бѣдный сельскій людъ покорно сносилъ постои ошалѣлой и безпардонной барыни, выбирала-же она пункты для остановокъ, какъ-бы уполномочена была на это правительственными чинами и какъ будто-бы эта шайка вооруженныхъ людей явилась сюда для защиты страны, а не для защиты личныхъ интересовъ одной только женщины, неумолимой въ гнѣвѣ и до бѣшенства отважной, такъ отважной, что даже внушительный и храбрый конвой князя Курбскаго избѣгалъ встрѣчи съ нею...

Наконецъ Стефанъ Баторій утвердилъ рѣшеніе третейскаго суда и написалъ длинное письмо къ Кердею и его супругѣ, рекомендуя имъ уступчивость и примиреніе. Но не скоры были эти люди на уступки: Кердей, какъ-бы въ отвѣтъ на королевское письмо, подалъ жалобу на Чарторижскаго и Бокія, обвиняя ихъ въ пристрастіи, Мыльская-же попрежнему не переставала понукать сестру. Съ поля бранныхъ подвиговъ дѣло перешло предъ форумъ мѣстныхъ судовъ; жалобъ, исковъ, протестовъ образовался изрядный архивъ; въ регистрѣ, составленномъ княгинею Курбскою, они даютъ солидную цифру, превышающую двѣсти двадцать номеровъ—и все это за одинъ лишь годъ [1]).

Только смерть одной изъ сестеръ положила конецъ соблазнительной ссорѣ.

Итакъ, Анна Красинская имѣла предъ собою примѣръ, а что она была ученицею понятливою, въ этомъ читатель убѣдится, если пожелаетъ дослушать разсказъ нашъ до конца.

И хозяйничать въ епископскихъ имѣніяхъ она легко могла научиться раньше, чѣмъ самой пришлось примѣнять эту науку въ владычествѣ луцко-острожскомъ. Мы знаемъ, что тесть ея сталъ епископомъ владимірскимъ еще въ 1563 г. послѣ смерти Іосифа, который тоже дѣлалъ много злоупотребленій. Покойникъ любилъ Борзобогатыхъ и позволилъ имъ не только проживать въ селахъ, принадлежавшихъ къ епископскимъ имѣніямъ, но и пользоваться доходами съ нихъ, на что даже подавались жалобы королю еще 1551 года [2]). Два года сидѣлъ Красинскій на владимірскомъ престолѣ,

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго. I, 152—156.

[2]) Bartoszewicz. Encyklop. powszechna. XV, 963.

неустанно пируя со шляхтою. Хотя онъ и не былъ богатъ,—любилъ однако удобства, да и семья у него была не малая. На первыхъ порахъ какъ-то не дошло до того, чтобы невѣстка взяла на свои плечи всѣ дѣла по дому. Но когда владыка, возвращаясь однажды изъ Янушполя отъ княгини Елены Острожской, осенью 1563 года, на дорогѣ между Плисовкою и Дедеркалами встрѣтился съ московскимъ выходцемъ, Владиміромъ Заболоцкимъ, и задрался съ нимъ (кажется, оба они были немного подъ хмѣлькомъ), когда разсвирѣпѣвшій бояринъ бросился на владыку, разрубилъ его гайдука, другихъ изранилъ, а сына Василія и племянника Степана взялъ въ плѣнъ, захвативъ при этомъ шкатулку епископа съ 500 таллеровъ и 200 червонцевъ, какъ трофеи побѣды [1]); тогда Анна, видя, что дѣло плохо, что все состояніе тестя въ одно мгновеніе погибло, объявила, что управленіе имѣніями беретъ въ свои руки. Однако-же весьма медленно принималась за приведеніе дѣлъ епископіи въ порядокъ; не успѣла еще оглянуться вокругъ себя, какъ уже епископъ Ѳеодосій Лаговскій выгналъ ее вмѣстѣ съ мужемъ изъ Владиміра.

Пришлось опять возвращаться въ Красникъ, бѣдную, едва хватающую на содержаніе деревушку; тесть проживалъ то въ жидичинскомъ монастырѣ, то у княгини Острожской, то у Збараской, то у владыки Журавницкаго; братъ мужа тоже шатался по свѣту... даже мужъ часто уходилъ изъ дому. Женщина, оставленная самой себѣ, пережила не одну горькую минуту. Сыновья приходили въ возрастъ, а тутъ неначто снарядить ихъ въ свѣтъ; нищета глядитъ въ глаза, а чрезъ межу, какъ-бы для издѣвательства,—узуршаторъ, ибо такимъ въ глазахъ Анны былъ владыка Лазовскій, безнаказанно тянувшій въ свою пользу всѣ доходы епархіальныхъ имѣній... Что онъ грабилъ по дорогамъ „по райтарскому обычаю",—это малость; кто-же въ эту эпоху, особенно на окраинахъ, не отстаивалъ подобнымъ способомъ своихъ правъ? Но ограбленіе церквей своей епархіи онъ первый довелъ до такой степени, онъ первый сталъ выжимать изъ всего доходы съ подобною жадностью. И вотъ, когда старикъ Красинскій, по смерти Марка Журавницкаго, занялъ луцко-острожскую каѳедру, невѣстка сейчасъ-же взяла въ свои руки бразды правленія и въ теченіи пятнадцати лѣтъ была самовластною гос-

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго. II, 243—255.

пожею въ епархіи, подражая во всемъ своему сосѣду и не обращая никакого вниманія на жалобы и протесты духовенства и на королевскія напоминанія.

Сдѣлавшись распорядительницею имѣній епархіи, Анна оглянулась кругомъ. Жабче съ окрестностями, составлявшее треть епископскихъ имѣній, находилось въ безплатной арендѣ у шурина ея, ключника и городничаго луцкаго, Журавницкаго; поэтому пани Василева избрала другое мѣсто жительства, именно Харлупу. И здѣсь плодородная земля, и здѣсь изрядное ея количество, благоустроенныя деревни и много людей; но все это—чужое, рано или поздно, со смертью тестя придется передать его преемнику, а потому она исподоволь принялась за очищеніе харлупскаго замка отъ наиболѣе цѣнныхъ его принадлежностей, какъ цейхгаузъ, пушки, всякаго рода оружіе. А потомъ, когда ея сосѣдъ князь Радзивиллъ, съ цѣлью округленія своихъ владѣній, предложилъ обмѣнъ харлупскихъ имѣній на двѣ деревушки — Фамиличе и Иванчицы, Анна охотно согласилась на это, съ условіемъ, что покупатель исходатайствуетъ королевскую привилегію, подверждающую эту сдѣлку и... передастъ въ руки ея, пани Василевой, 1,500 золотыхъ. И то, и другое было исполнено княземъ: король Генрихъ, „яко подавца, фундаторъ и обронца хлѣба духовнаго", согласился на обоюдное желаніе сторонъ, а епископъ Іона особымъ документомъ скрѣпилъ ихъ договоръ, а какъ подобныя сдѣлки не дѣлались безъ свидѣтелей, то пригласилъ въ свидѣтели повѣтовыхъ чиновниковъ, членовъ собственной многими родственными узами связанной семьи. Первое мѣсто между ними занималъ ключникъ и городничій луцкій, Александръ Журавницкій, зять епископа; второе — мостовничій Иванъ Борзобогатый, племянникъ и сборщикъ „мостового" вмѣстѣ; третье— владимірскій войскій, Василій Гулевичъ, женатый на внучкѣ владыки; наконецъ Маркъ Солтановичъ Сокольскій, родной братъ невѣстки. Происходило это въ 1574 году [1]).

Съ тѣхъ поръ Борзобогатые уже постоянно жили въ Красномъ, неусыпно заботясь объ увеличеніи состоянія; и дѣйствительно,

---

[1]) Акты, относящіеся къ исторіи правосл. церкви. 40 и 209.

вскорѣ пріобрѣли два села: Кольнатычи и Ставровъ [1]). Ихъ дѣла шли хорошо, тѣмъ болѣе, что отецъ, желая прійти въ помощь дѣтямъ, притѣснялъ духовенство, налагалъ на него „значные податки", а когда нѣкоторые изъ священниковъ не хотѣли или не могли исполнить его требованій, преспокойно закрывалъ церкви, въ которыхъ обязанности приходскихъ пастырей исполняли неисправные священники, и до такой степени простеръ свою безцеремонность, что въ 1583 году, въ одномъ Луцкѣ, въ семи церквахъ разомъ прекратилъ богослуженіе [2]). Дѣлалось-ли это съ вѣдома Анны,— доискаться въ актахъ невозможно, хотя не надо забывать, что Іона Красинскій въ это время былъ старцемъ немощнымъ, значитъ, вполнѣ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ семьи.

За-то въ спорѣ съ Курбскимъ главная секретарша съиграла знатную роль, даже болѣе—учинила *баталію* съ Стефаномъ Баторіемъ, разумѣется, только чрезъ „прокурацію" [3]), и изъ этой войны вышла побѣдительницею.

Увы! Изъ лавровъ, вѣнчавшихъ короля-героя, мы принуждены изъять одинъ листикъ, но—историческая правда важнѣе всего.

Князь Курбскій уже издавна тягался съ Красинскими: захватилъ Туличевъ, принадлежавшую имъ деревушку, и не хотѣлъ возвратить, не смотря на письма короля, предписывавшія повиновеніе обязательнымъ въ краѣ законамъ [4]). Теперь въ свою очередь Василій Борзобогатый задѣлъ князя - выходца: поводъ къ ссорѣ, какъ обыкновенно, былъ ничтожный, но распря вышла долгая и горячая.

Дѣло было такъ.

Князь Курбскій въ 1579 году на зовъ короля явился въ обозъ подъ Полоцкомъ съ вооруженнымъ отрядомъ въ сто коней (86 козаковъ и 14 гусаровъ), принималъ участіе въ походѣ, несъ службу боевую цѣлыхъ три мѣсяца; причиталось ему за это денежное вознагражденіе, именно 1,070 золотыхъ польскихъ.

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго, II, 77.

[2]) Акты, относ. къ исторіи правосл. церкви. 162.

[3]) «Przez prokuracyą» — чрезъ успѣшное хожденіе по дѣлу и искусное веденіе онаго въ судахъ, съ помощію изворотовъ, задабриваній, угощеній и т. под.

[4]) Жизнь кн. Курбскаго. I, 39 и 307.

Правительство (stany) предписало сборщику податей на Волыни, чтобы тотъ удовлетворилъ князя, т. е. снялъ со счетовъ слѣдуемый съ князя сборъ, а недостающее доплатилъ наличными изъ суммъ, находящихся въ его распоряженіи. А сборщикомъ на Волыни былъ тотъ самый панъ Борзобогатый-Красинскій; онъ не исполнилъ предписанія и, слѣдуетъ сказать, имѣлъ на этотъ разъ нѣкоторое основаніе.

Панъ Василій неоднократно уже занималъ почетныя должности. Въ былое время, до 1577 года, одинъ сборщикъ податей былъ избираемъ и для Волыни, и для Кіевщины [1]), а съ 1578 года эта обязанность была раздѣлена между двумя изъ „земянъ": послѣдняя досталась Павлу Солтану, а первая мужу энергической Анны [2]). Нужно замѣтить, что каждый сборщикъ находился въ зависимости отъ шафаря [3]), назначеннаго для всей Руси, а былъ имъ въ это время каштелянъ перемышльскій, Станиславъ Дрогоевскій, и сверхъ того, отъ шафаря Малой Польши, гдѣ исполнялъ тогда эту обязанность Андрей Голуховскій [4]).

Сборщики украинскихъ провинцій и деньги, и счеты представляли въ Перемышль. Отправился туда въ 1579 году и Василій; но каково было его удивленіе, когда каштелянъ не принялъ отъ него податей съ Ковельщины, на томъ основаніи, что счетъ ихъ былъ не вѣрный,—на половину меньше того, какъ опредѣлила люстрація [5]).

Ковельщиною межъ тѣмъ владѣлъ князь Андрей Ярославовичъ Курбскій. Красинскій намоталъ это себѣ на усъ. Годъ спустя, когда ему приказано было изъ вознагражденія князю за полоцкій походъ вычесть тотъ-же годичный съ него сборъ, панъ Василій принялъ за основу сумму, опредѣленную люстраціей, а не ту, какую вносилъ доселѣ ковельскій владѣтель.

И вотъ первый шагъ къ недоразумѣніямъ.

— Мнѣ слѣдуетъ столько-то и столько-то доплаты, кричитъ князь.

---

[1]) Volum. leg. II, 180.

[2]) Volum. leg. II, 196.

[3]) Шафарь — правитель, завѣдывавшій финансовой частью.

[4]) Volum. leg. II, 204.

[5]) Люстрація — ревизія.

— Именно нѣтъ, возражаетъ панъ Василій: далеко меньше, ибо ваша милость долженъ болѣе внести, чѣмъ вносилъ доселѣ.

Скиталецъ протестовалъ: тиснулъ письмо къ шафарямъ; тѣ, желая отвратить (zażegnać) бурю,—такъ какъ знали уже, что князь изъ-за нѣсколькихъ сотъ злотыхъ готовъ поднять на ноги всю Рѣчь-Посполитую, дали знать Красинскому, чтобы онъ удовлетворилъ требованіямъ московскаго боярина.

— Частнаго отзыва мнѣ недостаточно, сказалъ волынскій сборщикъ прибывшему къ нему возному; я требую формальнаго „квиту“ отъ пановъ шафарей.

Присланъ былъ и „квитъ“, уже отъ имени короля; но, видно, былъ не въ порядкѣ, потому что Василій его не принялъ.

Когда было сообщено объ этомъ Курбскому, онъ съ огорченнымъ видомъ воскликнулъ: „вотъ уже въ третій разъ посылаю пану Борзобогатому королевскій приказъ и „квиты“ пановъ Дрогоевскаго и пановъ Голуховскаго; но панъ Борзобогатый не обращаетъ на это никакого вниманія, продолжаетъ упорствовать и приводитъ меня къ неизбѣжной потерѣ.

И поспѣшилъ съ жалобою къ Стефану Баторію. Король,—желалъ-ли онъ угодить пришельцу, или выказать предъ нимъ дѣятельность и подвижность судовъ,—самъ занялся этимъ дѣломъ. Сейчасъ-же отправилъ въ Луцкъ люблинскаго стольника, Петра Черниховскаго, съ предписаніемъ предъявить искъ противъ Красинскаго. Сталось по волѣ короля: судъ рѣшилъ спорную сумму взыскать съ имущества сборщика; стольникъ съ вознымъ отправились въ Красное, но подстаростій, завѣдывавшій селомъ отъ лица пани секретарши, не допустилъ исполнить *декрета*...

Непослушаніе и сопротивленіе повлекли за собою непріятныя послѣдствія, именно—внутреннюю (domową) войну. Баторій отдалъ приказъ луцкому старостѣ, князю Пронскому, на челѣ всеобщаго ополченія, составленнаго изъ шляхты подвѣдомственнаго ему уѣзда, отправиться въ имѣнія Василія и удовлетворить требованіямъ справедливости. Королевскій приказъ отданъ былъ 10 октября 1581 года, но только къ концу февраля слѣдующаго года выступилъ отрядъ вооруженныхъ земянъ въ походъ на Красное; предводительствовалъ имъ подстаростій луцкій. Фаланга пресловутыхъ рыцарей остановилась въ окрестности деревушки, на полянкѣ подъ лѣсомъ, а нѣ-

сколько знатнѣйшихъ обывателей отправились ко двору съ вопросомъ: должны-ли они употребить вооруженную силу, или-же добровольно будутъ удовлетворены?

Депутацію приняла Анна Красинская съ гнѣвомъ и запальчивостію. Она объявила, что Красное съ прилегающими къ нему землями составляетъ ея собственность, что она пріобрѣла это имѣніе въ видѣ залога отъ мужа за сумму 1,200 копъ грошей литовскихъ, и вмѣстѣ какъ обезпеченіе приданаго; а потому никто не имѣетъ права въ немъ распоряжаться, „если-жъ кто рѣшится вторгнуться въ ея владѣнія, она сама отобьетъ нападеніе и будетъ защищаться, пока не падетъ".

Шляхта осмотрѣлась кругомъ: морозно на дворѣ, въ теплыхъ бекешахъ они чувствовали холодъ, а воинственная женщина, въ легкой одеждѣ, стоя на совершенно открытомъ крыльцѣ, глядѣла какъ-бы согрѣваемая внутреннимъ пламенемъ; она опиралась на мечъ; въ глубинѣ сѣней виднѣлось нѣсколько хорошо вооруженныхъ надворныхъ шляхтичей; по двору сновало вдвое больше верховыхъ; ничего, значитъ, не оставалось дѣлать депутатамъ, какъ воротиться къ своимъ. Не успѣли они отдать отчетъ, какъ среди ихъ явился панъ Василій Красинскій. Онъ счелъ своею обязанностью объяснить предъ „братьями-земянами" свои резоны и поблагодарить ихъ за вниманіе, оказанное ими его супругѣ; подъ конецъ, представилъ счеты, по которымъ слѣдовало князю Курбскому 420 злотыхъ, и уже вынулъ деньги съ готовностью вручить ихъ противнику. Но въ свитѣ подстаростія находились дворяне ковельскаго владѣльца; они не приняли денегъ, претендуя на сумму значительно большую. Послѣ нѣсколькихъ часовъ пререканій и спора панки (drobiazg) стали разъѣзжаться; послѣднимъ сошелъ со сцены возный. Къ вечеру на полянкѣ воцарилась тишина.

И такъ, посполитое рушенье, собранное со всего уѣзда для усмиренія одного дерзкаго земянина, кончилось ничѣмъ; его остановила женщина, пригрозивъ, что будетъ защищаться до послѣдняго.

Все это однако не повліяло на дальнѣйшій ходъ дѣла.

Къ слѣдуемой князю суммѣ судъ прибавилъ гривны, и въ мартѣ опять выступила новая экспедиція на Красное, требуя съ волынскаго сборщика 920 копъ грошей королевскихъ въ пользу потерпѣвшаго ковельскаго владѣльца. Дошло даже до стычки: панъ

Василій, закованный въ сталь, „какъ будто-бы шелъ противъ непріятеля“, вмѣстѣ съ вооруженной щитомъ и бронею женой, разогналъ нападавшихъ...

Борьба принимала все болѣе и болѣе грозные размѣры; воинственный король разгнѣвался не на шутку: издалъ универсалъ ко всей волынской шляхтѣ, призывая ее къ посполитому рушенью; Луцкъ былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ. Въ августѣ три уѣзда стали подъ ружье, а луцкій, владимірскій и кременецкій старосты приняли начальство надъ этимъ гербовымъ легіономъ.

Василій совѣтовалъ окончить дѣло миромъ, епископъ-отецъ тоже былъ на сторонѣ полюбовной сдѣлки, но Анна и слышать объ этомъ не хотѣла; съ необыкновенною энергіей она начала собирать пріятелей. Не мало ихъ было у Красинскихъ; на призывъ явились съ довольно сильными отрядами: Францишекъ Крушъ, Янъ Игриновскій, Янъ Мнишковскій, два князя Воронецкіе, два Гулевича, Александръ Заборовскій, Федоръ Рудецкій и многіе другіе; а Бѣлявскій и Василій Журавницкій, племянникъ Борзобогатаго, прислали двѣ наемныя роты.

Стычка произошла 11 августа. На разсвѣтѣ сынъ луцкаго епископа раздѣлилъ все сборище на три отряда: во главѣ одного сталъ самъ, защищая проходъ въ Кольнатычи и Ставровъ, двумя другими предводительствовала его супруга, одѣтая въ блестящій панцырь и имѣя при себѣ своихъ юныхъ сыновей, которые развозили ея приказы. Эти два отряда состояли изъ конницы и гайдуковъ и были расположены на долинѣ вблизи дороги къ Красному. Для большаго эффекта, на возвышенномъ мѣстѣ поставлены были орудія, пущены въ дѣло гаковницы. Прежде всего загремѣли пушки: мелкіе волынскіе панки, составлявшіе ополченіе, съ любопытствомъ смотрѣли на женщину, представлявшую изъ себя *Беллу*; но, когда по знаку этой женщины открыли огонь, когда пало нѣсколько раненыхъ, когда ополченцы замѣтили въ колоннахъ пани Василевой готовность перейти въ атаку... тогда, не долго думая, съ позоромъ оставили поле битвы, а по прибытіи въ городъ составили объ этомъ саженный отчетъ! [1])

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго. II, 54—79.

И опять могущественный король, гроза враговъ отечества, не смогъ одолѣть зазнавшагося шляхтича, проигралъ баталію съ бабой, потерпѣлъ пораженіе на поляхъ какого-то Красника, хотя не разъ одерживалъ побѣды надъ болѣе сильнымъ и болѣе могущественнымъ противникомъ.

Пани секретарша торжествовала.

Князь-пришлецъ, имѣвшій столь возвышенное представленіе о „самодержавіи Божіею милостію", испугался человѣка, который далъ столь смѣлый отпоръ самому „господарю", а потому безъ противорѣчій согласился на предъявленныя имъ условія.

Такимъ образомъ, взысканіе нѣсколькихъ сотъ злотыхъ, раздутыхъ въ сумму 920 копъ грошей литовскихъ, стоило заспорившимъ сторонамъ немного крови, немного дыма и значительно болѣе денегъ. Но за-то удовлетворена была фантазія...

И какъ послѣ всего этого не гордиться было шляхтѣ? Вѣдь Анна, дочь бѣдныхъ князей, болѣе имѣла вѣса и силы на окраинѣ, чѣмъ могущественный, сильный и энергическій Стефанъ Баторій! Или вы полагаете, что панъ Василій утратилъ милость короля, что оскорбленное королевское величество лишило его титуловъ, собственности, осудило его на *баницію* [1])? И во снѣ даже не померещилось ему это.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того (6-го октября 1582 г.), онъ опять вступилъ въ подобную-же схватку съ Клодзинскимъ, который имѣлъ противъ него всѣ законныя основанія. И теперь король предписалъ Красинскому уплатить слѣдуемый долгъ; и теперь Красинскій съ оружіемъ въ рукахъ воспротивился королевскому приказанію, запугалъ противника... тотъ отступилъ, умолкъ, а въ столицу послали донесеніе, что справедливость восторжествовала. Никто не протестовалъ и король этимъ удовлетворился [2]).

Борзобогатый преспокойно, въ качествѣ королевскаго секретаря, прожилъ въ своемъ замкѣ до самой кончины, только принужденъ былъ отказаться отъ званія волынскаго сборщика податей; но и это послѣдовало еще до окончанія борьбы съ княземъ Курбскимъ: сеймъ еще въ 1581 году избралъ въ эту должность Михаила Линевскаго [3]).

---

[1]) Баниція—лишеніе покровительства законовъ.
[2]) Книга гродская-луцкая, 1582 г., листъ 1089.
[3]) Volum. leg. II, 218.

Но что сходило съ рукъ въ столкновеніяхъ съ частными лицами, то не такъ легко кончалось въ дѣлахъ общественныхъ, особенно если противною стороною являлся высокопоставленный вельможа.

Въ подтвержденіе того, что мы выше сказали, приведемъ здѣсь одинъ, уже послѣдній, эпизодъ изъ жизни Красинскихъ, который окончился не столь благополучно, какъ всѣ предъидущіе. Его можно озаглавить—борьба за Жидичинскій монастырь. И здѣсь Анна выступаетъ на первый планъ, защищая интересы рода, которые она такъ близко къ сердцу принимала. Должно полагать, необходимость выдвинула ее на первый планъ картины, такъ какъ тесть, уже дряхлый старикъ, позволялъ дѣлать съ собою что угодно, былъ орудіемъ въ рукахъ того, кто хотѣлъ владѣть имъ; мужъ недомогалъ, братъ мужа умеръ недавно, шуринъ—староста луцкій тоже лежалъ въ постели, съ которой не суждено уже было ему подняться; взамѣнъ ихъ внуки владыки энергично помогали старухѣ-матери, безпрекословно повинуясь ея указаніямъ.

Пусть читатель припомнитъ, что послѣ смерти Іоны, жидичинскаго архимандрита, Борзобогатый-Красинскій выпросилъ себѣ у короля осиротѣлую архимандрію. Отправился онъ въ Краковъ, воззвалъ къ сердцу Сигизмунда-Августа, выставилъ ему на видъ свое горькое положеніе—владыки безъ владычества,—и въ концѣ концовъ получилъ разрѣшеніе пользоваться монастырскими доходами до тѣхъ поръ, пока не будетъ издано новое распоряженіе.

Жидичинъ былъ кусочкомъ, которымъ нельзя было брезгать. Хотя и не богатое мѣстечко, но отстоящее отъ Луцка всего только на одну милю, расположенное на возвышенномъ берегу рѣчки Стырь, окруженное лѣсами,—какъ лѣтняя резиденція оно представляло много удовольствія; а близлежащія села: Боржемицы, Боголюбовъ, Саноговъ и Подгайцы доставляли изрядный доходъ, который предназначался на содержаніе архимандрита и нѣсколькихъ монаховъ, состоявшихъ при церкви св. Николая. И церковь эта была доходною статьею,—въ ней находился чудотворный образъ, славившійся уже нѣсколько столѣтій: такъ по словамъ лѣтописи, уже въ 1227 году князь Даніилъ Галицкій совершалъ путешествіе въ Жидичинъ, чтобы поклониться святителю Николаю [1]). Два раза въ годъ со всѣхъ концовъ

[1]) Полное собраніе русск. лѣтописей. II, 167.

волынской земли стекался въ эту пустынь простой народъ и не скупясь приносилъ свою лепту. Красинскій водворился въ архимандріи 1570 года и началъ по-своему хозяйничать. Прежде всего разогналъ монаховъ, оставивши только одного, престарѣлаго и послушнаго его приказаніямъ; въ имѣніяхъ назначилъ подстаростія; о церкви не заботился, все свое вниманіе обращая лишь на то, чтобы получить какъ можно болѣе дохода отъ земли. Сынъ владыки, Петръ, чаще всего проживалъ здѣсь; ему-же принадлежала и большая половина доходовъ.

Настало управленіе Баторія; и тотъ оставилъ Борзобогатаго на архимандріи. Такъ держалось лѣтъ десять; держалось-бы и долѣе, если бы не князь Василій Острожскій, кіевскій воевода, который обратилъ вниманіе короля на поступки Красинскаго. Какъ представитель восточнаго исповѣданія на окраинахъ въ эту эпоху, князь принялъ „русскую вѣру“ подъ особенное свое покровительство: заботился объ изданіи библіи, уговорилъ владимірскаго епископа основать школу, въ которой будущее духовенство получало-бы должное образованіе; только съ однимъ Борзобогатымъ ничего не могъ подѣлать. Этотъ послѣдній лично готовъ былъ сдѣлать нѣкоторыя мелкія уступки, но невѣстка противилась... Отношенія дѣлались натянутыми; старикъ-воевода радѣлъ о храмѣ въ своемъ замкѣ, а владыка распоряжался въ своемъ, тутъ-же въ Острогѣ; подъ конецъ перестали даже видѣться другъ съ другомъ. Раздосадованный князь Василій началъ пробовать счастья въ верху, у трона: обратился къ Баторію, даже кандидата представилъ ему въ лицѣ Ѳеофана, нареченнаго епископа мглинскаго. Ѳеофанъ Грекъ прибылъ съ дальняго востока для наблюденія за точностію перевода печатавшейся иждивеніемъ волынскаго маршалка библіи.

Король милостиво согласился на просьбу русскаго вельможи. — Хорошо, сказалъ, отберите монастырь, если считаете это полезнымъ для вашей церкви.

Жалованная грамота на имя Ѳеофана сейчасъ-же была изготовлена въ королевской канцеляріи, и уже въ маѣ 1580 года луцкій староста получилъ предписаніе ввести Грека во владѣніе архимандріей.

Но издать приказъ и ввести его въ жизнь—это двѣ вещи розныя, особенно-же въ концѣ XVI столѣтія на Волыни. Опять-же,

если трудно было справиться съ епископомъ луцко-острожскимъ, располагавшимъ значительнымъ числомъ пріятелей и безпокойною, готовою къ борьбѣ невѣсткою, то также трудно было мѣряться и съ княземъ Василіемъ. Послѣдній не медлилъ, хотя и соблюлъ освященный обычаемъ порядокъ: одного изъ своихъ придворныхъ послалъ къ владыкѣ Борзобогатому съ вопросомъ, не захочетъ-ли тотъ по своей волѣ очистить Жидичинъ; но, получивъ отрицательный отвѣтъ, во главѣ сильной дружины, составленной главнымъ образомъ изъ плѣнныхъ татаръ, завладѣлъ въ пользу Ѳеофана и монастыремъ и принадлежащими къ нему угодьями. Одного дня достаточно было для окончанія предпріятія: на разсвѣтѣ, въ праздникъ св. апостоловъ Петра и Павла, князь прибылъ къ монастырю, вечеромъ-же управлявшій здѣсь отъ имени Красинскаго подстаростій спѣшилъ въ Ружище съ донесеніемъ своему господину объ этомъ печальномъ происшествіи. Епископъ вступилъ въ пререканія; предъявилъ искъ противъ князя Острожскаго, требуя съ него 8,000 копъ грошей литовскихъ за причиненные имъ убытки, но совершенно проигралъ дѣло, такъ какъ на право завѣдыванія архимандріею не могъ представить королевской привилегіи, которой и вовсе не имѣлъ.

Не выгорѣло дѣло такъ, можетъ быть удастся иначе: до сихъ поръ епископъ дѣйствовалъ самъ одинъ, застигнутый въ расплохъ; теперь на помощь поспѣшила Анна. Раньше она не могла этого сдѣлать, такъ-какъ мужъ, пораженный тяжкою болѣзнью, догоралъ въ Красникѣ; она закрыла ему глаза, отерла слезы, надѣла вдовье платье и вмѣстѣ съ сыномъ явилась на мѣсто опасности.

И вотъ, не взирая на то, что въ ноябрѣ король поручилъ новопоставленнаго архимандрита особому покровительству князя Острожскаго,—вдовствующая секретарша выгнала его изъ Жидичина. Грекъ уступилъ безъ сопротивленія. Цѣннымъ подаркомъ былъ этотъ уголокъ; но инокъ привыкъ бороться только диспутами и побѣждать молитвою, а тутъ женщина, дышащая дикимъ мужествомъ, не вдается съ нимъ въ диспуты, не приклоняетъ уха къ молитвамъ...—бѣжалъ бѣдняга опять къ своему благодѣтелю въ Острогъ. Послѣдній на этотъ разъ ограничился только извѣщеніемъ короля о всемъ случившемся, самъ уже не принимая непосредственнаго участія въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Почему? Это остается

тайною; можетъ быть не хотѣлъ болѣе бороться съ Красинскимъ, или быть можетъ обманулся въ греческомъ выходцѣ.

Епископъ съ невѣсткою и остальнымъ семействомъ поселился въ Жидичинѣ, чтобы защищать его отъ новаго посягательства. Съ этимъ уголкомъ онъ былъ связанъ печальными воспоминаніями: здѣсь онъ потерялъ взрослаго сына Петра, здѣсь похоронилъ жену брата, къ которой питалъ большое почтеніе; не малое число внуковъ, умершихъ еще въ дѣтствѣ, покоилось въ церковныхъ стѣнахъ.

Стефанъ Баторій, узнавши о неповиновеніи Борзобогатаго, сдѣлалъ ему письменно выговоръ, прибавивъ, что до поры до времени будетъ ждать, но наконецъ прикажетъ поступить съ нимъ, какъ съ бунтовщикомъ; въ декабрѣ 1582 года король вновь выдалъ Ѳеофану грамоту на архимандрію [1]), а два мѣсяца спустя приказалъ владыкѣ представить отчетъ о десятилѣтнемъ хозяйничаньи въ Жидичинѣ. Коммисарами по этому дѣлу назначены были волынскій каштелянъ Михаилъ Мышка и луцкій староста Александръ Пронскій [2]).

Но епископъ ничего этого не исполнилъ. Обиженный король прислалъ повѣтовымъ властямъ коротенькій приказъ—выгнать. Однако выгнанный изъ Жидичина владыка вторично туда возвратился...

Стефанъ объявилъ, что развѣ самъ уже лично прибудетъ, чтобы усмирить бунтовщика. Тогда староста князь Пронскій горячо взялся за это дѣло и рѣшилъ не только выжить Красинскаго изъ Жидичина, но въ то-же время лишить его возможности возвратиться туда. Онъ предпринялъ настоящій походъ: кромѣ посполитаго рушенья, составленнаго изъ трехсотъ человѣкъ, собралъ жолнѣровъ изъ роты Сѣнявскаго. Епископъ проигралъ сраженіе: ничего не пособила отвага Анны, постоянно возбуждавшей своихъ воиновъ къ храбрости; они принуждены были оставить поле битвы, гонимые побѣдителемъ. Пронскій обнесъ монастырь палисадомъ, окопалъ глубокимъ рвомъ, оставилъ въ немъ караулъ изъ 100 человѣкъ, а разгулявшіеся солдаты даже бренные останки семейства Красинскихъ вынули изъ могилъ и выбросили за монастырскую стѣну [3]).

---

[1]) Акты, относящіеся къ исторіи правосл. церкви, стр. 157.

[2]) L. c. 159.

[3]) L. c. 189.

Одновременно, въ іюлѣ 1583 года, былъ изданъ новый королевскій актъ, въ силу котораго владыка Борзобогатый и внукъ его Михаилъ Гулевичъ преданы баниціи.

Баторій сдержалъ обѣщаніе. Дѣло приняло серьезный характеръ: стоящій на краю могилы старикъ вдругъ лишился покровительства закона! Прежнихъ помощниковъ не было: сыновья померли; зять, пользовавшійся благосклонностью престола, также покоился въ могилѣ; невѣстка, впрочемъ, подстрекала къ сопротивленію, но владыка уже не внималъ ея совѣтамъ. Измученный, онъ совсѣмъ упалъ духомъ, смирился и просилъ у короля охраннаго листа (gleit) [1]) для себя и родныхъ. Только послѣ долгихъ усилій онъ получилъ его въ февралѣ 1585 года; срокъ *глейта* былъ шестимѣсячный; поводъ—поруганіе святыни, совершенное владыкою надъ церковью св. Николая въ Жидичинѣ, цѣль—соглашеніе съ Ѳеофаномъ Грекомъ, какъ съ стороной въ данномъ случаѣ потерпѣвшей [2]).

Недостало однако епископу Красинскому жизни для полюбовнаго окончанія дѣла, затѣяннаго подъ его именемъ невѣсткою; онъ вскорѣ, кажется, скончался, ибо уже въ сентябрѣ Кириллъ Терлецкій получилъ привиллегію на очистившееся послѣ его смерти луцко-острожское епископство [3]).

Не суждено было и Ѳеофану пользоваться покоемъ въ Жидичинѣ: въ августѣ изгналъ его оттуда Гедеонъ Балабанъ, галицкій и львовскій владыка. Грекъ жаловался, протестовалъ, но напрасно [4]).

Новопоставленный преемникъ Борзобогатаго не легко вступилъ во владѣніе входившими въ составъ епископіи имѣніями. Прежде всего ему пришлось выдержать борьбу съ Маркомъ Журавницкимъ, луцкимъ старостичемъ, по поводу Жабча съ окрестностями; внукъ двухъ епископовъ считалъ уже эти имѣнія своею собственностью и даже возбудилъ противъ Терлецкаго судебный искъ [5]).

Что-же Анна? Не хотѣлось-бы досказывать..., она не забыла о себѣ, да еще какъ не забыла! Въ имѣніяхъ луцко-острожскаго

---

[1]) Глейтъ—королевскій охранный листъ, выдававшійся на срокъ, до заглажденія вины, тѣмъ, которые были осуждены на баницію.

[2]) Акты къ исторіи прав. церкви. Стр. 191.

[3]) L. c., стр. 195.

[4]) L. c., 193.

[5]) L. c., 197.

епископства оставаться она не могла, за то сейчасъ-же послѣ смерти отца опустошила эти имѣнія по татарски. Помогали ей въ этомъ два взрослые ея сына: Константинъ и Василій; помогали сосѣди: князь Янушъ Збаражскій, брацлавскій воевода, и князь Любецкій изъ Козина, помогали тѣмъ, что укрывали въ своихъ имѣніяхъ награбленное имущество. Сознаніе святости церковной собственности было совершенно потеряно; на принадлежащее русской церкви имущество смотрѣли, какъ на доходную аренду, удерживаемую на основаніи королевской привилегіи. Перечитывая отчетъ Николая Рокицкаго, командированнаго королемъ на Волынь для повѣрки имуществъ луцко-острожскаго епископства, приходится удивляться хищнической предупредительности Анны Красинской. Убивалась она, по видимому, надъ умирающимъ отцемъ и тотчасъ послѣ его смерти приступила къ грабежу. Прежде всего опорожнила сундуки, въ которыхъ хранилось церковное имущество, и заурядъ съ золотымъ крестомъ, стоимостію въ 1000 червонцевъ, дорогими епископскими облаченіями, церковными книгами, красовавшимися искусною и дорого стоившею оправою, не забыла о грамотахъ на духовныя имѣнія, объ изящно граненомъ изумрудѣ, украшавшемъ икону Богоматери въ Ружищѣ, за который она получила 600 таллеровъ, выславъ его для продажи въ Данцигъ. Пошли за тѣмъ кухонная посуда, зерновой хлѣбъ, живой инвентарь...

И если-бы только этимъ удовольствовалась! Но нѣтъ, она не пощадила и *кметей*; королевскій коморникъ составилъ длинный перечень обидъ, заявленныхъ мѣстными крестьянами: тотъ требовалъ коня, этотъ корову, иной козу или нѣсколько куръ [1]), и такъ безъ конца. И, знать, было это въ обыденномъ порядкѣ, потому что никто не удивлялся такимъ насиліямъ; напротивъ, въ глазахъ окружавшихъ вдову это придавало ей извѣстную честь.

Анна отправилась въ Красникъ, чтобы тамъ провести остальную свою жизнь; ея пѣсня была спѣта: пережила она близкихъ своихъ, остались только сыновья; на нихъ и обратила свою заботу и любовь.

Впрочемъ, ея сыновья не пріобрѣли себѣ особой извѣстности и болѣе не упоминаются; со смертію дѣда они вмѣстѣ съ матерью схо-

---

[1]) Акты, относящ. къ исторіи правосл. церкви. 204—212.

дятъ со сцены. Волынь перестаетъ интересоваться ими и они теряются въ расплодившейся массѣ другихъ шляхтичей.

Мы не доискались года смерти Анны; впрочемъ это для насъ имѣетъ второстепенное значеніе. Мы убѣждены, что послѣдніе дни своей жизни она провела покойно, подъ кровомъ хорошо обстроеннаго ея предпріимчивостію двора; сосѣди чтили въ ней женщину, способную помочь себѣ въ бѣдѣ, умѣющую пользоваться благопріятными обстоятельствами; ея энергія и дерзкая отвага не удивляли современниковъ: украинскія женщины этой эпохи на столько-же были воинственны, какъ и мужчины, и подобно послѣднимъ были грубаго нрава. Мягкость нравовъ, повторяемъ, является вмѣстѣ съ западною цивилизаціей. Идеалъ женщины, столь распространенный у насъ въ XVIII вѣкѣ, образовался подъ вліяніемъ татарскихъ набѣговъ, плѣна на дальнемъ востокѣ, а прежде всего, какъ послѣдствіе козацкихъ волненій. Несчастія и смутное теченіе судьбы покрыли пятнами бѣлую одежду ангела-хранителя домашняго очага; не сразу украинская женщина стала на пьедесталъ: прежде нужно было выковать его изъ жертвъ и безграничнаго самозабвенія, а выковавши—обмыть слезами любви и преданности...

Аннѣ Красинской чужды были нѣжныя чувства, какъ чужды онѣ были и другимъ современнымъ ей украинскимъ женщинамъ; многое безнаказанно сходило ей съ рукъ, ибо при видѣ успѣха люди оказываютъ, да и прежде оказывали снисходительность... задача-же историка нравовъ данной эпохи—показывать правду, правду прежде всего.

(Продолженіе будетъ).

Четыре письма Евгенія, митрополита кіевскаго, къ архимандриту Мелетію, ректору кіевской академіи *).

1.

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ и ректоръ!
Возлюбленный о Христѣ братъ!

Братское письмо ваше отъ 22 февраля я получилъ и усердно вамъ за оное благодарю, равно и за увѣдомленіе. Прошу и впредь увѣдомлять почаще—не рапортами, а письмами по просту; только на пакетахъ надписывайте: *репорты*, подъ академическою печатью.

Пріѣхавъ сюда 13 февраля, я двѣ недѣли дожидался представленія государю, потому что первую недѣлю онъ пробылъ въ Царскомъ Селѣ, а другую дворъ дожидался ежедневно разрѣшенія вел. княгини. 1-го марта потребовалъ онъ меня вечеромъ и милостиво бесѣдовалъ со мною 1½ часа. Послѣ сего вступилъ я въ должности по синоду и по комиссіи духовныхъ училищъ, но особыхъ дѣлъ еще не имѣю.

---

*) Письма эти препровождены намъ священникомъ г. Купянска, о. Іоанномъ Левандовскимъ, при слѣдующемъ его письмѣ:

Милостивый государь,
г. Редакторъ!

Разбирая бумаги, оставшіяся послѣ смерти тестя моего, протоіерея купянскаго покровскаго собора и смотрителя купянскаго духовнаго училища, воспитанника кіевской духовной академіи (выпуска 1825 года), Петра Алексѣевича Протопопова († 1871 г., іюня 29 дня), я нашелъ между ними связку писемъ, числомъ 20, къ Мелетію, бывшему архимандриту и ректору кіевской духовной академіи, впослѣдствіи викарію кіевскому и епископу иркутскому, скончавшемуся архіепископомъ харьковскимъ 29 февраля 1840 года. Въ числѣ сихъ писемъ—9 отъ Евгенія, митрополита кіевскаго (8 писемъ 1825 г. и одно письмо 1828 г.), 6 отъ Евгенія, архіепископа сперва псковскаго, а потомъ тобольскаго (1824, 1828 и 1829 г.), одно отъ Григорія, епископа ревельскаго (1824 г.), одно отъ Моисея,

По представленію вашему о Евгеніѣ [1]), думаю, будетъ сходно рѣшено съ вами. Діаконъ пусть подастъ просьбу преосвященному викарію, а дикастерія со справкою и черновымъ доношеніемъ св. синоду пришлетъ ко мнѣ. Дѣло кажется удобное. Дипломъ Лелявскому пришлите ко мнѣ. Иларій, кажется, рѣхнулся умомъ и потеряетъ всю службу. Но въ коммиссіи не слыхалъ я еще о немъ доклада.

Въ доказательство моей приверженности и доброжелательства къ вамъ увѣдомляю, что я до свиданія еще съ государемъ и до засѣданія въ синодѣ представилъ уже васъ къ ордену св. Анны 2-го класса. Св. синодъ уважилъ же и уже послалъ къ государю представленія. Можетъ быть къ Пасхѣ поздравлю васъ, естьли государь до отъѣзда успѣетъ прочитать, ибо съ фоминой недѣли ѣдетъ въ Варшаву на сеймъ и возвратится въ началѣ уже іюня.

Но съ другой стороны, къ прискорбію моему, открылъ я здѣсь шилонскую [2]) переписку вашихъ академиковъ. Одинъ изъ нихъ, по нашей рекомендаціи въ 1823 г. произведенный, дерзко и злобно писалъ

епископа старорусскаго (1824 г.), одно отъ Е. Лебедева (1826 г.), одно отъ Филарета, митрополита московскаго (1828 г.) и одно письмо отъ Филарета, архіепископа казанскаго (1829 г.). Когда и какимъ образомъ письма эти достались въ руки П. А. Протопопова, объяснить не могу; я даже никогда о нихъ и не слыхалъ отъ него, хотя, повидимому, и были поводы къ этому, такъ-какъ онъ весьма часто и съ особенною любовію и признательностію вспоминалъ о бывшемъ своемъ начальникѣ въ академіи и въ епархіи, преосвященнѣйшемъ Мелетіи, котораго милостями и расположеніемъ всегда пользовался.

Полагая, что нѣкоторыя изъ этихъ писемъ небезполезны, какъ матеріалъ для исторіи кіевской духовной академіи, а всѣ—для біографіи преосвященнаго Мелетія, глубоко чтимаго въ харьковской епархіи, какъ мужа святаго, имѣю честь препроводить вамъ при этомъ, милостивый государь, въ копіи, съ соблюденіемъ орѳографіи подлинниковъ, четыре письма къ Мелетію Евгенія, митрополита кіевскаго, писанныя изъ С.-Петербурга, для напечатанія въ издаваемомъ вами журналѣ. Прошу принять увѣреніе» и проч.

Приносимъ искреннюю нашу признательность достопочтенному о. Левандовскому за сообщеніе этихъ интересныхъ писемъ знаменитаго нашего митрополита, надѣясь, что намъ не будетъ отказано въ полученіи и остальныхъ того-же іерарха писемъ, а равно и другихъ, пригодныхъ для біографіи пр. Мелетія.—Ред.

[1]) Бывшій впослѣдствіи архіепископомъ астраханскимъ.

[2]) Это слово въ подлинникѣ написано чрезвычайно неразборчиво, почему въ правильности передачи его я не увѣренъ.

сюда. Вы узнаете виноватаго по глазамъ. Это отдоенное на матерь свою... Сплетни его и небывалыя лжи повредятъ больше ему, нежели мнѣ. Учите сихъ ребятишекъ незрѣлыхъ благонравію и скромности.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, есмь съ почтеніемъ доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній М. К.

7 марта, 1825 г.

2.

Получ. 24 мая.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Репортъ вашъ отъ 29 апрѣля съ планами и смѣтами я получилъ, и все сіе теперь же возвращаю съ отвѣтомъ на всѣ пункты вашего письма.

Предписанія комисскія въ протоколахъ подписаны были и мною. Не смотря на то, продолжайте перечнемъ увѣдомлять меня о полученіи оныхъ.

Воронежская семинарія другой разъ уже самовольствомъ своимъ въ постройкахъ едва-ли нынѣ получитъ другое снисхожденіе, ибо въ коммисіи протоколомъ ей уже запрещено.

Объ удѣленіи бывшему библіотекарю Евгенію изъ жалованья за вычетомъ, поелику отъ коммиссіи не предписано, да и отъ васъ прежде промолчано, то лучше вновь представить, или ему самому прислать прозбу. Вы даже не привели въ ясность и того, на сколько суммы недочету на немъ, и какихъ именно книгъ. Это не значитъ попеченіе о казенномъ.

Іеромонахъ Владиміръ [1]) пусть идетъ, куда ему угодно. Онъ въ Лаврѣ безполезенъ, лѣнивъ, *гордъ,* но требуетъ всего наравнѣ съ служащими и нуждающимися. А по болѣзни своей скоро и въ Орлѣ негодится и паки навяжется въ Лавру на тунеядство, а о смотрительствѣ его въ Орлѣ представьте особый журналъ. Охотно утвержу. Можетъ быть исправится.

Хорошо сдѣлаете, естьли дублеты изъ библіотеки удѣлите семинаріи. Но отецъ ректоръ Кириллъ и мнѣ не присылаетъ копіи ката-

---

[1]) Мусатовъ—кончилъ жизнь въ состояніи помѣшательства. Былъ въ 30-хъ годахъ смотрителемъ богуславскаго духовнаго училища, помѣшался отъ гордости!...

лога книгъ, мною сданныхъ въ семинарскую библіотеку, да и вамъ должно бы представить каталогъ сей коммисіи для показанія моего пожертвованія.

Планъ и фасадъ иконостаса въ вашу большую церковь я утвердилъ и возвращаю при семъ съ планомъ и теплой церкви. Въ верхнемъ этажѣ быть ей не удобно, ибо старикамъ всходить въ оную зимою трудно, да и тѣсно будетъ для народа, а придѣламъ вовсе негдѣ тамъ помѣститься. Въ нижнемъ этажѣ лучше [1]), и церковь сія съ пристройками украситъ весь корпусъ. Въ верхнемъ этажѣ можетъ остаться семинарская библіотека, для трапезы же много мѣста въ смѣжныхъ пристройкахъ. Нѣтъ нужды спѣшить въ одно лѣто отдѣлывать сію церковь; довольно нынѣ отдѣлать ее вѣчернѣ.

На побужденіе полиціи, по наущенію магистрата, къ сломкѣ и постройкѣ вашей ограды къ площади, отвѣтствуйте ссылкою на указъ св. синода отъ 23 февраля сего года, въ дикастерію отосланный; возьмите копію, изъ коей увидите, что дѣло идетъ о постройкѣ лавочекъ въ оградѣ, а не о простой оградѣ, и гражданское правительство обязано представить онымъ планъ. А о планѣ хорошемъ попросите архитектора. Но дѣло сіе пойдетъ еще на годъ и до разсмотрѣнія министерства внутренняго полиція принудить васъ не можетъ. А я здѣсь настою. Между тѣмъ теплую церковь вѣчернѣ отдѣлаете.

Кровлю на братскомъ корпусѣ окрасить можете и безъ доклада.

Еще получилъ я отъ бывшаго вашего учителя Гловацкаго прозьбу о пенсіонѣ. Скажите ему, что коммисія уже рѣшила по прежней его прозьбѣ и перерѣшать не будетъ. А о пенсіонахъ дѣло еще и не рѣшено, но оно касается только до новыхъ профессоровъ.

Кажется на всѣ статьи письма вашего теперь я отвѣчалъ.

Доклады наши отъ государя и о сю пору еще не возвращены. А ждутъ и возвращенія его скорѣе назначеннаго срока.

Желая вамъ найлучшаго успѣха въ дѣлахъ и призывая на васъ благословеніе Божіе, есть всегда доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній, м. кіевскій.

12 мая, 1825 г.

---

[1]) Она и устроена была въ нижнемъ этажѣ и соединена съ верхнимъ, съ добавкою боковыхъ пристроекъ, въ 1848—9 году; въ верхнемъ этажѣ помѣща-

Я нашелъ въ синодской архивѣ полное дѣло о кіевской академіи, со всѣми древними и новѣйшими грамматами. Теперь у меня его списываютъ. Справьтесь, пожалуйста, какія у васъ есть грамматы и документы академическіе; а едвали въ пожаръ 1811 г. не сгорѣли они всѣ. Въ синодскомъ дѣлѣ нашелъ я и духовное завѣщаніе Петра Могилы на польскомъ языкѣ. Въ Кіевѣ не могъ я нигдѣ отыскать его. Это любопытный актъ.

3.

Получ. 11 іюля.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!
Возлюбленный о Христѣ братъ!

Возвращаю вамъ росписаніе порядка вашихъ экзаменовъ; оканчивайте благополучно.

Естьли ваши студенты предложеніемъ коммисіи о представленіи диссертацій, какъ вы пишете, приведены въ уныніе, то это ясное доказательство слабости ихъ въ приготовленіи себя достойными служенія нашей церкви; а естьли трудны имъ кажутся предметы, относящіеся собственно къ православной нашей церкви, то въ этомъ виноваты вы, при преподаваніи имъ общихъ богословскихъ лекцій не показывавшіе имъ источниковъ сихъ нашей церкви предметовъ. Естьли бы вы давно дали имъ въ руки весьма многія уже въ нашей церкви, на защиту ея написанныя, книги, то они давно были бы къ сему и готовы. Но у нашихъ школяровъ давно обычай заглядывать только въ иностранныхъ богослововъ, а не въ своихъ. Естьли бы имъ извѣстны были напримѣръ книги: Камень вѣры Стефана Яворскаго, Пращица Питиримова, Розыскъ Димитріевъ и весьма многія сочиненія, на раскольниковъ изданныя, то бы не отговаривались они трудностію въ предметахъ Россійской церкви. Невскіе студенты воспользовались уже всѣми сими источниками, и мы слышали уже прекрасныя диссертаціи ихъ о почитаніи святыхъ, о постѣ, о крестѣ, о мощахъ святыхъ и проч. Вотъ это то надобно твердить нашимъ православнымъ. Вы не поняли задачи коммисской. Когда

лась сначала библіотека семинаріи, не имѣвшей еще отдѣльнаго помѣщенія, а потомъ окончившіе курсъ студенты академіи, до распредѣленія по мѣстамъ, что также было не удобно.

поймутъ ее и въ семинаріяхъ, то являться будутъ и оттуда студенты, готовые къ полученію усовершенія своего на достоинства пастырскія нашей церкви, а не *всеобщей*, для которой доселѣ вы воспитывали студентовъ. Пріѣзжающихъ же въ академію для полученія только академическихъ степеней безъ достоинства къ онымъ, естьли и мало будетъ, то не вредно ни академіямъ, ни церкви. Стыдно и давать степени недостойнымъ. Публика уже видитъ такихъ, и надобно будетъ придумать дѣло полезное нашей церкви и тѣмъ, кои уже возведены на степени и получили пенсіоны не для тунеядства.

Призывая на васъ и труды ваши благословеніе Божіе, есмь доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній, м. к.

1 іюля, 1825 г.

Для ректорства своего и вы должны приготовить какой нибудь Specimen (ученый трудъ).

4.

Получ. августа 5-го.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!
Возлюбленный о Христѣ братъ!

Двѣ бумаги ваши отъ 12 и 15 іюля получилъ я и на одну отвѣчаю, а другую возвращаю. Комисскія бумаги пойдутъ своимъ чередомъ. Жаль, что преосвященный викарій не кончилъ экзаменовъ, и вы останетесь безъ рекомендаціи. А я послалъ ему и образецъ моего донесенія о первыхъ экзаменахъ, по коимъ академики получили и награжденіе.

При слушаніи донесенія вашего объ увольняемыхъ профессорахъ не забуду вступиться и за вашихъ питомцевъ [1]). Щастье и для васъ, что я здѣсь. А прежніе временщики замышляли даже уничтожить кіевскую академію и обратить въ семинарію, дабы свѣтъ истекалъ только отселѣ и изъ Москвы!!! Но сего стыда не открывайте никому. Homo proponit, Deus disponit.

Здѣшняя академія напечатала уже 2 тома своихъ проповѣдей, не представлявши коммисіи. Слѣдовательно и вы можете тоже сдѣлать. Но, пожалуйте, хорошенько выправьте.

---

[1]) Это была какая-то крупная катастрофа въ академіи, доселѣ еще не выясненная.

При нынѣшнемъ окончаніи курса не худо бы вамъ пожаловать нѣкоторыхъ членами своей академіи, напримѣръ владыкъ казанскаго, астраханскаго, тверскаго, ярославскаго, смоленскаго, курскаго, екатеринославскаго и—довольно пока.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, есмь доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній, м. кіевскій.

25 іюля, 1825 г.

Сообщ. свящ. **І. Левандовскій.**

Прошеніе малороссійскаго шляхетства и старшинъ, вмѣстѣ съ гетманомъ, о возстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи, поданное Екатеринѣ II-й въ 1764 году.

Настоящее прошеніе обязательно сообщено намъ достоуважаемымъ профессоромъ университета св. Владиміра, А. Ѳ. Кистяковскимъ, а имъ получено въ современной копіи изъ архива бывшаго малороссійскаго гунернатора, князя Н. Г. Репнина. Въ немъ есть цифровые пропуски, указывающія на то, что, быть можетъ, это черновая прошенія, или первоначальный его проэктъ.

Это прошеніе стоитъ въ тѣсной связи съ помѣщенною въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» на 1882 г. рѣчью неизвѣстнаго малороссійскаго оратора, произнесенною на какомъ-то собраніи малороссійскихъ чиновъ. Въ объясненіи, которое предпослано нами этой рѣчи, мы относили ее къ 50-мъ годамъ XVIII ст., т. е. къ началу гетманства Разумовскаго, такъ какъ на это время есть прямое указаніе въ рѣчи. Было-ли послѣ этой рѣчи и собранія, на которомъ она произнесена, составлено и подано прошеніе, сходное съ настоящимъ, или малороссійская шляхта послѣ многихъ только лѣтъ рѣшилась на представленіе давно задуманнаго проэкта,—сказать трудно; но, въ виду точной даты помѣщаемаго теперь прошенія и большаго сходства его въ общихъ положеніяхъ съ рѣчью, мы склонны и самую рѣчь отнести къ болѣе позднему времени.

Говоримъ, что рѣчь и просьба въ общихъ положеніяхъ сходны и разнятся лишь по частнѣйшей ихъ обработкѣ, которая, какъ само собою понятно, въ прошеніи сдѣлана подробнѣе и обстоятельнѣе. И въ общемъ и въ частностяхъ прошеніе представляетъ собою весьма важный и поучительный историческій документъ, рисующій намъ въ одной картинѣ легальное и фактическое положеніе Малороссіи въ союзѣ съ Польшею и Россіею: оно то подверждаетъ извѣстныя уже историческія данныя, то дополняетъ ихъ новыми неизвѣстными свѣдѣніями. Пресловутыя права и вольности, которыми надѣляли польскіе короли южную Русь, о которыхъ воздыхаетъ и которыхъ возврата желаетъ малороссійское шляхетство, привели однако къ тому, что народъ возсталъ, какъ одинъ человѣкъ, противъ своихъ бла-

тодѣтелей и порвалъ всякую связь съ Польшею. Подтвержденіе этихъ правъ и вольностей царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и его преемниками не дѣлаетъ страны счастливою. Продолжительная война съ Польшею, внутреннія междоусобія въ Малороссіи, взаимныя недоразумѣнія двухъ объединившихся послѣ долгаго разрыва половинъ Россіи, тяжело отзывающіяся на положеніи слабѣйшей, отдача западной Малороссіи во власть Польши и связанный съ нею длинный рядъ народныхъ возстаній, перешедшій наконецъ въ хроническое волненіе, съ другой стороны военная опека въ восточной Малороссіи и участіе ея въ войнахъ шведской и турецкихъ, въ связи съ огромными военными наборами, постояннымъ квартированіемъ русскихъ войскъ на счетъ мѣстнаго населенія, приниженіемъ козачьяго сословія и ограниченіями его самоуправленія, которыя вызваны были злоупотребленіями козачей старшины, долгое время держали обѣ части южной Россіи въ состояніи крайняго напряженія, непрерывной тревоги, какого-то судорожнаго оцѣпенѣнія, не давали и восточной ея половинѣ, сравнительно болѣе счастливой, даже короткаго промежутка времени для внутренней работы надъ устройствомъ и развитіемъ гражданскаго порядка и общественныхъ отношеній, сообразно новому политическому ея положенію. Составители настоящаго прошенія, эти представители гетманщины, не могутъ, какъ видно, возвыситься надъ общимъ ходомъ событій въ исторіи своей родины, не могутъ понять роковой необходимости переживаемаго ею неустройства и приписываютъ все зло то ограниченіямъ ихъ шляхетскихъ правъ и вольностей, то случайностямъ, въ родѣ тягостей войны, неудачной колонизаціи южныхъ степей, водворенія въ Полтавщинѣ грузинскихъ выходцевъ и т. под Они не додумались до какого-нибудь новаго идеала гражданскаго строя въ органической связи съ новымъ ихъ отечествомъ, мечтаютъ о своей обособленности, о возвращеніи прежняго, исторіею осужденнаго и разрушеннаго строя. Ихъ идеалы—старопольскіе, старошляхетскіе; ихъ стремленія и интересы—исключительные, сословные, своекорыстные. О положеніи массы, о благѣ народа они не заикаются и, если хлопочутъ о законахъ, судахъ, комерціи, просвѣщеніи и проч., то только въ интересахъ своего тѣснаго круга. Малороссійская шляхта не стала выше шляхты польской, равно московскаго боярства и замѣнявшаго ее дворянства. Въ этомъ всенародномъ, по видимому, заявленіи нуждъ и желаній нѣтъ ничего народнаго; мнимые представители народа хлопочутъ только о себѣ, а народъ обзываютъ именемъ мужика, добиваются прикрѣпленія его къ ихъ землямъ и сами подготовляютъ то закрѣпощеніе, которое только освящено закономъ 1783 г. Но, и помимо черносошной массы, какъ мало они просятъ для другихъ, все таки привилегированныхъ, классовъ и какъ искусно добиваются водворенія ненавистныхъ народу жидовъ!... Понятно, что такія исключительныя домогательства малороссійской шляхты не были удовлетворены даже тогдашнимъ, однородно настроеннымъ русскимъ правительствомъ, а напротивъ послужили поводомъ къ уничтоженію гетманства и введенію края въ общій строй русской жизни; съ теченіемъ времени выработавшій иныя гражданскія понятія и отношенія.

Очертивъ общій духъ и характеръ прошенія малороссійской шляхты и ея гетмана, за любопытными его подробностями отсылаемъ читателей къ самому документу.—*Ред.*

ПО ТИТУЛѢ.

Восшествіе вашего императорскаго величества на всероссійскій императорскій престолъ вѣрноподданный малороссійскій народъ почитая за особливый промыслъ Божій къ возстановленію какъ общаго всея Россіи, такъ и собственнаго своего благополучія, съ дерзновеніемъ приступаетъ къ престолу вашего императорскаго величества, и тѣмъ благонадежнѣе въ просьбахъ и нуждахъ своихъ помилованъ быть уповаетъ, чѣмъ найсовершеннѣе увѣренъ, что вмѣстѣ съ вашимъ императорскимъ величествомъ царствуетъ правосудіе и милость. Сто лѣтъ уже прошло, всемилостивѣйшая государыня, какъ малороссійскій народъ, будучи въ прежнихъ вѣкахъ чрезъ поляковъ и литву разными случаями отторгнутъ отъ соединенія съ Россіею, имѣлъ съ ними во всемъ равенство и пользовался тѣми-жъ, что они, вольностями, правами и преимуществами; а напослѣдокъ озлобленъ и огорченъ многими неправдами чрезъ нарушеніе вѣры, правъ и вольностей своихъ, послѣ многолѣтней кровопролитной войны и многихъ славныхъ надъ ними полученныхъ побѣдъ, иго ихъ съ себя сверглъ и подъ предводительствомъ славнаго своего гетмана, а моего антецессора Зиновія Богдана Хмельницкаго, презря всѣхъ, которые его ласкали, постороннихъ государей протекціи, не по нуждѣ какой, но по доброму соизволенію и избранію, ради единовѣрія, пришелъ подъ высокодержавную руку блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя, царя и великаго князя Алексія Михайловича, самодержца всероссійскаго, и тѣмъ не токмо всю Малую Россію къ всероссійской Имперіи присоединилъ, но не малое участіе имѣлъ въ завоеваніи отъ поляковъ великаго княжества смоленскаго, не упоминая о другихъ чрезъ сіе присоединеніе всероссійской Имперіи принесенныхъ пользахъ. Сіе добровольное подданство учинилъ онъ на договорахъ, въ которыхъ такъ, какъ и въ жалованныхъ своихъ всѣмъ малороссійскимъ чинамъ, а именно: гетману и войску запорожскому, шляхетству, духовному чину и мѣщанству грамотахъ, его царское величество всемилостивѣйше обнадежилъ и подтвердилъ не токмо содержать и сохранять малороссійскій

народъ на всѣхъ тѣхъ правахъ, обыкновеніяхъ, привилегіяхъ, вольностяхъ и преимуществахъ, на которыхъ оной былъ подъ королями польскими и великими князьями литовскими, но и большими наградить и пожаловать обѣщалъ. Оные договоры отъ времени до времени при постановленіи каждаго гетмана поновляемы и подтверждаемы были, а большій всѣхъ и твердѣйшій залогъ монаршей къ малороссійскому народу милости остался блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго; ибо его величество публикованными въ народѣ малороссійскомъ ноября 6 дня 1708 и февраля 3-го 1709 годовъ, за подписаніемъ собственныя своея руки, манифестами, упомянувъ то, что никоторый подъ солнцемъ народъ такими свободами, привилегіями и легкостію хвалиться не можетъ, какъ, по его императорскаго величества милости, малороссійской, и что его императорское величество ни единаго пѣнязя въ казну свою брать съ онаго не велитъ, всемилостивѣйше обнадежилъ, какъ до того времени содержалъ оный при правахъ и вольностяхъ ненарушимо, такъ и впредь все то свято содержать, что при принятіи онаго въ подданство обѣщано его величества государемъ родителемъ. Таковыя предковъ вашего императорскаго величества милости чувствуя, малороссійской народъ служилъ имъ вѣрно и радѣтельно и не токмо ни на какія прелести поляковъ, которые ихъ по прежнему въ свое соединеніе привесть старались, не склонился, и нѣкоторыхъ изъ своихъ гетмановъ, которые то сдѣлать покушались, не послушалъ; но еще какъ противъ помянутыхъ поляковъ, такъ и противъ всѣхъ россійскаго государства непріятелей, не щадя имѣнія и живота своего, храбро и мужественно ополчался, о чемъ многія и славнѣйшія отъ предковъ вашего императорскаго величества, а особливо отъ государя императора Петра Великаго имѣетъ засвидѣтельствованія; но за нѣсколько предъ симъ лѣтъ помянутыя права, обыкновенія, привилегіи, вольности и самыя договорныя статьи какъ слабою малороссійскому народу стали быть защитою, то ваше императорское величество усмотрѣть изволите, всемилостивѣйше выслушавъ, хотя не всѣ, но токмо важнѣйшія просьбы и нужды наши, которыя я, гетманъ, съ старшиною, шляхетствомъ, войскомъ и народомъ малороссійскимъ предлагаю въ слѣдующихъ пунктахъ и, обще съ ними припадая къ стопамъ вашего императорскаго величества, прошу на оныя всемилостивѣйшей резолюціи.

1.

О вольностяхъ малороссійскихъ вообще.—Прежде всего всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ подтвердить всѣ прежнія права, обыкновенія, привилегіи, вольности и преимущества, данныя и утвержденныя отъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, и отъ предковъ вашего императорскаго величества, всероссійскихъ государей, а особливо государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, во время подданства гетмана Богдана Хмельницкаго, малороссійскому гетману, шляхетству, духовному чину, войску, мѣщанству и всему народу, чтобъ оныя въ вѣчныя времена содержимы и сохраняемы были безъ всякаго нарушенія, и въ такомъ точно разумѣніи и силѣ, какъ оныя написаны и заключены, чтобъ какъ всѣ генерально, такъ и каждый партикулярно своими правами, обыкновеніями, вольностями и преимуществами пользоваться, оныхъ во всѣхъ случаяхъ употреблять и тѣми себя охранять могли.

2.

О чинахъ малороссійской старшины противъ великороссійскихъ.—Въ бытность Малыя Россіи подъ Польшею, кромѣ другихъ преимуществъ, имѣлъ малороссійской народъ во всѣхъ чинахъ и достоинствахъ совершенное равенство съ коронными и литовскими чиновниками, такъ что и въ самыя первѣйшія достоинства воеводскія и каштелянскія, которыя всегда соединены съ достоинствомъ сенаторскимъ, малороссійское шляхетство допущаемо было. Сіе доказывается какъ всѣми исторіями польскими и малороссійскими, такъ и особливыми сеймовыми установленіями и привилегіями при короляхъ Владиславѣ Ягеллонѣ въ 1433 г., при Сигизмундѣ первомъ въ 1507 г. и при Сигизмундѣ-Августѣ, во время присоединенія княженія кіевскаго къ коронѣ польской въ 1569 годахъ, и при другихъ многихъ короляхъ состоявшимися, въ которыхъ точно изъясняется, что малороссійское шляхетство тѣми-жъ правами, вольностями и преимуществами пользоваться имѣютъ, коими и коронное, и присовокупляются къ коронѣ польской, какъ равные къ равнымъ и вольные къ вольнымъ.

А послѣ подданства Малыя Россіи предки вашего императорскаго величества малороссійской народъ всегда отмѣнно отъ другихъ подъ

державою россійскою состоящихъ народовъ почитали: ибо гетманы всегда наравнѣ считались съ первыми классами, какъ то явствуетъ изъ пожалованія гетмана Брюховецкаго въ бояре, который чинъ былъ первый въ Россіи, а полковники жалуемы были въ стольники. По заведеніи-же въ Россіи государемъ императоромъ Петромъ Великимъ регулярства уставлены совсѣмъ другіе чины и по генеральной 1721 года табели о рангахъ всѣмъ какъ придворнымъ, такъ и гражданскимъ чинамъ велѣно считаться противъ воинскихъ; о малороссійскомъ-же гетманѣ, генеральной старшинѣ, полковникахъ и прочихъ чиновникахъ въ той табели ничего не упомянуто, почему великороссійскіе чиновники, а особливо военнослужащіе малороссійскую старшину презираютъ и во всякихъ случающихся коммисіяхъ и нарядахъ и самыхъ низкихъ чиновъ офицеры за право почитаютъ, чтобъ преимущество брать надъ знатною малороссійскою старшиною за то только одно, что нѣтъ никакого положенія, какъ имъ считаться съ великороссійскими чинами. И хотя о уравненіи всей малороссійской старшины классами съ великороссійскими чинами, какъ прежде моего гетманства, такъ и отъ меня гетмана поданы всеподданнѣйшія прошенія, однако на оныя всемилостивѣйшей вашего императорскаго величества не послѣдовало резолюціи; одному токмо мнѣ гетману, состоявшимся іюля 24 дня 1750 года указомъ, велѣно считаться по старшинству съ генералъ-фельдмаршалами. Всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ, какъ мнѣ и впредь по мнѣ будущимъ гетманамъ подтвердить вышепомянутый 1750 года указъ, такъ и всѣ малороссійскіе воинскіе и штатскіе чины уравнить классами противъ воинскихъ великороссійскихъ чиновъ, чтобъ служа вашему императорскому величеству малороссійская старшина, по большей части изъ своего имѣнія и безъ жалованья, хотя однимъ симъ въ чинахъ уравненіемъ пользовались и презираемы быть не могли, въ чемъ мы на матернее вашего императорскаго величества милосердіе полагаемъ всю надежду.

3.

О возвращеніи малороссійскому шляхетству взятыхъ земель и имѣній.—Имѣнія и земли малороссійскаго шляхетства и другихъ чиновъ не меньше охранены правами и привилегіями, какъ и дру-

гія вольности и преимущества, въ оныхъ обѣщано сохранять ихъ въ вѣчныя времена безъ нарушенія и отмѣны при ихъ наслѣдныхъ, выслуженныхъ и другими образы пріобрѣтенныхъ имѣніяхъ и земляхъ и оныхъ никогда и никакими образы не отнимать и другому никому, кольми же паче иностраннымъ и прихожимъ людямъ не отдавать, а отданныя возвращать. Въ прошедшихъ же давнихъ годахъ на малороссійскихъ земляхъ насильно поселились слободскихъ полковъ жители и выстроили мѣстечка и деревни, какъ-то Коломакъ, Рублевъ и прочія, о чемъ хотя отъ гетмановъ Самойловича и Мазепы учинены куда надлежитъ представленія и коммиссіи назначены были, на которыхъ со стороны Малыя Россіи старинною межою доказано было, что то малороссійскія земли; однако оныя и до сего времени при слободскихъ полкахъ остаются, а городъ Котельва съ уѣздомъ, принадлежавшій издревле къ полку гадяцкому, отлученъ уже при гетманѣ Скоропадскомъ къ тѣмъ-же слободскимъ полкамъ и за его промолчаніемъ отысканъ, о присоединеніи котораго къ вѣдомству малороссійскому и гетманъ Апостолъ въ пунктахъ своихъ домагался. Такимъ же образомъ въ полкахъ Стародубовскомъ и Чернѣговскомъ на земляхъ, малороссійскому шляхетству принадлежащихъ, поселились изъ великороссійскихъ городовъ мужиковъ раскольники, и хотя указами 9 дня 1714 и марта 10 дня 1715 годовъ велѣно было вывесть ихъ въ Великую Россіи и крѣпостныхъ отдать по крѣпостямъ ихъ помѣщикамъ, а прочихъ селить въ бѣлогородской губерніи на пустыхъ земляхъ, однако оные раскольники не выведены. но, по докладу бывшаго кіевскаго губернатора князя Голицына, и по состоявшейся на ономъ февраля 18-го дня 1715 года государя императора Петра Великаго собственноручной резолюціи велѣно обложить ихъ въ окладъ, а чтобъ ихъ изъ владѣнія помѣщиковъ выключить, о томъ нигдѣ и никакого указа не имѣется, не смотря на то кіевская губернская канцелярія обложивъ помянутыхъ раскольниковъ взяла въ свое вѣденіе, а помѣщиковъ къ владѣнію допущать не стала, чѣмъ они лишены наслѣдныхъ своихъ и выслуженыхъ земель. Въ 1731 году отошли у шляхетства и прочихъ малороссійскихъ чиновъ многія деревни, земли и прочія угодія какъ наслѣдныя, такъ жалованныя и другими правильными образы пріобрѣтенныя подъ строеніе украинской линіи и на поселеніе при оной однодворцовъ. Въ 1752 году взяты весьма

обширныя и пространныя земли и отданы подъ поселеніе Новой Сербіи, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежатъ малороссійскому шляхетству и козакамъ по грамотамъ и крѣпостямъ, а прочія отъ самыхъ древнихъ временъ низовымъ запорожскимъ козакамъ, что доказывается имѣющимися у малороссійскихъ помѣщиковъ жалованными грамотами и крѣпостьми, трактатомъ вѣчнаго міра, заключеннымъ съ Польшею въ 68 году, и пунктами гетмана Мазепы, въ которыхъ между прочимъ по 20 пункту всѣ пустыя мѣста и земли около Днѣпра велѣно населить малороссійскими жителями, для удержанія отъ набѣговъ и утѣсненія крымскихъ татаръ, въ силу котораго, такожъ присланныхъ изъ бывшаго кабинета въ 1741 и изъ правительствующаго сената въ 1744 годахъ указовъ, и началъ было малороссійскій народъ по той сторонѣ Днѣпра слободами на оныхъ земляхъ селиться и принадлежалъ къ малороссійскому вѣдомству и общія съ малороссіянами несъ подати, въ.... году и тѣ слободы изъ малороссійскаго вѣдомства исключены и отданы подъ вѣдомство каменданторъ крѣпости святыя Елисаветы и, хотя о таковомъ помянутыхъ земель и имѣній отобраніи учинены, куда надлежало, отъ меня гетмана въ разныхъ годахъ представленія, однако по онымъ возвращенія не воспослѣдовало. Всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ: 1) какъ объ отшедшихъ въ давнія годы къ слободскимъ полкамъ малороссійскихъ земляхъ, такъ и о назначеніи генеральной малороссійской межи указать учредить особливую коммиссію, на такомъ основаніи, какъ оная въ.... году учреждена была, и есть ли по слѣдствію сыщется, что помянутыя мѣстечка и деревни поселились на малороссійскихъ земляхъ, то какъ оныя, такъ и городъ Котельву съ уѣздомъ приписать къ малороссійскому вѣдомству. 2) Раскольниковъ, поселившихся на земляхъ малороссійскаго шляхетства, отдать въ подданство тѣхъ земель помѣщикамъ, чтобъ они по примѣру другихъ малороссійскихъ мужиковъ помѣщичьи работы исправляли, а притомъ бы и положенный на нихъ окладъ въ кіевскую Губерскую канцелярію, а есть ли сего за чемъ либо невозможно, то вывести ихъ всѣхъ въ Великую Россію на прежнія ихъ жилища по силѣ прежнихъ указовъ. 3) Указать отдать всѣ взятыя подъ линію и поселеніе однодворцовъ малороссійскаго шляхетства и прочихъ чиновъ земли, ибо, по мнѣнію инженеровъ, линію на другія способнѣйшія и къ закрытію почти всѣхъ

вашего императорскаго величества границъ лучше служащія мѣста перенесть можно. 4) Такимъ-же образомъ отдать всѣ взятыя подъ поселеніе Новой Сербіи земли, а поселившійся на оныхъ не одной сербской и прочихъ дозволенныхъ, но и зо всѣхъ націй збродной и весьма многочисленной народъ перевесть для жительства на другія внутрь Имперіи вашего императорскаго величества находящіяся пустыя и выгодныя мѣста, чѣмъ можно ихъ удержать и отъ побѣговъ, которыя они чинятъ, взявъ прежде довольное изъ казны вашего императорскаго величества жалованье, а малороссійской народъ, а особливо военно-служащихъ козаковъ сохранить при ихъ земляхъ и имѣніяхъ. 5) Новонаселившіеся изъ малороссійскаго народа слободы присоединить къ Малой Россіи, о чемъ они и сами вашего императорскаго величества въ правительствующемъ сенатѣ просили, и позволить имъ и впредь населяться выходящимъ изъ Польши малороссійскимъ народомъ и запорожскими козаками, которые жениться пожелаютъ.

4(2).

О вольномъ избраніи гетмана.—Хотя договорными гетмана Богдана Хмельницкаго статьями, какъ скоро гетманъ умретъ, вольное малороссійскому народу избраніе другаго гетмана дозволено, а вашему императорскому величеству извѣщать о томъ велѣно, и тожъ самое всѣхъ другихъ гетмановъ статьями подтверждено; но понеже противное тому случилось послѣ смерти гетмановъ Скоропадскаго и Апостола, а между тѣмъ введены были новые уряды гетманскаго правленія, съ вольностями и прежними малороссійскаго народа обыкновеніями несходныя, того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ подтвердить вновь вышепомянутыя прежнихъ гетмановъ статьи, чтобъ, когда волею Божіею гетману нашему смерть случится, вольно было намъ тогожъ времени, по древнему обыкновенію нашему, избрать новаго гетмана, и чтобъ помянутый новоизбранный гетманъ на томъ своемъ урядѣ отъ вашего императорскаго величества подтвержденъ былъ во всемъ противъ того, какъ гетманъ Богданъ Хмельницкій при принятіи своемъ въ подданство всероссійскихъ монарховъ.

3.

О судахъ и о трибуналѣ.—По правамъ малороссійскимъ положены подкоморскіе, то-есть межевые, земскіе и градскіе суда, которыхъ всѣхъ порядокъ дѣла и должности описаны въ книгѣ Статутѣ и въ установленіяхъ сеймовыхъ, сверхъ того во время пребыванія Малыя Россіи подъ королями польскими для апеляціи на вышеписанные суды, имѣла она главнѣйшій свой судъ, называемый трибуналъ, который отправлялся въ городѣ Люблинѣ и на который изъ всѣхъ своихъ воеводствъ, земель и повѣтовъ избирала и отправляла депутатовъ изъ шляхетства. Въ пунктахъ-же гетмана Богдана Хмельницкаго и въ привилегіи, данной малороссійскому шляхетству, хотя тѣ земскіе и градскіе суда подтверждены, и велѣно имъ остаться на прежнемъ основаніи, а шляхетству вольное межъ себя на уряды земскіе и градскіе избраніе дозволено, однако нынѣ въ Малой Россіи тѣхъ судовъ нѣтъ, но всѣ межевыя, земскія и градскія дѣла стали быть вѣдомы въ полковыхъ и сотенныхъ канцеляріяхъ, отъ полковниковъ, сотниковъ и прочихъ старшинъ, вмѣсто-же трибунала учрежденъ войсковый генеральный судъ не на такомъ основаніи, какъ въ правахъ предписано, и хотя по правамъ нашимъ къ градскимъ дѣламъ можно опредѣлять и изъ воинскихъ старшинъ; однако сіи дѣла совсѣмъ другія учрежденія и порядки свои имѣютъ, нежели воинскія, и слѣдовательно съ оными мѣшаться никогда не должны; земскія-же дѣла, яко требующія совершеннаго знанія и употребленія правъ, особливыхъ своихъ судей, выбранныхъ изъ шляхетства, имѣть должны; а отъ таковаго вышепомянутыхъ судовъ уничтоженія произошло и происходитъ въ Малой Россіи немалое въ дѣлахъ и порядкахъ малороссійскаго народа замѣшательство, ибо тѣ войсковые старшины, будучи больше заобыкновенны къ воинскимъ дѣламъ, въ земскихъ дѣлахъ надлежащаго народу удовольствія и правосудія дѣлать, а при томъ и своей воинской должности по надлежащему исправлять не могутъ, и сіе было причиною, что помянутые старшины въ прежнія времена земскія и градскія такъ, какъ и воинскія дѣла, на словахъ производили и рѣшали по своему произволенію, а книги, въ которыхъ заключаются малороссійскія права, весьма рѣдко и то развѣ отъ ученыхъ судей употребляемы были. По сей причинѣ принужденъ былъ я гетманъ вашему императорскому величеству представить объ учрежденіи

въ Малой Россіи подкоморыхъ, на что и высочайшее вашего императорскаго величества получилъ повелѣніе, въ силу котораго оные подкоморые нынѣ въ Малой Россіи учреждаются; но, понеже подкоморскіе суда всегдашній союзъ и сношеніе имѣть должны съ судами земскими и градскими и быть подъ апеляціею трибунала, того ради о учрежденія тѣхъ земскихъ и градскихъ судовъ нынѣ въ Малой Россіи распоряженія чинятся. Вашего-же императорскаго величества всеподданнѣйше просимъ всемилостивѣйше подтвердить, чтобъ какъ тѣ земскія и градскія суда, такъ и малороссійской трибуналъ учреждены были на основаніи правъ и привилегій нашихъ и опредѣляемыя въ тѣ суда и трибуналъ чиновники избираемы были вольными голосами изъ шляхетства, но понеже отъ онаго трибунала, по силѣ правъ нашихъ, никуды апеляція не должна быть, кромѣ къ вашему императорскому величеству, и то только въ такихъ криминальныхъ дѣлахъ, гдѣ о потеряніи чести и жизни дѣло идетъ, того ради предаемъ на высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе, куда отъ онаго трибунала не токмо по показаннымъ въ правахъ нашихъ дѣламъ, но и по всѣмъ прочимъ имѣть апеляцію указать соизволите.

4.

О генеральной радѣ.—Вышеписанный трибуналъ и суда по силѣ правъ должны во всемъ поступать по точности законовъ и рѣшить тѣ дѣла, которыя имъ во оныхъ предписаны, а по вновь случающимся дѣламъ никакихъ рѣшеній издавать и новыхъ установленій дѣлать не могутъ; но такія новыя дѣла рѣшены и установленія узаконяемы были во время польскаго владѣнія сперва на сеймикахъ нашихъ, а потомъ подтверждаемы были на главныхъ сеймахъ общимъ короля и всей республики согласіемъ. Послѣ-же подданства Малыя Россіи подъ россійскую державу на генеральныхъ гетмана и всѣхъ малороссійскихъ чиновъ радахъ, на которыя собирались обыкновенно къ новому году, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда нужда потребуетъ, какъ то явствуетъ изъ пунктовъ, данныхъ прежнимъ гетманамъ, и другихъ документовъ; почему и нынѣ всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ дозволить намъ одиножды въ годъ въ такое время, которое мы къ тому за способное изберемъ и поставимъ, а въ чрезвычайныхъ слу-

чаяхъ, когда нужда потребуетъ, имѣть сеймы или генеральныя рады, какъ для общихъ нашихъ постановленій и дѣлъ, такъ и для совѣтовъ въ нуждахъ малороссійскаго народа случающихся къ вашему императорскому величеству, на которыхъ сеймахъ или радахъ всѣ таковыя новыя постановленія и дѣла должны заключаемы и рѣшены быть по большинству голосовъ, но силы и дѣйствія своего до того времени имѣть не должны, пока гетманъ и прочіе малороссійскіе чины не представятъ вашему императорскому величеству чрезъ своихъ депутатовъ и не испросятъ на оныя всемилостивѣйшей конфирмаціи.

5.

О недачѣ иностраннымъ людямъ деревенъ и чиновъ въ Малой Россіи и о выводѣ грузинцовъ.—По праву малороссійскому книги статута раздѣла 3, артикула 12 и по пунктамъ прежнихъ гетмановъ никто изъ иностранныхъ и прихожихъ людей не имѣетъ никакого права къ произведенію въ чины и къ награжденію деревнями и землями, но всѣ таковые авантажи должны получать природные знатные и заслуженные малороссійскіе люди; отъ нѣсколькихъ-же уже лѣтъ производятся въ Малой Россіи въ чины и награждаются деревнями иностранные пришельцы и заграничные люди, незнающіе ни правъ, ни обыкновеній малороссійскихъ и никакихъ услугъ въ Малой Россіи не показавшіе, какъ-то сербы, греки, волохи и прочіе, а особливо по указу 1739 года розданы грузинцамъ городы, мѣстечка и деревни болѣе пяти тысячъ дворовъ, и хотя именнымъ указомъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни императорицы Елисаветы Петровны 1742 года, на докладъ правительствующаго сената состоявшимся, оныхъ грузинцовъ вывесть велѣно, однако и до сихъ поръ не выведены, а нынѣ и сами оные грузинцы поданнымъ мнѣ гетману доношеніемъ просятъ о представительствѣ къ вашему императорскому величеству, чтобъ они выведены изъ Малой, а напротивъ того награждены были въ Великой Россіи.—Всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ, какъ оныхъ грузинцовъ нынѣ изъ Малой Россіи вывесть, такъ и впредь иностранныхъ и заграничныхъ людей какъ деревнями и землями, такъ и чинами не награждать, кромѣ такихъ, которые, поселясь въ Малой Россіи, знатныя вашего императорскаго величества заслуги

покажутъ, и въ томъ отъ гетмана и старшины рекомендованы будутъ; но чтобъ всѣ таковыя награжденія и авантажи оставались навсегда при природныхъ малороссіянахъ.

6.

О вольностяхъ духовнаго чина.—Духовный чинъ въ Малой Россіи почти во всемъ равными правами, привилегіями и преимуществами пользуется, что и шляхетство, которые оному и отъ предковъ вашего императорскаго величества во время подданства и послѣ того, какъ договорными статьями, такъ и особливыми подтверждены грамотами. Между-же прочими имѣлъ онъ право свободнаго избранія духовными и свѣцкими людми въ знатнѣйшіе духовные чины, какъ то на митрополію кіевскую, на архіепископію черниговскую и на прочіе архіерейства и знатнѣйшія архимандріи, и почти всегда въ тѣ чины кандидаты выбираемы были по силѣ правъ изъ шляхетства, а послѣ того представлялись для пожалованія въ митрополиты, архіереи и знатнѣйшіе архимандриты къ предкамъ вашего императорскаго величества, и кого они пожалуютъ, того святѣйшіе патріархы и посвящали; другихъ-же духовныхъ чиновниковъ послѣ избранія посвящали архіереи. Таковое вольное избраніе уже и по состояніи святѣйшаго сунода при гетманѣ Скоропадскомъ производимо было; но за нѣсколько предъ симъ лѣтъ оное въ дѣйство не производится и кромѣ одной кіево-печерской лавры, которая еще и доселѣ сіе право сохраняетъ, свободнаго на духовныя чины избранія не бываетъ, а производятся на архіерейства представляемые отъ святѣйшаго синода кандидаты, часто и изъ такихъ людей, которые въ Малой Россіи не постригались, никакихъ тутъ заслугъ не показали и обыкновеній и порядковъ здѣшнихъ не знаютъ, и для сего всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ: 1) подтвердить малороссійскому духовному чину всѣ права, прежнія обыкновенія и привилегіи, выключая одну только свободную покупку и другими образы присовокупленіе земель и деревень; ибо та свобода имъ еще прежде подданства Малыя Россіи подъ россійскую державу установленіемъ сеймовымъ при королѣ Владиславѣ Четвертомъ, въ 1635 году состоявшимся, отсѣчена; и сіе-жъ самое подтверждено рѣшительными пунктами по прошенію гетмана Апостола. 2) Дозволить вольное, по

силѣ прежнихъ обыкновеній, духовными и свѣцкими чинами избраніе на митрополію кіевскую и прочія архіерейства и на знатнѣшія архимандріи, такъ, чтобъ избранные на митрополію, архіерейства и ставропигіальные монастыри кандидаты представляемы были для пожалованія прямо къ вашему императорскому величеству и кого изъ нихъ пожаловать изволите, тотъ чтобъ отъ святѣйшаго сунода посвященъ былъ.

7.

О положеніи на имѣнія духовнаго чина особливыхъ податей для содержанія училищъ.—Пользуясь тѣми-жъ правами, привилегіями и преимуществами, духовный чинъ въ Малой Россіи, что и шляхетство, имѣетъ по силѣ малороссійскаго права книги Статута роздѣла 2, артикула 9, и установленій сеймовыхъ тоже самое обязательство къ отправленію воинской службы изъ своихъ имѣній, которая отправляема была во время бытности подъ Польшею чрезъ опредѣляемыхъ къ тому отъ духовнаго чина воинскихъ людей; а послѣ подданства подъ россійскую державу нѣкоторые изъ гетмановъ въ пунктахъ своихъ, не знаемъ для какихъ причинъ, въ противность правъ и прежнихъ постановленій, оной духовной чинъ отъ податей на войско свободными учинили, съ тѣмъ только предобереженіемъ, чтобъ духовные въ свои вотчины впредь никого изъ мужиковъ не принимали, чего однако оные не наблюдали и до сего времени не наблюдаютъ; а отъ сего произошло то, что духовной чинъ, особливо-же монастыри, имѣя лучшія въ Малой Россіи деревни и угодія, не малымъ противъ шляхетства пользуются облегченіемъ, но чтобъ они особливыхъ ставили людей для отправленія воинской службы, въ томъ никакой не предусматривается нужды, ибо Малая Россія довольно военнослужащихъ козаковъ имѣетъ; почему просимъ вашего императорскаго величества дозволенія вмѣсто того, сверхъ общенародныхъ податей, по разсмотрѣнію гетмана съ старшиною, положить какой особливой на ихъ имѣнія или мужиковъ денежной окладъ и оной собирая употреблять на содержаніе училищъ, какъ о томъ ниже упомянуто будетъ.

8.

О вольностяхъ малороссійскихъ козаковъ. — Малороссійскіе козаки, издревле извѣстные подъ именемъ низоваго и городоваго запорожскаго войска, имѣютъ особливые свои привилегіи и вольности: оныя состоятъ въ вольномъ ими, вмѣстѣ съ прочими малороссійскими чинами, избраніи гетмана и старшинъ, отъ которыхъ они по воинскимъ дѣламъ всегда судиться должны, а по земскимъ издревле судятся они тѣмъ-же правомъ, что и шляхетство; они обязаны только къ одной воинской службѣ, а отъ прочихъ должностей, податей и работъ, какъ сами они, такъ по смерти ихъ жены и дѣти ихъ свободны быть должны. Ихъ домы, хуторы, рощи, сады, займища и огороды, сѣножати и прочія земли и угодія свободны были такъ, какъ и шляхетскія отъ всякихъ налоговъ, постоевъ, опустошеній и обидъ. Имъ-же дозволена была свободная звѣриная и рыбная ловля на свободныхъ поляхъ и рѣкахъ, не упоминая о другихъ пожалованныхъ имъ вольностяхъ. Сіе все какъ королей польскихъ, такъ и предковъ вашего императорскаго величества привилегіями подтверждено и при поставленіи гетмановъ поновляемо было: почему они къ службѣ вашего императорскаго величества всегда готовы и во оной исправны были. Но нынѣ весьма немногими изъ вышепомянутыхъ вольностей и выгодъ пользуются; ибо, какъ выше въ 3-мъ пунктѣ помянуто, узяты у малороссійскихъ козаковъ, такъ какъ у шляхетства и запорожскихъ козаковъ, и отданы подъ строеніе линіи и на поселеніе однодворцевъ и Новой Сербіи многія земли, которыми они пользовались и изъ тѣхъ службъ свою отправляли. Сверхъ сего малороссійскіе козаки обложены половинными противъ мужиковъ податьми, для безплатнаго содержанія провіантомъ и фуражемъ шести драгунскихъ полковъ съ ихъ генералитетомъ, такожъ главной полевой аптеки и глуховскаго гарнизона, что учинено въ силу имяннаго указа .... года по той необходимости, что одни малороссійскіе мужики, безъ всеконечнаго ихъ и ихъ помѣщиковъ разоренія, помянутыхъ полковъ и аптеки содержать не могутъ; у нихъ также, какъ и у другихъ малороссійскихъ обывателей, во время квартированія или проходу великороссійскихъ полковъ, часто и безъ отводу ставятся постои, а самихъ ихъ и ихъ лошадей берутъ въ подводы и повозки, по большей части безъ платы. Нѣтъ почти никакой многотрудной и тяжелой въ госу-

дарствѣ работы, гдѣ-бы малороссійскіе козаки употреблены не были, какъ-то: къ строенію каналовъ, линій, крѣпостей, шанцовъ, засѣкъ и прочего. А когда и въ воинскія наряды, какъ-то въ походы и для обереженія границъ вашего императорскаго величества отправляются, то и тутъ, вмѣсто настоящей ихъ воинской должности, командующіе ими великороссійскіе офицеры употребляютъ ихъ въ партикулярныя свои работы, а лошадей ихъ въ подводы и повозки, и въ таковыхъ командировкахъ и на работахъ малороссійскихъ козаковъ не токмо въ военное, но и въ мирное время, когда прочіе вашего императорскаго величества легкія войска покоятся, бываетъ болѣе десяти тысячъ, со всѣмъ тѣмъ всѣ таковыя отягченія отъ многихъ и за службу не почитаются. И для того всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ подтвердить малороссійскимъ и низовымъ запорожскимъ козакамъ всѣ ихъ прежнія привилегіи и вольности, а именно: вольное избраніе гетмана и старшины и чтобъ они по воинскимъ дѣламъ между собою отъ нихъ и судимы были, а по земскимъ и градскимъ въ тѣхъ-же судахъ вѣдомы были, что и шляхетство, чтобъ какъ они сами, кромѣ воинской настоящей службы отъ всякихъ другихъ должностей, податей и работъ, такъ по смерти ихъ жены и дѣти ихъ тѣми-же свободами, что и они, пользовались; имѣнія-же ихъ, то есть: домы, хуторы, рощи, сады, займища, огороды, сѣножати и прочія земли и угодія чтобъ свободны отъ всякихъ налоговъ, постоевъ, кромѣ въ случаѣ необходимости, опустошеній и обидъ, и въ безпрепятственномъ владѣніи и употребленіи имъ всегда тверды были; чтобъ отданы имъ были взятыя подъ линію и подъ поселеніе однодворцевъ и Новой Сербіи земли; чтобъ дозволена имъ свободная звѣриная и рыбная ловля на свободныхъ поляхъ и рѣкахъ, а продажа вина, меду, пива и прочихъ напитковъ въ своихъ домахъ по городамъ и селамъ; чтобъ сложены были съ нихъ подати, которыя они, будучи и сами воинскіе люди, на содержаніе драгунскихъ полковъ, генералитета, полевой аптеки и глуховскаго гарнизона вмѣстѣ съ мужиками платятъ; чтобъ какъ проходящимъ, такъ и командующимъ великороссійскимъ генералитету, штабъ и оберъ-офицерамъ и всѣмъ, ктобъ какого званія ни былъ, найстрожайшимъ образомъ запрещено было какъ самихъ козаковъ, такъ и ихъ лошадей брать и употреблять не токмо въ партикулярныя свои, но ни въ казенныя ра-

боты подводы и повозки. Словомъ сказать: чтобъ они ни къ чему другому и никогда употребляемы не были, кромѣ настоящей воинской и вашему императорскому величеству должной службы.

9.

О распоряженіи малороссійскихъ козаковъ. — По пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго положено войску запорожскому быть *шестидесяти тысячамъ*, а по уступленіи, сперва Андрусовскими договорами, а потомъ и трактатомъ вѣчнаго мира заднѣпрской Украйны полякамъ, въ пунктахъ другихъ гетмановъ положено быть только тридцати тысячамъ, и онымъ всѣмъ обѣщано давать жалованье изъ малороссійскихъ доходовъ по тридцати золотыхъ польскихъ, что россійскими деньгами учинить три рубли, которое они и въ бытность свою подъ Польшею получали; а сверхъ того за всякіе походы и воинскія дѣйствія награждаемы были немалыми суммами денегъ не въ зачетъ жалованья. Но съ самаго времени подданства Малыя Россіи подъ державу предковъ вашего императорскаго величества козаки, сперва по причинѣ многихъ бывшихъ на Малую Россію непріятельскихъ нападеній и междуусобныхъ возмущеній и непорядковъ, для которыхъ никакихъ порядочныхъ податей и поборовъ ввесть нельзя было, а потомъ, когда оныя подати и поборы введены были для весьма немногихъ, отъ оныхъ бывающихъ доходовъ, никакого жалованья не получали, развѣ когда что изъ милости во время походовъ или за знатныя ихъ военныя дѣйствія пожаловано, но служили всегда изъ своего имѣнія, довольствуясь одними пожалованными имъ вольностями, въ которыхъ нынѣ, какъ выше показано, чувствуя немалой ущербъ и не получая за службу свою никакого жалованя, въ такое пришли отощеніе и бѣдность, что хотя число ихъ не уменьшилось, однако рѣдкой козакъ сыщется, который-бы службу свою порядочно и исправно отправлять могъ, такъ что во время государыни императрицы Анны Іоанновны, по присланному Ея Императорскаго Величества въ 1736 году указу, съ нуждою можно было набрать 20,000 къ службѣ годныхъ козаковъ, почему принуждено было разбирать ихъ по статьямъ и убогшихъ давать въ подмогу къ зажиточнѣйшимъ, со всѣмъ тѣмъ нынѣ и изъ того двадцати-тысячнаго числа едва-ль половина набраться можетъ, кои-бы во

всякой исправности на службу выйти могли. Почему вашего императорскаго величества просимъ для приведенія въ первобытное состояніе и исправность къ службѣ сихъ бѣдныхъ и разоренныхъ военнослужащихъ людей повелѣть учинить слѣдующія учрежденія: 1) разобрать всѣхъ козаковъ, которые могутъ служить конную, и которые пѣшую службу, и для сихъ учредить особливые пѣшіе полки, ибо при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ и прочихъ были въ Малой Россіи конные и пѣшіе полки, а потомъ распредѣлить ихъ такимъ образомъ, чтобъ нѣсколько дворовъ козачихъ содержали одного доброго и всегда къ службѣ вашего императорскаго величества готоваго коннаго, а другихъ нѣсколько-жъ дворовъ пѣшаго козака. 2) Учинить коннымъ и пѣшимъ козакамъ особливые списки, по которымъ должны они всегда остаться при своихъ полкахъ и сотняхъ, и чтобъ зъ одного полку въ другой, или изъ сотни въ сотню не переходили.

10.

О снятіи консистенскихъ дачъ и о расположеніи оныхъ въ Малой Россіи для жалованья козакамъ.—Но понеже и при такомъ распоряженіи весьма ненадежно, чтобъ козаки сами себя во всякой исправности къ службѣ содержать могли, ибо къ содержанію одного козака не можно больше опредѣлить, какъ два или три двора, которые должны его во всемъ обмундировать, покупать ему лошадь, ружье и всю воинскую аммуницію, а во время командированія давать провіантъ и фуражъ и повозку, того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ всѣхъ малороссійскихъ какъ козаковъ, такъ мѣщанъ и мужиковъ уволить отъ безплатнаго содержанія консистующихъ въ Малой Россіи шести драгунскихъ полковъ съ ихъ генералитетомъ, главной полевой аптеки и глуховскаго гарнизона, ибо таковое безплатное содержаніе введено въ отмѣнность правъ гетмана Богдана Хмельницкаго пунктовъ и обѣщанія государя императора Петра Великаго о невзиманіи ни единаго пѣнязя въ свою казну изъ Малой Россіи, а хотя при жизни его величества во время шведской войны, по согласію гетмана Скоропадскаго, и было нѣсколько великороссійскихъ полковъ на содержаніи Малыя Россіи, но за то присланною къ тому-жъ гетману генваря отъ 8 дня 1717 года изъ Амстердама грамотою, по

окончаніи оной войны, его величество Малую Россію милостію своею и содержаніемъ, безъ всякаго умаленія правъ и вольностей, наградить обѣщалъ, что во исполненіе приводя, при росписаніи всѣхъ армейскихъ полковъ на вѣчныя въ Великой Россіи квартеры, не положилъ его величество ни единаго драгуна или солдата на содержаніе Малыя Россіи, но сіе вышеписанныхъ полковъ и аптеки содержаніе введено въ непремѣнный обычай при жизни государыни императрицы Анны Іоанновны въ 1731 и 1732 годахъ, и тѣмъ для малороссійскаго народа тяжестнѣе, что порціи и раціи требуются натурою, а не деньгами, по штатской цѣнѣ, по большей части въ неудобное время, въ которое ежели натурою малороссійскіе обыватели поставить не въ состояніи, то берутъ съ нихъ отъ двухъ до шести рублевъ за каждую рацію, съ неслыханными опредѣленнымъ къ тому комисарамъ и прочимъ обывателямъ нападками и озлобленіями, о чемъ отъ меня гетмана неоднократно, куда надлежитъ, представляемо было; однако Малая Россія чрезъ то никакого облегченія не получила; вмѣсто-же содержанія помянутыхъ полковъ и аптеки дозволить намъ ту сумму, которая на оные полки и аптеку исходитъ, расположить на всѣхъ мѣщанъ, тако-жъ шляхетскихъ, духовнаго чина и всѣхъ прочихъ мужиковъ, равномѣрнымъ образомъ и на цыганъ, которые указомъ апрѣля 2 дня 1755 года отъ всякихъ податей уволены и шатаются въ Малой Россіи праздно, не отбывая никакихъ общенародныхъ тягостей, для заплаты опредѣленному числу конныхъ и пѣхотныхъ козаковъ положеннаго имъ въ пунктахъ прежнихъ гетмановъ жалованья, а то-ли имъ производить жалованье, которое въ пунктахъ положено, или больше или меньше, то просимъ отдать на общее наше распоряженіе, которое, смотря по доходамъ, учинивъ, въ свое время вашему императорскому величеству мы донесемъ и будемъ просить всемилостивѣйшей конфирмаціи. Естли-же сей матерней вашего императорскаго величества милости въ увольненіи отъ содержанія помянутыхъ полковъ и аптеки Малой Россіи не воспослѣдуетъ, то ниже козаковъ отъ положенныхъ на тѣ полки податей безъ всеконечнаго, какъ выше писано, мужиковъ и ихъ помѣщиковъ разоренія уволить не можно. Помянутый-же денежный сборъ долженъ собираемъ быть, въ силу тѣхъ-же Богдана Хмельницкаго пунктовъ, отъ малороссійскихъ урядниковъ и отдаваемъ въ скарбъ войсковый, а отъ онаго распре-

дѣляемъ на жалованье и прочіе воинскіе расходы, въ которыхъ, такъ какъ и во всѣхъ прочихъ приходахъ и расходахъ, подскарбій войсковый генеральный каждой годъ считанъ быть имѣетъ.

11.

О дачѣ особливаго жалованья малороссійскому войску въ заграничныхъ походахъ.—Получивъ малороссійскіе козаки отъ вашего императорскаго величества вышеписанныя милости, безотвѣтны были-бы, естли-бы къ службѣ вашего императорскаго величества во всякое время не готовы или нерадѣтельны и во оной неисправны были; но ежели случиться имъ когда быть на службѣ вашего императорскаго величества въ дальнихъ и заграничныхъ походахъ, то ни какъ не можно, чтобъ они себя своимъ содержаніемъ и жалованьемъ, а особливо, ежели опредѣлится такое, какъ выше писано, или еще и меншее, тако-жъ провіантомъ и фуражемъ содержать могли: для чего всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ, чтобъ, въ случаѣ такихъ заграничныхъ походовъ, козаки и ихъ старшина и прочіе чины снабдѣваемы были въ добавку-жъ своему получаемому жалованью изъ казны вашего императорскаго величества конные противъ гусарскихъ, а пѣшіе противъ армейскихъ полковъ, а чиновники противъ тѣхъ чиновъ, которые имъ отъ вашего императорскаго величества пожалованы будутъ, съ такимъ-же провіантомъ и фуражемъ, какъ оные получаютъ.

12.

О заплатѣ долговъ малороссійскому народу.—Сверхъ безплатнаго содержанія вышеписанныхъ шести драгунскихъ полковъ генералитета, аптеки и глуховскаго гарнизона во время прошедшей турецкой войны, не упоминая того, что Малая Россія всю тяжесть оныя чрезъ нѣсколько лѣтъ несла содержаніемъ арміи вашего императорскаго величества на квартирахъ, поставкою, провіанта и фуража дачею, а больше насильнымъ взятіемъ въ подводы лошадей и быковъ не токмо мужичихъ, но козачихъ, шляхетскихъ и всякаго званія людей, взяты съ нея многія и различныя поборы, а именно быками и лошадьми до нѣсколькихъ сотъ тысячей, и прочими нужными для арміи вещами, и сіе все взимаемо было на счетъ заплаты по квитанціямъ и безъ квитан-

цій; такимъ-же образомъ взято и во время нынѣшней прусской войны быковъ и лошадей, сверхъ того какъ въ прежніе годы содержались, такъ и нынѣ содержатся отъ Малой Россіи провіантомъ и фуражемъ нѣкоторые полки на щетъ заплаты. Но за все вышеписанное, кромѣ нѣкоторой суммы, заплаченной за быки и лошади, взятыя во время турецкой войны, никогда рощету и заплаты не было, а таковой къ заплатѣ подлежащей суммы, по имѣющимся у насъ и посланнымъ въ правительствующій сенатъ и въ провіантскую канцелярію вѣдомостямъ, имѣетъ быть ....., отъ чего какъ всѣ генерально обыватели малороссійскіе почувствовали не малое истощаніе, такъ особливо козаки и мужики пришли въ крайнее изнеможеніе и бѣдность. Какъ ни правильная малороссійскаго народа въ заплатѣ за все вышеписанное къ вашему императорскому величеству можетъ быть прозьба, однако мы полагаясь болѣе на матернее вашего императорскаго величества милосердіе, того только одного всеподданнѣйше просимъ, чтобъ повелѣно было тѣмъ мѣстамъ, на щетъ которыхъ всѣ вышеписанные на армію поборы и содержаніе полковъ были, здѣлать съ нами достовѣрныя рощеты, и изъ числа той суммы, которая въ заплату Малой Россіи слѣдовать имѣетъ, единственно пожаловать то, что Богъ вашему императорскому величеству на сердце положитъ, и тѣмъ поправить пребѣдное многихъ тысячей народа состояніе, для будущихъ-же временъ всемилостивѣйше подтвердить, чтобъ впредь таковыхъ безплатныхъ поборовъ, содержанія полковъ и поставокъ не было; но ежели и случится армейскимъ вашего императорскаго величества полкамъ и другимъ войскамъ для какихъ либо нуждъ проходить Малую Россію, или квартировать во оной, то чтобъ все на готовыя деньги покупаемо было.

13.

О вольностяхъ мѣщанъ.—Мѣщанство нѣкоторыхъ малороссійскихъ городовъ имѣютъ особливые свои привилегіи и вольности, данныя имъ отъ королей польскихъ и подтвержденныя отъ предковъ вашего императорскаго величества, и судятся особливымъ своимъ правомъ, называемымъ магдебургскимъ, а прочіе города и мѣстечка отъ владѣльцевъ или поставленныхъ надъ ними урядниковъ по своимъ древнимъ обыкновеніямъ, а въ земскихъ дѣлахъ тѣми-же правами, что и шля-

хетство; всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ подтвердить малороссійскому мѣщанству всѣ ихъ прежнія привилегіи и вольности, и чтобъ тѣ города, которые имѣютъ право судиться по правамъ магдебургскимъ, и впредь-бы оными судились, прочія-жъ города и мѣстечка, чтобъ судимы были по своимъ обыкновеніямъ отъ владѣльцевъ и урядниковъ.

14.

О дозволеніи вольнаго торгу въ Малой Россіи и введеніи по прежнему индукты и эвекты.— Малороссійская комерція прежде сего была въ несравненно лучшемъ состояніи, нежели нынѣ, потому что дозволенное правами и привилегіями свободное отправленіе оныя возбраняемо и запрещаемо не было, ибо малороссійскому купечеству всякими какъ внутренними, такъ и иностранными товарами, а шляхетству и козакамъ своими продуктами и скотомъ безпошлинно свободный, внутрь и внѣ Малыя Россіи, торгъ сухимъ путемъ и водою дозволенъ былъ; а указами апрѣля 6-го 1714 года и ноября 20 го 1723 г. и прочими запрещено малороссійскимъ обывателямъ вывозить за границу важнѣйшія и прибыльнѣйшія ихъ продукты и товары, а именно: пеньку, поташъ, смальчугъ, сало, воскъ, масло конопляное и прочія, и кромѣ россійскихъ портовъ, никуда оными торговать не велѣно. Подкрѣпляла-жъ еще и послѣ таковаго запрещенія малороссійскую коммерцію та малая пошлина, которая въ Малой Россіи собиралась и называлась индуктою и эвектою, ибо по силѣ древняго малороссійскаго обыкновенія отъ привозныхъ въ Малую Россію и вывозныхъ изъ оныя товаровъ взимаема была съ нѣкоторыхъ весьма малая пошлина, а съ другихъ по оцѣнкѣ по двѣ копѣйки съ рубля, да сверхъ того по ярмонкамъ отъ иностранныхъ купцовъ собиралась особливая весьма умѣренная пошлина, и сей доходъ употребляемъ былъ отъ временъ гетмана Богдана Хмельницкаго на гетманскіе и войсковые расходы, что доказывается публикованнымъ отъ онаго гетмана въ 1654 году универсаломъ, и письмомъ государя императора Петра Великаго къ гетману Скоропадскому изъ Амстердама, мая 13 дня 1715 года писанымъ. Учрежденіе сей индуктовой и эвектовой пошлины отъ самаго подданства Малыя Россіи пребывало всегда при предкахъ вашего императорскаго величе-

ства безъ всякія перемѣны и нарушенія, и хотя въ разныя времена, а именно въ 1725 и въ 1747 г. были отъ нѣкоторыхъ мѣстъ представленія, чтобъ по малороссійскимъ границамъ для взятья по тарифу пошлинъ учредить таможни, но оныя, яко вольностямъ малороссійскаго народа противныя, приговорами правительствующаго сената уничтожены и въ дѣйство не произведены, а велѣно индуктовому и эвектовому збору въ Малой Россіи остаться на прежнемъ основаніи, а ежели кто изъ Малой Россіи повезетъ въ Великую Россію товары, съ тѣхъ брать по тарифу пошлины въ учрежденныхъ по великороссійскимъ границамъ въ Брянскѣ, Сѣвскѣ, Курскѣ и въ прочихъ мѣстахъ таможняхъ. Въ прошломъ-же 1754 году тотъ индуктовой и эвектовой и прочіе въ Малой Россіи собиранные внутренніе сборы, публикованные по конфирмаціи блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни императрицы Елисаветъ Петровны, указомъ оставлены, а велѣно учредить по польской и турецкой границамъ таможни и заставы, въ которыхъ съ привозныхъ и отвозныхъ товаровъ пошлины сбирать, какъ портовыя по тарифу, такъ и внутреннюю по тринадцати копѣекъ съ рубля, изъ сбору которыхъ, вмѣсто индуктовой и эвектовой пошлины, велѣно мнѣ гетману изъ таможенныхъ доходовъ производить по 50,000 рублей, да вмѣсто внутреннихъ малороссійскихъ сборовъ, которые употреблялись на разные общенародные малороссійскіе расходы, указомъ 1755 года по 48,147 рублей и 85 копѣекъ. А понеже какъ запрещеніе свободнаго вывозу продуктовъ и товаровъ малороссійскихъ, такъ и сіе новое учрежденіе портовыхъ таможень воспослѣдовало въ отмѣну правъ, привилегій и вольностей малороссійскаго народа и крайнее оному принесло отягченіе, а купечество малороссійское привело въ конечное разореніе и бѣдность, такъ что во всей Малой Россіи едваль могутъ сыскаться два или три человѣка купцовъ, посредственный капиталъ имѣющихъ, а прочіе всѣ чужимъ капиталомъ и товарами торгуютъ и больше въ упадокъ и банкротство, нежели въ приращеніе приходятъ; того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ: 1) Дозволить малороссійскому купечеству всякихъ малороссійскихъ и иностранныхъ товаровъ, а шляхетству своихъ продуктовъ и скота безпошлинно свободный торгъ и безпрепятственный сухимъ путемъ и водою привозъ и вывозъ, по примѣру тому, какъ ваше императорское величество всемилостивѣй-

шимъ августа 10 дня 762 года указомъ великороссійскому купечеству отъ всѣхъ портовъ товары отпущать позволили. 2) Оставить сборъ портовыхъ и внутреннихъ пошлинъ, собираемый въ учрежденныхъ по польской и турецкой границахъ таможняхъ и заставахъ, и оныя таможни и заставы свесть и учредить по прежнему по великороссійскимъ границамъ, а вмѣсто вышеписанныхъ пошлинъ повелѣть собирать издревле въ Малой Россіи обыкновенной индуктовой и эвектовой зборъ, съ которого мнѣ гетману получать опредѣленныя 50,000 рублей. 3) Бывшіе въ Малой Россіи внутренные зборы, отставленные вышеписаннымъ 1754 года указомъ, чтобъ впредь никогда возобновляемы не были, а вмѣсто оныхъ дозволить намъ прибавить по нѣсколько процентовъ къ индуктовымъ и эвектовымъ пошлинамъ, которые на границахъ собираемы быть имѣютъ въ скарбъ войсковой и употребляемы въ недостаткѣ другихъ податей на содержаніе войска и на прочія нужнѣйшія и полезнѣйшія малороссійскаго народа расходы.

15(13).

О деревняхъ и жалованьи малороссійской старшинѣ.— Малороссійской старшинѣ, по пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго, такъ-же положено денежное жалованье и другіе нѣкоторые авантажи изъ малороссійскихъ доходовъ, а послѣ того какъ при прочихъ гетманахъ, такъ особливо при гетманѣ Апостолѣ, опредѣлены генеральной старшинѣ, полковникамъ и нѣкоторыхъ полковъ полковой старшинѣ и сотникамъ деревни, а другимъ опредѣлено денежное жалованье, и хотя сіе немного къ ихъ поправленію служитъ, ибо деревни опредѣлены самыя бѣдныя, а жалованье весьма малое, однако и тутъ однимъ передъ другими небезобидное сдѣлано распредѣленіе, потому что однимъ даны лучшія, а другимъ худшія деревни, также и жалованье не всѣмъ равное, а другіе и никакого не имѣютъ; прочие-же малороссійскіе чины, какъ бунчуковые, войсковые и значковые товарищи, служатъ также изъ своихъ имѣній безъ жалованья. Того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ отдать на наше разсмотрѣніе, чтобъ, оставя генеральную старшину, полковниковъ и прочихъ старшинъ при ихъ деревняхъ, всѣмъ прочимъ старшинамъ, такожъ бунчуковымъ, войсковымъ и значковымъ товарищамъ опредѣлить равное по чинамъ

ихъ денежное жалованье изъ малороссійскихъ доходовъ; опредѣленнымъ же и впредь опредѣляемымъ къ гражданскимъ дѣламъ чиновникамъ опредѣлить-ли въ силу правъ отъ дѣлъ доходъ, или противъ вышеписанныхъ старшинъ жалованье, просимъ вашего императорскаго величества высочайшаго повелѣнія.

16.

О вольномъ торгѣ жидамъ въ Малой Россіи.—Прежде сего малороссійская комерція и тѣмъ не мало подкрѣпляема была, что какъ всему прочему иностранному купечеству, такъ и жидамъ свободное въ Малой Россіи торговъ отправленіе дозволяемо было, которые, яко пограничного государства люди, найбольшее въ малороссійскихъ торгахъ имѣли участіе, покупая малороссійскіе товары гораздо большею, а заграничные меньшею противъ нынѣшней цѣною, и хотя въ 1727 году помянутымъ жидамъ въѣздъ въ Россію запрещенъ былъ, но по прошенію гетмана Апостола по прежнему дозволенъ, а состоявшимся 1742 года указомъ какъ во всей, такъ и въ Малой Россіи тѣмъ жидамъ не токмо жительство, но и въѣздъ вновь запрещенъ; чтобъ жительство въ Малой Россіи помянутые жиды имѣли, мы о томъ вашего императорскаго величества утруждать не смѣемъ, а единственно для распространенія малороссійской комерціи о свободномъ ихъ для торговыхъ промысловъ въ Малую Россію въѣздѣ всеподданнѣйше просимъ.

17.

О небытіи впредь никакимъ откупамъ въ Малой Россіи. Ваше императорское величество, вѣдая совершенно, сколь много комерціи и государствамъ вредятъ откупы, всемилостивѣйшимъ вашимъ августа 10 дня прошлаго 1762 года указомъ оныя во всей Россіи отставили; тѣ откупы и всякія монополіи столько правами малороссійскими и установленіями сеймовыми запрещены, что и данныя на оныя привилегіи за неважныя почитать велѣно, почему ихъ въ Малой Россіи прежде сего и не бывало; однако за нѣсколько предъ симъ лѣтъ введены были и въ Малую Россію какъ прочія откупы, такъ особливо табачный, который къ немалому малороссійскаго народа служилъ отягченію и разоренію. Всенижайше вашему императорскому величеству

принося благодареніе за отставленіе сего откупа, просимъ подтвердить, чтобъ и впредь таковыхъ и сему подобныхъ, для народа разорительныхъ откуповъ никогда въ Малой Россіи не было.

18.

О непереходѣ съ мѣста на мѣсто и о невписываніи въ козаки малороссійскихъ мужиковъ.—Малороссійскіе мужики по правамъ малороссійскимъ и многимъ въ сходство тѣхъ правъ изданнымъ сеймовымъ установленіямъ не имѣютъ никакой вольности въ свободномъ изъ мѣста на мѣсто переходѣ, кромѣ въ такомъ случаѣ, когда ихъ помѣщикъ уволитъ; ибо по силѣ вышеписанныхъ правъ всякъ помѣщикъ своего бѣглаго мужика и слугу, гдѣ бы онъ ни былъ, сыскавъ со всѣмъ его домомъ и пожитками взять и пожилое на томъ, кто его пріиметъ, доправить можетъ, какъ то и до сего времени въ Польшѣ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ водится; такожъ и въ пунктахъ гетмана Богдана Хмельницкаго и прочихъ гетмановъ такова вольнаго съ мѣста на мѣсто переходу нигдѣ малороссійскимъ мужикамъ не дозволено; но, по бывшимъ въ давные годы въ Малой Россіи замѣшательствамъ, оной самовольной переходъ, избывая отъ податей, работъ и другихъ должностей, мужики сами ввели въ обычай, и переходя съ мѣста на мѣсто, называли себе козаками, а отъ таковаго ихъ своевольства происходили многія непорядки и безчинства, что увѣдавъ предки вашего императорскаго величества въ данныхъ гетманамъ Дамяну Игнатову и Ивану Мазепѣ статьяхъ повелѣли для укрощенія таковаго ихъ своевольства содержать особливыя полки и въ пристойныхъ мѣстахъ дѣлать разъѣзды; со всѣмъ тѣмъ вольнаго малороссійскихъ мужиковъ перехода отвратить нельзя было, до воспослѣдовавшаго въ Малой Россіи, въ сходство правъ войсковой генеральной канцеляріи, въ 1739 году опредѣленія, которымъ вольной оной переходъ запрещенъ былъ, но потомъ въ 1742 году, по докладу правительствующаго сената, именнымъ указомъ по прежнему дозволенъ, а отъ сего свободнаго мужиковъ съ мѣста на мѣсто перехода не токмо малороссійскому шляхетству, но и всѣмъ обще обывателямъ дѣлается несказанная обида и разореніе; ибо чрезъ то помѣщики лишаются должныхъ себѣ отъ мужиковъ доходовъ и работъ, земледѣліе оскудѣваетъ, общенародныя подати умаляются

и никогда порядочно и уравнительно собираемы быть не могутъ, вмѣсто же того наполняются малороссійскими мужиками польскія мѣста, слободскіе полки и населяемыя на великороссійскихъ украинскихъ земляхъ слободы, а часто и сами малороссійскіе помѣщики, имѣя довольную землю, селятъ слободы и давъ мужикамъ нѣкоторую льготу, приласкиваютъ ихъ въ свои селенія, а околичныхъ помѣщиковъ разоряютъ. Для сего всеподданнѣйше вашего императорскаго величества я гетманъ со всѣмъ малороссійскимъ шляхетствомъ просимъ: 1) таковый самовольный малороссійскихъ мужиковъ переходъ въ силу правъ малороссійскихъ впредь на всегда пресѣчь. 2) О перешедшихъ въ слободскіе полки и въ великороссійскія слободы приказать учинить публикацію, чтобъ они на прежнія свои жилища на положенной срокъ возвратились, а ежели не возвратятся, то чтобъ вольно было всякому помѣщику своего мужика отыскавъ взять и пожилыя деньги за оного доправить, по силѣ малороссійскихъ правъ, ибо о таковомъ несвободномъ малороссійскихъ мужиковъ на великороссійскія земли переходѣ и о высылкѣ оныхъ и отъ прежде меня бывшихъ гетмановъ къ предкамъ вашего императорскаго величества челобитье происходило. 3) Перешедшимъ отъ малороссійскихъ помѣщиковъ къ другимъ малороссійскимъ же помѣщикамъ мужикамъ, понеже тотъ вольный переходъ дѣлали они съ дозволенія, указать остаться навсегда на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находятся. 4) Запретить всякаго званія мужикамъ впредь вѣчно не выписываться въ козаки. Всего вышеписанного мы отъ вашего императорскаго величества просимъ не токмо для сохраненія въ своей силѣ правъ нашихъ, но и для всеобщаго Малыя Россіи благосостоянія, ибо ежели таковаго вольнаго переходу и вписыванія въ козаки мужикамъ запрещено не будетъ, то Малой Россіи никогда никакого постояннаго благополучія и добрыхъ порядковъ ожидать не можно, потому что обнищаетъ шляхетство, а мужики, работая (и уплачивая) за другихъ свободно переходящихъ и въ козаки выписывающихся подати, прійдутъ въ крайнее изнеможеніе и разореніе, а напослѣдокъ вся Малая Россія опустѣетъ.

19.

О учрежденіи университетовъ, гимназій и типографій.— Къ безсмертной вашего императорскаго величества славѣ, а къ просвѣ-

щенію и пользѣ малороссійскаго народа весьма много служить можетъ, ежели всемилостивѣйше указать соблагоизволите, по примѣру находящихся въ иностранныхъ государствахъ университетовъ и гимназій и съ такими-жъ привилегіями, завесть и въ Малой Россіи два университета и нѣсколько гимназій; первый изъ оныхъ университетовъ, состоящій въ четырехъ факультетахъ, можетъ быть въ Кіевѣ, на томъ-же мѣстѣ, гдѣ нынѣ кіево-братскій училищный монастырь, изъ котораго монаховъ должно вывесть, и на томъ мѣстѣ построить домы для учителей и учениковъ; ибо во время основанія кіевскихъ школъ антецессоромъ моимъ, малороссійскимъ гетманомъ Петромъ Конашевичомъ-Сагайдачнымъ, а послѣ того митрополитомъ кіевскимъ Петромъ Могилою монастыря тамъ не было, а было только братство, то есть такое мѣсто, гдѣ могли жить свѣцкіе и духовные люди, приходящіе для ученія; а другой въ Батуринѣ, состоящій изъ трехъ факультетовъ, кромѣ богословскаго; а гимназіи въ тѣхъ городахъ, которые мы къ тому за способные изберемъ и усмотримъ. Оныя университеты и гимназіи всеподданнѣйше просимъ, чтобъ въ вѣчныя времена состояли во всемилостивѣйшей вашего императорскаго величества протекціи, а непремѣнными кураторами кіевскаго университета чтобъ былъ первымъ гетманъ, а вторымъ митрополитъ кіевскій для богословскаго факультета, въ который онъ согласно съ гетманомъ долженъ опредѣлять профессоровъ изъ монаховъ, или изъ бѣлыхъ священниковъ, и наблюдать за ними, чтобъ они никакого противнаго православной нашей вѣрѣ ученія не вводили, а батуринскаго и гимназій чтобъ кураторомъ былъ гетманъ. При тѣхъ-же университетахъ, а гдѣ запотребно судится, и при гимназіяхъ должно быть типографіямъ для печатанія какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ книгъ, которыя, чтобъ не были противны вѣрѣ и самодержавному вашего императорскаго величества правленію, всегда будутъ свидѣтельствуемы отъ приставленныхъ кураторами цензоровъ; что-же касается содержанія оныхъ университетовъ и гимназій, то на оное могутъ употреблены быть экстраординарныя изъ духовныхъ имѣній собираться имѣющія подати, о которыхъ въ 6 пунктѣ упомянуто, а достальную сумму можно будетъ опредѣлить изъ таможенныхъ малороссійскихъ зборовъ, ежели ваше императорское величество онымъ на такомъ основаніи быть укажете, какъ въ пунктахъ упомянуто, и ежели оныя отъ

расположенія на войско въ остаткѣ быть могутъ. Сверхъ того когда грузинцы выведены будутъ, то въ подмогу на содержаніе оныхъ университетовъ можно будетъ опредѣлить нѣкоторыя изъ свободныхъ войсковыхъ деревень.

20.

О бытіи на обидителей всегдашней коммиссіи въ Малой Россіи.—Хотя многими строжайшими и смертною казнію грозящими предковъ вашего императорскаго величества, а особливо государя императора Петра Великаго 1708, государыни императрицы Анны Іоановны 1740 и государыни императрицы Елисаветъ Петровны 1742 годовъ указами запрещено, какъ проходящимъ, такъ и квартирующимъ великороссійскимъ войскамъ не дѣлать малороссійскимъ жителямъ никакихъ обидъ и озлобленій, не занимать безъ отводу квартиръ, не строить новыхъ конюшень, но довольствоваться обывательскими, не брать безъ подорожныхъ и по подорожнымъ самовольно лошадей и проводниковъ, не требовать безденежмо всякихъ съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, кольми паче не дѣлать примѣтокъ, нападковъ, озлобленій и побоевъ; однако и до сего времени нѣкоторые своевольники отъ того не унимаются. Того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ и нынѣ вышеписанные наглые поступки найстрожайше указомъ запретить, а для лучшаго малороссійскому народу защищенія учредить непремѣнную коммиссію, состоящую изъ знатныхъ великороссійскихъ чиновъ на такомъ точно основаніи, какъ оныя въ силу указа марта 13 дня 1740 года учреждена была.

Сіи суть всемилостивѣйшая государыня важнѣйшія прозьбы и нужды наши, въ которыхъ помилованія никто справедливѣе просить не можетъ, какъ вольный, но вольностьми своими не пользующійся, вѣрный вашего императорскаго величества малороссійскій народъ, и никто великодушнѣе оного имъ не можетъ оказать, какъ ваше императорское величество, премудрая и справедливая монархиня и матерь отечества; ибо ваше императорское величество, по данной вамъ отъ Бога прозорливости, болѣе всѣхъ знать изволите, что престолы владѣтелей и долгоденствіе государствъ болѣе утверждаются на правосудіи, милости и исканіи всеобщаго благополучія подданныхъ, нежели на собственной ихъ пользѣ и прибыткахъ.

Три письма Гр. Ѳ. Квитки къ М. А. Максимовичу*).

1.

Милостивый государь

Михаилъ Александровичъ!

Отзывъ вашъ, коимъ вы почтили меня, принесъ мнѣ важное утѣшеніе. Пріятно мнѣ было узнать, что вы, такъ много трудившійся и стяжавшій для нашей родовой литературы и вообще для наукъ пользы, обратили вниманіе на мою болтовню. Давно роилось во мнѣ желаніе сблизиться съ вами и хотя въ легкія сношенія войти, и вы были такъ внимательны, что сами отыскали меня. Благодарю васъ за умноженное удовольствіе. На требованіе ваше поучаствовать въ составленіи „Кіевлянина" скажу вамъ со всею откровенностію: пишу не по наряду, не дѣлаю изъ сего работы по обязанности, а такъ, какъ придется. Вспомнится какая Маруся, Галочка, отъ нечего дѣлать — напишу и такъ написанное все отправилъ къ пріятелю въ Петербургъ; онъ уже дережируетъ всѣмъ, и я въ распредѣленіи пьесъ вовсе не участвую и часто, получая какой журналъ, не ожидая въ немъ своей пьески, нахожу ее нечаянно. Теперь у меня совершенно нѣтъ ничего ни готоваго, ни придумываемаго; какъ вамъ пьеска нужна была-бы теперь, чтобы „Кіевлянинъ" не задержанно явился предъ добрыхъ людей къ новому году.

Мысль ваша, что-бы издавать что-либо по *пиській мови*, кажется, съ наступающимъ годомъ должна осуществиться. Уже подана докладная записка (такъ, по крайней мѣрѣ, извѣщаютъ меня), что бы дозволено было при „Отечественныхъ Запискахъ" на 1840 годъ издавать 4, 6, 8 прибавленій на малороссійскомъ языкѣ. Ожидаемъ рѣшенія. Матеріалы есть; редакторъ г. Гребенка, который вамъ извѣстенъ;

*) Изъ коллекціи писемъ, пріобрѣтенныхъ редакціей отъ наслѣдниковъ Михаила Александровича; писаны по поводу начала изданія «Кіевлянина».

редакція не понесетъ убытковъ, по крайней мѣрѣ на первый годъ. *Мы* должны пристыдить и заставить умолкнуть людей съ чуднымъ понятіемъ гласно проповѣдующихъ, что не должно на томъ языкѣ писать, на коемъ 10 мил. говорятъ, который имѣетъ свою силу, свои красоты неудобоизъяснимые на другомъ, свои обороты, юморъ, иронію и все какъ будто у порядочнаго языка. Главное у насъ не рѣшено: какого или чьего правила держаться въ написаніи словъ? *Ѣ*, или *и*, *ы*, или *и*? и проч. и проч. Столько раскольниковъ у насъ по этому предмету, что нужно-бы составить вселенскій соборъ изъ всѣхъ сектъ и дѣло рѣшить. Признаюсь, я по неволѣ остался при правописаніи, названномъ вами „харьковскимъ", съ нѣкоторыми измѣненіями. Оно ближе къ порядку: писать какъ выговаривается, когда нѣтъ твердыхъ, постоянныхъ *правилъ*, которыя, если правила, то должны быть во всѣхъ отношеніяхъ *правильны*. Пока до собора, то хотя-бы списывались. Я предложилъ-бы и свои мысли; показалъ-бы ихъ на дѣлѣ, но здѣсь нельзя произвести одной литеры не новой, но съ знакомъ; въ столицѣ-же насъ не поймутъ и не сдѣлаютъ по желанію.

Если нашъ планъ—о прибавленіяхъ къ „Отечеств. Запискамъ" не состоится по обстоятельствамъ, не отъ насъ зависящимъ, то обдумайте: не можно-ли въ вашемъ Кіевлянинѣ удѣлить какого „закапелка", куда мы бы могли складывать свое „збижье". Много было-бы благодарностей отъ жаждущихъ читать свое родное. Кажется, что будутъ сего ожидать въ Кіевлянинѣ, который, безъ всякаго сомнѣнія, примется какъ составленное авторомъ такъ извѣстнымъ.

Не взыщите за неисполненіе вашего требованія и не накажите меня прекращеніемъ переписки. Уваженіе и благодарность за труды ваши всегда сохраню къ вамъ въ полной мѣрѣ и съ душевною преданностію имѣю честь быть всегда, милостивый государь, вашъ покорный слуга, Григорій Квитка.

3 октября, 1839 г.

Харьковъ.

Къ сожалѣнію, хотя-бы и могъ сообщить свѣдѣнія о Головатомъ, собранныя мною, но пославъ вмѣстѣ съ прочими въ Петербургъ, вижу изъ объясненія, что статья эта будетъ помѣщена въ „Отечественныхъ Запискахъ". Вирши желаемой вами не имѣю, но буду стараться отыс-

кать вѣрный списокъ. Кажется, она не Головатаго, а только въ дни славы Таврическаго она извѣстна стала и, сколько помню, тогда называли кого-то другаго сочинителемъ. Головатый-же въ то время былъ уже коротко знакомъ съ отцомъ моимъ и потому все относящееся къ нему насъ интересовало, и мы, дѣти, знали-бы, что вирша имъ сочинена, а то, не смотря на занимавшую насъ и твердимую наизусть виршу, мы не относимъ ее къ Головатому.

2.

Милостивый государь

Михаилъ Александровичъ!

Поверхностно судя, я много виноватъ за мою невнимательность, даже неблагодарность; но если повѣрите, такъ желаніе исполнить требованіе ваше вовлекло меня и въ вину предъ вами. Лестное ваше приглашеніе участвовать въ полезномъ изданіи вашемъ и вниманіе присылкою мнѣ одной книжки его чувствительно меня тронуло, и я съ полною охотою, съ большимъ усердіемъ приступалъ къ исполненію требованія вашего—и все приступалъ. Не смотря на всѣ суды и пересуды, толковитые и безтолковые, я самъ сдѣлалъ заключеніе, что въ Кіевлянинѣ должно быть все относящееся, больше или меньше, къ Кіеву, косвенно, прямо, бокомъ, а все чтобъ сосредоточивалось на немъ или относилось-бы хотя къ краю. Ставъ на этой точкѣ, я терялся, что́ и о чемъ написать? Исторія не моя часть и ничего-бы новаго, неизвѣстнаго не сказалъ; бывши одинъ разъ, 40 лѣтъ назадъ, мѣстностей вовсе не зналъ; хотя-бы что и придумалось, такъ же не знаю, какою улицею повести и куда именно привести. Чудака какого, въ родѣ Халявскаго или тому под., мой ближайшій censоръ, жена моя, не одобрила изъ уваженія къ мѣсту, освященному столькими святынями, а изъ Кіева не должно было выступить! Согласитесь, что при такихъ условіяхъ задача была не легка, а тутъ еще служба, домашнія заботы, все съ своими требованіями, отвлеченіями отъ долга, почитаемаго мною необходимымъ, святымъ. Наконецъ кое-какъ уладивъ, принявшись за память и вспомнивъ о св. мужѣ о. Иліи, бывшемъ въ мое время (1830 г.) и о сдѣланномъ имъ необыкновенномъ пріемѣ семей-

ству, посѣтившему его съ желаніемъ услышать назидательное слово или принять что на благословеніе, гдѣ и я былъ въ числѣ жаждущихъ, но съ прочими отошелъ съ однимъ удивленіемъ. Приклеивъ къ тому ни се, ни то, составивъ кое-что, осмѣливаюсь при семъ препроводить на ваше разсмотрѣніе. Полную волю имѣете поступить съ тетрадкою, какъ вамъ угодно: помѣстить-ли ее или оставить безъ вниманія. Въ первомъ случаѣ убѣдительно просилъ-бы васъ разсмотрѣть, прилично-ли заглавіе и буде нѣтъ, дать другое; негладкости, шереховатости въ слогѣ, излишекъ мѣстоимѣній и проч. и проч.—ужъ не отказать исправить. Я пишу съ плеча, а отъ невниманія къ *новому письму* художественности у меня не найдете, и я не умѣю, не могу ею заняться, и не нахожу ее у себя, какъ ни стараюся; а отъ того каждая моя тетрадка всегда выходитъ въ такомъ точно видѣ, какъ уже предъ собою видите. Начну исправлять, перемараю, увижу, что еще хуже; примусь передѣлывать, и до того измараю, что брошу. Всему виною суетности, чтобъ не услышать приторнаго замѣчанія, на которыя такъ щедры нынѣшніе судьи, взявшіе на себя службу, какъ они называютъ, къ которой ихъ никто не приглашалъ и не возлагалъ на нихъ обязанности, яко не соотвѣтствующей силамъ и разумѣнію ихъ. И такъ, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Кіевлянинъ вашъ молодецъ. Конечно, онъ еще птенецъ; идетъ и осматривается, говоритъ и оглядывается; но дайте ему опериться, тогда онъ взлетитъ орломъ, налетитъ соколомъ. Только дай Боже почтенному издателю терпѣнія и равнодушія или даже презрѣнія къ пискамъ нетопырей, не могущихъ отличить, а принимающихъ и гнилушку за свѣтъ.

Настаиваю моею убѣдительною просьбою, подарите меня вашимъ разсужденіемъ о *малороссійскомъ писаніи*. Просвѣтите меня. Найдете въ V книжкѣ „Маяка“ письмо мое, которое (къ удивленію моему пущено въ свѣтъ) писано за-просто къ Бурачку, такъ, желая знать его мысли о томъ, и писано чуть-ли не въ февралѣ, но въ мартѣ навѣрное. Что вы скажете на мнѣніе мое, о чемъ я или уже писалъ къ вамъ, или располагалъ еще писать. Это о введеніи „и“ стариннаго и въ печатномъ имѣющагося. Разрѣшите меня скорѣе. Если-бы я зналъ, что „Маякъ“ тиснетъ письмо мое, я написалъ-бы яснѣе. Но сдѣлано— и я читаю со вздохомъ.

Да и къ чему мы занимаемся своимъ правописаніемъ, когда веліи мудрецы проповѣдуютъ, что и языка такого нѣтъ, а мы русскіе слова, формы, переворачиваемъ въ свои хохлатые, бородатые и проч. и проч. Смѣхъ писать, но размысливши горюешь!... И это пишетъ во всеуслышаніе мужъ, славящійся ученостью? Что-же наши пѣсни, думы, пословицы, поговорки, выраженія въ лѣтописяхъ, которыхъ и подобно ни одинъ москаль не скажетъ.

Протягивая къ вамъ руку, дружески пожимаю вашу и умилительнымъ голосомъ говорю вамъ: не сердитесь на мое замедленіе, не взыщите за статью, какова есть, и не лишайте добраго расположенія искренно васъ уважающаго и преданнаго вамъ, Григорій (Ѳедоровъ)

13 августа, 1840 г. Квитка.
Харьковъ, на Основѣ.

Не нашлась другая причина къ монашеству, кромѣ любовной страсти, о которой ужъ не подъ лѣта мнѣ росписываться, а потому кое-какъ сказалъ. (Разумѣется монашество его, Квитки).

Объ о. Иліи, я думаю, мало кто и помнитъ въ Кіевѣ, а онъ былъ точно такой.

Внизу рукою покойнаго Максимовича сдѣлана слѣдующая приписка: По поводу этого замѣчанія, я сдѣлалъ къ *Доброму Пану* біографическое примѣчаніе объ о. Иліи, на 82 стр. 2 кн. Кіевлянина, изъ отысканнаго для меня въ лаврскомъ архивѣ послужнаго списка его. Вслѣдствіе желанія Квитки и письма его въ Маякѣ, я написалъ длинное письмо къ нему о *малороссійскомъ правописаніи,* напечатанное тогда-же во 2-й кн. Кіевлянина; въ 3-й предполагалъ продолжать объ этомъ-же предметѣ; но роковая болѣзнь моя тогда всему моему дѣянію положила было конецъ... Казалось-бы тамъ ясно и достаточно означено *основаніе* правописи малороссійской..., а къ чему оно было, когда явились и *снѣгъ,* и уродливое *и* вмѣсто *ы*!

3.

Милостивый государь
Михаилъ Александровичъ!

Я уже не зналъ, что и думать, не получая отъ васъ никакой вѣсточки, какъ вдругъ письмо ваше и обрадовало меня и огорчило,

что вы болѣзнуете. Прежде всякаго объясненія, позвольте предложить вамъ и убѣдительно просить обдумать предложеніе мое. У насъ при университетѣ профессоръ Ванцети чудеса дѣлаетъ съ глазами: вылечиваетъ совершенно, возвращаетъ зрѣніе; операціи, сопровождаемые блистательнымъ успѣхомъ, изумительны. Не найдете-ли полезнымъ поручить ему себя? Можетъ слава его дошла и до васъ. Чтобы вы не слышали о немъ, заранѣе увѣряю, все справедливо. Даже простой народъ, оставляя своихъ знахарей и предразсудокъ, что такъ „починено" и что „никто не можетъ согнать бѣды, кромѣ того, кто наслалъ"—и тѣ отъ всѣхъ мѣстъ стекаются къ нему, какъ къ вѣрному цѣлителю; и еще не слышно, за какую-бы глазную болѣзнь онъ не взялся и не излѣчилъ-бы ее. Тутъ переѣздъ не далекъ; жить у насъ не дорого и, искренно скажу, не скучно проведете это тягостное время; многіе васъ знаютъ и не дадутъ скукѣ возобладать вами. Вы и не замѣтите, какъ леченіе кончится къ совершенному успокоенію вашему. Въ этомъ случаѣ эгоизмъ отвергаю въ сторону: одно мое утѣшеніе было-бы, что вы получите совершенное исцѣленіе отъ болѣзни; а какое-бы я имѣлъ наслажденіе, познакомяся съ вами лично, бесѣдовать съ вами, объ этомъ молчу. Если мое предложеніе близко къ дѣлу, то, можетъ, нужно прежде списаться? Въ такомъ случаѣ, все что вамъ угодно передать ему или, что и лучше всего, изложить на бумагѣ точное описаніе болѣзни, я передамъ ему и мнѣніе его поспѣшу доставить къ вамъ. Подумайте, право.

Теперь о обязательномъ одолженіи вашемъ: помѣстите статью мою въ вашемъ Кіевлянинѣ. Названіе *добрый панъ* очень и очень удовлетворительно, точно и, что главное *въ нашемъ* (здѣшнемъ) видѣ, незатѣйливо. Прекрасно, благодарю. Благодарю и за исправленіе вмѣсто Четь-минеи Патерика; сѣтую на себя, что мнѣ это не пришло на мысль самому; авторъ такъ близко къ лаврѣ. Схимникъ мой дѣйствительно нарушилъ обѣтъ свой при пріемѣ сего образа: забылъ о немногоглаголаніи или даже о молчаніи; болѣе общую христіанскую обязанность забылъ: принялся за осужденіе ближнихъ. Не подобаетъ ему тако. Потрудитесь и рукою властною, какъ несущій на себѣ всю отвѣтственность въ проступкахъ нашихъ сотрудниковъ, урѣжьте ему язычокъ, чтобъ не болталъ лишняго, а все, что думалъ, сказалъ-бы однимъ сло-

вомъ. Я самъ видѣлъ неизбѣжный мой порокъ, отъ котораго не могу воздержаться, *много* и *пусто* глаголаніе. Отъ поспѣшности не перечищаю ничего и не заботусь объ округленіи мысли, дую съ плеча. Вамъ располагалъ объяснить это и просить о трудѣ въ исправленіи; удивляюсь, если забылъ. Полное и неограниченное имѣете право измѣнять, отмѣнять, сокращать и дополнять, все что угодно. Оно ваше и вы, принявъ его въ массу, отвѣчаете за выборъ и отдѣлку. Это право неотъемлемо, и я не надивлюся, если другіе за такія поправки сѣтуютъ.

Вообще доставка журналовъ къ намъ разстроиваетъ все и охлаждаетъ наше желаніе заниматься ими. На наступающій годъ обѣщаютъ доставку самую вѣрную и поспѣшную. Увидимъ, не останемся-ли и паки при одномъ обѣщаніи, какъ и въ прежніе годы. На г. Полякова совѣтую жаловаться *Петру Александровичу Корсакову,* одному изъ издателей *Маяка.* Я посовѣтовалъ здѣсь одному, также обманутому Поляковымъ, и тотъ съ первою почтою получилъ всѣ запоздалые книжки. А *Маякъ* не „Сынъ Отечества" съ компаніею, стоитъ похлопотать о немъ, будете довольны Письмо мое, не для печати писанное, а къ неудовольствію моему оглашенное, не стоитъ вниманія далѣе мысли о литерѣ *и* въ малороссійскомъ писаніи. Все мое мнѣніе оканчивается на старинной рукописной *иже* со знакомъ, дѣлающемъ ее мягкою, какъ *мы* выговариваемъ *ѣ* для различія отъ обыкновеннаго *и* и чтобъ не пестрить словъ *ы.*

Обдумайте-же предложеніе мое и, съ Божьимъ благословеніемъ, приступите къ исполненію. А всего лучше: да пошлетъ вамъ Богъ, и безъ латинскихъ снадобьевъ, совершенное освобожденіе отъ всѣхъ болѣзней и укрѣпленія въ здоровьи. Благодарю за доброе расположеніе ваше, искренно преданный Григорій Квитка.

24 декабря, 1840 г.
Основа.

Поздравляю спасительно съ праздникомъ и желаю, чтобъ старый годъ унесъ отъ васъ все тягостное и непріятное, а новый доставилъ-бы все по желанію.

Для приличія не нужно-ли, что-бы усталые богомольцы спѣшили скорѣе дойти до *добраго пана* и тамъ успокоиться? Это-бы объясняло заглавіе. Если найдете нужнымъ, вложите кому изъ нихъ въ уста такое желаніе—дойти скорѣе до добраго пана или что-нибудь въ подобномъ родѣ.

Библіографія.

Малорусскія изданія 1882 года.

Журналу, посвященному исторіи южной Россіи и ея этнографіи, нельзя обходить молчаніемъ современныя малорусскія изданія. Хотя они никогда почти не касаются исторіи южно-русской, но не рѣдко, и по внѣшней своей формѣ и по внутреннему содержанію, представляютъ разработку историческаго матеріала, каковымъ являются въ нихъ съ одной стороны языкъ, а съ другой—народныя, вѣками сложившіяся воззрѣнія на жизнь и ея своеобразныя формы. Въ свою очередь и сами они, если не въ частности, то въ общемъ, какъ явленія переживаемой эпохи, становятся достояніемъ исторіи, котораго мы не должны оставлять безъ вниманія.

Эти нѣсколько словъ мы считаемъ нужнымъ сказать, начиная нашъ краткій, бѣглый обзоръ малорусскихъ изданій минувшаго года.

Этихъ изданій такъ не много, такъ не велики они по своему объему и такъ ограничены въ своемъ содержаніи, что мы затрудняемся, говоря о нихъ, употреблять названіе малорусской литературы. Такова судьба этой литературы, и говорить о причинахъ настоящаго ея положенія было-бы долго, да и не совсѣмъ удобно. Но, располагая говорить о малорусскихъ изданіяхъ послѣдняго времени, мы не можемъ не коснуться двухъ главныхъ, выдающихся теперь взглядовъ на малорусскую письменность, чтобы установить какую либо точку зрѣнія въ отношеніи къ тѣмъ изданіямъ, которыхъ мы коснемся въ нашемъ обзорѣ. Мы разумѣемъ здѣсь съ одной стороны людей, скептически, съ презрѣніемъ относящихся къ идеѣ, какъ они называютъ, украинофильской, и съ другой—цѣнителей этой идеи, сочувствующихъ ей, но не согласныхъ съ нѣкоторыми пріемами въ ея разработкѣ.

Первые, находя, что въ настоящее время малорусская письменность не можетъ играть никакой существенной роли, что пѣсня ея спѣта, что она никому ни для чего не нужна, отрицаютъ почти всякія попытки творить что-нибудь на народномъ малорусскомъ языкѣ, утверждая, что для культурныхъ классовъ въ подобныхъ произведеніяхъ нѣтъ надобности, а для простонародія долженъ служить языкъ обще-русскій. Если и можно, по ихъ мнѣнію, допустить малорусскую письменность, то только какъ средство доставить возможность культурнымъ классамъ ближе ознакомиться съ этнографическими, бытовыми особенностями малорусскаго племени, при чемъ, какъ не трудно догадаться, разумѣется не какое-либо научное, а такъ сказать потѣшающее изображеніе особенностей характера южно-русскаго простолюдина, въ родѣ анекдотовъ изъ малорусскаго быта. Представители этого взгляда, сходя на практическую почву, дѣлаютъ предостереженія въ тонѣ caveant consules, прибавляя, что при настойчивости всякое нарѣчіе можно возвести на степень языка, такъ какъ между нарѣчіемъ и языкомъ слишкомъ тонкая разница, и что поэтому нужно всѣ мѣры употребить для уничтоженія съ лица земли идеи украинофильской не только въ Россіи, но даже особенно—въ Галиціи и Буковинѣ. Всѣ попытки вступать въ споръ для выясненія дѣла съ подобными противниками не приводили до сихъ поръ ни къ какимъ результатамъ, да и не могутъ привести, потому что вопросъ ставится въ такой формѣ, что на него отвѣтить нельзя, при отсутствіи довѣрія. Напрасно кто-нибудь сталъ-бы увѣрять ихъ, что политическое сепарированіе людьми противныхъ убѣжденій отнюдь не имѣется въ виду, что оно просто невозможно, что выработка мѣстной литературы имѣетъ въ виду исключительно культурныя задачи; они готовы не въ шутку, а въ серьезъ отвѣтить классической фразой: «знаемъ мы, какъ вы въ карты играть не умѣете!»...

Представители другаго мнѣнія говорятъ, что въ настоящее время нѣтъ такой малорусской интеллигенціи, которая нуждалась-бы въ удовлетвореніи высшихъ духовныхъ потребностей путемъ малорусскаго слова, простой-же народъ настолько неразвитъ, что для него книгъ съ подобнымъ содержаніемъ совсѣмъ не нужно, и что, слѣдовательно, вся задача малорусской письменности до поры до времени должна состоять въ доставленіи возможности простому люду развиваться, читая на родномъ языкѣ произведенія, содержаніемъ своимъ вполнѣ доступныя ихъ пониманію. Не отрицаютъ они настоятельной потребности поддержать малорусскую письменность, способствовать ея развитію, но только думаютъ что искусственными, такъ сказать, мѣрами достигнуть этого нельзя, а что народъ, развившись, самъ изъ себя выработаетъ двигателей литературы.

Не смотря на принципіальную разность отмѣченныхъ взглядовъ, въ результатѣ они сходятъ къ одному и тому-же—къ ограниченію и даже совершенному прекращенію малорусской письменности, по крайней мѣрѣ, къ застою въ ней—въ первомъ случаѣ невольному, въ послѣднемъ добровольному, но съ тѣми-же почти послѣдствіями, такъ какъ можно долго ждать и совсѣмъ прождать.

При такомъ положеніи основнаго вопроса о малорусской письменности странно было-бы заводить рѣчь о недавнихъ и текущихъ ея изданіяхъ: въ то время, когда одни ждали-бы появленія народныхъ геніевъ, которые двинули-бы впередъ малорусскую литературу, мы ждали-бы ихъ великихъ произведеній, чтобы повести объ нихъ рѣчь. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ слѣдуетъ отбросить спорные вопросы о томъ, *для кого* или для *чего* нужно извѣстное литературное произведеніе, а отправляясь отъ факта существованія новыхъ произведеній въ малорусской письменности, смотрѣть на нихъ, какъ на шагъ впередъ или назадъ, хорошій или дурной, во всякомъ случаѣ, какъ на извѣстное проявленіе умственной дѣятельности. Скажемъ даже болѣе: въ тотъ моментъ, когда идетъ выработка литературнаго языка, ни одно произведеніе, сколько-нибудь сносное, нельзя считать лишнимъ, такъ какъ только изъ суммы всего, путемъ талантливаго выбора, получается болѣе совершенная форма языка. Мы совершенно признаемъ справедливость слѣд. словъ г. Пыпина: «обыкновенно заслуга улучшенія литературнаго языка считается дѣломъ великихъ писателей, и не подлежитъ сомнѣнію заслуга, оказанная Ломоносовымъ, Державинымъ, Карамзинымъ, Пушкинымъ и проч.; но сущность ихъ дѣла состоитъ въ томъ, что талантъ дѣлалъ ихъ чуткими къ тому возстановляющему процессу языка, о которомъ мы говоримъ: они не занимались изобрѣтеніемъ словъ съ преднамѣреннымъ удаленіемъ чужихъ, но большею частью только художественно пользовались существовавшимъ въ оборотѣ матеріаломъ языка, и въ результатѣ ихъ дѣло казалось преобразованнымъ»[1]). Смотря съ этой точки зрѣнія, можно вполнѣ оправдать всякое, болѣе или менѣе, талантливое произведеніе; если даже оно оказывается по содержанію своему лишнимъ для лицъ, за нимъ остается все-таки важное значеніе орудія для совершенствованія и выработки самого языка. Въ особенности это должно относиться къ переводной литературѣ; въ ней всего менѣе усматривается надобности, но она служитъ хорошимъ средствомъ, такъ сказать, шлифовки имѣющагося лексическаго матеріала. Понятно, что выработка литературнаго языка не можетъ быть произведена помимо

---

[1]) „Вѣстн. Евр.“ 1882 г. № 11, стр. 187.

вліянія самого народа; напротивъ, только постигшій вполнѣ духъ народа писатель въ состояніи выработать культурный, книжный языкъ, не идущій въ разрѣзъ съ характеромъ народной живой рѣчи.

И такъ не будемъ очень строги къ выходящимъ вновь сочиненіямъ на малорусскомъ языкѣ и не станемъ много заниматься вопросомъ, для *кого* нужно каждое изъ нихъ, помня, что вопросъ этотъ въ данномъ случаѣ второстепенный.

Переходя теперь къ обозрѣнію вновь вышедшихъ въ 1882 г. книгъ на малорусскомъ языкѣ, мы раздѣлимъ ихъ на три группы: 1) изданія повторенныя; 2) новыя произведенія самостоятельныя, и 3) новые переводы съ другихъ языковъ.

I.

Повторенныя изданія, конечно, прежде всего должны быть разсматриваемы съ точки зрѣнія ихъ пригодности *для кого-нибудь*,—иначе самое появленіе ихъ вторично на свѣтъ не можетъ быть оправдано ничѣмъ, развѣ если они повторяются съ большими исправленіями прежняго. Въ 1882 г., насколько мнѣ извѣстно, вышло повторенныхъ изданій 14. Скажемъ кратко о каждомъ изъ нихъ.

1) *Бабуся зъ тою світу, оповідання про померши души.* Кіевъ 1883 г. Ц. 5 к. (Хотя поставленъ 1883 г., но вышла она 1882 г.)

Этотъ маленькій разсказъ напечатанъ былъ въ первый разъ въ «Запискахъ о южной Руси» Кулиша, а въ 1861 году изданъ былъ въ Петербургѣ отдѣльной книжечкой и, вѣрнѣе всего, тогда-же предназначался для народнаго чтенія. Понятно, если книга предназначается для народа, то можно оправдать не только второе изданіе ея, но и третье, четвертое и т. д., хотя все-таки нужно подумать и о томъ, пригодна-ли она для этой цѣли. По поводу данной книги мы должны признаться, что не вполнѣ понимаемъ цѣль и перваго ея изданія, а тѣмъ болѣе втораго, черезъ 20 съ лишнимъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ болѣе правильно установилось воззрѣніе на матеріалъ для народнаго чтенія. Разсказъ этотъ есть народная сказка, записанная П. Кулишомъ подъ Кіевомъ, содержаніе которой состоитъ въ слѣдующемъ. Баба Дубиниха, умершая и побывавшая было на томъ свѣтѣ, вернулась опять на землю и разсказываетъ о разныхъ мученіяхъ, которымъ подвергаются въ аду различнаго рода грѣшники; характеръ этихъ мученій вполнѣ, конечно, согласуется съ очень распространенными въ народѣ типическими разсказами о загробной жизни. Не говоря уже о томъ, что нѣсколько страннымъ кажется преподносить народу для чтенія то, что отъ него самого взято, о чемъ онъ самъ разсказалъ намъ, особенно въ сказкахъ, лучше другихъ видовъ его поэзіи сохраняющихся у него и до сихъ поръ;

но данная сказка, изданная печатно для народа, имѣетъ еще и ту невыгодную сторону, что способствуетъ укрѣпленію въ немъ тѣхъ суевѣрій, которыми онъ и такъ переполненъ. Пока суевѣріе изустно бродитъ въ народѣ, оно имѣетъ для него нѣкоторую прелесть поэтическаго разсказа, отъ вѣры въ правдивость котораго можно и отказаться, но подтвержденное печатно безъ всякихъ коментаріевъ оно укрѣпляется въ немъ, такъ какъ народъ *печатному вѣритъ, какъ безусловной истинѣ*, особенно въ такомъ вопросѣ, какъ загробное существованіе. Другое дѣло сказки бытовыя, и особенно историческія пѣсни, почти исчезающія изъ памяти народной; онѣ, да и то не въ первоначальномъ, а обработанномъ видѣ или, лучше сказать, въ пересказѣ съ коментаріями, могутъ составить прекрасный матеріалъ для народнаго чтенія и поученія. Прекрасный примѣръ такого изданія мы видѣли въ книгѣ «Про украинськихъ козакiвъ, татаръ та турківъ», изданной въ Кіевѣ 1876 г. и составленной въ формѣ историческаго популярнаго разсказа, освѣщеннаго народными украинскими пѣснями.

И такъ, ни перваго, ни тѣмъ болѣе втораго изданія разбираемой нами книги оправдать нельзя.

Нечего и говорить о томъ, что это изданіе не для культурныхъ классовъ, потому что кто-же издаетъ этнографическій матеріалъ въ видѣ отдѣльной сказки, облеченной въ форму 5-ти копѣечной книжки? Назначать ее для дѣтскаго чтенія, въ виду вышесказаннаго, тоже неудобно.

2) *Дві казкы. I. Півпівника, гышпанська дітська казочка, по нашому росказавъ Панько Кизюка. II. Цыганъ, урывокъ изъ казки П. А. Куліша.* Кіевъ. 1883 г. Изданіе Наголкина. (Вышла тоже не въ 1883 г., а въ 1882 году).

Подобно предыдущей книжкѣ, это изданіе является тоже повтореніемъ изданій, выходившихъ въ началѣ 60-хъ годовъ подъ названіемъ «Сільска библіотека». Первая сказка вышла въ свѣтъ первоначально въ 1861 г. и напечатана была въ «Основѣ», а затѣмъ и отдѣльно, а вторая въ 1862 г. Сказки эти значительно отличаются содержаніемъ своимъ отъ только-что разобранной, и новое изданіе ихъ вполнѣ понятно, принимая во вниманіе, что обѣ онѣ могутъ служить очень хорошимъ матеріаломъ для чтенія дѣтямъ, а также и простонародію. Въ сказкѣ «Півпівника» (половина пѣтушка) очень характерно и своеобразно объясняется обычное украшеніе на воротахъ и крыльцахъ домовъ, встрѣчающееся въ селахъ и уѣздныхъ городахъ, — пѣтушекъ металическій, вращающійся при вѣтрѣ на шпицѣ. Въ сказкѣ «Цыганъ» очень недурно освѣщено состояніе пьянаго цыгана, которому снится, что онъ

сталъ паномъ и предается разнымъ веселіямъ, живучи въ роскоши; но разбуженный прохожими, онъ насилу опомнился и съ горестью увидѣлъ себя въ своемъ прежнемъ положеніи. Обѣ эти сказочки, хотя и небогатыя содержаніемъ и мало поучительныя, могутъ однако служить интереснымъ чтеніемъ для дѣтей потому, что фабула очень проста, вслѣдствіе чего переходъ отъ неестественнаго къ естественному весьма легокъ, а въ сказкахъ предназначенныхъ для дѣтскаго чтенія, какъ мы думаемъ, это—необходимое условіе, такъ какъ черезчуръ фантастическій вымыселъ, вводящій дѣтскій умъ въ міръ чертей, вѣдьмъ и всякихъ духовъ, что такъ нравится дѣтямъ, только разстраиваетъ ихъ слабые нервы и способствуетъ ненормальному развитію фантазіи. Однимъ словомъ, новое изданіе обѣихъ книжекъ нельзя считать лишнимъ.

3) *Байки Леонида Глібова.* Выдання третье. Кіевъ. 1882 г.

Г. Глѣбовъ очень хорошо извѣстенъ слѣдящимъ за малорусской письменностью, какъ талантливый передѣлыватель басенъ, которыя первоначально печатались въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Основѣ» въ 1861—62 г., а затѣмъ два раза были изданы отдѣльной книжкой. Появленіе въ свѣтъ настоящаго третьяго изданія, сравнительно съ первыми оставшагося безъ измѣненія, свидѣтельствуетъ о томъ, что книжка басенъ его имѣетъ успѣхъ, особенно если принять во вниманіе, что первыя изданія уже года четыре тому назадъ разошлись и въ продажѣ ихъ не было. Настоящее, очень дешевое изданіе, выпущенное, какъ мы слышали, въ количествѣ 10,000 экз., сдѣлаетъ возможнымъ проникновеніе басенъ г. Глѣбова и въ крестьянскую среду, такъ какъ прежнія изданія были сравнительно дороги и потому не могли попадать къ офенямъ, черезъ которыхъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ и проникаютъ книги въ народъ. А проникновеніе подобной книги въ народъ болѣе чѣмъ желательно, особенно для чтенія крестьянскимъ дѣтямъ: языкъ безукоризненно хорошъ; фабула басенъ очень интересна и проста, аллегорія раскрывается легко, а нравоученіе высказано сжато, но сильно, что и составляетъ главное достоинство басни. Если прибавить къ этому, что сатирическій элементъ басенъ выполненъ прекрасно, какъ вслѣдствіе талантливости автора, такъ и благодаря украинскому языку, дающему всѣ средства для ироніи, то вполнѣ станетъ понятнымъ, что басни Глѣбова могутъ служить весьма интереснымъ и педагогическимъ чтеніемъ для крестьянскихъ дѣтей и даже взрослыхъ. То-же самое слѣдуетъ сказать и относительно дѣтей нашихъ культурныхъ классовъ, которые съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе отдаляются отъ роднаго мѣста; для нихъ чтеніе такихъ произведеній, какъ разбираемая нами книжка, даже необходимо, въ виду на-

стоятельной потребности развить чутье языка въ будущихъ культурныхъ дѣятеляхъ Украйны, которая въ данный моментъ очень въ нихъ нуждается. А это чутье языка лучше всего можно привить въ дѣтскомъ возрастѣ, который, съ одной стороны, болѣе воспріимчивъ, а съ другой—и на будущее время укрѣпитъ любовь къ родному языку и заставитъ помнить завѣтъ нашего украинскаго поэта: «чужому научайтесь и свого не цурайтесь».

4) *Байки по Крылову М. Старицького.* Выданнье друге, выправлене. Кіевъ. 1882 г.

Это изданіе, теперь сравнительно исправленное, вышло въ первый разъ въ 1874 г. и, подобно баснямъ Глѣбова, въ большинствѣ случаевъ составляетъ переводъ, а не передѣлку басенъ Крылова; слѣдовательно о самихъ басняхъ говорить нечего. Остается вопросъ, насколько удачно сдѣланъ переводъ, какъ по языку, такъ и по силѣ и меткости выраженій, которыя конечно должны были нѣсколько пересоздаться при переводѣ на другой языкъ. Сравнивая переводъ Старицкаго съ переводомъ Глѣбова, нужно признать, что относительно языка онъ уступаетъ послѣднему: у Глѣбова языкъ народный, ни на одномъ словѣ не запнешься, не задумаешься, ни одно выраженіе не рѣжетъ уха. У г. Старицкаго нерѣдко попадаются такія выраженія, надъ которыми остановишься по неволѣ. Быть можетъ, и у Глѣбова есть слова *кованныя*, но ихъ не чувствуешь, значитъ—они скованы совершенно по народному типу, а въ этомъ и состоитъ задача творчества языка. У г. Старицкаго многое рѣжетъ ухо, идутъ подъ рядъ такія слова, что понять ихъ—поймешь, объ ихъ значеніи догадаешься, но чувствуешь въ нихъ такой букетъ, котораго конечно никакими реальными измѣреніями не опредѣлишь, но который даетъ понять, что слово выдѣлано гдѣ-то въ особой готовальнѣ. Для примѣра хоть-бы заглавіе книжонки: «Байки *по Крылову*», или заглавіе первой же басни «*Гава* та лысыця». Если это переводъ, переложеніе, то зачѣмъ-же: *по Крылову*, а не Крылова? «Байки по Крылову»—ни по русски, ни по малорусски. Опять, къ чему эта *Гава*, когда общеупотребительно у малороссовъ тоже слово—*ворона?* Или вотъ начало этой басни:

Вже скількы разъ наказувано *мыру*,
Що щыросты въ облесныка (льстеца) нема,
Що *лестощі* (лесть)—брехня...

И далѣе:

І помынай, якъ звалы *хвалія!*

Подчеркнутыя слова понятны, они и произведены отъ употребительныхъ корней и, быть можетъ, гдѣ нибудь и употребляются, но въ данномъ сочетаніи они рѣжутъ ухо; что-же касается послѣдняго слова *хвалій* (хвалящій, льстецъ), то въ народномъ языкѣ его нѣтъ, а явилось оно у переводчика только изъ необходимости выдержать размѣръ и подобрать риѳму къ словамъ: *моя, вона* (при чемъ риѳма вышла не изъ удачныхъ). Вообще замѣтно, что не всегда риѳма во власти г. Старицкаго, а иногда онъ подчиняется ей, что конечно очень затрудняетъ плавность рѣчи. Въ этой-же баснѣ есть выраженіе, повидимому, мѣткое, исполненное образности, фигуральности, но не только неупотребительное, а положительно неестественное: «*і все ті очі заздрісні на сирові пасе*» (пожираетъ завистливыми глазами сыръ; дословно—пасетъ на сырѣ завистливые глаза). Можно-ли кусочекъ сыру сравнивать съ пастбищемъ и глаза приравнивать къ лошадямъ или воламъ?—Намъ кажется, что нашимъ переводчикамъ не достаетъ прежде правильной концепціи представленій, а потомъ уже знанія народнаго языка... Впрочемъ о языкѣ переводовъ г. Старицкаго намъ еще придется говорить по поводу новыхъ его изданій.

5) *Сорочыньський ярмарокъ*, із «Вечерівъ на хуторі біля Дыканькы» М. Гоголя. *Переклавъ М. Старицькый.* Изд. 2-е Ильницкаго. Кіевъ, 1883 г. (вышло тоже въ концѣ 1882 г.).

Когда читаешь произведенія Гоголя, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ малорусской жизни, невольно, будучи малороссомъ по происхожденію, всѣ разговоры дѣйствующихъ лицъ переводишь на народный языкъ, такъ какъ чувствуешь неестественность типическихъ малорусскихъ выраженій въ литературно-русскомъ пересказѣ. Но иное дѣло разговоры дѣйствующихъ лицъ и иное картины природы и размышленія автора, постоянно встрѣчающіяся въ разсказахъ Гоголя.

Послѣднія совсѣмъ недоступны народному пониманію, какъ по отвлеченности представленій, такъ и по изысканности поэтическихъ выраженій, совершенно несходныхъ съ поэтическими народными образами. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли простолюдинъ не то что проникнуться величіемъ слѣдующаго мѣста, но даже просто понять его: «Какъ томительно жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ!» А вѣдь такихъ мѣстъ въ разсказѣ много. Да не только это мѣсто, но иное и попроще при чтеніи представитъ неодолимое затрудненіе, напримѣръ, обтиралъ онъ потъ съ длинныхъ усовъ, «напудренныхъ тѣмъ неумолимымъ па-

рикмахеромъ, который безъ зову является, и къ красавицѣ, и къ уроду и насильно пудритъ нѣсколько тысячъ уже лѣтъ весь родъ человѣческій». Г. Старицкій, повидимому, самъ чувствовалъ, что такія мѣста, какъ ихъ не переводи, будутъ непонятны для народа, и потому приведенное мѣсто онъ совсѣмъ измѣнилъ, не сдѣлавъ его нисколько понятнѣе, а въ художественномъ отношеніи просто исковеркавъ его: онъ нашелъ возможнымъ парикмахера замѣнить *мірошныкомъ* (мельникъ), и вотъ этотъ мірошныкъ *борошныть* (обсыпаетъ мукой) *увесь рідъ людськый*—картина далеко не изъ удачныхъ. Другое подобное мѣсто приведемъ цѣликомъ въ подлинникѣ и переводѣ, чтобы читатели могли судить о томъ, къ чему могутъ приводить усилія людей, которые не желаютъ знать никакихъ трудностей. Вотъ заключительныя слова разсказа Гоголя:

«Не такъ-ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхо слышитъ уже грусть и пустыню и дико внемлетъ ему».

«Чи не такъ пакъ, радосте, хороша та непосыдячая госте, і ты одъ насъ лынешъ-зныкаешъ, і даремне самотній згукъ *дума зъявити веселощъ?* Въ свойімъ власнімъ *лунанні* уже чуе вінъ смутокъ і пустку і прыслухается дыко до ёго».

Оставляемъ въ сторонѣ частности языка, такъ какъ, повторяемъ, о языкѣ произведеній г. Старицкаго будетъ еще рѣчь впереди.

6) *Різдвяна ніч, музыкальна комедія въ 4-хъ діяхъ. (Тема по Гоголю). Текстъ і вірші М. Старицького. Муз. М. Лысенка.* Выданнье 3-е. Кіевъ, 1882 г. Ц. 50 к.

Третье, исправленное и даже передѣланное изданіе! Значитъ, оно цѣнится, оно удовлетворяетъ чьимъ-то потребностямъ, или вкусамъ? Чѣмъ-же именно удовлетворяетъ? Тутъ разсказъ Гоголя «Ночь передъ Рождествомъ» въ драматической формѣ, при томъ съ музыкою г. Лысенка. Сюжетъ, форма, музыка—вотъ въ чемъ главная приманка изданія, но и языкъ здѣсь гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ г. Старицкаго; онъ менѣе страдаетъ вычурностью и свѣжевыкованныхъ словъ въ «Різдвяной ночи» можно встрѣтить очень мало. Объясняется это тѣмъ, что всѣ дѣйствующія лица—изъ простонародія, при чемъ сама разговорная форма рѣчи не требовала отъ автора излишней ковки, такъ какъ всѣ разговоры не выходятъ за предѣлы обыденной народной жизни и, слѣдовательно, народнаго матеріала языка оказывалось вполнѣ достаточно для передачи понятій.

7) *Простакъ, або хытрощі жінкы, перехытрені москалемъ. Комедія въ одній дійі. Соч. В. О. Гоголя.* Друге выдання. Кіевъ, 1882 г. Ц. 15 к.

Это, такъ сказать, нашъ *старый другъ;* онъ хотя не лучше новыхъ двухъ, но, при настоящей бѣдности украинской драмы, можетъ сослужить свою службу. Это единственная уцѣлѣвшая отъ Гоголя - отца комедійка; о ней, со времени ея появленія въ свѣтъ (напечатана въ первый разъ въ «Основѣ» за 1862 г., № 2, и затѣмъ издана отдѣльно въ Кіевѣ въ 1872 г.; также помѣщена въ галицкомъ изданіи: «Руська Бібліотека» т. I) и по поводу постановки ея на сценѣ было много самыхъ разнородныхъ отзывовъ. Приведемъ лучшій изъ этихъ отзывовъ, который принадлежитъ извѣстному П. А. Кулишу. «Василій Аѳанасьевичъ Гоголь, говоритъ онъ, будучи живымъ членомъ своего общества, захватилъ въ свое творчество украинской простонародной жизни столько, сколько тогдашнее общество требовало для ея возсозданія. Шутка и пѣсня для пріятнаго провожденія времени—вотъ все, чего могъ искать писатель тогдашній въ оставленномъ дворянами родномъ быту; и Гоголь - отецъ очень искусно и умно почерпнулъ изъ него эти элементы для своей комедіи. Отъ первой до послѣдней сцены онъ сохранилъ во всемъ естественность и правдоподобіе. Простота изложенія, умѣренность каррикатуры, ровность хода всей пьесы ясно указываютъ, что этотъ человѣкъ, въ другомъ кругу, при другой образованности и при иныхъ требованіяхъ общества, пошелъ-бы далеко на пути художественнаго творчества. Мы въ этомъ убѣждены тѣмъ болѣе, что комизмъ его не ограничивается отдѣльными выраженіями, которыхъ немудрено набрать человѣку съ талантомъ въ простонародной украинской рѣчи: нѣтъ, у него онъ истекаетъ изъ самаго положенія вещей въ убогой сельской хатѣ и отзывается тѣмъ глубокимъ комизмомъ, которымъ Гоголь—сынъ умѣлъ наводить смѣющагося читателя на грустныя размышленія» [1]). Этими словами г. Кулиша вполнѣ характеризуется разбираемая нами пьеса и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется и водевильное отношеніе нашихъ старыхъ писателей къ народу. По поводу этого послѣдняго конечно нужно желать, чтобы комедіи въ родѣ «Простака» стушевывались среди обилія серьезныхъ украинскихъ драмъ; но подвергать ихъ злому осужденію и даже изгнанію, какъ это дѣлаютъ иные, право не слѣдуетъ, такъ какъ надо помнить, что не въ этой веселой шуткѣ сказывается насмѣшка надъ народомъ, а въ болѣе серьезныхъ и глубокихъ сторонахъ жизни нашихъ культурныхъ классовъ.

8) *Орыся, іділлія П. А. Кулиша.* Кіевъ, 1833 г. (вышла въ концѣ 1882 г.). Изд. Наголкина.

Она представляетъ собою такой задушевный, простой разсказъ, что мы безъ всякаго упрека встрѣчаемъ его и теперь, спустя 25 лѣтъ. Раз-

---

[1]) „Основа", 1862 г., № 2, стр. 22.

сказъ этотъ дѣйствуетъ успокоительно на нервы, перенося насъ въ тотъ тихій, мирный кругъ, который и существуетъ только въ поэзіи; для простолюдина-же разсказъ этотъ тѣмъ болѣе можно считать вполнѣ пригоднымъ, что не все-же жить ему тяжелой будничной жизнью, а не мѣшаетъ хоть изрѣдка улетать мечтами въ иную, пожалуй неосуществимую, но за то спокойно-радостную обстановку. Къ сожалѣнію, и на этотъ разъ идиллія издана безъ картинокъ, которыя были приготовлены для перваго изданія 1861 г., но не были къ нему приложены. Идиллія эта была переведена на нѣмецкій языкъ въ 1868 г. и помѣщена въ «Fliegende Blaetter». Какъ ни привлекательна и свѣжа «Орыся» и послѣ 25-тилѣтней жизни, но новому издателю ея, г. Наголкину, все-таки не слѣдовало выпускать ее въ свѣтъ совсѣмъ молоденькою и хоть намекнуть на то, что это уже 2-ое изданіе.

9) *Не можна бабі Парасці вдержатись на селі. И. Левицького.* Кіевъ. 1882 г.

10) *Благословіть бабі Палажці скоропостижно вмерти. Его-же.* Кіевъ. 1882 г.

Эти маленькіе разсказы принадлежатъ хорошо извѣстному въ Малороссіи современному писателю И. С. Левицкому, который подарилъ украинскую литературу многими талантливыми произведеніями. Первый изъ этихъ разсказовъ, насколько помнится, былъ первоначально помѣщенъ въ «Кіевлянинѣ» и въ галицкой «Правдѣ» за 1874 г., потомъ вошелъ въ цѣлый томъ повѣстей автора, изданный въ 1874 г., затѣмъ вышелъ въ 1875 г. отдѣльной книжечкой, и наконецъ теперь явился вторымъ отдѣльнымъ изданіемъ. Второй разсказъ, напечатанный первоначально въ галицкой «Правдѣ» за 1875 г., появился отдѣльной книжечкой въ 1875 г. и теперь тоже изданъ 2-ой разъ. Оба разсказа совершенно противоположны по сюжету только-что разобранному: тутъ ужъ и намека нѣтъ на идиллію, а самая будничная крестьянская проза съ особымъ оттѣнкомъ сельской жизни, въ которой постоянно встрѣчаются выведенныя въ разсказахъ бабы Параска и Палажка. Это—типическія сварливыя бабы; каждая изъ нихъ желаетъ представить себя несчастной, обижаемой, никому не желающей зла, но въ то-же время мимовольно обнаруживающей самые острые, ѣдкіе когти; это большія щебетухи, способныя въ одну минуту насказать всякой грязи противъ всѣхъ и въ то-же время рекомендующія себя какъ нельзя болѣе со стороны смиренія и полнаго незлобія. Надо отдать справедливость автору, что типы эти подмѣчены и схвачены имъ замѣчательно живо, но оба эти разсказа одинъ безъ другаго являются неполными; по нашему мнѣнію, необходимо читать ихъ оба подъ рядъ, а для этого лучше-бы и издать ихъ въ одной книжкѣ, а не каждый отдѣльно.

11) *Дві московки. Повість И. Левицького.* Кіевъ. 1882 г. Ц. 40 к.

Эта повѣсть Левицкаго у насъ, въ Россіи, появляется теперь впервые въ печати, первоначально-же она была напечатана въ 1868 году въ Галиціи въ газетѣ «Правда», а затѣмъ вошла въ отдѣльный томъ сочиненій автора—«Повісті І. Нечуя» (псевдонимъ), изданныя во Львовѣ въ 1872 г. Сюжетъ ея, взятый изъ народнаго быта, относится ко временамъ давно минувшаго крѣпостнаго права, долгой солдатской службы и существованія военныхъ кантонистовъ. Разсказъ представляетъ полную горя и страданій жизнь двухъ солдатскихъ женъ, или по народному «московокъ», т. е. такихъ двухъ женщинъ, которыя имѣли несчастье выйти замужъ за двухъ односельчанъ, попавшихъ раньше въ военную службу и потомъ получившихъ безсрочный отпускъ. Это двѣ крестьянскія дѣвушки одного украинскаго села Ганна и Марина, не знавшія горя до замужества, горячо любившія другъ друга и даже влюбившіяся въ одного и того-же отпускнаго солдата. Марина должна была уступить Ганнѣ жениха и выдти замужъ за нелюба, также солдата; но жизнь обоихъ одинаково печально идетъ и заканчивается. Мужей снова потребовали въ службу, и обѣ подруги остались такъ называемыми соломенными вдовами, лишившись своихъ кормильцевъ и вмѣстѣ возможности вступить въ новое замужество. Обѣ живутъ въ нуждѣ и горѣ. Ганна сосредоточиваетъ свою любовь на сынѣ, а Марина гуляетъ съ «хлопцями», насколько позволяетъ строгость сельскихъ нравовъ и отношеній. Но едва подросшаго сына Ганны берутъ въ школу военныхъ кантонистовъ, гдѣ его чистая натура совершенно извращается и даетъ самый жалкій и уродливый типъ разгульнаго военнаго писаря, утратившаго въ казарменной атмосферѣ всякое природное и нравственное чувство. Уже одно то, что по уходѣ мужа Ганны, болѣе не возвращавшагося, отъ нея насильно оторвали единственное любимое существо—малолѣтняго сына, надломило ея силы; но когда она, спустя много лѣтъ, получила отъ него дикое письмо изъ Тулы, не оставлявшее сомнѣнія въ томъ, что сынъ ея нравственно умеръ для нея,—одно сознаніе того, что не осталось уже для нея никакой радости и надежды въ этомъ мірѣ, помимо подавляющей нищеты, подкосило ея жизнь, и она умерла на рукахъ подруги юности своей Марины, а эта послѣдняя, не знавшая привязанности и счастья въ мимолетномъ бракѣ, послѣ недолгаго раздумья, переходитъ, по совѣту одной случайной знакомой, въ большой городъ, отдается грубому разврату и въ пьяныхъ ночныхъ оргіяхъ съ солдатами печально кончаетъ жизнь среди улицы.

Судьба этихъ двухъ московокъ не придумана искусственно, но списана авторомъ съ натуры; въ старое время такіе факты семейнаго не-

счастья были обыденнымъ явленіемъ. По нѣжности струнъ, которыя звучатъ въ повѣсти, по типичности характеровъ, выведенныхъ въ ней, повѣсть «Дві московки» прочтется съ удовольствіемъ въ бѣдномъ сельскомъ кругу, не только, какъ воспоминаніе о недавнемъ прошломъ, но и какъ варіація тѣхъ испытаній судьбы, которыя и теперь такъ нерѣдки въ сельской жизни. Въ художественномъ отношеніи повѣсть представляетъ нѣкоторые недостатки; ея сюжетъ нѣсколько устарѣлъ, тема семейныхъ несчастій въ простомъ быту довольно избита и затаскана, въ добавокъ эта слащавость въ описаніяхъ природы и красоты того или другаго лица, составляющая органическій недостатокъ автора и повторяющаяся во всѣхъ почти его повѣстяхъ.

12) *Катерына. Т. Шевченки.* Кіевъ, 1882 г., изд. 4-е.

Хотя въ заглавіи этой книжечки только стоитъ «Катерина», но въ видѣ сюрприза для читателя въ концѣ помѣщена еще и извѣстная дума кобзаря «Перебендя». Говорить что-нибудь объ этомъ изданіи совершенно излишне; тутъ само за себя говоритъ имя Шевченка и то обстоятельство, что, не смотря на 10 изданій его «Кобзаря» и 3 изданія отдѣльными книжечками, настоящеее изданіе вышло въ 25 тысячахъ экземпляровъ. Не въ убытокъ-же и не по прихоти предпринимаются такія изданія!

13) *Де-що про світъ Божій.* Выдан. 4-е Л. Ильницкаго. Кіевъ 1882 г. Ц. 20 к.

Это—единственная книжка изъ всѣхъ повторенныхъ изданій, относящаяся къ научно-популярнымъ изданіямъ, предназначеннымъ для народа. Если не ошибаемся, подобныя книги на малорусскомъ языкѣ ведутъ свое начало съ 1839 года, когда появилась книжечка *Грыцька Основьяненка*: «Лысты до любезныхъ земляківъ», издан. въ Харьковѣ. Содержаніемъ своимъ книжка эта обнимала главные вопросы, экономическіе, административные, судебные и др., которые ежедневно являются въ жизни простолюдина. Въ свое время книжечка Основьяненка (Квитки) произвела самое благопріятное впечатлѣніе, такъ что даже рецензентъ «Маяка» 1840 г. предлагалъ перевести ее на русскій языкъ и десятками тысячъ выпустить въ свѣтъ по дешевой цѣнѣ. Но, не смотря на такіе отзывы, «Лысты» эти долгое время не имѣли подражателей, и только въ концѣ 50-хъ годовъ стали появляться опять научно-популярныя книжки для народа, какъ, напримѣръ, хорошо извѣстные всѣмъ «Лысты зъ хутора». Къ этому-же періоду относится и первое изданіе разбираемой нами книги «Де-що про світъ Божій», изданной въ Кіевѣ въ 1863 году «коштомъ К. Гурта» (т. е. компанейски). Второе изданіе ея тоже было въ Кіевѣ въ 1871 г., третье—въ Одессѣ въ 1874 г., и на-

конецъ, настоящее четвертое изданіе—опять въ Кіевѣ. Цѣль книги познакомить простолюдина съ міромъ Божіимъ въ его главнѣйшихъ проявленіяхъ, а именно: тутъ разсказывается о землѣ, о солнцѣ, о звѣздахъ, о мѣсяцѣ, о теплотѣ, о водѣ, о воздухѣ, о погодѣ, а въ видѣ предисловія стоитъ глава—о грамотности (про письменство). Книга эта оказалась составленной настолько хорошо, что не только выдержала три изданія, но и была переведена на русскій языкъ въ 1872 г. («Свѣтъ Божій», изд. Черкесова), каковой переводъ одобренъ и ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

14) *Сцены и разсказы изъ малорусскаго народнаго быта. Петра Раевскаго.* 4-е издан. дополненное. Кіевъ, 1882 г. Изд. Корейво.

Если книжка появляется въ свѣтъ 4-мъ изданіемъ, значитъ она находитъ кругъ своихъ читателей. Несмотря на это, мы понять не можемъ, какія достоинства названной книги могутъ заставить читать помѣщенные въ ней разсказы. Это цѣлый рядъ очень неостроумныхъ анекдотовъ, желающихъ представить нашего простолюдина въ смѣшномъ видѣ. «Смѣяться, право, не грѣшно надъ тѣмъ, что истинно смѣшно», и мы понимаемъ смѣхъ надъ порокомъ, какъ нравственнымъ недостаткомъ; но когда все остроуміе основано на томъ, что мужикъ лимоны называетъ «фылымонамы» и, думая, что они вкусны, покупаетъ и ѣстъ ихъ, браня продавца, то невольно вспоминается очень дешевый балаганный пріемъ остроумія. А между тѣмъ во всей книжкѣ найдется не болѣе 5 разсказовъ (изъ 48), заключающихъ въ себѣ сколько нибудь дѣйствительнаго остроумія и юмора.

Такова малорусская письменность 1882 г. въ изданіяхъ повторенныхъ!

Повія, романъ П. Мирного. Частина перша. („Рада", украинскій альманахъ. Кіевъ, 1883 г.) [1]).

Романъ изъ крестьянскаго житья, картина жизни народа.... вотъ задача, передъ которой остановилась русская беллетристика. Попытокъ было много, но многое-ли сохранило жизнь изъ всего этого? Кому удалось справиться съ этой задачей? Тотъ, кому нѣтъ ничего недоступнаго: Левъ

---

[1]) Авторъ этой замѣтки, препровождая ее въ редакцію журнала, пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „историческая наука, повернувшая съ дороги протоколированья внѣшнихъ фактовъ и событій на путь изученія нравовъ, направленій мысли и измѣненій во времени характера и духа человѣка, все болѣе и болѣе даетъ цѣну художественному воспроизведенію жизни и стала вѣрить прозорливому, творческому оку поэтовъ наравнѣ съ несомнѣнными историческими документами. Художественный романъ, какъ

Толстой, въ «Утрѣ помѣщика», въ «Казакахъ», «Поликушкѣ», военныхъ разсказахъ, — далъ живые типы. Въ «Запискахъ Охотника» типы эти только угаданы, намѣчены силуэтами... Зналъ и умѣлъ писать ихъ Мельниковъ, Глѣбъ Успенскій, кой-гдѣ Рѣшетниковъ... Перечень не великъ для такой литературы какъ русская, хотя въ ней произведеній изъ крестьянской жизни появляется многое множество. Отличительная черта этихъ вещей—безграничность обобщеній, трактованье *народа*, какъ какой то однородной, собирательной единицы, воспроизведеніе его съ исключительной точки зрѣнія его сословнаго и имущественнаго положенія. Въ лицахъ этихъ произведеній нѣтъ правдивой внутренней жизни, нѣтъ индивидуальности, а то художественное произведеніе, гдѣ нѣтъ живого *человѣка*,—мертво и обречено заранѣе на равнодушіе и забвеніе. Вотъ почему такъ слабъ успѣхъ многочисленныхъ повѣствователей „изъ народнаго быта" и не только шаблонныхъ, не знающихъ народной жизни, хотя и гуманно настроенныхъ, но и даровитыхъ, какъ напр. Златовратскій, облекающій въ простонародныя формы свои идеалы и мечтанія и тѣмъ лишающій свои произведенія существеннѣйшаго элемента въ искуствѣ—правды.... — Нѣтъ знанія народной жизни и нѣтъ также въ изображеніи этой жизни *человѣка*, вѣрнаго чутья его внутренняго міра, его души, его характера.

Малорусская словесность всегда сохранила преимущество въ этомъ отношеніи. Будучи простонародною съ самаго возникновенія, элементарнымъ требованіемъ ставила она знаніе народной жизни. Она не избѣгла вліяній времени: сентиментализма и т. под., но въ коренныхъ своихъ представителяхъ высоко держала знамя правды. Шевченко, дивный самородокъ, сочетавшій „полетъ орла съ сердцемъ голубицы", даръ поэтическаго творчества съ непосредственностью крестьянскаго міросозерцанія, голосомъ самаго народа пѣлъ о его долѣ, о его прошломъ. Квитка

наиболѣе совершенная и наиболѣе захватывающая форма поэзіи, доведенный до того развитія, на которомъ онъ находится нынѣ, становится картиной текущей жизни, уясняетъ ея смыслъ, освѣщаетъ общественные типы и будущему историку даетъ самый богатый, самый живой матеріалъ для изученія даннаго историческаго момента. „Comedie Humaine" Бальзака, романы Диккенса, Тэкерэя, Додэ—суть „человѣческіе документы", историческіе матеріалы, обойдти которые не будетъ въ правѣ будущій бытописатель. Что замѣнитъ Гоголя въ изученіи жизни и многообразныхъ типовъ крѣпостной эпохи и въ представленіи гнили, вызванной удушливой атмосферой бюрократизма и отсутствія живой струи общественной самодѣятельности? Можетъ-ли миновать будущій историкъ русскаго общественнаго развитія романы Тургенева, и гдѣ, какъ не въ „Аннѣ Карениной" найдетъ онъ болѣе яркую картину жизни культурныхъ классовъ нашей эпохи и разложенія такъ называемаго высшаго круга?... Повторяемъ эту азбуку для тѣхъ, кому могло-бы показаться страннымъ появленіе въ историческомъ журналѣ строкъ, посвященныхъ бытовому роману"...

въ «Марусѣ» представилъ неувядаемое откровеніе сельскаго духа, начерталъ эпопею сельскаго трудоваго житья. Кулишъ, своимъ свѣтлымъ умомъ, бросалъ лучи на настоящее и прошлое... Произведенія второстепенныхъ, даже мелкихъ, талантовъ держались требованій правдивости. Установился извѣстный уровень; всякая фальшь, безъ которой, конечно, не обходилось, скорѣе изобличалась, быстрѣе бросалась въ глаза.... Въ послѣдніе годы, не оскудѣвающая нива украинской поэзіи вывела новаго дѣятеля: авторъ «Двухъ Московокъ», «Бурлачки» и другихъ превосходныхъ вещей г. Левицкій завоевалъ симпатіи своимъ многостороннимъ поэтическимъ дарованіемъ.

Предъ нами первая часть обширнаго произведенія новаго писателя. Нельзя представить себѣ ничего проще этого начала романа, гдѣ нѣтъ ни тѣни разсчитанности, ни одной черты, бьющей на эфектъ. Отчего же нельзя оторваться отъ этихъ строгихъ, скромныхъ страницъ? Отчего исторія этой крестьянки, у которой въ зимнюю вьюгу замерзъ мужъ, возвращавшійся съ ярмарки, и которую преслѣдуетъ деревенскій міроѣдъ за то, что сынъ его любитъ ея молодую дочь и можетъ на ней жениться, отчего эта драма, простая какъ сама жизнь, такъ живо захватываетъ все существо? — Оттого что предъ вами живутъ люди во всей своей реальности, оттого что страданіе злополучной Приськи прочувствовано и передано съ такою силой и правдой, которыя говорятъ не только о большомъ талантѣ, но и о высокой душѣ. Предъ вами всѣ изгибы внутренняго міра несчастной старухи, съ *ея* мыслію, *ея* міровоззрѣніемъ; здѣсь она сама, съ ея изстрадавшимся, измученнымъ лицомъ, ея больнымъ духомъ, ея смертной тоской. Эта искренность, эта сила образа дѣлаютъ его близкимъ и роднымъ. Въ сценахъ самыхъ простыхъ, безконечно простыми „пріемами", обыденными, *простыми* словами, авторъ достигаетъ высокаго трагизма. Такова сила трезваго искуства и такова сила таланта, когда онъ направленъ на добро! Когда народная жизнь рисуется съ такимъ глубокимъ проникновеніемъ въ душу выводимыхъ людей, съ такимъ неложнымъ знаніемъ, — тогда какимъ неожиданнымъ свѣтомъ озаряется она, насколько живѣе мы начинаемъ чувствовать и понимать ее!...

Г. Мирный — полный хозяинъ въ изображаемой средѣ. Народная жизнь—это ясно—извѣстна ему во всѣхъ подробностяхъ, во всѣхъ изгибахъ. Онъ проникнутъ народнымъ міровоззрѣніемъ... Писать по малорусски возможно всякому, знающему языкъ, но стать правдивымъ изобразителемъ народной малорусской жизни можетъ только писатель, дышавшій за одно съ той жизнью, жившій ею, полный ея образами, думающій по-малоруски. Разверните любую страницу „Повіи". Какое

полное отсутствіе малѣйшаго усилія; какъ въ рѣчахъ, въ описаніяхъ, въ обстановкѣ все является само собою, на своемъ мѣстѣ и въ свое время. Писатель видѣвшій народную жизнь мелькомъ, налетами, заботясь о вѣрности «обстановки», ударится въ фотографію и потеряется въ мелочахъ. Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго. Языкъ живой и естественный, хранитъ цѣломудренность народной рѣчи и брезгаетъ «ковкой». Авторъ слишкомъ хорошо знаетъ его, чтобъ прибѣгать къ выдумкѣ. Читая «Повію», чувствуешь красоту и образность этой рѣчи и видишь воочію, какое значеніе имѣетъ она, когда ею, этимъ *народнымъ словомъ*, описывается жизнь народа. Этотъ языкъ слитъ со всѣмъ складомъ понятій, выросъ со всею духовною природою украинца, и гдѣ найдти лучшихъ красокъ для изображенія его жизни, какъ не въ его родномъ словѣ?

Судьбу Приськи и ея дочери могутъ находить слишкомъ исключительною, краски писателя слишкомъ мрачными. Мы скажемъ на это, что нѣтъ въ этой судбѣ ни одной черты, ни одной подробности, которая не была бы вполнѣ обыденна, вполнѣ реальна и возможна. Авторъ не говоритъ и не хочетъ сказать, чтобъ такъ жили всѣ женщины въ народѣ. Изъ массы типичныхъ явленій онъ беретъ то, которое нужно для задуманной имъ романической коллизіи. Это—его право. На ряду съ жизнью этихъ двухъ женщинъ рисуются разнообразныя фигуры крестьянства, отъ бездушнаго, злого стяжателя и воротилы Грицька Супруненка, злого генія Приськи, до прямодушнаго, добраго Карпа и его жены, этой честной пары, оставляющей такое благое, умиротворяющее впечатлѣніе. Описываетъ ли онъ волостной судъ или сельскую сходку, въ крестьянской толпѣ вы узнаете знакомыя, живыя лица. Но центромъ дѣйствія, согласно жизни, остается все та-же тѣсная, низенькая хата, съ ея убогой обстановкой, длинными трудовыми буднями, ея вѣчной заботой...

Только разъ, въ одной главѣ, разсѣевается немного этотъ мракъ. На дворѣ рождественская ночь, колядки. Христя (очевидно главное лицо романа, находящееся еще на второмъ планѣ), урвавшись на минуту отъ матери, идетъ колядовать съ дивчатами. Какой поводъ для шаблоннаго романиста уснастить всю эту сцену этнографическими подробностями и блеснуть легкой эрудиціей, доставляемой съ полокъ библіотеки! У г. Мирного на первомъ планѣ *люди*, а не *обычаи*, и все выступаетъ въ мѣру, все рисуется естественнѣе и ярче. Эта пятая глава заключаетъ въ себѣ сцену любви и проникнута поэзіей глубокой и непорочной, какъ лунный свѣтъ, озаряющій эту зимнюю ночь.

Говоря о первой части обширнаго цѣлаго, мы можемъ навлечь на себя упрекъ въ поспѣшности заключеній. По счастью г. Мирный далеко

не новичекъ въ литературѣ и далъ блистательныя свидѣтельства своего дарованья. Извѣстенъ романъ его, написанный въ сотрудничествѣ съ другимъ писателемъ, вышедшій за границей. Это произведеніе рано или поздно должно быть возвращено родной литературѣ и занять въ ней видное мѣсто. Въ львовской газетѣ „Правда", въ тѣ годы, какъ она получалась въ Россіи, появились еще два разсказа автора «Повіи». Къ несчастью они не вышли отдѣльно и теперь извѣстны только небольшому числу завзятыхъ книжниковъ.

„Лихий попутавъ"—первое, молодое произведеніе писателя—исторія горя и радостей сельской дивчины, убогой наймички. Она служила въ городѣ и тамъ мелькнулъ ей заманчивый обликъ счастья. Неумирающая потребность этого счастья и жажда любви, присущая молодой порѣ, ослѣпили ее. Оказался обманъ. Наступили черные дни искупленія, безъ просвѣта, безъ надежды впереди. Этотъ разцвѣтъ безхитростной, простой души и постепенное, тяжелое ея увяданіе исполнены свѣжести и чувства.

„Пьяниця"—другой психологическій этюдъ.—Молоденькій чиновникъ, существо робкое, тихое, «осмѣлился» полюбить дочь хозяйки — мѣщанки, у которой стоитъ на квартирѣ. Первымъ поводомъ сближенія была его скрипка, его музыка. Потомъ пошли уроки грамоты. Тихое счастье этой художественной нѣжной натуры было разбито вдругъ, съ неожиданной, дружеской стороны. Пріѣхалъ братъ чиновника и, съ опытностью браваго, красиваго молодца, посмѣялся надъ мечтами любви, одержавъ легкую побѣду. Маленькій чиновникъ запилъ съ горя и превратился скоро въ забитое, вѣчно пьяное, несчастное созданіе, шута и посмѣшище веселыхъ посѣтителей губернскихъ бабаковъ. Личность этого чиновника отличается необыкновеннымъ рельефомъ и весь разсказъ дышетъ гуманнымъ чувствомъ.

Г. Мирный по преимуществу психологъ. Привѣтствуя его съ глубокимъ сочувствіемъ, мы не можемъ не порадоваться той пользѣ, которую его замѣчательный талантъ душевнаго анализа, въ соединеніи съ его знаніемъ быта народа, можетъ принесть въ изученіи народной жизни и типовъ народной среды. Всѣ любители малорусскаго слова ознакомятся конечно съ его романомъ Въ сборникѣ «Рада» они найдутъ, кромѣ того, новую повѣсть Левицкаго, мастерской, граціозный «капризъ» Мордовцева и, съ подписью «Ратай», нѣсколько звуковъ той кобзы, къ знакомому голосу которой нельзя никогда оставаться равнодушнымъ.

В. Г—ко.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

УПЫРИ.

(Изъ исторіи народныхъ вѣрованій).

Цѣль настоящей замѣтки сообщить читателю нѣкоторыя историческія свѣдѣнія объ упыряхъ, т. е. такія свѣдѣнія, которыя относятся къ извѣстному времени и мѣсту и даже къ опредѣленному лицу. Но, разумѣется, въ этомъ случаѣ нельзя обойтись безъ указанія на общія представленія народа объ упыряхъ.

Аѳанасьевъ, обобщивъ народныя вѣрованія малороссовъ и бѣлоруссовъ въ упырей, пришелъ къ тому выводу, что упыри—это злобные, блуждающіе мертвецы, которые при жизни своей были колдунами, вовкулаками и вообще людьми отверженными церковью, каковы: самоубійцы, опойцы, еретики, богоотступники и проклятые родителями [1]). Не смотря на то, что приведенное опредѣленіе очень широкое, оно однако не обхватываетъ всего содержанія, заключающагося въ понятіи *упырь*. Нужно, слѣдовательно, обратиться къ самымъ народнымъ воззрѣніямъ.

По однимъ представленіямъ нашего народа, упырь есть ублюдокъ отъ чорта или вовкулака и вѣдьмы. Отсюда и поговорка: *упырь и непевный усімъ відьмамъ родичъ кревный*. Но онъ живетъ, какъ обыкновенный человѣкъ, отличающійся лишь злостью [2]). По другому вѣрованію, упыри имѣютъ только образъ человѣческій,

---

[1]) Поэтич. воззрѣніе славянъ на природу, 1869 г., т. III, стр. 557.

[2]) Обычаи, повѣрья и кухня Малорос. Н. Маркевича. К. 1860 г., стр. 78.

а въ сущности они настоящіе черти [1]). Есть и такое вѣрованіе, что упыри—это трупы вѣдьмъ, колдуновъ и другихъ людей, въ которыхъ послѣ ихъ смерти помѣстились черти и приводятъ ихъ въ движеніе [2]). Упыремъ, впрочемъ, можетъ сдѣлаться всякій человѣкъ, если только его *овѣетъ* степной вѣтеръ [3]). По внѣшнему виду упырь въ однихъ мѣстахъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго человѣка, въ другихъ мѣстахъ его представляютъ человѣкомъ съ очень румянымъ лицемъ [4]). На правой сторонѣ Днѣпра есть еще особый видъ упырей. Упырями тамъ называютъ дѣтей съ большой головой, съ длинными руками и ногами, словомъ, страдающихъ размягченіемъ костей, или англійской болѣзнью. Такіе уроды „*безъ костей*" носятъ названіе *одміны* (по великорусски обмѣнишъ, или сѣдунъ), потому что ихъ подбрасываетъ людямъ нечистая сила въ замѣнъ выкраденныхъ человѣческихъ младенцевъ [5]). Въ проскуровскомъ уѣздѣ под. губ. народъ знаетъ дѣленіе упырей на двѣ категоріи—живыхъ и мертвыхъ. Отличительные признаки мертвеца-упыря тѣ, что у него лице красное, лежитъ онъ въ гробу навзничь и никогда не разлагается; у живого лице тоже красное, хотя-бы онъ былъ и старикъ, и кромѣ того чрезвычайно крѣпкое тѣлосложеніе. Эта крѣпость тѣлосложенія необходима ему потому, что, по мѣстному вѣрованію, ему приходится таскать на своей спинѣ мертваго упыря; послѣдній безъ перваго не можетъ быть вреденъ, такъ какъ онъ не можетъ ходить [6]).

По общераспространенному вѣрованію малороссовъ, упыри-мертвецы днемъ покоятся въ могилахъ, будто живые, съ краснымъ или, лучше, окровавленнымъ лицемъ. Ночью встаютъ изъ гробовъ и бродятъ по свѣту. При этомъ они летаютъ по воздуху или вылазятъ на могильные кресты, производятъ шумъ, пугаютъ путниковъ, гоняясь за ними. Но болѣе страшны они тѣмъ, что, входя въ дома, бросаются на сонныхъ людей, въ особенности на младенцевъ, и

---

[1]) Труды этногр. стат. экспедиціи въ зап.-руск. край, Чубинскаго, т. 1, в. 1, стр. 205.

[2]) Lud ukrain. Nowosielskiego, 1857, II, 161.

[3]) Аѳанасьевъ, III, 569.

[4]) Lud polski, Gołębiowskiego, 1830, стр. 150.

[5]) Lud ukrain. II, 161.

[6]) Труды экспед. въ зап.-р. край, т. I, стр. 206.

высасываютъ у нихъ кровь, причиняя этимъ смерть. Хожденіе ихъ по свѣту продолжается, какъ и остальной нечисти, до тѣхъ поръ, пока не запоютъ пѣтухи. Чуму и другія эпидемическія болѣзни, также засуху, неурожаи и другія общественныя бѣдствія тоже приписываютъ упырямъ и упырицамъ [1]). Упырь—одмина, кажется, не вредитъ людямъ, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не ходитъ, а лишь можетъ сидѣть или лежать на одномъ мѣстѣ. Онъ приноситъ даже пользу, потому что, отличаясь предвѣденіемъ будущаго, занимается предсказываніемъ того, что должно случиться съ людьми. Такой упырь, собственно говоря, никогда не умираетъ; когда его похоронятъ, онъ появляется въ другомъ мѣстѣ и начинаетъ вновь предсказывать будущее [2]).

Избавлялись отъ упырей, выходившихъ изъ могилъ, тѣмъ, что отканывали ихъ трупы и пробивали грудь осиновымъ коломъ. Но это средство не всегда помогало. Тогда считали необходимымъ прибѣгнуть къ болѣе радикальному средству—сжечь трупъ упыря. А если за упыря признавали живаго человѣка, то онъ долженъ былъ погибнуть на кострѣ. И дѣйствительно въ старину у насъ, какъ и на западѣ, во время засухъ и мора, сожигали на огнѣ упырей и вѣдьмъ [3]). Для того, чтобы окончательно лишить упыря возможности вредить людямъ, передъ сожженіемъ его прибѣгали къ разнымъ символическимъ дѣйствіямъ: завязывали ему глаза, забивали глотку землей и т. п. [4]).

Послѣ сообщенія народныхъ вѣрованій объ упыряхъ, укажемъ на отдѣльныя лица, которыхъ народъ признавалъ за упырей.

По словамъ Голенбіовскаго, при королѣ польскомъ Станиславѣ-Августѣ былъ упырь въ Бѣлоруссіи. Былъ и на Полѣсьи въ Лосицахъ упырь Курейко, котораго назвали такъ потому, что онъ пѣлъ по пѣтушиному. Курейко повѣсился на подволокѣ въ 1824 году; по смерти, какъ и при жизни, каждый вторникъ, пѣлъ, свисталъ и плясалъ [5]).

---

[1]) Аѳанасьевъ, III, 557; Маркевичъ, 79; Новосельскій, II, 56; Чубинскій, I, 206 и Podania i legendy Siemieńskiego, 1845, 92.

[2]) Новосельскій, II, 106.

[3]) Аѳанасьевъ, III, 577; Чубинскій, 206.

[4]) Тамъ-же, 579.

[5]) Lud polski, 1830 г., стр. 171.

Въ с. Новоселкахъ, пишетъ Новосельскій въ книгѣ, изданной въ 1857 году, лѣтъ сорокъ тому назадъ родился мальчикъ безъ кости; голову имѣлъ большую, какъ взрослый человѣкъ, ноги длинныя, подобныя тычинамъ, а лице и глаза очень умные. Подросши, онъ не могъ ходить, а всегда сидѣлъ въ мѣркѣ, обложенный подушками. На седьмомъ году началъ предсказывать. Предсказывалъ только по утру; кто пріѣзжалъ днемъ, долженъ былъ ожидать до слѣдующаго дня, и только по утру получалъ отвѣтъ на свой вопросъ. Ясновидѣніе его открылось такимъ образомъ. Отецъ мальчика имѣлъ пасѣку, которую стерегъ дѣдъ. Однажды, передъ разсвѣтомъ, мальчикъ началъ звать отца и будить его, чтобы тотъ, какъ можно скорѣе, отправлялся на пасѣку, иначе воры убьютъ дѣда и покрадутъ медъ. Отецъ не повѣрилъ, повернулся на другой бокъ и хотѣлъ заснуть, но сынъ снова сталъ кричать ему, чтобы какъ можно скорѣе бѣжалъ, потому что непремѣнно убьютъ дѣда. Наконецъ отецъ послушался, пошелъ, пришелъ на пасѣку и тамъ дѣйствительно засталъ двухъ воровъ, которые выбирали медъ изъ ульевъ, а въ сторонѣ увидѣлъ связаннымъ своего стараго отца. Съ того времени начали вѣрить въ предсказанія мальчика-калѣки; вскорѣ вѣсть о немъ распространилась по всей окрестности: на полѣ, за селомъ всегда стояло множество повозокъ и возовъ тѣхъ людей, которые пріѣзжали за предсказаніями къ ясновидящему. На десятомъ году жизни своей онъ умеръ. Говорятъ старые люди, что онъ не умеръ: только тѣло его похоронили, а онъ гдѣ-то далеко снова появился и предсказывалъ. При этомъ Новосельскій замѣчаетъ, что въ 1852 году въ подольской губерніи такой самый калѣка безъ кости, Ивась, предсказывалъ будущее, какъ объ этомъ было сообщено въ корреспонденціи Адама Плуга въ Газетѣ Варшавской. Peut-être, это тотъ самый, какъ писала сестра тетенкѣ, въ комедіи Фредра [1]).

Можетъ быть, въ основаніи настоящаго народнаго разсказа нѣтъ никакого реальнаго факта. Но вотъ дѣйствительный случай, изъ болѣе далекаго прошлаго.

Лѣтомъ 1727 года кіевскій полковникъ Антонъ Танскій прислалъ въ малороссійскую генеральную войсковую канцелярію кре-

---

[1]) Lud ukrainski, II, 163.

стьянина Семена Каленниченка вмѣстѣ съ его показаніемъ, въ которомъ тотъ призналъ себя за упыря и вмѣстѣ съ тѣмъ заявлялъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи вскорѣ будетъ эпидемія на людяхъ [1]).

Кажется, что всѣ вышеуказанные упыри принадлежатъ къ разряду незлобныхъ, ясновидящихъ. Но вотъ факты, относящіеся къ извѣстнымъ въ исторіи личностямъ. Этихъ упырей можно назвать анти-соціальными упырями.

О томъ самомъ Антонѣ Михайловичѣ Танскомъ, который представлялъ упыря Семена Каленниченка въ войсковую генеральную канцелярію, сложилась слѣдующая легенда.

Танскій богатъ былъ деньгами и землями. Первыя онъ получилъ въ видѣ приданого за женой, дочерью Палія, вторыя получилъ въ видѣ дара отъ Петра I, а еще болѣе награбилъ отъ бѣдныхъ козаковъ и посполитыхъ. Тѣмъ не менѣе имя его часто поминалось между строителями и благотворителями храмовъ. Однажды онъ подарилъ цѣлое барило червонцевъ монахамъ Лоопской горы, пришедшимъ просить подаянія на свои обители и избравшимъ его домъ мѣстомъ складки всего собраннаго ими по Украйнѣ. Но зависть и скупость одолѣли его, и онъ рѣшился воспользоваться всѣмъ напрошеннымъ добромъ. Слугамъ своимъ онъ велѣлъ утопить монаховъ въ Днѣпрѣ, а сокровища ихъ принести къ себѣ. Спасшійся одинъ изъ монаховъ разсказалъ о случившемся своему архимандриту, который и прибылъ въ Украйну съ цѣлью уговорить Танскаго возвратить заграбленное. Но Танскій отъ всего отперся. Тогда архимандритъ наложилъ на него клятву: „за то, что Антонъ Танскій погубилъ невинныя души, утаилъ церковныя деньги, земля не приметъ его; добро его, пріобрѣтенное неправдою, исчезнетъ, *яко воскъ отъ лица огня*, перейдетъ къ чужимъ людямъ и родъ его изведется“. „Поховали его сыны, продолжаетъ легенда, ще не вспіли и добромъ поділитись, якъ щось страшне почало діятись. Тільки-що зайде сонце и трохи притемніе, якъ изъ домовины вылазить старый полковникъ: борода по поясъ, очи палають пекельнымъ огнемъ, зъ рота поломья сыпле, права рука на

---

[1]) Архивъ малорос. коллегіи при харьк. университетѣ, дѣло 1727 г., подъ № 3779.

серці, въ лывій перначь держить и ходить вінъ, поки півни не заспівають, а тоди застогне, такъ що чубъ у гору лізе,—и зновъ лагодиця въ домовину. Думали—гадали сыны, що имъ робити, бачуть, що правду казавъ пророкъ игуменъ. Позвали печерского архимандрита, роскопали могилу, ажъ лежить старый Танскій, неначе живый, тільки борода одросла и кігти повыростали. Узяли сыны осиковый кілъ и пробили Танского наскрізь, а архимандритъ прочитавъ молитву и положивъ заклятте, щобъ не выходивъ більшъ изъ домовины. И теперь старі люде показують ту могилу, де проклявъ Танського игуменъ; да часомъ опівночи, щось страшно, страшно стогне підъ землею, неначе терпить несказанну муку" [1]).

Еще съ большей несомнѣнностью утверждается фактъ объ упырствѣ генеральнаго обознаго Василія Бурковскаго, бывшаго ранѣе черниговскимъ полковникомъ. Это тотъ Бурковскій, извѣстный богачъ, которому кн. Голицынъ предлагалъ гетманство, послѣ устраненія Самойловича, за 10,000 рублей, и который по скупости отказалъ боярину. Какъ извѣстно, Мазепа вымолилъ у скупого богача въ займы эту сумму и купилъ себѣ гетманство [2]). Бурковскій, по семейному преданію, сообщаемому Маркевичемъ, былъ не только скупой, но и злой человѣкъ. Онъ ѣлъ скоромное въ страстную пятницу, таскалъ къ себѣ дочерей и женъ своихъ крестьянъ, самихъ крестьянъ тиранилъ: одѣвалъ ихъ въ медвѣжьи мѣха и травилъ медведями. Онъ умеръ въ Черниговѣ и былъ похороненъ въ троицкомъ монастырѣ. На другой день послѣ похоронъ его видѣли ѣдущимъ на шестеркѣ вороныхъ коней по Красному мосту, что на рѣчкѣ Стрижнѣ. Кучеръ, форрейторъ, лакеи и три собесѣдника въ каретѣ были черти. Распространилась молва, упыря прокляли, и онъ съ поѣздомъ провалился въ Стрижень. Пошли, открыли гробъ и нашли въ немъ упыря красноснимъ, съ открытыми глазами; его пробили осиновымъ коломъ. Все это происшествіе было изображено масляными красками на стѣнѣ троицкаго собора и только въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго столѣтія закрашена легенда объ упырѣ [3]).

---

[1]) «Основа», 1861 г., августъ, стр. 31.

[2]) Исторія Малороссіи, Н. Маркевича, II, 310.

[3]) Н. Маркевичъ, Обычаи, повѣрья, кухня Малорос., стр. 79.

Въ числѣ актовъ, заимствованныхъ изъ кіевскаго центральнаго архива и напечатанныхъ въ изслѣдованіи В. Б. Антоновича о колдовствѣ, помѣщенъ одинъ, въ которомъ передается такой случай сожженія упыря.

Во время эпидеміи въ 1738 году жители села Гуменецъ обходили ночью въ церковной процессіи вокругъ села, чтобы избавиться отъ болѣзни. Встрѣтивъ шляхтича Матковскаго, который въ это время ходилъ по полямъ съ уздой и отыскивалъ своихъ лошадей, гуменчане жестоко избили его, принявъ за упыря, виновника мора. На другой день жестоко мучили и сожгли на кострѣ. Замѣчательно, что въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ, были не только крестьяне, но и шляхтичи, также мѣстный священникъ и дьячекъ. Когда громада колебалась, можно-ли жечь Матковскаго, одинъ изъ шляхтичей поощрялъ громадянъ, говоря: „сжгите скорѣй, я дамъ сто злотыхъ: хочетъ онъ насъ и дѣтей нашихъ погубить, такъ лучше пускай самъ пропадаетъ". А священникъ выражался: „я до души, а вы до тѣла, сжгите, какъ можно скорѣй". Предъ сожженіемъ Матковскому замазывали ротъ свѣжимъ навозомъ, а глаза завязывали большой тряпкой, обмоченной въ деготь [1]).

Также поступилъ народъ во время чумы 1770 года въ м. Ярмолинцахъ, подольской губерніи, съ захожимъ изъ Турціи Іосифомъ Маронитомъ. Маронитъ былъ иностранецъ, нѣсколько лѣтъ занимавшійся лѣченіемъ, впрочемъ, очень удачно. Прежде нежели сжечь, его опустили въ бочку съ дегтемъ [2]).

Все изложенное приводитъ къ тому заключенію, что въ старину вѣрованіе въ упырей не носило одного отвлеченнаго характера; народъ не довольствовался тѣмъ, что вообще признавалъ существованіе на свѣтѣ упырей. Нѣтъ, онъ стремился пріурочивать свои представленія къ извѣстнымъ, дѣйствительно существовавшимъ личностямъ. Въ особенности въ моменты крупныхъ общественныхъ бѣдствій, мора, голода и т. п. воображеніе народа болѣзненно настраивалось и отыскивало виновниковъ этихъ бѣдствій (упырей) въ своей средѣ. Въ упыри обыкновенно зачислялись люди чѣмъ

---

[1]) Труды этногр.-статист. экспедиціи въ зап.-рус. край, т. 1-й, в. 1-й, стр. 425—432.

[2]) Тамъ-же, стр. 339.

либо отличавшіеся отъ прочихъ, напримѣръ калѣки, знахари, умершіе „не своей смертью", также люди, отличавшіеся хищнымъ и злостнымъ нравомъ. Впрочемъ, въ минуты общественныхъ бѣдствій всякому легко было попасть въ упыри, все зависѣло отъ случайности. Причинами, поддерживавшими настоящее вѣрованіе, какъ и многія однородныя, кромѣ невѣжества и общаго склада міросозерцанія, были: болѣзненныя галлюцинаціи и иллюзіи чувствъ (наприм. видѣли упыря, выходящаго изъ могилы, гдѣ похоронено такое-то лице); открытіе людей заживо погребенныхъ, лежавшихъ во гробу лицъ, съ изодранной одеждой, искусанными руками, окровавленнымъ лицемъ и т. п.; собственное сознаніе въ упырствѣ подозрѣваемыхъ лицъ, сознаніе, вынужденное пытками и истязаніями или просто произнесенное въ состояніи помѣшательства. Самые факты обвиненія тѣхъ или иныхъ лицъ въ упырствѣ и публичное сожженіе ихъ должны были сильно поражать воображеніе массъ и далеко распространять настоящее вѣрованіе. Соціальныя причины, имѣвшія мѣсто у насъ въ прошломъ столѣтіи, также должны были поддерживать вѣру въ упырей. Это именно существованіе цѣлой категоріи лицъ, которыя стремились всѣми неправдами захватить чужія земли и обратить крестьянъ и козаковъ въ свою собственность. Тѣ изъ указанныхъ лицъ зачислялись въ упыри, которые отличались особенной свирѣпостью по отношенію къ крестьянамъ и козакамъ.

Голенбіовскій въ книгѣ Lud polski (стр. 171) говоритъ, что въ Польшѣ въ старину вѣрили въ существованіе упырей люди всѣхъ сословій; только сочиненіе Богомольца Diabeł w swojej postaci и болѣе широкое просвѣщеніе уничтожило этотъ предразсудокъ, не искоренившійся въ народѣ и доселѣ. Тоже самое было и у насъ въ Украйнѣ: въ прошломъ столѣтіи вѣра въ упырей была присуща не только простому народу, мелкому панству, сельскому духовенству, но и лицамъ, занимавшимъ высокіе посты въ мѣстномъ управленіи, какъ напримѣръ малороссійскимъ полковникамъ. Впрочемъ, надобно сказать, что и тогда уже встрѣчались у насъ люди на столько просвѣщенные, что относились вполнѣ скептически къ этому вѣрованію. Въ подтвержденіе приводимъ промеморію малороссійской войсковой генеральной канцеляріи въ малороссійскую коллегію отъ 19 іюля 1727 года по дѣлу Семена Калениченка.

„Сего 1717 году, іюля 15 дня, полковникъ кіевскій Антоній Танскій прислалъ въ войсковую енеральную канцелярію человѣка Семена Каленниченка и при ономъ его допросъ, въ которомъ допросѣ показалъ себе быть упиромъ, и яко-бы въ городѣ Глуховѣ и въ Лохвици, прійдучой Спасовки сего 1727 году, мѣетъ быть моровое повѣтре. Пре то зъ войсковой енеральной канцеляріи оный Каленниченко и подлинный его допросъ при семъ въ малороссійскую коллегію посылается. А по усмотрѣнію упира оного разсудила войсковая енеральная канцелярія его быть несостоятельнаго ума, и потому оніе его слова отъ него показани знатно по нѣкоторомъ въ умѣ помѣшательству. О чомъ коллегія малороссійская да благоволитъ вѣдать“ [1]).

П. Ефименко.

КЪ СВѢДѢНІЯМЪ О КОЗАЦКОМЪ ГЕТМАНѢ ИВАНѢ КУЦКОВИЧѢ.

Въ статьѣ, озаглавленной: „Неизвѣстный доселѣ гетманъ и его приказъ“ и помѣщенной въ майской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1883 годъ (стр. 140—145), глубокоуважаемый В. Б. Антоновичъ дѣлаетъ попытку представить на основаніи документальныхъ источниковъ списокъ козацкихъ гетмановъ съ 1596 по 1618 г. На стр. 143 онъ говоритъ: „преемникомъ Кошки въ 1602 году былъ Гаврило Крутневичъ или Куртневичъ, бывшій въ 1600 году Кошевымъ въ Запорожьи и предводительствовавшій козаками въ той-же шведской кампаніи. Но въ походѣ того-же года его смѣнилъ *Иванъ Куцковичъ*, который, не находя возможнымъ удержать дисциплину среди козаковъ, не получавшихъ жалованья и вслѣдствіе этого причинявшихъ насилія жителямъ Бѣлой Руси, сложилъ съ себя гетманство въ г. Могилевѣ въ половинѣ 1603 года“. Въ публичной библіотекѣ графовъ Рачинскихъ въ г. Познани сохрани-

---

[1]) Архивъ малорос. коллегіи при харьков. унив. Дѣло по доношенію полковника кіевскаго Танскаго съ присылкою упыря Семена Каленниченка и допросовъ его 1727 г., № 3799. Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ не оказалось признанія Каленниченка: оно, по всей вѣроятности, похищено кѣмъ-либо изъ любителей старины, рывшихся въ этомъ архивѣ.

лось письмо этого Ивана Куцковича къ канцлеру великаго княжества литовскаго Льву Сапѣгѣ отъ 4 декабря 1602 года. Оно еще разъ подтверждаетъ существованіе козацкаго гетмана *Ивана Куцковича* и представляетъ живую картину изъ походнаго быта козаковъ на службѣ польскаго правительства. Приводимъ его въ буквальномъ переводѣ съ польскаго [1]).

Адресъ письма: Высокоблагородному господину, господину его милости, господину Льву Сапѣгѣ, канцлеру великаго княжества литовскаго, господину нашему милостивому, усердно передаемъ.

Письмо: Высокоблагородный, милостивый господинъ канцлеръ великаго княжества литовскаго, господинъ, господинъ нашъ милостивый.

По чувству рыцарской нашей вольности, съ живѣйшимъ усердіемъ просимъ благосклоннаго расположенія вашей милости, нашего милостиваго господина и пр.

Увѣренные въ милостивомъ расположеніи вашей милости, нашего милостиваго господина, которое вы такъ охотно стараетесь оказывать, относясь съ любовью къ храбрымъ воинамъ вообще, а въ особенности къ намъ, вѣрнымъ подданнымъ и всегда готовымъ слугамъ его королевской милости, нашего милостиваго господина, не можемъ скрыть отъ васъ того, что произошло на витебскомъ трактѣ. Случилось намъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ коней, заѣхать во дворъ и въ имѣніе вашей милости, нашего милостиваго господина, въ Островно. Тутъ по уважительнымъ причинамъ мы должны были остаться нѣсколько дней и не обошлось безъ того, чтобы мы не попросили у управляющаго вашей милости харчей для коней и для самихъ себя. Хотя и слѣдовало минуть и сохранить имѣніе вашей милости, какъ лица, которое издавна оказываетъ свое благоволеніе къ войску запорожскому; однако насъ принудили такъ поступить господа витебскіе мѣщане, которые, не желая добровольно дать намъ въ домахъ своихъ куска хлѣба, обильно облитаго нашею кровью, на смерть убили нѣсколькихъ отправленныхъ впередъ това-

---

[1]) Переводъ сдѣланъ нами съ копіи письма, которая была снята 17 мая 1847 года и точность которой засвидѣтельствована подписью библіотекаря, извѣстнаго Іосифа Лукашевича, и приложеніемъ печати библіотеки съ изображеніемъ герба графовъ Рачинскихъ.

рицей нашихъ, и обнаружили недоброжелательство ко всему войску нашему. Все то мы отдаемъ на судъ Господа Бога и святой Его справедливости. Что касается ущерба, причиненнаго имѣнію вашей милости, нашего милостиваго господина, то мы увѣрены, что ваша милость, нашъ милостивый господинъ, постараетесь покрыть его вашимъ высокимъ прощеніемъ, зная, что безъ этого не можетъ обойтись никто изъ живущихъ войною. Затѣмъ мы вторично просимъ вашего милостиваго расположенія, предлагая и нашу всегдашнюю готовность къ услугамъ. Дано въ Островнѣ, декабря 4 дня 1602 года.

Вашей милости, нашего милостиваго господина, готовые къ услугамъ Иванъ Куцковичъ, гетманъ, и все рыцарство войска е. к. м. запорожскаго. (М. II). Сообщилъ **А. С—ко.**

МАЛОРОССІЙСКІЕ ЧИНЫ И ДОЛЖНОСТИ И ОКЛАДЪ ИХЪ СОДЕРЖАНІЯ.

Для ознакомленія нашихъ читателей съ военнымъ и гражданскимъ строемъ Малороссіи, какъ они удержались въ половинѣ XVIII ст., предлагаемъ два историческіе памятника того времени, изъ которыхъ одинъ даетъ намъ понятіе о числѣ, наименованіяхъ, категоріяхъ и іерархическомъ порядкѣ малороссійскихъ чиновъ въ смыслѣ должностей, а другой сообщаетъ свѣдѣнія о присвоенныхъ имъ въ то время денежныхъ окладахъ содержанія. Тутъ весь строй бывшей гетманщины—не только военный, но и гражданскій, поколику послѣдній проникался первымъ. Изъ существовавшихъ прежде гражданскихъ чиновъ и должностей не упомянуты подкоморіе и и суды гродскіе и земскіе, которые не могли удержаться во время козацкихъ войнъ и постояннаго военнаго положенія страны. Подкоморіе были возстановлены при Разумовскомъ, но существовали не долѣе 10 лѣтъ. Изъ учрежденій болѣе можетъ быть военнаго, чѣмъ гражданскаго характера, не упомянута „*гетманская рада*“, давно замѣненная генеральною канцеляріею и экономическими при ней отдѣленіями, направленными къ ограниченію гетманской власти и злоупотребленій козачей старшины. Изъ низшихъ козачихъ чиновъ не упомянуты, вѣроятно, не существовавшіе уже *довбишъ, трубачи* и *литаврщики*. Тотъ-же строй военный въ главныхъ чертахъ и

подраздѣленіяхъ сохранялся въ Сѣчи Запорожской, откуда и заимствованъ. Атаманы, асаулы, сотники и хорунжіе удерживались въ правобережной Украйнѣ и послѣ того, какъ не стало въ ней регулярнаго козачества и остались только кое-гдѣ городовые козаки и надворная (помѣщичья) милиція.

Что касается окладовъ содержанія, то во 2-мъ изъ помѣщаемыхъ документовъ показаны только денежные и ничего не говорится о количествѣ и размѣрѣ имѣній, которыя давались по разрядамъ должностей. Не упомянутъ и самый крупный окладъ гетманскаго жалованья въ 50,000 р., какой пожалованъ былъ Разумовскому не за военныя, конечно, его доблести.

О значеніи перечисляемыхъ въ документахъ чиновъ и ихъ функціяхъ, въ соотвѣтствіи съ чинами регулярной арміи, мы надѣемся сказать впослѣдствіи, а пока, какъ матеріалъ для такихъ разъясненій, помѣщаемъ два нижеслѣдующіе памятника *):

1.

ВѢДОМОСТЬ

о малороссійской генеральной старшинѣ, полковникахъ, бунчуковыхъ товарищахъ, полковой и сотенной старшинѣ и другихъ чинахъ и рядовыхъ, съ показаніемъ, который чинъ за какимъ слѣдуетъ по малороссійскому обыкновенію, учинена 1756 году.

Чины и должности:	*Какого правленія или вѣдомства:*
1. Генералний обозний	войскового.
2. Генералніе судіи	статского.
3. Генералний подскарбій . . .	
4. Генералний писарь	
5. Генералніе асаули	войскового.
6. Генералній хорунжій	
7. Генералний бунчучний	
8. Полковники	войскового

*) Оба они сообщены намъ А. М. Лазаревскимъ, а имъ извлечены изъ сулимовскаго архива. Первый, сколько намъ извѣстно, нигдѣ не напечатанъ, а второй находится въ весьма рѣдкой и малоизвѣстной книгѣ Шафонскаго: «*Описаніе черниговскаго намѣстничества*» 1786 г., но нами печатается съ современной рукописи. — Ред.

9. Бунчуковые товарищи	войскового.
10. Полковники	полковъ охочекомонныхъ.
11. Асаулъ артилеріи генералной .	артилерійского.
12. Обозные полковые	
13. Писарь суда генералного . . .	статского.
14. Старшій войсковой	
15. Судіи полковіе	
16. Хорунжій артиллеріи генералной .	артилерійского.
17. Обозніе полковіе	полковъ охочекомонныхъ.
18. Писари войсковіе	статского.
19. Асаули полковіе	войскового.
20. Хорунжіе полковіе	
21. Сотенціи	войскового.
22. Войсковіе товарищи	
23. Писаръ артилеріи генералной .	артилерійского.
24. Писаръ суда полкового	статского.
25. Писарі полковіе	полковъ охочекомонныхъ.
26. Асаули полковіе	
27. Хорунжіе полковіе	
28. Капитани жолдацкихъ командъ .	войскового.
29. Переводчикъ	статского.
30. Протоколистъ	
31. Атаманъ артилеріи генералной .	артилерійского.
32. Атамани городовъ полковихъ .	статского.
33. Архиваріусъ	
34. Канцеляристы войсковые . . .	
35. Сотники или ротмистры	полковъ охочекомонныхъ.
36. Значковіе товарищи	войскового.
37. Асаули артилеріи полковой . .	артилерійского.
38. Атамани сотенныхъ городовъ .	статского.
39. Городничіе полковихъ городовъ .	
40. Атамани ротніе жолдацкіе . .	войскового.
41. Писари сотенныхъ городовъ . .	статского.
42. Писари артилерійскіе полковие .	артилерійского.
43. Канцеляристи полковіе и судовіе	статского.
44. Асаули сотенніе	войскового.
45. Хорунжіе артилеріи полковой .	артилерійского.

48. Ассаули 49. Хорунжіе 50. Писари 51. Атамани.	компанейскіе . .	полковъ охочекомонныхъ.
52 Атамани курѣнніе		войскового.
53. Городничіе сотенныхъ городовъ .		статского.
54. Атаманъ сѣлскій		
55. Козакъ		войскового.
Солдатъ		
Пушкаръ		артилерійского.
Компанѣецъ		полковъ охочекомонныхъ.

2.

ВЫПИСКА

По листу господина и кавалера, коимъ представляетъ, противъ какихъ великороссійскихъ чиновъ малороссійскимъ чиновникамъ щитатся, такожъ и до которого класса ему господину гетману и кавалеру ихъ производить, въ которой между иннимъ написано:

Въ новосочиненномъ Уложенію, въ 2-й части, въ главѣ 41, въ 24-мъ пунктѣ написано: состоящимъ въ Малой Россіи, кои противъ находячихся въ нашей регулярной, придворной и статской службахъ ранговъ не имѣютъ, нижеписанного званія по нижеписанному расположенію.

1) Генералному Обозному шестьсотъ рублей.

2) Генералному судьѣ и генералному подскарбію по пятисотъ рублей.

3) Генералному писарю, генералному асаулу, генералнимъ хорунжимъ, генералнымъ бунчучнимъ по четириста рублей.

4) Полковникамъ городовимъ по двѣстѣ по пятьдесятъ рублей.

5) Бунчуковымъ товарищамъ, асаулу генералной артилеріи, писару суда генералного, полковникамъ трехъ полковъ охочекомонныхъ, обознимъ полковымъ, генералной канцеляріи, старшему канцеляристу по сто по пятидесяти рублей.

6) Хорунжимъ артилеріи генералной, судямъ полковимъ, обознимъ полковъ охочекомонныхъ по сто рублей.

7) Полковимъ писарамъ, полковимъ асауламъ, полковимъ хорунжимъ, переводчику генералной канцеляріи по пятидесятъ рублей.

8) Сотникамъ, канцеляристамъ войсковымъ, писарамъ полковимъ охочекомонних полковъ, писару генералной артилеріи, асауламъ полковимъ охочекомонних полковъ, атаману артилеріи генералной, хорунжимъ полковимъ охочекомонних полковъ по сороку рублей.

9) Значковимъ товарищамъ, асауламъ артилеріи полковой, атаманамъ городовимъ, сотникамъ и ротмистрамъ охочекомонних полковъ, писарамъ судовъ полковихъ, капитану жалдацкому охочекомонних полковъ по двадцяты рублей.

10) Писарамъ сотеннимъ, писарамъ артилеріи полковой, канцеляристамъ полковимъ, асауламъ сотеннимъ, хорунжимъ артилеріи полковой, старшинѣ компанѣйской охочекомонных полковъ по пятнадцятъ рублей.

11) Атаману куринному, городничему, атаману селскому по 10 р., козакамъ по чотиры рубли, посполитымъ мужикамъ по рублю.

Находящимся въ нашимъ нелегулярномъ войскѣ всякого званія, которіе чины имѣютъ, за безчестіе править по штатамъ противъ положеного нашего денежного жалованя, а протчимъ козакамъ колмикамъ, кои никакихъ чиновъ не имѣютъ, по чотиры рубли.

ГДѢ ПОДЛИННИКЪ ЛЮБЕЧСКОЙ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ БОЖІЕЙ МАТЕРИ?

Въ минувшемъ 1882 г. вышла въ свѣтъ брошюра владѣльца г. Любеча, гр. Гр. Милорадовича о любечской иконѣ Божіей Матери, составляющая повтореніе его-же брошюры 1860 г. о той-же иконѣ, но болѣе обстоятельно и такъ сказать документально излагающая исторію этой народной святыни.

Нельзя не отдать чести благочестивому и просвѣщенному усердію графа и его любознательности, но нельзя и оставить безъ поправки его окончательнаго вывода объ иконѣ, составляющей предметъ народнаго почитанія.

Въ обѣихъ брошюрахъ своихъ гр. Милорадовичъ утверждаетъ, будто въ кіево-софійскомъ соборѣ находится копія этой чудотвор-

ной иконы, а подлинная икона находится въ Любечѣ и передана туда въ 1701 г., при митрополитѣ кіевскомъ Варлаамѣ Ясинскомъ, по обновленіи оной усердіемъ монаха Иннокентія Щирскаго, извѣстнаго гравера XVII ст. Въ подтвержденіе своего мнѣнія авторъ брошюръ приводитъ грамоты митрополита Варлаама Ясинскаго, при которыхъ отпущенъ изъ Кіева въ Любечъ Щирскій съ иконою Божіей Матери *новообновленною,* для поставленія ея во вновь сооруженной тамъ церкви, дабы жители г. Любеча, родины преподобнаго Антонія печерскаго, могли въ субботніе дни слушать акаѳистное пѣніе предъ этою иконою.

Хотя такому предположенію гр. Милорадовича сильно противорѣчили и преданіе, и то усердіе, съ какимъ жители г. Любеча ежегодно приходятъ къ любечской иконѣ, находящейся въ кіевософійскомъ соборѣ, а также возбужденное въ 1805 г. дѣдомъ автора, любечскимъ помѣщикомъ, тайнымъ совѣтникомъ Григоріемъ Петровичемъ Милорадовичемъ ходатайство предъ св. синодомъ о возвращеніи въ г. Любечъ находящейся въ кіево-софійскомъ соборѣ подлинной чудотворной любечской иконы Божіей Матери, перенесенной сюда при митрополитѣ кіевскомъ Сильвестрѣ Коссовѣ, въ половинѣ XVII вѣка, и послѣдовавшій по сему ходатайству отказъ; но на основаніи нѣкоторыхъ неясныхъ выраженій вышеупомянутыхъ грамотъ митроп. Варлаама Ясинскаго можно было дѣлать и другіе выводы *per bonam consequentiam.* Тѣмъ не менѣе, если и могло являться сомнѣніе въ вопросѣ о мѣстѣ нахожденія подлинной чудотворной любечской иконы, то оно окончательно разрѣшается недавнимъ изданіемъ древнихъ изображеній знатока и любителя древностей Д. Ровинскаго. Въ его объемистой книгѣ: *Русскія народныя картины* (кн. III, Спб. 1881 г.) помѣщено полулистовое изображеніе любечской иконы Божіей Матери, гравированное на мѣди въ концѣ XVII вѣка; подлинникъ этого изображенія находится въ Олсуфьевскомъ собраніи, принадлежащемъ князю К. Е. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, а подъ изображеніемъ имѣется слѣдующая подпись: „изображеніе чудотворной иконы пресвятой Богородицы любецкой, юже блаженной памяти преосвященный Силвестеръ каковъ (Коссовъ), митрополитъ кіевскій, зъ странъ заднѣпровскихъ, съ подобающею честію, въ богоспасаемый градъ Кіевъ привезе и постави ю въ святыя Софіи церкви, идеже до днесь на(дъ) царскими враты

благословено покланяема есть, сихъ-же временъ седмои тысящы 198, благословеніемъ ти въ Богу преосвященнаго, е. м. господина, отца Варлаама Ясинскаго, митрополита кіевскаго, и благословеніемъ преосв. Лазаря Барановича и Ѳеодосія углицкаго архіепископа, въ Черниговъ з тосяжды чудотворнои иконы истинное подобіе списася и въ градѣ Любечи, идеже первѣе чудодѣйствуема бѣ, во отечестве преподобнаго Антонія печерского, въ новосозданномъ храмѣ его поставлена есть".

Приведенная подпись не оставляетъ уже никакого сомнѣнія въ томъ, что при митроп. Варлаамѣ Ясинскомъ монахомъ Щирскимъ была сдѣлана и затѣмъ съ особою торжественностію доставлена въ Любечъ копія съ древней иконы, а подлинникъ оной какъ былъ, такъ и остался въ Кіевѣ, въ храмѣ св. Софіи.

П. Л—въ.

КЛАДЫ ВЪ КІЕВѢ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХЪ.

Въ 1856 году въ Кіевѣ издана была небольшая, въ малую осьмушку, книжечка, подъ заглавіемъ: *Запорожская рукопись, указывающая, въ какихъ именно мѣстахъ и какіе сокрыты клады гайдамаками и мѣстными жителями.* Издатель этой рукописи, хорошо извѣстный кіевлянамъ предприниматель Н. Сементовскій, титулующій себя на заглавномъ листѣ книги членомъ императорскихъ русскихъ географическаго и археологическаго обществъ, но мало смыслившій въ исторіи и археологіи, придалъ рукописи не принадлежащее ей значеніе и не достигши тѣхъ научныхъ цѣлей, о какихъ заявлялъ въ предисловіи къ своей книжкѣ, сбывалъ однако ее по весьма выгоднымъ цѣнамъ. По его словамъ, изданная имъ рукопись доставлена ему какимъ-то старикомъ, вышедшимъ будто изъ Запорожья, при чемъ онъ не обозначаетъ ни имени и фамиліи этого старика, ни его происхожденія и мѣста жительства, ни даже числа лѣтъ, о рукописи-же, со словъ его утверждаетъ, что она составлена какимъ-то грамотѣемъ въ самомъ Запорожьѣ, находилась у какого-то пана и получена тѣмъ старикомъ отъ этого пана. Такимъ образомъ если ничего невѣроятнаго, за то и ничего исключительнаго и сколько-нибудь опредѣленнаго и точнаго нѣтъ въ свѣдѣніяхъ о происхожденіи рукописи. Тоже должно сказать и о ея содержаніи. На обширномъ пространствѣ бывшихъ воеводствъ

кіевскаго и брацлавскаго рукопись указываетъ 315 пунктовъ, въ которыхъ неизвѣстно кѣмъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ зарыты большей или меньшей цѣнности клады въ деньгахъ и металлическихъ вещахъ, а примѣты мѣстонахожденія кладовъ обозначены такія, что скорѣе въ неизвѣстномъ указчикѣ можно предположить намѣреніе съиграть шутку съ искателями кладовъ, нежели желаніе указать дѣйствительное мѣсто клада. Покойный издатель запорожской рукописи серьезно однако вѣритъ въ возможность отысканія кладовъ по указываемымъ примѣтамъ, хотя самъ признаетъ, что многія примѣты исчезли, увѣряетъ (въ чемъ, конечно, никто и сомнѣваться не могъ-бы), что открытіе этихъ кладовъ послужило-бы къ обогащенію исторіи и археологіи, и уже совсѣмъ напрасно утверждаетъ, будто и при не отысканіи кладовъ, о которыхъ говоритъ рукопись, сама она послужитъ источникомъ для этнографіи украинскаго народа и поясненія событій минувшаго столѣтія въ западной Украйнѣ. Ничего, конечно, не выиграли отъ изданія этой рукописи ни этнографія, ни исторія Украйны, но въ печатномъ видѣ рукопись прошла въ народъ и, говоря его языкомъ, *подвела подъ монастырь* не одного охотника до кладовъ, продавалась за большія деньги, расходилась въ новыхъ спискахъ и, что всего забавнѣе, въ затасканныхъ спискахъ снова, какъ старинныхъ, неизвѣстная рукопись, пересылалась на разсмотрѣніе и оцѣнку извѣстному нашему историку и археологу, В. Б. Антоновичу.

Мы сочли нужными эти нѣсколько строкъ о судьбѣ Запорожской рукописи о кладахъ, давая въ нашемъ изданіи мѣсто другой подобной рукописи о кладахъ не только въ Кіевѣ и его окрестностяхъ, но и во многихъ другихъ мѣстахъ нынѣшней кіевской губерніи. Приводя свѣдѣнія о кладахъ по этой рукописи, мы отнюдь не придаемъ имъ какой-либо достовѣрности и еще менѣе имѣемъ намѣреніе навести кого-либо на поиски въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя указываетъ рукопись; напротивъ, мы пользуемся только этимъ случаемъ для того, чтобы высказать нашъ взглядъ на существованіе такихъ рукописей, уяснить ихъ происхожденіе, характеръ и значеніе, что было-бы затруднительно безъ приведенія самаго текста такой рукописи.

Что въ нѣдрахъ земли нашей и въ настоящее время сокрыто множество кладовъ, объ этомъ едвали слѣдуетъ упоминать въ виду

частаго нахожденія кладовъ самыхъ различныхъ эпохъ, но только случайнаго, а не нарочитаго—по преданіямъ и разсказамъ. Что территорія южной Россіи даетъ наибольше такихъ находокъ, и это понятно всякому, кто знакомъ съ превратностями судьбы этого обширнаго края, продолжавшимися безъ перерыва до конца прошлаго столѣтія. Ничего нѣтъ удивительнаго и въ томъ, что вѣра въ существованіе кладовъ такъ присуща нашему народу, такъ давно въ немъ зародилась и такъ долго держалась, держится и доселѣ, и такія странныя фантастическія формы приняла, и сохраняетъ до настоящей минуты. Кто изъ насъ въ дѣтствѣ, живя въ деревнѣ, не слыхалъ о красномъ пѣтухѣ, разсыпавшемся червонцами, о синемъ огонькѣ, которымъ горятъ деньги въ пасхальную ночь, о дивныхъ старцахъ, которые, являясь въ эту ночь избранникамъ, указывали, гдѣ находится извѣстный кладъ, о заколдованномъ цвѣтѣ папоротника, съ помощію котораго можно узнавать, гдѣ находятся клады, о происходящихъ дивахъ и страхахъ при добываніи этого цвѣтка и пр. и пр.? Но если эти повѣрья суть чистый вымыселъ народной фантазіи, то не много истиннаго, точнаго, дѣйствительнаго и въ преданіяхъ и разсказахъ о кладахъ, не только изустныхъ, но даже и письменныхъ. Тутъ только первоначальная основа—дѣйствительный фактъ, все остальное—путаница, искаженіе и даже прямой вымыселъ. Зарываніе кладовъ, какъ само собою понятно, производилось въ минуты крайней опасности, подъ вліяніемъ страха за самую жизнь, съ большою поспѣшностію и, конечно, по большей части въ ночное время; оно сохранялось въ глубокой тайнѣ, составляло секретъ одного, или весьма немногихъ лицъ, которые участвовали въ сокрытіи клада, и какъ зарытіе кладовъ происходило во время болѣе или менѣе продолжительныхъ народныхъ бѣдствій, какъ набѣги татаръ, нашествіе шведовъ, наѣзды гайдамакъ и ихъ разгромы, то даже зарывавшіе кладъ не всегда помнили его мѣсто. Секретъ выдавался или случайно, или когда уже не было никакой надежды на отысканіе клада и примѣты того мѣста, гдѣ онъ зарытъ, терялись въ памяти и даже въ дѣйствительности. Секретъ шелъ отъ одного къ другому, передавался на далекія разстоянія, по большей части изъ Запорожья, и поневолѣ переиначивался, искажался до того, что оставались въ немъ самыя общія вѣрныя черты, въ родѣ того, что клады подъ

Кіевомъ, Уманью, Корсуномъ и т. д., тѣ-же частныя примѣты, по которымъ только и можно было-бы найти кладъ, измѣнялись и маскировались въ такой степени, что походятъ на прямой вымыселъ и намѣренный обманъ. Такіе секреты мы слышали въ дѣтствѣ, съ указаніемъ на лица, отъ которыхъ они шли, и десятокъ другихъ, чрезъ которыхъ передавались. Являлись охотники записывать ходившіе въ народѣ разсказы о кладахъ — то съ благою цѣлію помочь извлечь сокровища изъ нѣдръ земли, то даже съ личною корыстною цѣлію, и это были несомнѣнно люди наивные и столь-же простодушные, какъ и тѣ, отъ кого они записывали, какъ въ этомъ легко убѣдиться по тексту списковъ о кладахъ. Говорить-ли о томъ, что разсказы, преданія записывались въ позднѣйшихъ редакціяхъ, когда всякая достовѣрность ихъ утрачена? Прибавлять-ли еще, что теперь, по прошествіи слишкомъ ста лѣтъ со времени послѣднихъ треволненій въ странѣ и когда такія примѣты, какъ груша, яблонь, сосна, кустъ, корчма, какая-либо дорожка, давнымъ давно исчезли, рукописи о кладахъ потеряли всякое значеніе? Они будутъ служить памятникомъ пережитыхъ страною бѣдствій, порядковъ и условій тогдашней жизни, показателемъ извѣстной степени развитія народнаго, и—ничего болѣе; но чтобы по нимъ можно было предпринимать какіе-либо поиски, производить какія-либо открытія, въ этомъ усумнится всякій, прочитавъ помѣщаемый нами списокъ кладовъ въ Кіевѣ, его окрестностяхъ и разныхъ мѣстахъ кіевской губерніи. Кто пожелалъ-бы опытныхъ доказательствъ высказаннаго нами, тому мы можемъ указать на живой примѣръ лица съ большимъ титуломъ, десятки лѣтъ и десятки тысячъ рублей убившаго на отысканіе большаго клада въ Кіевѣ, въ мѣстности близъ бывшаго кирилловскаго монастыря, и не нажившаго ничего, кромѣ несчастной маніи, не открывшаго ни малѣйшаго предмета древности и ни одного стараго гроша. Клады существуютъ и ихъ находятъ нерѣдко въ самомъ Кіевѣ; но преданія и примѣты, самыя позднія и обстоятельныя, давно утратили всякое значеніе и клады находятся только случайно. Въ мѣстностяхъ историческихъ для историковъ и археологовъ существуютъ въ наукѣ совсѣмъ иныя примѣты, но объ нихъ не мѣсто здѣсь говорить, и мы переходимъ къ находящемуся у насъ списку кладовъ.

Списокъ этотъ найденъ нами въ доставшихся намъ многочисленныхъ, дѣльныхъ и бездѣльныхъ, замѣткахъ и выпискахъ бывшаго профессора университета св. Владиміра, А. И. Ставровскаго. Тутъ онъ названъ спискомъ Лещинскаго, но откуда взятъ и къ какому времени относится, въ замѣткахъ Ставровскаго объ этомъ не сказано и доискаться мы не могли. Выписка изъ рукописи Лещинскаго сдѣлана рукою покойнаго профессора и судя по тому, что порядка мѣстностей въ ней вовсе нѣтъ, можно предполагать, что подлинный списокъ Лещинскаго обширнѣе и касается не одной кіевской губерніи. Подновленный языкъ даетъ поводъ предполагать, что это переводъ, а не подлинный текстъ. Мы дѣлаемъ въ рукописи единственную перемѣну, — устанавливаемъ порядокъ мѣстностей, все остальное помѣщается, какъ выписано любознательнымъ профессоромъ.

Извѣстія о кладахъ и древностяхъ

по списку Лещинскаго.

1) Въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ прежнемъ дворѣ Попова, подъ колодою и глодовымъ кустомъ зарытъ казанъ денегъ.

2) Въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, подъ черемхою зарытъ глекъ червонцевъ.

3) На Лыбеди въ могилѣ зарыто 40,000 червонцевъ.

4) На дальнихъ пещерахъ подъ ясенемъ зарыто полтора ведра червонцевъ.

5) На Печерскомъ, подлѣ церкви Николая, съ угла отъ Красницы горы, зарытъ казанъ денегъ.

6) На горѣ Дитинкѣ, на краю, зарытъ боченокъ червонцевъ.

7) На Старомъ Кіевѣ, противъ дома Ѳедотова, въ саду наслѣдниковъ Кандибы есть могила, обсаженная деревьями и въ ней по преданію скрываются древности.

8) За Андреевскимъ валомъ есть могила, въ которой закопанъ сундукъ съ деньгами.

9) Въ Кіевѣ, во Львовской брамѣ, на нижнемъ смѣжномъ валку, съ лѣвой стороны, зарыто множество серебряной посуды

10) Въ Кіевѣ, противъ Паньковщины, на горѣ Волковня, а противъ нее дубовый пень, отъ пея на три шага влѣво зарытъ казанъ червонцевъ.

11) На горѣ Киселевкѣ, въ Кіевѣ, по лѣвый бокъ отъ церкви Воздвиженія, на краю горы, въ яру, есть погребъ съ 14 боченками серебра.

12) Въ Кирилловскомъ есть ставъ, подлѣ става пещера съ входомъ: при входѣ надъ головою вверху малая дыра, которая проведена насквозь въ землю. Въ той пещерѣ зарыты карбованцы, а въ шести шагахъ отъ входа въ нее будетъ чуланъ и подъ порогомъ чулана лежитъ казанъ червонцевъ.

13) Противъ Пріорки къ Вышгороду есть на долинѣ три сосны по бѣлому озеру, на тѣхъ соснахъ примѣты (0)—на одной одинъ, на другой два, а на третьей три ноля нарѣзано, и между тѣми соснами воловая кожа денегъ.

14) На Звѣринцѣ противъ Петровецъ, пониже озера, противъ вербы, зарытъ сундукъ съ деньгами.

15) Въ рощѣ подъ Кіевомъ, на краю, возлѣ васильковской дороги, между двумя валками, на которыхъ стоитъ по одной березѣ, зарыто серебряной посуды 200 пудовъ и серебряныхъ вещей.

16) Въ срединѣ рощи, въ яру, подъ Кіевомъ, возлѣ тройной сосны, изъ одного корня выросшей, изъ которыхъ на одной соснѣ наростъ, на другой ратищемъ кора пробита и по срединѣ забитъ желѣзный шворень, на западъ солнца въ три аршина отъ тройной сосны, зарыты большой горшокъ серебряныхъ рублей и меньшой червонцевъ.

17) На Лыбедской дорогѣ, которая начинается отъ рощи тамъ, гдѣ осыпается, въ три аршина зарыты казанъ и глечикъ червонцевъ. Примѣта—большой камень.

18) Подъ Кіевомъ, въ рощѣ, близъ валка, надъ дорогою стоитъ береза съ тремя вершинами или колѣнами, и отъ нея къ заходу солнца въ трехъ шагахъ лембикъ червонцевъ зарытъ и разныя вещи.

19) Близъ Кіева, въ рощѣ, по той рѣчкѣ, какъ идти изъ Кіева въ Борщаговку, въ вершинѣ этой рѣчки есть среди ручья яма, въ которую гайдамаки и Пивень сотникъ впустили два боченка денегъ.

20) Подъ рощею, между дорогами, подъ кривою березею, въ трехъ шагахъ на западъ—казанъ червонцевъ.

(*Продолженіе въ слѣд. книжкѣ*).

„ГНІДКО“, ВАРІАНТЪ КАРМЕЛЮКА.

Недавно я прочелъ въ „Кіевской Старинѣ“ замѣтку о разбойникѣ Кармелюкѣ. Эта замѣтка привела мнѣ на память разсказы о другомъ разбойникѣ—„Гнідкѣ“. Въ бытность мою въ г. Полтавѣ, когда я былъ еще „мала дитина“, у насъ въ домѣ служила кухаркой Варвара, замѣчательно словоохотливая женщина и притомъ знавшая многочисленныя легенды о Малороссіи. Варвара нерѣдко, въ долгіе зимніе вечера, собирала насъ—дѣтей вокругъ себя и разсказывала, большей частью, про жизнь „старого Гнідка“—разбойника, о которомъ она, впрочемъ, отзывалась съ замѣчательною любовью.—„Вінъ бідныхъ, говорила намъ Варвара, ніколи не зачіпавъ, а усе у богатыхъ бравъ гроші и дававъ біднымъ“. Въ этой чертѣ легенда о „Гнідкѣ“ поразительно сходится съ легендой о Кармелюкѣ и поэтому мы не ошибаемся, признавъ „Гнідка“ только варіантомъ Кармелюка. Можетъ быть, словоохотливые фантазеры—разсказчики и разсказчицы, въ родѣ Варвары, измѣнили имя Кармелюка, прикрасили его подвиги, но въ существѣ Кармелюкъ и „Гнідко“—одинъ и тотъ-же человѣкъ.

Александръ Ом—скій.

ОБРАЗЧИКЪ МАЛОРУССКИХЪ ЭПИТАФІЙ XVIII В.

Помѣщаемая ниже надгробная надпись находится въ старой капличкѣ въ с. Гурбинцахъ, полтавской губерніи, прилукскаго уѣзда. Очевидно, уцѣлѣвшая доселѣ капличка поставлена надъ гробомъ Е. И. Брежинской, урожденной Севастіановичевой. Много любопытнаго представляетъ и это желаніе сохранить память свою въ родѣ, и наивный разсказъ исторіи рода, и тонкій намекъ на господствовавшую въ то время раздачу чиновъ и помѣстій по дружбѣ и связямъ, и услаждавшій шляхетное ухо силлабъ, и начинавшееся претвореніе „почерка руки малороссійской“ въ великороссійскую. Въ эпитафіи, какъ видитъ читатель, попадаются описки и просто ошибки, которыя однако теперь трудно исправить. Эпитафія написана, конечно, при жизни лица, для котораго предназначалась и безъ сомнѣнія была имъ прослушана и одобрена, а въ содержа-

ніи своемъ быть можетъ и продиктована. Ея замогильный, благоговѣйно набожный и нравоучительный тонъ, вполнѣ характеренъ для того времени и много напоминаетъ распространенный тогда и удержавшійся до послѣдняго времени обычай многихъ готовить для себя при жизни гроба и даже укладываться въ нихъ для напоминанія о наступающей разлукѣ съ міромъ.

С. Гурбинцы, собственно та часть его, которою владѣла Е. И. Брежинская, достались ея двумъ сыновьямъ Андрею и Николаю Богдановичамъ, потомству которыхъ она принадлежитъ и нынѣ. Мѣсто-же, гдѣ находится капличка, было при усадьбѣ (нынѣ уже сгорѣвшей) дочери Андрея Богдановича Евдокіи Андреевны, по мужу Маркевичевой, и теперь принадлежитъ ея внукамъ Новицкимъ.

Надгробокъ Евдокіи Ивановны госпожи Брежинской.

Ежели кто отъ земныхъ хотитъ меня узнать,
То, прочтя надписъ сей, можетъ кратко понять,
Кто я и отъ какихъ родителей родилась,
Сколько въ свѣтѣ жила и когда въ гробъ вселилась.
Отецъ мой былъ Іоаннъ Севастіановичъ, сынъ Адріановъ;
Бунчуковымъ жалованъ за прежнихъ гетмановъ.
Сей титулъ и деревни ни изъ какой дружбы
Жалованъ предкамъ нашимъ за отцевы службы.
И такъ отецъ, по предкамъ спокойно владѣя,
Ни отъ кого малѣйшихъ споровъ не имѣя,
Породилъ насъ на свѣтъ трехъ сыновей родныхъ:
Стефана, Ѳеодора, Матвѣя—единоутробныхъ
И насъ трехъ дочерей съ утробы единой,
По власти Всевышняго неисповѣдимой.
Старшей имя Мароа, а мнѣ Евдокія,
Меньшей Ѳекла, и такъ всѣхъ насъ имена сія!
И какъ старша сестра совершенныхъ лѣтъ была,
По родителехъ славой и разумомъ слыла,
Вышла-жъ и въ замужже рода не безславна,
Іосифа Лисенка отъ предковъ названа.
А мы еще какъ тогда малолѣтніе были,
Покойныхъ родителей чуть знаемъ, что жили.

А какъ фортуна въ свѣтѣ есть непостоянна,
Котора опытомъ въ самѣхъ насъ дознана,—
Отецъ и мать померли, не доживя вѣку,—
Мы всѣ зятю отданы и сестрѣ въ опеку.
Браты, чтобъ провесть въ свѣтѣ жизнь безъ скуки,
Оставя насъ при сестрѣ, отошли въ науки
Мы-жъ, чтобъ не быть въ свѣтѣ отъ другихъ отличнымъ,
Вчились наукъ, художествъ намъ приличнымъ.
И какъ дошли уже мы лѣтъ пристойныхъ:
То вышли замужъ за людей достойныхъ.
Я вышла за Богдана, есть то Брежинскихъ родъ,
Съ коимъ поживъ 16 лѣтъ, оставя по себѣ плодъ,
А меньша тожъ вышла не безнатна рода,
Какъ долгъ ей велѣлъ и самая природа.
И такъ мы всѣ три сестры въ замужже выданы:
Перва отцемъ, мы-жъ сестрой съ зятемъ выхованы.
Оставя братовъ нашихъ быть всегда спокойныхъ,
Съ коихъ Феодоръ умре, едва дойшовъ лѣтъ законныхъ.
Однакъ старшій съ природы какъ малоуменъ былъ,
Лѣтъ 40 хотя на свѣтѣ жилъ,
Но законы его наслѣдія лишили,
Снабдѣвать съ имѣнія по смерть опредѣлили.
Меньшой, какъ извѣстно всякому довольно,
Только что вступилъ было во владѣніе полно,
Но натура иль судьба такъ опредѣлила:
Смерть жизни въ юныхъ лѣтахъ и сего лишила.
И такъ безъ наслѣдства братовъ все осталось,
То имѣніе тремъ намъ сестрамъ досталось.
Съ коихъ одной село, а другой другое,
Мнѣ-жъ въ раздѣлки Гурбенцѣ достались за тое;
Въ коихъ жила, считая лѣтъ моихъ отъ роду,
Какъ родилась въ тысяча семсотъ сороковомъ году,
А и съ мужемъ спокойно владѣя согласно,
Пятнадцать лѣтъ съ залишкомъ и какъ своевластно:
Хотя и наслѣдниковъ природныхъ имѣя,
Дала все во власть мужу, какъ сама владѣя;
Пусть, какъ хотитъ владѣетъ, а по немъ природно,

Жаль несносной трогаетъ, какъ ихъ вспоминаю.
Боже мой! на Твой Промыслъ я ихъ возлагаю.
А я, оставя свѣтъ и всю веселость въ немъ,
Почила точію спокойно въ гробѣ семъ
Въ семьсотъ семьдесятъ и девятомъ году,
Декабря 23 дня лишилъ меня рокъ жизни и роду.
Ахъ! коль несносно вмреть съ мужемъ и дѣтьми въ разлуки,
Горчайшей, чаю, тому, кто остался, скуки.
Мертвые больше ничего, какъ возмездія чаютъ,
А живые, кромѣ смерти, съ заботъ умираютъ.
Впрочемъ никто обо мнѣ пусть не печалится,
Зная, что временной сей жизни всѣмъ лишиться.
Объ одномъ только прошу васъ премилосердно,
Простирать къ Всевышнему мольбы всеусердно,
Бо кто я нынѣ въ гробѣ, таковъ и всякъ будетъ,
Смерти и преисподней самой не избудетъ.

Ал. Маркевичъ.

СОВРЕМЕННЫЙ ОТЗЫВЪ КІЕВЛЯНЪ О В. И. АСКОЧЕНСКОМЪ.

Въ своихъ „Печерскихъ Антикахъ“ Н. С. Лѣсковъ, говоря о В. И. Аскоченскомъ, пишетъ между прочимъ слѣдующее: „вообще надо жалѣть, что никто изъ знавшихъ Аскоченскаго кіевлянъ не напишетъ безпристрастной замѣтки о треволненной жизни и трудахъ этого человѣка съ замѣчательными способностями, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ едва-ли не самое худшее употребленіе, какое только могъ-бы ему выбрать его злѣйшій врагъ“.

Пока появится безпристрастная оцѣнка этого дѣйствительно даровитаго, но въ высшей степени оригинальнаго по своему характеру и судьбѣ человѣка, считаемъ не лишнимъ привести въ извѣстность современные, ему посвященные, хотя очевидно пристрастные стихи. Они заимствуются изъ случайно попавшаго къ намъ обширнаго стихотворнаго описанія бала, происходившаго въ Кіевѣ въ 50-хъ годахъ, у бывшаго тогда кіевскаго генералъ-губернатора, кн. И. И. Васильчикова. Такіе памфлеты были въ ту пору дѣломъ

обыкновеннымъ; это называлось: „описать въ стихахъ". Неизвѣстный авторъ стихотворенія: „Балъ", всего вѣроятнѣе изъ разряда юныхъ, не оперившихся Марсовъ, передаетъ въ стихахъ ходячіе, конечно, но нерѣдко весьма мѣткіе отзывы о явившихся на балъ лицахъ губернской аристократіи, перебирая по одиночкѣ мужчинъ и дамъ и не щадя, какъ водится, никого. Тутъ сводились, такъ сказать, счеты общественнаго мнѣнія съ недостатками и злоупотребленіями служебныхъ и общественныхъ дѣятелей, доставалось изъ-за нихъ ихъ женамъ и дщерямъ, и—такимъ образомъ мнѣніе общественное удовлетворялось. В. И. Аскоченскій былъ тогда не у дѣлъ, потерялъ совсѣмъ службу; но, находясь при Бибиковѣ, онъ успѣлъ насолить многимъ, злость къ нему еще жила въ лицахъ, окружавшихъ новаго генералъ-губернатора, и вотъ неизвѣстный представитель мѣстнаго общественнаго мнѣнія изливаетъ свою желчь на небольшое падшее величіе, ставитъ это величіе, не попавшее на балъ, у позорнаго такъ сказать столба—у окна дома, въ который ему нѣтъ болѣе доступа, и казнитъ его такими орудіями не глубокаго правда остроумія:

Пробираясь потихонько
  Я продралъ на задній ходъ,
Сошелъ съ лѣстницы легонько
  И чуть вышелъ изъ воротъ:
Какъ вдругъ вижу—подъ окномъ,
  Обернувшись весь плащемъ—
Кто-жъ? *Аскоченскій* поэтъ
  И для васъ готовъ куплетъ:
Пономарь роди дьяка,
  Дьякъ роди намъ бурсака,
Непочтительный-же внукъ
  Вмѣсто рясы снялъ сюртукъ.
Фракъ надѣлъ онъ и жабо
  И вотъ переряженный Corbeau.
Онъ аристократъ, онъ и плебей
Онъ вамъ и попъ и архіерей.
  Подъ часъ онъ кропаетъ стихи,
Подъ часъ прозу извергаетъ,

Подъ часъ поретъ много чепухи,
Всегда-жъ въ немъ такту не хватаетъ.
Не спорю, дарованье въ немъ есть,
Но лицемѣрьемъ заплыло,
Онъ любитъ выпить, любитъ съѣсть.
Лишь-бы даромъ въ ротъ текло.
Ну ужъ это по наслѣдству
Досталось ему въ удѣлъ,
У поповъ одно вѣдь средство:
Даромъ выпилъ, даромъ съѣлъ.
Чуть-ли праздникъ гдѣ въ приходѣ,
Иль собранье гдѣ шумитъ,
То вездѣ уже въ народѣ—
Хлопъ!—Аскоченскій торчитъ.

Въ приведенныхъ стихахъ, кромѣ личныхъ такъ сказать счетовъ и свирѣпствовавшаго тогда во всей силѣ сословнаго антагонизма, на которомъ и зиждется все остроуміе провинціальнаго поэта, видѣнъ и установившійся въ кіевскихъ сферахъ взглядъ на Аскоченскаго: надъ нимъ смѣются, его осуждаютъ, но *дарованье* въ немъ признаютъ.

Сообщ. **П. Д—въ.**

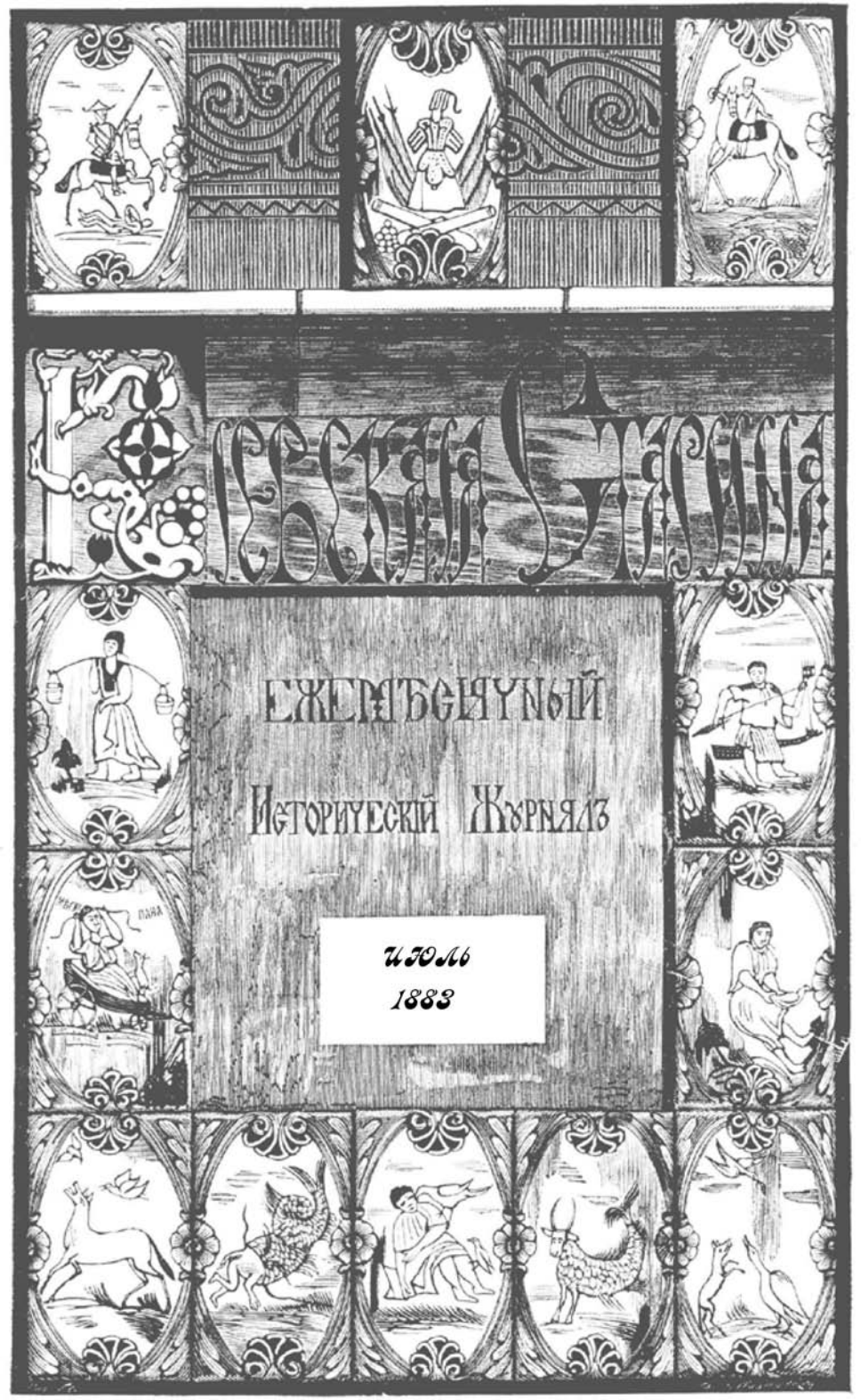
Русская Старина
ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Іюль
1883

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VI. 1883 г.

Май, 1883 г.

стр.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ (историко-этнографическія замѣтки). **Ир. Житецкаго** 1

II. ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ. **В. Ястребова** 30

III. ХАРЬКОВСКІЙ ВЕРТЕРЪ. (Психологическо-юридическій очеркъ изъ харьковской хроники начала тридцатыхъ годовъ). **А. Барымова** . . . 49

IV. ИРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, коадъюторъ кіевскій. (*Продолженіе*). **Г. Булашева** 66

V. ФРЕСКИ КІЕВО-КИРИЛЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ XII в. (Рѣчь, произнесенная въ общемъ собраніи императорскаго русскаго археологическаго общества, 9 января 1883 г.). **Адріана Прахова** 97

VI. ПИСЬМО ЕПИСКОПА ЯКОВА СУШИ КЪ ГЕТМАНУ ВЫГОВСКОМУ СЪ ЦѢЛЮ СКЛОНИТЬ ЕГО КЪ УНІИ. (Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива). Сообщилъ **В. Т. М—чъ** 111

VII. ЗАПОРОЖСКІЕ ВЫБОРЫ И ПОРЯДКИ ПОЛОВИНЫ XVIII в. (По современнымъ описаніямъ). **Ал. Андр—скаго** 127

VIII. НЕИЗВѢСТНЫЙ ДОСЕЛѢ ГЕТМАНЪ И ЕГО ПРИКАЗЪ. **В. Антоновича**. 140

IX. ИЗЪ БУМАГЪ И. И. КОТЛЯРЕВСКАГО. **В. Горленка** 146

X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Исторія русской церкви Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Томъ XII. Спб. 1883 г.—*Т—скаго*.— б) В. Е. Бучневичъ. Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава. 1882 г.—*Ивана Матченка*.—в) Географія кіевской губерніи. Сост. Н. Мукаловъ. Кіевъ. 1883 г.—г) Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію. И. И. Срезневскаго. Харьковъ, 1883 г.—*В. А.* 155

стр.

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Школа для обученія пѣвчихъ, назначавшихся ко двору. *П. Ефименка* —б) Археологическая находка въ Черниговѣ. *А. Ханенка.*—в) Письмо изъ Варшавы отъ 6-го апрѣля 1790 г. —г) Князь Яблоновскій въ неловкомъ положеніи. *И. Л.*—д) Записавшійся во власть помѣщика священникъ. Священ. *П. Саббатовскаго.* —е) Къ исторіи бугскихъ козаковъ. *А. Скальковскаго.*—ж) Еще объ украинской злополучницѣ. *Ц. Г. Неймана.* 169

Іюнь, 1883 г.

стр.

I. Г. Ѳ. КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО. Историко-литературный очеркъ. **Н. Маркова** 193

II. ПРОИСХОЖДЕНІЕ МАЛОРУССКОЙ ДУМЫ О САМУИЛѢ КОШКѢ. **В. Науменка**. 212

III. БѢГЛЫЕ И КРѢПОСТНЫЕ ВЪ ЧЕРНОМОРІИ. **Ф. Щербины** . . . 233

IV. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. (*Окончаніе*). **А. Л. Шиманова** 249

V. УКРАИНСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Историческіе разсказы д-ра Антонія I. (Переводъ съ польскаго). 268

VI. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ЕВГЕНІЯ, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО, КЪ АРХИМАНДРИТУ МЕЛЕТІЮ, РЕКТОРУ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. Сообщилъ свящ. **Левандовскій**. 310

VII. ПРОШЕНІЕ МАЛОРОССІЙСКАГО ШЛЯХЕТСТВА И СТАРШИНЪ, ВМѢСТѢ СЪ ГЕТМАНОМЪ, О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ РАЗНЫХЪ СТАРИННЫХЪ ПРАВЪ МАЛОРОССІИ, ПОДАННОЕ ЕКАТЕРИНѢ II-й ВЪ 1764 ГОДУ.—Сообщ. проф. **А. Ѳ. Кистяковскій** 317

VIII. ТРИ ПИСЬМА ГР. Ѳ. КВИТКИ КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ 346

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Малорусскія изданія 1882 года.—б) Повія, романъ П. Мирного. Частина перша. («Рада», украинскій альманахъ. Кіевъ, 1883 г.)—*В. Г—ка*. 353

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Упыри. (Изъ исторіи народныхъ вѣрованій).—*П. Ефименка.*—б) Къ свѣдѣніямъ о козацкомъ гетманѣ Иванѣ Куцковичѣ.—Сообщ. *А. С—ко.*—в) Малороссійскіе чины и должности и окладъ ихъ содержанія.—г) Гдѣ подлинникъ любечской чудотворной иконы Божіей Матери?—*П. Л—ва.*—д) Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ.—е) «Гнідко», варіантъ Кармелюка.—*Александра Ом—скаго.*—ж) Образчикъ малорусскихъ эпитафій XVIII в.—Сообщ. *Ал. Маркевичъ.*—з) Современный отзывъ кіевлянъ о В. И. Аскоченскомъ.—Сообщ. *П. Д—въ*. 371

стр.

Іюль, 1883 г.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). (*Продолженіе*). **Ир. Житецкаго** 399
II. СУДЬБА ОДНОГО ГАЛИЦКО-РУССКАГО УЧЕНАГО. (Къ біографіи Ивана Николаевича Вагилевича). **Я. Г.** 453
III. РЕБЪ ЛЕЙБЪ-СУРЕСЪ. (Изъ еврейскихъ легендъ). **Александра Тарнавскаго** 473
IV. УКРАИНСКІЙ СОЛОМОНЪ, его кейфъ и судъ. (По фамильнымъ воспоминаніямъ). **Ст. фонъ-Носа** 492
V. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ЗАБѢЛА, ЗНАТНЫЙ ВОЙСКОВОЙ ТОВАРИЩЪ. (1665—1703 г.) (Отрывки изъ семейнаго архива). **Ал. Лазаревскаго** 506
VI. ПОСѢЩЕНІЕ КІЕВА В. КН. ПАВЛОМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ И В. КН. МАРІЕЮ ѲЕДОРОВНОЮ. (Современное описаніе). 539
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Акты, издаваемые виленскою археологическою коммисіею. Т. XII. Акты главнаго литовскаго трибунала. В. 1883 г. *В. И.*—б) Отчетъ замостьскаго свято-никольскаго церковнаго братства за время съ 9 мая 1882 г. по 9 мая 1883 г. Замостье.—*Посторонній* 563
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Воспоминаніе объ архіепископѣ могилевскомъ и мстиславскомъ Анатоліѣ. *Н. Пирожкова.*—б) Подозрѣніе, взведенное на проѣзжающихъ въ отравленіи воды во время холеры 1848 г. *П. Ефименка.*—в) Административное распоряженіе по поводу слуховъ о кончинѣ міра. *П. Ефименка.*—г) Наговоры отъ болѣзней у черноморцевъ. Сообщ. *Ф. Щербина.*—д) Покровская церковь въ Переяславлѣ. *А. Т.*—е) Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ.—ж) О портретахъ Мазепы. *Ѳ.*—з) Современные стихи на измѣну Мазепы. Сообщ. *П. Л.* 573

Августъ 1883 г.

стр.

I. КУПЛЕТНЫЯ ФОРМЫ НАРОДНОЙ ЮЖНО-РУССКОЙ ПѢСНИ. **Ц. Г. Неймана** 659
II. КЪ ИСТОРІИ ГАЛИЦКО-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. (Нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину). **Я. Г.** . . 645
III. ИРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, коадъюторъ кіевскій. (*Окончаніе*). **Г. Булашева** 664
IV. ДВА ДОКУМЕНТА О ХОЗЯЙСТВѢ КІЕВСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII ст. 719

стр.

V. ИЗЪ СТАРЫХЪ БУМАГЪ ХОЛМСКАГО АРХИВА. Записка поданная генералъ-губернатору Тутолмину жидичинскимъ архимандритомъ Флоріаномъ Корсакомъ. *Сообщилъ* **В. Т. М—чъ** 735

VI. УКАЗЪ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГІИ 738

VII БИБЛІОГРАФІЯ: а) Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Т. 1-й. С. Голубева. Кіевъ, 1883 г. 1225 стр.—*П. Л.*— б) О достопамятностяхъ Чернигова. Маркова, бывшаго директора черниговской гимназіи. Черниговъ. 1882 г.—*П. Голубовскаго.*—в) О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. Вып. I. А. Маркевича. Одесса. 1883 г.—*П. Голубовскаго.*—г) Дополненіе къ «Покажчику нової украінскої літератури» М. Комарова.—*М. Гаврилова.* 741

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Какъ получали запорожцы денежное и хлѣбное свое жалованье.—б) Почему десятинная въ Кіевѣ церковь извѣстна въ народѣ подъ именемъ десятиннаго Николая? *П. Л—ва.*— в) Уцѣлѣвшая Старина. *М. Гаврилова.*—Выдержки изъ сборника украинскаго дѣвичьяго монастыря.—г. Не привившійся на полтавской почвѣ ревень. *Ѳ. Ни—ка.*—д) Во что обошлась опись библіотеки преосв. Иринея Фальковскаго послѣ его смерти. *А. Титова.*— е) Варіантъ пѣсни о правдѣ. Сообщ. *В. Горленко.*—ж) Клады въ предѣлахъ кіевской губерніи.—з) Вызывающее сообщеніе. Прапорщ. *Т. Зиньковскаго.*—и) Изъ области народныхъ повѣрій. *В. О.* . . 751

IX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

ІЮЛЬ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собст

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го іюня 1883 года.

Смѣна народностей въ южной Руси.

(историко-этнографическія замѣтки).

(Продолженіе).

ГЛАВА 2-я.

Лѣтописный періодъ.

Съ VI-го столѣтія обитаніе славянъ въ южной Руси дѣлается фактомъ несомнѣннымъ, безспорнымъ [1]). Въ началѣ періода съ VI по IX в. славянское населеніе южной Руси извѣстно по чужимъ памятникамъ—подъ общимъ именемъ *антовъ* [2]), а по нашей лѣтописи—славянъ, и только изрѣдка проскальзываютъ на страницы источниковъ частныя названія южныхъ славяно-руссовъ, напримѣръ названія *хорватовъ* и *сербовъ* для прикарпатскаго населенія, *дулѣбовъ*—для обитателей западнаго Буга. Начиная Іорнандомъ и Прокопіемъ (въ VI в.) и кончая Павломъ Діакономъ (770), всѣ источники

---

[1]) Разсматриваемый нами періодъ съ VI по XIII в., по характеру источниковъ и по самымъ этнологическимъ особенностямъ жизни края, можетъ быть раздѣленъ на три эпохи: первая—съ VI по IX в., когда жизнь обитателей южной Руси мало чѣмъ разнится отъ перваго періода, и когда по прежнему приходится довольствоваться отрывочными и неясными свѣдѣніями изъ иноземныхъ источниковъ, главнымъ образомъ византійскихъ; вторая эпоха—IX и X ст. воспроизводится уже главнымъ образомъ по русской лѣтописи; эта эпоха можетъ быть названа переходною отъ первобытнаго проживанія къ политической жизни южныхъ славяно-руссовъ; наконецъ третья эпоха—съ X по XIII в.—эпоха политической жизни обитателей южной Руси. Общее-же между всѣми тремя эпохами, въ этнографическомъ отношеніи, это преимущественное вліяніе *кочеваго населенія алтайской группы.*

[2]) Объ антахъ говорятъ: Іорнандъ и Прокопій (въ 552 г.), Агафій (590 г.), Менандръ (594 г.), императоръ Маврикій (582—602 г.), Ѳеофилактъ (627 г.), «Цареградская лѣтопись» или «Chronicum paschale» (630 г.), Павелъ діаконъ (770 г.) и Ѳеофанъ (817 г.). (*Шафарикъ*, I, 112—113, III, 33—34).

указываютъ на *антовъ*, какъ на жителей страны на сѣверо-востокъ отъ устьевъ р. Дуная [1]), въ частности, какъ на обитателей при устьяхъ рр. Днѣстра [2]) и Днѣпра [3]), на сѣверѣ [4]) въ пространствѣ отъ Днѣстра до Днѣпра [5]) и далѣе на востокъ отъ Днѣпра [6]) къ р. Дону. Руководствуясь какъ географическими, такъ и этнографическими чертами, не безъ основанія слѣдуетъ отнести къ исторіи южной Руси древнія извѣстія объ антахъ. Но какъ невозможно, чтобы подъ именемъ антовъ разумѣлись только днѣстрянскіе жители, потому что, какъ говоритъ г. Костомаровъ, „этому имени придавали пространнѣйшее географическое значеніе“ [7]), такъ съ другой стороны едва-ли есть основаніе распространять названіе антовъ на все славянское населеніе Россіи, къ сѣверной половинѣ которой отъ верховьевъ Днѣпра [8]) естественнѣе всего отнести имена *венедъ* (vinidi, venexi, venedi и пр.) и *славянъ*, съ которыми анты только сосѣдили (Ἀνται, οἱ Σηλαβηνῶν ἀγχιστάθηνται, по выраженію Прокопія) [9]), становясь съ ними иногда во враждебныя отношенія [10]). Антское населеніе, разселясь по всей южно-русской территоріи, было громадно и по численному своему составу, слыв, какъ мы уже видѣли въ 1-й главѣ, за „*безчисленный антскій* народъ“ (Ἔθνη τὰ Ἀντωνάμετρα) [11]). Теперь славянское населеніе юга Россіи не представляло уже изъ себя патріархальное, земледѣльческое населеніе, слабое внутренней организаціей, какимъ мы находимъ его въ періодъ до VI в.; напротивъ, оно успѣло уже выдѣлить изъ себя воинственныя полчища, которыя тревожатъ нападеніями своихъ сосѣдей византійцевъ, то переправляясь черезъ Дунай [12]), то давая себя чувствовать на побережьяхъ Понта, гдѣ обитало греческое

---

[1]) Императоръ Маврикій (Шафарикъ, II, 36).
[2]) *Шафарикъ*, ч. III. 90.
[3]) Ibid., 28.
[4]) Ibid., 35, 97.
[5]) Ibid., 33—34.
[6]) Ibid., 37.
[7]) *Костомаровъ*, «Моногр.», т. I, 59.
[8]) Шафарикъ, III, 33.
[9]) Ibid., 35.
[10]) Ibid., 90.
[11]) Ibid., 35, 87.
[12]) Ibid., 38.

населеніе. Со времени императора Юстиніана (527 г.), читаемъ у Шафарика, „не проходило года, чтобы гунны (т. е. булгаре и др.), славяне и *анты* не разоряли областей греческой державы", не переставая переправляться черезъ Дунай [1])... Одновременно съ враждебными дѣйствіями своими противъ грековъ анты вступали въ мирно-воинскаго характера отношенія съ послѣдними, то становясь ихъ союзниками, то вступая въ службу къ греческимъ императорамъ [2]). Воинственныя наклонности антовъ на столько сдѣлали ихъ имя знаменитымъ уже въ первой половинѣ VI-го столѣтія, во всемъ Черноморьѣ мужество и опытность ихъ доставили имъ такую славу, что западные писатели выдѣляли антовъ, какъ сильнѣйшихъ между славянами [3]). На отмѣченныхъ свойствахъ антовъ основывается и заслуживающее вниманія мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что свое имя „анты" (англо-сакс. ants, готск. ent), по нѣмецки *исполины*, великаны [4]), южные славяне получили за свои воинственныя особенности [5]).

Понятно, что въ этомъ періодѣ у южно-русскихъ славянъ необходимо предполагать и соотвѣтственную этой дѣятельности организацію, на что и указываетъ разсказанная готомъ Іорнандомъ исторія расправы остъ-готскаго вождя Винитара съ антами. Винитаръ, стараясь избавиться мало по малу отъ ига гунновъ, и желая показать другимъ свое мужество, вторгся съ оружіемъ въ рукахъ въ предѣлы антовъ (in antarum fines) и для устрашенія покореннаго, но давшаго сильный отпоръ населенія приказалъ распять на крестѣ короля ихъ (вѣроятно вождя или родового князька), по имени Божа (Booz nomine), или по другому чтенію—Бокса [6]) съ его сыновьями и семьюдесятью вельможами [7]). Очень правдоподобно, что антскій Божъ и его вельможи Іорнанда своего рода древлянскій Малъ и его „лучшии мужи" русской лѣтописи [8]).

---

[1]) Ibid., 90—91.

[2]) Ibid. [3]) Ibid., 33.

[4]) Ibid., 40—41.

[5]) Ibid., 90—91, *Костомаровъ*, «Моногр.», т. I, 60.

[6]) *Иловайскій*, «Пересмотръ вопроса о гуннахъ», «Русск. Старина», 1882 г., № 3, стр. 726.

[7]) *Шафарикъ*, т. I, стр. 247, Ш, 33—41.

[8]) «Ипатск. лѣт.» (945 г.), стр. 35.

Какъ мы уже сказали выше, кромѣ общаго названія—антовъ, для славянскаго населенія южной Руси въ источники, относящіеся къ этому періоду, случайно попали два-три раза частныя имена южно-русскихъ славянъ. Такъ лѣтописецъ нашъ, разсказывая, несомнѣнно со словъ византійскихъ хроникъ, о проходѣ аваровъ (обровъ) черезъ южную Русь (во второй половинѣ VI-го и въ первой—VII-го ст.), говоритъ между прочимъ: „обри воеваша на словѣны и примучиша дулѣбы, сущая словѣны", а ниже „дулѣбы-же живяху по Бугу, где нынѣ волыняне" [1]). Второй фактъ, относящійся къ VII ст.—это переселеніе хорватовъ (около 630 г.) въ Далмацію [2]), о чемъ мы уже упоминали въ первой главѣ. Какъ ни единичны приведенныя нами указанія на существованіе уже въ періодъ съ VI по IX в. дробленія антскаго населенія, но они, въ связи съ фактомъ широкаго территоріальнаго распространенія антовъ (отъ Днѣстра до Дона и отъ Понта до верховьевъ Днѣпра) и при сопоставленіи съ свѣдѣніми о существованіи подраздѣленія туземнаго населенія южной Россіи въ первый періодъ (съ V-го в. до Р. Хр. по VI в. по Р. Х.), утверждаютъ насъ въ мысли, что такое подраздѣленіе несомнѣнно было и съ VI по IX в. на всемъ пространствѣ южной Россіи, и въ тоже время подготовляютъ насъ къ пониманію того историческаго факта, почему въ IX в., а еще болѣе въ X, когда являются пособіемъ наши туземные источники—лѣтописи, на историческую сцену мало по малу выступаетъ такое множество отдѣльныхъ славяно-русскихъ народцевъ въ предѣлахъ южной Руси. Несомнѣнно, что многія изъ этихъ народностей (если не всѣ) обитали подъ своими отдѣльными именами въ южной Руси и до IX в., но только они не попали въ письменные источники, такъ какъ греки единственные почти наши сосѣди, сообщившіе намъ что-нибудь о южной Россіи за эти два-три столѣтія, сами едва знали края и народы по Днѣстру и около Понта.

Съ первымъ появленіемъ собственныхъ источниковъ въ видѣ лѣтописей, завѣса, скрывающая отъ насъ славянскихъ обитателей южной Руси, падаетъ, и мы видимъ страну отъ карпатскихъ горъ

---

[1]) Ibid., стр. 7.

[2]) Шафар., IV. 13.

до донецкаго кряжа не только занятою довольно многочисленнымъ славяно-русскимъ населеніемъ, но и самое населеніе находимъ уже разбившимся на отдѣльные народцы подъ многочисленными названіями. Общимъ названіемъ для славянскаго населенія южной Руси служитъ не анты (такого названія съ IX и X в. не встрѣчается нигдѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ) [1]), а *славяне*, частныя-же, болѣе распространенныя такія: *сѣверяне, поляне (или русы), древляне, дреговичи, волынянс (бужане или дулѣбѣ), хорваты, уличи* и *тиверцы*. Среди этихъ вѣтвей обитало много меньшихъ, не столько извѣстныхъ въ исторіи, отраслей, это: *лютичи, пружане, наревяне, поросяне, запрози, низовцы, лукомляне, бродницы* и пр. [2]). Самымъ восточнымъ народцемъ были *сѣверяне* („сивера")—единственные славяно-русскія обитатели на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ его среднемъ теченіи. Поселенія ихъ группировались по рр. Ислу, Сулѣ, Семи (Сейму) и Деснѣ [3]), до верхняго теченія послѣдней, сосѣдя: на западѣ, по р. Днѣпру, съ полянами, на сѣверо-западѣ—*съ кривичами* (сначала по р. Днѣпру [4]), затѣмъ по р. Сожи къ верховьямъ Десны и Угры [5]), и *радимичами*—по водораздѣлу между Ипутью, притокомъ р. Сожи, и р. Сновью, притокомъ Десны.

На сѣверѣ поселенія сѣверянъ сходились съ вятичами, границею между которыми служили, можно думать, лѣсистый и холмистый водораздѣлъ между рѣками Нерусою, Невлею, Ревною и Болвою, притоками Десны съ одной стороны, и Жиздрою—притокомъ Оки,—съ другой [6]); на сѣверо-востокѣ—съ муромой, у истока сѣвернаго Донца, на востокѣ съ болгарами по р. Дону; на юго-востокѣ и югѣ съ различными степняками, главнымъ образомъ по р. Сулѣ [7]) и отчасти по Ислу. Такимъ образомъ территорія сѣ-

---

[1]) *Шафарикъ*, III, 18.

[2]) Ibid., 85.

[3]) *Иловайскій*, «Исторія Россіи», т. II, стр. 50—51.

[4]) *Багалѣй*, «Исторія сѣвѣрскаго кн., стр. 12; *Голубовскій*, «Ист. сѣв. кн.», стр. 17.

[5]) Ibid.

[6]) *Голубовскій*, стр. 17; *Соловьевъ*, «Ист. Рос.», т. I, стр. 23.

[7]) *Багалѣй*, 12; *Бестужевъ-Рюминъ*.

верянъ занимала части теперешнихъ губерній черниговской, курской и полтавской, а именно: 1) *бассейнъ р. Десны* въ черниговской губерніи, т. е. уѣзды остерскій, козелецкій, нѣжинскій, черниговскій, борзенскій, сосницкій, кролевецкій и новгородъ-сѣверскій, 2) *бассейнъ Сейма*: въ курской губерніи, въ уѣздахъ путивльскомъ, рыльскомъ, льговскомъ и отчасти курскомъ, и въ черниговской—въ конотопскомъ и глуховскомъ, 3) *бассейнъ Сулы* въ полтавской губерніи, въ уѣздахъ лубенскомъ, лохвицкомъ и роменскомъ, 4) *между Десною и Сулою* въ переяславскомъ и золотоношскомъ уѣздахъ и бассейнъ р. Псла—кременчугскаго и хорольскаго уѣзда. Изъ всей нынѣшней харьковской губерніи развѣ только сѣверо-западная часть ея, бассейны Псла, Ворсклы и Сейма, притоковъ р. Днѣпра, имѣла славянское населеніе, распространившееся здѣсь изъ земли сѣверянъ, вѣроятно, нѣсколько позже призванія князей.

2) *Поляне* обитали на западномъ Поднѣпровьѣ, отдѣляясь такимъ образомъ р. Днѣпромъ отъ сѣверянъ; западная грань полянскихъ поселеній не шла далѣе верховьевъ южнаго Буга на западѣ и верхняго Тетерева на сѣверо-западѣ [1]). Что касается сѣверной границы, то здѣсь поселенія древлянъ доходили, какъ кажется, до р. Тетерева. Южною границею полянъ безъ сомнѣнія нужно считать р. Рось [2]), хотя по временамъ, въ періоды ослабленія натисковъ степнаго кочеваго населенія, поселенія полянъ могли достигать того „Угла", гдѣ съ восточной стороны вливается въ Днѣпръ р. Орель („Ерель", „Углъ"), а съ западной находятся источники Ингула и Ингульца (тоже Углы), т. е. „Углы", или границы осѣдлаго племени [3]). Приблизительно, поляне занимали почти всю кіевскую губернію, кромѣ сѣверной половины радомысльскаго уѣзда, и прилегающія къ Тетереву части волынской и къ Бугу части подольской губ.

3) *Древлянамъ* принадлежала лѣсистая страна на сѣверо-западѣ отъ полянъ, между рѣками Припетью и Тетеревомъ, въ те-

---

[1]) *Забѣлинъ*, т. 2, 95—96.

[2]) Иловайскій, т. II, 1—2; Бест.-Рюм., 70.

[3]) *Забѣлинъ*, II, 95—96.

перешнихъ кіевской, волынской и отчасти минской губерніяхъ и Случью [1]).

4) *Волыняне* жили далѣе на западъ отъ полянъ и древлянъ. Сначала на мѣстѣ волынянъ можно различать двѣ народности: *бужане* (которыхъ Шафарикъ отожествляетъ съ сербами) [2]), на западномъ Бугѣ по его верхнему теченію, и *дулѣбовъ* [3]), на юго-востокѣ отъ нихъ между бужанами, съ одной стороны, и полянами и угличами съ другой; но чѣмъ болѣе къ X в., тѣмъ рѣже встрѣчаются указанныя названія: ихъ замѣняетъ общее имя *волыняне* [4]), которое скорѣе всего, особенно судя по смыслу слова волыняне, однозначуще со словомъ великій или „*антъ*“ [5]) и обозначаетъ не одинъ какой-нибудь народецъ, а союзъ южныхъ славяно-русскихъ народцевъ [6]). Западная граница волынянъ достигала р. Сана и Днѣстра, хотя она постоянно видоизмѣнялась, такою-же неопредѣленностью запечатлѣны сѣверная и южная грань поселеній волынянъ. Во всякомъ случаѣ поселеніями ихъ были заняты: остальная часть волынской губерніи, сѣверо-западная подольской, восточная прилегающая полоса Галиціи, юго-западный уголъ люблинской и можетъ быть гродненской губерніи, такъ что волынянъ окружали съ востока поляне и древляне, съ сѣвера—ятвяги, ляхи и отчасти дреговичи въ сѣверо-восточномъ углу; съ запада хорваты, и съ юга уличи.

---

[1]) *Бестужевъ-Рюминъ*, 70; Забѣл., II, 171. Проф. Антоновичъ полагаетъ поселенія древлянъ между рр. Ушью и Случью.

[2]) *Шаф.*, III, 84—86.

[3]) Г. Срезневскій полагаетъ дулѣбовъ на южномъ Бугѣ (314).

[4]) *Костомаровъ*, «Мон.», 1, 60—62.

[5]) Вѣроятность отожествленія общаго имени «антовъ» съ волынянами оправдывается также аналогіей съ переходомъ общаго имени *славянъ* къ одному изъ сѣверныхъ славянскихъ народовъ—именно къ новгородцамъ. Можно думать, что волыняне—было общее названіе тиверцевъ, бужанъ, дулѣбовъ, и на нихъ то указываетъ Массуди, говоря, что волыняне были нѣкогда сильнымъ народомъ и имѣли своего князя Мажека (*Симашкевичъ*, «Историко-геогр. и этногр. очеркъ Подоліи», вып. 2-й, 89 стр. и «Основа», 1861 г, № 2, стр. 15.

[6]) *Костом.*, Ibid.

5) *Уличи* и 6) *тиверцы* [1]) по южному Бугу и Днѣстру [2]) и въ степяхъ припонтійскихъ, доходя на востокѣ до устьевъ р. Днѣпра [3]) и на западѣ до устьевъ р. Дуная [4]). Территорія уличей и тиверцевъ—это страна геродотовыхъ алазоновъ [5]) и „Великая Скуѳь" византійцевъ [6]). Только на сѣверѣ эти двѣ народности примыкали къ славяно-руссамъ, на востокѣ-же у нихъ были сосѣдями разные степняки, на югѣ—греки, а на западѣ—славянскія народности и потомки даковъ.

7) *Хорваты* (древніе карпы или карпіи, они-же и бѣло-хорваты), крайній на западѣ славяно-русскій народецъ, раскинулись на сѣверо-восточныхъ склонахъ и отрогахъ карпатскаго хребта, орошаемыхъ притоками Вислы, Днѣстра и Прута, почти до впаденія Сана въ Вислу, или точнѣе на горномъ кряжѣ Карпатъ, подгорья, которое окаймляется р. Саномъ и Днѣстромъ [7]). Составляя на западѣ нѣкоторое время крайнюю грань славяно-русскихъ поселеній, хорваты отдѣлялись отъ угровъ и (сѣвернѣе) отъ чеховъ карпатскимъ хребтомъ со своими лѣсистыми скалами и ущельями; границею съ ляхами на сѣверѣ была р. Вислокъ, впадающая слѣва въ р. Санъ, немного ниже г. Ярославля, хотя можно предполагать русско-славянскія поселенія и далѣе, между Вислокомъ и Вепремъ, въ области судомірско-люблинской [8]); съ запада хорваты примыкали, какъ мы уже видѣли выше, къ волынянамъ, съ юго-востока—къ тиверцамъ [9]).

Семь отмѣченныхъ славяно-русскихъ народцевъ цѣликомъ обитали въ предѣлахъ южной Россіи, но кромѣ нихъ по сѣвернымъ окраинамъ страны были поселенія еще *дреговичей* и *радимичей*. Дреговичи южною своею частью населяли территорію древнихъ на-

[1]) Гг. Брунъ и Забѣлинъ первоначальнымъ мѣстомъ поселенія угличей считаютъ Поднѣпровье отъ р. Углы (Орель) до зап. берега азовскаго моря (въ «Лукоморьѣ»). Брунъ, 101; Забѣл., II, 142—3.

[2]) *Брунъ*, 101, 106.

[3]) *Бест.-Рюм.*, 70.

[4]) *Брунъ*, 101, 106.

[5]) *Заб.*, II, 142—143.

[6]) *Костомар.*, I, 60; Срезневскій, 314.

[7]) *Иловайскій*, II, 26.

[8]) Ibid., 26—27.

[9]) Смирновъ, II, 14.

ревьянъ и, можетъ быть, будиновъ, заселяя *понтское Полѣсье* и область Яцольды [1]), лѣваго притока Припети [2]). Позже дреговичи на своей юго-западной границѣ слились съ постепенно колонизовавшими этотъ уголъ волынянами и частію выдвинуты были отсюда ятвягами и другими литовскими народцами, но до XI в. по обѣимъ сторонамъ бѣловежской пущи жили славяно-руссы. Слѣдовательно, въ южно-русскихъ частяхъ минской и гродненской губ. въ началѣ лѣтописнаго періода жили дреговичи. Что касается радимичей, то они, спускаясь по р. Сожи, ея притоку и пути, врѣзывались въ поселенія сѣверянъ и ихъ поселенія можно предполагать, между прочимъ, въ частяхъ городнянскаго и новозыбковскаго уѣздовъ черниговской губерніи [3]).

Такимъ образомъ въ первой половинѣ лѣтописнаго періода славяно-русскія народности занимали всю почти сѣверную половину южной Россіи; только южная степная полоса на востокъ отъ южнаго Буга и до Дона, потомъ сѣверо-восточная часть донецкаго кряжа не принадлежали еще славяно-русскому племени, будучи ареною для кочеваго населенія; можно думать также, что и нѣкоторыя южно-русскія части привислянскаго края были подъ поселеніями ляховъ и ятвяговъ.

Если мы выше показали, что славяно-руссы въ IX—X в. занимали своими поселеніями половину теперешняго пространства Малороссіи, то это не значитъ, что въ ту эпоху поселеніями ихъ было покрыто сплошь отмѣченное пространство. Поселенія славянъ группировались по рѣкамъ, которыя служили проводниками первому населенію, и по нимъ шло и распространеніе района славяно-русскаго поселенія [4]). Междурѣчья часто на десятки и сотни верстъ оставались не заселенными [5]). Если мы въ XVI—XVII в. при за-

---

[1]) Г. Бестужевъ-Рюминъ назначаетъ предѣломъ населенія дреговичей рр. Березину и Припеть (Ист., 6).

[2]) По лѣтописи дреговичи обитали «межи Прилетью и Двиною» (Ип. лѣт., 7), примыкая такимъ образомъ на сѣверѣ къ кривичамъ у Нѣмана, на западѣ къ ляхамъ по р. Нареву и Нуржку, на югѣ къ дулѣбамъ и бужанамъ (волынянамъ) по р. Бугу и на сѣверо-западѣ по берегамъ р. Буга—къ ятвягамъ (Илов., II, 22—24).

[3]) *Багалѣй*, 17.

[4]) *Соловьевъ*, I, 5, 23.

[5]) *Самоквасовъ*, 123.

селеніи нынѣшней воронежской губерніи видимъ, что населеніе шло, углубляясь все далѣе и далѣе въ незаселенный край, слѣдуя теченію рѣкъ и при этомъ главнымъ образомъ по тому берегу, который былъ обращенъ къ заселенному и тѣмъ самымъ болѣе безопасному краю [1]); если въ наше время прирѣчное населеніе преобладаетъ надъ прочимъ (напримѣръ въ малороссійскихъ уѣздахъ гродненской губерніи оно доходитъ до 53% [2]), а въ земли войска донскаго еще выше) [3]), то тѣмъ болѣе въ то время, когда народъ еще болѣе находился въ подчиненіи естественно-историческимъ условіямъ, населеніе должно быть приковано къ рѣкамъ. Такъ что въ разсматриваемую нами эпоху плотность населенія между прочимъ опредѣлялась густотою рѣчной сѣти и способностью рѣкъ къ судоходству; изъятіе изъ этого положенія должно быть сдѣлано лишь для такихъ мѣстъ, какъ южно-русское Полѣсье, гдѣ клочки сухой, удобной для воздѣлыванія земли разсѣяны въ видѣ оазисовъ или острововъ и гдѣ потому сравнительно рѣдкое населеніе Полѣсья сосредоточивалось на нихъ [4]). Трудно, по скуднымъ матеріаламъ русской лѣтописи и по случайнымъ отрывкамъ русскихъ писателей, возстановить картину разселенія славяно-руссовъ въ южной Россіи въ IX—X в., и volens-nolens приходится прибѣгать къ аналогіи. Въ XVII—XVIII в. у малороссовъ, потомковъ южно-русскаго населенія IX—X в., мы можемъ наблюдать при естественномъ свободномъ заселеніи новаго края наклонность колонизовать его посредствомъ мелкихъ поселеній-хуторовъ: такъ по крайней мѣрѣ заселялся новороссійскій край въ предѣлахъ владѣній Запорожской Сѣчи, гдѣ хутора или „зимовники" выходцевъ изъ разныхъ концовъ Руси разбросаны были по всѣмъ рѣкамъ, рѣчкамъ и воднымъ балкамъ теперешней екатеринославской, отчасти херсонской и даже полтавской губ. (конст. у.). Ту-же привычку мы можемъ наблюдать и въ наше время въ сословіи малорусскихъ козаковъ, которые имѣютъ свою собственную землю и могутъ поэтому болѣе или менѣе свободно располагать своими поселеніями, система разселенія хуторами

[1]) *Германовъ*, «Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ воронеж. губ.». Зап. имп. геогр. общ.

[2]) *Бобровскій*, «Мат. для геогр. и стат.», т. 1.

[3]) *Красновъ*, «Мат. для геогр. и стат.»

[4]) *Иловайскій*, II, 18.

существуетъ и у тѣхъ малороссовъ, которые въ XVIII—XIX в. вышли на готовыя земли, напримѣръ въ кубанскую область, въ астраханскую губ. [1]).

Аналогію съ поселеніемъ хуторами представляютъ „починки", путемъ которыхъ колонизуется сѣверно-русскій край, даже и въ наше время. Послѣдній примѣръ указываетъ, что наклонность къ хуторской жизни есть свойство не исключительно малорусскаго населенія, а по крайней мѣрѣ всего русскаго народа [2]), если только не общечеловѣческое свойство въ извѣстной фазѣ культуры. Если мы отъ аналогій обратимся къ писаннымъ источникамъ, относящимся къ той отдаленной эпохѣ, то и въ нихъ мы найдемъ рядъ хотя темныхъ, краткихъ указаній, но все таки могущихъ навести на болѣе или менѣе вѣрный выводъ по занимающему насъ вопросу.

Иностранные писатели говорятъ, что славяне жили въ дряныхъ избахъ, *находящихся въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга и часто перемѣняли мѣсто жительства.* „У нихъ, говоритъ Маврикій, недоступныя жилища въ лѣсахъ при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; необходимыя вещи они скрываютъ подъ землею, не имѣя ничего лишняго наружи, но живя, какъ разбойники" [3]). О томъ-же говоритъ и смыслъ общественнаго выраженія Іорнанда: „sclavini paludes silvarque pro civitatibus habent", т. е. болота и лѣса вмѣсто городовъ (укрѣпленій) служатъ славянамъ [4]). Конечно, мѣста изъ Маврикія и Іорнанда могутъ быть отнесены къ населенію

---

[1]) Въ послѣдней, какъ намъ пришлось убѣдиться личнымъ наблюденіемъ, малорусское населеніе представляетъ собою полу-кочевниковъ. Только незначительная часть малороссовъ, и то на короткое время въ году, живетъ въ городахъ и селахъ, къ которымъ они приписаны, какъ къ административнымъ и религіознымъ центрамъ, большинство-же населенія живетъ въ хуторахъ; при этомъ съ марта и по сентябрь его мѣстопребываніе — это хутора въ степи, гдѣ находятся степные сѣнокосы и главное—хлѣбъ; вторую-же половину года—зиму оно проводитъ въ хуторахъ, разсѣянныхъ по лугамъ, гдѣ сдѣланы запасы луговаго сѣна и находятся рыбныя угодья. Понятно, что при этомъ малорусскому населенію приходится два раза въ году—въ мартѣ и въ сентябрѣ кочевать со всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ и скотомъ—въ первый разъ изъ луговъ въ степи, во второй разъ—обратно.

[2]) У центральныхъ великороссовъ отсутствіе хуторовъ есть уже результатъ позднѣйшихъ политико-экономическихъ условій.

[3]) *Соловьевъ*, т. 1, стр. 66.

[4]) *Шафарикъ*, III, 35.

странъ, обильныхъ лѣсомъ и болотами, какъ волыняне, дреговичи, древляне и отчасти сѣверяне; что-же касается остального славяно-русскаго населенія безлѣсныхъ степныхъ пространствъ (поляне, уличи, тиверцы и отчасти сѣверяне и хорваты), то они, *живя также отдѣльными поселеніями по берегамъ рѣкъ и водныхъ балокъ*, вмѣсто болотъ и лѣсовъ строили себѣ „города", т. е. *укрѣпленныя мѣста*. Первоначальное значеніе городовъ, какъ укрѣпленныхъ пунктовъ, въ которые стекалось разбросанное по окрестностямъ населеніе въ случаяхъ опасности, выясняется изъ многихъ мѣстъ лѣтописи; но мы ограничимся двумя-тремя выписками изъ нея. Въ 1126 г. послѣ смерти Владиміра Мономаха половцы „присунушася къ Баручю, рекше: возмемъ торкы ихъ. Бѣже вѣсть Ярополку и повелѣ гнати люди и торкы въ *Баручь* и въ *прочая грады*" [1]). Въ 1150 г. Изяславъ „поиде отъ Звенигорода къ Тумыщю; и ту придоша къ нему *черныя клобуки, жены своя и дѣти въ городѣхъ затворивше на Поросьи*" (279). Ясно, что города были мѣстомъ лишь временнаго пребыванія населенія и въ экстра-ординарныхъ случаяхъ; въ обыкновенное-же время населеніе жило внѣ ихъ. О такихъ, думаемъ, городахъ упоминаетъ и Птоломей, когда называетъ нѣкоторые города въ Сарматіи [2]), и такъ называемый „Равенскій географъ", по словамъ котораго въ VII ст. черноморскіе славяне, раздѣляясь на два племени—угличей и тиверцевъ, имѣли 644 города (civitates), а равно и русскій лѣтописецъ, когда говоритъ, что улучи и тиверцы живутъ „по Бугу и Днѣстру, и присѣдяху къ Дунаеви... оли до моря... и бѣ множество ихъ... и суть города ихъ и до сегодне" [3]). Остаткомъ славяно-русскихъ городовъ служатъ въ наше время „городища", число которыхъ весьма значительно. Г. Соловьевъ считаетъ въ кіевской области болѣе 40, въ чернигово-сѣверской 70, въ переяславской около 40, а во всей Руси до 300; а г. Самоквасовъ считаетъ ихъ въ нѣсколько тысячъ [4]).

---

[1]) Ипатск. лѣт., 208.

[2]) *Самоквасовъ*, 92.

[3]) Ипатск. лѣт., 7.

[4]) *Самоквасовъ*, 121, 123. Постепенно, кромѣ указаннаго назначенія, города дѣлались пунктами для исполненія священныхъ обрядностей, а также и центрами торговыми и административными.

Въ полномъ, по нашему мнѣнію, соотвѣтствіи жизнь отдѣльными поселеніями находится съ характеромъ занятій южныхъ славяно-руссовъ. Какъ мы уже указывали въ первой главѣ, населеніе сѣверной половины южной Руси уже въ VI в. до Р. Хр. занималось земледѣліемъ, продавая въ изобиліи хлѣбъ грекамъ, и отдавало много времени охотѣ за звѣрями, рыбой и медомъ, доставляя тѣмъже покупателямъ мѣха, кожи и медъ. Спустя 12 вѣковъ послѣ Геродота, мы находимъ южно-руссовъ въ общей массѣ при тѣхъ-же занятіяхъ: какъ при Геродотѣ, и въ лѣтописное время они представляли, если не земледѣльческое населеніе въ совершенномъ нашемъ смыслѣ, то по крайней мѣрѣ переходное—охотницко-земледѣльческое [1]). Хотя, судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ, несомнѣнно только, что поляне, *древляне* и *вятичи* были народцами земледѣльческими [2]), но есть много другихъ основаній думать, что земледѣліе было распространено по всему югу Россіи еще до X-го вѣка [3]). По системѣ обработки земледѣліе было тогда въ примитивномъ состояніи: подъ хлѣбъ занимались только нови, которыя и бросались, какъ только замѣчалось истощеніе почвы; кромѣ того съ земледѣліемъ было связано неразрывно не только скотоводство (особенно въ степяхъ), но и звѣроловство, рыбная ловля и всякаго рода охота. При отмѣченной-же нами системѣ хозяйничанья населенію, тѣснящемуся при рѣкахъ и въ лѣсахъ, естественнѣе всего было жить въ раздробь, сообразуясь не только съ видомъ на урожай, но и съ обиліемъ въ окрестностяхъ звѣрей, дикихъ пчелъ и рыбъ. Отсюда вытекаетъ еще новая черта—это *легкость передвиженія населенія съ одного мѣста на другое*, что мы видимъ въ быстротѣ тогдашней колонизаціи и въ постоянномъ измѣненіи границъ поселеній южныхъ славяно-руссовъ.

Существуетъ мнѣніе въ исторической наукѣ, имѣющее за собой много вѣроятностей, что угличи прежде жили по обоимъ берегамъ р. Днѣпра, и даже, главнымъ образомъ, на лѣвомъ берегу этой рѣки, у „Лукоморья", т. е. въ углу между рѣкою Углой и берегомъ азорскаго моря [4]). Можетъ быть, угличей и нужно разу-

---

[1]) *Соловьевъ*, т. 1, стр. 29.

[2]) *Тумасовъ*.

[3]) *Бѣляевъ*.

[4]) *Брунъ*, 101—105, 106—108; *Забѣлинъ*, II, 142—143.

мѣть въ имени „лукомлянъ“ [1]). Подъ натискомъ кочевниковъ они передвинулись на западъ, на берега южнаго Буга, и къ IX в. несомнѣнно жили при извѣстномъ развитіи осѣдлости и цивилизаціи, ибо, не смотря на опасности отъ сосѣдей кочевниковъ, угличи, вмѣсто того, чтобы уйти прочь, подобно номадамъ, долго предпочитали лучше оставаться въ опасномъ краѣ и изыскивать средства для своей защиты *въ городахъ* [2]), и только при болѣе сильномъ натискѣ кочевыхъ массъ они, вмѣстѣ съ тиверцами, вновь выселяются, такъ какъ мѣста осѣдлости тѣхъ и другихъ, какъ увидимъ дальше, представляютъ пустыя пространства для новой галицкой колонизаціи. Подобную-же быстроту мы можемъ наблюдать и у хорватовъ и у полянъ, особенно-же у сѣверянъ. Подъ давленіемъ азіатскихъ кочевниковъ южно-русскія степи очищаются отъ осѣдлаго славяно-русскаго населенія до верховьевъ сѣвернаго Донца, Сулы, Роси, средняго теченія Днѣстра и верховьевъ Прута; но вслѣдъ затѣмъ, съ ослабленіемъ кочеваго населенія, славяно-руссы спускаются по рѣкамъ и сравнительно быстро колонизуютъ побережья съ тѣмъ, чтобы при новой волнѣ кочевниковъ снова подняться въ районъ прежней осѣдлости. Такъ, сѣверянское населеніе до хазаръ не только имѣло свои поселенія по сѣверному Донцу, но и по Дону шло сплошное населеніе до самаго Азовскаго моря, и, можно думать, что сѣверянами была колонизована и древняя тмутараканская (нынѣшняя кубанская) область [4]). Хозары въ первое время ослабили сѣверянское населеніе, которое выселилось вглубь страны своего племени, потомъ сѣверяне вновь дѣятельно колонизуютъ побережья Дона и Донца, и при половцахъ вновь возвращаются вглубь своей страны [5]), но ко времени монголовъ въ низовьяхъ этихъ рѣкъ мы видимъ довольно значительное славяно-русское населеніе—это „Бродники“ [6]). По р. Днѣпру славяно-русское населеніе, очевидно по-

[1]) *Шафарикъ*, III, 85.

[2]) *Брунь*, 101, 105.

[3]) *Костомаровъ*, «Моногр.», т. 1, 60—62.

[4]) *Багалѣй*, 25; *Голуб.*, 5, 6.

[5]) Полагаютъ, напр., что жители Саркела или славянскаго поселенія Бѣлой вежи (Бѣл. города) переселились въ 1117 г., поселились у верховьевъ Остра, гдѣ въ XVII в. было городище Бѣлая-вежа; а съ XVIII ст. нѣмецкая колонія Беламешь. Голуб., 8.

[6]) *Голуб.*, 12.

ляне, въ промежутки, свободные отъ кочеваго броженія, спускались за пороги. Здѣсь, вѣроятно, жили „*Zabrosi*“ мюнхенской рукописи и „низовцы“ [1]). Даже въ періодъ власти надъ запорожскими степями печенѣговъ славяно-русское населеніе достигало, хотя только временно, устья Днѣпра, куда его влекли рыболовныя угодья. На это вполнѣ указываетъ то мѣсто изъ договора Игоря, гдѣ говорится: „аще обращуть Русь корсуняны *рыбы ловяща въ устьѣ Днѣпра*, да не творятъ имъ зла никакого-же. И да не имѣють Русь власть *зимовати въ устьѣ Днѣпра*, Бѣлобережа, ни у святого Елеуфѣрія; но егда придетъ осень, да идуть въ домы своя въ Русь“ [2]). Еще быстрѣе чѣмъ по Днѣпру славяно-русская колонизація, главнымъ образомъ хорватская, спускается по р. Днѣстру и Пруту, въ устьяхъ которыхъ, вскорѣ послѣ освобожденія ихъ отъ нашествій кочевниковъ, находимъ мы извѣстныхъ „*берладниковъ*“.

Привычка и легкость, съ какою въ то время перемѣнялись славяно-руссами мѣста, не могла исчезнуть долгое время и въ княжескій періодъ, и у населенія сравнительно культурнаго. Такъ, подъ 1147 г. мы читаемъ въ лѣтописи: „слышавше инии гради: Унеѣжъ, Бѣловежа, Бахмачь, еже Всеволожъ взятъ (Изяславомъ Мстиславовичемъ) *и побѣгоша Чернигову и инии гради мнози бѣжаша*“ [3]).

Если въ цитируемомъ мѣстѣ мы наблюдаемъ сравнительную легкость въ передвиженіи, то слѣдующее мѣсто лѣтописи прямо говоритъ о привычкѣ къ переселеніямъ. Кіевляне въ 1069 г., видя приближеніе къ своему городу прогнаннаго ими князя Изяслава, послали къ князьямъ Святославу и Всеволоду, приглашая ихъ явиться на защиту города; при этомъ говорятъ имъ: „аще ли не хощете, то намъ неволя: зажегши городъ свой, и ступити въ грѣцискую землю“ [4]), т. е. угрожаютъ сдѣлать то, что съ такою легкостью продѣлывалъ кн. Святославъ съ тѣми-же кіевлянами, мѣняя Кіевъ на *придунайскій Переяславець*.

Если мы, ко всему сказанному уже о системѣ поселенія южныхъ славяно-руссовъ въ первую половину лѣтописнаго періода, прибавимъ тотъ фактъ, что лѣтопись почти совсѣмъ не говоритъ о

---

[1]) *Шафарикъ*, III, 100—102.

[2]) Ипатск. лѣт., стр. 32 (945 г.).

[3]) Ипатск. лѣт., 252.

[4]) Ibid., 122.

поселеніяхъ славяно-руссовъ внѣ городовъ, что едва-ли могло-бъ случиться, если-бы внѣ городовъ была развита жизнь большими поселками—селеніями, деревнями и т. п., то мы этимъ закончимъ приведеніе всѣхъ тѣхъ основаній, которыя утверждаютъ насъ въ мысли, что *преобладающая система разселенія славяно-руссовъ была поселеніе мелкими поселками, своего рода „хуторами“, „починками“*.

IX и X стол. въ южной Россіи было послѣднимъ періодомъ, когда населеніе края росло натуральною жизнью этнологическаго индивидуума подъ преобладающимъ вліяніемъ двухъ условій: природы страны и сосѣдства, и, можно думать, что это былъ періодъ возможной чистоты въ смыслѣ этнографическомъ. Славяно-русское населеніе сплошь покрывало страну въ указанныхъ границахъ и вездѣ, на каждомъ извѣстномъ пунктѣ представляло однородную этнографическую массу. Тѣ чуждые элементы, какіе, безъ сомнѣнія, входили въ составъ славянскаго населенія отъ послѣдовательно налетавшихъ волнъ алтайскихъ народностей, а равно и отъ другихъ, были сравнительно ничтожны и сравнительно быстро всасывались, ассимилировались съ славяно-руссами. Если и встрѣчались представители народностей иного типа, въ ихъ нормальномъ видѣ, то развѣ въ торговыхъ центрахъ и при этомъ въ незначительномъ количествѣ, и это не оказывало этнологическаго воздѣйствія на внѣ-городскую славянскую массу, разсѣянную по лѣсамъ и степямъ, вблизи рѣкъ, озеръ и рѣчныхъ балокъ. Внутри этой массы нѣтъ данныхъ даже предполагать существованіе сословности, если, конечно, мы согласимся съ мыслію, что до-историческіе князья („антскіе“, древлянскіе и пр.) были лишь родоначальниками племенныхъ группъ. Однако, уже въ это время въ славяно-русскомъ населеніи можно наблюдать зарожденіе новой жизни, подъ вліяніемъ которой постепенно разлагаются натуральныя формы быта; это приходится сказать если не о всѣхъ южныхъ народахъ, то о нѣкоторыхъ, особенно о полянахъ. Въ пробужденіи южныхъ славянъ къ новой жизни оказываютъ между прочимъ существенное вліяніе рѣки. Говоря о греческихъ колоніяхъ въ Геродотскую эпоху, мы указали на Днѣстръ, западный Бугъ, Днѣпръ и Донъ, какъ на единственные пути, на которыхъ сходилось населеніе южной Россіи съ другимъ міромъ Европы—съ греками; позже мы предположили, что и движеніе германскихъ дружинъ—*готовъ* произошли по рѣкамъ, главнымъ

образомъ *по Днѣпру* и вызвано было стремленіемъ завладѣть этимъ торговымъ путемъ. Въ лѣтописный періодъ указанное значеніе рѣкъ вообще и въ частности Днѣпра выступаетъ съ большою очевидностью. На первой страницѣ лѣтописи мы читаемъ цѣлый трактатъ о европейскомъ значеніи Днѣпра, какъ пути „изъ варягъ въ греки", благодаря которому можно объѣхать всю Европу, отправившись по нему вверхъ [1]). По этому пути шло постоянное сообщеніе не только славянъ, но и самыхъ крайнихъ „варяжскихъ" народцевъ съ Византіей и обратно: по нему двигались норманнскія дружины на службу греческихъ императоровъ, по нему ходила „Русь" добывать Царяграда и возила туда свои товары, по нему-же, конечно, и Византія слала вверхъ торговцевъ въ южную Русь. И вотъ на томъ днѣпровскомъ побережьѣ, гдѣ къ Днѣпру подходятъ побочные пути отъ западныхъ и восточныхъ славянскихъ народцевъ, по многочисленнымъ притокамъ Днѣпра и обитали поляне. Въ центрѣ ихъ поселеній находился другой путь изъ Азіи въ Европу, именно—ниже впаденія Десны въ Днѣпръ. Ниже устья Десны Днѣпръ представляетъ одинъ стволъ, тогда какъ сѣвернѣе приходится встрѣчать на пути большіе притоки Днѣпра (Припеть, Десна, Сожь и болота), а южнѣе самъ Днѣпръ дѣлается гораздо шире и грознѣе во время разливовъ и естественно, что къ этому пункту Днѣпра стремились всѣ народы, двигавшіеся съ востока на западъ, и что главная переправа черезъ Днѣпръ и въ самую отдаленную эпоху была ниже устья Десны [2]). Такъ извѣстно, что въ лѣтописное время здѣсь переправились *угры*, о которыхъ лѣтописецъ подъ 998 г. отмѣчаетъ два случая, когда они шли мимо Кіева [3]). Можно думать, что тою же дорогою шли первоначально и *печенѣги*, которые, по словамъ лѣтописца, въ 915 г. „придоша первое на русскую землю

---

[1]) Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки, и изъ Грекъ по Днепру, и верхъ Днепра волокъ до Ловати, а по Ловате внити въ Ильмень озеро великое, изъ него-же озера потечеть Волховъ и втечеть въ озеро великое Нево, и того озера впадетъ устье въ море варяжское, и по тому морю внити даже и до Рима прити по тому же морю къ Царюграду и отъ Царяграда прити въ Понтъ море, въ неже втечеть Днѣпръ рѣка (Ипат. лѣт., стр. 4).

[2]) *Русовъ*, «Тракты», 122.

[3]) Ипатск. лѣт., 7, 14.

и сотворивше миръ съ Игоремъ, идоша къ Дунаю" [1]), конечно, переправившись черезъ Днѣпръ. Вѣроятно въ этомъ же мѣстѣ переправлялись позже половцы и монголы, первою жертвою которыхъ на западной сторонѣ Днѣпра былъ Кіевъ; а раньше—обры, путь которыхъ шелъ далѣе на западъ черезъ землю дулѣбовъ и Карпатскія горы; вообще, кажется, въ доисторическое время здѣсь практиковался переѣздъ черезъ Днѣпръ [2]). Такимъ образомъ, поляне оказываются живущими на большой дорогѣ (Днѣпръ) и „на великомъ, по выраженію г. Забѣлина, сумежью разныхъ племенъ". Понятно, что при такихъ естественныхъ условіяхъ, полянская страна вообще и Кіевъ въ частности не могли сохранять въ своемъ населеніи характера однородности и не могли оставаться чистыми безъ примѣси иныхъ народностей, кромѣ полянъ [3]). Центральный городъ полянъ—Кіевъ, само собою разумѣется, былъ уже въ IX—X в. городомъ въ нашемъ смыслѣ, какъ центръ промышленно-торговый, и его, по мнѣнію г. Костомарова, приходится вообразить себѣ въ родѣ тѣхъ городовъ, гдѣ наплывъ разнородныхъ типовъ даетъ жителямъ вообще физіономію смѣси [4]). Здѣсь были тогда греки и варяги, шведы, датчане и поляки, печенѣги, нѣмцы, евреи и болгаре" [5]), и городъ, по выраженію г. Забѣлина, „представлялся колоніей людей, пришедшихъ изъ разныхъ сторонъ" [6]).

Населеніе чужеродное не только временно проживало здѣсь, но и осѣдало совершенно, что можно, между прочимъ, видѣть и изъ нѣкоторыхъ названій частей города: такъ въ Кіевѣ на южной сторонѣ въ городской стѣнѣ находились „лядскія ворота" [7]), а на сѣверной сторонѣ изъ „Копырева конца" вели въ городъ „жидовскія ворота" [8]). Можно думать, что прилегающія къ этимъ воротамъ части города или, вѣроятнѣе, предмѣстья были заселены евреями

---

[1]) Ibid., 26.
[2]) *Русовъ*, «Тракты», 122.
[3]) *Забѣлинъ*, II, 97; *Костомаровъ*, «Моногр.», I, 85—86.
[4]) *Костомаровъ*, ibid.
[5]) Ibid., 84.
[6]) *Забѣл.*, II, 106.
[7]) Ипатск. лѣт. (1151 г.), 296, 522.
[8]) Ibid.

и поляками (ляхами) [1]). Нечего уже и говорить, что въ Кіевѣ постоянно жили греки и варяги, явившіеся сюда ранѣе такъ называемаго призванія князей.

Подъ вліяніемъ инородцевъ, особенно войнолюбивыхъ варяговъ, само народонаселеніе полянъ измѣнило свой характеръ: у него развились воинственныя наклонности, которыя питались походами на грековъ [2]) и сосѣдствомъ со степными кочевниками. Черезъ это поляне носятъ на себѣ отпечатокъ военнаго поселенія, а земля ихъ, по выраженію г. Иловайскаго, дѣлается „страною козаковъ" [3]). Отсюда-то, изъ страны полянъ, какъ извѣстно, вышло объединеніе южныхъ славяно-русскихъ племенъ и здѣсь зародилась впервые политическая жизнь.

Съ этого историческаго момента въ южной Россіи рядомъ со всегда дѣйствующими агентами (природою и сосѣдствомъ) становится факторъ культурнаго порядка—*государственность*. Подъ вліяніемъ указаннаго фактора создается новая соціальная обстановка для этнологическаго развитія обитателей страны и происходятъ явленія, видоизмѣняющимъ образомъ дѣйствующія на типы славяно-русскаго населенія. Къ такимъ явленіямъ мы должны отнести слѣдующія: 1) *взаимное смѣшеніе славяно-русскихъ народцевъ*; 2) *привлеченіе въ національный организмъ южной Россіи разнообразныхъ инородческихъ элементовъ*, и 3) *культурное воздѣйствіе образовательныхъ центровъ Европы на населеніе края*.

Съ первыми князьями южная Русь начинаетъ покрываться искуственно-создаваемыми городскими центрами. Обыкновенно лѣтописецъ, говоря о построеніи новыхъ городовъ, бываетъ къ несчастію кратокъ и ограничивается общими выраженіями: „нача ставити городы", „заложи городъ", „нача городы рубити" и т. п. Но мѣстами онъ прорывается и вдается въ подробности. Такъ подъ 988 г. онъ разсказываетъ, что князь Владиміръ „*нача ставити городы* по Деснѣ и по Остри; по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и нача нарубати мужи лутши отъ словенъ, и отъ Кривичо, и отъ чюдей, и отъ вятичь, а отъ сихъ насели и грады" [4]) Потомъ

[1]) *Илов.*, II, 4.
[2]) *Костом.*, I, 144.
[3]) *Илов.*, II, 14.
[4]) Ипатск. лѣт., 83.

въ 992 г. Володиміръ, по словамъ бытописателя, *„заложи градъ* Бѣлъ и *наруби въ нь отъ иньхъ градъ, и много людей сведе въ онъ“* [1]). Позже, съ развитіемъ промышленности, города, вновь создаваемые, населяются уже не черезъ насильственное сведеніе съ разныхъ концовъ славяно-русскаго міра населенія, а путемъ призыва.

Такъ въ 1259 г. князь галицкій Даніилъ „сотвори градъ иный (Холмъ) *и нача призывати* прихожанъ нѣмцѣ и Русь, иноязычникы и ляхы; *идяху день во день*, и уноты и мастера всяции бѣжаху исъ татаръ, сѣдѣльницы, и лучницы, и тульницы, и кузницѣ желѣзу и мѣди и сребру; *и бѣ жизнь, и наполниша дворы, окрестъ града, поле и села* [2]). Указанными путями, можно думать, создавались вообще въ лѣтописный періодъ города, да иного пути и трудно указать при множествѣ создаваемыхъ городовъ и при быстротѣ ихъ постройки. Можно, впрочемъ, отмѣтить еще одинъ способъ—это *заселеніе городовъ* военно-плѣнными. Въ ту эпоху, гораздо болѣе чѣмъ въ послѣдующія, война сопровождалась плѣномъ населенія, а при многочисленности, или лучше безпрерывности, тогдашнихъ войнъ плѣнное населеніе доставляло значительный контингентъ для заселенія края. Въ 946 г. Ольга „взя городъ (Искоростень) и пожеже и, старѣйшины-же города ижьже, и прочая люди овыхъ избы, а *другия работь преда мужемъ своимъ*, а прокъ оставѣ ихъ платити дань“ [3]); понятно, что та часть древлянъ, которая отдана была дружинѣ Ольги перешла на территорію полянъ [4]). Позже, въ 1067 г. Изяславъ съ другими князьями „взяша Минскъ, изсѣкоша мужи, *а жены и дѣти взяша на щиты*“, опять таки переведши ихъ въ свою землю [5]). Еще обстоятельнѣе о поселеніи плѣнныхъ находимъ разсказъ лѣтописца подъ 1116 г., когда былъ взятъ въ кривичской землѣ городъ „Дрьютескъ“ князьями Давыдомъ и Ярополкомъ, причемъ послѣдній князь „сруби городъ Желъди Дрьючаномъ, ихже бѣ полонилъ“ [6]). Такъ поступали князья и съ

---

[1]) Ibid.

[2]) Ипатск. лѣт., 558.

[3]) Ibid., 38.

[4]) *Костомаровъ*, «Моногр.», I, 72.

[5]) Ипат. лѣт., 1117.

[6]) Ibid., 203.

инородческими плѣнными: поляками, уграми, половцами и пр. Въ 1031 г. Ярославъ и Мстиславъ „идоста на ляхы, и заяста грады червенскыя опять, и повоеваста лядьскую землю, и *многы ляхы* приведоста и раздѣлиша я, и *посади Ярославъ своя по Роси*, и суть до сего дне“ [1]). Можно думать, что путемъ поселенія плѣнныхъ возникъ не одинъ городъ; такое предположеніе, напримѣръ, можно сдѣлать о галицко-владимірскомъ городѣ Угорскѣ [2]) и др. Обыкновенно взятыхъ на войнѣ плѣнныхъ вмѣстѣ съ остальной добычей дѣлили раньше между княземъ и дружиною [3]), а позже—между участвовавшими князьями [4]), и каждый изъ участниковъ свою долю *плѣннаго населенія велъ въ свой край и поселялъ или въ городахъ, или внѣ оныхъ*. Если мы примемъ во вниманіе безпрерывность тогдашнихъ войнъ и количество мѣстъ въ лѣтописи, гдѣ говорится о плѣнѣ населенія, то должны согласиться, что этимъ путемъ довольно обильное населеніе и самое разнообразное вливалось въ среду южныхъ славяно-руссовъ, между прочимъ: дреговичи, кривичи, торки, половцы, яссы и касоги, поляки, угры, литовцы, чехи и др.

Однородное значеніе, хотя и въ меньшей, мѣрѣ въ этнологической жизни края мы должны приписать и другимъ явленіямъ княжескаго періода, изъ которыхъ мы отмѣтимъ лишь болѣе рельефныя по своей результатности, именно: *организація войска, набираніе дружины* и *браки князей*. Въ разсматриваемый нами періодъ удовлетвореніе потребности въ военныхъ силахъ, какъ извѣстно (мы не говоримъ о дружинѣ), происходило черезъ наборы войскъ въ каждомъ данномъ случаѣ, особенно это можно сказать о началѣ княжескаго періода. Такое сбродное войско стекалось со всѣхъ сторонъ подвластнаго или союзнаго извѣстному князю края и сопровождало его какъ въ войнахъ внѣшнихъ, такъ и во внутренней междоусоб-

---

[1]) Ibid., 105.

[2]) Въ 1259 г. «Данилови-же, княжищу въ Володимірѣ, созда градъ Угорескъ и постави въ немъ «пискупа» (Ипат. лѣт., 558).

[3]) Смотр. выше о плѣнѣ древлянъ, Ипат. лѣт., 38.

[4]) Въ 1146 г. Изяславъ рече: «что-же будеть Игорева въ той волости (кіевской), челядь-ли, товаръ-ли, то мое, а что будеть Святославлѣ челяди и товара, то раздѣлимъ на части» (259). Въ 1258 г. Даніилъ городъ Възвязгль жажьже, люди-же изведе и *вдасть я на надѣлъ*, ово брату си, ово же Лвови, другыя Шварновн» (556).

ной борьбѣ. Вслѣдствіе этого княжеское ополченіе всегда представляло изъ себя болѣе или менѣе пестрый этнографическій конгломератъ. Такъ Олега при завладѣніи имъ южно-русскою областью сопровождаютъ: варяги, чудь, словѣны, меря, весь, кривичи [1]), а въ походахъ его на Царьградъ участуютъ, кромѣ перечисленныхъ, еще: поляне, сѣверяне, древляне, радимичи, хорваты, дулѣбы, тиверцы [2]). Въ войскѣ Владиміра находимъ: варяговъ, словѣнъ, чудь и кривичей [3]). Ярополкъ въ 1138 г. собралъ противъ Ольговичей „вои изо всѣхъ земель“ [4]). Тотъ-же князь въ 1139 г. велъ противъ Всеволода князя—суздальцевъ, ростовцевъ, полочанъ, смольнянъ, угровъ, берендичей и т. д. [5]). Такое мозаично-образованное войско въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не могло быть удовлетворено изъ добычи „полона“, поселялось въ странѣ на „покормъ“. Святополкъ въ 1018 г. своихъ союзниковъ (поляковъ) ляховъ, приведенныхъ въ страну полянъ, развелъ „*по городамъ на покормъ*“ [6]); также поступилъ и Изяславъ въ 1069 г., когда „распустилъ ляхы на покормъ“ [7]). Въ смыслѣ поселенія войска на кормленіе мы должны читать и тѣ выраженія лѣтописца, гдѣ онъ говоритъ: „*устави дань*“ кому-нибудь или „*раздая городы*“. Такъ въ 882 году Олегъ „нача ставити городы и *устави дани словѣномъ, и кривичемъ, и мерямъ*“ [8]), которыхъ онъ привелъ съ собою въ южную Россію и которыхъ, вѣроятнѣе всего, поселилъ въ городахъ для кормленія. Владиміръ въ 980 г. варягамъ, оставшимся при немъ, „разда грады“ [9]), очевидно, опять на покормъ. Указаннымъ обычаемъ объясняются, конечно, и тѣ явленія, что по смерти Юрія Владиміровича въ Кіевѣ въ 1185 г. въ странѣ полянъ показываются живущими суздальцы, которыхъ избиваютъ по городамъ и селамъ [10]),

---

[1]) Ипат. лѣт. (882), 13.
[2]) Ibid., (907), 17.
[3]) Ibid. (980), 50.
[4]) Ibid., 215.
[5]) Ibid., 216.
[6]) Ibid., 108.
[7]) Ibid., 122.
[8]) Ibid., 13.
[9]) Ibid., 52.
[10]) Ibid., 336.

а товаръ ихъ грабятъ, или что въ 1140 г. въ предѣлахъ кіевскаго княжества проживаютъ новгородцы [1]) и т. д. Мы думаемъ, что фактъ проживанія по долгу въ разныхъ пунктахъ страны участниковъ войнъ—приведенными лѣтописными датами установленъ; а разъ представители извѣстной народности жили въ средѣ другой, слѣды отъ этого, болѣе или менѣе глубокіе, оставались на типѣ населенія.

Еще болѣе мозаично по своему составу, чѣмъ общее войско, была княжеская дружина: здѣсь подборъ народностей былъ самый разнообразный [2]). Извѣстно, что во все время существованія дружины, она была сбродная по своему составу и безпрерывно наполнялась пришельцами изъ разныхъ концовъ не только южной Россіи, но и изъ странъ, лежащихъ внѣ ея предѣловъ [3]). Пестроту состава дружины особенно обстоятельно и картинно рисуютъ намъ былины, эти народные свидѣтели сѣдой старины; но не мало матеріала по этому вопросу заключаютъ и лѣтописи. Кромѣ южныхъ славяно-руссовъ въ княжескую дружину входили особенно варяги (чѣмъ ближе къ началу періода, тѣмъ ихъ больше): послѣднихъ воинственныхъ пришельцевъ было особенно много въ южно-русской землѣ, и они разлились, вмѣстѣ съ расширеніемъ области княжескихъ владѣній, по всей странѣ въ видѣ многочисленныхъ дружинниковъ князей. Затѣмъ въ числѣ дружины и слугъ княжескихъ находимъ: печенѣговъ [4]), ляховъ [5]), сѣверно-руссовъ [6]), чюдь [7]), ясовъ [8]) и т. д. Каждый князь, переходя изъ удѣла въ удѣлъ, переводилъ съ собою свою дружину; изъ нея же разсылались по го-

---

[1]) Ibid., 220.

[2]) Невольно, при вопросѣ о составленіи князьями своей дружины въ первый періодъ южно-русской исторіи, переноситься ко времени болѣе близкому къ намъ—къ XVII и XVIII в., когда въ Запорожьѣ крестное знаменіе и обѣщаніе не имѣть при себѣ семьи кодифицировало пріемъ въ среду запорожскихъ братчиковъ: можно думать, что также невелики были требованія и такъ-же не сложенъ былъ процессуальный порядокъ при поступленіи въ княжескую дружину.

[3]) *Костомаровъ*, «Моногр.», I, 144.

[4]) Ипат. лѣт., 95.

[5]) Ibid., 360, 376.

[6]) Ibid., 575.

[7]) Ibid., 120, 140, 614.

[8]) Ibid., 401.

родамъ и волостямъ княжескіе посадники [1]), которые являлись на посадничество, конечно, со своею дружиною, въ видѣ гарнизона; бывали случаи, что дружина поселялась на постоянное жительство въ княжескія области и не переходила уже съ княземъ на новый удѣлъ [2]).

Не безъ вліянія на этнологическое измѣненіе населенія южной Руси были *браки князей* съ иностранцами. Въ разсматриваемый нами періодъ бракъ правящей семьи не былъ ничѣмъ регламентированъ и южно-русскіе князья женились на дочеряхъ своихъ дружинниковъ; но не мало было браковъ русскихъ князей и съ иноземками: съ „грекинями" [3]), „чехинями" [4]), „болгарынями" [5]), „половчанками" [6]), „ляховицами" [7]), брались жены и отъ угровъ [8]), и отъ ясовъ [9]). Подобные-же браки вѣроятно происходили и между дружинниками, а равно и въ остальномъ населеніи, что совершенно возможно было при сравнительной многочисленности и разнообразіи иноземцевъ въ странѣ. Черезъ подобные браки само собою происходило физіологическое перерожденіе южнаго славяно-русскаго населенія. Въ частности перерожденіе многочисленной тогда княжеской семьи отразилось на типѣ высшаго класса въ южной Руси, съ которымъ члены княжеской семьи постепенно сливались.

Но кромѣ пересмотрѣнныхъ нами путей, черезъ которые вливался иноземный элементъ въ среду южно-руссовъ, были пути и иного характера. Въ лѣтописный періодъ южная Русь не отдѣлена была ни физическими, ни нравственными преградами отъ прочей Европы и отъ остальнаго міра. Южная Русь и западная Европа принадлежали еще къ одной семьѣ, сношенія были часты, безпре-

---

[1]) Ibid., 204, 251, 358, 406, 460 и т. д.

[2]) Въ 1150 г. Изяславъ съ дружиною своею пошелъ «къ Мичьску» и «ту *ускрѣтоша и дружины* многое множество, *иже сидяхуть по Тетереви*, и ту поклонишася Изяславу и мичане съ ними, рекуче: «ты нашъ князь», Ипат. лѣт., 286.

[3]) Ипат. лѣт., 53, 113.

[4]) Ibid., 53. [5]) Ibid.

[6]) Ibid., 161, 357, 443.

[7]) Ibid., 207, 414.

[8]) Ibid., 228.

[9]) Ibid., 202.

рывны. Подтвержденіе этому даютъ указанныя женитьбы князей [1]), а также обычай искать спасенія у своихъ европейскихъ сосѣдей— угровъ, ляховъ, чеховъ, грековъ [2]) и пр., процвѣтаніе языкознанія въ княжеской семьѣ (кн. Всеволодъ, Владиміръ Мономахъ) и торговыя сношенія. Особенно сильнымъ побужденіемъ къ сношенію съ иноземцами была торговля. Въ княжескій періодъ торговля охватывала въ южной Россіи далеко большую часть населенія, чѣмъ въ наше время, такъ какъ (мы уже видѣли) оно было не исключительно земледѣльческое, а правильнѣе охотницко-земледѣльческое. Продукты земледѣлія, а особенно промышленности: рыба, мѣха, воскъ, медъ и срубленный лѣсъ главный сбытъ могли найти за предѣлами страны, такъ какъ внутри страны масса жителей удовлетворялась собственными продуктами. Частію сырье это спускалось на югъ по рѣкамъ Днѣпру, Бугу и Днѣстру, частію отвозились и сухимъ путемъ по трактамъ „Залозному", „Соляному" и „Греческому" [3]), но въ значительной степени сбывались *внутри страны* иностранцамъ, проживающимъ здѣсь по городамъ. По торговымъ побужденіямъ приливалъ въ страну самый разнообразный элементъ, между прочимъ евреи, съ конца XII ст., армяне, венеціане и генуэзцы, тогда всемірные коммерсанты, также греки, а очень вѣроятно и нѣмцы. Иностранцы-торговцы, конечно, проживали, главнымъ образомъ, въ большихъ, центральныхъ городахъ, какъ Кіевъ, Львовъ, Владиміръ Волынскій и проч. Такъ въ Кіевѣ, по словамъ „Слова о Полку Игоревѣ", жили „греци и морава, нѣмцы и венедици"; во Владимірѣ Волынскомъ обитали „нѣмци, и суражцѣ, и новгородци, и жидове [4]). Особенно торговый иностранный элементъ мы должны предполагать въ западной половинѣ южной Руси, въ галицко-владимірскомъ княжествѣ, которое было и ближе къ западной Европѣ, и черезъ которое проходили транзитныя дороги изъ Азіи въ Европу.

---

[1]) *Костом.*, I, 138.

[2]) Особенно часто князья убѣгали *«въ ляхы»* (Ипат. лѣт., стр. 100, 121, 128, 144, 176, 384, 488, 521, 535, 562), а подъ конецъ періода— *«въ Угры»* (ibid., стр. 97, 445, 518, 523, 528, 535).

[3]) Ипат. лѣт., 360, 370.

[4]) Ibid., 605.

Доступность южной Россіи иноземной торговлѣ позволяла проникать иноземному элементу и съ задачами культурно-религіозными. Изъ легенды о принятіи христіанства, занесенной въ лѣтопись подъ 986 г. [1]), въ Кіевѣ были съ цѣлью религіозной пропаганды: евреи, греки, нѣмцы и болгары. О томъ-же говорятъ намъ и кровавыя трагедіи человѣческихъ жертвоприношеній Владиміра язычника [2]). Съ принятіемъ христіанства къ намъ явилось греческое духовенство [3]): Греція съ Ольги и до конца періода продолжаетъ высылать духовныхъ греческой національности въ южную Русь [4]). Такъ въ 1164 г. въ Черниговѣ былъ епископъ Антонъ, „родомъ грѣчинъ“ [5]); въ 1124 г. „изъ грекъ“ пришелъ къ намъ митрополитъ Никита [6]) и т. д. Но рядомъ съ византійскимъ православіемъ, сдѣлавшимся преобладающею религіей, въ южной Руси шла проповѣдь и римскаго католицизма, что ясно видно изъ полемическихъ рѣчей нашихъ духовныхъ проповѣдниковъ, напримѣръ Ѳеодосія печерскаго; съ католическою проповѣдью проникала на югъ Россіи и латинско-католическая культура. Однажды лѣтописецъ прямо указываетъ, что въ Кіевѣ жили римско-католики, именно въ 1175 г. князь Ярославъ „на гнѣвѣхъ замысли тяготу кыяномъ—попрода весь Кыевъ, игумены, и попы, и черньцѣ и черницѣ *латину* [7]) и гостѣ“. Судя по такимъ ересямъ, какъ секта жидовствующихъ, можно предполагать, что между славяно-руссами не ослабѣвало и религіозное вліяніе послѣдователей Моисея. Тѣмъ болѣе послѣднее предположеніе вѣроятно, что въ сосѣдствѣ съ южными славяно-руссами и въ близкихъ взаимныхъ сношеніяхъ съ ними, именно съ сѣверянами, находилось долгое время хозарское царство, въ которомъ

---

[1]) Ibid., 56—74.

[2]) Ibid. (983 г.), 54.

[3]) Ibid., 79, 83.

[4]) Ипат. лѣт., 352.

[5]) Ibid., 358.

[6]) Ibid., 215.

[7]) Ibid., 393. Мы думаемъ, что названіе «*латины*», каковымъ именемъ у насъ въ тотъ періодъ и позже назывались римско-католики (напр. въ путешествіи Даніила Паломника «Латины начаша верещати») и постановка рядомъ съ «чернецы» и «черницы» именно позволяетъ понимать слово «*латины*» не въ этнографическомъ смыслѣ, а въ религіозномъ.

господствующее значеніе, какъ мы увидимъ ниже, имѣла религія Моисея. Такимъ образомъ, въ лѣтописный періодъ южные славяно-руссы оказываются *подъ многоразличными религіозными вліяніями, тождественными тогда съ общимъ просвѣщеніемъ* [1]).

Мы до сихъ поръ имѣли дѣло съ инородцами, которые являлись въ южную Русь изъ предѣловъ западной Европы, и вліяніе которыхъ было въ большей степени культурное, чѣмъ физіологическое на коренныхъ обитателей страны; но въ этотъ-же періодъ, какъ и въ предшествующій, безпрерывно азіатскіе кочевые народы являлись массами въ страну, держали ее въ напряженіи долгое время, вызывая коренное населеніе на энергическую дѣятельность, и цѣлыми массами ассимилировались съ нимъ. Этнологическое значеніе кочеваго азіатскаго населенія для южно-руссовъ, въ смыслѣ физіологическаго видоизмѣненія этнографическаго типа послѣднихъ, гораздо больше, чѣмъ всѣхъ другихъ инородцевъ. Но, чтобы не дробить вопроса о южно-русскихъ кочевникахъ, поговоримъ объ этомъ во второй половинѣ главы, а теперь перейдемъ къ тѣмъ измѣненіямъ, какія явились въ южномъ славянскомъ населеніи въ XI—XIII в.

Соціальныя и политическія условія исторической жизни южной Руси въ лѣтописный періодъ имѣли то значеніе, что во второй его половинѣ значительно стираются тѣ этнографическія дробленія, на

---

[1]) Мы далеки отъ мысли, чтобы иноземнымъ представителямъ религіи въ краѣ, равно какъ и иноземнымъ коммерсантамъ, проживавшимъ въ южной Россіи, приписывать національное вліяніе на южныхъ славяно-руссовъ: первые, какъ носители религіозной идеи, вторые, какъ и всякіе торговцы, не могутъ, собственно говоря, считаться никогда за представителей тѣхъ національностей, къ которымъ они относятся,—это прежде всего и больше всего космополиты, а потомъ уже сыны націи. Мы не можемъ по этому поводу отказать себѣ въ удовольствіи указать на статью г. Ядринцева («Русск. Мысль», 1883 г., № 3), въ которой такъ рельефно показано, что національное ассимилирующее значеніе по отношенію къ инородцамъ Сибири оказываютъ лишь русскіе крестьяне, а не русскіе купцы, вліяніе которыхъ — одно обѣдненіе инородцевъ и постепенное ихъ вымираніе («Русск. Мысль», 1883 г., № 3). Но и тѣ и другіе въ южной Россіи съ своей стороны способствовали атрофированію той національной исключительности, къ какой бываютъ склонны народы на первобытныхъ ступеняхъ культуры, а внесеніемъ въ южный славяно-русскій міръ интересовъ обще-человѣческихъ, образовательныхъ и религіозныхъ помогали объединенію самихъ славяно-руссовъ.

которыя распался южно-русскій край въ IX—X в.; прежнія названія южныхъ славяно-руссовъ (древляне, поляне, хорваты и пр.) совершенно исчезаютъ со страницъ писанныхъ памятниковъ (да, кажется, и въ жизни), и группировка населенія въ южной Руси съ конца IX в. начинается не по этнографическимъ свойствамъ населенія, а по административнымъ центрамъ, хотя районъ каждой административной единицы опредѣляется не безъ вліянія этнографическихъ особенностей [1]).

До татарскаго нашествія въ предѣлахъ южной Руси мы видимъ слѣдующія земли: I *земля кіевская;* II *волынская;* III *галицкая земля* (она-же *Galicia*), *червонная* или *чермная Русь,* IV *черниговосѣверская,* V *переяславская* и VI *болоховская земля* (или точнѣе „болоховскіе городы").

Чернигово-сѣверская земля XII и начала XIII вѣка на востокѣ ограничивалась верхнимъ теченіемъ р. Дона, отсюда граница направлялась къ устью праваго притока Оки, и оканчивалась на р. Лопаснѣ, ея лѣвомъ притокѣ; на сѣверѣ она сходилась съ землями суздальскою и смоленскою, пересѣкая теченіе Протвы, Угры, Сожи и упираясь въ р. Днѣпръ, который почти до устья Десны служилъ западною гранью черниговской земли съ кіевской; лѣвый притокъ Десны—Остеръ отдѣлялъ ее на югѣ отъ переяславской земли, а далѣе на юго-востокъ чернигово-сѣверская земля сливалась съ половецкою степью [2]). Такимъ образомъ территорія чернигово-сѣверскаго княжества охватывала жилища радимичей и вятичей, народностей, живущихъ за предѣлами южно-русской страны, и большей части сѣверянъ. Другая, меньшая часть послѣднихъ входила въ составъ *переяславской земли* [3]), которая была ограничена на сѣверѣ Остромъ, на западѣ южнымъ теченіемъ Десны и лѣвымъ берегомъ Днѣпра приблизительно до устьевъ р. Сулы, а отсюда граница ея шла по Хоролу, притоку Псла, пересѣкала Пселъ и Ворсклу, и приблизительно простиралась до верхняго Донца; на югѣ и востокѣ переяславская земля сливалась со

---

[1]) *Костом.*, «Моногр.», XII, 21; I, 150 стр.

[2]) *Илов.*, II, 52.

[3]) Ibid., 69.

степью [1]). Земля переяславская, по этнографическому составу однородная съ черниговo-сѣверскою, всегда болѣе тянула къ землѣ кіевской, отдѣленной отъ нея и отъ черниговской земли р. Днѣпромъ. Кіевскую землю составляли земли полянъ, древлянъ. Предѣлы этой центральной земли южной Россіи терялись съ одной стороны въ болотахъ и пущахъ припетскаго полѣсья [2]), а съ другой стороны—въ степныхъ пространствахъ, почти достигая до порожистыхъ частей Днѣпра, хотя постоянною границею можно считать р. Рось [3]); на западѣ она тянулась до рѣкъ Горыни и Случи, на востокѣ естественною гранью служилъ Днѣпръ. *Волынская земля* занимала область верхней Припети и важнѣйшихъ правыхъ ея притоковъ, какъ Турія, Стоходъ, Стырь и Горынь [4]), принадлежала съ одной стороны къ системѣ вислянской, а съ другой, черезъ притоки Припети,—къ днѣпровской [5]).

Какъ уже указано было, на востокѣ границу волынской земли съ кіевской нужно предполагать по р. Горыни и ея притокѣ Случи; на сѣверѣ волынская земля граничила съ пинско-туровскимъ полѣсьемъ [6]), западная-же и южная граница постоянно мѣнялись при борьбѣ волынскихъ князей съ галицкими, результатомъ чего было сліяніе обѣихъ этихъ земель. Во всякомъ случаѣ въ область волынской земли входили *волыняне* (т. е. бужане, дулѣбы) и частію дреговичи. Западную часть южной Россіи занимала *галицкая земля*, начинаясь недалеко отъ впаденія Сана въ Вислу и простиралась на югъ до устьевъ р. Дуная [7]). На западѣ отъ венгерскаго народа отдѣлялъ галицкую землю карпатскій горный кряжъ, на сѣверномъ склонѣ котораго находился городъ Санокъ—„ворота угорьскыя", по выраженію лѣтописца; пограничье съ Польшею составляла территорія между рѣками Дунайцемъ и Попрядомъ; на югѣ галицкія

---

[1]) Отъ черниговской земли переяславская отдѣляясь водопускомъ, дающимъ начала рѣкамъ полт. губ.: Трубежу, Сулою, Удаю и Ромну (Соловьевъ, I, 16), отъ кіевской—Днѣпромъ.

[2]) *Илов.*, II, 15.

[3]) Ibid., 14—16.

[4]) Ibid., 22.

[5]) *Соловьевъ*, 14—16.

[6]) *Илов.*, II, 22.

[7]) Ibid., 30; Сол., 14—16.

поселенія встрѣчались по притокамъ Дуная—Пруту и Серету, до самыхъ устьевъ Дуная и, такимъ образомъ, сходились съ землями валаховъ и болгаръ [1]), хотя при постоянныхъ въ этомъ пунктѣ передвиженіяхъ кочевниковъ изъ южно-русскихъ степей въ придунайскія страны населеніе здѣсь было рѣдко. Изъ народностей, образовавшихъ галицкую землю, должно считать прежде всего *хорватовъ;* къ послѣднимъ примкнули отчасти тиверцы, часть которыхъ, отъ р. Ушицы до карпатскаго подгорья въ половинѣ XII в., при князѣ Володимірѣ Володиміровичѣ примкнула къ Галичу; сѣверо-восточная часть земли галицкой образовалась изъ поселеній дреговичско-волынскихъ. Къ концу лѣтописнаго періода, при распаденіи галицко-волынскаго княжества, между Случью и Горынью составляется группа городовъ, подъ названіемъ Болоховской земли, съ сильно развитымъ общиннымъ устройствомъ. Они вступаютъ въ связь съ приднѣстровскими городами и съ бывшимъ галицкимъ понизовьемъ. Къ болоховскимъ городамъ присоединяются города по р. Тетереву изъ кіевской земли и съ другой стороны—Бѣло-Бережцы и Чернятинцы по Горыни. На непродолжительное время возникали и другія земли, напр. туровская, въ которую входили, главнымъ образомъ, дреговичи, но скоро она распалась на два удѣла—туровскій и пинскій, которые при князѣ Даніилѣ примкнули къ Галиціи. Въ указанныя нами пять земель не вошли только уличи и тиверцы (кромѣ части послѣднихъ, вошедшей въ составъ галицкой земли). Съ самаго начала они стоятъ особнякомъ отъ событій южно-русской исторіи и не служатъ удѣломъ ни одному князю. Въ XII в., по тексту лѣтописца, эти народности еще существовали („и суть грады ихъ и до сегодне") [2]), но потомъ они исчезаютъ съ историческаго горизонта; можно думать, что подъ давленіемъ кочевниковъ (венгры, печенѣги и половцы), населеніе уличей и тиверцевъ подвигалось далѣе на западъ, въ Болгарію, разрѣжая густоту населенія въ своихъ прежнихъ жилищахъ, пока и совсѣмъ не исчезли, предоставивъ свою территорію для новой колонизаціи изъ земли галицкой. Остальныя южныя славяно-русскія народности (сѣверяне, поляне, древляне, хорваты и часть дреговичей) остались въ главной массѣ на преж-

---

[1]) *Илов.*, II, 30.

[2]) Ипат. лѣт., 14.

нихъ мѣстахъ, но только подъ вліяніемъ уже частію разсмотрѣнныхъ этнологическихъ условій, на столько, можно думать, потеряли типичность свою, что совершенно исчезаютъ со страницъ источниковъ; вмѣсто нихъ выступаютъ административно политическія названія по „землямъ", какъ мы указывали, и по городамъ: „кіяне", „черниговцы", „чернятинцы", „владимірцы", „берладники" и т. д. Но нельзя не замѣтить, что къ концу лѣтописнаго періода начинаютъ обрисовываться новыя этнографическія группы; къ такимъ мы причисляемъ: 1) *жителей Посемья* [1]), гдѣ прежде сходились сѣверяне съ вятичами и радимичамм; 2) *поросянъ* [2]) (*поршанъ*), гдѣ совмѣстно жили поляне и осѣдлые печенѣги; 3) *бродниковъ* [3]), жившихъ среди кочевого населенія; 4) *болоховцевъ* и др. Вообще-же этнографическія подраздѣленія населенія уступаютъ группировкѣ характера административно-политическаго, и въ этомъ случаѣ дробленность, судя по названіямъ, была велика и соотвѣтствовала тому дробленію, какое мы привыкли читать на страницахъ нашихъ историко-политическихъ трактатовъ.

Нельзя не замѣтить и другой перемѣны въ этнологическихъ свойствахъ славяно-русскаго населенія южной Руси, именно, что одно родная до того времени масса расчленилась на классы или сословія. Въ южной Руси въ XI—XII в. образуется классъ духовенства, являются „лучшіе мужи", „держащіе землю", „людіе, граждане, народъ, земля" и „смерды" [4]); скоро и низшій слой общества—„людіе" вновь распадается—на лучшихъ людей—старостъ и на худшихъ—рядовичей; потомъ и эти разряды распались еще на живущихъ за князьями и на живущихъ за боярами [5]), а въ XII в. были уже въ южной Руси ралейные закупы или крестьяне, живущіе на чужихъ земляхъ [6]). Кромѣ того существовали и рабы (челядь), бывшіе даже предметомъ торга на иноземныхъ рынкахъ [7]).

---

[1]) Ипат. лѣт., 236, 251, 435 и т. д.
[2]) Ibid., 230, 265, 267, 329, 368, 391.
[3]) Ibid., 242.
[4]) *Бѣляевъ*, 11.
[5]) Ibid., 12.
[6]) Ibid., 17.
[7]) Ипат. лѣт., 44.

Историками установлено обязательное положеніе, что южная Русь во вторую половину лѣтописнаго періода (въ эпоху княжескихъ междоусобицъ) была несравненно болѣе раздроблена, чѣмъ въ первую; но мы ошиблись-бы, понявъ это положеніе въ этнографическомъ смыслѣ. Напротивъ, этнографическое дробленіе до X в. включительно было болѣе рельефно, чѣмъ въ тяжелую пору княжескихъ неурядицъ: всѣ племенныя группы (поляне, древляне, сѣверяне, уличи и т. д.) были дѣйствительно обособлены своими типическими особенностями, и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ скорѣе можно предполагать тѣ анти-соціальныя чувства [1]), какія обыкновенно имѣютъ мѣсто между разными первобытными племенами, чѣмъ сознаніе своего племеннаго единства; послѣднее могло быть скорѣе въ инстинктѣ, если можно такъ выразиться, чѣмъ въ сознаніи патріархальнаго славяно-русскаго населенія. На отсутствіе всякаго племеннаго единства между славяно-руссами указываетъ между прочимъ неимѣніе общаго для нихъ названія: имя „анты" было не народное, а иноземное и употреблялось иностранцами, да къ IX—X в. оно и совсѣмъ утратилось; имя волынянъ, аналогичное съ антами, было въ это время названіемъ частнымъ, то же нужно сказать и объ имени „славянъ" (словѣне); употребленіе-же этого названія лѣтописцемъ и нашими духовными писателями въ смыслѣ общемъ для всѣхъ народностей славянскаго племени, во первыхъ, относится къ XI—XII в., а во вторыхъ, здѣсь имя „словѣне"— названіе книжное и употребляется искусственно [2]).

Иное мы видимъ во вторую половину періода: перетасовка южныхъ славяно-русскихъ племенъ, благодаря которой въ области сѣверянъ поселились дреговичи, поляне, хорваты и пр., и обратно— сѣверяне жили у полянъ, у волынянъ и у другихъ, одинаковое вѣроисповѣданіе, единство княжескаго рода, общія культурныя вліянія, объединяющее дѣйствіе инородныхъ поселенцевъ и иностранныхъ миссіонеровъ и торговцевъ—все это вмѣстѣ не только способствовало стушевыванію оригинальностей въ отдѣльныхъ славяно-русскихъ народностяхъ, но и помогало объединенію южныхъ славяно-руссовъ.

---

[1]) Ibid., 7.
[2]) Ibid.

Конечно, сознаніе племеннаго единства при раздробленности на удѣлы отчетливѣе было у князей и у представителей тогдашней культуры—у духовенства, но нельзя отказать въ этомъ сознаніи и общему населенію, конечно, на столько, на сколько оно и теперь, напримѣръ, существуетъ у нашего простонародья. Князья очень часто въ разгарѣ взаимной борьбы обращаются къ примиряющему вліянію племеннаго единства, напримѣръ кн. Всеволодъ, Владиміръ Мономахъ; но болѣе рельефнымъ образчикомъ этого можетъ служить послѣдній актъ до-монгольской исторіи—это битва на Калкѣ. Въ 1224 г., при первомъ появленіи татаръ въ южной Россіи, противъ нихъ выступили „половецкыя полки и рускыя"; подъ послѣдними разумѣются войска Мстислава кіевскаго, Мстислава черниговскаго, Мстислава галицкаго, смольняне, волынцы, галичане, черниговцы, кияне, трубчане, путивльцы, „выгонцы галичьныя" [1]), т. е., въ составъ „русскихъ полковъ" вошли представители отъ всей почти южной Россіи, со смежными съ нею смольнянами, путивльцами, курянами и трубчанами. Имена „русскіе" и Русь начинаютъ служить въ эту эпоху объединяющимъ названіемъ для всей южной Россіи. Сначала „Русь" (и производныя отъ этого корня названія) служитъ частнымъ названіемъ преимущественно для полянъ кіевской области. Но, рядомъ съ частнымъ значеніемъ, слова „Русь", „русская земля" употребляются и въ болѣе обширномъ смыслѣ, какъ названія общія для всей южной Руси въ тогдашнихъ ея предѣлахъ (кромѣ галицко-волынской земли). Прежде всего въ такомъ смыслѣ употребляется слово „Русь", когда сла-

---

[1]) Такъ подъ 898 г. лѣтописецъ говоритъ: «Словѣны-же сѣдяху по Дунаю, ихъ-же пріяша угре, и моравы, и чехи, и ляхове, и *поляне*, яже нынѣ зовется «Русь» (Ипат. лѣт., стр. 15). Въ 1115 г. кн. Юрій завладѣлъ кіевской землей, и «прия (его), говоритъ лѣтописецъ, съ радостью вся земля русская, тогда-же сѣдь, раздая волости дѣтемъ: Андрѣя посади Вышегородѣ, а Бориса Туровѣ, Глѣба въ Переяславлѣ, а Василькови да Поросье» (ibid., 329). Въ 1185 году Всеволодъ, кн. суздальскій, проситъ себѣ части въ русской землѣ: «Торцького, Треполя, Корьсуня, Богуславля, Канева» (ibid., 459, и др. мѣста: 94, 242, 314, 379, 429, 540 и т. д.). Мы опускаемъ безъ вниманія употребленіе лѣтописцемъ слова «Русь» въ болѣе раннюю эпоху (напр. подъ 852 г., стр. 10, или подъ 882 г., 13), такъ какъ это есть только архаизмъ: слову Русь здѣсь придано то значеніе, какое давалось ему во время лѣтописца, т. е. въ XII в.

вяно-русское населеніе противополагается иноземному: печенѣгамъ [1]), половцамъ [2]), ляхамъ [3]), уграмъ [4]), нѣмцамъ [5]) и др.

Но и безъ такого противоположенія названія „Русь", „русская земля" относится въ лѣтописи исключительно къ южной Россіи, при чемъ послѣдняя противополагается всей области сѣверно-руссовъ—суздальцамъ [6]), володимірцамъ [7]), ростовцамъ [8]) и вообще сѣверу Россіи [9]). Почти до конца XII в. изъ южно-русскихъ земель подъ названія „Русь" „Русская земля" не подходитъ лишь галицко-владимірская земля, которая также нерѣдко лѣтописцемъ противополагается южной Россіи [10]). Но съ XIII в. галицкая земля не только начинаетъ причисляться къ „русской землѣ", „Руси" [11]), но со временъ особенно монгольскаго нашествія, когда опустѣвшее приднѣпровье переселило истребленную часть своего населенія въ Галицію, за Галиціей остается, такъ сказать, преимущественное названіе „Руси", „русской земли". Мы думаемъ, что существованіе особаго названія для всего южно-русскаго населенія въ лѣтописный періодъ и его частое употребленіе при другихъ, изложенныхъ нами выше условіяхъ, указываетъ на то, что въ ту эпоху, при видимой расчлененности края въ административно-политическомъ отношеніи, этнографическое единство южной Руси не потерялось, а скорѣе окрѣпло. Выводъ этотъ подкрѣпляютъ и такія полу-народныя произведенія, какъ „Слово о полку Игоревѣ", проникнутое отъ начала до конца мыслью о единствѣ южныхъ славяно-русскихъ земель.

Когда внутри славяно-русскихъ поселеній водворялось инородное населеніе и шли кардинальныя измѣненія національной ор-

---

[1]) Ипат. лѣт., 94, 262.

[2]) Ibid., 421, 429, 435, 438 и 516.

[3]) Ibid., 462, 516.

[4]) Ibid., 534.

[5]) Ibid., 558, 596.

[6]) Ипат. лѣт., 213, 302, 314, 392, 449.

[7]) Ibid., 411.

[8]) Ibid., 392.

[9]) Въ 1148 г. Изяславъ кіевскій «да дары Ростиславу, что отъ русскыя земли отъ всѣхъ царьскихъ земель (т. е. Византіи), и Ростиславъ (Смоленскій) да дары Изяславу, что отъ Верьхи ихъ земель и отъ Варягъ» (Ипат. лѣт., 549, 260).

[10]) Ипат. лѣт., 262, 289, 310, 312, 313, 314, 446 и др.

[11]) Ibid., 479, 505, 507.

ганизаціи, славяно-русская народность продолжала двигаться къ периферіямъ страны и захватывать колонизаціей новыя области. Въ противоположность первому періоду, когда славянское племя направлялось главнымъ образомъ на западъ, въ лѣтописный періодъ общее движеніе южныхъ славяно-руссовъ тянется болѣе всего на востокъ и проч. Болѣе рельефно вырисовывается разселеніе славянскихъ обитателей южной Россіи на восточныхъ и западныхъ ея окраинахъ. На западѣ, изъ земли галицкой и отчасти изъ волынской колонизація идетъ по прибрежьямъ рѣкъ Днѣстра, Прута и Серета къ устью Дуная, и такимъ образомъ наша западная окраина связывается съ Чернымъ моремъ и дѣлается посредницей въ торговлѣ Азіи съ Европой. Въ этихъ вновь заселенныхъ мѣстахъ упоминается значительное число городовъ; между ними: Дреславинъ, Бѣлгородъ, Черпъ, Аскій-Торгъ, Романовъ-Торгъ, Сочава, Середъ, Баня, Берладь и др., и здѣсь, какъ увидимъ, даже послѣ монголовъ были еще не только деревни, но и города, населенные русскими [1]), на южномъ-же побережьѣ Прута возникаетъ одинъ изъ удѣловъ галицкихъ—Берладскій. Нѣсколько позже, чѣмъ на югѣ, колонизуются на сѣверѣ низовья западнаго Буга: Подляшская земля, т. е. малороссійскія части нынѣшнихъ губерній сѣдлецкой и гродненской, гдѣ между другими возникаютъ города: Брестъ (Берестье), Драгочинъ, Каменецъ, Бѣльскъ, Холмъ и др.; всѣ эти города съ территоріей между западнымъ Бугомъ и Паревомъ съ XIII ст. сливаются съ галицкимъ княжествомъ. Съ присоединеніемъ къ галицкому княжеству туровскаго и пинскаго удѣловъ, особенно съ кн. Романа, въ ятвяжскихъ земляхъ, которыя прикасались къ Волыни, по зап. Бугу начинаютъ селиться славяно-русскіе колонисты и всячески притѣсняютъ туземцевъ, въ силу чего ятвяги подвигаются далѣе на сѣверъ, а земли ихъ присоединяются къ волынскому княжеству, и здѣсь при Василькѣ Романовичѣ является каменецкій удѣлъ съ городомъ Каменцемъ-Подольскимъ. Если мы теперь обратимся къ восточной окраинѣ южной Россіи, то и здѣсь замѣтимъ тотъ-же колонизаціонный процессъ. Славяно-русскіе обитатели, даже съ занятіемъ степей кочевымъ населеніемъ, продолжали спу-

---

[1]) *Брунъ*, 273.

скаться по рѣкамъ с. Донцу и Дону (ихъ поселенія можно предполагать по всему прибрежью этихъ рѣкъ), и для огражденія отъ кочевниковъ должны были обезопасить свои жилища городами и начать борьбу съ ними. Въ борьбѣ со своими кочевыми сосѣдями населеніе Подонья, а также тмутараканской области пріобрѣло стройность и неустрашимость, выработало въ себѣ болѣе независимый характеръ и стало въ нѣсколько натянутыя отношенія къ своей метрополіи [1]). Въ лѣтописи подонское населеніе извѣстно подъ именемъ бродниковъ, которые въ 1147 г. помогаютъ новгородъ-сѣверскому князю Святославу Ольговичу [2]), а въ 1223 г. вожакъ бродниковъ Плоскиня, находясь въ союзѣ съ монголами, предлагалъ Мстиславу кіевскому свободу за выкупъ [3]). Около того-же времени, въ 1227 г., папа Григорій IX заботился о распространеніи христіанства „*in Cumania et Brodnik*, terra vicina, de cujus gentis conversione speratur“ [4]). Къ этимъ-же бродникамъ или, по крайней мѣрѣ, къ обрусѣвшимъ между бродниками инородцамъ могутъ быть причислены козаки, поселившіеся въ ахматовыхъ слободахъ, въ курской области, а потомъ бѣжавшіе оттуда къ баскаку Ахмату въ Каневъ, въ сосѣдствѣ коего они основали въ 1282 г. г. Черкассы на Днѣпрѣ [5]).

Изъ земли чернигово-сѣверской шли черезъ Донъ славяно-русскія поселенія въ сосѣдней муромской области [6]), и этой-же землѣ нужно приписать колонизированіе вообще финской области на юго-востокѣ Россіи, хотя сюда, безъ сомнѣнія, шла колонизація и изъ областей сѣверныхъ славяно-руссовъ, но такъ какъ движеніе съ юга отъ Днѣпра вверхъ по Деснѣ и ея притокамъ шло отъ главной сцены дѣйствія—отъ кіевской земли, то естественно, что оно было быстрѣе, чѣмъ противоположное ему движеніе съ сѣвера, изъ дикой, мало еще населенной области верхней Волги. Движеніе съ юга скоро переходитъ изъ области Десны въ область Оки [7]).

---

[1]) *Голуб.*, 12.

[2]) Ипат. лѣт., 242.

[3]) *Брунъ*, 116; *Голуб.*, 12.

[4]) *Брунъ*, ibid.

[5]) Ibid., 119.

[6]) *Голуб.*, 25.

[7]) *Соловьевъ*, I, 23.

Такимъ образомъ изъ территоріи южной Россіи славяно-русскаго населенія мы не можемъ указать лишь въ предѣлахъ новороссійскаго края, въ юго-восточной части подольской губерніи, въ южной половинѣ харьковской и въ теперешнихъ малороссійскихъ частяхъ воронежской губерніи. Эти незанятыя тогда южно-руссами области были достояніемъ кочеваго азіатскаго населенія.

Въ теченіи всего разсматриваемаго періода Азія, какъ и въ первый періодъ, продолжала надѣлять южную Русь своими обитателями, которые слѣдовали одинъ за другимъ въ безпрерывной смѣнѣ. Съ VI по XIII в. наша страна принимала послѣдовательно болгаръ, аваровъ, угровъ, хозаръ, печенѣговъ, половцевъ и наконецъ монголовъ. Всѣ эти народы двигались съ востока на западъ черезъ южно-русскія степи, раскинувшіяся отъ Дона до устьевъ Дуная, и разница между ними главнымъ образомъ заключается во времени, какое они проживали въ южно-русскихъ предѣлахъ. Народы кочевые ранняго періода (болгары, авары, угры) только, такъ сказать, перешли черезъ нашу страну, направляясь въ западную Европу, гдѣ они или исчезали (авары), или же осѣдали (болгары, угры); остальные-же кочевники (хозары, печенѣги, половцы и монголы) дальше южной Россіи не пошли. Очевидно, западная Европа достигла въ это время такой культурной и политической мощи, что имѣла силу закрыть доступъ внутрь своихъ странъ (какъ это сдѣлала въ XV ст. и Россія) новымъ народамъ, и имъ пришлось остановиться навсегда въ предѣлахъ южной Россіи. *Болгары* принадлежали къ урало-алтайскому (или угро-татарскому) племени туранскаго семейства и жили первоначально при соединеніи Камы съ Волгой (остатки ихъ тамъ мы видимъ въ настоящее время въ Черемисахъ и Мордвѣ) [1]). Одна изъ вѣтвей волжско-камскихъ болгаръ, отдѣлившись около V в., осѣла въ Мизіи въ VII ст., употребивъ такимъ образомъ на переходъ съ береговъ рѣки Волги къ устью Дуная около двухъ столѣтій. Время проживанія этихъ перекочевывавшихъ болгаръ на территоріи южной Россіи обыкновенно полагаютъ въ промежуткѣ между концомъ VI-го в. и началомъ VII-го. Перешедши потомъ черезъ Дунай и овладѣвши Ми-

---

[1]) *Максъ Миллеръ*, «Наука о языкѣ», I т., лекція 8.

зіей, они смѣшались съ пришедшими туда раньше славянами, передавши послѣднимъ свое названіе [1]). Съ болгарами закрываются такъ называемыя „желѣзныя ворота“ Дуная, потому что здѣсь возникаетъ сильное болгарское государство, и послѣдующія кочевыя орды проникали въ западную Европу уже черезъ Карпаты.

За болгарами въ VI—VII в., какъ мы уже говорили въ первой главѣ, пришли авары (обры). Время проживанія аваровъ въ южной Россіи было, можно думать, особенно тяжелымъ временемъ для славянскихъ обитателей: у нихъ въ подчиненіи были анты, жестокое обращеніе съ одною вѣтвью которыхъ—дулѣбами, осталось памятно не только до временъ лѣтописца, но и до нашихъ дней въ видѣ народныхъ преданій о древнихъ исполинахъ—„обрахъ“ [2]). Ослабленные въ своей кочевой мощи сосѣдствомъ осѣдлаго славяно-русскаго населенія, авары частью погибли въ борьбѣ съ антами [3]) и отъ какой-то повальной болѣзни [4]), частію, подъ давленіемъ слѣдующихъ кочевниковъ, перебрались въ западную Европу. Изъ столкновеній аваровъ съ побужскимъ населеніемъ—дулѣбами можно заключать, что они прошли въ западную Европу не вторымъ путемъ—черезъ устья Дуная (путь этотъ былъ запертъ славяно-болгарскимъ населеніемъ), а сѣвернѣе, черезъ среднюю часть Карпатъ, менѣе возвышенную и перерѣзанную долинами горныхъ рѣкъ и ручьевъ [5]). Тою-же дорогою шли потомъ и угры (венгры). Отдѣлившись отъ урало-алтайской группы, угры явились въ предѣлы южной Россіи между 884 и 898 г., когда степное ея пространство было занято уже хозарами. Можно думать, что они, переходя южную Русь, подпали подъ зависимость хозаръ [6]); но потомъ они подвигаются западнѣе, въ Атель-Кузъ (Бессарабію), откуда и перебираются по

---

[1]) Существуетъ, впрочемъ, мнѣніе, въ русской исторической наукѣ, что болгары были не урало-алтайцы, а славяне.—*Иловайскій*, «Пересмотръ вопроса о гуннахъ». «Русск. Старина», 1882 г., № 3, стр. 731—733.

[2]) *Симашкевичъ*, «Историко-географическій и этнографическій очеркъ Подоліи», вып. 2-й, стр. 29.

[3]) *Шафарикъ*, I, 117.

[4]) Ипат. лѣт., 7.

[5]) *Илов.*, II, 26—27.

[6]) *Бест.-Рюм.*, 70.

дорогѣ аваровъ за Карпаты [1]). Угры были послѣднимъ азіатскимъ народомъ, который успѣлъ помѣститься въ предѣлахъ западной Европы; послѣ нихъ кочевникамъ открыта была только южная равнина Россіи. Слѣдующіе потоки кочеваго населенія, разбившись о западныя преграды, залили собою южную Русь, которая съ этого времени одна, безъ раздѣла со своими западными сосѣдями, выноситъ на себѣ всѣ послѣдствія отъ сожительства съ кочевниками. Эпоха съ IX по XIII в. можетъ быть отнесена къ періоду самаго экстенсивнаго вліянія народовъ урало-алтайской группы на южное славяно-русское населеніе. Въ указанный промежутокъ по южной границѣ земель галицко-волынской, а потомъ кіевской и переяславской и на востокъ отъ послѣдней, по всему юго-востоку земли черниговo-сѣверской широко раскинулись кочевья азіатскихъ ордъ, обнимавшихъ всю степную полосу отъ Днѣстра до Яика [2]). Здѣсь проживали послѣдовательно одни за другими: хозары, печенѣги, половцы и наконецъ монголы.

Хозары, кочевавшіе на хвалынскомъ поморьѣ съ III по VII ст., передвинулись въ южно-русскія степи къ концу VIII в. [3]); въ IX в. мы видимъ въ подчиненіи у нихъ изъ южно-русскихъ славянъ: сѣверянъ и полянъ, которые платили имъ дань „по бѣлѣ" и „по вывѣрицѣ" и „отъ дыма мечь" [4]); но едва-ли власть хозаръ не распространялась и на остальныхъ славяно-руссовъ до р. Днѣстра. Исторія застаетъ хозаръ въ исходѣ ихъ проживанія въ южной Россіи. Въ это время они главною своею массою обитали на Подоньѣ и представляли изъ себя полу-кочевое населеніе, образуя такъ называемое хозарское царство. По своимъ бытовымъ и общественнымъ свойствамъ хозары напоминаютъ намъ скиѳовъ съ одной стороны и монголовъ съ другой въ тотъ періодъ, когда у послѣднихъ явилась Золотая Орда съ богатымъ и блестящимъ городомъ Сараевомъ, полнымъ всякаго иноземнаго населенія. Видимо, они находились подъ культурнымъ вліяніемъ другихъ народностей, между которыми выдѣляются евреи, религія которыхъ была господствующею у хо-

---

[1]) Ibid.

[2]) *Иловъ.*, II, 74.

[3]) *Шафарикъ*, III, 100—108.

[4]) Ипат. лѣт., 11.

заръ: по крайней мѣрѣ ее исповѣдывали тогда хозарскій каганъ и городское хозарское населеніе. Центромъ хозарскаго царства былъ городъ Саркелъ или Бѣлая-Вежа, но существовали и другія городскія поселенія, какъ Шурукань (нынѣшній Харьковъ), Сугровъ (близъ Изюма), Балинъ, Чемлюевъ [1]). Въ хозарскихъ городахъ, ведшихъ торговлю съ Европой и Азіей, обитали, кромѣ хозаръ, евреи, славяно-руссы, греки, арабы (скорѣе персы) и другія народности [2]). Внѣ городовъ хозарское населеніе не отставало отъ своихъ кочевыхъ привычекъ. Поселенія сѣверянъ по рѣкамъ сѣверному Донцу и Дону первыя подверглись вліянію хозаръ; можетъ быть, тогда еще изъ смѣси сѣверянъ съ хозарами зародилось то славянское населеніе Подонья, которое потомъ, около эпохи монголовъ всплыло подъ именемъ „Бродниковъ". Изъ предѣловъ сѣвернаго Донца и Дона хозары распространились на югъ до Тмутаракани [3]), и даже на крымскій полуостровъ, и на сѣверѣ глубоко врѣзывались въ предѣлы сѣверянъ. Памятниками, по которымъ можно болѣе или менѣе вѣрно опредѣлить районъ поселеній хозарскихъ, остаются до нашего времени хозарскія „городища". По этимъ остаткамъ можно предполагать поселенія хозаръ въ харьковской губерніи, въ уѣздахъ харьковскомъ, сумскомъ, валковскомъ, изюмскомъ [4]), а также въ черниговской губерніи [5]) и въ полтавской по р. Сулѣ, въ уѣздахъ кременчугскомъ, кобелякскомъ, полтавскомъ; а частію въ зѣньковскомъ, миргородскомъ и хорольскомъ [6]). Изъ тѣхъ немногихъ

---

[1]) *Голуб.*, 9.

[2]) Общеизвѣстный фактъ о судьяхъ въ Саркелѣ: двухъ для хозаръ іудеевъ, двухъ для христіанъ и одного для русскихъ и другихъ язычниковъ (Бест.-Рюм., 80).

[3]) Ипат. лѣт., 144.

[4]) «Каганово городище» и «Кагановъ перевозъ» близъ города Харькова, въ валковскомъ уѣздѣ, около сс. Ковеги и Одринки — «хозарское городище» въ хозарскомъ урочищѣ. Въ 1847 г. въ сумскомъ уѣздѣ, около слободы Нижней-Сыроватки найденъ былъ кладъ изъ 206 монетъ. По заключенію академика Френа монеты, здѣсь найденныя, принадлежатъ частію Азіи, частію сѣверной Африкѣ, одна монета явилась изъ Андалузіи; многія изъ монетъ относятся къ VII в., большая часть къ XIII и началу IX. Вѣроятнѣе всего, что означенный кладъ тоже служитъ памятникомъ хозаръ и ихъ всемірной торговли. (*Филаретъ*. «Историко-стат. описаніе харьк. епархіи»).

[5]) *Голуб.* 41—42.

[6]) Списки населенныхъ мѣстъ (полт. губ.).

свѣдѣній, которыя занесены на страницы лѣтописей, мы видимъ, что южные славяно-руссы находились въ болѣе или менѣе сходныхъ отношеніяхъ къ хозарамъ, въ какихъ были позже къ печенѣгамъ и половцамъ: сначала южные славяно-руссы были въ подчиненіи у хозаръ [1]), а позже южно-русскіе князья то ходили противъ нихъ съ войскомъ [2]), то приглашали ихъ къ себѣ въ военные союзники [3]). Долгое сожительство хозаръ съ славяно-руссами, одинаковость торговыхъ и промышленныхъ интересовъ и близость культурнаго развитія обоихъ народовъ даютъ основаніе заключить по аналогіи съ печенѣгами о томъ, что значительная часть хозаръ ассимилировалась со славяно-русскимъ населеніемъ на восточной окраинѣ южной Россіи; другая-же половина хозаръ, проживавшая въ степи, вѣроятно, была поглощена своими замѣстителями — *печенѣгами*. *Печенѣги* (или *узы*) въ началѣ X в. заняли своими кочевьями все степное пространство отъ р. Дона до р. Дуная [4]), но первоначально они расположились по сторонамъ нижняго Днѣпра [5]), вблизи пороговъ [6]). Продолжая кочевать по свободному отъ славяно-русскаго населенія пространству южной Россіи, они при первомъ появленіи нападаютъ на осѣдлое населеніе [7]), вступая въ борьбу съ южно-русскими князьями [8]); но потомъ, какъ и ихъ предшественники, дѣлаются военными союзниками послѣднихъ [9]). Сосѣдство и общіе военные интересы сближаютъ печенѣговъ со славяно-руссами, они, видимо подпадаютъ вліянію осѣдлаго населенія и начинаютъ постепенно и сами осѣдать. Приходъ во второй половинѣ XI вѣка половцевъ приближаетъ вежи печенѣжскія къ жилищамъ славяно-руссовъ, и скоро печенѣги окружили какъ-бы кольцомъ всю южную и юго-восточную границу славяно-русскихъ поселеній юга Россіи. Осѣданіе шло, конечно, постепенно, кочевники частями (мо-

---

[1]) Ипатск. лѣт. 9, 11.
[2]) Ibid. 142, 144.
[3]) Ibid. 103.
[4]) Ипатск. лѣт. 26, *Забѣлинъ* II т. 149.
[5]) *Забѣл.* Ibid.
[6]) Ипатск. лѣт. 48, 83.
[7]) Ibid. 26, 105 и т. д.
[8]) Ibid. 43.
[9]) Ibid. 52, 99.

жетъ быть родами, родственными группами) [1]) поселялись вблизи осѣдлыхъ обитателей; отсюда является къ этому времени множество названій для разныхъ отдѣловъ печенѣжскаго населенія, именно: *печенѣги* [2]), *торки* [3]) (торцы), берендичи [4]) (берендѣи); туркѣи [5]), коуи [6]) (куи, коусы), каспичи [7]) и бастѣева гадь [8]). Въ это время названіе печенѣговъ теряетъ свой общій смыслъ, получаетъ болѣе узкое значеніе, а вмѣсто него общимъ именемъ является—„черные клобуки“ [9]) или „черный клобукъ“ [10]); по крайней мѣрѣ можно утвердительно сказать, что послѣднее названіе обнимаетъ собою торковъ, берендѣевъ, печенѣговъ и коуевъ [11]). Поселенія „черныхъ клобуковъ“ шли на правой сторонѣ Днѣпра по р. Роси, гдѣ былъ впослѣдствіи на одномъ изъ притоковъ этой рѣки, или-же у самаго устья р. Роси [12]) и ихъ городъ Торческъ, а на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ Украйнѣ переяславской, вѣроятно, по обоимъ берегамъ р. Сулы (на „Посульѣ“) и преимущественно въ углу, который образуется Днѣпромъ и Сулою, въ окрестностяхъ города Боруча, лежавшаго вблизи городовъ Горань-Княжа, Нежатина, Городка и Серебрячаго [13]) и въ чернигово-сѣверскомъ княжествѣ, вѣроятно, въ полосѣ, заключающейся между Семью и Остромъ [14]). Разселившись на окраинахъ славяно-русскихъ поселеній, печенѣги не отрѣ-

---

[1]) *Кост.*, I, 144—147, *Илов.* II, 70—71.
[2]) *Ип. лѣт.*, 174, 204, 205 и т. д.
[3]) Ibid., 114, 143, 154, 210.
[4]) Ibid., 186, 216, 353.
[5]) Ibid., 277.
[6]) Ibid., 296, 354, 372.
[7]) Ibid., 348.
[8]) Ibid., 372, 375.
[9]) Ibid., 251, 262, 454.
[10]) Ibid., 356, 421.
[11]) Ibid., 296, 354.
[12]) *Костомар*, I, 144—147.
[13]) *Багалѣй*, 125—126.
[14]) Поселенія печенѣговъ можно предполагать и на западѣ отъ кіевской земли по южной границѣ—въ теперешней Подоліи, или древнемъ Понизьѣ (Симашкевичъ, стр. 111), и далѣе; по крайней мѣрѣ извѣстно, что печенѣги находились въ распоряженіи угорскихъ князей: такъ въ 1334 г. угорскій король послалъ Ярополку въ помощь отъ себя «Берендичевъ 30 тысящъ« (Ипатск. лѣт. 216).

шились сразу отъ кочевыхъ привычекъ: они продолжали жить въ открытомъ полѣ, подвижными „вежами", или селеніями изъ войлочныхъ кибитокъ, хотя имѣли и постоянныя становища, огороженныя валами, куда они собирали свои семьи и стада въ военное время. Въ болѣе-же опасныхъ случаяхъ, напримѣръ при нападеніи половцевъ, укрывались подъ защиту русскихъ городковъ [1]), пока на окраинахъ, гдѣ соприкасалось славяно-русское населеніе съ печенѣжскимъ, не возникаютъ городки, вѣроятно со смѣшаннымъ населеніемъ. Кромѣ упомянутаго уже города Торческа на р. Роси, были еще города Древенъ, Чюрнявъ [2]). Можно предполагать также, что печенѣжскія городскія населенія были на лѣвомъ берегу Днѣпра; памятникомъ такихъ поселеній служатъ названія ихъ городищъ [3]).

Кромѣ такого признака осѣдлой жизни печенѣговъ, какъ города, у нихъ можно предполагать и существованіе земледѣлія [4]); но оставаясь народомъ полу-кочевымъ и воинственнымъ, печенѣги образовали изъ себя по окраинамъ южной Россіи подвижное войско князей, которое съ одной стороны отражало набѣги кочевниковъ, а съ другой—участвовало и въ другихъ (напримѣръ междоусобныхъ) войнахъ князей. Наравнѣ со славяно-русскими обитателями, печенѣги были въ подчиненіи тѣхъ князей, во владѣніяхъ которыхъ они обитали: такъ были „коуи черниговскіе [5])", „торки переяславскіе [6])", и т. д., но это, впрочемъ, не мѣшало имъ при междоусобной борбѣ князей переходить то къ одной, то къ другой сто-

---

[1]) Ипатск. лѣт., 208, 296.

[2]) Ibid., 450 456.

[3]) Печенѣжскія городища между прочимъ указываются въ предѣлахъ харьковской губерніи: такъ въ ахтырскомъ уѣздѣ, между деревнями Литовкою и Боголюбовкою находятся два городища Кукуевы, въ лебединскомъ уѣздѣ въ 5 верстахъ отъ с. Боровеньки — также Кукуево городище, которое преосвященный Филаретъ сближаетъ съ кукуями или ковуями, и въ Богодуховскомъ уѣздѣ, гдѣ слобода Городная, находилось «*Торчиново Городичево*», т. е. остатокъ города торковъ. О торкахъ-же напоминаетъ намъ и прежнее названіе города Славянска-Торчъ по р. Торцу, а на печенѣговъ указываетъ своимъ именемъ мѣстечко Печенѣги (или Ново-Бѣлгородъ) лебединскаго уѣзда (Филаретъ).

[4]) *Костом.*, I, 144—147.

[5]) Ипатск. лѣт., 431.

[6]) Ibid., 143.

ронѣ. Трудно дать точный отчетъ, какъ велико было полу-осѣдлое населеніе печенѣговъ, во всякомъ случаѣ оно было значительно. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, судя по тому значительному цифровому контингенту, какой они посылали своимъ князьямъ на помощь въ видѣ войска. Такъ въ 1160 г. „послалъ бяше Ростиславъ ис Киева помочь Рогъволоду съ Жирославомъ съ Нижировичемъ торкъ 600[1])“. Въ 1142 г. Глѣбъ „посла брата своего Михаила, и съ нимъ переяславець сто, а берендѣевъ полторѣ тысящѣ[2]), въ 1183 году у Мстислава Володиміровича берендѣевъ было 2100[3]); въ 1185 г. съ Контувдѣемъ (торцькимъ княземъ) было 6000 воиновъ[4]). Понятно, что при такой численности печенѣги имѣли важное, а иногда и рѣшающее значеніе въ княжескихъ междоусобіяхъ, на что и указываютъ многія мѣста лѣтописи, напр.: въ 1161 г. „начаша молвити дружина Ростиславля: княже! се братія твоя къ тобѣ не притягнули, и берендичѣ ни торци, а сихъ *сила велика*[5]); или Изяславъ говоритъ своей дружинѣ: „Пакы ны нѣльзѣ будеть поѣхати на Бѣлъ-Городъ, а въ Черныя Клобукы въѣдемъ; аже уже въ Черныи Клобукы въѣдемъ и съ ними ся скупимъ, то надѣемся на Бога, то не боимся Гюргя, ни Володимира[6]).

Поселившись на южныхъ предѣлахъ Руси, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ осѣдлыми славяно-руссами, печенѣги естественно подверглись вліянію послѣднихъ[7]), и съ конца XI в. всѣ эти торки, берендѣи, печенѣги, ковуи и проч. начали входить въ южно-русскую жизнь и, сливаясь постепенно съ туземцами, составили часть южно-русскаго народа[8]), принесли, конечно, въ этнологическія особенности южно-русскаго славянина не мало нравственныхъ чертъ и бытовыхъ отличій.

---

[7]) Ibid., 346.
[1]) Ипатск. лѣт. 380.
[2]) Ibid. 426.
[3]) Ibid. 436.
[4]) Ibid. 353.
[5]) Ibid. 287.
[6]) *Иловайск.*, II, 70—71.
[7]) *Костомар.*, I, 144, 147.

Въ половинѣ XI в. [1]) южно-русскія степи приняли къ себѣ изъ Азіи новое кочевое населеніе *половцевъ* (или кумановъ [2]). Сначала главныя силы половцевъ кочевали только въ придонскихъ степяхъ и далѣе на востокъ до Яика [3]), но скоро онѣ придвинулись и къ Днѣпру и стали своими вежами на побережьи рѣкъ Самары, Углы (Орели) [4]), Скопороди [5]) на югѣ, можетъ быть, до Чернаго моря [6]). Кочевыя орды половцевъ, передвигая постоянно по степямъ свои вежи, дѣлились на роды, во главѣ которыхъ стояли наслѣдственные ханы; кромѣ племенной связи, едва ли всѣ ихъ роды имѣли какое либо единство. При чистотѣ бытовыхъ фирмъ кочеваго періода, чѣмъ половцы разнятся не только отъ хозаръ, но и отъ печенѣговъ во все время ихъ пребыванія въ предѣлахъ южной Россіи, трудно предполагать у нихъ существованіе какой-либо политической организаціи, а равно и признаковъ осѣдлой жизни. Правда, у подонскихъ половцевъ лѣтопись указываетъ намъ на существованіе городовъ: Шураканя, Сугрова [7]), Болина [8]); но едва ли это не города, оставшіеся еще отъ хозаръ и теперь служившіе для зимнихъ ставокъ половецкихъ хановъ.

Въ отмѣченномъ нами районѣ постоянно пребывали вежи половцевъ съ ихъ женами и дѣтьми, рабами и скотомъ [9]); все же мужское населеніе, способное носить оружіе и управлять конемъ, отъ мала до велика [10]), по выраженію лѣтописца, уходило за добычею. Въ своихъ военно-разбойничьихъ поѣздкахъ половцы доходили на западѣ до Дуная, гдѣ „воевапа на Грѣкы", а на сѣверѣ ихъ набѣгамъ подвергались, главнымъ образомъ, земли: *черниговско-сѣверская, переяславская* и кіевская, хотя отъ половецкаго опустошенія не ускользнули, конечно, и земля галицко-волынская, но осо-

---

[1]) Ипатск. лѣт., 114, 115.
[2]) Костомар., I, 133.
[3]) Ипатск. лѣт., 192, 204, 431.
[4]) Ипатск. лѣт., 317, 369.
[5]) Ibid., 369, 440.
[6]) Ibid., 451.
[7]) Ипатск. лѣт., 192.
[8]) Ibid., 204.
[9]) Ibid., 317, 444, 455, 455.
[10]) Ibid., 431.
[11]) Ibid., 186, 344, 427, 444, 453; Брунъ, 269.

бенно много пострадали отъ нихъ побережья р. Роси на правой сторонѣ Днѣпра, и Сулы на лѣвой [1]); здѣсь рѣдкій годъ проходилъ безъ набѣга половцевъ. Набѣги половцевъ отличались большими опустошеніями; они разоряли города [2]), а жителей уводили въ плѣнъ [3]). Населеніе не только запиралось отъ нихъ въ городахъ, но вынуждено было бѣжать въ глубь страны и даже совершенно выселяться изъ областей, подвергавшихся ихъ набѣгамъ: такъ можно думать, что съ XII в. побережье р. Сулы очистилось отъ славяно-русскаго населенія, благодаря лишь половцамъ [4]). Разрушительнымъ характеромъ этихъ кочевниковъ объясняется и та враждебность, съ какой лѣтописецъ, довольно объективно разсказывавшій о хозарахъ и печенѣгахъ, говоритъ о половцахъ: онъ ихъ именуетъ то „дикии половци" [5]), то „безбожнии измаильтяне, окаяньнии агаряне, нечистии исчадія" [6]). Подобными-же эпитетами онъ надѣляетъ и ихъ хановъ („князей"), напр. „Концакъ, злуначальникъ, правовѣрнымъ крестьяномъ" [7]). Изъ того-же источника происходитъ и радость, съ какою встрѣчались на Руси побѣды надъ половцами, и въ немъ-же находимъ объясненіе, почему война Игоря Святославича въ 1175 г. возведена была въ подвигъ и сдѣлалась предметомъ народной поэмы „Слово о Полку Игоревѣ". Ежегодныя нападенія половцевъ на южно-русскія земли доставляли имъ большой контингентъ плѣнныхъ обоего пола, которыхъ они обращали въ рабство и въ большинствѣ случаевъ продавали корсунскимъ и таманскимъ евреямъ, а отъ послѣднихъ славяно-русскіе плѣнники шли преимущественно въ восточныя мусульманскія страны [8]). Однако вредъ, какой приносили южно-русской странѣ половцы, не помѣшалъ сближенію послѣднихъ съ славяно-руссами. При междоусобныхъ войнахъ князья начинаютъ принимать къ себѣ въ союзники кочевыхъ

---

[1]) Ibid. 154, 185, 186, 208, 456, 480.
[2]) Ibid. 343.
[3]) Ibid. 317, 186.
[4]) Ипатск. лѣт., 480.
[5]) Ibid., 228, 337, 292, 354, 466 и т. д.
[6]) Ibid., 414, 424.
[7]) Ibid., 414.
[8]) *Голуб.*, 78.

враговъ своей родины [1]). Вслѣдъ за этимъ возникаютъ и родственныя отношенія между семьями южно-русскихъ князей и семьями половецкихъ хановъ. Послѣднее обстоятельство указываетъ между прочимъ на то, что внѣшняя физическая красота не чужда была половцамъ. Повидимому, это былъ крѣпкій и красивый народъ: не даромъ-же красота половецкихъ женщинъ отмѣчена въ „Словѣ о Полку Игоревѣ", гдѣ воспѣваются „красивыя дѣвки половецкыя". Можно думать, что вслѣдъ за князьями, браки съ половецкими женщинами вошли въ обычай и у прочаго славяно-русскаго населенія, что было весьма естественно, такъ какъ князья съ походовъ противъ половцевъ, напр. въ 1103 и въ 1111 г. возвращались съ полономъ, и тогда половецкіе плѣнники умножали населеніе южной Россіи [2]). Сближеніе южно-руссовъ съ половцами черезъ совмѣстные походы и браки вело къ ихъ взаимному вліянію: половцы безъ сомнѣнія поддавались культурному вліянію южно-руссовъ, а на послѣднихъ отражалось обратное вліяніе половцевъ, какъ вольныхъ наѣздниковъ и болѣе опытныхъ воиновъ [3]). Дальнѣйшее сосѣдство половцевъ съ южными славяно-руссами, вѣроятно, имѣло-бы результатомъ своимъ такое-же сліяніе, какое мы констатировали относительно печенѣговъ, но этому помѣшали монголы, которые, нахлынувши въ южно-русскія степи, поглотили половецкихъ кочевниковъ.

Кромѣ хозаръ, печенѣговъ и половцевъ въ близкихъ отношеніяхъ съ южно-руссами того времени стояли и другіе выходцы изъ Азіи—это *ясы и косоги* или черкассы. Составляя, можетъ быть, одну изъ вѣтвей хозаръ, косоги обитали въ предѣлахъ Тмутаракани еще до водворенія тамъ сѣверянъ; въ періодъ тмутараканскаго княжества часть ихъ оставалась въ краѣ, составляя здѣсь, по мнѣнію г. Иловайскаго, мѣстную аристократію [4]), тогда какъ остальное черкасское населеніе было отодвинуто къ кавказскимъ горамъ.

При половцахъ черкассы жили у Азовскаго моря и были, безъ сомнѣнія, въ сношеніяхъ съ сѣверянами, а позднѣе особенно въ

---

[1]) Ипатск. лѣт., 242, 314, 375 и т. п.

[2]) *Костомаровъ*, I, 144—147.

[3]) *Голуб.*, 91—92.

[4]) *Илов.*, т. II, 86.

близкихъ отношеніяхъ съ бродниками, которые жили въ землѣ черкассовъ [1]). Но и раньше сношенія ясовъ и косоговъ съ славяно-русскимъ населеніемъ было несомнѣнно: мы уже отмѣтили выше, что „Ясинъ родомъ" былъ въ числѣ княжескихъ дружинниковъ, и что отъ ясовъ была взята жена князю Ярополку, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи г. Костомарова, что въ то время часть ясскаго племени вошла въ составъ южныхъ славяно-руссовъ [2]); г. Иловайскій дѣлаетъ болѣе смѣлое въ этомъ отношеніи предположеніе, полагая, что прикавказскіе жители, въ томъ числѣ конечно ясы и косоги, во время угнетеній половецкихъ, селились на русскихъ украйнахъ [3]).

Менѣе интересна и важна въ этнографическомъ отношеніи въ разсматриваемый нами періодъ исторія другихъ инородческихъ поселеній въ южной Россіи, къ которымъ нужно отнести *грековъ*, *итальянцевъ*, *евреевъ*, *нѣмцевъ*, *поляковъ*, *венгровъ* и *литовцевъ*. Съ самымъ началомъ лѣтописнаго періода византійскимъ грекамъ [4]) принадлежали устья Дуная, весь таврическій полуостровъ и сѣверныя побережья Азовскаго моря, гдѣ были разсѣяны, главнымъ образомъ при устьяхъ рѣкъ, ихъ города. Изъ такихъ греческихъ поселеній особенно важны по своимъ сношеніямъ съ южной Россіей Бѣлградъ на р. Днѣстрѣ, Олешье на р. Днѣпрѣ, Корсунь (Херсонесъ), Руссія (Керчь), Таматарха (Тмутаракань, Тамань) и Тана у устья Дона. Съ VI по XI в. южные славяно-руссы, дѣлаютъ свои нападенія на эти греческія колоніи; послѣдній изъ такихъ походовъ намъ извѣстенъ въ 1084 г., когда, по словамъ лѣтописи, „Давыдъ зая грѣкы въ Олешьи и зая въ нихъ все имѣніе" [5]). Были сношенія славяно-руссовъ съ греками также и мирнаго характера: во 1-хъ, южно-русскіе промышленники (рыболовы) спускались по рѣкамъ къ самымъ прибрежьямъ Чернаго и Азовскаго морей и, какъ видно изъ договора Игоря [6]), занимались рыбною ловлею въ греческихъ

---

[1]) *Брунъ*, 116.

[2]) *Костомировъ*, I, 147.

[3]) Илов., т. II, 17—18.

[4]) *Византійскія колоніи* являются на черноморскомъ берегу очень рано, по крайней мѣрѣ мы ихъ находимъ тамъ ранѣе VI-го вѣка.

[5]) Ипатск. лѣт., 144.

[6]) Ibid., 32.

водахъ, оставаясь тамъ на жительство все теплое время года. Здѣсь-же происходила продажа и мѣна южно-русскаго сырья на произведенія греческой страны, между прочимъ на соль, и очень вѣроятно, что въ такихъ городахъ, какъ напримѣръ Олешье, были постоянными жителями и славяно-руссы. Но особенно видное вліяніе грековъ, какъ извѣстно, начинается съ X-го в., когда съ принятіемъ христіанства въ южную Русь пошли, кромѣ греческихъ торговцевъ, еще греческое духовенство и греческая интеллигенція.

Моментъ самаго большаго вліянія грековъ на южную Русь совпалъ съ началомъ паденія греческихъ торговыхъ колоній по побережью Чернаго и Азовскаго морей: ихъ мѣсто начали занимать здѣсь итальянцы (генуэзцы и венеціане), оживившіе торговлю на югѣ [1]). Пробиваясь постепенно со своими торговыми судами въ воды Чернаго моря, генуэзцы въ 1170 г. заключаютъ договоръ съ императоромъ Мануиломъ Комниномъ, по которому имъ сдѣлался открытымъ доступъ во всѣ порты Чернаго моря, за исключеніемъ Руссіи и Тамотархи, т. е. для нихъ осталось закрытымъ съ этого момента лишь Азовское море [2]). Но вѣроятно вскорѣ послѣ этого договора итальянцы уничтожаютъ и эту послѣднюю преграду, такъ какъ уже въ XII в. они принимали участіе въ торговлѣ города Таны (Азовъ), которая съ этого времени сдѣлалась на долго складочнымъ пунктомъ, находясь на великомъ торговомъ пути изъ средней Азіи въ Европу. Другимъ складочнымъ мѣстомъ для торговли остался городъ Олешье [3]), гдѣ кромѣ греческихъ и русскихъ торговцевъ проживали также и итальянцы. Тану и Олешье можно считать тѣми пунктами, изъ которыхъ итальянцы проникали во внутренніе торговые центры южной Россіи, напримѣръ Кіевъ.

Таврическій полуостровъ и черноморско-азовское прибрежье дали тогда-же южной Россіи и третій торговый народъ—*евреевъ*. Въ VI в. по Р. Хр. евреи были уже въ предѣлахъ крымскаго полуострова [4]); конечно, они были и въ греческихъ колоніяхъ на

---

[1]) *Плов.*, II, 83.

[2]) Ibid., 85.

[3]) Ibid., 82.

[4]) Въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія въ Чуфутъ-Кале, близъ Бахчисарая, въ Карасубазарѣ, въ Ѳеодосіи и др. мѣстахъ таврическаго полуострова открыто

сѣверномъ побережьѣ Азовскаго моря. Въ IX в. ихъ вліянію подпадаетъ обширное хозарское царство, въ которомъ, какъ мы уже видѣли, еврейское племя выступаетъ, какъ органическій элементъ государства, а религія Моисея становится господствующей въ странѣ. При половцахъ евреи становятся посредниками въ торговлѣ и между прочимъ при сбытѣ первыми своихъ рабовъ изъ плѣнныхъ южнорусcовъ въ предѣлы Азіи. Очень рано слѣды еврейскаго населенія мы находимъ и внутри поселеній южныхъ славяно-руссовъ, между прочимъ въ Кіевѣ. Такъ при Владимірѣ св., какъ показываетъ лѣтописное сказаніе о принятіи христіанства, евреи уже были здѣсь; были они также и во время Ѳеодосія печерскаго, и во время митр. Иларіона, на что указываютъ проповѣди этихъ послѣднихъ. Судя по культурной роли евреевъ въ хозарскомъ царствѣ, а равно и у насъ въ Кіевѣ въ первое время, можно думать, что евреи X-го в. были *библеисты*, выходцы непосредственно изъ Азіи, отдаленныхъ потомковъ которыхъ, ассимилировавшихся позже съ татарами, мы знаемъ теперь подъ именемъ караимовъ. Но съ юга южная Русь получила незначительное количество еврейскаго населенія, сравнительно съ тѣмъ ихъ числомъ, какое дала ей западная Европа. Есть основаніе думать, что уже съ XI в. къ намъ стали переляться западные евреи—талмудисты, спеціализировавшіе свою дѣятельность, благодаря исключительнымъ условіямъ своей европейской исторіи, на торговлѣ и ростовщичествѣ. По крайней мѣрѣ этими признаками, которыми отличаются евреи-талмудисты въ наше время, характеризуются кіевскіе евреи временъ Святополка II и Владиміра Мономаха. Извѣстно, напримѣръ, что по смерти Святополка II кіевляне взяли евреевъ „на потокъ" и „разграбиша я" [1]), въ отместку за ихъ ростовщичество и захватъ мѣстной торговли. Противъ тѣхъ-же язвъ борется и Владиміръ Мономахъ, издавая постановленія о „рѣзахъ" и изгоняя евреевъ изъ Кіева. Въ это время евреи составляли уже не временныхъ, а постоянныхъ жителей города Кіева: такъ извѣстно, что при пожарѣ въ 1124 г. въ Кіевѣ по-

---

много надгробныхъ памятниковъ и рукописей, указывающихъ на присутствіе здѣсь евреевъ въ VII ст.—Военно-Стат. об. Рос. Имп. 1844 г., т. XI, ч. 2 («тавр. губ. 103 стр.»).

[1]) Ипатск. лѣт., 198.

горѣли и „жидове“ [1]). Вѣроятно, они жили въ отдѣльномъ предмѣстьѣ, на сѣверо-восточной сторонѣ Кіева, гдѣ были „жидовскія ворота“ [2]). Нельзя допустить, чтобы поселенія евреевъ ограничивались городомъ Кіевомъ, вѣроятно, они были и въ другихъ торговыхъ городахъ, какъ Любечъ, Черниговъ. По крайней мѣрѣ евреи оказываются даже во Владимірѣ на Клязьмѣ, гдѣ по случаю смерти кн. Андрея въ 1175 г. „жидове“ плакали по немъ [3]). Особенно-же можно предполагать значительное еврейское населеніе въ галицко-владимірской [4]) землѣ, какъ области ближайшей къ западной Европѣ и притомъ отличающейся внѣшней торговлей.

Изъ западной Европы въ лѣтописный періодъ начали выселяться въ южную Россію еще *нѣмцы*, *поляки* и *венгры*. Въ X в., какъ мы уже видѣли выше, нѣмецкое населеніе было въ Кіевѣ и его мы должны разумѣть между прочимъ въ католикахъ, съ которыми боролось православное духовенство, не исчезло оно и въ XI и въ послѣдующихъ вѣкахъ [5]); но въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ нѣмецкое населеніе находимъ въ галицко-волынской землѣ, начиная съ XII в., когда эта часть южной Россіи чрезъ угровъ, чеховъ и поляковъ становится въ близкія отношенія къ западной Европѣ, сносится съ католическимъ міромъ и подпадаетъ его вліянію. Нѣмецкое населеніе въ галицко-волынскомъ княжествѣ являлось въ двухъ видахъ: то наемныхъ военныхъ отрядовъ, то ремесленниковъ и торговцевъ. Первыхъ приводили въ край главнымъ образомъ польскіе короли, когда имъ приходилось завладѣвать сѣверными городами Галиціи, и оставляли здѣсь какъ свой гарнизонъ. Такой нѣмецкій гарнизонъ находился въ Краковѣ, напримѣръ, въ 1290 г. [6]). Но есть основаніе предполагать, что нѣмецкія войска были на службѣ и у южно-русскихъ князей: такъ въ 1149 г., по разсказу лѣтописца, г. Луческъ защищался осаж-

---

[1]) «Тогда погорѣ Подолье... въ утрій же день погорѣ Гора и монастыревѣ вен, что изъ на Горѣ въ градѣ, и жидове». Ипатск. лѣт., 208.

[2]) Ibid., 232, 296.

[3]) Ibid., 401.

[4]) Ипатск. лѣт., 605.

[5]) Ibib., 393.

[6]) Ibid., 614.

денными въ немъ нѣмцами [1]), потомъ въ 1280 г. Владиміръ галицкій, посылая помощь кн. Льву, отрядилъ тогда-же и какого-то Кафилата-Силезца [2]) съ войскомъ, вѣроятно, одного изъ начальниковъ нѣмецкаго отряда. Мирное-же нѣмецкое населеніе постепенно проникало въ страну, и, какъ ремесленно-торговый народъ, селилось въ городахъ [3]), образуя городское населеніе: такъ въ г. Холмъ при первомъ его основаніи въ 1259 г. вмѣстѣ съ „Русью" явились и нѣмцы [4]). Въ городѣ Владимірѣ Галицкомъ нѣмцы пользовались одинаковыми правами горожанъ съ южно-руссами и, можно думать, уже тогда начали представлять изъ себя городскую денежную аристократію; къ такому предположенію приводитъ сказаніе лѣтописца о томъ, какъ въ г. Владимірѣ „немѣчинъ" Маркольтъ угощалъ у себя князей Василька, Льва и Войтелка [5]). Слѣдовательно, еще въ лѣтописный періодъ положено начало онѣмеченію западныхъ южно-русскихъ городовъ, развитіе коего мы находимъ въ послѣдующее время.

Тогда-же западная часть южно-русскаго края начала подпадать вліянію другаго народа, игравшаго впослѣдствіи еще болѣе видную роль, какъ въ политико-экономической, такъ и въ этнологической судьбѣ галицкаго населенія,—*поляковъ*. „Ляхы", какъ называетъ обыкновенно поляковъ лѣтописецъ, были, и постоянными сосѣдями южнаго славяно-русскаго населенія на западѣ. Въ началѣ лѣтописнаго періода, по своимъ этнологическимъ особенностямъ, ляхи и южные славяно-руссы мало имѣли еще между собою различительныхъ признаковъ, какъ мало ихъ было тогда и вообще между всѣми славянскими народностями: народъ южно-русскій, по мнѣнію г. Костомарова, былъ въ такомъ отношеніи къ польскому, какъ и къ болгарскому,—какъ русскіе при Святославѣ могли принять Болгарію за продолженіе Руси, такъ и Болеславъ, явившись въ южную Русь и занявши Кіевъ, во время борьбы Святополка съ Ярославомъ [6]), считалъ Русь за продолженіе Польши [7]). Понятно,

[1]) Ibid., 272.
[2]) Ibid., 582.
[3]) Ibid., 605, 596.
[4]) Ibid , 558.
[5]) Ипатск. лѣт., 573.
[6]) Ibid., 100—101.
[7]) *Костомаровъ*, I, 93—94.

что при такихъ условіяхъ край сосѣдней съ ляхами галицко-владимірской земли занялъ исключительное положеніе по отношенію къ полякамъ. Очень рано, при Владимірѣ св. [1]) и Ярославѣ, объединительныя стремленія изъ Полянской области коснулись и хорватовъ, равно какъ и ляховъ; но тутъ не имѣли того успѣха. По близости хорватовъ возникалъ тогда другой объединяющій центръ въ племени польскомъ, и хорваты болѣе другихъ южныхъ славяно-русскихъ народностей подчиняются польскому вліянію [2]). Галицкая земля по частямъ входила въ предѣлы польскихъ владѣній, и понятно, что въ ней рано явилось польское населеніе. Ляшскій элементъ былъ самый разнообразный въ галицко-волынской землѣ: здѣсь были и ляхи бояре, и войско ляшское, и ляхи-торговцы, и ляхи ремесленники [3]); жило это населеніе по преимуществу въ городахъ. Но если мы здѣсь указали населеніе польское только въ галицко-владимірской землѣ, то этимъ мы старались показать преимущественное вліяніе ляховъ въ этомъ краѣ, польскій же элементъ несомнѣнно присутствовалъ во всѣхъ другихъ областяхъ южной Россіи, на что мы уже указывали выше, когда говорили о княждружинѣ, о плѣнѣ и пр.

Еще большею исключительностью, чѣмъ относительно поляковъ, галицкая земля отличалась между другими частями южной Россіи относительно угровъ. Очень рано завязываются сношенія южно-руссовъ съ Венгріей: сюда убѣгаютъ южно-русскіе князья отъ своихъ враговъ; здѣсь они нерѣдко женятся и отсюда приводятъ въ помощь себѣ довольно значительные военные отряды угровъ [4]), которые приникаютъ до Кіева. Но въ XII в. угры являются въ южную Русь уже не какъ союзники, а какъ господа, такъ какъ Галицкая земля на нѣкоторое время дѣлается удѣломъ угорскихъ князей [5]).

Въ этотъ промежутокъ времени въ край галицкій явилось, понятно, и угорское населеніе, какъ привилегированный классъ; такъ угры, сдѣлавшись господами страны, перебили много галичанъ, противныхъ новому порядку, *раздавали имѣнія и должности сво-*

[1]) Ипатск. лѣт., 54, 105.

[2]) *Смирновъ*, 15.

[3]) Ипатск. 492, 558 и т. д.

[4]) Ibid., 177, 178, 284.

[5]) Ibid.

имъ, отстраняя галичанъ [2]), кромѣ того, что по городамъ расположились гарнизоны изъ угровъ.

На сѣверо-западѣ, въ предѣлы южной Россіи, хотя и весьма незначительною частью заходили населенія литовскаго племени. Сосѣднимъ къ южно-руссамъ литовскимъ племенемъ были ятвяги; населенія ихъ въ X в. [3]) отдѣляли отъ славяно-русскаго населенія на юго-западѣ р. Наревъ, на югѣ Бѣловѣжская Пуща, а къ востоку полоса лѣсовъ между рѣками Свислокомъ и Россотою [4]), т. е. имъ принадлежали малорусскія части теперешней гродненской и сѣдлецкой губерніи. Когда началось въ южной Россіи объединеніе славяно-русскихъ народностей, оно коснулось и ятвяговъ: къ нимъ ходили съ войскомъ въ 983 г. Владиміръ св., въ 1036 г. Ярославъ и временно территорія ихъ была въ зависимости отъ Кіева [6]). Вмѣстѣ съ ними подчинились и сосѣди ятвяговъ—голядь [6]); но эта зависимость была не прочная и сопровождалась цѣлымъ рядомъ войнъ, въ которыхъ принимали участіе всѣ почти литовскія вѣтви: ятвяги, голядь, литва, пруссы, жмудь и др., и тогда часть плѣнныхъ литовцевъ могла быть уведена въ глубь страны южно-русской. Болѣе прочно стали укрѣпляться за славяно-руссами области ятвяговъ лишь съ того времени, когда въ страну ихъ направилась колонизація изъ галицко-волынской земли. Въ началѣ XIII в. населенія ятвяговъ были еще около Берестья [7]), вблизи г. Дорогочина [8]) и во всей Холмщинѣ [7]), но во второй половинѣ XIII ст. здѣсь водворяется славяно-русское населеніе [9]), которое, вѣроятно, проникло до сѣверной половины теперешняго бѣльскаго уѣзда гродненской губ.

Ир. Житецкій.

(Продолженіе будетъ).

Г. Царевъ, астраханск. губ.
1883 года, марта 12-го.

---

[1]) *Костомаровъ*, I, 206.
[2]) Ипатск. лѣт., 501.
[3]) *Бобровскій*, 8.
[4]) Ипатск. лѣт. 54, 108.
[5]) Ibid., 114.
[6]) Ibid., 501.
[7]) Ibid., 538.
[8]) Ibid , 531.
[9]) Ibid., 558.

СУДЬБА ОДНОГО ГАЛИЦКО-РУССКАГО УЧЕНАГО*).

(Къ біографіи Ивана Николаевича Вагилевича).

Въ виду совершающихся въ Галиціи событій и безвозбранно тамъ и у насъ расширяющихся новыхъ польскихъ затѣй, не безъинтересны и въ нѣкоторой степени поучительны могутъ быть воспоминанія объ одномъ, не такъ давно сошедшемъ въ могилу, галицко-русскомъ ученомъ, который сталъ жертвою тѣхъ-же польскихъ затѣй и заплатилъ жизнію за свое печальное увлеченіе польскою шуткою и справою, за свой самообманъ и наивное довѣріе къ польской лести и чести (honorowi).

Такою жертвою былъ мало кому извѣстный на Руси Иванъ Николаевичъ *Вагилевичъ*. Родился онъ 2 сентября 1811 г. въ с. Горній Ясень, стрыйскаго уѣзда, лежащемъ въ Карпатскомъ погорьѣ, на р. Ломницѣ, въ Галиціи, гдѣ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ. Иванъ былъ старшимъ сыномъ въ семьѣ. Средній, Николай, послѣ окончанія университета, былъ чиновникомъ судебнаго вѣдомства, младшій-же, Михаилъ, до сихъ поръ священствуетъ въ с. Гозѣевѣ стрыйскаго уѣзда. У нихъ была еще одна сестра, о которой я ничего не знаю. Въ Галиціи нѣтъ особыхъ сословныхъ училищъ (духовныхъ); кандидаты священства проходятъ курсъ богословскихъ наукъ на богословскомъ факультетѣ университета, а на этотъ факультетъ поступаютъ молодые люди, кончившіе предварительно

*) Вскорѣ, въ отдѣльной статьѣ, мы надѣемся предложить читателямъ «Кіев. Старины» еще нѣсколько воспоминаній объ И. Н. Вагилевичѣ, по поводу яко-бы найденныхъ имъ въ карпатскихъ пещерахъ *рунических надписей*, которыя около полустолѣтія назадъ сильно волновали русскій и вообще славянскій ученый міръ и несмотря на послѣдовавшія разъясненія были вновь публикованы покойнымъ Погодинымъ въ его «Древнемъ періодѣ русской исторіи, изд. въ 1871 г.—Я. Г.

четыре приготовительныхъ (нормальныхъ или нѣмецкихъ) класса, 6-ти классную классическую гимназію и два курса философскаго факультета. Духовною русскою семинаріею во Львовѣ называется конвиктъ студентовъ богословскаго факультета, которые до поступленія сюда должны воспитываться на свой счетъ. Нѣмецкіе (нормальные) классы находились во всякомъ уѣздномъ городѣ и даже въ большихъ мѣстечкахъ, но русскіе священники не охотно отдавали своихъ сыновей подъ начальство католиковъ директоровъ, нѣмцевъ или онѣмеченныхъ поляковъ, а предпочитали отдавать дѣтей въ учебныя заведенія базиліановъ, кому только было возможно. Греко-уніатскіе монахи, такъ называемые базиліаны, издавна занимались обученіемъ и воспитаніемъ молодежи, содержали школы и конвикты, въ которыхъ воспитывались даже сыновья помѣщиковъ и богатой шляхты. Австрійцы уничтожили много такихъ монастырскихъ школъ, остальныя были подчинены общему школьному регуляминy съ введеніемъ нѣмецкаго преподавательнаго языка; не смотря на то базиліанскія школы не потеряли своей прежней популярности. Базиліаны содержали на свой счетъ нормальныя (нѣмецкія) школы и шестиклассную гимназію въ г. Бучачѣ, на р. Стрыпѣ, въ австрійской Подоліи.

Отецъ Вагилевича отдалъ своего сына Ивана въ бучачскую 4-хъ классную нормальную школу. Только въ приготовительномъ и въ первомъ классахъ учили на польскомъ языкѣ чтенію, закону Божію и ариѳметикѣ, хотя совмѣстно съ нѣмецкимъ. Въ 3-мъ и 4-мъ классахъ все преподаваніе шло по нѣмецки. До 1848 г. русскій (большею частью природный ученикамъ) языкъ былъ совсѣмъ исключенъ изъ всѣхъ публичныхъ школъ въ Галичинѣ. Для удобнѣйшаго усвоенія совсѣмъ чуждаго для поступающихъ дѣтей нѣмецкаго языка принимаемы были строгія мѣры. Всѣ преподаватели и наставники говорили исключительно по нѣмецки, а для учениковъ заведенъ былъ „*Sprachzeichen*". Чуть кто изъ нихъ въ школѣ, дома или на улицѣ заговорилъ по польски или по русски, тому давали этотъ *Sprachzeichen* и онъ долженъ былъ вписать свою фамилію въ тетрадку. У кого находился Sprachzeichen, хотя-бы въ продолженіи 5 минутъ, тотъ обязанъ былъ заучить наизусть 10 нѣмецкихъ словъ изъ лексикона; а кто продержалъ его во время обѣда, долженъ былъ вызубрить 20 словъ; продержавшій-же всю ночь—30 словъ

и т. д. Кромѣ того получалъ еще 5 розокъ. Понятно, какъ старался получившій этотъ знакъ (доску) скорѣе сбыть съ себя эту обузу, бѣгая по городу, чтобы найти неосторожнаго ученика, который-бы отозвался, хоть однимъ не нѣмецкимъ словомъ. При этомъ надо замѣтить, что получившій *Sprachzeichen* могъ безнаказанно говорить по польски. Въ такомъ заведеніи, въ Бучачѣ, семилѣтній Вагилевичъ началъ развивать на нѣмецкой грамматикѣ свои умственныя способности. Послѣ успѣшнаго окончанія четырехклассной нѣмецкой школы, отецъ повезъ своего сына въ шестиклассную гимназію, находившуюся въ уѣздномъ городѣ Станиславовѣ, который отстоялъ отъ нихъ на половину ближе, чѣмъ Бучачъ. Талантъ молодаго ученика развивался быстро. Иванъ былъ однимъ изъ лучшихъ въ классѣ. Вообще деревенскіе ученики отличались необыкновенными способностями и префекты (директора) гимназій отзывались о поповичахъ такъ: „Bei mir sind die Popensöhne immer die besten Köpfe". Они превосходили памятью, быстротою соображенія сыновей нѣмецкихъ чиновниковъ, не смотря на то, что эти послѣдніе выносили изъ дому знаніе нѣмецкаго языка и лучшую подготовку. Въ то время гимназіи посѣщаемы были почти исключительно сыновьями чиновниковъ, которыхъ ожидали мѣста на государственной службѣ, и дѣтьми русскихъ священниковъ, которые должны были до поступленія въ духовную семинарію кончить гимназію. Священники (за рѣдкими исключеніями) не посылали своихъ сыновей на лекціи юридическаго или медицинскаго факультетовъ, такъ какъ для нихъ было слишкомъ дорого содержать дѣтей на свой счетъ въ университетскомъ городѣ, два года на философическомъ и 4 года на юридическомъ факультетахъ. А если кто-нибудь по окончаніи курса поступалъ на службу въ какое-нибудь вѣдомство, то начальники-нѣмцы не давали ему ходу, замѣщая всѣ мѣста пришлыми нѣмцами. Медицинскаго факультета во Львовѣ не было, а посылать сына въ Вѣну для священника было немыслимо. Помѣщики держали гувернеровъ для своихъ дѣтей. Ихъ приказчики довольствовались нормальными классами и поступали въ писцы при винокурняхъ и мандаторіяхъ [1]), въ родѣ становыхъ, вообще при барскихъ дворахъ,

---

[1]) Мандаторъ, mandatorius, что-то въ родѣ пристава или волостнаго судьи, содержимаго на жалованья помѣщика.

чтобы изъ паничей скорѣе выкарабкаться въ подпанки, арендаторы, или просто въ паны. Мѣщане и крестьяне рѣдко отдавали своихъ сыновей въ гимназіи, а подучивъ немного грамотѣ, отдавали въ ремесло или въ услугу панамъ.

Въ Станиславовѣ, кромѣ классическихъ и другихъ школьныхъ книгъ, молодой Вагилевичъ пріобрѣлъ вкусъ къ чтенію книгъ и частнымъ образомъ познакомился съ лучшими произведеніями нѣмецкой и польской литературъ и на столько, что, поступивши въ университетъ, онъ, при своей счастливой памяти и усидчивости, былъ достаточно развитъ.

Въ 1830 году Вагилевичъ, представивъ хорошіе аттестаты, былъ принятъ въ львовскую духовную семинарію на полное казенное содержаніе, на философскіе университетскіе курсы, хотя желающіе поступить на богословскіе курсы, кандидаты, должны были обыкновенно кончить философскій факультетъ на своемъ содержаніи, довольствуясь только духовной стипендіей въ 80 гульден. въ годъ. Развившаяся страсть къ чтенію отвлекала молодаго кандидата отъ школьной науки, дала его уму особое направленіе, привязавъ его мысли къ ближе стоящимъ народнымъ дѣламъ, къ исторіи, къ языковѣдѣнію, къ этнографіи и къ археологіи славянскихъ народовъ, потому Вагилевичъ на первомъ экзаменѣ по математикѣ провалился и долженъ былъ выйти изъ корпуса семинаріи и въ слѣдующихъ годахъ слушать лекціи на свой счетъ. Въ 1830 и 1831 г. во время польскаго возстанія броженіе польской агитаціи не могло не имѣть вліянія на Вагилевича. Кромѣ чтенія научныхъ книгъ, которыя ему доставляли библіотеки университетская и Оссолинскихъ, поляки снабжали учащуюся молодежь множествомъ книгъ и брошюръ заграничной печати политическаго содержанія, которыя волновали молодую душу, располагали къ разнымъ мечтательнымъ комбинаціямъ и отвлекали отъ школьныхъ занятій. Въ такомъ душевномъ треволненіи на счетъ невѣрной будущности, большая часть студентовъ посѣщали первый семестръ, но, не выдержавъ экзамена, оставляли весной коллегіи для того, чтобъ осенью опять записаться на лекціи. Кромѣ того этнографическія и археологическія экскурсіи препятствовали въ свою очередь Вагилевичу серьезно заниматься лекціями, оттого и вышло, что Вагилевичъ, послѣ многократнаго прекращенія курсовъ, только въ 1837 г. кончилъ философскіе курсы

и поступилъ въ духовную семинарію на богословскіе курсы въ львовскомъ университетѣ, которые онъ кончилъ въ 1840 году.

Во время броженія 1833 и 1834 г. молодые люди—студенты университета вздумали составить кружекъ, который-бы имѣлъ цѣлью возрожденіе галицко-русской словесности [1]). Иванъ Вагилевичъ (назвавшись славянскимъ именемъ Далиборъ) принималъ дѣятельное участіе въ этомъ кружкѣ, писалъ статьи на галицко-русскомъ нарѣчіи, которыя были напечатаны въ Русалкѣ Днѣстровой, въ Будинѣ, 1837 г., и въ то-же время вошелъ въ переписку съ Погодинымъ и другими учеными, за что и былъ въ подозрѣніи у львовской полиціи. Когда польскіе эмигранты и разбитыя революціонныя войска перебрались изъ-за Вислы въ Галицію и составили политическія общества и заговоры, мѣстная полиція начала слѣдить за всѣми броженіями въ краѣ. Во всѣхъ сословіяхъ находились платные и безплатные шпіоны и доносчики. Всѣ тюрьмы были переполнены арестованными поляками. Полиціймейстеръ [2]) имѣлъ даже между студентами своихъ агентовъ. Еще усерднѣе въ этомъ отношеніи былъ главнокомандующій Лянгенау [3]), надоѣдавшій своимъ нахальствомъ даже нѣмцамъ, которые, при переводѣ его въ Стирію, съ злорадствомъ сочинили сатирическій стишекъ про него:

Ei, schau, schau,
Langenau,
Wohin geht's?
Nach Grätz.
Traurige Stadt;
Keine Wachtparad,
Keine spionerie,
Adieu Lumpenparthie!

Въ то время считали преступленіемъ заниматься славянской литературой и читать славянскія книги. Литературная дѣятельность

---

[1]) Гербель Н. Поэзія славянъ 1871 г., стр. 198. См. статью «Червонорусская литература.

[2]) Захеръ-Мазохъ, отецъ извѣстнаго нѣмецкаго писателя, праздновавшаго недавно свой 25-лѣтній юбилей.

[3]) Генералъ Лянгенау былъ послѣ австрійскимъ посланникомъ при россійскомъ дворѣ въ С.-Петербургѣ.

Вагилевича и его друзей была въ глазахъ полиціи преступной, по крайней мѣрѣ она показалась полиціи неудобной. Полиціймейстеръ Пайманъ прямо заявилъ: Wir haben mit einer Nationalität (т. е. съ польской) voll auf zu schaffen und diese Tollköpfe wollen noch die todsbegrabene ruthenische Nationalität aufwecken. Не нашедши причины придраться къ личностямъ студентовъ, полиція хваталась за нихъ послѣ окончанія студій, когда кандидаты намѣрены были поступать на должность. По австрійскимъ законамъ, правительство, до посвященія кандидатовъ въ духовное званіе, обезпечиваетъ каждому изъ нихъ *titulum mensae*, т. е. содержаніе до смерти, но предварительно развѣдываетъ все его прежнее поведеніе и тщательно испытываетъ политическую благонадежность. Полиція нашла случай заявить свое подозрѣніе въ неблагонадежности Вагилевича и правительство, по офиціальному выраженію, отказало дать ему *titulum mensae* [1]), т. е. не дозволило іерархіи принять его въ духовный санъ и посвятить въ священники.

Бывшій тогда ректоромъ семинаріи и профессоромъ Венедиктъ Левицкій, вице-ректоръ Іоаннъ Витошинскій, а послѣ ректоръ и номинатъ-епископъ Григорій Яхимовичъ, префектъ Михаилъ Малиновскій [2]) и др. относились весьма благосклонно къ Вагилевичу, когда онъ былъ въ семинаріи, признавали его знанія и поощряли его въ полезныхъ трудахъ. Онъ получилъ особую комнату, въ которой могъ свободно заниматься во всякое время, никѣмъ не стѣсняемый, такъ какъ въ общемъ залѣ весь день въ неурочное время помѣщается 50 — 80 человѣкъ и семинаристъ, сидя на общей скамьѣ съ другими, имѣетъ передъ собой не болѣе аршина ширины пультъ, на которомъ долженъ читать, писать, вообще заниматься опредѣленное время, отъ одного до двухъ часовъ, и хотя колокольчикъ призываетъ всѣхъ соблюдать во время занятій

---

[1]) Къ этому событію относятся слова Зубрицкаго, въ письмѣ 1842 года: В. и Г. (т. е. Вагилевичъ и Головацкій) *«подозрительны правительству»*. См. Н. Попова «Письма къ М. П. Погодину», М. 1879, стр. 563.

[2]) Еще жительствующій первый прелатъ (архипресвитеръ) носящій епископскую митру Мих. Малиновскій, въ прошломъ году отставленъ отъ должности по настояніямъ іезуитствующей польской партіи.

тишину — silentium, но здѣсь неудобно было заниматься, ибо по окончаніи silentium всякій могъ по произволу говорить громко, пѣть, играть на инструментахъ и производить шумъ. По этому-то отведенная Вагилевичу отдѣльная комната была большимъ для него благодѣяніемъ.

Вышедши изъ семинаріи и изъ-подъ безпосредственнаго вліянія своихъ руководителей, Вагилевичъ, не заботясь о *titulum mensae*, намѣревался продолжать частнымъ образомъ свои литературныя занятія, кончать задуманныя сочиненія и осуществлять свои планы и проекты. Имя Вагилевича уже было извѣстно въ Прагѣ, въ Москвѣ и въ Варшавѣ, а русскіе возлагали на него большія надежды. Польскіе львовскіе литераторы приняли его въ свои избранные кружки. Вагилевичъ былъ весьма полезнымъ Бѣлевскому и другимъ литераторамъ польскимъ, будучи для нихъ живою энциклопедіею. На литературныхъ вечерахъ онъ былъ въ состояніи разсказать обо всемъ, касающемся Польши, даже передать со всею точностью и подробностью факты и высчитать всю генеалогію знатнѣйшихъ родовъ Польши. Поляки нашли полезнымъ такую личность, льстили ему въ глаза, уговаривали его писать по польски и лучше работать для широкаго круга польской литературы, чѣмъ для мѣстнаго русскаго народа, письменность котораго не имѣетъ будто-бы никакой будущности. Они говорили ему: „вѣдь ты все таки будешь трудиться для славянской литературы и для славянскаго дѣла". Друзья его и товарищи по университету, члены русскаго кружка, разбрелись по разнымъ странамъ Галиціи. Зубрицкій и его друзья чехи, Владиславъ Запъ, Православъ Коубекъ и другіе, не могли имѣть на него вліянія, и Вагилевичъ мало по малу очутился въ исключительно-польской сферѣ, сталъ интимнымъ другомъ Бѣлевскихъ, Борковскихъ, Сѣменскихъ, Магнушевскихъ и другихъ мнимыхъ львовскихъ знаменитостей, или, говоря словами Зубрицкаго (въ письмѣ отъ 4 января 1843 г.), „*Вагилевичъ зляшился совсьмъ и, шатаясь между ляхами, питался фантастическими мечтами*". Графъ Осипъ Борковскій, одинъ изъ передовыхъ львовскихъ литераторовъ того времени, взялъ Вагилевича къ себѣ въ компаньоны, далъ ему у себя квартиру, столъ, прислугу и все содержаніе, приказалъ сшить ему модное франтовское платье, разрѣшилъ говорить себѣ на *ты*, водилъ его въ театры, на балы, на литературные вечера,

въ аристократическія общества, рекомендовалъ его ученымъ, мѣстнымъ и пріѣзжимъ, какъ своего друга и человѣка необыкновенныхъ талантовъ. Вся эта обстановка льстила честолюбію Вагилевича; при немъ удивлялись его знаніямъ и высокимъ идеямъ, а за глаза, конечно, смѣялись и издѣвались надъ неопытнымъ и небывалымъ провинціаломъ. Борковскій своимъ обхожденіемъ сбилъ Вагилевича совсѣмъ съ толку, вскружилъ ему голову, увѣрилъ застѣнчиваго семинариста, наговоривъ ему всякой всячины, что онъ геніальный человѣкъ, свѣтило изъ свѣтилъ, а въ добавокъ красавецъ изъ красавцевъ, въ котораго влюблены всѣ аристократки. Борковскій настроилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ мужчинъ и дамъ, такъ что онъ ни отъ кого не слыхалъ слова правды. Во всѣхъ обществахъ имъ забавлялись, какъ шутомъ или блазномъ. Будучи во Львовѣ, я сдѣлалъ выговоръ Бѣлевскому за то, что онъ допускаетъ Борковскаго играть человѣкомъ, какъ куклой, и настаивалъ на томъ, чтобы онъ вразумилъ Вагилевича. „Что-жъ?—отвѣчалъ Бѣлевскій, когда Вагилевичъ самъ охотно разыгрываетъ такую роль. Впрочемъ, это ему не вредитъ, а Борковскому доставляетъ большое удовольствіе“.

Напрасно старались мы, его старые друзья, разубѣдить его и увѣрить, что все это обманъ и издѣваніе надъ его неопытностью и наивностью, Борковскій овладѣлъ его душей до такой степени, что однимъ словомъ разсѣялъ всѣ сомнѣнія Вагилевича. На наши увѣщанія онъ отвѣчалъ: „вы понятія не имѣете о томъ, что дѣлается въ аристократическомъ мірѣ. Вы воспитаны въ кругахъ буржуазіи или простонародья“... И нельзя было его ничѣмъ разубѣдить. Измаилъ Ивановичъ Срезневскій во время своихъ путешествій 1839 и 1840 г., остановившись во Львовѣ, былъ свидѣтелемъ разныхъ нелѣпыхъ разсказовъ и анекдотовъ о Вагилевичѣ, которые въ то время ходили по всему городу.

Для вѣрнѣйшей характеристики этихъ отношеній и того, какъ безсовѣстно поступалъ Борковскій съ Вагилевичемъ, я долженъ привести нѣкоторые, хотя весьма скандальные факты. Прихотливый польскій аристократъ и холостой баловень великаго свѣта, графъ Борковскій—растлилъ и развратилъ невинную душу молодаго человѣка, далъ ему вкусить заманчивыхъ сластей порока, отравилъ его простой наивный нравъ, взбилъ его высокомѣріе на неимовѣрную высоту, свелъ его воображеніе на грязную бездорожь—однимъ

словомъ убилъ морально-непорочнаго труженика науки и сдѣлалъ его игрушкой своихъ барскихъ прихотей.

Борковскій началъ съ того, что возбудилъ у Вагилевича тщеславіе; онъ превозносилъ, будто-бы, красоту его ярко-свѣтящихъ черныхъ глазъ, его чудесно-красивые черные волосы. Во всѣхъ обществахъ, конечно по уговору съ Борковскимъ, всѣ дамы подтвердили это, съ тысячью разныхъ лестныхъ прибавленій. Вагилевичъ сталъ вѣрить тому, что онъ не въ шутку красавецъ и можетъ быть львовскимъ донъ-жуаномъ; онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ предъ зеркаломъ, дѣлалъ разныя затѣйливыя прически и любовался своими черными глазами. Борковскій, конечно, шутилъ надъ этимъ себялюбіемъ своего клієнта и подсыщалъ его страсти. Въ дружескихъ разговорахъ вывѣдавъ, какой у него идеалъ красоты, Борковскій настроилъ Вагилевича, чтобы онъ писалъ стихи, поддавая ему темы и мотивы. Вагилевичъ писалъ мечтательные стишонки и декламировалъ свои произведенія [1]). Всѣ дамы были, будто-бы, въ восторгѣ, весь польскій ученый кружекъ не находилъ довольно похвалъ, и по внушенію Борковскаго превозносилъ Вагилевича, сравнивалъ его съ Петраркой, Байрономъ, Мицкевичемъ и конечно ставилъ его выше всѣхъ. Идеалъ женской красоты у Вагилевича была блондинка съ голубыми глазами... и Борковскій убѣдилъ его, что онъ долженъ пріискать себѣ предметъ любви, подобно всѣмъ великимъ поэтамъ. Борковскій перебралъ всѣ благозвучныя женскія имена, и Вагилевичу всего лучше понравилось имя *Юлія*— блондинка съ голубыми глазами. Все общество стало увѣрять Вагилевича, что у него есть поэтическое, ясновидящее предчувствіе, магнетизмъ сердца, безсознательное влеченіе къ особѣ незнакомой, которая съ такимъ-же симпатичнымъ настроеніемъ страстно любитъ его и мечтаетъ объ немъ. Нѣсколько времени спустя Борковскій сообщилъ Вагилевичу тайну: есть Юлія—блондинка съ голубыми глазами, изъ высоко аристократическаго дома, которая на смерть влюблена въ черныя глаза и черные кудри Вагилевича. Она томится, страдаетъ безнадежно, и проч. и проч. Кто-то тамъ, какая-то бабушка сказала тетушкѣ такого-то графа, а графъ такому-то и на-

---

[1]) Нѣсколько стиховъ Борковскій далъ напечатать въ изд. въ Львовѣ журналѣ «Dziennik mód».

конецъ подъ секретомъ сообщили Борковскому. Сблизиться съ ней нельзя—ея обстановка и особенно злая мачиха никакъ того не допускаютъ. Вагилевичъ опять писалъ сонеты, которые Борковскій нашелъ возможность сообщать чрезъ тетушекъ, бабушекъ и пр. самой Юліи: завязался интересный фантастическій романъ мечтательнаго любовника съ небывалой любовницей. Весь кружокъ Борковскаго, особенно дамы приняли съ сочувствіемъ затѣянную интригу. Пошла длинная переписка. Вагилевичъ получалъ чрезъ сострадательныхъ тетушекъ любовныя письма отъ Юліи, и посылалъ такимъ-же путемъ свои страстные отвѣты стихами и прозой. Наконецъ мечтатель началъ сомнѣваться и пожелалъ видѣть предметъ своей любви, и Борковскій устроилъ дѣло такъ, что въ уреченный часъ на *элегантской мшѣ* (панской мессѣ), въ езуитскомъ костелѣ, въ такой-то скамьѣ, будетъ мнимая Юлія съ тетушкой и завистливой мачихой. Вагилевичъ пошелъ въ езуитскій костелъ и изъ-за угла осторожно заглядывалъ, чтобы незамѣтно встрѣтиться съ голубыми глазами мнимой Юліи. Перипетіи такой встрѣчи длились долгое время; мои друзья сообщали мнѣ разныя разности, неимовѣрныя басни.

Борковскій былъ неистощимъ въ фантастическихъ выдумкахъ. Однажды онъ сообщилъ Вагилевичу подъ секретомъ, будто-бы Юлію вывезли за городъ въ с. Кривчичи, на дачу, и она желаетъ повидаться съ своимъ милымъ. По наущенію Борковскаго Вагилевичъ ходилъ за шесть верстъ въ Кривчичи, поджидалъ въ саду, наконецъ рѣшился зайти въ самую дачу и спросилъ: Gdzie tu jest ta Julia, co ja ją kocham nad życie? Предупрежденные дачники насмѣялись вдоволь надъ полусумасшедшимъ и отправили его ни съ чѣмъ назадъ. Борковскій увѣрялъ, что злая мачиха разстроила все.

Подобныя исторіи повторялись постоянно. Влюбленная Юлія будто пожелала обмѣняться кольцами съ Вагилевичемъ. Посредствомъ разныхъ тетушекъ, бабушекъ, вѣрныхъ горничныхъ, лакеевъ и пр. Борковскій будто-бы успѣлъ передать кольцо отъ Вагилевича, и Юлія будто-бы передала Вагилевичу свое кольцо съ своею шифрой и разными эмблемами. Ему вскружили до того голову, что всякій могъ придумать какой угодно вздоръ, и Вагилевичъ вѣрилъ всему. Пустили въ ходъ разные проэкты—бѣжать обоимъ влюбленнымъ за границу—во Францію, Швейцарію, Англію, Америку. Юлія будто-бы соглашалась на все. И Вагилевичъ мечталъ о ка-

кой-то райской жизни въ дальнихъ странахъ съ предметомъ своей страстной любви, и изливалъ свои мечты въ письмахъ къ Юліи и получалъ (будто-бы) отъ нея такія-же любовныя письма; но зоркій глазъ мачихи разстроилъ, будто-бы, всѣ планы:—Юлію невозможно было увезти, и т. д.

Любострастная фантазія холостяка Борковскаго придумала еще одну скверную шутку, которая дала новый матеріалъ къ фантастическимъ баснямъ. Борковскій обѣщалъ устроить для мнимо-обрученныхъ и въ фантазіи повѣнчанныхъ Далибора и Юліи брачную ночь (!), увѣряя, что такія исторіи случаются въ аристократическихъ кругахъ. Вагилевичъ повѣрилъ, что Юлія согласилась изъ-за него сдѣлать этотъ шагъ. Въ одну прекрасную ночь на масляницѣ заѣхала замаскированная дама въ квартиру графа. Борковскій молча отвелъ ей комнату, гдѣ было приготовлено брачное ложе. Мнимая Юлія, раздѣвшись, потушила свѣчу; на звонъ колокольчика Борковскій впустилъ Вагилевича въ одномъ бѣльѣ въ совершенно темную комнату, сказавъ ему, въ которомъ углу лежитъ Юлія, и взявъ съ него обѣщаніе *подъ гонорємъ*, что онъ не заговоритъ съ ней ни одного слова... Въ ту-же ночь въ опредѣленный часъ уѣхала безмолвная маска, которую Вагилевичъ больше не видалъ.

Переписка не прекращалась: послѣ нѣкотораго времени Юлія сообщала о своемъ состояніи, что она почуствовала плодъ ихъ любви, а послѣ 9-ти мѣсяцевъ—что она родила сына, здороваго, красиваго ребенка, точь точь въ отца, съ яркими черными глазами и черными бровями. Всѣ знакомые поздравляли Вагилевича съ сыномъ, и пр., и пр. Съ тѣхъ поръ всѣ, не исключая и Бѣлевскаго, стали его называть: *ojcunio Wagilewicz*.

Эти грязныя, нелѣпыя исторіи съ разными эпизодами тянулись нѣсколько годовъ и забавляли извѣстные кружки. Абсурды за абсурдами, одни сквернѣе другихъ. Борковскій превзошелъ себя въ выдумываніи глупыхъ и недостойныхъ порядочнаго человѣка небылицъ. Онъ приписалъ Вагилевичу еще особаго рода свойство—плодородность; будто-бы по увѣренію извѣстныхъ докторовъ, наблюдавшихъ его незамѣтно въ банѣ, онъ слыветъ во всемъ городѣ *незаводнымъ* мущиной для неплодныхъ женщинъ. Вслѣдствіе того къ Вагилевичу будто-бы и адресовались нѣкоторыя аристократки, сѣтовавшія о своей неплодности, что у нихъ нѣтъ прямыхъ на-

слѣдниковъ и пр., и пр. Тьфу, стыдно и писать о такихъ нелѣпостяхъ!

А все таки главное въ томъ, что Борковскій обуялъ голову своего кліента до того, что онъ вѣрилъ всѣмъ этимъ нелѣпостямъ и даже самъ любилъ разсказывать о нихъ.

Вотъ теперь вамъ ясно, какое значеніе имѣютъ слова Зубрицкаго, что Вагилевичъ *злянился совсѣмъ и шатаясь между ляхами, питается фантастическими мечтами.*

Гдѣ-же ему въ то время было думать о серьезныхъ литературныхъ трудахъ и занятіяхъ? Онъ резонировалъ въ салонахъ о всякихъ книгахъ, относясь ко всему съ высока, остальное-же время проходило въ пустой болтовнѣ о нелѣпыхъ пошлостяхъ!

Наконецъ надоѣли Борковскому эти шутки и онъ оттолкнулъ отъ себя Вагилевича. Только тогда убѣдился этотъ послѣдній въ обманѣ и не могъ простить Борковскому, который, сильно заболѣвши, со слезами молилъ Вагилевича простить ему его шалости и подать руку въ знакъ прощенія, чтобъ онъ могъ спокойно умереть.—„Нѣтъ, не подамъ руки и не прощу ему, сказалъ Вагилевичъ; пусть Борковскій умираетъ и на тотъ свѣтъ возьметъ съ собой сознаніе, что Вагилевичъ твердый и упрямый русинъ.

Наконецъ, въ 1845 году, вслѣдствіе хлопотъ и ходатайства русской консисторіи, мѣстное правительство согласилось дать Вагилевичу *titulum mensae.* Онъ женился на дочери священника въ Павловѣ, въ 1846 г. былъ рукоположенъ во священники и получилъ мѣсто завѣдывающаго приходомъ въ Нестаничахъ. Вагилевичъ очутился одинокимъ среди деревенской глуши золочевскаго полѣсья, конечно, въ слишкомъ тѣсной сферѣ для мечтательнаго дѣятеля съ такими высокопарными претензіями и съ такой научной подготовкой. Прошелъ 1846 годъ, годъ мазурской рѣзни ляховъ въ западной Галиціи, прошелъ и слѣдующій, полный внутренняго броженія годъ, и вдругъ весною 1848 г. была провозглашена конституція—полная амнистія, свобода, равноправность и братство всѣхъ народовъ Австріи. Поляки завязали *польскую раду* (комитетъ), посылались въ Вѣну петиціи, организовалась гвардія народовая во Львовѣ и въ другихъ городахъ. Польша овладѣла всѣмъ, потребовала господства польскаго языка и народности вездѣ, въ школахъ и въ администраціи, а о русскомъ языкѣ и народности въ пети-

ціяхъ не упоминалось ни слова. При всеобщемъ политическомъ и національномъ движеніи не могла молчать и галицкая Русь. Передовые русины основали *русскую раду* во Львовѣ, начали издавать газету *Галицкую Зарю*, послали петицію къ императору, требуя *равноправности* для русскаго языка на равнѣ съ польскимъ и тѣхъ-же правъ для себя. Прошеніе русскихъ было принято вѣнскими властями благосклонно. Воззваніе русской рады къ народу нашло въ народѣ горячее и искреннее сочувствіе. Въ большихъ городахъ учреждались филіальныя рады. Голосъ народа заглушилъ скопища шляхты. Чтобы парализовать русское движеніе, львовскіе матадоры открыли польско-русскую раду или политическій комитетъ подъ названіемъ *русскій соборъ*. Князья Сапѣги, Сангушки, Чарторыйскіе, графы Дѣдушицкіе, Голеевскіе, Дрогоевскіе и другіе, признавшіе себя русинами[1]), пожертвовали суммами на основаніе польско-русскаго „Дневника"; остановка была только въ томъ, гдѣ найти редактора. Тутъ прежніе друзья вспомнили давно забытаго Вагилевича, обѣщали ему содержаніе 1200 гульденовъ и обезпечили его пожизненной пенсіей въ 600 гульденовъ въ случаѣ закрытія газеты. Вагилевичъ возразилъ на это: „согласится-ли консисторія, начальство?"—„Наплевать на консисторію, пустяки начальство", отвѣчали ему; „Австрія распадается. Польша воскреснетъ и тогда мы будемъ всѣмъ распоряжаться, а не русская консисторія". Вагилевичъ согласился, оставилъ свою церковь и приходъ и, не извѣстивъ даже благочиннаго, переѣхалъ во Львовъ и принялъ редакцію *Русскаго Дневника*, который издавался кириллицей, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ другомъ экземплярѣ и польскимъ абецадломъ. Но колесо событій вращалось быстро, реакція правительства взяла верхъ и 2-го ноября 1848 г. главнокомандующій Гаммерштейнъ бомбардировалъ Львовъ, сжегъ театръ, ратушу и нѣсколько домовъ, разогналъ польскую гвардію, закрылъ раду и всѣ польскіе журналы и объявилъ осадное положеніе. Вмѣстѣ съ поляками разбѣжался и польско-русскій соборъ. Въ маѣ слѣдующаго 1849 г. русская армія вступила въ городъ и заняла всю Галицію. Вагилевичъ съ семействомъ оставленъ былъ своими соборовыми протекторами на про-

[1]) Изъ русскихъ приступили къ польско-русскому собору Юліянъ Лавровскій, Тустановскій, Ходынскій, Вѣнцковскій, Домбчинскій и другіе *перекинчики*.

изволъ судьбы, безъ куска хлѣба. Объ обѣщаной пенсіи никто и не думалъ. Вагилевичъ совѣтовался у адвокатовъ, желая начать искъ; адвокаты, разсмотрѣвъ дѣло, заявили, что документъ составленъ хитро, но есть основаніе, по которому можно начать процессъ, хотя успѣхъ сомнителенъ. И Вагилевичъ принужденъ былъ питаться корректурой и перепиской статей,—заработками, которыми снабжалъ его Бѣлевскій при библіотекѣ Оссолинскихъ. Открылась вакансія русскаго переводчика при львовскомъ намѣстничествѣ. Вагилевичъ подвергся конкурсу. Конкурсные элабораты были предложены для оцѣнки профессору русскаго языка и литературы. Конкурсъ Вагилевича оказался рѣшительно лучше всѣхъ и по представленію профессора онъ получилъ это мѣсто. Между тѣмъ графъ Голуховскій прекратилъ изданіе законовъ въ русскомъ переводѣ, будто-бы излишнее, и Вагилевичъ опять потерялъ казенное жалованье. Только съ 1854 г., когда по внушенію Голуховскаго институтъ Оссолинскихъ приступилъ къ новому исправленному изданію польскаго словаря Самуила Линде и редакція ввѣрена была Бѣлевскому, этотъ послѣдній поручилъ весь трудъ по пополненію, исправленію и корректурѣ Вагилевичу за очень скудную плату [1]). И такъ вышелъ польскій словарь подъ редакціею А. Бѣлевскаго 1854—1861 г., а между тѣмъ это былъ усидчивый добросовѣстный трудъ Вагилевича. Вагилевичъ перевелъ на польскій языкъ лѣтопись Нестора и подъ его диктовку, такъ сказать, Бѣлевскій издалъ свои (?) коментаріи къ *Monumenta Poloniae.* И многія другія изданія украшались знаніями и критикой Вагилевича. Sic vos non vobis. Наконецъ и попечитель института Оссолинскихъ кн. Любомирскій обратилъ вниманіе на добросовѣстнаго труженика и опредѣлилъ его на вакансію кустоса при библіотекѣ Оссолинскихъ, а въ 1862 г. львовская городская дума призвала его къ описанію магистратскихъ актовъ за ничтожное вознагражденіе.

Въ 1850 г. Вагилевичъ, находясь въ безвыходномъ положеніи, пытался возвратиться назадъ къ духовному званію. На ходатайство

---

[1]) Самъ Бѣлевскій въ предисловіи своемъ къ I тому Словаря Линде стр. 14 сознается, что Вагилевичъ *„za bardzo miernem wynagrodzeniem część* korrekt mozolnych na siebie przyjąwszy, wspiera nas oraz *przez samo zamiłowanie przedmiotu* rozległemi swemi filologicznemi wiadomościami.

его бывшій тогда каноникъ Куземскій, впослѣдствіи епископъ холмскій, заявилъ, что, не вмѣняя ему въ вину его политическаго мнѣнія и направленія его литературной дѣятельности, епархіальное начальство не можетъ безнаказанно оставить того поступка, что онъ,—пастырь церкви, не спросясь никого, оставилъ свою паству. Духовная власть должна убѣдиться, было-ли это съ его стороны временнымъ увлеченіемъ или-же пренебреженіемъ уставовъ церкви, имѣющимъ основаніемъ вольнодумство или даже безвѣріе. Поэтому Вагилевичъ долженъ подвергнуться эпитиміи (реколлекціи), долженъ пробыть опредѣленный срокъ при соборной церкви, участвовать въ священнослуженіи подъ наблюденіемъ начальства. Если директоръ духовнаго исправительнаго дома (domus recollectionis) засвидѣтельствуетъ о его искреннемъ раскаяніи, благонравіи и приверженности къ церковнымъ службамъ, то консисторія не прочь возстановить его прежнія права. Безъ этого испытанія консисторія въ виду гражданскихъ и церковныхъ законовъ не вправѣ его помиловать. На замѣчаніе Вагилевича, что онъ семейный и долженъ зарабатывать себѣ на пропитаніе, а потому не можетъ жить при соборѣ и участвовать во всѣхъ службахъ,—ему сдѣлано было снисхожденіе сокращеніемъ времени испытанія, съ тѣмъ, чтобы онъ въ удобное для него время являлся къ викарному священнику Михаилу Малиновскому на богословско-назидательный разговоръ (colloquia) и если Малиновскій засвидѣтельствуетъ о его благонадежности (въ чемъ нельзя было сомнѣваться), то онъ будетъ возстановленъ въ чинѣ и званіи.

Наступила минута перелома. Вагилевичъ готовъ былъ рѣшиться—и дѣло въ шляпѣ. Но, къ несчастію, по своей природной откровенности, онъ посовѣтовался съ своими польскими друзьями. „Нѣтъ, не довѣряйся, предостерегали его ляхи; это хитрая святоюрская ловушка: святоюрцы хотятъ сманить тебя и заключить подъ *сходы* (буквально подъ лѣстницу), и будутъ держать тамъ 20 лѣтъ, какъ держатъ Лобковича [1]). Бѣлевскій спросилъ меня однажды по дружески:

---

[1]) Николай Лобковичъ былъ бѣжавшій въ 40-хъ годахъ изъ Россіи уніатскій священникъ, который, по причинѣ ограниченнаго образованія и незнанія языковъ, не могъ быть употребленъ въ душъ-пастырствѣ и содержался на счетъ духовнаго фонда при соборной церкви. Квартиру ему опредѣляли въ нижнемъ этажѣ флигеля,

„Скажи мнѣ откровенно, мой другъ [1]), что думаетъ сдѣлать консисторія съ Вагилевичемъ, если онъ поддастся имъ? Правда-ли, что они хотятъ его посадить подъ сходы и будутъ терзать до безконечности? Мнѣ жаль его, что онъ пропадаетъ, не имѣя никакихъ средствъ къ пропитанію".

Я увѣрялъ Бѣлевскаго, что никто не питаетъ къ Вагилевичу никакой злобы, что всѣ жалѣютъ его. Здравый-же смыслъ говоритъ, что такого человѣка нужно поддерживать, и русская партія о томъ только и думаетъ, чтобы возвратить его себѣ, такъ какъ онъ можетъ имъ принести много пользы. Вагилевичъ писалъ грамматику; онъ можетъ писать учебныя книги и помогать скорѣйшему введенію русскаго языка въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ чемъ такъ нуждаются. Все, что говорятъ на счетъ мстительности такъ называемыхъ святоюрцевъ, сущій вздоръ и пустяки. Вѣдь его считаютъ все таки русскимъ, хотя заблудшимся. Пусть только обратится назадъ—и все забудутъ. Я знаю навѣрно, что реколлекція будетъ одной формальностью. Должно-же начальство соблюдать законы. Ему (Вагилевичу) слѣдуетъ зайти два, три раза къ Малиновскому на колліоквію, и такъ, получивъ свидѣтельство благонадежности, онъ получитъ и приходъ. У помѣщиковъ-колляторовъ онъ легко можетъ получить презенты и черезъ годъ

въ помѣщеніяхъ исправительнаго дома (реколлекціи), построеннаго на сѣверномъ откосѣ консисторскихъ зданій, къ которымъ съ юга нужно сходить по лѣстницѣ, и поэтому жить *подъ сходами* равносильно значенію попасть въ исправительный домъ. Кромѣ того Лобковичъ помѣшанъ былъ на томъ, что его въ Россіи ожидаютъ большія почести и значительная пенсія, но ему не даютъ паспорта, однимъ словомъ Лобковичъ былъ безпомощный идіотъ. Д. Зубрицкій (Письма къ М. П. Погодину стр. 574) подалъ объ этомъ человѣкѣ совсѣмъ другія свѣдѣнія. Но разсказъ его весьма сомнительный. У Лобковича не было ни жены, ни дѣтей, развѣ онъ оставилъ ихъ въ Россіи.

[1]) Знакомство мое съ Бѣлевскимъ началось еще тогда, когда я былъ студентомъ университета,—въ 30-хъ годахъ. Онъ настаивалъ, чтобы я ему не говорилъ *панъ*, а просто *ты*, и самъ также бросился къ своимъ *молодымъ* друзьямъ, говоря: у насъ *Рѣчь Посполитая*; въ нашемъ кружкѣ нѣтъ *пановъ*, а всѣ равны, всѣ братья-обыватели. Съ этого времени онъ всегда говорилъ намъ на *ты*, *шановны обывателю, браціе шляхтицу*, или: *муй кохаиы Станиславе, Казимиржу* и т. п.

или черезъ два будетъ имѣть богатѣйшій приходъ, будетъ жить безбѣдно и заниматься своими литературными трудами".

„Хорошо, отвѣтилъ Бѣлевскій, я ему разскажу все, что отъ тебя слыхалъ".

Я думалъ, что все устроено, какъ нельзя лучше, для того, чтобы спасти Вагилевича отъ гибели. Не тутъ-то было. Бѣлевскій ничего не сказалъ Вагилевичу, а передалъ мой откровенный разговоръ синедріону польскихъ передовыхъ дѣятелей. Тамъ всѣ запротестовали.

„Нѣтъ, говорятъ, русины хотятъ его къ себѣ приголубить и потомъ эксплуатировать его труды и знанія для *русской справы*. Тогда онъ для нашей справы пропалъ и еще можетъ дѣйствовать въ непріятельскомъ лагерѣ противъ польской справы. Не допустимъ этого, не отдадимъ его ни за что".

Адвокатъ Корецкій бывшій редакторъ польскаго Дзенника (самъ когда-то русскій, сынъ священника) сказалъ такъ:

„Послушайте, шановные обыватели! они его все еще считаютъ русскимъ, который рано или поздно можетъ обратиться къ нимъ. А я имъ такую штуку подведу, что онъ никогда не явится въ лагерь святоюрцевъ. Я его уговорю принять лютеранское вѣроисповѣданіе. Помогите мнѣ, и онъ послушается".

„Браво! браво! крикнуло въ одинъ голосъ все избранное общество: поможемъ, Вагилевичъ будетъ лютераниномъ. Что скажутъ на это святоюрцы? Они должны будутъ отречься отъ него, а онъ все таки останется у насъ и будетъ нашимъ".

Черезъ недѣлю или двѣ читаю я въ нѣмецкой газетѣ *Neue Zeit*, издававшейся въ Бернѣ, въ Моравіи, и которую польская партія считала своимъ органомъ, почти мои собственныя слова изъ разговора съ Бѣлевскимъ, конечно, извращенныя въ польскомъ смыслѣ, что святоюрцы хотятъ поймать въ свои сѣти лишеннаго прихода Вагилевича и отомстить ему за его политическое убѣжденіе. Желая избавиться отъ святоюрскихъ клерикаловъ, несчастный Вагилевичъ рѣшился, будто-бы, принять лютеранство. Любопытно знать (такъ кончается статья), будутъ-ли святоюрцы еще считать Вагилевича-лютеранина русиномъ или нѣтъ?

Мы думали, что это пустая угроза. Но это не была только угроза. Вагилевича уговорили, повели къ лютеранскому пастору—

и онъ принялъ лютеранское вѣроисповѣданіе! Въ Галиціи лютеране всѣ почти нѣмцы, и Вагилевичъ, въ душѣ славянинъ, врагъ нѣмечества, присоединился къ нѣмцамъ! Впрочемъ, нѣмцы приняли его совершенно равнодушно и прямо заявили: „По высшимъ побужніямъ мы должны его принять, но мы не сдѣлали никакого пріобрѣтенія для себя. Это, просто, польская комедія, и больше ничего“!

Польская партія радовалась своему мнимому торжеству надъ святоюрцами, но Вагилевичъ болѣе всего пострадалъ отъ этого: навязанныя ему обязанности и работы отрывали его отъ главныхъ занятій. Онъ писалъ небольшія статьи въ журналахъ: въ *Варшавской Библіотекѣ*, въ *львовской—Оссолинскихъ*, въ *Дзенникѣ Литерацкомъ*, въ *Денницѣ*, въ *Родимомъ Кружкѣ* и пр., но главные его труды: *Малорусскій Словарь*, *Слово о Полку Игоря*, *Славянская демонологія* и другія историческія сочиненія остались въ проектахъ, неконченными. Вагилевичъ своими талантами и собственнымъ трудомъ пріобрѣтенными познаніями могъ быть весьма полезнымъ наукѣ и обществу, а между тѣмъ, брошенный поляками на жертву ихъ политическихъ затѣй и прихотей, онъ истощилъ свои силы въ *мозольныхъ* трудахъ корректуры, въ перепискѣ актовъ и другихъ черныхъ работахъ среди архивной пыли. Не смотря на свое крѣпкое тѣлосложеніе, онъ занемогъ сильной грудной болѣзнью, которая, послѣ продолжительныхъ страданій, кончилась преждевременною его смертью 10 мая 1866 г. (по н. ст.).

Жена его и четверо малолѣтнихъ дѣтей остались безъ всякихъ средствъ. Львовскій магистратъ отпустилъ имъ изъ своихъ суммъ сто гульденовъ (!) вспомоществованія. Одинъ сынъ его, крещенный лютераниномъ, заболѣлъ и скоро умеръ. Родившуюся послѣ этого, еще за жизни отца, дочь мать не дозволила крестить въ лютеранство и ее крестилъ уніатскій священникъ городской церкви Лозинскій. Когда Вагилевичъ былъ боленъ и я посѣтилъ больнаго, жена его просила меня, чтобы я уговорилъ его возвратиться къ отцевской религіи. Ей было-бы отраднѣе, еслибы онъ умеръ не въ иновѣрчествѣ, и она съ дѣтьми имѣла-бы надежду получить пенсію изъ духовнаго вдовьяго фонда. Я вошелъ къ исхудалому, блѣдному, съ запавшими глазами страдальцу, сталъ его утѣшать, вспоминать наши молодые годы, наши надежды... Вагилевичъ слушалъ съ уми-

леніемъ, но послѣ, махнувъ рукою, проговорилъ: „все прошло, пропало!... теперь нужно готовиться туда“... и поднялъ немного правую руку. Я началъ убѣдительно уговаривать его возвратиться къ русской вѣрѣ; „ты жилъ, говорю, русскимъ, трудился и страдалъ за Русь, такъ и умирай-же русскимъ“. Вагилевичъ слушалъ меня съ сочувствіемъ и видно было, что онъ готовъ послушаться. На бѣду пришелъ полякъ Хондзынскій, какъ чортъ за грѣшной душой. Я объяснилъ ему, что я стараюсь склонить больнаго къ прежней родной вѣрѣ и хочу пригласить русскаго священника для исповѣди. Ляхъ пробормоталъ подъ носъ:

— Если такъ, то лучше призвать католическаго ксендза; я самъ пойду сейчасъ за нимъ.

— Не хочу, не хочу, не нужно,—нетерпѣливо замахалъ рукою умирающій: ни за что не хочу.

— Если такъ, сказалъ Хондзынскій, то за чѣмъ тревожить больнаго? пусть останется, чѣмъ есть.

— Я подумаю, сказалъ Вагилевичъ, оставьте меня въ покоѣ.

— Я передалъ женѣ, что Вагилевичъ склоненъ возвратиться къ своей вѣрѣ, совѣтуя послать за священникомъ. Но къ вечеру больной потерялъ сознаніе и на другой день умеръ.

На его похороны собралось множество народа. Были поляки, были и русскіе. Пришелъ пасторъ въ своей черной блузѣ, пропѣлъ или прочелъ нѣсколько словъ по нѣмецки; молча, вынесли его гробъ и положили на дроги, молча, повезли на кладбище. День былъ теплый, весенній. Пошли толки о томъ, что хоронятъ русскаго ксендза, который *присталъ на лютра*. „Небывалыя вещи! говорили, покачивая головами, наши бабки; неслыханное дѣло! просто, свѣта преставленіе. Когда-бы онъ не сталъ лютромъ, не такіе-бы ему похороны справили. Весь соборъ выступилъ-бы въ ризахъ, а алюмны (семинаристы) запѣли-бы такъ, что весь міръ расплакался-бъ. Что и говорить! какъ-бы запѣли ему: „Вѣчная память“, то душечки въ раю возрадовались-бы. А то совсѣмъ небывальщина какая-то, нѣмецкіе похороны: хейлыкъ, да хейлыкъ [1]); мы знаемъ, что всѣмъ лютрамъ *хейлыкъ*, и ему грѣшному *хейлыкъ!*“

---

[1]) Нѣмцы поютъ псалмы: *Heilig*, *heilig*; отсюда у народа взялось слово *хейлыкъ*, т. е. капутъ, конецъ, гибель.

Въ 1870-хъ годахъ, когда львовская городская дума занялась переименованіемъ улицъ на народныя польскія и исчерпала весь запасъ знаменитыхъ Коперниковъ, Мицкевичей, Косцюшковъ, Снядецкихъ и т. п., кто-то вспомнилъ о покойномъ и дума согласилась почтить его память, переименовавъ въ глухомъ предмѣстьѣ Горшечный переулокъ въ переулокъ Вагилевича. Вотъ и вся память объ немъ.

Et sic transit gloria mundi!

Я. Г.

РЕБЪ ЛЕЙБЪ-СУРЕСЪ*).

(ИЗЪ ЕВРЕЙСКИХЪ ЛЕГЕНДЪ).

I.

И теперь у насъ много хорошихъ цадиковъ: ребъ Янкевъ-Ицхокль Макаровскій, и братья ребъ Авремеле и Гецеле ржищевскіе, и ребъ Іойхинце чернобыльскій... Они велики и славны... Но что они передъ ребъ Лейбъ-Суресомъ!.. Такого, какъ онъ, нѣтъ и не будетъ у насъ... Что предъ нимъ гусятинскій, даже садогурскій цадики!.. Ребъ Лейбъ-Суресъ!.. Онъ былъ... Развѣ вы можете судить, какъ онъ былъ великъ!.. Вотъ какъ онъ былъ великъ... Слушайте!

II.

Когда Адамъ согрѣшилъ, и его выгоняли изъ рая, и когда плакалъ Адамъ, и заливался горючими слезами: тогда сжалился надъ нимъ Іегова и далъ ему книгу. И что это за книга!.. На первой страницѣ

---

*) Предлагаемые вниманію читателей разсказы слышали мы не разъ въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ юго-западнаго края. По словамъ евреевъ, передававшихъ эти разсказы, цадикъ ребъ Лейбъ-Суресъ жилъ въ концѣ прошлаго столѣтія, въ одномъ изъ мѣстечекъ подольской губерніи. Разсказы воспроизводятся съ совершенною точностію, безъ малѣйшаго измѣненія ихъ духа и содержанія. Что до внѣшней формы, трудно было-бы и передавать и читать ихъ на томъ особомъ малороссійскомъ жаргонѣ, съ примѣсью словъ русскихъ и польскихъ, на которомъ намъ приходилось ихъ выслушивать. Въ языкѣ подлинника особенно поражаетъ духъ и складъ рѣчи библейской, который такъ легко усваиваютъ себѣ евреи, проводя много времени въ чтеніи книгъ библейскихъ, и мы не рѣшились отступить отъ нихъ въ передачѣ разсказовъ, давъ имъ лишь внѣшнюю оболочку русской рѣчи. О значеніи разсказовъ въ смыслѣ историко-этнографическаго матеріала считаемъ излишнимъ говорить и можемъ выразить сожалѣніе развѣ о томъ, что остается не тронутымъ этотъ матеріалъ, способный освѣтить внутреннюю жизнь столько вѣковъ живущей среди южно-русскаго населенія массы еврейства, темной, какъ и наше простонародье. — *Примѣч. автора.*

ея самъ Іегова своими перстами написалъ имя нашего дивнаго цадика... Это святѣйшая книга!... Стоитъ только честному еврею держать эту книгу у себя въ домѣ, и онъ не сгоритъ, хотя бы кругомъ былъ самый сильный пожаръ. Вотъ какая это книга!... А ребъ Лейбъ-Суресъ былъ сильнѣе ея!... Онъ былъ великій избранникъ, дивный и преславный цадикъ!... И вы думаете, что только „наши" уважали его!... Его всѣ почитали, ибо сами найяснѣйшіе паны совѣтовались съ нимъ... Вы скажете, что и теперь „наши" бываютъ у хорошихъ пановъ... Ну, бываютъ... И что съ того?... Они бываютъ для того, чтобы ѣсть „трефъ" и поганое животное „хазеръ"... И они, чтобы попасть къ панамъ, не носятъ пейсовъ, подстригаютъ себѣ бороды и не просятъ за своихъ единовѣрцевъ... А ребъ Лейбъ-Суресъ!... Онъ былъ святѣйшій, и всюду бывалъ, не подстригая пейсовъ и бороды, и не снимая ермолки, пантофлей и длиннаго капота, и онъ бывалъ у самыхъ найяснѣйшихъ пановъ, графовъ, и князей, и выше... У кого выше?... Вы это узнаете... И онъ бывалъ у нихъ не для своего блага. . онъ бывалъ, чтобы просить найяснѣйшихъ пановъ за нашихъ бѣдныхъ и гонимыхъ единовѣрцевъ... Ребъ Лейбъ-Суресъ былъ великій защитникъ народа нашего!...

Слушайте!

III.

Въ одномъ мѣстечкѣ жилъ одинъ бѣдный еврей, и была у него жена, благочестивая и дѣтородная женщина, и дѣти были... И была у нихъ хата, и всѣ они жили въ ней; и была у нихъ маленькая „крамница", и всѣ они, и жена еврея того, и дѣти ея, торговали въ ней, продавая разные товары „хлопамъ", и дѣлали небольшія дѣла, и жили. И то былъ ребъ Лейбъ-Суресъ, и жена его была его жена, и дѣти ихъ были дѣти его...

И никто въ мѣстечкѣ томъ не зналъ, какое сокровище хранится въ немъ, ибо ребъ Лейбъ-Суресъ, живя бѣдно и скромно, совсѣмъ удалялся отъ „дѣлъ", и изучалъ великую книгу—талмудъ, и не являлся людямъ.

И прошло не мало времени, и окончилъ ребъ Лейбъ-Суресъ изученіе талмуда, и вышелъ изъ дому, и показался народу нашему, жив-

шему въ томъ мѣстечкѣ, и не былъ узнанъ онъ, и не былъ признанъ учителемъ... И вышелъ ребъ Лейбъ-Суресъ изъ мѣстечка, и началъ разъѣзжать по городамъ и мѣстечкамъ и посѣщать знаменитыхъ рабиновъ, чтобы побесѣдовать съ ними. И бесѣдовалъ съ ними ребъ Лейбъ-Суресъ, но не показывалъ предъ ними ни учености своей, ни добродѣтелей своихъ. И объѣздивъ всѣхъ извѣстныхъ рабиновъ, и поговоривъ съ ними, возвращался ребъ Лейбъ-Суресъ къ себѣ домой, къ женѣ своей и дѣтямъ своимъ. И совершилъ путь свой ребъ Лейбъ-Суресъ такъ, какъ совершаютъ его всѣ единовѣрцы наши, останавливаясь для совершенія шабаша въ попутныхъ корчмахъ. И совершилъ ребъ Лейбъ-Суресъ во время одной изъ такихъ остановокъ свое первое чудо.

Слушайте!

IV.

На пересѣченіи двухъ большихъ дорогъ стояла огромная корчма. Въ ней всегда было много нашихъ; извѣстно, всегда ѣздятъ по своимъ дѣламъ. И подъѣхалъ къ этой корчмѣ ребъ Лейбъ-Суресъ, и вышелъ изъ брички, и вошелъ въ корчму, и остановился въ ней, съѣлъ рыбы и погрузился въ свои мысли... Вы хотите знать, о чемъ онъ думалъ?... Развѣ можно знать это намъ, простымъ евреямъ?... Можетъ быть, что онъ думалъ... Ну, я не знаю... Извѣстно, хорошее думалъ... И былъ вечеръ... И полѣзла Поха, жена корчмаря Іося, на чердакъ, и уронила искру, и вспыхнула крыша, ибо она была изъ соломы, и сдѣлался великій пожаръ... И подняли въ корчмѣ великій гвалтъ!... И корчмарь Іось, и Поха, и ихъ дѣти: Хаимъ, Пинхосъ, Пейсахъ, Сура, Ривка, Іосыле, Малка, Рухля, Борухъ и остальныя бѣгаютъ и кричатъ: „гвалтъ!... ратуйте!“... А ребе сидитъ и молчитъ... Почему онъ сидѣлъ и молчалъ? Развѣ мы знаемъ... Можетъ быть, такъ было нужно... И можетъ быть, и тотъ пожаръ нарочно случился, чтобы прославиться великому цадику... И бѣгаютъ, и кричатъ Іось и Поха, Хаимъ и Пинхосъ, Пейсахъ и Сура, Ривка и Іосыле, Малка и Рухеле, Борухъ и остальные, и не обращаютъ вниманія, что *онъ* сидитъ... Ребъ Лейбъ-Суресъ былъ по виду совсѣмъ какъ бы простой „жидокъ“... И шуба его была простая, и „штройимиле“ былъ такой, какъ у всѣхъ, и глаза были, и борода была, и пейсы были, и все было простое,

„жидовское". И развѣ знали Іось и Поха, кто у нихъ былъ?... И развѣ они могли знать, когда ученые рабины не узнавали великаго цадика? — Этъ!—думали всѣ, простой жидокъ...—И бѣгаютъ они, и кричатъ, и хватаютъ разныя вещи, и выпускаютъ ихъ изъ рукъ... А пожаръ все болѣе и болѣе увеличивается... И крыша уже сгорѣла, и потолокъ началъ пылать...

И тутъ ребе всталъ, и чуть слышно сказалъ: „ша!" И они всѣ смолкли... И это было первое чудо: они смолкли!... Іось, Поха, Хаимъ, Пинхосъ, Пейсахъ, Сура, Ривка, Іосыле, Малка, Рухеле, Борухъ и другіе смолкли!... И они увидѣли, и уразумѣли, что у нихъ былъ не простой жидокъ, и возложили упованіе на него... И сказалъ имъ ребе: „дайте мнѣ бутылку"... И они дали ему бутылку. И взялъ ее ребе, и вышелъ изъ корчмы, и шелъ тихо и важно, такъ, какъ-бы шелъ изъ „школы".

Онъ шелъ и молился. И развѣ мы можемъ знать, какую молитву читалъ онъ!... И пришелъ ребе назадъ, и принесъ бутылку, и сталъ около корчмы... А ужъ и въ корчмѣ горитъ, и „бебехи" вотъ—вотъ загорятся... И жалко Похѣ „бебеховъ"... И ей еще были нужны они, ибо она могла еще увеличить число народа нашего, и нужны были въ приданое Сурѣ, Ривкѣ, Малкѣ, Рухлѣ и другимъ... Великой дщери Израиля нужны „бебехи", ибо безъ нихъ не возможно настоящее плодородіе женъ нашихъ... И рыдаетъ Поха... И пришелъ ребъ Лейбъ Суресъ, и услышалъ вопль Похи, и сказалъ: „ша!" Они успокоились. И сказалъ: „не пугайтеся!" И они стихли, и смолкли... взялъ тогда ребе бутылку, и поднялъ ее, и брызнулъ изъ нея водою, и стихло пламя, и какъ бы не было пожара...

И то было второе чудо великаго рабина! И узнали его, и прославили, и говорили о ребъ Лейбъ-Суресѣ Іось и Поха всѣмъ останавливавшимся въ ихъ корчмѣ, и распространилась слава о ребъ Лейбъ-Суресѣ.

И много другихъ чудесъ совершилъ потомъ нашъ дивный ребе.

Слушайте!

V.

Невдалекѣ отъ того мѣстечка, гдѣ проживалъ нашъ знаменитый цадикъ, жилъ въ одномъ селѣ татаринъ. И былъ онъ сильный человѣкъ, ибо ему служили бѣсы... Извѣстно, намъ служитъ Богъ, а гоямъ—бѣсы... И знали объ этомъ татаринѣ всѣ ближніе и дальніе люди, и привозили къ нему своихъ больныхъ, одержимыхъ бѣсами... И бралъ татаринъ больныхъ въ свой домъ, и морилъ ихъ голодомъ, и билъ палками, и сѣкъ плетьми, и изгонялъ бѣсовъ... И былъ славенъ татаринъ между гоями, даже между нашими извѣстенъ былъ... Но возсіяла слава нашего дивнаго цадика, святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса, и стала меркнуть слава татарина. И позавидовалъ онъ нашему цадику, и воздвигъ противъ него разныя гоненія, и взвелъ на него разныя напасти; но не могъ ничего сдѣлать, ибо ребъ Лейбъ-Суресъ былъ неуязвимъ... И поднялъ тогда татаринъ свое зло на сродниковъ святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса... И то было такъ...

Слушайте!

VI.

Въ одномъ селѣ жилъ нѣкій корчмарь, именемъ Фридель, человѣкъ бѣдный, простой, неученый, но благочестивый и честный... И былъ тотъ Фридель простъ умомъ, но великъ сердцемъ, ибо не дѣлалъ никакихъ дѣлъ, но читалъ и изучалъ талмудъ... И это было досадно бѣсамъ... И вошли они въ жену корчмаря Фриделя Іоху, и заставили ее мучить честнаго Фриделя.

Велика женская злоба, и нѣтъ равной ей! Ужалитъ пчела, и изчезаетъ съ земнаго лица. А злая жена досаждаетъ мужу до конца дней его!..

И досаждала, и уязвляла, и терзала Іоха мужа своего, Фриделя, ежедневно и ежечасно. И терпѣлъ Фридель мученія свои, и не разводился съ мучительницею своей. Въ книгахъ судебъ народа нашего написано было, чтобы Іоха мучила Фриделя, дабы дать возможность прославиться святѣйшему ребъ Лейбъ-Суресу. И было такъ: разъ Іоха заставила Фриделя отпускать водку гоямъ... И началъ Фридель отпускать водку полною мѣрою. И, увидѣвъ это, Іоха напала на Фриделя, и

ухватила его за пейсы, и терзала долго, и выгнала изъ корчмы. И онъ пошелъ, вышелъ и скрылся. И обрадовалась Іоха, и улыбнулась, ибо не знала, что нападетъ на нее смертная тоска.

Какъ часто бываетъ, что скучаютъ другъ за другомъ мужъ и жена, когда расходятся въ разныя стороны!—Вы навѣрное знаете нашего Янкеля? Не ладно жилъ онъ съ своею женою Шейвою, ибо она была великая неряха. И порѣшилъ Янкель развестись съ своей Шейвою, и развелся... И нужно было Янкелю и Шейвѣ пойти къ рабину, чтобы получить утвержденный и правильный разводный листъ. И собрался Янкель съ Шейвою идти къ рабину. А въ ту пору на дворѣ было холодно и сыро... И сказала Шейва Янкелю: „Душка Янкель! ты можешь простудиться, ибо надѣлъ только одинъ легкій капотъ. Возьми свой большой зеленый шарфъ и положи его на плечи и грудь". И пріятны были эти слова Янкелю, и онъ помирился съ Шейвою, и такъ какъ Шейва была въ тѣ дни чистою, то Янкель облобызалъ ее и поялъ ее...—И радовалась Іоха, когда изгнала Фриделя, но скоро прошла радость и наступила печаль, ибо то было передъ шабашемъ... Извѣстно, не добро мужу и женѣ встрѣчать святой шабашъ въ одиночествѣ... И тоскуетъ Іоха, и печалится, и напрягаетъ свое зрѣніе, глядя въ доль дороги, и предполагаетъ, что увидитъ Фриделя. И она увидѣла, но не Фриделя, а быстро мчавшихся лошадей. То ѣхалъ татаринъ, и пріѣхалъ, и остановился, и вошелъ въ корчму, и поздравствовался, и спросилъ у Іохи: „а гдѣ твой Фридель"? „Нѣтъ его, ушелъ", сказала Іоха и заплакала.—„Хочешь вернуть его"?—„Хочу". — „Дай же зеркало и воску", сказалъ татаринъ. И послушалась Іоха, и подала зеркало и воскъ, и стала смотрѣть на татарина и на дѣло рукъ его. И сдѣлалъ татаринъ изъ воску свѣчу, и поставилъ зеркало, и повѣсилъ свѣчу передъ зеркаломъ, и сказалъ: „та свѣча не догоритъ до конца, какъ твой Фридель будетъ около тебя". И Іоха повѣрила, ибо татаринъ былъ „сильный" человѣкъ, дивный лѣкарь, и могъ многое сдѣлать... Извѣстно, глупая... Развѣ можно вѣрить гоямъ?.. И погибъ-бы Фридель, но его спасъ святѣйшій ребъ Лейбъ-Сурисъ. Онъ явился на помощь. „Кто былъ у тебя?" грозно спросилъ ребе у Іохи.—„Ну-у, кто былъ у меня?" переспрашивала Іоха, какъ всѣ наши дѣлаютъ, чтобы выиграть время и обду-

мать отвѣтъ.—„Никого не было", сказала Іоха, ибо не знала, что передъ нею святѣйшій ребе.—Извѣстно, иногда наши не скажутъ правды даже своему, не только чужому.—„У тебя былъ татаринъ и предлагалъ тебѣ возвратить Фриделя"? спросилъ ребе. И призналась тогда Іоха, и разсказала все, и заплакала. И покачалъ головою ребе, и взялъ зеркало, и оборотилъ его къ стѣнѣ, и взялъ свѣчу, и оборотилъ ее внизъ свѣтильнею, и сказалъ Іохѣ: „О несмысленная! Фридель прилетѣлъ бы къ тебѣ, но мертвый, и верхомъ на кочергѣ". И, услыша слова тѣ, Іоха испугалась, и испугалась такъ, что и сказать невозможно, и стала кричать и рыдать. И сказалъ ей ребе: „ша"! и вышелъ изъ корчмы, и обвелъ кругъ вокругъ нея, и вошелъ опять въ корчму. И было: поднялся вихрь, набѣжали тучи, почернѣло небо, полился страшный дождь, и была страшная буря, и все трещало и падало. И была тишина, и былъ покой только въ корчмѣ, ибо она была очерчена кругомъ... И вы думаете, что то была буря?.. Ну-ну!.. То летали бѣсы, и хотѣли разорить корчму, и потушить свѣчу, и разбить зеркало... И были напрасны старанія ихъ, ибо свѣча догорѣла и зеркало разбилось. И знаете ли вы, что это было?.. То ребе побѣдилъ татарина... И уничтожилась мерзкая жизнь татарина, ибо догорѣла его свѣча, и разбилось его зеркало... Такъ есть.. Татаринъ думалъ побѣдить нашего великаго цадика, того, о комъ самъ Іегова извѣстилъ Адама,—того, въ комъ воплотился великій духъ нашего великаго народа, дивнаго Израиля!.. Ну-ну, побѣдить его!... развѣ то можно?!.. И было потомъ: настала тишина, просвѣтлѣло небо, возсіяло солнце, и запѣли птицы, и улыбнулись деревья, и явился Фридель, здравый и невредимый... И была въ тотъ день великая радость въ корчмѣ... И зачала въ ту ночь Іоха, и породила, и понесла сына, и назвали его при обрѣзаніи Лейбъ... И прославили Фридель и Іоха, и всѣ чада ихъ, и сродники ихъ великаго цадика, ребъ Лейбъ-Суреса, и сдѣлали имя его извѣстнымъ во всей своей мѣстности, и даже далеко за предѣлами ея. И пошли, и поѣхали евреи къ ребъ Лейбъ-Суресу... И никого не отпускалъ онъ безъ помощи и много совершилъ чудесъ..

Слушайте!

VII.

Нѣкоторый „злотникъ“ ѣхалъ далеко по своимъ торговымъ дѣламъ. И былъ онъ честный еврей. И было это завидно бѣсамъ, и они вздумали соблазнить этого „злотника“. И ѣдетъ злотникъ, и видитъ: на дорогѣ лежитъ крестъ. И былъ онъ золотой, драгоцѣнными камнями украшенный, и сіялъ, и блестѣлъ онъ перлами, изумрудами, топазами и яхонтами. И разгорѣлись глаза у злотника того, и появилось желаніе въ сердцѣ его, и мысль въ головѣ его — овладѣть драгоцѣннымъ крестомъ, и не удержался злотникъ, и взялъ... „Мнѣ не будетъ бѣды, но великая прибыль“, думалъ злотникъ тотъ, — „я передѣлаю крестъ въ кольца и сережки, въ браслеты и брошки, и сдѣлаю хорошій гешефтъ“, — и возрадовался въ сердцѣ своемъ, и любовался своею находкою злотникъ тотъ. И не зналъ онъ, что это только бѣсовское навожденіе, и сталъ думать, куда спрятать находку свою. Въ карманъ положить? Крестъ былъ великъ. За пазуху вложить? Онъ выпадетъ. Въ мѣшокъ схоронить? Въ немъ „богомолье“ лежитъ. И горюетъ еврей, злотникъ тотъ. И смутили его бѣсы, и вложили въ его голову мысль — надѣть крестъ на шею. И отъѣхалъ злотникъ въ сторону, и зашелъ за дерево, и за кусты, и сталъ надѣвать... И была у злотника прекрасная еврейская борода, ибо она была широка у подбородка и узка въ исходѣ своемъ, и мѣшала борода надѣванію креста. И озлобился злотникъ на свою прекрасную бороду, и вынулъ ножницы, и обрѣзалъ свою бороду... И стало у злотника того поганое лицо, но онъ не чувствовалъ и не подозрѣвалъ безобразія своего, ибо затмѣвался уже разумъ его. И ѣдетъ злотникъ дальше, и видитъ: идутъ люди и пристально смотрятъ на него; и онъ видѣлъ это, и смотрѣлъ на нихъ, и замѣчалъ, что они переводятъ глаза съ его подбородка на вьющіеся пейсы его. И догадался злотникъ, что пейсы выдадутъ его, и ухватился за голову, и сказалъ себѣ: „на что мнѣ пейсы мои?“ и срѣзалъ ихъ. И возрадовался злотникъ, и возвеселился, и безъ боязни смотрѣлъ на встрѣчающихся людей, и думалъ, что уже ничто не выдастъ его. И была дума его напрасною, ибо остановили его люди, и говорили: „что ты за человѣкъ?“ И онъ отвѣчалъ: „ну, что я за человѣкъ?... Я человѣкъ“... И они говорили: „у тебя еврейское платье, и нѣтъ

ни пейсовъ, ни бороды". И онъ молчалъ. И они продолжали говорить: „ты, должно быть, шарлатанъ". И испугался злотникъ, и сказалъ: „какой я шарлатанъ! я такой-же человѣкъ, какъ и вы". И отстали отъ злотника люди тѣ, и пошли впередъ, и скрылись. И когда скрылись они, злотникъ тотъ помыслилъ про себя: „Ой-вей! Они говорили правду, ибо платье мое выдастъ меня... И меня схватятъ, и найдутъ крестъ, и скажутъ, что я воръ". И увидѣлъ злотникъ шляхтича съ платьемъ въ рукахъ, и остановилъ его, и спросилъ: „не продастъ-ли вельможный панъ платья своего?" И согласился шляхтичъ, и продалъ. И купилъ злотникъ платье гоя, и снялъ свое прекрасное еврейское платье, и одѣлся въ платье гоя, и поѣхалъ, и радовался, ибо былъ близокъ къ окончательному затмѣнію разсудокъ его. И по маломъ времени въѣхалъ злотникъ въ нѣкое чудное мѣстечко, и встрѣтилъ людей, идущихъ изъ костела. И смотрѣли люди на злотника, и озирали его, и сказали ему: „кто ты? не шарлатанъ-ли ты, ибо у тебя нѣтъ ни бороды, ни пейсовъ, ни длиннаго капота, ни пантофлей, ни мѣховой шапки, и есть еврейское лицо... Кто ты? не шарлатанъ ли ты? не воръ ли и убійца?"... И сказалъ имъ злотникъ: „Нѣтъ, я не шарлатанъ"... И спросили у него: „чѣмъ докажешь ты слова свои?" И отвѣчалъ имъ злотникъ: „чѣмъ докажу я?"... И они говорили: „вотъ костелъ, и двери его отверты, и идетъ въ немъ святое служеніе"... И сказалъ злотникъ: „ну-у, что изъ этого?"—И они говорили: „иди съ нами, и омочи персты свои въ святую воду"... И помутился разсудокъ у злотника, и слѣзъ онъ на землю, и шелъ за людьми... Извѣстно, пропадала еврейская душа... И вы думаете: пропадала? — Пуу!.. Развѣ можетъ пропасть наша душа?.. Не можетъ, ибо число душъ нашихъ опредѣлено, и хранитъ насъ звѣзда народа нашего... Не можетъ погибнуть ни одна изъ душъ народа нашего! Нѣтъ. И вы скажете мнѣ: „погибаютъ, ибо становятся гоями по вѣрѣ своей". И вновь говорю вамъ: не погибаютъ, ибо внутри душъ своихъ они наши, и они сохраняютъ любовь къ вамъ, и при концѣ жизни своей раскаиваются въ заблужденіяхъ своихъ, и вновь становятся нашими, и покрываются грѣхи ихъ страданіями ихъ и тайными заслугами на пользу народа нашего... И не погибла душа злотника того. И былъ ему голосъ: „Шая!" И обернулся злотникъ, и увидѣлъ: нѣкій дивный еврей

стоялъ, и смотрѣлъ, и кивалъ головою. И то былъ святѣйшій ребъ Лейбъ-Суресъ. И подошелъ онъ къ Шаѣ, и посмотрѣлъ на него. И вспомнилъ Шая школу, тору, семью свою и матерь свою, честную Фрейду, и прояснился разумъ его, и взмолился Шая къ святѣйшему цадику. И разрушилъ ребе чары, и тотъ крестъ упалъ на землю, и былъ онъ не золотой съ каменьями, а мѣдный, изломанный. И спасъ ребе злотника Шаю, и была великая радость. И посрамились враги наши, и разсѣялись, какъ дымъ, и та дорога была пуста, и было всего: въ воздухѣ, съ шумомъ и воемъ, въ вечернемъ полумракѣ, пропадали бѣсы. И разнеслась слава о великомъ цадикѣ между всѣми злотниками и иными работающими руками своими. И потомъ было новое чудо, великое и славное.

Слушайте!

VIII.

Въ нашемъ чудесномъ городѣ Бердичевѣ была большая ярмарка. И съѣхались въ него наши купцы изо всѣхъ „мѣстъ“ и „мѣстечекъ“, и заняли лавки, и стали „вести гандель“. И занялъ одну „крамницу“ нѣкій дивный купецъ, и онъ сидѣлъ въ ней, не имѣя никакого товару, и по маломъ времени выходилъ изъ нея, и становился среди дороги и какъ будто говорилъ съ кѣмъ-то невидимымъ. И это было дивно всѣмъ нашимъ купцамъ, великимъ и малымъ, славнымъ и простымъ, и даже факторамъ и носильщикамъ. И стали всѣ они говорить про дивнаго купца: или то „мишигинеръ“, или то нѣчто дивное, И у всѣхъ въ тотъ годъ были хорошіе гешефты и большіе барыши, и у одного *его* не было никакихъ дѣлъ. И появилось возбужденіе у всѣхъ, и всѣ стали спрашивать другъ у друга: „что оно такое?“ И, когда не могли рѣшить, пошли къ рабину и сказали ему. И былъ въ то время въ Бердичевѣ знаменитый рабинъ, и онъ зналъ многое, и долго обдумывалъ каждое дѣло. И началъ рабинъ думать, что *оно* такое, и искать отвѣта въ талмудѣ, и ничего не придумалъ, и ничего не нашелъ. И всталъ рабинъ съ мѣста своего, и позвалъ прислужниковъ своихъ, и пошелъ къ „крамницамъ“. И пришелъ рабинъ къ дивному купцу, и сказалъ ему: „шелоймъ-алейхемъ!“ И услышалъ въ отвѣтъ: „алейхемъ-шелоймъ!“ И спрашиваетъ рабинъ у дивнаго купца: „вы торгуете?“

И отвѣчаетъ ему дивный купецъ: „торгую". „И я не вижу вашего товара", говоритъ рабинъ. И всталъ тогда ребъ Лейбъ-Суресъ, ибо это былъ онъ въ образѣ дивнаго купца, и сказалъ: „вотъ мой товаръ". И видитъ рабинъ: мимо ребе бѣжитъ какой-то еврейчикъ... И сказалъ ребъ Лейбъ-Суресъ рабину: „глядите!" И рабинъ глядѣлъ. И остановилъ ребъ бѣжавшаго еврейчика, и спрашивалъ у него: „куда ты бѣжишь?" „Бѣгу дѣлать гандель", отвѣтствовалъ еврейчикъ. И подошелъ тогда ребе къ еврейчику, и взялъ полы его капота, и развернулъ ихъ, и сказалъ рабину: „смотрите!" И посмотрѣлъ рабинъ, и увидѣлъ подъ капотомъ саванъ, и понялъ, кто предъ нимъ, и испугался, и хотѣлъ было крикнуть, но, услышавъ грозное: „ша!", убоялся и смолкъ. И сказалъ тогда ребе бѣжавшему еврейчику: „ты мертвецъ!.. Иди на покой!"... И былъ принятъ мертвецъ на мѣсто упокоенія.

И знаете вы, что это было?—Многіе изъ народа нашего предаются излишней суетѣ, и небрегутъ о духовной жизни, и забываютъ про добрыя дѣла, исполненіе святѣйшихъ повелѣній божественной книги—талмуда, и не исполняютъ шабаней, и небрегутъ о размноженіи народа нашего, ибо проводятъ праздники внѣ домовъ своихъ, въ разлукѣ съ женами своими, и получаютъ они за то великую казнь: не находятъ мѣста упокоенія по смерти своей.

И скорбѣлъ о нихъ ребъ Лейбъ-Суресъ, и просилъ за нихъ Бога вышняго, Бога Израилева, и умолилъ его. И дана была святѣйшему цадику великая сила—давать мертвымъ покой. И успокоилъ онъ въ то время всѣхъ несчастныхъ сыновъ народа нашего.

И было: разнесся по всему прекрасному городу Бердичеву слухъ о ребъ Лейбъ-Суресѣ, и всѣ, богатые и бѣдные, знатные и простые, стекались къ нему, и приносили ему дары. И не бралъ ничего святѣйшій ребъ Лейбъ-Суресъ. И то было дивно и непонятно. И былъ слухъ такой въ народѣ нашемъ.

Слушайте!

IX.

Ребъ Лейбъ-Суресъ владѣлъ всѣми ангелами, и каждый изъ нихъ, по роду своему, доставлялъ все преславному цадику. И вамъ это не дивно: вы знаете, что и теперь есть такіе цадики, кои владѣютъ ан-

гелами. И это такъ: владѣютъ. И что изъ того выходитъ, что владѣютъ? И ребъ Мотыле владѣлъ ангелами, и желалъ воспользоваться услугами ангела. И погрузился ребъ Мотыле въ мысли, и сталъ думать надъ книгою книгъ, святѣйшимъ талмудомъ, и думалъ долго, и захотѣлъ пить. И позвалъ ребъ Мотыле ангела, и ошибся въ наименованіи его. И явился тотъ ангелъ, который завѣдываетъ огнемъ, и принесъ его къ ребъ Мотыле въ великомъ количествѣ. И былъ въ мѣстечкѣ большой пожаръ, и страшное несчастье, ибо погорѣли дома и „крамницы", постели и „бебехи", вещи и деньги, и обѣднѣло цѣлое „мѣсто", и не увеличилось въ тотъ годъ количество народа нашего, ибо въ томъ „мѣстѣ" было потомъ необильное число дѣторожденій и зачатій. И боятся теперь цадики, и трепещутъ, и не зовутъ для услугъ ангеловъ, и обходятся услугами „габоимъ", прислужниковъ своихъ, и приношеніями единовѣрцевъ нашихъ, приходящихъ къ цадикамъ. И эти цадики, и ребъ Лейбъ-Суресъ!... Ну-ну!.. Они—злоты, онъ—червонецъ!... Теперешнимъ цадикамъ несутъ деньги и хлѣбъ, масло и яйца, куръ и рыбу, и всякую живность. Ребъ Лейбъ-Суресъ самъ раздавалъ деньги бѣднымъ единовѣрцамъ нашимъ... И много было денегъ у ребъ Лейбъ-Суреса: злоты и гроши, червонцы, рубли и копѣйки, дукаты и пфениги, луидоры и сантимы... И они были носимы ангелами, никѣмъ инымъ! И великая слава была о ребъ Лейбъ-Суресѣ! И распространилась слава изъ Бердичева по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ, по нашей землѣ и чужой... И всѣ шли къ дивному цадику, святѣйшему ребъ Лейбъ-Суресу, и шли поодиночкѣ, и шли каталомъ. И ребе всѣмъ помогалъ и творилъ великія чудеса.

Слушайте!

X.

И была въ то время великая смута въ нашемъ краѣ: паны воевали сами съ собою. И было безначаліе великое и непорядки страшные. И пришли московскія войска и стали въ нашемъ краѣ, и заняли города и мѣстечки, села и деревни. И одно войско стало въ мѣстечкѣ, а оно было сплошь еврейское. И тягостно было нашимъ держать москалей въ домахъ своихъ. И заплакалъ кагалъ мѣстечка того къ ребъ Лейбъ-Суресу, и умолялъ его спасти нашихъ отъ московскаго постоя. И внялъ

ребе плачу и стону, воплю и слезамъ, и сказалъ: „успокойтеся!“ И успокоились ходатаи, и возрадовались, и возвеселились. И была великая радость въ мѣстечкѣ, и всѣ ожидали скораго и чуднаго избавленія. И оно не замедлило. Поѣхалъ нашъ пречудный ребе къ московскому генералу и просилъ его вывести войско свое изъ домовъ единовѣрцевъ нашихъ и поставить въ дома госевъ. И не внялъ генералъ деликатной просьбѣ нашего преславнаго заступника, и оборотился къ нему спиною, и сказалъ своимъ прислужникамъ: „выгоните этого нархатаго жида!“ Ну-ну!... Такъ поступить съ ребъ Лейбъ-Суресомъ!... И оборотился тогда нашъ дивный ребъ спиною къ московскому генералу, и поднялъ голову вверхъ, и сказалъ: „исъ-съ!“ и вышелъ. И когда онъ вышелъ, плюнулъ на землю и ростеръ ногою плюновеніе свое. И явилось солнце, и послало лучъ свой на плюновеніе ребе, и высушило его. И поднялся вихрь, и разметалъ прахъ изъ плюновенія ребе по всему мѣстечку, и упалъ прахъ на москалей, на всѣхъ, отъ старшаго до младшаго. И наслалъ ребе съ прахомъ тѣмъ болѣзнь на москалей, и напала на нихъ короста, и было большое несчастье у москалей! И по маломъ времени вышли москали изъ домовъ нашихъ и стали жить между гоями. И жители того мѣстечка возблагодарили святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса за избавленіе отъ москалей. И не принялъ дивный ребе вещественной благодарности, и повелѣлъ роздать ее бѣднымъ единовѣрцамъ нашимъ и сказалъ: „восхвалите Бога вышняго, Бога Израилева, ибо онъ, а не я, творитъ чудеса“. Ну-ну, какія слова!... Ребе былъ великій и скромный Божій угодникъ!.. И былъ ему дивный почетъ. Ребе сталъ ходатаемъ за большую часть народа нашего. И то было такъ.

Слушайте!

XI.

Всюду покушаются на бѣдныхъ единовѣрцевъ нашихъ, и всюду ихъ преслѣдуютъ, и вездѣ ихъ гонятъ. И то должно быть такъ: не уживается тьма со свѣтомъ, и зло съ добромъ, и глупость съ разумомъ.

И жилъ въ то время въ Австріи Кесарь. И возненавидѣлъ онъ евреевъ, и поднялъ онъ гоненіе на бѣдныхъ единовѣрцевъ нашихъ. И издалъ кесарь повелѣніе быть всѣмъ евреямъ съ фамиліями. И пошли

съ тѣхъ поръ Штерны и Штейны, Берги и Кранцы, Ванштейны и Бронштейны, Розенберги и Мандельберги, и иныя были фамиліи и прозвища. И издалъ это повелѣніе кесарь для страшнаго дѣла: и то было для переписи. И она была для ужаснаго дѣла: издалъ кесарь повелѣніе брать нашихъ въ войско! И былъ въ народѣ нашемъ громкій плачъ, великое стенаніе, ужасная скорбь и страшный ужасъ. И плакали, и рыдали, и вопіяли старые и малые, юноши и дѣвы, отроки и отроковицы, весь мужескій полъ и женскій. И наложили наши постъ на всѣхъ, и моленія, и милостыни. И собирались въ школы, и молились, и плакались къ Богу Израилеву о избавленіи и помилованіи. И встали князья народа нашего на защиту правъ нашихъ, и совѣтовались, и разослали письма во всѣ страны и концы, гдѣ проживаетъ народъ нашъ, и пригласили всѣхъ для обсужденія положенія нашего. И встали всѣ кагалы, и собирались, и обсуждали, и говорили, и вырабатывали мнѣнія и планы для отвращенія бѣды отъ народа нашего. И поданы были многія мысли, и многіе планы, и разнообразныя средства. Но никто не могъ переубѣдить того кесаря, чтобы отмѣнилъ ужасное повелѣніе свое. И вновь былъ плачъ и вопль, и рыданіе, и скорбь. И думали всѣ, что погибнутъ.., Они не знали, что у народа нашего былъ скромный, но дивный защитникъ, святѣйшій ребъ Лейбъ-Суресъ, и не подозрѣвали, что близокъ день отмщенія за скорби народа нашего.

Слушайте!

XII.

И было: пришла пятница, предверіе святаго шабаша. И стали готовиться всѣ къ встрѣчѣ, принятію великаго дня. И затопили хозяйки печи, и стали варить и печь шабашныя кушанья: и супъ, и рыбу, и мясо, и компотъ и гугель. И прекратили всѣ мужчины дѣла свои и пошли въ бани. И очистившіяся жены пошли въ миквы, чтобы быть совсѣмъ чистыми и угодными мужьямъ своимъ. И одѣлись дѣти, мальчики и дѣвочки, въ нарядныя платья и выбѣжали на улицу. И стали доставать жены и дѣвы драгоцѣнные уборы,—перлы и брильянты, шелкъ и бархатъ, золото и серебро изъ хранилищъ и приготовлять къ возложенію на себя. И всѣ дающіе деньги на проценты сосчитали барыши свои и прибыли свои и восхвалили Бога вышняго, Бога Из-

раилева, дающаго намъ гоевъ — должниковъ для увеличенія богатствъ нашихъ. И склонялось уже солнце къ западу, и золотило большую половину неба, и большую часть мѣстечка, и дома наши, и крыши, и окна. И падали лучи на столы, и на постланныя на нихъ скатерти, и на поставленные на нихъ подсвѣчники съ шабашевыми свѣчами. И радовались уже дѣти, и кричали; „близокъ шабашъ, близокъ дивный день, несущій намъ и рыбу, и мясо, и „цымесъ, и гугель!“ И торжествовали всѣ дѣвы, осматривая наряды свои и украшенія свои. И ликовали всѣ молодые новобрачные, и сладко смотрѣли на пышно взбитые „бебехи“, и съ нетерпѣніемъ ожидали шабашевой вечери и сладкаго сна. И всѣ веселились и радовались, и всѣ ликовали и говорили: „шабашъ, шабашъ! прекрасная и благословенная суббота!“ И веселился, и торжествовалъ, и ликовалъ нашъ дивный заступникъ, святѣйшій ребъ Лейбъ-Суресъ, ибо онъ готовился къ великому дѣлу, защитѣ народа нашего. И то было такъ.

Слушайте! Слушайте!

XIII.

Призвалъ ребе въ домъ свой балагулу Волька и сказалъ: „иди и запрягай коней, ибо мы поѣдемъ“. И отвѣтствовалъ Волько: „ребе, шабашъ близко!“ „Къ шабашу будемъ назадъ“, сказалъ ребе и сталъ одѣваться въ парадное платье. И облекся ребе въ длинный, блескомъ своимъ подобный самой блестящей ваксѣ, шелковый капотъ, и опоясался поясомъ, и одѣлъ свои тонкія ноги въ длинные чулки, и возложилъ на главу свою новую бархатную ермолку, и поверхъ ея большую мѣховую шапку, и на стопы свои новыя пантофли, и подвилъ свои длинные пейсы, и пригладилъ свою бороду, и сѣлъ и ожидалъ прибытія Волька. И черезъ нѣсколько времени загромыкало и затрещало, застукало и застучало. И то ѣхалъ Волько на своихъ четырехъ коняхъ и въ своей величественной будѣ. И были тѣ кони: одинъ буланый, а другой пѣгій, и третій рыжій, а четвертый сивый; и первому и второму было по десяти съ половиною годовъ, а третьему и четвертому по пятнадцати годовъ; и были тѣ кони — спокойные кони, ибо никогда не бѣгали быстро, но шествовали медленно и важно. И была та буда — знаменитая буда, ибо

она служила Вольку въ теченіе долгихъ лѣтъ, и въ теченіе столькихъ-же лѣтъ служила отцу Волька, и столькихъ-же лѣтъ дѣду его. И былъ на будѣ полотняный навѣсъ отъ заднихъ колесъ до переднихъ, и было въ будѣ довольное количество сѣна и соломы, и разной мягкой трухи. И подъѣхалъ Волько къ дому ребъ Лейбъ-Суреса и остановился. И вышелъ ребе, и сѣлъ въ буду и сказалъ: „поѣзжай!“ И взмахнулъ Волько кнутомъ, и крикнулъ: „вью, вью! вью!“ и заколыхалась буда, и затрещала, и загремѣла, и покатилась. И по маломъ времени выѣхали ребе и Волько за самое мѣстечко, въ поле. И только выѣхали они, услышалъ Волько тихій голосъ ребе: „Волько! оборотись ко мнѣ лицомъ, и сиди смирно, и не смотри ни вправо, ни влѣво.“ И оборотился Волько, и сидѣлъ смирно, и не смотрѣлъ ни вправо, ни влѣво. И по маломъ времени снова услышалъ Волько гласъ ребе: „оборотись къ конямъ и останови ихъ“. И оборотился Волько, и сказалъ конямъ, чтобы они стали, и они остановились. И сошелъ Волько съ сѣдалища своего и помогъ ребе выйти изъ буды. И когда помогъ, тогда глянулъ вокругъ себя и испугался великимъ страхомъ, и былъ охваченъ большимъ трепетомъ, ибо увидѣлъ себя Волько въ большомъ и чудномъ городѣ, среди огромной площади, и вокругъ себя неизвѣстно какихъ людей, говорящихъ страннымъ языкомъ. И поблѣднѣлъ Волько, и затрясся, и задрожалъ. И сказалъ ему ребе: „не бойся и паси своихъ коней“. И успокоился Волько, и сталъ смотрѣть вокругъ себя. И видѣлъ онъ, что ребе пошелъ, и шелъ, и пришелъ къ огромному дому, и вошелъ въ него, и былъ тамъ, и по маломъ времени вышелъ изъ него, и подошелъ къ Вольку, и сказалъ: „помоги мнѣ сѣсть“. И когда сѣлъ ребе, тогда сѣлъ Волько, и крикнулъ: „вью! вью! вью!“ И поѣхали. И только поѣхали, какъ услышалъ Волько приказъ: „оборотись ко мнѣ“. И не успѣлъ Волько оборотиться, какъ увидѣлъ, что лошади стали, и почувствовалъ, что они пріѣхали въ мѣстечко свое. И то было такъ: они пріѣхали въ мѣстечко прямо къ дому дивнаго ребъ Лейбъ-Суреса. И было еще: до шабаша успѣлъ Волько распречь своихъ коней, и поставить свою буду, и вымыть концы своихъ пальцевъ, и одѣться въ праздничную одежду, и заблаговременно придти въ школу, и занять свое наслѣдственное мѣсто, и раскрыть книгу, и начать молитву. Но не могъ Волько молиться, ибо пораженъ былъ чудною по-

ѣздкою, и дивнымъ видѣніемъ страннаго города, и необычнымъ сіяніемъ лица святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса. И прошла недѣля, и наступила пятница. И вновь поѣхалъ ребъ въ неизвѣстный городъ и былъ въ большомъ домѣ. И въ третью пятницу ѣздилъ такъ, какъ въ первую и во вторую. И привыкъ уже Волько къ неизвѣстному городу, и освоился съ чудною поѣздкою своею, и не чувствовалъ уже страха, и осмѣлился, и сталъ любопытенъ. Извѣстно, еврейская голова! И купилъ Волько въ чудномъ городѣ трубочку и чубучекъ, и привезъ домой, и показалъ свое пріобрѣтеніе. И было въ мѣстечкѣ волненіе и ликованіе, ибо по трубочкѣ и чубучку узнали и уразумѣли, что ребе былъ въ австрійскомъ городѣ Виднѣ (Вѣнѣ). И разнеслась вѣсть объ этомъ по всѣмъ мѣстамъ и мѣстечкамъ, корчмамъ и шинкамъ, между всѣмъ народомъ нашимъ. И была великая радость между всѣми единовѣрцами нашими, ибо рабины говорили и объявляли: „ребе защититъ народъ нашъ!“ И всѣ вѣрили словамъ рабиновъ, ибо знали, что ребъ Лейбъ-Суресъ великій и дивный защитникъ народа нашего, и всѣ желали знать, что дѣлаетъ ребе въ Виднѣ и къ кому онъ ходитъ. И возрастало любопытство, и увеличивалась любознательность у всѣхъ, ибо и въ четвертую, и въ пятую пятницу совершилъ ребе чудную поѣздку свою. И, когда пришла шестая пятница и услышалъ Волько повелѣніе запречь коней въ буду, то загорѣлось въ Волькѣ любопытство, и порѣшилъ онъ спросить у дивнаго ребе, гдѣ онъ бываетъ и что дѣлаетъ. И заикнулся Волько предъ ребе о желаніи своемъ, и услышалъ въ отвѣтъ: „еще немного времени потерпите, и все узнаете“. И терпѣлъ Волько, и терпѣли всѣ, и ожидали. И пришла седьмая пятница, и приготовлялся Волько къ поѣздкѣ, и приготовился заранѣе; и то было ненапрасно, ибо былъ позванъ Волько къ ребе задолго до наступленія шабаша. И сѣлъ ребе съ Волькомъ, и поѣхали. И настало великое волненіе, и всѣ ожидали чего-то дивнаго. И было: возвратился ребе быстрѣе, чѣмъ въ прежнія поѣздки, и вошелъ въ домъ свой и сказалъ: „сегодня буду я не здѣсь шабашовать“. И сказавъ эти слова, ребе отошелъ въ вѣчность къ праотцамъ Аврааму, Исааку и отцу нашему Іакову. И постигла всѣхъ евреевъ скорбь великая, и поднялся плачъ, и вопль, и стенаніе. И стеклось великое множество народа къ дому дивнаго ребе, старые и малые, богатые и бѣдные, и провожали ребе до мѣста

вѣчнаго упокоенія, и проводили, и погребли. И вознеслась душа нашего дивнаго цадика, святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса, въ горнія селенія, и ликовала тамъ, ибо подоспѣла къ самому шабашу. И не успѣли всѣ возвратиться къ домамъ своимъ, какъ узнали всѣ, что дѣлалъ ребе въ Виднѣ. И говорили объ этомъ въ теченіе всего наступившаго шабаша, и говорили въ слѣдующіе дни, и недѣли, и мѣсяцы, и годы, и десятилѣтія, и будутъ говорить до тѣхъ поръ, пока сіяетъ солнце и свѣтитъ луна. И говорили такъ.

Слушайте! Слушайте!

XIV.

Когда дошла вѣсть до ребъ Лейбъ-Суреса о повелѣніи брать нашихъ въ войско, тогда онъ скорбѣлъ, печаловался и мучился, и молился о избавленіи единовѣрцевъ нашихъ. И порѣшилъ нашъ дивный заступникъ предстать предъ кесаря и молить его о помилованіи единовѣрцевъ нашихъ. И предсталъ ребе предъ кесаря, и деликатно просилъ его не брать нашихъ въ войско. И былъ пораженъ кесарь умомъ святѣйшаго цадика, и сказалъ ему: „хорошо, я подумаю". Но возстали враги наши, и окружили кесаря, и вложили въ сердце его не отмѣнять повелѣнія своего. И измѣнилъ кесарь слову своему, и не думалъ. И явился къ нему ребъ Лейбъ-Суресъ, и пристыдилъ его, и говорилъ ему о бѣдности царства его и о богатствѣ единовѣрцевъ нашихъ. И вновь сказалъ кесарь: „я подумаю". Но опять восторжествовали ненавидящіе насъ. И явился тогда ребе къ кесарю съ грознымъ взглядомъ, и суровымъ обличеніемъ, и великими угрозами. И было: кесарь испугался, и взмолился. И смягчился ребе, и ограничился лишь однѣми угрозами. И снова восторжествовали враги наши. И узналъ объ этомъ ребе. Какъ онъ узналъ?... Развѣ мы, простые люди, можемъ знать это? И ребе началъ казнить кесаря, и тѣ казни были дивныя и необычныя. И начнетъ ребе чесать волосы, и у кесаря голова болитъ; и начнетъ ребе стричь свои ногти, и у кесаря ломитъ руки; и кричитъ кесарь: „гвултъ! ратуйте!" И явился къ кесарю, какъ жрецъ къ фараону, одинъ изъ ксендзовъ его, и исцѣлилъ кесаря, и озлобилъ сердце его противъ единовѣрцевъ нашихъ. И наложилъ кесарь тягости на единовѣрцевъ нашихъ, и сталъ притѣснять ихъ, и угнетать ихъ. И предсталъ

тогда ребе предъ кесаря съ гнѣвнымъ взоромъ и карающею рѣчью, и нагналъ на кесаря страхъ и великій ужасъ, и на близкихъ къ нему. И ужаснулся кесарь, и просилъ ребе о помилованіи, и обѣщалъ сдѣлать все по желанію его. И отошелъ отъ кесаря ребе и былъ въ надеждѣ, что кончатся страданія народа нашего. Но былъ тотъ кесарь мягокъ сердцемъ, и вновь восторжествовали враги наши. И умыслилъ ксендзъ злой умыселъ на ребе, и передалъ его кесарю, и убѣдилъ его принять совѣтъ свой. И тотъ совѣтъ былъ слѣдующій: кесарь долженъ былъ выстрѣлить въ тѣнь головы ребъ Лейбъ-Суреса, лишь только онъ предстанетъ предъ кесаря. И былъ тотъ совѣтъ погибеленъ... Вы думаете: ребъ Лейбъ-Суресу? Ну-ну!... Погибеленъ совѣтнику кесаря. И было: предсталъ ребъ Лейбъ-Суресъ предъ кесаря. И поднялъ кесарь ружье, и выстрѣлилъ въ тѣнь головы. И вы думаете: то была голова святѣйшаго цадика?... Ну-ну!... То была голова ксендза, совѣтника кесаря!... И воспылалъ тогда ребъ Лейбъ-Суресъ гнѣвомъ и яростію, и казнилъ враговъ нашихъ казнями жестокими, муками и смертію. И былъ удостоенъ великой чести ребе нашъ за подвигъ свой, ибо онъ подоспѣлъ на небо къ самому шабашу.

XV.

Великій и дивный цадикъ былъ ребе Лейбъ-Суресъ! И нѣтъ равнаго ему!... Предъ нимъ даже гусятинскій и садогурскій цадики какъ звѣзды предъ солнцемъ, какъ ручей предъ моремъ, какъ тростинка предъ дубомъ, какъ березка предъ кедромъ ливанскимъ, какъ гой передъ избраннымъ изъ народа избраннаго!

И я говорю вамъ о немъ, и вы слушайте, и прославляйте Бога Израилева, Бога вышняго, и его дивнаго, пресвѣтлаго слугу, нашего защитника и покровителя, святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса!

Александръ Тарнавскій.

УКРАИНСКІЙ СОЛОМОНЪ.

ЕГО КЕЙФЪ И СУДЪ.

(По фамильнымъ воспоминаніямъ).

Да хотівъ Бардакъ, да хотівъ Кіндратъ
Зъ Тараномъ зрівняться;
Дала-жъ ёму вража мати
Зъ Гаркушею зізнаться.

Изъ народн. пѣсни.

Отколѣ міръ стоитъ, во всѣ времена, при всѣхъ общественныхъ, гражданскихъ и государственныхъ порядкахъ, жили въ человѣчествѣ неразлучно богатство и бѣдность, и всегда бѣднымъ людямъ жилось плохо, а богатымъ хорошо.

Въ былые дни гетманщины хорошо жилось козачей старшинѣ. Широкая децентрализація управленія—остатокъ давней свободы, не смотря на постоянныя ограниченія оной, и въ послѣдніе годы существованія гетманщины, оставляла еще много мѣста не только власти, но и произволу. Козачіе полковники облечены были болѣе широкими прерогативами власти, чѣмъ могъ придумать въ наше время самый смѣлый проэктъ разширенія власти губернаторовъ. Въ предѣлахъ поселенія полка они были полными распорядителями не только по военной, но гражданской, судебной и хозяйственной части. Они владѣли обширными земельными угодьями, могли прикупать и прихватывать, вели на широкую руку хозяйства, эксплуатируя козачую рабочую силу, не брезгали и всякими промыслами. Стоило лишь искусно изворачиваться предъ генеральною канцеляріею, да ловко прятать концы, или же съѣздить иной разъ въ Москву, а позже въ Петербургъ, и задобрить кого слѣдуетъ хорошими „подно-

шеніями", и можно было болѣе и болѣе расширять свои „маетности". — Что значилъ въ полку полковникъ, тѣмъ былъ сотникъ для своей сотни, состоявшей изъ нѣсколькихъ мѣстечекъ и селъ. И сотники, какъ и полковники и другіе войсковые чины, получали земли и разныя угодья на свой рангъ, были полными распорядителями въ своихъ участкахъ по всѣмъ частямъ управленія, и отчитывались да и приплачивались предъ старшиною полковою, какъ эта послѣдняя предъ генеральною. Чѣмъ болѣе близилось уничтоженіе гетманщины, тѣмъ меньше чувствовалась тягость воинской службы и хотя пропорціонально тому возросталъ гнетъ экономическій, но вся тяжесть его падала на простое козачество и умножавшихся въ числѣ посполитыхъ, подсусѣдковъ, коморниковъ и захребетниковъ. Учащавшіяся перемѣны гражданскихъ порядковъ не предвѣщали для старшины ничего худаго. Въ воздухѣ все сильнѣе пахло рабствомъ, но тѣмъ болѣе привилегированнымъ и почетнымъ виднѣлось въ перспективѣ положеніе войсковой старшины, всѣмъ предшествовавшимъ ходомъ жизни далеко отодвинувшейся отъ народа. Естественные инстинкты насилія и хищенія при такомъ порядкѣ вещей могли только усиливаться и рости, а не ослабѣвать. Разлагавшійся старый строй жизни и царившій всюду какой-то хаосъ давалъ правда не выгодно чувствовать себя отдѣльнымъ личностямъ изъ среды самой старшины, происходили крупныя кражи въ хозяйствѣ и грабежи, приходилось приплачиваться частью имущества, иногда и всѣмъ достояніемъ и урядомъ, но ловкій, какъ и всегда, умѣлъ изворачиваться и самыя тягости общественнаго порядка обращать въ свою пользу.

Въ таку-тою, отчасти трудную, отчасти привольную пору жилъ сотникъ Тарапъ. Онъ правилъ смѣлянскою сотнею и резиденція его была въ м. Смѣломъ, близъ Роменъ. Имѣлъ онъ, какъ и другіе сотники, „ранговые и благопріобрѣтенные грунта и левады, гаи и сѣножати, ставы съ мельницами и садки. Правилъ онъ сотнею и хозяйствомъ занимался; на его грунтахъ жило нѣсколько подсусѣдковъ и если все сотенное населеніе было въ его распоряженіи, то эти послѣдніе были какъ-бы его подданными. Правилъ онъ по старинѣ—и грозно, и милостиво, не давалъ спуску своевольнымъ, но и не доходилъ до жестокости и издѣвательства надъ бѣднымъ и слабымъ. Не любилъ онъ, подобно другимъ, притягать

захудалыхъ козаковъ; съ людьми бѣдными, съ тѣми, что помогали ему въ хозяйствѣ, любилъ даже подѣлиться, особливо тѣмъ, что' какъ вѣрили тогда всѣ, „родитъ Богъ на всякого долю". Обращался сотникъ со всѣми просто, права былъ веселаго, любилъ пошутить, особливо, по вдовству, съ женскимъ поломъ, еще болѣе любилъ въ сласть поѣсть и попить. Сотничалъ онъ долго; тутъ-же на сотничествѣ и „госпожу" свою похоронилъ; теперь, за смертію ея, хозяйство вели обученныя „панею" Стеха и Приська, всѣмъ-же въ домѣ распоряжалась молодая дочь его „Ганнуся, пышная краля". Было и въ жизни Тарана много невзгодъ; въ его сотничество разбойничалъ здѣсь Гаркуша и жилъ не вдалекѣ на хуторѣ Бардака близъ Бесѣдовки. Тарана заподозрили не только въ попустительствѣ, но и въ соучастіи съ Гаркушею. Онъ былъ притянутъ къ суду, но вывернулся, благодаря своей изворотливости, поплатившись впрочемъ значительною частью своего имущества. Это было въ 1780 г. Катастрофа служебная, въ связи съ недавнимъ семейнымъ горемъ, разстроили было дѣла Тарана и его самаго повергли въ скорбь; онъ сталъ угрюмъ и задумчивъ, каждый новый слухъ о подвигахъ Гаркуши приводилъ его въ трепетъ и онъ не разъ подумывалъ о томъ, какъ-бы не поднято было вновь это проклятое Гаркушино дѣло. Но крѣпкій организмъ, правильная жизнь и природный веселый нравъ снова взяли свое, особливо, когда Таранъ удостовѣрился, что Гаркуша далеко—въ Казани.

Уладивъ окончательно свои служебныя и хозяйственныя дѣла, Таранъ отдался своей прежней беззаботной жизни. Онъ не любилъ большихъ компаній, сидѣлъ больше дома и наслаждался жизнью, какъ она шла вкругъ него. Былъ онъ большой эстетикъ, до нѣкорой степени поэтъ и безконечно любилъ природу. Когда наступало лѣто, онъ большую часть времени проводилъ на *ганку* своего незатѣйливаго дома, стоявшаго на возвышеніи надъ однимъ изъ смѣлянскихъ овраговъ; на подворье его и хозяйство, на все мѣстечко и даже на отдаленныя окрестности съ крыльца его дома открывался прекрасный видъ. Отсюда онъ наблюдалъ движеніе прохожаго и проѣзжаго люду, отсюда давалъ приказанія на право и на лѣво, по службѣ и по хозяйству, здѣсь принималъ доклады, выслушивалъ жалобы, творилъ судъ и расправу, и здѣсь-же совершалъ свой долгій кейфъ съ коротенькой трубочкой въ зубахъ.

По привычкамъ того времени лучшею порой дня было утро, и Таранъ умѣлъ пользоваться имъ, особливо лѣтнею порою, не только для дѣла, но и для полнаго своего удовольствія. Вставъ рано, съ восходомъ солнца, умывшись „погожею“ водицею и переговоривъ: *Отче нашъ* и *Богородице Дѣво*, а также „за померши души“, сотникъ или отмахаетъ верстъ десять на своемъ „татаринѣ“ на какую нибудь изъ своихъ сѣножатей—посмотрѣть, собрались-ли косари, и при этомъ для примѣра самъ пройдетъ *ручки* двѣ, либо пѣшкомъ переберется черезъ нѣсколько овраговъ на одну изъ своихъ нивокъ взглянуть „на толоку“, либо посвятитъ все утро обзору своего домашняго хозяйства, да такъ, что не оставитъ безъ своего посѣщенія ни коморы, ни сажа, ни стайни и оборы, ни клуни и огорода, ни ставка и млынка, ни отдаленнаго баштана, и только почувствовавъ, что уже давно въ желудкѣ червякъ точитъ и что пора уже его и заморить, возвращался къ своему „ганку“ и усаживался за „снѣданье“, приговаривая, когда былъ въ духѣ: отъ-це-жъ, якъ пише Давидъ, *сідоша людіе снідающіи хлібъ въ снідь.*

Насталъ одинъ изъ тѣхъ пріятныхъ лѣтнихъ дней, которыхъ вся краса чувствуется особенно въ несравненной Украйнѣ. Чудныя окраины сотеннаго города лубенскаго полка освѣтились ранними лучами восходящаго солнца; золотистые лучи его дрожали, пробираясь по кустамъ „огрудка“, и точно снопомъ ударяли въ жолтую, какъ воскъ, недавно крытую соломенную крышу сотникова дома; слезинки утренней росы блестѣли, какъ изумрудъ, на листьяхъ растущихъ подъ окнами цвѣтовъ. Вдали изъ оконъ чуть виднѣлась зеркальная поверхность скрывавшагося въ оврагѣ ставу; золотистая рыбка, играя въ водѣ, радостно привѣтствовала восходящее солнце: играла, плескалась, ловила летавшую мошку. Въ воздухѣ вѣяло какою-то влагою и нѣгою, вся окружающая домъ атмосфера насыщена была парами и чуднымъ запахомъ „бузку, черемхи“ и всякой иной зелени.

Таранъ сидѣлъ на „ганку“ и тянулъ изъ своей стамбулки ароматъ собственнаго виргинскаго табаку; по раннему восходу солнца и по тому, что блохи, „якъ зговорились“, не дали спать ему, онъ вывелъ заключеніе, что быть сегодня дождю.

— Теперъ рыба грае, подумалъ сотникъ; то-бъ то неводъ закинуть! и съ этимъ онъ крикнулъ проходившему по двору хлопцу:

— Гей, Павелко, щобъ були заразъ жінки до невода! Гапку, Пріську, Стеху, Параску, Тетяну... по четыри на крыло... та заразъ!

— Чую добродію! отозвался Павелко и стрѣлой понесся черезъ плетни и огороды къ подсусѣдкамъ.

„Жінки" охотно собирались и даже торопились, зная, что старый панъ любитъ пошутить, а по удачномъ уловѣ не обойдетъ молодицъ и ковшомъ рыбы. Не прошло и полчаса, какъ летитъ назадъ Павликъ, только чубъ пляшетъ на головѣ у него и шлепаютъ широкіе шаровары, цѣпляясь за огородину и бурьяны.

— Заразъ будуть, пане!

— Ну, то-то! Иди-жъ, справляй човенъ, та воду выхлюпай; я заразъ буду!

Павликъ мигомъ полетѣлъ на ставъ, видно, что и ему было по нутру приказаніе пана сотника.

Выкуривъ стамбулку и поковырявъ ее „притычкою", сотникъ выколотилъ золу, крякнулъ раза три и пошелъ тихо, взявши „ціпокъ", чтобы, спускаясь подъ гору, не поскользнуться на влажной отъ росы травѣ.—Осторожно спустившись въ оврагъ, подошелъ онъ къ човну. Павликъ усердно выплескивалъ остатокъ воды изъ середней части лодки; молодицы въ приличныхъ костюмахъ— „куцыхъ и рваныхъ" обнажили свои сочныя, здоровыя икры, что нѣсколько щекотало воображеніе пана сотника и давало поводъ къ игрѣ словъ и шуткамъ. Зная нравъ своего пана, Гапка (самая смазливая) не безъ умысла стала подбирать свою „куцую сорочку", собираясь идти въ воду.

— Ты бъ ще высше піднялась; гляди, щобъ не выпурхнуло! подшучивая, сказалъ Таранъ, лукаво моргнувъ бровью.

— Гапка съ достатку, добродію, замѣтила бойкая Тетяна.—Молодицы съ хохотомъ входили въ воду, таща неводъ; одна затянула:

Ой вырву я лопушину
Да пошню фартушину...

— А нуте, нуте! какъ-бы сконфуженный, прервалъ сотникъ; вытягайте крыло, та заходьте далі, далі... Бачь, якъ рыба грае; онъ выкинувсь карась, мовъ порося добре!

— То й нашъ, добродію, буде!..

— Хто піймае, доброи вишнівки достане, поощрялъ сотникъ.

— А треба, добродію, треба по трудахъ; тільки чогось мицнішого, хоть-бы теи коробскои!

— А може новомлинки?

— Новомлинка, кажуть, пане, воды половинка, а коропська суща.

— Якъ піймаешъ!

— Въ умілого и долото рыбу ловить, добродію!

Такъ весело начиналось это любимѣйшее въ старые годы въ Малороссіи занятіе, представлявшее не то трудъ, не то отдыхъ, походившее скорѣе на праздничное торжество и манившее къ себѣ всякаго самымъ процессомъ своимъ, доставлявшимъ высокое, неизъяснимое наслажденіе. Молодицы весело брели по топкому дну пруда, ощущая всѣмъ тѣломъ прелесть утренней свѣжей ванны. Обѣ партіи ихъ какъ-бы соперничали другъ съ другомъ, расходясь все дальше; огромный неводъ давно погрузился въ воду; одна изъ молодицъ, придерживая слегка крыло, заносила „гузырь“ и наконецъ бросила его ко дну. Сотникъ зорько слѣдилъ, съ видомъ знатока и охотника, за движеніями бредущихъ, за направленіемъ крыльевъ, за охваченнымъ ими пространствомъ, за плескомъ мелкой рыбы, то тамъ, то здѣсь выбрасывавшейся изъ воды, приказывалъ заносить дальше „гузырь“, заходить глубже, расходиться дальше, не поднимать крыльевъ, не наклонять ихъ на бокъ, тянуть прямо по землѣ. Какъ вдохновенный дирижеръ, онъ знаками дополнялъ, чего не досказывалъ на словахъ, подмигивалъ, водилъ въ воздухѣ пальцемъ или всей рукой, и когда все пришло въ стройный порядокъ и машина плавно пошла въ ходъ, онъ быстро вскочилъ въ челнъ и обгоняя бредущихъ, сдержанно проговорилъ:

— Теперь-же идіть такъ—тихенько, рівненько, а я поіду до плаву, та звідтиля пажену, тамъ у лозахъ вона мошку хапае.

И онъ быстро, изо всѣхъ силъ, погналъ челнъ въ вершину пруда. Бьетъ болтомъ по водѣ, выгоняетъ рыбу на просторъ, колотитъ весломъ по кустамъ, по очерету... И опять командуетъ:

— Росходьтесь, росходьтесь ширше... тихенько, рівненько, та тамъ коло Кимликового саду выходьте! Ліве крыло вольно! Праве наддавай... тихо, тихо... праве шагу прибавляй—и поволі заходь... И опять: бовть, бовть... и опять команда: ліве крыло...

Въ это время выпрыгнулъ карась въ чертѣ невода, какъ-бы поддразнивая.

— Стой! стой! командуетъ сотникъ; заходьте справа пошибчѣе, пошибчѣе! Теперь разомъ! Выходьте скоріше, та держить неводъ при землі!..

Быстрыми движеніями стали молодицы неводъ собирать, выходя изъ воды; на крыльяхъ невода зардѣли тамъ и здѣсь золотистые караси. Огромный куль невода плавно выползалъ по мягкому илистому дну на берегъ; масса рыбы виднѣлась въ немъ, почивали покойно караси погруженные въ тину, а тѣ, что были ближе къ крыльямъ, почувствовавъ прикосновеніе воздуха, бились, трепетали, перепрыгивали съ мѣста на мѣсто.

— Збирай матню!.. Осторожно, осторожно! командовалъ Таранъ.

— Ухъ! крикнула, отскочивши, Гапка; такъ ударивъ въ груди, трохи не впала, моя матінько! Се той самый!..

— Ладно! не упусти, якъ тоді въ клуни! памятаешъ?

— Се-жъ не той, пане, вьюнъ... та ще моя доля не вмірала! весело отчеканила Гапка...

Наконецъ неводъ на сушѣ. Всѣ бросились выбирать уловъ, вытряхали *гузырь*, обирали съ крыльевъ мелкоту, ловили прыгавшихъ карасей и отбрасывали подальше на траву. Суета, шумъ, говоръ, смѣхъ...

На эту оживленную сцену любовно съ горы смотрѣла дочь сотника. Только что заплела она свои роскошныя косы и украсила свою головку макомъ, настурцями, кручеными панычами. Шитая заполочью рубаха, голубая корсетка шли, какъ нельзя лучше, къ ея бѣлому, свѣжему, какъ утренняя заря, личику и шелковистымъ блестящимъ волосамъ; алыя губы и щеки пламенѣли избыткомъ здоровой крови, стройная легкая фигура свѣтлой точкой рисовалась на окаймленномъ густымъ орѣшникомъ холмѣ, по сторонамъ котораго шли два другіе возвышенія, съ крутыми обрывами.

И по той бікъ гора,
И по сей бікъ гора;

А межъ тими гіронькамн
Ясная зоря!...

— А що, Гапусю, кликнула Галя Сотниківна, буде могорычь!...

— Буде, панночко, буде!...

— А ты, Галю, пришли Ясика зъ відрами, та скоріше: чуешъ! отозвался отецъ.

— Чую!... чую!... прозвенѣла Галя и какъ серна полетѣла съ горы, перегоняясь съ Дойдою, любимою собачкою.

Несли ведра, собирали рыбу, скатывали неводъ. Шли всѣ не съ пустыми руками, съ торжествующимъ видомъ, взбираясь гуськомъ по крутой горѣ, а дома, у колодца, по приказу Гали, вытягивали воду, наливали въ ночовки, на кухнѣ разводили огонь, готовили сковороды, горшки, масло, сметану. Принесли добычу; закипѣла новая работа: стали сортировать рыбу—ту варить, эту для сушки, другую на сковороду. Сотникъ самъ распоряжался, и молодицъ, по обыкновенію, не забылъ, а онѣ весело, съ шутками, съ прибаутками, развѣшивали неводъ на плетнѣ для просушки и сами переодѣвались въ сухое платье.

— А я черепаху вхопила въ руки, да якъ кину! думала, що ратиця.

— Та и наловили-жъ! Давно вже такого счастья не було.

— Э, якъ-бы не пенёкъ, то у Кимликового саду ще-бъ и більше попало!

Пошло „частованье“ и новыя прибаутки. Сотникъ подшучивалъ, подмигивалъ, молодицы цокотали.

— Се така смачна, боюсь, щобъ и языка не проковтнуть! прибавила Катерина, смакуючи водку.

— Не лишне-бъ було, отозвался панъ сотникъ, бо вінъ у тебе, якъ липовській дзвінъ!...

— Охъ, лишенько! може трошки голоснишій!

Галась, смѣхъ, общее веселье.

А между тѣмъ караси въ сметанѣ, производившіе соблазнительный трескъ на сковородѣ и обдававшіе всѣхъ раздражающимъ запахомъ, очутились уже на столѣ, покрытомъ „килимомъ“ самодѣльной работы, а сверху скатертью.

Сотникъ чувствовалъ себя въ надлежащемъ вкусѣ, весело усаживался за столъ и моргнувъ бровью по направленію карасей,

произнесъ: „ничого, зажилась голота коло болота!“ затѣмъ выпивъ звѣробоевки, накинулся на карасей съ тѣмъ аппетитомъ, который чувствуютъ люди рано встающіе и проводящіе утро въ механическомъ трудѣ на открытомъ воздухѣ.

Поѣвъ плотно и вполоснувъ зубы звѣробоевкою, сотникъ набожно помолился Богу, набилъ стамбулку самороднымъ виргинскимъ и отправился къ любимому своему мѣсту на „ганокъ“. Здѣсь въ пріятномъ кейфѣ онъ любовно наблюдалъ движеніе всей своей хозяйственной машины и заливался добродушнымъ смѣхомъ, глядя, какъ напр. шлепнется со всего размаху разбѣжавшаяся Оксана, не замѣтивъ подъ ногами у порога пекарни *Мурзу* или *Мамая*, или какъ телепокъ, вылизавъ подойникъ и вскинувъ его себѣ на голову, пойдетъ выдѣлывать съ нимъ пляску по двору. Но вотъ свинья *Рохля*, ставъ на задвія лапы, зубами прилаживается къ обрывку веревки, которымъ заперта калитка, чтобы сбросивъ оный съ верхушки столбика, пробраться въ огородъ. Сотникъ рявкнетъ: *а-гя!*,—стѣны задрожатъ и на другомъ концѣ двора пугливыя лошади шарахнутся и собьются въ кучку. „Розумна бестія! якъ собака зубами, або чоловікъ рукою. Такои еще въ насъ не було!“ скажетъ сотникъ, видимо довольный, что все въ домѣ трепещетъ его, и погрузится въ размышленія.

Въ то время, какъ панъ сотникъ, потонувъ въ размышленіи и продолжая пыхтѣть стамбулкою, не замѣчалъ ничего вокругъ себя, во дворѣ показалась чья-то дівчина; вооружившись длинною хворостиною и робко озираясь по сторонамъ, она тихо направлялась къ пекарнѣ, стараясь пробраться незамѣченною собаками.

Маневръ удался, дівчина въ пекарнѣ и привѣтствуетъ Стеху:

— Здорови були! съ сегоднишнимъ днемъ поздоровляю!

— Спасибі; сідайте!

— Хай усе добре сідае!

— Чи панъ сотникъ дома?

— Дома! А чого тобі?

— Та мени діло е! Чи можно до ихъ доступиться?

— Можно, иди прямо, онъ сидить на ганку.

— Проведить-же мене, бо я собакъ боюсь!

— Иди, я постою!... А ну, *Мурза!* не займай!

Главный отаманъ двора, изучившій нравъ своей благодѣтельницы Стехи, когда надо, былъ покоренъ ей, какъ ягненокъ. Дівчина прошла до пана сотника, низко кланяется и говоритъ:

— Я до вашои милости, добродію, діло маю.

— Почуемо!

— О така річь, паночку! Той Корній Заволока збезчестивъ мене; такъ, шануючи Бога и вашу честь, збавивъ мене, що стыдно сказать!...

Сотникъ моргнувъ бровью, слегка улыбнулся,—видно, хотѣлъ пошутить, но воздержался.

— Ну, и що-жъ?...

— Да такъ, якъ бачите, збезчестивъ, тай годі!

— Ахъ, вінъ бестіянській сынъ! Та я ёго... я-жъ ему... Не дурно ёму и призвище таке богомерзске—Заволока! Такъ вінъ тебе оце обезчестивъ? Гс, шкода, та вже не вернется. Що-жъ, заміжъ ты за ёго мабуть не підешь?

— Крый Мати Божа! съ негодованіемъ и какъ-бы обидой произнесла Гапка.

Но сотнику показалась уже какая-то неискренность въ ея голосѣ и движеніяхъ и онъ снова спросилъ:

— А певно за безчестье зъ ёго хочешь?

— Або-жъ то панъ каже дарувати? нѣсколько смѣло переспросила Гапка.

Сотникъ какъ будто призадумался, потянулъ раза два изъ стамбулки, сплюнулъ на бокъ и серьезнымъ тономъ обнадеживъ Гапку расправой съ озорникомъ и взысканіемъ съ него за безчестье, велѣлъ ей на утро явиться снова въ ранній обѣдъ, а лишь только она вышла, отдалъ Яцьку приказъ доставить къ нему на утро и Корнія Заволоку.

Полетѣла грозная вѣсть. Корній всю ночь не спалъ, въ ожиданіи грознаго суда пана сотника, а онъ шутить не любилъ,—это всѣ въ сотнѣ знали.

— Рано утромъ, какъ только солнышко взошло, еще не оправившись совсѣмъ отъ дремоты, послѣ короткой и смутной ночи, сот-

никъ, по обыкновенію, сидѣлъ уже на крыльцѣ и сосалъ свою стамбулку.

Корній Заволока съ поникшею головою ожидалъ въ сотниковской кухнѣ и млѣлъ душою.

— Чи можно доложитися до пана-сотника? робко спросилъ онъ Стеху.

Стеха, чѣмъ-то разсерженная, неохотно проговорила:

— Аже бачишъ, сидить давно вже на ганку.

Подходитъ Корній Заволока и низко кланяясь, съ невольнымъ страхомъ произноситъ:

— Я до вашои чести и милости, добродію.

— Знаю, знаю! Дакъ ты оце выдумавъ въ горохъ скакать!—важно произнесъ судья, возвысивъ надлежаще голосъ.—Дакъ ты смівъ оце дівчину безчестить! Отъ я тобі, бестіянській сыну... въ колоду велю тебе забить, да ще панотцеви скажу, що-бъ у дзвиныці въ куну тебе закувавъ, що бъ всі на тебе дивились, та памятали, що то значить дівчину збезчестить.

Корній голову повѣсилъ; сотникъ продолжалъ:

— Ахъ ты бестіянская невіжа! я-жъ тебе...

— Та вона, паночку такая... осмѣлился проговорить Корній.

— А хочъ-бы и такая, перебилъ его сотникъ.—Та ты знаешъ, якъ на улиці калюжа (лужа), то хиба добрый человікъ полізе въ калюжу? Аже-жъ добрый человікъ завше обійде собі стороною! А ты що здумавъ, собачій сынъ?! Щобъ ты мени завтра въ ранній обідъ, какъ есть, принісъ безчестья двадцять золотыхъ! И не думай собі! Ступай.

Пошелъ Заволока съ поникшею головою. Гдѣ то ихъ взять тѣхъ золотыхъ? думалъ онъ про себя, бредя вдоль плетня и оглядываясь на собакъ. И невольно пришли ему на мысль слова пѣсни:

А у мого двора
А ни току, ни кола,
Тільки кущъ калины
Да и тая суха!..

Сотникъ межъ тѣмъ отдавалъ своему Яцьку приказъ на утро, также въ ранній обѣдъ, доставить къ нему потерпѣвшую Ганку.

Самодовольная улыбка промелькнула при этомъ у него на лицѣ, правая бровь невольно къ верху поднялась, что у сотника всегда выражало мыслительную работу; онъ съ какою-то увѣренностію, но слегка стукнулъ рукой по столу; видимо его осѣнила какая-то счастливая мысль, относившаяся къ разбираемому теперь дѣлу и онъ мечталъ удивить своихъ подвластныхъ еще разъ справедливымъ и мудрымъ рѣшеніемъ. По, покончивъ съ этимъ, онъ снова обхватилъ губами коротенькій чубучекъ и началъ нескончаемый процессъ сосанія своего виргинскаго и перебиранья въ памяти разнообразныхъ причудливыхъ приключеній въ своей долгой и бурной жизни. По временамъ мелькалъ предъ нимъ образъ Гаркуши, подъ часъ слышалось, будто кто-то въ огородѣ, или гдѣ-то въ полѣ начинаетъ такъ близко задѣвавшую его, свѣже сложенную пѣсню...

На другой день, будто сговорившись, въ одно время, хотя съ разныхъ сторонъ, тянулись къ пану-сотнику Корній Заволока и Гапка Левадівна. Сотникъ, по обыкновенію, сидѣлъ на крыльцѣ, когда обѣ противныя стороны предстали къ нему на судъ. Взглянувъ на нихъ, онъ добродушно моргнулъ бровью и велѣлъ Гапкѣ подождать, а Корнія позвалъ въ горницу.

— Ну, а що гроши?—обратился онъ къ нему, когда тотъ переступилъ порогъ.

— Е, добродію!

— Ахъ, ты пеській сынъ!—не натурально какъ-то заворчалъ сотникъ, принимая деньги отъ Корнія. Розласувався на дівчатъ? Та ты такъ и всю сотню мени перепортишъ! и вся моя сотня сорому не оберется, и мени сотнику прийдется за тебе ледащого у сірка очей позычать!

— Змилуйтесь, добродію, даруйте мени сей разъ!—завопилъ Заволока. Не буду до віку, и десятому закажу!...

Ну, то-то десятому! Смотри мени... другій разъ не попадайся. Ступай, да подожди тамъ на пекарнѣ!

Вышелъ Заволока, едва ноги волоча. Раздался снова зычный голосъ пана сотника, требовавшій къ ставкѣ Гапку.

Входитъ Гапка, низко кланяясь, въ предчувствіи выигрыша. Сотникъ моргнулъ бровью, какъ-бы въ предзнаменованіе шутки; но воздержался и съ достоинствомъ произнесъ:

— На, отъ тобі двадцять золотыхъ за твою обиду. Теперь не посміе тебе тронуть; но смотри, береги и сама свою честь. Иди съ Богомъ!...

Ганка, внѣ себя отъ радости, живо прячетъ деньги за *пазуху*, кланяется сотнику въ поясъ, благодаритъ его въ самыхъ отборныхъ фразахъ: „спасибі вамъ, добродію! легко вамъ дыхать! Пошли вамъ, Господи, вікъ довгій, що вы за мене сироту заступились"!

— Ну, ну, иди съ Богомъ! торопилъ ее сотникъ и опять велѣлъ позвать къ себѣ Заволоку.

Входитъ Заволока съ поникшею головою, ожидая новой грозы; между тѣмъ Левадівна уже успѣла выйти за ворота сотницкаго двора.

— Ступай, безтыднику, скорѣе, крикнулъ Заволокѣ сотникъ, да отними у ней свои деньги; только смотри сейчасъ! Не отнимешъ, барбарами на пекарни будешъ битый. Живо!

Заволока стремглавъ бросился за Ганкою, и какъ только догналъ, сейчасъ прямо къ ней за пазуху.

— А, такъ ты знову до пазухи? крикнула Ганка и такъ толкнула парубка, что тотъ, какъ говорится, и другой стѣны досталъ.

— Постой-же! продолжала она; такъ ты такъ пошанувався, піду-жъ я пану сотнику роскажу, и мигомъ пустилась къ сотницкому крыльцу.

Сотникъ, видѣвшій все, что происходило, отъ удовольствія постукивалъ только своею стамбулкою о столбикъ и когда подлетѣла къ нему Ганка, выразительнѣе прежняго моргнулъ бровью, собираясь выслушать.

— Такъ отъ, добродію, начала она, якъ вінъ шануется! Що ему ваша, выбачайте, кара? Тільки я за двіръ, а вінъ за мною, та заразъ до пазухи, та трохи грошей не выдеръ.

— И щожъ отнявъ?

— Эге, отнявъ! Я якъ штурхнула ёго, то вінъ и тину доставъ.

— Ну, а тогді... чомъ-же ты не штурхнула ёго, якъ вінъ теечки, якъ ёго?!

Левадівна и глаза потупила.

— Ну, небого, давай-же назадъ гроши! Да впередъ не скачи, а то звелю пелену тобі підрізать, и голову дёгтемъ вымазать, та ще и пірья натыкать. Така тобі буде честь!...

Межъ тѣмъ подошелъ и Заволока и сталъ предъ сотникомъ, не зная, съ чего начать и что сказать.

А що однявъ?—спрашиваетъ сотникъ.

— Э, де вамъ, добродію! такъ мене пырхнула, що я й типу доставъ.

— Такій-же съ тебе козакъ! Тільки соромъ робишъ козакамъ. На тобі твои гроши, тай никому не признавайся, якъ козакувавъ, та памятай, якъ-то люди калюжу обходять...

— Спасибі, добродію, за науку!—сердечно произнесъ Заволока и, отвѣсивъ низкій поклонъ, тихо побрелъ со двора, а сконфуженная Гапка, не поклонившись и не сказавъ ни слова, раньше пролетѣла за ворота и изо всѣхъ силъ улепетывала домой.

Солнце высоко стояло на горизонтѣ, освѣщая и пригрѣвая трудящійся людъ. Въ мѣстечкѣ было пусто, на улицахъ ни одной души; точно все вымерло, или непріятель все населеніе угналъ въ полонъ. Всѣ способные къ работѣ, взрослые и подростки, давно работали на поляхъ и сѣножатяхъ; лишь кое-гдѣ, въ глубинѣ огородной зелени чуть виднѣлась голова козачки, невидимая рука которой вырывала сорную траву, или слышалось, какъ дівчина въ огородѣ тихо *Гриця* пѣла; на завалинахъ по мѣстамъ грѣлись на солнцѣ старые дѣды, вспоминая свою козачую славу, а подлѣ нихъ игралась босоногая надежда страны... Одинъ въ мѣстечкѣ человѣкъ, казалось, не былъ за работой; то былъ мѣстный дьячекъ. Онъ возвращался теперь съ утренняго *полегея*, не твердыми шагами бредя по улицѣ домой. Повстрѣчавшись съ Корніемъ, онъ съ обстоятельностію досужаго человѣка распросилъ его обо всемъ и когда узналъ о новомъ мудромъ рѣшеніи сотника, съ паѳосомъ воскликнулъ:

— Э! се нашъ, бачишь, украинській Соломонъ, якъ-то бувъ колись-то царь жидівській Соломонъ. Розумна голова! Де вже тому Бардакови та зъ нашимъ Тараномъ було рівняться?

И съ легкой руки дьячка утвердилось за сотникомъ смѣлянскимъ Тараномъ названіе украинскаго Соломона, и сохранилось оно за нимъ въ фамильномъ преданіи, какъ сохранилось имя его въ народной пѣснѣ, а въ дѣлахъ архивныхъ неясная молва о соучастіи его въ дикихъ подвигахъ Гаркуши.

Ст. фонъ-Носъ.

Иванъ Петровичъ Забѣла, знатный войсковой товарищъ.

(1665—1703 г.).

(Отрывки изъ семейнаго архива).

Петръ Михайловичъ Забѣла—администраторъ борзенскій. Пожалованіе маетностей. Дѣти отъ перваго брака. Вторая женитьба его на вдовѣ Семена Герцика. Дѣти отъ втораго брака. Завѣщанія П. М. Забѣлы, 1681 и 1686 г. Женитьба сына Ивана на дочери Борковскаго. Вліяніе Мазепы на семейную жизнь старшины.

1.

Генеральный обозный Петръ Михайловичъ Забѣла, родоначальникъ этой фамиліи, во время войны Хмельницкаго за освобожденіе, былъ польскимъ „администраторомъ" борзенскаго повѣта. Перейдя на сторону козаковъ, онъ назначенъ былъ сотникомъ въ Борзнуже, и кромѣ того, за эту заслугу Забѣлы, царь далъ ему пять селъ около Кролевца: „пожаловали есмя нашего царскаго величества войска запорожскаго борзенскаго сотника Петра Забѣлу и потомковъ его, что въ нынѣшнемъ, въ 169 году, билъ челомъ намъ онъ, Петръ,—въ прошломъ де въ 164 г. (1656) дано ему Петру наше жалованье, за ево къ намъ многую службу, въ маетность, въ борзенскомъ повѣтѣ, пана Вышлева, с. Обтовъ, да с. Ревутинцы, да с. Лучники и Погорѣловка, да с. Клишки, да на рецѣ Ретѣ мелниця и рудня; и на тѣ де села и на мелницы дана была ему жалованная грамота — и та де грамота въ Борзнѣ, въ него, Петра, згорѣла и намъ бы, великому государю, его, Петра Забѣлу, пожаловати и велѣть ему дати на тѣ ево маетности иную жалованную грамоту".

Въ войсковой службѣ Петръ Забѣла постепенно занималъ уряды—борзенскаго сотника, генеральнаго судьи и наконецъ выс-

шій урядъ въ войскѣ генеральнаго обознаго; послѣдній урядъ онъ сложилъ себя въ 1687 г., будучи стосемилѣтнимъ старцемъ [1]). Повидимому Петръ Михайловичъ имѣлъ притязаніе и на булаву; по-крайней мѣрѣ, интригу противъ неповиннаго Перевязки-Многогрѣшнаго (1672 г.) велъ главнымъ образомъ Забѣла, продолжая его преслѣдовать и по лишеніи гетманства [2]). Естественнымъ преемникомъ Многогрѣшнаго, Забѣла, какъ старшій урядникъ войска, считалъ себя; но хитрый Поповичъ [3]) булаву перехватилъ.

Петръ Михайловичъ женатъ былъ два раза; первая жена его умерла еще при Брюховецкомъ, оставивъ ему четырехъ сыновей: Ивана, Тараса, Степана, и Василія, которые въ это время занимали уже видные уряды: Тарасъ—сотника борзенскаго, Степанъ—полковника нѣжинскаго, а Василій—генеральнаго хорунжаго; старшій, Иванъ, убитъ былъ въ извѣстномъ чигиринскомъ походѣ. Оставшись восьмидесятилѣтнимъ вдовцемъ, Петръ Михайловичъ, какъ видно, скучалъ своимъ вдовствомъ и задумалъ жениться; для этого онъ выбралъ было себѣ вдову одного изъ сподвижниковъ Хмельницкаго, Ивана Искры, мать извѣстнаго полтавскаго полковника, казненнаго вмѣстѣ съ Кочубеемъ; поѣхавъ свататься въ Полтаву, Забѣла сталъ здѣсь квартирою у вдовы выкрещеннаго еврея Герцика, Агафьи; и когда Искриха, расказываетъ современникъ, „замужъ пойти не захотѣла, постановивши себѣ до смерти вдовою быти, тогда Забѣла взялъ за себя Герцичку“. Видно, Забѣла разъ рѣшившись жениться, не хотѣлъ возвращаться домой безъ жены: новая его жена уже по одному замужеству своему съ Герцикомъ никакъ не подходила въ жены генеральному обозному; да и бѣдна она была такъ, что сынъ ея отъ Герцика, Павелъ, въ это время торговалъ на полтавскомъ базарѣ иголками и шпильками [4]).

---

[1]) По показанію родословія Забѣлъ, Петръ Михайловичъ родился въ 1580 г.

[2]) Письма Забѣлы по этому дѣлу къ царю хранятся въ моск. арх. мин. ин. дѣлъ, 1672 г., №№ 230—33, 239, 242, 250—51.

[3]) Самойловичъ въ народѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ Поповича (сынъ красноколядинскаго священника Самойла) и Самойловичемъ его звали только въ офиціальныхъ бумагахъ; такъ точно и Многогрѣшный извѣстенъ былъ въ народѣ подъ прозвищемъ Перевязки, а иногда просто Демка.

[4]) Чтенія въ моск. общ. ист. и др., 1859, I, 146.

Но случайная жена удалась старому вдовцу, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ завѣщаніяхъ; она родила ему дочь Ѳедору и сына Ивана (род. около 1665 г.), которые, какъ зачастую это бываетъ, стали отцу самыми дорогими дѣтьми.

Въ 1679 г. столѣтній Забѣла въ первый разъ надумался написать завѣщаніе да и то будучи гдѣ то на походѣ; впрочемъ по этому первому завѣщанію Петръ Михайловичъ одѣлилъ только старшаго своего сына, Тараса, назначивъ ему с. Лучники и „млинъ" на р. Есманѣ. Впослѣдствіи онъ написалъ другое, тоже не полное, завѣщаніе; и только въ 1681 г. распредѣлилъ межъ дѣтьми окончательно свое имущество. Завѣщаніе это приводимъ подлинникомъ.

„Во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь. Кгды найвышшій Судія живыхъ и мертвыхъ Сынъ Божій, оразъ и человѣчій (sic), рачитъ насъ упоминати о невѣдомость годины смерти нашой, абысмо на кождый часъ чуйними были, молячися ему уставичне и жебысмо могли зъ лѣпшимъ сумленемъ стати предъ судомъ Божіимъ: за таковымъ теды напоминанемъ, я, Петро Михайловичъ Забѣла, обозній войска его царского пресвѣтлого величества запорозкого енералній, ажъ колвекъ будучи подейшлимъ въ старости лѣтъ моихъ и хоробою отъ Господа Бога обнятій на тѣлѣ, еднакъ на умыслѣ моемъ зостаючи здоровимъ, и о вшемъ зъ добримъ розмышлянемъ всѣхъ приятелей моихъ, о маетности моей рухомой и нерухомой, котрую мнѣ Господь Богъ, з ласки своей, презъ вѣрную великому государю услугу и всему войску запорозкому, узичити и даровати рачилъ, хотячи постановенемъ учинити, памятуючи на тое, абы мене въ сей хоробѣ, въ которой теперь зостаю, албо у войску, кгды мя Господь воздвигнетъ, на службѣ великого государя, на которую я завше при боку ясневелможного его милости пана Іоана Самойловича, гетмана войска его царского пресвѣтлого величества запорозкого, виправуюся и на смерть иду, тая-жъ неужитая, якъ зсохшое смоковницы, не посѣкла; теды сихъ двойга дѣтей моихъ зъ маткою ихъ на отправе зоставуючи, тотъ мой тестаментъ въ той списую способъ. Напродъ, учтивой малжонце моей Агафіи, для ея противко мене милости и услугованія, не роздѣлне зъ синомъ моимъ Ивахномъ и доркою Ѳедорою, щосмо набыли працею нашею, то есть готовіе гроши, срѣбро, цѣнь, мѣдь, охендозтво

бѣлоголовское (*женскія одежды — ochędostwo*), што есть шати (одежда—szata) и вшелякое ношене, то все при малжонце моей, подлугъ тестаменту отъ мене ей данного, мѣеть зоставати. Кгдыжъ-бо вѣмъ по знесеню Бруховецкого, нѣ з чимъ зоставшися, вийшовши зъ Борзни, тое все працею нашею зъ малжонкою моею набылисмо. До того село Обтовъ зъ дворцемъ такимъ, зъ якимъ самъ одъ его царского пресвѣтлого величества и всего войска запорозкого (о)держалемъ, провентами, людми и зо всѣми повинностями подданичими, кгрунтами, полями, засѣвами, сѣножатми и лѣсами, до него належитими. Другое село Клишки зъ провѣянами, людми и зо всѣми повинностями подданичими и зъ двома млинами, стоячими на рицѣ Осотѣ, въ которихъ каменей мучнихъ чтири, а двѣ ступнихъ, до того и Харченкова млина половина, на кгрунтѣ моемъ, на то есть и писмо; млинъ въ Обтове, на рецѣ Ретѣ, зъ двома колами, у Ивана меншаго Тишченка за мои власніе гроши купленній; другій млинъ на той-же рецѣ, зъ двома колами мучними, а третимъ ступнимъ и фалюшами, у старшого Тишченка Ивана и Бѣлоуса, тожъ за гроши мои купленій; на той-же рецѣ млинъ Пархомовъ и Михайловъ нижей, зъ двома колами и фалюшами, тамже въ селѣ Обтове, млинъ Ивана Безверхаго, на рецѣ Мазирцѣ; млинъ на рецѣ Есмани своимъ коштомъ на греблѣ занятой и збудованій, зъ двома колами и фалюшами; такъ-же и село Погорѣловку, въ которомъ дворовъ двадцять, зъ кгрунтами и озерами. До того дворъ въ Батуринѣ [1]), тожъ дворовъ два въ Коропѣ, единъ въ мѣстѣ, а другій на предмѣстю Боровомъ; тамже и броваръ (*пивоварня*) належитий отказую. При томъ коней, быдла, овецъ, свиней, все отъ мала до велика, Агафіи жонѣ моей и Ивасеви, сынови моему, зъ Ѳедорою, милимъ дѣткамъ моимъ, нероздѣлне отказую и отписую. А любо зъ першою жоною моею сложенніи едни дѣти на отправѣ (*выдѣлены*) суть, меновите Тарасъ, Стефанъ, Василь, и що имъ належало, то есть домн,

---

[1]) Въ купчей 1671 г., сохранившейся въ архивѣ, значится: «Солоха Евхимиха Гречаничка, зъ синами своими Романомъ и Василемъ, дворъ свой жидовскій, стоячій въ ринку батуринскомъ, на рогу улицы пробитой, межею одъ двора Ляшинскаго, которій теперь остался Ярмолѣ, продали урожоному его милости пану Петровѣ Михайловичу Забѣлѣ, обозному специалному, за сумму певную копъ пятдесятъ».

кгрунта, поля, сѣножати, лѣси, займища, конѣ, быдла, всякіе шати, гроши готовіі, сребро, цѣнь, мѣдь, поотдавалемъ; еднакъ якося нижей положитъ, еще маетности причиняю и тиемъ сынамъ моимъ; напродъ Тарасови—готовихъ грошей золотихъ пятсотъ и млинъ на рецѣ Есмани, где бувала рудня; Стефанови—Лучники, готовихъ грошей золотихъ тысячу; Василеви—село Ревутинцѣ, зъ провентомъ, людми и зо всѣми повинностями подданничими, и зъ двома млинами на рецѣ Ретѣ, въ которихъ колѣсъ три, а четвертое ступное; а то если въ тимъ будетъ ласка его царского пресвѣтлого величества и ясневелможного его милости пана гетмана. Прето варую пилно того, абы тіе добра всѣ Агафіа, малжонка моя, нероздѣлне зъ дѣтками моими, Ивахномъ и Ѳедорою, спокойне уживала и оними диспоновала до смерти своей; а при конци живота своего волно будетъ всѣ тіе добра, яко свои власніе, роспоряжаючи дѣтей своихъ, котрому хотячи, нехто иншій, тылко она сама, яко матка ближшая до дѣтей своихъ, отъ себе лекговати, отдати и записати. А если-бы мѣла впродь матка дѣтей постигнути смерть (чого не зичу), теды также нехай будетъ волно Агафіи, малжонце моей всѣ тіе добра, вижей менованніе и въ тимъ тестаментѣ вираженніе, яко сполне зъ дѣтками нашими до уживаня вижей подалемъ, такъ и по смерти сихъ-же дѣтей нашихъ двойга спокойне уживати ажъ до смерти своей, кромѣ вшелякой перешкоды и ретрузіи отъ сыновъ моихъ, зъ першою женою моею сложенихъ, бо южъ сынове мои старшіи мимо поданіе добра свои, до тихъ добръ видѣленихъ реченой малжонце моей Агафіи и дѣтемъ еи, тикатися и вспоминати и жаднимъ правомъ доходити не могутъ и мочи не будутъ вѣчними часи; еднакъ-же имъ всѣмъ варуючи мѣти, и того хочу, абы тую остатную волю мою отцевскую ажъ по смерти моей полнячи, въ тотъ часъ всѣми тыми добрами кождий собѣ належитимъ завладѣлъ и ку своему пожиткови отобралъ. А теперъ еще собѣ заховую моцъ и панство, поки буду живъ, коли колвекъ буду хотѣвъ, тотъ мой тестаментъ уняти и причинити такъ на милосердніе учинки, то есть церквамъ Божіимъ, шпиталемъ, яко и предреченнимъ дѣтемъ, ведлугъ моего уподобаня. А кгды не поспѣю презъ декретъ Божій, тогды повинна будетъ жона моя и дѣти, все што належитъ до милосердныхъ учинковъ, на церкви и дорожоніе поминки и сорокоуста до трохъ церквей дати и отдавши,

отправити. Которій то тестаментъ мой нынѣшній, свѣдителми моими, съ подписомъ ихъ власнихъ рукъ и при звиклой моей печати, отъ мене упрошоними, для лѣпшой ваги потвержаю. А хто-бы важился его, такъ зъ дѣтей моихъ первное жони, яко зъ далекихъ и близкихъ покревнихъ моихъ касовати и аянѣгиліовати, таковаго кождого позивати буду на страшній и нелицемѣрній судъ Христа Бога нашего и ставши предъ справедливымъ судіею, будуся судити зъ таковимже посполу. Въ остатку и того пилно жадаю и прошу, абы тотже мой тестаментъ въ потомніе часы, у кождого суду и права, такъ духовного, яко и свѣцкого, и на вшелякомъ мѣсцу, безъ нарушеня найменшое части, за моцній былъ захованъ, подъ мандатомъ самого-жъ справедливого Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа, предъ которимъ всѣмъ намъ подобаетъ явитись и стати. Дѣялося въ Коропове, року 1681, іануаріа, 21 дня" [1]).

Назначая по этому завѣщанію бо́льшую часть имѣній женѣ и меньшимъ дѣтямъ, — въ дѣйствительности одному сыну Ивану, — обозный выказывалъ явное предпочтеніе къ послѣднимъ; но юридически онъ былъ правъ, такъ какъ по литовскому статуту онъ могъ „именья чрезъ него самого набытые записать, кому хотечи, подлугъ доброе воли своее"; поэтому старшимъ сыновьямъ оставалось подписаться на завѣщаніи, какъ хотѣлъ отецъ, что всѣ они „зостаютъ на волѣ отцевской". Предпочтеніе къ меньшимъ дѣтямъ еще болѣе выразилось по смерти ихъ матери, когда завѣщаніе 1681 г. нужно было измѣнить. Новый тестаментъ былъ написанъ въ 1686 г., и вотъ что говоритъ въ немъ старый обозный:

„Поневажъ каждая речъ, которая не бываетъ писмомъ обварована и ограничона, зъ памяти людской завше сплываетъ и въ запамятане приходитъ. Якожъ и самъ Господь нашъ Ісусъ Христосъ, правдивый Сынъ Божій, рачитъ насъ всѣхъ упоминати, абысмо на кождый

---

[1]) Завѣщаніе свидѣтелями однакожъ не подписано; подписались на немъ только старшіе сыновья: «Тарасъ Петровичъ Забѣла руку свою подписую и печать приложилъ, на волѣ отцевской зостаючи, абы напотимъ турбаціи....» — «Стефанъ Забѣла до сего тестаменту руку свою и печать приложилъ и турбація одъ мене жадной не буде, тимъ квитую по смерти...» — «Василій Петровичъ Забѣла руку свою подписалъ, на волѣ отцевской зостаючи».

часъ чули и памятали на смерть, молячися ему завше, абысмо могли, якъ зъ найлѣпшимъ сумненемъ стати предъ судомъ его бозкимъ; за которимъ теды напомненемъ я, Петро Михайловичъ Забѣла, обозный войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого енералный, видячи себе въ глубости лѣтъ моихъ, презъ которія цале будучи въ силѣ южъ ослабѣлымъ и ближшимъ до смерти, анѣжели живота; которой смерти, що часъ и година, сподѣваючися и боячися того, бы мя неготоваго тая неужитая смерть, яко неплодной смоковницы не посѣкла, теды по смерти малжонки моей Агафіи, сихъ двойга дѣтей моихъ, Іоана сина и Ѳедору цорку, умислилемъ симъ южъ остатнимъ моимъ тестаментомъ росправити, абы по смерти моей межи оными жадныхъ не было ростирковъ и посваровъ, которій сей мой тестаментъ остатній въ таковий списую способъ. Напродъ Ѳедори, цорце моей, зъ мужемъ еи Василіемъ, а зятемъ моимъ, которая любо еще за живота матки своей въ станъ малженскій есть выдана и выпосажена, такъ охендоствомъ бѣлоголовскимъ, то есть шатами, срѣбромъ, цѣню, мѣдю и готовыми грошми, еднакъ и еще той-же причиняю зъ милости своей отцевской, которой лекгую дворъ въ Батуринѣ зъ пляцомъ и будинкомъ, млинъ горѣшній на рецѣ Рети, за власныи мои гроши купленый, которій южъ отдалемъ имъ въ держаня; другій млинъ ажъ по смерти моей онымъ-же обецую, коней чтиридесятъ, зъ которихъ южъ десять и отобрали, овецъ сто, свиней сто и иншіе зась всѣ добра мои, такъ двори въ мѣстѣ Коропѣ, зъ броваромъ, казаномъ и посудками приналежитыми, яко и въ селахъ двори зъ винницями и всѣми кгрунтами, огородами, лѣсами, полями пахарными и пасѣками, озерами, которіи я всѣ покупилемъ за власные гроши мои, яко тежъ и рухомые добра, гроши, срѣбро, цѣни, мѣдь, шаты, кони, товаръ, овцы и млины всѣ, кромѣ зятевыхъ, що лекговалемъ ему, а то всѣ за власные мои гроши куплены, и што колвекъ есть, все Иванови, синови моему, симъ тестаментомъ моимъ остатнимъ лекгую, абы онъ спокойне въ своемъ держаню мѣлъ и жадной трудности и пренагабованя такъ отъ першой жоны моей дѣтей не поносилъ, яко отъ цорки Ѳедоры и всѣхъ кревныхъ моихъ; которий то тестаментъ мой нынѣшній свѣдителми моими, съ подписомъ ихъ власныхъ рукъ и при звыклой моей печати, отъ мене упрошоными, для лѣпшой ваги потвержаю; а хто-бы важился его, такъ

зъ дѣтей моихъ першой жоны, яко зъ далекихъ и близкихъ покревныхъ моихъ касовати и аннѣгиліовати, такового каждого позывати буду на страшный и нелицемѣрный судъ Христа Бога нашего и ставши предъ справедливымъ судіею, будуся судити зъ таковымъ посполу. Въ остатку и того пилно жадаю и прошу, абы тотъ-же мой тестаментъ въ потомные часы, въ кождого суду и права, такъ духовного, яко и свѣцкого, и на вшелякомъ мѣсцу, безъ нарушеня найменшой части, за моцный былъ захованъ, подъ мандатомъ самого справедливого Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа, предъ которимъ всѣмъ намъ подобаетъ явитися и стати. Дѣялося въ Коропѣ, року 1686, генвара въ день 19 [1]).

Послѣднимъ завѣщаніемъ Петръ Михайловичъ окончательно устроилъ будущность любимѣйшаго своего сына. Въ завѣщаніи говорится между прочимъ, что въ это время дочь Оедора выдана уже была замужъ за Василія; Василій этотъ былъ сынъ нѣжинскаго полковника Якова Жураховскаго; въ это время онъ былъ сотникомъ Ямпольской сотни, а въ послѣдствіи занималъ урядъ генеральнаго есаульства и владѣлъ богатыми маетностями въ глуховскомъ уѣздѣ [2]). Старому обозному оставалось еще женить своего Ивася, который, какъ увидимъ, давно уже „розмышлялся своею склонностью до дому“ Василія Борковскаго, преемника своего отца по уряду. Высватать дочь Борковскаго Анну поручено было брату жениха Степану Петровичу, которому новый обозный на это сватовство отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

„Мосцѣ пане полковнику нѣжинскій, мнѣ велце мосцѣ пане и приятелю. Любо не помалу отраженый былемъ тими доношеними мнѣ за певне повѣстми, ижъ якобы панъ Іванъ, рожоний вашмости пана, розмишлялся з своею до дому моего склонностю; лечъ кгды поновляенъ

---

[1]) Подписанъ: «Петро Михайловичъ Забѣла обозный войсковый сперальный. Тихонъ Довкгела, сотникъ короповскій. Ѳедоръ Ворожбитъ, атаманъ городовый. Іванъ Кичкирувскій. Василь Мануйловичъ, войтъ. Леонтій и Оникій, бурмистри короповскіи». Всѣ эти подписи сдѣланы однимъ и тѣмъ-же лицомъ, что между прочимъ рождаетъ вопросъ: умѣлъ-ли Забѣла писать? ни на одномъ актѣ мы не видѣли собственноручной его подписи, которая замѣняется приложеніемъ его печати, какъ и на этомъ тестаментѣ.

[2]) Обозрѣніе Гуляиц. Описи, 287 и 346.

вм. панъ самого его милости пана родича своего неотмѣнную волю и умыслъ, з якимъ мнѣ покилка кротъ освѣдчался, еднаючи пану сынови своему доживотную в дому моемъ пріязнь, а цѣлую и нерозмислную потвержати рачишъ пана рожоного певную до того склонность. Зычачи из мѣсца своего, по волѣ и диспозиціи всеправуючого Бога, злученя нерозерваного приязнѣ домовъ нашихъ, теды яко первѣй не отмовляемъ, поважаючи старожитность и годность значную заслугами в отчизнѣ дому вашого; такъ и теперь повторяю неотмовность мою и, по звиклости в таковомъ дѣлѣ до повзятя початкового приязного контракту, радъ оглядати въ дому моемъ безоткладную бытность, хочъ-бы къ сей близко наступуючой неделѣ присланыхъ людей, а найбарзѣй того прагну и по любовной вмти пана склонности, витягаю, жебысь самъ, а при собѣ якихъ розумѣючи людей заживши и ясневелможного его мил. пана гетмана, добродѣя общого, о тое доложившися, прибыти рачилъ в домъ мой, якобы тимъ и кгрунтовнѣй и достатечнѣй вшелякое до предсявзятой приязни и о терминѣ справованя веселного акту учинилисми зъ собою постановленье. Тимъ кончачи и неотмовную приязнь мою декляруючи, зостаю вмти пану зычливий всего добра приятель и радъ служити. Василий Борковскій, обозный войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого енералный. О незабвенний отвѣтъ на сей мой листъ прошу вашей милости мосцѣ пана. Зъ Чернѣгова. 23 октоврія 1687 г."

Въ этомъ письмѣ особенно замѣчательно напоминаніе Борковскаго о необходимости получить согласіе на предполагаемый бракъ отъ его милости пана гетмана; фраза эта показываетъ, какъ скоро Мазепа съумѣлъ поставить старшину въ полную свою зависимость; гетманомъ онъ выбранъ въ іюлѣ этого года (1687), а въ октябрѣ Борковскій, которому Мазепа не мало обязанъ былъ за булаву, считаетъ необходимымъ „доложиться" ему о дѣлѣ совершенно частномъ, семейномъ. И это не былъ какой-нибудь исключительный случай: Кочубей разсказываетъ, что посватавъ свою дочь за Чуйкевича, онъ ходилъ съ отцомъ жениха къ Мазепѣ „и просили есмо себѣ у его милости на тое позволенья [1])".

---

[1]) Чтенія въ моск. общ. ист. и др., 1859 г. I, 100.

И Забѣла и Борковскій — оба были настолько заслуженные урядники въ „войскѣ", что не могли встрѣтить у гетмана препятствія, и молодой Иванъ Петровичъ повѣнчанъ былъ съ Анною Васильевною, въ Черниговѣ, гдѣ жили Борковскіе. Женитьба эта была очень выгодная, какъ по положенію тестя въ тогдашнемъ обществѣ, такъ и по его богатству. Сохранилось преданіе, что, по низложеніи Самойловича, Голицынъ предлагалъ Борковскому булаву за 10 т. рублей, но обозный по скупости отказался, а Мазепа, купившій эту булаву, взялъ для этого деньги у Борковскаго-же.

2.

Смерть П. М. Забѣлы. Письмо Борковскаго къ зятю по этому случаю. Хозяйство И. П. Забѣлы. Покупка водяныхъ мельницъ П. М. Забѣлою въ Обтовѣ, у своихъ «подданныхъ». Стоимость мельницъ. Отобраніе у И. П. Забѣлы с. Кляшекъ Мазепою; его оправданія и обѣщанія. Письма о возвращеніи Кляшекъ: Ст. П. Забѣлы, Лукьяновича, Вас. Кочубея и самаго И. П. Забѣлы. Взятка Мазепѣ.

Устроивъ „милыхъ" своихъ дѣтей, старый Забѣла въ 1689 г., умеръ и похороненъ въ сосѣднемъ къ Обтову рыхловскомъ монастырѣ. Тесть Ивана Петровича въ это время былъ въ крымскомъ походѣ съ Голицынымъ, гдѣ узнавъ о смерти свата, писалъ своему зятю:

„Поневажъ Господь Богъ изволивъ приняти милого родича вашого душу до вѣчной хвалы своей, а тѣло его землѣ предати, теды зъ тыхъ вы мѣръ фрасунку (скорби) до головы своей не припускаючи и бынаймнѣй не журачися, чинѣте за душу его ялмужну, сорокоустами Господа Бога за его молѣте. А мы васъ отцевскою упевняемъ ласкою нашою, же яко теперъ, такъ и впередъ отцемъ вамъ обецуемъ бути; тылко вы пристойне справуючися, нѣкуда на мѣстца непотребные не ходѣте, але въ дому день и ночь найдуючися, пилнуйте господарства, якобы оному (ховай Боже за якимъ недозоромъ вашимъ) не сталъ ущербокъ якый. А такъ и повторе васъ о пилность господарства отцевско упоминаючи, Господу Богу въ сохраненіе всѣхъ васъ домашныхъ поручаемъ. Зъ табору надъ Татаркою, априля 22, року 1689. Василий Борковскій, обозный войска енералный.

Совѣты тестя были, кажется, излишни. Иванъ Петровичъ, противъ обычая, не занималъ въ войскѣ никакихъ урядовъ, считался только „знатнымъ войсковымъ товарищемъ"; по смерти отца, онъ окончательно обсѣлся въ Обтовѣ и кромѣ хозяйства, другой дѣятельности у него и не было. А хозяйство у молодаго Забѣлы было достаточное: мы видѣли уже, что отецъ ему оставилъ три села, Обтовъ, Клишки и Погорѣловку; это были сами по себѣ богатыя маетности, какъ находившіяся вблизи торговаго мѣстечка Коропа, которыя старый Забѣла устроилъ еще покупкою нѣсколькихъ водяныхъ мельницъ. Въ малороссійскомъ хозяйствѣ XVII—XVIII в., по дешевизнѣ хлѣба, на первомъ мѣстѣ стояло винокуреніе, бывшее главнымъ источникомъ доходовъ [1]). Но для винокуренія одного хлѣба было еще мало; нужны были мельницы водяныя для безостановочнаго добыванія муки. Поэтому въ старой Малороссіи водяныя мельницы были особенно цѣнною принадлежностью маетностей. И вотъ старый Забѣла, переселившись изъ Борзны въ Обтовъ, прежде всего позаботился о заведеніи въ немъ достаточнаго количества мельницъ; для этого онъ сталъ скупать водяные „млины" по р. Ретѣ, при которой расположенъ былъ Обтовъ. Назовемъ эти пріобрѣтенія, по сохранившимся купчимъ, чтобы показать, отъ кого и какъ пріобрѣтались малороссійскими „державцами" этого рода собственность.

1. 1674 г. Иванъ Тишченко, житель обтовскій державы пана Петра Михайловича Забѣлы, продалъ на вѣчность, непорушно, млинъ, стоячій по близу села Обтова, на р. Ретѣ, камень единъ, ничого въ немъ собѣ самому, малжонцѣ, дѣтямъ и братомъ рожонымъ, отцу Леонтію, священнику обтовскому и Ивану, меншому брату, не зоставуючи, а продалъ славетному его милости пану Петру Михайлавичу Забѣлѣ, обозному енералному за певную сумму личбы полской, золотыхъ чтириста безъ двадцяти (золотой—20 к.).

2. 1674 г. Семенъ Бѣлоусъ, житель кролевецкій, „продалъ млинъ свой власный, стоячій на р. Ретѣ, поблизу с. Обтова, славетному его милости пану Петру Михайловичу Забѣлѣ, обозному енералному, державци того

---

[1]) О развитіи винокуренія въ Малороссіи XVII в. Акты зап. Россіи, V, 190, 218 и 246.

села, за сумму личбы полское, золотыхъ чотириста безъ двадцяти, въ вѣчистую поссесію и державу".

3. 1675 г. Иванъ Тишченко меншій, сожитель обтовскій, продалъ млинъ половинній зъ Яскомъ, того-жъ млина мельникомъ, и дворъ съ полемъ и сѣножатми, за сумму певную готовыхъ грошей, за пултретяста золотыхъ (250), его милости пану П. М. Забѣлѣ, во всемъ половину, т. е. камень единъ съ Яскомъ мелникомъ подаю, хотя-жъ и не мянуючи въ томъ млинѣ каменя, чи передній, чили задній; тилько жъ тое варую, же въ томъ млинѣ, ведлугъ давного фундушу еще небожчика Тишка, отцеви моему поданого съ тимъ Яскомъ мелникомъ, мастъ его милость завше ровную часть держати.

4. 1677 г. Яско Станиславенко, обыватель обтовскій, продалъ половину млина своего на р. Ретѣ его милости пану П. М. Забѣлѣ, за сумму золотыхъ двѣсте и двадцять.

5. 1681 г. Иванъ Безвершенко, житель обтовскій, млинъ свой, стоячій въ Обтовѣ, на р. Мозырцѣ, съ ступами и фалюшами (сукновальнями) и до него со всѣми грунтами, нивами и цѣлинами, сѣножатми и займищами, продалъ пану П. М. Забѣлѣ, пану своему, за певную сумму за золотыхъ шестсотъ.

6. 1684 г. Иванъ Безвершенко, житель обтовскій, млинъ ниже Обтова, на р. Ретѣ, въ Кулешовцѣ (должно быть Кунашовцѣ) маючи по половинѣ съ Пархомихою, свою часть продалъ его милости пану П. М. Забѣлѣ, обозному енералному, за готовую сумму литовской монеты золотыхъ чтириста.

7. 1681 г. Марья Кунахова Пархомиха, съ сыномъ своимъ, продала еденъ камень мучный съ двома ступами просяными, съ еднимъ гнѣздомъ суконнимъ, въ млинѣ ниже Обтова на Кунашовцѣ, на р. Ретѣ, а до того млина всѣ належачіе, яко то пляцъ съ всѣми будинками, гумно изъ овиною и городомъ, лѣсомъ и съ сѣножатью и займище березнякъ, окопанное, пану П. М. Забѣлѣ, за сумму золотыхъ полпятаста (450)".

Изъ этихъ отрывковъ видно, что водяныя мельницы П. Забѣла скупалъ систематически и въ 14 лѣтъ скупилъ едва-ли не всѣ, существовавшія въ Обтовѣ, заплативъ за пять мельницъ съ семью камнями (иначе „колами", т. е. поставами) и съ принадлежавшими къ

мельницамъ землями 2680 золотыхъ, т. е. 536 рублей. Всѣ покупки сдѣланы были у „жителей“ Обтова, т. е. у посполитыхъ крестьянъ, бывшихъ тѣмъ самимъ „подданными“ Забѣлы [1]); въ концѣ XVII в. отношенія державцевъ къ крестьянству были такъ еще мало опредѣлены временемъ, что Забѣла, не смотря на всю свою силу, по его уряду, смотрѣлъ на нихъ, какъ собственниковъ той земли, на которой они жили. Такія отношенія державцевъ къ крестьянамъ измѣнились затѣмъ очень скоро.

Мы видѣли уже, что старый Забѣла обдѣлилъ старшихъ своихъ сыновей. Второй изъ нихъ Степанъ, нѣжинскій полковникъ, во время смерти отца, былъ въ крымскомъ походѣ, который кончился постыднымъ отступленіемъ отъ Перекопа, готоваго уже сдаться. Неудовольствія, возникшія въ козацкомъ войскѣ изъ-за этого отступленія, Мазепа уладилъ только своею ловкостью: онъ повезъ старшину въ Москву за „милостями“. Здѣсь Степанъ Забѣла сталъ просить у Мазепы отобрать для него у младшаго брата с. Клишки. Мазепѣ Степанъ Забѣла, какъ полковникъ одного изъ важнѣйшихъ полковъ (Батуринъ былъ въ нѣжинскомъ полку), былъ гораздо нужнѣе обтовскаго домосѣда, и Клишки были отданы Степану. Узнавъ объ этомъ тогда-же, Иванъ Забѣла поѣхалъ самъ въ Москву и подалъ здѣсь царямъ челобитную, такъ какъ Клишки пожалованы были Петру Забѣлѣ царскою грамотою и поэтому гетманъ не имѣлъ уже никакого права на распоряженіе „грамотною“ маетностью. Клишки велѣно было возвратить Ивану Петровичу. Тогда, какъ разсказываетъ сынъ послѣдняго, Мазепа „хитростію своею призвавши отца моего, сказалъ, же нужда мнѣ чинится; не съ умыслу взялъ и отдалъ Степану; што мушу дать еще и больше и лишне, только абы не наприкрался и въ дѣлахъ препятія ніякого не чинилъ; а до того предложилъ, же я тутъ невольникъ, на столицѣ, а на Украйнѣ моя воля буде“. Послѣ этого Иванъ Петровичъ болѣе пятнадцати лѣтъ хлопоталъ о Клишкахъ, не теряя надежды получить ихъ обратно, какъ видно изъ переписки его по этому поводу съ братомъ Степаномъ, Мазепою и его приближенными.

---

[1]) Въ юридическихъ актахъ малороссійскіе крестьяне никогда почти не указывали на свое сословіе, называясь, за весьма рѣдкими исключеніями, «жителями» такой-то мѣстности; козаки въ тѣхъ-же актахъ—такъ и писались «козаками» такой-то мѣстности. Иногда крестьяне называли себя «подданными», но и то тогда только, когда договорный актъ писался между державцею и его «подданными».

Письмо Степана Забѣлы. Мнѣ велце милий рожоний, мосцѣ пане Иване Забѣла.—Досконалую о томъ завзялемъ вѣдомость, ижъ ваша милость, предсявзявши нсякуюсь братерскую нелюбовь и подобно въ забвеніе подавши мене, надъ собою старшого, такіе своей нелюбвѣ и противности оказуешъ документа, ижъ не толко таковимъ своимъ поступкомъ принужаешъ до розерваня милости братерской, лечъ зневоляешъ мене до того, же мусить бути вашей милости за таковое дерзновеніе отъ мене нагана и наказаніе; поневажъ ваша милость противний будучи лекгаціей блаженной и славной памяти его милости, пана родича нашого, и межи нами утверженое розриваючи постановлене, кажешъ и посылаешъ своихъ подданныхъ пущи мои и на моихъ кгрунтахъ будучые займища пустошити и перестерѣгаючихъ и боронячихъ моего доброго забивати; и на упоминаючихся о мою кривду и шкоду похвалки чинишъ и посылаешъ на мой дворъ слугъ моихъ забивати. Не вѣдаю, въ якую надѣю и въ якое намѣреніе зъ такою ваша милость отзываешься такими своими нелюбовними и противними учинками смѣлостю; лучшей-бы вашей милости, заховавши братерскую любовь и ку старшому должное пошановане, не наражатися мнѣ и не прикритися непотребне таковими своими противними поступками. Маешъ ваша милость, зъ ласки родителской (не поминяюся, любо пишу) и нашой, свои доволные добра и грунта, а моихъ не потреба чепати и вганятися за окопи, за греблею рудницкою будучіе, конечне не повинешъ ваша милость. А поневажъ ваша милость дерзнулесь такъ чинити, теды вѣдатиму винайти таковій способъ, яковимъ бымъ моглъ витиную ко мнѣ нагородити противность, а тимъ, которіе набѣгали на дворъ забивати моихъ дозорцовъ, дастся наука и повстоване. О томъ вашей милости наменивши, мое братерское засилаю поздоровлене. Зъ Оржицы, февраля 5, 1693 року.

Письма Ивана Петровича Забѣлы къ гетману, писанныя по смерти Степана Петровича. а) Ясневелможний мосцѣ пане гетмане, премилостивий пане и добродѣю мой.—Промоторовъ жаднихъ по собѣ не мѣючи, тилко на милость ясневелможности вашой, пана и добродѣя моего, надѣючись, зъ покорною прозбою мою до ногъ панскихъ упадаю, слезне жебручи милостиваго призрѣнія панского и святое справедливости, на которую южъ четвертий годъ ожидаю и доселѣ получити не могу; що прето за нещасливость

себѣ почитати мушу, поневажъ не такъ, яко иншіе въ Малой Россіи отцевъ заслужоныхъ сыни, по ласце ясневелможности вашой, на своѣхъ отцевскихъ добрахъ пребуваютъ и право каждому есть; тилко мнѣ единому презъ такъ долгій часъ справедливости и праву конца нѣтъ. А внуки отца моего, братаничѣ мои (дѣти Степана), не тилко маетностю отцевскою, которая на ласце добродѣйской залежитъ, але и моѣми купленними кгрунтами, яко то дворомъ, нивёмъ, сѣножатми и лѣсами владѣють и пожитки отъ многихъ лѣтъ збирають; а я, будучи сынъ по отцеви, отъ того естемъ отдаленній. Въ таковомъ теды укривженю моемъ повторе до ногъ панскихъ упадаючи, милосердія и ласки добродѣйской слезно прошу; а въ томъ за доброе велможности вашой здорове и за щасливое на долгій вѣкъ пановане маестатъ Божій благати долженствую.—Ясневелможности вашой, пану и добродѣеви моему премилостивому, нижайшій слуга и подножокъ Іванъ Забѣла.

б) Ясневелможный мосцѣ пане гетмане, мнѣ великомилостивий и особливий добродѣю.—На двукратную челобитность мою презъ килка часовъ милостивного отвѣту добродѣйского ожидаючи и доселѣ оного не получивши, смѣю еще по третій разъ, зъ моимъ найпокорнѣйшимъ служебничимъ уклономъ, подъ доброчинніе стопы упадши, въ тоей-же справѣ преждной милосердія панского просити, а по Бозѣ единого тилко ясневелможность вашу добродѣя себѣ мѣючи, кривду мою отъ небожчика пана Стефана, рожоного брата моего, мнѣ нанесенную, слезно прекладаю въ той способъ: небожчикъ панъ Стефанъ зоставши по ласце ясневелможности вашой полковникомъ нѣжинскимъ, а звѣрхность надо мною, яко еще въ лѣтехъ тогда незуполнымъ, повзявши, село Клишки небожчикомъ паномъ родичемъ моимъ легованное и духовницею потвержденное мнѣ, не уважаючи на тое, же самъ на тоей-же духовници, еще за живота небожчика пана родича, своею власною рукою, при печати, подписался, что ясневелможности вашой есть свѣдомо, отъ мене подъ свою власть отобралъ. Въ таковой кривдѣ моей до сихъ часовъ отзиватись для того не моглемъ, же небожчикъ власть такую мѣлъ, которой мнѣ було противитись трудно. Теперь вѣдаючи, же тое въ высоцеповажной вашой рейментарской власти также на воли и ласцѣ добродѣйской зостаетъ, до ногъ премилостиваго пана и добродѣя моего слезно упадаю, просячи благопризрителной милости, въ приверненю

того-жъ с. Клишокъ, где дворъ мой власный, за гроши купленый, такъ-же лѣсъ, поля и сѣножати купованіе, на що и теперь записи купчіе мѣю, що небожчикъ, якъ село отъ мене отбиралъ, все подъ власть свою подгорнулъ. Еще и млинъ, зовемый харченковскій, вишше Клишокъ, на р. Осетѣ стоячій, которій пополамъ зъ Харченкомъ небожчикъ панъ родичъ мой тримал и мнѣ тую половину еще за живота своего леговалъ; другій млинъ, зовомый корнѣевскій, въ селѣ Обтовѣ, на рецѣ Мозирцѣ стоячій, тотъ млинъ даровалъ былъ небожчикъ, панъ родичъ мой, зятеви своему, а шваграви моему, пану Василеви Жураховскому; и за сей корнѣевскій въ Обтовѣ стоячій млинъ небожчикъ панъ Стефанъ, будучи на Москвѣ, якъ Клишки отбиралъ, приобицалъ былъ пану Василеви Жураховскому млинъ харченковскій, вышше Клишокъ стоячій, ввесь пустити, а Харченкови часть належачую сплатити, жебы южъ панъ Василь Жураховскій до млина корнѣевского не належалъ, тилко мнѣ самому онымъ жебы то владѣти. Що небожчикъ панъ Стефанъ приобицавши, ажъ до смерти своей словами тилко мене уводилъ, а скуткомъ того не выполнилъ, о чомъ и панъ обозный енералный килкокротне до небожчика за мною причину вносилъ, на що небожчикъ бынаймнѣй не респектуючи, самъ тимъ млиномъ владѣлъ и теперь дѣти его надъ тимъ-же властвуютъ и пожитокъ мѣютъ; а я мусѣлемъ прошлого великого посту, годъ тому минулъ, на тисячу таляровъ за тотъ млинъ пана Василя Жураховского поеднати. Въ таковой кривдѣ моей милосердія отческого и святое справедливости слезно прошу, за которую милостивную добродѣтель о добромъ ясневелможности вашой здравіи и о щасливомъ многолѣтномъ панованю всемилостивого Бога благати долженствую и до конца живота моего вѣрно служити готовъ".

Письмо Лукьяновича.—Мосцѣ пане Забѣла, велце мнѣ зичливий пріятелю.—По желанію вашей милости, моего мосцѣ пана, доносилемъ ясневелможному въ давной справѣ вашмостиной; теды ясневелможный, якъ передъ симъ, такъ и теперъ велѣлъ отвѣтовати: болше, мовитъ, чекалъ и еще нехай почекаетъ, кѣмъ тая особа здастъ себе опекунство [1]); а скоро здастъ, въ тотъ часъ будетъ потреба около тоей

---

[1]) Здѣсь, видимо, идетъ рѣчь объ опекунѣ дѣтей Степана Забѣлы, Степана и Семена.

справы заходитися усилне и не откладне; а теперъ целе, кажетъ добродѣй, удержитеся. О семъ извѣстивши, зичу вашей милости доброго отъ Господа Бога здоровя и зостаю вашей милости, милостивому пану во всемъ зичливий приятель и радъ служить Никифоръ Лукіяновичъ, господарь замку батуринского. Зъ Батурина. Декаврія 9, року 1699.

Письмо Кочубея.—Мой велце ласкавый пріятелю и свате, мосцѣ пане Забѣло.—Тая справа, о которой ваша милость м. панъ пишешъ до мене, належитъ до самого ясневелможного его милости пана гетмана; належитъ теды вашой милости писати о оной до его милости; тилко-жъ поневажъ теперъ его милость, по указу монаршому, на-скорѣ мѣетъ виходити въ походъ военный, для чого и о малихъ справахъ подаваніе до себе отъ людей суплики назадъ велѣлъ отдавати, откладаючи справы оніе до повороту, дай Боже—щасливого, зъ дороги военной: теды и дѣло вашой милости мосцѣ пана, яко не малое и до его панского суду и децизіи належащое, муситъ до того-жъ отложено быти термѣну; а я о томъ предложивши, зычу вашой милости мосцѣ пану доброго отъ Господа Бога здоровя и щасливого въ многіе лѣта заживати повоженя. Зъ Батурина. Іюня 15, року 1701. Вашой милости мосцѣ пану всего добра зичливий пріятель и служити готовъ. Его царского пресвѣтлого величества войска запорозкого енералный судія Василий Кочубей.

Такимъ образомъ лѣтъ пятнадцать Мазепа водилъ Ивана Петровича своими обѣщаніями. Думая, что дѣлу этому можно помочь деньгами, Иванъ Петровичъ, по разсказу его сына, далъ Мазепѣ 400 червонцовъ; но и взятка не помогла: Клишки возвращены ему не были. Трудно объяснить себѣ такую „неласку“ Мазепы къ зятю своего генеральнаго обозного и можно только догадываться, что родня Степана Забѣлы была вліятельнѣе скупаго Борковскаго.

3.

Пріобрѣтеніе земельныхъ угодій въ Коропѣ и около. Осаженье слободки на купленныхъ грунтахъ. Постоянная повинность въ маетностяхъ Ивана Петровича для компанейскихъ полковъ. Письма о размѣрахъ и частностяхъ этой повинности: Мазепы, Ломиковскаго, Кочубея и Обидовскаго. Отношенія Ивана Петровича къ гетману и его приближеннымъ. Посѣщеніе Ивана Петровича Мазепою; письма Борковскаго о приготовленіяхъ къ этому посѣщенію.

Хлопоты по клишковскому дѣлу не мѣшали Ивану Петровичу вести свое хозяйство. Веденіе панскаго хозяйства въ тогдашнее время

заключалось главнымъ образомъ въ увеличеніи земельныхъ угодій, которыя пріобрѣтались разными способами у нуждающихся сосѣдей, козаковъ и крестьянъ. Слѣдующій списокъ покажетъ, какъ дѣлалъ эти пріобрѣтенія Иванъ Петровичъ.

1. „1692 г. Агафья Останиха, обывателька коропская, съ сынами своими: отцомъ Петромъ, Яцкомъ Нѣмцемъ и Манкомъ, продали млинъ свой власный, съ двома колами, на р. Короповѣ стоячій, съ дворомъ и грунтомъ, займищами лѣсными и сѣнокосными, до него належитыми, пану Іоанну Петровичу Забѣлѣ за полторы тысячи золотыхъ.

2. 1695 г. Параска Горбачиха продала пану Ивану Петровичу Забѣлѣ свой власный лѣсъ, отъ конца гребли панской начинаючійся, за 13 копъ литовскихъ.

3 Григорій Сапелій продалъ пану Ивану Петровичу Забѣлѣ дворъ свой власный въ м. Короповѣ, за 200 золотыхъ.

4. 1696 г. Гаврило Загородченко, мѣщанинъ короповскій, продалъ пану Ивану Петровичу Забѣлѣ лѣсъ съ сѣножатью, за греблею остановскою, межи горбаневскимъ лежачій, за 13 копъ литовскихъ.

5 Параскевія Дмитриха продала пану Ивану Забѣлѣ гай свой власный, около гаю его милости Забѣлы, за 20 талеровъ.

6. Илья и Василь Лаврѣненки и мать ихъ Вовдя Лаврѣниха продали пану Ивану Забѣлѣ все свое поле, десять нивъ, за 100 золотыхъ.

7. Данило Васильевичъ Забѣла продалъ Ивану Петровичу (двоюродному своему брату) купленный у Василія Жураховскаго млинъ на р. Ретѣ, съ грунтами, за 2000 золотыхъ.

8. Григорій Пантелѣевъ продалъ пану Ивану Петровичу Забѣлѣ лѣсъ свой тузиковскій съ сѣножатью, около займища его-жъ пана Забѣлы, за 14 копъ.

9. Марья Павлиха Гудимиха и Яцко Слюсарь, зять ея, продали дворъ свой въ м. Коропѣ, за 190 золотыхъ.

10. Анастасія Процихa вдова продала Ивану Петровичу Забѣлѣ дворъ свой въ м. Коропѣ подъ такою кондиціею, абы его милость ея будинокъ своимъ коштомъ на Мищенковъ плацъ перевезти росказалъ.

11. Отецъ Іоаннъ Савенко, священникъ святоуспенскій и намѣстникъ короповскій, продалъ пану Ивану Петровичу Забѣлѣ гай съ сѣножатью около Корона и лѣсокъ съ сѣножатью, за 40 талеровъ.

12. 1697 г. Иванъ Петровичъ Забѣла помѣнялся нивами съ „жителями“ обтовскими, своей „державы“, при чемъ послѣдніе заявили предъ судомъ: „щосмо подавали за оныя нивы панскія свои власныя и некому непенныя и незаставленныя (незаложенныя) що тежъ побралисмо добровольно ни отъ кого ненамовленныя, но съ доброй волѣ нашой, вѣчисто и на вѣки непорушно его милости пану нашему“.

13. 1699 г. Обыватели райгородекіе Петръ и Романъ, съ товариствомъ, продали пану Ивану Забѣлѣ изъ [1]), курѣнь изъ нитами [2]) и працу свою, такожъ на рецѣ берегъ за 70 золотыхъ.

14. Иванъ Синецокій, мѣщанинъ коропской, былъ долженъ Ивану Забѣлѣ 11 копъ, за который долгъ отдалъ дворъ свой подъ Коропомъ, за 8 копъ, а за 3 копы отдалъ ему-же, Забѣлѣ, на услугу, на полтора года, братанича своего, Грицка Олексѣенка.

15. Войсковой товарищъ Трофимъ Химичъ продалъ Ивану Забѣлѣ солодовню свою за Коропомъ, за 115 золотыхъ“.

Рядъ названныхъ пріобрѣтеній показываетъ, что панъ, поселяясь среди поспольства и располагая свободно капиталомъ, имѣлъ полную возможность округлять свои маетности на выгодныхъ условіяхъ. Исчисленныя пріобрѣтенія Ивана Петровича находились преимущественно въ Коропѣ и около него, т. е. вдали отъ его маетностей; обработывать купленныя угодья было поэтому невыгодно— обтовцами и погорѣловцами. Забѣла обратился къ гетману съ просьбою позволить ему „осадить“ на купленныхъ земляхъ новую слободку. Позволеніе дано было Мазепою въ слѣдующемъ универсалѣ 1695 г.

„Ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ пану полковниковѣ нѣжинскому и проч., ижъ просилъ насъ панъ Иванъ Забѣла о позволене до власного своего кгрунту, прозываемаго остаповского, зъ млянкомъ (купленнаго у Остапихи въ 1692 г.) подъ мѣстомъ Коропомъ положенемъ будучимъ, человѣка съ десятокъ, якіи-бы лучилися, принявши, слободкою осадити; а то для лучшое въ господарствѣ его потребы и выгоды, а найбарзѣй для ратунку тамъ-же будучое греблѣ. Теды мы

---

[1]) Изъ—загородь въ рѣкѣ для рыбной ловли.

[2]) Ниты, должно думать, невода и другіе рыболовные снаряды, плетенные изъ пеньки.

по тому его прошенію, а респектуючи на давную небожчика родича его, Петра Забѣлы, службу, до которое и его видячи способности, даемо сей нашъ листъ, позволяемъ до мененного кгрунту именно десятокъ человѣка осадити; однакъ не тихъ, которіи маючя въ мѣстѣ (Коропѣ), албо въ якомъ селѣ, осѣдлости и спродавши оніи, мѣли-бы туды на житте приходити, але тихъ волочачихся (шатающихся), якіи жадныхъ осѣдлостей у себе нигде не маютъ".

Распоряжая свое хозяйство, обтовскій державца часто затрудняемъ былъ *стаціями*, т. е. постоемъ въ его маетностяхъ войска. Въ тогдашней Малороссіи, кромѣ реестровыхъ козаковъ-домохозяевъ, жившихъ на своихъ земляхъ и отправлявшихъ службу на собственныя средства, было восемь такъ называемыхъ компанейскихъ или охотницкихъ полковъ[1]), набиравшихся изъ разнаго рода бездомниковъ; въ мирное время компанейскіе полки располагались постоемъ между Сеймомъ и Десною, поближе къ Батурину, въ которомъ они всегда отправляли караульную службу. Державцы всѣми способами старались избавляться отъ постоя этихъ полковъ; Забѣла дѣлалъ тоже и часто жаловался гетману и его приближеннымъ на излишнія требованія компанійскихъ урядниковъ. Помѣщаемъ рядъ отвѣтныхъ писемъ на эти жалобы и просьбы.

Письма Мазепы. а) Пане Забѣла.—Мѣлисмо ка вашей милости нашъ респектъ потоль, поколь было можна тому быти; а теперъ кгды кгвалтовная (настоятелъная) того указуетъ потреба, поневажъ зъ сотнѣ пѣхотной въ Острѣ на службѣ государской найдуючойся и повернувшой южъ одтоль на за-сеймское свое становиско, килкадесять человѣкомъ не маютъ мѣстца, теды зъ тоей менсиной пѣхотной сотнѣ человѣка дванадцать въ маетности ваши посылаючи, пилно мѣти хочемъ, абысь ваша милость онымъ козакомъ по селахъ своихъ становиско поназначавши, господы (квартиры) расположилъ, жебы они мѣли оттоль себѣ выживленя; якіе дванадцеть человѣка маютъ тимъ консистоватися и приставати на томъ, що и сами господарѣ уживатимуть, жадныхъ не поносячи кривдъ, якобы люде по селахъ тягліе отъ нихъ козаковъ не узнавали утяженья и долегливости. Тое вашей милости наменивши,

---

[1]) Четыре конныхъ (компанныхъ) и четыре пѣхотныхъ; послѣдніе назывались—*сердюками*.

приказуемъ и поручаемъ сгожъ Господу Богу. Зъ Батурина. 27 марта 1691 року. Вашъ ласкавый Іванъ Мазепа гетманъ рукою власною.

б) Пане Забѣла.—Дойшло намъ вѣдати зъ скарги полку пана Ясилковского[1]), же вы въ своихъ селахъ на станціи имъ будучому товариству, теперь зостаючому въ Кіевѣ, не позволяете давати мѣсячнаго борошна; зачимъ мы тому дивуючися, пилно вамъ приказуемъ, абысте за отобранемъ сего писма нашего заразъ любъ грошми, якъ належитъ на одного козака за мѣсяцъ по чтири золотыхъ, любъ ведлугъ давней уставы борошномъ, выстативши на два мѣсяцѣ, велѣли своими подводами до Кіева оному товариству запровадити, якобы насъ не заходила болшъ ихъ, товариства, скарга, що и повторе приказавши, Господу Богу поручаемъ (1 сент., 1691 г.).

в) Пане Забѣла.—На донесене ваше листовное, а на скаргу жителей села Обтова, подданныхъ вашихъ, приказалисмо изыскати передъ судъ вашъ войсковій енералній товариство полку пѣхотного, для усправедливеняся на очную ставку зъ людми вашими, якая росправа теды въ кривдахъ починеныхъ передъ судомъ войсковымъ енералнимъ точилася, тую могутъ ваши-жъ люде, тутъ очне будучи, вамъ оповѣсти; а мы оныхъ отпускаючи назадъ, поручаемъ васъ Господу Богу. (19 іюля, 1693 г.).

г) Мой ласкавый пане Забѣла.—Приходивъ до насъ атаманъ курѣнный тихъ пѣхотинцювъ, которые въ маетностяхъ вашихъ на станціи знайдуются, скаржачися, же ваша милость зборонянъ имъ корму давати, же многіе зброднѣ чинятъ, доносячи намъ; теды мы за тіе зброднѣ тутъ его добре барбарами (нагайками) вычесавши, отпускаемъ знову на станцѣю въ маетности ваши, сподѣваючися вони того, ижъ южъ поперестанутъ того чинити, въ чомъ и вашей милости жадаемъ, абы ваша милость не зборонялъ имъ корму давати, а они повинны тимъ кормитися, чого и сами господари уживаютъ, безъ жаднихъ вимисловъ; що вашей милости наменивши, Богу васъ поручаемъ. (8 марта, 1694 г.).

---

[1]) Компанейскіе полки назывались по именамъ своихъ полковниковъ. Лѣтоп. Грабянки, 315.

Письма Ломиковскаго. а) „Мнѣ велце мосцѣ пане Забѣла, мой велце мосцѣ пане и куме. Послалъ ясневелможный добродѣй, его милость, панъ гетманъ товариство полку небожчика пана Яремы, человѣка дванадцать, на станцію у маетность вашей милости пана, зъ такимъ указомъ, жебы тимъ сити були, що колвекъ убогій чили богатий господаръ для себе наготуетъ, а вымисловъ бы жадныхъ за тое не чинили; о яковомъ указѣ ваша милость панъ вѣдаючи, не позволяй болше тому товариству позволети; а еслибы що вымисляли, о томъ ваша милость панъ ознайми. Конюмъ, чи два, чи три хто маетъ, толко единъ четверикъ овса приказуетъ ясневелможный добродѣй, его милость, панъ гетманъ давати, на товариша, а не на коня, на тыждень. Тихъ зась чотири человѣка, куди они назначени, виправъ ваша милость панъ заразъ, не даючи имъ станція въ своихъ маетностяхъ; и такъ не слушне стало, же имъ позволилъ вм. панъ наприкратися своимъ подданнымъ безъ указу; и впередъ еслибы якая взбитечная людемъ докука была, рачъ, вм. панъ, о томъ ознаймовати, въ чомъ змогу, услуги моей не одмовлю. 1 марта, 1691, зъ Батурина. Зостаючи зичливый вашей милости пану пріятель, хоружій енералній Іванъ Ломѣковскій“.

б) „Мой велце мосцѣ пане куме. Передъ выѣздомъ зъ дому въ предлежащую дорогу ясневельможного его милости добродѣя, писали до мене короповцѣ, ускаржаючися на сердюковъ (пѣхота компанейскихъ полковъ), которимъ по указу добродѣйскомъ выписалемъ, якъ маютъ поступовати зъ пѣхотинцами и конми ихъ, такъ вм. панъ можешъ зъ своими поступити, изъ новотними. А если будутъ противними, зичу удаватися зъ скаргою до его милости пана писара енералного (Кочубея), зостаючого теперъ на мѣстцу ясневелможного его милости добродѣя, а докущать пѣхотинцюмъ чинити вымисли не ражу. 16 ноября (безъ года). Вашой милости пану зичливій кумъ, асаулъ енералній, Іванъ Ломѣковскій“.

Письма Кочубея. а) „Мой велце ласкавый пріятелю, мосцѣ пане Забѣла. По жаданю вашой милости пана, взглядомъ пѣхотинцовъ, докладалъ ясневелможному добродѣеви, его милости, пану гетману; теды его милость такъ на тое мовилъ: если правѣ въ полкъ той на порожніе мѣстца не поставимо, въ дополнене, якого товариства, то можетъ и такъ бути, що сѣмъ человѣка въ маетности вашой милости пана свою мѣти-

мутъ станцію; если-жъ таковая потреба будетъ, же на опіи порожніи мѣстца товариство новотное принято будетъ, теды толко будетъ въ той вашой милости пана маетности товариства, якъ было и прежде. Если-жъ-бы уже мѣло бути на тихъ мѣстцахъ товариство, теды о томъ олнайми великій мосцѣ панъ сюди и за чіимъ они приняти вѣдомомъ; кгды-жъ если принято, то безъ вѣдома его милости добродѣя; о сюмъ теды дѣлѣ докладалъ его милости добродѣеви и его милость панъ Обѣдовскій [1]) по тому велможнаго пана желанію. Я тое предложивши, полецаюся неотмѣнной велможнаго пана ласце и пріязнѣ. Зъ Батурина. Ногбря 27, року 1696. Велможнаго пана всего добра зычливый сватъ и служити готовъ Василий Кочубей, писаръ енералный".

б) „Мой велце ласкавый пріятелю, мосцѣ пане Забѣла. О утяженю подданыхъ вмтивыхъ и о скорби самого вм. пана, ставшойся чрезъ легкомыслный запорожцовъ поступокъ, доносивъ я ясневелможному его милости пану гетману, же они наѣхавши на маетность вмтиву, не толко людямъ кривды, галасы, кгвалты и зброднѣ великіе починили, але и самого вм. пана безрозсудними дерзнули безчестити словами; по якомъ донесеню, велѣлъ его милость писати листъ свой упоминателный (при которомъ и я свой листъ до вм. мосцѣ пана посылаю) до пана Радича [2]), уличаючи его за тое и ганячи такое его безрядіе, що онъ, не держачи ихъ при боку своемъ, роспускаетъ ихъ одъ себе, на людскіе великіе кривды и незносные утяженя, якій листъ посылается до рукъ вмтивихъ. Въ томъ-же листѣ доложено и о томъ, жебы челядника чили старостку вмтиного, который невное учинивши вашей милости упокожене, межи тое охотницкое войско увойшолъ, обискано и выдано, для котораго старостки поисканя и припроваженя до вашей милости, посылай ваша милость своего человѣка, якого доброго, при листу томъ панскомъ втропы за войскомъ, где-бъ и листъ, где можетъ постигнути, пану Радичу отдалъ и мененного бѣглого старостку вынайшовши, до вашей милости припровадилъ. А я соболѣзную такой вмтной скорби, чрезъ не узорный и

[1]) Племянникъ Мазепы и зять Кочубея.

[2]) Отрядъ Радича, составленный, какъ видно, изъ запорожцевъ, также принадлежалъ къ числу компанейскаго войска. Лѣтоп. Грабенки, 256.

безбожный тихъ своеволцовъ вашей милости нанесенной, и зичу, абы Господь Богъ, по сей скорби, послалъ вм. мосцѣ пану увеселеніе и въ здоровю слабости поправу. Притомъ звыклой вашей милости милостиваго мосцѣ пана отдаюся пріязни. Зъ Батурина. Іюня 1, року 1702. Вашей милости мосцѣ пану зичливый пріятель и служити готовъ енералный судіа Василий Кочубей".

Къ числу этихъ писемъ, касающихся постойной повинности въ маетностяхъ Забѣлы, слѣдуетъ отнести и слѣдующее письмо Обѣдовскаго, съ увѣдомленіемъ о принятіи въ Батуринѣ ржаной муки, вѣроятно для тѣхъ-же компанейскихъ полковъ, находившихся при гетманѣ.

„Мосцѣ пане Забѣла, мнѣ велце мосце пане и ласкавый пріятелю. Борошно высланое отъ вашесци мосци пана, до двору ясневелможного добродѣя, въ цѣлости есть одобраное, для чого пишется въ цедулѣ и до пановъ высланыхъ, ажебы въ томъ дѣлѣ не интересовалися; а до того ознаймую вашей милости мосци пану, же хочай-бы и меншъ того борошна вм. мосцѣ панъ прислалъ, теды-бы было принято, кгды-жъ то сталося для вѣзерунку (для видимости) иннымъ. Тее ознаймивши, зостаю вм. мосци пана и ласкаваго пріятеля жичливый пріятель, его царского пресвѣтлого величества столникъ, Іоанъ Обѣдовскій. Данъ въ Батуринѣ, року 1695, ноемврія 18 дня".

Всѣ эти письма показываютъ, что Мазепа былъ довольно милостивъ къ Забѣлѣ; но при этомъ не нужно забывать, что всѣ эти льготы дѣлались для зятя генеральнаго обознаго; этому-же родству съ Борковскимъ Иванъ Петровичъ обязанъ былъ и своимъ пріятельствомъ съ Ломиковскимъ и Кочубеемъ, ближайшими людьми къ Мазепѣ. Милость гетмана и пріятельство его подручниковъ Забѣла, кромѣ того, поддерживалъ маленькими подарками, „обсылая" ихъ напр. своимъ мартовскимъ пивомъ, какъ видно изъ слѣдующихъ писемъ:

а) „Мосцѣ пане Забѣла, велце мнѣ мосцѣ пане и зичливый пріятелю. За присланное пиво дякуетъ вашей милости ясневелможный, а взглядомъ задержаного челядника вашого въ Сѣчи зъ грошми пишетъ ясневелможный до Кошового, жебы его оттоль зовсѣмъ отпущено, которого сподѣватися межисты (на святкахъ); о семъ ознаймивши, зичу ва-

шей милости доброго отъ Господа Бога здравія и зостаю назавше вм., милостивому мосцѣ пану всего добра зичливый пріятель и радъ служити Никифоръ Лукіяновичъ, господарь замку батуринского. Зъ Батурина, марта 18, року 1700".

б) „Мосцѣ пане Забѣла, мой велце мосцѣ пане и благодѣтелю. Изволилесь вм. мосцѣ панъ чрезъ умислъного своего обослати пивомъ мартовимъ ясневелможного добродѣя, его милости, пана гетмана и самую велможную, еи милость, добродѣйку, которого за донесенемъ моимъ принято бочокъ три до пивницѣ велможного добродѣя, а четвертую до самой пивницѣ отдалемъ; зъ которого обесланья вдяченъ есть велце ясневелможний добродѣй панъ гетманъ и рейментарскою ласкою и респектомъ приобѣцуетъ вм. мосцѣ пану нагорожати. Тое вм. мосцѣ пану пріятелско донешъши, неотмѣнной приязни отдаючися, зостаю вм. мосцѣ пану всѣхъ благъ желаючій пріятель и поволній слуга Иванъ Чернишъ, господаръ замку батуринского. Зъ замку батуринского, 1701, марта 29 дня" [1]).

в) „Мосцѣ пане Забѣла, мой мосцѣ пане и куме. Зъ любовного эфекту вм. мосцѣ пана частокротъ пивомъ посилаючися, миле споминаю таковій учинокъ, яко и на сей часъ присланую бочку пива черезъ пана Сороку принявши, вдячие за присланье того велце вм. мосцѣ пану дякую и желаю того, же бымъ моею зичливостю моглъ таковую вм. мосцѣ пана любовъ завдячити. При семъ зостаю вм. мосцѣ пану зичливий пріятель и поволный до услугъ асаулъ енералній Іванъ Ломѣковскій. 18 марта, 1700. Зъ Батурина".

г) „Мосцѣвый пане Забѣла, мнѣ велце зичливый пріятелю. Зъ пріятливой вм. мосцѣ пана любови и особливого ку мнѣ памятствованія, принявши дарованое пиво, вдяченъ естемъ и дякуючи велце, завдячить вм. мосцѣ пану старатимуся. Былъ должный за решту долгу, зъ порахунку ценою, отдалъ пану Сороцѣ, посланникоки вм. мосцѣ

---

[1]) Упоминаемая въ этомъ письмѣ «добродѣйка» была, должно думать, жена Мазепы, умершая въ 1704 г., о которой едва-ли не единственное печатное упоминаніе находимъ въ жалобѣ Петру В. Кочубея на обольщеніе Мазепою дочери его Матроны (Чтен. моск. общ. ист., 1859 г., кн. I, 125). Иванъ Чернышъ—впослѣдствіи извѣстный своимъ лихоимствомъ гадяцкій полковникъ и генеральный судья.

пана горилкою, о чомъ извѣстно предложивши, неизмѣнной вм. мосцѣ пана вручаюся любови и зостаю вм. мосцѣ пану всего добра зичливий пріятель и радъ служить полковникъ стародубскій, М. Миклашевскій. Апрѣля 17, 1701".

Обсылая гетмана и пріятелей, Иванъ Петровичъ не забывалъ при этомъ и тестя, который по этому случаю писалъ ему въ февралѣ 1697 г.

„Мой милый сыну, пане Забѣла. Рачилъ вм. мосцѣ панъ домъ мой по достатку свѣжою на сіе дни сирніе обмислити рибою; за тое велце вм. пану дякую, которую яко припялисмо вдячне, такъ упрейме того желаемо, абы здарилъ Господь Богъ тую вашмостину ласку пріязню моею часу своего виплатити; а за тимъ повторе подяковавши, зичу вашей милости, мосцѣ пану примноголѣтного житія, доброго отъ Господа Бога мѣти здоровья. Обозный енеральный Василій Борковскій".

Добрыя отношенія съ тестемъ для Ивана Петровича уже и потому нужны были, что Борковскій по своему уряду былъ человѣкомъ близкимъ и къ гетману и къ генеральнымъ урядникамъ. Конечно, благодаря тестю, Ивану Петровичу случалось принимать у себя въ Коропѣ за гостей, не только генеральную старшину, но и самаго „ясневельможнаго добродѣя"; какою милостью считалось гетманское посѣщеніе и какъ хозяева заботились о доставленіи удобствъ этому гостю съ его приближенными, видно изъ слѣдующихъ двухъ писемъ Борковскаго къ зятю.

а) „Пане Иване. Любо то вже суть въ васъ въ Коропѣ назначеніе господи для приѣзду ясневелможного пана гетмана, еднакъ прошу вашей милости, абы были яко певніе, такъ и всіомъ вигодніе; особливе его милости пану писару и его милости пану хорунжему енералнимъ [1]) абы были господи просторніе, бо кгдижъ они будутъ обадва зъ своими паніями; его милость панъ судія енералный [2]) самъ тилко приѣде, которому абы также была господа; тіѣ избы своѣ на гори

---

[1]) Писаремъ былъ Кочубей, а хорунжимъ—Ломиковскій, оба—самые близкіе Мазепѣ люди.

[2]) Судьею въ это время былъ, кажется, Савва Прокоповичъ.

стоячіе роскажи добре випатрати, жеби были тепли, бо кгдыжъ теперъ буде ясневелможный къ вамъ и въ тихъ свѣтлицяхъ буде стояти; мнѣ также неподалецѣ знайди господу; а о що колвекъ просивъ вм. мене, не фрасуйся, тое все я самъ привезу и буде все гараздъ. Що все до ознаймене подавши, жадаю пилно, абися тое все стало, бы и насъ люде не обмовили. Зачимъ Господу Богу васъ поручаю. Зъ Батурина, 18 генваря, року 1698. Вашъ ласкавый Василий Борковскій".

б) „Пане Забѣла. Завтрешнего дня сподѣвайся велможного добродѣя, его милости, пана гетмана изъ самою панею (жена Мазепы?), для которихъ ихъ милостей наготуй верхнѣе свитлицѣ, одну для пана, другую для самоѣ панеѣ, и постарайся ваша милость, жебы всѣмъ старшинамъ енералнимъ господи слушніе были наготовани, не вважаючи нѣ на кого [1]); и мнѣ господу колибъ близко гдѣ васъ, щобъ мнѣ недалеко ходить. О напитокъ, особливе о медъ добрый, постарайся, хочъ бы вибравши где у корчмѣ доброго меду, черезъ той часъ заказалѣ продавать, ежелѣ бы у васъ не стало меду, щобъ било чимъ подпертися. Самъ близко о приѣздѣ панскомъ дочувшися, съ паномъ Василемъ виѣдте сподкати (встрѣтить), учинивши слушний порадокъ. Рибы осетрини и бѣлужины по пять штукъ посылаю, ковияру (икры) полдѣжечкѣ, вина барилце. Не все мнѣ виразити; самѣ старайтеся, що потребно для такоѣ особы. Для столника и полковника (Обидовскаго) господа жебы была порядная; такихъ господаровъ винаходте, щобъ не все зъ ратуша; иншіе и самѣ одинъ той день могли(бъ) людямъ вигоду учинити. При томъ зостаю вашей милости жичливымъ отцемъ. Василий Борковскій, обозный енералний".

4.

Дѣти Ивана Петровича. Исканіе для нихъ «инспектора». Смерть Ивана Петровича. Письма къ его вдовѣ Чернышъ, Кочубея и Полуботка. Разореніе Обтова Мазепою послѣ измѣны. Оборонный универсалъ Скоропадскаго. Завѣщаніе Анны Васильевны Забѣлиной.

У Ивана Петровича были дѣти: сынъ Иванъ и три дочери, Евдокія, Анна и Настасья. По тогдашнему обыкновенію, для перво-

---

[1]) Какъ видно, квартиры для старшинъ заготовлялись по разнымъ домамъ коронскихъ обывателей.

начальнаго обученія дѣтей, малороссійскіе паны брали къ себѣ такъ называемыхъ „инспекторовъ“ изъ кіевскихъ академистовъ; такого инспектора искалъ для своихъ дѣтей и Иванъ Петровичъ. Игуменъ кіевскаго михайловскаго монастыря Захарій Корниловичъ, хорошій пріятель Забѣлы, въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ ему: „на желаніе вашей милости, м. пана, якій винайдется инспекторъ, пришлется, котораго самая цнота залѣцѣтъ его: будетъ добрий, ему добре“. Такой инспекторъ вѣроятно и нашелся; но поставить на ноги своихъ дѣтей Иванъ Петровичъ не успѣлъ: онъ, какъ кажется, въ 1703 г. оставилъ дѣтей на руки вдовѣ. Анна Васильевна оставшись, по тогдашнему выраженію, на „вдовиномъ стольцѣ“, съумѣла сохранить добрыя отношенія съ пріятелями умершаго мужа и съ помощью ихъ поддерживала свое „домовство“. Вотъ нѣкоторыя изъ писемъ, писанныхъ къ Аннѣ Васильевнѣ:

Письма Черныша „Моя велце лавкава пріятелко, мосцѣ панѣ Забѣлиная. Бывши въ Батуринѣ, Остапъ Литвинъ, житель Королскій, хотѣлъ подати суплѣку свою ясневелможному добродѣеви, его милости, пану гетману, ускаржаючися на Андрѣя Яцученка, подданнаго вм. мосцѣ панеи, жителя обтовского, же рокъ тому дѣется, якъ онъ, Андрѣй, клячъ у Остапа Литвина, будто опознавши, взялъ; я теди его не допустивши турбовати ясневелможного, зыскати казалъ Прокопа Юрченка, жителя подлипянскаго, подданнаго панского (с. Подлипное принадлежало „на булаву“), въ которого онъ, Остапъ, тую клячь, въ шерсть рыжогнѣдую, купи, а тотъ Прокопъ Юрченко поставилъ по собѣ Мартина Шевченка, тожъ жителя подлипянскаго, въ которого онъ купи; сей зась Мартинъ постави Степана Гапоненка, жителя подлипянского, въ которого онъ купилъ тую клячъ, а тотъ Стефанъ поставилъ Апанаса Довгаленка, жителя конотопского, въ которого онъ тую клячу доморослую купилъ. Яко теды лѣпѣйно помененный Остапъ Литвинъ поставилъ туй клячи доводъ, такъ я пишучи до вм. мосцѣ панеи сей мой листъ, залецаю и предлагаю тое, абысь вм. панѣ изволили того человѣка Андрѣя Яцученко, подданного своего, зъ тоею клячою въ Батуринъ присылати, поневажъ доводится тое, же абыци (sic) не вклепался въ тую клячъ и дарма еѣ собѣ взялъ. А такъ и повторе тое вм. мосцѣ панеи залецаю и предлагаю, абысь вм. пани того человѣка, Андрѣя Яцученка, зъ клячою тоею при-

сылати изволила въ Батуринъ, которому если онъ слушный дастъ на оную клячъ выводъ, то жадной турбацѣи не будетъ; еслижъ не дастъ выводу слушного, то мѣетъ клячу Остапу Литвину отдати, предлагаю и зычу вашей милоости м. панеи доброго отъ Гонода Бога заживати здоровя. Зъ замку батуринского, року 1703, іюля 3. Вашей милости м. панеи всего добра щыре зичливий пріятель и готовый до услугъ Іванъ Чернышъ, господаръ замку батуринского".

Письма Кочубея. а) „Моя велце ласкавая пріятелко, мосць панѣ Забѣлиная. Дякую велце вашей милости м. панеи за привѣтствование мнѣ сего святого четыредесятодневного поста, которого взаемне зичу и вм. м. панеи, абы Господь Богъ даровалъ вашей милости зо всѣмъ милымъ домовствомъ оный въ добромъ здоровю и благополучномъ поведенію, благоугодно, зъ позисканіемъ зобилно душеспасителныхъ пожитковъ прежити, страсти Христовы благочестно лобизати и пресвѣтлий побѣдоносного воскресенія Господа праздникъ веселимъ сердцемъ обходити. О дѣлѣ томъ, о которомъ изволила вм. м. панѣ до мене писати, заразъ обицую мое предложене учинити паномъ Забѣламъ, взглядомъ млина клишковского, жебы они зъ вашею милостью приятелско о томъ учинили успокоение, а який отвѣтъ отъ ихъ пановъ Забѣлъ одержу, заразъ вм. м. панеи дамъ вѣдати. При томъ отдаюся вмтиной зичливой приязни. Зъ Батурина, марта 10 року 1705. Вашей милости м. панеи всего добра зичливый приятель и служити готовъ. Василий Кочубей, судіа енералный войсковой".

б) „Мосцѣ панѣ Забѣлиная, моя велце ласкавая панѣ и приятелко. Въ томъ дѣлѣ, о которомъ изволила вм. м. панѣ до мене писати, треба вм. до самого ясневелможнаго, его милости, пана гетмана о томъ своимъ предложенемъ занести скаргу, кгдижъ сама вм. рачивъ вѣдати, же тая сторона, до которой скарга вмтина стягается, подъ обороною его жъ велможности зостаетъ. А я зъ своей стороны радъ вашей милости во всякомъ дѣлѣ помочствовати; при томъ зичу вм. м. панеи доброго отъ Господа Бога здоровя, при благополучномъ поведеніи, въ многіе лѣта заживати. Зъ Батурина, марта 13, року 1705 (*Подпись тоже*)".

в) „Мосцѣ панѣ Забѣлиная, моя велце ласковая приятелко. Писала вм. м. панѣ до мене, прекладаючи о армашу Ивану

Порадченку, бившому подданному своему, который частокротне приездячи до жонки своей въ Обтовъ, великие чинитъ зброднѣ подданимъ вистинымъ, вимислами, напосмъ и подводами, яко и теперъ и братъ его зуфале поступуючи, спалилъ килко человѣка зо всѣмъ убозествомъ; о чомъ я, по жаданію вм. м. панеи, докладалемъ ясневелможному, его милости, пану гетману, добродѣеви нашему; теды его милость мовилъ: которимъ людемъ кривда и долегливость отъ кого дѣется, нехай суплѣкуютъ въ своей делегливости, а по суплѣкахъ будетъ учинена справедливость; а такъ зволь ваша милость тихъ людей зъ суплѣками до его милости прислати. При томъ зичу вм. м. панеи доброго отъ Господа Бога здоровя и щасливого поведенія въ многие лѣта. Зъ Батурина, мая 3, року 1705. (*Подпись таже*)".

Письмо Полуботка. Мосцѣ панѣ Забѣлиная, мнѣ велце ласкавая и зичливая приятелко. Благодаренъ естемъ такой любвѣ вм. м. панеи, же рачишъ и мене воковати въ домъ свой на актъ веселный милой дочки своей; на который любо охоче радъ былъ прибыти, по желанію вм. м. панеи, але же одобралемъ указъ ясневелможного добродѣя, его милости, пана гетмана до скорого прибиратися походу, теды прошу ласкавого вм. м. панеи выбаченя, же тому акту не буду въ дому вм. м. панеи притомнымъ, зычачи однакъ оний щасливе вм. м. панеи зачинати и весело кончити, ей же панеи назавше доброй полецаю приязнѣ. Зъ Чернѣгова, мая 8, року 1713. Вашей милости м. панеи всего добра зичливий приятель, его ц. пр. величества войска запорожского полковникъ чернѣговскій, Павелъ Полуботокъ".

Одну бѣду пережила Анна Васильевна—разореніе Обтова Мазепою, когда онъ шелъ черезъ это село, въ началѣ ноября 1708 г., уже со шведами вмѣстѣ. Разореніе это описываетъ сынъ Анны Васильевны въ одной изъ своихъ жалобъ: „подъ часъ шведской руины, когда Мазепа Десну переправилъ, съ войскомъ прійдя въ Обтовъ, зруйновалъ и выпалилъ нашу отчину и домъ нашъ велѣлъ разграбить со всѣмъ, что было нажитку; тогда жъ и коней стадо неученое, на пакость, пистолемъ велѣлъ позабивать, за то, что не давалось ловиться". Любопытный фактъ о разореніи Обтова Мазепою въ то время, когда онъ въ своихъ универсалахъ звалъ на-

родъ за собою, предрекая „згубу отъ потенціи московской,“ заключаетъ въ себѣ нѣкоторое объясненіе той непопулярности, которою Мазепа пользовался въ народѣ и которую уносилъ, идя со шведами на возстановленіе „правъ и вольностей“ этого самаго народа.

Анна Васильевна хотѣла было воспользоваться разореніемъ Обтова, чтобы за это разореніе выхлопотать возвращеніе Клишекъ, отнятыхъ тѣмъ разорителемъ Обтова; на этотъ разъ хлопоты о Клишкахъ, можетъ быть, и удались-бы, такъ какъ въ это время многіе изъ жаловавшихся на Мазепины обиды получили великія милости, но случилось такъ, что одновременно сталъ просить тѣ-же Клишки и князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій; само собою разумѣется, что преимущество осталось за послѣднимъ [1]).

За неудачу въ Клишкахъ Аннѣ Васильевнѣ удалось выхлопотать себѣ у гетмана слѣдующій такъ называемый „оборонный“ универсалъ, которымъ подданные ея освобождались отъ многихъ земскихъ повинностей.

„Его ц. пр. величества войска запорожскаго гетманъ Іоанъ Скоропадскій.—Ознаймуемъ симъ нашимъ универсаломъ, кому бы колвекъ о томъ вѣдати належало, ижъ панѣ Анна Иванова Забѣлиная жалосне намъ прекладала, что людей села Обтова, маетности еи, въ сотнѣ короновской будучого, розно то до Глухова выстаченемъ и вожденемъ провіанту и выгнанемъ на роботу до того жъ города Глухова, то до Кролевца и Коропа, въ случаючіеся оказіи потягаютъ; черезъ що не малыхъ узнаючи долегливостей, не могутъ оныхъ знести; въ томъ яко просила она, панѣ Забѣлиная, нашой гетманской обороны и таковаго унѣверсалу, абы подданыхъ еи села, вышмененного Обтова, нѣкуда болшъ не потягано, кромѣ до одного Коропа, поневажъ оное здавна до того уезду належитъ; такъ мы, гетманъ, прошеніе еи панеи Забѣлиной принявши за слушное, повагою сего унѣверсалу нашего варуемъ, абы старшина глуховская, урядъ кролевецкій и нѣхто иный, нѣ въ чомъ под-

---

[1]) При этомъ Клишки были отобраны у дѣтей Степана Петровича Забѣлы, повидимому, за родство ихъ съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ Мазепѣ; сдвали старшій сынъ Степана Петровича не былъ женатъ на дочери племянника Мазепы,—Трощинскаго, бывшаго гадяцкаго полковника.

данныхъ мененной панеи Забѣлиной до своихъ городовъ потягати не важилися; до Коропа зась, яко того уѣзду суть, въ случаючихся оказіяхъ должни будутъ подлугъ мѣры чинити помощъ, рейментарско приказуемъ. Данъ въ Глуховѣ, января 3, року 1712".

Проживъ вдовою около десяти лѣтъ, Анна Васильевна за это время выродила сына на службу (въ войсковую артиллерію, стоявшую въ Коропѣ) и повыдавала всѣхъ дочерей замужъ; послѣднюю, Настасью, выдавала она въ маѣ 1713 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти; черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы Анна Васильевна написала свое завѣщаніе, помѣщаемое здѣсь, а въ ноябрѣ того-же года сынъ ея жаловался на „печальный и сиротинный свой домъ".

„Во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь. Отъ Господа единою установленное нѣкогда неизмѣняемо есть, иже всѣ единою рече, будите готови, якъ въ онъ-же часъ не мните Сынъ человѣческій прийде; и сего ради азъ, раба божая Анна Іоаннова Забѣлиная, отъ его вишнего смотренія будучи долгою присѣщена болѣзнію, не ложною смертного долга увѣщателницею, поставиламъ подлугъ христіанской совѣсти моей, такъ о души моей, яко и о дѣтехъ моихъ, будущая устроити; а яко вящшому дая мѣсто, благословеніемъ матернимъ увѣщаю чада моя, дабы во обичное присутствовали погребеніе мое, наипаче-же о душахъ насъ, родителей своихъ, еже есть главизна християнского упованія, должни чрезъ все житіе свое сродное имѣти попеченіе. Вначалѣ, сынъ мой Іоаннъ, вящшихъ естественнымъ закономъ наслѣдникъ, долженъ честно погребсти тѣло мое тамо, идѣже дѣдъ и отецъ его тѣломъ положишася и въ той обители святой (рыхловскомъ монастырѣ) особними литургиями роковое учинити поминаніе; въ иншихъ зась обителехъ и мірскихъ церквахъ великоможная любовъ его сыновняя похощетъ. Аже законъ Божій и законъ человѣческій родителемъ предпостави еже дати чадомъ своимъ по неизмѣняемой волѣ родителской правное и умѣрителное узаконеніе, даби по смерти ихъ не чиниля между собою мятежу и смущенія, яже обикоша нынѣ между многими быти. Сего ради увѣщеваю Богомъ и благословеніемъ нашимъ родителскимъ чадъ моихъ, да со всякимъ благодареніемъ умиротворятся сею остатнею волею моею: напродъ старшой дочцѣ моей Евдокіи Григориевой (по имени мужа) и

по ней Аннѣ Іановой и третой моей дочцѣ Анастасии Прокоповой мѣетъ сынъ мой Іоанъ по тисячи золотихъ дати и то видячи доброе ихъ житие; зъ охендозства, ношення, срѣбра, цѣни, мѣди, подлугъ долгу нашого, подъ часъ виносагу (выдачи замужъ) ихъ зможности, далося; для чого неблагословеніемъ Божіимъ и родителскимъ запрѣщаю дщерамъ моимъ и панамъ зятямъ, абы не турбовали нѣ в чомъ сына моего и до найменшихъ лежачихъ кгрунтовъ и всѣхъ добръ нашихъ не втручалися; понежо яко и право въ статутѣ великого князства литовского, въ розд. 5, артик. 14, того панамъ зятямъ забороняетъ; а сынови моему Іоанну, яко по дѣду и по отцу совершенному наслѣднику, подаю въ спокойное вѣчистое владѣніе млини, именно: кунашевскій, другій—ближній, третій корнѣевскій, четвертій—новій, пятій на Жураховщинѣ, со всѣми прилеглостми, также и Остаповщину зъ млиномъ и зо всѣми прикупленними крунтами и гаями; къ тому всякіе пахатніе поля и сѣнокосы, такъ въ Обтовѣ, яко и въ Погорѣловцѣ; тамъ-же и прилегліе озера, въ Коропѣ пляци, сколко есть, дворовъ три и броваръ и всякіе рухомости; на якіе всѣ добра наши лежачіе, виже спецѣфѣкованніе, покойнимъ отцемъ нашимъ и нами купленіе, оному сыну моему Іоанну подаю купчіе, и сверхъ того, подлугъ унѣверсаловъ рейментарскихъ, потвержателние милостивие ихъ царского пресвѣтлого величества двѣ грамотѣ, при которихъ милостивнихъ царскихъ величествъ грамотахъ, прошу всякой власти, абы при наданнихъ двохъ селцяхъ, Обтову и Погорѣловцѣ, за заслугу покойного дѣда своего, блаженное памяти Петра Михайловича Забѣлы, обозного енералного, и отца своего покойного Іоанна Петровича, и за свою, которую впередъ мѣетъ его царскому величеству и власти рейментарской и всякой робити, зоставалъ. Дѣялося при гродѣ Короповѣ, въ дому нашомъ забѣловскомъ, називаючомся Остаповщинѣ, при уряду мѣскомъ. Року 1713, мѣсяця іюня 2 дня. (*Слѣдуютъ подписи свидѣтелей*).

Всѣ приведенные здѣсь письма и другіе акты, списаны съ подлинниковъ, подаренныхъ намъ умершимъ уже любителемъ мѣстной старины, Петромъ Максимовичемъ Острянскимъ.

Ал. Лазаревскій.

Посѣщеніе Кіева в. кн. Павломъ Петровичемъ и в. кн. Маріею Ѳедоровною.

(СОВРЕМЕННОЕ ОПИСАНІЕ).

Помѣщаемое здѣсь *Описаніе* разсчитано на вниманіе потомства, и мы не можемъ отказать ему ни въ приведеніи подлиннаго его текста, ни въ предварительныхъ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ.

Оно наивно отъ начала до конца, и не только по изложенію, но и по самой постановкѣ сюжета. Это памятникъ жизни, поражающей всегда напыщенностію, ходульностію, отсутствіемъ искренности и простоты,—памятникъ параднаго краснорѣчія, въ которомъ много словъ и мало мысли и еще менѣе искренняго чувства. Мы имѣли въ рукахъ нѣсколько такихъ описаній: можно, и не заглядывая въ нихъ, знать ихъ содержаніе, можно, и не читая ихъ, сказать напередъ, что тутъ шли предварительныя совѣщанія о встрѣчѣ и пріемѣ, чистился городъ, строились тріумфальныя ворота, производилась пальба, давались обѣды и ужины, балы и вечера, играла музыка, горѣли огни, и пр., и пр. Не этотъ, конечно, декорумъ, мало уступающій прогрессу, можетъ привлечь вниманіе читателя;—въ приводимомъ описаніи, помимо воли составителей, желавшихъ увѣковѣчить свои имена и фигурированіе въ такомъ случаѣ, проглянуло нѣсколько историческихъ чертъ—интересныхъ и поучительныхъ.

Любопытна прежде всего тогдашняя ситуація города, совсѣмъ не похожая на нынѣшнюю,—эта не существующая теперь старогородская крѣпость, обнесенная валами, съ воротами львовскими и печерскими, и этотъ спускъ съ Крещатика на Подолъ по глубокому взвозу, который шелъ тамъ, гдѣ нынѣ на значительномъ возвышеніи

находится заведеніе минеральныхъ водъ, и этотъ подъемъ съ Подола по старому Боричеву взвозу. Есть въ описаніи много и другихъ данныхъ для топографіи г. Кіева. Любопытно тогдашнее благоустройство древней матери градовъ россійскихъ, требующее прокладки мостовыхъ лишь на случай проѣзда наслѣдника престола, нарочитаго устройства фонарей только по два предъ каждымъ домомъ, изгнанія или усмиренія наказаніями пьяницъ и воровъ, запиранія снующихъ по улицамъ коровъ, собакъ и свиней и даже убиванія ихъ на улицахъ.

Останавливаютъ на себѣ вниманіе многія другія особенности того времени. Городское представительство, такъ называемый здѣсь привилегированный магистратъ, сохраняетъ еще свой древній престижъ, хотя только по наружности, ибо въ сущности кругъ его вѣдѣнія былъ до крайности ограниченъ, его власть совсѣмъ стѣснена, общественные и военные титулы его членовъ были пустыя клички, и даже блестяще одѣтая городская милиція употреблялась лишь исключительно для парадовъ. Только грамоты русскихъ государей и польскихъ королей, съ особымъ почетомъ имъ хранимыя, напоминаютъ ему о прежней его жизни, не разъ предъ симъ и послѣ сего прерываемый, а потомъ еще разъ возобновленной милостію того самаго государя, котораго теперь, въ качествѣ наслѣдника, онъ принимаетъ. Сохраняютъ еще свою самостоятельность настоятели кіевскихъ монастырей: они сами строятъ почетныя встрѣчи, говорятъ рѣчи и принимаютъ царственныхъ особъ въ своихъ келіяхъ. Въ въ числѣ ихъ выдается по своему высокому положенію архимандритъ лавры, тотъ самый Зосима, который пережилъ ея ставропигію и умеръ, забытый всѣми, въ безвѣстной голосіевской пустыни. Въ ряду 12 архимандритовъ, встрѣчающихъ высокихъ посѣтителей, встрѣчаемъ извѣстнаго въ свое время петербургскому и варшавскому двору и возбуждавшаго горячую дипломатическую переписку, славнаго защитника украинскаго народа, Мелхиседека Знячка-Яворскаго, нынѣ, какъ видно, затертаго уже жизнію. Интересную особенность встрѣчи составляютъ пѣвчіе въ бѣлыхъ одеждахъ, съ лаврами на головахъ, съ пальмами въ рукахъ. Еще болѣе интереса возбуждаетъ эта группа городскихъ „дамскихъ персонъ", окружающихъ великую княгиню и вызывающихъ ея отчасти ироническую похвалу ихъ національнымъ костюмамъ, не требующимъ булавокъ, но видимо

тѣснимымъ уже нѣмецкой модой. Нельзя обойти вниманіемъ торжественной рѣчи войта, обнаруживающей крайне слабый интеллектъ представительства тогдашняго Кіева, равно—символовъ и аллегорій для иллюминаціонныхъ картинъ. Достоинъ примѣчанія вопросъ наслѣдника престола о томъ, кто прежде присоединенъ къ Россіи: Кіевъ, или Малороссія, публичное цѣлованіе имъ подписи на грамотѣ Екатерины, а также *qui pro quo* въ вопросѣ его о подданствѣ къ одному изъ лаврскихъ крестьянъ г. Василькова и отвѣтъ этого крестьянина. Свѣтлой и найболѣе яркой точкой во всей картинѣ вырисовывается *хожденіе* великаго князя къ найболѣе бѣднымъ жителямъ г. Василькова, съ цѣлью оказать имъ пособіе, и набожное моленіе его и его добродѣтельной супруги на обѣднѣ въ кіево-софійскомъ соборѣ.

Наивно и малоискусно начертанная картина проѣзда, встрѣчи и провожанья в. кн. Павла Петровича и в. кн. Маріи Ѳедоровны начинается такимъ витіеватымъ заглавіемъ:

Хронографія или достопамятнаго происшествія, бывшаго въ нынѣшнемъ 1781 году, въ посѣщеніе ихъ императорскихъ высочествъ города Кіева и магистрата, для памяти потомственной, въ кіевскомъ магистратѣ хранимое Описаніе.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Человѣкъ, проходяй мимотекущую жизнь свою, въ своихъ дѣйствіяхъ, дѣлахъ и что въ жизни его случится можетъ великаго, знаменитаго и достопамятнаго, забвенію по смерти его на вѣки предается, естли онъ нерадитъ оставить по себѣ память о томъ въ хронографіи, или исторіографіи, или въ замѣчаніяхъ на бумагѣ случающейся въ жизни его эпохи, еже всякій вѣкъ и роди людей, въ щасливыхъ и неблагополучныхъ премененіяхъ, премененіемъ временъ случающихся, узнавать могутъ. И сколь сіе забвеніе отимаетъ свѣтъ знанія и свидѣнія мимотекущихъ временъ отъ ихъ достопамятности у будущихъ родовъ; столь несравненно хронографія открываетъ симъ родамъ разумъ и просвѣщеніе въ знаніи произшедшихъ прежде ихъ бытія на свѣтѣ, происхожденія дѣлъ и дѣйствій предковъ ихъ.

Сіе самое побуждаетъ насъ, въ единомъ союзѣ любви богоспасаемаго града сего Кіева пребывающихъ гражданъ, для славы тѣхъ, о которыхъ достопамятная сія повѣсть учинена, а для любви къ нашимъ потомкамъ, къ свидѣнію ихъ, одолженными себе здѣлать, описавъ сію вѣка нашего эпоху, въ нынешнемъ 1781-мъ году, въ мѣсяцѣ октябрѣ случившуюся, оставить оную въ магистратѣ къ знанію сего, сколь ощасливленъ городъ нашъ, мы всѣ граждане и учрежденное мѣсто наше, кіевскій привилиерованный магистратъ высокимъ посещеніемъ природнаго нашего Государя Всероссійскаго престола наслѣдника, великаго князя Павла Петровича и вседражайшія Его Императорскаго Высочества супруги, государини, великой княгини маріи Ѳеодоровни, симъ оказавшихъ городу и мѣсту сему высокое свое благоволеніе, удовольствіе и многіе неоценно дражайшіе милостей своихъ знаки.

О всемъ томъ, то есть какъ о приуготовленіи на всевожделѣнное ихъ императорскихъ высочествъ пришествіе въ Кіевъ, такъ и о всѣхъ происхожденіяхъ бывшихъ въ присутствіи ихъ высочествъ въ Кіевѣ, до отбытія отъсель за границу, въ Полщу, подробное слѣдуетъ описаніе.

Сего 1781-го года іюля 31-го числа полученнымъ отъ его высоко-графскаго сіятельства, высокоповелительнаго господина генералъ фельдмаршала, Петра Александровича Румянцова Задунайскаго, ордеромъ оповѣщено кіевскому магистрату о приготовленіяхъ для вожделеннаго посѣщенія края сего и города Кіева въ будущую осень; съ онаго ордера точная копія есть сія.

Кіевскому магистрату.

„По обстоятельству ожидаемаго вожделеннаго посѣщенія, коимъ сей край и городъ Кіевъ, въ будущую осень, осчастливленъ быть имѣетъ; долгъ отъ насъ взыскиваетъ при семъ чрезвичайномъ случаѣ изъявить всѣ чувства усердія и радости. А какъ городъ Кіевъ славится своею древностію и инними преимуществами предъ всѣми протчими, то я не могу сумнится, что магистратъ по тому и другому заключенію не упуститъ наблюсти все подобающее, какъ отъ лица магистрата, такъ и отъ всѣхъ гражданъ, въ разсужденіи приготовленія себѣ въ одѣяніи и

збруи на лошадяхъ, и пѣшо, съ своими знаками и притомъ воздвиженія торжественныхъ при вѣздѣ въ городъ и выѣздѣ изъ онаго воротъ и иннихъ до украшенія города служащихъ объектовъ, по соглашенію о семъ послѣднемъ съ тамошними духовними властми и съ пособіемъ, что до лучшаго расположенія, господина инжинеръ генералъ маіора Тучкова, о семъ особливо отъ мене къ нему писано, и я ожидаю, что тутъ ничего упущенно не будетъ, чего долгъ усердія нашего требуетъ".

На подлинномъ: г. Румянцовъ-Задунайскій

Получивъ въ такой силѣ ордеръ, какъ о семъ единовременно и къ преосвященному митрополиту кіевскому Гавріилу, также къ инжинерному господину генералъ маюру Тучкову его сіятельство, графъ Петръ Александровичъ изволилъ писать, того-жъ времени съѣхались къ преосвященному, всѣ господа генералы, здѣсь находящіяся при командахъ, а именно: господинъ генералъ поручикъ и кавалеръ, кіевскій оберъ комендантъ Кохіусъ, артиллеріи господинъ генералъ маіоръ Бегичевъ, инжинерный господинъ генералъ маіоръ Тучковъ, господинъ генералъ маіоръ Мезенцовъ, находящійся при коммисаріатѣ; также господинъ войтъ, коллежскій совѣтникъ Пивоваровъ, и господа правящіе: бургомистръ и городскій голова Давидовскій, райца Рыбальскій и обще у преосвященнаго учиня о пріуготовленіяхъ консилѣумъ, сколько и на якихъ мѣстахъ быть тріумфальнымъ воротамъ, поѣхали отъ архіерея осмотрѣть и назначить тѣ мѣста. И положили *первымъ* быть у неводницкой пристани, при самомъ мосту, *второе* на выѣдѣ изъ оной пристани, на горѣ у рогатки, *третіи* при выѣздѣ на Подолъ у хрещатской рогатки, *четвертіи* на выѣздѣ съ Кіева къ Василькову у рогатки каменнаго затону. И учиня господинъ генералъ Тучковъ всѣмъ воротамъ планы, при рапортѣ съ курьеромъ пославъ на апробацію къ графу, которые, по апробаціи, всѣ начались весьма поспѣшно дѣлаться, для которой работы, особливо на сіи хрещатскіе ворота отъ магистрата собрано всѣхъ майстеровыхъ людей: то есть, плотниковъ, столярей, слѣсарей, живописцевъ и малярей, и къ сему дѣлу опредѣлено отъ магистрата у смотрѣнія быть, матеріалы покупать, майстеровымъ за работу заплату производить чиновникамъ майстерскимъ: лавнику Косачинскому, инстигаторамъ Стролевскому и Лобку, коимъ всѣ деньги на то получать отъ правящихъ господъ: бургомистра Давидовскаго и райци Ры-

бальскаго, и тетрадь на записки и росписки прошнурную съ магистрата дано.

Между симъ въ магистратѣ вседневно всѣхъ членовъ присутствіе происходило, въ коемъ, что къ лучшему украшенію и распоряженію касалось, чиними были совѣти и определѣно: *первое:* предъ магистратомъ иллюминацію великолѣпно устроить, а вежу иллюминовать разныхъ цвѣтовъ фонарями, къ сему дѣлу для наблюденія надъ работними, такожъ покупки матеріаловъ, то есть: холста, красокъ, сала, плошекъ и протчего принадлѣжащего къ тому, опредѣлено лавника Юрія Рыбальскаго и шафара Ивана Данилова, которымъ такожъ выдаваеми были деньги отъ правящихъ господъ на расходы и на вписаніе оныхъ изъ магистрата дана прошнурная тетрадь, *второе:* внутрь и внѣ магистрата, очистивъ и обѣливъ, пристойными мебелями и украшеніями въ портретахъ, люстрахъ, хрустальныхъ паникадилахъ палати приоздобить; *третіе:* реестровой корогвѣ дать приказъ о стройности, какъ единокалибернаго платья, такъ збруи и въ лошадяхъ, для чего на смотрѣ ихъ, которые въ семъ неисправни оказались, исключени съ параду, *четвертое:* двѣнадцати цехамъ пересмотръ учинить и которые платьемъ, ружьемъ и собою не сообразовали пригожеству исключени были; *пятое:* во всемъ городѣ, при воротахъ всякаго двора, отъ хозяевъ, по два столба (для фонарей) выкрашенныхъ поставить, *шестое:* всякое въ городѣ ветхое безобразное строеніе и иное сломать, а другое обновить, *седмое:* всѣ мостовіе вычистить, иные починить, а другіе вновь сдѣлать, въ томъ числѣ и торговіе площади отъ навозу очистить, пескомъ бѣлымъ усыпать и соснами утыкать; *осмое:* всякого сорту безъ потребы праздношатающихся людей, волочугъ и пьяницъ изъ города выслать, или наказаніемъ унимать; *девятое:* дать приказъ чрезъ городничаго всѣмъ хозяинамъ, чтобъ собакъ и свиней изъ домовъ не выпущали, а въ противномъ случаѣ оный скотъ убивать велѣно.

Все сіе распорядивъ и учредивъ, еще надлежало было съ нѣкоторыми доложеніями въ зависящихъ отъ резолюціи самого графа отправить къ его сіятельству изъ членовъ присутствующихъ въ магистратѣ, почему августа 8-го отправлени господа бургомистръ Дмитрій Александровичъ, да райци Николай Леонтовичъ, Алексѣй Дмитровичъ въ Вишенки, гдѣ между протчего его сіятельству отъ нихъ когда было

доложено, что можно-ль осмѣлиться кіевскому магистрату просить ихъ императорскихъ высочествъ въ магистратъ, а притомъ и на обѣденный столъ, то на сіе въ резолюцію получили, что понеже ихъ высочества не долго въ Кіевѣ быть изволять, то развѣ на ужинъ, когда время дозволитъ. Такъ сіе казалось, будто-бы несовершенно обнадежиться моглъ магистратъ въ счастіи высокаго ихъ императорскихъ высочествъ посѣщенія онаго, а паче удостоенія столоваго присутствія. Когда-жъ всѣ приуготовленія и тріумфальные на всѣхъ мѣстахъ ворота начали приходить къ окончанію, тогда изволилъ пріѣхать самъ графъ Петръ Александровичъ для обозрѣнія всего того. Пріѣздъ его былъ сентября 18 числа, по утру, въ 11-мъ часу, прямо во дворецъ, гдѣ въ короткомъ времени обозрѣвъ всѣ покои и службы во дворцѣ, заразъ поѣхалъ на Подолъ, гдѣ у хрещатскихъ тріумфальныхъ воротъ остановясь и осмотря оные, пошелъ пѣшо, недалече отъ сихъ, въ домъ живописныхъ работъ и увидя всѣ картины для воротъ хорошо сдѣланные, изволилъ похвалить мастерство тѣхъ, оттудова въ магистратъ, а съ его сіятельствомъ и генералитетъ, здѣсь находящійся, въ магистратѣ изволили смотрѣть планъ иллюминаціи, былъ въ судовой палатѣ и канцеляріи, а въ большой скарбовой просили на водку, и по едной чарки его сіятельство и всѣ тоже бывшіе выпили. Отходя изъ магистрата, изволилъ сказать: можно де осмѣлиться магистрату просить ихъ высочествъ; отъсюдова поѣхалъ къ преосвященному митрополиту, часу въ 1-мъ, отъ митрополита въ крѣпость печерскую и изволилъ кушать у господина оберъ-коменданта. Тамъ были представлени въ парадѣ нѣсколько человѣкъ реестровыхъ на смотръ его сіятельству. Тутъ печерскій отецъ архимандритъ на визитъ пріѣздилъ, а послѣ и графъ у него былъ. На другой день, то есть 19-го сентября по утру въ 7-мъ часу, изволилъ изъ Кіева отъѣхать въ Гомель, гдѣ ихъ императорскихъ высочествъ, изъ С.-Петербурга чрезъ Псковъ и Могилевъ имѣвшихъ до Кіева маршрутъ, пріѣзду дожидался, а и съ того мѣста многими ордерами о разныхъ распоряженіяхъ въ Кіевѣ къ кіевскому оберъ-коменданту, господину Кохіусу предписывалъ, въ коихъ и о встрѣчахъ разнымъ чинамъ и командамъ, съ назначеніемъ и мѣстъ, по нижеслѣдующему расположилъ: у первыхъ тріумфальныхъ воротъ на неводницкой пристани—магистрату кіевскому, отъ сихъ воротъ къ крѣпости расположится

конницѣ, впереди магистратовой, за сими легкоконный кіевскій, далѣе легкоконный сѣверскій, а напослѣ ахтырскій гусарскій эскадроны; во вторыхъ тріумфальныхъ воротахъ на выѣздѣ господину оберъ-коменданту съ штабомъ гарнизоннымъ встрѣтить, а отъ сихъ воротъ до крѣпости вооруженнымъ цехамъ съ ихъ знаками, такожъ о караулахъ изъ полковъ пѣхоты ряжскаго, беліовскаго и двухъ ротъ гренадерскихъ сѣвскаго полка, которые на сей случай командированы въ Кіевъ, и въ которыхъ мѣстахъ во всѣхъ трехъ частяхъ Кіева и во дворцѣ, повелѣно, гдѣ кому держать. О пушечной пальбѣ при въѣздѣ ихъ высочествъ, о наблюденіи полиціи за неутѣсненіе постоями обывателей сими ордерами изъ Гомеля и оттудова къ Кіеву изъ разнихъ мѣстъ, въ пути находясь при ихъ императорскихъ высочествахъ, предписывалъ графъ, а магистрату кіевскому отъ 8-го октября изъ Черніѣгова слѣдующаго содержанія прислано извѣщеніе.

Кіевскому магистрату.

„Изволеніе есть ихъ императорскихъ высочествъ усчасливить сей магистратъ высочайшимъ ихъ посѣщеніемъ; что прозба присутствующихъ о удостоеніи тамъ вечерняго стола ихъ присутствіемъ милостивѣйше принята будетъ, я долгомъ моимъ нахожу предварительное тому магистрату сдѣлать извѣщеніе, дабы онъ моглъ къ сему случаю, который долженъ быть для всего города изъ найщастливѣйшихъ, моглъ завременно во всемъ себе предуготовить“.

На подлинномъ: г. Румянцовъ Задунайскій.

Сіе магистратъ получа, совершенно обнадежился въ толь высокомъ счастіи посѣщенія императорскихъ высочествъ онаго и опредѣля изъ чиновниковъ молодыхъ людей многихъ, такожъ въ помощь господъ правящихъ разныхъ: бургомистра Давидовскаго и райца Рыбалскаго, изъ членовъ господъ райцовъ троихъ: Леонтовича, Гаврилу и Дмитровича, подъ-смотрѣніемъ сихъ, все къ столу принадлежащое, пригласивъ кухмейстера его сіятельства графа Кирилла Григоріевича Разумовскаго (бывшаго уже тогда въ Кіевѣ), заготовлять начали.

Съ 10-го противъ 11-го октября ночью, часу въ 10-мъ, его сіятельство графъ Петръ Александровичъ съ пути пріѣхать изволилъ въ Кіевъ, предшествуя ихъ высочествамъ. Тогда, поутру 11-го числа

октября, часу въ восмомъ, господинъ войтъ со всѣми членами магистратскими явились у его сіятельства квартирѣ у губернаторскомъ дому, и получили о встрѣчахъ, по вышеписанному въ ордерахъ его сіятельства повелѣнію, подтвержденіе, а притомъ изволилъ сказать: „когда ихъ высочества изволятъ проѣхать изъ крѣпости во дворецъ, то вы будете во дворцѣ въ то время, и я васъ представлю ихъ высочествамъ". Рѣчи поданы были на апробацію его сіятельства—двѣ русскіе и одна французская, съ которыхъ велѣлъ русскую, краткую, говорить въ магистрате едину, а тѣ отставить. Сіи повелѣнія принявъ, магистратъ, часу въ 9-мъ по утру, отъ его сіятельства поѣхалъ къ назначенному своему у первыхъ отъ мосту тріумфальныхъ воротъ мѣсту. Сіи ворота были сдѣланы изъ бруся и досокъ, такъ, какъ и протчія, съ карнизами и томбами, но украшени были зеленью, то есть увиты были мѣлкими вѣтвями сосны, а по сторонамъ въ передѣ воротъ съ таковимъ же украшеніемъ поставлени были пирамиди, съ герландами, украшенными цвѣтами. Въ началѣ 12-го часса виѣхали сюда къ воротамъ изъ горы цугами, богато убранними и ливреею, пять парадныхъ каретъ, а шестая лѣнѣя графа Петра Александровича, и остановились у воротъ, а вскорѣ потомъ и самъ графъ съ многимъ генералитетомъ и штабомъ изволилъ пріѣхать верхами, при немъ заводныхъ богато-убранныхъ верховихъ лошадей было пять, и немного остановясь у воротъ, поѣхали съ графомъ до подполковничья чина за Днѣпръ къ Лысой горѣ. Сюда скоро изволили прибыть и ихъ высочества, гдѣ графъ и встрѣтилъ и препровождалъ узъ карету ихъ высочествъ ѣдучи; и какъ только пріѣхалъ къ первой по ту сторону мосту верстѣ, тутъ данъ первой сигналъ ракетою и на крѣпости выпалено изъ 51-й пушки, доколь мостъ переѣхали, переѣхавши же мостъ, изволили остановится немного предъ воротами въ каретѣ (на сихъ воротахъ играла музыка). Тутъ подошли къ каретѣ господинъ войтъ съ членами и принесли подданническое свое поздравленіе съ счастливимъ прибытіемъ въ Кіевъ, а господинъ бургомистръ и городской голова Давидовскій поднесли хлѣбъ ржаной ситной и соли на немъ ступка, за что ихъ высочества поблагодаря, изволили проѣхать ворота, и тамъ выйдя изъ дорожней своей кареты, изволили сѣсть въ парадную графскую, и слѣдовать за передовыми конвойними, таковимъ порядкомъ: въ самомъ передѣ магистратская реестровая кон-

ница, подъ предводительствомъ господина райци Копистенскаго, состоящая въ ста тридцати человѣкахъ, въ единокалиберныхъ и единоформенныхъ тонкозеленаго сукна, съ золотымъ балетомъ, черкескахъ, а кафтанахъ красныхъ шолковихъ, шапки малиновые бархатные съ кисти сребранними, съ околицами сѣрими кримскими, саблѣ наголо въ рукахъ держа, по четыре человѣка въ рядъ ѣхали шеренгами съ знамямъ и прапоромъ, съ трубами и литаврами; за реестровими три эскадрона: 1) легкоконнаго кіевскаго, 2) легкоконнаго сѣверскаго и 3) ахтырскаго гусарскаго полковъ ѣхали подъ командою подполковника полку кіевскаго легкоконнаго, барона Леонтія Леонтіевича Бенексена, и карета, въ которой изволили сидѣть ихъ высочества, а графъ всю узъ карету съ боку верхи ѣхалъ; за сею другіе кареты парадніе графскіе, въ которыхъ сидѣли свита ихъ высочествъ, какъ то: господинъ генералъ аншефъ, статсъ дамы, фрейлины, камергеры и протчіе, и какъ подъѣхалъ съ взвозу и въ верстѣ второй отъ крѣпости, тутъ другой сигналъ ракетою данъ къ пушечной пальбѣ, и за симъ выпалено на крѣпости изъ ста одной пушки, и начался колокольной звонъ во всѣхъ трехъ частяхъ Кіева, при всѣхъ церквахъ и монастыряхъ, взъѣхавши-же ихъ высочества на гору, къ другимъ тріумфальнимъ воротамъ, встрѣчени были оберъ-комендантомъ Кохіусомъ съ штабомъ и баталіономъ. На сихъ воротахъ сверху играла музыка; тутъ не останавливаясь проѣхали ворота.

Отъ сихъ тріумфальныхъ воротъ до крѣпости поставлены были въ двѣ шеренги двѣнадцать цеховъ въ ружье съ знаменами до тысячи человѣкъ, между которими въ срединѣ изволили ѣхать ихъ высочества, а цеховые сдѣлали на караулъ, по примѣру карабинеровъ ружьемъ. И въѣхавши въ крѣпость, прямо въ Лавру, гдѣ у троицкихъ воротъ, за тѣ ворота вышедши, ожидалъ освященный соборъ во всемъ богатѣйшемъ облаченіи священномъ, состоящій: изъ двухъ митрополитовъ, кіевскаго Гавріила, греческаго Серафима, единаго архіепископа греческаго Никодима, и единаго епископа Кирилла, двѣнадцати архимандритовъ: 1, печерскаго Зосимы, 2, никольскаго Енихванія, 3, михайловскаго Тарасія, 4, братскаго Касіяна, 5, кирильскаго Кирилла, 6, глуховскаго Мелхиседека, 7, гамалѣевскаго Антонія, 8, батуринскаго Владимера, 9, густинскаго Елисѣя, 10, мгарскаго Волошина,

11 и 12, въ лаврѣ живущихъ сербина Витковича и Варсанофія, и многихъ игуменовъ, іеромонаховъ, протопоповъ, іеродіаконовъ. И какъ только изволили ихъ высочества изъ кареты выйти, митрополитъ кіевскій подошелъ съ крестомъ святимъ, которому изволили приложится, и проговоря краткое привѣтствіе, въ передѣ шествовалъ къ церкве сей соборъ, за онимъ изволили ихъ высочества по дорогѣ отъ троицкихъ воротъ до самой церкви большой, подсланной сукнамы, а по сторонамъ пѣвчіе идучи, кантъ пѣли, которые убрани были въ платье бѣлое, на головахъ лаври, и въ рукахъ несли дѣланные зеленіе пальми. Во входѣ церковномъ окропляемы были святою водою, а по входѣ въ церковъ пѣли: *Достойно есть*, и низпущена чудотворная Успенія Богоматере икона, которой изволили прикладываться съ доземними поклонами. Послѣ сего отецъ архимандритъ Зосима показывалъ, препровождая, дорогу къ мощамъ святителя Михаила, оттуда къ гробу преподобнаго Ѳеодосія и къ мощамъ преподобныхъ печерскихъ, въ складняхъ частицами вложеннымъ, и къ раки, гдѣ перстъ архидіякона Стефана и Владимерова глава положени. Окончивши сіе поклоненіе, отецъ архимандритъ довелъ до мѣста уготованнаго пониже праваго крилоса къ стѣнѣ, которое изъ внѣ обито золотою парчею сутою, а внутри малиновимъ бархатомъ, съ золотимъ позументомъ съ бахромою, гдѣ ихъ высочества изволили стать. Тогда митрополитъ кіевскій подошелъ ближе, говорилъ пространную поздравительную рѣчъ съ изъявленіемъ величайшія радости въ высокомъ посѣщеніи ихъ императорскихъ высочествъ города Кіева. По окончаніи сея, перводіаконъ проговорилъ ектенію и многолѣтствіе, пѣто было оное, а за симъ изволили изъ церкви за арата монастирскіе шествовать таковимъ-же порядкомъ, какъ и въ монастиръ, то есть за препровожденіемъ освященнаго собора. А во дворецъ ѣхали за тѣми-жъ конвойними командами и между цехами, до дворца построившимися шеренгами.

Пріѣхавши во дворецъ и перешедъ залу, въ боковіе изволили пойти покои, въ залѣ-же собрались оба господа фельдмаршали: Разумовскій и Румянцовъ-Задунайскій, графъ Понятовскій, генералъ Цесарскій, весь генералитетъ, весь штабъ и оберъ-офицери, малороссійское шляхетство, господинъ войтъ съ членами магистрата, и дожидались съ полъ часа, пока изволили войти въ залу, гдѣ жаловали всѣхъ къ рукѣ, въ началѣ оба фельдмаршали, потомъ графъ Понятовскій и другіе

генерали—польскій и цесарскій и весь генералитетъ, и всѣ протчіе, здѣсь собравшіесь. Ея высочество каждаго подходящего къ рукѣ изволила цаловать въ щоку. графъ-же Петръ Александровичъ, со стороны его высочества стоя, подходящихъ представлялъ, кто таковъ, въ томъ числѣ и магистрата кіевскаго войта съ членами. По окончаніи сего со дворца вышли всѣ, только фельдмаршалы и другіе изъ генералитета остались. Въ вечеру того дня съѣхались во дворецъ всѣ знатнѣйшіе дамы, которые допущены были къ рукѣ ея высочества. Сего вечера иллюминовано было во всѣхъ троихъ частяхъ Кіева, а во дворцѣ садъ весь, разныхъ цвѣтовъ фонарями и плошками, и особливою какъ въ саду, такъ и предъ дворцемъ на площадѣ холщевою трочасткою, изображающею—на одной Плутона и Прозерпину, съ другими символическими знаками, которая въ прорѣзнихъ клѣтчатыхъ фигурахъ состояла; на другой Нептунъ съ купидонами изображенъ. Печерская колокольня фигурою пирамиды иллюминована было.

Сей день ихъ высочества обѣдъ и ужинъ изволили во дворцѣ имѣть.

Сей день оповѣщено его сіятельствомъ магистрату, что завтра, то есть 12-го октября, изволятъ ихъ высочества удостоить магистратъ посѣщеніемъ на ужинной столъ, почему магистратъ отъ себя чрезъ посланныхъ приглашалъ къ тому столу обоихъ господъ фельдмаршала и графа Понятовскаго, цесарскаго генерала и всѣхъ здѣшнихъ и пріѣзжихъ генераловъ съ ихъ супругами и дочерми на утренній вечеръ.

12-го числа октября мѣсяца, по утру, часу въ 11-мъ, его высочество изволилъ ѣздить осматривать крѣпости печерской верхами, съ Петромъ Александровичемъ и съ генералитетомъ; поворотясь оттуда во дворецъ, паки съ ея высочествомъ въ каретѣ изволили поѣхать въ лавру и на ближнюю пещеру, гдѣ отецъ архимандритъ Зосима въ пещерахъ ихъ высочествамъ предшествовалъ и показывалъ дорогу. Изъ пещеры вышедъ, изволили пойти въ большую церковъ: тутъ архимандритъ всѣ дорогіе утвари и сосуды церковные какъ въ олтарѣ, такъ и въ тезофилакіи открывалъ, объясняя притомъ укладчиковъ оныхъ—какъ государей россійскихъ, такъ (и прочихъ). Съ большой церкви изволили пойти къ архимандриту въ келіи и тутъ кушали рыбное кушанье, откушавши-же здѣсь изволили поѣхать въ Старый Кіевъ, гдѣ при

въѣздѣ въ оный изъ пушекъ выпалено по военному уставу, и проѣхавъ прямо къ монастырю михайловскому, гдѣ отецъ архимандритъ Тарасій, въ облаченіи, съ іеромонахами и іеродіаконами встрѣтили за брамою, съ крестомъ святымъ, и препроводили въ церковъ, гдѣ пѣли крилошане: *Достойно, эктенію* и многолѣтствіе; ихъ высочества изволили прикладыватся мощамъ святія велико мученицы Варвары и другимъ новопреобрѣтеннымъ святыхъ Пантелѣймона, Харлампія и Спиридона. Послѣ сего отецъ архимандритъ рѣчь говорилъ, и по окончаніи той, въ препровожденіи архимандрита съ братіею въ облаченіи, за монастырь изволили ити, и отсюда мимо софійскій каѳедральній монастырь въ печерскіе ворота и Хрещатскимъ взвозомъ на Подолъ. Тутъ у тріумфальныхъ воротъ вторая встрѣча была, съ хлѣбомъ и солью, господина войта съ членами магистрата; на воротахъ въ верху играла музыка графа Петра Александровича. Сіи ворота въ живописныхъ картинахъ и строеніи расположенія были таковы. (Здѣсь пропускъ и отмѣтка) *описаніе воротъ тріумфальныхъ хрещатецкихъ.*

Отъ сихъ воротъ расположилась конница таковимъ порядкомъ: предъ воротами къ крещатику командиръ оной, господинъ Копыстенскій предъ фрунтомъ стоялъ на лошади съ обнаженною саблею, въ фрунтѣ стояли знамя и значекъ, трубачи и литаврщики, и нѣсколько реестровихъ по обѣ стороны въ шеренги, протчіе-же по ту сторону воротъ къ городу, въ двѣ-же шеренги, а за ними двѣнадцать цеховъ въ фрунтѣ съ знаменами протянулись по обоимъ-же сторонамъ улицъ мостовой до покровской церкви. И какъ приближились къ воротамъ, то командиръ конницы саблею честь сдѣлалъ, а господинъ войтъ съ членами подошелъ къ каретѣ, господинъ-же голова поднесъ хлѣбъ-соль такимъже порядкомъ, какъ и у первыхъ воротъ, то его высочество при благодареніи изволилъ сказать, изъ кареты видавшись: „*мы ваши гостъ*“; и проѣхавъ ворота между шеренгами, конницы и цеховыхъ, которые на караулъ сдѣлали, изволили пріѣхать въ фроловскій монастирь, часу въ шестомъ пополудни. Тутъ встрѣчу сдѣлалъ съ священствомъ сего монастиря кириловскій архимандритъ, въ облаченіи, и игуменія Калѣстена со всѣми монахинями сего монастиря, и проводивъ къ церкви, гдѣ пѣли монахини: *Достойно*, ектенію и многолѣтіе. Изъ церкви изволили посѣтить игуменскіе келіи, гдѣ и монахини были, и

поелику въ семъ монастырѣ многіе суть изъ россійскихъ знатныхъ мужей жены и дворяне, то изволили съ ними разговаривать и спрашивать, въ расужденіи монашеской ихъ жизни и монастирскаго поведенія, о многомъ. И такъ побывъ въ семъ монастырѣ часа до полутора, въ окончаніи седьмаго часа изволили отбыть отсюдова, и поѣхали съ Подолу во дворецъ, а съ ихъ высочествами и графъ Петръ Александровичъ въ едной каретѣ, отъѣжжал-же изъ монастыря фроловскаго, его сіятельство изволилъ прислать оттуду офицера, поручика Красовскаго, въ магистратъ сказать, что какъ будетъ восемъ часовъ, то чтобъ у магистратѣ столъ былъ готовъ и кушанья поставлено бъ было. До пріѣзду-же ихъ высочествъ въ магистратъ, въ седмомъ часу собрались дамы и кавалери, приглашенные отъ магистрата, а именно: графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, графъ Понятовскій, графъ Цесарскій, изъ генералитета Прозоровскій, два Гудовичи, Нащокинъ, Энгельгардъ, Кульберсъ, Кохіусъ, Бегичевъ, Тучковъ, Мезенцовъ, изъ бригадиръ-же Энгельгардъ и Бухгольцъ, дамскіе персони: госпожа Тепловша съ дочерми, госпожа Кохіусова, госпожа Бегичева съ дочерми, госпожа Тучкова съ дочерми, и другіе. Въ сіе время по билетамъ только впущаеми были въ магистратъ, какъ изъ гражданъ, такъ и изъ пріѣжжихъ знатнихъ людей, какъ мужеска, такъ и женска полу, то и давани оніе были гражданству, чиновнимъ людямъ и ихъ женамъ со взрослими дѣтьми ихъ, по которимъ какъ госпожа войтша съ дочерью, такъ всѣхъ членовъ магистратскихъ жены съ дочерми и другихъ чиновниковъ присутствовали тутъ, такожъ и изъ пріѣжжихъ благороднихъ не мало было.

Въ началѣ-же девятаго часа всевожделѣнно изволили прибыть ихъ императорскіе высочества, а съ ними и графъ Петръ Александровичъ въ единой каретѣ, такъ же и придворные. Предъ магистратомъ вся площадь до тѣхъ мѣстъ, пока иллюминація занимала, вся была свободна, потому что въ кругъ сей площади стояли цеховые съ ружьемъ, а другіе съ факелами, и недопускали народу входить сюда.

Иллюминація занимала мѣста на четырнадцать саженей длины, а висоти въ средине шесть съ половиною, по концамъ-же верхами по три съ половиною. Въ верху красками изображено было въ промѣняхъ ея императорскаго величества подъ короною вензеловое имя, по сторо-

намъ ихъ высочествъ Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны, въ срединѣ, пониже ихъ высочествъ, Александра Павловича и Константина Павловича, внизу въ храмѣ жертвенникъ, а на немъ тринадцать сердецъ пылающихъ, знаменующіе по числу членовъ въ магистратѣ кіевскомъ присудствующихъ, по обоимъ сторонамъ въ храмѣ по шесть человѣкъ ремесленныхъ людей, стоящіе по два человѣка между томбами и держащіе въ рукѣ сердце пылающее, а подъ ногами у всякаго изъ оныхъ ремесла его знаки, въ храмѣ, выше жертвенника, на томбахъ, съ единой стороны на право книга высочайшей грамоты, жалованная городу Кіеву, съ завѣсистою печатю и съ кистьми, съ левой стороны магистратскій гербъ. За сею иллюминаціею съ низу до верха на полкахъ до тысячи плошекъ горѣло. Вежа иллюминована была разныхъ цвѣтовъ фонарями. На входѣ въ магистратъ и при всѣхъ дверяхъ въ оной, то есть у пяти мѣстъ, поставлены были реестровіе, а въ первыхъ сѣняхъ, въ рядъ чрезъ оные, семъ паръ, всѣ съ обнаженными саблями, при ладункахъ, которыми и честь дѣлали на караулъ входящимъ ихъ высочествамъ. Предъ магистратомъ встрѣтилъ ихъ высочествъ господинъ войтъ съ членами магистрата, когда-же изволили ихъ высочества войти внутрь магистрата, гдѣ на всѣхъ переходахъ услано было красными сукнами, и первѣе въ судейскую палату, которая богатыми коврами постлана была и освѣщена зеркалами, люстрами и многими свѣчами, то немножко походя, обѣ сіи высокіе персоны, стали вмѣстѣ о средѣ палаты въ право; тогда бургомистръ Дмитрій Александровичъ, выступя предъ ихъ императорскихъ высочествъ, началъ рѣчъ говорить слѣдующую:

Пресвѣтлѣйшій государь!

„Се новая эпоха вѣка нашего, се открылась потомственнымъ вѣкамъ и роду нашему высокославная знаменитость въ память ихъ, се день всевожделѣннаго посѣщенія вашихъ императорскихъ высочествъ прародительной отчины своей есть сущее наше блаженство: се бо духъ нашъ стремится внерять въ себе всѣ радости знаки, всѣ благодушія виды, всѣ благоденствія чувства. Отроки, юноши, мужи и старцы наши, духъ свой ободряя, виды свои увеличивая, текутъ въ срѣтеніе ваше, нося благовѣнно усердствующаго въ кротости духа въ видахъ своихъ

радости и веселія знаки, нося, посвящая, тебѣ, о всероссійскаго престола наслѣдниче, жертву хваленія и благодаренія! Пріими отъ рабовъ твоихъ сіе приношеніе и буди милость твоя на градъ сей и на насъ, якоже уповаемъ".

По окончаніи рѣчи сей, изволили ихъ высочества, приближась къ говорившему рѣчь бургомистру Александровичу, сказать: „мы довольны вашимъ усердіемъ, мы видимъ, что вы любите насъ и усердно принимаете насъ", а ея высочество изволила сказать: „мы будемъ помнить ваше усердіе". И въ сихъ рѣчахъ столь вѣяло высокіе свои виды оказывать изволили. Далѣ начали спрашивать у всѣхъ тутъ вмѣстѣ съ господиномъ войтомъ стоящихъ членовъ о строеніи палатъ магистратскихъ, какъ давно построены, потомъ о выборахъ бургомистровъ и райцовъ, по баламъ-ли, или голосами избираются, и какъ перемѣняются. На сіе по точности правъ магдебурскихъ отвѣтствовано. Послѣ сего изволилъ его высочество спросить: „гдѣ у васъ хранятся жалованные грамоты и привилегія"? На сіе когда господинъ войтъ рукою показалъ путь въ скарбовую палату, что онѣ тамъ, а притомъ предшествовалъ самъ, тогда ихъ высочества заразъ изволили въ ту палату пойти, въ слѣдъ за ними и всѣ тутъ бывшіе фельдмаршалы, графы, генералитетъ и дамскіе персоны. Тутъ на переходѣ въ сѣняхъ, на хорахъ, загремѣла состоящая изъ двадцати девяти человѣкъ музыка Петра Александровича. Скарбовая-же сія палата, или приличнѣе сказать парадная зала убрана была портретами, зеркалами, люстрами, мебелями богатыми, канапами, креслами и освѣщена весьма прозрачно и благолѣпно. И какъ изволили туда войти къ мѣсту, гдѣ сіе сокровище содержится, то господинъ голова Давидовскій открывъ ковчегъ, которой на убранномъ столику, покритомъ зеленою кожаною наволокою, лежалъ, въ промежуткахъ окна праваго, въ тилу скарбовой палаты, съ высочайшими грамоты. Въ началѣ вынувъ грамоту нынѣ царствующей государини Екатерины второй, императрицы, которую ея высочество разгнувъ читать изволила, а потомъ собственноручный подписъ ея величества обое цаловать изволили. Далѣй государя Петра Великаго всѣ три имѣющіеся грамоты смотрѣли, потомъ спросили о грамотѣ царя Алексѣя Михайловича и оную изволили смотрѣть, такожъ и прочіе. Тутъ спрашивали, кто въ подданство россійское прежде войшоль: Кіевъ-ли, или Ма-

лороссія? На сіе г. голова отвѣтствовалъ, что единовременно. По семъ увидѣвъ государя Петра I-го, императора, особливо магистрату жалованный указъ, за собственноручнымъ подписомъ, оный подписъ оба цаловать изволили; потомъ спросясь о привилегіяхъ королей польскихъ, которыя въ лѣвомъ тиловомъ окнѣ, такъ-же въ ковчезцѣ, и на такомъ-же убранномъ столику стояли, не доходя, заразъ изволили сѣсть за столъ, который набранъ былъ на пятдесятъ кувертовъ, и всѣ приглашенные дамскіе персоны и кавалери, до чина полковничья, тутъ кушали. У креселъ ихъ высочествъ, при кушаньи, стояли со стороны великія княгини госпожа войтова, съ женами членовъ магистратовихъ, а отъ стороны великаго князя господинъ войтъ съ членами: ихъ высочества за ужиною, кромѣ воды, ничего пить не изволили. При ужинѣ въ разныхъ матеріяхъ съ господиномъ войтомъ и съ членами разговаривать изволили, какъ-то: о войтовствѣ его, какъ войшолъ, и гдѣ женился, а изъ членовъ именъ и фамилій изволилъ спрашивать, ея же высочество изволила сказать: „хорошо де насъ кормите и хорошо принимаете". При окончаніи ужина довольно милостиво изъявивъ свое благоволеніе и удовольствіе магистрату, изволили, вставъ отъ стола, шествовать паки въ судовую палату, гдѣ его сіятельство представилъ ея высочеству госпожу войтову съ протчими членовъ женами и ихъ дочерми, которыя жалованы ея высочествомъ къ рукѣ. Тутъ были и другихъ чиновниковъ магистратскихъ жены съ дочерми, такожъ и пріѣжжіе изъ Россіи и изъ Малороссіи дворянскіе жены. Послѣ сего ея высочество изволила разговаривать съ женами членовъ о платьи ихъ малороссійскомъ, похваляя, что оно покойное и незаботное, не требующее долгого времени для убору, что тутъ булавки ко употребленію не нужны, и изволила спросить, всѣ-ли въ такомъ платьи ходятъ; на что они отвѣтствовали, что старые только придержатся еще сего природнаго своего платья, а молодые и дочери ихъ переодѣлись въ нѣмецкое. Потомъ изволила сказать: „мы теперь у васъ очень веселы, но не въ тягость-ли мы вамъ?" На что бургомистръ Александровичъ отвѣчалъ: „о, ваше императорское высочество, чрезвычайно счастливы мы высокимъ посѣщеніемъ! Предки наши не имѣли таковаго счастія". Поговоря еще нѣсколько времени и усугубивъ свое благоволеніе о удовольствіе, его высочество изволилъ сказать: „объявите всѣмъ гражданамъ

ваше благодареніе", и въ половинѣ двѣнадцатаго часа изъ магистрата изволили отбыть во дворецъ, а до того времени цехи и конница въ парадѣ стояли на своихъ мѣстахъ.

На другой день по утру, то есть тринадцатаго октября, господинъ войтъ съ членами ѣздили во дворецъ благодарить ихъ высочествамъ за милостивое посѣщеніе города и магистрата, гдѣ паки его высочество вновь изволилъ оказать свое благоволеніе и благодареніе гражданству, сказуя: „вы наши хозяева".

Сего утра, часу въ 10-мъ, его высочество изволилъ смотрѣть двухъ ротъ гранадерскихъ сѣвскаго полку экзерцицію и присудствовать при разводѣ ихъ, и какъ сего-же дни благоволили ихъ высочества быть на Подолѣ у братскомъ училищномъ монастырѣ, то и паки господинъ войтъ съ членами у тріумфальныхъ воротъ встрѣчу дѣлали; кто-же въ сіе время при господинѣ войту, коллежскому совѣтнику Григорію Сидоровичу Пивоварову въ магистратѣ члены были, незапотребно для памяти тѣхъ (которые во все сіе время присутствовали) здѣсь написать по порядку присутствія ихъ въ магистратѣ; 1) господинъ бургомистръ и городскій голова, бунчуковій товарищъ, Яковъ Ивановичъ Давидовскій; 2) господинъ бургомистръ и депутатъ, бунчуковій товарищъ, Іосифъ Васильевичъ Гудимъ; 3) господинъ бургомистръ, бунчуковій товарищъ, Герасимъ Романовичъ Кувичинскій, 4) господинъ бургомистръ, бунчуковій товарищъ, Димитрій Михайловичъ Александровичъ; 5) господинъ бургомистръ, бунчуковій товарищъ, Илія Николаевичъ Сребицкій, 6) господинъ райца, войсковій товарищъ, Петръ Михайловичъ Дубровскій, 7) господинъ райца, войсковій товарищъ, Василій Степановичъ Копистенскій, 8) господинъ райца, войсковій товарищъ, Николай Алексѣевичъ Леонтовичъ, 9) господинъ райца, войсковій товарищъ, Гавріилъ Ивановичъ Ѣдрило, 10) господинъ райца, войсковій товарищъ, Романъ Даниловичъ Чишинечъ Власенко, 11) господинъ райца, бунчуковій товарищъ, Алексѣй Степановичъ Дмитровичъ, 12) господинъ райца, войсковій товарищъ, Степанъ Ивановичъ Рыбальскій. Всѣ сіи вышеупомянутые члены во все время пріуготовленія и бытія ихъ высочествъ въ Кіевѣ неотлучны были, и во всѣхъ распоряженіяхъ участвовали, у писменныхъ-же дѣлъ тогда были: писарь Василій Григоровичъ Максимовичъ, а реентъ Корсунъ.

У сихъ воротъ дожидались пріѣзду ихъ высочествъ; такожъ конница и цехи такимъ порядкомъ, какъ и вчера расположились, только на воротахъ музыки уже не было, и встрѣчали безъ хлѣба. Въ 11-мъ часу по утру изволили ѣхать въ братскій монастырь; тутъ отъ господина войта и членовъ ихъ высочествамъ сдѣланъ поклонъ, отъ командира конницы саблею отдана честь, а цеховые сдѣлали на караулъ, и пріѣхалъ къ братскому монастырю, гдѣ отецъ архимандритъ и ректоръ Кассіанъ, съ святымъ крестомъ, съ префектомъ и учителями академіи сей, и другими того монастыря іеромонахами, въ священническомъ облаченіи, святымъ крестомъ ихъ высочествъ за воротами монастырскими встрѣтили, и препроводили въ большую церковь, а студенты отъ воротъ къ церквѣ стояли въ два ряда, пѣвчіе-же въ бѣломъ платьѣ, съ лаврами на головахъ, а въ рукахъ пальмы держа, по сторонамъ шли и пѣли кантъ. Отъ воротъ до церкви путь усланъ былъ сукнами, въ церкви пѣто: *Достойно,* эктенію и многолѣтствіе. Ихъ высочества здѣсь изволили прикладываться чудотворной Божей Матери иконѣ, послѣ сего отецъ архимандритъ Кассіанъ говорилъ весьма изрядную рѣчь, а по окончаніи рѣчи предшествовалъ архимандритъ съ іеромонахами и іеродіаконами изъ церкви средними дверьми, а за ними ихъ высочества изволили пойти на верхніе школы, при пѣніи студентами канта, и начавъ отъ философской, чрезъ большую залу и школу богословскую до церкви студенской, называемой конгрегаціею; изъ церкви сошли на низъ другимъ ходомъ отъ школы риторики въ монастиръ и въ келіи префектовскіе (понеже новостроющіяся архимандритскіе не были отдѣланы келіи). Тутъ академисты мальчики привѣтствіе сказывали по единому семи языки: 1-е по русску, 2-е по польску, 3-е по латынѣ, 4-е по нѣмецку, 5-е по французску, 6-е по еллиногречески, 7-е по еврейску. По сказанію сихъ рѣчей, отецъ архимандритъ поднесъ ихъ величествамъ рукописаніе оды въ тетрадяхъ, обложенныхъ парчою, а обоимъ фелдмаршаламъ, графу Понятовскому (его величества короля польскаго племяннику), генералисту, тутъ бывшему, зеленою кожею. И за симъ изволили отбыть изъ монастыра, въ провожаніи архимандрита съ соборомъ, и съ пѣвчими, и сѣвъ въ кареты, поѣхали мостовою къ воскресенскимъ воротамъ, а отъ воротъ поворотя налѣво, по надъ каналомъ изъ Кудрявца текучой воды, онимъ выѣхали на большую мо-

стовую, идучую мимо притисконикольскую церковъ, петропавловскій манастиръ, и мимо соборноуспенскую и доброниколаевскую церковъ, въ тріумфальные хрищатскіе ворота и во дворецъ, реестровая-же конница и цехи до сего времени на своихъ мѣстахъ къ тріумфальнымъ воротамъ стояли въ парадѣ.

Ихъ высочества сей день обѣдной столъ имѣть изволили во дворци, а въ вечеру на балѣ и на ужинѣ у его сіятельства, графа Петра Александровича, въ губернаторскомъ дому.

Четырнадцатаго числа октября, то есть въ день рожденія государини, великія княгини Маріи Ѳеодоровны, въ 9-мъ часу поутру, собрались во дворецъ оба господа фельдмаршали, графъ Понятовскій, графъ Цесарскій, весь генералитетъ, штабъ и оберъ офицери, малороссійское шляхетство, господинъ войтъ съ членами магистратовими, которое собраніе занимало большую часть залы, часу же въ десятомъ въ предшествіи господъ камергеровъ Юсупова и Куракина, изволили ихъ высочества войти въ залу, гдѣ отъ всѣхъ чиновъ ея высочеству приносими были поздравленія и всѣ жалованы къ рукѣ.

По окончаніи сего изволили поѣхать въ софійскій кафедральный монастиръ на литургію. Тутъ митрополитъ кіевскій, съ трома другими архіереями, и восемъ человѣкъ архимандритами, и протчимъ духовенствомъ, въ облаченіяхъ, встрѣтили за манастирскими воротами, и препроводя въ большую церковъ, начали пѣть службу Божію. Ихъ императорскіе высочества стояли въ церквѣ на уготованномъ, богато убранномъ мѣстѣ, гдѣ правій крилась стоялъ, и слушали литургію весма внимательно и благовѣйно, дѣлая ежечасто поклоненіе крестное, полагая на челахъ своихъ прямій крестъ. По окончаніи литургіи приличную сему торжеству и сему случаю бытія ихъ высочествъ въ Кіевѣ, весма хорошую говорилъ проповѣдь михайловскій отецъ архимандритъ Тарасій. По окончаніи литургіи молебствіе съ пушечною съ обѣяхъ крѣпостей пальбою; по молебствіи изволили ихъ высочества прикладываться къ мощамъ святителя Макарія, и другимъ, въ ковчезцахъ здѣсь поставленнымъ; потомъ митрополитъ кіевскій говорилъ ея высочеству поздравительную рѣчь, и въ провожаніи онаго изъ церкви изволили пойти въ архіерейскіе келіи. Тамъ накороткѣ побывавши, отбыли во дворецъ. Во дворцѣ обѣдали съ ихъ высочествами до полковничьяго

сына, а съ духовенства четыре архиереи, да печерскій архимандритъ. Въ вечеру во дворцѣ былъ балъ; иллюминація, такъ какъ и всяку ночь въ бытность ихъ высочествъ въ Кіевѣ, во всѣхъ троихъ частяхъ Кіева и во всѣхъ мѣстахъ приготовленныхъ была. Въ 11-мъ часу сего вечера предъ дворцемъ зажженъ былъ феерверкъ, весьма богатый и изрядный, за который офицеру понтонной роты, порутчику Крупяникову, дѣлавшему оный, изволили ихъ высочества пожаловать сто червонцевъ и табакерку. Въ сей день на богадѣльни и вдовамъ раздавана была милостиня, въ томъ числѣ и на городовую подольскую богадѣльню изъ числа двохъ сотъ рублей, выданныхъ на всѣхъ, 30 р. дано, такъже двоимъ женскимъ монастирямъ: іорданскому и богословскому жаловано по сто рублей ассигнаціями, а ея высочество изволила дать своего платья парчевую пару.

Пятнадцатаго числа октября былъ день отъѣзда ихъ высочествъ съ Кіева, толь всѣмъ прискорбенъ, сколь до сего всѣ радовались, видя наслѣднаго своего государя ко всѣмъ милостива, кротка, любезна, а равныхъ качествъ и супругу его, государыню милостивую, добродѣтельну, ко всѣмъ благосклонну, а что ихъ высочествамъ самимъ Кіевъ понравился, сами въ томъ изволили признать, а особливо въ отъѣздѣ свидѣтельствовали ихъ слезы въ очахъ бывшіе и рѣчь выговоренная митрополиту Гавріилу: „жаль де намъ съ вами разставатся“, что въ своемъ мѣстѣ написано будетъ. Когда сей день, столь болѣе чувствителенъ былъ въ скорби, сколь день пришествія ихъ императорскихъ высочествъ въ Кіевъ радостенъ, сего безъ слезъ и печали описать не можно: одинадцатое октября былъ праздникъ веселія, тріумфа и торжества, а пятнадцатое того-жъ октября сдѣлалось печально. Почему? — Потому, что тогда мы увидѣли своего наслѣднаго государя и дражайшую его высочества супругу, ихъ же видѣть желала душа наша; нынѣ, увидѣвъ и дознавъ высокіе милости и любовь ихъ къ намъ, видимъ вмалѣ отлучающихся отъ насъ. Но Богъ да пошлетъ имъ въ пути ангела своего свята, хранителя мирна, и будемъ молить Его, чтобъ сподобились и слышать и видѣть впредь наслѣднаго своего государя, великаго князя Павла Петровича и дражайшую супругу его, государыню, великую княгиню Марію Ѳеодоровну въ отечествіи своемъ здравихъ и покриваемыхъ всякою божескою благостинею.

Пятагонадесятъ числа по утру, въ восьмомъ часу, собрались во дворецъ всѣ чини вышеписанные и дожидались въ залѣ, а въ девятомъ часу изволили выйти ихъ высочества изъ своихъ чертоговъ въ залу, и поклонясь всѣмъ, простились съ слезами, и сѣвъ въ дорожную карету, поѣхали чрезъ крѣпость прямо въ лавру, за прежними всѣхъ вышеписанныхъ командъ передовыми конвоями, майстратовою конницею и пѣхотними цехами, стоящими отъ дворца къ крѣпости въ парадѣ. Подъѣзжая же къ крѣпости, началась пальба на валу изъ пушекъ, а пріѣхавъ къ троицкимъ печерской лавры воротамъ встрѣтилъ архимандритъ Зосима съ своимъ соборомъ, въ священномъ облаченіи, и препроводилъ ихъ императорскихъ высочествъ въ большую церковь, гдѣ заразъ начался о путешествіи молебенъ, а ихъ высочества изволили стать въ своемъ мѣстѣ. По молебствіи прикладывались чудотворной успенія Богоматери иконѣ. Тутъ ея высочество изволила во украшеніе церкви печерскія архимандриту дать икону, въ четверть листа, въ драгоцѣнномъ окладѣ, въ бриліантахъ и другихъ дорогихъ каменьяхъ, изображающую Христа Спасителя, исцѣляющаго больнаго. По семъ отъ лица лавры говорилъ рѣчь типографъ и проповѣдникъ Ѳеофанъ, принося благодареніе за высокое посѣщеніе ихъ высочествъ святыхъ мѣстъ сихъ; по окончаніи рѣчи, за препровождающимъ архимандритомъ, съ соборомъ, изволили изъ церкви выйти за монастырь до кареты (тутъ опять началась пушечная пальба). Изъ крѣпости изволили слѣдовать на выѣздъ къ Василькову къ тріумфальнымъ воротамъ; не доѣзжая-жъ сихъ, на пути остановились у пушечнаго двора и ходили въ арсеналъ; тамъ съ полчаса (осматривали онаго) помѣшкавъ, вышли и сѣвъ въ карету, доѣхали до тріумфальныхъ воротъ. Тутъ дожидались митрополитъ Гавріилъ въ мантіи и поднесъ ихъ высочествамъ на пути хлѣбъ и соль, а съ нимъ епископъ Кирилъ и архимандриты; тутъ ихъ высочества остановясь вышли изъ кареты и прощаясь съ митрополитомъ, его высочество изволилъ сказать: „жаль намъ съ вами разставаться". Сѣвъ въ карету, проѣхали ворота (Пропущено описаніе воротъ).

Проѣхавши-жъ отъ сихъ воротъ съ полверсты, конница наша воротилась назадъ, потому что придворной лакей, прискакавши къ предводителю оной, сказалъ: „проситъ его высочество воротится вамъ". И такъ ихъ высочества часу въ первомъ по полудни отъ сихъ воротъ

къ Василькову путь воспріяли, а съ ними и графъ Петръ Александровичъ, провожающій, поѣхалъ. Въ Васильковъ пріѣхали часу въ пятомъ по полудни. Тамъ его высочество, прохаживаясь въ ономъ городку и отлучась одинъ съ придворнымъ лакеемъ взошелъ въ одинъ убогій домишокъ, гдѣ церковный паламарь живетъ, изволилъ тому паламарю сказать, поведи де меня къ самимъ бѣднымъ, у васъ живущимъ людямъ. Паламарь, вѣдая своихъ убогшихъ людей, къ нимъ и повелъ, и перваго мужичка застали, хижину свою накривающаго соломою, котораго его высочество изволилъ спросить, чей онъ подданный?—отвѣтствовалъ: печерскаго монастыря.—Хорошо-ли вамъ жить?—отвѣтствовалъ: добре пане, и сему пожаловалъ имперіала. Отсюду къ другому мужику, и сему пожаловалъ полуимперіала; назадъ воротясь, изволилъ зайти опять къ паламарю, которому пожаловалъ имперіала. Здѣсь въ Васильковѣ изволили имѣть ночлегъ, а на другой день, то есть октября шеснадцатаго, часу въ 9-мъ по утру, изволили путь свой воспріять за границу, въ Полщу, къ первому мѣстечку польскому Фастову. Тутъ на выѣздѣ изъ Василькова старый отставной солдатъ купилъ на базарѣ на двѣ копейки ржаной хлѣбъ и ступку соли, поднесъ ихъ высочествамъ, на пути уже ѣхавшимъ, за что оному солдату пожаловали имперіала.

Графъ Петръ Александровичъ, проводивъ ихъ высочества, возвратился въ Кіевъ 17-го октября, по того-же числа два письма—едино отъ ея высочества, а другое отъ его высочества писанные къ нему изъ Жидовецъ, получивъ, съ которыхъ копіи подъ симъ пріобщаются.

Изъ Жидовецъ октября 16-го 1781 года.

Графъ Петръ Александровичъ!

При самомъ оставленіи нашей границы, я считаю моимъ долгомъ изъявить мое благодареніе за хорошія пріуготовленія, вами учиненныя, для проѣзда нашего чрезъ Малороссію. Въ семъ попеченіи видѣла я новый и пріятнѣйшій знакъ вашего къ намъ усердія; такъ-же прошу васъ засвидѣтельствовать малороссійскому дворянству мою благодарность за пріемъ отъ нихъ сдѣланный, который не престану въ памяти моей съ удовольствіемъ сохранять, въ протчемъ пребываю я ваша благосклонная.

Подлинное подписано собственною ея императорскаго высочества рукою.

Графъ Петръ Александровичъ.

Оставивъ сего дня границу, я считаю пріятнымъ для себя долгомъ изъявить вамъ мое искреннее благодареніе за труды и попеченія ваши во учиненныхъ вами хорошихъ приуготовленіяхъ для моего проѣзда чрезъ Малороссію, не менѣе признаю я себя обязаннымъ оказать вамъ то совершенное удовольствіе, съ каковымъ примѣтилъ я желаемой порядокъ и благоустройство, во всѣхъ частяхъ оной вами введенныя; съ отмѣнною чувствительностію видѣлъ я знакъ усердія малороссійскаго дворянства, — пріемъ намъ отъ оныхъ сдѣланный. При изъявленіи моей благодарности оному, прошу быть истиннымъ истолкователемъ моихъ чувствованій и расположенія. Въ протчемъ пребываю я вашъ благосклонный.

Подлинное подписано собственною его императорскаго высочества рукою.

Библіографія.

Акты, издаваемые виленскою археографическою коммиссіею. Т. XII. Акты главнаго литовскаго трибунала. В. 1883. XX+651+67. Ц. 2 р.

Почти каждые два года появляется въ свѣтъ новый томъ означеннаго изданія. Въ общемъ составѣ актовъ, изданныхъ коммиссіею, этотъ томъ представляетъ собою *вторую часть актовъ главнаго литовскаго трибунала*, служившаго высшимъ апелляціоннымъ судилищемъ края.

Въ настоящій томъ вошло 136 документовъ, изъ коихъ 99 относятся *къ исторіи западно-русской церкви*; 23—*къ исторіи евангелической церкви или кальвинизма;* остальные 14 представляютъ *духовныя завѣщанія*. Матеріалы, относящіеся къ исторіи *западно-русской церкви*, начинаются лишь съ половины XVIII вѣка, притомъ значительная часть ихъ касается *экономическаго и юридическаго* положенія духовныхъ учрежденій—монастырей и церквей, которыя нерѣдко подвергались тогда опасностямъ и захватамъ со стороны шляхты въ своихъ имущественныхъ правахъ, а это было время крайняго произвола и безправія въ Рѣчи Посполитой. Въ настоящемъ случаѣ достаточно замѣтить, что, по возникшимъ тогда искамъ, 13 монастырямъ была присуждена значительная по тому времени сумма—144,260 польскихъ злотыхъ, 4,445 талеровъ и 100 червонныхъ злотыхъ. За небольшимъ исключеніемъ, монастыри и церкви, къ которымъ относятся акты, изданные въ разсматриваемомъ томѣ (до 33-хъ), принадлежали уже *уніатскому исповѣданію*. Но унія дѣлала все большіе успѣхи (№ 12), а многочисленные ревнители ея продолжали поддерживать это движеніе новыми, значительными пожертвованіями и дарованіемъ новыхъ льготъ въ пользу ея учрежденій (до 20 актовъ). Чтобы отстоять свое существованіе, православному духовенству приходилось обращаться за помощью къ покровительству

сильныхъ, каковы напр. просьба слуцкаго духовенства (1768 г.), посланная въ Варшаву, бывшему въ то время тамъ генеральному сеймовому маршалу коронной провинціи, князю Карлу Радзивилу, какъ пріемнику слуцкихъ князей, древнихъ фундаторовъ этихъ церквей. Просьба эта состоитъ изъ 26 пунктовъ и обнимаетъ весь экономическій и юридическій бытъ послѣднихъ. Нѣкоторые изъ нихъ касаются произвольныхъ дѣйствій *евреевъ-арендаторовъ*. Чтобы охарактеризовать ближе эти отношенія, укажемъ на одинъ изъ пунктовъ, какъ весьма характерный по своей крайней грубости. Въ отвѣтѣ по этому пункту, князь Радзивилъ объясняетъ, что ему ничего неизвѣстно было о дерзкихъ поступкахъ арендаторовъ-жидовъ, но онъ пошлетъ распоряженіе, чтобы арендаторы не смѣли шарить *въ карманахъ духовенства*, возвращающагося съ дарами послѣ совершенія *требъ*. Въ особомъ пунктѣ духовенство ходатайствуетъ о возвращеніи ему плаца, на которомъ стоялъ прежде судовой домъ, извѣстный подъ названіемъ митрополичьяго, отнятаго управленіемъ князя подъ театръ. Вообще князь Радзивилъ отнесся съ сочувствіемъ къ просьбѣ духовенства и обѣщалъ разсмотрѣть или удовлетворить его желанія.

Второй отдѣлъ актовъ посвященъ состоянію *евангелическихъ общинъ* въ Литвѣ съ начала XVII до первой четверти XVIII стол. включительно. Главнымъ образомъ они также касаются матеріальнаго обезпеченія этихъ общинъ, а самыми ревностными покровителями ихъ нерѣдко являются представители мѣстнаго знатнаго шляхетства (какъ Янъ и Криштофъ Радзивилы и др.). Другіе изъ этихъ актовъ касаются отношеній католицизма къ евангелическому ученію и его послѣдователямъ. Таковы: 1) дѣло о богохульствѣ (1672 г. № 113); 2) дѣло о совершенномъ разрушеніи евангелическаго собора въ Вильнѣ (причемъ церковь, зданія, имущество, даже кладбище были уничтожены или разграблены), произведенномъ іезуитами, студентами академіи, францисканцами, ремесленниками, съ участіемъ даже евреевъ, при явномъ поощреніи городскаго магистрата (№ 116, 1682 года); оно окончилось до извѣстной степени въ пользу потерпѣвшихъ, благодаря участію къ нему короля Яна III (Собѣсскаго); 3) дѣло объ истязаніи должностными лицами управляющаго дворцомъ княж. Радзивиловыхъ, маркграфини занденбургской, 80-ти лѣтняго старика—*кальвиниста* Станислава Словинскаго (1684 г., № 115). Замѣчательно, что въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ лица, наиболѣе виновные и подвергшіеся болѣе строгому приговору (смертной казни), оказались неявившимися въ судъ и потому были осуждены на изгнаніе. Не смотря, однако, на подобныя отношенія двухъ враждебныхъ исповѣданій, даже въ самыхъ крайнихъ случаяхъ (какъ

приговоръ надъ цѣлою общиною за *стрѣляніе въ католическій кругъ*, послѣдствіемъ чего были присужденіе обвиняемыхъ къ смертной казни, конфискація имущества и закрытіе общины), можно было посредствомъ денегъ и записи имущества (въ пользу епископа и мѣстнаго чашника, взявшаго на себя посредничество) достигнуть совершенной отмѣны приговора и возстановленія прежнихъ правъ.

Нельзя не отмѣтить существенной черты въ актахъ, относящихся къ евангелическимъ общинамъ въ Литвѣ: тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ имущественномъ обезпеченіи ихъ, мы постоянно встрѣчаемся съ заботами о школахъ, госпиталяхъ и богадѣльняхъ (№ 103, 106, 118, 119, 120, 121).

Послѣдній отдѣлъ актовъ, заключающій въ себѣ духовныя завѣщанія съ 1612—1797 г., знакомитъ насъ съ потомками древнихъ богатыхъ фамилій вел. кн. Литовскаго, оставшимися вѣрными православію; съ ихъ достатками, отношеніями, міросозерцаніемъ и нравами (напр. въ нихъ говорится о *заѣздахъ* для удержанія имѣнія въ родѣ, въ случаѣ отступленія отъ вѣры; многочисленная прислуга отпускается на свободу). Лица уніатскаго исповѣданія поручаютъ опекунамъ отослать дѣтей для обученія въ виленскій *іезуитскій коллегіумъ*. Распоряженія послѣдователя евангелическаго ученія отличаются нѣкоторымъ аскетизмомъ въ отношеніи обряда погребенія и т. п. (№ 128). Въ числѣ завѣщаній лицъ *католическаго* исповѣданія обращаютъ на себя вниманіе, болѣе по историческому значенію имени, чѣмъ по содержанію, два духовныхъ завѣщанія двухъ родныхъ братьевъ, маршалка упитскаго повѣта, *Андрея* (1668 года, № 131) и упитскаго же городскаго писаря *Ивана* (1672 г., № 132)—*Курбскихъ Ярославскихъ*, сыновей упитскаго подкоморія Дмитрія и знаменитаго московскаго выходца—князя Курбскаго. Въ этихъ завѣщаніяхъ упоминается о женахъ завѣщателей и сестрѣ ихъ—Аннѣ—Курбской Ярославской, бывшей два раза замужемъ, а также о братаничахъ, но ничего не говорится о третьемъ братѣ, о которомъ Устряловъ сообщилъ свѣдѣнія на основаніи актовъ московскаго архива иностран. дѣлъ, доходящія до 1687 года.

Изъ остальныхъ актовъ этого отдѣла заслуживаетъ вниманія завѣщаніе гетмайора королевскихъ войскъ Эриста Корфа (1680), въ которомъ онъ разсказываетъ всю свою жизнь, полную приключеній, какими отличались тогда люди военнаго сословія, перебывавшіе на службѣ въ разныхъ государствахъ и до конца оставшіеся вѣрными себѣ. Изъ такого же бродячаго элемента, разсѣявшагося по всей Европѣ послѣ тридцатилѣтней войны, набирались офицеры и капралы въ московскія войска, въ царствованіе Алексѣя Михайловича и его ближайшихъ преемниковъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе матеріаловъ, вошедшихъ въ составъ разсмотрѣннаго нами тома *виленскихъ* актовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они знакомятъ съ весьма выдающимися сторонами тогдашняго политическаго и общественнаго быта Западной Россіи; но, кромѣ того, они представляютъ значительный юридическій интересъ, котораго мы не считали нужнымъ касаться здѣсь въ отдѣльности. Къ настоящему тому приложены указатели: личныхъ именъ, географическихъ названій и предметовъ.

В. И.

Отчетъ замостьскаго свято-никольскаго церковнаго братства за время съ 9 мая 1882 г. по 9 мая 1883 г.—Замостье.

Церковныя братства пользуются у насъ столь малою извѣстностію, что нельзя говорить о дѣятельности какого либо изъ нихъ, не коснувшись, такъ сказать, его исторіи, не сказавши о его происхожденіи и судьбѣ, а подъ часъ и о мѣстѣ, въ которомъ оно находится. Скажемъ по этому нѣсколько словъ о братствѣ замостьскомъ прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію его отчета.

Исторія замостьскаго братства и очень коротка, если разумѣть его въ нынѣшнемъ его видѣ, и очень длинна, если говорить объ немъ, какъ вообще о религіозно-благотворительномъ учрежденіи г. Замостья: въ нынѣшнемъ видѣ братство существуетъ лишь съ 1876 г., а какъ братство вообще оно ведетъ свое начало съ конца XVI в.

Замостье, какъ извѣстно, находится въ люблинской губерніи, въ привислянскомъ краѣ. Не смотря на то, что край этотъ доселѣ еще удерживаетъ названіе Царства Польскаго, территорія замостьская искони занята была русскимъ населеніемъ и въ офиціальныхъ польскихъ актахъ XIV ст. носитъ названіе Руси. Во второй половинѣ XVI ст., въ полуверстѣ отъ нынѣшняго города, гдѣ нынѣ одно изъ его предмѣстій, такъ называемая Новая Осада, было чисто русское населеніе, имѣвшее у себя церковь Вознесенія Господня, а при ней братство, больницу и школу. Графъ Янъ Замойскій, заложивши близъ этого мѣста въ 1580 г. городъ, названный его именемъ, исхлопоталъ отъ короля и далъ отъ себя нововозникавшему городу разныя льготы торговыя, а это привлекло къ нему скоро множество поселенцевъ, главнымъ образомъ торговаго люда. Въ числѣ ихъ преобладали греки и русскіе, и они-то на первыхъ порахъ своего поселенія построили здѣсь церковь во имя св. Николая, уцѣлѣвшую и доселѣ, а при ней учредили братство, утвержденное грамотою Гедеона Балабана, епископа львов-

скаго 1600 г. Братство это, возникшее и развившееся подъ вліяніемъ охраны вѣры и народности русской отъ посягательства латино-польской пропаганды, болѣе ста лѣтъ вело съ нею упорную борьбу и измѣнило вѣрѣ отцевъ лишь къ концу первой четверти XVIII в., а свое существованіе въ измѣненномъ видѣ прекратило на нашихъ глазахъ, когда не стало ни одного почти уніата въ приходѣ древней никольской церкви, а существовалъ при ней только по имени уніатско-русскій, на самомъ-же дѣлѣ польско-католическій монастырь.

Такова вкратцѣ судьба древняго замостьскаго братства; оно имѣло свою исторію и въ нашихъ рукахъ нѣсколько записей его, свидѣтельствующихъ о его дѣятельности. Нынѣшнее замостьское братство, котораго послѣдній годичный отчетъ предъ нами, учреждено, какъ выше сказано, въ 1876 г. Учрежденіе его, какъ писалъ намъ въ свое время его первый предсѣдатель, было осуществленіемъ проэкта учрежденія братства въ г. Холмѣ, представленнаго тамошнимъ православно-уніатскимъ обществомъ епархіальному начальству еще въ 1871 г., но неутвержденнаго по обстоятельствамъ тогдашней нашей политики относительно уніатовъ. Въ 1875 г. послѣдовало, какъ извѣстно, возсоединеніе уніатовъ Царства Польскаго съ православною церковью, и новый архіепископъ холмско-варшавскій самъ указалъ замостьскому русскому обществу на осуществленіе проэкта, задуманнаго въ Холмѣ, гдѣ братство открыто лишь два года назадъ сему. Тамъ и здѣсь братства являются не новыми учрежденіями, а возстановленіемъ того, что существовало цѣлыя столѣтія, мѣнялось и погибло подъ давленіемъ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ религіозно-національной борьбы. И если вникнуть въ причины, вызвавшія возстановленіе этихъ братствъ, то окажется, что онѣ одинаковы почти съ тѣми, которыя вызвали къ первоначальной жизни эти учрежденія въ давно прошедшее время. Таже борьба за духовное существованіе, за цѣлость вѣры и народности нашей и тѣ-же посягательства на нее, и тѣ-же вѣковые факторы этой борьбы. Вся разница лишь въ томъ, что противная намъ сторона утратила совершенно политическую свою силу, но выросла традиціею и совершенными ею на нашъ счетъ завоеваніями и что прежде намъ надо было охранять отъ систематическаго подавленія православіе и народность, а теперь надо возводить ихъ изъ состоянія совершеннаго упадка, подкрѣплять и поддерживать и способствовать постепенному ихъ росту. Вѣковое зданіе народной жизни нашей на этой окраинѣ, подъ напоромъ историческихъ бурь, рухнуло и теперь надо воздвигать его изъ обломковъ отъ самаго почти основанія. Такова здѣсь задача всего нашего общества, такова въ частности и въ миньятюрѣ задача и названныхъ нами братствъ!

Мы имѣли случай говорить о томъ, какъ стремится къ этой задачѣ братство холмское, судя по его отчету за минувшій годъ; теперь намъ приходится говорить о дѣятельности въ этомъ отношеніи братства замостьскаго.

Само оно говоритъ, что дѣятельность его въ отчетномъ году выразилась въ слѣдующемъ: 1) въ назначеніи пособій, въ видѣ премій, учителямъ сельскихъ начальныхъ училищъ, наиболѣе ревностно относящихся къ дѣлу народнаго образованія въ русскомъ направленіи и содѣйствующимъ къ укрѣпленію возсоединившихся уніатовъ въ православіи; 2) въ поощреніи, выдачею премій, псаломщиковъ особенно усердно занимающихся обученіемъ церковному пѣнію и устройствомъ хоровъ въ приходскихъ церквахъ; 3) въ оказаніи пособій бѣднѣйшимъ ученикамъ народныхъ училищъ, прилежно посѣщающимъ школу и церковь, въ особенности участвующимъ въ церковныхъ хорахъ, а также въ оказаніи пособій ученикамъ ремеслъ; 4) въ выдачѣ пособій бѣднѣйшимъ православнымъ изъ крестьянъ; 5) въ распространеніи въ народной средѣ православныхъ крестиковъ, образковъ, иконъ и пр.».

Въ приведенныхъ словахъ и программа братства и ея выполненіе. Послѣднее вызвало со стороны братства расходъ въ 584 р. 91 к., изъ которыхъ 150 р., розданные бѣднымъ въ церквяхъ замостьскаго благочинія, въ день коронаціи, составляютъ расходъ экстраординарный, остальные—обыкновенный. Сверхъ денежныхъ выдачъ, братство роздало 3800 экземпляровъ изображеній Кирилла и Меѳодія, брошюръ о божественной литургіи и какихъ-то картинъ патріотическаго содержанія, а также продало по уменьшенной цѣнѣ болѣе 3500 крестиковъ, иконъ, молитвенниковъ и проч. Преміи и пособія братства шли въ размѣрѣ отъ 2 до 30 р. Учителямъ выдано 150 р., псаломщикамъ 150 р., ученикамъ 77 р. 91 к. и бѣднымъ крестьянамъ 57 р. Общій приходъ братства, съ остаткомъ отъ предъидущаго года, составлялъ 4,446 р. 21 к., а расходъ 3,984 р. 81 к. Братство имѣетъ, кромѣ того, каменный 2-хъ этажный съ флигелемъ домъ, дающій 600 р. годоваго дохода, запасной капиталъ въ 3000 р. и лавку, стоимостью въ 1350 р. 18 к.

Если принять во вниманіе, что это существуетъ на отдаленной западной окраинѣ, въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ и держится горстью служащихъ тамъ русскихъ, то нельзя не признать самаго факта въ высокой степени отраднымъ, а дѣятельности трудящихся весьма почтенною. Какъ-бы ни были малы средства этого небольшаго кружка русскихъ людей, какъ-бы ни была ограниченна ихъ дѣятельность, она имѣетъ глубокія историческія основанія, цѣль ея высоко патріотическая и нельзя не относиться къ ней съ полнымъ уваженіемъ и живѣйшимъ сочувствіемъ.

Тѣмъ отраднѣе намъ видѣть эту скромную дѣятельность, что она служитъ продолженіемъ давно замершей на этой окраинѣ русской жизни.

Присматриваясь нѣсколько ближе къ этой дѣятельности, какъ она очерчивается сухимъ и краткимъ отчетомъ, не можемъ не высказать относительно ея нѣсколько замѣчаній, надѣясь, что совѣтъ братства не усмотритъ въ нихъ ничего болѣе, кромѣ полнаго уваженія къ его высокой задачѣ, какимъ, конечно, и самъ онъ проникнутъ.

Сопоставляя эту задачу съ дѣятельностію братствъ, какъ она имъ самимъ показана, и тѣми средствами, какія оно избрало на это только или и на дальнѣйшее время, мы можемъ сказать, что между ними нѣтъ полнаго соотвѣтствія, что братство не исчерпываетъ возможныхъ для него въ избранномъ направленіи дѣйствій, что нѣкоторыя изъ его средствъ расходуются безъ особой нужды, иныя недостаточны для преслѣдуемыхъ цѣлей и вообще не показываютъ, чтобы братство было во всеоружіи своихъ средствъ, а быть можетъ и въ полномъ живомъ сознаніи своихъ священныхъ обязанностей. Подтвердимъ это доказательствами, изъ отчета взятыми, въ связи съ другими доступными намъ свѣдѣніями.

Братство не указываетъ района своихъ дѣйствій, но по нѣкоторымъ даннымъ отчета догадываться можно, что этотъ районъ ограничивается предѣлами замостьскаго благочинія, или что то-же замостьскаго уѣзда, такъ какъ тамъ уѣзды небольшіе и заключаютъ въ себѣ по одному лишь благочинію. Дѣйствуя въ этомъ районѣ въ видахъ поддержанія и укрѣпленія православія и русской народности, братство проявило свою дѣятельность выдачею премій хорошимъ учителямъ, хорошимъ псаломщикамъ и хорошимъ ученикамъ, выдачею пособій бѣднымъ крестьянамъ, безплатною раздачею и продажею по уменьшенной цѣнѣ крестиковъ, иконъ, молитвенниковъ и пр.

Собственно говоря, дѣятельности тутъ не много: братство собираетъ и распредѣляетъ деньги, какъ ему кажется наиболѣе цѣлесообразнымъ. Конечно, и это заслуга; но главное въ томъ, на что обратить собранныя средства. Братство назначаетъ преміи учителямъ и какъ-бы говоритъ имъ: вы дѣйствуйте за меня,—учите въ русскомъ направленіи, содѣйствуйте укрѣпленію возсоединившихся въ православіи, а я буду давать вамъ за это деньги. Конечно для бѣднаго сельскаго учителя, при жалованьи въ 150 и много 200 р. въ годъ,—находка и 30 и 20 р.,—выше этой нормы братство не идетъ; но во 1-хъ мы не можемъ представить себѣ тамошняго учителя дѣйствующимъ въ направленіи не русскомъ, во 2-хъ аттестацію дѣйствующихъ въ задачахъ братства учителей оно получаетъ отъ начальника учебной дирекціи, а не по непосредственному наблюденію, начальникъ-же учебной дирекціи, по огромному

числу училищъ и учителей (ихъ тамъ до 400), едва-ли въ состояніи видѣть каждаго изъ нихъ и одинъ разъ въ годъ, а въ 3-хъ въ распоряженіи начальника учебной дирекціи есть значительная сумма (2 т. р. въ годъ), назначаемыя главнымъ образомъ на награды и пособія учителямъ, не считая остаточныхъ училищныхъ суммъ, въ холмской дирекціи довольно иногда значительныхъ. Мы, конечно, не противъ этого расхода, крайне при томъ ограниченнаго, но думаемъ, что учебная дирекція и училищныя общества располагаютъ гораздо больши средствами для награжденія и поощренія учителей, нежели братство, и если последнее само указываетъ въ отчетѣ на ограниченность своихъ средствъ, то не естественнѣе-ли было-бы ему, устроивъ, за посредствомъ своихъ членовъ, наблюденіе надъ состояніемъ сельскихъ училищъ, самому рекомендовать дирекціи и училищнымъ обществамъ дѣйствующихъ съ особымъ успѣхомъ въ цѣляхъ братства учителей, ходатайствуя объ ихъ награжденіи.

Братство назначало въ такихъ-же размѣрахъ преміи псаломщикамъ за обученіе церковному пѣнію и устройство хоровъ. Нечего и говорить о томъ, что оно имѣетъ въ семъ случаѣ вѣрный взглядъ на дѣло: хорошее, благоговѣйное пѣніе скорѣе всѣхъ другихъ средствъ привлечетъ къ церкви отшатнувшихся тамъ во множествѣ прихожанъ; оно одно въ состояніи было-ли прекратить воздыханія о вынесенныхъ изъ церквей органахъ. Справедливо и то, что обученіе церковному пѣнію и устройство церковныхъ хоровъ лежитъ на прямой обязанности псаломщиковъ и что всякій трудъ въ этомъ дѣлѣ заслуживаетъ особаго поощренія. Мы не доумѣваемъ только, не видя въ столь важномъ дѣлѣ участія учителей, которые въ прежнее время одни несли на себѣ этотъ трудъ, были въ большинствѣ нарочито къ этому подобраны, подготовлены и снабжены всѣми необходимыми средствами. Опять-же и въ этомъ случаѣ братство дѣйствуетъ не по собственному наблюденію, а по указанію благочинныхъ, и въ своемъ краткомъ отчетѣ ничего не говоритъ о дѣйствіяхъ награжденныхъ имъ за этотъ полезный трудъ. Понятно, что, располагая малыми средствами, братство должно сообразовать свои дѣйствія въ этомъ отношеніи съ дѣйствіями другихъ учрежденій, особливо съ дѣйствіями школы, гдѣ пѣніе вообще и въ частности церковное—предметъ обязательный.

Братство давало пособія бѣднѣйшимъ учащимся; но и частные размѣры этихъ пособій (2 и 3 р.) и общая ихъ сумма (77 р. 71 к.) такъ незначительны, что едва-ли этимъ сколько-нибудь удовлетворена дѣйствительная потребность такого рода въ избранномъ братствомъ районѣ, и особливо, если принять въ разсчетъ, что большая половина общей суммы (39 р. 91 к.) выдана въ однѣ руки — окончившему курсъ про-

гимназіи. Братство, какъ-бы въ поясненіе столь крупнаго по его средствамъ расхода, прибавило въ отчетѣ, что это бывшій его воспитанникъ, и хотя изъ этого случайнаго указанія можно было-бы заключать, что братство имѣетъ своихъ воспитанниковъ, но никакихъ другихъ указаній и расходовъ на этотъ предметъ въ отчетѣ не находимъ. Намъ припоминается при этомъ, что въ Замостьѣ, въ слѣдъ за учрежденіемъ тамъ въ 1867 г. мужской прогимназіи, была учреждена на частныя средства усиліями лицъ учебнаго вѣдомства квартира для бѣдныхъ учениковъ, въ которой до 30-ти дѣтей, преимущественно крестьянскаго званія, получали полное содержаніе квартирою, столомъ, одежею и обувью, книгами и учебными пособіями, пользуясь кромѣ того особымъ ближайшимъ надзоромъ и руководствомъ; съ такимъ-же содержаніемъ и числомъ учениковъ, учреждена была квартира въ сосѣднемъ г. Грубешовѣ при тамошней прогимназіи, а позже въ самомъ Холмѣ для учениковъ изъ галичанъ, поголовно бѣдныхъ. Цѣль этихъ квартиръ была привлечь въ прогимназіи и для дальнѣйшаго образованія дѣтей кореннаго русскаго населенія, дотолѣ задавленнаго и на половину ополяченнаго, утратившаго по мѣстамъ даже сознаніе своей народности. Гдѣ теперь эти учрежденія и что съ ними? Число русскихъ теперь тамъ больше, сознаніе ихъ можетъ быть крѣпче, а дѣятельность ихъ, по видимому, уже, слабѣе и жертвы ихъ на то же дѣло значительно меньше. — Въ числѣ получившихъ пособіе отъ братства учащихся значится особо два ученика *ремесль*. — Что это? какая связь ремеслъ съ задачами братства? Былъ, помнится, года четыре назадъ, циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія о введеніи и въ тамошнихъ училищахъ обученія ремесламъ. Не этимъ ли циркуляромъ навѣяна братству мысль поощрять ремесла.. въ видахъ укрѣпленія православія и народности русской?

Братство выдавало пособія и нуждающимся изъ крестьянъ, и хотя сумма этихъ пособій крайне ничтожна, но кто знаетъ безпомощность нашего сельскаго люда и его безденежье, тотъ не откажетъ въ нѣкоторомъ значеніи и этой скудной братской лептѣ.

Безмездная раздача, равно и продажа по уменьшеннымъ цѣнамъ крестиковъ, иконъ, разныхъ изображеній, молитвенниковъ и брошюръ также имѣетъ значеніе въ цѣлой системѣ дѣйствій, направленныхъ къ одной извѣстной цѣли; но трудно судить о степени пригодности вообще этой мѣры, не имѣя для этого никакихъ данныхъ въ отчетѣ. Тутъ напримѣръ говорится: разослано въ приходы благочиній замостьскаго, грубешовскаго и томашевскаго для безмездной роздачи крестьянамъ столь-и такихъ-то иконъ, брошюръ и картинъ, но нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, кѣмъ и гдѣ они раздавались, какъ принимались и употреблялись

и были-ли гдѣ-либо спрашиваемы кѣмъ-либо изъ народа. Нѣтъ также свѣдѣній и о томъ, кѣмъ покупались по уменьшонной цѣнѣ крестики, образки, иконы, молитвенники и пр.—самимъ-ли народомъ, или разными его благожелателями и просвѣтителями, раздававшими потомъ безмездно то, что покупалось за незначительную цѣну. Не довольно пріобрѣтать что либо на собранныя средства и раздавать безплатно, но надо быть увѣреннымъ, что даваемое желательно для тѣхъ, кому оно дается, что оно принимается ими охотно, употребляется сообразно цѣли дающаго, приноситъ имъ извѣстную пользу и т. под. Намъ кажется, что братство замостьское, какъ и холмское, дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ по предвзятой мысли и желаетъ привить тамошнему населенію то, что a priori, или по аналогіи признаетъ для него необходимымъ, какъ напр. обычай ношенія крестиковъ и образковъ на шеѣ, вовсе тамъ неизвѣстный, или почитаніе славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія, которыхъ отчетъ братскій называетъ даже прямо св. апостолами, но которыхъ память, не смотря на многія и долгія усилія, никакъ не можетъ привиться въ средѣ русскаго народа. Въ раздачѣ книгъ, брошюръ и картинъ такъ называемаго патріотическаго содержанія, судя по нѣкоторымъ ихъ названіямъ, братство едва ли руководится чѣмъ-либо инымъ, кромѣ евангельскихъ словъ: *туне пріясте, туне дадите*... Братство холмское пришло къ счастливой мысли составленія и изданія брошюръ, приспособленныхъ къ положенію, понятіямъ и обычаямъ тамошняго населенія, но пока издало одну только брошюру и на томъ остановилось. Не поможетъ-ли ему братство замостьское?

Въ разсматриваемомъ нами отчетѣ, въ числѣ доходныхъ статей, обращаютъ на себя вниманіе собственный домъ братства и лавка, гдѣ рядомъ съ церковными вещами продаются чай, стеариновыя свѣчи и еще какой-то мелочный товаръ, о названіи котораго благоразумно умолчано.

Число членовъ братства весьма значительно: 12 почетныхъ и 223 дѣйствительныхъ; но цифра членскихъ взносовъ, даже съ единовременными пожертвованіями, составляетъ едва 187 р. 90 к., при членскомъ взносѣ въ 5 р. Что это значитъ, догадаться не трудно.

Число членовъ совѣта братства 12-ть,—втрое больше, чѣмъ въ древнихъ братствахъ. И все это лица учебнаго вѣдомства и священники; лицъ военнаго вѣдомства, всегда здѣсь многочисленнаго, равно чиновниковъ гражданскихъ совсѣмъ нѣтъ. Почему такъ? Значитъ-ли это, что они не сочувствуютъ цѣли и задачамъ братства, или только постановкѣ его дѣятельности?

Пожелаемъ отъ души братству увеличенія его *дѣйствительныхъ* членовъ и болѣе цѣлесообразной системы дѣйствій.

Посторонній.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ АРХІЕПИСКОПѢ МОГИЛЕВСКОМЪ И МСТИЛАВСКОМЪ АНАТОЛІѢ.

Судьба привела меня встрѣтиться на своемъ жизненномъ поприщѣ съ человѣкомъ преисполненнымъ лучшихъ душевныхъ качествъ и христіанскихъ добродѣтелей. Человѣкъ этотъ былъ не кто другой, какъ архіепископъ могилевскій и мстиславскій Анатолій (Мартиновскій). Періодъ моего знакомства съ нимъ и весьма близкихъ отношеній, какъ его личнаго врача и какъ врача устроеннаго имъ въ губернскомъ городѣ Могилевѣ пріюта для дочерей священниковъ, продолжался съ 1848 года по 1856 г. Восемь лѣтъ постоянныхъ встрѣчъ и бесѣдъ съ этимъ достойнымъ пастыремъ, положили въ душѣ моей то неизмѣнное убѣжденіе въ высоко-нравственной натурѣ его, которое остается въ не помрачаемой чистотѣ на всю мою жизнь. Служебное назначеніе заставило меня выѣхать въ 1856 г. изъ Могилева и навсегда потерять высокопреосвященнаго Анатолія. По газетнымъ свѣдѣніямъ мнѣ извѣстно было, что въ 1860 г. онъ, по разстроенному здоровью, уволенъ отъ служебныхъ обязанностей и получилъ назначеніе пребывать на покоѣ въ въ одномъ изъ монастырей своей родины—въ каменецъ-подольской губ. И такъ послѣ 16-ти-лѣтняго служенія въ Могилевѣ онъ переселился на югъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ въ послѣднее время я прочелъ во 2-мъ томѣ „Кіевской Старины“ за 1882 г., въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Архіерейскія негали“, нѣкоторыя свѣдѣнія о достойномъ архипастырѣ и, въ дополненіе къ біографическимъ подробностямъ объ немъ, рѣшаюсь высказать свой взглядъ на

эту вполнѣ замѣчательную личность. Начну съ того, что преосвященный Анатолій былъ глубокій мыслитель и дѣйствительно весь проникнутъ любовью къ своей паствѣ. При многочисленныхъ занятіяхъ своихъ по дѣламъ епархіи онъ ревностно посвящалъ свои труды на богослуженіе и поученіе народа въ проповѣдяхъ церковныхъ. Его особенное вниманіе было обращено на послѣдователей раскола. Въ часы продолжительныхъ моихъ бесѣдъ съ преосвященнымъ, мнѣ приходилось много разъ выслушивать изъ устъ его многія посланія, съ которыми онъ обращался къ *вѣтковскимъ* раскольникамъ. Названіе вѣтковцевъ происходитъ отъ имени с. „Вѣтка", могилевской губ. въ которой сконцентрировалось издавна поселеніе раскольниковъ. Неизвѣстно мнѣ, были-ли всѣ эти труды Анатолія напечатаны. Многія изъ этихъ посланій преосвященный прочитывалъ мнѣ тотъ часъ послѣ того, какъ онѣ являлись изъ подъ его неустаннаго пера. Надобно было видѣть, съ какимъ энтузіазмомъ онъ останавливался на нѣкоторыхъ мѣстахъ, которыя отличались силою убѣжденія и поражали, такъ сказать, въ самое сердце неправильно мыслящихъ отщепенцевъ православія.

Въ домашней жизни преосвященнаго я всегда видѣлъ самую строгую, суровую монашескую обстановку. Пища самая простая— по преимуществу щи и каша; никакой потребности у него не было ни въ лакомствахъ, ни въ винѣ; иногда, очень рѣдко онъ позволялъ себѣ фрукты. Обыкновенно онъ обѣдалъ на томъ-же столѣ, за которымъ занимался писаніемъ своихъ ученыхъ трудовъ. Этотъ столъ былъ длиною въ 2 сажени и весь заложенъ книгами, исписанными бумагами и консисторскими дѣлами. Къ обѣду разчищалось небольшое пространство между горами учености, и на свободномъ мѣстѣ ставилась простая, часто глиняная мисочка, и одна или двѣ тарелки. Вотъ образецъ той скромной трапезы, которою неизмѣнно довольствовался благочестивый пастырь. Въ жизни своей я много видѣлъ лицъ, занимавшихъ тотъ-же почетный постъ, какъ и преосвященный Анатолій, но нигдѣ ничего подобнаго не встрѣчалъ. Такой образъ питанія, безъ сомнѣнія, обусловливался хорошими силами желудка, и дѣйствительно, преосвященный никогда не страдалъ разстройствомъ какимъ-либо въ системѣ органовъ пищеваренія. Вообще здоровье его, не смотря на преклонныя лѣта (тогда ему было за 60 лѣтъ), всегда было въ очень хорошемъ поло-

женіи. Изрѣдка страдалъ онъ отъ простуды лихорадкой и ревматизмомъ. Смѣжно съ его рабочимъ кабинетомъ была комната для ночнаго отдохновенія, также блистающая своею простотою, доходившею до степени невѣроятной. Жесткое ложе, не затѣйливый покровъ, одна подушка — вотъ тѣ атрибуты, которыми пользовался смиренный инокъ.

Высокою чертою души преосвященнаго Анатолія была любовь къ ближнему, которая проявлялась въ разнообразныхъ формахъ: при своихъ весьма ограниченныхъ средствахъ—онъ охотно помогалъ просившимъ у него пособія, заботился объ ученикахъ подвѣдомственныхъ ему духовныхъ училищъ. Апотеозомъ его любви къ человѣчеству можно назвать созданное его трудами и заботами училище, подъ названіемъ пріюта для дѣвицъ духовнаго званія, преимущественно сиротъ. Училище это помѣщалось за городомъ при небольшомъ женскомъ монастырѣ. Дѣти принятые въ училище содержались вполнѣ добросовѣстно, получали соотвѣтственное образованіе и въ особенности занимались различными женскими работами, рукодѣліемъ. Окружающая природа дополняла хорошую обстановку и дѣлала пріютъ самымъ благотворнымъ учрежденіемъ. Почти еженедѣльно, а иногда и чаще, преосвященный ѣздилъ туда, приглашая нерѣдко и меня съ собой, какъ врача этого пріюта. Всю дорогу, верстъ 5, туда и обратно онъ говоритъ, бывало, съ особеннымъ оживленіемъ о любимомъ своемъ пріютѣ. Не разъ и меня многогрѣшнаго поучалъ своими замѣчаніями въ какомъ-нибудь недосмотрѣ, въ легкомъ упущеніи. Вся душа его, казалось, была поглощена постоянною мыслью объ училищѣ. Въ подтвержденіе моихъ словъ, я разскажу слѣдующій случай. Однажды, среди многихъ занятій, я забылъ извѣстить его объ нѣсколькихъ больныхъ дѣтяхъ въ пріютѣ—и на другой день получаю большое посланіе отъ него, въ которомъ онъ горячо упрекалъ меня въ забвеніи своего долга. Какъ теперь помню его слова, которыми начиналось это письмо: „тревожусь, мучаюсь, терзаюсь, не получая отъ васъ извѣстія о больныхъ“. Только у любящаго отца готовы вырваться такія слова, когда врачъ почему либо замедлитъ съ извѣстіемъ о дорогомъ дѣтищѣ. Сколько я помню, преосвященный отдавалъ на содержаніе пріюта свой литературный гонораръ.

Въ лѣтніе мѣсяцы преосвященный жилъ на дачѣ, въ селѣ Печерскѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Могилева. Архіерейское помѣщеніе тутъ состояло изъ небольшаго дома, въ 5 комнатъ, съ обстановкою также очень простою. Домъ былъ окруженъ садомъ. Въ саду никакой претензіи на искусственную отдѣлку; въ немъ не было ни цвѣтовъ, ни дорожекъ; скорѣе его можно назвать не садомъ, а природною небольшою рощицею. Подъ горой бѣжала небольшая рѣченка и поставленная на ней водяная мельница однообразнымъ шумомъ своимъ прерывала по вечерамъ глубокое молчаніе деревенскаго затишья. Здѣсь, среди полнаго уединенія, проводилъ свои труженическія дни за учено-литературной работой неутомимый дѣятель православія.

Желая дать себѣ необходимый часовой отдыхъ отъ умственныхъ занятій, онъ нерѣдко садился за мольбертъ и рисовалъ картины по преимуществу духовнаго содержанія. Живописныя работы свои преосвященный разсылалъ въ бѣднѣйшіе сельскія церкви своей епархіи. И тутъ онъ былъ все та-же вѣчно трудящаяся пчела, которая сбираетъ медъ—не для себя!.. *Sic vos non vobis...*

Въ сношеніяхъ своихъ съ городскимъ обществомъ преосвящ. Анатолій представлялъ образецъ самаго миролюбиваго и благосклоннаго человѣка, не смотря на различіе религіозныхъ исповѣданій членовъ его. Населеніе Могилева весьма разнообразно: кромѣ преобладающаго православнаго элемента въ немъ было значительное число католиковъ и еще болѣе евреевъ. Мы имѣемъ всѣ очевидныя доказательства, что глубокое уваженіе оказывалось преосвященному, какъ со стороны католиковъ, такъ и со стороны еврейскаго населенія. Въ Могилевѣ существовало въ мое время, да вѣроятно существуетъ и теперь особое духовно-правительственное учрежденіе, такъ называемая духовно-католическая консисторія, во главѣ управленія которой состоялъ весьма заслуженный прелатъ *Ласки*. Какъ съ прелатомъ лично, такъ и съ другими членами его и прочимъ католическимъ духовенствомъ города, преосвященный держалъ себя въ такихъ отношеніяхъ, которыя были и должны были быть единственнымъ всепримиряющимъ мотивомъ при встрѣчахъ съ той и другой стороны. Эта прекрасная черта у преосвященнаго Анатолія вызывала сама по себѣ исключительное уваженіе, съ которымъ

относилось къ нему все католическое общество отъ высшихъ до низшихъ степеней его.

Къ своему подчиненному обществу духовнаго званія преосвященный Анатолій былъ всегда доступенъ, внимателенъ къ ихъ нуждамъ и неизмѣнно отстаивалъ съ необыкновенной энергіей всѣ ихъ интересы, основанные на законѣ. О судьбѣ сельскаго духовенства онъ заботился съ любовью отца. Въ особенности его всегда глубоко разстроивали дѣла по жалобамъ помѣщиковъ (тогда крѣпостное право было еще во всей силѣ) на своихъ сельскихъ священниковъ. Всякая подобная жалоба вызывала въ немъ тяжелую душевную борьбу. Онъ вполнѣ сознавалъ, что передвиженіе священника съ мѣста его жительства на другое есть всегда тяжелое наказаніе для него лично и для семьи, и потому въ виду этого обстоятельства старался, въ случаѣ неизбѣжности перевода, сдѣлать его въ такомъ родѣ, чтобы онъ не носилъ на себѣ характера наказанія, а скорѣе поощренія, если владыка былъ убѣжденъ въ правотѣ священника. Поступая такимъ образомъ, преосвященный выигривалъ душевно вдвойнѣ: неуживчивый, претендательный помѣщикъ вполнѣ былъ удовлетворенъ, а переводимый священникъ нисколько не терялъ въ своихъ интересахъ.

Преосвященный очень хорошо понималъ, что отстаивать священника передъ помѣщикомъ было-бы напрасно: рано или поздно его настойчивость взяла-бы верхъ и только усугубила-бы всѣ невзгоды бѣднаго, гонимаго служителя православной церкви. Защита своихъ подчиненныхъ ставила всегда преосвященнаго въ глубокое раздумье: онъ всею душею болѣлъ за невинно преслѣдуемыхъ священниковъ и еще болѣе скорбѣлъ, если обвиненіе со стороны помѣщиковъ оказывалось справедливымъ и требовало отъ владыки законнаго удовлетворенія просьбамъ землевладѣльца.

Такова была въ сущности тружеическая жизнь многоуважаемаго пастыря, истиннаго печальника за русскую православную церковь! Съ чувствомъ глубокаго удовольствія, вѣроятно, прочли всѣ знавшіе преосвященнаго Анатолія тѣ не многія воспоминанія объ немъ, которыя впервые показались на страницахъ „Кіевской Старины". Говоря откровенно, надобно сказать, что жизнь преосвященнаго Анатолія Мартыновскаго заслуживаетъ глубокаго уваженія, и въ назиданіе русскому обществу какъ духовному, такъ и свѣт-

скому, слѣдовало-бы передать ее въ печати съ большими подробностями. Желательно, чтобы и другія лица, близко стоявшія по служебному посту, по общественнымъ отношеніямъ къ покойному пастырю, откликнулись на вызовъ „Кіевской Старины".

Если я сказалъ, какъ частный человѣкъ, правдивое искреннее слово—въ память незабвеннаго борца за православіе, то это было слѣдствіемъ невольнаго душевнаго порыва, живымъ голосомъ сердца, преисполненнаго уваженіемъ къ несомнѣннымъ заслугамъ предъ русскимъ обществомъ блаженной памяти преосвященнаго архіепископа могилевскаго и мстиславскаго Анатолія.

Д-ръ мед. **Н. Пирожковъ.**

1883 г. іюня 9 дня.
Г. Ярославль.

ПОДОЗРѢНІЕ, ВЗВЕДЕННОЕ НА ПРОѢЗЖАЮЩИХЪ, ВЪ ОТРАВЛЕНІИ ВОДЫ ВО ВРЕМЯ ХОЛЕРЫ 1848 Г.

Люди обыкновенно ищутъ источника своихъ общественныхъ бѣдствій не тамъ, гдѣ онъ въ дѣйствительности находится. Правильное сопоставленіе явленій, въ особенности сходныхъ, каковы общественныя бѣдствія, и ихъ причинъ достигается медленнымъ процессомъ, часто мучительнымъ какъ для ищущихъ связи явленій, такъ въ особенности для тѣхъ, въ которыхъ они видятъ корень зла.

Взять хоть-бы такое физическое общественное бѣдствіе, какъ эпидеміи. Первоначально эпидемическія болѣзни приписывались духовнымъ существамъ, которыя однимъ своимъ появленіемъ вносили заразу (сербское Мора, польско-литовское—Morowa dziewica, наша Мара—моръ). Затѣмъ эпидеміи объясняли чародѣяніями людей (упырей и вѣдьмъ), вступавшихъ въ извѣстныя сношенія съ духами. Наконецъ стали дѣлать болѣе реальныя объясненія, но все таки далекія отъ истины, приписывая заразу отравленію источниковъ злонамѣренными людьми; при этомъ въ объясненія вводили политическій элементъ. Такъ, на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ населеніе знакомо съ эксплуататорской дѣятельностью англичанъ, крестьяне приписывали послѣднюю холеру *англичанкѣ*, т. е. говорили, будто-бы англійская королева нанимала людей, чтобы отравлять воду и тѣмъ причинять болѣзнь. Въ Слободской Украйнѣ, какъ можно убѣдиться изъ излагаемаго ниже, холеру приписывали отравленію источниковъ.

Замѣчательно, что уѣздныя полицейскія власти не только раздѣляли народное воззрѣніе на причину холеры, но даже въ существованіи ея видѣли (подобно нынѣшнимъ дальновиднымъ политическимъ прорицателямъ) участіе польской справы. Но приступимъ прямо къ изложенію дѣла.

Сивашская экономія помѣщика, конной артиллеріи штабсъ-капитана, Виктора Федорова сына Лихачова, 30 іюня 1848 года, представила становому приставу 1-го стана зміевского уѣзда трехъ человѣкъ, мужчину, женщину и ребенка, съ такимъ донесеніемъ: „взятый въ сивашовской экономіи праздно проѣзжающаго нѣсколько разъ по деревнѣ Сиваше, показующій себя служащимъ офицеромъ, а послѣ того неслужащимъ дворяниномъ, и при немъ по его неоднорѣчію называемая разъ матерью, а въ другой разъ женою, и при нихъ малолѣтнее дитя! человѣкъ съ лошадью, упряжью и повозкою, съ разными въ повозкѣ поклажами, неизвѣстными экономіи— не имени и фамиліи онъ нѣ себѣ, нѣ женщинѣ не объяснилъ, которой при семъ къ вашему благородію посылается, сивашовская экономія покорнѣйше просить ваше благородіе представляемаго при семъ неизвѣстнаго человѣка, съ старою женщиною и малолѣтнымъ дѣтямъ, принять подъ ваше строжайшее наблюденіе—потому что: при взятіи его въ господской дворъ онъ угрощалъ такъ: „не живъ развѣ буду я, чтобы не лешилъ жизни экономическаго писаря, дай самой этой проклятой экономіи! А потому экономія имѣетъ теперъ весьма большое на него подозрѣніе; таковаго мнимаго человѣка, какъ можно предохранитѣ вашимъ строгимъ приказомъ, гдѣ онъ будетъ находиться подъ арестомъ, сивашскую экономію, и не оставьте ваше благородіе представленіемъ подлинникомъ сего объявленія въ зміевской земской судъ“. Прикашикъ Захарій Кравченко, а за неграмотнаго подписалъ экономическій писарь Колосовъ.

На слѣдующій день сивашская экономія дополнила первоначальное извѣщеніе донесеніемъ, что „эти человѣкъ и женщина, проѣзжая нѣсколько разъ по деревнѣ Савашу, и тотъ-же день безъ всякой надобности, гдѣ-бы не былъ въ деревнѣ Сиваше колодязъ, подходили къ онымъ, засматривали; даже были и у прудовъ, безъ всякой надобности, и вѣроятно не съ благонамѣренною цѣлію“.

Тотчасъ по отправленіи становымъ приставомъ въ зміевской земской судъ представленныхъ сивашовскою экономіею подозритель-

ныхъ людей, которые называли себя Адамомъ и Варварой Лотецкими, прибыли въ становую квартиру прикащикъ и писарь экономіи Лихачева и объявили, что въ деревнѣ господина ихъ Сивашовкѣ пойманы такіе-же люди въ одинаковомъ экипажѣ съ тѣми, которые ими представлены, и тоже женщина, мужчина и мальчикъ, которые, безъ всякой надобности остановясь въ той деревнѣ, ходили къ устроеннымъ тамъ колодезямъ и ими взяты и отправлены въ станъ съ десятникомъ, но ѣдучи дорогою они ихъ нигдѣ не догнали. Вслѣдствіе этого приставомъ были тотчасъ посланы полицейскіе соцкіе по разнымъ дорогамъ для преслѣдованія указанныхъ людей, но нигдѣ ихъ не отыскали. Одинъ изъ возвратившихся соцкихъ заявилъ становому, что онъ, розыскивая тѣхъ людей, былъ въ селѣ Верхней-Берскѣ и когда объявлялъ въ сельскомъ управленіи, чтобы принять мѣры къ поимкѣ, то находившіеся тамъ на ночлегѣ, препровождавшіеся въ земскій судъ Адамъ и Варвара Лотецкіе спрашивали „кого они ищутъ", и когда имъ сказали, то про нихъ Адамъ сказалъ сіи слова: „нѣтъ, вы тѣхъ не возьмете, скорѣе сами сядете: насъ ѣдитъ много, и вамъ не унять холеры".

Энергическій становой приставъ, услышавъ эти слова, столь ясно выражающіе ужасное преступленіе, и соображая, что болѣзнь эта происходитъ отъ одной воды, ибо кто только выпьетъ таковой съ жаждою, то получаетъ тотчасъ воспаленіе и отъ сего смерть, что доказывается даже и тѣмъ, что простонародье, употребляя самыя простыя противуядныя средства, получаетъ облегченія, тотчасъ принялъ слѣдующія мѣры: 1-е распорядился во всѣхъ казенныхъ и помѣщичьихъ селеніяхъ и хуторахъ своего стана вычистить колодцы до новой воды, которую переваривать и тогда употреблять; 2-е имѣть бдительный надзоръ въ ночное время за появленіемъ иногородныхъ людей, которые „большею частію слѣдуютъ въ простыхъ повозкахъ, упряженныхъ одною или двумя лошадьми, сверху поклѣтъ покрытъ бѣлымъ хрящевымъ холстомъ, въ день они располагаются для растаха близъ большихъ дорогъ, показываютъ себя будто-бы слѣдующими въ путь, а въ ночное время скитаются въ ближайшихъ селеніяхъ и навѣрно не съ благонамѣренною цѣлью, каковыхъ брать, не взирая ни на какіе предъявляемые ими документы".

Обо всемъ изложенномъ выше становой приставъ донесъ зміевскому земскому суду, который „для принятія строгихъ и бдительныхъ со всею аккуратностію мѣръ за проѣзжающими иногородными людьми, особенно польской націи, на коихъ падаетъ сильное подозрѣніе къ зараженію въ колодцахъ воды, и объ учрежденіи при переправахъ и водочерпательныхъ ископахъ постоянно ночного и дневного караула, далъ знать приставамъ 1 и 2-го стана и сообщилъ сопредѣльнымъ градскимъ и земскимъ полиціямъ, а также и зміевской градской полиціи и окружному управленію, извѣстилъ и комитетъ украинскаго военнаго поселенія", для зависящихъ со стороны ихъ распоряженій, и кромѣ того донесъ обо всемъ харьковскому губернатору и губернскому правленію.

По полученіи донесенія земскаго суда военный губернаторъ г. Харькова и харьковскій гражданскій губернаторъ Муховъ предложилъ своему адъютанту произвести о настоящемъ происшествіи обстоятельное изслѣдованіе. По изслѣдованіи, адъютантъ донесъ, что люди задержанные по подозрѣнію въ отравленіи колодцевъ оказались въ этомъ случаѣ невинными, ибо на это доказательствъ и при нихъ отравительныхъ веществъ никакихъ не найдено. Людей этихъ было шесть человѣкъ, въ двухъ телѣгахъ, изъ которыхъ въ одной ѣхалъ показывавшій себя дворяниномъ Адамомъ Лопицкимъ съ своею матерью и малолѣтнимъ сыномъ, а въ другой двоюродный братъ Адама, показывавшій себя дворяниномъ Максимомъ Лопицкимъ и при нихъ находилась женщина и дѣвочка полуторыхъ лѣтъ, взятая на воспитаніе кавказской области въ селеніи Бѣлоглинкѣ. Тѣ и другіе проѣзжающіе были взяты разновременно въ селеніи Сивашахъ и отправлены въ первый станъ. Изъ нихъ называвшій себя Максимомъ Лопицкимъ при въѣздѣ въ селеніе Алексѣевское вдругъ погналъ лошадей и оставилъ пѣшаго десятскаго. Адамъ-же Лопицкій былъ препровожденъ изъ становой квартиры въ Зміевъ. При слѣдованіи его туда черезъ с. Тарановку мать его заболѣла холерою и черезъ два дня умерла, почему онъ и задержанъ былъ при сельской расправѣ для погребенія матери. За нѣсколько часовъ передъ смертью ея пріѣхалъ туда и скрывшійся отъ десятскаго Максимъ Лопицкій. Онъ былъ заарестованъ сельскимъ засѣдателемъ, который отобралъ отъ него видъ, деньги 24 золотыхъ и вещи, заключающіяся въ слѣдующемъ: 40 жен-

скихъ платьевъ шелковыхъ и ситцевыхъ, нѣсколько женскихъ шляпокъ, 30 рубахъ, 8 одѣялъ, 27 аршинъ тонкаго полотна, нѣсколько молотковъ разной величины, ружье со всѣми припасами, большой кинжалъ и разная мелочь, въ родѣ платковъ и тому подобнаго. Представленный становому приставу арестантъ былъ послѣднимъ освобожденъ, такъ какъ по разсмотрѣніи вещей и паспорта ничего не оказалось у него подозрительнаго. При допросѣ Адамъ Лопицкій, содержавшійся въ зміевскомъ тюремномъ замкѣ, показалъ, что фамилія Лопицкихъ была имъ принята по просьбѣ его покойной матери, по той причинѣ, что плакатному паспорту, выданному ему черниговской губерніи, суражскаго уѣзда, казеннаго селенія Рудки Касицкой, прошелъ срокъ, а потому онъ и воспользовался паспортомъ, принадлежащимъ его матери; настоящая же его фамилія Иванъ Васильевъ сынъ Маршалка, званіемъ государственный крестьянинъ, какъ и значится въ плакатномъ его паспортѣ. Что-же касается до отпущеннаго становымъ приставомъ Максима Лопицкаго, то онъ его родной братъ Никифоръ Васильевъ сынъ Маршалка, тоже государственный крестьянинъ того-же селенія, которому и принадлежитъ платежная книжка, приложенная къ дѣлу; билета же у него собственнаго не было, такъ какъ начальство не выдало ему, по случаю нахожденія его подъ слѣдствіемъ за найденную у него какую-то фальшивую печать; въ дорогѣ же онъ пользуется паспортомъ своего шурина, дворянина Максима Афанасьева сына Лопицкаго, съ его согласія, почему онъ и принялъ званіе и фамилію упомянутаго шурина.

По приведеніи въ извѣстность всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ, харьковское губернское правленіе отмѣнило распоряженіе зміевскаго земскаго суда о задержаніи всѣхъ проѣзжающихъ иногородныхъ людей, распространяя это правило только на людей, которые окажутся дѣйствительно подозрительными и не имѣющими узаконенныхъ документовъ. Становому-же приставу и земскому суду сдѣланъ строгій выговоръ, съ опубликованіемъ, и предписано, чтобы впредь дѣйствовали осмотрительнѣе [1]).

П. Ефименко.

---

[1]) Извлечено изъ дѣла харьковскаго губернскаго правленія, хранящагося въ харьковскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ. Названіе дѣла: о выведенномъ зміевскимъ земскимъ судомъ подозрѣніи на проѣзжающихъ людей въ заразѣ воды для доставленія болѣзни холеры, началось 14 іюля 1848 года.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ РАСПОРЯЖЕНІЕ ПО ПОВОДУ СЛУХОВЪ О КОНЧИНѢ МІРА.

Извѣстно, что въ средніе вѣка и позднѣе на западѣ періодически возникали и быстро распространялись слухи о предстоящей кончинѣ міра. Обыкновенно предсказывался годъ, когда нужно ожидать конца вселенной, и это предсказаніе производило волненіе умовъ, иногда принимавшее опасные размѣры. И у насъ время отъ времени народъ проникался мыслью о кончинѣ міра. Ожиданіе страшнаго суда обнаруживалось чаще всего при какомъ нибудь общественномъ бѣдствіи, напримѣръ во время мора или голода, или при какихъ-либо необыкновенныхъ явленіяхъ природы, въ родѣ солнечнаго затмѣнія, паденія аэролитовъ и т. п. Въ такихъ случаяхъ въ старину, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописцы, „бысть на всѣхъ страхъ и трепетъ велій, и смутишася и ужасошася людіе, и отчаяшася живота, мняше, *яко скончаніе міра пріиде*". У насъ, въ Малороссіи, общее ожиданіе страшнаго суда было вызвано моромъ и голодомъ, свирѣпствовавшими съ 1710 по 1712 годъ. Тогда народъ „думалъ, что пришла уже кончина міра, упражнялся въ моленіяхъ, пріуготовлялся къ смерти и мало заботился о своей нестерпимой жизни" (Ист. Малор. Маркевича II, 538). Солнечныя затмѣнія, какъ извѣстно, до позднѣйшаго времени возбуждали въ народѣ толки о кончинѣ міра. Въ 1840 году полное солнечное затмѣніе произвело въ Черниговѣ сильную тревогу. Въ то время была тамъ ярмарка; собравшіеся на торгъ крестьяне, побросавъ все, одни спѣшили убраться поскорѣе домой, а другіе съ воплемъ бѣжали, сами не зная куда; явился какой-то проповѣдникъ и обратился къ толпѣ съ назидательными увѣщаніями покаяться въ сей послѣдній день. Солнце просіяло—и всѣ успокоились (Поэтич. воззр. славянъ на природу I, 755).

Кромѣ того, появленію слуховъ о грядущемъ страшномъ судѣ у насъ способствовала иногда и письменная литература. Иногда между нашими грамотниками вдругъ распространялось, въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, какое-нибудь рукописаніе, которое заключало въ себѣ предсказаніе о роковой міровой катастрофѣ и приглашало населеніе къ покаянію. Очень можетъ быть, что эти рукописанія были просто переводами съ польскаго или съ иностранныхъ языковъ. Но такого-же рода произведенія, вѣроятно,

появлялись также изъ-подъ пера мѣстныхъ грамотѣевъ, въ родѣ городскихъ и сельскихъ дьяковъ, которымъ почему-либо нравилось произвесть извѣстную сенсацію въ народѣ. Старики нашихъ деревенскихъ захолустьевъ можетъ быть еще до сихъ поръ хранятъ у себя нѣкоторыя произведенія въ этомъ родѣ, которыя ходили по рукамъ, какъ мы помнимъ, еще въ сороковыхъ годахъ и переписывались на перерывъ всѣми грамотными людьми въ селахъ.

Объ одномъ изъ произведеній упомянутой категоріи, появившемся въ концѣ прошлаго столѣтія, мы находимъ указаніе въ ниже приводимомъ распоряженіи воронежскаго и харьковскаго генералъ-губернатора Черткова. Настоящее предложеніе заключаетъ въ себѣ циркуляръ, разосланный въ 1785 г. полицейскимъ властямъ генералъ-губернаторства, объ искорененіи слуховъ въ народѣ относительно предстоящаго въ 1788—89 годахъ свѣтопреставленія. Слухъ былъ возбужденъ появленіемъ рукописи со стихами, которые будтобы были начертаны на гробницѣ какого-то бернардина и переведены съ латинскаго по распоряженію одного изъ архіереевъ. Приводимый документъ найденъ нами въ связкѣ старыхъ бумагъ, хранящихся въ харьковскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ и заключающей въ себѣ дѣла разныхъ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ харьковской губерніи, преимущественно бывшаго бѣловодскаго городническаго правленія. Г. Бѣловодскъ принадлежалъ сначала слободскому острогожскому полку, за тѣмъ входилъ въ составъ воронежскаго намѣстничества, нынѣ это слобода старобѣльскаго уѣзда, харьковской губерніи.

П. Ефименко.

ОРДЕРЪ БѢЛОВОДСКОМУ ГОРОДНИЧЕМУ ГОСПОДИНУ СЕКУНДЪ-МАІОРУ АЛТУФЬЕВУ.

Случилось мнѣ видѣть копію съ перевода о сысканномъ яко-бы въ Венеціи, близь города Праги, называемомъ Вѣна, въ рудокопныхъ заводахъ, гробѣ какого-то бернада, въ рукахъ коего на каменной доскѣ, имѣлись написанные стихи касательно до кончины мира и прочаго.

Читая тѣ стихи, ничего въ нихъ, кромѣ пустословія, не сыскалъ я; ибо сколько означеніе мѣста доказываетъ сочинителя или выдумщика такого, который ни малѣйшаго свѣдѣнія о географіи не имѣлъ, написавъ противъ всякаго съ мѣсто-

положеніемъ тѣхъ городовъ сходства, что тѣ стихи сысканы въ Венеціи близь города Праги, называемомъ Вѣна. А какъ извѣстно, что всѣ оные три города суть столичные: 1-й венеціанской республики, 2-й королевства Богеміи, а послѣдній эрцъ-герцогства австрійскаго и столица римскаго императора; изъ которыхъ, какъ по генеральной европейской картѣ видѣть можно, отстоятъ Прага отъ Венеціи по линіи перпендикулярной не менѣе 300, а Вѣна отъ Венеціи-жъ не менѣе пятисотъ верстъ. Столь исплетенное къ обману въ тѣхъ стихахъ предсказаніе не заслуживаетъ никакого вѣроятія, какъ и изъясненная въ нихъ о 1788 годѣ матерія, 1789 году противорѣчащая, ясно то открываетъ. Да и можно-ли повѣрить въ змышленному человѣкомъ писанію о такихъ матеріяхъ, кои вовсе отъ свѣдѣнія смертныхъ сокрыты и никакою наукою не испытаны.

Хотя-жъ какой-то злоумышленникъ дерзнулъ написать въ переводѣ, что тѣ стихи съ латинскаго языка переведены будто-бы по повелѣнію знатной духовной особы, въ переводѣ томъ по имени изъясненной; но благоразуміе того мужа свѣту извѣстное вовся отнимаетъ вѣроятіе о дачѣ такова позволенія, яко ко вреду простолюдиновъ и легкомысленныхъ людей служащаго. И какъ онѣ будучи не озарены просвѣщеніемъ, разсѣваемымъ объ ономъ предсказанія слухомъ (что слышу по многимъ мѣстамъ уже и разсѣяно), легко могутъ быть не токмо обмануты, и повѣрить оному, но достаточные изъ нихъ, представляя яко-бы толь краткое для жизни ихъ время, могутъ сдѣлаться расточительными, и о собственности небрегущими, а бѣдные вовся оставятъ попеченіе и труды о пріобрѣтенія жизненному содержанію своему нужного, и тѣмъ, какъ самымъ себѣ, такъ и обществу сдѣлаются вредными; то въ предварительное такова зла пресѣченіе предлагаю вамъ о приложеніи всевозможного старанія ко истребленію того неблагонамѣренно разсѣянного слуха между простолюдиновъ и о побужденіи ихъ къ неотложному трудолюбію и упражненіямъ имъ свойственнымъ и къ ихъ-же пользѣ относящимся. А для такова-жъ исполненія дать съ сего предписанія копію и уѣздному стряпчему.

Василей.

Октября 4 дня 1785 года.

P. S. О семъ внушеніи надобно взять такія пристойныя мѣры, чтобъ пустоту сію разглашаемую искоренить исподтиха, безъ всякой огласки, и подъ видомъ, что не по повелѣнію сіе дѣлается, но что вы сами услыша тѣ разглашенія вздорныя признали пустословными и зломышленными, и по долгу званія своего имъ истолковать и ихъ отъ того воздержать за нужно поставляете. А между тѣмъ, если, паче чаянія, усмотрите, что тѣ разглашенія часъ отъ часу размножаются и утверждаются еще съ различными къ тому неистовыми прибавленіями, въ такомъ случаѣ, ради истребленія таковаго вздорнаго и неистоваго разглашенія, за отбытіемъ изъ Воронежа г-на правителя намѣстничества, доносите мнѣ, а когда возвратится, къ нему г-ну губернатору.

Чертковъ.

НАГОВОРЫ ОТЪ БОЛѢЗНЕЙ У ЧЕРНОМОРЦЕВЪ.

Нижеслѣдующіе „наговоры“ отъ болѣзней записаны нами въ станицѣ Новоминской, ейскаго уѣзда, кубанской области. На сколько намъ извѣстно, наговоры эти распространены вообще по всему ейскому уѣзду, т. е. въ мѣстности, составлявшей раньше часть бывшаго черноморскаго войска. Составляя продуктъ историческаго прошлаго, они годъ съ годомъ утрачиваютъ все больше и больше свое прежнее значеніе, уступая мѣсто болѣе здравымъ понятіямъ о физическихъ недугахъ. Тѣмъ не менѣе и теперь еще не мало населенія слѣпо вѣритъ цѣлительной силѣ „наговора“ и въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія черноморцы даже изъ привиллегированныхъ классовъ. Хранителями наговоровъ являются шептухи, знахари и знахарки и отчасти люди „начитанные“, побывавшіе въ Кіевѣ, въ разныхъ монастыряхъ и слѣпо вѣрящіе въ то-же время въ дѣйствительность событій, воспѣтыхъ Мильтономъ въ „Потерянномъ раѣ“, высоко ставящіе сказаніе о пятницахъ и пр. Записанные нами „наговоры“ мы передаемъ въ той редакціи, которая наиболѣе близка къ мѣстному разговорному языку.

Наговоръ отъ остуды.

Добрый вечіръ тобі Уляно, святая, орданская, ангельская и архангельская! Ты прибуваешъ изъ горъ и долинъ, лугівъ и берегівъ, що-бъ такъ и до мене рабы Божои (такой-то или такого-то) прибували добри люди и дівчата (или женихи); ты очищаешъ и обливаешъ долины, луга, берега, каміньня и кремінья,— очисть-же и обмый одъ мене (такой-то или такого-то) рабы Божои остуду, студище, клевету, клеветище, поговоръ, поговорище и прозоръ, прозорище—чоловічи, жівочи, хлопьячи, дівочи, подумани, погадани, попівски, даківски, діянковски и одъ всякои скверноты—колдунника, колдунницы, епатника, епатницы и еретика и еретицы.

Наговоръ отъ напрасныхъ нападокъ людей и судовъ.

Надо предварительно проговорить: „вѣрую во единаго Бога“...

Ой на морі, на окіяні, на острові, на Буяні, стоить дубъ, а на тімъ дубу стоять три стовпи дубовіе и на тіхъ стовпахъ біли білокаменни палаты, а въ тіхъ палатахъ стоять столы тесовне, позастилани, а за тими столами сидять судьди, а хто-жъ буде мене у цімъ суді судити, то той-же буде изъ мене кровь пити. Я

цей судъ опровергаю, заключаю и замыкаю въ сімдесятъ ключей залізнихъ и въ окіянъ-море, підъ білорізъ камінь ключи закидаю, а хто-жъ тиі ключи достане, то той жени раби Божій (такой-то или такому-то) въ цімъ суді супротивникомъ стане.

Наговоръ „въ пути ночлега и въ науці волівъ".

Господи благослови! Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его, матіръ Елену и жену Елисавету! Сохранявъ Господь царя Давида отъ царя Савула—сохрани и мене раба Божого (имя рекъ) на цімъ місті въ ночлезі и одъ всякои напасти и лихого чоловіка. Аминь, аминь, аминь.

Наговоръ отъ гадины.

Надо предварительно проговорить: „вѣрую во единаго Бога"...

Ой на морі, на окіяні, на острові, на Буяні, стоить дубъ, а въ тімъ дубу—срубъ, а въ срубі—зміинный зубъ. Змій окатиха, опалиха, одимиха, омижиха! Въ чистомъ полі на рябому коні Господь Самъ поізжае, искае змін окатихи, опалихи, одимихи, омижихи. Выймить изъ раба Божого (такого-то или такой-то) ніи ихъ худобы зміинный зубъ та положить гадові въ срубъ, а не выймете, виновати будете.

Наговоръ отъ бишихи.

Надо предварительно проговорить: „Отче нашъ"...

Ишло сімъ попівъ, несло по сімъ ціпівъ, ишло сімъ попівъ, несло по семи грабель, ишло сімъ попівъ, несло по семи лопатъ, ишло сімъ попівъ, несло по семи метелъ, зостріли бишиху водяну, вітряну и пристрітну на рабу Божому (имя рекъ). Мы тебе бишиху ціпами розмолотимо, граблями розгребемо, лопатами роскидаемъ, а метлами розметемъ, тутъ тобі на раби Божому не бути, тіла не рвати и не сушити, кости не ламати, крови не пити. Иди собі на чорніи луга, де буйный вітеръ свиставъ, пребувавъ! Аминь.

Наговоръ отъ колючки.

Надо предварительно проговорить три раза: „Богородице, Дѣво радуйся"...

Богородице, Діво радуйся! Благодатна Маріе! Съ усердіемъ прошу Тебе, Пресвятая, стань въ помощь ежечасно и минутно, изжени ци злие помыслы—колючку, колючяще! Подумана, погадана, вітряная, мужича, жіноча, хлопьяча, дівоча и пристрітная! тебе вышіптую и выговорюю Божою помощію, щобъ ты въ цімъ рабу Божому (или Божый) не стояла, червонои крови не пивала, білого тіла не стягала. Изойди собі одъ раба Божого на чорніи луга, на перепалы, де буйный вітеръ свиставъ, пребувавъ.

Наговоръ отъ огня.

Господи Боже нашъ, спасай одъ огня! Яко-же спасавъ еси въ пещи огненной трехъ отроківъ Ананія, Азарія и Михаила, не попустивъ тимъ ни мало вредитися отъ пламени, и Даніила отъ устъ львовыхъ избавивый и Мойсея отъ рукъ Фараона, соблюдивъ и святую Феклу отъ огня и звірей, также спошли и мени рабу твоему (имя рекъ) отъ цёго огня и страданія, ціеи пламени горящои.

Наговоръ отъ крикливецъ.

Надо предварительно три раза проговорить: „Богородице Дѣво радуйся"...

Богородице, Діво радуйся, благодатна Маріе! Съ усердіемъ прошу тебе, Пресвятая Діво, стань въ помочи сжечасно, минутно цёму младенцеви (имя рекъ), изжени ціи злыи помыслы—крикливици, плаксивици, ночници, полуночници, денници, полуденници и не сплячки, помыслени, погадани, вітряніи и пасланн. Я васъ изсылаю на очерета, на болота, щобъ вы въ цімъ младенці не стояли, головы его не ламали, семидесяти семи суставівъ не ламали и червонои крови не пивали, вышінтую и выговорюю Божою помощію и Пресвятою Богородицею, со всіми святыми во віки аминь.

Сообщ. **Ф. Щербина.**

ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ПЕРЕЯСЛАВЛѢ.

Маститый нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ въ іюньской книжкѣ „Русской Старины" за нынѣшній годъ помѣстилъ замѣтку о судьбѣ успенской церкви въ Переяславѣ, съ именемъ которой соединено воспоминаніе о присоединеніи Малороссіи къ московскому государству. Оказывается, что той церкви, въ которой приносилъ присягу Богданъ Хмельницкій, уже нѣтъ, а осталось лишь нѣсколько отъ нея брусьевъ, вошедшихъ въ стѣны нынѣшней весьма ветхой церкви.

Но въ Переяславлѣ есть другой исторической памятникъ, менѣе древній, но болѣе сохранившійся; разумѣемъ церковь Покрова Божіей Матери. Первоначальное построеніе этой церкви относятъ къ 1614 году, и вѣроятно она была деревянная. То было время господства поляковъ, а вмѣстѣ съ ними и польско-католическаго духовенства. Въ Переяславѣ, какъ и въ Черниговѣ были вводимы ихъ обычаи, языкъ и управленіе. Пробовали вводить и свою вѣру,

въ видѣ уніи; храмы православные обращались въ уніатскіе и католическіе. Староста переяславскій и воевода брацлавскій Лука Жолкевскій, племянникъ гетмана Жолкевскаго, построилъ (въ 1638 г.) при покровской церкви іезуитскій коллегіумъ. Взбунтовавшійся впослѣдствіи народъ (въ 1666 г.) разметалъ коллегіумъ и прахъ основателя его, погребеннаго при той церкви, вырылъ изъ земли и разбросалъ съ ожесточеніемъ.

Полковникъ переяславскій Мировичъ, племянникъ гетмана Мазепы, положилъ основаніе новой покровской каменной церкви, въ 1704 г., но на томъ-ли мѣстѣ стоитъ она, гдѣ была прежде, или на другомъ, не знаемъ. Въ рукописномъ сказаніи о построеніи этой церкви, которое въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія хранилось въ ризницѣ ея, отмѣчено только, что изъ прежней церкви перенесены всѣ церковныя вещи въ новую, при освященіи ея въ 1709 годѣ.

Нынѣшній покровскій храмъ въ Переяславлѣ имѣетъ мѣстами стѣны чрезмѣрно массивныя, до 3-хъ аршинъ толщины; съ южной и сѣверной сторонъ подѣланы вверху надъ дверями тайники, которые выведены въ стѣнахъ, на подобіе комнатъ. Говорятъ, что въ нихъ, при нападеніи непріятеля, скрываемы были церковныя вещи и казна. Къ тайникамъ ведетъ небольшая, въ родѣ окна, дверь, которая легко закладывается кирпичемъ, и никто не можетъ знать о потаенномъ мѣстѣ. Съ южной стороны находится, внутри церкви, потаенная каменная лѣстница, ведущая на верхъ купола, гдѣ стояла, какъ полагаютъ, стража, наблюдавшая за движеніями происходившими вокругъ города, особенно по теченію Днѣпра, отстоящаго отъ Переяслава въ 7 верстахъ. По первому извѣстію объ опасности, угрожавшей жителямъ, давалось имъ знать колокольнымъ звономъ.

О построеніи каменной покровской церкви передаютъ, между прочимъ, такой разсказъ. Полковникъ Мировичъ, возводя ее по плану художественному, навелъ на себя негодованіе гетмана Мазепы за то, что храмъ въ архитектурномъ отношеніи превосходилъ вознесенскій монастырь, построенный гетманомъ. „Есть люди", сказалъ однажды Мазепа племяннику своему, „которые заботятся о пріобрѣтеніи богатыхъ экипажей и ими щеголяютъ; строятъ пышныя зданія и ими тщеславятся, а мы съ тобою начали строить храмы,

кажется, не для того, чтобы щеголять другъ предъ другомъ". „Такъ, ясневельможный гетмане, отвѣчалъ ему племянникъ; я никогда не думалъ объ этомъ; строилъ такъ, какъ мнѣ казалось лучше. Я никогда не осмѣливался выказывать себя предъ народомъ".

Церковь была уже возведена до половины и Мировичъ, послѣ этого разговора, приказалъ поскорѣе окончить ее, какъ попало, не заботясь о строгомъ выполненіи плана.

Несмотря на то, построенный гетманомъ въ 1700 г. вознесенскій монастырь, не имѣетъ той красоты, какъ покровская церковь; въ послѣдней соблюдена стройность и правильность въ размѣрахъ, но только до куполовъ.

Посвящая созидаемую церковь Покрову Божіей Матери, Мировичъ въ тоже время поручилъ нарисовать запрестольный образъ Покрова, величиною около двухъ аршинъ. На немъ представлены, по его желанію: государь Петръ I и государыня Екатерина I, въ царской одеждѣ; государь со скипетромъ и державою. Подлѣ царя стоитъ гетманъ Мазепа, въ своей гетманской одеждѣ; близъ государыни придворныя дамы, въ придворномъ нарядѣ; въ сторонѣ козаки въ ихъ народной одеждѣ; напротивъ императора Ѳеофанъ Прокоповичь, въ своемъ полномъ архіерейскомъ облаченіи; около него священство... Надъ всѣми ими, на облакахъ, покровъ Божіей Матери, явившійся въ Греціи въ X вѣкѣ...

Образъ покрова замѣчателенъ изображеніями лицъ и кистью художественною. Государь и государыня довольно похожи, только государь нарисованъ моложавымъ. Мазепа и Ѳеофанъ Прокоповичь болѣе всего похожи. О другихъ особахъ, какъ-то: дамахъ, козакахъ и духовенствѣ, трудно сказать, кто они; строитель храма нарисованъ такъ-же здѣсь и, какъ должно думать, онъ тотъ самый, что стоитъ подлѣ гетмана...

Живопись прекрасная, и надобно удивляться, что по тогдашнему состоянію изящнаго искусства въ Малороссіи, соблюдена отчетливая отдѣлка въ нарядахъ современныхъ, въ правильной разстановкѣ всей групы, а главное достоинство—превосходныя изображенія лицъ, переданныя вѣрно и живо.

Какой же былъ поводъ къ изображенію главныхъ современныхъ лицъ, и откуда взяты настоящіе ихъ лики? Говорятъ, что

Мировичъ велѣлъ изобразить ихъ въ ознаменованіе благодѣтельнаго вліянія на Малороссію, которая наслаждалась покоемъ подъ державой Россіи, что онъ желалъ представить Малороссію въ ликахъ первенствующихъ малороссіянъ, а Россію въ царственныхъ особахъ и что онъ въ образѣ Покрова поручалъ Россію и Малороссію заступничеству Божіей Матери.

Лица державныя, придворныхъ особъ и Ѳеофана Прокоповича писаны, какъ разсказываютъ, съ потретовъ, имѣвшихся у художника. Гетманъ и козаки взяты съ дѣйствительности; что же касается государя, то онъ бывалъ въ Переяславѣ, и художникъ могъ видѣть его и схватить выразительныя черты его лица.

Сохранилось еще одно знаменательное преданіе о Мазепѣ, связанное съ именемъ этой церкви. Когда онъ замыслилъ отторгнуться отъ Россіи, что глубоко скрывалъ въ своемъ сердцѣ, то однажды проѣзжалъ мимо покровской церкви, еще прежней, стоявшей около вновь строившейся, и лишь только поровнялся съ храмомъ, какъ лошадь подъ нимъ упала и разшиблась. Народъ, провожавшій его, пришелъ въ ужасъ, изъ толпы раздались голоса: *це не къ добру, що нашъ вельможный упавъ!* Никто изъ стоявшихъ не зналъ, что таилось въ его душѣ, а народъ выразилъ свою боязнь, не думая о томъ, что голосъ народа—голосъ Божій. Преданіе прибавляетъ, что гетманъ немедленно пошелъ въ церковь, палъ на колѣна предъ иконой Божіей Матери и долго молился; слезы катились изъ глазъ его, и когда онъ приложился къ святому лику, то выкатилась будто слеза изъ очей Богоматери, остановилась съ правой стороны Ея лица, почти посреди носа, и что отъ той слезы остались на иконѣ слѣдъ, въ видѣ точки, которую и нынѣ показываютъ.

Гибельный конецъ гетмана извѣстенъ всѣмъ; послѣ битвы подъ Полтавою, 1709 г. іюня 27, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ королемъ шведскимъ Карломъ XII въ турецкіе предѣлы, а съ нимъ и строитель покровской церкви Мировичъ; и онъ и Мировичъ умерли внѣ своего отечества.

Остававшаяся въ Переяславѣ жена Мировича, Пелагея, родомъ Голубина, докончила церковь и украсила ее.

Откуда заимствовано свѣдѣніе о паденіи гетмана?—Одна духовная особа въ 50-хъ годахъ передавала намъ, что двадцать лѣтъ

предъ тѣмъ въ Переяславлѣ жила слишкомъ столѣтняя женщина, которую любопытные часто спрашивали, не помнитъ-ли она чего нибудь про гетьманщину? Старуха пересказывала, что видѣла и что слыхала, и между прочимъ о томъ, какъ говорила ей родная ея мать, что вельможный гетманъ Мазепа упалъ съ лошадью предъ покровской церковью и что всѣ стоявшіе тамъ, въ томъ числѣ и ея мать, говорили тогда же, что это не къ добру.

А. Т.

Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ*).

(По списку Лещинскаго).

21) За золотыми воротами, вправо, въ нижней 2-й батареи, именуемой Зміевою пещерою, подъ правый бокъ, на 12 шаговъ въ сторону отъ вознесенской церкви, въ колѣно зарыта прикащикомъ у хозяина винарни, бывшей на Подолѣ близь церкви Воздвиженія надъ Канавою, богатаго и безроднаго грека, шкатулка съ червонцами, во время Гайдамачины.

22) По дорогѣ изъ Кіева въ Бѣлгородку, въ вершинѣ Святошина, есть раздолъ или яръ, въ яру стоитъ сосна толстая, въ корень ея заколоченъ шиналь, противъ него закопаны деньги.

23) Тамъ-же ниже отъ рѣки есть сосна бортяная, въ которую врѣзанъ конскій копытъ. Противъ сего мѣста недалеко закопана большая трехгранная бутылка червонцевъ.

24) Тамъ-же въ Святошинѣ, близъ рѣки, терновый кустъ надъ дорогою и въ этомъ кусту зарытъ казанъ червонцевъ.

25) Въ селѣ Мостищахъ подлѣ ямы и двухъ дубовъ, на востокъ, цѣлая коша серебряныхъ рублей въ ряднѣ, а подъ этимъ кладомъ, глубже въ колѣно, положенъ кувшинъ червонцевъ.

26) По дорогѣ изъ Мостищъ въ Горянки и отъ Горянки къ Межигорью, не доѣзжая, надобно смотрѣть въ лѣвую сторону три сосны съ примѣтами, между которыми зарыты деньги въ колѣно.

27) По дорогѣ изъ Мостищъ въ Горянки и изъ Горянокъ къ Межигорью, не доѣзжая, стоитъ по лѣвую сторону дубъ, въ него забитъ

---

*) См. «Кіев. Ст.» 1683 г., м. іюнь, стр. 387.

стволъ, отъ этого дуба на сѣверъ въ пяти шагахъ зарытъ казанъ червонцевъ.

28) Ниже Мостищъ находится островъ, выдавшійся изъ р. Ирпеня въ пустыню. На этомъ островѣ разбойники зарыли 7,000 червонцевъ и золотой крестъ. Сверху примѣта надъ червонцами крушиновый кустъ и близъ него дубовый кустъ, подъ которымъ и кладъ.

29) Въ межигорскомъ бору, близъ Демидова Острова, есть Лоева гора, въ концѣ которой есть рубленая криница, противъ криницы въ 10 шагахъ толстая сосна. Отступивъ отъ сосны на востокъ солнца пять шаговъ, надо искать огнища, подъ которымъ казанъ червонцевъ; а отъ этого клада на пять шаговъ къ востоку зарытъ сундукъ съ серебрянными деньгами и серебряною посудою на 10 человѣкъ.

30) По дорогѣ изъ Кіева къ Броварамъ насупротивъ 9-й версты направо стоитъ сосна розведена, подъ тою сосною большой кладъ денегъ разнаго сорта и много серебряной посуды.

31) Противъ стараго перевозу Сорокотичь есть камень противъ села Рытячи, а подъ мамнемъ кладъ денегъ.

32) За Днѣпромъ подлѣ краснаго трактира стоитъ сосна, а на той соснѣ вырѣзаны знаки: сабля и пика, и не глубоко подъ сосною зарыты саквы червонцевъ.

33) Въ Межигорьѣ, на горѣ, противъ церкви, подлѣ Владимірова дуба, въ древнемъ саду монашескомъ былъ глубокій колодезь, а на дно онаго опущены разныя драгоцѣнныя вещи церковныя и домашнія, и колодезь зарытъ землею до верху.

34) Въ селѣ Пироговѣ недалеко отъ корчмы есть кленъ, подъ которымъ казанъ червонцевъ.

35) За Днѣпромъ, въ софійскомъ бору есть яръ, по которому надо идти до самой вершины на раздолье: тутъ будетъ большая куча муравьевъ и дубъ межъ ними изрытый (sic)

36) Насупротивъ перевозу, гдѣ въ водополицу полную паромъ пристаетъ, стоитъ сосна на востокъ отъ пристани и въ трехъ шагахъ отъ нее казанъ червонцевъ на 3 человѣка.

37) По дорогѣ въ Межигорье по правую сторону крестъ съ изображеніемъ распятія, внизу-же криница, выше той криницы на бугрѣ сундукъ денегъ.

38) Тамъ-же, противъ пустой каплицы колодезь, чрезъ яръ по дорогѣ отъ Межигорья — по правую сторону или по лѣвую, не доѣзжая Межигорья, стоитъ липа въ песку, а подъ липою мѣдное барило денегъ, три полумиски серебра и 20 стакановъ серебряныхъ вызолоченыхъ.

39) По пути изъ Кіева въ Бровары есть мѣсто у Вигуровки надъ яромъ съ крестомъ и подлѣ кладъ.

40) Надъ водицею есть дубъ и сосна, между которыми подъ сосною, на край, вырѣзаны голова и посреди крестъ, зарыты деньги на 12 человѣкъ.

41) За Днѣпромъ бѣжитъ ровчакъ изъ Царницы и около него стоятъ три сосны, изъ которыхъ на одной вырѣзаны копье и сабля. Тамъ съ края лѣса лѣжатъ червонцы.

42) Ниже Вишенокъ въ Оберку близъ толстой сосны съ отломленнымъ верхомъ кладъ.

34) Въ селѣ Дмитровичахъ подъ корчмою лѣваго угла глекъ червонцевъ.

О ПОРТРЕТАХЪ МАЗЕПЫ.

Н. И. Костомаровъ въ минувшемъ году помѣстилъ въ журналѣ „Русская Мысль“ обширную монографію о Мазепѣ, а въ началѣ этого года издалъ ее отдѣльной книгою. Къ сожалѣнію, почтенный историкъ не только не приложилъ къ ней портрета Мазепы, но не коснулся даже вопроса о томъ, гдѣ искать наиболѣе точнаго портрета этого лица. А между тѣмъ это вопросъ, требующій разрѣшенія нашихъ историковъ и археологовъ.

Наиболѣе распространенный портретъ Мазепы тотъ, котораго подлинникъ находится въ академіи художествъ. Но вотъ справка объ этомъ портретѣ изъ записей императорской академіи художествъ, которую сдѣлалъ для насъ уважаемый Т. В. Кибальчичъ.

„Императорская Академія Художествъ.

Галлерея русской живописи № 2-й.

Портретъ гетмана малороссійскихъ войскъ“.

„Гетманъ изображенъ съ непокрытою головою и съ лицемъ, обращеннымъ нѣсколько влѣво; на немъ голубоватая нижняя одежда

и разстегнутый коричневый кунтушъ, обложенный на груди золотымъ позументомъ. Фонъ темный.—Грудное изображеніе. Вышина портрета: 17, ширина: 13½—X.

„Вѣроятно, это портретъ Скоропадскаго. Художникъ имѣлъ случай написать его въ бытность гетмана при дворѣ въ Москвѣ, въ 1722 году. *Долго слылъ за портретъ Мазепы* (sic).

Портретъ—работы Ивана Максимовича Никитина. Родился не позже 1690 г., ум. послѣ 1744 г.“

Итакъ это не портретъ Мазепы, какъ говоритъ наша академія, но и не портретъ Скоропадскаго,—скажемъ мы. Портретъ Скоропадскаго есть и доселѣ въ гамалѣевскомъ монастырѣ, имъ основанномъ (стѣнное изображеніе во весь ростъ) и ничего общаго съ академическимъ портретомъ не имѣетъ. Мазепа вовсе не былъ *наказнымъ* или *напольнымъ* гетманомъ, да и самаго этого названія наказные малороссійскіе гетманы никогда не носили. Чей-же портретъ въ академіи долго слылъ за портретъ Мазепы и гдѣ искать точнаго его портрета? На первый вопросъ отвѣчать не беремся, а для рѣшенія втораго предлагаемъ слѣд. свѣдѣнія.

Въ типографіи кіево-печерской лавры сохранились гравировальныя доски конца XVII в., работы, вѣроятно, извѣстнаго гравера кіевскаго Иннокентія Щирскаго, а недавно сдѣланные оттиски съ этихъ досокъ находятся въ музеѣ древностей при кіевской духовной академіи. На одномъ изъ нихъ изображено взятіе Кизи-керменя въ 1697 г. и при этомъ портреты царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и Ив. Ст. Мазепы, на другомъ—апоѳеоза Мазепы, гдѣ всю середину картины занимаетъ потретъ Мазепы, а вокругъ него знаменія его дѣлъ. Какъ ни блѣдны полученные теперь оттиски, но и по нимъ ясно видно, что здѣсь Мазепа это совсѣмъ не то лице, что на портретѣ академіи художествъ. Безъ всякаго сомнѣнія, оба современныя изображенія предназначались для подпесенія Мазепѣ и, конечно, художникъ приложилъ все стараніе о точности ихъ, такъ что сомнѣнія въ вѣрности общихъ чертъ лица быть не можетъ. А эти черты лица совершенно сходны опять съ чертами лица Мазепы на современномъ также его портретѣ, сообщенномъ намъ въ фотографическомъ снимкѣ В. Н. Горленкомъ, потомкомъ того самаго полковника Димитрія Горленка, который бѣжалъ съ Мазепою и не скоро возвратился, получивъ прощеніе. Въ домѣ столь близкаго къ

Мазепѣ лица не могло быть плохаго его портрета. На этомъ, какъ и на лаврскихъ изображеніяхъ, черты лица гетмана совершенно правильныя, лице нѣсколько продолговатое, благообразное, возрастъ средній— лѣтъ за 40, бороды нѣтъ, а только небольшіе красиво лежащіе усы. Первое изображеніе грудное, два другія во весь ростъ. Весьма сходный съ ними портретъ Мазепы былъ, говорятъ, у Михаила Ал. Максимовича, но мы его не видѣли и ничего о немъ сказать не можемъ.

Есть за тѣмъ рядъ портретовъ Мазепы польскаго типа, гдѣ гетманъ представленъ старымъ, съ раздвоенною небольшою сѣдою бородою. Въ лицѣ болѣе хитрости, коварства, запечатлѣвшихъ послѣдніе годы его жизни. Такой портретъ въ копіи помѣщенъ въ альбомѣ де-ля-Флиса, находящемся въ музеѣ кіевской академіи, а копія снята съ весьма стараго портрета, находившагося въ с. Монастырькѣ, кіев. губ., звен. у., близъ м. Лысянки, гдѣ былъ уніатскій монастырь, закрытый въ 1839 г. Тутъ поражаетъ своею пестротою разноцвѣтный костюмъ Мазепы, шитые золотомъ заостренные сапоги и высокая шапка съ двойнымъ перомъ. Не смотря на старый возрастъ гетмана, черты лица здѣсь напоминаютъ кіевскія современныя изображенія и портретъ, принадлежащій г. Горленку. Сходный съ нимъ портретъ помѣщенъ въ исторіи Малороссіи Бантышъ-Каменскаго. Подобный-же портретъ, писанный придворнымъ Станислава-Августа художникомъ съ неизвѣстнаго оригинала, былъ у кіевскаго жителя г. Иваницкаго и недавно отправленъ имъ въ краковскую академію.

Наконецъ мы имѣемъ свѣдѣніе, что старинный, вѣроятно, современный, портретъ Мазепы находится на Аѳонѣ въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей.

СОВРЕМЕННЫЕ СТИХИ НА ИЗМѢНУ МАЗЕПЫ.

Въ синодальной библіотекѣ, въ отдѣлѣ рукописей подъ № 5-мъ находятся слѣд. стихи неизвѣстнаго современника, старающагося выразить чувства Россіи, по поводу измѣны Мазепы, напоминающіе службу церковную, составленную по повелѣнію Петра, на день полтавской викторіи.

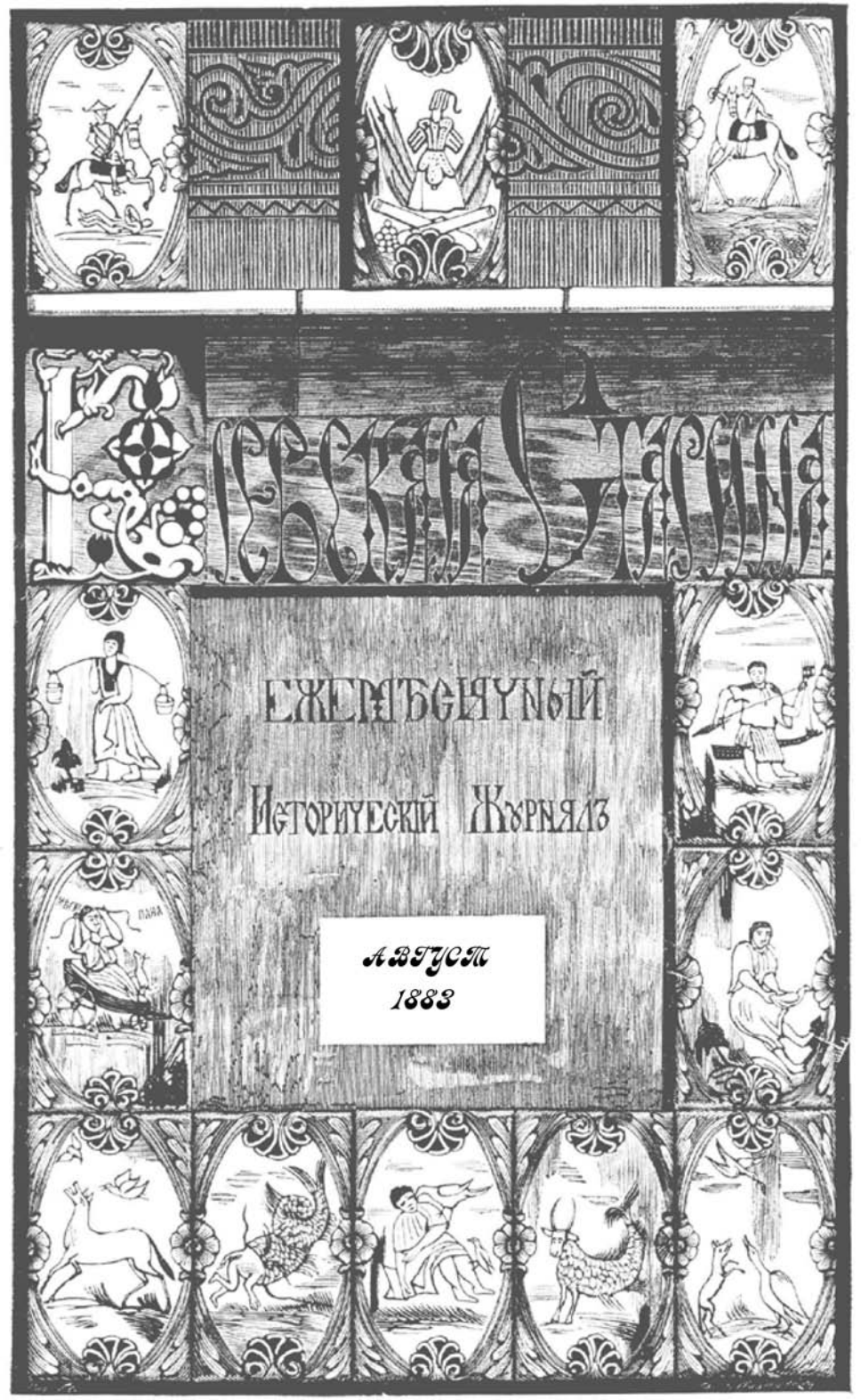
Русская Старина
ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Августъ
1883

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

АВГУСТЪ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26-го іюля 1883 года.

КУПЛЕТНЫЯ ФОРМЫ НАРОДНОЙ ЮЖНО-РУССКОЙ ПѢСНИ.

Есть предположеніе, что въ древнѣйшій періодъ возникновенія искусства поэзіи рѣчь, музыка и мимика были связаны между собою въ одно цѣлое такими тѣсными узами, какъ въ живописи контуры съ тѣнями и красками. Нѣчто подобное въ настоящее время мы видимъ въ современной оперѣ. Постепенно съ развитіемъ искусства начинается отдѣленіе самостоятельныхъ искусствъ: поэзіи, музыки и мимики, идетъ самобытное ихъ существованіе и развитіе.

Несомнѣнно, что народъ до сихъ поръ, за исключеніемъ немногихъ поговорокъ и загадокъ, не знаетъ стиховъ безъ музыки; эта послѣдняя если и существуетъ среди народа самостоятельно, то во всякомъ случаѣ каждая мелодія, сыгранная на бандурѣ, лирѣ, сопилкѣ, скрипкѣ, гармоніи и т. п., не составляетъ самостоятельной пьесы, а только мотивъ какой нибудь пѣсни.

Народная пѣсня не создается отдѣльно отъ своего мотива; мотивъ и пѣсня зарождается вмѣстѣ, одновременно; вмѣстѣ они живутъ въ устахъ и сердцѣ пѣвцовъ, вмѣстѣ и развиваются въ полной другъ отъ друга зависимости. Связь, слѣдовательно, народной пѣсни съ музыкой очень сильна и знаменательна, а посему и складъ стиха народнаго и форма мотива вліяютъ другъ на друга гораздо болѣе и сильнѣе, чѣмъ это бываетъ въ пѣснѣ культурной.

Такимъ образомъ полное и всестороннее изученіе склада народнаго стиха должно быть непремѣнно соединено съ изученіемъ народной музыки, что весьма затруднительно, а для меня, непосвященнаго въ тайны музыкальной теоріи и техники, и совсѣмъ почти невозможно. Поэтому въ моихъ замѣткахъ объ избранномъ пред-

метѣ я долженъ, къ великому моему сожалѣнію, оставить музыку въ сторонѣ, касаясь ея только въ случаяхъ самыхъ необходимыхъ.

При изученіи народной версификаціи я пользовался многими общеизвѣстными южно-русскими сборниками, сборникомъ великорусскихъ пѣсенъ Шейна и сборниками польскихъ пѣсенъ, изданными антропологической коммисіей краковской академіи [1]). Долженъ однако замѣтить, что всѣ эти сборники страдаютъ однимъ общимъ недугомъ: на версификацію и музыкальность пѣсенъ и думъ рѣдкій собиратель обращалъ вниманіе, или не придавая этой сторонѣ народнаго творчества ровно никакого значенія, или вовсе не понимая пѣсенныхъ формъ; отъ этого большинство пѣсенъ въ сборникахъ искажены въ формѣ, подчасъ до безобразія. Въ подтвержденіе сказаннаго, я приведу слѣдующіе примѣры изъ сборника Чубинскаго.

Ой підъ гаемъ зелененькимъ,	8	слоговъ
Тамъ орала дівчинонька воликомъ чорненькимъ.	14	»
Орала, орала—не вміла гукати,—	12	»
Найняла козаченька на скрипочку грати.	13	»
Козаченько грає, бровами моргає...	12	»
Вража мати ёго знає, на що вінъ думає:	14	»
Чи на мої воли, чи на корови,	11	»
Чи на мое біле личко,	8	»
Чи на мої чорни брови?	8	»
Воли та корови всі поздихають,	11	»
Біле личко, чорни брови по вікъ не здиняють.	14	»

По видимому, пѣсня эта не имѣетъ никакой опредѣленной формы; состоитъ она изъ 11 неправильныхъ стиховъ самой разнообразной длины, съ рифмами, кромѣ стиха восьмого, но при этомъ чувствуется почти вездѣ хорейный ритмъ. Между тѣмъ общеизвѣстная эта пѣсенка, провѣренная мною въ пѣніи деревенской дѣвушки, является сложенной весьма правильно, и выдерживающей отъ начала до конца опредѣленные куплеты [(6+6)—(8+6)] [2]). Вотъ ея живая форма:

Ой підъ *гаемъ*, *гаемъ*, || гаемъ зелененькимъ,
Тамъ орала дівчинонька || воликомъ чорненькимъ.

---

[1]) Zbiór wiadomości do Antropologii Krajowej. Kraków.

[2]) Въ формулахъ число означаетъ количество слоговъ части стиха, въ ( ) заключается одинъ стихъ, въ [ ] куплетъ.

Орала, орала, || не вміла гукати,
Та наняла козаченька || на скрипочку грати.
Козаченько грае, || бровами моргае...
Вража ёго мати знае, || на що вінъ гадае:
Чи на мои волы, || *а* чи на коровы,
Чи на мое біле личко, || чи на чорни брови?
Волы та коровы || *усі* поздихають,—
Біле личко, чорни брови || по вікъ не злиняють.

Это пять двустишныхъ, вполнѣ правильныхъ куплетовъ; оба стиха хорейные, правильно раздѣленные цезурою на двѣ части, при чемъ первая часть втораго стиха 8-сложная, а остальная 6-сложная. Подчеркнутыя мною слова у Чубинскаго выпущены, въ девятомъ стихѣ вставлено: „мои", въ десятомъ, вмѣсто двусложнаго „усі", явилось односложное „всі", и ко всему этому изъ втораго стиха предпослѣдняго куплета сдѣлано два самостоятельныхъ стиха. Въ такой изуродованной формѣ эту пѣсню не только что правильно, но даже совсѣмъ спѣть невозможно.

Другой примѣръ я возьму изъ щедривокъ. У Чубинскаго щедривка № 36, вар. 13, звучитъ такъ:

Наша Маланка || господиня,	5+4
Въ ополонці || ложки мила,	4+4
Ложку, тарілку || упустила	5+4
А тоненькій хвартухъ || замочила.	6+4
Повій вітре || черезъ ворота,	4+5
Высуши хвартухъ || краще злота.	5+4
Щобъ ненька || не пізнала,	3+4
Щобъ шельмою || не назвала.	4+4

Неправильность стиха явная, и положительно нѣтъ возможности опредѣлить по этому списку первоначальную формулу этой щедривки; она подходитъ болѣе всего къ двумъ типамъ: [(4-|-4)—(4-|-4)] или къ [(5-|-4)—(5-|-4)]. Принимая во вниманіе, что первая формула въ щедривкахъ господствуетъ, вторая-же встрѣчается только въ купальныхъ и немногихъ весняныхъ пѣсняхъ, я былъ убѣжденъ, что имѣю дѣло съ искаженіемъ первой формулы. Но затѣмъ мнѣ удалось записать ту-же щедривку съ музыкой отъ деревенской женщины и убѣдиться въ совершенно противоположномъ. Вотъ какъ она поется:

Наша Мелашка || не лінива,
На ополонці || ложки мыла (2)
На ополонці || ложки мыла,
Ложку, тарілку || упустила. (2)
Ложку, тарілку || вытягала,
Тоненькій хвартухъ || замочала. (2)
Ой повій вітре || буйнесенькій, (2)
Высуши хвартухъ || тонесенькій. (2)
Ой повій вітре || чрезъ ворота,
Высуши хвартухъ || краще злота. (2)
А щобъ мачуха || не пізнала,
А щобъ шельмою || не назвала. (2)

Всѣ шесть куплетовъ выдерживаютъ съ замѣчательной стойкостью формулу [(5-'-4)—(5-'-4)], при чемъ для достиженія правильности ритма вставляются разныя словца (ой, а), иныя сокращаются (чрезъ).

Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ трудно довѣрять сборникамъ при изученіи склада стиха. Мнѣ на каждомъ шагу приходилось встрѣчаться съ подобными искаженіями, болѣе или менѣе крупными, при которыхъ подъ часъ совершенно невозможно опредѣлить типъ стиха. А между тѣмъ тѣже сборники доказываютъ, какъ украинскій народъ замѣчательно чувствителенъ къ формѣ, какъ онъ стремится къ достиженію благозвучія, вставляя для правильности ритма совсѣмъ ненужныя для содержанія словца, сокращая и распространяя слова, повторяя одно и тоже слово или даже цѣлыя фразы.

Наблюденія мои надъ стихомъ пѣсенъ въ сборникахъ приводятъ меня къ тому убѣжденію, что только та пѣсня можетъ считаться правильно занесенной въ сборникъ, которая была точно списана непремѣнно съ пѣнія, такъ какъ народъ только въ пѣніи произноситъ стихъ правильно и не понимаетъ стихотворной формы безъ мелодіи.

Тотъ или другой характеръ склада народной пѣсни зависитъ отъ гармоническаго согласованія мелодіи со словами. Каждая пѣсня дѣлится на отдѣльные повторяющіеся періоды, называемые куплетами. Куплетъ въ музыкальномъ отношеніи имѣетъ полную закон-

ченную мелодію, раздѣленную на 2, 4, 6 или болѣе музыкальныхъ фразъ, болѣе или менѣе разнообразныхъ по сочетанію тоновъ. Со стороны стихотворной такой куплетъ представляетъ болѣе или менѣе распространенное предложеніе съ нѣсколькими главными понятіями, около которыхъ группируются слова съ значеніемъ второстепеннымъ. Какъ въ каждой музыкальной фразѣ есть одна основная нота (тоника или доминанта), такъ соотвѣтственно въ стихахъ эти главныя понятія выдѣляются среди прочихъ своимъ логическимъ удареніемъ. Каждая музыкальная фраза объемлетъ непремѣнно одно логическое удареніе съ принадлежащими къ нему второстепенными словами, при чемъ логическое удареніе совпадаетъ съ основной нотой музыкальной фразы. Второй единицей въ составѣ куплета есть стихъ; онъ слагается изъ одного, двухъ или трехъ музыкальныхъ фразъ и логическихъ удареній, составляющихъ какъ по законченности мелодіи, такъ и по словесному содержанію опредѣленную цѣльную часть куплета, которой соотвѣтствуетъ такая-же часть или второй стихъ. Возьмемъ примѣръ:

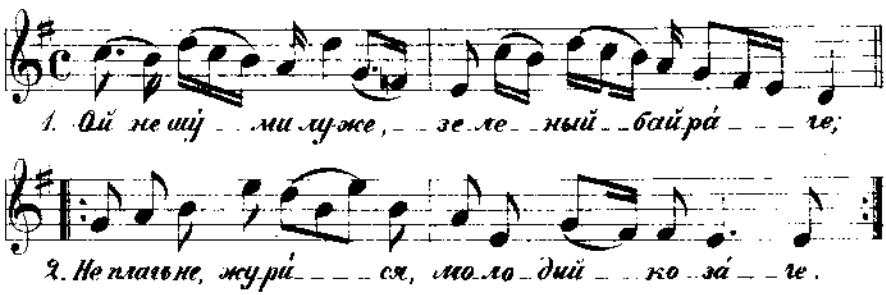

Въ этомъ примѣрѣ, какъ видимъ, 4 музыкальныя фразы, которымъ соотвѣтствуетъ столько-же логическихъ удареній, совпадающихъ съ основными звуками мелодіи; куплетъ раздѣленъ на два стиха, соотвѣтствующіе одинъ другому какъ по мелодіи, такъ и по словесному смыслу.

Изъ сказаннаго мы видимъ, что народный куплетъ основанъ на логическихъ началахъ; онъ составляетъ рамки для цѣлой мысли, высказанной въ цѣльной законченной мелодіи. Въ стихотвореніяхъ литературныхъ мы зачастую встрѣчаемъ, что въ куплетѣ мысль не кончена и продолжается въ слѣдующемъ куплетѣ; еще чаще найдемъ стихи, въ которыхъ первая часть составляетъ конецъ какого-нибудь предложенія, а вторая начало слѣдующаго, составляю-

щаго мысль совершенно самостоятельную. Ничего подобнаго не можетъ быть въ пѣснѣ народной: дѣленіе куплета на стихи и части стиховъ всегда въ ней совпадаетъ съ дѣленіемъ на логическія и гармоническія фразы. Какъ создавались пѣвцами прототипы пѣсенныхъ куплетовъ, трудно сказать опредѣленно; по всему вѣроятію, извѣстная прочувствованная мысль выражалась сразу въ соотвѣтственномъ словесномъ предложеніи, пропѣтомъ въ соотвѣтствующей мысли и чувству мелодіи. Оттого такая сильная связь между содержаніемъ словеснымъ и комбинаціей тоновъ. Но прототипъ созданной пѣсни не остается неизмѣннымъ; онъ живетъ и развивается, перенося на себѣ отпечатокъ и времени и мѣстности. Создаваемые варіанты къ старой пѣснѣ носятъ уже нѣсколько другой характеръ; здѣсь пѣвецъ не создаетъ мотива вмѣстѣ съ пѣсней, а только подбираетъ слова для выраженія новой мысли соотвѣтственно шаблону, опредѣленному мотивомъ. При этомъ встрѣчаются непреодолимыя подъ часъ препятствія; трудно подобрать предложеніе такъ, чтобы логическія его ударенія вполнѣ совпадали съ основными нотами музыкальнаго куплета. Но вліяніе музыкальной мелодіи на удареніе въ словахъ на столько сильно, что въ неудачно подобранныхъ въ этомъ отношеніи стихахъ удареніе въ пѣніи переносится съ дѣйствительнаго своего мѣста на то, въ которомъ оно должно быть по формулѣ прототипа пѣсеннаго куплета. Зачастую мы слышимъ въ пѣніи, что вмѣсто „тебе́, молода́, дівчина, козаки́, була́, у́лиця“ и т. п. поется: „те́бе, моло́да, дівчи́на, коза́ки, бу́ла, ули́ця“. Примѣровъ подобнаго перемѣщенія можно найти очень много; въ приведенной, напр., выше щедривкѣ „Меланки“, въ четвертомъ куплетѣ слова: „буйне́сенький“ и „тоне́сенький“, а въ шестомъ слово „ма́чуха“ поются: „буйнесе́нький, тонесе́нький, мачу́ха“, вслѣдствіе того, что мотивъ сложенъ для такого куплета, въ кототоромъ логическое удареніе стоитъ на предпослѣднемъ слогѣ каждой части стиха и имѣетъ соотвѣтственно акцентированный тонъ въ этомъ мѣстѣ мелодіи. Подобное перемѣщеніе ударенія есть безспорно диссонансъ, нарушающій благозвучіе пѣсни; изуродуванныя слова сильно рѣжутъ ухо, хотя мы уже и свыклись съ многими нарушеніями и часто даже ихъ не замѣчаемъ, какъ напр. въ словахъ: „ме́не, те́бе, дівчи́на“. Постоянное употребленіе выраженія: „дівчи́на-рибчи́на“ въ пѣсняхъ амфибрахическаго ритма сдѣ-

лало то, что многіе полагаютъ, что въ данномъ случаѣ удареніе стоитъ правильно и оно должно произноситься также и въ прозѣ.

И такъ связь мелодіи пѣсни съ текстомъ видна не только въ построеніи куплета, въ соотвѣтствіи логическихъ частей стиха музыкальнымъ фразамъ, но и въ соотвѣтствіи тоническаго построенія мелодіи, акцентировкѣ словъ. Мелодія не только составляетъ гармоническую окраску пѣсеннаго стиха, но она съ нимъ настолько связана, что малѣйшее нарушеніе правильнаго сочетанія тоновъ гласныхъ звуковъ съ тонами мелодіи производитъ диссонансъ.

Сообразивъ все вышеизложенное, я съ увѣренностію скажу, что изучать архитектуру пѣсеннаго народнаго куплета можно только въ пѣніи; только въ пѣніи мы можемъ безошибочно опредѣлить формулу куплета, только пѣніе можетъ надлежащимъ образомъ освѣтить характеръ звуковаго тембра пѣсни; одинъ текстъ пѣсни безъ мелодіи—это не болѣе какъ скелетъ куплета, часто угловатый и неправильный. Но подобное изученіе безъ музыкальныхъ данныхъ, теоретическихъ и техническихъ, невозможно, по неимѣнію надлежащаго матеріала. Кромѣ сборника Н. В. Лисенка (120 пѣсенъ), я не знаю другаго серіознаго сборника мелодій; но и этотъ страдаетъ большимъ недостаткомъ, какъ матеріалъ для изученія стиха. Пѣсенъ купальныхъ, русальныхъ, зажнивныхъ, веснянокъ, колядокъ и щедривокъ въ сборникѣ этомъ совсѣмъ нѣтъ, а историческихъ эпическихъ очень мало.—Пробѣлъ этотъ можно восполнить до нѣкоторой степени немногими мотивами, занесенными въ III т. сборника Чубинскаго, но матеріалъ этотъ очень бѣденъ и, какъ замѣтилъ г. Лисенко, искаженъ въ корректурномъ отношеніи. Несмотря однако на все это, я нашелъ возможнымъ и изъ этого матеріала вывести заключеніе о существованіи въ южно-русскихъ пѣсняхъ двухъ типовъ склада куплетовъ, которые я назову *древнимъ* и *новымъ*; различіе между ними я нахожу въ характерѣ тоническаго согласованія мелодіи съ словеснымъ текстомъ.

Древній складъ основанъ только на логическомъ удареніи; вся ритмичность древняго куплета въ правильномъ чередованіи логическихъ подъемовъ, ясно акцентированныхъ въ основныхъ тонахъ музыкальныхъ фразъ. Куплетъ состоитъ изъ стиховъ, стихи дѣлятся на логическія части. Такая логическая часть съ соотвѣт-

ственною музыкальною фразою составляетъ меньшую единицу въ ритмѣ, который и зависитъ отъ правильнаго построенія стиховъ изъ логическихъ частей, подобранныхъ въ соотвѣтственномъ количествѣ и соотвѣтственной распространенности.

Складъ новый, кромѣ чередованія логическихъ удареній, имѣетъ еще правильный подборъ высокихъ и низкихъ тоновъ, группирующихся возлѣ основнаго. Часть стиха съ логическимъ удареніемъ дѣлится еще на меньшія единицы, каждая съ однимъ высокимъ и однимъ или двумя низкими слогами. Такія единицы въ стихахъ литературныхъ называютъ стопами. При пѣніи пѣсенъ новаго склада, вы слышите въ каждой части стиха, кромѣ главнаго логическаго ударенія, еще правильное чередованіе менѣе высокихъ удареній, подчиняющихся тѣмъ-же музыкальнымъ требованіямъ, что и логическое удареніе; т. е. въ случаѣ неудачнаго подбора слова, мелодія измѣняетъ его удареніе для соблюденія ритма. Мелодія этихъ пѣсенъ построена такимъ образомъ, что вы и безъ словъ слышите въ ней стройное чередованіе, и подъ такую мелодію народъ складываетъ пѣсни съ опредѣленными стопами, правильно чередующимися.

Есть убѣжденіе, что стопный складъ составляетъ исключительную принадлежность стиха литературнаго, что это форма искусственная, не присущая народному творчеству. Это не болѣе какъ предъубѣжденіе, ни на чемъ не основанное. Масса провѣреннаго мною пѣсеннаго матеріала южно-русскаго, польскаго и великорусскаго доказываетъ совершенно противоположное. Какъ увидимъ ниже, стопный складъ въ южно-русской пѣснѣ преобладаетъ, онъ вполнѣ выработанъ, имѣетъ свой опредѣленный характеръ и достигъ высшаго развитія въ самыхъ оригинальныхъ и изящныхъ куплетахъ.—Я не знаю, кто первый ввелъ въ литературу тоническій стопный складъ, но не думаю, чтобы стопа была выдумкой кабинетной, по образцу стиха метрическаго, и полагаю, что стопный складъ не привился-бы въ литературномъ стихѣ, если-бы не имѣлъ ничего общаго съ природными свойствами новыхъ языковъ. Я склоненъ думать, что стройный ладъ, возникшій на началахъ чисто народнаго языка, перешелъ вмѣстѣ съ народной пѣсней и въ литературу; это объясненіе, во всякомъ случаѣ, правдоподобнѣе; иначе пришлось-бы сказать, что народъ позаимствовалъ этотъ складъ

отъ поэтовъ. Разсмотримъ оба типа южно-русскаго пѣсеннаго склада по очереди.

Складъ древній безстопный. Я назвалъ его древнимъ по слѣдующему соображенію. У южно-руссовъ онъ употребляется на ряду съ стопнымъ во всѣхъ родахъ пѣсни, развѣ только въ плясовыхъ я его не встрѣчалъ; но за то всѣ пѣсни древняго происхожденія, какъ-то: колядки, щедривки, обрядовыя почти исключительно сложены по образцу безстопному. Колядки искусственныя, сложенныя духовенствомъ и семинаристами, имѣютъ всегда стихъ стопный, такъ что я считаю древній безстопный складъ характеристической отличительной чертой всѣхъ народныхъ колядокъ. Далеко рѣже встрѣчается этотъ складъ въ пѣсняхъ любовныхъ, бытовыхъ и даже историческихъ; тамъ стихъ стопный преобладаетъ. Сравнивая пѣсни южно-русскія съ польскими и великорусскими, я вынесъ впечатлѣніе, что по складу южно-русская пѣсня стоитъ по серединѣ между польской и великорусской; у поляковъ преобладаетъ уже складъ стопный, и только изрѣдка попадаются слѣды древняго стиха; зато у великороссовъ стихъ новый слышится очень рѣдко и то въ весьма неразвитыхъ примитивныхъ формахъ.

Опредѣлить точно типы древняго южно-русскаго стиха мнѣ не удалось, какъ по трудности задачи, такъ и по недостатку надлежащаго, не искаженнаго матеріала. Вотъ нѣсколько моихъ наблюденій.

Южно-русскій куплетъ древняго склада обыкновенно дѣлится на два стиха, составленные изъ двухъ или трехъ частей. Каждая часть стиха, вынося опредѣленное количество тоновъ, обыкновенно имѣетъ и однообразное соотвѣтственное количество слоговъ, хотя и часты бываютъ отступленія, нисколько не нарушающія ритма. Прибавленіе сверхъ нормы или убавленіе одного слога въ древнемъ складѣ совершенно не чувствуется, такъ какъ весь строй куплета, сохраняя однообразіе въ чередованіи логическихъ удареній, отъ этого не разрушается. При лишнемъ слогѣ соотвѣтственный тонъ мелодіи раздѣляется на два, даже короткіе, а при недостачѣ слога соотвѣтственный тонъ присоединяется къ сосѣднему и тогда одинъ слогъ стиха произносится въ два тона. Ничего подоб-

наго нѣтъ въ стихѣ стопномъ; тамъ всякое отступленіе влечетъ за собою неизбѣжное явное неблагозвучіе. Насколько мелодія древняго безстопнаго склада податлива и эластична, легко провѣрить, пропѣвъ нѣсколько куплетовъ любой пѣсни древняго склада изъ сборника Лысенка.

Изъ четырехъ-фразныхъ куплетовъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе куплетъ: (5-|-5)—5-|-5); форма эта считается древнѣйшей славянской формой. Она присуща большинству южно-русскихъ древнихъ колядокъ; попадаются этого склада и щедривки и веснянки.

Ишли мóлодці || рано съ цéрковці,
Ой ишлй, ишли, || раду рáдили,
Раду рáдили || не еднáкую,
Не еднáкую, || а троякую... (Антон. I. 1. Коляда).

По этой формѣ сложены, несомнѣнно записанныя довольно искаженно, *коляды*: Т. III. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 25, 27, 29, 31, 32, 33, 37, 38, 41, 43, 45, 63, 74, 75, 76, 80, 85, 88, 124, 126, 128, 129, 151, 168, 171.— *Щедривки* ibidem №№ 1, 10, 11, 19, 29, 34, 48, 45, 61. *Веснянки* ibid. №№ 1, 4, 5, 6, 12, 19, 50. *Русальная* ibid. №№ 7, 9. *Купальная* ibid. № 82. *Любовныя* Т. V. № 36, 47, 91.

У поляковъ эта форма единственная, какую я встрѣтилъ въ болѣе чистомъ видѣ, хотя она нигдѣ въ колядкахъ не выдерживается отъ начала до конца. Рѣдкій примѣръ неискаженной формы представляетъ слѣдующая бытовая пѣсня:

Rozgniewáła się || zona na męża,
Wzieła kogútka, || poszła do księdza:
Panie probósczu! || doradź ze tému,
Co ja mam zróbić || mężowi mému?
Zapal ze swiéce, || wypal mu ócy,
Weź mu pieniózdzki, || przydź do mnie w nócy.
Ja ciebie wézme || za gospodýniom,
Bydzies safárką, || bydzies jedýnom.
Za jego dúsę || ja odprawić muśę,—
Ciebie safárko || ja kochać músę. (Zbiór W. D. A. Pr. IV. 246).

Пѣсня эта замѣчательна тѣмъ, что содержаніе ея доказываетъ совсѣмъ не древнее происхожденіе; но народность ея и безъискусст-

венность не подлежитъ никакому сомнѣнію. Тоже явленіе, т. е. присутствіе древней формы при новомъ содержаніи, встрѣчаемъ и въ южно-русскихъ колядкахъ. Изъ указанныхъ мною выше колядокъ мы можемъ указать на 63 и 80, въ которыхъ содержаніе несомнѣнно новое—христіанское, ничего однако не имѣющее общаго съ колядками искусственными. По всему вѣроятію эти новыя пѣсни слагались подъ мотивъ какой нибудь древней колядки и получили вслѣдствіе этого и древнюю форму.

Другая, несомнѣнно тоже древняя форма куплета есть (4-|-4)—(4-|-4), замѣчаемая преимущественно въ щедривкахъ, хотя попадаются и колядки этого склада, какъ напримѣръ слѣдующая:

Ой у пóлі || широкому,
Ой у мóрі || глибóкому,
Ой тамъ шила || Пречистая,
Пречистая || Мати Бóжа и т. д. (Чуб. Коляда № 91).

Складъ этотъ несомнѣненъ въ *щедривкахъ* Т. Ш. №№ 6, 7, 8, 20, 21, 23, 24, 27, 28, 33, 35, 38, 40, 63; въ *колядахъ* ibid. №№ 11, 26, 28, 91, въ *веснянкахъ* ibid. № 8, 28, въ *купальной* ibid. № 4.

Менѣе употребителенъ, хотя типиченъ по мелодіи, куплетъ (5-|4)—(5-|-4); онъ господствуетъ въ пѣсняхъ купальныхъ.

Ой розвивайся, || сухій дýбе,
Бо вже на тéбе || морозъ бýде.
А я морóзу || не боюся,
И въ петрівку || розивъюся.
Не сподивáйся, || дибровóнько,
Зъ сухого дýба || зеленóго и т. д. (Чуб. III. № 17).

Несомнѣнное его присутствіе я нашелъ въ *купальныхъ* Т. Ш. №№ 2, 3, 5, 11, 14, 17, 36, въ *веснянкахъ* ibid №№ 33, 78 и въ одной *щедривкѣ* № 36, помѣщенной мною въ началѣ этой статьи. Собственно говоря, эта послѣдняя пѣсня не щедривка; она только поется въ богатый вечеръ при представленіи Меланки, которою одѣвается одинъ изъ парубковъ.—По своему бытовому сатирическому содержанію пѣсня о Меланкѣ существенно отличается отъ всѣхъ щедривокъ и примыкаетъ даже къ пѣснѣ обрядовой.

Еще съ большимъ сокращеніемъ второй части является форма: [(5-|-3)—5-|-3)], замѣченная мною въ *веснянкахъ* (Чуб. III, №№ 42, 56, 79, 80, 117. Любовная, Чуб. V № 52).

Ой тамъ на горі ‖ димъ та ди́мъ,
Тамъ солове́йко ‖ гніздо звйвъ.
Да всю ніченьку ‖ не всипа́въ,
Собі га́лочку ‖ приклика́въ.
«Ой чи будешъ ты, ‖ галочко,
Та моямъ діткамъ ‖ маткою?

Къ этимъ четыремъ куплетамъ подходитъ по размѣру куплетъ (4-¦-3)—4-¦-3); онъ царитъ въ пѣсняхъ обжиночныхъ. Почти всѣ обжиночныя пѣсни, занесенныя въ Ш. т. сборника Чубинскаго, сложены по этой формулѣ, при чемъ въ большинствѣ случаевъ имѣютъ припѣвъ (5-¦-5).

Уже со́нце ‖ ко́титься
Намъ до до́му ‖ хо́четься
А мы не йдемо́, ‖ приказу ждемо́. (Припѣвъ).

или Нуте, ну́те, ‖ до межи́,
Варе́нички ‖ у діжі.
Ай нуте́, робить, ‖ себе не барить. (Припѣвъ).

Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ въ чтеніи слышны стопы; но слышны ли онѣ въ пѣніи, я, не зная ни одного ихъ мотива, опредѣлить не могу. Относительно припѣва надо замѣтить, что онъ составляетъ обычную принадлежность всѣхъ обрядовыхъ пѣсенъ. Характеръ его самый разнообразный; обыкновенно онъ меньше по размѣру основнаго куплета, но случаются, хотя рѣдко, припѣвы и равные и даже больше самого куплета. Вотъ нѣсколько примѣровъ припѣва:

Тамъ військо ишло́, ‖ ладу не найшло́
Святый вечоръ!
Иванко ишо́въ ‖ ладъ війську найшо́въ
Святый вечоръ! (Коляда).

Стоить верба ‖ кінець села.
Рости, вербо зелененька!
Підъ вербою ‖ три дівчины.
Рости вербо зелененька! (Веснянка).

Поставлю сторо́жу, ‖ тай посію ро́жу.
Стороною дощи йдуть, ‖ стороно́ю,
Надъ моею рожо́ю ‖ повною.

Поставлю сторóжу || рідного батéнька.
Стороною дощи йдуть, || стороно́ю,
Надъ моею рожóю || повною (Купальная).

Чаще же всего, вмѣсто особаго припѣва, повторяется послѣдній стихъ куплета или послѣдняя его часть.

До сихъ поръ мы говорили о древнихъ куплетахъ, состоящихъ изъ стиховъ короткихъ, величина которыхъ отъ 7 до 10 слоговъ. Далеко менѣе типичны безстопные куплеты болѣе распространеннаго склада; ихъ очень много разбросано по всѣмъ родамъ пѣсенъ. Такъ въ веснянкахъ встрѣчаемъ куплетъ (6-|-5)—(6-|-5) (№ 22, 29).

Буду дивитися, || де мій милий йде,
Мені молоденькій || гостинця несе.
Не який гостинець — || дротяная пліть:
Буду-жъ тебе, мила, || що дня ею бить.

Въ семейной пѣснѣ, записанной въ сборникѣ Лисенка, въ III вып., подъ № 10, ясно опредѣляется куплетъ [(5-|-7)—(5-|-7)].

Ой, ты богáчу, || я-жъ тебе дáвно знаю,—
Не сватай мéне, || бо я корівъ не маю.

Еще болѣе растянутымъ является стихъ въ одной козацкой пѣснѣ (Лисенко. II, 9); тамъ стихъ 17-сложный [(8-|-9)—(8-|-9)].

Ой крикнула | лебéдонька, || изъ за хвили | виривáючи,
Заспівали | козачéньки, || зъ за лиману | выступáючи.

Тотъ же размѣръ встрѣчается и въ другихъ родахъ пѣсенъ, напр. въ семейныхъ (Чуб. V. № 148, 149). По своей распространенности каждая часть стиха какъ бы раздѣляется еще на двѣ части съ самостоятельнымъ удареніемъ: по слѣдующей формулѣ, (4-|-4—4-|-5)—(4-|-4—4-|-5), образуя стихъ въ 4 ударенія; но записанный у Лисенка мотивъ оттѣняетъ только четыре ударенія во всемъ куплетѣ и дѣлится только на четыре фразы.

Во всѣхъ приведенныхъ выше куплетахъ первый стихъ всегда бываетъ подобенъ второму. Встрѣчаются куплеты, въ которыхъ второй стихъ распространяется на два слога, разнообразя ритмъ; но такихъ куплетовъ очень немного и среди шести-фразныхъ я ихъ не встрѣчалъ. Вотъ три примѣра:

[(4 + 4) — (5 + 5)]

Якъ затрýбить || въ роговýю —
Пішли голосá || въ темнии лісá.
Якъ затрýбить || въ мідянýю —
Пошли голосá || въ чистии поля. (Колядка Чуб. № 132).

[(5 + 5) — (6 + 6)].

Охъ, я бачиться || лісокъ не высóкъ,—
Яжъ тамъ походила, || заблудила була.
Охъ, и бáчиться || лісокъ не высóкъ,—
Не доходь до бáтька || жалібний голосокъ. (Любовная. Лисенко, III т., № 16).

[(4 + 5) — (6 + 5)].

Ой матýсю, || ты не гáй мене,
Въ далеку дорóгу || выряжáй мене.
Теперъ нічка || та темнéнькая,
Козаку дорóга || та далéкая.
Іхавъ кóзакъ || та дорóгою,
Пуставъ голосóчокъ || та дібровою. (Антонов. I).

Шести-фразные древніе куплеты всегда дѣлятся на два подобные стиха, построенные однообразно. Они свойственны пѣснямъ серіознымъ съ широкимъ размашистымъ напѣвомъ; это куплетъ эпическій и бытовой. Въ противоположность напѣвамъ легкимъ и игривымъ, послѣдняя (3-я) часть стиха если не равна, то всегда длиннѣе предыдущихъ. Укороченія послѣдней части почти не бываетъ въ шести-фразныхъ куплетахъ. Я нашелъ очень немного примѣровъ такого укороченія въ куплетѣ (4+4+3)—(4+4+3).

Перелети || соколóньку, || пролетй
Черезъ нáше || Боришпóле || да въ пóле. (Веснянка Чуб. III, № 60). См. то-же Чуб. III. Дожиночныя № 45, 53.

Чѣмъ короче послѣдняя часть стиха, тѣмъ мотивъ и ритмъ рѣзвѣе, чѣмъ эта часть длиннѣе, тѣмъ мелодія протяжнѣе и ритмъ серіознѣе. По этой-то конечной части стиха я дѣлю шести-фразные куплеты на три разряда: съ пяти, шести и семисложною послѣднею частью стиха. Всѣ куплеты этихъ трехъ разрядовъ не имѣютъ опредѣленныхъ типовъ, пріуроченныхъ къ извѣстному роду

пѣсни; можно сказать только, что чѣмъ длиннѣе стихъ, тѣмъ серіознѣе содержаніе, тѣмъ размашистѣе мелодія. Я не встрѣчалъ исторической пѣсни съ 5 сложной третьей частью и нашелъ у Чубинскаго только одну веснянку съ 7 сложной послѣдней частью; хотя собственно говоря эта послѣдняя (№ 10), по своему содержанію, ничего съ веснянками общаго не имѣетъ; это грустная любовная пѣсня, и почему она попала въ разрядъ веснянокъ—не знаю.

Вотъ примѣры ясно опредѣленныхъ куплетовъ всѣхъ трехъ разрядовъ:

Съ пятисложной конечной частью: [(4-|-4-¦-5)—(4-¦-4-¦-5)].

Колибъ мені || да Го́споди, || повечоріло,
На моєму-бъ || да се́рденьку || поздоровіло.

Чуб. III Веснянки № 99, 108.

[(4-¦-5-¦-5)—(4-|-5-¦-5)].

Жила собі || да удівонька || да на край села,
Мала собі || да удівонька || сына сокола. (Лисенко II 20. Семейн.)

Съ шестисложной конечной частью: [(5-|-4-|-6)—(5-|-4-¦-6)].

Да всі зірочки || до ку́почки, || місяць иде різно,
Да не ла́й мене, || моя ма́ти, || що я хожу пізно. (Чуб. III Вес. № 104).

[(5-|-5-|-6)—(5-¦-5-¦-6)].

Ты на тімъ боці, || я на сімъ боці— || обое надъ водою;—
Не суди-жъ мене, || серденько мое, || стоячи зъ другою.

Чуб. III, Веснянки, № 36, 91, 113.

[(4-|-6-|-6)—(4-¦-6-|-6)].

Розвивайся, || а ты сухий дубе, || завтра морозъ буде;
Убірайся, || молодый козаче, || завтра походъ буде. (Лысенко. I. № 11. Коз.)

Съ семисложной конечной частью: [(5-¦-5-¦-7)—(5-|-5-|-7)].

Ой зійшла зоря || вечіровая, || надъ Почаївомъ стала;
Ой выступило || турецьке військо, || якъ та чорная хмара.

Лисенко I, 1. Историческая. II, любовная, № 33, 34. Чуб. III. Веснянка, № 10, V. Козацкая, № 28. Любовная у Чуб. V. № 55.

[(4-¦-6-|-7)—(4-¦-6-|-7)].

Ой, якъ візьме || Нечай молоденький || та одъ брамы до брамы,
Ой ставъ класти || та превражихъ ляхівъ || ажъ у чотырі лавы.

Лисенко, III, про Нечая, II, про Палія и бурлацкая № 13.

[(5-|-6-|-7)—(5-|-6-|-7)].

Ой, занедужавъ || славный чумаченько, || та либонь хоче вмерти;
Ой, не дай Боже, || сёму чумакові || на чужиноньці смерти.

Чумацкія, Лисенко. I, 14, II, 10, III, 7. Чубин. V. № 172.

[(6-|-6-|-7)—(6-|-6-|-7)].

Ой, полети, галко, || ой, полети чорна, || дай на Січъ рыбы істи;
Ой, принеси, галко, || ой, принеси чорна, || відъ Кошового вісти.

Лисенко, III, про Кальнишевского. I, чумацк., № 15.

Кромѣ приведенныхъ 21 куплета древняго склада, есть еще много самыхъ разнообразныхъ варіацій, болѣе или менѣе часто встрѣчающихся. Бываютъ, напримѣръ, куплеты трехъ-стишные и вмѣстѣ съ тѣмъ трехфразные, гдѣ одна музыкальная фраза отвѣчаетъ цѣльному стиху. Но такъ какъ трехъ-стишное построеніе не свойственно южно-русской пѣснѣ, то для выполненія музыкальнаго куплета повторяется одинъ стихъ два раза. Вотъ примѣръ одной чумацкой пѣсни (Лисенко. II. № 11).

[(7)—(7)—(8)].

Ой, чумаче, чумаче,
Ой, чумаче, чумаче!
Ой! въ тебе личко козаче,
Чомъ не сіешъ, не орешъ,
Чомъ не сіешъ, не орешъ,
Ой, и не рано зъ Крыму йдешъ?

Но подобное трехфразное построеніе мелодіи весьма рѣдко; надо при этомъ замѣтить, что въ приведенномъ примѣрѣ повтореніе перваго стиха не можетъ быть разсматриваемо, какъ refrain (припѣвъ), такъ какъ отвѣчающая этому повторенію вторая музыкальная фраза составляетъ интегральную часть мотива, совершенно несходную съ прибавочными припѣвами.

Всѣ представленные мною виды древнихъ куплетовъ относительно своего построенія не возбуждаютъ никакого сомнѣнія въ

своей древности; въ нихъ нѣтъ ничего случайнаго. Я заносилъ только тѣ формы, которыя мною были провѣрены или въ пѣніи, или въ разныхъ пѣсняхъ, или наконецъ тѣ, которыя выдерживались пѣсней отъ начала до конца и не возбуждали подозрѣнія въ искаженіяхъ, которыми полны сборники, даже сборникъ Лисенка.

Мѣсто логическаго ударенія, какъ мы выше видѣли, находится въ тѣсной связи съ мѣстомъ основнаго тона въ музыкальной фразѣ. Мы видѣли также, что если слова подобраны къ мотиву неудачно, то мелодія измѣняетъ въ пѣніи мѣсто дѣйствительнаго грамматическаго ударенія. Имѣя въ виду частыя искаженія словеснаго текста, при весьма маломъ матеріалѣ музыкальномъ, я не рѣшаюсь дѣлать какихъ либо выводовъ относительно разстановки логическихъ удареній, хотя вездѣ въ пѣсняхъ видно стремленіе къ правильному чередованію повышенія голоса. Можно только сказать, что удареніе стоитъ почти всегда на предпослѣднемъ или третьемъ съ конца слогѣ каждой части стиха, рѣдко на четвертомъ или послѣднемъ; при этомъ бываетъ, что части одного стиха подобны соотвѣтственнымъ частямъ другого. Такъ напр.:

Ой далеко *чу́ти* || такую по*ви́ну*,
Ще вбито Петр*у́ня* | въ глибокий доли́*ні*. (Лавренко).

Или:

Ишли *мо́лодци* || рано зъ *це́рковци*,
Ой ишли́, *ишли*, || раду *ра́дили*. (Антоновичъ).

Въ обоихъ примѣрахъ всѣ части куплета подобны между собою, при чемъ въ первомъ удареніе всегда стоитъ на предпослѣднемъ слогѣ, а во второмъ на третьемъ съ конца каждой части. Въ слѣдующемъ примѣрѣ ритмъ построенъ не такъ однообразно; въ немъ всѣ первыя части стиховъ имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ, а вторыя на третьемъ съ конца слогѣ:

Ой у по́*лі* || широ́*кому*,
Ой у мо́*рі* || глибо́*кому* (коляда).

Благозвучіе стиховъ шестифразныхъ куплетовъ построено по большей части по первому образцу, хотя не безъ частыхъ исключеній, въ родѣ слѣдующаго:

Коли-бъ *ме́ни*, || да Го́*споди*, || повечорі́*ло*,
На мое́*му-бъ* || да се́*рденьку* поздоровí*ло*.

Относительно *рифмы* слѣдуетъ замѣтить слѣдующее. Стихи древняго типа бываютъ или рифмованные или бѣлые. Эти послѣдніе, вообще говоря, встрѣчаются далеко рѣже рифмованныхъ и то только въ колядкахъ, щедривкахъ, купальныхъ и другихъ пѣсняхъ древняго происхожденія; ихъ почти нѣтъ въ пѣсняхъ бытовыхъ и даже въ историческихъ попадаются они случайно. Чаще всего бываетъ, что среди рифмованныхъ стиховъ попадаются куплеты съ бѣлыми стихами, которые звучатъ среди ихъ явнымъ неблагозвучіемъ, свидѣтельствующимъ или объ искаженіи пѣсни, или о неудачномъ подборѣ куплета.

Рифмованные куплеты представляютъ два главные типа: или рифмы разставлены въ концѣ стиховъ куплета, или въ концѣ частей стиха. Въ первомъ случаѣ бываетъ, обыкновенно, что одной рифмой связаны только два стиха куплета, но часто случается, что новый куплетъ начинается повтореніемъ послѣдняго стиха предыдущаго куплета и однообразная рифма идетъ черезъ два куплета. Созвучіе въ частяхъ стиха бываетъ только въ четырехфразныхъ куплетахъ; въ шестифразныхъ я такихъ рифмъ не встрѣчалъ, напр.:

Ой въ полі, по*лі*, || близько доро*ги*,
Могила *сяе*, || війско гу*ляе*.
Могила *сяе*, || війско гу*ляе*,
Иванко прийш*овъ*, || ладъ війську найш*овъ*,
Ладъ війску найш*овъ*, || попередъ пійш*овъ*...
А ёго *нелька* || барзо стар*енька*
Выпроваж*ала*, || тай науч*ала* (Коляда Чуб. № 00).

Подобныя рифмы въ чистомъ видѣ встрѣчаются довольно рѣдко; онѣ чаще бываютъ смѣшаны съ рифмами перваго типа, т. е. стоящими только въ концѣ стиховъ; напр.:

По полю, по полю, || по полю хм*ара*,
Ой то не хм*ара*, || то зъ коня п*ара*.
Ой тамъ Иванко || коника гон*ивъ*,
Коника гон*ивъ*, || короля лов*ивъ*.
Погнавъ коро*ля* || попередъ ко*ня*,
По чаг*арочку*, || й по пож*арочку*.
А пожаръ ніжки || дай поджиг*ае*;
А кровъ слідочки || дай залив*ае*. (Коляда. Чуб. № 00).

Рифмы мужескія и женскія очень часто, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, встрѣчаются въ перемѣшку въ одной и той-же пѣснѣ, хотя односложная рифма чаще слышится въ стопномъ, чѣмъ въ древнемъ куплетѣ.

Складъ новый. Мнѣ не приходилось читать ни одной серіозной работы по вопросу о складѣ южно-русскаго стиха, кромѣ коротенькой, поверхностной замѣтки А. Потебни въ рецензіи его на сборникъ Головацкаго, помѣщенной въ 37 томѣ Зап. Имп. Ак. Наукъ, за 1881 г. Я потому не знаю, выработаны-ли наукой какія нибудь положенія по настоящему вопросу, сдѣланы-ли какія нибудь выводы относительно характера построенія ритма и связи его съ музыкой. Извѣстно мнѣ однако, что господствуетъ предъубѣжденіе, якобы народному стиху не присущъ стопный складъ ритма. Я лично былъ того-же мнѣнія, принимаясь за мои наблюденія надъ построеніемъ нѣсколькихъ формъ у южно-руссовъ, но, къ великому моему удивленію, на каждомъ шагу бросалось мнѣ въ глаза однообразіе стопнаго построенія. Не довѣряя выводамъ, сдѣланнымъ при чтеніи пѣсенъ, я началъ провѣрять ихъ въ пѣніи, на сколько давалъ мнѣ матеріала сборникъ Лисенка, Едличка и Гулака-Артемовскаго. Масса провѣреннаго матеріала въ чтеніи и весь извѣстный мнѣ матеріалъ музыкальный убѣдили меня въ томъ, что ритмъ стопный безспорно присущъ южно-русскому куплету, имѣетъ свой народный типъ и характеръ. Но я долженъ оговориться. Стопная ритмичность народной пѣсни не вполнѣ сходна въ основаніи съ такою-жъ ритмичностью книжнаго стиха. Ритмъ этого послѣдняго основанъ на чередованіи грамматическихъ удареній, разставленныхъ въ извѣстномъ порядкѣ относительно слоговъ безъ удареній. Въ народной-же пѣснѣ центръ тяжести стопнаго построенія переносится изъ словъ на музыку, которая въ звуковой гармоніи безспорно господствуетъ надъ текстомъ словеснымъ, такъ что стопный ритмъ имѣетъ свое основаніе въ мелодіи, и удачно подобранные подъ извѣстную мелодію словесные куплеты носятъ на себѣ слѣдъ стопнаго построенія музыки. Какъ логическое, такъ и грамматическое удареніе имѣютъ въ чтеніи одно и тоже основаніе— повышеніе голоса или лучше акцентировку. Въ пѣніи высота тона

мало вліяетъ на удареніе, а больше протяжность звука и напряженность его. Это легко провѣрить, произнося въ какомъ нибудь одномъ музыкальномъ тонѣ цѣлое слово, причемъ для соблюденія и яснаго указанія мѣста ударенія достаточно будетъ произнести соотвѣтственный слогъ протяжнѣе или сильнѣе—громче. Если мы произнесемъ протяжнѣе въ томъ-же (одинаковой высоты) тонѣ слогъ не имѣющій грамматическаго ударенія, то почувствуемъ явное искаженіе ударенія въ словѣ. Изъ многочисленныхъ примѣровъ, которые мы можемъ наблюдать у Лисенка, я укажу на слѣдующій въ пѣснѣ: „Що за слава въ світі стала“ (III. № 34). Пятый куплетъ этой пѣсни заканчивается словами: „й Ярина молода“, составляющими вторую часть второго стиха куплета. Слово „молодá“ имѣетъ грамматическое удареніе на послѣднемъ слогѣ, но въ пѣніи этой пѣсни вы явно слышите: „мóлода“, т. е. удареніе перенесено подъ вліяніемъ мелодіи на предпослѣдній слогъ, не смотря на то, что оба слога поются въ одномъ и томъ-же тонѣ fa, но предпослѣдній слогъ произносится въ мелодіи нѣсколько разъ протяжнѣе послѣдняго. Искаженіе въ данномъ случаѣ звучитъ очень рѣзко, избѣжать его безъ окончательнаго искаженія мелодіи невозможно. Далѣе мы видимъ, что во всѣхъ остальныхъ куплетахъ послѣднія слова имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ. Изъ сказаннаго, кажется, вполнѣ ясно, что удареніе словъ въ пѣніи вполнѣ зависитъ отъ построенія мелодіи. Однообразное построеніе мелодіи, повторяющейся черезъ всѣ куплеты, требуетъ однообразія въ чередованіи слоговъ съ удареніемъ.

Я мало свѣдущъ въ музыкѣ, но замѣтилъ слѣдующее явленіе въ мелодіяхъ: одни мелодіи оттѣняютъ всѣ ударенія правильно сложеннаго куплета, другія менѣе связаны въ звуковомъ отношеніи съ текстомъ и оттѣняютъ только ударенія логическія, причемъ всѣ остальныя ударенія какъ-бы безразличны въ пѣніи. Въ мелодіяхъ перваго рода замѣчается въ построеніи куплетовъ словесныхъ постоянство однообразнаго чередованія грамматическихъ удареній, между тѣмъ какъ въ мелодіяхъ втораго рода это постоянство примѣнено только относительно удареній логическихъ.

Возьмемъ примѣръ:

Якъ до тебе ходити,
Тебе вірно любити?—

Въ тебе мыши лихи, въ тебе мыши лихи,
Серце мое, серце мое!

Мелодія этой пѣсни построена такъ, что во всѣхъ словесныхъ куплетахъ требуетъ слѣдующаго расположенія слоговъ съ удареніемъ:

— ◡ | — ◡ | ◡ — ◡
— ◡ | — ◡ | ◡ — ◡
◡ ◡ — | ◡ ◡ — || ◡ ◡ — | ◡ ◡ —
— ◡ | ◡ — || — ◡ | ◡ —

Малѣйшее отступленіе отъ этой схемы въ разстановкѣ удареній влечетъ въ пѣніи искаженіе ударенія слова, что мы можемъ видѣть въ первомъ стихѣ приведеннаго куплета. Логическое удареніе стоитъ на словѣ: „ходи́ти“ но мелодія ясно оттѣняетъ и остальныя два грамматическія ударенія, при чемъ въ словѣ: „тебе“ переноситъ это удареніе съ послѣдняго слога на первый, такъ что въ пѣніи слышится: „те́бе“ вмѣсто „тебе́“. Переходъ ритма въ третьемъ стихѣ въ анапестный поразительно ясно чувствуется въ самой мелодіи. Совершенно другое явленіе мы видимъ въ пѣсняхъ древняго склада; тамъ музыка настойчиво требуетъ правильнаго чередованія только удареній логическихъ, расположеніе-же прочихъ удареній совершенно случайно и отъ мелодіи не зависитъ, что легко провѣрить въ пѣніи примѣровъ изъ сборника Лисенка. Констатируя два эти различныя свойства мелодій, я отказываюсь давать имъ какое-бы то ни было объясненіе. Есть-ли существенная разница въ основаніи построенія этихъ мотивовъ, или стопное построеніе мотивовъ составляетъ дальнѣйшее развитіе построенія логическаго— это для меня вопросъ открытый, хотя для послѣдняго предположенія у меня имѣются слѣдующія данныя. Есть много такихъ пѣсень, которыя я готовъ назвать пѣснями *смѣшаннаго* склада, составляющими переходъ отъ древняго склада къ новому. Въ пѣсняхъ этого рода опредѣленныя части куплета имѣютъ ритмъ только логическій, другія-же постоянно носятъ на себѣ слѣдъ извѣстнаго построенія стопнаго, правильно повторяющагося черезъ всѣ куплеты. Такъ напр.:

Що на то́й бочокъ, | и на це́й бочокъ | рі́чка ро́зли́лася—
Та стоить дівка || та изъ па́рубкомъ, | стоить о́бнялася.

Ой якъ же вінъ , та зведе зъ ума, не буде | любити—
Ой де більше .. та челядонька, || тамъ буде й судити. (Лавренко).

Въ этой пѣснѣ послѣднія шестисложныя части всѣхъ стиховъ построены изъ двухъ амфибрахіехъ (⏑ — ⏑|⏑ — ⏑), не смотря на то, что остальныя части стиховъ не имѣютъ совершенно стопнаго ритма. Однообразіе стопнаго построенія этихъ послѣднихъ частей стиховъ во всей пѣснѣ указываетъ на неслучайное сочетаніе слоговъ съ удареніемъ и безъ ударенія, хотя, разумѣется, безъ провѣрки мелодіи нельзя сказать опредѣленно, чувствуется-ли это сочетаніе въ ритмѣ музыкальномъ. Константируя фактъ этого явленія, я не рѣшаюсь пока опредѣлять типа смѣшаннаго склада, оставляя этотъ вопросъ до того времени, когда мнѣ удастся подобрать достаточный соотвѣтственный музыкальный матеріалъ.

Что стопное построеніе куплетовъ есть дальнѣйшее развитіе логическаго лада, видно еще и изъ того, что во многихъ, безспорно древнихъ пѣсняхъ, какъ напр. колядкахъ, въ пѣніи случается слышать всегда въ опредѣленномъ мѣстѣ оттѣненіе, кромѣ удареній логическихъ, еще и нѣкоторыхъ, хотя не всѣхъ, грамматическихъ. За тѣмъ уже въ чистомъ стопномъ ладѣ, все таки при правильномъ чередованіи удареній грамматическихъ, отмѣчается всегда въ мотивѣ тотъ-же древній логическій подъемъ съ явнымъ преобладаніемъ надъ прочими стопными удареніями.

Опредѣляя типы куплетовъ новаго склада и стопное ихъ построеніе, мы, разумѣется, не въ состояніи ограничиться только музыкальнымъ матеріаломъ; его слишкомъ мало для этой цѣли. По неволѣ приходится имѣть дѣло съ глухимъ и искаженнымъ текстомъ. Изъ сборниковъ я выбиралъ пѣсни, въ которыхъ замѣчалъ правильное стопное построеніе, однообразно повторяющееся во всѣхъ куплетахъ, оставляя въ сторонѣ тѣ пѣсни, въ которыхъ грамматическія ударенія не укладывались въ опредѣленный порядокъ. Въ приводимыхъ мною ниже примѣрахъ изъ сборника Лисенка стопный ритмъ провѣренъ мною въ пѣніи, а въ остальныхъ примѣрахъ я убѣдился въ существованіи стопнаго не случайнаго построенія вслѣдствіе постоянства однообразнаго сочетанія слоговъ съ удареніемъ и безъ удареній во всей пѣснѣ.

Отъ гармонической различной комбинаціи разныхъ по высотѣ, напряженности и протяженію тоновъ зависитъ характеръ благозву-

чія мелодіи. Южно-русская пѣсня вообще отличается спокойствіемъ, мелодичностью и плавнымъ однообразнымъ теченіемъ мелодій; рѣзкихъ переходовъ отъ одного темпа къ другому встрѣтить трудно. Какъ-бы длиненъ куплетъ ни былъ, напр. 6-ти-фразный, въ немъ всѣ части мало другъ отъ друга отличаются по характеру мелодіи; только пѣсни шуточныя, нѣкоторыя плясовыя болѣе разнообразятся въ ритмѣ мелодіи. Этотъ характеръ южно-русской музыки, въ силу ея сильной связи съ словесными звуками, отразился на характерѣ стопнаго построенія словесныхъ куплетовъ. Различное сочетаніе слоговъ съ удареніемъ и безъ удареній имѣетъ свою характерную мелодію.

Спокойное теченіе мелодіи съ хорейнымъ или амфибрахическимъ ритмомъ рѣзко отличается отъ ритма ямбоваго или анапестнаго; такъ напр.:

Шовкомъ шила, шовкомъ шила, золотомъ рубила,
Все-жъ для того чумаченька, що я полюбила.

Или:

Ой ты-жъ казавъ, вражий сину, що гарбузъ не дорісъ,—
Якъ я-жъ тобі ученина, то ты ледво довісъ.

Обѣ пѣсни сложены по одной формулѣ [(8-|-6)—(8-|-6)]; но какая разница въ ихъ тембрѣ, вслѣдствіе различнаго сочетанія слоговъ съ удареніемъ и безъ ударенія; первый куплетъ имѣетъ плавный хорейный ритмъ, а второй имѣетъ ритмъ смѣшанный съ преобладаніемъ ямба и анапеста:

(⏑ — | ⏑ — | — ⏑ | — ⏑ | ⏑ ⏑ — | ⏑ ⏑ —).

Въ силу этого свойства стопнаго ритма, какъ увидимъ ниже, въ южно-русскихъ пѣсняхъ царитъ хорейный ладъ; онъ составляетъ главную основу ритма всѣхъ почти пѣсень, изрѣдка разнообразясь другими стопами, преимущественно амфибрахическаго склада; есть даже пѣсни съ чистымъ анапестомъ; но никогда не бываетъ чистаго ямба, онъ даже въ ритмѣ смѣшанномъ слышится рѣже другихъ стопъ.

Переходя къ разсмотрѣнію типовъ куплета новаго склада, я еще долженъ обратить вниманіе на то, что не всѣ формы древняго склада являются съ стопнымъ ритмомъ; такъ напр. форма [(5 + 5) —(5 + 5)], столь распространенная въ пѣсняхъ древняго лада, не

встрѣчается вовсе въ пѣсняхъ стопныхъ; и наоборотъ форма [(8+6) —(8+6)] всегда имѣетъ развитой стопный ритмъ.

Принимая во вниманіе, что стопный складъ куплета есть только высшая ступень развитія куплета логическаго, что въ новомъ куплетѣ остается тоже дѣленіе на музыкальныя фразы и соотвѣтственныя имъ логическія части стиха, я при классификаціи куплетовъ новаго склада принялъ тоже основаніе, что и относительно древняго типа, т. е. количество слоговъ, указывая при каждой формулѣ присущій ей стопный ритмъ.

Самую простую форму представляютъ четырехфразные куплеты, въ которыхъ всѣ части стиховъ подобны. При этомъ замѣчаются двѣ формы: въ первой музыкальная мелодія выполняется четырьмя одинаковыми короткими стихами съ однимъ логическимъ удареніемъ, а во второй—въ куплетѣ только два болѣе длинныхъ стиха, раздѣленныхъ цезурою на совершенно подобныя части. Изъ куплетовъ перваго рода обращаетъ на себя вниманіе куплетъ изъ четырехъ 8-ми сложныхъ стиховъ. Это весьма распространенный стихъ:

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑

Гомонъ, гомонъ по діброві,
Туманъ поле покрывае—
Туманъ поле покрывае,
Мати сына прогоняе.

Или:

Ой ты Гандзю милостива,
Чимъ ты брови намастила?
Купервасу куповала,
Чорни брови малёвала...

См. Лисенко. Козацкая. II, 7. Любовныя. II, 36, 40, I, 20, 38; Чубинскій. V, Любовныя: 7, 16, 30, 33, 41, 50, 59, 73, 74, 80, 89, 8, 9, 90, 97. Козацкія: 19, 21, 22, 23, 26, 27, 37, 38, 43, Бурлацкія: 125, 126, Чумацкія: 146, 155, 156.

Есть пѣсни, въ которыхъ весь словесный куплетъ занимаетъ всего два восьмисложныхъ стиха и для выполненія четырехсложной мелодіи въ пѣніи каждый стихъ повторяется два раза; напр.

Що то въ лісі зашуміло?
Що то въ лісі зашуміло?

Сосна зъ вітромъ говорила,
Сосна зъ вітромъ говорила.

См. Лисенко, II. Семейная, 23. Любовная, 30.

У Лисенка есть пѣсня козацкая (II. 8) съ трехфразной мелодіей, выполняемой двустишнымъ хорейнымъ куплетомъ, причемъ первый стихъ повторяется два раза, напр.:

Ой не пу́гай, пугаченьку,
Ой не пу́гай, пугаченьку,
Въ зеленому байраченьку.

Рѣже слышится 7-сложный стихъ въ четырехсложныхъ куплетахъ; онъ представляется какъ-бы укороченіемъ стиха восьмисложнаго, оканчивается слогомъ съ удареніемъ и паузой вмѣсто недостающаго послѣдняго слога:

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — '

Теренъ, теренъ, та не хміль,
Прийшовъ милый, та не мій:
Мою душу порыва,
Кого люблю, той нема. (Лавренко).

Есть семисложные стихи самостоятельные смѣшаннаго ритма съ амфибрахіемъ на концѣ:

— ⏑ | — ⏑ | ⏑ — ⏑

Но прислушавшись къ единственной мнѣ извѣстной мелодіи съ этимъ стихомъ (Лисенко. II, 18), скорѣе можно полагать, что подобные стихи укладываются въ куплетъ [(4+3) — (4+3)].

У Кіиві || на рынку
Пьють чумаки || горілку.
Ой пьють вони, || гуляють
На шинкарку || гукають.

См. у Чубинскаго. V, любовная 15; козацкая 24; чумацкая, 157.

Рѣдко можна найти шестисложные стихи; обыкновенно изъ нихъ составляются два 12-сложныхъ стиха съ подобными шестисложными частями. Зачастую такой куплетъ [(6+6)—(6+6)] бываетъ чистымъ хорейнымъ

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑

Ой не шуми луже, || зеленый байраче;
Не плачь, не журися, || молодый козаче.
Якъ мені не шуміти, || бувши зеленому;
Якъ мені не плакати, || бувши молодому.
Сусідоньки близькі, || ворогоньки тяжкі,
Не велять ходити, || дівчины любити.

См. Лисенко. I, 32 (любовная); II, 37 (любовная); III, 17 (семейная). Чубинскій. III, щедривки 2, 9; веснянки 7, 54, купальная 30. V, любовныя 5, 69, 94, 104.; козацкая 48; бурлацкія 132, 139; чумацкая 168.

Записанная у Чубинскаго съ музыкой щедривка № 9 представляетъ оригинальный примѣръ музыкальнаго двуфразнаго куплета, при чемъ фразѣ отвѣчаетъ шестисложный хорейный стихъ:

Василева мати
Пішла щедрувати.
Край стола стояла,
Чесный хрестъ держала.

Мотивъ очень монотонный и скучный.

Въ словесномъ текстѣ куплетовъ (6-|-6)—(6-,-6) мы часто встрѣчаемъ обыкновенно во второй части стиха вмѣсто трехъ хореевъ два амфибрахія.

— ◡ — ◡ — ◡ || ◡ — ◡ | ◡ — ◡

Ой не шуми луже, || зеленый байраче.

Два эти амфибрахія никогда однако не выдерживаются въ пѣснѣ, насколько я могъ провѣрить въ музыкѣ, хотя въ вышеприведенномъ примѣрѣ такіе амфибрахіи поются ритмомъ хорейнымъ:

Зеле|ный бай|раче.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и о амфибрахіяхъ и другихъ трехсложныхъ стопахъ въ первой части, напр:

Чумаче бурлаче || чого зажурився;
Чи волы пристали, || чи зъ дороги збився?

Въ пѣснѣ этотъ куплетъ поется въ чистомъ, явственномъ хорейномъ ритмѣ.

Пѣсень этой формулы не хорейнаго ритма весьма мало. По музыкѣ мнѣ извѣстна только одна анапестная пѣсенка:

⏑ ⏑ — | ⏑ ⏑ — ‖ ⏑ ⏑ — | ⏑ ⏑ —

Ой и жаль же мені | що любивъ я ін,
Що любявъ та не взявъ, | тільки світъ завязавъ.
Та узявъ напеня, | та не рівня моя,
Та боиться вона ‖ йти по воду сама.
Якъ по воду йду, ‖ то за ручку веду.
Якъ зъ водою йду, ‖ тай відерця несу. (Мошинская, стр. 57).

Пѣсня эта, какъ въ мелодіи, такъ и въ словесномъ текстѣ выноситъ отъ начала до конца по два анапеста въ каждой части стиха. У Лавренка есть пѣсня, въ которой первая часть стиха анапестная, а вторая хорейная, и ритмъ этотъ выдержанъ правильно:

⏑ ⏑ — | ⏑ ⏑ — ‖ — ⏑ — | ⏑ — ⏑

Таки дубъ, таки дубъ | таки зелененький
Таки бувъ, почувавъ | хлопець молоденький.

Чисто амфибрахическаго ритма я не могъ прослѣдить ни въ музыкѣ, ни въ текстѣ пѣсень. Есть у Лавренка одна любовная пѣсня, выдерживающая постоянно въ словесномъ текстѣ чистый амфибрахій:

Ой перепеличка,
Мала невеличка,
По полю літае,
Траву прогортае,
Гніздечка шукае.
Знайшла сокілочка:
»Сокілоньку ясный,
Мій милый, прекрасний,
Гордуешъ ты мною,
Якъ вітеръ горою.

Изъ послѣднихъ четырехъ стиховъ слѣдуетъ заключить, что пѣсенька эта въ пѣніи имѣетъ ту же формулу [(6 + 6)—(6 + 6)]; у Чубинскаго (V, № 9) она искажена совершенно. Не зная мелодіи, трудно положительно утверждать, что она выдерживаетъ въ пѣніи амфибрахическій ритмъ, не смотря даже на его постоянство въ тек-

стѣ,—въ виду того, что подобный примѣръ въ моихъ наблюденіяхъ единственный. Преобладаніе амфибрахическаго ритма представляетъ одна русальная пѣсня (Чуб. III, № 2).

Сиділа русалка || на білій березі,
Просила русалка || въ жіночокъ намітки.
Жіночки, сестрички, || дайте мені намітки
Хочъ не тоненької, || абы біленької.

Не смотря однако на эти примѣры, можно сказать, что чистый ритмъ амфибрахическій, если и случается, то, какъ и анапестный, составляетъ исключеніе среди массы пѣсенъ хорейнаго склада.

Четырехфразные куплеты, въ которыхъ части стиха разнообразны, а стихи подобны между собою, представляютъ значительно больше видовъ, хотя и не имѣющихъ широкаго опредѣленнаго примѣненія. Къ числу такихъ принадлежитъ:

[(4 + 6)—(4 + 6)]

Ритмъ пѣсенъ этой формулы тоже чисто хорейный, съ тѣмъ же присутствіемъ во второй шестисложной части амфибрахіевъ въ словесномъ текстѣ:

Щой у полі || край дороги різно,
Ходивъ козакъ || до дівчины пізно.
Ой не ходи, || козаче, до мене,
Буде слава || на тебе й на мене.

Лисенко. II, 17 рекрутская, III, 14 семейная, 26, 28 и 30 любовныя. I, 35 любовная. См. Чуб. III, веснянки 92, 101; купальная 8; V, чумацкая 145.

Тотъ-же размѣръ встрѣчается при куплетѣ четырех-стишномъ, который вслѣдствіе четырехъ-фразной мелодіи скорѣе можно опредѣлить такъ [(10)—(10)—(10)—10)]:

Ой пущу я копиченька въ саду,
А самъ піду къ отцю на пораду,
Отець-же мій по садочку ходить,
За повода копиченька водить (Лисенко. I. 6. историческ.).

Съ тѣмъ-же хорейнымъ ритмомъ, съ постояннымъ анапестомъ въ первой части стиха, представляется форма.

[(7 + 6)—(7 + 6)]

— ⏑ | — ⏑ | ⏑ ⏑ — || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑

А вже тому третій день, || якъ коноплн терла,
Побачила джигуна, || трохи я не вмерла. (Чуб. V. любовная 28).

Любовная пѣсня у Чубинскаго (V, 168), сложенная по той-же формулѣ, имѣетъ въ первой части стиха чистый хорей:

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || ⏑ — ⏑ | — ⏑

Ой по тобі, луже, || не пахожуся,
Кого вірно люблю, || не надивлюся.

Постоянное присутствіе характернаго анапеста съ однимъ лишь хореемъ въ концѣ стиха представляетъ куплетъ: [(6 + 5)—(6 + 5)]

⏑ ⏑ — | ⏑ ⏑ — || ⏑ — ⏑ | — ⏑

Не ходи, не люби, || не нося грошей;
Не пійду за тебе || тыжъ не хорошій.
Не ходи, не люби, || не залицайся
Не пійду за тебе, || не сподівайся. (Чуб. Ш. весн. 49).

Затѣмъ есть еще въ этой формулѣ два вида ритма съ амфибрахической первой частью:

⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑ || ⏑ — ⏑ | — ⏑

Дівчино кохана, || здорова була,
Чи-жъ ты вже за мене || тай позабула?
Приїхавъ до тебе, || Богъ тебе знае,
Чи твое серденько || мене кохае. (Чуб. V. Любов.).

⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑ || — ⏑ | ⏑ — ⏑

Гусята, гусята || гречку поїли,
До ставу, до ставу || пить полетіли. (Лавренко).

Самую любимую однако и самую распространенную форму среди этого рода куплетовъ представляетъ:

[(8 + 6)—(8 + 6)]

Пусти мене, моя мати, || на той бочокъ прясти,
Чи не выйде козаченько || сірихъ воливъ пасти. (Лавренко).

См. *Лисенко*, историческія: I. 8, 9, 12; II. 3, 4, 6; III. 4, 5; рекрутская, II. 16; чумацкая, III. 9; любовныя, I. 30, 31; II. 38. III. 20. *Чубинскій*. III, веснянки 3, 16, 20, 27, 31, 32, 37, 38, 39, 40, 52, 53,

63, 77, 81, 87, 89, 90, 93, 95, 96, 97, 98, 100, 103, 106, 107, 110, 114, 115, 118, 119, 120, 127; V, любовныя: 3, 8, 13, 22, 27, 31, 34, 35, 37, 45, 54, 58, 65, 67, 68, 72, 84, 95; III, 174; козацкія: 4, 8, 17, 18, 20, 39, 40, 44, 47; гайдамацкія: 50, 51, 52, 53; бурлацкія: 123, 127, 131, 135; чумацкія: 147, 148, 149, 150, 158, 161, 164, 166.

Нѣкоторыя пѣсни этой формулы по логическому смыслу представляютъ по шести логическихъ удареній въ куплетѣ: [(4 + 4 + 6) —(4 + 4 + 6)], но въ 13 мелодіяхъ, провѣренныхъ мною по Лисенку, я не замѣтилъ ни одного шести-фразнаго куплета.

Ритмъ этой формулы довольно разнообразенъ, хотя хорейный чистый преобладаетъ.

Зібравъ війска сорокъ тысячъ ‖ въ місті Жаботині;
Обступили городъ Умань ‖ у єдній годині.

Или:

Тамъ дівчина воду брала, ‖ ружу поливала,
Молодого козаченька ‖ въ гости зазывала. (Лавренко).

Изъ числа смѣшанныхъ видовъ болѣе типичны слѣдующіе:
а) съ амфибрахическою второй частью стиха:

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ‖ ⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑

Ой зъ за горы вітеръ віе, ‖ калина не спіе,
Козакъ дівку вірно любитъ, ‖ зайняти не сміе.
Тихъ еі не займаю, ‖ що сватати маю,
Тимъ до неі не горкуся, ‖ що славы боюся. (Чуб. V. люб. 174).

б) съ анапестомъ и амфибрахіемъ во второй части стиха:

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ‖ ⏑ ⏑ — | ⏑ — ⏑

Не світи имъ, місяченьку, ‖ ни теперъ, николи,
Тільки мому миленькому, ‖ якъ иде до дому. (Лисенко II, 38).

в) весьма оригинальный жанровый ритмъ съ двумя ямбами въ первой части стиха и съ анапестной второй частью:

⏑ — | ⏑ — | — ⏑ | — ⏑ ‖ ⏑ ⏑ — | ⏑ ⏑ —

Ой ты-жъ казавъ, вражий сыну, ‖ що гарбузъ не дорісъ!
Якъ яжъ тобі ученила, ‖ то ты ледво доніcъ. (Мошинская, стр. 56).

Какъ-бы распространенной формой является куплетъ съ девяти-сложной второй частью стиха: [(8+9)—(8—9)]; хорейный его ритмъ на концѣ каждаго стиха заканчивается дактилемъ:

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | ⏑ — ‖ — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ⏑

А чи менї брести, плисти, ‖ а чи менї утопитися,—
Біднажъ моя головонько, ‖ ни до кого прихилитися. (Лисенко II, 39).

Сокращенныя формы я замѣтилъ только двѣ: одна съ пятисложной второй частью стиха: [(8+5)—8+5)].

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ‖ ⏑ — ⏑ | ⏑ —

Якъ поїхавъ мій миленький ‖ далеко у степъ,
Ой, яжъ свою куделицю ‖ підъ лавочку гепъ.
Лежить моя куделиця, ‖ лежить, надулась,
А я молодая горілки ‖ дуже напилась. (Лисенко III, 38).

Другая съ трехсложной второй частью: [(8 + 3)—(8 + 3)] или [(4 + 4 + 3)].

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ‖ ⏑ ⏑ —

Якъ ходила дївчинонька ‖ по межі,
Червонни черевички ‖ на нозі.
Носи, носи, дївчинонько, ‖ не лїнуйсь,
Щобъ до тебе козаченько ‖ пригорнувсь.

См. Лисенко. I, историческая 3; Чуб. III, веснянка 94.

Переходя къ указанію видовъ четырехъ-фразныхъ куплетныхъ формъ, въ которыхъ стихи не подобны, я долженъ замѣтить, что всѣ они, какъ и формы предъидущаго разряда, при всемъ своемъ разнообразіи, не имѣютъ широкаго примѣненія, за исключеніемъ куплета [(6+6(—(8+6)]; всѣ прочія формы, хотя и выдержаны совершенно опредѣленно, но встрѣчаются довольно рѣдко, часто въ единичныхъ случаяхъ, попавшихся въ моихъ наблюденіяхъ.

Общей характеристической чертой всѣхъ четырехъ-фразныхъ куплетовъ съ неравными стихами есть то, что второй стихъ всегда больше перваго и вторая часть втораго стиха бываетъ равной или больше соотвѣтственной части перваго стиха, но никогда не бываетъ меньше. Исключеніе въ обоихъ этихъ отношеніяхъ представляетъ единственный подмѣченный мною въ любовной пѣсенкѣ (Лысенко III, 29) куплетъ [(6+7)—(4+6)], въ которомъ второй стихъ на три слога меньше перваго и вторая часть втораго стиха на одинъ слогъ меньше второй части перваго стиха. Этотъ лишній седьмой слогъ во второй части перваго стиха явился вслѣдствіе

введенія въ пѣсню передъ второй частью перваго стиха каждаго куплета восклицанія „гей!“, составляющаго родъ оригинальнаго припѣва. Если отбросить это „гей“, которое и произносится совершенно независимо, то получимъ чистый хорейный складъ, отвѣчающій хорейному ритму мелодіи:

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑
— ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑

Мати-жъ моя, мати, | гей! || що-жъ маю діяти,
Що нікому || воливъ поганяти.
Ой выйшла дівчина, || гей! || зъ карыми очима,
Вона жъ ёму || воливъ поганяла.

Совершенно съ другимъ характеромъ является подобное-же постоянное восклицаніе въ любовной пѣснѣ (у Лисенка въ томъ-же томѣ, № 32) формулы: [(4 + 4)—(6 + 5)]; здѣсь восклицаніе стоитъ передъ второй частью втораго стиха, не имѣетъ такого самостоятельнаго звуковаго значенія и введено въ общій ритмъ.

— ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || ⏑ — ⏑ | — ⏑

Чи ты жива, || чи здорова,
Красавиця мила, || ой! чорноброва?
Хочъ я жива, || такъ не стану,
Вышлю меншу сестру || ой! на заставу.

Чистый хорейный ритмъ слышится въ куплетѣ [(4+4)—(6+4)] одной любовной пѣсни въ сборникѣ Лисенка (II, 32),

— ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑

Ой я въ батька || единиця,
Полюбила Гриця | чорнобривця.
Я нячого || не робила,
Тільки по садочку || походила.

Куплетъ [(4 + 6) — (6 + 6)] имѣетъ тоже чистый хорейный ритмъ:

Ой и зрада || карі очи, зрада:
Чому въ тебе, милый || не вся щира правда. (Лисенко I, 19 Люб.).

Какъ я выше замѣтилъ, болѣе всего въ употребленіи куплетъ [(6 -|- 6)—(8 -|- 6)]; онъ по преимуществу имѣетъ чистый хорейный ритмъ.

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑

Нова рада стала, || якъ на небі хвала,
Надъ вертепомъ звізда ясна || світу возсіяла.
Въ Давидовімъ дому || выгравають ёму;
На всі струны ударяють, || Бога выхваляють.
Пастушки зъ ягняткомъ || передъ тимъ дитяткомъ
На колінка упадають, || Бога выхваляють. (Чуб. III, коляда 59).

См. Лисенко. I, гайдамацкая 10, семейная 18; II, любовная 29; III, историческая 6, семейныя 12, 21, любовная 18.

Изъ числа смѣшанныхъ ритмовъ я обращаю вниманіе на слѣдующій амфибрахическій ладъ съ хорейной первой частью втораго стиха:

⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑ || ⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | ⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑

Ой горе тій чайці, || горе тій небозі,
Що вывела чаенятокъ || при бітій дорозі. (Лисенко. III, чумацкая 8).

Пѣсня эта не выдерживаетъ постоянно этого куплета, въ дальнѣйшемъ текстѣ она переходитъ въ куплетъ [(8 -|- 6)—(8 -|- 6)]; тоже самое явленіе мнѣ приходилось замѣчать и въ другихъ случаяхъ при опредѣленіи пѣсеннаго размѣра [(8 -|- 6)—(8 -|- 6)]; въ виду этого я полагаю, что куплетъ [(6 -|- 6)—(8 -|- 6)] есть сокращенная форма весьма сродственнаго ему предъидущаго куплета.

Есть четырехфразные куплеты еще болѣе распространенные, въ которыхъ части стиха доходятъ до девяти и даже десяти слоговъ; вотъ два примѣра: [(9 -|- 6)—(8 -|- 8)]:

⏑ ⏑ — | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑

Та бодай тая степовая || могила запала,
Де я вчора жито жала, || вчора й вечіръ утеряла.
Ой, утеряла вчора вечіръ, || втеряю й тепера:
Чогось моя женщинна || та смутная й не весела. (Лисенко. I, люб. 28).

[(6 + 6)—(10 + 6)], въ немъ первый стихъ амфибрахическій, второй хорейный.

⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑ || ⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑

Ой сынку-жъ, мій сынку, || не гараздъ ты робишъ:
Жалкували чужи молодыци, || що ты шкоду робишъ. (Лисенко. III, Семейн. 13).

Шестифразные куплеты новаго склада поддаются далеко труднѣе наблюденію въ сборникахъ, чѣмъ четырехфразные, по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Собиратели пѣсень ровно никакого не обращали вниманія на форму, поэтому не различали стиховъ отъ частей ихъ; чѣмъ живѣе мелодія, чѣмъ болѣе разнообразія въ музыкальныхъ фразахъ, тѣмъ болѣе выдѣляются соотвѣтственныя имъ части стиховъ, какъ нѣчто самостоятельное, и для неопытнаго уха и вниманія собирателей казались отдѣльными стихами и въ такомъ видѣ записывались. Въ южно-русскихъ пѣсняхъ замѣчается постоянно излюбленный пріемъ—повтореніе частей стиха и даже цѣлыхъ стиховъ; небрежность собирателей по отношенію къ формѣ выразилась въ игнорированіи этихъ повтореній; ихъ считали лишнимъ балластомъ въ изданіи и весьма часто отбрасывали. Затѣмъ очень и очень многія пѣсни, особенно обрядныя, имѣютъ припѣвъ, часто по содержанію весьма простой и не интересный; собиратели, не обращая вниманія на форму, зачастую совершенно его игнорировали. Занесенныя въ сборники въ подобномъ искаженномъ видѣ пѣсни представляютъ совершенно непригодный матеріалъ для наблюденій надъ формами куплетовъ. Такъ какъ шестифразные куплеты, по своей распространенности и разнообразію въ музыкальныхъ фразахъ, легче другихъ даютъ поле для подобнаго искаженія, то я нашелъ, по крайней мѣрѣ для себя, совершенно невозможнымъ опредѣлять куплетныя формулы по сборникамъ безъ музыки. Тѣ немногія формы шестисложнаго куплета, какія указаны мною ниже, взяты исключительно изъ сборника Лисенка.

Съ пяти-сложной конечной частью стиха у Лисенка есть только одна бурлацкая пѣсня (II, 15) съ куплетомъ [(6+6-+-5)—(6-+-6-+-5)]; ритмъ ея чистый хорейный разнообразится амфибрахіемъ въ третьей части.

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ . — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || ⏑ — ⏑ | — ⏑

Та щобъ мое тіло || бурлацькее біле || тай не чорніло,
Одъ ясного сонця, || одъ буйного вітру || тай не марніло.

Въ одной веснянкѣ, записанной у Чубинскаго (III, 43), замѣчается куплетъ [(6-|-6-|-6)—(6-|-6-|-6)] съ двумя амфибрахіями на концѣ стиха; безъ музыки, разумѣется, нельзя сказать опредѣленно, какой имѣетъ ритмъ послѣдняя часть стиха, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ куплетѣ въ словесномъ текстѣ слышится не амфибрахій, но анапестъ.

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || ⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑

А по той калині || пташечки ходили, || ходили, ходили!
А тамъ(то) молодці || дівчину любили, || любили, любили!
Ой не жаль мені того || кубка золотого, || зъ тимъ виномъ, зъ тимъ виномъ!
А жаль мені того, || що я звінчалася || зъ тимъ жидомъ, зъ тимъ жидомъ!

Очень оригинально звучитъ куплетъ [(5 + 5 + 6)—(5 + 5 + 6)] при соединеніи въ ритмѣ ямба, анапеста и хорея:

⏑ — | ⏑ ⏑ — || ⏑ — | ⏑ ⏑ — || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑

Милая моя || неправда-жъ твоя: || тільки-жъ бо ты одна,—
Ты въ мене сама, || якъ ясна зоря || вечірняя, світишъ. (Лисенко. II, 25).

Въ этой пѣснѣ очень часто послѣдняя шестисложная часть стиха удлиняется на одинъ хорей, не нарушая притомъ въ пѣніи благозвучія ритма, и куплетъ получаетъ форму [(5 + 5 + 8) —(5 + 5 + 6)] или [(5 + 5 + 6)—(5 + 5 + 8)], напр.:

Колибъ-же я взявъ, || кого я бажавъ, тобъ я не журився,
Звідкіль-бы прийшовъ, || звідкіль приїхавъ, || тобъ на неї подпився.

Въ прелестной исторической пѣснѣ: „Гей, не дивуйтесь“ (Лисенко. I, 13) куплетъ [(5 + 5 + 8)—(5 + 5 + 8)] выдерживается постоянно и перехода восьми-сложной конечной части въ шестисложную не замѣчается; но тамъ музыка какъ-бы тѣснѣе связана съ текстомъ: на каждый слогъ имѣется отдѣльный звукъ мелодіи; нѣтъ того расчлененія и переливовъ, какими обладаетъ мелодія предъидущей пѣсни. Ритмъ серіозный этой пѣсни смѣшанный; въ немъ чередуются хорей съ амфибрахіемъ, при чемъ въ конечной части втораго стиха ритмъ начинается не съ хорея, а съ амфибрахія:

— ◡ | ◡ — ◡ | — ◡ | ◡ — ◡ || — ◡ | ◡ — ◡ | ◡ — ◡
— ◡ | ◡ — ◡ || — ◡ | ◡ — ◡ || ◡ — ◡ | — ◡ | ◡ — ◡

Гей, не дивуйте, || добрні люде, || що на Вкраині повстало:
Що за Дашевомъ, || підъ Сорокою || множество ляхівъ пропало.

Съ той-же восьми-сложной конечной частью есть еще одна чумацкая пѣсня (Лисенко, 16) чисто хорейнаго ритма съ куплетомъ [(8 + 8 + 8)—(4 + 6 + 8)], при чемъ въ словесномъ текстѣ конечная часть перваго стиха есть повтореніе предъидущей части:

Ой у полі криниченька, || зъ неі вода протікае, || зъ неі вода протікае
Ой тамъ чумакъ || сіри волы пасе, || щей зъ криниці напуває.

Кромѣ куплетовъ четырехъ и шестифразныхъ, новая пѣсня въ своемъ развитіи дала еще болѣе разнообразныя и распространенныя формы. Есть куплеты въ пять, семь, восемь и десять даже фразъ музыкальныхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Куплетъ пятифразный въ два стиха [(6 + 6)—(4 + 5 + 5)].

— ◡ | — ◡ | ◡ — || — ◡ | — ◡ | ◡ —
— ◡ | — ◡ || — ◡ | — ◡ ◡ || — ◡ | ◡ ◡ —

Ой учора оравъ, || и сёгодня оравъ;
Гей, хтожъ тобі, || мое серденько, || волы поганявъ. (Лисенко. I. 33).

Куплетъ семифразный въ пять стиховъ [(6 + 4)—(6 + 4)—(7)—(7)—(8)].

— ◡ | — ◡ | — ◡ || — ◡ | — ◡
— ◡ | — ◡ | — ◡ || — ◡ | — ◡
◡ ◡ — | — ◡ | — ◡
◡ ◡ — | — ◡ | — ◡
— ◡ | — ◡ | — ◡ | — ◡

Та не спавъ я вічку || темненькую,
Та не буду спати || ще й другую,
Та чогось мені вудно,
И на серденьку трудно,
Самъ я молодый не знаю. (Лисенко. II, 14 бурлацкая).

Куплетъ семифразный въ пяти стихахъ [(6 + 6)—(8 + 6)—(8)—(8)—(6)], ритмъ по всей вѣроятности такой:

⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑ || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑
⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑

Хрещатый барвінокъ || рано процвітае,
А запашный василёчокъ || три запахи мае,
А надъ тую повну рожу,
А надъ тую червоную.
И въ світі не мае. (Чубинск. 5 стр. 485).

Куплетъ восьми-фразный въ шести стихахъ [(6 + 6)—(6 + 6)—(8)—(8)—(6)—(6)]; ритмъ хорейный:

Безъ тебе, Олесю, || пшеницю возити,
Безъ тебе, Олесю, || тяжко въ світі жити.
Якъ день, такъ нічъ, то рве душу,
Я до тебе прийти мушу,
Хоча й не раненько,
Олесю серденько. (Лисенко. III. 35).

Куплетъ десятифразный въ пяти стихахъ [(4 + 6)—(4 + 6)—(4 + 4)—(4 + 4)—(4 + 4)]; ритмъ его чисто хорейный.

Ой на гору || козакъ воду носить,
Дівчинонька || козаченька просить:
Козаченьку, || мій соболю,
Возьми-жъ мене || изъ собою,
Помандрую || я зъ тобою. (Лисенко. I. 26).

Непремѣнная принадлежность стопнаго куплета есть *рифма*. Бѣлыхъ стопныхъ стиховъ въ южно-русской поэзіи нѣтъ; бываетъ рифма не развитая, съ весьма слабымъ созвучіемъ, бываютъ отдѣльные стихи не введенные въ систему рифмъ, но рифма въ каждой пѣснѣ слышится непремѣнно. Хотя обыкновенное мѣсто рифмы, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выше примѣровъ, на концѣ двухъ стиховъ, но иногда случается слышать созвучіе между частями стиха или между частями стиха и вмѣстѣ съ тѣмъ и между стихами; напр.:

Ой зъ-за гори вітеръ *віе*, || калина не *спіе*,
Козакъ дівку вірно любить, || зайняти не *сміе*
Тимъ я еі не займаю, || що сватати *маю*,
Тимъ до неі не гор*нуся*, || що славы *боюся*.

Или:

Коваленко гр*ае*, || бровами морг*ае*...
Вража ёго мати зн*ае*, || на що вінъ гад*ае*.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что подобныя рифмы не выдерживаются въ пѣсняхъ отъ начала до конца и даже никогда не преобладаютъ надъ обыкновенной рифмой между двумя стихами. Вслѣдствіе того, что въ южно-русской пѣснѣ царитъ хорей, обыкновенно рифма бываетъ двусложная; односложная рифма, возможная при ямбѣ или анапестѣ въ концѣ стиха, весьма рѣдка, а трехсложная—дактильная еще рѣже; вотъ ея примѣръ:

Стояла я въ *затінку*,
Затирала *затірку*;
Гірка моя *затірка*,
Била мене *матінка*.

Изъ всего вышесказаннаго нельзя не вывести заключенія, что форма южно-русской поэзіи весьма богата, разнообразна и при всей своей безъискусственности чрезвычайно осмысленная и художественная.

Вездѣ замѣчается соотвѣтствіе формы содержанію. Умѣніе согласовать форму съ содержаніемъ, измѣняя постоянно ритмъ сообразно тому или другому настроенію чувства—это высшая ступень эстетическаго чутья, это сознаніе, что разнообразное содержаніе не можетъ быть оправлено въ шаблонную однообразную форму. Я полагалъ, что такая вольная форма съ измѣняющимся ритмомъ составляетъ исключительное достояніе поэзіи искусственной, и не мало поэтому былъ удивленъ, встрѣтивъ ясныя доказательства присутствія этого художественнаго чутья въ простонародныхъ безъискусственныхъ пѣсняхъ, сложившихся безспорно самостоятельно безъ всякаго искусственнаго вліянія писанной поэзіи. Приведенная мною ниже пѣсня состоитъ изъ трехъ частей: эпическаго вступленія, обращенія и энергической реплики; всѣ онѣ имѣютъ свой характе-

ристическій ритмъ, въ первой впрочемъ части не особенно чисто выдержанный, но совершенно опредѣленный:

Стояла я въ затінку,
Затирала затірку.
Гірка моя затірка,
Била мене матінка.
Стояла я на колодці,
Моргала на молодцівъ:
«Сюди, сюди, молодець,
Въ мене чорни брови есть!»
—Чортъ тебе бери зъ ними,
Давно-жъ ты дуришъ ними.
Якъ-бы ты не манила,
Тобъ була моя мила. (Лавренко).

Въ первой части вы слышите хорей съ дактилемъ, во второй ямбъ съ анапестомъ, а въ третьей анапестъ съ хореемъ. Интересно было-бы провѣрить мотивъ этой пѣсеньки. Во всякомъ случаѣ въ словесномъ ея текстѣ ритмъ измѣняется не случайно, а сообразно съ измѣненіемъ содержанія и притомъ совершенно удачно.

Читатель могъ замѣтить, что я указывая подмѣченные мною пѣсенные куплеты, не указалъ ни одной свадебной пѣсни. Дѣло въ томъ, что я обошелъ этотъ отдѣлъ умышленно, по слѣдующимъ основаніямъ.

Весь обрядъ свадебный у южно-руссовъ, съ цѣлымъ цикломъ пѣсень и мотивовъ, удержалъ болѣе другихъ обрядовъ древніе элементы, какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи. Свадебная пѣсня настолько отличается отъ всѣхъ другихъ, что я счелъ болѣе удобнымъ не смѣшивать свадебныхъ формъ съ другими, а разсмотрѣть ихъ самостоятельно, тѣмъ болѣе, что я самъ не увѣренъ въ правильности моихъ выводовъ при опредѣленіи тѣхъ немногихъ типовъ, которые я нашелъ въ свадебныхъ пѣсняхъ.

Свадебная мелодія не пріурочена къ какой нибудь опредѣленной пѣснѣ, какъ это бываетъ съ другими мотивами. Всѣ напѣвы свадебные имѣютъ всѣ свойства обрядовой музыки, представляющей небольшія музыкальныя формулы, весьма податливыя, способныя

для сокращеній, модуляцій и варіацій сообразно съ словеснымъ содержаніемъ. Мотивъ, пріуроченный къ извѣстному обряду, можетъ быть только тогда пригоденъ, если онъ въ состояніи выносить какъ особенности разнообразнаго содержанія пѣсень даннаго обряда, такъ и разнообразныя импровизаціи, встрѣчающіяся при постоянно драматической формѣ всѣхъ обрядовыхъ пѣсень; словомъ обрядовый мотивъ всегда свободенъ и непостоянецъ. Въ немъ всѣ тоны весьма легко расчленяются при многосложности стиха; въ немъ въ случаѣ надобности безъ всякаго нарушенія или искаженія мелодіи вставляются переходные тоны и въ слѣдующемъ-же стихѣ выбрасываются. Вслѣдствіе такой податливости мотива и вслѣдствіе свойствъ самыхъ свадебныхъ пѣсень, создаваемыхъ при каждомъ случаѣ и при разныхъ обстоятельствахъ, число слоговъ въ стихѣ весьма непостоянно и не имѣетъ на ритмъ равно никакого вліянія. Таже самая свобода въ большинствѣ свадебныхъ пѣсень замѣчается и относительно количества фразъ въ куплетѣ; одинъ и тотъ-же мотивъ превосходно укладывается въ три, четыре, пять, шесть и т. д. фразъ, сколько въ данномъ случаѣ необходимо пропѣть стиховъ. Въ одной и той-же пѣснѣ можете встрѣтить вполнѣ законченные куплеты и въ 4 и въ 6 фразъ. Въ пѣсняхъ любовныхъ, бытовыхъ, историческихъ и т. д., какъ мы видѣли, созданный разъ музыкальный куплетъ составляетъ постоянную форму, желѣзную тѣсную рамку, въ которую вставлялись вновь сочиняемые словесные куплеты и варіанты. Мы видѣли, какъ настойчиво было требованіе округленной законченной мелодіи, даже относительно чередованія грамматическихъ удареній. Ничего подобнаго нѣтъ въ пѣснѣ свадебной. Въ ней замѣчается нѣкоторое сходство съ напѣвомъ думъ. Какъ извѣстно, думная мелодія есть ничто иное, какъ постоянная варіація одного мотива черезъ всю думу, причемъ этотъ мотивъ то сжимается, то распространяется согласно волѣ и чувству пѣвца, а также сообразно количеству словъ логической словесной фразы. Но податливость свадебныхъ мотивовъ не такъ широка, какъ думныхъ, и имѣетъ свои границы, опредѣляемыя всегда опредѣленными музыкальными тактами, которыхъ нѣтъ въ думахъ.

Принимая во вниманіе вышеуказанную особенность свадебныхъ мелодій и пѣсень, мы не станемъ удивляться, что пѣсни въ сборникахъ представляются, сравнительно съ прочими, какими-то без-

форменными. Ни опредѣленнаго количества слоговъ въ стихахъ, ни куплетовъ опредѣлить невозможно, даже рифма—эта весьма удобная мѣрка для другихъ пѣсень, или совершенно отсутствуетъ, или неразвита и спутана. Изъ этого ясно, что опредѣлять формы свадебной пѣсни можно только при музыкѣ. Безъ напѣва свадебная пѣсня не имѣетъ никакой почти формы и совершенно не пригодна для заключеній о ея дѣйствительной живой куплетной формѣ. Весь слѣдовательно матеріалъ, которымъ я могъ воспользоваться, это 138 пѣсень, положенныхъ на ноты Н. В. Лисенкомъ, помѣщенныя въ приложеніи къ описанію свадьбы въ м. Борисполѣ (Чубинск. IV). Всѣ эти пѣсни однако представляютъ въ сущности только какихъ-нибудь пять мотивовъ и еще меньше куплетныхъ формъ. Насколько мнѣ извѣстно, свадебныхъ мотивовъ вообще очень не много, и они извѣстны повсюду, гдѣ только живутъ южно-руссы, но все таки я думаю, что въ сборникъ Лисенка занесены далеко не всѣ мотивы и не всѣ формы, такъ какъ ихъ слишкомъ мало, а изъ сборника Чубинскаго можно догадываться о существованіи и другихъ формъ.

Среди пѣсенныхъ формъ въ этомъ сборникѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе весьма часто употребляемый куплетъ, состоящій изъ двухъ главныхъ частей: вступленія и изложенія.

Вступленіе состоитъ изъ двухъ, рѣдко трехъ стиховъ, изъ которыхъ первый съ двумя логическими удареніями, а второй съ однимъ. Въ этомъ вступленіи мотивъ всегда опредѣленный, протяжный. Затѣмъ въ изложеніи, состоящемъ изъ ряда короткихъ стиховъ съ однимъ удареніемъ, часто съ рифмами, мотивъ перемѣняется и повторяется однообразно черезъ всѣ стихи, поднимаясь въ предпослѣднемъ стихѣ къ доминантѣ и падая на концѣ послѣдняго стиха въ тонику. Въ этой части куплета бываетъ обыкновенно четыре или шесть стиховъ, изъ которыхъ первый всегда бываетъ повтореніемъ послѣдняго стиха вступленія. Возьмемъ примѣръ:

Вступленіе: У садочку ‖ дві квіточки,
На сватанні були.

Изложеніе: На сватанні були,
Та горілочку пили;
За малую да часиночку
Найшли собі та родиночку.

Вступленіе: У садочку || дві квіточки:
Первая квітка, || тожъ Ивашко!
На сватанні були.

Изложеніе: На сватанні були,
Та горілочку пили;
За малую да часиночку
Найшли собі та родиночку.

Другая пѣсня:

Вступленіе: У садочку || дві квіточки:
Ніхто-жъ не вгадае.

Изложеніе: Ніхто-жъ не вгадае,
А хто у насъ коровай бгае,
А чи зъ міста да міщаночки
Чи зъ села да селяночки,
Чи зъ Кніва да буймистрая.
Въ сему дому да пречистая.

Вступленіе: У садочку || дві квіточки:
Не вій вітре въ гору.

Изложеніе: Не вій вітре въ гору,
Та повій по роздолу,
Да на наши коровайнички,
Розмий серпоночки.

Во многихъ случаяхъ вступленіе, которое всегда начинается со словъ: „У садочку дві квіточки“, совершенно отбрасывается вмѣстѣ съ соотвѣтственной частью мотива. Построеніе по этому типу видно въ слѣдующихъ пѣсняхъ продолженія: №№ 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 10, 14, 15, 18, 23, 25, 26, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 37, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 57, 61, 62, 63, 66, 67, 67, 69, 70, 71, 72, 74, 116, 117, 118, 119, 125, 127, 128, 129, 131 и 138, а всего пятьдесятъ пять пѣсень.

Другая типичная форма имѣетъ тоже вступленіе только одностишное въ два ударенія (4 + 4) или (5 + 4): „У садочку дві квіточки“, или: „Другая квітка тожъ Маръечка“. Въ изложеніи тоже идетъ рядъ стиховъ однообразнаго построенія; всѣ они съ двумя удареніями, но вторая часть каждаго стиха почти всегда трехсложная, первая-же часть значительно распространеннѣе и имѣетъ разное ко-

личество слоговъ отъ пяти до восьми въ одной и той-же пѣснѣ, но чаще всего шесть и семь слоговъ. Число стиховъ изложенія въ куплетѣ также не опредѣленно и зависитъ отъ требованія содержанія, какъ и въ первой формѣ. Въ музыкальномъ построеніи тоже стихи дѣлятся на соотвѣтственныя частямъ стиха музыкальныя фразы, изъ которыхъ вторая всегда короче первой и имѣетъ особый тактъ и другой музыкальный размѣръ.

Вступленіе: А въ садочку ‖ дві квіточки. (4+4)

Изложеніе:
1. Татаринъ братікъ, ‖ татаринъ, (5+3)
2. Продавъ сестрицю ‖ задаромъ: (5+3)
3. Русую косоньку ‖ за пятакъ, (6+3)
4. Білее личенько ‖ оддавъ такъ. (6+3)

Другая пѣсня:

Вступленіе: Другая квітка— ‖ тожъ Маръечка. (5+4)

Изложеніе:
1. Не сиди, Маръечко, ‖ не сиди, (6+3)
2. Одчини кватирочку, ‖ погляди, (7+3)
3. Чи высоко сонечко ‖ на небі, (7+3)
4. Чи багато бояръ ‖ ва землі. (6+3)
5. Чи хороший Иванко ‖ на коні? (7+3)
6. Хороший, матинко, ‖ чорнобривъ, (6+3)
7. Десь мені, матинко, ‖ Буиг̆ъ судивъ. (6+3)

Распространеніе трехъ-сложной второй части стиха бываетъ весьма рѣдко, такъ напр.:

А въ садочку ‖ дві квіточки.

Дружбоньку, ‖ коровай край, (3+4)
Да-й намъ, дружечкамъ, ‖ зоставляй, (5+3)
Бо мы, дружечки, ‖ молоденькні, (5+5)
Треба намъ шишечки ‖ золотенькні. (6+5)

Слѣдующія пѣсни приложенія сложены по этому типу: №№ 6, 11, 12, 13, 17, 22, 24, 27, 35, 36, 38, 39, 40, 54, 58, 65, 68, 73, 75, 79, 80, 81, 86, 95, 96, 114, 115, 123, 126, 132, 134, 136, и 137, а всего тридцать три пѣсни.

Между ними есть много пѣсень того-же построенія, но только безъ вступительнаго стиха и съ другимъ напѣвомъ, но также съ трехъ-сложной второй частью и отвѣчающею ей короткой музыкальной фразой. Куплеты обыкновенно четырехъ-стишны:

Да ворохи свахи, ‖ ворохи, (6+3)
Дайте намъ да ворохи ‖ хочъ трохи; (7+3)

Мы у тебе да-й учора || не були, (8+3)
И твоеі да ворохи || не пили. (8+3)

Затѣмъ, кромѣ этихъ широкихъ свободныхъ формъ съ растяжимыми куплетами, есть и куплеты подходящіе къ знакомымъ намъ типамъ древняго склада, отличающіеся отъ этихъ послѣднихъ только большею эластичностью мелодіи, выносящей самое разнообразное количество слоговъ. Болѣе всего выдѣляются двѣ формулы шести-фразнаго куплета, изъ которыхъ первая довольно опредѣленна по размѣру и состоитъ изъ двухъ стиховъ съ тремя удареніями [(4+4+4) (4+4+4)]; при моихъ наблюденіяхъ я этой формулы въ другихъ родахъ пѣсни не встрѣтилъ ни разу.

Наша Марися || одъ батенька || одъізжае,
Попереду || соколонька || посылае.
Лети, лети, || соколоньку, || до свекорка въ двіръ,
Нехай двори, || нехай двори || вымітають.
Нехай столы || тісовии || застилають,
Нехай хлібы || пшеничнии || накладають.

Какъ видимъ, въ словесномъ текстѣ отступленія отъ формулы весьма незначительны. Шести-фразная мелодія для всѣхъ пѣсень этого склада одна. Въ разсматриваемомъ мною сборникѣ по этому типу сложены пѣсни: №№ 77, 78, 83, 84, 85 и 88.

Очень подходитъ къ этой формулѣ и по мелодіи и по размѣру пѣсня № 29, отличаясь отъ предъидущей весьма немногими несущественными отступленіями. Она строго выдерживаетъ куплетъ [(5+4+4)—(4+4+4)]; но постоянное присутствіе пятисложной первой части перваго стиха можетъ быть и случайнымъ; можетъ быть другія пѣсни съ этой-же мелодіей имѣютъ прежнюю форму:

Да ой на що ты, || да Марусю, || уповала,
Що ты собі || да Иванка || вподобала?
Да чи на ёго || худібоньку, || чи на гроши?
Чи на ёго || урідоньку, || що хорошій?
Да не на ёго || худібоньку, || не на гроши,
А на ёго || урідоньку, || що хорошій.

Вторая формула очень распространенна. Музыкальный шести-фразный куплетъ грустнаго серіознаго напѣва дѣлится въ мелодіи какъ-бы на два стиха, словесный-же текстъ вслѣдствіе распространенности и рифмы скорѣе можно раздѣлить на шесть самостоятельныхъ стиховъ, хотя по логическому смыслу каждые три стиха

напоминаютъ одинъ распространенный стихъ, такъ что формулу этого куплета можно опредѣлить такъ: [(6 + 6 + 9)—(6 + 6 + 9)]

Ой летять галочки ||
Да у три рядочки ||
Зозуленька попереду;
Що усі галоньки ||
По вышенькахъ сіли, ||
Зозуленька закувала.

По этой формулѣ съ немногими отступленіями сложены: №№ 5, 64, 76 и 82. Но и эта формула способна по требованію содержанія распространяться; такъ пѣсня № 5 представляетъ куплетъ въ восемь фразъ:

Ивашкова мати,	6
По улонці ходить	6
И сусідочекъ просить:	7
Вы сусідочки мои,	7
Та ходимъ и къ мені	6
До мого дитяти	6
Короваю брати,	6
Сыромъ-масломъ да посипати.	9

Какъ сравнительно ни немного разсмотрѣно мною пѣсень со стороны ихъ формы, но все таки я рѣшаюсь подвести моимъ наблюденіямъ числовые итоги. Я увѣренъ, что эти итоги будутъ весьма далеки отъ тѣхъ данныхъ, какія можно-бы было извлечь при болѣе обширномъ матеріалѣ, но все таки они могутъ дать нѣкоторое представленіе объ относительномъ распространеніи тѣхъ или другихъ куплетныхъ формъ въ пѣсенномъ творчествѣ южнорусскаго народа. При этомъ я долженъ замѣтить слѣдующее. Для опредѣленія формъ, я, кромѣ другихъ сборниковъ, главнымъ образомъ пользовался III и V т. Сб. Чуб., причемъ III томъ разсмотрѣнъ мною почти весь, а изъ V тома я разсмотрѣлъ всѣ только бытовыя пѣсни, любовныхъ-же и семейныхъ я разсмотрѣлъ сравнительно очень немного. Изъ всего матеріала я успѣлъ опредѣлить несомнѣнный складъ только 365 пѣсенъ. Если-бы я разсмотрѣлъ болѣе пѣсень семейныхъ, любовныхъ и шуточныхъ, отношеніе цыфръ безспорно-бы измѣнилось. За тѣмъ слѣдуетъ принять еще во вниманіе, что классификація пѣсень на роды у Чубинскаго, которой и я придерживался, полна погрѣшностей, такъ что въ числѣ весня-

нокъ и купальныхъ часто встрѣчаете пѣсни семейныя и любовныя, а въ числѣ семейныхъ и любовныхъ—чумацкія и т. п.—Далеко точнѣе классификація колядокъ и обжиночныхъ пѣсень. Изъ этого слѣдуетъ, что въ прилагаемыхъ мною таблицахъ, имѣющихъ итоги различныхъ пѣсень по каждой формулѣ и итоги пѣсень различныхъ формулъ по каждому роду пѣсни, первые итоги болѣе вѣрны, чѣмъ вторые.

Изъ этихъ таблицъ видно, что изъ 365 пѣсень чувствуется несомнѣнное присутствіе стопнаго лада въ 195 пѣсняхъ. Относительное значеніе этой цифры далеко ниже дѣйствительнаго, такъ какъ стопный ладъ преобладаетъ въ пѣсняхъ любовныхъ и семейныхъ, разсмотрѣнныхъ мною въ числѣ весьма незначительномъ. Въ этихъ 365 пѣсняхъ я нашелъ 51 самыхъ разнообразныхъ куплетовъ, причемъ полно-стопнаго лада 29, а древняго, въ которомъ стопы не слышатся, 22 куплета.

Мнѣ кажется, что и этихъ немногихъ данныхъ достаточно для того, чтобы убѣдиться въ неимовѣрномъ богатствѣ и художественности формъ южно-русской пѣсни. Но сколько труда надо потратить, и то весьма часто безъуспѣшно, чтобы возстановить тѣ формы въ сборникахъ, на половину искаженныя до невѣроятія. Собиратели, по моему, всегда дѣлаютъ одну капитальную ошибку при записываніи пѣсень; они за единицу пѣсенной формулы принимаютъ кажущійся для слуха словесный стихъ, отдѣленный рифмой или остановкой въ пѣніи (ферматой); между тѣмъ, если-бы они принимали за единицу полный логическій куплетъ, одѣтый въ такую-же полную законченную и вполнѣ осмысленную мелодію, то настолько-же могли-бы поразить всей свѣжестью и богатствомъ художественныхъ формъ народнаго творчества, на сколько теперь поражаютъ своимъ безобразіемъ и уродливостью.

Предлагая вниманію читателей мои поверхностныя наблюденія надъ складомъ южно-русской пѣсни, я далекъ отъ убѣжденія въ ихъ непреложности, но смѣю надѣяться, что богатство и разнообразіе представленныхъ мною формъ привлечетъ болѣе опытныхъ изслѣдователей, которые будутъ въ состояніи раскрыть и надлежащимъ образомъ освѣтить забытую и заброшенную сферу художественнаго народнаго творчества.

Ц. Г. Нейманъ.

I.

	Формы древняго склада.	Колядки.	Щедривки.	Веснянки.	Купальныя.	Русальныя.	Дожиночныя	Любовныя.	Семейныя.	Чумацкія.	Бурлацкія.	Историческія	Итогъ.
1	[(5+5)—(5+5)]	40	9	7	1	2	—	3	—	—	—	—	62
2	[(4+4)—(4+4)]	4	14	2	1	—	—	—	—	—	—	—	21
3	[(5+4)—(5+4)]	—	1	2	7	—	—	—	—	—	—	—	10
4	[(5+3)—(5+3)]	—	—	5	—	—	—	1	—	—	—	—	6
5	[(4+3)—(4+3)]	—	—	—	—	—	35	—	—	—	—	—	35
6	[(6+5)—(6+5)]	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
7	[(5+7)—(5+7)]	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
8	[(8+9)—(8+9)]	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	1	3
9	[(4+4)—(5+5)]	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
10	[(5+5)—6+6)])	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
11	[(4+5)—(6+5)]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
12	[(4+4+3)—(4+4+3)]	—	—	1	—	—	2	—	—	—	—	—	3
13	[(4+4+5)—(4+4+5)]	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
14	[(4+5+5)—(4+5+5)]	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
15	[(5+4+6)—(5+4+6)]	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
16	[(5+5+6)—(5+5+6)]	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	3
17	[(4+6+6)—(4+6+6)]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
18	[(5+5+7)—(5+5+7)]	—	—	1	—	—	—	3	—	—	—	2	6
19	[(4+6+7)—(4+6+7)]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	3
20	[(5+6+7)—(5+6+7)]	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	4
21	[(6+6+7)—(6+6+7)]	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	2
22	[(7)—(7)—(8)]	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
	Итого	45	24	26	9	2	37	8	4	6	1	8	170

II.

	Формы новаго склада.	Колядки.	Щедривки.	Веснянки.	Купальныя.	Русальныя.	Любовныя.	Семейныя.	Чумацкія.	Бурлацкія.	Историческія	Итогъ.
1	[(8)—(8)—(8)—(8)]	—	—	—	—	—	18	1	3	2	9	33
2	[(7)—(7)—(7)—(7)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
3	[(10)—(10)—(10)—10)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
4	[(4+3)—(4+3)]	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	3
5	[(6+6)—(6+6)]	—	2	2	1	1	9	1	1	2	1	20
6	[(4+6)—(4+6)]	—	—	2	1	—	4	1	1	1	—	10
7	[(7+6)—(7+6)]	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	1
11	[(8+3)—(8+3)]	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
12	[(8+5)—(8+5)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
13	[(6+7)—(4+6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
14	[(4+4)—(6+5)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
15	[(4+4)—(6+4)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
16	[(4+6)—(6+6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
17	[(6+6)—(8+6)]	1	—	—	—	—	2	3	1	—	2	9
18	[(9+6)—(8+8)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
19	[(6+6)—(10+6)]	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
20	[(6+6—5)—(6+6+5)]	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
21	[(6+6+6)—(6+6+6)]	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
22	[(5+5+6)—(5+5+6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
23	[(5+5+8)—(5+5+8)]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
24	[(8+8+8)—(4+6+8)]	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
25	[(6+6)—(4+5+5)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
26	[(6+4)—(6+4)—(7)—(7)—(8)]	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
27	[(6+6)—(8+6)—(8)—(8)—(6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
28	[(6+6)—(6+6)—(8)—(8)—(6)—(6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
29	[(4+6)—(4+6)—(4+4)—(4+4)—(4+4)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
	Итого	1	2	41	2	1	74	8	17	12	37	195

Къ исторіи галицко-русской письменности.

(Нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину).

Въ 1878 г. профессоръ Н. А. Поповъ, приступая къ изданію писемъ славянскихъ ученыхъ къ М. П. Погодину [1]), обратился ко мнѣ съ просьбою доставить ему нѣкоторыя замѣчанія и объясненія касательно литературной дѣятельности въ Галичинѣ 1835—1860 г., что я тогда-же охотно сдѣлалъ для него. Но многое изъ сообщеннаго мною тогда не вошло въ его интересную пояснительную къ сборнику статью, какъ выступающее за предѣлы его спеціальной задачи, иное воскресло въ моей памяти впослѣдствіи, иное подсказала мнѣ происходящая теперь въ Галиціи ожесточенная борьба русской и польской партіи. Всѣмъ этимъ пожелалъ я подѣлиться съ читателями „Кіевской Старины" и послѣ сообщенныхъ мною біографическихъ воспоминаній о Вагилевичѣ [2]) передаю теперь нѣсколько замѣчаній объ одномъ изъ писемъ его къ М. П. Погодину, въ надеждѣ, что въ виду возбужденнаго въ русскомъ обществѣ вниманія къ происходящимъ въ Галиціи событіямъ, и мои воспоминанія про былое въ ней прочтутся нѣкоторыми съ любопытствомъ.

Кромѣ упомянутыхъ въ изданіи Н. А. Попова писемъ Ивана Николаевича къ М. П. Погодину, еще одно письмо его было напечатано въ „Московскомъ Наблюдателѣ" за 1836 г. № VII, стр. 289. По моему мнѣнію, это было первое письмо Вагилевича изъ Львова, вызвавшее слѣдующую за тѣмъ переписку его съ Погоди-

---

[1]) См. Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель (1835—1861). Москва, 1879, стр. 533—666.

[2]) См. іюльскую книжку »Кіевской Старины« за 1883 г.

нымъ. Вагилевичъ обращается къ Погодину, какъ къ незнакомому лицу. Самъ-же Погодинъ ссылается на это письмо и на сообщеніе ему извѣстія о карпатскихъ руническихъ надписяхъ. Оно писано вслѣдъ за отъѣздомъ профессора Погодина и его спутниковъ изъ Львова въ Россію и въ немъ живо отражается то впечатлѣніе, какое произвело на русскій кружекъ посѣщеніе г. Львова русскими учеными. Я не могу припомнить, о какомъ ложномъ извѣстіи, напечатанномъ въ С.-Петербургскомъ журналѣ, говоритъ Вагилевичъ; вѣроятно, что-то было напечатано въ Tygodnik'ѣ Petersburg'скомъ, единственный экземпляръ котораго получала библіотека института Оссолинскихъ, гдѣ Вагилевичъ и могъ читать извѣстіе (ложное) изъ польскаго источника. Нѣмецкая австрійская полиція и польское общество старательно заботились тогда, чтобы ни одинъ русскій журналъ, ни одна русская книга не попадали въ руки русскимъ галичанамъ. Въ библіотекѣ львовскаго университета, считавшей тогда до 50 т. книгъ, не было ни одной русской книги [2]) кромѣ стараго изданія грамматики Гейма. Такъ какъ во всей Галиціи и Буковинѣ ни въ одной публичной школѣ не учили ни русской, ни церковно-славянской грамотѣ, то мы, немногіе гимназисты и студенты, учились по этой грамматикѣ русской грамотѣ и русскому письму. Кто успѣлъ ее захватить раньше, пришедши въ библіотеку, тотъ и пользовался. Изъ гравированнаго при ней скорописнаго алфавита мы учились писать, копируя русскія буквы. Связанной русской скорописи не довелось и въ глаза увидать, и я долго не могъ отвыкнуть отъ привычки писать по буквамъ, ставя отдѣльно каждую букву, какъ въ печатномъ курсивѣ. Іосифъ Левицкій также заимствовалъ изъ грамматики Топпе скорописную таблицу для своихъ грамматикъ. Въ библіотекѣ Оссолинскихъ было нѣсколько русскихъ книгъ, но завѣдующіе неохотно давали ихъ читать ученикамъ и студентамъ, а навязывали польскія книги Мицкевича, Одинца, Нѣмцевича, Лелевеля. Даже исторіи Карамзина въ польскомъ переводѣ Бучинскаго не выдавали, а совали Нарушевича. Только Маркіанъ Шашкевичъ, по знакомству,

---

[2]) Только въ 1850-хъ годахъ бывши университетскимъ профессоромъ, я заявилъ о необходимости выписать для библіотеки важнѣйшія книги изъ русской литературы. Правительство согласилось дать 300 гульд. на выписку нѣкоторыхъ сочиненій, преимущественно малорусскихъ.—Я. Г.

совали Нарушевича. Только Маркіанъ Шашкевичъ, по знакомству, добился выдачи Калайдовича, Кирши Данилова и малороссійскихъ пѣсенъ Максимовича, которыя я переписывалъ тутъ-же, въ библіотекѣ, въ часы, опредѣленные для чтенія, и переписалъ всю книжку [1]).

Надо признаться, что Вагилевичъ сообщилъ въ своемъ письмѣ много замѣчательныхъ извѣстій, бросающихъ свѣтъ на тогдашнія отношенія и состояніе русскихъ галичанъ. Онъ правъ, что въ то время только что *начала пробуждаться любовь къ русской словесности*. Онъ весьма наглядно изобразилъ возникшіе споры о введеніи латинскаго алфавита въ галицко-русской письменности; всему этому далъ поводъ полякъ Вацлавъ Залескій своимъ изданіемъ народныхъ пѣсень, заявивъ откровенно въ предисловіи къ нему, что галицкіе русскіе (nasi Rusini) должны присоединиться къ польской литературѣ, такъ какъ полякамъ вовсе не желательно, чтобъ русскіе галичане развивали *особую* литературу. Залескій соблазнилъ было молодаго нашего священника Осипа Лозинскаго, который подъ дѣятельнымъ вліяніемъ своего коллятора Гвальберта Павликовскаго напечаталъ статью „О введеніи латинскаго алфавита въ галицко-русскую письменность". Постороннимъ можетъ показаться маловажнымъ этотъ фактъ, но въ сущности вопросъ о замѣнѣ русской азбуки на польское абецадло не маловаженъ; онъ глубоко врывается по своимъ послѣдствіямъ въ народную жизнь, это—вопросъ о существованіи... быть или не быть русскимъ въ Галичинѣ. Пріими галичане въ 1830-хъ годахъ польское абецадло,—пропала-бы русская индивидуальная народность, улетучился-бы русскій духъ и изъ галицкой Руси сдѣлалась-бы вторая Холмщина, какою она была въ 60-хъ годахъ. Всѣ передовые люди возстали противъ затѣи Залескаго и вознегодовали на Лозинскаго. Зубрицкій написалъ возраженіе, но оно осталось въ рукописи. Тогдашній капелланъ перемышльскаго епископа Снѣгурскаго Іосифъ Левицкій (авторъ галицко-русской грамматики) написалъ на польскомъ языкѣ рѣзкую

---

[1]) Игнатій Жегота—Пауля, мазуръ, слушавшій вмѣстѣ со мною лекціи на 1-мъ курсѣ университета, выманилъ у меня черновыя тетради этихъ и другихъ народныхъ пѣсень и издалъ въ Перемышлѣ 1839 г. въ II томахъ «Pieśni ruskie ludu w Galicyi». Самъ-то онъ плохо понималъ по русски и никогда не сообщался съ русскимъ народомъ.

статью противъ проэкта Лозинскаго въ защиту кириллицы. Епископъ Іоаннъ Снѣгурскій наградилъ автора и приказалъ напечатать ее въ епископской типографіи, а редакторъ оффиціальной львовской газеты и экстраординарный профессоръ польскаго языка и литературы Ник. Михалевичъ (русинъ), по благоволенію къ своимъ единовѣрцамъ, прибавилъ оттиски ко всѣмъ высылаемымъ №№ газеты. Въ то время такой поступокъ считался весьма рискованнымъ, и едва-ли не этотъ шагъ былъ главной причиной удаленія Михалевича отъ редакціи и назначенія на его мѣсто заядлаго поляка Яна Каминскаго. Лозинскій пытался провести свой проэктъ на дѣлѣ и сочинилъ грамматику съ польскимъ абецадломъ, но профессоръ и докторъ богословія Венедиктъ Левицкій, бывшій цензоръ русскихъ книгъ, три раза отвергъ грамматику Лозинскаго. Напрасны были жалобы Лозинскаго, поддерживаемыя поляками, напрасна апелляція въ Вѣну въ центральный цензурный комитетъ. Разъ написанный цензоромъ Левицкимъ приговоръ: *Non admittitur ad imprimendum* (не одобрено къ печати), остался въ полной силѣ, хотя придворный славянскій цензоръ Варѳоломей Копитаръ и стоялъ за латинскій алфавитъ. Нѣсколько времени спустя, Лозинскій успѣлъ таки добиться разрѣшенія и напечаталъ сборникъ свадебныхъ пѣсень: Ruskoje wesile, opisannoje czerez I. Łozinskoho. Не менѣе негодованія на Лозинскаго выражалъ кружекъ молодыхъ русиновъ, которое отпечатлѣлось и въ письмѣ Вагилевича. Студентъ Маркіанъ Шашкевичъ написалъ статью: *Азбука и Abecadło*; цензура одобрила ее, студенты и семинаристы сдѣлали грошовую складчину, меня послали въ Перемышль, и черезъ 2 недѣли статья Шашкевича была напечатана и разослана во всѣ концы Галиціи въ 3-хъ тысячахъ экземпляровъ. Вагилевичъ въ упомянутомъ своемъ письмѣ торжественно заявляетъ, что теперь никто (значитъ, изъ русиновъ) не сомнѣвается въ настоятельной необходимости славянской азбуки для русскаго языка и каждый признаетъ превосходство ея предъ чужимъ алфавитомъ.

Но странно:—старшіе русскіе въ Галиціи, признавая превосходство славянской азбуки надъ латинскимъ алфавитомъ и защищая ее, всѣми мѣрами препятствовали введенію гражданскаго шрифта и отстаивали церковно славянскія буквы. Они видѣли въ гражданкѣ частичное введеніе латинки. Зубрицкій первый напеча-

талъ въ примѣчаніяхъ своего сочиненія: *Rys historyi narodu ruskiego w Galicyi i hierarchii cerkiewnej. Lwów 1837*, грамоты князя Льва гражданскимъ шрифтомъ,—и цензоръ Левицкій не посмѣлъ придраться. Вѣнскіе наши семинаристы печатали въ Вѣнѣ гражданкою свои вирши безнаказанно. М. Шашкевичъ, при моемъ посредничествѣ и при помощи моихъ сербскихъ друзей, напечаталъ въ Будинѣ „Днѣстровую Русалку" 1837 г.; но несмотря на разрѣшеніе будимскаго цензора и на позволеніе вѣнской цензуры, львовская цензура заарестовала 1000 экземпляровъ „Русалки" и запретила продажу. Такая-же участь постигла стихи Антонія Могильницкаго по случаю пріѣзда архикнязя (эрцгерцога) Карла Людовика во Львовѣ, напечатанные гражданскимъ шрифтомъ.

Это была первая борьба за русскую азбуку, которая возобновилась съ большей силой во время голуховщины въ 1859 г. и дала поводъ къ горячей полемикѣ и офиціальному столкновенію въ учрежденной по этому дѣлу графомъ А. Голуховскимъ коммиссіи[1]). Въ 1835 г. правительство стояло въ нейтральномъ отдаленіи, въ сторонѣ; въ 1859 г. затѣями противъ кириллицы руководили: министръ графъ Левъ Тунъ (Thun, чехъ) и намѣстникъ Галиціи графъ Агеноръ Голуховскій. Первый выслалъ своего секретаря Іосифа Иречка (чеха), второй лично участвовалъ въ засѣданіяхъ и призвалъ на помощь двухъ измѣнившихъ русскихъ (докторовъ философіи)—Евсевія Черкавскаго и Полинскаго, и двухъ президіальныхъ чиновниковъ; коалиція состояла изъ поляковъ, нѣмцевъ, чеховъ и русскихъ перекидчиковъ. Іосифъ Лозинскій, долголѣтнимъ опытомъ убѣдившись въ интригахъ польскихъ, въ ихъ лжи и обманѣ, стоялъ за насъ и ратоборствовалъ за кириллицу.

Въ томъ-же письмѣ Вагилевичъ сдѣлалъ перечень сочиненій, относящихся къ галицко-русскому языку и исторіи Галиціи, и написалъ краткія, но иногда довольно меткія замѣчанія о достоинствѣ ихъ: Вагилевичъ чувствовалъ, что грамматикъ Іосифъ Левицкій, рожденный и воспитанный въ странѣ болѣе ополяченной (при Нижнемъ Сянѣ), не могъ употреблять болѣе чистаго нарѣчія. Мнѣніе о грамматикѣ Іосифа Левицкаго, заявленное профессоромъ пра-

---

[1]) См. Die ruthenische Schrift und Sprachfrage. Lemberg. 1859.

воучительнаго богословія Венед. Левицкимъ, характеристично. О грамматикѣ Лучкая Вагилевичъ отозвался очень снисходительно, даже лестно. О сочиненіяхъ Зубрицкаго не далъ никакого сужденія.

Затѣмъ Вагилевичъ упоминаетъ о трудахъ своихъ друзей, въ то время еще ненапечатанныхъ, но извѣстныхъ ему, какъ принадлежащему къ тому-же молодому кружку. Онъ упоминаетъ о моемъ сборникѣ народныхъ пословицъ, которыя изданы послѣ въ 1841 г. въ Вѣнѣ, о переводѣ сербскихъ пѣсень, напечатанныхъ послѣ въ 1847 г. въ „Вѣнкѣ"; упоминаетъ и о „Русалкѣ", изд. Шашкевичемъ въ Будинѣ въ 1837 г. Наконецъ говоритъ и о своихъ собственныхъ трудахъ: о *Словѣ о Полку Игоря*, которое не было напечатано изъ опасенія передъ львовской цензурой, которая такъ безцеремонно поступила съ „Русалкой" и со II выпускомъ *Очерка исторіи* Зубрицкаго и пр.

Что-же касается до словаря народнаго галицко-русскаго языка, то онъ существовалъ такъ-сказать въ идеѣ и въ проектѣ. У Вагилевича было записано значительное количество словъ, которыя онъ или запомнилъ изъ родительскаго дома (гдѣ говорили всѣ большею частью на мѣстномъ нарѣчіи, по русски), или подслушанныхъ у крестьянъ, или-же заимствованныхъ изъ народныхъ пѣсень, пословицъ и поговорокъ. Но Вагилевичъ, полагаясь на свою счастливую память, обыкновенно ставилъ въ своихъ тетрадкахъ одно выраженіе, безъ всякихъ объясненій и толкованій. Образцомъ словаря онъ считалъ Вука Стефановича; онъ имѣлъ въ планѣ прибавлять соотвѣтствующія значенію слова латинскія и нѣмецкія, описанія, народныхъ обрядовъ и повѣрій, и даже съ филологическимъ разборомъ, а между тѣмъ мысль его никогда не пришла къ исполненію. Я имѣлъ случай разсматривать, по смерти Вагилевича въ 1866 г. (Naučny Slovn. X, стр. 10), его бумаги и нашелъ задуманный имъ словарь въ томъ-же неоконченномъ видѣ, хотя впродолженіе 30 лѣтъ у него накопилось много словарьнаго матеріалу. Что-же касается до задуманной имъ грамматики народнаго галицко-русскаго языка, то онъ издалъ въ 1845 г. на польскомъ языкѣ грамматику (Gram. Małoruskiego języka w Galicyi. Lwów. 1845), но вмѣсто грамматики простонароднаго языка, по образцу Вука Стефановича, при развивающейся между тѣмъ галицко-русской письменности, онъ

перемѣнилъ свой взглядъ на языкъ (русскій) и сдѣлалъ переводъ грамматики Н. Греча.

Далѣе Вагилевичъ бросаетъ въ своемъ письмѣ бѣглый взглядъ на преданія русскаго народа и его языкъ, защищая его чистоту и неиспорченность, изъ чего видна его горячая приверженность къ своему народу. Раздѣленіе галицко-русской рѣчи на два нарѣчія и два разнорѣчія не совсѣмъ вѣрно. Нѣкоторыя замѣчанія относительно употребленія буквъ хорошо подмѣчены. Угорско-русское нарѣчіе онъ осуждаетъ слишкомъ строго: оно не столько потерпѣло отъ мадьярскаго и румынскаго вліянія, какъ предполагалъ никогда не бывшій въ Венгріи Вагилевичъ. Приписываніе галицко-русскому языку свойства долготы и краткости гласныхъ—ошибочно и основано на воображеніи и стараніи превознести свое родное нарѣчіе и противупоставить чешскому языку, способному подражать ритму греческо-латинскихъ стиховъ [1]), которымъ величался жившій въ то время во Львовѣ чехъ, Иванъ Православъ Коубекъ (съ 1848 г. преподаватель чешской литературы въ пражскомъ университетѣ). Приведенныя Вагилевичемъ слова съ латинскимъ или нѣмецкимъ переводомъ показываютъ, что въ самомъ дѣлѣ въ Карпатскихъ горахъ сохранилось много старинныхъ славянскихъ выраженій, которыя на равнинахъ въ Галичинѣ давно замѣнены новыми польскими. Форма глагола frequentativum iterativum, *бѣговати*, *бѣговувати*, опять придумана Вагилевичемъ по образцу чешскаго языка. Вообще, это мѣсто письма знаменательно; оно показываетъ, какъ въ то время умы молодаго кружка заняты были приведеніемъ въ извѣстность характеристическихъ чертъ языка, обычаевъ, преданій и жизни своей родины. Въ это время Вагилевичъ владѣлъ лучше всѣхъ насъ народной рѣчью; свѣдѣнія его о народномъ бытѣ были полнѣе другихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ пристрастнымъ защитникомъ *индивидуализаціи* нарѣчій, увлекаясь соблазнительными словами Копитара, который, слѣдуя, вѣроятно девизу австрійской политики: *divide et impera*, утверждалъ въ своей грамматикѣ, что у славянъ не четыре нарѣ-

---

[1]) Въ то время и сербы подражали стопосложенію классическихъ поэтовъ и величались этимъ свойствомъ своего языка. Шафарикъ хвалилъ просодическое стихосложеніе. Gesch. der sl. Sprache, стр. 42.

чія должны быть письменными, какъ у грековъ, а всѣ нарѣчія, и съ большимъ правомъ, такъ какъ территорія славянъ значительно больше древней Греціи.

Что касается до находокъ у графа Тарновскаго въ Диковѣ, о которыхъ упоминаетъ Вагилевичъ въ объясняемомъ его письмѣ, то это произошло по слѣдующему поводу. Въ 1834 году графъ Адамъ Тарновскій, имѣвшій богатую рѣдкими книгами и рукописями библіотеку, просилъ своего знакомаго помѣщика Василевскаго прислать ему кого-нибудь изъ студентовъ, знающихъ церковно-славянскій и русскій языки, для разсмотрѣнія и описанія старославянскихъ рукописей и старинно-русскихъ памятниковъ письменности. Нашъ общій другъ Маркіанъ Шашкевичъ, о которомъ, какъ о сиротѣ священника, жившаго въ его имѣніи Княже, Василевскій имѣлъ попеченіе, рекомендовалъ для этой цѣли меня и Вагилевича. Василевскій снабдилъ насъ письмомъ къ графу. Мы сказались больными въ университетѣ и весной 1834 г. отправились въ путь. Вагилевичъ былъ знакомъ съ южной, подкарпатской страною родины, мнѣ-же знакома была сѣверная часть галичины; но ни я, ни мой другъ никогда не бывали въ западной половинѣ галичины, по этому въ экскурсіи нашей намъ все представлялось новымъ, интереснымъ. Мы находили различіе съ тѣмъ, что знали прежде, при видѣ мѣстности, распредѣленіи селъ и хозяйственной обстановкѣ, костюмѣ и всей наружности населенія, съ которымъ мы теперь встрѣтились. Вагилевичъ находилъ большую разницу между его горцами—Бойками и туземными крестьянами, я-же, на оборотъ, замѣчалъ только постепенные переходы или переливы галицко-русскаго народа, живущаго возлѣ Львова. Вагилевича возмущало чрезвычайно сильное ополяченье страны, когда мы слышали польскіе *южъ*, вм. уже, вже; *дзись дзисяй*, вм. сегодня, нынѣ; *биты* (bóty), вм. чоботы, сапоги, или формы: я не *хцу* (chcę), ты не *хцешь*, вôнъ не *хце*, мы не *хцемы*, вы не *хцете*, воны не *хцуть*, вм. я не хóчу и т. д., или-же: мы будемъ *робûтû*, *ходûтû*, вм. почти густаго выговора робыты, ходыты; винъ *ходи*, *носи*, вм. ходитъ, носитъ или я *бывъ*, *мы были*, вм. я бувъ, мы булы; все это онъ приписывалъ вліянію полонизма и готовъ былъ признать мѣстный говоръ просто польскимъ нарѣчіемъ. Я-же, напротивъ, признавалъ сильное вліяніе польщизны въ лексическомъ отношеніи, но въ формахъ: *хцу*,

хцешь, ходи, носи видѣлъ аналогію съ сербскими ћу, ћешь, оди, носи, а въ произношеніи ход*и*ти, роб*и*ти, бывъ, была, были я искалъ первоначальнаго древне-славянскаго произношенія, именно различіе гласныхъ *и* и *ы*, потерявшееся въ малорусскомъ и югославянскихъ нарѣчіяхъ. Въ такихъ этнографически-лингвистическихъ упражненіяхъ проѣхали мы черезъ мѣстечка Городокъ, Судовую Вишню, Мостиска (Gródek, Sądowa Wisznia, Mościska), пользуясь всякой остановкой въ корчмѣ или въ *остеріи* для расспросовъ и разговоровъ съ крестьянами. Въ Перемышлѣ мы осмотрѣли развалины замка и полюбовались прекраснымъ видомъ на равнины рр. Сяна и Вѣгоря (Вяра) и на амфитеатрально возносящіяся карпатскія горы. Вспомнивъ о бывшихъ временахъ, мы въ раздумьѣ оставили ополяченную столицу Володаря. За Перемышлемъ уже мало слышалась русская рѣчь,—жители впрочемъ говорили наравнѣ по польски и по малорусски. Тутъ мы нашли народъ тихій, смирный, во всемъ уступающій, запуганный преобладающимъ полонизмомъ. Вотъ въ одномъ изъ постоялыхъ дворовъ, или въ корчмѣ крестьянинъ въ черной свиткѣ и женщина въ холстяной кофточкѣ почти шопотомъ говорятъ по русски, попивая водку. Вдругъ съ шумомъ входятъ два человѣка, рослыхъ, крѣпкосложенныхъ, въ сапогахъ съ длинными голенищами, одѣтыхъ въ синіе суконные камзолы съ висячими до колѣнъ клапанами. У одного была на головѣ красная шапка съ высокимъ рогатымъ верхомъ и поярковой опушкой, у другаго-же черная шляпа съ широкими полями. Это были два извощика—мазура изъ Тарнова или изъ подъ Кракова. Они начали развязно похаживать по комнатѣ, ведя оживленный разговоръ на своемъ мазурскомъ нарѣчіи, обращаясь другъ къ другу не на *ты* или *вы*, какъ водится у крестьянъ, но говоря одинъ другому: *пóнъ, нѣхъ пóнъ бедзѣ ласкавъ, просенъ унизенье*; подтрунивая такъ обыкновенно надъ господами, рисовались смѣлой жестикуляціей,—наконецъ остановились возлѣ разговаривающихъ русиновъ и, подступая все ближе и ближе, почти толкали ихъ. Крестьянинъ взялъ фляжку съ водкой и отошелъ съ своей собесѣдницей къ другому концу стола. Но мазуры не отстали: они подступили къ другому концу, ведя громкій разговоръ,—русины посторонились къ другому столу, но нахалы—мазуры и туда поспѣли и прижали ихъ опять. Русскіе оставили и это мѣсто и стали въ уголокъ близъ двери, держа въ

рукѣ фляжку. Насъ поразило нахальство мазуровъ, но еще болѣе удивила уступчивость загнанныхъ русскихъ. Когда мазуры вышли къ своимъ лошадямъ въ конюшню, мы начали укорять русина, зачѣмъ онъ позволилъ такъ стѣснять пріѣзжимъ мазурамъ у себя дома; *вѣдь на своемъ смѣлѣю и когутъ смѣлый.* „Паничу, вы не знаете, якій то лукавый народъ, тыи мазуры; они наумысне шукали зачѣпки, а мы люди спокойны, всякому чорту уступаемъ,—на што намъ бѣды? водъ мазура и полу врѣжь, та втѣкай". Вотъ какія отношенія сложились въ этой несчастной странѣ; не только шляхта, но и мазурскій мужикъ дастъ чувствовать свое превосходство надъ бѣднымъ русиномъ.

Ярославль,—древній русскій городъ, мы проѣхали мелькомъ, не осмотрѣвъ его вовсе. Въ окрестностяхъ Ярославля народъ весьма красивый, говоритъ чистымъ польскимъ, почти книжнымъ нарѣчіемъ, *не мазурнетъ.* Мы убѣдились, что Снядецкій былъ правъ, говоря, что теперь самою чистою польскою рѣчью говоритъ народъ возлѣ Ярославля въ Галиціи. Кто хочетъ заслушаться мелодіей польскаго языка, пусть послушаетъ разговаривающихъ крестьянъ возлѣ Ярославля. Слѣдовательно не въ Гнезнѣ (этомъ гнѣздѣ Пястовъ), не въ Краковѣ или Варшавѣ—двухъ столицахъ Польши, а на русской землѣ, на рубежѣ Польши—самая чистая рѣчь, такъ-же какъ и чистѣйшій нѣмецкій языкъ не внутри древней Германіи, а на бывшей когда-то славянской землѣ—въ Саксоніи! Поэтому Вагилевичъ въ письмѣ своемъ къ М. П. Погодину порицаетъ Над-Сянское нарѣчіе за то, что оно ополячено и превозноситъ русскій языкъ, который, будто-бы, имѣлъ громадное вліяніе на письменный польскій языкъ.

Мы миновали границу русскаго и польскаго народонаселенія, и, проѣзжая песчаную низменность, лѣсную равнину между Сяномъ и Вислой, нашли народъ, говорящій на польскомъ нарѣчіи съ слабымъ оттѣнкомъ мазурскаго, хотя народъ тихій, добродушный, совсѣмъ похожій на русскихъ полѣсюковъ, живущихъ въ сосновыхъ борахъ жолковскаго и золочевскаго округовъ, отъ Бродовъ до р. Сяна. За Преворскомъ (Przeworsk) мы направились вдоль рѣки Сяна на сѣверъ, черезъ Соколовъ, Грибовъ, находя вездѣ тотъ-же народъ и мы были почти увѣрены, что это ополяченные русины. Цѣль нашей поѣздки—мѣстечко Диковъ расположено на равнинѣ надъ

Вислой, въ виду города Судоміря (Сандомѣржа), лежащаго на противуположномъ высокомъ берегу; видны его старинныя зданія, костелы и башни. Глядя на него, мы вспоминали историческія событія, происходившія на этой границѣ галицкой Руси и Польши, вспоминали, что въ 1205 году князь Романъ Мстиславовичъ, недалеко отсюда подъ Завихвостомъ, въ войнѣ съ ляхами, былъ нечаянно убитъ напавшимъ на него отрядомъ поляковъ. Длинныя и высокія, какъ валы, тянущіяся по берегамъ Вислы дамбы обратили на себя наше вниманіе. Не менѣе замѣчателенъ палацъ или замокъ гр. Тарновскаго, построенный на живописномъ мѣстѣ, съ карнизами, въ готическомъ вкусѣ, съ прилежащимъ паркомъ и видомъ на привислянскую окрестность. Гр. Тарновскій принялъ насъ весьма радушно, показалъ намъ свои картины, замѣчательныя искусствомъ, портреты своихъ предковъ Тарновскихъ и другихъ знаменитыхъ поляковъ, славянскія глиняныя урны и другія древнія вещи доисторическихъ временъ, вырытыя въ решовскомъ уѣздѣ, рѣдкія старопечатныя книги и рукописи, относящіяся къ исторіи Польши. Всѣ эти предметы хранились въ богатой замѣчательными изданіями библіотекѣ. Въ особенности-же графъ поручилъ намъ разсмотрѣть славянскія рукописи, писанныя кириллицей, русскія грамоты и другіе скорописные памятники. Съ жаромъ молодыхъ энтузіастовъ мы принялись за разборъ этихъ памятниковъ, видѣнныхъ нами первый разъ въ такомъ количествѣ и подборѣ. Мы работали, не уставая, съ утра до поздней ночи, описывали рукописи, излагали содержаніе, объясняли, переводили на польскій языкъ и ежедневно по утрамъ представляли графу результаты нашихъ разысканій, который на радости изъявлялъ свое удивленіе нашимъ неусыпнымъ трудамъ, похваляя нашу ревность и любовь къ разслѣдованіямъ старины и наши познанія. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ событій Вагилевичъ писалъ М. П. Погодину объ открытіяхъ, сдѣланныхъ *имъ* (вмѣстѣ со мною) въ библіотекѣ ученаго гр. Тарновскаго въ Диковѣ. Вагилевичъ пишетъ о Кормчей книгѣ, которую онъ, смотря по почерку (по письму, какъ онъ выразилъ) и по языку, относилъ къ XII или началу XIII вѣка. Я спорилъ тогда съ нимъ, относя рукопись къ XIV столѣтію, тѣмъ болѣе, что она писана *на бумагѣ*. Вагилевичъ былъ до нѣкоторой степени фантазеромъ; онъ заупрямился и для поддержки своего мнѣнія утверждалъ,

ссылаясь на Мацѣевскаго, который будто-бы говорилъ, что еще въ XIII столѣтіи въ Галичѣ была изобрѣтена выдѣлка тряпичной бумаги и этимъ искусствомъ будто-бы занимались два брата изъ галицкихъ мѣщанъ. Конечно, мы, сверстники Далибора [1]) (Вагилевича), относились скептически къ этому заявленію. Но онъ все настаивалъ на своемъ и въ доказательство вѣрности, а по крайней мѣрѣ вѣроятности этого событія, указывалъ на то, что на его родинѣ народъ называетъ бумагу, цедулку, записку—*термѣткой* [2]) и что, будто-бы, это названіе народъ наслѣдовалъ отъ своихъ галицкихъ изобрѣтателей бумаги. Онъ гордился тѣмъ, что ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ нѣтъ названія бумаги на своемъ говорѣ, а всѣ заимствовали названіе отъ греческаго или латинскаго языка. Въ своемъ письмѣ къ историку Погодину Вагилевичъ не упоминаетъ о мнимомъ изобрѣтеніи, а говоря о *термѣткѣ*, прибавляетъ, что „слово это можетъ быть взято съ греческаго языка, или происходитъ отъ *термѣтка*=бумага; *я полагаю, что тогда* (въ XII и XIII стол.) *на Руси были термѣтные* (писче-бумажные) *заводы*". Дальше Вагилевичъ упоминаетъ о другой рукописной книгѣ, содержащей *отрывки изъ Кормчей книги* XV вѣка; по языку она похожа, но замѣчательна тѣмъ, что въ ней находятся: *уставъ Владиміра* о церковныхъ судахъ и *уставъ Ярослава* и др.

Послѣ этого Вагилевичъ сообщаетъ о находящихся у гр. Тарновскаго грамотахъ, договорахъ и международной корреспонденціи польскихъ королей съ крымскимъ ханомъ, турецкимъ султаномъ и великими князьями московскими. Должно быть, Вагилевичъ неясно написалъ или переводчикъ невѣрно перевелъ, называя ихъ *переводчыми* или *перепиcными*. Это собственно четыре пергаменныхъ грамоты съ конца XIV и начала XV стол., а именно: 1) жалованная грамота великаго князя Витовта 1392 г., 2) грамота галицкаго старосты Бенка 1398 г., 3) передаточная грамота на имѣніе Тростянецъ 1409 г. и 4) мѣновная грамота Ивана Тучняка 1418 г. [3]).

---

[1]) Иванъ Вагилевичъ принялъ славянское имя Далиборъ, которымъ и подписывался на своихъ ученыхъ трудахъ.

[2]) Этого слова нѣтъ въ нѣмецко-русскомъ словарѣ Эм. Партицкаго. Львовъ 1870 г.

[3]) Всѣ эти грамоты я переписалъ съ графическою точностью, сообщилъ ихъ Д. Зубрицкому, откуда онѣ напечатаны въ Актахъ западной Россіи, а послѣ напе-

Кромѣ того мы нашли нѣсколько документовъ съ XVI в. на русскомъ языкѣ, договоры польскихъ королей съ великими князьями московскими и крымскимъ ханомъ. Въ особенности заинтересовала насъ переписка съ крымскимъ ханомъ Давлетъ Гиреемъ на русскомъ языкѣ, писанная современною русскою скорописью. У графа Тарновскаго одна статья была въ трехъ экземплярахъ, и я осмѣлился просить графа, чтобы онъ подарилъ мнѣ экземпляръ. Графъ похвалилъ мою любовь (zamiłowanie) къ памятникамъ старины и обѣщалъ объ этомъ подумать. Вѣроятно, онъ провѣрилъ съ кѣмъ-нибудь, вѣрно-ли было мое заявленіе о тождественности ихъ текста. На другой день онъ вырвалъ листки изъ тетради, составлявшей отрывки какого-то сборника, вѣроятно, тетради Метрики великаго князя литовскаго и передалъ мнѣ экземпляръ. Нашей радости не было границъ. Мы открыли памятники дипломатическаго и дѣловаго языка изъ столь отдаленныхъ временъ, и на основаніи этихъ открытій рѣшили, что эти документы ничто иное, какъ продолженіе той политически-бытовой жизни русскаго (галицкаго) народа, которая жила и процвѣтала во время самостоятельности галицкаго княжества со временъ Володаря, Василька, Ярослава, Романа, Даніила и Льва. Мы представляли себѣ въ своемъ воображеніи могущественное государство на всемъ погоріи Карпатовъ, простирающееся отъ источниковъ Нѣмана до устья Дуная и Чернаго моря. Въ письмѣ своемъ Вагилевичъ намекнулъ только о важности этихъ памятниковъ для исторіи языка, какъ „вѣрнаго изображенія языка самаго древняго времени“. Мы нашли, что кромѣ памятниковъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ) мертваго церковно-славянскаго языка, мы напали на памятники древняго живущаго, настоящаго народнаго русскаго языка; что этотъ „языкъ—простъ и красивъ и сходенъ съ древнимъ; языкъ-же XVI и XVII ст. передѣланъ по образцу латинскаго (?), потомъ онъ очень *оголонизировался* и испортился“.

Сообразно съ мнѣніемъ ученыхъ того времени, сужденіе наше было правильно, хотя мы не были въ состояніи дать научнаго удовлетворительнаго отчета и не умѣли сдѣлать правильнаго лексико-грамматическаго разбора найденныхъ памятниковъ.

чатаны мною въ Науковомъ Сборникѣ 1865 и 1866 г. и особыми оттисками во Львовѣ.

Наконецъ Вагилевичъ нашелъ возможнымъ сообщить о своихъ находкахъ, которыя его въ то время (1835 г.) преимущественно занимали. Онъ назвалъ ихъ громкимъ именемъ *ваятельныхъ* памятниковъ, и писалъ, что *„хотя они и необъяснены* еще, но весьма важны *для всѣхъ славянъ“;* далѣе онъ увѣряетъ, что: „истинно они начертаны *перстомъ Божіимъ* (?!) въ горахъ карпатскихъ *для первыхъ славянъ“* (?!). Мнѣ помнится, что тогда шелъ въ славянствѣ живой споръ о подлинности пральвицкихъ надписей. Нѣмецкіе скептики отказали славянамъ (какъ низшей культурной націи) въ знаніи письменъ, приписывая сѣверныя руны только германскому племени. Находя у Ибнъ-Фоцлана, у мниха Храбра и въ Судѣ Любуши намеки на существованіе у древнихъ славянъ употребленія письма, разыгравшееся воображеніе молодаго 20-ти лѣтняго человѣка нашло возможность открыть настоящія славянскія руническія надписи. Открытіе славянскихъ руническихъ надписей было постояннымъ желаніемъ Вагилевича, которое всегда волновало его душу и наводило на фантастическія мечты. Онъ давно мечталъ объ открытіи памятниковъ древняго языческаго культа, т. е. языческихъ идоловъ, капищъ или жертвенниковъ и находящихся на нихъ надписяхъ. Чтеніе путешествій по востоку и Индіи, усидчивыя студіи и разсужденія о руническихъ и клинообразныхъ надписяхъ подстрекали его пылкое воображеніе. Но мы не довольствовались въ нашемъ студенческомъ кружкѣ теоретическими разсужденіями, а требовали, чтобы аргументація была подтверждена фактами, и Вагилевичъ, чтобы избавиться отъ насмѣшекъ друзей, въ одно прекрасное утро собрался въ путь для разслѣдованія своихъ излюбленныхъ *ваятельныхъ* памятниковъ.

Черезъ недѣлю или двѣ Вагилевичъ вернулся во Львовъ, полный радости отъ того, что открылъ доисторическіе памятники въ скалахъ вытесанныхъ храмовъ, а на ихъ стѣнахъ древнія руническія надписи. Онъ показывалъ всѣмъ копіи многихъ найденныхъ имъ надписей, къ прочтенію которыхъ онъ однакожъ не могъ найти ключа, такъ какъ его знаки не подходили ни къ какимъ до сихъ поръ извѣстнымъ письменамъ. Онъ съ восторгомъ разсказывалъ о своихъ открытіяхъ. Одни повѣрили, другіе не довѣряли. Эти разсказы заинтересовали всѣхъ литераторовъ во Львовѣ. Вагилевичъ писалъ о своихъ находкахъ къ Шафарику, который также много

ожидалъ отъ этихъ открытій. Подъ такими впечатлѣніями писалъ Вагилевичъ свое письмо къ М. П. Погодину, который принялъ извѣстія за чистую монету. Объ этихъ находкахъ съ его-же (Вагилевича) словъ писалъ изъ Львова Карлъ-Владиславъ Запъ къ Шафарику, а Иванъ Православъ Коубекъ къ Вяч. Ганкѣ, которые сообщили эти извѣстія Погодину. Михаилъ Петровичъ напечаталъ письмо (самого Вагилевича) изъ *Лемберга* въ „Моск. Наблюдателѣ" за 1836 г. (№ VII, стр. 289) въ переводѣ, сообщилъ копіи надписей, найденныхъ Вагилевичемъ въ Трухановѣ, Розгорчью и Верхнемъ Синеводскѣ, находя въ нихъ *„примѣчательное сходство съ письменами синайскими древнихъ руссовъ, сообщенными знаменитымъ оріенталистомъ Френомъ изъ арабскаго писателя X вѣка"*.

Въ древней русской исторіи до-монгольскаго ига (Моск. 1871 г. Т. III. Отдѣлъ I) Михаилъ Петровичъ отпечаталъ совсѣмъ вѣрное факсимиле *надписей, высѣченныхъ на скалахъ въ Карпатахъ* съ письма Вагилевича, съ краткимъ объясненіемъ (стр. 6), въ которомъ изъявилъ желаніе сравнить ихъ съ надписями, высѣченными на разныхъ горахъ въ Сибири, такъ называемыми чудскими. Стало быть, Михаилъ Петровичъ нашелъ ихъ неподлежащими сомнѣнію.

Толки, споры, передряги длились у насъ продолжительное время. Вагилевичъ съ жаромъ отстаивалъ существованіе надписей, мы, скептики, старались доказать основательность нашихъ сомнѣній. Всѣ споры и толки оказались голословными передрягами и не привели ни къ чему. Близкій кружекъ Вагилевича отнесся скептически къ его находкамъ, особенно Маркіанъ Шашкевичъ, прямо назвавъ все это Вагилевичевой фантасмагоріей.

Эти споры, кружась по Львову, сильно заинтересовали польскихъ литераторовъ, и Августъ Бѣлевскій рѣшилъ отправиться на мѣсто находокъ, чтобъ удостовѣриться въ подлинности существованія карпатскихъ надписей. Онъ нанялъ тройку лошадей у львовскаго мѣщанина русина Ясинскаго, имѣвшаго свой домъ возлѣ св. Іоанна на Сѣнявщинѣ [1]), и взялъ съ собою эмигранта Килѣсинскаго, рисовальщика, чтобы срисовать описанныя Вагилевичемъ

[1]) Въ то время было еще много мѣщанъ, владѣльцевъ недвижимостей, занимавшихся разными промыслами и причитавшихъ себя къ русской народности, которыхъ потомки теперь ополячились, а ихъ дома и земли перешли въ жидовскія руки.—Я. Г.

капица и скопировать славянскія руны. Встрѣтивъ меня, Бѣлевскій уговаривалъ присоединиться къ нимъ и вмѣстѣ поѣхать въ Карпаты, на что я охотно согласился, давно желая собственными глазами посмотрѣть на эту рѣдкость. Бѣлевскій, съ своей стороны, разсчитывалъ, что ему понадобится въ руководители русинъ. Несмотря на то, что Бѣлевскій переводилъ *Слово о полку Игоря* и народныя малорусскія пѣсни, онъ плохо зналъ по русски и, хотя былъ рожденъ въ восточной Галичинѣ, но, живя постоянно въ городѣ и вращаясь въ польскомъ обществѣ, съ трудомъ могъ изъясняться на русскомъ нарѣчіи. Спутникъ его, эмигрантъ изъ Царства Польскаго, Янъ Килѣсинскій, какъ мазуръ, вовсе не зналъ по русски. Такимъ образомъ я могъ быть имъ во многомъ переводчикомъ и толкователемъ, тѣмъ болѣе, что Бѣлевскій зналъ о моихъ экскурсіяхъ по Галичинѣ, изъ которыхъ я всегда приносилъ нѣсколько тетрадокъ народныхъ пѣсень, повѣрій и другихъ свѣдѣній о народномъ бытѣ. Бѣлевскій откровенно сказалъ, что я, русинъ, буду ему руководителемъ и посредникомъ въ распросахъ съ народомъ. При томъ-же, говорилъ онъ, если случится побывать у священника, то съ русскимъ какъ-то ловчѣе. Собрались и условились ѣхать въ назначенный день. Но такъ какъ у насъ ни у одного не было вида или паспорта, а на львовской заставѣ полицейскій фельдфебель (въ качествѣ пристава) могъ-бы придраться, то мы, по одиночкѣ гуляя, вышли за Стрыйскую заставу и возлѣ кладбища поджидали нашу бричку. Только тамъ усѣвшись вмѣстѣ, мы весело помчались по шоссе на югъ. Бѣлевскій принималъ всякія предосторожности, не останавливался ни въ мѣстечкахъ, ни въ селахъ, ни въ уѣздномъ городѣ Стрыѣ, а только на отдыхъ въ корчмахъ, стоявшихъ особнякомъ въ полѣ. На ночь мы тоже не заѣхали въ корчму, а свернули съ шоссе въ лѣвую сторону и заѣхали уже ночью къ молодому помѣщику въ Довге (Долгое). Этотъ послѣдній, знакомый Бѣлевскому еще съ возстанія 1831 года, принялъ насъ съ большимъ радушіемъ. Воспоминанія о войнѣ 1831 г. оживляли разговоры. До поздней ночи продолжались разсказы о 4-мъ полку улановъ, о 5-мъ пѣхотномъ полку легіи надвисляпской, о разныхъ корпусныхъ начальникахъ, стычкахъ, сраженіяхъ съ москалями подъ Остроленкой, подъ Дембомъ, подъ Волей и пр. Всѣ три на перерывъ врали не хуже заказныхъ охотниковъ.

Помѣщикъ, обративъ вниманіе на то, что я молчу, намекнулъ, что я навѣрно также былъ за Вислой, а Килѣсинскій, не много думая, на угадъ сказалъ, что я служилъ въ корпусѣ Дверницкаго на Волыни, давая мнѣ этимъ столь-же обильную тему для вранья. Но я въ одинъ голосъ съ нимъ возразилъ рѣшительнымъ отказомъ, что я не участвовалъ въ революціи. „Панъ запевне русинъ", заикнулся ляхъ. „Да", сказалъ я. Но Бѣлевскій тутъ-же замѣтилъ: „але добры чловѣкъ. Не стѣсняйтесь, говорите смѣло". И пошла дальше болтовня, которая кончилась разсказомъ, какъ всѣ три богатыря съ 20-ти тысячнымъ корпусомъ Ромарино перешли черезъ Вислу и сложили оружіе передъ австрійцами.

На другой день нашъ путь продолжался. Мы проѣхали черезъ г. Болеховъ, не останавливаясь въ немъ. За городомъ мы повернули въ сторону и поѣхали вверхъ рѣки Сукаль каменистой проселочной дорогой въ с. Тисовъ, а оттуда дальше и остановились только въ горной корчмѣ. Не медля, взяли мы проводниковъ изъ крестьянъ и пошли горами, поросшими лѣсомъ, на Бубнище между Трухановомъ и Бубнищемъ, гдѣ находятся въ скалахъ вытесанныя пещеры въ родѣ комнатъ. Громадность раскинутыхъ скалъ—великановъ среди еловыхъ лѣсовъ произвела на насъ сильное впечатлѣніе. Очнувшись отъ изумленія, мы осмотрѣли всѣ комнаты, или собственно говоря пещеры, съ внѣшней и внутренней стороны и, держа въ рукахъ копіи мнимыхъ надписей, искали Вагилевичевыхъ рунъ, но не нашли ничего. На стѣнѣ одной изъ комнатъ были насѣчки, похожіе на одну изъ надписей, сообщенныхъ Вагилевичемъ, но послѣ тщательнаго осмотра мы положительно убѣдились, что это естественная насѣчка отъ неоконченной работы. Вверху мы нашли пробоины отъ дождей, которыя Вагилевичъ принялъ за надписи, изображенныя въ „Наблюдателѣ" съ замѣткой „*на верху*". Килѣсинскій срисовалъ видъ Бубнискихъ скалъ, а Бѣлевскій написалъ послѣ статейку, которая была напечатана въ „Зѣвоніи", альманахѣ, изд. въ 1835 г. въ Лейпцигѣ; тутъ-же представленъ рисунокъ этихъ скалъ. Но Львовская цензура, захвативъ на границѣ изданіе, объявила на него запрещеніе и весь заводъ альманаха былъ конфискованъ, изрубленъ и сожженъ, такъ какъ цензура нашла тамъ запрещенныя статьи другихъ авторовъ. Статья Бѣлевскаго не была нигдѣ вторично отпеча-

тана, но заявленіе Бѣлевскаго, который у Вагилевича пользовался большимъ авторитетомъ, сильно повліяло на этого послѣдняго и онъ наконецъ призналъ, что *въ Трухановѣ*, можетъ быть, и нѣтъ надписей, но тѣмъ сильнѣе отстаивалъ существованіе надписей на скалахъ въ Розгорчью, о которомъ онъ написалъ статью въ часописи Чешскаго Музея (написалъ онъ по польски, а К. В. Запъ перевелъ на чешскій языкъ). Нечего было дѣлать, надо было провѣрить, есть-ли надписи на стѣнахъ розгорецкихъ скалъ или нѣтъ, и если есть, то какія именно надписи? Въ 1836 году, въ одинъ прекрасный осенній день я собрался въ путь, взявъ съ собой моего брата Ивана. Мы отправились въ Стрый, а дальше пошли пѣшкомъ по шоссе въ с. Разгорчье, лежащее на р. Стрыю у самого предгорья карпатскихъ горъ. Мы перевезлись на лодкѣ черезъ Стрый и пошли селомъ, спрашивая, гдѣ розгорецкіе *ущовбы* (скалы). Намъ показали за помѣщичьимъ огородомъ большія скалы съ открытыми дверями или входами въ комнаты, высѣченныя въ скалахъ, и другія, которыя выступали изъ горъ. Крестьяне указывали на какія-то царапины, но мы не могли ихъ признать за надписи отдаленной древности, а скорѣе должны были признать въ нихъ размытыя дождемъ и сыростью слѣды именъ посѣтителей. Въ одной даже мы ясно замѣтили польскую фамилію *Krymowicz*.—Съ тѣхъ поръ никто не упоминалъ о надписяхъ и въ Галиціи всѣ были убѣждены, что ихъ нѣтъ.

Въ статьѣ моей объ изслѣдованіи памятниковъ русской старины, сохранившихся въ Галичинѣ и Буковинѣ, напечатанной въ Трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1869 г., я положительно высказался на счетъ этихъ мнимыхъ древнихъ надписей [1]), но, не смотря на это, покойный М. П. Погодинъ въ своей древней русской исторіи до монгольскаго ига, изд. въ 1871 году, отпечаталъ карпатскія руническія надписи, сообщенныя ему Вагилевичемъ, находя ихъ похожими на какія-то сибирскія надписи.

Въ концѣ письма Вагилевичъ жалуется на трудности, которыя были нами встрѣчаемы при выпискѣ русскихъ книгъ. И нѣмцы

---

[1]) Желательно было бы со всею тщательностію осмотрѣть большую пещеру розгоречскихъ скалъ. Мнѣ помнится, что я на лѣвой стѣнѣ замѣтилъ что-то похожее на еврейскую надпись. Любопытно, что оно таково?...

и поляки не желали, чтобы галицкіе руссы знакомились съ русскою литературой, поэтому въ Галиціи русской книги нельзя было ни зазоромъ увидать. Я случайно нашелъ у еврея русскую грамматику Гейма, переведенную на польскій языкъ Гродзицкимъ, изд. въ Варшавѣ, и нѣсколько одъ Державина съ польскимъ переводомъ, изд. въ Вильнѣ. Стихи я заучивалъ наизусть и хранилъ, какъ драгоцѣнный кладъ. Ни одинъ книгопродавецъ не хотѣлъ выписывать русскихъ книгъ, извиняясь тѣмъ, что у нихъ нѣтъ ни какихъ сношеній съ русскими книгопродавцами.

Съ трудомъ я уговорилъ Ивана Милликовскаго выписать исторію Малороссіи Бантышъ-Каменскаго и Энеиду Котляревскаго. Только черезъ 10 мѣсяцевъ были присланы книги. Я былъ въ восторгѣ. Но не долго продолжалась моя радость: Милликовскій потребовалъ за эти 4 книги 29 гульд. серебромъ! Деньги (сбереженныя денежки) были уплачены, но книги отданы въ цензурный комитетъ. Мы ходили, узнавали, просили, ходатайствовали, пока наконецъ чрезъ полтора года намъ не доставили книгъ въ руки. Другой разъ я хотѣлъ выписать русскую исторію Полеваго (о которой въ то время много говорили въ печати), пѣсни малороссійскія Максимовича, Запорожскую Старину и др. книги, но Милликовскій отказалъ на отрѣзъ (вѣроятно, по внушенію поляковъ). Нужно было отказаться отъ Полеваго, а Максимовича одинъ экземпляръ мы нашли, какъ я сказалъ въ началѣ, въ библіотекѣ Оссолинскихъ, и съ этого-то единственнаго экземпляра я списалъ всю его книгу.

Вотъ все, что я нашелъ нужнымъ объяснить по поводу письма Вагилевича, напечатаннаго въ „Моск. Наблюдателѣ“.

Я. Г.

Иринней Фальковскій *),

КОАДЪЮТОРЪ КІЕВСКІЙ.

(Окончаніе).

VI.

Мы подошли теперь къ тому періоду въ жизни Иринея Фальковскаго, когда онъ занялъ такой важный выдающійся постъ, на которомъ могъ проявить вполнѣ свою обширную эрудицію, свои блестящія дарованія вообще и въ частности свой многообъемлющій систематическій умъ. 20 марта 1803 г. Ириней вступилъ въ должность ректора кіевской академіи, этого древнѣйшаго училища въ въ Россіи, къ тому времени значительно обветшавшаго въ силу не отразимаго общаго хода событій въ странѣ.

Раньше мы видѣли, въ какомъ положеніи была академія кіевская въ ту пору, когда Фальковскій переходилъ со школьной скамьи въ кругъ ея преподавателей. Многое сдѣлали для ея обновленія и улучшенія умъ и опытность митрополита Самуила Миславскаго; но его реформаторская дѣятельность была направлена болѣе, такъ сказать, на обрусѣніе академіи, введеніе ея въ общую жизнь нововозникавшихъ учебныхъ заведеній. Поднять уровень академическаго образованія, привести все преподаваніе въ стройное цѣлое, усилить преподавательскій составъ, возвысить воспитательную сторону заведенія—все это составляло задачу другаго времени и другаго лица, и блестящаго выполненія этихъ задачъ можно было ждать отъ многосторонняго ума и неутомимой дѣятельности Иринея Фальковскаго. Къ сожалѣнію, время ректорства его было слишкомъ кратко, продолжалось менѣе года и въ добавокъ о дѣятельности его за это

---

*) См. майскую книжку «Кіевской Старины» на 1883 г.

время, въ званіи ректора, мы не имѣемъ никакихъ почти свѣдѣній. Самое то обстоятельство, что Ириней, прослуживши въ академіи 20 лѣтъ и достигши ректорскаго званія, появляется въ немъ на академическомъ горизонтѣ на мигъ, какъ блестящій метеоръ, составляетъ для насъ загадку. Біографы его, отмѣчая, какъ фактъ, эту и другія перемѣны въ его жизни, не касаются вызвавшихъ оныя причинъ; остается мѣсто догадкамъ и предположеніямъ. При отсутствіи положительныхъ данныхъ относительно столь крупнаго факта, какъ добровольное, по видимому, оставленіе Иринеемъ важнаго поста ректора академіи и удаленіе въ монастырь, разъясненія этого дѣла надо искать въ отличительныхъ чертахъ жизни его самаго и въ смѣнѣ начальствовавшихъ надъ нимъ лицъ. Что возвышеніемъ на степень ректора академіи Ириней обязанъ былъ своимъ талантамъ, знанію и неустанному труду, въ этомъ едва-ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе. Единственный покровитель его, митрополитъ Самуилъ Миславскій давно покоился въ землѣ; не было въ живыхъ и Іероѳея Малицкаго, такъ очернившаго его предъ св. синодомъ, а на митрополичьей каѳедрѣ въ Кіевѣ возсѣдалъ выдвинутый случаемъ трансильванецъ Гавріилъ Банулеско, человѣкъ безъ всякаго вліянія и значенія. Очевидно, что послѣ столкновенія съ митрополитомъ Іероѳеемъ, и свѣтлыя и темныя черты Иринея коротко извѣстны были синоду и судьба его зависѣла прямо отъ него. Извѣстный недугъ Фальковскаго дѣлалъ вообще положеніе его шаткимъ, особенно-же при перемѣнѣ начальствующихъ лицъ, и самъ онъ, конечно, долженъ былъ прислушиваться къ тому, какъ смотрятъ на него въ сферахъ правящихъ. Но не прошло и полгода со времени назначенія его ректоромъ, какъ ближайшій его начальникъ, митр. Гавріилъ также легко былъ смѣщенъ съ митрополичьяго стола, какъ и посаженъ на оный. Вопросъ о преемникѣ Гавріила и о томъ, какъ онъ отнесется къ Иринею, не могъ не занимать этого послѣдняго. Между тѣмъ къ концу ноября, въ ту именно пору, когда до Кіева могла дойти первая вѣсть о назначеніи на кіевскую митрополію казанскаго архіепископа Серапіона Александровскаго, указомъ на имя кіевскаго викарія Ѳеофана Шіянова, синодъ требовалъ свѣдѣнія о томъ, продолжаетъ-ли ректоръ академіи Ириней, согласно синодальному указу отъ 1798 г., писать толкованія на посланія апостольскія. Какъ смотрѣть на этотъ за-

просъ? Что хотѣли сказать этимъ напоминаніемъ? Намъ неизвѣстны мотивы этого запроса, какъ и мотивы порученія, даннаго Иринею въ видѣ особаго послушанія; но вопросы, которые ставимъ мы, не могли не родиться и въ головѣ Иринея и не заставить его призадуматься. А тутъ новый митрополитъ... Какъ взглянетъ онъ на недавно назначеннаго ректора, найдетъ ли совмѣстимымъ управленіе академіей и преподаваніе богословія съ составленіемъ толкованій на посланіе и что признаетъ болѣе важнымъ: процвѣтаніе ли академіи, или толкованія? Не иначе, какъ послѣ долгаго раздумья и разныхъ постороннихъ соображеній Ириней могъ написать тотъ отвѣтъ, который такъ не согласуется съ запросомъ и такъ поражаетъ своею неожиданностію. Онъ писалъ, что кромѣ представленныхъ имъ въ московскую цензуру для аппробаціи къ печати толкованій на два посланія къ солуняпамъ и первое посланіе къ коринеянамъ, у него готовы вчернѣ толкованія на посланія къ римлянамъ, галатамъ и второе къ коринеянамъ, что затѣмъ онъ хотя и ведетъ толкованіе апостольскихъ посланій предъ братіею своею монастыря, но ведетъ, не придерживаясь системы, какъ-то дѣлалъ прежде, и что если св. синоду угодно, чтобы онъ продолжалъ это дѣло по прежнему, то онъ немедленно приступитъ къ нему, но, будучи обремененъ должностями, сознаетъ, что не успѣетъ окончить толкованій на остальныя восемь посланій ап. Павла раньше четырехъ лѣтъ, а потому проситъ уволить его отъ должности ректорской, особливо же отъ преподованія богословія, и тогда онъ беретъ на себя окончить этотъ трудъ чрезъ два года [1]). Что это? увлеченіе ли идеей дѣла, послушаніе ли до крайности, или своего рода политика? Болѣе вѣрнымъ кажется намъ послѣднее. Монашество, особливо такъ называемое ученое, ведетъ иногда игру не менѣе тонкую, какъ и наиболѣе искусные изъ мірянъ. И новоназначенный въ это время митрополитъ кіевскій Серапіонъ не задолго предъ симъ, замѣтивъ охлажденіе къ себѣ въ сферѣ синодской, просилъ уволить его на покой, но, взявъ, по совѣту м. Платона, прошеніе обратно, вскорѣ получилъ кіевскую митрополію. Архимандритъ Ириней не искусился, правда, плавать въ волнахъ

---

[1]) Акты кіевобр. уч. монаст. и акад., III. IV, № 12.

житейскихъ, да и не въ натурѣ его была тонкая политика; но на этотъ разъ онъ, видимо, хотѣлъ оградить себя, быть можетъ, просто по чувству самосохраненія. Имъ сдѣланъ былъ слишкомъ очевидный намекъ на несовмѣстимость сложныхъ и важныхъ служебныхъ обязанностей съ исполненіемъ навязаннаго ему порученія. Можно было затѣмъ ожидать, что или вовсе освободятъ отъ этого порученія, или не станутъ по крайней мѣрѣ торопить имъ и медленное исполненіе онаго не отнесутъ къ небрежности и лѣности. Вышло то, чего всего менѣе ожидать было можно и чего желать Иринею не было, кажется, никакой причины. Указомъ 25 февраля 1804 года онъ уволенъ былъ „отъ ректорскаго званія и преподаванія Богословіи", *во уваженіе*, какъ говорилось въ указѣ, *двадцатилѣтняго прохожденія его въ академіи учительской должности и трудовъ его надъ разными сочиненіями* и дабы препорученіе ему толкованій на послѣднія восемь посланій, по примѣру прежде сочиненныхъ, не могло быть *отяготительно* для него. Сущность дѣла, какъ видитъ читатель, совсѣмъ закрыта здѣсь; а мотивы увольненія выставлены такіе, что ихъ скорѣе можно-бы признать за шутку или насмѣшку. Соображая, что новоназначенный митрополитъ Серапіонъ, къ всеобщему и митрополита Платона удивленію, былъ возведенъ на этотъ постъ стараніями и протекціею земляка его, петербургскаго митрополита Гавріила Подобѣдова, и что назначеніе Серапіона, равно и случайное заявленіе Иринея объ увольненіи его отъ службы при академіи, послѣдовали почти одновременно, нельзя не прійти къ заключенію, что неожиданное увольненіе Иринея отъ должности ректора и профессора богословія было дѣломъ услуги могущественнаго протектора его кліэнту—земляку. Гавріилу была извѣстна слабость Иринея; она могла ставить его кліента въ затрудненіе, а тутъ самъ Ириней вызывался на увольненіе... Такимъ образомъ ничего необыкновеннаго на этотъ разъ не произошло, а случилось лишь то, что обыкновенно въ подобныхъ обстоятельствахъ бываетъ, именно: лица, почему-либо неудобныя, или неугодныя для новаго начальника, такъ или иначе смѣщаются и устраняются,—по желанію-ли его, или протежирующихъ ему, все равно. Была-ли у Иринея, какъ у Ломоносова, увѣренность, что скорѣе академію отставятъ отъ него, нежели его отъ академіи,—трудно допустить;

скорѣе онъ сталъ жертвою посторонней политики, отчасти-же, можетъ быть, и собственной трусости, столь присущей людямъ, чувствующимъ за собою какую-либо слабость. Какъ-бы ни было, Ириней потерпѣлъ, потерпѣла вмѣстѣ съ нимъ и академія. 5 февраля новый митрополитъ подъѣзжалъ къ Кіеву. Ему на встрѣчу выѣхало кіевское духовенство, черное и бѣлое, и во главѣ его Ириней. Встрѣча происходила въ м. Броварахъ, въ 24 верстахъ отъ Кіева. Не предчувствовавшій, быть можетъ, своего увольненія знаменитый ректоръ академіи сказалъ встрѣчную рѣчь, которую новый владыка въ своемъ „Дневникѣ" назвалъ *хорошею*, а спустя три недѣли состоялся указъ объ увольненіи Иринея.

Иринею оставленъ въ управленіе кіевскій пустынно-николаевскій монастырь, а широкая церковно-общественная и училищная дѣятельность его заключена въ стѣны кабинета и ограничена составленіемъ толкованій на 8-мь посланій ап. Павла, академія-же оставлена доживать послѣдніе годы своего двухъ вѣковаго существованія, въ качествѣ всенароднаго училища, подъ руководствомъ малосвѣдущаго, не блиставшаго ни умомъ, ни даромъ слова митрополита.

Въ лицѣ Иринея академія кіевская понесла огромную, невознаградимую потерю, которая, полагать можно, привела ее къ необходимости новаго преобразованія, помимо условленнаго общимъ государственнымъ строемъ превращенія ея въ заведеніе сословное, духовное. Ириней оставилъ намъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, въ какомъ состояніи академія перешла подъ его управленіе, равно и о томъ, какъ устроена была имъ, въ самомъ началѣ его ректорства, инспекторская часть, или надзоръ за обученіемъ и поведеніемъ воспитанниковъ академіи. Перваго рода свѣдѣнія заключаются въ обширномъ, самимъ Иринеемъ составленномъ „*Описаніи* кіевской академіи противу вопросовъ, данныхъ отъ министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера графа Петра Васильевича Завадовскаго 1802 г.", вторая — въ „*Инструкціи суперъ-интендантской* для благонамѣреннаго смотрѣнія и наблюденія по предметамъ въ ученіи и благонравіи" воспитанниковъ. Извлеченіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ этихъ двухъ произведеній пера Иринея мы и закончимъ нашу рѣчь о немъ, какъ о ректорѣ академіи.

„Описаніе академіи“, какъ видно изъ его заглавія, вызвано запросомъ перваго министра народнаго просвѣщенія. То было начало царствованія Александра I-го, пора горячихъ начинаній, широкихъ проектовъ и реформъ. Кіевская академія ничего отъ нихъ не выиграла, но отъ даннаго по этому случаю запроса остался этотъ единственный, весьма важный документъ, свидѣтельствующій о внѣшней и внутренней жизни академіи въ ея прежнемъ историческомъ существованіи, въ качествѣ училища, открытаго для всѣхъ и совмѣщавшаго въ себѣ курсы низшаго, средняго и высшаго образованія, не раздѣленнаго, какъ въ послѣдствіи на духовное и свѣтское. Академія вмѣщала въ себѣ въ это время 1146 учащихся, съ значительнымъ контингентомъ въ этомъ числѣ дѣтей священно и церковно-служительскихъ. Послѣдніе принимались въ возрастѣ 7—14 лѣтъ, такъ какъ большинству ихъ приходилось выслушивать трехлѣтній богословскій курсъ, дѣти-же другихъ сословій принимались въ какомъ угодно возрастѣ и выходили изъ какого угодно класса,—„сообразно ихъ намѣреніямъ“, прибавляетъ „Описаніе“. Всѣхъ классовъ было 32 и кромѣ того классъ такъ называемой *русской* школы, для неспособныхъ и не желавшихъ учиться въ академіи. Классы подраздѣлялись по главнымъ отдѣламъ изучаемыхъ предметовъ: были, напр., нижній, средній и высшій грамматическій и ариѳметическій классы, существовали подобныя подраздѣленія и другихъ предметовъ, упоминаются четыре историко-географическихъ класса, безъ названій: низшій, средній и высшій. Судя однако по числу классныхъ комнатъ, какъ оно значится въ „Описаніи“, по отношенію количества учащихъ къ числу учащихся (19 на 1146) и наконецъ по громадному числу учениковъ въ классѣ одного наименованія (въ низшемъ напр. грамматическомъ классѣ 489 уч.), надо заключать, что обученіе такъ сказать начаткамъ шло не только въ аудиторіяхъ академіи и въ такъ называемомъ сиротскомъ домѣ, *старой бурсѣ*, но и по приходскимъ школьнымъ домамъ, съ помощію такъ называемыхъ *директоровъ*, проще репетиторовъ или старшихъ учениковъ. Эти-же директоры служили главными органами инспекціи, облегчая трудъ не только учителей по приготовленію учениками уроковъ, но и инспекторовъ и суперъ-интендента по наблюденію за поведеніемъ учащихся.

На такое большое число классовъ и огромную массу учащихся было всего 19 учителей,—*восемь* духовнаго сана и *одинадцать* бѣльцевъ или свѣтскихъ. Въ числѣ первыхъ былъ 1 архимандритъ, 3 соборныхъ іеромонаха кіево-печерской лавры и 1 іеродіаконъ, 2 священника и 1 протоіерей, а въ числѣ свѣтскихъ 1 докторъ медицины, 1 отставной капитанъ для практики въ французскомъ языкѣ и обученія рисованью, 1 братъ—славянинъ, австрійскій подданный, воспитанникъ пресбургскаго университета, остальные—воспитанники кіевской академіи, изъ которыхъ 3, по окончаніи здѣсь полнаго курса, посыласмы были для усовершенствованія въ московскій университетъ.

Высшіе оклады жалованья получали учители богословія и философіи—первый 350, второй 300 р., жалованье остальныхъ понижалось отъ 200 до 40 и даже 30 р. въ годъ. Въ числѣ учителей послѣдняго оклада были 2 учителя исторіи и географіи; но въ подмогу этому, крайне скудному и для тогдашняго времени содержанію, учитель богословія имѣлъ второклассный монастырь и пользовался отъ него доходами, квартирою и столомъ, соборные іеромонахи получали жалованье по монастырскому своему званію, священники имѣли приходы въ Кіевѣ, а свѣтскіе жили съ монашествующими въ избахъ, при академіи для учителей построенныхъ, пользуясь дровами и свѣчми, на академическую сумму доставленными.

Кругъ предметовъ, въ академіи преподававшихся, былъ слѣдующій: языки русскій, латинскій, еврейскій, греческій, французскій и польскій, и науки: богословіе, философія, риторика, исторія, географія, ариѳметика, чистая и смѣшенная математика, врачебная наука, сельская и домашняя экономія, рисовальное искусство и нотное ирмолойное пѣніе. Вообще число учителей совпадало съ числомъ предметовъ, но подраздѣленіе этихъ послѣднихъ было иногда такъ велико, что преподаваніе одного предмета требовало нѣсколькихъ учителей и весьма значительнаго числа уроковъ. Такъ въ кругъ философіи входили: исторія философіи, логика, метафизика, физика, нравственная философія, естественная исторія и опытная физика, а *въ классѣ смѣшенной математики* читались: гражданская и военная архитектура, механика, гидростатика, аерометрія, гидрав-

лика, оптика, катоптрика, діоптрика и перспектива, тригонометрія сферическая, астрономія, географія, гидрографія, гномоника и математическая хронологія.

Курсы богословскій, а равно русскаго, латинскаго и греческаго языковъ представляли также большія подраздѣленія. Преподаватели соединяли иногда самые разнородные предметы, но не въ цѣломъ ихъ видѣ, а въ отдѣльныхъ ихъ курсахъ, или частяхъ. Ученики различныхъ возрастовъ соединялись для слушанія одного курса того или другаго предмета. Курсы считались вмѣстѣ и классами, а эти въ свою очередь подраздѣлялись. Отъ того такое огромное число классовъ. Но не смотря на это, не смотря на разбросанность курсовъ, въ общемъ ходѣ ученія примѣчается самая строгая постепенность и весьма стройная система. Академія видимо подвинулась впередъ, заимствовалась многимъ отъ заведеній новыхъ, расширяла кругъ изучаемыхъ предметовъ, давала имъ новую, лучшую постановку, обзаводилась новыми руководствами и учебными пособіями. Русскій языкъ завоевалъ себѣ право гражданства въ преподаваніи многихъ предметовъ и исключеніе составляли, кромѣ языковъ, только богословіе, философія и риторика, читавшіяся на латинскомъ языкѣ. Предметы изученія дѣлились на главные и второстепенные, обязательные и необязательные; къ послѣднимъ принадлежали языки новые со включеніемъ польскаго, но для изученія всѣхъ языковъ, кромѣ еврейскаго, существовали особые практическіе классы, для упражненія въ разговорахъ. Изученіе главныхъ предметовъ и языковъ, особливо древнихъ, вызывало поражающую массу письменныхъ работъ: оккупацій, экзерцицій, переводовъ, извлеченій, имитацій и самостоятельныхъ сочиненій, но кромѣ ихъ существовалъ цѣлый рядъ словесныхъ, изустныхъ упражненій, начиная отъ вокабулъ и фразъ и кончая классными публичными декламаціями подражаній, рѣчей, стиховъ, разсужденій и проповѣдей и славными въ то время диспутами. На этихъ занятіяхъ сосредоточивалась вся умственная работа школы, дрессировавшая мысль, и даръ слова, и дикцію.

Мы не коснемся „образа ученія“, частнѣйшаго содержанія наукъ, обзора руководствъ и учебныхъ пособій, о которыхъ съ такою подробностію трактуетъ Иринеево „Описаніе академіи“, дѣлающее честь его ясному систематическому уму; но не можемъ

не упомянуть о той массѣ труда, какая требовалась отъ учащихся, а слѣд. и учащихъ въ то время. Уроки начинались тогда съ 6-ти часовъ утра и кончались въ 6-ть часовъ вечера, съ промежуткомъ отъ 11-ти и до 2-хъ часовъ по полудни, который давался на обѣдъ и приготовленіе послѣ обѣденныхъ уроковъ. Уроки были часовые, но ихъ было 9-ть, не считая домашнихъ работъ. Одно существованіе необязательныхъ предметовъ, впрочемъ весьма не многихъ, могло облегчать эту непомѣрно продолжительную и тягостную работу. Только въ „русской школѣ" ежедневныя занятія продолжались всего 6-ть часовъ. Тамъ учили чтенію и письму, катихизису, свящ. исторіи и церковному уставу,—учили тѣхъ, которые не посягали на высшую премудрость и почему-либо признавались неспособными къ изученію другихъ предметовъ и языковъ. Пѣнію обучались ученики русской школы въ классѣ ирмолойнаго пѣнія вмѣстѣ съ тѣми учениками, которые не изучили этого предмета до поступленія учениковъ въ латинскій классъ. Особаго курса для этой школы не полагалось, а учились, пока не выучатся. Послѣдняго принципа держались и въ другихъ классахъ, хотя тамъ полагались опредѣленные уже курсы. Такъ въ латинскихъ, грамматическихъ. поэтическихъ, ариѳметическихъ, историческихъ и географическихъ классахъ и въ нижнемъ математическомъ ученикъ долженъ былъ пробыть одинъ годъ; въ риторическомъ, въ высшемъ чистомъ математическомъ два года и въ смѣшенномъ математическомъ классахъ три года; въ классѣ высшаго краснорѣчія пять лѣтъ, въ философіи два года, въ богословіи три года. Говоря яснѣе, каждый учащійся столько времени долженъ былъ слушать курсъ извѣстнаго предмета, но многіе курсы шли параллельно. Въ нижнихъ классахъ нѣмецкаго, французскаго и греческаго языковъ слушали по одному году; а въ высшемъ классѣ этихъ-же языковъ, равно въ классахъ еврейскаго и польскаго языка, опредѣленнаго срока не полагалось, а учились, „пока кто достигнетъ надлежащаго изученія онымъ". Ученіе обыкновенно всегда начиналось 1-го сентября и продолжалось по 15-е іюля. Экзамены были ежемѣсячные и кромѣ того экзаменъ главный по окончаніи года. Мудрая старина ухитрялась производить первые экзамены въ теченіи одного дня, употребляя на то шесть часовъ, а экзаменъ годичный въ теченіи двухъ недѣль. Своего рода экзаменами были ежесубботныя

чтенія лучшими учениками богословія и философіи собственныхъ ихъ рѣчей и диссертацій, а также диспуты, бывавшіе въ неопредѣленные сроки. Всѣ вообще испытанія производились въ общемъ собраніи всѣхъ начальствующихъ, учащихъ и учащихся. Испытывали каждаго ученика, хотя вѣроятно не по каждому предмету; испытывали учителя другихъ классовъ, а не тѣ, что преподавали. На экзаменѣ годичномъ письменныя упражненія предшествовали устнымъ отвѣтамъ. Наградъ, по недостатку денежныхъ средствъ, не полагалось никакихъ, а только „успѣвающіе въ публикѣ бывали похваляемы, а лѣнивцы терпѣли выговоръ".

На содержаніе заведенія, такъ обширнаго по числу изучаемыхъ предметовъ и количеству учащихся, отпускалось изъ государственнаго казначейства всего 12,000 р., изъ которыхъ одна треть расходовалась на содержаніе всего наличнаго состава служащихъ, другая на больницу и лекарства, на содержаніе и ремонтъ зданій и библіотеку, а третья на содержаніе академическихъ питомцевъ, помѣщавшихся въ сиротскомъ домѣ, или бурсѣ, и присылаемыхъ по синодальнымъ указамъ для образованія воспитанниковъ другихъ семинарій.

Помѣщеніе академіи было до крайности бѣдно, тѣсно и въ добавокъ разбросано: на дворѣ братскаго монастыря нынѣшній такъ называемый старый академическій корпусъ, имѣвшій 8 аудиторій, залу и церковь; особый домикъ изъ 3-хъ комнатъ, гдѣ теперь больница, для правленія; другой въ 2 этажа, гдѣ нынѣ теплая церковь, для библіотеки и трапезы, и нѣсколько деревянныхъ построекъ, въ которыхъ помѣщались префектъ академіи и свѣтскіе учителя; чрезъ дорогу отсюда конюшенный дворъ и въ сосѣдствѣ съ нимъ больница, а на берегу Днѣпра одноэтажный каменный, такъ называемый сиротскій домъ; въ немъ тѣснилась наибольшая часть бѣдныхъ учениковъ, содержавшихся на казенный счетъ, остальные помѣщались въ приходскихъ домахъ при церквахъ притиско-никольской, васильевской (на житнемъ базарѣ, теперь не существующей) и воздвиженской, а также въ частныхъ домахъ. Ректоръ академіи помѣщался въ своемъ никольскомъ монастырѣ, нѣсколько учителей и монаховъ въ лаврѣ. Надзоръ за ученіемъ и поведеніемъ, а также и содержаніемъ учениковъ, былъ до крайности затрудненъ. Этимъ и объясняется та крайняя заботливость объ нихъ

и скрупулезная регламентація, которая проходитъ по всей, оставленной намъ Иринеемъ, суперъ-интендентской инструкціи, а также особой инспекторской инструкціи. Надзоръ раздробленъ между инспекторами, директорами и сеніорами, сосредоточиваясь въ лицѣ суперъ-интендента и правленія академіи, но онъ доходитъ до заботы о бумагѣ и книгахъ, пищѣ и одеждѣ и условливается массою вѣдомостей, списковъ, репортовъ, письменныхъ и словесныхъ докладовъ. Инструкція направлена главнымъ образомъ не къ улавливанію и выслѣживанію небрежныхъ и шаловливыхъ учениковъ, а къ тому, чтобы помочь имъ, поддержать и оградить отъ обидъ и злоупотребленій. Достойна особаго вниманія забота инструкціи о поддержаніи хоровъ и академическаго оркестра, а также тѣхъ учениковъ, которые, не пользуясь казеннымъ содержаніемъ, не имѣютъ пищи, одежды или обуви. При скудости казенныхъ средствъ, при всеобщей почти бѣдности учащихся, въ огромной массѣ ихъ шла усиленная, но мирная, регулируемая заведеніемъ борьба за существованіе, выражавшаяся въ подачѣ *упражненій* не только *de loco*, но *de calceis* и *de pane*. И рядомъ съ этимъ изо дня въ день, съ утра до ночи шла неустанная, горячая работа надъ изученіемъ науки, работа, о которой мы, привыкшіе къ удобствамъ, потомки и понятія составить себѣ не можемъ. И надъ всею этою копошней, надъ этой муравьиной работой тысячной массы царитъ всѣхъ одушевляющая и увлекающая мысль Иринея, отдавшаго наукѣ жизнь свою отъ дней юности. Его любятъ, имъ восхищаются и увлекаются, ему подражаютъ во всемъ: въ неустанномъ трудѣ, бойкой и одушевленной дикціи, даже почеркѣ письма, поразительно правильномъ и изящномъ,—подражаютъ въ этомъ послѣднемъ такъ успѣшно, что иногда невозможно отличить письма Иринея отъ почерка иныхъ изъ его учениковъ [1]).

Понятно, какимъ ударомъ для академіи было неожиданное увольненіе Иринея отъ должности ректора и профессора богословія.

---

[1]) Въ «Актахъ кіево-братскаго училищнаго монастыря и академіи» сохранилось не мало документовъ и подписей съ видимой поддѣлкой подъ почеркъ Иринея, и эти-то поддѣлки нерѣдко вводятъ изслѣдователей въ ошибки, заставляя считать ту или другую рукопись за автографъ Иринея, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она писана вовсе не имъ. Укажемъ изъ многихъ другихъ хоть на В. Аскоченскаго («Кіевъ», II. 423), по недоразумѣнію считающаго автографомъ Иринея упомянутое нами «Описаніе кіевской академіи».

Время его пребыванія въ академіи и кратковременнаго управленія ею было послѣднею свѣтлою страницею въ ея прежней исторической жизни, послѣдней яркой вспышкой свѣточа науки. Академія перешла теперь на руки малоспособныхъ и просто бездарныхъ Іоакинфовъ, Мелетіевъ и Авксентіевъ, и глубоко пала прежде, чѣмъ наступило превращеніе ея въ высшее сословное заведеніе. Памятный академіи Ириней, повидимому, добровольно удалился въ пустынно-никольскую обитель... Послѣдуемъ и мы за нимъ въ его скромную иноческую келію.

VII.

Пусть смертные къ земнымъ владыкамъ прибѣгаютъ,
Пусть счастія отъ нихъ и защищенья чаютъ;
Я, въ удаленіи всегда живя отъ нихъ,
Пріемлю все отъ рукъ, о Боже мой, Твоихъ! [1]).

Если-бы кто могъ проникнуть въ душу Иринея въ то время, когда онъ оставлялъ свою любимую и горячо его любившую академію, онъ прочелъ-бы въ его сердцѣ не иныя, какъ только эти, раньше этого времени написанныя имъ строки. Удаленіе его было во всякомъ случаѣ недобровольное. Оно отразилось на ближайшей его дѣятельности. Если-бы вѣрить искренности тѣхъ мотивовъ, которыми Ириней обставилъ свое увольненіе отъ ректорской и преподавательской должностей, можно было-бы думать, что съ оставленіемъ академіи онъ исключительно займется выполненіемъ возложеннаго на него св. синодомъ порученія. Но наши рукописи ничего не говорятъ въ пользу этого, вполнѣ законнаго и вѣроятнаго предположенія. Въ одной только изъ нихъ сохранилось начало толкованія на книгу Іова [2]) такого-же характера, какъ и толкованія на извѣстныя уже посланія св. ап. Павла. Другихъ трудовъ его въ области экзегетики, если только они были, время не сохранило. На основаніи имѣющихся у насъ подъ руками *первоисточниковъ*,

---

[1]) См. рукоп. кіево-соф. соб. № 489, іеромонаха Иринея Фальковскаго «Стихи россійскіе» изъ предложенія: *отъ лица Твоего судьба моя изыдетъ.*

[2]) См. № 68 (приложеніе къ рукописи XIX. V).

мы даже имѣемъ полное право сказать, что насколько прежде Ириней былъ исключительно труженикомъ науки и только отчасти аскетомъ, настолько, по оставленіи академіи, онъ сдѣлался исключительно аскетомъ и только отчасти труженикомъ науки. Почему такъ? Съ нимъ случилось нѣчто подобное тому, что бываетъ съ людьми, испытавшими неудачу въ любви. Любовь загнала было Основьяненка въ монастырь, какъ откровенно сознался онъ въ томъ въ одномъ изъ писемъ къ М. А. Максимовичу [1]). И мало-ли такихъ примѣровъ. Большинство такихъ неудачниковъ навсегда остаются въ монастырѣ и становятся дѣйствительными аскетами, хотя первоначальный толчекъ къ такой жизни вовсе не аскетическаго свойства. Ириней въ свою очередь былъ влюбленъ... въ науку, въ академію, и эта любовь доходила въ немъ до страсти, составляла стихію его жизни. Теперь онъ потерпѣлъ ударъ, и одна сторона его организма была парализована на долго, если не навсегда, продолжалъ-же онъ жить другой стороной,—тѣми стремленіями, которыя вызваны въ немъ домашнимъ воспитаніемъ, средой и преобладающимъ въ ней духомъ времени. Вообще-же жизнь его была надломлена; онъ выбитъ былъ изъ колеи и не могъ идти прежней ровной дорогой. Все, что ни начиналъ теперь Ириней, валилось у него такъ сказать изъ рукъ. Многое затѣвалъ онъ въ монастырскомъ уединеніи для дѣла науки, на пользу юношеству и обществу, и рѣдко что оканчивалъ: иное задумывалось въ широкихъ размѣрахъ, а кончалось почти ничѣмъ. Порученныхъ ему отъ синода толкованій на посланія ап. Павла, какъ выше замѣчено, онъ не продолжалъ, хотя брался за это, какъ мы видѣли, съ увѣренностію кончить въ два года и этимъ именно мотивировалъ свое будто-бы добровольное увольненіе отъ академической службы. Предложеннаго ему отъ синода, вскорѣ по увольненіи, критическаго разбора на переведенную съ нѣмецкаго языка и только что изданную въ Петербургѣ книгу: *Пастырское богословіе*—не докончилъ и только уже въ 1811 г., предъ вторымъ изданіемъ этой книги, по новому требованію, послалъ свой о ней отзывъ, принятый синодомъ [2]). Отъ задуманнаго имъ обширнаго историческаго труда, подъ заглавіемъ: *Полнѣйшее историческое*

---

[1]) См. іюн. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 347.

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 265.

извѣстіе о древней и новой кіевской іерархіи, осталось одно только введеніе (1—90 стр.): „О состояніи Кіева прежде воспріятія вѣры христіанской“ и планъ, показывающій, что это изслѣдованіе онъ хотѣлъ закончить XIX вѣкомъ [1]). Отъ другаго, еще болѣе обширнаго сочиненія: „*Лѣтопись о іерархіи россійской*“ [2]) (1810 г.), сохранились одни только приготовленія къ лѣтописи, если не считать позже составленнаго имъ „*Описанія златоверхаго кіево-михайловскаго монастыря*“, въ дополненіе къ IV части „Исторіи россійской іерархіи“, арх. Амвросія. Начатый, по всему вѣроятію, въ это-же время и также компилятивнаго характера „*Мартирологъ или Мученикословіе*“ [3]) также не оконченъ, по крайней мѣрѣ въ нашихъ рукописяхъ сохранилась только первая часть его, содержащая въ себѣ первые три мѣсяца. Оконченъ, хотя и неизвѣстно, когда именно, другой такого-же объема и характера трудъ, именно: „*Сокращенный прологъ*“ или „*Краткій церковный прологъ*“ въ 4 томахъ—по три мѣсяца въ каждомъ [4]), напечатанный только въ 1876 г. въ типографіи кіево-печерской лавры, равно „*Сокращеніе и толкованіе находящихся во 2 части Кормчей книги церковныхъ правилъ о степеняхъ родства*“, напечатанное въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ за 1876 г., а затѣмъ и отдѣльною брошюрою. Не въ силахъ будучи справиться съ большими трудами, для которыхъ требовалось болѣе спокойное состояніе духа, Ириней, по многолѣтней привычкѣ къ научнымъ занятіямъ, принимался, и кажется съ бо́льшимъ успѣхомъ, за малыя работы: писалъ критическія замѣчанія на нѣкоторыя мѣста книги Эккартсгаузена: „*Наставленіе мудраго къ испытанному другу*“ [5]), а также на нѣкоторыя мѣста статей „*Сіонскаго Вѣстника*“ за 1806 г. [6]), перевелъ съ латинскаго „*Слово увѣщательное къ Ѳеодору падшему второе,* св. Іоанна Златоуста [7]), и съ славяно-польскаго „*Духовныя бесѣды (50) пр.*

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 163.

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб. XVI (она-же и № 358).

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 136.

[4]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 135.

[5]) См. рукоп. кіево-соф. соб. № 275.

[6]) См. рукоп. кіево-соф. № 754.

[7]) Рукоп. кіево-михайл. мон. № 79 (при первомъ печатномъ словѣ Іоанна Златоуста къ Ѳеодору падшему).

Макарія египетскаго о совершенствѣ христіанъ православныхъ" [3]), написалъ „*Новое краткое руководство къ ариѳметикѣ* и нѣсколько разъ исправлялъ и дополнялъ свое любимое „Compendium" богословія.

Какъ видно по всему, ученые труды не составляли, какъ прежде, жизненной стихіи Иринея; онъ отдавался имъ по временамъ, урывками, въ силу привычки или воспоминаній, а быть можетъ и изъ желанія напомнить о себѣ. Крупная катастрофа въ жизни давила его, какъ и всякаго въ его положеніи, и понятно, что въ такомъ состояніи онъ съ большею, чѣмъ прежде силою отдавался не непривычной затворнической жизни. Ни на минуту почти не оставлялъ своей келіи, все время проводилъ въ строгомъ уединеніи, выполняя монашеское *правило* и добровольно возложеныя на себя благочестивыя упражненія. Какъ въ давніе годы, и теперь Иринней начиналъ молитвою съ „доземными" поклонами свой день и оканчивалъ тѣмъ-же; проводилъ большую часть времени въ чтеніи священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, сочиненій св. отцевъ и прочихъ „душеспасительныхъ" книгъ, дѣлая собственноручныя помѣтки на нихъ, сколько разъ какая книга прочитана имъ и въ теченіе какого времени [2]) а прочитыванія эти, такъ характеризующія Иринея, считались рѣдко десятками, но большею частію нѣсколькими сотнями разъ. Остающіеся краткіе досуги онъ посвящалъ на текущія монастырскія дѣла, занимаясь въ тоже время списываніемъ и переписываніемъ не только своихъ собственныхъ сочиненій (нерѣдко по нѣсколько разъ), но и книгъ печатныхъ и рукописей чужихъ [3]).

Среди подобныхъ занятій засталъ Иринея высочайшій указъ отъ 31 янв. 1807 г. о посвященіи и нареченіи его во епископа чигиринскаго, викарія кіевской митрополіи, на мѣсто выбывшаго на полтавскую каѳедру викар. епископа Ѳеофана. 24 февр. 1807 г. въ софійскомъ соборѣ произведено и самое нареченіе [4]).

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 16.

[2]) Тамъ-же, № 620 въ концѣ.

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб. №№ 11, 1. 142, 354, 255, 545, 555 и кіево-мих. мон. № 738 и 1750. Иныя рукописи до 300 и 400 листовъ.

[4]) Архивъ кіево-мих. мон. оп. № 1, § 1, дѣло № 2.

Кому обязанъ былъ Иринней перемѣною своего положенія, на это мы не имѣемъ никакихъ указаній въ безчисленной грудѣ оставшихся отъ него рукописей; въ нихъ есть все, кромѣ писемъ, а они одни могли быть дать намъ понятіе о его отношеніяхъ и открыть обыкновенныя человѣческія стороны его жизни. Мы видимъ его или ученымъ, или аскетомъ, и рѣдко гдѣ можно подмѣтить въ немъ черты обыкновеннаго человѣка. Извѣстный уже намъ образъ жизни и занятій Иринея дастъ основаніе заключать, что у него не было времени для обыкновенныхъ отношеній, что онъ чуждался ихъ, былъ нелюдимъ, жилъ просто невидимкой и ничего, кромѣ книги и молитвы, не зналъ. Объ немъ, значитъ, вспомнили другіе, всего вѣроятнѣе тотъ-же митр. Серапіонъ, съ назначеніемъ котораго связано было увольненіе Иринея,—вспомнили, конечно, потому, что опросталось подъ бокомъ подходящее мѣсто и нуженъ былъ подходящій, свой человѣкъ. Но Иринней самъ зналъ себѣ цѣну, и ново-созданное, во всемъ зависимое и, по видимому, безцѣльное положеніе викарія не могло ни удовлетворить, ни тѣмъ болѣе плѣнить его. Онъ любилъ трудъ, но трудъ свободный, любилъ дѣятельность—широкую, кипучую, но самостоятельную и независимую. Ничего подобнаго не представляло ему новое его званіе. Неразлучныя съ нимъ чествованія могли даже претить его трезвому взгляду, а удобно обставленная и обезпеченная жизнь не прельщала его, который отъ дѣтства не зналъ ничего, кромѣ нужды и лишенія, питался и теперь капицею, а булку считалъ лакомствомъ. Не удивительно поэтому, что, ставъ епископомъ, Иринней нисколько не измѣнилъ своего прежняго образа жизни и что отъ пятилѣтняго его пребыванія въ должности викарія не осталось никакихъ памятниковъ его дѣятельности, кромѣ проповѣдей и нѣкоторыхъ научныхъ трудовъ, то вновь начатыхъ, то продолженныхъ. Неопредѣленность его служебнаго положенія не могла не тяготить его, а однообразная жизнь между книгой и молитвой и разными аскетическими упражненіями держала его въ той сферѣ представленій, которая мало граничитъ съ жизнію и способна напоминать человѣку лишь *о часѣ смертномъ*. Это высшее состояніе христіанина—аскета имѣетъ свои тревоги. Послѣ минутъ самозабвенія, духовнаго упоенія наступаютъ часы утомленія и ослабленія, духовной тоски, недовольства всѣмъ окружающимъ, желанія уйти отъ міра,

закрыться въ самомъ себѣ. Одностороннее направленіе развивается само изъ себя, силою собственнаго теченія; въ Иринеѣ оно поддерживалось недугами физическими,—послѣдствіями всей его прежней и нынѣшней замкнутой жизни. Отъ сидячей жизни, упорной мозговой работы и скуднаго питанія онъ чувствовалъ упадокъ силъ, испытывалъ сильныя головныя боли, простуживался легко. Осень и зиму 1810 г. пришлось пролежать въ постели; „продолжительная болѣзнь привела ему на память близкость кончины"... Ириней возобновилъ бывшій прежде въ его мысляхъ обѣтъ предъ Богомъ— „для вящшаго споспѣшествованія своему душевному спасенію принять образъ большаго иноческаго житія", и 26 апрѣля 1811 г. отправилъ прошеніе въ синодъ, которымъ просилъ уволить его отъ должности викарія и дозволить постричься въ схиму въ принадлежащей кіево-печерской лаврѣ китаевской пустыни [1]).

Люди живые иначе судили объ этомъ заживо погребшемъ себя даровитомъ человѣкѣ, но съ испорченною карьерою, и какъ-бы въ отвѣтъ на его просьбу, спустя три дня послѣ отправки оной, вручили ему высочайше пожалованный для него 16 апрѣля орденъ св. Анны 1-й ст. [2]). Горькая иронія жизни надъ мыслію о смерти! Случившаяся неожиданность взволновала эксцентричнаго Иринея и онъ не принялъ пожалованнаго ему ордена, не открылъ футляра, въ которомъ онъ ему доставленъ и не смотря на убѣжденія и настоянія митрополита, никогда не возлагалъ его на себя даже въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ [3]). Объ обѣтѣ Ириней забылъ и просьбы о схимѣ до конца жизни не возобновлялъ, а въ Кіевѣ въ званіи викарія пробылъ еще около году.

19 февраля 1812 г. пр. Ириней былъ назначенъ самостоятельнымъ епископомъ въ Смоленскъ, и 14 апрѣля того-же года привѣтствовалъ новую паству свою словами Апостола: „радуйтеся всегда о Господѣ: и паки реку, радуйтеся" [4])...

---

[1]) Приложеніе къ рукописи кіево-соф. соб. XIX. 1.

[2]) Приложеніе къ рукописи кіево-соф. соб. XIX. 1. «Желая удостовѣрить васъ, сказано въ рескриптѣ, сколько я уважаю служеніе ваше по званію архипастыря и труды по ученой части, всемилостивѣйше» и проч.

[3]) Дневн. митр. Серапіона подъ 29 апр. и 10 мая 1811 г.

[4]) Архивъ кіево-мих. мон. Оп. № 1, дѣло № 2; рукоп. проф. П. И. Щеголева «Слово привѣтственное къ богоспасаемойсмоленскія епархіи паствѣ».

Спустя два мѣсяца открылась великая отечественная война: 600-тысячная армія Наполеона вступила въ предѣлы Россіи; новая паства Иринея стала вскорѣ театромъ войны, а его резиденція приняла на себя первый натискъ вражескихъ силъ и пала жертвой за спасеніе Россіи. 9 іюля былъ въ Смоленскѣ императоръ Александръ, 21-го того-же мѣсяца соединились подъ Смоленскомъ обѣ наши арміи, а 4-го августа 200-тысячный отрядъ арміи Наполеона и самъ онъ сдѣлали первый приступъ на Смоленскъ. Положеніе владыки Иринея въ эту трудную для всѣхъ пору видно отчасти изъ того рескрипта, который имп. Александръ выдалъ на его имя, оставляя Смоленскъ. „Узнавъ", говорилось въ этомъ рескриптѣ, „что нѣкоторые поселяне и жители, оставляя поля и работы свои, скрываются и бѣгутъ отъ малочисленныхъ непріятельскихъ разъѣздовъ, появляющихся въ далекомъ еще разстояніи отъ Смоленска, возлагаемъ мы на васъ пастырскій долгъ: внушеніями и увѣщаніями своими ободрять ихъ, и не токмо отвращать отъ страха и побѣга, но напротивъ убѣждать, какъ того требуетъ долгъ и вѣра христіанская, чтобы они, совокупляясь вмѣстѣ, старались вооружаться, чѣмъ только могутъ, дабы, не давая никакого пристанища врагамъ, вездѣ и повсюду истребляли ихъ, и вмѣсто робости наносили имъ самимъ великій вредъ и ужасъ" [1]). Слова рескрипта служили частнѣйшимъ примѣненіемъ высказанныхъ въ манифестѣ 6-го іюля началъ о всеобщемъ вооруженіи страны. Сколько по собственному побужденію, столько-же и во исполненіе высочайшаго порученія, Ириней съ 10-го іюля открылъ цѣлый рядъ „увѣщательныхъ рѣчей къ смоленской паствѣ", имѣвшихъ цѣлію возбудить и поднять въ слабыхъ духъ патріотизма. Онъ проповѣдывалъ *непремѣнно во время каждаго богослуженія*, увѣщевалъ всѣхъ и каждаго „потщиться на брань, всякими удобовозможными средствами весь градъ и всю принадлежащую ему область мужественно вооружать..., ободрять себя, и укрѣплять, и наставлять на предлежащіе нынѣ великіе и достославные подвиги, каковыхъ защита отечества нашего, а съ нимъ купно и защищеніе самихъ домовъ, и женъ, и дѣтей нашихъ, да и всего вообще, каждому изъ насъ собственно принадлежащаго, необходимо отъ насъ требуетъ...,

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 582.

дабы противные наши изъ самой неустрашимости и готовности нашей могли уразумѣть, что самъ Господь нашъ крѣпость людемъ своимъ дастъ, и благословитъ люди своя миромъ" [1]). Какъ показываютъ сдѣланныя изъ проповѣдей Иринея выдержки, онъ необладалъ ни силою одушевленія, ни особымъ даромъ пламенной рѣчи, чтобы поднять высоко духъ паствы; его логически-построенные доводы едва-ли производили на кого особенно сильное дѣйствіе; но сама жизнь сильнѣе всякаго слова говорила теперь, что надо дѣлать и какъ поступать.

Пока Ириней одушевлялъ и ободрялъ смольянъ, непріятель все ближе придвигался къ городу. 4-го августа отбитъ былъ первый приступъ къ Смоленску отрядомъ Раевскаго. Архипастырь Ириней не оставлялъ ввѣреннаго ему *словеснаго стада*; но въ тотъже день получивъ приказаніе высшаго начальства, удалился отъ Смоленска за 30 верстъ и здѣсь ожидалъ чудотворную икону Смоленской Божіей Матери Одигитріи [2]). 5-го августа было роковымъ днемъ для Смоленска. Церкви, дома, башни—все, что могло горѣть, запылало отъ кучи ядеръ и гранатъ, полетѣвшихъ въ городъ изъ 150 непріятельскихъ орудій. Три дня длилась ожесточенная битва, три дня не затворялись церкви, служители алтарей Божіихъ совершали непрестанныя моленія среди дыма, пламени, при неумолкаемомъ громѣ пушекъ, метавшихъ гибель и смерть. Пылали колокольни и церкви; но всенощное бдѣніе на канунѣ праздника Преображенія Господня не прерывалось. Въ сумерки изъ благовѣщенской церкви, а потомъ и изъ самаго города вынесли чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери. Встрѣченная Иринеемъ святая икона отнесена имъ, при громадномъ стеченіи народа, въ Москву, и поставлена здѣсь въ церкви св. Василія Неокесарійскаго, что на Тверской ямской улицѣ [3]), самъ-же Ириней отправился въ Ярославль, гдѣ ему назначено было пребываніе до окончанія военныхъ дѣйствій въ районѣ смоленской губерніи. Тѣмъ и ограничилась его второстепенная, болѣе страдательная роль въ эту тяжкую для Россіи годину.

---

[1]) Рукоп. проф. Щеголева: «Краткія слова 1812 г.»

[2]) «Чтенія моск. общ. ист. и древн.», 1869 г., кн. III, стр. 375.

[3]) «Русскій Архивъ», 1875 г., кн. III, стр. 171.

Не радостнымъ оказалось начало самостоятельной службы его въ санѣ епископа. Не успѣлъ онъ ознакомиться съ новою паствою, не успѣлъ что-либо сдѣлать для нея, какъ долженъ былъ оставить ее на довольно продолжительное время. Съ сентября и до конца почти ноября онъ пробылъ въ Ярославлѣ, сказалъ здѣсь шесть „краткихъ словъ", а 20 декабря прибылъ въ совершенно разоренный и опустошенный Смоленскъ [1]). Здѣсь онъ засталъ синодальнаго члена, рязанскаго архіепископа Ѳеофилакта Русанова, которому поручено было св. синодомъ приведеніе въ надлежащее устройство тѣхъ епархій (кромѣ московской), которыя были заняты непріятелемъ... съ полномочіемъ „дѣйствовать по своему благоразсужденію, дабы отвратить медленность переписокъ епархіальныхъ архіереевъ съ высшимъ начальствомъ" [2]). Опустошительная война вызвала громадную массу дѣлъ по возстановленію разоренныхъ церквей, замѣщенію приходовъ, воспособленію пострадавшему духовенству и т. под. Въ добавокъ пр. Иринею поручено было временное управленіе могилевскою епархіею, которой епископъ Варлаамъ Шишацкій былъ удаленъ за принесеніе присяги на вѣрность Наполеону. Громадное производство было утомительно даже для безпримѣрнаго трудолюбія Иринея и не подъ силу его плохому здоровью, ослабленному тревогами войны и продолжительнымъ скитальчествомъ. Десятки годовъ провелъ онъ въ тиши кабинета, не зная никого и ничего, кромѣ книги, а тутъ жизнь приводила его въ непрерывныя столкновенія, требовала совсѣмъ иныхъ знаній и крайняго напряженія. Присутствіе синодальнаго члена, въ качествѣ наблюдателя и руководителя, не могло не стѣснять Иринея, тѣмъ болѣе, что Ѳеофилактъ Русановъ извѣстенъ былъ своимъ высокомѣріемъ и широко пользовался предоставленнымъ ему правомъ поступать по своему благоразсужденію. Почувствовавъ себя въ роли ревизора и контролера, Ѳеофилактъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ епархіи и забрасывалъ Иринея своими предложеніями. По поводу ихъ Ириней своеручно писалъ отвѣты и распоряженія. „Читая ихъ, говоритъ архіеп. Антоній Амфитеатровъ, нельзя не-

---

[1]) Ркп. кіев.-соф. соб., № 620; см. также № 582.

[2]) Ркп. кіев.-соф. соб., № 620.

удивляться ясности ума, знанію нуждъ епархіи и благонамѣренности архипастыря [1]).

Въ ясности ума Иринея, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, какъ и въ его благонамѣренности, но знаніе нуждъ епархій, послѣ 4-хъ мѣсячнаго въ ней пребыванія, приписано ему совершенно излишне. Въ распоряженіяхъ Иринея скорѣе могъ сказаться человѣкъ не только новый, но и не видящій ничего изъ-за груды своихъ книгъ. Нельзя также согласиться съ мнѣніемъ покойнаго архіепископа Антонія и о томъ, что всѣ предложенія синодальнаго члена Ириней принималъ „съ неограниченною кротостію". Раньше мы видѣли (припомните, читатель, письмо Иринея къ митрополиту Іероѳею) и послѣ увидимъ, что подъ формою смиренія, покорности и долга Ириней высказывалъ иногда весьма непріятныя и слишкомъ смѣлыя сужденія, показывающія не только его прямоту, стойкость, но и то, что онъ по своему умѣлъ выдерживать свое достоинство. Такъ случилось и въ отношеніяхъ его съ Ѳеофилактомъ Русановымъ, которыя окончились полнымъ разрывомъ между этими двумя іерархами. Въ предложеніяхъ синодальнаго члена, въ видѣ братскихъ совѣтовъ и вѣжливыхъ указаній, обнаружено не мало правды относительно недостатковъ Иринея въ управленіи смоленскою епархіею; но иное въ нихъ было не точно, иное преувеличено и это давало Иринею поводъ не только оправдывать себя въ глазахъ своего приставника, но и язвить обидой за обиду. Въ одной изъ рукописей кіево-софійскаго собора сохранились два интересные документа, прекрасно рисующіе натянутыя отношенія обоихъ іерарховъ, ихъ характеры и отчасти управленіе Иринея смоленскою епархіею. Это копія съ послѣдняго письма Ѳеофилакта Русанова къ преосв. Иринею и копія-же съ отвѣта на него послѣдняго [2]), послѣ чего преосв. Ириней съ горькимъ чувствомъ оставилъ Смоленскъ и попросился снова въ Кіевъ. Приводимъ и письмо и отвѣтъ.

Преосвященнѣйшій владыко!

любезный братъ о христѣ!

„На основаніи даннаго мнѣ высочайшаго рескрипта въ 27 день ноября минувшаго (1812) года о приведеніи смоленской епар-

---

[1]) «Историко-статист. опис. смол. епархіи», стр. 142.

[2]) Рукоп кіев.-соф. соб, № 620, стр. 95—97.

хіи въ надлежащее устройство по всѣмъ ея частямъ, я забиралъ справки изъ смоленской консисторіи по нѣкоторымъ статьямъ и по разсмотреніи оныхъ долгомъ поставляю передать вашему преосвященству на усмотрѣніе слѣдующіе недостатки вашего правленія епархіею.

„1) Здѣшняго дѣвичьяго монастыря игуменья еще въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года лежала на одрѣ недвижима; а о болѣзни ея поступилъ къ вашему преосвященству рапортъ отъ благочиннаго 21 сего апрѣля, то есть, послѣ уже того, какъ я потребовалъ отъ консисторіи вышеозначенной справки. При нынѣшнихъ разстроенныхъ обстоятельствахъ сего монастыря и здоровой настоятельницѣ не легко править онымъ, а недужной и неключимой и вовся не возможно. Сіе могли ваше преосвященство знать и безъ рапорта благочиннаго, потому что оный монастырь находится почти передъ глазами.

„2) Поступившіе въ надворотную церковь доходы съ 1 генваря 1812 года по 24 апрѣля сего года простираются до 17,282 рублей 8 коп., а на лице нынѣ имѣется оной только 325 рублей 98¾ коп. А между тѣмъ крыша на сей церкви течетъ по всѣмъ почти швамъ желѣзныхъ листовъ; отведенныя для служащихъ при оной кельи остаются безъ печей, безъ рамъ и безъ дверей. При предмѣстникѣ вашемъ, преосвященнѣйшемъ архіепископѣ Серафимѣ, поступали въ сію церковь такіе-же доходы; но всей смоленской епархіи извѣстно, что его преосвященство на содержаніе и украшеніе оной едвали не вдвое больше употребилъ противъ того, что собиралось отъ богомольцевъ и христолюбивыхъ подаяній въ кружки. Я опасаюсь, чтобъ прекрасная церковь сія не пришла въ запустѣніе, а народъ не охладѣлъ и не сталъ-бы блазниться, зная, что доходы собираются не малые, а по церкви не видя никакихъ приращеній. Ваше преосвященство властны располагать доходами домовой церкви по своему усмотрѣнію; но братски совѣтую вамъ хоть третью часть оныхъ удѣлять на приличное содержаніе надворотной церкви и служащихъ при ней.

„3) Предмѣстникъ вашъ, преосвященнѣйшій архіепископъ Серафимъ, старался при многихъ церквахъ причты уменьшить; уменьшалъ также и число протопоповъ остановкою производства къ такимъ церквамъ, гдѣ по штату не слѣдуетъ быть протопопу. Ваше

преосвященство, въ отмѣну его резолюцій, при многихъ церквахъ снова размножили причты, а при нѣкоторыхъ рукоположили и въ протопопы; напримѣръ: каѳедральнаго собора ключаря Василія Соколова, котораго опредѣлили и благочиннымъ, не смотря на то, что благочинный обязанъ часто обозрѣвать ввѣренныя ему церкви, а ключарю, яко блюстителю соборной и архіерейской ризницы и казенныхъ суммъ, надобно безотлучно находиться при соборѣ. Сверхъ того, званіе благочиннаго ослабляетъ зависимость ключаря отъ каѳедральнаго протоіерея.

„4) Я рекомендовалъ вашему преосвященству никого изъ не разоренныхъ отъ непріятеля не производить и не опредѣлять на мѣсто, доколѣ не размѣстятся разоренные; однако-жъ нѣкоторыхъ вы произвели и опредѣлили.

„5) Можетъ быть до вашего еще вступленія на смоленскую каѳедру находились при одной и той-же церкви многіе благочинные, въ одномъ и томъ-же правленіи присутствовали одни только родственники. Напримѣръ: города Сычевокъ при соборной церкви находилось одинъ протопопъ и два священника въ проѣздъ мой чрезъ оный городъ, и всѣ трое они благочинными; въ Бѣльскомъ духовномъ правленіи два только присутствующихъ: но одинъ изъ нихъ дядя, другой племянникъ. Таковое распредѣленіе смотрителей за духовенствомъ и производящихъ судъ надъ онымъ можетъ произвести нареканіе на мѣстное епархское начальство; ибо о родствѣ въ духовномъ регламентѣ сказано, что и при церквахъ священникъ можетъ имѣть у себя не болѣе одного родственника, а ежели при какой церкви всѣ священники будутъ благочинными; то не можетъ быть тамъ настоящей подчиненности.—Изъ сего замѣчанія изъемлется одинъ протоіерей Васильевъ, потому что онъ причисленъ къ каѳедральному собору только до возобновленія Нижне-Николаевской церкви.

„6) Ставленническія дѣла и просьбы о позволеніи вступать въ браки, указами 1771 года ноября 14 дня и 1810 года февраля 17 дня, предоставлены непосредственному и личному разбирательству епархіальныхъ преосвященныхъ. Но всей смоленской епархіи извѣстно, что большая часть ставленниковъ имѣетъ счастіе видѣть ваше преосвященство только въ служеніяхъ, или когда произво-

дятся вами; а просьбы о позволеніи вступать въ браки разсматриваются консисторіею.

„7) Утверждаются вашимъ преосвященствомъ консисторскія опредѣленія, не всѣми еще присутствующими подписанныя. Это можетъ быть только въ случаѣ тяжкой болѣзни кого-нибудь изъ нихъ, или за отлучкою на долгое время. И тогда долженъ секретарь внизу опредѣленія означить, по какой именно причинѣ не подписался кто подъ онымъ.

„8) Не слѣдовало вашему преосвященству священника Солнцева производить въ протоіерея въ городъ Дорогобужъ, потому 1) что онъ при преосвященнѣйшемъ архіепископѣ Серафимѣ неоднократно былъ судимъ и штрафованъ; 2) имѣется за нимъ еще не рѣшенное дѣло; 3) неспособность свою быть присутствующимъ въ духовномъ правленіи доказалъ уже онъ и на самомъ дѣлѣ, что не безъизвѣстно смоленской консисторіи и самъ я замѣтилъ изъ непростительной Дорогобужскаго духовнаго правленія медленности въ исполненіи чинимыхъ оному предписаній.

„Ласкаю себя надеждою, что сіе отношеніе будетъ принято съ таковымъ-же расположеніемъ къ общему добру, съ каковымъ оно писано, и что ваше преосвященство не оставите меня безъ надлежащаго отзыва.

„Одолжаюсь быть навсегда“ и т. д.

(Слѣдуетъ подпись).

1813 года, 28 апрѣля.

На основаніи не многихъ архивныхъ бумагъ смоленской епархіи, вѣроятно случайно вывезенныхъ преосв. Иринеемъ изъ Смоленска и хранящихся въ архивѣ кіево-михайловскаго монастыря, мы можемъ сказать нѣсколько словъ въ оправданіе Иринея по *шестому* пункту письму Ѳеофилакта. Такъ, въ „докладномъ реестрѣ“ на 1813 годъ находится цѣлый рядъ резолюцій преосв. Иринея на прошенія ставленниковъ о дозволеніи вступленія въ законный бракъ и нѣсколько резолюцій, направленныхъ противъ страннаго обычая, по которому не женихъ подавалъ это прошеніе, а сама невѣста и при томъ отъ своего-же имени. Равнымъ образомъ, и что касается собственно *ставленническихъ дѣлъ*, то они не только *лично и непосредственно разсматривались самимъ*

преосв. Иринеемъ, но и разсматривались съ замѣчательною тщательностію и осторожностію. Объ остальномъ скажетъ слѣдующій отвѣтъ Иринея на приведенное выше письмо.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

милостивый о господѣ отецъ и сослужитель!

„Пріемля все, прописанное въ отношеніи вашего высокопреосвященства ко мнѣ отъ 28 апрѣля за № 282 о недостаткахъ моего правленія смоленскою епархіею съ должнымъ благоговѣніемъ и полагая основаніемъ къ моему на оное отзыву главнѣйшія мои должности къ Богу и къ ближнему, а равно и къ проповѣдуемому мною, по непремѣнному моему обѣщанію, слову Божіему, долгомъ поставляю донесть вашему высокопреосвященству слѣдующее:

„1) Касательно недостатковъ моего правленія вообще, я самъ уже оные, въ отвращеніе излишнихъ вашихъ безпокойствъ и неблагопріятствующихъ общему сей епархіи добру народныхъ мнѣній, по особенному вашему милостивому на то дозволенію и словесному обѣщанію по моей просьбѣ употребить свое ходатайство, представлялъ въ собственноручномъ моемъ къ вашему высокопреосвященству отношеніи отъ 8 марта, при чемъ просилъ и о переведеніи меня изъ сей епархіи въ Полтавскую, по изъясненнымъ въ ономъ отношеніи причинамъ. Но отвѣта на оное даже до сего времени ни какого не удостоился получить.

„2) Какимъ образомъ тогда сознавалъ я вообще недостатки своего правленія и самихъ своихъ силъ: такъ и нынѣ сознаю все то добровольно, но не столько по вычисленію вашимъ высокопреосвященствомъ въ помянутомъ вашемъ отношеніи 8 особенныхъ недостатковъ моего правленія, сколько по слѣдующему не ложному слова Божія свидѣтельству: *Господь съ небесе приниче на сыны человѣческія, видѣти, аще есть разумѣваяй, или взыскаяй Бога. Вси уклонишася, вкупѣ неключими быша: нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго.* (Псал. XIII, 2—3). И понеже сіе писанія свидѣтельство не одни моего правленія или житія недостатки, но и превеликіе недостатки всѣхъ вообще земныхъ правленій явно обличаетъ: то и явствуетъ, что если я за недостатки своего правленія обличаемъ быть долженъ, то и всѣ прочія земныя

правленія, а слѣдовательно и собственное ваше правленіе, за недостатки свои, съ таковымъ-же подробнымъ оныхъ вычисленіемъ, какъ то̀ и съ недостатками моего правленія учинено, обличаемо быть долженствовало-бъ, по симъ онаго слова Божія изрѣченіямъ: *имъ-же судомъ судите, судятъ вамъ, и въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Матѳ. VII, 2).

„3) Понеже къ найлучшему успѣху въ исправленіи недостатковъ какого-нибудь правленія предлагается въ Законѣ Божіемъ слѣдующее единое только средство: *да не отступитъ книга закона сего отъ устъ твоихъ, и да поучаешися въ ней день и нощь, да уразумѣеши творити вся писанная; тогда благоуспѣеши и исправиши пути твоя, и тогда уразумѣеши* (Іис. Нав. 1, 8); то отсюда можете ваше высокопреосвященство ясно увидѣть, что я о исправленіи всякихъ важныхъ недостатковъ какъ собственнаго моего епархіею правленія, такъ и всѣхъ подчиненныхъ мнѣ духовныхъ правленій никакъ не оказываюся нерадящимъ: поелику изъ представленныхъ вашему высокопреосвященству чрезъ секретаря консисторіи декабря 1812 года говоренныхъ мною здѣсь въ томъ году 30 поучительныхъ словъ (которыя нѣнѣ прошу для собственнаго моего и другихъ пользованія обратно представить, ибо и я ваше поучительное печатное слово, говоренное 26 ноября 1812 года, врученное мнѣ тогда онымъ-же секретаремъ, нынѣ при семъ обратно въ цѣлости препровождаю), и вашему высокопреосвященству не безъ извѣстно сдѣлалось, сколько ревностно и неослабно я по сей самой главнѣйшей пастырскаго своего званія должности трудился да и доселѣ тружуся, хотя братолюбнаго таковыхъ трудовъ моихъ вашего высокопреосвященства слышать и не удостоился, а напротивъ слышалъ одни неблаговолительные объ оныхъ отзывы, что все предаю нелицепріятному суду Божію и всей святой Христовой церкви.

„4) Какъ вычисленные вашимъ высокопреосвященствомъ недостатки моего правленія происходятъ самою большею частію отъ недостатковъ подчиненныхъ мнѣ разныхъ по духовной части правленій: то касательно оныхъ долгомъ поставляю донесть вашему высокопреосвященству, что мнѣ не токмо всѣ оные по надлежащему исправить, но даже и увѣдать нѣкоторые изъ нихъ прежде свѣдѣнія объ нихъ вашего высокопреосвященства никакой не было воз-

можности. Причина сему для всякаго очевидна. Коль скоро увидѣла епархія, что ваше высокопреосвященство намѣрены *не только устроять епархію, но и судить и пересуживать всѣ епаршескія дѣла по собственному своему благоразсужденію и при томъ безъ всякой формы законовъ* (о немъ ни въ имянномъ высочайшемъ, ни въ синодальномъ указахъ ни мало не значится), то и обратились всѣ неблагопріятствующіе епаршескому правленію со всякаго рода донесеніями о мнимыхъ онаго правленія недостаткахъ къ вашему высокопреосвященству, и никто уже не сталъ почитать за должность доносить объ оныхъ по порядку первѣе самому мнѣ: что̀ и было причиною даже и незнанія моего о таковыхъ недостаткахъ въ то время, когда уже и вашему высокопреосвященству объ оныхъ извѣстно учинилося".

VIII.

Еще 13 марта 1813 г. Ириней, донимаемый синодальнымъ членомъ, просился у синода на полтавскую каѳедру. Теперь послѣ такого обмѣна язвительныхъ вѣжливостей, не ожидая для себя добра, онъ поспѣшилъ съ новою просьбою объ увольненіи его отъ смоленской каѳедры и переводѣ на прежнее мѣсто викарія кіевской митрополіи и вѣроятно принялъ особыя мѣры для успѣха своей просьбы, такъ какъ при возвращеніи его на прежнюю должность указомъ 28 іюля того-же года ему не только приданъ особый титулъ *коадъютора* кіевской митрополіи, но выдано 5,000 р. изъ остатковъ свѣчнаго дохода смоленской епархіи [1]). Въ августѣ Ириней былъ уже въ Кіевѣ и снова занялъ то мѣсто, которое такъ тяготило его прежде и довело его даже до *схимы*. Мы не нашли нигдѣ указа, или инструкціи, которая опредѣляла теперешнія отношенія Иринея къ митрополиту, но множество просмотрѣнныхъ нами бумагъ съ его резолюціями удостовѣряетъ насъ въ томъ, что положеніе его теперь было гораздо лучше. Пользуясь почетнымъ титуломъ *коадъютора*, для него одного придуманнымъ, онъ самостоятельно управлялъ своею чигиринскою паствою, заключавшеюся въ предѣлахъ чигиринскаго уѣзда, и лишь въ общецерковныхъ дѣ-

---

[1]) Архивъ кіево-мих. мон. Оп. № 1, § 1, дѣло № 2, см. рукоп. кіево-соф. соб., № 582.

лахъ сносился съ митрополитомъ за посредствомъ консисторіи. Какъ онъ смотрѣлъ на свое положеніе въ епархіи кіевскаго митрополита, видно изъ того, что когда однажды кіевская консисторія затребовала отъ него свѣдѣній объ имуществѣ михайловскаго монастыря, онъ поручилъ монастырскому управленію отвѣтить ей, что монастырь этотъ никогда не былъ въ непосредственномъ управленіи кіевскихъ митрополитовъ, что имяннымъ Высочайшимъ указомъ учреждена въ немъ особая архіерейская каѳедра, отъ которой онъ всегда былъ и будетъ управляемъ, и что безъ особаго имяннаго Высочайшаго указа требованіе консисторіи исполнено быть не можетъ. Бывали случаи, что онъ перерѣшалъ дѣла, касавшіяся его района въ отмѣну резолюцій митрополита [1]). Положеніе исключительное, не бывалое въ исторіи нашей іерархіи. Даже положеніе б. епископа люблинскаго Маркелла Попеля, по возсоединеніи уніатовъ царства польскаго въ 1875 г. и образованіи холмско-варшавской епархіи, было менѣе самостоятельно. Объясняется оно тѣмъ, что Ириней перешелъ въ Кіевъ съ самостоятельной каѳедры и кромѣ предоставленной ему *de jure* нѣкоторой независимости, силою своего характера расширилъ ее на счетъ добродушнаго и необладавшаго особыми талантами митрополита Серапіона. Какъ-бы ни было, Ириней умѣлъ пользоваться предоставленною ему властію съ честію для себя и съ пользою для ввѣренной ему маленькой паствы. Много видимъ въ его дѣйствіяхъ эксцентричности, много идеальнаго, теоретическаго и книжнаго, но всюду руководятъ имъ прямота, честность, рѣдкое безкорыстіе, самая высокая гуманность, а главное—забота о другихъ, стараніе изучить и исчерпать всякое дѣло, и—опять все тоже поражающее трудолюбіе.

Началъ Ириней свою дѣятельность съ михайловскаго монастыря, братія коего вела самую безпорядочную жизнь. Пересуды, *лихоимство,* воровство, святотатство, буйство въ монастырѣ и за стѣнами его съ кровавою развязкою, заночевыванія въ городѣ и его мрачныхъ притонахъ, пьянство запоемъ и другія весьма не благочестивыя упражненія были обычнымъ времяпровожденіемъ братіи. Возвратившемуся настоятелю михайловской обители пред-

---

[1]) Арх. кіев.-мих. мон. «Докладный реестръ» монастырскихъ дѣлъ, 1823, № 13 и 1815 г., № 267.

стояло умѣрить пылъ расходившихся „чернцовъ“, надо было направить ихъ на добровольно избранный путь спасенія, надо было наполнить досужее время такими занятіями, которыя, отвлекая монашествующихъ отъ неблаговиднаго поведенія, въ тоже время вели-бы ихъ къ одной опредѣленной цѣли—къ посильному достиженію идеала монастырской жизни.

Первою мѣрою преосв. Иринея въ этомъ направленіи было болѣе точное распредѣленіе обязанностей между монашествующими. „Никто изъ штатныхъ монаховъ, писалъ онъ въ изданныхъ въ 1815 году „*Правилахъ*“ не долженъ быть „безъ особаго *послушанія и званія;* ибо общаго для всѣхъ дѣла, состоящаго въ церковномъ служеніи и слушаніи церковныхъ пѣній, къ благоустройству братіи не довольно“. Для того Ириней, сверхъ бывшихъ уже въ обители должностей, учредилъ новыя: одному указалъ быть смотрителемъ клирошанъ, другому проповѣдникомъ монастыря, тому смотрителемъ архіерейскаго дома, тому смотрителемъ келейной церкви, а одного назначилъ смотрителемъ колокольни. Уравнявъ такимъ образомъ всѣхъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ въ отправленіи монастырской службы, Ириней уравнялъ ихъ, конечно также приблизительно, и въ полученіи подѣловъ изъ кружки, при чемъ заботою его было, какъ значится въ правилахъ, чтобы никто изъ высшей (болѣе заслуженной) братіи не получалъ меньше кого нибудь изъ низшихъ, Онъ нарушилъ, правда, въ этомъ случаѣ древнее право братіи—самой, съ общаго согласія, распредѣлять кружечный доходъ, но сдѣлалъ это, вѣроятно, не только въ виду бывшихъ злоупотребленій, но и для того, чтобы путемъ слишкомъ неравнаго раздѣла не скоплялись деньги въ рукахъ немногихъ, притомъ молодыхъ и не служили поводомъ къ роскошной или безпутной жизни. Ириней даже воспретилъ братіи составлять и представлять росписанія кружечныхъ подѣловъ, составлялъ ихъ самъ вчернѣ и потомъ уже передавалъ на обсужденіе братіи, что невольно уже ограничивало произволъ и своего рода стачки [1]).

Сдѣлавъ главное, Ириней старался, по возможности, совершенно изолировать монашествующихъ отъ „мірскихъ соблазновъ“, для этого предписалъ всей братіи своего монастыря отлучаться въ

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. р. еп. дѣлъ», № 385.

городъ не иначе, какъ въ случаѣ крайнихъ нуждъ и то предварительно взявши отпускной билетъ [1]), равнымъ образомъ и въ свои келіи никого изъ постороннихъ не принимать безъ вѣдома и особаго на то разрѣшенія начальства [2]). „Для лучшаго-же сбереженія... чести всей братіи и послушниковъ", погрѣшавшей нерѣдко противъ седмой заповѣди, „къ продажѣ молока и прочихъ съѣстныхъ или питейныхъ припасовъ никого изъ женска пола впредь не допускать [3])". Честь монастыря и доброе имя его вообще стояли на первомъ планѣ у преосв. Иринея. Онъ скорѣе готовъ былъ пожертвовать матеріальными выгодами его, чѣмъ дать хотя малѣйшій поводъ къ заподозрѣнію монастыря въ чемъ-либо недостойномъ его высокаго назначенія. Въ 1817 году помѣщица псковской губерніи, новоторжскаго уѣзда, Надежда Чихачева дарила кіево-михайловскому монастырю домъ въ вѣчное владѣніе. Ириней приказалъ возвратить ей купчую и планъ и отъ принятія дома на отрѣзъ отказался, „потому, во 1-хъ, что владѣніе мірскими, или посредѣ мірскихъ жилищъ состоящими домами нынѣшнимъ благоустроеннымъ и найпаче штатнымъ и достаточнымъ монастырямъ ни по какимъ правамъ присвоено быть не можетъ; потому, во 2-хъ, что таковый домъ для монастыря сего вовсе не нуженъ: обратить его въ гостинницу монастырскую значило-бы сдѣлать изъ него богомерзкое и препагубное блудилище; а отдавать его въ наемъ—значило-бы подвергать себя и весь монастырь всякимъ мірскимъ заботамъ, ссорамъ, тяжбамъ и самой всекопечной потери принадлежащаго благоустроеннымъ монастырямъ спокойствія и добраго имени" [4]).

Примѣтивъ въ братіи кіево-михайловскаго монастыря страсть къ сутяжничеству и *лихоимству*, преосв. Ириней предписалъ всей братіи и послушникамъ, дабы они... никому впредь ничего въ долгъ не давали, но только или въ подарокъ, или въ милостыню; а впослѣдствіи и подписками къ тому обязалъ, „понеже, заключалъ онъ, давать въ долгъ дѣло есть мірянъ, а не истинныхъ монаховъ [5])". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не дозволялъ братіи одолжать у кого-либо, а тѣмъ

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Оп. дѣлъ» за 1816 г., № 21.
[2]) Ibid. «Оп. дѣлъ» за 1822 г., № 81.
[3]) Ibid. «Докл. р. мон. дѣлъ» 1818 г., № 145.
[4]) Ibid. 1813 г., № 136.
[5]) Ibid. 1822 г., № 5.

болѣе у *мірскихъ людей*: „поелику монахамъ занимать деньги“ вообще, и „у мірянъ“ въ особенности, *есть не малое преступленіе* [1])“. И самъ подавалъ братіи примѣръ исполненія всѣхъ этихъ своихъ требованій: раздавая нищимъ ежемѣсячно около 75 рублей и болѣе чрезъ послушника, онъ въ тоже время дарилъ еще деньгами заслуживающихъ изъ братіи, а иногда уплачивалъ за нихъ ихъ кредиторамъ [2]), что-бы только пресѣчь сутяжничество. Чѣмъ-то необычайнымъ покажется въ настоящее время слѣд. случай. Злотопольская экономія помѣщика генерала Высоцкаго оспаривала какія-то земли у Лебединскаго георгіевскаго монастыря, какъ незаконно будто бы пріобрѣтенныя. Когда доложили объ этомъ преосв. Иринею, онъ приказалъ возвратить спорныя земли, такъ какъ, писалъ онъ, „евангельская заповѣдь или совѣтъ, относящійся наипаче къ монастырямъ, повелѣваетъ хотящему судитися съ ними и ризу ихъ взяти—отдать ему и рубашку, только-бы не имѣть нужды судиться съ нимъ [3])“. Той-же однако экономіи Ириней далъ сильный отпоръ, когда она коснулась чести монаховъ того-же монастыря, обвиняя ихъ во всегдашнемъ якобы обращеніи съ женскимъ поломъ и пр. [4]).

Становясь самъ въ роль судьи, преосв. Ириней отправлялъ эту священную и трудную обязанность съ величайшею осторожностію. Онъ никогда не дозволялъ себѣ осудить не только безвиннаго, но даже такого подсудимаго, противъ котораго не было особенно вѣскихъ уликъ. Обыкновенными рѣшеніями его въ послѣднихъ случаяхъ были: „сіе дѣло предать суду Божію, пока впредь само обнаружится, потому что оно нынѣ есть сумнительное“ [5]) и т. п. Рѣшенія и приговоры его отличаются чисто отеческою снисходительностію. Въ каждомъ провинившемся онъ видѣлъ прежде всего *человѣка* и его задачею было поднять падшаго, поддержать изнемогающаго, ободрить ослабѣвающаго. „...Монашествующіе, писалъ онъ, какъ и прочіе всѣ немощные человѣки, даже и за неоднократныя явно доказанныя преступленія не должны вдругъ

---

[1]) Арх. к.-мих. изв. Докл. р. мон. д. 1822 г., № 227.
[2]) Ibid., № 267.
[3]) Ibid. Докл. р. еп. дѣлъ, 1814 г., № 435.
[4]) Ibid. Докл. р. мон дѣлъ, 1811 г., № 29.
[5]) Ibid., № 33.

безъ пощады лишаемы быть мѣстъ и чиновъ своихъ, но прежде должно имъ, такъ какъ и всѣмъ прочимъ человѣкамъ, дать довольно времени и способовъ къ покаянію и исправленію жизни" [1]). Приводилъ онъ къ покаянію и исправленію монастырскую братію монастырскими-же средствами, преимущественно *земными поклонами*. Силу непрестанныхъ и безчисленныхъ поклоновъ признавалъ онъ въ особенности для страдавшихъ запоемъ. Попались какъ-то послушники михайловскаго монастыря, которые побѣждались страстію невоздержанія и пьянства: велѣлъ онъ „призвать ихъ въ правленіе и притвердить имъ крѣпчайше, дабы они... рѣшились добровольно ежедневно полагать земныхъ поклоновъ, какъ въ церкви по сто и по двѣсти, такъ-же по своимъ келіямъ по столько-же или и побольше, а молитву Іисусову, или *Святый Боже* читали-бы на каждый часъ по сто разъ или и болѣе" [2]). Это было средство традиціонное, испытанное и вмѣстѣ универсальное. Не ночевалъ въ монастырѣ послушникъ Евѳимій Черняевскій,—приказано и ему „чрезъ три дни полагать въ церкви по сто доземныхъ поклоновъ, а потомъ ежедневно по столько-же класть въ своей келіи и читать Псалтирь по двѣ, или три каѳизмы на каждый день" [3]). Пономарь Акимъ Супряжичскій получилъ привычку заходить въ питейные домы... „для воздержанія отъ сего притверждено и ему упражняться чаще въ домашнихъ молитвахъ и на тотъ конецъ прочесть Псалтирь, или-же другіе какіе каноны въ дому своемъ нѣсколько разъ", хотя пономарь жилъ гдѣ-то далеко и никакой контроль тутъ былъ невозможенъ [4]). Но братія давно привыкла къ этому средству и оно мало уже дѣйствовало на нее; приходилось употреблять болѣе сильныя, специфическія средства, назначались: *лишеніе* на нѣсколько дней *вареной трапезной пищи* [5]), уменьшеніе кружечнаго подѣла [6]), временное запрещеніе священнослуженія [7]), даже „умѣренное сѣченіе

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1814 г. № 435.
[2]) Ibid., № 110; см. ibid. 1816 г. №№ 60, 121, 221, 243 и мн. др.
[3]) Ibid., 1816 г. № 239.
[4]) Ibid., «Докл. Р.» ен. дѣлъ 1814 г. № 279.
[5]) Ibid., «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1816 г. № 256.
[6]) Ibid., 1820 г. № 110.
[7]) Ibid., «Опись дѣлъ» за 1816 г. № 70.

батогомъ или плетью“ [1]). Но многіе и этимъ не исправлялись; тогда, по выраженію Иринея, оставалось „однимъ одно“—затворъ, проще карцеръ. Но „чернечая“ природа только глумилась надъ этимъ, по видимому, несумнительнымъ средствомъ. Мѣстомъ заключенія служила тѣсная комнатка подъ колокольнею съ небольшимъ просвѣтомъ на главный ходъ („святыя ворота“). Товарищи заключеннаго не рѣдко рекомендовали его предъ богомольцами, какъ *затворника*. И если то былъ молодой—простодушные богомольцы обыкновенно удивлялись ревности мнимаго подвижника; если-же пожилой, то подходили къ просвѣту карцера, съ благоговѣніемъ смотрѣли на импровизованнаго *затворника* и, прося молитвъ его, полагали предъ нимъ деньги, ладонъ и масло. Ириней терялся, недоумѣвалъ, чѣмъ унять проказниковъ. Вышелъ даже такой случай. Одинъ изъ нихъ умеръ въ *затворѣ*. Ириней устроилъ карцеръ у сѣверо-восточнаго угла своего настоятельскаго дома, въ саду, и всегда съ готовностію самъ служилъ заключеннымъ, говоря, что такъ какъ ему никогда не приходилось послужить заключеннымъ въ темницѣ, то онъ радъ послужить хотя своимъ заключеннымъ. Приходилось наконецъ содержать иныхъ изъ братій „подъ крѣпкимъ карауломъ“, „въ оковахъ“, ссылать куда либо въ заштатный монастырь, а наконецъ просто пускать въ свѣтъ, изгоняя на всегда изъ обители, какъ пущенъ былъ въ свѣтъ феноменальный іеродіаконъ Меѳодій, который, пройдя всѣ виды пороковъ и наказаній и будучи всегда пьянъ, вышелъ однажды въ стихарѣ, надѣтомъ на изнанку, а въ другой разъ не сдержалъ даже своей естественной нужды.

Читатель придетъ въ изумленіе при видѣ въ обители такихъ пороковъ и такихъ наказаній и скажетъ быть можетъ: „гони природу въ дверь, она пройдетъ въ окно“, и подивится тому, что столь свѣтлый умъ, каковъ былъ Ириней, не могъ придумать болѣе дѣйствительныхъ средствъ къ упорядоченію и возвышенію жизни подчиненныхъ ему непосредственно монаховъ. Но не въ силахъ его было измѣнить цѣлый строй жизни, хотя-бы только монастырской, не въ силахъ перевоспитать поколѣнія созрѣвшія, хотя къ послѣднему онъ видимо стремился относительно подчиненнаго ему

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1822 г. № 23.

михайловскаго монастыря. Болѣе всего онъ старался возбудить въ монашествующихъ охоту и любовь къ чтенію [1]). Библіотека кіево-михайловскаго монастыря во время его настоятельства успѣла значительно обогатиться рукописями [2]), новыми книгами и періодическими изданіями [3]). Самая организація библіотечныхъ операцій была поставлена на прочныхъ основаніяхъ. Преосв. Ириней составилъ и собственноручно переписалъ каталогъ алфавитный, и по настоящее время хранящійся въ библіотекѣ монастыря [4]); онъ-же самъ велъ и записи книгъ, получаемыхъ монашествующими для чтенія.

Но что могъ онъ сдѣлать этимъ путемъ для братіи не только въ большей части невѣжественной, но не рѣдко не знавшей даже русской грамоты и названій предметовъ обыкновенныхъ? Разъ преемникъ его *Аѳанасій*, во время обѣдни замѣтивъ, что на дворѣ дождь, послалъ принести ему *калоши*. Отправился самъ о. *ризничій* и прямо въ кабинетъ, потомъ въ спальню. Послѣ нѣкотораго разглядыванья, замѣтивъ брюки, онъ схватилъ ихъ и съ словами: „оце-жъ вони—*холоши*", пустился было уходить обратно; но когда келейникъ переспросилъ его о томъ, что именно нужно, указавъ при томъ на стоявшія въ передней *калоши*, онъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ: „та це-жъ черевики! яки-жъ вони *холоши?*"

Заботился пр. Ириней и о томъ, чтобы пріучить монаховъ, имѣвшихъ священный санъ и нѣкоторое образованіе, къ занятіямъ проповѣдью слова Божія. Обыкновенно онъ самъ назначалъ тѣ или другіе сборники поученій для прочтенія ихъ въ церкви во время богослуженія (*бесѣды св. Іоанна Златоустаго*, *Маргаритъ*, *Соборникъ* и др.) [5]). Прочитывался одинъ сборникъ, тотчасъ-же назначался другой, а читавшимъ первый выдавалось особое денежное

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1821 г. № 59 и др.

[2]) Ibid. «Докл. Р.» еп. дѣлъ 1817 г. № 147 и др.

[3]) Ibid. 1815 г. № 509; «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1821 г. № 262; 1822 г. № 245 и др.

[4]) Подъ № 1760.

[5]) См. напр. Арх. кіево-мих мон. «Опись дѣлъ» за 1815 г. № 37; «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1814 г. № 180; 1815 г. № 74 и др.

вознагражденіе „изъ монастырскихъ суммъ для трудящихся“ [1]). Размѣръ этого, обыкновенно довольно скромнаго, вознагражденія значительно увеличивался за *самостоятельныя* проповѣди іеромонаховъ. Правда, и за особый гонораръ проповѣдей являлось не много [2]); но когда они являлись, преосвященный съ любовію самъ прочитывалъ ихъ, дѣлая на нихъ собственноручныя поправки и предписывая произносить ихъ въ церкви не иначе, какъ предварительно „выучивъ твердо“ наизусть [3]).

Мы перечислили и указали далеко не все то, что дѣлалъ Ириней для упорядоченія монастырской жизни, для удаленія обителей отъ міра, для изгнанія изъ нихъ всего, что привзошло къ нимъ отъ міра, для поднятія умственной и нравственной жизни монашествующей братіи; но и въ томъ, что сказано нами, видѣнъ такой глубоко вѣрный взглядъ на монашескую жизнь и средства къ ея поправленію, что имъ съ успѣхомъ для дѣла могло-бы воспользоваться и наше безъидейное время. Никогда еще не слышалось столько ожесточенныхъ нападковъ на наши монастыри и обличеній монашествующихъ въ стяжательности, тунеядствѣ, забвеніи обѣтовъ, сытой и порочной жизни, какъ въ наше время признаннаго хищенія, безчестной наживы, служенія только чреву и мамонѣ, попранія всякихъ идеаловъ жизни. Нерѣдко не признающіе надобности въ спасеніи собственныхъ душъ хлопочутъ о спасеніи монаховъ. И что-же придумали для поднятія жизни и значенія нашихъ монастырей?—Навязать имъ дѣла, къ которымъ они не подготовлены, до которыхъ не доросли и которыя во всякомъ случаѣ лежатъ внѣ ихъ основныхъ задачъ,—учрежденіе школъ, больницъ для раненыхъ воиновъ, богадѣленъ и пр. и пр. Людей отрекшихся отъ міра хотятъ заставить служить міру, хотя-бы и въ его добрыхъ интересахъ; тѣхъ, которые поставили себѣ задачею выработанными въ теченіи вѣковъ формами и способами стремиться къ высшему нравственному совершенству, желали-бы привлечь къ служенію обыкновеннымъ цѣлямъ общества и тѣмъ исправить и возвысить

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1821 г. №№ 110, 260 и др.
[2]) Ibid. 1822 г. № 102.
[3]) Ibid. «Докл. Р.» еп. дѣлъ 1815 г. № 48.

ихъ жизнь. Тутъ противорѣчіе въ стремленіяхъ однихъ и другихъ, фальшь въ самомъ основаніи. Монастырь самъ въ себѣ носитъ свою цѣль,—училъ и писалъ великій мыслитель и аскетъ Ириней. Но одного отправленія службъ церковныхъ и выполненія монашескихъ правилъ для монаховъ недостаточно. Надо, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ *свое послушаніе*, свою долю въ общей жизни обители и всѣ вмѣстѣ стремились къ высшей ея задачѣ. Не школу для міра долженъ заводить монастырь, но самъ обратиться въ школу,—школу грамотности для притекающихъ къ иноческому житію неграмотныхъ и полуграмотныхъ, школу самообразованія для недокончившихъ образованія, школу науки для причастившихся ей, школу пѣнія и устава церковнаго, школу благолѣпнѣйшаго и благоговѣйнѣйшаго богослуженія, школу исповѣди и проповѣди слова Божія. Такъ смотрѣлъ на дѣло исправленія монастырской жизни Ириней, преслѣдуя только всѣми мѣрами нарушенія регулы монастырской и ограждая братію отъ внѣшняго соблазна, а дѣло личнаго подвижничества оставляя внутренней работѣ каждаго. Десять лѣтъ такого управленія слишкомъ незначительный промежутокъ, чтобы можно было ждать видимыхъ его результатовъ, да и не въ такомъ положеніи оказались тогда наши монастыри, чтобы можно было скоро и съ успѣхомъ дѣйствовать на ихъ исправленіе. Конецъ XVIII в. былъ ознаменованъ не только отнятіемъ у монастырей ихъ имѣній, но и утратою ими внутренней автономіи и всего прежняго ихъ строя и характера, приниженіемъ ихъ значенія и превращеніемъ ихъ изъ самостоятельныхъ общинъ въ казенное учрежденіе въ родѣ любаго присутственнаго мѣста. Случилось при этомъ, что болѣе богатые монастыри очутились подъ непосредственнымъ якобы управленіемъ архіереевъ, на самомъ-же дѣлѣ только половина доходовъ монастырскихъ стала переходить въ руки этихъ послѣднихъ, а всѣ дѣла монастырскіе, по указной формѣ, стали вѣдать ихъ намѣстники, представляя собою обезличенныхъ, лишенныхъ власти и иниціативы начальниковъ надъ обезличенною-же братіею. Менѣе богатые монастыри очутились подъ властію такъ называемыхъ ученыхъ архимандритовъ, управлявшихъ также чрезъ своихъ намѣстниковъ; самоличные настоятели остались только въ бѣднѣйшихъ 3-е классныхъ и заштатныхъ монастыряхъ, непредставлявшихъ уже ни для кого приманки. Понятно, что вмѣстѣ съ этимъ постепенно попи-

жался цензъ намѣстническій и настоятельскій, въ роли-же номинальныхъ настоятелей и священно-архимандритовъ вскорѣ сплошь стали люди, никогда не жившіе въ монастыряхъ и не знающіе монастырской жизни. Преосв. Ириней представляетъ собою рѣдкій, едва-ли не единственный примѣръ дѣйствительнаго настоятеля монастыря, въ званіи правящаго архіерея, и не только вполнѣ компетентнаго въ своемъ дѣлѣ, но въ такой степени ему преданнаго, что онъ съ излишкомъ отдавалъ монастырю то, что получалъ отъ него, жертвуя для него своими личными доходами и отдѣляя отъ привычныхъ научныхъ трудовъ время даже на такія для него занятія, какъ распредѣленіе дневныхъ чтеній и записываніе не бывшихъ въ церкви монаховъ.

Взглядъ Иринея на общественное значеніе монастырей не только идеальный, но въ высшей степени оригинальный. Мы воспроизведемъ этотъ взглядъ по одной огромной резолюціи преосв. Иринея, не приводя ее въ подлинникѣ, такъ какъ языкъ ея крайне тяжелъ для современнаго слуха и очень затруднителенъ для пониманія. Резолюція состоялась по слѣд. поводу: 22 апрѣля 1814 г. къ нему поступило два отношенія кіевской консисторіи, сообщавшія распоряженія высшаго правительства 1) о не передерживаніи въ монастыряхъ никого безъ подлежащихъ письменныхъ видовъ и 2) о не приниманіи никого въ число братіи безъ такихъ-же видовъ. Иринею былъ подчиненъ не только михайловскій, но и всѣ штатные и не штатные монастыри кіевской епархіи; предстояло сдѣлать общее распоряженіе по содержанію обоихъ указовъ и имѣть наблюденіе за точнымъ ихъ исполненіемъ. Ириней на отрѣзъ отказался отъ ихъ исполненія, протестовалъ противъ нихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, сообщилъ свой отвѣтъ консисторіи, объявилъ объ немъ монастырямъ и велѣлъ заготовить въ томъ-же смыслѣ *прошеніе* на имя митрополита для представленія онаго въ синодъ на разсмотрѣніе и рѣшеніе соборомъ всей русской церкви. Вотъ чѣмъ и какъ онъ мотивировалъ свое рѣшительное несогласіе принять къ исполненію объявленные указы.

„Сіе *требованіе*[1]) свѣтскаго начальства произошло отъ однихъ слишкомъ взыскательныхъ помѣщиковъ; оно не подтверждено за-

---

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ здѣсь и далѣе.

коннымъ св. синода разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ и я не могу признать его по слѣд. причинамъ: 1) монастыри всегда были и должны быть единственнымъ *пристанищемъ* всѣхъ ищущихъ избавленія отъ вѣчнаго суда Божія за совершенныя ими преступленія, или-же только удобнѣйшаго, нежели въ мірѣ, служенія Богу. 2) Относительно передерживанія и приниманія людей безъ видовъ никакъ нельзя равнять монастырей съ мѣстами мірскими; это *грады убѣжища,* которые узаконилъ самъ Богъ (Числъ, гл. 35, ст. 11 и 12). Если такія убѣжища узаконены для убійцъ, хотя и невольныхъ, то тѣмъ болѣе они должны быть для людей, впавшихъ въ меньшія преступленія и успѣвшихъ укрыться подъ сѣнь церкви. Судъ Божій, правда Божія выше человѣческихъ; послѣдніе хромаютъ. 3) Исторія древняя и новая свидѣтельствуетъ, какія непомѣрныя противозаконныя притѣсненія совершаются надъ людьми провинившимися и сколько несправедливыхъ гоненій и озлобленій терпятъ люди ни въ чемъ неповинные; *насильныя порабощенія однихъ другими въ мірѣ семъ не только не прекратились, но, къ общему несчастію рода человѣческаго, и гораздо, можетъ быть, болѣе прежняго умножились.* Не то-ли это время, когда, по слову евангельскому, за умноженіемъ беззаконія, *изсякнетъ любы многихъ* (Матѳ. 24, 19)? И не гораздо-ли болѣе теперь нужны священныя убѣжища, чѣмъ въ В. Завѣтѣ? Пусть люди въ нихъ Бога молятъ не только о своихъ, но и всего міра грѣхахъ, пусть умилостивляютъ Бога, молясь день и ночь... А такими убѣжищами кому и быть, какъ не православнымъ нашимъ монастырямъ? Св. лавра печерская, монастырь кіево-михайловскій... тутъ благоустройство, смотрѣніе архіерейское, тутъ мощи нетлѣнныя угодниковъ святыхъ почиваютъ... 4) А чтобы не было злоупотребленій, довольно обязать благоустроенные монастыри, чтобы они, принявъ временно кого либо безъ письменнаго вида, доносили-бы о томъ духовному начальству, а это сносилось-бы съ подлежащимъ свѣтскимъ, можетъ-ли быть принятое лице навсегда оставлено въ монастырѣ, и если нѣтъ, то по какимъ законнымъ причинамъ. Самимъ монастырямъ должно быть предоставлено даже право ходатайствованія о такомъ лицѣ... Конечно, они должны смотрѣть за нимъ, не давать ему отпуска; но если-бы временно принятый въ обитель бѣжалъ, не ставить ей, какъ представительницѣ священнаго права свободнаго убѣжища, этого въ

вину, но считать такіе случаи дѣйствіемъ Промысла Божія. Сверхъ того, если-бы принятый въ монастырь, по розыскамъ свѣтскихъ властей, и дѣйствительно оказался виновнымъ въ какомъ либо преступленіи (кромѣ, конечно, государственныхъ и уголовныхъ), власти свѣтскія не спѣшили-бы брать его подъ караулъ, но прежде изслѣдовали-бы, *не по причинѣ-ли непомѣрныхъ взысканій и не праведныхъ притѣсненій отъ своихъ помѣщиковъ, или отъ другихъ какихъ либо людей принужденъ былъ онъ убѣжать въ священное убѣжище*, и если такъ, пусть окажутъ ему *всю закономъ Божіимъ требуемую защиту*, а иначе падетъ на нихъ *гнѣвъ Божій*.—Таково мое внутреннее убѣжденіе... Я не могу принять сообщеннаго мнѣ требованія свѣтской власти. Пусть выскажутся по этому всѣ архіереи, пусть разсмотритъ и рѣшитъ это синодъ... *И да не умретъ убивый; дондеже станетъ предъ самомъ на судъ!*" [1])...

Помимо оригинальности въ комбинированіи понятій, ихъ формулировкѣ и выраженіи, какой въ сущности возвышенный взглядъ на міръ человѣческій и отношенія людскія! Какой глубокій протестъ противъ разъѣдавшей тогда наше общество вѣковой язвы крѣпостничества и грубаго произвола сильныхъ надъ слабыми! Какое нѣжное состраданіе къ гонимымъ и угнетеннымъ, какая безграничная христіанская любовь къ жертвамъ собственныхъ страстей и правосудія человѣческаго! Устами Ирипея тутъ дышетъ безконечная любовь Божественная. И когда читаемъ эти строки его, невольно приходитъ на память тотъ-же принципъ убѣжища и всепрощенія, который безъ формулировки, не сознанный, не освященный именемъ религіи, но подсказанный однимъ лишь естественнымъ народнымъ чувствомъ, положенъ былъ въ основу строя цѣлой общины запорожской и выдержалъ треволненія цѣлыхъ столѣтій. Онъ шелъ въ разрѣзъ съ основнымъ тогдашнимъ строемъ общества, но на сторонѣ его было болѣе правды и болѣе человѣчности. Не тоже-ли и здѣсь? Мы прославляемъ гуманистовъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, хотя-бы проронившихъ одно словце противъ рабства на письмѣ, или въ дружеской бесѣдѣ; а тутъ предъ нами въ лицѣ Ирипея открытый, формальный протестъ—безъ ограниченій, безъ недомолвокъ и уклоненій—противъ позорящей человѣчество язвы,

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. Докл. реестръ мон. дѣлъ 1814 г., № 196.

противъ порабощенія однихъ другими, угнетенія, произвола, насилія.

Къ сожалѣнію, бывшія въ нашемъ распоряженіи бумаги не дали намъ возможности прослѣдить, имѣлъ-ли этотъ крайне оригинальный протестъ какой-либо дальнѣйшій ходъ и какія-либо послѣдствія..., конечно, для самаго Иринея.

Тою-же строгою законностію, нѣкоторою идеальностію, крайнею заботою и всегдашнею сердечностію отличались отношенія пр. Иринея къ его маленькой паствѣ, на сколько мы можемъ судить объ этомъ по немногимъ сохранившимся отрывочнымъ свѣдѣніямъ. Онъ сносился съ нею то непосредственно въ лицѣ приходившихъ къ нему по дѣламъ, то чрезъ посредство подчиненнаго ему чигиринскаго духовнаго правленія, то наконецъ чрезъ личный, очень однако рѣдкій обзоръ этого отдаленнаго уголка кіевской епархіи. Тутъ на первомъ планѣ таже забота о проповѣди слова Божія. Болѣе способнымъ и образованнымъ священникамъ своей паствы онъ назначалъ приготовленіе проповѣдей собственнаго ихъ сочиненія, всѣмъ вообще предписывалъ пріобрѣтать для церковныхъ библіотекъ вышедшую въ то время въ свѣтъ „Книгу поученій воскресныхъ и ежедневныхъ, какъ самую нужнѣйшую для душевной пользы прихожанъ“, и по возможности чаще предлагать изъ нея поученія къ народу во время богослуженій [1]). Нерадивыхъ въ составленіи проповѣдей онъ подвергалъ взысканіямъ. Священникъ Ефимъ Кедриновскій не представилъ въ срокъ обязательной по личному росписанію преосвященнаго проповѣди. На донесеніе объ этомъ чигиринскаго духовнаго правленія Ириней отвѣчалъ: „священникъ Ефимъ Кедриновскій пусть упущенную имъ на новый годъ проповѣдь въ семъ-же году непремѣнно сочинитъ и въ духовное правленіе представитъ; а для побѣжденія впредь душевной лѣности *въ столь важномъ должности его пунктъ* ежедневно полагать ему въ уединенномъ мѣстѣ доземныхъ поклоновъ по 200 или болѣе, съ чтеніемъ и Псалтыри, на каждый день по двѣ или по три каѳизмы, въ чемъ его и подпискою обязать въ духовномъ правленіи [2])“. За

---

[1]) Арх. к. мих. мон. «Докл. р. мон. д.», 1817 г. №№ 160, 214 и др.
[2]) Ibid. № 22.

то если кто-либо изъ священниковъ не ограничивался составленіемъ однихъ только *обязательныхъ* проповѣдей, но занимался этимъ дѣломъ по собственному усердію, то такими людьми пр. Ириней весьма дорожилъ и отличалъ ихъ отъ другихъ служителей алтаря разными наградами, даже *палицею*[1]), составляющею теперь высшее отличіе наибольше заслуженныхъ протоіереевъ.

Въ такъ называемыхъ *ставленическихъ дѣлахъ* пр. Ириней поступалъ съ особою разборчивостью. Искавшіе священнаго сана подвергались предварительному „прилежному испытанію въ качествахъ и достоинствахъ“ [2]). Кромѣ личнаго усмотрѣнія Иринея и личныхъ документовъ кандидата, нѣкоторою гарантіею его пригодности служилъ бывшій тогда въ полной силѣ выборъ прихожанъ и ихъ одобреніе, а также рекомендація духовнаго правленія. Кто не удовлетворялъ этимъ требованіямъ, тому преосвященный совершенно отказывалъ въ посвященіи. Отказывалъ онъ и по причинѣ „*малаго ученія*“ вообще, по причинѣ „*плохаго знанія догматовъ*“ въ частности и проч. Рѣшительно отказывалъ не бывшимъ въ богословскомъ классѣ, такъ называемымъ *философамъ*, „дабы отъ того не произошло презрѣнія ученія богословскаго“, обязывая ихъ „непремѣнно... *хотя чрезъ нѣсколько времени* обучаться въ богословскомъ классѣ“.

Не имѣвшіе 25-ти лѣтъ отъ роду не были посвящаемы имъ въ санъ діакона, и 30-ти лѣтъ въ санъ священника. *Рѣдкія* исключенія дѣлались только для студентовъ богословія, которые *иногда* удостоивались священническаго сана нѣсколько и раньше, но отнюдь не моложе 25-лѣтняго возраста [3]). При самомъ опредѣленіи кандидатовъ на вакантные приходы преосв. Ириней старался по возможности склонять ихъ къ выдачѣ хотя-бы-то самого небольшаго пособія сиротамъ или вдовѣ ихъ (новыхъ священниковъ) предшественника, чтобы тѣмъ по возможности облегчить бѣдственное положеніе семьи, лишившейся кормильца [3]). Но такъ какъ пособія эти были обыкновенно довольно скудны и не всегда добросовѣстно

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. р. мон. д.», № 146.

[2]) Обо всемъ см. «Докл. р. еп. дѣлъ», 1814 г., № 93, 203, 214, 217, 221, 222, 258, 378, 386 и 463; 1815 г., № 86, 405 и 445.

[3]) Ibid., 1817 г., 1814 г., №№ 209, 256.

выплачивались; то впослѣдствіи онъ болѣе серьезно занялся вопросомъ объ изысканіи средствъ на пособіе престарѣлымъ священно и церковно-служителямъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ. Въ 1822 году, по его распоряженію, учреждена была въ церквахъ чигир. уѣзда особая кружка, треть сбора которой предназначалась для указанной цѣли [1]).

Заканчивая рѣчь нашу объ управленіи Иринеемъ своею паствою, не можемъ не упомянуть о его заботахъ относительно поддержанія того древняго церковно-народнаго напѣва, которымъ всегда славился Кіевъ, въ которомъ народъ отобразилъ свою многоскорбную поэтическую душу и который прошелъ чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ, не бывъ никогда записанъ, но сохраняясь въ памяти поющихъ и передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію. Не можемъ не упомянуть также и о его нѣжной любви къ маленькимъ пѣвчимъ, о которой съ такою сердечностію повѣствовалъ намъ два года назадъ находившійся еще въ живыхъ пѣвчій его хора, потомъ старецъ кіево-михайловскаго монастыря о. Тихонъ Цариковскій.—Еще будучи въ составѣ академіи, Ириней настоялъ на введеніе въ число обязательныхъ предметовъ обученія въ ней *пѣнія* ирмолойнаго по напѣву кіево-печерской лавры. Вступивъ въ управленіе кіево-михайловскимъ монастыремъ, онъ открылъ здѣсь школу такого-же пѣнія для послушниковъ этого монастыря [2]). Не зависимо отъ сего, онъ прилагалъ особое попеченіе о поддержаніи и развитіи такъ называемой „русской школы„, которую онъ засталъ въ своей архіерейской резиденціи, въ періодъ перваго своего въ ней пребыванія въ званіи викарія. Школу эту учредилъ здѣсь предмѣстникъ Иринея, первый викарій кіевскій Ѳеофанъ Шіяновъ, сформировавшій для себя хоръ пѣвчихъ изъ монастырскихъ послушниковъ (басы и тенора) и изъ мальчиковъ духовнаго званія, преимущественно чигиринскаго уѣзда. Кому неизвѣстно печальное положеніе маленькихъ пѣвчихъ въ большей части архіерейскихъ хоровъ прежняго времени? Ихъ брали наборомъ, какъ въ рекруты; въ обществѣ взрослыхъ басовъ и теноровъ, большею частію пьяницъ, они развращались, ничему не выучиваясь, а когда теряли голосъ, ихъ выбрасывали, какъ измя-

---

[1]) Арх. кіев.-мих. мон. «Докл. р. мон. д.», 1822 г., №№ 143, 158.

[2]) Ibid., № 177.

тый цвѣтокъ, и сами они съ возрастомъ переходили не рѣдко въ разрядъ „предѣльныхъ пьяницъ“, забулдыгъ и „химерогоновъ“. Цѣль учрежденной еп. Ѳеофаномъ „русской школы“ была обучать именно этихъ *дѣтей*-пѣвчихъ, подготовляя ихъ къ поступленію въ низшіе классы кіевской академіи. При еп. Ѳеофанѣ учили въ этой школѣ два монаха михайловскаго монастыря и одинъ вольнонаемный изъ свѣтскихъ. Но если Ѳеофану принадлежитъ честь учрежденія этой школы, то Иринею она обязана своимъ долгимъ, до самой смерти его, существованіемъ, упорядоченіемъ и развитіемъ. При немъ школа была раздѣлена на два класса— *высшій* и *низшій*, точно установленъ порядокъ занятій и программа обученія, опредѣленъ и постоянный штатъ. Учили здѣсь чтенію и письму, русской грамматикѣ, всеобщей географіи и исторіи, ариѳметикѣ и нотному пѣнію. Учителей выбиралъ самъ Ириней, обученіе производилось *подъ его личнымъ руководствомъ и смотрѣніемъ;* учитель ариѳметики и нотнаго пѣнія получалъ 100 рублей, когда въ академіи учителя высшихъ предметовъ получали 40 и 30 рублей въ годъ. Но не смотря на полное устройство и обезпеченіе школы, Иринея тянула къ ученію старая привычка, а можетъ быть особая любовь къ дѣтямъ, и онъ самъ почти ежедневно занимался съ ними въ школѣ, преимущественно по ариѳметикѣ и катихизису, какъ важнѣйшимъ предметамъ программы.

Въ 1812 году преосв. Ириней, какъ мы уже знаемъ, назначенъ былъ на смоленскую каѳедру, и „русская школа“ совсѣмъ прекратила свое существованіе. Въ теченіе слишкомъ 13 мѣсяцевъ учителямъ не выдавали жалованія, пѣвчимъ не отпускали провіанта на томъ основаніи, что школа и хоръ содержались на викаріатскіе доходы и жалованье, между тѣмъ какъ, по тогдашнимъ смутнымъ государственнымъ обстоятельствамъ, все это время не опредѣляли новаго викарія, безъ разрѣшенія котораго монастырское правленіе не имѣло права отпускать суммъ на подобные расходы. Дѣти были распущены по домамъ родителей и родственниковъ. Только въ 1813 году, съ возвращеніемъ преосв. Иринея изъ Смоленска въ званіи коадъютора, дѣти снова были собраны и возстановленная русская школа [1]) продолжала существовать до са-

[1]) Объ этой школѣ см. арх. кіево-мих. мон. оп. № 1, § 13, № 17.

мой смерти Иринея. Держалъ онъ себя съ пѣвчими дѣтьми просто и близко, часто дарилъ ихъ деньгами и сластями, не рѣдко звалъ ихъ въ свои палаты, предоставлялъ имъ играть и рѣзвиться въ волю и не только не выражалъ ни малѣйшаго неудовольствія или стѣсненія отъ ихъ шуму и гаму, но съ любовію глядѣлъ тутъ-же на радость дѣтей.

IX.

Намъ остается сказать о проповѣднической дѣятельности Иринея.—Въ ней, какъ и въ другихъ родахъ своей дѣятельности, онъ обнаружилъ поражающее трудолюбіе и плодовитость и по количеству сказанныхъ имъ проповѣдей не имѣетъ себѣ равнаго въ ряду русскихъ проповѣдниковъ всѣхъ временъ. Мы разыскали проповѣдей его сочиненія 1294, и не ручаемся, что этимъ исчерпывается безъ остатка все, что написано имъ для произнесенія съ церковной каѳедры. Ириней не обладалъ даромъ импровизаціи и не говорилъ по вдохновенію, а напередъ обдумывалъ, составлялъ, исправлялъ, заучивалъ наизусть и только тогда уже восходилъ на церковную каѳедру. Но до возведенія своего въ епископскій санъ онъ говорилъ не болѣе 2-хъ проповѣдей въ годъ; значитъ, вся почти масса этихъ словъ и бесѣдъ сказана въ 15-ть лѣтъ его архіерейства. Какой колоссальный трудъ при другихъ неимовѣрныхъ трудахъ! И не удивительно: проповѣдь Ириней считалъ своею священнѣйшею *обязанностью* и проповѣдывалъ не только каждый воскресный и праздничный день, но не рѣдко и въ дни будничные [1]). И вся эта груда словъ, бесѣдъ и поученій почіетъ въ рукописяхъ, главнымъ образомъ въ библіотекѣ кіево-софійскаго собора. Два раза принимался Ириней за изданіе отборнѣйшихъ своихъ проповѣдей, въ числѣ около 200, и въ оба раза намѣреніе его почему-то не осуществилось. Только 6-ть изъ нихъ, и то въ весьма недавнее время, напечатаны въ нѣкоторыхъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Было-бы излишне подвергать хотя сколько-нибудь подробному и обстоятельному разбору этотъ архивный, обреченный на вѣчное

---

[1]) Истор. ст. оп. см. еп., стр. 142; «Кіевъ» Аскоченскаго, т. II, стр. 333; «Труды к. д. ак.» на 1867 г., т. I, стр. 131.

забвеніе матеріалъ; ограничимся только общими замѣчаніями о проповѣдничествѣ Иринея, направленіи, характерѣ и пріемахъ онаго.

Проповѣдническое слово преосв. Иринея не было огнемъ и силою, поражающею и подчиняющею себѣ умы и сердца слушателей; не было оно тонкою и глубокою, всеразличающею и всеопредѣляющею мыслію; *не всегда* было оно также служеніемъ какой-либо завѣтной идеѣ, овладѣвшей всѣмъ сознаніемъ проповѣдника, и не выражало настойчиваго желанія провести въ жизнь какія-либо опредѣленныя начала или правила. Это было ясное слово, бросавшее свѣтъ на разные предметы христіанской мысли и сообщавшее его простымъ и ученымъ людямъ, приходившимъ въ церковь по движенію благочестиваго чувства. Современники могли не поражаться Иринеемъ, какъ ораторомъ, но они не могли не признать, что съ ними говоритъ умный человѣкъ и христіански образованный пастырь, желающій передать всѣмъ церковное ученіе, свои здравыя сужденія и доброе благочестивое настроеніе. Проповѣдь преосв. Иринея общаго характера по своему содержанію; но чрезъ это общее въ разныхъ мѣстахъ живо проторгаются отголоски времени. Если разсматривать его проповѣди въ связи съ исторіею христіанскаго краснорѣчія вообще, то можно сказать, что онъ держится древняго направленія—изъяснительнаго, которое выходитъ изъ словъ писанія и церкви и изъ нихъ извлекаетъ уроки назиданія для общества. Проповѣдь его дѣйствительно воспроизводитъ въ себѣ нерѣдко древнюю первобытную изъяснительную христіанскую бесѣду и вообще характеромъ своимъ въ общемъ болѣе приближается къ ней, чѣмъ къ произведеніямъ христіанскаго краснорѣчія, не только назидательнаго, но и сильнаго энергіею жизненнаго слова и блескомъ ораторскаго искусства. Въ ряду представителей русской проповѣди конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія преосв. Ириней безъ сомнѣнія долженъ быть помянутъ съ уваженіемъ; но не ему здѣсь принадлежитъ первое мѣсто. По складу своихъ умственныхъ способностей онъ не могъ, какъ проповѣдникъ, сдѣлаться вліятельнымъ руководителемъ цѣлыхъ поколѣній. Человѣкъ умный и глубоко-ученый, онъ не обладалъ особымъ ораторскимъ талантомъ, ни сильнымъ одушевленіемъ, ни знаніемъ жизни и близостію къ ней.

Есть рядъ проповѣдей его, посвященныхъ разрѣшенію весьма важнаго, догматическаго, и въ тоже время сильно волновавшаго умы современниковъ вопроса; въ нихъ онъ старается проникнуть до глубины его и опровергнуть всѣ существующія и даже возможныя возраженія противъ правильнаго отвѣта; но это скорѣе ученые трактаты, чѣмъ слово взятое изъ жизненныхъ наблюденій. Таковы его „краткія поучительныя бесѣды къ народу о безконечности имѣющихъ быть по смерти праведныхъ Божіихъ воздаяній каждому по дѣламъ, съ опроверженіемъ пагубнаго въ семъ догматѣ заблужденія новѣйшихъ оригеніанъ". Всѣхъ бесѣдъ, посвященныхъ этому вопросу, 186, считая и 3 „предназначительныя бесѣды". Онѣ направлены противъ современныхъ проповѣднику ложныхъ западныхъ ученій объ этомъ предметѣ, успѣвшихъ проникнуть въ русское общество и сильно привившихся въ либеральный вѣкъ Екатерины II на новой почвѣ. Въ числѣ прочихъ лжеучителей проповѣдникъ нашъ ведетъ полемику, главнымъ образомъ, съ *Герардомъ*, подробно разбирая и опровергая сочиненія его: „Разсужденія о будущемъ возстановленіи всѣхъ отпавшихъ отъ Бога тварей", „Краткое понятіе о вѣчности казней Божіихъ" и др., — а затѣмъ уже съ *Шеферомъ* [1]), *Ѳеопемптомъ Мисаиловымъ* [2]) и наконецъ, даже съ знакомыми своими, державшимися подобныхъ-же воззрѣній [3]). Названныя бесѣды и въ настоящее время могли-бы занять почетное мѣсто въ проповѣднической литературѣ, какъ *достойные подражанія образцы догматико-полемическихъ поученій.*

Въ рѣшеніи другихъ вопросовъ, которыхъ касался въ своихъ проповѣдяхъ Ириней, не видно особеннаго напряженія анализирующей мысли, не видно усилія взвѣсить всю силу вопроса, проникнуть до глубины его. Вопросъ набѣгаетъ какъ-бы случайно, и рѣшеніе его является правильнымъ, пожалуй яснымъ, но часто не сильнымъ и не глубокимъ. Развитіемъ этого рѣшенія не можетъ удовольствоваться человѣкъ, любящій углубляться въ вещи и доискиваться ихъ основаній. Видна чрезмѣрная краткость, даже какая-то поспѣшность у проповѣдника при рѣчи о важномъ предметѣ

---

[1]) Противъ его «Вѣчнаго Евангелія».

[2]) Противъ статьи его въ журналѣ «Сіонскій Вѣстникъ» за 1806 г., августъ.

[3]) См. напр. рук. кіево-соф. соб., № 37, бесѣда 147.

христіанскаго ученія: указалъ онъ одну, другую черту въ немъ— и старается поскорѣе поставить и выразить заключительное слово. Безъ сомнѣнія, въ этомъ видѣнъ живой характеръ Иринея, не любившаго медлительной процедуры какого-бы-то ни было дѣла и спѣшившаго жить и дѣйствовать,—поскорѣе оканчивать прежде начатую работу и приниматься за новую.

Въ выборѣ предмета для проповѣди Ириней обыкновенно не показывалъ особой заботы и большого разнообразія; здѣсь онъ шелъ тѣмъ простымъ и обыкновеннымъ путемъ, какой практикуется въ церкви еще съ древнихъ временъ: беретъ дневное евангельское или апостольское чтеніе, останавливается на какомъ-либо текстѣ и изъ него развиваетъ главную мысль своей проповѣди.

Проповѣди Иринея по преимуществу теоретическаго характера. Догматъ христіанскій—основаніе проповѣди и первый предметъ ея. Догматизмъ его очень чистый, но онъ не имѣетъ той утонченности и той подробности анализа, какими отличается догматическое слово древнихъ отцовъ восточной греческой церкви. Изъ числа догматовъ вопросу *объ искупленіи* рода человѣческаго посвященъ рядъ проповѣдей. Тема эта мало оттѣняетъ собою направленіе мысли вѣка; она свидѣтельствуетъ только о чистотѣ христіанскаго богомыслія Иринея, съ благоговѣніемъ погружавшагося въ глубокую тайну нашей вѣры.

Другими излюбленными, такъ сказать, вопросами, къ которымъ часто обращался преосв. Ириней въ проповѣдяхъ своихъ, были вопросы о необходимости подчиненія разума вѣрѣ, о важности вѣры въ жизни человѣческой и безразсудности невѣрія, о не вниманіи къ слову Божію, о христіанской мудрости и т. п.—И эти бесѣды имѣютъ у преосв. Иринея большею частію общій характеръ и вращаясь въ логической отвлеченной сферѣ, въ своей отдѣльности не являются отголоскомъ времени и личныхъ наблюденій оратора, но въ *общей ихъ совокупности* представляютъ волненіе чувства проповѣдника и ясно опредѣляютъ его отношенія къ направленію поколѣній, имъ поучаемыхъ. Онъ видѣлъ оскудѣніе вѣры въ своихъ современникахъ; его поражало распространеніе невѣрія и усиленіе холодности къ христіанской мудрости въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ. Онъ скорбѣлъ объ этомъ, съ сожалѣніемъ вспоминалъ о древнихъ христіанахъ, о старыхъ временахъ, когда уважа-

лись отеческіе обычаи и вмѣстѣ съ ними отеческая вѣра, и старался словомъ своимъ содѣйствовать охраненію вѣры и противодѣйствовать разливу новаго невѣрующаго направленія. Противодѣйствіемъ этому направленію, какъ извѣстно, явилось между прочимъ такъ называемое *Библейское Общество*, котораго отдѣленіе было и въ Кіевѣ. Иринней сочувствовалъ ему словомъ и дѣломъ [1]), ревностно побуждая къ тому-же монашествующихъ [2]) и бѣлое духовенство [3]), но на отрѣзъ отказался принять предложенное ему званіе вице-президента въ кіевскомъ отдѣленіи этого общества, находя это несообразнымъ съ положеніемъ архіерея, какъ проповѣдника слова Божія [4]).

Проповѣдей правоучительнаго содержанія у Иринея сравнительно немного и излюбленныхъ темъ, направленныхъ противъ преобладающихъ въ обществѣ того времени пороковъ, также нѣтъ. По вызову евангельскихъ и апостольскихъ чтеній или другихъ соприкосновенныхъ обстоятельствъ, проповѣдникъ говоритъ то о надлежащемъ чествованіи праздниковъ, то о братолюбіи или любви ко врагамъ, то о милосердіи, то о послѣдованіи волѣ Божіей, а не человѣческимъ страстямъ и пр.,—вездѣ вы видите тонкое нравственное чувство, образованное и развитое, и нигдѣ не находите жизненнаго опыта и анализа. Въ частности проповѣдникъ и не пускается; но положительная заповѣдь высказывается всегда прямо, ясно, безъ околичностей, съ простотою практическаго смысла. Нравоученіе Иринея не отличается излишнимъ суровымъ ригоризмомъ и не преслѣдуетъ исключительныхъ аскетическихъ цѣлей. Гдѣ кого застаетъ онъ въ обществѣ, тамъ и старается облегчить или уяснить своему брату подвигъ жизни, указываемый каждому его общественнымъ положеніемъ и христіанскимъ призваніемъ. Лишь изрѣдка и для немногихъ возвышалъ онъ слово за пустынножительство, въ виду множества соблазновъ среди міра, лежащаго во злѣ.—Возгласы о чистотѣ и высотѣ естественной нравст-

---

[1]) Ркп. кіево-соф. соб., № 582.

[2]) Арх. кіево.-мих. мон. «Док. р.» еп. дѣлъ, 1815 г., № 450; ibid. «Докл. р.» мон. д., 1816 г., № 226; 1817 г., № 2; 1821 г., №№ 232, 243 и др.

[3]) Idid., «Докл. р.» еп. дѣлъ, 1815 г., №№ 453, 458 и др.

[4]) Библ. кіево.-соф. соб., отдѣльный листъ безъ номера.

венности слышны были и во время преосв. Иринея и, можетъ быть, не менѣе часто, чѣмъ теперь. Они были отголоскомъ послабляющей морали просвѣтительной философіи *XVIII* вѣка, умѣвшей найти слишкомъ широкій кругъ поклонниковъ. Противъ этого опаснаго самообольщенія возставалъ въ проповѣдяхъ преосв. Ириней и доказывалъ, что вся честность наша тогда только имѣетъ свою цѣну, когда основана на вѣрѣ и благочестіи.

Обращая, наконецъ, вниманіе на внѣшній характеръ проповѣди преосв. Иринея, прежде всего видимъ въ ней правильность расположенія и построенія. Составъ его проповѣди всегда прозраченъ и ясенъ: всегда видна въ немъ главная мысль, въ ея частныхъ видоизмѣненіяхъ, и при этой прозрачности она какъ-бы сама собою ложится въ сознаніе слушателей. Практическій тактъ Иринея не дозволялъ ему отягощать вниманіе слушателей сложною аргументаціею, излишними дробленіями, извитіями діалектики, вообще грузомъ представленій, давящихъ одно другое и не дающихъ возможности сознанію слушателей сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ; отъ того проповѣди его всегда довольно кратки, исключая весьма немногихъ *первыхъ* словъ, писанныхъ еще въ бытность Иринея профессоромъ академіи.

Въ манерѣ изложенія преобладаетъ *библеизмъ*, или частое употребленіе библейскихъ текстовъ или выраженій, что не просто было модою времени, какъ теперь изгнаніе текстовъ изъ проповѣди, но было естественнымъ послѣдствіемъ постояннаго чтенія Иринеемъ книгъ св. Писанія, многолѣтняго преподаванія онаго и спеціальнаго толкованія. Не мало въ проповѣдяхъ Иринея примѣровъ изъ области священной исторіи, житій святыхъ, исторіи гражданской; но приводя ихъ въ подтвержденіе разныхъ положеній проповѣдуемаго имъ вѣроученія и нравоученія христіанскаго, онъ далекъ отъ крайности проповѣдниковъ XVIII в., прибѣгавшихъ нерѣдко для оживленія своего слова даже къ области миѳологіи. Теперь въ русской проповѣди установился уже чистый церковный вкусъ или строгое благоговѣйное приличіе. Ириней также былъ пуристомъ и дѣлалъ строгій выборъ между вещами и явленіями, какими владѣла его память и какими можно было пользоваться для уясненія и большаго напечатлѣнія въ памяти слушателей извѣстныхъ нравственныхъ принциповъ. Вы у него

встрѣтите ссылку на лѣтописи, найдете указанія на пожертвованія Минина и раны Пожарскаго, на доблести воиновъ Игоря и воиновъ Петра, Екатерины, Павла и Александра; но все это въ тѣхъ только его проповѣдяхъ, которыя онъ говорилъ не только какъ пастырь, а и какъ гражданинъ Россіи, да и здѣсь, когда слово начинаетъ говорить не гражданскому только чувству, но вмѣстѣ и религіозному, изъ возбужденнаго патріотическаго тона оно тотчасъ-же переходитъ въ спокойное назидательное разсужденіе.

Въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ преосв. Иринея встрѣчаются выдержки изъ твореній отцовъ церкви или только ссылки на нихъ, свидѣтельствующія о его глубокомъ знакомствѣ съ отеческою литературою; но такія свидѣтельства употребляются имъ только тогда, когда слово его или касалось малоизвѣстнаго преданія, или представляло истину, могущую возбуждать сомнѣнія и не сильную съ разу склонить слушателя къ убѣжденію.

Что касается языка проповѣдей преосв. Иринея, особенно написанныхъ имъ до полученія епископскаго сана, то въ этомъ отношеніи Ириней можетъ быть поставленъ въ числѣ лучшихъ представителей чистой литературной русской рѣчи между писателями конца прошлаго и первой четверти настоящаго столѣтія. Въ языкѣ его проповѣдей замѣтно полное отрѣшеніе отъ церковно-славянскихъ формъ [1]); въ немъ нѣтъ и тѣни какой-либо грубости, вульгарности; вы не найдете въ немъ словъ иностранныхъ, такъ обыкновенныхъ у предшествовавшихъ и современныхъ Иринею проповѣдниковъ, ни архаизмовъ, за которые упорно стояла партія противниковъ карамзинскаго слога, ни даже словъ южнорусскихъ и польскихъ, которыми испещренъ языкъ южно-русскихъ проповѣдниковъ XVIII вѣка. Тѣмъ не менѣе складъ рѣчи Иринея вообще тяжелый и больше походитъ на строй рѣчи латинской, чѣмъ русской. Это условливалось не только тѣмъ, что онъ воспитанъ былъ на языкахъ древнихъ и постоянно обращался съ книгами латинскими, греческими и церковно-славянскими, но отчасти особымъ складомъ его

---

[1]) Исключеніе представляетъ *первое* слово къ чигиринской паствѣ (въ субб. 1-ю поста, декар. 1807 г., см. ркп. кіево-соф. соб., № 277), написанное на *славянскомъ* языкѣ.

мысли и тономъ рѣчи всегда спокойной, холодной и рѣдко оживленной движеніемъ чувства Изъ тона спокойнаго разсужденія Ириней почти никогда не выходитъ въ своихъ проповѣдяхъ; и потому нѣтъ у него живыхъ ораторскихъ оборотовъ, мало пламенныхъ восклицаній и обращеній, нельзя указать искуственнаго извитія слова, разчитаннаго на то, чтобы понравиться слушателямъ и произвесть на нихъ особенное впечатлѣніе. Только иногда возвышается немного ровное, спокойное его слово и проповѣдникъ теплою молитвою заканчиваетъ свою бесѣду.

— ——

X.

Мы прослѣдили всю жизнь преосв. Иринея Фальковскаго, начиная съ дня его рожденія и до послѣднихъ лѣтъ его службы, обозрѣли съ большею или меньшею подробностію всѣ стороны его продолжительной и разнообразной дѣятельности, и какъ ни много въ общей массѣ собрано нами о немъ данныхъ, трудно по нимъ начертить живой, цѣльный его образъ. Это потому, быть можетъ, что все въ немъ оригинально и не подходитъ подъ общепринятыя мѣрки представленій о дѣятеляхъ историческихъ и людяхъ обыкновенныхъ. Оригинальна его родословная и происхожденіе, оригинально все его обученіе и воспитаніе, первые годы его службы и принятіе монашества, столкновеніе съ митр. Іероѳеемъ, вся профессорская и ректорская служба, первые годы епископства, едва не закончившіеся схимой, возвращеніе на викаріатство послѣ самостоятельной каѳедры, исключительное его положеніе на прежнемъ мѣстѣ викарія и самый этотъ титулъ коадъютора, исключительно для него придуманный и не бывшій пустымъ титуломъ. Оригиналенъ складъ его ума, оригинальны его воззрѣнія по самымъ важнымъ и даже мелочнымъ вопросамъ, оригинальна вся его жизнь и самая обстановка жизни, а его трудолюбіе и плодовитость положительно феноменальны. Ничего въ немъ геніальнаго, это просто талантъ, но талантъ удивительно разносторонній. И если Богъ далъ ему талантъ, то онъ пріобрѣлъ на него десять талантъ. Живой, обыкновенный человѣкъ рано въ немъ похороненъ,—вмѣсто него жилъ человѣкъ возрожденный и одухотворенный аскетизмомъ; но во всякомъ новомъ своемъ положеніи онъ создаетъ для себя особую

форму жизни. О родныхъ онъ не упоминаетъ, друзей и людей близкихъ онъ по видимому совсѣмъ не имѣлъ; по всюду ищетъ онъ человѣка и дѣлаетъ для него добро, не оставляя для себя почти ничего. Когда онъ умеръ, отъ него, при его питаніи кашицей, осталось лишь около двухъ тысячъ ассигнаціями и ни одной цѣнной вещи, кромѣ массы книгъ. Когда не удалось ему изданіе его проповѣдей, онъ посылаетъ въ чигиринское духовное правленіе своеручно писанный сборникъ и деньги для переписки онаго и передачи въ кресто-воздвиженскую церковь [1]). Разъ правленіе михайловскаго монастыря постановило купить для выѣздовъ его цугъ въ 6-ть лошадей;—онъ отвѣчалъ: „сей цугъ могъ-бы быть надобенъ развѣ для моего преемника, я-же, въ случаѣ крайней какой надобности, могу выѣзжать и одною парою какихъ нибудь лошадей?“ [2]). Обыкновенныхъ знакомствъ не только съ свѣтскими лицами, но и съ кѣмъ-бы то ни было Ириней не водилъ никогда; его сношенія могли быть только дѣловыя и служебныя. Консисторіи онъ, по видимому, не долюбливалъ, судя по тону нѣкоторыхъ его отвѣтовъ. Въ ней засѣдали тогда преимущественно архимандриты и игумены кіевскихъ монастырей, а въ канцеляріи царило великое взяточничество. Во время одной изъ своихъ поѣздокъ въ чигиринскую свою паству, преосв. Ириней, при выходѣ изъ какой-то церкви, остановился предъ картиной страшнаго суда, на которой въ числѣ грѣшниковъ, идущихъ въ адъ, нарисованы были и лица иноческаго чина и міряне не простаго званія. Указывая на картину, преосвященный спросилъ стоявшаго здѣсь дьячка: что это? Простодушный дьячекъ не затруднился отвѣчать: „Кіевская дикастерія“. Ириней прослезился и прекратилъ дальнѣйшее испытаніе. Въ отношеніяхъ его къ начальствовавшимъ надъ нимъ владыкамъ едва слабыми штрихами отмѣчены расположеніе и покровительство митр. Самуила, гнѣвъ и прощеніе митр. Іероѳея, отсутствіе неладовъ съ митр. Серапіономъ и полное отчужденіе отъ митр. Евгенія. Послѣдній не менѣе Иринея славился умомъ и ученостію, а между такими лицами въ нашей іерархіи рѣдко существовали добрыя отношенія и примѣровъ на то можно-бы

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. р.» еп. дѣлъ № 354.

[2]) Ibid. «Докл. р.» мон. дѣлъ № 6.

привести не мало [1]). Не лишено значенія, что ни въ обширномъ „Дневникѣ“ митр. Серапіона, ни въ уцѣлѣвшихъ бумагахъ митр. Евгенія не находится замѣтокъ, характеризующихъ ближайшаго ихъ соправителя. Остался единственный отзывъ о немъ современника, притомъ свѣтскаго и знатнаго лица, именно кн. И. М. Долгорукаго, отзывъ не сочувственный, основанный на мимолетномъ внѣшнемъ впечатлѣніи, но прибавляющій нѣкоторыя новыя черты къ тому, что намъ извѣстно объ Иринеѣ. Приводимъ оный дословно.

„Въ этомъ (кіево-златоверхо-михайловскомъ) монастырѣ живетъ викарій митрополита кіевскаго, епископъ чигиринскій, Ириней: я любопытствовалъ видѣть его въ служеніи. Онъ уже не молодъ (писано въ 1810 г.) и отправляетъ званіе свое *безъ всякой сановитости*; нѣтъ въ немъ *ни величія, ни пріятной простоты*. Онъ не ходитъ, а бѣгаетъ; движенія его всѣ отмѣнно скоры; рѣдко смотритъ вверхъ или по сторонамъ; всегда взоръ его потупленъ въ землю, даже и тогда, какъ осѣняетъ свѣчами. Всякое воскресенье онъ *поетъ обѣдню* (?) и *вмѣсто проповѣди онъ толкуетъ апостольскія посланія съ амвона всенародно*. Ни слово его, ни обращеніе не плѣняетъ. Я входилъ къ нему въ келію: *пріемъ принужденный, бесѣда пустая. Говорятъ, что онъ очень ученъ; и такъ видно, что онъ не хотѣлъ предъ нами разсыпать своихъ умственныхъ сокровищъ*“ [2]).

Годы шли за годами, замѣтно налагая печать старчества на преосв. Иринея. Но онъ по прежнему весь отдавался своимъ занятіямъ. Сравнительнымъ отдыхомъ онъ пользовался только въ воскре-

---

[1]) Когда митр. Евгеній, какъ гласитъ, преданіе, возвратилъ Иринею присланный ему этимъ послѣднимъ въ день именинъ Евгенія кулекъ винъ, съ намекомъ на одолѣвавшую когда-то его страсть, Ириней пересталъ являться къ нему по дѣламъ и сносился съ нимъ письменно. Когда наступилъ въ михайловскомъ монастырѣ храмовой праздникъ и пріѣхалъ митрополитъ для служенія, Ириней не вышелъ къ нему, не принялъ его и послѣ обѣдни, сказавшись больнымъ. Въ день имянинъ своихъ онъ снова не принялъ Евгенія, пріѣзжавшаго съ поздравленіемъ; не принялъ и тогда, когда тотъ заѣхалъ къ нему проститься предъ отъѣздомъ въ Петербургъ.

[2]) См. «Чтенія въ имп. общ. ист. и древн. рос.» 1869 г., кн. III, стр. 274: «*Славны бубны за горами или путешествіе кое-куда 1810 г.*»

сные и праздничные дни, оставляя въ эти дни—да и то лишь на закатѣ жизни своей—всякое дѣлопроизводство по монастырю и епархіи [1]). Все-же остальное время онъ по прежнему проводилъ въ непрестанныхъ занятіяхъ, живя буквально *безвыходно* въ кіево-михайловскомъ монастырѣ. По словамъ старожиловъ, преосв. Ириней, подъ конецъ жизни, не только нигдѣ внѣ монастыря не появлялся, ни на какихъ торжествахъ и праздненствахъ не участвовалъ, а и пересталъ бывать даже у митрополита.

Но постоянные труды и добровольныя лишенія не совсѣмъ благопріятно отзывались на слабомъ и безъ того здоровьѣ преосвященнаго. Еще въ 1815 году онъ отказался отъ участія въ торжественномъ благодарственномъ молебствіи „о успѣхахъ оружія союзныхъ войскъ и о занятіи оными французской столицы", отказался и навсегда отъ подобныхъ церемоній и служеній, „ради непрестанныхъ въ пользу двухъ епархій—кіевской и черниговской, священнослуженій и чувствуя непрестанное силъ своихъ изнуреніе" [2]). Впослѣдствіи-же времени здоровье его совершенно разстроилось. 26 апрѣля 1823 года самимъ Иринеемъ подписана и внесена въ „реестръ" послѣдняя бумага [3]). Слѣдующіе два дня онъ совсѣмъ уже не могъ заниматься дѣлами.

Было воскресенье 29 апрѣля 1823 года. Въ домовой архіерейской церкви шла ранняя обѣдня. Преосвященный Ириней сидѣлъ въ своихъ покояхъ и въ 814-й разъ прочитывалъ „Чинъ присяги архіерейскія", сдѣлавши объ этомъ на ней собственноручную отмѣтку. Во время чтенія Евангелія еще слышны были шаги преосвященнаго. Но послѣ обѣдни его нашли сидящимъ надъ раскрытою библіею безъ всякихъ признаковъ жизни. Въ два часа по-полудни собралось духовенство; останки преосвященнаго были сняты со стула, перенесены въ домовую церковь и, послѣ обычнаго помазанія елеемъ, положены здѣсь во всемъ архіерейскомъ облаченіи. Въ 10 часовъ утра 30 апрѣля покойника перенесли въ большую церковь, въ придѣлъ св. великомуч. Екатерины; а 1 мая, послѣ совершенія

---

[1]) См. Арх. кіево-мих. мон. «Докл. р.» мон. дѣлъ 1821 г. № 54.

[2]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. р.» мон. дѣлъ № 86; ср. ibid. «Докл. р.» еп. дѣлъ 1815 г. № 328.

[3]) № 70.

литургіи и отпѣванія панихиды, онъ погребенъ былъ митр. Евгеніемъ по срединѣ придѣла [1]). Впослѣдствіи, на аркѣ по завѣщанію усопшаго написано было изображеніе святителя Иринея лугдунскаго (имя котораго принялъ Фальковскій въ монашествѣ), представлявшее собою портретъ самаго преосвященнаго [2]). Нѣсколько повыше находятся три иконы, принесенныя въ даръ благодарнымъ преосв. *Александромъ Павловичемъ* [3]), предъ которыми горитъ неугасимая лампада.

Такъ скончался преосв. Ириней Фальковскій на 61 году жизни. Духовенство кіевской епархіи въ рѣдкихъ представителяхъ того времени и теперь еще хранитъ благодарную и свѣтлую память объ немъ, а въ братіи кіево-михайловскаго монастыря живетъ убѣжденіе въ нетлѣніи его тѣла. Упомянутый нами выше старецъ Тихонъ Цариковскій сообщалъ намъ, что даже въ самый день погребенія Иринея онъ не только не показывалъ никакихъ признаковъ разложенія, но, напротивъ, всѣ члены его обладали почти такою-же мягкостію, какъ и члены живаго человѣка.

Георгій Булашевъ.

---

[1]) См. запись на «Чинѣ присяги архіерейскія», хранящемся въ библіотекѣ кіево-михайловскаго монастыря подъ № 241. Это мѣсто для своего погребенія, говорятъ, назначилъ самъ преосв. Ириней, когда заходилъ посмотрѣть на работы по обновленію придѣла (въ 1820 г.)

[2]) См. объ этомъ въ эпитафіи его. Впослѣдствіи святитель Мелетій *Леонтовичъ*, имѣвшій весьма много внѣшняго сходства съ преосв. Иринеемъ, велѣлъ нѣсколько передѣлать этотъ портретъ (см. «Кіевск. Епарх. Вѣд.» 1879 г., іюль). Другой портретъ преосв. Иринея можно видѣть въ конгрегаціонной залѣ кіевской духовной академіи на лѣвой сторонѣ отъ входа.

[3]) Преосв. Александръ въ дѣтскіе годы держалъ книгу при служеніяхъ преосв. Иринея и былъ однимъ изъ лучшихъ и любимѣйшихъ имъ воспитанниковъ извѣстной уже намъ «русской школы» михайловскаго монастыря. Впослѣдствіи онъ былъ рукоположенъ (15 іюня 1820 г.) преосв. Иринеемъ во священники, а овдовѣвъ, поступилъ въ полкъ, былъ архимандритомъ соловецкаго монастыря и епископомъ архангельскимъ и полтавскимъ. Во время пребыванія своего въ Кіевѣ на покоѣ онъ часто посѣщалъ гробницу преосв. Иринея и служилъ по немъ панихиды. По его-же вкладу ежегодно 15 іюня совершается здѣсь заупокойная литургія и панихида.

Два документа о хозяйствѣ кіевскихъ монастырей въ половинѣ XVIII ст.

Два печатаемые ниже акта достались намъ изъ совершенно различныхъ источниковъ и касаются хозяйственнаго управленія двухъ отдѣльныхъ монастырей; но оба относятся къ одной и той-же мѣстности.

Одинъ изъ этихъ документовъ полученъ нами отъ священника м. Триполья о. Семперовича и касается условій землевладѣнія въ имѣніи каѳедры кіевской митрополіи (м. Триполья, кіевской губерніи и уѣзда). Нынѣшній кіево-софійскій соборъ былъ тогда не только каѳедрой митрополита, но вмѣстѣ и монастыремъ, и духовный соборъ или совѣтъ монастыря велъ хозяйство такъ называемыхъ каѳедральныхъ имѣній, дававшихъ средства къ содержанію братія и поддержанію достоинства первосвятительскаго сана митрополитовъ кіевскихъ.

Какъ видно изъ этого документа, власть митрополичья не измѣняетъ и не ограничиваетъ того общаго коллегіальнаго управленія имѣніями, какимъ пользовались и прочіе монастыри, хотя имѣнія здѣсь считались спеціально „митрополитанскими"; митрополиту принадлежитъ лишь высшее наблюденіе и санкція постановленій и дѣйствій монастырскаго управленія. Мы отмѣчаемъ эту сторону въ документѣ лишь въ виду другихъ историческихъ фактовъ ревниваго обереганія монастырями своей автономіи въ имущественномъ отношеніи отъ вліянія митрополичьей власти. Большій интересъ предлагаемый документъ представляетъ въ другомъ отношеніи, какъ примѣръ чиншеваго владѣнія въ митрополичьихъ имѣніяхъ, правда, какъ-бы случайнаго, еще не опредѣлившагося, но видимо поощряемаго и желательнаго, а потому и льготнаго, и какъ указаніе на нѣкоторыя особенныя повинности митропо-

личьихъ и вмѣстѣ монастырскихъ подданныхъ, равно нѣкоторые государственные платежи и налоги.

Крестьянинъ деревни Веремья, принадлежавшей каѳедрѣ митрополичьей, Яковъ Богатыренко, пользовавшійся тамъ пахатною и сѣнокосною землею и отбывавшій, конечно, за это общія повинности монастырскихъ подданныхъ, пожелалъ эксплоатировать предоставленную ему землю еще иными двумя способами, устроилъ на ней „два млинка со ступами и винокурню на два котла". Одинъ изъ млинковъ устроенъ былъ имъ раньше, при митрополитѣ Рафаилѣ Забаровскомъ, но документъ на право пользованія имъ гдѣ-то затерянъ,—другой млинокъ и винницу онъ устроилъ теперь, и проситъ закрѣпить за нимъ и его родомъ эти статьи доходовъ, равно опредѣлить его обязательства по нимъ предъ монастыремъ. Видно, что такая эксплоатація была еще дѣломъ отчасти новымъ. Соборъ собираетъ справки и, съ утвержденія митрополита, удовлетворяетъ просьбу Богатыренка, освобождая его, какъ чиншевика, отъ повинностей общихъ для другихъ „подданныхъ". Замѣтимъ при этомъ, что митрополитъ Тимоѳей Щербатскій, утверждавшій опредѣленіе собора о Богатыренкѣ, былъ сыномъ одного изъ тѣхъ-же подданныхъ и даже той-же деревни Веремья. Отмѣтимъ также, что управлявшіе монастырскими имѣніями назывались *городничими*,—титулъ менѣе громкій, чѣмъ *губернаторы* въ польскихъ имѣніяхъ.

Другой документъ представляетъ подробную инструкцію *собора* кіево-выдубицкаго монастыря своимъ „городничимъ". Въ этой инструкціи указывается не только порядокъ веденія монастырскаго хозяйства, но также и тѣ случаи, въ которыхъ отецъ городничій долженъ былъ испрашивать разрѣшенія собора. Время составленія этой инструкціи не обозначено,—во всякомъ случаѣ она не позже половины XVIII вѣка. Рукопись ея отыскана случайно въ селѣ Безрадичахъ, кіевскаго уѣзда, покойнымъ П. И. Ревякинымъ, на чердакѣ у неграмотнаго крестьянина Семена Паламарчука, отецъ котораго состоялъ нѣкогда въ Печерскомъ монастырѣ, въ должности „кухаря", во времена архимандрита Зосимы (т. е. Валькевича, 1762—1786). Безрадичи были тоже имѣніемъ печерскимъ, и по этой-то связи инструкція была занесена туда грамотнымъ старикомъ, вполнѣ предавшимся хозяйству. Но первоначаль-

ное составленіе „Наказа“ должно быть отнесено къ болѣе древнему времени, такъ какъ въ языкѣ замѣтны слѣды подновленій.

Мы не будемъ разсматривать инструкціи съ ея, такъ сказать, спеціально технической стороны. Предоставляемъ знакомымъ съ сельскимъ хозяйствомъ читателямъ оцѣнить эту массу правилъ и наставленій,—плодъ, безъ сомнѣнія, вѣковой народно-хозяйственной мудрости. Намъ гораздо важнѣе отмѣтить въ ней черты отношеній монастыря къ своимъ „подданнымъ“. Монастырь, регламентируя до мельчайшихъ подробностей хозяйственную дѣятельность своего городничаго, предписываетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и образъ поведенія въ отношеніи крестьянъ, который-бы, не унижая его достоинства, не давалъ-бы также простора корыстнымъ побужденіямъ или угнетенію подданныхъ. Такъ, городничій не долженъ входить съ крестьянами въ неприличную близость, „не засѣдати зъ поддаными и не упиватися“; но въ дѣлахъ хозяйственныхъ не только можетъ, а и обязанъ обращаться къ нимъ за совѣтами, въ случаѣ недостатка собственной опытности. Входить съ крестьянами въ товарищество по обработкѣ земли городничему запрещается, равно какъ и заниматься скупкою у нихъ хлѣба, „бо то есть подозрительно“; запрещается также заводить отъ себя шинки или какіе-либо промыслы; мѣры предписывается держать „справедливыя“. Повинности крестьянъ состояли въ денежныхъ платежахъ, „чиншѣ“ и барщиной работѣ,—но къ сожалѣнію размѣръ ихъ не указанъ, также какъ и крестьянскихъ надѣловъ; кромѣ послѣднихъ, крестьяне могли брать для посѣвовъ пустоши, съ которыхъ монастырь получалъ третью часть урожая или *по уговору*. По упоминанію о самыхъ разнообразныхъ хозяйственныхъ работахъ,—такъ какъ монастыри старались эксплоатировать по возможности всѣ силы имѣнія,—можно полагать, что барщина была у нихъ нелегка; но съ другой стороны въ „Наказѣ“ всего замѣтнѣе стремленіе къ устраненію произвола, а это было едвали не наиболѣе важнымъ преимуществомъ здѣшнихъ порядковъ передъ обычнымъ тогда управленіемъ въ имѣніяхъ частныхъ; монастырь даже не даетъ своему городничему права суда и расправы, какимъ пользовался каждый „экономъ“ въ имѣніяхъ частныхъ. Рядомъ съ Трипольемъ и Безрадичами, на польской сторонѣ, всякій губернаторъ и даже арендаторъ имѣлъ право жизни и смерти надъ крестьяниномъ,

тутъ-же монастырь не мечтаетъ даже удержать не желающихъ остаться въ подданствѣ и желаетъ лишь того, чтобы они не оставляли своихъ полей незасѣянными, а въ такомъ обстоятельствѣ видитъ только признакъ скораго ухода „зъ подданства".

Вообще можно полагать, что положеніе крестьянъ монастырскихъ было легче, чѣмъ у большинства частныхъ владѣльцевъ: у послѣднихъ крестьянинъ зависѣлъ только отъ *личнаго* усмотрѣнія, тогда какъ здѣсь управляла коллегія, и злоупотребленія кого-либо изъ ея членовъ прямо нарушали выгоды всѣхъ остальныхъ, уменьшая цѣнность имѣнія. Монастырь, какъ лицо юридическое, не умирающее, не могъ не дорожить поддержаніемъ и прочнымъ увеличеніемъ доходности имѣній, а она прямо зависѣла отъ развитія благосостоянія крестьянъ.

Но, понятно, фактическое выясненіе положенія крестьянъ монастырей требуетъ изданія, по возможности, большаго числа документовъ, въ родѣ помѣщаемыхъ здѣсь.

Наказъ Кіево-каѳедральнаго собора управляющимъ трипольскимъ имѣніемъ.

По указу великаго господина, ясне въ Богу преосвященнѣйшаго киръ Тимоѳея Щербацкаго, архіепископа, митрополита кіевскаго, галицкаго и Малыя Россіи, отца и архипастыря нашего, изъ священно-духовной каѳедры митрополіи кіевскія собора, всечестному іеромонаху Михаилу городничему и честному іеродіакону Семеону шафару трипольскимъ

ПРЕДЛАГАЕТСЯ.

1751 года мая 4 дня поданнаго ясне въ Богу преосвященнѣйшему господину, киръ Тимоѳею Щербацкому, архіепископу, митрополиту кіевскому, галицкому и Малыя Россіи, отцу и архипастырю нашему, отъ подданнаго деревни Веремья, Якова Богатыренка, настоящаго 1751 года, марта 14 дня, доношенія, соборная братія слушали, въ которомъ дополненіи онъ, Яковъ Богатыренко, представлялъ, что де по дозволенію катедральному угатилъ онъ, Богатыренко, на рѣкѣ Бобрицѣ своимъ собственнымъ коштомъ двѣ гребельки—одну выше, а другую ниже двора, и что выше двора, на той отъ 1741 года, по дозволенію свято-усопшаго преосвященнѣйшаго Рафаила Заборовскаго, построилъ онъ млинокъ о единомъ каменя и ступнику и винокурню на два котли, и отъ того года по сжегодно уплачиваетъ въ катедру, уволенъ будучи отъ всякой панщины и прочихъ подданническихъ работъ, и за мли-

нокъ, безъ всякаго борошна взятку, чиншовыхъ по 5 руб. денегъ, а за котли два по четыре рубля, о чемъ и контрактъ ему, Богатыренку, былъ съ катедры выданъ, да прошлаго же 1750 года, по дозволенію катедральному, и на другой гребельцѣ, ниже двора, построилъ онъ млинокъ о единомъ камени и ступнику, контракта же на оной еще даннаго не имѣетъ, да и прежде даной контрактъ, невѣдомо какимъ случаемъ, въ дому затерялъ, и просилъ онъ, Богатыренко, какъ за жизни преосвященнѣйшаго Рафаила отъ всякихъ подданническихъ повинностей, шарварковъ весняныхъ и осеннихъ, заорковъ, оборковъ, закосковъ, обкосковъ, зажинковъ и обжинковъ былъ уволенъ и уплачивалъ едними только деньгами за млинокъ и за чинщъ по пяти рублей, а отъ казана по два рубли, такъ и нынѣ на томъ основаніи, причисливши къ тому и другой его млинокъ, ему жить и за все уплачивать, по усмотрѣнію преосвященнѣйшаго архипастыря нашего, государевы же указные, консистенскіе и другіе дачи взимано бъ отъ него, якъ и отъ прочихъ подданныхъ трипольскихъ, тяглыхъ, мало промышленныхъ, безъ излишества, и при подтвержденіи архипастырскомъ, не до волѣ катедральной, но навсегда ему, Богатыренку, и потомъ будущимъ дѣтямъ, или свойственнымъ его близкимъ, на владѣніе всѣхъ угодій концесъ выдать. На которомъ доношеніи состоялась высоко повелѣнная архипастырская помѣта такова: »во священно-духовномъ катедральномъ нашомъ соборѣ надлежащее разсмотрѣніе и опредѣленіе, со мнѣніемъ на сіе прошеніе, учинивъ, некоспительно намъ предложить для вѣдома и особливой корфирмаціи». По которой высокоповажной помѣтѣ предложено было ордеромъ къ всечестности вашей справку учинить, на якомъ окладѣ подданные трипольскіе содержатъ мельницы, и по оному ордеру всечестность ваша учиня съ подданными трипольскаго уѣзда справку, почему кто держитъ млинокъ и сколько чиншу въ катедру по ежегодно за млинки уплачиваетъ, репортомъ представили, что де жители трипольскіе Леонтій Тимченко, да Павелъ Лѣтковскій за одну мельницу о двухъ колахъ уплачиваютъ едними деньгами отъ кола по таляру, Иванъ Хвилоненко и Мойсей Пилипенко и прочіе даютъ всегда половинную часть размѣру, а Марія Выхристка и кіевская жителька дячиха уплачиваютъ чиншовыхъ денегъ и за млинки едними деньгами только по шести рублей; того ради зъ согласного соборной катедральной братіи приговора, на которомъ преосвященнѣйшаго архипастыря нашего высокоповажная помѣта состоялась такова: «быть по сему приговору неотмѣнно. Архіерейско подтверждаемъ». По высокоповажной архипастырской таковой помѣтѣ въ священно-духовномъ катедральномъ соборѣ опредѣлено: симъ откровеннимъ ордеромъ вамъ съ притвержденіемъ нижеслѣдующее обявить, чтобъ ему, Якову Богатыренку, якъ еще за жизни преосвященнѣйшаго архіепископа, митрополита кіевскаго, господина Рафаила Забаровскаго и всей соборной братіи опредѣленными, пахатными и сѣнокосными, и онымъ Богатыренкомъ распаханными полями и устроенными угодіями, тако-жъ и выше двора здавна здѣланнымъ собственнымъ его коштомъ о двохъ ступномъ и каменномъ колахъ на рѣчцѣ

Бобрицѣ всѣчъ млиномъ живучи на чиншѣ, владѣлъ и уплачивалъ за все пять рублей, такъ и нынѣ владѣть свободно и якъ всечестность ваша, такъ и послѣжде имѣющіе быть трипольскаго уѣзду городничіе, ни къ какимъ подданническимъ повинностямъ и шарварками, всеснянимъ и осеннимъ, заоркамъ и оборкамъ, зажинкамъ и обжинкамъ, закоскамъ и обкоскамъ и ни къ единымъ складкамъ, кромѣ государевыхъ общенародныхъ, и ни какихъ прочіихъ указныхъ, не въ образецъ прочимъ подданнымъ, его Якова Богатыренка не привлекалъ-бы и въ случающихся подъ ездоковъ подводы лошадей и воловъ съ него Богатыренка не взимать, онъ-же Яковъ Богатыренко за таковое увольненіе за оной весь млинокъ по ежегодно въ катедру едними деньгами пять рублей уплачивалъ бы; 2-е, за вновъ о двухъ колахъ устроенные ниже двора млинокъ, имія его въ безпрепятственномъ своемъ владѣніи, уплачивать онъ Богатыренко въ категру ежегодно долженъ, какъ и трипольскіе жители Лѣтковскій и Тимченко, отъ кола по талеру; 3-е, имѣть ему винокурню на два котли и когда на оные котли горѣлку будетъ курить, то по всегодно уплачивать въ катедру по два рубли отъ котла, за квитанціями, всенепремѣнно долженъ, а выробленную горѣлку кухвами, боченками и большими барилами, кому гдѣ случится, трипольскаго завѣдомомъ Шафара, какъ и прочіе трипольскаго уѣзду показанщики, продавать свободно; ведерками-же и квартами въ маетностяхъ катедральныхъ горѣлки продавать всячески запрещается; 4-е, отъ казановъ зборщикамъ—показанщику и покуховщику уплачивать ему Богатыренку самому отъ себя и государевы консистенскіе дачи отдавать противъ статьи написанной при сочиненіи ревизія, по обыкновенію, безъ излишества. По таковомъ-же священно-духовнаго катедральнаго собора утвержденія ему Якову Богатыренку и на томъ грунтѣ дѣтямъ и внукамъ или близкимъ сродникамъ владѣть всѣми угодіями сѣнокосными и пахатными полями свободно, владѣть и на свои корысти, якъ хотя, употреблять; и буди похощетъ онъ, Яковъ Богатыренко, и по немъ наслѣдники при дворѣ устроенный имъ два млинки и протчее строеніе кому трипольскаго уѣзда съ подданныхъ катедральныхъ за деньги продать, за вѣдомомъ преосвященнѣйшаго архипастыря и священно-духовнаго катедральнаго собора, дозволяется: только-бы онъ, Богатыренко, или по немъ имѣющіе остаться наслѣдники о добровольной своей продажи, съ представленіемъ охотнаго купца, доношеніемъ въ катедру обявили, а оное дозволеніе катедральное ниже подданнымъ катедральнымъ ни подъ какимъ видомъ продавать или въ замѣну давать отнюдь не дерзали-бъ, подъ лишеніемъ всего имущества запрещается; всечестность ваша и потомъ имѣющіе быть трипольскаго уѣзду городничіе какъ прочихъ катедральныхъ подданныхъ, такъ и его Богатыренка отъ случающихся нападковъ охранять; ихъ обидамъ и другимъ начальничимъ озлобленіямъ и по немъ дѣтей, внуковъ и близкихъ наслѣдниковъ не допускать и въ особливомъ респектѣ и милости содержать должны-же, о бываемыхъ-же винностяхъ вѣрно и обстоятельно разсмотрѣвши безъ посягательства въ священно-духовной соборъ доносить, а маловажные безъ обидно

рѣшать, всечестному іеромонаху Михаилу городничему и честному іеродіакону Симеону шафару, о всемъ выше писанномъ вѣдая, чинить непремѣнное исполненіе и ради неотмѣннаго впредь по сему дѣйствія и знанія, снять вамъ точныя съ сего копіи, и подлинное сіе съ священно-духовнаго катедральнаго собора данное, за подписаніемъ рукъ и при катедральной печати, дозволеніе ему, Якову Богатыренку, и по немъ наслѣдственно дѣтямъ, внукамъ и близкимъ свойственнымъ въ свободное и спокойное владѣніе всѣми принадлежащими тому его Якова Богатыренка двору грунтами и угодіями въ защищеніи для содержанія отдать непремѣнно. Данъ въ катедрѣ 1751 года мая 31 дня.

На подлинномъ подписались: Катедральный писарь іеромонахъ Досифей, архидіаконъ Манасей, іеромонахъ Пахомій, іеромонахъ Филаретъ уставщикъ, іеромонахъ Іосифъ еклисіархъ.

По листамъ скрепилъ катедральный свято-софійскаго монастыря соборный писарь, іеродіаконъ Наркисъ.

Наказъ управляющимъ имѣніями Выдубицкаго монастыря.

Наказъ кіево-выдубецкаго свято-михайлова монастыря прикажчикамъ, или правителямъ, или городничымъ, чего имъ, будучи при своихъ званіяхъ, смотрѣть.

I. Прикажчики по вотчинамъ искусныи и въ господарствѣ должны знать, когда орать и когда сѣять. Опредѣленніи къ господарскимъ дѣламъ пристави и надзиратели должны быть у нихъ вѣрніи и исправніи.

Прикажчики, гдѣ кто учрежденъ, должны знать всѣ владѣнія монастирскія и оному крѣпостніи границы и урочища и оніи объѣздить съ тамошними монастастирскими подданними, а о неизвѣстнихъ вывѣдивать, и времени ко сѣвбамъ и къ заводу нихъ господарствъ не упущать. Должны они земли всѣ монастирскія и монастирскихъ подданихъ вѣдати и, чтоби они въ пустошахъ не были, стараться.

Прикажчики, когда сами до земли не знаються, должны спрашиватися и совѣтоватися, что гдѣ сѣять; всякое пашеное насѣнія прежде сѣвьбы испитивать, чи можетъ оно проростать.

Досматривать, чтобъ справедливо пашню гуменій на карби карбовалъ.

Досматривать, чтобъ релю добре выправлено, безъ упущенія времени сѣяно, луки низко кошено, сѣно добре гребено и кладено, пашню заблаговременно свожено до гумнъ, въ полѣ не крадено, скотомъ на нивахъ и въ полѣ не травлено, заблаговременно и добре молочено, солому и полову собирано и прятано.

Карби гуменніи осѣяніи, солодовіи и броварніи щобъ въ порядкѣ били: карбъ одинъ чтобъ былъ у прикажчика, а другій у гуменнаго.

Зъ поддаными не должно засѣдать, а ни съ ними упиваться. Мѣри справедливыи для мѣрянія пашни имѣть должно.

Зъ подданними въ половину сѣвьби не входити. Пустошей подданическихъ и монастирскихъ прикажчику на себе не засѣвати.

За уменшеніе панщины подарковъ не брать.

Для подарковъ подданнимъ чиншовъ на дальшее время не откладать.

На себе шинковъ употреблять и промысловъ дѣлать не должно.

Смотрѣть, чтобъ подданніи засѣвали свои роли для того, что когда не засѣваютъ, готовятся исходить зъ подданства.

Въ книгу записывать по именамъ всѣхъ подданнихъ, якій когда якую панщину отбувавъ и на якой работѣ былъ.

Пасѣки всегда по вотчинамъ, гдѣ только можно разводить, и содержать въ порядкѣ.

У подданнихъ для своей корысти пашни не покупать, бо то есть подозрительно.

Пашню завременно вымолочивать.

Пашню, если-бъ була продажная, на торгъ водъ мѣрою вывозить.

Чиншъ отъ подданнихъ въ опредѣленное годовое время отбирать, а при томъ надъ урѣченній чиншъ себе ничого не брать.

Пустоши засѣвающія подданніи монастирскіи должни отдавать на монастирь третое, или по уговору.

Зъ скопа волни полтора фунта, зъ овци фунтъ, зъ ягняти полфунта волни брать.

Зъ четырехъ гусей брать фунтъ перья, каждую три раза въ лѣто подскубуючи.

Зимою, въ дни короткіи, борошно за доброи дороги подводами припровожать въ монастырь.

А пѣшихъ подданнихъ, не имѣющихъ коней, ни воловъ, зимою, въ дни короткіи, до роботи въ гумнахъ употребляти, а при томъ, въ тижъ короткіи дни, и заготовлять всякіи витя.

Въ тіжъ дни, за краткость оныхъ, подданнихъ употреблять къ заготовленію въ способнихъ лісахъ дерева на строеніе и дрова на опалъ, и березове, ольхове, и осиновe дерево чтобъ сухо, не скоро гнило, на исходи мѣсяця, а сосновe, хвоіове, ялинове дерево по першему снѣгу, и тую деревню тамъ же складовать, а когда станутъ большіе дни, за доброи дороги вывозять; а если тогда вивезти за чимъ будетъ не можно, то въ лѣтѣ въ непогодніи дни вывозить. Въ тіжъ дни вечерами загадывать работникамъ, при дворѣ находящимся, вить веревки, робить рибніи сѣти и протчое, кто что можетъ.

II. На исходи зими заготовить дрова на борони, и тое дерево, то есть голлѣ, суччѣ, въ настатѣ мѣсяця рубить на борони. Борони, до твердои глеватои роли или до новини употребляеми, должни зъ крѣпкихъ голлей или зъ суковъ быть сдѣлани, а доски при сукахъ должны имѣть полтретья локтя въ должъ, а

дощокъ такихъ же зъ шестьнадцять въ одну борону должно быть связано. Такоя борони пальци каждаго тыждня должно заостревать, а зъ суковъ здѣланнія що разъ надобно въ воду намочовати, то моцнѣйшіи будутъ и не поломляться.

III. На веснѣ, скоро земля только на долоню зверху розмерзниться, то затвердѣлую, которая отлогомъ лежала, ролю или новину подори, скибу подлѣ скибы кладучи, а по зъораню пусть роля чрезъ двѣ недѣли висхнетъ, а потомъ знову въ должъ только заборонуй; то будетъ ленъ коштовній, чистій и рослій. Когда же, по зимѣ, на веснѣ земля добре подсохнетъ, а снѣжна вода стечетъ или висхнетъ, то заразъ во імя Божіе орать, такъ чтобъ между ролею цѣлику не оставалось, а ежели трава подораная травястая была и полная пѣрею, то ожидать, пока трава зачнетъ сходить, потомъ заразъ добрими боронами въ должъ и поперекъ виборонoвать.

IV. Скоро новини виорани будутъ, заразъ перще горохъ сѣять, и то есть первая сѣвба; на горохъ же ролю виоравши, надобно поборонoвать и передъ сѣвбою паки виорать, а по сѣвбѣ гороху третій разъ горохъ переорать. А если на томъ мѣстѣ, де хворостъ недавно витягъ, горохъ будетъ сѣянъ, то довлѣетъ два рази орать, и на такой ролѣ гороху подъ соху не сѣять, только бы за першимъ разомъ, по вишепоказанному, роля виорана була; такожъ на ярую пшеницу, сѣмя лняное и овесъ доволно два рази орать, кромѣ если бы ярка или пшеница на випаленной новини сѣяна была; то можно на випаленную землю сѣяти, потомъ переорать и заборонoвать. Овесъ можно два рази на ролѣ ораной сѣять, толко роля за першимъ разомъ по вишепоказанному виправлена была; также и сѣмя лняне разъ зъорать и переборонoвать ролю, и смотрѣть, щобъ дерну и груди не было, а когда черезъ день и другій провянетъ земля, то ленъ засѣй добре и заборонуй, а если и по вторнимъ ораню роли груда или дернъ будетъ, то напередъ сѣвби лну виборонoватъ надобно.

Когда новина какая не подъоравши випалена будетъ, ячмень вольно заразъ на тую перепаленую землю, не орючи, сѣять, а посѣявши заорать и приборонoвать; однакъ, если не добре випалена будетъ земля, хочабъ разъ и другій попередъ сѣвби переорана была, но добраго ячменю не будетъ.

Если такая новина не могла добре выпаляться, то лучше на ней гречку або жито посѣять. Ролю для сѣвби ячменю и всякой пашни на сходи мѣсяця переоровать и переборонoвать должно, чтобъ перегнила, а корсинне зелій погинуло.

Горохъ сѣяти на самомъ сходѣ мѣсяця или другаго дни по настатѣ мѣсяця.

Ярку и пшеницю на ново мѣсяцѣ или еще лучше подъ самую полню; толко-бы того мѣсяця затменія мѣсяця не припало.

Сѣмя лняное сѣяти на сходѣ мѣсяця.

Ячмень сѣять на ново мѣсяцѣ, а особливо на свѣжомъ гною, на которому жито не росло; а на старомъ гною, на которомъ жито бувало, на старомъ мѣсяцѣ ячмень сѣять найлучше.

Гречку сѣять подъ полню, или когда съ полни рушить мѣсяць.

V. Горохъ должно сѣять на ролѣ не дуже гнойной; иначе горохвинъ много, а струча мало, и то недоспѣлаго будетъ; на мѣрной однакъ, а не на яловой ролѣ горохъ мѣрно родится, хоть не великій въ зѣллѣ, но полній струча и трудъ надгродитъ. Въ твердую ролю и глееватую не должно гороху сѣять, для того, что его зѣллѣ окронтъ и вигубитъ. Шарая и зъ дробними камечками мѣшаная земля найлучше на горохъ. Горохъ хорошо сѣять, когда всходній и заходній вѣтеръ повѣваетъ. Зъ между востока и полудня вѣтеръ самій найшкодливій и до сѣвби не полезній. Полунощній во время сѣвби твердій, а полуденній червивій горохъ дѣлаетъ, и перемѣняетъ его въ черній и малій. Горохъ долженъ быть полною горстью сѣяній.

Сѣвба гороху отъ 8 априля триваетъ до 20 априля, однакъ ранѣе и позднѣе, смотря по ролѣ и теченію мѣсяця, горохъ сѣять можно.

VI. Ярка на ролѣ нѣсколько песчанной найлучше родится, тожъ на новинѣ свѣжо-випаленой и на землѣ яловой ярку найлучше сѣять подъ полню мѣсяця и въ два дни по полнѣ. Ежели можно—подъ вѣтеръ полунощній или восточній или заходній.

VII. Ярую пшеницу лучше сѣять въ глинистой ролѣ, когда глина или глей шаравій или бѣлявій, въ настатѣ мѣсяця и подъ полню, когда вѣтеръ полунощній восточній или западній—все равно.

VIII. Овесъ сѣять на песчистихъ и яловихъ роляхъ позднише, а нѣсколько гнойныхъ роляхъ ранѣ овесъ сѣять подъ скибу, а посѣявши подъорать и потомъ по прошествіи пяти или шести дней, побороновать добре, то будетъ добрій овесъ. Найлучше сѣвба есть между первою квадрою и полнѣю мѣсяця и подъ самую полню, только-бы затмѣнія не было. Вѣтеръ полунощній найлучшій до сѣвби овса, да и восточній и западній добрій.

IX. На яловой випаленной новинѣ, на свѣжій заразъ пепелъ, не орючи, подъ вѣтеръ восточній и западній сѣяти зъ рѣдка ячмень той, которій на гнойной роли прошлаго года уродився; а посѣявши поорать и добре забороновать. Ячмень сѣючи отвѣдовать прежде, весь-ли прорастаетъ, то добрій къ сѣянію. Которій ячмень на випаленой новинѣ уродился, тотъ до гнойной роли згодится на сѣвбу. Если сѣвба ячменю опоздаетъ за чимъ; то взявши ячменю, намочить его въ водѣ часовъ на восѣмнадцать, потомъ помоченій насипать у мѣхъ и положить на землѣ, чтобы изсякъ, и потомъ безъ дальнаго отлагательства горстію сѣять и заразъ подъорать. Таковимъ способомъ и на гнойной землѣ ячмень уродится. Еслижбы новина была випалена, гдѣ скотъ и свинѣ не бываютъ, и тая новина была-бъ подла и глиновата, то придать до ячменю, до сѣвби заготованнаго, четвертую часть жита свѣжаго доброго и посѣять, подъорать и виборонить надлежаще, то по снятіи ячменя за одною роботою, на придучій годъ, жито будетъ не худое.

X. На сѣмя лняное ролю подъорать и побороновать, а передъ сѣвбою паки съорать, и давши той роли черезъ одинъ и другій день, чтобы осхла, полежать. Если-бы въ ней ще груди были, другій разъ перебороновать, а сѣять ленъ не густо. Если мѣсто крѣпкое отъ гною было, то сѣять ленъ между числами 28 априля и 3-го мая. На приляловомъ-же мѣстѣ сѣяти отъ 9 мая по 16. Ранную лну сѣвбу на исходъ, а позднѣйшую на новѣ мѣсяцѣ отправляти. На роли послѣ жита въ гной добрій ленъ родится; но на мѣсцѣ, гдѣ прошлого года ярка была.

XI. Сѣячи въ добрую ролю ячмень, ежели она не травяста и не зѣллевата, сѣять оній ячмень ранѣе, то есть отъ 19 априля по 12 маія. Ежели жъ такая роля травяста и зѣллевата, сѣять ячмень позднѣе отъ 12 мая по 17-ое. На гнойной роли ячмень не густо сѣяти, чтобъ одно зерно другого не поглушило и большею частію въ траву не обратился и отъ гвалтоваго дождя не вилягъ. Ежели гнойной роли нѣтъ,—сѣять ячмень и на подлѣйшій и добре управленной ролѣ и забороновать; токмо потомъ навозить гною и оній добре руками, а не вилами, розбить, передробить и разослать, чтобы всходъ волно, якъ хотя, и проростн моглъ, а трава и зѣлле не множилося. Въ осень гной вивезши и передъ зимою подъоравши, жито на немъ посѣяти, а на прійдучее лѣто ячмень на томъ мѣстѣ посѣять. Сѣвба ячменя во время вѣтра западнаго весьма, а полунощній вѣтеръ есть весьма вредній. На старомъ гною ячмень сѣяти на всходѣ мѣсяця, а на свѣжомъ гною сѣяти на новѣ мѣсяцѣ, дабы насѣянное купно зъ гноемъ въ земли не погнило.

XII. Остатна яринна сѣвба гречана. На доброй ролѣ можно оную сѣяти на исходѣ маія; на ролѣ средственной сѣяти маія около 14 или 18 дня.

XIII. Окончивши яринну сѣвбу, вивозь гной на попаръ для жита, сколько можно, на исходѣ или на новѣ мѣсяця, и во время того поори оній, а ежели можно, побороную заразъ; а въ мѣсяць або мало позднѣе, зновъ той гной переори и побороную, чтобъ сонце гною не палило. На новѣ мѣсяцѣ вивозной гной не скоро сотлѣетъ, а на такой ролѣ, послѣ жита, на прійдучее лѣто, если ячмень будешъ сѣяти, то первѣе на исходѣ мѣсяця переори и тогда посѣй. Потомъ на мѣсяце для повини или для пасѣки, дерева елину или хойну витинай на исходѣ мѣсяця. Послѣ той роботи луки коси, на которихъ если хощешъ, чтобъ была всякаго рода трава добрая, вели оную на новѣ мѣсяця всегда косить. Ежели-же будетъ на исходѣ мѣсяця кошена,—не надѣйся травы доброи въ прійдучое лѣто.

XIV. Когда уже сѣвба житня наступаетъ, то тяжолую и подлѣйшую, такожъ витеребленую ролю напередъ засѣвай; тяжкую-же ролю за тиждень передъ днемъ святыхъ апостолъ Сила и Силуана 30 іуля, и то полугорстію насѣнне беручи, засѣвай; понеже та ранняя сѣвба скорѣе вкорениться можетъ. На свѣжомъ же гною, за три дня передъ днемъ семи Отроковъ 4-го августа, то есть 1-го августа, потомъ на новѣ мѣсяцѣ, или подъ полню добре сѣяти. На гнойной свѣжей ролѣ густо не сѣй, чтобъ у прийдучее лѣто жито не полягло. Найлучше житня

сѣвба биваетъ, когда восточній полунощній или западній биваетъ; во время-же полуденнаго вѣтра жито сѣяное гніетъ: сонце ему вредитъ и завременно дозрѣваетъ и подлое родится.

Смотрѣть надобно, чтобъ въ мокрую ролю и во время дождя жита не сѣяно, ничого съ того труда не будетъ. Ежелибъ роля была збитно мокрая, то вели оную глибоко сохою сягати и густо скиби складать, а потомъ зновъ подъорать, чтобъ скоро осхла; потомъ подсѣй и скоро заборонуй и такъ будетъ доброе жито, а иначе жалко будетъ труда. На боронизнѣ рано не сѣй. Жито до насѣння должно быть твердое, бѣлую муку въ себѣ имѣющое, доспѣлое, дробное, но полное. Чтобы черви жита сѣяннаго не портили, возми добрую горсть часнику, сотри его добре и розведи бочкою води, или сколько треба будетъ. Пусть такъ черезъ 24 часи тая вода стоитъ, потомъ тою водою жито, которое сѣять імѣешъ, накропи добре и перемѣшай. Пусть такъ черезъ два дни полежитъ; потомъ сѣй, то будетъ безопасно отъ червей.

XV. Озимую пшеницю августа мѣсяця на твердой ролѣ сѣять, на свѣжомъ гною; на овечемъ-же гнои лучше ростетъ. Августа на сходѣ мѣсяця лучше бываетъ, нежели тая, котру на новѣ мѣсяця сѣютъ; ибо на новѣ мѣсяця сѣяна въ жито перемѣняется, и въ солому толко удается, а позднѣше сѣяна колосиста бивастъ. Озимую пшеницю стараться, сколько можна, за суха жать, и въ малія копы складать и чтобъ колосія въ середину били сложени. За вимолотомъ її въ осень поспѣшаться, понеже осенняя молотьба четвертимъ зерномъ больше даетъ.

XVI. Лну ровному и рослому не давать стояти долго збитъ на пнѣ, но завременно погоднаго дня зобрать и головки зъ насѣннемъ отсѣкши, имѣть въ поготовности мѣсто, на которомъ зъ хвоини или елини, коли насажена вздолжъ, витятіи зъ голлями, на середини зоставленними, побивши густо и нѣсколько жертями притиснувши, на тое логовиско головки подсѣченніи висипать, на локоть висотою одъ земли, и около тѣмижъ голлями оидести, якъ скриню, чтобъ вѣтеръ могъ проходить; тіи головки травою чи соломою для дождю прикрить, и такъ висхнуть безъ затхненія. Самій-же ленъ въ воду обыкновеннимъ образомъ, такъ чтобъ подъ тяхиремъ четверть локтя въ водѣ былъ; ибо иначе зрудѣетъ и зопсуется, и то во время вѣтра восточнаго или западнаго,—полунощній вѣтеръ также заходній весьма суть вредни. Ежелижбы по забвенію учинился о такомъ положеніи оныхъ вѣтровъ, то восточнаго вѣтра дождавшися, ленъ трохи витоптать, то поправится. Хотячи вѣдать, когда его зъ води віймать, возьми зъ тридцать стебель мокнущаго, обвини ихъ разомъ на около пальця, ежели волокно отдѣлится отъ кострицы, а кострица поламлется, то уже ленъ добрій, и вибравши на сухомъ мѣстѣ снопками поставить не густо, чтобы не гнили: потомъ по прошествіи трехъ недѣль, трохи его въ осѣтѣ осушивши, отвѣдать стерти, и ежели въ тренія волокно отдѣляется, то его на жертяхъ розвѣшать и отвѣдивать по вышепоказанному.

Мокрого лну въ осѣтъ не ставъ, бо спортится. Головки къ насѣнниамъ по вышесказанному висушивши и не сушивши въ осѣтѣ, на току вимолотить; которое-же насѣння на сѣвбу схоронить імѣешъ, то еще и въ осѣтѣ висушъ, а потомъ вимолоти, ибо въ осѣтѣ не сушеное не будетъ сходить. Ежели на домовую потребу хочешъ имѣть ленъ хорошій, оберя ролю, съ которои жито или пшеницю озимую собрано и которая подъ паромъ лежала, и тую ролю по зимѣ съори и такъ, якъ на горохъ, виправъ и мягко виборонуй; потомъ сновъ передъ сѣяніемъ за три дни оную съори и ленъ густо на ней посѣй и заборонуй добре. Передъ дозреніемъ сего лну вели его вирвать, а головки черезъ гребень деревяній одергать, и на землѣ заразъ розослать, чтобъ черезъ двѣ недѣль лежалъ; послѣ того времени перевернуть и пусть еще черезъ толко времени полежить. Ежелижъ не вилежался, знову его переверни, но не на такъ уже долгое время. Ежели дожди на него часто будутъ падати, то частѣе его переворачуй, пока ажъ улежится, что скоро познаешъ. Улежалій ленъ въ снопы повязавши подъ прикритіе зложи; потомъ вскорѣ зотри, то будетъ коштовній ленъ, токмо насѣння отъ такого лну, яко прежде до зрѣнія вирваннаго, пропадаютъ.

XVII. Жито и иное збоже или пашню лучше серпомъ, нежели косою, собирати, бо чистѣе и стерня болшій—болшею пашею будетъ скоту въ полѣ, такожъ, что безъ гною знову жито, овесъ и гречка родятся Зъ подъ коси только солома болша будетъ, а менше умолоту и не скоро отъ дождовъ висихаетъ. Ежелижъ еще безъ шкоди хочешъ оставаться, вложи часни(къ?) между снопы, то того звѣрь не порушить, такожъ порохъ, между згребіе утертий и вложенний на тое способенъ есть.

XVIII. Когда жито молотишъ, смотри, чтобъ добре молочено, по одному боку вимолотивши добре, поворочуючи на другій, знову вибивать, потомъ долгую солому вибрать и оную добре витрусивши, разложить рядомъ и вибить знову, потомъ въ снопи связать и подъимаючи граблями, чтобъ зерно на токъ випало, снову разовъ чотири вибить и такъ вимолотивши винесть. Когда хочешъ хлѣбъ бѣлий съ того жита імѣти, то когда возятъ съ поля до гумна снопи, тогда ударено каждий до подобання снопъ о стѣну колосами, чтобъ випало жито, сколько можетъ, то будетъ съ того хлѣбъ бѣлий. Жито чтобъ подъ дахомъ отъ дождя было зложено. Жито скоро молотить надобно, ибо за откладаннемъ долгимъ четвертая часть въ соломѣ пропадаетъ. И то способъ добрій: околосовать жито спрое, потомъ въ осѣтъ зложить и домолотить, бо сирій зъ сушеннимъ околотъ змѣшавши, дѣлаешъ позорное жито и прибитокъ въ мѣрѣ.

Когда ячмень молотить даешъ, смотри по нѣсколько-краткомъ біенія и оборачиваніи чтобъ солома заразъ не вивошевана, бо половина колосовъ въ ней останется. Еще-же по каждомъ битіи, солому не граблями, но вилами оборочать и вибивать знову добре, пока надобно будетъ. Потомъ солому слегка граблями снять, берло зъ короткою соломою, которая въ немъ осталася, погребать разпростерши

и добре вибить. Солому-же короткую чисто вигребши и еще знову разпростерши, берло оное поворочуючи, виколосовать ости отъ зерна; то будетъ чистай и свѣтлий ячмень. Овесъ-же и гречка удобно вимолочуются. Жито и иншая пашня найлучше вичиститься лопатою зъ плѣвъ, на току викидиваючи, потомъ на вѣтрѣ черезъ сито житное висѣваючи. Ежели жито або инша пашня стоколосовата, дирсована, зѣлловата; то ея одною ручною лопатою два раза провѣявши, достаточно матемешъ чистою.

XI. Во время косовици всегда, сколько можно, на новь мѣсяцѣ до полни луки сѣнокосніи косить потребно и притомъ смотрѣть надобно, чтобъ сѣна вогкаго или мокраго въ копици и стоги, такожъ и въ гумна не кидано, вредное бо будетъ скоту и отъ такого сѣна на веснѣ скотъ здихать будетъ. Ежели непогода на сѣно упадетъ, сушатъ его такъ: вирубуютъ колки зъ голлемъ, загострюють ихъ и на полсажня одинъ отъ другого въ землю вбиваютъ и сѣно на нихъ накидаютъ, не топчучи, чтобъ висхло, или на преплотахъ вивѣшуютъ, чтобъ его вѣтеръ и сонце осушило.

XX. Ставъ или сажалку хотячи імѣти, на захожденіи гребли, чтобъ долго тривала, сипь глину и землю на новѣ мѣсяцѣ, то найлучше сдѣлаешъ и досвѣдчишъ. Гдѣ надобно, въ пристойныхъ мѣстахъ, загороды и хлѣви для скота, въ гумнахъ—шопи, а стодоли для звоженія пашни, осѣта или овини для сушенія пашни устроевать зъ вѣдома и согласія общебратственного. Въ осень стараться надобно, чтобы скотъ въ оборѣ или хлѣвѣ на гною не стоялъ, для того, что тогда вильготность черезъ ноги въ скотъ втягается и въ утробѣ засѣдаетъ, и оттого на веснѣ скотъ здихаетъ; для того надобно тѣ загороди и хлѣви, гдѣ скотъ въ осень содержится, соломою вистилать, которая не только скоту будетъ полезна, но потомъ зъ нея и гной или навозъ на роли будетъ полезенъ и надобенъ.

XXI. Рано и вечеръ должно осматривать коровъ и телятъ. Корови когда имѣютъ телится, передъ тѣмъ черезъ двѣ недѣли водою теплою лѣтнею наповать ихъ, да и когда отелятся, тое-жъ чрезъ столко времени чинить должно.

XXII. Въ осень когда уже дожди начнутъ падать, тогда скотъ въ хлѣвахъ замикать, чтобъ ему вреда не било; а когда дождовъ нѣтъ, то тогда зъ скотомъ вопреки поступать, то есть зъ хлѣвовъ вигонять.

XXIII. Телята при коровахъ должны быть недѣль черезъ четыре или пять и чрезъ тое время не поить иншимъ молококомъ, для того, что тое имъ вредитъ.

XXIV. По прошествіи пяти или четырехъ недѣль телята отлучать и по отлученіи давать имъ пойло, которое такъ дѣлать: взять молока и води по ровной части и придать сколько надобно муки овсяной, гречаной или ячменной и роскологивши давать; а житняя мука телятамъ въ пойлѣ вредитъ.

XXV. Не держать телятъ съ овцами, для того, что овцамъ не здорово и здихаютъ отъ того; а кромѣ того овцамъ сѣно дробное, хорошее давать, водою лѣтнею ихъ наповать.

XXVI. Когда уже телята недѣль двѣнадцать імѣтъ будутъ, тогда сдѣлай твердое тѣсто зъ якого хотя борошна, и когда телятъ имѣешъ поить, розбій часть того тѣста въ водѣ, пока ажъ пѣна повстанетъ, и если можно сиворотки примѣшавши, тимъ пойломъ лѣтнимъ наповай телятъ, а тое тѣсто що дня свѣжое готовать.

XXVII. Лучше учинишъ, когда сѣномъ въ лѣтѣ, а не травою кормить телятъ будешъ, по крайней мѣрѣ іюля по 14-е число, то есть до святого апостола Акули, а еще лучше учинишъ, когда телятъ до полтора года или черезъ годъ съ чвертю на сѣнѣ содержитимешъ. Однакъ найлучше молодий скотъ въ іюнѣ мѣсяцѣ среднихъ чиселъ на полѣ выпущать; а чимъ ранѣе прежде того випустишъ, тѣмъ скорѣе можно имъ поздихать; токмо на молодую траву, ни на стерню, гдѣ жито было, ни туда гдѣ покошено траву, не випущай.

XXVIII. Корови дойніе въ лѣтѣ когда придутъ до дому, призвичаить до пойла тако: имѣть корито на способномъ мѣстѣ, и въ тое собирать помой отъ всякихъ потравъ яринниихъ, рибнихъ, мясныхъ и прочіихъ въ той помийной водѣ, наваривши цвѣтовъ не вреднихъ въ котлѣ и змѣшавши зъ поміями, когда приходятъ корови о полудни, тѣмъ поить: то будетъ молоко доброе, сметана хорошая, тлустая, масло желтое, тлустое, и самимъ коровамъ тое весьма здорово такъ, что послѣ они стоячи и на соломѣ не худнутъ, и телята ситіи и хорошіи будутъ, и отъ напованнихъ такимъ образомъ коровъ далеко болшъ будетъ масла и сира.

XXIX. Телятъ молодихъ смотрѣть, сколько они зубовъ имѣютъ, и если которое зубовъ осемъ или семъ імѣетъ, такое рѣдко викормится, но сходнѣе его продать на убой.

XXX. Корова если на обоихъ бокахъ бородавки въ губѣ імѣетъ, то на сходѣ мѣсяця они повирѣзуй; а иначей сосхнетъ и здохнетъ.

XXXI. Посуду чистую до молока имѣть, сметану збирать, масло, сири чисто робить.

XXXII. Овцамъ на готованную утробу лѣкарство такъ дѣлать: взять хмѣлю, которій на сдѣланномъ пивѣ остается, и оній зъ полинемъ отварить, сверхъ того налить росолу отъ солоного мяса волового и давать овцамъ пить, то отъ того они виздоровѣютъ.

XXXIII. Солодъ, на земли или на току въ солодовни усушеній, видастъ жолтавое, здоровое и доброе пиво. Солодъ не добре вирощеній мало пива видастъ, а на збитъ вирощеній, такъ что ажъ траву пуститъ, видаетъ пиво не годное, для чего смотрѣть надобно, чтобъ солодъ былъ въ мѣру вирощенъ, а не на збитъ или не добре вирощенъ. Солодъ змелений, который не полежитъ, больше пива добраго видастъ. Для того солодъ завременно треба молоть. Солодъ умолотій видихается, для того солодъ змоловши до пива, надобно въ кадубя всипавши добре прикрить.

XXXIV. Для дѣланія солода старатися имѣть свою солодовню.

XXXV. Хмѣль огородній между листочками имѣетъ насѣнинчко жолтое, дробное, якъ пиль; а хмѣль лѣсний крупний, якъ конопляне сѣмя. Хмѣль чтобъ былъ зрѣлый, ибо отъ незрѣлого пиво квасиѣетъ. Хмѣль чтобъ не видихался, надобно, добре висушивши, въ дѣжки и кадуби зкласть и накривъ въ сухихъ мѣстахъ содержать по разнымъ сортамъ, т. е. крупний и мелкий особливо разобрать.

XXXVI. Въ мартѣ на сходѣ мѣсяця варить пиво и на вареніе оваго брать воду зъ рѣки или зъ ставу: то долго будетъ тривать.

Подлинникъ подписали: Кіево-Выдубецкаго монастыря игуменъ Іаковъ, намѣстникъ іеромонахъ Іоанникій, соборній старецъ іеромонахъ Спиридіонъ, духовникъ іеромонахъ Парфеній, іеромонахъ Нектарій казначей, іеромонахъ Гавріилъ экономъ.

Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива.

Записка поданная генералъ-губернатору Тутолмину жидичинскимъ архимандритомъ Флоріаномъ Корсакомъ.

Послѣ раздѣла Польши, случай въ родѣ приводимаго въ названной запискѣ, не единственный. Преобразуемые на манеръ католическихъ, русско-уніатскіе монастыри, въ теченіи XVII ст., добились полной независимости отъ своихъ митрополитовъ и епископовъ и сплотились въ одно стройное цѣлое, съ названіемъ базиліанскаго ордена, подъ властію собственныхъ протоархимандритовъ. Базиліанскій орденъ сталъ послушнымъ орудіемъ римской куріи, которая нерѣдко сама распоряжалась его огромными доходами. Раздѣлъ Польши разбилъ на части конгрегацію уніатскихъ монастырей, создалъ для нея цѣлый рядъ затрудненій и былъ одною изъ главныхъ причинъ паденія ея впослѣдствіи. Нѣкоторые изъ монастырей отошли подъ власть Австріи, туда-же временно отошла и бывшая холмская епархія, другіе возвращены Россіи, при чемъ административныя и экономическія отношенія разрозненныхъ частей базиліанской конгрегаціи совершенно перепутались, такъ что напр. имѣнія и доходы находились въ одномъ государствѣ, а ихъ распорядители и получатели въ другомъ. Терявшіе на этомъ прибѣгали къ хитростямъ, которыя не всегда удавались. Одинъ изъ такихъ случаевъ хитро задуманнаго, но неудавшагося обмана представляетъ настоящая записка.

Тимоѳей Ивановичь Тутолминъ былъ первымъ генералъ-губернаторомъ возвращенныхъ отъ Польши, во время послѣдняго ея раздѣла, юго-западныхъ нашихъ провинцій; ему подчинены были новообразованныя тогда губерніи: минская, волынская, подольская и брацлавская, въ скоромъ времени вновь переформированныя.

Впослѣдствіи ,при имп. Павлѣ I, онъ поплатился арестомъ за свой твердый образъ дѣйствій, вслѣдствіе интригъ и доносовъ польской шляхты, но успѣлъ оправдаться. Въ 1806 г. онъ устраивалъ милицію, а въ 1809 г. помогалъ Сперанскому въ образованіи государственнаго совѣта.

Вотъ текстъ записки арх. Корсака и состоявшейся по ней резолюціи Тутоллина.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

Въ 1789 году преосв. Важинскій изъ архимандрита жидичинскаго возведенный въ санъ холмскаго епископа, для поправленія матеріальнаго положенія этого епископства, исходатайствовалъ въ Римѣ разрѣшеніе на уплату ему ежегоднаго жалованья деньгами и годовымъ сборомъ хлѣба изъ доходовъ жидичинскаго монастыря.

Я, какъ преемникъ его по архимандріи, обязался платить этотъ тяжелый налогъ и выплачивалъ его до тѣхъ поръ, пока холмское епископство находилось подъ властью польской короны. А такъ какъ теперь холмское епископство находится во владѣніи всемилостивѣйшаго римскаго императора, а я съ своей архимандріей состою въ подданствѣ императрицы всероссійской Екатерины II-й, то и отъ дальнѣйшей уплаты такого тяжелаго налога отказался, боясь совершить преступленіе противъ высочайшей монаршей воли, выраженной въ указѣ всемилостивѣйшей императрицы, данномъ 17 января 1782 года, въ которомъ сказано: „чтобы всѣ монахи католическаго исповѣданія не зависѣли ни отъ какой духовной власти внѣ нашей имперіи; высылать имъ доходы или часть таковыхъ, или-же имѣть къ нимъ какое либо отношеніе, подъ страхомъ отвѣтственности за преступленіе неисполненія предписаній высшей власти, запрещается“. Преосв. Важинскій, не имѣя возможности потребовать у меня жалованья отъ своего имени, поручилъ владимірскому базиліанскому монастырю взять его отъ меня, *какъ будто-бы удовлетвореніе за позаимствованную у него* (Важинскаго) *сумму денегъ.* Архимандрія моя находится въ волынской губерніи въ луцкомъ округѣ и потому владимірскіе базиліане, начавши со мною тяжбу въ уѣздномъ судѣ этого округа, получили рѣшеніе въ ихъ пользу:

чтобы слѣдующаго 23-го мая, по счету дней римскаго календаря, разсмотрѣть ежегодныя квитанціи въ выплатѣ вышеупомянутаго жалованья и что будетъ слѣдовать за невыплаченные годы 1794 и 1795 г., мнѣ приказано (названное жалованье) уплатить владимірскимъ базиліанамъ.

Падежъ скота, пожары и пребываніе здѣсь войскъ всемилостивѣйшаго императора римскаго привели фольварки моей архимандріи въ несчастное и бѣдственное положеніе, а плата упомянутаго жалованья будетъ для моей архимандріи послѣднимъ разореніемъ. Вслѣдствіе такихъ причинъ истощенія моихъ доходовъ, обращаясь къ высокому покровительству и высокой власти, покорнѣйше прошу ваше превосходительство уволить меня отъ уплаты этого тягостнаго жалованья, установленнаго въ пользу доходовъ холмскаго епископства, которое находится внѣ россійской имперіи, а владимірскимъ базиліанамъ пусть будетъ приказано остановиться съ приведеніемъ въ исполненіе тягостнаго рѣшенія, какъ происшедшаго по *домогательству и притѣсненію* со стороны холмскаго епископа.

Флоріанъ Корсакъ, жидичинскій архимандритъ.

Копія резолюціи генералъ-аншефа, минскаго, волынскаго, брацлавскаго и подольскаго генералъ-губернатора, Тутолмина, луцкому земскому суду:

Изъ прилагаемой при семъ записки жидичинскаго архимандрита Флоріана Корсака оказывается, что домагательство владимірскихъ базиліанъ незаконно и подыскано только для выгоды заграничной духовной власти. Вслѣдствіе чего, предписываю луцкому земскому суду дѣло, начатое по этому иску, не выдавая по нему никакого рѣшенія, отослать при рапортѣ въ волынское намѣстническое управленіе, какое, по открытіи волынской губерніи, по закону всемилостивѣйшей императрицы (будетъ) установлено.

Тутолминъ.

5-го іюля 1796 года.

Сообщилъ В. Т. М—чъ.

Указъ имп. Екатерины II объ учрежденіи малороссійской коллегіи*).

Указъ нашему сенату.

По всемилостивѣйшемъ отъ насъ увольненіи графа Разумовскаго, по прошенію, отъ гетманскаго чина, повелѣваемъ нашему сенату для надлежащаго въ Малой Россіи управленія учредить тамъ малороссійскую коллегію, въ которой присутствовать главнымъ: нашему генералу, графу *Румянцеву* и съ нимъ четыремъ великороссійскимъ членамъ зъ генералитетскихъ и штанъ-офицерскихъ чиновъ, да изъ малороссійскихъ-же старшинъ четыремъ-же членамъ. Великороссійскимъ всемилостивѣйше опредѣляемъ мы нынѣ генералъ-маіора *Бранта*, да полковника князя *Платона Мещерскаго*, на протчія-жъ двѣ вакансіи вибравъ сенату немѣдленно кандидатовъ къ намъ представить; а малороссійскихъ— обозного генералного *Кочубея*, писаря генералного *Туманского*, асаула генералного *Журавку*, да хорунжого *Данила Апостола;* прибрать и находячогося не у дѣлъ подполковника *Семенова*, а секретарей— едного изъ великороссійскихъ, а другого зъ тамошнихъ, такъ-же и дру-

---

*) Заимствуемъ этотъ документъ изъ уцѣлѣвшихъ бумагъ обширнаго нѣкогда архива В. С. Попова. Онъ былъ отвѣтомъ на прошеніе гетмана Разумовскаго и малороссійской шляхты о возстановленіи прежнихъ малороссійскихъ правъ и привилегій, помѣщенное въ іюньской книжкѣ «Кіев. Старины» на 1883 г., и составляетъ начало подведенія Малороссіи подъ общегосударственные законы и формы управленія. Любопытно въ немъ это уравненіе въ новомъ главномъ управленіи элементовъ малорусскаго и великорусскаго, равно приравниваніе чиновъ великороссійскихъ къ малороссійскимъ.—Ред.

гихъ нижнихъ канцелярскихъ служителей выбрать ему графу Румянцеву по своему разсмотренію.

Мы, желая, чтобъ между опредѣленными въ сію коллегію чинами никакого различія не было и каждой мѣсто свое по чину старѣйшинства занимать моглъ, всемилостивѣйше жалуемъ сихъ малороссійскихъ чиновъ уравненіемъ у классахъ съ великороссійскими нижеслѣдующими чинами, а именно: обозного генералного Кочубея генералъ-маіорскимъ, писаря генералного Туманского чиномъ статского совѣтника, асаула генералного Журавку и хорунжого Апостола полковничими.

А какіе у прошломъ 1763 году, по имянному нашему указу, учреждении въ Малой Россіи суди подкоморскіе и суди земскіе, въ каждомъ полку по два, а въ нѣжинскомъ три, въ которые и опредѣляются подкоморие, судьи, подсудки и писарѣ, виборомъ къ тому повсегодно, яко временние, то повелѣваемъ и симъ, пока они въ такихъ по выборамъ званіяхъ будутъ, считаться заурядъ, а именно: подкоморимъ—первимъ по полковникѣ малороссійскомъ, судьямъ земскимъ съ первостатейными бунчуковыми товарищи, по старшинству, подсудкамъ съ бунчуковыми второстатейными, писарямъ земскимъ противъ асауловъ полковыхъ, по старшинству, а вознимъ быть первымъ подъ сотникомъ малороссійскимъ.

Сему, за неимѣніемъ нынѣ гетмана, опредѣленному отъ насъ главному малороссійскому комендиру быть въ такой силѣ, какъ генералъ-губернатору и президенту малороссійской коллегіи, гдѣ онъ по дѣламъ суда и росправи имѣетъ голоси предсѣдателя по генералному регименту, а въ протчиихъ дѣлахъ, яко-то въ содержаніи въ народѣ доброго порядку, общей безопасности и исполненія законовъ, долженъ онъ поступать съ властію губернаторскою, то есть какъ особливый повѣренный нашъ въ отсутственномъ мѣстѣ.

Запорожской Сѣчи, которая состояла подъ вѣдомствомъ гетмана, быть нынѣ вѣдомой въ семъ правительствѣ малороссійскомъ.

Въ разсужденіи-же излишнихъ предъобыкновенныхъ расходовъ, которые въ семъ званіи имѣть должно, всемилостивѣйше жалуемъ ему графу Румянцеву, сверхъ настоящого по чину его жалованья, зъ таможнихъ доходовъ по четирѣ тисячѣ рублевъ на годъ столовихъ денегъ,

да на генералъ-губернаторскій урядъ—вѣдомства кучеровского село Кучеровку, съ принадлежащими къ нему селами и хуторами, да село Середину Буду.

На копіи значится, что подлинной подписанъ ея императорскаго величества рукою тако:

Екатерина.

Состоялся 1764 году
ноября 10 дня.

Библіографія.

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники (опытъ историческаго изслѣдованія). Т. 1-й. С. Голубева. Кіевъ. 1883 г. 1225 стр.

Митрополитъ кіевскій Петръ Могила былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей на югѣ Россіи въ 1-й половинѣ XVII вѣка и игралъ наиболѣе выдающуюся, главную, можно сказать, роль въ борьбѣ за православную вѣру и русскую народность. При немъ прочно укрѣпились прежде существовавшія и новыя учреждались церковныя братства, открывались школы, заводились типографіи, издавались книги и посланія въ защиту православія, исправлялись богослужебныя книги, очищалась и прочно организовалась церковная обрядность. Онъ возвратилъ права западно-русской церкви, попранныя уніею, возстановилъ изъ развалинъ древніе православные храмы, основалъ кіевскую академію, имѣвшую великое вліяніе на церковную и гражданскую жизнь южной Руси и проложилъ путь къ возсоединенію южно-русскаго народа съ сѣверо-восточными братьями по вѣрѣ и крови.

Къ сожалѣнію, доселѣ у насъ не было полнаго научнаго очерка этой великой личности. Г. Голубевъ, посвятившій нѣсколько лѣтъ на розысканіе и изслѣдованіе матеріаловъ, относящихся къ лицу и дѣятельностію митроп. Петра Могилы, весьма успѣшно полагаетъ начало восполненію этого недостатка нашей русской исторіи своимъ сочиненіемъ, въ которомъ собрано значительное количество неизвѣстныхъ доселѣ матеріаловъ, добытыхъ имъ при поѣздкахъ въ Москву, С.-Петербургъ, Варшаву, Краковъ и Львовъ, и дѣятельность Петра Могилы разсмотрѣна въ связи съ общимъ ходомъ церковно-историческихъ событій этого времени. Вышедшій первый томъ, обнимая собою періодъ дѣятельности Петра Могилы до вступленія его на кіевскую митрополію, составляетъ только меньшую часть труда г. Голубева, между тѣмъ онъ заключаетъ

въ себѣ 559 страницъ изслѣдованія и 576 стр. приложеній, какъ матеріаловъ для исторіи западно-русской церкви. Въ изслѣдованіи изложены свѣдѣнія о рожденіи, воспитаніи и первыхъ годахъ жизни Петра Могилы, о вступленіи его и посвященіи на кіево-печерскую архимандрію; попытки къ соглашенію уніатовъ съ православными, съ очеркомъ дѣятельности Мелетія Смотрицкаго и свѣдѣніемъ о соборахъ кіевскихъ 1627 и 1628 г., гродекскомъ 1628 и львовскомъ 1629 г.; состояніе кіево-печерской обители въ XVI вѣкѣ и дѣятельность Петра Могилы въ управленіи этою обителью; состояніе просвѣщенія въ юго-западной Руси въ концѣ XVI вѣка и мѣры Петра Могилы къ восполненію его недостатковъ; движеніе въ средѣ южно-русскаго общества, вызванное смертію Сигизмунда III, участіе Петра Могилы въ этомъ движеніи предъ конвокаціоннымъ и избирательнымъ сеймами и избраніе Петра Могилы на митрополію кіевскую; посвященіе его въ санъ митрополита въ Львовѣ, пріѣздъ въ Кіевъ и отобраніе кіево-софійскаго собора отъ уніатовъ. Изложенію каждаго изъ этихъ предметовъ предпосланъ критическій разборъ существующихъ о немъ мнѣній, а равно источниковъ; все сочиненіе изложено точнымъ, чистымъ и яснымъ языкомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ важности предмета. Авторъ обѣщаетъ еще издать отдѣльною брошюрой, въ качествѣ *введенія* къ своему сочиненію, *очеркъ исторіи западно-русской церкви въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка*, а къ 2-му тому своего сочиненія приложить указатель личныхъ именъ и географическихъ названій. Душевно радуемся такому почтенному труду молодаго ученаго, который можно считать цѣннымъ вкладомъ въ церковно-историческую нашу литературу, и искренно желаемъ его окончанія.

15-е іюля. **П. Л.**

О достопамятностяхъ Чернигова. Маркова, бывшаго директора черниговской гимназіи. Черниговъ. 1882 г. (Перепечатано изъ единственнаго сохранившагося въ Черниговѣ экземпляра).

Брошюрка, заглавіе которой мы выписали, заключаетъ въ себѣ всего лишь 47 страничекъ, in 8°, и представляетъ краткій очеркъ исторіи Чернигова и его древностей. Въ научномъ отношеніи ея содержаніе не имѣетъ никакого значенія. Существуютъ гораздо лучшія описанія Чернигова въ историческомъ отношеніи, напр. Маркевича, изданное въ 1852 г., арх. Филарета—Историко-статист. описаніе черниговской епархіи, Шафонскаго—въ сочиненіи «О черниговскомъ намѣстничествѣ», не говоря объ изслѣдованіяхъ чисто историческаго характера, какія находимъ

у Соловьева, Иловайскаго и др. Историческая часть брошюры г. Маркова наполнена большими неточностями, невѣрностями. Если и есть вѣрныя сообщенія, то для незнакомаго съ предметомъ весьма трудно отдѣлить ихъ отъ искаженій историческихъ фактовъ.

Было-бы малопроизводительнымъ трудомъ входить въ разборъ погрѣшностей автора этой давно изданной и теперь повторенной брошюрки, могущей интересовать весьма немногихъ, преимущественно изъ мѣстной черниговской публики. Нѣкоторыя изъ ошибокъ автора такъ очевидны, что едва-ли введутъ кого либо въ соблазнъ; таково напр. положительное его увѣреніе о томъ, что Черниговъ былъ подчиненъ кіевскимъ князьямъ въ 884 г., когда мы не можемъ даже сказать, Олегъ или кто другой изъ князей заставилъ повиноваться Кіеву племя сѣверянъ. Таблица преемственнаго правленія князей (7—8), составленная г. Марковымъ, полна неточностей и невѣрностей. Говоря о судьбѣ Брянска, авторъ утверждаетъ, что «по кончинѣ князя Романа городъ сей присоединенъ къ владѣніямъ великихъ князей Владимірскихъ». Это уже полная историческая нелѣпость. Брянскъ самостоятельно продолжалъ существовать до 1355 г. и потомъ былъ присоединенъ къ Литвѣ, послѣ чего и вся разбитая на мелкіе удѣлы сѣверская земля признала власть князей литовскихъ. И много такихъ промаховъ въ брошюрѣ, доказывающихъ полную несостоятельность ея въ научномъ смыслѣ. Для чего-же повторено ея изданіе? Она имѣетъ нѣкоторое значеніе совершенно въ другомъ отношеніи—своими историко-топографическими свѣдѣніями. Въ то время, когда она писалась, въ Черниговѣ сохранялось еще много остатковъ старины, слѣды которыхъ постепенно все болѣе и болѣе изглаживаются.

Не смотря однако на такое ограниченное значеніе повторенія этого изданія, нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ такому дѣлу, особливо, если оно приметъ болѣе широкіе размѣры. Объ этомъ послѣднемъ, по поводу переизданной брошюры, мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Дѣло въ томъ, что съ начавшимся въ нашей исторической наукѣ развитіемъ областнаго метода разработки исторіи получаетъ особое значеніе исторія городовъ древней Руси. Между тѣмъ Черниговъ игралъ видную роль, какъ центръ сильнаго племени сѣверянъ, въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской жизни. Разверните лѣтописи, и вы увидите тамъ, что первыя событія удѣльнаго періода связаны съ именами столько-же почти Чернигова, какъ Кіева и Новгорода Великаго. Весь періодъ отъ 1054 г. до 1241 г. Черниговъ въ постоянной борьбѣ. Онъ борется за свою самостоятельность противъ притязаній Кіева, поддерживаетъ своихъ князей въ борьбѣ за права старѣйшинства въ русской

землѣ, энергически противится зародившемуся на сѣверѣ московскому направленію, и въ лицѣ Ольговичей вдается въ огромное предпріятіе— соединить въ рукахъ своего рода всѣ южныя области. Въ связи съ политическимъ значеніемъ его стояла и торговля, и промышленность. Еще въ IX в. мы видимъ его торговыя сношенія съ Византіей и востокомъ. Еще въ это время, какъ видно изъ данныхъ археологіи, племя сѣверянъ стояло на довольно высокой ступени культуры. Богатства Чернигова были извѣстны на Руси, и память о золотой казнѣ черниговской сохранилась въ былинахъ.

Всей своей прошлой жизнью, полной иногда глубокаго трагизма, Черниговъ заслуживаетъ вниманія историка. И однако, изученіе его прошлаго оставалось доселѣ въ тѣни, немного сдѣлано даже для собиранія матеріаловъ по его исторіи. Въ прежнее время его судьбами занимались больше; много цѣнныхъ статей этнографическаго и историко-топографическаго содержанія помѣщалось въ «Черниговскихъ губерн. Вѣдомостяхъ», которыя въ настоящее время недоступны для пользованія историка. Намъ казалось-бы, что тѣмъ, которые сдѣлали теперь перепечатку брошюры Маркова, если они заинтересованы исторіею своего города и края, весьма не мѣшало-бы выбрать, если еще существуетъ хоть одинъ полный экземпляръ мѣстныхъ Вѣдомостей, всѣ статьи этнографическаго и историко-топографическаго характера и переиздать ихъ снова, съ указаніемъ, въ какомъ году и кѣмъ первый разъ статья напечатана. Историческое общество преп. Нестора лѣтописца постановило издать программы для собиранія этнографическаго матеріала, куда должны войти не только бытовыя черты, но и всѣ преданія, пріуроченныя къ извѣстнымъ мѣстностямъ, описанія сохранившихся остатковъ старины. Въ переизданныхъ статьяхъ, писавшихся нѣкогда старожилами, нашелся-бы, можетъ быть, отвѣтъ не на одинъ вопросъ его программы.

П. Голубовскій.

Кіевъ. 1883 года.
30-го іюня.

О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. Вып. I. А. Маркевича. Одесса. 1883 г.

Сочиненіе, заглавіе котораго выставлено, заключаетъ въ себѣ одинадцать отдѣленій. Самое важное изъ нихъ второе, носящее заглавіе: *Библіографія русскихъ лѣтописей*. Въ этой части названнаго труда довольно полно собраны указанія о всѣхъ вышедшихъ сочиненіяхъ по вопросу о лѣтописяхъ; сверхъ того нѣсколько дополненій къ этому-же

предмету сдѣлано въ концѣ книги. Чтобы вѣрнѣе оцѣнить трудъ г. Маркевича, необходимо начать съ разрѣшенія вопроса: для кого и съ какакою цѣлію онъ предпринятъ, ибо тогда ясно будетъ, на сколько онъ достигаетъ хотя предположенной цѣли, если нельзя признать за нимъ безотносительнаго научнаго достоинства.

Названіе книги г. Маркевича даетъ понять, что это лекціи по исторіографіи, и конечно для воспитанниковъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, при которыхъ авторъ состоитъ преподавателемъ. Но какова бы ни была практическая цѣль подобнаго изданія и для кого-бы оно ни предназначалось, общія научныя основанія должны быть въ немъ выдержаны, главныя задачи исторіографіи должны быть удовлетворены. Такъ-ли поступилъ г. Маркевичъ? Исторіографія имѣетъ двѣ главныя задачи: во 1-хъ критическій анализъ источниковъ первой руки и свѣдѣнія о нихъ, и во 2-хъ изложеніе исторіи изученія извѣстнаго вопроса, въ генетическомъ его развитіи. Это такъ сказать двѣ части этой науки и вторая изъ нихъ должна *непремѣнно* слѣдовать за первой, потому что только послѣ ознакомленія съ самимъ источникомъ можно критически отнестись ко всѣмъ тѣмъ теоріямъ и ученіямъ, которыя могутъ о немъ существовать. Когда авторъ выставилъ заглавіе «О лѣтописяхъ», мы въ правѣ ожидать, что онъ представитъ намъ изученіе лѣтописи на основаніи ея же самой. Но этого нѣтъ. На всѣхъ 183 страницахъ мы видимъ только перечисленіе чужихъ мнѣній и ни одного факта. Можетъ быть, авторъ хотѣлъ изложить исторію изученія лѣтописи? Въ такомъ случаѣ онъ неправильно озаглавилъ свое произведеніе. Но если допустить такую частнѣйшую цѣль его труда,—авторъ идетъ къ ней не вѣрнымъ путемъ. Можно-ли получить ясное понятіе о томъ, какъ развивалось изученіе вопроса о лѣтописяхъ, когда я вижу лишь рядъ мнѣній, повторяющихся безпрестанно по всякимъ мельчайшимъ деталямъ вопроса? Для полнаго и яснаго пониманія этого вопроса необходимо раздѣлить существующія теоріи по извѣстнымъ группамъ или школамъ, показать, какъ онѣ способствовали уясненію вопроса, какъ старанія одной школы отстоять свое мнѣніе содѣйствовали развитію теоріи другой. Ничего подобнаго у автора нѣтъ, а стало быть, и какъ вторая часть исторіографіи о лѣтописяхъ, книга г. Маркевича не имѣетъ научнаго, а потому самому и практическаго значенія.

Нѣкоторыя мѣста книги г. Маркевича наводятъ на мысль, будто онъ желалъ быть вѣренъ своему заглавію, хотѣлъ представить не исторію изученія вопроса о лѣтописи, а анализъ самой лѣтописи. Къ этому приводятъ какъ названія главъ, такъ и сдѣланные въ нихъ нѣкоторые выводы. На страницѣ напр. 113 авторъ говоритъ: «На основаніи всѣхъ

этихъ соображеній надо признать, что сохранившаяся древняя лѣтопись написана не пр. Несторомъ, а самая лѣтопись Нестора могла войти въ нее лишь въ качествѣ одного изъ источниковъ». На чемъ однако основываются у автора этотъ и другіе выводы? Какіе факты *изъ самой лѣтописи и изъ источниковъ первой руки* приводитъ онъ въ подтвержденіе своего мнѣнія? Никакихъ и ровно никакихъ. Онъ утверждаетъ такъ на основаніи только чужихъ мнѣній. И это первое попавшееся намъ въ руки сочиненіе, въ которомъ серьезные вопросы рѣшаются не на основаніи научныхъ данныхъ, а только чужихъ соображеній. На страницахъ 107—113 читатель найдетъ только: Погодинъ и Бутковъ думаютъ такъ-то, Шевыревъ рѣшаетъ такъ-то, Голубинскій—иначе... все въ этомъ родѣ. Приводятся всѣ эти мнѣнія, какъ аксіомы, при чемъ не видно даже, на чемъ каждый изъ нихъ основывалъ свой выводъ. Вотъ, напр., какъ представляется у г. Маркевича положеніе вопроса о лѣтописи Нестора: «Вопросъ (о различіи фактическомъ между житіемъ Бориса и Глѣба и лѣтописью) былъ рѣшенъ сочиненіемъ Билярскаго, указавшаго на несогласимую разницу въ языкѣ обоихъ памятниковъ, доказывающую непринадлежность ихъ одному и тому лицу. Лашнюковъ былъ склоненъ отрицать даже принадлежность житія св. Бориса и Глѣба пр. Нестору, чтобы защитить принадлежность ему лѣтописи, но безъ всякихъ доказательствъ. Такое-же мнѣніе недавно высказалъ и Н. Владимірскій, разобравъ всѣ предъидущія мнѣнія; но для него является, повидимому, несомнѣннымъ фактъ, что лѣтопись писана пр. Несторомъ: онъ даже объ этомъ и вопроса не подымаетъ. За принадлежность-же пр. Нестору житія стоятъ такіе крупные авторитеты, какъ митр. Макарій и Срезневскій. Лѣтописное житіе св. Бориса и Глѣба, кажется, сокращено изъ «Сказанія страстей» и «Похвалы объ убіеніи святаго мученика Бориса и Глѣба» Іакова Мниха; такъ полагаютъ Сухомлиновъ, Срезневскій и мн. друг.; но и это оспариваютъ. Иные писатели (напр. Бутковъ) считали лѣтописный разсказъ о Борисѣ и Глѣбѣ позднѣйшею вставкою въ древнюю лѣтопись». Послѣ этого перечисленія мнѣній различныхъ ученыхъ можно было-бы ожидать, что авторъ «воздастъ комуждо по дѣломъ его». Но, нѣтъ; авторъ не вошелъ въ разборъ ихъ мнѣній, не привелъ ни одного факта въ подтвержденіе или опроверженіе того или другаго, а прямо переходитъ къ выводу, который выше нами указанъ: «На основаніи всѣхъ этихъ соображеній...» и т. д. На стр. 152 читаемъ «Преданія объ Игорѣ и Ольгиной мести... Они относятся къ циклу преданій (народныхъ, по мнѣнію Хрущова) о завоеваніи древлянской земли. Хрущовъ видитъ въ этихъ преданіяхъ сліяніе двухъ разсказовъ (по Срезневскому—лѣтописныхъ). Нѣкоторыя подробности, находящіяся

въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго, едва-ли могутъ быть отнесены къ раннему времени» (152). Что изъ этого понять и принять можно? Тутъ на каждомъ шагу надо спросить: почему? Въ такомъ-же родѣ стр. 154-я, гдѣ приводятся лѣтописныя преданія, безъ всякихъ фактическихъ указаній. Въ другомъ мѣстѣ авторъ спрашиваетъ: «кто такой этотъ разскащикъ Василій»? и отвѣчаетъ: «Карамзинъ видѣлъ въ немъ священника галицкой области; но Бутковъ (Оборона) отмѣчаетъ, что при обращеніи къ нему князей они не разу не называютъ его: *отче*, какъ это было обычно въ то время относительно духовныхъ лицъ. Татищевъ, на основаніи неизвѣстныхъ источниковъ, сообщаетъ, что Василій на Волыни осматривалъ училища. Наконецъ, Хрущовъ приводитъ *нѣкоторыя соображенія* объ отношеніяхъ Василія къ Выдубицкому монастырю. «(161). Кто-же такой въ концѣ концовъ этотъ Василій? Что думаетъ о немъ самъ г. Маркевичъ?—Подобнымъ образомъ трактуетъ авторъ на стр. 132-й о Мефодіи Патарскомъ, а на стр. 163-й о первой части лѣтописи, приводя мнѣнія гг. Костомарова, Соловьева, Бустужева-Рюмина, Хрущова, безъ всякаго ихъ обсужденія и провѣрки фактическими данными. Авторъ игнорируетъ ту простую истину, что мнѣнія ученыхъ, какъ-бы они не были авторитетны, не могутъ служить основой для выводовъ.

Мы ограничиваемся этими указаніями. Ихъ можно было-бы привести гораздо больше, но размѣры журнальной рецензіи не даютъ намъ для этого возможности.

Приводя постоянно чужія мнѣнія, ссылаясь на нихъ, авторъ наводитъ тѣмъ на мысль, что самъ онъ недостаточно знакомъ съ лѣтописями; и не отъ того-ли и зависитъ полная неопредѣленность и шаткость его взглядовъ относительно такихъ важныхъ вопросовъ, какъ напр. вопросъ о лѣтописной хронологіи? Не входя въ подробности этого вопроса и мнѣній о немъ автора, не можемъ не обратить вниманія на слѣдующее мѣсто его книги. «Нельзя, говоритъ онъ на стр. 90, отрицать, что нѣкоторые лѣтописцы ставили годы въ лѣтописяхъ совершенно неправильно, подъ вліяніемъ какой-нибудь ошибки, *какъ это случилось съ составителемъ галицко-волынской лѣтописи*». Г. Маркевичу, повидимому, неизвѣстно, что галицко-волынскій лѣтописецъ не могъ ошибиться въ годахъ, по той простой причинѣ, что самъ писалъ совершенно безъ годовъ. Вотъ его собственныя слова: «хронографу-же нужа есть писати все и вся бывшая, овогда-же писати в передняя, овогда-же возступати в задняя, чьтый мудрый разумѣеть; *число-же лѣтомъ здѣ не писахомъ* в задняя впишемъ...» (И. Л. 544). Но и послѣ не самъ лѣтописецъ поставилъ годы, ибо заглавіе: «Начало княженія великаго князя Романа...» поставлено подъ 1201 г., подъ которымъ говорится о его смерти, чего, оче-

видно, не могъ сдѣлать самъ лѣтописецъ. Очевидно также, что годы разставлены послѣ потери начала Галицко-Волынской лѣтописи.

Интересны и другія мнѣнія г. Маркевича въ области изслѣдованій о лѣтописяхъ. Онъ говоритъ, напр., что «древніе польскіе лѣтописцы обильно черпали изъ русскихъ лѣтописей» и прибавляетъ, что «извѣстія, заимствованныя изъ русскихъ лѣтописей, можно найти и въ лѣтописяхъ западно-европейскихъ». Намъ приходилось читать польскіе источники; но мы нашли дѣйствительное заимствованіе изъ лѣтописей (или лучше остовы многихъ лѣтописей) лишь у Длугоша и Стрыйковскаго, изъ которыхъ первый XV, а второй XVI в. Имѣли мы случай заглядывать и въ западно-европейскія хроники, и тутъ уже можемъ положительно сказать, что никакихъ заимствованій изъ русскихъ лѣтописей не нашли. Есть самостоятельныя извѣстія по исторіи Руси.

Воообще говоря, авторъ разсматриваемой книги съ своими мнѣніями вездѣ почти скрывается, если-же гдѣ и показывается, то, какъ мы указали, весьма неудачно. Сочиненіе его не можетъ быть отнесено ни къ первой, ни ко второй части исторіографіи. Правильнѣй было-бы озаглавить его хотя-бы такъ: «Собраніе мнѣній по различнымъ деталямъ вопроса о лѣтописяхъ, съ примѣчаніями автора». Библіографіи съ исторіографіей смѣшивать нельзя.

Мы разсматривали книгу г. Маркевича, какъ сочиненіе, изданное въ свѣтъ. Еще меньше хорошаго можно о немъ сказать, какъ о лекціяхъ. Мы не видимъ тутъ признаковъ анализа, такъ сказать, анатоміи лѣтописи, а только пріученіе неопытныхъ, еще не богатыхъ свѣдѣніями, слушателей къ повторенію чужихъ мнѣній.

П. Голубовскій.

Кіевъ, 1883 года,
іюля 9 дня.

Дополненія къ „Покажчику нової української літератури“ М. Комарова.

Пусть не подумаетъ читатель, что это заглавіе новой книги; это только дополненіе къ книгѣ, о которой была помѣщена библіографическая замѣтка въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины». Авторъ этой замѣтки, г Науменко, между прочимъ, говоритъ: «мы признаемъ, что пропусковъ въ подобномъ трудѣ никто избѣжать не можетъ... Единственная возможность пополнить пробѣлы библіографическаго указателя—сдѣлать извѣстными имѣющіяся у каждаго свѣдѣнія путемъ печати».

Имѣя нѣсколько такихъ свѣдѣній, мы дѣлимся ими съ издателемъ «Показчика» и читателями «Кіевской Старины». По этимъ свѣдѣніямъ въ «Показчикѣ» не указаны слѣдующія изданія по части исторіи и этнографіи малорусской:

1. *Левшина.* «Письма изъ Малороссіи». Харьковъ. Года, къ сожалѣнію, не помнимъ.—Въ письмахъ есть много историческихъ и этнографическихъ замѣтокъ, записанныхъ на мѣстѣ; кромѣ того—свѣдѣнія о раскольникахъ сѣверной части черниговской губерніи.

2. *Кулжинскаго.* «Малороссійская деревня». Москва. Годъ также не записанъ. Въ брошюркѣ, между прочимъ, есть о малорусскихъ пѣсняхъ.

3. Нѣсколько (15 пѣс.) народныхъ пѣсенъ, извѣстныхъ за Днѣпромъ и въ Галиціи. «Вѣстн. Евр.» 1829 г. № 7.

4. Малороссійскія пѣсни. «Вѣстн. Евр.». 1830 г. № 6 (8 пѣс.).

5. *Вадима Пассека.* Купало. «Москов. Наблюд.». Октябрь, кн. 1-я. 1835 г.—О празднованіи Купала и 10 пѣсень.

6. *Его-же.* Малороссійскія повѣрья. «Кіевлянинъ», 1840 г., 19—20 стр.—Заговоры отъ сглаза и противъ укушенія змѣи.

Его-же. Новый годъ. «Кіевлянинъ». 1840 г., кн. 3, 71—120 стр.

8. *Его-же.* Веснянки. Очерки Россіи, кн. V, 140—187 стр. Москва. 1842 г.—Въ статьѣ 15 веснянокъ.

9. *Кулиша.* Малороссійскіе разсказы. «Кіевлянинъ». 1840 г. 205—228 стр.—Два преданія, записанныхъ въ черниговской губерніи.

10. *Срезневскаго.* Козаки—гайдамаки уніатской войны. «Кіевлянинъ». 1840 г., стр. 121—138. Тутъ-же помѣщено нѣсколько пѣсень и думъ о подвигахъ Лободы и др.

11. Малороссійская пѣсня. «Кіевлянинъ». 1840 г., стр. 16.

12. *В. В—скаго.* Объ украинскихъ народныхъ преданіяхъ. Пер. съ польскаго. Москвитянинъ, № 11—12, стр. 140—158.

Содержаніе: 1) Легенда о кіевскихъ золотыхъ воротахъ. 2) Легенда о Мазепѣ и царѣ Петрѣ. 3) Легенда о Кириллѣ Кожемякѣ. 4) Содержаніе замѣчательнѣйшихъ изъ миѳологическихъ преданій. 5) Путешествіе по другому свѣту.

13. *Марачевича,* протоіерея. Село Кобылья (волынской губ., новоградволын. уѣзда). «Этнографическій сборникъ». Изданіе географическаго общества. Вып. 1, стр. 294—312.—Народныя преданія, одежда, обычаи и пр.

14. *Базилевича,* священника. Мѣст. Александровка (черниговской губ. сосницкаго уѣзда). «Этнографическій сборникъ». Изданіе географическаго общ. Вып. 1-й, стр. 313—336.—Тутъ между прочимъ—дума о Богданѣ Хмельницкомъ.

15. Четыре старинныя малорусскія думы, *записанныя Афанасьевымъ.* Памятники и образцы народнаго языка и словесности. Издан. II отдѣл. акад. наукъ, тетр. 2-я.—Вотъ эти думы: 1) О Самуилѣ Кушкѣ. 2) Объ Иванѣ Коновченкѣ. 3) О трехъ братьяхъ. 4) Бандуристъ.

16. Украинская дума про невольниковъ. Извѣстія II отдѣленія академіи наукъ, т. III, стр. 282.

17. *Афанасьева.* Народныя русскія сказки. Москва, 4 выпуска.—Въ 1-мъ и 3 выпускахъ помѣщены 4 малорусскія сказки, а въ 4-мъ малор. анекдоты.

18. *Костомарова.* О миѳическомъ значеніи Горя-злосчастія «Соврем.» 1856 г. № 10, стр. 113—124.—Приведено нѣсколько украинск. пѣсень и указаны заимствованія въ нихъ малороссами у великороссовъ и обратно.

19. *Гаданіе.* Народная малорусская сказка. Мк. (?) т. IX, кн. XVII, стр. 38—41 [1]).

20. *A. Nowosielski.* Lud ukrainski. Wilno. 1857 г.

21. Пѣсни малороссіянъ. Изд. Прѣснова. Москва. 1872 г. Ц. 50 к.

22. Пѣсня малороссійскія. Изд. Глушкова. Москва. 1874 г. Ц. 30 к.

М. Гавриловъ.

---

[1]) Такъ какъ статья эта записана мною давно, то я и самъ не могу припомнить, что обозначалъ буквами Мк.—Москва или Москвитянинъ.—Прим. авт.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

КАКЪ ПОЛУЧАЛИ ЗАПОРОЖЦЫ ДЕНЕЖНОЕ И ХЛѢБНОЕ СВОЕ ЖАЛОВАНЬЕ.

Въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія сохранились обрывки полуистлѣвшаго и разбитаго, нѣкогда объемистаго (на 136 л.) дѣла о жалованьѣ запорожцевъ, возбужденнаго въ 1752 г. по почину самаго гетмана, графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, и неизвѣстно, чѣмъ и когда закончившагося. По этимъ остаткамъ можно однако составить понятіе не только о размѣрѣ отпускавшагося въ то время Запорожью отъ казны жалованья деньгами и натурою, но и о канцелярскихъ и интендантскихъ порядкахъ нашихъ того времени и о томъ, какъ приходились они по вкусу запорожцамъ, не имѣвшимъ представленія ни о какомъ бюрократизмѣ и ни о какихъ казенныхъ поставкахъ и отпускахъ.

Запорожскіе козаки пользовались жалованьемъ отъ казны еще со времени перваго присоединенія ихъ къ Россіи. Оно было возобновлено имъ вскорѣ послѣ возвращенія ихъ изъ Турціи въ 1733 г. Размѣры его были неодинаковы, а давалось оно деньгами, хлѣбомъ, порохомъ и свинцемъ. Въ 1757 году, съ назначеніемъ въ гетманы бывшаго придворнаго пѣвчаго, тогда-жъ графа уже Разумовскаго, высочайшею на имя его грамотою жалованье запорожцамъ было нѣсколько возвышено и опредѣлено въ такомъ размѣрѣ: деньгами 4660 р. (гетманъ получалъ 50,000 р. собственно по одной этой должности), муки 1000 четвертей, крупъ 62½ четвертей и пороху и свинцу по 50 пудовъ. Точное число запорожцевъ никогда не было извѣстно; но если полагать ихъ, по послѣднему во время

разоренія Сѣчи счету, 12,000—15,000 т., если притомъ принять въ разсчетъ, что каждый изъ нихъ долженъ былъ, во время походовъ и разныхъ командировокъ, имѣть свою лошадь и все вооруженіе и содержаться на свой счетъ, то нельзя не признать, что это было лишь незначительное пособіе запорожцамъ отъ казны въ отправленіи ими пограничной воинской службы, главный-же фондъ ихъ составляли ихъ собственные доходы отъ рыбныхъ и соляныхъ заводовъ, охоты и мелкаго куреннаго хозяйства. Но и это небольшое царское жалованье доставалось имъ не скоро, не безъ труда и хлопотъ, благодаря тѣмъ интендантскимъ пріемамъ, которые продолжаютъ свою печальную исторію и до нашихъ дней.

Еще баронъ Вейсбахъ, при самомъ принятіи запорожцевъ въ подданство Россіи, послѣ возвращенія ихъ изъ Турціи, исходатайствовалъ для нихъ высочайшее разрѣшеніе на присылку отъ нихъ депутаціи ко двору. Депутація принята была весьма милостиво и, кромѣ богатыхъ подарковъ, получила и возобновленное Запорожью жалованье. Съ тѣхъ поръ депутація отправлялась въ Петербургъ ежегодно и сверхъ жалованья получала еще и подарки отъ высочайшаго двора. Депутація состояла обыкновенно изъ 20-ти человѣкъ „знатнаго войсковаго товариства“ съ кѣмъ либо изъ запорожской старшины (напр. войсковымъ судьею) во главѣ. Такія поѣздки тѣмъ болѣе были выгодны и даже лестны, что депутатамъ давались въ оба конца пути прогонныя деньги, въ самомъ-же Петербургѣ они роскошно содержались на счетъ казны, встрѣчали ласковый пріемъ и „удостоивались видѣть высоко-монаршее лице“. Въ тоже время порохъ и свинецъ, равно мука и крупа отпускались изъ кременчугскихъ магазиновъ—первые по ассигновкѣ конторы главной артиллеріи и фортификаціи, а вторыя изъ провіантской канцеляріи, и доставлялись оттуда въ Сѣчь „казенными судами и людьми за надлежащимъ конвоемъ“.

Высочайшею грамотою 26 ноября 1751 г. поѣздки депутатовъ отъ Запорожья въ Петербургъ за жалованьемъ были отмѣнены, а назначенное Запорожью жалованье велѣно было доставлять въ Сѣчь изъ кіево-губернской канцеляріи съ нарочно командируемымъ оберъ-офицеромъ, въ остальномъ оставленъ прежній порядокъ. Но въ ту пору барона Вейсбаха, покровителя запорожцевъ, уже не было въ

живыхъ и на мѣстѣ его кіевскимъ генералъ-губернаторомъ былъ Леонтьевъ, ненавидѣвшій запорожцевъ до глубины души и видѣвшій въ нихъ необузданныхъ своевольниковъ, грабителей и разбойниковъ, готовыхъ притомъ измѣнить правительству и всячески провести и обмануть его. Онъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы сломить ненавистную ему вольницу запорожскую и едва-ли не подъ его вліяніемъ произошла эта перемѣна въ порядкѣ полученія запорожцами жалованья, Къ тому времени въ сердцѣ, такъ сказать, Запорожья учрежденъ былъ такъ называемый новосѣченскій ретраншаментъ въ видахъ постояннаго за нимъ наблюденія. Придуманная теперь каждогодная отправка въ Сѣчь денежнаго жалованья, съ „добрымъ и надежнымъ оберъ-офицеромъ", едва-ли не была особымъ видомъ соглядатайства, развитаго Леонтьевымъ до крайнихъ предѣловъ. Какъ-бы то ни было, но отмѣна каждогодной отправки Запорожьемъ депутаціи въ Петербургъ была знакомъ немилости къ нему и давала поводъ разнымъ властямъ не церемониться съ запорожцами и на мѣстѣ. Это отразилось и на полученіи слѣдуемаго имъ отъ казны денежнаго и хлѣбнаго жалованья.

Прежде всего притѣснилъ запорожцевъ въ выдачѣ денежнаго жалованья самъ Леонтьевъ. Оно выдавалось за годъ впередъ; но окончился 1751 г., а о жалованьи не было и помину. При тогдашнихъ сообщеніяхъ отдаленному Запорожью, отдѣленному притомъ отъ Кіева обширнымъ пространствомъ польскихъ владѣній, мудрено было наводить справки о жалованьѣ въ кіево-губернской канцеляріи. Прошла первая четверть слѣд. года,—жалованья не было. Запорожцы не вытерпѣли и прибѣгли съ жалобою къ гетману. Разумовскій въ апрѣлѣ обратился съ письмомъ по этому предмету къ Леонтьеву. Гетманъ настаивалъ, чтобы деньги и провіантъ отпускались „безъ всякаго медлительства", чтобы не было нареканій и недовольства. Леонтьевъ отвѣчалъ, что денегъ нѣтъ, что они не получены еще изъ бѣлогородской канцеляріи (послѣднее указываетъ, быть можетъ, на источникъ выдававшагося запорожцамъ пособія—изъ доходовъ бывшихъ слободскихъ полковъ). Только въ іюнѣ прибылъ изъ Бѣлгорода въ Кіевъ транспортъ съ деньгами и для доставленія ихъ отсюда въ Кошъ отправленъ былъ поручикъ Фроловъ съ однимъ капраломъ и 12 солдатами на 5-ти подводахъ. Деньги получены были въ Кошѣ 21 іюня.

Труднѣе было запорожцамъ получить „хлѣбное жалованье". Не смотря на ясно подтвержденный въ высочайшей грамотѣ прежній порядокъ отправленія въ Сѣчь „казенными судами и людьми" назначаемаго къ отпуску ежегоднаго количества хлѣба и крупы, пороху и свинцу, запорожцамъ предложено было теперь самимъ получить и перевезти все это изъ Кременчуга, конечно, сухимъ путемъ. Разстояніе отъ Кременчуга до Сѣчи было около 300 верстъ, на поднятіе годичной пропорціи слѣдуемаго Запорожью провіанта требовалось до 400 подводъ, а въ Сѣчи ихъ вовсе не было и добыть ихъ въ голой степи не было никакой возможности. Интендантская продѣлка говоритъ сама за себя. Запорожцы тѣмъ болѣе были ею возмущены, что если провіантскому вѣдомству не желательно было доставлять провіантъ въ Сѣчь „казенными судами и людьми" изъ кременчугскаго магазина, то ничего не стоило ему отпустить оный изъ новосѣченскаго магазина, находившагося у нихъ подъ бокомъ. Запорожцы добивались полученія провіанта именно изъ этого магазина, заявляя, что въ немъ во всякое время находится отъ 3 до 4 тысячъ четвертей хлѣбнаго продовольствія, а относительно жалованья настаивали на возстановленіи прежняго порядка полученія онаго, посредствомъ каждогодной отправки ко двору особой депутаціи. Пошла длинная переписка. Князь Семенъ Волконскій, занимавшій видное мѣсто по провіантской части на югѣ, доказывалъ, что изъ новосѣченскаго ретраншаменту производить Запорожью хлѣбнаго довольствія не возможно, такъ какъ тамъ, при внезапномъ востребованіи провіанта для какихъ либо другихъ цѣлей, можетъ оказаться въ немъ недостатокъ, и настаивалъ на полученіи запорожцами слѣдуемой имъ провизіи изъ кременчугскаго магазина, который де одинъ указанъ въ высочайшей грамотѣ 1751 г. Когда-же это представленіе не было уважено и хлѣбъ и крупу запорожцамъ за 1751 г. велѣно было отпустить изъ новосѣченскаго магазина, оберъ-провіантмейстеръ заявилъ, что безъ особаго указа главной провіантской канцеляріи онъ исполнить этого не можетъ. Только 18 сентября 1752 г. былъ наконецъ полученъ кошевымъ Павломъ Ивановымъ провіантъ за 1751 г. изъ ново-сѣченскаго, а не изъ кременчугскаго магазина.

Но наступилъ 1753 годъ, и не смотря на сенатскій указъ отъ 12 августа 1752 г., которымъ категорически предписывалось „хлѣб-

ное жалованье“ запорожцамъ отпускать изъ новосѣченскаго или „изъ другихъ способныхъ и близкихъ къ тому войску магазейновъ“, тотъ-же Кошевой Павелъ Ивановъ снова жалуется кіево-губернской канцеляріи на не выдачу провіанта за 1752 г. Кошъ добивался и на этотъ разъ получить провіантъ изъ новосѣченскаго магазина, какъ ближайшаго, и опять указывалъ на хранившіеся въ немъ запасы, по ближайшимъ, конечно, справкамъ; но оберъ-провіантмейстеръ Смецкій, къ которому онъ обратился за этимъ дѣломъ, отвѣчалъ, что новосѣченскій и другіе ближайшіе магазины находятся въ вѣдѣніи бригадира и переволоченскаго коменданта Кошелева. Кошелевъ сначала отказалъ, а потомъ далъ приказъ о выдачѣ провіанта, не указавъ однако магазина, изъ котораго тотъ провіантъ долженъ быть отпущенъ, а сдѣлалъ объ этомъ представленіе въ главную провіантскую канцелярію. Неожиданно для запорожцевъ и Кошелева послѣдовало благопріятное для нихъ разрѣшеніе, но по ходатайствамъ, возбужденнымъ еще раньше. Изъ обрывковъ находившагося въ рукахъ нашихъ дѣла видно, что переписка о жалованьѣ запорожцевъ восходила до государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи и указомъ ея еще 15 генваря 1753 г. возстановленъ былъ прежній порядокъ полученія онаго. Въ началѣ этого года отправлена была въ Петербургъ запорожская депутація съ полковникомъ Даниломъ Гладкимъ во главѣ. Жалованье выдано депутаціи изъ штатсъ-конторы по отношенію коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ то-же время кіево-губернской канцеляріи строго подтверждено отпустить „безъ замедленія“ провіантъ, порохъ и свинецъ за 1752 г., и все это принято тою-же депутаціею на обратномъ пути изъ Петербурга.

На этомъ обрываются свѣдѣнія полуистлившаго дѣла о жалованьѣ запорожцевъ, и мы не знаемъ, какія новыя перипетіи проходило оно, благодаря сильному и тогда канцеляризму и хитрому на выдумки во дни юности своей интендантству.

ПОЧЕМУ ДЕСЯТИННАЯ ВЪ КІЕВѢ ЦЕРКОВЬ ИЗВѢСТНА ВЪ НАРОДѢ ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ДЕСЯТИННАГО НИКОЛАЯ?

Древняя десятинная церковь, созданная въ Кіевѣ св. Владиміромъ, въ лѣтописяхъ извѣстна подъ именемъ десятинной и Бого-

родичной. Исторически извѣстно также, что митрополитъ кіевскій Петръ Могила на развалинахъ этой церкви, изъ ея остатковъ, устроилъ въ XVII вѣкѣ малый храмъ съ престоломъ во имя Рождества Богородицы, надъ которымъ неизвѣстно кѣмъ надстроенъ былъ еще деревянный придѣлъ во имя св. апостолъ Петра и Павла. Въ 1826 году, послѣ сломки могилинской церкви, помѣщикомъ Анненковымъ начата постройка новаго большаго храма на фундаментахъ Владиміровыхъ, который оконченъ и освященъ въ 1842 году; въ этомъ храмѣ главный престолъ во имя Рождества Богородицы, а два боковые—во имя св. Владиміра и святителя Николая. Такимъ образомъ въ десятинныхъ храмахъ владимірскомъ и могилинскомъ не было престола во имя святителя Николая; въ храмѣ новѣйшемъ Анненкова николаевскій престолъ—одинъ изъ придѣльныхъ, а между тѣмъ народъ называлъ и продолжаетъ называть десятинную кіевскую церковь *десятиннымъ Николаемъ.*

Въ объясненіе этого явленія, противорѣчащаго общему обычаю называть церкви по имени святаго лица или святаго событія, которому посвященъ главный престолъ, начали дѣлать предположенія, будто названіе десятиннаго Николая усвоено десятинной церкви отъ имѣвшагося въ могилинской церкви образа св. Николая; такъ сказано въ описаніи Кіева—Закревскаго и въ краткомъ описаніи кіевской десятинной церкви, изданномъ въ 1826 году въ С.-Петербургѣ. Предположеніе неосновательное и потому уже, что образъ св. Николая, бывшій въ могилинской церкви, не принадлежитъ къ чудотворнымъ или особенно чтимымъ.

Наконецъ оказалось, что народное преданіе вѣрнѣе догадокъ, сочиняемыхъ археологами, оказалось, что еще раньше времени митроп. Могилы, на развалинахъ десятинной Владиміровой церкви существовала деревяная церковь во имя св. Николая, которой народъ усвоилъ названіе десятиннаго Николая, называлъ тѣмъ именемъ могилинскую Рождество-Богородичную церковь и продолжаетъ называть этимъ-же именемъ существующую нынѣ 3-хъ престольную десятинную Анненковскую, не смотря на то, что въ могилинской вовсе не было николаевскаго престола, а въ Анненковской—онъ одинъ изъ придѣльныхъ. О существованіи церкви во имя св. Николая на развалинахъ десятинной свидѣтельство находится въ одномъ документѣ архива бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ, именно

въ выписи изъ гродскихъ книгъ кіевскаго воеводства (№ 718). Въ этомъ актѣ заявляется кіевскому мѣстному суду, что митрополитъ кіевскій Петръ Могила въ 1633 году отобралъ отъ уніатовъ, вмѣстѣ съ софійскимъ соборомъ, и 3 церкви, находившіяся на Старомъ Кіевѣ: деревянную святого *Миколы*, названнаго *десятиннаго*, другую, также деревянную, святаго *Семена*, возлѣ брамы мѣстской на горѣ лежачую и третью мурованую (каменную) святаго Василія, названнаго *нагорнаго*. Итакъ народъ имѣлъ основаніе называть десятинную церковь десятиннымъ Николаемъ.

Можно спросить еще, почему на развалинахъ десятинной Богородичной церкви создана была въ XVII вѣкѣ не Богородичная-же, а Николаевская церковь, тогда какъ въ Кіевѣ и въ то уже время было 4 православныя церкви во имя св. Николая и 1 католическая? Построеніемъ малаго деревяннаго николаевскаго храма на развалинахъ церкви, погибшей отъ татарскаго разгрома, не была-ли ознаменована память взятія Кіева Батыемъ 6 декабря, въ день святителя Николая? Вѣроятно кіевляне съ памятью о гибели своего града хотѣли соединить молитву къ святителю Христову Николаю о побѣдѣ на супостатовъ, какъ „побѣдѣ тезоименитому“.

П. Л—въ.

УЦѢЛѢВШАЯ СТАРИНА.

Еще въ 1878 году, когда П. С. Ефименко собиралъ матеріалы для помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Кіевской Старины“ статьи: „Шпитали въ Малороссіи“,—я сообщилъ ему, что въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ существовалъ при благовѣщенской церкви заштатнаго города Березнаго (черниговъ. губ. и уѣзда) шпиталь, но существуетъ-ли онъ и доселѣ, мнѣ неизвѣстно. Вмѣстѣ съ этимъ я разсказалъ П. С. Ефименку то, что зналъ объ этомъ шпиталѣ. Вѣроятно П. С. Ефименко болѣе ничего не узналъ объ этомъ шпиталѣ, такъ какъ въ своей статьѣ ни слова не говоритъ о Березинскихъ шпиталяхъ.

„Какъ извѣстно, говоритъ П. С. Ефименко, приходскіе *шпитали въ настоящее время представляютъ лишь достояніе исторіи*. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности въ городахъ, до сихъ

поръ сохранились или слѣды ихъ существованія, или живые преданія о нихъ".

Между тѣмъ, какъ оказывается, г. Березное является упорнымъ хранителемъ старины, давно уже исчезнувшей въ другихъ мѣстахъ: въ немъ еще и до сихъ поръ существуютъ два шпиталя, церковныя школы, два братскихъ дома и цехи: кравецкій, шевскій и різницкій.

Въ первыхъ числахъ іюня этого года пришлось мнѣ побывать въ Березномъ и кое что узнать объ этихъ учрежденіяхъ. Спѣшу подѣлиться съ редакціей и читателями тѣми свѣдѣніями, которые мнѣ удалось собрать (между прочимъ) въ теченіи одного дня, а также и тѣми, которые сохранились въ моей памяти съ дѣтства, проведеннаго мною въ Березномъ.

Шпиталей—два: одинъ при церкви Благовѣщенія, другой при церкви Вознесенія. Первый находится недалеко отъ церкви, черезъ улицу, а второй—на вознесенскомъ кладбищѣ, за городомъ.

Благовѣщенскій шпиталь въ 70-хъ годахъ, состоялъ изъ одной полуразвалившейся избы съ небольшимъ дворикомъ и клочкомъ огорода; на послѣднемъ „шпитальные" садили нужные для себя овощи; а на дворѣ бѣгало 3—4 курицы, а иногда и поросёнокъ, составлявшіе убогое хозяйство „старцівъ". На стѣнѣ шпиталя, выходившей на улицу, снаружи была прибита икона. Шпиталь носилъ названіе „бородавчихиного", по всей вѣроятности отъ того, что былъ построенъ на землѣ владѣлицы Бородавкиной („Бородавчихи"), а можетъ быть и на ея средства. Жившіе въ шпиталѣ старики и старухи ни отъ кого никакого опредѣленнаго содержанія не получали, а питались милостыней: здоровые ходили по городу за подаяніемъ, а немощные выходили на улицу и, сидя на „призьбѣ" шпиталя, выпрашивали подаяніе у проходившихъ. Кромѣ того шпитальные первые узнавали о похоронахъ, такъ какъ жили около церкви, и непремѣнно являлись „на обѣдъ". Мѣстные жители мѣщане приглашали шпитальныхъ „посидѣть" къ больному, обмыть умершаго, а иная робкая женщина, въ случаѣ отъѣзда своего мужа, отправлялась въ шпиталь и звала какую нибудь старуху ночевать „для смѣлости". Подобныя услуги, конечно, оплачивались. Къ праздникамъ Рождества и Воскресенія Христова богобоязливые жители присылали въ шпиталь колбасу, кусокъ сала, пасху и т. п.

Иной хозяинъ присылалъ зимой возокъ соломы или хворосту для отопленія. Вообще шпитальнымъ нищимъ отдавалось предпочтеніе предъ другими, въ томъ смыслѣ, что имъ почти никогда не отказывали въ подаяніи. По отношенію къ церкви шпитальные были обязаны нѣкоторыми безплатными услугами, такъ напр. они мыли въ церкви полы наканунѣ большихъ праздниковъ, убирали въ церкви, содержали въ чистотѣ „цвинтарь“ и пр.

Въ настоящее время Благовѣщенскій шпиталь выстроенъ заново на счетъ церкви. Теперь онъ состоитъ изъ двухъ хорошихъ, свѣтлыхъ хатъ, съ крылечкомъ на улицу, раздѣленныхъ сѣнями на двѣ половины и напоминаетъ собою избы нашихъ зажиточныхъ козаковъ и крестьянъ.

Помню одну пословицу, въ которой фигурируетъ шпиталь, очевидно знавшій всѣхъ и все въ городѣ. Если кто нибудь начиналъ хвастать, выставлять свои достоинства, то ему обыкновенно говорили: „та що й казать! Про васъ и бабы у шпитали шепчуть!“

Въ шпиталѣ вознесенской церкви въ настоящее время живетъ пять душъ нищихъ. Средства къ жизни ихъ такія-же, съ небольшимъ различіемъ, происходящимъ отъ того, что шпиталь находится на кладбищѣ. Вознесенское кладбище напоминаетъ собою садъ: масса простыхъ и фруктовыхъ деревьевъ, дорожки, кое-какіе памятники на могилахъ дѣлаютъ его настолько привлекательнымъ, что купцы, мѣщане, а частію и другіе сословія пользуются имъ, какъ мѣстомъ общественнаго гулянья. Въ праздничные дни немало народа отправляется гулять на кладбище: иной увидитъ, что могила близкаго человѣка пришла въ запустѣніе и попроситъ „шпитальнаго дѣда“ поправить ее, за что дѣдъ и получитъ 5—10 коп. На обязанности шпитальныхъ лежитъ наблюденіе за кладбищемъ.

Что касается братствъ и цеховъ, то о нихъ, кромѣ самаго факта ихъ существованія, мнѣ извѣстно очень мало. Въ Березномъ есть два братскихъ дома; оба они нанимаются евреямъ. Куда идутъ деньги за наемъ домовъ, отъ постороннихъ лицъ узнать не удалось. Вступающій въ цехъ долженъ пожертвовать опредѣленное количество воску, но насколько въ настоящее время вступленіемъ въ цехъ обусловливается право лица заниматься извѣстнымъ ремесломъ, не знаю. Кажется, вступленіе въ цехъ обязательно для ремесленника. Въ церквахъ цехи имѣютъ свои хоругви, кресты и ставники (боль-

шія свѣчи). Отъ времени до времени цехи дѣлаютъ пожертвованія на церковь священными принадлежностями. Помнится, въ дѣтствѣ я слышалъ, что цехи, сдѣлавши „звѣзду", ходили съ нею Рождественскими праздниками по домамъ и изъ вырученной суммы часть отдѣляли въ пользу церкви.

При благовѣщенской, вознесенской и петропавловской церквяхъ остались еще школы. Школами въ Березномъ, по старой памяти, называются зданія при церквяхъ, въ которыхъ живутъ причетники, хотя бы они и не занимались обученіемъ. Въ школѣ вознесенской церкви учится до 30 дѣтей, съ которыми занимаются причетники подъ наблюденіемъ священника.

М. Гавриловъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СБОРНИКА УКРАИНСКАГО ДѢВИЧЬЯГО МОНАСТЫРЯ.

Въ іюльской книгѣ „Кіевской Старины" нынѣшняго года, въ замѣткѣ г. Ефименко, озаглавленной „Административное распоряженіе по поводу слуховъ о кончинѣ міра", помѣщенъ былъ „Ордеръ", разосланный въ 1785 г. воронежскимъ и харьковскимъ генералъ-губернаторомъ Чертковымъ полицейскимъ властямъ объ искорененіи слуховъ въ народѣ относительно предстоящаго въ 1788—1789 годахъ свѣтопреставленія. Въ самомъ „ордерѣ" находится указаніе, что слухъ этотъ былъ возбужденъ появленіемъ рукописи со стихами, которые будто-бы были начертаны на гробницѣ какого-то бернардина, открытой близъ г. Праги, и переведены съ латинскаго языка, якобы по повелѣнію „знатной духовной особы", имя которой составителемъ ордера деликатно умолчано.

Недавно мнѣ удалось случайно видѣть въ гадяческомъ уѣздѣ полтавской губ. рукописный сборникъ конца прошлаго столѣтія, составленный въ новомлинскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (черниговской епархіи) и заключающій въ себѣ самаго разнообразнаго содержанія статьи: проповѣди, богословскіе трактаты, выписки изъ Синопсиса, стихотворенія, самостоятельныя лѣтописныя замѣтки и т. под. Здѣсь-же находится и замѣтка со стихами, давшими поводъ генералъ-губернатору Черткову къ составленію розысканнаго г. Ефименкомъ „ордера". Вотъ эта замѣтка и при ней стихи.

„Близь города Праги, называемомъ Вина, въ рудокопныхъ заводахъ сисканъ гробъ, въ коемъ гробѣ лежащій нетлѣнный трупъ, въ коего рукахъ сіи стихи были написанныи на каменной таблицѣ. Имя ему Іоаннъ бернандъ, и какъ онъ умре, то уже тому протекло болѣе трехъ сотъ лѣтъ; ис чего явилось, что онъ былъ наученъ математики“.

Посля Рождества Христова 1778 года,
Кой наступивши зъ собою печалной рокъ принесетъ:
Ежели-жъ сего года въвесь міръ не падетъ
И ежели ни во что земля и море не обратятся,
То однакъ всѣ государства на землѣ разорятся
И вездѣ великая печаль будетъ,
Отъ Дѣвы Рождества Христова 1788-го.
Потомъ наступитъ годъ, приспѣетъ жалостна на свѣтѣ тогда судбина,
Да чутъ-ли и всему уже міру удругъ кончина:
Стихія естли всѣ сему не припадутъ,
То много государствъ отъ бунтовъ пропадутъ.
Отчаяніе, вопль, страхъ усилится тогда,
Печалніе слѣдствіи и разніе рода.
Прохожій! Посмотри на прахъ здѣ человѣка,
Лежащаго уже въ послѣднія времена вѣка.

Предсказатель сего Іоаннъ бернандъ, скончался 1500 года.

„1789 годъ владѣнія есть планета мѣсяцъ небесный (sic!) былъ повелѣнія Афродита (sic!). Сей годъ покажется плодоносній на все. Зима будетъ посредственна, такъ-же и весна; лѣто дожливое и по сей причинѣ пшеницѣ въ нѣкоторихъ мѣстахъ спортятся, найпаче въ полуденной странѣ. Настоящой-же годъ покажетъ великую войну и смерть въ человѣческомъ родѣ; государѣ обременять своихъ подданныхъ великими окладами и объявятся много разбойниковъ, для которыхъ всѣ дороги будутъ опасны, посредствомъ нѣкоторой силы и многіе невольники отътуда избавлены будутъ, купцѣ или мудріе ученіе люде упадутъ изъ своихъ достоинствъ“.

„Сіи стихи переведени съ латинскаго на россійскій по повелѣнію его преосвященства, митрополита кіевскаго Самуила“.

„Сіе сискано въ Венеріи (Венеціи?), 1785 года, января 20 дня“.

Въ томъ-же сборникѣ, между разными стихотвореніями, я нашелъ нижеслѣдующій плодъ манашескаго піитическаго упражненія, который я назвалъ-бы „Монашеское самообличеніе“, или что-нибудь въ этомъ родѣ, и который долгое время былъ распѣваемъ въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра людьми духовными и мірскими. По мимо характерной наивности представленій и картинъ, во всемъ складѣ и напѣвѣ этой пѣсни звучитъ какая-то неуловимая надъ чѣмъ-то ироція.

Ахъ монахъ! Умныма очима
Посмотри, что смерть за плечима.
Куда въ мысли бродишъ,
Почто въ міръ ходишъ?
Какъ живешъ?

Какъ живешъ! Точишъ смѣхъ и балы,
Бавишся частими пукалы (бокалы?),
Впиваешся часто,
Граешъ въ свирѣль гласно.
Ахъ монахъ!

Скучно тебѣ въ келіи сидѣти
И въ слезахъ надъ правиломъ бдѣти,
Ты-жъ шукаешъ въ селахъ
Молодыць веселыхъ
И дѣвчатъ.

Ахъ монахъ! гдѣ твои обѣты,
Что клялся честно, свято жити!
Гдѣ совѣсть, гдѣ вѣра,
Чтобъ не любить міра
Присягалъ.

Горлиця, какъ друга лишится,
Во вѣки зъ другимъ не спарится,
Гдѣ древо зелено,
Цвѣты украшено,
Не сядетъ;

Но летитъ съ тоски, горя, туги
Въ далеки страны, пусти луги,

Чтобъ не возратиться,
Ктому не спариться
Зъ другою.

Ты жъ не такъ живеши разумно,
Какъ она поступаетъ умно.
Се толко и звѣри
Суть тебѣ примѣры
Подобны.

Но бѣжишъ паки во калъ тинный
Иль какъ песъ на своя блевотины.
Видишъ, что не кстати,
Пора перестати,
Бо стыдно.

И мраморъ, весма хладенъ камень,
Великій зъ себе пуститъ пламень;
Тотъ часъ возгорится,
Какъ съ другимъ скотится
Каменемъ.

Но изволь, разсудивши тое,
Оставъ зло, озми вже благое,
Чтобъ Творца молити,
Дабы въ небѣ жити
Во вѣки.

Finis.

Въ томъ-же сборникѣ имѣется:

Средство отъ чарованія или колдунства надъ скотомъ.

Взять тертого рогу отъ мертвои животини, тертого-же коневъя копыта и тертои спинной кости отъ оленя, отъ ялій, гдѣ скотина ѣстъ, со всѣхъ четырехъ угловъ по немногу дерева обтереть, къ сему прибавить свиного калу, головокъ или сѣмя отъ руты травы, тейфелесъ-дреку (?), сахару пять квинтелей, а вышеписанныхъ вещей по равной небольшой мѣрѣ; ктому-же приложить сушеную щучью печенку, сердце и желчъ, и симъ всѣмъ по три утра до восхожденія солнца, а ввечеру

по захожденія онаго какъ животину, такъ и тѣ ясли, гдѣ скотина стоить, гораздо окуривать.

Писалъ 1783 года, генваря 18, дѣвичья Новомлинского монастыря діяконъ Григорій Перехожинскій".

НЕ ПРИВИВШІЙСЯ НА ПОЛТАВСКОЙ ПОЧВѢ РЕВЕНЬ.

Въ началѣ нынѣшняго вѣка министру внутреннихъ дѣлъ пришла идея увеличить отечественную промышленность новой статьей— разведеніемъ *ревеннаго корня.* Малороссійскій генералъ-губернаторъ получилъ по сему поводу „предложеніе", въ которомъ министръ между прочимъ писалъ: „розведеніе ревеню положено производить посредствомъ медицинскихъ чиновниковъ въ губерніяхъ и уѣздныхъ городахъ, безъ всякаго пособія правительства, въ награжденіе-же тѣмъ изъ врачей, кои окажутъ большіе успѣхи въ распространеніи сихъ плантацій, въ 1800 году опредѣлено выдавать по 14 рублей за пудъ ревеню. Посредствомъ сихъ награжденій старательные не токмо могутъ достать деньги на огорожу плантацій своихъ и на обработываніе земли, но даже имѣютъ выгоды, споспѣшествуя при томъ благотворнымъ видамъ правительства. Мнѣніе сіе опытомъ подтверждается; ибо во многихъ губерніяхъ плантаціи въ хорошемъ положеніи и врачи, добивающіе ревень получаютъ свои выгоды" [1]).

Можетъ быть и многіе врачи старались „споспѣшествовать благопріятнымъ видамъ правительства", но что-бъ „во многихъ губерніяхъ" плантаціи были „въ хорошемъ положеніи", въ этомъ очень можно усумниться, въ виду слѣдующаго.

Въ 1808 году полтавская врачебная управа получила отъ министра внутреннихъ дѣлъ запросъ: „существуютъ-ли (въ полт. губ.) ревенные плантаціи, сколько оныхъ пространствомъ и гдѣ

---

[1]) Дѣло № 343, въ думскомъ архивѣ г. Кременчуга.

именно отведено мѣсто, имѣютъ-ли полную существенность, или есть въ оныхъ недостатки и какіе, а буди нѣтъ (не недостатковъ, конечно, а плантацій), то существовали-ли прежде, когда именно оныхъ существенность прекращена и по какимъ случаямъ", и проч. Врачебная управа обратилась въ губернское правленіе, а послѣднее предписало городскимъ думамъ и городничимъ немедленно донести въ управу, гдѣ, кто и какъ разводитъ ревень. Въ управѣ чрезъ нѣсколько времени получились изъ уѣздовъ слѣдующіе отвѣты: повѣтовые штабъ-лекари лохвицкій, миргородскій и кобеляцкій писали коротко, что подъ плантаціи „мѣста въ отводѣ не было и нынѣ нѣтъ". „Хорольскій повѣтовый штабъ-лѣкарь Святновскій, что съ 1801 года въ отводѣ мѣсто имѣется длиною въ 22, а шириною въ 12 трeаршинныхъ саженей, но оное гористое, отъ воды въ отдаленности и земля для сей надобности не выгодная, по каковымъ объстоятельствамъ ревенной плантаціи разведено очень мало". „Зеньковскій, Зерцаловъ, что за вступленіемъ его въ настоящую должность мѣста для разведенія ревеня не получалъ, хотя-же и требовалъ онаго въ прошломъ 1807 году отъ тамошней ратуши, но удовлетворенія не получилъ. Стараясь-же онъ Зерцаловъ ревенными сѣменами неотведенное мѣсто (засѣялъ) и въ семъ годѣ во время удобное пересадилъ онаго корней до ста на другое уже мѣсто, неотведенное-жъ, а сего года, по вторительному его требованію, ратуша таковое мѣсто отвела вновъ, но отъ огорожи онаго безъ предписанія начальства отказывается". „Лубенскій Яновскій, что мѣсто есть отведенное длиною въ 45, а шириною въ 7 трeаршинныхъ саженей, на которомъ мѣстѣ ревенная плантація производится, но какъ сіе мѣсто гористое, то вода во всякое время отъ дождей вымываетъ корни и даже отваливаетъ изъ грядъ землю, почему и нужно для поправленія знатную сумму имѣть". „Прилуцкій, Яновскій, что онъ мѣсто отъ предмѣстника своего Соболя принялъ неограниченное (sic) и не имѣющее на себѣ ревеннихъ сѣменъ, кромѣ разнаго другаго произрастенія, которое мѣсто едва обрался огородить въ семъ 1808 году, ревень-же разводитъ въ собственномъ своемъ огородѣ очень мало". „Константиноградскій, Гилевскій, что „мѣста въ отводѣ не имѣется, ревень-же разводитъ онъ въ собственномъ своемъ огородѣ, и уже къ слѣдующей осени надѣется получить нѣсколько ревенныхъ кореньевъ къ употребленію

годныхъ". „Исправляющій должность кременчугскаго лекаря Плословный, что мѣсто было отведено внутрѣ города, но оное нынѣ занято строющеюся церковью и казенными домами, потому и существенность оной прекращена, а сколько было пространствомъ и имѣла ли полную существенность, за всѣми его стараніями, не могъ онъ узнать, ревенная-жъ плантація производится въ полной существенности стараніемъ аптекаря тамошней вольной аптеки Миллера въ саду богоугоднаго заведенія и въ собственномъ его".

Такъ какъ городскія думы, по „строжайшихъ" предписаніяхъ, очевидно руководствовались все-таки при отводѣ мѣстъ подъ ревень пословицей: „нá тобі, небоже, що мені негоже", то медицинская управа опять обратилась въ губернское правленіе съ просьбой предписать думамъ отвести медицинскимъ чиновникамъ мѣста подъ ревенныя плантаціи,—тѣ именно, „которые они сами по климату земли признаютъ къ тому способными".

Между тѣмъ саму управу безпрестанно понукалъ гражданскій губернаторъ. Наприм. 6 апрѣля 1809 года кременчугскій штабъ-лекарь такъ пишетъ въ городскую думу: „полтавская врачебная управа получила отъ господина гражданскаго губернатора предложеніе, при которомъ онъ, господинъ губернаторъ, препровождаетъ въ оную управу доставленные къ нему отъ господина министра внутреннихъ дѣлъ ревенные сѣмена для разведенія въ здѣшней губерніи и требуетъ оные сѣмена разослать къ повѣтовымъ лѣкарямъ съ подтвержденіемъ имъ, что какъ сѣмена сіи выписаны его сіятельствомъ изъ мѣстъ китайскихъ, то употребили-бъ всемѣрное стараніе къ разведенію ревеня, имѣя за онымъ особенное наблюденіе, и буди не отведены гдѣ для того удобныя мѣста, требовали-бъ отъ полицмейстеровъ и градскихъ думъ отводу и огорожи оныхъ".

А гражданскому губернатору, вѣроятно, самому не было покоя отъ высшаго начальства, ибо 29 того-же апрѣля онъ опять пишетъ, уже непосредственно въ повѣты, слѣдующее: „поспѣшаю строжайше подтвердить всѣмъ гг. полицмейстерамъ, городничимъ и городскимъ думамъ, чтобы они, есть-ли гдѣ мѣста для посѣву ревеню о сю пору еще не отведены, нимало не медля назначили оные и исправили-бы во всемъ по содержанію указовъ, изъ губернскаго правленія послѣдовавшихъ, дабы не упустить нынѣшняго

удобнаго времени безъ посѣва толь полезнаго растенія, о которомъ правительство много заботится".

Должно быть много бумаги было изведено, прежде чѣмъ его сіятельство убѣдился, что новая статья отечественной промышленности „полной существенности" имѣть не можетъ. Какъ долго безпокоили честныхъ обывателей штабъ-лекаря въ другихъ уѣздныхъ городахъ полтавской губерніи, неизвѣстно; въ Кременчугѣ-же эта исторія тянулась еще 2 года, пока не улеглось мало по малу ревенное рвеніе властей.

Въ 1810 году лекарь Захаржевскій обращается въ думу съ жалобой, что на отведенной городомъ землѣ нельзя разводить ревень, потому что земля негодна (вѣроятно гдѣ нибудь на пескахъ!) и огорожи нѣтъ. Черезъ нѣсколько времени онъ жалуется „вторительно". Дума наконецъ вняла жалобамъ и назначила гласнаго Сидора Прохорова удовлетворить штабъ-лекаря. Гласный 2 года строилъ ограду и судя по показаннымъ имъ расходамъ (295 р. 80 к.; по тому времени, да на „трeаршинныя сажени"—сумма очень солидная!), долженъ былъ соорудить ее на подобіе крѣпостной стѣны. Разумѣется, этого не было: деньги просто черезъ полюбовный дѣлежъ перешли въ карманы гласнаго и лекаря.

Въ какомъ видѣ плантація была въ Кременчугѣ потомъ, въ дѣлахъ архива нигдѣ не упоминается, въ воспоминаніи-же обывателей она несомнѣнно представлялась „ограниченной".

Ѳ. Ни—къ.

ВО ЧТО ОБОШЛАСЬ ОПИСЬ БИБЛІОТЕКИ ПРЕОСВ. ИРИНЕЯ ФАЛЬКОВСКАГО ПОСЛѢ ЕГО СМЕРТИ.

Послѣ смерти Иринея Фальковскаго, епископа чигиринскаго, коадъютора кіевской митрополіи († 1823 г.), осталась обширная библіотека и много неизданныхъ сочиненій въ рукописяхъ.

Разбирая бумаги покойнаго профессора московскаго университета І. М. Бодянскаго, которыя достались намъ всѣ безъ исключенія, мы нашли своеручное письмо преосв. Иринея, писанное изъ Кіева къ отцу І. М., Максиму Гавриловичу, съ препровожденіемъ въ даръ изданной Иринеемъ книги: *Толкованіе на посланія св. ап. Павла къ галатамъ,* а вмѣстѣ съ этимъ письмомъ записку, въ видѣ отчета

по поводу описи библіотеки преосв. Иринея. Записка эта, судя по знаку бумаги (1840 г.), сдѣлана въ началѣ 40-хъ годовъ роднымъ дядей І. М., протоіереемъ Павломъ Гавриловичемъ Бодянскимъ.

Вотъ этотъ любопытный документъ:

„Сколько издержано протоіереемъ Павломъ Бодянскимъ денегъ, по смерти преосв. Иринея при приведенія въ порядокъ его библіотеки и составленіи вновь описи, по приказанію митрополита Евгенія, на пріемъ консисторскихъ и полицейскаго члена и на прочее.

1.	Дано намѣстнику Кассіану на пріемъ членовъ	35 р.
2.	Писцу за написаніе описи	7 р. 20 к.
3.	Полицейскому члену приставу	10 р.
4.	Консисторскому секретарю разновременно . .	46 р.
5.	Оцѣнщикамъ, дабы не малую полагали книгамъ цѣну и на пріемъ	30 р.
6.	Уѣзднаго суда секретарю разновременно . . .	30 р.
7.	Того-же суда засѣдателю при повѣркѣ библіотеки и вещей	10 р.
8.	При таковой повѣркѣ іеромонаху Петру и благочинному на пріемъ	10 р.
9.	На гербовую бумагу на 6 листовъ	6 р.
	Итого	184 р. 20 к.“

Такимъ образомъ изъ 184 р. 20 к. только 7 р. 20 к. уплочены за *написаніе* описи, и 6 р. на гербовую бумагу, а 171 р. пошли то на угощеніе, то на поручную подачу разнымъ лицамъ, такъ или иначе прикасавшимся къ составленію описи. Любопытнос что духовныя персоны угощались, а свѣтскія брали деньгами. Непонятно, какъ и за что ухитрились стянуть консисторскій секретарь разновременно 46 р. и уѣздный одновременно 30 р.

Преосв. Ириней, какъ оказывается, былъ близкій родственникъ Бодянскимъ (кажется, дѣдъ по матери) и отказалъ имъ послѣ смерти часть своего имущества. Изъ замѣтокъ Бодянскаго видно, что племянникъ составителя описи, родной братъ І. М., Ѳедоръ, ѣздилъ въ Кіевъ „за полученіемъ Иринеевскихъ денегъ и мѣста надзирателя въ г. Полтавѣ“. Одна замѣтка Осипа Максимовича, писанная на клочкѣ къ неизвѣстному лицу, показываетъ, что онъ справлялся

о судьбѣ рукописей Иринея: „узнали-ли о своеручной книгѣ жизнеописанія *) преосв. Иринея Фальковскаго? Напишите мнѣ при случаѣ“.

А. Титовъ.

ВАРІАНТЪ ПѢСНИ О ПРАВДѢ.

Пѣсня о правдѣ записана Л. М. Жемчужниковымъ отъ Вересая. Варіантовъ ея нѣтъ въ сборникахъ. Единственный, болѣе пространный, варіантъ продиктованъ тѣмъ-же Вересаемъ позднѣйшимъ записывателямъ его репертуара. Предлагаемый списокъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ отступающій отъ теста Вересая, записанъ отъ лирника въ роменскомъ уѣздѣ полтавской губерніи.

Нема въ світі правды!.. Правды не зіськати,
А звыкла неправда теперъ правдовати!..

Шо вже теперъ правду ногами топтають,
А тую неправду медомъ-виномъ нановають.

Шо вже теперъ правда слезами рыдае,
А тая неправда зъ панами гуляе.

Шо вже теперъ правда сидить у порога,
А тая неправда сидить конець стола.

Шо тепера правда у темной темниці,
А тая неправда зъ панами въ світлиці.

Чи ты-жъ, свята правда, умерла, чи ты заключена,
А чи ты, мати рідна, одъ насъ отречевна?

Уже-жъ давно правда, уже-жъ давно вмерла,
А тая неправда увесь світъ пожерла!..

Нема въ світі правды! Правды не зіськати!
Тілька въ світі правды, що рідный отець та мати,

---

*) Жизнеописанія, кажется, не было, а остался Дневникъ Иринея, часть котораго принадлежитъ профессору университета св. Владиміра М. Ф. Буданову-Владимірскому. — Ред.

Горе малымъ діткамъ безъ отця, безъ матери, горе ичъ пробути,
Шо завсегда плачуть и рыдають, не могуть забути!

Колись були дітки—остались сирітки,
А не мають помочи собі ни звідки...

Ой колибъ намъ Богъ давъ орловыи крыла,
Изнялись мы-бъ, полетіли ажъ на тее місто,
Де насъ отець-мати спородили.

Колибъ то намъ Господь давъ соловьиии очи,
Изнялись мы-бъ, полетіли до отця-неньки хоть посередъ ночи!

Бо вже-жъ кінець віку и къ намъ приближився.
Хоть рідного брата теперъ стережися.

Бо вінъ хочъ и рідный братъ, то правды не міе,
Вінъ тільки устами якъ перами віе.

Изъ нимъ у судъ стати—правды не зіськати,
Тільки сріблом та злотомъ судью насищати.

Который чоловікъ буде неправду хвалити,
То буде душа пекломъ карана, а тіло горіти;

А который буде чоловікъ святу правду сполняти,
То ему шлеть Господь милосердный що день благодати!

Самъ Господь есть правда,
Сокрушить неправду,
Сумирить гордыню,
Вознесеть святыню!..

Сообщ. **В. Горленко.**

КЛАДЫ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ *).

(По списку Лещинскаго).

44) Въ Гатномъ подъ корчмою въ углу зарытъ кувшинъ червонцевъ.

45) Въ селѣ Григоровкѣ подъ корчмою въ углу зарытъ казанъ денегъ.

---

*) См. «Кіев. Стар.» 1883 г., м. іюль, стр. 592.

46) Въ селѣ Григоровкѣ подъ горою есть колодезь, въ которомъ разбойники затопили 5-ть звоновъ.

47) Въ Присѣлкахъ подъ корчмою кувшинъ червонцевъ.

48) Въ селѣ Пироговѣ недалеко отъ корчмы есть кленъ, подъ которымъ казанъ червонцевъ.

49) Въ селѣ Гвоздовѣ подъ корчмою, въ углу, зарыто четыре вѣдра червонцевъ и шпага золотомъ обвитая, а по срединѣ корчмы глекъ червонцевъ.

50) На обуховскомъ полѣ есть гай, въ томъ гаю могила, а въ могилѣ по срединѣ казанъ денегъ.

51) Въ мѣстечкѣ Обуховѣ подъ колокольнею зарытъ казанъ съ деньгами.

52) Въ селѣ Коначенѣ зарытъ глечикъ червонцевъ въ плотинѣ подлѣ мельницы въ углу.

53) По дорогѣ изъ Дубровки въ Брусиловъ старымъ шляхомъ, который идетъ по надъ бродомъ, по лѣвую руку, надъ яромъ, въ 50 саженяхъ отъ дороги, зарытъ большой казанъ золота и серебра и посуды серебряной.

54) По дорогѣ изъ Лазаровки въ Карашинъ, близъ дороги, надъ бродомъ, въ одной изъ тѣхъ могилокъ, которые по срединѣ, разбойники закопали казанъ денегъ—золота и серебра.

55) Въ мѣстечкѣ Фастовѣ, въ старомъ замкѣ, насупротивъ стараго бискупскаго дома, прямо отъ угла, на лѣво въ 6 шагахъ зарыта повозка съ серебромъ.

56) Въ мѣстечкѣ Фастовѣ, во время гайдаматчины, человѣкъ съ села Угарашняго положилъ подъ угломъ церковнымъ, на полночь, саквы червонцевъ и послѣ съ Черноморья писалъ объ этомъ своей сестрѣ, но она не умѣла и не успѣла взять денегъ.

57) Палей съ 7000 человѣкъ шелъ по приказу Мазепы изъ Житоміра въ Богуславъ съ суммою отъ турокъ отнятою, подъ которою было шесть паръ воловъ. Во время ночлега, по причинѣ худой переправы и изъ страха погони, на васильковскихъ поляхъ, пониже села Яхновъ и повыше Половецкой, подъ Яхны вправо, а въ Половецкую влѣво, въ рукавѣ чернаго лѣса и близъ криницы, на разстояніи паденія брошенной палки, вырылъ яму и зарылъ деньги, именно: мѣдь къ лѣсу

на западъ, а отъ мѣди въ 12 шагахъ на востокъ 12 полубочковъ серебра. Примѣты клада суть три дороги: первая на Ставищи, вторая на Романовку, а третья на Кійловку.

58) Въ селѣ Плисецкомъ васильк. уѣзда есть озеро, подлѣ него могила песчаная, а въ могилѣ зарыта польская большая бричка денегъ серебромъ и золотомъ. Это преданіе вѣрное.

59) Подъ Плисецкимъ есть круглое озеро, посреди его бугоръ, а въ бугрѣ воловая кожа денегъ.

60) На васильковскомъ полѣ стоитъ лозовый кустъ, подъ коимъ зарыто гетманомъ въ казанѣ 50,000 червонцевъ.

61) Въ Гребенкахъ подъ церквою казанъ денегъ.

62) На васильковскихъ поляхъ, подлѣ гаю, есть могила, въ которой зарытъ казанъ серебряныхъ денегъ.

63) Въ Бѣлой-Церквѣ подъ церковію Рождества Христова гайдамаки Швачка, Гонта, Початуха сотникъ и Гнида Покотило десятникъ, вырѣзавъ Умань, спрятали три сака денегъ съ примѣтою: въ 3-мъ деревѣ отъ подвалины проверчена дырочка, въ дырочку для знака вложено три червонца и опять она забита колочкомъ. Противъ той дырочки подъ подвалиною не глубоко и деньги.

64) Въ м. Бѣлой-Церквѣ трое сбили ящикъ изъ досекъ, насыпали оные золотомъ и серебромъ и закопали подъ церквою св. Николая каменною, куда св. Николай стоящій до крылоса плечами смотритъ чрезъ окно прямо на это мѣсто, отъ котораго для знака положено три камня, въ пяти шагахъ по правую руку при входѣ въ церковь.

65) Въ Ржищевѣ, подъ горою, близъ дороги лощина, въ лощинѣ береза, отъ которой понынѣ одинъ пень остался, а подъ нимъ полный котелъ денегъ.

66) Въ селѣ Стайкахъ, не доходя Ржищева, въ крайнемъ домѣ у козака есть великій садъ, огороженый лозовымъ плетнемъ до самаго Днѣпра, въ томъ саду, въ углу, около Днѣпра, казанчикъ червонцевъ.

67) Въ селѣ Гусачовкѣ подъ корчмою, съ лѣвой стороны, въ углу зарыты 4100 рублей серебромъ.

68) Въ Орешковѣ зарытъ колоколъ съ червонцами и перлами и накрытъ камнемъ тамъ, гдѣ была шибиница.

69) Въ селѣ Германовкѣ, въ греблѣ или плотинѣ, возлѣ скрини, по которой вода бѣжитъ, именно на три аршина отъ скрини, зарыто много денегъ.

70) За Германовкою двѣ могилы близняты, между ними фастовскій шляхъ и изъ Германовки на Фастовъ. На перехрестной дорогѣ кладъ.

71) Отъ Богуславля въ пристанищѣ подъ крестомъ два глека червонцевъ подъ огнищемъ.

72) Въ Ведмедицахъ при выходѣ изъ села крестъ и на крестѣ слова вырѣзаны: погребенъ Иванъ козакъ, и тамъ три ведра рублей серебряныхъ.

73) Въ лѣсу Лебединъ есть монастырь, по имена Мокрынъ дѣвичій, около котораго есть могила, на могилѣ верба, въ срединѣ пустая, а въ вербѣ червонцы.

74) Пониже этой могилы стоятъ три граба, подъ среднимъ изъ нихъ лежитъ три пуда памистъ еврейскихъ.

ВЫЗЫВАЮЩЕЕ СООБЩЕНІЕ.

Въ одномъ изъ нумеровъ „Кіевской Старины“ былъ отмѣченъ интересный фактъ, что обитатели острова Лети, въ бывшей Задунайской Сѣчи, называютъ себя не иначе, какъ „запорожцами“. Однородный фактъ можно встрѣтить и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Украйны, Такъ въ овручскомъ уѣздѣ, волынской губерніи, въ мѣстечкѣ Народичахъ жители не знаютъ себѣ другаго названія, какъ „запорожці“.— Что означаетъ этотъ фактъ и нѣтъ-ли другихъ подобныхъ ему?

Кстати, въ томъ-же мѣстечкѣ, еще не далѣе четырехъ лѣтъ. въ ярмарочные дни можно было встрѣтить одного изъ представителей рѣдкаго уже теперь типа „старосвітськихъ кобзарей“. То былъ „лірникъ Савка“, знавшій очень много старыхъ думъ. Постоянное жительство онъ имѣлъ въ одной сосѣдней слободѣ. Другой-же кобзарь, Иванъ, житель самаго мѣстечка, зналъ, кромѣ думъ, много историческихъ преданій.—Привожу свѣдѣнія о нихъ въ надеждѣ, что, быть можетъ, найдутся любители украинской старины, которые пожелаютъ воспользоваться народическими кобзарями (они вѣроятно, еще живы) для цѣлей историко-этнографическихъ.

Прапорщикъ **Т. Зиньковскій.**

Житоміръ, 11 іюля.

ИЗЪ ОБЛАСТИ НАРОДНЫХЪ ПОВѢРІЙ.

Подобно тому, какъ голубь въ Великороссіи, такъ у насъ, въ Малороссіи аистъ считается священною птицею. Если онъ совьетъ себѣ гнѣздо гдѣ-нибудь на крышѣ, или около жилья, то это у нашихъ поселянъ считается милостью Божіею и никто его оттуда не гонитъ. Деревенскія дѣти, гоняясь за птицами, никогда не затронутъ „черногуза", даже спугнуть его считается грѣхомъ. Такъ почитается крестьянами эта птица. Недавно я узналъ почему. Привелось мнѣ говорить съ крестьяниномъ села Т....а (что въ острожскомъ уѣздѣ, волынской губерніи) и онъ сообщилъ мнѣ объ этомъ слѣдующій разсказъ.

— Когда Богъ сотворилъ гадовъ, Онъ спряталъ ихъ въ мѣшокъ и велѣлъ человѣку отнести (куда?—неизвѣстно), строго-на-строго приказавъ не заглядывать внутрь. „Але що то чоловікъ: не вытерпівъ, та й подивився". А какъ увидѣлъ, чѣмъ наполненъ мѣшокъ, то у него отъ ужаса подкосились ноги и мѣшокъ выпалъ изъ рукъ. А гады возьми да и расползись. Что тутъ дѣлать? Идетъ человѣкъ къ Богу: такъ и такъ, говоритъ: не выдержалъ... Богъ ужасно на него разсердился и въ наказаніе за это превратилъ его въ аиста: иди, говоритъ, и собирай гадовъ, которыхъ ты выпустилъ.

По этому повѣрью выходитъ, что аистъ—это человѣкъ превращенный въ птицу. Не удивительно, что въ нашихъ поселянахъ такое къ нему уваженіе. **В. О.**

Библіографическое извѣщеніе.

Вышла книга: *Печерская Лавра и къ ней главнѣйшіе пути чрезъ Кіевъ, съ 5 планами* и 3 видами, П. Тарановскаго, составляющая дополненіе къ его-же путеводителю: *Кіевъ и его окрестности.* Ц. 75 к. Продается въ книжныхъ магазинанъ г. Кіева, въ Лаврѣ и на вокзалѣ ю. з. ж. дороги. Разборъ отлагаемъ до слѣдующей книжки.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ VI томѣ «Кіевской Старины» *).

А.

Августинъ блаж., запад. церковный писатель IV в., 17.
Авлида, гавань, 30.
Адріанъ, папа римск., 119.
Азовъ, гор. 213, 447.
Аккерманъ, гор., 14, 219.
Александровичъ, кіев. бургомистръ XVIII ст., 554, 555, 556.
Александровскій Серапіонъ, архіеп. каз., затѣмъ митр. кіев., 665, 666, 691 715, 715.
Александръ Павловичъ, в. кн., затѣмъ имп. Александръ I, 235, 238, 241, 259, 553, 669, 681.
Алексѣй Михайл., царь русск., 158, 160, 318, 319, 321, 554, 565.
Алканъ-паша, команд. турецк. галеры, упом. въ думѣ о Сам. Кошкѣ, 215, 216, 217.
Амстердамъ, гор., 334, 338.
Амфитеатровъ Антоній, архіеп. смол., 683, 684.
Анапа, гор., 244, 245, 246.
Андрей, кн., владимір., 449.
Андрей, іером., завѣдыв. раскоп. развалинъ Херсонеса, 44.
Анна, жена кн. Влад. св., 37, 38.
Анна Іоанновна, имп. рус. 170, 174, 333, 335, 345.
Антоновичъ В. Б. проф. исторіи кіев. универс. 11, 223, 377, 379, 388, 615.
Апостолъ Даніилъ, гетм. малор., 169, 325, 329, 341.
Аракчеевъ А. А., графъ, 148.
Артемовскій-Гулакъ, украинск. пис., 199.
Аскоченскій В. И., писатель, ред. журн. Дом. Бес., 396, 397, 398.

Б.

Багалѣй, авт. истор. монограф., 11.
Байронъ, англ. поэтъ, 463.
Байбуза Тих., старш. войск. Донск., 143.
Балабанъ Гедеонъ, епископъ львовск. 566.
Бантышъ-Каменскій, авторъ исторіи Малороссіи, 140, 142, 152, 162, 663.
Банулеско Гавріилъ, митр. кіевск., 665.
Бартошевичъ, истор. польск., 40, 143, 276, 287.
Барятинскій, кн., лейтен. флота, 42.
Барабашъ Дим., козакій гетм., 144, 145.
Барановичъ Лазарь, арх. черн., мѣстоблюст. кіевск. митроп., 160.
Брантъ, ген., членъ малорос-коллегія, 748.
Баторій Стѣфанъ, кор. польск., 294, 297, 299, 302, 303, 306, 307.
Беневскій, посолъ польск. къ гетм. Выговскому, 114, 115.
Бестужевъ-Рюминъ, канцлеръ при имп. Елисаветѣ, 11, 751.
Богдановичъ, поэтъ, 198.
Богухвалъ Янъ, уполномоч. п. кор. Стефана Баторія, 279

*) Цифры означаютъ стр. тома.

Богацько Василій, запорожск. судья, 133, 134, 135.
Бодянскій, авторъ «Памятной книжки полтавской губ», 161, 162.
Бокій-Печихвоскій Гаврило, уполном. кор. Стефана Б., 292, 294.
Болеславъ II, король польск., 41, 450.
Боровиковскій, живописецъ, 147.
Борковскій графъ, польскій литераторъ 40-хъ годовъ, 459, 460, 461, 462, 463, 464.
Горковскій Вас. полковникъ геральд., 376, 513, 514, 515, 522, 529, 531, 532.
Борзобогатый-Красинскій Іона, еписк. владим.-волынскій XVI в. 281, 282, 283, 288, 295, 296, 297, 304, 305, 306, 307.
Борзобогатый-Красинскій Василій, кор. секр. и сборщикъ податей на Волыни до 1581 г., 275, 305.
Борзобогатая Анна, его жена, 271, 309.
Броневскій Мартинъ, посолъ польскій, осматр. разв. Херсонеса, 40.
Брульонъ, французъ математикъ, 79.
Брюховецкій Иванъ, малор. гетманъ, 322.
Брянскъ, гор., 339, 747.
Бугъ, рѣка, 14, 15, 19, 20, 25, 402, 423.
Бурносъ Семенъ, хорунжій черном. войс., 235, 239.
Бутковъ, рус. истор. писатель, 750.
Бучневичъ, авторъ «Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ», 161, 164.
Бучинскій, писат. польск., перев. истор. Карамзина, 646.
Бѣлевскій Августъ, писатель польск., 459, 662.
Бѣльскій, польск. пис., 268.

В.

Вагилевичъ И. Н., галицко-русскій писатель, 453, 663.
Важинскій, уніат. холм. еписк., 736.
Варшава, гор., 178, 181, 459, 663, 745.
Василій, имп. греческ., 37.
Василій III, кн. москов., 113.
Василько, кн. галицкій, 433, 450, 657.
Васильчиковъ И. И., кіевск. генер.-губернаторъ, 396.
Вейсбахъ, баронъ, кіевск. генер.-губернаторъ въ 1-й полов. XVIII ст., 127, 756.
Величко, малор. лѣтописецъ, 218, 219, 222.
Вересай, малорос. бандуристъ, 773.
Варсанофій, архиманд. сербск., 548.
Висла, рѣка, 19, 406, 457.
Витошинскій Іоаннъ, вицеректоръ львов. семинар. 458.
Витебскъ, гор., 143.
Витковичъ, архиманд. сербск., 548.
Вишневецкіе кн., 286.
Владиміръ, кн. галиц., 428, 450.
Владиміръ на Клязьмѣ, гор., 109, 449.
Владиміръ-Волынскъ, гор., 275, 423.
Владиславъ IV, кор. польск., 329.
Водолагъ Ив., судья запорожскій, 134.
Волга, рѣка, 15, 19, 22, 434, 435.
Волковскій Семенъ, кн., завѣдывавшій провіант. частію въ пол. XVIII в. 758.
Володарь, кн. галиц., 657.
Воронцовъ С. кн., генер.-губерн. новорос. края, 45, 244.
Вроченко, перев. Шекспира на р. яз., 52.
Выговскій, гетманъ малор. 111, 114, 115.
Вяземскій кн., поэтъ, 64.
Вѣна, ст. Австріи, 71, 274, 454, 464, 585.

Г.

Гавріилъ, митр. кіевск. 543, 548, 559, 665.
Гаммерштейнъ, австр. генералъ 50-хъ годовъ вып. ст., 465.
Гейденштейнъ, лѣтописецъ, 221.
Геймъ, авторъ русск. грамматики, 646, 663.
Геродотъ, греч. историкъ, V в. до Р. Х., 13, 14, 15, 19, 20, 24, 25, 29, 411.
Гизель Иннокентій, игуменъ кіево-кирилловск. мон., 100, 160.
Гладкій Даніилъ, полковн. запорожск. XVIII в., 759.
Глуховъ, гор., 169, 170, 171, 173.
Глѣбовъ, украинск. писат., 358, 359.

Глѣбовъ, подполковникъ руск. службы въ пол. XVIII в., 128, 138.
Гнѣдичъ, писат. русск., 198.
Гоголь Н. В., извѣстн. писатель, 65, 147, 198, 201, 204, 208, 306, 361, 362.
Голуховскій А., графъ, намѣстникъ Галиціи, 466, 649.
Головацкій Я. Ѳ., писат. и ученый галицкій, 313, 617.
Голубевъ С. Т., авторъ книги о митр. Петрѣ Могилѣ, 745.
Головатый Антонъ, черном. войсков. судья, 234, 239, 347, 348.
Голубина Палагея, жена полк. Мировича, 591.
Голубовскій П. В., его двѣ рецензіи, 748, 752.
Голубинскій, проф., истор., 750.
Голенбіовскій, писат. польск., 373, 378.
Гольшанскіе, кн. XVI ст., 286.
Гольшанскій Сем. Юрьев., южнор. кн. XVI ст., 290.
Гольшанская Марія, первая жена кн. А. Курбскаго, 280, 289, 290, 291.
Гонта, уманск. сотникъ, 166.
Горленко В. П., литераторъ, 215, 230, 232, 595.
Грабянка, южно-русск. лѣтописецъ, 218.
Гребенка, малорус. писатель, 201, 202, 346.
Гречъ Н., авторъ грамматики рус 651.
Григорій Михайловичъ, бандуристъ двора имп. Елисаветы, 174.
Григоровичъ Н., профес. 37.
Гродно, гор., 275.
Гунигардъ, названіе южной Россіи, 18.
Гурницкій, истор. польск., 268.

Д.

Давидъ, кн. черниговск., 178, 418.
Давидъ Игор., кн. волынскій, 39.
Давидовскій, кіевск. голова конца XVIII в., 543, 556.
Давлетъ Гирей, ханъ крымскій, 657.
Дакія, римская провинція, 16, 21, 28.
Даль В. И., рус. писатель, 199, 200, 202.
Данилъ, кн. галицкій, 418, 428, 657.
Данилевскій, писат. и редакт., 148, 207, 210.
Дашкевичъ Евстафій, староста украинск., 141.
Дашкевичъ Н. П., профес. кіевск. унив., 11.
Десна, рѣка, 80, 402, 415, 417, 426, 434, 535.
Державинъ Г. Р., поэтъ, 355, 663.
Дерптъ, гор., 153.
Діаконъ Павелъ, визант. историкъ, 399.
Длугошъ, лѣтописецъ польскій, 752.
Днѣпръ, р., 2, 14, 21, 25, 28, 400, 402, 406, 410, 413, 423, 433, 437, 446, 753.
Днѣстръ, р., 15, 19, 24, 25, 29, 35, 36, 80, 98, 400, 402, 403, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 423, 426, 427, 434, 439, 440, 443, 444, 547, 589.
Добролюбовъ, рус. лис., критикъ, 194, 207.
Добруджа, названіе мѣстности въ устьѣ Дуная, 15.
Донъ, р., 2, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 22, 400, 407, 412, 414, 434, 435, 438, 439.
Домицила, племянница имп. Домиціана, 35.
Домиціанъ Флавій, имп. римскій, 35.
Дрезденъ, стол. Саксоніи, 148.
Дука Михаилъ, имп. греческій, 39.
Дунай, р., 16, 19, 28, 400, 401, 406, 410, 426, 433, 435, 436, 439, 444, 446.

Е.

Евгеній, митроп. кіев., 76, 311, 312, 313, 315, 316, 715, 716, 718, 772.
Екатерина I, импер. русск., 169.
Екатерина II, импер. русск., 178, 179, 180, 194, 259, 541, 554, 690, 713.
Елисавета Петровна, импер. русск., 170, 328, 339, 345.
Ешевскій, рус. истор. писат., 11.
Ефименко П. С.; его статьи 169—174, 371—379 и 578—583.

Ж.

Жабче, село, б. имѣніе влад.-волынск. епископіи, 283.
Жолкевскій, гетманъ коронный, 143, 218, 219, 220, 221, 589.
Жолкевскій Лука, племян. гетмана, 589.
Жуки, село полт. губ., 161.
Жуковскій В. А., поэтъ, 200.
Журавницкій Александръ, староста луцкій XVI в., 281, 282, 283, 285, 288, 296.
Журавницкій М., старостичъ луцкій XVI в., 284, 307.
Журавницкій Маркъ, прав. епископъ луцкій XVI в., 276, 288, 293.
Жураховскій Я., нѣжинск. полковникъ, 513, 521, 523.
Журавка, гелер. асаулъ, членъ малорос. коллегіи, 738.

З.

Заборовскій Рафаилъ, митроп. кіев., 720.
Заболоцкій Влад., москов. выходецъ XVI в., 295.
Забѣла П. М., генеральный обозный, 506—538.
Забѣла Ив. П., знатный войсковый товарищъ, 512—538.
Забѣлинъ, истор. писатель, 416.
Загоровскій Вас., каштелянъ брацлав., 288.
Загоровскіе, волынскіе шляхтичи XVI в., 301.
Закревскій, авторъ Описанія Кіева, 164.
Замойскій Янъ, основатель гор. Замостья, 566.
Запъ Карлъ, писатель чешскій, 459, 659.
Западный Бугъ, р., 15, 414.
Збаражскій Янъ, кн., воевода брацлавск., 308.
Збаражская Маруся, 1-я жена Загоровскаго, 288, 289, 295.
Зосима Валькевитъ, послѣдній архимандритъ кіево-печерской лавры, 548, 550, 560, 720.
Зубрицкій, галицко-русскій писатель, 11, 459.

И.

Ибнъ-Фоцланъ, араб. пис., 658.
Игнатовъ Даміанъ, гетманъ. малор., 342.
Игнатовичъ Акимъ, кошевой атаманъ, 131, 135.
Игорь, кн. кіев, 35, 416, 750.
Изаповичъ Григ., гетманъ козацкій, 144.
Иловайскій, историкъ, 417, 445, 446, 747.
Искра Иванъ, полковникъ малорос., 507.

І.

Іерофей Малицкій, митроп. кіевскій, 76, 86, 89, 90, 91, 92, 714, 715.
Іорнандъ, историкъ готскій VI в., 14, 19, 25, 399, 401, 409.
Іосифъ, епископъ владимір., 276, 281, 294.
Іосифъ II, импер. германскій, 181.

К.

Каменецъ-Подольскъ, гор., 433.
Кантакузенъ, кн., наказной атаманъ бугскаго войска, 186, 187.
Капитонъ, епископъ корсунскій, 36.
Капнистъ, рус. писатель, 198.
Карамзинъ, историкъ, 10, 11, 155, 355, 646, 751.
Карпинскій, польск. поэтъ, 274.
Карлъ XII, кор. шведскій, 591.
Калайдовичъ, рус. ист. писатель, 647.
Катрановъ, авторъ біографіи Ив. П. Котляревскаго, 154.
Квитка-Основьяненко, малор. писатель, 193, 219.
Кириллъ, св., епископъ александрійскій, 36, 37, 106, 107, 108.
Киселевъ, министръ госуд. имуществъ, 241.
Кистяковскій, профес. кіев. унив., 317,
Кишиневъ, гор., 186
Кіевъ, гор., 38, 39, 41, 63, 66, 68, 70, 76, 98, 99, 101, 102, 109, 137, 143, 144, 153, 156, 159, 165, 195, 356, 357, 365, 386, 388, 390, 415, 416, 428, 448, 449, 450, 451, 541, 542, 545,

549, 550, 553, 555, 559, 560, 586, 592, 593, 665, 668, 684, 690, 691, 747, 757.
Клеповичъ, писат. польск., 268.
Климентъ, епископъ рим., 35.
Комнинъ Мануилъ, имп. греческ., 447.
Конашевичъ-Сагайдачный, малор. гетм., 141, 142, 196, 218, 219, 344.
Конисскій Георгій, профес. поэзіи кіев. акад., 83.
Константинъ Багрянородный, импер. греческ., 25, 28, 33.
Константинъ В., импер. греческ., 35, 36, 43, 121.
Константинополь, г., 36, 39, 40, 107, 123, 125, 126, 176.
Коперникъ, знам. астрономъ, 472.
Копитаръ, чешскій ученый, 648.
Корецкій, редак. польск. «Дзенника» въ Львовѣ, 469.
Корецкій Богушъ, князь, 281.
Корсаковъ, истор. писатель, 11.
Корсаковъ П. А., издатель Маяка, 352.
Коссовъ Сильвестръ, митр. кіев., 114, 156, 157, 158, 160, 386.
Косый Иванъ, кошевой атаманъ, 143.
Костюшко, вождь польск., 472.
Костомаровъ Н. И., историкъ, 1, 200, 201, 400, 415, 446, 450, 589, 594, 751, 754.
Котельва, гор. харьк. губ., 323, 324.
Котляревскій А. А., проф. кіев. универ., 18, 101.
Котляревскій Ив. П., малор. поэтъ, 146—154, 199, 663.
Котляревскій Т. Т., наказн. атаманъ черномор. войска, 237.
Коубекъ-Православъ Ив., профессоръ пражскаго универ., 651, 659.
Кохановскій, поэтъ польск., 268.
Кохіусъ, кіев. коменд. конца XVIII ст., 543, 545, 548, 552.
Кочубей, генеральный судья, 522, 529.
Кошка Самуилъ, гетманъ козацкій, 148, 754.
Краковъ, гор., 449, 745.
Красовскій Василій, игуменъ кіево-кириллов. мон., 100.
Кременецкій Гавр., митр. кіев., 66.
Крутневичъ Гаврило, кошев й запорожскій, 143, 220, 221, 379.
Крыловъ, поэтъ, баснописецъ, 359.
Крюковскій Ив, бандуристъ, 215, 216, 230.
Куземскій Михаилъ, епископъ холмск., 467
Кулишъ, малор. писатель, 197, 201, 230, 356, 362, 368, 753.
Куракинъ, кн., генер.-губерн. малор., 259.
Курбскіе Ярославскіе, 565.
Курбская Ярославская, 565.
Курбскій Андрей, кн., москов. выходецъ, 270, 285, 293, 297, 298, 299, 302, 568.
Курскъ, гор, 149, 339.
Куцковичъ Ив., гетманъ запорожскій, 143, 379, 380, 381.
Кушка Даміанъ, сотникъ, 142.

Л.

Лавренко, издатель малор. пѣсень, 615, 620, 625, 637.
Лазовскій Ѳеод., еписк. холмскій, 276, 277, 278, 279, 289, 295.
Ласки, могилев. катол. прелатъ, 576.
Лашкаревъ, профес. кіев. дух. академіи, 101.
Лебединцевъ П. Г., каѳед. протоіерей соф. соб., 101.
Левицкій Ив. С, совр. малор. писатель, 363, 367, 370.
Левицкій Венед., цензоръ рус. книгъ въ Львовѣ, 458, 648, 649, 650.
Левъ, кн. галицкій, 657.
Левъ, св. папа римскій, 120, 121, 122, 123.
Левицкій Іосифъ, авторъ галицко русской грам. 646, 647, 649.
Лелевель, историкъ польск., 646.
Леонтьевъ, кіев. генералъ-губернаторъ 1-й полов. XVIII стол., 127, 128, 129, 138, 757.
Леопольдъ, нѣмецк. импер., 181.
Ливорно, портъ на Средизем. морѣ, 225, 229.
Линде Самуилъ, составитель польскаго словаря. 466.
Лисенко, изд. сборн. малор. пѣсень, 361, 605.
Лобановъ-Ростовскій, малор. генер.-губернаторъ, 147, 148.
Ломиковскій, генерал. хорунжій, 527, 529, 530.

Ломоносовъ, ученый, писатель, 71, 83, 355, 665.
Лопухинъ, князь, помѣщ. кіев. губ., 153.
Лукашевичъ, этнографъ, 215, 229, 230, 232.
Львовъ, гор., 423, 454, 455, 460, 464, 465, 745, 746.
Лѣсковъ Н. С, современ. писатель, 396.
Любечъ, гор. черн. губ., родина преп. Антонія печерскаго, 385, 386, 387, 449.
Любомірскій, кн., попечитель института Оссолин, 466.
Любомірскій М., кн., польск. полководецъ, 181.
Любартъ, кн., фундаторъ церкви Іоанна Богослова въ Луцкѣ, 283.
Лянгенау, нѣмецк. главнокомандующій, 457.
Лянцкоронскій, староста украинскій, 141.

М.

Маврикій, визант. импер. 409.
Магнушевскій, писат. польскій, 459.
Мазепа, гетманъ малор., 323, 324, 342, 376, 514, 515, 518, 522, 524, 525, 526, 529, 535, 536, 589, 592, 594, 595, 596, 753.
Максимовичъ М. А., историкъ, ученый, 192, 221, 596, 676.
Макарій, митроп. москов., авторъ истор. рус. церкви, 155, 750.
Малинскій, маршалъ волынскій, 281.
Малой Якимъ, кошевой атаманъ, 138.
Малая Скиѳія, нынѣ Бессарабія и Добруджа, 15.
Малиновскій Мих., префектъ львовск. сем., 458, 467, 46›.
Малицкій Іерофей, митроп. кіев. 665, 684.
Марія Ѳедоровна, вел. кн., жена в. кн. Павла II., 539, 541, 542, 552, 559.
Марко-Вовчекъ, псевд. писательницы Маркевичъ, 206.
Маркевичъ Н., малор. истор. 141, 142, 218, 376, 583, 746, 748, 749, 751.
Мартинъ, епископъ, сослан. въ Крымъ при имп. Констансѣ, 35.
Мартиновскій Анат., архіеп. могилев., 573—578.
Мезенцовъ, генер. интендантъ кіев., 543, 552.
Мейендорфъ, гр., команд. 2 го корпуси въ 1806 г., 146.
Мелхиседекъ, архим. глу ов., 548.
Мелитополисъ, греческ. колонія, 14.
Меншиковъ А., кн., рус. вельможа, 169.
Мерзляковъ, поэтъ, 193.
Мессина, гавань въ Сицилія, 227.
Меѳодій, первоучит. славянскій, 572.
Мещерскій Платонъ, кн., членъ малорос. коллегія, 738.
Мизія, римск. пров., нынѣ Болгарія и Сербія, 28, 435.
Милорадовичъ, гр., авторъ брошюры о любеч. кн. Б. М., 385, 386.
Миргородскій, запор. войск. писарь, 132, 134.
Мирный, украин. писатель, 365, 368, 369, 370.
Мировичъ, полковн., племян. гетмана Мазепы, 589, 590, 591.
Мироновичъ Жданъ, фаворитъ жены кн. А. Курбскаго, 290.
Миславскій Самуилъ, митроп. кіев., 68, 70, 71, 77, 79, 85, 664, 665, 715, 765.
Митридатъ, царь понтійск., 33.
Михалевичъ Н., редак. львов. оффиц. газеты, 648.
Мицкевичъ, поэтъ польск., 461, 472, 646.
Мишле, французъ. истор. писат., 20.
Могила Петръ, митроп. кіев., 196. 314, 344, 745, 746, 760, 761,
Монастырскій Иннокентій, игум. кіево-кир. мон. XVIII ст., 100.
Монтолтъ, волынск. шляхтичъ XVI в.
Монтолты, пасынки кн. А. Курбскаго, 290, 293.
Москва, гор., 70, 71, 111, 113, 114, 151, 152, 155, 157, 158, 159, 160, 169, 170, 459, 745.
Моцартъ, композиторъ, 61.
Мочаловъ, артистъ-трагикъ, 150.
Мукаловъ, авторъ кн. Географія кіев. губ., 164, 165.

Мурзакевичъ, вице-президент. од. общ. истор. и древн., 44.
Муравьевъ М. Н., гр., вил. генер.-губ., 260.
Муховъ, гражд. губерн. харьков. губ., 581.
Мыльская, сестра кн. Гольшанской, 3-й жены кн. А. Курбскаго, 271, 293, 294.
Мыльскій-Кердей-Олизаръ, мужъ ея, 293, 294.
Мышка М., каштелянъ волынск., 306.

Н.

Наливайко, предв. зап. козаковъ, 141, 142.
Наполеонъ I, имп. франц., 681.
Наревъ, р., 15, 25.
Нарушевичъ, истор. польск., 646.
Нарѣжный 1-й, рус. романистъ, 193.
Несторъ преп., лѣтописецъ, 20, 748, 750.
Несторій, еретикъ, патр. конст., 106, 107.
Несѣцкій, геральдикъ польск., 280.
Нечковскій Христоф., гетманъ запорож., 142.
Никитинъ Ив. Мак., художникъ-портретистъ, 595.
Никифоровъ Алек., секундъ-маіоръ, 129, 130, 131, 136, 138, 139.
Никонъ, моск. патріархъ, 155, 156.
Николаевъ, гор., 14.
Никоніумъ, греческ. колонія, 14.
Новгородъ В., 109, 747.
Нѣмцевичъ, польск. писатель, 646.

О.

Одессоя, греч. колонія въ Крыму, 14.
Одынецъ, поэтъ польск., 646.
Ольга св., кіевск. княг., 418, 424, 750.
Ольвія, греческ. колонія, 14.
Орандаренко, авторъ записокъ о полтавской губ., 161, 162.
Османъ Гордый, тур. султ., 219.
Оссолинскіе, гр., учредители библіотеки въ Львовѣ, 456, 466, 646, 663.
Острогъ, гор., 100.
Острожскій Вас., кн., воевода кіевск., 269, 286, 304, 305.
Острожская Илина, кн., владѣтельница Янушполя, 293.
Острожскій К. К., князь, 100.

П.

Павелъ II., вел. кн., потомъ рус. имп., 559, 541, 542, 552, 559.
Павловичъ Александръ, еписк. арханг. и полтав., 718.
Палласъ, ученый, академикъ, 41.
Палій С., малор. полк., 375.
Пальмеръ, англ. ученый, 155.
Пантикапея, греческ. колон., 14, 31, 33, 34.
Папроцкій Барт., историкъ польск., 268.
Паскевичъ, гр., намѣстникъ Ц. П., 242.
Перевязка-Многогрѣшный, малор. гетм., 507.
Перемышль, гор., 173.
Переяславль, гор., 173.
Петрулипъ, сотникъ, 186.
Петрушевичъ А., каноникъ, галицко-рус. ученый, 116.
Петербургъ, г., 70, 170, 174, 545, 676, 745, 759.
Петръ I, имп. русск., 161, 197, 320, 322, 323, 334, 338, 345, 375, 554, 555, 590, 595, 596, 753.
Плетневъ, писат., 200, 201, 206.
Плиній, римск. писат, 13, 19, 25.
Плугъ Адамъ, писатель польск., 374.
Погодинъ М. П., русск. истор. писат., 457, 645, 646, 654, 655, 656, 659, 750.
Подобѣдовъ Гавр., митроп. петерб., 666.
Полевой Н., историкъ, 207, 663.
Полетика Гр. Ив., чиновн. рус. пос. въ Вѣнѣ, 71.
Полоусъ, предводитель запорожцевъ, 143.
Полтава, гор., 144, 148, 149, 150, 151, 152, 161, 162, 163, 164.
Полуботокъ Пав., полковн., потомъ гетманъ малор., 535.
Понятовскій гр., генералъ польскій, 549, 552, 558.
Попель Маркелъ, еписк. любл., 651.
Потемкинъ Гр. Ал., русск. сановникъ вр. Екатерины В., 178, 235.

Потебня А., академикъ, 617.
Прага, чешск. гор., 459, 585, 764, 765.
Прокопій, историкъ VI в., 14, 19, 25, 26, 28, 399, 400.
Прокоповичъ Ѳеофанъ, архіеп. новг., 67, 94, 590, 591.
Пронскій Алек. кн., староста луцкій, 285. 299, 306.
Прутъ, р., 29, 406, 412, 413.
Прыжовъ, литераторъ, 195.
Птоломей, алекс. ученый, 13, 15, 16, 17, 19, 25, 26, 29, 410.
Пушкинъ А., поэтъ, 52, 153, 193, 199, 355.
Пыпинъ, лит., журн., 9, 28, 193,

Р.

Радзивилъ Карлъ, польскій магнатъ, 296, 563.
Разумовскій К. Г., гетманъ малорос., 317, 546, 549, 552, 755, 757.
Рей, писатель польск., 268.
Репнинъ Н. Г., малорос. генер.-губернат., 148, 149, 150, 313.
Ригельманъ, авт. лѣтоп. пов. о М. Россіи, 218, 219, 222.
Римъ, гор., 33, 34, 118, 119, 121, 125.
Ринотметъ-Юстиніанъ II, визант. имп., 124.
Риттихъ, статистикъ, 7.
Рогволодъ, кн. полоцкій, 442.
Романъ, кн. галицкій, 433, 657, 751.
Рось, р., 182.
Ростиславъ, кн. смоленскій и новгород., 442.
Румянцевъ П., гр., фельдмарш., 173, 252, 542, 543, 546, 549, 551, 561, 562.
Рыбальскій, кіевск. райца конца XVIII в., 543, 544, 546.
Рыловъ-Боръ, имѣн. луцк. еп., 283.
Рѣшетниковъ, русск. беллетристъ, 367.

С.

Садковскій Викторъ, архимандр. слуцкій, впосл. черниговск. архіеп., 178, 179, 180.
Самойловъ, генер. прокуроръ, 234.
Самойловичъ, гетманъ малорос., 323, 376, 508, 515.
Самоквасовъ, проф., археологъ, 177, 410.
Самосатскій Пав., патр. антіох., 126.
Санбика Никита, судья запорож., 132, 133.
Сапѣга Левъ, канцлеръ литовскій, 380.
Сбручъ, рѣка, 16.
Сверчовскій, предводитель шляхетск. вольницы XVI в., 141.
Сенюты, волынск. шляхтичи XVI в., 287.
Серафимъ, смол. еписк., 685, 687.
Сильвестръ, юноша изъ Ливорно, въ думѣ о Самуйлѣ Кошкѣ, 225, 226.
Симоновичъ, рус. офицеръ, упом. въ той-же думѣ, 224, 225, 232.
Славенецкій Епифаній, южно-рус. ученый XVII ст., 196.
Сковорода Григ. Сав., украинск. писатель, 198.
Скоробогачъ, зять писат. Н. П. Котляревскаго, 154, 155.
Скоропадскій, гетманъ малор., 323, 325, 329, 234, 338.
Смецкій, оберъ-провіантмейстеръ кіев., 759.
Смоленскъ, гор., 680, 681, 682, 684.
Смѣла, м., кіевск. губ., 166, 181, 493.
Снядецкій, польск. писат., 472.
Сокольскій, проф. харьковск. унив., 167.
Сокольскіе кн., Андрей, Солтанъ и Юрій, 280.
Сомовъ Орестъ, писатель украинск. 30-хъ годовъ нын. стол., 152.
Срезневскій, академикъ, археологъ, 167, 168, 210, 750, 753.
Старицкій, авторъ нѣск. малор. статей и переводовъ, 359, 360, 361.
Старая Ладога, гор., 109.
Стеблевъ, м. кіевск. губ, 181.
Стеблинъ-Каменскій, писатель, другъ Ив. П. Котляревскаго, 147.
Стырь, р., 19, 303.
Стрыйковскій, польск. истор., 752.
Суша Яковъ, уніатск. холмск. еп., 111, 114, 115, 116.
Сухомлиновъ, академикъ, 750.
Сычъ, кошевой атаманъ, 138.
Сѣвскъ, гор., 339.
Сѣмашковна Алекс., втор. жена кн. А. Курбскаго, 289, 290.
Сѣрко, кошевой атаманъ, 219, 220.

Сѣчь запорож., 127, 128, 129, 131, 134, 138, 139, 195, 237.

Т.

Таврида-Крымъ, полуостр., 30, 31.
Таганрогъ, гор., 14.
Тамань, гор., 235.
Танскій Ант., кіевскій полковникъ, 374, 375, 376, 379.
Терещенко А. В., библіографъ, уч. изслѣдов., 146, 147, 161.
Терлецкій Кириллъ, еписк. луцкій, 284, 307.
Тисса, р., 18.
Тискиневичъ Гр., гетманъ козац., 144.
Толстой Левъ, романистъ, 367.
Траянъ, имп. рим., 16, 35.
Туманскій, генер. писарь, 738.
Тунъ Янъ, гр., министръ австр., 649.
Тутолминъ Т. И., генер.-губ. югоз. кр., 736.
Тучковъ, кіевск. генералъ-инженеръ, 543, 552.

У.

Уваровъ, гр., мин. н. пр., 42, 43, 45.
Угаровъ, артистъ импер. театровъ, 150, 151.
Угрія-Венгрія, 19.
Умань, гор., 166.
Урбанъ VIII, папа римск., 227.
Успенскій Глѣбъ, современ. беллетристъ, 367.
Устряловъ, историкъ, 162.

Ф.

Фальковскій Ив. Ак., въ монаш. Ириней, еп. смоленскій и коадъюторъ кіевск., 66, 96, 664, 718 и 767—769.
Фискъ, греческ. черномор. колонія, 14.
Филаретъ, архіеписк. черн., 746.
Флоріанъ Корсакъ, жидичин. арх., 737.
Френъ, оріенталистъ, 659.

Х.

Харлупа, м. на Волыни, 284, 296.
Харьковъ гор., 55, 56, 63, 148, 149, 150, 194, 365, 581.
Херсонесъ тавр., гор. въ Крыму, 30—49 и 446.
Хмельницкій Богданъ, гетманъ малор., 111, 114, 115, 140, 141, 144, 155, 163, 219, 220, 222, 319, 321, 325, 326, 333, 334, 335, 338, 340, 342, 506, 507, 588, 754.
Хмѣлецкая, воеводина кіевск., 271.

Ц.

Цимисхій, имп. греческ., 28.
Цоціора, крѣпость, 219, 222.
Цукато, гр., комендатъ Умани, 245.
Цымбалистовъ В. Г., помѣщ. кіевск. губ., 185.

Ч.

Чайковскій, истор. польск. писатель, 116.
Чарторыжскій Алек., воевода волынскій, 293, 294.
Черкассы, гор., 145, 274, 434.
Чернявскій Петръ, зап. войск. писарь, 130, 131, 136, 137, 138, 139.
Черниховскій Петръ, любл. стольникъ, 299.
Черниговъ, гор., 147, 174, 175, 177, 449, 515, 581, 746, 747, 748.
Чернишъ, малор. полков., 530, 533.
Чертковъ, ворон. и харк. г.-губ., 760.
Четвертынскіе князья, 286.
Чубинскій, южнор. этнографъ и статистикъ, 164, 560, 561, 605, 610, 613, 614, 623, 624, 625, 627, 633, 639, 643.
Чужбинскій, писатель, 201, 206.

Ш.

Шараневичъ, проф. львов. унив., 11.
Шафарикъ, чешск. ученый и писат., 14, 16, 401, 405.
Шашкевичъ Маркіанъ, галицко-рус. писатель, 646, 647, 648, 649 659.
Шейнъ, авторъ сборн. великор. пѣсень, 560.
Шевченко, малор. поэтъ, 194, 199, 201, 206, 207, 356, 367.
Шекспиръ, англійскій драматургъ, 52.
Шереметьевъ, русск. бояринъ, 263, 273.
Шеферъ, церковн. писатель, 709.
Шиповъ, маіоръ рус. службы, 170, 171.

Шишацкій Варлаамъ, еписк. могилев., 683.
Шіяновъ Ѳеофанъ, кіевск викарій, впосл. еп. полт., 665, 705, 706.
Шиола, м. кіев. губ., 184.

Щ.

Щепкинъ, артистъ имп. теат., 148.
Щербатскій Тимоѳей, митроп. кіевскій, 720.
Щирскій Иннокентій, монахъ-граверъ XVII в., 386, 595.

Ю.

Ювеналій, патр. іерус., 121.
Южный-Бугъ, р., 15, 404, 406, 407, 410, 413.
Юрій Владимір., кн. сузд., 420.

Я.

Яблоновскій, кн., магнатъ польск., 181. 184.
Ягеллонъ Владиславъ, кор. польск., 321.
Яворскій Стефанъ, митрополитъ, писатель, 314.
Янъ III, король польскій, 273, 564.
Ярополкъ, кн. кіевск., 410, 418.
Ярославъ, кн. новгородскій, 98, 419, 424, 450, 451.
Ярославль, гор., 406, 682, 683.
Ясинскій Варлаамъ, митроп. кіевск., 385, 386.
Яхимовичъ Григ., номинатъ-епископъ львовскій, 458.

Ѳ.

Ѳеофилактъ Русановъ, архіеп. ряз., 683, 685, 687.
Ѳеофилъ, имп. греческій, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VI. 1883 г.

Май, 1883 г.

стр.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ (историко-этнографическія замѣтки). **Ир. Житецкаго** 1

II. ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ. **В. Ястребова** 30

III. ХАРЬКОВСКІЙ ВЕРТЕРЪ. (Психологическо-юридическій очеркъ изъ харьковской хроники начала тридцатыхъ годовъ). **А. Барымова** . . . 49

IV. ИРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, коадъюторъ кіевскій. (*Продолженіе*). **Г. Булашева** 66

V. ФРЕСКИ КІЕВО-КИРИЛЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ XII в. (Рѣчь, произнесенная въ общемъ собраніи императорскаго русскаго археологическаго общества, 9 января 1883 г.). **Адріана Прахова** 97

VI. ПИСЬМО ЕПИСКОПА ЯКОВА СУШИ КЪ ГЕТМАНУ ВЫГОВСКОМУ СЪ ЦѢЛЮ СКЛОНИТЬ ЕГО КЪ УНІИ. (Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива). Сообщилъ **В. Т. М—чъ** 111

VII. ЗАПОРОЖСКІЕ ВЫБОРЫ И ПОРЯДКИ ПОЛОВИНЫ XVIII в. (По современнымъ описаніямъ). **Ал. Андр—скаго** 127

VIII. НЕИЗВѢСТНЫЙ ДОСЕЛѢ ГЕТМАНЪ И ЕГО ПРИКАЗЪ. **В. Антоновича**. 140

IX. ИЗЪ БУМАГЪ И. И. КОТЛЯРЕВСКАГО. **В. Горленка** 146

X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Исторія русской церкви Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Томъ XII. Спб. 1883 г.—*Т—скаго*.— б) В. Е. Бучневичъ. Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава. 1882 г.—*Ивана Матченка*.—в) Географія кіевской губерніи. Сост. Н. Мукаловъ. Кіевъ. 1883 г.—г) Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію. И. И. Срезневскаго. Харьковъ, 1883 г.—*В. А.* 155

стр.

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Школа для обученія пѣвчихъ, назначавшихся ко двору. *П. Ефименка* —б) Археологическая находка въ Черниговѣ. *А. Ханенка.*—в) Письмо изъ Варшавы отъ 6-го апрѣля 1790 г. —г) Князь Яблоновскій въ неловкомъ положеніи. *И. Л.*—д) Записавшійся во власть помѣщика священникъ. Священ. *П. Саббатовскаго.* —е) Къ исторіи бугскихъ козаковъ. *А. Скальковскаго.*—ж) Еще объ украинской злополучницѣ. *Ц. Г. Неймана.* 169

Іюнь, 1883 г.

стр.

I. Г. Ѳ. КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО. Историко-литературный очеркъ. **Н. Маркова** 193

II. ПРОИСХОЖДЕНІЕ МАЛОРУССКОЙ ДУМЫ О САМУИЛѢ КОШКѢ. **В. Науменка**. 212

III. БѢГЛЫЕ И КРѢПОСТНЫЕ ВЪ ЧЕРНОМОРІИ. **Ф. Щербины** . . . 233

IV. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. (*Окончаніе*). **А. Л. Шиманова** 249

V. УКРАИНСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Историческіе разсказы д-ра Антонія I. (Переводъ съ польскаго). 268

VI. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ЕВГЕНІЯ, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО, КЪ АРХИМАНДРИТУ МЕЛЕТІЮ, РЕКТОРУ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. Сообщилъ свящ. **Левандовскій**. 310

VII. ПРОШЕНІЕ МАЛОРОССІЙСКАГО ШЛЯХЕТСТВА И СТАРШИНЪ, ВМѢСТѢ СЪ ГЕТМАНОМЪ, О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ РАЗНЫХЪ СТАРИННЫХЪ ПРАВЪ МАЛОРОССІИ, ПОДАННОЕ ЕКАТЕРИНѢ II-й ВЪ 1764 ГОДУ.—Сообщ. проф. **А. Ѳ. Кистяковскій** 317

VIII. ТРИ ПИСЬМА ГР. Ѳ. КВИТКИ КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ 346

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Малорусскія изданія 1882 года.—б) Повія, романъ П. Мирного. Частина перша. («Рада», украинскій альманахъ. Кіевъ, 1883 г.)—*В. Г—ка*. 353

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Упыри. (Изъ исторіи народныхъ вѣрованій).—*П. Ефименка.*—б) Къ свѣдѣніямъ о козацкомъ гетманѣ Иванѣ Куцковичѣ.—Сообщ. *А. С—ко.*—в) Малороссійскіе чины и должности и окладъ ихъ содержанія.—г) Гдѣ подлинникъ любечской чудотворной иконы Божіей Матери?—*П. Л—ва.*—д) Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ.—е) «Гнідко», варіантъ Кармелюка.—*Александра Ом—скаго.*—ж) Образчикъ малорусскихъ эпитафій XVIII в.—Сообщ. *Ал. Маркевичъ.*—з) Современный отзывъ кіевлянъ о В. И. Аскоченскомъ.—Сообщ. *П. Д—въ*. 371

стр.

Іюль, 1883 г.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). (*Продолженіе*). **Ир. Житецкаго** 399
II. СУДЬБА ОДНОГО ГАЛИЦКО-РУССКАГО УЧЕНАГО. (Къ біографіи Ивана Николаевича Вагилевича). **Я. Г.** 453
III. РЕБЪ ЛЕЙБЪ-СУРЕСЪ. (Изъ еврейскихъ легендъ). **Александра Тарнавскаго** 473
IV. УКРАИНСКІЙ СОЛОМОНЪ, его кейфъ и судъ. (По фамильнымъ воспоминаніямъ). **Ст. фонъ-Носа** 492
V. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ЗАБѢЛА, ЗНАТНЫЙ ВОЙСКОВОЙ ТОВАРИЩЪ. (1665—1703 г.) (Отрывки изъ семейнаго архива). **Ал. Лазаревскаго** 506
VI. ПОСѢЩЕНІЕ КІЕВА В. КН. ПАВЛОМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ И В. КН. МАРІЕЮ ѲЕДОРОВНОЮ. (Современное описаніе). 539
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Акты, издаваемые виленскою археологическою коммисіею. Т. XII. Акты главнаго литовскаго трибунала. В. 1883 г. *В. И.*—б) Отчетъ замостьскаго свято-никольскаго церковнаго братства за время съ 9 мая 1882 г. по 9 мая 1883 г. Замостье.—*Посторонній* 563
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Воспоминаніе объ архіепископѣ могилевскомъ и мстиславскомъ Анатоліѣ. *Н. Пирожкова.*—б) Подозрѣніе, взведенное на проѣзжающихъ въ отравленіи воды во время холеры 1848 г. *П. Ефименка.*—в) Административное распоряженіе по поводу слуховъ о кончинѣ міра. *П. Ефименка.*—г) Наговоры отъ болѣзней у черноморцевъ. Сообщ. *Ф. Щербина.*—д) Покровская церковь въ Переяславлѣ. *А. Т.*—е) Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ.—ж) О портретахъ Мазепы. *Ѳ.*—з) Современные стихи на измѣну Мазепы. Сообщ. *П. Л.* 573

Августъ 1883 г.

стр.

I. КУПЛЕТНЫЯ ФОРМЫ НАРОДНОЙ ЮЖНО-РУССКОЙ ПѢСНИ. **Ц. Г. Неймана** 659
II. КЪ ИСТОРІИ ГАЛИЦКО-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. (Нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину). **Я. Г.** . . 645
III. ИРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, коадъюторъ кіевскій. (*Окончаніе*). **Г. Булашева** 664
IV. ДВА ДОКУМЕНТА О ХОЗЯЙСТВѢ КІЕВСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII ст. 719

стр.

V. ИЗЪ СТАРЫХЪ БУМАГЪ ХОЛМСКАГО АРХИВА. Записка поданная генералъ-губернатору Тутолмину жидичинскимъ архимандритомъ Флоріаномъ Корсакомъ. *Сообщилъ* **В. Т. М—чъ** 735

VI. УКАЗЪ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГІИ 738

VII БИБЛІОГРАФІЯ: а) Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Т. 1-й. С. Голубева. Кіевъ, 1883 г. 1225 стр.—*П. Л.*— б) О достопамятностяхъ Чернигова. Маркова, бывшаго директора черниговской гимназіи. Черниговъ. 1882 г.—*П. Голубовскаго.*—в) О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. Вып. I. А. Маркевича. Одесса. 1883 г.—*П. Голубовскаго.*—г) Дополненіе къ «Покажчику нової украінскої літератури» М. Комарова.—*М. Гаврилова.* 741

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Какъ получали запорожцы денежное и хлѣбное свое жалованье.—б) Почему десятинная въ Кіевѣ церковь извѣстна въ народѣ подъ именемъ десятиннаго Николая? *П. Л—ва.*— в) Уцѣлѣвшая Старина. *М. Гаврилова.*—Выдержки изъ сборника украинскаго дѣвичьяго монастыря.—г. Не привившійся на полтавской почвѣ ревень. *Ѳ. Ни—ка.*—д) Во что обошлась опись библіотеки преосв. Иринея Фальковскаго послѣ его смерти. *А. Титова.*— е) Варіантъ пѣсни о правдѣ. Сообщ. *В. Горленко.*—ж) Клады въ предѣлахъ кіевской губерніи.—з) Вызывающее сообщеніе. Прапорщ. *Т. Зиньковскаго.*—и) Изъ области народныхъ повѣрій. *В. О.* . . 751

IX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1883 годъ на слѣдующіе журналы и газеты:

„СТРАННИКЪ“

(третій годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ „Странникъ“ съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно книгами отъ **10**-ти до **12**-ти и болѣе листовъ.

Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи*.

2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи*.

3) Церковныя *слова*, *поученія*, рѣчи, бесѣды и другія нравоучительныя произведенія.

4) *Разсказы*, *повѣсти*, *характеристики*, *очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.

5) *Бытовые очерки* и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа.

6) Стихотворенія.

7) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе*.

8) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.

9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.

10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.

11) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*.

12) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій.

13) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.

14) *Библіографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы.

15) *Книжная лѣтопись:* ежемѣсячный указатель русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подъ духовной цензурой; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.

16) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и др. обществъ, и проч.; новости; корреспонденціи; отвѣты редакціи; объявленія.

Подписная цѣна за годовое изданіе 1883 года остается прежняя: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересылкою за границу ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ. Адресоваться: *въ редакцію журнала «Странникъ», въ С. Петербургѣ* (Невскій просп., д. № 105).

Редакторы-издатели: **А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.**

„НОВОРОСІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ"

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1883 году ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.		Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.
На 1 мѣс.	**1** р. **30** к.	**1** р. **50** к.	На 7 мѣс.	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	**9** » **60** »	**11** » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	**5** » — »	**6** » — »	» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	**7** » — »	**8** » — »	» 12 »	**12** » — »	**14** » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россія слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Подписываться можно на какой угодно срокъ, по цѣнамъ, означеннымъ въ приведенной выше расцѣнкѣ, съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Лица, подписавшіяся позже 1-го числа, получаютъ всѣ предъидущіе №№. Подписка съ промежуточныхъ чиселъ не допускается.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые по 7 руб. (къ 1 января и 1 іюля), или по четвертямъ года, по 3 руб. 50 коп. (къ 1 января, 1 марта, 11 іюня и 1 сентября), т. е. всегда ЗА МѢСЯЦЪ ВПЕРЕДЪ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка на «Нов. Тел.» въ кредитъ, по письменнымъ офиціальнымъ бумагамъ, чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1882 года.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1883 г., всѣмъ подписчикамъ «Нов. Тел.» будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ безплатныя премія, состоящія изъ статей преимущественно беллетристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, передовыхъ статей, разсказовъ, смѣси— или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или карикатуры.

ИЗВѢСТІЯ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1883 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ ИЗВѢСТІЙ безъ пересылки шесть р. и съ пересылкою шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода *приложеній* (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики ИЗВѢСТІЙ. при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи правленія университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ коммиссіонеру университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, № 4 и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Лятова).

Каждая книжка ИЗВѢСТІЙ, за исключеніемъ текущихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, посвященныхъ университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ сочиненій и статей научнаго содержанія, которыя распредѣляются въ такомъ порядкѣ: отдѣлъ I—*историко-филологическій;* отдѣлъ II—*юридическій;* отдѣлъ III—*физико-математическій;* отдѣлъ IV—*медицинскій;* отдѣлъ V—*научная хроника*, въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетѣ; отдѣлъ VI—*критико-библіографическій.* Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, состав-

ляетъ въ годъ до 500 страницъ. Кромѣ того, въ *прибавленіяхъ* къ каждой книжкѣ печатаются научные матеріалы и переводы болѣе замѣчательныхъ сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЛУЧЪ".

„ЛУЧЪ" издается безъ предварительной цензуры; экономическіе вопросы русской жизни въ немъ поставлены на первый планъ. Передовыя руководящія статьи и корреспонденціи, изо всѣхъ мѣстностей имперіи, составляютъ его характерную особенность. Между подписчиками и редакціею существуетъ тѣсная нравственная связь. «ЛУЧЪ», въ отличіе отъ прочихъ иллюстрированныхъ журналовъ, представляющихъ одно собраніе картинокъ и повѣстушекъ, является настоящимъ журналомъ, со строго обдуманною программою и намѣченными цѣлями. *Либеральный и патріотическій журналъ «ЛУЧЪ» пріобрѣлъ сочувствіе русскихъ людей, борясь со зломъ, хищеніемъ и всякою неправдою.*

Не увеличивая подписную цѣну, редакція дастъ въ 1883 году, на улучшенной бумагѣ, за 6 руб. съ доставкою и пересылкою:

52 иллюстрированныхъ номера, два печатныхъ листа каждый.

12 большихъ книгъ—приложеній романовъ и повѣстей.

Шесть безплатныхъ сюрпризовъ: Большую олеографическую картину. Четыре пейзажа акварелью (красками). Альбомъ 20 видовъ Петербурга (фототипія) въ переплетѣ.

Желающіе подписаться на одинъ «ЛУЧЪ» безъ книгъ и сюрпризовъ, платятъ за годъ съ перес. ТРИ р.

Въ каждомъ номерѣ будетъ помѣщаться передовая статья С. С. Окр—ца,

Для будущаго года въ редакціи имѣются матеріалы: 1) **„Черный годъ"**, большой историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. С. С. Окрейна. 2) **„Болѣзнь выдала"**, романъ покойнаго Н. И. Глушицкаго. 3) **„Ящикъ Пандоры"**, повѣсть Николаевой. Кромѣ того, въ первыхъ книгахъ будутъ помѣщены: **„Исторія завоеванія Перу и Мексики"**, Вильяма Прескота и интересный большой романъ **„Золотая Свинья"**, соч. Фортюнэ-дю-Буагобей.

Подписка принимается: С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) ул., д. № 15, въ редакціи журнала „ЛУЧЪ".

„КУБАНЬ“

газета общественная, литературная и политическая.

(второй годъ изданія).

Выходитъ отъ 1 до 2 разъ въ недѣлю.

Подписка принимается въ ЕКАТЕРИНОДАРѢ (Куб. обл.), въ конторѣ редакціи, на Красной улицѣ.

ЦѢНА съ пересылкою 7 руб. за годъ, 4 руб. за $^1/_2$ года и 2 руб. за $^1/_4$ года.

Редакторъ-издатель Н. Г. Мойсеенко.

РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои затребованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу:

ВАРШАВА. Въ редакцію «Русскаго Филологическаго Вѣстника».

«Русскій Филологическій Вѣстникъ» выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (№№) отъ 10 до 15 листовъ каждая, [Двѣ книги (два №№) составляютъ томъ]. Общее число листовъ годоваго изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Изслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библіографія, научная хроника.

Къ каждому № журнала будетъ, сверхъ того, прибавляемо нѣсколько листовъ (IV) педагогическаго отдѣла, въ который войдутъ:

а) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ, по преимуществу среднихъ;

б) Критика учебниковъ по этимъ предметамъ;

в) Пробные листы новыхъ учебниковъ по языку и словесности.

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

Редакторъ-издатель *А. Смирновъ.*

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

Въ наступающемъ году «Одесскій Листокъ» будетъ выходить ежедневно листами большаго формата по слѣд. программѣ:

ВНУТРЕННІЙ ОТДѢЛЪ будетъ содержать въ себѣ статьи по текущимъ вопросамъ общественной и экомической жизни, извлеченія изъ выдающихся статей столичныхъ газетъ, обращающихъ на себя наибольшее вниманіе, хронику событій общественной, городской и сельской жизни, корреспонденціи изъ всѣхъ пунктовъ юга Россіи.

ЗЕМСКІЙ ОТДѢЛЪ будетъ состоять изъ отчетовъ о дѣятельности земствъ, о всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, касающихся земства, о наиболѣе выдающихся новѣйшихъ сочиненіяхъ по земскимъ вопросамъ.

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ. Статьи по городскому хозяйству Одессы, а также и другихъ южныхъ городовъ. Дѣятельность городскихъ думъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. Статьи оригинальныя и переводныя по земледѣлію, скотоводству, овцеводству, пчеловодству, лѣсоразведенію, огородничеству и садоводству. Сельско-хозяйственныя техническія производства. Обзоры сельско-хозяйственныхъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и спеціальныхъ сочиненій. Свѣдѣнія объ урожаѣ.

ФЕЛЬЕТОНЪ. Повѣсти и разсказы, оригинальные и переводные. Очерки провинціальной жизни. Художественная лѣтопись. Научная хроника.

ИСКУССТВО и ЛИТЕРАТУРА. Театральная хроника; новости драматической литературы; извѣстія о всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ искусства; эпизоды изъ жизни знаменитыхъ литераторовъ, артистовъ и художниковъ и о всѣхъ выдающихся сочиненіяхъ.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА. Отчеты о замѣчательныхъ русскихъ и иностранныхъ процессахъ; рефераты о засѣданіяхъ въ мировыхъ и общихъ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ; практика коммерческаго суда; статьи по юридическимъ вопросамъ.

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ ХРОНИКА. Статьи по желѣзнодорожному хозяйству, узаконенія и распоряженія правительства, касающіяся желѣзныхъ дорогъ; случаи въ желѣзнодорожномъ мірѣ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ. Руководящія статьи, посвященныя обзору и оцѣнкѣ важнѣйшихъ событій въ иностранныхъ государствахъ. Телеграммы, письма и корреспонденціи.

ФИНАНСОВАЯ, ТОРГОВАЯ, АКЦІОНЕРНАЯ и БИРЖЕВАЯ ХРОНИКА. Телеграммы, хлѣбныя и торговыя сдѣлки, показанія рыночныхъ цѣнъ на шерсть, сахаръ и проч.; колоніальные рынки и новости биржеваго міра и проч. Справочный отдѣлъ и объявленія казенныя и частныя.

Телеграммы изъ Россіи и заграницы печатаются ежедневно отъ спеціальныхъ корреспондентовъ, отъ Международнаго Телеграфнаго Агентства и отъ Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства.

Для расширенія же спеціально литературнаго отдѣла, редакція будетъ выпускать время отъ времени полуторные номера, въ которыхъ найдутъ мѣсто повѣсти, разсказы и др. выдающіяся произведенія отечественной и иностранной литературы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для городскихъ подписчиковъ съ доставкой:

на годъ 9 р., полгода 5 р., три мѣсяца 3 р, одинъ мѣсяцъ 1 руб.

Для иногородныхъ подписчиковъ съ пересылкою по почтѣ:

на годъ 10 р., полгода 6 р., три мѣсяца 3 р. 50 к., одинъ мѣсяцъ 1 р. 25 к.

Денежные пакеты адресовать непосредственно въ контору «Одесскаго Листка», въ Одессѣ, на углу Греческой ул. и Краснаго пер, д. Доре, № 10.

Редакторъ-издатель *В. В. Навроцкій.*

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Содержаніе «Виленскаго Вѣстника» такое же, какъ и всѣхъ провинціальныхъ газетъ. Давая отчетъ о всѣхъ явленіяхъ дня и фактахъ, совершающихся въ нашемъ обширномъ отечествѣ, «Виленскій Вѣстникъ» удѣляетъ значительную часть своихъ столбцовъ интересамъ мѣстнымъ, т. е. сѣверо-западнаго края Россіи. «Виленскій Вѣстникъ» получаетъ ежедневно, непосредственно по телеграфу, телеграммы о всѣхъ выдающихся событіяхъ дня какъ въ Имперіи, такъ и заграницею. Кромѣ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстностей сѣверо-западнаго края, «Виленскій Вѣстникъ» имѣетъ корреспондентовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ главныхъ городахъ Имперіи.

«Виленскій Вѣстникъ» выходитъ ежедневно, кромѣ дней воскресныхъ; въ эти же дни выходятъ прибавленія, въ которыхъ помѣщаются полученныя въ предшествовавшій день телеграммы и послѣднія свѣдѣнія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Вильнѣ, съ доставкою на домъ по городской почтѣ,

На годъ	8 р.
— полгода	4 » 50 к.
— 3 мѣсяца	2 » 40 »
За 1 мѣсяцъ	— » 80 »

Съ пересылкою по почтѣ въ другіе города,

На годъ	10 руб.
— полгода	5 »
— 3 мѣсяца	3 »
За 1 мѣсяцъ	1 »

При перемѣнѣ адреса гг. подписчики платятъ 20 коп. При перемѣнѣ адреса городского на иногородный, кромѣ 20 коп., гг. подписчики доплачиваютъ разность цѣнъ по пересылкѣ.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» *(Виленская улица, домъ г. Ленскаго)*, въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина *(Большая улица, собственный домъ)* и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

Объявленія для печатанія въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» принимаются: въ Вильнѣ, въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» и въ его конторѣ; въ Петербургѣ, въ центральной конторѣ для объявленій Петрика *(уголъ Невскаго и Малой Морской, домъ № 11)*; въ Москвѣ, въ конторѣ объявленій Метцля *(Покровка, домъ Солодовникова)*; въ Варшавѣ, въ конторѣ объявленій Рейхмана и Френдлера *(Сенаторская, домъ № 22)*; въ Парижѣ, у Гаваса *(Agence Havas et Cie Paris, place de la Bourse, 8)*; въ Лондонѣ, у Даубе *(London, 130, Fleet, street, E. C.)*; въ Гамбургѣ, у Адольфа Стейнера *Gänsenmarkt, 58)*.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ",

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1883 году по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе три года.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять руб. съ пересылкой и доставкой.

Въ 1883 году число гравюръ, помѣщаемыхъ въ текстѣ журнала, будетъ значительно увеличено; съ этой цѣлью редакція уже сдѣлала заказы граверамъ: *Паннемакеру* въ Парижѣ, *Клоссу* въ Штуттартѣ, *Зубчанинову* и *Рашевскому* въ Петербургѣ.

Для первыхъ книжекъ въ распоряженіи редакціи уже находятся слѣдующія статьи:

Министръ-академикъ. *Д. В. Аверкіева.*—Женщины Пугачевскаго возстанія. *А. В. Арсеньева.*—Выгорѣцкіе совратители. *Его-же.*—Генералъ Антоній Езеранскій. *Н. В. Берга.*—Возстаніе поляковъ на кругобайкальской дорогѣ. *Его-же.*—Разсказы бабушки. Изъ воспоминаній вдовы инженеръ-лейтенанта *А. Я. Бутковской.*—Ковно во время польскаго мятежа 1863 года. Воспоминанія *Я. Н. Бутковскаго.*—Одинъ изъ забытыхъ писателей (князь А. А. Шаховской). *Е. М. Гаршина.*—Чума и Пугачевщина въ Шацкой провинціи. *И. И. Дубасова.*—Меньшиковъ и видѣніе монаха Порфирія. Разсказъ изъ дѣлъ Преображенскаго приказа. *Г. В. Есипова.*—Борьба за существованіе мысли. *В. Р.*

Зотова.—Московскіе люди XVII вѣка. (Съ рисунками). *Е. П. Карновича.*—Время Елизаветы Петровны и Людовика XV. *Его-же.*—Бытовые очерки изъ русской исторіи. 1. Двѣ торговки. 2. Царскій родичъ. 3. Черви. *Н. И. Костомарова.*—Сербскіе гости въ Бессарабіи. *А. А. Кочубинскаго.*—Шипка въ 1877 году. Отрывокъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта *В. Д. Кренке.*—Усмиреніе польскаго мятежа въ Кіевской губерніи въ 1863 году. *Его-же.*—Женщина древней Греціи. (Съ рисунками). *Д. П. Лебедева.*—Русскіе дѣятели въ Остзейскомъ краѣ. *Н. С. Лѣскова.*—Изъ Кишиневской старины. (Разсказы о Пушкинѣ, архіепископѣ Иринеѣ и др.). *Л. С. Мацѣевича.*—Петръ Великій на сѣверѣ Россіи. (Съ рисунками). *В. Н. Майнова.*—Отрывки изъ воспоминаній. *А. П. Милюкова.*—Заграничныя воспоминанія *В. И. Модестова.*—Семейство Скавронскихъ. Картинка изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. *В. О. Михневича.*—Скептическое матеріалистическое направленіе въ литературѣ Екатерининскаго времени. *А. И. Незеленова.*—Очерки изъ современной украинской литературы. *П. И. Петрова.* Исторія моего дяди. Разсказъ изъ семейной хроники. *С. Т. Славутинскаго.*—Отрывки изъ воспоминаній. *П. С. Усова*—Булгаринъ въ послѣднѣе десятилѣтіе своей жизни. *Его же.*—Воспоминаніе и замѣтки. *Ѳ. В. Чижова.*—Письма изъ Америки и Австралія. *С. Б. Чичерина* и др.

Обиліе матеріаловъ, поступившихъ въ редакцію **«Историческаго Вѣстника»**, и необходимость давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли текущій интересъ, заставили насъ отложить печатаніе нѣсколькихъ статей, обѣщанныхъ на 1882 годъ (Государственный человѣкъ Екатерининскаго времени. *Е. П. Карновича.*—Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо. *Д. Ф. Кобеко.*—Во славу Божію. Разсказъ *В. Н. Майнова.*—Плавня. Разсказъ *С. В. Максимова.*—Соціалистъ прошлаго вѣка. Повѣсть *Д. Л. Мордовцева.*—Записки ссыльнаго. *А. Пасляка.*—Александръ I и русская партія въ Польшѣ. *Ѳ. М. Уманца.*—Суевѣрія человѣчества. *М. К. Цебриковой* и др.)- Статьи эти будутъ непремѣнно помѣщены въ теченіи 1883 года.

Въ приложеніи къ **«Историческому Вѣстнику»**, съ январьской книжки, начнется печатаніе, въ переводѣ, историческаго романа *Ю. Роденберга* подъ заглавіемъ **«Кромвель»**.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины **«Новаго Времени»**: въ Петербургѣ, Невскій просп., № 58; въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

еженедѣльная, иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная

Выходитъ въ 1883 г., безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ, съ значительными улучшеніями. Болѣе 400 рисунковъ и моды. Особыми приложеніями—художественные рисунки по русской исторіи, изъ которыхъ составится

особый альбомъ. Въ «газетѣ» будетъ печататься новая повѣсть Н. С. Лѣскова: «Соколій перелетъ».

ПРЕМІИ: «Крестный календарь» 1884 г. на лучшей бумагѣ и олеографическая картина одного изъ важнѣйшихъ событій въ Россіи 1883 года.

Подписная цѣна на годъ безъ пересылки **4** р., съ перес. **5** р.; на ½ г. **3** р.; на 1 мѣс. **75** к.

Адресъ редакціи: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ"

Съ 1882 г. «Церковно-Общественный Вѣстникъ» превращенъ въ **полуежедневное изданіе** и выходитъ аккуратно черезъ день, исключая времени скопленія нѣсколькихъ праздниковъ въ недѣли Св. Пасхи и Рождества Христова.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскихъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «Церковно-Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостью* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнью вопросамъ, существеннымъ образомъ затрогивающимъ интересы духовенства и общества, мы вмѣстѣ съ тѣмъ всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны нашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 9-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

Для лицъ, незнакомыхъ съ нашихъ изданіемъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что «Церковно-Общественный Вѣстникъ» наравнѣ съ другими газетами выходитъ безъ предварительной цензуры и не имѣетъ никакого отношенія къ духовному вѣдомству. Просимъ также не смѣшивать наше изданіе съ журналомъ «Церковный Вѣстникъ», издающимся при здѣшней духовной академіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при «Церк.-Общ. Вѣстникѣ» въ 1883 г. будетъ изданъ въ видѣ безплатнаго приложенія «Календарь для духовенства», въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія ука-

занія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случаи общественной жизни духовенства.

Условія подписки на «Церк.-Общ. Вѣстн.» на годъ **8** руб., на полгода **4** руб. **50** коп., на три мѣсяца **2** руб. **50** коп., на мѣсяцъ 1 р. Годовая цѣна за границей **10** руб. Отдѣльные №№ по **10** коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію «Церковно-Обществ. Вѣстника», въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ"

(еженедѣльное изданіе отъ 2-хъ до 4-хъ печ. листовъ въ №; въ годъ до 142 печ. лист. больш. формата)

И

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ"

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.).

«Церковный Вѣстникъ» въ офиціальной своей части, составляющей офиціальный органъ св. синода, печатаетъ *сполна* и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ неофиціальной-же части даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (на правосл. востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестантствѣ), и имѣетъ слѣдующіе *постоянные отдѣлы* (кромѣ передовыхъ статей): 1) мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 2) иностранное обозрѣніе—восточное и западное; 3) обозрѣніе духовной журналистики; 4) библіографическое обозрѣніе; 5) лѣтопись церковную; 6) лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграницей; наконецъ 7) разныя извѣстія и замѣтки. Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ, печатаются статьи и кореспонденціи различнаго рода.

При журналѣ «Христіанское чтеніе», составляющемъ прибавленіе къ «Церк. Вѣстн.» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того «*Толкованія на ветхій завѣтъ*» съ особымъ счетомъ страницъ (въ 1883 г. будетъ продолжаться печатаніе «*Толкованія на книгу Псалмовъ*», и вмѣстѣ съ тѣмъ начато будетъ печатаніе «*Толкованія на книгу пророка Исаіи*», такъ что къ концу 1883 г. выйдетъ *особою книжкою* четвертый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала съ «Толкованіями на Ветхій Завѣтъ»—семь руб. съ перес., отдѣльно за «Церк. Вѣстн.»—пять руб., за «Христ.

Чтеніе» съ «Толкованіями» — пять руб. За границей для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р съ перес.

Иногородные подписчики адресуются: «въ редакцію Церк. Вѣстн. и Христ. Чтенія, въ С.-Петербургѣ». Петербургскіе подписчики подписываются въ отдѣл. конторы ред. близъ Знам. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пер., д. № 5, кв. 3), или при книжн. маг. Тузова (бывш. Кораблева).

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Газета общественная, политическая и литературная

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края», отъ «Международнаго» и «Сѣвернаго» телеграфныхъ агентствъ. VI. Послѣднія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Внѣшнія извѣстія. IX. Внѣшнія корреспонденціи «Южнаго Края». X. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библіографія. XIII. Смѣсь. XIV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVII. Стороннія сообщенія. XVIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе, чѣмъ въ ста губернскихъ и уѣздныхъ городахъ южной Россіи.

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція озаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 чѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки.	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногородн. . .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ на Московской ул., въ домѣ харьковскаго университета, № 7-й.

Съ іюля мѣсяца 1882 г. газета печатается въ собственной типографіи, шрифтомъ болѣе убористымъ, вслѣдствіе чего текстъ газеты увеличился на одну треть прежняго размѣра.

Редакторъ-издатель. А. А. Іозефовичъ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

„ВОЛЫНЬ“

Вступая въ пятый годъ своего существованія, съ будущаго 1883 года газета «Волынь» будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю по слѣдующей программѣ:

1) Телеграммы. 2) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности волынской губерніи. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія во всѣхъ частяхъ свѣта. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Смѣсь, гдѣ будетъ помѣщаться шутки, курьезы, анекдоты и остроты изъ прошлаго и настоящаго времени. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ преимущественно въ предѣлахъ волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій.

Кромѣ того по временамъ будутъ помѣщаться фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ, въ домѣ женской гимназіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ	3 р. 30 к.
На 1/2 года	1 „ 80 „
На 3 мѣсяца	1 „ — „
На 1 мѣсяцъ	— 40 „

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики на доставленіе адреса и на замѣну таковаго новымъ въ случаѣ перемѣны мѣста жительства приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к., адресуя въ г. Житоміръ въ редакцію газеты «Волынь».

Редакторъ-издатель С. Блонскій.

„ДѢЛО“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Издается въ Львовѣ, на малорусскомъ языкѣ, подъ редакціею В. Барвинскаго.

Съ 1-го января 1883 года выходитъ *три* раза въ недѣлю, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Цѣна на годъ 12 рублей, полгода 6 р., а на три мѣсяца 3 руб.

При газетѣ, по прежнему, будетъ издаваться *«Библіотека повѣстей»*, выходящая два раза въ мѣсяцъ, 15 и послѣднихъ чиселъ, по 2 печатныхъ листа.

Цѣна «Дѣла» вмѣстѣ съ «Библіотекой повѣстей» на годъ 16 руб., полгода 8 руб., три мѣсяца 4 руб. Отдѣльно *«Библіотека повѣстей»* — на годъ 5 р., полгода 2 р. 50 коп., Приплачивающіе *два* рубля получаютъ 26 печат. листовъ неоконченной въ 1882 году повѣсти: «Трудъ и деньги».

Подписываться можно въ редакціи «Дѣла» (Львовъ, ул. академическая, № 8) и въ редакціи «Кіевской Старины» (Кіевъ, Соф. площ., д. Севастьяновой).

„ДОНСКОЙ ГОЛОСЪ“

(4-й годъ существованія).

Программа, сроки выхода (по воскресеньямъ и четвергамъ), размѣръ газеты остаются прежніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкой по почтѣ и доставкой на домъ городскимъ подписчикамъ

на годъ . . . . . 6 руб.
на полгода . . . . . 3 р. 50 к.
одинъ мѣсяцъ . . . . . — 75 к.

Просятъ адресоваться: въ Новочеркаскъ въ редакцію «Донскаго Голоса».

Редакторъ издатель *Е. Д. Жимановскій.*

ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ.

„ЗАПИСКИ“

КІЕВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО СВЕКЛОСАХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Программа „**Записокъ**“: протоколы общихъ собраній Отдѣленія, засѣданій Совѣта Отдѣленія и назначаемыхъ Отдѣл. коммиссій, правительственныя распоряженія, оригинальныя изслѣдованія, разныя статьи, замѣтки, извѣстія и корреспонденціи, касающіяся разныхъ сторонъ свеклосахарной промышленности; обзоръ литературы по тому же предмету. Кромѣ того, въ „Запискахъ“ будутъ печататься **статистическія свѣдѣнія** о свеклосахарной промышленности въ Россіи, составляемыя по отчетамъ, обязательно доставляемымъ въ Департаментъ неокладныхъ сборовъ.

„Записки“ выходятъ по **два раза въ мѣсяцъ, 24 выпуска въ годъ.**

Подписная цѣна „Записокъ“ для подписчиковъ внутри и внѣ Россіи **8 рублей въ годъ**, съ приложеніемъ „Трудовъ“ Кіевскаго Вспомогательнаго Комитета по Московской Выставкѣ 1882 г.—**10 р. 50 к.**

Подписка принимается въ Бюро Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества (*Кіевъ, Верхне-Владимірская улица, домъ Тамары, вблизи оперного театра*), *а также: въ С.-Петербургѣ, въ центральной конторѣ объявленій (Невскій пр., Мал. Морская, № 11.); въ Варшавѣ: въ конторѣ Райхманъ и Френдлеръ (Сенаторская, д. № 22.) и въ Гамбургѣ, у Адольфа Стейнеръ.*

Объявленія принимаются исключительно въ Бюро Отдѣленія на слѣдующихъ условіяхъ.

	За каждую строку или ея мѣсто до 16 строкъ	болѣе 16 строкъ.
За одинъ разъ.	15 коп. . . .	10 коп.
За каждый разъ свыше одного .	7½ „ . . .	5 „

За разсылку при „**Запискахъ**“ печатныхъ объявленій, рекламъ и т. п., которыя будутъ доставлены въ Бюро, взимается, за одинъ разъ, съ каждаго лота по 6 руб.

Гг. подписчики и члены Отдѣленія, извѣщая Бюро о своихъ адрессахъ, благоволятъ обозначать точно: имя, отчество и фамилію, также то почтовое мѣсто (съ указаніемъ губерніи и уѣзда), чрезъ которое желаютъ получать „Записки“.

О несвоевременной высылкѣ „**Записокъ**“ просятъ заявлять по слѣдующему адрессу: **Т. И. Лопачевскому** (Кіевъ, зданіе Университета).

„СЛОВО“

Вступая въ XXIII годъ своего изданія, наша газета останется вѣрною своей программѣ: честно и бодро стоять до конца за права русскаго народа въ Австро-Венгріи и защищать правду, о сколько то сегодня намъ возможно.

Газета наша, какъ до теперь, такъ и въ 1883 году, будетъ выходить три раза въ недѣлю: по *Вторникамъ*, *Четвергамъ* и *Субботамъ*, за исключеніемъ праздничныхъ и послѣпраздничныхъ дней.

Подписная цѣна на „Слово“ остается прежняя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

безъ почтовой пересылки

На цѣлый годъ:	На полъ года:	На одинъ кварталъ:	На одинъ мѣс.
12 зр. — кр.	6 зр. — кр.	3 зр. — кр.	1 зр. — кр.

Съ почтовою пересылкою въ Австро-Венгріи:

14 зр. — кр.	7 зр. — кр.	3 зр. 50 кр.	1 зр. 20 кр.

Съ почтовою пересылкою за границу:

17 зр. — кр.	8 зр. 50 кр.	4 зр. 50 кр. (14, 7 и 4 рублей).

Частныя лица въ Россіи могутъ газету выписывать во всѣхъ «конторахъ газетъ», въ головныхъ «экспедиціяхъ газетъ», а также прямо въ нашей конторѣ, адресуя: «Въ г. Львовъ, Галиція, въ контору газеты «Слово».

„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ"

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Въ Варшавѣ:		Съ пересылкою:	
На годъ	9 руб. 60 коп.	На годъ	12 руб. — коп.
» полгода . .	4 » 80 »	» полгода . .	6 » — »
» три мѣсяца .	2 » 40 »	» три мѣсяца .	3 » — »
» мѣсяцъ . . .	— » 80 »	» мѣсяцъ . . .	1 » — »

За границу (подъ бандеролью); за годъ—15 руб., полгода—7 руб. 50 коп., три мѣсяца—3 руб. 75 коп., на мѣсяцъ—1 руб. 25 коп.

Требованія, съ приложеніемъ денегъ, адресуются въ контору редакціи «Варшавскаго Дневника», въ Варшавѣ, Медовая, 18.

Редакторъ: Князь Н. Н. Голицынъ.

„УСТОИ."

Литературный, научный и политическій журналъ „УСТОИ" будетъ выходить въ 1883 году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

1) Беллетристика оригинальная и переводная: романы, повѣсти, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія.

2) Научный отдѣлъ: статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ, общественно-политическихъ и историческихъ наукъ.

3) Критика: общія статьи по вопросамъ литературнаго творчества; разборъ журналовъ и книгъ русскихъ и иностранныхъ.

4) Внутренній отдѣлъ: статьи по вопросамъ внутренной жизни, лѣтопись событій, корреспонденціи, судебные отчеты.

5) Политическій отдѣлъ: обозрѣніе жизни иностранныхъ государствъ.

6) Фельетонъ: очерки современной русской и западной жизни.

7) Театръ и музыка.

8) Смѣсь: краткія сообщенія и мелкія замѣтки.

9) Объявленія.

Въ журналѣ будутъ участвовать: Я. В. Абрамовъ (Ѳедосѣевецъ). М. П. Альбовъ, Александровъ, К. Баранцевичъ, Максимъ Бѣлинскій, С. А. Венгеровъ, В. В., Алексѣй Ник. Веселовскій, Ѳ. Ѳ. Воронопоевъ, В. М. Гаршинъ, И. И. Ивановъ, проф. В. О. Ключевскій, проф. П. А. Костычевъ, С. Н. Кривенко, Н. В Максимовъ, Н М. Минскій, Д. Л. Мордовцевъ, Н. Морозовъ (М. А. Протопоповъ), С. Я. Надсонъ, Н. Н. Пауновъ, В. Н. Орловъ, А. Н, Плещеевъ, А. В. Погожевъ, Г. Н. Потанинъ, Н. С. Русановъ, В. Н. Семевскій, Л. З. Слонимскій, проф. Н. Н. Стороженко, проф. К. А Тимирязевъ, Гл. И. Успенскій, О. А. Щербина, Ѳ. Ѳ. Эрисманъ, проф. Н. И. Якжулъ. Н. В. Якубовичъ и др.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала, С.-Петербургъ, Пушкинская ул., д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, Невскій проспектъ противъ Гостиннаго двора № 46.

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки—10 р., съ доставкою въ Петербургѣ.—11 р., съ пересылкою въ другіе города—12 р.; на полгода: безъ доставки—5 р. 50 к., съ доставкою въ Петербургѣ—6 р., съ пересылкою въ другіе города—7 р.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было бы адресовать книги журнала, а также въ случаѣ неисправной высылки журнала заявлять объ этомъ не позже выхода слѣдующей книги. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ. Жалобы и извѣстія о перемѣнѣ адресовъ адресуются исключительно въ контору „УСТОЕВЪ.“

Новый журналъ съ 1-го января 1883 г.

„ИСКУССТВО.“

Еженедѣльный художественно-литературный органъ поэзіи, музыки, театра, живописи, скульптуры, декоративнаго искусства, хореографіи, архитектуры и пр.

Задача новаго журнала—служить выразителемъ художественно-артистической жизни Европы и Россіи.

Каждый № журнала будетъ заключать: 1) Руководящія статьи по всѣмъ отраслямъ искусствъ. 2) Статьи по теоріи искусства, по худож. археологіи, по эстетикѣ. 3) Критическіе обзоры петерб. и москов. театровъ и выставокъ 4) Театр.-музыкальн. корреспонденціи и извѣстія изъ всѣхъ провинціальн. городовъ Россіи. 5) Худож.-литературн. новости изъ заграницы. 6) Театрально-музыкальн. письма изъ Парижа, Лондона, Вѣны, Берлина, Рима, Милана, Мадрида. 7. Хроника текущихъ событій по всѣмъ отд. искусства. 8) Худож. и литер. фельетонъ. 9) Біографіи, мемуары, воспоминанія артистовъ, музыкантовъ и художниковъ, какъ русск., такъ и европейск. Кромѣ того, „справочный отдѣлъ“ со всѣми необход. свѣдѣніями и указаніями для артистовъ, художниковъ и антрепренеровъ. Два раза въ мѣсяцъ (25 въ годъ) при журналѣ прилагаются портреты крупныхъ дѣятелей въ области искусства. Каждый нумеръ журнала отъ $1^1/_2$ до 2-хъ листовъ, въ форматѣ приб. „Вс. Иллюст.“

Подписка прин. въ конторѣ редакціи: уг. Ивановской и Николаевской, д. № 14, кв № 9.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ достави.	Съ доставкой.	Для иногород.	За границу.
Годъ. . .	8 руб.	9 р. 50 к.	10 р.	14 р.
Полгода. .	5 руб.	5 р. 75 к.	6 р.	8 р.
3 мѣсяца .	3 руб.	3 р. 50 к.	4 р.	5 р. 50 к.

Разсрочка платежа допускается черезъ казначеевъ и по соглашенію съ конторой редакціи. Иногородные подписываются исключительно въ конторѣ редакціи.

Въ предстоящемъ году журналъ „Искусство" предполагаетъ дать слѣдующую галлерею большихъ портретовъ, исполненныхъ по заказу редакціи въ Парижѣ, по новому цинкографическому способу.

Шекспиръ (снимокъ съ неизвѣстнаго еще портрета въ Россіи), Дидеро, Тенисонъ, Словацкій, Хмѣльницкій, кн. Шаховской, Рашель, Гаррикъ, Маллибранъ, Паста, Мочаловъ, Асенкова, Щепкинъ, Шумскій, Берліозъ, Листъ, Даргомыжскій, Вагнеръ, Мусоргскій, Канова, Деларошъ, Маккартъ, Брюловъ, Ивановъ, Антокольскій.

Редакторы-издатели **Ѳ. Гриднинъ** и **В. Чуйко.**

При главной конторѣ журнала „Искусство" принимается подписка на „Библіотеку европейскихъ писателей" (2 годъ), изд. В. Чуйко, 10 вып. въ годъ. 6 руб. съ пересылкою.

„ВАЗА"

дамскій иллюстрированный литературно-модный и рукодѣльный журналъ.

(СУЩЕСТВУЕТЪ 52 ГОДА).

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ **С.-ПЕТЕРБУРГЪ**, Ивановская, № 14.

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями и даетъ въ годъ:

24 двойныхъ номера журнала, т. е. **24 номера литературныхъ** (оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, путешествія, разныя извѣстія, новости, и т. п.) и **24 номера рукодѣльно-модныхъ** (самыя обстоятельныя описанія и объясненія кройки и отдѣлки костюмовъ, рисунки парижскихъ модъ и рукодѣлій, модную хронику, домашнее хозяйство). Новоизобрѣтенія по части модъ, медицины, косметиковъ и т. д.

1000 политипажей въ текстѣ. 24 модныя раскрашенныя гравюры. Исполняются и печатаются заграницей по подлиннымъ парижскимъ образцамъ.

12 вырѣзныхъ выкроекъ—въ натуральную величину.

12 листовъ литографированныхъ узоровъ и выкроекъ (до 1000 формъ и узоровъ).

12 листовъ узоровъ: вязанья, вышиванья, тамбурныхъ и т. п. работъ.

6 раскрашенныхъ узоровъ для различныхъ женскихъ рукодѣлій.

Карманный календарь на 1883 годъ, заключающій святцы и необходимыя свѣдѣнія.

Каждый подписчикъ 1883 года получитъ 6 ПРЕМІЙ, а именно:

I. Туфли съ окончательно вишитымъ узоромъ. Вышивка передовъ исполнена выпуклымъ бархатнымъ швомъ (цѣна въ отдѣльной продажѣ 4 руб.).

II. Олеографическая картина (ландшафтъ) громадныхъ размѣровъ $1^1/_4$ аршина длины и $14^1/_4$ вершк. шир. Картина исполнена въ 20 красокъ, въ королевскомъ олеографическ. институтѣ въ Берлинѣ. (Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р. 50 к.).

III. Шарфъ à Lavalière изъ тюля съ накладной вышивкой по концамъ. Новость, весьма изящной заграничной работы.

IV. Салфетка для сухарницы, узорчатаго тканья съ длинной бахрамой.

V. Корзинка рабочая } Обѣ вещи изъ тисненнаго papier-mâché со
VI. Башмачекъ для часовъ } вставками для вышивки.

Образцы премій можно видѣть въ Редакціи.

Раздача и разсылка премій начнется съ первыхъ чиселъ Января, по старшинству поступленія подписныхъ денегъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ пересылкой	Безъ пересылки.	
На годъ съ преміями	12 р.	11 р. — к.	На укупорку премій слѣдуетъ добавлять 50 копѣекъ.
„ „ безъ премій	7 р.	6 р. — к.	
На $^1/_2$ года съ преміями	9 р.	8 р. — к.	
„ „ безъ премій	4 р.	3 р. 40 к.	

„МОСКВА“

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Большое еженедѣльное иллюстрированное изданіе съ разными безплатными приложеніями и **пятнадцатью роскошными** художественными преміями, рисованными **цвѣтными тонами извѣстными русскими художниками** по заказу редакціи; эти большія картины, отпечатанныя, въ золотыхъ рамкахъ, на выписанной изъ заграницы веленевой бумагѣ, къ концу года составятъ богатый альбомъ, а вставленныя въ рамы могутъ служить украшеніемъ каждой гостинной.

Такихъ художественныхъ приложеній редакціей будетъ разослано въ теченіе 1883 года **болѣе пятнадцати**.

Вотъ краткій перечень картинъ, которыя уже пріобрѣтены редакціей для подписчиковъ на 1883 годъ.

Русалка, акварель Профессора *В. В. Пукирева*. Чукаки, рисунокъ тонами академика *А. К. Саврасова*. Сельская ярмарка, акварель академика *К. А. Трутовскаго*. „На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко на голой вершинѣ сосна“, пейзажъ художника И. И. Левитанъ. „Мишку подняли“, акварель художника А. И. Левитанъ. Іоаннъ Грозный предъ Филиппомъ митрополитомъ, рисунокъ сепіей профессора *В. В. Пукирева*. „Черный конь“, рисунокъ къ поэмѣ: „Еще одинъ, поцѣлуй“ рисунокъ цвѣтными тонами, „Вальпургіева ночь“, фантастическій рисунокъ, „Странники“, акварель „Плачъ Ярославны“ истор. рисун., „Алеша Поповичъ“, Тяга, аквар., „Приволжская вольница“, акар. и другіе.

Въ художественномъ отдѣлѣ постоянными сотрудниками на 1883 годъ будутъ:

Профессора живописи *В. В. Пукиревъ*, *К. А. Трутовскій*, академики *А. К. Саврасовъ*, *С. И. Грибковъ* и художники Лебедевъ, Богатовъ, А. Левитанъ, Яновъ, Коровинъ, Протопоповъ, Симоновъ, Матвѣевъ, Клавгъ, Рябушкинъ, Святославскій, Чеховъ, Турлыгинъ, Россовъ и мног. друг.

Журналъ „Москва“ будетъ выходить въ 1883 году въ значительно увеличенной противъ прежняго программѣ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, всего, 50 №№ въ годъ, печатанныхъ на роскошной глазированной бумагѣ и кромѣ **пятнадцати художественныхъ премій**, въ теченіе года будетъ помѣщено множество виньетокъ, портретовъ выдающихся дѣятелей и болѣе 200 оригинальныхъ рисунковъ, исполненныхъ красками.

Вотъ тѣ сюжеты, которые уже пріобрѣтены редакціей:

Смотрины въ купеческомъ домѣ, Катя, бѣлолицая (поэма изъ народнаго быта), Оправданный, Типы темнаго царства (10 рисунковъ), Ванька Ключникъ, Не гулялъ съ кистенемъ я въ дремучемъ лѣсу, Домовой на купеческой свадьбѣ (15 рисунковъ), Сѣнокосъ, Лысая гора (нѣсколько фантастическихъ картинокъ), „Пьяная ночь“ (Некрасова), Охотничьи сцены, „Самъ имянинникъ“, Потокъ богатырь, Кабатчикъ (поэма 15 рисунковъ), Рыболовы, Маленькій воръ, Вылазка, Въ ссудной кассѣ, Прекрасный полъ, Кладъ, Проповѣдь, У желѣзной дороги, Ванька отчаянный, Пименъ и Григорій Отрепьевъ, Съ яблоками, Въ ученьѣ, Весна, Русскіе богатыри (нѣсколько рисунковъ), Колдунъ Ѳомка, На далекой окраинѣ и многіе другіе.

Кромѣ этого въ теченіе года предполагается дать нѣсколько роскошныхъ иллюстрацій къ произведеніямъ *Д. В. Григоровича*, „Рыбаки“, *И. С. Тургенева* „Записки Охотника“, *Гончарова*, „Обрывъ“, *Гоголя*, Вчера на хуторѣ близъ Диканьки, *Графа А. Толстаго*, „Князь Серебряный“ и стихотвор. *Н. А. Некрасова* и друг.

Надъ исполненіемъ этихъ рисунковъ заняты художники журнала Москва.

Въ 1883 году будетъ особенно подробно описано и иллюстрировано красками предстоящее въ Москвѣ Коронованіе

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Всѣ годовые подписчики на 1883 годъ получаютъ главную годовую премію:

роскошную, художественно-исполненную и лакированную олеографію

БОЛЬШУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ КАРТИНУ ХУДОЖНИКА К. В. ЛЕБЕДЕВА.

Русская свадьба въ XVI столѣтіи.

ПРОВОДЫ МОЛОДЫХЪ ВЪ ОПОЧИВАЛЬНЮ ВЪ ДОМѢ БОЯРИНА.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Къ участію въ журналѣ приглашены лучшія литературныя силы.

Въ теченіи года журналъ „Москва“ составитъ два объемистыхъ тома, около 1200 столбцовъ убористаго текста, въ который войдутъ: 1) Иллюстрированные историческіе романы и повѣсти 2) Очерки и разсказы изъ русской жизни 3) Большіе переводные романы знаменитыхъ иностранныхъ писателей 4) Статьи по вопросамъ искусства 5) Иллюстрированныя поэмы и стихотворенія 6) Фельетонъ, хроника общественной жизни 7) Сцены и описанія рисунковъ 8) Юмористическіе наброски на злобы дня 9) Разнообразный отдѣлъ Смѣси: остроты, анекдоты, курьезы, замѣчательныя открытія и изобрѣтенія, полезные совѣты и т. п.

Въ портфелѣ редакціи уже находятся слѣдующія литературныя произведенія: „Поволжская вольница“, повѣсть, **„Очень любила“**, разказъ, **„Вася Блаженный“**, повѣсть, **„Цезарь Борджія“** переводъ, **„Степной домикъ“** очеркъ, **„Царица грезъ“** разсказъ, **„Послѣдняя воля“** повѣсть и многіе другіе.

Съ 1-го января начнется печатаніе **большаго иллюстрированнаго историческаго романа изъ XIV вѣка: „НА РУБЕЖѢ ЯЗЫЧЕСТВА“.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ доставки .	7 р. — к.	На годъ съ дост. и перес.	8 р. — к.
На полъ года.	4 р. — к.	На полъ года	5 р. — к.
На 1 мѣс. безъ гл. прем.	1 р. — к.	На одинъ мѣсяцъ . . .	1 р. — к.

Для Гг. служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и казенныхъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербургѣ Москвѣ и другихъ городахъ) допускается разсочка за ручательствомъ Гг. казначеевъ и управляющихъ

Подписка принимается во всѣхъ магазинахъ Москвы и Петербурга. Въ конторѣ редакціи при литографіи И. И. Клангъ, уголъ Знаменки д. Звѣрева, въ отдѣленіи конторы редакціи: Петровка, д. Петровскаго монастыря, при типографіи А. В. Дитмаръ.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи на имя И. И. Клангъ.

Самый дешевый, самый практичный и полный модный, рукодѣльный и семейный журналъ

ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ

Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ.

Отличается отъ всѣхъ другихъ русскихъ модныхъ журналовъ своей *практичностью:* 1) всякій модный или рукодѣльный рисунокъ сопровождается не простымъ описаніемъ внѣшняго вида, но и объясненіемъ способовъ исполненія, а также разсчетомъ количества нужнаго матерьяла и цѣны. 2) Даетъ 4 раза въ годъ образцы модныхъ матерій, съ показаніемъ ширины и цѣнъ 3) Для достиженія ясности въ объясненіяхъ, даетъ подписчикамъ таблицу цвѣтовыхъ оттѣнковъ, содержащую болѣе 500 тѣней всѣхъ цвѣтовъ.

12 нумеровъ модныхъ и 12 нумеровъ рукодѣльныхъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ „ЖЕНСКОМУ ТРУДУ".

12 раскрашенныхъ модныхъ картинъ.
12 раскрашенныхъ узоровъ рукодѣлій.
6 листовъ выкроекъ для снимапія рѣзцомъ. Монограммы.
12 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину.
4 листа образцовъ модныхъ матерій.
6 раскрашенныхъ картинъ русскихъ костюмовъ.
Ноты для фортепьяно модныхъ танцевъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Гардеробъ; искусство одѣваться къ лицу.—Тайны туалета и косметика.—Кухня и кладовая.—Домоводство.—Цвѣтоводство.—Музыка, театръ, пѣніе и танцы.—Свѣтская жизнь и законы приличія.—Дамскій спортъ.—Уходъ за дѣтьми.—Игры общественныя, карточныя, дѣтскія.—Пасьянсы.—Гаданья.—Условный языкъ.

Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, анекдоты, шарады, задачи, ребусы и т. п.

ЦѢНА ПОДПИСКИ:

Безъ доставки и пересылки.		Съ доставкой и пересылкой.	
въ годъ	4 р. — к.	въ годъ	5 р. — к.
„ полъ года . . .	2 р. 25 „	„ полъ года . . .	3 р. — „
„ четверть года .	1 р. 25 „	„ четверть года .	1 р. 75 к.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, 9 Рождественская ул. д. 32.

Иллюстрированный дѣтскій журналъ

РОДНИКЪ

2-й годъ изданія.

Журналъ **„Родникъ“** выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, съ отдѣльными картинками и политипажами въ текстѣ. Годовое изданіе составитъ четыре тома, около 20 печатныхъ листовъ каждый.

Въ „РОДНИКѢ,“ между прочимъ участвуютъ слѣдующія лица: В. И. Авенаріусъ, К. С. Баранцевичъ, М. Н. Богдановъ (профессоръ), Е. М. Бемъ, П. В. Быковъ, Е. Н. Водовозова, В. И. Водовозовъ, К. В. Ельницкій, Н. Н. Каразинъ, А. В. Кругловъ, А. П. Мунтъ, А. Л. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, Н. И. Позняковъ, Л. Х. Симонова, Н. Н. Северинъ, М. Б. Чистяковъ, М. К. Цебрикова, А. К. Шеллеръ (Михайловъ) и мн. др.

Въ журналѣ помѣщаются: стихотворенія, небольшія повѣсти и разсказы, очерки изъ народной жизни, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, популярныя статьи по исторіи, этнографіи и естествознанію, игры, задачи, шарады, анекдоты и проч.

Выборъ статей принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ.

Приложеніе къ „Роднику:“ педагогическій сборникъ „Воспитаніе и Обученіе“ выходитъ 3 раза въ годъ, книжками въ 5 и болѣе печатныхъ листовъ каждая.

Въ нихъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, критика и библіографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ, педагогическая хроника, русская и иностранная.

Условія подписки на 1883 годъ:

на годъ съ приложеніемъ съ дост. и перес. 6 руб., на годъ безъ приложенія съ дост. и перес. 5 р., на полгода безъ приложенія 3 р., за границу на годъ съ приложеніемъ 8 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи дѣтскаго журнала **„Родникъ,“** Спасская ул., д. № 1.

Редакторъ-Издательница **Е. Сысоева.**

„РУССКІЙ АРХИВЪ“

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

Въ будущемъ году **«Русскій Архивъ»** будетъ издаваться, на прежнихъ основаніяхъ, шестью книжками въ годъ.

Желающіе получать **«Русскій Архивъ»** въ 1883 г. обращются въ Москвѣ: близъ Тверской, по Ермолаевской Садовой, д. 175.

Въ Петербургѣ: близъ Императорской Публичной Библіотеки, по Большой Садовой, въ книжный магазинъ И. И. Глазунова.

Цѣна Русскому Архиву 1883 года съ пересылкою и доставкою на домъ — девять рублей.

Выписывающіе Русскій Архивъ въ чужіе края платятъ 12 руб. Отвѣтственность за исправную доставку принимается только при подпискѣ въ указанныхъ мѣстахъ.

Вступая въ третье десятилѣтіе своего существованія, «Русскій Архивъ не имѣетъ надобности въ особыхъ заявленіяхъ и обѣщаніяхъ.

„РАЗСВѢТЪ"

ОРГАНЪ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Газета **„Разсвѣтъ"** будетъ издаваться и въ 1883 году, подъ тою-же редакціей, по прежней программѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 9 м.	На 6 м.	На 3 м.
Съ доставкою и пересылкою въ Россіи	7 р.	6 р.	4 р.	2 р. 50 к.
Съ доставкою и пересылкою за границею	10 »	8 »	6 »	4 » — »

Разсрочка уплаты подписныхъ денегъ допускается на слѣдующихъ условіяхъ: къ 1 января—3 р., къ 1 апрѣля—2 р., къ 1 іюля—2 р.

С требованіями на газету «РАЗСВѢТЪ» благоволятъ обращаться въ контору редакціи газеты «РАЗСВѢТЪ», С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 16.

Для городскихъ подписчиковъ контора открыта ежедневно, отъ 10—4 часовъ пополудни.

(ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ"

газета политическая, экономическая и литературная

будетъ выходить листами большаго формата по той-же программѣ и съ тѣми-же отдѣлами, какъ и въ настоящемъ году.

Читателямъ извѣстно, что въ текущемъ году намъ разрѣшено открыть и мы открыли отдѣлъ „юридической хроники„, дающій возможность разбирать судебныя рѣшенія и приговоры. Въ продолженіе года у насъ были помѣщаемы разборы приговоровъ, и мы намѣреваемся расширить этотъ отдѣлъ по возможности, въ виду ожидаемой пользы отъ ознакомленія публики съ юридическими вопросами и практикою судовъ.

Въ прошломъ году, въ объявленіи о подпискѣ, мы упоминали о нашихъ отношеніяхъ къ славянскому иноземному міру, съ явленіями котораго постоянно знакомимъ читателей. Что мы не ошибаемся, сознавая важность для Россіи культурнаго, умственнаго и экономическаго общенія въ славянами—доказательствомъ, помимо самой дѣйствительности, служитъ и то, что нѣкоторые органы печати, чуть не глумившіеся надъ нами, стали, въ послѣднее время, также помѣщать статьи о славянскихъ дѣлахъ.

Относительно расширенія областнаго отдѣла мы полагаемъ, что исполнили наше обѣщаніе по мѣрѣ возможности. Помимо небольшихъ корреспонденцій, которыя мы получаемъ изъ значительнаго числа южныхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ, мы дали въ текущемъ году мѣсто обширнымъ обработаннымъ статьямъ отдѣлахъ земскихъ въ Бессарабіи, Одесскомъ, Верхне-Днѣпровскомъ, Александрійскомъ, Тираспольскомъ, Елисаветградскомъ и другихъ уѣздахъ, о городскихъ дѣлахъ Таганрога, Николаева, Херсона, Винницы, Летичева, Аньева и др. Мы не говоримъ уже о послѣдовавшемъ значительномъ расширеніи мѣстной хроники, на которую будетъ обращено особое вниманіе, какъ на выраженіе жизни города.

Статьямъ о желѣзнодорожномъ дѣлѣ, по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, по садоводству и виноделію мы, по прежнему, охотно будемъ удѣлять мѣсто на страницахъ нашего изданія.

Не гонялись за сенсаціонными, большею частью невѣрными или скандальными происшествіями и слухами, вызывающими однако въ массѣ невольные разговоры о газетѣ и, слѣдовательно, пропагандирующими изданіе,—мы давали читателямъ и будемъ продолжать помѣщать повѣсти, разсказы, фельетоны объ общественной жизни (русской и иностранной), литературные очерки и вообще статьи беллетристическаго содержанія. Въ текущемъ году въ нашей газетѣ помѣщено до *шестидесяти* отдѣльныхъ повѣстей и разсказовъ, оригинальныхъ и переводныхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки или доставки:		*съ пересылкой или доставкой:*	
За годъ (12 мѣсяцевъ) . . .	12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ)	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ	7 „ — „	За 6 мѣсяцевъ	8 „ — „
За 3 мѣсяца	3 „ 85 „	За 3 мѣсяца	4 „ 50 „
За 1 мѣсяцъ	1 „ 30 „	За 1 мѣсяцъ	1 „ 50 „

ЗАГРАНИЦУ къ стоимости экземпляра въ Россіи присоединяется на пересылку 50 копѣекъ въ мѣсяцъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодичные, или по четвертямъ года. Для *различныхъ учрежденій* также допускается разсрочка на означенныхъ условіяхъ, и газета можетъ высылаться по ихъ письменнымъ заявленіямъ впредь до полученія ими надлежащихъ ассигновокъ (о срокѣ полученія коихъ должно быть упомянуто въ заявленіи).

Подписка принимается въ **Одессѣ**, въ конторѣ „Одескаго Вѣстника", по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

Городскіе подписчики могутъ подписываться съ какого угодно срока; *иногородные-же*—не иначе, какъ съ 1-го или 15-го числа каждаго мѣсяца. При *перемѣнѣ* адреса должно сообщать прежній адресъ и № билета или бандероли, подъ которыми высылается газета, и, кромѣ того, приложить 20 коп., которыя могутъ быть высланы почтовыми марками.

Редакторъ-издатель **П. А. Зеленый.**

ЛИТЕРАТУРНО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МАЯКЪ“

будетъ издаваться по извѣстной уже читателямъ программѣ.

Продолжая улучшать изданіе съ художественной стороны (читатели обратили вѣроятно вниманіе на работы приглашеннаго нами художника г. Вербеля), въ будущемъ году мы расширимъ какъ отдѣлъ „юмористическій“, такъ и „обозрѣніе общественной жизни“,—расширимъ, конечно, на столько, на сколько не будутъ препятствовать внѣшнія обстоятельства и условія.

Не распространяясь болѣе, находимъ необходимымъ повторить сказанное нами въ минувшемъ году: Всякое правдивое обличительное слово, какихъ бы сферъ и сторонъ нашей жизни оно ни касалось, всякая острая шутка, всякая дѣльная сатира и карикатура перомъ и карандашемъ найдутъ радушный пріемъ на страницахъ „Маяка“, задача котораго, какъ показываетъ и самое названіе, освѣщать все то, что привыкло и любить скрываться во мракѣ.

Срокъ выхода—еженедѣльный:

въ объемѣ двухъ печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: *Для подписчиковъ „Одесскаго Вѣстника„*: безъ пересылки за годъ—4 р., за полгода—2 р. 50 коп., съ пересылкою за годъ—4 р. 50 коп., за полгода—3 р.

Для *постороннихъ*: безъ пересылки за годъ—5 р., за полгода—3 р.; съ пересылкою за годъ—6 р., за полгода—3 р. 50 к.

Статьи, рисунки, карикатуры, письма и проч. просить адресовать: **въ редакцію „Маяка“**

Редакторъ—Издатель **П. А. Зеленый.**

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

будутъ издаваться по прежде утвержденнымъ программамъ:

1) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости.

Церковная, по преимуществу мѣстная, *газета*. Программа ея въ общемъ слѣдующая: **Отдѣлъ оффиціальный**: Высочайшіе манифесты и повелѣнія, синодальные указы и правительственныя распоряженія, относящіяся къ кіевской епархіи, мѣстныя административныя распоряженія и извѣстія и проч. **Отдѣлъ неоффиціальный**: мѣстныя церковныя историко-статистическія извѣстія и достопримѣчательные письменные памятники, хроника мѣстная и общецерковная, извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ церковной жизни въ церкви русской, восточной, западной и проч.

2) Воскресное Чтеніе.

Журналъ *религіозно-нравственнаго* содержанія и характера въ общедоступномъ и общепазидательномъ изложеніи и въ томъ духѣ, направленія и видѣ, какъ онъ издавался *первоначально* Въ немъ будутъ помѣщаемы общепонятныя статьи, служащія къ уразумѣнію слова Божія, богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утвержденію въ сердцѣ любви, вѣры и упованія христіанскаго, краткія житія святыхъ и тому под.

3) Труды Кіевской Духовной Академіи.

Журналъ *научнаго* содержанія и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей. При журналѣ **бтдутъ продолжаться переводы твореній блаженнаго Іеронима** и **Аегустина**.—Изъ твореній бл. Іеронима въ 1883 г. будутъ издаваться его **толкованія на ветхозавѣтныя книги;** изъ твореній бл. Августина—его твореніе **о градѣ Божіемъ.**

Такимъ образомъ изданія кіевской духовной академіи имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей: 1) своевременнаго знакомства съ текущими церковными событіями (*газетное* чтеніе, - „Епархіальныя Вѣдомости"), 2) *религіозно-нравственнаго*, общепазидательнаго и общепонятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе") и 3) научнаго образованія, богословскаго („Труды Кіевской Духовной Академіи").

„Епархіальныя Вѣдомости" выходятъ *два раза* въ мѣсяцъ, въ 4-ю д. л., *не менѣе двухъ листовъ*, „Воскресное Чтеніе"—*еженедѣльно*, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, *не менѣе одного листа въ недѣлю*, „Труды Кіевской Духовной Академіи" будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками *отъ 10 до 12* листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.; Воскреснаго Чтенія—4 р.; Трудовъ Кіевской Духовной Академіи—7 р Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей вмѣстѣ съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р.; Епарх. Вѣдомостей съ Трудами—10 р.; Воскреснаго Чтенія съ Трудами—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудами—12 р. с.

Адресъ: въ редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, или Воскреснаго Чтенія, или Трудовъ, при кіевской духовной академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, 2) Игн. Л. Тузова—въ С.-Петербургѣ, 3) А. Н. Ферапонтова—въ Москвѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе" за слѣдующіе годы существованія журнала при академіи: I (1837—38), II 1838—39), V (1841—42), X (1846—47), XI (1847—48) XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIII (1859—60), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVII (1863—64),

XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 2 руб. 60 к. за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—1881 г.г. по 4 р. за экземпляръ съ перес.

Епарх. Вѣдомости за 1880 и 1881 г.г. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп. за экземпл. съ перес.

«Труды Кіевской духовной Академіи» продаются *по уменьшенной цѣнѣ:* 1860—1866, 1868 годы по 2 р. 60 к.; за 1869—1873 годы по 4 р; за 1874—1878 г.г. по 5 руб. съ пересылкою, за 1879, 1880 1881 г.г. по 6 руб. съ пересылкою.

Выписывающимъ единовременно не менѣе 10 годовыхъ экземпляровъ «Трудовъ» и «Воскреснаго Чтенія» дѣлается уступка по 25% съ номинальной цѣны; выписывающіе «Воскресное Чтеніе» получаютъ сверхъ того указатель къ первымъ 25 годамъ этого журнала.

Мѣсячныя книжки «Трудовъ» 1860—1873 г. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 75 коп.

„МОСКОВСКАЯ ГАЗЕТА“

(ЕЖЕДНЕВНОЕ, БЕЗЦЕНЗУРНОЕ ИЗДАНІЕ).

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Газета поставила себѣ задачею служить исключительно русскимъ интересамъ и будетъ содержать въ себѣ:

1) Политическое обозрѣніе: Обзоръ иностранной и русской жизни. 2) Телеграммы внутреннія и иностранныя. 3) Внутреннее обозрѣніе: обзоръ столичной и провинціальной жизни. Случаи, происшествія, корреспонденціи. 4) Мѣстный дневникъ: случаи и происшествія московской жизни. 5) Театральная хроника. 6) Биржевыя и торговыя свѣдѣнія. 7) Судебная хроника: судебныя новости и отчеты. 8) Заграничная хроника: извѣстія о жизни иностранныхъ государствъ.— Корреспонденціи. 9) Мануфактурныя и торговыя свѣдѣнія. 10) Фабричная и промышленная дѣятельность. 11) Науки, искусства и художества. 12) Фельетонъ: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія, разборъ журналовъ и книгъ. 13) Почтовый ящикъ. 14) Московскій справочный календарь. 15) Рекламы и объявленія.

Въ будущемъ, второмъ году своего существованія, «Московская газета» будетъ издаваться по той-же программѣ (программѣ всѣхъ большихъ газетъ), подъ редакціею и при участіи какъ нынѣшнихъ, постоянныхъ, такъ и нѣсколькихъ новыхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ.

Помимо обстоятельной и полной картины общественной жизни древней русской столицы, «Московская газета» представляетъ о каждомъ болѣе или менѣе выдающемся событіи свое мнѣніе, въ руководящихъ статьяхъ, написанныхъ живымъ языкомъ, чуждымъ такъ называемой газетной рутины; кромѣ того, въ ней отведено видное мѣсто взглядамъ и мнѣніямъ другихъ органовъ печати какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ съ критической оцѣнкой этихъ мнѣній и взглядовъ; такимъ образомъ, подписчики «Московской газеты» могутъ составить себѣ самый широкій и безпристрастный взглядъ на всякое событіе.

Подписка на газету и продажа ея отдѣльными №№ производятся въ конторѣ редакціи: Москва, Софійская набережная, д. Котельниковой, и въ отдѣленіяхъ конторы: на станціи конно-желѣзной дороги, у Иверскихъ воротъ; въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ университета; С. И. Леухина у Иверскихъ воротъ и Андронова, на Петровкѣ, д. Хомяковыхъ; Прѣснова и Земскаго на Никольской улицѣ; Васильева на Страстномъ бульварѣ; Вольфа на Кузнецкомъ мосту и въ Охотномъ ряду, въ газетной торговлѣ Девяткина.

Кромѣ того, подписка принимается также: въ С.-Петербургѣ, Литейная № 48 и въ Казани, въ книжномъ магазинѣ, «Восточная Лира».

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой:

За годъ	9 р.	— к.
„ полгода	5 „	— „
„ три мѣсяца	3 „	— „
„ одинъ мѣсяцъ	1 „	— „

БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

За годъ	8 р.	— к.
„ полгода	4 „	50 „
„ три мѣсяца	2 „	50 „
„ мѣсяцъ	— „	90 „

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ главную контору редакціи: въ Москву, у Большаго Каменнаго моста, домъ Котельниковой.

Примѣчаніе. Столбцы нашей газеты постоянно будутъ открыты для гг. иногороднихъ корреспондентовъ, которые могутъ быть вполнѣ гарантированы, что ихъ имена будутъ сохранены въ полной тайнѣ.

Для личныхъ объясненій редакція открыта отъ 2 до 3 часовъ дня, кромѣ праздниковъ.

ПРОГРАММА

ЖУРНАЛА

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозные, правовые и т. п., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и заграницею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Къ изданію отъ времени до времени прилагаются портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа и снимки со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“, по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. Б., Багалѣй Д. И., Будановъ М. Ф., Бѣлозерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Викторовъ А. Е., Воронинъ А. Ѳ., Галаганъ Г. П., Ганицкій М. А., Головацкій Я. Ѳ., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Горленко В., Дашкевичъ Н. П., Ефименко П. С., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. Ѳ., Костомаровъ Н. И., Каманинъ И. М., Крыжановскій Е. М., Кондратовичъ Ѳ. К., Лазаревскій А. М., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій П. С., Левицкій О. Н., Лѣсковъ Н. С., Малышевскій И. И., Мацѣевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Новицкій Н. И., Петровъ Н. Н., Пономаревъ С. И., Потебня А. А., Праховъ А. В., Скальковскій А. А., Смокгій А. И., Терновскій Ф. А., Шимановъ А. Л., Ханенко А. Н., Чалый М. К. и другіе.

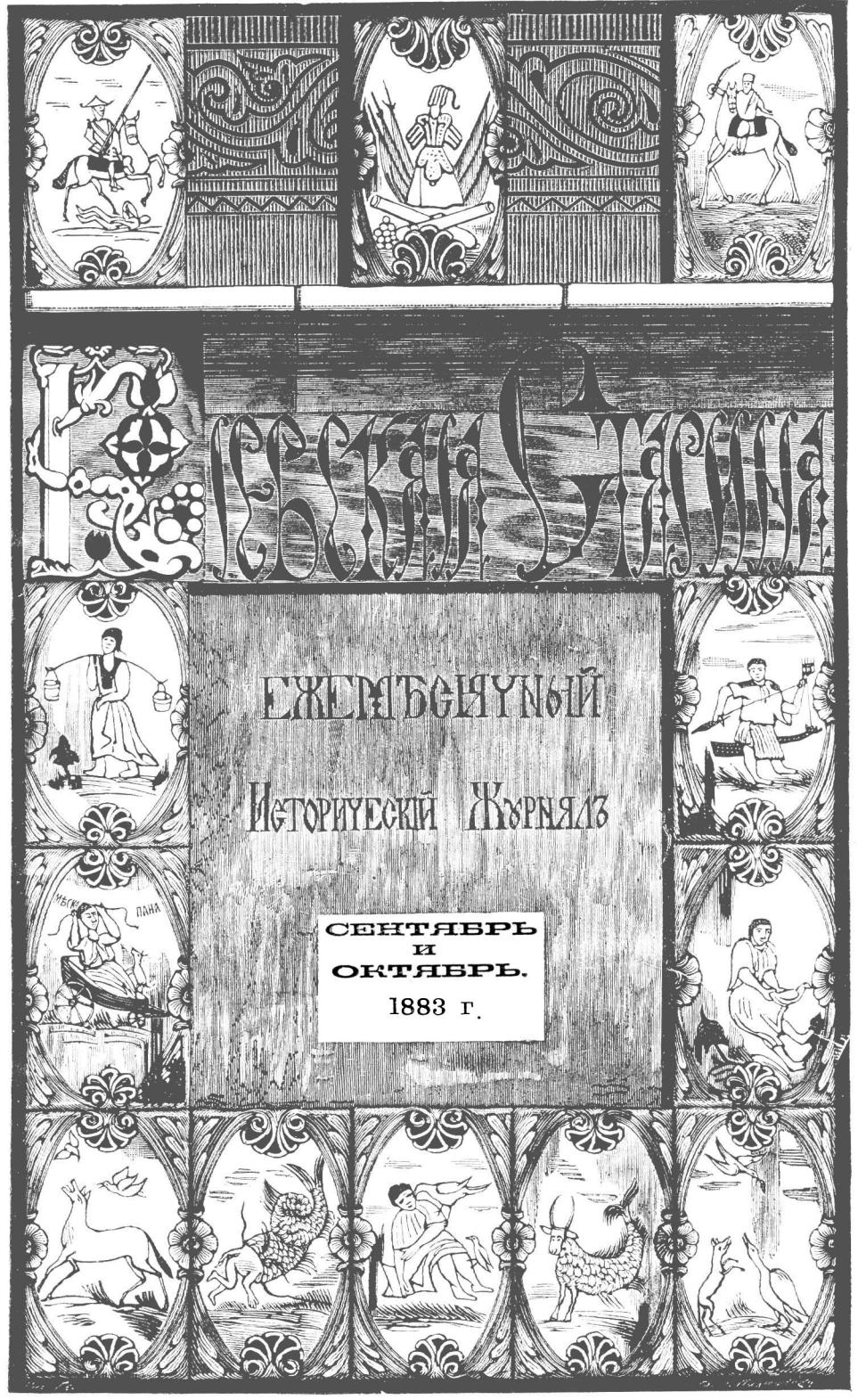
Русская Старина
ежемѣсячный
Историческій Журналъ
сентябрь
и
октябрь.
1883 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VII.

СЕНТЯБРЬ и ОКТЯБРЬ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VII. 1883 г.

Сентябрь и Октябрь, 1883 г.

стр.

I. ЛѢТОПИСНЫЙ ЮРЬЕВЪ НА РОСИ. (Топографическое розысканіе, съ приложеніемъ карты). **М. Андреевскаго** 1

II. СТРАШНЫЙ ЮСИФЪ. (Переводъ съ польскаго) 39

III. СЕРАПІОНЪ, МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ. **Ф. А. Терновскаго** . . 88

VI. ЗАПИСКИ БАРОНА ТОТТА О ТАТАРСКОМЪ НАБѢГѢ 1769 Г. НА НОВО-СЕРБІЮ. (Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ С. Е.). . . . 135

V. КАРТИНКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ. (Изъ эпохи перехода отъ козачества къ крестьянству) **А. Смоктія** 199

VI. РАЗНОВИДНОСТИ МАРЦѢПАННЪ И ГАННУСКОВОЙ ГОРѢЛКИ . . 227

VII. ПЕРЕПИСКА ГР. П. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1768 года. (*Окончаніе*) 254

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Витебская Старина. Витебскъ, 1883 г.—*В. И.*— б)Памятникъ древняго православія въ Люблинѣ—православный храмъ и существовавшее при немъ братство. Ар. Логиновъ. Варшава, 1883 г.—в) Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими современными событіями на Руси. В. Т. М-чъ. Варшава, 1883 г.—*Фратеркулюса.*—г) Не судилось. Драма І. Старицкаго.—*Н. Костомарова.* 287

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Необыкновенная ярмарка.—*О. Левицкаго.*—б) Шпиталь въ м. Боромлѣ.—*Н. Сумцова.*—в) Братства и союзы нищихъ.—*П. Ефименка.*—г) Гетманское представительство при русскомъ дворѣ.—Сообщ. *А. Лазаревскій*—д) Воспоминаніе о Шевченкѣ.—*А. Смоктія.*—е) Запорожская пѣсня, записанная нѣмцемъ отъ нѣмца.—ж) Традиціонная характеристика кіевскихъ монастырей—*М. П.*— з) По поводу портрета жены Гонты. 301

ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ жены Гонты.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 2-го сентября 1883 года.

Жена Гонты

ЛѢТОПИСНЫЙ ЮРЬЕВЪ НА РОСИ.

(Топографическое розысканіе, съ приложеніемъ карты).

Имя южно-русскаго, домонгольскаго, теперь уже несуществующаго города, поставленное въ заглавіи этой статьи, въ лѣтописяхъ является обыкновенно въ своей болѣе древней звуковой формѣ, съ разными ея варьяціями, а именно: *Гуриовъ*, *Гуриевъ*, *Гурьевъ*; *Гюрриовъ*, *Гюриевъ*, *Гюрьевъ*; *Юриевъ*, и только изрѣдка въ наиболѣе новой формѣ *Юрьевъ* [1]). Основываясь на лѣтописномъ свидѣтельствѣ 1032 года (Лавр. 146, Ипатск. 105): „Ярославъ поча ставити городы по Рсі", думаютъ, что Юрьевъ на Роси поставленъ Ярославомъ, въ крещеніи Георгіемъ, который и нарекъ его въ свое христіанское имя—*Юрьевъ* [2]). Въ лѣтописяхъ нерѣдко встрѣчаются упоминанія о г. *Юрьевѣ*, *юрьевцахъ* и *юрьевскихъ епископахъ*.

---

[1]) Гурьговъ (Ипатск. 159, 185), Гурговцѣ (Ипатск. 160), гурьговскый (Ипатск. 146, 206); Гургевъ (Ипатск. 199, Лавр. 221), Гуревци (Лавр. 221 по Р. А.), гургевьскій (Лавр. 176, 204; Ипатск. 148 по Х. П.), *гургеньскый* (Ипатск. 148); *гурьевци* (Ипатск. 160 по Х.); Гюрговъ (Ипатск. 223), гюрговский (Ипатск. 428); Гюргевъ (Ипатск. 160, 344, 356; Лавр. 221, 240, 269), Гюргевци (Ипатск. 159, 344; Лавр. 221), гюрьгевьскый (Лавр. 278, 434; Ипатск. 241 по Х.), *гюрьйский* (Ипатск. 241), *гюрьевскый* (Ипатск. 428 по Х. П.); *Юриевци* (Лавр. 221); Юрьевъ (Ипатск. 185 по Х. П.; Лавр. 269 по Р. А., Карамз. III, пр. 171), юрьевьскый (Ипатск. 127, 473 трижды).—Ссылки на лѣтописи, ипатскую и лаврентьевскую, дѣлаются по новому ихъ изданію археографической коммиссіи: лѣтопись по Ипатск. списку, Спб. 1871 г.,—по Лавр.—Спб. 1872 г.

[2]) Еще Карамзинъ (III, прим. 30) замѣтилъ: «Города, основанные на сей рѣкѣ Ярославомъ, могутъ быть: Корсунь, Богуславъ, *Юрьевъ*».

Что южно-русскій Юрьевъ былъ на Роси, или по меньшей мѣрѣ близъ Роси и во всякомъ случаѣ въ бассейнѣ этой рѣки, на это, кромѣ косвенныхъ лѣтописныхъ указаній, есть и прямое—въ Кодиновой росписи епархій, въ которой, въ числѣ епископій, подчиненныхъ кіевской митрополіи, значится: „S. Georgius ad Russum [1]) fluvium“ [2]).

Что касается вопроса о томъ, на которой сторонѣ Роси онъ находится: на правой, южной, обращенной къ бывшимъ степямъ половецкимъ, или на лѣвой, сѣверной, обращенной къ Кіеву, то вопросъ этотъ разрѣшается на основаніи слѣдующаго лѣтописнаго извѣстія объ осадѣ Юрьева половцами въ 1095 году (Лавр. 221, Ипатск. 159): „В се же лѣто приидоша Половци к Гургеву, стояша около его лѣто все и мало не взяша его; Святополкъ же омири (Ипатск. умири, смири) я; Половци-же *не идоша за Рось*; Гюргевци же выбѣгоша Кыеву..., а Гюргевъ зажгоша Половци тощь“. На Рось (въ выраженіи „за Рось„) слѣдуетъ, конечно, смотрѣть не съ точки зрѣнія половцевъ, дѣлавшихъ набѣгъ по направленію съ юга на сѣверъ, а съ точки зрѣнія лѣтописца, заносившаго это извѣстіе въ свою лѣтопись въ Кіевѣ; а если такъ, то Юрьевъ окажется не на правой, а на лѣвой сторонѣ Роси. Смыслъ этого извѣстія, очевидно, таковъ: хотя половцы и были замирены Святополкомъ, однако они медлили возвращаться за Рось, оставаясь на лѣвой сторонѣ ея, гдѣ былъ и Юрьевъ, вслѣдствіе чего юрьевцы и ушли изъ своего города. Очевидно, что между неудаленіемъ половцевъ за Рось, т. е. съ лѣвой ея стороны на правую, и бѣгствомъ юрьевцевъ въ лѣтописи устанавливается самая тѣсная, причинная связь: послѣднее обстоятельство есть результатъ перваго.

---

[1]) Въ лѣтописяхъ пишется *Рось* и *Русь*, какъ *Божыкъ* и *Бужыкъ*, *Ротъ* и *Рутъ*, *Торки* и *Турки* и т. п. Ср. разночтенія: *Рось* и *Русь* (Ипатск. 359, Лавр. 221), *Поросье* и *Порусье* (Ипатск. 230, 279 дважды, 391, 365), *пороский* и *порусский* (Ипатск. 612 дважды), а также *Руси* вм. Роси (Ипатск. 456).

[2]) Notitiae Graecorum Episcopatuum a Leone Sapiente ad Andronicum Palaeologum, приложенныя при сочиненіи Кодина: «De officiis Magnae Ecclesiae Constantinopolitanae (Memoriae populorum, изд. Стриттера, Спб. 1771—9, т. II, стр. 1037).

Такъ понялъ это извѣстіе и Соловьевъ (Исторія Россіи, т. II по 4 изд., стр. 67), и такъ какъ это пониманіе вполнѣ согласно и съ буквою, и со смысломъ текста лѣтописнаго извѣстія, то несомнѣнное общее заключеніе касательно топографическаго положенія Юрьева, основанное на прямомъ указаніи Кодиновой росписи и состоящее въ томъ, что Юрьевъ былъ вообще въ Поросьи, мы съ полнымъ правомъ можемъ дополнить еще и болѣе частнымъ выводомъ, основаннымъ на ясномъ указаніи лѣтописнаго свидѣтельства 1095 года и состоящимъ въ томъ, что Юрьевъ находился на лѣвомъ берегу Роси или, по меньшей мѣрѣ, въ лѣвой половинѣ Поросья [1]).

Вотъ и все, что можетъ бтыь признано несомнѣннымъ о мѣстоположеніи Юрьева. Что же касается дальнѣйшаго, частнѣйшаго опредѣленія, въ какомъ именно пунктѣ лѣвой половины Поросья онъ находился, или, что то же, къ какому изъ населенныхъ мѣстъ или пустыхъ древнихъ городищъ, существующихъ въ настоящее время въ лѣвомъ районѣ Поросья, онъ долженъ быть пріуроченъ, то это остается вопросомъ, на который существуютъ лишь предположительные, гадательные отвѣты. Изъ сказаннаго видно, что лѣтописный Юрьевъ на Роси принадлежитъ къ категоріи тѣхъ загадочныхъ, таинственныхъ, исчезнувшихъ древнихъ городовъ, самое мѣстоположеніе которыхъ теперь въ точности неизвѣстно, которые поэтому осуждены представляться въ воображеніи историковъ не иначе, какъ оторвавшимися отъ земли и словно носящимися въ воздухѣ. Этотъ пробѣлъ въ лѣтописной топографіи древней русской земли, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, для каждаго изслѣдователя домонгольскаго періода южно-русской исторіи долженъ быть очень досаденъ. Нельзя не замѣтить вообще, что въ отрывочныхъ и болѣе или менѣе случайныхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ многое умолчано о Юрьевѣ, и онъ остается такимъ образомъ въ тѣни; но его значеніе легко угадывается при сопоставленіи и сравненіи извѣстій какъ о самомъ Юрьевѣ, юрьевцахъ и

---

[1]) «Половци не идоша за Рось», слѣдовательно *тутъ* (?) былъ Юрьевъ» (Карамз. II, прим. 171). Замѣтка эта столь сжата и осторожна, что изъ нея едва-ли можно вывести, на которой сторонѣ Роси полагалъ Юрьевъ Карамзинъ. Надеждинъ и Неволинъ (Ж. М. В. Д. 1848, т. XXIII. стр. 74) полагали Юрьевъ на правой сторонѣ Роси.

юрьевскихъ епископахъ, такъ и вообще о Поросьи, поршанахъ, поросскихъ князьяхъ, о Торческѣ, торческихъ князьяхъ и вообще о князьяхъ, имѣвшихъ свои удѣлы въ области Поросья, а также о черныхъ клобукахъ, или черкасахъ, подъ разными ихъ племенными наименованіями, имѣвшихъ свои поселенія и кочевья въ этой области. Вслѣдствіе этихъ соображеній не можетъ, кажется, не представлять нѣкотораго интереса попытка приподнять нѣсколько таинственную завѣсу, скрывающую отъ насъ мѣстоположеніе лѣтописнаго Юрьева, т. е. посредствомъ сопоставленія и сравненія всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ, относящихся къ Юрьеву, его жителямъ и его епископамъ, взятыхъ въ ихъ совокупности и взаимной связи, принимая при томъ во вниманіе существующіе въ настоящее время въ лѣвой половинѣ Поросья вещественные остатки и слѣды древнихъ поселеній, равно связанныя съ ними преданія и топографическую номенклатуру,—пополнить сколько нибудь упомянутый выше пробѣлъ, выяснивъ, въ предѣлахъ возможности, положительно и точно, мѣстоположеніе Юрьева въ лѣвой половинѣ бассейна Роси [1]).

Итакъ приступимъ къ разсмотрѣнію свидѣтельствъ о Юрьевѣ, юрьевцахъ и юрьевскихъ епископахъ, придерживаясь при этомъ той хронологической послѣдовательности, въ которой они предъ нами выступаютъ.

I. Въ 1072 году (Лавр. 176, Ипатск. 127) гюргевскій епископъ *Михаилъ* участвуетъ въ перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба въ *Вышгородѣ*, вмѣстѣ съ митрополитомъ Георгіемъ и епископами бѣлгородскимъ, черниговскимъ и переяславскимъ (ср. Исторія русск. церкви Макарія, т. II по 2-му изданію, стр. 229).

II. Въ 1073 году (Лавр. 178, Ипат. 129) епископъ *Михаилъ*, конечно, тотъ самый, о которомъ упомянуто въ предъидущемъ

[1]) Пособіями мнѣ служили: а) Военно-топографическая карта Европейской Россіи, въ масшт. 3 верстъ въ дюймѣ, рядъ XXIII, листы 8, 9 и 10, рядъ XXIV, листъ 8; б) Спеціальная карта Европейской Россіи, изд. подъ ред. полковника *Стрѣльбицкаго*, въ масшт. 10 верстъ въ дюймѣ, листы 17-й, 31-й, 32-й; в) Подробный атласъ Россійской имперіи *А. Ильина*. Спб. 1876, карты кіевской и др. губ., въ масшт. 20 верстъ въ дюймѣ; г) Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи. *Л. Похилевича*. Кіевъ 1864 г.; д) Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи. *П Семенова*, т. I—IV и V-го т. вып. 1-й. Спб. 1863—1875 г. и пр.

свидѣтельствѣ, т. е. гюргевскій, закладываетъ каменную церковь печерскую, „митрополиту Георгію, какъ объясняетъ лѣтопись, тогда сущю въ Грьцѣхъ“, т. е. за отсутствіемъ митрополита, какъ-бы заступая его мѣсто (ср. Исторія рус. церкви Макарія, т. II, стр. 79).

III. Владиміръ Мономахъ, въ разсказѣ о своихъ путяхъ и ловахъ (Поученіе Мономаха, Лавр. 240), разсказавъ о побѣдѣ, одержанной имъ надъ половцами на Сулѣ, говоритъ затѣмъ: „И потомъ на *Святославль* гонихомъ по Половцихъ и потомъ на *Торческій городъ* и потомъ на *Гюргевъ* по Половцихъ и пакы на той-же сторонѣ у *Красна* Половци побѣдихомъ и потомъ съ Ростиславомъ-же у *Варина* вежѣ взяхомъ“. Эти подвиги Мономаха относятъ (Погодинъ, „Изслѣдованія“ и пр. V, 161) къ 1085 году. Всматриваясь въ построеніе рѣчи разсказа Мономаха о его походахъ, мы приходимъ къ заключенію, что ни изъ чего нельзя вывести, былъ-ли это одинъ и тотъ-же походъ: на Святославль, Торческъ и Гургевъ, или это были три отдѣльные похода. Мѣстоположеніе *Святославля* (не есть-ли это Nebenname *Богуславля*?) и *Варина*, за неимѣніемъ никакихъ другихъ данныхъ объ этихъ мѣстахъ, остается невыясненнымъ; *Торческій городъ* „Поученія“—это, конечно, тотъ самый Торческъ, который потомъ, въ 1093 году, былъ сожженъ и опустошенъ половцами, т. е. теперешнее городище Торчь у села Старыхъ Безрадичъ, кіевскаго уѣзда, *Краснъ*—теперешнее село *Красное* кіевскаго уѣзда, въ 7 верстахъ къ западу отъ м. Триполья, по обѣимъ сторонамъ р. Красны [1]).

IV. Въ 1089 г. (Ипатск. 146) гюргевскій епископъ *Антоній* участвуетъ въ освященіи печерской церкви, вмѣстѣ съ митрополитомъ Іоанномъ II-мъ и епископами: бѣлгородскимъ, черниговскимъ и ростовскимъ (Макарій, Ист. рус. ц. II, стр. 81) [2]).

V. Въ 1091 г. (Лавр. 204, Ипатск. 148) гургевскій епископъ *Маринъ* участвуетъ въ перенесеніи мощей св. Ѳеодосія печерскаго, вмѣстѣ съ епископами: черниговскимъ, переяславскимъ и владимиръ-волынскимъ (Макарій, Ист. рус. ц. II, стр. 236).

---

[1]) О *Красномъ* см. *Карамз.* II, прим. 146; *Солов.* II, прим. 204; *Фундуклея*: Обозрѣніе могилъ и пр., стр. 37.

[2]) Въ Ипатск. лѣтописи онъ названъ юрьевскимъ *игуменомъ*, но въ Кодиновой росписи епархій именно о немъ упоминается, какъ о епископѣ юрьевскомъ.

VI. Въ лѣтописномъ извѣстіи 1095 года, которое мы уже отчасти и разсмотрѣли, опредѣляя положеніе Гургова по отношенію къ Роси, разсказывается, что, когда юрьевцы выбѣжали изъ своего города, Святополкъ повелѣлъ рубить городъ на *Витичевскомъ холмѣ* и назвалъ его въ свое имя *Святополчь „и повелѣ епископу Марину съ Гурьевцы сѣсти ту и Засаковцемъ и прочимъ отъ иньхъ градъ* (въ Р. А. нѣтъ *градъ*, въ Ипатск.: *отъ нихъ*). Въ воскр. лѣтописи сказано, что юрьевцы „сѣдоста на Витичевѣ холмѣ, во градѣ Святополчи, за Саковцемъ“ [1]). Для объясненія выраженія *Засаковцемъ* обыкновенно сопоставляютъ его съ лѣтописными упоминаніями о городѣ *Саковѣ*, бывшемъ несомнѣнно на лѣвой сторонѣ Днѣпра и пріурочиваемомъ предположительно къ теперешней деревнѣ *Салькову*, переяславскаго у., полтавской губ.[2]). Но спрашивается, чего ради къ юрьевцамъ, жителямъ Поросья, уходившимъ отъ половцевъ поближе къ Кіеву, на Витичевскій холмъ, приплетены были-бы тутъ какіе-то лѣвобережные засаковцы, жившіе въ мѣстности, которая была ближе къ Кіеву, чѣмъ Витичевскій холмъ (до Кіева отъ Витичева 43 версты, отъ Салькова 30 верстъ)? Очевидно, что рѣчь тутъ можетъ идти лишь о жителяхъ Поросья-же, находившихся, по отношенію къ половцамъ, въ одинаковыхъ условіяхъ съ юрьевцами. Существуетъ въ каневскомъ уѣздѣ рѣчка, названная у Похилевича разъ, при описаніи села Дацекъ, *Саковицей*, въ другой разъ, при описаніи села Селища, на той-же рѣчкѣ расположеннаго,—*Сикавицей* (на военно-топографическихъ и спеціальныхъ картахъ она не надписана). *Саков-ица* (ср. Камен-ица, Ольшан-ица, Узян-ица) имя уменшительное отъ *Саковь*, *Саква* (ср. моркы, морковь, моркова). Населеніе, жившее по отношенію къ Гургову на правой сторонѣ Роси, за рѣкой Саковью (къ востоку отъ ея теченія?) и могло быть названо „Засаковьци“ [3]). *Витачевъ* (Βιτετζεβη)—теперь село

---

[1]) *Погодинъ* (Изсл. и пр. IV, 154) замѣчаетъ, что правописаніе воскресенскаго списка неправильно, и что на немъ основываться въ этомъ случаѣ нельзя.

[2]) Городъ *Саковъ* упоминается подъ 1101 (Лавр. 265, Ипатск. 181) и 1150 (Лавр. 310, Ипатск. 277) п.—*О Сальковѣ*, см. *Погодина* Изслѣд. и пр, IV, 154, *Солов.* II, прим. 141.

[3]) Не мѣшаетъ принять при этомъ къ свѣдѣнію еще и слѣдующія данныя. Въ каневскомъ-же уѣздѣ, верстахъ въ 9-ти прямо къ сѣверу отъ устья Саковицы,

надъ Днѣпромъ, въ 6-ти верстахъ ниже м. Триполья, съ древнимъ городищемъ, опоясаннымъ валомъ, нѣкогда городъ, основаніе котораго относится къ глубокой древности, такъ какъ о немъ упоминаетъ еще Константинъ Багрянородный при описаніи судоходства руссовъ изъ Новгорода въ Цареградъ [1]). Слово *холмъ* въ разбираемомъ извѣстіи едва-ли возможно понимать въ теперешнемъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ небольшаго возвышенія, ибо трудно себѣ представить, чтобы на небольшомъ возвышеніи помѣстились два города. Думаю, что Витичевскимъ холмомъ названа въ лѣтописи та плоская возвышенность, образующая какъ-бы полуостровъ, огибаемый Днѣпромъ, на которой расположены села: Халепье, Витачевъ и Стайки, и что *Святополчь* долженъ быть пріуроченъ къ теперешнему селу *Стайкамъ*, расположенному въ 4-хъ верстахъ ниже Витачева, по замѣчанію Похилевича, „на возвышенной равнинѣ, въ полуверстѣ отъ Днѣпра, по обѣимъ сторонамъ р. *Иквы*, нынѣ высохшей“ [2]). Сѣверная половина села, по лѣвую сторону Иквы, носитъ имя „Литвиновки“, а южная, по отношенію къ Кіеву— за Иквой, имя „*Гуриновки*“, поразительно напоминающее гурговцевъ, для которыхъ Святополчь и былъ первоначально построенъ [3]). Набѣгъ половцевъ на Юрьевъ въ 1095 году

на правой сторонѣ р. *Корсунки* расположено село *Сытники*, названіе котораго, по разсказамъ жителей, какъ сообщается объ этомъ у Похилевича, произошло отъ того, что жители въ старину снискивали себѣ пропитаніе выдѣлкою *ситъ* (сито=рѣшето), а для татаръ работали волосяные мѣшки, извѣстные подъ именемъ *саквъ*.—Одинъ изъ пяти отдѣльныхъ кутковъ (=частей) села Цесарской Слободы, черкасскаго у., при Днѣпрѣ, называется: *Сикавка*. По преданію, село прежде называлось: *Секава*.—Близь г. Лодзи въ Польшѣ есть м. *Секава*.

[1]) О *Витичевѣ* см. *Карамз.* I, прим. 513, прим. 195; Ист. Россіи, *Иловайскаго*, М. 1876, ч. I, прим. 47.—Въ книгѣ Большого Чертежа: «А ниже Триполья на Днѣпрѣ градъ *Витачевъ* (вар.: Витичевъ) Порѣцкого (вар.: Порѣцково).

[2]) Въ книгѣ «Большого Чертежа: «А ниже Вытачева четыре версты градъ *Стайки*. О *Стайкахъ*, см. «Кіевскія Губернскія Вѣдомости», 1859, № 42 (статья: «Стайки и Ржищевъ»).—*Святополчь* упоминается еще подъ 1224 г. (Ипатск. 497; въ Лавр. 482 подъ 1223 г.) подъ именемъ *Новгорода Святополческаго*.

[3]) Что имя «*Гуриновка*» могло образоваться отъ *Гурговъ*, *гурговци*, подтвержденіемъ тому служатъ: а) указанныя нами выше видоизмѣненія именъ *гур-*

былъ уже не первымъ ихъ набѣгомъ изъ-за Роси. Въ 1071 году (Лавр. 169, Ипатск. 122) „воеваша половци у *Растовьця* и у *Неятина* (такъ въ Р. А. и въ Ипатск., въ Лавр. *Ятина*“), положеніе которыхъ невыяснено [1]); къ 1085 году, какъ мы видѣли, относятся упоминаемые въ поученіи Владиміра Мономаха набѣги половцевъ на *Святославль*, *Торческій городъ*, *Юрьевъ* и *Красенъ;* въ 1092 г. (Лавр. 208, Ипатск. 150) „Половци многа села воеваша по обѣма странама“ (Днѣпра); наконецъ, въ 1093 г. (Лавр. 210—8, Ипатск. 152—7) они долго и настойчиво осаждали *Торческъ*, нанесли пораженіе русскимъ за р. *Стугной* (по отношенію къ Кіеву) и на р. *Желани* взяли и сожгли Торческъ (который потомъ уже, кажется, и не возобновлялся), а жителей его увели въ плѣнъ [2]). Въ 1095 году

гевци, юрговьскый въ *Гурьевци* (Ипатск. 160 по Х.), *юрьевьскый* (Ипатск. 428, по Х. П.); б) производство имени села *Гуричево* (Ипатск. 314, Лавр. 320) отъ имени *Гуричь* (=Юрьичь, стало быть—село Юрьича). О немъ приходилось мнѣ говорить въ моемъ изслѣдованіи текста пѣсни игоревой, ч. I, стр. 301. Едва-ли имя «Гуриновка» произошло отъ слова «гора», такъ какъ обѣ части Стаекъ расположены, какъ выше замѣчено, на равнинѣ.

[1]) Судя по приведеннымъ разночтеніямъ, думаю, что имя это могло происходить отъ глагола *яти*, или *няти* (им-у; и́мати, емлю), и слѣд. могло выговариваться двояко: и *Ятинъ*, и *Нятинъ*. Существуетъ село *Емчиха* каневскаго уѣзда, на правой сторонѣ р. Росавы, при небольшомъ безъ-именномъ ручьѣ, впадающемъ въ Росаву.

[2]) Этотъ жестокій набѣгъ произвелъ столь глубокое впечатлѣніе на народную массу, что воспоминаніе о немъ очень живо сохранилось въ народномъ преданіи, связанномъ съ городищемъ Торчь, находящимся на природной обширной обрывистой горѣ, при западной оконечности села: «Старые Безрадичи» кіевскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу Стугны. См. статьи: а) «Сближеніе историческихъ показаній съ народною *легендою* (=съ народнымъ преданіемъ) о древнемъ Торческѣ» *П. Ревякина* и *А. Стоянова* (Кіевскія Губернскія Вѣдомости, 1863, №№ 33—4) и б) «Южно-русская пѣсня о событіи XI в.» *А. Стоянова* (Кіевская Старина, 1882, № 7, стр. 88). Кстати замѣтить, что я не могу согласиться съ почтеннымъ оппонентомъ А. И. Стоянова, утверждающимъ, что «лѣтопись знаетъ одинъ только Торческъ, именно тотъ, который близъ *Новыхъ* (?)Безрадичь» (Кіевская Старина, 1882, №, 9, стр. 432). Слѣдуетъ, мнѣ кажется, имѣть въ виду, что въ лѣтописяхъ послѣ 1093 г., въ теченіи 68-ми лѣтъ, *не упоминается* ни о возобновленіи Торческа (между тѣмъ о возобновленіи Юрьева, сожженнаго половцами въ 1095 г., *упоминается*), «ни о какомъ-бы то ни было Торческѣ. Послѣ этого перерыва, лѣтописныя извѣстія о

они столь-же настойчиво осаждали Юрьевъ, какъ въ 1093 году Торческъ, и очень естественно, что юрьевцы, опасаясь участи торчанъ, выбѣжали изъ своего города.

VII. Подъ 1103 годомъ, слѣдовательно спустя восемь лѣтъ послѣ извѣстія о выселеніи юрьевцевъ въ Святополчь градъ, въ лѣтописяхъ (Лавр. 269, Ипатск. 185) встрѣчаемъ слѣдующее извѣстіе: „Мѣсяца августа въ 18 день пошелъ Святополкъ и срубилъ городъ Гюргевъ, который пожгли было Половци". Очевидно, что это извѣстіе находится въ самой тѣсной связи съ предъидущимъ, представляя ясный намекъ на возвращеніе гургевцевъ на свое прежнее мѣсто, и указываетъ этимъ самымъ на то, что въ теченіи восьми лѣтъ, съ 1095—1103 г., обстоятельства Руси въ ея борьбѣ съ половцами нѣсколько поправились. Такъ это было и на самомъ дѣлѣ. Въ 1096 г. (Лавр. 224, Ипатск. 161) половцы были разбиты Святополкомъ и Владиміромъ Мономахомъ въ битвѣ на Трубежѣ, въ которой палъ и тесть Святополка Тугорканъ; въ 1103 г. (Лавр. 267, Ипатск. 183) русскіе князья разгромили половцевъ въ приазовской степи, у луки моря, какъ я думаю,—у теперешняго Молочанскаго озера, или лимана, вливающагося въ Азовское море[7]). Если мы сообразимъ, съ одной стороны, что эта побѣда одержана была въ 1103 году 4 апрѣля, и что Святополкъ срубилъ Юрьевъ (окончилъ постройку, которую могъ начать и раньше?) въ томъ-же году 19 августа, то и придемъ къ заключенію, что по-

---

Торческѣ возобновляются съ 1161 г. и тянутся до 1234 г., слѣдовательно почти вплоть до татарскаго погрома. Но что Торческъ этихъ извѣстій тотъ-же самый Торческъ, что и въ лѣтописномъ разсказѣ 1093 года,—вотъ съ этимъ то и нельзя согласиться.

[1]) Съ лѣтописными свидѣтельствами объ этихъ побѣдахъ мнѣ приходилось имѣть дѣло въ моемъ трудѣ о «Словѣ о полку Игоревѣ» (ч. 1, стр. 261 и 304). Мнѣ извѣстно, что *лука* значитъ низменное прибрежное мѣсто (Кіевская Старина, 1882, № 9, стр. 450), и что въ кіевской губерніи есть нѣсколько населенныхъ мѣстностей съ именами, происходящими отъ слова *лука* именно въ этомъ его значеніи; но думаю, что значеніе *залива*—первоначальное, а значеніе низменнаго прибрежнаго мѣста—переносное, позднѣйшее. Представленіе о томъ, что *вода* можетъ лѧкънѹти, лѹчитисѧ, т. е. *заливаться* въ низменныя мѣста, проще и естественнѣе, чѣмъ представленіе о томъ, что «*суша* направляется, прилегаетъ къ водѣ, соединяется съ нею».

стройка Юрьева является какъ-бы непосредственнымъ результатомъ упомянутой побѣды.

VIII. Подъ 1114 г. (Лавр. 276, Ипатск. 199) упомянуто о поставленіи въ епископы Гюргеву *Данила*.

IX. Въ 1115 г. (Ипатск. 201) юрьевскій епископъ *Данило* участвуетъ въ 2-мъ перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба въ *Вышгородѣ*, вмѣстѣ съ митрополитомъ Никифоромъ и епископами: бѣлгородскимъ, черниговскимъ, переяславскимъ и полоцкимъ (ср. Ист. рус. ц. Макарія, II, стр. 232).

X. Подъ 1122 г. (Лавр. 278, Ипатск. 206) упомянуто о кончинѣ *Данила*, епископа гургевськаго.

XI. Подъ 1142 г. (Ипатск. 223) упоминается группа городовъ, данныхъ в. к. кіевскимъ Всеволодомъ Ольговичемъ, по занятіи имъ Кіева, въ удѣлъ брату его Игорю: *Городецъ*, *Гюрговъ* и *Рогачевъ*. Историки обыкновенно полагаютъ, что въ этомъ случаѣ о Гурговѣ на Роси не можетъ быть и рѣчи [1]). Я думаю, напротивъ, что всѣ три города находились именно на Поросьи, и что *Юрьевъ* разбираемаго извѣстія вполнѣ тождественъ съ Юрьевомъ на Роси всѣхъ другихъ лѣтописныхъ извѣстій. Лѣтописный *Рогачевъ*—теперь село Рогачи сквир. у., расположенное на лѣвой сторонѣ р. Орѣховатки (на в.-т. и спеціальныхъ картахъ Орѣховецъ), лѣваго притока Роси. По свѣдѣніямъ, сообщаемыхъ у Похилевича, въ визитѣ Погребисскаго уніатскаго деканата за 1746 г. оно названо *Рагачевъ*. Въ немъ есть остатки древняго городища, состоящіе изъ рвовъ и валовъ, въ которыхъ, какъ утверждаютъ жители, было трое воротъ. По народному преданію, на мѣстѣ теперешняго села Рогачи былъ большой

---

[1]) *Городецъ* Надеждинъ и Неволинъ пріурочиваютъ къ теперешнему м. Городцу кобринскаго у., гродненской губ., между Дорогичиномъ кобринскимъ и Кобриномъ, давшимъ имя Городецкому (Днѣпровско-бугскому, прежде—королевскому) каналу. *Рогачевъ* Арцыбашевъ (II, 344) полагаетъ въ волынской губ. Погодинъ пріурочиваетъ его къ Рогачеву ровенскаго у., волынской губ. на лѣвой сторонѣ р. Устья, лѣваго притока Горыни, верстахъ въ 6-ти отъ впаденія Устья въ Горынь, замѣчая при этомъ, что есть еще въ волынской губ. и другой Рогачевъ, мѣстечко на Случи въ новоградъ-волынскомъ уѣздѣ. Соловьевъ (II, прим. 226) основательно замѣчаетъ, что о Рогачевѣ волынскомъ тутъ нельзя думать; волынскихъ городовъ Всеволодъ Ольговичъ не могъ отдавать; они принадлежали Изяславу Мстиславичу. Мнѣніе самаго Соловьева будетъ приведено мною ниже.

городъ *Рѣчевъ*, или *Иргачевъ* (ср. лѣтописныя имена *Родня*, *Родунь* и имя тепер. болота *Ирдынь*), разрушенный во время татарскаго погрома. Что касается *Городца* разбираемаго лѣтописнаго извѣстія, то думаю, что онъ долженъ быть пріуроченъ къ м. Кагарлыку кіевскаго уѣзда, расположенному на р. *Мокромъ-Кагарлыкѣ*, лѣвомъ притокѣ Росавы [1]). По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ „Сказаніяхъ" Похилевича, въ мѣстечкѣ этомъ есть два укрѣпленныя мѣста, изъ коихъ одно расположено почти въ центрѣ мѣстечка (какъ и городище Торчь, лѣтописный Торческъ 1093 г.), на возвышенной горѣ, окруженной съ одной стороны рѣчкой, а съ прочихъ оврагами значительной глубины и трудной доступности, и называется *Городкомъ*, а другое находится въ ю.-в. части мѣстечка, въ урочищѣ называемомъ *Хандыбы*, или *Татарское коневище*. Жители Кагарлыка утверждаютъ, что въ эпоху татарскаго завоеванія на мѣстѣ Кагарлыка поселена была татарская пограничная стража, центръ которой находился въ урочищѣ Хандыбы. Кажется, что именно этотъ лѣтописный Городецъ, данный Игорю въ 1142 г., въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, съ 1161—1234 г., и выступаетъ на сцену подъ именемъ Торческа, бывшаго главнымъ пунктомъ поселеній черныхъ клобуковъ на Поросьи, такъ какъ всѣ эти извѣстія (которыхъ впрочемъ я не имѣю въ виду разбирать въ настоящей статьѣ) указываютъ именно на эту мѣстность. Если это такъ, то можно, кажется, предположить, что въ упомянутомъ преданіи о татарской пограничной стражѣ, какъ это нерѣдко бываетъ и въ народныхъ пѣсняхъ, мы имѣемъ дѣло съ фактомъ позднѣйшаго пріуроченія къ татарамъ того, что первоначально относилось къ другимъ тюркскимъ племенамъ, раньше татаръ появившимся на Руси, каковыми были, напр., черные клобуки, или черкасы, которые дѣйствительно играли роль пограничной стражи Руси по отношенію къ половцамъ и, какъ сами они выражались, „умирали за русскую землю и головы свои складывали" (Ипат. 330, Лавр. 327, подъ 1155 годъ [2]). Предположеніе о

---

[1]) Въ Словарѣ Семенова: при р. *Гнилушѣ* (Кагарлыкъ).

[2]) О *Кагарлыкѣ*, см. Жур. мин. Внутр. дѣлъ, т. IX, стр. 497; Кіевскія Губернскія Вѣдомости, 1851, № 9, 1854, №№ 22—3; 1857, № 33.—Плано-Карпини (путешествовалъ въ Монголію въ 1246 г.) говоритъ: «Первое мѣсто, въ

тождествѣ Городца 1142 г. съ Городкомъ Кагарлыцкимъ, позднѣйшимъ Торческомъ, я дѣлаю на слѣдующемъ основаніи. Три города въ лѣтописномъ разсказѣ 1142 г. указаны лѣтописцемъ, какъ указывалъ ихъ, конечно, и самъ Всеволодъ, въ извѣстномъ географическомъ порядкѣ, по степени близости ихъ къ Кіеву. Во всякомъ случаѣ Городецъ, такъ какъ съ него начинается перечисленіе, не могъ быть западнѣе Рогачева и долженъ быть ближе къ Кіеву, чѣмъ Юрьевъ и Рогачевъ, а въ этомъ направленіи другаго какого-либо замѣчательнаго городка, кромѣ Кагарлыцкаго, не встрѣчается [1]). Изъ лѣтописнаго разсказа 1142 г. касательно Гюргева можно вывести во 1-хъ то, что Юрьевъ находился между Городцемъ и Рогачевымъ, слѣдовательно былъ центральнымъ городомъ въ удѣлѣ, данномъ Игорю на Поросьи, а во 2-хъ—что относительное значеніе Юрьева среди другихъ городовъ въ удѣлѣ Игоря было выдающееся. Всеволодъ долго торговался съ братьями (двумя двоюродными, Давыдовичами, и двумя родными, Игоремъ и Святославомъ), и города, которые онъ имъ давалъ, перечисляются три раза. Изъ городовъ въ собственно русской землѣ въ первый разъ онъ имъ не давалъ ни одного, во второй разъ давалъ Городецъ и Рогачевъ, но Юрьева не давалъ, наконецъ только въ третій разъ онъ уступилъ и Юрьевъ, изъ чего неизбѣжно слѣдуетъ то заключеніе, что Всеволодъ болѣе дорожилъ Юрьевомъ, чѣмъ Городцемъ и Рогачевымъ, желая его удержать за

коемъ живутъ монголы (за Кіевомъ), называется Хановымъ (=*Каневомъ*). Монголы дали намъ вожатыхъ до орды главнаго ихъ начальника, который называется Куремсою и хранитъ западные предѣлы монгольскихъ владѣній». Изъ данныхъ, представляемыхъ Плано-Карпини, видно, что Куремса кочевалъ между Росью и Тясминомъ.

[1]) Думаю, что Городецъ лѣтописнаго извѣстія 1142 г. тождественъ съ Городцемъ лѣтописнаго извѣстія 1147 г. (Ипатск. 250, Лавр. 302: «и посла Изяславъ по Володимера въ Городечь, а по Ростислава въ Смоленскъ»). Основываясь на сопоставленіи обоихъ этихъ извѣстій, можно, кажется, предположить, что, по низверженіи Игоря Ольговича и вокняженіи своемъ, при помощи черныхъ клобуковъ, въ Кіевѣ въ 1146 году, Изяславъ Мстиславичъ отдалъ прежній удѣлъ Игоря (Городець, Юрьевъ, Рогачевъ) своему брату Владиміру. Этимъ, быть можетъ, объясняются и позднѣйшія отношенія этого Владиміра къ чернымъ клобукамъ (предводительство ими, по ихъ-же просьбѣ) во время движенія Юрія Долгорукаго противъ Изяслава къ Кіеву въ 1152 г. (Ипатск. 295).

собою, и что слѣдовательно Юрьевъ, будучи центральнымъ городомъ въ удѣлѣ Игоря, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе значительнымъ и важнымъ городомъ (что впрочемъ слѣдуетъ уже и изъ того, что въ Юрьевѣ была епископія); вслѣдствіе этого, естественно предполагать, что Юрьевъ былъ по меньшей мѣрѣ преимущественною резиденціею князя [1]).

Соловьевъ (т. II, пр. 226) разбираемое нами лѣтописное свидѣтельство комментируетъ такъ: „*Городецъ* остерскій, или Юрьевъ, принадлежавшій Юрію Долгорукому и отнятый у него недавно Всеволодомъ; *Рогачевъ*—уѣздный городъ могилевской губерніи“ (на прав. берегу Днѣпра, при впаденіи въ него р. Друти). Историкъ такъ мотивируетъ свое мнѣніе: „Между Святославичами дѣло шло о дѣлежѣ турово-пинскаго княжества, пріобрѣтеннаго этою линіею вслѣдствіе переселенія Вячеслава въ Переяславль; Всеволодъ и отдаетъ туровскіе города или черниговскіе, за нимъ оставшіеся“. Взвѣшивая внимательно эти доводы историка и сопоставляя ихъ съ цѣлымъ рядомъ лѣтописныхъ данныхъ, относящихся къ этому вопросу, я прихожу къ слѣдующимъ соображеніямъ, представляющимъ, какъ мнѣ кажется, сильныя возраженія противъ упомянутыхъ доводовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подкрѣпляющимъ высказанное мною мнѣніе о томъ, что Городецъ, Юрьевъ и Рогачевъ были городами въ русской землѣ въ тѣсномъ смыслѣ.

1) Между Святославичами дѣло шло далеко не о дѣлежѣ только турово-пинскаго княжества, и перемѣщеніе Вячеслава послужило братьямъ Всеволода только поводомъ къ разнаго рода домогательствамъ. Изъ лѣтописнаго разсказа 1142 г. видно, что братья Всеволода домогались отъ него городовъ не въ турово-пинской об-

---

[1]) Слѣдуетъ, быть можетъ, предполагать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ лѣтописи говорится о князьяхъ *поросскихъ*, безъ упоминанія города, въ которомъ они княжили, какъ главное мѣсто ихъ пребыванія подразумѣвается именно Юрьевъ. Въ 1155 г. (Ипатск. 329, въ Лавр. 327 подъ 1154 г.) Юрій Долгорукій «сыну своему Василькови два *Поросье* (вар.: Порусье). Въ волынской лѣтописи подъ 1289 г. (Ипатск. 612) упоминается *поросьскій* (вар.: порусьскій) князь Юрій. Впрочемъ, кажется, что судьба Юрьева тѣснымъ образомъ связана съ судьбой Торческа, и что князья поросскіе жили то въ Юрьевѣ, то въ Торческѣ (Городцѣ), то, смотря по временнымъ обстоятельствамъ, въ какомъ-нибудь другомъ городѣ княжества.

ласти (которые Всеволодъ даетъ имъ сразу: Брестъ, Дорогичинъ, Черторыескъ и Клеческъ), но въ его отчинѣ, землѣ вятичей, которою Всеволодъ, какъ видно, въ особенности дорожилъ (города Вятическіе являются лишь въ третьемъ перечисленіи: Вщижь, Ормина); но изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, что они не добивались отъ него и городовъ въ собственно русской землѣ[1]). Напротивъ, факты говорятъ иное. Въ 1141 г. Всеволодъ, по выраженію лѣтописи (Ипатск. 221), „разлучивая (Святослава) съ братомъ своимъ (Игоремъ) и да ему Бѣлъ городъ" (ср. Ист. Солов. II, пр. 223). Очевидно, что и Игорь, какъ старшій послѣ Всеволода, могъ добиваться отъ него себѣ части именно въ русской землѣ, вблизи Кіева. Въ домогательстѣ Игоря и Святослава Ольговичей городовъ на Руси отъ ихъ брата Всеволода, какъ только послѣднему удалось усѣсться въ Кіевѣ, мы имѣемъ, кажется, дѣло съ явленіемъ, вполнѣ аналогичнымъ съ стремленіемъ въ позднѣйшее время разныхъ князей, даже такихъ, которые уже обладали многолюдными и богатыми областями, получить хоть какую нибудь часть еще и въ собственно русской землѣ, вблизи Кіева[2]). Это стремленіе къ „причастью" въ русской землѣ объясняется, быть можетъ, тѣмъ традиціоннымъ обаяніемъ, которое имѣла эта область въ глазахъ каждаго русскаго князя, какъ ближайшая къ тогдашнему центру политической и культурной жизни, къ *матери* и *главѣ* всѣхъ русскихъ городовъ—Кіеву.

---

[1]) «Посла Всеволодъ ис Киева па Вячьслава, река: «сѣдѣши *во кіевьской волости* (=въ Туровѣ), а мнѣ достоить». И ѣха Святославъ къ Игореви и рече: «Что ти даеть братъ старѣйшій?» И рече Игорь: «даеть ны по городу (перечисляются города туровской области), а отчинѣ своеѣ не даеть, Вятичь». И послашась братья къ Всеволоду, рекуще: «се в Киевѣ сѣдѣши, а мы просимъ у тебе черниговьской и новгороцкой (=новгородъ-сѣверской) волости, а киевьскоѣ (т. е. туровской) не хочемъ». «Онъ-же Вятичь не съступяшеть». Очевидно, что подъ кіевскою волостью здѣсь разумѣется туровско-пинская область, а подъ черниговскою и новгородскою—земля вятичей, и что о русской землѣ въ собственномъ смыслѣ, т. е. объ области приднѣпровской, здѣсь ничего не говорится.

[2]) Въ 1195 г. (Ипатск. 459—462) и Романъ Мстиславичъ волынскій, и Всеволодъ Юрьевичъ суздальскій въ одно и тоже время домогались отъ великаго князя кіевскаго Рюрика Ростиславича себѣ «части въ русской землѣ» и ссорились съ нимъ изъ-за надѣловъ. Въ 1231 г. (Ипатск. 511) Даніилъ Романовичъ галицкій «из русской земля взя собѣ часть—Торцький городъ».

2) Изъ лѣтописи видно, что Всеволодъ, при окончательной раздачѣ городовъ братьямъ, уже примирился съ ними, и есть основаніе предполагать, что уже тогда онъ обѣщалъ Игорю послѣ себя Кіевъ [1]). А если это такъ, то онъ, очевидно, уже вслѣдствіе одного этого намѣренія, долженъ былъ посадить Игоря гдѣ нибудь въ русской землѣ, близъ Кіева, для того, чтобы онъ заранѣе могъ расположить къ себѣ кіевлянъ и, въ особенности, черныхъ клобуковъ, которые все болѣе и болѣе пріобрѣтали вліянія на политическія дѣла Руси.

3) Князья обыкновенно надѣлялись городами, составлявшими какъ въ территоріальномъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ болѣе или менѣе цѣльныя группы, и очевидно, что и въ разбираемомъ нами лѣтописномъ разсказѣ рѣчь идетъ именно о такихъ группахъ. Въ удѣлѣ Игоря Ольговича, отъ ближайшаго къ Кіеву Городца кагарлыцкаго до дальнѣйшаго—Рогачева (Юрьевъ, очевидно, былъ между ними) 101 верста, слѣд. Городецъ, Юрьевъ и Рогачевъ составляли довольно цѣльную группу поросскихъ городовъ, и, во всякомъ случаѣ, группа эта цѣльнѣе, чѣмъ предполагаемая историкомъ: Остеръ и могилевскій Рогачевъ, между которыми разстояніе 305 верстъ.

4) Самъ историкъ говоритъ, что „Всеволодъ могъ отдавать черниговскіе города, за нимъ оставшіеся“, слѣд. и прежде ему принадлежавшіе; но Городецъ Остерскій (тепер. Остеръ, у. г. черн. г. на р. Острѣ) принадлежалъ не къ черниговской, а къ переяславской области и никогда не принадлежалъ Всеволоду, но неоспоримо принадлежалъ Юрію Долгорукому, былъ его отчиною.

5) Городецъ (Городокъ, городъ) остерскій въ лѣтописяхъ упоминается очень часто и обозначается въ нихъ нерѣдко своимъ спеціальнымъ географическимъ прозвищемъ: *вострьскій, на Вѣстри* [2]);

---

[1]) Въ 1144 г. (Ипатск. 226, Лавр. 296) Игорь говорилъ Всеволоду: «Про што ми обреклъ еси Кіевъ, а приятьля ми не даси приймати».

[2]) Вострьскимъ *городцемъ* (Ипатск. 221), *городкомъ* (Ипатск. 258, 276, 289). Подъ 1094 г.: «Заложи Володимеръ Мономахъ *городъ на Вѣстри*». (О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в. Бестужева-Рюмина, Спб. 1868 г., приложенія, стр. 60). «Всеволодъ Гюргевичь созда *градъ на Городци на Вѣстри*, обнови свою отчину» (Ипатск. 179, Лавр. 391).

часто называется онъ просто Городцемъ [1]), и только однажды (Ипатск. 308) названъ Городцемъ Гюргевымъ, и то вовсе не въ смыслѣ постояннаго, обычнаго прозвища, а въ совершенно ясномъ смыслѣ: „принадлежащій Юрію“ [2]).

6) Если въ третьемъ и послѣднемъ перечисленіи городовъ, которыми надѣлялъ Всеволодъ братьевъ (Берестій, Дорогичинъ, Вщижь, Ормина; *Городець, Гюрговъ*, Рогачевъ, Клеческъ и Черторыескъ) слова *Городець Гюрговъ* принимать, какъ дѣлаетъ это историкъ, за названіе одного только города, то является вопросъ, почему Городець не названъ Гюрговымъ во второмъ перечисленіи (*Городець, Рогачевъ*, Берестій, Дорогичинъ и Клическъ), когда онъ въ первый разъ выступаетъ на сцену?

7) Въ 1141 году (Ипатск. 221) Всеволодъ Ольговичъ дѣйствительно занялъ Городецъ Остерскій, принадлежавшій Юрію Долгорукому, но это занятіе, какъ видно изъ лѣтописи, было не болѣе, какъ временною военною мѣрою, вызванною временными-же политическими обстоятельствами, а не занятіемъ въ смыслѣ присвоенія себѣ въ постоянное владѣніе, ибо въ противномъ случаѣ въ междукняжескихъ отношеніяхъ по владѣнію областями слѣдуетъ предположить отсутствіе какихъ-бы то ни было установившихся, традиціонныхъ обычаевъ, полную анархію, чего на самомъ дѣлѣ не было; слѣдовательно, еслибы Всеволоду, по собственному сознанію котораго Городецъ принадлежалъ по праву Юрію, и пришла несообразная, съ точки зрѣнія междукняжескихъ отношеній, мысль надѣлить Игоря Городцемъ Остерскимъ, то едвали Игорь, добивавшійся по праву, на основаніи родовыхъ мѣстническихъ счетовъ,

---

[5]) *Городцемъ* (Ипатск. 253, 255, 304 дважды, 314 дважды; Лавр. 303); *городкомъ* (Ипатск. 253 трижды, 256, 257, 277 дважды, 293, 306 пять разъ, 307 четыре раза, 344; Лавр. 318, 319 трижды, 302, 303, 309, 310, 313 трижды).

[6]) Ср. подъ 1152 г.: а) «Изяславъ Мьстиславичь скупивъся съ Давыдовичемъ Изяславомъ и Святославомъ Всеволодичемъ и ту сдумавше разведоша Городокъ Гюргевъ и пожгоша и» (Ипатск. 308); б) «Гюрги бо тако молвяшеть: « Оже есте *мой* Городець пожгли, то я ся тому отъожгу противу» (Ипатск. 314). Въ такомъ-же смыслѣ объ этомъ городѣ сказано: «городъ отень (вар.: отечь)» по отношенію къ Глѣбу, сыну Юрія Долгорукаго (Ипатск. 253).

хорошаго удѣла въ русской землѣ въ собственномъ смыслѣ, согласился-бы княжить въ чужомъ городѣ, въ постоянномъ ожиданіи быть со стыдомъ выгнаннымъ изъ него его безспорнымъ хозяиномъ.

8) Наконецъ, историкъ своимъ мнѣніемъ объ отдачѣ въ 1142 году Всеволодомъ Ольговичемъ Городца Остерскаго Игорю поставилъ себя въ противорѣчіе съ тѣмъ, что высказано имъ ниже, при обозрѣніи состоянія русскаго общества съ 1054—1228 г. (т. III, стр. 9): „при общемъ родовомъ владѣніи князья, разумѣется, имѣли и частную собственность, разбросанную въ разныхъ волостяхъ. Отецъ раздавалъ сыновьямъ села свои безъ всякаго соотвѣтствія столамъ, на которыхъ они должны были сидѣть, тѣмъ болѣе, что столы эти не были постоянны. На земляхъ, принадлежавшихъ князьямъ въ частную собственность, они могли строить города и отдавать ихъ дѣтямъ въ частную-же собственность; такъ, думаемъ, Владиміръ Мономахъ, построивши Городецъ Остерскій на своей землѣ, отдалъ его въ частную собственность младшему сыну Юрію, и тотъ владѣлъ имъ, будучи княземъ суздальскимъ“. Не входя въ оцѣнку этого мнѣнія о Городцѣ Остерскомъ, какъ частной собственности, по существу, я замѣчу, что, слѣдовательно, отдача Всеволодомъ Игорю Городца Остерскаго, и съ точки зрѣнія самаго историка, не была-бы основана на правѣ общаго родоваго владѣнія, но была-бы со стороны великаго князя просто на просто грабежемъ чужой собственности.

Всѣ эти соображенія и заставляютъ меня отвергнуть мнѣніе Соловьева, пріурочивающее Городецъ Юрьевъ, какъ онъ читаетъ, къ теперешнему городу Остру черн. губ. и склоняютъ къ признанію того, что Юрьевъ, данный въ удѣлъ Всеволодомъ Ольговичемъ его брату Игорю въ 1142 году, есть Юрьевъ на Роси, и это тѣмъ болѣе, что и другіе два города, Рогачевъ и Городецъ, легко открываются въ русской-же землѣ, и тоже на Поросьи.

XII. Въ 1147 г. (Ипатск. 241) епископъ гюргевскій *Демьянъ* участвуетъ въ соборѣ епископовъ, созванномъ въ Кіевѣ для поставленія, по волѣ в. к. Изяслава Мстиславича, въ митрополиты Климента Смолятича и состоявшемъ, кромѣ Демьяна, изъ епископовъ: черниговскаго, бѣлгородскаго, переяславскаго, владимірскаго (на Волыни) и туровскаго, соглашавшихся на поставленіе Климента,

и трехъ несоглашавшихся на это: новгородскаго, смоленскаго и полоцкаго (Ср. Ист. рус. ц. Макарія, т. III, стр. 12).

XIII. Въ 1154 году (Ипатск. 327, Лавр. 326) кіевляне, по смерти Изяслава Мстиславича, послали *епископа каневскаго Демьяна* звать къ себѣ на княженіе Изяслава Давыдовича. Преосв. Макарій (И. рус. ц., т. III, стр. 30, прим. 42), сопоставляя лѣтописное упоминаніе 1147 г. о Демьянѣ, епископѣ юрьевскомъ, съ лѣтописнымъ упоминаніемъ 1154 г. о Демьянѣ, епископѣ каневскомъ, и приходя къ заключенію, что Демьянъ обоихъ свидѣтельствъ одно и тоже лице, замѣчаетъ, что, на основаніи свидѣтельства 1154 года, можно думать, что юрьевскіе епископы назывались иногда каневскими, и что предполагать существованіе особой епархіи каневской нѣтъ достаточнаго основанія [1]). Слѣдуетъ имѣть въ виду, что епископы нерѣдко и въ древнемъ періодѣ титуловались, какъ и теперь титулуются, не по одному, а по двумъ или нѣсколькимъ городамъ, болѣе значительнымъ въ ихъ епархіи, слѣд. изъ лѣтописнаго свидѣтельства 1154 года можно сдѣлать тотъ несомнѣнный выводъ, что къ юрьевской епархіи принадлежалъ и Каневъ, а этотъ выводъ, въ свою очередь, указываетъ отчасти мѣстоположеніе самаго Юрьева: Каневъ былъ ближе къ Юрьеву, чѣмъ къ Кіеву, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ принадлежалъ-бы скорѣе къ епархіи кіевской [2]).

---

[1]) М. А. Максимовичъ, въ своемъ «Воспоминаніи о стародавнемъ монастырѣ каневскомъ» (Кіев. Епарх. Вѣд. 1864 г., № 24, стр. 757; тоже перепечатано въ Собраніи сочиненій его, т. II), сопоставляя тѣ-же лѣтописныя свидѣтельства о Демьянѣ и тоже приходя къ заключенію, что Демьянъ обоихъ свидѣтельствъ одно и тоже лице, замѣчаетъ, что если во второмъ извѣстіи Демьянъ названъ каневскимъ не обмолвкою, то мы въ правѣ полагать, что въ срединѣ XII вѣка юрьевская епископія находилась въ Каневѣ, при церкви св. Георгія, заложенной въ 1144 г. великимъ княземъ Всеволодомъ (Юріемъ) Ольговичемъ (Ипатск. 227, Лавр. 296). Тоже высказано Максимовичемъ и въ другомъ мѣстѣ его сочиненій (Собраніе соч., т. I, стр. 683). Мнѣ кажется, что такого вывода мы никоимъ образомъ не вправѣ сдѣлать, такъ какъ епископы никогда не титуловались, какъ и теперь не титулуются, по церквамъ; но всегда титуловались по городамъ и областямъ, входившимъ въ составъ ихъ епархій.

[2]) Аналогическое явленіе мы встрѣчаемъ и по отношенію къ князю. Изъ сопоставленія лѣтописныхъ свидѣтельствъ: а) 1149 г. (Ипатск. 268): «Гюрги-же старѣйшаго сына своего Ростислава посади у *Переяславли*, Андрея *Вышегородѣ*, а Бориса въ *Бѣлѣгородѣ*, а Глѣба въ *Каневѣ*, а Василка въ *Суждали*»

Но спрашивается, чего ради кіевляне уполномочили въ послы епископа Демьяна, когда обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ выступалъ на сцену митрополитъ? Это обстоятельство объясняется едва-ли не тѣмъ, что тогдашняго митрополита Климента, не получившаго благословенія отъ патріарха, не всѣ признавали, и что по смерти Изяслава Мстиславича, по волѣ котораго Климентъ былъ поставленъ, онъ остался въ неопредѣленномъ положеніи (Ср. И. Ц. Макарія, т. III, стр. 17; Солов. III, стр. 60 и слѣд.); такъ что кіевляне при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ они тогда находились, нашли болѣе удобнымъ послать не Климента, а Демьяна, который, въ этомъ случаѣ, какъ-бы заступаетъ мѣсто митрополита (Ср. Солов. II, стр. 183).

XIV. Подъ 1159 (Ипатск. 344) встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что половцы бѣжали отъ *Бѣлгорода* на *Гюргевъ* „и много ихъ изоймаша Берендичи и Гюргевци, а оно ихъ во Рсі истопе". Извѣстіе это, само по себѣ, конечно не говоритъ въ частности о мѣстоположеніи Юрьева; но если мы возьмемъ его въ связи съ сдѣланнымъ нами въ предъидущемъ пунктѣ выводомъ о принадлежности къ юрьевской епархіи Канева, а также и съ другими извѣстіями, указывающими на направленіе движеній половцевъ изъ ихъ степей на правобережную Русь и обратно, то прійдемъ къ новому заключенію, что Юрьевъ находился вообще между Бѣлгородомъ, Росью и Каневомъ.

XV. Подъ 1162 г. (Ипатск. 356) мы встрѣчаемъ слѣд. извѣстіе: „половцы пришли къ *Гургову* и взяли много вежъ *по Роту*; черные-же клобуки (которымъ принадлежали вежи), собравшись всѣ, погнались за ними и настигли ихъ на Роси" и пр. Это извѣстіе замѣчательно тѣмъ, что въ немъ съ упоминаніемъ о Юрьевѣ тѣсно

и б) 1155 (Ипатск. 329, Лавр. 397 подъ 1154): «Тогды же сѣдъ раздая волости дѣтемъ: Андрѣя посади *Вышегородѣ*, а Бориса *Туровѣ*, Глѣба въ *Переяславли*, а Василкови да *Поросье* (вар.: Порусье)», можно предполагать, что въ 1149 году Глѣбъ Юрьевичъ назначенъ былъ собственно княземъ Поросья, слѣд. былъ княземъ юрьевскимъ, хотя и жилъ въ Каневѣ по какимъ либо обстоятельствамъ, такъ какъ Каневъ былъ главнымъ сторожевымъ пунктомъ, охранявшимъ судовые пути изъ Чернаго и Азовскаго морей (греческій, соляный и залозный) въ Кіевъ.

связано упоминаніе о кочеваньи черныхъ клобуковъ по Роту, т. е. на теперешней бѣлоцерковской равнинѣ, лѣтописномъ Перепетовскомъ полѣ. Черные клобуки, при разселеніи своемъ въ бассейнѣ Роси, выбирали и занимали прежде всего, конечно, такія мѣста, которыя, будучи менѣе другихъ удобны для земледѣлія, представляли собою удобныя и обильныя пастбища, которыя, слѣд., по характеристическимъ чертамъ своей природы, наконецъ, по своему общему ландшафту, сколько нибудь напоминали этимъ дѣтямъ пустыни роскошныя приволья степей донецкихъ и приазовскихъ, изъ которыхъ они были вытѣснены другими кочевниками, а такими мѣстами и были прежде всего тѣ болѣе или менѣе значительныя равнины, или, по мѣстному выраженію, степи, которыя встрѣчаются въ области Поросья [1]). Теперешняя бѣлоцерковская равнина, простирающаяся по рр. Ротку, Узину и Рокитнѣ и славящаяся доселѣ своими пастбищами, и была самою обширною и привлекательною изъ этихъ равнинъ. Вслѣдствіе этого мнѣ кажется, что лѣтописное извѣстіе 1165 г. можетъ бросить лучъ свѣта и на лѣт. извѣстіе 1095 года (см. пунктъ VI-й). Спрашивается, чего ради тогда половцы мед-

---

[1]) У Семенова указаны слѣд. равнины А) на лѣвой половинѣ Поросья: а) въ васильк. у., обширная равнина, простирающаяся около м. *Бѣлой Церкви*, по направленію къ *Василькову*, *Фастову* и *Мировкѣ*; ширина ея отъ Мировки къ Фастову 40 верстъ, а длина отъ Бѣлой Церкви до р. Стугны 80 верстъ; продолженіе ея тянется на востокъ, между сс. *Острійками*, *Житніе горы* и *Рокитною*; б) въ канев. у., между сс. *Пустовойтами* и *Зеленьками*; в) въ канев. у. наибольшая равнина простирается на лѣвомъ берегу р. Росавы, между с. *Синявкою*, *Большими Степанцами*, ниже села *Ковали*, къ селамъ *Яблунову* и *Малому Ржавцу*; длина ея 15 верстъ, ширина отъ 3 до 8 верстъ; Б) на правой половинѣ Поросья: а) въ тараш. у. открытая равнина, между сс. *Николаевкою*, *Острою Могилою*, *Буркатовкою* (иначе—Брилевка) и лѣвымъ берегомъ *Гнилого Тикича*, заключающая въ себѣ около 10 квадр. верстъ; б) въ канев. у., равнина между м. Медвиномъ и с. Баранье поле. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ у Похилевича, и въ настоящее время обширныя тучныя степи по р. *Узину* арендуются купцами подъ выпасъ скота; земли вокругъ села *Пустовойты*, расположеннаго на равнинѣ, служащей продолженіемъ *бѣлоцерковской* и *кагарлыцкой* степи, степныя, съ обильнымъ черноземомъ, затвердѣвающимъ при малѣйшей засухѣ, отчего хлѣба часто не удаются; Баранье поле расположено на оконечности равнины, или раздолья, которое ограничивается рѣчкою Бояркой и селомъ Медвиномъ и называется *Черкесъ-долиною*.

лили возвращаться за Рось, съ лѣвой ея стороны на правую? Они тогда цѣлое лѣто кочевали около Юрьева на Перепетовскомъ полѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что имъ очень не хотѣлось разставаться съ этимъ привольемъ для кочеванья. Изъ сопоставленія лѣт. извѣстія 1095 г. съ извѣстіемъ 1162 г. можно вывести, что борьба велась главнымъ образомъ изъ-за кочеванья на Перепетовской равнинѣ и происходила главнымъ образомъ между половцами и черными клобуками, изъ которыхъ первые старались вытѣснить послѣднихъ. Изъ той настойчивости, съ которою половцы осаждали Юрьевъ въ 1095 г., а также и изъ того обстоятельства, что Святополкъ въ 1103 г., при первой представившейся къ тому возможности, поспѣшилъ возобновить Юрьевъ, можно заключать, что городъ Юрьевъ былъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, защищавшимъ упомянутую равнину отъ половцевъ, былъ, такъ сказать, ключемъ, ее запиравшимъ [1]).

XVI. Въ 1183 г. (Ипатск. 428) епископъ *гюргевскій*, не названный по имени, участвуетъ въ освященіи церкви св. Василія въ Кіевѣ, на Великомъ дворѣ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Никифоромъ.

---

[1]) Съ лѣтописными извѣстіями 1095 и 1162 г. необходимо, кажется, должны быть сопоставлены также и лѣтописныя свидѣтельства о набѣгахъ половцевъ на Поросье въ 1165 и 1172 г., хотя въ нихъ и не упоминается о Юрьевѣ. Въ 1165 г. (Ипатск. 359) Василько Ярополчичъ, княжившій въ г. *Михайловѣ*, у юго-западной окраины Перепетовскаго поля, избилъ половцевъ на Роси. Подъ 1172 г. (Ипатск. 379, а по Лавр. 339 подъ 1169 г.) въ лѣтописяхъ встрѣчается *сказаніе* легендарнаго характера (которое мнѣ приходилось уже отчасти разсматривать въ моемъ розысканіи о Перепетовскомъ полѣ) о жестокомъ двукратномъ пораженіи, нанесенномъ половцамъ, главнымъ образомъ черными клобуками, на Перепетовскомъ полѣ въ *лукѣ моря* (у рутецкаго озера) и о преслѣдованіи ихъ за р. *Бугъ* (по всей вѣроятности,—за Гнилой Тикичъ). Въ Лавр. лѣтописи сказаніе это раздвоилось на двѣ части: подъ 1169 г. помѣщенъ разсказъ о битвахъ на Перепетовскомъ полѣ, а подъ 1173 г. тотъ-же самый разсказъ, съ тѣми-же дѣйствующими лицами и съ тѣми-же пріемами и подробностями, приложенъ къ пораженію половцевъ за р. Бугомъ. Должно быть, преслѣдованіе половцевъ за Бугъ слѣдовало непосредственно за пораженіемъ ихъ на Перепетовскомъ полѣ. Въ концѣ концевъ половцамъ, кажется, пришлось таки примоститься къ этой равнинѣ; по крайней мѣрѣ, у окраины Перепетовскаго поля мы встрѣчаемъ такія названія населенныхъ мѣстъ, которыя прямо указываютъ на половецкую народность. Весьма возможно, справедливо замѣчаетъ г. Похилевичъ, что основаніе селъ *Большая Половецька* и *Малая Половецька* принадлежитъ эпохѣ половецкихъ нашествій».

XVII. Въ 1197 г. (Ипатск. 473) епископъ *гюргевскій*, не названный по имени, участвуетъ въ освященіи каменной церкви св. Апостолъ въ *Бѣлгородѣ*, вмѣстѣ съ митрополитомъ Никифоромъ и епископомъ бѣлгородскимъ.

XVIII. Въ томъ-же, 1197 г. (Ипатск. 474) епископъ *гюргевскій*, не названный по имени, участвуетъ въ освященіи церкви св. Василія въ Кіевѣ, на новомъ дворѣ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Никифоромъ и епископомъ бѣлгородскимъ.

XIX. Въ посланіи Симона къ Поликарпу упоминается юрьевскій епископъ *Олексій*, умершій или оставившій свой постъ около 1220 года (Памятн. россійск. словесн. XII в., стр. 255; Карамз. III, прим. 171) [1]).

XX. Въ 1231 году (Лавр. 434) *юрьевскій* епископъ, не названный по имени, участвуетъ при поставленіи въ Кіевѣ Кирилла въ епископы Ростову, Ярославлю и Углечю Полю, вмѣстѣ съ митрополитомъ Кирилломъ и епископами: бѣлгородскимъ, черниговскимъ и полоцкимъ. (Ср. И. Р. Ц. Макарія, т. IV, стр. 107).

Сопоставляя цѣлый рядъ лѣтописныхъ упоминаній о юрьевскихъ епископахъ (пункты I, II, IV—VI, VIII—X, XII, XIII, XVI—XX), мы видимъ, что эти извѣстія, ничего не говоря о мѣстоположеніи Юрьева въ частности, свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что Юрьевъ, какъ и Бѣлгородъ, былъ ближайшею къ Кіеву епископіею; видимъ также, что гюргевскіе епископы заступаютъ иногда мѣсто митрополита (пункты II, XIII), участвуютъ въ разныхъ церковныхъ торжествахъ въ Кіевѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ, Вышгородѣ и Бѣлгородѣ, а именно: въ закладкѣ и освященіи церквей (п. II, IV, XVI—XVIII), перенесеніи мощей (п. I, V, IX), посвященіи іерарховъ (п. XII, XX), а иногда и въ мірскихъ дѣлахъ (п. VI, XIII).

Изъ представленнаго хронологическаго обзора лѣтописныхъ извѣстій о Юрьевѣ, юрьевцахъ и юрьевскихъ епископахъ видно, что свидѣтельства эти тянутся почти непрерывною вереницею въ

---

[1]) «Пишеть ми книги княгиня Ростиславля Верхуслава, хотящи тебе поставити епископомъ Новуграду на Онтоніево мѣсто, или Смоленску на Лазарево мѣсто, или *Юрьеву на Олексіево мѣсто*». Антоній (Добрыня Адрѣйковичъ) былъ епископомъ въ Новгородѣ 1212—20 и снова 1225—9 г.

теченіи 159-ти лѣтъ и обрываются лишь наканунѣ монгольскаго погрома [1]).

Максимовичъ (Собр. соч I, стр. 692) замѣчаетъ, что *Юрьевъ* значится еще и въ „Спискѣ русскимъ городамъ“ XIV-го вѣка.

Размотримъ теперь существующія предположенія касательно мѣстоположенія лѣтописнаго Юрьева въ лѣвомъ районѣ бассейна Роси. Такихъ предположеній существуетъ, сколько мнѣ извѣстно, два: одно г. Похилевича, другое г. Н. Барсова, и оба они одинаково неосновательны.

Г. Похилевичъ пріурочиваетъ лѣтописный Гурговъ къ теперешнему мѣстечку Бѣлой-Церкви, кіевской губерніи, васильковскаго уѣзда, на р. Роси, при впаденіи въ нее съ лѣвой стороны р. Ротка. „Къ Юрьеву, говоритъ онъ, *относятъ* (кто?) тѣ историческія событія, которыя въ періодъ удѣльныхъ междоусобій описываются происходившими на урочищѣ Ротку, *такъ какъ* ручей Ротокъ впадаетъ въ Рось въ самой Бѣлой-Церкви и подъ симъ именемъ доселѣ извѣстна часть мѣстечка, примыкающая къ этому ручью“. Изъ обзора лѣтописныхъ свидѣтельствъ о Юрьевѣ видно, что въ лѣтописи упоминаніе объ этомъ городѣ только однажды является въ связи съ упоминаніемъ о Роткѣ, а именно въ свидѣтельствѣ 1162 года (пунктъ XV-й). Это и есть единственное свидѣтельство, которое г. Похилевичъ могъ-бы привести въ пользу своего мнѣнія; но дѣло-то въ томъ, что въ 1162 г. половцы могли появиться у Ротка не только прямо съ юга, со стороны Бѣлой-Церкви, но также и съ юго-запада, всего-же вѣроятнѣе, что они появились съ юго-востока, такъ какъ изъ многихъ другихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ видно, что они являлись на Поросье найчаще именно съ этой послѣдней стороны. Что-же

---

[1]) Г. Похилевичъ замѣчаетъ, что въ 1197 г. къ юрьевской епархіи присоединена упраздненная бѣлгородская; преосв. Филаретъ (И. р. ц. II, 129, прим. 220) полагаетъ, что въ 1231 г. полоцкій епископъ назывался вмѣстѣ бѣлгородскимъ и юрьевскимъ; но преосв. Макарій въ своей замѣткѣ: «Когда закрылись епархіи бѣлгородская и юрьевская?» (И. р. ц., т. IV, приложеніе XV-е) разъясняетъ, что эти мнѣнія возникли вслѣдствіе неправильнаго чтенія лѣтописныхъ свидѣтельствъ, и что обѣ эти епархіи, бѣлгородская и юрьевская, не теряли своей самостоятельности до самаго татарскаго погрома и закрылись лишь вслѣдствіе этого погрома.

касается прочихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о событіяхъ, совершавшихся на Роткѣ, то изъ нихъ дѣйствительно видно, что событія эти (пораженіе Юрія Долгорукаго Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1151 г., пораженіе половцевъ Михаиломъ Юрьевичемъ въ 1172 году и пр.) происходили довольно близко къ мѣстности, занимаемой теперь Бѣлою-Церковью; но именно эти-то свидѣтельства и доказываютъ вовсе не то, что хотѣлъ доказать г. Похилевичъ, т. е., что Бѣлая-Церковь есть Юрьевъ, но прямо противоположное тому, т. е., что Бѣлая-Церковь не есть Юрьевъ, ибо во всякомъ случаѣ было-бы странно, чтобы въ довольно обстоятельныхъ разсказахъ (разсказъ о рати Юрія съ Изяславомъ доходитъ даже до мельчайшихъ подробностей) о событіяхъ, которыя, какъ это выходитъ изъ словъ г. Похилевича, происходили въ самомъ Юрьевѣ (Бѣлой-Церкви),—городѣ, столь извѣстномъ въ то время хоть-бы уже ради бывшей въ немъ епископіи, лѣтописцамъ не пришлось ни разу назвать этого города [1]) Кромѣ того, противъ предположенія г. Похилевича говоритъ также и то, во 1-хъ, что въ Бѣлой-Церкви нѣтъ вовсе такихъ вещественныхъ остатковъ или слѣдовъ древней населенности, которые можно было-бы относить къ домонгольскому періоду; во 2-хъ, что ни въ письменныхъ памятникахъ, ни въ устныхъ преданіяхъ не сохранилось ни малѣйшаго намека на то, что Бѣлая-Церковь когда-либо называлась Юрьевомъ.

Г. Н. Барсовъ пріурочиваетъ лѣтописный Юрьевъ къ селамъ „*Большой* и *Малый Ерчики* на р. *Ростовицѣ* въ сквирскомъ уѣздѣ. (Очерки русск. ист. географіи, Варшава, 1873, стр. 119). Не мѣшаетъ имѣть въ виду, что книга г. Барсова далеко не чужда неточностей. Относительно Ерчиковъ необходимо сдѣлать слѣдующія поправки: а) каждое изъ этихъ двухъ селъ носитъ въ отдѣльности имя въ формѣ множественнаго числа, а не единственнаго: *Большіе Ерчики*, а не Большой Ерчикъ, и *Малые Ерчики*, а не Малый Ерчикъ; б) и то и другое село распо-

---

[1]) Изъ сказаннаго видно, до какой степени правъ Н. И. Костомаровъ, замѣтивъ, въ разсказѣ о поѣздкѣ своей въ Бѣлую-Церковь (Кіевская Старина 1882 г., № 5, стр. 242), что мнѣніе г. Похилевича о тождествѣ Юрьева съ Бѣлой-Церковью—не болѣе, какъ одно предположеніе, имѣющее за собою мало точныхъ указаній.

ложены не на самой Раставицѣ, а на ея правыхъ небольшихъ, безъименныхъ притокахъ, Большіе—верстахъ въ 5-ти, а Малые—верстахъ въ 2-хъ отъ Раставицы. Къ соображеніямъ г. Барсова о Ерчикахъ я съ своей стороны добавлю, что, кромѣ Ерчиковъ, въ лѣвой половинѣ Поросья, въ сквирскомъ-же уѣздѣ, есть еще и село *Ерешки,* или *Ярешки*, верстахъ въ 26 къ с.-з. отъ Малыхъ Ерчиковъ. Г. Барсову казалось, должно быть, что въ имени *Ерчики* сохранился звуковой слѣдъ имени *Юрія* (*Юрчикъ, Ерчикъ*); но въ Словарѣ Даля мы встрѣчаемъ такое толкованіе: *е́рикъ, е́ричекъ* ю.-в.: а) стари́ца, рѣчи́щѣ, часть покинутаго русла рѣки, куда по веснѣ заливается вода и остается въ долгихъ ямминахъ; б) глухой рукавъ рѣки, образовавшійся изъ старицы; в) узкій, глубокій проливъ изъ рѣки въ озеро, между озерами и ильменями". По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ у Похилевича, упомянутое нами село *Ерешки* (=*Ерички*) отдѣляется отъ села Бровокъ, расположеннаго на правомъ берегу р. Каменки, лѣваго притока Роси, небольшимъ оврагомъ (яромъ) съ ручьемъ, изъ чего можно догадываться, что оно получило свое названіе отъ того, что расположено при *еричкѣ* (р. Каменки) въ 1-мъ или во 2-мъ значеніи этого слова. По всей вѣроятности и тѣ рѣчки, впадающія въ Раставицу, при которыхъ расположены *Ерчики* суть собственно *ерички* въ которомъ нибудь изъ значеній этого слова, и что отъ нихъ-то и пошли имена этихъ селъ [1]). Слѣд. имя Ерчики, возникшее отъ особенностей топогра-

---

[1]) Внѣ бассейна Роси въ кіевской губ. есть еще: а) въ сквирскомъ-же уѣздѣ *Ерчики жидовецкіе*, деревня расположенная, какъ это видно изъ в.-т. карты (рядъ XXIV-й, листъ 8-й), на лѣвой сторонѣ р. Унавы, при впаденіи въ нее безъименнаго ручья, верстахъ въ 4-хъ ниже села Жидовецъ и въ 17-ти верстахъ прямо къ сѣверу отъ Малыхъ Ерчиковъ; б) въ звенигородскомъ уѣздѣ село *Ерки* на правой сторонѣ р. Шполки, лѣваго притока Гнилого Тикича, верстахъ въ 4-хъ отъ впаденія Шполки въ Тикичъ, съ замѣчательнымъ ключемъ воды, подробности о которомъ сообщены у Похилевича. Внѣ предѣловъ кіевской губ., въ Словарѣ Семенова упоминаются: а) с. *Ерковцы* переяславскаго уѣзда, полтавской губерніи при безъименномъ озерѣ; б) с. *Иловатый Ерикъ* (иначе—Иловатка) новоузенскаго уѣзда, самарской губ. при р. *Иловатомъ Ерикѣ*. Въ книгѣ Большого Чертежа упоминается рѣчка *Ерекъ Каменный* (теперь—Каменка), впадающая въ Донецъ съ правой стороны ниже г. Изюма харьковской губ. Слово *ерикъ*, конечно, тюркскаго происхожденія, такъ что села Ерки, Ерчики, Ерешки (=Еречки), Ерковцы представляютъ слѣды осѣданія на русской почвѣ тюркскихъ племенъ.

фическаго положенія селъ, которые его носятъ, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ имени города Юрьева. Кромѣ того, противъ предположенія г. Барсова говоритъ также и то, что ни въ Большихъ, ни въ Малыхъ Ерчикахъ нѣтъ никакихъ ни остатковъ, ни слѣдовъ древняго городища [1]). До какой степени къ Ерчикамъ могутъ быть пріурочены лѣтописныя свидѣтельства о Юрьевѣ, объ этомъ рѣчь впереди.

Взамѣнъ существующихъ предположеній касательно мѣстоположенія лѣтописнаго Юрьева въ лѣвой половинѣ Поросья я позволяю себѣ выставить свое мнѣніе, по которому Гурговъ долженъ быть пріуроченъ къ городищу *Райгороду*, или *Райгородку* близъ села *Ольшаницы* васильков. уѣзда. Городище это, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ у Фундуклея (Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіев. губ. Кіевъ 1848, стр. 28) и Похилевича, расположено въ 2-хъ верстахъ къ с.-в. отъ Ольшаницы, на правомъ берегу р. *Гороховатки*, въ просторѣчіи—*Ольшаницы*, лѣваго притока Роси, и состоитъ изъ земляныхъ укрѣпленій, соединяющихся валомъ со рвомъ; валъ вышиною въ $2^1/_2$ сажени, а всего пространства въ городищѣ $43^1/_3$ десятины. Оно обращено теперь въ пахатное поле, но что это мѣсто было населено, это видно изъ того, что здѣсь безпрестанно попадается кирпичный мусоръ и перержавѣвшіе куски желѣза. Городище это отстоитъ отъ т. н. *Троянова вала* въ 4-хъ верстахъ [2]). Самое село Ольшаница расположено по обоимъ берегамъ Гороховатки, верстахъ въ 4-хъ отъ впаденія ея

Кромѣ того, видоизмѣненіе *Ерешки* въ *Ярешки* указываетъ на сближеніе слова *ерикъ*, и по звуку, и по значенію, со словомъ *яръ* (яруга, оврагъ), отъ котораго также есть немало именъ населенныхъ мѣстностей и въ кіевской и въ другихъ губ., особенно юго-восточныхъ.

[1]) Г. Барсовъ замѣчаетъ: «Между ними (Большими и Малыми Ерчиками) сел. Буки-*Бакожинъ*, по преданію, древній городъ (Фунд. 46). По что-же изъ этого? Бакожинъ есть Бакожинъ, а не Юрьевъ.

[2]) Валъ этотъ начинается въ сквирскомъ у., у села *Почуекъ* (на противоположной сторонѣ р. Каменки), вступаетъ въ васильковскій уѣздѣ при селѣ *Красный-Лѣсъ* (при р. Холопѣ), тянется по лѣвой сторонѣ Роси чрезъ м. *Бѣлую-Церковь*, деревни *Томиловку* (на лѣвой сторонѣ Роси), *Чепелевку* (при р. Узинѣ), село *Сухолѣсы* (на лѣвой сторонѣ Роси), м. *Рокитну* (нѣкогда—*Кротыловъ*, на р. Рокитнѣ), село *Ольшаницу*, наконецъ у села *Саварки* (на лѣвой сторонѣ Роси), склоняется къ каневскому уѣзду, къ селу *Синицѣ* (на пр. ст. Роси, при впаденіи въ нея р. Синицы).

въ Рось. По свѣдѣніямъ, передаваемымъ г. Похилевичемъ, ольшаницкіе жители по преданію, утверждаютъ, что городище Райгородъ очень древнее, что тамъ былъ городъ *Райгородъ*, что въ немъ жили цари, или *князья*, *имѣвшіе свое войско*, что въ городѣ этомъ было *много церквей*, что онъ, какъ и всѣ его окрестности, *разрушенъ и опустошенъ татарами*, и что, наконецъ, нынѣшняя Ольшаница возникла, по разореніи Райгорода, изъ хуторовъ, заведенныхъ жителями города въ ольховыхъ лѣсахъ [1]). До какой степени, по отношенію къ населеннымъ мѣстностямъ домонгольскаго періода, крѣпка народная память и живучи сохраняемыя ею преданія, это съ поразительною ясностью доказало ученому міру указанное мною выше преданіе о Торчѣ, лѣтописномъ Торческѣ, или Торційскомъ градѣ, поразительнымъ образомъ совпадающее съ лѣтописнымъ разсказомъ объ осадѣ Торческа половцами въ 1093 году. Въ виду этого обстоятельства я думаю, что и Ольшаницкое преданіе, съ совершенною прозрачностью указывающее на Райгородъ, какъ на домонгольскій стольный княжескій городъ со многими церквами, едва ли такъ незначительно, чтобы не обращать на него никакого вниманія. Напротивъ, въ виду полной исторической достовѣрности преданія о Торчѣ, я думаю, что и ольшаницкое преданіе заслуживаетъ самаго полнаго и глубокаго нашего вниманія.

Уже одно то обстоятельство, что въ Райгородѣ существуетъ древнее городище, съ которымъ связывается народное преданіе о Райгородѣ, какъ о домонгольскомъ княжескомъ стольномъ городѣ „со многими церквами", между тѣмъ какъ ни въ Бѣлой-Церкви ни въ Ерчикахъ никакого древняго городища не существуетъ, и никакого древняго преданія не сохранилось, склоняетъ преимущество пріуроченія древняго Юрьева къ Райгороду, а не къ Бѣлой-

---

[1]) Части городища Райгородка, хотя оно и обращено въ пахатное поле, и доселѣ называются такими именами, которыя напоминаютъ о бывшемъ здѣсь значительномъ населеніи, напр., Ткачівщина, Ковалівщина и т. п. По догадкѣ Фундуклея городище Райгородокъ есть слѣдъ удѣльнаго города князей Ольшанскихъ, или Гольшанскихъ (о нихъ см. у Стрійковскаго I, стр. 317—8). Похилевичъ къ с. Ольшаницѣ пріурочиваетъ извѣстіе Стрійковскаго подъ 1527 г. (ч. II, стр. 394) о томъ, что русскіе князья, собравшись у Кіева, гонили татаръ за Кіевъ миль 40 «az do Holsczanicy»; но мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ скорѣе рѣчь можетъ идти о р. Ольшанкѣ, впадающей въ Днѣпръ ниже впаденія Роси.

Церкви и не къ Ерчикамъ; но само-собою разумѣется, что это апріорное заключеніе можетъ получить силу вывода рѣшительнаго и окончательнаго лишь въ томъ только случаѣ, если мы докажемъ, что во 1-хъ, всѣ вообще лѣтописныя свидѣтельства о Юрьевѣ, юрьевцахъ и юрьевскихъ епископахъ, взятыя въ ихъ совокупности и взаимной связи, равно основанные на нихъ выводы какъ о значеніи Юрьева, такъ и о его мѣстоположеніи, легко, безъ всякихъ натяжекъ, пріурочиваются къ Райгороду Ольшаницкому, а во 2-хъ, что всѣ или, по меньшей мѣрѣ, нѣкоторые изъ этихъ свидѣтельствъ и выводовъ гораздо естественнѣе и легче пріурочиваются къ Райгороду, чѣмъ къ какому-либо другому пункту лѣвой половины Поросья, какъ напр. къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, къ которымъ Юрьевъ по существующимъ догадкамъ пріурочивается.

Итакъ приступимъ теперь къ оцѣнкѣ разсмотрѣнныхъ нами выше лѣтописныхъ свидѣтельствъ съ точки зрѣнія примѣнимости ихъ къ Райгороду, Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ.

1-е. Изъ лѣтописнаго разсказа 1142 г. мы вывели, что *Юрьевъ* находился между *Городцемъ* и *Рогачевымъ*, слѣдовательно былъ болѣе или менѣе центральнымъ городомъ въ удѣлѣ, данномъ Игорю на Поросьи. Изъ слѣдующей таблички разстояній:

	до Кагарлыка:	*до Рогачей*:
отъ *Ольшаницы*	25 верстъ, ...	85 верстъ,
„ *Бѣлой-Церкви*. . . .	49 верстъ, ...	33 версты,
„ *Большихъ Ерчиковъ*. .	81 верста, ...	20 верстъ,

мы видимъ, что по отношенію къ Кагарлыку и Рогачамъ наиболѣе центральнымъ пунктомъ является прежде всего Бѣлая-Церковъ, затѣмъ Райгородъ и наконецъ Ерчики, но что тѣмъ не менѣе по силѣ упомянутаго вывода, если взять его въ отдѣльности, мѣстоположеніе Юрьева можетъ быть безъ всякаго затрудненія пріурочено не только къ Бѣлой-Церкви, но и къ Райгороду, и къ Ерчикамъ. Кромѣ того, изъ того-же лѣтописнаго разсказа выведено было нами, что Юрьевъ, будучи центральнымъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе значительнымъ и важнымъ и, по всей вѣроятности, и *стольнымъ княжескимъ городомъ* въ удѣлѣ Игоря. А такъ какъ въ лѣвомъ районѣ бассейна Роси только о Райгородѣ сохранилось преданіе, какъ о стольномъ княжескомъ городѣ, и

такъ какъ ни о Бѣлой-Церкви, ни о Ерчикахъ и ни о какомъ другомъ пунктѣ лѣвой половины Поросья такого преданія не сохранилось, то это обстоятельство и склоняетъ преимущество пріуроченія Юрьева къ Райгороду, а не къ Бѣлой-Церкви, Ерчикамъ или къ какому-либо другому пункту.

2) Лѣтописныя извѣстія о юрьевскихъ епископахъ сами по себѣ указываютъ лишь вообще на *Юрьевъ*, какъ на ближайшую, на ряду съ *Бѣлгородомъ* (теперь м. Бѣлогородка кіевскаго у.), къ *Кіеву* епископію. Изъ слѣдующей таблички разстояній:

	до Кіева:	*до м. Бѣлогородки:*
отъ *Ольшаницы*	83 версты, ...	80 верстъ,
„ *Бѣлой-Церкви*. . . .	76 верстъ, ...	63 версты,
„ *Большихъ Ерчиковъ* . .	92 версты, ...	74 версты,

мы видимъ, что по отношенію къ Кіеву и Бѣлогородкѣ наиболѣе центральнымъ пунктомъ является прежде всего Райгородъ (Ольшаница), затѣмъ Бѣлая-Церковь и наконецъ Ерчики, но тѣмъ не менѣе очевидно, что упомянутыя извѣстія, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, могутъ быть примѣнены не только къ Райгороду, но также и къ Бѣлой-Церкви и даже, хотя и не безъ натяжки, къ Ерчикамъ. Дѣло въ томъ, что эти извѣстія, указывая на Юрьевъ какъ на городъ, въ которомъ въ теченіи по меньшей мѣрѣ 159-ти лѣтъ существовала епископія, свидѣтельствуютъ этимъ самымъ о томъ, что Юрьевъ былъ городомъ *значительнымъ по отношенію къ развитію въ немъ церковной жизни*. А такъ какъ въ лѣвой половинѣ Поросья только о Райгородѣ сохранилось воспоминаніе, какъ о городѣ, въ которомъ было „*много церквей*“, между тѣмъ какъ ни о Бѣлой-Церкви, ни о Ерчикахъ и ни о какомъ другомъ пунктѣ лѣвой половины Поросья такого преданія не сохранилось, то это обстоятельство въ свою очередь дастъ намъ основаніе пріурочивать Юрьевъ именно къ Райгороду, а не къ какому-либо другому пункту лѣвой стороны Поросья.

3) Лѣтописное извѣстіе 1095 г. (а также и находящееся съ нимъ въ тѣснѣйшей связи извѣстіе 1103 г.) указываетъ въ общихъ чертахъ на топографическое отношеніе *Юрьева* къ р. *Саковицѣ* (за которою жили засаковцы) и къ *Святополчу*, теп. Стайкамъ. Изъ слѣдующей таблицы разстояній:

	до устья Саковицы:	*до Стаекъ:*
отъ *Ольшаницы*	46 верстъ, ...	48 верстъ,
„ *Бѣлой-Церкви.* . . .	82 версты, ...	62 версты,
„ *Большихъ Ерчиковъ* . .	111 верстъ, ...	90 верстъ,

мы видимъ, что извѣстіе это гораздо удобнѣе пріурочивается къ Райгороду Ольшаницкому, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, такъ какъ Райгородъ, во 1-хъ, и къ Саковицѣ и къ Стайкамъ ближе, во 2-хъ, по отношенію къ нимъ центральнѣе, чѣмъ Бѣлая-Церковь и Ерчики.

4) Изъ сопоставленія лѣтописныхъ извѣстій 1147 и 1154 г. мы сдѣлали выводъ о томъ, что *Каневъ*, какъ городъ юрьевской епархіи, былъ ближе къ *Юрьеву*, чѣмъ къ *Кіеву*. Изъ слѣдующей росписи разстояній:

отъ *Канева до Кіева*	96 верстъ,
„ „ „ *Ольшаницы* . . .	56 „
„ „ „ *Бѣлой-Церкви* . .	90 „
„ „ „ *Большихъ-Ерчиковъ*	122 версты,

мы видимъ, что упомянутый выводъ гораздо удобнѣе примѣняется къ Райгороду, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви, и что онъ едва-ли можетъ быть примѣненъ къ Ерчикамъ, такъ какъ отъ Канева гораздо ближе къ Кіеву, чѣмъ къ Ерчикамъ.

5) Изъ сопоставленія лѣтописныхъ свидѣтельствъ 1159 и 1154 и другихъ мы вывели заключеніе о томъ, что *Юрьевъ* находился вообще между *Бѣлгородомъ*, *Росью* и *Каневомъ*. Изъ слѣдующей таблички разстояній:

	до Бѣлгородки:	*до Канева:*
отъ *Ольшаницы*	80 верстъ, ...	56 верстъ.
„ *Бѣлой-Церкви* . . .	63 версты, ...	90 „
„ *Большихъ Ерчиковъ* . .	74 „	122 версты,

мы видимъ, что, по отношенію къ Бѣлгородкѣ и Каневу, Райгородъ является и наиболѣе близкимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе центральнымъ пунктомъ. Но и безъ этихъ выкладокъ достаточно взглянуть на карту Поросья, чтобы убѣдиться въ томъ, что упомянутое заключеніе, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, гораздо удобнѣе примѣняется къ Райгороду Ольшаницкому, лежащему на Роси именно въ указанномъ направленіи между Бѣлогородкой и Каневомъ, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, такъ какъ

и Бѣлая-Церковь и тѣмъ болѣе Ерчики отъ линіи Бѣлгородка—Рось—Каневъ лежатъ въ сторонѣ, къ западу.

6) Въ разсказѣ Владиміра Мономаха (пунктъ III) группируются, какъ мы видѣли, пункты одной и той-же мѣстности, не слишкомъ далеко отстоящіе отъ *Днѣпра* (Торчъ, Краснъ), со стороны котораго по преимуществу и дѣлали свои набѣги половцы на правобережную Русь. Изъ слѣдующей росписи разстояній:

до ближайшаго пункта Днѣпра:

отъ *Ольшаницы* 44 версты (до Ржищева),
„ *Бѣлой-Церкви* 56 верстъ (до Триполья),
„ *Большихъ Ерчиковъ* 83 вер. (до Триполья),

мы видимъ, что и этотъ разсказъ, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, гораздо удобнѣе пріурочивается къ Райгороду, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, такъ какъ Райгородъ ближе къ Днѣпру, чѣмъ послѣдніе два пункта.

7) Извѣстіе 1162 г. указываетъ въ общихъ чертахъ на отношеніе *Юрьева* къ бассейну *Ротка*. Изъ слѣдующей росписи разстояній:

до Рутецкаго озера:

отъ *Ольшаницы* . . . . . 30 верстъ,
„ *Бѣлой-Церкви* . . . . . 17 „
„ *Большихъ Ерчиковъ* . . . 30 „

нельзя не замѣтить, что упомянутое извѣстіе, взятое въ отдѣльности, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, легче всего пріурочивается къ Бѣлой-Церкви, и мы видѣли, что это и есть то единственное свидѣтельство, которое г. Похилевичъ могъ-бы привести въ пользу своей гипотезы; но при сопоставленіи его съ другими естественнѣе предполагать, что въ 1162 г. половцы появились изъ-за Роси къ Юрьеву приблизительно по тому-же пути, по которому они появились къ нему и въ 1095 г. (пунктъ VI-й), по которому они отъ Бѣлогорода бѣжали за Рось въ 1159 году, (пунктъ XIV-й), и, быть можетъ, по которому преслѣдовалъ ихъ Владиміръ Мономахъ въ 1085 году (пунктъ III-й), а такъ какъ извѣстія о всѣхъ этихъ событіяхъ, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, гораздо удобнѣе, какъ мы видѣли, пріурочиваются къ Райгороду, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, то это обсто-

ятельство побуждаетъ насъ пріурочивать и извѣстія 1162 г. къ Райгороду, а не къ Бѣлой-Церкви и не къ Ерчикамъ. Кромѣ того, изъ сопоставленія лѣт. свидѣтельствъ 1162, 1095 и 1103 гг., мы вывели заключеніе о Юрьевѣ, какъ о важномъ *стратегическомъ пунктѣ, защищавшемъ отъ половцевъ доступъ къ перепетовской равнинѣ.* Достаточно, кажется мнѣ, взглянуть на карту Поросья и всмотрѣться въ положеніе Райгорода, Бѣлой-Церкви и Ерчиковъ, по отношенію къ этой равнинѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что упомянутому значенію Юрьева гораздо болѣе соотвѣтствуетъ мѣстоположеніе Райгорода, лежащаго въ юго-восточномъ углу равнины, ближайшему къ той сторонѣ, съ которой обыкновенно появлялись половцы, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви, лежащей къ сѣверо-западу отъ Райгорода, на западной окраинѣ равнины, и что положеніе Ерчиковъ вовсе не соотвѣтствуетъ указанному значенію Юрьева, такъ какъ они лежатъ даже и не при окраинѣ равнины, но въ сторонѣ отъ нея, къ западу.

Теперь подведемъ итогъ всѣмъ тѣмъ результатамъ, къ которымъ приводитъ насъ наше розысканіе о мѣстоположеніи лѣтописнаго Юрьева въ лѣвой половинѣ полости Роси.

Лѣтописный Юрьевъ есть теперешнее городище Райгородъ близъ села Ольшаницы васильк. у., на прав. берегу р. Гороховатки, въ просторѣчіи—Ольшаницы, недалеко отъ впаденія ея въ Рось. Доказательствами сему служатъ: а) существованіе древняго городища въ Райгородѣ и связанное съ этимъ городищемъ народное преданіе о Райгородѣ, какъ о домонгольскомъ княжескомъ стольномъ городѣ со многими церквами; б) несуществованіе древнихъ городищъ и подобнаго преданія въ другихъ мѣстахъ лѣвой половины Поросья, къ которымъ, по предположеніямъ, древній Юрьевъ пріурочивается (въ Бѣлой-Церкви и Ерчикахъ); в) близкое совпаденіе лѣтописнаго свидѣтельства 1142 г. о Юрьевѣ, какъ объ удѣльномъ княжескомъ городѣ и цѣлаго ряда историческихъ свидѣтельствъ о Юрьевѣ, какъ о епископіи, съ упомянутымъ выше народнымъ преданіемъ о Райгородѣ; г) полное соотвѣтствіе всѣхъ лѣтописныхъ указаній и намековъ, взятыхъ въ ихъ совокупности и взаимной связи, на мѣстоположеніе и стратегическое значеніе Юрьева мѣстоположенію Райгорода; д) большая степень примѣнимости большей части упомянутыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ (см.

пункты 3, 4 и 6-й) къ положенію Райгорода, чѣмъ къ положенію другихъ пунктовъ лѣвой стороны Поросья, какъ, напр., Бѣлой-Церкви и Ерчиковъ; е) значительное неудобство пріуроченія нѣкоторыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о мѣстоположеніи Юрьева (см. пункты 5 и 7-й) ко всякому другому пункту лѣвой половины Поросья (напр. къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ), кромѣ Райгорода; ж) шаткость и несостоятельность мнѣній, по которымъ Юрьевъ лѣтописнаго извѣстія 1142 г. слѣдуетъ отличать отъ Юрьева на Роси всѣхъ прочихъ лѣтописныхъ извѣстій о немъ, каково, напр., мнѣніе автора „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ", отождествляющее Юрьевъ извѣстія 1142 г. съ Городцемъ остерскимъ; з) шаткость и несостоятельность существующихъ предположеній о мѣстоположеніи Юрьева на Роси, каковы гипотезы Похилевича, отождествляющаго Юрьевъ съ теперешнею Бѣлой-Церковью, и Н. Барсова, пріурочивающаго Юрьевъ къ Ерчикамъ сквирскимъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что если оцѣнивать обѣ существующія гипотезы о мѣстоположеніи Юрьева на Роси,—гг. Похилевича и Н. Барсова, сравнительно, съ точки зрѣнія лѣтописныхъ свидѣтельствъ въ ихъ совокупности и взаимной связи, то должно отдать предпочтеніе гипотезѣ г. Похилевича, такъ-какъ она, какъ мы видѣли, имѣетъ хоть кое-какое основаніе въ лѣтописныхъ указаніяхъ и, во всякомъ случаѣ, постольку ближе къ истинѣ, чѣмъ гипотеза г. Барсова, поскольку Бѣлая-Церковь ближе къ Райгороду, чѣмъ Ерчики, между тѣмъ, какъ гипотеза Барсова основана лишь на случайномъ созвучіи имени *Юрьевъ* и слова *ерчикъ*. Но, тѣмъ не менѣе, отвергая традицію и преемство имени въ этомъ случаѣ, нельзя не признать вообще, что, при розысканіяхъ въ области лѣтописной топографіи, послѣ лѣтописныхъ указаній и намековъ на мѣстоположеніе той или другой мѣстности, взятыхъ въ ихъ совокупности и взаимной связи, и *имя*, *звукъ* имѣетъ громадное значеніе и нерѣдко невзначай освѣщаетъ новымъ свѣтомъ самыя лѣтописныя свидѣтельства и приводитъ къ положительнымъ и достовѣрнымъ заключеніямъ. До какой степени живуча традиція древнихъ именъ, въ этомъ мы имѣли случай убѣдиться и въ этой статьѣ, въ которой имена: *Рогачи (Рогачевъ, Рiачевъ, Иріачевъ), Городецъ* (въ Кагарлыкѣ), р. *Саковица* въ значительной степени помогли намъ подвинуть и обосновать наше розысканіе о

самомъ Юрьевѣ. Въ виду этой живучести традиціи древнихъ именъ, и такъ какъ мы уже отчасти напали на звуковой слѣдъ *„юрьевцевъ“* въ имени южной половины Стаекъ, лѣтописнаго Святополча,— *„Гуриновка“*, представляющемъ совершенно правильное, подкрѣпляемое лѣтописными варьяціями этого имени, видоизмѣненіе имени *Гуриновка*, неизбѣжно долженъ возникнуть предъ нами вопросъ, не существуетъ-ли и въ самомъ Райгородѣ, или по меньшей мѣрѣ въ его ближайшихъ окрестностяхъ чего либо, что̀ хоть сколько нибудь сближало-бы Райгородъ съ лѣтописнымъ Юрьевомъ и *по имени?*

Въ отвѣтъ на это я могу представить слѣдующія соображенія:

1) По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ у Фундуклея, рѣчка *Гороховатка*, на прав. берегу которой расположено городище Райгородокъ, въ просторѣчіи называется *Ольшаницей*. Но изъ того, что рѣчка эта такъ называется *въ просторѣчіи*, выходитъ, что болѣе древнее, сохранившееся по преданію имя „Гороховатка“ сдѣлалось непонятнымъ, а потому и стало выходить изъ употребленія, замѣняясь понятнымъ, произведеннымъ отъ названія села именемъ „Ольшаница“. Да и въ самомъ дѣлѣ, имя „Гороховатка“, съ забвеніемъ его первоначальнаго смысла, должно было представляться страннымъ и необычнымъ, по сравненію съ другими именами рѣчекъ, заимствованными отъ именъ растеній. Дѣло въ томъ, что такія имена даются рѣчкамъ обыкновенно по некультурнымъ, дико растущимъ растеніямъ, которыми поростаютъ ихъ берега или воды, а не по культурнымъ, каковымъ является горохъ. Если мы переберемъ для сравненія названія всѣхъ многочисленныхъ рѣчекъ богато орошеннаго Поросья, то въ числѣ ихъ встрѣтимъ не мало рѣчекъ съ именами, произведенными отъ именъ растеній некультурныхъ, каковы имена: *Березянка*, *Нехворощъ*, *Орѣховатка*, *Орѣшна*, *Осична* (отъ *осика=осина*), *Репяхъ*, *Рогозна*, *Рокитна*, *Шандра* [1]), и за исключеніемъ Гороховатки не встрѣтимъ ни

---

[1]) *Орѣховатка* на в.-т. и спеціальныхъ картахъ надписана *Орѣховецъ*; *Рогозна* надписана *Рубченка*, и при ея верховьи означено село *Рубченка*. На самомъ-же дѣлѣ село это называется *Рубченки*, а рѣчка Рогозной потому, что она изобилуетъ водянымъ растеніемъ *аиръ*, по малорусски—*рогоза*. *Рокитна* получила названіе отъ растенія *рокиты*, или *верболоза*, во множествѣ растущаго по ея лугамъ. *Шандра* на в.-т. и спеціальныхъ картахъ надписана *Руда* (ру-

одного названія, произведеннаго отъ имени растенія культурнаго. Въ виду этой несообразности названія рѣчки по имени культурнаго растенія, а также въ виду того несомнѣннаго факта, что нерѣдко имена небольшимъ рѣчкамъ даются по именамъ населенныхъ мѣстъ, которыя на нихъ расположены, каково и нынѣшнее имя занимающей насъ рѣчки въ просторѣчіи, каково имя р. Корсунки, на которой стоитъ Корсунъ и т. д., мы смѣло можемъ предположить, что первоначальное имя и нашей рѣчкѣ дано было по имени того населеннаго мѣста, которое на ней въ древности находилось, что имя это было *Гургова*, уменьшительное—*Гургов-ица*, *Гурговка* (ср. въ бассейнѣ Роси имена рѣчекъ: Каменица, или Каменка, Саковица, Ольшаница, или Ольшанка, Узяница), а если такъ, то и первоначальное имя Райгорода было не иное, какъ *Гурговъ*; но съ тѣхъ поръ, какъ древній Гурговъ былъ разрушенъ и опустошенъ и вблизи его возникло новое поселеніе и съ новымъ именемъ, имя Гурговицы стало, конечно, непонятнымъ, вслѣдствіе чего, подъ вліяніемъ случайнаго созвучія съ вполнѣ понятнымъ словомъ *горохъ*, оно рядомъ постепенныхъ звуковыхъ измѣненій и могло превратиться въ *Гороховица*, или *Гороховатка* [1]).

2) Что касается имени городища „*Райгородъ*", то, въ виду вышесказаннаго, необходимо заключить, что оно представляетъ собою не иное что, какъ вторую звуковую вѣтвь того-же самаго

да=болото), но *шандрою* называется болотное растеніе, извѣстное своимъ непріятнымъ запахомъ и наркотическими свойствами. Очень можетъ быть, что и имя рѣчекъ *Узинъ*, *Узка* (лѣтописная Възяница) произошло отъ имени растенія. Въ сѣверно-русскомъ словарѣ, приложенномъ при «Причитаньяхъ сѣв. края, ч. 1, М. 1872», изд. *Е. Барсовымъ*, встрѣчается: *узикъ*—трава водяная.

[1]) Имена: *Георгъ*, *Гюрг*, *Горг и горох*, кромѣ значительнаго созвучія, могли сблизиться въ народной фантазіи и по миѳическо-поэтическимъ представленіямъ, съ ними связаннымъ. Ср. воспоминаніе о царѣ *Горохѣ* и сказочномъ Покоти-*Горошкѣ*, съ одной стороны, и духовные стихи и легенды о *Егоріи Храбромъ*. Ср. народный разсказъ въ «Малорусскихъ преданіяхъ и разсказахъ» (стр. 140), составленный въ формѣ діалога между двумя односельчанами: «Хто-жъ теперъ буде миромъ управляти?» —А то, кажуть,—Юрко!» — «Отсе було-бъ добре: вінъ-би сихъ чортовихъ панівъ тее» ...

имени, отъ котораго пошло и имя рѣчки, т. е. что имя Райгородъ есть видоизмѣненіе имени *Гурій*, *Гурій*—городъ въ *Гурай*—городъ, вполнѣ соотвѣтствующее видоизмѣненію въ малорусскомъ языкѣ имени Юрій въ Юрахъ, Юрась, или Еврахъ, Еврась (какъ это встрѣчается, напр., въ думѣ о Юріи Хмѣльницкомъ), а затѣмъ—сокращеніе его въ *Урай*, *Рай*-городъ [1]). А что имя Юрій существуетъ и въ настоящее время въ малорусскомъ языкѣ въ формѣ Урай, блестящимъ доказательствомъ тому служитъ слѣдующая волынская пѣсня о св. Юріѣ, или Егоріѣ Храбромъ, который въ народныхъ поэтическихъ представленіяхъ является истребителемъ волковъ, зміевъ и всякихъ гадовъ, устроителемъ земли свято-русской и покровителемъ какъ земледѣльческаго, такъ и пастушескаго труда, и которому между прочимъ приписывается отмыканіе росы:

Та Урай матку кличе:
—Та подай, матко, ключа одімкнути небо,
Выпустити росу, дівоцькую красу.
Та дівоцькая краса, якъ *літняя* роса:
У *меду* потопае, въ *вині* выринае.
Та *Урай* матку кличе и пр...
Выпустити росу, парубоцькую красу.
Парубоцькая краса, якъ *зімняя* роса:
Въ *смолі* потопае, въ *дёгтю* выринае (Чубинскій, III, 30—1 [2]).

---

[1]) У г. Барсова (Очерки р. ист. геогр., прим. 205) встрѣчается слѣдующая замѣтка: «На Роси мы видимъ *Урогородокъ*, къ югу отъ Канева, на лѣвомъ берегу Роси, почти у самаго поворота ея теченія на сѣверъ». Догадываюсь, что г. Барсовъ впалъ въ странное недоразумѣніе, именно превратилъ въ *Урогородокъ* (Юрьевъ городокъ) обозначенное на в.-т. картѣ на лѣвомъ берегу Роси, немного выше устья Саковицы, *Уроч. Городокъ*, т. е. *урочище* Городокъ.—Замѣчательно, что два предмѣстья м. *Линецъ* липовецкаго у. (лежатъ на равнинѣ, при соединеніи рѣчекъ *Соба*, *Собка* и *Вязовицы*) называются: *Ольшанка* и *Райки*. Въ кіевской губ. есть еще *Райгородъ* — село черкасскаго у., при р. Тясминѣ. Въ волынской губ. есть *Райгородокъ* въ южной части житомирскаго у. Въ подольской губ. есть *Райгородъ*, м. гайсинскаго у., при р. Бугѣ. Въ харьковской губ. есть *Райгородокъ*—слобода изюмскаго у., на р. Торцѣ, и *Райгородка*—слобода старобѣльскаго у., при р. Айдарѣ. Въ астраханской губ. есть *Райгородокъ*—село черноярскаго у., при р. Малой Воложкѣ.

[2]) Недавно этой пѣснѣ посчастливилось войти въ кругъ изслѣдованій А. А. Потебни (Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ пѣсень, Фил. Вѣстникъ, 1882, № 3, стр. 129), который и объяснилъ ее съ свойственнымъ ему умѣньемъ.

Не мѣшало-бы какому нибудь завзятому и состоятельному любителю археологіи, какихъ теперь, со времени учрежденія періодическихъ археологическихъ съѣздовъ, появилось немало, порыться ради любознательности въ почвѣ древняго городища Райгородка у Ольшаницы. Хотя, конечно, наши древніе города были далеко не то, что Геркуланумъ и Помпея, тѣмъ не менѣе, авось откопалось-бы что либо, что́-бы хоть сколько нибудь пополнило и оживило наши, основанныя на сухихъ, отрывочныхъ и болѣе или менѣе случайныхъ замѣткахъ лѣтописи, представленія о лѣтописномъ Юрьевѣ, этомъ нѣкогда „златомъ столѣ“ и „епископіи“ привольнаго, текшаго медомъ и млекомъ Поросья [1]).

М. Андреевскій.

---

[1]) Для облегченія читателей въ разсмотрѣніи и соображеніи всѣхъ пунктовъ изслѣдуемой мѣстности, перечислимъ въ азбучномъ порядкѣ всѣ надписи, сдѣланныя на картѣ юрьевскаго княжества и всего Поросья:

Р. Атака.

с. Баранье Поле.
с. Безрадичи Старые.
р. Березянка.
р. Боборъ.
р. Бобрица (близъ Канева).
р. Бобрица (близъ Триполья).
г. Богуславъ.
р. Боровица.
р. Боярка.
с. Брилевка.
с. Бровки.
р. Бутень Мокрый.
р. Бутень Сухой.
р. Быстра.
р. Быстрикъ (притокъ Орѣховатки).
м. Бѣлая-Церковь.
м. Бѣлгородка.

г. Васильковъ.
р. Верховенка.
с. Витачевъ.
м. Володарка.
г. Вышгородъ.

р. Гнилой Тикичь.
р. Голубка.
р. Гончица.
р. Гороховатка.
р. Горькій Тикичь.
с. Гребенки.
р. Грузький.

с. Деренковець.
р. Днѣпръ.
р. Дунаецъ.
р. Дунайка.

с. Емчиха.
с. Ерешки.
с. Ерки.
с. Ерчики Большіе.
с. Ерчики Жидовецкіе.
с. Ерчики Малые.

р. Жива.
р. Жигалка.
р. Жидь.
с. Житні Горы.

с. Зеленьки.

р. Иква.
р. Ирпень.
м. Кагарлыкъ.
р. Кагарлыкъ Мокрый.
р. Кагарлыкъ Сухой.
р. Калена.
р. Каменка (близъ р. Раставицы).
р. Каменка (близъ р. Корсунки).
г. Каневъ.
р. Кисловка.
г. Кіевъ.
с. Ковали.
р. Кожанка.
м. Корсунъ.
р. Корсунка.
р. Котлуй.
р. Котлярка.
р. Коянка, или Коза.
р. Красна.
с. Красно.
р. Крива.

р. Лаврикъ.
р. Легличь.
р. Лымарка.

м. Медвинъ.
р. Мира.
с. Мировка.

с. Михайловка.
р. Молодецька.
р. Молочна.
р. Мыка.

р. Насташка.
р. Нехворощь.
с. Николаевка.

с. Ольшаница.
р. Ольшанка.
р. Орѣховатка.
р. Орѣшна.
р. Осична.
с. Острая Могила.
с. Острійки.

р. Паволочка.
Перепетиха (курганъ).
Перепетовское поле
Перепетъ (курганъ).
г. Переяславъ.
р. Погань, или Зубрь.
с. Половецька Большая.
с. Половецька Малая.
р. Потокъ.
с. Почуйки.
с. Пустовойты.

р. Раставица.
Райгородъ (городище).
р. Репейка.
р. Репяхъ.
с. Ржавець Большой.
с. Ржавець Малый.

м. Ржищевъ.
с. Рогачи.
р. Рогозна.
р. Рокитна.
м. Рокитна.
р. Росава.
р. Рось.
р. Роська.
р. Ротокъ.
р. Руда.

р. Саковица.
р. Салиха.
с. Сальковъ.
р. Самецъ.
р. Свись.
с. Селище.
р. Синица.
р. Синявка.
с. Синявка.
р. Сітня.
с. Ситники.
р. Скваровка.
г. Сквира.
р. Сквира.
р. Смотруха.
м. Стайки.
с. Степанцы Большіе
Степь (ржавецкая).
Степъ (пустовойтовская).
Степь (тикичская).
р. Стругъ.
р. Стугна.
р. Ступка.
р. Субодъ (Соботъ).
р. Супой.

г. Тараща.
р. Торгань.
р. Торчица.
с. Торчица.
Торчь (городище).
р. Торчь Южный.
м. Триполье.
р. Трубежъ.
р. Тясминъ.
Турчинъ лѣсъ (урочище).

р. Унава.
р. Узинъ.
р. Узка.

м. Фастовъ.

р. Халча.
р. Ходоровка.
р. Холопъ.
р. Хоробра.
р. Хрещатый Яръ.

с. Черкасъ.
Черкесъ-Долина.
р. Черна.
р. Чернявка.
р. Чучинка.

р. Шандра.
р. Шанова.
р. Шполка.

с. Яблуновъ.

СТРАШНЫЙ ІОСИФЪ*).

(Переводъ съ польскаго).

I.

Въ началѣ царствованія Станислава Августа, число стремившихся ко двору лицъ знатнаго происхожденія было очень незначительно. Тѣмъ легче, поэтому, достигали значенія при дворѣ ловкіе интриганы, избравшіе себѣ широкій, но скользкій путь карьеры. При этомъ, не личныя заслуги, а удачливость, умѣнье завладѣть на болѣе или менѣе продолжительное время благосклонностью непостояннаго короля, имѣли рѣшающее значеніе. Если послѣдній Пястъ лишалъ благосклонности кого нибудь изъ своихъ избранниковъ, то это было скорѣе слѣдствіемъ равнодушія и забвенія, чѣмъ каприза или гнѣва... Избранникъ, разъ онъ хотѣлъ остаться имъ долго, долженъ былъ постоянными мелкими услугами напоминать о себѣ своему доброму господину, безпрестанно убѣждать его въ своей необходимости, непрерывно выступать съ заявленіями привязанности, почти граничащей съ обожаніемъ. Такого образа дѣйствій держался Іосифъ Стемпковскій, и вотъ почему послѣднія 25 лѣтъ его жизни протекли для него такъ благополучно. Дошло до

*) Opowiadania historyczne. Dr. Antoni I. Serya 3, t. I, str. 171—221. Warszawa. 1882.—Іосифъ Стемпковскій, герой предлагаемаго очерка, не принадлежитъ нашей исторіи, но его имя неразрывно связано съ исторіею великаго движенія нашего народа 2-й половины XVIII в., извѣстнаго подъ именемъ *Коліивщины*. Исторія эта вообще мало обслѣдована, самое событіе остается еще подъ различными освѣщеніями. Помѣщаемая біографія, о которой въ свое время (см. Кіев. Стар. 1882 г., т. IV, стр. 569—573) данъ былъ нами отчетъ, содержитъ нѣкоторыя новыя данныя для исторіи *Коліивщины*; но гораздо болѣе интереса представляетъ безпристрастный, набросанный трудолюбивою и искусною рукою очеркъ лица, увѣковѣчившаго имя свое не чѣмъ-либо инымъ, какъ-ролью экзекутора или палача,

того, что въ значительной части современной ему Польши голосъ его имѣлъ рѣшающее значеніе. Разскажемъ здѣсь исторію этого счастливаго избранника; она любопытна во многихъ отношеніяхъ. Какъ въ зеркалѣ, отражается въ ней настроеніе извѣстнаго общественнаго слоя, въ рукахъ котораго находилась судьба „Рѣчи Посполитой".

Іосифъ Стемпковскій не былъ человѣкомъ новымъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ доказательство этого можно привести не мало упоминаній то въ тѣхъ, то въ другихъ документахъ объ его предкахъ. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ ничего смѣшнѣе генеалогій, фабрикованныхъ въ прошломъ столѣтіи. На видъ поражаютъ онѣ своимъ великолѣпіемъ: родословная тянется отъ Попеля, при чемъ авторъ такого вѣтвистаго дерева, если ему приходится указать на своихъ предковъ, жившихъ на Руси, съ спокойной совѣстью присовокупляетъ, что предки эти переселились изъ Мазовіи, хотя-бы въ XII или XIII вѣкѣ. Соблюденіе исторической истины не входитъ въ его соображенія.

И нашъ герой, для удовлетворенія своего тщеславія, обладалъ родословной, стоившей столькихъ-же трудовъ и сколоченной какимъ-то ученымъ кармелитомъ изъ Бердичева, пожалуй даже изъ Лабуни [1])... Между тѣмъ, современникъ Стемпковскаго, Букаръ, иначе высказывается по этому поводу. „Что касается знатности его происхожденія, пишетъ онъ, ничего не могу сказать, такъ

въ дѣйствіяхъ котораго отобразилась безграничная месть польской шляхты надъ беззащитнымъ украинскимъ народомъ, жаждавшая поголовнаго его истребленія. Исторія наша ждетъ еще полной картины казней, совершенныхъ во имя абсолютной мести; но, безъ ярко очерченной фигуры главнаго палача, эта картина никогда не была-бы полной, и въ этомъ отношеніи почтенный авторъ: «Страшнаго Іосифа» оказалъ ей значительную услугу. Если, по справедливому замѣчанію автора, въ дѣйствіяхъ Стемпковскаго, какъ экзекутора, отразился духъ вѣка и извѣстной части общества, то съ другой стороны эти экзекуторы, которыхъ исторія выставляетъ цѣлый рядъ, но далеко не въ одинаковомъ свѣтѣ, должны и каждый самъ по себѣ нести личную отвѣтственность за свои дѣйствія предъ потомствомъ. Не даромъ проклятіе народное легло на памяти Стемпковскаго и не легло оно на имени Понятовскаго и Браницкаго, подъ командою которыхъ онъ выполнялъ свою омерзительную роль.—Ред.

[1]) Имѣніе Стемпковскаго.

какъ всегда меньше всего интересуюсь этимъ вопросомъ, будучи убѣжденъ, что у насъ, въ странѣ, мало такихъ людей, знатность происхожденія которыхъ была-бы связана съ какими-нибудь историческими воспоминаніями".

Справедливо-ли это основаніе—спорить не станемъ; оставивъ въ сторонѣ этотъ выводъ относительно родовыхъ заслугъ, вкратцѣ изложимъ все дѣло, ссылаясь на историческіе источники.

Геральдикъ былъ-бы въ немаломъ затрудненіи, если-бы ему пришлось рѣшать вопросъ относительно фамиліи и герба Стемпковскихъ. Stępkowski или Stempkowski, а вѣдь можно найти и Stąpkowski-хъ? употреблялъ-ли онъ гербъ „Iunosza", или „Suche komnaty"? Минуя этотъ вопросъ, перейдемъ, говоря парламентскимъ языкомъ, къ очередному порядку. Мелочные споры о произношеніи фамиліи отложимъ въ сторону, такъ какъ указаніемъ относительно этого послужитъ намъ самъ герой, именно—его подписи на различныхъ региментарскихъ [1]) приказахъ, слѣдовательно на документахъ, носящихъ оффиціальный характеръ. Первый разъ встрѣчаемся мы съ фамиліей Стемпковскаго въ концѣ XVI вѣка. Въ 1598 году Христофоръ Радзивилъ, гетманъ литовскій, переуступилъ свое имѣніе, Полонское (Полонное), Григорію Сангушкѣ-Кошерскому; инвентарь этихъ имѣній былъ внесенъ въ книги гродско-луцкія, и на немъ подлѣ подписи подстарости [2]) помѣстилъ и свою подпись нѣкто Максимъ Стемпковскій, вѣроятно писарь. Онъ былъ русинъ и, какъ вся мѣстная шляхта того времени, принадлежалъ къ церкви восточной; еще до сихъ поръ мы встрѣчаемъ много представителей этой фамиліи среди православнаго клира. Упомянутая нами вѣтвь раньше всего ополячилась, поэтому-то съ тѣхъ поръ Стемпковскіе все чаще и чаще встрѣчаются въ исторіи волынской земли. Такъ въ 1606 году одинъ изъ нихъ, Матвѣй, является уже подстаростой луцкимъ. Конечно, чинъ это очень скромный... Но уже 17 лѣтъ спустя землевладѣльцы, собравшіеся въ томъ-же городѣ для отдачи инструкцій своимъ посламъ на сеймъ, не забыли помянуть въ отдѣлѣ, озаглавленномъ „petita", и предковъ Іосифа: „просить, говорится тамъ, его Величесто, коро-

---

[1]) Региментарь—командующій войсками, извѣстною ихъ частію или отрядомъ.

[2]) Подстаростій—помощникъ старосты.

ля, за Стемпковскаго, подчашія [1]) волынскаго, который всѣхъ своихъ сыновей отправлялъ въ различныя экспедиціи, а именно: Гавріила, прежде въ Валахію, а потомъ съ его Высочествомъ, Королевичемъ, въ Москву, съ приличнымъ иждивеніемъ, при чемъ все тамъ осталось; потомъ другаго Даніила, съ покойнымъ гетманомъ (Жолкевскимъ) въ Валахію, и этотъ тоже погибъ тамъ со всѣмъ имуществомъ; 3-ій-же (Петръ) доставляетъ почту ко двору Его Величества, Короля, уже нѣсколько лѣтъ: господа послы обязываются просить... о вознагражденіи". Изъ сказаннаго явствуетъ, что оба старшіе брата погибли—одинъ въ московскомъ походѣ, другой—подъ Цецорой; оказалось, однако, что палъ лишь средній, старшій-же попалъ только въ плѣнъ, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ возвратился подъ родную кровлю. Послѣ смерти Сигизмунда III, волынская шляхта поспѣшила на такъ наз. каптуровые [2]) суды въ Луцкъ, и между собравшимися тамъ мы встрѣчаемъ и двухъ сыновей подчашія: Гавріила, уже подстолія [3]) и Петра, стольника [4]) волынскаго. Въ 1641 году въ посольскихъ инструкціяхъ помѣщики опять ходатайствуютъ за Гавріила Стемпковскаго, старосту владимірскаго, владѣльца „Несвича" съ угодіями (имѣніе, находящееся въ двухъ миляхъ отъ Луцка) каштеляна [5]) брацлавскаго (чинъ этотъ онъ получилъ въ 1638 году), причемъ перечисляются его *merita*.

Исторію домашнихъ отношеній этого-то Гавріила написалъ Пржездзецкій въ видѣ монографіи, носящей названіе его родоваго имѣнія... мрачную, кровавую, но для того времени очень обыкновенную исторію. Сынъ его былъ избранъ въ 1650 году посломъ на сеймъ отъ земли волынской, а въ 1653 году и отъ воеводства кіевскаго. Послѣ Гавріила каштеляномъ брацлавскимъ сдѣлался Стефанъ, умершій въ 1674 году. Къ этой-же семьѣ принадлежалъ и Янъ Людвигъ, епископъ каменецкій, время управленія котораго совпало съ тяжелой эпохой козацкаго нашествія: епархія его лежала въ развалинахъ, уцѣлѣло лишь нѣсколько храмовъ внѣ Каменца—

---

[1]) Подчашій—виночерпій.

[2]) Временные суды въ Польшѣ во время междуцарствія.

[3]) Подстолій—помощникъ стольника.

[4]) Стольникъ—чиновникъ, смотрѣвшій за королевскимъ столомъ.

[5]) Каштелянъ—сановникъ, засѣдавшій въ сенатѣ.

extra muros—и то въ червоногродскомъ уѣздѣ. Епископъ сочинялъ жалобныя пастырскія посланія, призывалъ къ возобновленію храмовъ Божіихъ; но была-ли тутъ возможность думать объ этомъ возобновленіи, когда даже въ прихожанахъ чувствовался недостатокъ, такъ какъ цѣлыя поселенія были уничтожены огненнымъ дыханіемъ кровожаднаго вожака. Стемпковскій этотъ умеръ въ 1660 году въ Каменцѣ, не дождавшись лучшей участи. Еще разъ, а именно въ 1712 году, мы встрѣчаемся съ довольно подробными историческими указаніями относительно нѣсколькихъ членовъ изъ дома Стемпковскихъ. Три родные брата (Степанъ, Иванъ и Федоръ) ведутъ тяжбу съ женой Власа Шишнаровича Сынгаевскаго, отнимаютъ у нея часть села Мошки, находящагося подъ Бердичевомъ, пользуясь смертью помѣщика, убитаго козаками, причемъ сама женщина не могла съ ними справиться. Въ 1722 году на историческое поприще выступаетъ Яковъ, каштелянъ жарновскій, въ заслугу которому можно поставить развѣ только то, что онъ удержался на каштелянствѣ ровно 42 года, до самой своей смерти, т. е. до 1764 года. Онъ былъ женатъ два раза: въ первый разъ на Аннѣ Генриковской, во второй—на Терезѣ Гешъ, дочери генералъ-маіора; отъ послѣдней у него остался сынъ Иванъ, отъ первой-же—Іосифъ, герой нашего разсказа.

Отецъ имѣлъ имѣніе въ Галиціи и скромно сидѣлъ на своей нивкѣ, не имѣя гдѣ развернуться; молодежь, хватившая немного науки, вѣроятно у львовскихъ іезуитовъ, бросилась въ широкій свѣтъ искать лучшей доли...

Судьба сблизила Іосифа съ Францомъ Ксаверіемъ Браницкимъ. Оба каштеляничи [1]), оба бѣдняки съ немалой склонностью къ разгульной жизни, сразу прильнули другъ къ другу. Для Стемпковскаго эти отношенія съ будущимъ гетманомъ были истиннымъ даромъ провидѣнія, подобно тому, какъ для Браницкаго его сближеніе съ стольникомъ литовскимъ [2]) и совмѣстное пребываніе съ послѣднимъ въ Петербургѣ. Послѣ возвращенія Понятовскаго изъ его экскурсіи на берега Невы, молодые жарновскіе каштеляничи ближе познакомились съ нимъ. Всѣ трое мало походили другъ на

---

[1]) Каштеляничъ—сынъ каштеляна.

[2]) Понятовскимъ—будущимъ королемъ польскимъ.

друга, но тѣмъ прочнѣе была ихъ связь. Прекрасно образованный, съ утонченно-вѣжливымъ свѣтскимъ обращеніемъ, сердечный, несмотря на свою приверженность къ этикету—Станиславъ, ех-посолъ, а въ то время, вѣроятно, уже и ех-любовникъ, олицетворялъ собою въ этомъ кружкѣ цивилизаціонный элементъ... Товарищи постоянно льстили ему, поклонялись, удивлялись... Счастливецъ! взоръ высокопоставленной женщины остановился на немъ...

Понятовскій не могъ существовать безъ безпрестанныхъ овацій; приблизительно около того-же времени онъ самъ пишетъ о себѣ слѣдующее: „я такъ люблю быть любимымъ и восхваляемымъ, что если-бы опасеніе стать смѣшнымъ и знаніе свѣта не пріучили меня воздерживаться въ этомъ отношеніи, я могъ-бы сдѣлаться чрезвычайно тщеславнымъ“.

Браницкій занималъ второе мѣсто въ этомъ кружкѣ и представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ искателя приключеній, притомъ космополита. Одаренный безумной отвагой, истинно польской хвастливостью, дерзскій до бѣшенства, онъ не переносилъ ни малѣйшаго противорѣчія. Онъ обладалъ достаточно свѣтскимъ обращеніемъ, зналъ хорошо языки и съ саблей при боку не разъ побывалъ во многихъ странахъ Европы; къ женщинамъ былъ неравнодушенъ, но не видя въ романѣ ни цѣли, ни жизненной потребности, предпочиталъ, кажется, утѣшеніе за чарой наслажденіямъ любви, конечно вѣнчающейся успѣхомъ. Со стольникомъ соединяли его самыя близкія отношенія. Понятовскій ухаживалъ за его сестрой, Елизаветой, которая пользовалась большимъ вліяніемъ на брата, а еще большимъ на любовника. Будучи старше ихъ обоихъ—въ 1750 году, когда стольнику было едва 17 лѣтъ, Елизавета была уже матерью; она отличалась сверхъ того энергіей мужчины... Будучи женой двухъ воеводичей, сначала смоленскаго, потомъ мстиславскаго, она славилась своей красотой въ концѣ царствованія Августа III. Ея преданное сердце усладило „Стасю“ не одну минуту, и только гораздо позже она сдѣлалась однимъ изъ самыхъ болѣзненныхъ терній въ его тяжелой, хотя съ такой любовью носимой имъ коронѣ.

Къ этому кружку принадлежали и Стемпковскіе. Иванъ старался во всемъ подражать стольнику, Іосифъ—Францу. Первый—обходительный, вѣжливый, скромный, больше слушалъ, чѣмъ говорилъ, заботился о пріобрѣтеніи свѣтскаго лоска, былъ влюбленъ

въ дипломатическую карьеру; второй пристрастился къ рыцарскому ремеслу, но не обладая истинно воинскимъ духомъ, весь потонулъ исключительно въ формахъ. Грубый, размашистый, онъ до самой своей смерти не снялъ польскаго костюма, подбривалъ лобъ и затылокъ, носился съ анекдотами, причемъ эти его *jovialitates* снискивали ему приверженцевъ, способствовали его популярности. Шляхта, особливо пограничная, надрывалась отъ смѣху за сальными шутками пана воеводы.

Браницкій послѣ смерти отца получилъ панцырную хоругвь; панъ Іосифъ, въ подражаніе ему, также постарался получить званіе ротмистра и служить въ иностранномъ ауторамент̀ѣ. Это былъ мужчина средняго роста, хорошо сложенный, съ лицомъ пріятнымъ и открытымъ, причемъ наружность его обращала на себя вниманіе еще и той особенностью, что его висячіе усы были двухцвѣтные: одинъ темный, другой льняного цвѣта... Само собой разумѣется, что ротмистромъ былъ онъ лишь для виду и выступалъ въ этой роли только въ торжественныхъ случаяхъ. Обстоятельствамъ было угодно, чтобы портретъ Стемпковскаго именно въ этомъ марсовомъ костюмѣ перешелъ въ потомство. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Кіевскій староста, извѣстный Василій Потоцкій, облюбовавъ унію, принялъ подъ свое особенное покровительство монашескій орденъ базиліановъ почаевскихъ и такъ много дѣлалъ въ его пользу, что почаевскіе монахи и до сихъ поръ молятся за его душу, хотя уже давно перестали быть послѣдователями уніи... Староста, какъ извѣстно изъ исторіи, построилъ монастырь, построилъ церковь, наконецъ занялся приготовленіями къ коронаціи чудотворной почаевской иконы, и актъ этотъ былъ отпразднованъ съ необыкновенной торжественностью въ началѣ царствованія Станислава Августа. Герой нашъ выступалъ во время празднества во главѣ своей хоругви. Потоцкій поручилъ какому-то неумѣлому художнику увѣковѣчить этотъ моментъ, а ксендзъ граверъ изъ Бердичева воспроизвелъ это художественное произведеніе на бумагѣ. Первое лицо во главѣ военнаго кортежа и есть Іосифъ Стемпковскій.

Но не станемъ предупреждать событій.

Въ 1764 году Понятовскій сдѣлался королемъ. На руку это было Браницкому, ничего не потеряли отъ этого жарновскіе каште-

ляничи. Младшій получилъ званіе шамбеляна, старшій не оставилъ военнаго поприща. Послѣдній, вѣроятно, пошелъ-бы далеко, если-бы захотѣлъ для карьеры пожертвовать своими убѣжденіями; но онъ этого не сдѣлалъ, а потому на всю жизнь остался при своемъ скромномъ званіи. Іосифъ, болѣе сговорчивый, считалъ для себя болѣе подходящимъ, или по крайней мѣрѣ болѣе выгоднымъ держаться при королѣ, или хотя при комъ-нибудь изъ его любимцевъ. Поэтому неудивительно, что въ матеріальномъ отношеніи онъ устроился очень хорошо. Благодаря стараніямъ Браницкаго, онъ попалъ въ коммиссію, составлявшую въ 1767 году регламентацію для кавалерійскихъ полковъ, „по которой они должны были производить воинскія упражненія, какъ конныя, такъ и пѣшія". Коммиссія состояла изъ предсѣдателя, князя Августа Чарторыжскаго, и двѣнадцати членовъ, въ числѣ которыхъ фигурировалъ и Іосифъ Стемпковскій, но безъ всякаго титула... Это былъ первый шагъ, и не такой ничтожный по значенію, какъ это сразу можетъ показаться. Предсѣдательствующимъ въ коммисіи былъ всегда или сенаторъ, или иной высокій сановникъ, такъ какъ званіе это считалось очень почетнымъ; въ члены-же избирались люди, знакомые съ военнымъ дѣломъ. Шляхта, читая ихъ предписанія, любопытствовала знать имена составителей, и вотъ въ числѣ знакомыхъ фамилій встрѣчается съ незнакомой фамиліей Стемпковскаго... Кто это? спрашиваютъ другъ друга шляхтичи... Должно быть человѣкъ опытный въ военномъ искусствѣ, разъ онъ попалъ сюда... И вотъ первый шагъ къ повышеніямъ.

Такъ обстояли дѣла, когда разразилась барская смута.

Королевскимъ приверженцамъ представлялся случай доказать свою привязанность къ его величеству. Браницкій, въ то время генералъ коронныхъ войскъ, генералъ артиллеріи литовской, кавалеръ польскихъ орденовъ, староста перемышльскій, великій ловчій [1]) коронный, самъ навязывался Понятовскому.

— Повелите только, ваше королевское величество, сказалъ онъ ему,—и я пойду и разсѣю эту свору...

Король охотно принялъ эту жертву, и вотъ, въ первыхъ числахъ іюля 1768 года, Браницкій былъ уже въ Подоліи во главѣ нѣсколь-

---

[1]) *Ловчій* — егермейстеръ.

кихъ полковъ, а помощникомъ его, „субалтерномъ“, или обознымъ [1]) былъ назначенъ Іосифъ Стемпковскій. Главнокомандующій не щадилъ для него похвалы и ежеминутно доносилъ королю о его заслугахъ и самопожертвованіи.

„Бдительность обознаго нисколько не уступаетъ моей, пишетъ онъ 4-го іюля изъ Ходорова. Относительно его съ спокойной совѣстью могу засвидѣтельствовать, что искренно, охотно и не щадя издержекъ помогаетъ мнѣ“.

Первое столкновеніе произошло подъ Зинковомъ съ отрядомъ Славошевскаго. Браницкій нападалъ, Стемпковскій сначала стоялъ въ резервѣ, а подъ конецъ помогалъ авангарду. Перестрѣлка окончилась побѣдой королевскихъ приверженцевъ. Силы были неравныя. Само собой разумѣется, въ Варшаву немедленно былъ отправленъ рапортъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ, и, вѣроятно, много было въ немъ сказано объ обозномъ, такъ какъ въ отвѣтѣ Понятовскаго мы встрѣчаемъ слѣдующее упоминаніе о немъ: „прошу сердечно обнять отъ меня регментаря Стемпковскаго, поддержавшаго авангардъ съ такой поспѣшностью (nie kłusem, ale pędem). Станиславъ-Августъ назвалъ обознаго регментаремъ, вѣроятно, изъ вѣжливости, или по своей забывчивости, такъ какъ панъ Іосифъ имъ еще тогда не былъ.

Вскорѣ была одержана новая побѣда. Баръ былъ взятъ. Пало 400 конфедератовъ, въ плѣнъ было взято еще больше, и въ числѣ взятыхъ находился и Иванъ Стемпковскій, шамбелянъ, братъ Іосифа. Встрѣча братьевъ была очень тягостна для ихъ обоихъ... Они вели долгую бесѣду наединѣ, которая не привела, однако, къ желанному соглашенію. Убѣжденія Ивана не поколебались, что дѣлаетъ ему честь. Ему грозило изгнаніе въ далекія степи—тѣмъ не менѣе онъ не покорился. А такъ какъ это было еще въ началѣ, и начальники русскихъ войскъ еще не получили точныхъ инструкцій относительно того, какъ поступать съ заключенными, то, по просьбѣ короля, освобождали нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ былъ и шамбелянъ.

— Взятъ Стемпковскій? спрашивалъ Станиславъ-Августъ у Браницкаго: не тотъ-ли это, что былъ при моемъ дворѣ? Если тотъ, то передай ему отъ меня, что сердце мое не предубѣждено противъ

---

[1]) Обозный—квартирмейстеръ.

него; но пусть помнитъ на другой разъ, что безъ меня лучше не вмѣшиваться въ такія дѣла!

Освобожденный панъ Иванъ возвратился въ Галицію, не простившись даже съ братомъ, и, кажется, они больше уже не видѣлись...

Но это была послѣдняя побѣда. Обозный, однако, успѣлъ получить награду, о чемъ усердно хлопоталъ Браницкій: „прошу ваше королевское величество орденъ для него переслать въ мои руки, причемъ онъ останется у меня до тѣхъ поръ, пока Стемпковскій не получитъ чего нибудь побольше“.

Послушный король два раза отправлялъ звѣзду святаго Станислава, но она ни разу не доходила по назначенію.

Дальнѣйшія судьбы нашего героя, сражающагося съ рыцарями св. Маріи въ окрестностяхъ Днѣстра, не заключаютъ въ себѣ ничего интереснаго. Полгода провелъ онъ въ постоянной перекочевкѣ, въ собираніи фуража, въ „военныхъ посѣщеніяхъ“ спокойныхъ обывателей (помѣщиковъ), подозрѣваемыхъ въ симпатіяхъ къ заговорщикамъ. Стемпковскій требовалъ отъ компутовыхъ [1]) строгаго воздержанія, но самъ очень часто не соблюдалъ его. Для виду, comme le général du jour, такъ иногда называетъ его Браницкій, онъ присутствовалъ ежедневно при обнародованіи войсковаго приказа, выдавалъ билеты на выѣздъ изъ обоза. Послѣ такихъ тяжелыхъ трудовъ слѣдовалъ отдыхъ: бесѣда за бутылкой, а при такой бесѣдѣ все предавалось забвенію. Кто-либо изъ офицеровъ замѣнялъ обознаго; случалось однако, что заступающій мѣсто начальника, служащій подъ королевскимъ знаменемъ, втайнѣ сочувствовалъ конфедератамъ...

Бѣда не велика, за то сколько развлеченій и удовольствій! Веселился и ловчій коронный, веселился и обозный въ многочисленномъ обществѣ помѣщиковъ, съ щирымъ сердцемъ привѣтствующихъ такъ называемыхъ спасителей...

Да и что-же имъ было дѣлать? Изъ двухъ золъ—лучше ужъ угощать свои, чѣмъ чужія войска.

---

[1]) *Компутовымъ* войскомъ въ Польшѣ называлось постоянное войско, содержащееся на счетъ Рѣчи Посполитой.

II.

Но когда не съ кѣмъ уже было воевать на равнинахъ Подоліи, такъ какъ конфедераты тихо сидѣли въ бессарабскихъ степяхъ, когда, наконецъ, и уманская рѣзня была усмирена, необходимо было подумать о судѣ и расправѣ. До сихъ поръ Стемпковскій только повидимому принималъ участіе въ усмиреніи черни, таскаясь то съ отрядомъ Кречетникова, то съ отрядомъ Апраксина, теперьже принялъ на себя активную роль экзекутора.

Бартошевичъ, говоря о Браницкомъ, восклицаетъ съ нѣкоторымъ негодованіемъ: „вмѣстѣ съ Стемпковскимъ одерживалъ легкія побѣды и моремъ крестьянской крови потушилъ пожаръ Украины“.

Однако Браницкій не былъ лишенъ нѣкоторыхъ заслугъ въ данномъ случаѣ; онъ умиротворялъ ожесточеніе шляхты и наушничанья вѣрноподданныхъ, бросая имъ насмѣшки въ глаза:

— „Благодаря вамъ—говорилъ онъ—происходятъ эти волненія; при малѣйшемъ намекѣ на нашествіе гайдамакъ всякій жидъ и шляхтичъ спѣшитъ уйти за границу и увезти, кого возможно. Оставшіяся безъ руководителей села принимаются за воровство и разбой“.

Ревностные сторонники экзекуціи пятились какъ-бы окаченные ушатомъ холодной воды, пристыженные такимъ заявленіемъ. Наконецъ, Браницкій обладалъ еще однимъ магическимъ словомъ для усмиренія этого кровожаднаго рвенія.

— Кто-же будетъ обрабатывать ваши поля—шепталъ онъ просителямъ, требующимъ неумолимаго правосудія,—если вы истребите ихъ до одного?..

Король, приведенный въ ужасъ многочисленными казнями, постоянно писалъ Браницкому: „Довольно! Если вамъ угодно, лучше ужъ клеймите десятаго“... Неосторожный совѣтъ. Стемпковскій примѣнилъ его буквально.

Три человѣка имѣли право жизни и смерти (jus gladii) въ это тяжелое время въ пограничныхъ областяхъ: Браницкій, Дубравскій, судья житомирскій и Іосифъ Стемпковскій.

Дубравскій приводилъ въ ужасъ взбунтовавшихся крестьянъ. Въ Житомирѣ засѣдало нѣчто въ родѣ коммисіи, на подобіе тепе-

решнихъ временныхъ судовъ. Предсѣдателемъ ея былъ Дубравскій, помощниками его—Выверскій, Лабенцкій и Почентовскій. Проступки разбирались въ ней со всей добросовѣстностью. Дубравскій былъ маленькій человѣкъ и такого слабаго сложенія, что даже литой поясъ былъ для него слишкомъ тяжелъ и, вслѣдствіе этого, онъ не носилъ сабли, а опоясывался ремнемъ съ серебрянной застежкой, привѣшивая къ нему небольшой кинжалъ... Но это не мѣшало ему быть очень храбрымъ, и когда шляхта, при извѣстіи о „коліивщинѣ", потеряла голову,—одинъ Дубравскій не только не потерялъ ея, но, по примѣру знаменитыхъ ротмистровъ XVII вѣка, бросился прямо въ огонь и потушилъ его въ кіевскомъ и волынскомъ Полѣсьи. Послѣ этого онъ сдѣлался пугаломъ ожесточеннаго крестьянства. Обвиняемыхъ въ убійствѣ онъ отсылалъ въ Кодню, мѣстечко, находящееся на разстояніи трехъ миль отъ города тамъ стояла польская команда, а во главѣ оной находился Іосифъ Стемпковскій...

Приговоры житомирскаго суда были приведены въ исполненіе въ первой половинѣ сентября. Русскій писатель, Максимовичъ, утверждаетъ, что тамъ обезглавлено было въ продолженіи этого времени 114, а повѣшено болѣе 200 преступниковъ (різунівъ). Однако, по неволѣ является вопросъ, отчего народъ не заклеймилъ проклятіемъ ни Браницкаго, ни Дубравскаго, а сохранилъ воспоминанія только объ одномъ Стемпковскомъ?

Извѣстный русскій писатель Антоновичъ, вмѣстѣ съ Драгомановымъ, издавали нѣсколько лѣтъ въ Кіевѣ историческія пѣсни малорусскаго народа, очень интересныя во многихъ отношеніяхъ. Въ одной части этого труда собраны такъ называемыя гайдамацкія думы. Эти пѣсни еще не вышли въ свѣтъ, но если даже часть слышанныхъ нами войдетъ въ ихъ сборникъ,—имя „страшнаго Іосифа" займетъ въ нихъ первое мѣсто... О „страшномъ Іосифѣ" повѣтствовалъ долго украинскій крестьянинъ, слѣпой лирникъ переносилъ изъ села въ село разсказы о грозномъ панѣ, который снималъ головы „невинныхъ людей, какъ маковки"!...

Могилы казненныхъ въ Коднѣ уже давно поросли травой; одно поколѣніе успѣло совсѣмъ вымереть, но еще второе и третее повторяло нѣчто въ родѣ проклятья, брошеннаго недоброму человѣку.

— Да не минетъ тебя святая Кодня! *Колибъ тебе не минула святая Кодня!*

Исторія и народныя преданія—двѣ совершенно различныя вещи. Преданіями можно пользоваться, но очень осторожно, разъ существуетъ желаніе добросовѣстно служить исторіи. Однако, въ данномъ случаѣ, и исторія и преданія идутъ рука объ руку: въ обѣихъ запечатлѣна несомнѣнная истина... Опять невольно является вопросъ—отчего товарищи страшнаго Іосифа не удостоились такой печальной чести, отчего не воскресли они, подобно ему, въ пѣсняхъ украинскаго народа? Вы скажете, можетъ быть, что Дубравскій только подписывалъ приговоры, между тѣмъ какъ Стемпковскій приводилъ ихъ въ исполненіе. Да, но и Браницкій присутствовалъ въ Сербахъ, когда четвертовали Гонту, и когда сотни товарищей послѣдняго шли подъ топоръ блюстителя правосудія... Однако-же на ловчаго нѣтъ и намека въ народномъ преданіи!.. Въ чемъ-же лежитъ причина этого? Вопросъ рѣшается легко, если возобновимъ въ памяти событія того времени. Какъ геній разрушенія, обрушился обозный на Полѣсье. Путь свой онъ намѣчалъ висѣлицами, при чемъ вздергивалъ каждаго, казавшагося ему подозрительнымъ; но таковымъ казался ему почти всякій встрѣчный крестьянинъ, а потому въ это время повальнаго бѣгства въ лѣса, гдѣ люди искали временнаго убѣжища,—жертвъ его оказалось не мало. Онъ прибылъ, наконецъ, въ Кодню. Расположенное среди болотъ и трясинъ, мѣстечко это производило какое-то тяжелое впечатлѣніе. Общества въ немъ не было никакого, такъ какъ подкомандные бригадиры, Дзержекъ и Любовицкій, и поручики Дрогоевскій, Дедеркалъ, Поморскій и Веверковскій отправились въ разъѣзды, обшаривая ближайшія и дальнѣйшія окрестности... Дубравскій присылалъ преступниковъ изъ Житоміра, но ими не удовлетворялся Стемпковскій. Вѣдь не напрасно-же король далъ ему право жизни и смерти (право меча)? Шляхта жаждала экзекуцій... и онъ не скупился на нихъ; король совѣтовалъ клеймить— и онъ старался угодить лучшему изъ королей...

Онъ не вдавался въ мелочи, не допрашивалъ—кто болѣе виноватъ, а кто менѣе; каждый пойманный былъ у него преступникомъ, кандидатомъ на висѣлицу.

Народъ не проклиналъ Дубравскаго, такъ какъ послѣдній былъ въ его воображеніи олицетвореніемъ правосудія; онъ не бросилъ проклятія Браницкому, такъ какъ ловчій коронный наказывалъ гайдамакъ лишь на дымившихся кровью поляхъ, причемъ обвиняемыхъ ему отдавали въ руки русскія войска съ оговоркой, что отдаютъ виновниковъ рѣзни, слѣдовательно, преступниковъ... Стемпковскій, напротивъ даже спустя 3 мѣсяца послѣ взрыва не колебался примѣнять смертную казнь. Пора уже было остыть, пора было изслѣдовать причины страшной катастрофы... А ему легче было это сдѣлать, чѣмъ кому-бы то ни было другому, такъ какъ въ его отрядѣ находился Шелестъ, окозаченный крестьянинъ, приверженецъ короля и Рѣчи-Посполитой.

Вѣдь Шелестъ громко разсказывалъ свою простую исторію, и всякій, желавшій слушать, слушалъ ее. Отъ него-же и въ той-же Коднѣ узналъ о ходѣ всего волненія Игнатій Игнатóвичъ, войскій [1]) червоноградскій, впослѣдствіи, 12 лѣтъ спустя, секретарь пограничной коммисіи „между польской Украйной и Новороссіей". Онъ-то и передалъ потомству исторію Шелеста. Шелестъ былъ богуславскимъ сотникомъ; мѣсяца за 4 до рѣзни, запорожцы, укрывавшіеся въ мотроненскомъ лѣсу, предложили ему принять участіе въ походѣ на ляховъ и жидовъ, присовокупляя, что этотъ походъ уже не будетъ обыкновеннымъ гайдамацкимъ набѣгомъ, но рѣзней, покровительствуемой „ея величествомъ императрицей" и окончится вѣчнымъ счастіемъ украинскаго крестьянства. И для Шелеста свобода имѣла невыразимое очарованіе. Долго думалъ онъ, какъ поступить, а мужикъ, какъ видно, былъ „смышленый": „если это правда", сказалъ онъ себѣ, „что царица хочетъ дать волю польскимъ крестьянамъ, то, вѣроятно, знаетъ объ этомъ и кіевскій намѣстникъ. До Кіева не далеко, при случаѣ и мощамъ святымъ поклониться можно".

И вотъ ѣдетъ Шелестъ къ генералу Воейкову и спрашиваетъ его безъ обиняковъ, какъ обстоитъ дѣло, передавая при этомъ слухи, распространившіеся въ украинскихъ степяхъ. Генералъ-губернаторъ похвалилъ козака, но сказалъ ему, что „ея императорское вели-

---

[1]) Войскій—чиновникъ наблюдавшій за спокойствіемъ въ краѣ, во время всеобщаго ополченія.

чество, русская монархиня, далека отъ мысли принимать подъ свой протекторатъ разбойниковъ". Ну, и возвратился Шелестъ домой; круто обращался онъ во время волненій съ гайдамаками, а послѣ прибытія Стемпковскаго въ Кодню, поспѣшилъ со своею дружиною къ его услугамъ и ревностно помогалъ ловить грабителей. Тѣмъ не менѣе, этотъ фактъ обращенія за справками очень характеренъ.

Обозный, вѣроятно, зналъ эту исторію. Если-бы онъ захотѣлъ обдумать ее серьезно, онъ не могъ-бы не придти къ заключенію, что народъ дѣйствовалъ не подъ вліяніемъ собственныхъ кровожадныхъ инстинктовъ, но былъ лишь орудіемъ въ рукахъ подстрекателей, которымъ, однако, почти всѣмъ удалось ускользнуть изъ предѣловъ Рѣчи-Посполитой [1]).

Темное заднѣпровское духовенство, религіозный антагонизмъ, прозелитическая политика, веденная на свой страхъ, наконецъ, излишняя свобода въ волостяхъ, расположенныхъ вдоль польской границы,—вотъ главныя причины рѣзни. Притѣсненія со стороны пановъ не могли быть поводомъ и искрой бунта, такъ какъ этихъ притѣсненій именно тамъ-то и не было. Только ослѣпленные ненавистью малорусскіе исторіографы, вовсе незнакомые съ мѣстными отношеніями, недоброжелательные и злонамѣренные, въ ложномъ свѣтѣ изображающіе долю украинскаго крестьянина, могутъ разсѣевать подобныя выдумки и ложь [2]).

Но возвратимся къ Стемпковскому. Нисколько не сдерживая своихъ страстей, онъ примѣнилъ во всемъ объемѣ страшный терроризмъ висѣлицы, и тогда только прекратилъ свои ужасныя дѣйствія,

---

[1]) Здѣсь уважаемый историкъ не имѣлъ мужества отступить отъ традиціоннаго пріема объясненія историческаго хода событій подстрекательствами, свѣдѣнія о которыхъ ни на чемъ не основаны.—Ред.

[2]) Не знаемъ, какихъ исторіографовъ разумѣетъ здѣсь почтенный авторъ и кого именно честитъ онъ столь сильными эпитетами. Есть однако полная возможность въ сужденіи о причинахъ возстанія 1768 г., выставляемыхъ авторомъ такъ односторонно, отрѣшиться отъ личныхъ воззрѣній и слѣдовать только указаніямъ современныхъ документовъ, каковы, между прочимъ, помѣщены въ I и II т. 1-й ч. Архива юго-зап. Россіи, 1865 г., равно начаты печатаніемъ въ «Кіев. Стар.» за 1882 г., т. III, стр. 523—552 и т. IV, стр. 89—119. Окончаніе послѣднихъ не замедлитъ, а они даютъ болѣе широкое очертаніе событію 1768 г., по его внутреннимъ, основнымъ мотивамъ, напрягавшимъ обѣ враждебныя стороны, и причинамъ внѣшнимъ, дѣйствовавшимъ на ослабленіе одной и усиленіе другой стороны.—Ред.

когда въ Варшавѣ громко начали порицать его излишнюю строгость... Даже самъ король разсердился на обознаго.

Неудовольствіе Станислава-Августа немедленно проявилось. Нѣсколько времени спустя, уже осенью, Браницкій, желая уѣхать изъ Подоліи, просилъ у короля позволенія передать Стемпковскому свою команду. Понятовскій запротестовалъ въ первый моментъ съ безпримѣрной настойчивостью, доказывая, что полковники не станутъ повиноваться Стемпковскому, не говоря уже о крѣпостныхъ комендантахъ: Коритовскомъ во Львовѣ и Виттѣ въ Каменцѣ, которые ни за что не пожелаютъ подчиниться его инструкціямъ. „Стемпковскій", присовокупляетъ онъ, „и въ польскихъ войскахъ не имѣлъ достаточнаго вѣса, такъ какъ свѣжи еще у всѣхъ воспоминанія о разныхъ очень недавнихъ событіяхъ, притомъ-же, я не могу быть увѣреннымъ, что, при его вѣжливости и гуманности, онъ не сдѣлаетъ, будучи подъ хмѣлькомъ, какихъ нибудь крупныхъ промаховъ, благодаря своему бурному темпераменту".

Выраженіе „разныя очень недавнія событія" можно себѣ объяснить двоякимъ образомъ: подъ нимъ подразумѣваются или получившія въ то время громкую извѣстность такъ называемыя „военныя посѣщенія", или слишкомъ строгое обращеніе съ украинскимъ крестьянствомъ. Браницкій однако не терялъ надежды на возможность переубѣдить Станислава-Августа, и, зная его характеръ, все настаивалъ на своемъ. „Обозный", писалъ онъ королю, „не такой человѣкъ, который былъ-бы способенъ командовать самъ, en chef, но какъ субалтернъ, какъ исполнитель, онъ незамѣнимъ. Въ случаѣ, еслибы пришлось драться или маневрировать, ему смѣло можно дать письменныя инструкціи, и онъ все исполнитъ въ точности". Браницкому, вѣроятно, удалось представить еще другіе, болѣе убѣдительные доводы, такъ какъ Станиславъ-Августъ поддался, наконецъ, его просьбамъ и согласился на его выѣздъ изъ Подоліи, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы онъ разставилъ по квартирамъ гвардейскіе и иные полки въ экономіяхъ брестской и козеницкой. Письмо короля заключается слѣдующими словами: „Если какія-либо непреоборимыя обстоятельства заставятъ тебя оставить Стемпковскаго при оставшейся еще горсти войска, то, по пріѣздѣ сюда, немедленно пошли ему приказъ распустить его".

Это происходило въ декабрѣ 1768 года. Страшный Іосифъ, не обращая вниманія на магнатовъ, упрекавшихъ его въ жестокости, ни на неблагосклонность къ нему короля, оставался въ пограничныхъ областяхъ въ роли единственнаго ихъ защитника. Генеральскій чинъ придавалъ ему больше вѣса, орденъ св. Станислава украшалъ его грудь, онъ именовалъ себя регментаремъ, хотя *de facto* сдѣлался имъ только годъ спустя; передъ нимъ были отряды конфедератовъ, медленно, но настойчиво проникавшихъ изъ бессарабскихъ степей въ Приднѣстровье, и нѣмое, но дикое и разсвирѣпѣвшее украинское крестьянство...

Съ конфедератами онъ не имѣлъ охоты мѣряться силами— дѣло было нелегкое! Онъ уступилъ эту роль союзническимъ предводителямъ, а самъ отправился въ Кіевщину, размышляя на досугѣ о средствахъ убѣдить короля въ томъ, что онъ воспользовался горстью войска, находящагося подъ его командой, для защиты страны, а слѣдовательно, непосредственно и для защиты интересовъ его величества въ этой странѣ...

Счастливый случай представился ему въ слѣдующемъ-же году.

Не смотря на „искреннее“ желаніе истребить всѣхъ участниковъ недавней рѣзни, страшный Іосифъ не могъ этого достичь даже при помощи пущенныхъ въ ходъ меча и висѣлицы: горсть ихъ сохранилась среди усмиреннаго народа. Страхъ овладѣлъ ими при вѣсти, что Стемпковскій сталъ во главѣ украинской арміи.

— „Отыщетъ насъ, найдетъ!“ говорили они: „онъ столькихъ уже сгубилъ со свѣта, какъ не добраться ему и до насъ? Такъ лучше-же попытать еще разъ счастія, соединиться въ гайдамацкіе станы, подѣлать заставы“...

Дѣло было рѣшено. Нѣсколько старыхъ запорожцевъ ободряли ихъ...

Не имѣя права взваливать всю вину на регментаря, мы приведемъ еще другой поводъ, способствовавшій соединенію крестьянъ въ шайки. Россія въ то время начала, какъ извѣстно, войну съ Турціей, и московскія войска двигались къ Днѣстру черезъ пограничныя провинціи, а такъ какъ эти-же войска взяли на себя уничтоженіе конфедератовъ, то дѣлали этимъ нѣкоторую услугу и Рѣчи-Посполитой. Одинъ изъ русскихъ предводителей, князь Прозоровскій, сформировалъ нѣсколько отрядовъ легкой конницы изъ

крестьянъ польской Украйны и съ успѣхомъ пользовался ими вмѣсто регулярныхъ войскъ для рекогносцировки линіи Днѣстра и разрушенія сельскихъ посадовъ вдоль этой рѣки. Такъ говоритъ г. Петровъ, прибавляя, что, для увеличенія числа этихъ импровизированныхъ солдатъ, тотъ-же князь обнародовалъ манифестъ, якобы приподнесенный ему крестьянами, въ которомъ послѣдніе, собравшись въ Бѣлой-Церкви, покорно просятъ царицу принять ихъ подъ свое покровительство въ виду возможнаго набѣга татаръ, вырѣзавшихъ уже Балту...

Былъ-ли политиченъ этотъ поступокъ, не говоря уже о его достоинствѣ въ иныхъ отношеніяхъ—легко осудитъ безпристрастный читатель, какъ легко понялъ это и главный начальникъ русскихъ силъ, князь Голицынъ.

На призывъ этого манифеста, какъ изъ земли выросли гайдамацкіе станы въ классической днѣпровской котловинѣ, въ окрестностяхъ мотренинскаго монастыря...

Запорожецъ Журба во главѣ 700 человѣкъ расположился въ лѣсу подъ Ольшовомъ, хорошо окопался и за землянымъ валомъ устроилъ еще вторую защитительную линію изъ вѣковыхъ дубовъ.

Панченко заперся въ летневецкомъ замкѣ, расположенномъ возлѣ Лысянки, съ 200-ми человѣкъ, съ достаточнымъ количествомъ пороха, амуниціи и съѣстныхъ припасовъ.

Тимченко укрѣпился подъ Звенигородкой въ густомъ бору также съ двумя стами гайдамакъ...

На готовѣ было болѣе 1000 вооруженныхъ грабителей, непримиримыхъ, увлеченныхъ двумя могучими чувствами—страха и мести, окончательно на все рѣшившихся и вполнѣ увѣренныхъ въ невозможности спасенія для себя во все время, пока страшный Іосифъ предводительствовалъ польской командой.

Но они пока не трогались съ мѣста, даже съ русскими войсками прекратили всякія сношенія!.. Народъ по селамъ зловѣще молчалъ, но жадно слѣдилъ за успѣхомъ гайдамакъ, прислушивался и ждалъ только кроваваго сигнала.

Въ затруднительномъ положеніи очутился Стемпковскій. Войско его было очень немногочисленно, пушки ни одной, передвиженіе затруднялось громадными снѣгами, между тѣмъ какъ гайдамацкіе лагери принимали все болѣе и болѣе угрожающій характеръ.

Панъ Іосифъ, благодаря своей проницательности, не бросился на гайдамакъ, но позаботился о пресѣченіи имъ всѣхъ путей сообщенія. Разбойникамъ была этимъ затруднена возможность подвоза припасовъ, чему много способствовало и то обстоятельство, что сборъ хлѣба въ 1768 году былъ крайне плохъ, такъ какъ хлѣбъ, хотя и отлично уродившій, или подвергся потравѣ, или пропалъ на корню... Всѣ незаселенныя мѣста надъ Днѣпромъ заняли польскія войска, наконецъ сама рѣка, величественно разлившаяся весной, представляла непобѣдимую преграду для маленькихъ шаткихъ челноковъ, употребляемыхъ въ народѣ.

Стемпковскій спокойно выжидалъ на готовѣ... Повторяемъ, это былъ баловень судьбы: она ему благопріятствовала во всемъ, и даже при томъ затруднительномъ положеніи, въ какомъ онъ находился, обстоятельства сложились такъ, чтобы сдѣлать его героемъ.

Кто-то началъ распространять въ народѣ прокламаціи, подписанныя какимъ-то козакомъ Иваномъ. Въ прокламаціяхъ этихъ ясно высказывалось, что такой-же врагъ народа москаль, какъ и ляхъ, и что не слѣдуетъ миловать обоихъ, такъ какъ только освободившись отъ нихъ украинскій мужикъ завоюетъ себѣ неограниченную свободу...

Прокламація эта имѣла громадный успѣхъ. Грабители начали нападать на мелкіе русскіе отряды, густою сѣтью разбросанные по Украйнѣ и до сихъ поръ бывшіе въ глазахъ простаго народа чѣмъ-то въ родѣ неприкосновенной святыни. Хорунжій Ларніевъ, командовавшій въ этой мѣстности войскомъ, предназначеннымъ для охраны магазиновъ, не могъ ничего подѣлать и обратился къ Стемпковскому за помощью.

Послѣднему это было какъ нельзя болѣе на руку. Начались преслѣдованія, прежде всего—за Шостакомъ, стоявшимъ во главѣ сотни гайдамакъ, особенно склоннымъ къ захвату русскаго провіанта... Однако эти попытки не имѣли успѣха. Шостакъ, какъ будто обученный партизанской войнѣ, постоянно ускользалъ у нихъ почти изъ рукъ, причемъ располагался обозомъ въ полѣ, народа онъ не бунтовалъ, а только грабилъ магазины, или пускалъ краснаго пѣтуха... Поговаривали, и не безъ основанія, что вице-бригадиръ Дзержекъ уже раза два держалъ въ своихъ рукахъ этого

разбойника, но, восхищенный его ловкостью, какъ-бы ненарочно щадилъ его.

Послѣ недолгаго совѣщанія главные предводители пустились на хитрости. Принялись сначала за Журбу. Въ посланномъ послѣднему письмѣ Ларніевъ предлагалъ вожаку соединиться съ вольницей, устроенной по повелѣнію князя Прозоровскаго. Разбойникъ отдѣлался шуткою: въ его памяти слишкомъ свѣжъ еще былъ поступокъ Кречетникова подъ Уманью, чтобы онъ могъ поддаться на эти парламентскіе уловки.

Не оставалось иного средства, какъ обратиться къ главному предводителю русскихъ войскъ. Обозный послалъ ему манифестъ брацлавской и кіевской шляхты, составленный въ Винницѣ, въ которомъ помѣщики порицаютъ формированіе козацкихъ отрядовъ въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой; одновременно Ларніевъ доносилъ, что провіанту угрожаетъ слишкомъ большая опасность. Тогда князь Голицынъ двинулъ порядочный корпусъ подъ предводительствомъ генерала Вунча, состоящій изъ 2000 донскихъ козаковъ, 60 стрѣлковъ и одного орудія. Все это, соединившись подъ командой Стемпковскаго, бросилось на гайдамакъ.

Подъ Ротмистрóвкой былъ разбитъ Шостакъ, дня три спустя— Журба. Оба вожаки пали на полѣ битвы. Тимошко былъ побѣжденъ также очень скоро, только съ Панченкомъ было больше трудовъ. Запершись въ своемъ замкѣ, онъ не поддавался и приходилось приступить къ осадѣ. Разбойники стрѣляли мѣтко и много осаждающихъ пало; въ числѣ павшихъ былъ и донской полковникъ Туровѣровъ... Тѣмъ не менѣе послѣ двухдневной бомбардировки гарнизонъ принужденъ былъ вывѣсить бѣлое знамя, причемъ упоенные успѣхомъ побѣдители души живой не выпустили изъ замка, а безъ пощады, по татарски изрубили всѣхъ до одного...

Стемпковскій, довольный возможностью похвастаться успѣхомъ, послалъ королю извѣщеніе о побѣдѣ. Растроганный Станиславъ-Августъ повѣрилъ, наконецъ, въ военныя способности обознаго. Онъ признательно благодарилъ его за самопожертвованіе, просилъ прекратить строгія мѣры и объявить народу амнистію. Стемпковскій подчинился волѣ государя; при посредствѣ священниковъ онъ увѣрилъ народъ въ помилованіи всѣхъ тѣхъ, которые разойдутся по домамъ и останутся въ „подобающей зависимости“.

Однако, только въ маѣ мѣсяцѣ могъ панъ Іосифъ отправиться въ Варшаву. Онъ былъ встрѣченъ тамъ, какъ спаситель, какъ человѣкъ, посланный провидѣніемъ: въ немногочисленномъ кружкѣ королевскихъ приверженцевъ его почти носили на рукахъ... Нашлись даже люди позавидовавшіе его лаврамъ... Понятовскій радовался прибытію вѣрнаго друга, а Стемпковскій, съ истинно шляхетскимъ добродушіемъ, разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ и оказывалъ при этомъ такое идолопоклонническое обожаніе его величеству, что разнѣженный король воскликнулъ со вздохомъ:

— О, еслибы страна имѣла поболѣе такихъ гражданъ!

Съ этого момента карьера нашего героя была упрочена. Онъ вышелъ на широкій путь повышеній. Одновременно съ этимъ, Браницкій отказался отъ регментарства, и король передалъ послѣднее Стемпковскому. Существуютъ документы, снабженные подписью новаго сановника; подъ фамиліей его фигурируетъ слѣдующее прибавленіе: генералъ-лейтенантъ, командующій дивизіями украинской и подольской.

Весь позднѣйшій періодъ барской конфедераціи Стемпковскій провелъ бездѣятельно въ пограничныхъ областяхъ, стоя во главѣ наблюдательнаго корпуса. Чего онъ здѣсь ждалъ,—и самъ онъ не зналъ хорошенько, какъ равно не знали этого и пославшіе его сюда.

Русскіе отряды, проходящіе чрезъ эту мѣстность, безъ страха проходили мимо него; крестьянство сидѣло тихо и, хотя отъ времени до времени не обходилось безъ экзекуцій, барщина была заведена повсюду, такъ какъ послѣдніе самые долгіе сроки льготъ („słobód“) уже миновали еще до рѣзни. Любимѣйшимъ мѣстопребываніемъ регментаря были луга подъ Чернобылью, и здѣсь былъ расположенъ его лагерь. Тихо и спокойно протекала здѣсь жизнь. Русскіе какъ-бы забыли о присутствіи польскихъ войскъ въ этой странѣ, а помѣщики принимали и угощали защитника отъ мужицкой напасти и отъ грабежа „конфедератской голоты“.

Разъ только—и то единственный разъ—русскіе союзники заподозрили Стемпковскаго въ желаніи передаться вмѣстѣ съ войскомъ на сторону бунтовщиковъ. Это было въ 1771 г., именно въ то время, когда присланъ былъ новый начальникъ русскихъ вооруженныхъ силъ, стоявшихъ на Украйнѣ, неспособный, отупѣвшій и подозрительный Эссенъ...

Мы не въ состояніи изобразить изумленіе и ужасъ Стемпковскаго. Онъ—въ числѣ недовольныхъ! Онъ, вмѣстѣ съ Браницкимъ разорившій Подолію, служа дѣлу короля; онъ—прервавшій отношенія съ братомъ изъ-за того только, что тотъ сталъ подъ знаменемъ барской конфедераціи, онъ, такъ ревностно подавлявшій всякіе бунты! Послѣ всего этого могъ-ли онъ измѣнить своему доброму господину, обратить въ ничто свои священныя убѣжденія? Панъ Іосифъ полетѣлъ въ станъ Эссена и до тѣхъ поръ оправдывался передъ слабоумнымъ старцемъ, съ такою искренностію, съ такимъ жаромъ доказывалъ неправдоподобіе обвиненія, что Эссенъ, наконецъ, повѣрилъ ему и взялъ назадъ свое подозрѣніе. Желая дать новое доказательство своей привязанности къ дѣлу короля, Стемпковскій, узнавъ о переходѣ недовольныхъ на сторону Литвы, просилъ Румянцева позволить ему приблизиться къ театру военныхъ дѣйствій. Румянцевъ былъ солдатъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и дипломатіей не занимался; не зная вѣрноподданническихъ чувствъ регментаря, онъ былъ очень недоволенъ этими его эволюціями и немедленно донесъ Екатеринѣ, что „польскій главнокомандующій, противъ всякихъ военныхъ правилъ, держится въ тылу арміи, между тѣмъ, какъ ему слѣдовало-бы давно занять другую, болѣе пристойную позицію; помощи и сочувствія незамѣтно съ его стороны, а потери постоянны, хотя-бы уже въ томъ отношеніи, что войска его питаются на счетъ страны, въ которой царская армія собираетъ провіантъ для себя“.

Румянцевъ слишкомъ далеко зашелъ въ своемъ требованіи: пусть свои, по его мнѣнію, не морятъ голодомъ провинцій, такъ какъ чужимъ можетъ недостать. И Стемпковскій, пристыженный, попятился къ Чернобылю, гдѣ и просуществовалъ до упадка конфедераціи и перваго захвата Польши...

III.

Во второй половинѣ 1772 года, именно 29 октября, король возвелъ регментаря въ достоинство сенатора. Кромѣ того, Стемпковскій былъ сдѣланъ кіевскимъ каштеляномъ. Понятовскому сильно хотѣлось имѣть вѣрнаго человѣка среди кіевскихъ землевладѣльцевъ; этого требовала политика двора. Адамъ Мощенскій съ

нѣкоторымъ цинизмомъ составляя свой дневникъ, доказываетъ, что Млодзеевскій, извѣстный своею подлостью канцлеръ, посовѣтовалъ Станиславу-Августу давать чины коронные и сенаторскіе шляхтѣ, которой предки едва-ли когда-нибудь шли дальше воеводства, при чемъ одного изъ нихъ, болѣе образованнаго, поставить во главѣ, вмѣнивъ ему въ обязанность вербовать приверженцевъ помощію раздачи разныхъ судебныхъ должностей, которыя прежде доставались имъ по рекомендаціи и не иначе, какъ при вмѣшательствѣ магнатовъ.

Принадлежалъ-ли этотъ проектъ Понятовскому, или авторомъ его былъ Млодзеевскій,—это не важно; довольно того, что уже около 1770 года почти въ каждой провинціи находился человѣкъ, державшій знамя королевской партіи и усидчиво трудившійся надъ увеличеніемъ числа королевскихъ приверженцевъ. На Литвѣ долгое время исполнялъ эту роль Тизенгаузъ, въ Великопольшѣ—Рачинскій, на Волыни—Олизаръ, въ люблинской землѣ—Стамирскій, въ сандомирской—канцлеръ Малаховскій, въ брацлавской—братья Грохольскіе, въ Подоліи—Липинскій. Кіевщина не имѣла еще руководителя, и вотъ послѣ перваго захвата, имъ является Іосифъ Стемпковскій и, слѣдуетъ воздать ему должное, ревностно исполняетъ свою обязанность...

Значительно раньше, чуть-ли еще не передъ барской конфедераціей,—такъ по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ предполагать, судя по замѣткамъ, находящимся у насъ подъ рукой,—Стемпковскій вступилъ въ бракъ съ Францишкой Тарковской, дочерью кастеляна брестскаго. Она была сирота, обладала большимъ состояніемъ и принесла мужу порядочное приданое. Ни жена Стемпковскаго, ни ея сестры—Гриневецкая, каштелянша каменецкая, и Морская,—ни даже дѣти ея не являются на политической аренѣ. Историки умалчиваютъ объ нихъ; все блѣднѣетъ въ яркомъ сіяніи, окружающемъ самого каштеляна. Въ виду его величія, хотя и дутаго, исчезаютъ во мракѣ забвенія жена, ближайшее потомство, боковыя вѣтви его рода.

Разъ только встрѣчаемъ мы каштеляншу въ роли полуофиціальнаго характера, а именно въ свитѣ, окружающей князя Репнина, когда послѣдній, въ качествѣ посла государыни, отправлялся въ Турцію; это было въ одинъ прекрасный юньскій день 1775 года,

на берегу Днѣстра, въ Жванцѣ. Въ палаткѣ генерала Ширкова, командовавшаго русскими войсками, собранными по поводу этого торжества, засѣдаютъ вмѣстѣ съ княземъ—посломъ и его супругой, генераломъ Воейковымъ и самимъ хозяиномъ: каштелянъ Адамъ Сулима Попель съ супругой, воеводичъ [1]) Александръ Любомирскій и кроткая супруга Іосифа Стемпковскаго. Если мужа ея не было въ окружающемъ ее обществѣ, то, вѣроятно, это произошло только потому, что ему, какъ региментарю, слѣдовательно лицу оффиціальному, это было неудобно, такъ какъ правительство Рѣчи Посполитой держало себя пассивно по отношенію къ турецкому вопросу, не желая возстановить противъ себя безпокойнаго сосѣда. Иное дѣло сама каштелянша: хотинскій паша смотрѣлъ на женщину съ свойственной ему точки зрѣнія, а потому для него было безразлично—одна, двѣ или три женщины благословляли его недавняго противника... Описаніе торжества, впрочемъ очень скромнаго, не входитъ въ составъ нашего разсказа.

Новый сенаторъ немедленно позаботился о пріобрѣтеніи земельной собственности въ кіевской области. Съ этою цѣлью, онъ продалъ свои галицкія имѣнія, которыя находились теперь за рубежемъ и притомъ не были особенно обширны. По счастливому для него стеченію обстоятельствъ ему удалось пріобрѣсть лабунскій ключъ, состоявшій изъ мѣстечка и пяти или семи селъ. Прежде Лабунь принадлежалъ Станиславу Любомирскому, извѣстному кандидату на корону послѣ смерти Августа III. Любомирскій имѣлъ большое имѣніе и былъ душевно-боленъ. Жена его, урожденная Поцѣй, была въ интимныхъ отношеніяхъ съ Сосновскимъ, впослѣдствіи полевымъ гетманомъ Литовскимъ. Недоброжелатели разрывали въ клочки исполинское имѣніе, а такъ какъ у воеводы были дѣти, то родственники позаботились объ опекѣ. Управленіе имѣніемъ было поручено Мартыну Свѣйковскому, судьѣ брацлавскому, который оказалъ сосѣдскую услугу новоиспеченному каштеляну Стемпковскому, уступивъ ему Лабунь на очень выгодныхъ условіяхъ. Прибавимъ въ скобкахъ, что и дѣтямъ Любомирскаго осталось не мало: одинъ изъ сыновей воеводы, Францъ Ксаверій, продалъ въ 1787 году свою часть Потемкину за 2,000,0000 рублей, и это была только четвертая часть и

---

[1]) Сынъ воеводы.

то далеко не сполна, этого исполинскаго имѣнія, передъ тѣмъ еще порядочно общипаннаго.

Каштелянъ Стемпковскій поселился въ Лабуни. Читатель сильно ошибся-бы, если-бы предположилъ, что король забылъ о своемъ любимцѣ. Впрочемъ, онъ не могъ забыть—любимецъ сумѣлъ-бы самъ напомнить о себѣ его королевскому величеству.

На сеймѣ 1775 года Стемпковскій получилъ на правѣ наслѣдственной аренды, винницкое староство, что составляло подарокъ не совсѣмъ обыкновенный, такъ какъ староство это состояло изъ 12 селъ, съ населеніемъ въ 23,000 душъ, изъ прекрасныхъ лѣсовъ, прудовъ, мельницъ... Одна кварта [1]) составляла, въ концѣ прошлаго столѣтія, 48,000 злотыхъ. Но такъ какъ прежній владѣлецъ староства былъ еще живъ, и ждать его смерти пришлось-бы, Богъ вѣсть, какъ долго, то поэтому каштеляну была назначена пенсія въ 30,000 злотыхъ „*ad vitae ejus tempora*“... И какъ прекрасно было мотивировано въ конституціи это „пожалованіе“: по истинѣ это страницы изъ Плутарха... Упоминается въ немъ и объ „усмиреніи гайдамачины“ и объ „измученной“ Украйнѣ, которую Стемпковскій защищалъ, рискуя жизнію и имуществомъ“; незабыта его рискованная отвага во время „повѣтрія“, т. е. моровой язвы, отъ которой, скажемъ мимоходомъ, онъ держался очень далеко подъ защитою густыхъ лѣсовъ Полѣсья; наконецъ есть и ссылка на свидѣтельство Браницкаго, самаго свѣдущаго въ дѣйствіяхъ своего региментаря,—словомъ: полно похвалы и фиміаму... Увы! болтовня проникла уже мало помалу и въ конституцію. При Сигизмундѣ Старомъ сеймъ кратко и сжато вписывалъ свои постановленія. Награды, и то очень скромныя, только вносились въ книги, такъ какъ каждый дворянинъ прекрасно зналъ, за что какой-нибудь его собратъ получалъ вполнѣ имъ заслуженный кусокъ хлѣба. Теперь-же пожалованія, подобно судебнымъ рѣшеніямъ, записывались вмѣстѣ съ причинами, ихъ обусловливавшими, чтобы потомки знали, за что такъ щедро былъ награжденъ одинъ изъ ихъ предковъ.

Панъ каштелянъ переуступилъ свои права на староство Станиславу Понятовскому; кромѣ того, годъ спустя, ему удалось рѣшить

---

[1]) Четвертая часть дохода съ имѣнія, отпускавшаяся на жалованье войскамъ, охранявшимъ границы.

полюбовно дѣло съ Щенснымъ-Потоцкимъ по претензіи послѣдняго на Тарговицу и Нарубаевъ... Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла, Стемпковскій, съ немалымъ денежнымъ запасомъ, принялся за устройство своей резиденціи въ Лабуни. Нельзя не признать, что онъ обладалъ хорошимъ вкусомъ и вполнѣ барскими привычками.

И вотъ, нѣсколько лѣтъ спустя, великолѣпный дворецъ возвышался въ нѣкогда убогомъ волынскомъ поселкѣ. Онъ былъ построенъ на берегу рѣчки Поганки; фасадъ его, украшенный подъѣздомъ съ колоннами, гордо посматривалъ на грязное мѣстечко. Колоннада вела въ обширныя величественныя сѣни (westybul), откуда былъ ходъ въ залу, въ семь оконъ; изъ залы дверь вела на террасу, у подножія которой Поганка, заключенная въ шлюзы, образовывала большое озеро, низвергающееся шумящими каскадами. Вдоль береговъ импровизированнаго пруда разстилались газоны, были устроены клумбы, рощицы, бесѣдки, тѣ укромныя убѣжища, скрытыя въ тѣни шумящихъ деревьевъ и какъ-бы нарочно созданныя для идилическихъ и трогательныхъ „амуретокъ“.

Но возвратимся къ главному зданію. Большая зала была шедевромъ архитектора Шрейера, и, вѣроятно, впечатлѣніе, производимое ею, было несовсѣмъ обыкновенно, если до насъ дошло четыре различныхъ ея описанія. Семь громадныхъ, сотвѣтственныхъ окнамъ, зеркалъ украшали ее вечеромъ, и сверхъ того всѣ окна задвигались такими-же зеркалами, скрытыми въ стѣнѣ на подобіе внутреннихъ ставень. Вверху были устроены хоры для музыки. Для освѣщенія ея зажигалось 800 свѣчей. Зала могла вмѣстить въ себѣ болѣе 1000 человѣкъ. По сторонамъ дворца находились не менѣе великолѣпные павильоны. Во всемъ зданіи насчитываютъ болѣе 100 комнатъ, которыя почти всегда были полны народу.

Въ устройствѣ своего дворца Стемпковскій во всемъ подражалъ владѣльцу Тульчина, недавно поселившемуся въ Брацлавской землѣ, и необыкновенной роскошью импонировавшему шляхтѣ, склонной къ подражанію. Но, что было позволительно пану Потоцкому, обладателю болѣе чѣмъ 2,000,000 злотыхъ годоваго дохода, то оказалось крайне обременительнымъ для Стемпковскаго, не обладавшаго и четвертой частью этой суммы...

Люди болѣе близкіе и болѣе смѣлые предостерегали каштеляна, что онъ разоряется; но на это онъ отвѣчалъ имъ съ истинно шляхетскимъ

бродушіемъ: „что-же дѣлать?... чѣмъ не пожертвуетъ человѣкъ для достойнѣйшаго изъ людей, возлюбленнѣйшаго государя (такъ всегда называлъ панъ Іосифъ короля“).

И нельзя не признать, что король отвѣчалъ ему взаимностью, питалъ къ нему какую-то странную слабость: быть можетъ, любимецъ ослѣплялъ его своею роскошью и великолѣпіемъ. Не преминулъ Стемпковскій пріобрѣсть вліяніе и на сосѣдей не только своимъ гостепріимствомъ, но и по истинѣ барскимъ пріемомъ.

Лабунь лежала въ счастливомъ уголкѣ земли. Вокругъ нея было расположено довольно много селъ; во всѣхъ этихъ селахъ были бо̀льшіе или меньшіе дворы, а въ дворахъ жили *земяне*... Не были то ни владѣльцы десятковъ уволокъ земли, ни магнаты, считавшіе тысячами подданныхъ, но нѣчто среднее между гербовнымъ убожествомъ и королькамп, въ родѣ Потоцкаго и др.

Въ указанныхъ нами предѣлахъ жили: Мартинъ Любомирскій въ Любарѣ; Янъ Ильинскій, староста житомирскій, въ Романовѣ; братъ его Непомуценъ, староста чудновскій, въ Скаринцахъ; кіевскій хорунжій, Каетанъ Гижицкій, въ Краснополѣ; Вороничъ, каштелянъ белзскій, въ Трояновѣ; Бѣржинскіе—Онуфрій, каштелянъ житомірскій, въ Людвиполѣ, а Іосифъ, подкоморій, въ Андрушевкѣ; Адамъ Понинскій въ Чудновѣ, Каликстъ, кавалеръ малтійскаго ордена, въ Полонномъ, княгиня Яблоновская, жена воеводы, въ Ляховцахъ, Ганскіе въ Пулинахъ, Букары въ Ямполѣ и т. д.

Всѣ они были почти ежедневными лабунскими гостями. Каштелянъ, страстно любившій общество, держалъ и соотвѣтственный дворъ. Прислуги у него было видимо-невидимо: вездѣ толпились гайдуки, стрѣлки, стремянные, лакеи, кучера, козаки... Была прислуга постоянная, и такъ называемая походная, ибо этотъ сибаритъ, хотя и проводилъ обыкновенно ночи въ домахъ братьи-шляхты, тѣмъ не менѣе за своей тяжелой каретой тащилъ всегда нѣсколько нагруженныхъ бричекъ съ кухнею, виномъ, живностью и соотвѣтственной прислугой. Въ каретѣ возлѣ пана сидѣлъ дежурный дворецкій, на козлахъ два хлопца для набиванія трубки, которую безпрестанно курилъ сенаторъ, за каретой стояло два огромныхъ гайдука, вооруженныхъ съ головы до ногъ...

Подъ конецъ жизни, когда чувство вкуса начало измѣнять притупленному изысканными блюдами нёбу, Стемпковскій пробовалъ пользоваться походной кухней; но что-бы самообманъ былъ полный, онъ укладывался и выѣзжалъ за предѣлы своего околотка и, остановившись въ первой попавшейся корчмѣ, съѣдалъ наскоро приготовленный скромный обѣдъ и возвращался домой къ вечернему собранію освѣженный и довольный. Поваренокъ становился предметомъ овацій, а главный придворный поваръ былъ въ отчаяніи, что уже не можетъ угодить своему господину...

Каштелянъ былъ въ одно время и региментаремъ и генералъ-лейтенантомъ; какъ военный сановникъ, онъ всегда имѣлъ при себѣ стражу. Рядомъ съ дворцемъ была гауптвахта; на ней караулили пѣхотные солдаты; офицеровъ было также не мало въ распоряженіи Стемпковскаго, и онъ всегда обращался съ ними свысока.

Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ объ адъютантѣ П., которому каштелянъ приказалъ разъ подать огня для трубки...

— Адъютантъ, огня!—закричалъ онъ.

Офицеръ, будто не понимая въ чемъ дѣло, выбѣжалъ во дворъ, поспѣшно собралъ на платформѣ солдатъ и скомандовалъ:

— Пали! [1]).

Раздался залпъ почти двухъ десятковъ ружей. Удивленный каштелянъ выбѣгаетъ и спрашиваетъ офицера о поводѣ стрѣльбы. Остроумный адъютантъ съ полнѣйшей субординаціей отвѣчалъ, что поступилъ согласно распоряженію... Генералъ потребовалъ отъ него огня, онъ-же, какъ солдатъ, могъ добыть его только изъ оружія... Воевода закусилъ губы и молча пошелъ въ домъ—мрачный и сердитый... Но съ тѣхъ поръ онъ былъ вѣжливѣе въ обращеніи съ офицерами.

Мы сказали выше, что Стемпковскій не обладалъ образованіемъ, однако ему нельзя отказать въ нѣкоторой долѣ природнаго ума. Въ продолженіи болѣе двадцати лѣтъ онъ стоялъ во главѣ не только кіевской, но и волынской шляхты, и при этомъ такъ ловко правилъ этимъ судномъ, что оно счастливо миновало встрѣчаемыя имъ по дорогѣ подводныя скалы.

---

[1]) Каламбуръ основанъ на двойномъ значеніи слова: «ognia» —обыкновенномъ и въ смыслѣ команды: «пали».

Одновременно съ званіемъ каштеляна, панъ Іосифъ получилъ орденъ Бѣлаго Орла, а въ 1785 г. былъ сдѣланъ воеводой; но перемѣна кресла въ сенатѣ ничего не прибавила къ блеску его общественнаго положенія. Входилъ онъ въ составъ непрерывнаго совѣта (Rady nieustającej), какъ генералъ-лейтенантъ, засѣдалъ въ военной коммисіи, довольно долго былъ региментаремъ, и только сдѣлавшись воеводой, продалъ выгодно свое региментарство Щенсному Потоцкому. Все у этого человѣка было продажно. Послѣднее мнѣніе принадлежитъ не только намъ лично. Одинъ изъ современниковъ Стемпковскаго, Букаръ, неоднократно упоминаетъ объ этой чертѣ его; между прочимъ онъ говоритъ слѣдующее: „чины, сенаторскія кресла, ордена, староства, наконецъ, командованіе войсками, насытившись всѣмъ этимъ самъ, продавалъ потомъ *plus offerenti*".

Въ первое время своей общественной карьеры Стемпковскій держался съ Щенснымъ-Потоцкимъ, часто принималъ у себя гетмана Браницкаго, заигривалъ даже съ Потемкинымъ, но когда королевская партія стала подъ знаменемъ реформы,—онъ сдѣлался сторонникомъ послѣдней. Надо отдать ему справедливость,—онъ далъ этимъ лучшее доказательство своей привязанности къ Станиславу-Августу, хотя въ данномъ случаѣ онъ только точно придерживался инструкцій—не больше!

Политика была для него средствомъ, которымъ онъ пользовался съ цѣлью обогащенія, чтобы потомъ на пріобрѣтенныя этимъ путемъ средства купить себѣ хотя одинъ лишній моментъ наслажденія. Эпикуреецъ въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ не понималъ иной жизни, какъ среди пиршествъ, въ объятіяхъ прекрасной женщины, въ кружкѣ друзей, отуманенныхъ разгорячающими напитками, блескомъ его сенаторскаго величія, звуками его музыки разгульной и шумной...

Всѣмъ своимъ чувствамъ онъ старался угодить... Все окружавшее его безумствовало вмѣстѣ съ нимъ, не глядя на будущее, живя только моментомъ... Что такое завтра?.. Оно не наше, повторяли собутыльники, лишь-бы только сегодня весело прожить!

Такимъ путемъ пріобрѣлъ воевода популярность. Расположеніе сосѣдей онъ снискивалъ раздачей орденовъ и чиновъ, мелкоту привлекалъ на свою сторону протекціей. Ни одинъ изъ его придворныхъ

не пошелъ тяжелымъ путемъ долга, въ то время, когда страна требовала активной помощи; ни одинъ не сражался вмѣстѣ съ Костюшкой, ни одинъ не ѣлъ сухаго хлѣба въ изгнаніи, ни одному изъ нихъ не пришлось выплакать глазъ въ тоскѣ за далекой родиной, съ которой пришлось проститься навсегда. Напротивъ, Тарговица нашла для себя въ ихъ средѣ порядочный контингентъ, можетъ быть только кажущихся, неискреннихъ слугъ, тѣмъ не менѣе точно исполнявшихъ ея приказы, отличавшіеся скорѣе глупостью, чѣмъ злой волей.

Янъ Дукланъ Охоцкій, истинный польскій *Casanova*—(дневникъ его намъ пришлось прочесть въ рукописи, изъ которой Крашевскій отбросилъ, говорятъ, половину текста, приспособляя ее къ печати), одинъ изъ ближайшихъ наушниковъ воеводы, случайно попалъ было подъ арестъ, но былъ сейчасъ-же освобожденъ. Иные вышли изъ погрома, не пострадавъ ни тѣломъ, ни имуществомъ; новый порядокъ вещей засталъ ихъ надлежаще подготовленными къ извлеченію изъ него личныхъ выгодъ...

Какъ видно, нравственное вліяніе каштеляна, впослѣдствіи воеводы, было не особенно душеспасительно; соблюдая интересы своего воеводскаго сана, онъ развратилъ кіевскую и волынскую шляхту до того, что она неистовствовала даже тогда, когда уже вся страна облеклась въ трауръ.

Самые знаменитые герои бутылки собирались въ Лабунь, чтобы испытать свои силы на благородномъ вакхическомъ турнирѣ. И хотя, со временемъ, гетманъ Браницкій удалился изъ этого кружка, онъ оставилъ въ немъ вполнѣ достойныхъ послѣдователей. У Стемпковскаго былъ какой-то необыкновенной величины кубокъ, вмѣщавшій въ себѣ 5 бутылокъ, въ крышку котораго, въ свою очередь, входило три бутылки. Нашлось только нѣсколько рыцарей, которые могли осушить эту порцію, и то съ двумя остановками: сначала, выпивалось „единымъ духомъ“ все содержимое крышки, затѣмъ, кубокъ, съ минутнымъ перерывомъ. Къ числу такихъ необыкновенныхъ героевъ принадлежали: Іосифъ Свѣйковскій — староста овручскій, полковники Янковскій и Комаржевскій, и Ильинскій— староста чудновскій—тотъ самый, который въ своей повседневной жизни нуждался въ 18 бутылкахъ краснаго вина въ день, для

облегченія труднаго пищеваренія. Ему подавалось обыкновенно шесть бутылокъ за разъ, причемъ кубка два спирту, въ видѣ старки, передъ завтракомъ и передъ обѣдомъ, не шли въ счетъ. Только удовлетворивъ этимъ привычкамъ, онъ чувствовалъ себя хорошо, бодро, былъ въ мѣру веселъ и подвиженъ, насколько это позволяла его громадная туша.

Житомірскій подсудокъ [1]) Вичффинскій самымъ наивнымъ образомъ сознавался, что въ продолженіи десяти съ лишнимъ лѣтъ самолично выпилъ въ Лабуни, по крайней мѣрѣ, на 200,000 злот. вина. Посудите-же, какое количество его было выпито другими, если подсудокъ не принадлежалъ еще къ числу записныхъ пьяницъ...

Обыкновенный заздравный бокалъ заключалъ въ себѣ кварту съ четвертью винограднаго нектара, и отъ такой скромной порціи никто не имѣлъ права отказаться во время обѣда! И пусть послѣ этого моралисты утверждаютъ, что времена вакханалій миновали безвозвратно послѣ смерти Августа III.

Поклоненіе Бахусу нисколько не мѣшало другимъ удовольствіямъ, напротивъ, положительно можно сказать, что въ резиденціи пана воеводы длился одинъ непрерывный банкетъ. Слѣдствіемъ ранняго вдовства воеводы, явилась нѣкоторая свобода, придававшая особую прелесть пирушкамъ. Въ женскомъ персоналѣ недостатка не было, такъ какъ при дворцѣ воеводы существовалъ фрауциммеръ, содержавшійся будто-бы для молоденькой воеводской дочки; кромѣ того, въ домъ его часто заглядывали жены сосѣдей. Къ мужскому обществу, кромѣ пріѣзжихъ окрестныхъ помѣщиковъ, принадлежало еще не малое количество надворной шляхты и военныхъ. Общество занималось разными играми, а послѣ изысканнаго обѣда приступало къ танцамъ. Желавшіе занимались „идилліей“ въ уединенныхъ покояхъ, освѣщенныхъ алебастровыми лампами, дававшими чарующій полусвѣтъ. Разставленныя здѣсь померанцовыя и лимонныя деревья, бесѣдки, обвитыя плющемъ, удобные диванчики, все это, правда, en miniature, но прелестное, изящное, было даже черезчуръ чарующее для воркующей парочки. Вдали гремѣла музыка въ малой бальной залѣ,

---

[1]) Младшій судья.

отдавалась подъ ея сводами, а до этихъ уединенныхъ убѣжищъ долетали тихіе, мягкіе звуки. Это были мелодіи, исполненныя грусти о прошломъ и неясныхъ желаній будущаго... Подъ вліяніемъ этого очарованія завяло не одно юное женское сердечко; часъ наслажденія оплачивался жертвой всей жизни... Но этотъ часъ, этотъ часъ!.. Впрочемъ, домъ воеводы не былъ школой польскихъ матерей—съ этимъ согласится каждый, а потому, можетъ быть и неумѣстны наши воспоминанія...

Но возвратимся къ предмету нашего разсказа. Одни изъ гостей танцовали, другіе не оставляли бокаловъ, иные убивали время за зеленымъ столомъ. Нельзя, однако-же, не признать, что азартныя игры не имѣли здѣсь мѣста. Даже Адамъ Понинскій, частый гость въ Лабуни, не могъ привить ихъ здѣсь и возбудить къ нимъ пристрастіе. За то у себя дома онъ былъ истиннымъ царемъ банка. Этотъ, навсегда опозорившій свое имя, князь, обдиравшій государственную казну въ эпоху приснопамятнаго сейма, относящагося ко времени раздѣла Польши, и благодаря развѣ горькой ироніи судьбы носившій титулъ подскарбія [1]), основалъ свою резиденцію въ Чудновѣ... Обыгрывалъ онъ тамъ шляхту при посредствѣ спеціально приглашенныхъ для этой цѣли шулеровъ, а кто не давалъ себя обыграть, тѣхъ втягивалъ въ компанію къ себѣ подъ предлогомъ выгодныхъ финансовыхъ операцій.

Цѣлыхъ четыре года (1778—1782 г.) властвовалъ Понинскій на дубенскихъ контрактахъ, пока, наконецъ, самъ не упалъ подъ тяжестью собственныхъ махинацій. Имущество его было продано съ аукціона, и оказалось, что на немъ тяготѣло 83 милліона долгу. Этотъ-то Понинскій былъ душею лабунскаго общества. Воевода гордился его дружбой, шляхта въ перегонку спѣшила съ бараньей торопливостью въ Чудновъ, гдѣ ее общипывали, какъ слѣдуетъ. Всѣ окружали князя обожаніемъ, женщины пронизывали его огненными взорами, воеводскіе чиновники, всегда готовые къ услугамъ щедраго пана, разсказывали на всѣхъ перекресткахъ объ его необыкновенной честности... притомъ такъ настойчиво, что, наконецъ, самъ подскарбій начиналъ иногда вѣрить въ свой ка-

---

[1]) Подскарбій—казнохранитель.

тонизмъ, по крайней мѣрѣ онъ самъ съ нѣкоторымъ цинизмомъ сознавался въ этомъ.

Родной братъ его, Каликстъ, кавалеръ мальтійскаго ордена, поселился въ Поточномъ. Всѣ сестры Понинскаго составили блестящія партіи: одна изъ нихъ вышла замужъ за Онуфрія Бѣржинскаго, каштеляна житомірскаго, другая—за князя Бирона курляндскаго, третья—за Каспера Любомірскаго. Когда Любомірскій умеръ, молодая вдова отдала руку Винницкому, шамбеляну [1]) его королевскаго величества и, чтобы вы думали? семья прекратила съ ней сношенія, считая этотъ бракъ неравнымъ, съ чѣмъ сосѣди единогласно согласились.

Въ описываемой мѣстности всѣ жили не по карману; сосѣди старались превзойти другъ друга роскошью, и ни одинъ съѣздъ, ни одно совѣщаніе не обходились безъ возліяній и обильнаго обѣда. Охоты Понинскаго пріобрѣли громкую извѣстность, подобно тому, какъ перешли въ потомство дебюты Стемпковскаго по поводу пріема Станислава-Августа. Король гостилъ въ Лабуни два раза. Первый разъ, возвращаясь изъ Каменца въ 1781 году, онъ праздновалъ подъ кровлей воеводы годовщину своей коронаціи и крестилъ здѣсь сына Бѣржинскаго; воспріемницей была княгиня Понинская, жена Каликста, и торжество имѣло чисто-семейный характеръ; зато въ 1787 году, во время путешествія его въ Каневъ, день 16 марта, проведенный имъ въ Лабуни, нашелъ многихъ историковъ. Писалъ о немъ какъ-бы ex officio ксёндзъ Нарушевичъ, писалъ Плятеръ, Охоцкій и Букаръ, отецъ котораго, судья житомірскій, совмѣстно съ генералъ-адъютантомъ Свѣйковскимъ, исполнялъ обязанности хозяина дома, такъ какъ воевода, по обязанностямъ своимъ, какъ членъ совѣта, долженъ былъ въ то время остаться въ Варшавѣ.

И сколько приготовленій понадобилось для этого пріема. Мебель получалась изъ столицы, кабинетъ его величества былъ устроенъ на подобіе того, какой былъ у него въ королевскомъ дворцѣ. Охоцкій, распорядитель пиршества, составилъ интересный списокъ потребленныхъ продуктовъ. Хотя домъ воеводы былъ устроенъ съ возможнѣйшимъ великолѣпіемъ и роскошью, не-

---

[1]) Шамбелянъ—камергеръ.

умѣстно было не сдѣлать нѣкоторыхъ дополнительныхъ закупокъ. Необходимо было прикупить 65 дюжинъ столовыхъ фарфоровыхъ приборовъ, одинъ серебряный сервизъ, болѣе десятка тысячъ бутылокъ очень дорогихъ винъ и нѣсколько сотъ ведеръ изъ менѣе дорогихъ... Само пиршество не обошлось такъ дорого, какъ посѣщенія сосѣдей, осматривавшихъ все, приготовленное къ пріему августѣйшаго гостя. Извѣстный Ильинскій гостилъ нѣсколько дней въ ожиданіи Понятовскаго; онъ одинъ представлялъ изъ себя настоящую бочку Данаидъ, такъ какъ собственной персоной осушилъ болѣе тысячи бутылокъ!

Двѣнадцать важнѣйшихъ сановниковъ встрѣтили короля въ Лабуни; сто женщинъ присутствовало за королевскимъ столомъ, и пусть послѣ этого кто-либо станетъ отрицать, что царствованіе Станислава-Августа не было царствованіемъ прекраснаго пола. Въ другомъ покоѣ 140 землевладѣльцевъ щедро угощались... Вечеромъ дворецъ засіялъ великолѣпной иллюминаціей: 1400 зажженныхъ свѣчей разливали свой свѣтъ со стѣнъ и потолка... Среди волнъ яркаго свѣта гремѣли звуки музыки, и коронованный гость слушалъ концертъ „съ немалымъ удовольствіемъ“.

Въ одномъ углу бальной залы фигурировалъ земной шаръ, на которомъ было сдѣлано мастерское изображеніе волынскаго воеводства съ величественно восходящимъ надъ нимъ солнцемъ. Намекъ на честь, сдѣланную волынской землѣ посѣщеніемъ короля, ясно говорилъ: мракъ господствовалъ здѣсь до сего дня, но, съ того момента, какъ ты ступилъ ногой на эту землю, свѣтъ облилъ ее. Весь міръ, все государство, пребываетъ во мракѣ, лишь одна Волынь сіяетъ... По истинѣ смѣшное благоговѣніе, оказываемое королю корольками! Громкое „wiwat“ гремѣло безпрестанно, пушечки сожгли болѣе пороху, чѣмъ его выстрѣлялъ воевода во время его „барскихъ“ подвиговъ. Наконецъ, бѣдняжки отказались повиноваться. Подкутилъ-ли бомбардиръ, порохъ-ли замокъ, но заставить ихъ стрѣлять долѣе не было никакой возможности. Офицеры выбѣжали изъ дворца, чтобы узнать о причинѣ безмолвія пушекъ; самъ директоръ военнаго департамента, генералъ Комаржевскій, очень ревностно ихъ осматривалъ; давались различные совѣты, но пушки все отказывались дѣйствовать; наконецъ ихъ оставили въ покоѣ. Свѣйковскій, вице-хозяинъ этого пиршества, уже порядочно под-

кутившій, порѣшилъ, что „въ свободномъ государствѣ—свободныя орудія“. Сентенція была встрѣчена смѣхомъ и полита виномъ. Между тѣмъ въ бальной залѣ, сіявшей множествомъ прекрасныхъ женщинъ, прохаживались толпы увѣшанныхъ орденами пановъ, на что указываетъ даже одна изъ относящихся къ тому времени пѣсень:

Iedni po polsku, drudzy z niemiecka,
Każdemu z boku świeci gwiazdeczka [1])...

Растроганный Понятовскій восклицалъ съ увлеченіемъ, что ему „дороже всего вѣнецъ, свитый изъ сердецъ его гражданъ“. Букаръ отвѣтилъ всепресвѣтлѣйшему государю ловкимъ стихотвореньицемъ. Тостовъ, комплиментовъ—было провозглашено громадное количество... А въ концѣ всего маленькій, на скоро завязанный, романъ съ паней Шуйской и дальнѣйшее путешествіе...

За баломъ наступилъ расчетъ. Хотя главный поваръ Бейеръ, откуда-то выписанный ради этого торжества, какъ оказалось, сильно воровалъ, хотя злоупотребленія его были открыты, и не обошлось безъ болѣзненнаго увѣщанія, но послѣ подведенія всѣхъ итоговъ, хозяева убѣдились, что двухдневный пріемъ короля стоилъ круглой суммой въ 18,000 червонцевъ, т. е. 324,000 тогдашнихъ злотыхъ. Правда, третью часть этой суммы далъ добрый король, желая такимъ путемъ снискать себѣ золотыя шляхетскія сердца... Но снискалъ-ли онъ ихъ?

Читая описаніе этого пріема, мы невольно переносимся мыслію къ иному торжеству, недавняго времени, а именно—происшедшему лѣтъ 15-ть тому назадъ (1866) въ Хотинѣ. Устраивали его евреи въ честь садогорскаго раввина... Правда, и здѣсь было принесено въ жертву 2,000 быковъ, 100,000 разнаго рода птицы, 2,000,000 яицъ, нѣсколько сотень бочекъ пива и т. п. Но на ряду съ этимъ импонирующимъ перечнемъ потребленныхъ продуктовъ, было здѣсь нѣчто болѣе импонирующее, чѣмъ то, что мы находимъ въ лабунскомъ пиршествѣ: 100,000 послѣдователей, не взирая на многочисленныя препятствія, сбѣжались чествовать видимаго главу *хасидовъ*...

---

[1]) Одни (одѣты) по польски, другіе на нѣмецкій ладъ; на груди у каждаго сіяетъ звѣздочка.

Это была фанатическая, темная толпа, съ тріумфомъ тащившая экипажъ, въ которомъ сидѣлъ полусонный глава израильской церкви... причемъ болѣе 80,000 свѣчей освѣщало это шествіе... Въ Лабуни мы видимъ искуственность, ничтожную горсть патентованной шляхты,—народныя массы не заявили себя хотя-бы даже равнодушнымъ глазѣньемъ... Тамъ выражалась идея, темная, дикая, но поражающая своимъ величіемъ.

Два королевскіе визита, непрерывное пиршество, длившееся десятка полтора лѣтъ подъ кровлей Стемпковскаго, наконецъ, торжественный въѣздъ послѣдняго въ свое воеводство, происшедшій въ 1786 году,—все это требовало громадныхъ расходовъ. Въѣздъ этотъ стоилъ нѣсколько десятковъ тысячъ червонцевъ и произвелъ столько шума въ странѣ, что слухи о немъ дошли даже до Варшавы, и ксендзъ Лускина занесъ его на страницы своей газеты.

Доходы съ лабунскаго ключа и различные оклады содержанія могли приносить Стемпковскому 300,000 злотыхъ годоваго дохода. Но этого было недостаточно для покрытія такихъ громадныхъ издержекъ: приходилось, слѣдовательно, искать другихъ источниковъ. Этой цѣли служили такъ называемыя „воеводскія дѣла“ („sprawy województwa“). Только такой ловкій человѣкъ, какъ Стемпковскій, умѣлъ ихъ эксплуатировать въ свою пользу. Нужно знать, что между королемъ и Стемпковскимъ произошло слѣдующее соглашеніе: воевода обязался проводить королевскихъ кандидатовъ на кіевскихъ сеймахъ, король, въ замѣнъ этого, далъ обѣщаніе, что ни одинъ чинъ, ни одинъ орденъ не будетъ пожалованъ безъ ходатайства воеводы. И хотя лабунскому владѣльцу не всегда удавалось сдержать свое слово, король, однако, ни разу не нарушилъ обѣщанія, даннаго любимцу... Новое это доказательство его пристрастія къ нему. Былъ въ Подоліи такимъ-же приверженцемъ двора подкоморій Липинскій, и однако часто Станиславъ-Августъ, вопреки его желаніямъ, въ угоду генералу подольскихъ земель, назначалъ чиновниковъ и раздавалъ чины и ордена помѣщикамъ. Такимъ-же приверженцемъ Понятовскаго былъ въ брацлавщинѣ Грохольскій, однако-же король довольно долго удовлетворялъ домогательствамъ Щенснаго Потоцкаго, хотя Грохольскій громко протестовалъ противъ этого.

Легко понять, что склонность короля къ воеводѣ возбуждала большое уваженіе землевладѣльцевъ къ послѣднему. Кіевская шляхта страстно любила знаки отличія; во всей окрестности не было шляхтича, обладающаго хотя-бы одной деревенькой, который не имѣлъ-бы орденской ленточки. И сколько униженій и издержекъ выпадало на долю претендентовъ! Прежде всего надобно было подмазаться къ Стемпковскому, пьянствовать съ нимъ, стараться угождать его придворнымъ и снискать себѣ ихъ расположеніе, наконецъ щедро оплатить королевскую канцелярію. Охоцкій обыкновенно бралъ на себя такого рода коммисіи, за что получалъ въ свою очередь червонцы, кабріолеты, кареты, лошадей и т. д. Панъ воевода пользовался своимъ положеніемъ такъ, что во всѣхъ мѣстныхъ судахъ распоряжался, какъ дома; вліяніе его простиралось даже на люблинскій трибуналъ, а возбужденныхъ противъ него дѣлъ было очень много. Стемпковскій безпрестанно занималъ деньги, но не былъ въ состояніи выплачивать ихъ, отсюда постоянные процессы. Естественно, въ лицѣ Дуклапа Охоцкаго, онъ имѣлъ ревностнаго повѣреннаго, который неоднократно являлся въ Люблинъ съ королевскими письмами, съ орденами для депутатовъ, и, хотя Стемпковскій никогда не возвращалъ ему расходовъ, ловкій надворный шляхтичь умѣлъ помочь себѣ—онъ, какъ говорится, жарилъ два жаркихъ на одномъ огнѣ, т. е. одновременно съ процессами Стемпковскаго, пользуясь его вліяніемъ, проводилъ дѣла кліэнтовъ постороннихъ.

Протекція, какою окружалъ воевода двухъ послѣднихъ уніатскихъ митрополитовъ, кажется нѣсколько странной и, такъ или иначе, бросаетъ тѣнь на его заслуги, какъ сенатора. Столица митрополіи, какъ извѣстно, находилась въ кіевской землѣ, въ Радомышлѣ, причемъ пастыри получили 800,000 злотыхъ годоваго дохода. Митр. Смогоржевскій передъ наступающимъ сеймомъ старался получить кресло въ сенатѣ, и въ день св. Іосифа, въ 1788 г., пріѣхалъ въ Лабунь. „Вслѣдствіе уговора“, пишетъ Охоцкій: „послѣ различныхъ поправокъ и измѣненій, составлена была записка къ королю и маршаламъ сейма“. Поѣхалъ съ ней Охоцкій въ Варшаву, и дѣло начало уже принимать благопріятный оборотъ, какъ вдругъ въ началѣ ноября митрополитъ скончался. Его преемникъ, Ростоцкій, суровый и притомъ скупой монахъ, началъ было самъ хлопотать о

креслѣ, но получилъ ясный отвѣтъ, что безъ посредничества воеводы ничего не выиграетъ. Волею-неволею явился онъ въ февралѣ 1789 года въ Лабунь и тогда только начался здѣсь торгъ, со всѣмъ цинизмомъ описанный Охоцкимъ. Прежде всего надо было пріобрѣсть привилегію на митрополію, слѣдовательно, удовлетворить секретаря королевской канцеляріи „для экспедиціи внутреннихъ дѣлъ", затѣмъ ливрейную дворню, потомъ дать обѣдъ сенаторамъ, наконецъ щедро наградить Охоцкаго. Оказалось, что привилегія стоила 36,000 злотыхъ, но это было только начало. За привилегіей пошли ордена. Весною митрополитъ получилъ св. Станислава, а осенью хлопоталъ уже о лентѣ Бѣлаго Орла. Охоцкій, въ качествѣ посредника, доложилъ объ этомъ Стемпковскому. „Я хорошо зналъ, чего ксендзу теперь захочется",—отвѣчалъ, улыбаясь, Стемпковскій. „И онъ далъ мнѣ порученіе", продолжаетъ авторъ записокъ, „объявилъ и свои условія, на которыя митрополитъ согласился, а недѣлю спустя звѣзда Бѣлаго Орла украшала уже грудь отца архіепископа".

Гораздо болѣе долженъ былъ заплатить Ростоцкій своему покровителю за введеніе его въ сенатъ, а это произошло 29 іюля 1790 года. Казаться могло-бы, что Стемпковскому и его стараніямъ мы обязаны тѣмъ шагомъ впередъ, который былъ сдѣланъ въ смыслѣ справедливаго удовлетворенія уніатовъ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Правду говоритъ Бартошевичъ, что въ данномъ случаѣ произошло то, что давно должно было произойти... что съ радостью утвердила Рѣчь-Посполитая. Препятствія, втайнѣ воздвигнутыя спекуляторами на чужой грошъ, могли лишь нѣсколько отстрочить это удовлетвореніе, но не болѣе; ибо Польша, которая ничего не знала о какомъ нибудь жалкомъ Охоцкомъ, начала теперь выступать на путь, отъ котораго отклонилась прежде, т. е. стремилась распространить опять братство и свободу.

Но вотъ земяне украшены знаками отличія, митрополитъ удовлетворенъ, а деньги все нужны. Стемпковскій открылъ новый источникъ, именно „виндикату", преподнесенную ему шляхтой въ знакъ благодарности, или такъ названнаго „братскаго сочувствія". Всегда онъ напоминалъ ей о томъ, какъ охранилъ ея имущество во время гайдамацкихъ волненій... Но что такое была эта „виндиката?" Извѣстно, что южныя воеводства во время войнъ Россіи съ

Турціей, были для первой житницей, снабжавшей ее провіантомъ. Землевладѣльцы видимо пользовались этимъ, сбывая свои продукты по высокимъ цѣнамъ. Однако часто случалось, что они не получали всего имъ слѣдуемаго: русская провіантская коммисія всегда что-нибудь удерживала, даже во время управленія Румянцева, который все таки строго соблюдалъ справедливость. И вотъ Стемпковскій принималъ отъ шляхты въ подарокъ эти недоборы, такъ называемые „виндикаты", и при посредствѣ короля добывалъ ихъ очень легко. Довольно было отзыва Понятовскаго и Штакельберга къ Потемкину, чтобы требованія воеводы были удовлетворены. И было изъ-за чего стараться, такимъ путемъ поступило въ карманъ Стемпковскаго болѣе 700 тысячъ злотыхъ. Но всѣ эти способы не могли предотвратить разореніе пана воеводы—оно ждало его ежеминутно...

IV.

Еще разъ ужасный призракъ крестьянскихъ бунтовъ явился передъ суровымъ лицемъ страшнаго Іосифа. Это произошло въ эпоху четырехлѣтняго сейма. Еще раньше, именно въ іюнѣ 1788 года, въ Елисаветградѣ, въ лагерѣ Потемкина, вмѣстѣ съ княземъ Репнинымъ, очутились—Щенсный-Потоцкій, Францъ Ксаверій Браницкій и Іосифъ Стемпковскій. Разговоръ вертѣлся на очень важномъ вопросѣ, — какъ будетъ держать себя Рѣчь Посполитая во время предстоящей войны Россіи съ Турціей. Воевода откровенно высказался такъ: хотя самъ я стою за нейтралитетъ, но такъ какъ „мы короля очень любимъ. а король хочетъ держаться съ вами и намъ это усиленно совѣтуетъ, то и мы такъ дѣлаемъ". Потемкинъ назвалъ Стемпковскаго за эту откровенность „хорошимъ полякомъ", а когда гетманъ началъ доказывать, что безъ короля было-бы еще лучше, панъ Іосифъ раскричался на него: „я ношу знамя роялиста и горжусь этимъ, ибо люблю короля и почитаю; а что касается долга благодарности, то вы несравненно болѣе получили милостей отъ этого-же короля". И надо отдать ему справедливость: когда гетманъ и Щенсный порвали отношенія съ Понятовскимъ, Стемпковскій остался на сторонѣ послѣдняго; позднѣе, уже въ періодъ четырехлѣтняго сейма, когда Браницкій возбуждалъ и подстрекалъ шляхту, кіевскій воевода всегда противился всякимъ нашептываніямъ, не поддался обманчивымъ надеждамъ, остался приверженцемъ трона и съ того момента внимательно началъ слѣ-

дить за каждымъ шагомъ своихъ политическихъ противниковъ, донося обо всемъ въ Варшаву. Не слѣдуетъ забывать, что Стемпковскій не принималъ участія въ совѣщаніяхъ, какъ одинъ изъ девяти сенаторовъ, у которыхъ отняли „activitatem“ по причинѣ неявокъ въ судъ, или неоконченныхъ процессовъ. Это дѣлало его тѣмъ полезнѣе на томъ посту, которому угрожала опасность. Уже въ декабрѣ 1788 года поговаривали объ этой опастности въ Варшавѣ, а въ январѣ слѣдующаго года въ Кіевѣ вспыхнули единичныя проявленія бунта. Убійство Вележинскаго со всей семьей въ Невярковѣ заставило воеводу крѣпко призадуматься. Не сейчасъ удалось открыть, что это было одно изъ повседневныхъ преступленій; между тѣмъ Вележинскій былъ хорошо знакомъ въ Лабуни, жена его, урожденная Бѣржинская, была сестрой пріятеля пана воеводы... Страхъ овладѣлъ всей областью, шляхта помышляла о бѣгствѣ, всѣ помнили волненія предшествовавшія ужасной уманской рѣзнѣ. Въ разсказахъ, ходившихъ по дворамъ, въ присовокупляемыхъ къ нимъ часто ложныхъ вѣстяхъ, усматривалось много сходства съ тѣмъ, что имѣло мѣсто двадцать лѣтъ тому назадъ. У страха глаза велики!

Король, однако, опасаясь реконфедераціи въ этой странѣ, стремящейся къ воспрепятствованію совѣщаніямъ сейма, призывалъ шляхту оставаться на мѣстѣ, усматривалъ во всемъ этомъ интриги гетманской партіи и поручалъ Стемпковскому устроить бдительный надзоръ за генераломъ Курдвановскимъ, за воеводой Валевскимъ и его зятемъ, Рыбинскимъ. Стемпковскій внимательно слѣдилъ и держался строго: „я досиживаю, писалъ онъ королю,— ибо если-бы я уѣхалъ, никто-бы не досидѣлъ, но и Вележинскій точно также разсуждалъ, а хорошъ-ли былъ его конецъ?“ Между тѣмъ въ Лабунь съѣхалось много помѣщиковъ подъ защиту пана воеводы; встревоженныя „пани“ скоро пришли въ себя и веселились такъ хорошо, что, казалось, страхъ рѣзни улетѣлъ изъ волынскихъ лѣсовъ далеко въ степи, гдѣ такъ недавно лилась жидовская и ляшская кровь!..

А нужно знать, что резиденція воеводы была совершенно лишена войска, точно такъ-же и сосѣднее Полонное. Жаловался воевода, что Щенсный-Потоцкій, вопреки своему обѣщанію, отозвалъ оттуда команду, хотя, покупая у него званіе командующаго войсками,

увѣрялъ, что не тронетъ ея. Понятовскій успокаивалъ своего друга. „По истинѣ, справедливое дѣло, писалъ онъ, чтобы громившій 20 лѣтъ тому назадъ крестьянскіе бунты, не былъ теперь предоставленъ мести“. И дѣйствительно вскорѣ послѣ этого болѣе 3,000 войска стеклось въ мѣстность, которой угрожала опасность. Слѣдуетъ, однако, признать, что воевода держалъ себя спокойно; опытъ научилъ его уже многому. „И у меня есть дозоръ, рапортовалъ онъ королю, но безъ шума; висѣлицъ не ставлю, если окажутся виновные, — время терпитъ; иначе одни напрасно будутъ пугаться, а другихъ отчаяніе побудитъ расширять начатыя волненія“.

Теперь онъ не повѣсилъ ни одного мужика; жаръ, согрѣвавшее его подъ Кодней, ослабѣлъ... Впрочемъ крестьяне хорошо помнили суровость страшнаго Іосифа и вели себя въ окружности Лабуни примѣрно. Только по вечерамъ, „во время ассамблей“, въ покояхъ воеводы появлялись вырѣзанные изъ бумаги ножи ужасающей формы... Охоцкій утверждаетъ, что при видѣ ихъ „пани“ лишались чувствъ, а мужчины запивали горе виномъ. Дѣло кончилось однако-же только страхомъ. Уже въ іюнѣ 1789 г. король благодарилъ пограничныхъ воеводъ за „поддержаніе спокойствія“...

Однако это тревожное время не мало повліяло на уменьшеніе состоянія Стемпковскаго. Четыре мѣсяца принималъ онъ у себя 200 человѣкъ, и принималъ по барски.

Уже въ концѣ года почувствовался недостатокъ въ деньгахъ для уплаты за провизію. Кредиторы назойливо тѣснили, стремительно приступали. Станиславъ-Августъ не много могъ помочь, ибо самъ былъ въ долгахъ; письменно только онъ ходатайствовалъ за воеводу. Нашлось очень много кредиторовъ въ кіевскомъ воеводствѣ, не мало и въ столицѣ. Землевладѣльцы сначала щадили по крайней мѣрѣ королевскаго любимца, только кременецкій подсудокъ панъ Деныско сдѣлалъ первый шагъ, и то руководимый личнымъ нерасположеніемъ... Въ Кременцѣ Деныско выигралъ дѣло;—перенесли въ Люблинъ. Охоцкій немедленно полетѣлъ въ Варшаву, снабженный письмами къ маршалу трибунала, Закржевскому, и предсѣдателю его, Сокольницкому; возилъ при этомъ и ордена для депутатовъ. Такимъ образомъ, онъ склонилъ вѣсы побѣды на сторону воеводы, а Денискѣ, вдобавокъ, пригрозилъ поединкомъ. Но торжество

его было непродолжительно. Поступокъ подсудка былъ какъ-бы сигналомъ для кредиторовъ. Всѣ они зашевелились и начали роптать. Долговъ, оказалось болѣе, чѣмъ состоянія. На имѣніе былъ наложенъ арестъ, а Стемпковскій удралъ въ Варшаву, подъ крылышко короля, унося съ собою, что можно было унесть...

Вы, пожалуй, подумаете, что на берегахъ Вислы онъ началъ вести скромную жизнь, какъ подобаетъ человѣку, не обладающему средствами? Какъ-бы не такъ! Стемпковскій устроился совершенно по прежнему въ занятомъ имъ дворцѣ Красинскихъ, держалъ многочисленную дворню, лошадей... Его обѣды и ужины пріобрѣли себѣ даже нѣкоторую извѣстность. Онъ прилагалъ всѣ усилія къ пріобрѣтенію популярности: этого требовала честь управляемой имъ провинціи.

Но и здѣсь не обошлось безъ терній. Нашему эпикурейцу портили расположеніе духа многочисленные столичные кредиторы, поставщики различныхъ продуктовъ, какъ первой необходимости, такъ и предметовъ роскоши. Бѣдный Стемпковскій утѣшалъ себя, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что раздѣляетъ участь короля. Толпа обойщиковъ, штукатуровъ, каретниковъ, виноторговцевъ, продавцевъ французскихъ матерій,—обыкновенно начинала съ короля и, толпясь ежедневно въ дворцовыхъ переднихъ, заносила къ королю всеподданнѣйшую просьбу уплатить по счетамъ. Затѣмъ, вся эта компанія направлялась процессіей къ сенаторамъ, въ числѣ которыхъ кіевскій воевода занималъ еще не особенно видное мѣсто. Дѣлать было нечего; для удовлетворенія, хотя-бы отчасти, этой аравы должниковъ, Стемпковскому приходилось продавать все, что еще осталось въ его рукахъ. Онъ началъ съ сенаторскаго кресла. Добрый король далъ на это свое позволеніе, а покупатель, Протъ Потоцкій, оказался даже слишкомъ щедрымъ, отсчиталъ за эту переуступку болѣе 275,000 злотыхъ...

За сенаторскимъ кресломъ пошли драгоцѣнности; пріобрѣлъ ихъ Теперъ за 9,000 червонцевъ. Это были драгоцѣнныя пуговицы необыкновенной величины, усѣянные брильянтами эполеты, запонки, ожерелья, табакерки украшенныя драгоцѣнными каменьями, великолѣпные ордена. Охоцкій приступилъ даже къ уговору съ варшавскими кредиторами, предлагая имъ удовлетвориться четвертою частью слѣдуемаго имъ...

Не думайте однако, чтобы ех-воевода остался безъ гроша. Станиславъ-Августъ обезпечилъ содержаніе своему вѣрному слугѣ, оставивъ за нимъ жалованье генералъ-лейтенанта (36,000 злотыхъ), предсѣдательство въ военной коммисіи (24,000), мѣсто въ стражѣ (12,000); кромѣ того, изъ доходовъ съ Лабуни ему выдавалось ежегодно 80,000 злотыхъ. Но для сенатора этого было мало! Хотя „воеводскія дѣла" и остались за нимъ, но, живя далеко отъ управляемой области, онъ уже не могъ извлекать изъ нея прежнихъ доходовъ,—да, наконецъ, всѣ должности были заняты его пріятелями, всѣ землевладѣльцы были уже украшены знаками отличія. Если-бы понимать орденъ въ его истинномъ значеніи, т. е. какъ выраженіе извѣстныхъ заслугъ,— оказалось-бы, что во времена Станислава-Августа во всей Рѣчи-Посполитой не было болѣе заслуженныхъ мужей, чѣмъ тѣ, которые населяли кіевское воеводство... Это былъ истинный разсадникъ добродѣтельныхъ патриціевъ!...

Съ перваго момента прибытія воеводы въ столицу началась для него новая жизнь. Его общественная карьера была окончена. Личныхъ заслугъ у него не было никакихъ, такъ какъ всю жизнь онъ былъ только вѣрнымъ орудіемъ въ рукахъ своего господина. Цѣлые 22 года хозяйничалъ онъ въ кіевщинѣ, руководствуясь только примѣромъ короля, подражая ему во всѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ власти. Но ни умомъ, ни сердцемъ онъ не могъ сравниться съ своимъ благодѣтелемъ; его выручала лишь его ловкость и хорошо разыгранное шляхетское добродушіе. Снисходительный къ окружающей его шляхтѣ, онъ далъ ей полную волю дѣлать всякаго рода злоупотребленія, и этимъ снискалъ себѣ ея благодарность.

Разъ только, подъ конецъ своей жизни, Стемпковскій обнаружилъ мнѣніе, противное намѣреніямъ короля. Это было въ 1790 году. Привилегія избирать короля, или такъ называемая элекція имѣла для него много прелести, чему даже не слѣдуетъ удивляться. Тѣмъ не менѣе, въ это именно время въ письмѣ къ Понятовскому онъ такъ высказался по этому вопросу: „Если-бы при жизни и во время царствованія Вашего Королевскаго Величества былъ рѣшенъ вопросъ о престолонаслѣдіи или намѣченъ былъ преемникъ,—господа эти, вѣроятно, не дали-бы спокойно

завершиться вашему царствованію и употребили-бы всѣ средства для ускоренія вашей смерти". Согласно съ этимъ, онъ, несмотря на всѣ убѣжденія Станислава-Августа, протестовалъ на кіевскомъ сеймикѣ противъ выбора преемника ему и не провелъ порученныхъ ему кандидатовъ; хотя-же право сукцессіи принято значительнымъ большинствомъ, но это было, какъ повсемѣстно утверждали тогда, дѣломъ рукъ подкоморія[1]) Бѣржинскаго, съ которымъ ех-воевода былъ въ ссорѣ. Между тѣмъ, когда дошло до рѣшенія относительно выбора королевскаго преемника при жизни самаго короля, Стемпковскій громко заявилъ:

— Служилъ я довольно долго и все кланялся главному алтарю; но разочаровался... Хочу теперь жить за одно съ братіей— шляхтой!

Слова эти не дѣлаютъ чести воеводѣ, который всѣмъ былъ обязанъ этому „главному алтарю".

Король однако не обидѣлся; напротивъ, по пріѣздѣ Стемпковскаго въ Варшаву, искренно подумывалъ объ обезпеченіи участи своего любимица. Къ учрежденіямъ 3-го мая герой нашъ отнесся совершенно равнодушно, онъ возмущался только этимъ братаньемъ съ мѣщанствомъ... Ему ничего не хотѣлось потерять изъ своего привилегированнаго положенія.

Впрочемъ въ этомъ, можетъ-быть, сказывалось вліяніе преждевременной старости. Жизнь его пролетѣла среди безпрестанныхъ наслажденій и вѣчнаго пиршества, среди прекрасныхъ, шаловливыхъ и снисходительныхъ женщинъ, а потому когда Стемпковскому было 60 слишкомъ лѣтъ, онъ былъ уже принужденъ часто оставаться въ постели. Докучала ему подагра, доктора совѣтовали воздержность: какъ однако рѣшиться на это человѣку, который никогда не отказывалъ себѣ ни въ чемъ? Если-бы кто-нибудь изъ близкихъ заботился о немъ; то, быть можетъ, удалось-бы удержать его отъ излишества. Но Стемпковскій велъ жизнь холостяка и не поддавался... Баловень судьбы, онъ думалъ, что и теперь она переможетъ... Ошибся... послѣдовалъ ударъ, и страшный Іосифъ окон-

---

[1]) Камергеръ.

чилъ свое земное странствованіе, въ началѣ 1793 года, въ совершеннѣйшемъ одиночествѣ, даже Охоцкаго не было при немъ.

И тутъ впрочемъ счастье не измѣнило ему: онъ умеръ во время, потерявъ вліяніе и состояніе... Не видѣлъ ужасовъ тарговицкой сумятицы, не дожилъ до времени упадка края... Думаемъ, что даже при его индифферентизмѣ къ дѣламъ общественнымъ онъ искренно скорбѣлъ-бы обо всемъ послѣдовавшемъ.

Охоцкій, написавшій его апологію въ своихъ мемуарахъ, утверждаетъ, что Стемпковскій не имѣлъ сношеній съ „политическими агентами", иначе говоря, не былъ на жалованьѣ у пословъ. Мы охотно вѣримъ этому: онъ избралъ себѣ другой путь и въ иномъ мѣстѣ искалъ не всегда законныхъ барышей. Но и не бывъ подкупленнымъ, не представлялъ-ли онъ образца кротости и покорности по отношенію къ союзническимъ войскамъ во время барской конфедераціи? Король дѣйствовалъ сообразно повелѣніямъ изъ Петербурга, великій гетманъ также повиновался имъ: могъ-ли сопротивляться имъ человѣкъ, копировавшій во всемъ своего благодѣтеля и покровителя?

Вліяніе Стемпковскаго въ кіевскомъ воеводствѣ было громадное, и, какъ мы указали выше, скорѣе вредное, чѣмъ душеспасительное. Онъ пріучилъ къ безконечному разгулу свою придворную шляхту, своихъ сосѣдей, наконецъ, цѣлое воеводство: наслажденіе жизнью было для всѣхъ единственною цѣлью. Между тѣмъ, каждый съѣздъ, устраиваемый съ цѣлью совѣщаній о нуждахъ провинціи, начинался и оканчивался всякаго рода притѣсненіями ея населенія. О благѣ родины не думалъ никто. Страна походила на судно, плывущее по бурному морю не только безъ кормчаго, но даже безъ гребцовъ; оставленное на волю провидѣнія, оно ударяется объ подводныя рифы, буря бросаетъ имъ объ прибрежныя скалы... Долго оно противилось разрушенію, такъ какъ было сколочено крѣпкими руками прадѣдовъ этого разслабленнаго поколѣнія; но наконецъ должно было пойти ко дну. Спѣшившихъ на помощь утопавшему судну въ кружкѣ пана Іосифа нашлось немного. Когда-жъ на воеводскомъ сеймикѣ 1790 года очнулись, наконецъ, послѣ долгаго похмѣлья, то такую саженную инструкцію настрочили своимъ избирателямъ, что изъ нея, какъ утверждалъ Стемпковскій, можно

было составить другую конституцію... Истые корольки безъ всякаго чувства долга относительно родины, но съ претензіею извлекать изъ нея возможно большіе доходы... Всѣмъ пользоваться, ничѣмъ не жертвуя—вотъ ихъ девизъ!

И въ Тульчинѣ царило безконечное веселье, но тамъ, по крайней мѣрѣ до эпохи четырехлѣтняго сейма, искренно заботились о благѣ Рѣчи-Посполитой. Щененый устраивалъ имѣнія, заводилъ образцовое хозяйство, пролагалъ дороги, устраивалъ почты, несъ пожертвованія въ пользу войска. Въ кружкѣ кіевскаго воеводы никогда ни о чемъ подобномъ не думали, не смотря на то, что волынская шляхта никогда не упускала изъ виду того, что дѣлалось въ Тульчинѣ.

Вотъ почему затѣя тарговицкая привилась здѣсь легко; приступили къ ней безъ разговоровъ: одни—съ цѣлью ловить рыбу въ мутной водѣ, другіе—чтобы сохранить свои имѣнія, еще нѣкоторые—чтобы „что-нибудь спасти". А когда она рушилась, съ какою поспѣшностью и покорностью приносили они новую присягу! Всего болѣе шляхты съѣхалось въ Житоміръ ко дню 8-го апрѣля; 100 гербовныхъ первые явились здѣсь для изъявленія предписанной покорности... Въ другихъ мѣстахъ къ этому акту приступали нерѣшительно, съ нѣкоторой тревогой, шляхта оттягивала, поджидала вѣстей изъ Варшавы...

И вотъ Лабунь снова явилась на горизонтѣ, опять засіяла великолѣпіемъ: въ ней заквартировалъ новый администраторъ свѣжеприсоединенныхъ провинцій—генералъ *en chef*, Кречетниковъ; онъ расположилъ лагерь въ Полонномъ, а самъ поселился здѣсь съ своимъ штабомъ. Наряжена служба въ мѣстномъ костелѣ; наступила присяга; во главѣ землевладѣльцевъ стоялъ воеводичъ Стемпковскій. Когда пропѣли *Te Deum* и данъ былъ залпъ изъ пушекъ, выступилъ впередъ генералъ Любовицкій—нѣкогда товарищъ воеводы по преслѣдованію взбунтовавшихся крестьянъ, теперь предводитель вооруженныхъ силъ Рѣчи-Посполитой въ южныхъ воеводствахъ—и принесъ присягу въ вѣрности отъ имени всего своего 20-ти тысячнаго корпуса. Въ теченіе первыхъ двѣнадцати дней послѣ водворенія новой власти, изъ среды гостей, такъ часто нанѣщавшихъ здѣсь страшнаго Іосифа, была избрана и послана въ

Петербургъ депутація для принесенія поздравленія „монархинѣ". Изъ данной мѣстности въ составъ депутаціи вошли: Протъ Потоцкій, адвокатъ Бѣржинскій и староста Ильинскій.

Годъ спустя въ той-же Лабуни жилъ князь Салтыковъ, предводитель южной арміи послѣ смерти Кречетникова. Около того времени великаго мацѣёвицкаго узника везли въ Кіевъ, черезъ Киселинъ, Луцкъ и Заславль; русскій генералъ пожелалъ видѣть человѣка, имя котораго прогремѣло по всей прежней Польшѣ, и послѣдній былъ ему представленъ въ Лабуни. Что со стороны рыцаря-противника Косцюшкѣ былъ сдѣланъ вѣжливый и даже сердечный пріемъ—въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться... Но странное стеченіе обстоятельствъ! въ огромной залѣ, гдѣ нѣкогда шляхта, разукрашенная орденами, принимала короля, теперь стоялъ защитникъ ея свободныхъ учрежденій, окруженный стражею, блѣдный, почти окровавленный... Сравните пиршество 1787 года съ грозной и полной высокаго трагизма минутой, и вы найдете въ нихъ отраженіе судебъ приходящей въ упадокъ страны.

Но когда исчезла всякая возможность общественной дѣятельности на пользу родины, единственнымъ убѣжищемъ родныхъ традицій могъ сдѣлаться домашній очагъ: семья должна была стать ковчегомъ, въ которомъ онѣ могли-бы сохраниться; однакоже, мы съ грустью принуждены сознаться, что въ эпоху послѣ разбора Польши случаи развода нигдѣ не были такъ часты, какъ въ данной мѣстности... Въ доказательство привожу сильно сокращенный перечень такихъ случаевъ.

Какъ мы уже знаемъ, дочь воеводы Стемпковскаго вышла замужъ за Мартина Любомирскаго, извѣстнаго искателя приключеній и покровителя франкистовъ, или, вѣрнѣе, обожателя прекрасной дочери сектанта; овдовѣвъ, она вторично отдала руку Залускому, съ которымъ, однакоже, развелась, съ тѣмъ чтобы сдѣлаться женой Игельстрома. Она дѣятельно поддерживала послѣдняго въ Варшавѣ (когда была еще его *подругой*), затѣмъ жила съ нимъ въ Оренбургѣ (уже какъ законная жена) и, наконецъ, когда онъ потерялъ мѣсто генералъ-губернатора (1798 г.), поселилась съ нимъ въ Дубнѣ и заботливо ухаживала за дряхлымъ шелопаемъ, который до самой своей смерти не переставалъ волочиться за прекрасными волынянками.

Жена Прота Потоцкаго, дочь Каспера Любомирскаго, развелась съ мужемъ (кіевскимъ воеводою) и вступила въ вторичный бракъ съ Зубовымъ—съ „отбитой“ ногой, какъ-бы желая вознаградить его за обиду, нанесенную ему пулей... А онъ былъ замѣчательный красавецъ; кромѣ того, раньше имѣлъ честь обратить на себя взоръ высокопоставленной особы!..

Михаилъ Валевскій, воевода серадзкій, поселившійся подъ конецъ своей жизни въ Тучинѣ, на Волыни, отдалъ руку своей дочери Стецкому, хорунжію коронному; но мужъ былъ старъ, жена бросила его и вступила въ вторичную связь съ княземъ Станиславомъ Яблоновскимъ, сохранивъ съ первымъ мужемъ до самой своей смерти самыя дружескія отношенія...

Дочь подкоморія Бѣржинскаго—Элеонора, бывшая за сыномъ мечника[1]) короннаго, Антоніемъ Грохольскимъ, влюбилась въ русскаго полковника Банера и добилась развода съ мужемъ... Ея любовныя приключенія идиллически изображены въ запискахъ Дѣтюка.

Молодой Карлъ Понинскій (сынъ Каликста?) женился на своей теткѣ, вдовѣ каштеляна Бѣржинскаго; была то не молодая, но похотливая *пани;* имѣла сына и двухъ взрослыхъ дочерей. Новобрачному приглянулась одна изъ нихъ,—поздно, правда; но онъ нашелся... обольстилъ дѣвушку, бѣжалъ съ нею въ Германію, а тамъ нашли пастора, который соединилъ ихъ таинствомъ брака.

Но довольно, довольно всего этого... Намъ незачѣмъ выставлять на судъ исторіи этихъ людей, жившихъ только моментомъ. Не ихъ вина, что они были такими. Рѣчь-Посполитая нуждалась въ людяхъ, закованныхъ въ броню добродѣтели, вооруженныхъ самопожертвованіемъ и душевной крѣпостью; но на скоро созрѣвавшей ея нивѣ выростали сыны, любившіе одни лишь увеселенія и праздную жизнь, влюбленные въ самихъ себя, хвастуны, дряблые, пустые... Неудивительно, что при первомъ столкновеніи съ бурей, разразившейся надъ страной, эти хилыя растеньица преклонялись къ землѣ, желая избѣжать ея неистовыхъ порывовъ; и въ то время, какъ вѣковые дубы падали, сокрушенные, одичалый плющъ потерялъ лишь нѣсколько

---

[1]) Мечникъ—сановникъ, носящій королевскій мечъ.

листиковъ... Увы! не оказалось даже достойнаго чела, которое можно было-бы увѣнчать хотя-бы этимъ дикимъ плющемъ...

Тѣмъ не менѣе, не они виноваты, повторяемъ еще разъ. И страшный Іосифъ былъ лишь представителемъ того общественнаго слоя, который такъ широко разросся у насъ въ XVIII вѣкѣ. Въ этомъ отношеніи и его біографія имѣетъ нѣкоторую цѣну.

Лабунь перешла послѣ смерти Стемпковскаго въ руки кредиторовъ; лѣтъ шесть спустя, развалился и этотъ дворецъ, извѣстный своими пиршествами: онъ разсыпался, распался, не оставивъ по себѣ даже развалинъ. Потомство воеводы по мужской линіи прекратилось въ четвертомъ поколѣніи. Сыновья его и внуки прошли тяжелую школу испытаній, не жалѣли своей крови и безграничнымъ самопожертвованіемъ окупили эгоизмъ своего предка.

СЕРАПІОНЪ, МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ.

Кіевскій митрополитъ Серапіонъ не принадлежалъ къ числу людей съ выдающимися талантами По натурѣ онъ былъ человѣкъ мягкій, кроткій, гостепріимный, общительный, какъ и большая часть владимірскихъ урожденцевъ, но способностей не бойкихъ и рутинеръ въ администраціи и въ жизни. Люди, близко знавшіе его, удивлялись даже, какъ ему удалось достигнуть столь высокаго положенія въ русской іерархіи. Такъ князь И. М. Долгорукій въ своихъ воспоминаніяхъ, озаглавленныхъ *Капище моего сердца*, говоря о Серапіонѣ, что помнитъ его еще московскимъ викаріемъ, какъ человѣка очень обязательнаго и услужливаго, прибавляетъ: „онъ былъ тогда такъ худъ, что мы его называли *щепочкою*, и никогда не воображали, что изъ этой щепочки выйдетъ нѣкогда великое бревно въ церкви россійской". Равно и митр. Платонъ съ удивленіемъ узналъ о назначеніи своего бывшаго викарія на кіевскую митрополію: „что преосв. Серапіонъ вышелъ въ митрополита въ Кіевъ,"—писалъ митр. Платонъ митр. Амросію (отъ 27 дек. 1803 г. п. 85),—сіе совсѣмъ противъ нашего, а можетъ быть и общаго чаянія".

По видимому жизнь зауряднаго человѣка, хотя-бы и въ санѣ митрополита, не представляетъ особаго историческаго интереса. Но здѣсь выходитъ нѣсколько иначе. Историческій интересъ, возбуждаемый личностію митр. Серапіона, обратно пропорціоналенъ съ его историческимъ значеніемъ. А причина сего заключается въ томъ, что митр. Серапіонъ оставилъ по себѣ очень обильный матеріалъ для изученія его жизни и той среды, въ которой онъ обращался. Пр. Серапіонъ имѣлъ обычай вести *дневникъ* и аккуратно записывалъ свое ежедневное времяпровожденіе и то, что съ нимъ случалось. Какъ рано завелъ онъ эту привычку,—не знаемъ. Но въ

санѣ казанскаго архіепископа, онъ уже велъ дневникъ. Веденіе дневника вѣроятно первоначально имѣло цѣль практическую; записи дневника нужны иногда бывали для справокъ, давали матеріалъ для разговоровъ (напр. о погодѣ [1]), а главное—веденіе дневника придавало всей жизни архипастыря тотъ характеръ ровности, устойчивости и аккуратности, который онъ считалъ своимъ главнымъ достоинствомъ. Съ теченіемъ времени привычка обратилась во вторую природу: за нѣсколько дней до смерти дрожащею рукою митр. Серапіонъ продолжалъ еще писать свою поденную запись.

Кто-то сказалъ, что простой и безхитростный дневникъ самаго обыкновеннаго человѣка даетъ болѣе пищи для размышленія, чѣмъ любыя драмы Шекспира. Въ извѣстномъ отношеніи это справедливо. Жизнь слагается по однимъ и тѣмъ-же, въ сущности очень не многимъ законамъ. Юность и любовь, мужество и трудъ, старость и смерть—таковы роковыя перипетіи, которые милліоны милліоновъ разъ въ разныхъ видоизмѣненіяхъ повторяются въ жизни отдѣльныхъ личностей. Читая чужой дневникъ, каждый изъ насъ читаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти какъ-бы и свою собственную біографію. День идетъ за днемъ и каждый имѣетъ свою *злобу*, каждый приноситъ свои заботы и интересы, свои радости и печали. Чувства измѣняются, измѣняются и отношенія. Вчерашняя радость смѣняется сегодня горемъ, вчерашній другъ становится сегодня врагомъ или человѣкомъ равнодушнымъ, и на оборотъ. Изъ этой смѣны житейскихъ впечатлѣній, подобныхъ рѣкѣ мимо текущей, христіанскій моралистъ выводитъ для себя уроки доброй нравственности. „Былъ я младенецъ", разсуждаетъ св. Тихонъ Задонскій, „и миновало то. Былъ я отрокъ, и то прошло. Былъ я юноша, и то отошло отъ мене. Былъ я мужъ совершенный и крѣпкій, минуло и тое. Нынѣ сѣдѣютъ власы мои, и отъ старости изнемогаю; но и то проходитъ, и къ концу приближаюся, и пойду въ путь всея земли... Былъ я здоровъ и боленъ, и паки здоровъ и паки боленъ, и прошло то. Былъ въ благополучіи и неблагополучіи, прошло время и со временемъ все миновало. Былъ я въ чести, прошло то время, и честь отъ мене отступила. Люди меня почи-

[1]) Напримѣръ—въ такомъ родѣ: въ прошломъ де году въ Благовѣщенье былъ снѣгъ и столько-то градусовъ холоду; а нынѣ таетъ и столько-то градусовъ тепла и т. п.

тали и покланялись; минуло то время и не вижу того. Былъ я веселъ, былъ и печаленъ, радовался я и плакалъ; и нынѣ тоеждѣ мнѣ случается; проходятъ дни, проходятъ съ ними печаль и веселіе, радость и плачь. Хвалили меня и славили люди; хулили и поносили; и которые хвалили, тѣ и проклинали; и которые хулили, тѣ и хвалили; прошло время, прошло и все, миновалась хвала и хула, слава и безславіе... Что мнѣ, то и всякому случается. Гдѣ тое время, въ которое счастливъ я былъ, въ которое здоровъ, веселъ, радостенъ, хвалимъ, почитаемъ; въ которое богатою музыкою и трапезою утѣшался, ѣздилъ колесницею и цугомъ? Прошло время, прошло и все съ нимъ счастіе мое и утѣшеніе мое. Гдѣ тое время, въ которое я былъ несчастливъ, былъ болѣнъ, печаленъ, скорбенъ, хулимъ и поносимъ, укоряемъ и ругаемъ, и пр.? Прошли тыя дни, прошло и тое все несчастіе: что единъ человѣкъ на себѣ дознаетъ, то и всякому случается. Нѣтъ бо человѣка такого, который бы отъ рожденія до смерти въ непремѣнномъ пробылъ благополучіи. Какъ подъ небомъ, то ведро, то пасмурно, то непогода и буря, то ясно и тишина бываетъ: такъ и всякому человѣку случается то въ благополучіи, то въ неблагополучіи, то въ страхѣ, то въ покоѣ, то въ печали, то въ радости быть. Но какъ дни и часы проходятъ, такъ всякое счастіе и несчастіе съ ними проходитъ (*св. Тихона. Сокровище духовное. 97. Вода* мимотекущая).

Дневникъ всякаго человѣка—въ томъ числѣ и митр Серапіона—служитъ лучшею иллюстраціею къ вышеприведеннымъ задушевнымъ размышленіямъ св. Тихона. Но если христіанскій моралистъ изъ постоянной смѣны житейскихъ приключеній, отношеній и впечатлѣній выводитъ для себя уроки доброй нравственности, то для любителя исторіи, какъ *науки*, открывается здѣсь и другой интересъ. Не довольствуясь нравоученіемъ, любитель исторіи стремится уяснить себѣ тѣ *законы*, по которымъ совершается волнообразное движеніе человѣческой жизни съ ея приливами и отливами радости и горя, труда и покоя, удачъ и неудачъ.

При такомъ стремленіи дневникъ—чей-бы то либо, особенно многолѣтній и непрерывный, представляется очень подходящимъ матеріаломъ для изученія человѣческой жизни по своей относительной простотѣ и безъискуственности. Факты сообщаются капля по каплѣ, въ той мѣрѣ, какъ даетъ ихъ каждый протекшій день. Ме-

лочи, изъ которыхъ слагается жизнь, передаются во всей ихъ дробности и во всемъ ихъ утомительномъ однообразіи. Субъективныя иллюзіи всѣ на виду: писатель дневника и самъ не знаетъ, разростется-ли крупными послѣдствіями событіе, поразившее его сегодня, или пройдетъ безслѣдно; часто онъ ужасается тамъ, гдѣ нѣтъ опасности,—и на оборотъ. Да и вообще все занесенное въ дневникъ освѣщается ровнымъ и однообразнымъ свѣтомъ одного индивидуальнаго сознанія. Однимъ словомъ: дневникъ есть рядъ фотографій изъ дѣйствительной жизни человѣка, какъ она отражается въ его сознаніи.

Конечно, нужно не мало труда и терпѣнія, чтобы суммировать тѣ однообразныя мелочи, изъ которыхъ обыкновенно слагается каждый дневникъ; чтобы событія и впечатлѣнія изъ узкаго кругозора отдѣльнаго дня перенести въ историческую перспективу цѣлой жизни. Нужно не только терпѣніе, но и нѣкоторый запасъ исторической опытности и наблюдательности, чтобы сравнить жизнь героя дневника съ жизнію другихъ соизмѣримыхъ личностей для характеристики героя дневника и для уразумѣнія общихъ законовъ исторіи. Но за то понять жизнь одного человѣка значитъ найти ключь къ пониманію тысячи другихъ жизней.

Дневникъ митр. Серапіона есть дневникъ человѣка стараго, человѣка высокопоставленнаго, человѣка безъ стремленій, человѣка отживающаго. Этимъ на первый разъ все, что нужно, сказано. Обратимся къ фактическому содержанію дневника.

I.

Назначеніе казанскаго архіепископа Серапіона на кіевскую митрополію. Curriculum vitae новаго митрополита. Вліяніе на него митроп. Платона. Его характеръ и его наружность.

Въ сентябрѣ 1803 года кіевскій митрополитъ Гавріилъ Бодони уволился отъ митрополіи и выѣхалъ изъ Кіева. Человѣкъ онъ былъ еще не старый (57 лѣтъ); въ Кіевѣ его любили. Обстоятельства его увольненія доселѣ остаются неразъясненными. Кажется, просто въ высшихъ правительственныхъ сферахъ стали считать неумѣстнымъ на кіевской митрополіи иноземца (родомъ изъ Трансильваніи),

хотя-бы и очень заслуженнаго, а самъ Гавріилъ былъ человѣкъ на столько нечестолюбивый, что поспѣшилъ уволиться, какъ скоро до него начали доходить подобные слухи [1]).

Какъ-бы то ни было, но митрополичья каѳедра въ Кіевѣ сдѣлалась вакантною, и вопросъ о замѣщеніи ея около 4 мѣсяцевъ (съ 21 августа по 11 декабря 1803 г.) оставался открытымъ. Разумѣется, толкамъ и предположеніямъ не было конца. Кіевскій каѳедральный протоіерей І. Леванда предполагалъ и будто-бы даже имѣлъ съ сѣвера извѣстія, что кіевскимъ митрополитомъ будетъ Викторъ Садковскій, архіепископъ черниговскій. Но Викторъ умеръ въ ноябрѣ того-же года. Московскій митр. Платонъ предполагалъ кандидатомъ на кіевскую митрополію извѣстнаго проповѣдника Анастасія Братановскаго, архіепископа могилевскаго. Но, вопреки всѣмъ предположеніямъ, назначенъ на митрополію въ Кіевъ Серапіонъ, архіепископъ казанскій. Намъ думается, что Серапіона, какъ земляка, промовировалъ первенствующій членъ синода, митр. Амвросій Подобѣдовъ, также урожденецъ владимірскій [2]). Неожиданность этого назначенія увеличивалась оттого, что доселѣ еще не было примѣра, чтобы на кіевской каѳедрѣ сидѣлъ великороссъ, тогда какъ на оборотъ въ XVIII столѣтіи почти всѣ архіерейскія каѳедры въ Великороссіи были заняты учеными малорусскаго происхожденія или, по тогдашнему, *черкасами*.

1 генваря 1804 года архіепископъ казанскій Серапіонъ записалъ въ своемъ дневникѣ, между прочимъ, слѣдующее: „ѣздилъ въ городъ и служилъ въ послѣдній разъ въ соборѣ тепломъ предъ отбытіемъ моимъ на кіевскую митрополію. Послѣ молебна разоблачась говорилъ съ амвона рѣчь прощательную“. За тѣмъ въ тотъ-же день былъ данъ новымъ митрополитомъ прощальный обѣдъ казанской аристократіи и высшему духовенству на 36 кув.

4 генваря новый митрополитъ получилъ съ почты указъ изъ св. синода, съ прописаніемъ именнаго высочайшаго соизволенія

---

[1]) Въ послѣдствіи Гавріилъ долго еще съ честію служилъ Россіи въ санѣ экзарха молдовлахійскаго и потомъ митрополита кишиневскаго († 30 марта 1821 г.)

[2]) Такимъ образомъ въ началѣ настоящаго столѣтія мы видимъ на двухъ митрополіяхъ іерарховъ владимірскаго происхожденія, точно также какъ въ настоящее время имѣемъ двухъ митрополитовъ тульскихъ уроженцевъ.

носить ему бѣлый клобукъ по обычаю. „*И благодать возблагодать:* замѣчаетъ обрадованный Серапіонъ, *то есть на прошлой почтѣ именной указъ, и на сей тоже*“. На другой день, т. е. въ крещенскій сочельникъ, „*съ утра зѣло рано и до 1 часа за полдни*“, новый митрополитъ занимался приготовленіемъ и отправкою на почту писемъ: написалъ благодарственное письмо государю императору, двумъ императрицамъ и еще кое-кому, всего 17 писемъ. А въ праздникъ Крещенія „*служилъ въ крестовой церкви для праздника и для пожалованнаго бѣлаго клобука, который въ первый разъ къ обѣднѣ воздѣлъ на себя и явился въ немъ людямъ*“.

Здѣсь мы пріостановимся, чтобы поближе познакомиться съ новымъ митрополитомъ кіевскимъ и разсказать его біографію. Новому митрополиту было 56 лѣтъ. Жизнь его была проста и не богата приключеніями. Полвѣка слишкомъ прожилъ онъ въ Москвѣ и около Москвы, а послѣдніе 5 лѣтъ въ Казани. 22 іюля 1747 г. въ той пріобрѣтшей печальную извѣстность Александровской слободѣ, гдѣ во время оно тиранствовалъ Иванъ Грозный [1]), у священника дѣвичьяго монастыря Сергія и жены его Матроны родился сынъ *Стефанъ*. До 12 лѣтъ мальчикъ жилъ среди своей довольно большой и небогатой семьи и, можно сказать, на лонѣ природы, такъ какъ Александровская слобода (нынѣ уѣздный городъ влад. губ.), таже деревня. Вѣроятно съ этой поры получила начало въ будущемъ кіевскомъ митрополитѣ привычка наблюдать за погодою и внимательность къ сельскому хозяйству. На 12 году отрокъ Стефанъ былъ отвезенъ за 40 верстъ отъ родины въ троицкую семинарію, находившуюся въ Сергіевой лаврѣ, и вѣроятно при поступленіи въ школу, по происхожденію изъ Александровской слободы, получилъ фамилію *Александровскаго*. Въ семинаріи Стефанъ Александровскій учился 10 лѣтъ (годъ въ фарѣ и инфимѣ, годъ въ грамматикѣ, годъ въ синтаксимѣ, годъ въ піитикѣ, годъ въ реторикѣ, два года

---

[1]) Въ дневникѣ упоминаются братъ Иванъ, и сестры, изъ которыхъ Параскева жила въ Кіевѣ, *Варвара* умерла раньше мужа, который впослѣдствіи, съ именемъ Назарія, былъ архимандритомъ казанскаго свіяжскаго монастыря († 7 авг. 1804 г.), и сестра Анна, монахиня александровскаго монастыря, которая вмѣстѣ съ своею игуменьею была у брата митрополита въ Кіевѣ въ авг. 1804 г.

въ философіи и три года въ богословіи). Этимъ учебнымъ десятилѣтіемъ (1759—1770 г.) и кончилось его образованіе. Какъ провелъ онъ эти 10 лѣтъ, неизвѣстно; должно быть, ничего особеннаго съ нимъ не случалось. Припоминалъ только владыка Серапіонъ впослѣдствіи, что когда онъ поступалъ въ семинарію, то ректоромъ былъ *Гавріилъ Петровъ,* впослѣдствіи митрополитъ петербургскій, а учителемъ реторики *Платонъ Левшинъ*, впослѣдствіи митрополитъ московскій. Припоминалъ также, что семинаристовъ содержали довольно скудно, не смотря на то, что лавра, по крайней мѣрѣ въ первую половину ученья Серапіонова, владѣла вотчинами. Несомнѣнно также, что Стефанъ Александровскій не порывалъ связи съ родною семьею, но при всякомъ удобномъ случаѣ, на праздники и каникулы—ѣздилъ или ходилъ за 40 верстъ въ свою Александровскую слободу. Какъ учился Стефанъ Александровскій, съ точностію неизвѣстно. Вѣроятно хорошо, но не отлично. Бралъ—должно полагать, больше трудолюбіемъ и аккуратностію, нежели дарованіями. Но во всякомъ случаѣ окончилъ курсъ благополучно, и на первый разъ былъ оставленъ при семинаріи *помощникомъ учителю нѣмецкаго языка*, вѣроятно въ родѣ называвшагося впослѣдствіи *семинарскаго лектора.* Отсюда конечно не слѣдуетъ заключать, чтобы Стефанъ Александровскій былъ знатокъ нѣмецкаго языка, а тѣмъ паче нѣмецкой литературы: вѣрнѣе думать, что его нѣмецкое учительство было не столько дѣломъ *знанія*, сколько дѣломъ *послушанія.* Впрочемъ только менѣе полугода учительствовалъ Александровскій въ качествѣ мірянина, преподавая за это время не только нѣмецкій языкъ, но и латинскій, и географію. 8 февраля 1771 г., т. е. на 24 году жизни, онъ уже былъ постриженъ въ монахи, въ троицкой лаврѣ, и нареченъ *Серапіономъ*, въ честь святителя Серапіона, арх. новогородскаго († 1516 г.), мощи котораго подъ спудомъ въ троицкой лаврѣ почиваютъ. (Память его марта 16) [1]). Нѣтъ нужды много говорить, по какому побужденію Серапіонъ принялъ монашество; въ то время учителю троицкой

---

[1]) Отмѣчаемъ здѣсь памяти патроновъ Серапіона, какъ по мірскому, такъ и по монашескому имени, потому что митр. Серапіонъ ежегодно 16 марта торжественно праздновалъ свои монашескія именины, а 2 августа, въ кругу родныхъ и близкихъ лицъ, праздновалъ и мірскія именины.

семинаріи трудно было избѣжать монашества. Это была обыкновенная, торная, даже почти неминуемая дорога. „Бѣльцы ненадежны“, разсуждалъ Платонъ Левшинъ, главный съ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка кураторъ троицкой семинаріи. „Годъ, или много два побудутъ, и просятся вонъ: они только въ надеждѣ лучшаго мѣста въ учители желаютъ. А монашествующіе надежнѣе“. Поэтому всѣ почти учителя троицкой семинаріи были монахи. Бѣльцы приглашались или принять постриженіе или освобождать вакансіи для иноковъ. Но Серапіона и монашество не прикрѣпило къ ученой службѣ, къ которой онъ повидимому не имѣлъ ни охоты, ни особенной способности. Менѣе чѣмъ чрезъ годъ послѣ постриженія онъ былъ взятъ въ Москву, гдѣ былъ сначала проповѣдникомъ при московской славено-греко-латинской академіи (1772—74), каковую должность повидимому проходилъ тоже главнымъ образомъ *изъ послушанія* [1]), потомъ былъ игуменомъ московскаго крестовоздвиженскаго монастыря (1775 г.), игуменомъ московскаго знаменскаго монастыря (1776—78 г.) и архимандритомъ московскаго богоявленскаго монастыря (1779—1788 г.). Во все время своего игуменства и архимандритства Серапіонъ былъ членомъ московской духовной консисторіи, и исправлялъ особыя возлагаемыя на него порученія, напр. по духовной цензурѣ. А одинъ годъ (1782) провелъ въ Петербургѣ на чредѣ священнослуженія. Всего въ общемъ итогѣ отъ постриженія до архіерейства, такъ сказать подъ искусомъ, Серапіонъ провелъ 16 лѣтъ, состоя почти исключительно на административныхъ должностяхъ. Что сказать о немъ за это время? Строгимъ аскетомъ и отшельникомъ Серапіонъ никогда не былъ: онъ былъ человѣкъ общительный, любилъ водить хлѣбъ-соль съ хорошими людьми, бесѣдовать и трапезовать во славу Божію, въ гостяхъ побывать и у себя принять, но тѣмъ не менѣе былъ житія

---

[1]) Проповѣдничество не было профессіею Серапіона. Сдѣлавшись архіереемъ, онъ никогда не говорилъ проповѣдей. Развѣ когда-либо по особому случаю—разъ въ 10 лѣтъ—скажетъ коротенькую рѣчь, да и то *рутинную*. Таковъ отзывъ князя И. М. Долгорукова о рѣчи митр. Серапіона при открытіи въ Кіевѣ библейскаго общества. Впрочемъ проповѣдничество при московск. академіи соединено было съ должностію библіотекаря, и вѣроятно послѣдняя должность и была для Серапіона главною и коренною.

трезваго, степеннаго и постояннаго. Что касается до административной дѣятельности Серапіона, то прежде всего, кажется, онъ былъ духовный чиновникъ очень исполнительный, а по своимъ взглядамъ былъ вполнѣ московскій человѣкъ, *у котораго много было наблюдательности и практической сноровки, но очень мало творческихъ идей.*

Въ 1788 г. учреждено было викаріатство въ Москвѣ и первымъ викаріемъ былъ назначенъ Серапіонъ, который и посвященъ во епископы въ московскомъ успенскомъ соборѣ 11 іюня 1788 г. Отъ роду ему было тогда безъ малаго 41 годъ, тогда какъ митр. Платонъ былъ ровно на 10 лѣтъ старше его. По всей вѣроятности митр. Платонъ, выбирая себѣ въ викаріи Серапіона, имѣлъ въ виду его скромность и исполнительность. Очень способные и самостоятельные люди любятъ въ своихъ помощникахъ и сотрудникахъ именно эти качества. Сначала митр. Платонъ, кажется, недоумѣвалъ еще, не слишкомъ-ли вялымъ окажется его викарій, но потомъ очень скоро расположился къ нему. Отъ 7 іюня 1788 г. митр. Платонъ писалъ Амвросію Подобѣдову: „Въ слѣдующее воскресенье будетъ посвященіе моего викарія Серапіона. Не знаю, какую принесетъ онъ мнѣ помощь". Но впослѣдствіи митр. Платонъ неоднократно просилъ св. синодъ *преосвященнаго Серапіона отъ него не отымать, ибо симъ отягчится судьба его*, т. е. митр. Платона, и даже впослѣдствіи ставилъ Серапіона въ примѣръ другимъ викаріямъ, напр. Августину (п. 30). Серапіонъ пробылъ викаріемъ московскимъ слишкомъ 11 лѣтъ (1788—1799 г.). Первые четыре года положеніе его было довольно неопредѣленно и не блестяще. Онъ былъ администраторъ безъ опредѣленной власти и главное—безъ опредѣленныхъ органовъ дѣятельности. „Я викарію отдѣлилъ три уѣзда", писалъ митр. Платонъ (къ Амвросію 20 ноября), „но за всѣмъ тѣмъ остается еще у меня 1500 церквей. Отдѣлилъбы ему и болѣе, но какъ консисторіи у него нѣтъ, то и съ сими не знаетъ, какъ сладить". Но года чрезъ четыре положеніе Серапіона совершенно нечаянно выправилось, улучшилось и стало весьма представительнымъ. Это случилось по слѣдующему поводу. Митр. Платону исполнилось 55 лѣтъ—возрастъ еще не старый. Но владыка тяготился своею зависимостію отъ петербургской синодальной братіи, тяготился своимъ отчужденіемъ отъ правленія *рулемъ общихъ дѣлъ*, и подалъ въ отставку, якобы по болѣзни, но въ сущности

потому что „самое управленіе раждало въ немъ тоску и скуку". Люди склонны воображать себя незамѣнимыми, хотя опытъ постоянно разбиваетъ эти мечтанія. Кто знаетъ—быть можетъ, подавая въ отставку, митрополитъ думалъ, что отставки ему не дадутъ, но вмѣсто того создадутъ для него положеніе, болѣе почетное и вліятельное, болѣе сообразное съ его заслугами и достоинствами. Случилось не совсѣмъ такъ, какъ ожидалъ митрополитъ. Отставки ему не дали, но его жалобы на старость и болѣзнь были приняты въ буквальномъ смыслѣ. „Я просился было объ увольненіи отъ епархіи", писалъ митр. Платонъ м. Амвросію (п. 32), „но не получилъ того, а оставленъ на волю жить въ лаврѣ; а правленіе поручать викарію, когда я захочу. *Не сего было я желалъ*". Такимъ образомъ вслѣдствіе просьбы митр. Платона объ отставкѣ поднялось только положеніе его викарія. Самъ митр. Платонъ, чтобы подтвердить свое заявленіе о своей старости и болѣзни, отправился въ уединеніе въ троицкую лавру и въ Виѳанію, а викарій его Серапіонъ остался въ Москвѣ управляющимъ митрополіею. Дѣлъ и заботъ у Серапіона конечно не прибавилось, но за то значеніе его возрасло до того, что самъ митр. Платонъ смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ подозрительнымъ соревнованіемъ. Такъ отъ 13 декабря 1792 г. митр. Платонъ писалъ Серапіону: „прошу присылать ко мнѣ ставлениковъ почаще и поболѣе, даже и церковниковъ для посвященія въ стихарь. Мнѣ не только скучно, но и стыдно предъ своими. Они не видятъ, что я дѣлаю по бумагамъ; а не видя никого ставлениковъ, думать могутъ, что я совсѣмъ уже въ епархіи участія не имѣю. Доставьте мнѣ сіе удовольствіе". Отъ 14 авг. 1794 г.: „знаю, что вамъ не безъ хлопотъ; но мнѣ при старости и отказавшись отъ епархіи, еще несноснѣе все сіе кажется". Отъ 10 декабря 1797 г.: „попросите вице-губернатора... васъ лучше послушаютъ, яко дѣйствительнаго архіерея, а не лѣснаго". Въ письмѣ отъ 1 марта 1798 г. жалуясь на скудное и обидное для митрополичьяго дома надѣленіе угодьями со стороны казенной палаты, митр. Платонъ продолжаетъ: „а преосвященному викарію нѣтъ затрудненія и два озера дать и 4 пруда, да еще и земли 90 десятинъ, а подъ мѣстный митрополитскій домъ 60. Будетъ и для васъ и для меня стыдно и обидно. Вамъ было прежде надлежало о мѣстномъ архіереѣ подумать, а послѣ о себѣ... Не по-

думайте, чтобъ я завидовалъ сему. Дай Богъ вамъ впятеро получить, но безъ предъосужденія хозяина своего. Будутъ смѣяться впредь мнѣ, да и васъ не похвалятъ". Но за исключеніемъ этой мимолетной вспышки неудовольствія, отношенія митр. Платона къ своему викарію были мирны и дружественны. Серапіонъ держалъ себя скромно и старался угождать и митрополиту, и московскимъ аристократамъ. Не могъ только Серапіонъ дружить съ московскими ставропигіальными архимандритами (донскимъ, симоновскимъ и новоспасскимъ) и съ членами московской синодальной конторы, съ которыми митр. Платонъ велъ постоянную войну. Но и по отношенію къ этимъ лицамъ Серапіонъ *укрывался* за митр. Платона, который, *яко мужъ, вѣдый терпѣти болѣзнь*, смѣло принималъ на себя ихъ *устремленіе*. Можемъ думать впрочемъ, что при своей мягкой натурѣ, служа посредствующимъ лицомъ между двумя взаимно предубѣжденными сторонами, Серапіонъ смягчалъ горечь ихъ непріязненныхъ отношеній. Въ духовной администраціи, дѣйствуя сообразно съ указаніями митр. Платона, Серапіонъ былъ его ученикомъ или блѣдною копіею. А о митр. Платонѣ намъ извѣстно, что онъ былъ другъ ученыхъ монаховъ и довольно строгій начальникъ бѣлаго духовенства.

Какъ ни дружелюбны были отношенія митр. Платона къ его викарію Серапіону, а слѣдовало имъ когда-нибудь разстаться. Серапіонъ долженъ былъ получить дальнѣйшую промоцію. И чрезъ 11 лѣтъ викаріатства (въ 1799 г.) Серапіонъ получилъ промоцію, тѣмъ болѣе блистательную, чѣмъ долѣе было его викаріатство, и чѣмъ труднѣе казалось его положеніе между амбиціознымъ митр. Платономъ и тѣми противодѣйствующими силами и властями, отъ которыхъ митр. Платонъ скрывался въ виѳанскомъ уединеніи. Въ 1799 г. Серапіонъ (уже кавалеръ ордена св. Анны 1-й степени съ 1797 г. и членъ московской синодальной конторы съ 1798 г.) былъ назначенъ на новоучрежденную калужскую епархію, но числился на ней только 5 дней (съ 16 по 21 октября); а чрезъ пять дней пожалованъ архіепископомъ въ Казань, на мѣсто Амвросія Подобѣдова, переведеннаго на петербургскую митрополію [1]). Митр. Платонъ жалѣлъ о

[1]) Въ архивѣ св. синода имѣется послужной списокъ Серапіона при представленіи его на казанскую каѳедру: «Московской синодальной конторы членъ Серапіонъ калужскій, природою изъ великороссіянъ, обучался въ семинаріи троицкія

разлукѣ съ привычнымъ викаріемъ, но радовался его быстрому повышенію. „Мой викарій отъ меня отошелъ“; писалъ митр. Платонъ митр. Амвросію,—и нечего уже думать объ немъ. Привыкши къ нему столь долговременно, не иначе разстаюсь съ нимъ болѣзненно, какъ съ кровнымъ. Но зѣло утѣшило меня то, что сей сотрудникъ мой столь почтенно награжденъ. И какъ сіе вышло неожидаемо, то и его и меня удивило, какимъ образомъ вышло то. *Отъ Господа бысть сіе* et caet.“ (пис. 56). Между митр. Платономъ и Серапіономъ продолжалась переписка и послѣ отбытія послѣдняго въ Казань. Впрочемъ въ первыхъ письмахъ митр. Платона къ арх. Серапіону проглядываетъ нѣкоторое неудовольствіе то по дѣлу о ризницѣ (отъ 30 января 1800 г.), то по поводу сношеній Серапіона съ московскими аристократами (отъ 14 марта 1800 г.). „Ваши разосланныя къ здѣшнимъ вельможамъ извѣстительныя писанія о вашемъ въ Казань прибытіи столько воздѣйствовали, что они охотно васъ здѣсь видѣть желаютъ, какъ я самъ отъ нихъ слышалъ. А я здѣсь поживаю не безъ скуки; и съ удовольствіемъ-бы вамъ сдалъ мѣсто“.

Въ Казани Серапіонъ прожилъ 4 года, и въ 1802 году (слѣдовательно на 56 году жизни) почувствовалъ себя на столько больнымъ, что рѣшился проситься на покой и просилъ митр. Платона дать ему пріютъ въ привычномъ мѣстѣ жительства—въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Болѣли у Серапіона глаза, которыми онъ страдалъ еще въ Москвѣ; болѣлъ и бокъ. Были и какія-то непріятности по службѣ. Митр. Платонъ отвѣчалъ Серапіону слѣдующимъ утѣшительнымъ посланіемъ отъ 8 октября 1802 года. „Письмо ваше привело меня въ удивленіе и въ сожалѣніе. Какъ! вы рѣшились отказаться отъ епархіи? А я и старѣе васъ, и не меньше болѣзненъ, долженъ еще оставаться въ сихъ хлопотахъ. Вѣрю, что вы больны: но слово истины и въ самыхъ страданіяхъ велитъ намъ не ослабѣвать, но радоваться. Вѣрю-же, что еще и

лавры философіи, богословіи и географіи, языкамъ, латинскому, греческому и нѣмецкому; въ монашество постриженъ въ 771 г.» и пр. (слѣдуютъ біографическія подробности, извѣстныя читателямъ). «Отъ роду ему 57 лѣтъ». Число лѣтъ Серапіону показано на 5 лѣтъ больше надлежащаго, быть можетъ для того, чтобы обезпечить ему промоцію.

болѣе вашъ духъ могутъ ослаблять и постороннія обстоятельства: можетъ быть и предшественникъ, можетъ быть и я, къ тому случай подали,—sat sapienti. Вы свидѣтель, сколько я терпѣлъ, и нынѣ терплю; не отъ чужихъ, но отъ своихъ. Но ободряю себя тѣмъ, что сіе бываетъ по волѣ Бога моего, чрезъ сіе меня поправить и на стражѣ не дремать желающаго. Посему и есть мой совѣтъ, да еще продолжите подвигъ свой, Христа ради, во всемъ насъ укрѣпляющаго. Но когда вы уже точно и конечно рѣшились проситься отъ епархіи, буди на то воля ваша. Жить вамъ здѣсь, и съ управленіемъ въ Богоявленскомъ монастырѣ—сіе, можетъ быть, не столько доставитъ удовольствія вамъ, сколько мнѣ, въ надѣяніи вашимъ дружескимъ обхожденіемъ пользоваться. Но не скрою отъ васъ (что бо отъ васъ могу сокрыть?) моего желанія и совѣта, чтобы вы, прося жить въ монастырѣ Богоявленскомъ и управлять имъ, вмѣстѣ просили, чтобъ монастырь сей оставался въ вѣдомствѣ епархіи московской по прежнему,—съ тѣмъ только, чтобы указы изъ консисторіи посылать на имя казначея, а вамъ по случающимся нуждамъ сноситься со мною письмами. Сіе послужитъ къ бо̂льшему нашему въ любви и согласіи утвержденію: и нахожу, что вы больше спокойствія получите, имѣя дѣло со мною, нежели съ синодомъ, или его конторою.—Я конечно вашъ покой по всему соблюду. Впрочемъ буди воля ваша, а паче Божія".

Не понравились-ли арх. Серапіону условія, на которыхъ митр. Платонъ давалъ ему пріютъ въ Москвѣ, или онъ сталъ надѣяться на выздоровленіе,—какъ-бы то ни было, онъ взялъ назадъ свою рѣшимость просить увольненія отъ епархіи, о чемъ и увѣдомилъ митрополитовъ, какъ московскаго Платона, такъ и петербургскаго Амвросія, и притомъ послѣдняго въ выраженіяхъ болѣе обстоятельныхъ и заискивающихъ, чѣмъ перваго. „Рѣшимость мою", писалъ арх. Серапіонъ къ митр. Амвросію, „поспѣшно послать мою просьбу, извѣстную вашему святѣйшеству и по испрошенному уже мною на то отъ вашего архипастырства соизволенію и помощи, остановило свидѣтельство врача, яко нужное ко уваженію той моей просьбы. Штабъ-лекарь Загорскій, пользующій меня съ Дмитріемъ Петровичемъ, при таковомъ теперешнемъ случаѣ вновь предлагаетъ мнѣ свою услугу постараться хотя нѣсколько еще времени попристальнѣе полечить болѣзнь мою глазную шпанскими мухами, а болѣзнь въ боку Шин-

гаузенскимъ пластыремъ и летучею мазью". За тѣмъ арх. Серапіонъ высказываетъ опасеніе, какъ-бы *не лишиться впредь благодѣтельнаго* о себѣ *промышленія* петербургскаго владыки, обѣщается *стараться всячески истребить свою мечтательную боязнь*, называемую врачами molum ipochondricum, и въ заключеніе опять вручаетъ себя *покровительству* петербургскаго владыки, *милостиваго и благотворительнаго отца*.

Все окончилось благополучно. Болѣзнь арх. Серапіона прошла, и покровительство митр. Амвросія не оскудѣло. Этому покровительству митр. Серапіонъ, по всей вѣроятности, и обязанъ кіевскою митрополіею. Мы имѣемъ извѣстіе о томъ, что въ послѣдній годъ своего казанскаго архіепископства (1803) Серапіонъ отличался особою исполнительностію по отношенію къ синодальнымъ порученіямъ, какъ-бы желая нарочито доказать свою пригодность для дальнѣйшей службы. Въ началѣ 1803 года присланъ былъ къ Серапіону синодальный указъ о переводѣ на разные инородческіе языки катихизиса и молитвъ. Это порученіе исполнено было живо: четыре перевода—татарскій, чувашскій, черемисскій и мордовскій—въ томъже году къ осени были доставлены арх. Серапіономъ въ синодъ при рапортахъ; вскорѣ за тѣмъ, по распоряженію синода, они были напечатаны [1]).

Въ Казани архіерейскія привычки Серапіона сложились вполнѣ. Жизнь его шла ровно, какъ заведенные часы. Постоянное мѣстопребываніе онъ имѣлъ въ архіерейскомъ загородномъ домѣ Воскресенскомъ. Въ будни слушалъ утреню въ залѣ, а обѣдню въ крестовой церкви; потомъ разбиралъ дѣла и просителей, или занимался приготовленіемъ писемъ на почту. Часу во 2-мъ обѣдалъ, большею частію не одинъ, а съ нѣсколькими духовными или свѣтскими близкими лицами (съ какимъ-либо архимандритомъ, докторомъ и т. д). Вечеромъ слушалъ богослуженіе въ залѣ и принималъ случайныхъ посѣтителей,—и день кончался. Въ праздники дневное времяпрепровожденіе видоизмѣнялось тѣмъ, что владыка ѣздилъ въ Казань для богослуженія и дѣлалъ визиты казанскимъ аристократамъ,

---

[1]) Н. И. Ильминскій, директоръ казанской учительской семинаріи, сообщаетъ, что татарскій переводъ сдѣланъ былъ татариномъ-магометаниномъ, чувашскій—чувашиномъ, мордовскій—русскимъ.

да и за обѣдомъ число гостей бывало больше. И въ будни, и въ праздникъ Серапіонъ неопустительно, и утромъ и вечеромъ, смотрѣлъ на градусникъ и отмѣчалъ градусы тепла или холода и вообще состояніе погоды. Все это записывалось въ дневникъ, точно также какъ и перечень посѣтителей и сотрапезниковъ владыки. Какъ аккуратный хозяинъ, арх. Серапіонъ отмѣчалъ, чѣмъ потчивалъ своихъ гостей, а также какое и самъ принималъ угощеніе,—и на сколько кувертовъ былъ накрытъ обѣденный столъ. Послѣднее отмѣчалось во всякомъ случаѣ, дома или въ гостяхъ обѣдалъ владыка. Если вообще говорятъ, что старческая наблюдательность, не проникая во внутреннюю драму жизни, останавливается на внѣшнихъ мелочахъ, прислушивается къ стуку маятника, разсматриваетъ узоры паркета и т. д.; то это замѣчаніе вполнѣ приложимо къ дневнику Серапіона. Владыка аккуратно очерчивалъ только скорлупу жизни; самое содержаніе ея оставалось незамѣченнымъ, какъ нѣчто неуловимое, какъ нѣчто такое, что само собою разумѣется, или по крайней мѣрѣ какъ нѣчто такое, чему мѣсто скорѣе въ письмахъ и резолюціяхъ, чѣмъ въ дневникѣ. Владыка не бесѣдовалъ самъ съ собою въ своемъ дневникѣ и дневникъ не разкрываетъ намъ его внутренней жизни. Эта жизнь уже сложилась; духовная формировка личности закончилась, и оставалось только ждать, что принесетъ наступающій день, т. е. сколько градусовъ тепла или холода, какихъ посѣтителей и сотрапезниковъ, и сколько дѣлъ, сданныхъ съ резолюціею, и не принесетъ-ли—сохрани Боже!—ломоты въ рукахъ или ногахъ, боли въ головѣ и другихъ недуговъ, сопряженныхъ со старостію.—Таковъ былъ новоопредѣленный въ концѣ 1803 года кіевскій митрополитъ. Нужно-бы сказать нѣсколько словъ о его наружности; но ее удобнѣе видѣть на портретѣ, чѣмъ описывать словами. Она проста и не видѣляется изъ ликовъ, которые гдѣ-либо можно наблюдать въ покояхъ владычнихъ: ростъ средній, лице круглое, нѣсколько красноватое, борода небольшая, рѣдкая, взоръ покойный, въ добавокъ, по свидѣтельству очевидцевъ, рѣчь неясная, дроботливая.

II.

Прощанье митр. Серапіона съ Казанью и путь отъ Казани до Кіева. (1804 г., 12 января—5 февраля).

Съ пятницы, 8 января 1804 г., митр. Серапіонъ сталъ сбираться въ дальній путь. Утромъ онъ сдалъ въ консисторію бывшія у него консисторскія дѣла. Вечеромъ въ тотъ-же день два члена консисторіи, по указу синодскому, осматривали домовое архіерейское имущество, которое должно было перейти во владѣніе преемника Серапіонова, Павла Зернова, переводимаго въ Казань изъ Твери. Въ субботу 9 января отправился въ путь впередъ съ своею семьею Афанасій, приближенный служитель митр. Серапіона, состоявшій при немъ на службѣ болѣе 20 лѣтъ [1]). Въ воскресенье 10 января *за Божіимъ благословеніемъ* отправленъ былъ на двухъ повозкахъ обозъ съ личнымъ имуществомъ Серапіона. Затѣмъ еще два дня прошло въ неизбѣжныхъ сборахъ и хлопотахъ. Наконецъ 13 января 1804 г. послѣдовалъ выѣздъ митр. Серапіона „изъ града Казани въ градъ Кіевъ“.

Мы выпишемъ сполна запись митр. Серапіона о послѣднемъ днѣ его пребыванія въ Казани.

„*Января 13, среда.* Утромъ 1 градусъ тепла. Убравшись во время вечернее и потомъ съ экономомъ и съ своею домовою братіею наскоро пообѣдавъ, отправился помолиться Господу Богу изъ дому своего воскресенскаго загороднаго, въ половинѣ 5 часа за полдни, и прямо заѣхалъ въ казанскій дѣвичій соборъ и монастырь и приложась тутъ къ образу Божіей Матери, зашелъ къ игуменьѣ въ келіи, и чаю искушалъ двѣ чашечки. Оттолѣ заѣзжалъ въ спасскій монастырь, гдѣ, приложась къ останкамъ мощей св. Варсонофія и благословивъ братію того монастыря, заходилъ къ архимандриту того монастыря и ректору академіи Антонію [2]) въ кельи, и чаю искушавъ двѣ чашечки, поѣхалъ въ каѳедральный свой благовѣщенскій соборъ, гдѣ приложился къ мощамъ св. Гурія, и давъ собо-

---

[1]) Аѳанасій умеръ въ Кіевѣ въ іюнѣ 1806 г. О немъ и о его женѣ Хіанѣ, будетъ рѣчь ниже.

[2]) Антоній Соколовъ, впослѣдствіи викарій новгородскій, епископъ воронежскій, калужскій, каменецъ-подольскій, умеръ въ Задонскѣ въ 1827 г.

рянамъ, какъ и въ соборѣ казанскомъ (т. е. въ женскомъ монастырѣ) священнослужителямъ — кромѣ сестеръ — по 25 р. на молебенъ, отправился совсѣмъ въ путь, сѣвъ въ путевую повозку; ибо городомъ проѣзжалъ къ соборамъ въ каретѣ. И какъ поѣхалъ изъ крѣпости, начался въ Спасскомъ монастырѣ, а потомъ и по всѣмъ церквамъ звонъ; что было въ 6 часовъ за полдни".

Со звономъ выѣзжалъ изъ Казани новый кіевскій архипастырь; поклонившись на прощаньѣ святынямъ казанскимъ, отправлялся онъ на поклоненіе святынямъ кіевскимъ. Но какія впечатлѣнія выносилъ онъ изъ Казани? какія воспоминанія оставлялъ за собою? Объ этомъ дневникъ ничего не говоритъ.

Путешествіе митр. Серапіона отъ Казани до Кіева тянулось 22 дня (отъ 13 января до 4 февраля) и представляло собою рядъ постоянно смѣнявшихся противоположностей. Съ одной стороны встрѣчи и проводы со звономъ, архіерейскіе обѣды, поднесеніе хлѣба-соли отъ горожанъ, поклоненіе отъ духовенства, съ другой стороны—полная некомфортабельность во время дороги, доходящая до необходимости ночевать въ бѣдной хижинѣ или даже возкѣ, въ зимнюю пору на открытомъ воздухѣ. Съ одной стороны торжественный проѣздъ по губернскому городу въ каретѣ архіерея-хозяина, съ другой—медленное влаченіе по пустынной разгрязшей дорогѣ по 5 верстъ въ часъ. Въ нашъ вѣкъ быстрыхъ и удобныхъ передвиженій на пароходахъ и по желѣзнымъ дорогамъ, мы съ трудомъ можемъ представить себѣ, что за подвигъ былъ даже для высокопоставленнаго сановника переѣхать зимою 1804 г. отъ Казани до Кіева. Но нѣтъ худа безъ добра. Длинное, трудное и утомительное путешествіе обогащало впечатлѣніями, расширяло кругъ свѣдѣній путешествующаго. Даже митр. Серапіонъ, не смотря на свою старческую маловпечатлительность, замѣтилъ во время пути кое-что такое, чего онъ не замѣтилъ-бы въ настоящее время изъ окна вагона.

Обращаемся къ хронологическому изложенію путешествія.

Дня три митр. Серапіонъ ѣхалъ еще по своей епархіи, ночевалъ въ Свіяжскѣ и Космодемьянскѣ, и пользовался, разумѣется, самымъ почетнымъ пріемомъ.

Въ субботу, 16 января, митр. Серапіонъ прибылъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ пробылъ часовъ пять (отъ 1 до 6 часовъ). Тамош-

ній епископъ *Веніаминъ Краснопѣвцовъ-Румовскій*, извѣстный авторъ *Новой Скрижали*, принялъ митрополита весьма привѣтливо, угостилъ обѣдомъ, провезъ въ своей каретѣ по городу и за городъ, гдѣ и простился любезно. О чемъ бесѣдовали между собою два архіерея, въ дневникѣ не упомянуто.

Въ воскресенье, 17 января, митр. Серапіонъ проѣхалъ чрезъ Муромъ, гдѣ имѣлъ трапезу у игумена. Пребываніе въ Муромѣ было короткое (часа два съ небольшимъ), но торжественное; при въѣздѣ и выѣздѣ былъ звонъ во всѣхъ церквахъ, а предъ обѣдомъ духовенство и купечество поднесли митрополиту хлѣбъ-соль.

Въ понедѣльникъ, 18 января утромъ, митр. Серапіонъ былъ уже во Владимірѣ. „И у преосв. Ксенофонта трапезовалъ; тутъ посѣщалъ меня тамошній гражданскій губернаторъ, князь И. М. Долгоруковъ; тутъ поднесена ода на мой пріѣздъ отъ семинаріи и стихи были говорены; за столомъ пѣли пѣвчіе; семинаристамъ дано 50 р., пѣвчимъ 25 р.“. Изъ Владиміра митр. Серапіонъ выѣхалъ въ каретѣ архіерея-хозяина, который проводилъ гостя за городъ при звонѣ во всѣхъ церквахъ. Въ самую полночь митрополитъ прибылъ въ Юрьевъ, но это не помѣшало ему посѣтить мѣстный монастырь и въ кельяхъ архимандрита трактоваться чаемъ, въ присутствіи мѣстнаго городничаго.

Во вторникъ, 19 января, митр. Серапіонъ прибылъ въ свою родную александровскую слободу, гдѣ жили и умерли его отецъ и дѣдъ, гдѣ самъ онъ родился и разцвѣлъ, гдѣ ему былъ знакомъ каждый закоулокъ, гдѣ еще много старожиловъ и старожилокъ помнили, конечно, маленькаго поповича Стефана. И теперь этотъ поповичь проѣзжалъ чрезъ родину въ санѣ митрополита. Какая разница въ положеніи! Какой наплывъ воспоминаній!

Но, къ сожалѣнію, въ дневникѣ митр. Серапіона мы не встрѣчаемъ никакихъ ожидаемыхъ размышленій и воспоминаній. Старость невоспріимчива, а можетъ быть дорожному человѣку было не до записи. Въ дневникѣ на половину уцѣлѣла только короткая запись, изъ которой видно, что митрополитъ „слушалъ обѣдню, поемую монахинями, и панихиду въ церкви и потомъ литію на могилѣ отца своего іерея Сергія, совершаемую всѣми священниками, коимъ дано: монастырскимъ 25 р., богоявленскимъ 25 р. и рождественскимъ 25 р., да монахинямъ, пѣвшимъ обѣдню, да на больницу 10 р.

Пріѣхалъ въ домъ родительскій, пообѣдалъ... Пообѣдавъ чинилъ роздаяніе бѣднымъ родственникамъ денегъ. Выѣхалъ изъ Александрова того-же 19 числа въ 4 часа за полдни со звономъ въ монастырѣ и въ церквахъ". Такъ сухо описалъ старый путникъ свое послѣднее посѣщеніе родины, на которой уже больше ему не пришлось быть.

Въ тотъ-же день ждали Серапіона другія впечатлѣнія, не менѣе сильныя. Онъ прибылъ въ Виѳанію къ митр. Платону, который во всю жизнь былъ его патрономъ и образцомъ, и который съ крайнимъ удивленіемъ увидѣлъ въ своемъ бывшемъ кліентѣ равнаго себѣ митрополита. У Платона Серапіонъ „преупокоился двѣ ночи, имѣлъ разные разговоры за полночь, получилъ въ подарокъ митрополичій клобукъ съ крестомъ изъ драгоцѣнныхъ камней, и наконецъ отпущенъ со многимъ цѣлованіемъ любезно-братскимъ и отеческимъ". Но какіе были *разные разговоры* двухъ митрополитовъ, осталось тайною для потомства. Разница въ лѣтахъ ихъ была всего на десять лѣтъ. Но разница во взглядѣ на свое положеніе громадна. М. Платонъ давно, давно взысканъ былъ всѣми почестями и щедротами, и въ настоящее время считалъ себя уже забытымъ, опальнымъ, униженнымъ, *мѣснымъ архіереемъ*, и закоснѣлъ въ положеніи безмолвнаго протеста; Серапіонъ только что назначенъ на митрополію, и долженъ былъ еще заслуживать предъ правительствомъ то, что получилъ, такъ сказать, авансомъ. Но онъ привыкъ уже примѣняться къ Платону. И на этотъ разъ подладился къ нему такъ удачно, что митр. Платонъ, какъ увидимъ, скоро отдалъ ему визитъ въ Кіевѣ. 21 января вечеромъ митр. Серапіонъ прибылъ въ Москву, гдѣ такъ долго проходилъ разныя послушанія и былъ викаріемъ, и остановился въ своемъ привычномъ Богоявленскомъ монастырѣ. Пріемъ въ Москвѣ былъ, разумѣется, самый любезный. Митр. Серапіонъ обѣдалъ у московскаго викарія Серафима, посѣщалъ фельдмаршала графа И. П. Салтыкова, оберъ камергера кн. Ал. Мих. Голицына, извѣстнаго археолога и усерднаго архіерейскаго коммиссіонера и корреспондента Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, и нѣкоторыхъ своихъ родныхъ. Въ свою очередь и самъ митр. Серапіонъ принималъ много визитовъ. Были у него и духовные, и дворяне благороднѣйшіе, и свои свойственники, изъ коихъ каждаго онъ награждалъ по

возможности, особливо вдовицъ родныхъ сестеръ. Митр. Серапіонъ любилъ родныхъ и, какъ увидимъ, много благодѣтельствовалъ имъ и въ Кіевѣ.

Четыре дня провелъ митр. Серапіонъ въ Москвѣ, окруженный ласкою и почетомъ. Но наконецъ нужно-же было когда-нибудь двигаться въ дальнѣйшій путь. Вечеромъ 25 января митрополитъ выѣхалъ изъ Богоявленскаго монастыря, при многочисленномъ стеченіи народа, въ каретѣ, со звономъ. Но за заставой было уже не то. Не было не только никакого великолѣпія, но не было даже малѣйшаго удобства. „Лишь только выѣхали за серпуховскую заставу“,— пишетъ митрополитъ, „пошелъ сильной дождь и продолжался, пока доѣхали до г. Подола (т. е. Подольска), часовъ 6, и всѣхъ и все перемочилъ, и даже у меня въ возкѣ много платья помочило. Проѣздъ сей первой станціи былъ весьма трудный, со вредомъ великимъ, и продолжался болѣе 6 часовъ, а переѣхали только 32 версты. Въ Подолъ городъ пріѣхали въ самую полночь, и отъ дождя вынуждены подъ крышею одного дома стать и переночевать въ повозкахъ.“ Ночевка зимою на открытомъ воздухѣ, притомъ послѣ проводъ съ колокольнымъ звономъ—какая противоположность, какая горькая иронія судьбы!

Дальше было не лучше. 26 января митр. Серапіонъ и его сопутники много затруднялись при переправѣ чрезъ какую-то рѣчку близъ станціи Лопасни. „Переѣзжая чрезъ рѣчку, по причинѣ оттепели при проѣздѣ вскрывшуюся, повозки свои помочили много, ибо они были въ водѣ болѣе половины, и потому я въ своемъ возкѣ объѣзжалъ сіе опасное мѣсто полями верстъ 8.“ Но за то ночлегъ былъ покойный. Ночевалъ митрополитъ въ серпуховскомъ высоцкомъ монастырѣ; остановились на ночлегъ съ 5 часовъ вечера, опасаясь переѣзжать чрезъ Оку.

На другой день (27 января) переѣхали однако чрезъ Оку благополучно. Къ обѣду прибыли въ село *Соломенные Заводы*, принадлежащее Дм. Лав. Нарышкину. „Село большое (отмѣтилъ митрополитъ); жители не убоги, а достаточны; и домы у нихъ отмѣнно не худы“. Ночевали на станціи въ селѣ *Волотѣ*. Въ четвергъ 29 января путники проѣзжали *Тулу*, гдѣ митрополитъ пробылъ часа 4, остановившись въ архіерейскомъ домѣ, и слушалъ обѣдню и молебенъ. Архіерея-хозяина почему-то не было въ Тулѣ, и гость на

досугѣ могъ осмотрѣть его обстановку. „Въ Тулѣ смотрѣлъ ризницу архіерейскую (записано въ дневникѣ), и кромѣ шапки первой жемчугу крупнаго и панагіи съ крестомъ, алмазами украшеннымъ, также нѣсколькихъ саккосовъ довольно неубогихъ, мало примѣчанія есть достойнаго; а болѣе удивительно, что вся ризница изъ коломенской епархіи древней, а древности въ вещахъ нѣтъ ничего, кромѣ панагіевъ, самыхъ небогатыхъ. Домъ архіерейской въ Тулѣ въ предтеченскомъ монастырѣ вновь состроенъ огромный; зала довольно не мала, а гостинная и очень велика, въ длину около 8 саж. и болѣе гораздо залы, а шириною около 4 саж., и убраны зеркалами и стульями. Тула городъ кажется и Казани нашей строеніемъ и пространствомъ мостовыхъ лучше, кромѣ крѣпости, которая въ Тулѣ пустая, кромѣ одного собора, а въ Казани крѣпость много походитъ на Кремль московскій“.

27 января, митрополитъ ночевалъ въ *Маломъ Скуратовѣ*, въ убогой, но теплой хижинѣ, а 29 января въ мценскомъ монастырѣ. Въ *Мценскѣ* было и поднесеніе хлѣба-соли отъ купечества и духовенства, и колокольный звонъ. Не даромъ Мценскъ и по нынѣ славится колоколами.

Но въ *Кромахъ* пришлось ночевать (30 января) на постояломъ дворѣ. А 31 января ночевка была въ селѣ *Упаромъ*, у мѣстнаго священника и благочиннаго.

На слѣдующій день (1 февраля) митрополиту пришлось опять вкусить архіерейской трапезы у сѣвскаго епископа Досиѳея, который жилъ, не доѣзжая версты двѣ до *Сѣвска*. „Домъ его противъ дому тульскаго епископа бѣденъ очень; деревянный, но о двухъ этажахъ. Зимніе внизу, гдѣ и церковь, гдѣ и меня онъ принималъ; а лѣтніе—сверху. За монастыремъ корпусъ каменный для семинаріи, не малый и не худъ: и не мало небольшихъ тутъ деревянныхъ корпусцевъ... Простившись съ хозяиномъ и проѣзжая чрезъ городъ, усмотрѣлъ строющійся тутъ соборъ не малый, похожій на мой бывшій казанскій, съ тѣмъ только различіемъ, что сей объ одной главѣ, а казанскій о 5“.

Ночевавъ въ *позняковскихъ постоялыхъ дворахъ*, митрополитъ на другой день, для праздника Срѣтенія (2 февраля), слушалъ обѣдню въ селѣ *Есманѣ*. „По пріѣздѣ къ церкви, которая первая черниговской епархіи, встрѣченъ крестомъ священниками троими, ко-

торые думали, что прибылъ ихъ архіерей новый, епископъ Михаилъ[1])". Хотя архіерей оказался чужой, тѣмъ не менѣе мѣстный протопопъ, съ своимъ зятемъ священникомъ, пригласилъ послѣ обѣдни гостя въ свой домъ и „трактовалъ водкою съ закускою". Это было очень кстати, ибо церковь была холодная, и митрополитъ озябъ не мало.

Проѣхавъ *Глуховъ*, который показался плохимъ, и *Кролевецъ*, гдѣ послышался уже разговоръ у жителей малороссійскій, а многія слова непонятны, митрополитъ ночевалъ въ *Анпыновкѣ*.

3 февраля мелькнули *Батуринъ*,—имѣніе графа К. Л. Разумовскаго (скончавшагося, какъ замѣтилъ митрополитъ, прошлаго 1803 г., января 9, 74 л. и 9 мѣсяцевъ отъ роду),—*Борзна* и наконецъ *Нѣжинъ*. Въ Нѣжинѣ митрополитъ ночевалъ у одного живописца, но на утро слушалъ обѣдню въ благовѣщенскомъ монастырѣ и трапезовалъ у мѣстнаго архимандрита Виктора. Нѣжинскій благовѣщенскій монастырь, иначе Богородичный Назаретъ,—любимое созданіе митр. Стефана Яворскаго, который построилъ его своимъ иждивеніемъ и надѣлилъ разными привилегіями. Привилегіи архимандричьяго служенія поразили митр. Серапіона. Въ дневникѣ записано: „болѣе уже, нежели какое бываетъ архіерейское служеніе; и на орлецѣ предъ престоломъ (стоялъ). Не менѣе замѣчательна показалась митрополиту и трапеза. Архим. Викторъ Черняевъ (родомъ изъ болгаръ), человѣкъ умный, оригинальный и рѣзкій, угостилъ митрополита по восточному,—просто и даже бѣдно, но со вкусомъ. „Трапезовали двое только съ хозяиномъ. Трапеза состояла 1) изъ соуса изъ каракатицы, сдѣланнаго вкусно, 2) изъ пшена сорочинскаго, въ капустные листочки на подобіе пирожковъ обвернутаго, 3) изъ пилавы, 4) изъ жареной каракатицы съ салатомъ. Только и всего. Да изъ волошскаго бѣлаго вина одной бутылки". Кромѣ того еще прежде обѣда арх. Викторъ угостилъ гостя латинскимъ комплиментомъ, а отставной архимандритъ (Павелъ Чернявскій) русскимъ. Хотя хозяинъ вскорѣ послѣ трапезы отпустилъ гостя въ путь *безъ всякой церемоніи* (должно думать, безъ колокольнаго звону), тѣмъ не менѣе Нѣжинъ повидимому произвелъ на митр. Серапіона пріятное впечатлѣніе. „Городъ Нѣжинъ, предъ другими, мимо коихъ я

[1]) М. Десницкій, преемникъ Виктора Садковскаго, впослѣдствіи митр. петербургскій.

проѣзжалъ въ Малороссіи, всѣхъ лучшій, и много каменнаго строенія, и церкви всѣ, коихъ, сказывали, числомъ около 20, каменныя, и многія изъ нихъ огромныя. Монастырей три: первый—благовѣщенскій, строеніемъ бѣдный, и ограда деревянная, но церковь о 5 главахъ, по виду огромная, другой—греческій монастырь, а третій—женскій". Въ Нѣжинѣ-же митропотилъ сдѣлалъ нѣкоторыя обобщенія касательно совершеннаго пути. „Примѣчено мною, что отъ Глухова дорога ровная вся безъ горъ, и пологая или покатистая къ западу. И отъ самаго Орла до Нѣжина по всей дорогѣ насажены по обѣимъ сторонамъ деревья. А отъ Батурина уже болѣе ѣдущіе на волахъ попадались". И немного позже: „Вездѣ церкви, хотя и деревянныя, высокія, но колокольни очень противъ церквей низки и широковаты, чаятельно для расколыхиванія колоколовъ".

4 февраля путники миновали *Носовку*, *Козары*, *Козелецъ* и ночевали въ *Семиполкахъ*, гдѣ усердно и охотно были приняты мѣстнымъ священникомъ, который, „хотя и въ полночь, внезапу очистилъ три покоя, зѣло тепло натопленныхъ соломою, ибо, зачиная отъ Глухова, вездѣ почти топятъ соломой".

III.

Пріѣздъ митр. Серапіона въ Кіевъ. Знакомство съ Кіевомъ, его святынями и окрестностями. Обычное теченіе дня и года у кіевскаго митрополита.

Съ 5 февраля 1804 г. митр. Серапіонъ былъ уже почти на своей каѳедрѣ.

Выѣхавъ изъ Семиполокъ въ 9 часовъ утра, митрополитъ въ часъ дня прибылъ въ *Бровары*, гдѣ уже ожидалъ его встрѣчный поѣздъ. Встрѣчи архипастырей въ старину совершались особенно торжественно. Пишущему эти строки приходилось пересматривать въ архивѣ св. синода выдержки изъ церковнаго лѣтописца Архангелогородскаго. Много страницъ посвящено длинному описанію торжественнаго церемоніала встрѣчи каждаго новаго архипастыря. Затѣмъ глубокое молчаніе до описанія его погребенія. Какъ будто вся достопримѣчательность каждаго архипастыря исчерпывалась тѣмъ, что онъ былъ торжественно встрѣченъ по прибытіи на ка-

ѳедру и затѣмъ торжественно погребенъ. Конечно, это зависѣло отъ церемоніальной точки зрѣнія лѣтописца. Но во всякомъ случаѣ, при традиціонной малодоступности русскаго архипастыря, вступленіе его на каѳедру было настолько-же публичнымъ и возбуждавшимъ общее любопытство актомъ, какъ напр. коронація новаго императора. Новый архипастырь *являлъ себя мірови*, и заботой высшаго мѣстнаго клира было то, чтобы это явленіе вышло какъ можно эффектнѣе и торжественнѣе. Такъ было и съ Серапіономъ. И въ послѣдствіи митрополитъ ежегодно вспоминалъ и праздновалъ годовщину своего вступленія на каѳедру.

Въ *Броварахъ*, или, какъ пишетъ митр. Серапіонъ, въ *Проварахъ*, представились новому митрополиту ректоръ академіи Ириней Фальковскій, который тутъ-же сказалъ *хорошую* русскую рѣчь, софійскій протопопъ Дмитрій Сигиревичь, владимірской церкви протопопъ Арсеній Криницкій и консистористы. Кромѣ рѣчи, депутація поднесла новому владыкѣ хлѣбъ-соль и 7 бутылокъ вина. Отпустивъ депутатовъ впередъ, митрополитъ отправился за ними въ лаврской каретѣ цугомъ съ верховыми до какого-то постоялаго двора, въ 12 верстахъ отъ Броваръ, нынѣ уже не существующаго. Тамъ ждали владыку лаврскій казначей и экономъ, и казначей софійскаго митрополитанскаго дому. „Также была приготовлена другая карета изъ софійскаго дому [1]), вся въ стеклахъ, также цугомъ и съ двумя вершниками“ (форрейторами). Парадный поѣздъ двинулся далѣе и скоро къ нему присоединился верховой офицеръ, присланный отъ генералъ-губернатора. При приближеніи поѣзда къ Днѣпру начался звонъ въ лаврѣ и городскихъ церквахъ. Въ воротахъ лавры встрѣтило владыку множество монашествующихъ. Явился и оберъ-комендантъ Масси и распоряжался процессіею, хотя по видимому въ томъ не было и надобности, ибо все совершалось по чину, конечно, лучше извѣстному инокамъ лавры, чѣмъ г. Массію. Все шло своимъ порядкомъ: шествіе въ церковь, пѣніе *Достойно есть*, при-

---

[1]) Карета эта золоченая, въ родѣ той, въ которой имѣла въѣздъ въ Москву въ нынѣшнюю коронацію императрица Марія Ѳеодоровна; находится и нынѣ въ софійскомъ митрополичьемъ домѣ. Кажется, она доставлена была сюда предъ пріѣздомъ въ Кіевъ имп. Екатерины II, прожившей здѣсь съ января до конца апрѣля 1787 г., а затѣмъ подарена кіевскому митрополиту Самуилу.—Ред.

кладываніе къ мощамъ, ектенія, многолѣтіе, осѣненіе, провожденіе до настоятельскихъ келій, рѣчь намѣстника и обѣдъ на 21 персону.

Двѣ ночи митр. Серапіонъ ночевалъ въ лаврѣ, отдыхая отъ долгаго пути и по возможности отклоняя посѣтителей, а въ воскресенье 7 февраля отправился на первое служеніе въ софійскій каѳедральный соборъ, при которомъ и утвердилъ свое мѣстопребываніе. Предъ соборомъ митрополитъ былъ встрѣченъ своимъ викарнымъ Ѳеофаномъ Шіяновымъ. Оба владыки всенародно обмѣнялись латинскими фразами. Встрѣчая митрополита, викарій сказалъ: Sis benedictus veniens in nomine Domini! Митрополитъ отвѣчалъ: Deus benedicat omnibus nobis! Огромная процессія двинулась къ церкви: было много священниковъ, толпились массы народа, пѣвчіе пѣли: *Днесь благодать св. Духа насъ собра...* Митрополитъ взошелъ въ соборъ, отслужилъ обѣдню, сказалъ краткую, не дошедшую до насъ рѣчь, добавилъ благодарственный молебенъ, и за тѣмъ перешелъ въ свой митрополичій домъ. Викарный, когда всѣ ушли, поусердствовалъ и еще молебенъ отслужить о здравіи новаго владыки. Къ новому владыкѣ зашли изъ собора генералъ-губернаторъ Тормасовъ, губернаторъ Панкратьевъ, нѣсколько дворянъ, купцовъ и все духовенство. Новый владыка на первый-же разъ показалъ себя радушнымъ и угостительнымъ хозяиномъ, какимъ былъ онъ во всю жизнь. Онъ потчивалъ гостей, какъ значится въ дневникѣ, „коѳеемъ и водкою, а по уходѣ свѣтскихъ обѣдалъ въ духовными на 38 кув., при чемъ свѣтскихъ осталось обѣдать человѣкъ десять *не большихъ*“.

Такъ совершилось вступленіе митр. Серапіона на кіевскую каѳедру.

За тѣмъ началось новое знакомство съ новыми лицами и мѣстами. Характеристики личностей мы не находимъ въ сухомъ и краткомъ дневникѣ митрополита. Нѣсколько болѣе данныхъ относительно кіевскихъ мѣстностей, и притомъ только кіевскихъ, ибо далеко за предѣлами Кіева митрополитъ не бывалъ и епархію свою никогда не объѣзжалъ. Найболѣе любопытны замѣтки митрополита при первомъ посѣщеніи той или другой мѣстности, какъ потому, что первое впечатлѣніе всегда скорѣе схватываетъ типическія особенности предмета, такъ и потому, что записи 1804 г. знакомятъ насъ съ болѣе давнею мѣстною стариною до великаго пожара 1811 г.

При первомъ посѣщеніи михайловскаго монастыря, митр. Серапіонъ записалъ: „церковь огромнаго строенія. Мощи великомученицы Варвары стоятъ какъ-бы на катафалкѣ въ длину, чего нигдѣ не видалъ, и почти посредѣ церкви, за лѣвымъ крыласомъ, подъ балдахиномъ величайшимъ, на столбахъ четырехъ деревянныхъ вызолоченныхъ. Въ церкви на западной стѣнѣ наставлено много портретовъ здѣшнихъ, а портретъ императора и императрицы поставлены на стѣнахъ столбовъ близъ амвона, такъ какъ и въ соборѣ софійскомъ и въ лаврѣ". Теперь портретовъ въ храмахъ мы уже не видимъ.

Николаевскій пустынный монастырь, нынѣ военный соборъ, такъ описывается у митр. Серапіона: „церковь огромная, высокая, съ двумя снаружи у входныхъ дверей щитами, съ пятью на каждомъ пирамидками, подобная во всемъ церкви братскаго монастыря". (1805 г., II, 28). „На хорахъ образъ Николая Чудотворца со изображенною рукою сложенія двухперстнаго. Почему въ прошломъ 1803 году, какъ настоятель мнѣ нынѣ сказывалъ, сдѣлана на сей образъ въ Тулѣ, отъ вкладчиковъ простолюдиновъ риза сребрянная, позлащенная, съ финифтяными на шапкѣ его штуками, обнизанными стразами, и панагія такая-же богата... Кельи всѣ деревянныя, но снаружи выщекотуренныя и видъ представляющія каменныхъ. Былъ и въ трапезной ихъ церкви. Церковь не большая; но трапеза, въ коей и братія кушаютъ, хороша очень для трапезованія братіи". (ibid. III, 9).

Во Фроловскомъ монастырѣ обратили на себя вниманіе митрополита не зданіе, а какая-то генеральша Рахманова. „Отъ игуменьи заходилъ къ генеральшѣ Рахмановой, генералъ-лейтенанта Рахманова супругѣ, присланной въ сей монастырь на пребываніе, по причинѣ акибы поврежденія ея въ умѣ. Келья ея бѣдна, такъ какъ и всѣ кельи въ монастырѣ скудны; она сидѣла на постелѣ, какъ я къ ней взошелъ, и сидя такъ со мною говорила, иное хорошо, а иное странно; и просила прислать къ ней пищи получше" (1804 г., IV. 2). Былъ у матери покойнаго преосв. пермскаго Іоанна, монахини, и далъ ей на дрова ассигнацію синюю (1804 г., VIII, 18).

Іорданскій монастырь женскій, нынѣ упраздненный, показался митрополиту скуднымъ: „нашелъ его ветхимъ, и все строеніе, и церковь, и колокольня деревянныя; монахинь много, числомъ до 50,

а бѣлицъ до 100, и всѣ на своемъ иждивеніи, живутъ тѣсно очень въ келейкахъ деревянныхъ малыхъ, и келья настоятельницы очень не велика, два налойчика малыхъ. Здѣсь нашелъ сестру родную покойнаго архіепископа могилевскаго Георгія Коницкаго. Отсюда ѣздили въ кирилловскій монастырь, гдѣ живутъ инвалиды... Келей не много, и въ бывшихъ настоятельскихъ келіяхъ имѣется теперь трапеза и два покоя, занимаютъ инвалиды-же" (ibid IV. 4).

Въ греческомъ монастырѣ, гдѣ нынѣ духовная семинарія, удивилъ митрополита алтарь. „Церковь удивительная алтаремъ, который весьма длиненъ и высокъ, и куполъ подъ нимъ только, а не надъ церковію; и алтаря стѣны къ горнему мѣсту установлены 20 образами сряду. Есть въ сей церкви и два придѣла, одинъ не малый, а другой малъ и безобразенъ, ибо престолъ стоитъ не у мѣста. Былъ потомъ и въ теплой ихъ деревянной церкви, которая не мала. Кельи архимандричьи и братскіе всѣ деревянныя, подбѣлены снаружи; первыя не худы; а братскія бѣднѣйшія—хуже никольскихъ" (1807 г., III. 9).

Въ китаевской пустыни митрополиту понравилось мѣстоположеніе: „ходилъ по церквамъ и по кельямъ братскимъ и въ двухъ былъ отшелняхъ, гдѣ между ими нашелъ въ третіей живущихъ женщинъ с...хъ... Пустынь китаевская стоитъ между высочайшими горами, акибы окружается отвсюду ими. Мѣстоположеніе самое найлучшее, пустынное, и тѣмъ намъ показалось пріятнѣе, что вездѣ видима живая новая зелень, и лѣсъ почти весь вездѣ одѣлся; и между кельями братскими, и предъ кельями, и позади кельевъ, вездѣ деревца посажены и зеленѣютъ молодою зеленью" (1805 г., IV, 29).

Не менѣе замѣчательно показалось митрополиту и мѣстоположеніе Выдубицкаго монастыря, отъ Васильковской заставы въ 2½ верстахъ состоящаго. „Предъ монастыремъ пѣшкомъ съ горы по ея крутязнѣ сходили и въ монастырь чрезъ садъ и чрезъ покои настоятельскіе пришли къ самой церкви. Въ ризницѣ осматривалъ серебрянныя вещи; найдено много разныхъ напрестольныхъ, небольшихъ, серебромъ оправленныхъ, кипарисныхъ съ ручками крестовъ; разныхъ видовъ много ложекъ старинныхъ серебрянныхъ".

„Былъ въ теплой михайловской, потомъ въ трапезной церквахъ. Потомъ ходилъ въ братскія, близъ самой горы состоящія кельи. Былъ потомъ въ кельяхъ, числомъ многихъ и не худо расположен-

ныхъ и настоятельскихъ верхнихъ, а нижнія каменныя всѣ запущены"... Вышли изъ монастыря тѣмъ-же путемъ, и на гору шли пѣшкомъ. На пути отъ выдубецкаго монастыря, мимо лаврскихъ кирпичныхъ и лебединскихъ заводовъ, митрополитъ видѣлъ „на берегу Днѣпра, между двумя превысокими горами, сплошь деревья всѣ плодовитыя, то груши, то сливы, то яблоки, и горы всѣ обгорожены на верху заборомъ, и онѣ почитаются у нихъ святыми. И въ бытность нашу всѣ сіи деревья тогда цвѣли тамъ и на монастырѣ, что найпріятнѣйшій видъ представляло и благоуханіе чувствительно было". (1804 г., V, 8).

Еще съ большею подробностію описанъ у владыки бывшій монастырь *межигорскій*. „6 августа 1810 г. поѣхалъ, будучи прошенъ отъ войта и отъ здѣшняго градского общества, въ монастырь межигорскій, гдѣ нынѣ градско-фіансовая фабрика. На дорогѣ, не доѣзжая до Межигорья, заѣзжалъ въ селеніе, именуемое *Вышгородъ*, гдѣ осмотрѣлъ церковь, которая деревянная убогая, кромѣ иконостаса не худаго. Смотрѣли колодезь близъ самаго олтаря, на высокой горѣ, какъ и самая церковь; о колодцѣ тутъ сказывали, акибы тутъ князья россійскіе Борисъ и Глѣбъ погребены и находятся подъ водою, и будто-бы если кто будетъ изъ него черпать воду не на питье, а на другое употребленіе, то она совсѣмъ высыхаетъ. *Fides penes autorem*. Пріѣхали въ Межигорь, ѣхавъ 2½ часа, бывъ съ ¼ часа въ Вышгородѣ. Послѣ служенія заходилъ къ г. гр. губ. П. П. Панкратьеву, лечащемуся тутъ отъ параличной своей болѣзни. Побывъ у него, пошли чрезъ деревянный корпусъ фабрики, простирающійся саженей на 50, на берегъ Днѣпра, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ для насъ въ палаткахъ. Послѣ обѣда пошли прямо на фабрику смотрѣть работу и видѣли, какъ масса раздѣлывается въ разныя штуки, какъ высушивается и въ чемъ, и какъ обливается каждая штука и чѣмъ. Изъ фабрики поѣхали на колодезь, гдѣ вокругъ по горамъ, видно, были въ свое время сады хорошіе и колодезь: изъ горы течетъ жолобокъ въ срубъ, чисто сдѣланный, гдѣ вода очень не дурна, и чиста, и мягка, и никакого запаху противнаго не имѣетъ. Оттолѣ возвратились къ фабрикѣ и пѣшкомъ пошли къ колокольнѣ, гдѣ на лѣвой сторонѣ подъ колокольнею, исходя изъ оной, съ боку церковь Петра и Павла, каменная, въ которой иконостасъ очень не худъ" (1804 г., VIII, 6).

О старокіевскихъ церквахъ есть только бѣглыя замѣтки. „Осматривалъ состоящія въ старокіевской крѣпости церкви. Сперва былъ въ троицкой, потомъ въ златоустовской; обѣ деревянныя и бѣдны". Обѣихъ церквей въ настоящее время уже нѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ видѣлъ митр. Серапіонъ. „Оттолѣ ѣздилъ въ десятинную, а отъ нея въ трехсвятительскую или васильевскую. Первая (?) каменная, небольшая, и на верху другая, и древностію пахнетъ. А послѣдняя каменная-же, не большая, и иконостасъ новый и хорошій, но вся кажется новая" (1804 г., V, 14). Въ андреевской церкви владыка смотрѣлъ на горнемъ мѣстѣ стоящую картину *вечери Господни*, которую цѣнилъ въ 20,000 р. и болѣе. О подольскихъ и печерскихъ церквахъ замѣтки еще короче. Напр. „Спасская на Берестовѣ церковь самая древняя, отъ лавры не болѣе 50 саженей стстоящая. Церковь сія каменная, снаружи кажется не малая, но внутри мала, ибо двумя съ сторонъ придѣлами стѣснена" (1805 г., VIII, 19).

Крещатицкій источникъ такъ описывается у митрополита. „Ѣздилъ къ колодцу, называемому *Крещатикъ* [1]), надъ которымъ въ 1802 г. сдѣланъ столбъ, видомъ пирамиды, съ надписью на ономъ: *Владиміру, просвѣтителю вѣрою Россіи, отъ кіевскаго мѣщанства въ память утвержденныхъ древнихъ кіевскихъ правъ Александромъ I-мъ*".

„Вода въ оной колодезь течетъ съ горы, въ разстояніи отъ онаго саженяхъ въ 20, чрезъ подземныя трубы и бьетъ въ средѣ колодца вода фонтаномъ, сдѣланнымъ изъ дерева. Сходили съ горы къ колодцу пѣшкомъ, сдѣланнымъ деревяннымъ помостомъ, изъ 14 уступовъ состоящимъ. Вода въ немъ нечиста, а мутновата, или желтовата, кажется отъ всегдашняго біенія фонтана, и вкусомъ не очень пріятна" (1804 г., V, 15).

Какъ практическій великороссъ и любитель хозяйства, митрополитъ не могъ оставить безъ вниманія пригородныя митрополитанскія и лаврскія угодья и дачи: Кудрявцы, Шулявщину, Паньковщину, Теремки, Заспу, лаврскій кирпичный заводъ и т. д. И дѣйствительно м. Серапіонъ посѣщалъ всѣ эти мѣстности и оставилъ о нихъ замѣтки, иногда довольно подробныя.

---

[1]) По причинѣ той, замѣчаетъ митрополитъ въ другомъ мѣстѣ (1804 г. V, 18) что тутъ аки-бы дѣти вел. кн. Владиміра крещены.

„Ѣздилъ въ бывшій загородный домъ, что́ нынѣ отданъ для городской больницы, называемой *Кудрявцы*. На дорогѣ тутъ заѣзжалъ въ приходскую вознесенскую церковь, въ которой усмотрѣлъ престолъ, вмѣсто срачицы, антиминсами обшитъ. Въ больницу кудрявщинскую какъ только въѣхалъ во дворъ, то надзиратель подалъ мнѣ репортъ о числѣ больныхъ, которыхъ тогда показано только 8. Былъ тутъ въ состоящей въ покояхъ церкви. Сей бывшій загородный домъ архіерейскій отъ заставы градской (б. львовскихъ воротъ) отстоитъ не болѣе одной версты, а отъ дому (софійскаго митрополитанскаго) менѣе двухъ верстъ:—на мѣстѣ высокомъ, такъ что Подолъ весь видѣнъ“ (1804 г., VIII, 7).

„Ѣздилъ сперва на мельницу, что въ *Паньковщинѣ*, отъ городу въ 2 верстахъ состоящую, гдѣ осмотрѣлъ мельницу и прудъ, на коемъ стоитъ мельница и хаты. Мѣсто хорошо довольно, особенно на горѣ, садъ и пасѣка большіе. Въ *Теремки* пріѣхали, ѣхавъ часъ, гдѣ сперва осматривали новой, строенный изъ старой богословской церкви, домъ, саженяхъ на 10, который еще не покрытъ, и безъ половъ, безъ печей и безъ окошекъ. Потомъ ходили въ хуторъ, отъ дому отстоящій саженяхъ въ сто, гдѣ осматривали амбаръ, гдѣ хлѣбъ житомъ хранится. Осматривали скотъ; показано овецъ 192, ягнятъ малыхъ 103, коровъ 20, быковъ и воловъ 44, индѣекъ 24, куръ 20, свиней 14. Смотрѣли пасѣку, гдѣ 182 улья, вышиною всякій не болѣе аршина, и безъ дновъ: поставлены на соломѣ, которые, если нужно посмотрѣть, взвертываются вверхъ дномъ“ (1804 г., V, 4).

„Заѣзжали на кирпичный лаврскій заводъ, состоящій на самомъ берегу р. Днѣпра, гдѣ три печи кирпичныхъ; въ каждой изъ нихъ до 80,000 выжигается вдругъ кирпича. Сараевъ кирпичныхъ пять великихъ. Кирпича тутъ видѣли выдѣланнаго до 300,000. Кирпичъ бѣлый, какъ-бы фіансовый“ (1803 г., V, 8).

„Ѣздилъ на дачу, называемую *Заспа*, а по дорогѣ заѣзжали въ китаевскую пустынь, гдѣ отслушалъ обѣдню, а въ *Заспу* пріѣхали въ 11 часу, гдѣ осмотрѣвъ покои и хуторы, ходили смотрѣть, какъ вытаскивали изъ озера Заспы неводъ до 120 саженей и рыбы вытащили не мало. Потомъ ѣздилъ на дрожкахъ съ экономомъ и игуменомъ осматривать всю дачу покосную, лѣсовую и водяную, всего болѣе 500 десятинъ. И возвратясь въ 3 часу за полдни, тра-

пезовали въ покояхъ монаха, надзирателя сего мѣста, на три конв. Пообѣдавъ, паки ѣздили по озеру въ большой лодкѣ до самаго закату“ (1804 г., VI, 19).

„Ѣздилъ къ викарію епископу на его дачу, называемую *Ѳеофанія*, отъ Кіева верстахъ въ 15 состоящую; встрѣченъ хозяиномъ—епископомъ на крыльцѣ, со звономъ въ имѣющіеся тутъ три небольшія колокольчика. И взошелъ въ домовую церковь, приложился къ престолу: въ оной иконостасъ небольшой, но довольно красивъ. Пообѣдавъ, ходили смотрѣть дачу и пасику; мѣсто не худое, имѣщее горы и долины и три прудка“ (1804 г., V, 24).

„Ѣздилъ изъ лавры на озеро *Телбино* (въ компаніи съ викаріемъ и еще 11 персонами). Чрезъ мостъ днѣпровскій всѣ шли пѣшкомъ, которой приказано отъ меня измѣрять шагами казначею и префекту, и оказалось мѣрою 725 шаговъ, т. е. 243 сажени мостъ сей длиною, а шириною сажени 4, и утвержденъ на плотахъ. Ѣхали отъ лавры до озера 1½ часа, ибо песками по обѣимъ сторонамъ мосту, и дорога трудновата. Пріѣхали на озеро въ 3 часу и нѣсколько походя и скушавъ водки, ходили смотрѣть ловитву рыбъ, и при насъ вытаскивали рыбу, которая къ удивленію нашему изъ невода въ великомъ множествѣ выпрыгивала въ разныя стороны такъ, какъ-бы летала. Потомъ обѣдали на берегу озера въ палаткѣ на 13 конв; пообѣдавъ и искушавъ коѳе, ходили паки смотрѣть, какъ рыбу неводомъ вытаскивали, и тоже рыба изъ невода во множествѣ вылетывала. Рыболовамъ въ первый разъ приказалъ я дать пять рублей; а въ послѣдній—самъ далъ мелочью серебромъ рубля два. Потомъ чаю всѣ искушавъ, въ половинѣ 8 часа поѣхали съ вечера; и мостомъ паки шли съ викаріемъ пѣшкомъ, но было уже темновато“ (1806 г., VIII, 3).

Послѣ первыхъ опечатлѣній знакомства съ новыми мѣстами и лицами жизнь м. Серапіона пошла обычнымъ порядкомъ, ровно и аккуратно, какъ заведенные часы. Пересматривая сочиненіе И. Е. Забѣлина *„Домашній бытъ русскихъ царей“*, мы видимъ, что ежедневная и годичная жизнь московскихъ государей шла какъ-бы по росписанію и по календарю. Одинъ день былъ похожъ на другой; годъ послѣдующій представлялъ копію года предъидущаго. И за нѣсколько лѣтъ впередъ можно было разсчитать, гдѣ будетъ слушать государь литургію въ извѣстный праздникъ, когда посѣтитъ

патріарха, когда сдѣлаетъ пріемъ у себя и кого именно будетъ принимать и т. д. Точно также и жизнь кіевскаго митрополита, въ частности м. Серапіона, текла по разъ установленному ритуалу, была заключена въ опредѣленныя рамки. Причина этого, конечно, была и личная и общая. Личная состояла въ томъ, что м. Серапіонъ, какъ человѣкъ уже очень пожилой, привыкъ къ житію ровному, степенному и постоянному. Общая-же причина состояла въ томъ, что митрополитъ, какъ человѣкъ нарочито высоко-поставленный, долженъ былъ строго соблюдать кодексъ приличій, требуемыхъ его саномъ.

Опишемъ заурядный будничный день м. Серапіона. Онъ вставалъ часу въ 7-мъ утра, тотчасъ-же смотрѣлъ на термометръ и наблюдалъ погоду; быть можетъ въ это-же время дѣлалъ запись протекшаго дня. Затѣмъ слушалъ утреню въ залѣ и обѣдню въ крестовой церкви. За тѣмъ утро посвящалось дѣламъ: митрополитъ или занимался отправкою писемъ и дѣлъ на почту, или читалъ епаршескія дѣла и писалъ на нихъ резолюціи, а также принималъ доклады отъ должностныхъ лицъ. Обѣдалъ митрополитъ обыкновенно не одинъ, а въ обществѣ. Онъ былъ общителенъ, радушенъ и хлѣбосоленъ. У него обѣдали то свои домовые старцы, то лаврскіе старцы, то члены дикастеріи, то учители академіи, то родственники, то случайные посѣтители, иногда люди всѣхъ этихъ категорій вмѣстѣ. Митрополитъ всегда тщательно отмѣчалъ въ дневникѣ, на сколько *конвертовъ*, какъ выражался онъ, былъ накрытъ столъ, и большею частію перечислялъ всѣхъ обѣдающихъ. Видно, что обѣдъ былъ, такъ сказать, центромъ владычняго дня. Воображаемъ себѣ ласковаго хозяина—владыку среди почтительныхъ сотрапезниковъ, воображаемъ его нехитрыя бесѣды, внимательно выслушиваемыя и тщательно поддерживаемыя, обильное, хотя и рыбное угощеніе, приправляемое водкою, виномъ и пивомъ аглицкимъ, но все въ мѣру, чтобы возбуждалось только пріятное настроеніе духа, а отнюдь не доходило до излишества. Обѣдъ разрѣзывалъ владычній день на двѣ несходныя половины: если до обѣда посвящалось дѣламъ, то послѣ обѣда невиннымъ развлеченіямъ. Эти развлеченія состояли въ пріемѣ знакомыхъ и близкихъ людей: у митрополита бывали въ это время свѣтскіе сановники Кіева, генералъ-губернаторъ, губернаторъ и т. п.—наиболѣе знатные богомольцы, пріѣзжавшіе въ

Кіевъ, аристократы, купцы, помѣщики и благочестивыя дамы, иногда и съ дѣтьми. Въ послѣдніе годы почти ежедневною посѣтительницею митрополита была Анна Александровна Турчанинова, *писательница и философка*, какъ титуловалъ ее митрополитъ, *дѣвица умная и пріятная*, какъ аттестовалъ ее князь И. М. Долгорукій. Эта старая дѣва дѣйствительно хорошо знала по-латыни и оставила печатную книгу латинскихъ *разговоровъ*, которыми, повидимому, пыталась дать латинскому языку, наравнѣ съ французскимъ, право гражданства въ русскомъ свѣтскомъ обществѣ. Владыка ласково принималъ гостей, подчивалъ ихъ чаемъ, виномъ, фруктами, дарилъ книгами и всего чаще акафистами *Варварникомъ* и *Николайникомъ*, какъ записывалъ онъ, и повидимому считалъ пріемъ гостей однимъ изъ дѣлъ своего пастырскаго служенія. Лѣтомъ развлеченія митрополита разнообразились поѣздками на Кудрявцы, на Шулявщину, въ Теремки и т. д. Владыка любилъ природу, быть можетъ припоминалъ ту сельскую обстановку, какая окружала его въ дѣтствѣ. Къ послѣ-обѣднему времяпрепровожденію относится также слушаніе вечерни, отправляемой обыкновенно въ залѣ. Послѣ 10 часовъ вечера, простившись со всѣми посѣтителями, митрополитъ въ послѣдній разъ смотрѣлъ на термометръ и отходилъ ко сну. Такое было обычное расположеніе владычняго дня. Конечно случалось иногда, что и утромъ бывали гости, а вечеромъ служебныя дѣла, но общій колоритъ владычней жизни отъ этого мало мѣнялся.

Годъ владыки съ выдающимися днями церковныхъ праздниковъ также носилъ на себѣ печать предъустановленной обрядности, періодически повторявшейся.

1 января въ новый годъ митрополитъ обыкновенно литургисалъ и молебствовалъ въ софійскомъ соборѣ, шествуя туда и обратно *со славою*. Послѣ обѣдни къ митрополиту заходили губернаторъ, генералы, войтъ съ чинами магистратскими и служащее духовенство. Каѳедральный протоіерей Леванда публично говорилъ митрополиту рѣчь привѣтственную „на россійскомъ языкѣ, *съ жаромъ и съ чувствіемъ*“.

Поздравителямъ была предлагаема закуска, а нѣкоторые оставляемы были и обѣдать. Предъ обѣдомъ и во время обѣда приходили поздравители другаго сорта—прямо такъ съ улицы, *съ барабанами и съ музыкою*, по кіевскому обычаю; отъ владыки высы-

лаемы имъ были деньги, инымъ по 5, инымъ по 3, инымъ по 2 рубля.

Въ день *Крещенія* (6 января) владыка ѣздилъ на водоосвященіе на Днѣпръ. Предварительно онъ получалъ для этого двойное приглашеніе: являлся братскій архимандритъ съ просьбою литургисать въ братствѣ; являлся и войтъ съ магистратскими чинами просить владыку на обѣдъ въ магистратѣ. На служеніе митрополитъ ѣхалъ торжественно—въ парадной каретѣ о шести коняхъ, съ 2-мя вершниками въ трехъугольныхъ шляпахъ и въ синей съ позументами ливреѣ [1]); по бокамъ кареты скакало четыре всадника, которые присылаемы были отъ городскаго общества для большаго торжества. Послѣ литургіи въ братствѣ совершался крестный ходъ на Днѣпръ, при большомъ стеченіи народа. Иногда погода не соотвѣтствовала принесенной съ сѣвера идеѣ митр. Серапіона о крещенскихъ морозахъ. „Мы въ Крещенье шедши на воду", отмѣтилъ митрополитъ въ 1805 г., „не только не озябли, но я взопрѣлъ, какъ лѣтомъ, ибо окутанъ былъ настояще по зимнему, не зная таковаго имѣющаго воспослѣдовать тепла, а отъ солнечнаго сіянія были тогда капели". Крещенская церемонія совершалась тогда много эффектнѣе, чѣмъ нынѣ. При начатіи пѣнія: *во Іорданѣ*... пускались ракеты, палили изъ пушекъ, и былъ троекратный бѣглый огонь. Съ рѣки митрополитъ шелъ обратно съ крестнымъ ходомъ въ братскій монастырь, гдѣ совершался обычный отпускъ съ многолѣтіемъ. Разоблачась, владыка шелъ въ мантіи, предшествуемый соборнымъ ключаремъ, въ домъ магистратскій. На крыльцѣ ждали владыку войтъ и магистратскіе чиновники, а въ покояхъ губернаторъ и кіевскія власти. Протодіаконъ провозглашалъ эктенію, многолѣтствовалъ государя и царскую фамилію, а митрополитъ окроплялъ св. водою всѣхъ присутствовавшихъ, подходившихъ къ кресту. Затѣмъ владыка немного отдыхалъ въ особой комнатѣ и шелъ къ обѣду. Обѣдъ бывалъ обильный и со многими тостами: за государя, за митрополита, за генералъ-губернатора, за генералитетъ, за всѣхъ вообще свѣтскихъ гостей, за всѣхъ вообще духовныхъ гостей, за войта и мѣ-

---

[1]) Нѣсколько раньше, напр. при митрополитѣ Самуилѣ, въ подобныхъ случаяхъ, впереди ѣхали верхомъ въ стихаряхъ два діакона съ рипидами и одинъ съ крестомъ.—Ред.

щанство, и наконецъ за городское войско. Да не удивится читатель упоминанію о кіевскомъ городскомъ войскѣ; оно дѣйствительно было, и любопытный можетъ прочесть о немъ въ статьѣ: *Кіевское представительство прежняго времени* („Кіевская Старина" 1882 г. № 5, стр. 187 и слѣд.). Во время тостовъ палили изъ пушекъ и играли на литаврахъ. При звукѣ литавръ митрополитъ выходилъ изъ городскаго дома, провожаемый до кареты войтомъ съ магистратскими чиновниками. И до самаго митрополитанскаго дома кругомъ кареты скакало 8 всадниковъ, въ мѣстномъ воинскомъ уборѣ, которые наряжались отъ городскаго общества, чтобы провожать владыку.

На другой день или чрезъ день являлись къ митрополиту городской войтъ и братскій архимандритъ благодарить за посѣщеніе, и являлись обыкновенно не съ пустыми руками, а подносили какой-нибудь подарокъ. Войтъ подносилъ напр. аршинъ 15 атласу, а архимандритъ нѣсколько хлѣбовъ и нѣсколько бутылокъ вина.

7 января праздновалось рожденіе вел. кн. Анны Павловны, 13—января рожденіе имератрицы Елизаветы Алексѣевны, 28 января—рожденіе вел. кн. Михаила Павловича. Во всѣ эти царскіе дни митрополитъ служилъ литургію и молебенъ (а иногда только молебенъ), или въ софійскотъ каѳедральномъ соборѣ, или въ лаврѣ. Бывала и проповѣдь. А послѣ молебна заходилъ къ митрополиту въ покои случившійся во храмѣ генералитетъ и былъ угощаемъ чаемъ и закусками.

2 февраля въ день Стрѣтенія былъ храмовой праздникъ въ старокіевской стрѣтенской церкви, и митрополитъ иногда служилъ у праздника, тѣмъ болѣе, что, спустя нѣкоторое время по прибытіи Серапіона въ Кіевъ, настоятелемъ стрѣтенской церкви былъ назначенъ его родной племянникъ Сергій Александровскій. Разумѣется, послѣ литургіи владыка заходилъ на чай и закуску къ настоятелю церкви.

3 февраля было тезоименитство вел. кн. Анны Павловны и кавалерскій праздникъ св. Анны. Митрополитъ, какъ самъ кавалеръ св. Анны, совершалъ литургію и молебенъ. Но, быть можетъ, къ огорченію владыки, другіе кіевскіе кавалеры св. Анны относились равнодушно къ своему кавалерскому празднику. „Людей было немного", записалъ митрополитъ объ одномъ своемъ служеніи въ

день св. Анны (1085 г., II, 3) „а господъ мало, кромѣ кн. Гуръянова и полковниковъ двухъ и кавалеровъ трехъ, да въ молебствѣ пришелъ комендатнъ и кавалеръ Аннинскій Масси, а кромѣ его и кавалеровъ никого не было, и проповѣдникъ ко мнѣ только одному сдѣлалъ обращеніе о значеніи кавалеріи". Впрочемъ хотя кавалеровъ св. Анны бывало не много, но они заходили послѣ литургіи къ митрополиту, и митрополитъ удерживалъ ихъ на закуску и обѣдъ. „И пили за здоровье императорское—шампанское, а за кавалеровъ—венгерское".

4 февраля, рожденіе вел. кн. Маріи Павловны и обычное молебствіе и угощеніе.

5 февраля, митрополитъ праздновалъ годовщину своего перваго пріѣзда въ лавру. Приходили къ нему лаврскія власти съ хлѣбомъ-солью, а митрополитъ угощалъ ихъ обѣдомъ.

7 февраля митрополитъ праздновалъ *годовщину своего перваго вступленія въ софійскій соборъ*. Соборяне приходили съ поздравленіемъ, при чемъ протоіерей Леванда говорилъ владыкѣ привѣтственную рѣчь. Представители-же кіевскаго духовенства присоединялись по желанію или къ лаврской, или къ соборной депутаціи. Митрополитъ угощалъ поздравителей закускою, а иныхъ и обѣдомъ.

12 марта, былъ большой царскій день—*возшествіе на престолъ государя императора Александра Павловича*. Митрополитъ шелъ къ литургіи въ софійскій соборъ *со славою*: молебствовалъ съ викаріемъ и со всѣмъ городскимъ духовенствомъ. Бывала и проповѣдь. Было не мало генералитета и чиновниковъ, и войтъ съ чинами магистратскими. Послѣ богослуженія всѣ и міряне, и духовные входили въ покои владыки и были угощаемы закускою, а иные и обѣдомъ.

16 марта митрополитъ праздновалъ свои имянины на память *Серапіона, архіепископа новгородскаго*, во имя котораго устроилъ онъ въ лаврѣ домовую церковь. Тутъ уже по истинѣ было торжество веліе—и въ лаврѣ *полиелейная служба со звономъ*. Но домашнее торжество было едва-ли не больше церковнаго. Съ ранняго утра ко владыкѣ являлись поздравители, начиная съ его домашнихъ братій, которые подносили какой либо малый даръ, напримѣръ хлѣбъ и по десятку лимоновъ и апельсиновъ. Но послѣ литургіи, которую владыка слушалъ обыкновенно въ крестовой церкви, его покои наполнялись посѣтителями. Викарій и архимандриты, лаврскіе старцы

и игуменьи, соборные и городскіе священники, дикастерскіе чиновники и академисты, генералы и благородныя дамы, войтъ и магистратскіе чины, полиціймейстеръ и почтмейстръ, пѣвчіе архіерейскіе и пѣвчіе академическіе толпились во владычнихъ покояхъ. Раздавались рѣчи, стихи на разныхъ языкахъ и кантаты. Витійствовалъ вмѣстѣ съ прочими и Леванда. Подносились имянинику и болѣе существенныя приношенія. Высокопреосвященный имянинникъ отдаривалъ съ своей стороны пѣвчихъ деньгами, академическихъ учителей и другихъ поздравителей лаврскими книгами. Въ заключеніе былъ обѣдъ человѣкъ на 40, за которымъ конечно не вмѣщались всѣ поздравители, но находили себѣ мѣсто учителя академіи. „Обѣдъ заключивался (pro salute meo vino utebamur schampanico) чаемъ, кофеемъ и десертомъ“, и за тѣмъ владыка отпускалъ гостей съ миромъ во свояси.

Продолжая описаніе владычняго года, мы должны сказать, какъ проводилъ онъ праздинки и нарочитые дни переходящіе, т. е. стоящіе въ зависимости отъ праздника Пасхи.

На послѣднихъ дняхъ сырной недѣли владыка ѣздилъ въ лавру, заходилъ въ братскую трапезу и къ почетнѣйшимъ старцамъ и прощался съ ними.

Въ прощальное воскресенье ко владыкѣ заходили прощаться соборяне и другія, болѣе близкія по служебнымъ отношеніямъ духовныя лица, а также благочестивые міряне. Владыка слушалъ вечерню въ крестовой церкви; по окончаніи вечерни вся братія архіерейскаго дома и пѣвчіе прощались съ владыкою въ церкви, а келейные въ покояхъ.

Первые дни великаго поста владыка противъ обыкновенія обѣдалъ скудно, сухояденіе или одни грибы и капусту не вареные.

Въ пятницу на 1-й недѣли, равно какъ и въ послѣдующіе три пятницы бывало великое въ софійскомъ соборѣ собраніе для чтенія de passionibus Christi, т. е. такъ называемыя пассіи, заведенныя м. П. Могилою, на которыхъ бывали и проповѣди, говоренныя обыкновенно кѣмъ либо изъ наставниковъ академіи. Владыка на пассіяхъ не бывалъ, но за проповѣдью слѣдилъ, и даже отмѣчалъ иногда, кто проповѣдывалъ въ софійскомъ, и кто въ братскомъ.

Въ субботу на первой недѣли владыка самъ „служилъ обѣдню въ крестовой церкви съ своими домовыми иноками и пріобщалъ

самъ всѣхъ старцевъ, кои на послушаніяхъ находятся, и всѣхъ пѣвчихъ, и служителей своихъ штатныхъ, и женъ ихъ, и нѣкоторыхъ стороннихъ. И по прочтеніи благодарныхъ молитвъ всѣ причастники подходили ко кресту, держимому владыкою, и поздравлены отъ него, *яко сынове церкви*".

Въ недѣлю православія митрополитъ совершалъ въ софійскомъ соборѣ обычную церковную церемонію, и „народа бывало такъ много, *во еже не вмѣщатися въ церкви и на хорехъ*". Послѣ церемоніи духовные и свѣтскіе чиновные люди по обычаю заходили къ митрополиту и „были трактуемы чаемъ, а потомъ водкою и закускою постною", а нѣкоторые, преимущественно участники церемоніи, въ томъ числѣ и протодіаконъ, возглашавшій анаѳему, были оставляемы обѣдать.

Въ четвертую недѣлю поста митрополитъ служилъ обѣдню въ пещерной Крестовоздвиженской церкви, а въ Благовѣщенье въ академической конгрегаціонной церкви; разумѣется, послѣ богослуженія трапеза, въ первомъ случаѣ—въ лаврѣ, во второмъ—въ академіи.

Въ Лазареву субботу митрополитъ смотрѣлъ изъ окна своего софійскаго дома на процессію академистовъ, числомъ до 1000. По давнему обычаю, въ этотъ день собирались они къ началу вечерни въ георгіевскую церковь: здѣсь брали освященную вербу и какъ отроки евангельскіе, съ ваіями въ рукахъ, съ грандіознымъ пѣніемъ, среди безчисленныхъ массъ народа, дефилировали подъ оградой софійскаго собора и чрезъ заложенныя нынѣ въ юго-западной стѣнѣ ограды ворота, мимо владычнихъ покоевъ, чрезъ софійскій дворъ и соборъ направлялись чрезъ весь городъ на Подолъ въ свою братскую церковь.—Большая церемонія!

Въ великій четвертокъ митрополитъ совершалъ въ софійскомъ соборѣ обрядъ омовенія ногъ; а послѣ богослуженія „трапезовалъ въ залѣ съ 12 учениками—апостолами на 13 конвертовъ; а викарія не приглашалъ по той причинѣ, чтобы обѣдать съ одними апостолами".

Въ великую пятницу митрополитъ совершалъ богослуженіе надъ плащаницею въ лаврѣ. По описанію дневника, „вечерня начиналась въ великой церкви, а потомъ по пропѣтіи: *Тебе одѣявшагося*, всѣ шли съ херугвами въ больничную церковь, при звонѣ.

Пришедъ въ больничную церковь, трижды пѣли: *благообразный Іосифъ* и три раза кадилъ митрополитъ плащаницу, лежащую посреди церкви, довольно богато украшенную жемчугомъ и каменьями; послѣ пѣли пѣвчіе два стиха положенные. Потомъ, поднявъ плащаницу, несли ее въ великую церковь съ такимъ-же церемоніаломъ, какъ и шли въ больницу. Взошедъ въ великую церковь и положа плащаницу, митрополитъ кадилъ ее одинъ разъ; потомъ слѣдовала проповѣдь, отпускъ, и малое повечеріе съ канономъ. Въ заключеніе богослуженія митрополитъ въ мантіи осѣнялъ народъ съ амвона и въ сопровожденіи духовенства шелъ въ свои покои. Тамъ кушалъ чай со старцами, и болѣе ничего".

Въ Свѣтлое Воскресенье, въ самую полночь, начинался благовѣстъ въ софійскомъ соборѣ и продолжался часъ. Къ утрени митрополитъ шелъ со славою и по окончаніи оной христосовался, когда былъ здоровъ, со всѣмъ народомъ, хотя, по замѣчанію дневника, генералитетъ и не былъ доволенъ этой скучной и во всякомъ случаѣ длинной церемоніей. Отъ заутрени расходились по домамъ. Тогда еще не было нынѣшняго, нѣсколько дикаго и во всякомъ случаѣ неблагоговѣйнаго обычая „отмахать за разъ утреню и обѣдню на курьерскихъ" и даже при этомъ, не ожидая обѣдни, стремглавъ летѣть *разговѣться* послѣ недавно потребленнаго бифштекса. Въ то время обѣдню совершалъ владыка въ софійскомъ соборѣ въ 7 часовъ. Выходъ былъ также со славою. Евангеліе читалось на многихъ языкахъ. Владыка начиналъ русскимъ, потомъ читали на латыни, по гречески, по французки, по нѣмецки и т. д.—Послѣ обѣдни владыка возвращался въ свой домъ опять со славою. Тамъ соборяне славили Христа и протодіаконъ многолѣтствовалъ государя, а генералитетъ поздравлялъ владыку. Но пріемъ, по случаю всеобщаго утомленія, въ 1-й день пасхи, былъ короткій.

За то у митрополита былъ большой пріемъ на 2-й день Пасхи. Послѣ служенія въ лаврѣ митрополитъ христосовался съ лаврскою братіею, давая каждому по два яйца красныхъ, принималъ поздравленіе отъ академіи и отъ магистрата, а послѣ трапезы самъ отдавалъ праздничные визиты кіевскому генералитету.

Въ субботу на Пасху была раздача артоса, и митрополитъ посылалъ съ лаврскимъ казначеемъ артосъ отъ себя генералъ-губернатору и губернатору. Обычай пасхальнаго звона въ Кіевѣ безъ

благовѣста на первый разъ удивилъ владыку. „При семъ во всѣхъ въ Кіевѣ церквахъ“, записалъ онъ (1804 г., IV. 25) „чрезъ всю недѣлю Пасхи и къ обѣднѣ и къ вечернѣ безъ благовѣста звономъ во всѣ колокола начинали, что въ Россіи не слыхано, не только чтобъ гдѣ было чинимо“.

23 апрѣля владыка ѣздилъ на служеніе къ празднику св. Георгія въ выдубицкій монастырь, по предварительному приглашенію архимандрита. Послѣ литургіи была обычная трапеза. „Народу въ церкви было довольно“, замѣтилъ митрополитъ, „а гуляющихъ болѣе“. Народное гулянье, которое и до нынѣ бываетъ въ этотъ день около выдубцикаго монастыря и которое совершенно естественно при встрѣчѣ весны, зовущей горожанъ на чистый воздухъ, не нравилось митрополиту. „Людей тутъ было около монастыря не мало, *былъ кабачишко и качели близъ монастыря самаго, что иные предъосуждали*“.

27 апрѣля былъ царскій день—рожденіе цесаревича Константина Павловича. Митрополитъ молебствовалъ, но народу было мало.

1 мая. Софійскій праздникъ и иногда рекреація съ академистами, т. е. гулянье въ митрополичьей рощѣ, гдѣ нынѣ кадетскій корпусъ.

3 мая лаврскій праздникъ пр. Ѳеодосія. Служеніе въ лаврѣ и трапеза. Обыкновенно все шло благообразно и по чину, но бывали маленькіе казусы, которые останавливали на себѣ вниманіе владыки. Было разъ, напримѣръ, на ѳеодосіевскомъ праздникѣ такое искушеніе. „Проповѣдь говорилъ академіи учитель піитики, іером. Іоанникій, но неоднократно вынималъ бумагу. Наканунѣ videbatur esse subebrius (былъ пьянъ), и по сказаніи сховался, т. е. присѣлъ въ каѳедрѣ. А за трапезою новое искушеніе. „Викарій уже подъ конецъ обѣда пріѣхалъ, ибо экклезіархъ акибы позабылъ его къ обѣду звать, для того онъ въ обѣдъ за нимъ ѣздилъ“ (1805 г., V. 3).

9 мая въ день св. Николая владыка ѣздилъ на храмовой праздникъ въ притисковскую (Николая притиска) церковь, или въ какую-либо другую изъ подольскихъ церквей, куда былъ наканунѣ прошенъ на служеніе, для храмоваго праздника, и послѣ литургіи заходилъ къ настоятелю храма на чай.

10 мая небольшой царскій день—*рожденіе вел. кн. Екатерины Павловны.* Владыка молебствовалъ, „но при этомъ, отмѣчаетъ,

только простаго народу богомольцевъ бывало нѣсколько, а чиновниковъ почти никого".

21 мая были именины *цесаревича Константина Павловича.* Митрополитъ также служилъ литургію и молебствовалъ. И на этотъ разъ, замѣчаетъ онъ, „народу бывало также посредственно, но господъ чиновниковъ и генераловъ бывало уже довольно".

Въ *Преполовеніе* былъ крестный ходъ изъ софійскаго собора къ колодцу князя Владиміра. У самаго колодца, конечно, по примѣру прежнихъ лѣтъ, магистратъ разбилъ палатку и приготовилъ угощеніе, но угощенія принять владыка не могъ, ибо въ полномъ облаченіи пожелалъ возвратиться съ крестнымъ ходомъ въ софійскій соборъ. И „зѣло, зѣло, говоритъ, усталъ и изнемогъ, а особливо ногами, и жаръ сдѣлался пресильной въ лицѣ, ибо шли на гору высокую, длинную, въ полномъ облаченіи и въ самые полдни, при сіяніи солнечномъ, да еще и противъ самаго солнца, и при пыли" (1804. V г., 18).

На Вознесенье заблаговременно приглашала игуменья Фроловскаго монастыря служить въ монастырѣ по случаю храмоваго праздника: владыка совершалъ литургію и трапезовалъ, а въ дневникѣ отмѣчалъ: „народу за литургіею было очень много и угощеніе за трапезою обильное"; обѣдъ продолжался, отмѣтилъ онъ однажды 1 часъ и 45 минутъ.

Въ Тройцынъ день, въ 11-мъ часу, владыка ѣхалъ въ лавру въ парадной каретѣ *со славою*, встрѣчаемъ былъ во св. вратахъ съ крестомъ, служилъ литургію соборно съ нѣсколькими архимандритами, молитвы на вечернѣ читалъ самъ, при многочисленномъ стеченіи народу, особенно простаго; трапезовалъ въ лаврѣ съ сослужащими и случайными гостями,—когда позволяла погода,—въ саду, въ бесѣдкѣ.

Въ Духовъ день владыка „ѣздилъ на служеніе въ бывой Кирилловъ монастырь, по случаю храмоваго праздника; тамъ бывала и ярмарка очень не малая, на берегу занимали мѣста съ разными шалашами".

Наконецъ въ недѣлю всѣхъ святыхъ храмовой праздникъ въ церкви на Щекавицкомъ кладбищѣ. Серапіонъ ѣздилъ и сюда, и вотъ какъ описываетъ онъ одну изъ такихъ поѣздокъ. „Въ 10-мъ часу ѣздилъ въ церковь кладбищенскую, что на горѣ Щекавицѣ, нынѣ

называемой *Скавищь*, гдѣ погребенъ Олегъ, родственникъ Рюриковъ, но знаку тутъ никакого сему нѣтъ. Служилъ въ ней обѣдню, ибо храмъ тутъ всѣхъ святыхъ. Проповѣдь говорилъ той церкви священникъ. Народу было много, были благородные. Послѣ обѣда заходилъ въ домъ священника, гдѣ была поставлена палатка съ закускою, похожею на обѣдъ, съ приборами, отъ магистрата пріуставленная, яко церковь сія на ихъ иждивеніи содержится. Гдѣ были потчованы сперва чаемъ, потомъ водкою, а послѣ венгерскимъ,—цѣлымъ, по здѣшнему обычаю, стаканомъ. Отвѣдавъ немного, не похвалилъ сей обычай.

„Потомъ зашелъ въ покои священника посмотрѣть, и нашелъ, како дома живутъ тѣсно. Въ исходѣ 1-го часа отъѣхалъ. Отъ церкви подъ гору,—ибо крута, хотя есть и мостовая деревянная,—шли до самаго низу въ провожденіи войта пѣшкомъ“ (1805 г., VI. 4).

25 іюня былъ тогда еще не очень значительный царскій день, *рожденіе в. кн. Николая Павловича*. Митрополитъ молебствовалъ.

28 іюня митрополитъ совершалъ панихиду по императорахъ.

29 іюня въ день *св. ап. Петра и Павла*, митрополитъ ѣздилъ на служеніе въ греческій петропавловскій монастырь и заходилъ на чай къ архимандриту. На сей же день владыка получилъ приглашеніе въ петропавловскую куреневскую церковь, но имъ не пользовался.

5 іюля, въ день *преп. Сергія*, митрополитъ ѣздилъ на служеніе въ Китаевскую пустынь, гдѣ и трапезовался.

10 іюля, на память *преп. Антонія печерскаго*, владыка служилъ и трапезовалъ въ лаврѣ.

15 іюля, въ день кончины *св. Владиміра*, при митр. Серапіонѣ не было нынѣшняго крестнаго хода, совершаемаго съ такимъ торжествомъ только съ 1862 г. Владыка ѣздилъ лишь на служеніе къ празднику во Владимірскую церковь, которая находилась тогда на эспланадной площади, близъ крѣпости. Въ дневникѣ объ этомъ праздникѣ отмѣчено только, что ризница была лаврская, т. е. что саккосъ, омофоръ и проч. доставлялись изъ лавры, по близости оной къ владимірской церкви.

20 іюля, въ день *прор. Иліи*, митрополитъ ѣздилъ на служеніе въ Ильинскую церковь, что на Подолѣ, на берегу Днѣпра. Послѣ литургіи заходилъ къ священнику и »былъ трактованъ чаемъ, кофеемъ и водкою.« »Мимоѣздомъ, замѣчаетъ однажды владыка, былъ

упрошенъ заѣхать къ *именитому купцу Кисилевскому*, коего *домъ лучшій во всемъ Кіевѣ.*« То былъ старинный родъ кіевскихъ гражданъ и вмѣстѣ южно-русскихъ дворянъ, давшій г. Кіеву, нѣсколько позже, послѣдняго войта. Въ тонкости предметовъ и лицъ, какъ мы уже замѣчали, владыка Серапіонъ не входилъ, а отмѣчалъ лишь то, что дѣйствовало такъ сказать на глазъ, какъ напр. большой и по нынѣшнему времени домъ Кисилевскихъ, хотя аттестація, даваемая ему дневникомъ, свидѣтельствуетъ о крайнемъ убожествѣ Кіева, по части построекъ, три четверти вѣка назадъ тому.

22 іюля, въ день *тезоименитства императрицы Маріи Ѳедоровны*, было торжественное служеніе въ Софійскомъ соборѣ. Заходившіе послѣ обѣдни къ митрополиту были »трактуемы чаемъ и водкою. А иные—въ томъ числѣ сослужители на литургіи—были оставляемы на обѣдъ. И пили, прибавляетъ митрополитъ, за здоровье имянинницы венгерское, и потомъ венгерское же пили и за мое здоровье, яко день моего рожденія« (1805 г., VII, 22).

1 августа было водоосвященіе на Подолѣ и митрополитъ, по приглашенію магистрата, ѣздилъ на служеніе въ Успенскій соборъ.

Когда владыка, выходя изъ дому, садился въ карету, то являлись, какъ гласитъ дневникъ, „*четверо верховыхъ отъ магистрата, одѣтыхъ по здѣшнему богато*, и летѣли предъ каретою стремительно,—равно какъ и митрополичьи вершники, и карета также очень спѣшно ѣхала“; при съѣздѣ съ крещатицкой горы къ кортежу присоединялись еще четверо мѣщанъ въ богатомъ нарядѣ и на богато убранныхъ лошадяхъ.

Послѣ литургіи митрополитъ ходилъ на источникъ *Фемиціонъ*, существующій и нынѣ, хотя въ самомъ грязномъ видѣ, и извѣстный въ народѣ подъ именемъ *Лева*—отъ фигуры Сампсона, раздирающаго львиную пасть, изъ которой толстою струею льется вода. Къ митрополиту присоединялся викарій, который предварительно совершалъ водоосвященіе на Днѣпрѣ, шествуя отъ церкви Введенской. Дневникъ и здѣсь сохранилъ для насъ нѣкоторыя черты минувшей жизни Кіева.

Во время крестнаго хода вокругъ собора всѣ цехи стояли съ своими значками и ружьями, а конные въ своихъ богатыхъ уборахъ были расположены близъ источника. При погруженіи креста была пальба изъ пушки. Изъ собора митрополитъ шествовалъ въ маги-

стратскій домъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ музыкою. Обѣдъ, тосты, трубные звуки, парадные проводы—все точь въ точь, какъ въ праздникъ 6-го января.

Чрезъ день опять войтъ и начальникъ городской конницы приходили на поклонъ и благодарили владыку за посѣщеніе, поднося: »хлѣбъ, голову сахару и шесть штофиковъ водки сладкой разной.«—Патріархальныя времена и обычаи, такъ не далекія отъ насъ и такъ уже чуждыя нашему времени!

2 августа владыка келейно праздновалъ съ своими родными и близкими свои имянинны по мірскому имени Стефана.

6 августа, въ праздникъ *Преображенія* владыка служилъ въ подольской Преображенской церкви, нынѣ не существующей, либо у Спаса на Берестовѣ (въ крѣпости), или въ межигорской обители.

15 августа — *Успеніе Богоматери* великій лаврскій праздникъ. Еще съ вечера владыка отправлялся въ лавру и совершалъ всенощное богослуженіе, которое продолжалось до 1 часа по полуночи, т. е. $5^{1}/_{2}$ часовъ, съ пѣніемъ надгробнымъ, съ чтеніемъ акаѳиста и съ большою молитвою.

Въ самый праздникъ, предъ обѣдней митрополитъ и всѣ духовные, бывшіе въ служеніи, шли, какъ замѣчаетъ дневникъ, »по обычаю здѣшнему (т. е. древнему южнорусскому, соблюдаемому и доселѣ во всѣ двунадесятые праздники), въ ходъ около церкви, поя молебенъ Божіей матери, и останавливаясь въ трехъ мѣстахъ, а противъ олтаря евангеліе читано было.“

Послѣ литургіи владыка трапезовалъ въ лаврѣ съ генералитетомъ, знатными богомольцами и служащимъ духовенствомъ.

30 августа—*тезоименитство Государя Императора Александра I.* Послѣ торжественной литургіи и молебствія къ митрополиту заходили не только русскіе генералы, но и знатные поляки.

5 сентября—*тезоименитство имп. Елизаветы Алексѣевны.* Торжественная литургія съ молебномъ. Въ 1805 г., этотъ день совналъ со временемъ дворянскихъ выборовъ, и на молебенъ явились „всѣ бывшіе на выборахъ католицкаго исповѣданія дворяне кіевской губерніи; и потомъ всѣ были у митрополита въ покояхъ, во еже не вмѣщатися въ нихъ.“

8 сентября—*храмовой праздникъ Софійскаго собора.* Митрополичье служеніе. „Послѣ часовъ ходили, по обыкновенію здѣшнему, съ образами, съ пѣніемъ молебна. Послѣ обѣдни заходили къ митрополиту всѣ наканунѣ званные къ обѣду, а иные и незванные, и трапезовали.“

12 сентября—*день рожденія в. кн. Анны Ѳедоровны* (супруги цезаревича Константина). Митрополитъ молебствовалъ.

15 сентября—*коронація Императора Александра I.* Торжественное служеніе и посѣтители въ покояхъ митрополита. Въ 1805 г., въ числѣ посѣтителей были офицеры проходившаго чрезъ Кіевъ гусарскаго полка, и при этомъ случилось одно обстоятельство, отмѣченное митрополитомъ. Гости „были потчованы чаемъ, потомъ водкою на двухъ столахъ. И была съ заѣдками на столѣ стерлядь поставлена розварная, что здѣсь рѣдкостію почтено; да и въ мое чрезъ годъ и 8-мѣсячное пребываніе въ Кіевѣ въ первый разъ живая стерлядь попалась, и нигдѣ до сего времени не видалъ въ Кіевѣ.“

30 сентября—*память Михаила, перваго митрополита Кіевскаго.* Праздникъ этотъ былъ поставленъ, какъ слѣдуетъ, самимъ митр. Серапіономъ. Въ первый годъ житія Серапіона въ Кіевѣ, въ сей день былъ у владыки намѣстникъ лаврскій съ докладами. „А о праздникѣ своемъ“,—замѣчаетъ митрополитъ, „и не говорилъ. На мой же вопросъ сказалъ, что они одни сами празднуютъ.“ Владыка, должно быть, сдѣлалъ замѣчаніе намѣстнику. По крайней мѣрѣ съ слѣд. года уже обозначается митрополичье служеніе и трапеза въ лаврѣ 30 сентября.

Вообще митр. Серапіонъ былъ неравнодушенъ къ славѣ и памяти своихъ предшественниковъ. »20 авг. 1804 г. (отмѣчено въ дневникѣ) былъ ключарь съ докладомъ, чтобы дозволено было, по здѣшнему обычаю, отправить панихиду со звономъ по покойномъ митрополитѣ здѣшнемъ Самуилѣ. Что и позволилъ, похваливъ сей обычай и памятованіе своего архипастыря.« Была-ли трапеза, неизвѣстно.

14 октября—*рожденіе Императрицы Маріи Ѳедоровны* и обычное въ большой царскій день празднованіе.

8 ноября, ради праздника, владыка, „ѣздилъ въ каретѣ въ Михайловскій монастырь, гдѣ и встрѣчаемъ былъ братіею во вратахъ, а епископомъ у церкви. Совершалъ литургію и принималъ участіе въ великой трапезѣ, на коей бывало до 50 человѣкъ.“

21 ноября. Причтъ подольской введенской церкви, какъ видно, ни разу не приглашалъ митрополита къ храмовому своему празднику. Бывалъ въ этотъ день праздникъ и митрополичье служеніе въ лаврѣ на ближнихъ пещерахъ.

Свое служеніе здѣсь въ 1805 г. Серапіонъ описываетъ такъ: »ввошедши въ церковь, пошли прямо прикладываться ко всѣмъ мощамъ; и обошедши чрезъ полчаса всѣ гробы преподобныхъ, въ церкви пещерной праздничной Введенія мантію надѣлъ и служилъ съ намѣстникомъ, да казначеемъ, да съ двумя іеромонахами (а лучше бы съ одною парою служить, а то было для другой пары нѣсновато), по обыкновенію. Только протодіаконъ зѣло оскорбить дерзнулъ, самымъ тихимъ голосомъ служа, оказывая видъ нѣкоего негодованія чрезъ всю литургію. Великое потребно было терпѣніе видѣть и снести такой его поступокъ.«

24 ноября *тезоименитство в. кн. Екатерины Павловны.* Служеніе въ греческомъ монастырѣ.

30 ноября. Служеніе для праздника въ Андреевскомъ соборѣ, при чемъ митрополитъ отмѣчалъ, что онъ »и на лѣстницу андреевскую и съ лѣстницы шелъ съ великою трудностію.«

4 декабря, ради праздника св. Варвары, бывало митрополичье служеніе въ михайловскомъ монастырѣ. Вотъ описаніе одного изъ такихъ служеній. „По окончаніи часовъ, мощи около великой церкви были носимы при великой метелицѣ, снѣгѣ и пургѣ, такъ что едва могъ я прочитать евангеліе у вратъ послѣднихъ, и всѣ образа, евангеліе и крестъ были снѣгомъ покрыты, а въ ходу бывшіе тоже снѣгомъ были убѣлены отъ пурги. Взошли въ церковь съ мощами въ боковые двери, по причинѣ той-же великой пурги, и конецъ совершили ходу съ многолѣтіемъ. Потомъ совершилъ я литургію, по обычаю, съ викаріемъ епископомъ и съ тремя архимандритами и пр. Проповѣдь говорилъ хозяинъ монастыря, епископъ викарій Иринней, стоя у гроба великомученицы Варвары. Народу было довольно: но господъ мало, а госпожъ довольно. И была графиня А. Р. Чернышева, желавшая, чтобы мощи чрезъ нее перенесены были; но пурга сему попрепятствовала. Обѣдалъ у хозяина-викарія епископа съ служащими архимандритами и пр. Всего человѣкъ до 30 было". (1808. XII. 4).

6 декабря, въ Николинъ день, владыка служилъ литургію большею частію въ николаевской набережной церкви; а *9 декабря* на дальнихъ пещерахъ, въ праздничной церкви зачатія св. Анны.

12 декабря, въ день рожденія императора Александра I, была совершаема торжественная литургія съ молебствіемъ; генералитетъ, по обычаю, заходилъ ко владыкѣ и былъ угощаемъ ради августѣйшаго новорожденнаго. Предъ праздникомъ Рождества Христова владыкѣ приходилось принимать отъ нищихъ просительныя письма о подачѣ милостыни, которыя, конечно, онъ удовлетворялъ по мѣрѣ возможности. Въ самый праздникъ благовѣстъ къ утрени въ софійскомъ соборѣ начинался въ 2 часа, а самая утреня, которую владыка слушалъ въ соборѣ, стоя на митрополичьемъ мѣстѣ, продолжалась почти до 6 часовъ. Въ это время къ владыкѣ пріѣзжалъ изъ лавры его духовникъ, у котораго онъ и исповѣдывался, а затѣмъ служилъ литургію въ соборѣ и принималъ у себя соборянъ и другихъ поздравителей. На второй день праздника было митрополичье служеніе и большой пріемъ въ лаврѣ; на третій день, т. е. 27 декабря, опять малый праздникъ въ лаврѣ архидіакону Стефану, „поколику перстъ его указательный хранится въ оной, принесенный въ 1717 г. изъ молдавскаго нѣмецкаго монастыря“ (1807. XII. 27).

А затѣмъ „*конецъ года и слава нашему Богу. Аминь*“.

Такъ жилъ да поживалъ Серапіонъ, митрополитъ кіевскій, день за день, годъ за годъ, раздѣляя время между богослуженіемъ, резолюціями и трапезою. Житіе тихое, ровное, безпечальное, разъ навсегда установленное, хорошо обставленное! Но злая жизнь врывалась и тутъ и приносила свою *злобу дня*, свои перемѣны, иногда безразличныя, иногда очень тяжелыя и непріятныя. Отмѣтимъ, руководясь дневникомъ митр. Серапіона, наиболѣе выдающіяся перемѣны и впечатлѣнія въ его личной жизни.

Ф. А. Терновскій.

(Продолженіе будетъ).

Записки барона Тотта о татарскомъ набѣгѣ 1769 г. на Ново-Сербію.

(Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ С. Е.)

Въ настоящемъ году исполнилось столѣтіе со времени присоединенія Крыма къ Россіи. Это событіе имѣло большое значеніе для русскаго государства, которое только съ присоединеніемъ Крыма могло считать себя единственнымъ и безспорнымъ хозяиномъ земель, составляющихъ нынѣшнюю Новороссію. Исторія Новороссіи это исторія постепенной колонизаціи земель южной части Черноморскаго бассейна. Сто лѣтъ тому назадъ земли эти представляли собой необозримое степное пространство, орошенное широкими рѣками, мало населенное и бывшее постоянно спорнымъ пунктомъ для притязаній сосѣднихъ государствъ. Сѣверная часть его была занята „вольностями запорожскими", южная часть— Крымскій полуостровъ и прилегающее къ нему побережье Чернаго моря—принадлежали крымскимъ татарамъ, а между крымскими и запорожскими владѣніями тянулись широкія степныя равнины, гдѣ кочевали различныя ногайскія орды. — „Запорожскими вольностями" назывались земли „войска или товариства запорожскаго", которое было одной изъ самостоятельныхъ вѣтвей русскаго козачества. Начало козачества относится еще къ XIV вѣку. Козаками называли себя тѣ выходцы изъ русскихъ областей, которые селились въ южныхъ степяхъ послѣ татарскихъ нашествій.

Татарскія нашествія, непосредственнымъ слѣдствіемъ которыхъ было раззореніе русскихъ земель, имѣли еще и другое болѣе важное значеніе для внутренней жизни этихъ земель. Татарскій погромъ служитъ поворотнымъ пунктомъ, съ котораго начинается упадокъ федеративнаго строя и собираніе русскихъ земель около

2-хъ центровъ: на сѣверо-востокѣ слагается московское государство, на юго-западѣ литовско-русское, которое впослѣдствіи соединяется въ одно цѣлое съ Польшею.

Боязнь татарскихъ набѣговъ и тѣ гнетущія условія жизни, которыя вырабатывались при новомъ строѣ обоихъ государствъ, заставляли жителей ихъ искать, гдѣ лучше, и цѣлыя толпы бѣглецовъ селились на берегахъ степныхъ рѣкъ. Изъ московскаго государства бѣжали на Донъ, на Волгу, на Яикъ (Уралъ); изъ польско-литовскаго на Днѣпръ.

Вольная, но полная опасностей жизнь требовала постоянно держаться на сторожѣ отъ сосѣдей — враговъ, сначала татаръ, а потомъ татаръ и турокъ, которые обнаруживали постоянныя притязанія на эти земли.

На Днѣпрѣ за порогами сложилась самостоятельная козацкая община, выступающая на историческую сцену около половины XVI вѣка. Эта община служила въ теченіи вѣковъ вѣрнымъ оплотомъ сначала польской, а потомъ польской и русской Украины отъ южныхъ сосѣдей. Запорожскіе козаки не могли ограничиваться оборонительной войной противъ татаръ; чувство мести, жажда подвига вызывали войну наступательную. За набѣгъ они платили набѣгомъ, за раззореніе раззореніемъ. Они не рѣдко спускались по Днѣпру на своихъ „чайкахъ" въ море, нападали на турецкіе города и освобождали христіанскихъ невольниковъ.

Запорожская община, бывшая свободнымъ отпрыскомъ украинскаго народа, воплощала въ своей внутренней жизни его идеалы и стремленія. Значеніе ея особенно усилилось съ тѣхъ поръ, какъ въ польской Украинѣ начались козацкія возстанія, вызванныя гнетущими политическими, экономическими и религіозными условіями жизни. Въ эпоху козацкихъ возстаній 1582—1638 г. (отъ Косинскаго до Гуни и Остраницы) Запорожье становится центромъ движенія и вѣрнымъ убѣжищемъ всѣхъ, кто бѣжалъ сюда изъ Украины.

Въ это время Запорожскія владѣнія расширяются и заселяются на большомъ пространствѣ.

Послѣ временнаго тяжелаго затишья въ покоренной Украйнѣ, Запорожье во время войнъ Богдана Хмельницкаго, кончившихся присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи 1654 г., является самосто-

ятельнымъ союзникомъ остальнаго малорусскаго козачества и оказываетъ ему большія услуги. Наступила затѣмъ смутная пора для Украйны, когда эта измученная страна, стѣсненная 3-мя грозными сосѣдними государствами—Россіей, Турціей и Польшей, отчаявшись въ возможности самостоятельнаго существованія, колебалась въ выборѣ подданства; эта смутная пора отразилась и въ жизни Запорожья; мы видимъ, что оно, какъ независимая единица, ведетъ сношенія то съ Польшей, то съ Турціей, то съ Россіей. Подобно всей Украйнѣ, Запорожье пришло къ тому-же роковому исходу, хотя нѣсколько позже: оно подчинилось Россіи въ 1734 г. Русское государство было заинтересовано въ запорожскомъ войскѣ, въ которомъ оно видѣло незамѣнимый оплотъ противъ турецкаго сосѣдства, и потому, считаясь подданными Россіи, запорожцы долго сохраняли независимость въ внутреннемъ устройствѣ своихъ владѣній. Но съ постепеннымъ расширеніемъ границъ и съ развитіемъ централизаціи огромнаго государства, которое чувствовало себя все болѣе крѣпкимъ,—свободный строй запорожской общины все больше звучалъ диссонансомъ.

Въ XVIII вѣкѣ русское правительство усиливаетъ колонизаціонную дѣятельность въ южныхъ предѣлахъ государства и устраиваетъ рядъ сербскихъ и русскихъ слободскихъ поселеній. Изъ колоній выселившихся въ Россію сербовъ оно образуетъ ново-сербскія поселенія или Новую Сербію, для защиты которыхъ, близъ южной границы ихъ, возведена крѣпость св. Елизаветы, теперешній Елисаветградъ, находившаяся подъ управленіемъ особаго командира.

Эти новыя поселенія примыкали непосредственно къ запорожскимъ землямъ и между сосѣдями происходили постоянныя порубежныя пререканія.

„Запорожскія вольности“ въ это время образовали какъ-бы военное государство, столицей которою была Сѣчь—мѣстопребываніе запорожскаго товариства. Она находилась въ этотъ періодъ Запорожья при р. Подпольной, притокѣ Днѣпра.

Запорожское товариство—было военной общиной, члены которой, посвятивъ всю жизнь свою борьбѣ съ врагами, отказывались отъ семьи и хранили обѣтъ безбрачія.

Вступленіе въ запорожскую общину было свободное: вступалъ, кто хотѣлъ; отъ новаго товарища требовались лишь два условія: 1) чтобъ онъ былъ безъ семейный и 2) православный. Только члены запорожскаго товариства, пребывавшіе въ Сѣчи, могли быть избираемы въ должностныя лица на общей радѣ или вѣчѣ, ежегодно собиравшемся въ Сѣчи. Всѣ земли запорожскія дѣлились на нѣсколько военныхъ округовъ, которыхъ въ описываемый періодъ было 5; они назывались паланками и имѣли наблюдательные посты для охраны границъ. Все населеніе „Вольностей Запорожскихъ", не принадлежавшее къ товариству, но образовавшееся тоже изъ вольныхъ поселенцевъ, осѣдлое и домовитое, носило названіе подданства войска запорожскаго и управлялось выборными громадскими атаманами. „Запорожскія Вольности" занимали въ этотъ періодъ то обширное пространство земель, которое составляетъ теперь губерніи екатеринославскую и херсонскую за исключеніемъ уѣздовъ одесскаго, тираспольскаго и ананьевскаго. Границы ихъ были—на сѣверо-западъ: ново-сербскія, слободскія поселенія (по р. Синюхѣ, затѣмъ по ея притоку Черному Ташлыку граница шла нѣсколько на юго-востокъ къ Ингулу, оттуда снова подымалась къ сѣверо-востоку къ верхней Самоткани, впадающей въ Днѣпръ), на сѣверо-востокъ были земли слободскихъ полковъ (отъ Переволочной до Бахмута по Орели и Сѣв. Донцу), затѣмъ на востокъ, вдоль лѣваго берега р. Кальміуса, по направленію теченія его до Азовскаго моря, земли донскихъ казаковъ, на югѣ отъ устья Берды до устья Конскихъ водъ въ Днѣпръ—земли джамбуйлуцкой ногайской орды, на юго-западъ, отъ впаденія Буга въ днѣпровскій лиманъ, по р. Бугу до бугскаго запорожскаго *гарда* или оборонительнаго поста—земли едисанской ногайской орды, а отъ гарда до р. Синюхи и отсюда по всей западной украинской границѣ—воеводства польскія [1]).

Кромѣ пограничныхъ съ запорожскими владѣніями земель джамбуйлуцкой (въ сѣверной части нынѣшней таврической губерніи) и едисанской (въ южномъ уѣздѣ нынѣшней херсонской губерніи), еще были двѣ значительныя ногайскія орды, кочевавшія: одна въ кубанскихъ степяхъ, другая — въ нынѣшней Бессарабіи. Всѣ эти

---

[1]) Исторія «Новой Сѣчи». Скальковскаго.

4 большія орды распадались на меньшія. Ногайскія орды были остатками когда-то могущественнаго золотоордынскаго ханства. Послѣ распаденія золотой орды онѣ избрали мѣстомъ кочевій южныя степи и признали надъ собой власть крымскихъ хановъ.

Не съ одними татарами вели пререканія запорожцы за нарушеніе границъ. Постоянные порубежные споры возникали у нихъ и на сѣверо-западной границѣ съ новосербскими поселенцами. Запорожцы постоянно жаловались русскому правительству на неправильный захватъ земель, искони имъ принадлежащихъ, а теперь отнимаемыхъ русскими поселенцами. Русское правительство требовало отъ запорожцевъ письменныхъ документовъ на право владѣнія этими землями и запорожцы посылали въ сенатъ грамоты, выданныя имъ польскими королями и русскими государями. Сенатъ оставлялъ грамоты у себя, а взамѣнъ выдавалъ имъ копіи; ссылаясь опять на документальныя доказательства, имъ отвѣчали, что копіи—не доказательства, а подлинныхъ документовъ въ сенатѣ не имѣется [1]). Запорожцамъ все труднѣе было отстаивать неприкосновенность своихъ границъ отъ притязаній той русской колонизаціи, которая съ каждымъ днемъ все ближе и ближе стягивалась вокругъ „Запорожскихъ Вольностей", пока наконецъ въ 1775-мъ г. „запорожская Сѣчь" была уничтожена и запорожская община навсегда прекратила свое независимое существованіе. Но еще до этого печальнаго конца запорожцамъ пришлось играть видную роль въ войнахъ Россіи съ Турціей, ознаменовавшихъ собой царствованія Екатерины II-й, и только когда минула опасность со стороны этого исконнаго врага, признано было возможнымъ уничтожить исконнаго защитника.

Всѣ эти предварительныя замѣчанія мнѣ казались необходимыми для того, чтобы окинуть хоть бѣглымъ взглядомъ ту территорію, которой суждено было цѣлые вѣка подвергаться опустошеніямъ и набѣгамъ, быть свидѣтельницей долгой кровавой борьбы, территорію, на степяхъ которой, политыхъ кровью, изъ смѣси разнородныхъ элементовъ сложилась своеобразная жизнь.

Одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы разсказанъ въ „Mémoires du baron de Tott" и относится къ русско-турецкой войнѣ 1769 г.

---

[1]) Наяхинъ «Память о Запорожьѣ».

Описывая въ качествѣ очевидца, шагъ за шагомъ, походъ Крымъ-Гирея, указывая мѣстности, которыя проходило войско и гдѣ оно останавливалось, бар. Тоттъ тѣмъ самымъ косвенно даетъ свѣдѣнія о границахъ и размѣрѣ колонизаціи въ запорожскихъ земляхъ въ то время.

Во 2-й половинѣ XVIII-го в. политическія событія спутались въ такую драматическую коллизію, которая окончилась гибелью одного изъ дѣйствующихъ лицъ этой исторической драмы—именно распаденіемъ Польши. Терзаемая внутренними раздорами, эта страна тщетно искала спасительнаго исхода, и хваталась за всѣ возможныя средства, чтобы найти союзниковъ въ своей послѣдней борьбѣ. Члены барской конфедераціи, пытаясь отстоять самостоятельное существованіе польскаго государства, и лично, и посредствомъ эмиссаровъ вели агитацію въ пользу своего дѣла, и имъ удалось обезпечить себѣ помощь со стороны Франціи и Турціи противъ притязаній Россіи, которая довела свое вмѣшательство въ дѣла Польши до крайней степени.

Турція въ это время владѣла не только землями на Балканскомъ полуостровѣ, но и землями крымскихъ и ногайскихъ татаръ, считавшихся ея подданными, съ тѣхъ поръ, какъ Магометъ II, вмѣшавшись въ борьбу крымцевъ съ генуэзцами, водворившими было свое господство въ Крыму, изгналъ послѣднихъ и освободивъ изъ плѣна хана Менгли-Гирея, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому всѣ татарскія владѣнія были признаны подвластными Турціи. Всѣ считавшіеся потомками Чингисъ-хана были облечены достоинствомъ турецкихъ вассаловъ и получили въ ленное владѣніе земли Румеліи. Татарскій ханъ постоянно выбирался изъ этой фамиліи и утверждался на престолѣ согласіемъ султана. Изъ потомковъ Чингисъ-хана-же, а также изъ 5 древнѣйшихъ знатныхъ родовъ выбирались всѣ представители высшей татарской администраціи. Главными должностными лицами у татаръ были: „калга", обязанности котораго заключались въ томъ, что онъ командовалъ всей арміей, если ханъ не могъ участвовать въ походѣ, занималъ ханскій престолъ съ титуломъ каймакана во время отсутствія хана или по смерти одного до выбора другаго и, вообще, былъ вторымъ послѣ хана лицомъ въ государствѣ; другая должность—„нурадина" состояла въ томъ, что онъ былъ ближайшимъ помощникомъ хана,

но съ меньшимъ значеніемъ, чѣмъ калга; третьимъ важнымъ лицомъ былъ „ордой“, подъ вѣдомствомъ котораго находилась перекопская крѣпость, съ ея округомъ, т. е. ключъ къ Крыму. Ханъ и нурадинъ жили въ Бахчисараѣ, калга въ Ахмечети, ордой въ Перекопѣ. Ногайскія орды во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управлялись своими мирзами, администрація-же турецко-татарская надъ ними имѣла своего представителя въ лицѣ сераскира-паши для каждой изъ ногайскихъ ордъ.

Громадная и нѣкогда грозная Турція пережила дни своей славы: въ ней уже начиналось то внутреннее разложеніе, которое является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ деспотическаго строя и связанной съ нимъ деморализаціи народа.

Таковы были два противника Россіи во второй половинѣ XVIII-го в. Польша и Турція. Третій союзникъ ихъ Франція была болѣе далекой и менѣе активной: она дѣйствовала больше путемъ дипломатіи и помогала польскимъ конфедератамъ совѣтами и деньгами. Во Франціи это было время Людовика XV-го и герцога Шуазеля.

Поводомъ къ началу русско-турецкой войны 1769—1774 г. послужило слѣдующее обстоятельство. На границѣ турецкихъ владѣній и Польши, по обоимъ берегамъ р. Кодымы, лежало мѣстечко Балта, одна часть котораго Юзефградъ считалась польской, а другая собственно, Балта, турецкой. Осенью 1768 г. русскія войска, увлеченныя преслѣдованіемъ польскихъ конфедератовъ, нарушили границу, раззоривши за-одно съ польской и турецкую часть Балты. Турція объявила это нарушеніемъ мирныхъ отношеній, русскій резидентъ Обрѣзковъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ и война началась.

Крымъ со своими владѣніями и Запорожье были одинаково интересны для обѣихъ воющихъ сторонъ, которыя и дѣлали попытки склонить эти земли къ союзу. Такъ, Крымъ-Гирей, провозглашенный ханомъ въ 1768-мъ г., спѣшитъ войти въ сношенія съ Запорожьемъ и въ октябрѣ того-же года посылаетъ Кошевому грамоту съ предложеніемъ возвратить запорожцамъ купцовъ и чумаковъ, захваченныхъ раньше въ плѣнъ татарами, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Запорожье съ своей стороны возвратило плѣнныхъ; при этомъ ханъ увѣряетъ запорожское войско въ своемъ благосклонномъ расположеніи. Запорожцы приняли ханское предложеніе и покончивши

свою сдѣлку съ Крымъ-Гиреемъ, написали объ этомъ кіевскому генералъ-губернатору Воейкову, который послалъ донесеніе въ Петербургъ. Не смотря на то, что такая независимость сношеній со стороны запорожцевъ не могла быть по сердцу русскому правительству, оно не сочло возможнымъ дѣлать выговоръ запорожскому войску и послало въ Сѣчь милостивую грамоту, въ которой выражало похвалу запорожцамъ и увѣренность въ преданности ихъ русскому государству.

Съ своей стороны Россія пыталась отвлечь крымскихъ татаръ отъ Турціи, представляя имъ въ перспективѣ—независимость крымскаго ханства. Письмо Екатерины къ гр. Панину, писанное уже 16-го октября 1769 г. развиваетъ этотъ планъ. „Письмо въ Крымъ удобнѣе всего отправить черезъ татарскихъ плѣнниковъ", писала Екатерина. „Ежели крымскіе начальники къ вамъ не отзовутся, въ такомъ случаѣ остается возбудить сообща въ татарахъ вниманіе черезъ разсѣяніе копій съ письма по разнымъ мѣстамъ, чѣмъ по малой мѣрѣ развратъ въ татарахъ отъ разномыслія произойти можетъ". Очевидно, обѣ стороны, дѣйствуя въ личныхъ интересахъ, не жалѣли радужныхъ красокъ для своихъ обѣщаній.

Когда объявлена была война Россіи, турецкій султанъ низложилъ хана Максудъ-Гирея и возвелъ на крымскій престолъ Крымъ-Гирея, знаменитаго хана, имя котораго живетъ въ татарскихъ легендахъ. Крымъ-Гирей, собравши въ 1758 г. ногайскія орды подъ своимъ предводительствомъ, съ ихъ помощью достигъ престола и заставилъ султана признать совершившійся фактъ. Но впослѣдствіи, воспользовавшись однимъ неудачнымъ его походомъ, султанъ свергнулъ его съ престола и Крымъ-Гирей содержался въ заключеніи, пока предстоящая война не напомнила о немъ. Благодаря своей громкой военной славѣ и разрушительнымъ талантамъ, Крымъ-Гирей былъ возстановленъ на престолѣ ханскомъ, и ему было поручено, не теряя времени, вторгнуться въ южныя области Россіи и разорить ихъ до тла внезапнымъ и быстрымъ набѣгомъ.

Баронъ-де-Тоттъ, бывшій въ это время французскимъ резидентомъ при крымскомъ дворѣ, описалъ въ своихъ „Mémoires sur les Turcs et les Tartares" это событіе; находясь неотлучно при ханѣ онъ былъ участникомъ похода и свидѣтелемъ всѣхъ его подробностей. Такъ какъ разсказъ о набѣгѣ этомъ, охватившемъ

собой часть нынѣшняго новороссійскаго края, можетъ служить иллюстраціей тѣхъ отношеній, которыя вѣками сложились между враждебными сосѣдями, и свехъ того „мемуары" барона Тотта не переведены на русскій языкъ, то я считаю умѣстнымъ предложить здѣсь переводъ той части этихъ мемуаровъ, которая заключаетъ въ себѣ разсказъ о татарскомъ набѣгѣ 1769 г., объ этомъ по словамъ Соловьева, „послѣднемъ татарскомъ нашествіи",—разсказъ, не лишенный нѣкоторыхъ интересныхъ историческихъ и бытовыхъ данныхъ.

Баронъ де-Тоттъ былъ родомъ изъ Венгріи. Отецъ его былъ въ числѣ эмигрантовъ, которые покинувъ Венгрію съ кн. Ракоцци, нашли пріютъ въ турецкомъ г. Родосто, назначенномъ для ихъ мѣстопребыванія султаномъ. Баронъ Тоттъ—отецъ въ 1717 г. поступилъ во французскую службу, обязанности которой доставляли ему частые случаи видѣться съ своими соотечественниками, среди которыхъ онъ и умеръ въ 1757-мъ году въ г. Родосто. Баронъ Тоттъ, авторъ мемуаровъ, не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній о своей дѣятельности до 1755 г., когда онъ былъ отправленъ французскимъ правительствомъ, вмѣстѣ съ консуломъ г. де-Верженемъ, въ Константинополь для изученія турецкаго языка и знакомства со страной. Пробывши въ Турціи до 1763 г., баронъ Тоттъ возвратился во Францію, ища себѣ болѣе активной дѣятельности. Онъ надѣялся получить назначеніе при посольствѣ гдѣ-нибудь въ Германіи, но, по собственнымъ его словамъ, „иностранное происхожденіе, отсутствіе протекціи и 8 лѣтъ проведенныхъ въ Константинополѣ не обѣщали ему большаго успѣха въ Версали, при смѣнившемся министерствѣ, во главѣ котораго стоялъ Шуазель. Баронъ де-Тоттъ, благодаря своему знанію турецкаго языка и обычаевъ, былъ назначенъ резидентомъ при дворѣ крымскаго хана и въ 1767-мъ году снова выѣхалъ изъ Франціи. Онъ пробылъ въ Крыму почти 3 года, участвовалъ въ упомянутомъ выше нашествіи Крымъ-Гирея и по смерти послѣдняго въ 1769-мъ году отправился въ Константинополь. Тамъ онъ пережилъ всѣ перипетіи русско-турецкой войны и затѣмъ, считая себя достаточно знакомымъ съ нравами и общественнымъ строемъ турецкой жизни въ ея столицѣ, отправился на востокъ для знакомства съ болѣе отдаленными провинціями оттоманской имперіи. Онъ посѣтилъ сѣв. Африку, Еги-

петъ, острова Архипелага, Малую Азію, Сирію и Аравію и затѣмъ возвратившись во Францію, издалъ въ 1785-мъ году свои мемуары. Они состоятъ изъ 4-хъ частей. Первая содержитъ разсказъ о первомъ пребываніи барона Тотта въ Турціи; вторая—заключаетъ въ себѣ путешествіе барона въ Крымъ, наблюденія его надъ жизнью татаръ и разсказъ о походѣ на русскія области; 3-я—вторичное пребываніе въ Турціи и 4—поѣздку на востокъ.

Личность автора тѣсно связана съ его трудомъ: все, что онъ описываетъ, онъ самъ видѣлъ, пережилъ и передаетъ свои впечатлѣнія читателю. „Мемуары" поэтому довольно хорошо знакомятъ насъ съ личностью ихъ автора. Онъ былъ человѣкъ, очевидно, образованный, наблюдательный и склонный къ философскимъ обобщеніямъ явленій природы и жизни человѣческой, хотя иногда и поверхностнымъ. Ловкій придворный, веселый, остроумный собесѣдникъ и безвредный политикъ, баронъ де-Тоттъ умѣлъ быть пріятнымъ и жить въ полномъ ладу со всѣми, съ кѣмъ сводила его судьба. Всегда находчивый въ разныхъ житейскихъ случайностяхъ, онъ нерѣдко оказывалъ другимъ услуги, значеніе которыхъ самъ сознаетъ и очень часто не прочь преувеличить.

Баронъ де-Тоттъ съ симпатіей относится къ татарамъ и не смотря на многіе недостатки ихъ, находитъ и много здоровыхъ задатковъ въ ихъ общественномъ организмѣ. Это симпатичное отношеніе къ татарамъ выступаетъ особенно ясно при сравненіи ихъ съ турками, къ которымъ онъ относится крайне критически. Въ предисловіи къ своимъ мемуарамъ баронъ Тоттъ высказываетъ мнѣніе, что нравы и общественный строй складываются не только подъ дѣйствіемъ тѣхъ или другихъ условій природы на человѣка, но и подъ вліяніемъ чисто индивидуальныхъ особенностей, присущихъ каждому народу и указываетъ на тотъ фактъ, что одноплеменные народы, поселившись въ разныхъ мѣстностяхъ, раздѣленные другъ отъ друга громадными разстояніями, сохраняютъ и въ новыхъ условіяхъ жизни свои типическія черты. Исходя изъ этого убѣжденія, онъ находитъ въ общественномъ строѣ турецкаго государства неизлѣчимые недостатки, причины которыхъ коренятся въ нравахъ и обычаяхъ турокъ и развитію которыхъ съ своей стороны способствуетъ необузданный деспотизмъ.

Согласно заглавію своему „Мемуары“ и повѣствуютъ исключительно о жизни турокъ и татаръ; тѣ свѣдѣнія, которыя баронъ Тоттъ сообщаетъ о положеніи юга Россіи въ то время, являются случайными и скудными; они имѣютъ цѣну главнымъ образомъ потому, что русская литература очень небогата данными о нынѣшнемъ новороссійскомъ краѣ, а мемуары барона Тотта хотя отчасти способствуютъ пополненію этого пробѣла.

Балтское дѣло побудило султана развернуть знамя Магомета: русскій резидентъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ, а возстановленный на тронѣ татарскій ханъ Крымъ-Гирей позванъ въ Константинополь, чтобы тамъ совмѣстно съ его высочествомъ обсудить первыя военныя мѣры. Эти новости получены были въ Бахчисараѣ одновременно съ отрѣшеніемъ отъ престола Максулъ-Гирея. Тотъ-же посланный привезъ распоряженія новаго хана объ утвержденіи въ должности Каймакана и о назначеніи общаго торжественнаго собранія въ Каушанахъ въ Бессарабіи. Я поторопился отправиться туда и намѣревался выѣхать къ Дунаю на встрѣчу Крымъ-Гирею; но въ это время новый посланный хана передалъ мнѣ отъ его имени, что ханъ избавлялъ меня отъ этой формальности, ограничивая мое участіе въ церемоніалѣ обязанностью сопровождать его при въѣздѣ въ городъ. Къ этому присоединялось увѣреніе въ благосклонности и предложеніе позаботиться объ ужинѣ въ день его пріѣзда.

Начало показалось мнѣ очень любезнымъ, но ужинъ меня обезпокоилъ и я постарался получить на этотъ счетъ нѣкоторыя разъясненія отъ посланца, что оказалось не трудно. Это было довѣренное лицо. „Нашъ господинъ любитъ рыбу“, сказалъ онъ мнѣ; „онъ знаетъ, что вашъ поваръ приготовляетъ ее хорошо; тогда какъ его повара приправляютъ соусъ одной водой“. Съ меня было достаточно, чтобы знать вкусъ хана, и я распорядился, чтобы лучшая рыба изъ Днѣстра была приготовлена въ превосходномъ винѣ.

Ханъ долженъ былъ въѣхать въ городъ на другой день. Я выѣхалъ верхомъ на встрѣчу за два лье отъ города. Его сопровождала

многочисленная свита и пріемъ, который онъ мнѣ оказалъ, соотвѣтствовалъ вполнѣ предъидущимъ знакамъ благосклонности.

Крымъ-Гирею было около 60 лѣтъ; онъ отличался представительнымъ ростомъ, благородной осанкой, непринужденными манерами, величественной фигурой, живымъ взглядомъ и способностью принимать по желанію видъ кроткой доброты или внушительной строгости. По случаю войны за нимъ слѣдовало очень значительное число членовъ султанской (ханской) семьи, изъ которыхъ 7 были его сыновья. Мое вниманіе обратили особенно на втораго изъ нихъ, юное мужество котораго горѣло желаніемъ отличиться. Постояннымъ упражненіемъ своихъ силъ онъ достигъ того, что безъ труда могъ натягивать два лука одновременно; онъ занимался этимъ искусствомъ съ дѣтства. Когда ему едва минуло девять лѣтъ, отецъ, желая уколоть его самолюбіе, сказалъ какъ-то съ презрительнымъ видомъ мальчику, что прялка больше соотвѣтствовала-бы такому трусу. „Я трусъ?“ отвѣчалъ мальчикъ, блѣднѣя; „я никого не боюсь, даже васъ“, и съ этими словами онъ спустилъ стрѣлу, которая, къ счастью, попала въ панель, войдя вглубь на два пальца. Если подобная вспыльчивость соединяется съ обычной кротостью и высокимъ сыновнимъ уваженіемъ, то конечно эту вспышку нельзя приписать ни чему иному, какъ чрезмѣрной щекотливости чувства чести.

Все, что необходимо было для въѣзда и водворенія хана, ожидало его у воротъ города; онъ остановился здѣсь на минуту, чтобы одѣться въ палаткѣ, нарочно раскинутой для того. Въ шляпѣ, украшенной двумя плюмажами, усѣянными алмазами, съ лукомъ и колчаномъ черезъ плечо, предшествуемый гвардіей и многими лошадьми, которыхъ холки были украшены плюмажами, сопутствуемый знаменемъ пророка и всѣмъ своимъ дворомъ, ханъ въѣхалъ въ городъ и направился во дворецъ; тамъ, въ залѣ Дивана, сидя на тронѣ, онъ принималъ знаки покорности отъ всѣхъ вельможъ.

Эта церемонія длилась до ужина, заказаннаго мною и поданнаго моимъ поваромъ. Повара хана, предупрежденные объ этой конкуренціи, приложили все свое стараніе; но оно не могло бороться съ винными соусами. Дессертъ имѣлъ не меньшій успѣхъ и благодаря превосходству

французской кухни, я получилъ преимущество поставлять хану ежедневно 12 блюдъ къ каждому его столу.

Крымъ-Гирей имѣлъ слабость не только къ хорошему столу: всѣ удовольствія пользовались у него правомъ гражданства. Значительный оркестръ, труппа комедіантовъ и гаеровъ состояла у него на жалованьи; эти разнообразныя удовольствія наполняли его вечера; среди нихъ онъ отдыхалъ отъ политическихъ дѣлъ и военныхъ приготовленій, которыми былъ занятъ въ теченіи дня.

Дѣятельная натура хана поспѣвала всюду; она дѣлала его такимъ-же требовательнымъ относительно другихъ, и я смѣю сказать, что онъ, казалось, былъ доволенъ мною. Я пользовался его довѣріемъ, принималъ участіе въ его удовольствіяхъ; особенно занимала меня интересная и разнообразная картина, какую представлялъ изъ себя дворъ.

Каушаны стали центромъ Татаріи: отсюда исходили всѣ распоряженія, сюда стекались со всѣхъ сторонъ; толпа придворныхъ увеличивалась съ каждымъ днемъ; новые министры, которыхъ я знавалъ въ Крыму, замѣтивъ особую благосклонность хана ко мнѣ, избрали меня ходатаемъ объ одной милости, которой они не рѣшались просить у него. Опытъ его перваго царствованія показалъ имъ, какъ необходимо было удержать первое проявленіе жестокости: сначала оно было противно натурѣ хана, но послѣ перваго шага можно было опасаться, что онъ уже не остановится. Несчастный татаринъ, уличенный въ нарушеніи нѣкоторыхъ слишкомъ строгихъ правилъ, былъ приговоренъ ханомъ къ смерти. Его готовились вести на казнь въ тотъ моментъ, когда я прибылъ во дворецъ. Нѣсколько султановъ окружили меня, объяснили, въ чемъ дѣло, и просили предохранить татарскій народъ отъ послѣдствій этого факта. Я вошелъ къ Крымъ-Гирею; онъ былъ еще взволнованъ тѣмъ усиліемъ надъ самимъ собой, котораго стоилъ произнесенный имъ приговоръ. Я приблизился къ нему и наклонившись, чтобы поцѣловать его руку, чего я никогда не дѣлалъ раньше, удержалъ ее въ своей рукѣ, несмотря на движеніе, которымъ онъ хотѣлъ освободиться.

— Чего вы хотите?—спросилъ онъ меня съ нѣкоторой строгостью.

— Милости виновному,—отвѣчалъ я.

— Какое участіе, возразилъ онъ, можете вы принимать въ этомъ несчастномъ?

— Никакого, сказалъ я; человѣкъ, который васъ ослушался, не можетъ возбуждать моего участія: о васъ одномъ забочусь я теперь. Ставши слишкомъ строгимъ на одинъ моментъ, вы могли-бы сдѣлаться вскорѣ жестокимъ; а вамъ незачѣмъ переставать быть добрымъ, чтобы внушать постоянно и страхъ, и уваженіе.

Онъ улыбнулся, далъ мнѣ поцѣловать свою руку и объявилъ отъ его имени оказанную мнѣ милость.

Радость, возбужденная этимъ извѣстіемъ, была поддержана новой турецкой комедіей, довольно шуточнаго рода. Крымъ-Гирей во время представленія предлагалъ мнѣ много вопросовъ на счетъ комедіи Мольера, о которомъ онъ много слышалъ: все, что я разсказалъ, о благопристойности, соблюдаемой на нашихъ сценахъ, внушило ему отвращеніе къ шутовскимъ выходкамъ, къ которымъ прибѣгаютъ еще турки. Онъ почувствовалъ преимущество Тартюффа предъ Пурсоньякомъ, но не могъ никакъ допустить, чтобы общество, гдѣ законы твердо и неизмѣнно опредѣлили положеніе разныхъ сословій, могло дать сюжетъ Bourgeois-Gentilhomme. Я предпочелъ оставить его въ увѣренности, что Мольеръ не правъ, чѣмъ оправдывать поэта, представляя картину нашей общественной безурядицы. „Но если никто, сказалъ ханъ, не можетъ обмануть другаго насчетъ своего происхожденія, то легко обморочить насчетъ характера. Всѣ страны имѣютъ своихъ тартюффовъ, есть они и среди татаръ, и я-бы очень желалъ, чтобы вы мнѣ доставили переводъ этой ньесы“.

Въ то время, когда наше воображеніе было занято такими мирными проэктами, посланный отъ польскихъ конфедератовъ прибылъ въ Каушаны, чтобы разсчитать съ ханомъ открытіе кампаніи. Ханъ обѣщалъ султану начать съ набѣга на Новую Сербію, отъ котораго могла пострадать и польская Украйна; это обстоятельство требовало нѣкоторыхъ предварительныхъ переговоровъ, для которыхъ полномочія польскаго посланника оказались недостаточными. Между тѣмъ время не терпѣло и Крымъ-Гирей пожелалъ, чтобы я отправился къ Хотину, чтобы заключить переговоры съ шефами конфедераціи, которые тамъ

пріютились. Но какъ ни лестно было для меня довѣріе хана, я не считалъ возможнымъ принять это порученіе на себя одного. Мнѣ тотчасъ назначенъ былъ колега-татаринъ, облеченный какъ и я, всѣми полномочіями. Наше посольство требовало больше быстроты, чѣмъ пышности, и на другой день мы ночевали въ Молдавіи. Здѣсь войнѣ предшествовала картина полнаго разоренія; оно было слѣдствіемъ единственно ужаса, внушеннаго жителямъ вторженіемъ нѣсколькихъ войскъ. Опустѣніе деревень и прекращеніе всякихъ занятій не обѣщали, безъ сомнѣнія, турецкой арміи того изобилія съѣстныхъ припасовъ, которое она, естественно, надѣялась имѣть по близости Дуная; но эти размышленія, которыми я занималъ своего спутника, интересовали его безконечно меньше, чѣмъ настоящіе недостатки, которые намъ предстояло перенести до пріѣзда въ Данковчу. Графы Красинскій и Потоцкій встрѣтили тамъ насъ со всѣмъ уваженіемъ, какого заслуживалъ государь, представителями котораго являлись мы; но что больше всего нравилось татарскому посланнику—это хорошее токайское вино, которымъ его угостили. Я привезъ его въ своей каретѣ; но высокое сидѣніе казалось ему неудобнымъ и онъ пожелалъ возвращаться въ турецкой повозкѣ, гдѣ онъ могъ улечься, какъ можно удобнѣе. Я поспѣшилъ удовлетворить желаніе этого человѣка, котораго и преклонныя лѣта и обходительный характеръ были равно интересны. На другой повозкѣ были наши пожитки и нѣсколько слугъ. Мы пустились въ обратный путь по дорогѣ, которую намъ рекомендовали, какъ лучшую, хотя и нѣсколько болѣе длинную. Послѣ обильно выпавшаго снѣга наступилъ холодъ довольно чувствительный: нужно было воспользоваться этимъ, чтобы переѣхать Прутъ въ бродъ раньше, чѣмъ наступитъ малѣйшая оттепель, а вмѣстѣ съ нею и прибыль воды. Сопутствуемые проводникомъ мы достигли берега этой рѣки, по теченію которой быстро неслись льдины. Не зная глубины рѣки, я боялся силы ея теченія, но проводникъ разувѣрилъ меня и моя карета открыла шествіе. Она была запряжена 6 хорошими лошадьми и достаточно тяжеловѣсна, чтобы устоять противъ теченія; дѣйствительно, она очень счастливо достигла другаго берега. Я поспѣшилъ выйти изъ нея, чтобы видѣть переправу двухъ повозокъ, легковѣсность которыхъ меня очень безпокоила. Едва

успѣли онѣ проѣхать треть рѣки, какъ вода стала ихъ подымать. Я закричалъ, чтобы ихъ остановили, но ямщики, не слушая меня, понукаютъ лошадей, оба экипажа опрокидываются и тотчасъ-же рѣка уноситъ, въ перемежку съ льдинами, всѣ остатки этого кораблекрушенія. Я бѣгу къ своему ямщику, чтобы приказать ему отпречь лошадей и вести ихъ на помощь татарскому посланнику и моимъ слугамъ, и нахожу его на землѣ, почти замерзшимъ; я тащу его къ ближайшему рву и оставляю тамъ, зарытаго въ снѣгъ. Мой проводникъ тѣмъ временемъ направился по теченію рѣки къ мельницѣ, гдѣ криками своими привлекъ вниманіе мельниковъ. Я прибылъ туда-же и засталъ уже за дѣломъ: они вытаскивали баграми тѣхъ, кто очутился подъ водой. Но я напрасно искалъ моего стараго колегу и предавался чувству самой горестной безнадежности насчетъ его судьбы, какъ вдругъ услышалъ его голосъ, просящій меня успокоиться и увидѣлъ среди льдинъ одну его голову, выглядывающую изъ дверцы экипажа, самъ онъ опирался только на льдины, откуда малѣйшимъ усиліемъ его могло увлечь. Наконецъ я былъ такъ счастливъ, что могъ оказать ему помощь и собрать всѣхъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе; мнѣ нужно было еще предохранить ихъ отъ опасности замерзнуть. Въ самомъ дѣлѣ морозъ такъ охватилъ ихъ платье, что ихъ невозможно было раздѣть до тѣхъ поръ, пока они не оттаяли у разведеннаго очага. Когда я удостовѣрился, что они могутъ уже обойтись помощью однихъ мельниковъ, я побѣжалъ съ проводникомъ за своимъ ямщикомъ: снѣгъ вылечилъ его. Мы застали его старающимся выбраться изъ ямы, куда я его стащилъ. На мельницѣ у очага онъ совсѣмъ пришелъ въ себя; войдя туда, я былъ пріятно пораженъ при видѣ всего своего экипажа, спасеннаго изъ воды. Я постарался оказать имъ всякую помощь, которая еще была необходима, и скоро мнѣ оставалось только умиляться чувствительности своего колеги, который, забывши опасность, какой онъ едва избѣжалъ, говорилъ только о моемъ безпокойствѣ. Необходимо было время, чтобы высушить платья, исправить возки, запастись провизіей, а потому мы могли выѣхать только на другой день. До сихъ поръ я не могъ похвалиться своимъ новымъ путешествіемъ и дурныя дороги, по которымъ намъ приходилось ѣхать, сдѣлали-бы его для меня окончательно невы-

носимымъ, если-бы не надежда добраться скоро до Botouchar. Этотъ городъ, одинъ изъ самыхъ значительныхъ въ Молдавіи, мнѣ рекомендовали, какъ обѣтованную землю, гдѣ я могу сдѣлать дорожные запасы на весь остальной путь. Было еще свѣтло, когда мы пріѣхали туда: но мы нашли его совершенно опустѣлымъ, отворенные-же дома дали намъ возможность войти въ одинъ изъ нихъ, который былъ лучше съ виду и принадлежалъ, по словамъ моего проводника, боярину. Это положеніе представляло мало утѣшительнаго; но мой проводникъ отправился заявить о томъ, что мнѣ было необходимо, къ настоятелю сосѣдняго монастыря. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ его возвращенія, какъ вдругъ во дворъ въѣхала карета, запряженная шестью лошадьми. Это былъ хозяинъ дома: войдя къ намъ, онъ сказалъ, что узнавши отъ моего эмиссара объ избранномъ мною мѣстопребываніи, онъ явился лично, чтобы не доставить возможности кому-другому удовлетворить всѣ мои нужды. Такое почетное начало оживило наши надежды и провизія не заставила себя ждать. Какъ ни былъ важенъ съ виду мой хозяинъ, но изъ бесѣды съ нимъ я увидѣлъ, что онъ не былъ главой и что поддаваясь, по слабости характера, всѣмъ вліяніямъ, онъ соглашался обыкновенно съ тѣмъ, кто говорилъ съ нимъ послѣдній. Потому-то мнѣ легко было убѣдить его въ опасности, угрожавшей боярамъ, которые не противодѣйствовали бѣгству жителей, и даже сами санкціонировали его своимъ примѣромъ. Онъ только что разсказалъ мнѣ, что всѣ жители города, въ числѣ 7 или 8 тысячъ, испуганные разбоемъ и мародерствомъ нѣкоторыхъ сипаевъ, пріютились въ томъ монастырѣ, куда я посылалъ, что многіе бояре, такіе-же боязливые, какъ большинство, поддерживали этотъ безпорядокъ, не предвидя его послѣдствій. „Я былъ въ числѣ ихъ, вы меня убѣдили,—окажите ту-же услугу моимъ товарищамъ“.

Удовольствіе при мысли возвратить этихъ несчастныхъ въ ихъ дома, которымъ не угрожала никакая бѣда, заставило меня забыть объ опасности подобной благой попытки. Я оставилъ своего хозяина ночевать; мой путь лежалъ мимо воротъ монастыря; крики женщинъ, дѣтей, хаосъ отъ множества столпившихся людей и картина нищеты кругомъ, привели меня окончательно къ рѣшенію послѣдовать за бояриномъ.

Онъ помогъ мнѣ проникнуть сквозь толпу къ террасѣ: здѣсь меня встрѣтили его товарищи и повели въ залу, гдѣ они вели свои совѣщанія. Я произвелъ такое впечатлѣніе на своего хозяина, что онъ, все еще подъ вліяніемъ моимъ, попытался обратить своихъ товарищей; но въ самомъ началѣ былъ прерванъ упреками, посыпавшимися на него и убѣдившими, меня въ томъ, что этотъ человѣкъ не былъ вожакомъ партіи. Я рѣшился пустить въ ходъ свое краснорѣчіе, но скоро увидѣлъ, что оно не имѣетъ успѣха: настроеніе моей аудиторіи было бурное, смятеніе парализовало дѣйствіе того спокойствія, которое я хотѣлъ водворить. Тогда я прибѣгнулъ къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ. Паническій страхъ вызвалъ безпорядокъ, страхъ болѣе реальный одинъ лишь могъ явиться дѣйствительнымъ лекарствомъ. Я перемѣнилъ тонъ, грозилъ пожаловаться хану и настоять на томъ, чтобъ онъ снарядилъ скорый судъ. Я извинялъ народъ, который даетъ вести себя; я обвинялъ въ бунтѣ тѣхъ, кто меня слушалъ, и—увидѣлъ передъ собой покорныхъ и дрожащихъ людей. „Говорите вы этой испуганной толпѣ", сказалъ самый буйный изъ бояръ: вы убѣдите ее скорѣе, чѣмъ мы сами; она васъ благословитъ, и вы, не обвиняя насъ, засвидѣтельствуете наше усердіе". Я долго упорствовалъ и никогда не принялъ-бы на себя той опасной роли, какую мнѣ предлагали, если-бы выйдя на террассу, на обратномъ пути не увидѣлъ невозможности пройти черезъ толпу, которая со времени моего прихода была въ сильномъ безпокойствѣ. „Говорите къ этимъ несчастнымъ", повторяетъ мнѣ тотъ-же бояринъ, подвигаясь къ краю крыльца, конечно, чтобъ быть мнѣ товарищемъ на этой новой трибунѣ. Три янычара, вооруженные съ ногъ до головы, находились тутъ-же со всею магометанской спѣсью своей. Они имѣли важный и покровительственный видъ; будучи принужденъ положить конецъ всей этой исторіи, я подумалъ, что лучше всего будетъ начать съ этихъ храбрецовъ, чтобы поразить остальную толпу.

— Что вы дѣлаете здѣсь? спросилъ я ихъ суровымъ тономъ.

— Мы защищаемъ этихъ невѣрныхъ.

— Вы ихъ защищаете, возразилъ я; противъ кого-же? Гдѣ-же ихъ враги? Быть можетъ это его высочество или ханъ татаръ? Въ такомъ случаѣ вы бунтовщики и виновники того безпорядка, который царитъ вокругъ васъ. Будьте увѣрены, что вы подвергнетесь наказанію.

Не успѣлъ я кончить этого короткаго замѣчанія, какъ гордость моихъ турокъ уступила мѣсто страху: они поднялись со своихъ мѣстъ, во время моей рѣчи, а теперь, оправдываясь, спустились со ступеней. Эта первая удача привлекла вниманіе толпы, молчаніе которой показалось мнѣ добрымъ знакомъ. Я подвинулся ближе и возвысивъ голосъ, говоря по гречески, былъ уже близокъ къ успѣху Демосѳена, какъ вдругъ какой-то пьяница расталкиваетъ толпу и, принявъ на себя видъ бойца-противника, обращается ко мнѣ съ такою дерзкой рѣчью: „что вы намъ говорите о покорности, о спокойствіи, о хозяйствѣ, когда мы умираемъ съ голоду? Дайте намъ хлѣба“, вскричалъ онъ въ ярости, „вотъ что намъ нужно“. Видя все зданіе моего краснорѣчія опрокинутымъ и не имѣя никакой возможности выйти изъ того положенія, на которое я такъ неблагоразумно рискнулъ, я вынулъ изъ кармана двѣ пригоршни серебряныхъ монетъ разной цѣны и, бросивши ихъ толпѣ, воскликнулъ: „возьмите, ребята, вотъ вамъ хлѣбъ, возвратитесь къ вашимъ жилищамъ, вы въ нихъ найдете довольство“. Сцена моментально измѣняется: всѣ бросаются собирать монеты, пьяница исчезаетъ подъ напоромъ толпящихся, оскорбленія уступаютъ мѣсто благословленіямъ; поспѣшность, съ которою я старался удалиться, была равна тому легкомысленному рвенію, которое меня привело сюда. Мой уходъ сопровождался всѣми военными почестями и я достигъ своей кареты среди рукоплесканій разступившагося передо мной народа, который на другой-же день возвратился въ свои жилища.

Мой спутникъ, ожидавшій меня у воротъ того монастыря, гдѣ я разглагольствовалъ, не былъ спокоенъ насчетъ послѣдствій моей опрометчивости. Оба мы были рады другъ другу и продолжали свой путь, тщательно распредѣляя каждый день съѣстные припасы, которыми снабдилъ насъ бояринъ. Деревни, которыя намъ приходилось проѣзжать, были разорены, какъ вся Молдавія, и мы едва могли найти въ нихъ ночлегъ. Валахія испытала то-же опустоженіе со стороны нѣсколькихъ турецкихъ отрядовъ, которые были предназначены для соединенія съ ханомъ, и которые въ дѣйствительности занимались однимъ лишь разореніемъ своего-же госунарства. Не было такой гнусности, которой-бы не совершили эти турки, подобно тѣмъ необузданнымъ солдатамъ, ко-

торые при разграбленіи города, недовольные тѣмъ, что могутъ располагать всѣмъ по своей волѣ, претендуютъ еще на самыя нежелательныя преимущества.

Нѣкоторые сипаи направили свои посягательства даже на тякихъ лицъ, какъ старый раввинъ синагоги и греческій архіепископъ.

Мы прибыли наконецъ въ Кишиневъ, истомленные усталостью и печальнымъ существованіемъ на діэтѣ, но губернаторъ заставилъ насъ забыть все, приготовивши намъ прекрасный ужинъ и ночлегъ. Оставалось не болѣе 12-ти миль пути и я располагалъ выѣхать раннимъ утромъ; но когда я проснулся, мнѣ сказали, что это невозможно. Послѣ страшнаго холода наканунѣ, ночью выпало такъ много снѣгу, что путь черезъ горы, которыя намъ надо было переѣзжать, становился немыслимымъ для ѣзды на колесахъ. Я однако-же нисколько не былъ расположенъ уступать препятствіямъ, будто нарочно соединившимся для того, чтобы задерживать мое возвращеніе; но мой старикъ татаринъ, менѣе активный и сильнѣе уставшій, остался присматривать за экипажами. Я уѣхалъ саньми. Благодаря быстротѣ такого рода ѣзды, я вскорѣ былъ въ равнинахъ Каушанъ. Новыя препятствія ожидали меня здѣсь. Безснѣжіе въ соединеніи съ совершеннѣйшей оттепелью задержали-бы меня, если-бы я не встрѣтилъ возокъ, который былъ мнѣ очень пригоденъ. Но нужно было употребить нѣкоторое насиліе, чтобы заставить хозяина его быть нашимъ проводникомъ. Я взобрался на этотъ возокъ вмѣстѣ со своимъ секретаремъ и мы уже радовались тому, что избѣжали необходимости идти пѣшкомъ, какъ вдругъ одно изъ колесъ сломалось и мы должны были покориться своей участи, хотя путешествіе пѣшкомъ очень мало соотвѣтствовало достоинству посланника татаръ. Я не ждалъ своего товарища, который пріѣхалъ нѣсколькими днями позже.

По пріѣздѣ я имѣлъ свиданіе съ ханомъ. Этому послѣднему сообщили уже, какъ я возвратился въ Каушаны, и онъ, увидѣвши меня, началъ съ того, что посмѣялся надъ скромностью своего уполномоченнаго. Все, что я разсказалъ о Молдавіи, показалось ему настолько важнымъ, что, извѣстивши Порту объ этихъ бѣдствіяхъ, онъ тотчасъ принялъ мѣры пособить имъ. Разсуждая о мотивахъ, вызвавшихъ эти

бѣдствія, Крымъ-Гирей высказалъ мнѣ свое мнѣніе о великомъ визирѣ Эминъ-пашѣ. Этотъ турокъ началъ свою карьеру приказчикомъ; достигши потомъ должности писца въ казначействѣ, онъ быстро возвысился до самыхъ высшихъ званій въ государствѣ посредствомъ своихъ интригъ. Его дерзкая самонадѣянность заставила его стремиться къ званію визиря, когда была объявлена война, а его невѣжество скоро заставило султана раскаяться въ дурномъ выборѣ: эти недостатки великаго визиря не ускользнули отъ наблюдательности хана; онъ громко высказывался о нихъ и заботился только о средствахъ предохранить оттоманскую имперію отъ послѣдствій безпутства и глупости ея перваго министра.

Набѣгъ на Новую Сербію, рѣшенный въ Константинополѣ, былъ принятъ въ собраніи знатныхъ татарскихъ вассаловъ и по всѣмъ провинціямъ отданы были распоряженія о призывѣ къ воинской повинности. Требовалось по три всадника съ каждыхъ восьми семействъ; это число считалось достаточнымъ для образованія 3-хъ армій, которыя должны были напасть одновременно: арміи Нурадина въ 40,000 человѣкъ было сказано идти къ Донцу, армія Калги въ 60,000 человѣкъ должна была слѣдовать по лѣвому берегу Днѣпра, къ Орели, а стотысячная армія, подъ личнымъ предводительствомъ хана, назначена была проникнуть въ Новую Сербію. Войска едисанской и буджакской орды были преимущественно назначены въ эту послѣднюю армію, сборный пунктъ которой былъ назначенъ близъ Томбашара.

Сообщая мнѣ всѣ эти подробности, Крымъ-Гирей спросилъ меня, намѣренъ-ли я сопровождать его въ этой экспедиціи: я ему отвѣчалъ, что мое званіе резидента отъ имени государя Франціи, обязывая меня быть неотлучно при особѣ хана, отнимало у меня возможность выбора. „Титулъ, водворившій васъ при мнѣ“, возразилъ онъ, „заставляетъ меня удержать васъ. Мы будемъ испытывать сильные холода, въ своемъ платьѣ вы ихъ не вынесете; одѣньтесь по-татарски; время дорого, мы выступимъ чрезъ 8 дней“. Я тотчасъ всталъ, чтобы распорядиться на счетъ своей дорожной обмундировки; когда я выходилъ изъ покоевъ хана, ко мнѣ подошелъ церемоніймейстеръ въ сопровожденіи двухъ пажей, и надѣлъ на меня превосходную шубу изъ мѣха бѣлаго лапландскаго волка. Я возвратился поблагодарить хана за оказанную мнѣ

честь. „Это я вамъ далъ татарскій домъ“, сказалъ онъ мнѣ, смѣясь; у меня такой-же, и я хочу, чтобъ мы были въ одинаковомъ мундирѣ“.

Придворный конюшій въ тотъ-же день прислалъ мнѣ десять черкесскихъ лошадей, убѣждая меня отъ имени своего повелителя не брать въ походъ моихъ арабскихъ, которыя не могли-бы вынести ни холода, ни голода; но худоба этихъ лошадей не возбуждала моего довѣрія и я рѣшилъ не слѣдовать данному мнѣ совѣту.

Въ то время, какъ готовилась моя татарская одежда, я обзавелся 3-мя дромадерами, и распорядился на счетъ палатокъ, которыя мнѣ были необходимы. Устройство ихъ столь-же простое, какъ легкое, заслуживаетъ описанія. Привыкши жить лагеремъ, татары, конечно, должны были изощриться въ этомъ искусствѣ. Всѣ ихъ идеи сосредоточились на одномъ предметѣ, ставшемъ ихъ первой необходимостью. Нація, никогда не знавшая комфорта лѣности, должна была обратить всѣ свои заботы и всѣ старанія на то, что касается тѣлесныхъ упражненій, охоты и блеска военной обстановки. Татары въ своихъ досугахъ ищутъ только отдыха; они домосѣды безъ изнѣженности и ихъ военные лагери совершенно похожи на ихъ обычныя жилища.

Рѣшетка, легко свертывающаяся и развертывающаяся, образуетъ круглую стѣну фута въ 4 съ половиной вышины; двѣ конечности этого трельяжа, удаленныя одна отъ другой фута на два, обозначаютъ входъ въ палатку; затѣмъ около 20 палочекъ, соединенныхъ съ одного конца и на другомъ концѣ которыхъ находится небольшое кожаное кольцо для прикрѣпленія къ перекладинамъ рѣшетки, составляютъ срубъ зданія и поддерживаютъ кровлю; она состоитъ изъ войлочнаго капюшона, котораго объемъ покрываетъ и стѣны, обитыя той-же матеріей; широкій ремень охватываетъ эту покрышку, а нѣсколько лопатъ земли или снѣга, облегающіе основаніе стѣнъ, не допускаютъ воздуху проникать сюда и укрѣпляютъ отлично эти палатки, безъ помощи всякихъ шестовъ и веревокъ.

Самая изысканная утонченность заключается въ томъ, что верхъ палатки дѣлается въ формѣ усѣченнаго конуса, съ отверстіемъ внутри, которое въ видѣ круга соединяетъ перекладины, служитъ проходомъ для дыма, даетъ возможность разводить огонь въ палаткѣ и дѣлаетъ

внутренность ея нечувствительной ко всякаго рода перемѣнамъ самаго суроваго климата.

Такова была и палатка хана, но размѣры ея были такъ велики, что 60 человѣкъ могли свободно помѣщаться въ ней вокругъ очага. Внутри она была обита красной матеріей, меблирована круглымъ ковромъ и нѣсколькими подушками. Двѣнадцать меньшихъ палатокъ, назначенныхъ для офицеровъ и пажей, располагались вокругъ ханской и обводились оградой изъ войлока, футовъ 5 вышиной.

Все было готово къ выступленію въ походъ: войска бессарабскія, стоявшія въ Кишлѣ подъ предводительствомъ султана-сераскира, ожидали знака къ отправленію.

7-го января 1769 г. Крымъ-Гирей выѣхалъ изъ Каушанъ со своей гвардіей, съ султанами, которые его сопровождали, министрами, офицерами высшихъ чиновъ и мирзами-волонтерами. Этотъ первый день весь былъ употребленъ только на переправу черезъ Днѣстръ. Съ этой цѣлью устроено было восемь паромовъ, на которыхъ наканунѣ переправили весь багажъ. На другомъ берегу были уже раскинуты палатки. Первымъ дѣломъ хана было спросить, гдѣ расположился я, и находя, что мои палатки слишкомъ далеки отъ его ограды, онъ распорядился, чтобы на будущее время онѣ ставились ближе. Онъ потребовалъ также, чтобы я не дѣлалъ никакихъ запасовъ и взялъ на себя заботу о моемъ столѣ во все время похода. 8-го января весь день переправлялись бессарабскія войска.

Вечеромъ я былъ въ палаткѣ хана въ обществѣ нѣсколькихъ вельможъ, когда визирь доложилъ хану, что прибылъ лезгинскій князь, братъ того, который былъ главой этихъ азіатскихъ татаръ. Онъ явился въ качествѣ посланника, чтобы привѣтствовать хана и предложить ему помощь въ тридцать тысячъ человѣкъ для предстоящей войны. Я имѣлъ удовольствіе присутствовать при его аудіенціи. Въ короткой рѣчи, сказанной съ достоинствомъ, лезгинскій князь изложилъ сущность своей миссіи. Отвѣтъ хана, въ которомъ онъ, принимая привѣтствіе, отказывался отъ помощи, обличалъ въ одно и то-же время и достоинство повелителя, и самолюбіе полководца. Посланникъ настаивалъ и наконецъ получилъ позволеніе принять участіе въ походѣ.

Если-бы можно было судить о націи по этому князю и лицамъ, его сопровождавшимъ, то о лезгинахъ можно было-бы составить самое лестное понятіе. Представители ихъ были высокаго роста, хорошо сложены, съ воинственнымъ видомъ, съ свободной осанкой. Я замѣтилъ, что ихъ ружья, имѣвшія европейскій видъ, были сдѣланы превосходно; ссылаясь на свидѣтельство хана, я могу сказать, что отрядъ этотъ даетъ вѣрное понятіе объ общемъ видѣ лезгинскаго войска. Я имѣю основаніе думать также, что ханъ не отказался-бы отъ предложенія помощи со стороны этого народа, если-бы родина лезгинъ, лежащая на берегу Каспійскаго моря, могла быть внѣ опасности со стороны Кабарды.

Холода, которые, не смотря на обильно выпавшіе снѣга, не сковали до сихъ поръ Борисфена, вскорѣ стали настолько сильны, что татарскія войска, стоявшія на другомъ берегу, могли переходить по льду. Въ ожиданіи ихъ мы стали лагеремъ близъ Томбашара. Я проводилъ вечера съ Крымъ-Гиреемъ; его сужденія, зачастую новыя, были всегда возвышенны и выражались въ самой оригинальной формѣ. Онъ имѣлъ существенную потребность давать просторъ своему уму, чему не могло удовлетворить общество его фаворитовъ. Наши бесѣды вмѣстѣ съ тѣмъ были единственнымъ средствомъ, способнымъ разсѣять припадки ипохондріи, которымъ онъ былъ подверженъ. Особенно нравилось ему разсуждать о предразсудкахъ, которые руководятъ различными націями; его интересовало доискиваться самыхъ источниковъ этихъ предразсудковъ, которымъ онъ приписывалъ всѣ заблужденія и даже большую часть преступленій; и, жалѣя человѣчество, Крымъ-Гирей находилъ философское удовольствіе тѣмъ самымъ оправдывать его. Я долженъ отдать справедливость талантамъ и уму этого государя: я слышалъ много разъ, какъ онъ высказывался о вліяніи климата, объ излишествахъ и преимуществахъ свободы, о принципахъ чести, о законахъ и правилахъ управленія и его идеи сдѣлали-бы честь самому Монтескье.

Большая часть войска была уже собрана и вслѣдствіе того, что въ Балтѣ были заготовлены запасы провизіи для арміи, ханъ рѣшился направить путь туда. Г. Балта, расположенный на границѣ съ Польшей и ознаменованный первыми враждебными дѣйствіями, былъ въ это

время покинутъ жителями и представлялъ картину самаго ужаснаго опустошенія. Десять тысячъ сипаевъ, посланныхъ Портой для соединенія съ татарскимъ войскомъ, пришли сюда раньше насъ и не только разорили самую Балту, но и сожгли всѣ сосѣднія деревни. Крымъ-Гирей съ сожалѣніемъ велъ войска такъ мало дисциплинированныя: онъ сомнѣвался въ ихъ мужествѣ, о которомъ турецкій повелитель напротивъ того былъ самаго высокаго мнѣнія. Эта конница, свыкшаяся съ пріятнымъ спокойствіемъ и бездѣльемъ долгаго мира, не умѣющая бороться съ усталостью и холодомъ, къ тому-же и слишкомъ плохо одѣтая, чтобы выносить его, дѣйствительно, не имѣла значенія. Мужество сипаевъ казалось хану не менѣе подозрительнымъ, чѣмъ ихъ религіозные принципы. Въ самомъ дѣлѣ, не знаешь, чему отдаютъ предпочтеніе эти арнаутскіе тимаріоты—Корану или Евангелію [1]). Какъ-то вечеромъ, одѣтый по-татарски, возвращаясь отъ хана къ себѣ, я проходилъ по балтской площади; два запоздавшихъ сипая шли передо мной: они говорили по-гречески и проклиная свое положеніе, клялись святымъ крестомъ взбунтоваться при первомъ удобномъ случаѣ. Тотчасъ-же, уступая желанію выяснить себѣ это противорѣчіе, я удвоилъ шаги и нагнавши сипаевъ, привѣтствовалъ ихъ по-магометански, на что они отвѣтили мнѣ, какъ истые турки. Тогда я сказалъ имъ по-гречески: „прощайте, братцы, мы съ вами одинаковые турки“. Понятно, что послѣ такого „прощайте“ мы не разстались. Восхищенные мною сипаи удивлялись только, какъ могъ христіанинъ стать татариномъ; не желая, чтобы меня узнали, я сочинилъ исторію. Они увѣряли меня, что они мусульмане исключительно изъ-за тимара: это было все, что я хотѣлъ знать.

Армія была собрана, а холода настолько усилились, что давали татарамъ полную возможность проникнуть въ Новую-Сербію. Только что пришла вѣсть, что армія Калги подымалась къ Самарѣ, армія Нурадина тоже была въ пути. Крымъ-Гирей, провѣривши свой планъ

---

[1]) Тимаріотами называются владѣльцы турецкихъ леновъ, обязанные воинской повинностью; тимары или ленныя земли даются преимущественно сипаямъ, которые составляютъ турецкую кавалерію.

согласно съ новыми свѣдѣніями, отправился изъ Балты на Ольмаръ, близъ котораго мы расположились лагеремъ. Это мѣстечко, находящееся въ татарскихъ владѣніяхъ, было отчасти уже сожжено сипаями, которые докончили истребленіе его на глазахъ самаго хана. Кромѣ того они имѣли дерзость явиться толпой къ Крымъ-Гирею, требуя ячменя для своихъ лошадей, тогда какъ лошади его и всего войска принуждены были отыскивать себѣ траву подъ снѣгомъ. Негодованіе хана едва не выразилось самымъ жестокимъ образомъ, но онъ сдержалъ себя и ограничился предсказаніемъ, что холодъ и нищета скоро принудятъ этихъ дерзкихъ къ полнѣйшей покорности.

До сихъ поръ я столовался у хана; наши припасы были всегда свѣжи и я не могъ судить о томъ, что предстоитъ намъ въ теченіи похода; но недостатокъ провизіи сказался въ томъ чисто военномъ завтракѣ, который намъ приготовленъ былъ въ Ольмарѣ. Я ждалъ завтрака этого спокойно, но не безъ аппетита; мундшенки накрыли столъ: они поставили круглый подносъ изъ русской кожи; два мѣшка сопровождали этотъ подносъ, изъ нихъ вынули прекрасные сухари и копченые лошадиные окороки, возбудившіе неизсякаемыя похвалы. Икра и изюмъ, слѣдовавшіе затѣмъ, дополнили пиръ. „Какъ вы находите татарскую кухню“? спросилъ меня Крымъ-Гирей, смѣясь. „Страшной для вашихъ враговъ“, отвѣтилъ я. Онъ сказалъ что-то тихо своему пажу и тотъ подалъ мнѣ, минуту спустя, золотой кубокъ, изъ котораго всегда пилъ ханъ. „Попробуйте еще моего напитка“ сказалъ Крымъ-Гирей. Это было превосходное венгерское вино, которымъ онъ и угощалъ меня съ тѣхъ поръ во все время похода.

Въ слѣдующіе дни армія двигалась въ направленіи къ Бугу; мы перешли его по льду и остановились лагеремъ. Это была первая наша стоянка въ запорожскихъ степяхъ. Не смотря на данный мнѣ совѣтъ, у меня, въ числѣ другихъ лошадей, былъ и мой арабскій конь; истощенный усталостью, голодомъ и холодомъ, онъ послѣ переправы черезъ рѣку упалъ почти мертвый. Животное еще едва дышало, когда нѣсколько ногайцевъ пришли меня просить, чтобы я подарилъ имъ его. „Что-же вы станете дѣлать съ издохшей лошадью“? спросилъ я ихъ. „Она еще не издохла, сказалъ одинъ изъ ногайцевъ, и мы

успѣемъ убить ее и съѣсть, тѣмъ больше, что мясо бѣлой лошади самое нѣжное". Я уступилъ безъ труда этой просьбѣ, но не ручаюсь, поспѣли-ли они во-время, чтобы съ надлежащей точностью исполнить мусульманскій законъ.

Между тѣмъ холодъ такъ усилился, а равнины, которыми мы шли, предварительно выжженныя, давали такъ мало корму, что, перейдя р. Мертвыя воды, рѣшено было идти берегомъ этой рѣки и стать лагеремъ въ камышахъ, открытыхъ нашими патрулями. Намъ необходима была стоянка, чтобы погрѣться и покормить лошадей; но турецкая кавалерія, которая, вѣроятно, думала вести войну только съ польскими деревнями и не запаслась ни палатками, ни провіантомъ, испытывала теперь всю суровость и голода, и холода. Къ этой первой своей оплошности они прибавили и другую: они неосторожно приближались къ огню, спѣша погрѣться, и большая часть ихъ была обожжена и покалѣчена, такъ что жалость къ этимъ несчастнымъ вскорѣ смѣнила то чувство презрѣнія, которое внушалъ ихъ разбой. Ханъ, извѣщенный о томъ, что они нищенствовали повсюду у дверей палатокъ, приказалъ взять съ каждаго мирзы по одному сухарю и раздать имъ.

На другой день, въ то время, какъ вся армія шла развернувшись боевымъ строемъ по равнинѣ, мы встрѣтили на пути небольшой холмъ, и у Крымъ-Гирея явилось желаніе взобраться на вершину, чтобы оттуда однимъ взглядомъ окинуть всѣ свои войска. Онъ скомандовалъ остановиться: я взлѣзъ на холмъ вмѣстѣ съ нимъ. Темный цвѣтъ татарской одежды и бѣлизна снѣга, служившаго фономъ картинѣ, позволяли различать всѣ подробности ея. По знаменамъ можно было отличить войска разныхъ провинцій. Я замѣтилъ, что безъ всякаго опредѣленнаго плана эта армія естественнымъ образомъ разположилась слишкомъ двадцатью правильными рядами. Каждый султанъ-сераскиръ съ маленькимъ своимъ штатомъ составлялъ группу впереди своего отряда. Центръ линіи, занятый ханомъ и его свитой, представлялъ передовой корпусъ довольно многочисленный, строй котораго имѣлъ боевой и привлекательный видъ. Сорокъ отрядовъ, каждый въ сорокъ человѣкъ, расположенныхъ по четыре въ шеренгѣ, шли двумя колоннами

впереди, составляя какъ-бы аллею, окаймленную съ каждой стороны двадцатью знаменами. Главный конюшій, въ сопровожденіи двѣнадцати верховыхъ лошадей и крытыхъ саней, слѣдовалъ непосредственно за ними, предшествуя отряду всадниковъ, окружавшихъ хана. За ними двигалось знамя пророка, несомое эмиромъ такъ-же, какъ сопровождающіе его два зеленыхъ значка. Они развѣвались въ воздухѣ рядомъ со знаменами Игнатъ-козаковъ. Это послѣднее войско, причисленное къ гвардіи хана, заключало шествіе. Игнатъ-козаки, обязанные своими землями и своимъ именемъ обстоятельствамъ, заставившимъ ихъ эмигрировать изъ Россіи, оселились на Кубани. Нѣкто Игнатій, несомнѣнно больше цѣнившій свою бороду, чѣмъ свободу, возмутившись противъ Петра Великаго за бритье бородъ, искалъ убѣжища у хана со своими многочисленными послѣдователями. Татары нашли такое сходство между словомъ inat (упрямый) и именемъ Игнатъ, что оставили за ними это названіе, какъ обозначающее причину ихъ эмиграціи. Кажется, Игнатъ-козаки не особенно заботятся о чистотѣ своей христіанской вѣры, но они сохранили ея символъ на своихъ знаменахъ и крѣпко держатся за привиллегію ѣсть свинину. Каждый изъ нашихъ Игнатъ-козаковъ имѣлъ при себѣ четверть свинины за плечами. Туркамъ очень не нравилось такое сосѣдство знамени пророка и я слышалъ неразъ, какъ они бранили сквозь зубы, какъ святотатство, то, что татары, благодаря своему здравому смыслу, находили вполнѣ естественнымъ. Остальное войско не имѣло такого вида довольства. Восемь или десять фунтовъ муки изъ жаренаго проса, столченой и набитой въ кожанный мѣшокъ, у сѣдла каждаго ногайца, обезпечивалъ войску пятьдесятъ дней пропитанія. Одни лошади были предоставлены собственнымъ своимъ заботамъ, но ихъ положеніе мало чѣмъ отличалось отъ обыкновеннаго. Возможность имъ пользоваться свободой заставляла каждаго татарина вести за собой двухъ или трехъ лошадей, а часто и больше. Въ нашей арміи ихъ было болѣе 300,000.

Ханъ остался доволенъ смотромъ войска и спросилъ своихъ министровъ, „отличили-ли они самаго храбраго во всей арміи“? Молчаніе ихъ было яснымъ отвѣтомъ. „Это ни вы, ни я“, сказалъ весело ханъ: „мы всѣ вооружены; Тоттъ единственный человѣкъ, который осмѣлился

идти на войну безъ оружія: у него нѣтъ даже ножа". Этой шуткой закончился смотръ и армія направилась снова въ путь къ истоку р. Мертво-вода. Мы прибыли туда очень поздно и расположились лагеремъ на обширномъ пространствѣ, покрытомъ зарослями.

Уже нѣсколько дней Крымъ-Гирей жаловался на боль въ пальцѣ: у него образовался нарывъ и началась лихорадка. Съ нами не было ни одного хирурга. Я предложилъ свои услуги и обзоръ ящика съ ланцетами, который былъ при мнѣ, окончательно заставилъ хана довѣриться моему искуству. Я принялся за дѣло; надрѣзъ успокоилъ боль, лихорадка исчезла и рана была залѣчена въ нѣсколько дней. Случай этотъ доставилъ мнѣ почетъ и особенно удовольствіе.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили въ запорожскія равнины, я не покидалъ палатки хана; тамъ мы бесѣдовали съ нимъ до полуночи. Закутавшись въ шубу, онъ сидѣлъ, облокотившись на подушку, и приказывалъ мнѣ сдѣлать тоже. Два пажа поддерживали огонь, что было очень необходимо для насъ. Но если Крымъ-Гирей заботился о моихъ удобствахъ, то онъ вовсе не былъ расположенъ позволить мнѣ долго отдыхать. Онъ самъ привыкъ спать всего три часа и я едва могъ выпрашивать у него, какъ милость, лишнихъ пять минутъ, въ теченіи которыхъ приготовлялось кофе. Тогда проснувшись и не мѣняя положенія, я принималъ ту-же позу, какъ наканунѣ.

Было замѣчено, что палатка хана стояла на льду, но только на разсвѣтѣ оказалось, что вся армія стояла лагеремъ на озерѣ, поверхность котораго, просверленная безчисленнымъ множествомъ прорубей, грозила все поглотить. Только палатка хана еще не была снята; я былъ одинъ съ нимъ, какъ вдругъ полякъ-солдатъ изъ моей свиты врывается, какъ бѣшеный, бросается къ огню и раздѣвается. Я бѣгу къ нему, думая, что онъ или пьянъ или сошелъ съ ума; чтобы заставить его уйти, я угрожаю ему гнѣвомъ хана,—ничто не помогаетъ. Ханъ дѣлаетъ мнѣ знакъ оставить въ покоѣ солдата. Когда онъ снялъ уже сапоги, Крымъ-Гирей по шелесту его одежды догадался, что тотъ упалъ въ прорубь. „Чего вы требуете отъ этого несчастнаго"? добродушно сказалъ ханъ. „Развѣ умирающій человѣкъ не свободенъ? Онъ не хочетъ знать никого, кромѣ того, кто можетъ помочь ему; цари

для него ничто; оставимъ-же его на свободѣ". Мы вышли, и я велѣлъ слугамъ позаботиться объ этомъ человѣкѣ.

Армія, направляясь все на сѣверъ, хотѣла приблизиться къ Ингулу, о положеніи котораго имѣлись смутныя свѣдѣнія. Только послѣ усиленнаго перехода въ двѣнадцать миль, мы разбили свой лагерь на берегу этой рѣки: нѣсколько покинутыхъ жилищъ и копны сѣна около нихъ очень пригодились намъ.

Мы были на границѣ Новой-Сербіи; мы достигли того пункта, съ котораго должно было разразиться нашествіе на несчастныхъ жителей, и военный совѣтъ былъ созванъ для того, чтобы опредѣлить количество войскъ необходимое для набѣга. Въ то время, когда собирался этотъ совѣтъ, одинъ курьеръ и нѣсколько плѣнныхъ, захваченныхъ патрулями, объявили, что вправо отъ насъ запорожскіе козаки, тѣснимые Калгой-султаномъ, вошли съ нимъ въ переговоры и заручившись обѣщаніемъ нейтралитета съ его стороны, отказали въ своей помощи командиру крѣпости св. Елисаветы. Плѣнные добавляли, что крѣпость эта находится на лѣво отъ насъ и имѣетъ сильный гарнизонъ. Эти подробности уяснили хану и его полководцамъ настоящее положеніе дѣлъ. Было рѣшено, что третья часть войска, сформированная изъ волонтеровъ подъ предводительствомъ одного султана и нѣсколькихъ мирзъ, переправится черезъ рѣку въ полночь, раздѣлится на нѣсколько колоннъ, которыя, послѣдовательно раздробляясь, покроютъ всю територію Новой-Сербіи, сожгутъ всѣ деревни, всю жатву, захватятъ въ плѣнъ жителей и уведутъ стада. Было рѣшено еще, чтобъ на каждаго участвующаго въ этой экспедиціи приходилось по два человѣка изъ остальной арміи, имѣющіе каждый равную долю въ его добычѣ. При такомъ способѣ дѣлежа, никто не былъ обиженъ и общій интересъ соединился съ частнымъ для наиболѣе удачнаго выбора солдатъ въ экспедицію. Отрядъ этотъ былъ предупрежденъ, что вся остальная армія перейдетъ Ингулъ на другой день и направится небольшими переходами къ польской границѣ, стягиваясь постепенно къ крѣпости св. Елисаветы, чтобы охранять фуражировъ и ждать ихъ возвращенія. Разбойническіе таланты, обнаруженные синаями, обѣщали такъ много опустошительнаго рвенія съ ихъ стороны, что имъ предложили участвовать въ набѣгѣ, но холодъ

ихъ такъ обезкуражилъ, что ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ идти. Одни лишь сердюки [1]), да еще нѣсколько другихъ турокъ послѣдовали за султаномъ.

Отрядъ подъ его начальствомъ ушелъ; холодъ былъ гораздо меньшій, чѣмъ наканунѣ, въ теченіи ночи потеплѣло на столько, что можно было опасаться оттепели. Вода въ рѣкѣ начинала выступать изъ подъ льда и мы могли разсчитывать на возможность переправы, лишь ускоривши свой отъѣздъ. Армія вскорѣ была готова. Она развернулась вдоль Ингула и татары, привыкшіе къ подобнымъ переходамъ, снявшись всѣ одновременно съ мѣста, переправились рысцой на нѣкоторомъ разстояніи всадникъ отъ всадника; но сипаи, которыхъ страхъ заставлялъ ступать тяжело, а грохотъ ломающагося льда обезкураживалъ до того, что они готовы были остановиться, вдругъ провалились и исчезли подъ водой на нашихъ глазахъ.

Мы остановились на другомъ берегу, чтобы дать время войску сформироваться. Нѣсколько сипаевъ, избѣгнувъ опасности, оплакивали участь своихъ товарищей; они жалѣли особенно объ одномъ, который потонулъ, имѣя при себѣ сумму денегъ, достаточную для обезпеченія его сына, оставшагося сиротой. Одинъ изъ Игнатъ-козаковъ предложилъ тотчасъ-же достать кошелекъ за два секина. Его предложеніе было принято. Тогда онъ раздѣвается, ему указываютъ отверстіе между льдинами и онъ скрывается подъ водой. Зрители стали уже безпокоиться его долгимъ отсутствіемъ, когда онъ по прошествіи нѣсколькихъ минутъ показался снова съ сокровищемъ въ рукахъ. Этотъ успѣхъ ободрилъ товарищей утонувшаго. Они стали жалѣть еще о пистолетахъ его, украшенныхъ серебромъ. Неустрашимый козакъ предпринимаетъ вторичную экскурсію, удовлетворяетъ ихъ желанію, не требуя увеличенія награды, получаетъ два секина, одѣвается и спѣшитъ стать въ ряды своего войска.

Слѣдуя намѣченному плану, армія все подымалась, пока не достигла дороги, проторенной въ снѣгу тѣмъ отрядомъ, который отпра-

---

[1]) Родъ турецкаго войска; это волонтеры, девизъ которыхъ «побѣдить или умереть на полѣ битвы»; но съ ними никогда не случается ни то, ни другое.

вился въ набѣгъ. Мы пересѣкли эту дорогу въ томъ мѣстѣ, гдѣ она раздѣляясь на семь вѣтвей, образовала какъ-бы гусиную лапу. Мы двигались дальше, постоянно держась крайней лѣвой стороны, не разстраивая ни одной изъ боковыхъ вѣтвей, которыя постепенно встрѣчались намъ; послѣднія изъ нихъ были уже просто тропинки, проторенныя однимъ или двумя всадниками. Погода стала дождливой и принудила войско остановиться на ночлегъ на берегу р. Аджамки. Но за оттепелью, которая насъ обезпокоила сначала, наступилъ такой холодъ, что съ трудомъ можно было сложить промерзшіе палатки. Мелкія льдинки при сильномъ вѣтрѣ рѣзали лицо, изъ носу шла кровь, дыханіе, замерзая на усахъ, образовало куски льда, тяжесть которыхъ была очень непріятна. Большая часть синаевъ, изможденныхъ предыдущими переходами, погибла въ этотъ день: даже татарамъ приходилось плохо, но никто не смѣлъ жаловаться. Крымъ-Гирей, который послѣ болѣзни часть пути совершалъ въ закрытыхъ саняхъ, въ это время распрашивалъ меня о папѣ, сравнивалъ положеніе св. отца со своимъ и жалѣлъ, что не можетъ быть на его мѣстѣ. Я воспользовался случаемъ, чтобы представить ему бѣдствія, причиненныя его арміи холодомъ, и ту опасность, которую представлялъ долгій переходъ. „Я не могу смягчить климата“, сказалъ онъ, „но я могу внушить имъ мужество переносить его суровость“. Тотчасъ-же онъ требуетъ лошадь и подчиняясь обычаю, запрещающему восточнымъ государямъ носить чалму, которой прочіе мусульмане окутываютъ головы, онъ ѣдетъ съ открытой головой, не смотря на холодъ и падающую изморозь, и побуждаетъ своимъ примѣромъ султановъ и министровъ сбросить чалмы. Этотъ мужественный поступокъ остановилъ ропотъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ глазамъ хана картину бѣдствій. Въ самомъ дѣлѣ, каждая минута отнимала у насъ людей и лошадей [1]). Мы постоянно встрѣчали на равнинѣ замерзшія стада, а двадцать столбовъ дыма на горизонтѣ, дополняли ужасъ картины, возвѣщая пожары, опустошавшіе уже Новую Сербію.

Мы повстрѣчали небольшіе кустарники и возможность фуража привела хана къ рѣшенію остановиться. Его палатку разбили близъ

---

[1]) Этотъ день стоилъ арміи болѣе 3,000 людей и 30,000 лошадей, погибшихъ отъ холода.

копны сѣна, которую онъ велѣлъ разобрать и которая, не смотря на свои огромные размѣры, исчезла въ одну минуту. Мы наблюдали это зрѣлище, въ которомъ строгость порядка соединилась съ алчностью грабежа. Вечеромъ посланецъ привезъ намъ вѣсти отъ султана, предводительствовавшаго набѣгомъ. Онъ сообщалъ, что жители одного большаго селенія укрылись въ монастырѣ въ числѣ 1200 человѣкъ; ихъ сопротивленіе принудило султана употребить въ дѣло сѣрныя свѣтильни, которыя онъ велѣлъ прикрѣпить къ стрѣламъ, надѣясь, что упорство этихъ людей уступитъ передъ страхомъ пожара; но огонь распространился слишкомъ быстро и несчастные всѣ погибли. Высказывая свое сожалѣніе о случившемся, султанъ жаловался на жестокость турокъ, которые его сопровождали и все мужество которыхъ, по словамъ его, заключается въ томъ, что они купаются въ крови своихъ плѣнныхъ.

Крымъ-Гирей, не менѣе султана сожалѣлъ о печальномъ исходѣ пожара; жестокость турокъ привела его въ негодованіе: видъ отрѣзанныхъ головъ возмущалъ его и раньше [1]). „Я повѣсилъ бы того татарина, который осмѣлился бы явиться передо мной въ роли палача“, сказалъ онъ. „Какъ можетъ существовать нація, настолько жестокая, чтобы поддерживать варварство, оплачивая его, и чтобы находить удовольствіе въ такихъ отвратительныхъ вещахъ“?

Благодаря прибытію вслѣдъ затѣмъ татаръ, которые возвращались нагруженные добычей и приносили съ собой новыя вѣсти, мы не спали до трехъ часовъ утра. Входъ къ хану не могъ быть воспрещенъ въ этомъ случаѣ, и я получилъ позволеніе отдохнуть нѣсколько часовъ въ своей палаткѣ. Гг. Руффинъ и Кустилье занимали ее; они мерзли, мало спали, умирали съ голоду. Твердый снѣгъ служилъ имъ постелью, на которую и я поспѣшилъ улечься и, завернувшись въ шубу, заснулъ. Вскорѣ послѣ того пажъ хана, полуоткрывъ дверь, сказалъ, что его господинъ посылаетъ подарокъ, и положивъ что-то у ногъ г. Руффина, удалился. Г. Кустилье, который, благодаря голоду,

---

[1]) У турокъ въ обычаѣ приносить отрѣзанныя головы враговъ своему повелителю; татары, напротивъ, питаютъ отвращеніе къ этому обычаю.

не могъ уснуть, не сомнѣвался ни минуты въ томъ, что подарокъ заключаетъ въ себѣ съѣстное; онъ зналъ также, что у меня нѣтъ ничего запретнаго для его аппетита; но такъ какъ онъ лежалъ далеко отъ свертка, то просилъ пріятеля посмотрѣть, что принесено. Этотъ послѣдній, боясь холода, долго сопротивлялся; вынужденный уступить, онъ протянулъ руку, не освобождая головы изъ-подъ шубы, схватилъ что-то косматое и при свѣтѣ фонаря, висѣвшаго съ верху, жаднымъ взорамъ г. Кустиллье представилось человѣческое лицо. Въ ужасѣ онъ вскричалъ: „мой другъ, это человѣческая голова"! и г. Руффинъ, быстрѣе молніи, выбросилъ ее изъ палатки, проклиная вмѣстѣ и холодъ, и голодъ, и татарскія шутки.

Холодъ такъ усилился на другой день, что въ моментъ отъѣзда, не смотря на перчатки на заячьемъ мѣху, мои руки окоченѣли въ одну минуту, когда я садился въ сѣдло, и мнѣ съ большимъ трудомъ удалось возстановить въ нихъ циркуляцію крови.

Столбы дыма, окаймлявшіе горизонтъ съ правой стороны, и крѣпость св. Елисаветы влѣво отъ насъ, не оставляли сомнѣній въ томъ, куда держать путь. Прямо передъ нами возвышалось что-то въ родѣ вѣхъ, къ которымъ мы и направились, и скоро узнали въ нихъ сигнальные пункты. Это были трехъугольные срубы въ восемь этажей, наполненные соломой и хворостомъ и предназначенные, безъ сомнѣнія, для того, чтобы подымать тревогу при первомъ появленіи татаръ; но они служили только лучшими проводниками для татарскаго войска до самой Аджамки. Въ этомъ мѣстечкѣ, которое охранялось отъ опустошеній своимъ сосѣдствомъ съ крѣпостью св. Елисаветы, мы застали очень мало жителей, и можно было заподозрить, что большая часть ихъ укрылась въ крѣпости подъ защитой пушекъ.

Наша армія была въ такомъ скверномъ видѣ, что сама опасалась вылазки: въ самомъ дѣлѣ, отрядъ въ двѣ или три тысячи человѣкъ, атаковавши насъ ночью, могъ перерѣзать всѣхъ. Эта опасность была такъ же очевидна, какъ невозможность избѣжать ее, потому что войско не могло уже дольше выносить усталости. Въ такой крайности Крымъ-Гирей велѣлъ султанамъ и мирзамъ составить отрядъ въ триста всадниковъ, которые должны были послѣ захода солнца напасть на крѣпость

ев Елисаветы, чтобы держать гарнизонъ ея въ оборонительномъ положеніи. Этотъ избранный отрядъ, единственный, въ которомъ нравственная энергія превозмогала физическій упадокъ силъ, захватилъ плѣнниковъ въ самомъ предмѣстьи крѣпости и настолько обезпечилъ успѣхъ этой военной хитрости, что войско могло остановиться и отдохнуть вполнѣ удобно. Мѣстечко Аджамка, имѣющее отъ восьмисотъ до девятисотъ домовъ, расположено на берегу небольшой рѣчки тогоже имени. Обиліе всякаго рода жатвы свидѣтельствовало о плодородіи почвы. Но войскамъ запрещено было занимать дома изъ боязни преждевременнаго пожара; позволено было только похищать дрова и съѣстные припасы, годные для потребленія. Ханъ самъ подалъ примѣръ, расположившись въ палаткѣ. Благодаря цѣлому дню отдыха, въ теченіи котораго къ намъ присоединилась часть передоваго отряда со множествомъ захваченныхъ стадъ и невольниковъ, въ арміи распространилось веселое настроеніе. Я замѣтилъ, что у татаръ каждой орды есть свой лозунгъ, на который отвѣчали ихъ товарищи при дѣлежѣ добычи. Слово Аксерай—бѣлый дворецъ—служило лозунгомъ ханскаго двора. Если ясна была польза такого изобрѣтенія, то съ трудомъ можно было понять, даже видя собственными глазами, ту заботливость, терпѣніе и удивительную ловкость, которыя обнаруживаютъ татары для сохраненія того, что они успѣли захватить. Пять или шесть невольниковъ разнаго возраста, шестьдесятъ овецъ и двадцать воловъ—добыча одного человѣка—не обременяютъ его. Головы дѣтей высматриваютъ изъ мѣшка, привѣшеннаго къ тулкѣ сѣдла, молодая дѣвушка сидитъ впереди, поддерживаемая лѣвой рукой всадника, мать позади, отецъ на одной изъ заводныхъ лошадей, сынъ на другой, овцы и волы впереди,—все идетъ и не сбивается съ пути подъ бдительнымъ окомъ хозяина этого стада. Собирать его, вести, заботиться о его пропитаніи, идти пѣшкомъ самому, чтобы доставить удобство невольникамъ—хозяину этому ничего не стоитъ, и такая картина, право, была-бы интересна, если-бы сюжетомъ ея не служила скупость и самая жестокая несправедливость. Я вышелъ съ ханомъ любоваться этимъ зрѣлищемъ; одинъ изъ офицеровъ гвардіи, бывшій на караулѣ у палатки хана, пришелъ извѣстить его, что какой-то ногаецъ желаетъ принесть жалобу. Крымъ-Гирей со-

гласился и ногаецъ въ сопровожденіи того-же офицера приблизился къ нимъ. Но сходство нашихъ шубъ ввело его въ заблужденіе и не зная, къ кому изъ насъ обратиться, онъ, казалось, отдалъ предпочтеніе мнѣ. Я хотѣлъ отодвинуться, чтобы положить конецъ его замѣшательству, но Крымъ-Гирей, замѣтивши все это, сдѣлалъ знакъ офицеру, отодвинулся самъ и приказалъ мнѣ выслушать ногайца. Дѣло шло о лошади, которая пропала у ногайца; взамѣнъ пропавшей онъ укралъ себѣ другую и теперь не могъ никакъ доказать права возмездія, которое онъ себѣ присвоилъ. „Что долженъ я отвѣчать?“ спросилъ я хана.—„Судите, какъ съумѣете“, отвѣчалъ онъ, смѣясь. Я сказалъ тогда ногайцу, что онъ долженъ возвратить украденную лошадь и хотѣлъ уже удалить его со двора, когда Крымъ-Гирей, которому эта штука доставляла удовольствіе, шепнулъ мнѣ, чтобы я не забылъ о наказаніи палками. Я тотчасъ-же прибавилъ, обращаясь къ ногайцу: „я прощаю тебѣ тѣ палочные удары, которые ты заслужилъ“. Знакъ согласія съ моей резолюціей, сдѣланный ханомъ офицеру, показалъ мнѣ, что Крымъ-Гирей не разсердился на меня за смягченіе его приговора.

Не смотря на всѣ старанія разыскать жителей Аджамки, это не удалось; только на другой день, въ моментъ отъѣзда, когда подожжены были всѣ скирды хлѣба и сѣна, собранныя этими несчастными,—они бросились въ объятія враговъ, чтобы спастись отъ пламени, пожиравшаго ихъ жатву и ихъ очаги. Приказаніе сжечь Аджамку было выполнено такъ поспѣшно и огонь распространился по домамъ, крытымъ соломой, съ такою силой и быстротой, что мы сами едва успѣли выйти оттуда среди пламени. Воздухъ, наполненный пепломъ и парами растаявшаго снѣга, затемнилъ солнце на время; а потомъ эта смѣсь превратилась въ какой-то сѣроватый снѣгъ, хрустѣвшій на зубахъ. Полтораста деревень были сожжены такимъ-же образомъ; огромное дымное облако распространилось на двадцать миль въ предѣлы Польши и только нашъ приходъ туда объяснилъ причину этого явленія. Войско долго шло во мракѣ и лишь по прошествіи нѣсколькихъ часовъ было замѣчено бѣгство ногайцевъ едисанской орды; въ надеждѣ избавиться отъ лежавшей на нихъ десятинной повинности съ своей добычи хану, они предпочли возвращаться черезъ пустыню на свой страхъ.

Войско, двигаясь къ границѣ польской Украйны, пришло въ Красниковъ. Въ этой деревнѣ, лежащей за болотистой лощиной, было нѣчто въ родѣ укрѣпленія, гдѣ жители вмѣстѣ съ сотней солдатъ оказали сначала нѣкоторое сопротивленіе; но боязнь пожара принудила ихъ вскорѣ бѣжать и скрыться въ лѣсу, откуда ихъ ружейные выстрѣлы могли достигать до деревни. Чтобъ вытѣснить ихъ оттуда, Крымъ-Гирей, ставши у опушки лѣса, приказалъ собрать остатокъ синаевъ, которымъ онъ скомандовалъ идти въ атаку. Но эти храбрецы, которымъ стихшіе холода и отдыхъ въ Аджамкѣ возвратили всю ихъ дерзость, разсѣялись отъ перваго ружейнаго выстрѣла. Игнатъ-козаки, расположившіеся позади насъ, одушевленные присутствіемъ хана, просили и получили разрѣшеніе атаковать лѣсъ. Они проникли туда, окружили группу людей, которые тамъ защищались, убили около сорока человѣкъ и захватили въ плѣнъ всѣхъ, кто не могъ спастись бѣгствомъ. Во время этой экскурсіи, которая стоила всего восьми или десяти человѣкъ козаковъ да нѣсколькихъ татаръ изъ свиты хана,—Крымъ-Гирей, возмущенный подлостью турокъ, бесѣдовалъ со мною, предрекая то разложеніе, которое она готовитъ Оттоманской имперіи. Занятый этой мыслью, онъ въѣзжалъ въ деревню, какъ вдругъ замѣтилъ турка эмира по происхожденію, который шелъ изъ лѣсу, держа въ рукахъ человѣческую голову. „Видите“, сказалъ мнѣ ханъ, „видите этого негодяя? Онъ хочетъ помѣшать моему ужину; но посмотрите, онъ едва осмѣливается дотронуться до этой головы, которую онъ отрѣзалъ“. Эмиръ подошелъ, бросилъ свой трофей къ ногамъ лошади хана и съ паѳосомъ произнесъ пожеланіе, чтобы всѣ враги повелителя татаръ испытали ту же участь, какъ этотъ, съ которымъ онъ только что покончилъ. Но Крымъ-Гирей узналъ уже въ мертвой головѣ лицо одного изъ собственныхъ Игнатъ-козаковъ. „Несчастный“, сказалъ онъ эмиру: „какъ могъ ты убить его? Мертвый онъ внушаетъ тебѣ страхъ; живой онъ съѣлъ-бы тебя. Это одинъ изъ моихъ Игнатъ-козаковъ, убитый въ лѣсной аттакѣ; кто-то другой, чтобъ помочь тебѣ обмануть меня, отрѣзалъ голову убитаго: у тебя не стало бы мужества даже на это“. Смущенный турокъ старался оправдаться: онъ настаивалъ на своемъ, осмѣливался увѣрять, что онъ самъ убилъ этого человѣка. „Осмотрите

его оружіе", сказалъ тогда ханъ. Ножъ, пистолеты, сабля — все было осмотрѣно немедленно и слѣдовъ крови не оказалось нигдѣ. „Убейте этого труса"! вскричалъ Крымъ-Гирей. Одинъ изъ офицеровъ гвардіи ударилъ турка слегка кнутомъ, чтобы, удовлетворивъ этимъ гнѣвъ своего повелителя, спасти несчастнаго отъ худшей участи. Но этотъ послѣдній, гордясь своимъ званіемъ эмира, дерзко протестовалъ противъ нанесеннаго ему оскорбленія, такъ какъ, по турецкому обычаю, прежде чѣмъ подвергнуть наказанію эмира, необходимо снять съ головы его тюрбанъ — знакъ достоинства эмира. Тогда ярость хана разразилась. „Сбейте кнутомъ зеленый тюрбанъ съ головы этого негодяя!" Приказаніе это, произнесенное тономъ, не допускавшимъ возраженій, было выполнено съ суровостью болѣе жестокой, чѣмъ смертная казнь. Но этотъ случай подѣйствовалъ на сипаевъ, которые, отказавшись раньше участвовать съ татарами въ набѣгѣ, пользовались теперь ихъ возвращеніемъ, отнимали отъ нихъ, съ пистолетомъ у горла, приведенныхъ ими невольниковъ, влачили нѣкоторое время за собой отнятыя жертвы, а когда это надоѣдало, рѣзали плѣнниковъ въ куски, чтобы избавиться отъ нихъ.

Ханъ предполагалъ на другой день утромъ атаковать небольшой городокъ Цыбулевъ, расположенный за лѣсомъ, въ разстояніи полуторы мили отъ насъ; но по разсказамъ плѣнниковъ гарнизонъ цыбулевскій казался достаточно сильнымъ, чтобы можно было захватить его безъ помощи артиллерійскихъ орудій и потому ханъ позволилъ только волонтерамъ идти туда, а самъ во главѣ арміи двинулся на Буки въ Польшу. Цыбулевскіе пушечные выстрѣлы, доносившіеся къ намъ во время пути, не могли помѣшать татарскому отряду волонтеровъ сжечь предмѣстья и забрать много плѣнныхъ. Всѣ деревни, которыя встрѣчались намъ на пути, подверглись той-же участи. Татары, болѣе озабоченные захватомъ невольниковъ, чѣмъ соблюденіемъ границъ Польши, продолжали свои разбои далеко за тѣми предѣлами, которые были имъ предписаны. Приказанія Крымъ-Гирея, направленныя противъ хитрой алчности татаръ, сначала не дѣйствовали; но строгія мѣры, принятыя имъ, наконецъ имѣли желанный успѣхъ, такъ какъ за проступкомъ немедленно слѣдовало наказаніе.

Чтобы вѣрнѣе сохранить свои обязательства по отношенію къ Польской республикѣ, главная часть арміи должна была располагаться лагеремъ всегда въ окрестностяхъ деревень и питаться собственными припасами. Когда-же турки, для устройства которыхъ не хватало средствъ, подожгли нѣсколько домовъ, они были строго наказаны. На первый взглядъ можно было насчитать свыше двадцати тысячъ невольниковъ, которыхъ вело за собой татарское войско; стадъ было безчисленное множество. Мы могли двигаться только небольшими переходами, а необходимость наблюдать за поведеніемъ татаръ побудила хана раздѣлить войско на семь колоннъ.

Въ каждой деревнѣ, гдѣ мы останавливались, наши жилища отмѣчались мѣломъ; остальными домами, не занятыми ханской свитой, могли пользоваться сипаи. Ханъ приказалъ, чтобы квартира его и моя были рядомъ, и я пользовался этимъ преимуществомъ въ теченіи нѣкотораго времени. Но вотъ однажды какой-то али-бей, не нашедшій безъ сомнѣнія въ деревнѣ жилища достойнаго такой особы, входитъ важно ко мнѣ въ сопровожденіи двухъ сипаевъ, которые несли его вещи. Я спрашиваю его, что ему нужно. Не безпокойтесь, отвѣтилъ онъ холодно. Съ этими словами онъ устроиваетъ нѣчто въ родѣ эстрады изъ подушекъ, которыя были съ нимъ, усаживается и требуетъ трубку. Напрасно я убѣждаю его, что это помѣщеніе предназначается для меня, что мы не можемъ занимать его вмѣстѣ, что я долженъ быть неотлучно при ханѣ, а онъ при своемъ войскѣ. Всѣ аргументы безсильны; разъ водворившись, онъ непоколебимъ. Тогда я рѣшился просить ханскаго оруженосца, чтобъ онъ освободилъ меня отъ этого безпокойнаго гостя. Онъ пришелъ тотчасъ подъ предлогомъ навѣстить меня; войдя онъ спросилъ бея, съ котораго времени онъ знаетъ меня. Этотъ послѣдній отвѣчалъ не конфузясь, что онъ пришелъ, чтобы свести знакомство, поселившись вмѣстѣ со мной. „При атакѣ лѣса нужно было знакомиться съ нами, мы были всѣмъ вамъ очень рады тогда“, сказалъ иронически капитанъ гвардіи, теперь-же вы должны удалиться, не ожидая, пока ханъ, извѣщенный о вашей выходкѣ, воспользуется случаемъ выразить свой гнѣвъ“.—«Я знаю всю силу его власти“, отвѣчалъ бей; „одного его слова достаточно, чтобы слетѣла моя голова, пусть онъ произнесетъ

это слово; но живой я не выйду до тѣхъ поръ, пока вся армія не двинется въ путь". Это было его послѣднее слово; ничѣмъ нельзя было убѣдить его. Взбѣшенный этимъ безумцемъ оруженосецъ удалился, чтобы извѣстить хана обо всемъ происшедшемъ. Я былъ вскорѣ позванъ къ хану. Крымъ-Гирей отдавалъ приказанія, суровость которыхъ заставила меня задрожать. Онъ былъ уже давно раздраженъ недисциплинированностью и подлостью турокъ, нахальство моего али-бея истощило терпѣніе. Меня вызвали только для того, чтобы на свободѣ расправиться съ нимъ смертной казнью. Ханъ хотѣлъ распространить свою строгость и на всѣхъ сипаевъ, и только боязнь того, что его могутъ заподозрить въ пристрастіи, сдерживала его. Я-же твердо рѣшился сдѣлать все возможное, чтобы оставить въ покоѣ бея, девизъ котораго былъ не „побѣдить и умереть", а „спать или умереть". Я заявилъ, что моя жалоба могла быть дурно передана, что нужно было выслушать меня самаго; я успѣлъ выставить въ смѣшномъ свѣтѣ передъ ханомъ смѣшное упорство арнаутовъ, такъ что проступокъ бея затерялся въ массѣ другихъ случаевъ. Приказаніе, отданное ханомъ, было отмѣнено подъ обязательнымъ условіемъ, что я больше не покину его палатки.

Войско, отягченное добычей, награбленной въ Новой Сербіи, медленно двигалось за стадами къ польской границѣ и постоянно ненасытные татары пользовались каждымъ случаемъ, чтобы обмануть бдительность хана и увеличить свою добычу мародерствомъ, не смотря на угрозы строгаго наказанія. Но темный цвѣтъ татарской одежды не благопріятствовалъ воровской хитрости татаръ, дѣлая ихъ замѣтными издалека на снѣжной равнинѣ.

Какъ-то нѣсколько ногайцевъ отдѣлились отъ остальнаго войска, обогнули одну изъ польскихъ деревень и уже почти скрылись за нею. Ханъ, ѣхавшій у опушки лѣса по возвышенности, откуда открывалась вся равнина, замѣтилъ этихъ мародеровъ: онъ приказалъ остановиться и послалъ своего оруженосца съ 4-мя сейменами очистить деревню и привести ему тѣхъ ногайцевъ, которые будутъ застигнуты на мѣстѣ преступленія. Мрачный видъ, сопровождавшій это приказаніе, показывалъ, что ханъ желаетъ сдѣлать изъ этого случая примѣръ для всѣхъ.

Оруженосецъ возвратился съ ногайцемъ, у котораго въ рукахъ былъ кусокъ полотна и два мотка шерсти, захваченные имъ. На вопросы хана ногаецъ сознался въ своей винѣ, и сказалъ также, что ему извѣстны строгія постановленія на этотъ счетъ. Онъ не выставилъ въ свою пользу никакого оправданія, не просилъ пощады у хана и защиты у окружающихъ: но холодно ждалъ приговора, не высказывая ни гордости, ни слабости.—„Привяжите его къ хвосту лошади и пустите въ поле, пусть она влачитъ его, пока онъ не умретъ; пусть глашатай ѣдетъ слѣдомъ за нимъ и выкрикиваетъ предъ всѣмъ войскомъ вину преступника".—На этотъ приговоръ хана ногаецъ не отвѣтилъ ничего: онъ молча сошелъ съ лошади и приблизился къ сейменамъ, которые должны были связать его; но не оказалось подъ руками ни веревки, ни ремня. Пока отправились на поиски, я попытался замолвить слово въ пользу несчастнаго. Вмѣсто отвѣта ханъ приказалъ кончать скорѣе, употребивши въ дѣло тетиву отъ лука, вмѣсто веревки. Ему замѣтили, что она коротка. Такъ пусть сказалъ ханъ, просунетъ голову въ лукъ, который вы привяжете къ хвосту лошади.—Ногаецъ исполнилъ приказаніе. Лошадь помчалась въ поле, но голова ногайца выскользнула изъ лука и несчастный упалъ.

— Пусть держится за лукъ руками, приказалъ ханъ.—Ногаецъ повиновался.

Эта казнь, гдѣ осужденный явился собственнымъ своимъ палачомъ, служитъ примѣромъ крайней покорности; она превосходитъ все, что мнѣ приходилось слышать о слѣпомъ повиновеніи „старцу горы".

Заботы Крымъ-Гирея о сохраненіи порядка въ войскѣ въ предѣлахъ Польши простирались до охраны религіознаго культа жителей. Нѣсколько ногайцевъ, обвиненныхъ въ оскорбленіи иконы, изображавшей Христа, были наказаны палками у дверей церкви. „Слѣдуетъ учить татаръ, чтобъ они уважали изящныя искусства и религію", говорилъ Крымъ-Гирей.

Г. Саврань (въ Польшѣ, въ брацлавскомъ воеводствѣ) былъ тѣмъ желаннымъ пунктомъ, гдѣ должны были распредѣлить добычу, распустить всѣ орды, за исключеніемъ бессарабской, и избавиться отъ всей той сумятицы, которая окружала насъ. Было рѣшено устроить тамъ стоянку и на другой день нашего пріѣзда приступлено было къ дѣлежу

добычи; но при самомъ точномъ надзорѣ нѣкоторымъ мошенникамъ удалось утаить часть ея отъ десятинной повинности хану. Однако, не смотря на обманъ, на долю его досталось около двухъ тысячъ невольниковъ, которыхъ онъ дарилъ каждому, кто приходилъ къ нему. Я присутствовалъ обязательно при этой процедурѣ и видя щедрость хана, замѣтилъ ему, что источникъ ея скоро изсякнетъ, если онъ будетъ продолжать въ томъ-же родѣ.

Крымъ-Гирей.

На мою долю останется еще довольно, мой другъ; годы наслажденій минули. Но я не забылъ васъ. Вдали отъ своего гарема, претерпѣвая всякія лишенія и невзгоды въ этихъ далекихъ пустыняхъ вы заслуживаете награды; я предоставляю на вашу долю шесть мальчиковъ очень красивыхъ, однимъ словомъ, какихъ-бы я выбралъ для самаго себя.

Баронъ.

Я осыпанъ вашими милостями; но можетъ-ли быть достоинъ ихъ тотъ, кто не знаетъ имъ цѣны. Я-же боюсь, государь, что не съумѣю оцѣнить вашего подарка такъ, какъ онъ заслуживаетъ.

Крымъ-Гирей.

Я не имѣю намѣренія торговаться о вашей благодарности. Я даю вамъ плѣнниковъ, они вамъ понравятся — вотъ все, чего мнѣ нужно.

Баронъ.

Но ваша свѣтлость забываете, что мое положеніе представляетъ непобѣдимое препятствіе. Ваши плѣнные всѣ русскіе: какъ-же я могу при такомъ условіи принять подданныхъ той державы, которая находится въ дружественныхъ отношеніяхъ съ моимъ государемъ и повелителемъ?

Крымъ-Гирей.

Этотъ мотивъ могъ ускользнуть у меня изъ виду: я и до сихъ поръ, впрочемъ, не вполнѣ понимаю его. Вражда создаетъ невольниковъ,

дружба ихъ даритъ или получаетъ въ подарокъ; что касается васъ, я во всякомъ случаѣ не хочу оспаривать вашихъ обязанностей,—ваше дѣло ихъ выполнять; но чтобы намъ придти къ соглашенію, я замѣню шесть русскихъ шестью грузинами, и все уладится.

Баронъ.

Не такъ легко, какъ вамъ кажется, государь; я имѣю еще одинъ доводъ, который трудно опровергнуть.

Крымъ-Гирей.

Какой?

Баронъ.

Мою религію.

Крымъ-Гирей.

Въ такомъ случаѣ я остерегусь касаться ея; конечно, прекрасно руководиться религіозными побужденіями; но сознайтесь, по крайней мѣрѣ, что это тягостно.

Баронъ.

Я сдѣлаю больше; я признаюсь, что слабость человѣческая заставляетъ часто уклоняться съ пути истиннаго: напримѣръ, быть можетъ, и сегодня я оказываюсь такимъ щепетильнымъ и преданнымъ своему долгу только потому, что ваше предложеніе не кажется мнѣ достаточно заманчивымъ; быть можетъ шесть хорошенькихъ дѣвушекъ заставили-бы меня забыть всѣ мои принципы. Если-бы вдуматься, то оказалось-бы, что самые высокіе подвиги добродѣтели зависятъ исключительно отъ того, какого рода искушенію они подвергаются.

Крымъ-Гирей.

Я это прекрасно понимаю и не преминулъ-бы воспользоваться этимъ средствомъ соблазна, если-бы могъ. Но, мой другъ, и у меня есть своя религія: она дозволяетъ мнѣ давать христіанамъ только невольниковъ мужчинъ и предписываетъ оставлять женщинъ, чтобы дѣлать изъ нихъ прозелитокъ.

Баронъ.

Развѣ мужчины кажутся вамъ менѣе достойными обращенія, чѣмъ женщины?

Крымъ-Гирей.

Конечно, нѣтъ; но мудрость нашего великаго пророка все предусмотрѣла. Это различіе—лучшее доказательство ея.

Баронъ.

Признаюсь, государь, я не понимаю этого, и вы позволите мнѣ думать, что просто хорошенькія дѣвушки вамъ больше нравятся.

Крымъ-Гирей.

Клянусь вамъ, нѣтъ. Я только повинуюсь самому мудрому закону. Дѣйствительно, мужчина, будучи по природѣ независимымъ въ самомъ рабствѣ своемъ, оказываетъ извѣстный отпоръ, который едва сдерживается страхомъ. Онъ обладаетъ сознаніемъ своихъ силъ, въ немъ преобладаетъ умъ, который доступенъ дѣйствію одной лишь божественной власти и который у меня и у васъ можетъ быть одинаково просвѣщеннымъ: обращеніе мущины всегда чудо; между тѣмъ какъ среди женщинъ это явленіе самое естественное и простое: женщины всегда держатся религіи тѣхъ, кого онѣ любятъ. Да, мой другъ, любовь—великій миссіонеръ; разъ она является—женщины никогда не спорятъ.

Я также не оспаривалъ этого страннаго убѣжденія, которое приложимо, безъ сомнѣнія, только къ женщинамъ, находящимся въ рабствѣ.

Послѣ того, какъ большая часть невольниковъ была распредѣлена и ногайскія орды распущены, ханъ направилъ путь къ Бендерамъ; но если уменьшеніе числа войскъ способствовало большей быстротѣ похода, то съ другой стороны благородство хана ставило новыя препятствія его желанію ускорить свое возвращеніе. Въ самомъ дѣлѣ султаны и министры, имѣвшіе до сихъ поръ при себѣ только походный багажъ, теперь благодаря хану имѣли такой излишекъ добычи, который препятствовалъ имъ двигаться съ достаточной скоростью. Кади-лескеръ, наиболѣе ненасытный и наиболѣе ловкій въ достиженіи своей цѣли,

оказывался также найлучше награжденнымъ. Мнѣ было любопытно видѣть его среди его изобилія и я отправился къ нему какъ-то вечеромъ.

Этотъ великій судья почтенныхъ лѣтъ и съ почтенной бѣлой бородой небрежно лежалъ на коврѣ, предназначенномъ для времени молитвы, и жаднымъ взглядомъ, съ злобной улыбкой созерцалъ невольниковъ разнаго возраста, которые въ числѣ сорока человѣкъ, собравшись у печки, образовали группу изъ фигуръ обоего пола; глаза всѣхъ ихъ были устремлены на Кади-лескера.

— Поздравляю васъ, сказалъ я, съ успѣхомъ войны, принесшей вамъ, кажется, немалую прибыль.

Кади.

Вы видите, правда, что ханъ меня хорошо вознаградилъ; но вы знаете также, что надо пользоваться этими богатствами, чтобъ наслаждаться ими; а это трудно для меня.

Баронъ.

Если вспомнить принципы хана насчетъ обращенія женщинъ, то онъ, кажется, полагается на васъ относительно прозелитокъ.

Кади.

Когда вы пришли, я занимался тѣмъ, что искалъ среди этихъ фигуръ найболѣе пріятную. Вглядитесь и вы, и посмотримъ, сойдемся-ли мы въ выборѣ.

Баронъ.

Я уже рѣшилъ и подаю голосъ за ту хорошенькую дѣвушку съ стройной таліей, скромной осанкой и нѣжнымъ взглядомъ, стоящую на скамьѣ.

Кади.

А я отдаю предпочтеніе этому круглому цвѣтущему лицу и ручаюсь, что эта фигурка, одѣтая пажемъ, будетъ восхитительна. Я признаюсь вамъ даже, что эта стройная талія, которая васъ восхищаетъ, кажется мнѣ недостаткомъ дородства.

Баронъ.

Въ такомъ случаѣ я васъ не жалѣю, такъ какъ эта дѣвушка единственная, въ которой можно найти этотъ недостатокъ. Но я вижу здѣсь очень молодыхъ: не можете-ли вы сказать мнѣ, съ какихъ лѣтъ начинаютъ заниматься ихъ обращеніемъ и не слишкомъ-ли торопятся жениться на нихъ ногайцы, которые обнаруживаютъ такую жадность къ захвату въ плѣнъ дѣвушекъ.

Кади.

Нѣтъ, татары, напротивъ, очень совѣстливы на этотъ счетъ.

Баронъ.

Но какъ-бы они ни были совѣстливы, они не могутъ спрашивать у невольниковъ о томъ, сколько имъ лѣтъ, и даже подобная справка была-ли-бы достаточной?

Кади.

Они имѣютъ хорошій способъ успокоить свою совѣсть. Если они сомнѣваются въ силахъ молодой дѣвушки, они дѣлаютъ видъ, что сердятся, пугаютъ ее и принуждаютъ бѣжать; когда она обращается въ бѣгство, они бросаютъ ей вслѣдъ одну изъ шапокъ; этотъ ударъ не сильный самъ по себѣ, достаточенъ для того, чтобы свалить ее съ ногъ, если она слаба. Въ такомъ случаѣ они уважаютъ ея раннюю молодость, утѣшаютъ ее и ждутъ терпѣливо того времени, когда она станетъ достаточно сильной, чтобъ выдержать испытаніе.

Баронъ.

Я не знаю, достаточно-ли этого; но и въ такомъ случаѣ можете-ли вы ручаться за честность тѣхъ, кто практикуетъ этотъ способъ?

— Можно всегда ручаться, отвѣтилъ мнѣ Кади, что обычаи строже соблюдаются простой націей, чѣмъ законы у народовъ культурныхъ.

Въ это время я почувствовалъ себя дурно и приписывая это удушливой жарѣ въ комнатѣ Кади-лескера, отправился домой; но переходъ изъ такой атмосферы къ рѣзкому холоду подѣйствовалъ на меня такъ, что я упалъ безъ памяти на снѣгъ. Я лежалъ такъ нѣсколько

времени, пока одинъ изъ слугъ судьи не замѣтилъ меня и не далъ знать своему господину. Однако помощь, которую онъ поспѣшилъ оказать мнѣ, не имѣла-бы успѣха, если-бы Крымъ-Гирей, узнавшій о моемъ приключеніи, не прислалъ мнѣ съ однимъ изъ своихъ пажей „eau de Luce“, которую я долженъ былъ нюхать. Не смотря на это средство, я былъ еще слишкомъ слабъ, чтобъ добраться до своего жилища; четыре татарина отнесли меня домой; ужасъ гг. Руффина и Кустиллье при видѣ меня придалъ мнѣ бодрости и помогъ окончательно придти въ себя.

На другой день мы прибыли въ Бендеры. На нѣкоторомъ разстояніи отъ города мы замѣтили бендерскаго визиря, который двигался на встрѣчу намъ. Приблизившись къ хану, визирь въ сопровожденіи многочисленной свиты слѣзъ съ лошади, подошелъ къ Крымъ-Гирею, отдалъ ему глубокій поклонъ и повернулся, чтобы идти пѣшкомъ впереди хана. Но послѣ этой церемоніи онъ получилъ позволеніе сѣсть на лошадь и сопровождалъ такимъ образомъ Крымъ-Гирея до р. Днѣстра, которая отдѣляла насъ отъ крѣпости. Мы замѣтили здѣсь мостъ изъ кораблей, который былъ устроенъ пашою бендерскимъ; это представило тѣмъ больше затрудненій, что нужно было разбивать ледъ, покрывавшій еще рѣку. Но всѣ эти мѣры, предпринятыя съ цѣлью оказать вниманіе повелителю татаръ, имѣли мало успѣха, и всѣ настойчивыя убѣжденія визиря, чтобы ханъ воспользовался мостомъ, не привели ни къ чему. „Я переправляюсь чрезъ рѣки болѣе экономическимъ способомъ“. Съ этими словами онъ пускаетъ свою лошадь мелкой рысью и принуждаетъ пашу, котораго заставила содрогнуться эта шутка, послѣдовать его примѣру. Трескъ ломившихся подъ ними льдинъ долженъ былъ въ самомъ дѣлѣ заставить пашу пожалѣть о понтонахъ, и только на другомъ берегу уже онъ могъ наглядно убѣдиться въ ихъ безполезности. Во время этой переправы изъ крѣпости начались пушечные салюты; Крымъ-Гирей вступилъ въ Бендеры при громѣ всей артиллеріи. Онъ расположился въ домѣ визиря, устроивши стоянку для того, чтобы распустить свои войска; тѣмъ временемъ въ Каушанахъ приготовлена была для него квартира и мы прибыли туда всѣ равно довольные возможностью отдохнуть послѣ похода.

Между тѣмъ вѣсти, получаемыя изъ Константинополя, откуда турецкая армія располагала отправиться къ Дунаю, не обѣщали тата-

рамъ долгаго бездѣйствія. Среди удовольствій, которымъ любилъ предаваться Крымъ-Гирей въ минуты отдыха, онъ былъ предусмотрителенъ и уже отдалъ приказъ собирать новыя войска; онъ считалъ необходимымъ направиться самому къ Хотину, чтобы удалить оттуда великаго визиря. Невѣжество, которымъ отличался этотъ первый министръ, требовало дѣйствительно противодѣйствія со стороны человѣка такого могущественнаго и просвѣщеннаго, какъ ханъ; раньше видно уже было, что намѣренія Крымъ-Гирея не были благопріятны для Эминъ-паши. Этотъ послѣдній, болѣе подозрительный въ своемъ недовольствѣ и вынужденный скрывать его до поры до времени, былъ самымъ опаснымъ врагомъ.

Среди всѣхъ своихъ занятій, Крымъ-Гирей все чаще испытывалъ приступы ипохондріи, которымъ онъ былъ подверженъ. Я былъ вдвоемъ съ нимъ во время одного изъ такихъ припадковъ, которые онъ переносилъ съ нетерпѣніемъ, и старался, чтобы онъ не принималъ никакихъ сомнительныхъ лекарствъ, когда нѣкто Сирополо, предлагавшій уже ему свои услуги, вошелъ въ комнату. Этотъ человѣкъ былъ родомъ изъ Корфу, греческаго вѣроисповѣданія, химикъ большой руки, врачъ Валахскаго господаря и его уполномоченный въ татарскомъ ханствѣ; въ качествѣ таковаго онъ имѣлъ доступъ къ хану и предложилъ ему свою медицинскую помощь, увѣряя, что онъ знаетъ лекарство, вовсе не дурное на вкусъ, которое вылечитъ хана окончательно.

— „На такомъ условіи я согласенъ“, отвѣтилъ ханъ и врачъ вышелъ.

Я задрожалъ такъ замѣтно, что ханъ обратилъ вниманіе и сказалъ мнѣ съ улыбкой: „что, мой другъ, неужели вы боитесь“?

— „Конечно“, отвѣчалъ я съ живостью, обсудите положеніе этого человѣка и свое и подумайте, не правъ-ли я?“

— „Какое безуміе!“ сказалъ онъ, „на что мнѣ обсуждать? Не достаточно-ли одного взгляда: взгляните на него и на меня и увидите, осмѣлится-ли онъ“.

Напрасно я употреблялъ настойчивыя убѣжденія, пока готовилось лекарство; врачъ быстро разсѣялъ дурное расположеніе хана, и это усилило мои опасенія.

На слѣдующій день подозрѣніе мое еще больше возросло: ханъ чувствовалъ такую слабость, что едва могъ выйти; но ловкій врачъ увѣрялъ, что это хорошій симптомъ спасительнаго кризиса и полнаго выздоровленія. Между тѣмъ Крымъ-Гирей уже не выходилъ изъ гарема. Опасаясь за него, обезпокоенный безпечностью министровъ, я сообщилъ имъ свой страхъ и вынудилъ рѣшеніе позвать на судъ Сирополо и сказать ему, что его жизнь будетъ зависѣть отъ жизни хана. Но этотъ человѣкъ достаточно хорошо зналъ мораль своихъ судей, зналъ, что эгоизмъ заставитъ ихъ заняться не мертвымъ, а его преемникомъ. Никакія угрозы не могли смутить его. Мы потеряли всякую надежду и я не разсчитывалъ уже видѣть хана, какъ вдругъ онъ меня позвалъ къ себѣ. Меня ввели въ его гаремъ, гдѣ я засталъ нѣсколькихъ изъ его женъ: общая печаль и уныніе ихъ было такъ велико, что онѣ забыли удалиться. Я вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ Крымъ-Гирей. Онъ только что кончилъ различныя дѣла съ своимъ диванъ-эффенди (секретаремъ совѣта). Указывая на бумаги, лежавшія вокругъ, онъ сказалъ мнѣ:

„Вотъ мой послѣдній трудъ, а вамъ я отдаю свои послѣднія минуты“.

Но увидѣвши вскорѣ, что никакія усилія не могутъ побѣдить моей печали, онъ прибавилъ:

„Разстанемся; ваша чувствительность могла бы растрогать меня, я же постараюсь уснуть на вѣки веселѣе“. Онъ далъ знакъ шести музыкантамъ, стоявшимъ въ глубинѣ комнаты, начать концертъ.

Часъ спустя я узналъ, что несчастный ханъ умеръ подъ звуки музыки.

Мнѣ нѣтъ надобности говорить, какія сожалѣнія вызвала его смерть и какъ она глубоко опечалила меня лично. Отчаяніе было общее; какой-то ужасъ овладѣлъ всѣми и тѣ, кто наканунѣ спокойно спали, увѣренные въ полной безопасности, теперь думали, что непріятель стоитъ у воротъ.

Въ то время, какъ собравшійся диванъ былъ занятъ рассылкой курьеровъ, облеченіемъ властью одного изъ султановъ на время междуцарствія и хлопотами о набалазамированіи тѣла Крымъ-Гирея,—Сирополо безъ всякихъ затрудненій получилъ паспортъ и билетъ на проѣздъ, необходимые ему для того, чтобы спокойно уѣхать въ Валахію.

Между тѣмъ признаки отравы ясно обнаружились при бальзамированіи тѣла; но интересъ минуты заглушилъ у этихъ придворныхъ всякую мысль о мести и наказаніи виновнаго. Тѣло хана было отправлено въ Крымъ на колесницѣ, драпированной чернымъ сукномъ, запряженной шестью лошадьми въ черныхъ попонахъ. Пятьдесятъ всадниковъ, значительное число мирзъ и султанъ, командовавшій конвоемъ, были тоже въ траурѣ; надо замѣтить, что на востокѣ этотъ обычай есть только у татаръ.

Сильная усталость, которую я испытывалъ уже давно, вмѣстѣ съ неизвѣстностью относительно своего положенія, которую вызывало это событіе, заставило меня легко уступить желанію уѣхать въ Константинополь и тамъ ждать новыхъ распоряженій, которыя угодно будетъ поручить мнѣ. Часть моего домашняго хозяйства была еще въ Бахчисараѣ, другую часть я оставилъ въ Каушанахъ, гдѣ оставался и г. Руффинъ, удерживаемый дѣлами. Распорядившись такъ, я уѣхалъ въ сопровожденіи своего секретаря, хирурга, лакея и ханскаго чиновника, который долженъ былъ меня провожать и былъ снабженъ необходимыми указаніями на этотъ счетъ.

Мемуары бар. Тотта, какъ мы уже сказали, небогаты свѣдѣніями относительно территоріи нынѣшняго Новороссійскаго края. Тѣ отрывочныя данныя, которыя онъ сообщаетъ, могутъ быть раздѣлены на географическія (касающіяся топографіи и этнографіи) и историческія.

Говоря о татарскомъ набѣгѣ 1769 года, бар. Тоттъ описываетъ только погромъ Новой Сербіи (которая входила тогда въ составъ Елисаветинской провинціи), не касаясь остальной части южнорусскихъ степей, которую разоряли войска Калги и Нурадина. Онъ только указываетъ, что по общему плану набѣга, намѣченному въ Каушанахъ, армія Калги должна была направиться на сѣверо-востокъ къ Самарѣ и Бахмуту, армія Нурадина—къ сѣв. Донцу, и затѣмъ упоминаетъ о томъ, что во время военнаго совѣта на правомъ берегу Ингула, у границы Новой Сербіи, ханъ получилъ вѣсти объ этихъ двухъ арміяхъ, подтверждавшія движеніе ихъ въ указанномъ направленіи.

Бар. Тоттъ въ качествѣ очевидца описываетъ очень подробно походъ той главной части татарской арміи, которая находилась подъ предводительствомъ самаго хана Крымъ-Гирея, и мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить движеніе ея и районъ, охваченный ея нашествіемъ

Послѣ общаго военнаго совѣта въ Каушанахъ, армія, предводительствуемая ханомъ, переправилась черезъ Днѣстръ и направилась на сѣверъ.

Въ Балтѣ, послѣ долгаго перехода, была первая большая лагерная стоянка. Изъ Балты войска двинулись на востокъ, а затѣмъ въ юго-восточномъ направленіи шли къ р. Бугу. На этомъ пути бар. Тоттъ упоминаетъ объ остановкѣ въ какомъ-то татарскомъ мѣстечкѣ Ольмарѣ (?), котораго мнѣ не удалось фиксировать на картѣ.

Быть можетъ, мѣстечко это имѣло и другое названіе. На правомъ берегу р. Буга въ настоящее время есть мѣстечко Ахмечеть; названіе это, несомнѣнно татарское, очень разнится отъ наименованій окрестныхъ селъ и деревень; а самое мѣстечко лежитъ какъ разъ на томъ пути, по которому шло татарское войско; но нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, что Ольмаръ и Ахмечеть одно и тоже.

Далѣе войско хана переправилось по льду черезъ р. Бугъ, къ сѣверу отъ впаденія въ нее р. Мертвовода; послѣ нѣсколькихъ дней пути уже по запорожскимъ степямъ, оно перешло р. Мертвоводъ и берегомъ ея шло до истоковъ этой рѣки, гдѣ и расположилось на отдыхъ въ камышевыхъ заросляхъ.

Послѣ этой стоянки, войско, не зная дорогъ, двигалось на угадъ въ сѣверо-восточномъ направленіи къ р. Ингулу, на правомъ берегу котораго, почти на границѣ Новой Сербіи, остановилось лагеремъ для окончательной провѣрки плана военныхъ дѣйствій. Мѣстность, по которой шло до этого пункта татарское войско (между среднимъ теченіемъ р. Буга и среднимъ теченіемъ р. Ингула), бар. Тоттъ называетъ запорожскими пустынями (déserts Zaporoviens). Это было вѣдомство Запорожской Бугогардовской паланки. Очевидно въ то время населеніе этой мѣстности было очень малочисленно, такъ какъ бар. Тоттъ, подробнымъ образомъ описывающій всѣ стоянки арміи, одинъ разъ только упоминаетъ о нѣсколькихъ заброшенныхъ жилищахъ и копнахъ сѣна, которыя встрѣтились по дорогѣ

на правомъ берегу Ингула и которыми войско воспользовалось для устройства своего лагеря. Вѣроятно, это былъ зимовникъ, покинутый жителями при вѣсти о приближеніи врага. На пространствѣ всего пройденнаго пути до Ингульской стоянки, бар. Тоттъ ни разу не говоритъ о подобныхъ поселкахъ. Да это и не удивительно, такъ какъ юго-западная окраина Бугогардовской паланки примыкала непосредственно къ кочевымъ владѣніямъ едисанской орды. Южная часть нынѣшней херсонской губерніи, между нижнимъ теченіемъ Буга и устьями Днѣпра, принадлежала къ району едисанскихъ кочевій и не имѣя строго опредѣленныхъ границъ, составляла предметъ вѣчной порубежной распри между ордой и Запорожьемъ.

Непосредственное сосѣдство съ татарами не могло внушать желанія селиться близъ этой опасной окраины и только необходимость вызывала устройстьо кое-гдѣ сторожевыхъ постовъ и зимовниковъ. Къ сѣверо-востоку же, къ берегамъ рѣки Ингула мѣстность могла быть населена плотнѣе.

Перейдя Ингулъ, войско татарское въ предѣлахъ Новой Сербіи раздробилось на множество мелкихъ отрядовъ, движенія которыхъ прослѣдить нѣтъ возможности. Это былъ дикій набѣгъ, гдѣ отсутствовалъ правильный планъ, гдѣ главной цѣлью ставился возможно болѣе опустошительный разгромъ земли и захватъ плѣнныхъ.

Мы можемъ слѣдить опять таки лишь за движеніемъ той же центральной части войска, которой предводительствовалъ ханъ. Б. Тоттъ отмѣчаетъ здѣсь нѣсколько фактовъ погрома, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ. Не рѣшившись напасть на крѣпость св. Елисаветы, татарское войско разорило близъ-лежащее мѣстечко Аджамку, а затѣмъ поворотило на сѣв.-западъ и, двигаясь къ польской границѣ,на пути уничтожило м. Красниковъ. Кромѣ того, отрядъ волонтеровъ направился къ Цыбулеву, но не рискнувши напасть на самое укрѣпленіе подъ пушечными выстрѣлами, разграбилъ только предмѣстья. Б. Тоттъ вскользь говоритъ о набѣгѣ на Цыбулевъ, но о томъ же событіи мы имѣемъ другое свидѣтельство, приводимое г. Скальковскимъ, именно рапортъ вальдмейстера Максимова [1]) (отъ 26-го января 1769 г.), который самъ скрывался въ

---

[1]) „Исторія Новой Сѣчи“ Скальковскаго, ч. III-я.

Цыбулевѣ во время татарскаго нападенія. Въ томъ же рапортѣ Максимова мы находимъ свѣдѣнія о разореніи татарами еще двухъ пунктовъ—слободъ Максимовской и Гончарской. Баронъ Тоттъ не упоминаетъ этихъ слободъ, очевидно, раззореніе ихъ было дѣломъ одного изъ отдѣльныхъ отрядовъ.

Описывая страшныя картины погрома Новой Сербіи, б. Тоттъ говоритъ, что въ предѣлахъ этой территоріи было сожжено 150 деревень, общее же число захваченныхъ плѣнныхъ доходило до 20,000 человѣкъ. Говоря о населеніи Аджамки, онъ указываетъ, что это мѣстечко имѣло отъ 800 до 900 домовъ; наконецъ, онъ приводитъ фактъ сожженія татарами 1200 человѣкъ, укрывшихся въ какомъ то монастырѣ во время набѣга и погибшихъ послѣ упорнаго сопротивленія. Всѣ эти данныя говорятъ въ пользу того, что въ то время на территоріи, составлявшей Елисаветинскую провинцію (по бар. Тотту Новую Сербію), было уже немало поселеній съ довольно значительнымъ числомъ жителей. Если допустить даже весьма возможное преувеличеніе въ числѣ плѣнниковъ, трудно опредѣляемомъ на первый взглядъ, то все же остающіяся данныя свидѣтельствуютъ въ пользу населенности этой территоріи.

Нѣкоторые изъ упоминаемыхъ бар. Тоттомъ пунктовъ существуютъ и теперь. Такъ, Аджамка, бывшая въ то время военнымъ пикинерскимъ шанцемъ, теперь существуетъ въ видѣ мѣстечка на рѣкѣ того же имени (въ алекс. уѣз., херс. губ.) къ сѣверо-востоку отъ Елисаветграда, бывшей крѣпости св. Елисаветы.

Г. Цыбулевъ, упоминаемый бар. Тоттомъ, вѣроятно, нынѣшнее мѣстечко Цыбулево на р. Ингульцѣ, въ сѣверной части александрійскаго уѣзда, ближе къ границѣ кіевской губерніи. Красникова, а также слободъ Максимовской и Гончарской, подъ тѣми же именами, на картѣ херс. губерніи нѣтъ. Г. Скальковскій двѣ послѣднія слободы указываетъ въ томъ-же александрійскомъ уѣздѣ. Дер. Максимовка есть въ елисаветградскомъ уѣздѣ, на р. Большой Выскѣ, впадающей въ р. Высь, но она находится нѣсколько вдали отъ остальныхъ упомянутыхъ пунктовъ, которыхъ положеніе опредѣляется точно въ александрійскомъ уѣздѣ.

Мы видимъ, что вторая и главная часть похода совершалась татарскимъ войскомъ въ мѣстности уже гораздо болѣе населенной, чѣмъ земли Бугогардовской паланки.

Районъ, охваченный описаннымъ набѣгомъ татаръ, заключалъ въ себѣ сѣверо-западную часть нынѣшней херсонской губерніи: вся тяжесть погрома пала на александрійскій, а потомъ на елисаветградскій уѣзды.

Описаніе 3-й заключительной части похода прямо не относится къ нашей цѣли, такъ какъ дѣло происходило уже въ предѣлахъ польской Украйны (нынѣшней кіевской и подольской губерніи). Замѣтимъ только, что мѣстечко Саврань, бывшее сборнымъ пунктомъ для дѣлежа награбленной въ Новой Сербіи добычи, существуетъ и въ настоящее время въ подольской губерніи, на почтовомъ трактѣ, близъ р. Буга.

Татарскій набѣгъ сопровождался обычнымъ аттрибутомъ своимъ—пожарами, уничтожавшими на пути все имущество, а часто не щадившими и самой жизни обитателей этого края. Противостоять дикимъ, стремительнымъ ордамъ могли только мѣста укрѣпленныя и защищенныя войсками. Но такихъ пунктовъ было мало, военная защита была плохо организована: русское правительство съ этой цѣлью устроило только крѣпость св. Елисаветы, всѣ-же другія укрѣпленія, въ видѣ шанцевъ, были довольно слабы. Жителямъ остальныхъ мѣстъ приходилось прибѣгать къ единственному средству защиты при появленіи врага—покидать свои жилища и прятаться въ перелѣскахъ. Въ набѣгѣ 1769 г. мы видимъ обычные въ подобныхъ случаяхъ пріемы и нападенія, и самозащиты. Съ одной стороны татары, дробясь на мелкіе отряды, чтобы лучше скрыть слѣды, разсѣеваются по всей территоріи и, обходя по возможности всѣ укрѣпленные пункты, стараются дѣйствовать нежданнымъ набѣгомъ въ разсыпную на беззащитныя слободы и поселки, истребляя ихъ огнемъ. Съ другой стороны населеніе бѣжитъ отъ татаръ, ищетъ пріюта въ стѣнахъ укрѣпленія или монастыря, или скрывается въ лѣса, оставляя свои жилища, поля и стада въ добычу пламени и разграбленію. Баронъ Тоттъ разсказываетъ о томъ, какъ Игнатъ—козаки и татары атаковали жителей, засѣвшихъ въ лѣсу. По словамъ упомянутаго уже Максимова, жители слободъ Гончарской и Максимовской, укрывшись въ Чорномъ лѣсу, отстрѣливались отъ татаръ. Вѣсть о приближеніи врага распространялась обыкновенно посредствомъ придуманныхъ запорожцами сигнальныхъ „фигуръ“, устраивавшихся изъ пустыхъ бочекъ (или изъ бревенъ),

сложенныхъ въ видѣ башни и переложенныхъ соломой и горючими веществами. Фигуры эти въ запорожскихъ степяхъ ставились, въ недалекомъ разстояніи одна отъ другой, обыкновенно на курганахъ, вдоль какого-нибудь шляха, проѣзжей дороги; около нихъ устраивались небольшіе сторожевые посты или редуты. Зажженная фигура давала знать о появленіи непріятеля въ сосѣдній редутъ, тамъ дѣлали то-же самое и вскорѣ яркое пламя горящихъ фигуръ разносило по всей странѣ грозную вѣсть, предупреждая жителей объ опасности.

Русское правительство, устраивая въ 1763 г. Елисаветинскую провинцію, приказало поставить на всемъ ея пространствѣ подобные „сигнальные маяки". Очевидно, о нихъ говоритъ баронъ Тоттъ, описывая путь войска къ Аджамкѣ, и не безъ основанія замѣчаетъ, что эти сигнальные маяки служили для татаръ, незнающихъ дороги, лучшимъ проводникомъ вглубь страны.

Временемъ своихъ набѣговъ татары обыкновенно избирали средину лѣта или зимы, когда можно было переправляться черезъ рѣки вплавь или по льду, и очень избѣгали весеннихъ и осеннихъ разливовъ. Суровость климата, страшные зимніе холода гибельно дѣйствовали на татарское войско въ этихъ открытыхъ степяхъ; съ непривычки это поражало барона Тотта и заставляло его, быть можетъ, слишкомъ сгущать краски въ описаніи бѣдствій татарской арміи, когда онъ говоритъ, напримѣръ, о томъ, что у нихъ въ одинъ день погибла $^1/_{10}$ часть всѣхъ лошадей, т. е. 30,000 и 3,000 людей отъ холода и голода. Къ большему преувеличенію, если не просто къ вымыслу, нужно отнести и разсказъ барона Тотта объ одномъ изъ Игнатъ—козаковъ, опускавшемся два раза на дно рѣки, чтобы достать у одного изъ потонувшихъ сипаевъ кошелекъ и пистолеты.

Что касается чисто исторической канвы разсказа о набѣгѣ 1769 г., то она въ общемъ согласна съ свидѣтельствами другихъ источниковъ и только въ нѣкоторыхъ частностяхъ есть разногласіе. Именно, баронъ Тоттъ упоминаетъ о такомъ фактѣ: что „запорожскіе козаки", тѣснимые Калгой-султаномъ, заручившись съ его стороны нейтралитетомъ, отказали въ повиновеніи командиру крѣпости св. Елисаветы. Нѣкоторые польскіе историки подтверждаютъ это свидѣтельство; г. Соловьевъ совсѣмъ умалчиваетъ о немъ, а г. Скаль-

ковскій съ негодованіемъ отвергаетъ возможность подобнаго факта, указывая на ту роль дѣятельныхъ союзниковъ, которую играли въ войнѣ 1769—1774 г. запорожцы относительно Россіи. Роли этой отрицать нельзя, но если мы посмотримъ, съ какого времени началась она, то увидимъ, что запорожцы являются дѣятелями въ этой войнѣ совмѣстно съ русской арміей послѣ того, какъ дѣйствія этой арміи и флота были ознаменованы первыми блестящими успѣхами, что участіе запорожцевъ въ войнѣ этой относится уже къ концу 1769 г., а не къ началу его. Грамота Екатерины II отъ 19 декабря 1768 г., поощрявшая вѣрность запорожцевъ, которые донесли генералу Воейкову о заискиваніяхъ хана крымскаго, эта грамота на которую особенно ссылается г. Скальковскій, кажется, не можетъ служить непреложнымъ свидѣтельствомъ противъ барона Тотта. Мы видѣли, что запорожцы и въ данномъ случаѣ дѣйствовали совершенно независимо: только уладивши дѣла свои съ ханомъ, они довели объ этомъ до свѣдѣнія генерала Воейкова. Эта самостоятельность запорожцевъ понималась русскимъ правительствомъ и вызывала съ его стороны неудовольствіе, которое ясно сказывается въ письмѣ Румянцева къ Екатеринѣ II-й по поводу донесенія запорожцами о полученныхъ ими прелестныхъ письмахъ отъ Порты [1]): „многіе случаи, пишетъ Румянцевъ, довольно меня вразумляютъ разбирать свойство запорожскихъ козаковъ, которые настоящимъ воспослѣдованіемъ ищутъ превознестись въ томъ, всегда ими воображаемомъ уваженіи, что одно ихъ войско толь важно для защиты границъ, сколь и прелестно другимъ державамъ. Не вмѣщается то въ моемъ понятіи, какъ-бы могъ султанъ такого эмиссарія отправить прямо и явно къ сему войску, не имѣвши никакихъ предувѣреній или поводу, котораго народное право подвергаетъ участи самаго злѣйшаго преступника и коего въ показаніе своей подданнической вѣрности, кошевому атаману подлежало-бы самого средствами прикрытыми представить генералъ-губернатору въ Кіевъ и тѣмъ пресѣчь дальнѣйшія покушенія. Но сего злодѣя, Кошевой рапортуетъ, что черезъ нѣсколько дней съ письмомъ отвѣтнымъ къ султану отпуститъ. А я и не могу вообразить, какую можно переписку въ

---

[1]) «Исторія Новой Сѣчи» Скальковскаго, ч. III-я.

сей матеріи продолжать подданному съ непріятелемъ, которая при нынѣшнихъ обстоятельствахъ столько подозрительна, сколько и предосужденія сдѣлать можетъ высочайшимъ интересамъ вашего величества, по разсужденію, что войско запорожское не одноземцы, но всякихъ націй составляютъ народы".

Вообще, если принять во вниманіе постоянное стремленіе Запорожья къ независимости въ своихъ дѣлахъ, его стѣсненное положеніе въ послѣдніе годы существованія, его вѣчныя распри съ командиромъ крѣпости св. Елисаветы изъ-за земель, о чемъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ документовъ изъ этого періода, наконецъ сношенія Запорожья съ турками, не разъ завязывавшіяся въ трудную годину, хотя оканчивавшіеся всегда печально для запорожцевъ, въ фактѣ приводимомъ барономъ Тоттомъ можно видѣть не какую-то „измѣну" Запорожья русскому государству, а просто политическій разсчетъ, который заставлялъ свободную общину запорожскую держаться въ выжидательномъ положеніи среди загорѣвшейся распри двухъ враждебныхъ стихій. Во всякомъ случаѣ утвердить этотъ фактъ можно было-бы только какимъ-нибудь положительнымъ подлиннымъ документомъ; но я хочу указать только, что нѣтъ основаній отрицать возможность подобнаго образа дѣйствій со стороны Запорожья.

Можно сдѣлать еще короткое замѣчаніе относительно чисто историческаго факта, входящаго эпизодически въ мемуары барона Тотта. Говоря о происхожденіи войска Игнатъ-козаковъ, поселившихся на р. Кубани и бывшихъ вѣрными подданными турецкой имперіи, баронъ Тоттъ замѣчаетъ, что первый предводитель этой группы поселенцевъ былъ Игнатій [1]), который ушелъ изъ русскаго государства отъ бритья бородъ потому, видно, что „цѣнилъ бороду свою дороже свободы". Это замѣчаніе показываетъ, что баронъ Тоттъ, достаточно знакомый съ исторіей татаръ и турокъ, не стоитъ на такой-же твердой почвѣ относительно русской исторіи. Онъ не понялъ того, что въ извѣстный періодъ русской жизни люди могли отстаивать свою бороду именно потому, что въ покушеніи на нее видѣли посягательство на свою свободу; что бритье бородъ было

---

[1]) «Ист. Россіи» Соловьева, т. XXVIII-й.

[2]) Игнатій Некрасовъ; Игнатъ козаки—такъ называемые Некрасовцы.

однимъ изъ случайныхъ поводовъ, за которымъ скрывались гораздо болѣе глубокія причины, побуждавшія этихъ людей покидать свою родину, бѣжать въ чужой край и вмѣстѣ съ непріятельскимъ войскомъ разорять предѣлы русскаго государства.

Въ качествѣ интересной подробности, опущенной русскими историками, можно отмѣтить указаніе барона Тотта на то обстоятельство, что Крымъ-Гирей умеръ отъ яда, которымъ былъ отравленъ вслѣдствіе происковъ враговъ и главнымъ образомъ, какъ намекаетъ баронъ Тоттъ, великаго визиря. Эта подробность бросаетъ еще одинъ штрихъ на внутреннюю организацію турецкой имперіи въ ту пору.

Вотъ тѣ данныя, которыя можно извлечь изъ разсказа барона Тотта о татарскомъ набѣгѣ 1769 г., разорившемъ сѣверную часть нынѣшней Новороссіи.

Но въ тѣхъ-же мемуарахъ мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія и о новороссійскомъ югѣ, именно о губерніи таврической и южныхъ полосахъ херсонской и бессарабской.

На пути своемъ изъ Франціи въ Крымъ барону Тотту пришлось проѣзжать по этой окраинѣ. Путь его лежалъ черезъ Польшу, турецкія владѣнія, затѣмъ (изъ Молдавіи) въ Бессарабію и южными степями до Перекопскаго перешейка, откуда начинались уже главныя владѣнія крымскаго хана, собственно Крымъ. Послѣ главныхъ остановокъ своихъ, въ г. Хотинѣ, на польско-турецкой границѣ, въ г. Яссахъ, въ Молдавіи (границей между Молдавіей и хотинскимъ пашалыкомъ служила р. Прутъ) и въ г. Кишиневѣ, баронъ Тоттъ прибылъ въ Кишлу, резиденцію бессарабскаго султана-сераскира. Вся страна отъ границъ Молдавіи до г. Таганрога, занятая землями бессарабской, едисанской, джамбуйлуцкой и едичкульской ордъ, вмѣстѣ съ Кубанью, частью Черкещины и крымскимъ полуостровомъ, носила названіе Малой Татаріи.

Населеніе Бессарабіи или Буджака, подобно крымскимъ татарамъ, вело жизнь осѣдлую, имѣло свои деревни. Султанъ-сераскиръ управлялъ этой татарской провинціей въ качествѣ ханскаго намѣстника. Съ большой свитой мирзъ, хорошо вооружившись и запасшись провизіей, онъ предпринималъ частыя охотничьи экскурсіи, которыя нерѣдко, вмѣсто охоты на зайцевъ и на дичь, обращались въ болѣе серьезныя экспедиціи военнаго характера.

Р. Днѣстръ служила границей между Бессарабіей и степями едисанской орды. Ногайцы, входившіе въ составъ 3-хъ большихъ ордъ: едисанской, джамбуйлуцкой и едикульской вели кочевой образъ жизни, хотя кочевья ихъ были довольно точно фиксированы. Они располагались обыкновенно въ рѣчныхъ долинахъ. Баронъ Тоттъ описываетъ такія кочевые лагери едисанскихъ ногайцевъ: небольшія долины около 30 м. въ длину и $^1/_4$ м. ширины прорѣзываютъ степи съ сѣвера на югъ по теченію рукавовъ и рѣчекъ, которыя текутъ на днѣ этихъ глубокихъ долинъ и оканчиваются на югѣ, у берега Чернаго моря, небольшими озерами или лиманами. Въ этихъ рѣчныхъ долинахъ ногайцы раскидывали свои палатки и тутъ-же устраивали зимніе загоны для скота. Кругомъ, сколько глазъ захватитъ, стлалась безбрежная степь и на краю горизонта будто сливалась съ небеснымъ сводомъ правильнымъ кругомъ. Аистъ или другая птица изрѣдка проносились въ воздухѣ. Восходящее солнце вставало будто изъ-за моря. Тамъ и сямъ по степи возвышались высокіе курганы. Баронъ Тоттъ сравниваетъ ихъ съ подобными-же курганами Фландріи, Брабанта и Ѳракіи и дѣлаетъ предположеніе, что это не могильные холмы, а просто земляныя насыпи, которыя устраивались войсками для обозначенія пути во время военныхъ походовъ. Обычай устраивать такія насыпи во время похода существуетъ и теперь у турокъ и, быть можетъ, на подобныя-же земляныя работы указываетъ и Ксенофонтъ въ „Отступленіи десяти тысячъ“.

Въ этой степи, верхомъ на лошади, ногаецъ проводилъ всю свою жизнь, занимаясь то набѣгами, то охотой или несложнымъ домашнимъ хозяйствомъ. Ногайцы обрабатывали часть степи и на поляхъ сѣяли преимущественно просо; но главнымъ богатствомъ ногайскихъ ордъ былъ скотъ: овцы обыкновенно держались близъ кочевья, а лошади, быки и верблюды пускались на волю въ степь, гдѣ и пропадали цѣлое лѣто. Каждый хозяинъ выжигалъ свою мѣтку на каждомъ животномъ. Позднею осенью ногайцы пускались на поиски за стадами и разсѣевались въ одиночку по степи; встрѣчая пасущійся скотъ, ногаецъ запоминалъ мѣтки и съѣхавшись случайно въ пути, хозяева передавали другъ другу указанія, въ какомъ направленіи можетъ каждый изъ нихъ найти свои стада.

Зоркій глазъ ногайцевъ позволялъ имъ различать другъ друга на далекомъ разстояніи, когда только голоны ихъ, какъ черныя точки, показывались на горизонтѣ. Лошадей ловили они арканами; лошадиное мясо служило имъ пищей и они спѣшили убить издыхающую лошадь, чтобъ съѣсть ее.

Кумысъ и просяной хлѣбъ служили тоже обычной пищей ногайцамъ.

На поля и степи ногайскія нерѣдко налетали цѣлыя миріады саранчи, которая, темной тучею застилая солнце, опускалась на землю и истребляла до тла всю растительность. Ея налеты были опустошительнѣе пожаровъ. Часть хлѣба, шерсть и плохо выдѣланныя кожи составляли предметъ торговли ногайцевъ и находили сбытъ въ Балтѣ и пограничныхъ турецкихъ рынкахъ. Деньги полученныя ногайцами (золотые дукаты венеціанскіе и генуэзскіе) закапывались ими въ землю, по свидѣтельству барона Тотта, такъ какъ вслѣдствіе простоты жизни ногайцевъ деньги не находили у нихъ употребленія.

На всемъ этомъ вольномъ пространствѣ степей, какъ два сторожа, стояли сильныя турецкія крѣпости: Очаковъ и Перекопъ. Б. Тоттъ такъ описываетъ: Очаковъ „эта крѣпость, расположенная на правомъ берегу р. Днѣпра, близъ его устья, устроена на небольшомъ откосѣ. Ровъ и крытая дорога—единственныя ея укрѣпленія: крѣпость имѣетъ видъ удлиненнаго параллелограма и здѣсь такъ-же, какъ въ Бендерахъ и Хотинѣ, есть многочисленная артиллерія; но пушки плохи: каждая изъ нихъ установлена между двумя габіонами, образующими родъ амбразуры“. Евреи, живущіе въ предмѣстьи Очакова, держатъ тамъ постоялый дворъ. „Днѣпръ при устьѣ образуетъ лиманъ, окаймленный съ юго-востока низменной песчаной косой, носящей названіе Кинбурнской. Здѣсь противъ Очакова устроено другое укрѣпленіе. Плоскодонныя лодки служатъ средствомъ сообщенія между обоими берегами.

Изъ Очакова баронъ Тоттъ переправился черезъ Днѣпръ въ Кинбурнъ и затѣмъ ѣхалъ Джамбуйлуцкими степями вдоль побережья Чернаго моря, до перекопской крѣпости: шумъ морскихъ волнъ, разбивавшихся о берегъ, явственно слышался и нарушалъ однообразіе этихъ пустынныхъ степныхъ равнинъ.

Перекопскія укрѣпленія устроены были въ самомъ узкомъ мѣстѣ перешейка и, упираясь съ обѣихъ сторонъ въ морской берегъ, занимали пространство около $^3/_4$ мили. На сѣверѣ находился ровъ; черезъ него плохой деревянный мостъ велъ къ воротамъ подъ сводомъ. Каждый вечеръ привратникъ запиралъ эти ворота на ключъ, преграждая такимъ образомъ и проходъ и проѣздъ на полуостровъ. У сѣверной линіи укрѣпленій, близъ этихъ воротъ, расположилась плохенькая деревня, жители которой занимались торговлей съ русскими купцами и промышленниками. Перекопская крѣпость была прочна и имѣла величественный видъ: искусство и природа какъ-бы помогли другъ другу въ этомъ дѣлѣ. Окопы, прерванные въ нѣсколькихъ мѣстахъ редутами, укрѣпленные пушками и снабженные гранатами, могли-бы, по словамъ барона Тотта, противостоять стотысячной арміи. Русскія войска въ войны 1736 и 1769 г. г. проникали въ Крымъ не черезъ перешеекъ, а съ востока, со стороны узкой косы, которая тянется параллельно восточному берегу Крыма и отдѣляетъ Сивашъ отъ Азовскаго моря. Неизвѣстно, когда были устроены перекопскія укрѣпленія; баронъ Тоттъ склоненъ думать, что работы эти предшествовали поселенію здѣсь татаръ, или-же предки нынѣшнихъ татаръ были культурнѣе своихъ потомковъ. Во время пребыванія въ Перекопской крѣпости баронъ Тоттъ встрѣтилъ тамъ цѣлую колонію австрійскихъ нѣмцевъ изъ 7 мущинъ 5 женщинъ и 4 дѣтей. Они оставили родину, отправившись искать счастья въ Россію, но здѣсь имъ такъ не повезло, что они бѣжали. Не зная дороги, они попали въ ногайскія степи. Баронъ Тоттъ забралъ колонистовъ съ собою и пристроилъ ихъ въ Крыму.—На сѣверѣ крымскаго полуострова, близъ Перекопскаго перешейка, находится рядъ солончаковъ и соляныхъ озеръ. Баронъ Тоттъ говоритъ, что они были отданы въ аренду армянамъ и евреямъ, которые вели здѣсь торговлю. Добываніе соли и торговля ею велись на самыхъ элементарныхъ основаніяхъ. Умѣнья экономизировать добытую соль, устроить склады ея, предохранить отъ случайностей, въ видѣ дождей и т. п.,—ничего этого не было. Условія торговли были таковы: покупатель и продавецъ уговаривались только на счетъ цѣны за возъ соли и на счетъ числа воловъ, которые будутъ запряжены въ этотъ возъ. Затѣмъ покупатель самъ

добывалъ соль, нагружалъ свой возъ и отправлялся въ путь. Гарантія отъ обмана заключалась въ слѣдующемъ условіи: если возъ сломится подъ тяжестью соли, не достигши раньше означеннаго пункта, покупатель долженъ возвратить соль торговцу. Бѣлая дорожка отъ сыпавшейся съ возовъ соли ясно указывала путь, по которому двигались „валки“ изъ Крыма на сѣверъ въ южно-русскія степи.

Мы не будемъ останавливаться на топографическомъ описаніи Крымскаго полуострова и на соображеніяхъ, которыя высказываетъ баронъ Тоттъ относительно происхожденія цѣпи южныхъ горъ, вліянія моря на очертанія береговъ и т. п.; отмѣтимъ только, что баронъ Тоттъ указываетъ вездѣ на благопріятныя условія природы и сравнительно малую культуру: онъ говоритъ о плодородіи почвы и о дурной ея обработкѣ, объ удобныхъ условіяхъ для развитія винодѣлія и плохомъ уходѣ за виноградниками и т. п.

Не станемъ распространяться и объ административномъ устройствѣ татарскихъ земель, основныя черты котораго были нами указаны раньше. Остается только обратить вниманіе на тѣ населенные пункты, которые называетъ баронъ Тоттъ, на нѣкоторыя черты политической исторіи Крыма, отмѣченныя имъ, и бросить бѣглый взглядъ на общественный строй и экономическое положеніе собственно крымскихъ татаръ. Крымскій полуостровъ издавна служилъ приманкой для различныхъ народностей и долго былъ предметомъ завладѣній и споровъ. Въ немъ постепенно смѣнялись періоды византійскаго, готскаго, генуэзскаго владычества, оставляя каждый свои слѣды. Генуэзцы распространили свои владѣнія до предѣловъ Херсонеса Таврическаго. Памятниками долгаго и жестокаго господства генуэзцевъ въ Крыму, по предположенію барона Тотта, являются развалины укрѣпленныхъ замковъ на вершинахъ скалъ; изъ этихъ замковъ не рѣдко ведутъ подземные ходы, сообщающіеся иногда съ какими-то пещерами; въ одной изъ такихъ пещеръ найдено было множество человѣческихъ костей. Впрочемъ, въ пользу своего предположенія о генуэзскомъ происхожденіи замковъ этихъ, баронъ Тоттъ не приводитъ убѣдительныхъ доказательствъ. Большой городъ Кафа (нынѣшняя Ѳеодосія) и ничтожный по значенію въ XVIII вѣкѣ г. Балаклава были, по словамъ барона Тотта, нѣ-

когда главными пунктами генуэзской торговли. Балаклавскій портъ, лежащій при удобномъ заливѣ, окруженный лѣсами, дающими матеріалъ для судостроенія, къ тому-же первый портъ со стороны Ѳракійскаго Босфора, имѣлъ несомнѣнное значеніе въ болѣе раннее время, о чемъ свидѣтельствуютъ древнія развалины вблизи него. Кромѣ этихъ двухъ пунктовъ, въ числѣ значительныхъ городовъ, баронъ Тоттъ называетъ Бахчисарай, столицу хана, Гуцловъ (нын. Евпаторія), неправильно передѣланный русскими въ Козловъ [1]), и Ахмечеть (нын. Симферополь), резиденцію ками-султана. Какъ сказано раньше, генуэзское владычество въ Крыму смѣнилось турецкимъ.

Крымскіе татары вели осѣдлую жизнь, начало феодализма проникало весь ихъ общественный строй; знатные мирзы, получавшіе земли въ ленное владѣніе, были вассалами хана. Пять знатныхъ древнихъ фамилій, ведшихъ свой родъ, по преданію отъ сподвижниковъ Чингизъ-хана, составляли высшую аристократію страны, строго отличавшуюся отъ новопожалованныхъ вассаловъ. Каждая изъ этихъ фамилій (мирзы ширинскіе, мансурскіе, седжукскіе, аргинскіе и барунскіе) имѣла своего представителя или *бея*; всѣ новые, низшіе мирзы имѣли вмѣстѣ одного *бея* и эти шесть беевъ составляли вмѣстѣ съ ханомъ верховный совѣтъ. Ширинскій бей считался постояннымъ представителемъ остальныхъ въ то время, когда совѣтъ не собирался, и пользовался большимъ значеніемъ.

Земли дѣлились въ Крыму на ленныя владѣнія, крестьянскія и ханскія. Послѣднія были свободны отъ всякихъ повинностей, вассальныя обложены были извѣстной податью; эти доходы собирались въ казну и изъ нихъ выдавались ханомъ награды мирзамъ. О положеніи крестьянскаго населенія баронъ Тоттъ замѣчаетъ только, что владѣлецъ-мирза пользовался въ районѣ своего лена правомъ наслѣдства крестьянскихъ земель, въ случаѣ отсутствія наслѣдниковъ по 7-й степени родства; тѣмъ-же правомъ пользовался ханъ относительно своихъ вассаловъ.

---

[1]) Гуцловъ значитъ тысяча глазъ; получилъ это названіе оттого, что лежа на плоской низменной равнинѣ, освѣщенный огнями, онъ вечеромъ представляетъ эффектное зрѣлище.

Ногайцы, у которыхъ не было такого правильнаго распредѣленія земель, были обложены десятинной повинностью съ добываемыхъ продуктовъ, которую они платили сераскиръ-султанамъ.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ бытъ народовъ, населявшихъ новороссійскія степи. Кажется, мы исчерпали все, что даютъ мемуары барона Тотта относительно нынѣшняго новороссійскаго края,— губерній херсонской и отчасти бессарабской.

С. Е.

КАРТИНКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

(Изъ эпохи перехода отъ козачества къ крестьянству).

Все йде, все минае
И краю не мае...
Изъ „Гайдамакъ“ Т. Г. Шевченка.

Пишу мой разсказъ не по документамъ, а по изустнымъ преданіямъ. Не факты историческіе въ строгой опредѣленности хочу передать вамъ, читатель мой, но хочу воспроизвести предъ вами тѣ мелкіе штрихи, которыми отпечатлѣвалась со времени дѣтства въ моей памяти и воображеніи минувшая народная жизнь. Надъ колыбелью моею носились звуки народной пѣсни; потомъ слышалъ я много думъ и легендъ, преданій и разсказовъ, изъ которыхъ многіе имѣли связь съ ближайшими селами, лѣсами, урочищами. И все это то улетучивалось по частямъ, то опять восполнялось, спутывалось, переплеталось, давало извѣстный осадокъ, получало какое-то очертаніе и колоритъ и слагалось въ одно общее представленіе о старомъ времени. Исчезли частности, факты, точные образы лицъ и дѣйствій, остались ихъ тѣни, едва примѣтныя черты, и этими-то тѣнями, этими неясными отпечатками хочу теперь воспользоваться, чтобы, приведя ихъ въ связь, сдѣлать наброски для общей картины минувшей народной жизни. Нитью моихъ воспоминаній, канвою настоящихъ картинокъ служатъ для меня разсказы стараго пріятеля моей юности, жителя м. Калиболотъ (Кіев. губ., звенигор. у.) Андрія Бондара, а центромъ всего, личность Петра Бондара, его дѣда, свидѣтеля разоренія Сѣчи.

Живо и теперь представляю себѣ большую старую хату, у подошвы горы, на краю роднаго села. Весною и лѣтомъ она вся

утопала въ зелени вишень и черешень. Въ этой хатѣ жилъ названный сейчасъ мой пріятель—старикъ Андрій Бондаръ. Хотя хата его находилась и недалеко отъ села, но онъ жилъ въ ней какъ-то одиноко, отдѣльно отъ общей жизни села. Въ семьѣ у него были только сынъ и невѣстка. Рѣдко видѣли его въ селѣ: только по большимъ праздникамъ онъ являлся въ церковь, все остальное время или проводилъ на пасѣкѣ, или выдалбливалъ въ своей хатѣ ложки. Бывало, поздними лѣтними вечерами я навѣщалъ его. Не могу передать словами того впечатлѣнія, какое выносилъ я изъ этой убогой хаты. Одинокій, молчаливый въ теченіи дня, мой старикъ охотно говорилъ, окончивъ свои дѣла. Усѣвшись въ концѣ стола и подперши руками голову, онъ начиналъ обобщеніями тѣхъ думъ и впечатлѣній, которыя роились въ его головѣ за работой, но которыхъ и некогда и не кому было передать. Жизнь съ ея невзгодами и страданіями глубоко отпечатлѣвалась въ его философствующемъ умѣ. Горькая дѣйствительность переносила его къ воспоминаніямъ; иногда я самъ наводилъ его рѣчь на прошлое. Старикъ оживлялся, съ увлеченіемъ отдавался воспоминаніямъ. Говорилъ и говорилъ безъ устали и конца. Мое воображеніе въ ночномъ полумракѣ рисовало мнѣ картины минувшаго. Передо мной, какъ живой, являлся образъ украинскаго козака съ его вѣрнымъ воронымъ конемъ. Широкія степи, лѣса, могилы, все это какъ будто-бы находилось въ Бондаревой хатѣ. Все это такъ и просилось на полотно. Отъ чего я не художникъ?—спрашиваю и теперь себя. Отъ чего я не художникъ? Я бы перенесъ всѣ эти черты на полотно и мы имѣли-бы, читатель, картину давно минувшей народной жизни, какъ начертала и сберегла ее память народная.

Надо отдать справедливость моему собесѣднику: это не былъ простой передатчикъ чужихъ словъ, но художникъ, въ пламенной душѣ котораго перетворялось все слышанное и видѣнное имъ. Подъ обаяніемъ его одушевленныхъ, поэтическихъ разсказовъ всѣ мельчайшія черты и подробности прошлой жизния ясно рисовались тогда въ моемъ воображеніи. Не профессора рѣчь въ аудиторіи слушалъ я, но проникнутую огнемъ повѣсть потомка о его ближайшихъ предкахъ. Нѣкоторые изъ его предковъ жили и дѣйствовали у него на глазахъ и чуть-ли не въ этой-же хатѣ. Одинъ изъ нихъ и выступитъ въ моемъ разсказѣ.

Но на ряду съ разсказами Бондара я слышалъ много пѣсень, которыя въ свою очередь такъ ярко живописуютъ предъ нами народную жизнь.

Не вдалекѣ отъ хаты Андрія, на выгонѣ, по вечерамъ, собиралась „улиця". Помню, она всегда начиналась „дівчачою" пѣсней:

Надъ мойіми воротами
Чорна хмара стала:
А на мене молодую
Поговіръ та слава...

Безъ конца бывало льется-разливается она—эта широкая, какъ украинскія степи, пѣсня и убаюкиваетъ дремлющее село. Все засыпаетъ въ немъ, только гульливая молодежь собирается въ кружки и проводитъ время по своему.

Я долго засиживался въ хатѣ Бондара и упивался этой задумчиво-очаровательной мелодіей, какъ сладкимъ нектаромъ. И ночь отъ пѣсни становится такой чудной, такой обаятельной! Кажется, вѣчно слушалъ-бы и не наслушался-бы; вѣчно дышалъ-бы воздухомъ этой дивной ночи, любовался-бы миріадами звѣздъ и блѣднолицымъ мѣсяцемъ!.. Подъ звуки пѣсни родной забываешь все. Она уноситъ тебя далеко, далеко отъ земли и всего обыденнаго. Въ туманной дали ночи возникаютъ и исчезаютъ картины и образы прошлаго. Мысль уносится въ глубь вѣковъ и слышится, будто живой, замогильный голосъ предковъ.

Бывало, и мой разсказчикъ, въ сумракѣ вечернемъ, дребезжащимъ „старечимъ" голосомъ затянетъ пѣсню, и вотъ готовая иллюстрація къ его разсказу; она еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе разсказа. Всего болѣе, всего чаще разсказъ держался на „Сѣчи". Старикъ кончитъ, или прерветъ свою пѣвучую рѣчь, затянетъ: *Ой Січь—мати, Січь!...* и оборветъ словами: „Отъ січь! Ото-жъ теперь моя мати Січь!"... Старикъ умолкалъ, свѣсивъ голову въ глубокомъ раздумьѣ; иногда слеза повиснетъ на рѣсницѣ, или скатится по морщинистому лицу... „Каганецъ" мигалъ и давалъ намъ знать, что пора окончить занимавшую насъ бесѣду.

Многое теперь изъ разсказовъ Андрія улетѣло изъ моей памяти; остались осколки и ихъ-то я хочу собрать и подѣлиться съ вами, благосклонный мой читатель.

I.

Стоить явіръ надъ водою,
Въ воду похилився:
На козака незгодонька —
Козакъ зажурився.

Изъ малор. пѣсни.

Ой не гараздъ, запорожці,
Не гараздъ учинили —
Степъ широкій, край веселый
Та й занапастили.

Изъ малор. пѣсни.

Немного больше столѣтія тому назадъ огромное пространство земли между Высью и Тикичемъ было покрыто дикими, могучими лѣсами и безбрежными степями. Большей части теперешнихъ полей въ то время не касался лемехъ и чересло: они были цѣлиной, на которой свободно паслись стада дикихъ коней и козъ. Въ степяхъ было дико и пусто; только высокія могилы, эти свидѣтели дѣдовской славы, возвышались надъ ровною поверхностью. Пѣли жаворонки надъ ними свои дребезжащія пѣсни, взвивались чайки и оглашали ихъ своимъ кигиканьемъ.

И степная почва, и все, что росло на ней, было такъ сказать въ состояніи дѣвственности: ихъ не касалась ни рука человѣка, ни сдѣланное человѣкомъ орудіе. Случалась засуха и—весь богатый растительный міръ, казалось, на всегда погибалъ подъ палящимъ зноемъ солнца; по временамъ уходящіе татары, или жители, въ виду ихъ набѣга, поджигали степь,—поднимался пожаръ, который пожиралъ все до корня. Но наступала весна и степь еще съ большей красой одѣвалась въ свой зеленый покровъ. Миріады разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ въ яркихъ точкахъ вырисовывались безконечными узорами на безбрежномъ зеленомъ морѣ и степь стояла предъ глазами путника во всей своей красѣ, точно молодая украинка, въ праздничное время собравшаяся въ церковь, нарядившись въ разноцвѣтныя свои плахты и запаски и украсивъ свои косы лентами всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и всякими „пастурцями, чернобрывцями, помяками, барвинкомъ и любисткомъ“.

Въ такую-то пору, когда роскошная украинская природа воскресала во всей своей весенней прелести, въ пустынной степи, что между

Высью и Тикичемъ, ѣхалъ одинокій всадникъ. Онъ точно подавленъ былъ видомъ красующагося вокругъ его зеленаго моря, чувствовалъ всю прелесть, все обаяніе весны и ѣхалъ не скоро. Только, когда дорога направлялась въ село или хуторъ, онъ сворачивалъ въ сторону, по временамъ пришпоривалъ коня, скрываясь въ высокой травѣ и стараясь проѣхать незамѣченнымъ. Выѣзжая на просторъ, онъ снова пускалъ коня на волю, предаваясь раздумью и уносясь мыслями далеко-далеко, въ свое родное гнѣздо—вольное и разгульное Запорожье. Это былъ молодой запорожецъ Петръ Бондаръ. Онъ направлялъ свой путь на мѣстечко Калниболоты, гдѣ жила его старушка мать и куда тянула его не одна сыновняя любовь. Ѣхалъ онъ, какъ говорится, *навпрошки*, не по протореннымъ дорогамъ, а иногда и вовсе безъ всякой дороги, и тогда солнце, мѣсяцъ и звѣзды, могилы и буераки служили ему проводниками.

Отъ чего такъ прячется этотъ вольный сынъ степи, для котораго не страшна самая смерть?—Не смерть страшитъ его, но панская неволя. Имя запорожца и гайдамаки давно уже стали синонимами; онъ былъ притомъ изъ „подданныхъ“ той мѣстности, въ которую теперь направлялся. Малѣйшая неосторожность,—замѣтятъ, подстерегутъ, схватятъ, забьютъ въ колоду и будешь снова рабомъ ненавистнаго пана, или станутъ судить, какъ гайдамаку, и тогда погибнешь позорною смертью. Вотъ отъ чего такъ „озырцемъ“ ѣхалъ нашъ Петро Бондаръ. Не татаринъ, не „лихій чоловікъ“, или „звірюка“ страшатъ его и заставляютъ ѣхать „навманя“, а неволя, одна только неволя.

Ему ни почемъ долгій путь и всѣ его невзгоды. Устанетъ конь, или самъ онъ,—любая балка лучшій пріютъ: всюду тамъ вода, а вокругъ молодая роскошная трава. Придетъ-ли ночь, она окутаетъ его своей темнотой: сѣдло у изголовья, вѣрный конь на „припоні“, а съ боку „мушкетъ добрый“ и испытанная „мати козачая“—сабля.

Петро былъ молодъ, лѣтъ подъ тридцать—не свыше; мужественное загорѣлое лице его отмѣчало и школу и путь, которые онъ прошелъ. Лучшую красу его составляли длинные черные усы, имѣвшіе такое-же естественное положеніе, какъ вьющійся по тыну хмѣль, повиснувшій до низу верхушкою.

На головѣ у него была высокая баранья шапка. Одѣтъ онъ былъ въ старый кобенякъ и широкія шаровары; сапоги на немъ

были старые, но съ блестящими подковами и краснаго цвѣта. Во все время долгаго пути козакъ былъ молчаливъ и задумчивъ. Онъ не оглашалъ пустынной степи заунывной пѣсней. На лицѣ его была написана глубокая скорбь, которую онъ какъ-бы повѣрялъ иногда своему боевому товарищу. „Коню мой, коню, товарищу мій вірный! Руйнують нашу Січь—матірь, забирають наше добро, а насъ мабуть въ панщину, або въ солдаты повернуть! Не будемо мы гуляти съ тобой по широкимъ степамъ, не погріемось въ Польши на пожарі, не політаемо въ чайкахъ по Черному морю. Не стане славнаго товариства... Куды намъ повернутись съ тобою? Чи вже-жъ мені бути гречкосіемъ, та-ще й бабіемъ? Коню мій, коню! Хиба підемъ туркови служити, якъ тамъ тіи майнули?.. Сторона турецькая, віра бусурманьская... Якъ маемо тамъ жити, нехристови служити? А тутъ мати Украина, Лугъ Великій, Дніпръ широкій, тутъ мати моя старенька, „дівчина“ чернобрива... Украино, Украино! Матінко моя рідна! Дивчино кохана! Не покину васъ до віку. А де-жъ воля—доля наша? Де іі шукати? Будемъ тую ратувати... Отъ тілки побачусь зъ вами, та й зновъ у степъ. Зберемось, землю піднимемъ, неба достанемъ. Панівъ будемъ выгубляти, зъ москалями битись, свою волю-долю ратувати... Украино, Украино! Мордують, плюндрують тебе, сердце зъ тебе выймають... Якъ тебе намъ боронити? Де-жъ самимъ подітись?—А ще-жъ мати наша та не вмерла, коли маемо шаблю при боку. Поміряемось, побачимо, чій батько дужчій“...

Какъ-бы желая призвать кого въ помощь или подѣлиться своею рѣшимостью, козакъ выкрикнулъ было свое завѣтное: „пугу, пугу!“ которымъ долго, долго оглашались степи и лѣса отъ Чернаго моря вверхъ по Днѣпру, до самой Десны и дальше; но отклика не послышалось ни откуду. Пробовалъ онъ пѣть, но и пѣсня его терялась въ безпредѣльной степи, и онъ снова погружался въ думы. „Не дай Боже въ шинку вмерти, въ помыйниці жидівскі, або гречкосіемъ на печи! Чому куля не зразила мене на войні? Поховали-бъ товарищи въ чистому полі, насыпали-бъ надо мною высокую могилу, выпалили-бъ зъ гарматы; нехай знала-бъ Украина, що козакомъ умеръ! А теперь—горе, горе! Матінко моя! Дівчино моя! Мабуть зъ вами мені віку доживати. Не покину, не покину“...

Усталый конь медленно двигался впередъ, щипля по дорогѣ зеленую траву; думы роемъ вились въ головѣ козака и одна смѣняла

другую. Онъ не плакалъ, а *„схилившись“* на гриву своему доброму коню, весь отдался тяжелымъ думамъ.

Былъ полдень, солнце невыносимо жгло раскаленными лучами. Усталая лошадь чуть-чуть плелась, давно ожидая, когда остановится хозяинъ въ балкѣ и напоитъ ее чистою водой.

Вдругъ козакъ очнулся: гикнулъ, гаркнулъ и понесся по степи. Думы разлетѣлись въ мигъ. Близость гнѣзда роднаго, гдѣ онъ выросъ, гдѣ впервые свѣтъ увидѣлъ и кароокую Марту полюбилъ, заставила его думать о другомъ. „Годі вже тужити, годі сумувать! говорилъ онъ самъ себѣ. Есть у мене серденько едине, що вірно любить мене, есть „дівчина“ чорнобрива; вона-жъ мене розважить, печаль мою рознесе!“ И онъ перенесся мыслями въ Калниболоты, гдѣ находилась его дорогая Марта, и напередъ рисовалъ себѣ картину встрѣчи съ ней на лугу подъ старыми вербами, гдѣ такъ часто съ нею говорилъ и смотрѣлъ въ ея карія очи. Еще нѣсколько часовъ ѣзды и онъ увидитъ свою старую мать и нѣжно любящую его сестру, что „що дня“ за ворота выходила, ожидала брата своего. И опять разоренная Сѣчь мерещилась у него въ глазахъ и портила его настроеніе. „Що-жъ робити?—думалъ онъ. Такъ мабуть Богъ судивъ, за гріхи наши наказавъ! Скільки-жъ и мы народу невинного часомъ погубили! Скільки того пьянства, скільки розбіяцтва! Оце-жъ терпи, душе, спасена будешь!.. Тильки-жъ трудно знова въ ярмо шію закладать... Горе наше, горе! Де намъ подітись?“... И снова воображеніе его рисовало ему широкій вольный Днѣпръ, и будто видѣлъ онъ въ туманѣ, какъ товариство на легкихъ чайкахъ отчаливало отъ берега и съ вольной пѣсней уносилось за Дунай... То вдругъ предъ нимъ родныя села и давно знакомая картина ихъ жизни. Прошли сроки вольной селитьбы, миновали щедрыя льготы заселявшихъ Украйну пановъ. Настала полная панщина во всей ея тяготѣ, и въ добавокъ „правенты“, десятины и всякіе другіе безчисленные сборы. Отаманы, осавулы еще до свѣта выгоняютъ въ поле народъ—отъ мала до велика. Ланы покрыты измученными людьми: кто пашетъ, кто коситъ, а кто жнетъ. Всюду панскіе приставники—„сіпаки“, а по нивамъ разъѣзжаетъ съ длиннымъ „малахаемъ“ самъ панъ „окомонъ“. Припуждаютъ народъ къ работѣ, бьютъ не щадно, а по вечерамъ отъ экономіи несутся раздирающіе душу звуки... Въ добавокъ гонятъ изъ села „попа благо-

честивого“, запираютъ церковь, уніата „голобородька“ велятъ признавать. Козакъ вспомнилъ все, что видѣлъ отъ дней дѣтства, вспомнилъ „Коліивщину“, и страшную за нее расправу, и наставшее потомъ полное рабство; ему представилось, что и его старая мать теперь въ тяжкой работѣ, а на его ненаглядную Марту посягаетъ „заздростный“ панъ... У него помутилось въ очахъ и онъ въ оцѣпененіи повисъ головой на гривѣ своего вѣрнаго коня.

Не сознавая себя, не замѣчая ничего вокругъ, онъ въѣхалъ въ лѣсъ, въ глубинѣ котораго находился его родной хуторъ. Здѣсь не было уже дороги, а только небольшая тропинка, извивавшаяся въ чащѣ поростаго по обѣимъ сторонамъ густаго орѣшника. Древесныя вѣтви, нагнувшись надъ дорожкой, иногда совсѣмъ закрывали ее и тогда приходилось всаднику прилегать на лошади, чтобы не зацѣпиться головою. Полная тѣнь, свѣжесть лѣснаго воздуха заставила очнуться козака. Онъ выпрямился на сѣдлѣ, какъ-бы со сна протеръ глаза, дохнулъ широкой козацкой грудью, повелъ глазами вокругъ и при видѣ поразительной картины лѣса, забылъ все, что тревожило его. Здѣсь все теперь жило, начиная съ мельчайшей былинки, недоступной невооруженному глазу и кончая большимъ столѣтнимъ дубомъ. Стоило прислушаться, чтобы услышать тысячу звуковъ, соединявшихся въ чудную гармонію, такъ успокоительно дѣйствующую на душу. Разцвѣтшія деревья дикой яблони, груши и черешни перегораживали лѣсную зелень бѣлыми стѣнами своихъ цвѣтовъ. Маленькія птички, казалось, сами превратились въ тихое щебетанье. Въ каждомъ кустѣ звучалъ то стальной голосокъ синицы, то тяжелый стонъ горлицы, то протяжный крикъ иволги; только временемъ крикливое карканье вороны, раздавшееся гдѣ-нибудь въ вышинѣ и откликнувшееся эхомъ по всему лѣсу, нарушало эту божественную гармонію голосовъ. Вездѣ пѣсни, щебетанье, а самихъ пѣвцовъ не видно—они ушли въ густую лѣсную зелень и скрылись на лонѣ чарующей природы. Только вверху надъ всѣмъ этимъ, словно распластанный среди воздуха, хищникъ - ястребъ выжидаетъ свою добычу и плавно вьется и парить подъ облаками. А въ воздухѣ тихо, тихо, даже листъ не шелохнется.

II.

Чи ты жива, чи здорова,
Моя нене клопотлива?
Изъ малор. пѣсни.

Хуторъ Петра Бондара, въ которомъ жила его старая мать и сестра, находился тогда вдали отъ деревни, въ самой „гущавинѣ“ лѣса. Одиноко, какъ какое-нибудь сказочное жилище, стояла тутъ большая бѣлая хата; съ лицевой ея стороны высокій тынъ охватывалъ небольшое пространство, служившее дворомъ; на высоко торчавшихъ кольяхъ его навѣшены были горшки и другая посуда. Съ трехъ противуположныхъ двору концевъ хаты ее закрывали высокій бурьянъ и крапива, съ протоптанными по нимъ тропинками. Огородъ занималъ мѣсто съ задней стороны хаты и былъ отдѣленъ отъ двора невысокимъ тыномъ съ перелазомъ; на огородѣ была разная зелень и цвѣты, составлявшіе заботу „дівчины“; тутъ были подсолнечники, любистокъ, мята, барвинокъ и много еще другихъ цвѣтовъ, которые и теперь занимаютъ въ украинскихъ огородахъ не послѣднее мѣсто. Дворъ былъ чисто выметенъ, а мѣстами, какъ ковромъ, устланъ шпорышемъ—травой. По срединѣ двора стояла старая груша, на которой висѣло также нѣсколько горшковъ. Позади двора и огорода большимъ полукругомъ расположенъ былъ обширный, нѣкогда роскошный, теперь уже старый и запущенный садокъ. Защищенный со всѣхъ сторонъ густымъ, высокимъ лѣсомъ, онъ давалъ всегда почти богатый урожай самыхъ разнообразныхъ яблокъ, грушъ и сливъ и служилъ большимъ подспорьемъ во вдовьемъ хозяйствѣ старой Бондарихи. Въ тѣ благодатныя времена продажи такихъ плодовъ совсѣмъ почти не было; она просто вымѣнивала ихъ на хлѣбъ и другіе предметы своего скуднаго продовольствія. За садомъ, въ прямомъ направленіи отъ хаты, въ глубокомъ яру былъ родникъ чистой, какъ кристаллъ воды, который еще старый Бондаръ обдѣлалъ въ удобную, неглубокую криничку. Наружкый видъ хаты былъ такой-же, какъ и теперешнихъ малороссійскихъ хатъ. Въ этомъ отношеніи народная архитектура не ушла, кажется, нисколько впередъ. Большая, опрятная, но безъ всякой симметріи, хата, раздѣленная сѣнями на двѣ половины. Окна различной величины и какъ нарочно одно выше, а

другое ниже; крыша соломенная, съ крестомъ по срединѣ, выдѣланнымъ изъ соломы. Вверху на „коміні“ водруженъ былъ деревянный пѣтухъ, который служилъ флюгеромъ, поворачиваясь туда, куда вѣтеръ дулъ. Подъ окнами съ двухъ сторонъ точно рощица изъ густо поросшихъ вишень; каждую весну прилеталъ сюда соловей и безбоязненно пѣлъ подъ хатой пѣсни.

Хуторъ Бондарихи заключенъ былъ въ лѣсу, какъ-бы въ высокихъ крѣпостныхъ стѣнахъ. Только и видно было въ немъ, что небо да земля. Ни прохожаго, ни проѣзжаго; проходили недѣли и мѣсяцы,—живой души не увидишь, голоса человѣческаго не услышишь. И не боялись жить здѣсь мать старуха и ея молодая дочь. Такое жилище считалось тогда неприкосновеннымъ и никакой разбойникъ не нападалъ на него. Мать и дочь выходили изъ своего уединенія очень рѣдко, развѣ когда нужно было сходить въ Калпиболоты купить соли, или-же въ большой праздникъ захочется въ церкви побывать.

Въ свою очередь никто не нарушалъ ихъ уединенія; всѣ дни они проводили вдвоемъ, за мелкой, непрерывной работой, изъ которой слагалось незатѣйливое ихъ хозяйство; иногда только ихъ навѣщали жильцы сосѣдняго въ томъ-же лѣсу хутора.

Тихо и незамѣтно текли дни въ хуторѣ. Послѣ того, какъ умеръ мужъ Мавры Бондарки—Семенъ, а сынъ ея Петро сошелъ въ Запорожцы, о хуторѣ совсѣмъ забыли. Никакого хозяйства, никакого и *отбутку*; только иногда, разъ въ годъ, въ панской экономіи вспомнятъ о заброшенномъ хуторѣ съ садомъ и явятся за полученіемъ „десятины“. При полномъ отрѣшеніи отъ міра не знали наши отшельницы никакихъ тревогъ и огорченій. Потребности ихъ были самыя простыя; особыхъ нуждъ они не знали. Всякую живность имѣли изъ своего огорода и ею запасались на всю зиму; недостающее вымѣнивали на то, что давалъ „садокъ“. Мать и дочь были по своему счастливы, а когда наступали весна, лѣто, забытый всѣми уголокъ ихъ становился истиннымъ раемъ. Одно смущало ихъ—отсутствіе Петра. Лѣтъ пять уже старая Мавра не имѣла объ немъ никакой вѣсти. Одна надежда, одна опора, и „той пішовъ десь по світу блукать“. Хотя такіе случаи въ тогдашней Украйнѣ были довольно часты, но это не умаляло горя старухи матери, а долгое, ни чѣмъ не подерживае-

мое ожиданіе окончательно истощало силы ея, убивало въ ней всякую надежду видѣть своего „Петруся“. Старуха перестала уже плакать, молчала, молилась и лишь изрѣдка вспоминала свою молодость, старыя времена. Только дочь ея—Зинька, не знавшая еще горя, оглашала лѣсъ звонкой пѣсней и съ увѣренностію, но не безъ грусти ждала возвращенія своего брата. Лишь только проникнутъ сквозь чащу лѣсную первые лучи восходящаго солнца, она привѣтствовала его тоскующей пѣсней:

Ой болять ручки та болять ніжки
Та пшениченьку жнучи:
Ой уже-жъ мені та докучило
Та миленького ждучи...

А ждала она не одного Петруся, давно ждала изъ Дона молодого чумака, сына сосѣдняго хуторянина. Съ возвращеніемъ этого послѣдняго должны будутъ повториться ихъ частыя встрѣчи въ въ поздній вечеръ около „криниці“, а съ ними долгіе разговоры.

Тихо было въ хуторѣ, когда подъѣзжалъ къ нему Петро Бондаръ. На дворѣ было пусто; только въ тѣни, подъ разцвѣтшей вишней, на завалинкѣ сидѣла старуха. На лицѣ у нея не было опредѣленнаго выраженія: она, кажется, ни чѣмъ не интересовалась въ этомъ мірѣ, а смотрѣла на все безъучастно. Невдалекѣ отъ нея на травѣ было разостлано рядно съ пшеницей, которую она получила отъ родныхъ и теперь сушила на солнцѣ. Когда на пшеницу прилетали воробьи или приходили куры, она подымалась, дѣлала видъ, будто подымаетъ что-то съ земли и бросаетъ, и хриплымъ голосомъ выкрикивала: „А кишъ, дурни, а кишъ!“ Воробьи улетали и она снова погружалась въ спокойное состояніе, временемъ бормоча какія-то безсвязныя слова.

Петро подъѣхалъ близко къ воротамъ, а старуха его не замѣчала. Онъ межъ тѣмъ оглядывалъ дворъ, хату, огородъ—все было по старому; онъ также не замѣтилъ матери. Сильный стукъ въ ворота заставилъ очнуться старуху: она встала и не глядя впередъ, направились къ воротамъ.

— Де це ты, Зинько, такъ довго була? говорила она. Я уже...

— Матусю, голубко! отозвался козакъ.

— Та це Петро! вскрикнула она, завидѣвъ голову сына чрезъ

ворота и узнавъ его голосъ,—и нервнымъ толчкомъ отбросила подпорку у воротъ.

Покосившіяся во дворъ ворота сами растворились. Суровый запорожецъ упалъ къ ногамъ матери.

— Боже-жъ мій, Боже мій! бормотала старуха, поднимая и обнимая сына. А я-жъ тебе ждала, ждала, та й надію втеряла. Благала Господа, щобъ тебе повернувъ до насъ! Хвалить Ёго ласку небесную!.. Таки довелось мені хочъ передъ смертью побачить тебе... Якъ-же ты постарівъ, та схудъ! Мабуть горе тяжке на тихъ проклятыхъ порогахъ. И хто выдумавъ те кляте Запорожже? Бодай воно никому не снилось!.. Та ты мабуть сёгодни и не івъ ничого. Веди-жъ коня, та ходімъ скоріше до хаты, підживися съ дороги.

— Охъ, Боже мій милостивый! Мати Божа, Мати пречиста!— продолжала Мавра, идя съ сыномъ къ хатѣ. Хвалить вашу ласку святую! Змилувались надо мною, зглянулись на мои слёзы, на мою біду, вернули мені сына неначе зъ того світа. Сыну мій, сыну! стара вже я; не кидай мене, голубчику! Скоро й на той світъ піду, а ты все пó-світу блукаешь... Хто-жъ мені очи закрые, хто поховае мене?

Потокомъ лилась рѣчь старой матери. Старческимъ, дребезжащимъ голосомъ она и ласкала и попрекала сына своего. Глядѣла на него и не могла наглядѣться; обнимала и открывала предъ нимъ свое наболѣвшее материнское сердце. Пахнулъ вѣтеръ, шумѣлъ лѣсъ, зеленыя вѣтки старой груши наклонялись, будто слушая разговоръ матери съ сыномъ. Конь съ жадностью глоталъ густой шпорышъ. Петро оживился; онъ былъ радъ, что въ хуторѣ все благополучно: мать жива, сестра жива; хата стоитъ по старому, только немного пошатнулась на бокъ, и груша также стоитъ среди двора, обвѣшанная горшками. Все привѣтливо ему улыбается.

— Отъ тутъ рай! мелькнула у Петра мысль: на що мені тее товариство? Однакъ пропадае. Кину ёго, оженюсь та й будемо всі тутъ въ купці жить!

А старая мать, будто угадывая мысли сына, говорила:

— Продай ты, сыну, коня вороного. На що тобі тее Запорожжя? ты вже погулявъ, объіздивъ мабуть весь світъ. Пора вже й схаменуться, пора до господарства вернуться. Выбери собі тутъ дівчину, яка тобі люба, та й господаруй на батькивщині. Нехай и я

доживу тутъ віка зъ вами, а коли Богъ благословить, то ще й онучатокъ буду доглядать...

— Эхъ, мамо! Не знаешь ты нашои натуры. Що то козакъ? Сказано: козакъ. То—отъ вітеръ въ полі, гуляе, де схоче. Дмухне, здіймеця... не почуешь, не побачишь. Що вже й казать! Отъ треба коня до оборы поставить, та нагодувать, а то мы забалакались...

— Та тамъ сінця на вышкахъ щось трохи зосталось—нашого садового, та ще въ комірчині зъ корякъ ячменю може знайдеця,— сказала мать и направилась къ хатѣ.

Петро отвелъ коня въ сарай, который находился съ глухой стороны хаты, и самъ пошелъ за матерью въ хату.

Тутъ также все было по старому. Вездѣ чисто; за образами пучекъ засушенныхъ цвѣтовъ; „комінъ“ размалёванъ синей и зеленой краской. Петра сразу обдало дѣтскими воспоминаніями: каждый предметъ, каждая вещица напоминала ему прошлое. И жаль ему стало, что уже почти половина его жизни протекла, что миновали его дѣтскіе веселые годы, прошла его юность въ бурныхъ скитаньяхъ. Затаивъ свою грусть, онъ началъ распрашивать мать про житье-бытье въ хуторѣ, про сосѣдей, про панщину и т. п. Мать угощала своего дорогаго гостя; разговоръ принялъ совсѣмъ обыденный тонъ. Вдругъ Петро какъ-бы что-то вспомнилъ, потеръ лобъ, помялся и нерѣшительно произнесъ:

— А Січи наші вже кінець!.. Розорили геть чисто.

— Бодай вона запалась на віки! Мало вона выгубила людей, а теперь и сама пропала.

— Хоть Січь пропала, та не пропала козацькая слава! отвѣчалъ Петро; побачимо, мо́же ще підъ туркомъ оживе...

— Перехрестись, та схаменись! перебила его мать. То на турка, а теперь підъ туркомъ... Оженись, кажу тобі, та й будемо въ купці жить та Господа хвалить. А вже намъ до турка ничого ходить, хиба самъ сюды прийде,—крый Мати Божа!

Подъ вечеръ пришла изъ Калниболотъ и Зинька. Крѣпко обнялъ козакъ свою добрую сестру; та плакала отъ радости.

— Та чого ты, братіку,—говорила она ему чрезъ нѣкоторое время, такій невеселый? Вернувся до насъ, побачились, хвалить Господа, всі живі та здорові: чого-жъ тобі? Есть у тебе кінь вороный, есть шаблюка добра, мушкетъ и списъ, есть и люлька козацькая: чого-жъ

ты такій смутный? И „дівчина“ твоя жива, и такъ само тебе любить, якъ колись любила, прибавила сестра шутливо; ходить по містечку, да тебе выглядае. Не сумуй, братіку!

— Эхъ, сестро, сестро! говорилъ Петро; не знаешь ты моеи печали, и горя мого зъ роду не вгадаешь. Отъ стану я за „дівчиною“ журиться, коли тутъ мати козацькая вмирае... На що вона мені— та дівчина? Тільки-бъ и журбы, що за нею!..—И тутъ-же мысленно произнесъ:

— Голубко моя сизокрылая! Сегодни-жъ прилечу до тебе быстрымъ соколомъ!

III.

Ой у полі вышня
Зъ підъ коріня выйшла:
Не журися, дівчинонько,
Ще-жъ я не женився!
Изъ малор. пѣсни.

„Та не журь мене, мати,
Бо я й такъ все журюся:
Ой якъ выйду за ворота,
То й одъ вітру валюся!“
Изъ малор. пѣсни.

Насталъ вечеръ. На хуторѣ, подъ хатою вечеряли Мавра и ея дочь. Въ воздухѣ чувствовался дивный ароматъ, но тѣмъ сильнѣе выдавался въ немъ и разносился по всему двору тонкій букетъ только что прижаренаго сала, которымъ полита была стоявшая предъ нашими отшельницами „затірка“. Петра не было съ ними. Гдѣ-то вдали слышались, странно переплетаясь съ звуками отголосковъ, слова пѣсни, такъ отвѣчавшей душевному настроенію Петра. Это пѣлъ онъ своимъ могучимъ голосомъ, пробираясь по лѣсу на своемъ ворономъ конѣ.

Хуторъ, хата, родная мать и сестра, все это привѣтливо и благодѣтельно подѣйствовало на него: онъ ѣхалъ съ бодрымъ и веселымъ видомъ. Гнетущая тоска отлегла отъ сердца. Ему было легко, какъ бываетъ послѣ слезъ. Онъ спѣшилъ къ своей милой, чорнобривой Мартѣ.

Лѣсъ шумѣлъ слегка; шелестѣвшіе листья точно перешептывались между собою. „Бѣлолицый“ то покажется на небѣ и освѣтитъ всю лѣсную чащу, то снова спрячется за тучи. А лѣсъ становился все гуще и гуще. Еще такъ недавно жили здѣсь въ землянкахъ гайдамаки и нападали отсюда на сосѣднія села и мѣстечки. Ихъ набѣги и нападенія были памятны всѣмъ и никто безъ особой надобности не рѣшался проходить или проѣзжать этотъ лѣсъ ночью. Козаку и въ голову не приходило пугаться чего нибудь: онъ свободно ѣхалъ и пѣлъ пѣсню.

Но вотъ кончился лѣсъ; начались поля, покрытыя зеленью высоко поднявшихся хлѣбныхъ всходовъ и травы. Жутко какъ-то становится, когда ѣдешь ночью одинъ въ полѣ. Нигдѣ никого и ничего; только мѣсяцъ посматриваетъ изъ-за тучъ. Всюду тихо, тихо и все какъ-то странно смотритъ на тебя. Какъ ни гони отъ себя всѣ повѣрья и страхи, а все такъ и кажется, будто кто-то хочетъ тебя схватить, будто сзади бѣжитъ за тобой русалка, и смѣется, и киваетъ тебѣ головой...

Вотъ и „Любчина могила“. Одиноко стоитъ она около дороги. Поровнялся съ ней Петро, снялъ шапку, перекрестился и вспомнилъ исторію про бѣдную Любку. А исторія эта вотъ какая:

Давно, очень давно, когда по Украйнѣ сновалъ еще разный неосѣвшій людъ: ляхи, литва, татары и др., въ м. Калниболотахъ у старого сотника была дочь Любка. Во всей этой мѣстности не было краше ея. Такая она была пригожая и добрая, что вся молодежь любила ее, какъ сестру. Безъ Любки и на улицѣ было не такъ весело. Она пѣла и говорила, какъ ласточка щебечетъ своимъ тихимъ голоскомъ.

Засміеця, ажъ Дунай розильеця,
Заспіває, якъ изъ листу читає...

Лѣтомъ, каждый вечеръ, какъ только солнце сядетъ за горами, изъ степи на добромъ конѣ выѣзжалъ молодой козакъ и съ пѣсней направлялся къ мѣстечку. А въ то время здѣсь далеко вокругъ было дико и пусто: степь и лѣсъ шли на всѣ четыре стороны. Козакъ былъ изъ далекаго села. Онъ подъѣзжалъ къ могилѣ и здѣсь ожидалъ „свою любу“. Скоро межъ осокорами и тополями мелькала бѣлая сорочка; то изъ мѣстечка выходила Любка. Она

бросала на улицѣ своихъ подругъ и спѣшила на могилу къ „любому“ козаку. Тутъ они долго „розмовляли“, забывая все на свѣтѣ, и разставались при третьихъ пѣтухахъ. Такъ часто они сходились, миловались, любовались, пока какъ-то не объявленъ былъ по всей Украйнѣ гетманскій универсалъ, призывавшій козаковъ на войну съ татарами. Разсталась Любка съ козакомъ. Козакъ обѣщалъ чрезъ полгода вернуться изъ похода. Свиснулъ и исчезъ въ степи...

Прошло полгода; прошелъ годъ, а козакъ не возвращался и вѣсти о немъ не было. Любка тужитъ, Любка плачетъ и все чаще, и чаще ходитъ на могилу. Посадила тамъ калину и что вечеръ поливала ее слезами. А козака нѣтъ: сложилъ онъ свою козацкую голову на войнѣ съ татарами.

Сохнетъ Любка, стонетъ Любка и какъ тѣнь все ходитъ по мѣстечку. Молча сходитъ на могилу, тамъ поплачетъ и вернется домой. А дома пусто, не весело безъ милаго. И старый сотникъ не можетъ ее утѣшить. Спрашиваетъ бывало:

— Дочко моя, голубко! чого ты тужишъ? чого ты вянешъ?

А она отцу въ отвѣтъ:

— Такъ, тату!

Долго ходила Любка на могилу, пока не нашли ее тамъ мертвой: не выдержала бѣдная разлуки, умерла. Умеръ и сотникъ. Собралась громада, помолилась Богу и похоронила Любку на могилѣ, а отца около церкви. На могилѣ поставили крестъ и посадили калину. Но крестъ подгнилъ и развалился, а калина засохла и вѣтеръ разнесъ по степи ея вѣтви.

Съ тѣхъ поръ и называется эта могила „Любчиною“. „Дівчата“ и теперь привораживаютъ къ себѣ „хлопцовъ“ землей, взятой съ верхушки могилы, а иногда собираются на ней и долго, долго поютъ пѣсни.

И не забываютъ могилу люди: подъ часъ сѣдой старикъ, осматривая свои поля, взойдетъ на нее, перекрестится и вспомнитъ Любку и ея отца.

Про все это Петро слышалъ еще въ дѣтствѣ и чудный разсказъ о могилѣ глубоко запечатлѣлся въ его памяти. Раньше онъ боялся проходить или проѣзжать около могилы, а теперь ничего: отъѣхалъ немного, и снова затянулъ пѣсню, пока не въѣхалъ въ мѣстечко.

А мѣстечко уже спало. Былъ субботній вечеръ. Въ церкви была отправлена вечерня; приходили люди Богу помолиться, потомъ разбрелись по хатамъ и раньше обыкновеннаго легли отдыхать послѣ дневныхъ трудовъ.

Надъ мѣстечкомъ ходилъ мѣсяцъ: то проглянетъ, то скроется за тучи, точно сторожъ за угломъ. Вездѣ было тихо. Въ ночной мглѣ не ясно очерчивались силуэты замка и палаца и бѣлѣлись стѣны хатъ. Тихій вѣтеръ слегка колыхалъ деревьями.

Защелкаетъ порой соловей въ лугу, какъ будто-бы проснувшись отъ сна, и снова замолкнетъ. На выгонѣ завываетъ сова; гдѣ-то на окраинѣ слышится вой собаки. Щемящіе душу звуки! На выгонѣ всегда собирается „улиця"; но сегодня суббота... Здѣсь перекрещиваются двѣ дороги—одна отъ г. Звенигородки, другая изъ села Новоселицы; посрединѣ стоитъ крестъ.

Петро ѣхалъ по улицѣ шагомъ и осматривалъ, что можно было видѣть въ темнотѣ. Лишь только миновалъ онъ крестъ, какъ услышалъ впереди сильное выбиванье трепака и разгульное одиночное пѣніе. Въ тихомъ ночномъ воздухѣ доносились до него слова:

Якъ-бы мені сивый кінь,
Я саночки маю:
Поіхавъ-бы на Вкраину,
Тамъ дівчину знаю!...

Подъѣхавъ къ корчмѣ, Петро увидѣлъ тамъ танцующаго запорожца. Запорожецъ былъ сильно пьянъ.

— Чи тобі-жъ не стыдно, козаче, въ таку лиху годину мокнуть въ жидівськихъ помыяхъ?—говорилъ въ слухъ Петро. Якъ бачу, не буде зъ васъ добра: тамъ Січь руйнують, розганяють запорожцівъ, а вінъ у шинку!—Но слова его не слышны были за гуломъ трепака и шумомъ пѣсни.

Остановивъ коня и присмотрѣвшись, Петро узналъ въ танцующемъ знакомаго ему запорожца, Лавріна Шевця.

Запорожецъ этотъ былъ вольнѣе вѣтра и непостояннѣе дитяти. Скитался онъ по всей Украйнѣ и не имѣлъ постояннаго мѣста жительства. Появится бывало на Запорожьѣ, выкинетъ какую-нибудь штуку, за которую, по сѣчевымъ обычаямъ, слѣдовало-бы его при-

вязать къ позорному столбу и уйдетъ снова на нѣсколько лѣтъ. Прозвище или фамилію онъ получилъ отъ своего ремесла; гдѣ онъ не бывалъ, вездѣ шилъ сапоги. Ремесло это дѣлало его человѣкомъ для всякаго нужнымъ: въ Сѣчи онъ обшивалъ товариство, а въ селахъ крестьянскій людъ.

Такъ онъ и переходилъ съ мѣста на мѣсто, находя вездѣ пріютъ. Родился онъ гдѣ-то около Калниболотъ, а гдѣ именно и кто были его родители, объ этомъ никто не зналъ. Любилъ Лаврінъ крѣпко выпить и иногда выдавалъ себя за колдуна. Ему было около сорока лѣтъ.

— Такъ отъ па що наши запорожци проміняли свою матірь-Січь! говорилъ Петро, обращаясь къ земляку и товарищу. Лаврінъ въ шинку по ій панахиду справляе...

— А самъ-же ты що за плаксивая баба? перебилъ его Лаврінъ; розруйновали—ну и катъ іі бери! Чимъ-же я тутъ виненъ? я собі гуляю... Хочешъ, выпий зо мною чарку горілки, та не лайся: бо й я козакъ, то часомъ щобъ сдачи не давъ!

Петро плюнулъ и съ негодованіемъ произнесъ:

— Нехай чорты съ тобою пьють, а мені не до тебе!—Онъ тронулъ коня и шагомъ поѣхалъ вдоль улицы. Сзади бѣжалъ Лаврінъ и останавливалъ лошадь.

— Постій, постій! кричалъ онъ; ты отъ говоришь, що я въ жидівскихъ помыяхъ купаюсь, а ты, небораче, куда ідешь? Може Січь боронить? Добра Січь—до дівчины на пічь!... Бабій чортіянивъ! Другихъ лаешъ, а самъ до бабы въ пазуху! Кіями-бъ тебе, гнидо! Черезъ васъ блазнивъ и Січь не вдержалась...

Слова эти смутили Петра. Онъ какъ-то вяло проговорилъ: по ділу іду, а не до дівчатъ, и пришпорилъ коня.

Послышался легкій топотъ конскихъ копытъ по мягкой пыльной улицѣ. Лаврінъ въ догонку говорилъ, съ трудомъ удерживаясь на ногахъ:

— По ділу! Таке тамъ и діло... жениться задумавъ. Що-жъ? женись, женись, коли спідницею тобі запахло. Хочешь, то й дівчину твою выкличу: я знаю—вона тамъ въ клуні спить.

Но Петро уже не слышалъ новой укоризны докучливаго собрата и скоро совсѣмъ скрылся изъ глазъ его, повернувъ въ одну изъ поперечныхъ улицъ, гдѣ жила его Марта. Лаврінъ плюнулъ

въ слѣдъ Петра, повернулся на одной пятѣ и махнувъ отчаянно рукой, потянулъ до шинку.

Петро остановился въ знакомомъ ему мѣстѣ, слѣзъ съ коня, завязалъ ему поводья на шеѣ и пустилъ на лугъ, а самъ взобрался на плетень и прыгнулъ въ огородъ.

Слышенъ былъ трескъ и голосъ: „А, чортове зілля: посмалыло руки й видъ!“ Знать, козакъ попалъ въ крапиву. Потомъ еще нѣсколько времени слышался трескъ, шуршанье и шелестъ въ огородѣ. Шумъ удалялся все дальше и дальше, наконецъ гдѣ-то залаяли собаки и все затихло....

— Сердце мое, ты у мене одна осталась! говорилъ Петро, стоя съ Мартой подъ вербой; скажи-жъ, чи ты мене любишъ, якъ и перше? чи може кого другого покохала? Скажи, мое сердце!

— Ой, чудный ты, Петре! тихо отвѣчала Марта: а-жъ тебе ждала-выглядала, якъ ясного сонця, я безъ тебе вяла, тужила, а ты ще кажешь, що тебе я не люблю! люблю, люблю, мій голубе!...

Конь свободно ходилъ по лугу и щипалъ высокую траву. Въ лугу было тихо; весь живущій міръ заснулъ. Одна верба слушала, что говорили Петро и Марта послѣ многихъ лѣтъ разлуки; а больше никто не слышалъ и не видѣлъ. Лишь изрѣдка проглянетъ мѣсяцъ изъ-за тучъ, полюбуется и опять уйдетъ. Проснется птица въ „гаю“ подъ горой, пустить свой голосъ по лугу и замолкнетъ. Тихій говоръ подъ вербой слышался до самаго разсвѣта.

Краснѣлъ восточный край неба, подулъ свѣжій утренній вѣтерокъ; Петро простился съ Мартой, обѣщая завтра вечеромъ пріѣхать, и уѣхалъ изъ Калниболотъ.

IV.

Молодосте-чарівнице!
Хто тебе не знае?
Чого-жъ серце замирае,
Якъ тебе згадае?

Кулишъ.

Такъ какъ время было около мѣсяца мая, то уже вся украинская природа отродилась и мѣстечко Калниболоты одѣлось сплошь въ цвѣтъ и зелень. Вездѣ цвѣтъ и зелень! Только сѣрыя соломенныя

крыши хатъ съ высокими черными трубами выглядываютъ изъ сплошной массы деревьевъ. Небольшіе сады окружаютъ чистыя бѣлыя хаты и покрываютъ своею зеленью все мѣстечко.

Тихо въ мѣстечкѣ; нигдѣ души живой, кажется, будто все спряталось въ чащу зелени, ушло отъ вседневной заботы. На улицѣ сновали только куры и поросята и временемъ проносился вихрь, подымая пыль столбомъ.

Точно горюетъ мѣстечко, что весна должна пройти и покинуть его. И нагнувшіяся вербы, стоя на греблѣ, опустили свои вѣтви, а плакучая ива шелеститъ листьями и стоитъ задумчиво.

Старая церковь, поросшая на крышѣ мхомъ, печально осматриваетъ далекія окрестности мѣстечка.

Но такой видъ Калниболоты имѣютъ только въ жаркій полдень: вечеромъ придутъ съ поля люди и мѣстечко огласится звонкой пѣсней. Воротятся съ поля стада; въ саду близко хаты защебечетъ соловей,—мѣстечко оживится, повеселѣетъ. А теперь ничто не нарушаетъ его тишины, только развѣ съ дуру закричитъ, похлопавъ прежде крыльями, пѣтухъ и голосъ его странно раздастся въ мертвой тишинѣ. Иногда далеко гдѣ нибудь въ густотѣ вербъ начнетъ перекликаться удодъ съ кукушкой, но скоро и они замолкаютъ.

Въ одномъ изъ угловъ мѣстечка, гдѣ больше всего разрослись деревья и откуда часто днемъ лилась звонкая пѣсня, находилась усадьба вдовы Карпивны. Она прилегала съ одной стороны къ пруду, съ другой къ полямъ. Хата стояла на возвышеніи; кругомъ ея деревья. Недалеко отъ хаты огородъ. Въ это время на огородѣ молодая „дивчина“, лѣтъ восемнадцати, усердно занималась выпалываніемъ цвѣтовъ. Это была дочь Карпивны, Марта, ради которой Петро Бондаръ оставилъ сѣчевое товариство. Она разбивала на грядкахъ землю и осторожно вырывала всѣ негодныя травы. Тутъ росли ея любимые цвѣты: чорнобрывци, любистокъ, царьска борідка, королівъ цвітъ, кручени панычи, мята, рута и много другихъ. Каждая дѣвушка въ мѣстечкѣ считала необходимостью имѣть въ огородѣ нѣсколько грядъ подъ цвѣтами, на уходъ за которыми она посвящала все свободное время; какъ не обойдется она безъ пѣсни, такъ не обойдется лѣтомъ безъ цвѣтовъ.

Марта усердно работала и въ полголоса напѣвала пѣсню.

Изъ сѣней вышла старуха— мать и начала звать ее:

Марто, Марто! иди, дочко, полотно вмочи! Та поглянь тамъ на гусей, щобъ часомъ не завернули на лугъ и травы не вытоптали. Покинь квітки!

— Заразъ, мамо, заразъ! отозвалась дочь.

Она перелѣзла черезъ тынъ, отгораживавшій дворъ и огородъ. Подъ самыми окнами хаты находился перелазъ, который упирался въ низенькую глиняную призьбу. На призьбѣ она взяла рукава сорочки, которую недавно начала вышивать и пошла за хату. По другой сторонѣ хаты, за огородомъ, находился садъ, немного ниже лугъ; тамъ была „криниця“ и „копанка“; въ послѣдней мочили полотно.

Садокъ Карпивны состоялъ главнымъ образомъ изъ вишень, но между ними было не мало высокихъ черешень, раскидистыхъ грушъ и яблонь. Въ садку росло также нѣсколько густыхъ кустовъ крыжовника, въ которыхъ каждую весну соловей свивалъ себѣ гнѣздо и потомъ оглашалъ всю рощу и усадьбу Карпивны звонкой, раскатистой пѣсней.—Ничто, кажется, такъ не дорого украинцу, какъ его отцовскій или дѣдовскій „садокъ“; онъ любитъ его, заботится о немъ, какъ о самомъ необходимомъ. Для него дорогъ здѣсь каждый уголокъ, каждый кустъ, каждое деревцо: съ ними соединяетъ онъ воспоминанія о своемъ дѣтствѣ, о своихъ молодыхъ годахъ, о которыхъ онъ говоритъ всегда съ особою грустью. Тутъ старыя дуплистыя деревья, въ которыхъ онъ добывалъ воробьевъ и другихъ птицъ; тутъ и фруктовыя деревья, съ которыхъ онъ первымъ пробовалъ еще зеленыя плоды; тамъ часто прятался въ высокой травѣ отъ отзвука собственнаго голоса, который отдавался въ кустахъ и страшилъ его напуганное разными чудовищными разсказами воображеніе... И много, много другихъ воспоминаній бываетъ связано съ „садкомъ“.

По узенькой тропинкѣ, между травой и кустами, пришла Марта къ высокой дуплистой липѣ, гдѣ было разостлано полотно. Она положила на траву шитье и принялась убирать полотно. Въ это время за кустами послышался шелестъ и изъ-за дерева выглянула и снова спряталась дѣтская головка.

— Куку, Марто! А де я?—раздался откуда-то дѣйсткій голосъ.

— То ты, Андрійку? А що ты тамъ робишь?—спрашивала Марта, не отрываясь отъ работы.

Это былъ ея маленькій братъ.

— Не лазь тамъ: тамъ ужъ есть. Иди, поможи менi збирать полотно!

— А де-жъ я? лепеталъ Андрійко. Знайди попереду, то піду. Э, та не знайдешь!

И мальчикъ полѣзъ въ кустъ орѣшника.

— Підожди, отъ я тебе знайду! говорила, какъ-бы стращая, сестра; нехай тілько полотно зберу!—Марта поспѣшно собрала полотно и бросилась за маленькимъ шалуномъ; тотъ уходилъ и прятался, а она все за нимъ по кустамъ, на распѣвъ приговаривая:

Кобре, кобре! ховайся добре,
Бо якъ пійму, шкуру здійму!

И отыскавъ, вывела изъ-за кустовъ Андрійка. Это былъ мальчикъ лѣтъ шести, съ загорѣвшимъ смуглымъ лицомъ, бѣлыми, мягкими, какъ ленъ, волосами и маленькими карыми глазами, которыя разбѣгались во всѣ стороны, какъ-бы чего искали. Какъ два горящіе уголька, блестѣли его глазки. Онъ былъ точь-въ точь сестра, только волосы у той давно потемнѣли.

Рѣзвый шалунъ, заливаясь звонкимъ смѣхомъ, вырывался отъ сестры и кусалъ ее за руку. Полотняные его штанишки были до колѣнъ въ грязи,—на лугу, въ осокѣ, онъ искалъ дикихъ утокъ,—а въ пазухѣ были разбитыя воробьиныя яица,—самъ не видя, онъ раздавилъ ихъ, когда слѣзалъ съ груши отъ дупла.

Однимъ словомъ: это былъ одинъ изъ тѣхъ мальчугановъ, какихъ можно и теперь встрѣтить во всякомъ селѣ—пасущими ягнятъ или гусей около прудовъ. Онъ не остановится ни передъ чѣмъ и смѣло полѣзетъ въ чужой огородъ, чтобы нарвать тамъ маку, или въ чужой баштанъ за дынями и арбузами, хотя и часто возвращается оттуда съ краснымъ ухомъ и, что хуже, безъ штанишекъ.

Сосѣду трудно сохранить и удержать до Спаса яблоки—этотъ маленькій истребитель тщательно ихъ обтруситъ. „То Богъ родить на всякого долю“,—скажетъ онъ со словъ старшихъ. И не потому онъ обтруситъ, чтобы этого добра не было у нихъ дома, а потому, что таковъ обычай и такой его нравъ.—Ему извѣстно, гдѣ у кого посѣянъ горохъ, гдѣ у кого найбольшая морковь, гдѣ огурцы, гдѣ дыни и гдѣ куры яйца несутъ. И вездѣ онъ облазитъ и обшаритъ, все обнюхаетъ, все узнаетъ. Такъ выросталъ козакъ... И теперь онъ

успѣлъ побывать и на выгонѣ, и около пруда, и у своего сверстника Ивася,—вездѣ. Онъ уже зналъ, что въ хуторъ пріѣхалъ Петро. У Марты Андрійко часто былъ на послугахъ и всегда приносилъ ей извѣстія отъ подругъ и исполнялъ разныя ея порученія. Теперь она заставила его нести одинъ конецъ скатаннаго полотна, а мимоходомъ распрашивала его о подругахъ.

— А Маріи ты не бачивъ?

— Бачивъ; переказала, щобъ ты зарані на улицю выйшла... *И Петра бачивъ!* прибавилъ маленькій Андрійко, и лукаво усмѣхнулся.

— Ну й добре, якъ бачивъ... сконфуженно сказала сестра. А може ты й брешешь, бо Петро козакуе, ёго нема дома.

— Эге, брешу, брешу: добре я ёго бачивъ!

И Андрійко, неся сзади одинъ конецъ скатаннаго полотна, весело подпрыгивалъ и передразнивалъ сестру. Та ему говорила:

— А ты йди на выгінъ до Знахоровои Марусі.

Тупу, тупу, коню,
На высоку гору,
До Марусі,
На подусі...

— Я до Марусі не ходивъ, смѣялся Андрійко, а отъ тобі Петро перстень та сережки давъ! Думаешь, що я не знаю? Знаю. И пісьню знаю!

И онъ началъ тоненькимъ голоскомъ выводить пѣсню, выговаривая вмѣсто ж—з.

Похожано, поброжано
Коло хідки—стежки,
Коло хідки—стежки,
Та коло хідки—стежки!
А той Петро та Мартуні
Покупивъ сережки,
Покупивъ сережки
Та покупивъ сережки!...

Марта не слушала, а быстро пустилась бѣжать внизъ на лугъ, таща за собою съ полотномъ и Андрійка, который долго еще за-

ливался дѣтскимъ смѣхомъ, упираясь ножками въ землю и доканчавая пѣсню.

Полотно было смочено, разостлано на травѣ. Марта, усадивъ возлѣ себя Андрійка, принялась за вышиванье.

— Хочешь? казку буду казать, спросила она брата.

Мальчикъ уши навострилъ.

— Бувъ собі дідъ та баба, начала Марта, та мали собі три дочки и три сыны. Посылае дідъ найстаршого сына козы пасти. А той пасе, пасе та й напоіть. Стае смеркати, то вінъ и жене ихъ до дому. Выйшовъ дідъ противъ ёго, ставъ зъ макогономъ на воротяхъ, у червоныхъ чоботяхъ, та й каже: „Кізоньки мої, кізоньки мої! чи іли вы, чи пили?"—„Ні, дідусю, не іли, не пили; бігли черезъ лісочокъ, вхопили кленовый листочокъ, та й тимъ переділились; бігли черезъ гребельку, вхопили води крапельку, та й тимъ переділились!"...

Тутъ Марта остановилась—на старой липѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, крикливая кукушка выводила свое вѣщее „куку". Марта бросила работу и, переставъ разсказывать, слушала кукушку. Андрійко, чтобъ не спугнуть кукушки, притаилъ духъ и, лишь шепотомъ, указывая на нее пальцемъ, говорилъ:

— Посчитай, сестрице, бо я не вмію!

И Марта, считая по пальцамъ, за каждымъ „куку" выговаривала по слову:

— Зозуле... княгине... скажи мені... скільки я... годъ проживу?... разъ... два... три...

Но кукушка, сдѣлавъ crescendo и не докончивъ счета, улетѣла прочь и сѣла гдѣ-то въ вербахъ на лугу.

Марта принялась снова за сказку, а Андрійко, прилегши на ея колѣняхъ, внимательно слушалъ, пока не заснулъ.

Подъ вечеръ Марта разбудила его и, давъ ему кусокъ хлѣба, послала къ своей подругѣ. Андрійко, выглядывая только одной головой изъ-за высокой травы, бѣгомъ пустился исполнять порученіе сестры, перескочилъ черезъ перелазъ и скрылся за тыномъ.

Марта продолжала работу и пѣла свою любимую пѣсню: „*Черезъ теренъ стежка...*"

День склонялся къ вечеру и тихо уходилъ на покой, уступая свое мѣсто весенней ночи. Вечерняя мгла серебристо-туманнымъ покровомъ окутывала Калниболоты. Мѣстечко оживилось и засуетилось: у колодцевъ заскрипѣли „журавли“ и застучали ведра, и кучка „дівчатъ“, неся на „вечерю“ воду, разсказывала о произшествіяхъ минувшаго дня; веселый смѣхъ и иногда тихая пѣсня разносились по улицамъ. Хрущи и рогатые жуки наполняли воздухъ жужжаніемъ. Слышалось блеянье заблудившихся овецъ, которыя медленно бродили по улицамъ, отыскивая дворы своихъ хозяевъ. Иногда громкій голосъ эхомъ разносился по всему мѣстечку.

— Остапе, займи свою корову, а то геть вытоптала въ городі коноплі!

— Отъ-то, проклятый чередникъ! отзывался другой голосъ на противоположной сторонѣ пруда,—та я-жъ ему наказувавъ!

А изъ хатнихъ трубъ давно уже валилъ дымъ и въ воздухѣ разносился запахъ галушекъ. И трудящійся пахарь, бросивъ работу въ полѣ и перекрестившись, поспѣшалъ въ мѣстечко, гдѣ его семья дожидалась „вечері“. Съ непокрытой головой, неся въ рукѣ „истикъ“ [1]) и шапку, шагалъ онъ за плугомъ и думалъ, какой-то урожай пошлетъ ему Богъ въ этомъ году. А молодой „погоничъ“ беззаботно хлесталъ кнутомъ по наддорожнымъ будякамъ, сбивая ихъ красныя головки, и тихо напѣвалъ:

Та волы въ ёго круторогі,
Погоничі чорнобровi,
Плугатарі кривоногі...
Гей—собъ, цабе—тпру!...

Незамѣтно спустились сумерки и воцарилась ночь. Голоса людскіе понемногу стихали, лишь несмѣтныя массы лягушекъ, усѣвшись по берегамъ пруда, начали обычный свой концертъ. Вербы внимали ему, стоя стражами на греблѣ и не смѣя шевельнуть своими листьями. А люди ужинали, кончали всякое прятанье, прибиранье, ко сну отходили. Всплылъ и мѣсяцъ полнолицый и тихо подымался вверхъ по безоблачному небу, освѣщая сады, хаты, ого-

---

[1]) «Истикъ» —маленькая желѣзная лопатка, надѣтая на палку; употребляется для очистки земли съ плуга.

роды, все мѣстечко. Улицы опустѣли. Въ „гаю“ надъ лугами запѣлъ соловей и звонкая его пѣсня разносилась по всему мѣстечку и по всѣмъ ярамъ, окружающимъ Калниболоты. Чудное пѣніе соловья шло въ перебой съ громкими голосами перепеловъ и коростелей, перекликавшихся гдѣ-то далеко въ пашнѣ, и все это сливалось въ какой-то непонятный строй и отдавалось дивными перекатами на далекомъ пространствѣ. Какъ звукъ стальной косы, подъ молоткомъ косаря, далеко, далеко звучалъ голосъ какой-то ночной птицы. На улицахъ царила полная тишина; лишь изрѣдка слышался въ глубинѣ иного двора невнятный говоръ запоздавшихъ къ ужину хозяевъ, или ихъ рабочихъ. Гдѣ-то въ хатѣ у окна женщина убаюкиваетъ дитя, напѣвая однообразную, своимъ мотивомъ и складомъ уносящую въ далекое прошлое, пѣсню:

Ой ходить сонъ коло віконъ,
А дрімота коло плота.
Питается сонъ дрімоты:
Де мы будемъ ночувати?
Тамъ, де хатка тепленька,
Де дитинка маленька!...

Казалось, послѣдніе звуки замираютъ и ночь вступаетъ во всѣ свои права. Вдругъ, какъ изъ тучи громъ, раздалась шумная пѣсня, разливавшаяся рѣкой по мѣстечку. Это начиналась въ Калниболотахъ „улиця“. Заслышавъ пѣсню, парни надѣвали шапку на бекрень и спѣшили на мѣсто сбора гульливой молодежи; а запоздавшія „дівчата“ поспѣшно мыли ложки и миски послѣ вечери, чтобы украдкой отъ старшихъ поскорѣе вырваться на волю и въ веселой компаніи натѣшиться пѣсней и гульбой. Сначала пѣсня слышна была въ одномъ куткѣ мѣстечка, потомъ въ другомъ, въ третьемъ... Она ширилась, росла и залила все мѣстечко потокомъ звуковъ, полныхъ жизни и веселья.

У вдовы Карпивны на подворьи и въ хатѣ было тихо. Наймитъ только что погналъ на ночь воловъ въ поле, а вдова, помолившись Богу, легла спать. Марта, накинувъ на себя легкую свитку, пошла въ клуню спать. Но можно-ли было ей спать? Она и не спала: отворилась и скрипнула дверь отъ клуни, и она, какъ бѣлое привидѣніе, появилась въ одной рубашкѣ на дворѣ; краду-

чись, она потихоньку перешагнула черезъ перелазъ въ садъ и прямо побѣжала на выгонъ, гдѣ уже шумно гудѣла собравшаяся молодежь.

V.

Ой изъ-за горы, та изъ-за кручи
Та риплять возы, йдучи
А попереду та чумаченько
Та выгукуе, йдучи.

Изъ чумац. пѣсни.

Въ хуторѣ Бондаренкивъ все починялось и приводилось въ лучшій видъ. Крыша на хатѣ обновлена. Огорожа вокругъ двора сдѣлана новая. Все, какъ будто-бы, повеселѣло. Вездѣ видна была заботливая рука хозяина. Повеселѣла и старая мать и втайнѣ радовалась, что сынъ забываетъ по немногу Запорожье. Сестра, какъ и прежде, оглашала хуторъ звонкой пѣсней и ожидала своего милаго „чумаченька".

Каждый вечеръ всѣ трое они садились около порога на дворѣ вечерять, и тутъ-то велись нескончаемыя рѣчи. Мать разсказывала о прошлой жизни и о старыхъ людяхъ. Петро говорилъ о козацкихъ походахъ и приключеніяхъ.

Иногда ихъ навѣщалъ старый пасѣчникъ, сосѣдъ по хутору, Микола Волошинъ, бывшій гайдамака и свидѣтель уманской рѣзни. Петро любилъ слушать, когда старикъ разсказывалъ про „Коллiівщину". Какъ разъ въ тотъ годъ, когда происходила уманская рѣзня, Петро прибылъ въ Сѣчь и вступилъ въ запорожское товариство. Тамъ тогда тоже шли толки объ этой рѣзнѣ и волновали запорожцевъ. Кое-что зналъ объ ней и Петро; но теперь старый гайдамака разсказалъ ему объ этомъ во всѣхъ подробностяхъ. Картины страшныхъ казней, понесенныхъ участниками возстанія, непонятныя дѣйствія русскихъ войскъ, прямо поддерживавшихъ польскихъ пановъ, въ частности поведеніе Кречетникова подъ Уманью, въ связи съ злобою дня — уничтоженіемъ Запорожья, окончательно, кажется, охладили Петра и примиряли его съ избранною теперь имъ ролью...

Скоро возвратился изъ Дону и сынъ пасѣчника, Иванъ. Тогда два сосѣднихъ хутора еще болѣе оживились. Зинька учащала въ „яръ“ до „криниці“ и тамъ долго „розмовляла“ съ своимъ Иваномъ. Ночью въ лѣсу часто слышалась козацкая пѣсня: Иванъ навѣщалъ Зиньку. Наконецъ въ одинъ вечеръ старики, пасѣчникъ и мать Петра, завели разговоръ о томъ, о чемъ ихъ дѣти давно уже порѣшили: пасѣчникъ сваталъ своего сына на Зинькѣ. Поговорили и втихомолку согласились. Другое дѣло рѣшено было раньше: Петро ожидалъ только осени, чтобы посылать въ Калниболоты „старостівъ“ съ хлѣбомъ. А теперь онъ почти каждый вечеръ навѣщалъ свою Марту.

Предварительно Петро наводилъ справки на счетъ своего положенія въ отношеніи къ „пану“, на случай онъ, запорожецъ, объявитъ себя возвратившимся къ хозяйству матери. Оказалось, что опасенія, которыя такъ мучили его, когда онъ возвращался въ свой хуторъ, были напрасны. Тутъ еще раньше настало полное замиренье. Паны не преслѣдовали уже возвращавшихся своихъ подданныхъ. Удовлетворенная чрезъ мѣру месть смягчила ихъ злобу, а преподанный страшный урокъ заставлялъ ихъ по неволѣ быть осторожными. Даже Микола Волошинъ, прямой участникъ „Коліивщины“, уцѣлѣвшій какимъ-то чудомъ, хотя и замаскировавшій свои похожденія, сидѣлъ теперь спокойно въ своемъ хуторѣ. Болѣе благоразумные изъ пановъ въ возвращеніи своихъ подданныхъ видѣли увеличеніе рабочихъ рукъ, радовались этому по простому разсчету и снисходительно смотрѣли на отлучку „хлоповъ“, хотя иногда и многолѣтнюю. Притомъ земельныя права, земельныя отношенія тѣхъ и другихъ были до крайности перепутаны отъ непрерывныхъ почти потрясеній въ краѣ. Право земельное опиралось болѣе на памяти, на давности, чѣмъ на письменныхъ документахъ. Въ частности относительно хуторовъ, на которыхъ люди жили, такъ сказать, „съ діда—съ прадіда“, принято было обычаемъ, что съ нихъ взималась десятина отъ пчелъ и овощей, а панщину отбывали лишь тѣ, которые имѣли „грунта и поля“ въ селѣ и водворившіеся на льготный срокъ. Соціальное положеніе Петра юридически трудно было опредѣлить: его отецъ и дѣдъ владѣли тѣмъ-же хуторомъ, а на какомъ правѣ, никто не зналъ. У отца былъ кромѣ того и грунтъ, но тогда еще были льготные сроки: обязательства на немъ

были не только незначительныя, но и крайне неопредѣленныя. Съ смертью отца, съ исходомъ Петра, съ наступленіемъ грозной передряги какъ-то и грунтъ затерялся. Объ этомъ-то грунтѣ помышлялъ теперь Петро, а вмѣстѣ и о томъ, какія наложитъ онъ на него обязательства.

Тѣмъ временемъ представился Петру случай объявиться отчасти передъ міромъ. Сынъ пасѣчника Миколы, женихъ „Зиньки", Иванъ собрался въ Умань рыбу продавать. Дѣло было послѣ праздника Тройцы. Рѣшился ѣхать и Петро. Небольшая чумацкая „валка" выѣхала изъ лѣсу, въ которомъ находились хутора. „Валку" провожалъ старикъ-пасѣчникъ.

— Глядить, дітки, говорилъ онъ на прощаньѣ, пильнуйте свого діла: продавайте рыбу та й до дому повертайтесь... Будете въ Умани, то тамъ на свои очи побачите, якъ гайдамаки „лядською" кровью землю оросили: мабуть и доси червоніе. Школу розруйновану побачите; тамъ школярівъ гайдамаки повкидали въ глыбокій колодязь. Геть зъ верхомъ наклали... до ста біса ихъ було. Жидівськи будинки до сёго часу стоять розваляни... Та ще отъ що вамъ скажу: коло міста *Грековъ лісъ;* а коло нёго Зализнякъ зъ Гонтою таборомъ стояли. Середъ того лісу есть *галявина,* а на ті галявині стоить стара величенна липа. Отъ підіть туды въ південь и по тіні одъ теи липы одсчитайте сімъ ступенівъ и копайте: тамъ сховано сила грошей. Знайдете,—ваши будуть!

Старикъ вернулся, а тѣ поѣхали дальше. По дорогѣ затянули чумацкую пѣсню подъ скрипъ малеваныхъ яремъ. Волы двигались медленно и жевали жвачку.

Широкій, необъятный просторъ, разлегавшійся во всѣ стороны напомнилъ Петру запорожскія степи. Снова пахнуло на него чѣмъ-то вольнымъ, пріятнымъ. Эта поэтическая обстановка снова пробудила въ немъ козацкій духъ. Давно не скакалъ онъ по степи, не гонялся бѣшено за дикими лошадьми и другими дикими животными, которыми изобиловала въ то время южно-русская степь. Давно не клектали ему орлы въ степи, носясь подъ облаками; не пѣли ему буйные вѣтры, не манилъ его ковыль-трава. Давно онъ не слышалъ, какъ *„у полі могила зъ вітромъ говорила"*. Давно онъ этого не слышалъ, но не забылъ. И сразу обнялъ его жаль: зачѣмъ

я промѣнялъ своего дорогого коня на воловъ? Дума за думой роемъ вилась въ его головѣ...

„Боже, Боже!“ промолвилъ онъ шопотомъ и скорѣе зашагалъ по дорогѣ.

А Иванъ впереди напѣвалъ пѣсню и „гукавъ“ на воловъ: *гей вы, сірі—половіи!*

Не вдалекѣ отъ лѣса находился высокій курганъ съ „манякомъ“ на верху. Это очень давній курганъ. Въ старыя времена на немъ стояли козацкія „чаты“, сторожившія татаръ. Сверху деревяннаго столба далеко видно было всѣ окрестности. Тамъ обыкновенно помѣщался сторожевой козакъ и наблюдалъ на тридцать верстъ въ окружности—что дѣлалось въ степи. Теперь тутъ никого не было. Высокій курганъ и крѣпкій столбъ сами осматривали далекія окрестности [1]). Вечеромъ чумаки останавливались, отпрягали воловъ и пускали на „пашу“, а сами варили себѣ „кулішъ“. Раннимъ утромъ, пока еще не всходило солнце, они отправлялись въ путь.

Такъ они ѣхали до Умани три дня. На третій день вечеромъ чумацкая „валка“ въѣхала въ восточныя городскія ворота. Городъ представлялъ печальный видъ: онъ еще не успѣлъ оправиться послѣ гайдамацкаго погрома, не смотря на всѣ старанія уманскихъ губернаторовъ и комиссаровъ. Палисады и ворота были разбиты и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ починены; много еврейскихъ и польскихъ домовъ до сихъ поръ было въ разрушеніи. Гайдамацкая рука оставила здѣсь глубокій слѣдъ. Все тутъ напоминало недавній погромъ, наложившій на городъ особый отпечатокъ. Трусливое еврейское населеніе все еще было въ сильномъ страхѣ. Когда въ городѣ появлялось нѣсколько запорожцевъ, то евреи уже собирались въ синагогахъ и просили Бога о помилованіи. Недалеко отъ воротъ теперь сидѣла около грязнаго дома еврейка и убаюкивала въ люлькѣ дитя, припѣвая:

---

[1]) Андрій Бондарь передавалъ, что впослѣдствіи этотъ «манякъ» сослужилъ службу и панамъ. Во время панщины съ него наблюдали въ подзорную трубу за ходомъ работъ почти во всѣхъ ближайшихъ имѣніяхъ гр. Потоцкихъ, въ звенигородскомъ уѣздѣ. «*Звідтиль*, говорилъ онъ, *можно було посчитать, скільки у бабы ходить курчать по подвірьі у Бужанці*» (село въ 25 верстахъ отъ кургана). Курганъ этотъ существуетъ и до настоящаго времени, а отъ столба остались лишь однѣ развалины.—*А. С.*

„Ай вей, вей, мамуню,
Ай зукъ, зукъ, любуню!“...

Чѣмъ-то очень древнимъ, палестинскимъ вѣяло отъ этой пѣсеньки. То былъ стонъ и плачъ матери-еврейки надъ люлькою своего дитяти,—отголосокъ не забытаго еще страшнаго погрома. Море горя и всякихъ несчастій выражалось въ этой пѣсенкѣ. Когда еврейка увидѣла въѣзжавшихъ чумаковъ, невольно какъ-то бросилась въ сторону отъ нихъ, унося ребенка и убаюкивая его непонятной еврейской рѣчью, отъ которой долетало страшное слово: *„гайдамака, гайдамака!“*

Иванъ и Петро остановились на городской площади и здѣсь съ возами переночевали.

На ярмарку съѣзжались изъ сосѣднихъ мѣстъ паны, крестьяне и козаки. На другой день она открылась. Масса всякаго люда сновала между возами и еврейскими „крамницами“. Говоръ, скрипъ и стукъ, все это наполняло воздухъ и превращалось въ неумолкаемый шумъ.

Тутъ были представители чуть-ли не всѣхъ сосѣднихъ націй: поляки, татары, цыганы, греки и множество другихъ. Разговоръ происходилъ на различныхъ языкахъ.

Шумъ, гамъ, крикъ носились надъ городомъ и не позволяли даже вблизи ясно разслышать словъ. Иногда громче всего откликалось выкрикиванье: „шевці, кравці, коновалы, шаповалы и такъ добрі люди! сходьтеся—щось маю казать! Отъ буду казати! отъ буду!“ Туда волной хлынула толпа и слушала публикацію стоящаго высоко на возу панскаго приказчика или такъ человѣка. Публикаціи эти были различнаго содержанія: въ нихъ объявлялось о пропажѣ воловъ или другихъ домашнихъ животныхъ; объявлялись вольныя *селища*, приглашались на разныя работы рабочіе и т. п.

Подъ вечеръ, когда являлось мало покупателей рыбы, Петро оставилъ около возовъ одного Ивана, а самъ пошелъ побродить по городу. Ему хотѣлось взглянуть на гайдамацкія руины. Съ торговой площади онъ направился къ разрушенной базиліанской школѣ. Лишь только отошелъ онъ немного отъ возовъ, какъ изъ боковой улицы послышалась музыка; за нею валила толпа народа. Посре-

динѣ, опачканный съ ногъ до головы въ деготь, танцовалъ козакъ. Это былъ Лаврінъ Швець.

— Здоровъ, земляче! кричалъ онъ издали Петру. Що-жъ? обратувавъ ты свое Запорожье? Эге, обратувавъ! Отъ на самоті лаявъ ты мене въ ночи, а я тебе тутъ при всіхъ людяхъ вылаю. Однакъ и лаяться зъ тобою не вартъ; сказано: *бабій*. Иди собі підъ три чорты! Залізь въ пазуху до *своеи дівчины*, та й сиди тамъ мовчки! А Запорожье таки оживе, не на порогахъ, то за Дунаемъ. Черезъ васъ *бабівъ* пропало воно: не хотіли держаться старого звычаю, зъ *дівчатами* почали кохаться. Отъ тобі докохались!

Лаврінъ на минуту умолкъ; Петро будто съ мыслями собирался, не зная, что сказать. Народъ въ недоумѣніи глядѣлъ. Лаврінъ продолжалъ:

— Отъ ты не хочешь зо мною чарку горілки выпить, а за дівчатами по ночамъ ганяешь, ожениться хочешь, хазяинувать думаешь. Хазяинуй!.. Нехай воля гине! Запрягуть васъ паны та й *москалі* въ ярмо: згадаете мое слово. Пропала воля, пропала доля, та не пропала слава... „*Грайте, музыки!*“ крикнулъ онъ музыкантамъ, которыми были два слѣпыхъ лірника и одинъ скрипачь. Музыканты заиграли. Толпа снова двинулась за Лавріномъ, а онъ въ совершенно трезвомъ видѣ отдиралъ по улицѣ трепака.

Ни слова не промолвилъ Петро и пошелъ дальше улицей. Встрѣча эта была для него совершенно неожиданной. Смутился онъ: какъ будто-бы въ наказаніе посылался ему этотъ Лаврінъ. Въ Калниболотахъ онъ обругалъ его разъ „бабіемъ“, а здѣсь другой разъ и при всѣхъ. Вспомнилъ онъ свое обѣщаніе—умереть за козацкія вольности и задумался. Стыдно ему сдѣлалось.

Жизнь однако имѣла свою *злобу*, свое неодолимое теченіе.

На другой день Иванъ и Петро ходили въ *Грековъ лѣсъ;* нашли старую липу, но клада не отыскали. Вокругъ липы поросли кустарники и деревья и нельзя было по указанному направленію видѣть тѣни. Они оставили кладъ до другаго удобнаго случая, а сами возвратились изъ Умани въ лѣсъ, въ свои родные хутора.

VI.

Ой брязнули на дворі цымбалы;
Озвалися у сіняхъ бояры;
Заспівали дружки у світлиці;
Забилося серце у вдовиці.
Голубонька зъ голубничка лине:
Розлучають зъ матірью дитину,—
Розлучають, віночкомъ вінчають,
Пышно, гучно поіздомъ рушають.

Кулішъ.

Въ одинъ осенній вечеръ старая вдова Бондариха *выряжала* изъ хутора *старостивъ*. Она *выряжала* ихъ съ хлѣбомъ и напутствовала такими словами: *„идіть, люди добрі, нехай вамъ Богъ помогае на все добре!“*

Старостами были два близкихъ родственника Бондаренкивъ. Они съ важно-серьезнымъ выраженіемъ на лицахъ и съ палками въ рукахъ вышли изъ хаты. Зинька была тутъ-же и принаряжала брата. Она уже была просватана за Ивана.

Вдова благословила Петра и онъ ушелъ за старостами. На дворѣ они сѣли на лошадей и поѣхали лѣсомъ въ Калниболоты, той дорогой, которой раньше ѣздилъ самъ Петро. Каждый изъ нихъ перекрестился и произнесъ: *„дай, Боже, часъ добрый!“*

Ночь была темная; погода ненастная. Завывалъ сильный вѣтеръ и шумѣлъ деревьями. Сѣрыя изодранныя тучи неслись по небу и закрывали луну. Въ лѣсу перекликались совы. Ѣхали сначала молча; но потомъ одинъ изъ *старостивъ* прервалъ молчаніе и повелъ разсказъ о трехъ козакахъ, жившихъ когда-то тутъ въ лѣсу.

— Не буде, мабуть, тому и пятъдесятъ літъ, началъ онъ, якъ отъ тутъ таки, въ сёму лісі, де теперъ оце наши хуторі, не сидівъ ще нихто, якъ оце мы сидимо. Отже-жъ кажуть, було тутъ тоді три козаки—гайдамаки. Якогось-то часу поіхали вони всі три до *Кобриновои*, то недалеко тутъ. Тамъ на ихъ напали ляхи и хотіли ихъ вловить. Гайдамаки стали втікать, бо ляхівъ сила була. Гнались довго: ляхи не доженуть, гайдамаки не втечуть. Отъ одному зъ ихъ, що почавъ бувъ отставать, якась ляшуга и встромила въ спину пику. Такъ вінъ зъ теею пикою и примчався въ лісъ. Поховались въ земляну, та й ну того ранного ратувать. А вінъ бачить, що

вже ёму треба вмерти, попрощався зъ товарищами, та й говорить до ихъ: „розділить, каже, нашу добычъ на три части“.

Поділили. „Покладіть-же, каже, мою часть мені въ головы, та й закопайте мене тутъ ще живымъ, а на боченку зробіть такій написъ, що хто знайде, нехай въ граматку запише мое имя“. Такъ и зробили... Отже-жъ есть ще старі люди, що ще памятають, де та землянка була. Варто було-бъ іі раскопать, може-бъ и гроши знайшли! [1])...

Уже мѣстечко освѣтилось, когда въ него въѣхали старосты съ женихомъ. По старой улицѣ и лугомъ они пріѣхали во дворъ вдовы Карпивны. Здѣсь привязали лошадей; Петро остался, по обычаю, подъ хатой на призьбѣ, а старосты пошли въ сѣни. Вдова съ своей дочкой Мартой раньше знала, что въ этотъ вечеръ будутъ старосты. Они все въ хатѣ приготовили, принарядились и уже ожидали ихъ. Старосты остановились въ сѣняхъ и три раза постучали въ двери. Изъ хаты послышался голосъ:

— Коли добрі люди та зъ добрымъ словомъ, то просимо до господы!

Тогда старосты вошли съ хлѣбомъ въ хату, перекрестились и помолились, а затѣмъ поклонились хозяйкѣ. На столѣ въ это время лежалъ хозяйскій хлѣбъ. Вдова хотя и хорошо знала, кто были вошедшіе люди, но, по обычаю, спрашивала:

— Що вы за люди, и відкиля, и чого васъ Богъ принісъ?

Старшій староста, въ отвѣтъ на это, повелъ такую рѣчь:

— Перше всёго дозвольте вамъ поклониться и добрымъ словомъ прислужиться. Не позгнущайтесь выслухать насъ. А що мы люди честни и безъ худои науки, то отъ вамъ хлібъ святый въ руки!

Вдова приняла хлѣбъ и пригласила гостей сѣсть; при этомъ въ подходящихъ словахъ она предложила вопросъ, изъ какого они царства, изъ какого государства. Старшій староста продолжалъ:

— Мы люди делеки, йдемо зъ турецького царства. Мы собі ловці, бо іздимо на вловы. Якось въ наши землі, пізно въ осінь, вы-

---

[1]) Въ этомъ лѣсу теперь находятъ много старыхъ погребовъ и насыпей. Въ густыхъ трущобахъ и захолустныхъ мѣстахъ есть остатки завалившихся землянокъ. Около лѣса проходилъ въ старину большой «чумацкій шляхъ». — *А. С.*

пала пороша. Я й кажу свому товаришови: година добра! ходимъ, може вышукаемъ якого звіря! Отъ мы й пішли. Іздили скрізь, слідили, и нічого не вышукали. А се въ однимъ лісі іде намъ назустрічъ на воронімъ коні нашъ князь. Порівнявся зъ нами и почавъ до насъ таки речи: Эй вы, ловці, добри молодці! услужите мені службу, покажите дружбу! Оце попалась мені лисиця, чи куниця, а може й красна дівиця. Не можу ни істи, ни спати, а бажаю іі достати. Все вамъ оддамъ, тільки поможіть іі піймати; десять городівъ вамъ не пожалію. Отъ и пішли мы по слідамъ, по всімъ городамъ. Першъ слідъ пішовъ у німечину, а далі въ туречину. Ходили, шукали, а іі не знайшли. Всі царства-государства обійшли, а іі не піймали. Тоді и кажемо князеви: Не тільки звіря въ полі, що куниця: пошукаемо де инче—знайдеця й красна дівиця. А вінъ намъ одказуе: Скільки я по світу не гулявъ, у якихъ царствахъ-государствахъ не бувавъ, а такои куниці, ніби-бъ то краснои дівиці не видавъ!

Пішли мы зновъ по світу блукать, куниці, чи-то краснои дівиці шукать. Все по сліду йшли и въ се село прийшли. Тутъ зновъ выпала пороша. А мы зновъ давай ходить, давай слідить; сегодня рано встали и заразъ на слідъ напали. Пішовъ нашъ звірь та до васъ у двіръ, а изъ двору до хаты; теперь бажаемо его піймати. Певно вже наша куниця—у васъ у хаті красна дівиця... Нашому слову кінець, а вы зробіте нашому ділу вінець. Віддайте нашому князю куницю, вашу красную дівицю! Може оддасте, а може нехай ще підросте?

Вопросъ поставленъ былъ прямо. Вдова въ томъ-же тонѣ обратилась къ дочери: То се ты, дочко, наробила добримъ людямъ такого лиха? Проси-жъ князя до хаты. А вы, люди добрі, поки що буде, сідайте близче до столу.

Это значило, что Карпивна соглашалась выдать дочку.

Петро вошелъ въ хату. Марта, какъ-бы нехотя, вынула изъ „скрині рушники“, для которыхъ она пряла долгими, осенними и зимними, вечерами и которые сама-же бѣлила и потомъ вышивала. Застѣнчиво—радостно перевязала она ихъ старостамъ. Мать сняла со стѣны образъ и благословила молодыхъ.

Марта со слезами кланялась до земли матери и цѣловала образъ. Жаль было ей разстаться съ бѣдной матерью, которая

сиротой оставалась въ домѣ. Жаль было ей разстаться съ зеленымъ садомъ, съ огородомъ и лугомъ. Все то, что было ей мило и дорого по воспоминаніямъ дѣтства, она должна будетъ покинуть. Должна оставить своихъ подругъ, покрыть свою лелѣянную косу, забыть свои дѣвичьи пѣсни и грезы. Въ родномъ мѣстечкѣ все близко, знакомо, а тамъ чужіе люди, чужая семья. Она горько плакала, а за ней и мать утирала рукавомъ слезы. Какъ-то она разстанется съ своимъ роднымъ дитяткомъ?

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого Марта пригласила къ себѣ своихъ подругъ и они расплетали ей косу. Это было въ субботу подъ вечеръ. На дворѣ и въ хатѣ собралось много сосѣдей и родственниковъ. „Молоду“ посадили по срединѣ хаты на скамеечкѣ, покрытой вывороченнымъ кожухомъ, и стали расплетать.

Общее настроеніе было какое-то не веселое, тяжелое. Напрасно „молодиці“, мѣсившія „коровай“, и „дружко“—распорядитель „весілля“ старались шуточными пѣснями развеселить гостей: всѣ какъ-бы проникнулись горемъ невѣсты, которая съ этого момента должна разстаться съ своей дѣвичьей красой—русою косой. А съ ней должно прекратиться и ея дѣвичье гулянье, о которомъ украинка всегда вспоминаетъ съ грустью и слезами.

Обрядъ начался пѣсней:

Благослови, Боже
И отець и мати,
Своему дитяти
Косу расплітати!

Долго онъ тянулся, а съ нимъ и пѣсни подругъ,—одна другой грустнѣе и жалобнѣе. Музыка вторила пѣснямъ.

Не одну слезу выронила бѣдная мать при этихъ не веселыхъ пѣсняхъ. И не только мать,—всѣ, до чьихъ ушей доносились звуки этихъ пѣсень, не могли удержаться отъ слезъ. „Дружки“ обнимали свою подругу и не могли наплакаться.

Дочко моя! голубко моя!—говорила горемычная вдова, когда „дружки“ начали пѣть послѣднюю пѣсню. Въ душѣ ея столпились всѣ пережитыя ею воспоминанія, все горе, вся скорбь ея жизни; страшнымъ призракомъ рисовалась одинокая будущность, безпо-

мощная старость. И голосъ и слова пѣсни вторили ея душевному настрою. Полная тяжелыхъ думъ, она стояла блѣдная, подперши рукою лицо и смотрѣла на свою дорогую дочь, которую, казалось, насильно у ней отнимали.

Пѣсня лилась звонко и жалобно.

Ой тихо, тихо Дунай водоньку несе,
А ще й тихіше Мартуня косу чеше.
Ой що начеше, на тихий Дунай несе.
—Ой плыви, косо, підъ матусінъ двіръ просто;
Послухай, косо, що матинька говорить!
Матінька говорить, все смутнесенька ходить:
—Ой теперь мені лихая годинонька,
Що відходить одъ мене рідная дитинонька!...
Ой тихо, тихо Дунай водоньку несе,
А ще й тихіше Мартуня косу чеше.
Ой що начеше, на тихій Дунай несе.
—Ой плыви, косо, підъ свекрутинъ двіръ просто;
Та слухай, косо, що свекруха говорить!
Свекруха говорить, та все веселенька ходить:
—Ой теперь мені добрая годинонька,
Бо йде до мене чужая дитинонька!

Въ тотъ-же самый вечеръ въ хуторѣ *расплетали* Зиньку. Обстановка была еще грустнѣе и печальнѣе. Пѣсни и музыка эхомъ отдавались въ лѣсу и удвоивали невеселое настроеніе.

На другой день, въ воскресенье, въ старой Калниболотской церкви вѣнчались двѣ пары „молодихъ“: Петро съ Мартой и Иванъ съ Зинькою. Послѣ вѣнчанья два свадебныхъ поѣзда двинулись за Калниболоты прямо по дорогѣ въ лѣсъ, въ хутора жениховъ.

„Дружки“ и „бояри“ по дорогѣ пѣли пѣсни.

Поѣзжане, ѣхавшіе въ хуторъ Бондаренківъ, съ трудомъ пробрались по узкой лѣсной дорожкѣ.

Вечеромъ того-же дня и той-же дорогой Марту увезли свадебнымъ поѣздомъ изъ Калниболотъ. Она навсегда простилась съ своими подругами и матерью. На другой день она была уже „молодицею“ съ повязанной платкомъ головой.

Тяжеленько таки пришлось Мартѣ на первый разъ въ чужой хатѣ. Ей часто вспоминалось родное мѣстечко и веселые дѣвичьи

годы, проведенные въ немъ. А потомъ она привыкла къ хутору и полюбила эту тихую, уединенную жизнь. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ она навѣщала свою одинокую мать.

А Петро постепенно забывалъ Запорожье и втягивался въ будничную жизнь „гречкосія“, которой онъ раньше такъ боялся. Ему была мила жена, дороги дѣти, хозяйство и весь хуторъ. Только по временамъ онъ вспоминалъ прежнюю бурную козацкую жизнь, полную тревогъ и опасностей; вспоминалъ и посылалъ благословеніе задунайскимъ запорожцамъ, своимъ бывшимъ товарищамъ.

А. Смоктій.

Разновидности марцѣпаннъ и ганнусковой горѣлки.

Подъ этимъ заглавіемъ мы помѣщаемъ доставшуюся намъ изъ бумагъ покойнаго профессора А. И. Ставровскаго рукопись XVIII в. Общее заглавіе этой рукописи не сохранилось, но составъ и назначеніе оной открываются при первомъ ея просмотрѣ. Эта не большая книжечка въ 112 страницъ, въ малую четверку, содержитъ въ себѣ 143 рецепта, или краткія наставленія, какъ дѣлать разныя сладкія печенья и варенья, сладкія и другія водки, равно нѣкоторыя заготовленія въ прокъ. Печенья и водочныя настойки занимаютъ въ нихъ главное мѣсто, и какъ высшею формою ихъ, замѣняющею иногда общее ихъ названіе, доселѣ удержавшееся, являются марцѣпанны, основою-же всѣхъ настоекъ была такъ называемая *ганнусковая* водка, то потому мы и даемъ рукописи вышеприведенное заглавіе.

Печатаемая рукопись принадлежитъ срединѣ XVIII столѣтія, что очевидно по письму и даже бумагѣ. Годъ ея неозначенъ, но писана она одною рукою и, можно сказать, въ одинъ даже пріемъ, изъ чего должно заключить, что она списана съ другой готовой, можетъ быть, болѣе древней рукописи. На первомъ чистомъ листкѣ, по срединѣ, свободнымъ и красивымъ почеркомъ написано: *Иванъ Кулябка*, а подъ этимъ именемъ извѣстенъ былъ въ половинѣ прошлаго столѣтія стародубскій полковникъ. Это указываетъ на среду, въ которой обращалась рукопись, объясняетъ неодинаковое происхожденіе каждой изъ двухъ главныхъ ея частей, изъ которыхъ первая принадлежитъ печеньямъ, а вторая настойкамъ. Названная рецептура, судя по фамиліи и званію ея владѣльца, употреблялась, очевидно, въ классѣ выше средняго, въ кругу богатомъ, даже аристократическомъ; но тогда какъ печенья, съ ихъ иногда

иностранными названіями и отчасти составомъ, занесены къ намъ чрезъ Польшу съ запада, настойки имѣютъ чисто мѣстный, національный колоритъ и букетъ и, какъ увидитъ читатель, едва-ли и могли быть придуманы въ другомъ какомъ мѣстѣ и употребляемы какими-либо другими желудками, кромѣ козачихъ малороссійскихъ. Назначеніе рецептуры не высокое: она должна была служить *чреву*, услаждать и возбуждать вкусъ нашихъ предковъ. Это книга ихъ *живота*, къ сожалѣнію, далеко не полная;—мы не имѣемъ главнаго, не имѣемъ подъ руками подобной, также того времени, рецептуры оригинальныхъ кушаньевъ, составлявшихъ *снідання, обідъ, полудень, підвечірокъ и вечерю* нашихъ предковъ. Мы имѣли-бы тогда полное представленіе о ихъ необъятныхъ желудкахъ и феноменальной выносливости этихъ послѣднихъ, дававшей предкамъ нашимъ, если не постигнетъ кого на войнѣ или дома наглая смерть, служить по 80-ти, жить по сту и болѣе лѣтъ, вступать въ бракъ на девятомъ десяткѣ годовъ жизни и рождать дѣтей, каковой примѣръ мы имѣемъ въ въ лицѣ генеральнаго обознаго Петра Забѣлы, сподвижника Хмельницкаго, начавшаго жизнь въ XVI и кончившаго ее въ XVIII ст.

Не смотря однако на эту неполноту и спеціальный свой характеръ, печатаемая рукопись имѣетъ значеніе вполнѣ историческаго памятника. Это памятникъ жизни и вмѣстѣ памятникъ языка.

Разсматривая въ прошедшемъ жизнь того или другаго народа, мы имѣемъ дѣло съ суммою болѣе или менѣе крупныхъ явленій, обозначающихъ его внѣшнюю или внутреннюю, духовную дѣятельность; какъ слагается и идетъ его физическая жизнь, служащая нерѣдко основою, или сильнѣйшимъ двигателемъ духовной жизни,—это рѣдко, да и совсѣмъ почти не входитъ въ наши соображенія. Мы видимъ такимъ образомъ явленія и не примѣчаемъ иногда отдаленной силы, движущей ими, изслѣдуемъ дѣйствія и не знаемъ главной и существенной ихъ причины, смѣшиваемъ послѣдующее съ предъидущимъ, посредствующее, второстепенное съ первоначальнымъ, основнымъ, признакъ принимаемъ за сущность, условіе считаемъ за причину, и наоборотъ. Здѣсь происходитъ тоже, что допускаемъ мы нерѣдко при объясненіи вообще нашихъ душевныхъ явленій, въ частности при обсужденіи нашихъ и чужихъ поступковъ. Мы забываемъ при томъ, что многія свойства и качества

наши столько-же физическія, какъ и душевныя явленія, что между тѣми и другими трудно иногда бываетъ провести точную границу, и на оборотъ многія наши дѣйствія и поступки, состоянія, стремленія, извѣстный даже образъ дѣйствій имѣютъ подъ часъ свою основу и источникъ въ состояніи и перемѣнахъ нашего физическаго организма, а эти послѣдніе въ свою очередь стоятъ въ тѣсной зависимости, между прочимъ, отъ качества и количества пищи и питья, приправъ въ тѣхъ и другихъ, времени и способѣ ихъ употребленія и т. д., и т. д. Не подлежитъ сомнѣнію, что вѣрное знаніе нашихъ душевныхъ явленій, нашихъ дѣйствій и свойствъ возможно лишь при точномъ пониманіи условій и состоянія жизни нашего физическаго организма, и что тоже правило должно быть примѣняемо и къ пониманію жизни народной. Если возможны афоризмы: „скажи мнѣ, какія книги читаешь, или кто твои друзья, и я скажу, каковъ ты самъ“, то тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно-бы сказать: „скажи мнѣ, что ты ѣшь и что пьешь, въ какой мѣрѣ и когда, и я опредѣлю твою жизнь“.

Съ этой точки зрѣнія, матеріалы, въ родѣ предлагаемаго нами, не только могутъ восполнять общую картину минувшей жизни нашего народа, но нерѣдко пособлять надлежащему ея освѣщенію и безъошибочному представленію. Намъ во всякомъ случаѣ кажется, что эта сторона жизни нашихъ предковъ заслуживаетъ вниманія и намъ остается желать изысканія и приведенія въ общую извѣстность возможно большаго числа такихъ памятниковъ.

Они имѣютъ интересъ и какъ памятники языка, ибо охватываютъ собою такую область жизни, которая сама по себѣ, а вслѣдствіе того и по своей терминологіи и фразеологіи, совсѣмъ неизвѣстна намъ.

Приводимъ поэтому нашъ памятникъ въ цѣльномъ его видѣ, съ соблюденіемъ всѣхъ почти особенностей его правописанія, за исключеніемъ несущественныхъ, или неподдающихся нашему упрощенному печатному письму.

---

1. *Макороны пекти.*—Взять два фунта мигдалы, истолкти мѣлко зъ рожевою водою, прибавить полтора фунта мѣлкого толченного сахару, змѣшать, послѣ прибавить кордимону, помаранцевои коры, два желтка

яечныхъ и четире бѣлки; и дать часъ бить, потомъ мигдалы крѣпко втерти и на бляты положить, на сковородѣ ставить, прежде ножемъ направить, покуду въ пѣчъ не становить, и потомъ пекти.

2. *Какъ бѣшкокты пекти.*—Взять десять яець, одинъ фунтъ сахару, добре вмѣстѣ сколотивъ, потомъ четверть фунта муки помѣшать, и еще мало колотить, прибавить ложку рожевои воды и пекти.

3. *Марцѣпаны робить.*—Взять одинъ фунтъ мигдаловъ, мало рожевои воды, толкти, одинъ фунтъ толченного сахару прибавить, толкти добре съ сахаромъ и мало приварити въ побѣляной кострюлѣ, чтобъ не выгорѣло, добре мѣшать; потомъ можно всякіе мукстра вирѣзовать, можно зъ сего тѣста вѣнки дѣлать, потомъ на марцѣпаны налить глянсъ, взять самого найчистѣйшого канарского сахару, стерти очень мѣлко, чтобы какъ мука крупичная, бѣлокъ розбить яечній, чтобы пѣна держалась на ложки, и мѣшать ис сахаромъ, чтобы густо было, и намазать на марцыпалъ, или з рожевою водою сахаръ стертія и лить на марцыпалъ, пекти въ печѣ; должно, чтобы пѣчъ не весма гарячая была, и сахаръ долженъ не весма жидокъ быть, чтобъ можно кистю мазать.

4. *Корынтень кухень.*—На двѣ яйцѣ чвертку сахару и чвертку муки, корынковъ золотниковъ шесть. Первѣе яйця вбыть совсѣмъ такъ, якъ на бѣшкокты, а послѣ съ сахаромъ добре бить, чтобы густо стало, а двома днями прежде муки чвертку ростерти съ тимъ холоднымъ масломъ, а масло должно быть весма холодное и крѣпкое, и такъ терти, чтобы оно сухо и не роставало въ рукахъ, а муки на ночъ у пѣчъ постановить, чтобы она суха была, а съ печи винявши, на ліоду поставить, чтобы холодное, а стерши зъ масломъ, на ліоду поты стояло, покы яйця убъются добре, а когда все готово, взять муку всыпать у яйця и мѣшать добре ополоникомъ долгенко; въ ту пору секту усыпать полложки, якъ время у пѣчъ, и терти уже непрестанно, послѣ галку толченную цѣлую всыпать и мѣшать, а послѣ корынки усыпать и въ хоромки (формочки) выливать и пекти.

5. *Инымъ способомъ корынковки* (робить).—Взять одинъ фунтъ сахару, восемь яець—купно съ сахаремъ часъ колотить, одинъ фунтъ масла положить топленого холодного, одинъ фунтъ муки съ масломъ терти, потомъ яйця положить и полчаса мѣшать, потомъ полфунта корынку, два мушкатніе орѣхи и двѣ ложки секту прибавити и въ формы лить. Должно топленному маслу быть и муку на ночъ въ печѣ становить, чтобы суха была.

6. *Яечніе шкарлупы.*—Взять дванадцять яець, съ которыхъ изъ девяти бѣлки отобрати, и по охотѣ сахару, курдимону положить: впередъ яйця съ сахаромъ добре столкти, потомъ муки подмѣшать, чтобъ густо

было, потомъ кругліе формы дѣлать, и мало топленнимъ масломъ помазать, и мало сахару и корицѣ посыпать, кругло качать и въ печѣ пекти.

7. *Пряники медовіе дѣлать.*—Взять чотыри фунты патоки, три фунты муки, муку въ пѣчъ на ночъ поставить, чтобы суха была, десять яецъ—половину бѣлковъ отобрать и бить добре паростами такъ, якъ на бѣшкокты, прибавить кардимону, корицѣ, перцю, и патоку добре убыть, чтобы бѣлая была, и змѣшать у купу и наливать въ бумажніе скринечки; опѣкши, порѣзать.

8. *Маліе цукеръ кухеръ у формахъ.*—Взять одинъ фунтъ сахару, полфунта муки, чотыри яйця, курдимону, корицѣ: когда весма добре помешается, отдѣлить надобно фунтъ толченныхъ мигдаловъ въ тѣсто, выжавши, и въ печѣ пекти. На форму выдавліовать. Прозываются куклы.

9. *Кимель кухенъ* такъ дѣлать надобно: муку въ пѣчъ ставить, чтобы суха была; сахару чвертка, масла, такъ якъ на чверть, вымыть завременно и на платку на ліоду поставить, и мука чтобы на ліоду была, и розбить одинъ жолтокъ цѣлій, а другого четвертая доля, и бить добре въ часцѣ ложкою такъ, якъ на бѣшкокты, чтобы было густо и бѣло, съ сахаромъ бить добре, а когда убѣтся, то воды рожевой ложку, а другой четвертую долю, муку такъ перетерти зъ масломъ, якъ на корынсовой, и на ліоду поставить, покуду яйця убъются, а послѣ на полумиску муку розгорнуть на пять частей и кмѣну умѣшать въ муку, и сыпать яйця купками, мѣшать и змѣсить, качалкою роскотить и румкою выдавліовать, веделками на три части поколоти, на бляху класти. Муки безъ двохъ золотниковъ чвертка, сахару цѣлая чвертка, масла полчвертки, толко-бы холодное было.

10. *Выдавліованній макаронъ.*—Три части сахару, четвертая мигдаловъ: толкти мигдалы добре, побризкуючи рожевою водою, а послѣ посѣявши сахару мѣлко, толкти въ купу; бѣлокъ розбить яечній, ложечокъ двѣ чайнихъ прибавить, и змѣшать надобно: драґантовъ немножко положить и втокти добре, роскотить тоненько и выдавліовать чаркою, а по серединѣ наперсткомъ выдавить, или пальцемъ кружкомъ крутить, поколь дѣрка станетъ.

14. *Марселъ дѣлать съ фіалками и рожевымъ цвѣтомъ.*—Сахаръ толко въ воду вмочить, чтобъ гараздъ обмочился, а послѣ варить якъ найскорѣе на великомъ огнѣ, чтобы пузирѣ летали, или въ воду съ крону уложить: ежели переломится, заразъ цвѣты у сахаръ класти и якъ найскорѣй мѣшать, чтобы не позеленѣло, и въ скорости выворочувать въ бумажніе коробочки и скорѣе-жъ кастролкою заразъ навернуть, чтобы вѣпаръ не зійшолъ. Цвѣтъ надобно рожевой мало привялить, или ножемъ

покрышить. Можно персики нарѣзать, цукату по кореннямъ и съ кофемъ. Симъ манеромъ можно дѣлать.

12. *Перчаніе орѣхи дѣлать.*—Взять четыре яйца, которіе мало розбить, туда фунтъ сахару, потомъ прибавится корень рѣзаной корицѣ, венхель, мушкатного орѣха рѣзаного и мало перцю, инберу, кормандру, кубебы и три чверткы фунта муки, чтобъ можна рѣзать, потомъ красно пекти. Мыгдалей мѣлко рѣзанихъ, цитрыни, мылоны тудажъ надобно нарѣзать.

13. *Мандельторты дѣлать.* — Взять одинъ фунтъ мѣлко толченій, десять яець, полфунта сахару, спрежде сахаръ зъ яйцями добре мешать, потомъ мыгдалы положить и безпрестанно мешать, покудова в печъ становить, в миске полчаса колотить.

14. *Маліе цукеръ кухень.*—Взять одинъ фунтъ сахару, четыри яйця, кардимону, столко муки, чтобъ можно тѣсто выдавить, разние фѣгуры дѣлать и пекти всякими фѣгурами.

15. *Плетеные бублыки.*—Взять полфунта сахару, пятнадцять яець, половину бѣлка отложить, пятнадцать ложекъ сладкои сметаны, пять или шесть ложекъ масла, кардомону, мушкатного цвѣту, или галки, мукы столко, чтобъ можно добре мешать, яйця паростомъ розбыть, притомъ сахару прибавить и добре колотить, потомъ сметану, масло и муку, по изволенію, положить шафрану немного; такъ дѣлать всякими вдарами.

16. *Ензерь кухень палчики.*—Взять полштофа яичного яйця желтка, полштофа сладкой сметаны, прибавить мушкетовъ, кардамону, сахару, рожевой воды и малое число масла и муки, и добре вмести смешать, дѣлать твердое тѣсто, тѣсто в залѣзку пекти. Половину жолтковъ, а половину совсѣмъ яець—найлучше.

17. *Феркезъ.*—Взять сладкого молока, шеснадцять яець, сахару, рожевой воды, дать вскипѣть и процедить на ситце, и отдавить добре воду; положить потомъ в горщикъ и придай тры каплѣ рожевого олѣйку, три каплѣ коришневого олѣйку и мало цедро, десять ложекъ сладкой сметаны, восемь ложокъ топленаго масла, и вмѣсте сколотить паростомъ, чтобъ пѣна стала, потомъ положить в блюдо и здѣлать кругло, какъ сиръ: обтачъ мыгдалами и сахаромъ.

18. *Малделмусъ.*—Взять свѣжихъ яець и свѣжого молока, сколотить добре у купу; поставъ на огонь, чтобъ кипѣлы, чтобъ яйца збѣжались, потомъ сыроватку однять и яйця на сито положить и протерты, и четверть фунта толченихъ мыгдалей, протертіе яйця з мыгдаламы, сладкой сметани розвести, какъ кисель, надобно, мало рожевой воды и сахаръ подмѣшать, потомъ в блюдо положить и толченымъ сахаромъ и корыцею потрусивъ и мало кардымону, по изволенію, и кушать; такъ можна яблока дѣлать.

19. *Канель кухень.*—Взять два цѣліе яйця, два жолтка яичнихъ, мукы, здѣлать тѣсто, срѣзать кругло и пекти въ масле, потрусить сахаръ да корыцѣ, толко качать надобно.

20. *Аглицкіе кухень.*—Два фунта муки, два фунта масла, два фунта сахару, десять яецъ, одинъ фуртъ корынковъ, мушкатного цвѣту.

21. *Яблочніе лепешкы.*—Сахаръ съ яйцями бить, а потомъ масла холодного положить и терти виполосканное масло, взять кипячой воды мало, шесть яецъ, одынъ фунтъ муки, одну румку крѣпкой водки, яблока крѣпко порѣзать, тѣсто все вкупѣ розбыть, яблока туда змѣшать, ложкою брать, у маслѣ смажить.

22. *Гейдныше кухень, бесурманскіе лепешкы.*—Взять 15 яецъ, пять цѣлыхъ, десять жолтковъ, кардымону, сахару того, какъ бесурманскіе лепешкы, тоже прибавить сладкой сметаны, тонко роскотившы, у маслѣ пекты.

23. *Шприцъ кухень инно манеръ.*—Взять муки, молокомъ подколотивши такъ, какъ на галушенное тѣсто, взять въ котлѣ воды, дать вскипѣть и кусокъ масла положить, величиною какъ куриное яйце, и туда тѣсто положить; когда доспѣетъ, вынять, додать яецъ столко, чтобъ можно сприца выдавить, и в топленномъ маслѣ жарыть.

24. *Энглише шкѣтъ вафелы.*—Взять 5 яецъ, 10 ложекъ сметани сладкой, или молока, мушкатного цвѣту, сахару, корицѣ, рожевой воды, подмѣшать муки, чтобъ такъ густо стало, какъ тѣсто на млинцѣ, положить мало масла и положить в глыбокую кастроль, положить сверху и снизу огонь, дать пектись, чтобъ твердо стало, потомъ вынять, розрѣзать на шматки и жарить въ маслѣ.

25. *Трихтеръ кухень.*—Взять 5 желтковъ яечныхъ, 10 ложекъ молока, сахару, мушкатного цвѣту, подмѣшать вмѣстѣ такъ густо, какъ тѣсто на вафелы, и дать свозь лѣйку у кипячое масло бежать.

26. *Мигдалніе лепешки инимъ манеромъ* — Взять 1 фунтъ сахару, одинъ фунтъ толченихъ мыгдаловъ, 8 яецъ, кардымону, 4 ложки солодкой сметаны, 2 ложки рожевой воды, два конца отъ ножа поташу, муки столко, чтобъ можно тѣсто здѣлать. Куклы дѣлать, смѣжніе грушки, три стакана молока, семъ стакановъ муки, дванадцять яецъ, отъ шести бѣлки отобрать, молоко должно прежде быть вареннное, потомъ в него муку положить, добре варить, и въ маслѣ жарить, ложкою кипячее масло брать.

27. *Праныки медовіе или сахаръ медовій.*—Взять три фунта патоки, сварыть и простудыть, потомъ взять 30 яецъ, отъ которыхъ десять бѣлковъ отнять, та добре наростомъ бить, потомъ означенной три фунта патоки прибавить холодной, и еще добре бить, покудова скоро в печъ становить, то прибавъ столко пшеничной муки, чтобъ стало такъ густо,

какъ тѣсто на цукеръ бротъ, и заразъ в печъ постановить; кардымону должно положить и въ формы вылить, а потомъ рѣзать.

28. *Красны лѣтры или слова дѣлать.*—Взять одинъ фунтъ мѣлкого сахару, полфунта толченихъ мындалей, три лота корицѣ мѣлко толченной, одинъ золотникъ мѣлко толченного перцю, полтора фунта пшеничной муки, красного болусу, сколко надобно, или напримѣръ три золотныка, два яйца, рожевой воды, сколко надобно для уготовання, потомъ все вмѣсто смѣшать в ступу каменную, какъ тѣсто, чтобъ можно качать и дѣлать, лѣтери слова скласть вмѣсте и пекти в теплой печи, потомъ той хлѣбъ вынять, можно всякіе фигуры въ формахъ дѣлать, на бумагѣ или бляхахъ, прежде масломъ помазавъ пектить.

29. *Тонкіе цѣномоновіе лепешки дѣлать.*—Десять яець, отъ четырехъ бѣлки отнять, молока по разсужденію, 8 ложекъ масла, три лота толченыхъ мигдалей, корицѣ, кардымону, ганису, мушкатного орѣха, муки столко, какъ на млинцѣ горсть сахару, въ желѣзку пекти.

30. *Досвѣдченно красніе лѣтеры дѣлать.*—Полфунта сахару, чвертку мигдаловъ мѣлко толченыхъ, перве ложку всыпать въ самые мигдалы, а послѣ съ сахаромъ столкти, другую ложку всыпать, а послѣ корицѣ полтора лота, мѣлко толченной, а полъ золотника перцю мѣлко толченного; корицѣ всыпавши, знову воды ложку всыпать и товкти, болусу полтора золотника всыпать, одно яйце зъ желткомъ убить и толкты все вмѣстѣ, дѣлать слова или взоры всякіе, перець тогда всыпать и толкти з мукою добре и дѣлать.

31. *Макорони постніе такъ дѣлать.*—Мигдаловъ полфунта онъ столкти мѣлко и всыпать рожевой воды ложку, а послѣ другую ложку и толкти, а послѣ сахаръ толченый и просѣяный всыпать, ежели хотѣти, три чвертки сахару, или ровно, положить, прижарить на бляхѣ и прохолодивши дѣлать, а ежели скоромный, то на полфунта одинъ бѣлокъ розбыти добре, такъ товкты, якъ з рожевою водою, и сыпать тогда бѣлокъ, якъ добре втолчутся мигдалы з рожевою водою и сахаромъ, а когда стать прижаровать, дуже мѣшать ложкою и дѣлать, з бѣлкомъ нѣмало не толкти, толко змѣшать и прижарить, а воды на чвертку двѣ ложки или болшъ, добре надобно толкти.

32. *Бышкокты з мигдалами дѣлать.*—Чвертку мигдаловъ мѣлко столкти, помочивая водою рожевою,—такъ пробовано макороны,—полфунта сахару, первѣе толкти мигдалы з рожевою водою, двѣ ложки всыпать и все толкти вимѣшуючи, а послѣ розбить в пѣну два бѣлка на полфунта и класти хочъ разомъ, хочъ по одной ложки, вимѣшуючи добре утолкти, чтобы густы и бѣлы стали, а послѣ сахаръ разомъ усыпать, вымѣшать

и толкти, покы бѣлы и густы станутъ, и давать сирицомъ, оченъ хорошы будуть.

33. *Макароны дѣлать.*—Взять одинъ фунтъ мигдалей, три чвертки фунта сахару, и когда мигдалы весма мѣлко утолчены, то прибавить нѣсколко ложекъ холодной воды, точію мигдалы принуждены быть мѣлко толчены, потомъ взять сахаръ налить рожевою водою, напримѣръ 5 ложекъ на одинъ фунтъ мигдалей, и дать мало кипѣть, здѣлать сиропъ и положить мигдалы, поставить на огонь и дать кипѣть, покуду загуснетъ, чтобъ можна макоронная дѣлать, потомъ прибавится напримѣръ фунтъ мигдаловъ, два яйця, которіе добре розбить, чтобъ все вмѣстѣ было, и когда с огня снѣмать, то ложкою пѣну бить, вмѣшать добре и снявъ дать простигать, и класти ложкою на бляху разнымы фигурами, какъ макороны, и дать стоять, чтобъ выстоялы в печѣ или в долгой сковородѣ; точію надобно толстую бумагу подложить,—одну макорону для пробы поставить, покудова пѣчъ в поре станетъ.

34. *Перечніе или поташовіе лепешки дѣлать.*—5 фунтовъ мѣлкого сахару, на густой сиропъ сваренного, простудить, всякого корѣння подмешать, ложку поташу, пшеничную муку подмѣшать такъ густо, какъ надобно, на ночъ въ теплое мѣсто поставить, чтобъ сходыло, а на утро пекти, четвероуголнимы пранькамы дѣлать.

35. *Широкой сахарной хлѣбъ дѣлать.*—Взять 14 яець, съ которыхъ бѣлки отбирать, потомъ розбить оніе яйця добре, потомъ прибавить полфунта сахару, добре важеного, самого чистого, и стерти наймѣлше и просѣять, смѣшать съ яйцями, мѣшать, покудова бело будетъ, потомъ взять самой чистой, крупичной, пшеничной муки, подмѣшать оніе вещи всы вмѣстѣ, дабы рожно было, и можно подмѣшать мало цинамоновой воды, а когда сіе усе готово, озьмется форма, в которую тѣсто класть, и внутре обольется везде масломъ топленимъ, и витрахнуть форму, чтобъ ничего масла в ней не осталось, потомъ тѣсто положится и поставится форма въ сухую порожную сковороду, и прикрить кришкою и положить сверху доброй огонь, подъ исподомъ точію малой огонь; когда в сковородѣ выдно, что зажарился, потомъ взять желтокъ яичной и ложку воды, добре смѣшавъ, помазать, потомъ кришкою еще накрыть и по должности спекти, и когда готово, вынять съ формы, дать остигнуть и рѣзать полосами, и дать въ тепле схнуть, и такъ готово.

36. *Лецеты дѣлать.*—Взять одно яйце и добре розбыть, потомъ прибавить чверть фунта толченого сахару и просѣяного и смѣшать, потомъ чверть фунта пшеничной муки и добре подмѣшать, такожъ и корѣння малое число, толченихъ гвоздиковъ, кордымону, порѣзанного з указу, и цитринной корки смаженой, потомъ взять на столъ и роскотить ка-

чалкою, и порѣзать на шматки, тѣ шматки въ форму вдавить, потомъ надобно бляху в паштетной сковородѣ добре витерти и масломъ помазать, потомъ взять тѣсто съ формы и положить на бляху в сковороду, и дать отчасти доброй огонь, на кришку подъ сковородою гараздъ легчей огонь, и дать пектись, покудова поспѣеть.

37. *Пиренберскіе лепешки пекты.*—Взять два фунта обыкновенной патоки, одинъ фунтъ простого сахару, смѣшать съ патокою и положить в положенную кастролю или горщокъ, дать на огнѣ потуда кипѣть, покуду покраснѣетъ, потомъ прибавить резанихъ цитроннихъ корокъ, суданы и еще гвоздыковъ, кардамону, мушкатного цвѣту и перцю, все столкти и особно по охотѣ подмѣшать, потомъ подмѣшать полтора фунта пшеничной муки, покудова тѣсто станеть, потомъ прибавить полълота поташу, роспустить въ колодяжной водѣ и толкти, покуду мѣлко будетъ, и подмѣшать въ тѣсто, потомъ порѣзать въ шматки, какъ великы лѣпешки надобни будуть, и надобно шматки равно вѣсить, чтобъ всы однимъ вѣсомъ были, и роскотить шматки на столѣ качалкою, а егдабъ тѣсто могло ко столу прилипать, можно малое дѣло муки подкинуть и котить; когда доволно роскатано, положить въ форму и натрусить на бляху въ паштетную сковороду пшеничной муки, потомъ выбрать лепешки съ формы, положить на бляху и на кришку сковороды доброй огонь положить, подъ сковороду легкій огонь, дабы вскорѣ подойшли, и такъ готови.

38. *Аблати с персикы.*—Взять четверть фунта персики, само мелко ростолкти рожевою водою, четверть фунта сахару мѣлко толченого, потомъ два яйця, а третого бѣлокъ добре съ сахаромъ розбить, покудова бѣло и густо станетъ, потомъ толченой персики въ сахаръ положить, добре смѣшать и въ печи пекти, покудова пожолтѣетъ.

39. *Волоскіе орѣхи съ сокомъ кветомъ.*—Взять два бѣлка яичнихъ и розбить въ густую пѣну, и подмѣшать малое дѣло сахару, чтобъ не рѣдко с ложки текло, положить на бумагу и пекти на деревяной дошки въ теплой печи; когда готови, то снять и положить малое дѣло соку, двѣ вмѣсте сложить, чтобъ стали какъ волоскіе орѣхи, и дать высохнуть.

40. *Сахарній хлѣбъ, называемый цукеръ бротъ.*—Взять бѣлковъ отъ семи яець и розбить въ пѣну, покудова отъ пароста не будетъ стекать, потомъ подмѣшать отъ пяти яець желтки, и четверть фунта сахару, и полъчвертки фунта муки, понемногу и подмалу подмѣшать, и заразъ въ печъ поставить и пекти въ малыхъ канселяхъ, потрусивши канарскимъ сахаромъ; у бумажкахъ пекти.

41. *Персики аблаты дѣлать.*—Взять полъчвертки фунта сахару, персики три, полъчвертки фунта сахару, столчи персыку мѣлко, два бѣлка яечнихъ розбить на пѣну и прибавить ложку сахару и одну ложку

пѣны, чтобъ стало густо, какъ надобно, положить на бумагу и пекти въ печи круглыми лепешками; впередъ надобно, чтобъ персики добре высушены были, на чвертку персика—четыре бѣлка, хочъ мало и останется, чтобы не очень рѣдко.

42. *Дутой сахаръ.*—Сахару, полъфунта облупленныхъ мигдаловъ, 12 лотовъ сахару, вмѣстѣ столкти, а вмѣсто рожевой воды два бѣлка яечнихъ положить, въ форму выдавить и у печѣ пекти; надобно бѣлокъ розбить добре, такъ и класты ложкою.

43. *Макороны дѣлать.*—Взять фунтъ обчищенныхъ мигдаловъ, мѣлко столкти въ чистой водѣ, взять одинъ фунтъ сахару скудно важеного, розрубать в мѣлкіе шматки, въ казанокъ положить, придай 8 ложекъ рожевой воды, и дать сахару роспуститься, поставить на легкой огонь, дать кипѣть и пѣну скидать, положить въ то мигдалы и добре мѣшать, чтобъ роспустились, чтобъ кусковъ не было, дать добре кипѣть, покудова отъ котла отстанетъ, потомъ прибавъ 5 бѣлковъ яечнихъ, розбить добре и пѣну туда положить и добре смѣшать, потомъ снять съ огня и положить на тарелку и дать остынуть.

44. *Тѣсто на торть.*—Одинъ фунтъ муки, полъфунта масла, одинъ фунтъ мигдалей, три чвертки фунта сахару, два желтка яечнихъ и одно цѣлое яйце—тортъ и пирожки дѣлать.

45. *Масленіе лепешки.*—Полфунта сахару, одинъ фунтъ муки, три четверти фунта масла, корицѣ, яецъ столко, чтобъ можно тѣсто качать, якъ схотѣть дѣлать.

46. *Рѣзанніе мигдалы.*—Полфунта мигдалей, одинъ фунтъ сахару, восемъ бѣлковъ яечнихъ въ пѣну розбить, потомъ въ сахаръ подмѣшать, рѣзанніе мигдалы на руки мѣшать съ тѣмъ сахаромъ, вмѣсти смѣшавъ, чтобъ кругло было, на бумагу положить и на сковородѣ пекти; на руку положить мигдалы и пѣну класти и качать.

47. *Разніе мигдалы инымъ способомъ.*—Мигдалы почистить и порѣзать, ссушить на рѣшетѣ фунтъ цѣлій и розбить восемъ бѣлковъ добре, полфунта сахару толченного змѣшать зъ бѣлками и притовкти, а послѣ зъ мигдалами змѣшать, качать круглими, на бумагу класти и пекти—укачуючи въ пѣну, чтобъ не рѣдки были.

48. *Корычніе вѣнки дѣлать.*—Мигдалы долго порѣзать чищенніи и отважити чвертку, побризкать рожевою водою, чтобы они вогки стали, а послѣ полчвертки сахару толченного и корицѣ два, или полтора золотника змѣшать, и накладать туда мигдалы, на платкахъ порѣзовавши вѣнчики, бѣлками помазавши, чтобы мигдалы пристали, накладать остренко на платки, а зверху сахаромъ чистимъ присыпать, бляху намазывать масломъ, на которой пекти, чтобы вѣнки не пристали.

49. *Цитроны вецленсъ такъ дѣлать.*—Чвертку мигдаловъ столкти очень мѣлко, зъ однимъ бѣлкомъ яечнимъ, а послѣ чвертку сахару толченного положить и добре толкти, чтобы якъ тѣсто было, и здѣлать всякими взорами, якъ найменшими штучками, и золотить зверху.

50. *Макароны цытронніе съ кореннямъ.*—Мигдаловъ чвертку столкти, а послѣ яйце одно зъ желткомъ розбить, и столкти перве саміе мигдалы, немножко водою побризкать, а послѣ зъ яйцемъ, въ ту пору сахару толченного чвертку всыпать, утолкти и положить корѣння, нарѣзать цитронной корки, лимоніи галки, мѣлко порѣзать, змѣшать и дѣлать; накладать долгіе тоненко на тяблицу, сіи можно лакомъ намазовать, и крупцами насыпать цукату, курдимону, помаранцевой коры.

51. *Цитронніи инымъ манеромъ безъ мигдаловъ.*—Цѣлій бѣлокъ розбить въ можчиръ, или половину, не розбываючи ложкою, заразъ съ сахаромъ толченимъ толкти укупѣ, а послѣ лимонной корки свѣжой, самого жолтенкого втерти и всыпать въ сахаръ, бѣлокъ первѣе клучкомъ ростерти, дѣлать всякіе взоры папѣрніи, прикладовать и вырѣзовать, что схотѣтъ, а зъ бѣлого желѣза форомками выдавловать, а послѣ муки подсыпавши, въ пѣчъ въ легкій духъ посадить.

52. *Жефермысъ такъ дѣлать.*—Яйце зъ желткомъ розбить добре, а послѣ рожевой воды ложку всыпать и убить добре, мигдаловъ толченихъ положить и розбить вкупѣ, а послѣ муки такъ вмѣшать, чтобы можно кругленко качать, и пекти на бляхи; порѣзавши цитроны, понакладать зъ верху, въ корення всыпать и пекти.

53. *Бѣшкокты инымъ манеромъ.*—Полфунта сахару, 15 яецъ, перве саміе бѣлки бить такъ, чтобы нѣмало с пароста не спадалы, очень густы и бѣлы были-бы, а послѣ обчистить съ пароста и положить желтки, по одному класти, да все ложкою сребною мѣшать, десять желтковъ змѣшавши, желтки заразъ ссыпать, сѣяній сахаръ жменею, муки фунтъ крозъ ситце сѣять, мѣшать, якъ найскорѣй, не в мисцѣ, но в полонику бить тогда, якъ у печѣ добре нагорить, и всыпать въ маленкіе бумажніе хоромки, и канарскимъ сахаромъ сверху присыпать, и пекти.

54. *Канель кухень.*—Два яйця розбить, чвертку сахару, толченного мѣлко, положить и бить добре, а послѣ топленого масла отважить чвертку и бить укупѣ, корицѣ толченной полчвертки или болше збить добре, муки отважить полторы чвертки, змѣшать, кругленко качать и класти на гарячу форму, переворочаючи, пекти.

55. *Куклы кордимонніе дѣлать.*—На чотыри яйци фунтъ сахару, розбить яйця въ яндолцѣ ложкою, а послѣ сѣянного сахару всыпать и бить добре, покамѣсть сахаръ убьется и бѣло станеть, а послѣ замѣсить тамже въ мисцѣ мукою, чтобы не очень круто было, ростирать ложкою,

выдавлiовать на форму, посыпаючи мукою, а обрѣзовать колцемъ, на мѣдной бляхи пекти, помазавши масломъ; сiи можна зъ мигдалами дѣлать: на чвертку сахару одно яйце, съ сахаромъ добре розбить, а полчвертки мигдалей добре столкти, побризкавши рожевою водою, немножко прижарить мигдалы, ростерти добре съ тѣмъ тѣстомъ, а послѣ зъ мукою, положить корицѣ, кордимону, и выдавлiовати всякими взорами, и пекти.

56. *Анискухень такъ пекти.*—Розбить три яйцѣ в яндолѣ ложкою, а послѣ горсть или двѣ сахару толченного всыпать и розбить добре, а послѣ молока всыпать чашечку и муки, розбить добре, такъ якъ сметану гущиною, а послѣ всыпать масла три ложки не повныхъ, сребныхъ, топленого и бить добре, а послѣ знову муки; розбивши добре зъ мукою, тогда молока сыпать и ростирать, чтобы грудокъ не было, форму вытерши маслянымъ платкомъ, а не мазать формы, сыпать по ложки деревяной, доброй, на гарячую форму и переворочать часто на огнѣ.

57. *Другое, въ желѣзку печоное, курдимонное дѣравее тѣсто.*—Два яйця зъ бѣлками, а два желтки розбить добре, а послѣ съ сахаромъ, двѣ горсти всыпавши, бить, масла три ложки сребнихъ топленого всыпать, зливокъ густихъ шесть ложекъ всыпать и бить, курдимону всыпать, а послѣ зъ мукою смѣшать ложкою и замѣсить, чтобы можно тоненко роскачивать; поти руками тѣсто качать, покамѣсть до рукъ и до стола не приставатиметъ; тѣсто, покамѣсть поробить, все качать и здѣлавши заразъ класти на гарячую форму, переворочати, пекти; сiи можна такъ дѣлать: 5 яецъ съ бѣлками, 5 самихъ желтковъ, масла шесть или пять ложекъ, зливокъ густихъ 10 ложекъ, сахару полфунта, бить перве съ сахаромъ, а послѣ зъ масломъ бить, а далѣ з зливками, въ ту пору муку всыпать, замѣсить, подѣлавши всякими взорами, въ печѣ пекти.

58. *Орѣшки такъ дѣлать.*—Двѣ яйцы зъ бѣлками, а два желтка, зливокъ на каждое яйце по доброй ложкѣ, сахару, якъ схотѣти, положити и замѣсить: дѣлать формы и палчики и смажить въ маслѣ.

59. *Въ желѣзку пекти инымъ манеромъ найлутче.*—Четыре яйцѣ совсѣмъ, а 4 желтка, сахару на каждое яйце по ложкѣ, бить добре, масла топленого полтретѣ ложки, а убивши положить кардамону, мушкатного цвѣту немножко и змѣсить зъ мукою и котить, поки не приставатиметъ до стола, роскотивать тоненко и класти на гарячую форму.

60. *Вареніе бѣшкокты.*—Бѣлковъ 12, а желтковъ 11, бить добре, а послѣ сахару всыпать фунтъ и бить; когда станутъ бѣліе, то поставить на огонь и мѣшать все ложкою, а послѣ на дворѣ прохолодить, тогда три чвертки муки всыпать и змѣшать добре, роскотить, прѣсніе коржики покласти тоненко на цѣновную тарѣлку, помазанную масломъ, и вылить тое тѣсто; въ пѣчъ заразъ, пекти.

61. *Постніе разніе мигдалы.*—Попарить и порѣзать удовжь и засушить на подситку, отважить фунтъ мигдаловъ сухихъ, а фунтъ сахару толченного, всыпать рожевой роды въ сахаръ ложку и товкти добре, драganту полчвертки у рожевой водѣ сварить, или намочить, и крозъ платокъ выдавить у сахаръ, мѣсто бѣлка, и столкти добре, послѣ змѣшать зъ мигдалами и качать кругло, чтобы остренко было, и класти на бумагу.

62. *Мигдалы заробловить цѣліе—чищеніе и нечищеніе.*—Сиропъ густо смажить, мигдалы укидать, чтобы добре всмажился, выбирать ложкою и вкачовать въ разніе крупцѣ, или в бѣлий сахаръ, мягко стертій, и позасушовать.

63. *Дутій сахаръ такъ дѣлать.*—Драganту намочить полгарцы на ночъ, или сколко схотѣть, сахаръ чтобы былъ мѣлко стертій, зъ сахаромъ у каменномъ можчирику смѣшать такъ густо, чтобы можна качалкою роскачовать, и выдавліовать на форомки, и обрѣзовать колцемъ, и пекти въ полномъ духу, посыпавши на бляху крупичной муки, пекти; сіи можно закрашовать фарбою, якъ найскорѣй, чтобы тѣсто не схло.

64. *Марцѣпаны инымъ манеромъ.*—Мигдаловъ чищенныхъ фунтъ толкти мѣлко зъ рожевою водою, и сахаръ зъ рожевою водою притолкти немножко, и положить мигдалы въ сахаръ, и товкти добре, чтобъ якъ тѣсто было,—роскачать качалкою, вырѣзовать всякіе взоры папѣрніе, прикладовать, качать обручикы, класти на томъ марцѣпаны и общиповать щипчиками кругомъ, сажать въ легкій духъ весма у пѣчъ, абы толко посялы, а не спеклись, а вскорѣ повибырать съ пѣчи, розбить свѣжій одинъ бѣлокъ, чтобы на ложцѣ стримѣло, сахаръ чтобы самій чистій канарскій былъ, мѣлко столченъ и просѣянній, и мѣшать съ тѣмъ бѣлкомъ и накладать на марцѣпанъ глянсъ, если схотѣти, фарбою красною и блакитною, съ сахаромъ и бѣлкомъ ростерши палцемъ, въ печѣ позасушовать. *Лакомъ якъ наводити блакитнимъ или краснымъ*: змѣшать бѣлокъ съ сахаромъ, тогда мѣлко толченной фарбы всыпать и на печеннихъ бѣшкоктахъ намазовать на бѣломъ ляку пензлемъ.

65. *Бѣшкокты кубы отдавліованны.*—10 яечнихъ желтковъ, а 5 яецъ зъ бѣлками, фунтъ сахару толченного и сѣянного, саміе яйця немного бить, а съ сахаромъ бить, добре покамѣсть густіе и бѣліе станутъ, замѣсить крупичною мукою, чтобы не очень круто было, роскачовать качалкою, выдавліовать кубкомъ, чтобы толщиною были на полпалця, а кругомъ палцемъ пообдавліовать, масломъ топленымъ перомъ зверху помазать, сахаромъ и корицею зверху посыпать, и на самомъ черенѣ у печѣ пекти; сіи можна такъ дѣлать, чтобы 15 яець, а фунтъ сахару.

66. *Другіе бѣшкокты.*—10 яець, фунтъ сахару, три чвертки муки, бить добре, у форомкахъ или на тарѣлкахъ пекти.

67. *Кислое тѣсто формовое учинять.*—Кубочокъ яець, кубочокъ масла или полкубочка, молока два кубочки или зливокъ густыхъ, и убить добре, а послѣ муки усыпать, чтобы густенко было и дрожчей прибавить, а когда зійдетъ, форму роспекти, сыпать на гарячую форму и пекти.

68. *Макороны найлутче дѣлать.*—Мигдалы почистивши полфунта, толкти добре зъ рожевою водою, первіе одну ложку, а послѣ другую и третую всыпать и добре толкти, чтобъ якъ тѣсто было, а послѣ съ сахаромъ толченнымъ мѣлко сѣяннымъ толкти, розбить два бѣлка очень густо и зъ бѣлкомъ змѣшать, а не толкти, и прижарить на блюдѣ мѣдномъ, и мѣшать ложкою, чтобъ не пригорѣло, выдавліовать сприцомъ всякіе взоры и пекти.

69. *Тортъ мигдалной дѣлать.*—Взять 2 фунта лупленныхъ сладкихъ мигдаловъ, 12 золотниковъ лупленныхъ-же горкихъ мигдаловъ, зъ рожевою водою мѣлко истолкти, какъ густое тѣсто, а послѣ 3 фунта толченного сахару мѣлко вкупѣ смѣшать и в слоики выкласти туго, а если схотѣть—лѣпить, розводить чистою водою и лѣпить.

70. *Крупцы такъ дѣлать.*—Розмочить водою вишневого клею, или кумы арабы-кумъ, ростерти, а сахаръ добре столкти мѣлко, и змѣшать густенко, и терти ножемъ на подсытку, рубать и дать засушить.

71. *Вафолы учиняеміе.*—Кубочокъ яець свѣжихъ розбить добре, масла топленого, той же кубочокъ розбить, а послѣ муки всыпать густенко и розбить, а послѣ дрожчей полкубочка и мукою такъ загустить, чтобы ложка стояла, а послѣ паренымъ молокомъ розвести тіи кубочки топленымъ, чтобы не весма горячое было, и поставить, чтобы сходило, у полтора часа пекти, прежде молока добре убить надобно.

72. *Такъ и тортъ мигдалей можна.*—Полфунта мигдаловъ зъ рожевою водою толкти, а послѣ 5 яець зъ желтками бить, такъ, якъ на бѣшкокты—исъ сахаромъ бить; якъ время у пѣчъ, то мигдалы умѣшать ложкою деревянною, потоль мѣшать, поколь время у пѣчъ, и пекти.

73. *Тортъ мигдалы настоящіе дѣлать.*—На фунтъ мигдаловъ 10 яець, а чвертка сахару, столкти мигдалы, побризкуючи водою, а послѣ въ деревянной мисцѣ терти также сучкомъ деревяннымъ, а бить по одному яйцю пять и все терти, а послѣ отъ другихъ пяти яець желтки по одному терти, заразъ и сахаръ усыпать, а 5 бѣлковъ паростами розбить, и когда часъ у пѣчъ, якъ найскорѣе умѣшать и заразъ въ пѣчъ, масломъ холоднымъ не солонымъ полумысокъ вымазати и пекти; мушкатного цвѣту и корицѣ надобно прибавить.

74. *Разніе мигдалы дѣлать.*—Чвертку рѣзанныхъ мигдалей иссушить, полчвертки сахару столкти, или двѣ, толко не класти обохъ, убить такъ, якъ на бѣшкокты, чтобы стояло на ложкѣ, и змѣшать сахаръ съ

пѣною густо, и мигдалы заразъ змѣшать не рѣдко, и брать пѣны на долоню, и качать кругло и класти на сковороду и пекти; найлутче такъ дѣлать, толко-жъ по разсмотрѣнію класти бѣлокъ, чтобъ не розридить, а поболше пѣны мѣшать, то лутчій и разсыпатся (будетъ).

75. *Цитронной сахаръ.*—Взять мигдалей полфунта, 36 золотниковъ сахару, вкупѣ столкти, а вмѣсто рожевой воды яечныхъ бѣлковъ два, и съ тимъ гораздо толкти, а впосля формою выдавить и пекти.

76. *Тѣсто на торть такъ дѣлать.*—Два бѣлка добре убить у мисцѣ ложкою, а послѣ кубочокъ воды чистой, другой кубокъ, усыпавши двѣ ложки водки крѣпкой, усыпать у кубочокъ у воду, а послѣ третій кубочокъ воды усыпать, и все розбивать и замѣсить мукою не очень крѣпко и не мякко, а послѣ зъ мукою три раза качать, на четверо перегорнувши зъ мукою, а три раза зъ масломъ, посыпаючи мукою, качать три раза или четыре, а масло чтобы свѣжое и полосканное, у платку, на ліоду, готовое было, толко роскачанное.

77. *Вафолы какъ дѣлать.*—Взять яець три, розбить, всыпать молока и розбить зъ мукою, такъ чтобъ не очень и рѣдко и густо было, и пекти на сковородѣ, чтобы и зверху и знизу былъ огонь; перве яйця зъ мукою розбить густо, а послѣ молокомъ розвести такъ, якъ надобно, а когда спечется, порѣзать удовжъ, на два палца шириною, а послѣ впоперекъ и крайки понарѣзовать: якъ масло закипить, жарить у маслѣ.

78. *Пасху такъ учинять надобно.*—Мука чтобы хороша была, поставить сполдня медовую, якъ закипить медъ, запарити висѣвки, чтобы гараздъ обмочились и всолодали, а когда простигнуть, въ то время розвести съ теплымъ медомъ и всыпать дрожчей певныхъ; якъ зійдеть, процѣдить на сыто; якъ время учинять—когда до утрени зазвонять, двѣ шклянки желтковъ, а полшклянки масла чистого, холодного,—теплого четвертую долю, надобно болшъ запары—двѣ шклянки, перве розбить зъ желтками, а послѣ запару всыпать и шафрану, рѣдко вчинять, не очень густо; а когда зійдетъ, коренння всыпать, сахару, галки, корыцѣ толченной, замѣсить, если схотѣть; заразъ скачать или трошки подождать, покамѣсть зойдетъ рѣдченко, что лутче; ежели заразъ—покачать, змѣсивши.

79. *Тѣсто на торть инымъ способомъ дѣлать.*—Масло заготовить добре, вымить въ холодной водѣ и на платку качалкою роскотить, такъ якъ тарѣлка деревянна,—смотря по тѣсту, чтобъ двѣ части тѣста, а третая часть масла,—тѣсто смѣсить съ мукою сметаною, не мякко, надъ нею надобно ложку воды всыпать; замѣсивши добре, бить качалкою на столѣ, покамѣсть тугко станетъ, мукою посыпаючи, а убивши зъ мукою два раза, роскотить, а четыре раза зъ масломъ роскотить не толсто, на холодъ вынести и розбить пирожки или торты.

80. *Медъ ставленній такъ дѣлать.*—Патоки взять и роспустить рѣчною водою, и варить добре, такъ якъ схотѣть—чи солодко, чи якъ; когда простигнетъ, взять мякушки булки и всыпать дрожчей на булку и вкинути у медъ, а поставить въ теплой избѣ переночевать, чтобы выгрался, а послѣ на холодъ, чтобы якъ устоится, спускать разовъ сколко, и заправить кореннямъ: циномономъ, кордимономъ, гвоздиками и корыцею.

81. *Способъ, какъ матеріи чистить.*—Меду розбить простого чистого, поколь пѣною возмется и будетъ рѣдокъ, потомъ мыла простого накришить и зъ мыломъ бить медъ совокупно, и положить бѣлокъ яечній одинъ или два, смотря по матеріи; ежели много мить, бѣлую или другимъ цвѣтомъ, ежели-жъ желтую, совсѣмъ зъ желткомъ яйце положить, одно или два, и тѣмъ намазовать матерію зъ одной стороны—зъ лиця, мараную и не мараную, и звить, на качалку завернувши, холстомъ тонкимъ и поливать водою рожевою, поколь чиста будетъ, поливая часто и крѣпко качаючи рублемъ, выполоскавши водою чистою, а потомъ высушить, а потомъ котить, поколь сохнуть станетъ; такъ можно сребро и золото позмывагь и сѣтки чистить.

82. *Фарбы, которыми закрашовать бѣшкокты, макороны и сахарніе скрупцы всякими цвѣтами.*—Пулвѣсъ, куркуме и коморъ фиолацеусъ, пополамъ смѣшать—будетъ зеленая краска; ланка, инглобулятъ—будетъ свѣтлая; анабрисъ фактицка—будетъ еще свѣтлѣе.—Коліоръ фиолецеусъ будетъ блакитній, пулвѣсъ куркуме будетъ желто, найлутче первое фарбу терти съ сахаромъ, а послѣ зъ бѣлкомъ терти, потроху бѣлка прибавлять у сахаръ и фарбу.

(Окончаніе будетъ).

Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи въ Украйнѣ 1768 года.

*(Окончаніе *).*

Чтобы не разбивать оставшихся у насъ документовъ изъ Румянцевской переписки о возстаніи въ Украйнѣ 1768 г., мы рѣшились не только продолжить, но и закончить ихъ печатаніе въ настоящей книжкѣ.

Въ обзорѣ помѣщенной прежде большей части этихъ документовъ мы остановились на самомъ главномъ актѣ разыгравшейся въ Украйнѣ великой народной драмы, именно на томъ, какъ сломлено было первое, наиболѣе сильное движеніе возставшаго народа и какъ усмирители онаго, успокоившись на мысли, что оно совсѣмъ подавлено, стали на досугѣ подводить ему итоги... Они ошиблись однако,—возстаніе не могло прекратиться при тѣхъ способахъ, какіе были приняты для его укрощенія, и тѣхъ условіяхъ, на которыхъ смиряли возставшій народъ. Оно неизбѣжно должно было возобновиться вскорѣ, длиться долго; но ему предстояло теперь вступить въ новый фазисъ, принять нѣсколько иной колоритъ, съ которыми и познакомитъ насъ помѣщаемая теперь серія документовъ, представляющая нѣкоторые новые, совсѣмъ неизвѣстные историческіе факты.

Есть нѣчто непонятное, нѣчто фатальное въ судьбѣ злосчастнаго украинскаго народа и его послѣдняго возстанія. По странному теченію политической игры усмирителями этого возстанія, поднятаго на защиту вѣры православной, въ охрану народности русской, во

---

*) См. сент. и октяб. кн. «Кіев. Старины» за 1882 г.

имя объединенія съ Россіею, являются русскіе генералы и русскія войска. Заправители русской политики, русскіе вельможи, стоявшіе такъ сказать у самаго дѣла, очевидцы происходящихъ событій, не могутъ составить себѣ и понятія объ истинныхъ цѣляхъ возстанія. Они трактуютъ возставшихъ, какъ своевольниковъ, воровъ, грабителей и разбойниковъ; преслѣдуютъ и разбиваютъ ихъ отряды, ловятъ и арестуютъ ихъ массами и въ одиночку, и однихъ сами подвергаютъ суровымъ наказаніямъ и ссылкѣ въ Сибирь, другихъ, притомъ большую часть, отдаютъ на казнь ихъ мучителямъ и врагамъ. Русская политика, русская армія является какъ-бы служебнымъ орудіемъ интересовъ польскихъ, на перекоръ своимъ собственнымъ. Такъ всегда запутывается въ своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ безучастная къ народнымъ страданіямъ дипломатія, преслѣдуя свои близорукія цѣли. Россія, преслѣдуя возставшихъ противъ нея и короля конфедератовъ, поддерживала приверженцевъ короля; но и тѣ и другіе были одинаково мучителями и гонителями всего подвластнаго имъ православно-русскаго населенія. Спасеніе Польши не могло входить въ ея разсчеты, и если ужъ надо было съ ней покончить, стоило предоставить ее ея собственной судьбѣ. Дипломатія судила иначе, но и народъ, не вѣдавшій ея тонкостей, шелъ своимъ путемъ.

Онъ рѣшился умереть, или отстоять свою вѣру и такъ или иначе свергнуть съ себя ненавистное польское иго; но на пути стояла Россія, на которую онъ возлагалъ все свое упованіе, къ единенію съ которой стремился теперь изо всѣхъ силъ. Что оставалось ему дѣлать?

Мѣсяца два прошло въ нѣкоторомъ затишьѣ; но уже въ сентябрѣ гайдамаки стали снова собираться тамъ-же, гдѣ первоначально поднято было знамя возстанія. До Румянцева дошли свѣдѣнія, что они укрываются въ самомъ мотренинскомъ монастырѣ. Подполковникъ Бринкенъ разбиваетъ одинъ изъ отрядовъ близъ села Лубянокъ 16 сентября. Въ тоже время шведскій ямбургскаго полка ротмистръ, *Ире*, подвергся нападенію гайдамакъ и потерпѣлъ неудачу: въ его отрядѣ убито нѣсколько человѣкъ, гайдамаки-же, послѣ нѣкотораго сопротивленія, побросавъ лошадей, успѣли скрыться въ густомъ лѣсу. Донося объ этомъ, кн. Прозоровскій проситъ у Румянцева присылки пѣхоты для истребленія гайдамакъ въ тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ неудобно дѣйствовать кавалеріею. Румянцевъ даетъ объ этомъ приказъ генералу фонъ-Дальке, дѣлаетъ ему нотацію за оплошность шведа Ире, а самаго Ире велитъ предать суду и вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ произвести обыскъ у старцевъ мотренинскаго монастыря (№№ XXVII и XXVIII). Вскорѣ послѣ этого онъ предписываетъ тому-же Дальке изъ числа пойманныхъ гайдамакъ-запорожцевъ отправлять въ генеральный судъ, а съ крестьянами польскихъ пановъ поступать по секретному его ордеру 21 сентября (№ XXIX), т. е. отпускать подъ присягой, что будутъ сидѣть смирно.

Нападеніе гайдамакъ на отрядъ Ире не было первымъ проявленіемъ возбужденія возставшихъ противъ тѣхъ, которыхъ по началу они считали своими покровителями и защитниками. Раньше сего партія гайдамакъ сдѣлала нападеніе на русскую команду въ Ташлыкѣ, по увѣщанію атамана этого мѣстечка Дранаго и подъ его-же предводительствомъ. Такое настроеніе украинскаго населенія въ отношеніи къ русскимъ войскамъ не представляетъ собою ничего удивительнаго. Надо взять во вниманіе, что ихъ ждала одинаковая почти участь, возвращались-ли они къ своимъ панамъ, или попадались въ руки русскихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Между тѣмъ совершилась уже и неслыханная казнь Гонты; попавшіе въ плѣнъ конфедераты спокойно прослѣдовали чрезъ Кіевъ въ Казань, а ихъ противниковъ-гайдамакъ, схваченныхъ подъ Уманью съ Желѣзнякомъ во главѣ, тутъ-же на глазахъ ихъ били кнутомъ и, вырвавши имъ ноздри, какъ злодѣевъ и преступниковъ отправляли въ Сибирь. Какъ не возмутиться тутъ народному чувству? Недовѣріе смѣнилось негодованіемъ; послѣднее росло и скоро нашло сочувствіе въ самой русской арміи.

Въ декабрѣ, или нѣсколько раньше, капитанъ чернаго гусарскаго полка Станкевичъ, выпросивъ у генерала Исакова позволеніе вербовать въ гусары, отправился изъ Ново-Сербіи въ Украйну и поднялъ тамъ затихавшее вновь возстаніе. На призывъ его собралось болѣе тысячи человѣкъ. Началась обыкновенная расправа съ панами и жидами. Пока партія формировалась и вооружалась, никто, кажется, не зналъ о ея назначеніи, но скоро она стала извѣстна подъ именемъ гайдамакъ. Тогда порутчикъ ямбургскаго полка Вепрейскій, занимавшійся съ ротмистромъ того-жъ полка Дертеномъ истребленіемъ остатковъ гайдамацкихъ партій, пошелъ на него

открыто. Станкевичъ вступилъ въ бой, но былъ разбитъ и захваченъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 200 гайдамакъ. Гайдамацкія партіи между тѣмъ усиливались. Это встревожило русскихъ генераловъ: кн. Прозоровскій боялся быть отрѣзаннымъ отъ сообщенія съ Кіевомъ, Румянцевъ двинулъ отрядъ генерала Племянникова изъ Переяслава и просилъ содѣйствія Воейкова, располагавшаго войсками, стоявшими на сухопутной границѣ отъ Ново-Сербіи. Вдругъ другой репортъ приходитъ, что новая партія гайдамакъ, въ числѣ болѣе 1000 человѣкъ, атакуетъ порутчика Вепрейскаго въ м. Смѣломъ и силится отбить у него захваченныхъ имъ изъ отряда Станкевича. Румянцевъ хотя отправилъ прибавочныя команды, но чувствовалъ опасеніе, что съ ослабленіемъ его силъ пламя возстанія можетъ быть переброшено на ту сторону Днѣпра, въ восточную Украйну, и счелъ нужнымъ особымъ письмомъ извѣстить объ этомъ графа Никиту Ивановича Панина (№ XXXI). Поручика Вепрейскаго замѣнили маіоромъ Вурмомъ, вѣроятно, усиливъ его команду; но опять новая партія гайдамакъ, числомъ въ тысячу человѣкъ, съ ожесточеніемъ напала на него 15 декабря, и хотя была разбита, но опять не безъ урона, а что важнѣе—при одномъ изъ убитыхъ атамановъ найдено было письмо къ нему офицера гусарскаго Марьяновича, который звалъ этого атамана съ артелью къ Могилеву на Днѣстрѣ, конечно, съ тѣмъ, чтобы поднять возстаніе на Подольи и отвлечь туда военныя силы. Румянцевъ отправилъ къ Панину куръера, настаивая на удаленіи пойманныхъ гайдамакъ во внутреннія мѣста Россіи и на принятіи относительно ихъ болѣе строгихъ мѣръ. Онъ съ раздраженіемъ обзывалъ въ своемъ письмѣ (№ XXXII) возставшихъ сволочью, бездѣльниками, злодѣями и разбойниками, съ досадою замѣчаетъ, что противъ такой сволочи надо вооружаться; но всего болѣе озабочиваетъ его то, куда дѣвать и чѣмъ содержать всю эту сволочь. Замѣчательно, что таже забота одолѣвала въ тоже время и коронного маршала Браницкаго и самаго короля Понятовскаго, и они сошлись на томъ, что лучше казнить, чѣмъ даромъ кормить.

Но въ то время, когда русскіе военачальники съ такимъ рвеніемъ старались силами, направляемыми съ трехъ сторонъ, задавить несчастныхъ страдальцевъ, доведенныхъ до отчаянія конфедератами, эти послѣдніе напрягали всѣ усилія, чтобы возбудить противъ Россіи страшную коалицію, притянувъ къ ней Францію,

Австрію, турокъ и татаръ; вмѣстѣ съ тѣмъ они стягивали, подъ страхомъ смертной казни, всякія замковыя и надворныя команды, чтобы отблагодарить *москалей*, ради ихъ благополучія проливавшихъ братнюю кровь (№№ XXXIII—XXXV), а эти команды вездѣ состояли и вновь формировались изъ тѣхъ-же притѣсняемыхъ украинскихъ крестьянъ. Такимъ образомъ, когда на всемъ пространствѣ западной Украйны шло губительное возстаніе доведеннаго до крайности народа, обѣ воевавшія тогда стороны изъ того-же народа извлекали послѣднія силы, одна—чтобы подавить возстаніе, другая—чтобы напасть на подавляющихъ. Совершается, по удивительной игрѣ случая, очевидное народное самоистребленіе. И въ то-же время ханъ татарскій, во главѣ 60 тысячъ дикой орды, стоящій въ Балтѣ, имѣетъ повелѣніе идти чрезъ Умань въ Смѣлянщину, для искорененія того-же злосчастнаго народа, и офиціальнаго его палача, на глазахъ котораго совершилась лютая казнь Гонты, приглашаетъ соединиться съ нимъ (№ XXXVI).

Хотя ханъ и не исполнилъ своего намѣренія проникнуть въ Смѣлянщину для искорененія гайдамацкихъ партій, тѣмъ не менѣе одна изъ трехъ татарскихъ колоннъ вторглась въ пограничныя украинскія мѣста и произвела страшное разореніе. Терзаемый со всѣхъ сторонъ, оставленный безъ всякой защиты и никѣмъ не руководимый народъ не зналъ, куда ему обратиться, что предпринять и какъ поступать. Одни переселялись за Днѣпръ, другіе заявляли желаніе вступить въ службу ея императорскаго величества и еще иные рѣшались биться противъ кого-бы то ни было, только-бы „защищать вѣру христіанскую“. Въ то время, какъ прапорщикъ Ларси въ Уманщинѣ и другихъ мѣстахъ навербовалъ изъ мѣстныхъ крестьянъ до 200 козаковъ и надѣялся собрать еще до 500, въ Смѣлянщинѣ запорожскій атаманъ Губа имѣлъ при себѣ 700 вооруженныхъ людей. Первые шли, полагаясь на неизвѣстныя намъ увѣренія офицеровъ-вербовщиковъ, и ихъ просто прикомандировывали къ корпусу Прозоровскаго, другіе хотя также присягали служить царицѣ и не щадить живота, но желали, кажется, прежде знать, на что и противъ кого они будутъ обращены, оставляя за собою свободу дѣйствій и имѣя въ намѣреніи одно—добиться освобожденія изъ польскаго ярма, подъ знаменемъ-ли царицы, или вопреки дѣйствіямъ ея войскъ. „Ляховъ мнѣ нѣчего бить, а буду рѣзаться съ

москалями,"—объявлялъ подъ рукой Губа, когда къ нему подходили на соединеніе 500 запорожцевъ; но это было лишь выраженіе дикаго остервененія, съ какимъ безсильная кошка силится впиться своими когтями въ могучаго орла. О Губѣ пошла переписка до высшей команды (№№ XXXVII—XXXIX), его стали преслѣдовать и 6 апрелѣ 1769 г. онъ, отдѣлившись гдѣ-то отъ своей команды, былъ захваченъ русскимъ отрядомъ въ расплохъ и послѣ отчаяннаго сопротивленія погибъ вмѣстѣ съ своими товарищами, не хотѣвшими сдаться живыми. За три дня предъ тѣмъ была разбита донцами небольшая партія гайдамакъ подъ Рохмистровкою, а 21 апрѣля другая, также небольшая партія, подъ Лысянкою (№ XL).

Въ Украйнѣ царилъ невообразимый хаосъ: русскія войска, запершіе ее съ стрехъ сторонъ, сновали по ней вдоль и поперекъ, лѣса покрыты были большими или меньшими партіями гайдамакъ, которыя пополнялись большею частію изъ среды крестьянства и обнаруживали отчаянную дерзость и отвагу, по свидѣтельству начальниковъ русскихъ отрядовъ. Мнѣнія возставшихъ раздѣлялись: одни желали сопротивляться до конца, другіе искали какого-нибудь порядка и покоя и сами призывали русскія войска. Въ средѣ гайдамакъ послѣдніе вызывали мщеніе и разореніе; въ свою очередь мстили и грозили имъ торжествовавшіе паны и ихъ многочисленные агенты. Урожай предъидущаго года остался во многихъ мѣстахъ не собраннымъ и погибъ на корню; поля оставались не засѣянными, цѣлыя семьи крестьянъ скитались въ лѣсахъ. Такъ проходило лѣто 1769 г. и среди такой сумятицы, къ довершенію полнаго ужаса и отчаянія народнаго, въ Украйну вступили, подъ предлогомъ продовольствія, королевскія войска, находившіяся подъ командою Стемпковскаго, и разсыпавшись мелкими отрядами, подъ видомъ искорененія гайдамакъ, стали причинять „духовенству и жителямъ вѣры благочестивой" неслыханныи насилія и раззоренія, а стоявшій въ близи русскій генералъ Кречетниковъ равнодушно смотрѣлъ на ихъ дѣйствія. Понадобилось вмѣшательство Румянцева, который въ рѣзкихъ выраженіяхъ пишетъ объ этомъ Кречетникову, требуя обуздать расходившіяся партіи Стемпковскаго, грозя при первомъ извѣстіи о продолженіи ихъ своевольствъ, настоять на выводѣ всей команды Стемпковскаго изъ Украйны. (№ XLI).

Дальнѣйшая судьба народнаго возстанія въ Украйнѣ, какъ она намѣчается въ документахъ печатаемой переписки, шла въ томъ-же направленіи и тянулась долгіе годы, можно сказать, вплоть до присоединенія къ Россіи всего юго-западнаго края. Настоящая переписка не обнимаетъ и половины ея и въ немногихъ документахъ сообщаетъ о ней лишь самыя отрывочныя и краткія свѣдѣнія, дающія только общее представленіе о ея ходѣ и направленіи. Двѣ главныя враждующія стороны продолжаютъ стоять въ положеніи бойцовъ, рѣшившихся побѣдить или умереть, но не уступать, въ силу перешедшаго всякіе предѣлы взаимнаго ожесточенія и непримиримой ненависти другъ къ другу. Съ одной стороны разсвирѣпѣвшая шляхта не знаетъ границъ свой мести и лютому остервенѣнію; съ другой народъ, съ его завѣтными стремленіями охранить свою вѣру и свободу, окостенѣлъ какъ будто въ своемъ упорствѣ и ожесточеніи и, не смотря на полное истощеніе, продолжаетъ проявлять ихъ то дикою, больше уже одиночною расплатою съ своими притѣснителями, то непрерывными изъ году въ годъ жалобами, идущими ко всѣмъ русскимъ властямъ, то просто глухою оппозиціею. Промежду ихъ стоитъ грозная русская власть, главнымъ образомъ въ лицѣ Румянцева, которая, взявъ на себя усмиреніе возстанія, то старается обуздать дикія проявленія своевольства и насилія съ той и другой стороны, то силится создать для нихъ невозможный уже по силѣ ихъ ожесточенія *modus vivendi*; а позади этой высшей власти, витающей въ области дипломатическихъ сношеній и соображеній, стоятъ ея исполнители лицемъ къ лицу съ ожесточенными сторонами и поддерживаютъ то одну, то другую, смотря по приказамъ свыше, и только изрѣдка пробьется неподдѣльное сочувствіе къ многострадальному народу то въ неумершемъ еще Запорожьѣ, то въ рядахъ русскихъ войскъ.

Въ исходѣ 1769 г. Румянцевъ, не добившись отъ Стемпковскаго, ни самъ, ни чрезъ посредство Кречетникова, прекращенія насилій, причиняемыхъ украинцамъ его своевольными партіями, обращается въ Варшаву къ смѣнившему Репнина князю Волконскому съ просьбою добиться у тамошняго двора вывода изъ Украйны войскъ Стемпковскаго, вызываясь, въ случаѣ неуспѣха его домогательствъ, и самъ найти „приличный“ къ тому способъ (№ XLII). Осенью 1770 г. онъ еще встрѣчаетъ поводъ просить содѣйствія

стоявшаго на границѣ отъ Ново-Сербіи генерала графа Панина о „загражденіи прохода“ формирующимся на польскомъ побережьѣ „изъ самихъ нашихъ войскъ“ гайдамацкимъ партіямъ и истребленіи ихъ, гдѣ покажутся (№ XLIII). Въ 1774 г. Румянцевъ поставляется въ необходимость подтвердить находящимся въ Украйнѣ генераламъ русскихъ войскъ о невмѣшательствѣ ихъ отрядовъ въ продолжавшуюся тамъ вѣроисповѣдную борьбу между православными и уніатами, а это распоряженіе его указываетъ на другія по тому-же предмету, бывшія въ предшествовавшіе два года (№ XLIV). Послѣднее его въ этой перепискѣ письмо—къ новому посланнику нашему при варшавскомъ дворѣ барону Штакельберу представляетъ драгоцѣнное для вѣрнаго пониманія украинскаго возстанія 1768 г. изложеніе его взгляда на это событіе, высказываемаго конфиденціально, а потому вполнѣ искренно. Это тотъ-же взглядъ, который онъ 10 лѣтъ назадъ высказалъ въ письмѣ къ графу Панину, въ самый разгаръ возстанія. Теперь этотъ взглядъ укрѣпился путемъ 10-ти лѣтняго наблюденія и ознакомленія съ ходомъ дѣлъ. И теперь Румянцевъ видитъ въ возникшей и такъ долго длящейся борьбѣ православныхъ украинцевъ съ ихъ панами-католиками и клевретами послѣднихъ—уніатами одну лишь религіозную основу, считаетъ тѣхъ мучениками, а этихъ гонителями, и находитъ, что установленное усиліями дипломатіи *statu quo* польскія, духовныя и мірскія, власти только обратятъ „на исполненіе своего мщенія надъ людьми, ничѣмъ другимъ неповинными, кромѣ *привержeнности своей къ намъ по единовѣрію*“. По мнѣнію Румянцева, „фанатизмъ римской вѣры не можетъ быть успокоенъ“ на этомъ *statu quo;* паны-католики и то за обиду себѣ принимаютъ, „ежели не могутъ варварски удручать нашихъ единовѣрцевъ“. Политическій взглядъ его прояснился,—онъ вѣритъ, что „доколѣ не угаснетъ въ томъ краю благочестіе,—мы къ своей сторонѣ всегда имѣть будемъ сердца жителей преклонными“. Но онъ видитъ надъ Украйной „*грозу крайней погибели*“ и убѣждаетъ Штакельберга путемъ дипломатіи предотвратить ее, дабы не убить послѣдней надежды въ „народѣ, столь твердымъ узломъ съ нами сопряженномъ“ (№ XLV).—Переписка заключается трогательнымъ письмомъ къ Румянцеву Иларіона, епископа переяславскаго, которому подчинена была Украйна по дѣламъ вѣры. Оно указываетъ отчасти на занятое давно Румянцевымъ положеніе

какъ-бы патрона Украйны и дорисовываетъ очерченную помѣщенными здѣсь документами мрачную картину страданій украинскаго народа, отъ которыхъ ему суждено было избавиться еще весьма не скоро (№ XLVI).

XXVII.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева генералъ-порутчику фонъ-Дальке о командированіи въ Украйну съ надежнымъ офицеромъ ста человѣкъ пѣхоты, въ виду усиленія гайдамакъ и для истребленія оныхъ, о производствѣ обыска въ мотренинскомъ монастырѣ, о судѣ надъ ратмистромъ Ире, допустившемъ разбить его отрядъ гайдамакамъ и проч.

29 сентября (1768 г.). № 1035.

Ордеръ господину генералъ-порутчику фонъ-Дальке.

Господинъ генералъ-маіоръ и кавалеръ князь Прозоровскій двома мнѣ рапортами представляя о гайдамацкихъ происшествіяхъ въ Польшѣ близъ границъ нашихъ, и въ послѣднемъ—что командою кодполковника Бринка, 16-го числа сего мѣсяца, разбита оныхъ шайка близъ села Лубенокъ, но посредствомъ бывшихъ тамъ лѣсовъ ушли многіе отъ поимки, проситъ ради истребленія гайдамаковъ, прячущихся въ лѣсахъ, чтобъ я отправилъ пѣхотную команду, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ нужду отозвать уже съ тѣхъ мѣстъ эскадронъ московскаго полку.

Посему я вашему превосходительству рекомендую сто человѣкъ пѣхоты, съ подлежащимъ числомъ офицеровъ, командировать тотчасъ въ Польшу, въ тѣ мѣста, гдѣ посланныя отъ васъ команды находятся; и поелику изъ допросовъ пойманныхъ гайдамакъ помянутый господинъ генералъ-маіоръ князь Прозоровскій утверждаетъ, что партіи сихъ злодѣевъ дѣйствительно свои убѣжища имѣютъ въ мотренинскомъ монастырѣ, и теперь туда же пошли, то, чиня надъ ними поиски, прикажите командующему офицеру нечаянно когда окружить помянутый мотренинскій монастырь и учинить обыскъ въ немъ вездѣ, не сыщутся ли тамъ гайдамаки. Сей обыскъ произвести, но сіе толь осмотрительно, чтобъ ничего не только оскорбляющаго, но и предосудительнаго, при

семъ случаѣ, не нанесено тамошнимъ старцамъ или мѣстамъ освященнымъ. Вы тутъ получите мой ордеръ отозвать отъ команды ротмистра Ире и судить въ его поступкахъ. Такъ за симъ ежели вы найдете нужнымъ вновь отправляемую команду и прежде посланную кавалерійскую препоручить штабъ-офицеру, я то оставлю въ разсмотрѣніе ваше, примѣтивъ однакоже вашему превосходительству, что примѣръ слабости и незнанія своей должности ротмистра Ире, который тѣмъ вредъ многой собственно сдѣлалъ своей командѣ, долженъ васъ упражнять, чтобъ въ такія посылки употребляли вы офицеровъ не неизвѣстной исправности и искусства; слѣдственно и нынѣ отправляемому дайте наставленіе, чтобъ онъ, яко имѣть будетъ дѣло съ гайдамаками въ лѣсахъ, то чѣмъ теснѣе къ проходу его будутъ пути, тѣмъ найбольше бы онъ имѣлъ вокругъ себя осторожности, и къ одолѣнію ихъ употреблялъ бы средства всемѣрныя, то есть въ густыхъ лѣсахъ окруживъ ихъ убѣжища, запереть всѣ проходы и малые заставами командъ и засѣками, гдѣ можно, къ чему способы встрѣтить вездѣ можетъ искуство офицера знающаго свое дѣло.

XXVIII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ командующему корпусомъ въ Ново-Сербіи, князю А. А. Прозоровскому съ извѣщеніемъ по содержанію даннаго генералу фонъ-Дальке предписанія и съ просьбою сообщить свѣдѣнія о движеніи конфедератовъ.

29 сентября (1768 г.) № 1036.

Милостивый государь князь Александръ Александровичъ!

На полученный отъ вашего сіятельства съ симъ курьеромъ репортъ объявить имѣю, что я послалъ ордеръ господину генералъ порутчику фонъ-Дальке командировать сто человѣкъ пѣхоты въ тѣ мѣста, гдѣ гайдамаковъ неудобно одолѣть кавалерійскимъ командамъ. Я велѣлъ, дѣлая надъ ними всемѣрные поиски, окружить когда нечаянно мотренинской монастырь, гдѣ ваше сіятельство считаете быть имъ убѣжище, и тамъ ихъ вездѣ обыскать, сохраняя всякую при томъ умѣренность, чтобъ не нанесть никакого въ томъ огорченія тамошнимъ старцамъ. Касательно до ротмистра ямбургскаго полку Ире, который

недавно опредѣленъ въ мою дивизію изъ шведской службы, скажу вашему сіятельству, что я, изъ увѣдомленій вашихъ, и после по рапортамъ генералъ-порутчика фонъ-Дальке, отъ котораго онъ туда командированъ, видѣвши, къ сожалѣнію, его поступки противъ гайдамакъ оплошные и не кажущіе въ немъ не только исправнаго, но ни же малое знаніе о военной службѣ знающаго офицера, велѣлъ его отъ команды отозвать и судить въ нанесенномъ вредѣ отъ злодѣевъ, въ ввѣренной ему противъ нихъ командѣ.

Ваше сіятельство изволите писать, что при разбитіи гайдамацкой шайки многіе изъ нихъ, бросивъ лошадей, ушли въ лѣсъ. Не будетъ-ли между оставленными лошадьми отбитыхъ у козаковъ малороссійскихъ, которыхъ отдачею прошу возвратить имъ потерянныя. Офицеръ, который надъ пѣхотною и кавалерійскою командою, посланною на истребленіе гайдамакъ, приметъ начальство, получитъ отъ господина генерала-порутчика фонъ-Дальке наставленіе, чтобъ ему гораздо осмотрительнѣе поступать, нежели то дѣлалъ ротмистръ Ире.

Сихъ злодѣевъ происшествія не много насъ упражнять могутъ, и нѣтъ сомнѣнія вскорѣ ихъ истребить; но я больше ожидаю отъ вашего сіятельства извѣстія о движеніяхъ сосѣднихъ войскъ, которыя противъ себя въ виду имѣете; о томъ свои мнѣ завременно прошу подавать примѣчанія или достовѣрность незнанную.

Я пребыть честь имѣю и т. д.

XXIX.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева генералъ-порутчику фонъ-Дальке о разслѣдованіи обстоятельствъ неудачи ротмистра Ире, объ устрашеніи жителей Украйны, помогавшихъ появившимся вновь отрядамъ гайдамакъ и о томъ, какъ поступать съ пойманными въ числѣ послѣднихъ запорожцами и польскими подданными, т. е. украинскими крестьянами.

9-го октября (1768 г.).

Ордеръ генералъ порутчику фонъ-Дальке.

Распоряженія вашего превосходительства въ посылкахъ командъ за границу для истребленія гайдамакъ, какъ рапортомъ отъ 29 сен-

тября мнѣ объявляете, всѣ благоразумны; но господинъ ротмистръ Ире въ своемъ поступкѣ, гдѣ его команды карабинера и козака разбойники ранивъ ушли многіе отъ поимки, не кажетъ себя человѣкомъ военное искусство знающимъ, ибо правило первое для командирующаго, чтобъ знать своего противника положеніе и какъ при наступленіи на его полезнѣе подѣйствовать. Такимъ образомъ господинъ Ире ежелибъ не упустилъ навѣдаться, какъ и гдѣ расположились злодѣи, и по мѣстоположенію тѣсному пошелъ бы на нихъ пѣшо, то, конечно, онъ ихъ всѣхъ захватить бы моглъ и не допустить на себя еще нападать. Ваше превосходительство не упустите, по возвращеніи, въ семъ отъ него взять отвѣтъ, такъ къ доказательству лучшему потребовать изъясненія и отъ другихъ чиновъ, въ командѣ его находящихся,— какъ они при семъ случаѣ поступили. Польскихъ жителей, которые дѣлали вспоможеніе гайдамакамъ, не бравъ, устрашать только оружіемъ, что взяты и наказаны будутъ, ежели они дальше злодѣямъ пособлять будутъ. Представленныхъ разбойниковъ велите полковой канцеляріи, которые изъ запорожскихъ козаковъ, отправить въ судъ генеральный, а съ польскими жителями поступить въ сходство даннаго отъ меня оной канцеляріи, отъ 27 сентября, секретнаго ордера.

XXX.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева генералъ-порутчику фонъ-Дальке о поимкѣ гайдамацкаго атамана Дранаго, напавшаго на русскій отрядъ въ м. Ташлыкѣ, равно помогавшихъ въ подобныхъ нападеніяхъ.

30 октября (1768 г.). № 1040.

Ордеръ генералъ-порутчику фонъ-Дальке.

Господинъ генералъ-маіоръ и кавалеръ князь Прозоровскій, репортуя меня о пойманныхъ, при разбитіи гайдамацкой шайки командою подполковника Бринка, двухъ гайдамаковъ, приложилъ ихъ допросы, гдѣ они показуютъ: что по совѣту и предводительству мѣстечка Ташлыка атамана Драпаго и съ нимъ того жъ мѣстечка одного жителя, прозваніемъ неизвѣстнаго, учинено ими нападеніе въ томъ мѣстечкѣ Ташлыкѣ

на состоящую команду. Посему ваше превосходительство прикажите отправленной командѣ за границу для истребленія гайдамакъ, чтобъ не упущено стараться поймать и представить къ вамъ какъ означеннаго ташлыцкаго атамана Дранаго, яко и другихъ тамошнихъ обывателей, которые дѣлаютъ вспоможеніе гайдамакамъ противъ нашихъ командъ.

XXXI.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ президенту коллегіи иностранныхъ дѣлъ, графу Н. И. Панину о возобновленномъ капитаномъ русской службы Станкевичемъ въ Украйнѣ народномъ возстаніи, о разбитіи его отряда, о принимаемыхъ Румянцевымъ мѣрахъ, испытываемыхъ затрудненіяхъ и проч.

1768 года, 18 декабря. № 1314.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Ваше сіятельство извѣстны были, что отъ нѣкотораго уже времени продолжалось спокойство при границахъ нашихъ въ Польшѣ, по истребленіи гайдамацкихъ ватагъ. Но теперь возродились вновь волненія въ Смѣлянщинѣ отъ таковыхъ же гайдамакъ (только не слышно, чтобъ между оными были запорожцы), и по поводу вовсе неожиданному.

Гусарскаго чернаго полка капитанъ, какъ теперь мнѣ извѣстно стало, Станкевичъ, выпросивши позволеніе отъ генералъ-маіора Исакова вербовать въ гусары, въѣхалъ въ ту сторону и поднялъ продолжающееся смятеніе; къ нему пристало болѣе тысячи польскихъ жителей, съ которыми онъ дѣлалъ тамъ грабленія; наконецъ какъ его артель извѣстна стала подъ именемъ гайдамакъ, то ямбургскаго полку порутчикъ Вепрейской, находившійся съ ротмистромъ того жъ полку Дертеномъ для истребленія нѣкоторыхъ остатковъ прежнихъ гайдамакъ въ Польшѣ, пошелъ на его съ командою, противъ которой онъ дѣлалъ вооруженное сопротивленіе, однакожъ отъ того порутчика разбитъ и пойманъ съ гайдамаками болѣе 200 человѣкъ.

На дошедшій ко мнѣ о семъ репортъ я только что успѣлъ отписать Ѳедору Матвѣевичу [1]), чтобъ онъ взыскалъ: какъ отправленіе сіе послѣдовало помянутому капитану, нашедшемусь между разбойниками, мимо вѣдома моего и безъ объявленія нашимъ заграничнымъ командамъ? и чтобъ взятые гайдамаки съ самымъ капитаномъ доставлены были въ Кіевъ, препоручая Ѳедору Матвѣевичу, по близости къ тѣмъ мѣстамъ, съ лучшею удобностію, что заблагоразсудитъ, опредѣлить ко истребленію появившихся гайдамакъ, для чего и далъ ордеръ генералу-порутчику Племянникову, находячемусь въ Переяславѣ съ своею командою, исполнять по его повелѣніямъ. То отъ помянутаго порутчика приходитъ другой репортъ, что гайдамаки, въ числѣ болѣе тысячи человѣкъ, атакуютъ его въ мѣстечкѣ Смѣломъ, въ намѣреніи отбить плѣнныхъ и тамо содержащихся. Ко вспоможенію его хотя того жъ времени прибавочныя команды отъ состоящихъ при границахъ генераловъ отправлены къ Смѣлому, но о дальнѣйшемъ увѣдомленія ни отъ Ѳедора Матвѣевича, ни же отъ посланныхъ командъ еще не имѣю; и только что могу вашему сіятельству доложить, сколько мое положеніе во всякомъ случаѣ имѣетъ свои трудности, ибо мѣстечко Смѣлое лежитъ между Новороссійскою губерніею и Днѣпромъ; ежели войска въ подкрѣпленіе вшесть, то сіи самыя артели разбойничьи, толь многочисленныя, пустятся и въ нашу сторону на грабленія, которыя одна только теперь Польша сноситъ. Мнѣ князь Прозоровскій также представляетъ о сихъ возродившихся гайдамакахъ, чтобъ они не пресѣкли ему сообщенія съ Кіевомъ. На успокоеніе новаго происшествія я всѣ мѣры возму, а о непріятельскихъ обращеніяхъ ничего новаго на сей случай не имѣю.

И предавъ себя въ непремѣнную милость вашему сіятельству, пребываю съ совершеннѣйшею преданностію и проч.

---

[1]) Воейкову, кіевскому генералъ-губернатору.

XXXII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ гр. Н. И. Панину съ извѣстіемъ о поимкѣ въ Полтавѣ подозрительнаго человѣка, по фамиліи Ката, объ усилившихся въ Украинѣ гайдамакахъ, объ открытомъ нападеніи ихъ на русскія войска, о слѣдахъ участія въ народномъ возстаніи другаго русскаго офицера—Марьяновича, о необходимости принятія болѣе строгихъ мѣръ относительно пойманныхъ гайдамакъ и проч.

Декабря 30 (1768 г). № 1386.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Ваше сіятельство изъ представленныхъ отъ Ѳеодора Матвѣевича переводовъ письмамъ къ кошевому отъ перекопскаго каймакана Самихъ-Аги въ одномъ видѣть изволили, что онъ въ окончаніи говоритъ: „нашъ-же перекопской купецъ Ката, предъ симъ лѣтнимъ временемъ. изъ Запорожской Сѣчи поѣхалъ въ Сумы, и чрезъ толикое время не возвратился; того ради употребите ваше стараніе о возвращеніи сюда онаго“. Сей Хата или Ката, ибо тѣмъ и другимъ его пишутъ, явился теперь въ Полтавѣ и показалъ пашпортъ, данной ему отъ запорожскаго полковника самарскаго Дмитрія Кулика, въ которомъ назвали его войсковыхъ запорожскихъ вольностей жителемъ Сака Ращенокъ, а онъ себе самъ показуетъ, въ согласіе каймаканскому письму, что родомъ изъ города Бакцисара, армянской вѣры, и житель перекопской. Сіе сомнительство заставило меня его къ себѣ потребовать, во мнѣніи, не есть-ли онъ какой подзорщикъ, или не можетъ-ли онъ подать какихъ либо о той сторонѣ свѣдѣній, такъ какъ и удостовѣриться, по какой причинѣ запорожской полковникъ наименовалъ его нашимъ подданнымъ.

При семъ вашему сіятельству, къ сожалѣнію, объявить имѣю, что въ Смѣлянщинѣ отъ времени возрастаетъ множественное число гайдамацкихъ артелей, такъ что тысяча человѣкъ изъ нихъ, 15-го числа, на команду маіора Вурма, стараясь отбить у него препровождаемыхъ гайдамакъ, взятыхъ до сего порутчикомъ Вепрейскимъ, учинили нападеніе, и хотя ихъ въ сраженіи болѣе трехъ сотъ убито и поймано съ атаманами нѣсколько, однакожъ не безъ урону собственнаго, ибо

убито: карабинеръ одинъ и козаковъ малороссійскихъ два, и отъ тяжелыхъ ранъ на завтра послѣ того померли: ямбругскаго полка весьма достойный офицеръ, ротмистръ Дертенъ, и карабинеръ одинъ. Посему съ прискорбіемъ сказать можно, что хотя злодѣевъ гибнетъ многое число, но намъ дороже одинъ солдатъ, нежели тысяча живыхъ и побитыхъ разбойниковъ; а непріятелю небезъавантажно по крайней мѣрѣ сіе, потому что мы вооружаться должны на сію сволочь бездѣльниковъ, и еще нерѣдко и изъ самихъ нашихъ подданныхъ. Ибо и при семъ случаѣ при убитомъ гайдамацкомъ атаманѣ нашлось письмо чернаго гусарскаго полку оберъ-офицера Марьяновича, который съ его артелью призывалъ убитаго къ Могилеву. Я оное отослалъ къ генералъ-маіору Исакову на слѣдствіе.

По симъ обстоятельствамъ, хотя военною силою и будутъ истребляемы возрождающіеся злодѣи, но къ утушенію сего пламени пособитъ много, мнѣ кажется, ежели взятыхъ разбойниковъ употреблять станемъ къ работамъ, или разсылать въ гарнизоны во внутрь государства нашего, въ отдаленныя мѣста, отнимая черезъ то всѣ воображаемыя ими удобности, чрезъ побѣги и другіе образы, къ своему спасенію, поелику способы кротости и снисходительства не успѣваютъ, извѣстные имъ изъ публикованныхъ манифестовъ, понеже самые отпущенные, въ сходство письма ко мнѣ отъ 19 сентября вашего сіятельства, за взятіемъ съ нихъ присяги о житіи въ тишинѣ, обращаются къ прежнимъ злодѣйствамъ, яко нѣкоторые изъ нихъ въ гайдамачествѣ и пойманы. Для сего я нарочнаго курьера схотѣлъ отправить къ вашему сіятельству, испрашивая себѣ предписанія—куда я могу дѣвать пойманныхъ гайдамакъ, которыхъ нѣсколько сотъ препровождается теперь къ Переяславлю, а я впередъ, безъ сомнѣнія, пріостановлю такіе присылки, ибо въ Малороссіи употреблять ихъ не прочно, потому менѣе и менѣе будетъ на нихъ издержано.

XXXIII.

Приказъ предводителя польскихъ, конфедератовъ Казиміра Пулавскаго, ротмистру замковыхъ козаковъ въ Мястковѣ Голуховскому о явкѣ его съ командою въ 4-хъ-дневный срокъ къ нему Пулавскому, въ м. Цикиновку, подъ страхомъ смертной казни. 11 ноября 1768 г.

(копія съ черноваго. Переводъ).

Казимиръ на Пулавѣ Пулавскій, староста жезуленицкій, полковникъ, ордена св. Креста кавалеръ, панцырный товарищъ, региментарь и комендантъ войскъ коронныхъ конфедерацкихъ.

Даю сей ордеръ господину Голуховскому, ротмистру войскъ козацкихъ Мястковскихъ и деревень принадлежащихъ, находящихся въ замковой службѣ, дабы онъ, по принятіи того ордера, съ отпуска непремѣнно въ четыре дни явился съ командою людей своихъ вооруженною и надлежащею амуниціею, въ мѣстечкѣ *Цикиновкѣ*, гдѣ и самъ я съ командою моею находиться буду, опасаясь за просрочку и за неисполненіе того ордера жестокой экзекуціи на всѣ вотчины къ мѣстечку принадлежащія, а собственно для себя, въ силу артикуловъ, смертной казни; и сіе исполнить по неотмѣнности судовъ военныхъ найстрожайше повелѣваю. Данъ въ Цикиновкѣ, ноября 11 дня 1768 г. Казимиръ Пулавскій, региментарь. (Мѣсто печати).

XXXIV.

Приказъ того-же Пулавскаго полковнику Бардецкому о сборѣ въ его подольскихъ имѣніяхъ козаковъ и явкѣ къ нему въ лагерь.—2 января 1769 г.

(копія съ черноваго. Переводъ).

Казимиръ Пулавскій, староста жезуленицкій, поручикъ знака панцернаго, ордена св. Креста кавалеръ, региментарь свѣтлейшей конфедераціи войскъ коронныхъ.

По власти и достоинству региментарскому, даю сей ордеръ господину Бардецкому, полковнику и товарищу знака панцырнаго, дабы по полученіи онаго, взявъ въ маетностяхъ нашихъ побережныхъ въ готов-

ности находящихся козаковъ, шелъ съ оными какъ къ Забокрычью, Мястовкѣ, Цикиновкѣ, Крутымъ, Рыбницѣ, такъ и къ Чечельнику, и слѣдуя съ оными, также и другими, если гдѣ могутъ сыскаться, къ намъ въ назначеное отъ насъ мѣсто. Сохранять въ маршѣ всякое спокойствіе повелѣваю. Учинено въ Жванцѣ, 2 генваря, 1769 года. Казимиръ Пулавскій. (Мѣсто печати).

XXXV.

Приказъ маршала компутовыхъ и конфедерацкихъ войскъ, гр. Іоакима Потоцкаго, управителю немировской волости о доставкѣ къ нему въ обозъ пойманныхъ гайдамакъ, вмѣстѣ съ палачемъ, а также о снаряженіи и приводѣ въ его лагерь назначенныхъ отъ брацлавскаго воеводста войскъ, съ выплатою имъ впередъ жалованья.

Іоакимъ Карлъ графъ Потоцкій, подчашій великаго княжества литовскаго, маршалъ конфедераціи воеводства брацлавскаго, войскъ наряженныхъ изъ воеводствъ: русскаго, брацлавскаго, кіевскаго и черниговскаго, генеральный региментарь и Бѣлаго Орла кавалеръ. Изъ Чечельника, отъ 3 февраля 1769 года.

По силѣ и власти достоинства моего генеральнаго региментарства надъ войскомъ компутовымъ и конфедерацкимъ, даю сей ордеръ, одинъ, за три дѣйствіе свое имѣющій, господину эконому или-же управителю волости немировской, съ тѣмъ, чтобъ онъ, по полученіи сего ордера съ вышепоказаннаго числа непремѣнно въ три дни, прислалъ въ Бершадъ находящихся тамо подъ арестомъ бунтовщиковъ и гайдамакъ, купно съ палачемъ, опредѣля къ онымъ для конвою тридцать козаковъ, подъ командою надежнаго человѣка. Также чтобъ отправилъ неотмѣнно, въ три или четыре дни по отпускѣ сего, наряженныя изъ воеводста брацлавскаго войска, конныя или пѣшія, со всею амуниціею и военными припасами, выдавъ имъ за полгода жалованье, считая пѣшему на мѣсяцъ по 10 золотыхъ, а конному и на фуражъ столько-же, къ корпусу конфедераціи нашея, для защищенія вѣры и вольности, подъ опасеніемъ за неисполненіе жестокой экзекуціи и строгаго наказанія, предписаннаго въ судахъ нашихъ конфедерацкихъ. Данъ въ главной квартирѣ Чечельникѣ. І. К. Потоцкій. (Мѣсто печати). (Копія съ копіи).

XXXVI.

Переводъ съ письма татарскаго хана къ великому гетману коронному, графу Браницкому, съ извѣщеніемъ о переговорахъ султана съ австрійскимъ императоромъ о присылкѣ 60 т. войска для защиты Польши отъ Россіи и намѣреніи его хана двинуться отъ Балты въ Смѣлянщину для истребленія гайдамакъ, а также съ предложеніемъ Браницкому соединиться съ нимъ для общаго дѣла.

Называясь княземъ христіанскимъ, вы тѣмъ болѣе обязаны, вступясь за свое отечество, стараться защищать давнія онаго права и вольности, которыя съ нѣкотораго времени опровержены Россіею. Вы, какъ истинный патріотъ, должны усиливаніямъ сей державы всевозможное дѣлать сопротивленіе.

Послѣдніе мирные трактаты нетокмо въ точности ихъ не наблюдаются, но, напротивъ того, Россія нарушеніемъ оныхъ старается въ отечествѣ вашемъ осногать себѣ неограниченную власть. Вы можете быть увѣрены, что сей ея поступокъ всѣ сосѣдственныя державы къ неусыпному побуждаетъ примѣчанію; а особливо должно мнѣ васъ увѣдомить, что султанъ, мой государь, найболѣе вступается за сію несправедливость. Онъ не только собственными войсками старается поддержать къ паденію клонящуюся республику польскую, но всевозможныя употребляетъ силы, дабы цесарской дворъ согласить къ принятію въ справедливое уваженіе нынѣшняго состоянія оной. Мой всемилостивѣйшій государь отправилъ къ австрійскому двору посла съ предложеніемъ, что онъ уступаетъ вѣчно Бѣлградъ и пр., если помянутый дворъ дастъ 60 тысячъ вспомогательныхъ войскъ. Дворъ цесарской согласился на сіе предложеніе и въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая войска назначенныя вступятъ въ Польшу. Мой государь не требуетъ, чтобъ сіи войска съ его арміею соединились, но дабы оныя, стѣснивъ силы россійскихъ въ Польшѣ, старались тамъ возстановить прежнюю вольность и права, уничтоженныя Россіею. А сверхъ сего онъ искренно желаетъ, чтобъ республика и сама собою изъ столь опаснаго положенія всѣми силами освободиться старалась; а за лучшій мы считаемъ способъ, чтобъ всѣ воеводства сконфедеровались, чего мы и надѣемся, какъ нынѣ къ тому

найлучшій дается способъ, а государь мой съ удовольствіемъ-бы принялъ, еслибъ вся конфедерація со мною соединилась.

Я нынѣ стою въ Балтѣ съ 60 тысячами войска, и имѣю повелѣніе чрезъ Умань тянуться еще къ Смѣлянщинѣ для искорененія оставшихся еще гайдамаковъ и потомъ обратно переправиться. И такъ можете изъ сего усмотрѣть, сколь великое мой государь въ дѣлахъ вашего отечества пріемлетъ участіе. Вы равнымъ образомъ, какъ вѣрный патріотъ, не преминете привесть къ точному исполненію того, чего мы столь усердно желаемъ.

Балта, февраля 4 дня 1769 года.

XXXVII.

Письмо атамана запорожскаго Губы къ прапорщику Ларею, которымъ онъ требуетъ отъ него подлиннаго приказа кн. Прозоровскаго о формированіи въ Украйнѣ козаковъ для удостовѣренія относительно цѣли онаго и проч. 4 марта 1769 г.

(точная копія съ подлиннаго письма).

Благородный господинъ прапорщикъ!

Увѣдомился я съ вашего письма, что есть приказаніе его сіятельства князя Прозоровскаго такія войска собирать, однакъ я вамъ не вѣрю, потому что вы не прислали мнѣ копіи съ того приказа; я жъ и самъ намѣренъ защищать вѣру христіанскую, соединясь съ цѣлымъ ключемъ Смилянскимъ, ибо уже и подписку на себя дали, и поѣхали къ главной командѣ, подъ присягою обязались служить ея императорскому величеству и живота своего не щадить; я жъ теперь войска не больше семи сотъ человѣкъ вооруженныхъ имѣю, о чемъ я и далъ уже знать главной командѣ, ожидая повелѣнія отъ той-же главной команды. Хотяжъ ты и писалъ ко мнѣ на вѣтеръ, однакъ на томъ увѣриться не могу, и ежели не пришлешъ ко мнѣ копіи съ приказа его сіятельства, то и самъ будь опасенъ, и пришли оную чрезъ кого-нибудь военнаго и постояннаго козака, на которомъ-бы увѣриться можно было. Въ чемъ и подписуюсь, Миронъ атаманъ Губа команды запорожской. 6 марта 1769 году.

Гдѣ жъ буду стоять—можешъ увѣдомиться.

XXXVIII.

Копія репорта прапорщика Ларся капитану Палеологову съ препровожденіемъ приведеннаго письма къ нему атамана Губы и съ выраженіемъ подозрѣнія и опасенія относительно намѣреній какъ состоящаго подъ его начальствомъ отряда, такъ и другихъ вербуемыхъ въ Украйнѣ русскими офицерами козаковъ, желающихъ вступить въ русскую службу, и проч. 14 марта 1769 г.

По повелѣнію вашего благородія, я въ уманской губерніи и другихъ мѣстахъ козаковъ до двухъ сотъ доброхотныхъ собралъ, которые доброхотно желаютъ въ службу ея императорскаго величества вступить, только чрезъ угрозы здѣсь находящихся шляхтичей и диспозиторовъ опасаются, а просятъ, дабы отъ его сіятельства было предложено ихъ господину, воеводѣ кіевскому, чтобъ онъ дозволилъ имъ итти въ службу ея императорскаго величества; а таковыхъ охотниковъ еще и до пяти сотъ собрать будетъ можно. Въ ключѣ-же смилянскомъ собранныхъ козаковъ имѣется до семи сотъ, при атаманѣ Губѣ, къ которому я писалъ, и въ отвѣтъ онъ мнѣ письмо прислалъ, которое при семъ прилагаю, о чемъ изволите его высокоблагородію представить, дабы они, при нынѣшнихъ обращеніяхъ, другаго какого дѣла вщать не могли, ибо мнѣ мужики объявили, что онъ предъ ними объявляетъ, что „ляховъ мнѣ нечего бить, а буду рѣзаться съ москалями“, и что всѣ надлежащіе податки съ ключа смилянскаго приказалъ чтобъ ему отдавали, и уже многое число ему подано. Извѣстно-жъ еще мнѣ, что къ нему запорожскихъ козаковъ пришло чрезъ чуту сотъ до пяти, которые съ нимъ соединиться намѣрены. Я-жъ съ командою собранною слѣдую въ мѣстечко Комарградъ, о чемъ вашему благородію репортую. 14 марта 1769 года.

XXXIX.

Копія репорта кн. Прозоровскаго главнокомандующему 1-ю арміею кн. А. М. Голицыну съ препровожденіемъ въ копіяхъ письма атамана Губы къ прапорщику Ларсю и репорта этого послѣдняго капитану Палеологову и съ просьбою о распоряженіи схватить атамана Губу. 16 марта 1769 г.

(копія съ подлиннаго).

Его сіятельству, высокопревосходительному господину генералъ-аншефу, главнокомандующему первой арміи, ея императорскаго величества дѣйствительному камергеру и обоихъ россійскихъ орденовъ кавалеру, князю Александру Михайловичу Голицыну, репортъ.

Какъ я въ рапортѣ моемъ, отъ 12 числа, вашему сіятельству доносилъ, что, по приложенной копіи съ письма отъ козака запорожскаго, приказалъ стараться, какъ можно, чтобъ онаго изловить; а сейчасъ получилъ рапортъ отъ прапорщика Ларся къ капитану Палеологову, которой находится съ новонабраннымъ полкомъ козаковъ, съ приложеніемъ письма къ Ларсю; съ которыхъ копіи прилагаю и покорнѣйше прошу вашего сіятельства находящимся около Бѣлой-Церкви полкамъ приказать стараться онаго изловить, дабы изъ того худыя слѣдствія выдтить не могли. Генералъ-маіоръ князь Прозоровскій. 16 марта 1769 года, м. Базалія.

XL.

Выписка изъ журнала военныхъ дѣйствій 1-й арміи о разбитіи русскими войсками отряда атамана Губы близъ м. Рохмистровки и гайдамацкой партіи близъ м. Лысянки.

Въ журналѣ военныхъ дѣйствій арміи ея императорскаго величества, 1769 года въ апрѣлѣ 11 числа, между прочимъ сказано:

„Въ то-жъ время отъ посланной въ польскую Украйну, большею частію по прошенію тамошнихъ жителей, для истребленія усиляющихся гайдамаковъ, которые имъ превеликіе разореніи, неслыханные мучительства и самые смертоубійства причиняютъ, команды донскихъ козаковъ, при стабъ-офицерѣ, рапортъ полученъ, что 3 числа сего мѣсяца наѣхавъ

помянутая команда, въ Смѣлянщизнѣ, близъ села Рохмистровки, разбойническую, изъ всякаго зброда состоящую и гайдамаками называющуюся партію, въ десяти человѣкахъ, разбила и пять человѣкъ живыхъ взяла, а протчихъ, по ихъ супротивленію, на мѣстѣ побила; а потомъ, 6 числа сего-жъ мѣсяца, какъ при атаманѣ ихъ, именуемомъ Губѣ, 23 человѣка живыхъ взяла, а остальныхъ всѣхъ, въ числѣ которыхъ и самъ атаманъ находился, за сильнымъ-же супротивленіемъ и когда отнюдь живыми здаться не хотѣли, до смерти побить принуждена была".

21 апрѣля. „Въ то-жъ время и отъ находящагося въ польской Украйнѣ для искорененія гайдамаковъ, съ донскими козаками маіора Вуича, рапортъ полученъ, что какъ онъ отправилъ атамана Сулина для соединенія съ корпусомъ князя Прозоровскаго, то на семъ его пути вашелъ подъ мѣстечкомъ Лисянкою въ лѣсахъ гайдамацкую партію, изъ которыхъ до 40 человѣкъ на мѣстѣ побилъ, а 24 человѣка въ полонъ взялъ; но какъ сіи и прежде взятые гайдамаки большею частію холопи польскихъ дворянъ, то для раздачи ихъ помѣщикамъ и отосланы они въ Бѣлую-Церковь; со всѣмъ тѣмъ, по дерзкой отважности сихъ злодѣевъ, и съ нашей стороны при семъ случаѣ козацкой полковникъ Туровѣровъ и одинъ козакъ убиты, а одинъ есаулъ и сотникъ ранены".

Примѣч. Выписка эта сдѣлана покойнымъ М. А. Максимовичемъ; внизу ихъ помѣта: эти рапорты доставлены были князю Александру Михайловичу Голицыну, командующему 1-ю арміею.

XLI.

Ордеръ гр. П. А. Румянцева генералъ маіору Кречетникову о не допущеніи партій регментаря польскихъ войскъ Стемпковскаго производить, подъ предлогомъ поимки гайдамакъ, опустошенія и насилія въ Украйнѣ и о невмѣшательствѣ сего послѣдняго въ дѣло усмиренія возставшихъ, подъ угрозой удаленія оттуда его отряда.

Будучи извѣщенъ, что отъ польской команды регментаря Стемпковскаго посылаются партіи, подъ видомъ поимки гайдамаковъ, къ Бѣлой-Церкви и за оную, даже уже къ нашимъ границамъ, и по своевольству своему толь ненавистному удручаютъ они всѣми образы духовенство и

жителей благочестивой вѣры греческой, о чемъ оттуда какъ священство прислали мнѣ жалобы, такъ и стоящій въ Бѣлой-Церкви генералъ-маіоръ Череповъ доноситъ,—дивиться долженъ, коль ваше превосходительство не воспрещаете тому войску такъ много расширяться или, сказать, дѣйствовать за вашею спиною. Припомните мой ордеръ отъ 10 мая подъ № 133, въ которомъ я изъяснилъ, въ вашу предосторожность, сколь надобно примѣчать вамъ на положеніе онаго. Дѣлавъ при границахъ нашихъ разъѣзды, еще они успѣютъ и въ томъ намѣреніи, чтобъ пресѣкти способы польскимъ жителямъ переселяться въ нашъ край; и для того ваше превосходительство имѣете отъ своего имяни отписать господину регименту Стемпковскому, выразивъ, чтобъ, хотѣвъ согласіе хранимое доселѣ продолжать, прекратилъ посылать въ ту сторону свои партіи. Укажите ему, что искорененіе гайдамаковъ и спокойство той стороны хранилось нами, и сложилъ-бы впредь оное на попеченіе нашихъ командъ тамо стоящихъ, что мы имъ возстать никогда не попускали и не попустимъ. Напослѣдокъ скажите, сколь вамъ извѣстно и то, что его королевское величество соизволилъ обнадежить меня, что сія команда господина региментаря Стемпковскаго, единаго ради продовольстія въ содержаніи себя, въ томъ краю расположена, чего инде имѣть съ подобною выгодою не можетъ, почему я, во удовлетвореніе его величества воли, приступилъ оскудить собственныя войскъ мнѣ ввѣренныхъ потребы, бывъ въ томъ лучшемъ мненіи, что господинъ Стемпковскій обуздаетъ всею строгостію къ спокойному пребыванію свои войска и ни на какой предосудительный шагъ не попуститъ, а инако и первое извѣстіе о семъ, дошедшее до меня, неминуемо возбудитъ прежнія мои настоянія о выводѣ сихъ войскъ.

Примѣчаніе. Въ рукописномъ сборникѣ Максимовича не означено, чей это ордеръ, равно не проставлена его *дата*; но ни кѣмъ другимъ онъ не могъ быть данъ, кромѣ Румянцева, которому подчиненъ былъ Кречетниковъ, а какъ время вступленія Стемпковскаго въ Украйну падаетъ на осень 1769 г., то и этотъ ордеръ, согласно при томъ нумераціи сборника, надо отнести къ концу октября, или началу ноября 1769 г.

XLII.

Выписка, сдѣланная М. А. Максимовичемъ изъ письма Румянцева къ Панину Петру, командиру русскихъ войскъ въ Ново-Сербіи о недопущеніи въ Украйну и истребленіи вновь формируемыхъ изъ русскихъ войскъ гайдамацкихъ отрядовъ и преграждении сочувствія къ нимъ въ самомъ Запорожьѣ.

Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ въ письмѣ своемъ, отъ 19 октября 1770 года, къ графу Петру Ивановичу Панину между прочимъ пишетъ:

„Изъ приложеннаго въ копіи репорта ко мнѣ отъ генералъ поручика фонъ-Эссена ваше сіятельство узнаете, сколько новые злодѣи, изъ самихъ нашихъ войскъ, на побережьѣ Польскомъ возстаютъ; сіи грабители опаснѣе быть могутъ самаго непріятеля, ибо они, подъ именемъ своихъ, вездѣ пройтить могутъ и разорять, слѣдовательно противъ ихъ вящше нужна стража, нежели противъ татаръ. Всѣ транспорты, идущіе къ арміи, неминуемо пресѣкутся, если хотя мало дать время таковымъ шайкамъ гайдамацкимъ въ польскихъ, уже и безъ того разоренныхъ, имѣніяхъ подѣйствовать. Прошу ваше сіятельство своимъ постамъ приказать—съ лучшимъ бденіемъ заграждать проходъ таковымъ злодѣямъ, и истреблять гдѣ покажутся, да и самому кошевому запорожскому велѣть о укрощеніи въ ихъ войскѣ оныхъ“.

XLIII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ русскому послу при варшавскомъ дворѣ князю Волконскому объ освобожденіи короннаго подчашія Чацкаго и о выводѣ изъ Украины всей команды региментаря Стемпковскаго, въ виду производимыхъ ею „лютыхъ остервененій“ надъ православнымъ населеніемъ и священствомъ Украйны. 9 ноября 1769 г.

Милостивый государь мой, князь Михайла Никитичь!

Въ проѣздъ мой чрезъ мѣстечко Полонное имѣлъ я случай видѣться съ подчашимъ короннымъ Чацкимъ, который тамъ подъ арестомъ содержится. Скорбный видъ его и чувствительность общая о

терпимомъ имъ жребіи какъ тогда примѣтны мнѣ были, такъ и послѣ подтверждалися чресъ многія удостовѣренія; почему и писалъ я, съ прибытія моего къ арміи, къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, чтобъ его или освободить, или-же, когда предстоятъ препятствія къ тому, перевезть изъ сего мѣста въ наши границы, дабы удалить отъ общихъ глазъ предметъ огорчающій.

На сіе мнѣ его сіятельство отвѣчалъ, что содержаніе сего вельможи, имѣя единственную и безпосредственную связь съ теченіемъ негоціаціи вашей въ Варшавѣ, зависитъ потому самому отъ рѣшимости вашей-же, что вы не оставите о томъ снестись со мною, и что по открытіи новаго политическаго явленія скоро настанетъ то время, когда вамъ можно будетъ рѣшиться о жребіи господина Чацкаго. Я ожидая свершенія тѣхъ дѣлъ и купно вашего о томъ увѣдомленія себѣ, не всчиналъ прежде моего отзыва, какъ уже теперь, когда господинъ Чацкій убѣждаетъ меня чувствительными просьбами по крайней мѣрѣ о облегченіи своего состоянія, чтобъ ему дозволить подъ стражею выѣхать изъ Полоннаго, гдѣ воздухъ своему здоровью чувствуетъ вреднымъ, въ ближайшую свою деревню.

Посему и прошу я всепокорно вашего сіятельства объявить мнѣ, коль долго настоящую свою судьбину безъ перемѣны долженъ сносить сей именитый чиновникъ, и не могутъ-ли обстоятельства уже дозволить на освобожденіе его? Причина его ареста мнѣ инако не извѣстна, какъ только, что къ оному довелъ его съ самого начатія диссидентскаго дѣла собственный фанатизмъ. И такъ я, съ одной стороны нынѣшняго его пребыванія, вашему сіятельству могу открыться, что не безъ предосужденія оное настоитъ, когда въ своей землѣ и между своихъ собратій толь знаменитый человѣкъ такъ долго уже содержится въ заточеніи.

По поводу моихъ представленій въ прошломъ году, ваше сіятельство имѣли отъ двора повелѣнія—представить королю и министерству доказательства о переводѣ и удаленіи всей команды региментаря Стемпковскаго, которая при границахъ нашихъ и за спиною нашей арміи расположена. Сами по себѣ сіи вѣтренныя войска хотя и не могутъ быть намъ опасны, но военный резонъ не терпитъ, чтобъ за собою ихъ оставить въ столь неспокойное время, ради многихъ произойтить отъ того могущихъ слѣдствій.

Но не одно еще сіе заставляетъ меня припомнить вашему сіятельству о переводѣ изъ сего края таковыхъ польскихъ командъ; ихъ нельзя и потому сносить, что лютыя остервененія производятъ надъ крестьянами и самимъ священствомъ благочестивымъ, какъ на сихъ дняхъ изъ губерніи Каневской приходили ко мнѣ священники, представляя, что изъ команды господина Стемпковскаго нѣкто регментарь Мисевичъ, въ селѣ Куніеватой, изъ церкви и самаго алтаря, влѣзши въ окошко, вытащилъ священника, по названію Ивана Швабича, билъ и мучилъ его тирански; и подобныя сему удрученія приключаютъ имъ ежечасно. Я хотя писалъ къ помянутому Стемпковскому о содержаніи строгомъ своей команды и о наказаніи продерзостныхъ, но ежели ваше сіятельство возобновленнымъ своимъ требованіемъ не получите отъ двора польскаго повелѣній о переведеніи сей команды въ другія мѣста, то, лишь-бы не принято было то къ неудовольству, я самъ могу употребить близкій, напротивъ, и приличный способъ выжить всѣ польскія войска оттуда. Однакожъ къ тому не приступаю, не испросивъ прежде на сіе вашего мнѣнія.

Всегда пребуду съ нелицемѣрнымъ высокопочитаніемъ, вашего сіятельства....,

Примѣчаніе. Въ Сборникѣ Максимовича также не означено, что это письмо Румянцева, а послѣ года и числа означено лишь: *Волконскому;* но о принадлежности его Румянцеву, говоритъ не только весь складъ и вторая половина содержанія, но и употребленныя въ этой части тѣже выраженія, что и въ ордерѣ его Кречетникову по тому-же предмету, особено это: *за спиною нашею.*

XLIV.

Ордеръ гр. П. А. Румянцева генералъ-Маіору Ширкову о невмѣшательствѣ подкомандныхъ ему, въ Украйнѣ расположенныхъ русскихъ войскъ, въ происходящую тамъ борьбу православныхъ съ католиками и уніатами. 14 мая 1774 г.

По жалобѣ находящихся въ польской Украйнѣ, кіевскаго и брацлавскаго воеводствъ, греческаго закона исповѣдниковъ, о чинимыхъ имъ отъ римлянъ и уніатовъ разныхъ обидахъ и гоненіяхъ, предлагалъ я,

февраля отъ 23-го 1772 года, комадовавшему тогда въ Польшѣ генералъ-маіору князю Долгорукову—дать свои повелѣнія, чтобъ въ упомянутыхъ воеводствахъ обитающимъ исповѣдникамъ греческой вѣры наши ближайшія команды давали охраненіе отъ насильствъ и гоненій, происходящихъ отъ римлянъ и уніатовъ, но при томъ означеннымъ командамъ подтвердить, чтобъ они, вступаясь въ охраненіе гонимыхъ, не дали тѣмъ поводу дѣлать имъ самовольное преслушаніе своимъ властямъ, или же бы посягать на обиду католиковъ и уніатовъ. А прошедшаго 1773 года сентября 17-го, по требованію отъ пребывающаго при польскомъ дворѣ нашего полномочнаго министра, господина дѣйствительнаго камергера барона Стакельберга, приказано отъ меня вамъ и генералъ-маіору князю Щербатову—подтвердить вообще для всѣхъ войскъ въ Польшѣ состоящихъ ввѣренной мнѣ арміи, дабы они не дѣлали никакой помощи въ присоединеніи уніатскихъ церквей къ православію, запрещая, и того больше, всякое вспоможеніе на обиду какову либо персонѣ или имѣнію поповъ или жителей унитовъ; словомъ, чтобъ и парафіи, и отправленіе богослуженія, осталось для одной и другой стороны въ такомъ самомъ положеніи, въ какомъ тогда находилось, и о семъ бы имѣли ваше превосходительство наблюденіе

Но какъ и затѣмъ приносятся отъ делегаціи нашему министерству жалобы въ утѣсненіи отъ войскъ въ Польшѣ находящихся, подъ командою вашею и генералъ маіора князя Щербатова, уніатскихъ церквей и обывателей, то въ прекращеніе, сколь оныхъ, такъ и другихъ причинъ ради, относящихся къ настоящему дѣлу положеній, рекомендую я симъ вашему превосходительству, въ подтвержденіе вышеписаннаго даннаго вамъ отъ меня ордера, предписать всѣмъ въ Польшѣ находящимся войскамъ команды вашей, чтобъ они собою и безъ требованія министра, господина Стакельберга, отнюдь не вступались во внутреннія польскія дѣла, ни въ распри тамошнихъ разнозаконниковъ, менѣе же всего въ отнятіе церквей уніатскихъ, и довольствовались только наблюдать во внутренности своей всю нужную военную осторожность противу всякихъ злодѣйствъ вредныхъ. Равнаго сему содержанію данъ отъ меня ордеръ нынѣ и генералъ маіору князю Щербатову.

№ 100. 1774 года, мая 14 дня.

XLV.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ русскому послу при варшавскомъ дворѣ, барону Штакельбергу, съ обстоятельнымъ и откровеннымъ изложеніемъ его взгляда на положеніе и значеніе борьбы между православнымъ населеніемъ Украины и его притѣснителями—римско-католиками и уніатами, способа его дѣйствій и нѣкоторыхъ новыхъ распоряженій. 17 сентября 1779 г.

Милостивый государь мой!

Симъ имѣю честь благодарить вашему превосходительству за почтеннѣйшее ваше отъ 28 числа августа (письмо), пріемля въ одолженіе себѣ сдѣланныя мнѣ увѣдомленія о состояніи дѣлъ министеріяльныхъ, въ которыхъ съ произведенными успѣхами я вась поздравляю, и желаю всеусердно, да воспріимутъ оныя вскорѣ свое совершенство.

Въ разсужденіи тѣхъ пунктовъ, въ коихъ ваше превосходительство требуете моего содѣйствія, полагая въ томъ быть пользу высочайшихъ интересовъ, спѣшу васъ увѣдомить слѣдующимъ: я имѣю повелѣніе—находящимся въ польской Украинѣ. кіевскаго и брацлавскаго воеводствъ греческаго закона исповѣдникамъ, чрезъ наши команды въ томъ краю пребывающія, въ случаѣ чинимыхъ имъ отъ уніатовъ обидъ, оказывать защищеніе. По мѣрѣ сего предписанія, а отнюдь не болѣе, распространялось отъ нашихъ войскъ покровительство на единовѣрцовъ въ неисчетныхъ удрученіяхъ, о которыхъ они непрестанно чинятъ прозьбы на своихъ гонителей—римско-католиковъ и греко-унитовъ.

Не считалъ я никогда своимъ дѣломъ разбирать обоюдныя прошенія духовнаго чина, въ разсужденіи ихъ правъ парафіяльныхъ; и по случаю отзыва ко мнѣ о томъ бискупа львовскаго Шептицкаго, писалъ какъ къ нему, такъ и нашему епископу переяславскому, въ образѣ совѣта, чтобъ каждый съ своей стороны не расширяли ни уніи, ни православія, какъ которыя токмо церкви и жители издревле принадлежатъ властямъ того и другаго исповѣданія. Но дабы слѣдовать во всемъ удовлетворенію, которое отъ меня ваше превосходительство имѣть желаете, то посылаю я теперь повелѣнія чрезъ генералъ маіоровъ и кавалеровъ, Ширкова и князя Щербатова, вообще для всѣхъ войскъ въ томъ краю состоящихъ ввѣренной мнѣ арміи, дабы они не дѣлали

никакой помощи въ присоединеніи унитскихъ церквей къ православію, запрещая и того больше всякое вспоможеніе на обиду какову либо персонѣ или имѣнію поповъ или жителей унитовъ, хотя и доселѣ въ томъ никогда оружіе наше не участвовало; словомъ, чтобы и парафіи, и отправленіе богослуженія, осталось для одной и другой стороны въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ теперь находится, чего, разумѣю я, требуетъ израженіе ваше „*statum in quo*". Но не думаю, чтобъ фанатизмъ римской вѣры былъ тѣмъ успокоенъ; они и изъ за сего удовлетворенія вознесутъ свои жалобы, по привычкѣ вмѣнять и то себѣ за обиду, ежели не могутъ удручать варварски нашихъ единовѣрцовъ въ настоящемъ положеніи оружія. Не мѣшаясь знать причины стремленія политической въ семъ пунктѣ, скажу я только въ партикулярную конфиденцію вашему превосходительству, что доколѣ не угаснетъ въ томъ краю благочестіе, мы къ своей сторонѣ всегда имѣть будемъ сердца жителей преклонными; и потому и мню я, что на истребленіе сего душевнаго и отъ предковъ наслѣдуемаго въ народѣ расположенія напрягаются тѣ настоянія, какіе идутъ на лишеніе всѣхъ способовъ существовать въ тѣхъ мѣстахъ единовѣрію съ нами.

Ваше превосходительство собственнымъ проницаніемъ лучше объять можете настоящую и будущую судьбину сихъ угнетенныхъ одновѣрцевъ нашихъ, а я взирая часто только на состояніе ихъ, сколько приноситъ сліяніе дѣлъ таковыхъ съ дѣлами моей части, весьма въ томъ увѣренъ, что положеніе *statum in quo* обратятъ духовныя и мірскія власти на исполненія своего мщенія надъ людьми ничѣмъ другимъ неповинными, кромѣ приверженностію своею къ намъ по единовѣрію. И сколько сіи послѣдніе къ горести своей воспримутъ, узнавъ, что ихъ жребій, противу ихъ упованія на наше покровительство, преданъ въ руки ихъ гонителей. Когда и въ настоящемъ положеніи наши одновѣрцы, которые только попались въ руки католиковъ, не видятъ больше свѣта,—то что уже тогда съ ними будетъ, когда месть и злобу употреблять каждый можетъ по собственному произволенію? Вы видите сами, ваше превосходительство, даже въ подаваемыхъ отъ польскаго министерства нотахъ, что они и говорить о семъ не могутъ инако, какъ употребляя термины ругательные, которые по крайней мѣрѣ не прилично-бы предлагать нашей сторонѣ.

Я увѣренъ, что ваше превосходительство, по своему благоразумію и искусству, изыщете средства удалить, елико можно, грозу крайней погибели для нашихъ одновѣрцевъ, предохраня, въ актахъ заключаемыхъ, ихъ пользу и свободу, дабы не пало въ сосѣднемъ народѣ, и толь твердымъ узломъ сопряженнымъ съ нами, всякое къ намъ упованіе, которое питать въ ономъ небезполезнымъ кажется моему соображенію.

Все сіе сообщаю вашему превосходительству въ видѣ моего испытанія дѣлъ, какъ они теперь суть, не присвояя отнюдь себѣ того, что свойственно проницанію дальновидныхъ политиковъ; и для того я все исполнилъ, что вы отъ меня требовали.

Включая здѣсь дошедшія ко мнѣ отъ генералъ-маіора Щербатова увѣдомленія о проискахъ, которые бискупъ Шептицкій уже заранѣе разсѣваетъ, и еще челобитную поданную мнѣ отъ общества чиновъ исповѣдующихъ греческую вѣру въ воеводствахъ брацлавскомъ и кіевскомъ, съ прошеніемъ покровительства на утвержденіе ихъ древнихъ правъ,— предоставляю собственному благоразсужденію вашего превосходительства сдѣлать изъ оныхъ таково употребленіе, въ чемъ-бы вы находили какову либо пользу.

О попахъ держимыхъ въ Бердичевѣ коль только дошло мнѣ вѣдать, прежде сего я приказалъ генералу-маіору Ширкову освободить всѣхъ, кромѣ ежели которые нашлись-бы взятыми по особливымъ каковымъ преступленіямъ, а не по причинамъ относящимся до религіи; ибо о винахъ и ихъ заключеніи еще не дошли и по днесь ко мнѣ рапорты. Но чтобъ не замедлить ихъ освободить, я и теперь послалъ повелѣніе реченному генералу о выпускѣ оныхъ, кромѣ виновныхъ по какому либо злодѣянію.

О возвращеніи секвестрованнаго имѣнія князю Мартыну Любомирскому получитъ вслѣдъ за симъ мое повелѣніе господинъ Ширковъ. Впрочемъ, по толь убѣдительному требованію его королевскаго величества о непереводѣ войскъ господина Стемпковскаго, я принужденъ ихъ терпѣть въ тѣхъ только округахъ, которые, по условію съ княземъ Щербатовымъ, для ихъ пропитанія и помѣщенія предоставлены, хотя я въ томъ и самъ увѣренъ, и васъ обнадежить могу, что оныя не отъ нужды снабдѣнія себя здѣсь водворились, но дабы удержать жителей порубежныхъ отъ переселенія въ наши границы и неистовство-

вать надъ оными гонительствомъ въ томъ пунктѣ, что они настоящее время считаютъ благословенныыъ себѣ для исповѣданія вѣры предковъ своихъ, которая превращена чрезъ насиліе папистовъ.

Пребываю съ непремѣннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою.

1773 года, сентября 17 дня. № 326. Барону Отто Стакельбергу.

XLVI.

Письмо епископа переяславскаго Иларіона къ гр. П. А. Рюмянцеву съ просьбою объ оказаніи защиты и покровительства православному населенію Украйны отъ непрерывныхъ и крайнихъ притѣсненій онаго со стороны католиковъ и уніатовъ, 16 іюня 1779 г.

(копія съ подлиннаго).

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

О происходящихъ въ польскомъ краю отъ уніатовъ надъ православными слѣдствіяхъ непріятныхъ, какъ и самимъ вашему высокографскому сіятельству довольно извѣстны, о многихъ не упоминаю я; а единственно прилагаю у сего подлинныя, на сихъ числахъ ко мнѣ отъ двухъ протопоповъ доношенія, съ коихъ ваше высокографское сіятельство благоусмотрѣть изволите, что сіе гонимое духовенство до сихъ поръ, хотя сосѣдческо, безъ прихода и домовства своего, могли однако нѣкоторое въ тѣхъ мѣстахъ имѣть пристанище; нынѣ-же, съ точнаго поводу наложенныхъ на нихъ повелѣнныхъ публикацій, въ тѣхъ приложеніяхъ означенныхъ, и того лишаютъ уже. Не одинажды просилъ я Семена Ермолаевича[1]) и другихъ въ Польшѣ господъ командующихъ, не объ отборѣ церквей отъ уніятовъ, отнятыхъ ими у православныхъ, но крайней мѣрѣ о недопущеніи послѣднихъ къ уніятскому насилованію, на основаніи законовъ и послѣдняго отъ его королевскаго величества въ 1776 годѣ послѣдовавшаго манифеста. Со всѣмъ тѣмъ не могли однако просьбы мои никакова имѣть успѣху, извѣтомъ, что отъ вашей команды не имѣютъ на то повелѣнія. Изъ сего правильную я причину имѣю предъ вашимъ высокографскимъ сіятельствомъ изъясниться о прописанномъ, и

---

[1]) Ширкова.

просить милостиваго на бѣдныхъ призрѣнія и покровительства въ невинномъ гоненіи и страданіи ихъ.

Гдѣ имъ, сіятельнѣйшій графъ, истиннаго христіанина и защитительнѣйшаго найти отца, какъ не въ единой вашего высокографскаго сіятельства особѣ? А если и сія отымется отъ нихъ надежда, то какова уже ожидать имъ конца?

Пріймите, ваше высокографское сіятельство, во уваженіе милостиво все, и не оставте погибнуть до конца ожидающимъ въ скорбѣхъ и терпѣніи мнозѣ.

Благосклоннѣйшему вашего высокографскаго сіятельства высокихъ милостей продолженію поручая ихъ и себя, пребываю съ достодолжнѣйшимъ высокопочитаніемъ, вашего высокографскаго сіятельства, милостиваго государя, всеусерднѣйшимъ богомольцемъ и покорнѣйшимъ слугою, Іларіонъ епископъ переяславскій.

№ 112. 1779 года, іюня 16 дня, Переяславъ.

Библіографія.

Витебская Старина. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ, 1883. XXII+668. Ц. 3 р. Съ портретами 6 руб.

Разработка областной и мѣстной исторіи займетъ видное мѣсто въ русской исторіографіи послѣдняго двадцатипятилѣтія. Почти не проходитъ года, чтобы не появился какой-нибудь трудъ, болѣе или менѣе дополняющій прежнія свѣдѣнія о древнихъ городахъ и достопримѣчательныхъ мѣстностяхъ Россіи. Невознаградимымъ остается то, что не въ силахъ бываетъ восполнить новый изслѣдователь. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: прежніе погромы и пожары были причиною того, что не сохранилось почти никакихъ вещественныхъ памятниковъ старины древняго Витебска (упоминаемаго уже въ началѣ XI в). Но гораздо печальнѣе, когда исчезаютъ историческіе памятники и матеріалы, по небрежности людей, располагавшихъ ими въ позднѣйшее время. Такъ, подлинныя грамоты и привилегіи витебской магдебургіи, отосланныя въ 1803 г. черезъ витебскаго прокурора министру юстиціи, въ слѣдствіе просьбъ жителей о сохраненіи за ними всѣхъ правъ и привилегій, полученныхъ въ прежнее время, не были найдены, не смотря на всѣ усилія издателя настоящаго сборника. Поэтому издателю пришлось пользоваться спискомъ этихъ грамотъ и привилегій, внесенныхъ въ особую книгу въ 1733 г. Всѣ подлинныя грамоты и привилегіи до начала XVII в. писаны на русскомъ языкѣ, но переписчики замѣнили кирилловскія буквы польскими. Другой списокъ этихъ грамотъ хранится въ Виленской публичной библіотекѣ.

Но издатель значительно расширилъ свою задачу. Онъ постарался сгруппировать, по возможности, полный матеріалъ *для историко-статистическаго описанія г. Витебска,* состоящій, главнымъ образомъ, изъ двухъ отдѣловъ: 1) извѣстій *русскихъ и литовскихъ лѣтописей* о Витебскѣ, обнимающихъ время съ XI до второй половины XVI в.; 2) *гра-*

моты и привилегіи, и это самый обширный и важный отдѣлъ книги (стр. 15—454). Онѣ представляютъ собою исторію Витебска съ 1229 г. по настоящее время въ разные ея періоды. Сюда вошли всѣ относящіеся къ ней акты, начиная съ договора смоленскаго князя Мстислава Давидовича до указа объ открытіи въ Витебскѣ комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ (1858 г.); здѣсь найдете и акты напечатанные уже въ разныхъ сборникахъ, какъ-то: въ изданіяхъ археографической коммисіи, витебской коммисіи для разбора древнихъ актовъ, въ отдѣльномъ сборникѣ, подъ названіемъ: Витебскіе акты, въ Вѣстникѣ юго-западной Россіи, въ Витебскихъ-Губернскихъ Вѣдомостяхъ, многіе годы которыхъ стали давно библіографическою рѣдкостью, въ Памятныхъ Книжкахъ, въ разныхъ польскихъ изданіяхъ и пр., и архивные матеріалы, нигдѣ еще не напечатанные, причемъ документы на другихъ языкахъ сообщены въ русскомъ переводѣ. Всѣ вошедшіе въ настоящій Сборникъ акты касаются исторіи города, церкви, суда, повинностей, экономическаго состоянія и т. п. Въ числѣ историческихъ матеріаловъ находимъ и извѣстный разсказъ о пребываніи въ Витебскѣ и Псковѣ Іеронима Пражскаго, открыто заявившаго свое сочувствіе православному исповѣданію. Къ этому-же отдѣлу принадлежатъ особыя группы документовъ: а) матеріалы, касающіеся жизни и дѣятельности Іосафата Кунцевича, 2) документы о правахъ Свято-троицкаго Маркова монастыря (XVII и XVIII стол.), 3) свѣдѣнія о еврейскомъ населеніи г. Витебска (XVII и XVIII 4) матеріалы о событіяхъ 1812 года (въ числѣ ихъ напечатана такса на съѣстные припасы, составленная во время занятія Витебска французами), 4) витебское мыто (вѣдомость о взиманіи таможенныхъ пошлинъ на витебской заставѣ въ январѣ 1605 г.), 5) инвентари православныхъ церквей, имущества полоцкой архіепископіи и г. Витебска; о дворовыхъ участкахъ города (1797 г.); списокъ всѣхъ евреевъ, живущихъ въ Витебскѣ по свѣдѣніямъ 1765; статистическія свѣдѣнія за 1784 г.; свѣдѣнія о витебской губерніи за 1808 г.; еврейская ревизія 1811 г.; однодневная перепись жителей Витебска 1863 г. и др. статистическія данныя о жителяхъ города (о землевладѣніи—по исповѣданіямъ, сословіямъ и пр.). [1]).

---

[1]) Въ интересахъ современности вопроса, обратимъ вниманіе на слѣдующіе выводы: хотя евреи издавна были въ Витебскѣ, какъ видно изъ документовъ разсматриваемаго сборника, но ни въ инвентарѣ 1641, ни въ инвентарѣ 1687 г. о нихъ не говорится особо. Во второй половинѣ XVIII в. ихъ было также мало. По переписи 1765 г. ихъ значится 346 душъ мужескаго пола и 321 душа женскаго пола. Съ этихъ поръ число ихъ быстро возрастаетъ и въ 1881 году на 48,206 человѣкъ всего населе-

Въ дополненіе къ этому матеріалу, издатель присоединилъ: 1) лѣтопись города Витебска мѣщанъ Михаила Панцырнаго, Гавріила Аверки и Степана Аверки (1760—68 г.), представляющую краткій перечень событій относящихся къ краю, съ древнѣйшихъ временъ, выписанный изъ разныхъ хроникъ, а потомъ краткую запись событій, относящихся къ г. Витебску, веденную составителями лѣтописи (она помѣщена въ переводѣ съ польскаго); 2) оглавленіе статей полнаго сборника законовъ, касающихся Витебска и витебской губерніи съ 1654 г. по 1877 г.; наконецъ списки витебскихъ князей, епископовъ, настоятелей монастырей, уніатскихъ полоцкихъ епископовъ, витебскихъ воеводъ, каштеляновъ, бѣлорусскихъ генералъ-губернаторовъ и витебскихъ губернаторовъ.

Матеріалы, изданные въ сборникѣ, сопровождаются отчетливо сдѣланными снимками печатей и гербовъ г. Витебска и витебскаго воеводства, значительнымъ числомъ факсимиле грамотъ (также съ печатями) и подписей королей польскихъ, канцлеровъ литовскихъ, епископовъ православныхъ (Георгія Конисскаго и др.), а также уніатскихъ воеводъ и пр., картами полоцкаго и витебскаго княжествъ, полоцкаго и витебскаго воеводствъ (1579 г.), снимками съ древнихъ рукописей, планомъ витебскаго замка XVI в., изображеніемъ древнѣйшихъ храмовъ, а къ нѣкоторымъ экземплярамъ присоединены, кромѣ того, фотографическіе портреты мѣстныхъ (уніатскихъ и православныхъ) епископовъ.

Не смотря на значительное собраніе матеріаловъ и сочиненій, разсмотрѣнныхъ авторомъ (см. примѣчанія) настоящаго изданія, онъ присоединилъ къ нему только *краткій историко-статистическій очеркъ Витебска* (стр. 559—632), обѣщая издать въ послѣдствіи *обстоятельную исторію* этого города. Во всякомъ случаѣ, издатель настоящаго сборника доставилъ и въ такомъ видѣ любителямъ старины обстоятельное, систематически составленное собраніе матеріаловъ, разсѣянныхъ во множествѣ изданій, а также еще не напечатанныхъ, и обставилъ ихъ всѣми необходимыми пособіями для желающихъ воспользоваться ими съ научною цѣлью.

Настоящій сборникъ вышелъ по распоряженію статистическаго комитета, что дѣлаетъ честь мѣстнымъ дѣятелямъ, находящимъ возмож-

---

вія города приходится 24,171 чел., причемъ христіанское населеніе едва увеличилось въ 3½ раза, а еврейское почти въ 14! Въ 1667 г. евреямъ не принадлежало *ни одной усадьбы* собственно въ городѣ; въ 1797 г. число ихъ домовъ (всѣхъ 1884) составило 19,5%; въ 1882 г. 53,8%, а число каменныхъ домовъ въ общей массѣ составляетъ даже 72,2%. Стр. 640.

ность подвизаться на научномъ поприщѣ вдали отъ центровъ науки, что, какъ извѣстно, сопряжено у насъ съ весьма большими затрудненіями. Нашлись также жертвователи, оказавшіе матеріальное содѣйствіе при выходѣ въ свѣтъ настоящаго сборника. Пожелаемъ побольше такихъ сборниковъ, относящихся къ мѣстной исторіи.

В. И.

Памятникъ древняго православія въ Люблинѣ—православный храмъ и существовавшее при немъ братство. Ар. Лонгиновъ. Варшава. 1883 года.

Брошюра въ 50 страницъ, въ восьмую долю листа, съ литографированнымъ изображеніемъ люблинской иконы Божіей Матери и такимъже видомъ древней Спасо-Преображенской церкви въ г. Люблинѣ, изданіе холмскаго богородичнаго братства. Брошюра печаталась въ Варшавѣ, составлена въ Люблинѣ. Авторъ оной, какъ намъ извѣстно, занимаетъ въ послѣднемъ городѣ видное мѣсто въ судебныхъ учрежденіяхъ.

Не смотря на то, что названная монографія составлялась въ провинціальномъ городѣ, вдали отъ центровъ учености, библіотекъ, ученыхъ пособій, не смотря на ограниченный, повидимому, мѣстный интересъ сюжета и мѣстную-же практическую цѣль брошюры, въ ряду изданій такого рода рѣдко можно встрѣтить книгу, такъ обстоятельно и съ такими солидными пріемами составленную, гдѣ такъ тщательно собрано все, что можно было найти о памятникѣ совсѣмъ заброшенномъ, никому не извѣстномъ и впервые всплывающемъ на историческую поверхность, и все разработано вполнѣ добросовѣстно и умѣло.

Исторія какой либо церкви, какъ зданія, есть вмѣстѣ исторія ея прихода, мѣста, въ которомъ прихожане живутъ, общества, въ составъ котораго входятъ, иногда и отчасти исторія ея строителей, служителей, ревнителей, многихъ прихожанъ, вообще-же исторія вѣры, которую они исповѣдывали, народности, которой принадлежали. Такъ и понялъ это почтенный авторъ названной брошюры. Его монографія не есть сборъ разрозненныхъ, мелкихъ историческихъ фактовъ, изъ старыхъ записей извлеченныхъ и касающихся предмета, мало кого интересующаго; но и не есть компиляція общихъ свѣдѣній о мѣстѣ и краѣ, пріуроченныхъ къ избранному предмету. Нѣтъ; это живой, понятно, краткій очеркъ

судебъ православія и народности русской, какъ они отразились въ судьбѣ православной русской общины въ Люблинѣ.

По кропотливому изслѣдованію автора, г. Люблинъ не такъ чуждъ намъ, какъ принято вообще признавать. Если по признанію нѣкоторыхъ польскихъ историковъ границы первобытной Польши никогда не заходили дальше Вислы, а по общему свидѣтельству русскихъ и польскихъ источниковъ русскія поселенія шли даже по берегамъ Вислы и Сана, естественною-же границею Руси и Польши со стороны Люблина была р. Вепрь, отъ которой Люблинъ въ разстояніи 25—30 верстъ, то понятно, что русское поселеніе въ немъ, какъ и въ сосѣднемъ, надъ Вислой лежащемъ Казимірѣ и даже завислянскомъ Опатовѣ, могло водвориться очень рано. Въ XIII ст. Люблинъ 57 лѣтъ находился во власти русскихъ: завоевавшій его русскій князь, Даніилъ Романовичъ Галицкій построилъ въ немъ свой замокъ и вѣроятно и церковь. Церковь, которой посвящена брошюра, является въ концѣ первой половины XV ст. Ее построила дочь какого-то кіевскаго князя Ивана, Марія, состоявшая въ родствѣ съ царствовавшимъ тогда въ Польшѣ королемъ Казиміромъ IV, сыномъ кіевской-же княжны, питавшимъ поэтому первоначально сочувствіе къ греко-восточному обряду.

Судьба этой церкви, о которой имѣются непрерывныя почти свидѣтельства въ теченіи болѣе 4-хъ столѣтій, служитъ вѣрнымъ отраженіемъ судьбы православія и народности русской въ предѣлахъ б. польскаго королевства. Отъ общаго положенія и правъ этихъ послѣднихъ въ б. Польшѣ зависѣло то увеличеніе, то уменьшеніе ея имущественнаго достоянія и благолѣпія, равно спокойнаго существованія; первые удары борьбы господствовавшаго католичества съ другими исповѣданіями отражались на судьбѣ православной люблинской церкви. Въ общемъ это весьма печальная судьба: годы и вѣка непрерывной борьбы, постояннаго нарушенія утверждаемыхъ королями, сеймами и международными договорами правъ и привилегій церкви, вслѣдствіе необузданнаго фанатизма окружавшей среды и личнаго въ ней своеволія и буйства. Выдавались годы относительнаго спокойствія, безопасности, торжества надъ врагами, но они смѣнялись ужасами захватовъ, насилій, разоренія, иногда подъ вліяніемъ буйства какой-либо толпы іезуитскихъ учениковъ, или ошалѣвшаго мѣщанства.

Люблинская церковь и ея приходъ были передовымъ постомъ православія и народности русской, отъ стороны Червонной, позже Холмской Руси. Ихъ значеніе усиливалось съ усиленіемъ политическаго значенія

Люблина, съ половины XV в. ставшаго мѣстомъ частыхъ и наиболѣе важныхъ сеймовъ, а потомъ центромъ верховнаго судилища для присоединенныхъ къ Польшѣ русскихъ областей. Русскіе всѣхъ званій и сословій съ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ Волыни, Подолья и Украйны стекались въ Люблинъ иногда въ огромномъ числѣ, должны были бывать въ немъ болѣе или менѣе часто, проживать болѣе или менѣе долго. Отсюда необходимость для всѣхъ, не для однихъ жившихъ въ Люблинѣ русскихъ, имѣть тамъ свою церковь, и вотъ отчего эта церковь пользуется общимъ отъ всѣхъ сочувствіемъ, составляетъ предметъ заботъ и попеченія князей и дворянъ, является особою статьею домогательствъ Хмельницкаго и Выговскаго, добывается и отстаивается козаками съ оружіемъ въ рукахъ. Еще въ послѣдней четверти XVI ст. при ней является братство съ школою, госпиталемъ, а въ спискѣ братчиковъ красуются имена богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ рускихъ князей: Острожскихъ, Вишневецкихъ, Корецкихъ, Чарторыйскихъ, Четвертинскихъ, Сангушекъ, Путятъ и множества знатныхъ дворянъ. Заботами и иждивеніемъ подобныхъ братчиковъ въ 30-хъ годахъ XVII ст., вмѣсто сгорѣвшей деревянной, устроена была въ Люблинѣ каменная церковь, которую освящалъ самъ митрополитъ кіевскій Петръ Могила, на обратномъ пути изъ Львова послѣ своего посвященія. Другой митрополитъ Сильвестръ Коссовъ лично отобралъ эту церковь изъ рукъ уніатовъ въ 1650 г., по силѣ зборовскаго трактата, и передалъ ее православнымъ, изгнавъ поселившихся при ней уніатскихъ монаховъ. Это была пора наибольшаго торжества для всего южно-русскаго народа, въ частности для люблинской его общины и ея церкви; но затѣмъ наступили иныя времена. Часть южной Россіи отошла въ московское подданство, въ остальной знатнѣйшіе русскіе роды постепенно слились съ Польшею, козачество перестало существовать въ самой Украйнѣ. Не стало опоры, поддержки и на всемъ пространствѣ оставшихся за Польшей русскихъ областей православіе и народность русская были постепенно поглощаемы преобладающимъ полонизмомъ и католичествомъ. Туже участь, при томъ раньше другихъ, испытала православная русская община съ своею церковью и монастыремъ въ Люблинѣ. Число ея членовъ постепенно уменьшается, въ спискахъ братскихъ рѣже и рѣже встрѣчаются лица съ сколько-нибудь виднымъ общественнымъ положеніемъ, доходы церкви оскудѣваютъ, земельное имущество ея расхищается. Въ 1695 г. бывшіе при ней монахи василіане не выдержали неравной борьбы и приняли унію, а вмѣстѣ съ ними надолго перешла въ унію и самая церковь.

Извѣстна судьба самой уніи, подъ покровомъ которой, какъ подъ пепломъ, до нашего времени едва сохранилась искра русской народности. Такъ было вездѣ, тѣмъ болѣе такъ должно было случиться въ Люблинѣ. Даже бывшіе здѣсь греки примкнули къ уніи и въ ней утратили свою народность.

Наступившія здѣсь, съ окончаніемъ послѣдняго возстанія, реформы не застали въ Люблинѣ ни русскаго духа, ни русскаго имени и едва сохранилось названіе уніатской церкви и при ней десятки уніатовъ. Уцѣлѣвшій при ней до 1864 г., подъ названіемъ уніатскаго, монастырь имѣлъ значительный, въ большей части похищенный повстанцами, а можетъ быть и прямо имъ отданный капиталъ въ 24,000 р. с., но съ закрытіемъ его въ этомъ году церковь оказалась въ такомъ запустѣніи, что даже по возобновленіи ея въ 1867 г. она не имѣла надлежащаго вида. «А понеже ризниця въ ій вохкая була, говорилъ намъ въ 1868 г. новоназначенный настоятель церкви изъ галичанъ, для того вшистки аппарата ся попсулы»...

Такова въ общихъ чертахъ исторія люблинской спасо-преображенской церкви, возвращенной православію въ 1875 г. при общемъ возсоединеніи уніатовъ Царства Польскаго. Тогда-же викарій переформированной холмско-варшавской епархіи получилъ наименованіе епископа люблинскаго и, какъ видитъ читатель, не безъ нѣкотораго историческаго основанія.

Подробности исторіи люблинской церкви разработаны авторомъ разбираемой брошюры самымъ тщательнымъ образомъ. Кромѣ общихъ русскихъ и польскихъ источниковъ, вы найдете у него ссылки на изданія рѣдкія, малодоступныя, на записи церкви и консисторіи, на архивы магистратскій и б. трибунальскій, на бумаги Главнаго въ Варшавѣ архива и рукописи частныхъ лицъ. Дорогая сердцу русскому святыня нашла достойнаго себѣ историка, а холмское братство въ этомъ умномъ изслѣдованіи надежное средство къ распространенію въ средѣ возсоединеннаго населенія точныхъ понятій о его минувшихъ судьбахъ.

Выражая полное одобреніе и сочувствіе такимъ изданіямъ холмскаго братства, мы позволимъ себѣ, по поводу настоящей брошюры, сдѣлать нѣсколько замѣчаній, которыя, можетъ быть, не лишни будутъ при новомъ ея изданіи.

1) Брошюра, при своемъ солидномъ и богатомъ содержаніи, не имѣетъ полной общедоступности и живости изложенія. Требованіе, мо-

жетъ быть, черезъ-чуръ большое, но не невозможное для исполненія, желательнаго въ цѣляхъ братства.

2) Говоря съ полною обстоятельностію о судьбахъ люблинской православной древне-русской церкви, почтенный авторъ ничего не говоритъ о люблинской иконѣ Божіей Матери, изображеніе которой приложено къ брошюрѣ Неуже-ли такъ-таки и не осталось объ этой иконѣ никакихъ записей, никакого преданія? Икона несомнѣнно древняя: объ этомъ говоритъ ея темный ликъ и строгость стиля, на то-же указываетъ и богатая ея риза съ чуднымъ рисункомъ. Что въ особенности значитъ это поражающее съ перваго взгляда изображеніе на ней полумѣсяца? Судьба иконы не менѣе дорога и поучительна, какъ и судьба церкви, ее хранившей.

3) Не упомянуто вовсе объ учрежденной при церкви въ 1868 г. русской школѣ, существующей, вѣроятно, и теперь. Это было вновь водруженное знамя погребенной на *Чварткѣ* русской народности. Отъ этого, а не иного корня появлялись первые ростки возраждавшагося сознанія русской народности. Такихъ фактовъ, если при томъ они на глазахъ, обходить молчаніемъ не слѣдовало-бы.

4) Снимокъ церкви сдѣланъ такъ, что впереди всей фигурой выступаетъ колокольня, а церкви совсѣмъ почти не видно.

Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими современными событіями на Руси. В. Т. М-чъ Варшава. 1883 годъ.

И эта брошюра, какъ и предъидущая, есть изданіе холмскаго богородицкаго братства, и явилась она одновременно въ печати; но о ней нельзя сказать ничего того, что сказали мы о прежде разобранной. Автору названной теперь брошюры предстояло разсказать исторію чудотворной иконы въ д. Лѣснѣ (сѣдлецкой губерніи, бѣльскаго уѣзда), составляющей предметъ спора между православными и католиками; но исторіи икона не имѣетъ, по крайней мѣрѣ эта исторія очень немногосложна и до крайности запутана. По дѣйствительному положенію относящихся къ ней фактическихъ данныхъ объ иконѣ нельзя было-бы составить брошюры, которая понадобилась холмскому братству въ его миссіонерскихъ цѣляхъ, или-же это дѣло потребовало-бы гораздо больше времени и

труда и заставило-бы говорить, кромѣ вѣковъ прошедшихъ, о временахъ недавнихъ, что не всегда бываетъ удобно. Не самъ собою, вѣроятно, авторъ и пришелъ къ мысли написать книжицу объ этой спорной иконѣ, а взялся можетъ быть только послужить, такъ сказать, *святымъ* цѣлямъ братства. Отсюда особая точка зрѣнія, особые пріемы, особая постановка предмета, которыя дали названной брошюрѣ главный характеръ полемическій, а не историческій.

Сущность дѣла заключается въ томъ, что въ концѣ XVII в., на Подлясьѣ, въ селѣ Буковичахъ, съ населеніемъ русскимъ и долго православнымъ (такимъ упоминается въ визитѣ 1595 г.), мѣстными пастухами, въ лѣсной чащѣ найдена была на вѣтвяхъ груши икона Божіей Матери, написанная на темно-красномъ камнѣ. Кто занесъ туда икону и зачѣмъ тамъ оставилъ, осталось, конечно, неизвѣстнымъ; но икона, какъ это всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, признана чудесно явившеюся, а потому и заслуживающею особаго почитанія. Икона, понятно, была снята съ дерева и поставлена въ мѣстной буковичской церкви. Началось поклоненіе, стеченіе народа, а за ними потекли богатые доходы въ пользу церкви и мѣстнаго священника. Позавидовалъ этому ксендзъ Яницкій, жившій въ 2-хъ верстахъ отъ Буковичъ, въ м. Лѣснѣ, или Лешно, имѣніи того-же помѣщика Михаловскаго. Борьба между католичествомъ и православіемъ была тогда въ полномъ разгарѣ. Помимо богатыхъ доходовъ отъ иконы, въ интересахъ пропаганды много значило, въ чьихъ рукахъ находится народная святыня. Не прошло и 3-хъ лѣтъ со времени обрѣтенія иконы, какъ она очутилась въ Лѣснѣ и помѣщена въ новоотстроенномъ тамъ костелѣ. По обычаямъ и нравамъ того времени можно допускать, что ксендзъ выкралъ икону, ибо иначе нельзя объяснить перваго проявленнаго его чуда, именно—что ее несли ангелы изъ Буковичь въ Лѣсно—предъ разсвѣтомъ, что будто-бы видѣли трое изъ жителей этого села. Сообразительный ксендзъ завелъ книгу, пустилъ въ ходъ чудеса и за одно время своего настоятельства записалъ ихъ въ книгу 500, но чудо о перенесеніи иконы ангелами занесено уже спустя около 30 лѣтъ, когда перемерли очевидцы того, какъ икона взята была изъ Буковичъ въ Лѣсно. Но признать икону чудотворною, по постановленію тридентскаго собора, могъ только епископъ, при томъ обслѣдовавъ ея чудеса. Ксендзъ усиленно хлопоталъ объ этомъ и только у третьяго епископа добился назначенія коммисіи. Свидѣтелей явилось всего четыре, и въ числѣ ихъ помѣщица; показанія ихъ о чудесахъ были смутны и сбивчивы, тѣмъ не менѣе составленъ былъ протоколъ 1700 г.,

24 ноября, и икона объявлена чудотворною. Такъ и осталась икона навсегда въ Лѣснѣ. Принадлежность ея латинянамъ не могла, по видимому, подвергаться сомнѣніямъ; но вышло одно странное обстоятельство: въ теченіи двухъ столѣтій ксендзамъ, при всѣхъ ихъ усиліяхъ, не удалось установить время особаго чествованія этой иконы въ такіе дни, которые празднуются въ римской церкви, напротивъ и католики и уніаты до послѣдняго времени приходили сюда на богомолье въ дни праздниковъ восточной церкви, именно 8 сентября, въ Рождество Богородицы и 14 сентября, въ день Воздвиженія Креста Господня. Въ 1752 г. лѣснянскій костелъ съ иконой перешелъ въ руки монаховъ-паулиновъ, которые, выстроивъ новый обширный костелъ, окружили чудотворный образъ новыми богатыми украшеніями и торжественными процессіями, соорудили громадныхъ размѣровъ органъ, игру котораго можно, говорятъ, было слышать на разстояніи 10-ти верстъ, и въ теченіи съ небольшимъ ста лѣтъ успѣли совратить все почти окружное православное и уніатское населеніе. Въ 1863 г. лѣсненскій паулинскій монастырь съ его русской иконой ревностно служилъ цѣлямъ возстанія: массы богомольцевъ, въ ихъ числѣ и русскіе, слушали здѣсь революціонные гимны и проповѣди, призывавшія къ бунту.—Правительство закрыло этотъ монастырь, оставивъ, какъ и въ другихъ, одного монаха для совершенія богослуженія. Въ періодъ очищенія уніатскаго обряда 1865—1875 г. бывшій монастырь сталъ опять мѣстомъ агитацій и возмущенія уніатскаго;—правительство обратило костелъ въ православную приходскую церковь, возвративъ по принадлежности несомнѣнно русскую древнюю икону, предметъ народнаго почитанія. Массы богомольцевъ не перестаютъ и теперь приходить къ ней на поклоненіе; но ни споровъ, ни призыва къ бунту уже нѣтъ.

Такова не длинная исторія лѣсненской иконы. Разойтись тутъ не на чемъ, по крайней мѣрѣ для обрисовки времени и мѣста иконы понадобилось-бы много напряженнаго и серьезнаго труда. Чтобы заполнить чѣмъ-нибудь иконную исторію, въ которой авторъ выставляетъ захватъ, насиліе, обманъ, онъ пристегнулъ къ ней два будто аналогичные разсказа, гдѣ также дѣйствуютъ захватъ, насиліе, обманъ. Это разсказъ о томъ, какъ въ XVI в. католическій ксендзъ г. Красностава, родственникъ православнаго холмскаго владыки Ивана Сосновскаго, Григорій Сосновскій совратилъ въ латинство своего племянника, и длинная повѣсть о злодѣяніяхъ Іоасафата Кунцевича, признаннаго у католиковъ и уніатовъ святымъ. Авторъ, очевидно, пожелалъ допечь латинянъ, не перестающихъ и теперь вредить православію въ Холмщинѣ и Подлясьѣ, охраненіе котораго приняло на себя холмское братство; но допекать, такъ

ужъ за одно—разсказать побольше объ ихъ продѣлкахъ. Автора не смутило то, что гдѣ Холмъ, и гдѣ Витебскъ, и гдѣ Лѣсно; единство мѣста, времени, предмета въ сторону; благо вездѣ эта несносная латинопольская пропаганда, а ее облаять надо и всѣ ея коварства выставить. Пусть возсоединенные нами знаютъ, кого они слушались и за кѣмъ шли.

Понятно, что отъ этого брошюра не выиграла, а напротивъ проиграла, ибо одно спокойное и простое изложеніе исторической истины способно дѣйствовать на ту среду, которую облюбовало себѣ холмское братство. Тонъ брошюры страстный, даже непріятный, изложеніе неясное, отчасти спутанное, живости, увлекательности разсказа совсѣмъ нѣтъ, языкъ тяжелый, изобилующій иностранными терминами и вовсе не приспособленный къ пониманію простого народа, разсказъ перемѣшивается съ обличеніемъ и исторіи мѣстной мало, да и самые источники совсѣмъ не первой руки и даже не первой свѣжести. Словомъ: авторъ прогадалъ, и мы просто совѣтовали бы братству пересоставить и переиздать брошюру, которая, по основному сюжету, такъ пригодна для его цѣлей. Вѣдь братство въ свою очередь ведетъ пропаганду, хотя, быть можетъ, только охранительную, и оно обязано ее вести по своей задачѣ; но и пропаганду вести надо умѣючи. А это что? Ахъ вы, молъ, аршинники, арбузники, огуречники! А они, пожалуй, вамъ отвѣтятъ: а вы *kapustniaki*... И стыдно тогда будетъ.

Фратеркулюсъ.

Не судилось. Драма І. Старицкаго.

Украинскій альманахъ «Рада» удостоился уже въ «Кіевской Старинѣ» рецензіи Къ сожалѣнію, почтенный рецензентъ не счелъ нужнымъ обратить вниманіе на помѣщенную тамъ драму: «Не судилось». Быть можетъ, это сдѣлалось по предубѣжденію къ автору, появлявшемуся въ печати съ такими произведеніями, которыя не возбуждаютъ сочувствія и не вызываютъ похвалъ. Мы такъ-же не принадлежимъ къ большинству почитателей г. Старицкаго и уже выражали неодобрительный отзывъ о его переводахъ и подражаніяхъ, которыми онъ думалъ знакомить на малорусскомъ нарѣчіи читателей съ произведеніями разныхъ знамени-

тостей европейскихъ литературъ; мы приписываемъ неудачу его слишкомъ первобытному состоянію языка малорусскаго, осужденнаго быть только языкомъ простонародія, а потому не доросшаго еще до возможности передавать на немъ умственныя работы, созданныя въ образованныхъ обществахъ. Теперь, по чистой совѣсти, не можемъ не признать новое самобытное произведеніе пера этого писателя однимъ изъ лучшихъ въ своемъ родѣ и достойныхъ вниманія явленій въ небогатой количествомъ книгъ малорусской литературѣ. Авторъ затронулъ самыя живыя струны современной общественной жизни, раскрылъ недугъ, чувствуемый повсюду въ наше время и изобразилъ его въ такихъ чертахъ, въ какихъ онъ проявляется въ современномъ малорусскомъ обществѣ. Это увлеченіе народностію, побуждающее молодыхъ интеллигентныхъ людей сближаться съ простонародіемъ. Такое стремленіе можетъ вести къ самымъ желательнымъ послѣдствіямъ и мы можемъ указать на благотворные плоды его въ трудахъ, касающихся этнографіи, археологіи, исторіи, филологіи и обработки языка; но у многихъ такое стремленіе, сталкиваясь съ противодѣйствующими жизненными условіями, совершенно не удается и порождаетъ явленія отрицательныя, иногда просто достойныя смѣха, а иногда и печальныя. Одно изъ такихъ нерѣдкихъ въ дѣйствительности явленій изобразилъ въ своей драмѣ г. Старицкій.

Молодой студентъ, только что окончившій университетскій курсъ, сынъ зажиточныхъ землевладѣльцевъ, пріѣхавши въ родительское имѣніе и уже достаточно пропитанный духомъ народолюбія, сходится съ простонародіемъ, затѣваетъ учить сельскую молодежь, но съ разу уже видимо поддается лѣни и влюбляется въ дѣвушку изъ крестьянскаго званія. Она также любитъ его. Онъ намѣревается вступить съ нею въ бракъ, но колеблется, не имѣя столько воли, чтобъ стать въ упоръ съ предразсудками своихъ родителей; своимъ колебаніемъ и нерѣшительностію онъ доводитъ дѣвицу—предметъ своей страсти—до того, что она подвергается отъ его родителей и ихъ дворни поруганіямъ, потомъ въ припадкѣ тоски кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Кромѣ главныхъ лицъ—героя и героини драмы, здѣсь является родительница героя, развратница, прикрытая лоскомъ благовоспитанности, съ дворянскимъ званіемъ, но готовая подставить свою красоту каждому встрѣчному, лишь-бы этого не знали люди; родитель—помѣщикъ стараго закала, говорящій по украински не по любви къ народу, а по собственному невѣжеству, пентюхъ,

не имѣющій никакихъ другихъ идеаловъ, кромѣ сна и обжорства, но жадный ко всякаго рода прибыткамъ и потому находящійся въ тенетахъ у еврея; кузенъ родительницы, помѣщикъ иного закала, человѣкъ порядочный, разсудительный, свѣтски образованный, употребляющій въ разговорахъ французскія фразы, и вмѣстѣ съ тѣмъ до крайности пошлый; — противоположность ему составляетъ медикъ, товарищъ школьный героя драмы, характеръ честный, прямодушный, готовый всегда на добро; онъ отвергаетъ съ пренебреженіемъ ласки развратной матери своего пріятеля, и правильно понимаетъ всю безхарактерность и несостоятельность молодого человѣка. За этими, такъ сказать, лицами первой величины въ драмѣ являются лица второй величины — сестра героя драмы, дѣвочка — подростокъ, уже подъ вліяніемъ матери усвоивающая въ завязи ея пороки, гувернантка француженка, жалкое доброе существо, брошенное въ далекій чужой край, принужденное терпѣть оскорбительное обращеніе, не знающее никакого другаго языка, кромѣ своего природнаго, но съ достоинствомъ отвергающее ласки стараго чувственника, въ домѣ котораго пришлось ей проживать; — барская покоевка-крестьянка, набравшаяся въ господскомъ домѣ пошлаго чванства передъ сословіемъ, изъ котораго сама вышла, лакей — какъ лакей, пьяная, развратная баба, бывшая когда-то барскою полюбовницею и съ цинизмомъ хвастающая этимъ, мать героини драмы — горничная вдова, честная и суровая, типъ малороссійской старухи, сельскій молодецъ, влюбленный въ героиню драмы, пылкій, не сдержанный, страстная натура, способная на совершеніе преступленія въ пылу страсти. Всѣ эти лица изображены очень выпукло, съ явными чертами, свойственными какъ личности каждаго, такъ и средѣ, въ которой они вращаются. Всѣ они реальны и законченны. Языкъ во всей драмѣ правиленъ и рѣчь вездѣ соотвѣтствуетъ мыслямъ. Прочитавши эту драму, можно съ перваго разу замѣтить, что авторъ находился подъ вліяніемъ Шекспира: не даромъ онъ былъ переводчикомъ Гамлета. Это вліяніе не выразилось однако такъ, чтобъ на то или на другое мѣсто можно было указать, какъ на снимокъ того, что находится въ томъ или другомъ произведеніи Шекспира; рабскаго подражанія нѣтъ. Вліяніе Шекспира отразилось духомъ великаго англійскаго драматурга, проникающимъ всю пьесу, въ ея построеніи и сопоставленіи характеровъ. Мы не вмѣняемъ автору этой черты въ недостатокъ, и скорѣе можемъ неодобрительно отозваться о

финалѣ драмы, напоминающей разныя французскія мелодрамы. Героиня убиваетъ себя атрофиномъ, оставленнымъ медикомъ, лѣчившимъ глазную боль ея матери. Это намъ кажется искуственнымъ, и гораздо болѣе народенъ конецъ драмы Квитки: *«Щира любовь»*, по содержанію нѣсколько похожей на *«Не судилось»* г. Старицкаго, не смотря на сентиментальность, отъ которой не свободно это произведеніе харьковскаго драматурга, наравнѣ съ большею частію его произведеній.

Н. Костомаровъ.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЯРМАРКА.

(корреспонденція „Кіев. старины“).

Мнѣ кажется, что я нисколько не выйду изъ общепринятыхъ для историческаго журнала рамокъ, избравъ для моей замѣтки форму корреспонденціи, а сюжетомъ оной взявъ такое явленіе народной жизни, которое представляетъ не одинъ этнографическій, но вмѣстѣ и историческій и, если хотите, отчасти даже археологическій интересъ.

Пришлось мнѣ быть нынѣшнимъ лѣтомъ въ разныхъ мѣстахъ полтавской губерніи, преимущественно въ лубенскомъ уѣздѣ. Много тамъ историческихъ достопримѣчательностей, многое о нихъ сказать-бы можно: я ограничусь одной изъ нихъ,—рѣдкой, чрезвычайной, просто даже безпримѣрной.

Если вы заговорите съ лубенскимъ обывателемъ о мѣстныхъ достопримѣчательностяхъ, то онъ прежде всего спроситъ васъ: а были вы въ „*Криницѣ?*“ и получивъ отрицательный отвѣтъ, настоятельно станетъ совѣтовать вамъ отправиться туда „на десяту пятницю“ и побывать на тамошней ярмаркѣ. Нынѣшнимъ лѣтомъ я былъ въ „Криницѣ“ въ означенное время, видѣлъ тамошнюю ярмарку и тѣ любопытные обряды, какими она сопровождается, и вынесъ убѣжденіе, что всякому, кто только интересуется изученіемъ народной жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ, будетъ-ли онъ этнографъ, историкъ, даже музыкантъ,—всѣмъ имъ дѣйствительно стоитъ посѣтить „Криницу“. Помню, лѣтъ восемь назадъ меня

очень заинтересовало коротенькое сообщеніе объ этой „Криницѣ“, слышанное мною въ одномъ изъ засѣданій блаженной памяти кіевскаго отдѣла географическаго общества и впослѣдствіи напечатанное во II т. его Записокъ. Въ настоящей замѣткѣ многое по необходимости явится лишь повтореніемъ однажды уже напечатаннаго, но я надѣюсь прибавить къ нему кое-что и новое.

Мѣстность, извѣстная подъ именемъ „Криницы“, находится въ долинѣ р. Удая, на правомъ его берегу, вблизи с. Біевецъ и въ 15-ти верстахъ отъ г. Лубенъ. Это—глубокая впадина, образующаяся изъ соединенія трехъ расходящихся по разнымъ направленіямъ овраговъ или балокъ. Съ трехъ сторонъ ее окружаютъ довольно высокіе холмы; изъ нихъ особенно красива восточная гора, имѣющая форму правильнаго конуса и увѣнчанная кудрявымъ лѣсомъ, переходящимъ по мѣрѣ спуска внизъ въ такъ называемый „чагарникъ“. У подошвы этой горы раскинулась довольно ровная луговая площадь, западная половина которой, понижаясь, образуетъ топкое мѣсто, поросшее осокою и другими болотными злаками. Здѣсь находится и самая „криница“, давшая названіе всей этой мѣстности, а на сухой и болѣе возвышенной части долины, у самой подошвы конусообразной горы, обыкновенно располагается ярмарка. Надъ криницей заботливый причетъ сосѣдняго села построилъ большую каплицу, куда на время ярмарки приносятся изъ церкви иконы, передъ которыми горитъ множество свѣчей.

Ярмарка, какъ сказано, собирается здѣсь „на десяту пятницю“, бывающую обыкновенно на 2-й недѣлѣ Петрова поста и продолжается не болѣе двухъ дней. Сама по себѣ ярмарка не представляетъ ничего особеннаго; это—одна изъ тѣхъ сельскихъ украинскихъ ярмарокъ, о которыхъ можно сказать словами украинской комедіи: „що Боже, ты мій Господы! чого нема на тімъ ярмарку: колеса, скло, дёготь, тютюнъ, ремінь, цыбуля, крамарі усякі“... Особеннаго развѣ лишь то, что ярмарка открывается водоосвященіемъ, совершаемымъ надъ крыницею, крестнымъ ходомъ между рядами „ятокъ“ и окропленіемъ св. водою людей и товаровъ, послѣ чего народъ весь день толпится у крыницы, почерпая воду, и въ короткое время взбалтываетъ ее до такой степени, что она буквально превращается въ жидкую грязь бураго цвѣта; тѣмъ не менѣе всѣ охотно пьютъ эту воду, въ увѣренности, что она облада-

етъ чудесными свойствами. Съ той-же поры въ каплицѣ начинается безпрерывное пѣніе молебновъ и акаѳистовъ, по заказамъ прибывшихъ на ярмарку крестьянъ. Для этой цѣли вблизи криницы устроены двѣ „ятки", въ нихъ продаются свѣчи и записываются имена „о здравіи". Записывающіе взимаютъ должную плату. Тутъже неподалеку раздается стройное и чрезвычайно оригинальное пѣніе: „Ой хто сей сонъ содержае, того Господь схороняе, одъ пожару соблюдае",—это поетъ хоръ, состоящій изъ слѣпыхъ женщинъ-нищихъ, замѣчательно спѣвшихся и распѣвающихъ духовные канты о снѣ Богородицы, двѣнадцати пятницахъ и т. под. Народъ густою толпою окружаетъ поющихъ и съ видимымъ удовольствіемъ заслушивается ихъ гармоническаго пѣнія. А со стороны ярмарки несутся громкія зазыванія торговцевъ и говоръ тысячной толпы, звонъ желѣза, мычаніе воловъ и лошадиное ржаніе. А тамъ, на самой вершинѣ горы и по ея скатамъ, расположились группами парубки и дивчата, и ярмарочный гамъ не въ состояніи заглушить ихъ звонкаго смѣха и веселыхъ пѣсней.

Такъ продолжается цѣлый день. Къ вечеру толпы молодежи прибываютъ, располагаются по уступамъ горы и скоро покрываютъ всѣ ея скаты. Пѣніе усиливается; поютъ мужскіе и женскіе хоры, и хотя слышатся еще разныя пѣсни, какъ и днемъ, но преобладающимъ мотивомъ становятся постепенно такъ называемыя „петрівчани пісні" или „петрівочки". При наступленіи сумерекъ ярмарочная толкотня понемногу улегается, торговцы прячутъ свои товары, «ятки» пустѣютъ и говоръ народа постепенно стихаетъ. Не слышно болѣе и «парубочихъ» хоровъ, но за то растутъ и крѣпнутъ женскіе голоса и мотивъ «петрівочокъ» окончательно наполняетъ долину и гулко отдается въ воздухѣ теплой іюньской ночи. Вотъ неподалеку отъ каплицы блеснули огоньки, стали быстро размножаться и разноситься въ разныя стороны. Одновременно и въ другихъ пунктахъ ярмарочной площади заблестѣли такіе же огоньки—и черезъ нѣсколько минутъ вся долина освѣтилась тысячами маленькихъ восковыхъ свѣчей. Свѣчи эти покупаются тутъ-же, въ каплицѣ, у церковнаго старосты, или приносятся изъ дому. Чтобы составить нѣкоторое понятіе о томъ, сколько расходуется на эту оригинальную иллюминацію свѣчей, достаточно сказать, что приходская церковь ежегодно продаетъ ихъ въ день ярмарки на сумму 250—300

рублей, не смотря на то, что весьма многіе приносятъ съ собою свѣчи домашняго приготовленія. Зажженныя свѣчи прикрѣпляются рѣшительно ко всему, къ чему только можно прилѣпить ихъ: къ возамъ, поднятымъ вверхъ оглоблямъ, къ воткнутымъ въ землю виламъ и граблямъ, а на скотной половинѣ ярмарки ихъ прилѣпляютъ даже къ рогамъ воловъ, коровъ и барановъ. Многіе приносятъ съ собою цѣлыя связки заостренныхъ палокъ, втыкаютъ ихъ рядами въ землю и лѣпятъ къ нимъ зажженныя свѣчи. Скоро такіе-же огоньки появляются на склонахъ горы, на растущихъ тамъ кустарникахъ, быстро перебѣгаютъ съ одного дерева на другое и наконецъ появляются на вѣтвяхъ стараго развѣсистаго дуба, растущаго на самой вершинѣ горы. Въ прежнее время, говорятъ, этотъ дубъ обязательно иллюминовался снизу до верху; и обязанность эта обыкновенно возлагалась на парубковъ; но при теперешней дороговизнѣ воска поневолѣ приходится поступиться старымъ обычаемъ, и въ нынѣшнемъ году все ограничилось тѣмъ, что какой-то смѣльчакъ ухитрился прикрѣпить толстую восковую свѣчу къ самой верхушкѣ завѣтнаго дуба, да на боковыхъ вѣтвяхъ слабо мерцало нѣсколько огоньковъ. Кромѣ того, у его подножія былъ разложенъ огонь и парубки время отъ времен высоко подбрасывали къ нему кучи пылавшей соломы, подъ звуки откуда-то появившагося здѣсь кларнета.

Въ это время на площади, между возами, водворяется полная тишина, проникнутая оттѣнкомъ какого-то торжественнаго и, какъ мнѣ казалось, почти религіознаго настроенія. Здѣсь оставались лишь старые да малые: одни молились на сонъ грядущи, другіе молча ужинали или укладывали подъ возами спящихъ дѣтей, третьи сосредоточенно слушали пѣніе. Я забылъ упомянуть, что самое зажиганіе свѣчей, сколько я видѣлъ, большею частью сопровождалось крестнымъ знаменіемъ, какъ-то бываетъ въ церкви, когда сельскій человѣкъ ставитъ свѣчу предъ иконой. Вообще вся ярмарка имѣла такой видъ, какъ будто-бы тамъ, на склонахъ горы пѣли не „дивчата“, а совершалось какое-то священнодѣйствіе. Самые эти хоры, группами расположенные по уступамъ горы, исполняли свое дѣло съ такимъ усердіемъ, серьезностью и столь сосредоточенно, что невольно напоминали церковные хоры въ моментъ богослуженія: ни шутокъ, ни смѣха, ни какихъ-либо шалостей нельзя было замѣтить

среди нихъ. Дѣвушки каждаго изъ сосѣднихъ селъ группировались въ отдѣльныя гурты и каждый гуртъ не щадилъ глотокъ, чтобы превзойти остальныхъ. Царствовавшая въ долинѣ тишина позволяла теперь явственно различать слова пѣнія:

Малая нічка петрівочка,
Не выспалася наша дівочка.
Всю нічъ не спала, та біль білила,
Та до теи белі говорила:
Беле-жъ моя, беле, тонка, біла!
Якъ піду я за милого,
То я тебе, беле, шановатиму,
У новую скрыню замыкатиму. и т. д. [1])

Въ тоже время изъ другой группы доносился безпрестанно повторяемый припѣвъ:

Білая березонька—парубки,
Червоная калинонька—дівоньки.

Каждая группа (а ихъ было до 20-ти) пѣла хотя и разныя слова, но однимъ и тѣмъ-же напѣвомъ и даже однимъ тономъ, только лишь не одновременно; къ тому-же каждый куплетъ заканчивался продолжительнымъ *fermatto*. Въ итогѣ, конечно, получалась дисгармонія; но среди нея то и дѣло прорывались такія чудныя (конечно, случайныя) гармоническія сочетанія, что смѣло можно рекомендовать ихъ вниманію всѣхъ любителей музыки, не говоря уже о записныхъ музыкантахъ и композиторахъ, которыхъ подобныя сочетанія несомнѣнно могли-бы вдохновить на что-нибудь необыкновенное. Я оставался на ярмаркѣ до 2-хъ часовъ ночи и все это время наслаждался чуднымъ, оригинальнымъ, какъ сама природа, и по истинѣ грандіознымъ пѣніемъ, подобнаго которому нельзя услышать нигдѣ въ цѣломъ мірѣ. Когда я оставлялъ ярмарку, иллюминація близилась уже къ концу:—то тамъ, то сямъ еще горѣли свѣчи; но пѣніе по прежнему лилось безпрерывно и въ голосахъ поющихъ все еще не было слышно признаковъ уста-

---

[1]) Текста этой «петрівки» я не нашелъ ни въ одномъ изъ доселѣ изданныхъ сборниковъ народныхъ украинскихъ пѣсень.

лости. Я слышалъ, будто такъ продолжалось до полнаго разсвѣта.

Пробывъ цѣлый день на ярмаркѣ и проживъ въ ближайшемъ селѣ еще нѣсколько дней, я старательно развѣдывалъ о томъ, какой смыслъ и значеніе имѣетъ все видѣнное мною у „Криницы", какъ объясняетъ его самъ народъ и какіе вообще существуютъ толки по этому предмету; но, къ сожалѣнію, узналъ немногое. Обращался я съ такими-же вопросами къ представителямъ мѣстной интеллигенціи, въ не маломъ числѣ ежегодно пріѣзжающихъ сюда изъ Лубенъ и другихъ мѣстъ посмотрѣть ярмарку, выпить и повеселиться; но они ничего не могли объяснить мнѣ, или-же сообщали свои личныя соображенія, до которыхъ они дошли собственнымъ умомъ. Одинъ изъ такихъ философовъ пресерьезно увѣрялъ меня, будто всѣ эти оригинальные обряды составляютъ не что иное, какъ остатокъ стариннаго языческаго празднества въ честь божества *Лада*, бога любви. „Вотъ увидите, вразумлялъ онъ меня: наступятъ сумерки, вездѣ зажгутся огни—и парни станутъ „*умыкать*" дѣвицъ въ ближайшіе кусты и фактически вступать съ ними въ браки; и повѣрьте, что народъ совсѣмъ не считаетъ этого грѣхомъ, во вниманіе къ древнему значенію праздника". Философъ былъ отчасти правъ: дѣйствительно, по наступленіи ночи можно было замѣтить нѣсколько случаевъ *умыканія* дѣвицъ—не въ кусты, а въ нарочито выстроенные для „господъ" курени; но только героями этихъ умыканій были исключительно пріѣзжіе изъ города веселые прожигатели жизни „панычи", всю ночь напролетъ кутившіе въ своихъ куреняхъ, а жертвами—прибывшія оттуда-же прелестныя, но падшія созданія; что-же касается молодежи изъ народа, то предсказаніе самоувѣреннаго философа, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось ничѣмъ незаслуженной клеветой.—Болѣе цѣнны тѣ немногія свѣдѣнія о „криницѣ" и ярмаркѣ, какія удалось мнѣ услышать изъ устъ мѣстныхъ простолюдиновъ. Прежде всего, на мой вопросъ: какъ давно существуетъ ярмарка въ „криницѣ" и всегда-ли она сопровождалась такими-же обрядами?—большею частью получался отвѣтъ, что теперешніе старики слыхали въ дѣтствѣ отъ своихъ дѣдовъ, что и за ихъ памяти ярмарка всегда существовала и съ тѣми-же обрядами, что и нынѣ. О происхожденіи-же самой криницы разсказываютъ слѣдующее: когда-то на томъ

мѣстѣ, гдѣ собирается теперь ярмарка, на лугу одинъ человѣкъ косилъ траву. Вдругъ, откуда ни возьмись, подходитъ къ нему сама „свята *пятниця*“, въ образѣ бѣдной женщины, и спрашиваетъ: „скажи, будь-ласкавъ, дядьку: де-бъ тутъ мені сісти одпочинути?“ Косарь былъ не въ духѣ и, указывая на болото, сердито буркнулъ странницѣ: „сідай, коли хочъ, оттамъ!“ Странница, поблагодаривъ его за совѣтъ, такъ и сдѣлала: вошла въ болото, сѣла въ немъ и вдругъ сдѣлалась невидимой. Заинтересованный ея исчезновеніемъ, косарь подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ только-что сидѣла женщина, и увидѣлъ, что тамъ появилась криница, хотя до того времени ея тамъ никогда не было.—Но вопросъ-же о томъ, что означаетъ зажиганіе огней, пѣніе обрядовыхъ пѣсней, отъ всѣхъ получался одинъ отвѣтъ: „не знаемо; не за насъ це стало; а робимо, якъ и батьки наші робили“. Впрочемъ, относительно пѣнія одинъ парубокъ сообщилъ мнѣ слѣдующій не лишенный интереса эпизодъ. Въ прошломъ году, по наступленіи ночи, когда вся долина засвѣтилась огнями и огласилась пѣніемъ „дівчатъ“, онъ замѣтилъ, что у самой подошвы горы усѣлись нѣсколько старыхъ-престарыхъ бабъ, воткнули предъ собою рядъ палокъ съ зажженными свѣчами и старческими голосами стали „затынать петрівочки“. Парубокъ разсмѣялся ихъ пѣнію и спросилъ: что это вамъ, старымъ бабамъ, вздумалось пѣть?—„И ради-бъ мы не співати, такъ коли-жъ сегодня такъ годиться: *десята-пятныця* приказуе співати ій петрівочки“. Этотъ отвѣтъ, въ связи съ легендою о происхожденіи криницы и урочнымъ днемъ, въ который ярмарка собирается, даетъ основаніе сдѣлать предположеніе, не имѣемъ-ли мы въ данномъ случаѣ дѣла съ остатками стариннаго народнаго чествованія *св. пятницы*, которая и въ другихъ случаяхъ несомнѣнно олицетворяется народомъ (есть даже молитвы, обращенныя „до матінки пятінки“) и быть можетъ скрываетъ за собою какое либо древнее, до-христіанское народное божество. Вѣдь и самый праздникъ „десятой пятницы“, повсемѣстно чтимый въ Малороссіи, не имѣетъ никакого основанія въ церковномъ календарѣ. Очевидно, что въ честь этого божества когда-то всю ночь жгли огни и пѣли нарочитыя пѣсни, что безотчетно дѣлается и понынѣ. Что-же касается чествованія *криницы*, то по всему можно заключить, что въ данномъ случаѣ это—мотивъ второстепенный и побочный: криницу

чествуютъ потому, что она обязана своимъ происхожденіемъ чудесному дѣйствію св. пятницы. Что это такъ, можно заключать по слѣдующему соображенію. Въ лубенскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи, есть много такъ называемыхъ „святыхъ" криницъ, чтимыхъ народомъ *постоянно;* такова, напр., ближайшая къ данной мѣстности криница въ с. Гонцахъ, куда народъ въ теченіе *всего* года приходитъ служить молебны, пить воду и исцѣляться отъ недуговъ своихъ. Но та криница, о которой мы ведемъ рѣчь, цѣлый годъ находится въ полномъ пренебреженіи, и только одинъ разъ въ году, именно—въ день ярмарки, „на десяту пятницю", надъ ней зажигаютъ свѣчи, торжественно освящаютъ воду и приписываютъ ей разныя цѣлебныя свойства. Наконецъ, что касается происхожденія ярмарки, то дѣло извѣстное, что тамъ, гдѣ бываетъ стеченіе народа по какому-бы то ни было поводу, всегда возникаютъ сначала базары, а затѣмъ и ярмарки, какъ то можно наблюдать и теперь повсемѣстно, напр., въ дни празднованій мѣстныхъ чудотворныхъ иконъ, въ храмовые праздники и т. п.

Нельзя умолчать еще объ одномъ интересномъ обычаѣ, который, впрочемъ, теперь уже не практикуется. У подошвы конусообразной горы растутъ четыре старыхъ липы, подъ тѣнистыми вѣтвями которыхъ прежде творился народный самосудъ. Чуть бывало кто „прокрадется" на ярмаркѣ, т. е. стащитъ что-либо у зазѣвавшагося „крамаря", такого немедленно ведутъ къ одной изъ этихъ липъ и привязываютъ къ ней на цѣлый день, а на шею цѣпляютъ похищенный предметъ. Случалось и такъ, что при семъ удобномъ случаѣ „громада" какого-либо села начинаетъ припоминать, кто изъ ихъ односельчанъ въ теченіе года былъ особенно неразборчивъ въ своемъ и чужомъ; такого тоже выставляли на публичный позоръ подъ липами. Но съ тѣхъ поръ, какъ на ярмарку стали ежегодно пріѣзжать урядники, становые пристава и даже самъ уѣздный исправникъ, подобные акты суда народнаго признаны были незаконными и подверглись преслѣдованію.

Въ заключеніе—анекдотъ объ одномъ не въ мѣру ревнивомъ администраторѣ. Пріѣхалъ однажды такой администраторъ въ „Криницу" на ярмарку, увидѣлъ, вѣроятно, нѣсколько случаевъ того „умыканія" дѣвицъ, о которомъ мы упоминали, и не разоб-

равъ, кто правъ, а кто виноватъ, бухъ высшему начальству представленіе о необходимости закрытія ярмарки, дабы положить предѣлъ яко-бы народному разврату. Къ счастью, объ этомъ своевременно провѣдали мѣстные земцы, съѣздили къ высшему начальству, опровергли донесеніе легкомысленнаго администратора, выставили на видъ соображенія о вѣковой давности ярмарки и ея своеобразныхъ обычаевъ, о привязанности къ ней народа и т. под., и тѣмъ успѣли спасти ее отъ грозившей опасности закрытія. Честь и хвала людямъ, спасшимъ это древнее и крайне оригинальное учрежденіе! Они были совершенно правы, когда утверждали, что закрытіе ярмарки было-бы безцѣльнымъ и грубымъ нарушеніемъ вѣковаго народнаго обычая, отнятіемъ у народа прекраснаго и вмѣстѣ невиннѣйшаго и любимаго имъ развлеченія. Дѣйствительно, мѣстное населеніе любитъ и даже какъ-бы гордится своею ярмаркою: когда я выражалъ крестьянамъ удовольствіе по поводу всего видѣннаго на ярмаркѣ, мнѣ говорили съ видомъ нескрываемаго удовольствія: „ніде правды діти—такого ярмарку, якъ у насъ, мабуть ёго і на цілимъ світі нема!“

О. Левицкій.

ШПИТАЛЬ ВЪ М. БОРОМЛѢ.

Въ первой половинѣ XVII ст. малоруссы цѣлыми толпами переходили изъ Кіевщины въ просторныя и плодородныя земли по верхней Ворсклѣ, Пслу и сѣверному Донцу. По Удаю, Мерлу, Боромлѣ, Коломаку, Осколу, Айдару и другимъ притокамъ Ворсклы и Сѣвернаго Донца возникли многочисленные украинскіе поселки, хутора и города. Въ новыя мѣста своего жительства малоруссы внесли заднѣпровскіе общественные порядки, украинскія гражданскія начала. Въ правобережной Украинѣ, въ Кіевѣ, Луцкѣ, Брестѣ и многихъ другихъ мѣстахъ, были церковныя братства со школами и шпиталями, или пріютами для нищихъ. Учрежденія эти были перенесены и въ Слободскую Украину. Самое раннее документальное свидѣтельство о церковномъ братствѣ въ Слободской Украинѣ относится къ 1700 году. Въ документахъ Куряжскаго монастыря подъ 1700 г. упоминается братство при харьковскомъ соборѣ. Первое документальное упоминаніе о слободско-украин-

скомъ шпиталѣ относится къ 1704 г. Въ этомъ году священникъ Андрусскій сдѣлалъ запись о существованіи въ с. Сѣнномъ, богодуховскаго уѣзда, шпиталя для „убогихъ сиротъ". Въ церковной переписи 1732 г. перечисляются шпитали въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Харьковѣ два, въ Сумахъ два и по одному въ г. Валкахъ, въ с. Рогозянкѣ харьковскаго уѣзда, въ с. Деркачахъ того-же уѣзда, въ с. Прорубѣ сумскаго уѣзда, въ с. Бѣлопольѣ зміевскаго уѣзда, въ с. Бишкинѣ лебединскаго уѣзда, въ с. Межиричахъ того-же уѣзда, въ Шелудковкѣ сумскаго уѣзда и въ с. Левковкѣ изюмскаго уѣзда [1]). Всѣ шпитали были при церквахъ; такъ харьковскіе шпитали при соборѣ и троицкой церкви, сумскіе при покровской и при троицкой церкви, деркачевскій при николаевской церкви и т. д.

Въ церковной описи 1732 г. братскія школы упоминаются гораздо чаще, чѣмъ братскіе шпитали. Повидимому, шпитали уже въ это время находились въ упадкѣ, въ слѣдствіе упадка самихъ церковныхъ братствъ старожитнаго украинскаго характера. Неизвѣстно, какіе порядки господствовали въ слободско-украинскихъ шпиталяхъ. Сохранилась одна любопытная отмѣтка: евангеліе львовскаго изданія 1636 г. было куплено старостой и братіей бѣлопольскаго шпиталя и, впослѣдствіи, когда шпиталь былъ закрытъ и на его мѣстѣ поставлена сторожка, перешло въ бѣлопольскій преображенскій храмъ [2]). Изъ этой оброненной мимоходомъ замѣтки въ старинной церковной описи можно вывести то заключеніе, что въ Слободской Украйнѣ, какъ ранѣе въ Украйнѣ правобережной, шпиталь представлялъ своеобразную нищенскую общину, исполнителемъ воли которой былъ выборный староста.

Любопытнымъ и чуть-ли не единственнымъ остаткомъ старинной народной филантропіи въ Слободской Украйнѣ представляется шпиталь, находящійся съ слободѣ Боромлѣ ахтырскаго уѣзда харьковской губерніи.

Боромля возникла въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XVII ст. Въ старинное время это было торговое мѣстетко, называвшееся городомъ, съ 4 большими ярмарками, съ духовнымъ правленіемъ,

---

[1]) Арх. Филаретъ, Истор.-стат. Опис. харьк. епарх. II. 44, 45, 140; III. 296, 303, 419, 430, 465, 503, 513; IV. 156; V. 91.

[2]) Ibid., III. 419.

или протопопіей, съ 6 церквами и нѣсколькими дьячковскими школами. Въ настоящее время въ Боромлѣ болѣе 5 тыс. жителей, почтовая контора, камера мироваго судьи, земскій врачъ, земская больница, образцовое двухъ-классное училище съ 5 наставниками, помѣщающееся въ прекрасномъ двухъ-этажномъ каменномъ зданіи. Боромлянцы сохранили свой старинный украинскій характеръ въ языкѣ, повѣрьяхъ, нравахъ, одеждѣ, постройкахъ.

Архіепископъ Филаретъ въ Историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи, представляющемъ капитальное изслѣдованіе и драгоцѣнный сборникъ матеріаловъ по Слободско-Украинской исторіи, не упоминаетъ о боромлянскомъ шпиталѣ. Шпиталь, однако, въ его время несомнѣнно существовалъ. Боромлянскіе священники, доставлявшіе матеріалъ для „Историко-статистическаго описанія,“ умолчали о шпиталѣ на томъ основаніи, что онъ во время архіеп. Филарета не имѣлъ уже связи съ церковью, не получалъ отъ нея пособія и не зависѣлъ отъ нея. Боромлянскіе старожилы начало шпиталя возводятъ въ незапамятную для нихъ старину.

О существованіи боромлянскаго шпиталя за послѣдніе тридцать лѣтъ, о его скромной исторіи за это время намъ сообщилъ настоящій шпитальный староста Трофимъ Перетятько, полуслѣпой, восьмидесятилѣтній старикъ. Болѣе двадцати лѣтъ назадъ волостное начальство помѣстило его въ шпиталь. Какъ староста, Перетятько возстановляетъ порядокъ среди склонныхъ къ ссорѣ нищихъ, сообщаетъ волостному начальству о нуждахъ шпиталя, собираетъ по слободѣ хлѣбъ для больныхъ и немощныхъ шпитальныхъ нищихъ, хоронитъ умершихъ въ шпиталѣ.

Лѣтъ тридцать назадъ шпиталь находился въ самомъ бойкомъ мѣстѣ слободы, вблизи базарной площади. Одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ нашелъ неприличнымъ и нечистоплотнымъ помѣщеніе шпиталя въ центрѣ слободы, и шпиталь былъ перенесенъ на конецъ слободы, къ царинѣ. Въ настоящее время онъ занимаетъ послѣднюю хату по большому ахтырскому шляху. Хата старая и мрачная. Потолочныя доски (стелины) начинаютъ падать.

Сколько Перетятько въ состояніи припомнить, шпиталь не получалъ отъ церкви пособія. Священникъ николаевской церкви, вблизи которой въ настоящее время находится шпиталь, подъ праздники Рождества Христова и Пасхи заходитъ въ шпиталь съ мо-

литвой и приноситъ нѣсколько хлѣбовъ въ милостыню. Умершихъ въ шпиталѣ нищихъ священникъ хоронитъ безплатно. Взымается только 15 коп. за вѣнчикъ.

Шпиталь зависитъ отъ волостнаго правленія и получаетъ отъ него скудное пособіе. Волостное начальство даетъ шпиталю хату, отпускаетъ дрова въ зимнее время, выдаетъ доски на гробъ для умершаго въ шпиталѣ и посылаетъ людей хоронить его.

Мѣстная администрація въ лицѣ становаго пристава недавно оказала косвенную поддержку шпиталю, воспретивъ захожимъ изъ другихъ селъ нищимъ просить милостыню въ Боромлѣ.

Зимою 1883 года въ шпиталѣ было 12 человѣкъ, большею частью женщины. Дѣтей въ шпиталѣ не бываетъ. Какъ-то была помѣщена въ шпиталѣ идіотка съ груднымъ ребенкомъ, дѣвочкой. Шпитальные нищіе выростили и выкормили. Теперь дѣвочкѣ 6 лѣтъ. Шпитальные нищіе никакихъ ремеслъ не знаютъ. Кобзарей между ними нѣтъ и не было. Тѣ кобзари, которые во время ярмарокъ посѣщаютъ Боромлю, въ шпиталь не заходятъ. Въ лѣтнее время въ шпиталѣ остается двѣ-три больныхъ старухи. Нищія женщины расходятся по селамъ, а старухи сидятъ у царины въ куреняхъ сторожами и оберегаютъ засѣянное озимымъ хлѣбомъ общественное поле отъ скота.

Н. Сумцовъ.

Харьковъ.

БРАТСТВА И СОЮЗЫ НИЩИХЪ.

Въ статьѣ моей „Шпитали въ Малороссіи“ указаны историческіе факты относительно существованія въ старину въ западной и южной Руси братствъ или цеховъ нищихъ. Но тамъ приведены лишь отривочныя извѣстія, которыя хотя подтверждаютъ дѣйствительность существованія цеховъ нищихъ, но не даютъ яснаго понятія объ этихъ нищенскихъ организаціяхъ. При чтеніи-же названной статьи въ харьковскомъ историко-филологическомъ обществѣ были сдѣланы мнѣ два указанія относительно этого предмета: членъ общества А. С. Лебедевъ указалъ на замѣтку о нищенскихъ цехахъ, перепечатанную Московскими Церковными Вѣдомостями [1])

---

[1]) 1880 г., № 37.

изъ Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, членъ общества М. Д. Линда сообщилъ слышанное имъ отъ одного старика нищаго преданіе объ обширной организаціи, обхватывавшей всѣхъ нищихъ Украйны. Приводимъ здѣсь то и другое сообщеніе, какъ прекрасно иллюстрирующіе переданные мною отрывочные факты.

Въ Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечатаны свѣдѣнія объ организаціи нищенства въ мѣстечкѣ Семежовѣ и его окрестностяхъ (слуцкаго уѣзда, минской губерніи). Всѣ нищіе этой мѣстности на довольно далекомъ окружномъ пространствѣ составляютъ совершенно правильно-организованную общину, подъ названіемъ *нищенскаго цеха*, съ выборнымъ изъ среды себя особымъ начальникомъ, съ званіемъ нищенскаго *цехмистра*, съ особыми правилами и обычаями и съ особымъ нищенскимъ языкомъ. Главнѣйшіе обычаи и правила, соблюдаемые членами нищенскаго цеха слѣдующіе: каждый членъ именуется *товарищемъ*. Для вступленія въ цехъ обязательно соблюденіе нѣкоторыхъ условій. Прежде всего всякій, имѣющій право на нищенство, т. е. имѣющій какіе нибудь тѣлесные недостатки и увѣчья, обязанъ пробыть извѣстное время ученикомъ у нищаго-товарища, при чемъ онъ вписывается въ особую тетрадь и обязывается вносить въ цеховую братскую кружку опредѣленную плату. Срокъ ученія обыкновенно 6-ти лѣтній и плата 60 коп; но желающіе могутъ сократить этотъ срокъ, тогда возвышается и *вписовая* плата иногда до 8 руб. въ годъ. Переименованіе ученика въ товарища совершается съ особою церемоніей. Ученикъ приводится въ собраніе нищихъ. Послѣ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, цехмистеръ экзаменуетъ ученика въ знаніи молитвъ, нищенскихъ кантовъ и нищенскаго языка; затѣмъ ученикъ обязанъ поклониться и поцѣловать руку каждому присутствующему въ собраніи товарищу нищему и уже тогда получаетъ право именоваться такимъ-же товарищемъ. Въ заключеніе дѣлается угощеніе на счетъ новичка и здѣсь онъ въ первый разъ садится рядомъ съ другими. Нищенскій цехмистеръ избирается на неопредѣленное время и большею частію изъ слѣпыхъ нищихъ; онъ собираетъ цехъ для нужныхъ дѣлъ и для наказанія, между прочимъ, виновныхъ. Наказанія виновныхъ состоятъ большею частью въ покупкѣ воска (для братской свѣчи), но въ прежнія времена практиковалось и тѣлесное наказаніе. Но самымъ большимъ и позорнымъ наказаніемъ считается обрѣзываніе *торбы*, т. е. нищенской сумы; этимъ обрядомъ виновный лишается права на

нищенство. Для храненія и расхода цеховыхъ суммъ избирается ключникъ. Собранія нищихъ бываютъ экстренныя и ежегодныя. Послѣднія пріурочены къ опредѣленному дню—понедѣльнику первой недѣли великаго поста, или Троицыну дню. Въ этотъ день становится въ церкви новая братская свѣча. Вообще цеховыя нищенскія суммы расходуются большею частію на церковныя потребности, и теперь лучшее облаченіе въ Семежовской церкви устроено на средства нищихъ. На обязанности нищихъ лежитъ также наблюденіе за чистотою церковнаго погоста и вообще содержаніе церковнаго зданія въ чистотѣ. У нищихъ свой особый языкъ, который они стараются держать въ секретѣ отъ постороннихъ.

Вотъ что сообщилъ М. Д. Линда изъ своихъ воспоминаній о старикѣ нищемъ, передавшемъ ему разсказъ о союзахъ нищихъ. „Въ 70-хъ годахъ еще жилъ въ Харьковѣ на Холодной Горѣ, въ собственной хатѣ, старикъ козакъ Хома Семененко, которому въ началѣ моего знакомства съ нимъ было 102 года; знакомство-же продолжалось около 3—4 лѣтъ. Когда онъ умеръ, не знаю; знаю только, что около полугода до смерти онъ не выходилъ уже изъ хаты въ городъ по слабости; кормили-же его другіе нищіе, удѣлявшіе ему изъ напрошеннаго по старой памяти товарищества. Онъ происходилъ изъ довольно зажиточной козацкой семьи, отличавшейся крѣпостью физическихъ силъ и крутымъ козацкимъ нравомъ ея членовъ. На холодногорскомъ кладбищѣ еще недавно стояли кресты на могилахъ его братьевъ, умершихъ въ очень преклонныхъ лѣтахъ. Самъ Хома былъ уже *безрідньмъ*, т. е. никого уже не было въ живыхъ изъ его рода. По бѣдности онъ ходилъ за подаяніемъ въ городъ, преимущественно по дворамъ конторской улицы. Речитативомъ произносилъ свои *вирши* или *думки*, за что ему радушно отпускалось подаяніе. Если случалось, что ему давали—по его мнѣнію—много, то онъ роздавалъ напрошенное дѣтямъ, или даже и взрослымъ, при чемъ приговаривалъ: „старечого хліба — соли не цурайся: вінъ Христа ради напроханый, святый“. Чаще всего онъ, послѣ обхода дворовъ, усаживался на берегу рѣки Лопани, вблизи Конторскаго переулка, собиралъ вокругъ себя дѣтей и взрослыхъ и что-нибудь имъ разсказывалъ о старинѣ или распѣвалъ свои пѣсни, между которыми попадались и козацкія думы. Между разными разсказами о прошлыхъ временахъ я помню одинъ и о прежней жизни нищихъ. Когда онъ еще

не старцювавъ, у нищихъ были свои ватаги и свои *отаманы*, свои *соцьки* и *десяцьки*, *чоловічи* и *жиночи*. Эти лица выбирались на весеннемъ сходѣ нищихъ, который чаще всего бывалъ между Переяславомъ и Кіевомъ, у Броваровъ, подъ лѣсомъ. Послѣ выборовъ происходилъ судъ надъ виновными, потомъ назначалось приданое для тѣхъ, кто выходилъ замужъ или женился и особенно для тѣхъ, кто, побрачившись, уходилъ въ міръ, т. е. выбывалъ изъ нищенства. Эти собранія происходили около весенняго Николая. Другія собранія назначались около 1-го или 2-го Спаса тамъ-же. Независимо отъ указанныхъ были еще собранія нищихъ возлѣ Курска, во время ярмарки. Но что было на этихъ собраніяхъ, не помню. Изъ разныхъ эпизодовъ нищенской жизни, переданныхъ Хомою, яснѣе всѣхъ помню слѣдующій. Разъ, къ такой ватагѣ, покончившей уже всѣ свои суды и распорядки, и собравшейся попировать, подъѣхалъ козакъ, поздоровался, пожелалъ нищимъ Божью помочь и кинулъ имъ нѣсколько грошей. Нищіе, ничего не опасаясь, провели его въ средину табора, гдѣ сложены были на ряднахъ цѣлыя горы и столбцы рзныхъ *пряженыхъ*, *смаженыхъ* и т. д. печеній, между которыми былъ и *стовпець коржей зъ чоловіка заввышки*. Козакъ, подъѣхавши къ этому мѣсту, выпивши *добру чарчину горилки*, *подякувавши старцямъ*, вдругъ со всего размаха ткнулъ пикою въ стовпець коржей, прокололъ его до низу, поднялъ въ верхъ и, какъ стрѣла, бросился вонъ изъ табора. Нищіе, числомъ тысячь до трехъ, бросились догонять его и обнаружили такую быстроту, что козакъ только съ величайшимъ трудомъ успѣлъ убѣжать и унести всѣ коржи. Разсказчикъ добавлялъ: „якъ-бы піймали, то-бъ розирвали на шматки“. Къ переданному г. Линда прибавилъ еще слѣдующее. „Изъ конца 50-хъ годовъ я помню въ подольской губерніи ватаги нищихъ, ходившихъ щедровать и колядовать. Эти ватаги составлялись или изъ малороссовъ, или изъ мазуровъ. Послѣдніе ходили съ колокольчикомъ и иногда входили и въ дома. Православные рѣдко подходили къ домамъ католиковъ. Католики же не различали своихъ отъ чужихъ и даже подходили къ окнамъ православнаго причта. Въ той-же подольской и херсонской губерніяхъ (на границѣ съ подольскою и кіевскою) во время храмовыхъ праздниковъ устраивалось угощеніе и для нищихъ. Общимъ угощеніемъ завѣдывали священникъ и староста, а нищенскимъ

только *братчики*, т. е. составившіе между собою на срокъ, или на всегда, нѣчто въ родѣ побратимства и посестримства. Братчики даже не участвовали сами въ общемъ пиршествѣ, а только угощали нищихъ и уже по окончаніи угощенія трапезовали и сами. При поминкахъ варились въ отдѣльныхъ котлахъ или горшкахъ стравы для нищихъ, изъ того-же самаго матеріала, какъ и для всѣхъ не нищихъ.

Приведенные факты даютъ чрезвычайно интересныя указанія съ одной стороны на характеръ и частности въ устройствѣ цеховъ нищихъ, съ другой стороны на общую организацію, обхватывавшую всѣхъ нищихъ нашего юга, въ которую входили нищенскіе цехи, какъ составные элементы. Не считаемъ здѣсь умѣстнымъ долго останавливаться на приведенныхъ фактахъ, такъ какъ объ этомъ будемъ говорить въ статьѣ о цехахъ вообще, а скажемъ лишь, что нищенскія братства какъ въ существенныхъ чертахъ, такъ и въ деталяхъ почти не отличались отъ обыкновенныхъ сельскихъ ремесленныхъ цеховъ. Какъ на спеціально нищенскія обыкновенія можно указать развѣ на цѣлованіе рукъ всѣмъ нищимъ со стороны вступающаго въ цехъ, на обрѣзываніе, въ видѣ наказанія, нищенской *торбы*, или существованіе спеціально нищенскаго языка. Для тѣхъ, кто, въ виду теперешнихъ стѣсненій, претерпѣваемыхъ нищими (мы разумѣемъ запрещеніе нищимъ выходить изъ предѣловъ своей волости, разбиваніе кобзъ у бандуристовъ и т. п.), усумнился-бы въ возможности существованія и въ прежнее время общей для всѣхъ нищихъ организаціи, въ видѣ обширнаго союза, укажемъ на аналогическій фактъ изъ давняго прошлаго. Всѣ цыгане, жившіе въ Малороссіи, не смотря на ихъ кочевую жизнь, представляли нѣчто цѣлое. У всѣхъ ихъ былъ одинъ старшій, который назывался атаманомъ (въ польскихъ областяхъ такой атаманъ назывался цыганскимъ королемъ). Онъ, между прочимъ, бралъ на откупъ денежные сборы съ цыганъ и взималъ ихъ съ каждаго лица въ отдѣльности. Уже для выполненія одной этой функціи нужно предположить прочную организацію всего цыганства [1]). Если оффиціально была допускаема общая организація для всѣхъ цыганъ, то нѣтъ сомнѣнія, что, при тогдашнихъ соціальныхъ порядкахъ, могъ

---

[1]) Дневныя записки Якова Марковича, ч. 1-я, стр. 44, подъ 1724 годомъ.

быть допущенъ и общій союзъ нищихъ. Въ заключеніе сообщимъ, что по настоящему предмету, т. е. о нищенствѣ въ южной Руси. есть отдѣльная статья Крашевскаго, подъ названіемъ. „Нищіе въ древней Польшѣ и Украйнѣ"; но она въ настоящее время недоступна для читателей, такъ какъ помѣщена въ газетѣ „Сѣверная Пчела" за 1846 годъ (№ 123).

П. Ефименко.

ГЕТМАНСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПРИ РУССКОМЪ ДВОРѢ.

Намъ досталась рукопись начала XVIII ст., дающая понятіе о томъ, каково было представительство малороссійскаго гетмана при русскомъ дворѣ, т. е. какъ велика бывала свита гетмана и изъ кого она состояла, во что обходился пріемъ этого именитаго гостя, какое давалось ему и его свитѣ довольствіе и какіе получали они подарки отъ двора при своемъ отъѣздѣ. Гетманъ, не смотря на то, что давно уже былъ однимъ изъ подданныхъ царя, не имѣлъ въ числѣ ихъ равнаго себѣ, состоялъ по крайней мѣрѣ въ особомъ, исключительномъ положеніи, служилъ представителемъ и повелителемъ обширной страны, пользовался большими прерогативами власти и суда, какъ ни ограничивало ее царское самодержавіе. Понятно, что онъ долженъ былъ являться ко двору съ нѣкоторою помпою, которая служила-бы внѣшнимъ знакомъ его высокаго, исключительнаго положенія; дворъ долженъ былъ при пріемѣ поддерживать это внѣшнее его достоинство, а при отъѣздѣ отдаривать гетмана и его свиту, такъ какъ и они прибывали не съ пустыми руками. Это притомъ было въ нравахъ того времени. И вообще пріѣздъ гетмана напоминаетъ во многомъ продолжающееся и доселѣ прибытіе ко двору повелителей разныхъ народовъ, отъ времени до времени подчиняемыхъ такъ или иначе. Тутъ обыкновенно ихъ чествуютъ, угощаютъ, величаютъ и ласкаютъ, пока постепенно не войдутъ они въ разрядъ обыкновенныхъ подданныхъ. Стушевались мало по малу и гетманы и самое достоинство ихъ упразднено. Кириллъ Разумовскій былъ уже въ полномъ смыслѣ чиновникъ, хотя и съ огромнымъ содержаніемъ. Намъ любопытны даже мелкія,

внѣшнія черты гетманскаго достоинства; прослѣдимъ ихъ и теперь по имѣющейся у насъ рукописи.

Рукопись озаглавлена такъ: „*Выписка о жалованьи господину гетману, генеральнѣй старшинѣ, полковникамъ и другимъ чинамъ, по чему при пріѣздѣ и ча отпускѣ давано*". Свѣдѣнія объ этомъ со многими подраздѣленіями представлены въ формѣ вѣдомости, неудобной для печатанія въ томъ-же самомъ видѣ и размѣрѣ. Мы дадимъ имъ лишь другую группировку, сохранивъ ихъ точность и полноту.

Вѣдомость даетъ свѣдѣнія по указанному предмету за 1700, 1703 и 1705 гг. Это годы гетманства Мазепы. Хитроумный Мазепа, вращавшійся во многихъ сферахъ, умѣлъ поддерживать свое достоинство даже при грозномъ Петрѣ, улещивая его самыми сладкими и униженными письмами и рѣчами; въ тоже время онъ не скупился на подарки царскимъ приближеннымъ и самому царю. Вотъ что давалось и жаловалось ему и его свитѣ во всѣ три пріѣзда, каждому противу его чина, или кто чего достоинъ. Дача состояла въ „поденномъ корму, питіи и иномъ".

1) И такъ жаловалось на каждый день: денегъ 1 рубль, вина двойнаго 8 чарокъ, меду варенаго полъ ведра, меду бѣлаго ведро, пива 2 ведра и конскаго корму на 20 лошадей, считая по 10 ф. на лошадь на сутки; кромѣ того при отъѣздѣ пожаловало ему въ 1700 году: кафтанъ венгерской, бархатной, исподъ соболей, пластинчатой, съ пугвицѣ золотыми, съ изумрудами и яхонтами, въ 757 рублевъ, въ 1703 году: матерія золотная въ 102 р., мѣхъ соболій въ 700 р., сорокъ въ 280 р., сорокъ въ 250 р., сорокъ въ 80 р. и 2 пары по 30 р., всего на 1472 р.; въ 1705 году: собольми вмѣсто матеріи золотной, и мѣха соболья, и паръ на 875 рублевъ.

2) Генеральной старшинѣ, именно: генеральному писарю Савичу, бунчужному Лизогубу и полковникамъ черниговскому и гадяцкому— по 5 алтынъ, по 5 чарокъ двойнаго вина и по 3 кружки меду варенаго и пива, а конского корму —первому на 12 лошадей, второму на 5, третьему на 27, четвертому на 12 и пятому на 22; сверхъ того при отпускѣ каждому изъ нихъ въ 1700 и 1703 гг. дано по штукѣ серебряной матеріи, по сукну кармазину, по атласу, по тафтѣ, по 40 соболей, по 80 рублевъ и по сороку; а въ 1705 г. соболми на 126 рублевъ.

3) Ассистентамъ и канцеляріи, именно: гетманскому племяннику, шести знатнымъ войсковымъ товарищамъ, двумъ изъ числа генеральной старшины, одному полковничьему сыну и шести канцеляристамъ, въ числѣ которыхъ одинъ старшій—по 4, по 3 и по 2 алтына деньгами въ день, смотря по рангу, вина *простого* по 4 чарки, меду *бѣлого* и пива по 3 кружки, а конского корму только войсковымъ товарищамъ, кождому на 5 лошадей; сверхъ того при отпускѣ въ 1700 г. по сукну кармазину, по камкѣ, по тафтѣ, соболей и по 30 рублевъ, а канцеляристамъ соболей и по 5 рублевъ, въ 1703 г. однимъ товаръ и соболи, какъ прежде, а канцеляристамъ за соболи по 5 р., а въ 1705 г. знатнымъ товарищамъ по 42 р., а канцеляристамъ на 17 рублевъ съ полтиною.

4) Сотенной старшинѣ, именно: двумъ сотникамъ при гетманѣ, двумъ сотникамъ при полковникахъ, одному дворянину (?) и одному трубачу—первымъ по 2 алтына, остальнымъ по 4 деньги, по 3 чарки вина простого и по 2 кружки *бѣлого* меду и по стольку-же пива, а конского корму каждому сотнику на 6 лошадей, а дворянину на 3. Изъ подарковъ при отъѣздѣ показано только для трубача сукно англинское, пара соболей и два рубля денегъ—въ 1700 г., за 1703 г. не показано никакихъ подарковъ, а въ 1705 г. показано, безъ означенія лицъ, сукна на 10 р., атласъ, пара и 5 рублевъ.

5) Придворному штату, или домовымъ людямъ, именно: маршалку, конюшему, обозному, 6-ти слугамъ и 1 ключнику—по 2 алтына въ день, по 2 чарки вина *простого*, по 1 кружкѣ *бѣлого* меду и по одной кружкѣ пива. Подарковъ въ 1700 г. не было, въ 1703 г. каждый получилъ по сукну англинскому, по тафтѣ и за соболи по 3 рубля, а въ 1705 г. соболми на 10 рублевъ съ полтиною, а инымъ на 8 рублевъ 24 алтына.

6) Надворной стражѣ, именно: одному гайдуку, шести жолнерамъ и двадцати козакамъ—по 10 денегъ, по 2 чарки простого вина, по 1 кружкѣ бѣлого меду и по 2 пива, а также при отъѣздѣ по сукну англинскому и по 2 рубли въ 1703 г., а въ 1705 г. соболми на 4 р. съ полтиною.

7) Кухоннымъ и конюшеннымъ людямъ: шести поварамъ и шести конюхамъ въ день по 6 денегъ, по чаркѣ простого вина и по кружкѣ пива, да по сукну англинскому и за соболи по рублю въ 1703 г. и по 2 рубли на человѣка въ 1705 г.

8) Состоящимъ при генеральной старшинѣ, при полковникахъ и другихъ чинахъ, именно: двумъ писарямъ, одному полковому товарищу, двадцати семи слугамъ и восьмидесяти козакамъ — первымъ 3-мь по 6 денегъ, по 2 чарки вина простого и по 2 кружки пива, остальнымъ по 6 денегъ, по 1 чаркѣ вина простого и по 1 кружкѣ пива. Изъ подарковъ первымъ по англинскому, вторымъ по гамбургскому сукну въ 1703 г., а въ 1705 г. вторымъ только по 2 р. на человѣка.

Въ примѣчаніи значится: „сукна партище 5 аршинъ, а цѣна кармазину 10 рублевъ, полкармазину 5 рублевъ, англинское 4 рубли, гамбургское 2 рубли; атласу партище 10 аршинъ—8 рублевъ, камки лаудани 8 аршинъ—4 рубли, 13 алтынъ, двѣ денги, тафты 5 аршинъ—3 рубли“.

ВОСПОМИНАНІЕ О ШЕВЧЕНКѢ.

Почти ни одного разсказа про Шевченка я не слышалъ, въ которомъ-бы личность его выступала не легендарной. Народъ не находитъ для него обыкновенной мѣрки. Чтобы видѣть какой, благородной популярностью пользуется его имя, стоитъ только послушать разсказы какого нибудь старика или старухи, которые знали его или слышали о немъ; они со слезами на глазахъ передаютъ различные случаи изъ его жизни [1]).

Не очень многимъ онъ извѣстенъ, какъ поэтъ: съ этой стороны его знаютъ только тѣ, которымъ довелось читать или слышать его произведенія.

Многія его думки и даже отрывки изъ поэмъ распространены въ Малороссіи повсемѣстно, но принимаются за народныя пѣсни. Онъ больше извѣстенъ, какъ человѣкъ и какъ борецъ за крестьянскую волю.

Даже тѣ, которые живутъ далеко отъ его родины и очень мало о немъ знаютъ, на вопросъ—кто такой Шевченко, отвѣчаютъ: „це бувъ такий великий воинъ“.

Смотри въ «Кіевской Старинѣ» за сентябрь 1882 г. мою замѣтку «Взглядъ народа на Шевченка».

Народъ прочтетъ его безсмертныя думы—слезы, когда научится читать, а теперь пока ходятъ о немъ только устныя преданія; тогда всякій крестьянинъ будетъ знать, что Шевченко дѣйствительно „воинъ“, но такой „воинъ“, который воевалъ словомъ за святое дѣло и посвятилъ на это всю свою жизнь.

Разъ одна старуха, увидѣвши у меня на окнѣ бюстъ Шевченка, начала такъ:

„Спасибі ёму! Нехай Богъ хочъ на тімъ світі успокоить ёго душу, бо на цімъ світі вінъ богацько понісъ за насъ, та за нашу волю... Мині таки доводилось на віку бачити ёго, та я не знала, шо то бувъ вінъ. Разъ якось мій старый сидівъ у Звенигородці въ турмі: паны за шось засадили. Отъ я взяла въ торбину хліба та ше де-чого, та й пішла до нього. А въ Вільхівці [1]) догаяю старого Онойка, шо вінъ, якъ знаете пасічникомъ бувъ надъ скарбовыми пасіками. Отъ и питаю ёго, куда вінъ іде? А вінъ міні пишкомъ и каже: „отъ-се, серце, на мене напасть... Чи не здибала ти часомъ за селомъ москаля? поіхавъ бідкою. Приіздить вінъ до мене вчора ввечері та й проситься на-нічъ. Я ёго й пустивъ: у мене дітей нема, хата велика, то чого й не пустить,—не перележить за-нічъ хати. Отъ вінъ въ мене й заночувавъ. Каже, шо самъ зъ Керелівки и іздить собі такъ по селахъ та по людяхъ. Зветься вінъ Шевченкомъ. Багацько вінъ мині росказувавъ про себе, про панщину, то-шо, и дуже просивъ, шобъ нікому не казати. Показувавъ всю свою одежу и все, шо зъ собою везе. Отъ-се вінъ вбраный москалемъ, а то зробиться старцемъ и іздить собі помижъ людьми; а якъ схоче, то передягнеться такимъ таки чоловікомъ, або паномъ. Вранці чуть світъ вінъ собі й поіхавъ и зновъ просивъ, шобъ нікому не казати, шо вінъ у мене ночувавъ. І ніхто-жъ ёго й небачивъ и не знавъ, шо вінъ въ мене ночуе, тільки я, та жинка. А це прибігають зъ Звенигородки и требують уже туди: довідались якось наші паны та й донесли. Не знаю, шо мині за це буде?“... „А я таки передъ Вільхівцемъ зострічала чоловіка, бідно одягняный, въ картузі и въ московські одежі, поіхавъ бідкою на Попівку“... Росказала я свому старому, а вінъ и каже: „бувъ тутъ такий чоловікъ, але-жъ ёго тільки ввели въ турму, та заразъ и выпустили“...

---

[1]) Село въ 7 верстахъ отъ Звенигородки, въ противоположную сторону отъ Кириловки.

Вы кажете, шо вінъ таки вмеръ, а отъ я чула, шо вінъ есть живый, а привезли ёго тільки клятьбу въ домовині, шо вінъ поклавъ на папівъ. Кажуть, шо закопали ту домовину на высокі могили недалеко одъ Киева, але-жъ я не бачила тееи могилы, хочъ и ходила въ Киевъ. Везли домовину дванадцять паръ волівъ, а на могилу виносило дванадцять дівокъ.. Я й невістокъ ёго знаю зъ Керелівки; якъ вінъ ото умеръ, то вони іздили за нимъ плакати...

А було те, якъ я ёго бачила, тоді, якъ зачиналось добро, недалеко передъ волею, рокивъ буде зъ двадцять три... Спасибі ёму: хочъ и Богъ такъ давъ, що панщину одмінили, а все-жъ таки вінъ за насъ клопотався, та терпівъ. Нехай наши діти дякують!"

Августа 1883 г. **А. Смоктій.**

ЗАПОРОЖСКАЯ ПѢСНЯ, ЗАПИСАННАЯ НѢМЦЕМЪ ОТЪ НѢМЦА.

Въ 1802 г. Въ Гамбургѣ издана небольшая въ 16-ю долю листа книжка подъ заглавіемъ: *Путешествіе изъ Волыни въ Херсонъ (въ Россіи) въ 1787 г.* Авторъ этого сочиненія нѣкто Іоганнъ Миллеръ, служившій нѣкогда при варшавскомъ дворѣ, состоялъ потомъ членомъ минералогическаго общества въ Іенѣ и вестфальскаго общества естествоиспытателей. Названное сочиненіе представляетъ и для настоящаго времени весьма много интересныхъ наблюденій въ осмотрѣнной авторомъ мѣстности, преимущественно въ естественно-историческомъ отношеніи, но мы нашли здѣсь особаго рода рѣдкость: авторъ, странствуя по Новороссіи, встрѣтилъ своего соотечественника, нѣкоего Шака, который жилъ по сосѣдству съ Запорожьемъ, былъ въ сношеніяхъ съ сѣчевиками, вѣроятно симпатизировалъ имъ и перенялъ отъ нихъ нѣкоторыя ихъ пѣсни. Одну изъ этихъ пѣсенъ Шакъ передалъ Миллеру и тотъ записалъ ее, какъ могъ, а для читателей приложилъ къ искаженному подлиннику значительно вольный переводъ. Кто виновникъ не точной записи и отступленій въ переводѣ—Шакъ, или Миллеръ, сказать, конечно, трудно, но нельзя не видѣть въ переводѣ стремленія уяснить и какъ-бы дополнить малопонятный подлинникъ. Заглавіе пѣсни слѣд.: Klagelied der Zaporoger wegen Verlust ihrer Freiheit (Жалобная

пѣсня запорожцевъ объ утратѣ ихъ вольностей).—Приводимъ и текстъ и переводъ.

Skazaly nam Deputaty
Imi do Stolizi
A! zto bilo po Starnum
Proschati Czarizu.
As on nasch Deputaty
Gorazdo wzinily;
Rottmistra Globu y Golowka
W Kaidani song.
O! tepper mi doschodaly
Lihoy Godiny.
Sa zto brali sa Stepp Weliu
Sbatkiu desiatinu.
Ustomp Senka stogo Swata
Prosiat tebir Liudy
Poday Nogam do Czarizy
Po Staremu bude.

Unsere Obern sagten:
Lasst uns zur Hauptstadt gehen
Und die Kaizerin bitten
Dass es bei uns auf dem alten Fuss bleibe.
Aber man hat sie dort in Fesseln geschmiedet.
Ach! ietzt erfahren wir erst
Unser ganzes Unglück!
Sag uns Vater! warum
Hat man uns unsere grosse Steppe genommen?
Und du liebe Mutter komm
Aus der andern Welt wieder;
Deine Kinder bitten dich,
Fall der Kaiserin zu Füssen
Und bitt' Sie, dass Sie es
Beim Alten lasse.

Приведенная пѣсня, не смотря на нѣкоторыя искаженія, безъ сомнѣнія, ближе всякихъ ея варіантовъ къ первоначальному подлиннику, такъ какъ пѣсенныхъ записей прошлаго столѣтія вовсе не существуетъ. Въ этомъ вся ея особенность и значеніе. Остаются вопросы, кого надо разумѣть подъ именемъ „*Сенки*“ въ подлинникѣ пѣсни и кого подъ именемъ отца и матери въ переводѣ? Объясненіе могли-бы дать варіанты, но, не имѣя въ настоящую пору подъ руками Сборниковъ пѣсенъ, по необходимости оставляемъ эти вопросы открытыми. По той-же причинѣ не можемъ привести здѣсь наиболѣе близкаго варіанта, а вмѣсто того помѣщаемъ текстъ пѣсни, по времени происхожденія весьма близкой къ записанной Миллеромъ и даже ей предшествующей, по рукописному сборнику А. А. Скальковскаго.

Ой встань, батьку,
Ой встань, Петре!
Кличуть тебе люди
Та підемо до Цариці,
По старому буде.

* * *

Тече річка невеличка,
Промывае піски,
Туды іхавъ панъ Кошовый,
Назадъ прійшовъ пішки.

* * *

Тече річка не величка,
Промывае кручи.
Ой заплакавъ нашъ Кошовый,
Отъ Цариці йдучи.

* * *

Ой ходимъ всі до столиці
Прохати Цариці,
Нехай-же намъ Січь приверне
По прежніи границі.

Сообщ. **А. Лазаревскій.**

ТРАДИЦІОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КІЕВСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ.

Прибылъ въ Кіевъ путникъ изъ далекаго конца; ходитъ онъ по городу, смотритъ городъ и людей.

Идетъ путникъ по Подолу, а на встрѣчу ему монахъ. Монахъ шелъ медленно, важно и задумчиво.

— Здравія желаю, сказалъ путникъ.—Вотъ пріѣхалъ въ Кіевъ, никого не знаю. Спросить смѣю: изъ какого будете монастыря?

Монахъ поднялъ палецъ вверхъ, провелъ по лбу и пошелъ своимъ путемъ.

Идетъ путникъ въ Старый Кіевъ, здѣсь опять монахъ. Путникъ низко поклонился, взялъ благословенье и спросилъ:

— Изъ какого, честной отецъ, монастыря?

— Гмъ! сказалъ монахъ, какъ-то сладко улыбнулся, поднесъ три пальца къ губамъ, потянулъ въ себя воздухъ, откинувъ голову назадъ и, пошатываясь, пошелъ впередъ.

Пошелъ путникъ на Печерскъ; видитъ въ перевалку спѣшитъ куда-то монахъ. Полы раскинуты, клобукъ подался назадъ.

— Не во гнѣвъ будетъ васъ, отецъ, спросить: изъ какого монастыря? сказалъ путникъ.

Монахъ весело взглянулъ, хлопнулъ по карману всей рукой и мимо путника прошелъ.

Идетъ путникъ дальше; глядитъ, точно гора къ нему на встрѣчу—преогромнѣйшій монахъ. Ноги чуть движутся, ряса шелеститъ, весь онъ точно плыветъ, а за нимъ во всемъ новомъ послушникъ молодой. Путникъ остановился, отдалъ поклонъ и не смѣло произнесъ:

— Изъ какого, батюшка, монастыря?—смѣю васъ спросить.

— Спитай мого хлопця! густымъ басомъ прогремѣлъ на ходу отецъ и продвинулся еще.

Вышелъ путникъ совсѣмъ за городъ, бредетъ по оврагамъ, перелѣскамъ и садамъ.—вдругъ изъ-за дерева монахъ,—худой,

тощій и плохо одѣтый. Поглядѣлъ онъ изъ подлобья, а путникъ смѣло его окликнулъ:

— Отколь, чернецъ, изъ какой пустыни?

— А тобі яке до мене діло! и—хлопъ его въ ухо.

Пошелъ путникъ, не узнавши, какіе въ Кіевѣ монастыри.

Монастыри всякому извѣстны, но чтобы понять сдѣланные каждымъ изъ монаховъ отвѣты, надо хоть немного припомнить исторію каждаго изъ монастырей. Одинъ славился ученостію, другой такими шинками, съ которыми не могъ соперничать „царевъ кабакъ", третій огромными богатствами, четвертый своимъ привилегированнымъ и очень высокимъ положеніемъ, а пятый... бился съ „печерянами" за перевозъ, съ ляхами за имѣнія, съ уніатами за вѣру и потерявъ все, кромѣ вѣры, озлобился на міръ.

М. П.

ПО ПОВОДУ ПОРТРЕТА ЖЕНЫ ГОНТЫ.

Помѣстивъ въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за минувшій годъ біографію уманскаго сотника Ивана Гонты и его портретъ, мы надѣялись и даже обѣщали нашимъ читателямъ въ слѣдъ за тѣмъ, къ одной изъ ближайшихъ книжекъ приложить портретъ его жены. Вышло иначе: случились обстоятельства, вовсе неинтересныя для читателей, но въ силу которыхъ мы получаемъ возможность приложить портретъ жены Гонты только теперь и даже не въ той отдѣлкѣ, на какую мы имѣли полное основаніе разсчитывать. Словомъ: тутъ произошелъ цѣлый рядъ тѣхъ куръезныхъ и нерѣдко фатальныхъ случайностей и неудачъ, какія приходилось, вѣроятно, испытывать и вамъ, читатель, дѣлая заказы вещей гораздо менѣе интересныхъ и когда между заказчикомъ и исполнителями дистанція огромнаго размѣра. По неволѣ пусть будетъ такъ, какъ уже случилось.

Быть можетъ, кому либо изъ читателей покажется страннымъ и безъосновательнымъ самое помѣщеніе портрета жены Гонты. Кто она и что она для потомства? Ничто болѣе, какъ жена Гонты, и ничего болѣе о ней сказать мы не можемъ; была-ли даже она шляхтянка, или крестьянка, православная или католичка, и того утверждать положительно нельзя. Но что такое самъ Гонта?—Сотникъ, скажутъ, козачій, даже не настоящаго, запорожскаго или реестроваго козачества, но надворныхъ козаковъ польскаго помѣщика, не бывавшій въ походахъ, не участвовавшій въ сраженіяхъ, не ознаменовавшій себя никакими подвигами, ни военною доблестью. Онъ просто «подданный», «хлопъ», измѣнившій своему пану,

заплатившій ему черною неблагодарностью за всѣ его милости,--бунтовщикъ, казненный, какъ и другіе бунтовщики того времени.. И однако этотъ человѣкъ покорилъ себѣ сердца народныя, завоевалъ симпатіи потомства, живетъ и не перестанетъ жить въ памяти народной, дорогъ и милъ ей. Чѣмъ и какъ? Мимолетно и не громко было появленіе его на поприщѣ жизни общенародной, но онъ отдаетъ ей всего себя, все свое и семьи своей счастье и самую свою жизнь, вмѣняется какъ разбойникъ и несетъ позорнѣйшую и мучительнѣйшую казнь. Но онъ приноситъ себя въ жертву народу въ эпоху «крайней его погибели», какъ засвидѣтельствовалъ величайшій полководецъ и администраторъ того времени Румянцевъ, въ періодъ полнаго подавленія и истощенія народныхъ силъ. Его отчаянный порывъ поднимаетъ духъ народный, колеблетъ разсвирѣпѣвшее море шляхетнаго буйства и страстей, наноситъ имъ послѣдній и самый тяжкій ударъ и въ потокахъ крови, въ ужасахъ смертей спасаетъ намъ нашу вѣру и народность. Надо было имѣть великій умъ, или самое тонкое чутье, чтобы въ одно мгновеніе съ самаго невысокаго пьедестала обнять самый сложный и запутанный ходъ событій, возвыситься надъ нимъ, прозрѣть грядущее; надо было имѣть геройскую душу, чтобы въ виду ужасовъ настоящаго, въ виду полной безнадежности, несокрушимыхъ препятствій, забывъ все на свѣтѣ и самаго себя, ринуться въ бушевавшій вокругъ водоворотъ народныхъ страстей. Вотъ подвигъ, совершенный безвѣстнымъ дотолѣ и потомъ сотникомъ! Но въ этомъ подвигѣ есть и другая сторона. Движеніе народное 1768 г. поднимается во имя рѣшительнаго отторженія Украйны отъ Польши и объединенія съ Россіею, и Гонта, взлелѣянный панствомъ и шляхетствомъ, не задумывается порвать съ ними всякую связь, примкнуть въ рѣшительную минуту къ своему народу, стать рядомъ съ безстраннымъ Желѣзнякомъ и вмѣстѣ съ нимъ водрузить предъ глазами народа знамя Екатерины, котораго она имъ не дала. Такимъ образомъ эти ославленные дикіе разбойники являются величайшими уніонистами, патріотами въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. И вотъ почему народная память свято чтитъ память ихъ, какъ самыхъ дорогихъ героевъ-мучениковъ, не смотря на позоръ, которымъ окружила ихъ неблагодарная и близорукая современность.

Но во сколько дорогъ намъ образъ самаго Гонты, во столько дорого и все, что имѣетъ къ нему какое либо отношеніе, а тѣмъ болѣе образъ подруги его жизни, понесшей, конечно, всѣ тяжкія послѣдствія его геройской рѣшимости. И тѣмъ большую онъ получаетъ цѣну, чѣмъ менѣе мы знаемъ объ изображаемомъ имъ лицѣ и томъ лицѣ, отъ котораго оно заимствуетъ все свое значеніе.

Въ археологическомъ отношеніи портретъ жены Гонты не имѣетъ никакого почти значенія; ея прическа и костюмъ относятся къ той шляхетской средѣ въ которой вращался Гонта. Но Гонта былъ старостою церковнымъ въ мѣстечкѣ Володаркѣ, сквирскаго уѣзда, кіевской губ., и портреты его и его жены, по давнему обычаю, были

помѣщены въ церкви; что указываетъ на то, что оба супруга были благотворителями ея. Портреты сохранялись въ церкви до 60-хъ годовъ, потомъ пріобрѣлъ ихъ тамошній помѣщикъ, принимавшій участіе въ послѣднемъ возстаніи, а когда имущество его было конфисковано и продавалось съ публичнаго торгу, портреты достались профессору Антоновичу. Подлинность ихъ точно имъ обслѣдована и не подлежитъ никакому сомнѣнію.—Ред.

Примѣчаніе. *Слѣдующая книжка выйдетъ 1-го ноября; къ ней приложенъ будетъ изготовленный уже портретъ князя Константина Острожскаго, а къ декабрьской книжкѣ портретъ его жены Софіи, урожденной графини Тарновской.*

Поправка. Въ настоящей книжкѣ на стр. 237 Иванъ Кулябка ошибочно названъ *стародубскимъ* полковникомъ; на самомъ дѣлѣ съ 60-хъ годовъ XVIII ст. онъ былъ полковникомъ *лубенскаго* полка.—Ред.

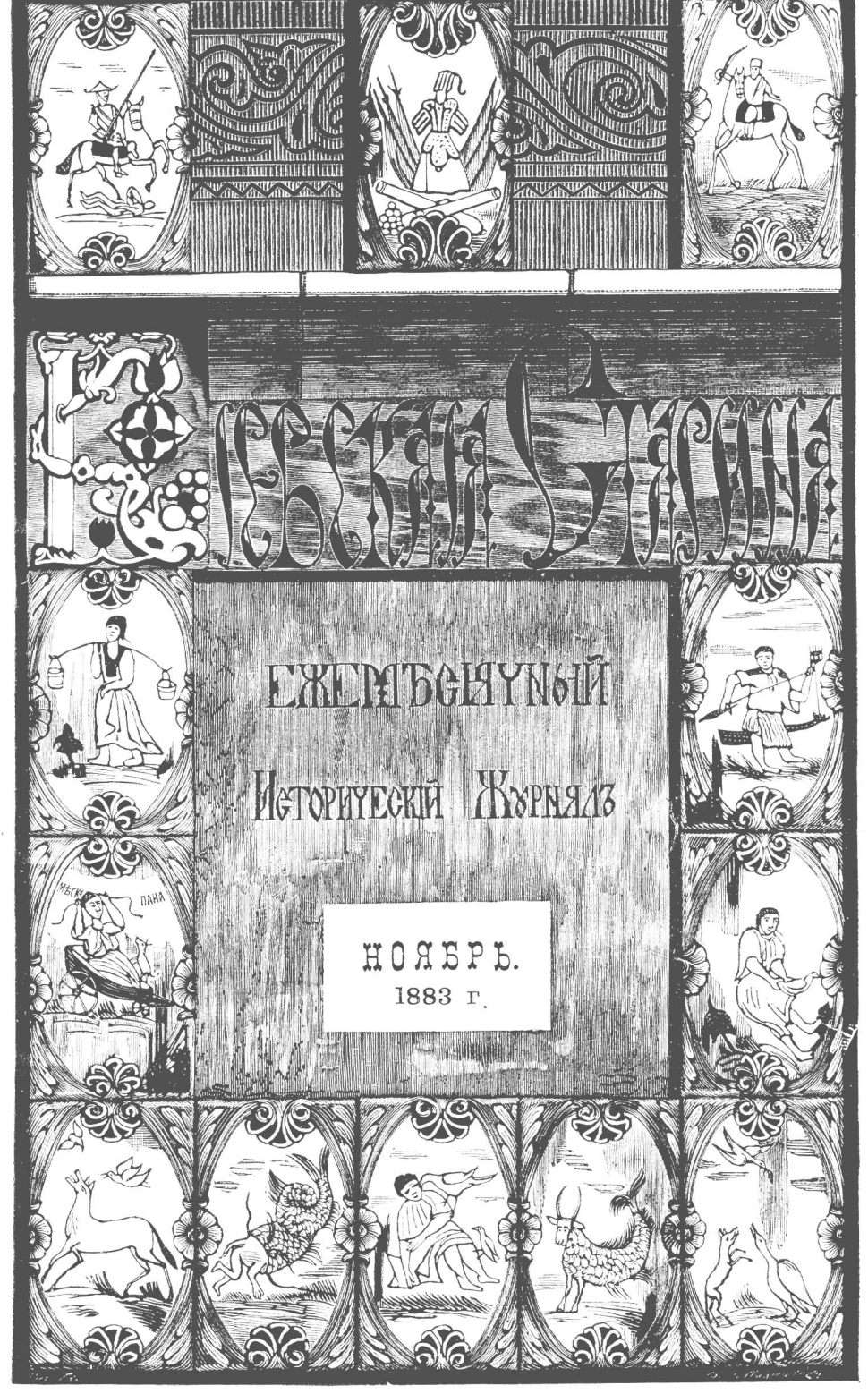

Кіевъ. Въ типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1883 г.

стр.

I. АННА-АЛОИЗА, КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. **Ореста Левицкаго** . . . 329

II. СУДЪ НАДЪ ВѢДЬМАМИ. **П. Ефименка.** 374

III. ГЕНЕРАЛЬНАЯ ОПИСЬ МАЛОРОССІИ. (Эпизодъ изъ дѣятельности перваго правителя Малороссіи, гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго). **Димитрія Багалѣя** 402

IV. ЗАПИСКИ КАРЛА ХОЕЦКАГО. (1768—1776 г.). (*Продолженіе*) . 433

V. ГАЛАГАНОВСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ. Съ предисловіемъ **А. Лазаревскаго**. 450

VI. УСТАВЪ КІЕВСКАГО ЦИРЮЛЬНИЧЕСКАГО ЦЕХА 1767 ГОДА . . 472

VII. ПИСЬМО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ОСТРОЖСКАГО, ВОЕВОДЫ КІЕВСКАГО, КЪ СЫНУ ЕГО ЯНУШУ, КАШТЕЛЯНУ КРАКОВСКОМУ. 477

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Русская историческая библіотека, издаваемая археографическою коммисіею. Т. VII. Памятники полемической литературы въ западной Руси. Кн. 2-я. Спб. 1882 г.—*Ив. Новицкаго.*—б) Малорусскія изданія 1882 года.—в) Ал. Андріевскій—Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ V. Кіевъ. 1883 года.—*В. А.*—г) Мѣстечко Курисово-Покровское (Балай тожъ). Статистическое описаніе поселенія, составленное статистическимъ отдѣломъ при херсонской губернской земской управѣ. Одесса 1883 г.—*В. А.* 481

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Жизнь запорожскихъ козаковъ по разсказу современника-очевидца.—*Д. Эварницкаго.*—б) Къ исторіи южнорусскихъ свадебныхъ обычаевъ.—*Н. Сумцова.*—в) Изъ народныхъ повѣрій о чортѣ.—*Александра Ом—скаго.*—г) Письмо въ редакцію.—*А. Гатцука.*—д) Судьба наслѣдства полковника Искры, казненнаго Мазепою.—Сообщ. **А. Лазаревскій**—е) Пѣсня о панщинѣ.—*Notus.*—ж) Запорожская пѣсня.—з) Къ портрету кн. Константина Острожскаго 497

ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ кн. Констинтина Острожскаго.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1883 г. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой, противъ памятника Хмельницкаго. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 г. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VII.

НОЯБРЬ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го октября 1883 года.

ПОДПИСКА

на ежемѣсячный историческій

журналъ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,“

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ КІЕВѢ.

1884 й ГОДЪ.

(Третій годъ изданія).

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1884 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ, при участіи тѣхъже сотрудниковъ и подъ тою-же редакціею.

Не даемъ иного обѣщанія, кромѣ заботы поддержать и улучшить изданіе, на сколько позволитъ сочувствіе публики. Не перечисляемъ готовыхъ и обѣщаемыхъ статей и матеріаловъ, не желая быть потомъ не точными. Не помѣщенное въ этомъ году явится въ слѣдующемъ.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 р. 50 к. На заграничную пересылку прибавляется 1 р.

Гг. иногородные обращаются исключительно въ *редакцію* „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 г. высылаются редакціею по той-же цѣнѣ.

Фото. Гравюра Шерера, Якобмана и К° въ Москвѣ.

Князь Василій—Константинъ Острожскій.

1526—1608 г.

АННА-АЛОИЗА, КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.

Своеобразныя условія бытовой, семейной и общественно-политической жизни въ древней Малороссіи, представлявшей, какъ извѣстно, много свободы и достаточно широкій просторъ для женской самодѣятельности, создали въ ея исторіи рядъ самыхъ разнообразныхъ женскихъ типовъ, запечатлѣнныхъ чертами несомнѣнной оригинальности. Играя вполнѣ активную роль въ тогдашней общественной жизни, украинская женщина столь-же воспріимчиво, какъ и мущина, отзывалась на всѣ вѣянія своего вѣка, страстно проникалась его интересами и полнѣе отражала въ своей жизни и дѣятельности какъ хорошія, такъ и дурныя черты времени. Каждая общественная идея и направленіе, каждая господствовавшая въ данную эпоху добродѣтель или порокъ находили въ украинской женщинѣ не менѣе полное и страстное выраженіе, какъ и въ представителяхъ грубаго пола. Такъ, наприм., когда съ половины XVI в. въ Малороссіи началось увлеченіе протестантскими идеями, оно не замедлило найти для себя жаркихъ поборницъ въ средѣ украинскихъ женщинъ, изъ коихъ иныя, подобно, наприм., умной и образованной волынской княгинѣ Аннѣ Корецкой, по нѣскольку разъ перемѣняли вѣру, пробовали всѣхъ существовавшихъ тогда протестантскихъ сектъ и толковъ и нерѣдко оканчивали тѣмъ, что снова возвращались къ отцовской вѣрѣ; укажемъ сверхъ того на цѣлый рядъ усердныхъ социніанокъ изъ фамилій Чапличъ-Шпановскихъ, Сенютъ, Немиричей, Войнаровскихъ и другихъ. Съ другой стороны, когда, подъ вліяніемъ борьбы съ уніей, въ малорусскомъ обществѣ возникло религіозно-просвѣтительное движеніе, появилось не мало достойнѣйшихъ женщинъ, дѣятельно подвизавшихся на пользу церкви, просвѣщенія и благотворительности; онѣ записывались

въ члены церковныхъ братствъ, основывали монастыри, школы, богадѣльни, сами становились инокинями. Таковы, наприм., были: Елена Горностаева, урожденная княжна Чарторыйская, фундаторка пересопницкаго монастыря на Волыни (въ 1596 г.), сама составившая для него превосходный общежительный уставъ и устроившая при немъ „шпиталь для убогихъ и недужныхъ и школу для науки дѣтей"; столь извѣстная въ исторіи кіево-братской школы Галшка Гулевичъ, а равно основательницы монастырей: почаевскаго—Ганна Гойская и загаецкаго—Раина Ярмолинская, и многія другія. Были, конечно, между тогдашними украинскими женщинами и такія личности, которыя совмѣщали въ себѣ высшія типическія черты семейныхъ добродѣтелей; другія славились какъ образцовыя хозяйки, лично управлявшія громадными имѣніями и съ успѣхомъ замѣнявшія своихъ мужей въ ихъ „господарскихъ" обязанностяхъ; послѣднихъ тогда было особенно много. Но, вообще говоря, въ тѣ грубыя времена въ малорусскомъ обществѣ пороковъ было больше, нежели добродѣтелей, и потому отрицательные типы украинскихъ женщинъ XVI—XVII в. в. отличаются особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ. Вотъ предъ нами типъ украинской Іезавели конца XVI в. въ лицѣ волынской земянки Ганны Монтолтовны, которая вела открыто развратную жизнь и не гнушалась прибѣгать къ тайнымъ средствамъ отравы, когда хотѣла отдѣлаться отъ нелюбимаго человѣка. Будучи замужемъ за паномъ Згличинскимъ, она отправилась однажды на ярмарку въ м. Сокаль, сошлась тамъ съ какимъ-то жолнеромъ Ковнацкимъ и бѣжала съ нимъ; когда-же мужъ, при посредствѣ королевской грамоты, истребовалъ ее отъ похитителя, она вступила въ преступную связь съ слугою своимъ Андрюшкой Менькомъ и бѣжала съ нимъ изъ дому, забравъ имущество мужа. Въ другой разъ она покушалась отравить послѣдняго и за ужиномъ подала ему леща, приправленнаго ядомъ, который былъ приготовленъ изъ черной ящерицы [1]). Впрочемъ, личности, подобныя Аннѣ Монтолтовой, и въ тѣ времена были въ малорусскомъ обществѣ явленіемъ исключительнымъ; за то въ немъ широко распространенъ былъ типъ женщины, выросшей и воспитанной среди безграничнаго своеволія шляхетской среды того времени, не сдер-

---

[1]) Жизнь князя Курбскаго, т. I, стр. 182.

живаемаго ни извнѣ—властью и закономъ, ни извнутри—прочными нравственными принципами и сознаніемъ гражданскаго долга. Читатели „Кіевской Старины“ еще недавно имѣли случай на страницахъ этого-же изданія познакомиться съ біографіей одной изъ такихъ энергичныхъ женщинъ—Анны Борзобогатой-Красенской, которая съумѣла подчинить своему вліянію и слабохарактернаго мужа, и престарѣлаго тестя-владыку, управляла самопроизвольно имѣніями и казною луцкой епископіи, вела многочисленныя тяжбы, предпринимала безпрестанные наѣзды на имѣнія сосѣдей, отказывалась исполнять требованія властей, даже распоряженія самого короля, и когда однажды, по королевскому приказанію, поднято было противъ нея поголовное ополченіе дворянъ цѣлаго воеводства волынскаго, то эта неустрашимая женщина, одѣтая въ панцырь и предводительствуя гайдуками и артиллеріей, мужественно отразила ополчившихся дворянъ и нанесла имъ рѣшительное пораженіе. Такихъ воинственныхъ украинокъ было очень много въ XVI-XVII столѣтіяхъ, и мы, минуя другихъ, назовемъ лишь одну изъ нихъ—волынскую княгиню Софью Ружинскую, которая въ 1609 г., лично предводительствуя отрядомъ въ 6,000 человѣкъ пѣхоты и конницы, съ развѣвающимися знаменами и музыкою, взяла приступомъ замокъ князей Корецкихъ въ м. Черемошнѣ, при чемъ было убито множество жителей мѣстечка и разграблено ихъ имущество [1]). Картинную галлерею украинскихъ амазонокъ можно-бы до безконечности продолжить портретами украинокъ-адвокатовъ, т. е. такихъ женщинъ, которыя всю жизнь проводили въ тяжбахъ, постигали всѣ тонкости судебной казуистики и съ замѣчательнымъ искусствомъ лично вели самые сложные процессы.

При всей грубости, необузданности, мелочности и другихъ отрицательныхъ качествахъ женщинъ двухъ послѣднихъ типовъ, въ ихъ характерѣ замѣчается, однако, нѣчто какъ-бы невольно располагающее въ ихъ пользу: это именно—цѣлостность натуры, необыкновенная энергія, настойчивость, мужество,—однимъ словомъ, такія качества характера, которыя, будучи направлены въ хорошую сторону, создали-бы изъ этихъ женщинъ если не героинь, то во

---

[1]) Актовая книга кіевскаго центр. архива—гродская житомирская 1609 г. № 11, л. 39.

всякомъ случаѣ полезныхъ общественныхъ дѣятельницъ. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ на изслѣдователя выдвинутый изъ мрака вѣковъ скорбный образъ княжны Анны-Алоизы Острожской, внучки знаменитаго князя Константина Константиновича Острожскаго, послѣдней отрасли этого нѣкогда достославнаго волынско-украинскаго рода. Одаренная отъ природы несомнѣнно добрымъ сердцемъ, но лишенная всякихъ признаковъ самостоятельности характера, эта несчастная княжна съ полнымъ самоотреченіемъ, беззавѣтно отдала себя во власть пришельцевъ-іезуитовъ, которые не замедлили сдѣлать изъ нея жалкое орудіе своихъ партійныхъ цѣлей, искалѣчили ея личную жизнь, лишили ее всѣхъ людскихъ утѣхъ и радостей, могильнымъ холодомъ охладили въ ней лучшія человѣческія чувства и заживо превратили ее въ ходячаго мертвеца, въ живую праведницу. Они порвали въ ней живыя связи съ окружавшимъ ее міромъ, отрѣшили ее отъ всѣхъ преданій ея славнаго рода и ея же руками истребили до основанія всѣ благія учрежденія на пользу южно-русской церкви и народности, какія были основаны и заботливо поддерживаемы ея предками и преимущественно знаменитымъ ея дѣдомъ, княземъ Константиномъ. Обидно становится за человѣка, когда читаешь, какими недостойными средствами сыны Лойолы достигли столь полной власти надъ представительницей того рода, заслугами котораго еще незадолго предъ тѣмъ гордилась и утѣшалась вся южная и западная Русь; какою густою сѣтью лжи, интригъ, коварства и обмана опутали они это слабое и добродушное созданіе; къ какимъ грубымъ, по истинѣ театральнымъ пріемамъ и эффектамъ прибѣгали они для того, чтобы совсѣмъ одурачить свою жертву! За то они еще при жизни провозгласили ее праведницей, „предназначенной къ высокой хвалѣ на небѣ“, окружили ея память ореоломъ святости и, спустя 44 года послѣ ея смерти, въ память и поученіе грядущимъ поколѣніямъ, издали нарочитое жизнеописаніе своей покровительницы, изъ котораго можно извлечь любопытныя подробности для характеристики личности и дѣятельности этого болѣзненнаго выродка нѣкогда славнаго южно-русскаго рода [1]).

---

[1]) Жизнеописаніе это носитъ слѣдующее заглавіе: Życie ku podziwieniu chwalebne jasnieoswieconej xiężny Ostrogskiey Anny-Ałoizyi Chodkiewiczo-

Печальны были послѣдніе годы престарѣлаго воеводы кіевскаго, князя Константина Константиновича Острожскаго. Словно рука гнѣва Божія тяготѣла надъ его домомъ, разрушала его прежнюю славу и вела его къ быстрому угасанію. Изъ трехъ сыновей Константина, старшій, Янушъ, каштелянъ краковскій, давно уже сталъ отступникомъ отеческой вѣры и въ то время занимался перестройкой основанной его прадѣдомъ, во второй половинѣ XV в., православной троицкой церкви въ Межирѣчьи-Острожскомъ на кляшторъ для францисканцевъ; самый младшій, Константинъ, крайчій литовскій и староста владимірскій, также не избѣгъ сѣтей іезуитскихъ и умеръ въ 1595 г. Всѣ надежды стараго князя были сосредоточены на среднемъ, самомъ любимомъ его сынѣ, Александрѣ, воеводѣ волынскомъ, который одинъ устоялъ противъ соблазновъ іезуитской пропаганды и обѣщалъ стать, по смерти отца, опорою для православныхъ. Но въ 1603 г. князь Александръ неожиданно умеръ. Разсказывали, будто онъ былъ отравленъ своимъ слугою; другіе говорили, что его отравила жена его эконома, поднесши кубокъ съ виномъ, смѣшаннымъ съ какимъ-то любовнымъ зѣльемъ. Какое сильное впечатлѣніе на всю Русь произвела его неожиданная кончина, объ этомъ можно отчасти судить по слѣдующей современной замѣткѣ, напечатанной въ октоихѣ дерманскаго монастыря: „в лѣто 1603-е, декабрія 2-го дня, преставися благочестивый князь Александеръ, воевода волынскій, сынъ благовѣрного князя Костентина; велій плачъ и жалость отцу-же и чадомъ остави, найпаче-же христіаномъ: вси бо бяху чающе помощь тѣмъ получити въ бѣдахъ и

---

wej, wojewodziny wilenskiey, hetmanowej W. X. Litewskiego, od kollegium Societatis Iezu Iarosławskiego, od niejże po Ostrogskim kollegium w polu u najsw. Panny fundowanego, na wzór wysokiej cnoty wydane. Roku Panskiego 1698, po jej swiętobliwym zejsciu 44, ex superiorum permissu, w Krakowie. Экземпляръ этой книжицы, составляющей нынѣ величайшую библіографическую рѣдкость, имѣется въ университетской библіотекѣ. Изъ новыхъ сочиненій мы имѣли подъ рукою статью объ Аннѣ-Алоизѣ Острожской, принадлежащую перу почтеннаго изслѣдователя мѣстной старины Василія Пероговскаго и помѣщенную въ Волынскихъ Губ. Вѣдомостяхъ за 1868 годъ. Сверхъ того мы пользовались и другими сочиненіями, относящимися къ данному предмету, изъ польской и русской исторической литературы, а также рукописными матеріалами, добытыми преимущественно въ кіев. центральномъ архивѣ.

гоненіяхъ, одержащихъ Христову церковь" [1]). Князь Александръ былъ похороненъ въ г. Острогѣ, въ замковой каменной церкви Богоявленія, построенной его предками—по мнѣнію однихъ, въ половинѣ XV, а по другимъ—въ началѣ XVI в. Надъ его могилой поставленъ былъ великолѣпный памятникъ изъ чорнаго мрамора. Князь Константинъ не долго оплакивалъ потерю любимаго сына: спустя четыре года онъ также сошелъ въ могилу (13 февр. 1608 г.) и былъ положенъ рядомъ съ гробницей сына, въ той-же богоявленской церкви.

Князь Александръ Острожскій оставилъ послѣ себя двухъ сыновей—Константина и Ивана, и трехъ дочерей—Софью, Катерину и Анну-Алоизу. Сыновья его имѣли быть единственными продолжателями рода Острожскихъ, такъ какъ у старшаго Александрова брата, Януша, не было дѣтей мужескаго пола, а младшій, Константинъ, умеръ бездѣтнымъ; поэтому были приложены всѣ старанія, чтобы дать имъ надлежащее воспитаніе. Вопреки настояніямъ ихъ матери, ярой католички, дѣти Александра были воспитываемы въ православной вѣрѣ. Домашнимъ учителемъ и воспитателемъ ихъ былъ знаменитый тогда между православными ученый и проповѣдникъ Лаврентій Зизаній-Тустановскій, который еще въ 1596 г. въ виленскомъ братствѣ издалъ свою „Грамматику Словенску" и нѣкоторыя другія книжки. Такъ было при жизни князя Александра и такъ продолжалось нѣкоторое время и послѣ его смерти; но лишь только скончался престарѣлый глава дома, князь Константинъ, его невѣстка-вдова не замедлила удалить отъ своихъ дѣтей православнаго воспитателя и замѣнила его іезуитомъ. Впрочемъ, сыновья Александра не долго оставались въ живыхъ: вскорѣ послѣ того, какъ они воротились изъ путешествія по чужимъ краямъ, предпринятаго для довершенія своего образованія, оба они въ молодыхъ годахъ померли въ Люблинѣ: Константинъ умеръ въ 1618 г., а черезъ годъ, въ тотъ-же день и часъ, скончался и его младшій братъ, Иванъ. Еще черезъ годъ умеръ и дядя ихъ, Янушъ Константиновичъ, послѣдній мужской представитель рода князей Острожскихъ.

---

[1]) Памятники Кіевской коммисіи для разбора др. актовъ, т. IV, отд. I, стр. 106.

Изъ трехъ дочерей князя Александра, старшая, Софья, была въ замужествѣ за княземъ Станиславомъ Любомірскимъ, воеводою краковскимъ, побѣдителемъ турокъ подъ Хотиномъ; средняя, Катерина, за Ѳомой Замойскимъ, великимъ канцлеромъ коронным; а младшая, Анна-Алоиза, хотя также была въ кратковременномъ замужествѣ за гетманомъ литовскимъ, Яномъ-Карломъ Ходкевичемъ, но не покидала родового гнѣзда—г. Острога и была признаваема главною наслѣдницею богатствъ и имени своихъ предковъ.

Анна-Алоиза родилась 15 марта 1600 года. Ей было всего три года, когда умеръ ея отецъ, и она осталась исключительно на попеченіи матери, княгини Анны, привившей ей тѣ сѣмена крайняго ханжества и изувѣрства, которыя впослѣдствіи разцвѣли въ ней пышнымъ цвѣтомъ и дали іезуитамъ обильную жатву. Объ этой женщинѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Мать Анны-Алоизы, княгиня Анна, была дочерью Яна Костки, воеводы сандомирскаго. Въ 1592 г. семнадцатилѣтнею красавицею вышла она замужъ за князя Александра Острожскаго и принесла ему въ приданое большія имѣнія, въ томъ числѣ и г. Ярославъ въ Галиціи, по имени котораго ее обыкновенно называли „княгинею Ярославскою". Въ домѣ отца ея, Костки, іезуиты давно уже свили теплое для себя гнѣздо, а въ Ярославѣ они имѣли собственный костелъ и при немъ коллегіумъ, въ которомъ будто-бы учился нѣкоторое время и будущій разоритель его, Богданъ Хмельницкій. Благодаря вліянію іезуитовъ, Анна Костчанка выросла ревностною католичкою, пропитанною духомъ фанатической исключительности и нетерпимости къ другимъ исповѣданіямъ. Въ собственноручныхъ запискахъ кіевскаго митрополита Петра Могилы имѣется сказаніе о томъ, какъ она, по смерти мужа, „отъ православнои церкви (въ Ярославѣ) іерея православного изгнати повели, и отступнику вручивше церковь, различно принуждаше правовѣрныя отступству совокупитися, въ темницу ихъ заключая, и пѣнежныя вины отъ нихъ взимая, и иными бѣдами казни ихъ; се-жъ творяше наущенна отъ своихъ іерей, глаголемыхъ іезуити" [1]); а въ 1625 г. эта-же княгиня выдала г. Ярославу осо-

[1]) Любопытныя Записки эти, давно уже извѣстныя любителямъ мѣстной старины, послѣ болѣе нежели 250-тилѣтняго скрыванія ихъ подъ спудомъ, нынѣ печатаются, наконецъ, и въ близкомъ будущемъ выйдутъ въ свѣтъ въ изданіяхъ кіевск. археографич. коммисіи.

бую привилегію, которою строжайше воспретила, чтобы подданные ея, мѣщане ярославскіе, не смѣли принимать въ свою среду ни одного еврея, еретика и отщепенца, хотя-бы онъ былъ самый лучшій ремесленникъ или найбогатѣйшій купецъ. Только особенная знатность и богатства дома князей Острожскихъ (да еще убѣжденія іезуитовъ, имѣвшихъ при этомъ свои виды) заставили набожную панну согласиться отдать свою руку схизматику. Впрочемъ, она никогда не теряла надежды со временемъ отвести своего мужа отъ схизмы греческой и привести къ единству съ костеломъ правовѣрнымъ. Но Александръ былъ непреклоненъ, тѣмъ болѣе, что за нимъ зоркимъ окомъ глядѣлъ старый его отецъ, у котораго и безъ того два сына были уже отступниками отцовской вѣры. Скрѣпя сердце, богобойная Анна должна была терпѣть въ своемъ домѣ схизматическаго богослова Тустановскаго, учившаго ея сыновей догматамъ греческой вѣры и бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ священникомъ при ярославской церкви. Потерявъ мужа, она еще съ большимъ пыломъ отдалась подвигамъ набожности и благочестія: окружила себя іезуитами, еженедѣльно исповѣдывалась и пріобщалась, носила власяницу, спала на голыхъ доскахъ и часто бичевала себя до крови колючими плетьми. Она построила въ Ярославѣ великолѣпный монастырь для бенедиктинокъ и записала тамошнему іезуитскому коллегіуму нѣсколько селъ и деревень. Слава о ея благочестіи достигла до самой столицы католическаго міра, и папа Климентъ VIII почтилъ ее письмомъ, въ коемъ похвалилъ ея усердіе къ католической вѣрѣ и поставилъ ей въ особенную заслугу то, что она при всякомъ удобномъ случаѣ изгоняла изъ своихъ имѣній схизматическихъ поповъ и на ихъ мѣста ставила католическихъ священниковъ. По смерти мужа, княгиня Анна не захотѣла вступить во вторичный бракъ, прожила еще 32 года во вдовствѣ и умерла въ 1635 г. въ Ярославѣ, гдѣ и была похоронена въ тамошнемъ іезуитскомъ костелѣ св. Яна.

Такова была мать княжны Анны-Алоизы; въ такомъ же духѣ и направленіи она старалась воспитать, при помощи іезуитовъ, и своихъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что самъ папа, тотчасъ по смерти князя Александра, прислалъ ей, тоскующей вдовѣ, утѣшительное письмо, въ которомъ поручалъ ей заняться тщательно воспитаніемъ достойнаго потомства. По мѣрѣ силъ своихъ она старалась исполнить

волю св. отца и преимущественныя материнскія свои заботы и попеченія направила на самую младшую дочь, Анну-Алоизу, оставшуюся по смерти отца малолѣтнимъ ребенкомъ и совершенно чистую отъ малѣйшихъ схизматическихъ вліяній. И какую же за то благодарную почву для воспитательныхъ дѣйствій княгини Анны и ея пособниковъ-іезуитовъ представляло непорочное сердце молодой княжны! Біографы ея съ умиленіемъ повѣствуютъ, что эта необыкновенная дѣвочка „по истинѣ раньше стала познавать Бога, нежели научилась узнавать свою мать. Едва выйдя изъ пеленокъ, она набожно складала ручки свои и, глядя на небо, не звѣзды замѣчала въ немъ, а усматривала Творца ихъ, и показывая пальчикомъ на Его резиденцію, обращала къ Нему мысли тѣхъ, которые на рукахъ ее носили. Они ее, ставя на ножки, по землѣ ходить учили, и она ихъ къ мысленному возношенію въ небо пріучала. Когда же достигла она первыхъ лѣтъ сознательнаго возраста, то обратилась къ Богу съ такимъ горячимъ обѣтомъ: „Мой Творецъ! Будь моимъ Паномъ и моимъ Богомъ, а я буду нижайшей слугой Твоей и обѣщаюсь всю мою жизнь посвятить на службу Тебѣ“. Весь молодой вѣкъ княжны-праведницы проведенъ былъ ею въ подвигахъ добродѣтели: съ особенною любовью читала она священныя книги и житія святыхъ, охотно слушала и сама вела духовныя бесѣды, постоянно и тщательно испытывала свою совѣсть, поступки и самые помыслы и любила часто исповѣдываться и пріобщаться св. таинъ. Мать часто твердила ей о суетѣ и грѣховности мірской жизни, отвращала ее отъ мысли о замужествѣ и явно готовила ее къ принятію монашескихъ обѣтовъ. И молодая праведница внимала рѣчамъ матери и сама видимо склонялась къ мысли о принятіи монашества. Но вдругъ нежданно въ ней совершилась рѣзкая перемѣна. Ей было тогда 18—19 лѣтъ. Она увидѣла, что она молода и красива, и перестала, какъ бывало прежде, стыдиться своей красоты, а захотѣла жить, какъ жили другія панны ея возраста. Съ видимымъ равнодушіемъ стала она относиться къ прежнимъ благочестивымъ занятіямъ, скучала во время бесѣдъ духовныхъ, перестала совсѣмъ и думать о монастырѣ, начала заботиться о своей наружности и костюмѣ, вздыхала объ удовольствіяхъ свѣтской жизни и видимо тяготилась полумонастырской обстановкой въ домѣ ея матери. Тогда мать и ея руководители поняли, что

приходится подумать о замужествѣ ихъ воспитанницы, и стали высматривать подходящаго для нея жениха. Много являлось ясневельможныхъ пановъ и именитыхъ князей, желавшихъ сложить свои сердца у ногъ родовитой наслѣдницы дома князей Острожскихъ, но всѣ они получали вѣжливый отказъ, ибо, при всѣхъ несомнѣнныхъ своихъ достоинствахъ, не обладали въ должной мѣрѣ главнымъ качествомъ, необходимымъ для обладанія рукою столь благочестивой княжны, именно—благочестіемъ. Наконецъ, нашелся счастливый искатель, признанный достойнымъ стать мужемъ прекрасной и добронравной Анны-Алоизы: то былъ знаменитый рыцарь Янъ-Карлъ Ходкевичъ, графъ на Шкловѣ и Быховѣ, воевода виленскій, великій гетманъ литовскій, губернаторъ земель инфлянтскихъ, староста дерптскій, любошанскій, вѣлюнскій и проч. и проч. Онъ былъ богатъ и знатенъ, а его храбрость и военныя заслуги опытнаго полководца гремѣли славою не въ одной Польшѣ, но и въ чужихъ краяхъ. Правда, онъ былъ вдовъ и немного старъ: ему было въ то время 60 лѣтъ отъ роду; но за то онъ былъ несомнѣнно набоженъ и благочестивъ. Каждый день онъ слушалъ обѣдню, а передъ каждою битвою постился и молился цѣлый день, пролеживалъ *крыжемъ* (крестомъ) на землѣ по цѣлымъ часамъ и бичевалъ себя до крови. Среди своихъ солдатъ онъ строго преслѣдовалъ развратъ, изгонялъ изъ обоза торговавшихъ собою женщинъ, а однажды велѣлъ всѣхъ ихъ потопить въ рѣкѣ. Наконецъ, онъ строилъ монастыри и, по настоянію своей невѣсты, основалъ въ одномъ изъ своихъ жмудскихъ имѣній, с. Крозахъ, іезуитскій коллегіумъ. За такимъ мужемъ нечего было опасаться относительно дальнѣйшаго преуспѣянія въ добродѣтеляхъ благочестивой княжны, тѣмъ болѣе, что (какъ объ этомъ ходили слухи между іезуитами) женихъ и невѣста втайнѣ дали другъ другу клятву предъ Богомъ во-вѣки не вступать въ пользованіе супружескими правами „и подъ благопристойною наружною формою супружества сохранить себя въ чистотѣ и дѣвственной непорочности“ [1]).

24 ноября 1620 г. въ Ярославѣ торжественно отпразднована была свадьба Анны-Алоизы съ Ходкевичемъ; но имъ не долго

---

[1]) Nieśiecki, Herbarz Polski, 1841 г., т. VII, стр. 190.

пришлось наслаждаться семейными радостями. Черезъ нѣсколько дней новобрачный гетманъ уже спѣшилъ въ Варшаву на сеймъ, гдѣ изъ рукъ самого короля получилъ гетманскую булаву вмѣстѣ съ назначеніемъ быть главнокомандующимъ въ предстоявшей тогда войнѣ съ турками. Изъ Варшавы онъ на короткое время понавѣдался въ Острогъ, къ молодой женѣ, но скоро снова простился съ нею—на этотъ разъ уже навсегда: ибо, отправившись подъ Хотинъ для начальствованія надъ польскою арміею, онъ опасно занемогъ и однажды, объѣзжая полки и воодушевляя ихъ къ предстоявшей битвѣ, вдругъ склонился съ лошади и умеръ на рукахъ поддерживавшихъ его солдатъ—24 сентября 1621 года, ровно десять мѣсяцевъ спустя послѣ своей свадьбы. Тѣло его было положено въ Каменцѣ, но черезъ годъ, по желанію Анны-Алоизы, было перевезено въ Острогъ и здѣсь съ большою пышностью похоронено въ приходскомъ костелѣ, хотя какъ увидимъ ниже, этимъ далеко еще не окончились его странствованія.

Горе двадцатилѣтней вдовы было безутѣшно. Не столько она убивалась о старомъ мужѣ, сколько оплакивала свои не сбывшіяся надежды, разбитыя мечты. Стоило-ли, въ самомъ дѣлѣ, выходить замужъ лишь для того, чтобы черезъ десять мѣсяцевъ остаться вдовою, поживъ съ мужемъ лишь нѣсколько недѣль! Правда, она была молода и богата: къ тому времени оконченъ былъ раздѣлъ Острожскихъ имѣній между всѣми наслѣдниками ея по истинѣ владѣтельнаго дѣда, и Аннѣ-Алоизѣ достались значительныя имѣнія: Острожскія и Звягельскія на Волыни, Туровскія и Свидинскія въ Литвѣ и материнскія—г. Ярославъ и др. мѣстечка и села въ Червоной-Руси; сверхъ того, послѣ смерти мужа, она получила огромныя денежныя суммы и разныя драгоцѣнности. Молодыя и богатыя вдовы въ то время считались самыми интересными невѣстами, и не успѣла еще Анна-Алоиза вдоволь оплакать мужа, какъ къ ней стали наѣзжать знатнѣйшіе паны изъ Руси, изъ Литвы и Польши съ намѣреніемъ склонить ее ко второму браку; говорятъ, будто самъ королевичъ Владиславъ искалъ руки ея. Но старая княгиня Ярославская находилась безотлучно при своей тоскующей дочери и всѣ мѣры употребляла къ тому, чтобы отогнать отъ нея самую мысль о замужествѣ и расположить ее къ поступленію въ монастырь; духовникъ Анны-Алоизы, іезуитъ, также отговаривалъ ее отъ

супружества и напоминалъ ея давній обѣтъ—всю жизнь свою посвятить на служеніе одному Богу. Слабая молодая женщина не смѣла пойти на перекоръ внушеніямъ матери и духовника, но и не находила въ себѣ достаточно отваги, чтобы навсегда отказаться отъ всѣхъ утѣхъ и радостей въ жизни и удалиться отъ свѣта. Она колебалась и долго не знала, на что рѣшиться. Въ ней боролись молодыя силы, жажда жизни и смутное стремленіе къ неизвѣданному счастью. Нуженъ былъ какой-нибудь чрезвычайный толчекъ, чтобы дать рѣшительное направленіе ея слабой волѣ. И вотъ однажды, когда она, полная тоски и тревоги, жарко молилась предъ распятіемъ, ей послышалось, будто изъ устъ распятаго Христа раздались обращенныя къ ней слова: „Pogardź światem!“ (т. е. отвергнись міра). Этого было слишкомъ достаточно: она тотчасъ-же сняла съ себя дорогое платье и всѣ драгоцѣнныя украшенія, повергла все это къ подножію распятія и торжественно поклялась посвятить себя всегдашнему дѣвству и служенію Богу. Она перестала показываться гостямъ, надѣла на себя полумонашескую одежду и стала готовиться къ поступленію въ монастырь. Хитрые іезуиты спохватились, что они зашли слишкомъ далеко. Поступленіе княжны въ монастырь совсѣмъ не было въ ихъ интересахъ, такъ какъ она, безъ сомнѣнія, унесла-бы съ собою и всѣ свои богатства, которыя такимъ образомъ были-бы навсегда потеряны для ихъ ордена. Іезуиты стремились къ тому, чтобы самимъ овладѣть ея умомъ и волею и водить это слабое, легковѣрное созданіе такъ, какъ имъ было нужно. И вотъ они, сначала чрезъ духовника, а затѣмъ понемногу и сами приближаясь и окружая Анну-Алоизу, вознамѣрились всѣми средствами отклонить ее отъ поступленія въ монастырь и навсегда удержать ее въ состояніи вдовства. Они представляли ей всѣ невыгоды монастырской жизни и выхваляли высоту вдовьяго подвига [1]); увѣряли, что состояніе вдовства есть самое дѣйствительное средство для избѣжанія чистилищныхъ мукъ и къ пріобрѣтенію вѣчнаго спасенія; указывали ей на примѣры св. Павлы, Евстафіи и другихъ праведныхъ вдовъ, заслуги которыхъ будтобы въ

---

[1]) При этомъ іезуиты цитировали афоризмъ св. Бернарда: «większa rzecz jest bydź wdową, niż krolową» (важнѣе быть вдовою, чѣмъ королевою).

томъ именно и состояли, что онѣ съ своими добродѣтелями не скрывались подъ спудомъ монастырской жизни, а оставались въ мірѣ для назиданія ближнихъ и для спасенія другихъ душъ; рекомендовали ей, живя по примѣру оныхъ евангельскихъ вдовъ, оказывать щедрыя благотворенія Христу въ лицѣ Его общниковъ (sociorum Jesu—такъ называли іезуиты членовъ своего ордена). Добродушная Анна-Алоиза скоро поддалась этимъ увѣщаніямъ и отказалась отъ мысли о монастырѣ, рѣшившись навсегда остаться вдовой; она находила извѣстное удобство также и въ томъ, что могла пріобрѣсти душевное спасеніе, не разставаясь съ роскошнымъ предковскимъ замкомъ въ Острогѣ, къ которому она привыкла съ дѣтства, и не отрекаясь отъ громкихъ титуловъ княжны и воеводиной виленской. А для того, чтобы удобнѣе было укрываться отъ искушеній свѣта и посѣщеній лицъ, искавшихъ ея руки, Анна-Алоиза, по совѣту духовника, устроила въ замкѣ особую молельню, гдѣ и проводила время въ молитвѣ, благочестивыхъ размышленіяхъ и другихъ духовныхъ упражненіяхъ. Сверхъ того патеры совѣтовали и выхваляли ей частое употребленіе покаянія, въ которомъ она открывала самые задушевные свои помыслы и желанія, и лишь только замѣчали въ ней малѣйшіе порывы къ жизни и къ міру, тотчасъ охлаждали ихъ напоминаніемъ о смерти, объ умершемъ ея мужѣ, совѣтовали ходить молиться на его могилу, справлять по его душѣ частыя поминки и ежегодно перемѣнять на его тѣлѣ въ гробѣ шитое золотомъ дорогое одѣяніе.

Такъ прошло два съ лишнимъ года. Анна-Алоиза достаточно уже навыкла въ подражаніи жизни и добродѣтелямъ евангельскихъ вдовъ и всецѣло подчинилась вліянію своихъ руководителей, такъ что жила и дѣйствовала, какъ имъ хотѣлось, и съ завязанными глазами шла туда, куда они вели ее. Наступила пора, когда столь совершенная добродѣтель долженствовала перейти изъ потенціальнаго состоянія въ активное, выразиться какою-нибудь дѣятельностью, направленною ad majorem gloriam католической церкви, и принести ожидаемые плоды на пользу тѣхъ, подъ чьимъ водительствомъ добродѣтель эта возрасла и укрѣпилась. Вотъ какъ повѣтствуютъ объ этомъ обнаруженіи біографы Анны-Алоизы, ярославскіе іезуиты.

„Анна-Алоиза, княжна Острожская, начала однажды раздумывать о томъ, что въ Острогѣ въ это время было много упор-

ныхъ и противныхъ римской церкви схизматиковъ. Она видѣла, что въ этомъ городѣ невѣрное жидовство очень размножилось и почти новый Іерусалимъ заложило для себя: тамъ оно главные суды свои отправляло, въ острожскій трибуналъ жидовство съ своими тяжбами стекалось со всей Украйны, Волыни, Подлѣсья и изъ околичной Руси, тамъ-же былъ и жидовскій банкъ[1]). Особенно она обратила вниманіе на то, что тамъ было поселено много поганцевъ изъ татаръ, нѣкогда взятыхъ предками ея въ плѣнъ, а послѣ обдаренныхъ свободою; эти татары публично отправляли свои безбожные обряды и имѣли магометанскія мечети въ предмѣстьяхъ Острога. При видѣ всего этого сердце набожной пани разрывалось и болѣло при мысли, что въ одномъ только городѣ изъ ея владѣній находилось такъ много душъ, искупленныхъ кровью Спасителя, живущихъ на вѣчную пагубу; она оплакивала вѣчную погибель многихъ тысячъ душъ, жившихъ и въ другихъ ея имѣніяхъ. Она желала спасать отъ гибели души человѣческія и, сколько могла, заботилась о томъ, чтобы какъ найболѣе можно было посылать душъ къ Богу. Она была-бы совершенно очистила имѣнія свои отъ магометанской заразы, отъ жидовскаго богохульства и схизматическаго квасу, еслибы военныя бури (т. е. возстаніе Хмельницкаго) не помѣшали ей въ этихъ высокихъ замыслахъ ея. Она употребляла разные къ тому способы и дѣйствительныя средства; между ними и тотъ былъ не послѣдній, чтобы учредить въ Острогѣ орденъ Societatis Jesu, который-бы, посредствомъ костельной и школьной институцій, ввелъ единство вѣры, любовь къ святой добродѣтели и всѣ добрые обычаи. Поэтому она обращала отважно всѣ свои мысли на то, чтобы основать въ Острогѣ *коллегіумъ іезуитскій*, и что она задумала, то и привела въ исполненіе".

Мысль о водвореніи въ Острогѣ іезуитовъ и открытіи здѣсь іезуитскихъ школъ была задумана впервые не теперь, а

---

[1]) Въ Острогѣ и по настоящее время существуетъ каменная еврейская синагога, замѣчательная своею древнею архитектурою. По увѣренію острожскихъ евреевъ, эта школа—нѣкогда Бетъ-Эшива или училище раввиновъ—существуетъ уже около четырехъ столѣтій. При ней жилъ извѣстный въ еврейскомъ ученомъ мірѣ комментаторъ Маршуе, умершій въ 1629 году. А на еврейскомъ кладбищѣ въ Острогѣ и до-нынѣ уцѣлѣли древнѣйшіе памятники, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ говорятъ, восходятъ до XIV вѣка.

очень давно, когда Анны-Алоизы не было еще и на свѣтѣ. Со времени перваго появленія своего въ южнорусскихъ предѣлахъ іезуиты постоянно обращали жадные взоры свои именно на Острогъ, бывшій въ послѣдней четверти XVI в. главнымъ духовно-просвѣтительнымъ центромъ для всей Малой Руси, когда въ немъ процвѣтало основанное княземъ Константиномъ высшее православное училище, издавалась первая печатная славянская библія и многія другія учительныя и полемическія православныя книги. Но пока былъ живъ старый князь Острожскій, всѣ усилія іезуитовъ проникнуть въ Острогъ не имѣли успѣха. Много надеждъ возлагали они на князя Януша Константиновича, въ одно время серьезно замышлявшаго объ основаніи въ м. Межиричѣ, въ самомъ почти предмѣстьи Острога, іезуитскаго коллегіума; но и Янушъ почему-то перемѣнилъ свое намѣреніе и вмѣсто того воздвигъ въ Межиричѣ великолѣпный монастырь для францисканцевъ. Тѣмъ временемъ іезуиты успѣли въ 1612 г. открыть свой коллегіумъ въ самой столицѣ Волыни — въ Луцкѣ, но не теряли изъ виду и Острога, въ которомъ и послѣ смерти князя Константина основанная имъ школа все еще продолжала существовать[1]).

Что задумывалъ, но не исполнялъ князь Янушъ Константиновичъ, то привела въ исполненіе набожная племянница его. 27 іюля 1624 г. Анна-Алоиза лично прибыла въ луцкій гродскій урядъ и предъявила для внесенія въ актовыя книги двѣ фундаціонныя записи на основаніе и построеніе въ Острогѣ іезуитскаго костела и

---

[1]) Существуетъ предположеніе, будто острожское училище и типографія пришли въ упадокъ и были закрыты скоро послѣ смерти ихъ основателя. Но въ одной старинной рукописи мы нашли прямое указаніе, что оба эти учрежденія еще въ 1620 году существовали несомнѣнно. Рукопись эта—*Инвентарь имѣній князей Острожскихъ*, составленный въ 1620 году, по случаю раздѣла ихъ между тремя дочерьми князя Александра Острожскаго, и переданный намъ извѣстнымъ историческимъ писателемъ польскимъ, доторомъ Антоніемъ I. Среди подробнаго описанія замка острожскаго и всѣхъ находившихся въ немъ построекъ, въ инвентарѣ говорится: «Tamże *akademia*, *szkoły*, *drukarnia i ynsze budowania kollegiacke* polske i *ruske* spolnej collatiey z panom Krakowskim» (т. е. княземъ Янушемъ). Въ другомъ мѣстѣ упоминается «porochownia i *papernia*», т. е. фабрика бумажная, существовавшая очевидно для нуждъ мѣстной типографіи. См. объ этомъ еще у Максимовича, т. I, стр. 189.

при немъ коллегіума. Въ одной изъ этихъ записей она такъ изъясняла внутреннія побужденія, руководившія его въ данномъ случаѣ: „Слѣдуя примѣру моихъ славныхъ предковъ, которые, заботясь объ умноженіи хвалы всемогущаго Бога, основывали въ своихъ имѣніяхъ костелы, монастыри, коллегіи и обезпечивали ихъ достаточными доходами, и стремясь съ своей стороны къ такому-же умноженію славы Божіей, чтобы вѣра католическая ширилась науками и просвѣщеніемъ молодыхъ людей и проповѣданіемъ слова Божія, а также желая, чтобы возносились постоянныя молитвы за душу ясневельможнаго его милости покойнаго мужа моего, который при жизни обнаруживалъ всегда большую склонность и „прихильность“ къ предмету настоящей фундаціи, а равно и за души иныхъ предковъ моихъ, князей Острожскихъ, я Анна-Алоиза, по совѣту ясневельможной княгини Анны Острожской, воеводиной волынской, матери и благодѣтельницы моей, а также по своей доброй волѣ и зрѣло обдуманному рѣшенію, фундую на вѣчныя времена въ родовой моей маетности, въ г. Острогѣ, коллегіумъ Societatis Jesu и при немъ костелъ, который имѣетъ быть во имя святыхъ: Игнатія Лойолы и Франциска-Ксаверія, отцевъ іезуитскаго ордена. Для этого я дарю на вѣчныя времена плацъ въ томъ-же г. Острогѣ между улицами: такъ называемою „Згнилою“ и „Звягельскою“ или „Водяною“ (слѣдуетъ опредѣленіе границъ этого плаца); а на построеніе (zmurowanje) означеннаго коллегіума и костела я особымъ актомъ записала велебному ксендзу ректору острожскаго коллегіума Яну Боршинскому и его преемникамъ 30,000 золотыхъ польскихъ [1]), обезпечивъ эту сумму всѣмъ движимымъ и недвижимымъ моимъ имуществомъ. Теперь-же, желая, чтобы отцы коллегіума имѣли для себя достаточное содержаніе и чтобы скорѣе могли быть открыты для образованія молодыхъ людей школы, чрезъ которыя умножилась-бы хвала Божья, я на вѣчныя времена дарю и записываю имъ родовую маетность свою, а именно: дворъ, фольваркъ и с. Княгининъ, с. Мартыновщину, с. Бѣлоберегъ, с. Зарудье, с. Островъ и Вьездъ, с. Спасовъ съ фольваркомъ, сс. Бо-

---

[1]) Цѣнность тогдашняго золотого польскаго равнялась приблизительно теперешнимъ 75 коп. сер.

даки, Нараевъ, Шаварки, Замлынъ и с. Волицу—со всѣми принадлежностями, строеніями, угодьями и доходами, со всѣми подданными: тяглыми, боярами панцырными и путными, огородниками и подсосѣдками, съ *церквами русскими* и правомъ подаванья къ нимъ духовныхъ, съ мельницами... (слѣдуетъ подробнѣйшій перечень цѣлаго ключа княгининскаго). Сверхъ того для огорода при коллегіумѣ дарю оо. іезуитамъ плацъ въ г. Острогѣ, надъ ставомъ, между Новымъ-містомъ и пасѣкою, такъ называемою „Наливайковскою". Въ заключеніе своей записи, въ видахъ большаго обезпеченія ея ненарушимости, Анна-Алоиза прибавила: „А защитникомъ настоящей моей фундаціи я назначаю и униженно упрашиваю найяснѣйшаго короля Жигмонта III и имѣющихъ быть по немъ королей польскихъ" [1]). Впослѣдствіи, именно въ 1630 г., Анна-Алоиза, сверхъ поименованныхъ имѣній, записала іезуитамъ еще слѣдующія: сс. Курняки, Могиляны, Мисковцы и Волосковцы.

Въ томъ-же 1624 г. въ Острогѣ торжественно совершена была закладка громаднѣйшаго зданія іезуитскаго коллегіума. Когда положенъ былъ первый камень, сама фундаторша бросила туда горсть золота и въ умиленіи сказала: „о еслибъ я могла построить Богу храмъ изъ чистаго золота и такой большой, чтобы онъ покрылъ собою всю землю!" На это одинъ изъ ксендзовъ отвѣтилъ: „вѣрь, ясновельможная пани, что малое человѣческое сердце есть найлучшій храмъ для Бога". Планъ зданія былъ составленъ ученымъ архитекторомъ, бенедиктинцемъ Молли, нарочно приглашеннымъ изъ Рима для руководства строительною частью, а для производства самыхъ работъ было назначено нѣсколько сотъ крестьянъ изъ ближайшихъ къ Острогу селъ и деревень. Когда начались работы, въ окрестностяхъ м. Межирича и с. Кунева неожиданно открылся годный для постройки камень, о существованіи котораго никто не зналъ до того времени. Въ этомъ іезуиты увидѣли знакъ особенной милости Божіей и увѣрили набожную Анну-Алоизу, что дѣло, предпринятое ею, угодно и пріятно Богу, а она поспѣшила новооткрытыя каменоломни записать въ ихъ распоряженіе.

---

[1]) Обѣ записи Анны-Алоизы находятся въ гродской луцкой книгѣ 1624 г., № 2134, на листахъ 686 и 688, а прибавочная—въ книгѣ № 2458, л. 507.

Водворивъ въ Острогѣ іезуитовъ, Анна-Алоиза предоставила имъ однимъ право содержанія школъ и воспитанія юношества. Тогда-то, надо думать, и были окончательно закрыты острожская академія и другія православныя школы, которыя несомнѣнно существовали еще въ 1620-хъ годахъ. Взамѣнъ ихъ іезуиты, не ожидая окончанія предположеннаго для нихъ великолѣпнаго зданія, открыли свои публичныя школы, въ которыя тотчасъ стали во множествѣ поступать шляхетскія дѣти со всей Волыни, Подоліи, Полѣсья и даже изъ заднѣпровской Украйны. Анна-Алоиза сердечно радовалась этому и, желая дать бѣдной шляхтѣ, особенно дѣтямъ воеводства волынскаго, приличное содержаніе, сдѣлала новую фундацію на устройство шляхетскаго конвикта (общежитія), для котораго она на свой счетъ построила отличное каменное зданіе, а сосѣднюю православную церковь велѣла передѣлать на домовую каплицу и приспособить для отправленія въ ней домашнихъ богослуженій для юныхъ питомцевъ.

Не удивительно, что, при такой усердной заботливости и постоянныхъ вспомоществованіяхъ щедрой меценатки, острожскій коллегіумъ въ короткое время достигъ цвѣтущаго состоянія, а черезъ 12 лѣтъ послѣ его основанія оказалось возможнымъ расширить его курсъ посредствомъ открытія двухъ новыхъ классовъ— философскаго и богословскаго и учредить семинарію. „Ясневельможная фундаторша (повѣтствуютъ ея біографы), заботясь о дальнѣйшемъ умноженіи славы Божіей, сильно желала того, чтобы не только въ Острогѣ и окрестностяхъ его, но и во всей Польшѣ не было недостатка въ дѣлателяхъ, трудящихся въ виноградникѣ Христовомъ и служащихъ душамъ человѣческимъ. Для этого она задумала перенести изъ Краковскаго новиціата молодыя лѣторасли ордена іезуитскаго въ свой коллегіумъ острожскій для того, чтобы онѣ, пересаженныя на волынскую землю, оживленныя науками и обезпеченныя заботливостью фундаторши, росли во славу Божію.“ Новоучрежденный философскій классъ, а еще болѣе іезуитская семинарія, стали предметомъ особенной заботливости со стороны Анны-Алоизы. Она увеличила фундушъ на эти заведенія, сама лично смотрѣла за тѣмъ, чтобы ученики ни въ чемъ не нуждались, и часто посѣщала ихъ. „Пріятно было набожной фундаторшѣ смотрѣть на духовныхъ сыновъ своихъ, сидящихъ вокругъ стола, за-

ставленнаго яствами, по материнской ея милости; но еще болѣе любила она смотрѣть на нихъ въ праздники, когда они съ благоговѣніемъ приступали къ трапезѣ Господней. Она не могла насмотрѣться на ихъ скромность и вѣжливость и усматривала въ этихъ молодыхъ юношахъ истинный образъ скромности и набожности ея патрона Алоизія Гонзаго. Когда она однажды пришла въ коллегіумъ и, посѣщая камеры учениковъ, вошла и въ камеры учениковъ философіи и увидѣла тамъ твердыя и бѣдныя постели, то заплакала надъ такою бѣдностью и съ сожалѣніемъ стала выговаривать ксендзу-ректору, что онъ строго воспитываетъ и нищенски держитъ учениковъ. Когда-же о. ректоръ возразилъ ей, что такъ прилично бѣднымъ монахамъ, чтобы они съ молодыхъ лѣтъ привыкали къ лишеніямъ и жизни апостольской, то Анна-Алоиза отвѣтила ему на это, что монашеская нищета согласна съ приличною выгодою: пусть все будетъ не роскошно, но пусть будетъ прилично. И какъ только она возвратилась изъ коллегіума въ свой палацъ, тотчасъ послала оттуда въ коллегіумъ все, что нашла у себя приличнаго и способнаго къ употребленію монашескому; а для того, чтобы на будущее время ученики не имѣли недостатка въ необходимомъ, она отложила въ сторону всѣ принадлежности алтарныя, которыя она, для украшенія костела, своими руками дѣлала, и начала сама рѣзать полотно и шить изъ него бѣлье для учениковъ". Такъ повѣствуютъ іезуиты ярославскіе.

Чтобы историческій образъ внучки Константина Острожскаго полнѣе и рельефнѣе представился предъ умственнымъ взоромъ читателя, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о домашней обстановкѣ и образѣ жизни Анны-Алоизы, о ея духовныхъ наслажденіяхъ, умерщвленіи плоти и другихъ добродѣтельныхъ ея подвигахъ и занятіяхъ.

Острожскій замокъ, или вѣрнѣе самый дѣдинецъ, въ которомъ проживала Анна-Алоиза, былъ расположенъ на довольно высокомъ холмѣ, извѣстномъ въ настоящее время подъ названіемъ „Судовой горы", съ которой открывается восхитительный видъ на р. Вилію, м. Межиричъ и на широкую низменность р. Горыни. Съ трехъ сторонъ холмъ этотъ обрывался круто, почти отвѣсно, а съ сѣвер-

ной стороны онъ былъ отдѣленъ отъ города глубокимъ рвомъ, черезъ который у главныхъ воротъ былъ перекинутъ подъемный мостъ. По краямъ холма тянулись каменныя крѣпостныя стѣны, а по угламъ стояли высокія каменныя башни, изъ которыхъ одна, полукруглая и увѣнчанная зубчатою короною, хорошо сохранилась и до настоящаго времени. При въѣздѣ въ дѣдинецъ, надъ главными воротами, также возвышалась крытая гонтою башня, на которой устроены были желѣзные часы съ „цымбаломъ". Замокъ постоянно охранялся надворною милиціей, а изъ амбразуръ его башенъ грозно глядѣли дула гаковницъ, мущирей и гарматъ. Въ самомъ дѣдинцѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Богоявленскою церковью, стоялъ старинный княжескій палацъ о 13-ти верхахъ, построенный одновременно съ замкомъ, еще въ половинѣ XV ст., княземъ Василіемъ Острожскимъ, носившимъ прозваніе „Краснаго". Не смотря на послѣдующія передѣлки, внутреннее убранство этого палаца въ то время сохраняло еще нѣкоторыя черты старинной простоты: такъ въ немъ, на ряду съ роскошнѣйшими апартаментами, украшенными дорогими обоями, шелковыми занавѣсами и т. под., сохранялись еще старинныя столовыя избы, съ кафельными печами, „мурованными коминами", дверьми „малёваными" и расположенными вокругъ подъ стѣнами дубовыми „лавами [1])".

Не смотря на отшельническій образъ жизни Анны-Алоизы, дворъ ея содержался въ прежнемъ, истинно княжескомъ великолѣпіи. Іезуиты разсказываютъ, что когда ихъ визитаторъ польской провинціи Фабриціусъ (какая-то важная особа) былъ первый разъ въ гостяхъ у Анны-Алоизы, то, проходя черезъ рядъ роскошно убранныхъ комнатъ, обитыхъ дорогими обоями, и видя богато одѣтыхъ и важныхъ слугъ ея, думалъ, что то были сенаторы,—и оставался въ этомъ убѣжденіи до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ, что эти лица составляютъ свиту княжны, что они подмѣчаютъ ея взглядъ, ея движенія и съ низкимъ поклономъ исполняютъ ея приказанія. По обычаю всѣхъ тогдашнихъ магнатовъ, Анна-Алоиза содержала многочисленнѣйшій штатъ слугъ, большая половина которыхъ не имѣла опредѣленныхъ занятій, а жила для того, чтобы придать боль-

---

[1]) Заимствуемъ эти подробности изъ упомянутаго въ одномъ изъ предыдущихъ примѣчаній *Инвентаря* острожскихъ имѣній, составленнаго въ 1620 году.

шую пышность двору или для развлеченія владѣлицы; къ послѣдней категоріи, надо думать, принадлежали два карла и двѣ карлицы, которыхъ мы находимъ въ числѣ дворни княжны Острожской. Благочестивая Анна-Алоиза строго наблюдала за нравственностью своихъ слугъ; мужчинъ она содержала въ одномъ дворѣ, а женщинъ въ другомъ; требовала, чтобы всѣ ея слуги были честны, скромны, набожны, вполнѣ знали ученіе католической вѣры, строго соблюдали ея уставы и обряды и, служа своей пани, не переставали заботиться и о своемъ спасеніи. „Дворъ ея, по словамъ іезуитовъ, былъ похожъ на монастырь женскій: въ немъ всегда господствовала тишина, скромность, воздержность, согласіе и всякое приличіе. При этомъ панскомъ дворѣ всегда находилось очень много женщинъ: тамъ были и шляхетно урожденныя и хорошо воспитанныя всякаго рода служебницы; тамъ были и сироты, взятыя на воспитаніе; тамъ были дѣти: жидовскія, московскія, турецкія и татарскія, принятыя въ дворъ княжны для того, чтобы научить ихъ догматамъ и правиламъ св. вѣры. Для всѣхъ этихъ лицъ были занятія. Послѣ молитвы и выслушанія св. мши, однѣ шили, другія пряли, дѣлали ковры, вышивали золотомъ, занимались другими женскими рукодѣльями. Въ числѣ ихъ были и такія, которыя для работавшихъ читали житія святыхъ и книги духовныя, а въ другое время приготовляли новообращенныхъ дѣтей къ принятію св. таинъ, и также поочередно посѣщали больныхъ и имъ услуживали“.

Заботясь о душевномъ спасеніи своихъ слугъ, Анна-Алоиза не менѣе заботилась и о тѣлесныхъ ихъ нуждахъ, особенную же заботливость прилагала она о больныхъ. „Иные паны (говорятъ ея біографы) болѣе заботятся иногда о своей собакѣ, нежели о больной прислугѣ. Вѣрная слуга потеряетъ здоровье на службѣ панской, а не имѣетъ утѣшенія въ немощи своей. Подорвется отъ тяжести рабочій человѣкъ—и уже большою милостью считается и то, если ей-мосць вышлетъ ему чашку воды или водки съ солью. Не такъ легко смотрѣла на здоровье своихъ слугъ эта заботливая пани. Какъ только она узнавала, что кто-нибудь изъ дворовыхъ ея заболѣвалъ, сейчасъ приставляла къ нему прислужника, велѣла давать ему соотвѣтственную пищу и, по совѣту всегда находившагося при ней медика, велѣла отпускать изъ своей аптеки лѣкарства. Если кто заболѣвалъ сильно, то она поручала душу его попеченію ду-

ховника, сама посѣщала больного и другихъ посылала узнавать о его здоровьи. Если-же кто, при усилившейся болѣзни, былъ близокъ къ смерти, хотя-бы то былъ самый низшій служитель, возница или гайдукъ, то она сама приходила тогда услуживать ему: обтирала потъ съ его чела, поправляла его постель, своими руками кормила его, ласково уговаривала его къ терпѣнію и подчиненію волѣ Божьей, утѣшала его надеждою блаженной вѣчности; когда-же больной начиналъ умирать, то она давала ему въ руки освященную свѣчу и приготовляла его удивительно возвышенными актами къ хорошей смерти. Пріятно было слушать, когда такая могущественная пани, унижаясь до своихъ слугъ, богословскіе акты съ ними отправляла, припоминала умиравшимъ молитвы и стихи изъ псалмовъ, дѣйствія любви Божіей; при послѣднемъ-же издыханіи она набожно повторяла: „Іисусъ, Іисусъ! Марія!“ и всѣхъ побуждала къ плачу. Когда же священникъ находился при умиравшемъ, то она не вдавалась въ эту духовную услугу, а предоставляла это ему. Какіе она похороны для своихъ слугъ справляла, какъ много св. мшей за души ихъ заказывала—это всѣмъ было извѣстно, кто служилъ на ея княжескомъ дворѣ. Они всѣ хотѣли жить, служить и умирать у нея“.

Столь-же милосерда и заботлива была (по сказанію ея біографовъ) Анна-Алоиза и въ отношеніи къ крестьянамъ ея многочисленныхъ имѣній. „Изъ пяти польскихъ грѣховъ, самые обыкновенные—угнетеніе подданныхъ и проѣздъ по дорогамъ съ явнымъ вредомъ для людей. Грѣхи эти не пали на эту набожную пани. Подданные ея были въ такой охранѣ, что она не дозволяла дѣлать имъ никакой обиды; старостамъ и подстаростамъ она строго приказывала, чтобы они не налагали на крестьянъ никакихъ новыхъ тягостей. Во время путешествій своихъ, когда она изъ кареты замѣчала, что ея придворные топтали лошадьми чужой хлѣбъ, росшій при дорогѣ, она посылала сказать, чтобы они не дѣлали этого“. Она не была горда, а была доступна всѣмъ, очень ласкова и ко всѣмъ справедлива. Для спасенія душъ своихъ подданныхъ, Анна-Алоиза построила, кромѣ іезуитскаго костела въ Острогѣ, еще пять костеловъ въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ, именно: въ Звяглѣ, Хлапотынѣ, Берездовѣ, Острожкѣ и Туровѣ, и при нихъ основала „шпитали“ или богодѣльни, обезпечивъ ихъ десятинами, ординаріями и денежными суммами. Въ эти богодѣльни она приказывала помѣ-

щать всѣхъ калѣкъ и нищихъ изъ ея крестьянъ и не терпѣла, чтобы нищіе въ ея владѣніяхъ оставались безъ призрѣнія и бродили по улицамъ. Часто она лично посѣщала „шпитали", присматривалась къ тому, какъ содержались убогіе, и раздавала имъ щедрую милостыню. Въ голодные годы, особенно въ 1638 г., когда люди повсемѣстно умирали съ голоду, она въ имѣніяхъ своихъ велѣла ежедневно раздавать хлѣбъ не только своимъ подданнымъ, но и вообще всѣмъ нуждавшимся. Часто она платила долги несостоятельныхъ должниковъ и жертвовала деньги на выкупъ плѣнныхъ изъ татарской неволи.

Въ своемъ домашнемъ быту Анна-Алоиза жила строгой подвижницей, и единственнымъ наслажденіемъ для нея было—проводить дни и годы въ духовныхъ утѣхахъ. Пустыхъ и свѣтскихъ разговоровъ она не сносила, и когда случалось, что, сидя за столомъ, кто-нибудь изъ ея гостей заводилъ рѣчь въ этомъ духѣ, то набожная хозяйка порывалась встать изъ-за стола, или-же просила своихъ духовныхъ завести разговоръ о чемъ-нибудь божественномъ. Каждый день она слушала мшу и посвящала цѣлый часъ на молитву; каждый мѣсяцъ она посвящала три дня на духовныя размышленія, и разъ въ годъ она посвящала на это десять дней. Въ эти дни она размышляла только о Богѣ и отправляла духовныя упражненія, сочиненныя основателемъ іезуитскаго ордена. Она часто говѣла и при этомъ каждый разъ клала на олтарь не менѣе пяти червонцевъ, а въ день своего рожденія клала ихъ столько, сколько ей было лѣтъ. Вмѣстѣ съ отцами іезуитами, она каждый мѣсяцъ участвовала въ вынутіи по жребію для себя патрона изъ числа мѣсячныхъ святыхъ и чтила его день особеннымъ образомъ: служила этому святому обѣдню, исповѣдывалась и пріобщалась, со вниманіемъ читала его житіе и старалась подражать ему. Для умерщвленія плоти, Анна-Алоиза часто бичевала себя до крови острыми плетками, или желѣзными гребнями, и всегда носила на тѣлѣ своемъ пояски изъ проволоки, а на рукахъ желѣзные нарукавники. Въ дни страстей Христовыхъ Анна-Алоиза изнуряла себя до послѣдней степени. Въ великій четвергъ она созывала нищихъ, торжественно омывала не водою только, но и слезами своими ихъ ноги, послѣ чего угощала ихъ обѣдомъ и сама лично служила имъ съ такимъ усердіемъ, какъ если-бы самого Христа имѣла своимъ

гостемъ; послѣ этого подвига она всю ночь не ложилась спать. Въ страстную пятницу она цѣлый день проводила въ молитвахъ, босая обходила гробы Господни, подолгу лежала крыжемъ на молитвѣ и обливала слезами помосты костельные. За свои добродѣтели Анна-Алоиза, по словамъ біографовъ, удостоивалась нерѣдко дивныхъ знаменій и видѣній чудесныхъ: такъ однажды, зайдя въ садъ одного честнаго острожскаго армянина, она обратила вниманіе на одно дерево съ висѣвшими на немъ яблоками, которыя почему-то показались ей не совсѣмъ обыкновенными; и дѣйствительно—когда стали разрѣзывать эти яблоки, то въ каждомъ изъ нихъ, ко всеобщему изумленію, найдены были искусно сдѣланныя распятія [1]).

Таковъ былъ личный характеръ и образъ жизни и дѣятельности княжны Анны-Алоизы, или, вѣрнѣе сказать, такими чертами изображаютъ ее біографы-іезуиты, на безпристрастіе которыхъ, конечно, нельзя много полагаться. Можно, однако, повѣрить всему, что говорится ими о сердечной добротѣ набожной княжны, о ея человѣколюбіи, справедливости и щедрости, о христіанской заботливости ея и попеченіи о больныхъ и несчастныхъ и т. под. добродѣтеляхъ; но не надо забывать того, что всѣ эти прекрасныя качества ея души имѣли слишкомъ тѣсный кругъ примѣненія, будучи запечатлѣны характеромъ вѣроисповѣдной исключительности и прозелитизма. Весьма вѣроятно, что Анна-Алоиза была и добра, и справедлива — относительно своихъ единовѣрцевъ католиковъ, да еще, пожалуй, тѣхъ изъ иновѣрцевъ, которые изъявляли готовность перейти въ одну съ нею вѣру; но такова-ли она была и по отношенію къ лицамъ другихъ вѣроисповѣданій, въ особенности-же—по отношенію къ массѣ подчиненнаго ей православнаго населенія? Можно смѣло поручиться въ томъ, что еслибы кто изъ православныхъ писателей того времени составилъ въ поученіе потомству жизнеописаніе Анны-Алоизы, то въ немъ образъ іезуитской праведницы былъ-бы начертанъ совсѣмъ другими красками. Къ сожалѣнію, въ южно-русской письменности XVII в. не имѣется ничего подобнаго такому труду; но за то въ актовыхъ книгахъ тогдашнихъ судебныхъ мѣстъ сохранилось нѣсколько документовъ, по

---

[1]) Niesiecki, Herbarz Polski, t. VII, pag. 194.

которымъ можно составить нѣкоторое понятіе о томъ, каковы были отношенія Анны-Алоизы къ послѣдователямъ той вѣры, которую не задолго еще предъ тѣмъ исповѣдывали и твердо отстаивали ея предки.

Нужно замѣтить, что ближайшіе потомки князя Константина Острожскаго, хотя сами лично принадлежали уже къ другой вѣрѣ, но, вѣроятно, изъ уваженія къ его славной памяти, ни въ чемъ не нарушали давнихъ правъ и свободы вѣры и церкви православной и обнаруживали по отношенію къ ней полную терпимость, а въ иныхъ случахъ даже покровительство. Такъ мы видимъ, что напечатанный въ острожской типографіи въ 1612 г. Часословъ былъ изданъ „повелѣніемъ" князя Януша Острожскаго, который, хотя былъ самъ католикомъ, но, ради славы своего отца, поддерживалъ всѣ его просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія: школы, церкви, монастыри, „шпитали" и т. под. [1]). Такъ-же, очевидно, поступалъ и его племянникъ, молодой князь Янушъ Александровичъ, родной братъ Анны-Алоизы, о которомъ православные, жалуясь на его сестру, отзывались, что онъ, „светое памети яснеосвецоное кнежа, ничого правъ и фундушей продковъ своихъ не нарушалъ и кривдъ добрамъ церковнымъ не чинилъ". Даже сама Анна-Алоиза, вступивъ въ 1621 году во владѣніе „князствомъ острозскимъ", первоначально также „остерегалась" чинить подобныя „кривды", только не долго: такъ, мы упомянули уже, что, водворивъ въ Острогѣ іезуитовъ и предоставивъ имъ исключительное право на открытіе и содержаніе здѣсь публичныхъ школъ, она этимъ положила конецъ существованію знаменитой острожской академіи и другихъ православныхъ школъ, заведенныхъ славнымъ ея дѣдомъ. Существовала еще въ то время въ г. Острогѣ каменная церковь св. Тройцы, а при ней большой „шпиталь", въ которомъ находили

---

[1]) Достойно замѣчанія, что, спустя годъ по смерти князя Януша Острожскаго, знаменитый составитель «Палинодіи», кіево-печерскій инокъ Захарія Копыстенскій, въ своей книгѣ почтилъ память его настоящимъ диѳирамбомъ за то, что князь этотъ, несмотря на свое вѣроотступничество, «народъ свой россскій любилъ, православную вѣру отцевъ своихъ величалъ и побожне поважалъ; монаховъ святогорцевъ религіи греческое почестне пріймовалъ и прикладомъ отца своего ялмужну давалъ» и пр. (Русск. Историч. Библіотека, т. IV, стр. 1139).

призрѣніе много „уломныхъ, хорыхъ и убогихъ розного стану и кондиціи“. Оба эти учрежденія въ давнія времена также основаны были предками Анны-Алоизы и щедро обезпечены большими имѣніями: м. Суражемъ (что нынѣ село въ кременецк. у. волынск. губ.) и с. Андрушовкою, съ которыхъ поступало ежегодно дохода болѣе 3,000 золотыхъ польскихъ. Имѣнія эти княжна-праведница въ непродолжительномъ времени отняла и вмѣстѣ съ церковью отдала іезуитамъ „шпиталь“ „опустила“, а вмѣсто того основала въ Острогѣ латинскій шпиталь св. Франциска-Ксаверія и на содержаніе его записала ежегодный доходъ съ бумажной фабрики острожской. Сверхъ того православные жаловались, что Анна-Алоиза почти совсѣмъ обобрала каѳедральную богоявленскую церковь, въ которой находились гробницы ея отца и дѣда, и „барзо веле зъ нее охендожствъ и аппаратовъ церковныхъ, лихтаровъ и иншихъ речей побрала“ и, надо полагать, на костельный „пожитокъ обернула“. Затѣмъ, когда, по смерти короля-фанатика Сигизмунда III, была возстановлена, ко всеобщей радости православныхъ, высшая церковная іерархія, при чемъ волынцы единогласно избрали на епископскую каѳедру въ Луцкъ князя Александра (въ монашествѣ Аѳанасія) Пузыну, то, наущенная іезуитами, внучка князя Острожскаго не мало омрачила эту радость тѣмъ, что не допустила новоизбраннаго епископа обревизовать православныя церкви въ ея имѣніяхъ, запретила своимъ подданнымъ, мірянамъ и духовенству, признавать его законнымъ своимъ пастыремъ и оказывать ему надлежащее послушаніе, такъ что когда епископъ Пузына прибылъ въ Острогъ, то „зъ жалемъ сердечнымъ“ узналъ, что замковая каѳедральная церковь была, по приказу княжны, опечатана шестью печатями, а самый замокъ занятъ многочисленною стражею и приведенъ въ оборонительное положеніе; попробовалъ епископъ отправиться въ другія городскія церкви, но повсюду встрѣтилъ опечатанныя двери и грозную стражу [1]).

Но всѣ эти притѣсненія были ничто сравнительно съ тою по истинѣ ужасною трегедіею, какая, по винѣ Анны-Алоизы, разы-

---

[1]) По этому поводу было занесено епископомъ нѣсколько жалобъ на княжну Острожскую, не имѣвшихъ, разумѣется, никакихъ послѣдствій. Жалобы эти находятся въ луцкихъ земскихъ книгахъ—за 1633 г., л. 536, за 1634, л. 556 на обор. и за 1641 г., л. 80.

гралась въ Острогѣ въ 1636 г. и стоила православнымъ много крови. Собственно говоря, Анна-Алоиза сыграла въ этой трагедіи, какъ и въ другихъ случаяхъ, лишь жалкую роль слѣпого орудія въ рукахъ скрывавшихся за нею іезуитовъ, въ пользу которыхъ была задумана и сыграна самая трагедія. Дѣло въ томъ, что іезуиты все еще не были довольны образомъ дѣйствій своей покровительницы въ принятой ею на себя миссіи—спасанія отъ вѣчной гибели душъ человѣческихъ. Они находили, что она принимаетъ слишкомъ недостаточныя мѣры къ искорененію „схизматическаго квасу" въ ея имѣніяхъ, позволяетъ схизматикамъ имѣть свои церкви и даже въ самомъ замкѣ своемъ оставляетъ въ ихъ рукахъ величественный каменный храмъ Богоявленія, горделиво высящійся надъ цѣлымъ городомъ и затмѣвающій собою великолѣпіе католическихъ костеловъ. Имъ не нравилось также, что набожная княжна иногда лично посѣщала этотъ храмъ, въ которомъ находились гробницы ея предковъ и между ними великолѣпный мраморный памятникъ, стоявшій надъ прахомъ отца ея, князя Александра Острожскаго. Давно уже они увѣряли ее, что князь этотъ, хотя и жилъ въ схизмѣ, но, подъ вліяніемъ своей благочестивой супруги, при самомъ концѣ своей жизни соединился съ святымъ костеломъ римскимъ и умеръ въ истинной вѣрѣ; что, по тщательному ходатайству отцевъ ихъ ордена, онъ даже принятъ былъ папою Климентомъ VIII къ участію въ молитвахъ о немъ римскаго костела, и что только благодаря неслыханному упорству схизматиковъ онъ былъ похороненъ въ ихъ церкви. Анна-Алоиза, глубоко чтившая память своего отца, съ отрадою внимала этимъ увѣреніямъ и еще чаще ходила молиться надъ его гробницей; но наконецъ въ умѣ ея зародилась страшная мысль, повлекшая за собою непредвидѣнныя для нея самой и плачевныя для другихъ послѣдствія. Такъ совершилась завязка острожской трагедіи 1636 года, о которой предоставимъ разсказывать самимъ творцамъ ея—іезуитамъ.

„Сердце дочери (повѣствуютъ біографы Анны-Алоизы) сильно болѣло отъ того, что кости отца еяпокрывала земля, проклятая римскимъ костеломъ, и она раздумывала день и ночь о томъ, какимъ-бы образомъ отобрать этотъ дорогой депозитъ и перенести его въ католическій костелъ. Однажды она открылась въ этомъ отважномъ замыслѣ передъ своими избранными и вѣрными слугами. Они,

принявъ къ себѣ, для исполненія этого замысла, ловкихъ и отважныхъ рыцарей и разставивъ незамѣтно по сторонамъ вооруженную пѣхоту, забрались въ церковь, открыли гробъ и взяли его вмѣстѣ съ тѣломъ Александра, и возвратили этотъ депозитъ, долго находившійся въ узахъ, своей паніи, отдали отца дочери, и положили его на святой землѣ—въ католическомъ костелѣ. Изъ этого поднялось большое возмущеніе. Схизматическая русь, подстрекаемая своими попами, ревнующими будто-бы за поруганіе дома Божія, подняла тревогу, начала сбѣгаться отовсюду и вооружаться. Чернь до того озлобилась, что бросилась на свою пани-дѣдичку, и сія послѣдняя была-бы не ушла отъ ужасныхъ рукъ разъяренной черни, если-бы не защитила ее дворская кавалерія, пѣхота и рыцарская отвага благородныхъ студентовъ коллегіума. Злость схизматическая была ужасна. Предводители бунта шли прямо на сабли, шли въ огонь, готовые погибнуть и тѣломъ и душею, только-бы добраться до своей пани и отомстить ей. Между тѣмъ старосты ближайшихъ селеній прибыли въ городъ съ свѣжими подкрѣпленіями и усмирили возстаніе: однихъ изъ бунтовщиковъ они убивали на мѣстѣ, другихъ заковывали въ кандалы и затаскивали ихъ въ темницы; когда-же не стало оковъ и цѣпей и не было уже мѣста въ темницахъ, то держали преступниковъ въ частныхъ домахъ".

„Дѣло это разбиралось въ трибуналѣ. Тамъ этихъ преступниковъ судили—и осудили: схизматическихъ поповъ выгнать изъ Острога; бунтовщики, находившіеся подъ стражею, осуждены на смерть—мечемъ; предводители мятежа и главные дѣятели осуждены на смерть—четвертованіемъ, отсѣченіемъ рукъ, сожженіемъ въ смолѣ, ломаніемъ костей, колесованіемъ, содраніемъ заживо кожи. Домы же бунтовщиковъ велѣно было сравнять съ землей и мѣста, гдѣ они стояли, посыпать солью".

„Когда въ Острогѣ узнали объ этомъ рѣшеніи трибунала, то плачъ и рыданіе поднялись по всему городу. Богатые мѣщане предлагали по нѣскольку тысячъ гривенъ за освобожденіе отъ этого наказанія. Бунтовщиковъ, закованныхъ, повели въ замокъ для объявленія имъ рѣшенія; но тамъ они услышали милостивый декретъ своей пани: она велѣла расковать ихъ, и вмѣсто того, чтобы вести на мѣсто казни, велѣла завести ихъ въ столовую, простила имъ ихъ вину и, угостивши, отпустила ихъ домой. Плачъ обратился

въ веселіе; всѣ восхваляли милосердіе своей пани, и этою ласковостью ея многіе заохочивались къ св. уніи, но другіе остались при своей пустой вѣрѣ. Ясневельможная пани имѣла то утѣшеніе, что, послѣ изгнанія, на основаніи трибунальскаго декрета, 46-ти схизматическихъ поповъ изъ острогскихъ имѣній, вѣра католическая начала расширяться, а схизматическое упрямство начало понемногу уступать, такъ что съ теченіемъ времени и простой народъ и даже самые попы присоединялись къ уніи; а для того, чтобы твердость ихъ въ уніи была явна и всѣмъ видима, богобоязненная пани постановила, дабы всѣ попы со всѣхъ ея имѣній пріѣзжали въ ризахъ въ Острогъ на праздникъ Божія Тѣла для участія въ процессіи и читали на славянскомъ языкѣ евангеліе на нарочито устроенныхъ алтаряхъ. Обычай этотъ въ главныхъ городахъ ея продолжается и донынѣ" (говорится въ 1698 г.).

Такъ повѣствуютъ объ этомъ происшествіи біографы Анны-Алоизы, іезуиты ярославскіе. Другіе польскіе писатели, передавая этотъ эпизодъ въ общихъ чертахъ сходно съ іезуитами, прибавляютъ къ нему нѣкоторыя любопытныя подробности. Такъ, по свѣдѣніямъ, заключающимся въ сочиненіяхъ: „Genealogia XX. Ostrogskich" и „Korona Polska", похищеніе тѣла князя Александра изъ богоявленской церкви было совершено ночью наканунѣ праздника Пасхи. Народъ, во множествѣ наполнявшій внутренность храма, слушая пасхальную утреню, и еще въ большемъ числѣ окружавшій наружныя стѣны церкви, громко порицалъ кощунственный поступокъ своей дѣдички, но не предпринималъ еще никакихъ враждебныхъ противъ нея дѣйствій и терпѣливо ожидалъ освященія принесенныхъ имъ пасокъ и другихъ пасхальныхъ яствъ. Въ это время возвращалась изъ іезуитскаго костела сама Анна-Алоиза, въ каретѣ, съ длиннымъ цугомъ и окруженная своими гайдуками. Ей нужно было проѣхать черезъ мостъ, ведущій въ замокъ, почти у самой паперти богоявленской церкви; но здѣсь стояли толпы народа, съ пасхами, и на приказаніе очистить княжнѣ дорогу отвѣчали явнымъ ослушаніемъ. Раздраженная Анна-Алоиза приказала кучеру и слугамъ ѣхать прямо на толпу, по пасхальнымъ хлѣбамъ. Этотъ легкомысленный поступокъ ея и вызвалъ тотъ взрывъ народнаго возмущенія, о которомъ сказано выше. Въ страшномъ негодованіи народъ окружилъ поѣздъ княжны, въ одно мгновеніе за-

кидалъ ее крашенными яйцами и хотѣлъ сбросить ее съ моста въ глубокій оврагъ. Бывшая на-готовѣ надворная милиція какимъ-то чудомъ успѣла спасти княжну отъ разъяренныхъ мѣщанъ, которые вломились было за нею въ самый палацъ, и только ружейные выстрѣлы заставили ихъ податься назадъ [1]).

Слухъ объ острожской трагедіи быстро распространился по всей южной Руси и наполнилъ сердца православныхъ глубокою скорбью, а неизвѣстный составитель львовской лѣтописи, на память будущимъ родамъ, записалъ въ свою хронику слѣдующее: „въ томъ-же (1636) року, на свята великодныи, зъ недѣли на понедѣлокъ, у Острогу, пани воеводиная, дочка княжны ярославской, пошедши до замку, казала собѣ гробъ отворити, и добывши склепу, где лежало тѣло отца ея, и казала его взяти, которое южъ было згнило, только кости; которыи взявши, казала ихъ помыти и посвятити езуитамъ и отвезти до Ярославля, до матки своей. И казала провадити изъ церкви, кгды Русь звыкла, на память звитязства Христа Спасителя нашого, с крестами, съ корогвами тріумфъ коло церкви отправовати,—абы съ того напасть на Русь чинити. И такъ *учинили много злого христіанству*". Такъ думали православные; а слабодушная Анна-Алоиза, напротивъ, думала, что она совершила доброе и богоугодное дѣло тѣмъ, что, во-первыхъ, оказала помощь своему покойному отцу, перенеся его тѣло изъ „проклятой земли" на землю „святую"; во-вторыхъ—очистила свои владѣнія отъ „схизматическаго еретичества"; и въ третьихъ—спасла отъ вѣчной гибели и пріобрѣла Богу множество душъ схизматическихъ, присоединивъ ихъ къ уніи или даже прямо къ римскому костелу. Такъ-же, безъ сомнѣнія, смотрѣли на все случившееся и руководители Анны-Алоизы, іезуиты; а ея біографы, окончивъ повѣсть о вышеписанномъ, начинаютъ новую затѣмъ главу слѣдующими словами: „по окончаніи такимъ неожиданнымъ способомъ вышерасказанной трагедіи, ясновельможная фундаторша начала думать *о дальнѣйшемъ размноженіи славы Божьей*". Это дальнѣйшее размноженіе состояло въ новыхъ щедротахъ Анны-Алоизы по отно-

---

[1]) Genealogia XX. Ostrogskich, 139—142. Korona Polska, 111, 522. Цитируемъ по ссылкѣ В. Домбровскаго въ его статьѣ «Острожская Старина», помѣщенной въ «Кіевлянинѣ» Максимовича, за 1840 годъ.

шенію къ ея дѣтищу—коллегіуму іезуитскому и въ передачѣ іезуитамъ всѣхъ имѣній, которыми такъ щедро были надѣлены отъ предковъ ея православные церкви и монастыри въ предѣлахъ владѣній острогскихъ.

Такъ прошло еще 12 лѣтъ. Не смотря на свои далеко еще не старые годы (ей было тогда подъ 50 лѣтъ), Анна-Алоиза выглядѣла настоящей старухой, часто болѣла и безпрестанно готовилась къ смерти. Каждый день она отправляла особую литанію о томъ, чтобы Богъ послалъ ей добрую смерть, и каждую болѣзнь свою считала смертельною. Ей казалось, что она до конца совершила земное свое назначеніе, преуспѣла во всѣхъ добродѣтеляхъ, и захотѣлось ей предпринять еще одинъ, послѣдній подвигъ: посѣтить святыя мѣста и затѣмъ гробъ основателя іезуитскаго ордена св. Игнатія Лойолы, и тамъ, при ногахъ его, сложить свои праведныя кости. Но судьба неожиданно приготовила ей другое странствованіе. Въ 1648 г. въ Украйнѣ вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго, быстро охватившее всѣ южно-русскія земли. На Волыни, какъ и въ другихъ мѣстахъ, началось всеобщее бѣгство въ Польшу ксендзовъ, пановъ и евреевъ, справедливо опасавшихся попасться въ руки возмутившагося народа. Острожскіе іезуиты, какъ кажется, оказались въ числѣ первыхъ, „накивавшихъ козакамъ пятами". Анна-Алоиза также вынуждена была оставить на произволъ судьбы свои богатства и пуститься въ далекій путь. А по пятамъ ея въ Острогъ нагрянули козаки, вырѣзали здѣсь до четырехъ-сотъ евреевъ и уніатовъ и дымомъ пустили къ небу недостроенный еще въ то время іезуитскій коллегіумъ и католическіе костелы. Когда Анна-Алоиза прибыла изгнанницей въ польскіе предѣлы, то, по словамъ іезуитовъ, Малая и Великая Польша съ удивленіемъ смотрѣла на большой и пышный поѣздъ *одной* русской пани: такъ много было въ ея обозѣ каретъ, каруцъ, рыдвановъ и возовъ, запряженныхъ по четыре и по шести лошадей и нагруженныхъ всякими богатствами. Весь многочисленный штатъ ея дворцовыхъ слугъ сопутствовалъ своей госпожѣ, готовясь дѣлить съ нею бѣдствія изгнанія, а въ числѣ самыхъ дорогихъ своихъ сокровищъ она везла за собою гробъ своего мужа Ходкевича, справедливо опасаясь, чтобы козаки не наругались надъ прахомъ знаменитаго рыцаря. Прахъ этотъ она похоронила временно въ краковскомъ іезуитскомъ костелѣ, разсчитывая

снова возвратить его въ Острогъ по „успокоеніи отчизны“. Когда въ августѣ 1649 года былъ заключенъ съ козаками зборовскій миръ, многіе думали, что вслѣдъ затѣмъ должна наступить эпоха столь желаннаго успокоенія, и стали возвращаться въ покинутыя имѣнія на Украйнѣ. Въ числѣ другихъ шляхетныхъ изгнанниковъ вернулась и Анна-Алоиза въ свой Острогъ, оплакала слѣды козацкаго разоренія и немедленно приступила къ поправкѣ того, что еще могло быть поправлено. Но не прошло и года, какъ война съ козаками возобновилась, и несчастная внучка князя Константина Острожскаго вынуждена была снова поспѣшно бросать—на этотъ разъ уже навсегда—свои города и замки, свои обширныя владѣнія и несмѣтныя богатства, и бѣжать въ чужую землю, скитаться по чужимъ угламъ. А козацкіе загоны снова посѣтили Острогъ и вторично предали огню все, что напоминало здѣсь о католичествѣ и іезуитахъ. Впрочемъ, ясневельможная изгнанница нашла въ Польшѣ радушный пріютъ у людей, которыхъ она никогда не считала чужими: сначала она поселилась въ калишскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ, а потомъ проживала въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ коллегіуму познанскому. И сбылось, замѣчаютъ ея біографы, давнее предчувствіе этой Анны-пророкини, которое она не разъ высказывала въ Острогѣ отцамъ іезуитамъ, осыпая ихъ щедрыми милостями: „будетъ время, когда я прійду въ убожество и у васъ, мои отцы, буду просить хлѣба и пристанища“. „Впрочемъ, говорятъ они далѣе, не такъ по нуждѣ, какъ по особенной своей милости ясневельможная княжна благоволила жить въ домѣ слугъ своихъ и ѣсть ихъ хлѣбъ; ибо она и въ это время за оказанное ей одолженіе болѣе сдѣлала намъ щедрыхъ пожертвованій, чѣмъ сколько стоило содержаніе ея панскаго двора“. Дѣйствительно, объ Аннѣ-Алоизѣ никакъ нельзя было сказать іезуитамъ, что она даромъ ѣла ихъ хлѣбъ, ибо въ это самое время она сдѣлала въ ихъ пользу новое пожертвованіе, по щедрости едвали не превосходившее всѣ прежнія благодѣянія. Получивъ извѣстіе о вторичномъ разореніи острожскаго коллегіума и потерявъ увѣренность въ возможности возобновленія его въ ближайшемъ будущемъ, Анна-Алоиза предприняла намѣреніе возстановить изъ развалинъ другой іезуитскій коллегіумъ, также разрушенный козаками, именно въ г. Ярославѣ, составлявшемъ ея материнскій удѣлъ, которымъ она имѣла право располагать

какъ своею личною, а не родовою собственностью. Въ этомъ смыслѣ она составила въ 1653 г. фундаціонную запись и немедленно внесла ее въ познанскія земскія книги, записавъ въ собственность будущаго коллегіума ближайшія къ г. Ярославу имѣнія на *вѣчныя* времена.

Въ послѣдній годъ своей жизни Анна-Алоиза почему-то оставила своихъ друзей-іезуитовъ и проживала въ имѣніяхъ разныхъ великопольскихъ пановъ: въ Ковалѣ, Коморжѣ, Гнинѣ и наконецъ въ Рацацѣ. Политическія тревоги послѣднихъ лѣтъ, двукратное бѣгство изъ родины, горести и лишенія бездомной, скитальческой жизни, наконецъ страшныя бѣдствія отечества, раздираемаго и безпрестанно опустошаемаго вторженіями непріятельскихъ войскъ: козацкихъ, московскихъ, шведскихъ, венгерскихъ, и обреченнаго, казалось, на неминуемую гибель, — все это быстро разрушило истощенный, болѣзненный организмъ Анны-Алоизы и преждевременно свело ее въ могилу. Она скончалась 27 генваря 1654 года, въ г. Рацацѣ, въ домѣ какой-то пани Гнинской. Признательные отцы-іезуиты безотлучно окружали смертную постель своей благодѣтельницы и ихъ дружеская рука закрыла на вѣки ея глаза. Впослѣдствіи они составили подробное и умилительное повѣствованіе о послѣднихъ минутахъ ея жизни, изъ котораго можно видѣть, къ какимъ поистинѣ театральнымъ церемоніямъ не гнушались прибѣгать отцы-іезуиты даже въ такой важный и серьезный моментъ, какъ разлученіе съ тѣломъ души человѣческой. Весь эффектъ этой неумѣстной церемоніи состоялъ въ томъ, что при помощи искусныхъ бесѣдъ о наслажденіяхъ загробной жизни и затѣмъ цѣлаго ряда торжественно произносимыхъ вопросовъ и потрясающихъ воззваній, умирающая была приведена въ крайнюю степень экзальтаціи и выражала страстное желаніе поскорѣе вкусить смерть и воспрянуть на небо. Достойно вниманія замѣчаніе біографовъ Анны-Алоизы, что, не взирая на несомнѣнное благочестіе ея и набожность, праведница эта по смерти своей „не ушла языковъ людскихъ“ и подверглась разнымъ пересудамъ, хотя, прибавляютъ они, гораздо болѣе было такихъ, которые и по смерти признавали ее добродѣтельною женщиною.

Анна-Алоиза оставила весьма подробное духовное завѣщаніе, составленное ею еще въ 1651 г. и впослѣдствіи нѣсколько разъ

дополняемое. Этотъ интересный документъ чрезвычайно живо рисуетъ предъ нами духовный образъ его составительницы, всѣ задушевные помыслы ея и симпатіи, предсмертныя думы, заботы и опасенія. Завѣщаніе Анны-Алоизы начинается обычнымъ исповѣданіемъ принадлежности ея къ католической церкви и молитвой къ Богу о милосердіи и снисхожденіи къ ея грѣхамъ; послѣ чего слѣдуютъ распоряженія относительно похоронъ. „Я прошу, завѣщала она, чтобы тѣло мое грѣшное было положено въ костелѣ отцевъ іезуитовъ въ Острогѣ; тамъ я, вмѣстѣ съ мужемъ моимъ, хочу ожидать послѣдней трубы воскресенія мертвыхъ. Я прошу, чтобы меня похоронили безъ всякой пышности, которая не идетъ ко мнѣ, живущей сиротой и почти заживо умершей. Я смиренно прошу, чтобы меня несли въ костелъ отцы іезуиты своими руками... Я увѣрена, что превелебные отцы іезуиты будутъ такъ добры, что всѣ они, сколько можно будетъ собрать ихъ въ скоромъ времени, соберутся для поданія помощи душѣ моей; объ этомъ я униженно прошу ихъ“. Другихъ монаховъ, кромѣ іезуитовъ, она не велитъ приглашать къ ея погребенію и вмѣняетъ въ обязанность слугамъ особенно заботиться, чтобы отцы іезуиты, которые будутъ находиться при тѣлѣ ея, имѣли „всякія выгоды“, а на покрытіе дорожныхъ издержекъ для пріѣзжихъ іезуитовъ она ассигнуетъ 3000 золотыхъ польскихъ и велитъ раздѣлить между ними эту сумму. На отправленіе мшей въ день ея похоронъ въ 12-ти ближайшихъ къ Острогу кляшторахъ и для раздачи нищимъ милостыни было ассигновано 2000 золотыхъ. Далѣе слѣдуютъ щедрыя пожертвованія въ пользу острожскихъ іезуитовъ и на возстановленіе и украшеніе въ Острогѣ ихъ коллегіума; и видно по всему, что этотъ пунктъ составлялъ главный предметъ предсмертныхъ думъ и заботъ Анны-Алоизы: приступая къ нему, она и молитъ, и заклинаетъ своихъ наслѣдниковъ въ точности исполнить ея распоряженія, въ противномъ-же случаѣ она призываетъ гнѣвъ Божій на души и тѣла тѣхъ, кто осмѣлился-бы учинить малѣйшее нарушеніе послѣдней воли ея. Костелу іезуитскому въ Острогѣ Анна-Алоиза назначаетъ 20,000 золотыхъ и сверхъ того все золото, жемчугъ, камни драгоцѣнные, столовое серебро, подсвѣчники, чаши, кубки—словомъ, все до малѣйшей вещи, что только останется послѣ нея въ серебрѣ бѣломъ или позолоченномъ. Іезуиты должны были получить всю домашнюю

утварь ея: иконы, часы, книги, шкатулки, обои и опоны, ковры, полотна, шелковыя ткани, кареты и лошадей; имъ-же доставались стада воловъ, быковъ, овецъ, свиней, въ фольваркахъ острожскихъ, звягельскихъ и берездовскихъ; все оружіе, вывезенное изъ замка острожскаго, пушки, ружья, гаковницы, мушкеты, порохъ и пули—также поступало іезуитамъ. На постройку и возобновленіе разрушеннаго козаками острожскаго коллегіума и при немъ костела Анна-Алоиза записала іезуитамъ имѣніе с. Кривинъ съ фольваркомъ Котумлемъ и всѣ тѣ мѣста въ ея имѣніяхъ, гдѣ добывался камень, выдѣлывался кирпичъ и гдѣ брали известь и глину. Когда костелъ будетъ построенъ, наслѣдники Анны-Алоизы обязывались выдать новые 20,000 золотыхъ на содержаніе большаго алтаря въ немъ и еще 20,000 на содержаніе алтаря надъ гробомъ ея мужа, гетмана Ходкевича; сверхъ того—30,000 зол. на покрытіе костела мѣдью и 20,000 на уплату долговъ острожскихъ іезуитовъ другимъ коллегіумамъ, а 2,000—для бурсы бѣдныхъ учениковъ при коллегіумѣ острожскомъ. Не забыла Анна-Алоиза и другихъ іезуитовъ, находившихся въ Краковѣ, Сандомірѣ, Ярославѣ, Луцкѣ, Перемышлѣ, Винницѣ, Барѣ,—всѣмъ имъ она записала по нѣскольку тысячъ золотыхъ польскихъ. Всѣ основанные ею въ острожскихъ имѣніяхъ костелы и богодѣльни она также обезпечила десятинами и разными доходами и обдарила большими денежными суммами. Не менѣе щедро вознаградила Анна-Алоиза служившую при ея дворѣ шляхту: 25-ти лицамъ она записала въ пожизненное пользованіе 36 деревень, другимъ назначила денежныя суммы и платья. Не забыла и простыхъ своихъ подданныхъ: „невозможно предположить, писала она, чтобы мои крестьяне не терпѣли угнетеній, за которыя прійдется дать отвѣтъ предъ Богомъ; поэтому я прошу, чтобы, въ вознагражденіе ихъ за это, во всѣхъ моихъ волостяхъ: острогскихъ, звягельскихъ, туровскихъ, свидинскихъ и ярославскихъ были подарены имъ на три года чинши и фуры“.

Распредѣливъ столь щедро значительную часть своего состоянія на дѣла богоугодныя, Анна-Алоиза не была увѣрена въ томъ, что ея родственники, къ которымъ послѣ ея смерти должны были перейти отцовскія имѣнія ея, въ точности исполнятъ ея послѣднюю волю. Эти опасенія болѣе всего озабочивали благочестивую княжну и не давали спокойно умереть ей. Въ самомъ завѣщаніи она много-

кратно молитъ и заклинаетъ наслѣдниковъ не нарушать ея распоряженій, а чтобы еще вѣрнѣе удержать ихъ отъ этого, она назначаетъ самого Бога и пресвятую Матерь Его вотчинниками той части ея состоянія, которая была предназначена на предметы религіи и дѣла милосердія. А въ протекторы своего завѣщанія она избираетъ короля Яна-Казиміра и униженно проситъ его, „дабы онъ, какъ мудрый и набожный монархъ, унаслѣдовавшій отъ богобойныхъ предковъ своихъ желаніе умножать славу Господню въ своихъ владѣніяхъ и привыкшій быть всегда опекуномъ и защитникомъ сиротъ и убогихъ, благоволилъ принять послѣднюю волю ея подъ свою особенную опеку и милостивую протекцію и не допустилъ, чтобы ея пожертвованія и фундаціи, предназначенныя ею на честь и хвалу Божію и на избавленіе душъ бѣднаго народа, живущаго въ этихъ отдаленныхъ странахъ (т. е. на Руси) и зараженнаго отступничествомъ отъ вселенскаго римскаго костела, были нарушены людскою алчностью“.

Незадолго до своей смерти Анна-Алоиза прибавила къ своему завѣщанію слѣдующее распоряженіе относительно своихъ похоронъ: „Такъ какъ наказаніе Божіе (т. е. козацкія войны) не прекращается, и мнѣ, вслѣдствіе продолжающихся нестроеній въ отчизнѣ, приходится скитаться по чужимъ угламъ и не въ своемъ предковскомъ домѣ жизнь кончить, то я прошу экзекуторовъ моего завѣщанія, чтобы они меня какъ найскорѣе по смерти моей, гдѣ-бы я ни умерла, отправили въ Краковъ и тамъ въ костелѣ св. Мацѣя, при новиціатѣ отцевъ іезуитовъ, положили-бы меня вмѣстѣ съ блаженной памяти моимъ мужемъ, который уже тамъ—не похороненъ, а лучше сказать положенъ мною при началѣ несчастія, постигшаго отчизну. При этомъ должна быть объявлена обычная протестація (т. е. формальное заявленіе предъ урядомъ), что, по успокоеніи отчизны, я непремѣнно должна быть перенесена, вмѣстѣ съ покойнымъ мужемъ моимъ, изъ означеннаго костела св. Мацѣя въ Острогъ и тамъ погребена въ костелѣ превелебныхъ отцевъ іезуитовъ. Я увѣрена, что ихъ милости (т. е. іезуиты) не пожалѣютъ дать для этого перенесенія ни повозки, ни лошадей и въ точности исполнятъ эту послѣднюю волю мою, а я, поелику не могу уже болѣе отслужить ихъ милостямъ за ихъ послѣднюю услугу,

не забуду ихъ предъ престоломъ Божіимъ. Однако я прошу и обязываю пановъ наслѣдниковъ моихъ дать ихъ милостямъ на это перенесеніе 1000 золотыхъ польскихъ“ [1]).

Опасенія Анны-Азоизы относительно нарушенія предсмертныхъ ея распоряженій сбылись раньше, чѣмъ она могла предполагать. Съѣхались съ разныхъ концевъ знатные и именитые ея родственники и, не взирая на завѣщаніе, рѣшили похоронить ее съ княжескою пышностью и великолѣпіемъ, и не тамъ, гдѣ она назначила, а въ ярославскомъ приходскомъ костелѣ. На приготовленія къ этимъ похоронамъ потребовалось около девяти мѣсяцевъ. Этимъ промедленіемъ воспользовались іезуиты и затѣяли съ наслѣдниками формальный процессъ, предъявивъ свои права на „дорогой имъ депозитъ“. Родственники умершей княжны не уступали. Дѣло грозило затянуться на неопредѣленное время; но за іезуитовъ вступился папскій нунцій и, благодаря его вмѣшательству, тѣло княжны формальнымъ образомъ было присуждено ордену іезуитовъ.. Мгновенно похоронная пышность, устроенная вопреки волѣ умершей, исчезла, и гробъ ея публично внесенъ былъ на раменахъ самыхъ важныхъ отцевъ Societatis Iesu въ принадлежавшій имъ костелъ св. Яна въ Ярославѣ и положенъ въ гробницѣ княгини ея матери— 17 февраля 1655 г., т. е. спустя годъ и нѣсколько недѣль послѣ ея смерти. „Но не долго (замѣчаютъ біографы) покоилась тамъ Анна-Алоиза. Какъ при жизни своей военною бурею она загнана была въ далекій край и много странствовала, такъ и по смерти постояннаго успокоенія не имѣла: во время бывшихъ въ томъ-же году нашествій войскъ: шведскихъ, московскихъ, татарскихъ, венгерскихъ и козацкихъ, она, по ходатайству отцевъ Societatis Iesu, перенесена была изъ Ярослава въ Краковъ и положена въ костелѣ св. Мацѣя, въ ожиданіи торжественнаго перенесенія, по наступленіи покоя, до своей фундаціи, въ Острогъ“. Этого послѣдняго перенесенія Аннѣ-Алоизѣ пришлось ждать довольно долго, ибо и самая „фундація“ея, т. е. острожскій коллегіумъ, по причинѣ все

---

[1]) Подлинное завѣщаніе Анны-Алоизы немедленно послѣ ея смерти было предъявлено острожскими іезуитами и внесено въ акты познанскаго суда и вмѣстѣ въ акты королевской канцеляріи въ Варшавѣ, а 9 марта 1697 года оно было перенесено ими-же въ актовыя книги луцкаго гродскаго суда.

тѣхъ-же политическихъ нестроеній въ краѣ, полъ-вѣка еще послѣ того продолжалъ лежать въ развалинахъ. Только въ первой четверти XVIII ст., послѣ того, какъ поляки, по силѣ Прутскаго договора 1712 года, снова „запановали“ въ правобережной Малороссіи, была возстановлена въ Острогѣ іезуитская твердыня, и тогда—именно въ 1723 г., тѣло Анны-Алоизы и мужа ея было перевезено іезуитами въ Острогъ и погребено въ іезуитскомъ костелѣ, вблизи главнаго олтаря. Надъ могилою гетмана Ходкевича сдѣланъ былъ мраморный барельефъ, съ изображеніемъ рыцаря; другой памятникъ изъ чорнаго мрамора обозначалъ мѣсто, подъ которымъ были положены смертные останки Анны-Алоизы.

Минуло еще полъ-вѣка, въ теченіе котораго населеніе западной Малороссіи болѣе изнемогало подъ тяжестью новаго „лядскаго ига“, чѣмъ то было во дни Хмельницкаго. Словно дикіе, кровожадные звѣри, расхаживали по краю, изъ села въ село, католическіе и уніатскіе миссіонеры, въ сопровожденіи военныхъ отрядовъ, и не словомъ проповѣди и убѣжденія, а муками и висѣлицами обращали народъ къ соединенію съ правовѣрнымъ костеломъ римскимъ. А для острожскихъ іезуитовъ это была самая блестящая эпоха, какой не переживали они даже при жизни своей фундаторши. По свѣдѣніямъ отъ 1738 г. ихъ находилось въ этомъ году въ Острогѣ свыше 60-ти человѣкъ; съ теченіемъ времени они, безъ сомнѣнія, еще болѣе умножились. Точно такъ-же и коллегіумъ острожскій достигъ въ эту эпоху своего высшаго процвѣтанія и, вмѣстѣ съ сосѣдними іезуитскими коллегіумами—въ Луцкѣ и Винницѣ, являлся могучимъ орудіемъ полонизаціи и разсадникомъ идей ожесточеннаго католическаго фанатизма въ средѣ мѣстнаго дворянства. Но ничто не вѣчно подъ луною. Въ 1773 г. былъ уничтоженъ іезуитскій орденъ и опустѣвшее зданіе острожскаго коллегіума было отдано базиліанамъ, переведеннымъ сюда изъ м. Гощи; а еще черезъ 12 лѣтъ, когда Волынь была присоединена къ Россіи и въ ней открыта была православная епархія, г. Острогъ былъ назначенъ мѣстопребываніемъ для мѣстнаго епископа, а помѣщеніе для него отведено въ зданіи бывшаго коллегіума. При этомъ іезуитскій костелъ былъ обращенъ въ православный преображенскій монастырь, а въ остальныхъ громадныхъ корпусахъ коллегіатскаго

зданія были помѣщены консисторія и новообразованная волынская духовная семинарія. Такъ неумолимый ходъ историческихъ событій окончательно разрушилъ намѣренія набожной Анны-Алоизы и далъ совсѣмъ иное назначеніе тому учрежденію, которое она въ фанатическомъ ослѣпленіи создала на пагубу родному краю и народу.

Тогда-же, по волѣ слѣпаго случая, былъ нарушенъ вѣчный покой и ея смертныхъ останковъ. Произошло это такъ, что около 1815 года волынскій епископъ Стефанъ задумалъ изъ бывшей іезуитской ризницы устроить придѣльный алтарь, и когда рабочіе проломали алтарную каменную стѣну, то нашли задѣланные въ ней два гроба, искусно выкованные изъ желтой мѣди, съ крышками изъ того-же металла. „Оба они (разсказываетъ очевидецъ) были внутри и снаружи весьма хорошо выбѣлены, особенно внутри, и казались будто новые; снаружи на бѣломъ полѣ выбиты были листы съ цвѣтами въ разводы блѣдно-зеленаго цвѣта, на подобіе рытаго плиса; но, находясь въ каменной стѣнѣ, эти листы съ цвѣтами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потерлись и сквозь побѣлку видна была желтая мѣдь. По вскрытіи перваго гроба, по истлѣвшему на костяхъ убору, всѣ узнали, что то была Анна-Алоиза, ибо портретъ ея еще висѣлъ въ монастырѣ въ золоченной овальной рамѣ, надъ гробницею чорнаго мрамора, выдавшеюся до половины изъ каменной стѣны, гдѣ, какъ полагали, находилось тѣло ея. По прикосновеніи къ одеждѣ, въ перстахъ оставался одинъ прахъ; черепъ съ зубами покрывала истлѣвшая шапочка, тѣло осунулось и истлѣло. Грудная кость покрыта сплетенною изъ волосъ сѣткою, еще довольно крѣпкою, на коей лежалъ металлическій крестикъ, какъ изображено на портретѣ. Что-же касается другаго гроба, то, открывъ его, увидѣли одни только развалившіяся отъ остова съ черепомъ кости, одежду-же съ тѣломъ согнившую. И какъ ни на одномъ гробѣ не было надписи, то о находившихся костяхъ въ другой гробницѣ мнѣнія были различны: одни говорили, что то былъ отецъ фундаторши, другіе—что братъ ея или родственникъ, были и такіе, кои утверждали, что—знакомецъ ея или іезуитъ“ [1]).

---

[1]) Личнымъ свидѣтелемъ всего разсказаннаго былъ протоіерей изъ м. Анноноля Аврамій Яворскій, впослѣдствіи, именно въ 1845 году, составившій объ

Но, вѣрнѣе всего, что во второмъ гробѣ былъ прахъ мужа Анны-Алоизы, гетмана Ходкевича, какъ то призналъ находившійся при этомъ одинъ изъ его потомковъ. По распоряженію преосвященнаго, оба гроба были перенесены въ подземный склепъ и положены въ отдѣльной каморкѣ. Но и здѣсь они не долго оставались въ покоѣ. Въ 1820 г. зданіе бывшаго іезуитскаго коллегіума подверглось пожару, вслѣдствіе чего мѣстопребываніе архіерея, а также консисторія и духовная семинарія были перемѣщены изъ Острога въ м. Аннополь, того-же уѣзда. Хотя огонь истребилъ только лишь кровлю іезуитскаго зданія, но оно не было уже починяемо и въ такомъ положеніи оставалось до самаго послѣдняго времени. Громадные опустѣлые корпуса его сдѣлались притономъ для городскихъ бродягъ и воровъ и въ короткое время подверглись окончательному опустошенію. Тогда, въ числѣ другихъ цѣнныхъ памятниковъ старины, были похищены и тѣ два гроба, о которыхъ мы говорили, при чемъ мѣдь была сбыта острожскимъ евреямъ, а кости выброшены, конечно, вонъ. Недавно приступили къ сломкѣ самого зданія и скоро, по всей вѣроятности, отъ него не останется и слѣда; поэтому считаю небезполезнымъ представить хотя краткое описаніе этого памятника печальной старины въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находился еще до 1876 года.

Бывшій іезуитскій коллегіумъ въ Острогѣ представлялъ собою громадное каменное зданіе, построенное въ формѣ неправильнаго четыреугольника, съ довольно просторнымъ дворомъ внутри его. Южная, лицевая сторона четыреугольника представляла корпусъ, значительно возвышавшійся надъ другими частями зданія и украшенный великолѣпнымъ фронтономъ съ колоннами и башенками: тутъ помѣщался іезуитскій костелъ, обращенный впослѣдствіи въ православный монастырь; остальные корпуса имѣли два этажа надземныхъ и по одному подвальному. Въ сѣверовосточномъ углу зданія высоко поднималась каменная башня, на верху которой помѣщалась когда-то, во дни іезуитовъ, астрономическая обсерваторія. Все зданіе, вмѣстѣ съ дворомъ и огородами, занимало про-

---

этомъ интересное воспоминаніе, помѣщенное въ Волынскихъ губернск. вѣдомостяхъ 1867 г. № 45.

странство въ 1 десятину и 97 квадратныхъ саженей, изъ коихъ 1737 квадратныхъ сажней лежало собственно подъ зданіями; отсюда можно заключить, какъ велика была вмѣстимость коллегіума. Въ корпусахъ, въ обоихъ этажахъ, находилось множество просторныхъ, разрисованныхъ портретами и другими изображеніями горницъ, съ сводчатыми потолками и необыкновенно массивными стѣнами. Вообще все зданіе было построено чрезвычайно прочно и капитально, и можно лишь пожалѣть о томъ, что изъ него не сдѣлали никакого общеполезнаго употребленія, а обрекли на жертву разрушенію. Правда, въ 1867 г., по мысли тогдашняго волынскаго архіепископа Агаѳангелла, было постановлено консисторіей—починить зданія бывшаго іезуитскаго коллегіума и перевести сюда изъ Дермани духовное училище, а въ остальныхъ корпусахъ устроить пріютъ или богадѣльню для вдовъ и сиротъ духовнаго званія волынской епархіи. Но совѣтъ дерманскаго духовнаго училища нашелъ невозможнымъ произвести на свои скудныя средства починку зданій, а запрошенное въ 1868 г. консисторіей духовенство епархіи также не собралось на пожертвованія для устройства пріюта для вдовъ и сиротъ. Поэтому въ 1876 г. консисторія и новый тогда уже архіепископъ признали мысль преосвященнаго Агаѳангелла неосуществимой и возвратились къ мѣрѣ, указанной св. синодомъ еще въ 1865 г., т. е. предписали передать зданія бывшаго коллегіума въ распоряженіе губернской администраціи для сломки и употребленія матеріала на постройку проэктируемой въ Острогѣ соборной и др. церквей. Вслѣдъ затѣмъ изъ этого матеріала были построены въ Острогѣ: зданіе учительской семинаріи, колокольня при церкви мѣстнаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства и нѣсколько частныхъ домовъ. При этомъ, какъ водится, огромное количество матеріала подверглось всеобщему расхищенію, такъ что въ рѣдкомъ изъ острожскихъ дворовъ вы не увидите сарая, хлѣва или другой хозяйственной постройки, сложенной изъ старинныхъ кирпичей. Во время моего посѣщенія Острога лѣтомъ прошлаго 1882 г. я еще засталъ уцѣлѣвшими два громадныхъ корпуса коллегіатскаго зданія; но ломка продолжается и по-нынѣ... А между тѣмъ въ томъ-же Острогѣ многолюдная шестиклассная прогимназія помѣщается въ ветхомъ деревянномъ флигелѣ, передѣланномъ изъ конюшенъ прежняго владѣльца города.

Теперь—нѣсколько словъ о портретахъ Анны-Алоизы. Изъ приведеннаго выше отрывка статьи протоіерея Яворскаго видно, что въ его время, т. е. до пожара іезуитскаго зданія въ 1820 г., здѣсь хранились еще висѣвшіе на стѣнахъ въ церкви портреты Анны-Алоизы и мужа ея гетмана Ходкевича. Куда они дѣвались впослѣдствіи—этого я никакъ не могъ добиться. Гораздо дольше сохранились портреты Анны-Алоизы и ея дяди Януша Константиновича Острожскаго въ бывшемъ францисканскомъ кляшторѣ въ м. Межиричѣ, вблизи Острога; но въ 1866 г. этотъ кляшторъ былъ обращенъ въ православную церковь, и тогдашній священникъ ея, по несчастію обладавшій иконописнымъ искусствомъ, желая истребить самую память о принадлежности къ католичеству потомковъ князя Константина Острожскаго, замазалъ оба названные портреты, а на мѣсто ихъ изобразилъ лики св. Ѳеодора князя острожскаго и препод. Іова Почаевскаго. Наконецъ, въ острожскомъ католическомъ костелѣ мнѣ удалось найти два старинныхъ портрета: Анны-Алоизы и ея отца князя Александра Острожскаго—и даже пріобрѣсти довольно удачныя копіи съ нихъ. На портретѣ Анна-Алоиза изображена сорокалѣтнею женщиною, съ черными глазами и бровями и вообще съ чертами лица, несомнѣнно свидѣтельствующими о замѣчательной красотѣ ея въ цвѣтущемъ возрастѣ. Она одѣта въ чорное платье католической монахини, съ бѣлымъ покрываломъ на шеѣ и груди, въ надвинутой до бровей бархатной шапочкѣ, опушеной соболемъ, и съ четками въ правой рукѣ. Глядя на этотъ скорбный ликъ іезуитской праведницы, невольно испытываешь какое-то жуткое ощущеніе: холодомъ могилы и запахомъ тлѣнія вѣетъ отъ этого круглаго, сморщеннаго, безстрастнаго лица, съ тонкими, сухими губами, припухшими вѣками и отуманеннымъ взоромъ.

Наконецъ, нельзя не упомянуть еще объ одномъ древнемъ острожскомъ памятникѣ, съ печальной судьбой котораго тѣсно связано—не только въ исторіи, но и въ памяти народной—воспоминаніе объ Аннѣ-Алоизѣ: разумѣемъ остатки величественнаго и въ самыхъ развалинахъ Богоявленскаго храма на горѣ замковой. Нѣкогда его окружали стѣны и башни замка, а крытая, „балясованая“ галлерея соединяла его непосредственно съ палацомъ князей острожскихъ; теперь отъ всего этого уцѣлѣла одна лишь каменная полукруглая башня, а на фундаментѣ какого-то древняго, укрѣ-

пленнаго контрфорсами, каменнаго зданія (по мнѣнію нѣкоторыхъ— палаца острожскихъ) возведена казарма солдатская. Храмъ построенъ въ готически-византійскомъ стилѣ, въ формѣ продолговатаго четыреугольника, о пяти куполахъ, и по всей справедливости можетъ считаться лучшимъ памятникомъ южнорусскаго зодчества XV вѣка[1]). Здѣсь именно, подъ величественными сводами этого памятника древности и благочестія князей острожскихъ, совершилась въ 1636 г. печальной памяти исторія похищенія Анной-Алоизой праха ея отца, вызвавшая возмущеніе православнаго острожскаго населенія. Съ того времени колокола Богоявленскаго храма замолкли навсегда, а самъ онъ, по выраженію одной старинной брошюры, былъ оставленъ въ жилище совамъ и воробьямъ, и въ этомъ положеніи остается и понынѣ. Среди острожскаго населенія существуетъ повѣрье, будто ежегодно въ полночь пасхальную вокругъ пустынныхъ стѣнъ полуразрушеннаго храма тоскливо бродитъ какая-то женщина въ бѣломъ одѣяніи, съ распущенными волосами,

---

[1]) Точныхъ свѣдѣній о времени построенія Богоявленскаго храма, впрочемъ, не имѣется. Авторъ «Описанія Острога», помѣщеннаго въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. за 1848 г., Перлштейнъ, свидѣтельствуетъ, что въ его время на наружныхъ окнахъ сѣверной стѣны церкви были видны еще слѣды надписей латинской и славянской, изъ которыхъ онъ съ большимъ трудомъ прочелъ: «Jnitium hujus operis anno Domini 1321», а изъ славянской можно было разобрать: лишь клѣ зка. Если вѣрно разобраны эти надписи, то ихъ можно понимать такъ, что первоначальное основаніе Богоявленской церкви относится къ 1321 г., ко времени князя Даніила Васильевича Острожскаго, а славянское число 7021 (1513) должно указывать годъ ея возобновленія. Но самъ Перлштейнъ, слѣдуя другимъ польскимъ и русскимъ историкамъ, признаетъ болѣе вѣроятнымъ общее мнѣніе, что строителемъ нынѣшняго Богоявленскаго храма былъ князь Василій Ѳедоровичъ Острожскій, умершій въ 1453 году и похороненный въ этомъ же храмѣ. Гробница этого князя была видна здѣсь еще въ прошломъ вѣкѣ, но въ 1773 г. ее почему-то перенесли въ церковь с. Хорева, близъ Острога, вмѣстѣ съ крестомъ, снятымъ съ одного изъ уцѣлѣвшихъ куполовъ Богоявленскаго храма и поставленнымъ на Хоревской церкви. Въ прошломъ году мнѣ случилось быть въ с. Хоревѣ и видѣть въ алтарѣ тамошней церкви этотъ надгробный камень князя Василія, или вѣрнѣе его обломки, на которыхъ съ трудомъ читаются слова «Остроз...» да еще кое-какія отдѣльныя буквы.

громко плачетъ и въ отчаяніи ломаетъ себѣ руки. Народъ забылъ имя этой несчастной и помнитъ лишь, что это—знатная пани, которая когда-то, во время пасхальнаго богослуженія въ этой самой церкви, цугомъ промчалась по священнымъ пасхамъ и за то по смерти осуждена Богомъ не имѣть покоя въ могилѣ и вѣчно оплакивать свой страшный грѣхъ[1]). Въ этомъ полузабытомъ преданіи не трудно видѣть смутное воспоминаніе народа объ Аннѣ-Алоизѣ и о событіи 1636 года, имѣвшемъ столь роковое вліяніе между прочимъ и на судьбу Богоявленскаго храма. По какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, храмъ этотъ не былъ обращенъ Анной-Алоизой ни въ католическій костелъ, ни даже въ уніатскую церковь; вѣроятно, находившіяся въ немъ гробницы православныхъ предковъ ея дѣлали во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ такое обращеніе, и потому онъ просто былъ обреченъ на жертву запустѣнію. Съ тѣхъ поръ минуло безъ малаго два съ половиною вѣка, и сколько важныхъ перемѣнъ совершилось въ судьбѣ древняго города князей острожскихъ, какъ и въ судьбѣ цѣлаго края Волынскаго! Погибла и самая память объ острожскихъ іезуитахъ и скоро не останется камня на камнѣ отъ колоссальной нѣкогда твердыни ихъ—острожскаго коллегіума. А Богоявленскій храмъ, вопреки всѣмъ превратностямъ судьбы, вопреки даже разрушительному вліянію всесокрушающаго времени, все еще величаво высить къ небу свои стройные куполы, правда давно лишенные крестовъ и кровли и на половину уже обрушившіеся, и словно забытый смертью на землѣ многолѣтній пращуръ краснорѣчиво повѣдаетъ о былыхъ, славныхъ временахъ, когда подъ его сѣнью цвѣло знаменитое училище острожское, готовившее на служеніе родной землѣ такихъ дѣятелей, какъ, напр., Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, Исаія Копинскій, Захарій Копыстенскій и др. Едвали не со времени присоединенія Волыни къ Россіи многократно былъ подымаемъ вопросъ о возобновленіи острожскаго Богоявленскаго храма,—вопросъ, несовсѣмъ оставленный и въ настоящее время. Еще недавно въ Острогъ пріѣзжали столичные инженеры, изслѣдовали глубину фундамента Бого-

---

[1]) Объ этомъ интересномъ повѣрьи и соединенномъ съ нимъ преданіи мнѣ лично пришлось услышать въ бытность мою въ Острогѣ.

явленской церкви, поставили къ ея вѣковымъ стѣнамъ деревянныя подпорки и неизвѣстно съ какимъ заключеніемъ уѣхали обратно. Послѣдуетъ-ли когда-нибудь ея возобновленіе или нѣтъ, это дѣло невѣрнаго будущаго; а въ настоящемъ нельзя не пожелать, чтобы приняты были какія-либо мѣры къ предохраненію этого во всѣхъ отношеніяхъ цѣннаго историческаго памятника отъ дальнѣйшаго разрушенія какъ со стороны стихій, такъ еще болѣе со стороны жителей, расхищающихъ кирпичъ для хозяйственныхъ нуждъ,— или по крайней мѣрѣ, чтобы зданіе было ограждено заборомъ. А то вѣдь совѣстно сказать: этотъ величественный, четырехъ-вѣковой памятникъ православія, заключающій въ своихъ нѣдрахъ гробницы острожскихъ князей, служитъ теперь убѣжищемъ для бродячихъ скотовъ и, что еще хуже, отхожимъ мѣстомъ для проходящихъ.

Орестъ Левицкій.

СУДЪ НАДЪ ВѢДЬМАМИ.

Малорусскій народъ гораздо менѣе суевѣренъ, нежели великороссійскій. Утверждая это, мы, однако, исключаемъ отъ сопоставленія тѣ отрасли южно-русскаго племени, которыя обитаютъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ: *полѣщуковъ* волынской и сѣверной части кіевской губерніи, отчасти гродненской, *пинчуковъ* минской губерніи и *сѣверянъ* черниговскаго Задесенья. Перечисленныя три отрасли южно-руссовъ количествомъ и характеромъ суевѣрій превосходятъ какъ остальныхъ малороссовъ, такъ и великороссовъ, и ближе всего подходятъ къ бѣлоруссамъ. Но что малороссъ степныхъ мѣстностей и прочихъ южныхъ губерній болѣе свободенъ отъ предразсудковъ, нежели великоросъ, въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, кто приметъ на себя трудъ провести параллель между сѣверно-русскими и южно-русскими демоническими существами. Хотя число разнаго рода духовъ у южноруссовъ, можетъ быть, то-же, что и у сѣверноруссовъ; за то духи первыхъ мягче, человѣчнѣе, чѣмъ у послѣднихъ. Малороссъ представляетъ своихъ духовъ въ образахъ часто очень поэтическихъ и не придаетъ имъ той злостности, какою отличаются духи великороссовъ. Самъ чортъ въ малорусскихъ разсказахъ, какъ извѣстно, является нерѣдко въ комическомъ видѣ и вообще не такимъ страшнымъ, какъ великороссійскій. Какъ-бы ни смягчался образъ и ни умалялась власть чорта въ народныхъ вѣрованіяхъ южноруссовъ, все таки нечистый духъ въ его представленіяхъ является настолько сильнымъ, что можетъ приводить въ движеніе мертвецовъ (упыри) и помогать злымъ бабамъ (вѣдьмамъ) причинять людямъ всякія пакости и даже бѣдствія.

Хотя предметъ настоящей статьи составляетъ собственно указаніе на то, какимъ образомъ у насъ, въ Южной Руси, судили

вѣдьмъ въ старину, но для большаго уясненія процессовъ вѣдьмъ необходимо предварительно коснуться и существующихъ нынѣ вѣрованій въ вѣдьмъ, вѣрованій болѣе или менѣе извѣстныхъ, благодаря трудамъ нашихъ этнографовъ.

Вѣдьмы, по народнымъ вѣрованіямъ, способны дѣлать людямъ лишь одно зло: онѣ доятъ по ночамъ чужихъ коровъ; выдаивая коровъ до крови, вѣдьмы тѣмъ самымъ портятъ ихъ; пугаютъ людей, превращаясь въ разныхъ животныхъ: въ собакъ, свиней, сорокъ и въ различные неодушевленные предметы. Онѣ-же снимаютъ съ неба звѣзды (падающія) и прячутъ у себя подъ „покутьемъ" или въ погребахъ. Имъ также извѣстно искусство скрадывать съ неба дождь и росу, которые онѣ уносятъ въ завязанныхъ сосудахъ съ собой и хранятъ въ своихъ домахъ. Онѣ могутъ управлять какъ дождевыми, такъ и градовыми тучами; слѣдовательно, въ ихъ власти задержать дождь и тѣмъ причинить засуху и голодъ, или навести градъ. Имъ приписываютъ также закрутки, или заломы на нивахъ, которыя онѣ закручиваютъ съ двоякою цѣлью: съ одной стороны, чтобы причинить смерть тому хозяину нивы, который вздумалъ-бы самолично, безъ помощи знахаря, вырвать заломъ, съ другой стороны, чтобы такимъ способомъ перетянуть къ себѣ чужое хлѣбное зерно. Вѣдьмы, какъ и упыри, сосутъ кровь у людей, въ особенности у парней и дѣвушекъ, и тѣмъ причиняютъ имъ смерть. Моровое повѣтріе и скотскіе падежи также приписываются вѣдьмамъ [1]).

Вѣрованіе въ вѣдьмъ настолько распространено въ Малороссіи, что въ каждомъ селѣ вамъ укажутъ на одну или нѣсколько вѣдьмъ. Въ этомъ случаѣ не представляютъ исключенія даже большіе, университетскіе города, какъ Кіевъ и Харьковъ, въ которыхъ жители предмѣстій имѣютъ своихъ вѣдьмъ. Вѣдьмы кіевскіе извѣстны всей Россіи. Покойнымъ профессоромъ Иванишевымъ, уроженцемъ Кіева, записаны были отъ кіевскихъ вѣдьмъ, какъ онъ выражался, прекрасныя заклинанія, которыя составляли цѣлый сборникъ [2]). Въ Харьковѣ, по разсказамъ народа, одна изъ вѣдьмъ

---

[1]) Lud Ukrainski II, 81; Обычаи, повѣрья и кухня малорос. Маркевича, стр. 83, Труды экспед. въ западно-рус. край I, 197—199. Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу Аѳанасьева и др.

[2]) Съ сборникомъ своимъ познакомилъ меня самъ Иванишевъ въ 1859 году,

живетъ въ предмѣстьи Журавлевкѣ. Это жена коваля, женщина еще не старая; она портитъ коровъ, перевязывая соски конскимъ волосомъ. Купитъ человѣкъ корову, подоятъ дня три, какъ слѣдуетъ; затѣмъ вымя у нея твердѣетъ и не оказывается молока. Всѣ приписываютъ порчу коровъ ковалихѣ, которая пользуется чужимъ молокомъ. Въ семьѣ своей она также крутитъ, т. е. всѣми командуетъ; мужъ, говорятъ, было повѣсился изъ-за нея, да сняли съ петли.

Нельзя не привести здѣсь еще нѣсколькихъ примѣровъ, указывающихъ, какъ крѣпко держится въ народѣ вѣрованіе въ вѣдьмъ. Въ с. Бабаяхъ, подъ Харьковомъ, живетъ ветхая старуха, свыше семидесяти лѣтъ. Крестьяне ея побаиваются, думая, что она вѣдьма; всѣ несчастія, которыя случаются въ селеніи, народъ приписываетъ ни въ чемъ неповинной старухѣ. Въ прошломъ году вдругъ по селу пронесся слухъ, что старуха умерла. Собрались родные, и позже все село пришло посмотрѣть на мертвую вѣдьму. Къ изумленію всѣхъ присутствующихъ и, конечно, къ большему укрѣпленію ихъ вѣрованія, когда уже былъ приготовленъ гробъ и послали за священникомъ, старуха очнулась съ громкимъ крикомъ и потребовала себѣ меду [1]). Въ брацлавскомъ уѣздѣ, подольской губерніи, въ с. Байраковкѣ былъ въ нынѣшнемъ году слѣдующій случай. Въ этомъ селѣ умерла отъ родовъ молодая женщина. Когда на другой день пришли хоронить ее, женщина ожила. Она стала затѣмъ разсказывать, что была уже на томъ свѣтѣ, но ее не приняли. Присутствующіе объяснили, что она, должно быть, большая грѣшница, когда Богъ ее не принялъ. Несчастная женщина усвоила себѣ это мнѣніе, стала думать, что она предназначена чорту, если Богъ не принимаетъ ее, и черезъ нѣсколько дней повѣсилась. Общество въ свою очередь признало ее вѣдьмой и нашло нужнымъ сдѣлать ее уже послѣ смерти безвредной для людей. Для этого напоили допьяна нѣсколькихъ парней, и тѣ за волосы выволокли ее за село на раздорожье и бросили въ яму, нарочно для этого наполненную во-

---

когда я былъ еще студентомъ. Этотъ сборникъ въ послѣдствіи, въ 1874 году, былъ присланъ кіевскимъ отдѣломъ Русскаго Географическаго общества на мое имя въ Воронежъ и затерянъ почталіономъ, какъ оказалось по дознанію, произведенному воронежской почтовой конторой, и такимъ образомъ погибъ безвозвратно.

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. за 1883 г., № 79.

дою, этимъ лишили вѣдьму возможности насылать на село засуху. Но чрезъ нѣкоторое время мѣстный экономъ сталъ разсказывать, что ему снилось, будто повѣсившаяся женщина просила, чтобы могилу ея окропили святой водой и поставили на ней крестъ,—тогда она оставитъ всѣхъ въ покоѣ (никому не будетъ сниться). Крестьяне сдѣлали складчину и на собранныя деньги поставили *фигуру* (высокій крестъ) на могилѣ, а также освятили самое мѣсто, гдѣ похоронена покойница[1]).

За вѣдьмъ признаютъ преимущественно женщинъ глубокой старости. Народу именно кажется подозрительной долговѣчность такихъ женщинъ, т. е. онъ думаетъ, что свой вѣкъ вѣдьма можетъ продлить посредствомъ чародѣйства. Иногда, впрочемъ, въ число вѣдьмъ засчитываютъ и молодыхъ замужнихъ женщинъ или вдовъ, но никогда, кажется, вѣдьмой не признаютъ дѣвушку.

Крестьяне дѣлятъ вѣдьмъ, по ихъ происхожденію, на двѣ категоріи: родимыхъ и ученыхъ; изъ нихъ прирожденныя вѣдьмы не такъ вредны, какъ наученныя. Внѣшнимъ признакомъ, по которому можно узнать вѣдьму, служитъ небольшой хвостъ. Но этотъ признакъ недоступенъ для людей, такъ какъ вѣдьмы старательно прячутъ его отъ всѣхъ. Если при изслѣдованіи у какой-либо женщины, обвиняемой въ „видіомствѣ", не окажется хвоста, то ее въ такомъ случаѣ признаютъ за ученую вѣдьму, потому что хвостъ необходимая принадлежность собственно прирожденной вѣдьмы. Вѣрованіе въ существованіе хвоста у вѣдьмъ основано на дѣйствительныхъ, хотя и рѣдкихъ, случаяхъ особеннаго удлиненія кончиковой кости у людей.

Вѣдьмы стоятъ въ тѣсной связи съ чортомъ и при его помощи совершаютъ всѣ тѣ дѣйствія, какихъ обыкновенный человѣкъ сдѣлать не въ состояніи. По нѣкоторымъ вѣрованіямъ, чтобы сдѣлаться вѣдьмой, женщинѣ необходимо отречься отъ Бога и записать свою душу чорту. Чортъ въ свою очередь обязывается исполнять малѣйшія требованія записавшейся ему женщины. Слетаясь на Лысую гору (по другимъ сказаніямъ на Бабину или Осіянську), вѣдьмы входятъ въ ближайшую связь съ чертями. Есть, впрочемъ, и другія средства, помимо непосредственнаго сношенія съ чортомъ, сдѣ-

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1883 г., № 219; перепечатка изъ «Зари».

латься вѣдьмой. Эти секреты извѣстны прирожденнымъ вѣдьмамъ, которыя передаютъ ихъ своимъ ученицамъ. Въ однихъ мѣстахъ женщина, которая хочетъ сдѣлаться вѣдьмой, должна въ полночь на Юрья пойти на коровій бродъ, набрать въ ротъ воды со слѣда коровы первенца, покропить этой водой *фигуру* на распутьи, снять съ себя всю одежду, и, развѣсивъ рубашку на фигурѣ, за тѣмъ лѣзть на фигуру вверхъ ногами. Въ другихъ мѣстахъ вѣдьма, взявъ кусокъ своего сыра, отправляется вмѣстѣ съ ученицей къ рѣкѣ. Когда вѣдьма раздробитъ сыръ и броситъ его въ воду, тотчасъ сбѣгаются всевозможные гады и быстро расхватываютъ этотъ сыръ. Вѣдьма, указавъ на это своей ученицѣ, говоритъ: „такъ растерзаютъ черти твою душу на томъ свѣтѣ за ремесло вѣдьмы". Если ученица не устрашится и примется учиться, тогда вѣдьма начинаетъ ей давать уроки колдовства. Хотя изъ приведенныхъ двухъ обрядовъ не видно, чтобы желающая научиться „видіомству" прямо сносилась съ чертями и отъ нихъ получала свои знанія; но практикуемое при этомъ поруганіе креста (фигуры), собираніе всякаго рода гадовъ, какъ извѣстно, принадлежащихъ къ излюбленнымъ тварямъ чорта, а главное, слова учительницы, обращенныя къ ученицѣ, что она, дѣлаясь вѣдьмой, тѣмъ самымъ передаетъ свою душу чертямъ, — все это указываетъ на участіе въ дѣйствіяхъ вѣдьмъ дьявольской силы.

Самыми усердными послѣдователями чорта являются женщины. Мужчины рѣдко бываютъ вѣдунами, да и то имъ принадлежитъ въ этомъ случаѣ особеннаго рода роль; они являются такъ сказать примирителями двухъ началъ—гуманнаго и дьявольскаго. Вѣдьмакъ, по народному вѣрованію, становится во главѣ вѣдьмъ; ему извѣстны всѣ вѣдьми и чаровницы; самъ онъ ничего дурнаго не дѣлаетъ людямъ, а напротивъ старается быть имъ полезнымъ, на сколько это возможно въ его положеніи: распоряжаясь вѣдьмами, удерживаетъ вѣдьмъ отъ причиненія людямъ большаго зла. На Лысой горѣ онъ предсѣдательствуетъ въ годичномъ засѣданіи вѣдьмъ и опредѣляетъ, что и какъ должны дѣлать вѣдьмы въ теченіи всего годоваго періода ихъ дѣятельности. Вѣдьмакъ—это человѣкъ, который родился отъ вѣдьмы. Онъ всегда представляется старикомъ съ длинной сѣдой бородой и длинными волосами на головѣ. Длин-

ные волосы на головѣ—необходимая принадлежность вѣдьмака, потому что они скрываютъ присущій ему рогъ.

Другая спеціальность, приписываемая также мужчинамъ—это знахарство. Знахари, впрочемъ, не имѣютъ дѣла съ нечистой силой и дѣлаютъ людямъ преимущественно добро: вылѣчиваютъ наговорами отъ болѣзней, предсказываютъ будущее, отвращаютъ всякія бѣдствія, причиняемыя людямъ вѣдьмами и т. п.

Кромѣ безвреднаго знахарства, мужчины также занимаются чародѣйствомъ (чарівники, чаклуны), которое уже не можетъ обойтись безъ участія нечистой силы. Но, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, число мужчинъ-чародѣевъ совершенно ничтожно, по сравненію съ числомъ женщинъ, посвящающихъ себя этому занятію.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ: есть-ли существенная разница между чаровницами и собственно вѣдьмами?

Чаровницы такъ-же, какъ и вѣдьмы, по своему происхожденію, дѣлятся на двѣ категоріи: одни урожденныя, другія научившіяся своему искуству отъ первыхъ. Прирожденная чаровница дѣлаетъ добро или зло людямъ, смотря по тому, подъ какой планетой она родилась. Наученая—та, которая, заключивъ союзъ съ чортомъ, обрекается дѣлать людямъ только зло. Такимъ образомъ, по своему происхожденію и дѣленію на категоріи, чаровницы почти не разняеся отъ вѣдьмъ. Но дѣятельность ихъ нѣсколько отлична. Чаровница разнымъ зѣльемъ и приговорами можетъ мѣшать во всѣхъ дѣлахъ человѣку, можетъ разстроить семейное счастье, заставить того или другого человѣка полюбить нелюбимую имъ особу, можетъ сдѣлать что-либо вредное для здоровья человѣка или причинить ему смерть, можетъ, на оборотъ, сдѣлать такъ, чтобы кому либо была во всемъ удача, можетъ обратить человѣка въ волка и т. п. Притомъ для чаровницы не обязательно дѣйствовать такъ или иначе; она дѣлаетъ, что ей хочется, или за что получитъ выгоды; она дѣйствуетъ, какъ наемница, изъ-за денегъ. Дѣятельность-же вѣдьмъ носитъ болѣе опредѣленный характеръ, заранѣе очерченный; дѣятельность вѣдьмъ можно сказать невольная, такъ какъ она заранѣе опредѣляется на весь годъ. Въ этомъ именно и заключается существенная разница между вѣдьмами и чаровницами. Впрочемъ, надобно сказать, что сфера дѣятельности вѣдьмъ то расширяется, то съуживается, смотря по мѣстности и по мѣрѣ того, какъ испа-

ряются въ народѣ суевѣрія. Тогда какъ въ иныхъ мѣстахъ южной Руси вѣдьмы умѣютъ дѣлать очень многое, въ другихъ за ними оставляется лишь умѣнье доить чужихъ коровъ, превращаться въ разные предметы и летать на Лысую гору. Уже одно это обстоятельство показываетъ, что въ теченіи времени происходили измѣненія въ области вѣрованій о дѣятельности вѣдьмъ.

Въ старину сфера знанія вѣдьмъ значительно была расширена противъ нынѣшняго. На это указываютъ самыя имена: вѣдунъ, или видьмакъ, видьмачъ, вѣдьма и вѣщица (въ сѣверныхъ губерніяхъ и у сербовъ) или вѣщая жонка (въ старину). Въ широкомъ понятіи *вѣдать* и *вѣщать* совмѣщались всѣ отправленія чародѣйства. О болѣе широкомъ значеніи слова *вѣдать* и слѣдовательно о тождествѣ вѣдовства съ чародѣйствомъ можетъ, на примѣръ, свидѣтельствовать слѣдующая формула присяги, по которой клялись служилые люди въ 1598 г. въ вѣрности избранному на царство Борису Годудову: „ни въ платьѣ, ни въ иномъ ни въ чемъ лиха никаково не учинити и не испортити, ни зелья лихово, ни коренья не давати и не велѣти давати... да и людей своихъ съ *вѣдовствомъ* не посылати и *вѣдуновъ* не добывати на государское лихо... и наслѣду всякимъ *вѣдовскимъ* мечтаньемъ не испортити и *вѣдовствомъ* по вѣтру никакого лиха не насилати.... а хто такое вѣдовское дѣло похочетъ мыслити или дѣлати... и того поимати [1])“. Очевидно, что здѣсь не полагается никакой разницы между чародѣйствомъ и вѣдовствомъ.

Изложенныя раньше вѣрованія относительно вѣдьмъ показываютъ, что въ представленіи народа вѣдьмы являются врагами мирныхъ людей: онѣ нарушаютъ ихъ покой, причиняютъ разстройство здоровья, ущербъ имуществу, иногда даже посягаютъ на жизнь людей и производятъ общественныя бѣдствія, каковы: моръ и голодъ. Для совершенія этихъ дѣяній, онѣ входятъ въ богопротивную связь съ чертями...

Признавая дѣятельность вѣдьмъ столь вредною для человѣческаго общества и, слѣдовательно, столь преступною, народъ издавна выискивалъ средства для того, чтобы узнавать виновницъ, предупреждать и пресѣкать ихъ преступныя дѣянія. Естественно, что въ

---

[1]) Исторія Карамзина, XI, пр. 5.

старину, когда народъ былъ грубѣе и когда его понятія не расходились съ понятіями высшихъ сословій и онъ принималъ большее участіе въ отправленіи правосудія, средства для испытанія вѣдьмъ и для ихъ наказанія были разнообразнѣе, гораздо реальнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ жесточе, нежели въ послѣдствіи.

Въ настоящее время для того, чтобы узнать, кто изъ женщинъ въ селѣ занимается вѣдіомствомъ, крестьяне оставляютъ на великопостныя заговѣны немного сыра отъ пирога и съ нимъ идутъ въ церковь въ день Пасхи. Кто это сдѣлаетъ, тотъ увидитъ всѣхъ вѣдьмъ стоящими въ церкви съ доенками на головѣ. Другіе съ цѣлью получить возможность увидѣть вѣдьмъ, портящихъ коровъ, подлазятъ подъ новую борону или подъ новыя ворота. Стараются также имѣть собаку первака, которая можетъ видѣть вѣдьму, когда та доитъ корову, и можетъ разорвать ее, если только вѣдьма не успѣетъ превратиться въ птицу и улетѣть.

Вообще считается крайне труднымъ дѣломъ поймать вѣдьму на мѣстѣ преступленія, такъ какъ она въ такихъ случаяхъ старается превратиться въ какое либо животное или вещь. Но инымъ удавалось, говорятъ, схватить то животное или тотъ предметъ, наприм. колесо, или иглу, или клубокъ съ нитками, въ которые превращались вѣдьмы; у пойманнаго животнаго отрубали когти, а колесо или клубокъ втыкали на колъ и вѣшали на воротахъ. За тѣмъ уже по утру находили посаженной на колъ женщину или-же оказывалось, что какая либо женщина на селѣ, неизвѣстно почему, вдругъ лишилась пальцевъ и т. п. Хорошимъ средствомъ поймать преступницу считается—взять изъ новыхъ, еще неношенныхъ штановъ очкуръ (гашникъ), освятить его вмѣстѣ съ пасхой, и съ нимъ караулить вѣдьму въ сараѣ. Какъ только вѣдьма придетъ, нужно ей набросить петлю на шею и держать крѣпко, не смотря на то, что она будетъ превращаться и въ собаку, и въ волка, и въ лягушку и т. п.

Если, не смотря на всѣ мѣры подобнаго рода, вѣдьма все таки производитъ пакости, въ такомъ случаѣ для ея открытія обращаются къ пособію знахаря, и тотъ уже указываетъ виновницу [1]).

---

[1]) Всѣ приведенныя выше свѣдѣнія о вѣдьмахъ можно найти въ сочиненіяхъ указанныхъ въ цитатѣ 1-й.

Съ женщинами, заподозрѣнными въ вѣдіомствѣ, потерпѣвшіе обыкновенно расправляются самолично, посредствомъ побоевъ. При этомъ, конечно, удостовѣряются, имѣетъ-ли подозрѣваемая необходимый признакъ—хвостъ. „Случалось, говоритъ Маркевичъ, поймать иную вѣдьму; коль скоро начиналась съ нею расправа, необходимая въ такихъ случаяхъ, оказывалось, что она не вѣдьма, а самозванка“ [1]).

Бывали примѣры того, что потерпѣвшіе обращались съ исками на вѣдьмъ въ волостные суды. Любопытный случай этого рода имѣлъ мѣсто въ старобѣльскомъ уѣздѣ, харьк. губ., въ 1864 году. Въ сл. Бѣлявкѣ, принадлежавшей помѣщику Штенгеру, въ волостное правленіе явился крестьянинъ той волости и занесъ жалобу, что сосѣдка его, будучи во враждѣ съ нимъ, испортила его корову, которая черезъ это и околѣла; съ тѣмъ вмѣстѣ добавилъ онъ, что сосѣдка его вѣдьма и что онъ проситъ правосудія волостнаго правленія. Жалоба крестьянина была выслушана волостнымъ старшиною и присутствовавшими съ нимъ въ правленіи стариками. Чтобы не впасть въ ошибочное рѣшеніе столь труднаго обстоятельства, старшина и все сборище, послѣ долгаго обсужденія дѣла, остановились на томъ заключеніи, что необходимы доказательства болѣе ясныя къ обличенію вины подозрѣваемой преступницы и для этого предложили жалующемуся крестьянину отыскать знахаря, который одинъ только можетъ обнаружить виновнаго. Въ знахаряхъ между крестьянами недостатка нѣтъ. На разстояніи четырехъ верстъ отъ сл. Бѣлявки, въ сл. Варваровкѣ, принадлежащей графинѣ Клейстъ-Леосъ, отысканъ былъ знахарь и привезенъ въ бѣлявское волостное правленіе. При сборищѣ народа, интересующагося всегда подобнаго рода событіями, знахарь спрошенъ былъ: кто извелъ корову крестьянина? Отвѣтъ знахаря подтвердилъ вполнѣ обвиненіе хозяина коровы и удостовѣрилъ, что сосѣдка его дѣйствительно вѣдьма. Послѣ этого не оставалось ни одного крестьянина, который-бы не увѣровалъ въ истину словъ знахаря, и несчастная женщина обвинена была и въ истребленіи коровы, и въ преступномъ занятіи чародѣйствомъ. Не выпуская ее изъ круга своего, крестьяне избили бѣд-

---

[1]) Обычаи, повѣрья и кухня малороссіянъ, стр. 83.

ную женщину, подвергли ее освидѣтельствованію, такъ какъ истинная вѣдьма должна имѣть хвостъ, и потомъ осудили уплатить сосѣду за погибшую корову. Бѣда тѣмъ не кончилась: семейству женщины не было съ тѣхъ поръ житья въ селеніи; ни ей, ни мужу, ни дѣтямъ не было проходу ни отъ стараго, ни отъ малаго. Едва кто изъ нихъ показывался на улицѣ, ихъ встрѣчали бранью, укорами въ колдовствѣ и провожали свистомъ. По отсутствію владѣльца изъ имѣнія, беззащитная семья терпѣла всѣ несправедливости такой кары и наконецъ рѣшилась отправиться съ жалобою къ мировому посреднику. Что было далѣе, какъ разобралъ это дѣло мировой посредникъ—не извѣстно [1]).

Въ прежнее время для женщинъ, заподозрѣнныхъ въ причиненіи засухи, подвергали испытанію водою. Водѣ народомъ приписывается, кромѣ плодородящей и цѣлебной силы, еще очистительная и вѣщая сила. Наприм. для предотвращенія зловредной способности умершихъ вѣдьмъ и колдуновъ отводить тучи и тѣмъ причинять засуху, вырываются ихъ трупы изъ земли и бросаются въ воду или-же водой поливаются ихъ могилы. Въ силу такого важнаго значенія воды, она употреблялась также для испытанія вѣдьмъ.

Легкій способъ испытанія вѣдьмъ водою состоялъ въ томъ, что подозрѣваемыхъ въ причиненіи засухи заставляли носить воду изъ рѣки или пруда черезъ поля и поливать ею фигуру, или крестъ, выставляемый обыкновенно близь села или на раздорожьи. Которая изъ женщинъ выносила это испытаніе, та избавлялась отъ подозрѣній въ вѣдіомствѣ [2]).

Болѣе труднымъ и вмѣстѣ самымъ ходячимъ способомъ испытанія водою считалось топленіе женщинъ въ водѣ, такъ какъ признавалось, что вѣдьмы не тонутъ въ водѣ, хотя-бы онѣ были связаны по рукамъ и ногамъ. Процессъ испытанія вѣдьмъ водою въ Малороссіи состоялъ въ томъ, что во время бездождія жители собирали всѣхъ женщинъ и приводили ихъ къ рѣкѣ или пруду. Приведенныхъ къ водѣ скручивали веревками, иногда даже навязывали имъ на шею камень, и бросали въ глубокое мѣсто; невинныхъ, которыя

---

[1]) Хар. Губ. Вѣд. 1864 г. № 52. (Прибавленіе: Харьковъ).

[2]) Труды стат.-этногр. экспедиціи Чубанскаго I, стр. 347.

тотчасъ-же начинали тонуть, вытягивали изъ воды съ помощью веревокъ, а тѣхъ, которые долго держались поверхъ воды, признавъ за вѣдьмъ, обрекали на смерть [1]).

Въ дѣлахъ судебныхъ учрежденій прошлаго столѣтія сохранились подробности испытанія вѣдьмъ водою. Въ 1709 году, во время засухи въ Подоліи, мелкопомѣстные владѣльцы села Подфилипья, для узнанія виновницъ бездождія, распорядились, чтобы всѣ крестьянки, въ видѣ перваго испытанія, носили ведрами воду изъ рѣки Збруча черезъ поля и поливали ею крестъ, стоявшій у дороги на значительномъ разстояніи отъ рѣки. Но такъ какъ всѣ крестьянки исполнили это приказаніе и тѣмъ сняли съ себя подозрѣніе, то владѣльцы должны были искать виновницъ между дворянками. При этомъ одинъ изъ владѣльцевъ указалъ на дворянку, которую слѣдовало-бы подвергнуть испытанію. Этой женщинѣ онъ былъ долженъ значительную сумму денегъ, отъ уплаты которыхъ уклонялся въ теченіи двухъ лѣтъ; поэтому въ его интересѣ было содѣйствовать ея обвиненію, или по крайней мѣрѣ опозорить ее. Съ общаго совѣта устроили на берегу рѣки Збруча нужныя приспособленія; созвали въ это мѣсто всѣхъ жителей села и пригласили упомянутую дворянку. Когда она явилась, то крестьяне, по приказанію ея должника, бросились на нее, раздѣли до нага, связали особеннымъ образомъ, установленнымъ для подобнаго рода испытаній: большой палецъ правой руки привязывали къ большому пальцу лѣвой ноги и то-же дѣлалось на-крестъ. За тѣмъ между связанными членами продѣта была веревка и несчастную принялись на блокахъ опускать въ воду и подымать вверхъ. Такъ какъ при этомъ она тонула, то признана была общимъ собраніемъ невинною [2]).

Вотъ другой случай подобнаго-же испытанія. Въ маѣ 1711 г. на Волыни была сильная суша, вслѣдствіе отсутствія дождя. Виновницами, конечно, считали женщинъ. Управляющій имѣніями одного князя приказалъ испытать, по древнему обычаю, посредствомъ воды женщинъ—кто изъ нихъ будетъ плавать. По испытаніи оказалось десять бабъ села Погорилець такихъ, которыя не тонули. Ихъ, разумѣется, признали виновными и вслѣдствіе этого предста-

---

[1]) Lud ukrain. II, 83.

[2]) Тамъ-же, стр. 347.

вили въ дубнинскій магистратъ, для заключенія въ тюрьму, до рѣшенія дѣла. Магистратъ, однако, отпустилъ ихъ домой, за поручительствомъ мужей, съ тѣмъ, чтобы онѣ были представлены въ судъ, по первому требованію судебныхъ властей [1]).

Обычай испытанія вѣдьмъ водою сохранялся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Гуцулы, карпатскіе горцы, топили вѣдьмъ въ 1827 году. Въ извѣстномъ разсказѣ Квитки „Конотопська відьма" передаются подробности испытанія вѣдьмъ водою. По поводу своего разсказа, Квитка писалъ въ 1839 году Плетневу, что разсказъ его основанъ на преданіяхъ старожиловъ и что топленіе вѣдьмъ при засухѣ не только дѣло бывалое, со всѣми горестными послѣдствіями, но къ удивленію и даже ужасу возобновленное помѣщицею сосѣдней губерніи [2]).

У полѣщуковъ, кажется, до сихъ поръ существуетъ обычай испытывать вѣдьмъ водою во время бездождія. По крайней мѣрѣ попытка въ этомъ родѣ была сдѣлана въ семидесятыхъ годахъ. Въ № 46 „Недѣли" за 1875 годъ помѣщена длинная корреспонденція Г. М. подъ заглавіемъ: „Вѣдьмы" (письмо изъ жизни Полѣсья). Авторъ корреспонденціи пишетъ, что полѣщуки „ищутъ вѣдьмъ водою: вяжутъ и бросаютъ въ воду; которая поплыветъ, та и есть вѣдьма". Далѣе авторъ разсказываетъ, какъ крестьяне одного села, по совѣту стариковъ и старосты, задумали испытывать вѣдьмъ водою и просили помѣщика, чтобы онъ позволилъ покупать бабъ въ его прудѣ. Дѣло остановилось только вслѣдствіе того, что помѣщикъ не далъ пруда для этой надобности. Тогда крестьяне порѣшили осмотрѣть женщинъ черезъ повивальную бабку, думая, что у которой окажется хвостъ, та и есть вѣдьма. Староста и сотскіе приказали мужьямъ гнать бабъ въ корчму, и мужья волей-неволей исполнили это. Ревизовала повитуха по очереди и, выпуская на улицу, кричала стоявшему караулу (староста съ сотскимъ): „пустить, не відьма!" Оказалось три вѣдьмы. Ихъ посадили подъ арестъ и написали донесеніе становому. Письмоводитель станового напугалъ толпу, увѣривъ, что по закону вѣдьмъ нужно жечь. Дѣло окончилось взяткой съ мужиковъ.

---

[1]) Lud ukrain.

[2]) Украинская старина Данилевскаго, стр. 253.

Многоуважаемый авторъ изслѣдованія о колдовствѣ въ юго-западной Руси, помѣщеннаго въ 1-мъ томѣ Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край, считаетъ, что предразсудокъ, приписывающій продолжительныя засухи вліянію вѣдьмъ или, по крайней мѣрѣ, самый способъ разыскиванья виновницъ посредствомъ такъ называемаго плаванія вѣдьмъ, были происхожденія не мѣстнаго, а заимствованы съ запада. Въ подтвержденіе имъ приводится то обстоятельство, что въ одновременныхъ французскихъ и нѣмецкихъ процессахъ можно найти то-же вѣрованіе, съ тѣмъ-же ритуаломъ разслѣдованія, совпадающимъ съ нашими процессами въ мельчайшихъ подробностяхъ. Кромѣ того доказательствомъ заимствованій упомянутаго обычая съ запада, по мнѣнію автора, можетъ служить и то еще обстоятельство, что въ процессахъ инициатива плаванія принадлежитъ лицамъ дворянскаго сословія, а не народу [1]). Приведеннаго мнѣнія, мнѣ кажется, нельзя раздѣлять съ авторомъ по слѣдующимъ причинамъ. Вѣрованіе, приписывающее бездождіе вѣдьмамъ и испытаніе вѣдьмъ водою извѣстно не только нѣмцамъ и французамъ, но и южнымъ славянамъ, наприм. сербамъ, также грузинамъ и другимъ народамъ. Даже индусы вѣрили, что колдуньи не тонутъ въ водѣ, если ихъ опустить въ нее [2]).

Не можемъ не привести здѣсь интересныхъ свѣдѣній объ обычаѣ испытанія водою „вѣщицъ", какъ онъ практиковался до позднѣйшаго времени въ Герцоговинѣ, Черногоріи и Бокѣ Которской. Эти свѣдѣнія записаны разными лицами отъ старожиловъ изъ народа и помѣщены г. Богишичемъ въ его сборникѣ: Pravni običaji u južnich Slovena, изданномъ въ 1874 г. въ Загребѣ [3]). Въ Герцоговинѣ и Черногоріи вѣщицамъ приписывали падежъ скота, внезапную смерть молодыхъ людей и дѣтскую эпидемію. Съ цѣлью узнать виновницъ падежа, или мора, и за тѣмъ казнить ихъ, собирались со всего села мужчины, способные носить оружіе, и старѣйшина сельскій обращался къ нимъ обыкновенно съ такой рѣчью:

---

[1]) Упомян. изданіе стр. 347.

[2]) Поэтич. воззр. славянъ на природу III, 511—512 и Lud ukrain. II, 83.

[3]) Стр. 561, 640.

„вы знаете, братцы, что гибнетъ наше потомство отъ бездушнаго и гнуснаго бабья, поэтому утромъ рано пускай всякій свою жену и мать, такъ-же, какъ и я свою, приведетъ къ водѣ (на прудъ, на рѣку или на озеро), будемъ ихъ бросать въ воду, чтобы узнать, кто виновная, и побьемъ ее камнями, или пусть поклянутся, что больше не будутъ причинять зла. Согласны-ли на это?"—Всѣ единогласно соглашаются. На другой день всякій приводитъ свою, связываетъ ее подъ мышками канатомъ, и въ такомъ видѣ бросаетъ въ воду, и то-же продѣлываетъ каждый по очереди надъ своей. Которая тонетъ, ту быстро вытягиваютъ канатомъ изъ воды, и она не вѣдьма, а та, которая не тонетъ, а барахтается поверхъ воды, та признается за вѣдьму. Это производилось въ Кривошіи, въ которскомъ округѣ. И въ Герцоговинѣ извѣстенъ тотъ-же обычай. Въ 1857 году въ г. Требиньѣ турки принудили христіанъ, чтобы тѣ бросали своихъ женъ въ рѣку Требишницу, которая течетъ близъ города. Нѣкоторыя изъ брошенныхъ въ рѣку тонули, а семь остались поверхъ воды. Это случилось вслѣдствіе того, что онѣ имѣли на себѣ много платья и случайно пали въ воду перпендикулярно, держась на водѣ посредствомъ рубахъ и верхняго платья; турки настаивали на томъ, чтобы всѣ семь были побиты камнями, и едва христіане ихъ умолили, подъ условіемъ призвать изъ монастыря Дужи игумена Евстафія Дучича, съ тѣмъ, чтобы онъ исповѣдалъ ихъ, а онѣ поклянутся подъ эпитрахилемъ, что болѣе не будутъ заниматься чародѣйствомъ. Въ Герцоговинѣ, Черной Горѣ и Бокѣ которской власти воспрещаютъ этотъ обычай, но, говорятъ, онъ повторяется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тайно. Въ Черногоріи два племени даже поссорились между собою изъ-за одной вѣщицы. Объ этой вѣщицѣ говорили, что она извела юношу другого племени, и его соплеменники хотѣли начать месть на томъ племени, къ которому принадлежала чародѣйка.

Очевидно, что подобное широкое распространеніе обычая топить вѣдьмъ не могло-бы имѣть мѣста, если-бы это былъ чужеземный, а не народный обычай.

Что на Руси обычай испытанія вѣдьмъ водою существовалъ издревле, это прямо доказывается слѣдующимъ мѣстомъ обличенія Серапіона, епископа владимірскаго, жившаго въ XIII-мъ столѣтіи: „се нынѣ по три лѣта житу рода нѣсть—не токмо въ Руси, но и

въ Латынѣ: се вълхове-ли створиша? аще не Богъ-ли строитъ свою тварь, яко-же хощетъ, за грѣхъ насъ томя?.. Молю вы: отступите дѣлъ поганьскихъ. Аще хощете градъ оцѣстити отъ безаконныхъ человѣкъ, радуюся тому; оцѣщайте, яко Давидъ—пророкъ... Правила божественныя повелѣваютъ многыми послухи осудити на смерть человѣка; вы-же воду послухомъ поставите и глаголите: аще утопати начнеть—неповинна есть, аще-ли попловеть—волховъ (вѣдьма) есть. Не можетъ-ли дьяволъ, видя ваше маловѣрье, подержати, да не погрузится, дабы въврещи въ душьгубство" [1]).

Женщинъ, обвиняемыхъ въ причиненіи засухи и голода, мора и другихъ подобныхъ общественныхъ бѣдствій, обрекали на смерть, и сжигали или топили ихъ или-же закапывали живыми въ землю. Укажемъ нѣсколько случаевъ этого рода наказаній въ южной Руси.

Въ 1720 году въ мѣстечкѣ Красиловѣ, въ южной части Волыни, крестьянами была закопана въ землю по плечи и за тѣмъ сожжена 120-ти лѣтняя старуха, которая была заподозрѣна въ причиненіи свирѣпствовавшей тогда моровой язвы. На нее, какъ на виновницу мора, указалъ знахарь, или ворожбитъ, къ помощи котораго обращалась громада. Мы не будемъ останавливаться на этомъ случаѣ, обстоятельно переданномъ въ указанной выше статьѣ о колдовствѣ въ юго-западной Руси [2]). Но войдемъ въ подробности относительно происшествія подобнаго-же рода, случившагося въ 1711 году въ м. Олишевкѣ (нынѣ въ козелецкомъ уѣздѣ черниговской губерніи).

Въ 1710 г. Украйну посѣтили два тяжелыя бѣдствія—моръ и саранча. Моровая язва была до того сильна, что въ одномъ черниговскомъ полку поглотила 11,000 душъ обоего пола. Она продолжалась въ 1711 и даже въ 1712 г. Саранча также налетала дважды и до корня съѣдала посѣвы и травы. Уныніе господствовало такое, что народъ думалъ, будто пришла кончина міра. Въ м. Олишевкѣ, подъ вліяніемъ моровой язвы, народъ пришелъ въ большое смятеніе, или, говоря словами одного документа, „бунтовщики взбунтовались: многихъ женъ, признавая ихъ, яко за видіомство, пожгли". Погибли отъ огня не только простыя козачки и

---

[1]) Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу III, 510.

[2]) Тамъ же, стр. 393.

жены посполитыхъ, но также мать бунчуковаго товарища Михайла Быховца и бабка пановъ Тетранскихъ и Ошовскаго. Подъ Олишевкой, на томъ мѣстѣ, гдѣ погибли несчастныя, Быховецъ съ тѣми обывателями, которыхъ матери и жены были сожжены, устроили каплицу, а потомъ, когда каплица пришла въ ветхость, панъ Ошовскій въ 1728 году поставилъ крестъ [1]). Оставшіеся въ живыхъ виновники погибели женщинъ одни были казнены, другіе жестоко наказаны тѣлесно, третьи много лѣтъ страдали въ тюрьмѣ. Этимъ происшествіемъ воспользовался бунчуковый товарищъ Быховецъ и эксплуатировалъ ею въ свою пользу. Онъ старался втянуть въ дѣло и подвести подъ отвѣтственность какъ можно большее число лицъ, въ томъ числѣ и олишевскаго сотника Шрамченка. Розыски были возбуждаемы имъ до 1717 г., когда жители олишевскіе, выведенные изъ терпѣнія дѣйствіями Быховца, обратились къ гетману съ жалобой на него и получили оборонный универсалъ.

Приводимъ три документа, относящіеся къ указанному событію.

1.

Въ рѣшеніи нѣжинскаго полковаго суда по жалобамъ олишевскихъ обывателей на своего сотника Данила Шрамченка находится такой пунктъ:

Семенъ Довгій ускаржился на пана сотника, что онъ шурина его безъ жадной причини до туремного вязеня далъ, зъ которого, боячися страху, утѣкъ, и панъ сотникъ завладѣлъ на полъчварти, недѣли поля и гаемъ еднимъ владѣетъ. Отвѣтовалъ панъ сотникъ: за тое я его до вязеня далъ, по указу ясневелможного добродѣя, его милости, пана гетмана, что онъ приводцею самимъ былъ, подъ часъ моровой язви, невѣсти въ Олишевци палити; и скоро онъ долотомъ видобся съ турми и мене власне за самого его турбовано отъ Быховця, при якой турбаціи талярей болше ста утратилемъ, и я за свою утрату держу кгрунта, нѣмъ тотъ злочинця до свого дому прибудетъ, або кревніе его утрату вернутъ. Теды мы (т. е. члены суда) по такоыхъ его пана сотника словахъ, а по свѣдителству людскому, позволили пану сотнику до слушного часу тими кгрунтами владѣти.

---

[1]) Филаретъ. Историко-стат. описаніе черниг. епархіи V, 271.

2.

Протестъ сотника Шрамченка противъ дѣйстій бунчуковаго товарища Быховца.

Року тысяча семсотъ семнадцатого, мѣсяца августа пятого дня. Заносилъ протестъ панъ сотникъ на пана Биховца въ той мѣрѣ: же панъ Биховецъ посылалъ до туремниковъ брата своего Александра информовати, абы всѣ туремники на пана сотника мовили, что онъ ихъ посилалъ збѣрати до печеня женщинъ. На що тыхъ-же ставилъ туремниковъ и доводилъ очне посвѣдченыхъ.

Першій Грицко Стеценко зозналъ, что былъ, мовитъ, у насъ вчора вечеромъ Александръ и мовилъ такъ: мовте всѣ въ едно слово на пана сотника, що онъ васъ посилалъ, а будете волни.

Другій Саливонъ зозналъ, же мовилъ имъ Александеръ: кажите всѣ на пана сотника, коли хочете быть волни. Туремники тоды отказали: скажемъ тое, що знаемъ.

Миколай Шкода такъ посвѣдчилъ: якъ Усика випущено, „Усика, мовилъ Александръ, випущено, що правду сказалъ; за чимъ и ви, туремники, коли хочете быти волны, кажить правду.“

Демко Безрученко зозналъ о себѣ: я, мовитъ, не чулемъ отъ самого Александра, але мнѣ туремники мовили, що Александеръ казалъ правду мовити и на сотника въ одно слово говорити.

Телешко визналъ: былъ, мовитъ, вчора вечеромъ Александръ у насъ, и казалъ нѣкого не жаловати, але правду мовити и, пана сотника не боячися, вызнавать истину.

Якій протестъ просилъ панъ сотникъ на папѣрѣ рукоподписномъ себѣ видати. Прето мы потребуючому видаемъ. Данъ въ Олишевцѣ року, мѣсяца и дня написаного.

Андрей Василіевичъ, судя полку прилуцкого. Ѳеодоръ Чуйкевичъ.

3.

Оборонный универсалъ гетмана Скоропадскаго.

Великого государя нашого, его царского пресвѣтлаго величества войскъ запорожскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Іоаннъ Скоропадскій. Пану полковникови нѣжинскому, зъ панами старшиною его полковою, и всѣмъ, кому-бы колвекъ о томъ вѣдати надлежало, симъ нашимъ ознаймуемъ универсалнимъ писаніемъ: ижъ

суплѣковали до насъ товариство и посполитіи люде сотнѣ олишевской, жалостне прекладаючи, что Биховецъ за умордоване матки своей, которую еще подъ часъ морового повѣтря нѣкоторіи легкомислиники спалили, чрезъ осмь лѣтъ уже, съ провожанемъ разнихъ инквизиторовъ, не меншую мѣсту ихъ чинитъ тяжесть, тако-жъ и обыватели чрезъ тое до знатного приходятъ знищеня; и любо розискомъ показалося на многихъ, же до того спаленя Биховцевой матки были поводомъ, зъ которихъ едни на субстанціи, другіи на здоровю скарани, а третіи до сихъ часъ въ вязеню держатся. Однакъ онъ тимъ не контентуючися, що разъ иниихъ затягаетъ висланныхъ, которіи уже мѣсту на килка сотъ золотихъ учинили кошту, и опрочъ того еще и за зрубъ лѣсовъ своихъ, подъ часъ руинѣ шведской пустошенныхъ, онъ-же Биховецъ на жителяхъ олишевскихъ, доходячи шкоди, многихъ грабитъ, забѣраетъ и вязенемъ трапитъ. Надто тихъ, на которихъ довелося, же до умордованя матки его-жъ Биховця были причиною, онъ Биховецъ, упевняючи уволненемъ, если на пана сотника тамошнего и другихъ невиннихъ таковій-же наведутъ порокъ, наущаетъ оних. Зачимъ помянутіи товариство и посполитіи просили насъ о видане оборонного унѣверсалу, ижъ бы впредъ они отъ таковой Биховцовой были волни напасти. Пре то мы прошенію ихъ давши у себе мѣстце, а хотячи пречонимъ олишевскимъ обывателемъ не допустить далей чинити долегливостей, яко велѣлисмо сей нашъ зъ канцеляріи войсковой видати унѣверсалъ, такъ повагою оного пилно варуемъ, абы одъ сего времени Биховецъ, не затѣваючи олишевцямъ, затяганемъ висланныхъ на розисковане о спаленю матки своей (що уже многократними инквизиціями было вивожено, и которіи показались винними, едни скарани, а протчіи доселѣ чрезъ тіи всѣ года отъ моровой язви вязенемъ притиснени обрѣтаются) жадной трудности, такожъ за зрубъ лѣсовъ его, поневажъ онъ при противной сторонѣ тогда найдовался[1])... жадного-бы имъ Олишевскимъ обивателемъ не чинилъ напаствованія и другимъ до поисканя на невиннихъ самоволного поступку не давалъ поводу, такожъ бы въ сотенныи порядки не важился интересовати. Що все, абы подлугъ сего указу нашего и

---

[1]) Здѣсь въ подлинникѣ строка вырвана.

виразной волѣ было содержано, мѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ. Данъ въ Глуховѣ januaria 22, року 1718.

Вышменованный гетманъ рукою власною [1]).

Народное вѣрованіе, что для прекращенія моровой язвы необходимо отыскать виновницу ея распространенія и сжечь или зарыть живою въ землю, современемъ перешло въ другое вѣрованіе, по которому для уничтоженія мора самовѣрнѣйшее средство похоронить живою вообще какую-либо старуху. Такое повѣрье до сихъ поръ не вывелось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Въ 1855 году оно даже было осуществлено жителями д. Окоповичъ, новогрудскаго уѣзда, во время свирѣпствовавшей тогда холеры. Когда двое крестьянъ упомянутой деревни везли хоронить своихъ только что умершихъ дѣтей, то къ печальной процессіи по дорогѣ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ крестьянъ и между прочими сотскій и старуха крестьянка Манькова. Манькову уговорили идти на похороны сотскій и нѣкоторые изъ крестьянъ. Они задались цѣлью вмѣстѣ съ умершими дѣтьми похоронить и ее, такъ какъ были увѣрены, что самый вѣрный способъ прогнать холеру состоитъ въ томъ, чтобы закопать въ землю живую старуху, и что это средство уже испытанное. Манькову дѣйствительно похоронили вмѣстѣ съ дѣтьми. Но холера не прекратилась и похитила всѣхъ участниковъ преступленія, за исключеніемъ одного крестьянина Козакевича, на котораго и обрушилось наказаніе. Козакевичъ, по рѣшенію минской уголовной палаты, былъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ и былъ приговоренъ къ наказанію плетьми и ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ на 12 лѣтъ [2]).

Остановившись такъ долго надъ судомъ народа надъ вѣдьмами, нельзя не коснуться, хотя нѣсколько, и вопроса о томъ, какъ относились къ чародѣйству и къ вѣдьмамъ законодательство и оффиціальные суды въ Польшѣ и въ московскомъ государствѣ, въ

---

[1]) Приведенные документы получены мною въ Черниговѣ отъ г-жи Борсукъ, урожденной Шрамченко, изъ Олишевки. У С. Д. Носа есть болѣе интересный документъ о вѣдьмахъ; желательно, чтобы онъ подѣлился имъ съ читателями «Кіевской Старины».

[2]) Отеч. Записки 1869 г. № 5. По поводу русскихъ уголовныхъ процессовъ.

составъ которыхъ входила въ разное время Малороссія. По словамъ Мацѣевскаго, въ Польшѣ юристы постоянно настаивали на томъ, что мѣстные законы не предусмотрѣли ни чаръ, ни мѣръ противъ нихъ, и не хотѣли раздѣлять подобныхъ предразсудковъ; но духовенство, возставая противъ такого невѣрія въ чародѣйство, ссылалось на уставъ 1543 года, по которому король Сигизмундъ 1-й предоставилъ церкви право суда и наказанія за чары. Голосъ духовенства бралъ верхъ. Старыхъ женщинъ, взглядъ которыхъ причинялъ сглазъ или которыя имѣли опухшія и налитыя кровью глаза, испытывали водой или сожигали на кострахъ. Это продолжалось до 1776 года, когда сеймъ постановилъ, чтобы не употреблять пытокъ и не карать за чары. Однако и послѣ этого случались казни [1]).

Дѣйствительно случаи казней вѣдьдмъ повторялись довольно часто въ польскихъ провинціяхъ, въ особенности по приговорамъ помѣщиковъ и ихъ управляющихъ. Отъ половины прошлаго столѣтія сохранилось интересное донесеніе управляющаго графа Тышкевича изъ Литвы, въ которомъ онъ сообщалъ владѣльцу, что онъ, съ его позволенія, сжегъ шесть чаровницъ, изъ которыхъ три сознались, а остальныя нѣтъ. Не смотря на такую расправу, господская рожь оказалась въ двухъ мѣстахъ заломана. „Я собираю теперь, продолжаетъ онъ, съ десяти костеловъ св. воду и буду на ней варить кисель; говорятъ, непремѣнно всѣ колдуньи прибѣгутъ просить киселя; тогда еще будетъ мнѣ работа. Вотъ и г. Эпернети, по нашему примѣру, сжегъ женщину и мужчину... этотъ несчастный ни въ чемъ не сознался, за то женщина сознавалась во всемъ и съ великимъ отчаяніемъ пошла на тотъ свѣтъ [2])“.

Оффиціальные суды въ Польшѣ также приговаривали вѣдьмъ къ казнямъ, и такого рода казни тамъ продолжались долѣе, нежели гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ. Такъ въ окрестности Познани, по приговору магистратскаго суда, сожжена была женщина, заподозрѣнная въ колдовствѣ, въ 1793 году, въ то уже время, ко прусская коммиссія находилась въ Познани и принимала во вла-

---

[1]) Historia prawod. słowians. V, 697.

[2]) Поэтич. воззр. славянъ на природу, III, 512.

дѣніе эту область[1]). Основаніемъ для подобнаго рода приговоровъ могли служить иностранные кодексы магдебургскаго права, дѣйствовавшіе въ Польшѣ. Тоже самое должно было имѣть мѣсто и на Украйнѣ, гдѣ хотя Литовскій Статутъ не допускалъ такихъ казней, но за то Право хелмское, Зерцало саксонское и Порядокъ требовали сожженія волшебниковъ[2]). Въ московскомъ государствѣ, по словамъ Котошихина, чародѣевъ предавали смерти чрезъ сожженіе или отрубливаніе головы[3]). Даже въ Воинскомъ Уставѣ, законодательномъ памятникѣ Петра 1-го, за чародѣйство назначается сожженіе.

При сравненіи порядка судопроизводства по дѣламъ о чародѣйствѣ на судѣ народномъ съ порядками оффиціальныхъ судовъ самъ собою является вопросъ о томъ, гдѣ больше было гарантіи для личности подсудимаго. При народномъ судѣ, какъ мы видѣли, было крайне трудно оправдаться обвиняемому, такъ какъ для доказательства его виновности прибѣгали къ помощи такихъ экспертовъ, какъ знахари изъ крестьянъ же, или къ такимъ уликамъ, какъ испытаніе водою, или какъ значительное развитіе копчиковой кости и т. п.

Судъ оффиціальный въ большинствѣ случаевъ, конечно, пренебрегалъ этими средствами и разбиралъ дѣла при помощи опроса свидѣтелей. Но за то такой судъ для полученія доказательства виновности прибѣгалъ весьма часто къ пыткамъ[4]). А, какъ извѣстно, при пыткахъ многіе, не вытерпя мученій, нерѣдко сознавались въ томъ, чего никогда не бывало. Нельзя не привести интереснаго въ этомъ отношеніи примѣра, имѣвшаго мѣсто въ Малороссіи.

Въ 1714 году Татищеву (историку) пришлось быть въ Лубнахъ у фельдмаршала гр. Шереметева: здѣсь онъ узналъ, что одна женщина была осуждена на смерть за чародѣйство; она показывала

---

[1]) Труды экспед. въ юго-зап. край, I, п. 325.

[2]) Права, по которымъ судится малор. народъ. Кистяковскаго, стр. 16.

[3]) Его Записки, издан. 2-е, стр. 96.

[4]) Въ Дневныхъ Запискахъ подскарбія генеральнаго Марковича подъ 30 октября 1734 года отмѣчено: «Бабъ, старую и шинкарку, по дѣлу полковницы Танской, за чарованіе во вредъ яко-бы генерала де Вейзбаха, а въ пользу за арестомъ сидящаго полковника Танскаго, въ судѣ генеральномъ пекли (п. 1-й, стр. 434).

о себѣ, что превращалась въ сороку и дымъ, повинившись въ томъ съ пытки. Татищевъ, не раздѣлявшій общихъ тогда предразсудковъ, увѣрялъ, что это неправда и что женщина взводитъ на себя напраслину, но фельдмаршалъ нисколько этому не внималъ. Только послѣ долгихъ увѣщаній, старуха призналась, что наговорила на себя, не стерпя мучительной пытки, и что, кромѣ лѣчебныхъ травъ, она ничего не знаетъ. Благодаря этому случайному обстоятельству, казнь была отмѣнена и несчастную лишь сослали въ монастырь на покаяніе [1]).

При правильно дѣйствующемъ судѣ все таки легче было освободиться отъ такихъ обвиненій, которые дѣлались изъ какихъ-либо личныхъ видовъ, изъ мести и т. п., такъ какъ установленный судъ долженъ былъ допрашивать свидѣтелей, тогда какъ народный судъ въ нихъ не нуждался, хотя, разумѣется, въ исключительныхъ случаяхъ, и организованный судъ могъ поступить неправильно, поддаваясь указаніямъ или свидѣтельству лицъ, которыя преслѣдовали лишь свои личныя цѣли. Вотъ примѣры того и другаго рода рѣшеній.

Въ 1666 году на урядѣ мѣскомъ стародубовскомъ разбиралось дѣло такого рода. Мельникъ с. Мышковцовъ Василій Михновскій обвинялъ Орину, жену обывателя Андрея, въ томъ, что она „зъ своего знахарства жито заламовала“ и называлъ ее вѣдьмою, въ чемъ и ссылался на свидѣтелей, между прочимъ на Павла Пацука, который будто-бы засталъ ее при заломѣ. Свидѣтель Хведко показалъ, что онъ слышалъ, будто-бы обвиняемая заламливала жито, что видѣлъ Павло Пацукъ; впрочемъ объ этомъ онъ слышалъ отъ разныхъ людей, а не отъ самаго Пацука. На судѣ Пацукъ отрицалъ то обстоятельство, что онъ засталъ при заломѣ Орину. Спрошенные по этому дѣлу всѣмъ селомъ *мужеве* мышковскіе дали показаніе, „же по той невѣстѣ, жонѣ Андреевой Оринѣ, нѣчегосмо не видѣли, жадныхъ злыхъ учинковъ, и не чулысмо не отъ кого, жебы она мѣла жито заламовати, албо што инке якіе злые учинки починать“. Тогда и Василій Михновскій признался, что онъ „по сердцу (по насердкѣ) мовилъ объ оное вѣдіомство и заламованье

---

[1]) Исторій Россіи, I, 110.

жита, изъ людской то молвы оные слова мовилемъ". Судъ, по просьбѣ обвиняемой, приговорилъ мельника къ заключенію въ тюрьму за клевету; но она простила его, „за упрошенемъ людскимъ, будучи милосердемъ знята" [1]). Противуположный фактъ передается въ одномъ изъ разсказовъ В. Даля. По увѣренію этого писателя, на Украйнѣ ходило преданіе, основанное на судебномъ актѣ, какъ одна злая и пьяная баба, поссорясь съ своею сосѣдкою, обвинила ее въ скрадываніи росы; обвиненную объявили вѣдьмою и предали сожженію [2]).

Прежде нежели переходить къ разсмотрѣнію того, какъ наказывали у насъ вѣдьмъ за болѣе легкія преступленія, считаю необходимымъ сказать еще нѣсколько о той роли, какую играли женщины по отношенію къ мужчинамъ въ судебныхъ процессахъ и передъ народнымъ судомъ.

Въ отдаленную старину и даже въ прошломъ столѣтіи обвиненія въ вѣдовствѣ всегда почти падали на женщинъ, мужчины крайне рѣдко подозрѣвались въ этомъ; напротивъ того мужчины изстари играли роль обличителей, судей и палачей. Къ тѣмъ примѣрамъ, которые приведены уже ранѣе изъ жизни южной Руси XVII и XVIII-го столѣтій, сдѣлаемъ еще нѣсколько указаній изъ сѣверно-русской исторіи, относящихся къ болѣе древнему періоду. Въ 1411 году, во время свирѣпствованія моровой язвы въ Псковѣ, погибло 12 женщинъ и ни одного мужчины: псковичи, какъ сказано въ лѣтописи, „сожгоша 12 вѣщія жонкѣ". Раньше этого четырьмя столѣтіями, именно въ 1024 году, въ суздальской землѣ волхви избивали старую чадь (т. е. старухъ), по дьяволю наученью и бѣсованью, обвиняя ее въ причиненіи неурожая. Въ 1071 году во время голода въ ростовской области два волхва изъ Ярославля явились открывателями и обвинителями виновниковъ неурожая. Придя въ какой либо погостъ, они называли лучшихъ женъ, т. е. болѣе зажиточныхъ женщинъ, и утверждали, что однѣ изъ нихъ задерживаютъ жито, другія медъ, третьи рыбу или кожи. Жители приводили къ нимъ своихъ сестеръ, матерей и женъ: волхви-же,

---

[1]) Филаретъ. Историко-стат. опис. черниговъ. епархіи VI, 69.

[2]) Поэтич. воззр. слав. на природу. III.

прорѣзавши у нихъ за плечами кожу, вынимали оттуда жито, рыбу и т. п. и затѣмъ убивали несчастныхъ, присваивая себѣ ихъ имущество. Въ параллель съ указанными фокусами древнихъ волхвовъ можно поставить существующіе до сихъ поръ въ архангельской губерніи пріемы знахарей при лѣченіи болѣзни стрѣлъ, или стрѣлья (летучій ревматизмъ). Призванный для излѣченія стрѣлья, знахарь утверждаетъ, что болѣзнь происходитъ отъ накопленія за кожей больного битого стекла, перья и другихъ предметовъ, и въ удостовѣреніе показываетъ окружающимъ эти предметы, будто-бы вынутые имъ изъ-подъ кожи больного.

Разсуждая, по поводу указанныхъ выше событій, о причинахъ чародѣяній, лѣтописецъ приписываетъ чары дѣйствію дьявольской силы и замѣчаетъ, что „паче-же женами бѣсовская волшвенія бываютъ, искони бо бѣсъ жену прелсти, сиже мужа; тако вѣси роди волхвують жены чародѣйствомъ, и отравою, и иными бѣсовскими козньми. Но и мужи прелщени бывають отъ бѣсовъ невѣрніи“ [1]). Однако изъ лѣтописей извѣстенъ только одинъ случай преданія смерти мужчинъ за колдовство, именно въ 1227 г. въ Новгородѣ.

Мы не беремся разъяснять истинныхъ причинъ того явленія, что женщины по преимуществу прибѣгали къ чародѣйству. Это вопросъ такой, разрѣшеніе котораго обыкновенно берутъ на себя общія изслѣдованія о колдовствѣ. Мы лишь отмѣтимъ фактъ, что и въ болѣе позднее время вѣдёмству посвящали себя главнымъ образомъ женщины. Изъ актовъ о колдовствѣ, относящихся къ прошлому столѣтію и напечатанныхъ въ упомянутой выше статьѣ о колдовствѣ въ юго-западномъ краѣ, видно, что въ прошломъ столѣтіи изъ шестидесяти процессовъ, отмѣченныхъ въ актахъ, въ 36 случахъ подозрѣвались и обвинялись въ чародѣйствѣ однѣ женщины и лишь въ 5 случаяхъ одни мужчины; въ остальныхъ 19 случаяхъ мужчины обвинялись въ томъ, что они производили чары чрезъ посредство женщинъ-чаровницъ. Такимъ образомъ, послѣдняго рода случаи показываютъ, что мужчина при всемъ желаніи своемъ околдовать кого-нибудь, не можетъ этого сдѣлать, за незнаніемъ искусства колдовать, а долженъ прибѣгать къ женщинѣ, которой это занятіе является такъ сказать спеціальнымъ, присущимъ.

---

[1]) Лѣтоп. Нестора по Лаврент. списку, изд. 1864 г.

Мы до сихъ поръ постоянно упоминали о смертной казни за чародѣйство. Но пусть не думаетъ читатель, что она служила у насъ единственнымъ наказаніемъ за этого рода преступленія. Напротивъ, какъ въ правильно организованномъ судѣ, такъ и у народа, были въ употребленіи и другія, болѣе легкія степени наказаній. Послѣднія даже далеко преобладали надъ первыми. Въ большинствѣ случаевъ въ южной Россіи суды за колдовство приговаривали къ относительно мягкимъ взысканіямъ, наприм. къ наказанію батогами, денежнымъ штрафамъ, къ примиренію съ истцами, или дѣло оканчивалось очистительной присягой, которую обязаны были принять отвѣтчики въ знакъ своей невинности и т. п. Народъ также въ менѣе важныхъ случаяхъ обращался съ жалобами на виновниковъ чародѣяній къ оффиціальнымъ судамъ, или прибѣгалъ къ кулачной расправѣ съ ними, какъ это и нынѣ дѣлается у насъ или на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ считается самымъ дѣйствительнымъ средствомъ предотвратить послѣдствія легкаго вида чародѣйства— избить хорошенько колдуна.

Для опредѣленія степени виновности привлекаемыхъ къ отвѣтственности колдуновъ сообразовались обыкновенно съ размѣромъ вреда, причиненнаго колдовствомъ, и также принимали во вниманіе личность, противъ которой направлялись чары. Если преступленіе признавалось направленнымъ противъ блага цѣлой мѣстности (напр. наведенія мора, голода) или противъ знатнаго лица, наприм. обвинялся крестьянинъ въ совершеніи чаръ надъ помѣщикомъ, или-же посредствомъ колдовства была причиняема кому-либо смерть, въ такихъ случаяхъ обыкновенно виновныхъ приговаривали къ лишенію жизни, въ остальныхъ-же случаяхъ назначались другіе роды наказаній. Цѣлый рядъ процессовъ, производившихся въ гродскихъ и магистратскихъ судахъ юго-западнаго края въ прошломъ столѣтіи, подтверждаютъ все сказанное выше [1]).

Подобное-же различіе въ степени наказуемости за чародѣйство наблюдалось и при рѣшеніи дѣлъ о колдовствѣ въ судахъ московскаго государства. Аѳанасьевъ говоритъ: изъ слѣдственныхъ дѣлъ

---

[1]) Труды стат.-этногр. экспедиціи въ юго-зап. край Чубинскаго, т. 1-й в. 2-й, стр. 323—459.

XVII-го столѣтія видно, что за ворожбу и чародѣйство большею частью наказывали ссылкою въ дальнія мѣста и заключеніемъ въ монастырь; слѣдовательно, кромѣ сожженія, употреблялись и другія болѣе легкія наказанія: вѣроятно, при назначеніи мѣры взысканія, принимались въ разсчетъ какъ замыслы обвиняемыхъ лицъ, такъ и степень причиненнаго ими вреда [1]).

Не то было на Западѣ, гдѣ за всякое колдовство одинаково предавали сожженію и гдѣ поэтому число жертвъ, подвергнутыхъ смерти, достигало громаднаго количества. У насъ при опредѣленіи мѣры наказанія сообразовались съ послѣдствіями, причиненными преступленіемъ, и это было результатомъ примѣненія общаго юридическаго принципа, свойственнаго славянскому праву, принципа субъективной оцѣнки преступленій и вообще правонарушеній, тогда какъ на Западѣ все подводилось подъ опредѣленныя правовыя нормы, которыя не допускали отступленій и уклоненій. Господство объективной оцѣнки надъ субъективной надо, по всей вѣроятности, приписать римскому праву, знакомство съ которымъ начало распространяться на западѣ съ XII-го вѣка вмѣстѣ съ общимъ знакомствомъ съ классической литературой. Развитіе формальнаго мышленія повело къ выработкѣ и господству всякихъ — нравственныхъ, религіозныхъ, правовыхъ—нормъ и категорій, которыя естественно подчиняли себѣ умы верхнихъ слоевъ общества, гдѣ распространялись, а черезъ посредство общественныхъ учрежденій вліяли и на массы. Религіозно-правовыя нормы разсматривали всякое колдовство, какъ страшное преступленіе, оскорбленіе Высочайшаго существа, и за тѣмъ уже общественная совѣсть не могла входить и не входила въ оцѣнку того или другаго колдовскаго дѣянія по существу: было-ли имъ причинено какое-нибудь бѣдствіе, или хотя-бы оно даже имѣло въ результатѣ нѣчто полезное—это не имѣло значенія для оцѣнки преступленія. Преступленіе одинаково взывало къ правовому отмщенію: только смерть преступника могла удовлетворить оскорбленную справедливость. При такихъ условіяхъ понятно то обстоятельство, что преслѣдованіе колдовства на Западѣ не только не уменьшается съ XII-го вѣка, т. е. со времени воз-

---

[1]) Поэтич. воззр. славянъ на природу III, 612.

рожденія латинской литературы, но, напротивъ, значительно усиливается, доходя до высшей степени напряженія въ XV и XVI вѣкахъ, когда Европа уже пережила реформацію.

Послѣ сообщенія только что приведенныхъ воззрѣній на чародѣйство, интересно будетъ для читателя услышать другое мнѣніе о томъ-же предметѣ. Авторъ статьи о колдовствѣ въ юго-западной Руси[1]) такъ излагаетъ свои воззрѣнія. Причину относительной мягкости судебныхъ приговоровъ всѣхъ южно-русскихъ судовъ, въ особенности магистратскихъ, надобно искать въ отсутствіи у насъ тѣхъ демонологическихъ понятій, которыя вызвали на Западѣ жестокое преслѣдованіе колдуновъ: демонологія у насъ не только не была развита, какъ сводъ стройно развитой системы представленій, но до самаго конца XVIII столѣтія, на сколько можно судить по процессамъ, совсѣмъ не существовала въ народномъ воображеніи, даже въ видѣ неяснаго зародыша. Народный взглядъ былъ не демонологическій, а исключительно пантеистическій. Допуская существованіе въ природѣ силъ и законовъ, невѣдомыхъ массѣ людей, народъ полагалъ, что многіе изъ этихъ законовъ извѣстны личностямъ, тѣмъ или другимъ образомъ успѣвшимъ проникнуть или узнать ихъ. Вотъ почему колдовство не признавалось дѣломъ грѣховнымъ, противнымъ ученію религіи, и судъ, при разборѣ дѣлъ этого рода, не преслѣдовалъ обвиняемаго за самый фактъ обладанія или употребленія таинственныхъ средствъ, а старался лишь опредѣлить степень причиненнаго знаніемъ колдуна вреда и со степенью вреда соразмѣрялъ наказаніе. Отъ этого изъ ста почти документовъ, относящихся къ процессамъ о колдовствѣ, только въ пяти упомянуто имя чорта, и только въ одномъ случаѣ, гдѣ дѣйствующими лицами являются дворяне, вліянію злого духа приписывается довольно серьезное значеніе.

Приведенное мнѣніе совершенно противуположно тому, что утверждалось нами. Мы думаемъ, что таже мысль, которая господствовала на Западѣ, о сношеніяхъ вѣдьмъ съ чертями и о посредствѣ чертей при чародѣйствѣ, существовала и у насъ, какъ у народа, такъ и у высшихъ классовъ, не исключая и духовенства,

---

[1]) Труды ст. этн. эксп. I, II, стр. 327.

съ тою лишь разницею, что идея о демонологическомъ началѣ въ чародѣяніяхъ у насъ не была такъ стройно развита и не была доведена до своихъ послѣднихъ логическихъ результатовъ, какъ-то совершено было западной наукой о чародѣйствѣ. Что чародѣйство, по мнѣнію нашего народа и духовенства, было производимо вѣдьмами при помощи нечистой силы, это доказывается приведенными въ началѣ статьи народными вѣрованіями, а также ссылками на воззрѣнія лѣтописцевъ и проповѣдниковъ. Если-же въ рѣшеніяхъ магистратскихъ и прочихъ судовъ не всегда говорится о томъ, что обвиняемые производили свои чары съ помощью дьявола, то упоминать объ этомъ не было особенной надобности, такъ какъ это само собой разумѣлось. Такимъ образомъ жестокаго объясненія и безусловнаго преслѣдованія вѣдьмъ на Западѣ и сравнительно мягкаго отношенія къ нимъ у насъ надобно искать не въ противоположеніи принциповъ демоническаго и пантеистическаго, а лишь въ тѣхъ общихъ условіяхъ, которыя породили объективизмъ въ правовыхъ воззрѣніяхъ на Западѣ и способствовали развитію субъективнаго начала въ правѣ у русскихъ славянъ.

П. Ефименко.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ОПИСЬ МАЛОРОССІИ.

Эпизодъ изъ дѣятельности перваго правителя Малороссіи, гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго.

Начало царствованія Екатерины II ознаменовалось для Малороссіи уничтоженіемъ гетманства и цѣлымъ рядомъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью сгладить особенности ея гражданскаго управленія и ввести въ ней порядки, господствовавшіе въ остальной Россіи. Первымъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи былъ назначенъ извѣстный П. А. Румянцевъ, получившій впослѣдствіи названіе Задунайскаго. Первымъ и главнѣйшимъ актомъ его административной дѣятельности была генеральная опись Малороссіи, по имени его названная Румянцевскою. Долгое время добытые этою описью матеріалы считались погибшими, и только въ послѣднее время они были найдены А. М. Лазаревскимъ въ архивѣ черниговской казенной палаты и переданы въ библіотеку черниговскаго статистическаго комитета, гдѣ и нынѣ находятся. Они состоятъ изъ 148 фоліантовъ, въ 1000 листовъ каждый, и обнимаютъ бывшіе полки: черниговскій, часть кіевскаго, нѣжинскій, стародубскій, часть прилуцкаго и смѣлянскую сотни лубенскаго[1]). Такимъ образомъ изъ описей 10 полковъ сохранилось полностью только 5; гдѣ-же дѣвались описи остальныхъ? А, можетъ быть, ихъ и вовсе не было?

Ихъ постигла такая-же участь, какая постигаетъ большинство нашихъ архивныхъ матеріаловъ: половина всей описи пропала (описи 5 полковъ—прилуцкаго, гадяцкаго, миргородскаго, лубен-

---

[1]) Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи. Ал. Лазаревскаго. Черниговъ, стр. 13.

скаго), часть найдена была въ архивѣ кіевской казенной палаты и находится теперь въ библіотекѣ кіевскаго университета; она заключаетъ въ себѣ всю остальную, недостававшую часть описи кіевскаго полка [1]), почти всю опись переяславскаго полка [2]) и кромѣ того три дѣла о сочиненіи генеральной описи въ полку переяславскомъ, миргородскомъ и лубенскомъ; впрочемъ въ этихъ сохранившихся описяхъ не достаетъ иногда той или другой части—одного или нѣсколькихъ селеній.

И такъ изъ 10 описей полковъ сохранилось 5, остальные 5, относящіеся къ территоріи нынѣшней полтавской губерніи, повидимому, погибли безвозвратно. Говорятъ, что они сгорѣли въ Полтавѣ. Это очень возможно. Во всякомъ случаѣ, они должны были находиться въ Полтавѣ въ архивѣ казенной палаты, куда они поступили съ упраздненіемъ прежнихъ судовъ [3]). Мы одинъ разъ нашли даже прямое указаніе на отсылку описей нѣкоторыхъ сотенъ въ полтавскую казенную палату. Но какъ онѣ оттуда исчезли—вопросъ неразрѣшимый.

А. М. Лазаревскій, открывшій Румянцевскую опись Малороссіи, сдѣлалъ краткое обозрѣніе ея въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ; были и отдѣльные оттиски. „Въ настоящемъ обозрѣніи, говоритъ онъ, представляется читателю краткій перечень всей описи, съ цѣлью придать сему памятнику большую извѣстность и въ тоже время сдѣлать его доступнѣе для изученія или справокъ; для сего означается: содержаніе каждаго тома отдѣльно, т. е. перечисляются всѣ населенныя мѣстности, въ немъ описываемыя, съ краткими топографическими и статистическими подробностями. Къ сему прибавляется извлеченіе изъ нѣкоторыхъ старѣйшихъ и най-

---

[1]) Сотни: кобыжскую, бобровицкую, остерскую, бориспольскую, гоголевскую, козелецкую, кіевскую; это именно тѣ семь сотенъ, которыхъ описи не сохранилось въ Черниговѣ.

[2]) Сотни: гелмязовскую, ирклѣевскую, золотоношскую, кропивненскую, бубновскую, пѣщанскую, лѣплявскую, каневскую, яготинскую, басанскую, терехтемировскую, воронковскую, березанскую, барышевскую.

[3]) Съ нѣкоторою вѣроятностію можно полагать, что онѣ находятся въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія, гдѣ, какъ мы лично знаемъ, есть нѣкоторая часть архива бывшей малороссійской коллегіи.—Ред.

болѣе интересныхъ документовъ, приложенныхъ въ копіяхъ описи [1])". Но сдѣланное г. Лазаревскимъ „Обозрѣніе" оказывается далеко недостаточнымъ для полнаго ознакомленія съ Румянцевскою Описью и не даетъ яснаго представленія о богатствѣ и достоинствѣ данныхъ, заключающихся въ „Описи", не представляя намъ образцовъ подворнаго описанія селеній и городовъ. Изданій матеріаловъ Румянцевской описи доселѣ нѣтъ. Вскорѣ появятся въ свѣтъ таблицы Румянцевской Описи, относящіяся къ нынѣшнему золотоношскому уѣзду, полтавской губерніи; онѣ издаются подъ редакціей профессора Ив. В. Лучицкаго на средства золотоношскаго земства. Тому-же Ив. В. Лучицкому принадлежитъ и другое изданіе документовъ Румянцевской Описи — матеріалы для исторіи общественныхъ земель и угодій въ полтавской губерніи (въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1883 годъ). На основаніи этихъ матеріаловъ Ив. В. Лучицкій силится доказать существованіе общиннаго землевладѣнія въ Малороссіи. Лица, занимающіяся земскою статистикою въ черниговской губерніи, пользуются цифровыми данными Румянцевской Описи для сравненія нынѣшняго населенія и землевладѣнія съ прошлымъ. Все это указываетъ, что среди историковъ и экономистовъ развивается интересъ къ этому замѣчательному памятнику. Тѣмъ не менѣе къ систематическому ознакомленію съ нимъ пока еще не приступали, да и трудно надѣяться на это въ ближайшемъ будущемъ. Въ виду этого мы считаемъ не безполезнымъ познакомить читателя съ производствомъ „генеральной описи" и ея значеніемъ для современниковъ и для насъ—потомковъ. Матеріалами для насъ служили: во 1-хъ три дѣла о составленіи генеральной описи въ полку переясловскомъ, миргородскомъ и лубенскомъ, находящіяся въ библіотекѣ кіевскаго университета, во 2-хъ дѣло о составленіи генеральной описи въ Малороссіи, отысканное нами въ архивѣ малороссійской коллегіи при историко-филологическомъ обществѣ харьковскаго университета; въ 3-хъ отчасти самыя связки Румянцевской описи (въ библіотекѣ кіевскаго университета и въ черниговскомъ статистическомъ комитетѣ).

Какими причинами была вызвана генеральная опись Малороссіи?

Самъ графъ Румянцевъ въ своемъ предложеніи малороссійской коллегіи о производствѣ этой описи сознается, что лучшія его мѣры,

[1]) Обозрѣніе Румянцевской описи Маллороссіи, Ал. Лазаревскаго, стр. 13.

направленныя къ благосостоянію мѣстныхъ жителей, парализуются встрѣчающимися на пути его трудностями, что такія-же затрудненія испытываетъ центральное правительство и малороссійская коллегія и что все это происходитъ отъ неимѣнія точныхъ свѣдѣній о странѣ. Для устраненія этого зла онъ, Румянцевъ, предпринялъ произвести генеральную ревизію во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ посредствомъ особо назначенныхъ для этой цѣли штабъ-офицеровъ и малороссійскихъ старшинъ, по даннымъ отъ него примѣрнымъ инструкціямъ [1]).

Еще подробнѣе гр. Румянцевъ выясняетъ цѣли ревизіи въ общей инструкціи, данной имъ ревизорамъ. „Главнѣйшее повелѣніе, говоритъ онъ, которое я получилъ отъ его императорскаго величества при опредѣленіи меня къ настоящему званію, заключалось въ томъ, что-бы во всей Малороссіи всякій оставался при своихъ правахъ и имуществѣ, что-бы всякому оказывалось правосудіе и справедливость, а насилія и все то, что могло-бы препятствовать и вредить народному спокойствію, было уничтожено; народъ-же малороссійскій отправлялъ-бы службу ея императорскому величеству и уплачивалъ подати“. Но, какъ поясняетъ далѣе Румянцевъ, до него доходили постоянныя жалобы на неумѣренное отягощеніе службой, работами и поборами козаковъ, подпомощниковъ, мѣщанъ и посполитыхъ. Явленіе это имѣло свои причины; главнѣйшія изъ нихъ, препятствующія правительству охранять безпомощныхъ отъ руки сильныхъ, по объясненію Румянцева, были слѣдующія: 1) поверхностныя и незначительныя свѣдѣнія о всякаго рода недвижимыхъ имѣніяхъ; 2) приписка мѣщанъ въ козацкое сословіе, что вредно отражалось на торговлѣ и промышленности городовъ, 3) самовольный переходъ посполитыхъ въ козаки и козаковъ въ посполитые; одни въ этомъ случаѣ желали избавиться отъ подданства своимъ владѣльцамъ, другіе-же уклонялись отъ воинской козачьей службы, хотя и теряли право свободнаго человѣка, 4) закрѣпощеніе, обращеніе въ посполитые козаковъ, кои издревле изъ предковъ принадлежали къ козачьему сословію, и 5) бѣгство, какъ результатъ такихъ притѣсненій, и образованіе класса бездомныхъ скитальцевъ, бросившихъ свои отеческіе грунта на произволъ судьбы [2]).

---

[1]) Арх. Мал. кол. Дѣло по внутр. диспозиціи на 67 л.

[2]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку Миргор.; см. также «Обозр. Рум. оп. Мал.» Ал. Лазаревскаго, стр. 4—6.

Сообразно со всѣмъ этимъ были составлены и инструкціи для ревизоровъ. Одна изъ нихъ общаго характера; она напечатана въ „Обозрѣніи Румянцевской описи Малороссіи“ Ал. Лазаревскаго и въ другомъ сочиненіи того-же автора „Малороссійскіе посполитые крестьяне“. Но, кромѣ этой общей, были еще четыре частныя инструкціи: 1) для описи городовъ, 2) для описи козачьихъ владѣній, 3) владѣльческихъ и 4) коронныхъ, урядовыхъ и монастырскихъ. Онѣ доселѣ не были извѣстны и отысканы въ архивѣ малороссійской коллегіи, помѣщающемся нынѣ при историко-филологическихъ обществѣ харьковскаго университета. Всѣ онѣ составлены цѣлесообразно, полно и обстоятельно; въ нихъ предусмотрѣны всѣ малѣйшія подробности, необходимыя для полноты ревизіи, которая должна была обнять весь край, находившійся подъ управленіемъ Румянцева, и главное свое вниманіе обратить на землевладѣніе—вопросъ, котораго почти вовсе не касались ревизіи прежнихъ лѣтъ.

Инструкція для описанія городовъ требовала опредѣлять положеніе города, укрѣпленія его, публичныя строенія, гражданское управленіе и полицію, ярмарки и базары, городскія земли, магистратскіе и ратушные доходы, число нанимающихся рабочихъ обоего пола; вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось сдѣлать подворную опись всѣхъ мѣщанъ и козаковъ—указать, на какой улицѣ помѣщается домъ (съ дворомъ или безъ онаго), сколько въ немъ покоевъ, обозначить имена живущихъ здѣсь хозяевъ, ихъ семействъ и прислуги, лѣта и состояніе здоровья, ремесло или другое какое занятіе, количество скота и земли. Такихъ свѣдѣній не требовалось отъ дворянъ, чиновниковъ и духовныхъ, потому что о нихъ свѣдѣнія имѣлись въ канцеляріяхъ.

Подобная инструкція дѣйствительно исчерпывала вопросъ о положеніи и бытѣ городовъ и ихъ населенія. Она даетъ возможность опредѣлить точно общее число жителей города, ихъ соціальное положеніе, распредѣлить ихъ по занятіямъ—ремесламъ, промысламъ и т. п., позволяетъ даже отчасти составить представленіе объ ихъ матеріальномъ положеніи. Если къ этому присоединить данныя для характеристики города вообще,—именно о гражданскомъ его управленіи, внутреннемъ и внѣшнемъ благоустройствѣ, вмѣстѣ съ жалованными грамотами и другими документами, то по-

лучится довольно полная картина городскаго быта лѣво-бережной Украйны во второй половинѣ XVIII в.

Еще болѣе подробны и обстоятельны инструкціи для описанія маетностей козацкихъ, помѣщичьихъ, ранговыхъ. Здѣсь подворное описаніе еще болѣе обстоятельно; вопросы землевладѣнія здѣсь играютъ еще болѣе важную роль. Въ описи, напримѣръ, козачьихъ земель опредѣляется точно количество хатъ и пристроекъ въ данномъ дворѣ; обозначается самымъ подробнымъ образомъ семейное положеніе владѣльца двора; затѣмъ его имущественное положеніе, именно сколько у него земли пахатной и сѣнокосной, лѣса и другихъ угодій—мельницъ, рыбныхъ ловель, пчелиныхъ бортей, сколько у него крупнаго и мелкаго скота, сколько онъ высѣваетъ въ годъ разныхъ хлѣбовъ, сколько вообще получаетъ въ годъ доходовъ, чѣмъ желаетъ промышлять впредь.

При описи урядовыхъ маетностей указывалось, кто владѣлецъ и по какимъ документамъ онъ владѣетъ; затѣмъ описывались господскій домъ съ числомъ комнатъ и другихъ принадлежностей, земли пахатныя и подъ зарослями, требующія расчистки, доходъ съ мельницъ, винокурень, шинковъ, выгоновъ, рыбныхъ ловель, хуторовъ, лѣсовъ, сѣнокосовъ и наконецъ доходы съ крестьянъ, общее количество крестьянскихъ дворовъ и бездворныхъ хатъ, населеніе мужеска и женска пола по возрастамъ, земли, скотъ, повинности казенныя и владѣльческія, денежныя и натуральныя; наконецъ, послѣ этихъ общихъ свѣдѣній слѣдовало еще подробное подворное описаніе всѣхъ посполитыхъ.

Инструкція для описи владѣльческихъ имѣній совершенно похожа на только что приведенную нами инструкцію для описи имѣній урядовыхъ и монастырскихъ. Дѣлая общую оцѣнку всѣхъ этихъ инструкцій, нужно сказать, что онѣ дѣйствительно должны были дать точное представленіе объ экономическомъ положеніи тогдашнихъ общественныхъ группъ; мы не говоримъ сословій, потому что они, говоря строго, не выработались окончательно даже въ то время. Самая генеральная опись имѣла между прочимъ въ виду рѣзче обозначить сословія, отдѣлить посполитыхъ отъ козаковъ, этихъ послѣднихъ отъ мѣщанъ и владѣльцевъ—старшины. Особенною подробностью отличаются, какъ мы уже сказали, инструкціи для описи селъ. Подворное описаніе должно было дать ясное представ-

леніе не только о податной состоятельности населенія, но и уяснить, кромѣ того, общій характеръ хозяйственныхъ и экономическихъ отношеній. Для того, чтобы составить такія инструкціи, нужно было имѣть общее представленіе о жизни тогдашняго малорусскаго города и села. Румянцевъ, очевидно, всю свою надежду полагалъ на инструкцію, а не на исполнителей. Исполнителями, какъ извѣстно, были офицеры и при томъ великороссы,—люди совершенно незнакомые съ малороссійскимъ населеніемъ и особенностями его быта. Но и послѣ этого во время самаго производства описи онъ давалъ объясненія, дополненія, часто даже по мелочамъ.

Самыя инструкціи впрочемъ не подверглись существеннымъ измѣненіямъ. Были поправки, дополненія, но въ частностяхъ.

Самымъ существеннымъ пропускомъ въ первоначальныхъ инструкціяхъ нужно признать отсутствіе вопросовъ объ обще-владѣемыхъ земляхъ. Очевидно, „ревизіальная" коммисія была увѣрена въ существованіи только однихъ лично собственныхъ участковъ. Между тѣмъ вездѣ почти въ Малороссіи того времени мы находимъ общинныя угодья—выгоны, лѣса и т. п. Въ иныхъ мѣстахъ даже пахатные участки находились на этой общевладѣемой землѣ. Ясное дѣло, что вопросъ ревизоровъ о точномъ размѣрѣ участковъ, принадлежащихъ каждому отдѣльному лицу, вызывалъ здѣсь большія затрудненія. Труднѣе всего было опредѣлить размѣры разныхъ общественныхъ сѣнокосовъ и степковъ, которыми владѣли сообща нѣсколько селеній цѣлой сотни, а подъ часъ и нѣсколькихъ сотенъ. Это такъ называемая общественная займанщина, которой пользовались всѣ жители, какъ козаки, такъ и посполитые, „гдѣ кто схочетъ на которомъ мѣстѣ" и „сколько кто схочетъ". Узнавши о существованіи такихъ свободныхъ земель, „ревизіальная" коммисія захотѣла убѣдиться, нѣтъ-ли въ числѣ ихъ войсковыхъ и государевыхъ земель. Сохранилась цѣлая переписка между коммисіей и смотрителемъ свободныхъ войсковыхъ маетностей миргородскаго полка Козачковскимъ. Оказалось, что частью такихъ свободныхъ войсковыхъ земель дѣйствительно завладѣли незаконно сосѣдніе козаки и владѣльцы и построили себѣ на нихъ хутора.

Но независимо отъ свободныхъ войсковыхъ и государевыхъ земель, занятыхъ частными лицами, были земли, принадлежавшіе исключительно однимъ козацкимъ и крестьянскимъ сельскимъ обще-

ствамъ; о существованіи ихъ, очевидно, ревизіонная коммисія до генеральной описи и не догадывалась. Точно также только впослѣдствіи былъ добавленъ вопросъ о прибылыхъ и убылыхъ людяхъ. Вотъ что мы читаемъ по сему поводу въ ордерѣ самого Румянцева секундъ-маіору Тинкову, производившему генеральную опись въ миргородскомъ полку. „При сочиненіи нынѣ вашимъ высокоблагородіемъ генеральной миргородского полку описи не упустите въ оныхъ описяхъ отмѣтить какъ козаковъ, такъ и посполитыхъ и всякого звания людей, написанныхъ въ прежней 764 году ревизіи и послѣ той сшедшихъ въ другія мѣста и разными случаи убылыхъ, козаковъ, именно, когда и какимъ случаемъ убыли, а о прибылыхъ такимъ-же образомъ, откуда прибыли, и вновь пришедшіе съ письменными-ль изъ прежнихъ мѣстъ отпусками, или безъ тѣхъ, ибо о семъ господинъ подполковникъ Огаревъ противу всякаго чаянія требуетъ отъ меня резолюціи“ [1]).

Впрочемъ нужно полагать, что случаи въ родѣ приведенныхъ, были рѣдки; вообще-же инструкціи оказались на дѣлѣ достаточно полными. Иногда наоборотъ нѣкоторые вопросы оказывались неудобными на практикѣ—ихъ пришлось выбросить. Напримѣръ, по вопросу о зарабочей платѣ вольнонаемныхъ работниковъ въ городахъ былъ полученъ отвѣтъ (изъ полковой миргородской канцеляріи), что нужныхъ вѣдомостей нѣтъ, ибо не было ни обычая, ни приказа собирать объ этомъ свѣдѣнія. Вообще практика показала, что на нѣкоторые вопросы дать отвѣтъ очень затруднительно: такъ напримѣръ была признана ненужною перепись птицъ въ хозяйствахъ; между тѣмъ составители инструкціи „чаяли по множеству оной, а особо гусей, Малороссіи пользу знаменитую въ торгу доставить“ [2]).

Посмотримъ теперь, какъ производилась опись по объясненному уже плану.

Въ производствѣ описи, кромѣ великороссійскихъ офицеровъ, должна была участвовать и малороссійская старшина, хотя послѣдняя играла въ этомъ дѣлѣ роль второстепенную и служебную. Отправляя въ полки штабъ-офицеровъ для производства описи,

---

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

[2]) Ibid.

Румянцевъ между прочимъ писалъ имъ: „теперь, когда вслѣдствіе зимняго времени землемѣріемъ заниматься нельзя, вы можете съ малороссійскими чинами (если они прибыли) и своими подчиненными дѣлать описи городовъ, требуя вѣдомостей отъ магистратовъ, ратушъ, полковыхъ и сотенныхъ канцелярій и самихъ обывателей; гдѣ-же сами быть не можете, туда отправляйте малороссійскихъ старшинъ съ офицерами. Но и въ тэмъ, и въ другомъ случаѣ долженъ при составленіи описи присутствовать мѣстный земскій старшина. Старайтесь сочинять эту опись сколь возможно вѣрнѣе, не отбирая впрочемъ имѣній, не арестовывая людей и даже не входя въ разбирательство споровъ; записывать грунты и маетности нужно за тѣми, кто ими владѣетъ въ настоящее время; только при бывшихъ козачьихъ скупленныхъ грунтахъ дѣлать отмѣтку, кому они прежде принадлежали“ [1]). Этими указаніями опредѣлялись отчасти порядокъ и способъ производства описи.

Во главѣ всего дѣла стояли 10 великороссійскихъ офицеровъ по числу 10 малороссійскихъ полковъ. Вотъ полный реестръ ихъ:

1) Подполковникъ борисо-глѣбскаго драгунскаго полка Дмитрій Норовъ—гадяцкій полкъ.

2) Подполковникъ старооскольскаго пѣхотнаго полка Николай Огаревъ—лубенскій полкъ.

3) Подполковникъ карабинернаго полка Венедиктъ Круглиновъ—стародубовскій полкъ.

4) Подполковникъ карабинернаго ростовскаго полка Иванъ Ногаткинъ—черниговскій полкъ.

5) Премьеръ-маіоръ карабинернаго нижегородскаго полка Михайло Голенищевъ-Кутузовъ—нѣжинскій полкъ.

6) Премьеръ-маіоръ борисо-глѣбскаго драгунскаго полка Михайло Стремоуховъ—прилуцкій полкъ.

7) Премьеръ-маіоръ пѣхотнаго орловскаго полка Іона Аршаневскій—кіевскій полкъ.

8) Секундъ-маіоръ тамбовскаго пѣхотнаго полка Петръ Черединъ—миргородскій полкъ.

9) Секундъ-маіоръ ямбургскаго карабинернаго полка Александръ Якубовичъ—переяславскій полкъ.

---

[1]) Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней диспозиціи на 67 л.

10) Секундъ-маіоръ козловскаго пѣхотнаго полка Василій Путимцевъ—полтавскій полкъ.

Малороссійская старшина неохотно поступала подъ начальство великороссійскихъ офицеровъ и вообще увиливала отъ этого дѣла, особливо на первыхъ порахъ, когда назначенія давались не въ тѣ полки, откуда кто былъ родомъ. Получая командировки въ отдаленные полки для участія въ производствѣ описи, бунчуковые товарищи не приступали къ отправленію своихъ обязанностей, отговариваясь всяческими причинами. Назначенный въ миргородскій полкъ Василій Полуботокъ проситъ объ увольненіи его отъ новой обязанности, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что ему лично нужно представить подлинные высокомонаршіе универсалы въ департаментъ вотчинныхъ дѣлъ слободской харьковской губерніи, и причина эта была признана уважительною. Бунчуковый товарищъ Максимъ Жуковскій, назначенный въ нѣжинскій полкъ, представилъ удостовѣреніе о болѣзни, подписанное атаманомъ глинскаго сотеннаго правленія, хорунжимъ и писаремъ. На это послѣдовала резолюція: „послать ему бунчуковому товарищу Жуковскому и притвердить, дабы онъ болѣе къ отстрочкѣ означенной ему коммисіи ничего не предпринималъ въ отговорку, слѣдовалъ немедленно въ опредѣленній ему полкъ нѣжинскій и повелѣнную опись, обще съ опредѣленними туда чинами, сочинялъ безъ промедленія, опасаясь за неисполненіе отвѣта и штрафа“ [1]). Не вѣрили медицинскимъ свидѣтельствамъ, правда подписаннымъ людьми не свѣдущими въ медицинѣ, и посылали докторовъ для освидѣтельствованія больныхъ бунчуковыхъ товарищей. Къ Даніилу Шираю ѣздилъ въ деревню полковой лекарь Келеръ и открылъ у него цынготную болѣзнь; самъ Ширай писалъ, что у него подагра. Очень трогательно описываетъ свою болѣзнь кіевскій полковой обозный Борсукъ“ [2]).

Въ свою очередь офицеры жаловались въ малороссійскую коллегію на неприбытіе старшинъ и заявляли, что этимъ замедляется составленіе описи. Подполковникъ Ногаткинъ, посланный въ черни-

---

[1]) Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней диспозиціи на 67 л.

[2]) См. объ этомъ мою замѣтку «Объ Архивѣ малороссійской коллегіи при историко-филологическомъ обществѣ харьковскаго университета» (Кіевскія Университетскія Извѣстія 1882 г.).

говскій полкъ, такъ доноситъ въ малороссійскую коллегію: „по силѣ данной мнѣ отъ его сіятельства, графа П. А. Румянцева инструкціи, прошлаго сентября 16 числа я прибылъ въ Черниговъ; бунчуковый-же товарищъ Иванъ Степановичъ Ширай и понынѣ въ коммисію не явился; опредѣленный туда-же полковой писарь Почека на время пріѣзжалъ, но теперь опять по болѣзни уѣхалъ въ Нѣжинъ и живетъ дома. Вслѣдствіе этого генеральная опись еще не начата.... (1765 г. ноября 28 дня) [1]).

Послѣдствіемъ этихъ и подобныхъ обстоятельствъ было, какъ можно судить по нѣкоторымъ документамъ, изданіе приказа производить опись, не дожидая малороссійскихъ старшинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ противъ ослушныхъ принимались и строгія мѣры. Войсковой товарищъ Иванъ Остроградскій былъ за это подвергнутъ даже такому внушительному взысканію: „черезъ три дня на пушки по одноиу часу держанъ“ и за тѣмъ снова представленъ въ ревизіальную коммисію.

Тѣмъ не менѣе уклоненія продолжались и Румянцевъ рѣшился назначать бунчуковыхъ товарищей въ тѣ-же самые полки, гдѣ они состояли на службѣ [2]). Онъ самъ видѣлъ и призналъ, что причина этихъ уклоненій заключается въ томъ, что бунчуковые товарищи не получаютъ жалованья, а между тѣмъ опредѣляются въ отдаленные полки; потому нашелъ справедливымъ назначать ихъ „по способности жительствъ ихъ, хотя въ тѣхъ-же самихъ полкахъ, въ которомъ кто живетъ“; находилъ даже, что лучше всего отдавать дѣло въ руки полковниковъ и полковыхъ канцелярій. Конечно, рѣшаясь на эту мѣру, онъ не могъ не опасаться, что она подастъ поводъ къ злоупотребленіямъ.

И дѣйствительно, безъ злоупотребленій дѣло не обошлось. Старшины, попавшіе въ ревизіонныя коммисіи, пользовались своимъ вліяніемъ, чтобы узаконить свои несправедливости по захвату земель и т. под. Начальникъ миргородской коммисіи доносилъ въ малороссійскую коллегію, что на хорольскаго сотника Ивана Родзянку, прикомандированнаго къ ревизіонной коммисіи, поступилъ рядъ жалобъ „въ отнятіи у козаковъ и свободныхъ посполитыхъ само-

---

[1]) Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней диспозиціи на 67 л.

[2]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

властно многихъ пахатныхъ, сѣножатныхъ и лѣсныхъ земель, футоровъ и другихъ угодій, съ которыхъ нѣкоторыхъ жалобщиковъ устрашаетъ онъ сотникъ, чтобъ показывалм тѣ грунта ихъ Родзянокъ собственными, а не завладѣнними". Вмѣстѣ съ нимъ, говорится въ жалобахъ, тоже самое дѣлаютъ его родной братъ, полковой обозный, и другіе родственники. Малороссійская коллегія, по предложенію Румянцева, приказала удалить Родзянку отъ должности и назначить на мѣсто его кого нибудь другого изъ значковыхъ товарищей [1]). Самая опись переполнена свѣдѣніями о захватахъ старшиною козачьихъ земель въ разные годы, и этимъ свѣдѣніямъ нельзя не вѣрить, зная обычный образъ дѣйствій малороссійской старшины въ вопросѣ о козачьихъ земляхъ. Впрочемъ теперь поползновенія къ захватамъ должны были парализоваться великороссійскими офицерами—оба элемента недружелюбно относились другъ къ другу и потому взаимно контролировали другъ друга.

Начата была ревизія осенью; приступить къ „землемѣріямъ" не представлялось возможности. Оставалось забирать изъ разныхъ мѣстъ нужныя для описи справки. Малороссійская коллегія, сдѣлавъ распоряженія о назначеніи въ ревизіонную коммисію старшины, о доставленіи, по требованіямъ слѣдователей, „всѣми обывателями и городскими управленіями прямыхъ и точныхъ увѣдомленій, по сущей истинѣ", и о командированіи полковыми канцеляріями для производства письменныхъ дѣлъ по одному исправному канцеляристу или значковому товарищу, съ потребнымъ числомъ писцовъ и караульныхъ, обязала своего архиваріуса Дзѣвовича, чтобы онъ немедленно сочинилъ вѣдомость... „каковы суть въ архивѣ описи, ревизіи, книги и протчое до сего дѣла принадлежащое и росписавъ порознь, подалъ-бы оную вѣдомость въ коллегію" [2]).

Какъ кажется, архиваріусъ Дзѣвовичъ исполнилъ порученіе коллегіи немедленно. Мы имѣли въ рукахъ списокъ ревизскихъ книгъ за прежніе годы имъ составленный и представленный въ малороссійскую коллегію. Полныхъ ревизій всѣхъ десяти полковъ

---

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

[2]) Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней дисцозиціи на 67 листахъ.

14 (отъ 1729—1764 года); самый ранній компутъ относится къ 1712 году (лубенскаго полка); число всѣхъ годовъ, отъ которыхъ осталось хотя по нѣсколько ревизскихъ книгъ—23 (отъ 1712—64 г.) Эти ревизіи и компуты были, нужно думать, разсортированы по полкамъ и вручены ревизорамъ для справокъ. Въ особенности имѣли значеніе въ этомъ случаѣ ревизскія книги 1763—64 года—послѣдней и самой обстоятельной ревизіи. Ими главнымъ образомъ руководствовались для исчисленія какъ самихъ городовъ, мѣстечекъ, селеній и хуторовъ, такъ и ихъ населенія [1]).

Текущіе расходы на производство описи были возложены на полковыя канцеляріи, которыя старались свалить этотъ расходъ на сотенныя правленія. Сотенныя правленія въ свою очередь накладываютъ нѣкоторую контрибуцію на населеніе. Домонтовское сотенное правленіе собрало поэтому случаю съ каждаго козачьяго двора по 2 коп. и по гарцу овса. Когда на это принесена жалоба, сотенное правленіе объяснило, что сборъ этотъ въ размѣрѣ 1 р. 64 к. былъ сдѣланъ на бумагу, сургучъ и свѣчи; овесъ-же собирали десятники для ревизіонной коммисіи, такъ какъ ярмарокъ въ Домонтовѣ нѣтъ и купить его нельзя; но за него оно расчитывало внести деньги [2]).

Въ березанской сотнѣ поборы были еще больше: тамъ брали съ двора по 4 и по 5 коп. [3]). Происходили также характерныя препирательства изъ-за помѣщенія для ревизіонной коммисіи. Гадяцкая полковая канцелярія отказывалась доставлять ей бумагу и сургучъ за израсходованіемъ на тотъ годъ всей суммы. Стародубовскій магистратъ просилъ уволить его отъ доставки для коммисіи дровъ и свѣчей „по скудости средствъ". Не столько, можетъ быть, велики были дѣйствительные расходы по содержанію коммисій, какъ произвольные поборы ея чиновъ. А этихъ послѣднихъ было немало: кромѣ штабъ-офицеровъ и старшины тутъ были канцеляристъ или значковый товарищъ, 2 писаря и 20 козаковъ для карауловъ и посылокъ; требовались квартиры, подводы, сѣно, овесъ, дрова, свѣчи, бумага, сургучъ и др., а вѣроятно и натуральное

---

[1]) Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней диспозиціи на 67 л.

[2]) Дѣло о генеральной описи въ полку переяславскомъ.

[3]) Дѣло о генеральной описи въ полку переяславскомъ.

довольствіе членовъ, по обычаямъ того времени. Тревожили опять не столько всѣ эти расходы, сколько самое дѣло, затрогивавшее самые существенные жизненные интересы, возбуждавшее множество недоумѣній, вопросовъ, споровъ, опасеній. Противъ ревизіи существовало предъубѣжденіе, а оно поддерживалось цѣлымъ рядомъ столкновеній между чинами коммисій и мѣстными властями и населеніемъ. Полковыя канцеляріи видимо тормозили дѣло, предпринятое графомъ Румянцевымъ; иныя формально порицали дѣйствія коммисій. Миргородская полковая канцелярія выступила съ донесеніемъ малороссійской коллегіи о томъ, что назначенный къ производству описи секундъ-маіоръ Черединъ ни одной сотни не описалъ порядочно[1]). Коллегія объявила ей за это выговоръ, хотя, кажется, права была въ этомъ случаѣ полковая канцелярія, потому что Черединъ, какъ оказалось потомъ, дѣйствительно велъ дѣло крайне неудовлетворительно. Упомянутое донесеніе было, конечно, послѣдствіемъ предварительныхъ личныхъ столкновеній. Мы приведемъ одинъ любопытный обращикъ столкновенія нижняго чина коммисіи съ волостною старшиною, приводящій къ невольному предположенію, что и такіе чины позволяли себѣ какія-нибудь притѣсненія.

„Подписокъ“ (помощникъ писаря) домонтовской сотни, Гаврило Арабскій былъ отправленъ на срокъ для взятія нужныхъ справокъ; при немъ было свидѣтельство для полученія подводы. Пріѣхавъ въ село Великую Каратуль и не заставъ атамана, онъ обратился къ тамошнему асаулу—Бабаку и потребовалъ у него подводы до села Студениковъ. Бабакъ сначала отказалъ, заявивъ, будто-бы сотенный писарь Нестеровскій штрафуетъ сельскихъ старшинъ, если они даютъ подводы проѣзжающимъ членамъ ревизіальной коммисіи; но потомъ раздумалъ и велѣлъ козаку Кошкалдѣ отвезти „подписка“, но не на коняхъ, каковые у того были, а на волахъ. „Подписокъ“ вломался въ амбицію; начался споръ и кончился тѣмъ, что даже на волахъ ревизіонный чинъ могъ выѣхать лишь на слѣдующій день. Въ селѣ Студеникахъ, куда прибылъ „подписокъ“, пріемъ ему вышелъ еще хуже. Тамъ праздновалась чья-то свадьба и на свадьбѣ было, конечно, все село. Арабскій сталъ искать атамана и по-

---

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

требовалъ отъ него подводы; тотъ отдалъ приказъ, но доставкою подводы не спѣшили. Арабскій сталъ напоминать, горячиться, грозить. На бѣду его, въ „веселной“ компаніи, гдѣ былъ атаманъ, оказался и асаулецъ Бабакъ. Припомнилась вчерашняя ссора и отправка ревизора на волахъ. Посыпались насмѣшки, поднялся споръ, руготня. Послѣ многихъ поносныхъ словъ, Бабакъ бросился на Арабскаго, ударилъ его кулакомъ въ грудь и снявъ съ себя поясъ, сталъ было вязать его, а къ народу кричалъ при этомъ: „не давайте сему.... плуту подводы; отберите у него ложный паспортъ“. Озлобленіе, говоритъ Арабскій, было всеобщее; его приняли подъ бока, изорвали на немъ черкеску. Едва спасся онъ бѣгствомъ и цѣлыя сутки скрывался у одного изъ обывателей. Жаловался онъ потомъ мѣстному атаману и асаулу, предъявлялъ имъ въ видѣ вещественнаго доказательства свою изорванную черкеску; но получилъ-ли удовлетвореніе, получилъ-ли даже подводу, которой добивался, остается неизвѣстнымъ [1]).

Эта комичная исторія съ мелкимъ ревизіоннымъ чиномъ ярко рисуетъ намъ настроеніе общественнаго мнѣнія относительно производившейся „Описи“ и ея выполнителей. Трудно допустить, чтобы въ тѣ времена грубаго произвола и широкаго безправія, со стороны всякаго, кто чувствовалъ въ себѣ силу и власть, не было злоупотребленій и со стороны ревизіонныхъ чиновъ и поводовъ къ тому „всеобщему озлобленію“, на которое жаловался Арабскій. И дѣйствительно само начальство ревизіонныхъ коммисій должно было напоминать своимъ чинамъ, чтобы они не обижали козаковъ и посполитыхъ излишними требованіями. Вотъ какой приказъ пишетъ секундъ-маіоръ Якубовичъ, завѣдывавшій описью переяславскаго полка: „при выѣздахъ для осмотра подчиненные мои, безъ моего вѣдома, произвольно требуютъ излишнее количество подводъ (берутъ почти на каждаго человѣка по одной подводѣ); такъ какъ эти самовольства не желательны, то я рекомендую самымъ строгимъ образомъ впредь ни подъ какимъ видомъ лишнихъ подводъ не брать, а руководствоваться слѣдующимъ правиломъ: подъ двухъ ундеръ-офицеровъ и канцеляристовъ по одной подводѣ [2])“.

---

[1]) Дѣло о генеральной описи въ полку переяславскомъ.

[2]) Дѣло о генеральной описи въ полку переяславскомъ.

Но если по временанъ и мѣстамъ терпѣло отъ коммисій ревизуемое въ своихъ „животахъ“ населеніе, то въ свою очередь испытывали затрудненія въ своемъ дѣлѣ и самыя коммисіи—отъ тѣхъ, конечно, которыя имѣли возможность, не боясь отвѣта, не исполнять ихъ требованій. Таковыми являлись владѣльцы болѣе или менѣе крупныхъ имѣній. Отъ нихъ требовались вѣдомости объ ихъ имѣніяхъ, чтобы потомъ провѣрить ихъ на мѣстѣ. Но владѣльцы не доставляли вѣдомостей къ назначенному сроку. Ревизоры жаловались на это въ малороссійскую коллегію. Коллегія слала подтвердительные указы въ полковыя канцеляріи, эти въ сотенныя правленія; такія жалобы не прекращаются въ теченіе производства всей описи. Положеніе ревизоровъ было дѣйствительно трудное: сдѣлавъ провѣрку вѣдомостей о козачьихъ дворахъ и земляхъ, они должны были тратить безполезно время, долго и тщетно ожидая владѣльческихъ вѣдомостей. Въ особенности это имѣло мѣсто въ деревняхъ, гдѣ сами владѣльцы не жили; ревизоры объясняли это просто отсутствіемъ какого-либо попеченія объ этомъ дѣлѣ у владѣльцевъ. Начальникъ лубенской ревизіонной коммисіи, подполковникъ Огаревъ жалуется, что коммисія „ни къ какому свидѣтельству и описи приступить не можетъ и нынѣ въ селѣ Засульи, по свидѣтельствованіи козачьихъ дворовъ, принуждена, за неподачею отъ нѣкоторыхъ владѣльцевъ вѣдомостей, въ ожиданіи оныхъ подачъ, жить праздно, хотя оніе (владѣльцы) уже къ сочиненію вѣдомостей и довольно имѣли время [1])“.

Напоминанія не оказывали никакого дѣйствія: рѣшили прибѣгнуть къ мѣрамъ взысканія. По указу малороссійской коллегіи стали забирать приказчиковъ и управителей и держать подъ карауломъ до тѣхъ поръ, пока ихъ владѣльцы не представятъ требуемыхъ вѣдомостей. Оказалось однако, что и эти мѣры не привели къ желаннымъ результатамъ; снова потребовались подтвердительные указы и угрозы забирать подъ караулъ приказчиковъ или лучшихъ крестьянъ [2]). Но проволочки продолжались по прежнему. Уже 19 іюля 1767 года, т. е. почти два года спустя послѣ начала описи, былъ полученъ новый подтвердительный указъ о доставленіи

---

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку лубенскомъ.

[2]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

купчихъ съ угрозою въ противномъ случаѣ поступить съ ослушниками по законамъ. По одному изъ пунктовъ инструкціи требовалась доставка грамотъ на владѣніе; точныя копіи съ этихъ грамотъ и крѣпостей должны были присылать за скрѣпою подкомораго и судьи въ полковыя канцеляріи, а оттуда уже въ ревизіонныя коммисіи[1]). Новое зотрудненіе и проволочка.

Дѣло составленія „Описи" само по себѣ было не легкое; количество назначенныхъ для него лицъ оказывалось недостаточнымъ. Въ виду этого графъ Румянцевъ, въ отвѣтъ на просьбу секундъ-маіора Чередина объ увеличеніи численнаго состава коммисіи, далъ ордеръ такого содержанія: „естли для скорѣйшаго приведенія къ окончанію порученной вамъ сочиненія генеральной описи коммисіи необходимо потребны будутъ еще оберъ и ундеръ офицеры, оныхъ, но конечно безъ излишества и по крайней надобности, требовать отъ ближайшихъ полковъ конныхъ или пѣхотныхъ, которыхъ по требованіямъ вашимъ о скорѣйшей отсылкѣ отъ меня по командѣ ордеры посланы[2])".

Вѣроятно также и самые чиновники не обнаруживали должнаго усердія и рвенія. Это побудило начальниковъ коммисій издать слѣдующій приказъ, обращенный ко всѣмъ регулярнымъ и нерегулярнымъ чиновникамъ, прикомандированнымъ въ коммисію: „дабы всякій знать могъ свою должность и въ праздности быть не моглъ и чрезъ то остановки по коммисіи не слѣдовало, то что каждому въ якій день и исправлять якое дѣло надлежитъ, для того ежеденно квартимистру представлять ко мнѣ сію приказную тетрадь, въ которой означено будетъ о исправленіи повелѣнія, а по тому повелѣнію кто что исполнитъ или зачѣмъ не исполнитъ, что ему препоручено, тожъ какія вѣдомости, когда и отъ кого и о чемъ получатся, и кто изъ оныхъ чиновъ пріиметъ, въ особливомъ означивать реестрѣ, который реестръ въ надлежащемъ порядкѣ содержать при журналѣ"[3]). И такія вѣдомости, какъ видно изъ документовъ, составлялись.

---

[1]) Дѣло о генеральной описи въ полку миргородскомъ.

[2]) Ibid.

[3]) Это приказъ секундъ-маіора Якубовича (по переясловскому полку); мы въ немъ только немного исправили правописаніе. (Дѣло о генеральной описи въ полку переясловскомъ).

Тѣмъ не менѣе и это оказывалось недостаточнымъ для скораго и безостановочнаго составленія предпринятой генеральной описи. Лица, которымъ поручено было это повидимому простое дѣло, не смотря на подробныя инструкціи, не смотря на постоянныя разъясненія самаго графа Румянцева и малороссійской коллегіи, не могли удовлетворительно разрѣшить своей задачи. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ одно такое прямое указаніе относительно секундъ-маіора Чередина. Въ ордерѣ Румянцева къ секундъ-маіору Тинкову, опредѣленному въ миргородскій полкъ на мѣсто Чередина, читаемъ: „изъ рапорта вашего высокоблагородія отъ 18 минувшаго февраля я съ немалымъ сожалѣніемъ вижу, что бывшій въ миргородскомъ полку у сочиненія описи маіоръ Черединъ данную отъ меня инструкцію съ довольнымъ наставленіемъ, какимъ образомъ ту опись дѣлать, конечно, вовсе не читалъ или содержанія ея не понималъ, что ни одну сотню такъ, какъ отъ меня предписано было, не описалъ и опредѣленные въ помощь къ нему офицеры и малороссійскіе чиновники видно ему подобны, что ни одинъ не могъ напомнить ему о тѣхъ противъ повелѣнія невыполненіяхъ; и для того я вашему высокоблагородію рекомендую всѣ тѣ имъ Черединымъ сочиненныя описи по точному предписанію въ инструкціи и послѣ того данныхъ повелѣніевъ переправить, а офицеровъ, естли вы ихъ при себѣ имѣть не похочете, какъ не рачительныхъ, отпустить въ полки, а на мѣсто ихъ истребовать отъ полковъ, кого вы самы за способныхъ къ тому найтить можете.“ (6 марта 1768 г.)[1]).

Низкій уровень образованія военныхъ чиновъ, которыхъ однако и въ ту пору считали, какъ видно, на все способными, незнакомство лицъ поставленныхъ во главѣ коммисіи съ особенностями мѣстной жизни, ея порядками, узаконеніями и исторіею, не пониманіе цѣли такой генеральной ревизіи, страхи и опасенія ею вызванныя и наконецъ царившій тогда во всей силѣ антогонизмъ между великорусскими и малорусскими властями—были, конечно, главными причинами той неудовлетворительности въ веденіи описи, на которую жаловался Румянцевъ; но много безъ сомнѣнія портили дѣло и оставляли въ населеніи тягостное чувство тѣ пріемы, какіе

---

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

употреблялись при провѣркѣ на мѣстѣ вѣдомостей о населеніи и его движимомъ и недвижимомъ имуществѣ. Пріемы эти были чисто военнаго характера. Извѣстіе объ нихъ и вообще картину провѣрки по нимъ „описи“ мы находимъ въ „Исторіи Руссовъ“.

Авторъ оной, кто-бы онъ ни былъ, имѣлъ ближайшія объ этомъ дѣлѣ свѣдѣнія и передаетъ объ немъ со словъ участниковъ ревизіи, или очевидныхъ ея свидѣтелей, хотя, быть можетъ, съ примѣсью своего личнаго или извѣстной общественной группы мнѣнія. Графъ Румянцевъ, говоритъ онъ, обозрѣлъ знатнѣйшіе города и затѣмъ, вмѣсто консистентскихъ дачъ, учредилъ единообразный денежный сборъ съ хаты по 1 р. 2 к. Народъ малороссійскій былъ облегченъ и облагодѣтельствованъ этимъ. „Но какъ блаженство человѣческое по невѣдомымъ судьбамъ всегда почти преслѣдуется какимъ ни есть зломъ, его обременяющимъ, и даетъ матерію самимъ философамъ препираться цѣлые вѣка о началѣ добра и зла, доселѣ ими нерѣшенныхъ, то и народъ малоросійскій, при благоденствіи своемъ, посѣщенъ былъ симъ общимъ жребіемъ злаго навѣта. Графъ Румянцевъ въ 1767 году повелѣлъ учинить всему народу и его имѣнію генеральную опись, которая какъ въ своемъ родѣ, такъ и въ способѣ ея произведенія, была новость необыкновенная. Коммисіонерами къ тому наряжены въ каждый повѣтъ штабъ, оберъ и ундеръ-офицеры со многими писарями и рядовыми изъ великороссійскихъ консистующихъ полковъ и гарнизоновъ, кои, знавъ только строить и ранжировать солдатъ и ихъ школить, поступали по тѣмъ правиламъ и съ поселянами. Въ каждомъ селеніи выгоняли народъ изъ жилищъ его на улицы, не обходя никого, и даже самыхъ ссущихъ младенцевъ, строили ихъ шеренгами и держали такъ на всякихъ погодахъ, въ ожиданіи прохода по улицамъ главныхъ коммисіонеровъ, кои, дѣлая имъ перекличку, замѣчали каждаго на грудяхъ крейдою и угольями, чтобы съ другими не замѣшался. Скотъ обывательскій, держанный вмѣстѣ при своихъ хозяевахъ, также пересмотрѣнъ и переписанъ, яко значущій имѣніе хозяевъ. Ревъ скотскій и плачь младенцевъ издали возвѣщали о приближеніи къ нимъ коммисіонеровъ со многочисленною ассистенціею. Послѣ людей и скотовъ принимались за помѣщиковъ и владѣльцевъ. Отъ нихъ требованы были крѣпости и доказательства на владѣнія помѣстьями и землями, и тутъ-то по-

трясали всѣ сокровища каждаго. Обыкновенно домогались нѣякихсь писцовыхъ книгъ и жалованныхъ царскихъ грамотъ, но грамоты здѣсь были у однихъ поповъ на парафіи, да и то архіерейскія; а какъ помѣщикамъ, по правамъ и договорнымъ статьямъ ихъ, всѣ надачи и пожалованья происходили отъ гетмановъ и трибунальныхъ правительствъ, а только не многіе имѣли на то подтвержденія царскія по ихъ желаніямъ и случившимся нарочитымъ оказіямъ, то и представлены отъ всѣхъ владѣтелей универсалы гетманскіе и декреты судовые; но ихъ сначала считали за пашпорты или покормежныя, а не много что за свидѣтельства обыкновенныя, и послѣ уже мало по малу приходили они въ свою силу, смотря по старательствамъ владѣльцевъ и ихъ пожертвованіямъ. Опись оная, со всѣми ея страшными слѣдствіями и поисками, не имѣла своего окончанія и нечаянно уничтожилась. Возгорѣвшаясь съ турками война за дѣла польскія дала малороссіянамъ другую работу. Все въ ней кипѣло и шумѣло, и все занималось выстаченіемъ войска, работниковъ, погонщиковъ, фуръ съ волами и провіанта къ арміямъ, со всѣми другими къ нимъ принадлежностями. Малороссіяне, не смотря на тогдашнюю свою тягость и безпримѣрныя заботы, прославляли Бога, имъ тако благодѣтельствовавшаго, приписывая промыслу Его открытіе войны на избавленіе ихъ отъ генеральной описи и ея послѣдствій, грозившихъ, по ихъ мнѣнію, разрушеніемъ собственности и стяжанія каждаго" [1]).

Приведенная картина грѣшитъ, можетъ быть, въ частностяхъ, отзывается страстностью, преувеличеніемъ, но основной фонъ ея носитъ на себѣ печать исторической дѣйствительности и служитъ вѣрнымъ отраженіемъ порожденной описью пертурбаціи, особливо въ средѣ тогдашняго малороссійскаго панства, желавшаго одновременно и сохранить свою политическую автономію, „пактами Богдана Хмельницкаго утвержденную", и закрѣпостить жившихъ на ихъ земляхъ крестьянъ и даже козаковъ. Чрезвычайно характерны и совершенно въ духѣ того времени, въ нравахъ и понятіяхъ выполнителей „Описи" и эти требованія „нѣякихсь писцовыхъ книгъ и жалованныхъ грамотъ", и признаніе гетманскихъ универсаловъ

---

[1]) Исторія Руссовъ. Москва, 1846 г., стр. 256—257.

за паспорты и покормежныя, и выстраиваніе людей и скотовъ по ранжиру, и отмѣчиваніе ихъ мѣломъ и углемъ, и даже желаніе сорвать что либо съ переписываемыхъ въ свою пользу.

Но для насъ именно эти пріемы и служатъ гарантіей достовѣрности „генеральной описи". Очевидно, провѣрка данныхъ происходила самымъ тщательнымъ образомъ, и въ жертву ей были принесены даже временныя неудобства для населенія.

Въ виду дошедшей до насъ, какъ мы въ своемъ мѣстѣ замѣтили, цѣлой почти половины „Описи", едва-ли есть надобность говорить о томъ, что выраженіе „Исторіи Руссовъ", будто „опись не имѣла окончанія и нечаянно уничтожилась", надо понимать въ смыслѣ того, что окончательное ея изготовленіе и примѣненіе къ дѣлу добытыхъ ею результатовъ было прервано возгорѣвшеюся съ турками войною. Никто также не признаетъ буквально и того, будто „Опись" была какою-то карою, посланною отъ Бога на народъ малороссійскій. Такою она могла казаться тѣмъ, которые чувствовали себя виновными въ захватахъ чужихъ земель и закрѣпощеніи свободныхъ людей, а такихъ, какъ мы знаемъ, было тогда много и ихъ-то и имѣла между прочимъ въ виду „Опись". Не даромъ въ самомъ началѣ Румянцевской ревизіи возникла масса жалобъ и процессовъ со стороны закрѣпощенныхъ козаковъ, и самъ Румянцевъ особымъ манифестомъ отъ 26 мая 1765 года рекомендовалъ многочисленнымъ искателямъ козачества не бросать своихъ владѣльцевъ, а нести въ ихъ пользу повинности до тѣхъ поръ, пока ихъ право не будетъ утверждено судебнымъ порядкомъ [1]). Впрочемъ надежды потерпѣвшихъ продолжались не долго: черезъ годъ послѣ начала генеральной описи Румянцевъ высказывается уже въ пользу прекращенія исковъ о козачествѣ.

Прошелъ 1766-й, подходилъ къ концу 1767 годъ, а опись далеко еще не была окончена даже вчернѣ. Въ мартѣ 1767 года полученъ былъ запросъ отъ Румянцева, кончена-ли черновая опись въ миргородскомъ полку. А мы знаемъ, что тогда-же, въ томъ-же мартѣ мѣсяцѣ, многими владѣльцами не доставлены были еще вѣдомости о своихъ имѣніяхъ, и полковая миргородская канцелярія подтверждаетъ со-

---

[1]) Дѣло о сочиненія генеральной описи въ полку миргородскомъ.

тенному хорольскому правленію еще разъ напомнить землевладѣльцамъ о скорѣйшей ихъ присылкѣ [1]). Вѣдомость о церквахъ и ихъ земляхъ была представлена только 11 февраля 1769 года [2]). За то въ кіевскомъ полку черновыя вѣдомости были уже составлены въ началѣ 1767 года [3]).

Во всякомъ случаѣ теперь выступилъ на очередь вопросъ о перепискѣ набѣло генеральной описи. Съ этою цѣлью въ каждую сотню было назначено по пяти писцовъ; сюда-же должно было присоединиться въ качествѣ руководителей и нѣсколько бунчуковыхъ товарищей, капраловъ и канцеляристовъ. Но и здѣсь не обошлось безъ затрудненій. Начальникъ черниговской ревизіонной коммисіи жалуетя, что присылаемые писцы или вовсе почти не умѣютъ писать, или-же уклоняются отъ службы, даже просто *скрываются, неизвѣстно куда*, такъ какъ вовсе не получаютъ жалованья. Малорссійская коллегія распорадилась, что-бы писцы не отлучались ранѣе окончанія своего дѣла, иначе будутъ жестоко наказаны; ссылка на неполученіе жалованья, говорилось въ указѣ, не можетъ быть принята во вниманіе, такъ какъ въ Малороссіи никто изъ писцовъ не получаетъ жалованья, а всякій содержитъ себя изъ своего имущества.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ опредѣлить, когда была совершенно окончела генеральная опись; можемъ только думать, что въ иныхъ полкахъ она была окончена рано, а въ другихъ затянулась до 1769 года. Въ переясловскомъ полку переписка набѣло вѣдомостей окончилась въ апрѣлѣ 1768 года [4]). Во всякомъ случаѣ въ 1769 г. войска уже выступили въ походъ противъ турокъ и опись должна была прекратиться.

Разсматривая самыя описи, мы замѣчаемъ, что онѣ были исполнены согласно съ извѣстными уже намъ инструкціями; если и были отступленія, то самыя незначительныя. Описи, какъ и инструкціи, раздѣляются на 4 разряда: 1) описи козачьихъ владѣній

---

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

[4]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку переясловскомъ.

2) монастырскихъ, ранговыхъ и урядовыхъ маетностей, 3) владѣльческихъ маетностей и 4) городовъ. Какъ въ селеніяхъ, такъ и въ городахъ произведено было подворное описаніе. Отвѣты были получены на всѣ вопросы, помѣщенные въ инструкціяхъ, исключая тѣхъ, которые пришлось выбросить съ самаго начала и на которые мы уже указывали раньше. Составъ семействъ былъ провѣренъ на мѣста ревизорами, такъ-же точно какъ и помѣщенія (жилыя и нежилыя). Количество поземельной собственности опредѣлено до мельчайшихъ подробностей: перечисляются всѣ куски земли, принадлежащіе данному лицу, хотя-бы они были ничтожной величины; величина участковъ опредѣляется правда не десятинами и саженями, а днями, упругами, количествомъ высѣваемаго хлѣба и т. д.; но эти мѣры безъ труда могутъ быть переведены на наши. Мало того— почти постоянно опредѣляется положеніе всякой нивки (такимъ или инымъ урочищемъ), указывается и количество высѣваемаго хлѣба, скашиваемой травы. Во всякомъ случаѣ количество земли и посѣвовъ опредѣляется довольно точно. Очень ясное представленіе мы можемъ также имѣть о доходахъ съ большихъ имѣній, потому что помимо земель здѣсь перечисляются всѣ угодья, въ родѣ мельницъ, винокурень, лѣсовъ и т. д.. При описи монастырскихъ имѣній перечисляются даже повинности посполитыхъ по отношенію къ монастырю. Жаль только, что такихъ свѣдѣній нѣтъ относительно имѣній владѣльческихъ; вслѣдствіе этого положеніе посполитыхъ владѣльческихъ изъ одной Румянцевской описи для насъ не вполнѣ уясняется. Съ оной стороны повинности крестьянъ по отношенію къ владѣльцамъ были самыя разнообразныя, а съ другой русское правительство вообще не желало вмѣшиваться въ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ; оно, напримѣръ, не принимало никакихъ мѣръ противъ постепеннаго закрѣпощенія посполитыхъ. Но и для вопроса о положеніи крестьянъ мы находимъ въ Румянцевской описи многочисленныя и важныя данныя (тамъ, напримѣръ, опредѣляется количество обрабатываемой ими земли, принадлежащаго имъ скота, казенныхъ сборовъ и т. д.). Описи городовъ даютъ намъ точныя цифровыя данныя о количествѣ разнаго рода ремесленниковъ, о промыслахъ и торговлѣ, о казенныхъ сборахъ; сюда-же нужно присоединить и свѣдѣнія о поземельной собственности, которая въ то время не являлась исключительною

принадлежностью сельскаго населенія, а почти въ равной степени принадлежала и городскимъ жителямъ; такъ было по крайней мѣрѣ въ маленькихъ сотенныхъ городахъ. Въ замѣнъ исключенныхъ самимъ Румянцевымъ изъ инструкцій вопросовъ о количествѣ вольно-наемныхъ рабочихъ и ихъ поденной платѣ, находимъ въ описяхъ свѣдѣнія о прибылыхъ и убылыхъ людяхъ. Обыкновенно въ концѣ подворнаго описанія селенія помѣщается длинная вѣдомость объ умершихъ, пришедшихъ и ушедшихъ людяхъ; въ особенности любопытны данныя „объ исшедшихъ невѣдомо куда людяхъ"; здѣсь-же мы находимъ чрезвычайно важныя свѣдѣнія „о завладѣнныхъ грунтахъ"; иногда въ одномъ селдніи находимъ цѣлые десятки такихъ грунтовъ, а рядомъ съ ними пустые, никому не принадлежащіе „плецы и грунта".

Не менѣе важны свѣдѣнія объ общевладѣемыхъ земляхъ и угодьяхъ; мы ихъ находимъ частью въ описяхъ, а частью въ дѣлахъ о производствѣ описей въ разныхъ полкахъ.

Во всѣхъ описяхъ мы находимъ частное личное землевладѣніе и только въ нѣкоторыхъ наталкиваемся на общественныя пахатныя земли; оказывается, что въ нѣкоторыхъ козацкихъ селахъ (главнымъ образомъ на полтавскомъ побережьѣ) козаки пашутъ на общевладѣемой козацкой землѣ; большинство впрочемъ при этомъ имѣетъ и личную собственность.

Очень важны также свѣдѣнія о разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ—городскихъ магистратахъ, церквахъ, шпиталяхъ, школахъ, шинкахъ и т. д.

И такъ, генеральная опись Малороссіи, можно сказать, *вполнѣ удалась графу Румянцеву.*

Какое-же значеніе она имѣла для тогдашней Малороссіи? Каковы были ея результаты?

Мы видѣли, что главною цѣлью ревизіи выставлялось желаніе, „что-бы каждый оставался при своихъ правахъ и имуществѣ, а насилія и притѣсненія были уничтожены". Но такая цѣль отличается слишкомъ общимъ, неопредѣленнымъ характеромъ. Графъ Румянцевъ былъ администраторъ—реформаторъ; такова была притомъ и его миссія. Онъ былъ назначенъ правителемъ Малороссіи въ тотъ моментъ, когда былъ нанесенъ послѣдній ударъ ея автономному существованію. Требовалось по возможности под-

вести Малороссію подъ общія нормы русской жизни. Между тѣмъ старыя учрежденія были еще живы—и полковыя канцеляріи, и сотенныя правленія и весь штатъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; уничтожить всѣ эти остатки прошлаго было сравнительно легко, гораздо труднѣе было переформировать соціальныя отношенія, которыя слагались вѣками, имѣли свою исторію и традицію. Уничтожить или реформировать ихъ однимъ почеркомъ пера было трудно. Бытъ, права и отношеніи сословій въ Малороссіи были вовсе не тѣ, что въ остальной Россіи. Правда здѣсь были такія аномаліи, которыя бросались въ глаза всякому, а особенно новому человѣку. Румянцевъ въ свою поѣздку по Малороссіи могъ присмотрѣться къ нимъ. Козаки, напримѣръ, постоянно жалуются на закрѣпощеніе ихъ владѣльцами и притѣсненія старшиною. Горожане жалуются на козаковъ и владѣльцевъ, что тѣ занимаются торговлей и не несутъ никакихъ повинностей въ пользу магистрата. Помѣщики жалуются на постоянные своевольные переходы крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому. Всѣ эти непорядки усмотрѣны и изложены были Румянцевымъ въ особенной запискѣ, представленной имъ императрицѣ. Тогда-же, по всей вѣроятности, у графа Румянцева созрѣлъ и планъ реформъ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ. Уже въ упомянутой нами запискѣ 1765 года Румянцевъ въ вопросѣ о закрѣпощеніи козаковъ обвиняетъ болѣе козаковъ, чѣмъ владѣльцевъ: „хотя съ одной стороны, говоритъ онъ, владѣльцевъ вовсе извинить не можно, что они козаковъ во владѣніяхъ своихъ и понынѣ много имѣютъ, однако-жъ козаки сами больше въ томъ виновны, что они въ свое время о порабощеніи не искали; а ежели отъ службы бѣжали, укрываясь отъ оной, какъ много и изъ дѣлъ оказывается, то казни и наказанія достойны“. „Надлежитъ разсуждать, оканчиваетъ графъ Румянцевъ, какимъ образомъ въ семъ пунктѣ, общественнаго добра ради, единожды навсегда на мѣрѣ поставить и тѣмъ самымъ пресѣчь всѣ и всякія родящіяся неустройства? [1])“ Въ моментъ составленія генеральной описи была предоставлена полная возможность бывшимъ козакамъ, обращеннымъ въ посполитые, доискиваться козачества; графъ Румянцевъ въ своей инструкціи обращаетъ вниманіе на закрѣпощеніе козаковъ и считаетъ необходимымъ бороться съ этимъ зломъ. И

[1]) Авсѣенко. Малороссія въ 1767 г., стр. 149.

дѣйствительно, во время производства генеральной описи возникла цѣлая масса дѣлъ о козачествѣ. Какъ-же отнесся къ этому графъ Румянцевъ? Въ отвѣтъ на это приведемъ выдержки изъ его собственной записки, относящейся къ 1766 году. Прежде всего онъ предлагаетъ, „что-бъ отъ сего времени никого болѣе въ козаки не писать, а кто по нынѣшней генеральной въ Малой Россіи описи, къ окончанію приводимой, гдѣ какъ найденъ будетъ, тому тамъ уже и быть вѣчно, о козачествѣ-жъ молчать". При нынѣшней-же системѣ веденія такихъ дѣлъ, говоритъ онъ, происходятъ слѣдующія неустройства: 1) сами козаки, оставивъ свои грунты, вписываются въ посполитые, а потомъ, указывая на свое козацкое происхожденіе, требуютъ себѣ снова земель, 2) часто получаютъ званіе козацкое тѣ изъ посполитыхъ, которые за козаковъ отбывали воинскую службу и женились на козацкихъ дочеряхъ, 3) иногда бѣглые крестьяне осаживаются на козачьемъ грунтѣ и числятся козаками и т. д. „И такъ соглашая политическія причины, заканчиваетъ графъ Румянцевъ, съ добромъ приватнымъ, какъ не предлежитъ никакая нужда умножать безпрерывно число козаковъ, въ настоящемъ образѣ отягощающихъ только протчихъ жителей, а служба ихъ столь безстройна, сколь ни къ чему неудобна и не надежна, и поелику настоящее ихъ число составляетъ 71,064 хатъ и больше, нежели постановлено при Хмельницкомъ и другихъ гетманахъ, и которыхъ для воинской государственной службы довольно будетъ, и, ежели угодно будетъ ея императорскому величеству, *сію милицію привесть въ настоящій порядокъ воинскихъ людей* [1])".

Такимъ образомъ графъ Румянцевъ желаетъ съ одной стороны прекратить дѣла о козачествѣ, а съ другой имѣетъ болѣе широкій планъ обратить козацкую милицію въ регулярное войско. Какъ извѣстно, эта мысль осуществилась окончательно позже, а въ наступившей вскорѣ турецкой войнѣ пригодилась и „безстройная и ни къ чему неудобная" служба козаковъ. Впрочемъ гораздо важнѣе

---

[1]) Мнѣніе генералъ аншефа, Малороссійскаго генералъ губернатора и кавалера, графа Румянцева о скупѣ въ Малой Россіи козачихъ имѣній, о свободныхъ посполитыхъ и о живущихъ въ подданствѣ козакахъ, какъ имъ нынѣ быть и впредь оставаться (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн., 1816 г., кн. 2-я, стр. 62—63).

былъ вопросъ о козацкомъ землевладѣніи, чѣмъ о ихъ воинской службѣ. Козацкое званіе было тѣмъ привлекательно, что связывалось съ личною свободою и правомъ личной поземельной собственности. Отсюда совершенно понятно у народа стремленіе оказачиваться, стремленіе, которое съ особенною силою стало проявляться въ послѣднее время, когда крестьянское сословіе все болѣе и болѣе закрѣпощалось. Прежде (непосредственно послѣ Хмельницкаго) трудно было провести границу между посполитыми и козаками, теперь-же между ними выкапывалась пропасть, которую Румянцевская генеральная ревизія окончательно санкціонировала. Графъ Румянцевъ готовъ былъ оставить за козачествомъ его прежнія земельныя права, но подъ условіемъ выдѣленія его въ особое замкнутое сословіе, строго ограниченное въ своемъ числѣ; только тогда центральное русское правительство могло, по мнѣнію Румянцева, получать доходы съ козачьихъ земель [1]). Такимъ образомъ здѣсь проскальзываетъ уже до нѣкоторой степени фискальная цѣль Руминцева, но еще яснѣе она проявляется въ другихъ случаяхъ, напримѣръ въ вопросѣ о ранговыхъ и монастырскихъ имѣніяхъ: и тѣ, и другія Румянцевъ рекомендуетъ отобрать въ казну, а въ замѣнъ ихъ назначить чиновникамъ и военнымъ жалованье, а монастырямъ и церквамъ опредѣленное содержаніе [2]). Наконецъ сама императрица Екатерина II въ письмѣ къ Олсуфьеву говоритъ, что нужно "раздѣлить ихъ настоящія права съ тѣми, которыя они сами себѣ присвоили, и что во всемъ ему должно имѣть лисій хвостъ и волчій ротъ. *Доходовъ никакихъ нѣтъ оттуда, но еще отсель имъ дается 48,000 р.* [3])". Очевидно, мнѣнія свои Румянцевъ черпалъ изъ кабинета ея величества. При отправленіи въ Малороссію онъ получилъ инструкцію, въ составленіи коей такое или иное участіе долженъ былъ принимать знаменитый опекунъ бывшаго гетмана Разумовскаго—Тепловъ, тотъ самый Тепловъ, который первый написалъ записку о непорядкахъ въ Малороссіи; остальные (канцлеръ Бестужевъ—Рюминъ, графъ Румянцевъ) были только его подражателями и продолжателями.

---

[1]) Ibid., стр. 66

[2]) Авсѣенко. Малороссія въ 1767 г., стр. 145—147.

[3]) Русскій Архивъ, 1863 г.

И такъ козаковъ генеральная опись старалась обособить въ особое замкнутое сословіе и ограничить по возможности ихъ число.

Посмотримъ теперь, каковы были результаты Румянцевской ревизіи и нѣкоторыхъ другихъ его административныхъ распоряженій для крестьянъ.

Малороссійскіе крестьяне ничего не выиграли отъ реформъ перваго россійскаго администратора. Уже въ первой запискѣ графа Румянцева о непорядкахъ въ Малороссіи насъ поражаетъ то обстоятельство, что тамъ нѣтъ никакихъ указаній на тяжести крестьянскаго быта; указываются аномаліи городскаго, козацкаго, даже шляхетскаго быта, у крестьянъ же единственнымъ источникомъ бѣдъ выставляется „мнимое къ свободѣ своевольство". Въ рубрикѣ „о простомъ народѣ" мы читаемъ: „простой народъ мнимымъ къ свободѣ своевольствомъ доведенъ до крайняго нерадѣнія о своемъ собственномъ, до лѣности и распутства; ибо многіе, оставляя свои пахатныя и другія земли, бродятъ изъ мѣста на другое, и чтобъ удобнѣе провождать жизнь праздную и распутную, остаются навсегда безъ грунтовъ, подъ именемъ подсусѣдковъ, работая лѣниво за кормъ и напой виномъ[1])". Графъ Румянцевъ не задавался вопросомъ, какія причины вызывали это постоянное движеніе крестьянъ; для него онѣ сводились къ своевольству, хотя на самомъ дѣлѣ онѣ заключались въ усиленіи власти помѣщиковъ, въ увеличеніи повинностей. Впрочемъ и объ этомъ графъ Румянцевъ узналъ не отъ крестьянъ, а отъ тѣхъ-же помѣщиковъ: помѣщики жаловались ему на развитіе подсусѣдчества и крестьянскихъ переходовъ. Въ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ онъ не хотѣлъ вмѣшиваться, онъ ихъ вовсе игнорировалъ. Указаній на нихъ мы не находимъ въ его инструкціяхъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ; не находимъ ихъ и въ самой описи. Требуются самыя точныя свѣдѣнія о количесгвѣ скота, холодныхъ построекъ—и вовсе нѣтъ вопроса о повинностяхъ крестьянъ по отношенію къ державцамъ. Очевидно, этотъ вопросъ Румянцевъ считаетъ домашнимъ, такъ сказать, вопросомъ самихъ помѣщиковъ; нельзя отсутствіе его въ Румянцевскихъ инструкціяхъ объяснять разнообразіемъ крестьянскихъ повинностей, потому что рядомъ съ

---

[1]) Авеѣенко. Малороссія въ 1767 г., стр. 150.

этимъ стояли не менѣе трудные вопросы (напримѣръ, подробное перечисленіе всѣхъ нивокъ, сѣнокосныхъ угодій и т. д., съ указаніемъ на способъ ихъ пріобрѣтенія). Наконецъ въ монастырскихъ маетностяхъ мы находимъ указанія на повинности по отношенію къ монастырямъ. И такъ крестьянскій вопросъ въ Малороссіи Румянцевъ понималъ только, какъ вопросъ объ ограниченіи права свободнаго перехода. И въ этомъ случаѣ онъ выражалъ взглядъ, господствовавшій въ высшемъ центральномъ правительствѣ. Такой-же точно взглядъ выражалъ и Тепловъ, широко распространяясь о вредѣ свободнаго перехода крестьянъ[1]), канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ[2]) и наконецъ сама императрица; въ упомянутомъ уже нами письмѣ къ Олсуфьеву она говоритъ: „прибавить надлежитъ, чтобъ сколь возможно привести оный народъ къ тому, чтобы мужики съ мѣста на мѣсто не перешли[3])“.

Но Румянцевская ревизія не только не уменьшила постоянныхъ переходовъ, а еще болѣе усилила ихъ. Еще раньше (въ 1763 г.) былъ изданъ указъ, нѣсколько ограничивавшій свободу перехода; онъ, нужно думать, стоялъ въ связи съ постоянными жалобами на бѣгство и переходы крестьянъ, исходившими отъ малороссійскихъ державцевъ[4]). Въ Румянцевской описи народъ видѣлъ попытку прикрѣпить его къ землѣ—и бѣгства, переходы усилились еще больше. Не принесли никакой пользы билеты, которыми владѣлецъ долженъ былъ снабжать своихъ крестьянъ при отходѣ ихъ къ другому владѣльцу, ни угроза штрафовъ, потому что всегда среди помѣщиковъ находились охотники принять къ себѣ чужихъ крестьянъ, хотя и безбилетныхъ; не могло пособить горю и живое содѣйствіе помѣщикамъ со стороны малороссійской коллегіи, руководимой своимъ президентомъ. Народъ уходилъ толпами въ Запорожье, Новороссію, переходилъ отъ одного помѣщика къ другому. Такъ дѣло продолжалось до 1783 года, когда изданъ былъ зна-

---

[1]) Записки о южной Руси, т. II, стр. 194—196.

[2]) Архивъ князя Воронцова, кн. XXV,

[3]) Русскій Архивъ, 1863 г.

[4]) См. объ этомъ Лазаревскаго «Малороссійскіе посполитые кр.», стр. 109.

менитый указъ, закрѣпостившій окончательно малороссійскихъ крестьянъ.

Приходится, слѣдовательно, сознаться, что для крестьянства генеральная Румянцевская ревизія не только не имѣла полезныхъ результатовъ, но даже прямо вредные, потому что выдѣляла ихъ въ замкнутое безправное сословіе, отданное на произволъ державцевъ.

Очевидно также, что малороссійскому шляхетству нечего было бояться генеральной описи, потому что она не нарушила ихъ права землевладѣнія и даже санкціонировала ихъ фактическую власть надъ посполитыми.

Что-же касается значенія Румянцевской описи для городскаго сословія, то мы затрудняемся сказать въ этомъ отношеніи какое нибудь положительное мнѣніе. Можно предполагать, что она, раскрывъ аномаліи городской жизни, должна была вмѣстѣ съ тѣмъ вызвать и нѣкоторыя рѣшительныя мѣры для ихъ устраненія.

Таково и вообще значеніе Румянцевской описи. Для своего времени она должна была явиться источникомъ всякаго рода свѣдѣній, необходимыхъ для разныхъ административныхъ соображеній и мѣропріятій. Открылась по крайней мѣрѣ возможность опираться на Румянцевскую опись всякому, кто искалъ нарушенныхъ правъ на землю. Въ этомъ отношеніи она была несравненно достовѣрнѣе всѣхъ тѣхъ ревизій, которыя производились до нея малороссійскими чиновниками и имѣли въ виду опредѣлить податную способность населенія [1]).

Въ настоящее время она представляется драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ для изученія внутренней бытовой исторіи Малороссіи въ половинѣ XVIII вѣка въ хозяйственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Тамъ мы только найдемъ рѣшеніе вопросовъ о землевладѣніи, сельскомъ хозяйствѣ, бытѣ городскаго, дворянскаго, козацкаго и крестьянскаго сословій; при томъ это будетъ матеріалъ точныхъ фактовъ и цифръ. Къ даннымъ ея мы можемъ относиться съ довѣріемъ, узнавши, какъ они собирались. Имѣетъ также боль-

---

[1]) См. ревизіи и компуты малороссійскихъ полковъ въ Архивѣ малороссійской коллегіи и библіотекѣ кіевской археограф. коммисіи.

шое значеніе и историко-юридическій ея матеріалъ, заключающійся въ безчисленномъ множествѣ жалованныхъ грамотъ на маетности, универсаловъ, духовныхъ завѣщаній, купчихъ крѣпостей и т. д.

Настоящей статьей мы хотѣли обратить вниманіе интересующихся исторіею лѣвобережной Украйны лицъ на Румянцевскую опись. Такой памятникъ не можетъ быть подъ спудомъ, онъ долженъ быть изданъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Харьковъ. **Димитрій Багалѣй.**

Записки Карла Хоецкаго.

(1768—1776 г.).

(Продолженіе) [1]).

ГЛАВА VI.

Передвиженіе плѣнныхъ изъ Тобольска въ Тару и опредѣленіе ихъ въ военную службу.

Мы почувствовали крайнее уныніе при видѣ столь жестокаго обращенія съ нашими союзниками; притомъ мы испытывали сами безжалостное къ намъ отношеніе, такъ какъ въ теченіе всей зимы насъ не оставляли постоянно двигать все дальше и дальше; особенно смутило насъ распоряженіе, вслѣдствіе котораго мы должны были совершать пѣшкомъ предстоявшій путь, въ Сибири-же это обстоятельство составляетъ весьма тяжелое условіе, ибо сибирскую зиму невозможно даже сравнивать съ зимою въ Польшѣ; холодъ и морозы гораздо сильнѣе и снѣгъ настолько обиленъ, что часто представляетъ пластъ толщиною въ десять локтей ($2^1/_2$ сажени).

Мы выступили изъ Тобольска при страшномъ холодѣ, въ мятель; ни слѣда дороги не было видно и мы брели въ снѣгу по поясъ съ величайшимъ трудомъ и горемъ; подвигаясь такимъ образомъ, въ теченіи дня, мы успѣли пройти лишь одну милю и только поздно ночью дотащились до какого-то селенія; здѣсь намъ отвели теплыя квартиры и дозволили въ нихъ долго отдыхать утромъ слѣдующаго дня, послѣ утомительной вчерашней дороги. Насъ провожали капитанъ тобольскаго гарнизона и десять человѣкъ солдатъ; капитанъ этотъ оказался человѣкомъ разсудительнымъ и добродушнымъ: онъ сообщилъ намъ по секрету, что инструкція, данная ему, разрѣшаетъ требовать подводъ для больныхъ въ случаѣ, если кто изъ насъ заболѣетъ на пути слѣдованія; потому онъ совѣтовалъ намъ постепенно сказываться больными и док-

[1]) См. янв. и март. кн. «Кіевск. Старины» за 1883 г., стр. 145—160 и 600—646.

ладывать ему объ этомъ чнрезъ сержанта, но мы не должны были дѣлать этого всѣ вдругъ, а постепенно, черезъ каждыя три или четыре станціи. Мы были искренно благодврны капитану за это благодѣтельное извѣстіе и немедленно имъ воспользовались. Тутъ-же, въ первомъ селеніи, восемьнадцать человѣкъ сказалось больными и капитанъ потребовалъ для нихъ подводъ; въ теченіи дальнѣйшаго пути оказалось, что всѣ мы постепенно заболѣвали и вслѣдствіе этого пріѣхали въ Тару всѣ на саняхъ. Здѣсь мы встрѣтили конфедератовъ, которые еще до начала зимы были сюда присланы изъ Тобольска; насъ-же послѣ пріѣзда распредѣлили по квартирамъ и объявили, что на другой день насъ отправятъ въ дальнѣйшій путь, еще за 170 миль, въ Иркутскую губернію, и что потому мы должны быть готовы въ дорогу къ означенному времени.

Комендатъ города Тары былъ человѣчъ весьма обходительный; по польски онъ говорилъ, какъ природный полякъ. Узнавъ объ этомъ, нѣсколько человѣкъ насъ отправились къ нему съ просьбою, чтобы онъ оставилъ насъ на зиму въ Тарѣ по причинѣ совершеннаго истощенія нашихъ силъ; онъ долго отказывалъ намъ въ исполненіи этой просьбы, но, наконецъ, обѣщалъ удовлетворить ее; вслѣдствіе этого насъ отчислили отъ нашей партіи, которой приказано было собираться въ путь на слѣдующій день.

Несчастные товарищи наши объяты были глубокою скорбью, когда имъ было заявлено о необходимости столь далекаго путешествія, пѣшкомъ, среди мятелей, снѣга, холода и мороза. Они сознавали, что находятся уже за нѣсколько сотъ миль отъ границъ отечества и что дальнѣйшее передвиженіе предвѣщаетъ имъ гибель или пожизненное пребываніе на мѣстѣ ссылки; потому, потерявъ всякую надежду на возвратъ въ отечество, они преисполнились отчаянія и печали. Утромъ имъ приказано было выступать въ походъ подъ конвоемъ, состоявшимъ изъ поручика, сержанта и двѣнадцати солдатъ; они простились съ нами безъ всякой надежды на новую встрѣчу въ будущемъ и отправились въ тягостный и безнадежный путь; при выходѣ составленъ былъ и прочтенъ поименный ихъ списокъ.

Мы-же остались въ Тарѣ и причислены были къ той партіи, которая раньше насъ была прислана сюда на зимовку; намъ тотъ-часъ

отвели квартиры въ городѣ. Тара городъ весьма порядочный, хотя состоитъ исключительно изъ деревянныхъ домовъ; онъ находится подъ управленіемъ воеводы и отдѣльнаго коменданта города, въ вѣдѣніи котораго находились плѣнные. Комендатъ оказался человѣкомъ весьма вѣжливымъ и гуманнымъ; мы посѣщали его очень часто и онъ бесѣдовалъ съ нами о различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, въ которыхъ ему случалось бывать, отзывался съ одобреніемъ о нашихъ согражданахъ и хвалилъ ихъ развитіе и общительность. Воевода тарскій, слыша эти отзывы коменданта, оказывалъ намъ также дружбу и расположеніе; такимъ образомъ жизнь наша въ Тарѣ въ теченіе зимы прошла довольно спокойно и удобно, тѣмъ болѣе, что мы пользовались здѣсь обычною во всей Сибири дешевизною необходимыхъ для жизни продуктовъ; 10 грошей, которые мы получали суточно, не только были достаточны для нашего прокормленія, но мы могли даже дѣлать нѣкоторыя сбереженія для покупки одежды. Такъ какъ китайскія ткани очень дешевы въ Сибири, то мы по большей части и покупали ихъ для пополненія нашего костюма.

Съ наступленіемъ весны пришло новое предписаніе о томъ, чтобы доставить о насъ точныя свѣдѣнія относительно нашего роста, наружности, цвѣта волосъ и возраста. Немедленно мы призваны были въ канцелярію и здѣсь составлена была требуемая вѣдомость. Мы поняли, что распоряженіе это предвѣщало намъ опредѣленіе въ военную службу и потому исполнились страха и отчаянія; мы вспомнили, что въ Казани, Тобольскѣ и Тарѣ мы встрѣчали многихъ соотечественниковъ, попавшихъ въ Сибирь еще во время смутъ, бывшихъ при королѣ Лещинскомъ (1734); они состарѣлись въ ссылкѣ и потеряли всякую надежду на освобожденіе; ожиданіе такой-же участи смущало насъ неимовѣрно и наводило на насъ ужасъ.

Когда въ Тарѣ окончили перепись и помѣтили ростъ и возрастъ каждаго, то насъ распредѣлили на двѣ категоріи: болѣе молодыхъ, къ которымъ и я былъ причисленъ, рѣшили сдать въ военную службу въ дѣйствующую армію, болѣе-же пожилыхъ причислить къ мѣстной козацкой милиціи. Вскорѣ составили изъ насъ партію въ 120 человѣкъ и, заказавъ для насъ подводы, приказали собираться въ путь въ го-

родъ Омскъ, гдѣ насъ должны были опредѣлить въ дивизію сибирскихъ драгунъ, расположенную на границѣ съ киргизами.

Такъ какъ уже нѣсколько разъ составлялись подобные списки съ обозначеніемъ нашего возраста и примѣтъ, то мы надѣялись, что и въ этомъ случаѣ дѣло останется безъ послѣдствій, и не предполагали, что дѣйствительно будемъ зачислены въ военную службу. Когда подводы были готовы, насъ созвали по списку и передали подъ начальство особаго офицера и подъ надзоръ отряда солдатъ. Мы отправились въ путь, въ Омскъ, размѣстившись по три человѣка на каждой повозкѣ. Погода была благопріятна и дорога хороша; въ селахъ, гдѣ мы останавливались на ночь, крестьяне постоянно предсказывали, что въ Омскѣ мы облачимся въ драгунскій мундиръ, но мы этому не вѣрили и такъ какъ подобнаго рода разговоры раздражали насъ, то мы бранили хозяевъ. Проѣхавъ таоимъ образомъ 25 миль, отдѣляющихъ Тару отъ Омска, мы достигли послѣдняго города въ 10 часовъ утра.

Въ Омскѣ намъ отвели квартиры у мѣстныхъ козаковъ. Въ этомъ городѣ, кромѣ военныхъ, козаковъ и драгунъ, не имѣется другихъ жителей, такъ какъ городъ этотъ основанъ еще недавно въ качествѣ пограничнаго военнаго поста. Въ немъ находится довольно сильная крѣпость, состоящая изъ земляныхъ валовъ, а внутри ея множество казармъ для солдатъ, а также домъ генералъ-лейтенанта, камандующаго цѣлымъ сибирскимъ корпусомъ, расположеннымъ вдоль границы на протяженіи 20 миль; за крѣпостью небольшой посадъ, состоящій изъ деревянныхъ домовъ, принадлежащихъ семейнымъ козакамъ, которые несутъ военную повинность пограничной службы. Среди города протекаетъ рѣка Омъ, на которой построенъ довольно прочный мостъ, за городомъ-же большая рѣка Иртышъ, противуположный берегъ которой представляетъ пустынную степь, принадлежащую киргизамъ. Сибирскій корпусъ находится подъ управленіемъ двухъ генералъ-маіоровъ и подъ главнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта. До нашего пріѣзда умеръ генералъ-лейтенантъ, по фамиліи Шпрингеръ, и должность его временно исправлялъ старшій генералъ-маіоръ—Станиславскій, родомъ полякъ. Намъ приказано было явиться къ нему и онъ объявилъ намъ, что получилъ приказъ изъ военной коллегіи, предписывающій всѣхъ насъ зачислить въ военную службу и распредѣлить въ различные полки сибирскаго

корпуса. Мы обратились къ нему съ настоятельными просьбами о томъ, что-бы онъ освободилъ насъ отъ этой участи, но просьбы наши оказались безуспѣшными, ибо удовлетвореніе ихъ выходило за предѣлы власти, предоставленной генералу Станиславскому: онъ однако обошелся съ нами благосклонно и милостиво и обѣщалъ оказывать намъ вниманіе и возможное покровительство послѣ опредѣленія насъ на службу. Насъ выстроили въ два ряда и, распредѣливъ на группы по 9 до 30 человѣкъ, каждую отправляли въ иной полкъ. Девять человѣкъ, въ числѣ которыхъ находился и я, зачислили въ ревельскій драгунскій полкъ, квартировавшій въ Омскѣ, другія-же партіи, человѣкъ въ 12 до 30, распредѣлили въ другіе полки, расположенные вдоль всей границы. Затѣмъ насъ повели въ церковь и приказали намъ исполнить присягу на вѣрность службы; никто изъ насъ не захотѣлъ присягать и хотя офицеры уговаривали насъ довольно ласково, но убѣжденія ихъ на насъ не подѣйствовали. Послѣ выхода изъ церкви, мы были окружены нѣсколькими взводами солдатъ, которые препроводили насъ подъ арестъ, при чемъ насъ посадили по два человѣка. Мы провели день и ночь безъ пищи и на слѣдующее утро каждую пару отдѣльно опять повели въ церковь и потребовали исполненія присяги; но всѣ мы отказались отъ нея, при чемъ мы поставляли на видъ, что уже присягали на вѣрность своему отечеству и обязаны сохранить данную клятву. Насъ опять вывели изъ церкви и посадили подъ арестъ, но уже не попарно, а каждаго отдѣльно, такъ что одинъ не зналъ о мѣстѣ заточенія другаго; намъ отпускали каждому по фунту хлѣба и по кружкѣ воды въ сутки. На третіе сутки каждаго отдѣльно приводили въ церковь и вновь склоняли къ принятію присяги; когда-же и теперь мы отказались, то вновь насъ соединили всѣхъ вмѣстѣ и отправили подъ арестъ въ общую камеру. Здѣсь мы оставались въ теченіи шести недѣль, получая вышеозначенныя порціи хлѣба и воды; каждый день къ намъ заходили офицеры и убѣждали насъ принять присягу, но всѣ ихъ усилія оказывались тщетными. Товарищи наши, отправленные въ другіе полки, хотя находились на значительномъ отъ насъ разстояніи, но, подобно намъ, отказались приносить присягу и равнымъ образомъ были посажены подъ арестъ. Наконецъ, по истеченіи шести недѣль, насъ вывели на площадь, гдѣ заготовлены были кнуты, плети и палки; послѣ наказа-

нія мы наконецъ заявили согласіе принести присягу. Въ другихъ полкахъ нѣкоторые товарищи наши заупрямились до такой степени, что претерпѣли по 800—1500 палочныхъ ударовъ, и только, подвергшись вторично такому-же наказанію, едва согласились исполнить присягу. Послѣ того какъ мы принуждены были поступить въ военную службу, прислана была изъ Тобольска новая партія, заключавшая болѣе ста человѣкъ, которая также была распредѣлена въ различные полки; затѣмъ такой-же участи подверглись и другія партіи конфедератовъ, которыя направлены были, минуя Тобольскъ, прямо въ нашъ корпусъ.

Совершено другое назначеніе получили тѣ 170 человѣкъ, которые еще зимою отправлены были изъ Тары въ Иркутскъ. Достигнувъ мѣста своего назначенія, они поселены были въ различныхъ слободахъ въ домахъ мѣстныхъ крестьянъ; имъ прекращена была выдача денегъ на содержаніе и приказано было помогать хозяевамъ въ исполненіи сельскихъ работъ, послѣднимъ-же предписано заботиться о ихъ прокормленіи. Они прожили нѣсколько мѣсяцевъ въ такомъ положеніи, но не только не принялись за работу, а напротивъ до того угнетали своихъ хозяевъ, что послѣдніе предложили имъ даромъ продовольствіе подъ условіемъ, чтобы они лишь вели себя спокойно; ибо когда вначалѣ хозяева хотѣли ихъ голодомъ принудить къ исполненію работъ, то конфедераты предались отчаянію, стали буйствовать, заводить драки, насильно брать хлѣбъ и похищать всякую живность, какую только удалось имъ захватить. Такимъ поведеніемъ они заставили крестьянъ выдавать себѣ продовольствіе даромъ и смотрѣть на своихъ жильцевъ со страхомъ, словно на военную экзекуцію. Вслѣдствіе такихъ отношеній жители обратились съ прошеніемъ къ губернатору, въ которомъ изъясняли, что они не только не получаютъ отъ поляковъ никакой помощи въ хозяйствѣ, но испытываютъ отъ нихъ постоянно невыносимыя и тягостныя безпокойства и потому просятъ удалить ихъ изъ своихъ жилищъ. Вслѣдствіе этого прошенія губернаторъ приказалъ возвратить плѣнныхъ въ Иркутскъ и размѣстить ихъ въ городѣ на квартирахъ. Въ это время проживалъ въ Иркутскѣ бывшій русскій офицеръ, разжалованный въ солдаты за какую-то вину; онъ объяснилъ нашимъ товарищамъ, что тѣ распоряженія, которыя къ нимъ примѣняются, исходятъ отъ тобольскаго генералъ-губернатора, управляющаго

всею Сибирью и изданы имъ исключительно по собственному почину и усмотрѣнію; онъ совѣтовалъ имъ послать жалобу самой государынѣ, основываясь на общемъ законѣ, по которому власти обязаны всякое прошеніе отъ обиженнаго лица принять и отослать по назначенію, если оно написано, какъ это оффиціально называется, „на имя государыни"; онъ научилъ ихъ притомъ, чтобы они постарались проникнуть въ залъ присутствія, гдѣ губернаторъ съ ассессорами засѣдаетъ для обужденія дѣлъ, прибавивъ, что въ залѣ этомъ они увидятъ императорское кресло, надъ которымъ виситъ портретъ императрицы, что передъ этимъ креслом слѣдуетъ положить запечатанный пакетъ на имя государыни, въ которомъ можетъ быть помѣщена жалоба на причиненныя имъ обиды, и что этотъ пакетъ неминуемо губернаторъ обязанъ будетъ отправить въ Петербургъ. Земляки наши въ точности исполнили инструкцію и нашли возможность проникнуть въ залъ присутствія, гдѣ и положили пакетъ передъ императорскимъ кресломъ; губернаторъ вскочилъ изъ-за стола въ сильномъ смущеніи, но долженъ былъ не медля отослать жалобу въ Петербургъ, откуда и получено было предписаніе, чтобы плѣннымъ уплотить содержаніе, удержанное въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отправить ихъ на подводахъ гъ Тобольскъ и тамъ оставить въ покоѣ, продолжая выдавать содержаніе впредь до дальнѣйшаго распоряженія военной коллегіи.

Между тѣмъ мы, оставаясь въ военной службѣ, должны были готовиться къ походу, ибо внезапно полученъ былъ приказъ, предписывавшій всему нашему корпусу выступить поспѣшно въ погоню за калмыками. Калмыки, кочевавшіе въ большемъ количествѣ около Оренбурга, гдѣ имъ принадлежала обширная полоса степи, получили въ 1771 году приказъ отправиться въ походъ для соединенія съ арміею, дѣйствовавшею противъ турокъ; ибо калмыки, подобно донскимъ козакамъ и башкирамъ, обязаны нести въ пользу государства военную службу и выступать по каждому требованію въ военный походъ; въ случаѣ выступленія ихъ снабжаютъ артиллеріею, что сдѣлано было и на этотъ разъ. Ханъ калмыцкій, по имени Бамбура, собравъ 40,000 войска, вмѣсто того, чтобы отправиться въ армію, рѣшился двинуться въ Китай. Когда объ этомъ узнали въ Пнтербургѣ, немедленно приказали корпусамъ оренбурскому

и сибирскому отправиться поспѣшно въ погоню за калмыками. Послѣдніе между тѣмъ быстрыми переходами стремились къ границамъ области киргизовъ, полагая, что этотъ путь будетъ для нихъ самый удобный. Оренбургскій корпусъ, состоявшій изъ 10,000 человѣкъ, долженъ быть идти вслѣдъ за ними, нашему-же сибирскому корпусу, состоявшему изъ 12,000 человѣкъ, предписано было преградить имъ путь; притомъ киргизамъ послано было распоряженіе, чтобы они не пропускали калмыковъ черезъ свою область. Но калмыки двигались весьма быстро; они отодвинулись далеко отъ оренбургскаго корпуса и опередили даже на значительное разстояніе насъ, отправившихся имъ на встрѣчу. Когда киргизы отказали имъ въ пропускѣ, они сразились съ ними, положили на мѣстѣ нѣсколько тысячь, овладѣли свѣжими киргизскими лошадьми и, оставивъ своихъ, двинулись поспѣшно въ дальнѣйшій путь. Мы пошли вслѣдъ за ними также ускореннымъ маршемъ черезъ область киргизовъ по совершенно пустынной степи, безъ признака какой-либо дороги, гдѣ киргизы служили намъ проводниками. Время было жаркое, между тѣмъ степь оказалась совершенно безводною, такъ что по 2, 3 и даже 4 дня мы оставались безъ воды; отъ жажды погибло у насъ множество лошадей и людей и еще больше поражено было болѣзнями. Не смотря на это, мы шли быстро впередъ и стали уже настигать калмыковъ, такъ что останавливались на ночь на тѣхъ стоянкахъ, гдѣ они на канунѣ ночевали. Мы прошли такимъ образомъ землю киргизовъ и вступили въ область бухарскихъ татаръ, которые занимаютъ довольно небольшую полосу земли и подобно киргизамъ живутъ въ пустынной, вовсе незаселенной степи. Прошедши Бухарію, мы вступили въ страну ташкентскихъ татаръ; область эта гораздо богаче и изобилуетъ необходимыми для жизни произведеніями; жители живутъ въ домахъ, занимаются земледѣліемъ и торговлею; между ними есть богатые купцы, ведущіе торговлю золотыми издѣліями, жемчугомъ и дорогими каменьями. Страною управляетъ самостоятельный ханъ, которому жители даютъ дань по большей части въ натурѣ—скотомъ и мѣхами. Мы прошли ташкентскую область, не будучи въ состояніи настичь калмыковъ, и вступили въ предѣлы хивинскіе. Хивинцы обитаютъ среди скалъ въ гористой мѣстности; народъ этотъ живетъ очень бѣдно и главныя средства пропитанія добываетъ охотою; дичи въ странѣ очень много,

въ томъ числѣ часто встрѣчаются дорогіе пушные звѣри: соболи, куницы и прекрасныя лисицы, называемыя у насъ „крыжаками". Въ хлѣбѣ и домашнемъ скотѣ хивинцы сильно нуждаются и хозяйство ихъ не доставляетъ имъ достаточныхъ средствъ для пропитанія, особенно зимою, когда холодъ въ этой странѣ бываетъ весьма сильный. У нихъ также есть самостоятельный ханъ, которому они даютъ ясакъ, т. е. дань отъ продуктовъ звѣриной ловли. Въ предѣлахъ хивинскихъ мы наконецъ надѣялись настичь калмыковъ, отъ которыхъ насъ отдѣляла только гряда скалистыхъ горъ; но пока мы кружились, обходя ея подошву, калмыки ускользнули, направившись прямо къ границѣ по маленькой тропинкѣ, пролегавшей надъ горнымъ обрывомъ, по берегу рѣки Бахтармы. По тропинкѣ этой пѣшій человѣкъ едва можетъ пройти; между тѣмъ калмыки успѣли провести по ней лошадей и затѣмъ, спустившись на равнину, поспѣшно переправились черезъ Бахтарму—одни на паромахъ, другіе вплавь; по ту сторону рѣки они достигли наконецъ китайскихъ предѣловъ.

Такъ какъ мы не имѣли приказанія дальше преслѣдовать калмыковъ, то остановились на берегу Бахтармы для отдыха. Во время этой стоянки 39 человѣкъ поляковъ, тяготившихся военною службою, въ теченіи ночи переправились черезъ рѣку и бѣжали въ Китай. Отдохнувъ два дня, мы отправились въ обратный путь. Въ теченіе всего похода мы питались исключительно сухарями, истолченными въ порошекъ, которыми насъ снабдили при выступленіи. Возвращались мы сначала по тому-же пути, по которому раньше слѣдовали, потомъ повернули въ пустынную степь, гдѣ вновь пришлось нѣсколько дней сряду оставаться безъ воды, пока, послѣ перехода въ 20 миль, мы не достигли Семипалатинска. Мѣсто это названо такъ потому, что на немъ находятся развалины какихъ-то семи дворцевъ или палатъ. Мы осматривали эти развалины, но такъ какъ жителей въ этой мѣстности нѣтъ, то мы не могли узнать, кто воздвигнулъ эти постройки. Оттуда уже не далеко къ берегамъ Иртыша и къ русской границѣ, которой мы достигли въ теченіи нѣсколькихъ дней, совершая переходы весьма поспѣшно, потому, что провіантъ нашъ сталъ истощаться.

Въ Омскѣ мы застали новую партію конфедератовъ въ 120 человѣкъ, присланную изъ Казани для зачисленія въ военную службу въ

сибирскій корпусъ. Имъ отвели квартиры и приказали на другой день являться для исполненія присяги, но они, не дождавшись утра, похитили ночью у козаковъ, въ домахъ которыхъ квартировали, нѣсколько оружія и зарядовъ, переправились черезъ Иртышъ и ушли къ киргизамъ, полагая такимъ путемъ возвратить себѣ свободу, но надежда обманула ихъ и они попали въ гораздо болѣе тяжелую неволю: киргизы взяли ихъ въ плѣнъ, однихъ продали ташкентцамъ, другихъ-же заставили пасти свои стада; впослѣдствіи четыре человѣка изъ ихъ числа бѣжали обратно въ Омскъ и весьма подробно сообщили о своей неудачѣ и ея послѣдствіяхъ.

Область киргизовъ простирается слишкомъ на сто миль въ ширину, въ длину-же ея протяженіе еще больше. Киргизы обитаютъ здѣсь среди пустынной степи; они не имѣютъ домовъ, не занимаются вовсе земледѣліемъ и не употребляютъ въ пищу хлѣба—ѣдятъ исключительно мясныя и молочныя яствы, которыя имъ доставляютъ многочисленныя, принадлежащія имъ стада; не рѣдко одинъ хозяинъ киргизъ владѣетъ 5,000 барановъ, 2,000 рогатаго скота, свыше тысячью лошадей и 300—400 верблюдовъ. Жилища киргизовъ устроены въ видѣ палатокъ, покрытыхъ войлокомъ; они укрѣпляютъ въ землю жерди, связанныя желѣзными завѣсами, сверху кладутъ на нихъ стропила, также снабженныя завѣсами, и поверхъ этой постройки протягиваютъ съ боковъ и по верху войлокъ, оставивъ лишь одно отверстіе для выхода дыма; очагъ они устраиваютъ посреди палатки; варятъ мясо въ котлахъ, по большей части желѣзныхъ, и пьютъ мясной отваръ маленькими деревянными чашечками, сдѣланными по образцу китайскихъ; затѣмъ съѣдаютъ самое мясо. Они не долго остаются на одномъ мѣстѣ, ибо многочисленныя стада требуютъ частыхъ передвиженій для прокормленія ихъ подножнымъ кормомъ. Во время передвиженія они собираютъ свои жилища и нагружаютъ ими верблюдовъ, а затѣмъ переходятъ на новую стоянку, иногда десятка за два миль, высмотрѣвъ предварительно обильное пастбище. Въ одномъ мѣстѣ никогда не останавливается болѣе 6—7 хозяевъ, ибо и такое число ихъ нуждается въ пастбищѣ на нѣсколько миль въ окружности. Денегъ они не употребляютъ и не берутъ, потому что все нужное они пріобрѣтаютъ мѣною за скотъ; эту мѣновую торговлю киргизы постоянно ведутъ съ русскими; по временамъ они при-

гоняютъ нѣсколько десятковъ тысячъ скота на берега Иртыша, къ нимъ переправляются русскіе и промѣниваютъ различные товары исключительно на лошадей и барановъ, при чемъ получаютъ огромную выгоду, ибо за предметъ дешевый, цѣною въ нѣсколько злотыхъ, они пріобрѣтаютъ въ обмѣнъ скотъ въ 10 разъ большей стоимости. Бараны киргизскіе очень крупные, одинъ хвостъ ихъ вѣситъ больше $^1/_2$ пуда; такого барана можно получить въ обмѣнъ за топоръ, не смотря на то, что топоры въ Сибири очень дешевы и штука продается по 20 грошей. Русскіе купцы пріѣзжаютъ на эти ярмарки за 100 миль и даже дальше; ярмарки-же происходятъ исключительно лѣтомъ,—зимою онѣ невозможны, ибо въ это время года скотъ киргизскій сильно тощаетъ и падаетъ въ цѣнѣ, потому что зимою онъ долженъ добывать себѣ подножный кормъ, разбивая копытами снѣгъ; вслѣдствіе этого въ зимнее время киргизы выгоняютъ на пастбище прежде всего лошадей, затѣмъ рогатый скотъ и по слѣдамъ только послѣдняго барановъ и овецъ; такъ какъ въ степи трава довольно высока, то животныя могутъ ее добыть изъ-подъ снѣга, тѣмъ не менѣе множество ихъ околѣваетъ, остальныя-же сильно худаютъ, но потомъ лѣтомъ они откармливаются весьма быстро сочными степными травами.

Мы видѣли хана киргизовъ, по имени Абтай-султана; онъ былъ одѣтъ въ старинный костюмъ, пошитый изъ богатой китайской ткани черной, перетканной золотыми цвѣтами. Обыкновенно киргизы носятъ костюмъ довольно простой; но непремѣнная принадлежность его — узкій ременный поясъ, украшенный металлическими пуговицами, у котораго на цѣпочкѣ привѣшенъ ножъ въ кожаныхъ ножнахъ; поясъ этотъ они надѣваютъ на всякое платье—простое и даже атласное. Число киргизовъ обоего пола не превосходитъ 300,000; въ странѣ ихъ намъ не случалось видѣть ни одной мечети. Бухарцы, по странѣ которыхъ мы проходили, ничѣмъ не отличаются отъ киргизовъ, и потому я считаю излишнимъ описывать ихъ отдѣльно.

Вдоль киргизскихъ границъ расположены были на протяженіи 20 миль всѣ драгунскіе полки нашего корпуса, въ которыхъ распредѣлены были плѣнные поляки. Мы оставались въ полкахъ этихъ въ теченіи года, пока не прибылъ изъ Петербурга генералъ-лейтенантъ Деколонъ, назначенный корпуснымъ генераломъ на мѣсто генерала Шприн-

тера. Онъ немедленно переформировалъ весь нашъ корпусъ, состоявшій до того времени исключительно изъ кавалеріи. Генералъ Деколонъ раздѣлилъ корпусъ на семь легкихъ конныхъ командъ и на семь пѣшихъ баталіоновъ: въ составъ каждой легкой команды вошли двѣ роты мушкатеровъ, рота егерей и рота драгунъ; каждая такая команда состояла подъ начальствомъ маіора; каждый баталіонъ состоялъ также подъ начальствомъ отдѣльнаго штабъ-офицера и въ составъ его входили семь ротъ пѣхоты. Всѣ поляки были зачислены въ пѣхотныя команды, въ которыхъ служили въ теченіи трехъ лѣтъ.

Товарищи наши, оставшіеся въ Тобольскѣ, не были опредѣлены въ военную службу и находились сравнительно въ выгодномъ положеніи: они получали достаточное содержаніе и пользовались свободою. Въ Казань присылали постоянно новые отряды плѣнныхъ конфедератовъ и въ томъ числѣ нѣсколько маршаловъ, а именно пановъ: Зелинскаго, Сѣнявскаго, Кадлубовскаго, Малевскаго и другихъ. Вслѣдствіе скопленія конфедератовъ въ Казани, ихъ оттуда пересылали на жительство въ Оренбургъ, Тобольскъ, Хлыновъ и Симбирскъ. Среди плѣнныхъ постоянно слышались жалобы на измѣнническое поведеніе собственныхъ начальниковъ, изъ которыхъ многіе, преслѣдуя исключительно личные интересы, причинили своему народу немаловажныя бѣдствія: они вербовали согражданъ въ конфедерацію, а потомъ измѣннически продавали свои отряды въ плѣнъ русскимъ, подвергая такимъ образомъ однихъ смерти, другихъ продолжительной неволѣ.

Въ это время бѣжалъ изъ Казани капитанъ конфедератскій Беневскій, который прежде въ Польшѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ Гадыка и имѣлъ чинъ оберетъ-лейтенанта. Онъ составилъ себѣ подложные документы и, подъ видомъ курьера, уѣхалъ въ Москву; здѣсь онъ сталъ доказывать, что его взяли въ плѣнъ по ошибкѣ и начальство уже намѣрено было освободить его совершенно; но вдругъ обнаружились подробности его бѣгства; онъ былъ вновь арестованъ и сосланъ въ Сибирь—въ Камчатку на вѣчное поселеніе. Въ Камчаткѣ Беневскій просидѣлъ годъ въ темницѣ, потомъ былъ отпущенъ на квартиру и получилъ право свободно ходить по городу; онъ вошелъ притомъ въ милость къ мѣстному коменданту и часто посѣщалъ его домъ. Между тѣмъ онъ постоянно обдумывалъ средства для своего освобожденія; съ

этою цѣлью, еще находясь въ темницѣ, онъ вошелъ въ сношенія съ уголовными преступниками, которыхъ нѣсколько сотъ содержалось въ тюрьмѣ, и уговорилъ ихъ къ бѣгству при удобномъ случаѣ. Городъ, въ которомъ онъ находился, лежитъ у морскаго залива; случилось, что къ гавани пристали два судна, на которыхъ прибыли два воеводы съ казною, состоявшею изъ серебра и соболей; тогда Беневскій открылъ двери тюрьмы арестантамъ и, освободивъ ихъ, напалъ на гауптвахту, перебилъ солдатъ вмѣстѣ съ комендантомъ, захватилъ оружіе и овладѣлъ упомянутыми двумя суднами, равно какъ и находившеюся на нихъ казною. Онъ снялся съ якоря вмѣстѣ съ своими товарищами и, такъ какъ хорошо зналъ морское дѣло, то благополучно успѣлъ бѣжать во Францію. Русскіе погнались было за нимъ въ погоню, но не могли ни настичь его, ни отыскать [1]).

---

[1]) Графъ Августъ-Маврикій Беневскій принадлежалъ къ числу тѣхъ смѣлыхъ и неразборчивыхъ на средства авантюристовъ, которыми изобиловало европейское общество конца XVIII столѣтія. Онъ былъ сыномъ польскаго шляхтича, дослужившагося генеральскаго чина въ австрійской службѣ и получившаго за женою значительныя помѣстья въ Венгріи. Получивъ хорошее воспитаніе, Беневскій служилъ сначала въ австрійской арміи, потомъ вызванъ былъ въ Польшу дядею, который оставилъ ему значительное наслѣдство; затѣмъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ путешествіи по западной Европѣ и возвратившись въ Польшу, принялъ дѣятельное участіе въ барской конфедераціи; во время осады Кракова взятъ былъ въ плѣнъ русскими войсками и сосланъ въ Казань. Бѣжавъ оттуда съ фальшивою подорожнею въ Петербургъ, онъ арестованъ былъ вновь и въ наказаніе за побѣгъ сосланъ въ Камчатку. Здѣсь, благодаря расположенію губернатора Нилова, дѣтямъ котораго онъ преподавалъ иностранные языки, онъ пользовался полною свободою, успѣлъ составить заговоръ среди ссыльныхъ поселенцевъ, овладѣлъ небольшою крѣпостцею и захвативъ судно, стоявшее на рейдѣ, нагрузилъ его похищенными въ крѣпости оружіемъ, припасами и казною и отправился въ сопровожденіи 75 товарищей въ море. Бѣглецы достигли китайской гавани Макао, откуда Беневскій переѣхалъ во Францію. Три года спустя онъ отправился по порученію французскаго правительства на Мадагаскаръ съ цѣлью основать на этомъ островѣ французскія колоніи. Порученіе это Беневскій выполнилъ удачно, но вскорѣ возъимѣлъ мысль образовать на Мадагаскарѣ самостоятельное королевство; благодаря ловкой его интригѣ, нѣкоторыя туземныя племена провозгласили его своимъ королемъ. Когда-же французское правительство воспротивилось этой затѣѣ, Беневскій обратился за помощью въ Англію и пытался поддержать свои притязанія оружіемъ,

ГЛАВА VII.

О присоединеніи нѣкоторыхъ поляковъ къ православію, о чумѣ, бывшей въ Москвѣ, и о бунтѣ Пугачова.

Количество плѣнныхъ поляковъ постоянно возрастало и изъ ихъ числа уже нѣсколько тысячъ было зачислено въ военную службу; послѣднимъ объявлено было слѣдующее предложеніе: если кто пожелаетъ присоединиться къ православію, то будетъ освобожденъ отъ военной службы и получитъ 18 рублей на обзаведеніе. Многіе поляки приняли это предложеніе, особенно-же склонились къ нему лица изъ простонародія, смотрѣвшія на сдѣланное имъ предложеніе какъ на величайшее для себя благо, долженствовавшее обезпечить ихъ свободу и благосостояніе; ежедневно отъ 6 до 10 человѣкъ являлись въ канцелярію съ просьбою присоединить ихъ къ православію; желаніе ихъ немедленно исполнялось, при чемъ они получали увольненіе отъ военной службы и обѣщанную сумму. Такимъ образомъ перешли въ православіе въ Тобольскѣ 180 человѣкъ, въ Тарѣ—50, въ Тюмени—75, въ Иркутскѣ—8, въ Енанчинѣ—20, въ Казани—96; затѣмъ они по большей части женились и принялись за различныя занятія и промыслы.

Въ томъ-же году сильная зараза распространилась въ Россіи; въ Кіевѣ перемерла значительная часть народонаселенія, въ томъ числѣ до 10,000 рекрутъ, пересылавшихся въ армію; многіе дома, въ которыхъ вымерли всѣ жильцы, были наглухо заколочены; въ то время въ Кіевѣ было до 800 турокъ и 150 поляковъ изъ числа военноплѣнныхъ, которыхъ вообще насчитывали свыше 20,000 однихъ турокъ; тѣ и другіе обязаны были ежедневно копать могилы для умершихъ а

но въ одной изъ стычекъ съ французскими войсками былъ убитъ (въ маѣ 1786 г.). За два года до смерти Беневскій написалъ пространныя записки на французскомъ языкѣ: «Aventures et voyages du comte Maurice-Auguste Beniowski», изданныя впослѣдствіи въ Парижѣ (1791 г.) Въ сочиненіи этомъ авторъ описываетъ весьма подробно свое пребываніе въ плѣну, бѣгство изъ Камчатки и исторію своего мадагаскарскаго королевства, вводя впрочемъ въ разсказъ множество романическихъ и эффектныхъ вымышленныхъ обстоятельствъ. Записки Беневскаго изданы были въ переводѣ на языки англійскій, нѣмецкій (1797 г.) и польскій (1802 г.).

также увозить изъ домовъ и зарывать трупы; но не смотря на это, никто изъ турокъ, ни поляковъ не былъ пораженъ заразою. Въ Москвѣ погибло тогда отъ чумы до 100,000 жителей; болѣзнь эта свирѣпствовала и въ другихъ городахъ и прекратилась лишь зимою послѣ новаго года.

Въ исходѣ третьяго года службы моей въ сибирскомъ корпусѣ, 9 сентября 1773 года, полученъ былъ приказъ, предписывавшій нашему корпусу немедленно отправляться въ Оренбургъ. Того-же дня въ полночь мы выступили всѣ въ походъ: артиллерія, пѣшія команды и легкая кавалерія. Причиною столь поспѣшнаго выступленія были волненія, вспыхнувшія тогда въ Россіи; поводъ къ нимъ подалъ Емельянъ Ивановичъ Пугачевъ, родомъ донской козакъ. Онъ служилъ въ войскѣ около 30 лѣтъ, но, вслѣдствіе того, что турецкая кампанія еще продолжалась, онъ не могъ дождаться отставки и дезертировалъ; затѣмъ былъ пойманъ, наказанъ согласно съ военными законами и опять отправленъ въ военную службу, изъ которой бѣжалъ вторично; тогда его исключили изъ военной службы и приговорили къ вѣчной ссылкѣ. Находясь въ пересылочной тюрьмѣ въ Казани въ обществѣ другихъ уголовныхъ преступниковъ, онъ нашелъ возможность бѣжать и отправился въ оренбургскую область къ яицкимъ козакамъ, живущимъ на рѣкѣ Яикѣ, вдоль киргизской границы, которую они обязаны оберегать. Онъ былъ принятъ здѣсь весьма радушно; яицкіе козаки въ то время сильно раздражены были столкновеніемъ съ властями: не получивъ жалованья въ теченіи двухъ лѣтъ, они подняли было возстаніе противъ мѣстнаго губернатора, но были усмирены и многіе наказаны смертью, или вѣчною ссылкою; оставшіеся были недовольны такимъ исходомъ дѣла и выжидали лишь благопріятнаго случая для новаго бунта. Въ это именно время явился среди ихъ Пугачевъ; такъ какъ онъ отличался изворотливымъ умомъ и притомъ былъ опытенъ въ военномъ дѣлѣ, ибо принималъ участіе во многихъ походахъ, и служилъ въ арміи въ теченіи всей семилѣтней войны съ прусскимъ королемъ, то яицкіе козаки провозгласили его своимъ вождемъ и пустили молву въ народѣ, будто императоръ Петръ Ѳедоровичъ, освободившись изъ заточенія, явился къ нимъ искать помощи. Собравъ до 40,000 козаковъ и пользуясь тѣмъ, что вся русская армія занята была турецкимъ походомъ,

Пугачевъ имѣлъ возможность овладѣть разными городами и присоединить ихъ гарнизоны къ своему ополченію. Такъ какъ притомъ онъ называлъ себя самозванно императоромъ, то крестьяне изъ многихъ волостей отправляли къ нему депутаціи и признавали надъ собою его власть. Вся почти оренбургская губернія, простирающаяся на 100 миль въ длину, подчинилась его господству и подобно другимъ, признавшимъ его мѣстностямъ, доставляла рекрутъ для его войска. Затѣмъ башкирская область, простирающаяся на 70 миль въ длину и въ ширину, присягнула ему на вѣрность; управлявшіе ею два полковника, отказавшіеся признать Пугачева императоромъ, были повѣшены, и башкиры составили ополченіе въ 26,000 человѣкъ, которое присоединилось къ арміи мятежника; послѣдній усилился еще болѣе, овладѣвъ пушками и запасами пороха и военныхъ снарядовъ, находившимися въ оренбургской губерніи.

Для противудѣйствія этому возстанію мы отправились ускореннымъ маршемъ; нѣкоторыя части нашего корпуса оставлены были на пути для того, что-бы преградить Пугазеву возможность отступленія, остальныя-же направились къ Оренбургу, гдѣ были сосредоточены главныя силы бунтовщика. Подъ предводительствомъ генерала Деколона изъ Сибири прибыло туда 11,000 войска. Здѣсь мы соединились съ пришедшимъ раньше насъ корпусомъ московскимъ, состоявшимъ изъ 22,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Бибикова, и съ остатками оренбургскаго корпуса, въ 6,000 человѣкъ, которые не были еще захвачены Пугачевымъ. Главное начальство, вслѣдствіе неожиданно случившейся смерти генерала Бибикова, принялъ генералъ Голицынъ. Когда всѣ войска наши были стянуты, мы пошли на встрѣчу значительнымъ силамъ врага и вступили съ ними въ продолжительное сраженіе; обѣ стороны понесли значительныя потери убитыми и раненными, но, наконецъ, намъ удалось разрушить шанцы непріятеля и послѣ кровопролитнаго боя мы его успѣшно выбили изъ укрѣпленій. Поле битвы осталось за нами, при чемъ мы взяли нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, боевые припасы и несмѣтную добычу, нагроможденную въ лагерѣ мятежниковъ; въ погоню за разсѣявшимися врагами командированы были во всѣ стороны отряды. Впрочемъ въ битвѣ этой убито было много солдатъ и въ томъ числѣ однихъ поляковъ легло до 400 человѣкъ.

Пугачевъ раздѣлилъ послѣ битвы свое ополченіе на нѣсколько частей, вслѣдствіе чего и наша армія раздѣлилась на нѣсколько отрядовъ, которые отправились преслѣдовать мятежниковъ. Самъ Пугачевъ подступилъ подъ крѣпость Татищеву, защищаемую слабымъ гарнизономъ, и предложилъ коменданту, бригадиру Бѣлову, сдаться ему на извѣстныхъ условіяхъ, но Бѣловъ отказался вступать въ какіе-бы то ни было переговоры. Тогда Пугачевъ взялъ крѣпость приступомъ; съ Бѣлова содрана была кожа, женѣ-же его отрѣзали груди и затѣмъ ее растерзали лошадьми. Обратно наши войска заняли большую слободу Шадринь, жители которой примкнули къ Пугачеву; все народонаселеніе слободы было перебито. Вообще всѣхъ, признавшихъ власть Пугачева, войско предавало смерти, тѣ-же, которые отказывались его признать, подвергались той-же участи по его приказанію. Эта жестокая война навела ужасъ на всѣхъ спокойныхъ жителей, которые находились въ страхѣ и подвергались крайней опасности какъ отъ одной, такъ и отъ другой стороны.

Выступивъ изъ Шадрини, мы ожидали, что Пугачевъ будетъ насъ атаковать съ сильнымъ отрядомъ, но оказалось, что лазутчики наши сообщали намъ ложное извѣстіе, ибо Пугачевъ, оставшись позади насъ, взялъ приступомъ крѣпость Троицкую и ограбивъ городъ, перебилъ всѣхъ жителей; участь эту раздѣлили и поляки, находившіеся въ составѣ гарнизона. Когда получено было это извѣстіе, генералъ Деколонъ бросился въ ту сторону съ отрядомъ въ 4,000 человѣкъ столь поспѣшно, что пѣхота принуждена была пройти въ теченіи дня 6 миль. Мы пришли подъ Троицкую на разсвѣтѣ; войско Пугачева предавалось пьянству и разврату; потому на встрѣчу намъ вышелъ только отрядъ въ 500 козаковъ подъ начальствомъ полковника Бородина, но и они были совершенно пьяны и потому всѣ погибли въ сѣчѣ. Мы пошли на приступъ двумя колоннами и успѣшно проникли въ крѣпость съ двухъ сторонъ; мы застали бунтовщиковъ пьяныхъ и сонныхъ и убивали всѣхъ поголовно. Самъ Пугачевъ съ 1,000 конницы успѣлъ однако ускользнуть, но на дорогѣ онъ наткнулся на маіора Михельсона, спѣшившаго къ намъ на помощь съ отрядомъ въ 500 гусаръ; въ стычкѣ Пугачевъ потерялъ большую половину своего отряда и едва спасся съ его остатками; на нѣкоторое время послѣ этого онъ исчезъ

безвѣстно и вновь появился подъ Казанью только 2 мѣсяца спустя съ отрядомъ въ 20,000 человѣкъ, набраннымъ вновь изъ крестьянъ и татаръ, которые отовсюду къ нему стекались. Онъ овладѣлъ городомъ и сжегъ его, но не могъ взять крѣпости, защищенной каменною стѣною. Вскорѣ однако къ Казани подошли генералы Голицынъ и Суворовъ съ значительными силами, разбили мятежниковъ и выгнали ихъ изъ города; тогда Пугачевъ переправился черезъ Волгу и ушелъ по направленію къ Астрахани; въ погоню за нимъ отправились генералъ Суворовъ и маіоръ Михельсонъ. Отряды мятежниковъ, дѣйствовавшіе отдѣльно отъ главнаго скопища, около Царицына, Екатеринкенбурга, Камышина и въ другихъ мѣстахъ, были также атакованы войсками, разбиты и разсѣяны. Жившіе тогда въ Казани поляки, и въ томъ числѣ панъ Пулавскій, староста черешинскій, предложили свои услуги правительству для защиты города противъ Пугачева; вслѣдствіе этого, немедленно послѣ усмиренія бунта, они были отпущены на родину. Въ то-же время четыре поляка, находившіеся въ составѣ оренбургскаго гарнизона, были оговорены въ томъ, будто они вели между собою переписку, въ которой высказывали намѣреніе бѣжать къ Пугачеву, въ случаѣ, если какой нибудь отрядъ мятежниковъ приблизится къ городу; вслѣдствіе этого обвиненія они, по приказанію генерала Деколона, подвергались наказанію плетьми въ теченіи трехъ дней и затѣмъ освобождены были изъ подъ ареста. Послѣ выхода изъ Оренбурга генерала Деколона на его мѣсто пришелъ съ своимъ отрядомъ генералъ Станиславскій; узнавъ объ упомянутомъ дѣлѣ, онъ приказалъ обвиненныхъ вновь арестовать, подвергнуть новому наказанію плетьми и наконецъ повѣсить.

Между тѣмъ Пугачевъ съ незначительными силами скитался въ окрестности Астрахани; одни отряды войска преслѣдовали его, другіе старались его окружить для того, что-бы пресѣчь ему путь къ бѣгству; маіоръ Михельсонъ преслѣдовалъ его особенно дѣятельно и не давалъ ему ни минуты отдыха. Въ это время татаре, принявшіе сторону Пугачева, частью были истреблены, частью разбѣжались по домамъ и самъ Пугачевъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ своего дѣла.

Тѣмъ не менѣе эта внутренняя смута была тягостна для Россіи въ томъ отношеніи, что побудила ее прекратить войну съ Турціею, не смотря на самый успѣшный ходъ ея; съ Портою заключенъ былъ договоръ, который былъ подписанъ въ Силистріи графомъ Румянцевымъ и великимъ визиремъ; вслѣдъ за этимъ изданъ былъ приказъ о томъ, что-бы освободить и отпустить на родину всѣхъ плѣнныхъ турокъ, татаръ и волоховъ; такое-же распоряженіе послѣдовало и относительно поляковъ, къ несчастію оно не распространялось на тѣхъ, которые были зачислены въ военную службу. Вообще въ то время всѣхъ поляковъ въ плѣну находилась 9,800, изъ нихъ 5,600 были причислены къ арміи и лишены права возвратиться въ отечество, 356 разновременно умерли, 429 присоединились къ православію, остальные были отпущены на родину, вмѣстѣ съ маршалами своими, послѣ заключенія мира Россіи съ Турціею.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГАЛАГАНОВСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ.

Фамильный архивъ Галагановъ хранится въ сокиринской усадьбѣ Гр. П. Галагана. Прилуцкое село Сокиринцы получено Игнатіемъ Галаганомъ, родоначальникомъ фамиліи, отъ гетмана Скоропадскаго въ 1716 г. Получивъ кромѣ Сокиринецъ еще нѣсколько селъ, Игнатій Галаганъ ни въ одномъ изъ нихъ не устраивался; жилъ онъ и умеръ въ своемъ полковомъ городѣ Прилукѣ. Сынъ Игнатія, Григорій Галаганъ, унаслѣдовавъ богатства отца, въ половинѣ XVIII в. оселился въ Сокиринцахъ; здѣсь онъ жилъ, здѣсь и умеръ. Такимъ образомъ сокиринская усадьба, существуя болѣе вѣка, принадлежитъ къ числу старѣйшихъ „панскихъ" усадьбъ въ Малороссіи. Такихъ усадьбъ въ Малороссіи немного и уже по этому одному сокиринская усадьба заслуживаетъ вниманія, представляя въ себѣ остатки и домостроительства и вкуса нашихъ предковъ. Обширный домъ сокиринскаго владѣльца, судя по архитектурѣ, относится къ началу настоящаго вѣка. Постройки этого времени въ Малороссіи не отличаются особеннымъ изяществомъ, на которое, какъ видно, не было тогда особеннаго спроса. Первые богачи въ Малороссіи конца XVIII в. и начала XIX вѣка, возводя сельскіе дома свои, заботились едва-ли только не объ одной ихъ обширности, лучшимъ примѣромъ чего можетъ служить домъ фельдмаршала Румянцова въ с. Качановкѣ, сохранившій и донынѣ первоначальную свою архитектуру [1]). Исключенія впрочемъ были; такимъ исключеніемъ былъ домъ бывшаго гетмана Разумовскаго въ Батуринѣ, такъ называемая *Тепловка,* печальныя полуразвалины которой сохраняются по настоящее время, какъ наглядный укоръ нашего отношенія ко всякаго рода исто-

[1]) Нынѣ принадлежитъ В. В. Тарновскому.

рическимъ памятникамъ. Другимъ исключеніемъ былъ Лялицкій домъ гр. П. В. Завадовскаго, приведенный нынѣ въ запустѣніе. Лялицкій домъ, какъ по своей архитектурѣ и мѣстоположенію, такъ и по печальной своей судьбѣ заслуживаетъ особаго очерка со стороны любителя мѣстной старины, который разсказалъ-бы о томъ, чѣмъ былъ Лялицкій домъ и чѣмъ онъ теперь сталъ, послѣ недавняго его расхищенія, сдѣланнаго евреями-торгашами. Во второй четверти настоящаго вѣка появились въ Малороссіи дома, построенные архитекторомъ Ефимовымъ; это уже были постройки, свидѣтельствовавшія о несомнѣнномъ вкусѣ ихъ хозяевъ. Изъ Ефимовскихъ домовъ мы можемъ указать на домъ Миклашевскихъ въ с. Понуровкѣ и Дуниныхъ-Борковскихъ въ с. Романовкѣ. Распространились мы здѣсь о старинныхъ „панскихъ" малороссійскихъ усадьбахъ изъ желанія вызвать у мѣстныхъ любителей старины нѣкоторое вниманіе къ нимъ и получить о нихъ хотя короткія свѣдѣнія, какъ необходимый матеріалъ для исторіи мѣстной культуры. Свѣдѣнія эти тѣмъ болѣе желательны, что старинныя усадьбы за послѣднее двадцатилѣтіе пустѣютъ и рушатся, памятниковъ-же о нихъ у насъ не остается ровно никакихъ. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ по этому предмету ничего, кромѣ малоизвѣстной книги нѣмца Гуна [1]), который, сопровождая въ 1805 г. гр. Ал. К. Разумовскаго при его поѣздкѣ въ Малороссію, подробно описалъ Почепскій его домъ и срисовалъ часть Ивайтенскаго сада Гудовичей и Бакланскій домъ того-же Разумовскаго. Все это находится въ его книгѣ, хотя названной „поверхностными замѣчаніями", но заключающей въ себѣ не мало обстоятельныхъ свѣдѣній о малороссійской домашней жизни начала настоящаго вѣка. Рисунки, приложенные къ книгѣ Гуна, сдѣланы на столько добросовѣстно, что обращаютъ на себя вниманіе и теперь.

Обращаемся къ Галагановскому архиву, причемъ считаемъ долгомъ принести нашу искреннюю благодарность настоящему его владѣльцу за ту просвѣщенную готовность, съ которою бумаги архива были предоставлены нашему обозрѣнію.

---

[1]) Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы въ Малороссію въ осени 1805 года. Соч. Оттона фонъ-Гуна. М. 1806 г. 3 части, съ рисунками.

Прежде всего мы должны сказать, что бумаги Галагановскаго архива находятся въ такомъ порядкѣ, котораго намъ не приводилось встрѣчать при осмотрѣ другихъ домашнихъ архивовъ. Благодаря этому порядку, мы могли познакомиться съ содержаніемъ архивныхъ бумагъ въ самое короткое время. Архивъ заключаетъ въ себѣ, кромѣ бумагъ, принадлежащихъ собственно фамиліи Галагановъ, еще и бумаги Дарагановъ, перешедшія къ первымъ ко женитьбѣ Ивана Григорьевича Галагана на дочери кіевскаго полковника Ефима Дарагана († 1726 г.)

По содержанію своему Галагановскій архивъ заключаетъ въ себѣ, какъ и другіе мѣстные фамильные архивы, преимущественно юридическіе акты на разнаго рода земельныя угодья. Бумагъ чисто историческаго характера въ архивѣ находится сравнительно не много; особенно мало нашли мы бумагъ по частной перепискѣ, которая такъ хорошо рисуетъ бытовую сторону жизни нашихъ предковъ. Тѣмъ не менѣе, пересмотрѣвъ бумаги Галагановскаго архива, мы извлекли изъ него много интересныхъ отрывочныхъ свѣдѣній, съ которыми надѣемся познакомить читателей въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь-же мы приведемъ нѣсколько актовъ, извлеченныхъ изъ Галагановскаго архива, которые по своему историческому интересу заслуживаютъ отдѣльнаго ихъ напечатанія. Первое мѣсто между ними принадлежитъ автобіографіи Григорія Игнатьевича Галагана, которая, не смотря на свою краткость, представляетъ любопытный историческій памятникъ второй половины XVIII в. Григорій Игнатьевичъ Галаганъ, единственный сынъ родоначальника фамиліи извѣстнаго полковника Игнатія Галагана, вмѣстѣ съ богатствомъ отца, унаслѣдовалъ и отцовскій урядъ — прилуцкое полковничество. Полковникомъ онъ былъ поставлевъ въ началѣ 1740 г., еще при жизни отца, уволеннаго отъ службы „за старостью“. Григорію Галагану въ это время было всего 23 года (род. 20 ноября 1716 г.). Такихъ молодыхъ полковниковъ въ Малороссіи не бывало. Маркевичъ въ своихъ Запискахъ (II, 106) отмѣчаетъ, что прилуцкое полковничество Григоріемъ Галаганомъ получено „по именному указу“; но именный указъ послѣдовалъ конечно на представленіе Румянцева, тогдашняго правителя Малороссіи, а у Румянцева выпрошенъ Григорію Галагану полковничій перначъ, разумѣется, отцомъ его, старымъ пріятелемъ Румянцева.

Послѣ 23-хъ-лѣтняго управленія полкомъ, Григорій Галаганъ попросился въ отставку; ему въ это время было всего 47 лѣтъ. Власть малороссійскаго полковника была настолько обширна и самостоятельна, что съ нею по своей волѣ вообще не разставались; мы покрайней мѣрѣ не знаемъ *ни одного* примѣра, чтобы полковникъ самъ отказывался отъ этого уряда. Григорій Галаганъ просился въ отставку по болѣзни, но Разумовскій не хотѣлъ его уволить окончательно: „мы по той просьбѣ вашей нынѣ отъ исправленія полку прилуцкаго полковыхъ дѣлъ, по причинѣ слабости и болѣзни вашой, впредь до разсмотрѣнія, васъ увольняемъ, а дабы за онымъ вашимъ увольненіемъ въ дѣлахъ по полку прилуцкомъ остановки быть не могло, для чего къ присутствію въ полковой прилуцкой канцеляріи обще зъ старшиною полковою до того времени, пока вы дѣйствительно отъ всѣхъ службъ увольненіе по желанію вашему получите, опредѣленъ отъ насъ бунчуковый товарищъ Иванъ Галаганъ. Покинувъ службу въ 1763 г., Григорій Галаганъ прожилъ еще 14 л; но эти послѣдніе годы были для него непрерывнымъ рядомъ нравственныхъ страданій, источника которыхъ автобіографія не указываетъ. Вообще и вся жизнь Григорія Галагана, какъ видно изъ той-же автобіографіи, была рядомъ старческихъ и нравственныхъ недуговъ: въ юношескіе годы онъ часто и тяжко болѣлъ; въ 22 года женился „не по своей волѣ“, 30 лѣтъ онъ остался вдовцомъ съ тремя малолѣтками. Затѣмъ слѣдуютъ разныя мелкія невзгоды, пока въ 1763 г. не умираетъ его мать, что дѣйствуетъ на 47-лѣтняго сына до такой степени сильно, что онъ отказывается отъ полковничьяго уряда и рѣшается „поселиться въ уединеніи *вѣчно*“. Два года Галаганъ выдерживаетъ такое „уединеніе“; затѣмъ снова входитъ въ жизнь, но здѣсь снова встрѣчаютъ его разныя невзгоды. Такое непрерывное слѣдованіе, одной за другою, жизненныхъ невзгодъ наводитъ Галагана на мысль подвести итоги всей жизни: въ 55-ть лѣтъ онъ записываетъ на двухъ листкахъ бумаги главныя событія своей жизни и выводитъ слѣдующее заключеніе: „и такъ якъ разсмотрѣть мою жизнь обстоятельно, которая уже продолжается 55 лѣтъ, то не много можно въ ней найти благополучныхъ лѣтъ, которіи за нѣчто почесться могутъ!“ Явившаяся у Галагана потребность—оглянуться на

свою жизнь и передумать ее всю, отъ младенчества до старости, показываетъ, что это былъ исключительный человѣкъ между его современниками; а оставшіеся послѣ него два листка бумаги, озаглавленные: „моя жизнь", являются любопытною страницею въ исторіи малороссійскаго общества второй половины XVIII в.

О другихъ печатаемыхъ здѣсь актахъ мы не распространяемся, въ виду очевиднаго интереса ихъ для изученія Малороссіи XVIII в.

9 октября 1883 г. **Ал. Лазаревскій.**

1.

Два универсала прилуцкаго полковника Игнатія Галагана объ освобожденіи нѣкоторыхъ жителей его полка отъ общественныхъ повинностей за „роковой чиншъ" въ пользу его, полковника, 1714—1717 г.

А) Его царскаго пресвѣтлаго величества войска Запорожскаго полковникъ прилуцкій Игнатій Ивановичъ Кгалакганъ.

Всѣмъ, кому о семъ вѣдати належатиметъ, а меновите пану сотникови Журавскому з товариствомъ и войтови с посполитими людми, симъ писаніемъ нашимъ ознаймуемъ, ижъ Василь Бущакъ, житель Журавскій, далъ намъ роковій чиншъ копъ шѣсть, з братомъ своимъ, за рокъ 1714, которого мы Василя и брата его уволняемъ отъ всякихъ посполитыхъ дачокъ, такъ поборовыхъ, яко воженя подводъ отъ станцій компанѣйцевъ и великороссійскихъ людей и всякихъ тяглостей мирскихъ и сторожовщины, на цѣлій годъ отъ нижеписанного числа, и для того даемо имъ сей нашъ листъ уволненій, жадаючи, абы имъ и наименшой въ томъ заживаню волности нѣ отъ кого не дѣялося кривди и долегливости жадной, мѣти хочемъ и приказуемъ. Данъ въ Прилуци, декамбрія 22, року 1714. Звишъ мено-ванний полковникъ прилуцкій.

За сей рокъ 1715 дали чинша Василь копъ 6,
з братомъ своимъ, волни во всемъ. Декабра 9.
И за сей 1716 годъ отдалъ Василь копъ шесть,
уволенъ зостаетъ отъ тяглостей посполитихъ.

Б) (Послѣ титула) Всѣмъ, хто-бы того потребовалъ вѣдати, а меновите пану сотникови Ичанскому, отаманови городовому з товариствомъ и войтови тамошнему з посполствомъ симъ нашимъ унѣверсалнихъ ознаймуемъ писаннемъ, ижъ Марья Романиха Оковитая, жителка Ичанская, презентовала намъ чиншовій листъ на уживанне волноста, ей отъ бывшаго антецессора пана Горленка виданной, который ми теперъ

ствержаючи, беремо оную подъ свою полковничую оборону и одобравши въ неи (якъ она и за пана Горленка за пять копъ рокъ седѣла) належного на сей рокъ 1717, мѣючійся одъ ниже въ листѣ положенного числа почати и зновъ в прійдучомъ 1718 року о томъ-же числѣ кончити, чиншу копъ пять, уволняемъ помененую Романиху Оковитую отъ воженя подводъ, поборовихъ датковъ, компанѣйскихъ станцій и всякихъ посполитихъ громадскихъ повинностей, въ которомъ то заживанню ей волности дабы такъ одъ помянутой старшины Ичанской, яко и одъ кого колвекъ жадной и наименшой оной же Оковитой не чинилося трудности, перепони и долегливости, пилно мѣти хочемъ и властію нашею приказуемъ. Данъ въ Прилуцѣ, іюня 3, року 1717. Звишъменованый полковникъ прилуцкій.

1718 року, 19 іюня, Марья Романиха Оковитая отдала чиншового датку копъ пять; свободна есть.

И за сей 1719 рокъ іюня 4 Марья Оковита отдала належній чиншъ копъ 5; волна есть отъ всякихъ посполитихъ тягостей [1]).

2.

Письмо Игнатія Галагана къ гетману Скоропадскому, съ оправданіемъ противъ навѣтовъ за „нѣякуюсь противность“ къ гетману. 1717 г., 11 сентября.

За прибутемъ въ Прилуку пана Стефана Максимовича, канцеляриста войскового, зосланного отъ велможности вашей, пана моего и добродѣя, для разграниченія степу между Васкувцями, Бережувцями да Сокиринцями будучого, просилемъ оного по должности моей, виражаючи честь поважной особѣ велможности вашей, въ домъ свой на кушанне, которій пришовши, заразъ вмѣсто благодарствія, наругался мнѣ укоризними слови, не якъ одъ самого себе, але якъ би по приказанню велможности вашей, договоруючи и фукаючи на мене нѣби на своего хлопца, за цедулу до велможности вашей з сторони хуторца моего к Переводу найдуючогося писанную, же будто въ оной нѣякаясь противность моя ку велможности вашей по-

---

[1]) Этого рода акты встрѣтили мы въ первые въ Галагановскомъ архивѣ. Пересмотрѣвъ тысячи актовъ въ различныхъ мѣстныхъ архивахъ, мы нигдѣ ихъ болѣе не встрѣчали; между тѣмъ такіе „оборонные универсалы“ были обыденнымъ явленіемъ въ Малороссіи; не говоря о томъ, что въ одномъ Галагановскомъ архивѣ мы нашли ихъ до 30-ти, выдача ихъ производилась, какъ видимъ, уже и Дмитріемъ Горленкомъ, который правилъ прилуцкимъ полкомъ при Мазепѣ. Галагановскіе универсалы не говорятъ, къ какому сословію принадлежали лица, которыя откупались отъ исполненія общественныхъ повинностей; но нѣтъ сомнѣнія, что это были почти исключительно такъ называемые „ратущные подданные“.

казалася, в томъ не чуючи себе быть виннимъ, сице мое приношу велможности вашей оправданіе: что о помянутомъ хуторѣ моемъ не велѣлемъ до велможности вашей нѣякъ противно (чего мнѣ и не дай Боже) писати; толко казалемъ в оной цедулѣ виразити прилѣжное прошеніе, даби хуторецъ мой не былъ оттуду знесенъ; а если инакше якъ оная писалася, а не з прошеніемъ, то в томъ писара моего полкового, которій не пилнуетъ самъ отправляти дѣлъ и велитъ хлопцамъ писать (а я человѣкъ есть не книжный, не всего могу в писаніи домислитись) найдуется вина; еднакъ понеже ко мнѣ за несправность его писара нѣякаясь противность, о которой я отнюдь не вѣдаю, жебымъ казалъ противно що в оной цедулѣ писати, причиталася, теди покорственно прошу в семъ велможности вашей, премилостивѣйшаго моего пана добродѣя, ласкавого отческого пробачення и впредь за тое на мене, слугу велможности вашей, не покладати панского своего гнѣву. Тутъ-же еще доношу велможности вашей о томъ разграниченню, для которого поменутий панъ Максимовичъ отъ велможности вашей зосланъ, что когда зъехали туда между помянутими селами чинить оного и п. сотникъ Иваницкій з старшими людми, сотенцями своими, внехалъ, онъ панъ Максимовичъ не далъ тимъ людямъ и Сокиринчанамъ говорить, але тилко приймалъ въ дѣло рѣчъ людей единихъ Васкувскихъ, почому староста Васкувскій объехалъ поле бережувское мало не до царини ихъже Бережувцовъ и теперь великое стиснение Бережувцямъ в ихъ полю, такъ-же Сокиринчанамъ (же за двое будетъ болшъ поля до Васкувецъ, нежели до Сокиринецъ, а не по ровной части найдуется) учинилося.

3.

Автобіографическій очеркъ Григорія Игнатьевича Галагана (р. 20 ноября 1716 г. † 24 декабря 1777 г.).

Жизнь моя.

1716 года родился в окончаніи года.

Въ три года отъ роду убитъ былъ мало не до смерти.

Въ пять лѣтъ боленъ былъ цѣлій годъ.

Въ семь лѣтъ паки упалъ и зъ того убился.

Въ 11 лѣтъ в Кіевѣ былъ боленъ горячкою.

Въ 15 лѣтахъ былъ боленъ два года отчаенно, а послѣ годъ въ Пѣтербурхи былъ.

Въ 18 лѣтахъ убился съ коня мало не до смерти, отчего и теперъ во весь вѣкъ не въ состояніи здоровья.

Въ 20 лѣтахъ паки былъ боленъ цѣлый годъ.

Въ 22 (года) оженился не кстатѣ и не по своей волѣ и терпѣлъ неудодовольство чрезъ десять лѣтъ [1]).

Въ 1738 (былъ) въ Днѣстранскомъ походѣ.

Въ 1740 г. пожалованъ околнимъ (?) полковникомъ и того года в розграниченю подъ Богомъ былъ.

Въ 1714 г. в разграниченю коло Азова, (при) подорваніи его мѣнами, и во всѣхъ сихъ походахъ претерпѣвалъ несказанную трудность и бѣды.

Въ 1742 годѣ былъ въ Москвѣ, при коронаціи государинѣ Елизавети.

1743. Былъ в комисіи воловой, у Глуховѣ.

1744. Былъ (при) встрѣчи съ полкомъ подъ Батуриномъ, якъ изволила въ Кіевъ шествовать государиня Елисавета Петровна.

1747. Жена моя умре и дѣтей трое въ сей годъ. Много претерпѣлъ печали.

1748. Отецъ мой умре. Послѣ сей несносной печали, претерпѣлъ еще превеликіи клопоти и напасти. 16 тысячъ на волы (насчитани?) на мене отъ суда.

1749. Также не меншій клопотъ и бѣда была мнѣ по ложному дѣлу Струтинцкого.

1750. Былъ с полкомъ у Глуховѣ, при елекцѣи (Разумовскаго). Сегожъ года и членомъ билъ при енеральной канцеляріи цѣлий годъ.

1751. Былъ съ полкомъ в зимномъ походѣ въ Лялинцахъ, а напередъ в прежнѣхъ походахъ зимнѣхъ.

1752. Былъ (при) встрѣчи противъ гетмана, съ полкомъ.

1753. Былъ и паки (при) встрѣчи противъ гетмана, якъ полки объижалъ.

1754. Былъ в собраніи у Глуховѣ, и тамъ судили Кунчинскаго за Безбородка [2]).

1755. Другого плута судили, Феодеровича.

1760. Отправленъ билъ . . . . тисячною командою въ прускій походъ, и тамъ чрезъ цѣлий годъ при арміи, въ чрезвычайныхъ трудахъ и бѣдахъ, з немалимъ убиткомъ имѣній моихъ, обрітался; а въ добавокъ еще, идучи изъ сего походу, и карантенъ семь недѣль стоялъ.

1763. Матка моя скончалась, отъ якой несносной печали я и самъ толко что не луснувъ. И того жъ году, все оставивши, преселился на свое уединеніе вечно.

1764 и 1765 годъ. Сіи годи оба прожилъ я въ своемъ уединеніи якъ-би благополучно; и казалось, что судьбина утомившись мене гнать, оставила на нѣс-

---

[1]) Григорій Галаганъ былъ женатъ на Душинъ-Борковской (дочери Андрея Васильевича?)

[2]) Филиппъ Кунчинскій, сотникъ Яготинскій, по распоряженію Разумовскаго, судился генеральною старшиною и полковниками, за доносъ на генеральнаго писаря Безбородка. См. Русскій Архивъ. 1875 г., 312—314.

колко в покои; но и тутъ не совсѣмъ спокоенъ билъ, якожъ сусѣду одному по мировой принужденъ заплатить напасти 2,700 рублей напрасно.

1766. Сей безщаснѣйшій годъ всѣхъ годовъ въ жизни моей: такая напасть, страхъ, печаль и клопотъ билъ, что вже не радъ былъ жизни своей....

1767. Еще мнѣ годъ не лучше прошлого билъ, якожъ еще и отъ того шпари не отошли....

1768. Сей годъ смертно былъ боленъ лихорадкою и чрезъ 40 дней нѣчого не могъ исти; тилко самимъ пойломъ живъ былъ, а якъ закомунѣковался (пріобщился св. таинъ), заразъ одужалъ.

1769. Сего года хотѣлось поихать у футоръ; однакъ и то не удалось: изъ одноколки опрокинула лошадь у ровъ и плече совсѣмъ съ мѣста упавши было, отчего не могъ болѣе полгода рукою владѣтъ, да и теперъ съ нуждою руку у гору поднимаю.

1770. И сей годъ билъ в великомъ страхи по нѣкоторому случаю. Однакъ Богъ и Мати Божія недоведомими своими судбами мене грѣшника не допустили у вѣчное посрамленіе и отъ всѣхъ бѣдъ избавленъ помощію Всевышняго Творца преславно.

1771. Сей годъ окончилъ слава Богу спокойно; кромѣ скуки и обыкновенной моей слабости, нѣчого болше не претерпѣлъ. И такъ—якъ разсмотрѣть мою жизнь обстоятельно, которое уже продолжается 55 лѣтъ, то не много можно въ ней найти благополучнихъ лѣтъ, которіи за нѣчто почется могутъ.

4.

Письмо Григорія Игнатьевича Галагана къ сыну о своемъ удаленіи „въ уединеніе“, 1763 г.

Любезный синъ, Иванъ Григориевичъ. Я иду в мое намѣренное давно уединеніе, куди мене Богъ приведетъ, не дожидаясь лѣта, когда мой рокъ сталъ сиръ. Вамъ же желаю всякого благополучія и тихого мирного житя, даби щасливѣе жите било отъ моего ваше! а не дай Богъ такого, якъ мое било, и татарамъ не желаю. Притомъ все вамъ и тое, чимъ я владѣлъ, препоручаю. Владѣйте и користи со всего отбирайте себѣ и обстоюйте, такъ какъ найлутче. А мнѣ для моего содержанія въ годъ присилайте, гдѣ я ни буду, изъ провента: муки житной семъ осмачокъ, гречаной чотири осмачки, пшеничной четверикъ, фасолѣ двѣ коробки, олѣи вѣдеръ восемь, горѣлки сивухи куховъ двѣ, саловъ, денегъ (*и т. д.*). А я, ежели мнѣ понравится мое уединеніе, може и вѣкъ тамъ останусь. Ежели же паче чаянія не понравится и не схочется тамъ, на пустынѣ, умѣрать, а между тимъ

бура вѣющая утихнетъ и Богъ насъ помилуетъ чимъ добримъ, то може и къ вамъ еще навернуся; ежели вамъ батко надобенъ и не противенъ, то ви его увѣдомте по времени обо всемъ чрезъ того человѣка, которой будетъ знать, гдѣ я обрѣтатимусь. Григорій Галаганъ.

5.

Завѣщаніе Григорія Игнатьевича Галагана, 1771 года.

Завѣщаніе дѣтямъ моимъ, синовѣ Ивану и дочерамъ Еленѣ и Параскевіи, що по смерти моей дать изъ денегъ имѣютъ моихъ, оставшихся в Сокиринцяхъ, на сорокоусти и в милостиню нищимъ и свойственникамъ, за грѣшную мою душу, и що себѣ оставить, и якимъ порадкомъ раздѣлить между себе, на три части, значитъ ниже сего.

1) На монастири Пустинскій и Ладинскій дать по 100 рублей, а на сорокоусти въ тиежъ два монастира на служащихъ, на крилашанъ и на панамарей и в болницѣ, особливо дать по 30 рублей.

2) На сорокоустъ на свѣцкіе церквѣ, на тіи всѣ, на которіе и бѣлетики здѣ сообщени, по толикому числу при бѣлетикахъ заразъ и розослать, на якую написано, всенепремѣнно в одинъ день.

3) Въ Кіевъ послать тисячу рублей на сорокоусти по всѣмъ церквамъ и монастирамъ; особливо пятсотъ рублей, изверхъ той тисячи, тудажъ в Киевъ послать на нищие и на бурсу, и на тихъ, которіе по турмахъ сидятъ, и то все тамъ раздѣлить по пристойности порядочно, все из сихъ денегъ, котории найдуются в Сокиринцяхъ.

4) Тутъ же останется, мнится мнѣ, в Сокиринцяхъ, отъ роздачи еще двѣ тисячи рублей и з лишкомъ, да полтори тисячи талерей, да тисяча червонихъ поединковихъ, да особливо имперѣяловъ и дукатовъ разной величины; сіи денги всѣ мною нажитіе роздѣлить дѣтямъ моимъ на три части между себе. Имперѣяловъ всѣхъ 400.

5) Тутъ еще остается в Сокиринцяхъ перстенковъ 12, коначковъ 4, табакерокъ золотихъ 2, да сундуковъ два з сребною посудою, разного моего набитя, между которимъ и материзное мое и Борковскаго малая часть есть, да часовъ четверо и скринь двѣ, в которихъ в едной платя, а въ другой—бѣле, шабель шесть, дорогихъ кинчаловъ и прочое все, и рухли (?), оловяную и медную посуду, и всѣ рухомости, скоро сколко якихъ найдется в Сокиринцяхъ, все дѣтямъ моимъ раздѣлить между себе на три части.

6. А особливо в Прилуцѣ еще, в Преображенской церквѣ, по правую сторону въ коморки, стоитъ сундукъ, мною поставленной, отческій, въ которомъ всей сум-

ми 6 тысячъ и 400 рублей старинныхъ рублевиковъ; все также раздѣлить дѣтямъ моимъ на три части между себе, кромѣ одной тисячи рублей, которую legoвалъ еще покойній отецъ на церковъ, впредь для реставраціи оной, которую тамже в Преображенской церквѣ и положить оную тисячу имѣете.

7) Понеже дочъ моя Елена во вдовствѣ остается и замужъ итить желанія не имѣетъ, для чего по смерть еи опредѣлено для прожитія домъ мой жилий со всѣмъ уборомъ, такъ какъ оной теперь есть, и маетность мою село Секиринцѣ, со всѣми приналежитостми и угодіи, и мелницю одну въ Дегтяряхъ, о двухъ колахъ, якожъ въ селѣ Сокиринцяхъ нетъ, кромѣ одного вешняка, о чомъ сыну моему Ивану вѣдать и нѣкакого препятствія и помѣшателства и обѣди во владѣніи не начинать, но жизнь еи Елени, всенепремѣнно; а ежели-би паче чаянія, чего я на васъ не надѣюся, якое помѣшательство и обиди (отъ васъ или отъ кого другого отъ дѣтей моихъ, забивъ страхъ Божій и мое завѣщаніе) могли происходить, то вѣчное мое родительское неблагословеніе да пребудетъ на немъ всенепремѣнно.

8) Еще зверхъ всѣхъ сихъ роздачей отложить 500 рублей изъ Секиринскихъ денегъ, которіе для роздачи нашимъ свойственникамъ бѣднимъ, хто толко назовется кревнимъ нашимъ, давать по 10 рублей, по кобилѣ или по коровѣ всякому, и тѣмъ, хто би жаловался на мене, що чимъ его изобидилъ, то и тѣмъ давать изъ сихъ же денегъ всенепремѣнно. 1771 г., мая 13 дня, в Сокиринцяхъ. П. Григорій Галаганъ.

6.

Эпитафіонъ Григорія Галагана, 1778 года [1]).

Надгробіе здѣ опочивающему госп. полковнику прилуцкому, Григорію Игнатьевичу Галагану.

Григоріемъ тогда назвался,
Когда я былъ рожденъ на свѣтъ;
А Галаганомъ прозывался
Еще изъ самихъ давнихъ лѣтъ.
Рожденъ отъ Рождества Владыки
Семь сотъ шестнадцатомъ годѣ,
Когда былъ страшенъ Петръ Великій—
И на земли и на водѣ.

---

1) Находится надъ гробомъ Григорія Игнатьевича Галагана, похороненнаго въ старой Сокиринской церкви.

Игнатій, мой отецъ покойной,
Сему монарху вѣренъ былъ,
За что, какъ человѣкъ достойный,
И чинъ полковничій имилъ.
Горячность и преданность точно
И я пяти государямъ
Являя въ службѣ безпорочной,
Бывалъ въ походахъ многихъ самъ;
Отцевскою за то и честью
В полку прилуцкомъ предпочтенъ.
Но днесь лежу покрытый перстью—
О день, о злополучный день!
Розлученъ будучи со свѣтомъ
И съ сродниками в родъ и родъ
Предвѣчнымъ Вышняго совѣтомъ,
Жилъ шестдесятъ единый годъ;
И вторый сверхъ сего начался
Въ день двадесятый ноября;
Но въ двадцать четвертый скончался
Того-жъ году, декабря.
И смертный часъ, увы, предъ очи
Въ то время сталъ являться мнѣ,
Когда ужъ всякой о полночи
Покоился въ глубокомъ снѣ.
Гробъ для меня жилищемъ вѣчно
Уже опредѣленъ съ небесъ,
Которій жребій всеконечно
Падетъ на всѣхъ живущихъ днесь.
А ты, читателю премудрый,
Скажи самъ внутренно себѣ,
Что есть-ли не теперь, такъ утро,
Тажъ участь слѣдуетъ и мнѣ.
Люби умершихъ всѣхъ, а паче
Отъ зла удержи свой языкъ
. . . . Ты любви горячей
Прозябленнымъ пребудешъ въ вѣкъ.
Ангелъ насъ трубою пробудитъ,
Пробудитъ также и тебя.
И Вышній самъ судити будетъ
Къ концу вселенныя всея.

Глазами умными своими
На то взирая каждый день,
Молю, да сядетъ со святыми
Григорій Галаганъ причтенъ.
Адама ты спасалъ, Владыко,
Проливъ свою кровь за него,
Спаси по милости великой,
Ты нынѣ такъ-же и сего!
На Авраамовомъ сѣсти лонѣ
Его душѣ самъ повели,
В освященномъ твоемъ Сионѣ
И память вѣчную посли!

Сочинялъ Петръ Тарнавскій, генваря 17 дня 1778 году.

7.

Реестръ даденнимъ вещамъ, сребру, деньгамъ, манеллямъ, лошадямъ з поездомъ, в посаъ за женою моею, дочерю полковника прилуцкого, его велможности, Григория Игнатиевича г. Галагана, Параскевіею, которие по сему мною дѣйствително приняти, а оние вещи нижсе сего показанни.

Зъ сребра. Коновокъ з кришками дві: одна под гербомъ Борковскихъ, а другая подъ гербомъ отческимъ.

Лихтарей з трубками на свѣчи, подъ гербомъ Борковскихъ, два.

Кубков великих гладких пивнихъ, з середини и около вѣнецъ визолоченнихъ, сѣмъ: три подъ гербомъ Борковскихъ, а четире подъ гербомъ другимъ Борковскихъ.

Кубковъ меншихъ медовихъ, визолоченнихъ, чеканеннихъ з середини и около, безъ гербу, 12, отческіе.

Кубковъ такожъ медовихъ на седесахъ (постаментахъ) визлоченнихъ з середини и около, чеканеннихъ, подъ словами П. Г., шесть—отческого сребра.

Чарокъ чеканеннихъ 12—отческихъ.

Подносъ чеканенній круглій одинъ—отческій.

Талѣрокъ подъ гербомъ Борковскихъ з визолоченними винцями дві.

Ложокъ з апостолами, подъ гербомъ Борковскихъ, 8.

Ложокъ другого подобного-жъ тѣмъ фазона, подъ гербомъ Борковскихъ, 16.

Фляшек з крушками, по угламъ визолоченнихъ, подъ гербомъ Борковскихъ, 2.

Сахарница чеканенная з кришкою одна—отческая.

Чайникъ гладкій одинъ—отческій.

Кофейникъ чеканенній одинъ—отческій.

Зъ перель и другихъ манеліовъ.

Перелъ великихъ 12 лотовъ въ 10 шнуркахъ.

Перелъ меншихъ 7 лотовъ въ 27 шнуркахъ.

Ланцужекъ одинъ з финиѳомъ въ 12 лотовъ.

Ланцужекъ другій, дощатій, 3 лота и 2 золотника з осмушкою.

Коначокъ алмазній въ 10 алмазахъ и 1 рубинъ.

Коначокъ рубиновій з великимъ шафіромъ и около дияменти, цена оному тисяча рублей.

Серегъ паръ три: одни шмарадгдовие з дияментами, другие рубиновие з перликами, третіе рубиновіе.

Перстенковъ пять золотихъ: 1 з паленимъ шафиромъ, 2 з алмазами, 3 з алмазами, 4 рубиновій з алмазами, 5 з каменемъ жолтимъ и вкругъ алмазами.

Платья бѣлого. Скатертэй 8 сувоевъ. Серветъ сувоевъ 12. Скатерть шитая заполочю 1. Ручниковъ тканихъ заполочю сувой 1. Полотна тонкого 6 сувоевъ. Постель швабская золотомъ из шолкомъ шитая одна. Постель матеріялная ǥрезетовая з павилліономъ и ковдрою ǥрезетовіе. Постелей бѣлихъ 2. Полотенокъ бѣлихъ 5, в томъ числѣ швабское 1. Павилліоновъ бѣлихъ 2. Рубашокъ мужескихъ швабскихъ 8. Скатертей простихъ 2. Ручниковъ простихъ 6. Ручниковъ швабскихъ 3. Серветъ простихъ 40. Серветъ швабскихъ 24. Скатертей швабскихъ 2.

Зъ суконъ. Кунтушъ парчевій понсовій з сѣткою золотою.

Кунтушъ кривавій парчевій з сѣткою золотою.

Кунтушъ блакитній златоглавній з сѣткою златою.

Кунтушъ бѣлій парчевій з ǥазомъ золотимъ.

Кунтишъ люстриновій зеленій з ǥазовою сѣткою.

Кунтишъ кривавій люстриновій з ǥазовою сребраною сѣткою.

Кунтишъ понсовій люстриновій з сребраною сѣткою.

Кунтишъ попелястій люстриновій з золотою сѣткою.

Кунтишъ жолтій ǥрезетовій з сѣткою сребраною.

Кунтишъ матеріи перевень з сѣткою сребраною.

Парчевая бѣлая сподница з золотимъ газомъ.

Сподница парчевая понсовая з пестрою корункою.

Сподница ǥрезетовая кривавая з сребраною сѣткою.

Сподница штофу французского зеленая.

Сподница ǥрезетовая понсовая.

Сподница матеріи бруссель.

Сподница черная ǥрезетовая.

Корсетъ алій сребраній ǥрезетовій.

Корсетъ понсовій парчевій з золотою газовою сѣткою.

Шнуровка бархатная, красная, гантованая золотомъ.
Корсетъ кривавій gрезетовій.
Корсетъ зеленій gрезетовій.
Запаска красная суто парчевая золотая.
Запаска бѣлая парчевая.
Запаска gрезетова понсовая.
Шубы. Шуба бѣлая парчевая под соболями.
Шуба понсовая люстриновая на рисяхъ.
Шуба бѣлопасовая на лисицахъ.
Шубейка брусселіова на сѣбѣркахъ чорна.
Кохта кривавая парчевая.
Кохта gрезетовая понсовая.
Мантилля парчевая бѣлая на рябомъ брушковомъ футрѣ.
Ковдра канфовая красная.
Шапокъ парчевихъ 2.
Чепцовъ по бархату гантованнихъ 2.
Шапочній вершокъ золотомъ з сребромъ плетенній.
Зъ колясокъ и лошадей.—Карета городская новая з наборними шорами.
Берлинецъ спалній з простими шорами.
Коней воронихъ цугъ.
Лошадей гнѣдихъ цугъ.
Коней подъ палубами 8.
Конь верховой одинъ.

Зъ скота. Овецъ 300. Барановъ 30. Коровъ 20. Бугаіовъ 2. Кобилъ 20. Жеребцовъ 2. Воловъ рабочихъ 16.

Денегъ.—Червонихъ 1000. Рублевъ 2000.

Да противу хутора Нарицкаго, данного Еленѣ Григорьевнѣ, за которій дано 600 р., принялъ денгами 600 р.

Вишеписанніе въ семъ регистрѣ вещи, денги, сребро, лошадь, скотъ и протчое, в посагъ данніе, я з женою моею Параскевнею приняли и впредъ якъ къ родителемъ нашимъ, такъ и къ наслѣдникамъ его никакой претенсѣи ни въ чомъ имѣть не должни, в томъ и подписались: *бунчуковый товарищъ Стефанъ Лашкевичъ, Параскевия Галагановна Лашкевичева.*

8.

Универсалъ гетмана Разумовскаго бунчуковому товарищу Ефиму Дарагану о присутствованіи, совмѣстно съ генеральнымъ бунчучнымъ Оболонскимъ, при „елекціи“ кандидатовъ на мѣсто архимандрита кіево-печерской лавры.

Графъ Кирилло Разумовскій гетманъ и кавалеръ. Бунчуковому товарищу Евфиму Дарагану.

Понеже вясочайшою ее императорского величества грамотою, нами сего ноября 23 полученною, всемилостивѣйше повелено на мѣсто умершого архимандрита кіево-печерской лавры, Іосифа Оранского вибрать кандидатовъ, достойныхъ того сана, мужей трехъ или болѣе, из монаховъ в печерской и въ иниихъ тамошнихъ кіевских обителях находячихся, или ис такихъ, которіе оттуда отбыли и обрѣтаются гдѣ в великороссійскихъ монастыряхъ, по древнему обычаю соборнѣ, в присудствіи преосвященного Тимофея архиепископа, митрополита кіевского, и при присланныхъ от насъ, волною элекціею, и по избраніи, для вясочайшого благоусмотрѣнія и конфѣрмаціи, кому из тѣхъ кандидатовъ архимандритомъ быть, прислать къ ея императорскому величеству, за руками всѣхъ будучихъ на той элекціи, з засвидѣтельствованіемъ о достоинствѣ к той архимандріи онихъ кандидатов, виборъ: того ради для битія в присудствіи з его преосвященствомъ, г. архіепископомъ митрополитомъ кіевскимъ, отцемъ Тимофеемъ и з протчимъ, имѣючимъ бить тамо духовенствомъ, при элекціи кандидатов въ архимандриты кіево-печерскія лавры опредѣленъ отъ насъ генералній бунчучній господинъ Оболонскій, да вы, и о томъ къ отцу намѣстнику з братіею той лавры отверстой вамъ дается нашъ унѣверсалъ, ис которымъ вы должны, съѣхавъ в показанную кіево-печерскую лавру, быть у того присудствія, и кто обще всѣмъ тѣмъ собраніемъ кандидаты избраны будут на оныхъ выборахъ, и вы подписаться имѣете, и чтобъ за подписомъ всего собранія учиненніе виборы присланы были к намъ чрезъ васъ, по прежнему обикновенію, для взнесенія к ея императорскому величеству при нашемъ представленіи: о томъ вы его преосвященству и протчему тому собранію духовному объявить имѣете. 1751 году, ноября 27 дня. Гетманъ графъ К. Разумовскій.

По поводу послѣдняго изъ помѣщенныхъ здѣсь документовъ, не можемъ не обратить особаго вниманія читателей на ту ближайшую, живую связь между церковію и обществомъ, какая существовала въ то и даже болѣе позднее время. Выборное начало лежало въ основѣ всего общественнаго, военнаго, гражданскаго

и церковнаго строя Малороссіи, и изслѣдователь ея старины во всей ея жизни отъ самыхъ верхнихъ до самыхъ нижнихъ слоевъ не можетъ указать сферы или малѣйшаго уголка, гдѣ-бы это начало не имѣло самаго широкаго примѣненія; но для насъ особенно важно и дорого то, что примѣненіе этого права соразмѣрялось всегда съ сферою интересовъ, которымъ оно должно было служить, и потому какъ духовенство пользовалось правомъ участія въ дѣлахъ общественныхъ, такъ въ свою очередь люди мірскіе имѣли право участія въ дѣлахъ церковныхъ. На этомъ держалась нравственная связь между церковію и обществомъ, вліяніе духовенства на общество, сочувствіе послѣдняго дѣламъ и нуждамъ церкви и особый высшій настрой общеста, который такъ пріятно поражаетъ насъ въ прошедшемъ и на отсутствіе котораго въ настоящее время мы слышимъ всеобщія жалобы. Выборы, конечно, не спасаютъ общество отъ злоупотребленій, ошибокъ, погрѣшностей, равно не дѣлаютъ избираемыхъ совершенными, но, говоря вообще, они даютъ лучшихъ людей, одушевляютъ избираемыхъ, привлекаютъ къ нимъ и ихъ послѣдующей дѣятельности вниманіе избирателей, возвышаютъ ихъ и самыя учрежденія, во главѣ которыкъ они поставляются, и эти азбучныя истины вполнѣ оправдываетъ и подтверждаетъ наша исторія. Такъ и въ данномъ случаѣ. Исторія помнитъ многихъ архимандритовъ кіево-печерской лавры отъ Никифора Тура и Елисея Плетенецкаго до Зосимы Валкевича и не помнитъ ни одного изъ такъ названныхъ послѣ 1786 г. священно-архимандритовъ ея и ничего не можетъ сказать о дѣятельности ихъ для лавры и лавры для общества. Прежній архимандритъ, какъ показываетъ и приведенный документъ, избирался не только духовными, но и мірскими представителями страны, выборъ утверждался верховною властію и о самомъ наступленіи выборовъ возвѣщалось съ высоты трона. И знала выбраннаго страна, высоко чтила учрежденіе, надъ которымъ ставила его, и зорко слѣдила за его жизнію и дѣйствіями. Кто знаетъ такъ названныхъ намѣстниковъ лавры, кто помнитъ ихъ чередованіе? Если лавра кіево-печерская и теперь влечетъ насъ къ себѣ, то только своею исторіею и своею святынею, а прежде она влекла и дѣятельностію стоявшихъ во главѣ ея и входившихъ въ число ея братіи. Кромѣ подвижниковъ благочестія она давала иногда ученыхъ богослововъ, полемистовъ и апологетовъ, проповѣд-

никовъ слова Божія, борцевъ за вѣру и народность. Измѣнился строй жизни, измѣнилась и самая жизнь. Много было въ этомъ строѣ недостатковъ и несовершенствъ, но много было и такого, на что не безъ пользы можно оглянуться и теперь, въ чемъ можно почерпнуть урокъ для настоящаго времени, или врачевство отъ одолѣвающихъ наше общество недуговъ. Живая, тѣсная связь общества съ церковію, въ какой-бы формѣ она ни была возстановлена, и есть тотъ завѣтъ сѣдой старины нашей, надъ которымъ по преимуществу мы должны остановиться и для котораго не можемъ придумать болѣе подходящей формулы, кромѣ давно сказанныхъ словъ: *помянухъ дни древнія и поучихся...*

Уставъ кіевскаго цирюльническаго цеха 1767 года.

Уставъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ уцѣлѣвшихъ документовъ, которые въ общей совокупности своей даютъ намъ понятіе о внутренней жизни кіевскаго городскаго общества въ половинѣ XVIII ст.

Повторяемъ, такихъ документовъ уцѣлѣло не много, въ печати ихъ почти нѣтъ. Отъ прежняго вѣковаго архива кіевскаго магистрата не осталось, кажется, и слѣда. Спросите нынѣшнюю думу, или ея управу, гдѣ тѣ жалованныя грамоты царскія, королевскіе привилеи, гетманскіе универсалы, которые такъ бережно и почтительно хранились прежнимъ магистратомъ въ дорогихъ ящикахъ и витринахъ, на бархатныхъ подушкахъ, еще въ концѣ прошлаго столѣтія, и съ такою гордостію были представляемы членами магистрата посѣщавшему Кіевъ наслѣднику русскаго престола, великому князю, впослѣдствіи императору, Павлу Петровичу и его супругѣ? Многочисленныя дѣла кіевскаго магистрата — административныя, судебныя и хозяйственныя давно сдѣлались добычею пламени или невѣжества, какъ и самое его помѣщеніе и оригинальное имущество, между прочимъ, въ орудіяхъ наказаній, пушкахъ, ружьяхъ, знаменахъ и т. под. Между тѣмъ жизнь идетъ своимъ чередомъ; поколѣнія слѣдуютъ одни за другими, составъ населенія Кіева мѣняется приливомъ все новыхъ элементовъ, традиціи утрачиваются, связь новой жизни съ прежнею прерывается и не по чему провѣрить ни ея роста, ни отклоненій и задержекъ въ развитіи, погрѣшностей и ошибокъ, въ силу забвенія прежнихъ порядковъ и обычаевъ.

Едва-ли есть надобность говорить о необходимости и пользѣ для каждаго общества знакомиться съ своею прежнею жизнью въ

общемъ и въ частностяхъ по тѣмъ письменнымъ документамъ, какіе сохранились отъ прежняго времени; но прежде надо собирать самые документы. Ихъ собралъ и издалъ старинный Витебскъ, а болѣе древній, древнѣйшій по преимуществу Кіевъ такого собранія не имѣетъ. Между тѣмъ и теперь можно найти хотя обрывки ихъ въ мѣстныхъ архивахъ и въ частныхъ рукахъ. Изъ частныхъ рукъ, отъ одного изъ членовъ нынѣшняго цирюльническаго цеха достался намъ и помѣщаемый ниже документъ.

Содержаніе его несложно и просто; оно представляетъ собою памятникъ прежней автономной жизни кіевскаго общества, или одну частичную ея принадлежность. Цехи—древнѣйшая форма общественной жизни южно-русскихъ городовъ, пришедшая въ нее съ Запада въ періодъ литовскій, вмѣстѣ съ магдебургскимъ правомъ, и широко разросшаяся на новой почвѣ, въ слѣдствіе близости ея къ древнему укладу нашей вѣчевой жизни. Это свободныя наши ассоціаціи, группировавшія людей всевозможныхъ профессій въ правильно организованные кружки, объединяемые общностію церковно-религіозныхъ и общественныхъ интересовъ, а также полною автономіею своего внутренняго управленія. Цехи гончарные, купнерскіе, кравецкіе, кузнецкіе и другіе находимъ во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, и даже въ селахъ, гдѣ существовали подобные профессіи въ сколько нибудь значительномъ размѣрѣ. Иногда цехъ былъ вмѣстѣ и братствомъ церковнымъ, или-же нѣсколько цеховъ соединялись въ одно братство, но, и не нося названія братства, цехъ служилъ одновременно цѣлямъ церкви. Собственно организація цеха и братства одна и таже, хотя цѣли ихъ различны, ибо тогда, какъ цехъ преслѣдуетъ главнымъ образомъ развитіе ассоціаціи и ея профессіи, братство на оборотъ имѣло въ виду преимущественно религіозно-нравственныя потребности. Впрочемъ въ служеніи цѣлямъ общественнымъ они сходились, и въ этомъ, равно какъ и однообразномъ ихъ устройствѣ, заключается причина того, что цеховая организація усвоялась даже такими кружками, которые собственно не принадлежали къ обществу, какъ кружки нищихъ и въ частности слѣпцевъ. Нужда въ кружковой, общей жизни чувствовалась въ такой степени, что при недостаточномъ числѣ въ данномъ городѣ лицъ извѣстной профессіи и невозможности образовать самостоятельный цехъ, они при-

соединялись къ людямъ другой профессіи, или другому цеху; такъ соединялись кушнера и кравцы, кузнецы и слесаря и т. д.

Такъ именно случилось и съ кіевскими цирюльниками. До 1766 г. они находились въ соединеніи съ цехомъ кравецкимъ; но кравцы (портные) относились къ нимъ презрительно, не считали ихъ настоящими цеховыми, не давали имъ голоса въ дѣлахъ, не касающихся ихъ профессіи, не обстаивали ихъ въ возникающихъ по ихъ кружку дѣлахъ, не допускали ихъ къ выборамъ въ цеховыя должности, какъ-то цехмистра, ключника и пр. Эти обстоятельства, а также и увеличившееся вѣроятно число цирюльниковъ въ Кіевѣ побудили ихъ просить магистратъ о выдѣленіи ихъ въ особый самостоятельный цехъ. Просьба ихъ была удовлетворена спустя около двухъ лѣтъ, что даетъ поводъ заключать, что кравцы не желали такого отдѣленія, не выгоднаго для нихъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшались ихъ платежныя силы и доходы. Уставъ въ 10-ти пунктахъ былъ составленъ самими цирюльниками, по образцу какого либо другаго устава и на основаніи старыхъ обычаевъ и порядковъ. Въ основу устава полагается принципъ равенства членовъ, взаимнаго другъ къ другу уваженія и почтенія къ старшимъ, за тѣмъ опредѣляются взаимныя отношенія цеховыхъ по выполненію ихъ профессіи, положеніе поступающихъ въ обученіе мастерству, свободныхъ работниковъ и прибывающихъ вновь мастеровъ, и наконецъ очерчивается кругъ профессіональныхъ занятій членовъ цеха. Каждый пунктъ устава носитъ на себѣ историческій отпечатокъ, но особенно оригиналенъ пунктъ 1-й, по которому цирюльники принимаютъ на себя артиллерійскую службу въ городской милиціи, и обязываются во время церемоній [1]) „пушечную пальбу производить порядочнымъ образомъ“, подвергая себя за неисправность тюремному заключенію и внесенію въ цехъ по пяти фунтовъ воску. Послѣдній видъ штрафа, повторяемый и въ другихъ пунктахъ устава, заимствованъ изъ уставовъ братскихъ и указываетъ на то, что такого рода штрафы обращались въ пользу церкви и что слѣдова-

---

[1]) Объ этихъ церемоніяхъ см. статью: Кіевское представительство прежняго времени. «Кіевск. Старина», 1882 г., майск. книжка, стр. 177—193.

тельно цехи и теперь еще не утратили своей прежней связи съ братствами; внутренняя организація цеха была безъ сомнѣнія опредѣлена съ большею подробностію, но не письменно, а живымъ обычаемъ. На это мы имѣемъ довольно данныхъ въ находящейся у насъ подъ руками записной книгѣ кіевскаго кравецкаго цеха съ 1798 по 1835 г., а также записей гончарнаго цеха въ с. Дыбинцахъ, кіевской губерніи, за болѣе древнее время; но группировку этихъ данныхъ отлагаемъ до другаго времени, ограничиваясь на сей разъ помѣщеніемъ лишь акта объ учрежденіи кіевскаго цирюльническаго цеха. Вотъ текстъ его.

По указу ея императорскаго величества зъ магистрата кіевского данна сія вниись цылюрнического собранія началнику Григорию Иванову сину Хотяновскому зъ братіею; для того въ ономъ магистратѣ слушано доношенія, поданного отъ оного началника Хотяновского зъ братіею, и приложенних при томъ ихъ доношеніи пунктовъ, въ какомъ содержаніи быть ихъ цылюрническому собранію, съ прошеніемъ, дабы въ то ихъ собраніе на содержаніе оного дать з оного магистрата ухвалу, понеже имъ обойтись безъ того невозможно. Въ техъ же ихъ цылюрниковъ пунктахъ показано:

1-е, чтобъ всякъ зъ братіи майстерства цылюрнического на сходки общей, а паче во время бываемой при магистратѣ кіевскомъ церемоніи и пушечной палбы былъ, и ту пушечную палбу производилъ порядочнымъ образомъ, а естли кто въ томъ окажется противнимъ, такового съ вѣдома мигистрата кіевского штрафовать турмою и взятьемъ до собрания пяти фунтовъ воску, 2-е, каждой брата своего не толко уничижать, а себе возвышать не долженъ, но еще оного почитать, а притомъ старѣйшему себе честь отдавать долженъ, 3-е, ежели кто зъ братій подрядится кому класть къ каковой либо ранѣ плайстеръ, то другой уже въ томъ препятствовать и своего плайстра безъ началникового вѣдома и дозволенія прикладать не долженъ, а буди кто въ томъ окажется противнимъ, съ таковаго взискивать до собранія по пяти фунтовъ воску, договореннымъ же деньгамъ отъ стороны той, которая требувала прикладать плайстеръ, оставатся при первомъ майстру, 4-е, ежели которой братъ для

производства своего майстерства въ кого найметъ хату или баню, то другой уже въ томъ ему до уговоренного сроку перебиватъ и цени подвишать не долженъ, а если кто сіе преступить, съ таковогo взискивать до собранія воску по десяти фунтовъ, хатѣ-жъ и банѣ оставаться за наемщикомъ, 5-е, буди которой братъ не имѣетъ въ себе цылюрнѣ, таковому въ другихъ, какъ и прежде было, работать на своихъ харчахъ и на всѣхъ своихъ-же инструментахъ и мылѣ съ половины, и уже на сторонѣ того своего майстерства безъ вѣдома майстерского производить, а ни кровѣ пускать ни подъ какимъ видомъ не долженъ, 6-е, каждый майстеръ отъ другого майстра молодика къ себѣ отговаривать не долженъ, 7-е, молодикамъ майстерства цылюрнического служить въ своихъ майстровъ, какъ и прежде, съ третей копейки, а на харчахъ и всѣхъ инструментахъ майстерскихъ, 8-е, ежели отколь прийдетъ сторонной паробокъ, то таковогo безъ вѣдома магистрата кіевского въ собраніе майстерства цылюрницкого не принимать и въ число другихъ не записывать, а представить объ немъ въ оный магистратъ и ожидать на то резолюціи, 9-е, никто зъ стороннихъ майстерства цылюрницкого, не поеднавши того майстерства собраніе, работать не долженъ, а еслибъ кто въ томъ оказался противнимъ, таковогo весь его инструментъ забирать въ собраніе, 10-е, оное майстерство цылюрницкое имѣетъ состоять въ томъ: бреить, кровъ жилную и зашкурную пускать, рани гоить рубанние, пробитіе и стреляние, а особливо въ вирваніи зуба и въ излѣченіи французской и шолудней болѣзней, въ поставки крастеровъ и въ шлюфованіи бритовъ.

А по справки въ магистратѣ кіевскомъ явилось, что по поданному въ оній магистратъ отъ предпоказанних цылюрниковъ, прошлаго 1766 году, іюня 10, доношенію о содержаніи ихъ кравецкимъ цехомъ, подъ которимъ они состояли, въ крайнемъ презрѣнии и о признании ихъ же не настояще цеховими, какъ де въ другихъ цехахъ всякого ромества люде безъ изятія равно всѣ признаются, но полуцеховими, и въ неимѣніи онимъ кравецкимъ цехомъ за нихъ въ случаючихся ихъ нуждахъ никакова обстоятельства, и въ непроизвожденіи ихъ противъ находячихся въ томъ цеху кравцовъ ни въ какия званія, и въ протчихъ по тому ихъ доношению значащихся обидахъ, отъ оного-жъ кравецкого цеху причиняемихъ, съ прошеніемъ о исключении ихъ съ того кравецкого цеху и о принятіи подъ особое ма-

гистратское вѣдомство, такожъ и о учрежденіи ради обыкновенного приниманія ремества ихъ ремесниковъ въ майстры, такожъ визволки учениковъ и вписиванія въ обученіе ремества хлопцовъ, и другихъ ремесленнихъ обрядовъ между ими собранія, а притомъ и о порученіи имъ магистратскихъ пушекъ въ добропорадочное во всякой исправности смотрение, и въ пристойное зъ нихъ при случающихся церемонияхъ палби производство — учинить въ семъ магистратѣ опредѣление. Состоявшимся въ ономъ магистратѣ, прошлого 1767 году, априля 16 дня, приговоромъ велено: въ силу прописанныхъ въ ономъ приговорѣ высокомонаршихъ, сему магистрату жалованнихъ грамотъ, королевскихъ привилегій и другихъ обстоятелствъ, онихъ цырулниковъ съ показанного кравецкого цеху исключить, и быть особливому цырулническому собранию, по примѣру другихъ здешнихъ цеховъ, подъ дѣйствителнимъ магистрата кіевского во всемъ видѣніемъ, имѣя имъ между собою по произволительнному обще всѣхъ вибору началника, и оное свое цырулницкое ремество въ принимании того ихъ ремества майстровъ, въ визволки учениковъ, и вписивании входящихъ въ обучение ремества хлопцовъ, и въ прочихъ обыкновеннихъ ремесленнихъ, установленнихъ по цехамъ, поведенияхъ содержать добропорядочно, а притомъ имъ цырюлникамъ и пор учить магистратскіе пушки, обовязатъ притомъ особливо ихъ подпискою, что они какъ тѣ пушки въ добромъ смотреніи содержать, такъ изъ онихъ въ случае какихъ церемонѣй палбу порядочнимъ образомъ производить имѣютъ, въ силѣ которого приговора означенние цырулники подпискою въ семъ магистратѣ и обовязались, и какъ въ ономъ магистратѣ обявили и началника себѣ по общему своему согласію зъ промежъ себе показанного Григория Хотяновского собрали, почему нинѣ иного нечего и не остается, какъ толко оное цылюрническое собраніе, дабы, по новости оного, какихъ въ немъ непорядковъ или несогласій послѣдовать не могло, утвердить дачею особливо въ оное собраніе отъ сего магистрата ухвали, или виписѣ, вслѣдствіе чего вишеписанніе, представленніе отъ онихъ цылюрниковъ въ оний магистратъ пункта, касаючіесь къ содержанію обявленного ихъ цылюрнического собранія, въ магистратѣ кіевскомъ въ полномъ собраніи доволно и разсматривани, и по разсмотренію являются всѣ-жъ пункта правилние, для того оний магистратъ, имѣя по высокомонаршимъ жалованимъ оному-жъ магистрату грамотамъ и ут-

верждениимъ онимъ майдебурскимъ правамъ власть всякіе въ семъ городѣ учреждать порядки, показанніе, представленніе отъ нихъ цылюрниковъ пункта апробуетъ, зъ темъ, что оные цылюрники по представленному своему цылюрническому майстерству во всемъ противъ техъ пунктовъ всенепременно поступать имѣютъ, такожъ приходящихъ сюда въ Кіевъ людей безъ писменнихъ свидѣтелствъ и безъ представленія въ сей магистратъ въ оное свое собраніе принимать, а особливо внутренихъ и другихъ къ тому ихъ цылюрническому майстерству неподлежащихъ болѣзней, кромѣ какіе они въ техъ своихъ пунктахъ показали, отнюдь лѣчить не имѣютъ, да й тѣ отъ нихъ показанніе болѣзни и рани имѣютъ лѣчить они со всякою осторожностію и какъ зъ найлучшимъ смотреніемъ, безъ малѣйшого какова либо кому во излѣченіи техъ болѣзней и ранъ вреда, или другого какого коварства, подъ опасениемъ, ежелибъ отъ кого зъ нихъ противно сему что воспослѣдовать могло, не токмо исключеня оного зъ того цылюрнического собранія, но еще и учиненія съ нимъ по всей строгости законовъ, чего особливо за оними цылюрниками всенайприлѣжнѣйше какъ нинѣшнему оного цылюрнического собранія началнику Хотяновскому, такъ и по немъ будучимъ началникамъ наблюдать, о чемъ всемъ и дать въ оное цылюрническое собраніе, за руками присутствующихъ въ магистратѣ кіевскомъ и приложеніемъ обикновенной печати, винись, которая и дана. Іюня 30 1769 году.

Ея императорскаго величества прародительной отчины Богомъ хранимаго города Кіева: Надворный совѣтникъ и войтъ Григорій Пивоваровъ. Бурмистръ и степеный Данило Величковскій. Бурмистръ Василий Балабуха. Бурмистръ Аѳанасій Александровичъ. Бурмистръ Козма Кулешъ. Бурмистръ и депутатъ Іосифъ Василиевъ Гудимъ. Бурмистръ Іосифъ Ивановъ Гудимъ. Писаръ Иванъ Давидовскій. Райца Иванъ Силенко Нѣчай. Райца Іосифъ Козельскій. Райца Герасимъ Кувечинскій. Райца Гавріилъ Рогуский.

Канцеляристъ Захарій Репертовичъ.

(М. П.)

Письмо князя Константина Острожскаго, воеводы кіевскаго, къ сыну его Янушу, каштеляну краковскому. 7 мая 1607 года.

Извѣстный ревнитель и защитникъ православія и народности русской въ XVI ст., князь Константинъ Константиновичъ Острожскій жилъ около ста лѣтъ и болѣе полустолѣтія наполнилъ своими громкими, въ потомство перешедшими, дѣяніями. По роду своихъ дѣйствій, по своему первенствующему во всѣхъ отношеніяхъ положенію въ южной Руси, по своимъ фамильнымъ и общественнымъ связямъ, онъ имѣлъ чрезвычайно обширныя и самыя разнообразныя сношенія и несомнѣнно велъ огромную переписку; но время не пощадило произведеній его пера, какъ не пощадило всѣхъ его просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій и самаго рода его. Изъ громадной его переписки—частной и дѣловой сохранилось лишь нѣсколько писемъ, помѣщенныхъ въ IV томѣ актовъ Западной Россіи, „Исторіи возсоединенія Руси", Кулиша, и „Кіевлянинѣ" Максимовича. Три письма достались намъ. Одно изъ нихъ помѣщаемъ здѣсь. Оно совершенно семейнаго характера, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ большой историческій интересъ. Острожскій — отецъ коротко пишетъ старшему своему сыну, Янушу, о поведеніи его жены и выражаетъ свой мѣткій взглядъ на южно-русскую женщину того времени: „вѣка повторяются,—это вторая Амазонка", говоритъ онъ о своей невѣсткѣ. Это тотъ взглядъ, къ которому пришелъ современный намъ польскій историкъ, извѣстный докторъ Антоній I., послѣ многолѣтнихъ архивныхъ изысканій, представившій намъ увлекательные и крайне оригинальные типы украинской женщины XVI и XVII ст. Мѣтко схваченное свѣтлымъ и проницательнымъ умомъ

князя Острожскаго явленіе тогдашней общественной жизни и даетъ всю цѣну его письму, не смотря на краткость его содержанія.

Подлинникъ письма—на польскомъ языкѣ; это новая его особенность. Могущественнѣйшій русскій князь, къ котораго слову прислушивалась вся Польша, патріотъ до мозга костей, меценатъ русскаго просвѣщенія и языка, родному сыну своему о дѣлѣ семейномъ пишетъ по польски. Это не уступка вкусу давно ополячившагося и окатоличившагося сына,—это уступка всесильному духу времени и вліянію польской культуры.

Кто-же однако эта амазонка? Къ какой именно женѣ князя Януша относится отзывъ его отца?—Съ точностію сказать этого не можемъ. Янушъ женатъ былъ три раза: въ первый разъ на внучкѣ венгерскаго магната Середы, второй на Катеринѣ *Любомирской* и третій на Ѳеофилѣ *Тарло*. Первая жена его умерла въ 1593 г думаемъ, что все сказанное княземъ Константиномъ относится къ второй женѣ Януша, Катеринѣ Любомирской.

„Слугами„ своими князь называетъ завѣдывавшихъ его имѣніями и дворомъ, а также надворною его милиціею, число которой простиралось иногда до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Ермолинскій, о которомъ упоминается въ письмѣ, былъ изъ числа командировъ милиціи, съ чиномъ ротмистра.

Въ языкѣ подлинника, кромѣ особенностей тогдашняго польскаго правописанія, которое удержано и нами, есть въ нѣкоторыхъ словахъ и даже въ буквахъ *руссицизмы*, показывающіе, что князь пишетъ не на природномъ ему языкѣ, хотя вообще владѣетъ имъ довольно свободно. Мы помѣщаемъ и подлинникъ и переводъ.

Moy naymilszy panie Crakowsky!

Juz widzę, ze wszystkie wicki maią swoi obroth, bo coś my tylko podania pierrwszei słychali o bylych Amazonkach, to czasy naszemi na oko wiedziemy, ze IMC. P. Woiewodzina, Pani sinowa moia, drugą Amazonką się bydz okazuię: niedosycz miala na tem sama wstempowacz w szranki to z Wczią, to ze wszystkimi nami, domowniki swemi, ale tez y przez harcowniki swoie naprzod z X. Czarthoryskim, potem z Duchowieństwem, a prawie z Bogiem samem, więcz na ostatek z sługami memi, jako sie na tych dniach owdzie od

Konarskiego, Archimaadrita Uniiowskiego i od Badzynskiego słudze naszemu, P. Iermolinskiemu dokazuie. A naweth ija sam o takie nieuszanowanie od nich przychodzę, że wszetecznych mow prozen bydz nie mogę, nie telko aby na pisanie, a podzas na prozbę moie wzgląd iaki miecz mieli. W czem się W. M. opowiadam, ze za takim moim owdzie niezwazeniem zal mie do tego prziwiedzie, ze ym podobno cierpiecz dalci nie będę. Zycze y Pana Boga prosze, abym rychlo dobrze zdrowego W. M. u siebie widział. Z Ostroga. 7 maia. 1607 r.

W. M. wszelkiego dobra W. M. zyczliwy oyciec,
Constantin Xiąze Ostroski, Woiewoda Kiiowski.

Prosze tez, racz mi dacz znacz, yako sie mam rychło W. M. do siebie spodziewacz.

(Переводъ).

Мой милѣйшій панъ Краковскій!

Вижу, что вѣка повторяются, ибо то, что мы только какъ преданія слышали о древнихъ амазонкахъ, теперь видимъ во очію: ея милость, пани воеводина, невѣстка моя, оказывается другою амазонкою. Она не ограничилась тѣмъ, что заводила ссоры то съ вашею милостью, то со всѣми нами, своими ближними, но чрезъ своихъ наѣздниковъ воеводила сперва съ кн. Чарторижскимъ, потомъ съ духовенствомъ, точнѣе съ самимъ Богомъ, а наконецъ и съ слугами моими, какъ это на сихъ дняхъ производится тамъ съ слугою моимъ Ермолинскимъ отъ Конарскаго, архимандрита Унеіовскаго и отъ Бадзынскаго. Даже самъ я подвергаюсь такому отъ нихъ неуваженію, что не могу быть свободнымъ отъ постыдныхъ толковъ, что не только письма, но даже просьбы мои не могутъ имѣть на нихъ какого либо вліянія.

По этому предупреждаю вашу милость, что мое огорченіе отъ такого ко мнѣ неуваженія доведетъ меня до того, что, кажется, долѣе терпѣть имъ я не буду.

Желаю и Господа Бога молю, чтобы въ скорости я видѣлъ вашу милость у себя въ добромъ здоровьи.—Изъ Острога. 7 мая 1607 г.

Всего добраго вашей милости желающій отецъ,
Константинъ князь Острожскій, воевода кіевскій.

Прошу также, изволь ваша милость дать мнѣ знать, какъ скоро я могу ожидать вашу милость къ себѣ.

На оборотѣ этого письма, въ листъ, оплаточная печать съ гербомъ и надпись: IMCI Panu Ianuszowi Xięciu Ostrogskiemu, Casztelanowi Crakowskiemu, Naymilszemy Sinowi (Его милости, пану Янушу князю Острожскому, каштеляну краковскому, милѣйшему сыну).

Библіографія.

Русская историческая библіотека, издаваемая археографическою коммисіею. Т. VII. Памятники полемической литературы въ западной Руси. Кн. 2-я. Спб. 1882.

Этотъ объемистый томъ «Библіотеки», изданный подъ редакціею П. А. Гильдебрандта, вышелъ еще къ концѣ прошлаго года, но о немъ не было до сихъ поръ никакого отзыва въ западно-русской печати, а между тѣмъ составъ его представляетъ немаловажный историческій интересъ. Помѣщенные въ немъ памятники полемической литературы изъ эпохи возникновенія религіозной уніи и первыхъ временъ ея распространенія, числомъ девять, всѣ, за исключеніемъ одного, были въ свое время напечатаны, но теперь сдѣлались библіографическими рѣдкостями, извѣстными иногда только въ упикатахъ, огромному большинству изслѣдователей той эпохи почти недоступныхъ, и потому нельзя не благодарить археографическую коммисію за новое ихъ изданіе. Памятники, здѣсь помѣщенные, слѣдующіе.

1. *Вопросы и отвѣты православному зъ папежникомъ*, 1603 года, извѣстные до сихъ поръ только по «Описанію рукописей московской синодальной библіотеки» Горскаго и Новоструева, теперь напечатаны вполнѣ. Независимо отъ содержанія, представляющаго общепонятное, по своему времени, изложеніе различій между православіемъ и католицизмомъ, съ полемикою противъ послѣдняго,—интересъ представляетъ и самая рукопись «Вопросовъ и отвѣтовъ». Годъ ея написанія опредѣленъ по одному мѣсту въ срединѣ текста; одно время она принадлежала какому-то священнику Іосифу, промѣнявшему ее «за Молитовникъ рускій» Іоанну Шуцкому; въ половинѣ XVII вѣка владѣлъ ею «Іоаннъ Нечай»,—

очевидно, извѣстный «Чаусовскій» полковникъ, мужъ одной изъ дочерей Богдана Хмельницкаго, которую Максимовичъ (соч., I, 700) именуетъ почему-то Настею, тогда какъ въ Volumina legum (IV, 359, изд. Огрызки) она подъ 1661 годомъ названа Стефанидою; впослѣдствіи эта рукопись составляла собственность ростовскаго святителя Димитрія, т. е. Данила Савича Туптала, «сотниченка кіевскаго» (Величко, III, 84). На поляхъ рукописи сохранилось много неизвѣстно кому принадлежащихъ примѣчаній, поясненій и ссылокъ на св. писаніе, которыя и напечатаны въ сноскахъ.

2. *Унія алъ бо выкладъ преднейшихъ артыкуловъ, ку зъодночекью Грековъ съ костеломъ Рымскимъ належащихъ*, напечатана съ виленскаго изданія 1595 года, сохранившагося въ одномъ только, и то неполномъ экземплярѣ, въ московской городской (прежней Чертковской) библіотекѣ. Ее приписываютъ извѣстному пропагатору уніи Ипатію Потѣю, а предназначена она была для осторожнаго ознакомленія православныхъ съ чуждыми православію догматами католицизма и къ еще болѣе осторожному утвержденію ихъ истинности. Сохранившійся экземпляръ имѣетъ на поляхъ также много замѣтокъ, написанныхъ очевидно православнымъ, имѣющихъ характеръ полемическихъ возраженій противъ текста брошюры.

3. Изъ той-же библіотеки заимствована и другая рѣдкость: *Гаръмонія альбо согласіе вѣры, сакраменьтовъ и церемоней святое Восточъное церкъви съ костеломъ Рымскимъ*, 1608 года, тоже посвященная защитѣ уніи и отличающаяся какъ рѣзкостью изложенія, такъ и его языкомъ: оно идетъ перемежаясь то порусски, то попольски, и напечатано двумя шрифтами.

4. Обширное сочиненіе знаменитаго проповѣдника, іезуита Петра Скарги: O iedności kościoła Bożego pod iednym pasterzem y o greckim od tey iedności odstąpieniu», перепечатано тоже съ уникатa перваго изданія 1587 года, находящагося въ петербургской публичной библіотекѣ; изданіе это было въ свою пору почти все сожжено, а болѣе извѣстное второе, 1590 года, во многомъ отъ него различается. Всѣ эти различія, равно какъ и замѣтки на поляхъ книги, помѣщены въ выноскахъ. Добавленныя или совсѣмъ предѣланныя въ этомъ изданіи главы помѣщены особою,

5-ю статьею, подъ заглавіемъ «Новыя статьи Петра Скарги 1590 году».

6. Незначительная брошюра іезуита Бенедикта Гербеста: Wiary kościoła rzymskiego wywody y greckiego niewolstwa historya: dla iedności»,

была въ свое время довольно распространена, какъ видно изъ нерѣдкихъ упоминаній въ полемическихъ сочиненіяхъ православныхъ.

7. Одно изъ такихъ сочиненій представляетъ книга острожскаго священника Василія: «О единой истинной православной вѣрѣ и о святой соборной апостолской церкви, откуду начало и како повсюду распростреся», изданная въ 1588 году и заключающая въ себѣ разборъ и опроверженіе мнѣній, высказанныхъ въ уніатскихъ изданіяхъ: «Унія» и «Гармонія» (см. выше, №№ 2 и 3), выгодно отличаясь отъ нихъ сдержанностью и серьезностью полемики.

8. Вслѣдъ за брестскимъ соборомъ 1596 г, на которомъ установлена была отступившими отъ православія епископами недоброй памяти религіозная унія, тотъ-же Скарга издалъ сочиненіе: «Synod Brzeski», защищая его дѣянія. Перваго изданія этого сочиненія (1596) археографическая коммисія не могла добыть, а напечатала его съ изданія 1738 г., сообщеннаго ей профессоромъ кіевской духовной академіи, Ив. Игн. Малышевскимъ.

9. Отвѣтомъ на сочиненіе Скарги послужилъ со стороны православныхъ знаменитый «Апокрисисъ, албо отповѣдь на книжкы о съборѣ берестейскомъ, именемъ людей старожитной релѣи греческой, черезъ Христофора Филялета врихлѣ дана», занимающій почти половину настоящаго тома «Библіотеки» (столбцы 1003—1820). Здѣсь помѣщенъ онъ въ двухъ текстахъ: польскомъ, съ *перваго* изданія 1597 г., единственный экземпляръ котораго имѣется у М. О. Кояловича, и русскомъ, болѣе извѣстномъ, изданномъ около двухъ лѣтъ спустя. По поводу «Апокрисиса» въ предисловіи находимъ слѣдующее интересное замѣчаніе: «это сочиненіе, какъ и нѣкоторыя другія, извѣстно въ настоящее время въ двухъ текстахъ: польскомъ и западно-русскомъ. Апокрисисъ имѣетъ уже не одного изслѣдователя, имѣетъ даже и переводчиковъ на современный русскій языкъ (профессоръ кіевской духовой академіи С. Т. Голубевъ), но тексты его доселѣ не были воспроизведены. При сличеніи западно-русскаго текста съ польскимъ оказывается, что *послѣдній* изъ нихъ есть *оригиналъ* сочиненія, а *западно-русскій*—переводъ, или, вѣрнѣе, *вторая* редакція, не во всемъ объемѣ своемъ согласная съ изданіемъ 1597 года. Эта редакція представляетъ большое количество стмѣнъ, поправокъ, пропусковъ, вставокъ, сокращеній и развитій, имѣющивъ большую цѣну и значеніе для историка и богослова; самый-же текстъ перевода кромѣ того весьма важенъ и для языкознслѣдователя».

Таковъ богатый составъ седьмого тома «Исторической Библіотеки». Къ сожалѣнію, мы не имѣли до сихъ поръ возможности ознакомиться

съ относящимися къ нему указаніями: 1) лицъ, 2) мѣстъ, и 3) предметовъ и рѣченій, которые должны были выйти, вмѣстѣ съ примѣчаніями къ тексту памятниковъ, особою брошюрою; не знаемъ даже, появилась-ли она уже въ свѣтъ.

Ив. Новицкій.

Малорусскія изданія 1882 года.

Въ іюньской книжкѣ «Кіевской Старины» мы разсмотрѣли малорусскія книги, вышедшія въ 1882 г. новыми изданіями, и указали, такъ сказать, raison d'être появленія каждой изъ нихъ; теперь скажемъ о книгахъ новыхъ, впервые явившихся въ печати въ 1882 г.,—держась той мысли, что и произведенія беллетристическія, съ которыми мы на этотъ разъ имѣемъ дѣло, могутъ быть въ своемъ родѣ памятниками историческими, если вѣрно передаютъ картины дѣйствительной жизни въ данную эпоху.

Оригинальныхъ произведеній въ малорусской литературѣ появилось въ прошломъ году пять, а именно: *1) Збірныкъ творівъ М. Л. Кропывницького, 2) Оповидання про комахъ, О. Степовыка, 3) Про дифтеритъ або обкладки, М. Хвыдоровського, 4) За злыми людьми й хата не згорить, Алексѣя Грабины и 5) За крашанку—писанка, Данила Сліпченка Мордовця.*

1) Збірникъ творівъ М. Л. Кропывницького. Т. 1-ый. Кіевъ 1882 г. Въ напечатанномъ 1-мъ томѣ помѣщены три драмы и одинъ водевиль, а именно: 1) «Дай серцю волю, заведе въ неволю», драма въ 5 дѣйствіяхъ и 6 картинахъ; 2) «Глитай, або-жъ навукъ», драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5 картинахъ; 3) «Невольникъ», драматическія картины, и 4) «Помирились», водевиль въ 1 дѣйствіи.

Содержаніе драмы: «Дай серцю волю, заведе въ неволю» заимствовано изъ сельскаго украинскаго быта и представляетъ не вполнѣ обыденный моментъ простонародной жизни, а скорѣе исключительное явленіе, что однако не помѣшало автору начертить нѣсколько характерныхъ типовъ.

Парубокъ Семенъ Мельниченко, ходившій на все лѣто на заработки, возвращается осенью въ родное село и, не заходя домой, идетъ повидаться съ Одаркой, любимой имъ дѣвушкой, которая отвѣчаетъ ему взаимностью. Вскорѣ подходитъ къ нимъ Микита, сынъ старшины, про котораго Одарка сообщаетъ Семену, что онъ неотступно сватается за нее. Не желая видѣться съ нимъ, она поспѣшно уходитъ въ хату. Проис-

ходитъ первая сцена между двумя соперниками, предвѣщающая что-то недоброе. Къ концу этой сцены появляется Иванъ Непокрытый, сирота-бѣднякъ, названный братъ Семена (побратимъ), и между прочимъ сообщаетъ, что сейчасъ соберутся сюда *парубки обирати березу*, т. е. своего старшаго. Дѣйствительно, вскорѣ появляются парубки, и происходитъ прекрасная оживленная бытовая сцена парубоцкихъ выборовъ и между прочимъ столкновеніе Ивана съ Микитой, котораго, очевидно, никто не любитъ за его гордый нравъ и за то, что онъ разыгрываетъ роль панича. Сцена заканчивается превосходной чумацкой пѣсней: «Гулявъ чумакъ на рыночку». Затѣмъ дѣйствіе переноситъ насъ въ хату Морозихи, вдовы, у которой въ теченіе всей зимы собираются «вечерниці». Микита сидитъ за столомъ, очень насмурный; дівчина Маруся, которую прежде любилъ Микита,—тутъ-же. Постепенно собираются сюда дівчата и парубки и между прочими Одарка, Семенъ и Иванъ. Изъ отдѣльныхъ сценъ и разговоровъ Микиты съ Морозихой, Марусей, Одаркой и Иваномъ видно, что на душѣ у него что-то недоброе, такъ какъ онъ, сынъ старшины, статный и богатый парубокъ, не можетъ помириться съ мыслью, что Одарка выйдетъ замужъ за Семена, а не за него—что онъ можетъ получить отказъ. Между прочимъ, онъ въ разговорѣ съ Морозихой довольно ясно намекаетъ на то, что въ случаѣ крайности онъ готовъ рѣшиться на преступленіе. Дѣйствіе заканчивается опять прекрасной бытовой картинкой *вечерниць*. Въ слѣдующемъ дѣйствіи мы узнаемъ изъ разговора двухъ *дівчатъ*, что Микита дѣйствительно что-то затѣваетъ, такъ какъ уже три дня назадъ отправился къ *ворожбиту;* а между тѣмъ Семенъ, ничего не подозрѣвая, посылаетъ сватовъ къ Одаркѣ и, конечно, получаетъ полное согласіе. Сейчасъ-же являются *парубки и дівчата* въ хату Одарки, гдѣ и *справляють сватання*. Какъ разъ въ это время возвращается въ село Микита и, узнавъ о совершающемся сватаньи, проситъ одну изъ дѣвушекъ вызвать изъ Одаркиной хаты Семена. При появленіи послѣдняго, Микита кидается на него съ ножемъ, но благодаря Ивану Непокрытому, еще раньше замѣтившему его и спрятавшемуся въ сторонѣ, Микита схваченъ и связанъ выбѣжавшими на шумъ парубками. Этой трагической сценой и заканчивается третье дѣйствіе. Дѣйствіе 4-ое знакомитъ насъ съ событіями, совершившимся черезъ три недѣли послѣ свадьбы Семена. Въ то время, какъ счастливая молодая пара проводила медовый мѣсяцъ, старшина, отецъ Микиты, мстя за своего сына, устроилъ дѣло такъ, что Семена назначаютъ въ рекруты. Понятно горе, которое охватило молодыхъ; но Иванъ, желая доказать, что *побратимство* онъ понимаетъ не на словахъ только, объявляетъ имъ, что онъ намѣренъ идти замѣстителемъ, какъ человѣкъ,

которому терять нечего. Это дѣйствіе сравнительно очень короткое, исполнено сценичности и можетъ быть названо самымъ удачнымъ. Послѣднее дѣйствіе, четыре года спустя, вводитъ насъ въ семью Семена, который теперь уже сотскимъ. Семья эта увеличилась, благодаря возвращенію раненнаго Ивана, который въ качествѣ семьянина, поселился тутъ; почти въ тоже время появляется и Микита, котораго, какъ бѣглаго, водворяютъ на мѣсто жительства въ родное село. Но такъ какъ у Микиты теперь ничего нѣтъ, благодаря пожару, истребившему все имущество отца, то Семенъ предлагаетъ ему поселиться съ ними и забыть все старое. Микита соглашается, но не къ добру повело это. Хотя онъ теперь совсѣмъ больной, но старая страсть-ревность, помимо воли его, заговорила опять. И вотъ однажды ночью, мучимый болѣзнью и ревностью, онъ рѣшилъ было покончить со спящимъ Семеномъ, и только ласковый голосъ Семена сквозь сонъ останавливаетъ его. Тутъ кстати просыпается Иванъ и пробуетъ успокоить его, но изнемогшая душа Микиты не выдерживаетъ этого послѣдняго испытанія, и онъ умираетъ: по выраженію Ивана, «не здолавъ сердега свого горя»

Какъ видитъ читатель, въ драмѣ г. Крапивницкаго не мало бытовыхъ чертъ, иллюстрирующихъ народную жизнь столько-же въ ея прошломъ, какъ и въ настоящемъ; но много въ ней и такого, что запечатлѣвъ художественностію созданія настоящее, могло-бы служить цѣннымъ матеріаломъ для послѣдующей исторіи народной жизни. На сколько однако вѣрно воспроизведены современныя черты малорусской деревенской жизни въ созданныхъ авторомъ драмы типахъ, сказать не рѣшаемся. Намъ кажется, что иное тутъ создано по готовому шаблону, иное почерпнуто изъ другихъ сферъ, а не срисовано съ дѣйствительности. Съ большею увѣренностію можемъ говорить объ общемъ планѣ драмы и соотношеніи его частей. На нашъ взглядъ въ ней нѣтъ центра дѣйствія, и отсутствіе его особенно рѣзко сказывается при чтеніи. Судя по основной мысли драмы, можно думать, что центръ дѣйствія будетъ сосредоточенъ около Микиты, который и явится главнымъ героемъ, въ противовѣсъ-же ему будетъ поставленъ Семенъ, тѣсно связанный съ судьбой его. На дѣлѣ-же выходитъ, что Семенъ оказывается совсѣмъ безцвѣтной личностью: она добродѣтельна, какъ личность, но обладаетъ большими пороками, какъ дѣйствующее лицо въ драмѣ, нисколько не помогающее оживленію дѣйствія, а напротивъ—наводящее тоску. Да и самъ Микита во многихъ мѣстахъ уступаетъ первое мѣсто Ивану Непокрытому, который, сверхъ ожиданія, и является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Авторъ слишкомъ увлекся типомъ Ивана и въ

жертву ему принесъ требованія драматическаго искусства. И правду надо сказать, что типъ Ивана Непокрытаго весьма привлекателенъ: типъ это рѣдкій, но очень характерный въ народѣ, такъ что, при видѣ его, невольно возстаетъ въ памяти мысль о томъ, что истинно-гуманные, высокіе принципы часто скрываются подъ неприглядной съ виду оболочкой. Иванъ—живая, свѣжая сила, въ которой такъ прекрасно слились видимая безпечность, такъ сказать—качества «забулдыги» съ любвеобильной, нѣжно чувствующей душой, способной на самые крайніе подвиги высокаго самоотверженія. Какъ забавно-милъ онъ со всѣми своими шутками, прибаутками во время «вечерницъ», и какъ торжественно-великъ онъ въ моментъ объявленія своего желанія стать замѣстителемъ Семена въ военной службѣ. Вообще нужно сказать, что Иванъ, и по идеѣ, и по выполненію, является на первомъ планѣ въ драмѣ г. Кропивницкаго, вопреки намѣренію автора. Менѣе обрисованъ главный герой—Микита. Это характеръ отталкивающій, хотя вполнѣ естественный, типъ самолюбиваго человѣка, гордящагося тѣмъ, что онъ сынъ старшины. Эта гордость проявлялась у него въ отношеніяхъ къ своимъ односельчанамъ — парубкамъ и дѣвчатамъ и за нее-то его и не долюбливаютъ всѣ. Самолюбіе его больше всего сказалось въ той трагедіи, которую онъ устроилъ по поводу любви своей къ Одаркѣ. Рѣшается онъ дѣйствовать такъ страстно не столько изъ ревности, сколько изъ самолюбія. Его гордый нравъ и самолюбіе въ связи съ неудачей въ любви и ставятъ его въ трагическое положеніе. Въ Микитѣ мы видимъ цѣльную, энергическую натуру, но эгоистически направленную, и авторъ, по нашему мнѣнію, самъ желалъ представить его такимъ, не задаваясь цѣлью вывести на сцену отрицательный типъ въ противоположность положительнымъ Семену и Ивану, а отыскивая въ народѣ не обще-житейскія, заурядныя личности, но выдающіяся, исключительныя, къ какимъ несомнѣнно и принадлежитъ Микита.

Что касается Одарки, то о ней говорить нечего, такъ какъ это избитый типъ малорусской дѣвушки и молодыці, который постоянно фигурировалъ въ малорусскихъ произведеніяхъ, начиная съ Наталки Полтавки Котляревскаго и заканчивая повѣстями г. Нечуя. Типъ этотъ обязательно нѣсколько сентиментальный, такъ что слащавость частенько дѣлаетъ его приторнымъ. Этого послѣдняго не избѣжалъ и г. Кротивницкій, томящій публику до тошноты сахаристыми рѣчами Семена и Одарки въ первыхъ двухъ явленіяхъ. Послѣдующія явленія свободны отъ этого недостатка; оживленностію дѣйствія, типичностію бытовыхъ

картинъ они сглаживаютъ непріятное впечатлѣніе отъ указанныхъ двухъ явленій, и мирятъ читателя съ недостатками въ отдѣльныхъ частяхъ драмы.

Другая драма г. Кропивницкаго: «Глитай або-жъ Павукъ» даетъ намъ интересный типъ современнаго малорусскаго кулака, который какъ бы глотаетъ всѣхъ и вся вокругъ себя и какъ паукъ опутываетъ сѣтями своихъ односельчанъ. Отъ этихъ качествъ его и драмѣ дано такое названіе.

Этотъ типъ представленъ въ лицѣ разбогатѣвшаго крестьянина Іосифа Бычка. Его всѣ величаютъ «Іосиномъ Степановичемъ», а про себя «глитаемъ» или «павукомъ». Всѣ у него въ матеріальной зависимости; всякій въ нуждѣ обращается къ нему за помощью, и онъ никому не отказываетъ, хотя прежде всего себя не забываетъ. Годъ отъ году Бычокъ богатѣетъ, уловляя въ свои сѣти каждаго, нуждающагося въ деньгахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ носитъ личину благочестія, и хотя это всякимъ легко распознается и оцѣнивается по достоинству, но не спасаетъ никого отъ его сѣтей, такъ какъ нужда оказывается сильнѣе всякаго ризсужденія. Одною изъ первыхъ жертвъ его является Мартинъ Хандоля, богатый селянинъ, подверженный однако пьянству и отъ того часто нуждавшійся въ деньгахъ. Бычокъ охотно ссужалъ его деньгами и въ тоже время наровилъ за долгъ, едва достигающій 150 р., заполучить отъ Мартина его «половні волы», стоющіе не менѣе 200 рублей. Но не тутъ центръ драматическаго дѣйствія. Въ селѣ живутъ счастливые, но крайне бѣдные супруги—Андрій и Олена Кугуты и при нихъ мать ихъ Стеха, Бычокъ-же, при всей своей богобоязливости, давно уже увлекается Оленой. И мать ея и мужъ въ неоплатномъ предъ нимъ долгу. Чтобы поправить свои дѣла, Андрій рѣшается наняться на годъ къ заѣзжему мѣщанину и оставить на это время родное село и нѣжно любящую имъ Олену. Іосинъ Степановичъ помогаетъ ему устроить эту сдѣлку. Проходитъ больше года, Андрій не возвращается, въ семьѣ его полная бѣда: средствъ къ жизни нѣтъ, податей платить нечѣмъ, сама старуха мать убѣждаетъ дочь отправиться на поклонъ къ Бычку, а тотъ все время пристаетъ къ Оленѣ, перехватываетъ письма къ ней мужа, стараясь увѣрить ее, что мужъ ее покинулъ. Оленѣ и матери ея грозитъ наконецъ послѣдняя бѣда—продажа хаты съ публичнаго торга. Вся надежда ея, что вотъ-вотъ Андрій возвратится; но тутъ Бычокъ посредствомъ сфабрикованнаго имъ отъ Когута письма передаетъ ей ложное извѣстіе, будто Андрій «зрадивъ», полюбилъ другую. Олена въ отчаяніи, она не владѣетъ собой, не можетъ здраво разсуждать и, чтобы отомстить мужу за

невѣрность, сама рѣшается отдаться Іосипу Степановичу. Но рѣшимость ея была плодомъ нервнаго болѣзненнаго состоянія, близкаго къ помѣшательству. Олена въ домѣ Бычка, она нервно весела, Бычокъ торжествуетъ. Но и для него скоро становится яснымъ, что съ Оленой что-то неладно: рѣчи ея исполнены ажитаціи, которая усиливается съ каждой вновь выпитой чаркой. Три дня спустя возвращается Андрій, и пока онъ мучится надъ разгадкою случившагося, Бычокъ въ свою очередь мучится при мысли о скоромъ возвращеніи Андрія и при видѣ почти сумасшедшей Олены. Андрій спѣшитъ къ Бычку, а въ это время его Олена появленіемъ изъ другой комнаты окончательно убѣждаетъ Бычка и всѣхъ бывшихъ въ его домѣ въ своемъ безумствѣ. Входитъ Андрій; при видѣ его, она какъ-бы опомнилась, но черезъ нѣсколько минутъ отъ сильнаго волненія упала мертвою. Тутъ только Андрій узнаетъ, что она была жертвою низкаго обмана, и, видя крайній предѣлъ своихъ страданій, бросается на «глитая» и убиваетъ его.

Начерченный въ драмѣ типъ кулака деревенскаго, можетъ быть, и дѣствительно распрэстраненный теперь типъ; но только намъ кажется, что драматическая завязка—сластолюбивые замыслы Бычка едва-ли типичны для украинскаго міроѣда. Онъ настолько бываетъ поглощенъ матеріальными разсчетами и соображеніями, что для страсти любовной у него обыкновенно не остается мѣста въ душѣ. Что до частностей піесы, то они кажутся намъ еще менѣе естественными и возможными хотя-бы въ нынѣшней сельской средѣ. Болѣе натуральности, по видимому, въ остальныхъ типахъ. Такъ въ разбираемой драмѣ мы впервые встрѣчаемся съ женскимъ характеромъ,—до сихъ поръ большинство женскихъ ролей отличалось сентиментальностью и почти не имѣло личности, своего «я». Олена съ своими страданіями обнаруживаетъ признаки характера; но драматизмъ ея положенія не обусловленъ ея личнымъ характеромъ, а волей рока, случайностями и характерами другихъ лицъ, благодаря которымъ она очутилась въ трагическомъ положеніи, между тѣмъ въ искусствѣ гораздо большее впечатлѣніе производитъ то или другое трагическое положеніе въ зависимости отъ характера лица. Это обстоятельство авторъ, кажется, упустилъ изъ виду и потому хотя въ драмѣ главными трагическими героями являются Олена и Андрій (послѣдній слишкомъ мало дѣйствуетъ), но не на нихъ сосредоточенъ весь интересъ, а на Бычкѣ, ради котораго онъ вставилъ цѣлыя сцены, не имѣющія никакого отношенія къ главному сюжету драмы, а только бросающія новый свѣтъ на черты кулачества, міроѣдства, какъ напримѣръ: весь эпизодъ съ Мартиномъ Хандолею и постепеннымъ паденіемъ его, благодаря «глитаю», а равно—все первое явленіе 4-го дѣйствія, въ которомъ,

въ ущербъ оживленности дѣйствія, идетъ разговоръ двухъ крестьянъ о разныхъ кулаческихъ продѣлкахъ «глитая».

Въ заключеніе, нельзя все таки не сказать, что и эта драма г. Кропивницкаго даетъ нѣсколько бытовыхъ оживленныхъ картинъ и вполнѣ художественныхъ сценъ, такъ что читатель нисколько не пожалѣетъ, если возметъ книгу г. Кропивницкаго и прочтетъ эту горестную, хотя и не во всѣхъ частностяхъ точную, повѣсть нашихъ дней.

О третьей драмѣ г. Кропивницкаго «Невольникъ» приходится сказать немного, такъ какъ она является передѣлкой всѣмъ извѣстной поэмы Шевченка того-же заглавія. Самый сюжетъ дышетъ исторической правдой, и хотя въ передѣлкѣ г. Кропивницкаго онъ не достигаетъ полнаго развитія драматическаго дѣйствія, вслѣдствіе чего и самъ авторъ назвалъ піесу «драматическими картинами»,—но отдѣльныя сцены состявлены такъ художественно и типично, что оставляютъ самое благопріятное впечатлѣніе въ читателѣ и зрителѣ. Особенно мѣтко схвачены въ 3-мъ и 4-мъ дѣйствіяхъ запорожскій лагерь и запорожцы въ темницѣ. Что-же касается 1-го и 2-го дѣйствій, а особенно 1-го, то они должны быть слишкомъ скучны на сценѣ, какъ лишенныя всякаго драматизма.

Послѣдней, четвертой піесой въ книгѣ является шутка-водевиль «Помирились», въ которой очень живо схвачены нѣкоторыя сценки мѣщанской жизни; тутъ на первый планъ выступаетъ безпросвѣтная темнота мѣщанина Панаса Гурина, попавшагося въ руки мѣстнаго «аблоката» и, конечно, жида-шинкаря Гершка. Хотя во многихъ мѣстахъ допущенъ авторомъ шаржъ, но въ общемъ водевиль этотъ можетъ быть признанъ однимъ изъ лучшихъ, среди необильныхъ малорусскихъ драматическихъ піесъ.

Теперь намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о языкѣ драмъ г. Кропивницкаго. Конечно, тѣ сюжеты, которые избраны авторомъ для своихъ піесъ, много способствовали тому, что языкъ въ нихъ безукоризненно хорошъ, такъ какъ простонародная обстановка совершенно легко можетъ быть передана на малорусскомъ языкѣ, у насъ (мы не говоримъ о Галиціи) являющемся только языкомъ простонародія; но нельзя не видѣть въ то-же время, что г. Кропивницкій особенно хорошо и талантливо воспользовался матеріалами этого языка: всѣ слова и выраженія у него чисты, мѣтки и образны, особенно въ драмѣ: «Дай серцю волю», въ которой почти на каждомъ шагу попадаются прекрасныя поговорки, прибаутки и пословицы, заставляющія отъ души посмѣяться и въ то-же время задуматься надъ силою и мѣткостью народнаго ума и

способностью его подыскать въ своемъ родномъ языкѣ равносильно мѣткія выраженія.

2) *За крашанку—писанка. Ц. Ол. Кулішевъ. Написавъ Данило Сліпченко-Мордовець.* Спб. 1882 г.

Извѣстныя двѣ книжечки г. Кулиша «Хуторна поэзія» и «Крашанка», изданныя въ Галиціи, вызвали многихъ на размышленія о томъ, что сдѣлалось съ г. Кулишомъ въ послѣднее десятилѣтіе, начиная съ пресловутой „Исторія возсоединенія Руси". Постояннымъ читателямъ „Кіевской Старины" обѣ эти книжки знакомы по рецензіи, помѣщенной въ іюньской книжкѣ прошлаго года, а потому не будемъ останавливаться на поводахъ къ написанію г Сліпченко-Мордовцемъ своего отклика на „Крашанку" г. Кулиша. Въ формѣ живаго разговорнаго языка г. Сліпченко-Мордовець старается освѣтить и разъяснить поведеніе Кулиша, который „перекинувся задля культуры польской, задля лакомстаа цивилизаціи и слова свободы". Много тутъ отмѣчено темныхъ пятенъ въ жизни когда-то знаменитаго вождя украинской интеллигенціи, и благодаря прекрасному, сильному, острому слову г. Сліпчено-Мордовця, пятна эти проглядываютъ такъ рѣзко, что читателю приходится повторить вмѣстѣ съ авторомъ слова: „Панько вмеръ для Украины!", да заучить нѣсколько строчекъ изъ стихотворенія, шутливо посвященнаго тутъ-же г. Кулишу.

Вінъ Тарасови [1]) другомъ, бачъ, звався,
Щирымъ другомъ и Галці [2]) вінъ бувъ;
А теперъ у переднімъ кутку за кордономъ
Вінъ й рідную матіръ забувъ!

Чѣмъ-же объясняется все превращеніе въ Кулишѣ? А тѣмъ, что „вінъ—велика таки сила, велика душа; та тільки гордость ёго велику душу задавила"—говоритъ г. Сліпченко-Мордовецъ. «L'Oukraïne—c'est Kouliche!»—отъ-що написано у ёго на прапорі. А потому, когда сего не признали, Кулишъ прийшовъ за кордонъ зъ своимъ каганцемъ, котрый ёму погасъ бувъ у Мотронівці. [3])

Книжка г. Сліпченко-Мордовця такъ хороша, что трудно рѣшить, какое мѣсто въ ней характернѣе всего; пришлось-бы переписать почти

---

[1]) Шевченко.
[2]) Іеремія Галка—псевдонимъ Н. И. Костомарова.
[3]) Изгнаніе г. Кулиша.

всю книжку, а потому, предлагая читателямъ обратить на нее особенное вниманіе, мы ограничимся только одной еще замѣткой автора, сказанною по поводу слѣдующихъ словъ г. Кулиша въ «Исторіи возсоединенія Руси»: «отверженіе многаго, что написано Шевченкомъ въ его худшее время, было-бы со стороны общества актомъ милосердія къ тѣни поэта, скорбящей на берегахъ Ахерона о быломъ умоизступленіи своемъ. Усе минется, одна правда зостается—говоритъ наша пословица».—Вона, ця правда, замѣчаетъ г. Сліпченко-Мордовець, «и зосталася, тільки не Кулішеви досталася, а тому, кого вінъ докорявъ буцімъ-то неправдою».

За злыми людьми й хата не горить. Казка Алексѣя Грабины. Кіевъ 1882 г., ц. 10 к.

Эта слабенькая по мысли и по выполненію сказка, сочиненная А. Грабиною, невѣдомо по какимъ побужденіямъ, представляетъ изъ себя искуственно созданный разсказъ о томъ, какъ лѣнивый мужикъ хотѣлъ сначала повѣситься (неизвѣстно, впрочемъ, почему); но судьба распорядилась иначе—веревка оборвалась, и его застала жінка на мѣстѣ преступленія; затѣмъ онъ безпечно живетъ, пользуясь трудами жены; наконецъ отъ непосильныхъ трудовъ жена умираетъ, и онъ, по совѣту невѣдомо откуда взявшагося племянника, поступаетъ на службу въ экономію въ качествѣ плотника, откуда выкрадываетъ при содѣйствіи племянника колеса и прячетъ въ своей избѣ. Затѣмъ случился пожаръ въ его домѣ; онъ, боясь, чтобъ не открылась исторія съ колесами, мѣшаетъ людямъ тушить пожаръ, но въ концѣ концовъ все обнаружилось, и онъ попалъ въ острогъ. Разсказано это хорошимъ народнымъ языкомъ, но почему сіе важно?—только и остается спросить автора.

4) *Оповидання про комахъ Яка одъ ихъ корысть або шкода въ господарстві (съ 45 малюнками). О. Степовика.* Кіевъ 1882 г. ц. 50 к.

5) *Про дифтеритъ, або обкладки для селянъ и хуторянъ на Украйні. Зложивъ лікарь М. Хведоровськый.* Харьковъ 1882 г. Ц. 10 к.

Обѣ эти книжки, изъ которыхъ первая довольно велика по объему, представляютъ научно-популярное изложеніе тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы простому человѣку въ его хозяйствѣ и семейной обстановкѣ. Мы въ прошлой статьѣ сказали уже нѣсколько словъ о томъ значеніи, какое могутъ имѣть подобныя книжки, будучи распространены въ народѣ на удобопонятномъ для него родномъ языкѣ. Особенно вторая, «Про дифтеритъ», явилась, какъ нельзя болѣе, кстати, такъ какъ въ ней указываются необходимыя средства и при томъ весьма доступныя

крестьянину для борьбы съ этимъ бичомъ нашихъ селъ. Что-же касается первой, то конечно свѣдѣнія о насѣкомыхъ, полезныхъ и вредныхъ, принесутъ пользу сельскому жителю, иногда, по невѣдѣнію своему принимающему полезное насѣкомое за вредное и наоборотъ, а еще чаще, не обращающему вниманія на истребленіе вредныхъ насѣкомыхъ. Мы боимся только, что значительный объемъ книжки, а вслѣдствіе этого и сравнительно высокая цѣна ея помѣшаютъ ей распространиться въ народѣ, т. е. тамъ, гдѣ слѣдовало-бы. Обѣ книжки эти написаны очень хорошимъ, простымъ, понятнымъ языкомъ.

Итакъ только 5 самостоятельныхъ новыхъ книжекъ дополнили въ 1882 г. необширную малорусскую литературу; но за то смѣло можемъ сказать, что 4 изъ нихъ качественно значительно увеличили ея достоинство.

Въ слѣдующей, послѣдней статьѣ мы познакомимъ читателей съ новыми переводными малорусскими изданіями 1882 года.

Ал. Андріевскій—Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ V. Кіевъ. 1883 г.

Г. Андріевскій продолжаетъ въ нынѣшнемъ году изданіе своего интереснаго археографическаго матеріала, который онъ извлекаетъ изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Только что вышедшій 5-й выпускъ заключаетъ въ себѣ 27 номеровъ—это частью цѣльные документы, напечатанные «in extenso», частью подробные экстракты изъ встрѣтившихся ему въ архивѣ дѣлъ, представляющихъ историческій интересъ.

Половина почти книги (№ 1—7 и 18—23) содержитъ дѣла, возникшія по поводу гайдамацкихъ набѣговъ на польскія области (1751—1752 г.) и дѣла пограничной коммисіи, судившей взаимныя претензіи русскихъ и польскихъ подданныхъ. Въ числѣ дѣлъ о гайдамакахъ помѣщено нѣсколько интересныхъ показаній, данныхъ гайдамаками о своихъ похожденіяхъ въ польской Украйнѣ; главнымъ образомъ показанія эти описываютъ походы тѣхъ гайдамацкихъ отрядовъ, которые формировались въ окрестности Кіева и предпринимали походы главнымъ образомъ въ кіевское Полѣсье; особенно интересенъ допросъ (№ 3) «двухъ Грицьковъ»: Киселенка и Пархоменка, принимавшихъ участіе

въ набѣгѣ, который предпринятъ былъ на лодкахъ по Днѣпру, Припяти и Сожи; кромѣ интересныхъ подробностей самаго похожденія, къ допросу приложены списки сообщниковъ подсудимыхъ съ весьма характерными подробностями о мѣстахъ ихъ жительства и укрывательства. Въ допросѣ гайдамака Василія Сѣраго (№ 2) мы встрѣчаемъ разсказъ о походѣ многочисленнаго гайдамацкаго отряда, сформировавшагося въ предѣлахъ запорожскихъ степей съ участіемъ многихъ запорожцевъ; отрядъ этотъ вступалъ въ сраженія съ военными командами, угонялъ стада изъ крупныхъ экономій и благополучно съ добычею возвратился обратно въ степи. Интересна переписка гетмана Браницкаго (№ 7) съ русскими властями, возникшая по поводу набѣга польскаго полковника Ортынскаго на запорожскіе зимовники, гдѣ онъ произвелъ убійства и грабежи подъ предлогомъ преслѣдованія гайдамаковъ. Браницкій старается всячески выгородить своего подчиненнаго и упорно не понимаетъ того обстоятельства, что нападеніе вооруженнаго отряда на чужую территорію нарушаетъ основныя положенія международнаго права. Изъ дѣлъ пограничной коммисіи особенно интересно дѣло кіево-печерскаго архимандрита Зосимы (№ 22), жаловавшагося на шляхтича Спендовскаго за то, что послѣдній въ жалобѣ, поданной въ пограничную коммисію, «обезчестилъ отца Зосиму и весь соборъ непристойными терминами». Послѣ долгихъ проволочекъ, пограничная коммисія признала жалобу о. Зосимы справедливою и присудила Спендовскаго къ аресту и штрафу, но былъ-ли исполненъ этотъ приговоръ, изъ дѣла не видно.

Затѣмъ слѣдуютъ дѣла о польскихъ шляхтичахъ, поступавшихъ въ русское подданство или службу, и объ отношеніяхъ ихъ къ малороссійскимъ жителямъ (№ 8—10). Документы, относящіяся къ столкновеніямъ сербовъ, отправлявшихся для поселенія въ Славяносербію съ жителями Кіева и Малороссіи (№ 11—13); между ними оригинально предписаніе генералъ-губернатора Леонтьева кіевскому магистрату о томъ, чтобы мѣщане подольскіе обходились съ квартирующими у нихъ сербами «дружелюбно и ласково, а не грубіански». Распоряженіе это послѣдовало вслѣдствіе жалобы, поданной генералъ-губернатору о томъ, что «подольскіе обыватели и многіе студенты насмѣхаются надъ сербами, обзываютъ ихъ цыганами и, замѣтивъ у ихъ женъ голокной уборъ, утыканный булавками, утверждаютъ, что они прибыли въ Кіевъ для торговли булавками».

Изъ остальныхъ документовъ, относящихся къ разнообразнымъ дѣламъ, болѣе интересны: вѣдомость составленная кіевскимъ магистратомъ

о состояніи промысловъ и торговли въ Кіевѣ въ 1775 году (№ 15) и распоряженія о производствѣ промѣрки фарватера на Днѣпрѣ и Сожи въ 1784 году (№ 25).

В. А.

Мѣстечко Курисово-Покровское (Балай тожъ). Статистическое описаніе поселенія, составленное статистическимъ отдѣленіемъ при херсонской губернской земской управѣ. Одесса. 1883 г.

Открытіе статистическихъ отдѣленій при земскихъ управахъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ южнаго края (черниговской, полтавской и херсонской), оказало важную услугу научной литературѣ, помимо той практической пользы, которую учрежденія эти принесли земствамъ, доставляя имъ возможность точно опредѣлить дѣйствительную стоимость земель, облагаемыхъ земскими повинностями, и имѣть несомнѣнныя данныя о бытѣ и нуждахъ народонаселенія, подлежащихъ удовлетворенію со стороны земскаго управленія. Для близкаго знакомства съ краемъ, съ его экономическимъ положеніемъ, съ его мѣстною этнографіею и исторіею, изданія статистическихъ отдѣленій земскихъ управъ даютъ громадный матеріалъ и, нужно отдать справедливость, матеріалъ разработанный весьма тщательно и добросовѣстно съ соблюденіемъ точныхъ научныхъ пріемовъ. Книжка, заглавіе которой выписано выше, представляетъ какъ-бы образчикъ большаго труда, заготовляемаго статистическимъ отдѣленіемъ херсонской земской управы.

Кромѣ обильнаго и тщательно сгруппированнаго статистическаго матеріала, относящагося къ даннымъ о народонаселеніи, его движеніи и сельско-хозяйственной производительности, въ первой главѣ мы находимъ весьма интересныя свѣдѣнія объ исторіи основанія поселенія, о способахъ его колонизаціи, о возникновеніи условій вѣчнаго чиншеваго права съ разными его видоизмѣненіями и т. д Всѣ эти свѣдѣнія подкрѣпляются свидѣтельствами документовъ, изъ которыхъ важнѣйшіе приведены цѣликомъ въ текстѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе весьма точно собранныхъ данныхъ, относящихся къ этнографической характеристикѣ народонаселенія. Описаны типическія постройки домовъ и хозяйственныхъ службъ, типическая обстановка и убранство жилищъ, мѣстный костюмъ и его украшенія, пріемы и орудія сельско-хозяйственнаго труда и т. д.

Вообще просмотрѣвъ книгу, читатель не только выноситъ полное знакомство съ описываемою мѣстностью, но также убѣжденіе, что при точномъ изученіи даже единичныхъ мѣстностей края, открываются столь многочисленныя и богатыя научныя данныя, сводъ которыхъ можетъ дать единственную полную картину какъ прошедшаго, такъ и современнаго намъ состоянія края.

В. А.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ЖИЗНЬ ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ ПО РАЗСКАЗУ СОВРЕМЕННИКА-ОЧЕВИДЦА [1]).

Оставивъ островъ Хортицу, мѣсто бывшей Запорожской Сѣчи, первой по времени, основанной въ 1554 г. княземъ Д. И. Вишневецкимъ, я направился внизъ по Днѣпру къ мѣстечку Никополю, чтобы отсюда сухимъ путемъ подняться на сѣверъ въ село Чернышевку или Красногригорьевку, екатеринославской губерніи, вторую по времени у запорожцевъ Сѣчь, основанную около 1568 года. Отъ Хортицы Чернышевка отстоитъ на разстояніи шестидесяти верстъ, отъ Никополя—на разстояніи восемнадцати. Проѣхавъ Никополь, слоб. Николаевку, село Нечаевъ, балку Княжу́, я очутился въ самой Чернышевкѣ. Село—одно изъ большихъ, имѣетъ до 5 тысячъ жителей обоего пола, одну каменную церковь, двѣ школы, волость, нѣсколько лавокъ... Я остановился въ домѣ становаго пристава Н. П. Корнилова. Первымъ моимъ дѣломъ было осмотрѣть мѣсто Сѣчи, а затѣмъ уже обратиться къ старикамъ, стоящимъ болѣе или менѣе близко ко времени запорожскихъ козаковъ. Сѣчь осмотрѣлъ я постепенно, въ теченіе трехъ дней и только тогда обратился къ старикамъ. Мнѣ указали на двухъ стариковъ: Ѳедора Степановича Заброду (онъ-же Баранцовъ) и Ивана Игнатьевича Россолоду (онъ-же Недоступъ). Изъ нихъ первый былъ въ теченіи

---

[1]) Отрывокъ изъ имѣющагося вскорѣ выйти сочиненія: «Поѣздка на Запорожье».

25 лѣтъ сторожемъ казенныхъ плавень, жилъ на самой Сѣчи (на островѣ, по-теперешнему Городище, по-козацки Томаковка) и разсказываетъ о дѣлахъ не такъ давно прошедшихъ, второй живетъ на мѣстѣ своего отца запорожца и разсказываетъ о дѣлахъ очень давно прошедшихъ. Сообщенія послѣдняго, конечно, интереснѣе сообщеній перваго. По собственнымъ разсчетамъ Россолоды, ему около 113 лѣтъ; уже двѣнадцать лѣтъ, какъ онъ не пьетъ водки и не ѣстъ мясной пищи: однѣ „пампушки" съ медомъ да мягкій хлѣбъ поддерживаютъ его бренное существо. Старикъ—довольно высокаго роста, худощавъ, держится сутуловато, имѣетъ узкую, средней величины бороду, на головѣ длинные, густые волосы, едва только посеребренные сѣдиной. Онъ чрезвычайно богомоленъ: каждый воскресный и праздничный день пѣшкомъ ходитъ въ церковь, живетъ отдѣльно отъ семьи, въ кельѣ, построенной въ саду, надъ рѣкою. Своимъ аскетическимъ образомъ жизни и глубокою религіозностью онъ внушаетъ къ себѣ со стороны всѣхъ своихъ односелянъ необыкновенное уваженіе. Дѣйствительно, старикъ имѣетъ въ себѣ какую-то неотразимую симпатію, невольно заставляетъ уважать себя. Онъ говоритъ мало, не болѣе 20 минутъ, затѣмъ устаетъ и засыпаетъ, но за то слова его звучатъ какъ гласъ какого-то ясновидца, какъ рѣчь ветхаго деньми патріарха. У Россолоды—три сына, онъ живетъ у меньшаго, выполняя по преимуществу роль няньки для своихъ маленькихъ внучатъ.

Нужно при этомъ сказать, что сообщенія Россолоды относятся собственно къ тѣмъ изъ запорожскихъ козаковъ, которые жили въ запорожскихъ степяхъ по зимовникамъ, т. е. хуторамъ и назывались у запорожцевъ, по словамъ самого-же Россолоды, *сидиями* или *гнѣздюками*. Главныя ихъ занятія были: разведеніе скота, пчелы, ловля рыбы, охота, различныя ремесла. Они имѣли право жениться, но за то трактовались какъ подданные товарищества запорожскаго, т. е. тѣхъ безженныхъ, холостыхъ козаковъ, которые жили въ Сѣчи и которые, кромѣ войны, ничего знать не хотѣли. Къ такимъ-то гнѣздюкамъ или сиднямъ запорожскимъ принадлежалъ и отецъ Россолоды, Игнатъ Недоступъ, по крайней мѣрѣ подъ старость.

Было воскресенье, когда я явился къ Россолодѣ, прямо въ садъ, въ „келію". Поздоровавшись и перекинувшись двумя-тремя словами о погодѣ, я объяснилъ о цѣли своего прихода къ нему и

тотъ часъ-же приступилъ къ разспросамъ о житьѣ-бытьѣ запорожцевъ.

— Скажи діду, ты не чувъ ничого про запорожцівъ?

— Якъ не чуть, коли мій батько та бувъ изъ самихъ тихъ запорождівъ.

— Онъ якъ!

— Такъ саме. Сперше вінъ бувъ служкою, коли чули, у Перебійніса.

— Якъ не чути? Чувъ.

— Ну, такъ отто вінъ бувъ служкою, бачивъ ту Січу, ходивъ и на війну, а потімъ зоставивъ Січь та й сівъ землянкою о тутъ саме, де й я сижу; сівъ землянкою та й женивсь, уже старенькимъ, таки годъ шестьдесятъ, мабуть, було. Довго покійникъ живъ... Найстаршимъ и найлюбійшимъ сыномъ бувъ у ёго я. Оце було якъ загуляе, заразъ: „эхъ, Ясько будешь у мене запорожець!“ Вінъ и водивъ мене по запорожськи: обрие голову, та такъ и ходишь, якъ салотовка.

— А бривъ чимъ?

— Бритвою. Гостра така була, то наче вінъ гладе, а не бреить.

— Такъ ты, діду, изъ запорожцівъ?

— Изъ запорожцівъ, и самъ трохи запорожець.

— Ну, то-жъ не чувъ ты, звідкіля вони набірались?

— Видно всюди. Вони приймали усякого: де хто съ-підъ пана утече, приймуть; де відъ батька та відъ матери біжить, приймуть; де який жінку покине, та такъ абы докотивъ до Січи, то й живе, приймають усіхъ. Прийде було до ихъ чоловікъ голый, босый, а вони ёго уберуть, якъ пана, бо у запорожцівъ тіхъ суконъ, грошей, одежи, такъ якихъ хочешъ сортівъ и скілько завгодно. Инколи такъ и дітей хапали по городамъ: примане гостинчикомъ та й ухопе.

— Ну, а зодягались запорожці добре?

— Зодягались добре, ходили браво, чепурно. Вони, бачите, головы брили: обрие голову та ще й мыломъ намаже, щобъ добре, бачъ, волосся росло, зоставляли одну тілько чуприну, довгу таку, зъ аршинъ мабуть, та чорну та кучеряву: замота за вухо разівъ два та й повісе, такъ вона й висить ажъ до самого плеча. А иншій такъ візьме та

перевьяже ту чуприну стрічкою, закруте іі на лобі та такъ и спить, а у ранці якъ роспусте, такъ вона зробиця, якъ хвістъ у вівци. То все на выхвалку. Бороды тежъ брили, одни вусы тілько були; вусы довги кохали; оце якъ нахвабрить ихъ, якъ начернить та якъ росчеше гребішкомъ, такъ хочъ вінъ и старый, а такий козакъ выйде, що хить-хить! Довгенни вусы були: иншій підниме ихъ та позаклада ажъ за вуха, такъ вони ще нижче вухъ звисають... Здоровый народъ бувъ, пикатий, та таки, якъ пообточувани. Одежа у ихъ усе на дроту, на шовковихъ шнуркахъ, та на бавити (на ватѣ); сукна тонки, усякихъ цвітівъ: було зелене, червоне, було голубе, хто якого пожела, тілько сорочка своеи рукодіи: бамаги ще тоді не знали. На голову надівали високу шапку, гостру, околиця смушева, пальцівъ три ширины, а вершокъ суконный на бавини, червоный, або зеленый, зъ золотою перепескою, а на самому вершечку ще й китиця висе. Шапки усе по курінямъ, який курінь, такий и цвітъ на шапці. Оце якъ накладати шапку, то заразъ отділе отъ чуприны пучечокъ волосся, чуприну замота за вухо, а пучечокъ напусте на передъ, та тоді вже й шапку наклада. Якъ наложивъ шапку, то вінъ уже и козакъ. Потімъ уже надівае каптанъ, червоный, зъ гудзиками на шовковихъ шнуркахъ, увесь на зборахъ: и по бокамъ и спереду, а на спині зъ усякими полосами, повималюваными та позакорлючеными; застебне той каптанъ гудзиками та ще й підъяже поясомъ, або шалевимъ, або тілько на половину перетканнимъ шовкомъ; поясъ робивсь широкий: вінъ спускався низче живота, а хватавъ ажъ підъ руки. Не такий якъ теперь, що замотують скілько тамъ разівъ на животі та ще й вузломъ завьязують, а такоі буде довжини, скілько треба, щобъ обхватити одинъ разъ живітъ чоловіка,—похожій на ті, що роблять черниці попамъ. Вінъ бувъ на гапличкахъ, зъ нряжечками, зъ ремінъчиками для пістолівъ та для люльки, съ китицями зъ заду, разнихъ цвітивъ: були зелени, жовти, голуби. Ото якъ надіне червоный каптанъ, тоді уже зверхъ ёго надіва черкеску, або жупанъ. Це вже довге таке та просторе, съ широкими рукавами, тежъ на шнуркахъ, отаке наче якъ у попа підризникъ. Черкеска на цвітъ уже голуба; каптанъ червоный, а черкеска голуба, або синя. Якъ надівъ на себе черкеску, то заразъ пристёбуе гапли-

комъ рукава до кантана, коло самои кисти, отъ воно й выходе, що коло кисти рукавъ вузенькій, а дальше, підъ мышками широкий та ще й съ проріхомъ, а здали такъ воно здаетця, що у ёго чотирі рукава: два на бокахъ, а два на спині. По тімъ рукавамъ и пізнають було, де запорожець. Отака-то вона та одежа була; добра була, усе на шнуркахъ, на гудзикахъ, на гапликахъ та на бузументахъ. Штаны простори були, суконни, усякихъ цвітівъ, а найбільшъ синего цвіту, матни въ штанахъ таки, що ажъ до земли, такъ наче волочитця що; якъ иде запорожець, такъ и слідъ за собою замітае. Штаны були на очкурахъ, а очкури або шовкови, або вовняни, зъ золотими китицями на обохъ кіньцяхъ. А носились штаны якъ есть по турецьки: холоши не за голяница закладувались, а привязували зверху саньяновою, або шовковою підвязкою, та такъ, що й сама підвязка ховалась підъ штаны: іі зовсімъ и не видно було, тілько и вздришъ срібни або золоти китици відъ неи. Якъ иде козакъ, такъ ти китици такъ и тиліпаютця изъ-підъ штанівъ. Чоботы у запорожцівъ були саньянови, червони, жовти, зелени, съ срібними або золотими підковками. Чобітъ такъ и не вбачишъ: одні ніски та закаблуки й видко; такъ вони свои штаны напускають на чоботы. Здалека наче баба въ юпці стоить. Оце вамъ и одежа запорожьска. Дорога була, та тілько не всі вони такъ гарно и обряжувались. Бувало й такъ: обрие голову запорожець, завьяже іі платкомъ, натягне на себе опончину, надіне патиночки та й ходе такъ, якъ яка звірюка.

— Добре, дідусю! А скажи теперъ, дідусю, чимъ-же занимались запорожці?

— Та чимъ занимались? Усімъ. Межъ ними були усяки сословія: шевци, кравци, ковали, ганчари, були столяри и таки майстри, що робили гарбички, возы; тоді ціхъ німецькихъ бричокъ не було, а були невелички возы, абы хлібъ перевезти; були таки, що табуны стерегли, за товаромъ (рогатымъ скотомъ) гляділи, коло отаръ стояли, ці вже и звання иміли: *чабаны,* а то таки були, що й огородину розводили: капусту, кавуны, дини, огірки, табакъ, були лікари таки, що раны залічували, відъ гадюкъ відшептували, межъ ими були и *хлопці,* що начальству та старшині запорожські прислужували. Усякихъ було. Гра-

бари були, що копали колодязи та лёхи (погреба), де яки сиділи по пасікамъ, де яки й хлібъ засівали. Земля була у ихъ вільна, обтова, степівъ не ділили: де хто оббере собі місто, де кому охота припаде, тамъ и сіда. Ты живешъ тамъ, тамъ и владій. Копай собі землянку, заводь худобину яку та й кочуй, тілько уже звись не лицаремъ, а *сиднемъ*, або *гніздюкомъ*, *гречкосіемъ*. Цей уже и женився, відъ того вінъ звався ще баболюбомъ. Худоба то ёго и богатство було. А ті, що йшли на війну, ті вже тамъ розживались. Розбивали разни города лядськи та турецьки, та тамъ забирали, що тілько знали. Найбільшъ воювали съ туркомъ та татарвою, сусідське діло: татари жили на тімъ боці (на лѣвомъ) Дніпра, а запорожці на цімъ (на правомъ), такъ ото вже частенько приходилось имъ битьця. Батько було часто розсказують [1]) про баталіи съ туркомъ. Оце якъ ускочуть запорожці у який турецький городъ, то заразъ его съ трехъ концівъ запалюють, а на четвертому постановлятця та й выжидають турківъ, та якъ біжать яки, то заразъ ихъ тутъ-же й покладають. Отакимъ маніромъ якъ перебьють мужиківъ, тоді вже по хатамъ за жінокъ та за дітей. Ускоче який у хату, та заразъ глядить у пічъ, чи нема тамъ паляниць. Якъ е, то понастромля ихъ на ратище, повитяга та въ міхъ. Потімъ бере добро, яке есть, а далі вже беретця за жінокъ та за дітей. Дітей поставе до стіны у рядъ, придаве ихъ лавою підъ горло, такъ вони одъ разу и подушутця. Отакъ витворяли запорожці съ турками, а найлучше зъ ляхами. У лядську землю якъ ускочуть, то першъ усего луплють жидівъ, а потімъ уже берутця за панівъ, а народа не трогають. Нападуть на якого пана, то заразъ допрошують, де гроши. Гляди, вінъ не піддаетця, тоді: „а ну, хлопці, надіньте на ёго червону шапку!“ Це-бъ то: а знімить зъ ёго головы кожу! То хлопці такъ якъ пить дадуть, облуплять ёму голову. А якъ и тоди не піддаетця, то вже отаманъ кричить: „нуте ще червони чоботы ёму!“ Це вже, підшкварьте ёму ноги, або знімить зъ ихъ кожу! Живо й чоботы ёму дадуть. Тоді вже панъ признаетця, де й гроши, де й що друге.

---

[1]) Объ отцѣ и матери малороссы, даже заглазно, говорятъ во множественномъ числѣ.

Здорови були вояки. Батько старымъ уже були, а якъ почнуть розсказувати про запорожську удаль, про те, якъ вони били татаръ та турокъ, та якъ и ихъ кришили турки, та якъ скинуть сорочку та покажуть своє тіло, такъ воно усе якъ те решето побито кулями, а мнякіть на ногахъ, такъ такъ и тіліпаітця. Таки-то ті запорожці.

— Не вже жъ, діду, запорожци усе воювали та воювали и не було имъ спочину?

— Якъ не було? Бувъ и имъ спочинъ Вони оце бьють—бьють ляхивъ, або туркивъ, а потимъ якъ приідуть на Січь та якъ загуляють, такъ неділи дві, або три купражуть. Горілка була дешева, такъ вони ту горілку, медъ, пиво, якъ воду тягнуть; танцюють, музыки водять, у карты грають. А якъ полягають коло куринівъ, то попихують изъ люлекъ, балакають міжъ собою та радятця, звидкиля знову заходити на турківъ.

— Такъ вони и люльки курили, кажешъ?

— А якъ же? Це саме перше діло було у запорожцівъ. А же жъ вы чули про того отамана, що балакають, якъ принесли ему паску на Великъ-день, а вінъ замість того, щобъ розгівлятьця и каже козакамъ: „нехай, хлопци, паска постое, а мы перше люльки потягнемъ“—ото жъ воно саме у запорожцівъ и було: люлька у ихъ саме перша подруга. У запорожцівъ отъ ще що водилось: окрімъ того, що кождый козакъ имівъ собі люльку, а то ще й у кожному куріні була обчеська, велика люлька, повыцяцькувана бляхами, намистами, выбита гвіздками [1]).

— Кажешъ, діду, що запорожци и музыки водили?

— Водили.

— На чімъ же вони грали?

— На всякій усячині: на ваганахъ (лотки), на рилляхъ, на басахъ, на цимбалахъ, на сопилкахъ, на свистунахъ, на кобзахъ, на чімъ попало, на тімъ и грають. Оце якъ заграють, скілько тамъ е музикантівъ тіхъ, такъ ажъ сама земля танцюе.

---

[1]) Одну изъ такихъ трубокъ мнѣ удалось найти въ селѣ Покровскомъ екатеринославскаго уѣзда, гдѣ была послѣдняя по времени запорожская Сѣчь. Трубка имѣетъ больше четверти длины и около четверти толщины.

— Ну, а сами запорожци добре танцювали?

— О, танцювали уже такъ, що противъ нихъ нихто на світі такъ не вытанцюе. Увесь день музыканты не вгамують ихъ.

— Ты сказавъ, діду, що запорожци грали на кобзахъ,—що це воно таке?

— Це отъ що: кожа зъ ягнати надута, а въ кожу уставленъ пищикъ зъ дирочками; якъ хочешь грати, то бери кожу підъ ліву руку, а пищикъ у ротъ, тоди рукою придавлюй кожу, а пальцями перебирай по дирочкамъ, отъ вона тобі и гратиме, ото воно тобі й кобза.

— Розскажи жъ теперь, дінуню, яки були у запорожцивъ постройки, у чімъ вони жили, чи були у ихъ кріпости.

— Кріпости? Січь—ото у ихъ саме кріпость: коло неи були окопы, валы, а въ середині дзвіниця була така, що въ неи и пушки ставлялись. Ото и всі кріпости, а більшъ не чувъ, щобъ робили. А жили вони скрізь по степахъ, кущами, въ землянкахъ, або по ихнему *бурдюгахъ*, такъ чоловікъ по пьятнадцять, двадцять, а то й меньшъ. У Січі такъ тамъ усе по курінямъ, по скілько тамъ сотъ чоловікъ, та й куріни були велики, ставлялись курінь до куріня причілкомъ, а въ нихъ були стовбы и сволоки, а тутъ такъ просто усе було: одни двери та одно віконце, маненьке та таке якъ тарілочка кругле, а то й зовсімъ безъ вікна. Оце выкопа яму, обставе ii, чимъ тамъ попало, обліпе, обмаже, поставе мечеть (хлібъ пекти), зробе кабицю (страву варити) та й живе. Димарівъ тоді не було. Зимою якъ роспале камінь, такъ вінъ ажъ горить: уже холодно не буде. Де у якихъ землянкахъ було и вбранство: по стінамъ висіло оружжа всяке, а на покуті стояли образы, усе розмалевани, підъ золотомъ; по підъ стінами ставляли лавки, ослончичики, щобъ було де сісти. Землянокъ запорожци николи не замыкали, якъ ідуть куди, або йдуть, то такъ и кидають ихъ; нихто ничого не зачепе. У ихъ такъ, що хто хочъ, той и заходь у землянку, якъ хочешь їсти, розводь огонь, бери казанъ, вари страву, яка тамъ зоставлена, іжъ, пий, спочивай,—запрету не було. А приіде хазяинъ, такъ ще й радъ гостеви, бо то тілько й родина ему на широкімъ степу, вінъ ему радъ, вінъ его и привтиае. Теперь увійдешъ у хату, такъ вона красить вуглами, а не красить пирогами, а тогді не такъ: уся-

кого нагодують. Хозяинъ иде куди, такъ ще й зоставля страву для прохожаго. Хто хочъ, заходь. Та й заходять було; наідятця, напьютця дурнички, тілько шо зроблять хрестъ та поставлять его середъ землянки, це, значить, були гости и дякують хозяина.

— Добре, діду. А шо жъ іли запорожци?

— Іли рыбу, мясне іли, овощу, іли усячину, голодомъ себе не морили; бьють звірья, рыбу ловлять: поставлять ятері, запустять невідъ, отъ имъ имъ и есть на обідъ, та на цілый курінь, бо рыбы скрізь багацько було... Іли ласо, усячину потрібляли, тілько шо хліба печеного мало було: за все тетеря одвіча. Якъ шо, такъ заразъ за тетерю... Це тісто таке, тільке ріденьке, розведене водою. Спершу воно кисне у нихъ, кисне довго, а потімъ якъ уже загусне, то тоди вже можно его и потрібляти. Якъ захотівъ істи запорожець, то заразъ казанъ на кабицю, у казанъ воды, у воду тетери, а въ тетерю, якъ схоче, трохи пшона та й варе; наваривъ, бере ложку и ість. А якъ схоче якій до тетери ще рыбки, то заразъ на каюкъ,—а каюки у всякого були, таки жъ якъ и теперь,—до річки, наловивъ собі, чи удкою, чи ятеремъ рыби, раківъ, до куріня, заразъ у казанъ та й варе... Страву любили запивати горілкою, настойкою... Горілка завсігда була готова у ихъ: поідуть у городъ, наберуть ціли бочки та й понавозять до дому; а то й дома робили настойки, тілько бочки изъ городівъ привозили; у ихъ були и пивоварни, свое пиво було, вони уміли и ситу зъ медомъ робити; а то ще лучше—варена, це вже робилось изъ озюму, инжирю (винныя ягоды), винограду, усе сушене, наливалось горілкою та й парилось на огні; а то було таке, якъ начебъ то чай: то вже настій изъ травы комлицькои (калмыцкая) та овечого молока; до него давався ще й хлібъ, намазаный масломъ.

— Изъ чого жъ, діду, іли запорожци?

— Іли більшъ изъ корытъ, бо мисокъ не любили: блощицями, каже воняють. Черепья того тежъ не любили: посудъ бувъ усе мідный або чавунный: казаны, кострюльки,—ото ихъ саме, а черепки брали у турецині, вони въ нихъ гроши та всяке добро ховали, сковородою накрые, або залізячкою якою небудь та й закопа у землю. Були у запорожцивъ коряки, більшъ верґови, добре выструганы, таки, що ажъ ви-

лискуютця, були ложки, деревьяни и таки, якъ теперь у ванівъ, були баклаги, штопы.

— Ну, роскажи теперь мені, дідуню, яке було у запорожцивъ оружіе?

— Оружжа було добре, та все убрано въ серебро та въ золото: пушокъ мало; на що имъ пушки, якъ у ихъ кулаки добри? Більшъ усе пистоли та ратища; ратища довги та гостри, якъ огонь, а пистоли коротеньки, такъ мабуть дві четверти, за те дирки у ихъ велики. Пистоли вішались на поясі, по два на каждому боці; тамъ же коло пояса у ланцюжці висіла и шабля у запорожця... Пистоли заряжувались кулями; кули були оливьяни (свинцовыя) и чавунни, оливьяни таки якъ горобьячи яйця, а чавунни побільше. Оце все оружжа и въ мене самого було: була шабля, пистоли, були й кули. Шабля такъ уся срібна була, а ручка до неи золота, зъ золотыми китицями; шабля вся закривляна та гостра—гостра якъ бритва. И въ пистоли ручка була золота... У нихъ скрізь коли не золото такъ серебро: вудели, сідла, стремена—усе воно було дороге. Якъ обряде було коня, такъ вінъ такъ и сяе. Було у мене все: и одежа, и оружжа, и зброя, та я на своемъ віку тричи горівъ, та богато погоріло, а то були таки, що й пороскрадали.

— А де жъ це вони брали таку дорогу зброю?

— Та де? То отбивали у ляхивъ та турківъ, а то й купували.

— А за що купували?

— За те, за що й мы купуемо, за гроши. У ихъ грошей багато та все золоти; були, правда, срібни и мідни, а більшъ золоти; бумажокъ такъ зовсімъ не було... Такъ якъ и въ насъ, такъ и въ ихъ, були карбованци, полтынники, копійки, тілько шо въ ихъ були и руськи и турецьки, турецьки звались *парчками*. Усяки гроши треба було заводити: сегодня запорожець торгуетця зъ москалемъ, треба московьскі гроши; завтра зъ ляхомъ, треба лядцьки, а тамъ съ туркомъ, треба турецьки,— усяки гроши требувались ему... Турецьки гроши були більшъ срібни, тонесеньки таки, якъ зъ рыбы луска, лядцьки більшъ золоти, а руськи—такъ уже самый міднякъ. Якъ покидали запорожци Січь, такъ несли съ собою й гроши; яки закопували въ землю свою

казну, по приgметахъ (по примѣтахъ), а яки клали въ боченки та на залізнихъ ценахъ спускали у воду.

— Добре, діду. Теперь отъ що скажи мені: яке було начальство у запорожцівъ?

— Начальство отъ яке: коновый, осаула, писарь та отаманы (куренные). Ото й начальство. Вони сами собі паны, сами цари и хрестяне... Выбирали всіхъ гуртомъ сами изъ себе; якъ выберуть конового, такъ вінъ и командуе. Якъ добрый вояка, то й обирають и почитають, якъ батька діти, надівають на него шлемъ. Усіхъ поважають, ажъ поки сподобляютця имъ... Якъ хто кого обіде, то жалуватьця йдуть уже до конового. Оце прійдуть позиватись, скілько тамъ ихъ есть чоловіка, то вінъ заразъ лагодить, щобъ помирились: „попрощайтесь, каже, козаки, а то гріхъ тяжьбу заводити". То яки богобоязни та слухьяни, то заразъ и послухаютця: куплять горілки, выпьють її та й помирятця. А яки невгомонни, то ти вже одъ разу и не послухають, тоди вже суде ихъ самъ коновый: прикаже тамъ чи деньгами заплатити, чи, може, и наказати. А наказували тілько одними розками: одсічуть лозинами, та й годи. Хиба вже воръ, або измінникъ, то тоді вже выйме пистоль, бацне въ груди, отъ тобі й капутъ... Конового уже всі слухались: и ті, що въ Січі, та й ті, що по степахъ у землянкахъ живуть. Оце якъ війна, то уже вінъ скрізь розсыла пісьма по-міжъ козаками, — де хто е, щобъ ишли воювать. Забіжить и въ бурдюгъ розсыльный відъ конового: „отакъ-то й такъ, идить, каже, або тамъ на совітъ, або на війну, такій-то и такій городъ брати". То вже и йдуть, нихто не може одказувати.

— Скажи-жъ теперъ, діду, здоровый народъ бувъ запорожці?

— Народъ середній бувъ, тілько що кріпкий, хвабрый; теперъ якъ девьяносто літъ проживъ, такъ не баче и стежки передъ собою, а тоді сто годъ — оце саме вікъ. На війну йде зъ радістю, ажъ сміетця; бравый народъ бувъ та веселый. Оце якъ провоювали, такъ и пісню зложили, не такъ якъ теперъ; теперъ ось воювали турка, то-жъ ни одніи пісни нема про ту війну. А тоди, чи побьютця съ туркомъ, чи пошарпають ляха, то заразъ и зложать про все те пісню... Хвабрый народъ: на війні кули ажъ свистять, а ёму й байдуже.

— А правда цёму, діду, що нибы міжъ запорожцями були якись-то характерники, таки, що ихъ ни куля не бере, ни шабля?

— Ні, це такъ тілько одна балачка, вони жили по Божому, не знали вони ни якихъ чаръ, вони все одно, що ченци: жінокъ не займали, молились Богу, хороше молились: знали „Отче нашу“ и „Вірую“, на війну йшли, такъ дуже молились... У ихъ були и школы: тамъ усяки грамотіи, півчіська содержувалась, така що въ церкві співала. У церкву запорожці рідко ходили, бо була далеко, а все-жъ вони богобоязьки були; вони й посты блюли, говіли, при старости літъ такъ и въ ченци йшли. А якъ приідуть було у Пітінбурхъ до царици, то заразъ по церквамъ... Духовнихъ поважали, награждали усячиною.

— А де-жъ ихъ духовенство жило?

— Та жило въ Січі, жило въ манастырі, а по землянкахъ уже, звісно, ёго не було. Тамъ якъ умре козакъ, то вже запорожці сами ёго ховають, а священника привозили уже на-впослі.

— А де-жъ вони ховали своихъ покійникивъ?

— Якъ умиравъ на Січі козакъ, то тамъ було особе кладовище, тамъ и ховали, а якъ де на зимовнику, то ховали прямо на степу, надъ річкою, тамъ, чи въ бальці; де живе, тамъ и ховають. А ховали при всімъ козацькімъ убранстві: у шапці, въ каптані, у черкесці, у сапьяньцахъ, у труну ставили штопъ горілки, клали люльку. А труны робились изъ соснини, дубини, вербини; на могилі ставляли хресты камьяни: хресты робили каждый собі за живота.

— Ну скажи-жъ, діду, багато було усіхъ запорожцівъ!

— Разно було, а саме більше, такъ сказать, тысячъ сорокъ. Привілля велике було, треба було и людей багацько.

— А велике було привілля?

— Привілля такъ уже привілля! Теперъ такого нема. Бжолы́ теи, такъ батечки мои! Тоді усяки цвіты цвіли, травы великі були, бо цееи пòгани—ховрашківъ та гусениці, що теперь плодитця, тоді и не чути було; такъ древа, травы, звірья и не пройдешъ. Медъ и по пасікамъ, и по землянкамъ, такъ и стоить у липовникахъ. Скілько хочешь, стілько й бери. А звіру ще більша сила: вовківъ, лисъ, чокалківъ (той-же вовкъ, тілько злійшій надъ вовка), такъ ціла біда; дикі коні

табунами ходили, мишасти та товсти таки, невелички—косяківъ три, чотирі, такъ и ходють. Оце якъ іде запорожець кобылою, то вже бережись, а то одібьють. Выскоче дикий жеребецъ та й загоне геть, тоді вже й не найдешь, хочъ увесь день шукай. Було й птиці вдовіль: качокъ, лебедівъ, дрохвівъ, охитвы такъ—хо-хо-хо!.. Стрепетівъ сільцями ловили, а лебеди було якъ заведутця битьця, та якъ піднимуть крикъ, такъ батько выскочуть изъ землянки та давай стріляти ихъ изъ пистоля, щобъ порозгонить. Трава така, якъ лісъ стоить; якъ запалишь, такъ вона горить неділь дві, або три. Та все періі, а не то що щириця, або лобода. Теперь такихъ и близько нема, а тоді стілько іі було, то Боже мій! Оце де теперь Чернышівка, не однісенькоі хати не було, усе батькове привілля, а теперь де той и народъ набрався... Очамъ своимъ не вірю... За тежъ и кони водились тутъ, вівці, такъ на диво. Та все то по волі паслось, хиба тілько коло отаръ и були чабаньці.., Зимы тоді були теплійши, якъ теперь, це вже до насъ руські своими лаптями попаносили холоду, а тоді зімы теси не дуже чутно було, такъ уся худоба такъ и ходе собі по степу, зіму й літо; сіна не запасали, хиба тілько для тихъ коней, що підъ верхомъ ходили... Батечки мои, де воно те й ділось?!.

— А де ділись сами запорожці, діду?

— Де ділись? Зійшли геть.

— Чого такъ?

— Не помирились, бачьте, съ Катериною, такъ вона й попрогонила ихъ відціль... Яки пішли підъ турка, а яки тутъ позоставались проміжъ людьми; тоді и мій батько зостався тутъ. Першъ, якъ ще запорожцівъ не выгонили, такъ тутъ сама цариця пробігала, оглядала місця,—тутъ на Камьянці и мили стояли, де вона бігла, а потімъ уже приіхавъ до нихъ Потёмка, выглядівъ усю справу та й зігнавъ ихъ геть.

— Далеко зігнавъ?

— Підъ турка жъ. Довго вони жили тамъ десь, ажъ поки не обрали кошовымъ Гладкого; такъ той уже перевівъ ихъ знову сюда. Коли чули, есть Черноморьски козаки, такъ то запорожскаго званія... Те та не те"!..

Вотъ тотъ небольшой, но весьма цѣнный разсказъ о жизни запорожскихъ козаковъ, который сообщилъ мнѣ Иванъ Игнатовичъ Россолода. Въ заключеніе я осмотрѣлъ мѣсто бывшей землянки отца Россолоды. Землянка находится въ огородѣ меньшаго сына его, Ивана; она имѣетъ длины 8 аршинъ и ширины 4, похожа была скорѣе на монашескій скитъ, около нея росла „вербина", недавно только срубленная Иваномъ Россолодою. „Уж ся ёго пополаявъ за ту вербину... Воно бувъ поставляный коло землянки стовпъ вербовый, та той стовпъ принявся, та й выросла изъ ёго вербина, а вінъ (сынъ) візьми та й зрубай"... У Ивана Игнатовича отъ отца оставался еще „мшаникъ", погребъ для пчелъ, но онъ очень давно завалился; теперь отъ него осталась одна только яма, въ огородѣ средняго сына Россолоды, Самойла.

Д. Зварницкій.

Харьковъ.

КЪ ИСТОРІИ ЮЖНО-РУССКИХЪ СВАДЕБНЫХЪ ОБЫЧАЕВЪ.

Полная драматизма, богатая поэтическими пѣснями южнорусская свадьба давно уже обратила на себя вниманіе этнографовъ. Описаніе украинскихъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ было составлено Калиновскимъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда въ русскомъ обществѣ и литературѣ не было ни малѣйшаго интереса къ словесному поэтическому творчеству простаго народа. Крошечная брошюра Калиновскаго представляетъ довольно полную и вѣрную картину украинскаго „весилья" сто лѣтъ назадъ. Изъ книги Калиновскаго видно, что крестьянская малорусская свадьба во второй половинѣ XVIII вѣка справлялась торжественно, пышно, съ тѣми-же религіозно-миѳическими пѣснями и обрядами, которые и въ настоящее время составляютъ необходимую принадлежность украинскаго „весилья".

Изслѣдователь украинскаго свадебнаго ритуала не находитъ почти никакихъ письменныхъ, документальныхъ указаній о малорусской свадьбѣ болѣе древняго времени. Напрасно онъ перелистываетъ объемистыя сочиненія кіевскихъ ученыхъ и писателей конца XVII вѣка. Онъ находитъ въ нихъ лишь сухія наставленія

о святости брака, о супружеской вѣрности и т. п. Свѣтлый геній жизни оставилъ кіевскихъ ученыхъ второй половины XVII вѣка. Отъ твореній Барановича, Гизеля, Галятовскаго, Радивиловскаго несетъ мертвымъ схоластическимъ духомъ.

На рубежѣ двухъ половинъ XVII столѣтія стоитъ „Лиѳосъ, або камень, брошеный съ пращи правды православной церкви" (1644 г.), полемическое сочиненіе Евсевія Пимина (Петра Могилы), направленное противъ „Перспективы" Кассьяна Саковича. „Въ „Лиѳосѣ" говорится о таинствахъ православной церкви, объ исхожденіи св. Духа, о римскомъ ученіи о главенствѣ папы и т. п. религіозныхъ и церковныхъ предметахъ, волновавшихъ умы южнорусскихъ людей двѣсти лѣтъ назадъ, говорится безъ схоластическихъ ухищреній, безъ риторическихъ словоизверженій и прикрасъ, довольно просто, ясно и, главное, съ ссылками и указаніями на современные церковные и бытовые порядки или, точнѣе, безпорядки. Эти указанія для историка южно-русской церкви, равно какъ для историка южно-русскаго быта представляютъ большой интересъ. И тотъ, и другой найдутъ въ „Лиѳосѣ" драгоцѣнные факты, ярко обрисовывающіе умственное и нравственное состояніе южно-русскаго общества въ первой половинѣ XVII вѣка. Читатель Лиѳоса знакомится съ старинной южно-русской религіозной полемикой въ наиболѣе рѣзкомъ ея видѣ, узнаетъ главные пункты религіозно-церковной борьбы православныхъ съ латино-уніатами, узнаетъ, кромѣ того, любопытныя подробности о церковной утвари, часто весьма бѣдной, объ иконахъ плохаго письма, о торжественныхъ постригахъ младенца, о нравахъ духовныхъ лицъ, объ обычаѣ колядованія.

Небольшой отдѣлъ Лиѳоса о бракѣ (164—170 стран.) заключаетъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ указаній на южно-русскіе свадебные обычаи первой половины XVII в.

Кассьянъ Саковичъ въ „Перспективѣ" говоритъ, что у православныхъ не бываетъ въ церкви оглашенія брака. Евсевій Пиминъ считаетъ достаточнымъ, что священникъ на заручинахъ дѣлаетъ опросъ, не состоятъ-ли вступающіе въ бракъ въ кровномъ или духовномъ родствѣ. При этомъ Пиминъ замѣчаетъ, что заручины совершаются „ceremonialiter", съ особенными молитвами, съ обмѣномъ перстнями. Какъ извѣстно, заручины, или руковины и въ на-

стоящее время въ Малороссіи совершаются торжественно въ домѣ невѣсты, въ присутствіи жениха и сватовъ. Перевязываютъ рушниками молодого, его отца и старостъ и благословляютъ молодыхъ хлѣбомъ. Въ настоящее время, сколько намъ извѣстно, не приглашаютъ священника на заручины и молитвъ не читаютъ.

Саковичъ замѣчаетъ, что православные священники часто вѣнчаютъ въ ночное время похищенныхъ дѣвицъ, причемъ и сами бываютъ пьяны и пьяныхъ вѣнчаютъ. Похищеніе это, нужно думать, было довольно обыкновеннымъ въ старину уводомъ дѣвушки, большею частью по предварительному съ нею соглашенію, какой уводъ практиковался еще въ недавнее время въ тѣхъ дворянскихъ семействахъ, гдѣ господствовалъ родительскій произволъ, не признававшій за дочерью-дѣвушкой права свободнаго выбора мужа, произволъ, сталкивавшійся съ жениховскимъ молодечествомъ, ломавшимъ искусственныя преграды, полагаемыя родительской властью для бракосочетанія. Евсевій Пиминъ не отрицаетъ того, что вѣнчанія похищенныхъ дѣвицъ бывали. Онъ только относитъ эти вѣнчанія къ тому времени, когда православная церковь не имѣла своего митрополита и епископовъ, т. е. до Іова Борецкаго (избранъ кіевскій митрополитъ въ 1620 г.). Такимъ образомъ, виновной въ этомъ церковно-общественномъ настроеніи является унія. Затѣмъ, Евсевій Пиминъ говоритъ, что священникъ по неволѣ вѣнчаетъ похищенныхъ дѣвицъ, когда къ нему обращаются со словами: „albo szlub daj, popie, alboc w łeb strzele“. Если панъ былъ заинтересованъ въ совершеніи бракосочетанія подчиненнаго ему лица съ похищенной дѣвицей, то угрожалъ священнику палками или сажалъ его въ тюрьму, съ цѣлью принудить его совершить бракосочетаніе.

Саковичъ обвиняетъ православныхъ священниковъ въ томъ, что они вѣнчаютъ родственниковъ, вѣнчаютъ также мужчинъ женатыхъ и замужнихъ женщинъ. Пиминъ или отрицаетъ справедливость обвиненія, или считаетъ его несвоевременнымъ, вызваннымъ такими случаями, которые имѣли мѣсто въ то время, когда у православныхъ не было духовныхъ пастырей.

По словамъ Саковича, православныхъ дѣвицъ вѣнчаютъ иначе, чѣмъ вдовъ. Пиминъ говоритъ, что разница состоитъ только въ нѣкоторыхъ молитвахъ, причемъ сущность таинства не измѣняется. И въ настоящее время свадьба дѣвицы значительно отличается по

пѣснямъ и обрядамъ отъ свадьбы вдовы. Можно думать, что особенности свадебнаго ритуала въ данномъ случаѣ вліяли въ старину на обрядъ вѣнчанія дѣвицы и вдовы.

Саковичъ говоритъ, что священникъ, обводя бракосочетающихся вокругъ аналоя, во время пѣнія „Святые мученики и проч.", вторилъ пѣвчимъ и шелъ въ припрыжку, какъ-бы плясалъ. Кромѣ того, по замѣчанію Саковича, молодымъ подстригали волоса. Пиминъ отвергаетъ эти обвиненія, какъ вымыселъ и клевету. Послѣднее обвиненіе Саковича нельзя назвать безъосновательнымъ. Посвященіе волосъ молодыхъ богамъ встрѣчается у разныхъ народовъ земнаго шара, встрѣчалось и на Украйнѣ. Обыкновеніе отрѣзывать косу невѣстѣ, имѣвшее нѣкогда значеніе посвященія невѣсты богамъ, распространено въ Сербіи, Польшѣ, встрѣчается на Волыни и у гуцуловъ. Впрочемъ, полное отрѣзываніе косы въ славянскомъ мірѣ встрѣчается рѣдко. Обычно частичное отрѣзываніе, сопровождаемое въ иныхъ мѣстностяхъ продѣваніемъ пучка волосъ въ кольца и прижиганіемъ ихъ свѣчей. Въ Великороссіи и Малороссіи обрѣзываніе или подрѣзываніе косы невѣсты почти повсемѣстно замѣнено простымъ обрядовымъ расчесываніемъ.

На 307 страницѣ Лиѳоса находится довольно любопытное замѣчаніе, что на свадьбахъ по окончаніи обѣда одинъ изъ сидящихъ за столомъ начиналъ пѣть и благодарить хозяина и хозяйку за обѣдъ, а другіе въ-слѣдъ за нимъ повторяли. Обыкновеніе это общеславянское. Оно сохранилось до настоящаго времени у сербовъ, поляковъ, великоруссовъ, малоруссовъ и особенно у бѣлоруссовъ.

Саковичъ говоритъ, что православные епископы разрѣшали разводъ по самому пустому поводу, взявъ съ просителя о разводѣ 100 или 200 злотыхъ. Пиминъ считаетъ это обвиненіе неосновательнымъ. Онъ указываетъ на какой-то разводъ супруговъ изъ знатныхъ католиковъ, совершившійся на Волыни и, должно быть, въ свое время надѣлавшій много шума. Разводъ совершился по пустому поводу, и Пиминъ упрекаетъ Саковича, что онъ умолчалъ объ этомъ разводѣ.

Любопытно замѣчаніе Саковича, что не только православные крестьяне, но и священники позволяли себѣ мѣняться женами. Пиминъ находитъ это обвиненіе неосновательнымъ. При этомъ Пиминъ, по своему обыкновенію, зло издѣвается не только надъ

личностью своего одноухаго противника, другое ухо котораго будтобы свиньи съѣли, но зацѣпаетъ и его родителя. Такъ, въ отвѣтъ на слова Саковича, что православные священники мѣняются женами, Пиминъ замѣчаетъ: „chyba ty swojim ojcem probować będziesz“. Отецъ окатоличившагося К. Саковича, какъ извѣстно, былъ православный священникъ.

Вообще, замѣчанія Евсевія Пимина объ украинскихъ свадебныхъ обрядахъ немногочисленны. Одни замѣчанія относятся собственно къ церковному чину вѣнчанія, другія къ простонароднымъ обрядамъ. Повидимому, въ первой половинѣ XVII вѣка въ Малороссіи въ чинѣ вѣнчанія попадались мѣстныя своеобразныя особенности, происшедшія отъ двухъ причинъ. Во первыхъ, отъ невѣжества духовенства, того „грубьянства, на которое жаловался еще князь К. К. Острожскій въ 1593 г. въ посланіи къ Ипатію Потѣю и которое особенно ясно обнаружилось на кіевскомъ соборѣ 1640 года. Созывая соборъ, Петръ Могила писалъ: „наша церковь, оставаясь ненарушимою въ догматахъ вѣры, сильно искажена въ томъ, что касается обычаевъ, молитвъ и благочестиваго житія“. Во вторыхъ, главнымъ образомъ отъ вторженія въ религіозно-церковную сферу простонародныхъ повѣрьевъ и обрядовъ. Въ XVII вѣкѣ народная жизнь била ключемъ, отличалась необыкновенной внутренней силой. Это было время могучаго народнаго духовнаго творчества, выразившагося въ созданіи превосходнаго цикла пѣсенъ о борьбѣ малоруссовъ съ поляками, въ созданіи и развитіи братствъ, шпиталей, острожской и кіевской науки. Бурный потокъ народной жизни увлекалъ священно и церковно служителей, ставилъ ихъ, даже противъ ихъ воли и желанія, на крестьянскую точку зрѣнія на церковныя дѣла и общественныя отношенія, вносилъ въ религіозно-церковную сферу чисто народные элементы, какъ собственно украинскіе, такъ и сохранившіеся на украинской почвѣ элементы старославянскіе, языческіе.

Н. Сумцовъ.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПОВѢРІЙ О ЧОРТѢ.

Всѣмъ извѣстно, что малороссы глубоко вѣрятъ въ чорта, а также и въ то, что его можно видѣть лицемъ къ лицу, нужно

только знать способы вызвать его на этотъ свѣтъ. Одинъ изъ такихъ способовъ былъ сообщенъ намъ крестьяниномъ Н.....ъ. Вотъ въ чемъ состоитъ онъ. Необходимо достать черную кошку и спрятать ее въ мѣшокъ, предварительно глухо на глухо завязавъ его, чтобы его можно было развязать только послѣ нѣкоторыхъ усилій и потери времени. Съ такимъ мѣшкомъ нужно выйти на перекрестокъ. Черезъ нѣсколько времени къ дѣлающему опытъ подойдетъ человѣкъ, котораго нельзя съ виду отличить отъ простого человѣка. Онъ спроситъ, за сколько продается товаръ. Цѣну можно назначать, какую угодно: чортъ не поскупится. Послѣ того какъ деньги будутъ получены и мѣшокъ переданъ чорту, нужно со всѣхъ ногъ бѣжать домой, пока чортъ не развяжетъ мѣшка, потому что если онъ увидитъ черную кошку, то непремѣнно погонится за продавцемъ и догнавъ убьетъ кошкою.

Но если продавецъ достигнетъ своей избы, дѣло чорта проиграно: онъ долженъ ни съ чѣмъ возвращаться во свояси.

Таковъ общихъ чертахъ разсказъ, переданный мнѣ крестьяниномъ Н.....ъ.

Я полюбопытствовалъ спросить, не дѣлалъ-ли кто-нибудь изъ крестьянъ опыта, и получилъ утвердительный отвѣтъ.

— Когда-то (началъ Н.) вышелъ на перекрестокъ одинъ изъ моихъ сосѣдей, съ мѣшкомъ, а въ томъ мѣшкѣ была черная кошка.— „Оце й підходить къ ему якійсь чоловікъ... Що, каже, продаешь?— Продаю, каже сосідъ.—Кілько куштуе?—10 корбованцівъ“. Вотъ чортъ далъ ему деньги, а самъ принялся развязывать мѣшокъ. Сосѣдъ между тѣмъ улепетываетъ на чемъ свѣтъ стоитъ. На бѣду его мѣшокъ былъ завязанъ не крѣпко. Не успѣлъ сосѣдъ пробѣжать и половины пути, какъ чортъ увидѣлъ черную кошку и пустился догонять сосѣда. Оборотился сосѣдъ... видитъ дѣло плохо: за нимъ, какъ вѣтеръ. летитъ чортъ, а до избы еще довольно далеко... Онъ прибавилъ шагу. Изба все ближе и ближе, но и чортъ несется по пятамъ. Точно вихорь влетѣлъ сосѣдъ въ избу и только что за нимъ захлопнулась дверь, какъ чортъ со всего размаха хватилъ по ней черною кошкою: чуть не сорвалъ съ петель... А сосѣдъ цѣлый день стоялъ на одномъ мѣстѣ и трясся, какъ въ лихорадкѣ.—„Оце его й досі трусить“, заключилъ разскащикъ.

— А съ грішьми що зробилось? спросилъ я.

— Або то були гроши? Такъ собі щось такее...

30 августа 1883 года.

Александръ Ом—скій.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый государь!

Второй разъ я встрѣчаю въ вашемъ почтенномъ журналѣ заявленіе г. А. Титова о томъ, что бумаги покойнаго профессора московскаго университета, Осипа Максимовича Бодянскаго, достались ему *всѣ безъ исключенія.*

Очень радъ, что по крайней мѣрѣ вашъ журналъ не забываетъ этого первоучителя нашего по славянству и такъ-ли-иначе поминаетъ еще честное имя достойнаго труженика и учителя нашего. Но, какъ ученикъ и другъ покойнаго, я не желалъ-бы допускать какого нибудь недоразумѣнія касательно всего относящагося къ Осипу Максимовичу; поэтому считаю долгомъ разсѣять и то недоразумѣніе, въ которое кѣмъ-то введенъ г. А. Титовъ.

Вамъ, конечно, извѣстно о погибели дорогой библіотеки О. М. Бодянскаго.

Я цѣнилъ ее дорого и не осмѣливался мечтать о пріобрѣтеніи ея, послѣ его смерти, полагая, что ни университетъ, въ которомъ 30 лѣтъ трудился ученый, ни Общество Исторіи и Древностей россійскихъ, всѣмъ обязанное его неутомимой дѣятельности, ни министерство народнаго просвѣщенія, не допустятъ, что-бы эта замѣчательная библіотека пріобѣтена была въ частныя руки.

Оказалось на дѣлѣ, что я былъ до смѣшнаго наивенъ.

Университетъ и Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ ограничились тѣмъ, что поспѣшили только выбрать изъ библіотеки книги и рукописи, принадлежавшія имъ, и сдѣлали представленіе о пріобрѣтеніи библіотеки, совершивъ оцѣнку ея крайне скудно, т. е. отнеслись къ дѣлу только формальнымъ образомъ: души заботящейся объ этомъ сокровищѣ, руководящей дѣломъ, не нашлось въ Москвѣ. Переговариваться о библіотекѣ съ неразвитой и не въ мѣру подозрительной наслѣдницею О. М. Бодянскаго не было ни у

кого охоты. Близкіе люди покойнаго поторопились, конечно, перехватить то-другое изъ попавшаго имъ на глаза...

Мнѣ пришлось узнать о невниманіи къ библіотекѣ Бодянскаго со стороны близкихъ ему общественныхъ учрежденій только тогда, когда библіотека была продана букинисту (на толкучій, что называется, рынокъ) за 3,000 руб. Букинистъ распродалъ ее въ розницу на сумму около 30,000 руб; университетъ-же оцѣнилъ ее всего въ 12 тысячъ, или около того, а Министерство Народнаго Просвѣщеніе, вслѣдствіе-ли жестокой вражды противъ Бодянскаго со стороны тайнаго совѣтчика и секретнаго руководителя тогдашняго министерства, или вслѣдствіе иныхъ причинъ, затруднялось распорядиться даже такою суммою на пріобрѣтѣніе библіотеки профессора Бодянскаго.

На толкучкѣ, у Троицы въ поляхъ, въ палаткахъ букиниста, люди, знавшіе составъ древнихъ рукописей библіотеки Бодянскаго, какъ напримѣръ, ректоръ г. Тихонравовъ, тотчасъ выкупили все существенно важное.

Вмѣстѣ съ книгами попала къ букинисту и часть бумагъ, находившихся въ проданныхъ шкафахъ. Но это была лишь небольшая часть, случайно заложенная покойнымъ тамъ-сямъ между книгами. Бумаги, хранившіяся у О. М. Бодянскаго особо, его хотя и малограмотная супруга отдѣлила отъ проданной библіотеки, выбрала изъ столовъ, конторокъ и этажерокъ и сложила въ особую кучу.

Эту кучу бумагъ я засталъ еще у г-жи Бодянской, когда здоровье дозволило мнѣ навѣстить ее. Это было на другой день послѣ увоза библіотеки букинистомъ.

Старуха встрѣтила меня, по вдовьему обычаю, слезными жалобами на свою безпомощность, на невниманіе къ памяти покойнаго даже со стороны лицъ всѣмъ обязанныхъ ему и т. под., что ее водили съ покупкою библіотеки и довели до такого отчаянія, что она рѣшилась продать ее за 3 тысячи первому торговцу.

Я поинтересовался пересмотрѣть бумаги, надѣясь найти въ нихъ переданныя мною покойному Осипу Максимовичу копіи съ дѣла Гаркуши (съ рукописи библіотеки Маркевича), съ перевода на малорусскій языкъ (книга XVI в.) Псалтыри, и въ особенности собственноручные отвѣты Полуботка на вопросы слѣдственной коммисіи въ Петербургѣ и проч.; но, слегка пересматривая кучу, не

встрѣтилъ близко знакомыя мнѣ рукописи и доселѣ не знаю, куда дѣвались онѣ. О показаніяхъ Полуботка покойный В. И. Масловъ извѣщалъ меня, что рукопись эта попала де въ число книгъ и рукописей, отобранныхъ соединенною коммисіею, какъ принадлежавшихъ Обществу Исторіи и Древности Россійской. На сколько это справедливо, я доселѣ не справлялся.

Къ кому-бы эта рукопись ни попала, я убѣдительно просилъ-бы возвратить ее мнѣ, по принадлежности, хотя-бы за значительное вознагражденіе, такъ какъ она мнѣ необходима для давно изготовляемаго мною изслѣдованія о Полуботкѣ.

Но не найдя своихъ вещей среди бумагъ покойнаго, я встрѣтилъ тамъ собственноручныя лекціи Осипа Максимовича по исторіи и частью по филологіи славянъ, переписку его съ графомъ Строгановымъ и другими лицами, прекрасную копію съ Четьи-Миней Макарія и многое иное.

Г-жа Бодянская всѣ эти бумаги въ нѣсколько пріемовъ переслала мнѣ, вмѣстѣ со многими дипломами покойнаго и рисунками, и даже съ оттоманомъ, на которомъ Осипъ Максимовичъ обыкновенно леживалъ и читалъ, послѣ безконечныхъ своихъ занятій у канторки. Онъ обыкновенно занимался стоя.

Я внесъ покойной Бодянской небольшую сумму денегъ и намѣревался, приведя въ свободное время въ какой-нибудь порядокъ пріобрѣтенныя мною его бумаги, принести ихъ въ даръ университету св. Владиміра, если даръ этотъ будетъ ему не непріятенъ.

Изъ пріобрѣтенныхъ мною бумагъ Осипа Максимовича Бодянскаго я подарилъ только Черногоріи его собственноручныя лекціи „по исторіи черногорцевъ“. читанныя имъ намъ еще въ началѣ 50-хъ годовъ. Лекціи безъ начала.

И такъ ясно, что г. А. Титовъ, говоря о пріобрѣтеніи имъ всѣхъ бумагъ Бодянскаго, *безъ исключенія*, былъ кѣмъ-то введенъ въ ошибку и надѣюсь, не оставитъ съ такою-же, какъ прилагаемая исповѣдь, откровенностью разъяснить это недоразумѣніе, разсказавъ, гдѣ и какъ пріобрѣтены имъ бумаги Бодянскаго.

Пріймите и пр.

А. Гатцукъ.

СУДЬБА НАСЛѢДСТВА ПОЛКОВНИКА ИСКРЫ, КАЗНЕННАГО МАЗЕПОЮ.

Кому неизвѣстна трагическая судьба малороссійскаго полковника Искры, пострадавшаго вмѣстѣ съ генеральнымъ судьею Василіемъ Кочубеемъ за вѣрность свою царю Петру. Обличители измѣны Мазепы они отданы были царемъ въ руки Мазепы и этимъ послѣднимъ казнены въ обозѣ подъ Борщаговкою отсѣченіемъ головы, послѣ мучительныхъ пытокъ. Прахъ ихъ покоится въ кіевопечерской лаврѣ близъ трапезной церкви. Исторія отмѣчаетъ великодушіе Петра 1-го, старавшагося возвратомъ имѣній казненныхъ ихъ наслѣдникамъ загладить свою ошибку. Родъ Кочубея былъ счастливѣе наслѣдниковъ Искры, а что случилось съ имѣніями послѣдняго, показываетъ слѣдующее письмо одного изъ его потомковъ къ графу Безбородку.

Сіятельнѣйшій графъ!

Порываемый ревностію услужить государямъ, прадѣдъ мой полковникъ Искра намекнувъ про измѣну Мазепы; но за то имѣніе и голову потерялъ, какъ шапку. Въ тотъ моментъ пояснилась и правда его, но голова не карнизъ.

Государь, поправя ошибку, своею особою предалъ прахъ страдальца землѣ, и наслѣдникамъ возвратилъ то имѣніе въ Украйнѣ: послѣ Украйну отдалъ полякамъ, а наслѣдникамъ обѣщалъ дать въ Малой Россіи; но тѣ были тогда малолѣтны; покуда возмужали, государь скончался; и тогда и теперь все равно: вездѣ пишутъ, что наградить насъ должно, но ничего не даютъ.—Это древность, графъ.

Я просился изъ военной въ гарнизонную, а меня отпустили въ чистую, словно какъ будто-бы въ награжденіе, чтобъ я за долговременную и безпорочную службу околѣлъ изъ голоду.—И это прошедшее графъ!

Я сюда доѣхалъ, то изъ дружбы на облучку, то по нуждѣ на долгихъ; годъ мѣста былъ въ полсыта и проѣзжалъ на извощикахъ, другой и третій пѣшій боролся съ голодомъ, а теперь уже и премудрость не помога, кромѣ развѣ Діогену въ слѣдъ. Служить нѣгдѣ, а дома жить не у чего.—Вотъ это настоящее, графъ!

Но то для вельможи не новизна; а для чувствительной души сострадание. Ваше сердце преисполнено сей доброты, такъ помогите, мнѣ. Вѣкъ времени проходитъ, что правительства (бывшій гетманъ Малой Россіи и генералъ-губернаторъ тамошній, а наконецъ и сенатъ) за то отшедшее имѣніе присудили наградить насъ; но и поднесь мы были въ чаяніи будущихъ благъ. Докладъ сената два года лежитъ у господина Державина, хотя и послѣдовала высочайшая резолюція о воздаяніи намъ, а теперь нѣсколько мѣсяцевъ лежитъ у господина Попова, которому императрица имянно и точно повелѣтя благоволила взять и доложить, а я все хлѣбаю завтраки.

Братъ мой, тоже маіоръ, подъ Анапою здѣлался безъ руки, а у меня обѣ уцѣлѣли, но только для того развѣ, чтобъ протягивать въ тактъ подъ визгъ: подайте Христа ради! и тогда, когда въ цѣлое столѣтіе кровъ предковъ, потъ и увѣчіе потомковъ непрерывныя суть жертвы вѣрности.

Сіятельнѣйшій графъ! ревнитель еси истинны и у трона ходатайствующій о ней; заступи насъ. Единое слово ваше здѣлаетъ больше, нежели столѣтіе, а мы естьли не забвенны будемъ у васъ, то вы незабвенны будете у Вседержителя. Благъ бо мужъ щедря; рогъ его вознесется во славѣ.

Вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Андрей Искра.

Сообщ. **А. Лазаревскій.**

ПѢСНЯ О ПАНЩИНѢ.

Время минувшей панщины отмѣчено въ народѣ множествомъ самыхъ разнообразныхъ пѣсень. Одну изъ нихъ, какъ мнѣ кажется, наиболѣе характерную, хотя еще и не вполнѣ отшлифовавшуюся въ народномъ обращеніи, удалось мнѣ записать при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ 1868 году это было. Народъ веселился въ лѣтній праздничный день: музыка, пляска, смѣхъ говоръ слышны были со всѣхъ сторонъ; гулъ стоялъ въ воздухѣ надъ м. Коростышевомъ, какъ въ самый большой ярмарокъ. Съ трудомъ пробрался

я въ „заѣздный дворъ арендаря Ицька“, и попалъ въ самый разгаръ народной „*беседы*“, тутъ-же происходившей.

— Морду побью тому, говорилъ *Стецюкъ*, бывшій уже навеселѣ, хто мене *мужикомъ* звать буде: я такій-же *обыватель*, якъ и графъ.

— Я роблю, а щобъ хто паномъ бувъ, не люблю; о! не люблю, кричалъ *Олекса Глухій*.

Наймитъ *Зинько* повторилъ для меня пѣсню, которую только что спѣлъ по просьбѣ одного крестьянина.

Вотъ эта характерная пѣсня.

Не дивуйте, добри люди,
Що мужикъ гуляе:
Зъ ласки Божои хазяинъ,
Ще й панъ ёго знае.

Мае плуга, мае рало,
И все, що потрібно:
А заграйте, капелисты,
Да не дуже дрибно.

Та не грайте теи
Що то ріжуть січки;
А заграйте спроквала,
Ще й по старосвіцьки.

Не на кою злисть я маю,
Якъ на тою жида;
Хочъ я ёю зибью, злаю,
Все-жъ я зъ ёъо таю.

И горілки наборъ дасть,
И грошей чекае;
А якъ кварту—дві припише,
Хто-жъ тамъ памьятае?

Стережися, вражій жиду,
Бо обирву пейсы;
Роступитьця, люде добри,
Нехай кричить: вей миръ.

Намахався я косою,
Набухався ціпомъ;
Пригнавъ волы зъ росы,
То вже передъ світомъ.

Осаула изъ півночи
Ходить підъ оконцемъ,
Загадуе на панщину
Передъ сходомъ сонцемъ

А присяжный не вважае
На снасть, на худобу;
Бере хлопа зъ его мостю
Сыпле ёму бобу.

Не завези копу ясць,
Не вклонися низько;
То вінъ тобі дасть у морду,
Щобъ не стоявъ близько.

Колибъ не ти осаулы,
Бувъ-бы мужикъ паномъ;
Черезъ тіи экономы
Мусить бути хамомъ.

Мужикъ дурень, мужикъ бідный,
Ще й гірше собаки:
Бо обсіли ёго злыдни.
Щипають, якъ раки.

Цежъ нихто не знае,
Якъ то я женився;
То попови, то дякови,
Ледьви оплатився.

То попови, то дякови,
Паламару тоже;
А це-жъ чую—каже:
Ще и на храмъ Божій.

Notus.

ЗАПОРОЖСКАЯ ПѢСНЯ[1]).

Ой изъ-за горы, зъ-за горы
Летіло два орлы
Летючи, говорили стиха
О своій горьки біді.
Ой годі летіти,
Треба спуститься.
Ой въ степу, брате,
Дві доріжки;
Треба, брате, розлучиться.
Одна доріжка ажъ до зеленого гаю,
А друга стежка-доріжка
Ажъ до тихого Дунаю.
Та крути бережки
У далеки Украини.
Охъ плавлю я, плавлю
По тихому Дунаю.
А оглянусь я на обидва боки,
Самъ не знаю, воды поки.

КЪ ПОРТРЕТУ КН. КОНСТАНТИНА ОСТРОЖСКАГО.

«Солодкая завжды того зацного княжати маетъ быти у насъ память».
Изъ Палинодіи Захарія Копыстенскаго.

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, котораго портретъ прилагается къ настоящей книжкѣ, по своимъ великимъ и неоцѣненнымъ заслугамъ для православія и народносси русской, не только принадлежитъ къ числу выдающихся дѣятелей южнорусской исторіи, но достоинъ занять въ ней одно изъ первыхъ мѣсъ, на ряду съ великимъ вождемъ народнымъ Богданомъ Хмельницкимъ и славнымъ учителемъ м. Петромъ Могилою.

---

[1]) Изъ Сборника сообщеннаго А. А. Скальковскимъ.

Всѣ современные ему и послѣдующіе южно-русскіе писатели не находятъ словъ, чтобы восхвалить высокія качества его души и славныя его дѣянія. Лѣтописцы и историки польскіе отдаютъ полную справедливость его уму и достоинствамъ и посвятили не мало страницъ какъ лично ему, такъ и его роду, но внесли путаницу въ его генеалогію, производя родъ князей Острожскихъ (Нѣсецкій, Папроцкій и др.) отъ князя Даніила Романовича Галицкаго,— путаницу, которую разъяснилъ неопровержимыми данными извѣстный нашъ ученый и историкъ М. А. Максимовичъ въ своихъ письмахъ о князьяхъ Острожскихъ [1]). По его изслѣдованію, князья эти произошли отъ *Владиміра святого*, чрезъ его правнука *Святополка Изяславича*, внукъ котораго *Юрій Ярославичъ* былъ дѣдомъ *Владиміра* князя Пинскаго, а этотъ отцемъ *Юрія* или Георгія, родоначальника князей Острожскихъ. Первый съ этимъ родовымъ именемъ является *Димитрій*, сынъ *Юрія*, а по немъ въ нисходящей линіи слѣдуютъ *Даніилъ*, *Ѳедоръ*, *Василій*, *Иванъ*, *Константинъ* и сынъ послѣдняго *Василій*, о которомъ у насъ рѣчь, извѣстный болѣе подъ другимъ его именемъ,—*Константина*. Преданность интересамъ своего народа и страны, защита ихъ съ оружіемъ въ рукахъ сколько отъ притязаній польскихъ, сколько и отъ набѣговъ татарскихъ и турецкихъ, глубокое благочестіе въ соединеніи съ воинскими доблестями и образованіемъ составляютъ отличительныя черты этого рода, но въ особенности выдались въ немъ, по своимъ дарованіямъ и высокимъ подвигамъ, Ѳедоръ, принимавшій участіе въ гусситскихъ войнахъ и заимствовавшій оттуда прославленное въ козацкихъ войнахъ укрѣпленіе таборомъ, а потомъ подвизавшійся въ кіевскихъ пещерахъ и опочившій въ нихъ нетлѣнно, и Константинъ Ивановичъ, котораго гробница красуется и нынѣ въ кіево-печерской лаврѣ. Только такой даровитый и богатый родъ, совевшенствуясь вѣками, и могъ дать такого даровитѣйшаго и совершеннѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, какимъ былъ князь Василій-Константинъ Константиновичъ Острожскій.

По своему обширному, свѣтлому уму, блестящему образованію и разностороннимъ свѣдѣніямъ, несокрушимой твердости, по глу-

---

[1]) См. Собр. его соч., т. 1, стр. 164—196.

бокому и неподдѣльному благочестію, по своей толерантности, ласковости и добротѣ, по своимъ мягкимъ, истинно княжескимъ и даже царскимъ пріемамъ, по своей величественной, высоко-изящной и прекрасной наружности, при несмѣтныхъ богатствахъ, роскоши и великолѣпіи, щедротѣ и благотворительности, онъ своею широкою, разностороннею и неустанною дѣятельностію привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ, начиная отъ короля и его придворныхъ и кончая послѣднимъ его слугою, и пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовію. Имя его извѣстно было не только на всемъ пространствѣ польско-литовскаго государства, но въ земляхъ славянскихъ и на отдаленномъ востокѣ. Сынъ великаго гетмана литовскаго, онъ въ свою очередь занималъ выдающееся положеніе воеводы кіевскаго. По своимъ родовымъ связямъ онъ стоялъ въ самыхъ близкихъ связяхъ съ знатнѣйшими родами не только русскими, но литовскими и польскими, а все это вмѣстѣ обезпечивало ему широкое участіе въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ. Подобно отцу своему, онъ ознаменовалъ себя воинскими доблестями въ неоднократномъ отраженіи нападеній татарскихъ и въ войнѣ Стефана Баторія съ Москвою. Но не это дало ему славу и безсмертіе въ потомствѣ: титло „верховнаго хранителя и защитника православной церкви на Руси“, которымъ величалъ его могущественнѣйшій изъ польскихъ королей Стефанъ Баторій,—вотъ что составляетъ вѣнецъ его славы. Онъ пробудилъ дремлющую Русь, когда кругомъ ея стояли враги, готовые поглотить ее, онъ воскресилъ и обновилъ ее, онъ поддержалъ ее всѣмъ своимъ вліяніемъ, всею силою своего характера въ рѣшительную пору двухъ уній—люблинской и брестской, онъ приготовилъ ей лучшихъ бойцевъ, далъ ей лучшее оружіе для дальнѣйшей борьбы.

Чтобы понять все значеніе личности и дѣятельности князя Константина Острожскаго для православія и народности русской, надо глубоко и всесторонне изучить бурную эпоху XVI ст. вообще и въ частности въ польско-литовскомъ государствѣ, надо представить себѣ ту чудовищную лаву политическихъ стремленій и религіозныхъ разномыслій (социніанства, протестанства, кальвинизма ересей московскихъ, іезуитства и наконецъ уніи), какая устремилась широкимъ потокомъ на беззащитную и нимало не приготовленную Русь, надо наконецъ взять въ разсчетъ то невѣжество, въ

которомъ она коснѣла, и ту глубокую деморализацію, какая произведена была въ высшихъ и отчасти среднихъ слояхъ русскаго общества, а найболѣе въ тогдашней нашей іерархіи, предшествовавшею политическою и общественною неурядицей, въ особенности-же примѣненіемъ къ Руси польскаго государственно-общественнаго строя, широкими льготами польско-католическому элементу въ явный ущербъ и попраніе правъ русскаго населенія. По самому характеру и цѣли нашей замѣтки мы не можемъ здѣсь войти ни въ какія подробности; полная оцѣнка дѣятельности кн. Константина Острожскаго и начертаніе его біографіи могли бы составить трудъ нѣсколькихъ лѣтъ для недюжиннаго таланта, мы же ограничиваемся по неволѣ лишь обобщеніемъ немногихъ готовыхъ о немъ свѣдѣній.

Сорокъ лѣтъ онъ стоялъ на стражѣ православія и народности русской, употребляя для того всѣ необходимыя и возможныя средства. Всѣми силами онъ противился соединенію Руси съ Польшею, когда-же протесты его и другихъ оказались безплодными, онъ всѣ усилія направилъ къ пробужденію въ русскомъ народѣ внутренней самодѣятельности путемъ просвѣщенія и науки. Главнѣйшими его дѣяніями въ семъ отношеніи были: учрежденіе въ 70 годахъ XVI ст. въ Острогѣ перваго училища, которое не только само дало многихъ знаменитыхъ въ послѣдствіи ученыхъ и достойныхъ пастырей и ревнителей отеческой вѣры, и въ числѣ этихъ славнаго гетмана Конашевича-Сагайдачнаго, но послужило разсадникомъ и прототипомъ многихъ другихъ училищъ, возникшихъ въ Львовѣ, Вильнѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ, и учрежденіе въ томъ-же Острогѣ типографіи, которая дала намъ въ 1580 г. первую нашу библію, много богослужебныхъ, учительныхъ и полемическихъ книгъ, и послужила толчкомъ и образцомъ для другихъ такихъ заведеній и дѣлъ. Вообще-же князь Острожскій принималъ самое дѣятельное участіе въ судьбахъ церкви, зорко слѣдилъ за всѣмъ, что грозило ей опасностію, вредомъ или безчестіемъ, велъ переписку о ея нуждахъ и дѣлахъ съ королемъ, вельможами, митрополитомъ, епископами и другими духовными и свѣтскими лицами, внимательно наблюдалъ за проторгавшимися новыми религіозными ученіями и старался дать имъ отпоръ, заботился о расширеніи и поддержаніи, о возвышеніи и исправленіи духовенства, строилъ и поддерживалъ церкви и монастыри, шпитали и богадѣльни, покровительствовалъ ученымъ и

помогалъ имъ, приходилъ въ помощь во всякой нуждѣ и во всякомъ дѣлѣ, ободрялъ и утѣшалъ, обличалъ и наставлялъ. Величайшимъ его дѣломъ, утвердившимъ за нимъ имя защитника православія, было не признаніе церковной уніи, какъ задумана она была врагами церкви и народа русскаго. Надо было имѣть его мужество и твердость, его силу и вліяніе, чтобы такъ торжественно и рѣшительно противустать всѣмъ усиліямъ короля и правительства, представителей польско-католической церкви и общества, большинства русскихъ іерарховъ и согласныхъ съ ними духовныхъ и міранъ и только съ двумя епископами отстаивать независимость и чистоту вѣры и отцевъ.

Приведемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о кн. Константинѣ Острожскомъ изъ пространнаго отзыва о немъ современнаго южнорусскаго ученаго Захарія Копыстенскаго: „въ обоемъ высоце преславный—въ дѣльности и правовѣріи, первый межи княжаты Роскими, великій заступъ и потѣха всего народа Роского, муръ желѣзный на Украйнахъ, страхъ и трепетъ татарамъ, урода Гекторова, красота лица и особы Іосифа Прекрасного, постава вспанялая, мужъ обычаевъ царскихъ, ласкавости и цнотъ побожныхъ полный“.

Князь Константинъ Острожскій умеръ въ 1608 г., 15 февраля, и погребенъ въ острожской богоявленской церкви. У него были четыре сына: Иванъ, Константинъ, Ѳедоръ и Александръ. Первый изъ нихъ въ раннемъ возрастѣ огорчилъ отца своимъ вѣроотступничествомъ, два другіе умерли въ молодые годы, и послѣдній Александръ не пережилъ отца. Потомства мужескаго не осталось послѣ нихъ и знаменитый родъ князей Острожскихъ прекратился съ смертію самаго Константина Константиновича. Огромныя его имѣнія перешли то къ іезуитамъ, то къ польскимъ родамъ. Отъ его благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, отъ его собственнаго жилища не осталось и слѣда, и самая усыпальница его—церковь богоявленская лежитъ въ развалинахъ. Но неизгладились слѣды его апостольской ревности и насажденнаго имъ въ южной Руси просвѣщенія; они-то и будутъ служить вѣчнымъ, нерукотворнымъ памятникомъ этому великому дѣятелю нашей церкви и народа.

Прилагаемый портретъ отысканъ въ бывшей галлереѣ князей Вишневецкихъ, въ д. Новомъ Малинѣ, острожскаго уѣзда, волынской губерніи, однимъ изъ сотрудниковъ нашихъ, Н. А. Китицы-

нымъ, которому мы также обязаны доставленіемъ намъ возможности получить съ этого портрета точную фотографію и копію масляными красками. Подлинникъ портрета, судя по обгнившей надписи и внѣшнему его виду, несомнѣнно современный или весьма близкій ко времени лица, на немъ изображеннаго. Изъ того-же источника добытъ нами и портретъ жены князя Константина, урожденной графини Софіи Тарновской, который будетъ приложенъ къ декабрьской книжкѣ „Кіевской Старины".

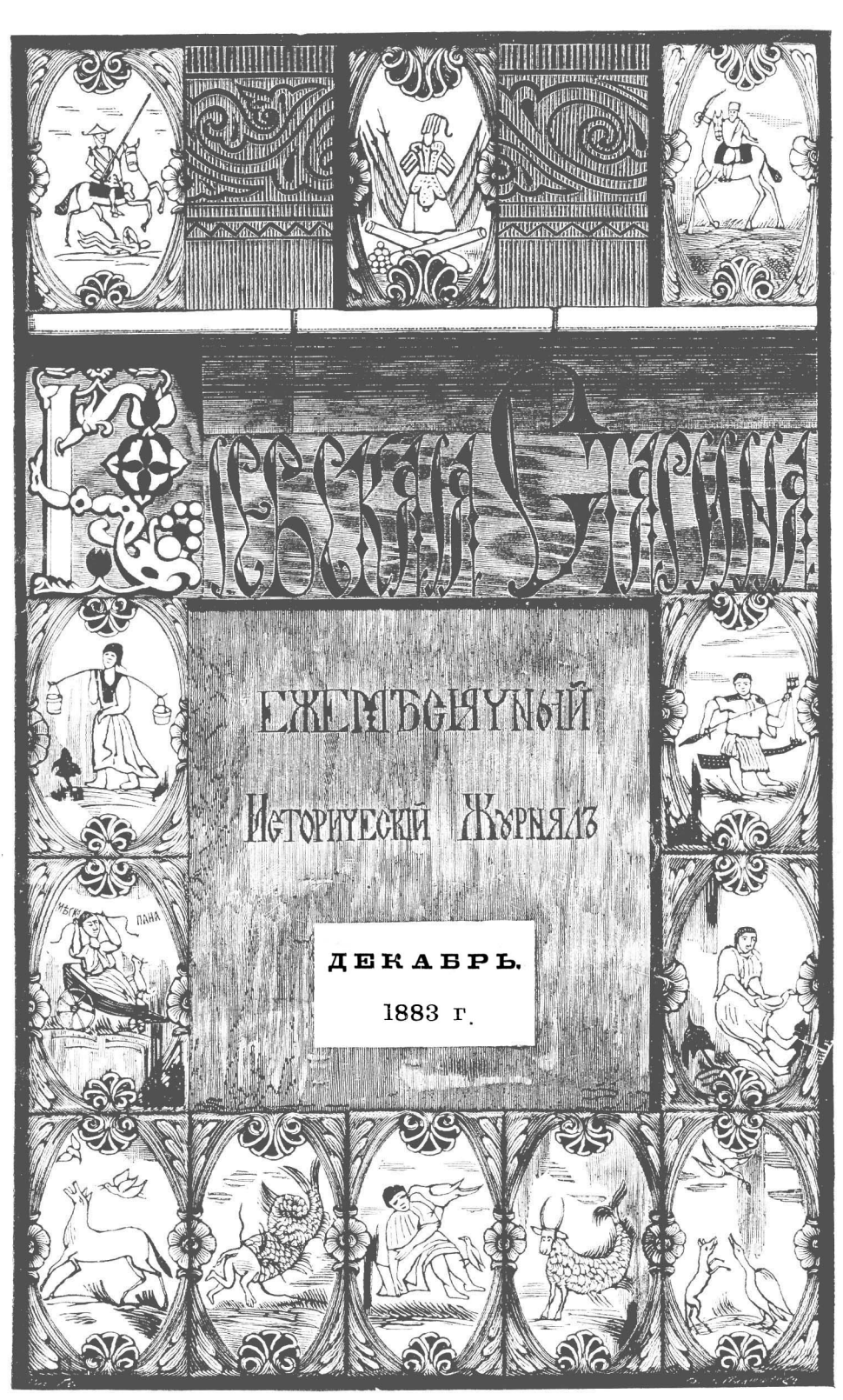

Кіевъ. Въ типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VII.

ДЕКАБРЬ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1-го декабря 1883 года.

Подписка на историческій журналъ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

1884 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). **1884 г.**

Журналъ **„Кіевская Старина“**, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1884 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участтіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научаго и историко-беллетристическаго содержанія, историчискіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Съ январской книжки начнется печатаніемъ повѣсть И. Нечуя (Левицкаго): *Старосвѣтскіе батюшки и матушки*, равно пойдутъ и другія, обѣщанныя нами, но не вошедшія въ изданіе этого года статьи и матеріалы. Изъ числа новыхъ назовемъ: *О змієвыхъ валахъ*, Б. Б. Антоновича, *Іоанникій Галятовскій*, Н. Ѳ. Сумцова, *Малороссійскіе города XVII и XVIII ст.*, Д. И. Багалѣя, *Послѣдніе кіевскіе войты*, И. М. Каманина, *Дневникъ князя Б. И. Куракина*, сподвижника Петра I-го, *Мемуары гетманича Петра*

Апостола и *Записки* б. кіев. губерн. предводителя дворянства *П. Д. Селецкаго.* Для приложеній, въ числѣ другихъ, имѣются въ виду портреты гетмана *Мазепы* и кіевск. воеводы Адама *Киселя*

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб**. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* **„Кіевской Старины“**, *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

Фото. Гравюра Шерфф, Наслѣдн. и К° въ Москвѣ.

Кн. Софія Острожская, ур. гр. Тарновская.

1534—1570 г.

КОЛОНИЗАЦІЯ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

По времени колонизаціи нынѣшнюю Кубанскую область можно раздѣлить на четыре района. Колонизація началась съ сѣверныхъ частей области и распространялась потомъ на югъ. Предварительно были заняты двѣ мѣстности, изъ которыхъ, какъ изъ исходныхъ пунктовъ, продолжалось затѣмъ дальнѣйшее заселеніе края. Такими основыми районами оказываются Черноморія и Старая Линія, занятыя козаками почти одновременно, въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка, и обнимающіе собою въ настоящую пору всю сѣверную, равнинную часть нынѣшней кубанской области, по правую сторону р. Кубани, начиная отъ ея верховьевъ и оканчивая устьями. Позже, спустя почти полъ-вѣка, именно въ началѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, была заселена Новая Линія, занявшая большую часть мѣстности между Кубанью и Лабою, до сліянія этихъ рѣкъ. Наконецъ, еще черезъ двадцать лѣтъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, была колонизована остальная часть кубанской области—Закубанскій край. Этотъ послѣдній районъ занялъ собою длинное пространство закубанскихъ предгорій и ущелій отъ элборусскихъ отроговъ и до береговъ Чернаго моря.

Важнѣйшую въ колонизаціонномъ отношеніи мѣстность представляетъ Черноморія. Черноморія—прямая наслѣдница Запорожья. Въ составъ ея первочачальныхъ поселенцевъ вошли частію запорожцы, а частію лица имѣвшія тѣ или другія отношенія къ Запорожской Сѣчи. Вообще же этими поселенцами были малороссы.

Какъ извѣстно, въ 1775 году была разрушена, по приказанію Екатерины II, послѣдняя Запорожская Сѣчь великорусскими войсками подъ командою генерала Текелія. Двѣнадцать лѣтъ спустя, изъ разсѣянныхъ запорожцевъ снова было образовано козачье войско.

получившее сначала названіе: „Войско вѣрныхъ козаковъ“ въ отличіе отъ войска тѣхъ запорожцевъ, которые, не захотѣвъ мириться съ великорусскими порядками и нововведеніями, бѣжали въ Турцію. Впослѣдствіи къ названію „вѣрныхъ козаковъ“ было прибавлено названіе „Черноморскіе“, данное козакамъ въ память тѣхъ подвиговъ, которыми они ознаменовали себя на Черномъ морѣ въ бывшую въ то время русско-турецкую войну. И вотъ эти то черноморскіе козаки и были поселены въ 1792 году въ Черноморіи, т. е. въ западной половинѣ прикубанской полосы нынѣшней кубанской области.

Обнявъ пространство около 30,000 кв. в., Черноморія была населена первоначально 25 тысячами душъ обоего пола. Стало быть, на каждаго переселенца приходилось болѣе, чѣмъ по квадратной верстѣ пространства. То обстоятельство, что первоначальное населеніе Черноморіи состояло частію исъ чистыхъ запорожцевъ, а частію изъ малорусской вольницы и вообще людей, искавшихъ свободной жизни и самостоятельнаго хозяйства, само по себѣ указываетъ и на характеръ тогдашнихъ поселеній. Это были поселенія чисто козачьи, до извѣстной степени военныя, но приспособленныя къ гражданскимъ и экономическимъ цѣлямъ въ духѣ малорусскихъ порядковъ и обычаевъ.

Въ самомъ дѣлѣ черноморцы при устройствѣ своихъ первыхъ поселеній придерживались того, что выработала въ этомъ отношеніи раньше Запорожская Сѣчь; но такъ какъ въ жизнь ихъ вошелъ новый элементъ, долженствовавшій произвести существенную перемѣну въ ней, то, сообразно съ этимъ, и поселенія приняли особый, отличный отъ прежнихъ характеръ. Послѣдняя Запорожская Сѣчь, какъ извѣстно, состояла изъ бездомнаго, безсемейнаго „товариства“, а принадлежащія ей земли были раздѣлены на „паланки“, населенныя примущественно семейнымъ казачествомъ или „подданствомъ“. Въ Черноморіи, съ самаго начала ея существованія, не было ни господствовавшаго товариства, ни зависимаго подданства, а было лишь однообразное, если не считать конечно чиновной старшины, семейное козачество, въ составъ котораго входили и безсемейные козаки, „сирома“, какъ часть отличнаго по своему личному составу отъ запорожской общины цѣлаго. Поэтому, и самое заселеніе края было произведено уже иначе: подъ оболочкой старыхъ формъ воз-

никли совершенно другіе порядки и пріемы для заселенія края, какіе ужъ были разъ примѣнены отчасти черноморцами за Бугомъ. Екатеринодаръ, основанный 1793 г., былъ сдѣланъ крупнымъ центральнымъ пунктомъ въ ряду другихъ козачьихъ поселеній и получилъ названіе города. Здѣсь сосредоточивалось главное войсковое начальство; здѣсь же, въ крѣпости, какъ и въ Запорожскомъ Кошѣ, были выстроены курени, казармы, гдѣ жила бездомная холостая сирома и служилые козаки. Затѣмъ остальное козачество было разселено по всей остальной территоріи Черноморскаго войска. Съ этою цѣлью весною 1794 г. кошевой атаманъ Чепѣга и выбранные отъ войска депутаты опредѣлили предварительно мѣста для крупныхъ поселеній. Брошенный затѣмъ, по обычаю стараго сѣчеваго козачества, жребій указалъ, гдѣ и какому куреню предстояло поселиться.

Такъ было первоначально основано 40 отдѣльныхъ „куренныхъ селеній", получившихъ тѣже самыя названія, подъ которыми были извѣстны 38 куреней въ Запорожской Сѣчи. Два поселенія, кромѣ того, были основаны и названы: одно Екатериновскимъ, въ честь Екатерины II, а другое Березанскимъ, по имени крѣпости Березани, взятой черноморцами у турокъ въ предшествовавшую предъ тѣмъ русско-турецкую войну. Самое названіе: „куренное селеніе", очевидно, указывало какъ на преемственность новыхъ поселочныхъ формъ Черноморіи отъ формъ старыхъ—„куреней", такъ и на отличительную особенность этихъ новыхъ формъ—„селеній", приноровленныхъ къ семейному общежитію. Но въ разговорномъ языкѣ долго потомъ употреблялось слово „курень" безъ всякихъ эпитетовъ. Въ настоящее время черноморцы называютъ свои крупныя поселенія станицами и изрѣдка слободами, названіе же курень совсѣмъ вышло изъ употребленія.

Одновременно съ заселеніемъ Черноморіи куренными селеніями, возникли въ ней и другого рода поселочныя формы, формы мелкія, ячеичныя. Это были хутора, зимовники и коши, изъ которыхъ нѣкоторые появились даже раньше основанія куреней. Будучи въ колонизаціонномъ отношеніи формами второстепенными, зависимыми и тяготѣвшими къ куренямъ, какъ части къ цѣлому,—хуторскія обзаведенія были, такъ сказать, занесены поселенцами вмѣстѣ съ ихъ хозяйствомъ. Главную статью этого послѣдняго у

поселенцевъ составлялъ скотъ, а скотоводческое хозяйство того времени неразрывно было связано съ хуторомъ и его первообразомъ—зимовникомъ или кошемъ.

И такъ, двѣ собственно поселочныя формы—курень и хуторъ легли въ основу колонизаціи бывшей Черноморіи. Курень былъ поселеніемъ административнымъ и хозяйственнымъ вмѣстѣ, хуторъ по преимуществу хозяйственнымъ. Необходимость существованія перваго вызывалась коллективными требованіями козачества, необходимость существованія второго вытекала изъ хозяйственныхъ потребностей отдѣльныхъ лицъ, какъ самостоятельныхъ предпринимателей.

Такъ какъ во время заселенія Черноморія представляла собою край дикій и незаселенный даже инородцами, а рядомъ съ нею лежали земли черкесовъ, народа хищнаго и воинственнаго; то козачеству предстояло разомъ и организовать экономическую жизнь и защищать новую свою родину отъ настроенныхъ враждебно къ нимъ, какъ пришельцамъ, иноплеменныхъ сосѣдей. Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ колонизаціи, за экономическими нуждами черноморцевъ, очень настоятельно должны были выступить наружу требованія военныя. Само правительство, населяя Черноморію, искало въ ея поселенцахъ того живаго оплота противъ внѣшнихъ враговъ государства, какимъ издавна считалось козачество. Этою-то двойственною ролью козачества, какъ военнаго сословія, поставленнаго въ военную обстановку, и какъ населенія пограничнаго, обусловливалась необходимость еще третьяго рода поселочныхъ формъ, начало которымъ уже было здѣсь положено русскимъ правительствомъ въ видѣ военныхъ укрѣпленій. Такими исключительно военными поселочными формами были у Черноморцевъ—кордоны или посты, т. е. небольшія козачьи крѣпости и пикеты („бикеты"), т. е. еще менѣе значительные сторожевые пункты.

Для исторіи колонизаціи Черноморіи существенно важны, конечно, только перваго рода формы козачьихъ поселеній—курени и хутора. Кордоны и пикеты, разъ возникнувъ въ опредѣленныхъ пунктахъ, такъ и остались потомъ, претерпѣвая временами незначительныя измѣненія, военными укрѣпленіями, исчезнувшими безвозвратно вмѣстѣ съ исчезновеніемъ исключительныхъ военныхъ условій. Развитіе гражданской и экономической жизни козачества

шло рука объ руку съ историческимъ ростомъ куреня и хутора. Здѣсь, въ предѣлахъ территоріальныхъ границъ, тяготѣвшихъ къ этимъ формамъ, и шло собствено заселеніе Черноморіи въ теченіи послѣдующихъ затѣмъ десятилѣтій. Сюда былъ направленъ притокъ колонизаціонныхъ элементовъ извнѣ и тутъ же совершалось постоянная замѣна, возникновеніе и видоизмѣненіе колонизаціонныхъ формъ путемъ внутренняго самостоятельнаго развитія.

Строго говоря, на ходъ колонизаціи Черноморіи имѣли вліяніе различныя обстоятельства, но въ общемъ всѣ эти вліянія носили двойственный характеръ: въ однихъ случаяхъ возникновеніе поселочныхъ формъ вызывалось мѣстными причинами, требованіями самой жизни, въ другихъ—дѣятельную роль играли въ этомъ отношеніи правительственныя мѣропріятія.

Населяя новый, малоизвѣстный до того край, черноморцы не могли, понятно, сразу же ознакомиться съ его естественными особенностями. Поэтому, частію вслѣдствіе незнанія этихъ особенностей, а частію по винѣ администраціи, на первыхъ же шагахъ колонизаціи явилась надобность въ нѣкоторыхъ передвиженіяхъ и перераспредѣленіи поселенцевъ. Уже въ концѣ 1799 г. наказный атаманъ Котляревскій въ своемъ всеподданнѣйшемъ ходатайствѣ о Черноморскомъ войскѣ прямо указываетъ на то, что однихъ поселенцевъ прежнее начальство селило „противъ ихъ желанія на невыгодныхъ для жительства мѣстахъ“. Впослѣдствіи стѣсненія въ этомъ родѣ, благодаря вольному пользованію войсковыми землями и угодьями, должны были выступить наружу въ жизни козака еще рѣзче. И козачество, по понятнымъ причинамъ, старалось обійти и парализовать такія стѣсненія. Съ этою цѣлію имъ переносились съ мѣста на мѣсто хутора и даже передвигались цѣлые курени [1]), какъ это случилось съ Ивановскимъ куренемъ.

Съ первыхъ же шаговъ заселенія Черноморіи начался и постоянный притокъ сюда бѣглыхъ элементовъ, притокъ, долго непрекращавшійся впослѣдствіи [2]). Въ грамотахъ Екатерины II и Александра I, въ перепискѣ войсковой администраціи съ Екатеринославскимъ намѣстничествомъ, а потомъ губерніей, въ постанов-

---

[1]) Короленко, «Черноморцы», стр. 62.

[2]) См. статью «Бѣглые въ Черноморіи», въ 5 кн. «Кіевск. Стар.» 1883 г.

леніяхъ и распоряженіяхъ самаго войска находится не мало указаній на этотъ счетъ. Съ одной стороны, войску предъявлялись требованія разнаго рода начальствъ о выдачѣ бѣглыхъ и объ установленіи мѣръ для „пресѣченія зла“, а съ другой козачество, заинтересованное въ увеличеніи своего народонаселенія видимо отдѣлывалось одними формальными распоряженіями и отписками. И это вполнѣ понятно. Черноморія нуждалась въ пришлыхъ рабочихъ рукахъ, кому бы тамъ не принадлежали эти руки. Такъ какъ ея коренное населеніе было постоянно отвлекаемо отъ хозяйства военною службою, то понятно, что всякій пришелецъ былъ здѣсь желаннымъ гостемъ, а безпаспортный, бѣглецъ, бродяга, съ которымъ можно было при случаѣ не церемониться, тѣмъ болѣе. Такимъ образомъ, увеличивая этимъ путемъ народонаселеніе, Черноморское войско естественно должно было расширять свою экономическую жизнь, создавая новыя поселочныя формы и развивая старыя.

Но главную массу переселенческаго люда давало Черноморіи все таки само правительство. Удовлетворяя естественныя требованія войска въ этомъ отношеніи, оно въ три пріема—въ 1808, 1820 и 1848 годахъ, распорядилось о переселеніи въ Черноморію болѣе 100,000 душъ обоего пола изъ малороссійскихъ губерній. Вслѣдствіе этихъ распоряженій, въ 1809—1811 перешло на поселеніе изъ Полтавской и Черниговской губерній 22,206 душъ мужескаго и 19,328 душъ женскаго пола, съ 1820—1825 г. вновь прибыло изъ тѣхъ-же губерній 25,627 душъ мужескаго и 22,755 душъ женскаго пола, наконецъ, въ пятилѣтіе 1845—1850 года изъ тѣхъ-же губерній, а также изъ другихъ мѣстъ Малороссіи и губерній харьковской въ послѣдній разъ было переселено до 8,500 душъ мужескаго и до 7,000 душъ женскаго пола [1]). Кромѣ того, въ 1808 г. правительство разрѣшило поселиться въ Черноморіи 500 душъ запорожцевъ, вышедшихъ изъ Турціи [2]). Стало быть, въ теченіи пятидесяти лѣтъ, первоначальное населеніе Черноморіи, состоявшее

---

[1]) Попка, «Черноморскіе козаки», стр. 45. Бентковскій, «Заселеніе Черноморіи», стр. 69 и 104.

[2]) Попка, «Черноморскіе козаки», стр. 45.

изъ 25,000 душъ обоего пола, благодаря правительственнымъ мѣропріятіямъ, было увеличено въ пять разъ.

Само собою разумѣется, что такой сильный притокъ переселенцевъ въ Черноморію извнѣ долженъ былъ отразиться весьма замѣчательнымъ образомъ и на ея поселочныхъ формахъ. Одни изъ этихъ формъ должны были выдѣлить изъ себя выселки, вслѣдствіе внутренняго своего роста и переполненія пришлымъ людомъ, другіе—возникнуть вновь, вмѣстѣ съ водвореніемъ новыхъ переселенцевъ, подъ давленіемъ внѣшней необходимости. Такимъ образомъ, въ 1811 г., т. е. чрезъ 19 лѣтъ послѣ заселенія края, вмѣсто 40 куреней, было ихъ 43, въ 1821 г. считалось 47 крупныхъ поселеній, въ 1825 году—два города, 59 станицъ, 5 поселковъ и въ 1850 г.—3 города, 61 станица и 2 поселка[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно росло и количество хуторовъ. Такъ, до 1809 г. ихъ было 66, въ 1821 г.—1766, въ 1825—2262 и въ 1850 г.—2548[2]). А въ общей сложности къ концу шестидесятыхъ годовъ[3]), по словамъ Ивана Даниловича Попка, въ Черноморіи было „3 города, одна нѣмецкая колонія, 63 куреня или станицы (въ томъ числѣ 2 при городахъ Екатеринодарѣ и Тамани), 5 поселковъ и до 3000 хуторовъ“, съ населеніемъ въ 185,220 душъ обоего пола[4]).

Нѣсколько иначе производилась колонизація Старой Линіи.

Старая Линія, какъ показываетъ и самое ея названіе, служила первоначально чисто военною демаркаціонною линіею между русскими владѣніями и землями кавказскихъ горцевъ. Поэтому, и первыя поселенія линейцевъ нѣсколько отличались отъ поселеній черноморцевъ. Между тѣмъ какъ въ Черноморіи только весьма незначительная часть куреней примыкала къ военной границѣ, именно три куреня находились при Кубани и три въ недалекомъ отъ нея разстояніи, а большинство ихъ было размѣщено внутри края,—на Старой Линіи всѣ станицы возникли на мѣстѣ бывшихъ укрѣпленій и редутовъ, вдоль Кубани и въ ближайшихъ къ ней стратегическимъ пунктахъ. Такимъ образомъ, линейныя станицы были бо-

---

[1]) Неизданые матеріалы изъ войсковаго архива, Ев. Д. Фелицына.

[2]) Ibid.

[3]) Книга г. Попка, издана въ 1858 г.

[4]) Попка «Черн. козаки», стр. 49 и 50.

лѣе военными и болѣе приспособленными къ постоянной защитѣ отъ кавказкихъ горцевъ поселеніями, чѣмъ черноморскіе курени.

Заселеніе Старой Линіи станицами началось одновременно съ заселеніемъ Черноморіи куренями въ 1794 г. Въ этомъ году было основано по мысли графа Гудовича, подъ руководствомъ генерала Фере, шесть станицъ, населенныхъ возмутившимися донскими козаками. Двѣ изъ нихъ были поселены при кавказской и усть-лабинской крѣпостяхъ, двѣ при Григориполисскомъ и Прочноокопскомъ укрѣпленіяхъ, одна при Темнолѣсскомъ ретраншементѣ и одна при Воровсколѣсскомъ редутѣ[1]), при чемъ каждая изъ станицъ получила имя того укрѣпленія, при которомъ она была поселена. Девять лѣтъ спустя, въ 1803 г., по ходатайству генерала Кнорринга, было основано и населено выходцами изъ Слободской Украйны четыре станицы—Телишбекская, Казанская, Ладожская и Тифлисская при редутахъ того-же имени; затѣмъ въ слѣдующемъ 1804 г. населена тѣми-же выходцами еще одна станица—Воронежская. Всѣ эти станицы въ свою очередь получили одно общее названіе кавказскаго полка[2]). Впослѣдствіи, преимущественно въ 1825 г., было основано еще 8 станицъ въ районѣ между Баталпашинскомъ и Прочноокопской станицей. Наконецъ для усиленія линейнаго козачества, по распоряженію правительства, въ два пріема было обращено 17 крестьянскихъ селеній въ казачьи станицы, именно: 13 въ 1833 г. и 4 въ 1848 г., и присоединены къ бывшему кавказскому линейному войску, въ составъ котораго входила тогда и Старая Линія.

И такъ, слѣдовательно, къ концу сороковыхъ годовъ въ составѣ нынѣшней Старой Линіи числилось всего 36 станицъ.

Что касается затѣмъ другихъ поселочныхъ формъ—хуторовъ, то возникновеніе и распространеніе ихъ шло, надо полагать, какъ и въ Черноморіи, параллельно съ колонизаціей края. Такъ, по словамъ Дебу, станица Телишбекская завела свои хутора на сѣверъ

---

[1]) Бутковъ, «Матеріалы для новой исторіи Кавказа», т. 11-й, стр. 245, Дебу, «О кавказской линіи и черноморскомъ войскѣ», стр. 68.

[2]) Бутковъ, «Матеріалы» и пр., т. 11-й, стр. 256 и 257. Дебу, «О кавказ. линіи» и пр., стр. 70. Въ 1812 г. Телишбекская станица была перечислена въ кубанскій полкъ, а усть-лабинская въ кавказскій.

отъ Кубани по р. Рашеваткѣ [1]); казаки кавказскаго полка имѣли также на сѣверъ отъ Кубани на разстояніи 20 и 40 верстъ хутора при болотныхъ рѣчкахъ [2]). Но то обстоятельство, что, съ одной стороны, лежавшія ближе къ Кубани станицы находились въ крайне невыгодныхъ военныхъ условіяхъ, а съ другой болѣе удаленныя отъ этой рѣки, бывшія раньше крестьянскими поселеніями, занимались издавна больше земледѣліемъ, чѣмъ скотоводствомъ, позволяетъ заключить, что на Старой Линіи хутора не были такими многочисленными и повсемѣстно разбросанными формами, какъ въ Черноморіи. Это-же отчасти подтверждается по аналогіи и современнымъ состояніемъ поселочныхъ формъ на Черноморіи и Старой Линіи, изъ которыхъ въ первой хутора и теперь составляютъ подавляющее количество, сравнительно со второй.

Наконецъ, со стороны своего этническаго состава Старая Линія также представляетъ нѣкоторыя особенности. Какъ и въ Черноморіи, основнымъ элементомъ въ ней явилось козачество; какъ и въ Черноморіи, притокъ бѣглецовъ въ ней былъ довольно обычнымъ, хотя и не въ такой мѣрѣ интенсивнымъ явленіемъ. Къ 1829 году состоялось даже Высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи бродягъ, зашедшихъ въ кавказскую область, въ работники поселеннымъ на кавказской линіи козакамъ. [3]) Мѣра общая по тому времени для всей кавказской области и имѣвшая въ частности ближайшее отношеніе къ населенію Старой Линіи. Но между тѣмъ какъ въ Черноморіи колонизующимъ элементомъ всегда были малороссы, на Старой Линіи перевѣсъ былъ за великороссами. Въ Черноморіи населеніе представляло въ этомъ отношеніи однообразную компактную группу, на Старой Линіи въ составъ войска вошли довольно разнообразные элементы, связующимъ звеномъ для которыхъ послужилъ великороссъ. Тутъ были и донцы, и хоперцы, и козаки бывшаго екатеринославскаго войска, и отставные солдаты, и великорусскіе, и малорусскіе крестьяне. Тѣмъ не менѣе экономическая жизнь, вылившись въ козачьи формы, получила яркую

---

[1]) Дебу, «О кавказской линіи», стр. 69.

[2]) Тамъ-же, стр. 76.

[3]) Бентковскій, «Заселеніе быв. кав. линейнаго войска», стр. 28.

великорусскую окраску, съ сильнымъ общиннымъ духомъ, большими семьями и преобладающимъ значеніемъ земледѣлія.

Заселеніе затѣмъ Новой Линіи началось съ 1841 года. Проэктъ объ этомъ, возникнувшій по мыслѣ генерала Засса и разработанный потомъ генераломъ Вельяминовымъ и барономъ Розеномъ [1]), былъ утвержденъ правительствомъ еще въ 1839 г. Первоначально предполагалось основать всего только 14 станицъ; но обстоятельства потомъ раздвинули значительно шире предположеннаго колонизацію Новой Линіи. Заселеніе края шло постепенно въ теченіи двадцати лѣтъ, пополняясь черезъ извѣстные промежутки все новыми и новыми станицами. Такимъ образомъ, въ 1841 г. было основано 4 станицы: Лабинская, Чамлыкская, Вознесенская и Урупская, послужившія какъ-бы главными операціонными точками, отъ которыхъ пошло дальнѣйшее заселеніе края по разнымъ направленіямъ. Въ теченіе слѣдующихъ за тѣмъ восьми лѣтъ, съ 1841 по 1849 г., было основано еще 7 станицъ, съ 1852 по 1860 г.—13 станицъ и наконецъ въ этомъ послѣднемъ году двѣ станицы. Итого, слѣдовательно, въ теченіи двадцати лѣтъ было основано на Новой Линіи 32 станицы.

Главнымъ и почти единственнымъ колонизующимъ элементомъ въ этомъ случаѣ послужили козаки старыхъ станицъ бывшаго кавказскаго линейнаго войска, т. е. нынѣшней Старой Линіи, а также нѣкоторыхъ станицъ теперешняго терскаго войска и селъ ставропольской губерніи. Только въ 1849 г. было поселено здѣсь 250 семейттвъ изъ числа малороссійскихъ переселенцевъ, назначенныхъ на поселеніе въ владикавказскомъ полку нынѣшняго терскаго войска, да въ разное потомъ время нѣсколько десятковъ семействъ съ Дона и изъ другихъ внутреннихъ губерній. Наконецъ сюда-же нужно отнести нѣкоторое количество бѣглыхъ и безпаспортныхъ, которыми тогда былъ богатъ весь сѣверный Кавказъ. Такимъ образомъ въ общемъ результатѣ колонизація Новой Линіи была почти исключительнымъ дѣломъ старолинейныхъ казаковъ. Приглашенные военнымъ начальствомъ сначала въ качествѣ охотниковъ заселить лабинскій край, они отнеслись довольно индефферентно къ этому приглашенію. Тогда начальство принудило ихъ выслать переселен-

---

[1]) Бентковскій, «Заселеніе быв. кавк. линейнаго войска», стр. 21.

цевъ по жребію, и станичныя общества въ этомъ затруднительномъ случаѣ придумали нанимать изъ среды себя охотниковъ, съ платою отъ 200 до 400 р. на семью. Мѣра эта и дала главный контингентъ переселенцевъ для заселенія неспокойнаго лабинскаго края[1]).

Отличительная черта колонизаціи Новой Линіи заключается въ полнѣйшемъ приспособленіи поселочныхъ формъ исключительно къ военнымъ цѣлямъ. Вновь поселенныя станицы были выдвинуты въ самую территорію горскихъ племенъ. Въ дѣлѣ военной колонизаціи Новая Линія пошла поэтому дальше Старой. Военное начальство тутъ не только назначило мѣста для поселеній, но, благодаря безпрерывнымъ столкновеніямъ съ горскими племенами, принуждено было до мельчайшихъ подробностей регламентировать даже экономическую жизнь. Оно издавало приказанія, какъ ставить плетни и приспособлять терновникъ, „чтобы непріятель не могъ ни повалить плетня, ни перелѣзть черезъ верхъ[2])“. Оно-же совѣтовало, какъ обращаться съ огнемъ, спрашивало о количествѣ сѣна и давало наставленіе, какъ косить его, складывать въ стога и т. п., „чтобы оградить отъ нападенія хищниковъ“, „отъ ихъ зажигательства“.

Понятно, что при такихъ исключительныхъ условіяхъ, когда козакъ и пахалъ, и косилъ, и убиралъ хлѣбъ, и возилъ дрова или лѣсъ, по командѣ и подъ прикрытіемъ военной силы, станица на Новой Линіи являлась единственною поселочною формою. Хуторъ не могъ тутъ существовать, или въ крайнемъ случаѣ могъ быть лишь исключеніемъ. Только съ 1864 г., т. е. со времени покоренія Западнаго Кавказа, на Новой Линіи начинаютъ особенно быстро и широко распространяться хуторскія формы.

Послѣдній актъ заселенія Кубанской области является самою крупною мѣрою по отношенію къ насажденію вынужденной, правительственной колонизаціи въ этомъ краѣ. Въ короткое время, среди самыхъ неблагопріятныхъ военныхъ условій, предгорья Кубанской области были покрыты цѣлой сѣтью козачьихъ станицъ на значительномъ пространствѣ и въ небываломъ до того количествѣ. Въ сущности колонизація этой мѣстности была громаднѣйшимъ

---

[1]) Бентковскій, «Заселеніе быв. кавк. линейнаго войска, стр. 21—42

[2]) Изъ архивныхъ документовъ станицы вознесенской.

заключительнымъ сраженіемъ, которымъ окончилась семидесятилѣтняя борьба кубанскихъ козаковъ съ кавказскими горцами. Горцы проиграли это сраженіе, но и козакамъ оно не легко досталось. Одни изъ нихъ должны были бросить насиженныя, обогрѣтыя и обезпеченныя мѣста своихъ отцовъ и предковъ, чтобы идти въ чужой край и насадить здѣсь новую жизнь подъ давленіемъ непривычныхъ естественныхъ условій и непреоборимыхъ трудностей, другимъ суждено полечь костьми прежде, чѣмъ они успѣли не только начать насажденіе этой новой жизни, но и даже стать сколько нибудь прочною ногою на тѣхъ мѣстахъ, которыя вынужденъ былъ уступить имъ сложившій наконецъ оружіе горецъ.

Опираясь на опытъ прошедшаго, имѣвшій мѣсто на Новой Линіи, съ одной стороны, и на военныя требованія, съ другой, руководившіе колонизаціей Закубанья заняли и основали въ теченіи 14 лѣтъ, подъ прикрытіемъ военной силы, въ связи съ дѣйствіями солдатскихъ и козачьихъ колоннъ и отрядовъ, 83 пункта для крупныхъ поселеній. Колонизація началась съ восточной стороны кубанскихъ предгорій и, попавъ въ крайне неумѣлыя руки главнаго распорядителя графа Евдокимова, на первыхъ-же порахъ встрѣтила серьезныя препятствія со стороны того населенія, которымъ предположено было колонизовать Закубанскій край. Съ чисто военною поспѣшностью, игнорируя хозяйственныя соображенія и разсчеты, графъ Евдокимовъ предположилъ первоначально переселить за Кубань шесть станицъ изъ 5-й и 6-й бригадъ кубанскаго козачьяго войска и двѣ изъ Черноморіи. По этому проэкту, шесть первыхъ станицъ должны были сразу переселить изъ 1653 семействъ своего населенія 1397 семействъ, т. е. почти 90%, оставивъ временно на мѣстѣ 256 семействъ, а двумъ черноморскимъ станицамъ предстояло дать 770 семействъ. На новомъ мѣстожительствѣ, среди враждебныхъ народностей, эти поселенцы должны были образовать цѣлыхъ 17 станицъ въ неудобныхъ мѣстахъ и при непривычныхъ естественныхъ условіяхъ. И все это имѣлось въ виду совершить въ теченіи года! Понятно, что такая невѣроятная ломка могла въ конецъ разорить козаковъ, скопившихъ трудомъ и потомъ не большія хозяйственныя обзаведенія на старомъ мѣстожительствѣ. Застигнутые врасплохъ козаки, по обычаю русскаго народа, вошли съ прошеніями и ходатайствами по начальству. Графъ Евдокимовъ настаивалъ

на приведеніи въ исполненіе проэктированныхъ имъ мѣръ. Дѣло обострилось и едва не разрѣшилось кровавою развязкою. Въ концѣ концевъ графу Евдокимову пришлось самому-же исправлять собственную свою ошибку. Неудачная попытка колонизаціи закубанскаго края цѣлыми станицами была замѣнена системою вызова охотниковъ, съ опредѣленнымъ денежнымъ вспомоществованіемъ, и порядкомъ назначенія станичными обществами извѣстнаго количества своихъ членовъ по жребію [1]).

Какъ и слѣдовало ожидать, новыя мѣры дали и новые результаты. Въ 1861-же году было поселено въ два пріема 1736 семействъ въ 11 станицахъ, расположенныхъ въ верховьяхъ Кубани и ея главнѣйшихъ притоковъ по направленію къ г. Майкопу. Въ слѣдующемъ 1862 г. колонизація приняла еще болѣе широкіе размѣры: въ этомъ году было основано уже 28 станицъ въ разныхъ мѣстахъ закубанскаго края и въ нихъ водворено 4387 семействъ переселенцевъ. Въ этомъ-же году было утверждено положеніе о заселеніи предгорій западной части сѣвернаго Кавказа. Такъ какъ положеніемъ этимъ предоставлялось козакамъ-поселенцамъ, кромѣ извѣстнаго денежнаго пособія и надѣла общинными землями, полученіе земель въ частную собственность; то мѣра эта привлекла не мало охотниковъ, желавшихъ поселиться въ закубанскомъ краѣ, какъ изъ среды кубанскаго войска, такъ и изъ войска донскаго, азовскаго, оренбургскаго, уральскаго и терскаго. Такимъ образомъ въ 1863 г. вновь было основано 20 станицъ, съ населеніемъ въ 3541 семействъ, и наконецъ въ 1864 г. 17 станицъ и 7 поселковъ, съ населеніемъ въ 4417 семействъ [2]). Въ теченіе-же всего четырехъ лѣтняго періода было основано, слѣдовательно, 83 крупныхъ козачьихъ поселеній и въ нихъ поселено 14,081 семействъ.

Самое расположеніе станицъ находилось, конечно, въ тѣсной связи съ военными соображеніями. Руководившіе колонизаціей смотрѣли на закубанскую станицу прежде всего, какъ на стратегическій пунктъ, какъ на опорную точку при вытѣсненіи горцевъ изъ самыхъ крайнихъ и неприступныхъ уголковъ ихъ мѣстожительства. Поэтому, одни изъ станицъ, какъ Хамкетинская, Бѣлорѣчен-

---

[1]) Изъ архивныхъ документовъ станицы вознесенской, стр. 7—73.

[2]) Тамъ-же, стр. 75—78.

ская, Ново-Дмитріевская, Абинская и пр. возникли на мѣстахъ бывшихъ уже здѣсь укрѣпленій; при расположеніи другихъ стратегическимъ соображеніямъ часто отдавалось преимущество предъ выгодами и разсчетами экономическими. Точно также и самый составъ переселенцевъ, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовалъ все тѣмъ-же военнымъ цѣлямъ. Козаки и вообще служило—военные элементы составили подавляющее большинство. Такъ изъ общей массы переселенцевъ 58,9% приходится на долю кубанскихъ козаковъ, 25,3% на долю козаковъ изъ другихъ войскъ и отставныхъ солдатъ и только 15,8% на долю государственныхъ крестьянъ и людей другихъ сословій [1]). Однимъ словомъ, и на тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ производилась колонизація закубанскаго края, и на расположеніи станицъ, и на самомъ составѣ переселенцевъ одинаково лежала печать военнаго Молоха, въ жертву которому искони приносилось козачество, служившее, по выраженію г. Попка, „живою изгородью на рубежахъ отечественной земли". Экономическіе промахи и недосмотры при такой колонизаціи неизбѣжны. И дѣйствительно нѣкоторыя станицы, какъ Псеменская, впослѣдствіи были совсѣмъ снесены и разселены, другія и теперь еще испытываютъ серьезныя экономическія стѣсненія, явившіяся слѣдствіемъ военной колонизаціи.

Занятіемъ западныхъ предгорій Кавказа и оканчивается собственно колонизація Кубанской области въ смыслѣ расширенія границъ козачьей территоріи. Большинство сложившихъ оружіе черкесовъ эмигрировало въ Турцію, принявшіе русское подданство были переселены съ предгорій на плоскости, ближе къ Кубани. Козаки такимъ образомъ прочно укрѣпились на всѣхъ пунктахъ когда-то враждебнаго имъ края и козачьи станицы обширнѣйшею сѣтью охватили всю Кубанскую область. Дальнѣйшее затѣмъ заселеніе края было исключительно дѣломъ разселенія, результатомъ внутренней переработки и распредѣленія наличныхъ колонизаціонныхъ элементовъ. Правда, притокъ переселенцевъ въ Кубанскую

---

[1]) Изъ архивныхъ документовъ станицы вознесенской, стр. 76 и 77. Взятыя у г. Бентковскаго цифры для опредѣленія процентныхъ отношеній состава закубанскихъ переселенцевъ значительно разнятся отъ цифръ, приведенныхъ г. Бентковскимъ-же при населеніи станицъ.

область по прежнему продолжался извнѣ, въ нѣкоторые годы онъ принялъ даже необычайные размѣры, но онъ не носилъ уже прежняго характера. Козачество, какъ войско, закрыло доступъ въ свою среду переселенцамъ. Оно само раздробилось на массу отдѣльныхъ станичныхъ общинъ и станичная община уже самостоятельно начала абсорбировать пришлые и чуждые ей элементы, разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, когда она находила это нужнымъ.

На первыхъ порахъ этой внутренней колонизаціи слѣды общихъ административныхъ мѣропріятій еще даютъ себя чувствовать козаку, нѣкоторыя станицы еще возникаютъ по предначертанію и указаніямъ войсковаго начальства. Такъ, въ 1865 и 1866 г. были основаны Славянская, Георгіе-Афинская, Мингрельская, Троицкая, Анастасіевская и Курченская станицы, въ 1871 г. Копанская и Ясенская. Мѣста для этихъ станицъ были избраны и назначены администраціей, а населеніе взято изъ существовавшихъ уже козачьихъ поселеній, въ которыхъ оно особенно сильно возрасло. Съ теченіемъ времени даже эта черта принудительнаго разселенія теряется въ козачьихъ общинахъ. Возникновеніе новыхъ поселеній и признаніе самостоятельности за возникшими уже въ формѣ хуторовъ становятся дѣломъ инициативы и усмотрѣнія станичныхъ общинъ. Администрація только даетъ въ такихъ случаяхъ свою санкцію. Такимъ образомъ возникло нѣсколько поселковъ на дополнительныхъ станичныхъ участкахъ и на мѣстахъ занятыхъ группами хуторовъ, какъ Албашскій, Ахтарскій, Широчанскій, Черноерковскій, Кармалинскій и многіе другіе. Но въ это-же время въ Кубанскую область начинается особенно сильный притокъ другого рода переселенцевъ, такъ называемыхъ иногороднихъ или, по выраженію черноморцевъ, „городовиковъ“, т. е. крестьянъ арендаторовъ и ремесленниковъ, выселившихся въ Кубанскую область изъ внутреннихъ губерній Россіи.

Примѣры колонизаціи Кубанской области, помимо козачьихъ, другими элементами имѣли мѣсто еще до покоренія Западнаго Кавказа, но это были лишь единичныя и малозначущія попытки. Такъ въ 1834 г. возникло селеніе Армавиръ, населенное горскими армянами, и основаны въ Черноморіи двѣ нѣмецкія колоніи Михельсталь и Александровская. Одновременно съ занятіемъ кубанскихъ предгорій и непосредственно затѣмъ эти единичныя попытки на-

чинаютъ принимать болѣе общій характеръ. Греки, нѣмцы, молдоване, болгары и русскіе крестьяне образовали въ это время въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько крупныхъ поселеній. Такимъ образомъ возникли селенія Витязевское, Греческое, Мерчанское, Молдованское и Русское въ темрюкскомъ уѣздѣ, колоніи Александрфельдская, Резенфельдская и Эйнфельдская въ кавказскомъ уѣздѣ, селенія Богословское, Козьминское, Ольгинское и Успенское въ баталпашинскомъ уѣздѣ и др. Тѣмъ не менѣе всѣ эти не козачьи поселенія дали относительно незначительную цифру пересленцевъ сравнительно съ тѣмъ количествомъ ихъ, которое приходится на долю „иногороднихъ“ или „городовиковъ“. Этимъ послѣднимъ суждено было внести въ жизнь козачества болѣе сильную экономическую струю, чѣмъ ихъ счастливымъ предшественникамъ, и въ нѣкоторой степени измѣнить даже самый характеръ поселочныхъ формъ Кубанской области.

Особенно сильный притокъ иногороднихъ въ Кубанскую область начинается со времени изданія въ 1868 г. закона, дозволившаго лицамъ не войсковаго сословія пріобрѣтать въ собственность усадебныя строенія на козачьихъ земляхъ. Получивъ возможность жить осѣдло въ Кубанской области, крестьяне преимущественно южнорусскихъ губерній двинулись цѣлыми тысячами на Кубань, и въ теченіи послѣднихъ 15 лѣтъ общее ихъ количество въ области возрасло до 250,000 душъ, что составитъ 25% казеннаго населенія. Вся эта масса взялась главнымъ образомъ за земледѣліе, арендуя войсковыя, общинныя и частныя земли. Размѣстившись большею частью по станицамъ, изрѣдка въ поселкахъ и хуторахъ, они образовали цѣлыя хуторскія поселенія собственно на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Часть переселенцевъ, кромѣ того, была принята станичными обществами въ число своихъ членовъ и въ нѣкоторыхъ станицахъ, каковы глухія станицы Закубанья, продолжаетъ приниматься и по сію пору.

Таковъ въ общихъ чертахъ историческій ходъ колонизаціи въ Кубанской области. Съ самаго начала колонизаціи и до половины шестидесятыхъ годовъ, въ продолженіи семидесяти лѣтъ, военныя причины и обстоятельства имѣли чрезвычайно важное вліяніе на распредѣленіе и характеръ поселочныхъ формъ. Только Черноморія представляла въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе. Въ обычаѣ

вообще козачества селиться крупными селеніями, и этотъ обычай осложнялся потомъ все новыми и новыми требованіями въ каждомъ новомъ случаѣ. Козаки селились скученными поселеніями, „по плану“, кварталами, съ прямыми улицами, даже тамъ, гдѣ, при другихъ обстоятельствахъ, они навѣрное придали-бы селенію болѣе разбросанный видъ. Затѣмъ для хозяйственныхъ нуждъ они прибѣгали къ устройству зимовниковъ, кошей и хуторовъ. 1864 годъ, годъ окончательнаго покоренія Западнаго Кавказа, завершивъ поступательный ходъ козачьей колонизаціи, принесъ съ собою новыя условія для дальнѣйшаго заселенія Кубанской области. Требованія въ этомъ отношеніи военной жизни, завоевательныя задачи и интересы борьбы съ черкесами сходятъ со сцены окончательно и безповоротно. Наступаетъ иная, мирная, гражданская жизнь, начинается внутренняя переработка и уравновѣшиваніе колонизаціонныхъ элементовъ и формъ; въ то-же время извнѣ, изъ Россіи, годъ съ годомъ усиливается притокъ пришлаго безземельнаго люда. Все это даетъ сильнѣйшій толчокъ развитію экономической жизни козачества: земельная община становится фокусомъ, около котораго концентрируются самыя разнообразныя экономическія теченія, а внутри котораго идетъ дѣятельная борьба старыхъ общинныхъ порядковъ съ новыми.

Ф. Щербина.

Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности *).

Въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1882 г., разбирая пѣсни *о взятіи козаками Азова* и сообщая записанные на Украйнѣ варіанты пѣсни о *сынѣ Стеньки Разина*, мы подошли къ вопросу о необходимости сравнительнаго изслѣдованія украинской народной словесности и въ частности пѣсенъ. Такое изслѣдованіе, по нашему мнѣнію, составляетъ теперь настоятельную необходимость. Сравненіе въ этомъ отношеніи должно быть сдѣлано въ нѣсколькихъ кругахъ разной величины радіусовъ: въ кругѣ русскомъ (велико-бѣло-мало-русскомъ), въ кругѣ славянскомъ, въ кругѣ арійскомъ, въ кругѣ культурно-человѣческомъ, наконецъ въ кругахъ болѣе тѣсныхъ и, такъ сказать, случайныхъ,—въ кругу области народовъ разнаго племени и разной степени культуры, которые соприкасались съ нашимъ народомъ и передали ему, или отъ него заимствовали извѣстную часть матеріала народной словесности. Обстоятельное сравненіе этого матеріала у разныхъ народовъ, сравненіе какъ основныхъ темъ, такъ и ихъ развитія въ подробностяхъ, опредѣлило-бы какъ *отличіе* нашей словесности, такъ и *сходство* ея съ другими, а въ послѣднемъ случаѣ опредѣлило-бы, происходитъ-ли это сходство отъ *совпаденія* или отъ *унаслѣдованія* изъ общаго когда-то, племеннаго достоянія, или-же (какъ это чаще всего бываетъ) отъ *заимствованія* при взаимномъ культурномъ вліяніи. Только тогда, когда подобнымъ образомъ будетъ изслѣдована наша народная словесность посредствомъ метода *интернаціональнаго* сравненія, можно будетъ говорить съ основательностію о ея *національномъ* элементѣ.

---

*) См. «Кіевская Старина» 1882 г., кн. XI.

Само собою разумѣется, что такая разработка нашей богатой народной словесности можетъ быть дѣломъ только совокупныхъ усилій цѣлаго ряда ученыхъ. Не имѣя претензій на что либо цѣльное и исчерпывающее даже какую-бы то нибыло отдѣльную область предмета, мы предполагали въ нашихъ замѣткахъ по крайней мѣрѣ представить хоть по одному примѣру, взятому изъ каждаго круга изъ числа тѣхъ намѣченныхъ выше круговъ, въ какихъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало-бы производить сравненіе нашей народной словесности съ словесностью другихъ народовъ. Но чтеніе текущихъ работъ и замѣтокъ по интересующему насъ предмету, появляющихся въ Кіевѣ, ставшемъ въ послѣднее время центромъ нашего родиновѣдѣнія, заставляетъ насъ обратиться сначала къ этимъ работамъ и замѣткамъ и постараться отвѣтить съ точки зрѣнія сравнительнаго изученія на вопросы, уже возбуждаемые этими работами и замѣтками.—Таковы поводы и цѣль нижеслѣдующихъ отрывочныхъ замѣтокъ.

III [1]).

Къ вопросу о вертепной комедіи на Украйнѣ.

Въ IV книжкѣ „Кіевской Старины“ за текущій годъ помѣщена замѣтка—г. О. Пч. подъ заглавіемъ: *„Отживающая или начальная форма „вертепной драмы?“* Главное содержаніе замѣтки этой заключается въ сообщеніи о томъ, какъ не очень давно автору пришлось видѣть въ г. Луцкѣ странствующаго „мазура“ съ кукольнымъ театромъ, на которомъ мазуръ этотъ представлялъ рождественскую комедію съ прибавленіемъ бытовыхъ сценокъ, на которыхъ выводились пары цыганъ, жидовъ, мазуровъ и русиновъ. Заглавіе замѣтки, составленное въ видѣ вопроса, вызываетъ читателей „Кіевской Старицы“ къ отвѣтамъ, одинъ изъ каковыхъ смѣемъ предложить и мы.

Прежде всего замѣтимъ, что образцы польско вертепной рождественской комедіи, въ родѣ той, которую видѣлъ г. О. Пч. въ Луцкѣ, извѣстны уже въ печати со времени изданія Конопки:

---

[1]) I и II замѣтки см. «Кіевск. Стар.» 1882 г., кн. XI, стр. 229—250.

Pieśni ludu Krakowskiego (1840; стр. 84 и слѣд.). Не очень давно, въ V-мъ томѣ извѣстнаго собранія Кольберга: *Lud*, (Kraków 1871) напечатано два варіанта рождественской комедіи, исполняемой въ польскихъ вертепахъ, называемыхъ *Szopka* или *Iasełka* (стр. 197—226).

Что касается собственно вопроса, отживающая или начальная форма „вертепной драмы"—есть эта *Szopka*, то вопросъ этотъ уже разрѣшенъ исторіей подобныхъ драмъ на Западѣ, гдѣ онѣ и возникали. Исторія эта вкратцѣ разсказана, хотя и далеко не обстоятельно, и на русскомъ языкѣ, въ книгѣ г. Алексѣя Веселовскаго: „Старинный театръ въ Европѣ" (Москва. 1870). По множеству публикованныхъ въ послѣднее десятилѣтіе текстовъ западно-европейскихъ, старинныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ драмъ, комедій, фарсовъ и т. п., —твердо устанавливается такой ходъ развитія пьесъ въ родѣ польскихъ и украинскихъ рождественскихъ комедій: *начальная форма ихъ появляется въ церквяхъ* въ видѣ драматизаціи богослуженія, достигаемой раздѣленіемъ чтенія литургическихъ текстовъ между разными лицами и хоромъ, установкою статуй и декорацій. Это *драма литургическая*. За тѣмъ уже достаточно развившіяся изъ литургическихъ *религіозныя* драмы (рождественскіе, страстные, воскресенскіе, на праздникъ Божьяго тѣла и т. п.) исполнялись самостоятельно, но все еще долго въ церквяхъ, изъ которыхъ постепенно стали выходить на площади и въ частные дома, причемъ драмы эти стали и сжиматься въ *кукольныя* представленія, и разбиваться на отрывки въ видѣ *діалоговъ* и *виршей*. Діаволъ, Иродъ, пастухи, жиды, солдаты (у гроба Христова), женщины-мѵроносицы и т. п. постепенно принесли съ собою въ религіозную драму бытовой и комическій элементъ, который со временемъ сталъ занимать въ этой драмѣ совсѣмъ почти самостоятельное положеніе въ видѣ тѣхъ *интерлюдій*, какіе извѣстны и въ украинской литературѣ XVIII в.

На основаніи всего, что до сихъ поръ извѣстно, театръ въ Польшѣ и на Украйнѣ появился прямо перенесеннымъ съ запада, причемъ, кажется, у насъ, на Украйнѣ почти не было формы литургической драмы, кромѣ развѣ зародыша ея въ видѣ чтенія *Пассій*. Театръ на Украйнѣ, кажется, начался прямо съ вторичной драмы, религіозной или мистеріи, исполняемой въ школахъ и на

площадяхъ. Что драма эта на Украйнѣ прямо западнаго происхожденія, вначалѣ *чисто-переводная,* въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія послѣ сравненія, напримѣръ, текста Рождественской драмы, приписываемой св. Димитрію Ростовскому, и переработокъ подобныхъ ей текстовъ въ спискахъ вертепной комедіи Маркевича и Галагана, съ западными текстами, напечатанными напримѣръ у *Parfait* въ Histoire du thâtre français и др. Говоря это, мы разумѣемъ особенно серьезную, собственно рождественскую сторону нашей вертепной комедіи, такъ какъ ея комическая сторона, дивертисментъ, гораздо болѣе самостоятельна.

Вопросъ, интересный для изслѣдованія, теперь только въ слѣдующемъ: съ какого собственно текста сдѣланъ былъ переводъ нашей рождественской комедіи и какимъ путемъ явился къ намъ оригиналъ этого перевода? Былъ-ли это оригиналъ латинскій и пришелъ ли онъ къ намъ черезъ поляковъ, или черезъ нѣмцевъ,—или наши переводчики рождественской комедіи передѣлывали свой тесктъ съ перевода польскаго, или нѣмецкаго? Отвѣтъ на эти вопросы между прочимъ будетъ интересенъ для исторіи общенія нашихъ предковъ съ западомъ вообще и въ частности для уясненія вопроса о томъ, были-ли поляки единственными посредниками въ этомъ общеніи, какъ обыкновенно принято думать? Что посредниками этими могли быть и нѣмцы, это дѣлаетъ вѣроятнымъ и то обстоятельство, что напримѣръ въ Львовѣ издавна была нѣмецкая колонія, которая, конечно, жила своею культурною жизнію и должна была имѣть непосредственное вліяніе на украинское населеніе этого важнѣйшаго въ XVI в. культурнаго центра на Украйнѣ. Кромѣ того нѣмецкое вліяніе должно было проходить на Украйну черезъ Литву и Бѣлоруссію изъ Пруссіи и Риги.

По отношенію къ старинному театру точный отвѣтъ на всѣ затронутые выше вопросы сильно затрудняется прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что украинскіе тексты рождественской комедіи мы имѣемъ въ редакціяхъ слишкомъ позднихъ, не раньше XVIII или во всякомъ случаѣ не раньше ½ XVII в.[1]). Списокъ-же бо-

---

[1]) Это мнѣніе мы основываемъ на текстѣ пѣсенки запорожца въ рождественской комедіи:

Та не буде лучше,
Та не буде крашче,

лѣе торжественной, болѣе клерикальной редакціи рождественской драмы мы имѣемъ до сихъ поръ только въ редакціи несомнѣнно украинской, но перешедшей черезъ Великороссію: разумѣемъ драму, приписываемую Димитрію Ростовскому, напечатанную въ I т. изданія: „Русскія Драматическія Произведенія 1672—1725 г.“, Н. Тихонравова (339—399). За тѣмъ препятствіемъ къ излѣдованію источниковъ даже этихъ образцевъ украинской рождественской комедіи служитъ недостаточное изслѣдованіе соотвѣтственнаго матеріала польскаго. По крайней мѣрѣ намъ неизвѣстны изданія польскихъ текстовъ старинныхъ драмъ съ церковными сюжетами, ни даже монографій о нихъ позднѣйшихъ, чѣмъ сочиненіе Войцицкаго: „Teatr starożytny w Polsce“ (W. 1841), крайне недостаточное по отношенію именно къ нашему предмету. Тоже слѣдуетъ сказать по отношенію къ Бѣлоруссіи.

Вотъ почему прежде всего надо желать тщательныхъ поисковъ за остатками стариннаго религіознаго театра въ рукописяхъ и въ устномъ преданіи въ области Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и Украйны. Равнымъ образомъ желательны подобные поиски за виршами и духовными стихами вообще, рождественскими, пасхальными и т. п., такъ какъ эти вещи на Западѣ имѣютъ тѣснѣйшую прикосновенность къ религіозному театру, что замѣчается и на соотвѣтственныхъ примѣрахъ, извѣстныхъ въ письменности украинской и бѣлорусской. Наконецъ, даже въ видахъ руководительства при собираніи названнаго матеріала, желательно уже и теперь сравненіе извѣст-

---

Якъ у насъ та на Украіні!
Що немае жида,
Що немае ляха:
Не буде *изміни*.

Пѣсенку эту «Исторія Руссовъ» относитъ ко времени Черной Рады въ Нѣжинѣ и къ избіенію тогдашнихъ «дуковъ» чернью (Ист. Р., 120) и приводитъ конецъ ея такъ:

Нема панивъ,
Нема ляхивъ,
Не буде й *изміни*.

И въ данномъ случаѣ предположеніе автора «Исторіи Руссовъ» совершенно вѣрно, такъ какъ случай *изміни* не можетъ быть отнесенъ ни къ настоящимъ ляхамъ-полякамъ, ни къ другому времени, ранѣе Виговскаго.

ныхъ уже списковъ украинской старинной драматической литературы съ польскими (хоть по Кольбергу) и западными, а между послѣдними, конечно, прежде всего съ латинскими и французскими (тѣ и другіе—первообразы нѣмецкихъ) и съ нѣмецкими. Кстати теперь уже существуютъ прекрасныя изданія послѣднихъ, наприм., кромѣ старыхъ изданій *Mohne,—Karl Weinhold*-Weihnacht—Spiele und Lieder aus Süddeutschland un Schlesien (2 изд. Wien, 1875), *K. Ad. Schröer*—Deutsche Weihnachtspiele aus Ungarn (2 изд. Wien, 1862), *Aug. Hartmann*—Volksschauspiele in Bayern und Oesterreich—Ungarn desammelt (Leipzig. 1880). Особенно послѣднее изданіе, съ обильными музыкальными примѣрами, желательно было-бы видѣть сравненнымъ со стороны компетентныхъ людей съ одной стороны съ изданіемъ Куссемакера (Coussemaker) Des drames liturgiques du moyen âge (1861, съ музыкой), съ другой—съ нашими текстами и музыкой у Тихонравова, Маркевича и Галагана. Только такое сравненіе открыло-бы намъ, что собственно оригинальнаго имѣемъ мы въ нашемъ рождественскомъ театрѣ, въ томъ числѣ даже въ его бытовыхъ частяхъ. Въ этихъ послѣднихъ напр. наши украинскіе тексты сильно розпятся отъ польскихъ, напечатанныхъ у Кольберга, но сомнительно, чтобы даже нашъ вертепный запорожецъ не нашелъ себѣ родственниковъ въ разныхъ буйныхъ воинахъ въ западныхъ интерлюдіяхъ и комедіяхъ, которыя и до сихъ поръ еще играются и людьми, и куклами въ святочныхъ балаганахъ самыхъ передовыхъ странъ Запада.

Даже тѣ намеки, какіе до сихъ поръ случайно проскакивали въ печати о слѣдахъ существованія стариннаго религіозно-бытоваго театра въ Западной Россіи, даютъ надежды на то, что пожива изслѣдователей по этой части была-бы совсѣмъ не малая, если-бъ за дѣло изслѣдованія принялись сколько нибудь систематически. Такъ напр. въ одной изъ статей „Кіевлянина“, вышедшихъ къ книжкѣ В. Шульгина (теперь очень рѣдкой): „Юго-западный край въ послѣднее двадцатипятилѣтіе“, наталкиваемся на слѣдующія строки: „друзья польскаго дѣла (въ 1861 г.), стараясь сами оттолкнуть крестьянъ отъ правительства и сдѣлать ихъ солидарными своимъ замысламъ, въ то-же время указывали начальству пальцемъ *на сцены изъ исторіи козацкихъ войнъ, дававшіеся въ святочныхъ балаганахъ Кіева*“ (Юго-западный край и пр., стр. 213—214).

Тутъ очевидно дѣло идетъ о сценѣ побіенія запорожцемъ ляха, въ родѣ той, какая находится въ извѣстныхъ печатныхъ варіантахъ вертепной драмы. И такъ еще недавно ее представляли въ Кіевѣ, пока съ польской стороны не было обращено на нее вниманія бдительной полиціи!

А вотъ указаніе еще болѣе новое. Въ № 3 кіевской газеты „Трудъ“ за 1882 г. читаемъ извѣстіе о проявившемся въ предмѣстьи Соломенка простонародномъ малярѣ національно-реалистическаго направленія и за тѣмъ такіе строки: „конечно, прежде чѣмъ желать соломенскому маляру пріобрѣтенія дальнѣйшихъ успѣховъ въ искусствѣ живописи, надо пожелать ему, чтобы онъ не попалъ въ то положеніе, въ которомъ очутился участникъ „народнаго театра“, попавшій изъ святочнаго персонажа, Мельхиседека, въ кутузку.

Изъ словъ этихъ слѣдуетъ заключить, что въ Кіевѣ еще въ 1881 г. какіе-то люди изъ „народа“ покушались играть или играли религіозную драму, въ родѣ тѣхъ *Passionspiel,* которые еще остались въ гористыхъ мѣстахъ южной Германіи (напр. въ Ober-Ammergau, гдѣ такая драма играется крестьянами разъ въ 10 лѣтъ и гдѣ послѣдній разъ играли именно въ 1881 г.). Конечно, въ извѣстіи „Труда“ поучительно уже и то, что въ то время, когда въ Ober-Ammergau собирались любители со всей Европы и даже Америки посмотрѣть, какъ „народъ“ играетъ старинную религіозную драму, у насъ отвели „святочнаго персонажа въ кутузку“, но нельзя не пожелать и того, чтобы репортеръ „Труда“ сообщилъ подробнѣе и о самомъ народномъ театрѣ, актеровъ котораго постигло оригинальное поощреніе нашихъ меценатовъ. Неужели нельзя довѣдаться, по какому тексту играли въ Кіевѣ еще такъ недавно народный театръ съ Мельхиседекомъ и, конечно, съ другими персонажами изъ библейской исторіи?

Что касается Бѣлоруссіи, то о ея религіозно-бытовомъ театрѣ мы встрѣтили недавно отрывочное, но чрезвычайно любопытное извѣстіе въ газетѣ „Новости“, 1883 г., № 102, въ одномъ изъ ряда „бѣлорусскихъ писемъ“ [1]). Въ виду важности сравненія бѣлорусскаго народнаго театра съ украинскимъ, мы воспроизводимъ здѣсь весь отрывокъ письма г. Ос—цкаго, относящійся къ театру:

---

[1]) Подписаны Вл. Ос—цкій.

„Сценой для представленій служитъ небольшой подвижной балаганъ, который можетъ переноситься съ помощью двухъ человѣкъ. Полъ ящика устланъ мѣхомъ кошки или зайца съ сквозными дорожками, по которымъ на проволокахъ двигаются куклы; свѣтъ падаетъ на сцену сверху. Подобный балаганчикъ называется Вертепомъ или Батлейкой (отъ слова Bathleem—Виѳлеемъ). Путешествуетъ онъ по обывательскимъ домамъ, сопровождаемый оркестромъ изъ нѣсколькихъ скрипокъ или волынки, довольствуясь весьма незначительнымъ гонораромъ за свой артистическій трудъ.

Первая часть представленія по-прежнему посвящается переработанному народной фантазіей изображенію эпизодовъ изъ первыхъ дней жизни Іисуса Христа, вторая—бытовымъ сценамъ изъ жизни различныхъ классовъ бѣлорусскаго народа. Первое явленіе представляетъ собою поклоненіе волхвовъ, причемъ на сценѣ устроены и ясли, на которыхъ возлежалъ младенецъ. Хозяинъ вертепа въ это время объясняетъ публикѣ событіе: „возсіявый надъ солнце въ вертепѣ нынѣ, Іисусъ мой возлежитъ въ ясляхъ на сѣнѣ, и холодъ терпитъ, Сотворитель дрожитъ, который въ рукахъ свѣтъ держитъ. Солнце, мѣсяцъ и звѣзды просвѣщаютъ, горы, холмы и моря радостно играютъ, поля и дубровы чтутъ Царя славы, бо вся суть Его державы“. Появляются на сценѣ волхвы, и хозяинъ продолжаетъ: „днесь звѣзда на востокѣ возсіяла, тремъ царямъ путь показала; три царя шли, злато, ливанъ и смирну несли“.

Послѣ небольшаго антракта, на сценѣ появляется картонный престолъ, на которомъ возсѣдаетъ какое-то чудовище и безобразно жестикулируетъ: это—„Иродъ съ того засмутился, что Господь Христосъ народился; казалъ его искати, по всей землѣ пытати“. Но Іосифу „ангелъ во снѣ сказуетъ, что царь Иродъ гатуетъ“. Поэтому, вслѣдъ затѣмъ, по сценѣ движется на какомъ-то четвероногомъ женщина съ младенцемъ на рукахъ, а сзади идетъ старичекъ, что вѣроятно изображаетъ собою бѣгство въ Египетъ. Начинается избіеніе младенцевъ, стоны и плачъ матерей; сцена покрывается грудами окровавленныхъ малютокъ. Но вскорѣ Иродъ получаетъ достойное возмездіе за свой звѣрскій поступокъ: на сцену выбѣжала безобразная „смерть“ съ косою и обнаженными челюстями; Иродъ умоляетъ о пощадѣ, трясется, но „смерть“ безпощадна, и отъ взмаха ея косы голова Ирода покатилась по полу; „отъ

смерти, приговариваетъ она, не утекти". Появляющіеся изъ-за кулисъ бѣсы—съ хвостами, рогами, когтями и прочими бѣсовскими аттрибутами—тащатъ крючьями трупъ Ирода прямо въ адъ.

Этимъ потрясающимъ невзыскательныхъ зрителей драматическимъ эффектомъ и заканчивается первая часть представленія. Затѣмъ переходятъ уже къ бытовымъ сценамъ, въ которыхъ фигурируютъ представители многочисленныхъ національностей, населяющихъ Бѣлоруссію, съ ихъ характерными особенностями: кичливый и падкій на прекрасный полъ панъ, цыгане и евреи, надувающіе мужика, уланъ, соблазняющій барынь и, наконецъ, крѣпкій заднимъ умомъ добродушный бѣлорусскій мужичекъ, служащій вообще объектомъ для болѣе или менѣе остроумныхъ выходокъ представителей всѣхъ остальныхъ національностей.

Вотъ для образчика одна изъ такихъ сценъ.

Бѣлорусскій мужикъ выходитъ съ подвязаннымъ брюхомъ и жалуется на свой разстроенный праздничными яствами желудокъ: „авей, авей, вохъ, вохъ, вохъ! Вотъ, мои панночки, былъ я у пана Барановскаго на кути, да якъ подъѣлъ кути—такъ не могу сойти! Что моя Ульяна не робила—и горщокъ на пупѣ становила—да и тое не помогло, да еще горшъ прилягло! Порадили мнѣ галасу, купервасу, да бурачнаго квасу, моху. чертополоху и еще нечего троху, усе это зелье сколотить—да и выпить. Зробилъ я и гэто: не помогло, яще горшъ прилягло. Вотъ кабъ-бы нашолся дохторочекъ и полечилъ-бы мой животочекъ—отдалъ-бы я ему и торбочку, и мѣшочекъ".

Къ его услугамъ является и докторъ.

— Что съ тобой мужикъ?

— А вотъ, паночекъ, неисправность, бурченья, рѣзачка, обенбенило, якъ Антонову козу!

— Ложись, мужикъ! Какъ тебя зовутъ?—спрашиваетъ докторъ.

— Матвѣй!

Докторъ начинаетъ колотить палкой лежащаго Матвѣя. „Ну потѣй, пане Матей!"

Послѣ этого докторъ стремительно убѣгаетъ, забравши „торбочку и мѣшочекъ", а опомнившійся Матвѣй подымается на ноги. „А лихо твоей матери, выругался онъ; напотѣлъ, намотѣлъ—да и самъ къ чорту полетѣлъ!"

Изъ всего этого разсказа очевидно, что записать полный текстъ бѣлорусской рождественской драмы еще и теперь не составляетъ большой трудности. Спѣшить-бы!..

IV.

Песиголовцы въ украинской народной словесности.

Передъ нами лежитъ недавно вышедшій сборникъ „Рада", этнографическій отдѣлъ котораго представленъ коротенькимъ очеркомъ: „Песиголовці, демологичный образъ, Грицька Десятина". Маленькій очеркъ этотъ отрицательными своими сторонами еще разъ свидѣтельствуетъ въ пользу необходимости перенесенія въ наши этнографическія работы пріемовъ и идей, выработанныхъ западноевропейской наукой, а между прочимъ для положенія предѣловъ субъективной поспѣшности, съ какою наши этнографы дѣлаютъ свои выводы о собранномъ среди нашего народа словесномъ матеріалѣ.

Г. Десятинъ, взявъ нѣсколько сказаній о песиголовцахъ-людоѣдахъ изъ сборниковъ сказокъ гг. Рудченка и Драгоманова, предлагаетъ имъ свое объясненіе, которое сводится къ тому, что подъ видомъ песиголовцевъ-людоѣдовъ народъ нашъ олицетворилъ историческихъ хищниковъ, нападавшихъ на его землю еще не очень давно, напр. татаръ.

При видѣ такого объясненія, прежде всего является слѣдующее соображеніе: вѣдь о татарахъ существуетъ у нашего народа масса сказаній и пѣсенъ, въ которыхъ этотъ близко извѣстный нашимъ землякамъ народъ рисуется вовсе не фантастическими, а вполнѣ реальными образами? Зачѣмъ-же послѣ такихъ образовъ понадобилось-бы нашимъ предкамъ, встрѣчавшимъ татаръ чуть не каждый день, еще рисовать ихъ песиголовцами и одноглазыми? Но кромѣ того, зачѣмъ прибѣгать къ какимъ-бы то ни было гипотезамъ, не провѣривъ прежде простыхъ объясненій? Г. Десятинъ напр. говоритъ, что украинцамъ не было ни возможности, ни надобности заимствовать образовъ (о песиголовцахъ и циклопахъ-людоѣдахъ) у грековъ (у которыхъ впрочемъ, по его мнѣнію, эти образы возникли тоже по аналогическимъ мотивамъ). Но, оставя въ сторонѣ

вопросъ о томъ, какъ сложились у грековъ образы кинокефаловъ и циклоповъ (замѣтимъ, у грековъ—отличные), есть слишкомъ много доказательствъ на то, что именно греческіе (и латинскіе) образы песиголовцевъ и людоѣдовъ издавна проникали на Украйну черезъ книги, изъ которыхъ и осѣдали въ глубь народныхъ массъ вмѣстѣ съ другими идеями и образами старинной культуры.

Такъ при самомъ началѣ письменности на Украйнѣ уже были здѣсь въ ходу образы изъ круга сказаній объ Александрѣ Македонскомъ, сведенныхъ въ книгѣ такъ называемаго Псевдокалисѳена. А въ этой Александреидѣ есть и сказаніе о песиголовцахъ, равно какъ и о циклопахъ и т. п. (см. между прочимъ и у Пыпина—Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, 29). Эта-же Александреида распространялась и въ позднѣйшихъ украинскихъ переводахъ, образецъ которыхъ находится и теперь въ Петербургской Императорской Публичной Библіотекѣ [1]). Кромѣ Александреиды, которая кружила по Европѣ въ переводахъ на всякіе языки, въ средніе вѣка греко-латинскіе образы о кинокефалахъ, людоѣдахъ и т. п. разносились по Европѣ спеціальными космографіями и даже съ картами [2]). Такія космографіи и карты за-

---

[1]) Какъ глубоко пустила свои корни Александреида даже въ Россіи, объ этомъ можно судить по факту, правда, изъ Великороссіи, разсказанному нѣмецкимъ путешественникомъ 30-хъ годовъ, Колемъ (Kohl). Этому говорилъ одинъ нѣмецъ, что въ Поволжьи крестьяне начетчики библіи, когда встрѣтятъ въ ней имя Гогъ и Магогъ, то говорятъ, что это два народа великаны, которые прежде опустошали всю землю, но которыхъ Александръ Македонскій заперъ въ ущелья Кавказа и поставилъ на горахъ трубы, чтобъ вѣтеръ, дуя въ нихъ, поддерживалъ въ великанахъ мысль, что и до сихъ поръ еще Александръ ихъ сторожитъ. Со временемъ трубы падаютъ и когда всѣ падутъ, великаны выйдутъ изъ своихъ убѣжищъ на горе всему міру (Kohl. Reisen in Südrussland. 1841. I, 291—293). Пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ напомнить объ этомъ преумномъ наблюдателѣ Россіи вообще и Украйны въ частности. Особенно характеристика этнографическихъ признаковъ украинскаго населенія, сравнительно съ великорусскимъ и отчасти съ польскимъ, сдѣланная въ другомъ сочиненіи Коля—Reisen im Inneren von Russland und Polca (2 тома, 1841 г.) заслуживаетъ вниманія.

[2]) Источниками этихъ свѣдѣній о чудовищныхъ людяхъ, какъ песиголовцахъ, одноглазыхъ, одноногихъ, безбородыхъ, зонтиконогихъ, великанахъ, пигмеяхъ, служили древніе писатели (преимущественно Плиній, Ацилъ Геллій, Солинъ Полцгистеръ, Филостратъ) которые сами заимствовали значительную часть своихъ разсказовъ у египтянъ и индійцевъ. Въ старой христіанской литературѣ эти разсказы свелъ Августинъ Блаженный (De Civitate Dei, VI, I) разсуждая о томъ, какъ произошли эти чудища отъ Адама и Ноя.

ходили издавна и въ русскія области. У насъ нѣтъ теперь подъ рукою отрывка изъ подобной космографіи въ западно-русскомъ переводѣ, а потому мы ограничимся приведеніемъ подходящаго отрывка транскрипціи сѣверно-русской, напечатанной въ сочиненіи г. Ровинскаго: „Русскія народныя картинки", т. II, 267—268: (30) островъ живутъ на немъ люди главы у нихъ видомъ песьи человецы велицы и страшливые... (31). Островъ на немъ живутъ людие власы у нихъ имеютъ видомъ лвовы велїцы ї страшны зело воудивление. (32) Островъ пусътъ живутъ на немъ змиї лице девичье до пупа человекъ а отпупа у нихъ и хоботъ змиевъ крылати а зовомы василиски. (33) Островъ и живутъ на немъ люди человѣкоятцы былъ въ немъ съвяты апостолъ андреи первозванныи и вера у нихъ кумирская"... Помѣщаетъ всѣ эти острова эта „книга глаголемая Козмографія переведена сримскаго языка", какъ разъ тамъ, гдѣ помѣщали кинокефаловъ и т. п. фантастическихъ народовъ басни классическія, т. е. на южномъ океанѣ, между Индіей и Египтомъ.

Вѣра въ дѣйствительное существованіе подобныхъ народовъ была въ старину всеобщею у грамотныхъ людей и распространялась, кромѣ книгъ, еще и рисунками, въ томъ числѣ и иконами. Такъ напр. и въ названномъ изданіи г. Ровинскаго есть описаніе страшнаго суда по Клинцовскому подлиннику съ такими словами: „на сторонѣ Мойсей показываетъ жидомъ Христа... 1) стоятъ жидове, 2) стоятъ Литва, 3) синіе аравляне, 4) индіяне, 5) измаилтенѣ, *песіи главы*, 6) турцы, 7) срацины, 8) нѣмцы, 9) ляхи, 10) русь... (Op. cit. IV, 644).

Изображеніе человѣка съ собачьей или волчьей головой, и при томъ великана, наши предки видѣли въ церквяхъ и на иконахъ еще по одному поводу, а именно въ представленіи св. Христофора, великана, обрекшаго себя на вѣрное служеніе Христу (S. Christophoros—famulus Dei), котораго онъ разъ и перенесъ черезъ Іорданъ, изнемогая подъ тяжестію этого ребенка, сосредоточившаго въ себѣ всю тяготу земли (ср. Микулу Селяниновича и Сумочку). Этотъ геркулесъ христіанскихъ легендъ среднихъ вѣковъ изображался на православномъ Востокѣ не только великаномъ, но въ формѣ, напоминающей египетскаго шакалоголоваго Анубиса, слугу Гороса, сына Озирисова. Насъ далеко повело-бы, если-бъ мы занялись здѣсь

объясненіемъ состава легенды о св. Христофорѣ (см. о ней Alfr. Maury—Essai sur les légendes pieuses du moyen âge (P. 1848) и Sinemus—Die Legende v. Heil. Christophorus und die plastik und Malerei (Han. 1868). Мы считаемъ для нашей цѣли достаточнымъ простое напоминаніе факта изображеній св. Христофора съ головой волка или собаки, а также того, что святой этотъ, именно по греческимъ легендамъ, и выводится изъ страны кинокефаловъ-песиголовцевъ и, по этимъ легендамъ, началъ говорить по человѣчески только тогда, когда ангелъ коснулся его губъ (см. Acta Sanctorum, изд. Болландистовъ, 25 іюля).

У г. Ровинскаго находимъ два рисунка св. Христофора съ волчьей головою, сдѣланные въ Россіи еще въ XVIII в. (см. III, 674, IV, 772), а потому желательно было-бы, чтобъ лица, имѣющія къ тому возможность, поискали по украинскимъ закоулкамъ иконъ и гравюръ съ изображеніемъ какъ св. Христофора въ видѣ Анубиса, такъ и изображенія песьихъ-головъ на страшномъ судѣ.

Мы потому между прочимъ остановились на этомъ предметѣ, что это только одинъ изъ многихъ примѣровъ распространенія въ нашихъ областяхъ образовъ, порожденныхъ въ такъ называемомъ *языческомъ* мірѣ, распространенія при посредствѣ средневѣковой христіанской церкви. Уясненіе-же этого обстоятельства чрезвычайно важно для пониманія такъ называемой народной словесности и народныхъ идей вообще. Наши собиратели этихъ вещей и даже изслѣдователи постоянно игнорируютъ это обстоятельство, производя всѣ образы, какіе они ни встрѣтятъ въ умѣ „народа“, въ его собственныя изобрѣтенія, а рядомъ съ тѣмъ признавая все то, что имъ покажется не схожимъ съ *ихъ* христіанскимъ или раціоналистическимъ міровоззрѣніемъ, продуктомъ древней языческой мысли нашего-же народа. А между тѣмъ современное религіозное міровоззрѣніе образованныхъ людей болѣе или менѣе часто деистическое, проникнутое своего рода раціонализмомъ и сгармонированное съ теперешнимъ естествознаніемъ, есть вещь очень новая, ведущая свое начало отъ великаго умственнаго движенія XVI—XVII в. Средневѣковая-же религіозность сама была своего рода язычествомъ, политеизмомъ, и заключала въ себѣ массу фантазій не только міра классическаго, но и древне-азіатскаго и африканскаго. Эти фантазіи средневѣковая религіозность греко-италійская привнесла и въ нашу

славянскую, сравнительно бѣдную миѳологіей, область и распространила ихъ проповѣдью, книгою, живописью.

Иначе говоря, и высказывая мысль, которая пусть будетъ заключеніемъ какъ настоящей, такъ и предъидущей замѣтки,—*весьма многое, что мы находимъ теперь въ нашей области и даже въ сферѣ ея неграмотнаго населенія, есть продуктъ не мѣстный и не „народный“, а общій всѣмъ народамъ историческимъ, и продуктъ культурный.* Мысль эта уже признана изслѣдователями такъ называемой народной словесности и быта въ западной Европѣ и здѣсь привела къ новымъ и болѣе строгимъ научнымъ объясненіямъ этихъ предметовъ, чѣмъ тѣ, какія господствовали во времена прежняго субъективнаго народничества, какое еще крѣпко у нашихъ этнографовъ. Почему-же послѣдніе остаются въ сторонѣ отъ идей и пріемовъ европейской научной школы?. На этотъ вопросъ мы не беремся отвѣчать.

М. Т—овъ.

Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ XVII и XVIII ст.

I.

Лѣвобережская Украйна, представлявшая въ княжеское время одну изъ богатѣйшихъ и цвѣтущихъ областей, послѣ татарскаго нашествія значительно опустѣла. Прежніе центры ея—Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ потеряли всякое политическое значеніе. Историческая жизнь переходитъ изъ поднѣпровья на сѣверъ—въ Брянское княжество. Но въ половинѣ XIV ст. прекращается и политическое существованіе Брянска: онъ подпадаетъ подъ власть Литвы, а вмѣстѣ съ нимъ и почти вся бывшая Чернигово-Сѣверская земля. Относительно Переясловскаго княжества, т. е. нынѣшней Полтавщины нельзя сказать ничего опредѣленнаго, хотя можно думать, что здѣсь вовсе не сохранилось того населенія, которое жило въ княжескій періодъ. Объясняется это географическими условіями мѣстности. Въ то время, какъ Черниговщина представляла изъ себя *польсье*, Полтавщина съ такимъ-же правомъ можетъ быть названа (и называлась) *полемъ*. Въ лѣсахъ удержались остатки прежняго населенія; сюда-же вскорѣ стали являться жители сосѣднихъ, болѣе густо населенныхъ мѣстностей. Въ поземельныхъ актахъ XV в. мы постоянно встрѣчаемъ упоминанія о *селищахъ*, т. е. о разоренныхъ селахъ. Въ 1489 г. Казиміръ пожаловалъ пустынно-николаевскому монастырю „селище пустое“ Княжичи [1]). Нужно припомнить, что главными предметами тогдашняго хозяйства было лѣсоводство, рыболовство, пчеловодство и за тѣмъ уже хлѣбопашество. Такъ было въ Литвѣ и правобережной Украйнѣ; такъ было и въ Черниговщинѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ поземельные акты, прилож ен-

[1]) Акты Западной Россіи, томъ I, 98.

ные къ Румянцевской описи и восходящіе иногда до XVI и даже XV вѣка; въ нихъ угодья обыкновенно опредѣляются словами: „съ деревомъ бортнымъ, лѣсами, борами, сѣножатми, озерами, рѣками, рѣчками рыбными и звѣриными ловлями, и бобровыми гонами"; указываетъ на это и цѣлый рядъ селеній съ именемъ „Буды", „Гуты", „Рудни". Но количество населенія сравнительно съ территоріей (особенно раньше) было незначительно. Въ древнихъ актахъ мы никогда не находимъ точнаго опредѣленія границъ. Великій князь литовскій Александръ подтверждаетъ князю Глинскому его права на четыре человѣка со всѣми ихъ землями, пахатными и бортными, сѣнокосами, рѣками, бобровыми гонами и со всѣмъ тѣмъ, что издавна къ тѣмъ землямъ относилось, равнымъ образомъ со всѣми ихъ „входами [2])".

Въ другой грамотѣ того-же Александра, данной Можайскому князю Симеону Ивановичу въ 1496 году, нѣтъ тоже никакихъ указаній на границы пожалованной территоріи. „Билъ намъ челомъ, говорится тамъ, князь Семенъ Ивановичъ Можайскій и просилъ насъ пожаловать его какимъ нибудь имѣніемъ; и мы съ ласки нашей пожаловали его и дали ему городъ Черниговъ, *со всѣми, что къ нему слушаетъ*, исключая своихъ собственныхъ бояръ (числомъ восемь); остальные-же бояре должны ему служить съ своихъ имѣній. Дали-же ему Черниговъ съ слугами путными, людьми данными и тяглыми, со всѣми платами и доходами, съ землями и водами, со всѣмъ тѣмъ, что издавна къ Чернигову тянетъ". На такомъ-же основаніи и такимъ-же порядкомъ были подтверждены права Можайскому на Стародубъ и Гомель [1]). Врядъ-ли потерпѣла значительныя перемѣны Черниговщина подъ Московскимъ владычествомъ въ продолженіи XVI и начала XVII вѣка. Положеніе сѣверской Украйны въ смутное время было очень печальное; должнымъ спокойствіемъ и безопасностью населеніе далеко не пользовалось. Въ началѣ XVII вѣка начинается усиленное нашествіе туда польскихъ пановъ. Вмѣстѣ съ мелкою шляхтой, устраивавшей буды, гуты и рудни, владѣвшей звѣриными и рыбными ловлями, бобровыми гонами и т. д. явились и такіе крупные собственники,

---

[1]) Ibid., страница 151.

[2]) Ibid., страница 163 и 192.

какъ, напримѣръ, Песочинскій, Кисель и др., которымъ принадлежали громадныя территоріи. Вообще шляхта ко второй половинѣ XVII вѣка, т. е. къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго, пустила уже прочные корни въ Черниговщинѣ. Земля принадлежала юридически этой шляхтѣ, которая отдавала ее въ пользованіе посполитству и получала за это извѣстныя дани. Владѣнія были двоякаго рода: на ленномъ и на вѣчномъ правѣ. Феодальные порядки въ староствахъ, особенно украинныхъ, господствовали тогда еще всецѣло. За коннаго воина давалось четыре уволоки земли [1]). Условія крестьянскаго пользованія землею были весьма разнообразны и вообще не легки. Изъ интересныхъ люстрацій украинныхъ староствъ, изданныхъ г. Яблоновскимъ, видно, что въ двухъ черниговскихъ староствахъ — любецкомъ и остерскомъ повинности крестьянъ были довольно тяжелыя; въ любецкомъ староствѣ они давали разные чинши, поворотне и медъ; въ остерскомъ—мѣстами чиншъ, овесъ, сѣно и куничную дань, мѣстами-же только медъ, овесъ и сѣно. Болѣе подробно повинности опредѣлены въ люстраціи 1628 г. Размѣръ ихъ для остерскихъ мѣщанъ и высидѣвшихъ свой срокъ жителей слободы Омельянова былъ таковъ: съ пары воловъ по одному злотому чинша, четверть овса, осмачокъ жита, полъ осмачка пшеницы, полъ осьмачка ячменя; съ дыма—по двѣ курицы, по десять яицъ, по одному возу сѣна, по одному возу соломы, по два воза дровъ; съ двухъ паръ воловъ—гусь; съ двадцати пяти паръ воловъ—яловая корова, кабанъ, четыре барана, кадка меду, полубочка соленой рыбы. Если кто не имѣлъ воловъ и пахалъ лошадьми, то конь считался за пару воловъ. Купцы, плававшіе судами, должны давать два злотыхъ чинша, четверть овса, возъ сѣна, гуся и пару курей, плававшіе-же лодками половину этихъ продуктовъ; кромѣ того какъ тѣ, такъ и другіе обязаны были складываться вмѣстѣ съ другими на яловую корову, кабана, барановъ, медъ и рыбу. Тѣ-же, которые не занимались ни земледѣліемъ, ни торговлей, а жили съ однихъ заработковъ, обязаны платить по полъ злота чинша, по осьмачку овса, по возу сѣна и по одной курицѣ; эти-же повинности обязаны были нести и тѣ, которые живутъ со скоп-

---

[1]) Lustracye królewszczyzn. Al. Iabłonowski W. 1877 г., стр. 84—100; Обозр. Рум. оп. Малорос., Константиновича, стр. 613, 619.

щины. Кромѣ того всѣ вообще вмѣсто того, чтобы тянуть неводъ, обязаны доставить отъ двора по два дерева для яза (рыбнаго садка). Съ каждаго двора полагается по два гроша литовскихъ—подымнаго, очередная подвода на 12 миль, починка гребель, мостовъ, мельницъ. Сверхъ того имѣющіе бортныя деревья обязаны каждый особо давать по двѣ бочки меду; владѣющіе-же на рр. Трубежѣ и Острѣ рыбными ловлями всѣ вмѣстѣ должны ежегодно давать бочку соленой рыбы [1]). Изъ этого списка видно, что количество повинностей было уже значительно, а главное не было ни малѣйшей гарантіи, что при слѣдующей люстраціи онѣ не будутъ увеличены вдвое. Боярское сословіе, которое впослѣдствіи составило главный контингентъ реестроваго козачества, подвергалось все большему и большему угнетенію. Прежде вольные защитники страны, теперь они начинаютъ чувствовать свою зависимость отъ польской шляхты. Истинные колонизаторы края,—ими основана значительная часть и теперь существующихъ поселеній—они должны были уступить свое мѣсто пришлому польскому дворянству. Не получивъ права дворянства во время люблинской уніи, они должны были войти въ классъ зависимаго посполитаго крестьянства. Пропасть между ними и шляхтою дѣлалась все больше и больше. Король Владиславъ при всемъ своемъ желаніи не могъ обезпечить ихъ положеніе, защитить отъ произвола такихъ, напримѣръ, старостъ, какъ Стефанъ Аксанъ, который отнималъ у нихъ земли, билъ, сажалъ въ тюрмы, требовалъ исполненія всевозможныхъ повинностей. Правда, наѣзжавшія люстраціонныя коммисіи, особенно вслѣдствіе разгоравшихся уже козацкихъ возстаній, издавали распоряженія въ пользу бояръ—постановляли возвратить отнятыя у нихъ земли и кромѣ военной службы не требовать отъ нихъ никакихъ повинностей; но они оказывались мертвою буквою. Въ будущемъ боярамъ предстояло слиться съ крестьянами въ одну безправную массу, и это случилось-бы, не будь возстанія Богдана Хмельницкаго. Какіе результаты имѣло возстаніе Богдана Хмельницкаго, мы увидимъ нѣсколько позже, а теперь обратимся къ южной части лѣвобережной Уркайны—*полямъ*, нынѣшней полтавской губерніи, и прослѣ-

---

[1]) М. Н. Александровичъ, «Остерскій уѣздъ», стр. 98—99.

димъ исторію ея заселенія до второй половины XVII вѣка, т. е. также до времени Богдана Хмельницкаго.

Если сѣверная Малороссія была слабо населена, то южная представляла изъ себя дикую степь. И дѣйствительно въ XVI в. тамъ были *яловыя* (пустыя) *поля*, какъ говорили турецкіе и перекопскіе купцы, подвергшіеся нападенію московскихъ и малороссійскихъ козаковъ [1]). Побережье Ворсклы и Хорола представляло изъ себя *уходы* кіевскихъ, каневскихъ и черкасскихъ козаковъ, т. е. тѣ мѣста, гдѣ они занимались звѣроловствомъ и рыболовствомъ [2]); побережье Сулы и Псла составляло *уходы* каневскихъ мѣщанъ [3]); наконецъ, побережье Удая представляло *ухожаи* черниговскихъ жителей [4]). Очевидно, если и были здѣсь постоянныя поселенія до XVI в., то чрезвычайно рѣдкія. Заселялся край въ теченіи XVI, XVII и даже XVIII вѣка.

Роменская волость впрочемъ заселена была уже, кажется, въ концѣ XV вѣка; по крайней мѣрѣ на принадлежность ея Чернигову указывали старинные привилеи Казиміровы [5]). Волость тарговицкая (южная часть нынѣшняго конотопскаго уѣзда) первоначально заселена была въ началѣ XVI вѣка при великомъ князѣ литовскомъ Александрѣ. Первое упоминаніе о Гадячѣ относится къ концу XVI вѣка [6]). Тогда-же стали заселяться верховья рр. Удая, Сулы, Хорола и Псла; здѣсь явились города—Варва, Журавка, Куренка, Многой, Снетинъ, Синецъ [7]); въ началѣ XVII в. мы уже здѣсь находимъ—Лубны, Лохвицу, Чернухи, Хомутецъ, Камышенку, Сорочинцы, Лютеньку, Артополоть, Рашевку, Медвѣжье, Липовое, Красный-Колядинъ и Сары [8]).

Первыми крупными поземельными собственниками, успѣвшими захватить себѣ большую территорію, были князья Глинскіе. Родословныя таблицы выводятъ князей Глинскихъ отъ Мамая и начало

---

[1]) Кн. пос. метр. В. К. Литовскаго, т. I, стр. 29—33.
[2]) Ibid, стр. 30.
[3]) Дворц. Разр., II, стр. 803, 902.
[4]) Кн. пос. мет. В. К. Литовск., т. I, стр. 198.
[5]) Дворц. Разр., II, стр. 899.
[6]) Ibid., стр. 884.
[7]) Ibid., стр. 883.
[8]) Чт. Мос. Ист. и Др. 1862 г., кн. 4-я;

ихъ полтавскихъ владѣній относятъ къ XIV вѣку: въ концѣ XV ст. владѣнія ихъ обнимали почти всю восточную часть полтавской губерніи [1]). Въ XVI вѣкѣ часть ихъ имѣній перешла къ Байбузамъ, Проскурамъ и Келбовскимъ [2]). Отъ Байбузъ мѣстность по рѣкѣ Сулѣ перешла къ Вишневецкому, который къ половинѣ XVII вѣка сдѣлалался самымъ крупнымъ собственникомъ въ Полтавщинѣ. Изъ списка его его имѣній, изданнаго Пшездзѣцкимъ, видно, что ему принадлежало около 50 селеній, въ томъ числѣ такія, напримѣръ, какъ Лубны, числившіе 2,646 хозяевъ, Хоролъ—1,297, Пирятинъ—1,749, Лохвица—3,325, Ромны—6,000. Количество хозяевъ превышало 30,000 человѣкъ. Каждый изъ нихъ вмѣсто отбыванія панщины платилъ по пяти талярей; владѣвшіе мельницами по два червонца; кромѣ того шинки и фольварки были выдѣлены на владѣтеля [3]). И такъ повинности подданныхъ заключались въ денежной дани; остальные доходы владѣльцевъ поступали отъ разныхъ угодьевъ—мельницъ, селитряныхъ буртъ, рыбныхъ ловель и т. д. Здѣсь-же, въ южной Полтавщинѣ по рр. Ворсклѣ и Орели находились имѣнія извѣстнаго *Юрія Немирича*. Въ 1643 году, какъ видно изъ продажной записи, Юрій Немиричъ купилъ у п. *Кгурскихъ* ихъ имѣнія; одни изъ нихъ лежали по р. *Ворсклѣ*, начавъ отъ *Шанчароваго перевозу* рѣкою Ворсклою до ея устья, а оттуда берегомъ Днѣпра вплоть до р. Орели, съ рѣчками *Полузоремъ*, *Кобылякомъ* и другими, впадающими въ Ворсклу, съ лѣсами, сѣнокосами и полями; другія были расположены по р. *Орели*, начавъ отъ ея устья, гдѣ она впадаетъ въ Днѣпръ, вверхъ къ рр. *Ворсклѣ* и *Самарѣ* до *шляховъ Моравскихъ* со всѣми грунтами, угодьями, лѣсами, сѣнокосами [4]).

Изъ судебной претензіи Юрія Немирича (1643 г.) къ панамъ Кгурскимъ (возникшей вслѣдствіе тою, что эти послѣдніе не защищали его противъ вееводича Браславскаго, Станислава Потоцкаго) видно, что земли по Ворсклѣ и Орели были проданы „з людми на тых кгрунтах осажоными, з ловенем рыбы и звѣра, з млынами,

---

[1]) Дворц. разр., II, стр. 900;

[2]) Ibid., стр. 900—902;

[3]) Podole, Wolyń, Ukraina przez Al. Przezdzieckiego, 7. I, W. 1841, p. 41—44.

[4]) Кіев. Центр. Архивъ, акт. кн. за № 2160 и 611.

карчмами, робенемъ салетръ, паленемъ попеловъ, копанемъ крушцовъ" [1]).

Наконецъ изъ донесенія вознаго, посланнаго для разслѣдованія этого дѣла, мы узнаемъ, что Юрій Немиричъ заботился о заведеніи на вновь пріобрѣтенныхъ грунтахъ слободъ. Одну изъ такихъ слободъ—*Биликовъ Бродъ* разогналъ коронный обозный Тлумацкій и черкасскій староста Адамъ Казановскій (въ 1647 г.); онъ наслалъ своихъ казаковъ въ количествѣ около двухъ сотъ человѣкъ, которые побили и пограбили всѣхъ слобожанъ, забрали отъ нихъ лошадей, скотъ, деньги и другое имущество; поводомъ къ такому „квалтовному" нападенію послужило то обстоятельство, будто слобода осѣла на земляхъ Казановскаго. Чѣмъ окончилось это дѣло, неизвѣстно, ибо оно было перенесено въ трибуналъ [2]).

Нѣсколько иной характеръ носятъ старостинскія владѣнія. Большинство тѣхъ селъ и даже городовъ, которые мы видимъ здѣсь, впослѣдствіи были еще слободами и въ качествѣ таковыхъ не несли никакихъ повинностей; „ratione słobody nic nie czyni"—вотъ постоянное выраженіе, которое намъ попадается въ люстраціяхъ. Въ 1615 г. такими слободами были: Глемязовъ, Быковъ, Яблоновъ, Ирклѣевъ, Голтва, Кропивна. Сроки слободъ здѣсь повидимому были болѣе значительны, чѣмъ въ Черниговщинѣ. Но и по истеченіи срока слободъ единственною повинностью должна была быть военная служба. Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ относительно Ирклѣева: „повинностей никакихъ въ качествѣ слободы не несетъ; а по истеченіи срока долженъ будетъ отправлять тѣ-же повинности, что и черкасскіе мѣщане" [3]) (т. е. военную службу). И дѣйствительно, изъ люстраціи 1622 года мы видимъ, что, „послушенство" жителей Ирклѣева заключается только въ томъ, что каждый изъ нихъ конно съ оружіемъ при старостѣ или подстаростѣ своемъ отправляетъ военную службу [4]).

---

[1]) Ibid., акт. кн. за № 3024, и 838—841.

[2]) Ibid., акт. кн. за № 2489, л. 614. За сообщеніе трехъ послѣднихъ актовъ мы приносимъ искреннюю благодарность уважаемому изслѣдователю южнорусской старины Оресту Ивановичу Левицкому.

[3]) Lustr. król. Al. Iablonowski. W. 1877 r., p. 107;

[4]) Ibid., p. 134.

Найболѣе многочисленный классъ населенія составляли мѣщане и козаки, которые впрочемъ мало чѣмъ отличались тогда другъ отъ друга. Возьмемъ, напримѣръ, опись г. Переяслава 1614 г. „Городъ Переяславъ. Въ немъ мѣщанскихъ послушныхъ домовъ 300; всѣ они не даютъ никакихъ податей, кромѣ военной службы, которую каждый изъ нихъ обязанъ отправлять конно съ оружіемъ съ своимъ старостой или его намѣстникомъ. Другихъ доходовъ городъ не приноситъ, кромѣ аренды, которая состоитъ изъ доходовъ съ шинковъ моста, мельницъ (исключая третьей мѣры, которая идетъ мельникамъ): все это вмѣстѣ составляетъ ежегодный доходъ въ размѣрѣ 1500 флориновъ. Селъ, которыя-бы принадлежали староству, вовсе нѣтъ, а есть хутора, которыми владѣютъ мѣщане, но не несутъ за нихъ никакихъ повинностей, кромѣ военной службы. Впрочемъ большинство хуторовъ заселено козаками“ [1]). Изъ люстраціи 1622 г. мы узнаемъ, что переяславскіе мѣщане должны были выставить 200 человѣкъ конныхъ подъ своею хоругвію и имѣть постоянную стражу.

Но еще больше было козаковъ, которыхъ люстраціи противополагаютъ „послушнымъ“ мѣщанамъ. Въ Прклѣевѣ дворовъ „послушныхъ“ 50, а „непослушныхъ“ козацкихъ болѣе 400-хъ; въ м. Голтвѣ „послушныхъ“ 20, а „непослушныхъ“ козацкихъ 230; въ м. Кропивнѣ „послушныхъ“ 60, а „непослушныхъ“ козацкихъ болѣе 200 [2]). Въ селахъ и хуторахъ, тянувшихъ къ переяславскому староству (числомъ 25), на 280 дворовъ „послушнаго“ населенія приходилось болѣе 1,000 козаковъ, „которые владѣютъ грунтами и всяческими угодьями, но съ нихъ не несутъ никакихъ повинностей“ [3]).

Такимъ образомъ восточная Украйна Рѣчи-Посполитой—Каневщина, Черкащина и Переяславщина была ядромъ козачества, и осѣдлаго и земледѣльческаго. Это не былъ сбродъ какой-то вольницы, шайка удальцовъ-разбойниковъ, а осѣдлое сельское и хуторянское населеніе, отличавшееся правда воинственнымъ характе-

---

[1]) Lustr. król. Al. Iabłonowski. W. 1877 r., p. 106.
[2]) Ipid., p. 134.
[3]) Ibid., p. 132.

ромъ, но почти въ такой-же степени, какъ и городскіе „крамарі“ — каневскіе, черкасскіе и переяславскіе мѣщане. Къ этому побуждалъ характеръ мѣстности, которая составляла границу съ татарами. Правительство Рѣчи-Посполитой прекрасно понимало всю важность заселенія этихъ юго-восточныхъ степей. Этимъ-то и объясняется, почему жители ихъ не несутъ никакихъ повинностей, кромѣ военной. Защита границы отъ татаръ имѣла несравненно большее значеніе для правительства, чѣмъ увеличеніе старостинскихъ доходовъ. Потому-то доходы этихъ староствъ почти вовсе не увеличиваются, и правительство не предпринимаетъ противъ этого особыхъ мѣръ [1]).

Тѣ мѣщане и козаки, о которыхъ мы говорили выше, и являлись истинными колонизаторами края, а не крупные поземельные собственники, въ родѣ Вишневецкихъ, Обалкокскихъ, Жолкевскихъ. Эти послѣдніе получали только права на незаселенныя или малозаселенныя земли, которыя потомъ приносили имъ значительный доходъ. Иногда подъ видомъ пустопорожнихъ выпрашивались уже населенныя земли. Такимъ образомъ фактическими колонизаторами были мѣщане, козаки и крестьяне, юридически-же земля часто оказывалась принадлежащею крупнымъ собственникамъ. Нужно припомнить, что около этого времени произошелъ переломъ въ сельско-хозяйственномъ быту Польши, Литвы и Руси. Прежде главными занятіями были пчеловодство, рыболовство и звѣроловство; теперь большое значеніе получаетъ земледѣліе. Вслѣдствіе этого стенныя пространства Украйны начинаютъ привлекать къ себѣ взоры шляхты, которая выпрашиваетъ себѣ на нихъ жалованныя грамоты. Центральное польское правительство не имѣетъ яснаго представленія о размѣрахъ и доходности этихъ „пустынь“ и готово отдавать ихъ всякому желающему. Такова въ переяславскомъ староствѣ „Ziemia wchodna Siwera, Worskla z rzeczką Poluzorą i Kustowem“, принадлежавшая на ленномъ правѣ какому-то Василію Мѣленину.

Люстраторы 1636 года дѣлаютъ прямое указаніе, что многіе безъ всякаго права осадили новыя слободы и называютъ ихъ своими собственными наслѣдными [1]). Но имѣли-ли эти колонизаторы (какъ

---

[1]) Ibidem. p. 214, 217.

[2]) Ibidem, p. 215.

ихъ называютъ) цивилизаторское вліяніе, были-ли они первыми піонерами, вносившими въ дикія мѣста сѣмена польской культуры, какъ полагаетъ большинство польскихъ писателей и вмѣстѣ съ ними г. Кулишъ, сказать мудрено; по крайней мѣрѣ ни г. Яблоновскій, ни г. Кулишъ не дѣлаютъ въ этомъ отношеніи фактическихъ указаній. Мы-же съ своей стороны замѣтимъ, что колонизація народная могла идти независимо отъ шляхетской и эта послѣдняя не приносила ей никакой пользы, часто-же даже вредила. Не нужно забывать, что если на первыхъ порахъ владѣльцы не обременяли своихъ подданныхъ тяжелыми повинностями, то это было на первыхъ порахъ. Съ теченіемъ времени, съ заселеніемъ края, съ дальнѣйшимъ расширеніемъ границъ, и Переяславщина должна была приблизиться къ общему типу староствъ Рѣчи-Посполитой. Какъ и въ украинныхъ, любецкомъ и остерскомъ, староствахъ, сюда должна была нагрянуть въ большомъ изобиліи шляхта и захватить лучшія земли, чтобы брать потомъ налоги и дани съ населенія. Впрочемъ этого не случилось—помѣшало этому возстаніе Богдана Хмельницкаго.

II.

Возстаніе Богдана Хмельницкаго произвело цѣлый соціально-экономическій переворотъ въ лѣвобережной Украйнѣ; прежніе распорядки были „скасованы“, по выраженію одного акта, саблею козацкою. Земля теперь перестала быть собственностью государства польскаго, а сдѣлалась достояніемъ „товариства“—войска въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Крупное шляхетское землевладѣніе совершенно почти исчезло. Въ документахъ, приложенныхъ къ Румянцевской описи, мы встрѣчаемъ постоянныя указанія на бѣгство шляхты изъ Украйны; объ этомъ свидѣтельствуютъ и козацкія лѣтописи. Весь народъ стремился окозачиться—и дѣйствительно представлялъ на первыхъ порахъ довольно единообразную массу. Въ Черниговщинѣ, гдѣ вовсе не было до Хмельницкаго козачества, теперь оно получило громадную силу. Образовался рядъ сотенъ въ прежнихъ староствахъ въ частныхъ и бискупскихъ имѣніяхъ, изъ которыхъ были изгнаны владѣльцы-шляхтичи и ихъ арендаторы. Проникла идея козачины и

въ среду монастырскихъ крестьянъ и вызвала противъ себя среди православнаго духовенства, владѣвшаго здѣсь громадными помѣстьями, сильную реакцію. Стремленіе къ окозачиванію было такъ сильно, что составился въ предѣлахъ нынѣшняго остерскаго уѣзда остерскій полкъ, просуществовавшій впрочемъ весьма недолго—всего около 4-хъ лѣтъ. Но и послѣ уничтоженія его входившія въ составъ его сотни не уничтожились, а только отошли къ кіевскому полку. Весьма значительное въ Черниговщинѣ боярское сословіе вписалось въ козацкіе реестры. Но настоящимъ гнѣздомъ козачины была Полтавщина. Здѣсь, какъ мы видѣли, и раньше численность козацкаго сословія была велика, теперь-же все населеніе, можно сказать, обратилось въ реестровыхъ или по крайней мѣрѣ охочекомонныхъ козаковъ. Любопытныя данныя доставляютъ въ этомъ отношеніи реестры, изданные Бодянскимъ. Въ то время какъ въ черниговскомъ полку числится 1007 реестровыхъ козаковъ и въ нѣжинскомъ 991, на долю полтавскихъ полковъ приходится гораздо больше: въ миргородскомъ—2630, полтавскомъ—2441, кропивенскомъ—2010 [1]). Вообще можно сказать, что большая часть козаковъ семи лѣвобережныхъ полковъ относилась къ территоріи нынѣшней Полтавщины. Еще больше было тѣхъ, которые считали себя козаками, участвовали въ войнахъ Хмельницкаго, но не попали въ реестръ. Вотъ что говоритъ по этому поводу лѣтопись Самовидца [2]). „И такъ, народъ посполитый на Украйнѣ, услышавши о пораженіи войскъ коронныхъ и гетмановъ, сейчасъ началъ соединяться въ полки и не только тѣ, которые козаками бывали, но и тѣ, которые никогда козацтва не знали. Видя это, украинскіе державцы, сидѣвшіе по городамъ, принуждены были спасаться бѣгствомъ; въ числѣ ихъ былъ и князь Вишневецкій, который чуть-ли не все лѣвобережье имѣлъ въ своемъ подданствѣ, у котораго были тысячи воиновъ на жалованьи, кромѣ драгуновъ и безчисленнаго гарнизона, набраннаго изъ его собственныхъ подданныхъ [3])... Все, что жило, поднялось въ козацтво; трудно было найти въ селеніи такого

---

[1]) Реестръ изд. по подлиннику О. М. Бодянскимъ, стр. XVII—XXII.

[2]) Приводимъ извѣстіе ея въ русскомъ переводѣ.

[3]) Лѣт. Самовидца. Изд. кіев. вр. ком. Кіевъ, 1878 г стр. 12.

человѣка, который или самъ-бы не шелъ, или не послалъ сына, а не то и слугу-парубка" [1]).

И такъ, возстаніе Хмельницкаго имѣло важные результаты, какъ для сѣверной, такъ и для южной Малороссіи. Впрочемъ въ сѣверной почва для новаго экономическаго строя была расчищена въ меньшей степени, чѣмъ въ южной. Тамъ сохранилась неприкосновенною крупная собственность монастырей, владѣвшихъ громадными имѣніями и большимъ количествомъ посполитыхъ; тамъ удержались въ значительномъ количествѣ крупныя владѣнія, какъ польской, такъ и русской шляхты. Въ Черниговщинѣ мы встрѣчаемъ старинныя малороссійскія фамиліи, имѣвшія жалованныя грамоты еще отъ великихъ князей; таковы Бороздны, Рубцы. Между тѣмъ въ Полтавщинѣ старинныхъ родовъ мы не встрѣчаемъ: всѣ они недавняго происхожденія. Наконецъ, не нужно забывать и того обстоятельства, что населена была Черниговщина гораздо гуще, нежели Полтавщина; слѣдовательно свободныхъ, пустыхъ земель и послѣ изгнанія шляхты должно было получиться меньше, чѣмъ въ южныхъ „поляхъ". Тѣмъ не менѣе разница между ними была количественная, а не качественная. И тамъ, и здѣсь заселеніе свободныхъ земель, колонизація края шли на одинаковыхъ основаніяхъ. Какія-же это были основанія?

Земля, какъ мы уже сказали, сдѣлалась собственностью всего „товариства", войска въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. всего народа малороссійскаго. Но это было право юридическое—и оно только санкціонировало фактическое завладѣніе, которое носило спеціальное названіе *„займанщины"*. Займанщина—вотъ та типическая форма землевладѣнія, которую народъ малороссійскій избралъ себѣ, освободившись отъ всяческихъ экономическихъ оковъ. Какой характеръ носила эта займанщина, объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ чрезвычайно интересный актъ, который мы поэтому приводимъ цѣликомъ. Онъ доказываетъ, что самъ народъ объяснялъ происхожденіе поземельной собственности путемъ заимокъ. Это—объясненіе данное козаками села Покошицъ въ ихъ спорѣ съ новгородъ-сѣверскимъ спасскимъ монастыремъ. „Когда, при помощи Божіей, малороссіяне съ гетманомъ Богданомъ Зѣновіемъ Хмель-

---

1) Ibidem, стр. 20.

ницкимъ кровіею свою освободили Малую Россію отъ ярма лядскаго и отъ державы польскихъ королей, а пришли въ подданство всероссійскаго монарха, великаго государя Алексѣя Михайловича, въ тую пору на обоихъ берегахъ Днѣпра вся земля была малороссіянъ сполная и общая—потамисть, покамисть они первѣе подъ полки, а въ полкахъ подъ сотнѣ, а въ сотняхъ подъ мѣстечка, села и деревнѣ и въ оныхъ подъ свои жилища, двори, доми и футори осягли и позаймали; и потому сталися всѣ добра малороссіянамъ *быть властними черезъ займы*. Оніе-жъ займи свои малороссіяне разными означали способами: одни оборували, другіе—концами обносили и рвомъ окопували, кляками ограничали и что хотѣли, въ тѣхъ займахъ строили, гаи возращали и сади заводили, футори, слободи, деревнѣ, села на свое имя селили, къ себѣ въ користь приводили, на болотахъ, гдѣ видѣли къ устроенію мелницъ мѣста, тамъ оніе строили" [1]). Здѣсь дѣйствительно, какъ говоритъ г. Лазаревскій, вся исторія поземельной собственности въ Малороссіи. Отсюда мы видимъ, что личная поземельная собственность въ Малороссіи возникла путемъ займанщины, по крайней мѣрѣ это можно сказать относительно мелкихъ, а не крупныхъ владѣній. Но этотъ процессъ совершался медленно и постепенно. На первыхъ порахъ, вѣроятно, преобладала *общественная займанщина*. Раньше всего земля была подѣлена подъ полки и сотни. Этимъ-то и объясняется существованіе такихъ общественныхъ земель, которыя принадлежали совмѣстно нѣсколькимъ селеніямъ одной и даже нѣсколькихъ сотенъ.

Такъ еще во время составленія генеральной описи Румянцева (въ 1765—68 г.) мы встрѣчаемъ въ Полтавщинѣ такіе „степки", которые находятся въ совмѣстномъ владѣніи нѣсколькихъ селеній, принадлежащихъ къ разнымъ сотнямъ. Такъ бывшій каневскій сотенный писарь извѣщаетъ, что онъ не въ состояніи представить порученной ему вѣдомости о распаханныхъ общественныхъ земляхъ, такъ какъ „оное поле сотнѣ каневской козаки распахали совокупно з козаками сотнѣ ирклѣевской и владѣютъ онимъ безъ подѣлу общественно" [2]). Точно въ такомъ-же совмѣстномъ владѣніи двухъ сотенъ находился и лугъ при р. Днѣпрѣ, которымъ владѣли всѣ

---

[1]) Малор. посп. кр., А. Лазаревскаго, стр. 26.

[2]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку пер.

козаки сотенъ ирклѣевской и каневской. Теперь въ виду генеральной описи козаки сотни каневской просятъ, чтобы онъ былъ записанъ не только за сотнею ирклѣевской, но и каневской. Просьба подписана жителями м. Каневецъ, дер. Ревбинецъ, с. Лихолѣтъ, Мельниковъ и Воротинецъ [1]). Относительно происхожденія этого луга другой документъ говоритъ: „тажъ сѣнокосная земля принадлежитъ онимъ козакамъ *по давней займѣ* и по стародавнему безспорному владѣнію; ползуясь оною сѣнокосною землею, службу козачую одправуютъ, повинности къ ползѣ государевой несли и нинѣ несутъ“ [2]). Сотенное кропивенское правленіе въ отвѣтъ на требованіе отъ коммисіи показать, какія и въ какомъ размѣрѣ къ мѣстечку Кропивнѣ и другимъ селеніямъ принадлежатъ свободныя земли, заявляетъ, что опредѣлить точно эти земли нѣтъ никакой возможности, такъ какъ онѣ находятся въ совмѣстномъ владѣніи цѣлаго ряда селъ кропивенской сотни: м. Кропивны, Богушевой слободки и Чеховки, села Панскаго, Чернобая, Крупскаго и Богодуховки, дер. Щербиновки и Желѣзокъ, а также всѣхъ хуторовъ, приписанныхъ къ сотнѣ. Здѣсь пашутъ, косятъ сѣно, рубятъ лѣсъ всѣ обыватели (кромѣ генерала Неплюева, который имѣетъ свое особое отдѣльное владѣніе)—козаки, владѣльцы, ихъ подсусѣдки и посполитые—общественно на перемѣнныхъ мѣстахъ. Этимъ дѣло не кончается: оказывается, что не только нѣтъ возможности опредѣлить количество земель, принадлежащихъ къ отдѣльнымъ селеніямъ, но даже остаются не размежеванными земли принадлежащія къ разнымъ полкамъ. Тотъ-же атаманъ признаетъ необходимымъ предварительное размежеваніе земель полка переяславскаго отъ полка лубенскаго и затѣмъ внутреннее межеваніе въ полку переяславскомъ и разграниченіе земель сотенъ кропивенской, золотоношской, ирклѣевской, каневской [3]). Получая отовсюду такія неопредѣленныя свѣдѣнія о количествѣ свободныхъ земель, коммисія для составленія генеральной описи дѣлаетъ вторичное напоминаніе о представленіи болѣе обстоятельныхъ извѣстій и при этомъ сознается, что сотенныя правленія называютъ 30 и болѣе селеній одного полка, какъ соучастниковъ во владѣніи. Но въ той-же Румянцевской описи мы встрѣ-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку пер. № 593.

чаемъ общественныя земли, принадлежащія отдѣльнымъ селеніямъ [1]). Такими общеобывательскими землями „користуются“ жители-козаки цѣлаго ряда селеній нынѣшняго золотоношскаго уѣзда полтавской губерніи. Не нужно забывать, что всѣ приведенные факты относятся ко второй половинѣ XVIII вѣка, когда составлялась Румянцевская опись. Тѣмъ не менѣе тѣ явленія, на которыя они указываютъ, характеризуютъ собою болѣе раннюю эпоху — вторую половину XVII и первую половину XVIII вѣка. По свидѣтельству приведеннаго нами акта новгородъ-сѣверскаго спасскаго монастыря, именно на первыхъ порахъ послѣ освобожденія отъ „лядской неволи“ вся земля малороссіянамъ „была сполная и общая“. Тогда количество свободныхъ земель сравнительно съ населеніемъ было очень значительно. Тогда только была начата, но далеко еще не кончена займанщина цѣлыхъ сотенъ. Земель было такъ много, что не всегда было сдѣлано разграниченіе между сотнями. За тѣмъ процессъ займанщины продолжался дальше. Происходитъ внутреннее разграниченіе земель одной и той-же сотни. Въ результатѣ являются общественныя земли, которыя принадлежатъ отдѣльнымъ селеніямъ и которыя нѣкоторыми изслѣдователями называются *вольницами*. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что и однѣ, и другія земли старозаимочнаго происхожденія; разница вся только въ количествѣ участниковъ займа.

Но интересно, что такіе-же точно факты мы открываемъ и относительно Черниговщины. Мы уже выше показали, что возстаніе Богдана Хмельницкаго имѣло важные результаты и для сѣверной Малороссіи: если не уничтожило тамъ, какъ на югѣ, крупнаго землевладѣнія, то по крайней мѣрѣ значительно уменьшило его размѣры. Явились такимъ образомъ и здѣсь свободныя земли, хотя, конечно, сравнительно въ ограниченномъ количествѣ; явилась и здѣсь займанщина; явились и здѣсь общевладѣемыя земли и при томъ такого-же двоякаго характера, какъ и въ южной Малороссіи. Только, естественно, онѣ не могли здѣсь долго продержаться и исчезли очень рано. Въ то время какъ въ южной Полтавщинѣ они фактически сохранялись еще во второй половинѣ XVIII в., въ

---

[1]) См. объ этомъ ст. Н. В. Лучицкаго: Слѣды общ. землевлад. въ лѣвобер. Украйнѣ XVIII в. (Отеч. Зап., 1882 г., ноябрь).

Черниговщинѣ въ это время сохранилась о нихъ только память. Очень характерна въ этомъ отношеніи „сказка семяновскихъ козаковъ (1754 г.) о такъ называемой „конотопской ратушной степи“ [1]).

Оказывается, что, по праву перваго займа, значительнымъ количествомъ свободныхъ войсковыхъ земель воспользовались сосѣдніе владѣльцы: генералъ Салтыковъ, кіево-печерская лавра и бывшій сотникъ Кандыба. Прежде-же всѣ эти земли были вольныя, и на нихъ всякому обывателю конотопской сотни вольно было косить, кто сколько можетъ. Кромѣ-же обывателей конотопской сотни никто бывало не коситъ, кромѣ владѣльца села Семяновки, умершаго генеральнаго войсковаго эсаула Гамалѣя, который это дѣлалъ по вольностямъ козачьимъ. Въ между-гетманство поселенная по сосѣдству Чернечья слободка стала самовольно прихватывать себѣ куски этой вольницы и даже нѣкоторыя личныя козачьи заимки (Костирскаго—сѣнокосъ и Тихоновской—сѣнокосъ и хуторище) и затѣмъ всѣ ихъ заорала и обнесла концами. Также поступилъ Кандыба относительно другой части степи. Въ этомъ случаѣ фактическимъ владѣтелемъ свободной степи оказываются обыватели всей конотопской сотни. А вотъ другой примѣръ, гдѣ свободныя земли причисляются къ отдѣльному селенію, но оно ими не пользуется и нисколько не протестуетъ противъ того, что ихъ занимаетъ другое селеніе. Здѣсь чрезвычайно рельефно сказывается характеръ малороссійскаго землевладѣнія, не юридическій, а фактическій. Старожилые села Порохни (новгородъ-сѣверскаго уѣзда), жившіе здѣсь еще до Хмельнищины, говорили такъ: „еще до Хмельнищины, когда державцею этой мѣстности былъ Пѣсочинскій, грунта порохонскіе отъ грунтовъ села Знобы отдѣлялись межой. Когда-же Чернацкая слобода (расположенная по сосѣдству) поступила въ подданство черниговскаго архіерейскаго дома, то немедленно завладѣла этими нашими порохонскими грунтами (въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVII вѣка); мы-же ни тогда, ни теперь (1705 г.) противъ этого не спорили „бо тіе порохонскіе отобранные грунта до слободы Чернацкой, *гулящіе были, а не заживаніе; тилко порохонскими слили*“ [2])...

---

[1]) Села конотопскаго уѣзда. А. Лазаревскаго, въ Зап. Черн. Губ. статист. ком., кн. 2-я, стр. 189—193.

[2]) Малор. посп. кр., А. Лазаревскаго, стр. 23.

Гораздо дольше сохранились въ Черниговщинѣ общественныя угодья. Въ „Отчетѣ о состояніи межеванія въ черниговской губерніи за 1868-й годъ“ мы читаемъ: „въ ряду спорныхъ дѣлъ явились, съ открытіемъ межевыхъ учрежденій черниговской губерніи, и исключительнаго рода спорныя дѣла по особеннымъ въ этой губерніи сябриннымъ угодьямъ (отъ древняго литовскаго слова сябрь, соучастникъ), состоящимъ въ общемъ владѣніи многихъ соучастниковъ, доля участія коихъ въ пользованіи угодьями опредѣлена особенными документами безъ опредѣленія границъ, что однако составляетъ существенное условіе при разнокачественности спорныхъ угодій Въ черниговскомъ и городницкомъ уѣздахъ эти сябринныя угодья составляютъ значительныя пространства при большомъ числѣ крупныхъ и мелкихъ собственниковъ. Угодья эти были прежде исключительно лѣсныя, потомъ-же постепенно были сдѣланы въ оныхъ вырубки лѣсовъ, самопроизвольныя расчистки и распашки, почему въ угодьяхъ тѣхъ явились новые владѣльцы по праву завладѣнія, отчего условія разборовъ и еще умножились совершенно новыми обстоятельствами“ [1]). Инструкція для межеванія отличаетъ такія общіе лѣса—сябринныя отъ въѣзжихъ или вольницъ; первые нужно было межевать или по полюбовному соглашенію, или по документамъ, вторые-же—по наличному числу душъ какъ владѣльческихъ, такъ и прочихъ сословій въ тѣхъ селеніяхъ, которыя имѣютъ право въѣзда въ настоящее время [2]).

Но кромѣ этого мы находимъ прямыя указанія и въ Румянцевской описи. Изъ купчей 1716 г., приложенной къ описи слободы Илькучи (седневской сотни, черниговскаго полка), видно, что тамъ былъ прежде вольный лѣсъ, въ которомъ „хто схоче, на пристойныхъ мѣстцахъ и сѣножать зробить“ [3]). Еще подробнѣе и обстоятельнѣе объ этомъ говоритъ декретъ 1691 г. по поводу жалобы обывателей Сосницы, Мены, села Чернотичъ, Козляничъ и нѣкоторыхъ другихъ близь лежащихъ селеній на пана Леонтія Полуботка, что онъ не дозволяетъ имъ въѣзда въ вольную пущу и причиняетъ всяческія грабежи, шкоды и обиды. Постановлено было

---

[1]) Отчетъ о сост. межев. черн. губ. за 1868 г., стр. 21—22;

[2]) Отчетъ о сост. межев. черн. губ. за 1870-й годъ, прил., стр. 99;

[3]) Обозр. оп. Малорос., А. Лазаревскаго, стр. 89—90.

всѣмъ сосницкимъ, менскимъ и сельскимъ обывателямъ: козакамъ, мѣщанамъ и тяглымъ людямъ имѣть вольный входъ и въѣздъ за всякимъ деревомъ, „такъ якъ и передъ тимъ било", безъ разныхъ грабежей и побоевъ; всѣ окопы должны быть снесены; съ нарушителя этого постановленія долженъ быть взятъ штрафъ въ размѣрѣ 1,000 талярей [1]).

И такъ въ сѣверной Малороссіи мы видимъ такую-же займанщину, какъ и въ южной. Спрашивается теперь, каковъ былъ характеръ пользованія этими общественными землями. Данныя Румянцевской описи даютъ намъ на это краткій, но опредѣленный отвѣтъ. Всякій пахалъ, косилъ сѣно, рубилъ лѣсъ, гдѣ хотѣлъ и сколько могъ. Жители мѣстечка Пѣщанаго—козаки и посполитые—заявляютъ, что они „издревле въ свободномъ къ мѣстечку Пѣщаному принадлежащемъ степку сѣнокосомъ и паханіемъ хлѣба довольствовались вобщѣ безпрепятственно и безобидно одинъ предъ другимъ по перемѣннымъ местамъ" [2]). Смотритель свободныхъ полковыхъ и ранговыхъ маетностей Козачковскій доводитъ до свѣдѣнія коммисіи, что въ свободномъ степку, принадлежащемъ мѣстечку Голтвѣ, „гдѣ кто схочетъ, тамо и пашетъ и сѣно коситъ, перемѣняя часто мѣста таковимъ образомъ: где на казенной приходъ или на мѣщанина одного году будетъ пахаться или коситься, тамо другого году уже козакъ или чиновникъ пашутъ и косятъ" [3]). Конотопскую ратушную степь, какъ мы знаемъ, косили всѣ обыватели конотопскіе, „кто сколько можетъ". Количество цитатъ можно было бы увеличить до безконечности. Жаль только, что въ Румянцевской описи мы не находимъ болѣе подробныхъ указаній на технику этого дѣла. Впрочемъ наглядное понятіе о ней мы можемъ составить себѣ по тому картинному описанію „косовицы" на общественномъ сѣнокосѣ въ давнія незапамятныя времена, какое мы читаемъ въ разсказѣ нѣкоего Гукова, помѣщенномъ въ изданіи юго-западнаго отдѣла географическаго общества: „Малорусскія народныя преданія и разсказы", подъ заглавіемъ: „Перенесеніе церкви изъ приселка Котлова въ село Москаленки". Разсказъ этотъ списанъ Гу-

---

[1]) Обозр. Рум. оп. Малорос., А. Лазаревскаго, стр. 132—134.

[2]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку переяслав.

[3]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку миргород.

ковымъ со словъ котловскаго жителя Якова Саміловича Джогала и передаетъ собственно преданіе о томъ, какъ жители села Москаленокъ тайно разобрали въ поселкѣ Котловѣ церковь и перевезли въ свое селеніе, въ то время, когда котловцы были заняты всѣ поголовно скашиваніемъ общаго сѣнокоса, но каждый для себя. Описаніе косовицы введено разсказчикомъ эпизодически и передается также на основаніи преданія, но мы признаемъ за нимъ полную историческую достовѣрность;—оно носитъ не *былевой*, *а бытовой* характеръ; здѣсь самъ народъ разсказываетъ страничку изъ своей прошлой обыденной жизни. Разсказъ [1]) живо характеризуетъ намъ порядки пользованія общественными сѣнокосами; изъ него мы видимъ, что извѣстія Румянцевской описи: „каждый коситъ" „гдѣ схочетъ и сколько схочетъ" нужно понимать буквально; никакого распредѣленія участковъ мы не видимъ; равномѣрнаго распредѣленія собраннаго сѣна также нѣтъ; каждый работаетъ за себя и для себя. Сущность разсказа въ слѣдующемъ: въ одномъ мѣстѣ на Днѣпрѣ, близъ деревень Москаленокъ и Котлова, образовалась коса; на ней стала рости кой-гдѣ лоза, потомъ трава—образовалось пастбище; пастбище обратилось со временемъ въ хорошій сѣнокосъ. Кому-же и могъ онъ принадлежать, какъ не жителямъ сосѣднихъ деревень, но съобща, а не кому либо въ частности? Разсказъ передаетъ, какъ торопились жители этихъ селъ въ день назначенный для косьбы обогнать другъ друга въ выходѣ на сѣнокосъ и самой работѣ. Такихъ общихъ сѣнокосовъ было много въ предѣлахъ нынѣшняго золотоношскаго уѣзда, отъ чего, можетъ быть, и теперь въ немъ такое обиліе общевладѣемыхъ земель; другія мѣстности того-же переяславскаго полка имѣли ихъ гораздо меньше, равно и другіе южные полки. Очевидно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, кромѣ общихъ условій, дѣйствовали и свои *мѣстныя причины*. Какъ-бы подтвержденіемъ этого можетъ служить любопытное признаніе сотника Добронизскаго. Сообщая документы на свои владѣнія въ сотнѣ Домонтовской, состоящія „въ плецахъ, огородахъ, мельницахъ, рыболовныхъ озерахъ", онъ прибавляетъ, что не можетъ доставить точныхъ данныхъ, потому что „по старимъ обичаямъ и владѣниямъ *въ грунтахъ степнихъ и лужныхъ сѣнокоснихъ*, до того мѣстечка

---

[1]) Мал. нар. пр. и разск., сводъ М. Драгоманова. К. 1876, стр. 241—245.

Домонтова надлежащихъ, всякому исъ тамошнихъ старинныхъ жителей, какъ козакамъ, такъ и посполитимъ владѣльческимъ подданнимъ, *гдѣ кто ставъ пахать или косить, волность состоитъ* [1])".

Теперь спрашивается, можно-ли назвать общинными подобные порядки владѣнія общественными займанщинами. Мы думаемъ, что впредь до открытія новыхъ фактовъ нельзя отвѣчать на этотъ вопросъ положительно. О такой общинѣ, какая была и есть въ Великороссіи, не можетъ быть тутъ и рѣчи: ни періодическихъ передѣловъ, ни равномѣрности участковъ мы не находимъ въ малороссійскихъ займанщинахъ. Факты общинныхъ передѣловъ, приведенные г. Лучицкимъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Устояхъ" за прошлый годъ, относятся къ современнымъ общинамъ полтавскаго побережья (мутишинской и другимъ). Еще вопросъ, на сколько нынѣшній чисто общинный строй въ этихъ селеніяхъ стародревній и типическій; по крайней мѣрѣ въ Румянцевской описи мы не находимъ общинъ съ такимъ точно характеромъ. Вообще мы думаемъ, что лучше сначала уловить и ясно опредѣлить сущность извѣстнаго явленія, а потомъ уже давать ему такое или иное названіе. Мы нисколько не считаемъ малороссовъ народомъ индивидуалистомъ quand même, мы нисколько не противъ аналогіи явленій нашей жизни съ явленіями жизни западно-европейской; но мы думаемъ, что сравниваемыя величины должны быть предварительно болѣе или менѣе опредѣлены. Мы знаемъ, что нѣкоторые изслѣдователи (въ родѣ, напримѣръ, Лавеле) готовы расширить рамки понятія общины до безконечности, но втискивать понятіе малороссійской займанщины въ расплывчатый терминъ „первобытной общины" мы считаемъ безполезнымъ. Можетъ быть впослѣдствіи, когда сущность займанщины опредѣлится для насъ точнѣе, мы и найдемъ такія аналогіи, которыя поставятъ ее въ связь съ общими формами западно-европейскаго землевладѣнія; но теперь, какъ намъ кажется, мы не въ состояніи найти въ ней какихъ либо признаковъ общиннаго быта. Развѣ мы можемъ сказать что-либо опредѣленное относительно роли малороссійской громады въ распредѣленіи общественныхъ земель? Мы не отрицаемъ громадскихъ склонностей

---

[1]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку переяслав.

въ малороссійскомъ народѣ, потому что сама громада является уже носителемъ ихъ; но едва-ли можно приписать этой громадѣ такія функціи въ отношеніи къ землевладѣнію, какъ великороссійскому „міру". Въ законодательствѣ и вообще юридическихъ памятникахъ мы напрасно стали-бы искать указаній на роль громады въ этомъ отношеніи. „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ" знаютъ совмѣстное сябринное владѣніе, но въ основѣ его видятъ личную займанщину. Вотъ какъ читается относящееся сюда мѣсто: „Если-бы кто имѣлъ съ нимъ лѣсъ или степъ совокупній, недѣленій, а одинъ-бы которий сябръ или участникъ похотѣлъ тотъ лѣсъ на засѣвъ хлѣбний или для сѣнокоса прочистить и раздроблять, а степъ прооривать, толкожъ такъ, чтобъ другого или другихъ участниковъ своихъ грунтовъ разробомъ тимъ своимъ не изобидилъ, къ своему болше не принималъ, но *столко, сколко на его части того лѣсу или степу принадлежать будеть*, а другимъ би участникамъ своимъ такъ много и въ толикой добротѣ лѣсу или степу оставилъ, какъ много на части ихъ противъ его займы принадлежитъ; еслижъ би кто больше надъ свою часть лучшаго грунта прочистилъ, и за то би въ судъ билъ позванъ, таковій по приговору судовомъ долженъ будетъ сябрамъ своимъ на томъ-же грунтѣ или, когда похотять обидиміи, на другомъ уступить имъ такъ добраго, годного и пожиточнаго мѣста, чтобъ всѣмъ участникамъ равно било, а за лѣсъ сверхъ части его порубаній тѣмъ-же сябромъ своимъ изъ своей собственной части на иномъ мѣстѣ, гдѣ имъ приличнѣе будетъ, столкожъ и такъ добраго лѣса отвесть, а не будетъ ли у него такого лѣса, то денгами по доказательству заплатить имѣетъ въ половину противъ оцѣнки сего права [1])". Отсутствіе въ мѣстномъ малороссійскомъ правѣ указаній на общинные распорядки невольно намъ бросается въ глаза и говоритъ скорѣе противъ, чѣмъ за общину; существованіе-же общевладѣемыхъ земель зависѣло, по нашему мнѣнію, отъ слабой населенности территоріи. И въ самомъ дѣлѣ: въ населенной болѣе густо Черниговщинѣ онѣ скорѣе исчезаютъ, чѣмъ въ Полтавщинѣ; въ болѣе слабо заселенномъ полтавскомъ побережьѣ ихъ повидимому больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ того-же переяславскаго полка; на-

[1]) Права, по которымъ судится малорос. народъ, проф. А. О. Кистяковскаго. кн. 1879 г., стр. 515—516.

конецъ, теперь ихъ меньше, чѣмъ было 100 лѣтъ тому назадъ. Еще 100 лѣтъ тому назадъ были въ предѣлахъ южной Малороссіи такія мѣста, гдѣ земля цѣнилась ни во что. Владѣльцы, жившіе по рр. Золотоношѣ и Кропивнѣ, жалуются коммисіи для составленія генеральной описи Малороссіи, что многіе козаки, бросивъ свои отеческіе грунта, поселились возлѣ нихъ хуторами; иные, являясь изъ далекихъ мѣстъ и пользуясь неразмежеванностью земель, косятъ недозрѣлую траву и захватываютъ цѣлину и распаханныя земли [1]). Какъ дешево цѣнилась тогда вообще земля, видно изъ купчихъ, приложенныхъ въ безчисленномъ множествѣ къ Румянцевской описи. Козакъ миргородскаго полка Лукьянъ Марченко заявилъ ревизорамъ, что онъ вымѣнялъ вербовый лѣсокъ у миргородскаго козака Алексѣя Скоробогатенка за плугъ, который, по его словамъ, стоилъ 1 р. 50 к. Миргородскій козакъ Евфимъ Парасоченко заявилъ, что его отецъ купилъ островокъ съ лозою, дровянымъ ольховымъ лѣсомъ и сѣнокосомъ, на которомъ ставилось 50 копенъ сѣна, за 8 р. [2]). И это еще сравнительно дорого, потому что купленная земля находилась подъ самимъ Миргородомъ. А вотъ обыватель села Сосновки (поповской сотни, нѣжинскаго полка) Пархомъ Кононенко продаетъ свою „батьківщину"—хату съ дворищемъ, садомъ, огородомъ и полемъ въ трехъ рукахъ *за кобылу половую*.

Но постепенно количество земли должно было уменьшаться, какъ отъ естественнаго прироста населенія, такъ и отъ прилива новыхъ переселенцевъ съ праваго берега Днѣпра, о чемъ мы имѣемъ множество свидѣтельствъ, какъ лѣтописныхъ, такъ и документальныхъ. Въ началѣ XVIII в. и позже народъ малороссійскій толпами переходилъ на лѣвый берегъ Днѣпра и, по выраженію Величка, „гдѣ улюбя по разныхъ сегобочныхъ полкахъ украинно-малороссійскихъ для житія своего избиралъ и засѣдалъ мѣстца" [3]). Но едва-ли не самую важную роль въ этомъ случаѣ играетъ также развитіе крупной поземельной собственности, которая вся въ южной Малороссіи сравнительно недавняго происхожденія и произошла путемъ пожа-

---

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку переясловскомъ.

[2]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

[3]) Обозр. Рум. оп. Малор. Ал. Лазаревскаго, стр. 300.

лованій, скупли и захватовъ. Рядомъ съ этимъ дѣйствовала еще одна причина. Сплошная и единообразная нѣкогда масса малороссійскаго народа теперь начинаетъ мало по малу раздробляться, выдѣлять изъ среды своей разныя общественныя группы—классы. Жители городовъ—мѣщане, которые когда-то ничѣмъ почти не отличались отъ козаковъ, отбывая вмѣстѣ съ ними воинскую повинность, теперь обособляются въ особую соціальную группу, имѣющую свое самоуправленіе и свои занятія; войско—„товариство“ въ свою очередь распадается на двѣ группы—старшину и простыхъ козаковъ; первая всѣ свои усилія употребляетъ на пріобрѣтеніе крупной поземельной собственности, вторые все болѣе и болѣе отдаляются отъ своей старшины и вмѣстѣ съ тѣмъ не смѣшиваются уже въ такой мѣрѣ, какъ прежде, съ посполитыми, потому что козацкое званіе во всякомъ случаѣ гарантируетъ нѣкоторыя существенныя права. Посполитые попадаютъ все въ большую и большую зависимость отъ козацкой старшины. Мы не хотимъ сказать, чтобы сословія въ строгомъ смыслѣ этого слова уже обозначились; еще и во второй половинѣ XVIII в. русское центральное правительство должно было стараться, чтобы посполитые не попадали въ козаки и наоборотъ, но во всякомъ случаѣ начало уже было положено—и это должно было отразиться и на характерѣ землевладѣнія. Крупное землевладѣніе козацкой старшины тѣснитъ и захватываетъ себѣ козацкія и посполитскія земли; скупля принимаетъ столь широкіе размѣры, что правительство Анны Іоанновны принуждено издать свой запретительный указъ 1739 г., который впрочемъ мало помогъ горю. Козаки въ свою очередь желаютъ, чтобъ ихъ признавали единственными владѣтелями свободныхъ земель; является на экономической почвѣ сословная рознь, которой прежде не было. Характерные примѣры ея мы находимъ въ Румянцевской описи. Мы приведемъ цѣликомъ одинъ чрезвычайно любопытный и важный въ этомъ отношеніи актъ. „По природѣ нашей будучи мы посполитые и живучи въ мѣстечку Пѣщаномъ под ратушею, равно какъ в давнину и предки наши обще съ козаками и жителями пѣщанскими в свободномъ, къ мѣстечку Пѣщаному принадлежащомъ, степку сѣнокосомъ и паханемъ хлѣба доволствовались вобщѣ безпрепятственно и безобидно одинъ предъ другимъ по переменнымъ местамъ, гдѣ кто пожелалъ, и единственно съ того нашего вообщѣ ползованія

какъ консистенские дачи, такъ и къ ратуши подлежащіе государевы повинности безнужно несли, когда безпомѣшательное было в прописанномъ наше владѣние; но с недавных годов здешние козаки, одинъ по другому, перво на словахъ выговаривая не уходить общескимъ владѣниемъ нашимъ в тот степокъ, а потом час от часу усиливаясь по безстрашию своему к явнымъ насъ витискамъ, взяли согласие и обратывъ на насъ свою ненависть и вознегодованіе, умислили беззаконними своими поступками и совсѣмъ насъ к оному степку не допустить, к тому-жъ и въ выпустныхъ мѣстахъ утѣснуть, объявляя при томъ свои намѣренія, что если де кто с насъ моглъ у прописанное владѣние вступить, то убьютъ де до смерти и пропадетъ за собаку, понеже де козакамъ съ мужикомъ ползы никакой нетъ и мужику козацкими степами владѣть не слѣдуетъ; почему с насъ некоторие, не имѣя собственной землѣ, а в общомъ с козаками на степку ползованіи опасиваясь ихъ козаковъ неуважныхъ похвалокъ, принужденни, оставя свои жилля, удалитись; однако мы малим числомъ оставшіесь, хотя с нуждъ во владѣние того-жъ степу оранемъ и сѣнокосомъ до некоторого времени уходили и роспахали были себѣ землѣ, но напоследокъ, что принадлежитъ до позапрошлаго и сего года, лѣтомъ, когда мы нашѣ, распахание собственно нами, землѣ орать вийшли, то оніе козаки по завзятости и ненависти ихъ и последныхъ насъ съ плугами согнали и въ косовитное время къ кошению сѣна не допустили, и совсѣмъ общаго ползованія лышили, по причинѣ которой нынѣ ми пришли до самокрайнѣйшей обиды и разорения, пачежъ всегда по похвалкамъ ихъ находимся въ немаломъ и опасеніи, а яко комисия генеральной ревизіи нынѣ находится в Пещаномъ, для того вашего благородия покорно просимъ по сему главному случаю у оной коммисіи разсудить и сискать для насъ таково посредство, чтоб ми в томъ степку и в випустахъ имели по прежнему наше безпрепятственное отъ козаковъ владѣние и ползование, з защищениемъ и отъ худыхъ ихъ похвалокъ, за чемъ могли-бы мы в состояніи несть и государеви податѣ, в случаѣ бо инакомъ можемъ мы прійти до такой крайности, что и дневной пищы лишимся“ [1]). И это случай не единственный. Во время генеральной описи происходили по этому поводу частыя пререканія.

---

[1]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку переяслав.

Требовалось рѣшать этотъ вопросъ на основаніи прежнихъ ревизій и другихъ документальныхъ данныхъ, такъ какъ свидѣтельскія показанія козаковъ признавались тенденціозными и недостовѣрными. Нѣсколько инымъ характеромъ отличается столкновеніе, возникшее въ голтвянской и потоцкой сотняхъ миргородскаго полка между козаками и смотрителемъ свободныхъ войсковыхъ маетностей Козачковскимъ. Объ этомъ сохранилась цѣлая большая переписка. Оказывается, по изслѣдованіямъ Козачковскаго, что многія земли распаханы и захвачены владѣльцами и особенно козаками. Первый примѣръ въ этомъ случаѣ подали бывшіе смотрители войсковыхъ земель—сотники, которые дозволили захватъ, потому что и сами принимали въ немъ участіе, между тѣмъ права на землю принадлежали голтвянскимъ и потоцкимъ мѣщанамъ и посполитымъ (свободнымъ), какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ ревизія 1729 года. Теперь-же и тѣ и другія вытѣснены козаками и владѣльцами и принуждены пользоваться чужою землею за деньги или за скопщину. Никакихъ подтвержденій на эти самовольные захваты не послѣдовало ни со стороны центральнаго русскаго правительства, ни со стороны мѣстнаго гетманскаго уряда. Козаки съ своей стороны опирались на письменное дозволеніе, данное имъ съ бывшимъ сотникомъ Остроградскимъ еще въ 1691 г., при этомъ они въ свою очередь жаловались на притѣсненія со стороны мѣщанъ и просили *роздѣла* всей земли между ея фактическими владѣльцами [1]). Въ этомъ спорѣ мы видимъ нѣсколько интересныхъ фактовъ. Не смотря на то, что въ упомянутомъ выше постановленіи 1691 г. прямо сказано, что занимать себѣ землю въ личную собственность нельзя и даже полученными продуктами нужно пользоваться вообще, въ теченіе какихъ нибудь 50—60 лѣтъ свободная нѣкогда земля очутилась въ фактическомъ завладѣніи лицъ разныхъ сословій, преимущественно козаковъ. Теперь эти послѣдніе въ количествѣ 151 человѣка ходатайствуютъ о раздѣлѣ этихъ земель и признаютъ въ качествѣ соучастниковъ раздѣла владѣльческихъ посполитыхъ, которые съ юридической точки зрѣнія смотрителя Козачковскаго не имѣютъ никакого права. Такимъ образомъ юридическое право голтвянскихъ мѣщанъ ставится ни во что сравнительно съ фактическимъ правомъ

---

[1]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку миргор.

подданныхъ — посполитыхъ. Здѣсь очевидно дѣйствуетъ сила народнаго міровоззрѣнія, идущаго въ разрѣзъ съ новыми порядками.

Иногда впрочемъ, какъ свидѣтельствуютъ акты, такой раздѣлъ совершался на первыхъ-же порахъ.

Рядомъ съ возникновеніемъ личной собственности путемъ раздѣла общественныхъ земель мы встрѣчаемъ и другой путь—*личную займанщину*. Малороссійское право признаетъ достаточнымъ для юридическаго владѣнія такую личную займанщину. „Кто-би себѣ какіе грунта и угодия нажилъ, а оние прежде никакова владѣлца не имѣли, или-би кто на пустую землю пришелъ и тую землю распахивалъ, либо лѣсъ расчищалъ,.... таковія недвижимія имѣнія имѣютъ быть того, кто владѣетъ, собственния, какъ-би купленния [1])“. Если кто нибудь владѣлъ извѣстнымъ участкомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и не было ни съ чьей стороны претензіи, то владѣніе его дѣлалось уже крѣпкимъ; это конечно имѣло мѣсто главнымъ образомъ при расчисткѣ и распашкѣ цѣлины. Мы имѣемъ любопытнѣйшій въ этомъ отношеніи документъ—доношеніе козаковъ сотни золотоношской въ коммисію сочиненія въ полку переяславскомъ генеральной ревизіи. „Мы нижайшие доволно извѣстни нынѣ учинились, что оная ревизияльная комисія какъ о протчіихъ недвижимихъ грунтахъ собственнихъ наслѣднихъ, такъ и о распаханнихъ съ общихъ принадлежащихъ къ обиталищамъ земляхъ, кои нинѣ въ дѣйствительномъ владѣніи кого либо состоятъ, чтоби они без включенія въ нинѣшную генералную опись не оставалысь, требуетъ чрезъ сотенния правленія отъ кожнихъ владѣтелей тѣхъ земель точного показанія; а яко въ насъ сотнѣ золотоноской при рѣчки Кропивной при состоящихъ хуторахъ имѣется въ кождого обивателя распаханной землѣ *не меньше какъ по 195 дней*, коя нинѣ въ дѣйствительном нашемъ владѣніи состоитъ уже *болѣе пятдесяти годъ*, которими землями сначала нашего владенія и поселенія нашихъ жителствъ нѣкто изъ владѣлцовъ не владѣлъ нѣ жадною и не интересовался нѣкто и понинѣ, по причинѣ той, что между жител-

---

[1]) Права, по которымъ судится малороссійскій народъ. Пр. А. Ѳ. Кистяковскаго, стр. 48.

ствами нашими (яко тѣ по надъ рѣчкою Кропивною вдолжъ распространились верстъ двѣ) никакихъ владѣлцовъ не имѣется, якая наша распаханная земля по незнаемости нашей подчасъ сочиненія жителствомъ нашимъ генералной описѣ въ опись не включена, и даби тѣ наши роспаханние землѣ втунѣ без включенія в нинѣшную генералную опись не оставались, для того комисѣи сочиненія въ полку переяславскомъ генералной ревизіи нижайше просимъ сие наше доношение и до нашихъ жителствъ с приложениемъ при семъ ведомости означенние землѣ въ белую генералную опись включить и учинить опредѣленіе. Руку приложили козаки сотни золотоноской [1]).

Въ приведенномъ нами случаѣ мы имѣемъ фактъ личнаго завладѣнія; земля состоитъ теперь въ дѣйствительномъ владѣніи каждаго отдѣльнаго лица; размѣръ участковъ очень значителенъ—не менѣе 195 дней на душу, т. е. 146 десятинъ; земля была занята ими свободная, вольная, которою *съ самаго начала поселенія* никто не интересовался; въ дѣйствительномъ владѣніи ихъ она состоитъ болѣе пятидесяти лѣтъ, т. е. по крайней мѣрѣ съ начала XVIII столѣтія.

А вотъ другой актъ не менѣе характерный; въ немъ мы видимъ также общественныя угодья—„чагарныки“, но большая часть земли уже занята отдѣльными лицами. „З давнихъ временъ, чему назадъ будетъ болѣе 50 годовъ, начавши отъ села Чарторѣйки ажъ до Воронѣжа, была все пуща волна, въ якой пущи и села селились, а именно: Чарторига, Дубовичѣ, Землянка и иніе села въ близости найдуючіеся; и всѣмъ было волно въ тую пущу ѣздить—и хати съ оной пущи ставили. А *когда помножилось въ селахъ людей* и вже оную пущу гораздо вырубили, то въ то время воронѣжци и инихъ селъ знатнѣйшіе и старѣйшіе обиватели начали занимать и окоповать займы, *всякъ по возможности своей*, что и невозбранно имъ было. А отъ шляху, идучого отъ Чарториги поузъ села Землянку и Дубовичѣ, по лѣвой сторони, а зъ другой сторони отъ окопу Воронѣжскаго ажъ по шляхъ кролевецкій, по общему всѣхъ селянъ согласію, опредѣлено чагарники убогимъ людямъ и будетъ

---

[1]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку переяславскомъ.

онихъ чагарниковъ верстъ на десять; и въ тѣхъ чагарникахъ, безъ вѣдома селянъ, занимать и окопывать займы было запрещено[1]) (1738г.)

Личная займанщина относится къ очень давнему времени: она часто современна займанщинѣ общественной. Иногда такимъ образомъ возникали и селенія. Вотъ разсказъ старожила о заселеніи деревни Быстрика кролевецкой сотни (1703 г.) „Савка Скоробогатко тяглій человѣкъ призналъ, еще мовить до Московщины (1654 г.), якъ сталъ Быстрикъ садитися, пришолъ я зъ Гировки до Быстрика на житье; а напередъ мене зайшолъ тамже, до Быстрика, Сенко зъ Конотопу, въ которого хатѣ черезъ зиму мешкалемъ я; которий то Сенко усмотрѣвши сее мѣстце, идѣже теперъ млынъ стоитъ, на заняте греблѣ способное, не знаю, мовить, за чиимъ позволеньемъ и фундушемъ, сталъ займать тую греблю, зъ Фескомъ Веровскимъ человѣкомъ, якой Феско, не совершивши того зачатаго дѣла, уступилъ самому тому Сенку; а онъ Сенко, усыпавши греблю и млынъ на ней построивши, уживалъ съ него пожитковъ, и не знаю того, чи давалъ тотъ Сенко, за своего тимъ млиномъ владѣнія, кому зъ его достойную повинность, чи ли нѣтъ; бо я, мовить, тилко чтири года въ Быстрику промешкавши, пошолъ зъ небожчикомъ отцемъ своимъ на тую сторону Днѣпра, подъ Коростешовъ, до Вѣлья, где пять годъ поживши, шестого року, якъ попустошилъ тамъ, на за-Днѣпрю, Децикъ небожчикъ, такъ я вже по королевщинѣ пришолъ зъ-за Днѣпра знову до Быстрика мешкати; але южъ Сенка, первого того млына фундатора, не засталъ живого, котораго во время облеженья Конотопу отъ Москвы въ Конотопѣ забито: а по его Сенковой смерти нѣякійсь Коломіецъ жону его понялъ себѣ въ малженство, которому по женѣ и млынъ зостался“ [2]).

Неизвѣстно, по какому праву Сенко завладѣлъ мѣстомъ для млына. Очевидно достаточно было одного фактическаго завладѣнія. Подтвердительные документы рѣдко когда брались. Изъ одного акта—универсала Скоропадскаго 1719 г.[3]) ясно видно, что и малороссійскіе гетманы стояли на такой же точкѣ зрѣнія.

---

[1]) Мал. посп. крест. А. М. Лазаревскаго, стр. 24—25.

[2]) Обоз. Рум. оп. Мал. Ал. Лазаревскаго, стр. 349—350.

[3]) Тамъ-же, стр. 244—245.

Впрочемъ и самыя подтвержденія давались безъ труда и являлись только формальностью, которая служила гарантіей правъ въ случаѣ столкновенія съ сосѣдями. Вотъ въ этомъ отношеніи характерный документъ. „Ознаймовалъ передо мною Яремѣемъ Андрѣевичемъ, сотникомъ батуринскимъ, Пархомъ Перека, обыватель въѣзду нашего въ Митченокъ батуринского, ижъ закопалъ сѣножать, на Тютчи прозиваемой лежачую, подлѣ Гаджели, на которую то сѣножать упросилъ насъ урядове, абы нихто ему жадною перешкодою не билъ въ кошеню з обивателей митченскихъ, такъ и иншихъ людей бы жадной нихто не мѣлъ утиски до тоей сѣножати; а ежели-бы хто малъ отдаляти Пархома Переку вышепомененнаго, на таковаго за руки покладаемъ до шкатули войсковой талерей 40“ [1])...

Много подтвердительныхъ грамотъ мы имѣемъ на хутора, возникавшіе путемъ личной займанщины. Вотъ прямое подтвержденіе этому. „Мы Ѳедоръ Яковлевичъ сотникъ короповскій, Ѳедоръ Шухъ, атаманъ городовій, Адамъ Русакевичъ чинимъ вѣдомо симъ писаниемъ нашимъ, кому-бы о томъ вѣдать було належало, ижъ позволили пану Алексѣю Мелнику, козакови и обывателеви нехаевскому, занять мѣстце з лѣсною рощею за Сохачами надъ речкою Крупкою лежачое, з одной сторони отъ той речки по займу Логвинову, а съ другой сторони по займу сохацкаго пана отца Матѳея, на которомъ мѣстцу, яко уже на своемъ власномъ волно помененному Олексѣ хуторецъ устроити и на якій колвекъ обертати пожитокъ, безъ жаднаго нарушенія и турбаціи, вѣчними часи въ посесіи своей держати повиненъ, на що для лучшого потверженія и сее писаніе наше при печати мѣской короповской далисмо“ [2]). (1676 г.).

А вотъ и другой аналогическій документъ, заключающій въ себѣ нѣкоторые общія указанія; это—доношеніе козачьяго сына Филиппа Велички. „Назадъ тому будетъ лѣтъ болѣе шестидесяти, какъ дѣдъ мене нижайшаго, Иванъ Величко, по свободѣ бившой, между селами Замѣшева и Тростанѣ, въ грунтахъ козатчихъ тростанскихъ разробилъ лесъ, а въ вершинѣ речкы Корны занялъ млы-

---

[1]) Мал. посп. кр. Ал. Лазаревскаго, стр. 25.

[2]) Обозр. Рум. оп. Малор. Ал. Лазаревскаго, стр. 373—374.

нокъ и при томъ млынку устроилъ футорецъ, якимъ футоромъ и млынкомъ якъ дѣдъ мой Иванъ Величко спокойно чрезъ тридцать летъ по жизнь свою владѣлъ, и козатчую службу съ протчими козаками въ сотнѣ топольской отбувалъ, и по смерти дѣда моего Ивана Велички оставшися его два сины, Иванъ и Никита Велички, въ малыхъ летахъ (съ коихъ еденъ Никита умре, а Иванъ нынѣ въ живихъ имѣется) тѣмъ футоромъ, млынкомъ и розробленими грунтами владѣли и козатчую службу отправляли". Но чаще всего, конечно, занимала себѣ хутора козацкая старшина. Мы имѣемъ на это прямое указаніе въ актѣ о переясловскомъ сотникѣ Иванѣ Добронѣзскомъ. „Всѣмъ кому толко вѣдати надлежатиметь з полчанъ переяславскихъ, а особливо пану полковнику Яготинскому, атаману и всему товариству моей сотнѣ, симъ нашимъ объявляемъ писаниемъ, ижъ панъ Иванъ Добронѣзскій, сотникъ полковій переяславскій, подалъ писменное свое прошение въ полковую переяславскую канцелярію, виражаючи, что многие з пановъ старшины полковой переяславской и значковихъ того полку товаришей, за позволенемъ бившихъ пановъ полковниковъ, *позанимали себѣ хутора в степу переяславскомъ*, въ сотнѣ яготинской, над Чумгакомъ, при самомъ устьѣ, мѣсто волное и способное на строение хутора, толко не смѣетъ самъ занимати, того ради проситъ на писмѣ позволение, якое прошение пана сотника Добронѣзкого принявши за слушное, а послѣдуючи давнему обикновенію, что бывало панове полковники з старшиною полковою даютъ з решпекту войскового годнимъ оного фундуши и позволителние писма на занимание гребеліокъ в степу и на построение хуторовъ, обще усовѣтовавши, даемъ и мы сие з полковой канцеляріи переяславской показанному пану Івану Добронѣзкому, сотникови полковому переяславскому, письмо, щобъ и онъ моглъ решпектомъ войсковимъ щитится, позволяючи ему на устѣ оном Чумгацкомъ, нижей гребеліокъ покойнаго асаула переяславскаго Івана Даниловича, въ самомъ кутѣ гребелку чрезъ оною пересипать и хуторъ построитъ для содержния ставку и всякого своего пожитку, о томъ всякъ вѣдаючи, особливо з сотни Яготинской абы нихто не важился чинити ему кривды и убитку, жадаемъ и приказуемъ[1])" (1731 г.).

---

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку переяславскомъ.

Много другихъ указаній мы находимъ относительно разнаго рода угодій: сѣнокосныхъ займищъ, мельницъ и т. д.,—объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ актовъ; но еще чаще занимали разнаго рода угодья безъ всякихъ подтвердительныхъ документовъ. Козаки села Семяновки подали сказку о конотопской ратушной степи, гдѣ между прочимъ заявляютъ, что за степью, принадлежащею къ селу Подлипному, слѣдуютъ сѣнокосныя займища конотопскихъ и семяновскихъ козаковъ—Тетеры, Бородая, Тихона Кондратовича, Ивана Веремѣенка Костирскаго, попа Семяновскаго, Ефрема Сангерѣ и др.; займища эти относятся еще ко времени первоначальнаго заселенія Конотопа и Семяновки, когда всякому было вольно занимать земли, сколько угодно; о пространствѣ ихъ свидѣтельствуютъ тогдашніе, старинные заоры [1]). Мы не будемъ приводить подтвердительныхъ грамотъ на сѣнокосы, гребельки, млыны и другія угодья, потому что ихъ очень много и всѣ они составлены по одному образцу. Скажемъ только, что въ одномъ черниговскомъ полку въ 1742 году было 315 водяныхъ мельницъ.

Остается намъ сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ видѣ личной займанщины, который впрочемъ относится почти исключительно къ козацкой старшинѣ;—мы говоримъ о слободахъ. Въ продолженіи всей второй половины XVII и первой XVIII в. слободскія поселенія играютъ громадную роль въ сѣверной Малороссіи—Черниговщинѣ. Главнымъ контингентомъ слобожанъ были люди похожіе, иначе лёзные, не имѣвшіе поземельной собственности, но пользовавшіеся правомъ свободнаго перехода; это были, по выраженію одного акта, „не господари, а люде волные, легкіе, жилища и притулиска своего слушного и жадного не маючіе“. Слобожане получали льготу на извѣстное число лѣтъ отъ всѣхъ повинностей и могли въ это время заводить собственное хозяйство, распахивать и разчищать грунты, вырубать съ этою цѣлью лѣса. Гетманскій урядъ съ своей стороны не ставилъ никакихъ препятствій къ осаживанію слободъ: разрѣшеніе „закликать слободу“ давалось безъ всякихъ затрудненій; иногда такія слободы заводили

---

[1]) Села конотопскаго уѣзда, Ал. Лазаревскаго въ зап. Чер. губ. Ст. ком., кн. 2-я, стр. 252.

съобща всѣ жители одного и даже нѣсколькихъ селеній, иногда-же сама администрація. Вотъ почепскій мѣщанинъ Леонъ Рубецъ подаетъ заявленіе, что въ лѣсу, въ урочищѣ Саколи, съ прилегающими къ нему селищами, на рѣчькѣ Усѣ есть мѣсто удобное для устройства хутора, винокурни, мельницы и слободы. Изъ осмотра, произведеннаго „нарочными" людьми, оказалось, что всѣ упомянутыя мѣста до Хмѣльнищины были во владѣніи шляхтича Дубровскаго, а теперь лежатъ впустѣ и никому не отданы; чужіе сѣнокосы отъ устройства мельницы не пострадаютъ, ближайшее селеніе находится въ разстояніи двухъ верстъ, другія десяти и болѣе; вообще старымъ селамъ отъ устроенія слободы не будетъ никакого „утесненія[1])". А вотъ стародубскій полковникъ Григорій Карповичъ даетъ универсалъ осадцѣ пану Михайлу Синковичу на закликаніе слобожанъ, при чемъ имъ позволяется „пашнѣ и пожнѣ до рѣчки Дзѣвовково и до лѣса Осова розчиняти и роспаховати, якъ кто тилко можетъ[2])". Конечно, по истеченіи срока, населеніе должно было нести извѣстныя повинности по отношенію къ владѣльцамъ; эти повинности все болѣе и болѣе увеличивались и въ концѣ концовъ слобожане обратились въ крѣпостныхъ. Но во всякомъ случаѣ слободскія поселенія играли существенную роль къ колонизаціи края. Послѣ изгнанія польскихъ пановъ изъ Черниговщины много земель осталось впустѣ; здѣсь-то возникли слободы, которыя съ теченіемъ времени обратились въ селенія и деревни.

Въ силу всего сказаннаго мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы. Въ исторіи колонизаціи лѣвобережной Украйны послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго важную роль играетъ тотъ способъ завладѣнія, который въ устахъ народа и актахъ носитъ спеціальное названіе „займанщины". Его мы открываемъ какъ въ сѣверной Малороссіи—Черниговщинѣ, такъ и въ южной—Полтавщинѣ; только въ послѣдней онъ сохранился дольше. Это вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ признакомъ, что здѣсь онъ вообще былъ болѣе распространенъ. Займанщина эта носила двоякій характеръ—общественный и личный: иногда извѣстные свободные грунты занимали со-

---

[1]) Обозр. Рум. оп. Мал., Константиновича, стр. 600—602.

[2]) Ibid., стр. 644.

отдѣльныя лица. Общественная займанщина предшествовала личной, но часто шла вмѣстѣ съ нею: это зависило отъ мѣстныхъ условій. Но въ большинствѣ случаевъ личная поземельная собственность утвердилась очень быстро; общинные распорядки не успѣли установиться въ общевладѣемыхъ земляхъ. Къ такому заключенію приводитъ насъ сумма *извѣстныхъ* доселѣ фактовъ; а этихъ фактовъ до сихъ поръ такъ мало, что сдѣлать широкое обобщеніе, при всемъ желаніи, мы не можемъ.

Димитрій Багалѣй.

Записки Карла Хоецкаго.

(1768 — 1776 г.).

(Окончаніе) [1]).

ГЛАВА VIII.

О поимкѣ Пугачева. Заботы о возвращеніи на родину.

Силы Пугачева очевидно стали ослабѣвать, такъ что онъ не былъ уже въ состояніи сопротивляться отрядамъ войска, между тѣмъ какъ количество послѣдняго все болѣе возрастало, вслѣдствіе того, что постоянно новые отряды возвращались изъ Турціи; они располагались въ различныхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне были склонны къ бунту, и такимъ образомъ прекращали возможность дальнѣйшихъ безпорядковъ. Въ каждомъ почти селѣ устроены были висѣлицы, которыя наводили страхъ на крестьянъ и заставили ихъ присмирѣть. Пугачевцы въ большомъ числѣ попали въ плѣнъ и были препровождены въ Сибирь впредь до рѣшенія ихъ участи; тобольскій генералъ-губернаторъ приказалъ повѣсить многихъ изъ ихъ числа.

У Пугачева оставалось не болѣе 6,000 человѣкъ; его преслѣдовали генералъ Суворовъ и маіоръ Михельсонъ; когда они достигли береговъ Хопра, его собственные подчиненные, увидѣвъ себя въ безвыходномъ положеніи, схватили его, привели въ лагерь генерала Суворова и добровольно выдали.

Весь русскій народъ былъ крайне утомленъ продолжительною войною внутреннею и внѣшнею и вздохнулъ свободнѣе, когда обѣ

---

[1]) См. январ., март. и ноябрск. кн. «Кіевск. Старины» за 1883 г., стр. 145—160 и 600—646.

прекратились почти одновременно. Войска, утомленныя турецкою кампаніею, нуждались въ отдыхѣ, обыватели-же выжидали съ нетерпѣніемъ, чтобы миновало время постоянной тревоги и опасности, которой они подвергались отъ обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Потому поимка Пугачева возбудила всеобщую радость,—она служила ручательствомъ возстановленія спокойствія.

Пугачева помѣстили въ огромную деревянную клѣтку и въ ней препроводили въ Москву; до Симбирска онъ ѣхалъ подъ конвоемъ кавалеріи, съ этого-же города его сопровождалъ конвой изъ 300 пѣшихъ гренадеръ. Вмѣстѣ съ нимъ препровождалось 6 человѣкъ атамановъ, которые выдали его властямъ; они ѣхали свободно, безъ оковъ, и имъ не только обѣщано было прощеніе, но и значительная награда; въ каждомъ селѣ, черезъ которое приходилось проѣзжать, сгоняли все народонаселеніе смотрѣть на плѣнника. Вторая жена Пугачева, на которой онъ женился во время бунта, была объявлена свободною и сохранила даже часть добычи, данной ей мужемъ. Въ Москвѣ окованнаго заключили въ крѣпкую тюрьму, и сопровождавшіе его атаманы также были окованы и брошены въ темницу; затѣмъ судъ, назначенный особенно по этому случаю, рѣшилъ ихъ судьбу. Въ Москвѣ устроена была нарочитая эстрада для ихъ казни; на ней, какъ самъ Пугачевъ, такъ и его атаманы преданы были мучительной смерти. Ко времени казни приведены были въ Москву: отецъ, братья и первая жена Пугачева, и ихъ выставляли на видъ народу.

Съ нашей арміею соединилась въ то время 2-ая армія, въ составъ которой входилъ гусарскій бахмутскій полкъ; онъ долженъ былъ по положенію состоять изъ 3,000 человѣкъ, но былъ далеко не въ полномъ составѣ, ибо многіе солдаты пали во время войны; вслѣдствіе этого приказано было выбрать изъ нашихъ командъ Сибирскаго корпуса 1,000 человѣкъ поляковъ и зачислить ихъ въ бахмутскій полкъ, распредѣливъ по различнымъ эскадронамъ; такимъ образомъ мы перешли въ новый родъ оружія. Для зимнихъ квартиръ намъ назначена была Башкирская область, жители которой принимали дѣятельное участіе въ бунтѣ; потому намъ разрѣшено было требовать отъ башкиръ всѣхъ удобствъ, безъ всякаго къ нимъ снисхожденія; на тѣхъ-же условіяхъ и другіе полки размѣщены были въ различныхъ слободахъ, принимав-

шихъ участіе въ мятежѣ. Проживъ зиму у башкиръ, мы перешли на квартиры въ другую область, гдѣ живетъ народъ, называемый Мордвою, и здѣсь оставались до половины лѣта.

Уже прошло полтора года съ того времени, какъ наши маршалы и тѣ конфедераты, которые не были зачислены въ военную службу, были отпущены на родину послѣ замиренія Россіи съ Турціею; между тѣмъ о нашемъ увольненіи и о разрѣшеніи намъ возвратиться въ отечество не было и помину, что возбуждало въ насъ безпрерывно скорбь и побуждало насъ къ ропоту. Мы узнали, что въ Казани проживалъ еще въ то время ротмистръ Заблоцкій, ожидавшій отъ Пулавскаго присылки денегъ для уплаты долговъ послѣдняго; воспользовавшись тѣмъ, что въ Казань отправлялся поручикъ нашего полка и при немъ одинъ изъ поляковъ, я переслалъ г. Заблоцкому слѣдующее письмо: „Милостивый государь! Я приношу вамъ просьбу отъ имени всѣхъ поляковъ, которыхъ значительное число находится въ русскихъ войскахъ, о томъ, чтобы вы, возвратясь въ отечество, ходатайствовали о нашемъ освобожденіи. Обязанность эта должна лежать на совѣсти маршаловъ, но очевидно они о ней забыли, и намъ грозитъ вслѣдствіе этого пожизненный плѣнъ. Мы надѣемся, что король нашъ приметъ участіе въ нашемъ освобожденіи, если вы, милостивый государь, искренно захотите похлопотать о насъ. Въ этомъ состоитъ просьба моя и моихъ товарищей, которую и приношу вамъ вмѣстѣ съ должнымъ почтеніемъ. Карлъ Хоецкій“.

Въ это именно время въ Россіи находились: генералъ земель подольскихъ, князь Адамъ Чарторыйскій и великій коронный гетманъ Браницкій, къ которымъ господинъ ротмистръ Заблоцкій писалъ, по его словамъ, еще раньше относительно нашего дѣла. Я получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: „Милостивый государь! Горестное положеніе, въ которомъ вы находитесь, возбуждаетъ въ сердцѣ моемъ искреннюю грусть и сожалѣніе; я всѣми средствами старался помочь вашему горю, подавая о васъ заявленія высшимъ властямъ; я не прекращу своихъ усилій, пока не добьюсь осуществленія той цѣли, которая должна удовлетворить равнымъ образомъ меня, какъ и васъ. Несомнѣнно, что паны маршалы должны ходатайствовать о васъ какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ, и они дадутъ отвѣтъ передъ Господомъ, если уклонятся отъ исполненія этой обязанности. Не теряйте надежды и бодритесь, а Го-

сподь ниспошлетъ вамъ утѣшеніе, спомоществовать которому буду всячески стараться".

Получивъ это письмо отъ пана Заблоцкаго, я утѣшалъ его содержаніемъ унылыхъ и огорченныхъ земляковъ своихъ.

Между тѣмъ въ Россіи распространилась молва о томъ, что три значительныя области перешли отъ Польши во владѣніе государствъ: русскаго, австрійскаго и прусскаго; мы не могли освоиться съ этимъ неожиданнымъ бѣдствіемъ, постигшимъ наше отечество; вспоминая бывшія прежде несчастныя войны при Іоаннѣ Казимирѣ и другія, мы приходили въ изумленіе, почему тогда не случилось столь значительнаго ущерба для нашего государства. Но разсужденіе о причинахъ столь несчастнаго исхода я предоставлю другимъ писателямъ, имѣющимъ болѣе свѣдѣній объ этомъ предметѣ, и не сомнѣваюсь, что они опишутъ это достойное вѣчной печали бѣдствіе для памяти потомству.

ГЛАВА IX.

О несчастіи, постигшемъ поляковъ, находившихся въ тобольской области, и о походѣ противъ Ногайцевъ.

Излишняя жестокость судьбы, когда превышаетъ мѣру возможнаго терпѣнія, нерѣдко заставляетъ людей совершать поступки крайне дерзкіе и отчаянные. Въ подобномъ положеніи оказались поляки, находившіеся въ гарнизонахъ тобольской области; они вслѣдствіе отчаянія навлекли на себя гибель и страданія.

Хотя многіе земляки мои, бывшіе въ этихъ гарнизонахъ, погибли во время стычекъ съ Пугачевымъ, однако оставалось ихъ еще болѣе 600 человѣкъ, и всѣ они возвратились обратно въ Тобольскъ послѣ прекращенія смуты. Зная, что миръ съ Турціею былъ заключенъ, что конфедерація въ Польшѣ прекратилась и что другіе плѣнные уже давно отпущены на родину, они возмущались тѣмъ, что на нихъ мѣра эта не была распространена. Согласившись между собою, они троекратно подавали записки генералъ-губернатору, прося отпустить ихъ на родину, но прошенія эти оставлены были безъ послѣдствій. Увидѣвъ это, они выступили изъ квартиръ своихъ съ оружіемъ и со всѣми солдатскими

принадлежностями и явились на дворъ у губернаторскаго дворца; здѣсь они сложили ружья въ кучи, сбросили форменные мундиры и стали требовать, чтобы ихъ отправили на родину. Генералъ-губернаторъ былъ смущенъ этимъ поступкомъ; онъ сталъ ласково уговаривать ихъ, чтобы они взяли оружіе и мундиры и отправились въ свои казармы, утверждая, что въ виду ихъ настойчиваго желанія, на другой день утромъ имъ выданы будутъ паспорты и средства для путевыхъ издержекъ, за полученіемъ которыхъ они должны явиться. Между тѣмъ онъ приказалъ всѣмъ войскамъ, квартировавшимъ въ Тобольскѣ, собраться до разсвѣта въ свой домъ, гдѣ и помѣстилъ ихъ; сверхъ того приказано было и городскимъ жителямъ, чтобы всѣ, имѣющіе какое-бы-то ни было оружіе, являлись утромъ къ губернаторскому дому. Приказанія эти были исполнены, и нѣсколько тысячъ солдатъ и вооруженныхъ гражданъ размѣщены были въ губернаторской усадьбѣ въ ожиданіи прихода поляковъ. Когда послѣдніе собрались безоружные, они были окружены, затѣмъ вывезены были пушки и направлены на нихъ. Тогда появился верхомъ генералъ-губернаторъ; онъ долго молча ѣздилъ передъ рядами съ гнѣвнымъ и строгимъ видомъ, обдумывая дальнѣйшія распоряженія; затѣмъ, приблизившись къ полякамъ, спросилъ: кто былъ зачинщикомъ въ вчерашнемъ ихъ поступкѣ? Спрошенные долго молчали, объятые страхомъ; но когда онъ гнѣвно повторилъ вопросъ, нѣсколько человѣкъ отвѣтили, что всѣ единомышленно дали согласіе на этотъ поступокъ. Тотчасъ приказано было отдѣлить семь человѣкъ отвѣтившихъ; ихъ раздѣли, привязали къ приготовленнымъ заблаговременно колодамъ и подвергли наказанію кнутомъ по 600 ударовъ; затѣмъ имъ вырвали ноздри, выжгли на челахъ знаки на подобіе висѣлицъ и, оковавъ въ цѣпи, отправили въ вѣчную каторгу: остальныхъ также заковали и отправили въ Сургутскую провинцію въ тюремное заключеніе на продолжительный срокъ; но потомъ, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ихъ опять возвратили въ военную службу, распредѣливъ въ различные полки, въ каждый по нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Въ томъ-же году поляки, поступившіе добровольно въ военную службу въ Казани вмѣстѣ съ паномъ Пулавскимъ, получили паспорты для свободнаго возврата на родину.

Мы между тѣмъ, числившіеся въ бахмутскомъ гусарскомъ полку,

стояли на квартирахъ въ области, населенной мордвою, а затѣмъ, въ началѣ осени, получили приказъ отправиться на квартиры въ городъ Бахмутъ, лежащій на границахъ Новой Сербіи, гдѣ полкъ нашъ долженъ былъ стоять безотлучно. Распоряженіе это обрадовало насъ, ибо, вслѣдствіе этого передвиженія, мы должны были приблизиться къ границамъ Польши, отъ которыхъ мы находились тогда за нѣсколько сотъ миль; мы надѣялись, что изъ той мѣстности намъ легче будетъ найти возможность бѣжать на родину, въ случаѣ, если насъ не пожелаютъ отпустить добровольно. Мы выступили въ сентябрѣ и нигдѣ не останавливаясь на пути, пришли въ саратовскую провинцію, принадлежащую къ астраханской губерніи. Здѣсь мы встрѣтили на пути нѣмецкія колоніи, числомъ 13, расположенныя на берегахъ Волги. Въ каждомъ селѣ находилась католическая церковь, и потому тѣ изъ насъ, которые знали языки нѣмецкій или латинскій, имѣли возможность исповѣдываться, такъ какъ уже болѣе шести лѣтъ намъ не представлялся случай исполнить эту духовную обязанность. Въ селахъ этихъ живутъ духовные, принадлежащіе къ различнымъ монашествующимъ орденамъ, которые каждые шесть лѣтъ смѣняются новыми лицами, по назначенію папы. Въ каждомъ селѣ есть одинъ такой приходской священникъ, получающій изъ государственной казны 100 рублей жалованія, сверхъ доходовъ, которые онъ имѣетъ отъ прихожанъ. Миновавъ эти колоніи, мы продолжали идти въ Бахмутъ, котораго достигли только въ теченіи великаго поста, цѣлую почти зиму употребивъ на переходъ.

Едва мы расположились на квартирахъ, какъ многіе поляки, пользуясь относительною близостью къ границамъ своего отечества, стали дезертировать, не ожидая даже наступленія весны. Впрочемъ на квартирахъ мы оставались только около двухъ мѣсяцевъ; по истеченіи этого времени полкъ нашъ получилъ приказъ выступать въ походъ противъ ногайскихъ татаръ на берега Азовскаго моря. Мы пошли по направленію къ юго-востоку, переправились черезъ рѣки Донъ и Донецъ и прибыли въ городъ Азовъ, гдѣ нашли уже въ сборѣ нѣсколько полковъ пѣшихъ и карабинерскихъ, а также нѣсколько полковъ гусарскихъ и донскихъ козаковъ. Весь отрядъ, достигавшій числомъ до 13,000 человѣкъ, находился подъ начальствомъ бригадира Бринка. Городъ Азовъ лежитъ въ пустынѣ; онъ окруженъ степью, среди которой на разстояніи

10-20 миль нѣтъ ни одного села. Степь эту населяли татаре, которые кочевали въ кибиткахъ, т. е. въ повозкахъ, покрытыхъ палатками изъ войлока; татаре эти, возмутившись противъ своего начальника Калги-Гирей-султана, признававшаго надъ собою власть Россіи, оставили свои кочевья и ушли изъ нихъ; мы должны были отправиться за ними въ погоню. Въ Азовѣ мы питались запасами муки и сухарей, но сильно страдали отъ недостатка воды; случалось намъ два дня оставаться безъ питья; ибо вода Азовскаго моря и рѣки Танаиса, омывающей городъ Азовъ, вовсе не годится для употребленія; она имѣетъ столь противный вкусъ, что даже человѣкъ, томимый самою сильною жаждою, не въ состояніи пить ее. Хотя въ окрестности Азова находится нѣсколько источниковъ хорошей воды, но мы не могли имн пользоваться, ибо къ нимъ приставленъ былъ караулъ, и вода назначалась исключительно для болѣе знатныхъ офицеровъ; источники-же эти столь скудны, что небольшіе у нихъ водоемы весьма медленно наполнялись водою.

Оставивъ въ Азовѣ всѣ багажи и захвативъ только съ собою запасъ сухарей, выданный на три дня, мы отправились въ погоню за татарами. Три татарина служили намъ проводниками и вели насъ въ теченіи пяти дней по степи, совершенно ровной и пустынной, безъ всякаго признака дороги; провіантъ нашъ совершенно истощился; наконецъ пятаго дня мы настигли татаръ; войско ихъ, числомъ въ 25,000, стояло въ строю на готовѣ, ожидая насъ, и лишь только мы стали наступать, они бросились на донскихъ козаковъ и смяли ихъ; но когда наша артиллерія и пѣхота открыли огонь, то татаре, замѣчая въ рядахъ своихъ большое опустошеніе, обратились въ бѣгство и уходили, сбившись въ густую толпу. Два наши гусарскіе полка: бахмутскій и сербскій отправлены были въ погоню за бѣгущими; мы преслѣдовали ихъ до рѣки Кубани и истребили большое количество. Когда татаре стали переправляться черезъ Кубань, на выручку имъ появились закубанскіе жители, называемые черкесами; вслѣдствіе этого полки наши отступили и возвратились къ своему корпусу. Въ добычу нашему войску достался весь лагерь татарскій: дѣти ихъ, женщины и множество скота. Гусары наши во время погони также пріобрѣли значительную добычу, но не воспользовались ею, ибо послѣ возврата начальство произвело весьма строгую ревизію и отняло всю захваченную добычу. Одинъ

гусаръ сербскаго полка захватилъ у татарскаго бея 1,000 имперіаловъ, изъ-за которыхъ лишился жизни; ибо, желая скрыть свою добычу, онъ передалъ ее маркитанту, который высыпалъ золото въ бочку, наполненную водкою. Гусара подвергли допросу и, когда онъ отказался указать мѣсто, куда припряталъ деньги, его въ теченіи трехъ дней били батогами; только третьяго дня онъ сознался и указалъ мѣсто, гдѣ хранились деньги, но онъ до того измученъ былъ наказаніемъ, что четыре дня спустя умеръ.

Мы возвратились въ Азовъ, ведя множество плѣнныхъ и угнавъ значительное количество скота, которымъ мы питались на обратномъ пути. Тотчасъ послѣ возврата полкъ нашъ получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Бахмутъ вслѣдствіе того, что лошади наши были сильно утомлены и искалѣчены, и необходимо было перемѣнить большую часть ихъ.

Городъ Азовъ расположенъ на берегу моря или, правильнѣе, лимана; это небольшая крѣпость, окруженная валомъ и каменною стѣною; самый городъ незначителенъ и въ немъ нѣтъ выдающихся построекъ; такъ какъ онъ лежитъ среди дикой степи, то жителей въ немъ очень мало, и въ немъ живутъ почти исключительно военные. Не далеко отъ Азова есть еще другой городокъ[1]); подходя къ нему, мы замѣтили только земляные окопы, но, вступивъ внутрь укрѣпленій, мы нашли цѣлый городъ, всѣ жилища котораго были вырыты въ землѣ, такъ какъ во всей окружающей мѣстности нѣтъ никакого строеваго матеріала; здѣсь живутъ исключительно татаре, въ числѣ которыхъ много купцевъ, имѣющихъ богатые склады турецкихъ товаровъ, и особенно много предметовъ бакалейной торговли.

Мы шли въ Бахмутъ медленно и, миновавъ этотъ городъ, расположились въ Серебрянкѣ, гдѣ назначена была квартира для нашего штаба; едва мы расположили въ полѣ палатки, разсчитывая отдохнуть въ теченіи мѣсяца, какъ въ тотъ-же вечеръ полученъ былъ приказъ, предписывавшій намъ немедленно отправиться въ новый походъ; намъ

---

[1]) Этотъ, не названный авторомъ, городъ—очевидно Ростовъ на Дону, основанный въ 1761 году и носившій въ то время названіе «Крѣпости св. Дмитрія Ростовскаго».

приказано было идти по направленію къ Крыму для соединенія съ арміею князя Прозоровскаго, который долженъ былъ тогда-же подойти съ другой стороны съ корпусомъ въ 13,000 человѣкъ; кажется, имѣлась вновь въ виду кампанія противъ татаръ. Такимъ образомъ, переночевавъ лишь въ Серебрянкѣ [1]) одну ночь и перемѣнивъ нѣкоторыя только, болѣе негодныя, лошади, мы отправились въ новый походъ.

Въ то время многіе поляки уже дезертировали; одни бѣжали пѣшкомъ, другіе съ лошадьми и оружіемъ, пробиваясь храбро по дорогѣ сквозь встрѣчавшіяся имъ препятствія. Нѣкоторые изъ нихъ были пойманы и подверглись жестокому наказанію, проходя сквозь строй; но примѣры эти нисколько не удерживали другихъ отъ предположеннаго бѣгства. Въ это время я состоялъ въ тѣсной дружбѣ съ однимъ волохомъ, служившимъ въ одномъ со мною эскадронѣ; онъ разсказалъ мнѣ обстоятельно всѣ подробности пути къ польскимъ границамъ, утверждая, что мнѣ удобнѣе и ближе всего будетъ бѣжать, когда мы достигнемъ рѣчки, называемой Калміусъ. Затѣмъ онъ мнѣ назвалъ рѣки, черезъ которыя я долженъ буду переходить: Самару, Волчью и наконецъ Днѣпръ, черезъ который необходимо нужно будетъ переправиться; прибавилъ также, что послѣ переправы я попаду въ пустыя запорожскія степи, пройдя которыя, достигну польскихъ границъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ избѣгать по возможности путешествія днемъ и направлять путь днемъ прямо на западъ, ночью-же по направленію созвѣздія, называемаго „Квочка“. Я съ глубокимъ вниманіемъ выслушивалъ его совѣты и указанія и рѣшился дезертировать тотчасъ послѣ того, какъ мы достигнемъ береговъ Калміуса.

ГЛАВА X.

Бѣгство изъ бахмутскаго полка въ Польшу.

Поляки стали дезертировать безпрерывно; въ ночь передъ выступленіемъ въ походъ бѣжало болѣе десяти человѣкъ, и на пути въ каж-

---

[1]) Серебрянка — село на сѣверной границѣ бахмутскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, на берегу Сѣвернаго Донца, отдѣляющаго эту губернію отъ харьковской.

дое утро не досчитывались нѣсколькихъ человѣкъ; я готовился также къ бѣгству, но, руководясь инструкціями, полученными отъ вышеупомянутаго волоха, я порѣшилъ не пускаться въ путь прежде, чѣмъ не достигнемъ Калміуса. Когда мы стали приближаться къ этой рѣкѣ, я поспѣшилъ окончить сборы къ путешествію: они состояли въ томъ, что я заготовилъ себѣ провіантъ на дорогу; я могъ это сдѣлать удобно, ибо мнѣ была поручена дневная раздача сухарей нашему эскадрону; пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я успѣлъ отложить въ сторону 40 фунтовъ сухарей, истолоченныхъ въ порошокъ, и уложилъ этотъ запасъ въ припасенный съ этою цѣлью мѣшокъ.

Вслѣдствіе счастливой для меня случайности мы пришли на берега Калміуса въ сумерки; разсѣдлавъ лошадей, мы отправили ихъ подъ присмотромъ особой стражи на подножный кормъ. Между тѣмъ стали разбивать палатки; лагерная гауптвахта была уже устроена, но часовыхъ кругомъ лагеря не успѣли еще разставить; я схватилъ поспѣшно шинель и мѣшокъ съ сухарями и, пользуясь совершенною темнотою ночи, ускользнулъ изъ лагеря. Миновавъ оный, я сталъ быстрыми шагами удаляться въ степь, направляясь на западъ по звѣздамъ и не отдыхая въ теченіи цѣлой почти ночи; если встрѣчалась мнѣ дорога по принятому мною направленію, то я слѣдовалъ по ней, если-же дорога поворачивала въ сторону, то я оставлялъ ее, предпочитая руководиться указаніями моихъ небесныхъ путеводителей: „Квочки и Воза“ [1]). Въ исходѣ ночи я достигъ береговъ рѣки, покрытыхъ обширными зарослями камыша; я догадывался, что это должна быть рѣка Самара [2]), о которой мнѣ разсказывалъ мой пріятель волохъ. Изнуренный ходьбою, я выбралъ сухое мѣсто среди камыша для отдыха и затѣмъ отправился къ водѣ, захвативъ съ собою мѣшокъ съ сухарями. Усѣвшись на берегу, я смѣшивалъ въ ложкѣ истертые въ порошокъ сухари съ водою и подкрѣпившись этою пищею, возвратился на усмотрѣнное мѣсто, гдѣ

---

[1]) Созвѣздія: Плеяды и Большая Медвѣдица.

[2]) Догадка Хоецкаго очевидно ошибочна. Отправившись отъ Калміуса и пройдя одну ночь по направленію къ западу, онъ не могъ встрѣтить Самары, верховья которой лежатъ въ 70 верстахъ къ сѣверо-западу отъ верховьевъ Калміуса; онъ правдоподобно наткнулся на верхнее теченіе р. Волчьей или на одинъ изъ ея верхнихъ, лѣвыхъ притоковъ: Осиновую, Лозовую, Водяную или Дурную.

и улегся спать, разсчитывая на совершенную безопасность. Но едва сомкнулъ я глаза, какъ меня разбудилъ страшный шумъ и крикъ, раздававшійся надъ водою. Приподнявъ голову, я сталъ прислушиваться и изъ долетавшихъ до меня словъ понялъ, что люди, говорившіе вблизи, были солдаты сумскаго гусарскаго полка, который шелъ къ войску князя Прозоровскаго; полкъ этотъ остановился для ночлега на берегу той-же рѣки, у которой я улегся спать, и на разсвѣтѣ солдаты пригнали лошадей къ водопою. Со страхомъ ожидалъ я окончанія этого занятія и лишь только они удалились, я схватился, перебрелъ черезъ рѣку и удалился отъ того мѣста. Я шелъ долго, пока доставало силъ и пока не стало совершенно свѣтло; когда-же ноги совершенно отказали мнѣ въ дальнѣйшей службѣ, находясь среди обширнаго поля, густо покрытаго терновникомъ, я припалъ на колѣни и пробравшись ползкомъ, какъ можно было дальше въ терновникъ, улегся спать и проспалъ, не просыпаясь, цѣлый день. Съ наступленіемъ ночи, я отправился въ дальнѣйшій путь. Ночь эту и слѣдующій день я шелъ по совершенно пустынной степи и видя, что она въ полномъ смыслѣ слова безлюдна, я смѣло, безъ всякаго опасенія, подвигался впередъ. Степь въ той странѣ представляетъ столь однообразную равнину, что на милю кругомъ можно замѣтить всякаго путника ѣдущаго или даже идущаго пѣшкомъ; притомъ я зналъ, что ни селеній, ни даже отдѣльныхъ хуторовъ тамъ вовсе не существуетъ и потому, оставивъ въ сторонѣ всякія предосторожности, я смѣло шелъ впередъ, какъ ночью, такъ и днемъ. Пятаго дня, оглянувшись назадъ, я замѣтилъ вдали какое-то войско, двигавшееся сзади по одному направленію со мною; я узналъ по одеждѣ сумскій гусарскій полкъ, тотъ самый, который чуть было не захватилъ меня надъ рѣкою. Я спрятался въ сторонѣ въ высокую траву, покрывавшую степь, и выждалъ, пока полкъ не прошелъ мимо меня. Но зная, что полкъ этотъ отправляется къ войску князя Прозоровскаго, расположенному на берегу Днѣпра, и находясь въ необходимости переправиться черезъ эту рѣку, я рѣшился воспользоваться этою случайною встрѣчею. Когда полкъ прошелъ мимо меня, я отпустилъ его на полъ мили впередъ и послѣдовалъ за нимъ; такимъ образомъ полкъ этотъ служилъ мнѣ путеводителемъ. Питался я все время сухарями, притомъ, по временамъ, я встрѣчалъ кусты терновника, спѣлые плоды котораго,

нѣсколько уже прибитые морозомъ, доставляли мнѣ весьма вкусную пищу. Иногда среди степи я встрѣчалъ скирды сѣна, въ которыя зарывался на ночь ради теплоты; но даже въ такомъ случаѣ, вслѣдствіе значительнаго холода и недостаточно теплой одежды, я не могъ спать долѣе одного часа и потому въ теченіе каждой ночи я нѣсколько разъ ложился спать и столько-же разъ подымался и продолжалъ путь, согрѣваясь быстрымъ движеніемъ. Вообще погода не благопріятствовала моему путешествію: осень была уже поздняя и морозы и дожди, смѣняя попеременно другъ друга, причиняли мнѣ большія страданія.

Я приближался уже къ рѣкѣ Волчьей [1]) и издали увидѣлъ, что предшествовавшій мнѣ полкъ остановился для ночлега на берегу рѣки, вслѣдствіе этого я долженъ былъ также остановиться на ночь. Я сталъ спускаться внизъ по теченію рѣки, высматривая мѣсто для ночлега среди густо растущихъ кустовъ лозы; вдругъ я увидѣлъ хижину, первую въ теченіи всего моего путешествія. Это былъ запорожскій хуторъ. Въ большомъ волненіи я вошелъ въ хату, гдѣ засталъ одного только человѣка, занятаго приготовленіемъ муки посредствомъ ручнаго жернова; онъ спросилъ меня: откуда я иду и зачѣмъ зашелъ въ домъ? Я отвѣтилъ, что служу въ томъ полку, который остановился не вдалекѣ оттуда на ночлегъ на берегу рѣки и просилъ его, чтобы онъ меня накормилъ. Онъ вынесъ гречневой каши съ кислымъ молокомъ и сметаною и пригласилъ меня поѣсть; такъ какъ я питался только сухарями съ водою и давно не встрѣчалъ столь роскошнаго блюда, то съ жадностью накинулся на пищу, предложенную мнѣ благодѣтельнымъ хозяиномъ. Замѣтивъ, что я быстро опорожнилъ всю миску, онъ вновь прибавилъ мнѣ каши и молока, сказавъ ласково: „кушай, прошу тебя, я вижу, что ты очень голоденъ“. Наѣвшись до сыта, я возвратилъ ему остатокъ пищи и благодарилъ его искренно отъ всего сердца. Затѣмъ сталъ я его распрашивать: давно-ли онъ живетъ въ этой мѣстности и чѣмъ

---

[1]) Вѣроятно Хоецкій, переправившись черезъ верховья Волчьей рѣки въ бахмутскомъ уѣздѣ, прошелъ степью вдоль сѣвернаго берега этой рѣки и вторично на нее наткнулся въ нынѣшнемъ александровскомъ или павлоградскомъ уѣздѣ, тамъ, гдѣ Волчья, повернувъ у села Покровскаго къ сѣверу, течетъ въ этомъ направленіи до Павлограда. Очевидно, что эта нижняя часть рѣки пересѣкала путь, по которому Хоецкій направлялся къ западу.

снискиваетъ себѣ пропитаніе? Онъ отвѣтилъ, что живетъ не одинъ въ домѣ, что кромѣ него есть еще пять братьевъ и отецъ, но что въ настоящее время всѣ они уѣхали въ лѣсъ за хворостомъ; всѣ они были родомъ изъ окрестностей Чигирина и выселились сюда изъ польскихъ предѣловъ. Мы долго бесѣдовали; наконецъ, убѣдившись въ добродушіи своего хозяина и замѣтивъ дружелюбное его отношеніе ко мнѣ, я разсказалъ ему откровенно свое положеніе. Выслушавъ меня, онъ предложилъ мнѣ дождаться возврата его отца, который могъ мнѣ дать подробныя указанія о предстоящемъ пути къ польской границѣ.

Вскорѣ старикъ пріѣхалъ, и сынъ передалъ ему содержаніе нашей бесѣды. Старикъ нѣсколько смутился, боясь навлечь на себя бѣду, ибо, по дѣйствующимъ тамъ распоряженіямъ, онъ обязанъ былъ задержать меня. Между тѣмъ братья изготовили ужинъ и пригласили меня раздѣлить съ ними трапезу; послѣ ужина я обратился къ старику съ просьбою позволить мнѣ переночевать въ его домѣ, но онъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующее: „если-бы узнали, что ты гостилъ и ночевалъ у меня, то я подлежалъ-бы равной съ тобою отвѣтственности, ибо я обязанъ отправить тебя тотчасъ къ ближайшей военной командѣ; но я не хочу обижать тебя; ступай съ Богомъ, куда судьба тебя направитъ, ночлега-же не могу тебѣ предложить ни въ какомъ случаѣ“. Затѣмъ онъ подробно разсказалъ мнѣ направленіе пути, при чемъ предупредилъ меня, что у переправы чрезъ Днѣпръ, чрезъ который мнѣ необходимо переправиться, расположена лагеремъ вся дивизія князя Прозоровскаго и будетъ стоять тамъ еще цѣлый мѣсяцъ и что въ другомъ мѣстѣ я не найду не только перевоза, но и малѣйшей лодки, а потому предостерегалъ, что у перевоза мнѣ угрожаетъ большая опасность, по причинѣ расположенныхъ тамъ войскъ.

Долго я раздумывалъ о предстоящей опасности, но, наконецъ, рѣшился положиться на судьбу, или точнѣе на Провидѣніе и постановилъ храбро идти къ предположенной цѣли. Поблагодаривъ старика за оказанныя мнѣ благодѣянія, я оставилъ его домъ примѣрно въ одинадцать часовъ ночи и отправился по направленію къ мѣстечку Московкѣ [1]),

---

[1]) Московка—прежнее названіе нынѣшняго уѣзднаго города Александровска (екатеринославской губ.).

лежащему на берегу Днѣпра; до мѣстечка этого я шелъ еще пять дней. Такъ какъ я приблизился къ нему днемъ, то укрылся въ траву и ожидалъ приближенія ночи, притомъ я обращалъ вниманіе на вечерніе сигналы, раздававшіеся по лагерю, стараясь по нимъ опредѣлить расположеніе войска. Съ наступленіемъ ночи я тронулся въ путь и вскорѣ достигъ Московки. Я храбро вошелъ въ лагерь и проходилъ мимо часовыхъ, но послѣдніе или не видѣли меня, благодаря темнотѣ ночи, или-же, видя на мнѣ солдатскіе киверъ и шинель, предполагали, что я принадлежу къ числу солдатъ собравшейся арміи. Такимъ образомъ я прошелъ благополучно сквозь лагерь и сталъ спускаться по другую его сторону въ долину съ цѣлью отъискать берегъ Днѣпра. Долго я не могъ найти рѣки, путаясь въ темнотѣ среди кустовъ, но, наконецъ, руководясь направленіемъ песчаныхъ розсыпей, достигъ берега и долго бродилъ вдоль него, высматривая мѣсто перевоза или стоянку лодокъ, пока наконецъ не замѣтилъ огонь, пылавшій на берегу рѣки. Приблизившись къ нему, я увидѣлъ стоящіе рядомъ два парома и болѣе десяти лодокъ; на берегу сидѣли крестьяне, сторожившіе переправу по принятому тамъ обычаю. Я прилегъ къ огню, разсчитывая на то, что когда сторожа уснутъ, мнѣ удастся захватить лодку и переправиться, хотя-бы съ помощью моей дорожной палки, такъ какъ весла сторожа уложили возлѣ себя. Долго лежалъ я, вѣроятно до двухъ часовъ ночи, но ожиданіе мое было напрасно; сильный морозный вѣтеръ не только мнѣ причинялъ страданія, но не дозволялъ также уснуть и перевозчикамъ. Я наконецъ поднялся и, удалившись отъ того мѣста, сталъ быстро бѣгать для того, чтобы согрѣться, посматривая вмѣстѣ съ тѣмъ на берегъ, въ надеждѣ открыть какую-либо лодку, хотя-бы негодную. Я готовъ былъ съ крайнею даже опасностью переправиться, на чемъ попало, лишь-бы не дождаться въ томъ мѣстѣ дневнаго свѣта, ибо я полагалъ, что въ такомъ случаѣ меня непремѣнно задержатъ. Между тѣмъ, бѣгая, я истощилъ окончательно свои силы, упалъ въ кустахъ совершенно инстинктивно и немедленно уснулъ. Проснулся я только въ семь часовъ утра, вслѣдствіе того, что два солдата, пришедшіе къ берегу изъ лагеря, стали возлѣ меня рубить деревья на дрова; они разбудили меня и стали спрашивать, зачѣмъ я сплю въ этомъ мѣстѣ. Я отвѣтилъ, что посланъ былъ ночью къ мѣсту пастбища лошадей своего полка и

сбившись въ темнотѣ, долженъ былъ ночевать въ этомъ мѣстѣ. Затѣмъ они спросили, въ какомъ полку служу. „Въ гусарскомъ сумскомъ, отвѣтилъ я; полкъ этотъ недавно соединился съ дивизіею". „Гдѣ-же расположенъ твой полкъ?" — „На лѣвомъ флангѣ", отвѣтилъ я самоувѣренно, хотя не имѣлъ объ этомъ предметѣ никакихъ свѣдѣній и отвѣчалъ на угадъ; но, къ счастью, оказалось, что я угадалъ. Тогда спрашивавшіе меня солдаты сказали; „подымайся-ка скорѣе и ступай, потому что скоро уже пробьетъ восемь часовъ, и ты будешь наказанъ, если не явишься ко времени подачи рапорта". Я поблагодарилъ ихъ за то, что они разбудили меня во время, надѣлъ шинель, прихватилъ мѣшокъ съ сухарями и отправился по тропинкѣ вдоль рѣки, мимо лагеря, занимавшаго обширное пространство на взгорьи. На встрѣчу мнѣ попадались солдаты изъ полковъ пѣхотныхъ и карабинерскихъ, но никто изъ нихъ не остановилъ меня; видя на мнѣ форменную военную одежду, они меня считали товарищемъ; конечно, среди столь численнаго войска, всѣ не могутъ быть лично извѣстны другъ другу. Только тогда, когда приходилось мнѣ проходить за черту лагеря, карабинеры спросили меня, куда и зачѣмъ иду. Я отвѣтилъ, что иду къ своимъ лошадямъ, которыя пасутся въ полѣ въ той сторонѣ; меня пропустили, и такимъ образомъ я благополучно выбрался изъ лагеря, принося Господу хвалу за избавленіе меня отъ грозившей опасности.

Тѣмъ не менѣе я не зналъ, что предпринять дальше, ибо я имѣлъ точныя свѣдѣнія о томъ, что нигдѣ болѣе не найду перевоза. Въ раздумьи пошелъ я по берегу Днѣпра. Удалившись отъ лагеря болѣе, чѣмъ на полъ-мили, я увидѣлъ на рѣкѣ много плотовъ и при нихъ нѣсколько лодокъ. Я подошелъ къ бывшимъ у плотовъ крестьянамъ и попросилъ у нихъ позволенія согрѣться у огня. На вопросъ: откуда иду? я повторилъ обычное объясненіе, что иду отъ лошадей, находящихся на пастбищѣ; мнѣ повѣрили безъ труда, такъ какъ солдатскія лошади дѣйствительно паслись вблизи того мѣста; крестьяне пустили меня къ огню и пригласили отвѣдать рыбы, которую они сварили въ казанкѣ. Поѣвши рыбы, я просилъ ихъ перевезти меня на другой берегъ подъ предлогомъ, будто мнѣ нужно отправиться въ запорожскій хуторъ раздобыть нѣсколько головокъ капусты, въ которой чувствуется полный недостатокъ въ лагерѣ. Они долго отказывали мнѣ,

утверждая, что занятія ихъ не дозволяютъ имъ отлучаться; наконецъ, одинъ изъ нихъ согласился удовлетворить мою просьбу; тотчасъ-же я усѣлся съ нимъ въ лодку, и онъ высадилъ меня на противоположный берегъ Днѣпра.

Я безмѣрно обрадовался, совершивъ переправу, отъ которой главнымъ образомъ зависѣлъ успѣхъ моего спасенія; но отъ того мѣста Днѣпра до границы польской нужно было пройти еще 20 миль. Я пустился въ путь и прошелъ еще семь дней степью. Вообще-же со времени моего бѣгства отъ Калміуса истекло уже три недѣли. Вслѣдствіе постоянной ходьбы ноги мои сильно набрякли, и я почувствовалъ страшную боль, причиняемую сапогами, которыхъ я ни разу не снималъ въ дорогѣ; однако ни снять сапогъ, ни продолжать идти было не возможно. Я сильно пріунылъ, не находя исхода изъ своего положенія, и съ крайнимъ трудомъ продолжалъ тащиться впередъ; вдругъ ночью я замѣтилъ въ степи огонь и направился къ нему. Оказалось, что тамъ устроенъ былъ шалашъ, въ которомъ жилъ старикъ, оберегавшій арбузы на разведенной вблизи балшѣ. Я разсказалъ старику совершенно откровенно мое горестное положеніе, показалъ ему распухшія ноги, сдавленныя сапогами, и сознался ему, что дальше идти я не въ состояніи. Старикъ отнесся ко мнѣ съ большимъ сочувствіемъ: онъ посовѣтовалъ мнѣ распороть сапоги и замѣтивъ, что голенища были довольно мягки, предложилъ мнѣ сдѣлать изъ нихъ лапти, за что я подарилъ ему головки отъ сапогъ вмѣстѣ со шпорами. Когда лапти были готовы, явилась новая трудность: ни у меня, ни у старика не оказалось портянокъ для того, чтобы предварительно завернуть въ нихъ ноги. Я помогъ этому горю, отрѣзавъ лѣвую полу отъ своей жинели и, раздѣливъ ее на двѣ части, я завернулъ въ нихъ ноги.

Къ счастью оттуда было уже довольно близко къ польской границѣ; слѣдуя указаніямъ старика, я направился къ Крылову, городу, лежащему на берегу рѣки Тясьмина. Отъискавши удобное мѣсто, я переправился въ бродъ черезъ эту рѣку и такимъ образомъ въ исходѣ 1776 года достигъ благополучно границъ своего отечества. Здѣсь, возрадовавшись достиженію своей цѣли, я вскорѣ забылъ грусть и уныніе, угнетавшія меня въ продолженіи восьми лѣтъ.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПОЗЕМЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЗАПОРОЖЬЯ.

(Эпизодъ изъ его пограничныхъ споровъ съ б. Слободскою Украйною)[1]).

Исторія послѣдней эпохи Запорожья только лишній разъ подтверждаетъ то извѣстное общее положеніе, что всякій предъидущій періодъ въ исторіи даннаго общества обусловливаетъ собою его послѣдующую судьбу.

Извѣстно, что послѣ полтавской битвы запорожская община, принявшая сторону Мазепы, избѣгая гнѣва царскаго, должна была переселиться въ предѣлы крымскаго ханства. Въ этой невольной отлучкѣ запорожцы пробыли ровно четверть вѣка, съ 1709 по 1734 г., когда снова возвратились въ подданство Россіи. Во время ихъ отсутствія бывшая ихъ территорія оставалась, можно сказать, въ безхозяйномъ положеніи и потому фактически открыта была для всякихъ заимокъ и колонизаціи, особенно на своихъ окраинахъ. Обстоятельства выхода и возвращенія запорожцевъ были таковы, что ни заинтересованное въ немъ правительство русское не могло налагать на нихъ какихъ либо ограниченій, ни сами запорожцы, чувствовавшіе свою вину, не могли предъявлять особыхъ претензій. Вопросъ о сохраненіи за запорожцами всѣхъ ихъ прежнихъ правъ, въ томъ числѣ и земельныхъ, былъ формулированъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Обратное переселеніе запорожцевъ являлось актомъ добровольнаго раскаянія съ одной и всемилостивѣйшаго

---

[1]) Матеріалами для настоящей статьи послужили намъ подробныя выписки, доставшіяся намъ нѣсколько лѣтъ назадъ изъ одного дѣла въ архивѣ харьковскихъ присутственныхъ мѣстъ. Дѣло по заголовку названо: «Связка (бумагъ) объ отнятыхъ запорожцами у жителей изюмской провинціи земляхъ. 1773, 74 и 75 годовъ», на 319 л., № 250.—Прим. авт.

прощенія съ другой стороны,—актомъ взаимнаго примиренія, при которомъ обѣ стороны спѣшили, предавъ забвенію случившееся, оставить все statu quo ante. Запорожцы, „зъ препростого козацкого ума“, оставались при томъ убѣжденіи, что ихъ предковскія земли, купленныя кровью и укрѣпленныя за ними королевскими привилегіями, гетманскими универсалами и грамотами русскихъ царей, не могутъ быть ни отняты у нихъ, ни какъ-нибудь ограничены. Въ такомъ именно смыслѣ даны были запорожцамъ положительныя увѣренія барономъ Вейсбахомъ отъ имени русскаго правительства, какъ при самомъ ихъ возвращеніи, такъ и впослѣдствіи при заключеніи мирнаго трактата съ Турціею въ 1741 г., когда запорожцы сами подняли вопросъ о томъ, что принадлежность имъ ихъ территоріи и ея границы недостаточно опредѣлены въ трактатѣ. Иначе судило о земляхъ своихъ подданныхъ само центральное правительство, а также его крупные и мелкіе агенты и частныя лица, жившіе на всемъ протяженіи запорожскихъ границъ. Правительство озабочено было укрѣпленіемъ своихъ границъ со стороны польскихъ и татарскихъ владѣній и строило укрѣпленія, занимая подъ нихъ земли не только вдоль запорожскихъ владѣній, но и въ ихъ центрѣ, такъ какъ сами запорожцы, по учиненной ими однажды измѣнѣ, почитались не надежными. Правительственные агенты отъ генерала до поручика не только расширяли свою ревность въ исполненіи служебнаго долга на счетъ запорожскихъ земель, но одушевлялись нерѣдко колонизаторскими стремленіями, осаживали на пустыхъ запорожскихъ земляхъ слободы, населяли ихъ пришлыми людьми и получали съ нихъ доходы на правахъ помѣщиковъ. Не церемонился и простой пограничный людъ гетманщины и слобожанщины. Правительственныя и частныя заимки запорожскихъ пустошей шли можно сказать со всѣхъ сторонъ—со стороны войска Донскаго, со стороны изюмской провинціи и въ особенности со стороны польско-украинской линіи, гдѣ вслѣдъ за окончаніемъ турецкой войны огромное пространство запорожскихъ земель было занято подъ такъ называемыя новосербскія поселенія. Шли захваты, возникали споры, иногда вооруженныя схватки, сыпались жалобы, назначались коммиссіи, и взаимнымъ притязаніямъ не было конца.

Въ свою очередь Запорожье чувствовало свое крайне стѣсненное положеніе; это стало смутно пониматься и войсковой массой и

было, кажется, одной изъ причинъ необычнаго въ Запорожьи многолѣтняго атаманства П. Калнишевскаго. Подъ его управленіемъ, не смотря на постоянныя почти военныя тревоги, Кошъ обнаружилъ заботливость не только объ опредѣленіи и защитѣ границъ запорожской территоріи, но и о посильномъ, скорѣйшемъ заселеніи ея огромныхъ безлюдныхъ пространствъ. „Съ 1765 г., говоритъ авторъ „исторіи Новой Сѣчи", начало увеличиваться семейное народонаселеніе въ Запорожьи или такъ называемое *подданство войска*, которое, по обычаю, должно было селиться въ Самарской только и Кодацкой товщахъ... Но, не помѣщаясь въ этихъ мѣстахъ, по проэкту кошеваго Петра Калнишевскаго, утвержденному *общей войсковой радой*, поселялось за Самарою, болѣе къ сѣверу, гдѣ для него отведены были земли по р. Орели до самаго сѣвернаго Донца" [1]). Эта колонизація, кромѣ населенія почти безлюдныхъ пространствъ, имѣла еще другую, ближайшую цѣль: кошевой Калнишевскій, зная, что недостатокъ въ хлѣбопашествѣ былъ главной причиной той зависимости, въ которой находилось войско отъ пожалованія казной провіанта, употреблялъ всѣ усилія на умноженіе селъ, хуторовъ и зимовниковъ, требуя, чтобы новые поселенцы непремѣнно пахали землю и сѣяли рожь.

На этой разнородности стремленій правительства и хотя подвластнаго ему, но вполнѣ автономнаго Запорожья, на этой противоположности колонизаціонныхъ движеній, шедшихъ извнѣ Запорожья во внутрь его и наоборотъ, наконецъ на примѣси къ нимъ частныхъ стремленій къ захватамъ и наживѣ и возникла та многолѣтняя поземельная борьба Запорожья, которая была одною изъ главныхъ причинъ его быстрой и неожиданной кончины.

Мы хотимъ коснуться одного изъ эпизодовъ этой борьбы — на юго-восточной границѣ Запорожья, въ послѣдніе годы его существованія, и предложить нѣсколько не безъинтересныхъ о немъ свѣдѣній. Лишній разъ они удостовѣрятъ въ томъ, что въ атаманство Калнишевскаго время для добровольной, внутренной реформы запорожскаго быта уже прошло, что для подобной реформы уже не было внѣшнихъ благопріятныхъ условій, что масса препятствій къ этому лежала въ самой организаціи и правахъ Запорожья, которое внѣ своего военнаго ремесла не хотѣло

[1]) Исторія Нов. Сѣчи, изд. 1846 г. Т. 1, стр. 53.

знать почти ничего, не ясно представляло себѣ свои политическіе идеалы и было связано съ этимъ ремесломъ болѣе органической связью, чѣмъ съ самой территоріей. Въ то время, когда со всѣхъ сторонъ его огибалъ и крѣпко сжималъ общій государственный строй, основанный на общемъ крѣпостномъ положеніи и слѣдовательно на полномъ почти отрицаніи свободы личной, основныя начала запорожской организаціи представляли другую крайность: полное самодержавіе беззаботной, безсемейной и малокультурной толпы, которая, не вынося надъ собой ни постоянныхъ руководителей, ни богатыхъ многолѣтнимъ политическимъ опытомъ вождей, сама была обыкновенно ниже пониманія общаго положенія вещей и поэтому неизбѣжно сдѣлалась жертвой этого непониманія. Тѣмъ не менѣе предлагаемые нами матеріалы содержатъ въ себѣ нѣкоторыя указанія и на то, что сыпавшіяся на Запорожье обвиненія со всѣхъ сторонъ были во многомъ несправедливы и не свободны отъ личныхъ, притомъ своекорыстныхъ стремленій, и что не одно Запорожье виновно въ постигшемъ его конечномъ разореніи. Что до новаго соціальнаго строя, замѣнившаго прежніе козацкіе порядки— онъ ждетъ своей оцѣнки въ будущемъ.

Перейдемъ теперь къ тому эпизоду запорожской борьбы, съ которымъ мы хотимъ познакомить нашихъ читателей на основаніи указанныхъ въ началѣ матеріаловъ.

Дѣло происходитъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, на юго-восточной границѣ Запорожья съ бывшой слободской Украйной. Споръ идетъ съ администраціей и жителями изюмской провинціи, образованной главнымъ образомъ изъ земель бывшаго изюмскаго полка. Въ этомъ мѣстѣ между двумя смежными областями не только не было точной границы, но ея видимо не знало ни высшее правительство, ни мѣстная администрація, запорожцы-же утверждали, что эта граница должна проходить невдалекѣ отъ самаго Изюма, по *Касоговъ валъ*. Какъ давно возникли здѣсь земельныя правонарушенія и вызванные ими споры, неизвѣстно, но къ тому времени, котораго касаются имѣющіеся въ нашихъ рукахъ матеріалы, они прошли уже много степеней и достигли значительныхъ размѣровъ и взаимнаго раздраженія спорившихъ сторонъ. Когда-то и вся Слободская Украйна была заселена и устроена на такихъ-же началахъ, какъ и Запорожье, за исключеніемъ безсемейности, но теперь отъ

прежней ея жизни не осталось и слѣда. Изъ обширной земельной ея собственности и свободной военно-служилой общины образовались земли казенныя и помѣщичьи съ безправнымъ крестьянствомъ— съ душевымъ надѣломъ и душевою-же податью. Совсѣмъ иной строй жизни былъ въ сосѣднемъ Запорожьѣ: тутъ каждый былъ лично свободенъ, тутъ и земля и житье были вольныя и не было ненавистной подушной подати. Понятно, сюда стремились закабаленные обыватели Слобожанщины, особливо пограничныхъ мѣстъ, пользуясь открытою здѣсь со стороны Запорожья колонизаціею, придвинутою къ самымъ границамъ изюмской провинціи. И такъ, кромѣ пограничныхъ земельныхъ споровъ, тутъ шла еще борьба двухъ соціальныхъ порядковъ, изъ которыхъ на сторонѣ одного была сила и власть, на сторонѣ другого внутренній соблазнъ.

Со стороны изюмской провинціи споръ съ Запорожьемъ былъ веденъ не безправнымъ крестьянствомъ, а крупными землевладѣльцами и поддерживавшею ихъ изюмскою администраціею. Захваты оспариваемыхъ Запорожьемъ земель произведены были ими, можетъ быть, и въ давнее время; но теперь *Вотчинный Департаментъ* замежевалъ эти захваты къ изюмской провинціи, а запорожцы не хотѣли уступить своей „батьківщины“ и отстаивали ее по своему. Вслѣдствіе-ли личныхъ споровъ и столкновеній, или по поводу предпринятаго въ это время *Вотчинымъ Департаментомъ* межеванія земель во всей Слобожанщинѣ, въ 1768 г. на пограничьи изюмской провинціи съ Запорожьемъ собиралась коммисія для полюбовнаго развода ихъ земель, въ которой отъ стороны запорожцевъ были полковникъ Комчакъ и старшина Андрей Порохня; но депутаты обѣихъ сторонъ не сошлись въ самыхъ основахъ „развода“. Изюмская канцелярія брала за основаніе универсалъ короля Стефана Баторія, Порохня, ссылался на универсалы Хмельницкаго и грамоту императрицы Елисаветы. Канцелярія требовала „законныхъ укрѣпленій“, вѣроятно, въ родѣ произведеннаго уже межеванія, знаки котораго были уничтожены запорожцами. Порохня утверждалъ, что самое межеваніе произвели изюмскіе старшины, подкупивъ начальствующихъ генераловъ, и что оно было направлено къ обидѣ ихъ, запорожцевъ. „Если-бы, говорилъ онъ, не межевали отъ нихъ, запорожцевъ, земли, то и они того нахальства не учинили-бы“. Канцелярія возражала, что многія спорныя дачи замежеваны за изюмскими

владѣльцами харьковскимъ межевщикомъ Вотчиннаго Департамента, „безъ всякаго отъ кого-либо спору и челобитья“, и не безъ ехидства замѣтила, что эти земли заняты уже давно, еще въ то время, когда запорожцы измѣняли русскому правительству и соединясь за одно съ татарами, непріятельски дѣйствовали противъ слободскихъ жителей“. Задѣтый за живое Порохня въ свою очередь наговорилъ разныхъ „непристойностей“ и совсѣмъ отказался отъ „полюбовнаго развода“.

Можно думать, что именно эта неудача полюбовнаго соглашенія побудила Запорожскій Кошъ принять болѣе дѣйствительныя мѣры къ огражденію своей земельной собственности; по крайней мѣрѣ сама слободско-украинская администрація въ донесеніяхъ своихъ правительствующему сенату начало такъ называемыхъ въ семъ отношеніи „запорожскихъ своевольствъ“ относитъ къ 1769 году. Кошъ рѣшилъ не только очистить захваченныя уже у него земли, но и скорѣе населить какъ эти, такъ и другія пограничныя свои мѣста. Дѣятельнымъ выполнителемъ рѣшенія войсковой рады на обоихъ пограничьяхъ, изюмскомъ и ново-сербскомъ былъ запорожскій полковникъ Гараджа. Въ мѣстность между Изюмомъ и Торомъ (нынѣ Славянскъ), по его распоряженію, переселяются жители Запорожья даже съ Орели, а также и новые выходцы изъ Слобожанщины и Гетьманщины. Между прочимъ онъ основалъ такъ называемую *Барвинкову стѣнку* на томъ мѣстѣ, какъ утверждала изюмская канцелярія, гдѣ былъ форпостъ изюмскаго полка, и населялъ слободу Комышеваху; на его зовъ устремлялись какъ сосѣдніе помѣщичьи крестьяне, такъ и казенные войсковые обыватели. Но противъ него дружно возстали изюмская провинціальная канцелярія съ подчиненными ей коммиссарствами, помѣщики-землевладѣльцы и нѣкоторые мѣстные военачальники (напримѣръ, Тора или Славянска и Бахмута), имѣя на своей сторонѣ не только тогдашняго слободско-украинскаго губернатора Щербинина, но скоро и всемогущее вліяніе Потемкина. Гараджа твердо выполнялъ данное ему порученіе, не обращая вниманія ни на кого и ни на что. Помѣщики слали непрерывныя жалобы, изюмская канцелярія тщательно отмѣчала всѣ „самовольства“ запорожцевъ, составляла имъ подробные экстракты, разсылала промеморіи и представленія, предъявляла энергическія требованія Кошу и въ концѣ концовъ доносила въ Петербургъ. Кошъ, какъ извѣстно,

никогда не отличался развитіемъ канцелярскаго дѣла,—онъ или молчалъ, или былъ крайне малорѣчивъ въ своихъ отпискахъ по этому предмету; притомъ вскорѣ началась турецкая война, въ которой запорожское войско принимало участіе, вслѣдствіе чего и самый административный центръ Запорожья—Кошъ не могъ своевременно и обстоятельно собирать и представлять доводы въ свою защиту. Это раздражало власти и плодило жалобы и нареканія. На Гараджу жаловались, что онъ и его команды „жалованныя къ г. Изюму и къ другимъ сей провинціи мѣстамъ по грамотамъ казенныхъ войсковыхъ обывателей и владѣльцевъ, состоящія за р. Донцомъ отъ крымской стороны въ разныхъ урочищахъ, очищенные здѣшними жителями отъ прежнихъ непріятельскихъ набѣговъ... земли и всякія угодія отымаютъ, къ снятію насѣяннаго на той землѣ хлѣба и къ косьбѣ сѣна не допущаютъ, ѣздя вооруженною рукою, въ немаломъ числѣ людей, обывателей, сгоняя изъ населенныхъ ими въ давнихъ годахъ хуторовъ, бьютъ, грабятъ, и на той ихъ землѣ цѣлыми слободами населяютъ, принимая въ уваженіе бѣжавшихъ съ разныхъ мѣстъ и большею частію по смежности отъ здѣшнихъ помѣщиковъ подданныхъ, также и казенныхъ обывателей, которые, тамо живучи, никакого государственнаго дохода не платятъ“.

Эта жалоба изюмскихъ „владѣльцевъ“ и составила сущность того „доношенія“, которое послано было въ правительствующій сенатъ отъ изюмской провинціальной канцеляріи въ декабрѣ 1772 г., за подписью изюмскаго воеводы Бавыкина. Воевода объяснялъ, что поводомъ къ „самовольству“ полковника Гараджи и его „подкомендныхъ“ послужило будто-бы выселеніе въ 1769 г., по распоряженію начальства, вслѣдствіе татарскихъ набѣговъ, казенныхъ обывателей изюмскихъ, торскихъ, спѣваковскихъ и заводскихъ казенныхъ изъ ихъ хуторовъ въ болѣе прикрытыя отъ непріятеля мѣста, что Гараджа захватилъ оставленныя временно мѣста и сталъ заселять ихъ и не допускать къ пользованію ими ихъ прежнихъ владѣльцевъ. Воевода отвергалъ теперь тотъ самый универсалъ короля Баторія, на который прежде ссылалась пограничная коммисія 1768 г., утверждалъ, что запорожцы своихъ претензій „никакими своими вымыслами доказать не могутъ“, потому будто-бы, что „отъ Изюма до Коша запорожскаго разстоянія будетъ болѣе 500 верстъ“, обвинялъ ихъ даже въ неисполненіи ими манифеста 19 сентября 1765 г.,

хотя этотъ манифестъ былъ тутъ совсѣмъ ни при чемъ, такъ какъ онъ касался Слободской Украйны, воспрещалъ здѣсь мѣстные захваты въ сферѣ частнаго земельнаго владѣнія и не касался нарушеній какихъ либо областныхъ границъ. Аргументація воеводы была очень слаба, тѣмъ не менѣе онъ настоятельно просилъ у сената, чтобы спорныя земли остались за изюмцами, а бѣжавшіе отъ владѣльцевъ подданные и казенные обыватели, коими запорожцы населяютъ свои слободы, были возвращены на свои прежнія мѣста и впредь отнюдь не были-бы ими принимаемы. Эти послѣднія строки, а равно указаніе воеводы на то, что полковникъ Гараджа сводитъ подданныхъ и даже должниковъ изюмскихъ землевладѣльцевъ въ свои запорожскія слободы, главнымъ образомъ въ Комышеваху, гдѣ нѣтъ *подушнаго оклада*, обличали безсиліе администраціи и язву того соціальнаго строя, который она съ такимъ усердіемъ насаждала и отъ котораго закабаляемый народъ бѣжалъ, куда только могъ, а преимущественно въ Запорожье.

Изъ многочисленныхъ жалобъ на запорожцевъ, которыя изюмская провинціальная канцелярія разсылала прежде сего разнымъ властямъ, видно, что какъ военныя изюмскія власти, такъ и сами землевладѣльцы силою отражали такъ называемыя ими „разбойническія партіи“ запорожцевъ, что для поимки ихъ снаряжались помѣщиками особыя экспедиціи, вступавшія съ запорожцами въ кровопролитныя схватки, и что въ одной изъ нихъ былъ убитъ помѣщикъ Сошальскій.

Губернская слободско-украинская канцелярія, отправляя въ сенатъ упомянутое доношеніе изюмской канцеляріи, вмѣстѣ съ тѣмъ по содержанію онаго сообщила (26 апр. 1773 г.) слободско-украинскому губернатору Е. А. Щербинину особою „меморіею“, прося и его содѣйствія къ защитѣ изюмскихъ обывателей отъ насилій запорожцевъ. Здѣсь она силится стать на почву права историческаго, ссылается на двѣ жалованныя царскія грамоты, изъ которыхъ одною (7190 г. февраля 17) изюмскому полковнику Григорію Донцу повелѣно призывать въ эту мѣстность на вѣчное житье черкасъ... „пашенныя земли пахать и всякими угодьи владѣть по отводу генерала и воеводы *Касогова*[1]), промежъ собою, по раздѣлу“...,

[1]) Отсюда, вѣроятно, и *Касоговъ валъ*, на который, какъ на границу своихъ земель, указывали запорожцы.

а другою (7194 г. ноября...) предоставлялось „черкасскимъ полковникамъ, полковымъ ихъ урядникамъ, козакамъ и мѣщанамъ... кто гдѣ живетъ, вотчинами и землями... и всякими угодьи владѣть по прежнему, по ихъ черкасскимъ обыклостямъ, *вѣчно* и *безоброчно*“..., но обходитъ при этомъ существенный вопросъ о границахъ, а вмѣсто того повторяетъ уже извѣстныя намъ жалобы на запорожскаго полковника Гараджу, что онъ на земляхъ изюмскихъ жителей селитъ „цѣлыми слободами“ пришлыхъ людей, „принимая въ оныя бѣжавшихъ съ разныхъ мѣстъ, а большею частію по смежности отъ здѣшнихъ помѣщиковъ подданныхъ, также и казенныхъ обывателей, которые, тамо живучи, *никакого государственнаго дохода не платятъ*“... Достойно вниманія въ этой „меморіи“ упоминаніе о томъ, что на „своевольства“ запорожцевъ посылались жалобы не только въ Запорожскій Кошъ, но также и предводителю второй арміи князю Вас. Мих. Долгорукову и даже въ малороссійскую коллегію, равно, что изюмская провинціальная канцелярія ходатайствовала о томъ, „чтобы запорожцы въ жилища изюмской провинціи для подговору подданныхъ къ побѣгу въ ихъ кочевища не пріѣзжали“... Въ числѣ помѣщиковъ, которые испытывали притѣсненія отъ запорожцевъ, чаще другихъ упоминаются: бывшій изюмскій (послѣдній) полковникъ Краснокутскій, потомки главнаго колонизатора изюмской сотни Донцы-Захаржевскіе, Капустянскіе, Двигубскіе, Рудневы и другіе.

Жалобы на запорожцевъ были энергично поддержаны губернаторомъ Щербининымъ, который и самъ уже былъ значительнымъ землевладѣльцемъ въ своей губерніи и котораго какой-то подданный (по донесенію изюмскаго воеводы) также былъ „ограбленъ“ запорожцами. Въ своемъ донесеніи сенату 29 апрѣля 1773 г. онъ заявляетъ, что *своеволіе* и насилія запорожцевъ привели пограничныхъ жителей изюмской провинціи въ такое бѣдственное состояніе, что „многіе изъ нихъ не только не въ состояніи заплатить въ казну государственныхъ поборовъ, но и себя съ своимъ семействомъ пропитать не могутъ“... и что „лишившись собственнаго имѣнія и безопасности, они принуждены будутъ разойтись“... Изобразивъ самыми рѣзкими чертами „своевольные“ поступки запорожцевъ, сдѣлавъ ссылки на жалованныя изюмцамъ грамоты и протолковавъ по своему универсалъ Хмельницкаго относительно запорожскихъ гра-

ницъ по рр. Самарѣ и Орели, а отъ Самары прямо на Донъ“. Щербининъ въ заключеніе говоритъ, что хотя всѣ эти наглости запорожцевъ, „особливо въ такое критическое время“, требуютъ самыхъ строжайшихъ изслѣдованій; „но какъ *сей родъ развращенный* людей на сіе время по пограничностя требуетъ нѣкотораго послабленія“, то можно де ограничиться тѣмъ, чтобы предложить запорожцамъ возвратить изюмской провинціи всѣ спорныя земли, съ обѣщаніемъ разобрать этотъ споръ „законнымъ порядкомъ“.

Какъ ни мрачно изображались дѣйствія запорожцевъ въ указанныхъ жалобахъ и донесеніяхъ, на самомъ дѣлѣ едва-ли имъ принадлежалъ во всей этой исторіи починъ и главная вина. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о границахъ, въ которомъ правда могла быть и на сторонѣ запорожцевъ, достаточно вспомнить, что всѣ жалобы начало насильственныхъ дѣйствій запорожцевъ относятъ къ 1769 г., а поводъ къ нимъ видятъ въ очищеніи пограничныхъ изюмскихъ земель отъ населенія въ виду набѣговъ татарскихъ, хотя, вѣрнѣе, онъ заключался въ безуспѣшномъ дѣйствіи „полюбовнаго развода“ и предшествовавшемъ ему замежеваніи земель, которыя запорожцы считали своими. Запорожцы, слѣд., заняли земли пустыя; они заселяли ихъ въ виду непріятеля, изюмскіе-же помѣщики накинулись на эти земли не только, когда опасность миновала, но и когда тамъ были уже запорожскія поселенія. Поэтому починъ насильственныхъ дѣйствій противъ существующаго поселенія скорѣе принадлежалъ имъ, запорожцы-же только отстаивали свои поселки и не допускали изюмцевъ пользоваться занятыми ими землями. Что до возврата этихъ земель, въ ожиданіи разбора дѣла „законнымъ порядкомъ“, то запорожцы могли отвѣчать своимъ противникамъ тѣмъ-же, хотя видимо предпочитали слѣдовать мудрому изреченію: *beati possidetis*. Кто знаетъ, какъ отвѣтилъ-бы на принесенныя теперь на запорожцевъ жалобы сенатъ, который не разъ принималъ ихъ сторону, если-бы въ то же время не произошли еще болѣе крупныя столкновенія запорожцевъ съ мѣстными властями и жителями на другомъ концѣ Запорожья, за Днѣпромъ, изъ-за отнятыхъ у нихъ земель подъ елисаветинскую или ново-сербскую провинцію. Тамъ дѣйствовалъ тотъ-же полковникъ Гараджа съ писаремъ Роменскимъ, не менѣе энергично и простодушно выполняя рѣшеніе рады войсковой.

По словамъ сенатскаго указа, отъ 5 авг. 1773 г., тамъ „въ новороссійской губерніи, въ елисаветградской провинціи, со стороны войска запорожскаго чинились превеликія жителямъ притѣсненія самовольнымъ набѣгомъ не малыхъ шаекъ вооруженныхъ людей, а паче что подъ видомъ недавно будто туда перешедшихъ запорожцевъ насильственно забираютъ и увозятъ оттуда безъ разбору почти всѣхъ поселянъ, старожиловъ и самихъ отправляющихъ пикинерную службу съ ихъ семействомъ и имуществомъ, угрожива́я притомъ нѣкоторыя мѣста и вовсе разорить“; кромѣ того, какъ значилось въ томъ-же указѣ, „войско запорожское самовольно не допущаетъ и всякія препятствія чинитъ въ отысканіи и привозѣ, для сооруженія строющейся по нынѣшнимъ военнымъ обстоятельствамъ *днѣпровской линіи*, зарытаго въ землѣ еще въ прежнія времена татарами, по близости сей линіи, сжоного кирпича, тесанаго плитнаго камня и извести“. Сенатъ умалчивалъ „о разныхъ тамошнихъ, воинскимъ командамъ показуемыхъ, озлобленіяхъ и разныхъ другихъ своевольныхъ, наглыхъ и дерзкихъ поступкахъ“; онъ „отнюдь подумать не могъ, чтобы вышеизображенныя продерзости съ вѣдома и согласія войска запорожскаго происходили“, но предполагалъ, что „единственно можетъ быть помянутый Гараджа и другіе подобные ему необузданные своевольники въ томъ виновны“. Но едва сенатъ отправилъ по жалобамъ новороссійскихъ властей указъ, которымъ, призывая запорожцевъ къ порядку, обѣщалъ сдѣлать имъ удовлетвореніе за взятыя у нихъ подъ новороссійскую губернію земли, по минованіи военныхъ обстоятельствъ и доставленіи запорожцами надлежащихъ на тѣ земли документовъ, какъ получилось донесеніе Щербинина о „самовольствахъ“ запорожцевъ въ изюмской провинціи. Оно было представлено на высочайшее усмотрѣніе и затѣмъ сенатъ въ указѣ 20 авг. того-же года между прочимъ писалъ: „понеже сіи неустройства, нарушающія общую въ имперіи нашей тишину и спокойствіе, ни въ какое время терпимы быть не могутъ, то для сего по указу нашего императорскаго величества нашъ сенатъ сею нашею *императорскою грамотою* всему войску запорожскому низовому накрѣпко повелѣваетъ: 1) тотъ часъ по полученіи сея грамоты вышеименованнаго Гараджу со всѣми его соучастниками и со всею при нихъ находящеюся и во зло употребляемою воинскою командою въ Кошъ забрать и немедленно изслѣдовавъ, по чьему

онъ приказу, или самъ своимъ злонравіемъ на такую непростительную дерзость поступилъ, учинить ему и другимъ его въ томъ сообщникамъ, по мѣрѣ сей ихъ вины и преступленія, публичное по законамъ наказаніе; 2) забранныхъ имъ и другими такими-жъ своевольниками изъ изюмской и елисаветградской провинцій людей, скотъ и хлѣбъ немедленно возвратить, тако-жъ и за прочія причиненныя разоренія и убытки справедливое удовлетвореніе сдѣлать; 3) вышеозначенные на построеніе днѣпровской линіи потребные матеріалы отыскивать и брать отнюдь ни подъ какимъ образомъ не мѣшать... и, наконецъ, 4) всему войску запорожскому наистрожайше приказать и накрѣпко за ними смотрѣть, чтобы отнынѣ впредь никто не отваживался никакихъ далныхъ своевольствъ, а того меньше наглостей и разореній ни въ которую сторону изъ сосѣднихъ губерній чинить, но паче спокойно-бы ожидалъ разсмотрѣнія происходящихъ о обоюдныхъ земляхъ споровъ и надлежащаго по тому каждой сторонѣ по справедливости удовольствія, какъ уже о томъ войску запорожскому и предъ симъ чрезъ малороссійскую коллегію (отъ 16 числа минувшаго іюля) пространнѣе знать дано; въ прочемъ уповаемъ, что войско запорожское низовое вышеизображенное повелѣніе во всѣхъ его частяхъ съ должнымъ вѣрнымъ подданнымъ повиновеніемъ и точностію, какъ нынѣ немедленно исполнитъ, такъ и впредь исполнять не преминутъ, тѣмъ наипаче, что на противный тому и хотя отнюдь неожидаемый случай чрезъ сіе-жъ объявляется, что войско запорожское неизбѣжно восчувствуетъ вся тягость монаршаго нашего гнѣва". Въ заключеніе монаршая грамота, хотя уже безъ обвиненій, вспоминаетъ и другую сторону въ спорѣ: „а дабы между тѣмъ и отъ жителей, какъ обоихъ вышепоказанныхъ губерній, такъ и отъ воинскихъ чиновъ днѣпровой линіи никакого повода къ дальнимъ распрямъ съ войскомъ запорожскимъ подавано не было, но паче равномѣрно-жъ и изъ нихъ каждая сторона помянутаго о земляхъ разсмотрѣнія терпѣливо ожидала, о томъ къ главнымъ ихъ начальникамъ указы изъ сената послать: въ слѣдствіе чего оные въ равной съ симъ силѣ въ военную и малороссійскую коллегіи, и къ кіевскому генералъ-губернатору (Воейкову) чрезъ нарочнаго курьера и посылаются. Августа 20 дня. 1773 г.".

Сенатскій указъ не могъ не порадовать изюмскія власти; Щербининъ предписалъ слободско-украинской губернской канцеляріи немедленно отправить нарочнаго курьера въ Запорожскій Кошъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ кіевскому губернатору, чтобы и онъ съ своей стороны понудилъ запорожское войско немедленно исполнить сенатскій указъ.

Но Кошъ, какъ видно, судилъ о дѣлѣ по своему и собирался съ отвѣтомъ. Въ началѣ 1774 г. Щербининъ писалъ Кошевому атаману въ томъ смыслѣ, что даже и посланная въ Запорожье грамота не помогла, что запорожцы не только не возвратили спорныхъ земель и заграбленныхъ пожитковъ, „но еще сверхъ того вновь они и ихъ поселяне слободы Комышевахи безпрестанно большими партіями уѣзжаютъ въ лѣса войсковыхъ слободъ (изюмской провинціи) Спиваковки и Завода и рубятъ безъ пощады, также и по хуторамъ отбираютъ огорожи и не допускаютъ къ рыболовлямъ“...

Изъ „дѣла“ не видно, былъ-ли дѣйствительно Гараджа неутомимъ въ своей дѣятельности по части охраненія и заселенія спорныхъ земель, или-же на него уже по привычкѣ обрушивались всѣ жалобы пограничныхъ русскихъ властей. Какъ-бы то ни было, но еще ранней весной, отъ 4 апрѣля, изюмская канцелярія опять жаловалась Щербинину на запорожскія своевольства: отнятіе ярмъ, топоровъ, нѣсколькихъ десятковъ пчелиныхъ ульевъ и т. п. Въ рапортѣ слободско-украинской губернской канцеляріи Щербинину отъ 26 іюня 1774 г. говорится, что на ходатайство у кіевскаго генералъ-губернатора относительно „неослабнаго понужденія“ запорожцевъ исполнить сенатскій указъ, кіевскій администраторъ отвѣчалъ, что „и новороссійской губерніи жителямъ елисаветградской и екатерининской провинцій отъ стороны запорожской очень много причинено обидъ и разореній“, но что больше писать ему въ Кошъ „было-бы безплодно“, ибо изъ Коша „никакихъ удовольствій не воспослѣдовало“, и что потому и слободско-украинской канцеляріи лучше обратиться съ жалобою на запорожцевъ къ главнокомандующему второй арміей князю Вас. Мих. Долгорукову, „у котораго нынѣ и войско запорожское, *находясь въ походѣ*, въ дѣйствительномъ вѣдомствѣ состоитъ“...

Что запорожское войско было въ то время занято войной, объ этомъ не могла не знать и сама изюмская администрація, ибо, какъ видно изъ этого-жъ рапорта, самъ Кошъ извѣщалъ ее, что полученную отъ нея промеморію отправлено „главному командиру господину кошевому Калнишевскому въ походъ къ подлежащему"...; но слободская администрація неотступно требовала, чтобы „Кошъ благоволилъ" сдѣлать немедленное „удовольствіе" за всѣ обиды „полковника Гараджи съ товарищами" и объ исполненіи этихъ требованій „благоволилъ-бы... губернскую канцелярію увѣдомить".

Такая усиленная канцелярская дѣятельность слободской администраціи длилась почти весь 1774 годъ: кромѣ многократнаго, утомительнаго повторенія старыхъ „наглостей" понемгогу прибавлялись новыя: то жители запорожскихъ слободъ рубили лѣсъ, который самовольно считали своимъ, то оказывался обиженнымъ какой нибудь пасѣчникъ на пасѣкѣ, принадлежащей какому нибудь изюмскому помѣщику, то запорожское населеніе, „пріѣзжая многимъ числомъ съ подводами въ хутора (на спорныхъ земляхъ), огорожу разламываютъ и, забирая, возятъ въ Комышеваху".

Обо всемъ этомъ доносилъ Щербининъ сенату и писалъ въ пріятельскомъ тонѣ къ Калнишевскому, „усугубляя предъ ними свою просьбу" усмирить своевольниковъ запорожцевъ.

Запорожье все это время, повидимому, упорно молчало: только въ іюлѣ 1774 г., при письмѣ одного подначальнаго изюмскаго чиновника на имя Щербинина была прислана копія отвѣта запорожскаго Коша на грамоту изъ сената, по всей вѣроятности, секретно добытая услужливымъ или исполнительнымъ чиновникомъ. Копія эта не помѣчена никакимъ числомъ, на ней нѣтъ притомъ никакой подписи, но тѣмъ не менѣе, судя по содержанію и языку, это несомнѣнно отвѣтъ, который въ такой или иной редакціи былъ посланъ запорожцами въ сенатъ. Онъ содержитъ въ себѣ много вовсе неизвѣстныхъ намъ фактическихъ данныхъ, которыя въ значительной степени разъясняютъ другую сторону спорнаго вопроса, а потому, не смотря на свою краткость и малограмотность, заслуживаетъ полнаго вниманія. Существенныя мѣста этого отвѣта мы приводимъ въ подлинникѣ, такъ какъ, по крайнему лаконизму своего изложенія, онъ не поддается сокращеніямъ: „Въ правительствующій сенатъ, отъ войска запорожскаго низоваго.—Въ прошеніи, посланномъ

1773 г., октября 3 дня, сказано: 1) что полковникъ Гараджа и писарь Роменскій причинили-ль изюмской провинціи людемъ раззоренія, совсѣмъ здѣсь не предвидится, а что той провинціи люде на запорожскихъ земляхъ выселився корыстуются и утѣсняютъ войско, то хотя нѣкоторыхъ той провинціи людей и изводитъ ихъ жилищами на принадлежащіе изюмской провинціи земли, но изъ земель запорожскихъ таковихъ, каковы войска запорожскаго владѣнію принадлежать, при такомъ сводѣ ни каковихъ озорничествъ и угону скота, также забору хлѣба и прочого не чинитъ; 2) что новороссійской губерніи, елисаветградской провинціи жителямъ никакова притесненія не дѣлается, и чтобъ въ мѣсто запорожцовъ насильно забирали и увозили старожиловъ и пикинеръ, и того нѣтъ, а хотя въ правительствующій сенатъ и представлено, но чаятельно для одного закривательства тамошними командирамя и не выпуску съ ихъ слободъ запорожскихъ козаковъ, той елисаветградской провинціи въ слободахъ пребивающихъ, коихъ по ордерамъ главнокомандующихъ второй арміи выслать велено, а чтобы угроживали нѣкоторыя мѣста елисаветградской провинціи разорить, то и то представляется на единое только войска опороченіе, проискивая разнихъ способовъ, какими бъ лучше можно изыскать средства имѣть покорыстованіе тамошнимъ командамъ запорожскими землями, якожъ многіе чины, какъ то кіевскій генералъ-губернаторъ и кавалеръ Воейковъ, полковникъ Звѣревъ и прочіе чины, имѣючи свои на запорожскихъ земляхъ населившіись слободы, сильніе уже прилагаютъ старанія, дабы, какъ можно, запорожскіе земли тѣми слободами захвативши, користоваться, и наводятъ чрезъ то разния въ представленіяхъ своихъ на войско опороченія; запорожскому жъ войску тѣхъ поселившихся на запорожской землѣ слободъ раззорять вовси причины нѣтъ, ибо какъ земля запорожская, такъ и поселенцы владѣнію запорожскому принадлежать конечно будутъ, какой земли возврату по взнесеннымъ къ ея императорскому величеству отъ войска запорожскаго прошеніямъ всеподданнѣйше ожидается, съ тою надеждою, что вся земля, на которой нынѣ елисаветградская провинція пребиваетъ, какъ тая точно по указу... императрицы Елисаветы Петровны отъ устья Тясмина, отъ польской границы на сорокъ верстъ, къ Новой Сербіи и къ тому, что теперь пикиперы, полку взята, и то мѣсто названо елисаветградской провинціей, такъ и тая, что крѣпости

святыя Елисаветы и прочіе командиры насильнимъ, самовольнымъ образомъ захватили, какъ до сего размира, такъ и въ оной гораздо болѣе двухсотъ верстъ, и чинятъ виселенія, употребляя оные въ свою пользу, а запорожскихъ козаковъ не только на своихъ земляхъ селится не допускаютъ, но и згоняютъ прочь, также и всѣ отшедшіе земли съ поселеніями сего лѣта возвратятся, ибо доколь симъ отъ ея императорскаго величества помилованіемъ то войско успокоени не будутъ, дотоль единые только правительствующему сенату затрудненія, а на войско опороченія слѣдовать могутъ, якожъ тѣ командиры, которые имѣютъ на запорожскихъ земляхъ свои слободы, разныя наводятъ принужденія чинить на войско запорожское, называя въ своихъ представленіяхъ запорожское войско самовольниками и озорниками, но какъ правительствующій сенатъ благоразсмотрѣть соизволитъ, тѣ ли нарушители общему покою самовольники, озорники и раззорители, кои своего собственнаго ищутъ и отвращаютъ отъ насильственнаго сторонними завладѣнія, или тѣ, кои чужое добро насильственною рукою и почти грабежемъ забрали и отбираютъ, а какъ отъ ея императорскаго величества матернее соизволеніе есть, дабы всѣ ея вѣрноподданные оставались при спокойствіи и благоденствіи, съ присылаемыхъ же туда командировъ нѣкоторые, подъ разными образы, на чужія добра завидуя, всѣ мѣры употребляютъ, не для пользы общей, но ради возмущенія отечества, разние дѣлать *прожекты*, и таковыми своими прожектами дѣлаютъ неустройства и наводятъ обиды, якожъ и тому войску, что земли тѣ, съ которыми пришли подъ державу всероссійскаго престола, по указу и самовольно безъ указу отбираются во многихъ мѣстахъ, какъ то нынѣ называющаясь елисаветградская провинція на запорожской землѣ оселена, изюмской провинціи и прочіе люди покушаются корыстоваться, а до того еще при разграниченіи съ поляками и турками не мало земли з селами и мѣстечками и въ другіе мѣста отойшло, *которая обида хотя и сносится, но токмо з сылною горестию*, оныхъ же отшедшихъ изъ подвладѣнія ихъ земель, какъ они ими заслужены кровию, и нынѣ за оную, за вѣру и за отечество кровъ проливаютъ, уступить на дальшее сторонними владеніе нѣтъ способа, а желательно правостию, дабы земли ихъ оставались на всегда въ ихъ владѣніи, что и уповаютъ на правосудіе ея императорстаго величества, 3) что якобы войско за-

порожское не допущаетъ и всякія препятствія чинитъ въ отысканіи и привозѣ, для сооруженія строющейся днѣпровской линіи, зарытаго въ землѣ зженаго кирпича, тесаного плитнаго камня и извѣсти, то сіе правительствующему сенату представлено не точностію, ибо о томъ кирпичѣ и о прочемъ нѣсть теперъ, что есть владѣнія запорожскаго въ землѣ закрыто, извѣстно, что все хранилось до надобнаго времени къ построенію церкви, какъ Сечъ перейдетъ въ Никитино, но что Сечъ, за полученіемъ резолюціи и по причинѣ нынѣшняго розмира, переходомъ своимъ осталась, потому и тое все закрытое пребывало въ своихъ мѣстахъ, и хотя г-ну генералъ-маіору Черткову на его письмо и отвѣтствовано, а притомъ и прошено, дабы не брато было, точію прозба войсковая осталась безъ дѣйства, и не только къ днѣпровской линіи, но и въ Кременчукъ каменья и прочее вожено безъ препятствія; 4) что хотя вышеупомянутою грамотою и повелѣвается спокойно ожидать разсмотренія происходящихъ о земляхъ споровъ и надлежащаго по тому кождой сторонѣ справедливого удовольствія, но какъ прежде состоявшуюся за собственноручнымъ ея императорскаго величества подписаніемъ грамоту, коей повелѣно оставить земли до спокойныхъ временъ отъ новороссійской губерніи, презрено и начато на запорожскихъ земляхъ полковникомъ Звѣревымъ и прочими населять слободы, а дабы имъ тое чинить было повольно и захвачивать земли еще вящше можно, вышли съ пушками военныя команды регулярные и нерегулярные, какъ противу непріятелей, при коемъ случаѣ еслибъ таковы-жъ неистовства, безчеловѣчія и непріятельскія поступки и отъ войска запорожского происходили, то-бъ не иное что сбылось, какъ междоусобіе, но войско не самовольники и не нарушители общаго покоя, не дѣлая междоусобия, хотябъ и довелось своего собственнаго защищать, сно́ситъ терпеливо, и какъ елисаветградская провинція вся оселена на запорожскихъ земляхъ, то при всемъ томъ просятъ земли войска запорожского низового—тѣ, гдѣ нынѣ елисаветградская провинція и другіе, не подъ владѣніемъ войска запорожского низового имѣются, съ поселеніями, и всѣ отшедшія съ-подъ владѣнія того войска земли въ спокойное при ихъ правахъ, вольностяхъ и поселеніяхъ владѣніе возвратить повелѣть, и тимъ войско запорожское низовое грамотою не оставить, а кому надлежитъ указами предложить“.

Какъ воспользовался Щербининъ добытою копіею запорожскаго отвѣта,—остается неизвѣстнымъ. Слѣдующій въ нашемъ „дѣлѣ“ документъ показываетъ, что, въ связи-ли съ этимъ обстоятельствомъ, или помимо онаго, но вскорѣ послѣ сего, Щербининъ отправлялъ въ Кошъ нарочнаго съ порученіемъ добиться отъ него исполненія по сенатскому указу, или какого-либо отвѣта по прежнимъ письмамъ. Отправленъ былъ оберъ-офицеръ на счетъ курьерской суммы „изъ подушнаго сбору, собираемаго съ черкасъ“; ему выдали 40 р. прогонныхъ на двѣ лошади. Привезъ онъ слѣдующее „сообщеніе“ изъ Запорожья, помѣченное 12 августа 1774 г. (№ 939): „Высокородній и превосходительнѣйшій господинъ генералъ-поручикъ, лейбъ гвардіи премьеръ маіоръ и кавалеръ, Евдокимъ Алексѣевичъ, благопріятный государь нашъ! Вашего превосходительства писаніе о обидахъ, будто войска запорожского отъ господина полковника Гараджи послѣдовавшихъ, получено; и какъ они къ разбирательству относительны, войско-жъ Запорожское Низовое на службѣ Ея императорскаго величества нынѣ, какъ и до сего, остается и не имѣетъ возможности, то въ достиженіе таковой пріймется ко учиненію того, что надлежить; чтожъ обявленній полковникъ Гараджа и старшина полковій Роменскій представляють, яко изюмскіе и протчія той провинціи обиватели нѣкоторіе нынѣ самовольнымъ образомъ въ запорожскіе земли влазятъ къ прокористованию, а другіе не отъ-теперь влѣзши користуются и владѣють, сойтить-же по многимъ ихъ полковника Гараджи и старшины Роменского снисходительнымъ объявленіямъ не хотятъ, то хотя тѣхъ самовольно въ чужое влазящихъ свести, а противящихся и насильно выселить, строжайше отъ войска полковнику и старшинѣ предложено, однакъ и ваше превосходительство благоволите по подчиненности вашего превосходительства, кому надлежить, учинить притвержденіе, въ запорожскія земли къ прокористованію и завладѣнію не уѣздить, а влѣзшимъ сойти. Вашего превосходительства, благопріятнаго государя нашего, покорнѣйшіе слуги атаманъ Кошовій Петръ Калнишевскій, войсковая старшина и товариство“.

Щербининъ отъ 22 октября отвѣчалъ въ тонѣ запорожскаго сообщенія, не безъ нѣкоторой сдержанной ироніи. Письмо начиналось такимъ обращеніемъ: „Высокопочтенніи и знаменитые господинъ войска запорожскаго атаманъ, войсковая старшина и то-

вариство—мои пріятели!“ Въ письмѣ Щербининъ, повторяя сущность своего прежняго требованія относительно прекращенія насилій, причиняемыхъ Гараджою и его подкомандными изюмскимъ жителямъ, выражаетъ удивленіе по поводу хитраго отвѣта Коша, заявляющаго, что войско запорожское, отвлеченное войною, не имѣетъ будто-бы возможности приступить къ разбирательству по жалобамъ, и въ тоже время дающаго Гараджѣ и старшинамъ строжайшее повелѣніе насильно удалить жителей изюмской провинціи, поселившихся на мѣстахъ, якобы принадлежащихъ тому войску,—стоитъ на томъ, что „изюмскіе жители никогда въ земли того войска своею усилностію не поступали“, требуетъ возврата заграбленнаго и въ заключеніе предлагаетъ Кошу прислать отъ себя депутатовъ „къ общему разрѣшенію происходящихъ съ обоихъ сторонъ несогласій“.

При тогдашнихъ сообщеніяхъ отвѣты получались не скоро и Щербининъ только къ Рождеству дождался отвѣта отъ Калнишевскаго, который кратко объяснялъ, что въ зимнее время неудобно посылать депутатовъ для опредѣленія границы, а въ заключеніе повторялъ еще разъ тщетное требованіе, чтобы изюмскіе жители сошли съ запорожскихъ земель. И такъ здѣсь обѣ стороны оставались при своемъ, не дѣлая никакихъ уступокъ.

На днѣпровской линіи, въ елисаветградской провинціи дѣло стояло не лучше. Полковникъ Звѣревъ въ іюлѣ 1774 г. писалъ Щербинину, что хотя, по повелительному ордеру князя Вас. Мих. Долгорукова, запорожскіе козаки сперва и возвратили было „забранной з ротъ волоской народъ, изъ моихъ слободъ людей, а послѣ сего... опять роты згоняютъ з земель, а подданнихъ моихъ совсѣмъ забѣраютъ“... „Итакъ я, заключалъ Звѣревъ, не могу вашему высокопревосходительству нажаловаться, сколько мнѣ запорожцы приключаютъ разореній, и не знаю, что уже дѣлать“... Полковникъ Звѣревъ не былъ однако такимъ угнетеннымъ, какимъ кажетъ себя въ этомъ письмѣ. Это былъ основатель и устроитель молдавскаго гусарскаго полка. Устраивая полкъ, онъ и себя не забывалъ и вмѣстѣ съ полкомъ осаживалъ и собственныя слободы на запорожскихъ земляхъ. Жалуясь такъ горько на запорожцевъ, онъ въ то-же время простиралъ далѣе свои колонизаціонныя прибыльныя стремленія. Въ письмѣ къ Щербинину изъ Кременчуга, въ томъ-же іюлѣ 1774 г., онъ пишетъ между прочимъ, что какой-то „протопопъ

Бронкевичъ, пріѣхавши з Ордели, объявилъ свое намѣреніе, что онъ желаетъ изъ арделского народа вывесть въ Россію до нѣсколько тысячъ душъ", почему Звѣревъ проситъ дать этому протопопу изъ Харькова до С.-Петербурга пашпортъ, „дабы онъ могъ менше карантину имѣть"... Еще болѣе интересна въ томъ-же письмѣ просьба Звѣрева пересылать его жалобы Потемкину. Итакъ вводилось въ дѣло вліяніе всемогущаго Потемкина, которому предстояло вскорѣ рѣшить участь Запорожья.

Отношенія крѣпостниковъ и свободолюбивыхъ запорожцевъ объострились до крайности. Въ концѣ 1774 г. Щербининъ предложилъ изюмскому воеводѣ, въ слѣдствіе полученныхъ имъ вновь жалобъ на запорожцевъ, выбрать въ депутаты изъ офицеровъ „достойнаго человѣка и хорошаго во всемъ свѣдѣнія" для отправки его отъ имени Щербинина „съ просьбой къ ея императорскому величеству и въ правительственный сенатъ". „Депутату на тамошнее его содержаніе" Щербининъ предложилъ дать денегъ, продавъ изъ собраннаго для этой цѣли съ обывателей хлѣба 100 четвертей ржи, и сверхъ того снабдить его отъ общества довѣренностію „въ искательствѣ о тѣхъ обидахъ и разореніяхъ". Депутатомъ былъ выбранъ отставной капитанъ Тарановъ, который и получилъ на дорогу 300 р., вырученные отъ продажи 100 четвертей крестьянской ржи. Очевидно, въ видѣ матеріала для ходатайства Таранова, изюмская администрація представила Щербинину новую обширную меморію. Въ ней она, вновь подробно перечисляя всѣ свои старыя жалобы и заявляя, что Гараджа съ компаніей продолжаютъ дѣйствовать по прежнему, съ замѣтнымъ преувеличеніемъ говоритъ, что „оные запорожцы усиливаются владѣніемъ жалованной земли до самой изюмской крѣпости, почему опасно, дабы съ нихъ нѣкоторые по сущему своему воровскому состоянію не сдѣлали нападенія и не разграбили-бъ денежной казны", вслѣдствіе чего и проситъ „о пріумноженіи или гарнизонской, или о присылкѣ подлежащей сюда штатной роты"... Руководителями разныхъ пограничныхъ „злодѣяній" запорожцевъ въ меморіи называются полковники Гараджа и Куликъ, и писаря Роменскій и Неживый. Замѣчательна подробность въ вычисленіи „злодѣяній" запорожцевъ: тутъ перечислены и похищенныя куры, и количество взятыхъ яицъ, и свиное сало фунтами, и всѣ мелкія вещи въ хозяйствѣ, и потоптанныя или выкопанныя

гряды луку и чесноку, и т. п. Въ видѣ общихъ обвиненій выступаютъ рѣчи о „бѣжавшихъ отъ здѣшнихъ помѣщиковъ подданныхъ и казенныхъ обывателяхъ, которые, укрываясь отъ платежа казенныхъ податей и отъ долговъ, проживаютъ въ ихъ запорожскихъ жилищахъ“, дѣлаются упреки за бывшіе переходы запорожцевъ въ „турецкое подданство“ и намеки на ихъ неблагодежность вообще...

Насталъ послѣдній для Сѣчи 1775 годъ. Въ письмѣ отъ 25 февраля этого года Потемкинъ, бывшій уже тогда главнымъ командиромъ ново-россійской провинціи, пишетъ Щербинину, что онъ распорядился уже всѣхъ бѣглыхъ изъ слободско-украинской губерніи въ новороссійскую выслать обратно „на иждивеніи державшихъ ихъ укрывальщиковъ“, относительно никинеровъ луганскаго полка съ ихъ свойственниками, о выводѣ которыхъ вѣроятно Щербининъ просилъ, замѣчаетъ, что „оной полкъ учрежденъ изъ торскихъ козаковъ, издревлѣ живущихъ въ Торѣ и Маякахъ, изъ которыхъ мѣстъ и никакъ перевесть ихъ въ другое мѣсто безъ крайняго разоренія не можно“, наконецъ относительно запорожскихъ обидъ изюмской провинціи Потемкинъ совѣтуетъ „возможное терпѣніе“, ибо, извѣщалъ онъ, запорожцы со всѣми ихъ землями „имѣютъ вступить во ввѣренную мнѣ новороссійскую губернію“.

Пробудился, по видимому, и Кошъ, но не обнаружилъ ни малѣйшей наклонности пойти на какіе либо компромиссы. Въ нашемъ „дѣлѣ“ находятся еще два подлинныя письма, можетъ быть, уже послѣднія, изъ Коша къ Щербинину, за обычной подписью Кошевого, старшины и товариства. Первое изъ нихъ помѣчено 14 апрѣля 1775 г. (№ 1295):

„Высокородный и т. д... нашъ пріятель.—Войска запорожскаго низоваго господинъ полковникъ Куликъ з старшиною сего зпрѣля отъ 8 репортуеть, что извѣстился онъ, будто для разоренія и пограбленія живущихъ на земляхъ войска запорожского низового подданнихъ здешнихъ, въ Барвенковой стѣнкѣ и въ другихъ тамошнихъ мѣстахъ, собрата уже не малая пѣхоты и конницы при двухъ пушкахъ команда, которая намѣреваеть нахально на тѣ мѣста напасть, чтобъ оные и подчиненныхъ здѣшнихъ вовсѣ разорить, а скотъ угнать. И хотя сего не толь сказать, но крайне трудно и подумать, дабы могло статься, но какъ уже таковому случаю есть

доказательность, ибо отъ чиновъ находящихся въ елисаветградской провинціи сіи дѣйствія происходили; то если-бъ надъ чаяніе таковие нападки моглы послѣдовать и нынѣ, мы войско иного способу не находымъ, какъ только отвращать таковыхъ нападателей, о чемъ и о вышеписанномъ вашему превосходительству объявляя, прыятно просымъ скоро, строго и непремѣнно благоволыте предложыть, кому надобно, чтобъ покушающіесь къ худостному поступку отъ сего поступка всеконечно удержались. Поводчику-жъ оного, яко поступателю къ нарушенію общаго покоя, должное, по надлежащему, учиненно-бъ и запрещенно всѣмъ нычего и малѣйше обидного въ сторону войска запорожского не дѣлать".

Такъ думали и выражались плохіе политики—запорожцы въ послѣдніе мѣсяцы своего существованія!

Приведенное запорожское письмо повидимому поставило самаго Щербинина въ нѣкоторое недоумѣніе: по поводу его Щербининъ въ своемъ предложеніи слободско украинской канцеляріи, отъ 28 апрѣля 1775 г., говоритъ, что если „таковое описываемое войскомъ запорожскимъ собраніе (т. е. отряды пѣхоты и конницы) буде подлинно есть, оставить и не поступать отнюдь на ссору, чтобы чрезъ то не произошло худыхъ слѣдствій, а стараться только отъ разоренія запорожскаго обывателей защищать... и то съ такимъ искусствомъ, чтобъ не составило драки и убивства". А между тѣмъ изюмскому воеводѣ Бавыкину предписывалось, буде какіе „наглецы" изъ запорожцевъ уже пойманы, то представлять ихъ въ слободскую губернскую канцелярію при рапортѣ о ихъ поступкахъ. По этому поводу воевода отвѣчалъ, что никакого сборища войска, упоминаемаго запорожцами, нѣтъ,—можетъ быть въ томъ смыслѣ, что ему, воеводѣ, про это неизвѣстно.

Заявленія запорожцевъ не были однако основаны на пустыхъ слухахъ. Тучи сгущались, все ближе надвигалась гроза, по сумрачному небу прорѣзывались кой-гдѣ тонкіе зикзаги молніи, слышался въ отдаленіи глухой гулъ и трескъ... То тамъ, то здѣсь на отдаленныхъ пограничьяхъ можно было ждать ожесточенной схватки и кровопролитія. До чего объострилась пограничная борьба своекорыстной правительственной агенціи и упрямаго, какъ волъ, Запорожья, покажутъ слѣдующіе отдѣльные случаи, свѣдѣнія о которыхъ заимствуемъ изъ того-же находящагося у насъ „дѣла".

На сѣверо-восточной границѣ Запорожья, въ углу, который образуется смежностію трехъ областей—бывшей слободской Украйны, области донскаго войска и самаго Запорожья, были, какъ видно, особые военачальники отдѣльныхъ мѣстностей, точныя границы которыхъ врядъ-ли были имъ самимъ извѣстны. Въ документахъ нашего дѣла выступаютъ по особому случаю торскій начальникъ, прапорщикъ Боженковъ, и начальствовавшій бахмутскими гусарами, порутчикъ Мазанъ, которые повидимому были и помѣщики въ этой мѣстности. Ожесточеніе этихъ военачальниковъ противъ запорожцевъ весьма характерно проявилось въ открытомъ ихъ нападеніи на представителей запорожской администраціи и бывшихъ при нихъ козаковъ въ стѣнахъ свято-горской обители, въ самой даже церкви. Вотъ какъ это происходило.

Была первая недѣля великаго поста 1775 года. Запорожская полковая старшина смежной паланки: писарь Иванъ Тимоѳеевичъ Неживый и асаулъ Ѳедоръ Васильевичъ Сербинъ съ десятью запорожскими козаками пріѣхали говѣть въ свято-горскій монастырь. Прибыли они изъ той ненавистной пограничнымъ властямъ Барвинковой стѣнки, которую основалъ здѣсь Гараджа, продолжавшій заводить свои торскіе хутора. Богомольцы были подкомендные Гараджѣ и паспорты имѣли отъ его сподвижника, полковника Ивана Кулика. „Во всю первую недѣлю святой четыредесятницы они прилежно ходили въ церковь—къ заутрени, къ службѣ Божой и на павечерни, исповѣдывались и пріобщались таинъ въ субботу. Въ этотъ день, 28 февраля, во время отправленія божественной литургіи, въ монастырской брамѣ показался живущій въ слободѣ Тору поручикъ Андрей Мазанъ и съ нимъ гусары бахмутскаго полка, съ ружьями, около 15 человѣкъ. Выглянувшіе запорожцы убѣжали въ церковь, писарь скрылся въ алтарныя двери. Мазанъ поставилъ при брамѣ караулъ, а потомъ при всѣхъ церковныхъ дверяхъ поставилъ по гусару и козаку съ ружьями. Войдя затѣмъ въ церковь, онъ приказалъ одному гусару отобрать у запорожцевъ пистолеты, съ которыми они убѣжали въ церковь. Поднялся шумъ и смятеніе среди стоящаго въ церкви народа, а служившій въ это время игуменъ Филаретъ, сильно испугавшись, помѣшался въ своемъ священнодѣйствіи и ежели-бъ архимандритъ Ѳеофанъ отъ шума, сдѣлавшагося въ церкви, не унялъ и смятенія,

обнадеживаніемъ не боятись, не прекратилъ, не минуемо-бъ слѣдовало божественной литургіи въ самое причащеніе таинъ Божіихъ остановитись". Окончилась литургія; архимандритъ выходилъ изъ алтаря; прапорщикъ Боженковъ подалъ ему ордеръ завѣдывавшаго въ Бахмутѣ карантиномъ лейбъ-гвардіи поручика Грибоѣдова объ арестованіи запорожцевъ за проходъ карантинной линіи. Прочитавъ ордеръ, архимандритъ выговаривалъ имъ, что по такому дѣлу не слѣдовало святую церковь арестовать съ смятеніемъ; слова архимандрита Мазанъ „вмѣнилъ себѣ въ обиду" и приказалъ гусарамъ и монастырскихъ, случившихся тутъ, людей вязать вмѣстѣ съ запорожцами и бить, притомъ одному монастырскому конюху была пробита голова ратищемъ съ копья... Отговѣвшіеся запорожцы, при сабляхъ и пистолетахъ, отправились изъ церкви прямо въ келію къ архимандриту; туда отправился съ ними и Мазанъ. У архимандрита они обѣдали, а когда стали выходить изъ монастыря, Мазанъ приказалъ отобрать у нихъ оружіе и вести съ собою. Въ это время, по объясненію самаго Мазана, произошла у его команды и драка съ монахами и монастырскими слугами за лошадей, которыя запорожцами были подарены монастырю; при этомъ „алярмѣ" асаулъ Сербиновъ съ частію запорожцевъ успѣли бѣжать.

Монастырское начальство жаловалось на учиненное поручикомъ Мазаномъ церковное смятеніе и требовало подвергнуть его строгому наказанію. Въ свою очередь жаловался и Кошъ. Въ письмѣ къ Щербинину, уже отъ 17 марта 1775 г., запорожскій Кошъ объяснялъ, что „Мазанъ и Боженковъ беззаконно захватили запорожцевъ въ свято-горскомъ монастырѣ будто-бы за проѣздъ карантина, тогда какъ около монастыря не только карантина, но и карауловъ вовсе нѣтъ и ехали они запорожцы въ разсужденіи ближайшей смежности... почему и забрати напрасно, съ едного смѣжного забирателей недоброжелательства". „Не оставьте, просилъ Кошъ, поступить къ должному ихъ оштрафованію, давши строгость имъ и прочимъ всѣмъ, что отъ вашего превосходительства зависитъ, дабы они такихъ поступковъ, кои худостны, не дѣлали; но по сосѣдству дружелюбно жили съ запорожскимъ войскомъ, причомъ ничего войскового не зафачивая и не завлаживая"...

Какъ поступлено было съ поручикомъ Мазаномъ, въ дѣлѣ нашемъ свѣдѣній о томъ нѣтъ; но достойный его сподвижникъ,

главный виновникъ свято-горскаго „алярма“, Боженковъ еще разъ выступаетъ въ пограничной борьбѣ съ запорожцами. Въ самое послѣднее время существованія Запорожья онъ захватилъ на торскихъ земляхъ, какъ „разбойниковъ“, партію запорожцевъ въ 12 человѣкъ. Оказалось, что эти мнимые разбойники, по приказу полковника Гараджи, перевозили съ спорной земли двѣ-три хаты..., а подначальные мѣстнымъ русскимъ властямъ торскіе обыватели „напали на нихъ, забрали у нихъ пики съ ратищами, и малахаи, и коней“ [1]). Всѣ захваченные были отправлены на ихъ прежнія мѣста, не смотря на давнее пребываніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Запорожьѣ. Одинъ изъ числа послѣднихъ, оставившій въ ахтырской провинціи жену и дѣтей, причину своего выхода прямо объяснялъ *неимѣніемъ земли и никакихъ угодій.*

Наступали послѣдніе дни для Запорожья, а команда Гараджи не унималась и рѣшалась хотя-бы съ оружіемъ въ рукахъ отстоять свои предковскія земли на изюмской границѣ. Весной 1775 г. въ торской мѣстности въ средѣ запорожцевъ было какое-то броженіе или военное движеніе: 22 мая многочисленная ихъ команда прибыла подъ Торъ и стала лагеремъ „на голой долинѣ, на Бильбасовкѣ“. Въ слѣдствіе этого отъ торскаго правленія „собранные конные и пѣшіе оружейные обыватели въ разныхъ мѣстахъ въ видѣ имъ, запорожцемъ, поставлены“; въ лагерѣ запорожцевъ произошло какое-то замѣшательство и они „въ скорости въ гору, по сухому торцу, въ свои жилища пошли“; за ними въ слѣдъ пошли бахмутскіе гусары и малороссійскіе козаки... Не скоро разъяснилось, что означали эти эволюціи и диверсіи храброй россійской арміи и славнаго низоваго войска, которое въ послѣдній разъ садилось на коней и бралось за сабли и ружья, но уже не противъ татаръ и ляховъ...

Гдѣ-то въ какомъ-то мѣстѣ торскій войсковой обыватель Канарха разсказывалъ, что 16 мая былъ онъ въ Барвинковой стѣнкѣ, что при немъ асаулъ Федоръ Сербиновъ говорилъ, что „войсковой

---

[1]) Интересно прошлое этихъ 12 лицъ, объясненное на допросахъ: два изъ нихъ были малороссійскіе козаки изъ Гетманщины, пять человѣкъ подданные различныхъ типовъ войсковой старшины также изъ Гетманщины; остальные были подданные изъ бывшей Слободской Украйны.

асвулъ Гелехъ имѣетъ быть съ 1500 запорожцевъ подъ слободу Торъ для разоренія обивателей и забора ихъ скота по Касоговъ валокъ, а отъ запорожцевъ Канарха слышалъ, что и спалено будетъ все по этотъ валокъ".

Бѣлевскій купецъ Третьяковъ другую сказку изюмскимъ властямъ далъ: „былъ-де онъ въ запорожской слободѣ Новоселкѣ, и ѣдучи изъ нея въ Торъ, видѣлъ на пути, что шло запорожскихъ козаковъ при всемъ воинскомъ оружіи человѣкъ до 100 и болѣе, и при проѣздѣ... слободы Барвенковой стѣнки объѣхалъ оную..., но посланными изъ нея 2 запорожскими козаками возвращенъ и приведенъ въ паланку, гдѣ сауломъ Федоромъ Сербиновымъ за проѣздъ слободы отъ него истязанъ былъ, и намѣревалъ было бить кіями, а потомъ, взявъ по 5 копѣекъ съ воза, отпустилъ... Въ Барвенковой-же стѣнкѣ завелъ его въ шинокъ знакомый козакъ, а тамъ шинкарь говорилъ, что онъ былъ подъ алексѣевской крѣпостію въ запорожской командѣ и при занятіи той крѣпости скота, какъ стали отнимать той крѣпости жители, то-де убили тѣхъ жителей до смерти человѣкъ 20... а оттоль якобы оная команда будетъ въ Торъ..".

Обѣ „сказки" пошли по начальству и дошли до корпуснаго командира князя Прозоровскаго, а онъ, даже отъ 1 іюня 1775 г., изъ крѣпости александровской, утѣшалъ слободскую украинскую губернскую канцелярію, что онъ къ отвращенію „наглостей" запорожскихъ не упустить взять мѣры, „но не знаю только, скромно добавлялъ, предъуспѣю-ли въ томъ..".

Изюмская администрація была весьма смущена, когда запорожцы остановились лагеремъ не далеко отъ Тора, при Голой Долинѣ... Недоумѣвая, „для чего-бы такую смѣлость запорожскому войску на себя взять...", она послала нарочного — какого-то подпоручика Ерофѣева въ ближайшую Барвенкову паланку къ полковнику Кулику съ запросомъ, „по какимъ резонамъ все это дѣлается и причиняется безпокойство изюмскимъ землямъ"; но на этотъ запросъ никакого отвѣта не получено, а только полковой писарь Барвенковой паланки Иванъ Неживый далъ росписку въ полученіи бумаги отъ изюмскаго нарочного... Тогда изюмская администрація, „въ отвращеніе опасностей", кромѣ указанной уже жалобы командующему арміей князю Прозоровскому, сдѣлала распоряженіе „какъ въ г. Изюмѣ, такъ и

въ околичныхъ мѣстахъ отъ оныхъ запорожцевъ имѣть крѣпкую предосторожность"... и гг. комендантамъ изюмскому, торскому и бахмутскому дать знать немедленно... и кромѣ того обо всѣхъ этихъ „своевольствахъ" донести генералъ-губернатору новороссійской губерніи Потемкину и слободско-украинскому губернатору Щербинину.

Оказалось, что всѣ эти тревоги и всѣ предпринятыя мѣры были уже излишни. 5 Іюня 1775 г. генералъ Текелій положилъ конецъ существованію Сѣчи: многочисленное „неньки́но військо", какъ выражается одна пѣсня, приводимая въ исторіи Новой Сѣчи Скальковскаго (т. III. стр. 201), заняло Кошъ безъ выстрѣла, и самое это занятіе оказалось совершенной неожиданностію для простодушныхъ запорожцевъ: многіе изъ нихъ были въ это время въ отлучкѣ, на ловлѣ рыбы и т. п., а въ самой Сѣчи даже часовые при артиллеріи спали...

Во время взятія Сѣчи Щербининъ находился за чѣмъ-то въ Москвѣ и еще 16 іюня, на основаніи полученныхъ свѣдѣній о движеніи запорожцевъ къ Тору, слалъ въ сенатъ представленіе, въ которомъ догадки изюмской администраціи о вѣроятныхъ умыслахъ запорожцевъ обращалъ уже въ несомнѣнные факты и въ послѣдній разъ просилъ сенатъ защитить пограничное населеніе отъ запорожскихъ „наглостей".

Только уже въ предложеніи своемъ отъ 22 іюня Щербининъ извѣщалъ слободскую губернскую канцелярію о взятіи Сѣчи: „...надѣюсь... канцеляріи извѣстно, что Кошъ запорожскій совсѣмъ разрушенъ, и въ ономъ нынѣ находится съ войсками г. генералъ-поручикъ и кавалеръ Текеллій, уповаю... по повелѣніямъ его сіятельства, графа П. А. Румянцева...". Въ корпусѣ Текелія, уничтожившемъ запорожскую Сѣчь, принимали между прочимъ участіе гусары трехъ слободско-украинскихъ гусарскихъ полковъ: ахтырскаго, харьковскаго и острожскаго.

Но и послѣ паденія Запорожья, по крайней мѣрѣ въ первое время, не прекращались жалобы пановъ—землевладѣльцевъ на сосѣднія села бывшей запорожской области: въ этомъ случаѣ споры шли по видимому главнымъ образомъ изъ-за лѣсныхъ угодій; бывшіе запорожскіе подданные рубили пограничные лѣса изюмскіе, ко-

торые они считали своей собственностію. Конечно, мѣстная администрація и теперь защищала изюмскихъ землевладѣльцевъ.

Такъ окончилась эта замѣчательная по своей стойкости, но безсильная борьба Запорожья за его предковскія земли. Она была вмѣстѣ борьбою за неприкосновенность началъ народной жизни, борьбою личной слободы противъ позорнаго порабощенія, свободной народной колонизаціи противъ обезземеленія народныхъ массъ, хищничества и „користованья" не многихъ,—свободнаго развитія народнаго труда противъ эксплуатаціи онаго классами привилегированными. Запорожье, не смотря на свои простыя и во многомъ уже отжившія формы, было въ то время единственнымъ носителемъ и защитникомъ лучшаго и болѣе справедливаго общественнаго и гражданскаго строя, чѣмъ тотъ, съ которымъ пришлось ему бороться и который къ чести нашего отечества потомъ отмѣненъ; но то, что составляло въ немъ простыя аксіомы жизни, и что вскорѣ, съ возрожденіемъ гуманизма въ Европѣ и у насъ, считалось уже высшими идеями, достояніемъ геніальныхъ умовъ, преслѣдовалось теперь, какъ не терпимое зло. Что до громадныхъ земельныхъ имѣній Запорожья, добытыхъ его кровію и сохранявшихся, какъ общенародное достояніе для будущаго обезпеченія и благосостоянія страны, они сдѣлались достояніемъ тѣхъ не многихъ, которые не трудясь вошли въ чужое достояніе и которыхъ народная память подъ общимъ именемъ „пановъ енераловъ" поставила въ слѣдъ за „панами ляхами".

А. Шимановъ.

Разновидности марцѣпаннъ и ганнусковой горѣлки.

(Окончаніе) [1]).

Способъ якъ водки дѣлать.

83. *Мастихина.*—Взять циномону, гвоздиковъ, мушкатовой галкы, кождого по два лота, мастиксу четирѣ лоты, шкурки помаранчевой лотъ, горѣлки доброи три ǥарцѣ, в которой корѣння намочить чрезъ сутки едны, потомъ перегнать и оцукровать.

84. *Росольсъ.*—Взять циномону, курдымону, калгану, мушкатового цвѣту, кождого по два лоты, галкы мушкатовой три лоты, цитвару одинъ лотъ, ганусу четирѣ лоты, розмайрину, леванды, шавлѣи, василковъ, кождого по двѣ щипти, горѣлки доброй три ǥарцѣ, намочить чрезъ сутки, перегнать и оцукровать.

85. *Сердечная.*—Взять гвоздыковъ, мушкатового цвѣту, кождого по лоту, циномону три лота, шкурокъ цитриновихъ свѣжихъ два лоты, калгану, цитвару, курдымону, кождого по полтора лота, василковъ, розмайрину, чербцѣ по лоту, горѣлки доброй полтора ǥарця, вина бѣлого полǥарця, намочить чрезъ сутки и перегнать, потомъ, если можно имѣть, амбры и москусу, дѣлается-жъ и безъ москусу и амбры, называется *имкомплета*, которую толко однимъ шафраномъ околіоровать и оцукровать, и если имѣется эссенція амбре, крапель нѣсколко на цукрѣ до водкы впустить, кождого по ползолотника в узлику намочить въ водцѣ, придавши шафрану мало, то буде aqua cordialis completa.

86. *Персика.*—Взять цвѣту бузынового двѣ-три горсти, мигдаловъ горкихъ два лота, косточокъ обраннихъ бросковинихъ и вишневихъ, кождого по четирѣ лоты, горѣлки доброй два ǥарцѣ, перегнать и оцукровать, мало намочивши.

---

[1]) См. сентябр. и октябр. кн. «Кіевской Старины» за 1883 г.

87. *Другій способъ дѣлать персику.*—Взять цвѣту бузынового двѣ горсти, косточокъ обраныхъ вишневыхъ полфунта, горѣлки два gарцѣ, перегнать и оцукровать, будеть персика подлѣйшая.

88. *Циномоновая бѣлая.*—Взять циномону полфунта, курдымону лоть, шкурки помаранчевой два лоты, горѣлки ганушковой доброй два gарця, вина полgарця, а можно и безъ вина, перегнать и оцукровать.

89. *Курдымоновая.*—Взять курдымону четверть фунта, калгану 5 лотовъ, горѣлки три gарця, намочить чрезъ сутки, перегнать и оцукровать.

90. *Помаранчевая.*—Взять шкурки помаранчевой сухой полфунта, фіялкового кореня лотовъ шесть, горѣлки доброй три или четири gарця, намочить чрезъ сутки, перегнать и оцукровать.

91. *Деревіовая.*—Взять цвѣту деревіового, напримѣръ до пяти gарцевого алембыка пригорщей семъ или болшъ, всипать в дѣжку деревяную, налыть воды и посолить немного соллю, намочить такъ чрезъ двое сутокъ, потомъ висипавши в лембикъ перегнать, положивши на лѣйцѣ баволну чистую, чрезъ ней водка чтобъ ишла, в которой останется олѣекъ, которимъ можна якую хотя горѣлку блакитнимъ коліоромъ заправить.

92. *Водка цитринова.*—Взять цитриновихъ свѣжихъ шкурокъ, помаранчевихъ, кождого по два лота, винарсу или водки доброй, когда здѣлается окропъ и охолонетъ, влій олѣйку цедро треть или полъслоика, потомъ чрезъ бѣбулу предистилѣіовать.

93. *Апоплетика.*—Взять бобковъ лотовъ 16, горчицы лотъ, кубебы лотовъ 6, курдымону лотовъ 8, мушкатного цвѣту лотовъ 8, галкы лотовъ 8, циномону лотовъ 8, калгану лотовъ 12, перцю долгого лотовъ 12, цвѣту розмаринового лотовъ 12, квѣту левендового лотовъ 12, шавлеи лотовъ 6, марину лотовъ 8, исопу лотовъ 6, розмарину лотовъ 6, пивоніи кореня лотовъ 16, пѣретри лотовъ 16, перегнать на конвалѣю, зъ мужавелкомъ конвалѣи треба фунтъ, а мужавелныку фунтъ.

94. *Алкирмесова.*—Взять корицы 12 золотниковъ, гвоздиковъ 6 золотниковъ, мушкатнихъ орѣховъ 6 золотниковъ, калгану 6 золотниковъ, цитвару 6 золотниковъ, мушкатного цвѣту 6 золотниковъ, кубебы 6 золотниковъ, курдымону 6 золотниковъ, помаранчи 6 золотниковъ, рожи червоной четверть фунта, цвѣту леванды четверть фунта, розмарину полчвертки фунта, насипать двойною водкою, поставить в теплѣ на тиждень и перегнать.

95. *Россольсъ.*—Взять цвѣту рожевого два фунта, конвалѣевого 2 фунта, лѣgнумъ роди два фунта, циномону 2 фунта, корки лимонковой полфунта, анису полфунта, гвоздиковъ 4 золотники, намочить на три дни, а потомъ перегнати и заправлять, стовкши цукру, и в той цу-

коръ всипать олѣйку лѣдпумъ роди 4 злотники, москусу ползолотника, и тое змешать зъ горѣлкою, а потомъ заправить концѣнеллею.

96. *Наука, якъ дѣлать закуски рожніе дулевіе.*—Полупити дулѣ; когда будуть великіи, то наполъ рѣзать, а будуть мали, то цѣлкомъ, и розвѣвши ситу, переварить и зшумоватъ чисто, да помененніе полупленіе дулѣ вкидать въ кипячую ситу и дать имъ часъ малій постоять въ горячой ситѣ, а потомъ поставить на огонь и дать разовъ зо три закипѣть крѣпко, потомъ виклавши з ситы, пождать, дабы з нихъ стекла сита, роскласти ихъ на решета и подситки и въ легкій духъ въ пѣчъ поставить, и буде гараздъ не затужавѣють, то можно и другій разъ въ пѣчъ поставить, толко не дать имъ посхнуть.

97. *Дынь.*—Когда толко дынѣ потекуть, чтобъ не поспѣли гараздъ, то полупить, да повичищавши изъ середини, порѣзать на шматки и взявши ванна толченого, персыпать гараздъ и вкласти в суденце деревяне, и знову пересипать ванною-жъ, и дать имъ у ваннѣ сутки постояти, а на завтрашній день вибравши, в теплой водѣ переполоскать разовъ зотри, начисто, да розвести ситу теплою водою, и оную ситу переварить, и налить оніе дынѣ горячою ситою въ дѣжечки, и поставить в погребѣ на холодѣ, и дать имъ постоять дней пять, потомъ вибрать ихъ изъ ситы, и выбѣраючи ихъ витискать изъ нихъ ситу, и переваривши ситу, патоку изъшумовать чисто, и оніе дынѣ вклавши въ патоку, поварить часъ, потомъ скласти въ глиняную поливяну посуду съ тоеюжъ патокою, и поставить на холодѣ, и когда постоять изъ мѣсяць, то вибравши изъ оной патоки, да въ другой чистой патоки по прежнему переваривши и поставить.

98. *Шипшину.*—Нарвати шипшины, объ Покровѣ пресвятой Богородици, порозрѣзовать на двое и вичищать изъ середины, потомъ отваривши мало въ теплой водѣ, вибрать, да переваривши патоки, чисто изшумовать, и оніе шипшини вкласти въ патоку переварену, и поты варить, покудова можно шилкою пробить, а потомъ скласти в стклянну или въ черепяну поливяну посуду и поставить на холодѣ.

99. *Порѣчки.*—Нарвавши порѣчокъ, почистить изъ середины шилкою и взявши цукру, побить на шматки и скласти въ поливяну миску, да въ туюжъ миску и почищени порѣчки къ цукру вкидать, толко класти цукру, чтобъ было въ пору, до смаку, и смажить на жару потоль, покудова станеть на ихъ сиропъ густій становитися, потомъ склавши въ поливяное суденце и поставить на холодъ.

100. *Сокъ порѣчній.*—Порѣчки оборвавши, въ поливяну миску вкидать и воды къ нимъ ложокъ зо три всипать, и варить ихъ, а варячи втирать ложкою, а якъ пустять изъ себе гараздъ сокъ, тогда высыпать ихъ

на платъ бѣлій и видавить изъ нихъ сокъ крѣпко на суденце, положивши въ сокъ тотъ патоки, и варить потоль, покудова сокъ густъ станетъ, и всипавши в суденце, поставить на холодѣ.

101. *Азрестъ.*—Нарвавши азресту въ Петровку, объ Іоанѣ, и повичищать изъ середини насѣння, и кипяткомъ попарить, потомъ отцѣдивши оной азрестъ, толченимъ цукромъ пересипать крѣпко въ мѣдной пановцѣ непобѣліованой и дать ему такъ переночевать, потомъ смажить на легкомъ жару дотоль, покудова на ему сиропъ станетъ густій, тогда изсыпавши въ суденце, поставить на холодѣ.

102. *Сливи зеленіе угорки.*—Нарвать зеленихъ сливъ вугорокъ, якъ толко почнутъ косточки въ нихъ твердіи, то на томъ мѣстцу, гдѣ долина противъ косточки, розрѣзать и въ гарачій окропъ кидать, и дать имъ прѣть потоль, покудова оная розрѣзка ростулится, и когда станутъ мягки, тогда вибрать и поставить, чтобъ прохолодали, в цѣнованихъ полумискахъ, и зварить сиропъ мѣрній и простудить, да холоднимъ налить въ поливяномъ суденцѣ, поставить на холодѣ, а якъ постоять доволно и вберуть оной сиропъ у себе, что станетъ рѣдокъ, тогда отцѣдивши з нихъ сиропъ и прибавить к нему цукру и приварить по прежнему, потомъ опять тотъ сиропъ простудивши холоднимъ оніе сливи налить.

103. *Лимоніи.*—Лимоніи свѣжіе или свѣжопросолніе порозрѣзовать и повичищать, и водою холодною налить, и держать дній пять или шесть, а что день воду перемѣнять, и когда вымокнутъ, то вибрать да здѣлать сиропъ исъ цукру, толкобы чуть сладкость в немъ, и въкидать оніе лимоніи въ сиропъ и варить потоль, покудова станутъ такъ мягки, чтобъ можно и соломиною пробить, потомъ вибравши зъ оного сиропу и варить сиропъ средній, а якъ оніе лимоніи простигнуть, тогда другимъ тымъ сиропомъ насипать холоднимъ-же, и поставить на холодномъ мѣсцу, да и что мѣсяцъ посматривать, и буде въ нихъ сиропъ станетъ рѣдокъ, то отцѣжовать и прибавля цукру, тотъ сиропъ переваровать и наситить холоднимъ же несколко разъ. На постніе марцѣпанны на фунтъ сахару положить три лоты мыгдаловъ и воды рожевой мало и толкти въ можчирѣ, пока якъ тѣсто станетъ, а после положить в шклянной можчиръ и терти, чтобъ не схло тѣсто, и брать изъ можчира, и лѣпить, что угодно, на форму и вирѣзовать ножемъ маленкимъ.

104. *На кругліе марцѣпаны скоромніе.*—Положить на фунтъ сахару фунтъ мигдалей и еденъ бѣлокъ, и толкти въ можчирѣ, не очень перетовкивать, чтобъ крупно мигдали были, и лѣпить кругліе паляннички, а после подрать шпилкою на версѣ паляннички.—На цукробродъ на фунтъ сахару положить фунтъ муки и положить-же дванадцать яецъ, и особливо бить жолтки, а

во бѣлки, и потомъ положить всѣ бѣлки и жолтки вместо, и бить и сахаръ и муку, а потомъ наливать въ коробочки и ставить въ пѣчъ.

106. *Тортъ мыдалній какъ дѣлать.*—Фунтъ мигдалю, три чвертки сахару, тринадцять жолтковъ, да яець десять совсѣмъ положить и толкти.

106. *Постель какъ дѣлать.*—Яблока попекти, выхолодить, на подситокъ потерти и бить въ черепяной мисцѣ ложкою, а медъ особливо бить, на платъ наложить и пекти въ печкѣ.

Реестръ корѣнній, якъ много у якую водку идеть корѣння.

Водка мастика якъ робится.

Алембикъ четыре гарца.	Лоты.
Мастики	8
Циномону	4
Цвѣту мушкатового	4
Гвоздиковъ	2
Курдимону малого	2

Другая мастика.

Мастики	8
Циномону	4
Цвѣту мушкатового	4

Апоплектика якъ робится.

Горѣлки оковитой гарцей восѣмъ, помаранчевой шкурки полтора фунта.

	Лоты.
Фіялкового корѣння	12
Розмайрину	8
Циномону	8
Гвоздиковъ	4
Курдимону	4
Кубебы	6
Мушкатовой галки	4
Мушкатового цвѣту	3
Майрану	6
Аэру	1

Заправа апоплектики.—Цукоръ смажити въ рожевой водцѣ, придавши анбры, якъ зерно перцево, а москусу трохи зъ цукромъ утерти.

Водка цефалѣка такъ робится.

Алембикъ гарцей пять.

Циномону полфунта.

	Четв.
Имберу	1
Перцю бѣлого	1
Мушкатного цвѣту	1
Гвоздиковъ	1
Фіялкового кореня	1
Курдимону	1
Калгану	1
Бадяну	1
Розмайрину	1
Майрану	1
Конвалѣи	1
Калеgры	1
Цитроновой шкурки	1
Мастыху полфунта.	
Цитвару	1
Чорнушки	1

Цукоръ у крыничной водѣ варити.

Водка алексѣръ цытри такъ робится.—Алембикъ гарцей пять, цитроновой шкурки фунтъ стовкти и намочити въ горѣлцѣ, пока будетъ жовтая, и перегнавши цукру три фунты въ винѣ, варити. Тоей-же цитроновой верхней шкурки обрѣзати, а мочити добре и на бѣбулу перепустити.

Водка вѣттерейсъ.—Намочить восемъ gарцей простой горѣлки, отваживши:

	Лоты.
Циномону	4
Курдимону	2
Калгану	3
Галки	2
Квѣту	1
Гвоздиковъ	2
Мастиксу	2
Розмайрану	4
Квѣту левендового	6
Шавлѣи	1
Рожи	3
Аеру	поллота
Мяты	1
Василковъ	1

	Лоты.
Кмѣну	1
Майрану	3
Помаранчѣ	6
Имберу	3
Кубебы	1
Бердинцю	1

Водка елекстръ вѣтематіонъ.—Намочить въ семи гарцехъ простой горѣлки, отваживши:

Помаранчевой шкурки фунтовъ два.	Лоты
Циномону	8
Курдимону	4
Калгану	5
Гвоздиковъ	7
Галки	4
Кубебы	4
Корѣння фіялкового	9
Розмайрану	4
Асру	поллота

Водка мастихина.—Намочить въ семи гарцехъ простой горѣлки, зъгруба перетовкши и отваживши:

Циномону	4
Гвоздиковъ	6
Квѣту албо галки	6
Мастысу	15

Толко мастысъ въ водцѣ рожевой вымочивши, потомъ до куны всыпати въ лембикъ.

Водка апоплектика.—Въ семи гарцехъ простой горѣлки вагою требуетъ:

	Лоты.
Циномону	4
Курдимону	4
Калгану	3
Галки	3
Квѣту	1
Розмайрану	5
Маерану	3
Помаранчѣ	4
Кубебы	2
Бобковъ	5

Повторе робытся апоплектика скутечнѣйшая.—Пралатнихъ зелій-бы найболше рознихъ въ тѣнѣ насушивши и зваживши моцы ихъ, жебы одно другого не осылѣло, намочити, и перегнавши, до первой третину всыпать, или самую заживать, однакъ до всѣхъ тихъ водокъ, з цукромъ воду уваривши крыничную, нѣчимъ не дхнучую, чистую, мѣшать часть четвертую, албо ведлугъ своего употребленія.

Водка особливыхъ скутковъ.—Пижма з квѣтомъ Мати Божіей, влоского коренння, шавлеи полной, коренння петрушчаного и подорожникового, тое згруба перетовкти, албо посѣкти и водкою вымочивши перегнать, потомъ до той-жъ водки—кмѣну, циномону, имберу, перцю, гвоздиковъ, цвѣту, левандового крону, тое все намочить въ водцѣ простой на осмь дней, знову взяти калгану, кубебы, любысткового насѣння, шпиginнарды, цвѣту мушкатного, люкреціи, перцю, струковъ, тое все згруба перетовкти зъ особна, толко-жъ дней мочить, а перегнавши послѣднѣйшую переганяную зсыпать до первой.

Инредіенціи на крепителную водку належащіе.—Стараксу три чвертки фунта, каляманды золотниковъ пятнадцять, филикулного насѣння золотниковъ 15, циномону полфунта, корки лимонной полфунта, корки помаранчовой полфунта, мастиксу фунтъ, курдимону чвертка, гвоздиковъ чвертка, цвѣту рожевого фунтъ, галки фунтъ, цвѣту мушкатного полфунта.

Водка елексѣръ цитры.—Алембикъ тридцатоквартній, насыпати горѣлки перегнанной, оковитой, безъ ганису, и цитрины сухой стовкти полтора фунта, сложити въ той и перегнати оную, а на заправу самой жовтой шкурки цитрины облупити, безъ бѣлка цитринового, фунтъ и въ тую водку вложити, абы мокла сутки, а потомъ цедра полъслонка въ сухій цукоръ вливши, добре стовкти, и москусу менше ползолотника, а перецѣдивши водку, зъ тимъ змѣшати, также и изваривши въ винѣ волоскомъ, якого-бы фляшекъ gарцевихъ три было, цукру фунтовъ шесть, въ тую-жъ водку всыпати.

Заправа на крепителную водку.—Амбры золотниковъ два, цедра слонкъ полній, москусу ползолотника, цукру головъ три, уварити добре въ водѣ, въ небытности рожевой водки, а для коліору придати концинеллѣ, толко не збытне.

Конфекты.

Конфектъ рожаній.—Возми рожи одобранной и высѣянной фунтъ, цукру фунтовъ два, воды кварту, влій воду на рынку, албо на пановку, поставъ на огнѣ; якъ закипить, сыпъ рожу по пригорщѣ, а мѣшай

поты, покы кипѣвши будетъ мягкая, потомъ вложи цукру и смажъ, поки устоится, а якъ простигнетъ, вложи въ сосудъ шклянній, посипъ зверху цукромъ и сховай на потребу.

Агрестъ въ цукрѣ.—Возми agресту великого, выбери зъ него насѣння и отважъ фунтъ, полій его кипячою водою, потомъ отлій и вложи на рынку, пересипъ цукромъ товченымъ, которого дабы было фунтовъ два, нехай такъ стоитъ чрезъ ночъ; на завтре смажъ въ полномъ огнѣ.

Суницѣ въ цукрѣ.—Возми суницъ поспѣлыхъ фунтъ, придай цукру перетовченого фунтовъ два, влій воды въ шклянку и смажъ въ поволномъ огнѣ.

Малини въ цукрѣ.—Возми малинъ фунтъ, цукру полтора фунта, смажъ цукоръ, ажъ згустится, потомъ вложи малины и знову въ полномъ огнѣ, поки встоится.

Порѣчки въ цукрѣ.—Возми порѣчокъ, выбери зъ нихъ зернята, отважъ фунтъ, вложи на рынку, придай цукру фунтовъ два безъ чвертки, воды въ шклянку и смажъ, поки устоится.

Вишнѣ бѣлі черніе въ цукрѣ.—Возми вишень бѣлихъ албо черныхъ, повыбирай съ нихъ костки, отважъ фунтъ, полій ихъ горячою водою, потомъ отлій, придай цукру полтора фунта, воды изо три ложки, нехай такъ постоитъ, поки цукоръ роспустится, потомъ смажъ, поки загустѣетъ.

Морелѣ въ цукре.—Возми морель не перездрѣлихъ и оскреби ихъ з верхней шкурки и повыбирай костки, потомъ облій окропомъ, которій отливши, придай до фунта цукру, поставъ чрезъ ночъ, а назаутре смажъ; тимъ же способомъ и бросивини смажить.

Орѣхи волоскіе не доспѣліе въ цукрѣ.—Возми орѣховъ волоскихъ не доспѣлихъ, сколко хочешъ, вложи въ горщокъ, налій воды и соли насипъ, нехай такъ мокнуть чрезъ четыре дни; пятого дня отлій и налій иншой воды, чистой, безъ соли; якъ помокнуть чрезъ день, отлій тую, иншой насипъ, чини такъ чрезъ сколко дней, два рази на день отливаючи воду, иншой наливаючи, жебы соль добре війшла; потомъ ихъ оструж з верхной шкурки и отвари, а якъ простигнуть, нашпигуй ихъ гвоздиками и циномономъ, притомъ сколко важать, столко отважъ въ двое цукру албо меду; если въ меду смажить, усмажъ зъ цукру лѣлевъ; якъ простигнетъ, злій его на орѣхи, нехай такъ стоитъ докилка дній, а якъ зрѣднѣетъ, одлій его знову, висмажъ густо и простудивши налій; якъ сриднѣетъ, придай цукру трохи и смажъ заразомъ зъ орѣхами, ведлугъ потребы; ежели хочешъ смажити въ меду, тимже способомъ поступуй, якъ и в цукрѣ, еднакъ треба медъ рѣдко зъ водою переварити и процѣдити чрезъ платъ суконній, албо чрезъ густое полотно, потомъ

висмажъ его, поки загуснеть, и налій орѣхи разъ и другій, а за третимъ разомъ вѣкупѣ з орѣхами присмажити-жъ.

Информація, какъ сливи зеленіе венгерскіе въ цукру смажити.—Наваривши венгерскихъ сливъ, когда уже суть великіе, но еще зеленіе, наколоть всюды шпилкою и налить на нихъ чистой воды, и приставить чистой также воды к огню, чтобъ кипѣла, и якъ станетъ кипѣть, одлій холодную воду, и налить кипячою, и приставивши к огню, чтобъ кипѣли, поки ажъ скурочка пороспукуется; отставить отъ огню и прилить воды холодной въ ванву, чтобъ полна была, и вода чтобъ толко была якъ лѣтепло, и потомъ зваживши цукру противъ сливъ, такъ якъ противъ листя рожевого вдвое, придать до его толко воды, чтобъ моглъ смажитись, а когда уже почнетъ смажитися, влить воды столко, чтобъ моглъ окрономъ стать, и уже далше тотъ цукоръ варитися мѣетъ; здѣлавши тотъ сиропъ, зшумовать, чтобъ отъ пѣни счистился, потомъ захолодивши, вложить сливи въ сито, чтобъ вода вся стекла, и винявши сливи, на коихъ шкурка потрескалася, вложить въ шклянніе сосуды или въ поливаній горщикъ, влить на нихъ холодного цукрового сиропу и поставить, чтобъ такъ три днѣ стояло; потомъ отливши тотъ цукровій сиропъ, которій дуже рѣдкій станетъ, варить поты, поки загустѣетъ, и когда уже уварится, знову прилить холоднимъ оніе сливи и столко разъ повторать, отливаючи и приваруючи тотъ сиропъ, поки густъ станетъ; потомъ сливи съ тимъ сирономъ до огня приставить, чтобъ толко пригрѣлися, потомъ захолодить и сховать; еще же при смаженню онихъ тое повинно обсервоватися, чтобъ коло нихъ нечистимъ ножемъ и руками не ходити и не пріймати́сь, бо ежели кто нечистъ около онихъ ходить, въ скоромъ часѣ псуются, что постерегши, треба знову цукоръ варити, шумовати и чистити отъ пѣни, и захолодивши прилить; такимже способомъ и вишни можно смажити: вмѣсто того, чтобъ такъ якъ сливи колоти иголкою, нарѣзать потроху, албо наколоть и во всемъ такъ поступать, якъ зъ сливами, толко чтобъ не много варилися, еднакъ чтобъ еденъ разъ добре закипѣли, потомъ холодною водою налиты, чтобъ кипятокъ лѣтепломъ толко сталъ, на которіе цукру насипати такъ, якъ о смаженню сливъ вишше указалося.

Водка росольсъ такъ робится.—Цвѣту рожевого фунтовъ 2, конвалѣи фунтовъ 2, дерева лѣgнородіумъ фунтовъ 2, циномону полфунта, коры лимонной полфунта, коры помаранчевой полфунта, гвоздиковъ лотовъ два, а отваживши тое корѣння, озми водки доброй двойной, и налій тое коренння въ черепяномъ гладушу или въ алембику и затушкуй добре, тѣстомъ замажъ и поставъ въ легкомъ духу, жебы двое сутокъ стояло, а якъ війде тая пара, озми и всипъ тое моченое коренння у водку; досипавши алембика, переганяй, добре цукромъ заправъ, озми олѣйку

лѣgнородіумъ чотири золотники, утри зъ цукромъ добре въ можчирѣ, а утерши, озми тоей переганяной водки, розведи тотъ въ можчирѣ цукоръ зъ олѣйкомъ и всипъ у водку, москусу такъ тежъ два золотники зъ цукромъ ростерши, всипъ у водку и закраси концѣнеллею.

Водка россольѣсъ дданская такъ робится.

	Лоты.
Курдимону	12
Циномону	8
Галки мушкетной	2
Кубебы	2
Калгану	4
Гвоздиковъ	поллота
Помаранчѣ	4
Фіялкового кореня	4
Дерева лѣgнородіумъ	5
Костусъ арабицѣ	3

На сіе коренння треба водки двойной полвѣдра перегнати на алембикъ, перегнавши взяти олѣйку цѣномонового капель сорокъ, олѣйку лѣgнородіумъ капель пятдесятъ, москусу пять зернятъ, якъ перцевое зерно, и ростерти зъ цукромъ канарскимъ въ можчирѣ и въ переганяную водку всипать и затушковати добре в сулѣи, поки ажъ в собѣ силу озметь, и для колѣру заправити концѣнеллею.

Водка елексѣръ цитры на три фляши.

	Лоты.
Помаранчѣ	6
Реумъ баумъ	3
Ганысу	4
Цитвару	6
Курдимону	3
Имберу	4
Маерану	7
Калгану	4
Смирны	1
Цвѣту левандового	4
Мушкателового	2

Кмену четверть золотника.

Галѣосу полтора фунта.

Водка мастихина.

Въ алембикъ двохъ gарцей мастиксу	4
Цѣномону	2

	Лоты.
Курдимону малого	1
Гвоздиковъ	1
Цвѣту мушкатного	2

Водка циномонова такъ дѣлается.—Циномону полфунта, имберу лотъ, моксусу три зернята, якъ перцево зерно, три гарци двойной водки, рожевой воды ǥарнець, тое перегнати чрезъ алембикъ.

Реквизита до гуркой горѣлки.

	Лоты.
Гвоздиковъ	1
Мушкатовой галки	1
Цвѣту	1
Цѣномону	1
Кубебы	1
Бадяну	1
Калгану	1
Милчибогу	1
Кначибагу	1
Перцю	1
Имберу	поллота
Кмену	поллота
Табалану	1
Ѳіялкового кореня	1
Помаранчѣ	1
Курдимону	1
Бобокъ	1
Чорнушки	1
Горчици	1

Смирны часточку и ладану херувимского, также и нашни всякой по часточцѣ.

Алоизу	золотникъ
Бѣлоеру	золотникъ
Селѣтры чистой	поллота

Все тое вкупе стовкши въ гаркъ шклянний та доброю горѣлкою ганусковою насипать; в хлѣбъ замазавши, въ пѣчъ ставити, чтобъ толко въ печѣ було, якъ хлѣбу впектися, а винявши съ печи, сцѣдити да вдругое налить горѣлкою, да въ печъ же встановити, также и въ третіе налить, тую сцѣдывши, и вкупѣ в едно судно змѣшати, да и кушать во здравіе.

Орѣхи свѣжіе.—Зрѣлихъ самихъ орѣховъ взять и побити, чтобъ ядра цѣли были, а бючи класти въ теплую воду; выбирать съ воды, очистивши отъ нихъ кожу, унять класти въ теплую воду, чтобъ лѣтепло было; всѣ перечистивши, вибрать съ воды и покласть на салфетку, чтобъ вода стекла, здѣлать сиропъ, макая сахаръ в тугуляфную воду; какъ скипить четири рази, то всипать орѣхи, по сиропу смотря, густо, съ полчаса варить ихъ, мешаючи, и выбирать ихъ съ сиропу, скласть въ стклянную банку, а сиропъ поварить, пока станетъ очень густо, и такъ налить ихъ.

Взять черносливъ, кожу съ нихъ очистить и перерѣзать пополамъ, знизать на прутички и покласть въ латке, разситить ситы и уварить харашо, и такъ кипяткомъ облить и дать ночовати; на другой день роскласть на доски и поставить на дворѣ, чтобъ обвяли, послѣ роскласти на решето съ прутичками, поставить на ночъ въ пѣчъ, чтобъ болше завялились; на другой день, ежели не мокры, то поснимать съ прутичковъ и смѣшавши толченого сахару съ корицею, пересипать въ банки, разъ наклавши, всякой пересыпать.

Шампеньіоны въ уксусѣ.—Очистя ихъ сверху и въ серединѣ сыріе, сверху кожу содрать, чтобъ чисты были; которые маленкіе, тѣ цѣликомъ, а болшіе перерѣзовать и отварить ихъ въ солоной водѣ, воду слить, а ихъ роскласти на решето, чтобъ очунь вода стекла; ежели есть крепкой уксусъ, то смѣшать пополамъ съ водою, и положа туды перцю и инберу, переварить, а ежели не крѣпокъ уксусъ, то одинъ безъ воды, и скласть ихъ въ склянную банку, уксусъ простудить, какъ можно, въ склянное судно лить и такъ наложить.

Огурцы чтобъ были зеленіе въ уксусѣ.—Переваривши вгурцы, сварить воду съ соллю, чтобъ доволно солона была, и оніе вгурцы скласть въ нелуженной котолъ, переложа укропомъ и отъ черной смородины листомъ, и налить означенною водою кипяткомъ, и обдать ихъ крѣпко, чтобъ такъ переночовали, на другой день выбрать съ оной воды и класть въ банки, перекладывая тимже листомъ; ежели крѣпкой уксусъ естъ, то пополамъ съ водою смѣшать, а ежели не крѣпокъ, то одинъ переварить и налить агурцы, сверху накласть листу поболше, чтобъ не слизлы.

Информація.

1.

Пряники изъ миндалы: сахару фунтъ, муки фунтъ, яецъ пять, кардамону, корицѣ, сколко потреба, воды рожевой три ложки, миндалю полфунта, выдавить формою и испечъ.

2.

Миндалніе коронки: миндаль фунтъ истолкти и къ товченію три ложки рожевой воды положить, послѣ тутже толченого сахару фунтъ и гораздо мелко вмѣстѣ столкти, и выложить на оловяное блюдо, и на жаровнѣ подсушить легко, покамисть мѣсто гарячое станетъ, послѣ захолодить и коронки подѣлавши, пѣчь.

3.

Сахарніе хлѣбцы: десять яецъ, сахару фунтъ, то вмѣстѣ съ полчаса колотить гораздо, чтобъ спѣнилось, третую четверть фунта муки въ оное положить и ложкою мало вымѣшать, въ жестяніе или бумажніе формы лить и такъ пекти въ легкомъ огнѣ.

4.

Кругліе оркшки: четыре яйца, фунтъ сахару, коренння, корицы, хвенхолу, мушкатной галки, мушкатового цвѣту, перцю и инберу немного, муки, такъ здѣлать, какъ калачное тѣсто, кругліе котишки здѣлать и испечъ.

Цукоръ бротъ дѣлать нижеслѣдующимъ образомъ.—Взять яецъ 12, избить одни бѣлки и наготовить сахару фунтъ, а какъ станетъ въ бѣлкахъ великая пѣна, то класть сахаръ понемногу и бить все, а какъ сахаръ увесь положится, то особливо избить желтковъ 11, потомъ положа въ бѣлки, бить вмѣстѣ, а какъ станутъ вскаковать пузирѣ, то чтобъ пѣчь готова была, и передъ тѣмъ не задолго, какъ пора пекти, положить муку надлежаще, чтобъ не густо и не очень рѣдко было, а какъ пора пекти, велѣть сковороду намазовать масломъ и лить цукоръ бротъ понемного на лепешки и посыпать сахаромъ сверху, а какъ спекутся, то свертовать трубочками и класти на сыто.

Шипшина.—Взять шипшину и вычистить и отважить фунтъ, а цукру полтора фунта, и зваривши сиропъ, чтобъ не весма густъ былъ, а помянутую шипшину фунтъ опаривши кипяткомъ окропомъ и положить въ кипячій сиропъ, и смажить, покудова густъ сиропъ станетъ и шипшина усмажится, а на другой день сколко надобно, сварить сиропу весма густо и прилить.

Паску или булки.—Масла кубокъ, желтковъ, яецъ—кубокъ сиченого солодкого меду, не твердого шафрану, дрожчей, и вчинивши, скоро зойдетъ, заразъ мѣсить, а якъ мѣсити, то положить галки, циномону и цукру, а мѣсити слабко, а не туго, а масла хочай менше отъ показанной мѣры положить, толко съ соли спустить, а якъ сажать булки въ пѣчь, то желтками примазать.

Булки съ сыромъ.—Взять 8 яецъ и кубокъ запары, и учинить такъ, якъ обыкновенное тѣсто, а якъ станетъ сходить, то взявши свѣжого сыра грудку, и ростерти мякко, такъ якъ смегана, и вложить и побить, когда-жъ уже будетъ время тѣсто мѣсить, то вложити три яйцѣ и кубокъ масла, а когда-жъ въ пѣчь сажать, то помазать яйцемъ розбитымъ.

Булки зъ горохомъ.—Сварить горохъ и процѣдить, и взять гороху кубковъ четыре, а запары кубковъ пять, и учинить якъ надобно, а когда уже треба будетъ тѣсто мѣсить, то положить масла или олеи, сколко надобно, а когда надобно въ скоромніе булки и яецъ, то положить, сколко-жъ надобно.

На водку унгарскую.—Взять майрану и цвѣту левандового по 28 золотниковъ, мушкатного цвѣту 24 золотника, корѣння неоніеваго, розмарина по 12 золотниковъ, столкти и положить въ алембикъ, и налить простого вина три четвертнихъ и послѣ трехъ нощеденствъ перегнать, и будетъ противъ заморской унгарской водки.

На булки мигдалніе.—Возми мигдаловъ фунтъ сденъ, муки рожевой четверть фунта, цукру полфунта, кордимону лотъ, водки рожевой, сколко треба, зроби тѣсто и ведлугъ формы клади на оплатокъ, цукромъ верху посыпаючи, сажай въ пѣчь.

Двѣ южно-русскія интермедіи начала XVII в.

Эти два памятника южно-русской письменности, безъ преувеличенія, можно назвать чрезвычайною и величайшею рѣдкостію въ своемъ родѣ. Интерлюдіи и интермедіи дошли до насъ лишь отъ XVIII в.; существовали онѣ и въ XVII ст., но самыя раннія и не ясныя указанія на это не восходятъ раньше 1629 г., здѣсь-же мы имѣемъ самые памятники этого рода еще болѣе ранняго времени, въ числѣ двухъ. Они сохранились въ польской транскрипціи у извѣстнаго польскаго писателя І. Крашевскаго, намъ-же сообщилъ ихъ уважаемый изслѣдователь нашей старины г. М. Т—въ. Первоначально обѣ интермедіи помѣщены въ древнемъ изданіи слѣдующаго заглавія: „Tragaedia albo wizerunek smierci przeswietego Chrzciciela, Przesłańca Bozego. Na pięc aktów rozdzielony. Przydane są y intermedia dwoie, napisany przez Iacoba Gawattowicza Leopolitę, nauk wyzwolonych y Philozophiey Bakalarza. Odprawowany w Kamionce na jarmark, przypadający na dzień tegosz Jana swiętego Chrzciciela. Roku pan. 1619. Drukowany na przedmieściu jaworowskiem u s. Mikołaia, 4° kart nieliczbow: F ij“ (Трагедія, или образъ смерти пресвятаго Іоанна Крестителя, Посланника Божія, въ 5-ти дѣйствіяхъ, съ прибавленіемъ двухъ интермедій, написанныхъ Яковомъ Гаваттовичемъ, учителемъ свободныхъ наукъ и философіи во Львовѣ. Представлена была въ Каменкѣ на ярмаркѣ, въ день того-же св. Іоанна Крестителя, 1619 г., а печатана у св. Миколая на предмѣстьѣ Яворовскомъ. 4° л., не нумерованныхъ стр.) [1]). Уцѣлѣло-ли это изданіе и гдѣ оно хранится, и съ него-ли списывалъ Крашевскій, или съ какой-либо рукописи,—свѣдѣній объ этомъ намъ не сообщено. Судя по приведенному заглавію изданія, трагедія вѣроятно была написана по польски и другимъ авторомъ, интермедіи-же Гаватто-

[1]) Опредѣлить число страницъ, по не ясности знаковъ, не можемъ.

вича присоединены приспособительно ко вкусу народа. Кто издатель книжки, неизвѣстно, но издана она во Львовѣ и вѣроятно въ томъ же году, въ которомъ играна трагедія, ходя сама трагедія и интермедіи могли быть написаны и раньше.

Помѣщаемыя теперь нами въ русской транскрипціи интермедіи какъ по содержанію, такъ и по пріемамъ ихъ сложенія, имѣютъ большое сходство съ тѣми интермедіями, прототипами которыхъ они служили и которыя въ XVIII вѣкѣ слагались профессорами кіево-могилянской академіи (Митрофаномъ Довгалевскимъ, Георгіемъ Конисскимъ и др.); но существенно отличаются отъ нихъ тоническимъ размѣромъ стиха. Въ нихъ, какъ и послѣдующихъ интермедіяхъ, выводятся на сцену простолюдины, которые говорятъ „слогомъ простымъ, деревенскимъ мужицкимъ („Піитика“ М. Довгалевскаго 1736—1737 г)[1]), равно воспроизводится какой-нибудь потѣшный, анекдотическій эпизодъ, не рѣдко заимствованный изъ области чисто народныхъ побасенокъ.

Содержаніе первой изъ нашихъ интермедій такое: (го)сподарь, или какой-то сельскій хозяинъ *Стецько*, состоятельный, но наивный и простой, идетъ изъ ярмарки домой, накупивъ тамъ горшковъ. Къ нему подходитъ хитрый *Климко*, распрашиваетъ Стецька о его состоятельности и изъявляетъ охоту пойти къ нему въ услуженіе; тотъ обѣщаетъ хорошо кормить его, а этотъ рекомендуетъ себя, какъ ловкаго охотника-звѣролова, въ доказательство чего показываетъ мѣшокъ съ пойманною будто-бы имъ въ лѣсу лисицею, которую и предлагаетъ купить своему будущему хозяину. Между тѣмъ въ мѣшкѣ былъ котъ и простодушный Стецько, не подозрѣвая обмана и не видя предмета своей купли, *торгуетъ кота въ мѣшку*. Послѣ усиленнаго торга сошлись на 4-хъ грошахъ. Неповоротливый Стецько долго возится съ мѣшкомъ, что-бы развязать его и полюбоваться своею покупкою, а ловкій Климко тѣмъ временемъ незамѣтно ускользаетъ, захвативъ съ собою Стецьковы горшки и сукманъ. Наконецъ Стецько открываетъ мѣшокъ, но котъ мгновенно выскакиваетъ изъ него и убѣгаетъ въ поле. Обманутый Стецько разводитъ руками и плачется о своей потерѣ; но тутъ къ нему снова подхо-

---

[1]) Смотр. «Очерки изъ исторіи украинск. литературы XVIII в.», Н. Петрова.

дитъ Климко, переодѣтый уже въ другое платье, кладетъ въ сторонѣ горшки Стецьковы, прикрываетъ ихъ его-же сукманомъ и подъ видомъ сторонняго человѣка распрашиваетъ Стецька о его бѣдѣ, изъявляетъ готовность отыскать обманщика и увѣряетъ, что послѣдній спрятался гдѣ либо въ травѣ. Начинаются поиски. Климко указываетъ на сукманъ, увѣряетъ, что-то лежитъ обманщикъ и подзадориваетъ Стецька побить его. Довѣрчивый Стецько беретъ палку и начинаетъ колотить воображаемаго врага, но разбиваетъ только собственные горшки. Заслышавъ трескъ горшковъ и увидѣвъ новый свой обманъ, онъ съ плачемъ уходитъ жаловаться пану; а скрывшійся отъ него Климко, являясь предъ зрителями, хвастается тѣмъ, что ему удалось дважды обмануть простака и идетъ искать другую жертву для обмана. Народность сюжета въ этой интермедіи очевидна и мораль ея понятна: не торгуй кота въ мѣшкѣ, не довѣряйся всякому встрѣчному, но будь осмотрителенъ и остороженъ. Такіе сюжеты есть и теперь въ народныхъ сказкахъ.

Еще народнѣе по содержанію другая интермедія Гаваттовича, сюжетъ которой таковъ: два мужика, торгующіе волами, Максимъ и Грицько, обыватели с. *Городка*, продали на ярмаркѣ [1]) воловъ и возвращаются домой. Къ нимъ присоединяется Динисъ изъ Каменца-Подольскаго. Дорогой всѣ они проголодались, а хлѣба ни у кого ни куска. Вдругъ слышатъ запахъ пирога, начинаютъ искать и находятъ, но всего одинъ. Какъ троимъ дѣлиться однимъ пирогомъ? Хитрый Динисъ предлагаетъ товарищамъ лечь спать и кому приснится найлучшій сонъ, тому и достанется пирогъ. Предложеніе принято; Максимъ и Грицько ложатся спать, а Динисъ украдкой съѣдаетъ пирогъ и вскорѣ будитъ товарищей, приглашая ихъ разсказать, кто во снѣ что видѣлъ. Максимъ передаетъ, что снилось ему, будто онъ былъ на небѣ, видѣлъ тамъ святыхъ и самаго Бога, участвовалъ въ небесной трапезѣ, на которой было все, что лучшаго употребляютъ люди на землѣ. Грицько напротивъ разсказываетъ, что снился ему адъ и муки адскія, которыя и онъ терпѣлъ. Хитроумный Динисъ такъ сказалъ обоимъ: былъ и я на

---

[1]) Въ м. *Каменкѣ*, гдѣ была играна и самая интермедія.—Не будетъ-ли это нынѣшняя *Струмилова-Каменка*, мѣстечко въ Галиціи. въ Жолковскомъ деканатѣ. при зап. Бугѣ, къ востоку отъ м. Жолквы?.

небѣ, поднялъ меня туда во снѣ ангелъ, взявъ за волосы; видѣлъ я, какъ ты, Максимъ, ѣлъ до сыта за трапезой Господней, и просилъ у тебя хоть кусокъ чего, а ты говорилъ: да тамъ пирогъ, и ангелъ сказалъ: не надо; видѣлъ и тебя, Грицько, въ мукахъ пекельныхъ, и ты еще кричалъ: не увидишь меня больше, на вѣчныя муки осужденъ, возьми и съѣшь пирогъ... а ангелъ снова поставилъ меня тутъ, ну... я и съѣлъ пирогъ. Обманутые Максимъ и Грицько прогоняютъ „до біса“ Диниса, а онъ прикидывается, будто не понимаетъ причины ихъ неудовольствія: „ось біда; сами пирігъ зьисти казали, та ся ростнивали!“ Тѣ выходятъ изъ терпѣнія и гоняются за шутникомъ, а онъ отъ нихъ убѣгаетъ.—Совершенно такого-же содержанія народный анекдотъ о цыганѣ и козакѣ весьма распространенъ и теперь и, помнится, мы встрѣчали его въ одномъ изъ малорусскихъ этнографическихъ сборниковъ.

Въ обѣихъ интермедіяхъ насъ можетъ интересовать сколько ихъ форма и содержаніе, съ ярко выступающимъ народнымъ міросозерцаніемъ и бытовыми чертами того времени, столько-же и размѣръ стиха и фонетическія и лексическія особенности языка. Здѣсь мы видимъ смѣшеніе метрическаго сложенія и силлаба: первые два стиха близки къ размѣру народныхъ пѣсень; далѣе идетъ хорей, смѣняющійся по мѣстамъ силлабомъ; каждая строфа дѣлится на двѣ части, оканчивающіяся риѳмами, каждая часть строфы за немногими исключеніями даетъ четырехстопный хорей. Въ эту мѣрку втискиваются вопросы одного и отвѣты другаго лица съ нарушеніемъ строфъ обыкновенныхъ, потому принятый размѣръ дается автору не легко, выдерживается съ трудомъ и ведетъ его къ частымъ нарушеніямъ въ ударепіяхъ. Было-бы ошибочно считать за имствованіемъ словъ польскихъ и сокращеніями въ духѣ польскаго языка то, что не подходитъ къ нашему украинскому говору,—оно живетъ и теперь въ народномъ галицкомъ говорѣ. Впрочемъ всѣ вопросы о размѣрѣ стиха и языка интермедій предоставляемъ разрѣшить спеціалистамъ-филологамъ, какъ и вообще опредѣлить по достоинству этотъ рѣдкій памятникъ южно-русской письменности начала XVII в., мы-же дѣлаемъ лишь бѣглую замѣтку для облегченія первоначальнаго съ нимъ ознакомленія.

Былъ-ли авторъ интермедій Гаваттовичъ русинъ или полякъ, сказать не можемъ; но несомнѣнно, что онъ хорошо зналъ языкъ

народный и старался въ возможно болѣе чистомъ видѣ вложить его въ уста дѣйствующихъ въ его интермедіяхъ лицъ. При всемъ томъ языкъ Гаваттовича не болѣе близокъ въ простонародной рѣчи даннаго мѣста и времени, какъ и языкъ Довгалевскаго и Конисскаго. Ученые схоласты XVII—XVIII вв. вообще пренебрежительно относились къ народной рѣчи, а потому они не были въ состояніи воспроизвести совершенно вѣрные ея образцы. Тѣмъ не менѣе языкъ помѣщаемыхъ интермедій представляетъ любопытнѣйшій матеріалъ для филологовъ какъ по множеству особенностей и отличій мѣстнаго галицкаго говора, сохранившихся и понынѣ, такъ и по обилію слѣдовъ и формъ архаическихъ. Допуская, что онъ могъ пострадать отъ польской транскрипціи, слѣды которой чувствуются и въ нашемъ спискѣ, замѣтимъ однако, что совершенно таковъ языкъ судебныхъ актовъ южно-русскихъ XVI—XII вв. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ личныхъ показаніяхъ свидѣтелей или потерпѣвшихъ, сильно пробивается наружу изъ подъ канцелярской оболочки живая народная рѣчь.

Intermedium po akcie wtorym. (Интермедія послѣ втораго дѣйствія).

Persony: Klimko z garcami. Stecko kota w worce ma na grzbiecie. (*Лица: Климко съ горшками, Стецько держитъ на спинѣ кота въ мѣшкѣ*).

Климко. Що ты тутъ, побратиме, собі порабляешь?
Кажи мині, якъ живешь, та и якъ ся маешь?
Стецько. Я тутъ не роблю ничого. Ось иду до дому свого
Та и зъ тоіеми горшками, якъ зъ своими сусідами.
Климко. Та на що такъ много маешъ?—либой на жонку кидаешъ?
Стецько. На що? Чи хочешь вірити, що люблю хороше жити,
Всёго достатекъ варити кажу, та ся не курчити, [1])
Такъ яко приналежаетъ сподарови, що все маетъ.
Климко. Бохмесь, чоловікъ хорошій. Либой маешъ много гроши

---

[1]) *Курчитися*, польск. kurczyć się,—корчиться; въ переносномъ значеніи скареднічать, скупиться.

Стецько. Та що маю? *Кл.* Та дожитокъ. *Ст.* Маю тотъ на полю вшитокъ.
Суть тамо овцы, бараны, котроми частую паны;
Суть волы, та й коровы,—все маю, коли-мъ здоровый.
Климко. Та и много поля маешь? *Стецько.* Маю,—та що такъ питаешь?
Климко. Бо хочу тобі служити, зъ тобою вікъ провадити.
Стецько. Коли хочешь, гараздъ служи, хоть ся и шинкаркомъ длужи.
Коли пінізи маемо,—все мы тое поплатимо,
Лише хоць вірне служити. *Климко.* Кажи-жъ, що будешъ варити
Для мене. *Ст.* Хотъ видишь горшковъ много, що-мъ до дому свого
Тутъ покупивъ на ярмирку,—купилемъ и тую мірку,
Що будемъ собі зъ ней пити,—та питаешь, що варити
Буду? Ось въ тоімъ борщика, въ тоімъ яглы до молока;
Коли рыбы достанемо, въ тоімъ горщику зваремо,
А въ тоімъ ся зварить тісто, въ тоімъ коропы розписто,
Въ тоімъ капусту густою, въ тоімъ розпустимо лою,
До гороху, оттакъ знаишь, та и пироговъ ся наишь;
Въ горшку ихъ поваремо, та и въ тимъ шпирокъ насмажемо.
Та що бысь хотівъ иншого? Що маемъ, наваримъ много.
Климко. Бог-ме, я буду служити, коли такъ схочешь варити.
Та же ся хороше маешь. *Стецько.* Та ты що робити знаешь?
Кажи, що бы-мъ слугу свого знавъ, та ласкавъ бывъ на ніого.
Климко. Я чоловікъ все робити знаю, та волки ловити,
Що бы овець не псовали, та быдла не розганяли.
И иншого звера много достану ось зъ ліса того.
Лисицю, що-мъ имыю, несу, та за длугъ ю понесу.
Стецько. Того слуги потребую—та южъ ся тобі радую;
Будешь-же ся гараздъ мати, та борзо хочъ прибывати.
Климко. Гараздъ. Та ты звірка того купи, дамъ іего не дрого.
Будешь до тей шапки мати. *Стецько.* Коли бы го огледати?
Климко. Ище быстрый, теперъ зъ ліса, утюкъ-бы мені до біса.
Дома іого оглядаешъ, гей-же хорошій—пузнаешь.
Стецько. Якъ іого шацуешь собі? *Климко.* За шисть осмаковъ дамъ тобі.

Стецько. Вельми зацінивъ-есь много. *Климко.* Кажи, що дашъ, дамъ не дрого.
Стецько. Три осмаки возьми собі. *Кл.* Дай пять. *Ст.* Не дамъ. *Кл.* Жичу тобі.
Стецько. Много. *Кл.* А хочешь купити—чотыри, та будемъ жити
Собі, лише длухъ однесу, та горшки те то попесу
За тобою. *Стецько.* Еще много хочешь. *Климко.* Та, Бог-ме, не дрого,
Такъ бо емъ я виненъ сила, коли-жъ-мо тамъ въ корчмі пила.
Стецько. Бери-жъ южъ чотыри гроши, та ся верни якъ хорошій.
Климко. Гараздъ, и зъ міхомъ зоставлю, та не вельми ся забавлю.

Tu odchodzi Klimko, a Stecko oglądaie lisicę. (*Тутъ Климко уходитъ, а Стецько принимается смотрѣть лисицу*).

Стецько. Осмотру тую лисицю, чи будетъ пидъ рукавицю,
(*Kot uciekaie—Котъ уходитъ*).
Та и пудъ шапку красцы(н)ко. Бідна-жъ моя головонько!
Ось, ось мене грошей збавивъ, лихъ чоловікъ міхъ зоставивъ.
Ось кота въ міху купивъ-емъ! Чомъ я такъ не мудрый бывъ-емъ,
И-же у тотъ міхъ не гледывъ-емъ, та що въ нимъ не осмотривъ-емъ?
О, бісу твоей матери! Кажуть, не каждому вери.

Szuka garnkow, szuka sukni, ktorą położył na garnkach. (*Ищетъ горшковъ, ищетъ одежи, которую положилъ на горшкахъ*).

Та и горшки либой пукралъ. Ось матінко, що-мъ я выгралъ
На тому лихимъ ярмирку! Бісъ взявъ изъ горшками мірку
И сукни либой не маю. Що ма-мъ діяти—не знаю.
Бідна-жъ моя головонько! О, несчастная-жъ матонько,
Щось мя на світъ народила, що-мъ такъ нинка стративъ сила.

Przychodzie, przebrawszy się w inną suknią, a garnce położy gdzie (indziej) y przykryje iego suknią, ta trawą potrząsie. (*Приходитъ, переодѣвшись въ другое платье, а горшки кладетъ въ другомъ мѣстѣ и прикрываетъ ихъ его одежею и притрушиваетъ травою*).

Климко. Та що, побратиме, тобі? *Стецько.* Чи жартуешь зъ мене собі?
Наробивши та не знаешь? Горшки укравъ та питаешь?
И сукману... та и здрадилъ мене въ торгу: кота-сь всадилъ

Въ міхъ, та-же лисицу маешь, казавъ-есь, що ю продаешь,
Тою-мъ я заплатилъ тобі, а того-мъ не змыслилъ собі,
Що я-мъ въ тотъ міхъ не загледівъ, а тысь пришолъ, що бысь шыдивъ,
И ще, що ми есть, питаешь, та ся зъ мене насмѣваешь.

Климко. Та що ты на мене кладешь? Що-мъ ся тутъ натрапилъ, радъ есь.
Не мамъ кимъ освядчити, що й смілъ то на мене вложити.

Стецько. Якъ тебе зовуть?—питаю. *Климко.* Климко. *Стецько.* О, того не знаю,
Якъ здрайцу зовуть тамъ того, та бо шапка власна іого,
Та для того-мъ гадавъ собі, що онъ, тамъ тотъ мовилъ тобі.
Прошу-жъ, пробачъ вину тую. *Климко.* Милый брате, я зъ тобою,
Та якъ кажешь, що тя здрадивъ,—кота впередъ въ тотъ міхъ всадивъ?

Стецько. Ой, такъ. *Кл.* Та и пукралъ гроши? *Ст.* Пукралъ. *Кл.* Чловікъ не хорошій.
Та и мівъ служити тобі? *Ст.* Мівъ. *Кл.* Зъ грошами пойшолъ собі?

Стецько. Такъ, брате. *Кл.* То й горшки укралъ? *Ст.* Такъ. *Кл.* Та-сь ты іого не шукалъ?

Стецько. Нітъ, бо ся ты натрапилесь. *Кл.* Теперь-то? *Ст.* Теперь. *Кл.* Зблудилесь!
А хочешь мині вірити? Здастъ-ми ся, що-мъ мілъ видіти
Теперъ чоловіка того, що мілъ горшковъ вельми много.
Тотъ либой. *Ст.* Либой. *Кл.* Сукману, що тобі благому пану
Либой взявъ, нісъ на палиці, та собі лігъ на травиці.
О Бугъ-ме тотъ, бо шарая сукмана была такая.

Стецько. Такая, такая. *Климко.* Чи хочешь ми вірити.
Коли-ць того покажу, не хочъ го живити.
Ось лежить! А тотъ?.. *Стецько.* Тотъ, тотъ! *Климко.* Ну-жъ, тою палицю
Гараздъ іого по хребті, же змажетъ травицю
Пасокою. *Стецько.* О, буду-жъ іого шмаровати!
Мусить мині и горшки и все новрацяти.
Та якъ мудрый накрывъ ся, ось видишъ, травою,

Що бы не зглидино. *Климко.* Бий кріпко, та свою
Сукману и все побери, а іого въ світі не дери.

To Stecko, zakasawszy sobi recę, (bije) w garce, a Klimko ucieka. (*Климко, закачавъ рукава, бьетъ по горшкамъ, а Стецко убѣгаетъ*).

Стецько. О, матіонко, матіонко! теперь-же ми лихо.
Чи бісъ, чи лихъ чоловікъ управилъ мене тихо
Въ то нестестіе велике, що-мъ убоство свое
Потолкъ, въ нивочъ обратилъ ти горшки мое.
Що ся діять? Чи Богъ то милостю справити
Хотилъ такое річи на мене пустити,
Чи лихіи люде? О, Боже милостивый!
Коли-жъ бы ся тотъ трапилъ чоловікъ здрадливый,
Що ми такое річи, ось пане, наброилъ,
Пузналъ бы, якъ-бы-мъ дывы коло ніего строилъ...
Возму жъ претя тую сукману, пійду ся скарити пану.

Odchodzi Stecko, a Klimko przychodzi, smiejąc się. (*Уходитъ Стецко, приходитъ Климко, смѣясь*).

Га, га, га, га, га, га, га! двократь одиного
Чоловіка-мъ ошукавъ, признамъ ся до того.
Тотъ панъ, що знаетъ въ світі гараздъ махліовати.
Пойду ище та знайду, кого ошукати.

Интермедія вторая послѣ 3-го дѣйствія.

(Intermedium drugie po akcie trzecim).

Persony: Maxim, Rycko, Dynis.— Wołowcovie. (*Лица: Максимъ, Грицько, Денисъ—торгующіе волами*).

Максимъ. Идимъ-же, брате, южъ въ тою, що идемо, дорогою,
Колись-мо южъ сторговали, та и вси волы продали
На тоимъ лихимъ ярмарку. Не будемъ бильше шарварку
По тоихъ волахъ робити, ліпше на флисі [1]) служити.

Грицько. Ліпше, брате, я зъ тобою иду, ты иди зо мною.

---

[1]) *Флисъ*, польск. *flis*, navigatio fluvitatis, гонка плотовъ или рѣчныхъ судовъ.

Динисъ. Эй, побратимове, стóйте, та ще говору почуйте.
Далекъ идете?—кажите, та зъ собою ме везмите.
Помагай Богъ вамъ. *Гр.* Здоровый будь, та короткими словы
Кажи, о що питаемо, та якъ тебе звати маемо.

Динисъ. Я-мъ зъ Камінця Подольского, пришолъ до містечка того
На ярмарокъ зъ волы, та Динисъ істемъ. *Мак.* Та бісъ тя тутъ принісъ.
А мы вудъ Городка—знаешъ? *Дин.* Знаю. *Макс.* Далекъ пойти маешь?

Динисъ. Ось ко бы ся зъ кимъ трапило, що бы насъ хотъ зе три было.
Ишолъ бы-мъ на флисъ. *Гр.* Иди-жъ зъ нами, та мы идемъ отъ двай самы.

Динисъ. О слава-жъ Господу Богу, шо-мъ знашолъ въ тую дорогу
Товариство хорошое. Ось насъ будетъ теперъ трое.

Postępuią troche, a Dynis pyta ich o chleb. (*Подаются немного впередъ, а Денисъ спрашиваетъ, нѣтъ-ли у нихъ хлѣба*).

Ой, братіонкове, слухайте, та що мині істи дайте,
Забывъ-емъ хліба купити, безъ котрого трудно жити.

Максимъ. Эй, брате, и я не маю. Грицю, ты маешь, я знаю.

Грицько. Та ты хліба не купивъ-есь? Отъ такъ собі наридивъ-есь!
Та я-мъ се на тебе спустилъ, шо-сь ты хліба купити мілъ.

Максимъ. Та що будемо чинити, либой придетъ глодъ терпіти.
А вельми ся хочетъ істи, шо-сь не купилъ тожесь чистый.

Postępuią daley, Dynis znowu poczuie pirogi. (*Подвигаются дальше. Денисъ вновь слышитъ запахъ пирога*).

Максимъ. О, пахнуть! *Гр.* Пахнуть. *Дин.* Шукаймо, та говорити престаньмо.
А якъ дастъ Богъ, тутъ знайдемо, то ся вси три поделимо.
Та ось пирухъ на травицы, бувъ либой вырісъ зъ землицы.
О, слава тобі, Господи! О минутъ насъ теперъ глоды,
Коли бульше достанемо. *Максимъ.* Любой юже не знайдемо.
Та що ту есть за трава́я, що родитъ пироги тая.

Ось ище будутъ пироги, коли ся вернемъ зъ дороги.
Будемъ тою траву знати, та тутъ пироги искати,

Грицько. А зъ тимъ що будемъ чинити? Любой ся придеть ділити.

Динисъ. Хоть ся ділити схочемо, претя се вси не наимо.
Насъ три, а тотъ пирогъ малый. *Максимъ.* Та хоть-бы одинъ зъілъ цалый,
Кривда-бы зась иншимъ была, бось-мы го всі три згледили.

Грицько. Вятъ ся ділити будемо. *Динисъ.* А коли такъ учинимо—
Котрому ся що ліпшого приснить, будеть пирогъ іого.

Максимъ. Гараздъ, гараздъ! *Грицько.* Вятъ лягаймо, та вси три позасыпаймо.

Динисъ. А тотъ пирогъ нехъ тутъ буде, вшакъ же ту не украдуть люде.

Pokładą sie, a Dynis wstawszy pyrog zie y ukladzie sie, w tym ich budzit.
(*Укладываются, а Денисъ, подняв тись, ѣстъ пирогъ и укладывается, а потомъ будитъ ихъ*).

Максимъ. Гей, братя, я-мъ въ небі бывъ. Гей, тежъ ся тамъ хороше мівъ.
Гей, гей, тожъ трудно сказати, що-мъ я тамъ моглъ огледати.
Та тотъ небо, якъ золотый замокъ, що такой работы
Въ світі-мъ не видалъ красное. Муры мѣетъ золотое
Та каменями сажене дорогими: суть зелене,
Суть білые, червленое, суть блакитне та світное.
Та и мустъ тамъ есть золотый. Та я собі передъ вроты
Стою, ажъ тамъ выкрикають ангели, ти же співають
Хороше. Та святыхъ много стоить вельми; ось я того
Въ небі ся тамъ насмотрилемъ и Господа тамъ виділемъ
Бога, якъ седить за столомъ, а всі бьють передъ нимъ чоломъ,
Та ся и всі такъ жегнають, якъ мы въ церкви, та співають.
Потимъ Богъ Господь носити істи казалъ, та служити.
Що живое ея рушило. Отъ братя, тотъ ея ми снило!

Динисъ. То южъ ці все выповідилъ? *Максимъ.* Ище; бо-мъ тамъ внетъ зеглідивъ

Що потравы принесено, та й мене за столъ всажено.
Гей, было жъ, было жъ тамъ много істи! Не пребачу того.
Было мясо, поросята; были печени курчата.
Было тамъ и вареное, та было и смаженое.
Все хорошо, и зъ юшкою білою, та и жолтою.
И тісто было варене, смажоне та и печене,
И пироги тамо были, та и борщика зварили
Та была и капустая, и горохъ, была кашая
Та была тамъ и ботвина, и вшелякая зверина.
Отъ такъ ся я въ небі мілемъ, на банкеті що тамъ былемъ.

Грицько. Та я, братонку, въ пеклі бывъ. Ой тамъ-же тамъ біду терпівъ.
Чарневцы тамъ по голові были мя, та по хрептови
Літунове, та тамъ всіого. Виділемъ поспольства много,
Суть тамо попы, панове, та наши побратимове,
Суть тамъ и лихое жонки, суть не великі дітонки.
Вси гореють ажъ по уши. Біда жъ тамъ и моеи души
Была, та на вічни віки, кажуть, будешь терпіть муки.
То-тъ ся мині лише снило; бодай ся тотъ не трапило.

Дениcъ. Та я, братя, собі лежу, та ось, Гангелъ идетъ, вижу,
Та тотъ, до мене пришодши, порвалъ мене за волосы
Та ме посадилъ на небі, то я тамъ виділемъ тебе,
Що ты собі уживалъ-есь, то-мъ я просилъ, що бы далъ-есь
Мині що, куска одного; не хотилъ-есь, все то того
Пирога казавъ-есь зъ неба, та Гангелъ: южъ те не треба
Тутъ, рыклъ мині, товариша коли-сь виділъ. Ажъ у біса
Другій седить въ тоимъ пеклі, та ме тамъ ставилъ при теплі,
Ажъ ты на мене киваешь, та слова таки волаешь:
Южъ мене не гледаешъ; возьми пирогъ, що тамъ маешъ,
Та зьишъ, бо на вічни віки тутъ буду терпіти муки.
Та той Гангелъ тутъ ме ставилъ, та я-мъ се пирога наілъ.

Максимъ. Либой. *Динисъ.* Ой, такъ. *Максимъ.* Эй, Динису, идижъ ты собі икъ бісу.

Коли не будетъ пирога, будешь плакати на Бога.

Динисъ. Вшакожъ ты ся наілъ въ небі. *Грицько.* Якъ я, баламуте, тебе

Почну палыцью взбирати, не будешь ты жартувати.

Динисъ. Ось біда! зъісти пирогъ казали, та ся розгнівали.

Максимъ. Иди-жъ, иди-жъ, скуде й пришолъ, хоть бысь и до біса пошолъ!

Динисъ. Коли-мъ пирогъ зъілъ, не дбаю... та южъ ся зъ вами жегнаю.

Uciekaie, a oni za nim (*убѣгаетъ, а они за нимъ*).

Сообщ. **М. Т—въ.**

Библіографія.

С. А. Бершадскій. Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до люблинской уніи (1388—1569 г.). С.-Петербургъ. 1883 г.

Сочиненію, заглавіе котораго мы выписали выше, авторъ предпослалъ въ прошломъ году два тома документовъ, на которыхъ онъ и основываетъ по преимуществу свой историческій разсказъ и добытые имъ выводы. Сборникъ изданныхъ документовъ носитъ заглавіе: «*Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ 1388—1569 г.*» и вмѣщаетъ въ себѣ 660 актовъ. Весь этотъ архивный матеріалъ извлеченъ г. Бершадскимъ изъ книгъ литовской метрики, а также изъ архивовъ виленскаго и кіевскаго и стоилъ автору четырехъ лѣтъ крайне упорнаго и усидчиваго труда.

Само изслѣдованіе г. Бершадскаго представляетъ трудъ вполнѣ самостоятельный и критическій, исполненный въ высокой степени добросовѣстно и разработанный крайне тщательно до малѣйшихъ подробностей. Мы не встрѣтили въ немъ ни малѣйшаго положенія, которое не было-бы подтверждено многочисленными ссылками и цитатами изъ архивнаго матеріала. Конечно, такой методъ изслѣдованія возбуждаетъ полное довѣріе къ выводамъ автора, а это тѣмъ болѣе важно, что изслѣдованіе открываетъ намъ цѣлую область историческихъ данныхъ или совершенно понынѣ неизвѣстныхъ, или представлявшихся весьма не точно, не полно и очень часто при ложномъ освѣщеніи.

Трудъ г. Бершадскаго раздѣленъ на шесть главъ, изъ которыхъ три (3, 4 и 6) посвящены исторіи литовскихъ евреевъ за время 1388—1569 г. Двѣ другія главы (2 и 5) представляютъ какъ-бы введеніе и разъясненіе, необходимое для пониманія главнаго сюжета разсказа, наконецъ 1-ая составляетъ послѣсловіе, изображая въ главныхъ чертахъ бытъ евреевъ литовскихъ отъ люблинской уніи (1569 г.) до нашего времени. Мы передадимъ вкратцѣ содержаніе труда г. Бершадскаго въ

томъ порядкѣ, въ какомъ онъ, какъ намъ кажется, естественно укладывается при изложеніи избраннаго авторомъ сюжета.

Вторую, довольно обширную, главу своего сочиненія авторъ посвятилъ оцѣнкѣ сочиненій тѣхъ писателей, которые раньше занимались исторіею литовскихъ евреевъ; онъ весьма внимательно опредѣляетъ и разсматриваетъ источники, которыми пользовались его предшественники, слѣдитъ за методомъ ихъ изложенія и указываетъ какъ достоинства каждаго труда, такъ и недостатки, зависѣвшіе или отъ скудости матеріала извѣстнаго авторамъ, или отъ невнимательнаго съ нимъ обращенія, или отъ предвзятой a priori точки зрѣнія; наконецъ, онъ безпощадно обличаетъ легкомысліе и компиляторскіе пріемы нѣкоторыхъ изъ своихъ предшественниковъ, болѣе или менѣе удачно замаскированные самоувѣреннымъ тономъ изложенія. Болѣе всего вниманія г. Бершадскій обратилъ на книгу Чацкаго: «Разсужденіе о евреяхъ и караимахъ», такъ какъ она понынѣ считается вполнѣ авторитетнымъ сочиненіемъ для исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ. Отдавая полную справедливость эрудиціи Чацкаго, «его многосторонности, разнообразію источниковъ и богатству содержанія книги», г. Бершадскій замѣчаетъ и важнѣйшія ея недостатки: небрежное по временамъ пользованіе источниками, не точную передачу ихъ содержанія, допущеніе ссылокъ на источники сомнительные и не провѣренные критикою и, что важнѣе всего, онъ указываетъ ошибку въ основномъ воззрѣніи Чацкаго, вслѣдствіе которой онъ отождествлялъ права евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ до люблинской уніи, т. е. въ то время, когда оба государства пользовались каждое отдѣльнымъ законодательствомъ. Затѣмъ мы находимъ весьма почетный отзывъ о сочиненіи проф. Леонтовича: «Историческое изслѣдованіе о правахъ литовско-русскихъ евреевъ». Признавая большое научное достоинство за этимъ трудомъ, г. Бершадскій не соглашается однако съ многими его положеніями, объясняя свое разногласіе скуднымъ относительно количествомъ историческаго матеріала, которымъ въ свое время въ состояніи былъ пользоваться проф. Леонтовичъ. Къ сочиненіямъ, привнесшимъ новые матеріалы для исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ, г. Бершадскій относитъ изслѣдованія: Гумпліовича «Польское законодательство о евреяхъ» и Мацѣевскаго — «Евреи въ Польшѣ, на Руси и Литвѣ», хотя съ авторами ихъ онъ несогласенъ и въ основныхъ положеніяхъ и въ разработкѣ многихъ частныхъ вопросовъ и подробностей. Наконецъ, разсматривая сочиненія Голлендерскаго, Штернберга и Краусгара, авторъ обличаетъ ихъ компиляторскій характеръ, незнакомство съ источниками, легкомысліе выводовъ, по временамъ плагіаты или ссылки совершенно произвольныя и фантастическія.

Въ пятой главѣ своего сочиненія г. Бершадскій представилъ сжатый, но вполнѣ обстоятельный очеркъ учрежденій и внутренняго быта въ великомъ княжествѣ литовскомъ до люблинской уніи; онъ указалъ существенныя черты финансоваго и административнаго управленія страны, распредѣленія землевладѣнія, очертилъ предѣлы власти великаго князя, значеніе «Рады» литовской, положеніе сословныхъ группъ въ государствѣ и заключилъ свой очеркъ указаніемъ тѣхъ измѣненій государственнаго строя, которыя клонились къ подготовкѣ люблинской уніи. Сдѣлать этотъ очеркъ г. Бершадскій былъ поставленъ въ необходимость, такъ какъ безъ яснаго представленія о порядкѣ управленія въ великомъ княжествѣ литовскомъ, не былъ-бы понятенъ главный сюжетъ его разсказа и при существованіи значительной доли привычки къ смѣшиванію польскаго устройства съ литовскимъ, послѣдующее, т. е. все существовавшее въ этомъ отношеніи послѣ люблинской уніи, поставляется часто вмѣсто предъидущаго, а вслѣдствіе этого происходитъ и по данному вопросу основная, замѣченная г. Бершадскимъ ошибка, т. е. права и бытъ литовскихъ евреевъ смѣшиваются съ правами и бытомъ евреевъ польскихъ. Очеркъ внутренняго состоянія литовскаго государства исполненъ г. Бершадскимъ прекрасно и, насколько припомнимъ, представляетъ первый солидный опытъ такого описанія въ исторической русской литературѣ.

Въ третьей главѣ г. Бершадскій приступаетъ къ изложенію главнаго сюжета своего сочиненія и начинаетъ ее весьма тщательнымъ опредѣленіемъ первыхъ юридическихъ памятниковъ, опредѣлявшихъ права евреевъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ; такими памятниками были грамоты, данныя въ 1388 г., великимъ княземъ Витовтомъ еврейскимъ общинамъ городовъ: Трокъ, Бреста и Гродна (1389 г.). Авторъ весьма тщательно разсматриваетъ и сличаетъ между собою всѣ изданные понынѣ тексты этихъ привилегій и старается точно опредѣлить относительную достовѣрность каждаго изъ нихъ, и исправить вкравшіяся въ нихъ неточности посредствомъ ихъ сопоставленія; затѣмъ онъ сравниваетъ привилегіи Витовта съ аналогическими привилегіями другихъ странъ, съ цѣлію опредѣлить источникъ, послужившій Витовту прототипомъ для опредѣленія правъ евреевъ въ великомъ княжествѣ, и приходитъ къ убѣжденію, что образцомъ такимъ Витовту служили нѣсколько видоизмѣненныя грамоты, данныя силезскими герцогами и князьями еврейскимъ общинамъ своихъ городовъ; исключеніе, по мнѣнію автора, составляетъ грамота, данная гродненской еврейской общинѣ, которая, по его словамъ, была «произведеніемъ чисто литовской жизни», безъ всякаго вліянія иноземныхъ юридическихъ образцевъ. Что касается самаго со-

держанія Витовтовыхъ привилегій, то онѣ гарантировали слѣдующія права евреямъ трехъ названныхъ городскихъ общинъ: евреи признавались людьми свободными, подчиненными непосредственно великому князю и его намѣстникамъ и изъятыми отъ зависимости отъ городскихъ войтовъ и урядовъ. По уголовнымъ дѣламъ они подсудны великому князю, его старостѣ или-же подстаростѣ, который носилъ названіе «жидовскаго судьи». Еврейскія общины пользовались автономіею въ сферѣ дѣлъ религіозныхъ и имѣли право суда по имущественнымъ дѣламъ своихъ членовъ. Правительство гарантировало евреямъ неприкосновенность жизни и личную безопасность, приравнивая ихъ въ этомъ отношеніи къ шляхтѣ; оно также охраняло ихъ имущество, свободу торговли и промысловъ и свободу религіозную наравнѣ съ мѣщанами. Изъ текста грамотъ видно, что евреи, поселившіеся въ великомъ княжествѣ литовскомъ, занимались въ XIV столѣтіи ростовщичествомъ, торговлею, промыслами и земледѣліемъ, болѣе-же богатые держали въ откупу разныя статьи государственныхъ доходовъ великаго княжества литовскаго. Эти послѣдніе быстро богатѣли, пріобрѣтали покупкою и пожалованіемъ поземельную собственность и не рѣдко являлись кредиторами правительства на довольно крупныя суммы; за то вся масса еврейскаго населенія не особенно богатѣла и приростъ ея населенія былъ весьма незначителенъ въ теченіи перваго столѣтія послѣ изданія Витовтовыхъ грамотъ—за все это время г. Бершадскій нашелъ свѣдѣнія о возникновеніи трехъ только новыхъ еврейскихъ общинъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ: въ Владимірѣ, Луцкѣ и Кіевѣ.

Въ 1495 году евреевъ литовскихъ постигла совершенно неожиданная гроза: великій князь Александръ Казимировичъ, въ первые годы своего княженія не заявлявшій никакихъ репрессивныхъ мѣръ противъ евреевъ, вдругъ издалъ въ 1495 г. указъ о томъ, чтобы «жидову зъ земли вонъ выбити». Вслѣдствіе этого распоряженія всѣ евреи великаго княжества литовскаго должны были немедленно оставить его территорію, принадлежавшіе имъ дома и земли были конфискованы и частью розданы или проданы разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, частью зачислены въ государственныя имущества; суммы, занятыя евреями разнымъ лицамъ, были объявлены погашенными, тѣ-же долги, которые были заняты подъ обезпеченіе поземельной собственности, приказано было вносить въ государственную казну. Изгнанные евреи нашли пріютъ въ Польшѣ, главнымъ-же образомъ въ пограничной съ Литвою холмской землѣ, имущество сохранили только тѣ лица, которыя изъявили готовность принять крещеніе. Послѣднее обстоятельство придавало распоряженію великаго князя Александра значеніе мѣры, вытекавшей изъ религіознаго

прозелитизма, но, разсмотрѣвъ ближе документы, относящіеся къ данному дѣлу, г. Бершадскій пришелъ къ убѣжденію, что религіозный прозелитизмъ служилъ только благовиднымъ предлогомъ для другихъ, болѣе матеріальныхъ побужденій; Александръ, какъ кажется, руководился болѣе всего желаніемъ пополнить конфискаціею средства своей казны, истощившіяся вслѣдствіе московской войны, и притомъ имѣлъ въ виду способствовать развитію городовъ, какъ самыхъ надежныхъ плательщиковъ, и желалъ достичь этого развитія, выдавая многимъ городамъ привилегіи на магдебургское право и зазывая для поселенія въ нихъ иностранцевъ: нѣмцевъ, шведовъ и т. п., для которыхъ онъ и назначалъ дома, конфискованные у евреевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ ихъ поощрить, устранивъ еврейскую конкурренцію. Но ожиданія Александра не сбылись—иностранные колонисты не явились въ литовскіе города, фискальная-же цѣль была достигнута конфискаціею 1495 года. Потому, восемь лѣтъ спустя, въ 1503 году тотъ-же великій князь Александръ уничтожилъ собственное распоряженіе и вновь разрѣшилъ евреямъ селиться въ великомъ княжествѣ, подъ условіемъ, что они будутъ доставлять въ войско отрядъ въ 1000 человѣкъ солдатъ или платить подать, соотвѣтственную расходу на наборъ и содержаніе такого отряда.

Возвратившись въ великое княжество литовское, евреи стали мало по малу селиться въ его городахъ, подвигаясь постепенно отъ западной границы во внутрь страны. Основываясь на окладныхъ листахъ и люстраціяхъ, г. Бершадскій находитъ, что во второй половинѣ XVI столѣтія еврейское населеніе великаго княжества достигало цифры 10—12 тысячъ и распредѣлялось въ 20—25 городскихъ общинахъ (изъ нихъ только 5: владимірская, луцкая, кременецкая, острожская и ковельская находились на Волыни, всѣ остальныя были въ собственной Литвѣ или Бѣлоруссіи). Общины эти возникали такимъ образомъ, что, поселившись въ извѣстномъ городѣ, евреи испрашивали право на устройство синагоги и кладбища и получивъ таковое, при этихъ двухъ учрежденіяхъ устраивали автономныя общины; такимъ образомъ общины эти или «зборы жидовскіе», какъ ихъ тогда называли, исходя изъ западныхъ городовъ великаго княжества, постепенно появлялись въ городахъ, лежавшихъ все дальше и дальше къ востоку, и отдѣляли отъ себя новыя филіи, въ началѣ составлявшія какъ-бы составныя части первоначальныхъ общинъ, но потомъ, по мѣрѣ умноженія еврейскаго населенія, преобразовывавшіяся въ «зборы» автономные. Еврейскія общины получаютъ въ XVI столѣтіи правильную внутреннюю организацію: онѣ состоятъ подъ управленіемъ выборныхъ «старшихъ», которые завѣдываютъ всѣми общинными дѣлами, представляютъ общину передъ правительствомъ, занимаются раскладкою

и сборомъ податей и т. п. Сверхъ того въ каждой общинѣ существуетъ раввинъ, на обязанности котораго лежитъ попеченіе о религіозныхъ интересахъ общины, а также судъ по дѣламъ духовнымъ и по гражданскимъ искамъ, возникавшимъ между членами общины, если послѣдніе не предпочитали обращаться къ христіанскому суду, что случалось впрочемъ весьма часто. Община еврейская, какъ автономная полноправная единица, крѣпнетъ въ это время и прочно сплачивается, она дорожитъ своею самостоятельностью, находитъ въ своемъ устройствѣ полную гарантію своихъ интересовъ и потому защищаетъ ревниво свою независимость. Въ этомъ отношеніи весьма интересенъ эпизодъ, разсказанный г. Бершадскимъ о попыткѣ Сигизмунда I, желавшаго объединить въ рукахъ одного лица управленіе всѣми еврейскими общинами: король этотъ выдалъ привилегію своему любимцу, богатому откупщику еврею, Михелю Іозефовичу изъ Бреста на генеральное старѣйшинство надъ всѣми еврейскими общинами въ великомъ княжествѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвелъ его въ дворянское званіе. Но, не смотря на всевозможныя усилія короля, общины еврейскія не признали старѣйшинства Михеля и не обращались къ его суду, такъ что «генеральное старѣйшинство», не имѣя предмета дѣятельности, осталось чисто номинальнымъ и, послѣ смерти Михеля, не возобновлялось болѣе.

Пользуясь гражданскою равноправностью въ великомъ княжествѣ, евреи не выдѣляются изъ его народонаселенія въ исключительную группу, а напротивъ того постепенно сливаются съ населеніемъ туземнымъ въ бытовомъ и этнографическомъ отношоніяхъ; они говорятъ между собою и пишутъ на русскомъ языкѣ и, послѣ люблинской уніи, неоднократно обращаются къ правительству съ просьбою употреблять по отношенію къ нимъ «для лепшого вырозумѣнія» русскій языкъ, вмѣсто польскаго и латинскаго; они носятъ мѣстныя русскія фамильныя названія (напримѣръ Шпакъ, Козакъ, Бородавка и т. д), ведутъ совмѣстно съ христіанами торговыя операціи, находятся съ ними въ частномъ домашнемъ общеніи; наравнѣ съ христіянами занимаются земледѣліемъ не только въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, но и въ роли мелкихъ пахарей-собственниковъ и т. п. Пользуясь отсутствіемъ сословной исключительности въ великомъ княжествѣ, евреи, смотря по своимъ средствамъ, занимаютъ мѣсто въ рядахъ всѣхъ классовъ народонаселенія: болѣе вліятельные и богатые поступаютъ на государственную службу, занимаютъ разныя, иногда значительныя, должности, пріобрѣтаютъ помѣстья и въ такомъ случаѣ признаются членами категоріи «пановъ»; подобно дворянамъ они носятъ сабли, употребляютъ гербовыя печати.

Бѣдные евреи занимаются торговлею, ремеслами, хлѣбопашествомъ и въ быту своемъ сливаются съ туземными мѣщанами и крестьянами.

Таково было положеніе евреевъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ до любинской уніи; послѣ этого событія оно рѣзко измѣнилось: исключительный сословный характеръ польскаго общественнаго строя и фанатическій религіозный прозелитизмъ разрушили бытовыя черты литовской Руси и внесли въ ея историческую судьау много печальныхъ явленій—они повліяли и на судьбу литовскихъ евреевъ; лишенные права владѣть поземельною собственностью, какъ лица не дворянскаго происхожденія, евреи должны были столпиться въ городахъ и заняться исключительно торговлею и другими городскими промыслами; подъ вліяніемъ господствовавшей сословной исключительности, они должны были составить обособленную, изолированную отъ остального населенія, группу, сплотились въ своихъ общинахъ и вступили въ ту экономическую борьбу съ остальнымъ населеніемъ, которая и и вызвала страшный погромъ, постигшій евреевъ въ южной Руси въ 1648 г.

Г. Бершадскій первую главу своего сочиненія посвящаетъ бѣглому очерку внутренняго быта еврейскихъ общинъ и регулировавшаго этотъ бытъ законодательства съ конца XVII до половины XIX столѣтія. Возвратившіеся послѣ погрома евреи возстановили свое прежнее общинное устройство, но, оставаясь по прежнему изолированными, общины эти сами стали разлагаться; весь XVII вѣкъ прошелъ въ борьбѣ «старшихъ» кагальныхъ съ массою еврейскаго населенія, которую они всячески эксплуатировали и притѣсняли, находя постоянно поддержку въ административныхъ властяхъ. Эта внутренняя борьба и составляетъ самую характеристическую черту быта евреевъ въ западной Руси до послѣдняго почти времени.

Мы постарались вкратцѣ передать только самыя существенныя положенія книги г. Бершадскаго; лица, интересующіяся болѣе спеціальною разработкою намѣченныхъ вопросовъ, найдутъ въ сочиненіи г. Бершадскаго тщательно разработанныя подробности, обставленыя вполнѣ серьезнымъ и весьма обильнымъ научнымъ матеріаломъ.

В. А.

Иванъ Ѳедоровъ, русскій первопечатникъ. Историко-библіографическое разсужденіе. Написалъ А. С. Петрушевичъ. Львовъ. 1883 г.

Въ маленькой и бѣдной матеріальными средствами Галиціи чаще, чѣмъ у насъ, являются то большія, то меньшія изданія, посвященныя

преимущественно древней русской исторіи. Въ теченіи двухъ лѣтъ мы старались по возможности знакомить съ ними нашихъ читателей. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ не только мѣстный, но и общерусскій интересъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ и названная сей часъ брошюра, посвященная памяти человѣка, имя котораго одинаково чтится въ Галиціи, какъ и во всей Россіи.

5-го декабря нынѣшняго года исполнится триста лѣтъ со дня кончины Ивана Ѳедорова, который первый началъ печатное дѣло— сперва въ Москвѣ, потомъ въ Бѣлоруссіи и наконецъ во Львовѣ. У насъ, гдѣ такъ часто празднуются всякаго рода юбилеи, мало слышно объ этомъ всероссійскомъ юбилеѣ и никто къ нему не готовится. Маленькая Галиція давно объ этомъ подумала, дѣлала и дѣлаетъ, что можетъ, чтобы отмѣтить въ своей жизни это не маловажное событіе, успѣла даже вызвать оппозицію своимъ скромнымъ начинаніямъ со стороны вѣчно враждующей съ нею польской партіи.

Къ числу такихъ начинаній надо отнести и брошюру, названіе которой мы привели. Ее написалъ старшій между галицко-русскими учеными, извѣстный о. А. Петрушевичъ, протоіерей львовской митрополичьей капитулы. На лицевой сторонѣ обложки стоятъ слѣдующія двѣ строчки: «Изданіе львовскихъ русскихъ типографовъ въ вѣчную память львовскаго первопечатника Ивана Ѳедорова»; а на задней—въ простой черной рамкѣ вверху осьмиконечный крестъ, внизу колѣнопреклоненный молящійся ангелъ, и между ними молитвенныя строки: «Діакону Ивану Ѳедорову, львовскому первопечатнику, скончавшеумся 5 декабря 1583 г. во Львовѣ, сотвори Господи вѣчную память»! Самъ авторъ брошюры на особомъ листѣ обозначаетъ, что посвящаетъ ее... «основателю типографій въ Москвѣ, Заблудовѣ, Львовѣ и Острозѣ въ память тристалѣтной годовщины смерти его». Есть нѣчто трогательное и много говорящее въ этихъ строкахъ, простыхъ и краткихъ, и мы поймемъ это, если возьмемъ въ разсчетъ нынѣшнее положеніе русскихъ въ Галиціи. Эти же строки поясняютъ намъ и содержаніе брошюры и ея ближайшее назначеніе.

Она такъ велика по своему объему, какъ только могъ позволить скромный ея сюжетъ и слишкомъ скудныя библіографическія данныя объ Иванѣ Ѳедоровѣ. Только многосторонней начитанности автора и знакомству его со всѣми русскими источниками должно приписать то, что, что даже при извѣстной его крайней экономіи въ словахъ, брошюра въ 38 стр. in 8°. Въ ней достойный всякаго почтенія старецъ-книжникъ говоритъ вообще о судьбѣ славянскаго книгопечатанія въ Европѣ, говоритъ въ частности о началѣ его на Руси и въ Львовѣ,

въ особенности группируетъ разбросанныя свѣдѣнія объ Иванѣ Ѳедоровѣ и его типографской дѣятельности и слѣдитъ дальнѣйшую судьбу начатаго имъ въ Львовѣ книгопечатнаго дѣла. Всѣ передаваемыя имъ свѣдѣнія изложены кратко, сжато, даже сухо, но не опущено ни одно изъ нихъ и не оставлено безъ подкрѣпленія соотвѣтственными ссылками на источники. Существенную часть брошюры составляютъ цѣльныя выдержки изъ послѣсловій къ львовскому Апостолу 1574 г. и предисловія къ заблудовскому учительному Евангелію,—книгамъ, составляющимъ величайшую рѣдкость и вмѣстѣ единственный источникъ свѣдѣній объ ихъ печатникѣ какъ онъ самъ ихъ передаетъ.

Судьба Ивана Ѳедорова и его «художества» вкратцѣ таковы: уроженецъ калужской губерніи, лихвинскаго уѣзда, села Николы Гастуни, отъ имени церкви и рѣчки, онъ попалъ въ дьяконы въ одну изъ кремлевскихъ церквей въ половинѣ XVI ст., въ ту именно пору, когда предъ Стоглавомъ и послѣ Стоглава царь Иванъ Грозный и митроп. Макарій хлопотали объ устроеніи въ Москвѣ печатнаго дѣла, «яко-же въ Грецѣхъ... и въ прочихъ языцѣхъ». Послѣ того, какъ ливонскіе рыцари не пропустили въ Москву типографщиковъ, посланныхъ германскимъ императоромъ по просьбѣ царя, послѣдній обратился съ такою-же просьбою къ королю датскому, который и прислалъ въ 1551 г. типографщика *Ганса Миссенгейма.* Но въ тотъ вѣкъ ничто не дѣлалось спроста; религіозная пропаганда составляла недугъ времени, которымъ страдали не только отдѣльныя личности, но и общества и ихъ правительства, и какъ ни странно для насъ, но даже такую услугу, какъ присылку мастеровъ печатнаго дѣла обусловливали—германскій императоръ принятіемъ латинства, а король датскій—протестанства. Мудрая Москва изъ миссіи «человѣка люторскія вѣры» извлекла все, что ей нужно было, кромѣ непригоднаго протестанства, и пока онъ устроялъ типографію на иждивеніе казны, разставлялъ станки и разбиралъ шрифты, да дѣлалъ пробы, приданные ему въ ученики Иванъ Ѳедоровъ, да Петръ Тимофеичъ Мстиславецъ произошли всю его премудрость, а затѣмъ гостя по чести за море проводили. Дальнѣйшее устройство типографіи и изданіе первыхъ печатныхъ книгъ (*Апостолъ* 1564 и *Часовникъ* 1567 г.) принадлежитъ московскимъ ученикамъ *Ганса.* Но самая новость и непонятность художества, а равно и то обстоятельство, что Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ были близки къ «Лютру» и учились у него, дали вѣру пущеннымъ, конечно, списывателями книгъ, толкамъ, что дѣло ихъ еретическое, а можетъ быть и совсѣмъ нечистое... Москва всегда побаивавшаяся чорта, а паче «люторскія ереси», накинулась на нихъ, а расправа у ней бывала короче Линчева суда: Ѳедоровъ и Мстиславецъ бѣжали въ,

Бѣлоруссію. Тутъ любовно принялъ ихъ русскій православный вельможа, великій гетманъ литовскій, воевода виленскій, староста городенскій и могилевскій, Григорій Александровичъ Ходкевичъ. Онъ водворилъ ихъ въ своемъ родовомъ имѣніи Заблудовѣ, далъ средства на устройство здѣсь типографіи и, когда она была готова, предложилъ къ напечатанію на его-же счетъ сперва Евангелія учительнаго [1]), а потомъ Псалтири. Первая книга была издана въ 1569 г., вторая въ слѣдующемъ, 1570 г. Намѣренія Ходкевича были широкія,—изданіемъ строго православныхъ книгъ противодѣйствовать наплыву новыхъ ученій съ Запада,—и средства у него были огромныя; но его одолѣла старость и усилившіяся болѣзни, и онъ прекратилъ начатое дѣло, а для обезпеченія Ивана Ѳедорова (Мстиславецъ годомъ раньше перешелъ въ Вильну, въ типографію братьевъ Мамоничей) далъ ему *«весь не малу»*. Ѳедоровъ, увлекаемый своимъ художествомъ, не пожелалъ пользоваться этимъ даромъ и еще при жизни Ходкевича отправился во Львовъ и здѣсь, послѣ долгихъ хлопотъ и лишеній, на скудныя жертвы нѣсколькихъ убогихъ священниковъ и мѣщанъ львовскихъ, учредилъ типографію, работы которой были начаты изданіемъ Апостола 1574 г., и вѣроятно продолжены печатаніемъ другихъ книгъ, хотя свѣдѣній о нихъ мы не имѣемъ. Въ 1580 году мы видимъ уже Ивана Ѳедорова въ Острогѣ, «у славнаго княжати Острожскаго», гдѣ кипѣла ученая и издательская работа. Въ этомъ-же году онъ выдалъ здѣсь Псалтирь и Новый Завѣтъ, а въ слѣдующемъ всю Библію, первую славянскую печатную книгу этого имени. Что заставило Ѳедорова покинуть гостепріимный для всѣхъ Острогъ, неизвѣстно; но и Львовъ, въ который онъ возвратился, не далъ, видно, ему работы. Ѳедоровъ разболѣлся, впалъ въ нищету, отдалъ свой инструментъ «въ заставу» жиду Срулю Якубовичу за 400 злотыхъ, умеръ въ крайней бѣдности 5 декабря 1583 г. и погребенъ въ львовскомъ онуфріевскомъ монастырѣ.

Тогдашнія обстоятельства южно-русской церкви, тѣснимой повсюду, дѣлали драгоцѣннымъ наслѣдіе Ивана Ѳедорова, лежавшее и по смерти его въ заставѣ у жидовъ. Эти задумали съ нимъ большой гандель—перепродажи въ Москву, но тогдашній епископъ львовскій Гедеонъ Балабанъ собралъ свои лепты, обослалъ съ особою грамотою по городу и епархіи чернца Мину, выкупилъ у жидовъ станокъ за 1500 злотыхъ и утвердилъ на вѣчныя времена типографію при львовской успенской

---

[1]) Это былъ сборникъ бесѣдъ на воскресные и праздничные дни года, служившихъ объясненіемъ евангелія,—славянскій переводъ труда Каллиста, архіепископа константинопольскаго.

ставропигіальной церкви. Возобновленное здѣсь православное братство, начало котораго относятъ къ половинѣ XV ст., учредивъ школу и богадѣльню и получивъ титулъ ставропигіи, а потомъ утвержденіе отъ самаго короля, 1592 г., широко раздвинуло дѣятельность типографіи своего перваго печатника и, по вычисленію своего историка, Зубрицкаго, въ теченіе своего существованія выпустило до 300,000 богослужебныхъ и иныхъ книгъ; но и съ уничтоженіемъ его, сѣмена, брошенныя Ѳедоровымъ, не перестаютъ произрастать и сторичный плодъ приносить. Его типографія, можно сказать, существуетъ и доселѣ при той-же успенской церкви и какъ-бы рукою самаго Ѳедорова продолжаетъ разбрасывать не *житныя*, а *духовныя* сѣмена, да живетъ и питается ими наша закордонная Русь, горше перваго тѣснимая теперь тѣми-же поляками и не умирающими оо. іезуитами. Въ этой-же типографіи напечатана и настоящая брошюра въ вѣчную память его.

Иванъ Ѳедоровъ былъ въ самомъ высокомъ смыслѣ идеалистъ и фанатикъ своего «художества». Какъ пѣвецъ съ своей лирой, носился онъ съ своимъ излюбленнымъ станкомъ, проходя Русь отъ края до края, преслѣдуемый завистью и ненавистью, терпя нужду и болѣзнь, а судьбѣ угодно было, чтобы и прахъ его остался внѣ предѣловъ единой теперь Россіи.

Миръ праху перваго всероссійскаго *друкаря!* Хвала и честь закордонной нашей братіи, что, будучи сама въ утѣсненіи, она не забыла многотруднаго московскаго художника! Честь и благодареніе достойному о. А. С. Петрушевичу, что многоученымъ своимъ словомъ воскресилъ предъ нами образъ странствующаго перваго русскаго книгопечатника!

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. (По книгѣ Чалаго и по „Кобзарю“) С. Н. Кулябки. Кіевъ, 1884 г.

Къ біографическому матеріалу о Шевченкѣ эта брошюра не прибавитъ новаго слова. Составленная на основаніи извѣстныхъ трудовъ: Маслова, Чалаго, біографическихъ замѣтокъ изъ «Основы», нѣкоторыхъ писемъ и всего болѣе по «Кобзарю», книжка г. Кулябки не болѣе, какъ попытка характеристики поэзіи и личности Шевченка, и въ этихъ рамкахъ она не лишена значенія. Написанная симпатично, съ любовью къ предмету, она пріятно дѣйствуетъ искренностью тона и можетъ съ пользою быть прочтена юношествомъ. Такія книги далеко не лишни, и въ этомъ смыслѣ мы съ удовольствіемъ встрѣтили-бы также переводъ труда барона Battaglia (Taras Szewczenko. Życie i pisma jego. Lwow, 1865)

или статьи Эм. Францоза (Kleinrussen und ihre Dichter), отмѣченной талантливостью автора. И то и другое, и все что у насъ раньше посвящено было личности поэта, далеко отъ типа творческой, художественной характеристики. Для такой задачи нужны силы Карлейля или Тэна Но... *Non licet parva componere magnis*... Да и есть-ли у насъ теперь достаточно данныхъ для такого труда? Достаточно-ли разработана біографія Шевченка, появились-ли всѣ его сочиненія, запечатлѣлось-ли его значеніе въ общественномъ сознаніи? Не забудемъ, что до изданія нынѣшняго года «Кобзарь» не печатался въ Россіи шестнадцать лѣтъ, что въ послѣднемъ, наиболѣе полномъ изданіи, не помѣщены четыре поэмы и тридцать три пьесы меньшаго объема, а съ исключеніями напечатано—двадцать пять, между которыми есть самыя значительныя и популярныя. Вспомнимъ, что не изданъ совсѣмъ еще цѣлый циклъ произведеній поэта—повѣсти, для характеристики и біографіи заключающія въ себѣ цѣнныя данныя, что изъ переписки его напечатана, конечно, только часть, и что многіе изъ лицъ, его знавшихъ, могли-бы еще дать свѣдѣнія о немъ. А между тѣмъ всестороннее, полное освѣщеніе этой личности необходимо. Исторія не забудетъ никогда, что въ самую глухую пору народной жизни юга, въ эпоху рабства, изъ безгласной толпы простолюдиновъ вышелъ необыкновенный человѣкъ, окрыленный великой силой поэзіи и могучимъ словомъ, простымъ и глубокимъ, вызвалъ изъ могилъ прошедшее и призвалъ настоящее на Божій судъ. Среди невзгодъ и испытаній пронесъ онъ свой крестъ и, вмѣстѣ съ Гоголемъ, разомъ явился вѣщимъ выразителемъ живыхъ, великихъ духовныхъ силъ того племени, которое въ то время казалось почившимъ духовно... Образы такихъ людей—достояніе потомства, и всякая черта ихъ жизни для него значительна. Намъ нужно ихъ ближе и глубже знать и не прикладывать къ частностямъ жизни этихъ избранниковъ свою моральную мѣрку, что дѣлали уже многіе относительно Гоголя и нѣкоторые относительно Шевченка, и противъ чего справедливо вооружается составитель разсматриваемой характеристики.

Въ концѣ этой книжки, обильно пересыпанной цитатами изъ «Кобзаря», какъ живыми цвѣтами, помѣщены свѣдѣнія по возникшему годъ назадъ дѣлу о поправкѣ могилы поэта. Сумма, ассигнованная на этотъ предметъ полтавскимъ земствомъ, пошла на укрѣпленіе могильнаго холма. Крестъ сооруженъ частнымъ лицемъ. Что касается другого ходатайства земства—объ открытіи подписки на памятникъ Шевченку въ предѣлахъ полтавской губерніи, то, по сообщенію мѣстной газеты «Земскій Обзоръ», на ходатайство это по настоящее время не послѣдовало отвѣта.

В. Г—ко.

Сборникъ свѣдѣній по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи. Томъ I. Зѣньковскій уѣздъ. Части 1 и 2. Полтава 1882—1883 года.

Статистическія цифры и выводы для лицъ извѣстнаго сорта имѣютъ то существенное неудобство, что они неопровержимы. Безъ этихъ свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ, по дворамъ, по хозяевамъ, при контролѣ земскихъ учрежденій, при провѣркѣ свѣдѣній офиціальными данными и возможной провѣркѣ всякимъ на мѣстѣ, безъ этихъ ненавистныхъ таблицъ, есть всегда возможность говорить о тенденціозной преднамѣренности. Но, при «статистикѣ», приходится или доказать противное, что нѣсколько трудно, или согласиться. Вотъ почему въ тѣхъ земствахъ, гдѣ по чьему либо просвѣщенному почину основаны статистическія учрежденія, существуетъ всегда категорія гласныхъ, которой эти учрежденія не даютъ спокойно спать. Ни существенная надобность точныхъ свѣдѣній о губерніи для правильнаго веденія земскаго хозяйства, ни сознанная и высказанная органами правительства необходимость знать точное положеніе дѣлъ, знать правду,—ничто не можетъ вразумить этихъ лицъ. Цифры доказываютъ воочію необходимость мѣропріятій къ облегченію положенія земледѣльческаго класса, а такія мѣропріятія для этихъ представителей сословной вражды и эгоизма—острый ножъ. Эти цифры—результатъ точнаго статистическаго обслѣдованія—значитъ долой статистику! Вотъ вся нехитрая логика этихъ господъ.

Статистическое бюро при полтавскомъ земствѣ существуетъ очень недавно, но уже удостоилось ихъ просвѣщеннаго вниманія: на послѣдней сессіи земства этой губерніи ассигновка на статистику вызвала скрежетъ зубовный, и если самое бюро уцѣлѣло, то необходимая для расширенія его работъ надбавка въ средствахъ была отклонена. Предъ нами два выпуска начатаго описанія губерніи. Они посвящены одному изъ центральныхъ уѣздовъ—зѣньковскому, сельское населеніе котораго состоитъ преимущественно изъ казачьяго сословія. Посмотримъ въ самыхъ существенныхъ чертахъ на экономическое состояніе земледѣльцевъ этого уголка «житницы Россіи».

Земельное владѣніе сельскихъ сословій, принимая за единицу «хозяйство», выражается цифрою 5,0 десятинъ. По мнѣнію лицъ, компетентность которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія (см. напр. брошюру гласнаго г. Квитки: «Объяснительная записка къ таблицамъ крестьянскаго землевладѣнія въ полтавской губерніи»), участокъ въ 6 десятинъ считается для полтавской губерніи наименьшимъ, при которомъ средняя крестьянская семья (при существующей системѣ полеводства) обезпечена про-

довольствіемъ для себя и кормомъ для необходимаго количества скота. Прилагая эту норму къ зѣньковскому уѣзду, видимъ, что количество земли на хозяйство почти на 1 десятину менѣе необходимаго для нормальной потребности. Но средняя цифра не выражаетъ въ этомъ случаѣ реальнаго положенія дѣлъ; число населенія безземельнаго и неимѣющаго пахатной земли достигаетъ въ зѣньковсхомъ уѣздѣ 29,837 душъ обоего пола; изъ нихъ совершенно безземельныхъ 2,623 души (Выпускъ 1. стр. 294—5, гр. 28 и 40). На 100 человѣкъ обоего пола, не имѣющихъ пахатной земли, приходится 25 или одна четверть, а неимѣющихъ и усадебной 2,4%. По обезпеченію жилыми строеніями, на 100 хозяевъ «бездомовыхъ» приходится 4,5%, имѣющихъ одну хату 79,7. «Бездомовые» по сельскимъ сословіямъ распредѣляются болѣе или менѣе равномѣрно, кромѣ «безнадѣльныхъ», изъ которыхъ больше четверти всѣхъ хозяевъ не имѣетъ хатъ. Хозяйствъ съ одними хатами, безъ всякихъ хозяйственныхъ построекъ, «кромѣ хліповъ», 24,4 процентовъ на сто.

Количество рабочаго скота въ хозяйствахъ сельскихъ сословій уѣзда распредѣляется такимъ образомъ: на 100 хозяйствъ приходится

Безъ всякаго скота	21,8
Только съ мелкимъ скотомъ	20,4
Съ 1 лошадью	13,0
1 штукою рогатаго скота	8,3
Съ 2—3 штуками рогатаго скота . . .	20,0
„ 4—5 „ „ „ . . .	13,2
„ 6 и болѣе штукъ	3
	100

Такимъ образомъ около половины домохозяевъ совсѣмъ не имѣютъ рабочаго скота, а изъ нихъ почти половина (1/5 всѣхъ хозяйствъ) не имѣетъ совершенно никакого скота.

Съемка земли на сторонѣ, вслѣдствіе недостаточности надѣла, выражается по уѣзду цифрою 23,786 десятинъ, что составляетъ около 30% относительно количества владѣемой сельскими сословіями земли. Сумма съемной земли и собственной даетъ почти въ точности цифру 6 десятинъ на хозяйство, т. е. то именно количество, которое необходимо для удовлетворенія первѣйшихъ потребностей средней семьи. Поэтому цифра 23,786 десятинъ можетъ служить мѣриломъ земельнаго недостатка въ сельскомъ населеніи зѣньковскаго уѣзда.

Вотъ главнѣйшіе выводы. И въ первомъ и во второмъ выпускѣ «Сборника» находится еще масса свѣдѣній, исчерпать которыхъ нѣтъ возможности въ бѣглой замѣткѣ. Второй выпускъ, кромѣ общихъ свѣдѣній объ уѣздѣ, заключаетъ въ себѣ обзоръ владѣльческихъ имѣній,

распредѣленіе въ нихъ земли по угодіямъ, данныя о распредѣленіи пахатной площади и сѣвооборота въ этихъ хозяйствахъ, скотѣ, рабочихъ рукахъ, посѣвѣ и проч., а также матеріалы для оцѣнки земель (продажная цѣна 85 до 107 руб. десятина, средняя арендная—7 руб. 86 коп. десятина) и списки всѣхъ арендъ въ уѣздѣ.

Изъ различныхъ типовъ статистическихъ описаній, практиковавшихся въ Россіи, методъ, принятый полтавскими статистиками, ближе всего подходитъ къ такъ называемому типу, состоящему въ опредѣленіи хозяйственнаго положенія каждаго селенія путемъ подворной переписи. Въ полтавской программѣ, выработанной коммисіей профессоровъ и земскихъ людей, сдѣланы измѣненія примѣнительно къ условіямъ мѣстной жизни. Существеннѣйшее изъ нихъ то, что единицей, къ которой относятся всѣ свѣдѣнія, принято, совершенно правильно, *хозяйство*,—понятіе, не всегда соотвѣтствующее въ Малороссіи ни понятію «семьи», ни «двора».

Въ видѣ иллюстраціи къ числовымъ цифрамъ и выводамъ, въ концѣ 2-го выпуска «Сборника», помѣщенъ очеркъ г. Греченко «С. Великая Павловка». Это старое козачье село взято какъ типъ для нагляднаго изображенія экономическаго быта господствующаго класса населенія. Кромѣ общихъ свѣдѣній, тутъ есть интересныя данныя о дробленіи подворно наслѣдственныхъ козачьихъ владѣній между членами семьи, особенно значительномъ потому, что дѣлится каждый кусочекъ сообразно иногда незначительному различію въ качествѣ почвы. Зѣньковскій уѣздъ есть страна хуторовъ, «нѣсколько хатъ съ чистенькими надворными постройками, вишневые садки, одинъ, два вѣтряка, три, четыре колодца, съ журавлями,—все это въ небольшой лощинкѣ съ чистымъ протокомъ, обсаженнымъ вербами»—таковъ типъ зѣньковскаго козачьяго хутора. Увы, эта доля приволья идетъ въ страшный ущербъ жителямъ селъ. Владѣльцы хуторовъ все болѣе и болѣе стараются выдѣлиться изъ общаго сѣвооборота для увеличенія запашки, а потому количество толочной земли и пастбища въ обществахъ страшно сокращается. Сообщаемыя г. Греченкомъ условія арендованія земель въ Великой Павловкѣ, общія по его словамъ для всего уѣзда, надо признать болѣе благопріятными, чѣмъ напр. въ сѣверныхъ уѣздахъ полтавской губерніи. Тамъ арендная плата нерѣдко доходитъ уже до 13 рублей за десятину, а отдача поля «съ половины» осложняется годъ отъ году увеличивающимися условіями «отработковъ»; наемъ земли за деньги предпочитается, если есть къ нему возможность. «Своя нивка сама собі паніматка», говоритъ любящій независимость малороссъ. Но этимъ благомъ пользуются немногіе. Безземельные и малоземельные работаютъ *за снопъ* и *за коробку*

у своего брата, зажиточныхъ козаковъ, умудряющихся этими коробками и снопами вести все свое хозяйство руками этихъ людей, безъ всякаго посторонняго найма рабочихъ. Особенность с. Павловки—промыселъ курительныхъ деревянныхъ трубокъ; трубка средней величины въ розничной продажѣ стоитъ 20 коп., необходимый для нея матеріалъ—7 коп. Въ день можно сдѣлать двѣ или три такихъ трубки. Грамотность въ селѣ очень слаба. Кромѣ разныхъ условій, на которыя справедливо указываетъ составитель очерка, виновата здѣсь, конечно, какъ и въ другихъ мѣстахъ, самая постановка школьнаго дѣла и его оторванность отъ жизни.

Условія жизни сельскихъ сословій въ зѣньковскомъ уѣздѣ болѣе или менѣе общи для всей полтавской губерніи. Это подтвердятъ, конечно, дальнѣйшіе выпуски статистическаго ея описанія. Работы бюро сосредоточены теперь на уѣздахъ полтавскомъ и миргородскомъ, описаніе которыхъ должно выйти скоро. Точныя цифры по всѣмъ пятнадцати уѣздамъ дадутъ полную картину экономической жизни губерніи, если только благому дѣлу статистическаго изслѣдованія не помѣшаютъ лицемѣрныя соображенія «экономіи».

В. Г—ко.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

ПО ПОВОДУ 50-ЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЫ.

14 октября текущаго года на юго-западной нашей окраинѣ происходило скромное торжество, имѣющее тѣсную связь съ южно-русскою исторіею, и которое преимуществу можно назвать торжествомъ южно-русскаго народа. Одна изъ многочисленныхъ въ немъ иноческихъ обителей, устоявшая среди вѣковыхъ религіозныхъ и политическихъ бурь, взлелѣянная его особою любовью, сама питавшая его своимъ духомъ, равно дорогая ему и въ православіи и въ уніи, св. почаевская лавра праздновала 50-лѣтній юбилей возвращенія своего изъ рукъ уніи въ нѣдра православія. Мы не знаемъ другаго болѣе высокаго торжества, какъ то, въ которомъ проходитъ предъ нами цѣлый рядъ вѣковъ съ ихъ радостными и печальными событіями, въ которомъ витаетъ духъ народный, являются торжествующими его вѣковыя вѣрованія и симпатіи, составляющія его силу и славу.

Не въ задачахъ однако нашего изданія говорить о самомъ этомъ торжествѣ, но въ задачахъ его приводить въ связь явленія текущей жизни съ событіями вѣковъ минувшихъ, и мы это сдѣлаемъ и на сей разъ, представивъ бѣглый очеркъ судебъ почаевской лавры. Судьбы созданій народа—его собственныя судьбы, и кто не привыкъ скользить лишь по поверхности проходящихъ событій, но привыкъ въ прошедшемъ искать разгадки настоящаго и смотрѣть на лѣтопись народной жизни, какъ на книгу учительную, для того и нашъ бѣглый и блѣдный очеркъ не будетъ лишнимъ.

Почаевская успенская лавра лежитъ въ кременецкомъ уѣздѣ волынской губерніи, невдалекѣ отъ мѣстечка того-же имени и въ весьма близкомъ разстояніи отъ нашей юго-западной границы со стороны Галиціи. По красотѣ своего мѣстоположенія и даже постройки она едва-ли не превосходитъ даже лавру кіево-печерскую, не говоря объ александро-невской и троицко-сергіевской. Каменная гора, на которой расположена почаевская лавра, возвышается на 35 саженей надъ плоскою поверхностью, многія части ея покрыты густыми рощами прекрасныхъ деревьевъ; но не это, конечно, составляетъ ея красу и славу и не это влечетъ къ ней тысячи людей изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ русской земли. Древняя, свято чтимая икона Божіей Матери, въ чудотворящую силу которой вѣритъ народъ, слѣдъ „стопы" Божіей Матери, указываемой на вершинѣ горы, какъ слѣдъ ея явленія нѣкоему старцу, сочащаяся тамъ на вершинѣ каменной горы вода, которой народъ приписываетъ цѣлебную силу, нетлѣнныя мощи преподобнаго Іова, игумена почаевскаго,—вотъ что влечетъ къ себѣ тысячи православнаго народа и дѣлаетъ почаевскую лавру однимъ изъ высокочтимыхъ мѣстъ русской земли.

Въ глубинѣ вѣковъ скрывается преданіе, что на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ почаевская лавра, всегда было жилище отшельниковъ, чуть-ли не съ тѣхъ поръ, какъ на Руси появилось христіанство. Преданіе это перешло въ хранящуюся и теперь въ лаврѣ рукописную книгу, списанную, какъ говорятъ иноки, съ другой, неизвѣстно когда затерянной, книги, а книга эта, какъ и первое появленіе иноковъ на почаевской горѣ, относится, и конечно съ большою долею вѣроятности, къ 1240 году. Въ книгѣ „Гора Почаевская", изданной базиліанами и перепечатанной, какъ они утверждали съ болѣе древней книги, разсказывается о явленіи Божіей Матери въ огненномъ столбѣ. Это явленіе особенно подробно описываетъ извѣстный южно-русскій ученый XVII в., Іоанникій Голятовскій, въ книгѣ: "Новое небо съ новыми звѣздами". Сущность устнаго, не скоро записаннаго и раскрашеннаго преданія сводится къ тому, что когда-то какой-то Иванъ Босый, житель Почаева, бывшій на полѣ съ „хлопятами", увидалъ на горѣ огненный столбъ, а въ томъ столбу самую Божію Матерь и предъ ней старца. Когда Босый пришелъ въ себя отъ изумленія, предъ нимъ и бывшими съ нимъ „хлопя-

тами“ стоялъ старикъ и говорилъ: „идите на гору, тамъ Матерь Божія ступила на камень, и потекла изъ него вода, а вода та не простая, а цѣлющая“. Это преданіе многими подробностями своими напоминаетъ библейскій разсказъ *„О купинѣ неопалимой“*, которую видѣлъ Моисей на горѣ Синай, а равно исконное вѣрованіе малорусскаго народа въ присутствіе на землѣ воды живущей и цѣлющей. И не въ этомъ-ли сходствѣ лежитъ разгадка тѣхъ симпатій, которыми народъ окружалъ самую мѣстность почаевской обители?

Какъ-бы то ни было, но мѣсто, взлелѣянное народною фантазіею, окруженное ореоломъ чудесности, святости, присутствія на немъ силы Божіей, не могло оставаться пусто. По записанному преданію, еще за долго до половины XVI ст. на Почаевской горѣ была каменная успенская церковь, но кто завѣдывалъ этою церковью,— былъ-ли тамъ приходъ, или въ зародышѣ монастырь, остается неизвѣстнымъ. Учрежденіе здѣсь монастыря относится къ послѣднимъ годамъ XVI ст. XVI вѣкѣ былъ роковымъ въ жизни южно-русскаго народа, вѣкомъ самыхъ крупныхъ религіозныхъ политическихъ волненій и перемѣнъ. Люблинская унія 1569 г., одновременное введеніе въ Польшу іезуитовъ, широкое развитіе въ Польшѣ и великомъ княжествѣ литовскомъ социніанства, протестанства и кальвинизма, раздача русскихъ земель польскимъ родамъ, связи этихъ послѣднихъ съ русскими родами посредствомъ браковъ и т. п.—были причиною того, что къ концу XVI ст. огромное большинство русскихъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ измѣнили своей вѣрѣ и народности; но тѣмъ большею ревностью были одушевлены тѣ изъ нихъ, которые оставались вѣрными православной вѣрѣ и русскому имени. Къ числу такихъ родовъ принадлежалъ родъ Гойскихъ, такъ часто упоминаемыхъ въ актахъ XVI ст. Изъ лицъ этого рода, въ началѣ второй половины XVI ст., становится извѣстною проживавшая вблизи Почаева, въ своемъ имѣніи Орлѣ, богатая вдова Анна Гойская, отличавшаяся глубокою религіозностью. Она-то и была основательницею почаевскаго монастыря. Сперва она передала въ почаевскую церковь подаренную ей путешествовавшимъ по Волыни и бывшимъ въ ея домѣ греческимъ митрополитомъ Неофитомъ икону Божіей Матери, которой приписываютъ уже за время храненія ея въ домѣ Гойской многія чудеса и между прочимъ исцѣленіе отъ слѣпоты брата Гойской, Филиппа Козинскаго. Это было спустя годъ послѣ

провозглашенія уніи на брестскомъ соборѣ 1596 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ она учреждаетъ здѣсь монастырь, надѣливъ его землею, лѣсомъ, сѣнокосами и нѣсколькими семьями крестьянъ, но ставитъ условіемъ его существованія и владѣнія всѣми недвижимостями, чтобы онъ оставался вѣрнымъ православію и былъ подъ властью православнаго игумена и архіерея. Въ своемъ завѣщаніи она клятвенно заклинала всѣхъ своихъ наслѣдниковъ ничего не отбирать у монастыря.

И такъ монастырь почаевскій является какъ-бы протестомъ противъ появившейся уніи и вмѣстѣ средствомъ для поддержанія колеблемаго уніею православія. Но главными наслѣдниками Гойской являются Фирлеи, успѣвшіе уже перейти въ протестанство. Изъ-за имущественныхъ правъ возникаетъ борьба между ими и монастыремъ. По обычаямъ того времени борьба разыгрывается самымъ трагическимъ для монастыря образомъ.

Одинъ изъ Фирлеевъ, по имени Андрей, 10 іюня 1623 года, вооружилъ толпу своихъ слугъ, напалъ съ ними на монастырь, ворвался въ него, избилъ монаховъ, ограбилъ обитель и вмѣстѣ съ драгоцѣнностями захватилъ и святую икону и унесъ ее въ свой домъ, гдѣ жена Фирлея произвела надъ фамильною и народною святынею самое грубое поруганіе, одѣвшись притомъ въ священническія ризы и вмѣсто молитвы произнося предъ иконой самыя хульныя слова, за что, по вѣрованію народному, въ нее вселился бѣсъ и долго мучилъ ее. Почаевская обитель могла-бы погибнуть на первыхъ порахъ ея существованія, но во главѣ ея въ это время стоялъ преподобный Іовъ, мужъ высокой жизни, уроженецъ Галиціи, по прозванію Желѣзо. По просьбѣ князя Константина Острожскаго онъ оставилъ угорицкій монастырь и поселившись въ г. Дубнѣ, въ крестовоздвиженскомъ монастырѣ, который былъ на попеченіи князя Острожскаго, 20 лѣтъ управлялъ этою обителью. Воспитанный такимъ образомъ въ школѣ Острожскаго и одушевленный его ревностью, Іовъ энергично отстаивалъ интересы почаевскаго монастыря, въ который онъ удалился изъ Дубна ради уединенія простымъ монахомъ, но въ которомъ, по просьбѣ братіи, принялъ снова обязанности настоятеля. Его стараніями, въ 1644 году, была возвращена въ обитель чудотворная икона отъ Фирлеевъ, а въ 1647 году отъ нихъ-же—часть унесенныхъ ими монастырскихъ сокровищъ. Въ его игуменство и по его, конечно, вліянію, богатые, сосѣдніе

съ Почаевомъ, землевладѣльцы, супруги Домашевскіе построили надъ самой „стопою“ новую каменную церковь, во имя святой Тройцы, пожертвовавъ ей всѣ свои наслѣдственныя сокровища и деньги; благотворили почаевской обители и другія русскія православныя фамиліи, остававшіяся въ вѣрѣ предковъ.

Строго подвижническая жизнь Іова дѣйствовала обаятельно на массы народа, приходившаго въ монастырь. Восьмидесятилѣтній старецъ самъ сажалъ деревья, строилъ плотины, копалъ сажалки; днемъ работалъ, ночью молился. Иногда по нѣскольку дней онъ оставался безъ пищи, часто затворялся въ пещерѣ для молитвы и поста. Всѣхъ поражала его всегдашняя молчаливость; только и слышали изъ устъ его слова: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“, безпрерывно имъ повторяемыя. 28 октября 1651 года Іовъ въ послѣдній разъ совершилъ литургію, простился съ братіей и мирно почилъ, проживъ 100 лѣтъ, а спустя семь лѣтъ (28 августа 1658 года) кіевскій митрополитъ Діонисій Балабанъ открылъ гробъ его съ нетлѣнными останками для всенароднаго почитанія.

Достойны вниманія выборы въ игумена, какъ они производились въ то отдаленное время, по смерти Іова. Всѣ иноки, старшіе и младшіе, сходились въ трапезу и подавали свой голосъ на бумагѣ, а актъ объ избраніи подтверждали своими подписями. Въ актѣ два главные пункта: братія „покладаютъ вѣру на побожное житіе“ избраннаго, принимаютъ начальство его надъ собою „миле, любовно и згодно“ и обязываются повиноваться ему „безъ вшелякихъ контрадицій и вношенія якихъ вымысловъ“, а избранный обѣщаетъ управлять братіею, „якъ звычае и постановеня монастырскіе суть“. Преемникомъ Іова былъ избранъ Самуилъ Добрянскій.

При немъ и ближайшихъ игуменахъ обитель почаевская не переставала процвѣтать, оставаясь вѣрною православію, хотя католицизмъ и унія все болѣе и болѣе захватывали подъ свою власть и людей, и монастыри, и храмы, пользуясь всѣми средствами. Еще въ 1700 г. игуменъ Саевичъ по порядкамъ того времени хлопоталъ у новаго короля Августа II-го о подтвержденіи правъ почаевскаго монастыря, и въ выданной отъ короля привиллегіи значилось, что какъ всегда онъ былъ, такъ и долженъ остаться православнымъ „Ritus graeci“, а не уніатскимъ. Но въ тогдашней Польшѣ ничего

не значили уже ни королевскія привилегіи, ни сеймовыя конституціи. Среди всеобщаго разлива польско-католической пропаганды, поддерживаемой всѣми силами правительства и общества, недолго могъ удержаться въ православіи и почаевскій монастырь. Тогдашній „колляторъ“ его, унаслѣдовавшій имѣнія Фирлеевъ, графъ Тарнавскій подкопалъ существованіе этой твердыни православія. Послѣ продолжительнаго процесса съ монастыремъ о деньгахъ и земляхъ, процесса, среди котораго монахи грозили вывезти чудотворную икону въ Москву, онъ вмѣшался въ выборы игумена, раздѣлилъ не твердую уже въ отеческой вѣрѣ братію на партіи, и послѣдствіемъ сего былъ первый шагъ почаевскихъ монаховъ къ уніи. Это случилось въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія, спустя восемь лѣтъ послѣ изгнанія изъ Волыни послѣдняго православнаго епископа, въ пору чреватаго своими послѣдствіями замостьскаго собора. 125 лѣтъ почаевскій монастырь стоялъ на стражѣ православной вѣры, собирая въ свои стѣны православныхъ жителей, доставляя имъ утѣшеніе и поддержку, даже укрывая иной разъ въ своихъ стѣнахъ во время татарскихъ и турецкихъ нападеній, но, наконецъ, и онъ долженъ былъ уступить общему потоку. Превращеніе его въ уніатскій базиліанскій монастырь послѣдовало не вдругъ и завершилось окончательно лишь въ 1751 г.

Съ переходомъ изъ православія въ унію существенно измѣнился и внутренній строй жизни почаевскаго монастыря и внѣшняя его судьба. По внутренней своей жизни онъ не только самъ шелъ къ постепенному переформированію себя по образцу польско-католическихъ монастырей во всемъ, начиная съ догматовъ и кончая языкомъ и костюмомъ, но увлекалъ за собою несмѣтныя массы народа и какъ прежде служилъ дѣлу православія, такъ теперь всѣ свои силы посвящалъ дѣлу уніи и католичества, въ формахъ польской національности. По внѣшней судьбѣ онъ достигъ еще болѣе блестящаго положенія и самаго широкаго общественнаго значенія, увеличилъ до громадныхъ размѣровъ свои имущественныя пріобрѣтенія, обстроился, украсился и пріобрѣлъ большую популярность въ массѣ населенія Волыни, Галиціи и другихъ смежныхъ областей.

Мы не будемъ входить въ подробности его исторіи въ періодъ пребыванія его въ уніи; отмѣтимъ лишь кратко болѣе выдающіеся факты въ его жизни за это время.

Прежде всего строгость монашеской жизни исчезла въ немъ навсегда и въ замѣнъ оной привзошли не только всѣ удобства мірской жизни, но даже большая распущенность. Въ 1758 году по какому-то случаю на монастырь почаевскій произведенъ былъ „гвалтовный наѣздъ“ въ 200 коней, по приказу колляторши монастыря, графини Анастасіи Тарнавской. Гайдуки графини приняли базиліанъ въ нагайки, а при этомъ говорили: „вы не такъ живете, какъ прежніе монахи. Вы ѣдите мясо, пьете водку и безчинствуете, предаваясь самымъ скверным порокамъ“.

Принятіе догматовъ католической церкви, усвоеніе латинскихъ обрядовъ и обычаевъ въ богослуженіи и въ жизни, шло медленнѣе и съ большою постепенностью, какъ и во всей уніатской церкви; но къ чести почаевскихъ базиліанъ сказать должно, что они яснѣе другихъ сознавали, что унія придумана и употребляется только какъ мостъ для перехода отъ православія къ католичеству. Они, на первыхъ по крайней мѣрѣ порахъ, горячо отстаивали чистоту восточнаго ученія и обряда, отдѣльность уніи отъ католиличества, и съ этою цѣлью издали нѣсколько сочиненій, въ томъ числѣ обширную книгу подъ заглавіемъ: „Народовѣщаніе, альбо Слово къ народу каѳолическому“ и пр. 1745 г.

Изгнаніе въ 1773 году іезуитовъ изъ предѣловъ Польши усилило значеніе базиліанъ вообще, въ частности почаевскихъ и расширило ихъ общественную дѣятельность. Имъ переданы были многія изъ имѣній и зданій іезуитскихъ, но, что всего важнѣе, они избавились отъ самой опасной конкурренціи и получили право быть воспитателями юношества, законоучителями, духовниками и проч. Приближеніе къ польско-католическому типу привлекло къ почаевскимъ базиліанамъ пановъ и ихъ панскія милости. Въ особенности много доставило имъ случайное расположеніе извѣстнаго богача и самодура, каневскаго старосты, Николая Потоцкаго. Денежныя пожертвованія его въ пользу почаевскихъ базиліанъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, опредѣляются въ два съ половиною милліона злотыхъ; но еще болѣе онъ сдѣлалъ для нихъ такъ называемою коронаціею почаевской иконы Божіей Матери и постройкою новой великолѣпной церкви. Обычай короновать иконы получилъ свое начало въ Римѣ съ 1631 года, а потомъ распространенъ и на всѣ католическія страны. „Короновали“ тѣ иконы Божіей Матери, которыя

извѣстны, какъ чудотворныя. Итальянскій графъ Александръ Паллавичини оставилъ значительную сумму для приготовленія коронъ изъ чистаго золота. „Коронованіе“ in partibus infidelium имѣло несомнѣнно видъ пропаганды католической вѣры; оно совершалось съ чрезвычайною торжественностью и не иначе, какъ съ разрѣшенія папы. Незадолго предъ тѣмъ короновали холмскую икону, теперь принялись за почаевскую. Объорудовалъ это дѣло самъ Потоцкій; разрѣшеніе папы Климента XIV пришло 23 апрѣля 1773 года. Базиліане торжествовали, ибо, кромѣ *majoris gloriae Dei,* имъ предстояла богатая стрижка при этомъ всякаго рода словесныхъ овечекъ. Для этой цѣли папа прислалъ имъ на этотъ случай „полный отпустъ“. Это значило, что всѣ пришедшіе на коронованіе получали полное отпущеніе грѣховъ, а „отпустомъ“ можно было пользоваться въ теченіе восьми дней, притомъ съ такою льготою, что дозволялось вмѣсто исповѣди только прикасаться къ кающимся палкою; такого прикосновенія довольно было, чтобы получить отпущеніе грѣховъ. Нечего и говорить, что базиліане съумѣли воспользоваться предоставленными имъ привилегіями. Они употребили всѣ средства, чтобы собрать какъ можно болѣе народу на коронованіе. Торжество коронаціи объявлено на 8 сентября 1773 года. Къ этому дню въ Почаевъ прибыло болѣе тысячи человѣкъ однихъ уніатскихъ и латинскихъ священниковъ, нѣсколько тысячъ пановъ, тысячъ сто народу и нѣсколько тысячъ войска, пѣхоты и артилеріи. Коронованіе было совершено за монастыремъ, въ особо устроенной палаткѣ, открытой для всѣхъ. Во время процессіи и возложенія коронъ на главу Богородицы и Божественнаго Младенца стрѣляли изъ пушекъ, гремѣла музыка и раздавалось пѣніе молитвъ; вечеромъ была иллюминація, музыка и другія увеселенія. Какъ-бы для увѣковѣченія памяти объ этомъ торжествѣ народу раздавали иконки (болѣе 11 тысячъ) и медальоны (болѣе 5 тысячъ), но при этомъ объявляли, что пріобрѣвшимъ иконы и медальоны дается также отпущеніе грѣховъ, какъ и тѣмъ, которые исповѣдывались и пріобщались въ эти дни или только касались палки исповѣдника. По собраннымъ тогда-же справкамъ, исповѣдывавшихся было во время коронаціи—около 24 тысячъ однихъ уніатовъ и православныхъ („Graeckiego obrządku“) и 9 тысячъ съ небольшимъ—латинянъ. Понятно, какую огромную, духовную и вещественную добычу доставилъ этотъ праздникъ, устроенный заботами патрона-католика.

Постройка новой церкви въ почаевскомъ монастырѣ начата Потоцкимъ въ 1771 году и продолжалась 12 лѣтъ. Церковь оказалась совершенствомъ въ своемъ родѣ. Она и до сихъ поръ стоитъ, лишь кое-что изъ внутреннихъ украшеній измѣнено въ ней, чтобы придать ей видъ православнаго храма. Говорятъ, что императоръ Николай I, знатокъ архитектурнаго дѣла, сказалъ про почаевскую церковь, что она образецъ дерзкой архитектуры.

Какъ на особый, наиболѣе выдающійся родъ дѣятельности почаевскаго монастыря, преимущественно въ уніатскій его періодъ, нельзя не указать на многочисленныя его изданія, длившіяся болѣе столѣтія и расходившіяся большими массами въ Украйнѣ, Волыни, Подоліи, Бѣлоруссіи, Галиціи, Холмщинѣ и Подлясьѣ. Издавались богослужебныя книги, книги и трактаты вѣроучительныя и правоучительныя, но особенною извѣстностію и наибольшею распространенностію пользовались такъ называемыя „побожныя" книжки, сборники молитвъ и особыхъ, въ духѣ и на языкѣ народномъ сложенныхъ пѣснопѣній. Типографія находилась при почаевской обители и въ ту пору, когда она была православною; въ это время она печатала проскомидійные листы, посланія къ народу архіереевъ, молитвы и антифоны преподобному Іову; но никогда она не имѣла такой широкой дѣятельности, какъ въ исходѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Услугами почаевской типографіи пользовались нѣкоторое время и наши раскольники. Конечно, наибольшую услугу почаевскія изданія оказали дѣлу уніи; но нельзя не признать и того, что попавъ такъ сказать въ тонъ народный, они, помимо вѣроисповѣдныхъ отличій, не всегда и не вездѣ находящихъ себѣ мѣсто, много вліяли на поддержаніе въ нашемъ народѣ духа набожности и благоговѣйно молитвенныхъ чувствъ.

Какъ однако ни пышно развернулась жизнь почаевскаго монастыря съ переходомъ его изъ православія въ унію и какъ ни разширилась и усилилась дѣятельность его подъ удправленіемъ базиліанъ, въ этой жизни и дѣятельности, какъ и въ самой уніи, не было ничего, обѣщавшаго прочное и долговѣчное существованіе. Съ возвращеніемъ отъ Польши къ Россіи древне-русскихъ областей, а съ ними и обители почаевской, съ возвращеніемъ тогда-же въ лоно православія огромныхъ массъ народа, приневоленныхъ къ уніи, съ пробужденіемъ и въ уніатской его части народнаго сознанія

и вѣковыхъ симпатій, почаевскіе базиліане утратили значительную долю своего обаянія, сфера ихъ дѣйствій съузилась, источники доходовъ уменьшились. Вмѣстѣ съ тѣмъ для всякаго очевидно было, что расходясь отнынѣ съ народомъ въ направленіяхъ противуположныхъ, они должны будутъ разойдтись на всегда и рано или поздо потерять находившуюся въ ихъ рукахъ народную почаевскую святыню. Впрочемъ съ переходомъ къ Россіи базиліане такъ ловко вели свое дѣло, что долго не возбуждали въ русскомъ правительствѣ сомнѣній въ ихъ благонамѣренности и считались полезными людьми, такъ какъ на ихъ иждивеніи было значительное число школъ. Тѣмъ не менѣе мысль о возвращеніи почаевскаго монастыря съ его святынею въ руки православныхъ и удаленіи изъ него базиліанъ явилась уже въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія и въ 1823 г., при посѣщеніи императоромъ Александромъ I-мъ Острога, въ которомъ находилась тогда въ неприглядной обстановкѣ православная архіерейская каѳедра, готовился ему о семъ докладъ, но Государь не позволилъ даже заикнуться объ этомъ, такъ какъ незадолго предъ симъ, 2-го августа 1823 года, была передана уніатскому митрополиту Булгаку Высочайшая воля объ оставленіи базиліанъ въ Почаевѣ. Нуженъ былъ случай, который раскрылъ-бы правительству глаза на дѣйствія почаевскихъ подвижниковъ и обнаружилъ-бы ихъ истинныя симпатіи и стремленія. Такимъ случаемъ былъ польскій мятежъ 1831 г., которому базиліане почаевскіе всею душею сочувствовали и помогали денежными средствами. Въ рѣшительный часъ базиліане не скрыли своего сочувствія и когда отрядъ повстанцевъ, подъ командою Дверницкаго, былъ разбитъ близъ Почаева, они приняли его съ распростертыми объятіями, угостили всѣмъ, что было у нихъ хорошаго, надѣлили его припасами, лошадьми и безъ сомнѣнія казною, даже сами, въ числѣ 8 монаховъ, примкнули къ отряду и перешли съ нимъ въ Австрію, послѣ того какъ вволю наѣздились по мѣстечку, съ крикомъ: „Panowie, za ojczysnę!“ и размахивая саблями. Эти поступки рѣшили участь базиліанъ и судьбу бывшей въ ихъ рукахъ обители. По представленію главнокомандующаго 1 арміею графа Сакена и волынскаго и подольскаго военнаго губернатора Левашева, императоръ Николай I повелѣлъ базиліанскій почаевскій монастырь передать въ вѣдѣніе православнаго духовенства со всѣми угодьями, капиталами, имѣніями и постройками.

10 октября 1831 года прибыла въ Почаевъ особая коммисія и приступила къ отбору. Базиліане съ горя напились и крайне дерзко себя вели, даже вовсе отказывались передавать монастырь, но, конечно, должны были уступить. Ими пущены были въ ходъ всевозможные отговорки и увертки съ цѣлію затруднить дѣйствія коммисіи. На всѣ вопросы ея объ инвентарѣ, объ описяхъ, деньгахъ и вещахъ базиліане отзывались незнаніемъ, гдѣ что находится, ссылаясь на то, что послѣдній ихъ „суперіоръ", сидѣвшій въ это время въ кіевской тюрьмѣ, ничего не сдалъ. Волею-неволею коммисіи пришлось принимать монастырь только на основаніи указаній. Оказалось потомъ, что еще передъ сдачею они успѣли многое спрятать, иное унести и увезти,—уже по пріемѣ находили деньги и вещи, скрытыми въ разныхъ мѣстахъ, на чердакѣ, въ стѣнахъ и подвалахъ. Пріемъ былъ оконченъ къ 25 ноября; въ этотъ же день совершено было въ Почаевѣ первое православное архіерейское служеніе прибывшимъ туда наканунѣ православнымъ епископомъ волынскимъ Амвросіемъ. Мало по малу на мѣсто удаленныхъ базиліанъ стали прибывать въ монастырь православные монахи изъ сосѣднихъ губерній, открыты цѣлыми и невредимыми мощи преподобнаго Іова, которыя все время базиліане держали подъ спудомъ, обновлена и украшена чудотворная почаевская икона Божіей Матери, главная святыня, о которой католики пустили слухъ, что она будто увезена базиліанами за границу, измѣнены по образцу православнолу внутреннее устройство и наружный видъ соборнаго храма, и скоро почаевская обитель зажила снова своею прежнею жизнію. Въ 1833 году Высочайшимъ повелѣніемъ ей присвоено было названіе лавры, четвертой въ Россіи. Къ этому времени народъ уже пересталъ вѣрить росказнямъ поляковъ о томъ, что въ Почаевѣ нѣтъ святыни, и число богомольцевъ увеличивалось съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастало и вліяніе лавры на народъ. Дальнѣйшая мирная жизнь ея нарушена была одною дерзкою попыткою, направленною къ похищенію изъ лавры чудотворной иконы Божіей Матери. Въ числѣ не многихъ оставшихся въ лаврѣ базиліанъ, съ принятіемъ православія, былъ бонифратрскій ксендзъ Навроцкій. Войдя въ довѣріе къ преосвященному Амвросію и сдѣлавшись счетчикомъ и архиваріусомъ, онъ похитилъ не мало важныхъ документовъ, а потомъ задумалъ ук-

расть и св. икону. Послѣ неудавшейся попытки попасть въ ризничіе, онъ рѣшился добыть ключи отъ ризницы подкупомъ; когда-же его продѣлки были открыты, бѣжалъ за границу и присталъ къ Тарнопольскимъ іезуитамъ.

Послѣдующія перемѣны и произшествія въ жизни почаевской обители относятся къ новому періоду ея исторіи, законченному теперь празднованіемъ 50-ти лѣтняго юбилея; но объ нихъ мы не имѣемь никакихъ почти свѣдѣній, кромѣ устарѣвшей уже книги ея настоятеля Амвросія Лотоцкаго, въ которой кратко излагаются смѣна волынскихъ архіереевъ, ближайшихъ настоятелей почаевской лавры, перестройка лаврскихъ зданій, постройка колокольни и т. под.

Почаевская обитель, не смотря на свое многовѣковое существованіе и самую разнообразную жизнь и дѣятельность, доселѣ не имѣетъ своей исторіи. Мы слышали, что такая исторія готовилась ко дню юбилея лавры, но объявленій о выходѣ ея не встрѣчали и вышла-ли она, не знаемъ. Такая исторія желательна; она представила-бы намъ живѣйшій интересъ особенно по сравненію трехъ различныхъ періодовъ существованія почаевской обители: древне-православнаго, исполненнаго чудесности, святости, но вмѣстѣ съ тѣмъ истинно народнаго характера, періода уніатскаго, давшаго обители широкое общественное значеніе, хотя направленное къ явному вреду и искорененію православія и народности русской, и періода новаго, ближайшая задача котораго была пробужденіе народнаго сознанія и очищеніе вѣрованій народныхъ отъ всякой примѣси уніатско-латинской. По видимому, сравненіе не въ пользу послѣдняго періода, когда для обители, не смотря на ея громкій титулъ, началась та тихая, однообразная жизнь, какую влекутъ всѣ наши лавры и монастыри. Но жизнь не повторяется въ своихъ формахъ; для обители почаевской важно удержать ея древній историческій духъ, духъ твердой вѣры и истиннаго благочестія и она воздѣйствуетъ самою скромною, внутреннею жизнью на массы народныя, не перестающія притекать къ ней для благоговѣйнаго поклоненія ея святынѣ. Широкая, просвѣтительная дѣятельность монастыря подъ управленіемъ базиліанъ невозможна теперь и по самому строю нашей жизни, и по средствамъ лавры; но возможно

расширеніе той издательской дѣятельности, которой начало мы находимъ еще въ древнемъ періодѣ жизни почаевскаго монастыря, и это одно, чего мы можемъ пожелать древнейшей нашей обители по случаю исполнившагося теперь новаго періода ея жизни.

А. Тарнавскій.

КЪ ТРЕХЪ СОТЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ИВАНА ѲЕДОРОВА,

перваго московскаго типографа. († 5 декабря 1583 г.)[1].

Въ г. Львовѣ, въ монастырѣ св. Онуфрія есть надгробный камень, на которомъ читается слѣдующая надпись: *„Іоаннъ Ѳедоровичь друкаръ москвитинъ, который своимъ тщаніемъ друкованье занедбане обновилъ, преставился въ Львовѣ року ҂ѧфпг (1583) декемврія є (5)“*; въ серединѣ камня, въ кругу—буквы *І. Ѳ.* и нѣсколько полуизгладившихся словъ, между которыми можно разобрать: *„о успокоеніи воскресенія изъ мертвыхъ чаю... Друкаръ книгъ предъ тымъ невиданныхъ“*.

Имя Ивана Ѳедорова, перваго московскаго типографа, одинаково дорого и Сѣверу и Югу Россіи: и у насъ, южанъ, съ этимъ именемъ связано начало книгопечатанія, которымъ мы пользуемся въ такой широтѣ для нашего умственнаго преуспѣянія. Воскресимъ-же славное имя это въ нашей памяти теперь, когда намъ напоминаетъ о немъ приближающееся окончаніе трехсотлѣтней годовщины со дня смерти „друкаря книгъ предъ тымъ невиданныхъ“.

Съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ работать на типографскомъ станкѣ незабвенный нашъ первопечатникъ, книжное дѣло ушло у насъ далеко впередъ: мы дожили до такихъ усовершенствованій въ этомъ дѣлѣ, что если-бы Иванъ Ѳедоровъ воскресъ и взглянулъ на нихъ, ему пришлось-бы снова умереть отъ изумленія; что тогда было дѣломъ цѣлыхъ годовъ, теперь является въ нѣсколько дней. Мы пишемъ и печатаемъ такую массу книгъ, журналовъ, газетъ и брошюръ, что не успѣваемъ даже и читать всего—и, рядомъ съ этимъ, пользуемся печатнымъ дѣломъ, какъ орудіемъ личныхъ, не рѣдко грубо-циническихъ цѣлей, не уважаемъ печатнаго слова...

---

[1]) Даемъ мѣсто этой краткой, изъ глухого захолустья присланной замѣткѣ, какъ свидѣтельству того, что память объ Иванѣ Ѳедоровѣ не затерялась и у насъ и находятся люди, которые вспомнили о немъ по случаю трехсотлѣтней годовщины со дня его смерти.—Ред.

А вотъ посмотрите, какъ триста лѣтъ назадъ относился къ типографскому труду скромный дьяконъ церкви Николы Гостунскаго въ Москвѣ: никакія гоненія, никакія неудачи не могли помѣшать ему въ новомъ тогда дѣлѣ и болѣе всего, по его словамъ, боялся онъ вопроса Христа: „лукавый рабъ и лѣнивый, зачѣмъ не отдалъ ты мое серебро торговцамъ, чтобы я, пришедши, получилъ свое съ лихвою?“... „Все, что пришлось мнѣ вынести..., говоритъ онъ, ни во что не ставлю, да обрѣту Христа моего; все, что здѣсь (на землѣ), какъ сонъ, какъ тѣнь проходитъ: и доброе, и худое, все, какъ дымъ по воздуху расходится“...

Слухи о печатномъ дѣлѣ начали доходить до Москвы при Василіѣ III; тогда существовали уже типографіи въ Прагѣ, Краковѣ и Вильнѣ, печатались и славянскія книги. При Иванѣ IV, съ 1547 года, начали искать искусныхъ людей для заведенія типографіи въ Москвѣ. Такими искусниками, послѣ захожаго Миссенгейма, явились тогда Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ. Точныхъ біографическихъ данныхъ объ этихъ художникахъ до сихъ поръ не найдено; мы имѣемъ лишь гадательныя свѣдѣнія о томъ, какъ они познакомились съ типографскимъ искусствомъ; скудныя свѣдѣнія о дальнѣйшей ихъ жизни и дѣятельности находятся въ послѣсловіяхъ книгъ, выданныхъ ими въ свѣтъ. Первый печатный дворъ (или типографія) въ Москвѣ построенъ на Никольской улицѣ, рядомъ съ никольскимъ греческимъ монастыремъ. 19 апрѣля 1563 г. печатный станокъ началъ свое дѣло и 1 марта 1564 г. вышли Дѣянія Апостольскія—первая, напечатанная въ Москвѣ, книга; вслѣдъ за тѣмъ, черезъ полтора года, оконченъ печатаніемъ Часовникъ. Обѣ эти книги, по отзывамъ спеціалистовъ, изданы съ большимъ искусствомъ и неоспоримо свидѣтельствуютъ о способностяхъ и трудолюбіи первыхъ московскихъ типографовъ: буквы отличаются замѣчательной стройностію, очко буквъ вездѣ одинаковой величины, линіи—одной мѣры и строго параллельны, строчки ровныя, разстоянія между буквами всегда одинаковы, также и промежутки между строками, которыя безукоризненно параллельны; въ подражаніе рукописямъ, слова иногда не отдѣлены другъ отъ друга, а набраны въ плотную; переносныхъ знаковъ нѣтъ, надстрочные знаки по мѣстамъ опущены; заглавныя буквы, служившія украшеніемъ книги, отпечатаны съ особыхъ рѣзныхъ досокъ.

Этими двумя книгами и ограничились труды нашихъ типографовъ въ Москвѣ. Въ нихъ были брошены обвиненія въ ереси и чуть-ли не въ чернокнижничествѣ, оставшіяся впрочемъ темными для насъ; первые труженики печатнаго дѣла вынуждены были спасаться бѣгствомъ. И вотъ они бѣгутъ въ другую Русь—литовскую, гдѣ широко развернулась тогда умственная дѣятельность отъ притока новыхъ, преимущественно религіозныхъ идей съ Запада, и появляются въ имѣніи великаго гетмана литовскаго, Григорія Александровича Ходкевича, Заблудовѣ (близъ Бѣлостока). Ходкевичъ снабдилъ ихъ всѣмъ необходимымъ, далъ Ивану Ѳедорову значительное имѣніе и на свой счетъ устроилъ типографію, въ которой 17 марта 1569 г. вышло Евангеліе учительное, или съ толкованіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ товарищи—первопечатники разстались: Петръ Тимоѳеевъ отправился въ Вильну и продолжалъ свои труды тамъ, а Иванъ Ѳедоровъ очутился во Львовѣ. Причина, почему оставилъ онъ Ходкевича, остается не ясною; извѣстно, впрочемъ, что Ходкевичъ рѣшилъ почему-то оставить типографское дѣло, а своему типографу предложилъ заняться земледѣльческимъ трудомъ. Но призваніе неудержимо влекло его къ новому, духовному дѣлу: „неудобно мнѣ было“, говоритъ онъ, проводить время своей жизни за раломъ, заниматься сѣяніемъ сѣмянъ житныхъ: духовныя сѣмена долженъ я разсѣвать по вселенной, не рало у меня въ рукахъ—художество“...

Оставивъ Ходкевича, послѣ многихъ лишеній и трудностей, Иванъ Ѳедоровъ прибылъ въ г. Львовъ, безъ средствъ, безъ знакомствъ. Воодушевленный сознаніемъ святости дѣла, онъ обращается къ разнымъ лицамъ, которыя могли помочь ему завести типографію своими средствами; по собственнымъ словамъ, онъ становился на колѣни, кланялся въ землю, но не находилъ сочувствія; по его настоятельнымъ просьбамъ, священники сдѣлали оповѣщенія по церквамъ—и все напрасно. „Наконецъ, говоритъ онъ, явились нѣкіе малые, неславные въ мірѣ, отъ іерейскаго чина, которые пришли мнѣ на помощь“. Съ величайшими трудностями обзавелся онъ типографскими принадлежностями и 15 февраля 1574 г. выпустилъ вторымъ изданіемъ Апостолъ.

Затѣмъ до 1580 года объ Иванѣ Ѳедоровѣ мы ничего не знаемъ. Въ этомъ году онъ является въ г. Острогѣ, у знаменитаго ревнителя православія, князя К. К. Острожскаго, и печатаетъ тамъ

Псалтырь и Новый Завѣтъ, а черезъ годъ, 12 августа 1581 года, выпускаетъ монументальный трудъ—полное изданіе Библіи, стоившее большихъ трудовъ какъ ему Ѳедорову, такъ и князю Острожскому. Это и былъ послѣдній трудъ приснопамятнаго для насъ Ивана Ѳедорова.

Начатое имъ дѣло не погибло ни на Югѣ, ни на Сѣверѣ Руси, а продолжалось и развивалось. Завѣтная мысль его нашла себѣ почву и „духовныя сѣмена“ разнеслись повсюду. Помянемъ имя его молитвою и благодарностію.

В. Я

КЪ ИСТОРІИ ЦѢНЪ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Въ архивѣ малороссійской коллегіи при харьковскомъ университетѣ находятся любопытныя вѣдомости о сгорѣвшемъ у казаковъ и посполитыхъ имуществѣ. Время составленія вѣдомостей—половина XVIII ст.; мѣсто составленія—черниговскій полкъ. Когда въ какомъ нибудь селѣ происходилъ пожаръ, то сельскій атаманъ доносилъ о томъ въ сотенную канцелярію, сотенная канцелярія полковой канцеляріи. По распоряженію полковой канцеляріи, на мѣсто происшествія отправлялось чиновное лицо и забирало отъ пострадавшихъ отъ пожара свѣдѣнія о причинѣ пожара и о понесенныхъ жителями убыткахъ. Вѣдомости такого рода интересны въ томъ отношеніи, что въ нихъ находятся указанія на домашній скарбъ малорусскаго крестьянина и козака черниговскаго полка въ XVIII ст.; находятся указанія на тогдашнюю степень крестьянскаго матеріальнаго благосостоянія; обозначены цѣны сгорѣвшихъ предметовъ.

Въ 1766 г., въ менской и борзенской сотняхъ черниговскаго полка были значительные пожары. Горѣли дома выборныхъ и подпомощныхъ казаковъ и посполитыхъ. Были составлены подробныя вѣдомости убытковъ, причемъ убытки обозначены подворно. Изъ этихъ вѣдомостей оказывается такая цѣнность построекъ, скота, и утвари: рубленая хата съ сѣнями и прикоморкомъ отъ 10 до 25 руб., хата плетневая 5 руб., комора рубленая съ помостомъ 3 руб., плетневая клуня на двухъ сохахъ 4—5 руб., плетневый хлѣвъ 50 коп., большая кровать 1 руб. 50 коп.; новый столъ 35 коп.,

скрыня 10 коп., 2 деревянныхъ ведра 4 коп., конскій возъ 40 и 50 коп., смотря по величинѣ, сани 15 коп., пара новыхъ колесъ 12 коп., двѣ новыхъ оси 4 коп., улей для пчелъ 6 коп., плугъ 12 коп., борона 10 коп., воловое ярмо 6 коп., вербовыя доски по 1 коп. за доску, осокоровыя по $^1/_4$ коп., липовыя по $2^1/_2$ и дубовыя по 5 коп., четверть жита 2 руб., четверть ржаной муки 2 руб. 20 коп., четверть гречневой муки 1 руб. 50 коп., четверть овса 80 коп., четверть ячменю 1 руб. 80 к., четверикъ конопляннаго сѣмени 30 коп., четверть проса 90 коп., четверть гороха 2 руб. 80 коп., „сало едно", т. е. откормленная свинья, 1 руб. 50 коп., старая овца 50 коп., молодая овца или ярка 27 коп., поросенокъ 4 коп., гусь 10 коп., утка 3 или 4 коп., курица 2 коп., новый овчинный кожухъ 1 руб. 20 коп., поношенный 20 коп., мужская рубаха 10 коп., женская 20 коп., черцовый поясъ отъ 20 до 25 коп., смушевая шапка 30 коп., пара чоботъ 20 или 40 коп., большое одѣяло 60 и 80 коп., рядно 20 коп., подушка 20 коп. и 40 коп., смотря по величинѣ, сѣдло съ уборомъ 1 руб. 50 коп., сабля 50 коп., фунтъ пороху 25 коп., 70 свинцовыхъ пуль 14 коп., 600 папушъ табаку 2 руб. 40 коп., новая рыболовная сѣть 50 коп., ручникъ $6^1/_2$ коп.

Цѣны эти въ вѣдомостяхъ обозначены многократно и въ примѣненіи къ разнымъ селамъ черниговскаго полка, с. Куковичъ менской сотни, с. Макошинѣ, той-же сотни, г. Борзнѣ и друг.

По цифрѣ убытковъ можно отчасти судить, насколько выборные козаки были богаче козаковъ подпомощныхъ, и послѣдніе богаче посполитыхъ; такъ въ с. Куковичахъ у выборныхъ козаковъ погорѣло у одного на 56 руб., другаго 75 руб., третьяго 52 руб.; у подпомощныхъ казаковъ у одного на 23 руб., у другаго на 31 р., у третьяго на 16 руб., а у посполитыхъ на 10 руб., 14 руб., 7 руб., 3 руб., 1 руб. 90 коп., 1 руб. 25 коп.

Н. Ѳ. С—въ.

КЪ СТАТЬѢ „СУДЪ НАДЪ ВѢДЬМАМИ" [1]).

По прочтеніи мною въ харьковскомъ историко-филологическомъ обществѣ статьи: „Судъ надъ вѣдьмами въ южной Руси", мнѣ были

[1]) См. «Кіевская Старина», 1883 г., кн. XI, стр.

доставлены дополненія къ ней отъ предсѣдателя общества, профессора А. А. Потебни и отъ члена общества М. Д. Линда. Сообщаю здѣсь эти дополнительныя свѣдѣнія. Два первые разсказа записаны г. Потебней въ 60-хъ годахъ въ с. Перекоповкѣ, роменскаго уѣзда, отъ его тетки и относятся по времени, когда ею слышаны, къ 20-мъ годамъ. Г. Линда, какъ очевидецъ, передаетъ о томъ, какимъ образомъ испытывалм вѣдьмъ водою въ концѣ 50-хъ годовъ.

I.

Баба „украинка“ (бо ходила „на Вкраину“ на заробітки) росказувала, що якъ дівувала, то ходила на досвітки. А на ту „досвітчану матірь“ казали, що вона відьма. Я, каже баба, давай до неи ліститця та допитуватись, чи правду люде кажуть? А вона й призналась. „Навчи, кажу, й мене відьмувати.“—Ну, приходь до мене на попряхи. Якъ прийшла я, чи пряла, чи ні—„сходи, каже, у садокъ та йди геть по стежці, та що побачишъ й мені скажи“. Пішла я, ажъ тамъ у ямі, чи у яру—стерво, а черви такъ клубами й звиваютьця и розвиваютьця. Вернулась я и розказую: „отъ такъ, каже, й стягнуть й душу твою й тіло“. А далі, якъ люде уже облягли та обіспали, та досвітчана матірь звеліла мени одрікатись одъ батька й матери и одъ Бога, та, знявши образъ, звеліла на його плювати. Я злякалась, та втикати, а втикаючи чула, що відьма каже: „изъілажъ ты мене сяка-така.“ А вранці ту відьму знайшли задавлену, чи що.

II.

Была у насъ въ Перекоповкѣ баба „литвинка“ (зъ литвы, т. е. изъ сѣверной части черниговской губерніи). Покойный батюшка звалъ ее горячою, потому что „погана“ была; она „знахорюзала“.

„Дівки на порі“ ходили на улицю особо, а „піддівочи“, подростки лѣтъ 14—15, особо. Вотъ „піддівочи“ захотѣли переманить парубковъ отъ старшихъ дѣвокъ къ себѣ и за совѣтомъ обратились къ Гарячей. Та посовѣтывала взять на витушку полъ мотка нитокъ и въ полночь смотать, заходя съ разныхъ сторонъ, отъ разныхъ „концовъ“ или „десятковъ“ (улицы, имѣвшія своихъ десятниковъ), „щобъ парубки зъиходились зъ усихъ сторонъ“. „А яка схоче,

каже, парубка до себе принадити—то узяти слідъ съ підъ нігъ та замазати у челюсти (печи), а то ще макомъ свяченымъ на Велыкдень обсіяти парубка (способъ, который практикуется до нынѣ).

Чары эти имѣли успѣхъ. Парубки оставили старшихъ дѣвокъ и перешли къ „піддівочимъ", между которыми были очень красивыя. Одна попробовала прилучить къ себѣ самаго красиваго паробка чарами на слѣдъ. Случилось, что парубокъ скоропостижно умеръ. Дѣвчата перепугались до того, что нѣкоторыя попризнавались матерямъ. Матери, посовѣтовавшись между собою, да къ старшинѣ. „Гарячу" отхлестали: „коли знахорюешъ, такъ роби, якъ хочъ, а нашихъ малоліткивъ зъ пути не зводь".

III.

Въ концѣ времени крымской войны мнѣ пришлось быть въ с. Полонецкомъ, въ 10 или 12 верстахъ отъ Умани. Дорога отъ Умани въ это село идетъ мѣстами вдоль берега рѣки, въ одномъ мѣстѣ котораго съ высокаго гранитнаго обрыва, сажень въ 7—8 вышины, прыгали кантонисты въ рѣку, во время своего ученья плаванью. Вблизи этого береговаго обрыва была и приспособленная спеціально для этого ученья постройка: высоко возвышающійся надъ водою помостъ на сваяхъ; съ этого помоста прыгали кантонисты, начинавшіе свое ученье плаванью и продолжали на обрывѣ берега. Въ этомъ мѣстѣ, однажды, въ концѣ лѣта, произошелъ судъ крестьянъ надъ вѣдьмами. Вѣдьмъ было, кажется, пять; крестьяне сначала хотѣли бросить ихъ въ рѣку съ помоста, на который съ берега была устроена лѣстница, но начальство роты кантонистовъ не позволило этого, и судившіе отправились къ обрыву. Толпа, сопровождавшая судбище, осталась въ отдаленіи; судьи раздѣли судимыхъ до нага, связали имъ руки и ноги, опоясали ихъ концами длинныхъ веревокъ и, держа другіе концы въ рукахъ, бросали судимыхъ ницъ лицомъ, съ обрыва въ воду. Послѣ сбрасыванія наблюдали, не выплываетъ-ли обвиняемая на поверхность воды; если не выплываетъ, то ее вытаскивали веревкою на берегъ, и объявляя невинною, предоставляли ей одѣваться. Если-же брошенная въ воду женщина выплывала тотчасъ, то ее объявляли вѣдьмою, вытаскивали изъ воды и съ крикомъ гнали въ село пе-

одѣтою. Вѣдьмъ оказалось двѣ. Судъ происходилъ около полудня, и на него собрался народъ изъ многихъ окрестныхъ деревень. Что было дальше, не извѣстно.

П. Е.

ЕЩЕ РАСКАЗЕЦЪ О ВОВКУЛАКАХЪ И ЧАРОВНИКАХЪ.

Ѣхалъ я однажды на охоту съ хлопцемъ-козачкомъ села Козиницъ, переяславскаго уѣзда, полтавской губерніи, и между разговоромъ онъ спросилъ у меня:

А чи чули вы, якъ сю нічь валовали собаки?

— Ні, а що?

— Сю нічь коло нашого двору у Олексихи вовки задовили двое овець... Да те чудно, що ничого не їли, а тільки попрокушовали горла, повыпускали зъ черева тельбухи да повыідали печіинки.., Кажуть, се вовкулаки.

— Щожъ то за вовкулаки?

— Се, бачите, люде, котріхъ поперевертано на вовкивъ. Хиба не чули вы, якъ отъ у якомусь селі, забувъ у якому, казавъ дідъ Вересонъ, що ціле весілья перевернено нибы у вовкулаки. Такъ се, каже, було: пішло весілля до церкви, а одну бабу забули покликать на *Отче нашъ*; отъ вона й поробила имъ, що якъ выходило весилья зъ церкви, а музыка йшовъ навпроти ихъ стрічати, вінъ таки бувъ кривый, да якъ зійшлися вмісто, такъ и побігли вовками. И теперъ е люде, що бачили осе весилья; такъ и біга зъ червоными стрічками на головахъ, и кривый музыка шкутыльга за ними. А отъ на Чорноморіи, казавъ батько, е таки, що берутся бути дружками за гроши, щобъ боронити весілья одъ наговору. Такъ разъ було: иде весілья, а дружко й побачивъ, що одна баба одчинила кватирку, да щось шепче та й шепче. Вінъ, якъ примітивъ те, заразъ каже: стій. Весілья стало. Вінъ щось поробивъ руками, да й каже: щобъ у тебе на голові таки роги выросли, щобъ ни въ хату, ни зъ хаты. Тільки що сказавъ, заразъ и поросли роги у бабы ажъ підъ стелю. Такъ и пропала баба".

С. Н. Исаевичъ.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ УСТЪ.

Лѣтомъ нынѣшняго года пришлось мнѣ быть въ г. Ромнахъ, полтавской губерніи, и бесѣдовать съ нѣкоторыми изъ тамошнихъ обывателей, не тронутыми еще культурой. Передаю изъ этихъ бесѣдъ два цѣльные разсказа въ той-же простой формѣ, въ какой мнѣ самому довелось ихъ слышать, давъ имъ хоть такія заглавія:

1. Отцовское завѣчаніе.

Говорилъ одинъ отецъ, умирая, на прощаньѣ съ своимъ сыномъ: „сынку,—хочешь въ счастьи та въ спокои жити, навитъ Богови не вірь, зъ полицейскимъ не дружи, жинці правды не кажи и въ скоробогатька грошей не проси!“

Призадумался сынъ надъ такимъ страннымъ завѣщаніемъ отца. „Этъ, сказано, умира старый“, порѣшилъ онъ и забылъ.

Не скоро какъ-то собрался онъ въ поле, или въ сосѣднее село. День былъ ясный, солнце на припекѣ, въ небѣ ни тучки. „На що іого, думаетъ онъ, свиту брать!“ и поѣхалъ. Но не успѣлъ выѣхать и за царину, какъ полилъ дождь, какъ съ ведра. Тогда человѣкъ тотъ голову почесалъ и говоритъ: „правду батько говоривъ, що и Богови не вірь; отъ якъ бы узявъ свиту, такъ не страшно було-бъ дощу“.

Вскорѣ потомъ понадобились тому человѣку деньги и онъ взялъ ихъ въ займы у скоробогатька, а тотъ, что ни день Божій, все къ нему: „давай гроши та й давай, хоть душу выймай“, или къ сосѣдямъ идетъ и распрашиваетъ ихъ, не банкротится-ли должникъ. И такъ надоѣлъ онъ тому бѣдному человѣку, что тотъ и говоритъ: „на тобі, братику, и гроши твои и процентики, та розвяжи мені голову, коли ты такъ трусишься за ними“.

И подумалъ: „правду батько казавъ“...

Только вновь любопытство его беретъ: отъ чего-же отецъ, умирая, говорилъ еще: „зъ полицейскими не дружи, жінці правды не кажи?“ А онъ и съ полицейскими дружилъ и женѣ довѣрялъ во всемъ. Вотъ и думаетъ себѣ: „дай-же, я ихъ испытаю“. Вотъ закололъ онъ поросенка, зажарилъ, вложилъ ему въ зубы хрѣнъ, уложилъ въ маленькій гробикъ, поставилъ туда водки и закуски и закопалъ въ погребу, а вечеромъ и говоритъ женѣ: „жинко, голубонько, не скажешь никому, якъ я тобі признаюсь?

— Ні, отвѣчала жена; хай мене Богъ побье, хай мені и се и те, никому, чоловіче, зъ роду, зъ віку не скажу.

— Ну добре, говоритъ ей мужъ; такъ и такъ, говоритъ, у мене гріхъ великій на души—я загубивъ чоловіка.

— Де-жъ ты его дівъ? спросила жена.

— Отъ тамъ, у погребі закопавъ, отвѣчалъ тотъ съ тяжелымъ вздохомъ.

Не прошло и недѣли послѣ того, какъ мужъ повздорилъ за что-то съ женой. Та и говоритъ ему.

— А ты такъ? Сякій такій сыну! Такъ зъ жінки згнущаешься? Постій-же, я тобі оддячу!

И выбѣжала на улицу, да давай голосить:

— Охъ мені лишенько! спасить, борониіть мене. Ой пропала моя головонька! заріже вінъ и мене, якъ того бідного човоліка!

Тутъ случился полицейскій и сей часъ-же: что да какъ? А жена и разсказала.

Сей часъ слѣдствіе, допросъ. Тотъ давай проситься. Куда! и слушать не хотять. Сей часъ его раба Божія подъ арестъ, да въ погребъ. Тутъ понятые, протоколъ... жена мѣсто показала. Откопали и раскрыли... видятъ—поросенокъ.

„Ну, говоритъ тогда человѣкъ; оце вамъ и мертвецъ, тильки що печеный—не холодецъ. Пожалуйте, говоритъ, выпить и закусить, та більшъ до господы не ходить“.

Тѣ сюда-туда; мы, говорятъ, и те и се для васъ.

А жінка: „прости мени, голубчику милый!“

Тутъ-то понялъ человѣкъ, что не даромъ говорилъ отецъ: „зъ полицейскимъ не дружи, жінці правды не кажи“.

2. Непонятая любовь.

Женился какой-то тамъ парубокъ на очень пригожей „дівчинѣ“. Любилъ онъ ее крѣпко, а о любви съ нею никогда не говоритъ. Жили они уже не мало, какъ Богъ повелѣлъ. Только разъ какъ-то нашла на мужа блажь и онъ присталъ къ женѣ: сважи, говоритъ, мені, якъ ты любишь мене?

А она и говоритъ ему: люблю тебе, чоловіче, якъ вітеръ у полі.

— Э, коли такъ, отвѣчалъ онъ разсердившись, то оставайся собі здорова... не хочу я жить зъ тобою, піду світъ за очи.

И пошелъ.

Гдѣ-то далеко нанялся онъ въ работники къ какому-то хозяину и забылъ совсѣмъ жену. Только разъ лѣтомъ возили снопы и докладывали высокую-превысокую, тамъ-же въ полѣ, скирду. Стояла нестерпимая жара; даже въ полѣ жгло, какъ отъ печки въ какомъ-нибудь заводѣ. Усталъ тотъ человѣкъ, да и легъ тутъ-же на возу, съ котораго снопы бросалъ, и лежитъ, а хозяинъ глядитъ на него и ничего ему не говоритъ, потому что зналъ, что это не лукавый работникъ. Лежитъ тотъ бѣдный человѣкъ,—голова горитъ, во рту пересохло, руки повисли, самъ весь какъ разваренный.

Вдругъ,—у Бога все готово,—подулъ свѣжій вѣтерокъ... Будто вновь на свѣтъ работникъ народился, вздохнулъ, приподнялся да и съ воза.

— Куди ты? спрашиваетъ хозяинъ.

— Прощайте, панъ-отче! отвѣчаетъ работникъ. Годі вже служити, вернусь до дому. Спасыбі вамъ за хлібъ за сіль!

— Що, якъ, чого?

— Та такъ и такъ, говоритъ тотъ человѣкъ, и разсказалъ хозяину, что и какъ заставило его идти въ работники.

„Теперь же, прибавилъ онъ, я бачу, якъ вона мене, моя голубка, любитъ“.

А хозяинъ ему въ отвѣтъ: „не можу-жъ я тебе держать, бо твое діло законне“.

Когда-жъ домой вернулись, хозяинъ разсчиталъ его, какъ слѣдуетъ, наградилъ и въ дорогу съ Богомъ отпустилъ.

И пошелъ тотъ человѣкъ къ своей женѣ, и стали снова вмѣстѣ жить и другъ друга любить, какъ Господь приказалъ; только уже не спрашивалъ больше тотъ человѣкъ свою жену, какъ она любитъ его, и не покидалъ ее до самой уже смерти.

А. Грабина.

НЕКРОЛОГЪ.

Высокопреосвященнѣйшій Димитрій (Муретовъ), архіепископъ херсонскій.

Въ ряду іерарховъ русской церкви нынѣшняго и гораздо болѣе ранняго времени мы не можемъ указать лица, которое, подобно почившему архипастырю, въ одинаковой степени привлекало-бы къ себѣ и самое глубокое уваженіе и высоко-сердечныя симпатіи. Чѣмъ покоряли себѣ сердца людскія прославленные въ исторіи герои—правители и вожди народные, предводители побѣдоносныхъ полчищъ, понять это не трудно, но чѣмъ могъ привлекать къ себѣ общественныя массы скромный и молчаливый іерархъ нашего времени, представитель однихъ лишь нравственныхъ началъ, такъ глубоко упавшихъ въ нашемъ общественномъ сознаніи, не искавшій въ мірѣ ничего, не жившій въ немъ и для него, появлявшійся въ средѣ людей лишь въ часы общественной молитвы, не пользовавшійся для дѣйствія на нихъ и произведенія эффекта даже своимъ богатымъ даромъ слова,—это до нѣкоторой степени можетъ составлять загадку и считаться тайною его души.

Проявленія общественнаго сочувствія, по случаю его смерти и погребенія, вызвали много горячихъ словъ о рѣдкихъ качествахъ почившаго архипастыря и вліяніи его на общество Въ свою очередь и мы не можемъ не посвятить памяти усопшаго іерарха нѣсколькихъ строкъ на страницахъ нашего спеціальнаго изданія, и это не по движенію только личнаго нашего чувства къ незабвенному нашему ректору и профессору, но и потому, что многіе годы долгой жизни его принадлежатъ югу Россіи и въ частности Кіеву. Уроженецъ и воспитанникъ рязанскій, онъ свое высшее образованіе получилъ въ академіи кіевской, въ стѣнахъ которой, считая и годы ученія, пробылъ ровно 20 лѣтъ.

Посвящая наше слово свѣтлому имени высокопр. Димитрія, мы не станемъ говорить ни о его происхожденіи и первоначальномъ образованіи, ни о его долгой академической и архіерейской службѣ, ни еще менѣе о полученныхъ имъ по службѣ отличіяхъ. Мы отмѣтимъ лишь тѣ черты въ его личности и тѣ факты изъ его жизни, которые выдвигаютъ его далеко изъ ряда нашихъ знаменитостей вообще и въ частности іерархическихъ.

Начнемъ съ того, что молодой студентъ Климентъ, въ монашествѣ Димитрій, Муретовъ чрезъ два года по окончаніи курса въ

академіи становится ординарнымъ профессоромъ по самой главной и первой богословской каѳедрѣ энциклопедіи богословскихъ наукъ, имѣя у себя экстраординарнымъ профессоромъ инспектора академіи архимандрита Григорія (впослѣдствіи калужскаго епископа), чрезъ другіе два года занимаетъ его административный постъ, а еще чрезъ два года становится во главѣ высшаго учебнаго заведенія, въ должности ректора академіи. Кто и гдѣ можетъ указать примѣръ подобнаго, невѣроятно быстраго возвышенія? И это не въ придворной или военной сферѣ, гдѣ, помимо дарованій и заслугъ, карьера создается иногда какою нибудь случайностію—связями, протекціею, бойкостію рѣчи, даже внѣшностію и ловкостію въ танцахъ, но происходитъ это въ заурядной училищной сферѣ, гдѣ даже особо привилегированное монашество тянуло подъ часъ служебную лямку десятками годовъ. Притомъ академія не стояла тогда такъ одиноко, какъ теперь, на подобіе заѣзжаго двора; ей подчинялись и такъ сказать органически связывались съ нею до полутора десятка духовныхъ семинарій и до полусотни духовныхъ-же уѣздныхъ училищъ. Итакъ архимандритъ Димитрій, спустя шесть лѣтъ отъ окончанія курса въ академіи, былъ не только ректоромъ оной, но вмѣстѣ начальникомъ обширнаго духовно-учебнаго округа, имѣвшимъ подъ собою до 500 подчиненныхъ. Только необыкновенныя дарованія молодаго и никому неизвѣстнаго монаха Димитрія могли создать ему столь необычайно быструю карьеру; ни родство, ни кумовство, ни даже дѣйствовавшее тогда землячество не имѣли тутъ мѣста. Знаменитый въ то время ректоръ кіевской академіи, Иннокентій Борисовъ оцѣнилъ дарованія Димитрія и сдавъ ему свою первенствующую богословскую каѳедру, пожелалъ въ лицѣ его поставить себѣ преемника, менѣе блестящаго, чѣмъ былъ самъ, но болѣе его глубокаго мыслителя, уступавшаго ему въ смѣлости и оригинальности воззрѣній, но превосходившаго его широтою и основательностію сужденій.

Шестнадцать самыхъ лучшихъ лѣтъ своей жизни отдалъ преосв. Димитрій кіевской академіи и оставилъ на ней неизгладимые слѣды своего сильнаго и разносторонняго вліянія; изъ нихъ четырнадцать лѣтъ посвящены имъ главнымъ образомъ разработкѣ богословской науки. Съ свѣтлымъ, воспріимчивымъ умомъ, при необъятной памяти, непрерывными усидчивыми занятіями молодой богословъ достигъ

самой широкой эрудиціи въ избранной имъ научной области, овладѣлъ вполнѣ источниками христіанскаго вѣроученія и всѣми соприкосновенными имъ отраслями знаній и пришелъ къ счастливой мысли примѣненія къ богословской наукѣ историческаго метода. Это было тогда совершенною новостію не только въ богословской наукѣ, но и въ другихъ научныхъ сферахъ; но оно дало его изложенію стройную систему, незыблемую прочность, живость и прелесть новизны. Да, онъ создалъ у насъ богословскую науку, но не въ смыслѣ освобожденія оной отъ схоластическихъ оковъ, какъ утверждаетъ неизвѣстный авторъ замѣтки о немъ въ одной изъ одесскихъ газетъ, а въ смыслѣ установленія стройной системы и правильнаго метода. Какіе слѣды схоластики могли остаться послѣ смѣлаго новатора Иннокентія? Но его новаторство не было объсновано строгонаучнымъ образомъ и его богословствованіе винили въ неологизмѣ; преемникъ его по каѳедрѣ, Димитрій, подвелъ крѣпкій фундаментъ и снялъ съ науки опасный для нея упрекъ. Сравнивая работу этихъ двухъ выдающихся богослововъ, можно сказать, что первый лишь смѣлыми шагами намѣтилъ путь къ зрѣлому богословствованію, а второй разчистилъ этотъ путь и сдѣлалъ его столько-же вѣрнымъ, какъ и безопаснымъ.

Но не въ одной вѣрной постановкѣ и обработкѣ богословской науки состояла заслуга арх. Димитрія для нашей академіи; онъ имѣлъ рѣдкія, неоцѣнимыя преимущества, какъ профессоръ вообще, и ими-то приковывалъ къ себѣ вниманіе слушателей и производилъ на нихъ неотразимое вліяніе. Преимущества эти заключались въ самой серъезной подготовкѣ его къ каждой лекціи, ясномъ и опредѣленномъ представленіи имъ ея содержанія и объема, въ ясномъ-же и солидномъ изложеніи, безукоризненно чистой и даже изящной рѣчи и превосходной дикціи. Мы слушали послѣдній читанный имъ курсъ, который даже не былъ вполнѣ оконченъ имъ, за послѣдовавшимъ назначеніемъ его въ епископа тульскаго. Онъ былъ тогда во цвѣтѣ силъ и развитія, во всеоружіи учености, и не ослабѣлъ ни на іоту въ живости и сочувствіи къ своему дѣлу. Мы живо помнимъ эту высокую, могучую и привлекательную фигуру съ роскошной, какъ смоль черной, бородой. Ровно въ десять часовъ, мѣрнымъ какъ размахи памятника шагомъ, проходилъ онъ изъ своей квартиры, съ другаго конца двора, въ давно знакомую ему аудиторію.

Подойдя спокойною и ровною поступью къ каѳедрѣ и прослушавъ молитву, онъ не всходилъ на каѳедру, не садился за столъ, но сдѣлавъ легкій въ обѣ стороны поклонъ, разъ или два молча проходилъ по классу, а за тѣмъ раздавалось его классическое: „*ну-съ, мы теперь подходимъ*..., или: *хотя*, либо: *съ другой стороны*... и лилась живымъ, все болѣе и болѣе усиливающимся и расширяющимся потокомъ полная ума и знанія рѣчь. Привычнымъ мѣрнымъ шагомъ движется колоссальная фигура лектора въ задъ и впередъ между двухъ рядовъ превратившихся въ слухъ студентовъ; сильный, густой басъ его, съ замѣтною сдержанностію, раздается въ видѣ непрерывнаго, то ослабѣвающаго, то усиливающагося рокота или гула, котораго однако каждый звукъ явственно слышится на всей линіи движенія и на неизмѣнныхъ поворотахъ. Ни на минуту не остановится дивный лекторъ, ни на одномъ словѣ не запнется и не поправится, и никакой у него неточности, ни обмолвки, но самымъ тщательнымъ образомъ обработанная рѣчь. Порой поднимается его голосъ и вы слышите отборныя, блестящія фразы, и снова затѣмъ льется ровная, гладкая, какъ ширь тихаго залива, рѣчь. Въ рукахъ у него ни книжки, ни тетрадки, ни какого-либо клочка бумаги, а между тѣмъ лекція переполнена подъ часъ ссылками, цитатами, выдающимися свидѣтельствами, и все это, отъ словъ до цифръ страницъ, приводится съ поразительною точностію по памяти. А лекціи тогда были двухъ-часовыя; и такъ отъ звонка до звонка, три и четыре раза въ недѣлю, а въ иные курсы и каждый день. Присоедините къ этому многочисленныя и разнообразныя занятія знаменитаго профессора по званію ректора академіи и начальника округа, по должности члена консистеріи, редактора журнала и настоятеля монастыря, прибавьте нѣкоторыя знакомства и частыя служенія, особливо съ митрополитомъ и иногда съ длинными и накладными обѣдами, и тогда ясно будетъ, какой необычайный талантъ и какая масса труда требовались для тѣхъ лекцій, которыя мы по далекой памяти очертили. Признаемся, во всю нашу жизнь мы не слышали ничего совершеннѣе этихъ чтеній. Намъ памятны въ особенности восхитительная аналогія, которую проводилъ высокоталантливый нашъ профессоръ между ветхозавѣтными пророчествами о евреяхъ и ихъ историческою судьбою, современнымъ соціальнымъ положеніемъ, нравственными и физическими чертами, равно та естествен-

ность, простота и психологическая вѣроятность, съ которыми объяснялъ онъ мистико-аллегорическое ученіе о мытарствахъ. Тамъ видна была тонкая кисть художника, здѣсь глубокій анализъ психолога и вмѣстѣ глубоко вѣрующаго человѣка.

Но изъ всей груды умственныхъ сокровищъ, которыя разсыпалъ нынѣ усопшій іерархъ въ своей аудиторіи, въ теченіи 16-ти лѣтъ, не осталось ни одной строчки записанной его рукою. Въ каждомъ курсѣ академическомъ въ числѣ студентовъ было два-три самоучки-стенографы, которые записывали каждую лекцію Димитрія въ классѣ, дополняли, сводили и редажировали записи дома и такимъ образомъ имѣли по чемъ готовиться къ экзамену. Каждый курсъ имѣлъ по этому особыя списки лекцій Димитрія, которыхъ онъ однако никогда не видѣлъ и которые потомъ неизвѣстно куда дѣвались. Лишь въ X курсѣ студентомъ Н. Оглоблинымъ (впослѣдствіи ключаремъ кіево-софійскаго собора) составлена была самая полная и точная запись всѣхъ лекцій Димитрія, которая, по разсмотрѣніи ея самимъ лекторомъ, перешла къ товарищу Оглоблина, извѣстному потомъ митрополиту Макарію Булгакову и разработана имъ самостоятельно въ составившее ему извѣстность „Введеніе въ курсъ богословскихъ наукъ“.

Полную цѣну чтеніямъ арх. Димитрія мы узнали лишь тогда, когда на стулѣ, на которомъ онъ никогда не садился, возсѣлъ маленькій ростомъ, слабый здоровьемъ и голосомъ, рыжеволосый и въ добавокъ пришепѣтывавшій докторъ богословія, арх. Антоній Амфитеатровъ и разложивъ по столу книги и тетради, началъ трактатъ о таинствахъ, прерываясь, поправляясь и заглядывая поперемѣнно то въ книги, то въ тетрадь. Это былъ отличный администраторъ, прекрасный человѣкъ, не дюжиннаго даже ума и знаній, но слушать его послѣ Димитрія не было ни малѣйшей охоты, и явился онъ точно для того, чтобы оттѣнить собою исполинское обаяніе проф. Димитрія.

Въ свою очередь безсмертный профессоръ не обладалъ талантами администратора и организатора и если такъ долго держалъ на извѣстной высотѣ и академію и другія зависѣвшія отъ него учрежденія, то единственно необъятною силою своего нравственнаго авторитета, своею безконечною добротою и любовію, которыми онъ безъ словъ и училъ, и наставлялъ, и приказывалъ, и наказывалъ,

и обязывалъ, и привязывалъ всѣхъ къ себѣ. Въ бытность свою инспекторомъ академіи онъ какъ-то въ поздній вечеръ нашелъ на академическомъ дворѣ подгулявшаго гдѣ-то и совсѣмъ свалившагося съ ногъ студента. Молча, поднялъ онъ его съ земли, взялъ подъ руку, привелъ въ номеръ и пропустивъ въ слегка приотворенную имъ-же дверь, быстро скрылся. Проспавшись, виновный радъ былъ сквозь землю провалиться, а своеобразный цензоръ студенческихъ правовъ такъ и не звалъ его къ себѣ. Въ послѣдніе годы ректорства Димитрія сочиненъ былъ извѣстный акаѳистъ *кукурузѣ*, не вызвавшій, конечно, никакого преслѣдованія съ его стороны, равно случился знаменитый бунтъ студентовъ изъ-за поданной въ столовой рыбы *тарани* съ холодной подливой изъ гречневой крупы. Когда наши старшіе явились къ ректору съ своимъ мышинымъ протестомъ, онъ, выслушавъ съ обычнымъ спокойствіемъ ихъ рѣчь и даже ссылку на высочайшій указъ, воспрещавшій якобы употребленіе *тарани*, сказалъ всегдашнее свое „хорошо-съ", поклонился и удалился во внутренніе покои, а на другой день въ столовой явилось нормальное росписаніе блюдъ, отъ котораго мы, избалованные отчасти тѣмъ-же добрымъ ректоромъ (*тарань* явилась какъ-то случайно), желали избавиться еще болѣе, чѣмъ отъ ненавистной *тарани*, въ чемъ и успѣли проявленными нами терпѣніемъ и послушаніемъ...

Проводы Димитрія изъ академіи, по назначеніи его епископомъ тульскимъ, были въ высокой степени трогательны и ничего подобнаго имъ не приходилось уже намъ встрѣчать когда либо въ жизни. Въ этотъ день не было у насъ ученія и мы помянули его по *студенчески*... Не было, кажется, шалости, ребячества, которыя не прощались-бы теперь ради великаго имени нашего учителя. Обнимались, цѣловались, прощали другъ другу обиды, клялись служить наукѣ, любить другъ друга..., гурьбой ходили въ квартиру Димитрія, садились на его мебель, глядѣли на опустѣлыя отъ книгъ шкафы, шли въ аудиторію и снова возвращались въ 5 № тушить скорбь въ винѣ. Поднимался шумъ, гамъ разгоряченныхъ головъ. Вдругъ кто-то изъ студентовъ вскакиваетъ на столъ и высоко поднимаетъ портретъ Димитрія. Всѣ, какъ одинъ, преклонились передъ нимъ и послышалось глухое рыданье...

Въ архіерейскомъ званіи преосвященный Димитрій пробылъ тотъ срокъ, какимъ приблизительно исчисляется срокъ жизни Іисуса

Христа,—тридцать три съ половиною года, и былъ живымъ воплощеніемъ Его ученія о пастырѣ *добромъ*. Изъ Тулы (1851—1857) онъ переведенъ въ Одессу, отсюда въ Ярославль, оттуда, по собственному желанію, перешелъ въ Житоміръ и наконецъ опять возвратился въ Одессу. Съ принятіемъ епископскаго сана, славный доселѣ богословъ профессоръ, совсѣмъ оставилъ науку, чтобы она не мѣшала ему, какъ нѣкоторымъ другимъ, въ исполненіи пастырскихъ обязанностей. Вся жизнь его отселѣ посвящена богослуженію, проповѣди, управленію и самой широкой благотворительности. Его благоговѣйное служеніе производило глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ и невольно влекло къ молитвѣ; его проповѣдь исполнена была высокой христіанской мудрости и назиданія, согрѣта была всегда теплымъ христіанскимъ чувствомъ, дышала высокимъ и сильнымъ краснорѣчіемъ и чужда была вовсе модныхъ словъ и фразъ легкаго, игриваго изложенія, нѣкотораго какъ-бы фельетонизма, которые, къ глубокому прискорбію вѣрующихъ, проторгаются теперь и на церковную каѳедру; его благотворительность не знала границъ и въ соединеніи съ кротостію, добротою и смиреніемъ, создала ему ту феноменальную популярность, которая сказалась въ особенности теперь при его погребеніи и предъ которою становятся въ тупикъ газетчики, не находящіе словъ для выраженія удивленія къ личности почившаго архипастыря. А онъ ничего болѣе не дѣлалъ, какъ только буквально выполнялъ заповѣдь Христа Спасителя: *просящему у тебя дай и хотящему у тебя заяти не отврати.*

Чтобы наглядно представить, какъ онъ выполнялъ эту заповѣдь, приведемъ два слѣдующіе, едва-ли кому извѣстные случая. Еще въ бытность арх. Димитрія ректоромъ академіи мы видѣли, какъ приходили къ нему и выходили отъ него, особливо по субботамъ, десятки не простыхъ только уличныхъ нищихъ, но и другихъ бѣдныхъ людей. Все большое его содержаніе уходило на нихъ и не рѣдко, не имѣя чего дать, онъ бралъ деньги въ займы у своихъ келейниковъ. Разъ приходитъ къ нему какой-то военный и назвавшись полковникомъ, проситъ въ займы 1,000 р., заявляя, что отъ этого зависитъ судьба его и его семьи. Не входя ни въ какіе распросы, добрый архимандритъ прошелъ молча въ кабинетъ, вынесъ оттуда толстый свертокъ и подавая просителю, сказалъ: „извините, полковникъ; ей, нѣтъ у меня такой суммы, а вотъ, сколько наш-

лось, прошу принять". Въ сверткѣ было 600 р., но ни ихъ, ни полковника онъ ужъ больше не видалъ.

Другой случай.—Въ Тулѣ къ преосвященному Димитрію приходитъ какъ-то бѣдная мѣщанка и проситъ у него въ займы *два* рубля. Пошарилъ онъ въ карманахъ,—пусто, въ столахъ тоже; пошелъ къ келейнику, къ другому, во всемъ архіерейскомъ домѣ не нашлось *двухъ* рублей. Спрашиваетъ онъ мѣщанку: „да на что тебѣ, матушка, два рубля?" думая, нельзя-ли какъ-нибудь иначе ей помочь. „Да вотъ, отецъ ты мой, говоритъ она ему, мужъ у меня померъ. Горе мое горькое! Гробъ-отъ кой-какъ сколотили, яму роютъ тожъ, да вотъ попъ за похоронъ два цѣлковыхъ запросилъ, и иначе, говоритъ, и хоронить не стану. Я его просить, а онъ насупротивъ: да у меня говоритъ, мать моя, у самого семеро ребятишекъ, тоже хлѣбушка просятъ... Займи!—Да гдѣ занять-то? Вотъ и пошла къ тебѣ. Коровушку-то какъ продамъ, всѣхъ одѣлять буду, и тебя не забуду... Право слово!" „Право, матушка, теперь денегъ у меня не случилось, отвѣчалъ ей пастырь добрый; да ты однако не безпокойся, иди домой, я самъ буду хоронить твоего мужа". И тотъ часъ послалъ сказать священнику, что самъ будетъ на выносъ, служеніе и отпѣванье. Пріѣхалъ, поднялъ покойника отъ лачуги и въ церковь проводилъ; служилъ всенощную, на другой день обѣдню, сказалъ поразительное своею умилительностію слово, и совершивъ отпѣванье, проводилъ гробъ на кладбище и пригласилъ собравшихся во множествѣ священниковъ къ себѣ на поминальный обѣдъ. Во все время владыка не проронилъ слова о случаѣ, по которому отпѣвалъ бѣдняка; только по окончаніи обѣда, отпуская сослужившихъ ему іерсевъ, онъ подошелъ къ приходскому и кротко подалъ ему два рубля. Тотъ радъ былъ сквозь землю провалиться, но владыка всунулъ ему въ руку два рубля, кротко говоря: „видите-ли, я служилъ по доброй моей волѣ, а вы вѣдь тѣмъ живете; жалованья вамъ не даютъ, откуда-же взять?"

Къ этимъ двумъ случаямъ прибавимъ третій, свѣжо переданный въ одесскихъ газетахъ, переполненныхъ подробностями невиданнаго и неслыханнаго сочувствія, какое проявляли всѣ классы и всѣ національности одесскаго населенія, провожая въ могилу скончавшагося своего архипастыря.—Въ недавнее уже время приходитъ къ нему какая-то вдова и проситъ пособія. „Право, не случилось

теперь у меня денегъ, отвѣчаетъ высокопреосвященный Димитрій; не зайдете-ли какъ-нибудь послѣ?“ Въ это время подаютъ ему пакетъ съ деньгами, отъ какого-то семейства, въ которомъ онъ не давно хоронилъ, и онъ не вскрывая пакета, отдаетъ его вдовѣ съ словами: „а вотъ Богъ на ваше счастье посылаетъ“. Вдова выходитъ и вскрываетъ пакетъ; въ немъ оказалось 300 р. Пораженная суммой, о которой ей въ голову не приходило, она возращается къ архіепископу, объявляетъ случившееся и отдаетъ обратно пакетъ, заявляя, что такой суммы она не смѣетъ взять. „Ну, что-жъ? отвѣчаетъ онъ ей. Это значитъ Господь на ваше счастіе послалъ. Возьмите!“ и съ этими словами оставляетъ растерявшуюся вдову.

Довольно... Это-ли не „гуманнѣйшій человѣкъ нашего времени“, какъ неумѣло назвалъ его какой-то мѣстный газетчикъ? Это-ли не величайшій изъ святителей земли русской, достойный занять мѣсто въ народной памяти на ряду съ именами св. Димитрія Ростовскаго и св. Тихона Задонскаго? Двадцать пять лѣтъ назадъ богомольная Тула продержала его весь прощальный съ нею день въ соборѣ и близъ собора, ловя его послѣднее благословеніе, и не давъ ему подкрѣпить себя въ путь хотя глоткомъ чаю, провезла его на своихъ хребтахъ нѣсколько верстъ за городъ. Нѣсколько лѣтъ спустя разноплеменная и коммерческая Одесса молила оставить ей дорогаго святителя и, когда мольба ея не была услышана, силилась какъ-бы удержать или догнать его на желѣзнодорожномъ поѣздѣ. Теперь все ея фешенебельное, черство-коммерческое, или чиновное, и простое вѣрующее, и даже не вѣрующее во Христа еврейское населеніе проводило въ могилу гробъ его съ неслыханными чествованіями и горячими слезами. По истинѣ великъ святитель, къ гробу котораго по пути погребальной процессіи неслись вопли народные: „не оставь насъ, святой угодникъ!“ и который даже въ игривомъ фельетонистѣ вызвалъ такія сердечныя слова: „Звѣзда померкла... Но и этого мало: померкло солнце, которое насъ живило, согрѣвало и питало. Перестало биться величайшее сердце, какое когда-либо было въ человѣчествѣ“. По истинѣ великъ тотъ христіанскій пастырь, который своею жизнію способенъ вызвать такія чрезвычайныя признанія! Его смерть и погребеніе явились всенароднымъ торжествомъ христіанскаго принципа: *любите другъ друга!*

Да живетъ этотъ дивный святитель въ памяти народной и да живетъ вмѣстѣ съ тѣмъ выполненный имъ до конца завѣтъ Христовъ о любви къ ближнимъ!

Ѳ. Л—въ.

КОЛЯДКА И ВИРША.

I.

По саду, саду
Павличко ходивъ,
Ой дай, Боже!
По саду, саду
Павличко ходивъ,
Святый вечіръ!
По саду ходивъ,
Коника водивъ.
Ой дай, Боже!
По саду... и такъ далѣе
Святый вечіръ!
Коника водивъ,
Съ коникомъ говоривъ:
Ой дай, Боже!
Коника...
Святый вечіръ!
„Ой, коню, коню!
Я тебе продамъ“.
Ой дай, Боже!
„Ой, коню...
Святый вечіръ!
—„Молодый Павличко,
Не продавай!
Ой дай, Боже!
—„Молодый Павличко...
Святый вечіръ!
—„Я тебе перевезу
Черезъ тихий Дунай,
Ой дай, Боже!
—„Я тебе...
Святый вечіръ!
—„Я тебе перевезу,
Ни копитця не замочу,
Ой дай, Боже!
—„Я тебе...
Святый вечіръ!
—„Ни копитця не замочу,
Ни стремена, ни стрілочка.
Ой дай, Боже!
—„Ни копитця...
Святый вечіръ!
—„Ни золотого сідльця,
Ни Павличка молодця!“—
Ой дай, Боже!
—„Ни золотого сідльця,
Ни Павличка молодця!“—

II.

Я маленький пахоликъ
Родивсь у вівторокъ,
У середу рано
Мене до школы ддано;
Я йду, плачу,
Стежки не бачу,
Двери відчиняю,
Съ празничкомъ поздоровляю.

С. Нова Водолага, валк. у., харьк. г.

КЪ ПОРТРЕТУ КНЯГИНИ СОФІИ ОСТРОЖСКОЙ.

Чтобы въ короткихъ словахъ характеризовать лице, портретъ котораго мы прилагаемъ, достаточно было-бы сказать, что это жена князя Константина Константиновича Острожскаго. Потомокъ знатнѣйшей отрасли великокняжескаго дома Владиміра св., сынъ знаменитаго гетмана литовскаго, самъ еще въ юные годы прославившій себя воинскими и гражданскими доблестями, образованнѣйшій человѣкъ своего времени—онъ долженъ былъ имѣть и жену соотвѣтственныхъ достоинствъ. И какъ ни скудны источники, изъ которыхъ можно было извлечь хотя мелкія черты для опредѣленія личности княгини Софіи Острожской, мы не можемъ не сказать, что она была вполнѣ достойна славнаго своего мужа по своимъ, родовымъ и личнымъ, душевнымъ и физическимъ, качествамъ.

Родъ графовъ Тарновскихъ въ извѣстныхъ польскихъ гербовникахъ Нѣсецкаго и Папроцкаго считается столь-же почти древнимъ и знатнымъ, какъ и родъ князей Острожскихъ. Отецъ Софіи Острожской, Янъ Тарновскій былъ каштеляномъ краковскимъ и маршаломъ короннымъ, а братъ ея, тогоже имени, каштеляномъ войницкимъ, сама-же Софія единственною наслѣдницею обширныхъ родовыхъ имѣній въ Галиціи—Тарнова, Горличина, Преворска, Вевюрки и др. Не другое что, какъ высокія внѣшнія и внутреннія качества Софіи и душевное влеченіе могли побудить князя Константина избрать себѣ жену-польку, когда въ то время было еще такъ много знатныхъ русскихъ княжескихъ и иныхъ родовъ, а выказанная имъ въ послѣдствіи такъ блистательно ревность по вѣрѣ отцевъ и желаніе удержать въ ней своихъ дѣтей могли ставить ему въ этомъ дѣлѣ самую серъезную преграду. Кто знаетъ, не предшествовало-ли браку согласіе Софьи быть одной вѣры съ мужемъ; по крайней мѣрѣ мы нигдѣ не находимъ указанія на то, чтобы она оставалась католичкою и чтобы въ острожскомъ замкѣ былъ костелъ, а ее окружали-бы католическіе патеры. Извѣстно, какъ сурово отнесся Константинъ къ старшему сыну своему Янушу, когда тотъ, живя въ молодые годы при королевскомъ дворѣ, принялъ католичество, и какъ боялся онъ, чтобы таже судьба не постигла и другихъ его сыновей. Трудно допустить, чтобы онъ мирился въ католичествомъ въ лицѣ своей жены, или въ виду ея такъ строго и ревниво оберегалъ православіе своихъ дѣтей. Если въ эпитафіи

на надгробномъ памятникѣ Софіи, устроенномъ самимъ Константиномъ, послѣ перечисленія всѣхъ ея добродѣтелей, и значится, что она прожила въ вѣрѣ католической (in fide catholica), то мы не можемъ понимать этого слова иначе, какъ въ его первоначальномъ собственномъ смыслѣ—правовѣрный или православный, ибо иначе оно не горманировало-бы и съ высоко хвалебнымъ тономъ эпитафіи и съ всегдашнимъ религіознымъ настроеніемъ князя Константина. Какъ бы однако ни было, но допуская даже, что Софія и по выходѣ въ замужество оставалась въ католичествѣ, мы еще менѣе сказать можемъ, чтобы она была проникнута сколько нибудь религіознымъ фанатизмомъ того вѣка и внесла какую либо рознь въ семью своимъ иновѣріемъ. Если они сошлись въ толерантности, которую въ другихъ случаяхъ проявлялъ и самъ князь Константинъ, то это только свидѣтельствуетъ о ея высокомъ умѣ и развитіи.

Когда и при какихъ обстоятельствахъ грабянка Софія Тарновская стала невѣстой и женой князя Константина Острожскаго, объ этомъ мы не имѣемъ ровно никакихъ свѣдѣній. Изъ упомянутой уже эпитафіи узнаемъ, что Софія умерла 36-ти лѣтъ отъ роду, спустя четыре недѣли послѣ рожденія сына Александра, 1-го іюля 1570 г., и погребена въ фамильномъ склепѣ, въ родовомъ Тарновѣ. Братъ ея умеръ тремя годами и тремя мѣсяцами раньше ея и всѣ обширныя имѣнія гр. Тарновскихъ слились съ имѣніями князей Острожскихъ. Кромѣ извѣстныхъ уже сыновей, у ней были двѣ дочери: Екатерина, вышедшая за троцкаго каштеляна Радзивила и умершая, какъ и мать, послѣ родовъ въ 1579 г., и Елисавета, бывшая въ замужествѣ за Кишкою, старостою жмудскимъ, а потомъ ставшая женою того-же Радзивила.

Латинская эпитафія [1]) Софьѣ Острожской, приводимая у Папроцкаго и составленная по меньшей мѣрѣ съ вѣдома и согласія убитаго горемъ мужа „возлюбленнѣйшей супруги“, даетъ ей такую характеристику: „урожденная изъ фамиліи знаменитыхъ гражданскими и военными доблестями графовъ Тарновскихъ, прекраснѣйшая нравомъ и лицемъ, а прежде всего величіемъ духа, мудростію, благородствомъ, ласковостію, любовію къ Богу и милосердіемъ къ людямъ, и другими драгоцѣннѣйшими и по истинѣ герои-

---

[1]) Herby Rycerstwa polsk. Paprockiego. Krakow. 1858., стр. 485 – 86.

ческими добродѣтелями преукрашенная". Источникъ этотъ мало имѣлъ-бы для насъ значенія въ опредѣленіи личности княгини Софіи, если-бы въ самомъ изображеніи ея, какъ оно дошло до насъ, не видны были ясные слѣды ума, сосредоточенности, благородства, изящества, мужества и красоты. Много и то значитъ для ея свѣтлой памяти, что въ актахъ того времени, гдѣ такъ много самыхъ скандальныхъ процессовъ, въ которыхъ непривлекательнымъ образомъ фигурируютъ знатнѣйшія женщины княжескихъ и графскихъ фамилій, нигдѣ не проскользнуло какой либо темной чертой и даже вовсе не примѣшалось къ нимъ чистое имя княгини Софіи Острожской. Безъ сомнѣнія, кромѣ счастія супружескаго, она внесла въ домъ своего мужа все, что лучшаго и изящнѣйшаго выработала тогдашняя польско-русская и европейская культура.

Прилагаемый портретъ княгини Острожской имѣетъ, конечно, гораздо большее значеніе археологическое, нежели историческое. Здѣсь въ самомъ полномъ видѣ самый дорогой и самый изящный головной и весь остальной нарядъ южно-русской женщины—княгини XVI в., о которомъ мы доселѣ ни какого представленія не имѣли. Предоставля археологамъ разобрать и изслѣдовать всѣ эти „златоглавы, среброглавы" и другія части наряда, мы замѣтимъ только, что въ сходствѣ портрета, заимствованнаго изъ той-же галлереи князей Вишневецкихъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, Видѣвъ подлинникъ его, принадлежащій теперь А. М. Лазаревскому, мы пожалѣли о томъ, что снятая прежде очистки портрета фотографія не могла схватить замѣчательно тонкой и стройной фигуры княгини, какая явственно видна на подлинникѣ портрета.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ VII томѣ «Кіевской Старины» *).

А.

Абтай султанъ, ханъ киргизскій, 473.
Августъ II, кор. польск., 685.
Аверкя, Гавріилъ и Степанъ, авторы лѣтоп. гор. Витебска, 289.
Аджамка, мѣст., 167—170, 186, 188.
Аджамка, р., 166.
Азовъ, крѣп., 546, 598—600.
Айдаръ, р., 309.
Акмечеть, м., 185.
Александровскъ (екатер. губ.), см. Московка.
Александръ Казиміровичъ, вел. кн. лит., 561, 668—669.
Александръ I, импер., 116, 123, 131—134, 533, 690.
Алексѣй Михайловичъ, царь, 572.
Андреевскій, Ал., въ рец. его сборника: «Истор. матер. и пр.», 50, 328 и 493—495.
Андріевскій М.; его статья «Лѣтописный Юрьевъ на Роси», 1—38.
Анна Іоанновна, имп., 582.
Аннополь, м. вол. губ., 368.
Анпыновка, с. чер. губ., 109.
Антоновичъ, В. Б., проф. у-та св. Влад. его рецензіи, 493—496, 665—671
Апраксинъ, ген., 49.
Арабскій, Гаврило, подписокъ домопт. сотни, 415—416.
Артополоть, гор. въ Закавказьѣ, 564.
Аршаневскій, Іона, участв. въ сост. Румянц. описи, 410.
Аѳанасій, еписк. луцкій, см. Пузына.
Аѳанасьевъ, изв. этнографъ, 398.

Б.

Бабакъ, асаулъ каратульскій, 415—416.
Бавыкинъ, воев. изюмскій, 615, 630.
Багалѣй, Д. И., доц. харьк. у-та, его статьи: «Генеральная опись Малороссіи», 402—432, и «Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ XVII и XVIII ст.», 560—592.
Байбузы, дворяне, 565.
Балабанъ, Гедеонъ, епископъ львовскій, 674.
Балаклава, портъ на бер. Черн. моря, 196—197.
Балта, гор. (нынѣ под. губ.), 141, 158, 159, 185, 258.
Баперъ, полк., 86.
Барановичъ Лазарь, архіеп. черн., 511.
Барвинкова стѣнка, запорож. слоб., 614, 629 634.
Бартошевичъ, польск. пис., 76.
Баръ, гор., 363.
Баторій, Стефанъ, кор. польск., 525, 615.
Battaglia, баронъ, польск. пис., 675.
Батуринъ, гор., имѣніе гр. К. А. Разу-

*) Цифры означаютъ стр. тома.

мовскаго († 1803 г.), 109, 432.
Бахмутъ, гор. (екатер. губ.), 138,598—601, 614, 632.
Бахчисарай, резид. крымск. хановъ, 141.
Безбородко, писарь генер., 459.
Бендеры, гор.; вступленіе арміи Крымъ-Гирея, 181.
Беневскій, польск. гр. XVIII ст., авантюристъ, 444—446.
Берда, р., 138.
Березань, крѣп. на Кубани, 531.
Бершадскій, С. А.; разборъ его книги: «Литовскіе евреи», 665—671.
Бестужевъ-Рюминъ, гос. канцлеръ, 430.
Бетъ-Эшива, раввинское въ гор. Острогѣ училище, 342.
Бибиковъ, ген.; его дѣйствія противъ Пугачева, 448.
Бильбасовъ, гор., въ ныи. хар. губ., 633.
Биликовъ бродъ, слобода, 566.
Бишкино, с., лебедин. у., 310.
Біевцы, с., лубенскаго у., 302.
Богодуховка, с., 573.
Богословское на Кубани село, 544.
Богоявленская въ гор. Острогѣ церк., 343, 370—373.
Бодянскій, О. М., проф. моск. у-та, 370, 516—518.
Боженковъ, прапорщ., начальникъ торскій XVIII в., 631—633.
Богогардовская паланка, 185—186.
Борецкій, Іовъ, кіевск. митропол. 512.
Борзна, гор. черн. губ., 109, 697.
Борзобогатая, (Красинская) Анна, племянница еп. влад. Іоны, 331.
Борисъ Оедоровичъ (Годуновъ), царь, 380.
Бороздны, дворяне солобод. укр., 571.
Боромля, р., 309.
Боромля, слоб., 309—312.
Борсукъ, обозный кіевскій, 411.
Боршинскій Янъ, ректоръ острожскаго іез. коллегіума, 344.
Борщаговка, м., мѣсто казни Кочубея и Искры, 519.
Босый Ив., жит. Почаева; его видѣніе, 682—683.
Ботухаръ, гор., 150—152.
Браницкій, Францъ-Ксаверій, корон. гетм., 44, 59, 60, 77, 257, 494, 595.
Бринкъ, бригадиръ, 255, 262, 598.
Брестъ (Литовскій); братства въ немъ; упом., 667.
Букаръ, волын. помѣщ. XVIII ст., 40, 67.
Бугъ, р., 1—38, 138, 185.
Буджакскіе татаре, ихъ набѣги, 155, 193.
Быховецъ, Мих., товарищъ бунчуковый, 389—391.
Быстрикъ, гор.; разсазкъ о его заселеніи, 587.
Бѣлая Церковь, м., 23.
Бѣлгородъ, гор., 19 и слѣд.
Бѣлоберегъ, имп. А.-Алоизы, кн. Острожской, 344.
Бѣлгородская на Кубани стан., 541, 542.
Бѣржинскій, Іоасафъ, подкоморій житомирскій, 66, 82.
— Онуфрій, каштелянъ житомирскій, 66.

В.

Велевскій, Мих., воев. сѣрадзскій, 103.
Валки, гор., шпиталь въ немъ, 310.
Валкевичъ, Зосима, архим. кіево-печ. лавры, 468.
Варва, гор., 564.
Василій, свящ. Острожскій, 423.
Василько Ярополчичъ, кн. Михайловскій, 21.
Введенская кіево-под. церк., 133.
Вейсбахъ, баронъ, кіев. ген.-губ., 610.
Величко, Самойло, южно-рус. лѣтоп., 581.
Вельяминовъ, ген. (заселеніе Кубани), 538.
Вепрейскій, поручикъ, участн. усмиренія гайдамакъ, 256—257, 266, 268.
Вепрь, р., 291.
Веселовскій, Ал., академикъ, авт. кн. «Старинный театръ въ Европѣ», 548.
Викторъ Черняевъ, архим. нѣжин. благовѣщ. мон., 109.
Викторъ Садковскій, еписк. черн., 102.
Винница, гор., 363.
Винницкій, іез. коллегіумъ, 344.
Витебскъ, гор., 287—290 (въ разб. кн. «Витебская Старина»), 297, 471.
Витичевъ, гор. надъ Днѣпр., 6, 7 и слѣд.

Витовтъ, вел. кн. литовскій; его отношенія къ евреямъ, 667—668.
Виттъ, кам.-под. комендантъ XVIII ст., 54.
Вишневецкій, кн., 527, 565, 568, 570.
Владиміръ, кн. пинскій, 524.
Владиміръ Мономахъ, 27.
Владиміръ св., в. кн. кіев., 116, 128 и 524.
Владиміръ-Волынскій гор., древн. въ немъ церковь 129.
Владиславъ IV, кор. польск., 339, 563.
Водяная, р., 602.
Воейковъ, Ѳед. Матв., ген.-губ. кіев., 52, 142, 190, 257, 620 и 623.
Вознесенская на Кубани стан., 538.
Войцицкій, авт. книги «Teatr starożytny w Polsce», 550.
Войнаровскіе, дворяне, 329.
Волконскій, кн., рус. резид. въ Варшавѣ, 260.
Володарка, сквир. у., мѣст., 327.
Волчья, р., 601, 602.
Воронежъ, гор., 586.
Вороничъ, каштелянъ белзскій, 65.
Воротницы, гор., 573.
Ворскла, р., 309, 564, 565, 568.
Всеволодъ Ольговичъ, в. кн. кіев., 10, 12 и слѣд.
Всеволодъ Юрьевичъ, кн. суздальскій, 14.
Вуичъ, рус. ген. временъ Екат. II, 58.
Вурмъ, маіоръ, одинъ изъ усмирит. укр. возстанія 1768 г., 257, 268.
Выговскій, гетм., 292.
Выдубицкій мон. близъ Кіева, 114, 127.
Вышгородъ, гор. (нынѣ село), 4, 115.
Вячеславъ, кн. переяславскій, 13.

Г.

Гаваттовичъ, Яковъ, авторъ «2 интермедій XVII в., 652—656.
Гавріилъ Бодони, митр. кіев., 92.
Гадячъ, гор., 564.
Галаганъ, Григ. Игнат., прилуц. полков., 452—466.
Галаганъ, Григ. Павл., членъ госуд. сов., 452, 549, 551.
— Иванъ Григ., 453, 455, 460—461.
— Игнатій, родонач. фам. Галагановъ; его универсалъ, 452—458.
Галятовскій, Іоанникій, южно-рус. ученый XVII ст., 511, 682.
Гамалѣя, асаулъ генеральный, 575.
Ганна Монтолтовна, земянка волынская, 330.
Гараджа, полк. запорож., 614—633.
Гарды, оборонит. посты у запорож., 138.
Гаркуша, изв. атаманъ разб., 517.
Гостуня-Никола, мѣсто рожд. первопечатника русск., Ивана Ѳедорова, 673, 694.
Гатцукъ, А., ред.-изд. «Газеты», авторъ «Письма въ редакцію», 516—518.
Гелехъ, асаулъ войск. запор., 634.
Генуезцы, ихъ владѣніе Кафой, 196—197.
Георгій, митр. кіев., 4.
Гербестъ Бенедиктъ, іезуитъ, 482.
Гижицкій, хорунжій кіев. 65.
Гизель Иннокентій, архим. кіево-печ. лавры, 511.
Гильдебрандтъ П. А., разборъ его книги: «Памятники полемич. литературы въ зап. Руси», 481—484.
Гировка, с., 587.
Глемязовъ, слоб., 566.
Глинскіе, кн., 561, 564, 565.
Глуховъ, гор., 109, 459.
Гойская, Анна, основательница. поч. мон., 330, 683—684.
Голая долина, мѣстность близъ Тора, 639.
Голицынъ, кн., ген. врем. Екат. II, 58, 448, 450.
Голтва, слобода, 566, 567, 577.
Голубевъ, С. Т., перев. «Апокрисиса», 483, 326—320.
Гонта Ив., уманскій сотн., 51, 256, 258.
Гонцы, с., 308.
Гончарка, д., 187.
Горленко, Дмитрій, полк. прилуцкій, сторонникъ Мазепы, 457.
Горностаева Елена (урожд. Чарторыйская), фундаторша пересопницк. мон., 330.
Городище, остр. на Днѣпрѣ, мѣсто Сѣчи, 498.
Горскій, протоіер., авт.: «Описанія рукоп. моск. синод. библ.», 481.
Гощъ, м., 366.
Грабина Ал., авт. малор. кн. и разск., 492, 701—703.

Греченко, авт. монографіи «Село Великая Павловка», 679—680.
Грибоѣдовъ, лейбъ-гвард. поруч. 632.
Гриневецкая, кастелянша каменец., 61.
Гродно гор., 667.
Грохольскій Антоній, сынъ мечника корон., 86.
Губа, атам. запорож., 258, 259.
Гудовичи, графскій родъ, 453.
Гудовичъ, графъ, 536.
— Гальшка, 330.
Гумиліовичъ, польск. истор. пис., 666.
Гуннъ-фонъ Отто, авт.: «Замѣчаній по дорогѣ изъ Москвы въ Малороссію, 453.
Гуня, малорос. гетманъ, 136.
Гурьяновъ, кн., 123.
Гуцловъ, иначе Козловъ, нынѣ Евпаторія, 197.

Д.

Даль Влад. Ив., ученый, писат., авт. «Толков. словаря», 25, 396.
Дальке-фонъ, ген.-поручикъ, участн. усмиренія гайдамакъ, 256, 262—265
Данило, еписк. гюргевскій, 10.
Даніилъ Романовичъ, кн. галицкій, 291.
Дараганъ Ефимъ, полк. кіев., 454 и 467.
Дверницкій, польск. ген., 690.
Двигубскіе, помѣщ. слоб. Украйны XVIII ст., 617.
Деколонъ, ген, нач. сибир. корпуса, 443—450.
Демьянъ, еписк. гюргевскій, 17, 18.
Деныско, подсуд. кременецкій, 79, 80.
Державинъ Гавр. Ром., поэтъ, министръ юст., 520.
Деркачи, гор. харьк. у-да, 310.
Дертенъ, ротмистръ, 267, 269.
Десницкій Михаилъ, еписк. черниг., впослѣд. митр. петербургскій, 119.
Дежгала Яковъ Самойл., 578.
Дзержекъ, бригадиръ, 51.
Дзѣвовичъ, архиваріусъ малорос. коллегіи, 413.
Дзѣвовка, р., 511.
Димитрій, архіеп. хер., некр. его, 702—716
— Туптало, митр. ростов., 482, 549, 550.
Днѣпръ, р., 132, 495 и 565.
Днѣстръ, р., 192, 193.
Добронизскій Ив., сотникъ переяслав., 178, 589.
Добрянскій Самуилъ, игум. почаев., 685.
Довгалевскій Митрофанъ, проф. кіев. акад. XVIII ст., 653, 655.
Домонтовъ, м., 578—579.
Долгорукій И. М, кн., 95, 120.
— В. М., кн., 617, 621, 627.
— Н. М., кн., 88.
Домбровскій, писатель, 358.
Донецъ Сѣв., р, 138, 309, 611, 615.
Досиѳей, еписк. сѣвскій, 108.
Драгомановъ, изд. сборника южно-рус. сказокъ и пѣсенъ, 50, 555.
Драный, атаманъ м. Ташлыка, 256, 265, 266.
Дубенскій кресто-воздвиж. мон., 684.
Дубовичи, с., 586.
Дубравскій, судья житомирскій, 49.
Дубровскій, шляхтичъ, 591.
Дурная, р., 602.

Е.

Евдокимовъ, графъ, колонизаторъ Кубани, 540—541.
Едисанскіе татаре; ихъ набѣги, 138, 155.
Екатерина II, имп., 111, 139, 142, 190, 428—430, 529, 531, 533.
Екатерина Павловна, вел. княжна, 127, 133.
Екатеринодаръ, гор., 535.
Елизавета Ал., рус. имп., 131, 459.
Елизавета Алексѣевна, супруга имп. Александра I, 131.
Елисаветы св. крѣпость (нынѣ гор. Елисаветградъ), 137, 164, 186—191, 624.
Ерчики (Большіе и Малые), с., въ статьѣ «Лѣтоп, Юрьевъ на Роси», 1—38.
Ефименко, П. С., авт. статей: «Братства и союзы нищихъ», (312—317) «Судъ надъ вѣдьмами (374—401), и замѣтки къ послѣдней (697—700).

Ж.

Желѣзнякъ Максимъ, предв. гайдамакъ 1768 г., 256, 327.
Желѣзо Іовъ, игум. почаев., 568.
Жолкевскіе, польск. дворяне, 568.
Жолкевскій, гетманъ, 42.

Жуковскій Михаилъ, бунчук. тов., 411.
Журавка, дер., 564.
Журба, козакъ, 56, 58.

З.

Заблоцкій, ротмистръ, ссыльный конфедератъ, 595—596.
Заблудовъ, имѣніе Григ. Ал. Ходкевича; основаніе въ немъ типогр., 672—674, 695.
Забѣлинъ И. Е., соврем. писатель, 118.
Завадовскій, графъ П. В., вельможа Екатер. врем., 453.
Закубанскій край, 529.
Замойскій Ѳома, вел. канцлеръ коронный, мужъ Екат. Алекс. Острожской, 335.
Запорожье, 199—226, 136 и слѣд., 254—286, 497—510, 529—531, 609—636.
Зассъ, баронъ, ген.; заселеніе Кубани, 538.
Звенигородка, гор. кіев. губ., 321.
Звѣревъ, рус. полковн.; колониз. Ново-Сербіи, 623, 625—628.
Зелинскій, конфедератъ, 444.
Золотоноша, р., 581.
Золотоношская сотня, 586.
Зѣньковскій у.; статист. о немъ свѣд., 677—680.
Зѣньковъ, гор., 47.

И.

Иванишевъ, проф. кіев. у-та, 375.
Иванъ IV Васильевичъ, царь, 673, 694.
Иванъ, зап. козакъ, участникъ Коліивщины, 57.
Игнатовичъ Игнатій, войскій червоноградскій, 52.
Игнатъ-козаки (некрасовцы), переселенцы на Кубани, 162, 165, 191.
Игорь Ольговичъ, в. кн. кіевскій, 10, 15 и слѣд.
Изюмъ, гор. харьков. губ., 612—615, 634.
Изяславъ Давыдовичъ, в. кн. кіевскій, 18 и слѣд.
Изяславъ Мстиславичъ, в. кн. кіевскій, 18 и слѣд.
Иконниковъ, проф. кіев. у-та; его рецензія на книгу А. Сапунова «Витебская Старина», 287—290.
Ильинская кіево-под. церковь, 129.
Ильинскій Непомуценъ, староста чудновскій, 65, 68.
— Янъ, староста житомір., 65.
Ингулъ, р., 138, 164, 184, 185.
Ире, ротмистръ, участн. усмиренія гайдамакъ, 255, 256, 262—264.
Ириней Фальковскій, ректоръ кіевск. акад., потомъ коадъюторъ митроп. кіев., 111, 118, 133.
Исаевичъ Е. Н., авт. замѣтки о вэвкулакахъ и чаривникахъ, 700.
Исаковъ, ген.-маіоръ, участникъ усмиренія гайдамакъ, 256, 266.
Искра, полков. козацкій; судьба его наслѣдства, 519—520.

І.

І. Антоній, польскій инс., 343, 477.
Іеронимъ Пражскій, чешскій реформ., 288.
Іоаннъ IV, митроп. кіевск., 5.
Іозефовичъ Михель, откупщикъ-еврей, 671.
Іорданскій кіев. женскій монастырь (нынѣ упраздненный), 129.

К.

Кагарлыкъ, м., 11 и слѣд.
Кадлубовскій, конфедератъ, 444.
Казановскій Адамъ, стар. черниг., 566.
Казань, гор., 88—104, 256, 434, 441, 444.
Казиміръ, надвислян. городъ, 291, 364, 560, 564.
Калга, должностное лицо у татаръ, 155, 164, 184, 188.
Калміусъ, р., 138, 601, 602.
Калнишевскій Петръ, кошевой, 611, 622, 626—629.
Каменецъ, гор., 339.
Каменка, мѣст. въ Галиціи, 654.
Камышеваха, запор. слоб., 622.
Камышенка, гор., 564.
Кандыба, сотникъ, 575.
Каневецъ, м., 572.
Каневъ, гор. кіев. губ., 30.
Капустянскіе, помѣщ. Слобод. Украйны, 617.
Каратуль Великая, с. 415.
Карпиновскій, авт. брошюры объ «Украинскихъ свад. обрядахъ», 510.

Карповичъ Григ., полков. стародуб., 591.
Касоговъ валъ, граница Запор. и б. Слоб. Украйны, 612, 634.
Касоговъ, воевода XVII в, 616.
Каушаны, резид. Крымъ-Гирея, 147, 148, 154, 157.
Кафа, гор., (нынѣ Ѳеодосія), 196.
Качановка, с. прилуцк у., 452.
Квитка-Основьяненко, укр. пис., 300.
Кгурскіе, помѣщики Слоб. Укр., 565.
Келбовскіе, дворяне, 565.
Кириловка, с. звенигород. у., родина Шевченка, 521, 522.
Кисель, шляхтичъ, 562.
Кисилевскій, купецъ кіев., 130
Китаевская близъ Кіева пустынь, 114, 117, 129.
Кіево-михайловскій монастырь, 113, 132, 133.
Кіево-печерская лавра, 129, 575.
Кіево-подольскій братскій мон., 125.
Кіево-софійскій соборъ, 126, 132, 137.
Кіево-греч. мон., 114.
Кіевъ, гор., 110—134, 315, 322, 325, 446 и 447.
Климентъ VIII, папа рим., 336, 355.
Климентъ XIV, папа рим., 688
Кнорингъ, генер.; колониз. Кубани, 536.
Княжа балка, уроч. екатерин. губ., 497.
Кобылякъ, р., 565.
Кодацкая товща, мѣстп. въ б. Запорожьѣ, 64.
Козачковскій, смотрит. каз. земель въ черниг. полку, 582—584, 408.
Козляничи, с., 576.
Коломакъ, р., 309.
Коль (Kohl), нѣм. путешеств. по Россіи въ 30-хъ г. нын. стол., 556.
Кольбергъ, издат. сборн. польск. пѣсень, 548, 551.
Коморжевскій, полковникъ, 68.
Коморжъ, с., 361
Комчакъ, запорож. полковникъ, 613.
Конашевичъ (Сагайдачный) Петръ, гетм., 372, 526
Конисскій Георгій, архіеписк. могилев., 114.
Конопка, изд. книги: «Pieśni ludu krakowskiego», 547—548.
Конотопъ, гор., 587, 590.
Конскія воды, р., 138.
Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, 127, 128.
Копинскій Исаія, митроп. кіев., 372.
Копыстенскій Захарія, кіев. уч. XVIII в., 353, 374, 523. 527.
Корецкіе, князья, 331.
Коростышевъ, мѣст., 687.
Косинскій, гетманъ, 136.
Коссовъ Сильвестръ, митр. кіев., 292.
Костка Янъ, воев. сандомірскій, 335.
Костомаровъ Н. И., извѣст. историкъ; его рецензія, 297—300; упом., 24.
Котловъ, присел. полт. губ., 577, 578.
Котляревскій, нак. атам. войска черном., 533.
Кочубей Вас., судья генеральный, 519.
Кояловичъ М. О., историкъ, 483.
Краковъ, гор., 363, 365.
Красинскій, графъ, 149.
Красниковъ, мѣст.. 186, 187.
Краснокутскій, полковникъ XVIII ст., 617.
Красноставъ, гор. любл губ., 296.
Красный Колядинъ, гор., 564.
Краусгаръ, писатель, 666.
Крашевскій I., изв. польск. писатель, 317 и 652.
Кречетниковъ, генералъ, одинъ изъ усмирителей украин. возст. 1768 г., 49, 58, 84, 85, 259, 260.
Криница, мѣстность въ долинѣ р. Удая; ярмарка въ ней, 301—309.
Кролевецъ, м. черниговской губ., 109.
Кропивна, р., 581, 585—586.
Кропивна, слобода, 566, 567, 573.
Кропивницкій М. Л., соврем. малорус. актеръ и писатель. Разборъ его драмъ на стр. 484—491.
Круглиновъ Венедиктъ, подполковникъ, участникъ составл. румянцев. описи, 410.
Крыловъ, гор. на р. Тясьминѣ, 603.
Крымскіе татаре; нравы ихъ и порядокъ избранія хана, 140.
Крымъ-Гирей, см въ записк. барона Тотта, 135—198.
Кубань, р., 537, 599.
Куликъ Дмитрій, зацорож. полк., 268, 628, 629, 634.
Кулишъ П. А., пис., авторъ «Исторіи возсоединенія Руси», 477; упом.,569.

Кулябка Иванъ, полковникъ *лубенскій*; его кухон. книга, стр. 237—253 и 637—651.
Кулябка С. Н., разборъ его книги о Шевченкѣ, 675—676.
Кунцевичъ Іоасафатъ, полоцк. уніатск. епископъ, 258, 296.
Купчинскій Филиппъ, сотникъ яготинскій, 459.
Куренка, с., 564.
Курскъ, г., 315.
Кутузовъ (Голенищевъ), премьеръ-маіоръ, участн. составленія Румянцев. описи, 410.

Л.

Лаба, р., 529.
Лабунь, мѣст. въ Галиціи, 62.
Лазаревскій Ал-дръ М.; его предисл. къ Галаган. фамил. архиву, 452—456; сообщенія: Запорож. пѣсня, 322—324 и письмо Искры, 519—520; упом. на стр. 542 и 402.
Ларніевъ, хорунжій, 57, 58.
Ларси, прапорщикъ изъ времени Коліивщины, 258.
Лашкевичъ, Праск. Григ. (урожд. Галаганъ), 464—466.
Лашкевичъ Степанъ, бунч. тов., ея мужъ, 466.
Леванда, изв. кіев. проповѣдникъ, 120, 123 и 124.
Левашевъ, вол. и под. губернат., 691.
Левицкій О. Ив.; его статьи: «Анна-Алоиза, княжна Острожская», 329—373 и «Необыкновенная ярмарка», 301—309.
Левковка, с. изюм. у., 310.
Леонтовичъ, проф., авт. «Ист. изслѣд. о правахъ лит.-русск. евреевъ», 666.
Леонтьевъ, ген.-губ. кіевскій, 494.
Лизогубъ, бунчужный временъ Мазепы, 313.
Лянда М. Д., членъ харьк. ист.-фил. общ., 313—315, 698.
Липинскій, подкоморій литовскій, 74.
Лозовая, р., 602.
Лонгиновъ А.; разборъ его книги: «О люблинскомъ правосл. храмѣ», 290—294.
Лопань, р., 314.
Лотоцкій Амвросій, архим. почаев., 692.
Лохвица, гор., 564, 565.
Лубны, гор., имѣніе кн. Вишневецкаго, 302, 564, 565.
Лукьяновъ-Десятинъ, († 20 іюня 1883 г.), въ рецензіи его замѣтки: «Песиголовці» изъ альманаха «Рада», 555—559.
Луцкъ, гор., 363, 365.
Лучицкій И. В., изслѣдов. Рум. описи, авторъ ст. объ общин. землевлад., 404 и 579.
Лысянка, м., 259.
Лѣсно, дер. бѣльскаго у., сѣдлец. губ., 294—297.
Люблинская спасо-преображ. церковь, 290—294.
Люблинъ, гор., 290—294, 334.
Любовицкій, кн., генер., участникъ конфедераціи, 51, 84.
Любомирская Екатерина, 2-я жена кн. Януша Констант. Острожскаго, 478.
Любомирскій Александръ, воеводичъ, 62.
Любомирскій Мартынъ, 65, 85.
Любомирскій Станиславъ, мужъ кн. Софьи Ал—дровны Остр жской, воев. краковскій, 62, 335.
Любомирскій Францъ-Ксаверій, 61.
Лютенька, гор., 564.

М.

Мазанъ Андрей, гусар. поручикъ въ б. изюм. провинціи, 631—632.
Мазепа Ив., гетманъ малорос., 318, 519, 609.
Мазюкевичъ, директ. холмской гимн. († 1883 г); разборъ его кн. «Явл. чуд. иконы Б. М. на Лѣснѣ», 294—297.
Майкопъ, гор., 541.
Макарій, митр. моск. (при Иванѣ IV), 673.
Макарій Булгаковъ, митр. московскій († 1882 г.), 23.
Максимовичъ М. А., изв. ученый, 18, 50, 343, 477, 422, 524.
Максимовичъ Стефанъ, канцел. войсковый, 457.
Максимовка, дер., 187.
Максудъ-Гирей, ханъ крымскій, 142, 145.
Малаховскій, графъ, канцлеръ польск., 61.

Малевскій, конфедератъ, 444.
Мамоничи, вил. типографы XVI в, 674.
Мамай, ханъ тат., 565.
Маринъ, списк. пермскій, 5.
Марія Ивановна, кн., основательница любл. прав. церкви, 291.
Марія Оедоровна, супр. имп. Павла I, 130, 132.
Маркевичъ Яковъ, подскарбій генер., авт. «Дневныхъ записокъ», 316, 394, 454, 549, 551.
Маркевичъ И., историкъ, 517.
Марьяновичъ, гус. офиц., сторонникъ гайдамакъ, 257, 268—269.
Масловъ В. П., укр. этнографъ, 518.
Масси, ген., командиръ кіево-печ. крѣпости, 111, 123.
Мацѣевскій, изв. польск. писат., 666.
Межиричи, с, лебедин. у., 310.
Межиричи, м. близъ Острога, 333, 343, 345.
Межиричскій францискан. монастырь, 343, 370.
Мельники, с., 573.
Менгли-Гирей, ханъ крымскій, 140.
Мерлъ, р., 309.
Мертвыя воды, р., 161, 185.
Миллеръ Іоганнъ, авт. «Путешествія изъ Волыни въ Херсонъ въ 1787 г.», 322—324.
Миссенгеймъ Гансъ, датскій XVI в. типографъ въ Москвѣ, 573.
Михаилъ, списк гюргевскій, 4.
— 1-й митр. кіевскій, 132.
— Юрьевичъ, кн., 24.
Михаловскій, лѣсненскій помѣщикъ, 295.
Михельсонъ, маіоръ, побѣдитель Пугачева, 449—451, 593.
Млодзеевскій, канцлеръ польскій, 61.
Могила Петръ, митр. кіев., 124, 295 и 335.
Мольеръ, знам. франц. пис.; отзывъ о немъ Крымъ-Гирея, 148.
Моравскіе шляхи, 565.
Мордовцевъ Дан. Лук., изв. пис.; разборъ его брошюры: «За крашанку-писанка», 491—492.
Москаленки, с., 577, 578.
Москва, гор., 89, 106—107.
Московка М. (нынѣ г. Александровскъ, екатер. губ.), 605—606.
Мощенскій Адамъ, авт. дневника, 60.
Мстиславецъ Петръ Тим., рус. первопечатникъ, товарищъ Ив. Оедорова, 673—674, 694—695.
Мстиславъ Давыдовичъ, кн. смоленскій, 288.
Муромъ, гор., 105.
Мценскъ, гор., 108.

Н.

Навроцкій, ксендзъ бонифратрскій, 691—692.
Надхинъ, авт. книги «Память о Запорожьи», 130.
Нарушевичъ, польскій историкъ, 71.
Нарышкинъ Дм. Лав., 107.
Невоструевъ, авторъ «Описанія рукописей моск. синод. библіот., 481.
Неживый Ив. Тим., писарь запор., 628, 631, 634.
Некрасовъ Игнатій, козакъ-эмигрантъ, основатель общины *некрасовцевъ* или *игнатъ-козаковъ*, 162, 191.
Немиричи, дворяне, 329.
Немиричъ Юрій, 565, 566.
Неофитъ, митрон. греческій, 683.
Неплюевъ, ген., 573.
Несецкій, авт. «Herbarża Polskiego», 352.
Нечаевъ, с. екатер. губ., 497.
Нечай Иванъ, зять Богд. Хмельн., 481.
Нижній Новгородъ, гор., 104—105.
Никитино, с., 625.
Никифоръ, митр. кіевскій, 22.
Николаевка, с. екатерин. губ, 497.
Николай I, имп., 129 и 689.
Никополь, м. екатер. губ., 497.
Новгородъ-сѣверскій спасскій мон., 573.
Новицкій Ив.; его рецензія на книгу «Памятники полемич. литературы въ зап. Руси», 481—484.
Ногайскіе татаре; набѣгъ на Россію 1769 г., 135—198, 113—194.
Ногаткинъ, подполковн., участникъ въ произв. Румянцев. описи, 410, 412.
Норовъ, подполковникъ—*тоже*, 410.

О.

Обалковскіе, малор. помѣщ., 568.
Оболонскій, генер. бунчужный, 467.
Обрѣзковъ, рус. резид. въ Стамбулѣ, 141.

Огаревъ Ник., подполк., участвовалъ въ производствѣ Румянцев. описи, 409—410.
Олегъ, вел. князь, кіевскій, 129.
Олексій, еписк. гюргевскій, 22.
Олишевка, с., 389.
Олсуфьевъ, сановникъ имп. Екат. II, 428—430.
Омскъ, гор., 436—442.
Онуфріевскій мон. въ Львовѣ, 693.
Окатовъ, гор. (нынѣ у. г. радомской губ.), 291.
Оранскій Іосифъ, архим. кіево-печерск. лавры, 467.
Орель, р., 138, 565, 611, 614, 618.
Ортынскій, польск. полковникъ, 494.
Осиновая, р., 602.
Осколъ, р., 309.
Осовъ лѣсъ, 591.
Остенъ-Сакенъ, графъ, 690.
Остеръ, гор., черниг. губ., 15.
— р., 563.
Остраница, малор. гетманъ, 136.
Острогъ, гор., 334, 335, 339, 341—347, 353—357, 362, 366, 368—372, 674, 675, 696.
Острожскіе, князья, 524.
Острожская Анна-Алоиза, княжна; 329—373.
— Анна, ея мать (урожден. Костка), 339.
— Екат. и Софья, ея сестры, 334—335.
— Софья (урожд. Тарновская), жена Конст. Конст. Острожскаго, 528.
Острожскій, кн., Василій-Константинъ, 332—335, 343, 477, 523—528, 674, 684 и 695.
— Василій Ѳедор., 371.
— Даніилъ Вас., 371.
— Александръ, Константинъ и Ѳедоръ, сыновья Вас.-Конст. Острож., 303.
— Ив. и Конст. Ал—дровичи, братья Алоизы, 334.
— Янушъ, сынъ Вас.-Конст. Острож.; письмо къ нему его отца, 477—480; упом. 333, 334, 343, 352, 370.
Охоцкій Янъ-Дукланъ; его дневникъ, 68 и слѣд.
Очаковъ, крѣп.; описаніе ея, 194.

П.

Павелъ I Петровичъ, имп., 470.
Панинъ, графъ Ник. Ив., презид. коллегіи иностр. дѣлъ, 142, 257, 261, 266—267.
Панкратьевъ, кіев. губ., 112.
Панское, с., 573.
Панцырный Михайло, авт. лѣтописи гор. Витебска, 209.
Панченко, одинъ изъ дѣят. временъ Коліивщины, 56.
Parfait, авт. «Histoire du theatre français», 549.
Переволочная, р., 138.
Переконовка, с., 694.
Перекопскія укрѣпленія; описаніе ихъ, 195—196.
Пересопницкій на Волыни жен. мон., 330.
Перльштейнъ, авторъ «Описанія Острога», 371.
Переяславъ, гор.; опись его, 357; упом., 315.
Песочинскій, шляхтичъ, 562.
Петрушевичъ А. С., изв. галиц. ученый; разборъ его брошюры объ Иванѣ Ѳедоровѣ, 671—675.
Пиминъ Евсевій, псевд. митроп. Петра Могилы въ его сочин. «Лиѳосъ или Камень», 511, 514.
Пирятинъ, гор., имѣніе кн. Вишневецкихъ, 565.
Платонъ Левшинъ, митроп. моск., 94, 95, 98 и 106.
Племянниковъ, ген., одинъ изъ усмир. возст. 1768 г., 257, 267.
Плетенецкій Елисей, архим. кіево-печ. лавры, 468.
Подпольная, р., притокъ Днѣпра, 137.
Полуботокъ Вас., 411.
— Леонтій, помѣщикъ, 576—578.
Полузорь, р., 568.
Понинскіе, князья, польская фамилія XVIII ст., 65, 70 и 71.
Поповка, с., звениг. у., 321.
Порохня Андрей, старш. запорож., 613,
— Порохня, с., 575.
Потебня А. А., академикъ, 698.

Потемкинъ Григ. Ал., 614, 628, 629.
Потоцкій Вас., стар. кіевскій, 45.
— Щенсный, 64, 67, 77.
— Протъ, 80, 149.
— Станиславъ, воеводичъ брацлавскій, 565.
— Николай, стар. каневскій, 687—689.
Похилевичъ, авторъ книги: «Насел. мѣста кіев. губ.», 23.
Поцѣй Ипатій, епископъ влад., изв. пропагаторъ уніи, 482, 514.
Почека, писарь полковой,
Прилуки, г., 452, 461.
Прозоровскій, кн., ген.-маіоръ, 55, 255, 257, 262—265, 603, 605, 634.
Проскуры, дворяне, 565.
Прутъ, р., 149—150.
Пселъ, р., 309, 564.
Псковъ, г.; моровая тамъ язва, 396.
Пугачевъ Ем. Ив.; его бунтъ по описанію соврем.-очевидца К. Хоецкаго, 447—450, 593—595.
Пузына, кн. Ал—дръ, впослѣд. Аѳанасій, еписк. луцкій, 355.
Пулавскій, конфедератъ, 595—597.
— стар. черешинскій, 450.
Путимцевъ Вас., одинъ изъ офицер. производ. Румянцевскую опись, 411.
Пшездѣцкій, польск. писат.; его списки имѣній кн. Вишневецкихъ, 565.
Пѣщаное, мѣст., 577, 582—584.

Р.

Радивиловскій, Антоній, игум. кіево-ник. пустыннаго мон. XVII в., 511.
Радзивиллъ, кн. Христофоръ, вел. гетм. литов., 41.
Разинъ Стенька, атаманъ разб.; пѣсня о его сынѣ, упом. 546.
Разумовскій, графъ Алексѣй Кир.; его поѣздка въ Малороссію, 453.
Разумовскій К. Г., гетманъ, 317, 407, 452, 455, 459.
Райгородъ, гор., 1—38.
Ракоци, кн., венг. магнатъ, 143.
Рацацъ, гор., 361.
Репнинъ, кн., рус. резидентъ въ Варшавѣ и Стамбулѣ, 61, 260.
Ровинскій, изд. «Русскихъ народныхъ картинокъ», 557.
Рогачевъ, гор. (нынѣ село кіев. губ.), 1—38.
Родзянко Ив., полков. пис., 412—413.
Романъ Мстиславичъ, в. кн. волын., 14.
Розенъ, баронъ, генер.; колониз. Кубани, 538
Роменскій, запорож. старшина, 618, 626, 628.
Ромны, гор., 565, 571.
Рось, р., 1—38.
Ротокъ, р., 1—38.
Рохмистровка, с., 259.
Рубцы, дворяне-помѣщики, 571.
Рудневы, помѣщ., 617.
Рудченко, изд. сборника южно-русск. сказокъ, 555.
Ружинская Софія, княгиня волын., 331.
Румянцевъ, графъ П. А.; его переписка о возстаніи 1768 г., 254—286; письма его къ Екатеринѣ II, 190—191; упомян. 60, 327, 451—454, 635.
Рюрикъ Ростиславичъ, в. кн. кіев., 14.

С.

Савичъ, генер. писарь временъ Мазепы, 318.
Саврань, гор. въ брацлав. воеводствѣ, 175.
Саевичъ, игум. почаев. лавры, 685.
Саковичъ Кассіанъ, авт. «Перспективы», 511—514.
Салтыковъ, ген., преемникъ Кречетникова, 85. 575.
Самара, р., 565, 601, 602, 611, 618.
Самихъ-Ага, каймаканъ перекоп.; письма его къ кошевому запорож., 268.
Самуилъ, митр. кіев., 111, 121, 132.
Сандоміръ, гор. (нынѣ у. г. радом. губ.), 363.
Санъ, р., притокъ Вислы, 291.
Сапуновъ А., состав. книги «Витебская Старина», 287—290.
Сары, гор., 564.
Свіяжскъ, у. г. казан. губерніи, 104.
Святополкъ (Михаилъ) II Изяславичъ, в. кн. кіев., 2, 524.
Свѣйковскій Іосифъ, стар. овручск., 68
Семежовъ, м. слуцкаго у., мин. губ., 313—314.
Сеніоты, дворяне, 329.
Серапіонъ, списк. владим. XIIIв., 387.

Серапіонъ, св., архіеп. новгород., 94.
— Александровскій, митр. кіев., монографія объ немъ Ф. А. Терновскаго, 88—134.
Сербиновъ Ѳед. Вас., асаулъ, 631—634.
Сербія Новая, воен. посел., 137.
Серебрянка, дер. бахмут. у., 600—601.
Середа, магнатъ венгер., тесть Януша К., Острожскаго, 478.
Сигизмундъ I, кор. пол., 395—670.
Сигизмундъ III, кор. польск., 345, 354.
Сигиревичъ Дмитрій, протопопъ соф. соб., 111.
Симеонъ Ивановичъ, кн. можайскій, 561.
Синюха, р., 137.
Сирополо, грекъ-лекарь, отравитель Крымъ-Гирея, 182—184,
Скальковскій А. А., авт. «Ист. Нов. Сѣчи», 187, 189, 190, 324, 523, 611, 635.
Скарга Петръ, проповѣдникъ XVI ст., іезуитъ, 482, 483.
Скоропадскій, гетм. малорос.; его оборон. универсалъ, 340—344; упом., 587; письмо къ нему Игнатія Галагана, 452, 457.
Славянскъ, гор. (нынѣ харьк. губ.), древній Торъ. 614.
Слободскихъ поселен. истор., 137—138.
Смогоржевскій, митр. уніат., 75.
Смоктій А., авт. «Картинокъ народной жизни», 199—236.
Смѣла, гор., 257, 267, 268.
Сожъ, р., промѣрка его фарватера, 495.
Сокиринцы, гор., прилуц. у., род. имѣніе Галагановъ, 452, 461—462.
Соловьевъ С. М., изв. историкъ, 1—38, 143, 189.
Сорочинцы, гор., 566.
Сосновскій, пол. гетм. литовскій, 62.
— Григорій, племян. епископа холмскаго Ивана, 296.
— Иванъ, еписк. холмск., 296.
Сошальскій, слоб. укр. помѣщикъ, 616.
Спасовъ, имѣн. А.-Алоизы Острожской, 344.
Станиславъ III, Августъ (Понятовскій), кор. польскій, 39 и слѣд., 54, 58 и слѣд., 71, 257.
Станкевичъ, капитанъ руск. войскъ, сочувств. укр. возстанію 1768 г., 256—257, 266—267.
Станиславскій, ген.-маіоръ, 436, 437.
Старой Линіи на Кубани заселеніе, 529, 535—539.
Стародубъ, гор., 561.
Стемпковскіе Максимъ, Матвѣй и др. 41 и слѣд.
— Іосифъ, герой истор. очерка: «Страшный Іосифъ, 39—87; упом. 259—260.
Стефанъ, еписк. волынскій (нач. XIV в.), 367.
Стефанъ Яворскій, митр., основ. нѣжин. благовѣщ. монастыря, 109.
Стремоуховъ, премьеръ-маіоръ, участн. составл. румянцевской описи, 410.
Студеники, гор., 415.
Суворовъ А. В., свѣтл. князь, фельдм., 450, 543.
Сула, р., 564, 565.
Сумцовъ Ник. Ѳед., доц. харьк. у-та, авт. замѣтокъ: «Шпиталь въ Боромлѣ» (309—312) и «Къ исторіи свадеб. обычаевъ» (510—514), и «Цѣнъ въ Малороссіи (696—697).
Сумы, гор.; шпитали въ нихъ, 310, 268.
Суражъ, имѣн. княж. А.-Алоизы Острожской, 354.
Сѣнявскій, конфедератъ, 144.

Т.

Тамань, гор. на Кубани, 535.
Танаисъ, р., 599.
Тара, гор., 434—435, 438.
Тарановъ, капитанъ, 628.
Тарговица, хут. близъ Конотопа, 566.
Тарковская Францишка, жена Стемпковскаго, 61.
Тарло Ѳеофила, 3-я жена Я. К. Острожскаго, 478.
Тарнавскій А., авт. статьи «Къ 50-лѣтнему юбилею почаевск. лавры», 681—693.
Тарнавскій, графъ, колляторъ почаев. монаст., 686.
Тарнавская, граф., его жена, 687.
Тарновская Софья, жена кн. К. К. Острожскаго, 717—716.
Тарновскій В. В.; его коллекція портретовъ, 452.

Татищевъ, историкъ, 394.
Ташлыкъ Черный, рѣка, 138.
Ташлыкъ, м., 256, 265.
Текели, Сѣва, генералъ рук. войскъ, разрушившій Сѣчь, 529, 635.
Темрюкъ, гор. кубанской области, 544.
Тепловка, д., 452.
Тепловъ, членъ малорос. коллегіи, 430.
Терновскій Ф. А., доц. у-та св. Влад.; его монографія «Серапіонъ, митрополитъ кіевскій», 88—134.
Тимоѳей, митр. кіевск., 467.
Тимченко, одинъ изъ дѣят. временъ Колінвщины, 56.
Тинковъ, секундъ-маіоръ, участникъ сост. Румянцевск. описи, 410—419.
Титовъ А., изв. библіофилъ, 516, 518.
Тихонравовъ Н., проф. моск. у-та, издатель «Русскихъ драматическихъ произведеній 1672—1725 гг., 517, 550, 551.
Тихонъ св., епископъ задонскій; его разсужденія, 89—90.
Тлумацкій, обозный коронный, 566.
Тобольскъ, гор.; плѣнные въ немъ поляки, 433—444, 596—597.
Т—въ М.; его статья, «Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности», 546—559.
Томбашаръ, гор., 158.
Тормасовъ, ген.-губ. кіев., 112.
Торческъ, лѣтоп. гор., 8—38.
Тоттъ, баронъ; см. его «Записки о татарскомъ набѣгѣ 1769 г. на Новороссію, 135—198.
Троки, гор., 667.
Трубежъ, р., 563.
Тульчинъ, гор., имѣніе графовъ Потоцкихъ, 84.
Туровъ, гор., 350.
Турція въ войнѣ съ Россіей 1769—1774 гг., 140, 141 и слѣд.
Турчанинова Анна Ал., писат., 120.
Туръ Никифоръ, архим. кіево-печ. лавры, 468.
Тустановскій (Зизаній), ученый XVI ст., учитель князей Ал-дровичей Острожскихъ, 335.
Тясьминъ, р., 603, 623.

У.

Угорницкій монаст. въ Галиціи, 684.
Удай, р., 302, 309, 564.
Украйна слободская, 309, 310; возстаніе на Украйнѣ 1768 г., см. въ «Перепискѣ графа П. А. Румянцева», 254—286.
Умань, гор., 256, 699.

Ф.

Фабриціусъ, іез.-визитаторъ, 348.
Федоровскій М.; см. разборъ его книги «Про дифтеритъ, або обкладки», 492—493.
Фере, генералъ, 536.
Филаретъ Гумилевскій, еписк., авторъ «Исторіи Русской церкви», и «Статистич. обозрѣнія харьковской епархіи», 23, 310—311.
Филаретъ, игум. святотроиц. обит., 631.
Фирлеи; ихъ отношенія къ почаев. монастырю, 684—685.
Фирлей Андрей; его нападеніе на почаевскую лавру, 684.
Французъ Эм., изв. пис., авторъ книги «Kleinrussen und ihre Dichter», 676.
Фроловскій въ г. Кіевѣ, на Подолѣ, женскій мон. 113.
Фундуклей, издат. Описан. кіев. губ., 34.

Х.

Харьковъ; шинталь въ немъ, 310, 314.
Хмельницкій Богданъ, гетм. укр., 136, 292, 335, 341, 359, 427—428, 562—563, 569—572, 574, 575.
Ходкевичъ Григ. Ал-дровичъ, вел. гет. литовскій, 674, 695.
— Янъ-Карлъ, гетманъ литов., мужъ княжны Анны Алоизы Острожской, 335, 338—339, 359, 366—368.
Хоецкій Карлъ; см. его «Записки», 433—451; 593—608.
Холмъ (любл. губ.), гор., 297.
Холодная гора, близъ Харькова, 314.
Хомутецъ, гор., 564.
Хоперъ, р., 593.
Хоревъ, с., 371.
Хоролъ, р., 564.

Хортица, остр. на Днѣпрѣ, первая Сѣчь, 497.
Хотинъ, гор., 335, 339.

Ц.

Цыбулевъ, гор., 172—187.

Ч.

Чапличъ-Шпаковскіе, дворяне, 329.
Чарторига, с., 586.
Чарторыйская, княгиня, см. Горностаева.
Чарторыйскій, кн. Августъ, 46.
— кн. Адамъ, генералъ земель подольскихъ, 479, 595.
Чарторѣйка, с., 586.
Чацкій, авт. книги „Разсужденія о евреяхъ и караимахъ", 666.
Чвартекъ, предмѣстье г. Люблина, 294.
Ченѣга, атаманъ кошевой, 531.
Чередниъ Петръ, участн. въ производствѣ Румянцев. описи, 410—414, 418—419.
Черемошня, замокъ кн. Корецкихъ, 331.
Чернацкая слободка, 575.
Чернечья слободка, 575.
Черниговъ, гор., 560—561, 564—569.
Чернобай, с., 573.
Черноморія; ея заселеніе, 529—547.
Чернотичи, с., 576.
Чернухи, гор., 564.
Чернышевка, с., екат. губ., вторая Сѣчь, 497.
Чернышева А. Р., графиня, 133.

Ш.

Шанчаровъ на р. Ворсклѣ перевозъ. 565.
Шевченко Т. Г., воспом. о немъ А. Смоктія, 320—322; разборъ книги о немъ С. Н. Кулябки, 675—676; упом. 199.
Шекспиръ, знам. трагикъ; отзывъ о немъ Н. И. Костомарова, 299.
Шелестъ, сотникъ богуславскій, 52 и слѣд.
Шелудковка, с. сумскаго у., 310.
Шимановъ А. Л., авт. статьи «Предсмертная борьба запорожья», 609—636.
Ширай Даніилъ, 411—412.
Ширковъ, генералъ, 62.
Шостакъ, одинъ изъ дѣят. временъ Коліивщины, 57.
Ширингеръ, генералъ, 436, 443.
Шрамченко Даніилъ, сотникъ с. Олишевки, 389—391.
Шрейеръ, архитекторъ 64.
Штакельбергъ, баронъ, рус. резидентъ въ Варшавѣ, 261.
Штернбергъ, писатель, 666.
Шульгинъ Вит., авт. книги: «Югозападный край въ послѣднее 25-лѣтіе», 551.

Щ.

Щербина Ф.; его статья «Колонизація кубанской обл.», 529—545.
Щербининъ, харьк. губернаторъ XVIII ст., 614—635.
Щербиновка, дер., 573.

Э.

Эварницкій Дм., авт. статьи «Жизнь запорож. козаковъ по разсказу современника-очевидца, 497—510.
Эссенъ, генералъ, 59 и слѣд.

Ю.

Юзефградъ, польск. часть Балты, 141.
Юрій Ярославичъ, кн., внукъ Святополка II Михаила, 524.
Юрьевъ, гор.; см. объ этомъ изслѣдованіе М. Андріевскаго: «Лѣтописный Юрьевъ на Роси», 1—38.

Я.

Яблоновъ, село, 566.
Яблоновская, княгиня, жена воев., 65.
Яблоновскій, князь Станиславъ, издатель люстрацій украинныхъ староствъ, 86, 569.
Яворскій Авраамій, протоіерей, 367—368. 370.
Якъ, р., нынѣ Уралъ, 447.

Якубовичъ Александръ, участн. въ произв. Румянц. описи, 410, 416—418.
Яницкій, ксендзъ лѣсненскій, 295.
Янковскій, полковникъ, 68.
Ярмолинская Домна, основательница загаецкаго мон., 330.
Ярославъ, гор. (нынѣ въ Галиціи), вотчина Анны Костка, ур. княгини Острожской, 335, 338—339, 360—363, 365.

Ѳ.

Ѳедоровъ Иванъ, русскій первопечатникъ, 671—675, 693—696.
Ѳеофанъ, архим. святог. мон., 631.
Ѳеофанъ Шіяновъ, епископъ-викарій кіевской епархіи, 112.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VII. 1883 г.

Сентябрь и Октябрь, 1883 г.

стр.

I. ЛѢТОПИСНЫЙ ЮРЬЕВЪ НА РОСИ. (Топографическое розысканіе, съ приложеніемъ карты). **М. Андреевскаго** 1

II. СТРАШНЫЙ ЮСИФЪ. (Переводъ съ польскаго) 39

III. СЕРАПІОНЪ, МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ. **Ф. А. Терновскаго** . . 88

VI. ЗАПИСКИ БАРОНА ТОТТА О ТАТАРСКОМЪ НАБѢГѢ 1769 Г. НА НОВО-СЕРБІЮ. (Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ С. Е.). . . . 135

V. КАРТИНКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ. (Изъ эпохи перехода отъ козачества къ крестьянству) **А. Смоктія** 199

VI. РАЗНОВИДНОСТИ МАРЦѢПАННЪ И ГАННУСКОВОЙ ГОРѢЛКИ . . 227

VII. ПЕРЕПИСКА ГР. П. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1768 года. (*Окончаніе*) 254

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Витебская Старина. Витебскъ, 1883 г.—*В. И.*— б) Памятникъ древняго православія въ Люблинѣ—православный храмъ и существовавшее при немъ братство. Ар. Логиновъ. Варшава, 1883 г.—в) Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими современными событіями на Руси. В. Т. М-чъ. Варшава, 1883 г.—*Фратеркулюса.*—г) Не судилось. Драма І. Старицкаго.—*Н. Костомарова.* 287

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Необыкновенная ярмарка.—*О. Левицкаго.*—б) Шпиталь въ м. Боромлѣ.—*Н. Сумцова.*—в) Братства и союзы нищихъ.—*П. Ефименка.*—г) Гетманское представительство при русскомъ дворѣ.—Сообщ. *А. Лазаревскій*—д) Воспоминаніе о Шевченкѣ.—*А. Смоктія.*—е) Запорожская пѣсня, записанная нѣмцемъ отъ нѣмца.—ж) Традиціонная характеристика кіевскихъ монастырей—*М. П.*— з) По поводу портрета жены Гонты. 301

ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ жены Гонты.

Ноябрь, 1883 г.

стр.

I. АННА-АЛОИЗА, КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. **Ореста Левицкаго** . . . 329
II. СУДЪ НАДЪ ВѢДЬМАМИ. **П. Ефименка**. 374
III. ГЕНЕРАЛЬНАЯ ОПИСЬ МАЛОРОССИИ. (Эпизодъ изъ дѣятельности перваго правителя Малороссіи, гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго). **Димитрія Багалѣя** 402
IV. ЗАПИСКИ КАРЛА ХОЕЦКАГО. (1768—1776 г.). (*Продолженіе*) . 433
V. ГАЛАГАНОВСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ. Съ предисловіемъ **А. Лазаревскаго**. 450
VI. УСТАВЪ КІЕВСКАГО ЦИРЮЛЬНИЧЕСКАГО ЦЕХА 1767 ГОДА . . 472
VII. ПИСЬМО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ОСТРОЖСКАГО, ВОЕВОДЫ КІЕВСКАГО, КЪ СЫНУ ЕГО ЯНУШУ, КАШТЕЛЯНУ КРАКОВСКОМУ. 477
VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Русская историческая библіотека, издаваемая археографическою коммисіею. Т. VII. Памятники полемической литературы въ западной Руси. Кн. 2-я. Спб. 1882 г.—*Ив. Новицкаго.*—б) Малорусскія изданія 1882 года.—в) Ал. Андріевскій—Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ V. Кіевъ. 1883 года.—*В. А.*—г) Мѣстечко Курисово-Покровское (Балай тожъ). Статистическое описаніе поселенія, составленное статистическимъ отдѣломъ при херсонской губернской земской управѣ. Одесса 1883 г.—*В. А.* 481
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Жизнь запорожскихъ козаковъ по разсказу современника-очевидца.—*Д. Эварницкаго.*—б) Къ исторіи южнорусскихъ свадебныхъ обычаевъ.—*Н. Сумцова.*—в) Изъ народныхъ повѣрій о чортѣ.—*Александра Ом—скаго.*—г) Письмо въ редакцію.—*А. Гатцука.*—д) Судьба наслѣдства полковника Искры, казненнаго Мазепою.—Сообщ. **А. Лазаревскій**—е) Пѣсня о панщинѣ.—*Notus.*—ж) Запорожская пѣсня.—з) Къ портрету кн. Константина Острожскаго. 497
ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ кн. Константина Острожскаго.

Декабрь, 1883 г.

стр.

I. КОЛОНИЗАЦІЯ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ. **Ф. Щербины** 529
II. МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ ОБЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ. **М. Т—ва** 546
III. ЗАЙМАНЩИНА ВЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ УКРАЙНѢ XVII И XVIII СТ. **Дмитрія Багалѣя**. 560
IV. ЗАПИСКИ КАРЛА ХОЕЦКАГО. (1768—1776 г.). (*Окончаніе*) . . 593
V. ПРЕДСМЕРТНАЯ ПОЗЕМЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЗАПОРОЖЬЯ. (Эпизодъ изъ его пограничныхъ споровъ съ б. Слободскою Украйною). **А. Шиманова**. 609

стр.

VI. РАЗНОВИДНОСТИ МАРЦЕПАННЪ И ГАННУСКОВОЙ ГОРЕЛКИ. (*Окончаніе*) 637

VII ДВѢ ЮЖНО-РУССКІЯ ИНТЕРМЕДІИ НАЧАЛА XVII В. Сообщ. **М. Т—въ** 652

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) С. А. Бершадскій. Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до люблинской уніи (1388—1569 г.).—*В. А.*—б) Иванъ Оедоровичъ, русскій первопечатникъ. Историко-библіографическое разсужденіе. Написалъ А. С. Петрушевичъ. Львовъ. 1883 г.—в) Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. (По книгѣ Чалаго и по «Кобзарю») С. Н. Кулябки. Кіевъ, 1884 г.—*В. Г—ко.*—г) Сборникъ свѣдѣній по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи. Томъ I. Зѣньковскій уѣздъ. Части 1 и 2. Полтава, 1882—1883 года.—*В. Г—ко.* 665

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) По поводу 50-лѣтняго юбилея почаевской лавры.—*А Тарнавскій.* — б) Къ трехсотлѣтнему юбилею Ивана Оедорова, перваго московскаго типографа († 5 декабря 1583 кооа).—*В. Я.*—в) Къ исторіи цѣнъ въ Малороссіи.—*П. Ѳ. С—въ.*—г) Къ статьѣ «Судъ надъ вѣдьмами».—*П. Е.*—д) Еще разсказецъ о вовкулакахъ и чаровникахъ.—*П. С. Исаевичъ.*—е) Изъ народныхъ устъ.—*А. Грабина.*—ж) Некрологъ. Высокопреосвященнѣйшій Димитрій (Муретовъ), архіепископъ херсонскій.—*Ѳ. Л—въ.*—з) Колядка и вирша.—и) Къ портрету княгини Софіи Острожской . 681

ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ княгини Софіи Острожской.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕНІЕ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕНІЕ.

(Галицко-рускія изданія).

Новѣйшіи сочиненія, выйшовшû зъ печатнѣ М. Бѣлоуса въ Коломыи.

Афоризмы Ивана А. Федоровича съ портретомъ автора, 8-цѣ, стор. 206. 1 зр.

Новіи пѣсни Дмитра Третяка (другій накладъ дополненый и исправленый) въ малой 8-цѣ, стор. 48. 10 кр.

Проповѣди церковніи Ник. М. Верещинского, томъ II, въ 4-цѣ, стор. 224. 1 зр.

Кромѣ того препоручаемъ до читаня популярнû давнѣйшû изданія:

Геновефа, найкрасша и найжалобнѣйша повѣсть, въ 16-цѣ, стор. 123. 30 кр.

Луць Заливайко, съ 19 обр., въ 16-цѣ, стор. 46., 15 кр.

Церкви русскіи въ Галичинѣ и Буковинѣ съ 84 хор. образками, въ 8-цѣ, стор. 184., 1 зр. 50 к.

Коляды или Пѣсни на Рождество Христово, съ додаткомъ благожеланій для колядниковъ, въ 16-цѣ, стор. 80., 10 кр.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VII.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

о подпискѣ на 1884 годъ на слѣдующіе журналы и газеты.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РОССІЯ".

Журналъ «РОССІЯ» выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ: 1, 8, 15 и 22 числа, тетрадями въ два листа (16 стр.) большаго формата, предназначаемыми исключительно для текста, въ цвѣтной оберткѣ съ виньеткой. **При каждомъ номерѣ прилагается четыре оригинальные рисунка** въ краскахъ (автографіи), исполненные извѣстными нашими художниками. Въ числѣ ихъ мы можемъ назвать *К. Е., Н. Е., В. Е. Маковскихъ, М. О. Микѣшина, К. Л. Эллерта, В. А. Якоби*, и друг.

Количество всѣхъ рисунковъ въ теченіи года простирается до двухъ сотъ. Отвѣчая идеѣ журнала «РОССІЯ», они представляютъ собою иллюстрацію къ исторіи, этнографіи, произведеніямъ народной русской поэзіи, какъ древней, такъ и позднѣйшей русской литературы, словомъ,—всевозможныхъ сторонъ внѣшней и внутренней русской жизни, въ силу чего они могутъ составить собою рядъ разнообразныхъ художественныхъ альбомовъ.

ПРОГРАММА литературнаго отдѣла вмѣщаетъ въ себѣ: романы, повѣсти, разсказы, очерки,—историческіе, бытовые, изъ уголовной хроники,—драматвческія произведенія, стихотворенія; отдѣлъ наукъ, искусствъ и художествъ; театръ и музыка; отдѣлъ русскихъ охотъ; внутреннія и внѣшнія дѣла; смѣсь. Въ этомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе: Графъ *А. Е. Саліасъ, Н. С. Лѣсковъ (Стебницкій), Д. Л. Мордовцевъ, Н. Г. Вучетичъ, А. В. Круловъ, Д. А. Линевъ, С. Н. Филипповъ, П. П. Тимофеевъ, П. С. Стружкинъ, П. А. Оленинъ, В. В. Чуйко, В. Е. Ермиловъ, Н. Кульжинскій, М. М. Ивановъ, В. С. Баскинъ, Н. А. Вербицкій* и другіе.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ получаютъ, въ 1-й половинѣ 1884 года,

ХУДОЖЕСТВЕННУЮ РОСКОШНУЮ ПРЕМІЮ—

БОЛЬШУЮ КАРТИНУ, исполненную по акварельному оригиналу одного изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ художниковъ.

Редакція вполнѣ увѣрена, что премія эта, по своимъ достоинствамъ,

будетъ такова, какой дѣйствительно еще ни одинъ журналъ не предлагалъ своимъ подписчикамъ.

Съ 1-го января 1884 года на страницахъ журнала «РОССІЯ» начнется печатаніемъ новый историческій романъ—

„АТАМАНЪ УСТЯ",

извѣстнаго и талантливаго нашего писателя графа *А. Е. Саліаса*, автора романовъ: «Пугачевцы», «Принцесса Владимірская». «Петербургское дѣйство» и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА со всѣми приложеніями и преміей безъ доставки въ Москвѣ **7 р.**, *съ доставкою и пересылкою* **8 р.**: *на полгода безъ доставки* **4 р.**, *съ доставкой и пересылкой* **5 р.**

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ **Москвѣ**, Газетный переулокъ, близъ Петровки, въ д. Фульда; **Въ Петербургѣ**, въ книжныхъ магазинахъ: **«Новаго Времени», Мелье и К° и Вольфа**.

Редакторъ-Издатель **О. М. Уманецъ**.

„КІЕВЛЯНИНЪ",

ежедневная общественная, политическая и литературная газета,

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1884 г. ПОДЪ ПРЕЖНЕЙ РЕДАКЦІЕЙ.

Годичные подписчики получатъ безплатно художественно-литературный альманахъ „Кіевлянина" съ потретомъ покойной издательницы „Кіевлянина".

Программа альманаха будетъ объявлена позже, пока-же редакція можетъ заявить, что, кромѣ постоянныхъ сотрудниковъ «Кіевлянина», въ этомъ изданіи примутъ участіе нѣкоторые извѣстные русскіе писатели и художники.

Адресъ редакціи «Кіевлянина»: Шулявская, д. наслѣдниковъ Шульгиныхъ, адресъ-же конторы: книжный магазинъ Гинтера и Малецкаго, Крещатикъ, № 5.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкой и пересылкой: на годъ—**12** р., на 11 м.—**11** р. **20** к., на 10 м.—**10** р. **60** к., на 9 м —**9** р. 40 к., на 8 м.—**8** р. **80** к., на 7 м.—**8** р., на 6 м.—**7** р,, на 5 м.—**6** р. **20** к., на 4 м.—**5** р. **40** к., на 3 м.—**4** р. **50** к., на 2 м.—**3** руб. на 1 м. -**1** руб. **50** к.; **безъ дост. и перес.:** на годъ—**10** руб., на 11 м.—**9** руб. **40** к., на 10 м.—**8** руб. **80** к., на 9 м.—**8** руб. **20** к., на 8 м.—**7** руб. **60** к., на 7 м.—**7** руб., на 6 м.—**6** руб, на 5 м.—**5** руб., на 4 м.—**4** руб., на 3 м.—**3** руб., на 2 м.—**2** руб., на 1 м.—**1** руб.

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТИРАТУРНАЯ,

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1884 году **ежедневно**, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Редакція въ послѣдніе годы всегда стремится къ улучшенію своей газеты увеличеніемъ состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста **Буквы** (Василевскаго), украшающаго страницы нашей газеты уже пятый годъ, намъ удалось въ этомъ году пригласить въ постоянные сотрудники извѣстнаго петербургскаго публициста **Гр. Градовскаго**, который обѣщалъ пополнять отдѣлъ руководящихъ статей по внутреннимъ вопросамъ и по юридическому отдѣлу; кромѣ того, съ текущаго года редакція пріобрѣла въ Петербургѣ и Москвѣ трехъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ редакціи различныя новости внутренней жизни, давая этимъ возможность «Нов. Тел.» сообщать своимъ читателямъ эти новости ранѣе полученія столичныхъ почтъ (иногда одновременно съ телеграфами) и на 1, 2 дня ранѣе другихъ мѣстныхъ одесскихъ газетъ. Въ скоромъ времени мы надѣемся пріобрѣсти въ Петербургѣ сотрудника и по беллетристической части.

Объ улучшеніи газеты въ издательскомъ отношеніи мы и не говоримъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи «Нов. Телеграфъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду провинціальныхъ газетъ. Ни одна провинціальная газета не отличается такимъ обиліемъ выпуска полуторныхъ нумеровъ, какъ «Нов. Тел.», доказывая этимъ и богатство литературныхъ матеріаловъ, и обезпеченность матеріальныхъ средствъ изданія.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.		Безъ доставки и пересыл.	Съ доставк и пересыл.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »	» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »	» 12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1884 г., всѣмъ подписчикамъ **«Нов. Тел.»** будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ безплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно беллетристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, переводныхъ статей, разсказовъ, смѣся—или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или каррикатуры.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ",

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ Южной Россіи: Азовѣ, Александріи, Александровскѣ, Алуштѣ, Ахтыркѣ, Асхабадѣ, Бахмутѣ, Бердичевѣ, Бахчисараѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бѣлопольѣ, Бирючѣ, Бобровѣ, Валкахъ, Вернеднѣпровскѣ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Геническѣ, Глуховѣ, Грозномъ, Городнѣ, Дмитріевѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Житомірѣ, Зеньковѣ, Зміевѣ, Золотоношѣ, Золочевѣ, Изюмѣ, ст. Каменской, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Козельцѣ, Конотопѣ, Константиноградѣ, Корочѣ, Кременчугѣ, Кролевцѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кисловодскѣ, Лебединѣ, Лубнахъ, Луганскѣ, Майконѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Маріуполѣ, Могилевѣ на Днѣпрѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Новозыбковѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Нахичевани-на-Дону, Новомъ-Осколѣ, Обояни, Орлѣ, Одессѣ, Орѣховѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Переяславѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Прилукахъ, Пятигорскѣ, Ростовѣ-на-Дону, Сквирѣ, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ-Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таращѣ, Таганрогѣ, Умани, ст. Урюпинской, ст. Усть-Медвѣдицкой, Херсонѣ, Хоролѣ, Черниговѣ, Черкасахъ, Эривани, Ялтѣ, Ѳеодосіи и во многихъ станицахъ, селахъ и слободахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 » — »	7 » — »	4 » — »	1 » 40 к.
Съ пер. иног.	12 » 50 »	7 » 50 »	4 » 50 »	1 » 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Харьковскаго Университета № 7.

Редакторъ-издатель А. А. ЮЗЕФОВИЧЪ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РОДНИКЪ".

1884 г. 3-й годъ изданія.

Журналъ **«РОДНИКЪ»** выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, съ отдѣльными картинками, политипажами въ текстѣ, музыкальными приложеніями и смѣсью.

Въ 1884 г., какъ и въ прошедшіе два года, редакція приметъ за правило давать дѣтямъ для чтенія преимущественно **оригинальныя** произведенія изъ русской жизни и природы. Въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ будутъ даваться: народныя сказки и легенды; всѣ-же другія выдающіяся произведенія иностранной дѣтской литературы будутъ печататься въ видѣ пересказовъ. Редакція постарается и въ этомъ году дать своимъ читателямъ рядъ популярныхъ научныхъ очерковъ, представляющихъ нѣчто цѣльное, въ родѣ, наприм. напечатанныхъ въ 1883 г. въ «Родникѣ» очерковъ **профес. М. Н. Богданова**, подъ названіемъ **«Мірскіе захребетники»**, гдѣ описанъ бытъ животныхъ, селящихся около человѣка и, по народному выраженію, живущихъ у него *за хребтомъ*, т. е. на его счетъ. Въ 1884 г., редакція надѣется дать новый рядъ подобныхъ-же очерковъ М. Н. Богданова изъ другой области животнаго міра и очерки **профессора Дм. Кайгородова** изъ жизни растеній. Сверхъ того, въ «Родникѣ» появится продолженіе этнографическихъ разсказовъ **Л. Х. Симоновой** изъ быта народовъ, населяющихъ Россію. Выборъ статей принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Внѣшность изданія, по мѣрѣ возможности, будетъ постепенно улучшаться.

ПРИЛОЖЕНІЕ къ «РОДНИКУ»: педагогическій сборникъ **«Воспитаніе и Обученіе»** выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ немъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, и библіографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ.

Условія подписки на 1884 годъ:

На годъ съ приложеніемъ, съ дост. и пер. 6 р.	На годъ безъ приложенія, съ дост. и пер. 5 р.	На ½ года безъ приложенія 3 р.	за границу на годъ съ приложеніемъ. 8 р.

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ журнала* **«Родникъ»**, *Никольская площ., д. № 4*, и въ **отдѣленіяхъ конторы**: въ *С.-Петербургѣ*—книжный магазинъ Н. Фену и К°. Въ *Москвѣ* — «Сотрудникъ школъ» А. К. Залѣсской, Воздвиженка, д. Армандъ. Въ *Харьковѣ*—книжный складъ при «Публичной библіотекѣ» А. Н. Гусева и К°, Московская, 7. Въ *Томскѣ* — «Сибирскій книжный магазинъ» Михайлова и Макушина.

Редакторъ-издательница *Е. Сысоева.*

„НОВОСТИ ДНЯ“,

ежедневная политическая, общественная, литературная, иллюстрированная газета.

I. Правительственныя распоряженія. II. Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и телеграфныхъ агенствъ. III. Корреспонденціи изъ Петербурга и внутреннихъ городовъ Россіи. IV. Политическія новости и оригинальныя корреспонденціи изъ главныхъ городовъ западной Европы. V. Городскія дѣла, отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, городской думы и сословныхъ учрежденій. VI. Дневникъ городскихъ происшествій. VII. Подмосковныя вѣсти. VIII. Театральныя и музыкальныя рецензіи и извѣстія. IX. Судебная хроника: а) отчеты окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ и кассаціонныхъ департаментовъ сената; б) коммерческихъ судовъ, и в) мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ, причемъ болѣе интересныя дѣла будутъ излагаться *стенографически*. X. Литературный отдѣлъ: романы, повѣсти, разсказы, сцены, касающіяся злобы дня, стихотворенія, анекдоты и т. п. XI. Смѣсь: разныя извѣстія. XII. Объявленія и рекламы.

Газета **«Новости Дня»** на страницахъ своихъ даетъ своимъ читателямъ рядъ портретовъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, извѣстныхъ ученыхъ, писателей, артистовъ, адвокатовъ и вообще лицъ, составляющихъ интересъ дня.

Мы задались не одною только мыслью давать матеріалъ для читателей столичныхъ, быстро схватывая на лету злобу и интересъ насущнаго столичнаго дня; мы не забыли и иногородныхъ читателей нашихъ, которые въ отдѣлѣ беллетристики найдутъ для себя всегда интересное чтеніе въ минуты досуга и однообразной провинціальной жизни.

Удовлетворяя всѣмъ этимъ потребностямъ общества, мы не забывали также и того, что летучій листокъ газеты предназначается не для одной только розничной продажи, что онъ призванъ быть настольнымъ изданіемъ въ семейныхъ домахъ, и всегда тщательно избѣгали всего того, что могло-бы возмутить чувство нравственнаго приличія въ нашихъ читательницахъ, ни разу не пожертвовавъ строгимъ чувствомъ приличія, ни во имя интереса сообщаемаго событія, ни во имя бойкости разсказа характернаго вымысла.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12 мѣс.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки въ Москвѣ. . .	7 р.	4 р. — к.	2 р. — к.	— р. 90 к.
Съ доставкой въ Москвѣ . . .	8 »	5 » — »	3 » — »	1 » — »
Съ пересылкой иногороднымъ. .	9 »	5 » 20 »	3 » 50 »	1 » — »

Объявленія принимаются по 20 к. за строку петита на первой страницѣ и по 10 к. на послѣдней.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, на Петровкѣ, въ д. Левенсона. Иногородные адресуютъ: въ Москву, въ редакцію газеты **«Новости Дня»**.

Редакторъ-издатель *А. Я. Липскеровъ.*

„РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Выходитъ 4 раза въ годъ книжками отъ 10 до 15 листовъ каждая. Общее число листовъ годоваго изданія около 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Цѣна годовому изданію: *семь р. с.* съ пересылкою.

Адрессъ: Варшава, въ редакцію «Русскаго Филологическаго Вѣстника».

Редакторъ-издатель: *А. И. Смирновъ.*

„ВАЗА“.

дамскій, иллюстрированный, литературно-модный и рукодѣльный журналъ.

Существуетъ 53 года. Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями и даетъ въ годъ: **24 двойныхъ номера журнала**, т. е. **24 литературныхъ и 24 рукодѣльно-модныхъ** (рисунки парижскихъ модъ и рукодѣлій, модную хронику, домашнее хозяйство и т. п.).

1000 политипажей въ текстѣ. **24 модныя раскрашенныя гравюры.** (Исполняются и печатаются въ Парижѣ). **12 вырѣзныхъ выкроекъ**—въ натуральную величину. **12** листовъ **литографированныхъ выкроекъ** (до 1000 формъ). **12** листовъ **узоровъ:** вязанья, вшиванья, тамбурныхъ и т. п. работъ. **6** раскрашенныхъ **узоровъ**, для различныхъ женскихъ рукодѣлій.

Каждый подписчикъ 1884 года получитъ 6 ПРЕМІЙ, а именно: **I. ГИПЮРНАЯ САЛФЕТКА** на переддиванный столъ. **II. ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА** пріозерный пейзажъ. Громадная (около 300 квадратн. верш.). Отпечатана въ 22 краскп. Въ продажѣ 4 руб. **III. АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ ДЛЯ ВЫШИВОКЪ.** Полнѣйшее изданіе, около 300 узоровъ на 24 листахъ. Въ продажѣ 2 руб. **IV. «ХОЗЯЙКА».** Новая настольная книга въ 2-хъ частяхъ. Въ продажѣ 1 р. 50 к. **V. ШАРФЪ ТЮЛЕВЫЙ** съ накладной вышивкой по концамъ. **VI. КОРЗИНКА ДЛЯ КОЛЕЦЪ** изъ papier-mâché.

Раздача и разсылка премій оканчивается въ теченіи перваго полугодія.

Адресъ редакціи *С.-Петербургъ, Ивановская, № 12.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ.	СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.	
На годъ безъ премій . .	6 р. — к.	7 р.	Съ преміями на 5 р. дороже, на укупорку премій слѣдуетъ добавлять 50 коп.
На ½ года безъ премій.	3 р. 40 к.	4 р.	

„ЛУЧЪ".

Подписчики получатъ за ШЕСТЬ руб. съ доставкою и пересылкою:

Пятьдесятъ два еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ номера, **двѣнадцать приложеній (премій)** ежемѣсячныхъ книгъ романовъ, оригинальныхъ и переводныхъ, отъ 15—20 печатныхъ листовъ каждая книга, и

6 БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ НА 1884 ГОДЪ:

1) **Большую олеографическую картину.**

2) } **Два акварельныхъ пейзажа.**
3) }

4) **Томъ** (форматъ въ полулистъ) **живописной Россіи**: сто двадцать видовъ городовъ и замѣчательныхъ русскихъ мѣстностей, съ подробнымъ описаніемъ и статистическими цифрами. **Изданіе это, по объему, изяществу и цѣнности, составитъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе.**. Всякому пріятно имѣть живописное описаніе своей родины, тѣмъ болѣе, что это первая попытка подобнаго рода альбома-иллюстраціи.

5 и 6) **Первый** и **второй** томъ сочиненій С. С. Окрейца, въ которыхъ будутъ помѣщены: романъ «Послѣдніе язычники», три части, и повѣсть «Изъ міра умершаго и погребеннаго». Кромѣ того памфлетъ С. С. Окр—ца «Что намъ нужно?» содержащій отвѣты на важнѣйшіе вопросы по благоустройству и хозяйству русской земли.

За годовое изданіе журнала «ЛУЧЪ» съ преміями, съ доставкою и пересылкою, **ШЕСТЬ** руб. и за укупорку и перес. премій 70 к. Безъ премій (одни 52 иллюстрированныхъ номера), съ доставкою и перес., **ТРИ** руб.

Дешевле и полнѣе нѣтъ ни одной газеты въ Россіи.

Гг. чиновникамъ и библіотекамъ, выписывающимъ не менѣе 10-ти экземпляровъ, одинадцатый будетъ высылаться *даромъ*. Книги (безъ журнала) можно выписывать отдѣльно, приплачивая 3 р. 50 к. за экземпляръ. Разсрочка чрезъ казначеевъ допускается.

Подписку слѣдуетъ адресовать: въ С.-Петербургъ, Николаевская улица, д. № 41, въ контору редакціи.

Редакторъ *С. С. Окрейцъ.*

Открыта подписка на 1884 г. на издаваемые при с.-петербургской духовной академіи:

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(еженедѣльное изданіе отъ 2 до 4 печатныхъ листовъ въ №; въ годъ до 142 л. большаго формата)

И

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.)

«ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ»,—вступающій нынѣ въ *десятый годъ существованія,*—въ оффиціальной своей части, составляющей оффиціальный органъ св. синода, печатаетъ *сполна* и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ неоффиціальной же части, какъ издаваемый при с.-петербургской духовной академіи, даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (на православномъ востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестанствѣ).

При журналѣ «ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ», составляющемъ прибавленіе къ «Церковному Вѣстнику» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того **ТОЛКОВАНІЯ НА ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ** (въ 1884 г. будетъ продолжаться печатаніе «*Толкованія на книгу Псалмовъ,* и вмѣстѣ съ тѣмъ «*Толкованія на книгу пророка Исаіи*», такъ что къ концу 1884 г. выйдетъ *особою книжкою* пятый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи *за оба журнала и съ «Толкованіями на Ветхій Завѣтъ»* —**семь руб.** *съ пересылкою; отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ»* —**пять руб.**, *за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями»* — **пять руб.** За границей, для всѣхъ мѣстъ: *за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р. съ пересылкою.*

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія», въ С.-Петербургѣ». *Подписывающіеся въ Петербургѣ* подписываются въ отдѣленіи конторы редакціи (близъ Знам. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пор., д. № 5, кв. 2), гдѣ получаются также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.— за 1 разъ) и для разсылки при «Церк. Вѣстн.» (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Караблева), въ Москвѣ—при книжн. маг. Ферапонтова.

„РУССКАЯ СТАРИНА",

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ.

1884 ГОДЪ.

пятнадцатый годъ изданія.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, **для иногородныхъ исключительно** въ редакціи журнала, по Большой Подъяческой, домъ № 7.

Для городскихъ—въ книжномъ магазинѣ **Цинзерлинга** (Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, домъ № 46) въ С.-Петербургѣ и въ книжномъ магазинѣ **Мамонтова** въ Москвѣ. Цѣна **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою.

Подписавшіеся по 10 декабря 1883 г., могутъ получить за ОДИНЪ руб.:

„Очерки и разсказы М. И. Семевскаго изъ русской исторіи XVIII вѣка"

СЪ РИСУНКАМИ.

Для прочихъ лицъ цѣна этой книги возвышена.

Всѣ подписчики на «РУССКУЮ СТАРИНУ» въ 1884 году получатъ, въ видѣ преміи, *красками отпечатанный* точный снимокъ съ отличнаго акварельнаго портрета *А. С. Пушкина*, писаннаго знаменитымъ основателемъ акварельной живописи въ Россіи *П. Ѳ. Соколовымъ* (ум. въ 1848 г.).

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1884 г. (двѣнадцатый годъ изданія).

Всѣмъ подписчикамъ въ теченіи года выслется:

1) **52 еженедѣльныхъ нумера**, каждый въ два большихъ печатныхъ листа, съ 5—6 рисунками въ текстѣ.
2) **12 ежемѣсячныхъ книжекъ** въ 8-ю долю, объемомъ въ 10 печатныхъ листовъ.
3) **12 ежемѣсячныхъ нумеровъ «Парижскихъ модъ»**.
4) **Безплатная премія**,—олеографія съ картины извѣстнаго художника **В. Е. Маковскаго**,

„МАЛОРОССІЙСКІЙ ДѢВИЧНИКЪ".

(Размѣръ преміи: 20 верш. длины и 13 верш. ширины).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой: За годъ **8** р., за полгода **4** р. **50** к.

Безъ доставки и пересылки: За годъ **6** р. **60** к., за полгода **4** р.

За границею; за годъ—**12** руб., за полгода—**6** руб.

За пересылку преміи страховою посылкою **60** к.

Адресы конторы и редакціи журнала: *С.-Петербургъ, уголъ Николаевской и Колокольной, домъ Боборыкиной.*

Для помѣщенія въ 1884 г. редакція уже имѣетъ слѣдующія произведенія; А: МИХАЙЛОВА, „И золотомъ и молотомъ", ром.; ЕГО-ЖЕ, „Изъ міра довольства и благополучія", рядъ разсказовъ; Н. ЛѢСКОВА, „Отборное зерно" (комическая трилогія); ЕВГЕНІЯ МАРКОВА, „Путешествіе въ Дагестанъ"; И. СЕВЕРИНА, „Врали", комедія; П: ПОЛЕВАГО, „Шуты и скоморохи", картины изъ средневѣковаго быта; К. СОБОРНОЙ (псевдонимъ), „Въ погонѣ за богатствомъ", ром.; П. ТРОЙНИЦКАГО, „Петербургъ", (центры умственной жизни;) А. СИМОНОВОЙ „Чья возметъ" повѣсть, А. КРУГЛОВА „Разсказы изъ народнаго быти"; А. МИТУРИЧА, „Новая звѣзда", большая повѣсть; А. САХАРОВОЙ, „Чайка не ласточка", разсказъ; В. ЮРЬЕВА, „Феягоръ", поэма; Г. СЕНКЕВИЧА „Огнемъ и мечемъ", историч. романъ"; М. ЦЕБРИКОВОЙ „Американки" изъ за-атлантической литературной жизни; Н. КРАСНОВА, „Поискъ походнаго атамана Ивана Богатаго подъ Цареградъ", изъ донской старины; П. ВАСИЛЬЕВА „Нравственная зараза", очерки; РАНЦОНИ, „Проклятіе и искупленіе", ром. съ илюстраціями Каргера и мн. др.

Редакторъ-Издатель *П. Н. Полевой.*

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ"

ВЪ 1884 ГОДУ.

Съ истеченіемъ текущаго 1883 года оканчивается 10-ти лѣтній періодъ изданія нашей газеты. Вступая въ одинадцатый годъ изданія, мы будемъ стремиться къ достиженію той-же цѣли, которую имѣли и въ истекшемъ десятилѣтіи.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «**Церковно-Общественнаго Вѣстника**»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостію* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнію вопросамъ, существеннымъ образомъ затрогивающимъ интересы духовенства и общества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны вашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 10-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при **«Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ»** въ 1884 г. будетъ изданъ въ видѣ безплатнаго приложенія *«Календарь для духовенства»*, въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія указанія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случаи общественной жизни духовенства.

Условія подписки на **«Церковно-Общественный Вѣстникъ»**: на годъ 8 руб., на полгода 4 руб. 50 коп., на три мѣсяца 2 руб. 50 коп., на мѣсяцъ 1 руб. Годовая цѣна за границей 10 руб.—Отдѣльные №№ по 10 коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: **въ редакцію «Церковно-Общественнаго Вѣстника», въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5.**

Редакторъ-издатель *А. И. Поповицкій.*

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

1884 г. (двѣнадцатый годъ изданія).

Въ предстоящемъ году **«Орловскій Вѣстникъ»** будетъ выходить ежедневно одинаковыми нумерами въ листъ, кромѣ послѣпраздничныхъ дней, въ которые газета будетъ издаваться полулистомъ. Въ виду такого громаднаго увеличенія объема газеты, болѣе чѣмъ вдвое, форматъ нумеровъ ея будетъ нѣсколько уменьшенъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ, съ доставкой на домъ и пересылкой въ другіе города, *7 РУБЛЕЙ.*

Подписка принимается: въ г. Орлѣ, Публичной Библіотекѣ **«Орловскій Вѣстникъ»**, болховская, д. Зальменъ, и въ редакціи—зиновьевская улица. д. Чудинова.

Редакторъ-издатель *А. Чудиновъ.*

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ"

1884 г. (Изданія г. 22-й).

Съ доставкою въ Саратовѣ:			Съ пересылкою въ другіе города:		
На годъ	7 р.	— к.	На годъ	8 р.	— к.
» полгода	4 »	— »	» полгода	4 »	50 »
» 3 мѣсяца. . . .	3 »	— »	» 3 мѣсяца	3 »	— »
» 1 мѣсяцъ. . . .	1 »	— »	» 1 мѣсяцъ	1 »	20 »

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Саратовъ, Скобелевская ул., домъ Онезорге.

Редакторъ *П. Лебедевъ.* Издатель *М. Поповъ.*

„СТРАННИКЪ“
на 1884 годъ
(четвертый годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. Синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ **10-ти** до **12-ти** и болѣе листовъ. Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи*. 2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи*. 3) Церковныя *слова*, *поученія* и другія нравоучительныя произведенія. 4) *Разсказы*, *повѣсти*, *характеристики*, *очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства. 5) *Бытовые очерки* и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа. 6) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе*. 7) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта. 8) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей. 9) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 10) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*. 11 Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій. 12) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала. 13) *Библіографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы. а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы. 14) *Книжная лѣтопись*: ежемѣсячный указатель вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 15) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и другихъ обществъ, и проч.; корреспонденціи; объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе 1884 года остается прежняя: *съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ* **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ;** съ пересылкою за границу **восемъ рублей**. Адресоваться: **въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ** (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели:

А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.

„ИСКУССТВО“

ЖУРНАЛЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ.

1884 Г. (2-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ трудахъ редакціи по прежнему будутъ принимать участіе: Н. В. Бергъ (проф.), П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, А. П. Бородинъ (проф.), А. Н. Веселовскій (проф.), Эд. Гонкуръ (изъ Парижа), Эдуардъ Елинекъ (изъ Праги, редакторъ „Slovansky Sbornik“), В. Н. Кашперовъ, Ц. А. Кюи, В. П. Карповъ, Эрлихъ (изъ Вѣны, критикъ „Tribune“). „Новый Москвичъ“ (псевд.), „Nix“ (псевд.), А. Н. Островскій, М. И. Писаревъ (арт. Моск. театра). Ридель (изъ Лейпцига), В. И. Родиславскій, В. Д. Спасовичъ, И. В. Самаринъ (арт. имп. Москов. театра), Ф. Сарсэ, (изъ Парижа), А. Г. Сахарова, „Театралъ“ (псевд.), П. А. Трифоновъ, А. Н. Трефолевъ, Филиппи (изъ Милана худ. критикъ „Perseveranza“), В. А. Чечотъ, П. П. Штеллеръ (авторъ „Ошибокъ Молодости“) и др.

Журналъ «ИСКУССТВО» будетъ издаваться по той-же программѣ. Съ 1 января 1884 года журналъ „ИСКУССТВО“, измѣнивъ свой форматъ, выходитъ въ болѣе компактномъ видѣ, въ форматѣ извѣстнаго французскаго журнала «*Revue politique et litteraire*», *заключая въ каждомъ нумерѣ отъ 24 до 32 страницъ*, съ приложеніемъ фототипическихъ портретовъ, сдѣланныхъ въ Мюнхенѣ по образцу портрета С. В. Шумскаго, разосланнаго при 43 № „ИСКУССТВА“.

Съ 1-го нумера будущаго года помѣщаются повѣсти, очерки, разсказы (имѣющіе содержаніемъ своимъ жизнь или дѣятельность артистовъ и художниковъ) и драматическія произведенія: классическія—въ переводѣ и выдающіяся по литературнымъ достоинствамъ русскихъ современныхъ писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Съ доставкою		Для иногородныхъ	
Годъ	9 р. 50 к.	Годъ	10 р.
Полгода	5 „ 75 „	Полгода	6 „
3 мѣсяца	3 „ 50 „	3 мѣсяца	4 „

Главная контора: С. Петербургъ, Ивановская, д. 14, кв. 9. Гг. Иногородные благоволятъ обращаться съ подпискою преимущественно въ Главную контору. Разсрочка чрезъ казначеевъ и по соглашенію съ конторой редакціи.

Редакторъ-издатель *Ѳ. Гриднинъ.*

„РЕБУСЪ“

ГОДЪ IV. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Программа журнала подобная всѣмъ еженедѣльнымъ изданіямъ, съ прибавленіемъ отдѣловъ, которыхъ читатель не встрѣтитъ ни въ одномъ изъ русскихъ періодическихъ изданій: 1) Обозрѣніе малоизслѣдованныхъ явленій природы, какъ-

то: *МЕДІУМИЗМЪ* (спиритизмъ), магнетизмъ, гипнотизмъ, сомнамбулизмъ, ясновидѣніе, и проч. Статьи по этимъ вопросамъ помѣщаются какъ оригинальныя, такъ и переводныя изъ всѣхъ иностранныхъ спеціальныхъ журналовъ. 2) Статьи по Графологіи (опредѣленіе характера по почерку). 3) Статьи по Гомеопатіи. *Отдѣлъ ребусовъ:* въ теченіи года въ немъ будетъ помѣщено 24 ребуса; изъ нихъ 12 премированныхъ, за рѣшеніе которыхъ *ВСѢ* получаютъ преміи въ видѣ книгъ, картинъ, нотъ, портретовъ и проч. *Беллетристическій отдѣлъ:* романы, повѣсти, разсказы какъ оригинальные, такъ и переводные. Между ними «Темное дѣло» — романъ принадлежащій перу одного изъ извѣстныхъ лицъ въ русской литературѣ.

Изъявили согласіе на сотрудничество въ журналѣ: А. Н. Аксаковъ, профессоръ А. М. Бутлеровъ, Е. П. Блаватская (Родда-Бай), В. В. Марковъ, Викторъ Острогорскій, Т. П. Пассекъ, графъ А. С. Соллогубъ и другіе.

ЦѢНА на годъ 4 р.; на полгода 2 р. 50 к. съ дост., а безъ доставки 3 р. 20 к. Допускаются разсрочки: при подпискѣ 2 р., 1-го апрѣля 1 р. и 1-го іюля 1 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ книж. маг. Вольфа, Мелье, Мартынова, «Новаго Времени», Бортневскаго и др. *ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ* въ редакціи (Англійскій просп., № 29). Въ Москвѣ въ кн. маг. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Редакторъ-издатель *В. Прибытковъ.*

„ЭХО"

ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА,

самая дешевая изъ всѣхъ большихъ газетъ

1884 г. (4-й годъ изданія).

Достаточно выразившійся въ послѣдніе мѣсяцы, при новомъ издателѣ и составѣ редакціи, *успѣхъ* газеты позволяетъ не только удержать прежнюю подписную цѣну, но и значительно расширить программу.

Направленіе газеты *«Эхо»* опредѣляемъ коротко: добросовѣстное и трезвое отношеніе къ явленіямъ русской жизни. Въ эпоху крайняго осложненія и путаницы въ ходѣ внутренней и внѣшней общественной жизни страны, пришлось намъ выступить на арену печатнаго слова. Повсюду слышатся жалобы на отсутствіе идеаловъ въ обществѣ, повсюду общество ищетъ пути, по которому оно можетъ идти твердою стопою къ намѣченнвй имъ цѣли. Въ этихъ поискахъ общество доходитъ до крайностей, то обращаясь на западъ, то думая видѣть спасеніе только за китайской стѣной. Мы думаемъ, что истина и правда — вездѣ одна, поэтому наука и нравственность не можетъ имѣть національности. Въ силу этого мы будемъ проводить въ русское общество данныя науки и нравственныя начала, не обращая вниманія на то, откуда придется ихъ брать: съ запада или изъ русской

жизни. Мы прежде всего должны выработать себѣ опредѣленную мѣрку для уясненія, къ чему мы, русскіе, должны стремиться, чтобы оправдать свое назначеніе, какъ извѣстной группы человѣчества. Поэтому мы будемъ брать хорошее и у запада, если оно дѣйствительно хорошо, и отвращаться отъ дурнаго у себя на родинѣ, если оно дѣйствительно дурно. Но въ тоже время мы сознаемъ, что нельзя обществу навязывать того, къ чему оно внутренне не приготовлено: необходимо вызывать само общество къ развитію тѣхъ или другихъ, таящихся въ немъ, нравственныхъ началъ. Поэтому мы ставимъ своею цѣлью способствованіе свободному и широкому проявленію обществомъ его внутреннихъ силъ, причемъ, конечно, считаемъ необходимымъ способствовать проявленію хорошихъ только стремленій, устраняя развитіе дурныхъ, — внесеніемъ въ сознаніе и нравы общества возможно больше знанія и нравственныхъ началъ. Исходя изъ такой задачи, мы думаемъ сдѣлать изъ своего органа какъ проводникъ знанія и нравственныхъ принциповъ въ общество, такъ и орудіе ознакомленія общества съ самимъ собою. Съ этою цѣлью мы расширили программу нашего изданія до размѣровъ большой газеты.

Съ 1-го января будутъ помѣщены: большой оригинальный романъ послѣднихъ дней **„Чиновное болото“**, **„Прологъ къ роману“** *М. Н. Альбова.* Повѣсть **„Въ полутьмѣ“** и др., уже находящіяся въ распоряженіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

(Съ доставкою и пересылкою).

Въ Россіи:		За границею:	
На годъ	10 р.	На годъ	16 р. — к.
„ полгода	6 „	„ полгода	9 „ — „
„ три мѣсяца	8 „	„ три мѣсяца	5 „ — „
„ одинъ мѣсяцъ	1 „	„ одинъ мѣсяцъ	2 „ 50 „

Подписка принимается на всѣ вышеупомянутые сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца, и не далѣе, какъ до конца года, съ доставкою по городской почтѣ въ Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи.

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ: въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ (на углу Большой Садовой и Большой Итальянской ул., д. № 5—10, кв. № 3) и въ отдѣленіи главной конторы (на углу Большой Садовой и Мучнаго пер., д. № „27, въ Русской Скоропечатнѣ“ К. И. Купа).

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ въ С.-Петербургѣ — по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; не служащіе-же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ *Петербургѣ* — въ главную контору „ЭХО“.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 руб. и въ началѣ августа 2 руб.

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ,"

(пятьдесятъ восьмой годъ изданія)

газета политическая, экономическая и литературная,

будетъ выходить листами большого формата по той-же программѣ и съ тѣми-же отдѣлами, какъ и въ настоящемъ году.

Въ увѣренности, что газета наша, редактируемая почти десять лѣтъ одною и тою-же редакціею, достаточно выяснила свое направленіе и то, что не смотря на всѣ обстоятельства и условія, она остается и останетея вѣрною разъ принятому пути,—мы считаемъ умѣстнымъ ограничиться здѣсь нѣсколькими детальными указаніями.

Читателямъ извѣстно, что въ прошломъ году, съ надлежащаго разрѣшенія, мы открыли отдѣлъ „юридической хроники", дающій право разбирать судебныя рѣшенія и приговоры. За это время у насъ были помѣщены разборы такого рода и мы намѣреваемся расширить этотъ отдѣлъ по возможности, въ виду ожидаемой пользы отъ ознакомленія публики съ юридическими вопросами и практикою судовъ.

Наши отношенія къ славянскому иноземному міру, съ явленіями котораго постоянно знакомимъ читателей, настолько выяснились, что, полагаемъ, мы не ошибемся, если не станемъ о нихъ распространяться.

Относительно расширенія земскаго, внутренняго и областнаго отдѣловъ думаемъ, что исполнили обѣщаніе по мѣрѣ возможности. Послѣдовавшее значительное расширеніе южной и мѣстной хроники, какъ выраженія жизни края и города, замѣчено читателями, о чемъ неоднократно было заявлено.

Статьямъ о желѣзнодорожномъ дѣлѣ, по разнымъ отраслямъ седьскаго хозяйства, по садоводству и винодѣлію мы, по прежнему, охотно будемъ удѣлять мѣсто на страницахъ нашего изданія.

До настоящаго времени мы давали читателямъ и будемъ продолжать давать повѣсти, разсказы, фезьетоны объ общественной жизни (русской и иностранной), литературные очерки и вообще статьи беллетристическаго содержанія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки и доставки:		съ пересылкой или доставкой:	
За годъ (12 мѣсяцевъ) . .	12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ) . .	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ	7 „ — „	За 6 мѣсяцевъ	8 „ — „
За 3 мѣсяца.	3 „ 85 „	За 3 мѣсяца.	4 „ 50 „
За 1 мѣсяцъ.	1 „ 30 „	За 1 мѣсяцъ.	1 „ 50 „

На пересылку за границу прибавляется 50 коп. въ мѣсяцъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно, съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодичные, или по четвертямъ года. Для различныхъ учрежденій также допускается разсрочка.

Подписка принимается въ *Одессѣ*, въ конторѣ „Одесскаго Вѣстника„, по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

Редакторъ-издатель *П. А. Зеленый*

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1884 г. 9-й годъ изданія.

I) Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности оренбургскаго края. II) Общія политическія извѣстія и политическія телеграммы. III) Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. IV) Сообщенія о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. V) Фельетонъ; въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. VI) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзно-дорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія. VII) Прибавленіе къ «Оренбургскому Листку»

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“.

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеньямъ, а «Листокъ Объявленій» по четвергамъ.

Подписная цѣна годовому изданію **ПЯТЬ РУБЛЕЙ** съ доставкой и пересылкой.

Для оренбургскихъ подписчиковъ допускается разсрочка по взносѣ подписныхъ денегъ.

Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать въ ОРЕНБУРГЪ, въ редакцію гатеты **«Оренбургскій Листокъ»**, Перовская улица, домъ № 33, близъ театра, при типо-литографіи Ивана Ивановича Евфимовскаго-Мировицкаго.

Редакторъ-издатель *Ив. Евфимовскій-Мировицкій.*

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА“.

1884 г. (выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 лист.).

Въ составъ журнала входятъ: 1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины; 2) избранныя сочиненія изъ иностранной медицинской литературы; 3) рефераты, обзоры, критическіе очерки и пр.

Годовая цѣна съ перес. **17** р., безъ перес. **15** р. Студенты пользуются уступкой.

Въ журналѣ за прошлые года (1881, 1882, 1883) были помѣщены изъ наиболѣе капитальныхъ вещей слѣдующія: 1) **А. Багинскій.** Дѣтскія болѣзни (40 лист.); **Бони.** *Физіологія* (60 лист.); **Генохъ.** Дѣтскія болѣзни (44 листа); **Зелюгмюлеръ.** Нервныя болѣзни (23 листа); **Мальгень.** *Оперативная хирургія* (20 лист.); **Нимейеръ.** Частная патологія и терапія (103 листа); **Рибо.** Болѣзни памяти (10 лист.); **Россбахъ.** Основы физическихъ методовъ леченія (32 листа); **Фритшъ.** Женскія болѣзни (28 лист.); **Шеффъ.** Зубныя болѣзни (17½ лист.); **Эйхгорстъ.** Діагностика (45 лист.); **Эйхгорстъ.** Частная патологія и терапія (40 лист.); **Эриксенъ.** Хирургія (70 лист.); **Ришэ.** Хирургическая анатомія (25 листовъ).

Всѣ сочиненія, помѣщенныя въ «Медицинск. Библіот.», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить Анатомію **Гиртля** съ рисунками атласа **Гейцманна,** затѣмъ переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ извѣстной коллекціи **Вредена** (**Гебра, Генсмеръ, Барделебенъ** и пр.), психіатрію **Мейнерта**, къ переводу которой будетъ приступлено немедленно по появленіи этого сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ.

Редакція имѣетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской переводной литературѣ по гигіенѣ, фармакологіи и судебной медицинѣ.

Отдѣлъ «хроники и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медиц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ.*
Издатель *Н. Л. Вилькинъ.*

„ДРУГЪ ЖЕНЩИНЪ"

ТРЕТІЙ ГОДЪ

«Другъ женщинъ» — будетъ выходить ежемѣсячно отъ 9 до 12 печ. лист.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Романы, повѣсти и разсказы — оригинальные и переводные; біографіи и характеристики женщинъ замѣчательныхъ въ исторіи; свѣдѣнія о дѣятельности современныхъ женщинъ въ области литературы, наукъ и искусствъ; статьи научнаго содержанія — по педагогіи, медицинѣ, статистикѣ женскаго труда и пр.; критика, библіографія и рецензіи книгъ и статей, касающихся женскаго вопроса и сочиненій о женщинахъ; статьи юридическія — по гражданскому праву, женщины по русскому и иностранному законодательствамъ и выдающіеся уголовные процессы, въ которыхъ потерпѣвшими и подсудимыми являются женщины; отчеты о женскихъ обществахъ, объ учительскихъ и другихъ съѣздахъ; правительственныя распоряженія; статисти-

ческія и другія свѣдѣнія по высшему, среднему и начальному женскому образованію въ Россіи; разныя извѣстія, относящіяся къ образованію и дѣятельности женщинъ въ Россіи и за границей.

Въ 1884 году будутъ участвовать въ журналѣ **«Другъ женщинъ»**: гг. *Ковалевская* (женщина-математикъ и доцентъ стокгольмскаго университета), *В. І. Дмитріева, Шабанова* (женщина-врачъ), *В. Ф. Левицкій* и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Москвѣ за годъ 6 р., съ пересылкой во всѣ города Россіи 7 р.; за полгода въ Москвѣ 3 р. 50 к. и съ пересылкой въ другіе города 4 р.

Подписка принимается: въ **Москвѣ**, въ конторѣ редакціи, Волхонка, домъ Воейковой, подъѣздъ съ Лѣнивки, и въ отдѣленіи редакціи у г-жи Печковской, на Петровкѣ, въ Петровскихъ линіяхъ; въ **С.-Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, Невскій проспектъ, противъ гостиннаго двора.

„ВОЛЫНЬ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вступая въ шестой годъ своего существованія съ будущаго 1884 года, газета *„ВОЛЫНЬ“* будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объвленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій, и 13) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ Конторѣ редакціи, б. Бердичевская ул., д. Лашкевича.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Для городскихъ подписчиковъ, безъ доставки и пересылки	3 р. 30 коп.	1 р. 80 коп.	1 р.
Съ доставкою на домъ	3 р. 50 коп.	1 р. 90 коп.	1 р. 10 коп.
Для иногородочыхъ съ пересылкою.	4 р.	1 р. 20 коп.	1 р. 20 коп.

Иногородные подписчики на перемѣну адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 коп.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

продолжаетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: *съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи* **СЕМЪ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.**

При журналѣ: „Православный Собесѣдникъ" издаются

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Причты казанской епархіи, выписывающіе „Православный Собесѣдникъ", получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія," съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна „ИЗВѢСТІЙ" для мѣстъ и лицъ *другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ*, за оба изданія вмѣстѣ, *десять* руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи.

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ,"

Журналъ выходитъ восемнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ въ хорошемъ переводѣ романы иностранныхъ писателей.

Въ 1884 г,ду редакція обратитъ особое вниманіе, чтобы давать публикѣ, по преимуществу, романы историческаго и политическаго содержанія. Въ первыхъ книгахъ будетъ помѣщенъ большой романъ *Сэуа Д. Рэтклифа*—«Возстаніе въ Индіи», гдѣ авторъ разоблачаетъ политику Англіи со всѣми ея ужасами и коварствомъ и проводитъ читателя по всѣмъ колоніямъ Британскаго государства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ доставки.	Съ доставкою на домъ.	Съ перс. во всѣ г. Россіи.
На 12 мѣс.	8 р.—к.	8 р. 50 к.	9 р.
На 6 „	4 „ 25 „	4 „ 50 „	5 „

Допускается разсрочка по полугодіямъ и по третямъ, съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 руб., а во второмъ—3 руб.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ *Конторѣ редакціи*, Знаменская, 22, кв. 16, и въ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные адресуютъ свои требованія исключительно: въ *Контору редакціи журнала «Переводы Отдѣльныхъ Романовъ»*.

„ДОНСКАЯ ПЧЕЛА“

(годъ IX)

Какъ въ теченіи минувшихъ восьми лѣтъ, будетъ выходить два раза въ недѣлю, по четвергамъ и воскресеньямъ.

Цѣль газеты—служеніе интересамъ Пріазовскаго края: разработка вопросовъ касающихся экономической жизни этого края, своевременное обсужденіе всѣхъ явленій, имѣющихъ близкое соприкосновеніе съ мѣстной жизнью, оглашеніе болѣе или менѣе важныхъ событій, текущія явленія и мѣстныя новости.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Ростовѣ на Дону.		Съ пересылкою иногороднимъ.	
на годъ	6 р. —	на годъ	7 р. —
„ полгода	3 „ 50	„ полгода	4 „ —
„ 3 мѣсяца	2 „ —	„ 3 мѣсяца.	2 „ 50

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 25 коп.

Письма и деньги адресуются исключительно въ контору редакціи «Донской Пчелы», въ Ростовъ на Дону.

Редакторъ-издатель *И. А. Теръ-Абраміанъ.*

„НЕДѢЛЯ“

Еженедѣльная газета (17-й годъ изданія),

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО

„ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ“.

Въ 1884 году газета *«Недѣля»* будетъ выходить, какъ и до сего времени, ежередѣльно, по воскресеньямъ, въ количествѣ 52 номеровъ въ годъ.

«Журналъ Романовъ и *Повѣстей»*, составляющій беллетристическое приложеніе къ газетѣ *«Недѣля»*, будетъ выходить ежемѣсячно, книжками, всего въ количествѣ 12 въ годъ.

Въ составъ *«Недѣли»* входятъ: I. Редакціонныя (руководящія) статьи по текущимъ вопросамъ русской жизни; II. Такія же статьи по вопросамъ внѣшней политики; III. Систематическія обозрѣнія текущихъ событій и явленій въ Россіи; IV. Обозрѣнія заграничной жизни, какъ политической, такъ и бытовой; V. Статьи научныя, преимущественно соціальнаго характера; VI. Статьи и изслѣдованія, касающіяся общихъ, основныхъ нуждъ Россіи; VI. Статьи по разнымъ частнымъ вопросамъ русской жизни изъ области земскаго и городского самоуправленія; VIII. Художественно-бытовые очерки и разсказы; IX. Стихотворенія; X. Критическія статьи по поводу русскихъ и иностранныхъ произведеній; XI. Разборы вновь вы-

ходящихъ книгъ; XII. Статьи по текущей русской журналистикѣ; XIII. Письма изъ-за границы; XIV. Письма изъ провинціи, въ формѣ особыхъ статей; XV. Сообщенія изъ губерній въ видѣ фактическихъ текущихъ извѣстій; XVI. Судебная лѣтопись, въ формѣ обработанныхъ разсказовъ изъ уголовной хроники; XVII. Замѣтки полемическаго характера; XVIII. Фельетонъ. XIX. Разныя разности. Факты, сообщенія, выдающіяся происшествія, слухи и т. п. XX. Объявленія.

Въ составъ *«Журнала Романовъ и Повѣстей»* входятъ романы и повѣсти какъ русскіе, такъ и переводные. Въ каждой книжкѣ помѣщается отъ 3 до 4 произведеній, которыя втеченіе года составляютъ отъ *двѣнадцати* до *четырнадцати* большихъ романовъ и повѣстей.

Цѣна обоихъ изданій вмѣстѣ, то есть *«Недѣли»* съ приложеніемъ *«Журнала Романовъ и Повѣстей»*, 8 рублей въ годъ, съ доставкой пересылкой.

Подписка на 1884 годъ открыта.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи *«Недѣли»* у Владимірской церкви, Ямская, 6.

Редакторъ-издатель *Н. А. Гайдебуровъ.*

„РУССКІЙ АРХИВЪ,"

1884 Г. (22-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Русскій Архивъ историческій сборникъ, преимущественно XVIII и XIX столѣтій, будетъ выходить въ 1884 году *шесть разъ* въ годъ: въ генварѣ, мартѣ, маѣ, іюлѣ, сентябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, книжками отъ 10 до 15 листовъ крупнаго и вполнѣ четкаго шрифта, съ приложеніями, портретами и рисунками.

Русскій Архивъ издается уже третье десятилѣтіе, и потому не нуждается въ зазывахъ и многообѣщающихъ посулахъ. Онъ остается вѣренъ основной своей мысли—служить Русскому самосознанію посредствомъ ближайшаго знакомства съ недавнопрошедшими событіями и въ отечественной старинѣ отыскивать корни нынѣшней дѣйствительности. На его знамени можно бы написать старинную поговорку: «не найдешь въ себѣ, не ищи въ селѣ». Разумѣется, при такомъ отношеніи къ дѣлу немыслимо пристрастное освѣщеніе историческихъ лицъ и событій, въ угоду господствующему направленію современности. Историческое изданіе, своимъ содержаніемъ удовлетворяющее не одну минутному любопытству и цѣнное не только для нашего времени, но и для временъ будущихъ, ведется въ такомъ видѣ, чтобы читатели могли немедленно отыскивать прочтенное и наводить нужныя справки; для того при каждой книгѣ Русскаго Архива имѣются особые указатели, а нынѣ печатается общая предметная роспись за первыя двадцать лѣтъ (1863—1882), посредствомъ которой легко обозримо и сподручно все исторіографическое богатство нашего сборника.

Къ «Русскому Архиву» 1883 года приложены: I. Переписка Кристина съ княжною Туркестановой на Французскомъ языкѣ.

II. Петербургскій Некрополь. Справочный историческій указатель надгробій на Петербургскихъ кладбищахъ. В. И. Сактова.

III. Большой гравированный на мѣди портретъ князя Я. Ѳ. Долгорукова.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1884 году съ пересылкою и доставкою на домъ—*девять* рублей. Для Германіи—*одинадцать* рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—*двѣнадцать* рублей.

Подписка принимается *въ Москвѣ*, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; *въ Петербургѣ*—у Полицейскаго моста, въ книжномъ магазинѣ Мелье; *въ Кіевѣ*, на Бульварно-Кудрявской улицѣ, въ домѣ Стефановича, у Марьи Михайловны Булгакъ.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры «Русскаго Архива» 1883 года продаются по 9 рублей въ указанныхъ выше мѣстахъ.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ"

1884 г. (годъ третій).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, *безъ предварительной цензуры.* Въ журналѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ его изданія, принимали участіе: проф. И. Е. Андреевскій, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, И. Ф. Василевскій (Буква), Вологдинъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, проф. В. П. Даневскій, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, д-ръ Ивинъ, проф. А. О. Кистяковскій, Е. П. Карновичъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Кругловъ, Н. С. Курочкинъ, проф. О. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. П. Никитинъ, Омулевскій, Л. П. Пальминъ, М. Л. Песковскій, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. П. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Л. Н. Трефолевъ, В. В. Чуйко и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	13 р.	Съ достав. въ С.-Петербургѣ	7 р. 50 к
Съ перес. въ друг. мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылкою за границу. . .	16 р.	Съ пересылкою за границу.	9 р.

Книгопродавцамъ 50 коп. уступки. Принимающіе подписку въ разсрочку или по полугодіямъ не пользуются уступкой.

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки.	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою.	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ пересылкою за границу. . . .	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются исключительно: въ Главную Контору *«Наблюдателя»*. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Подписка на текущій годъ продолжается. Подписавшіеся получаютъ всѣ книги журнала, начиная съ 1-го №.

Радакторъ-издатель *А. П. Пятковскій.*

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СВѢТЪ и ТѢНИ.

НАГРАЖДЕНЪ ПОЧЕТНЫМЪ ОТЗЫВОМЪ ГГ. ЭКСПЕРТОВЪ ВСЕРОССІЙСКОЙ ВЫСТАВКИ.

1884 г. Седьмой годъ изданія.

Журналъ **«Свѣтъ и Тѣни»**—журналъ преимущественно художественный—издается нераздѣльно съ безцензурнымъ журналомъ **«Мірской Толкъ»**, обладающимъ полной программой журнала политическаго и литературнаго. Оба журнала выходятъ въ количествѣ **100 №№** въ годъ, еженедѣльно, въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій, заключая въ себѣ болѣе **800** страницъ самаго разнообразнаго текста и **200** большихъ страницъ иллюминованныхъ красками каррикатуръ, изъ коихъ 100 будутъ взяты изъ русской жизни, 100—на половину заимствованы изъ лучшихъ заграничныхъ каррикатурныхъ журналовъ, на половину—политическаго характера. Съ первыхъ-же нумеровъ журнала **«Свѣтъ и Тѣни»** начнется печатаніе иллюстрированнаго бытоваго романа **«Бѣлая невольница»** *П. К.*

Кондратьева, затѣмъ историческая повѣсть *И. Погорѣлина* **«Колоколъ императрицы Анны»**. Для журнала **«Мірской Толкъ»** редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи также большой оригинальный романъ г. ***, въ высшей степени интересныя **популярно-научныя статьи** одного изъ нашихъ ученыхъ, рядъ психологическихъ очерковъ *Н. А. Путяты*, подъ названіемъ **«Къ сумасшедшему дому»** и нѣсколько разсказовъ *И. Харламова*.

ВМѢСТѢ СЪ ЭТИМЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ СЛѢДУЮЩІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

Двѣнадцать книгъ подъ рюбрикой: «Избранные романы Библіотеки Мірскаго Толка». Каждая книга будетъ содержать отъ 10-ти до 15-ти листовъ текста; оригинальныхъ и переводныхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, драматическихъ произведеній и стихотвореній. Въ **«Библіотекѣ Мірскаго Толка»** редакція постарается помѣщать все лучшее, что появится за границей, и притомъ немедленно по появленіи, для чего редакція входитъ въ соглашеніе съ лучшими иностранными беллетристами.

Не менѣе **двадцати пяти** рисунковъ, съ отдѣльной обложкой, сюжетомъ для которыхъ послужатъ крупныя общественныя событія у насъ и за границей въ теченіи 1884 года.

Двѣнадцать картинъ, жанровъ и пейзажей, иллюминованныхъ цвѣтными красками подъ сепію и акварель, преимущественно русскихъ извѣстныхъ художниковъ, и отпечатанныхъ на бумагѣ «торшонъ» и «демиторшонъ». Этотъ новый способъ воспроизведенія картинъ почти неизвѣстенъ въ Россіи и отличается замѣчательной мягкостью и свѣжестью красокъ.

Кромѣ **ста №№** журналовъ и перечисленныхъ выше художественныхъ приложеній, всѣ гг. подписчики на 1884 годъ получатъ еще

ДВѢ ГЛАВНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ГОДОВЫЯ ПРЕМІИ.

1. ПЯТЬДЕСЯТЪ ГРАВЮРЪ ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЛЕРЕИ.

Эти картины будутъ точными снимками съ имѣющаго библіографическую рѣдкость роскошнаго заграничнаго изданія, стоющаго 350 руб. Въ упомянутомъ изданіи заключается 150 гравюръ: мы ихъ дадимъ послѣдовательно всѣ, и каждая серія въ 50 гравюръ въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе 20 руб.

2. БОЛЬШАЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА.

„Святое Семейство“, съ картины Корренса.

Большая, роскошная олеографическая картина, исполненная въ тридцать красокъ на лучшей заграничной картинной фабрикѣ. Надъ этой копіей работали въ продолженіе трехъ лѣтъ четверо лучшихъ художниковъ и выполненіе ея на камнѣ обошлось фабрикѣ 75,000 франковъ.

Форматъ этой картины ($1^1/_2$ арш. ширины и 1 арш. 2 верш. вышины) равняется формату данныхъ редакціей въ преміи картинъ «Подкинутый Моисей» и «Найденный Моисей», но много превосходитъ ихъ по изяществу.

Цѣна на годъ съ пересылкой №№ и премій 13 руб. на полгода 5 руб.

Всѣ публичныя, полковыя, клубныя и проч. библіотеки пользуются правомъ полученія на каждый годовой экземпляръ журналовъ по два экземпляра премированной картины.—Разсрочка допускается только при высылкѣ денегъ прямо въ редакцію, съ уплатой 7 р. при подпискѣ и 6 р.—не позже 15-го іюня. Разсрочка болѣе дробная—или за поручительствомъ гг. казначеевъ, или по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается: въ *Москвѣ*—въ редакціи и центральномъ управленіи журналовъ (Бригадирская, соб. домъ), въ главной конторѣ журналовъ (Большая Лубянка, д. кн. Голицына, при фотографіи журн. «Свѣтъ и Тѣни») и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ *Петербургѣ*—въ отдѣленіи конторы журнала «Свѣтъ и Тѣни» при книжномъ магазинѣ Фену и другихъ.

Съ 1-го января 1884 года въ Тифлисѣ будетъ издаваться новая ежедневная (350 нумеровъ въ годъ) литературно-политическая газета

„НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

подъ редакціею А. В. СТЕПАНОВА (бывш. редакторъ «Юридич. Обозр.»).

Объемъ газеты—печатный листъ средняго формата; программа—общая всѣмъ литературно-политическимъ ежедневнымъ изданіямъ.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою: на годъ—**10** руб.; на **6** мѣс.—**6** р., на **3** мѣс.—**3** р. **50** к., на **1** мѣс.—**1** р. **50** к.

Подписка (городская и иногородная) и объявленія (по 5 коп. за *строку петита*) принимаются *въ Тифлисѣ* исключительно *въ Газетномъ Агенствѣ В. Шавердова;* въ *С.-Петербургѣ-же и Москвѣ*—въ книжныхъ магазинахъ **«Новаго Времени»**.

Временное (до 15-го декабря) помѣщеніе редакціи: Давидовская ул., д. Кананова, квартира редактора.

За газетой обезпечено постоянное сотрудничество: *кн. К. А. Бебутова, Вс. М. Гаршина, П. А. Измайлова, С. Н. Кривенко, Н. Я. Николадзе, П. А. Опочинина, А. Н. Плещеева, И. Ф. Тхоржевскаго, Гл. И. Успенскаго, Н. А. Шаврова.*

ОСОБОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Въ редакціи «Кіевской Старины», по примѣру прежнихъ двухъ годовъ, и на 1884 годъ принимается подписка на издающуюся въ Львовѣ галицко-русскую газету «ДѢЛО», которая выходитъ три раза въ недѣлю, въ форматѣ большихъ ежедневныхъ газетъ, въ листъ и полтора.

Въ видѣ особыхъ приложеній газета даетъ лучшія мѣстныя и переводныя повѣсти. Подписная цѣна прежняя: съ приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р.

Открывается вновь подписка на галицко-русскую газету, издающуюся въ Коломыѣ, подъ названіемъ:

„РУССКАЯ РАДА“

газета для народа.

Газета существуетъ *тринадцать* лѣтъ; выходитъ два раза въ мѣсяцъ, 1 и 15 чиселъ по русскому календарю, листами средняго формата.—Начальная страница № имѣетъ виньетку сельско-хозяйственнаго содержанія и слѣд. многознаменательный для галицко-русскаго населенія эпиграфъ:

Се русска рада, послѣдна воля:
Держѣмся купы, а буде доля.

Подписная цѣна на годъ 3 гульдена, на полгода 1 гульд. 50 крейц.

Отъ редакціи.

Журналъ «**Кіевская Старина**» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Не смотря на всѣ принимаемыя редакціею мѣры относительно своевременной и исправной разсылки книжекъ журнала, въ теченіи двухъ лѣтъ бывали не рѣдкіе случаи неполученія нѣкоторыми изъ подписчиковъ той или иной, а иногда и нѣсколькихъ книжекъ; но происходило это, какъ удостовѣрилъ опытъ, кромѣ случаевъ неисправности почталіоновъ, большею частію отъ *неточнаго* и *неполнаго* обозначенія подписчиками адреса и не извѣщенія, или-же несвоевременнаго извѣщенія о перемѣнѣ онаго, при чемъ самыя заявленія о неполученіи книгъ присылаемы были спустя даже полгода и годъ.

Редакція не находитъ возможнымъ на будущее время удовлетворять всѣ безъ изъятія жалобы подписчиковъ, высылая,какъ дѣлалось доселѣ, иногда по 5 и 8 книгъ, въ замѣнъ утраченныхъ не по ея винѣ, и отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаемъ тщательныя рецензіи. О присылкѣ таковыхъ просимъ въ особенности галицко-русскихъ братій нашихъ, такъ какъ ихъ изданія неизвѣстны здѣсь.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под., которыхъ получается вообще очень много, просимъ, кому есть возможность, предварительно свѣрять съ существующими Сборниками, отмѣчать разности, если это будетъ только варіантъ, и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи, а въ самомъ записываніи держаться малорусскаго правописанія нашего изданія и не писать безъ твердаго знака. Тѣхъ, которыхъ сообщеніями въ этомъ родѣ мы не могли доселѣ воспользоваться, просимъ объяснять это преимущественно невозможностію для редакціи дѣлать массу справокъ и сличеній, примѣчаній и объясненій и утомительной установки правописанія, которое не рѣзало-бы глаза и слуха.

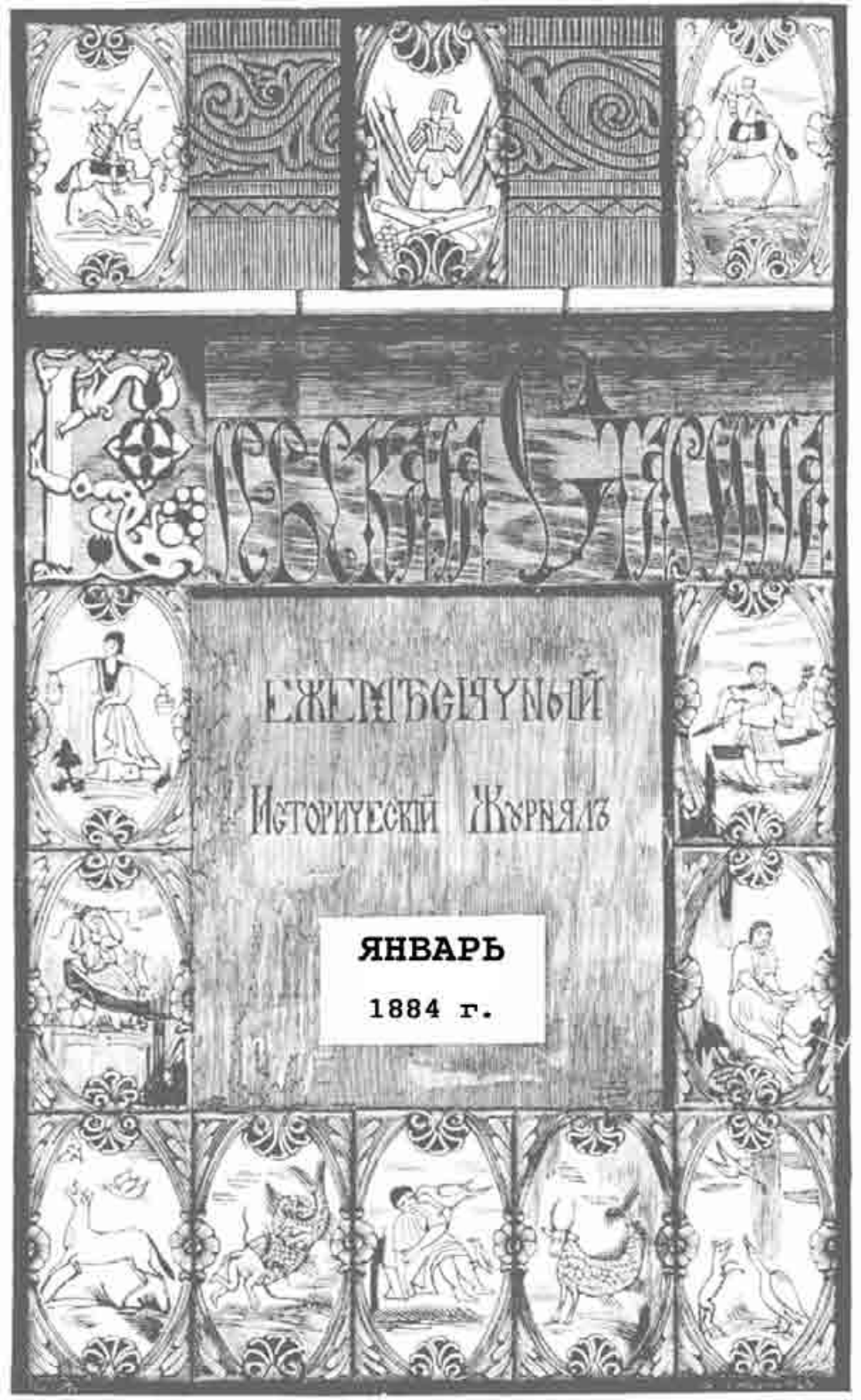
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
ЯНВАРЬ
1884 г.

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1884 г.

стр.

I. ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). **Н. Ѳ. Сумцова** 1

II. КОБЗАРИ И ЛИРНИКИ. (*Очерки I—III*). **В. Горленка** . . . 21

III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. (Марковичи). **Ал. Лазаревскаго** . . 50

IV. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). **И. Левицкаго**. . . . 83

V. ПРИМѢЧАНІЯ АЛЕКСАНДРА ПИНЧЕВИЧА НА НОВОРОССІЙСКІЙ КРАЙ. Съ предисл. и примѣч. **В. Ястребова**. 111

VI. ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛЬНАГО СУДЬИ АКИМА СЕМЕНОВИЧА СУЛИМЫ. 135

VII. ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРІИ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ МАЛОРОССІИ XVIII СТОЛѢТІИ. **Н. С—ко**. 143

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Городъ Чернобыль (кіевской губерніи), описанный отставнымъ военнымъ Л. П. Кіевъ, 1883 г.—*В. Г—ко.*—б) Ворскло, лірна поэзія Я. Щоголева, Харьковъ. 1883 г.—*Его-же.*—в) Юмористическіе разсказы и сцены изъ малорусскаго народнаго быта В. П. Жуковскаго. Кіевъ, 1883 г.—*Его же.*—в) Демидовъ Санъ-Донато. Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1883 г. 149

XIX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Еврейскій плѣнъ въ Запорожьи 1770—1772 гг.—*А. Скальковскаго.*—б) Волынская бывальщина.—*П. О.*—в) Живой упырь въ борьбѣ съ умершими упырями.—*К. Кошовика.*—г) Образчикъ малорусской «покормежной».—д) Высшіе женскіе курсы въ бывшей гетманщинѣ.—е) Послѣднія домогательства малороссійскаго шляхетства.—ж) Изъ писемъ помѣщиковъ кіевской губерніи къ кіев. гражд. губернатору Панкратьеву.—Сообщ. *А. А—скій.*—з) Пѣсенный отголосокъ давно минувшей уніи.—Сообщ. *М. Крашановскій* . . 159

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕНІЕ.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1884 г. продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

ЯНВАРЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 24-го декабря 1883 года.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“
ВЪ 1884 ГОДУ.

Журналъ „**Кіевская Старина**“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1884 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ трехъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Въ 1883 году въ „**Кіевской Старинѣ**“ помѣщены между прочимъ слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе* (хроника нач. XVIII ст.), Н. И. Костомарова. *Печерскіе антики*, И. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь*, Ѳ. Кондратовича, *Анна-Алоиза кн. Острожская*, О. И. Левицкаго, *Анонимныя Записки о волынской революціи нач. XIX в.*, *Записки барскаго конфедерата Карла Хоецкаго*, *Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому*, Его же 8-мъ писемъ къ разнымъ лицамъ, *Письма Н. В. Гоголя къ В. В. Тарновскому*, *Письма С. Т. Аксакова*, *Гр. Квитки и др. къ М. А. Максимовичу*. *Допросъ Гр. Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы*, *Двѣ интермедіи 1619 г.*, *сооб. М. Т—въ*, *Прошеніе гетм. К. Разумовскаго и*

малоросс. шляхетства о возстановленіи привилегій Малороссіи, *Судъ надъ вѣдьмами*, П. С. Ефименка, *Неизвѣстный доселѣ гетманъ*, Вл. Б. Антоновича, *Судьба одного галицко-русскаго ученаго*, *Я. Г.*, *Изъ архива Забѣлы и Галагановскій архивъ*, съ пред. А. М. Лазаревскаго, *Румянцевская Опись*, Д. И. Багалѣя, *Займанщина въ Украйнѣ XVII и XVIII ст.*, его-же, *Второбрачіе южнорусскихъ священниковъ XVIII ст.*, С. Ц., *Куплетныя формы народной южнорусской пѣсни*, Ц. Г. Неймана, *Смѣна народностей въ Россіи*, Ир. Житецкаго, *Украинскія женщины XVI и XVII ст.*, Д-ра А. І. и проч.

Сверхъ того, въ числѣ приложеній даны: портреты кн. Константина Острожскаго и его жены Софіи, жены Гонты и живущаго доселѣ запорожца А. Коломыйца.

Съ январской книжки начата печатаніемъ повѣсть И. Нечуя (Левицкаго); *Старосвѣтскіе батюшки и матушки*, равно пойдутъ и другія, обѣщанныя нами, но не вошедшія въ изданіе этого года статьи и матеріалы. Изъ числа новыхъ назовемъ: *О змієвыхъ* валахъ, В. Б. Антоновича, *Іоанникій Галятовскій*, Н. Ѳ. Сумцова, *Малороссійскія города XVII и XVIII ст.*, Д. И. Багалѣя, *Послѣдніе кіевскіе войты*, И, М. Каманина, *Дневникъ князя Б. И. Куракина*, сподвижника Петра I-го, *Мемуары гетманича Петра Апостола* и *Записки* б. кіев. губерн. предводителя дворянства *П. Д. Селецкаго*. Для приложеній, въ числѣ другихъ, имѣются въ виду портреты гетмана *Мазепы* и кіевск. воеводы Адама *Киселя*.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб**. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1863 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**“, *Кіевъ, Софійская площадь; д. № 11-й*. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

Въ началѣ XVII вѣка южно-русскіе писатели въ своей ученой дѣятельности постоянно имѣли въ виду народныя потребности и нужды. Научная дѣятельность развивалась преимущественно въ Острогѣ и въ Вильнѣ подъ защитой братствъ. Въ большей части дошедшихъ до насъ научныхъ и литературныхъ памятниковъ начала XVII ст. языкъ простой, ясный, сильный, довольно близкій къ народной рѣчи; въ нихъ много живости, бойкости, исторической документальности. Таковы: „Перестрога", Посланія Іоанна Вишенскаго, „Ѳриносъ" М. Смотрицкаго и нѣкот. друг.

Около половины XVII ст. украинская наука поселяется въ мрачныхъ аудиторіяхъ кіево-могилянскаго коллегіума. Въ количественномъ отношеніи она сильно разростается; въ качественномъ отношеніи падаетъ, понижается. Въ южно-русской литературѣ, развившейся подъ вліяніемъ могилянскаго коллегіума, слишкомъ много пустословія, витіеватости, искусственности. Сочиненія главныхъ писателей этой эпохи: Барановича, Галятовскаго, Гизеля, Радивиловскаго, наглядно показываютъ, до какой степени оскудѣнія можетъ дойти научная мысль, протянутая черезъ узкія, тенденціозно сколоченныя школьныя рамки.

Трудно выдѣлить Галятовскаго, при первомъ чтеніи его сочиненій, изъ ряда современныхъ ему южнорусскихъ писателей. Его „Души" наводятъ на читателя невыносимую скуку, а „Мессія" валится изъ рукъ. Нужно ознакомиться съ его „Бесѣдой" и „Фундаментами", нужно сопоставить эти маленькія, дѣльно написанныя книжки съ объемистыми сочиненіями Барановича, Гизеля и Радивиловскаго, чтобы оцѣнить превосходство Галятовскаго надъ этими писателями;

по умственнымъ дарованіямъ и начитанности, Галятовскій болѣе всякаго другаго можетъ быть названъ представителемъ южно-русской литературы второй половины XVII ст. Всѣ недостатки этой литературы ясно сказались въ его сочиненіяхъ; лучшія литературныя произведенія этой эпохи принадлежатъ перу Галятовскаго. Въ Галятовскомъ южная Россія нашла талантливаго ученаго дѣятеля, отчасти дѣятеля политическаго, вообще умѣлаго и опытнаго бойца за южнорусскую народность, точнѣе сказать, за главное въ XVII в. ея проявленіе,—православіе.

Личность Галятовскаго до послѣдняго времени оставалась въ тѣни: сочиненія его не были подробно обслѣдованы. Причина—крайняя скудость письменныхъ, документальныхъ свѣдѣній о Галятовскомъ. Въ силу этой скудости, изслѣдователь не можетъ ни освѣтить достаточнымъ количествомъ фактовъ личность этого писателя, ни объяснить его политическую дѣятельность въ связи съ современнымъ ему состояніемъ южной Россіи [1]).

О мѣстѣ и времени рожденія Галятовскаго, о его родителяхъ и первоначальномъ воспитаніи ничего не извѣстно. Извѣстно только, что онъ учился въ кіево-могилянской коллегіи. Здѣсь онъ увидѣлъ свѣтъ науки, точнѣе сказать, ея блѣдный отблескъ, пробившійся черезъ дремучія дебри схоластики. Къ Галятовскому болѣе, чѣмъ къ кому-бы то ни было, идетъ названіе питомца кіевской коллегіи, такъ какъ онъ всосалъ въ себя всѣ ея духовные соки, и хорошіе, и дурные.

Кіевъ сталъ центромъ просвѣщенія юго-западной Россіи съ 20 годовъ XVII ст. Насадителями школьной науки и литературы тутъ явились кіево-печерскіе архимандриты: Плетенецкій, Копыстенскій и въ особенности Петръ Могила. Петръ Могила въ юго-

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Галятовскомъ 1) Въ его сочиненіи «Stary kosciol. 1678; 2) Письмахъ Лазаря Барановича. Изд. 2. 1865 г.; 3) Памятникахъ кіевск. временной коммисіи для разбора древнихъ актовъ, 1846 г. II. 223—226; 4) Актахъ южной и западной Россіи, т. IX, XI и XII; 5) ненапечатанныхъ письмахъ Галятовскаго къ царю, хранящихся въ библіотекѣ московскаго общества исторіи и древностей подъ № 98; 6) Исторія русской іерархіи, Амвросія, въ 6 томѣ, и 7) Историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи, арх. Филарета. М. Евгеній, Аскоченскій, Костомаровъ, Вишневскій новыхъ свѣдѣній о жизни Галятовскаго не представили.

западную русскую образованность внесъ западно-европейскія схоластическія начала, подѣйствовавшія на южно-русскую національную мысль, какъ „смертоноснымъ ядомъ устроенный хлѣбъ“. Греческія и протестантскія вліянія были устранены. Кіевскій коллегіумъ построенъ всецѣло по образцу іезуитскихъ коллегій. Нѣкоторые изслѣдователи, панегиристы Петра Могилы, полагаютъ, что „всѣ заимствованія Могилы изъ іезуитской педагогики ограничивались лишь формами, которымъ сообщался другой духъ и характеръ [1])“. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Въ области умственныхъ отношеній и интересовъ содержаніе и форма сливаются нераздѣльно и одно другое обусловливаетъ и опредѣляетъ. Съ заимствованіемъ внѣшнихъ формъ іезуитской педагогіи незамѣтно было воспринято въ русскую жизнь и схоластическое латинское содержаніе, выразившееся въ напыщенномъ *„казаньѣ“*, вытѣснившемъ скромную *„гомилію“*, въ стремленіи высшаго духовенства поработить мірянъ, въ усиленіи сервиліума, въ особомъ толкованіи ученія о времени пресуществленія св. Даровъ.

Кіево-могилянская коллегія выдѣлилась изъ ряда братскихъ школъ характеромъ своей педагогіи. Отличительными чертами педагогіи кіевской коллегіи служатъ съ дидактической стороны строгій схоластическій методъ преподаванія всѣхъ наукъ и преобладаніе латинскаго языка, а со стороны воспитательной строгая школьная дисциплина.

Въ коллегіи было восемь классовъ: 1) фара, или аналогія, 2) инфима, 3) грамматика, 4) синтаксима, 5) поэзія, 6) риторика, 7) философія и 8) богословіе.

Въ первое время существованія коллегіи, во время обученія въ ней Галятовскаго, фара была элементарнымъ, приготовительнымъ классомъ; учили въ ней только латинскому и славянскому чтенію и письму. Въ XVIII столѣтіи занятія въ фарѣ значительно усилились.

Въ инфимѣ ученики начинали говорить по латыни, переводили съ латинскаго языка на русскій и обратно, писали небольшія классныя упражненія, или экзерциціи. Наставникомъ Галятовскаго въ инфимѣ былъ Лазарь Барановичъ.

---

[1]) Линчевскій, «Труды Кіевской Духовной Академіи» 1870 г., VII. 473.

Въ грамматикѣ и синтаксимѣ ученики одолѣвали грамматику Альвара, трудились надъ оккупаціями, или домашними письменными упражненіями въ латинскомъ языкѣ, говорили исключительно по латыни.

Трудно сказать, что въ первыхъ четырехъ классахъ коллегіи преподавалось, кромѣ латинскаго языка: русскій и греческій языки, повидимому, были на заднемъ планѣ; съ ариѳметикой, священной исторіей и краткимъ катехизизомъ въ низшихъ классахъ коллегіи знакомили лишь слегка. Строго говоря, все обученіе вертѣлось на латинской грамматикѣ. „Одну и ту-же грамматику, что писалъ краковскій профессоръ математики Брожка (Броціусъ) въ сочиненіи „Gratis, или Разговоръ гражданина съ священникомъ, іезуиты разбили на множество частей—инфиму, грамматику, синтаксиму. А это простымъ и неразсудительнымъ родителямъ кажется превосходнымъ: думаютъ они, что сынъ ихъ, слушая науки въ 1, 2, 3 и 4 школѣ (т. е. классахъ), уже сдѣлался греческимъ или римскимъ императоромъ или полководцемъ, или получилъ премію, или схватилъ какой-нибудь образокъ; а развѣ этого мало?... При этомъ не замѣчаютъ, что во всѣхъ этихъ классахъ одна наука, одна только грамматика [1])“.

Самый учебникъ латинскаго языка, составленный Альваромъ, отличался, по словамъ Брожки, крайней темнотою. Альваръ въ іезуитскихъ школахъ держался отъ XVI до XIX ст. Въ кіево-могилянской академіи и въ семинаріяхъ по этому отупляющему учебнику учились болѣе ста лѣтъ. Въ великорусскихъ семинаріяхъ въ XVIII в. грамматика Альвара пользовалась уваженіемъ и восхвалялась до небесъ. Наставники семинаріи изображали эту грамматику въ видѣ дерева и писали ему похвалу: „Высоко это древо и досягаетъ до неба, ибо Творецъ неба, самъ сый премудрость, любитъ ищущихъ полезной мудрости. Весь міръ осѣняетъ это древо, ибо всюду имѣетъ мѣсто мудрость. Чудесенъ плодъ его, ибо питаетъ души смертныхъ въ учителяхъ и проповѣдникахъ церкви“ и т. д. [2]).

Поэзія и риторика во время Галятовскаго преподавались въ одномъ классѣ и въ теченіи одного года. Въ XVII ст. предметы

---

[1]) Пекарскій, Кіев. наука, въ «Отечеств. Запискахъ» 1862. II, 563.
[2]) Знаменскій, Духовныя школы, 437.

эти раздѣлились на два класса и проходились въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Подъ піитикой понималось искусство плести вирши (ars pangendi versus); подъ риторикой—игра въ прозаическія словесныя формы, наборъ механическихъ рецептовъ, какъ составлять періоды, писать письма и ораторскія рѣчи на всевозможные случаи жизни. Въ поэзіи и риторикѣ ученики уже заявляли свою ученость виршами и ораціями въ школѣ и внѣ школы. По словамъ Ѳеофана Прокоповича, грубый XVII в. благоговѣлъ передъ такими пустяками, какъ схоластическія вирши и ораціи [1]).

Миѳологія, считавшаяся необходимой принадлежностью поэзіи, была преподаваема въ коллегіи съ нарочитой обширностью и съ малѣйшими подробностями. Знаніе этой науки было до того развито въ наставникахъ и воспитанникахъ, что, кромѣ стихотворныхъ издѣлій, наполняемыхъ всѣми богами языческаго Олимпа, не свободны были отъ миѳологическихъ примѣненій даже такія сочиненія, которыя легко могли-бы обойтись безъ этого. Самые проповѣдники и богословы рѣшались иногда облекать христіанскія истины въ одежду языческую, не подозрѣвая ни мало въ простотѣ сердца неприличія такихъ сочетаній. Такъ, Сильвестръ Коссовъ на 10 страницѣ своего Патерика (1635) сравниваетъ печерскихъ угодниковъ съ Сатурномъ, Юпитеромъ, Марсомъ [2]). Изъ кіевскихъ ученыхъ и писателей второй половины XVII в. Галятовскій обнаруживаетъ наибольшую наклонность къ миѳологіи. Въ „Ключѣ“ прообразами Христа являются Юпитеръ и аѳинскій царь Кодръ.

Наставникомъ Галятовскаго въ риторикѣ былъ Л. Барановичъ, о чемъ говоритъ самъ Галятовскій въ началѣ „Стараго Костела“.

Ученики первыхъ 6-ти классовъ составляли младшее братство, *sodales minoris congregationis;* ученики двухъ высшихъ классовъ—старшее братство, *sodales majoris congregationis.* Первые назывались учениками, вторые студентами; существенное отличіе двухъ высшихъ классовъ состояло въ наукахъ. Здѣсь преподавались философія и богословіе, дававшіе воспитанникамъ острое оружіе, которымъ они отражали нападенія иновѣрныхъ враговъ. Коллегіальская философія была въ полномъ смыслѣ философія схоластическая,

---

[1]) Линчевскій, «Труды Кіевской Духовной Академіи», 1870, Авг. 468.

[2]) Аскоченскій, Кіевъ, I. 135 и примѣч. стр. 332.

ancilla theologiae. Аристотель процвѣталъ въ коллегіи и тогда, когда Англія уже имѣла Бэкона, а Франція Декарта. Дошедшія до нашего времени руководства по философіи, относящіяся къ XVII в., составлены по одному образцу, и обыкновенно раздѣлены на три главныя части: философію умственную или логику, естественную или физику и божественную или метафизику. Первой части почти всегда предшествовала діалектика, заключавшая теорію доказательствъ, или силлогистическихъ умозакюченій. Логика примѣняла законы мышленія къ разнымъ случайностямъ умственнаго дѣланія. Физика трактовала о матеріи и формѣ вещей, природѣ и свойствѣ видимыхъ предметовъ, времени и пространствѣ и о душѣ. Метафизика учила о безтѣлесныхъ существахъ. По замѣчанію историка кіевской коллегіи, „суровая строгость и головоломная сухость философской науки какъ будто пугала пылкихъ сыновъ Украины, они уважали ее, даже поставляли себѣ за честь отличиться діалектическими тонкостями, но тѣмъ дѣло и кончалось. Искренно, всей душей привязанныя къ этой наукѣ, погрузиться, такъ сказать, въ глубину ея ни у кого не доставало охоты“ [1]).

Богословіе въ кіевской коллегіи читалось съ величайшей обширностью и отчетливостью. Полный курсъ богословія оканчивали въ 4 года. Въ виду религіозныхъ споровъ, волновавшихъ юго-западный край, преподаваніе богословской науки неизбѣжно приняло характеръ полемическій. И въ богословской наукѣ господствовалъ Аристотель съ своей стѣснительной систематичностью, съ узкими формами своей методики. Образцомъ богословствованія считался Ѳома Аквинскій.

Старинная кіево-могилянская академія не развивала мышленія. Вниманіе учащихся было обращено на формы, а не на сущность предметовъ. Все коллегіумское образованіе клонилось къ тому, чтобы приготовить искусныхъ льстецовъ и умѣлыхъ полемистовъ. Преподаваніе богословія не столько утверждало учениковъ въ истинахъ христіанства, сколько пріучало ихъ къ религіозному ханжеству и внѣшней обрядности, укрѣпляло ихъ въ предразсудкахъ и суевѣріяхъ. Преподаваніе піитики и реторики развивало въ ученикахъ наклонность къ составленію панегириковъ, которые вредно

---

[1]) Аскоченскій, Кіевъ, I. 139.

дѣйствовали и на хвалителей и на хвалимыхъ,—первыхъ пріучали къ постыдному ласкательству, во вторыхъ развивали неумѣренное самомнѣніе и гордость.

Дурныя стороны кіево-могилянской педагогіи, вытекавшія изъ группировки учебныхъ предметовъ и способовъ ихъ преподаванія, усиливались и осложнялись, вслѣдствіе крайняго преобладанія началъ юридическихъ надъ началами собственно педагогическими. Воспитаніе обращалось въ дисциплину, которая вмѣсто нравственнаго развитія имѣла своей задачей лишь водвореніе внѣшняго порядка, благопристойности и субординаціи. Командирство охватывало всѣ школьныя отношенія сверху до низу. Ректоръ, префектъ, профессоры, преподаватели, тайные и явные визитаторы, цензоры, инспекторы, авдиторы, школьный senatus и populus—чрезвычайно длинная вереница начальствующихъ и подчиненныхъ, весьма сложная организація началъ зависимости и повиновенія. Всѣ пріемы кіево-могилянской педагогіи какъ будто были расчитаны на то, чтобы вытравить въ учащихся чувство дружбы, товарищества и любви. Ученики, соперничая другъ съ другомъ, писали сочиненія de loco, de pane, de calceis, de candela, de indusio, и написавшій лучшее сочиненіе садился, съ вѣдома и при содѣйствіи начальства, впереди своего побѣжденнаго товарища, отнималъ у него булку или получалъ право завладѣть его свѣчей. Какъ въ іезуитскихъ школахъ, такъ и въ кіево-могилянской академіи въ высшей степени было развито шпіонство. Учителя слѣдили за учениками, ученики другъ за другомъ, подглядывали, подслушивали, шептали въ уши начальства и выслуживались [1]).

Изъ сочиненій Галятовскаго видно, что онъ основательно усвоилъ коллегіумскую премудрость. Нужно допустить, что Галятовскій въ академіи слышалъ о многихъ древнихъ и средневѣковыхъ писателяхъ. Для его живаго, любознательнаго ума на первое время достаточно бы однихъ именъ авторовъ, однихъ указаній на нихъ, чтобы впослѣдствіи воспользоваться этими указаніями для самообразованія.

---

[1]) О внутренней жизни коллегіумскихъ учениковъ, времени занятій, развлеченіяхъ, наградахъ и наказаніяхъ, играхъ, миркованьѣ см. въ статьѣ Липчевскаго въ «Трудахъ кіевской духовной академіи», 1870, августъ.

Южно-русскіе ученые XVII ст.: Бронскій, Смотрицкій, Копыстенскій, Барановичъ, Галятовскій, Радивиловскій, постоянно дѣлаютъ указанія на источники. Такъ въ „Апокрисисѣ“ насчитывается 60 пособій автора, во „Ѳриносѣ“ 145, въ „Палинодіи“ 142. Указанія на пособія находятся или въ началѣ книги, послѣ предисловія, или въ книгѣ на поляхъ или вставлены въ самый текстъ. Одни писатели, напр. Барановичъ, ссылаются исключительно на духовныхъ писателей; другіе, напримѣръ Смотрицкій и Галятовскій, часто приводятъ имена писателей свѣтскихъ. Галятовскій охотно указываетъ на прочитанныя имъ сочиненія. Эти указанія довольно любопытны для историка юго-западной науки и литературы, такъ какъ открываютъ, какія книги вращались въ кіевскомъ ученомъ мірѣ двѣсти лѣтъ назадъ и какъ пользовались ими южно-русскіе писатели.

Почти на каждой страницѣ сочиненій Галятовскаго находятся ссылки на священное писаніе. Подобно другимъ схоластическимъ писателямъ XVII вѣка, Галятовскій часто беретъ не цѣлый библейскій текстъ, заключающій въ себѣ полную мысль, а отрывочныя мѣста, нерѣдко даже отдѣльныя слова. Къ апокрифическимъ разсказамъ Галятовскій относится съ полнымъ довѣріемъ и охотно ими пользуется.

Галятовскому были извѣстны „De vita contemplativa“ Филона (I вѣка), сочиненія Іосифа Флавія († 93), Діонисія Ареопагита, Климента Александрійскаго и Иринея ліонскаго (II вѣка). Составляя сочиненіе о „Мессіи правдивомъ“, Галятовскій пользовался преимущественно сочиненіемъ христіанскаго писателя II в. Юстина: „Разговоръ съ Трифономъ“. Галятовскій дѣлаетъ обширныя заимствованія изъ первой части „Разговора“, гдѣ говорится, почему христіане не исполняютъ Моисеева закона, и беретъ кое-что изъ второй и третей частей, трактующихъ о воплощеніи, крестной смерти Спасителя и о томъ, что вѣрующіе во Христа, по пророчествамъ, наслѣдуютъ обѣтованія Божіи.

Изъ духовныхъ писателей III—XI вѣковъ Галятовскому были извѣстны: Оригенъ († 254), сочиненіе священника Ипполита „De nativitate Christi“, которое въ старое время ученые, въ томъ числѣ Галятовскій, ошибочно приписывали Кипріану Коринѳскому, „De fine soeculi“ мученика Меѳодія († 303), книги Тертулліана про-

тивъ Маркіона, изданныя въ 208 г., іерусалимскіе патріархи IV в. Кириллъ и Іоаннъ, Клавдіанъ, Лактанцій, блаженный Іеронимъ, Епифаній Кипрскій, Григорій Назіанзинъ, Григорій Нисскій и Аѳанасій Александрійскій († 373). Аѳанасію Александрійскому Галятовскій, съ общаго голоса ученыхъ XVII вѣка, приписывалъ составленіе символа вѣры Quicunqne, составленнаго въ V вѣкѣ Вигиліемъ Мансійскимъ [1]). Галятовскому были извѣстны сочиненія кесарійскаго епископа Евсевія Памфила († 340) и епископа Гипанскаго Августина († 403). Въ „Мессіи" Галятовскій указываетъ на сочиненіе Августина „De cantico novo ad Catechumenos", какъ на одинъ изъ главныхъ своихъ источниковъ. Въ другомъ мѣстѣ „Мессіи" упоминается сочиненіе Августина о Рождествѣ, вѣроятно, „De genesi contra Manicheos, lib. 2" [2]). Галятовскій въ „Мессіи" кое-что заимствовалъ изъ сочиненія александрійскаго епископа Кирилла († 444) „о святой вѣрѣ христіанской", именно, изъ 6 книги (о крестномъ знаменіи) и изъ 8 и 9 (пророчества). Кромѣ того, Галятовскій пользовался сочиненіями церковнаго писателя V вѣка Юліана Померія (на него ссылки въ „Мессіи", „Ключѣ" и „Небѣ"), Созоменомъ († 450) и Ѳеодоритомъ († 457), продолжавшими церковную исторію Евсевія, сочиненіемъ Флавіана „Libellus fidei Theodosio imp. id petenti oblatus", сочиненіемъ Іоанна Касціана († 448) (Collationes Patrum" [3]), „Adversus Eutychen et Nestorium de duabus naturis et una persona" Боэція († 526), „De duabus Christi naturis" папы Геласія († 596), „Poematum libri II praemissa ad Gregorium Turonensem epistola dedicatoria" Фортуната († 600) [4]), сочиненіями Григорія Двоеслова (конца VI вѣка), іерусалимскаго патріарха Софронія († 636) и Іоанна Златоустаго (рѣдкія ссылки). Почти во всѣхъ сочиненіяхъ Галятовскаго встрѣчается „Лимонарь" Іоанна Мосха (VII вѣка). Въ „Мессіи", „Ключѣ" и „Небѣ" встрѣчается знаменитый авторъ „Historiae sive annalium Francorum" Григорій Турскій († 595). Галятовскій ссылается на его трактатъ „De gloria Martyrum, lib. 2". Въ „Мессіи" находится ссылка на первую часть

---

[1]) Филаретъ, Истор. уч. объ отцахъ церкви §§ 112—117; Арсенія, лѣтоп. церк. соб. 135—159.

[2]) Caue, Scriptorum ecclesiasticorum historia literaria. I. 175—183.

[3]) Caue, I. 410.

[4]) Caue, I 530, 497. Филаретъ, § 191.

„Ad Monimum“ Фульгенція († 593), гдѣ говорится о предназначеніи людей, однихъ на вѣчную славу, другихъ на муку вѣчную. Галятовскій пользовался сочиненіями Іоанна Дамаскина († 777), Павла діакона († 767), „Исторіей“ Никифора († 818), обозрѣвающей событія со смерти Маврикія до Константина, сына Ирины, сочиненіями Люидпранда и Свиды (конца X вѣка). По Ѳеофилакту болгарскому (конца XI вѣка) Галятовскій объяснялъ классическія мѣста Евангелія, касающіяся святаго апостола Петра. Особеннымъ вниманіемъ Галятовскаго, какъ и многихъ другихъ южно-русскихъ писателей, Смотрицкаго, Барановича, пользовался писатель первой половины X вѣка Симеонъ Метафрастъ. Ему приписываютъ 539 житій, изъ которыхъ только 122 составлены имъ, а остальныя 417 лишь обработаны.

Галятовскому были извѣстны сочиненія многихъ западно-европейскихъ схоластическихъ писателей XII—XV в.: „Dialogus adversus Iudeos“ испанскаго писателя XII в. Петра Альфонса, сочиненія Петра Клюнійскаго, Граціана, Ансельма Кентерберійскаго (XII в.), Альберта Великаго († 1280 г.). Попадается изрѣдка въ сочиненіяхъ Галятовскаго doctor angelicus et divinus Ѳома Аквинскій (р. 1224 г., † 1274 г.) и doctor subtilis Іоаннъ Дунсъ-Скотъ (конца XIII ст.) [1]). Въ „Ключѣ“ и „Небѣ“ нѣсколько разъ упоминается „Зверцадло исторіи“ Викентія. Это Vincentius Bello vacensis Burgundus, болѣе извѣстный подъ именемъ Винкентія изъ Бове († 1264 г.), авторъ „Speculum quadruplex historicum“, гдѣ находится историческій обзоръ событій отъ сотворенія міра до 1254 г. [2]). Въ „Мессіи“, „Фундаментахъ“, „Лебедѣ“ и „Алфавитѣ“ Галятовскій пользуется сочиненіями Ѳомы Брукселенскаго или Кантипрата († 1263 г.), не смотря на то, что самъ-же въ „Фундаментахъ“ (стран. 66) указалъ на многія ошибочныя показанія Кантипрата о православіи. Однимъ изъ главныхъ источниковъ Галятовскаго при составленіи „Мессіи правдиваго“ были противоеврейскія сочиненія еврея выкреста Николая де Лиры или Лирануса († 1340 г.): „Disputatio contra perfidium Iudaeorum“ и „Tractatus contra Iudeum quendam“ [3]).

---

[1]) Филаретъ, § 259, 267, 294; Caue, I. 595, 493, 502; II. 297.

[2]) Rousselot, Études de la philosophie dans le moyen âge II. 177; Caue, II. 299.

[3]) Caue, II. 309, 22—23.

Изъ писателей XIV—XV ст. Галятовскому были извѣстны: константинопольскій патріархъ Каллистъ, Энній Сильвій Пикколомини († 1464 г.) и венгерскій хроникеръ Бонфинъ († 1502 г.)[1]).

Особенно большую начитанность обнаружилъ Галятовскій въ европейской богословской и исторической литературѣ XVI и XVII ст. Ему были извѣстны „Хроника баварскихъ герцоговъ" нѣмецкаго богослова, историка и естествовѣда Тритемія († 1516 г.), историческія сочиненія нѣмецкаго писателя Альберта Кранція († 1517 г. Кранцій упоминается и во „Ѳриносѣ" Смотрицкаго), „De veritate fidei christianae" испанскаго писателя Іоанна Людовика Вивеса († 1537 г.)[2]), сочиненіе Павла Іовія († 1552 г.) о посольствѣ въ Москву, составленное по разсказамъ русскаго толмача Дмитрія Герасимова[3]), сочиненія чешскаго писателя Дубровія († 1553 г.), сочиненія знаменитаго въ XVI ст. нѣмецкаго историка, оффиціальнаго протестантскаго исторіографа Яна Слейдана[4]); сочиненіе французскаго ученаго XVI в. Жана Бодэна въ защиту вѣры въ существованіе демоновъ и вѣдьмъ[5]), превосходное сочиненіе Вейера, или Писцинаріуса „De praestigiis daemonum" 1563 г., гдѣ опровергается вѣрованіе въ демоновъ и вѣдьмъ[6]), „Исторія мусульманъ" нѣмецкаго гуманиста Леонклавіуса (Löwenklau, † 1593 г.), сочиненіе іезуита Турселина († 1609 г.) „Historiarum a condito mundo lib. X", которое въ голландскихъ университетахъ было принято, какъ учебникъ по исторіи[7]), сочиненія Корнелія и Ляпиде, о которыхъ Ѳеофанъ Прокоповичъ отзывался очень неблагосклонно[8]). Въ „Ключѣ" и „Небѣ" встрѣчаются ссылки на сочиненіе Сигонія „о влосскомъ королевствѣ". Въ концѣ XVI ст. въ Польшѣ былъ

---

[1]) Rieger, Slownik nauczny; Cave, II 176.

[2]) Caue, II 242, 237; Rieger, Slown. nauczny.

[3]) Бестужевъ-Рюминъ, Русск. Исторія. I. 181.

[4]) Rieger, Slown. nauczny. Главное сочиненіе Слейдана о положеніи религіи и государства при Карлѣ V издавалось 80 разъ; сочиненіе о 4 главныхъ имперіяхъ издавалось 60 разъ.

[5]) Soldan, Geschichte d. Hexen processe. 261.

[6]) Объ этомъ соч. см. въ моей брошюрѣ «Очеркъ исторіи колдовства въ зап. Европѣ».

[7]) Rieger, Slown. nauczny. IV.

[8]) Мацѣевичъ, «Труды кіев. дух. акад.» 1871 г. IV. 210.

переводчикъ аристотелевой риторики Сигоній. Современники приписывали ему сочиненіе „De Senatu romano“, написанное Яномъ Замойскимъ [1]). Вѣроятно, и Галятовскій по ошибкѣ сочиненіе Замойскаго приписалъ Сигонію. Въ „Ключѣ“, „Лебедѣ“ и „Алфавитѣ“ довольно часто встрѣчаются ссылки на италіанскаго писателя конца XVI ст. Яна Ботера, котораго сочиненіе въ польскомъ переводѣ Ленчицкаго 1609 г. носитъ названіе „Relatiae powszechne abo nowiny pospolite“. Тутъ говорится 1) о космографіи, 2) гидрографіи, 3) монархологіи, 4) религіозныхъ сектахъ и 5) американскихъ суевѣріяхъ [2]). Кромѣ Галятовскаго, Ботеромъ пользовался еще Захарія Копыстенскій при составленіи „Палинодіи“ [3]). Беллярминъ рѣдко встрѣчается въ сочиненіяхъ Галятовскаго; за то Бароній встрѣчается чуть не на каждомъ шагу. Послѣ книгъ св. Писанія, „Анналы“ Баронія у Галятовскаго занимаютъ первое мѣсто. Въ „Мессіи“, въ изъясненіи 48 пророчества Галятовскій называетъ Баронія достовѣрнѣйшимъ историкомъ. „Я, говоритъ Галятовскій въ началѣ „Мессіи“, зъ латинскаго Бароніуша зупелного писалемъ, а въ польскомъ Баронѣушѣ не зупелномъ не все тое знайдешь“. Кромѣ Галятовскаго, на Баронія часто ссылаются Зах. Копыстенскій въ „Палинодіи“ [4]), Евсевій Пиминъ (Петръ Могила) въ „Лиѳосѣ“ [5]), Симеонъ Полоцкій въ „Жезлѣ Правленія“, Стефанъ Яворскій въ проповѣдяхъ. Въ московскомъ публичномъ музеѣ находится два рукописныхъ экземпляра Бароніевыхъ лѣтописей въ польскомъ сокращеніи Скарги. Русскій переводъ относится къ концу XVII в. [6]). Въ синодальной библіотекѣ подъ № 729 находится „Баронѣуша наука“, переводъ съ малорусскаго языка [7]). Въ 1719 г. „Анналы“ Баронія были переведены съ польскаго языка на русскій, съ пропускомъ противныхъ восточной церкви толкованій, и напечатаны въ московской синодальной типографіи въ 2 частяхъ церковнымъ

---

[1]) Wisznewski, Histor. literat. IV. 168, 143.

[2]) Maciejowski, Piśmen. polskie. III. 72; Wisznewski, Hist. literat. VII, 561.

[3]) Русск. Историч. Библіот. IV.

[4]) Тамъ-же, 327.

[5]) Λίθος, abo kamien. 1610 г. стр. 3 и 4.

[6]) Востоковъ, Опис. рукоп. Румянц. музея.

[7]) Савва, Указатель. 160.

шрифтомъ, подъ заглавіемъ „Дѣянія церковныя и гражданскія". „Анналы" Баронія вышли въ 12 томахъ въ Римѣ въ 1588—1607 годахъ и имѣли много изданій. Въ 1646 г. онѣ были продолжены Одораціемъ Райнольди. Продолженіе это было извѣстно Галятовскому.

Галятовскій обнаружилъ довольно обширное знакомство съ польской литературой, преимущественно исторической. Такъ, у него встрѣчаются ссылки на Длугоша († 1480 г.), Матвѣя Мѣховита († 1523 г.), Гваньини († 1614 г.), Кромера († 1589 г.), автора тридцатитомной, панегирической исторіи польскаго народа [1]), затѣмъ на „Всемірную исторію" Мартина Бѣльскаго († 1575 г.). Изъ польскихъ историковъ Стрыйковскій въ особенности часто встрѣчается у Галятовскаго. Ссылки на „Kronika polska" (1582 г.) Стрыйковскаго встрѣчаются во всѣхъ сочиненіяхъ Галятовскаго. При составленіи „Хроники" Стрыйковскій пользовался Длугошемъ, Мѣховитомъ, Кромеромъ, Бѣльскимъ, русскими и ливонскими лѣтописями и даже сербскими народными пѣснями [2]). Крупные польскіе проповѣдники конца XVI ст., Петръ Скарга и Яковъ Вуекъ, авторъ знаменитаго сочиненія „Ianua linguarum" (1631 г.), переведеннаго на 12 европейскихъ и 4 восточныхъ языка, Комменній, переводчикъ Аристотеля Себастьянъ Петрицій († 1626 г.), біографъ М. Смотрицкаго и І. Кунцевича Суша († 1685 г.), польскій богословъ, профессоръ краковской академіи Адамъ Опатовичъ (XVII в.) [3]) были извѣстны Галятовскому. На Скаргу и Вуйка ссылаются нѣкоторые другіе южно-русскіе писатели, напр. Зах. Копыстенскій въ „Палинодіи" [4]). Въ „Лебедѣ" и „Небѣ" упоминается нѣкогда весьма популярное въ Польшѣ и западной Россіи „Путешествіе въ св. землю" (1582 г.) Николая Радзивилла [5]). Въ „Мессіи" Галятовскій ссылается на сочиненіе „О жидахъ" Симона Сиренія. Сиренскій (Simon Sirenius Sacranus), докторъ философіи и медицины въ кра-

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ, Руск. ист. I. 184; Wisznewski, Hist. liter. VII. 385—404; IX, 11, 168, 274; Кондратовичъ, Ист. польск. литер. II. 164.

[2]) Wisznewski, VI. 469—492; Maciejowski, I. 556—573.

[3]) Wisznewski, VI 423, 489, 598; VII. 155, 165. IX. 53, 54, 180, 208, 241, 303; VII. 452; VIII. 348; VI. 302.

[4]) Русск. Истор. библ. IV. 327.

[5]) Maciejowski, Pism. polskie III. 497; Wisznewski, VII. 566.

ковскомъ университетѣ, оставилъ сочиненіе „Zielnik, to jest opisanie własne imion, ksztaltu y mocy zioł, wszelakich drzew, krzewin... Przytem o ziemiach y glinkach róznych, o zwierzętach czworonogich, ptastwie, rybach (напечатано въ 1613 г. послѣ смерти Сиренія, † 1611 г.). На 1536—1540 страницахъ „Зельника“ находится собраніе свѣдѣній о евреяхъ [1]). Въ ряду многихъ сочиненій о евреяхъ, которыми пользовался Галятовскій при составленій „Мессіи“, заслуживаетъ вниманія „Rozmowa theologa katholickiego z rabinem żydowskim“ (напечатано во Львовѣ 1645 г.) западно-русскаго писателя первой половины XVII ст. Марка Короны. Цѣль „Розмовы“ та-же, что и цѣль „Мессіи“, обращеніе еврея къ надлежащему пониманію христіанской религіи. Что Галятовскій пользовался не только католическими, но и еретическими сочиненіями, выходившими въ Польшѣ, видно изъ ссылки его въ „Алфавитѣ“ на сочиненіе знаменитаго социніанскаго писателя Смальція, „De filio Dei“, подъ которымъ, нужно думать, Галятовскій разумѣлъ „De Christo vero et naturali Dei filio“ 1616 г. Смальцій жилъ въ Раковѣ и написалъ 29 сочиненій. Писалъ онъ по нѣмецки и по латыни. Въ Англіи при Кромвелѣ его катехизисъ былъ сожженъ рукой палача [2]). Галятовскій зналъ о еретичествѣ Смальція. Въ „Алфавитѣ“ въ числѣ еретиковъ находится и Смальцій.

Въ сочиненіяхъ Галятовскаго встрѣчаются ссылки на римскихъ писателей, именно: на Овидія, Виргилія, Плинія, Цицерона, Сенеку, Квинта Курція, Валерія Флакка, Флора и Евтропія.

Изъ русскихъ сочиненій у Галятовскаго упоминаются: Патерикъ печерскій, словено-россійскій лексиконъ Памвы Берынды, Синопсисъ Ин. Гизеля и описанія разныхъ чудотворныхъ иконъ.

Въ сочиненіяхъ Галятовскаго можно насчитать до сорока совершенно неизвѣстныхъ писателей. Встрѣчаются ссылки на сочиненія какихъ-то раввиновъ Моисея, Самуила; встрѣчаются на поляхъ имена Корозеля, Карданія, Альтенстанга, Маіолуса, Іоанна Мѣрина (вѣроятно Іоаннъ Маро конца VI вѣка), Таксія, Лина, Тиріуса, Брадена и друг.

---

[1]) Grabowski, Starożytności. I. 403—413.

[2]) Maciejowskl, Ш. 815, 816.

[3]) Maciejowski, ibid. 508.

Можно вполнѣ повѣрить Галятовскому, замѣтившему въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій, что онъ съ большимъ стараніемъ собиралъ книги по городамъ и монастырямъ. Лазарь Барановичъ, относительно добыванія книгъ, поставленъ былъ въ очень выгодное положеніе, какъ черниговскій архіепископъ и мѣстоблюститель кіевской митрополіи и, однако, онъ жаловался на недостатокъ книгъ [1]). Сравнительно съ Галятовскимъ, Барановичъ обнаружилъ весьма незначительное знакомство съ западной схоластической литературой. Масса прочитанныхъ книгъ свидѣтельствуетъ о любознательности Галятовскаго, о его научномъ усердіи. Такъ какъ большая часть сочиненій Галятовскаго вышла въ Черниговѣ и Новгородѣ-сѣверскомъ (въ типографіи Барановича), гдѣ не было богатыхъ книгохранилищъ, то нужно допустить, что Галятовскій и въ концѣ своей жизни, во время пребыванія въ Черниговщинѣ, сохранялъ тѣсныя научныя связи съ кіевской академіей и пользовался ея библіотекой. Несомнѣнно, онъ пользовался также библіотеками крупныхъ западно-русскихъ братствъ: виленскаго, луцкаго, слуцкаго, о чемъ самъ мимоходомъ упоминаетъ въ „Старомъ Костелѣ". Въ этомъ сочиненіи Галятовскій заявляетъ, что свои доводы объ исхожденіи святаго Духа исключительно отъ Отца онъ извлекъ изъ разныхъ книгъ, отысканныхъ имъ въ библіотекахъ „Кіева, Чернигова, Львова, Луцка, Слуцка и другихъ городовъ". Галятовскій замѣчаетъ, что приводимые имъ доводы списаны съ книгъ разными писцами и проситъ у читателя извиненія въ ошибкахъ въ обозначеніи тома или страницы пособія, ошибкахъ, происшедшихъ отъ переписчиковъ. Это заявленіе Галятовскаго интересно въ двухъ отношеніяхъ. Оно показываетъ, гдѣ находились кладези книжной мудрости южно-русскихъ писателей, и затѣмъ уясняетъ, какъ пользовались южно-русскіе ученые этими кладезями мудрости. Не трудно догадаться, что рѣчь идетъ о братскихъ книгохранилищахъ, и что этими книгохранилищами любознательные люди пользовались не только лично, но и черезъ переписчиковъ, которыми могли быть грамотные православные братчики.

Нельзя сказать, чтобы Галятовскій дѣльно и толково воспользовался прочитанными имъ книгами. Чтеніе было небрежное; кри-

---

[1]) Письма Лазаря Барановича, § 97.

тики у Галятовскаго не было. Писатели діаметрально противоположнаго направленія, напримѣръ Бодэнъ и Вейеръ, укладывались въ его головѣ спокойно, не споря другъ съ другомъ. Они не возбуждали въ Галятовскомъ какихъ либо спорныхъ религіозныхъ или общественныхъ вопросовъ. Кіевская коллегія пріучала учениковъ поклоняться авторитетамъ, безусловно вѣрить имъ; духъ критики и анализа всецѣло былъ подавленъ духовной субординаціей. Любознательные южно-русскіе ученые XVII вѣка постоянно учились усердно и вѣчно оставались учениками. Они говорили на профессорскихъ каѳедрахъ, издавали въ свѣтъ сочиненія, и все in verba magistri. Съ теченіемъ времени они накопляли знанія. Знанія наростали механическимъ путемъ, прилѣпляясь одно къ другому посредствомъ случайной, внѣшней связи. Галятовскій былъ самый начитанный человѣкъ своего времени, и, однако, область его свѣдѣній была незначительна, кругозоръ узокъ. Дѣло въ томъ, что Галятовскій читалъ книги съ предвзятой цѣлью, выбиралъ изъ нихъ только то, что такъ или иначе относилось къ занимавшему его вопросу, напр. объ исхожденіи святаго Духа, или о главенствѣ римскаго папы. Мысль писателя вращалась въ рѣзко очерченной и ограниченной области религіозныхъ вопросовъ. Южно-русскіе писатели второй половины XVII столѣтія боялись и не желали выступать за предѣлы этихъ вопросовъ. Религіозные вопросы были потому въ особенности узки, что разсматривались отвлеченно, безъ отношенія къ живой народной массѣ. Схоластическому богослову не было никакого дѣла, какъ живое народное тѣло воспринимаетъ духовныя начала христіанскаго вѣроученія, какъ народъ относится къ этому вѣроученію съ своей національной точки зрѣнія, что внесъ и вноситъ въ него изъ своей духовной жизни. У южно-русскихъ ученыхъ, разсматривавшихъ религіозные вопросы an und für sich, и даже у Галятовскаго, при всей его начитанности, было мало узловъ знаній. Отсюда постоянныя повторенія, постоянныя возвращенія къ однимъ и тѣмъ-же избитымъ предметамъ рѣчи.

Высшая школа имѣетъ важное значеніе въ жизни человѣка, получившаго въ ней образованіе, не только потому, что даетъ ему знанія, такъ сказать, закладываетъ фундаментъ прочныхъ свѣдѣній и опредѣленныхъ воззрѣній на жизнь,—она вліяетъ на нравственный складъ человѣка черезъ свѣтлыя и просвѣщенныя личности

наставниковъ. Кромѣ того, между самими учениками возникаютъ товарищескія отношенія и связи, имѣющія большое значеніе въ исторіи ихъ духовнаго развитія, опредѣляющія ихъ общественныя симпатіи и антипатіи, придающія иногда на всю жизнь извѣстную окраску ихъ мнѣніямъ, сужденіямъ, внѣшнимъ формамъ отношенія къ людямъ.

Галятовскій въ кіевской академіи познакомился съ Барановичемъ, Гизелемъ и Пинацкимъ[1]). Отношенія Галятовскаго къ Симеону Полоцкому мало извѣстны, и трудно допустить, чтобы отношенія эти были близки. Симеону Полоцкому пришлось дѣйствовать совершенно въ другой обстановкѣ и при другихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ условія и обстановка, среди которыхъ работалъ Галятовскій. Но и въ Москвѣ, въ положеніи наставника царевичей Симеонъ Полоцкій сохранялъ связи съ друзьями своей молодости, преимущественно съ Барановичемъ. Другое дѣло Барановичъ и Гизель. Въ продолженіи всей жизни Галятовскаго, эти люди были его пріятелями, въ особенности Барановичъ. Безъ ошибки можно сказать, что Барановичъ создалъ всю служебную карьеру Галятовскаго, такъ сказать, вывелъ его въ люди. Покровительство Барановича частью проистекало изъ его добраго нрава, изъ желанія дать ходъ своему скромному и талантливому ученику, преимущественно изъ практическаго разсчета, изъ желанія имѣть подъ рукой способнаго и дѣятельнаго помощника, помощника мягкаго, покладистаго, усерднаго, услужливаго и скромнаго. Всѣми этими качествами Галятовскій вполнѣ обладалъ. Лазарь Барановичъ первоначально былъ наставникомъ Галятовскаго, впослѣдствіи его другомъ и покровителемъ. Окончивъ курсъ въ академіи, Галятовскій отправился на Волынь и принялъ здѣсь монашество. Въ смутное военное время онъ оставилъ Волынь и переѣхалъ въ купятицкій монастырь, находящійся недалеко отъ Минска. Игуменомъ купятицкаго монастыря былъ Барановичъ. Онъ ласково, какъ любящій отецъ, принялъ Галятовскаго. Получивъ мѣсто ректора кіевской академіи, Барановичъ и Галятовскаго перевелъ въ Кіевъ преподавателемъ въ академію. Въ 1657 году Барановичъ былъ назначенъ черниговскимъ архіепи-

---

[1]) Описаніе рукописей Синодальной библіотеки. II, 3, 509; Письма Лазаря Барановича, 51—83.

скопомъ. Онъ уѣхалъ въ свою епархію, предварительно выхлопотавъ Галятовскому мѣсто ректора академіи. Нѣкоторыя свѣтскія лица, ревнители просвѣщенія, въ особенности кіевскій полковникъ Василій Ѳедоровичъ Дворецкій, содѣйствовали Галятовскому въ полученіи ректорства. Занимая почетное мѣсто ректора академіи, Галятовскій вошелъ въ сношенія съ современными ему высшими духовными и свѣтскими лицами, съ кіевскимъ митрополитомъ, малорусскимъ гетманомъ, московскимъ царемъ. Для его дѣятельности и вліянія открылось довольно широкое поприще. Дѣятельность Галятовскаго прежде всего обратилась на устройство коллегіи, пострадавшей въ 1658 года отъ пожара. Галятовскій обратился къ царю Алексѣю Михайловичу съ просьбой о помощи. Въ шестидесятыхъ годахъ возникаетъ связь Галятовскаго съ московскимъ правительствомъ, утвердившаяся въ началѣ 70-хъ годовъ черезъ поѣздку Галятовскаго въ Москву.

Сношенія малорусскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ съ 1654 г. потеряли временный, случайный характеръ. Кіевская митрополія весьма неохотно подчинилась Москвѣ. Московскимъ боярамъ стоило много труда уломать Сильвестра Коссова прислать къ присягѣ своихъ слугъ. Еще болѣе хлопотъ вышло у бояръ, по случаю возведенія крѣпости на горѣ около софійскаго собора, михайловскаго и никольскаго монастырей и десятинной церкви. Мѣстность эта принадлежала митрополиту, и Коссовъ въ гнѣвѣ заявилъ московскимъ воеводамъ: „Если будете на томъ мѣстѣ городъ ставить, то я съ вами учну биться“. Мало того, митрополитъ сказалъ: „Гетманъ посылалъ бить челомъ государю и поддался ему со всѣмъ войскомъ, а я со всѣмъ соборомъ бить челомъ, чтобы быть подъ его великаго государя высокою рукою, не посылалъ; живу я съ духовными людьми самъ по себѣ, ни подъ чьею властью[1]).“ Не смотря на очевидную поддержку со стороны Богдана Хмельницкаго, Коссовъ долженъ былъ уступить москвичамъ, обнаружившимъ большую настойчивость въ проведеніи своихъ политическихъ цѣлей касательно устраненія и уничтоженія южно-русскихъ краевыхъ отличій, особенно церковныхъ. Слуги митрополита были приведены

---

[1]) Карповъ, Кіевскій митрополитъ и моск. правит. въ 1654. «Православное Обозрѣніе». 1871. Авг.—сент.

къ присягѣ. Церковныя земли были отобраны подъ крѣпость, съ обѣщаніемъ приличнаго вознагражденія въ другомъ мѣстѣ. Представители малорусскаго духовенства были поставлены въ полную зависимость отъ московскаго патріарха.

Въ 60-хъ годахъ кіевское духовенство еще сдѣлало одну попытку отстоять свои краевыя преимущества и привиллегіи. Брюховецкій предложилъ московскому правительству назначить въ Кіевъ митрополитомъ великороса. Извѣстіе объ этомъ предложеніи боярина-гетмана сильно взволновало малорусское духовенство. Въ 1666 году епископъ Меѳодій съ игуменами большихъ южно-русскихъ монастырей просилъ воеводу Шереметева о томъ, чтобы онъ ходатайствовалъ въ Москвѣ о сохраненіи въ Кіевѣ стариннаго выборнаго начала при избраніи митрополита. „Если будетъ на то великаго государя изволенье, смѣло говорилъ епископъ Меѳодій, чтобъ отнять у насъ эти вольности и права, и быть у насъ митрополиту изъ Москвы, а не по нашему выбору, то пусть великій государь велитъ насъ всѣхъ казнить, а мы на это не согласимся. Если пріѣдетъ къ намъ въ Кіевъ московскій митрополитъ, то мы запремся въ монастыряхъ, и развѣ насъ изъ монастырей за шею и за ноги поволокутъ, тогда только московскій митрополитъ въ Кіевѣ будетъ. Въ Смоленскѣ теперь Филаретъ архіепископъ, и онъ права и вольности у духовнаго чина всѣ отнялъ, духовный чинъ, шлятху и мѣщанъ всѣхъ называетъ иновѣрцами, а мы православные христіане; и если въ Кіевѣ впредь будетъ митрополитъ изъ Москвы, то онъ и насъ всѣхъ малороссіянъ станетъ называть иновѣрцами; тутъ въ вѣрѣ расколъ и мятежъ будетъ не малый, и намъ лучше смерть принять, нежели митрополита изъ Москвы [1])“.

Въ оборонительномъ положеніи находилось не все малорусское духовенство, а лишь часть его. Нѣкоторые іерархи, напримѣръ, Лазарь Барановичъ, всегда склонялись на сторону Москвы. Малорусское духовенство изъ положенія оборонительнаго быстро перешло въ положеніе смиреннаго просителя, заискивающаго милостей и подачекъ. Къ этому положенію привело много обстоятельствъ, главнымъ образомъ сознаніе собственнаго безсилія передъ систематической московской политикой полнаго подчиненія Украйны и

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи. XI 210.

воспитанное кіевской академіей ласкательство и сервилизмъ. Наиболѣе дальновидные и сообразительные украинскіе іерархи поняли, съ какой стороны подулъ вѣтеръ, и не пытались плыть противъ общаго теченія, уносившаго Украйну подъ попечительство и надзоръ могущественной Москвы. Барановичъ, несомнѣнно обладавшій политическимъ умомъ и принимавшій близко къ сердцу интересы южно-русскаго народа, сдѣлалъ попытку выпросить у царя хотя что-нибудь изъ того, чего нельзя было отстоять ссылками на мѣстное обычное право. Попытка не была и не могла быть удачной, Барановичъ получалъ лишь щедрые дары. Дары эти имѣли характеръ временнаго награжденія, или жалованья. Галятовскій, какъ ученикъ и послѣдователь Барановича, слѣдовалъ его примѣру въ своихъ отношеніяхъ къ московскому правительству. Онъ только просилъ и просилъ, никогда и ни въ чемъ не прекословилъ, и его просьбы большей частью были принимаемы и удовлетворяемы.

Въ 1659 году декабря 31 дня дана была на имя игумена братскаго монастыря и ректора кіевскихъ школъ Іоанникія Галятовскаго царская жалованная грамота на монастырскія и академическія маетности[1]). Воспользовавшись пособіемъ со стороны московскаго правительства и со стороны кіевскихъ обывателей, ревнителей благочестія, Галятовскій построилъ новыя монастырскія и училищныя зданія. Онъ дѣятельно хлопоталъ объ исправленіи и улучшеніи ввѣренныхъ ему учрежденій, открылъ классы до риторики и самъ въ нихъ преподавалъ. При немъ въ 1662 году внесена была въ новую академическую церковь чудотворная икона Богоматери, извѣстная подъ названіемъ братской.

Заботы и хлопоты по устройству братскаго монастыря и академіи не помѣшали Галятовскому выступить на литературное поприще.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Памятники, изданіе временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. 1846. II. 223—226.

КОБЗАРИ И ЛИРНИКИ.

Весьма распространено мнѣніе, что запасъ произведеній народнаго малорусскаго творчества исчерпанъ собирателями и что сохранять и записывать болѣе нечего. Касательно историческихъ пѣсень и думъ въ этомъ сходятся почти всѣ. Нѣсколько личныхъ моихъ встрѣчъ поколебали во мнѣ эту увѣренность и въ поискахъ за послѣдними остатками старой исторической поэзіи я склоненъ терпѣть много неудачъ за небольшую удачу, въ возможность которой еще вѣрю. Поиски за историческими пѣснями дадутъ, быть можетъ, немного новыхъ открытій, за то многое уяснятъ, по свѣжимъ слѣдамъ, для *физіологіи* этого исчезающаго явленія, которое лѣтъ двадцать-тридцать назадъ представляло еще величественныя развалины. Процессъ совершившихся въ этихъ пѣсняхъ измѣненій, самые ихъ обломки помогутъ уяснить то, что исчезло. Предлагаемые очерки—листки изъ дневника такихъ поисковъ. Не сѣтуй, читатель, встрѣчая въ нихъ больше „описаній", чѣмъ остатковъ исторической и бытовой кобзарской пѣсни,—знай, что въ этомъ сожалѣніи ты предъупрежденъ прежде всего мной самимъ.

I. Ярмарка въ Пирятинѣ.

...Удаленный отъ желѣзныхъ дорогъ, степной пирятинскій уѣздъ—съ виду еще порядочная глушь и я думалъ, что тамъ-то именно задержались еще кобзари и лирники. Проѣзжая лѣтомъ черезъ Пирятинъ, я разспрашивалъ о нихъ на базарѣ. Торговки ошеломлены были вопросомъ и не сразу собрались отвѣчать. Но какой-то „дідусь", выбиравшій арбузъ изъ огромной горы и зеленыхъ и бѣлыхъ, вянувшихъ на пустынной площади, подъ лучами полуденнаго августовскаго солнца, вмѣшался въ нашу бесѣду и сказалъ.

— Та шляютця! У городі нема, а приходять зъ селъ. У субботу приходять, підъ праздникъ, або у праздникъ...

Въ сентябрѣ, восьмого числа, въ Пирятинѣ ярмарка, самая большая въ году, совпадающая съ храмомъ единственной городской церкви (Кладбищенская не въ счетъ). Когда-же и быть „людямъ Божіимъ“ въ своемъ „городѣ“, какъ не на этой ярмаркѣ? Я спѣшилъ въ Пирятинъ къ восьмому сентября и, на разсвѣтѣ этого дня, выѣзжалъ изъ ближайшей къ Пирятину, со стороны Прилукъ, станціи Махновки, торопясь на ярмарку.

Чаще и чаще между старыхъ вербъ почтовой дороги попадаются возы и пѣшеходы, стремящіеся „на ярмарокъ“. Скромный пирятинскій костюмъ „молодицъ“, ихъ черныя запаски и плахты, корсетка темнаго черкасину, черный, высоко повязанный головной платокъ и каемка бѣлой рубахи, виднѣющаяся надъ обутыми въ черевики ногами, бросается въ глаза. Солнце выходитъ изъ-за лѣсу въ розовыхъ лучахъ. На всемъ ихъ ласкающій, веселый свѣтъ. Самая пыль, покрывающая лице, руки, пальто, дорожную сумку, съ покоющейся въ ней—увы!—совсѣмъ еще чистой тетрадкой, самая эта пыль, въ розовыхъ утреннихъ лучахъ, принимаетъ какой-то золотистый и дымчатый оттѣнокъ. Идутъ и ѣдутъ «ярмаркови»... Вотъ большой, солидный возъ, запряженный парою сильныхъ, медленныхъ воловъ. На возу сложено что-то, прикрытое рядномъ, что везется на продажу. Хозяинъ, въ бѣлой, припылившейся сорочкѣ, мужественный и сильный, какъ его волы, трогаетъ кнутомъ *цобъ* по круторогимъ, при встрѣчѣ съ нами. Дѣвочка дочь примостилась сзади воза, свѣсивши босыя ножки. А посрединѣ, выше всѣхъ, свободная теперь отъ непрестаннаго домашняго труда и заботы, сидитъ, не старая еще и миловидная, хозяйка, душа семьи, *господиня*... На ней праздничное платье и старинный, не часто вынимаемый, зеленый съ краснымъ, платокъ, накинутый на плечи... Вотъ двѣ высокія, стройныя *дівчіны*, должно быть подруги, и парубокъ возлѣ нихъ. Наша телѣга неосторожно налетаетъ на эту группу и зазѣвавшійся парубокъ шарахнулся въ сторону. Смѣхъ и „регітъ“ высокихъ дівчатъ, конфузъ парубка и *дражніння* на цѣлый день... Остановка у шлагбаума передъ длинной, вымощенной камнемъ, греблей. По ней, щадя свои бока и уши, въ сухую погоду не ѣздитъ никто, объѣзжая стороною. Она

выстроена на земскій счетъ, т. е. на счетъ уѣзда, но, тѣмъ не менѣе, за проѣздъ взимается плата и у шлагбаума ругается съ крестьянами неизбѣжный арендаторъ еврей. За греблею—поворотъ на горку. Подъ горой сидитъ старый нищій и низко кланяется, прося милостыню. Можетъ быть въ этой сѣдой головѣ таится не одно преданіе, не одна пѣсня, легенда? Но не буду терять времени на остановки... На ярмаркѣ *ихъ* будетъ много!... Взъѣзжаемъ на гору и круто беремъ влѣво. Изъ какой-то боковой, сельской дорожки выѣзжаетъ, разомъ съ нами, цѣлый поѣздъ, возовъ тридцать, ѣдущихъ на ярмарку. До города всего версты три. Тутъ вся дорога усѣяна уже возами. Пѣшеходы, по два, по три, по десятку идутъ стороною, подъ вербами. Пыль такая, что продохнуть нельзя. Показываются деревья, мельницы, еврейское кладбище, въ сплошной дымкѣ пыли множество возовъ, скота, лошадей. Вдали видны ятки, бѣлые домики, громадный острогъ,—самое большое и лучшее зданіе въ городѣ, маленькая кладбищенская церковь... Мы на выгонѣ, гдѣ ярмарка.

Ряды съ лукомъ изъ-за Прилукъ, кожевники изъ Ични, гончарныя издѣлія—горшки, глечики, покрышки, кухлики, поливянныя миски, горы арбузовъ, хлѣбъ, ссыпанный въ кучи и тереза возлѣ кучъ, хлѣбъ въ мѣшкахъ на возахъ, продающійся на осеннія подати, крытый ятками „красный рядъ", рядъ желѣзный, споры за мостовое, шинки по окраинамъ ярмарки, *снидання* подъ возами и на возахъ, опрокинутыя оглобли, проѣзжанье лошадей, черныя лица цыганъ, „крамниці", оврагъ за ятками, гдѣ жарятъ на сковородахъ рыбу и кипятъ въ котлахъ раки... Побѣлѣвшіе клешни вкусныхъ страдальцевъ судорожно выпрамляются въ послѣднихъ конвульсіяхъ. Рука равнодушнаго мучителя ихъ, вооруженная ложкой, поворачивается въ казанѣ, снимая пѣну съ кипящей воды; верхніе тонутъ въ кипяткѣ, а снизу выворачиваются готовые уже, ярко красные, горячіе и дымящіеся... Обхожу всю ярмарку вдоль и поперекъ. Разочарованье полное! Ни одного „Божьяго человѣка", ни одной свитки, съ заманчиво возвышающейся сбоку полою, изъ подъ которой выглядываетъ бандура или лира. Останавливаю подаяніемъ простыхъ нищихъ и разспрашиваю ихъ. (Бываетъ, что прежніе лирники оставляютъ инструментъ, переставшій нравиться въ народѣ, и просто просятъ милостыню).

— Я старымъ осліпъ, пісень не знаю, я невченый, отвѣчаетъ одинъ.

— Не знаю ніякихъ, говоритъ другой. Хиба *Ісуса* та *Варвары?*

Иду рядами. На встрѣчу попадается высокій слѣпецъ-нищій съ поводыремъ. Онъ громко проситъ милостыню, останавливается, становится на колѣни и кланяется въ землю народу. Кобзари такъ не дѣлаютъ! Жиды-торговцы ловятъ мой унылый взглядъ:

— Ишто покупаете, спросите! Что вы желаете? Что вамъ нужно?

Сказать имъ развѣ, что я желаю незаписанныхъ думъ, что мнѣ нужно кобзаря?..

Посреди ярмарки, возлѣ *сидухъ* и „прожорнаго ряда" (въ этихъ мѣстахъ, а также возлѣ ятокъ, въ самомъ бойкомъ пунктѣ, обыкновенно помѣщаются нищіе-слѣпцы) группа слѣпыхъ женщинъ-нищенокъ сидитъ кружкомъ, поджавши ноги и во все горло поетъ *Святу Пятницю.* Одна изъ нихъ держитъ въ рукѣ маленькую деревянную мисочку, въ которую, время отъ времени, кто нибудь изъ стѣснившейся кругомъ толпы бросаетъ копѣйку или двѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ съ дѣтьми, двѣ—съ грудными. Вся эта компанія, во время остановокъ пѣнія, жадно ѣстъ подаваемые куски жареной рыбы, арбузовъ и проч., а хлѣбъ прячетъ въ торбы. Онѣ то перестаютъ пѣть, то принимаются снова, поютъ долго и дружно, при чемъ одна изъ женщинъ подхватываетъ при окончаніи каждаго куплета въ октаву вверхъ. Возлѣ нихъ сидитъ двое нищихъ. Одинъ худой и староватый, другой не старый брюнетъ, въ свиткѣ, брилѣ и новыхъ выбойчатыхъ штанахъ. Возлѣ него пучекъ возжей и веревокъ, его работа, которую онъ вынесъ продавать. Маленькій поводырь, которому не сидится молча, выкрикиваетъ звонкимъ голоскомъ:—„А ну віжокъ! Хто віжки купить, той до дому поіде, а хто ні—тому до завтра стоять!"—Есть-ли лирники на ярмаркѣ? спрашиваю слѣпого.—Нѣту.—А нѣтъ-ли въ уѣздѣ, въ селахъ?—Лирники есть, въ Тамаровкѣ, Баша Ѳедоръ, въ Ганзеровщинѣ, а кобзарей, такихъ какъ прежде были, нѣтъ. Есть теперь только въ Лохвицѣ, да въ прилуцкомъ уѣздѣ Остапъ Лабза, бывшій галаганскій крестьянинъ. Были и здѣсь. Былъ въ Крячковкѣ (откуда онъ самъ), старикъ, такъ умеръ, года четыре назадъ. Въ Вечоркахъ, возлѣ Березовой Рудки, жилъ Антонъ. И тотъ умеръ.

О „вечірскомъ Антонѣ“ слышно было давно. Къ несчастью никому не привелось узнать его и записать огромный, говорятъ, его репертуаръ. По всему, что я слышалъ о немъ, это была личность замѣчательная. Натура страстная и буйная, онъ не въ силахъ былъ мириться съ своей жалкой долей. Жизнь его была рядомъ постоянныхъ скитаній и въ родномъ селѣ онъ бывалъ рѣдко. Онъ пилъ запоемъ и, по разсказу Вересая, „усе шо заробить, чи холста, чи сорочку хто дасть, и бандуру навить свою, и ту пропье. Якъ зрана устане—вже й напивсь! Пьяный співае, а самъ плаче и усі за имъ плачуть: „чи мене мати, каже, або може батько прокляли!“... Онъ умеръ всего года три назадъ, безвѣстный, подобно множеству старыхъ кобзарей, и его звонкая, тридцатиструнная бандура замолкла на вѣки...

Современныя ярмарки—не чета старосвѣтскимъ, воспѣтымъ Квиткою, на которыхъ мѣста для торговли выбирались посредствомъ катанья паляницъ, парубки гуляли всесокрушающею *лавой* и увы! были кобзари, собиравшіе вокругъ себя народную толпу. Но въ характерныхъ сценахъ нѣтъ недостатка и теперь. Предо мною какой-то бродячій „фигаро“ изъ отставныхъ, вооруженный бритвою, „голитъ“ усѣвшагося возлѣ воза стараго дѣда. Онъ намазываетъ мыломъ огромную сѣдую растительность и брѣетъ однимъ взмахомъ до самаго корня, оставляя кой-гдѣ порѣзы. Старый дѣдъ, съ нависшими бровями, морщится, но терпитъ. Сынъ его, человѣкъ лѣтъ тридцати, внимательно слѣдитъ за операціей. По другую сторону сидитъ невѣстка. Въ душѣ стараго кокета видимо происходитъ борьба: его и шокируетъ комичность его положенія и хочется явиться домой, *до старои*, причепурившись и поразить ее молодымъ видомъ.

— Та ну-бо, годі вже чепурить! говоритъ онъ нерѣшительно брадобрѣю, стригущему въ это время подъ гребень его огромныя, висящія брови. „Воно завтра все одно знову поросте, а то ажъ шкура болить!“

Брови слетѣли, но когда очередь дошла до полъаршинныхъ усовъ, старый дѣдъ уперся: „э, ні! Усивъ не треба різать, ні!“... И спасъ старое козацкое украшеніе...

Славенъ городъ Пирятинъ! Вмѣстѣ съ несомнѣнными принадлежностями города, каковы острогъ и полицейское правленіе, онъ

представляетъ всѣ удобства сельской жизни. Тамъ счетомъ дома, крытые желѣзомъ, и чистота нравовъ такъ велика, что оба пола, безъ всякаго стѣсненія, купаются вмѣстѣ... Я посѣтилъ храмовое служеніе единственной церкви, той самой, можетъ быть, ѣхавши мимо которой, герой думы, Олексій, поповичъ пирятинский „шличка не здіймавъ“... Мнѣ показалось, что и нынѣшніе соотечественники „писаря війскового, козака лейстрового“ не набожнѣе его: церковь была почти пуста. Въ ней было едва-ли не больше священнодѣйствующихъ, поющихъ и вопіющихъ, чѣмъ молящихся. Со временъ Олексія Поповича церковь несомнѣнно обновлена, о чемъ я пожалѣлъ, такъ какъ здѣсь, какъ и вездѣ на нашемъ югѣ, остатки стараго иконостаса и живописи свидѣтельствуютъ о большемъ вкусѣ и изяществѣ и представляютъ большой художественный интересъ... Золотые лучи солнца наискось пронизывали храмъ, озаряя свѣтлой дымкой столбы и волны ладана. У входа въ церковь—кучка нищихъ и странниковъ. Вотъ одинъ, котораго я обогналъ на дорогѣ: съ котомкой за плечами, въ истоптанныхъ сапогахъ и какомъ-то арестанскомъ сѣрякѣ, съ волосами желтаго цвѣта и такимъ-же лицомъ, одна изъ тѣхъ загадочныхъ личностей, вся жизнь которыхъ проходитъ въ скитаньяхъ по обширному лицу Россіи. Основатель новой секты или кандидатъ въ арестантскія роты, онъ сегодня на храму въ Пирятинѣ, черезъ недѣлю—на праздникѣ святого въ Воронежѣ, а еще черезъ мѣсяцъ, въ осеннюю стужу, у воротъ какого нибудь далекаго новгородскаго монастыря...

Солнце спустилось низко, ярмарка стала разъѣзжаться. Потянулись по селамъ пѣшеходы съ покупками, возы съ привязанными сзади, купленными телицами, бычками, съ припряженными, вымѣнянными лошадьми. Тамъ на возу видна кадушка, тамъ колеса, тамъ жлукто, а кое-гдѣ и скрыня для дочки-невѣсты. Заторопились трезвые и пьяные къ завтрашней оранкѣ, молотьбѣ, поденщинѣ, къ кладкѣ табаку, копанью картофеля, рубкѣ капусты и другимъ осеннимъ работамъ. Попадаются хлопцы въ новыхъ, смушевыхъ шапкахъ, дівчата, бережно несущія чоботы, ситецъ или цвѣты. Молодые думаютъ о досвиткахъ, которые скоро начнутся, а старые объ осеннихъ податяхъ, что надо завтра нести сборщикамъ. А тамъ, въ тѣхъ селахъ, куда вьются полевыя дорожки, „дѣтвора“ высмотрѣла глаза, ожидая „ярмарковыхъ“. Кому привезутъ медяникъ, кому

картузъ, одному глиняного коника, а другой ситцу на сподничку. Они выкатили съ улицы на выгонъ и примостились на крылечкахъ вѣтряковъ. Хозяйки спѣшатъ домой, гдѣ полны руки вѣчной, непрестанной домашней работы и гдѣ ждутъ ихъ „маленькі"...

Потянулись съ ярмарки и бездомные *старці*, по два, по три въ рядъ, держась одинъ за другого, съ мальчуганами-поводырями, идущими впереди, зѣвая по сторонамъ и съ отдувшимися торбами. Нѣкоторые садятся подъ вербами на большой дорогѣ, гдѣ идетъ и ѣдетъ много народу и просятъ милостыню, громко причитая. Въ хуторкѣ, верстъ за пять отъ города, гдѣ столпилось возлѣ колодцевъ много возовъ и народу, я услышалъ заунывное скрипѣнье лиры. Молодой лирникъ Кондратъ Емченко изъ Харитоновки прилуцкаго уѣзда, пробренчалъ мнѣ, усѣвшись подъ плетнемъ, „Біду", эту полу-грустную, полу-саркастическую лирницкую пѣсню, смѣсь шутки и стона, балагурства и наблюденій жизни. Я записалъ ее, такъ какъ встрѣчалъ въ сборникахъ только отрывки:

А надъ моремъ глибокимъ
Стоявъ теренъ высокий,
А зъ підъ того терена
Выйшла біда молода...
Одъ Харкова до Кракова,
Всюди біда однакова!..

А хто біды не знае—
Нехай мене спитае.
А я у біды бувавъ,
Такъ я біду розвідавъ.
Моя хата зъ краю,
Я біду зазнаю!

Пішла біда невелика
Та здибила чоловіка.
—Де ты въ чорта уродилась,
Що за мною учепилась?
—Въ Дубовому родилась,
Въ Вербовому хрестилась,
Въ Бериславі зросла,
У Пирятинъ заміжъ пішла.

Въ Бердичеві на торзі
Іде біда на козі
Въ червоному картузі;
—Сідай, бідо, на козу
Я тебе къ чорту 'двезу (2)
Ще й дорогу покажу...

Пішла біда въ школу,
Та зробила шкоду.
—Не йди, бідо, по мискахъ,
А бьють біду по вискахъ!
Пішла біда до мисника,
И тамъ дано налисника,
Пішла біда до грубы
И тамъ дано у груди,
Пішла біда до печи
И тамъ дано у плечи,
Пішла біда до Дениса,
Одъ Дениса выйшла лыса,
Пішла біда до Гаврила,
Одъ Гаврила носа гріла,
Пішла біда до Уласа—
А у Власа діжка мняса.
Пішла біда до Демьяна,
Одъ Демьяна выйшла пьяна,
Пішла біда до шевця,
Та й украла ремінця,
Сіла собі на столці,
Мостить собі постолці—
Сама біда засміялась
Шо хороше обувалась...

—Не йди, бідо, лавками,
Бо бьють біду палками!
Пішла біда по лавкахъ,
Били біду по лапкахъ.
—Не йди, бідо, зъ старцями,
Не крадь торбы зъ сухарцями.
Стали старці змовлятися,
А де біду піймати
Зъ неи кожу зодрати...

А підъ нашимъ яримъ житомъ
Лежить біда зъ своимъ лихомъ.
То іхали за брусами,
Ледве взяли на сани.
Та повезли до Волохъ,
Проміняли за горохъ,
А Волохи каялись,
Шо гороху збавились:
—Біду къ чорту возьміть,
А горохъ намъ верніть!..

Не йди, бідо, за нами,
А бьють біду хвайдами!..
Де взявсь Мартинъ,
Хропъ бідою объ тинъ,
А Марина мимо йшла
И сорочку принесла.
А ще къ тому Марта
Горілочки кварту.
Де взявсь Омелько,
Якъ заплаче тоненько!
Де взявсь Гарасимъ,
По біді голосивъ,
Де взявсь Потапъ,
Начавъ бідушку латать...

Пішла біда въ Могилівъ,
Куповати волівъ,
Ходить біда изъ мислами
За волами, за яслами...
Пішла біда до Ніжена
И тамъ біда не здужала,
Пішла біда до Лохвиці
И тамъ дано прохвостиці.
Підъ церквою въ Тростянцю
Дано біді по яйцю,
(Снимая шапку и протягивая руку):
—Кому одно, а мені двое!

II. Варіанты думъ.

Репертуаръ лирниковъ большею частью ограничивается нѣсколькими духовными стихами и шуточными пѣснями. Но иногда они поютъ такъ называемые морализирующіе стихи и, если допроситься, полузабытые, слышанные отъ старыхъ „майстровъ", отрывки думъ. Не слѣдуетъ оставлять ихъ безъ вниманія. Но какъ найти этихъ лирниковъ по селамъ и захолустьямъ, гдѣ даже самые селяне не всегда укажутъ ихъ вамъ? Богъ знаетъ его, этого слѣпого, что у него гдѣ-то, въ хижѣ, лежитъ заброшенный *струментъ*, играть на которомъ онъ иногда уже и оставилъ, такъ какъ къ этой музыкѣ и къ этимъ пѣснямъ исчезъ вкусъ въ народѣ. Не поможетъ тутъ и земская статистика, съ ея подворнымъ описаніемъ селъ, гдѣ описывающіе, конечно, менѣе всего думали объ исторической пѣснѣ.

Списки думъ, слѣдующіе дальше, попали въ мою книжку случайно. Проѣзжая село Вейзбаховку, прилуцкаго уѣзда, я узналъ, что тамъ есть лирники, и нашелъ одного изъ нихъ—Ефима Перепелицу. Онъ живетъ въ своей хатѣ и занимается хозяйствомъ на своемъ двухдесятинномъ надѣлѣ. Съ лирою ходитъ только осенью. Пахать поле помогаютъ ему люди и, не хуже взрослаго, работаетъ на полѣ его тринадцатилѣтній сынъ, онъ-же и поводатарь. Въ противуположность отцу, у этого хлопца необыкновенно лучистые и ясные глаза, съ прелестнымъ дѣтскимъ взглядомъ. У него домовитый видъ „отецького сына"—работника и судьба, конечно, сулитъ ему не испытывать горькой отцовской доли, а жить „якъ люде".

Дума „О сыновьяхъ и вдовѣ" принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ. Она записана въ уѣздахъ ахтырскомъ, зеньковскомъ, борзенскомъ, сосницкомъ, лохвицкомъ, прилуцкомъ и лубенскомъ. Кромѣ печатаемаго восьмого списка, у меня есть еще девятый, отъ лирника Вакуленка, изъ Прилукъ. „Иванъ Коновченко" когда-то былъ также любимою думой. Лирникъ, диктовавшій мнѣ его, разсказывалъ, что еще недавно, на ярмаркѣ въ Яблоновкѣ, какой-то старикъ заставилъ его пропѣть „Коновченка" два раза. Не удовольствовавшись этимъ, онъ повелъ его въ свою хату:—„Ще, каже, ты мени іі тамъ разъ проспіваешъ!" Эти поэмы держала столѣтія въ народной памяти не одна сила ослабѣвающихъ историче-

скихъ воспоминаній. Онѣ питали и художественную потребность. Не даромъ молодежь прислушивалась къ „Коновченку"—этому воплю жажды жизни и подвиговъ, этой скорбной пѣснѣ о сраженной въ цвѣтѣ юности молодой силѣ. Въ одномъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ набросковъ, гдѣ отразился весь пылъ и трепетъ севастопольской трагедіи, великій современный поэтъ,—Левъ Толстой, замѣчательно близко подошелъ къ простодушному созданію малорусской народной музы. Его Володя Козельцевъ, опьяненный успѣхомъ, охваченный безумной отвагой и сраженный пулей на бастіонѣ въ первый-же день своихъ подвиговъ, есть тотъ-же Ивась, сынъ вдовы Коновчихи, о которомъ не устаютъ распѣвать кобзари на Украйнѣ, втеченіе двухсотъ лѣтъ. Такъ индивидуальное творчество высочайшихъ талантовъ сходится съ массовымъ творчествомъ великаго поэта—народа.

О вдовѣ и сыновьяхъ.

То не сосна шуміла,
То бідная вдова зъ своіми діткамн говорила,
А милосердного Творця на помощь просила:
—А хоть буду хлібъ одробляти,
Да не буду дітей у наймы посылати!
Охъ якъ трудно да важко важкий камінь изняти—
А ще трудніше и важче вдовиці мали дітки годувати!

Да жила бідная вдова проживала,
А ніякого супороку та вона не мала,
И до великого зросту сынівъ воспитала,
Чужимъ людямъ на потурание у руки не подавала...

То не сива зозуля кувала,
То бідна вдова своімъ діткамъ щастя-долі, хортуны, прохала:
— «Охъ, милосердный Творче и всі святиі отці!
Поможіть мені малихъ дітокъ погодувати,
Изъ іхъ розума да й діждати!»

Уже бідна вдова сынівъ погодувала,
Уже бідна вдова сынівъ подожидала,
Уже бідна вдова сынамъ домы построіла
Уже бідна вдова отъ іхъ розуму діждала,
И сынивъ подружила.

Ой, якъ стали вони, удовиченки, роскішно проживати,
Стали неньку стареньку гіркими словами зневажати,
При старості літъ за хлібъ-сіль та докорятп:
—Ой иди-жъ ты, мати, на чужий двіръ та проживати,
А нехай мы будемъ сами знати,
Якъ се намъ господарство содержати!
Одинъ узявъ,—за білу руку веде,
А другий по-підъ боки веде,
Третій наздогоняе,
Та въ потилицю выпихае!

Вывели матіръ за нові ворота:
—Оце тобі, мати, шляхъ-дорога та широка!...
Пішла бідна вдова подовжъ улонькою,
Да зустрілася изъ сусідонькою:
— «Ахъ сусідо, сусідо, молода челядино,
Та чужая чужанино,
Прийми мене до смерти жити!
Буду я тобі ділечко робити,
Хату й сіни підмітати,
И добра твого доглядати».
Да взяла сусіда удовицю за білую ручицю,
Посадила сусіда удовицю у новую світлицю,
И за новую скамницю:
— «Иди-жъ ты, мати старая и чужая, въ мій домъ проживати,
Да не будешъ ты у мене ніякого супороку мати,
Не будешъ ты въ мене хаты й сіней підмітати,
А будешъ ты мені, молодій челядині, порядокъ давати».
Да жила жъ бідная вдова проживала ажъ тринадцять годовъ,
Ніякого супороку у сусіди не мала.
А въ тринадцятімъ годі ставъ грімъ погрімати,
Стала чорна хмара наступати,
Ставъ удовиныхъ синівъ громовымъ огнемъ Господь карати,
И въ полі и въ домі всю ходобу розбивати.
Стало ихъ подвіръя зеломъ и бурьяномъ заростати,
Стали ихъ люде превелико-марно зневажати,
Превелику злобу и сварку укидати,
Стали объ іхъ люде говорити:
—Ахъ вы, вдовиченки, десь вы въ себе хліба-соли вы не мали,
Шо вы свою матіръ, при сторости літъ, на чужий двіръ изослали».

А старший братъ каже: «ходімо, братця, матери прохати,
Чи не перестане насъ Господь карати?
Охъ, дивитця, браття, який я бувъ собі домъ коштовный избудувавъ,
Та скоро свою матусю на чужій двіръ изославъ,—
Да заразъ мене Господь громомъ-огнемъ искаравъ,
А у полі и въ домі всю худобу поубивавъ.
Ходимо, братця, матери прохати,
Чи не перестане насъ Господь карати».
Підстарший братъ каже: радъ бы я, братця, матусю до себе забрати,
Да-къ боюся: жена вельми безбожная да й у мене.
И такъ сварка бувае що дня у мене».
Самый меньший братъ до матусі прихождае,
Изтиха словами промовляе:
— «А ходимо, ненько старая, у нашъ домъ проживати,
Не будешъ ты супороку ніякого у насъ мати.
Будемъ мы твою старисть чтити й поважати,
Не будемо, ненько старая, за хлібъ-сіль тобі докоряти,
Будемъ своихъ діточокъ та страхати...» [1])
А покіль сыны матіръ та упросили,—
И въ полі и въ домі ничого не зоздріли.
А якъ стала бідна вдова на коліняхъ стояти,
А до Бога руки здіймати:
»О, Господи! Якъ мені тяжко було маленькихъ ихъ хлібомъ годувати!
«О, Господи! перестань моихъ сынивъ карати!...»
Якъ стала бідная вдова въ ихъ домі проживати,—
Ставъ имъ Господь видимо помогати,
А й въ полі и въ домі всю худобу приспоряти [2]).

---

[1]) Въ варіантѣ Вакуленка:
Що едина вдова на ти ихъ слезы не вважала,
Тільки вона единее у сердці поймила,
Що іхъ мали дітки пожаліла...

[2]) У Вакуленка здѣсь слѣдующая амплификація:
Меньший братъ въ сильно велику дорогу одъізжае,
Старшого брата словами ублаготворяе:
—Старший братъ, матусі не прогнівляй,
—Рано и позно молитвы іі почитай,
Подружжя, братъ, мое й свое зупиняй!
Старший братъ упьять же великее сердце-злость мівъ,
Безбратно матусі горко словами укоривъ,

А послухайте, браття, паны-молодці! —
Що хто отця и матку почитае,
И отцевськую молитву матусину не забувае, —
Да той изо дна моря выринае!
Аще хто отця и матки не почитае,
И отцевську молитву матусину забувае,
Да той на березі погибае,
А на віки віковъ!

Нравственно-поучительныя думы, обращаясь въ народѣ, нерѣдко принимали формы пѣсень. Слышанныя отъ кобзарей, въ пѣсни онѣ перекладывались по памяти, значительно видоизмѣняясь. То излагалось кратко содержаніе думы, то развивалась одна, запавшая въ память и особенно поразившая черта. Въ замѣткѣ о кобзарѣ Крюковскомъ [1]) я привелъ подобный перифразъ думы „О сестрѣ и братѣ". Вотъ отголосокъ „Вдовы и сыновей", записанный въ селѣ Тамаровкѣ, пирятинскаго уѣзда, отъ старухи:

У неділю рано пораненьку
Выгоняе сынъ свою неньку:
—Иди, мати, прічъ одъ мене,
Будуть гости у мене,
Будуть въ мене кумы—побратимы
И рідниі браття!...
Плаче мати, иде улоньками,
Плаче слізоньками...
Зустрічае дочка матіръ:
Куди, мати, идешъ мандрувати?
Иди, мати, жити до мене,—

За руку вінъ бравъ,
Зъ хаты вывождавъ!..

А приснився меньшому брату у сильно великій далекій дорозі предивний сонъ.

Вінъ ставъ плаче-рыдае,
Своему браттю словами промовляе:
—О, мабуть, браття-товарищи,
Мабуть моій матусі у дома немае,
Шось мені у дорозі фортуна не пособляе!..

[1]) См. «Кіевская Старина», 1882 г. декабрь.

У мене дві хаты,
Будешъ моихъ дітей колыхати,
Иде сынъ своій неньки прохати:
—Иди, мати, жить у мене,
Худо жити безъ тебе!
Бодай тобі, сынку, хата згоріла,
Жінка вмерла, дитина зосталась!...
Пішовъ сынъ матери прохати!
—Иди, мати, жити до мене
Худо мені жити безъ тебе:
Вмерла жінка, дитина зосталась,
Да-къ нікому колыхати...

Иванъ Коновченко.

Ой вдова Коновчиха, по своему мужу Грициха,
Мѣла у себе сына одного Ивана Коновченка,
И вона изъ малыхъ літъ ждала и дожидала,
До великого зросту воспитала,
И чужимъ людямъ на потуранне въ руки не подавала...
Ой Филонъ, корсунский полковникъ, ставъ підъ городъ підходити,
Ставъ намети напинати,
Ставъ въ охотне війско у козаки выкликати:
—Охъ, кому то браття придокучило въ отця своего и въ паніматки проживати,
Шинкарці за чарку горілки хату и сіни підмітати,
А прошу я братя на Черкень долину у козацкое войско пойти погуляти,
А козацъкои славы и памяти достати!»
А скоро Иванъ Коновченко сее слово услыхае,
До въ своеи матусі старои благословленія просить, тай питае:
—Ахъ, прошу я, мати, на Черкень долину пойти погуляти,
Козацькои славы и памяти достати!
—Охъ не велю я тобі, сыну, дитя мое, на Черкень-долину ити гулятя,
Козацькои славы и памяти доставати,
А велю я тобі, сыну, дитя мое, у городі у Черкасі проживати.
Е въ тебе чотыри волы чабанні,
А ще пара коней вороні,
До ты будешъ у городі у Черкасі проживати,
И будешъ ты хліба пахати,

То будуть до тебе всі козаки заіжжати,
Будуть у тебе хліба-соль заживати,
И будуть тебе на пидпитки звати,
А будуть тебе дворяниномъ почитати.
—Ахъ, не желаю я, моя мати, а хліба пахати,
Хоть я буду, моя мати, и хлібъ пахати,
Будуть до мене козаки заіжжати и хлібъ и соль заживати,
А будуть мене, моя мати, гречкосіемъ прозывати.
—Охъ, якъ бы ты мені, мати, добре дбала,
До е въ тебе чотыри волы чабанні,
А ще пара коней вороні,
То ты-бъ до жида королевского одгонила,
И ты бъ имъ торгъ сочинила,
Пятьдесятъ червонцівъ доложила,
Да мені коня доброго купила,
Якъ моя козацькая молодецькая душа та любила.
—Ахъ сыну, дитя мое, Ивану Коновченку, ой вдовиченку,
Тридцять я літъ отцевськую худобу содержала,
Да все бъ то тобі на одного коня все позбувала!
—Ахъ, не желаю-жъ я, моя мати, а хліба пахати,
Своихъ німецькихъ закаблуковъ ламати,
И своихъ голубихъ жупановъ пиломъ напиляти.
А вже мені, моя мати, надокучило за плугомъ прохождати.
А за плугомъ прохождати, то болить спина,
А вже мені, моя мати, та борозна мені не мила!
—А скоро удова Коновчиха, по своему мужу Гриниха, до Божого храму одъізжала,
А козацькую усю зброю въ комору позамыкала,
И тільки забула на стіні шаблю булатную пищальную и семипьядную.
Да Иванъ Коновченко въ світлоньку вступае,
То ничого вінъ не забачае,
А тілько забачае вінъ на стіні шаблю булатную и пищаль семипьядную.
На плеча закидае и всіхъ козаківъ догоняе,
А проти старого и проти малого шапочку скидае,
И всі козаки возворочали, шапочки скидали,
Его дорожкою поздоровляли.
Ахъ покиль удова Коновчиха, по своему мужу Гриниха, изъ Божого храму приізжала,
Уже сына Ивана Коновченка вдовиченка, уже въ домі не застала.

До вона горко кляла и проклинала,
И слезы свои проливала:
—Ахъ сыну, Иване Коновченку-удовиченку,
Бодай тебе три недоли не побили: перва недоля не побила, щобъ тебе пулями не стреляли,
А другая недоля щобъ тебе не побила, щобъ тебе шаблями не зрубали,
А третяя ще недоля не побила,
Штобъ тебе материни слези ни въ якій потрібці не споткали.
Да вдова Коновчиха, по своему мужу да Грициха, мѣла въ себе вона чотыри волы чабаниі,
А ще й пара коней вороніі;
До вона до жида королевського одгонила,
Торгъ имъ сочинила,
Пятдесять червінцівъ доложила,
Ему коня доброго купила,
А якъ его козацькая та молодецькая душа да й улюбила.
А рядовымъ козакомъ подавала,
И поклономъ его поздоровляла,
А рядовый козакъ его догоняе,
Одъ матусі старои поклономъ его поздоровляе,
Ажъ до ёго кінь добрый прибувае.
—Ахъ дивитеся, братья, я думавъ, що мені мати худо дбае,
Аже мені мати добре дбае,
Што мѣла вона въ себе чотыри волы чабаниі,
А ще пара коней вороніі,
Да вона до жида королевського одгонила,
Торгъ имъ сочинила,
Пятдесятъ червонцівъ доложила,
Мені коня доброго купила,
А якъ же моя молодецькая козацькая душа да й улюбила.
Когда бъ мені Господь помігъ сей походъ исходити,
А й назадъ воротитця,
Да я буду при старості літъ свою матусю хлібомъ годувати.
А по смерти еи кости ховати.
Когдабъ мені Господь помігъ сей походъ исходити
И назадъ воротитця,
Да я буду при старости літъ еи хлібомъ кормити,
А по старости еи кости хоронити...
И до табору приізжае,
Филонъ корсунскій зъ намета выглядае,

Красную китайку простилае,
Ивана Коновченка на красний китайці сажае,
Разными дорогими наідками
И сладкими напитками кормить и наповае.
—Ой Филоне, Филоне, корсунскій полковнику,
Позволь ты мені на Черкень долину пойти погуляти,
А козацькои славы и памяти достати!
—Ай Иване, Иване Коновченку, ой вдовиченку,
Ще-жъ ты дитя молодое и малое,
Ще-жъ ты ни на полі, ни на морі не бувало,
Ще-жъ ты ниякого звычаю да не набралося!
—Ахъ Филоне, Филоне, корсунскій полковнику,
Поймай же ты утя малое и тее старое,
Да й пусти ты на воду:
Чимъ лучче поплыве утя старое,
Чимъ тое малое?
—Ну, велю я тобі, Иване Коновченку, на Черкень долину ити гуляти,
Козацькои славы и памяти доставати...
До вінъ не много гулявъ, 4 часа и 4 минуты прогулявъ,
А не много вінъ війска потерявъ,
Шість тысячъ у смерть убивъ, а сімъ тысячъ смертельни раны завдавъ.
А восімъ тысячъ живыми у плінъ забравъ.
И Филонъ Корсунскій съ підъ намета выглядае,
Красную китайку простилае,
На красний китайці Ивана Коновченка вдовиченка сажае,
Дорогими наідками напитками кормить и напувае,
—Иванъ Коновченко вдовиченко сее заживае,
Иванъ Коновченко Филону, корсунскому полковнику, нарікае:
—Охъ Филоне, Филоне, корсунскій полковнику,
Позволь ты мені водки оковитой зажити.
—Ахъ Иване, Иване Коновченку и вдовиченку,
Не велю я тобі, Иване Коновченку, водки оковитои заживать,
Бо водка оковита вона тебе изъ світа зрадить,
И окрашенного світа та вона тебе збавить,
А велю я тобі, Иване Коновченку, вдовиченку на Черкень долину ити гуляти,
Козацькои славы и памяти побольше доставати,
У хорошій одежді прохождати.
А Иванъ Коновченко вдовиченко слова не слухае,
Бере чайний стаканъ да наливае,
Да выпивае,

На свого коня доброго сідае.
А Филонъ, корсунскій полковникъ, не слыхае,—
Бере й другій наливае,
На свого коня доброго на гриву схиляе,
Бере й третій наливае,
Да все выпивае...
Уже своему коневи доброму на гриву головоньку склоняе,
А по табору проізджае,
Проти старого и проти малого шапки не скидае,
А Филонъ, корсунскій полковникъ: Ахъ, не велю я тобі водки оковитой зажити,
Бо вона, водка оковита, вона тебе изъ світа израдить,
И окрашенного світа избавить,
Бо Турки-Вермени проклятні,
Вони пьяного чоловіка за чверть миль узрівають,
Вони одступлять и покиль вони тебе, пьяного чоловіка, заманять,
Да вони тебе посічуть и порубають,
А Иванъ Коновченко сего не слыхае,
По табору проізджае,
Проти старихъ казаківъ и проти малихъ шапки не скидае,
А Турки-Вермени проклятне
За чверть мили пьяного чоловіка заздріли,
А на другую ще чверть мили одступили,
Покиль Ивана Коновченка заманили
И Ивана Коновченка посікли, порубали,
А хоть вони его посікли и порубали,
А вони его коня доброго не піймали...
А немного жъ то вони войска потеряли,
Шістнадцять тысячъ у смерть убивъ, а тридцять тысячъ смертельны раны завдавъ,
А пятнадцять тысячъ у плінъ забравъ [1]),
А его конь добрый по табору гуляе,
Попруги порвани и стремени крівави!...
А Филонъ изъ підъ намету выглядае,
Превеликую тоску-печаль то вінъ мае,
На всіхъ козаківъ гукае,
—Ахъ, вы хлопці козаки, пойдите, коня Ивана Коновченка поймайте,
Бо его конь добрый по таборі гуляе.

---

[1]) Раньше забравъ, а не въ живихъ оставивъ.

Попруги порванні и стремена крівавні...
А пойдите, браття, поймайте,
А его матусі старенькій поклонъ да подайте.
Да вдова Коновчиха, по своему мужу Грициха, усіхъ козаківъ на дорозі перестрічае
И всіхъ козакивъ перепитае:
—Ахъ, вы молодні, козаки, а чи не бачили вы, чи не чули мого сына Ивана,
А мого сына Ивана Коновченка и вдовиченка?
Да всі козаки проізждають,
А правды не предъясняють,
Тілько бувъ то одинъ козакъ рядовый—прибувае и правду предъясняе,
—Ахъ, удово, удово, Коновчиха, по своему мужу Грициха,
Що вже твій сынъ оженився и на Черкень-долині одружився.
И взявъ собі жону пишную и гордую,
Що вона нікому словечка не мовить,
И ниякому лицарю головоньки не склонить.
—А слава жъ тобі, Господи, що мій сынъ оженився
И на Черкень-долині одружився,
Шо хоть вінъ жону взявъ собі пишную—гордую,
Що вона никому словечка не мовить,
И ниякому лицарю головки не склонить,
Да хоть буде при кому мені при старости літъ дожити,
А по смерти моій кости похоронити.
Ажъ Филонъ корсунскій полковникъ іде и хорошого (коня) веде,
Попруги порванні и стремени крівавні...
Да вдова Коновчиха, по своему мужу Грициха, на дорозі стрічае, гірко кляне, проклинае:
—Ахъ Филоне, Филоне, курсунскій полковнику,
Бодай ты въ походъ не сходивъ и назадъ не воротився,
Якъ ты мого сына Ивана Коновченка израдивъ,
Зъ окрашенного світа ты мені его збавивъ.
—Ахъ, не плачь, вдова Коновчиха, по своему мужу Грициха,
И не плачь и не проклинай,
Мені молодому щастя долі не теряй,
А не я-жъ то его зрадивъ,
Зрадила его водка оковитая,
Вона его зрадила, зъ окрашенного світа да избавила.
Да вдова Коновчиха сорокъ день и сорокъ ночей одежи не скидала
И слезы проливала.

Ивана Коновниченка вдовиченка поминала,
А віру турецьку віру, бесурманьску горко кляла и заклинала:
—Ахъ, ты віра турецька, віра бусурманьска,
Будь ты проклятая!
На срібло да на злато да богатая.
Вызволь, Господи, невольниківъ изъ неволи
На свою родину,
До отця да до пані матки!...

III. Кобзарь Братиця.

Его имя стало мнѣ извѣстнымъ по реферату, читанному въ покойномъ юго-западномъ отдѣлѣ Географическаго Общества. г. Иващенкомъ; авторъ сообщенія, напечаталъ со словъ Братицы три думы, одну псальму и одну сатирическую пѣсню. Отдѣломъ положено было тогда ознакомиться полнѣе съ репертуаромъ нѣжинскаго кобзаря. Но предположеніе это не осуществилось. Портретъ его, хотя очень несхожій, красуется на обложкѣ изданія г. Беца: „Историческіе дѣятели южно-русскаго края“ и позаимствованъ, кажется, изъ „Нивы“. Братиця знаетъ объ этомъ. Онъ расказывалъ мнѣ, какъ въ Нѣжинѣ „якійсь панъ патретъ зъ него знімавъ“.

— Хвалився мені вписля, шо той патретъ надрюкувано.

— Шо-жъ вамъ за це?—питаю.

— Прислали, каже, шість корбованцівъ и „Ниву“ на цілий годъ.

— Я думавъ, шо ему поля дано пахать на рікъ, ажъ після розсказавъ вінъ мені, такъ воно зовсімъ ка-зна що!

Съ этимъ наивнымъ приговоромъ спекулятивному петербургскому журнальцу я не могъ не согласиться.

О терешковскомъ кобзарѣ я слышалъ отъ нищихъ: „тамъ старый кобзарь Павло, такий, якъ Остапъ (Вересай), ученый!“ Я догадывался, о комъ идетъ рѣчь и рѣшился его разъискать. Терешковка—маленькое глухое село макіевской волости, нѣжинскаго уѣзда, лежащее въ сторонѣ отъ проѣзжихъ дорогъ. Павло Савичъ Братиця—старикъ небольшого роста, довольно полный, немного рябой, съ сѣдыми баками, наружности необыкновенно добродушной и почтенной. Онъ считаетъ себѣ шестидесятый годъ. „Въ 42 году на десяту пятницю, сонце мінилося, а мені тоди бувъ 18-й годъ.

Такъ по тому я замічаю!“ Родомъ онъ изъ мѣстечка Мены, сосницкаго уѣзда, бывшій крѣпостной крестьянинъ гг. Танскихъ. Его перевели въ Терешковку тогда, какъ по какимъ то соображеніямъ помѣщика переводили людей изъ одного имѣнія въ другое. Учился онъ у кобзаря Бешка, въ Менѣ, а Бешко (умершій въ 1855 г.) учился у извѣстнаго Андрея Шута. Таковъ ученый формуляръ Братицы.

У него своя, плохая хатка, стоящая впрочемъ на панскомъ грунтѣ. Старуха жена его также слѣпа. Милостыню больше проситъ она. Самъ Павло рѣдко куда теперь ходитъ изъ дому: „Одно те шо старый, а друге-шо черезъ оці пашпорты не вільно... Якъ я его ніколи не бравъ!...“ Жена Павла ревниво охраняетъ пѣсенное богатство мужа. Она, какъ говорили мнѣ, не допускаетъ никого учиться у него, перенимать пѣсни и псальмы. Если какой лирникъ прійдетъ къ нимъ, она спроваживаетъ его, говоря:

— Адже-жъ ты бувъ у науці, такъ чого-жъ тобі тутъ треба учитьця?

Чѣмъ и какъ живетъ онъ?—Поля у него нѣтъ никакого, другой собственности также. Болѣе или менѣе значительныя подаянія отъ пановъ рѣдки. Между тѣмъ двумъ старикамъ надо пить-ѣсть, одѣваться и содержать маленькаго поводатаря, нужнаго имъ обоимъ. Поддерживаютъ его свои селяне, да кое что зарабатываетъ онъ на витьѣ веревокъ. Онъ почтителенъ и кротокъ со всѣми и пользуется уваженіемъ въ селѣ, что не всегда бываетъ съ нищими. Въ семьѣ Вербилы, мѣстнаго Креза и кажется кулака, живущаго въ большой просторной хатѣ, на краю села, „зъ приходу“, гдѣ я остановился, къ нему относятся уважительно и любятъ его. Вербило—бывшій прикащикъ, арендаторъ чьей-то земли, человѣкъ по мѣстнымъ понятіямъ очень богатый, имѣющій наймитовъ и наймичокъ... Но это черта почти общая: эти нищіе, убогіе люди, могикане исчезнувшаго, стараго строя жизни, какъ-то инстинктивно внушаютъ почтеніе къ себѣ въ народѣ, который какъ-бы чуетъ въ нихъ отблескъ чего-то высшаго. У самихъ кобзарей живетъ также это сознаніе и Братица не дѣлаетъ исключенія. Видя меня, записывающаго со словъ Павла цѣлый день, мои хозяева стали разспрашивать, для чего это мнѣ нужно?

— Для какой нибудь прахтыки? не то подозрительно, не то наивно допытывался длинный, рыжій Вербило.

— Та цімъ піснямъ більшъ двісті роківъ, отвѣчалъ за меня Павло. Та воно-жъ такъ колись люде на світі жили!..

Я совсѣмъ пораженъ былъ словами Братицы, что онъ знаетъ десять думъ и болѣе 50-ти псальмъ и пѣсень. (Въ сообщеніи г. Иващенко говорилось только о 29). Уже мнѣ мерещилась дума о Брюховецкомъ, которая была извѣстна черниговскимъ кобзарямъ, но нынѣ, кажется, окончательно затеряна. Объ одной эпохѣ Хмельницкаго Братица сказалъ пять думъ: „О молдавскомъ походѣ“ (Про городъ Сороку, какъ называлъ ее Павло), „О жидовскихъ откупахъ“, „О смерти Хмельницкаго и избранія Юрія гетманомъ“, „О Барабашѣ и Хмельницкомъ“ и „Про ляхівъ“ (О бѣлоцерковскомъ мирѣ). Хотя съ первыхъ строкъ всѣ онѣ показались мнѣ близкими къ печатнымъ текстамъ, но, не довѣряя своей памяти, и надѣясь встрѣтить что нибудь неизвѣстное, я записалъ ихъ всѣ. Велико было мое разочарованье, когда, провѣривши по сборникамъ, я убѣдился въ буквальномъ тожествѣ. Дѣло объяснилось очень просто. Братиця перенялъ отъ Бешка три думы („Озовськи браты“, „Барабашъ и Хмельницкій“ и „Козакъ Голота“). Таковъ былъ его репертуаръ при встрѣчѣ съ г. Иващенкомъ, записавшимъ отъ него эти думы. Впослѣдствіи, странствуя каждое лѣто въ Нѣжинъ, онъ попалъ въ передѣлку нѣкоему нѣжинскому обывателю, обладателю „Записокъ О Южной Руси“ и Сборника Метлинскаго. Этотъ послѣдній взялъ на себя роль кобзарскаго *майстра* и научилъ Павла еще четыремъ думамъ о временахъ Хмельницкаго по тексту Шута и кой чему изъ брошюрки о Вересаѣ. Съ тѣхъ поръ Братиця утверждаетъ, что онъ учился у Бешка *и у Шута* (жившаго въ Александровкѣ, въ 12 верстахъ отъ Мены). Можетъ быть это и такъ, но близость его текстовъ слишкомъ буквальна и могла быть сохранена только книжнымъ путемъ. На это обстоятельство указываетъ и то, что въ думѣ о смерти Хмельницкаго имя Выговскаго, по тексту Шута искаженное въ Луговскаго, исправлено на настоящее. Ученикъ не могъ быть болѣе свѣдущъ въ прошломъ, чѣмъ учитель.

Какъ-бы то ни было, но Братиця самъ создалъ себѣ эту легенду и, какъ случается иногда, кажется самъ въ нее увѣровалъ. Въ 52-мъ году, разсказываетъ онъ, въ Мену къ Бешку пріѣзжали

Кулишъ и Бѣлозерскій. Бешко зналъ пять думъ, учениковъ у него было до 30-ти. Записавши отъ Бешка, пріѣзжіе поѣхали къ Шуту. Послѣ того и молодые кобзари, въ числѣ которыхъ былъ и онъ, стали учиться у Шута. За давностью онъ многое перезабылъ. Такъ теперь паны, „спасибі имъ!"—ему напомнили по книгамъ.

Думу о Коновченкѣ выучилъ онъ отъ Шута или отъ „Охроміевского Левка", онъ не помнитъ. И она, за исключеніемъ двухъ-трехъ стиховъ, оказалась сходной съ текстомъ Метлинскаго. „Соколи" изучены съ помощью нѣжинскаго обывателя. „Це Остапова, ціеі Шутъ не знавъ!" говорилъ Павло, не думая скрывать источника своихъ свѣдѣній. Остальныя думы его были записаны раньше. Оставалось дѣлать розыски въ другихъ частяхъ его репертуара.

Изъ того небольшаго цикла пѣсень, которое занимаетъ среднее мѣсто между историческими и „божественными", я записалъ отъ него одну пьесу: третій разсказъ о Почаевскомъ чудѣ [1]). Онъ относится къ тому-же событію—чудесному избавленію монастыря отъ турецкой осады (1675 г.) и отецъ Золізоръ или Залізо, здѣсь упоминаемый, тотъ-же святой Іовъ. Написанный куплетами, съ причудливымъ сочетаніемъ риѳмы, разсказъ несомнѣнно того-же происхожденія, какъ и всѣ почаевскіе псальмы, сочинявшіеся монахами-базиліанами и печатавшіеся въ почаевскомъ „Богогласникѣ". Но отъ воздѣйствія-ли народа или отъ свойства самаго воспѣваемаго событія, онъ принялъ нѣкоторые черты величія. Въ „Каликахъ Перехожихъ" Безсонова, разсказъ напечатанъ по списку В. И. Даля. Нашъ варіантъ очень близокъ къ этому тексту, но въ немъ рельефнѣе мѣстное обличіе, утраченное въ Далевскомъ спискѣ. Вотъ самая пьеса, выученная Павломъ отъ слѣпца изъ Синявки, не кобзаря, а просто нищаго:

Псальма Почаевской Богоматери.

Пасли пастирі
Овці на горі,
А увиділи образъ
Матіръ Божу на скалі.

---

[1]) Два первые см. въ «Малор. Лит. Сборникѣ» 59 г. и въ собраніи г. Лисенка.

На той скалі ступни знати,
Де стояла Божая Мати,
Тамъ воду беруть
И всімъ вірнимъ дають.

А пречистая Діво Марія
Де у Почаеві пкона твоя?
Чудо твое надъ чудами
Издѣлалось надъ турками,—
Бо твоя сила
Ихъ побідила!

Зъ града зъ Збаража въ Почаївъ прийшли,
Много народа-христіянъ знайшли.
Начали оганятись,
Могли-бъ вони ихъ усіхъ достати,
Раду складають,
И всімъ сее змовляють.

А въ вівторокъ рано браму обняли,
Законнику изъ плічъ главу зняли.
Вінъ береть па руки,
Несеть свою главу,
Матери Божій даеть славу;
Предъ образъ впадае
И духъ свій воздае.

А въ манастырі плачуть-рыдають,
Руці подносять, крижемъ падають:
«Измилуйся, Діво-Мати,
Не дай-же намъ погибати
Въ безщастній долі,
У турківъ у неволі!»

За единъ бо день, у турецькой землі,
Ставъ въ Почаеві чернець у неволі,—
Матіръ Божу ублагають...
Уже хотіли ихъ розігнати
Зли бусурмляни—мухомедане,
А Матіръ Божа всімъ сее изъявила,—
Омохворомъ вірнихъ покрыла:
«Не бойтеся, христіяне,
Не возьмуть васъ бусурмляне

У свои руки
У тяжкиі муки!»
А Золізоръ передъ Маріею ставъ,
На повітрі всімъ видимою,
Просить: «пані Рахиля,
Не одпущай, бо то святыня,
Яко цариця
И владычиця!»

Турки съ татарами сміло ступають,
На гору стрілы якъ дощъ пускають,
И вгоняются всіхъ мечами,
И мають ще стрілы за плечами,
То ихъ-же стрілы
Та назадъ летіли!..

Крикнувъ на військо турецький Баша:
«Усі мы погибнемъ, бо недоля наша;
Назадъ стрілы усе вертають,
И насъ самихъ забивають,
Мы того чуда вікъ не виділи!»

Шо зъ того чуда всі дивувались,
Шо того чуда вікъ не виділи:
«Звать у неба Божая сила,
Полки войска наступили,
Насъ проганяють
И убивають!»

А у христіянъ турокъ питае:
«Шо то за пані у горі сяе?
И зъ нею військо все зъ мечами
Поступае услідъ за нами,
Не йдуть землею
Та все облаками?»

А христіяне имъ такъ сказали:
«Шо то Мати Божа стоить изъ ангелами,
Іі образъ у монастырі
Славенъ, чуденъ Божой силі!»
Которі знають,
Усімъ сее зъявляють.

Страхомъ великимъ усі закричали,
Матіръ Божую Божкомъ назвали:

«На повітрі стоить Божко,
Прийшло зъ нею війско,
Та недоля наша,
Уже забитъ и Баша!»

Зли бесурмляне зъ міста рушали,
Зъ коней падали, корка лишали,
Изъ Почаіва утікали,
Невольниківъ оставляли:
Бо Маріина сила
Страшна имъ была!

Мати Божая, можная царице!
Всі-жъ мы упадемъ предъ тобою на лице,
Пребудь изъ нами у той часъ смерти,
Не дай-же намъ у гріхахъ померти,
Яко царице,
Всімъ заступнице!

Не привожу здѣсь собственно псальмъ, записанныхъ отъ Братицы. Произведенія этого рода не имѣютъ у насъ до сихъ поръ особаго сборника и я отлагаю свой запасъ именно для него. Только при значительномъ ихъ собраніи, въ родѣ собраній великорусскихъ стиховъ Варенцова и Безсонова, возможны какіе нибудь выводы о ихъ характерѣ, складѣ, внесенныхъ исторіей и народнымъ духомъ оригинальныхъ чертахъ, степени воздѣйствія и заимствованія у сосѣднихъ народовъ и т. под. Издатель монументальныхъ „Каликъ Перехожихъ" г. Безсоновъ не любитъ малорусскихъ псальмъ и кантовъ. Ему не нравится ихъ усиліе въ немногихъ словахъ сказать многое, ни тѣ жарты, которые вноситъ въ нихъ малорусскій юморъ, ни постоянныя ихъ вторженія въ жизнь, доходящія до внесенія кантовъ въ праздничныя представленія въ дѣйствіяхъ и лицахъ, ни тѣсная связь ихъ съ народными праздничными пѣснями, въ родѣ Щедривокъ и Колядокъ [1]). Для насъ-же въ этой близости ихъ къ жизни, въ возможности прослѣдить связь съ жизнью старой школы, ихъ родоначальницы, интересъ и привлекательность этого рода произведеній...

---

[1]) См. предисловіе къ 4-му вып. «Каликъ-Перехожихъ».

„Онофрій“, „Іазарь“, „Двѣнадцать пятницъ“, „Варвара“, „Сынъ блудящій“, „Смотрися къ намъ смерте“, *проказаны*. А про Кирика не знаете? спрашиваю я Павла.—Хрінъ ихъ усі перезнае! — Хиба „Правду“ заспівать? Та іі не всі люблять! прибавляетъ онъ съ умѣшкой, играя словами. Его „Правда“ своеобразна и представляетъ черниговскій варіантъ этой замѣчательной пѣсни:

Шо тепера въ світі правды не зіськати,
А тая неправда звыкла правдовати. (2)
Теперъ святу правду підъ нозі потоптали,
А тую неправду медомъ-виномъ пановали.
Да теперъ-же свята правда да сидить у темниці,
А тая неправда зъ панами у світлиці.
Стоить правда у порога да слізно рыдае,
А тая неправда зъ панами пье-гуляе. (2)
Стоить правда у порога да тайненько сміетця,
А тая неправда за гроши беретьця. (2)
Хочеть правда царства, а неправда богатства! (2)
Шо хочеть правда та судомъ стати,
Шобъ святымъ хлібомъ-сілью панамъ судъ розсуждати. (2)
А неправда та хочеть, шобъ и суду не знати,
Абы срібромъ-злотомъ судьямъ очи засыпати.
Шо хочъ правда маленька—такъ вона важенька!..
Пішла правда нижче, а неправда повышче. (2)
Шо хочъ правда маленька, а неправда велика,—
Збавляе неправда усякого чоловіка. (2)
Ой, людей збавляе, а панівъ насыщае!..
Шо теперъ у въ правды та не міетця силы,—
Стережися отець-мати свого рідного сына!
Шо вже конець віка, а конець приближитьця,
Хоть рідного брата да теперъ стережися.
Остаються дітки, а безъ матери сирітки:
Немае имъ помочи а ни здесь, а ни відки. (2)
Шо горе баті и діточкамъ а безъ матери пробути:
Плачуть гірко рыдають, не можуть забути! (2)
Хто будеть на світі правду бережити,
Тому шлеть Богъ зъ неба довго въ світі прожити. (2)
А хто будеть на світі правду познавати,
Тому шлеть Богъ що въ Бога день благодати.
Самъ Господь Богъ правда, да погубить неправду,
Сокрушить гордыню, вознесе святыню!..

Репертуаръ „простацькихъ пісень“ у Павла великъ. Тутъ неизбѣжныя „Дворянка“, „Міщанка“, „Теща“, „Хома и Ярема“, „Чечітка“. Кромѣ того онъ поетъ чумацкія и бурлацкія пѣсни, какъ „Побратався сокілъ“, „Нема въ світі гіршъ никому“, „Чайка“, „Ишовъ чумакъ зъ Дону“ и т. д. Практика у него прежде была большая. „Я такъ привыкъ до бандуры, що безъ неі я наче и не чоловікъ“, говоритъ онъ. Эта двадцатиструнная бандура служитъ ему уже тридцать лѣтъ. Она сдѣлана въ Веркіевкѣ. Старосвѣтскіе столяры, умѣющіе дѣлать бандуры, попадаются до сихъ поръ. Такой столяръ есть напр. въ Макіевкѣ. Онъ сдѣлалъ недавно молодому кобзарю Прокопу Дубу (съ которымъ Братиця прежде ходилъ вмѣстѣ) новую бандуру. Дерево (вербина) Прокопа, за работу— рубль. Злополучный Дубъ недавно погорѣлъ и теперь „тиняется десь по світу“.

— А Овсій зъ Шняківки?

— Нема вже, умеръ!

— А Войцехъ, у Мені?

— То живый... Господи, всіхъ знають, усіхъ поснисували!

— Якоі-жъ мені вамъ ще проказать, говорилъ онъ грустно, коли вы всі знаете? Хиба оцю „пісенітницю?“ Це вже справді я на селі выучивъ, чоловікъ, Володька‘ зъ Дівиці, співавъ.

Это шутливая пѣсенька, мотивъ которой встрѣчается въ сборникахъ Головацкаго и Метлинскаго („Вдова“). У Братицы она законченнѣе и лучше. Когда онъ „проказывалъ“ ее, лицо его дышало удивительной добротой хорошаго дѣдушки...

А не знала удівонька, якъ у світі жить,
Да наняла ведмедика за плугомъ ходить,
А вовчика сіренького воливъ поганять,
А зайчика куценького передокъ водить,
А лисицю Горпиницю обідать варить.
Поступила ведмедику да горщокъ меду,
А вовчику сіренькому тому барана,
А зайчику куценькому тому качана,
А лисиці-Горпиниці курка печена...
Ведмедичокъ розсердився—плужокъ поламавъ,
А вовчикъ розсердився—волы розігнавъ,
А зайчикъ куценький тай догадався,
Въ зелену пшеничеиьку тай заховався

А лисиця-Горпиниця собі догадалася,
Въ зелену дібрівоньку заховалася.
Несе вдова обідати — поспішаетця,
Сидить зайчикъ на могилі усміхаетця.
— Бідна-жъ моя головонька вдовиная,
Що лежить моя нивонька неораная!..

Въ черниговской губерніи кобзарей особенно много въ сѣверныхъ уѣздахъ и они пользуются между собратьями особеннымъ авторитетомъ. Такъ гласитъ сборникъ Метлинскаго, вышедшій въ 1854 году. Съ тѣхъ поръ утекло много воды и сошло съ лица земли не мало стародавнихъ рапсодовъ. Въ Черниговѣ и его окрестностяхъ и теперь кобзари не рѣдки. Я встрѣтилъ одного на другой-же день по пріѣздѣ въ городъ и свелъ съ нимъ знакомство. Худой и высокій, въ постолахъ и яломкѣ, съ лицомъ блѣднымъ и скорбнымъ, съ своимъ крошечнымъ бѣлокурымъ поводыремъ, онъ могъ служить для художника интереснымъ типомъ кобзаря-древлянина. Для меня-же интересъ его былъ не великъ и всѣ пьесы его репертуара я могъ суфлировать ему самъ. Онъ самъ стѣснялся этимъ и, настроивъ бандуру, напѣвалъ „сільску пісеньку“:

На калину вітеръ віе —
Калина не сніе,
Парень дівку вірно любить,
Заняти не сміе...

На сѣверныхъ окраинахъ губерніи я не былъ, но кобзари, видѣнные мною въ окрестностяхъ Чернигова, принадлежатъ къ тому-же не интересному типу.

В. П. Горленко.

(Продолженіе будетъ).

ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ.[1]

5. МАРКОВИЧИ.

Марковичи выдвинулись въ ряды козацкой старшины вліяніемъ гетманши Настасьи Марковны Скоропадской. Родоначальникъ ихъ—Маркъ Аврамовичъ, по преданію, былъ выкрещенный еврей, поселившійся въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. въ Прилукѣ[2]). Здѣсь онъ женился на дочери богатаго мѣщанина Григорія Корнѣенка[3]) и скоро сталъ отцомъ значительнаго семейства. Средства къ жизни Маркъ Аврамовичъ добывалъ себѣ разными промыслами; но главнымъ изъ нихъ былъ промыселъ „арендарскій", заключавшійся въ торговлѣ водкою, право продажи которой до начала XVIII в. въ Малороссіи отдавалось на откупъ. Въ судебныхъ протоколахъ пирятинской ратуши за 1683 г. не разъ встрѣчается „панъ Маркъ Аврамовичъ обыватель прилуцкій, арандаръ пературинскій"[4]). „Арен-

---

[1]) См. «Кіевская Старина» на 1882 г., кн. 1, 3 и 8.

[2]) Архіепископъ Филаретъ ошибается (Опис. черниг. епарх., VII, 300) называя родоначальникомъ Марковичей—Марка Кимбару, владѣльца с. Березы, глуховскаго уѣзда. Кимбара умеръ въ 1669 г., оставивъ вдову Агафью Ефимовну, которая, постригшись въ монахини, въ 1671 г. устроила глуховскій преображенскій дѣвичій монастырь. Маркъ Аврамовичъ умеръ въ 1712 г.

[3]) Корнѣенко въ 1685 г. былъ прилуцкимъ войтомъ и затѣмъ сталъ писаться уже не Корнѣенкомъ, а Огроновичемъ; впослѣдствіи онъ переписалъ сыновей изъ мѣщанъ въ козаки и старшій изъ нихъ—Михайло Огроновичъ былъ при Скоропадскомъ прилуцкимъ полковымъ обозным. Отъ него и пошли настоящіе дворяне Огроновичи.

[4]) Книга протоколовъ пирятинскаго ратушнаго суда, за 1683—1729 гг., рукопись библіотеки коллегіи Павла Галагана.

дарскій“ промыселъ считался очень выгоднымъ и имъ не брезгала иногда и козацкая старшина меньшихъ ранговъ. Вѣроятно этимъ промысломъ Маркъ Аврамовичъ и нажилъ преимущественно тѣ достатки, которые дали ему возможность повыдавать дочерей въ замужество большею частью за людей очень замѣтныхъ въ тогдашнемъ малороссійскомъ обществѣ. Славившаяся красотою дочь Настасья выдана была за генеральнаго бунчучнаго Константина Голуба, шурина гетмана Самойловича; другая, Ирина—за Степана Миклашевскаго, сына стародубскаго полковника; только одна дочь Марка Аврамовича выдана была за бѣдняка—Андрея Кондзеровскаго. Браками своихъ дочерей Маркъ Аврамовичъ сталъ извѣстнымъ въ Малороссіи человѣкомъ. Но сыновья его оставались все таки въ „поспольствѣ“. Окончательно измѣнилась судьба этой семьи, когда Настасья Марковна, овдовѣвъ и выйдя во второй разъ замужъ за Скоропадскаго, въ ноябрѣ 1708 г., стала гетманшей. Зять—гетманъ немедленно надѣлилъ тестя маетностями, давъ ему въ прилуцкомъ полку два села: Великую и Малую Дѣвицы, въ которыхъ и дожилъ свой вѣкъ Маркъ Аврамовичъ. Умеръ онъ въ 1712 г. Сохранилось интересное письмо Скоропадскаго о смерти тестя, писанное къ старшему сыну послѣдняго—Андрею, которое и приводимъ здѣсь: „Мы желали долгой жизни милому пану нашему, и надѣялись, что приключившаяся ему болѣзнь не будетъ смертельною; но неизбѣжный всѣхъ живущихъ рокъ рѣшилъ, чтобы долгъ смерти былъ заплаченъ, и да будетъ въ томъ воля Божья! Считаемъ васъ счастливымъ, что хотя при концѣ жизни застали вы пана родича, а мы очень сожалѣемъ, особенно Настуся—вѣчную жалость будетъ имѣть на сердцѣ, что не могли получить послѣдняго изъ живихъ устъ отца благословенія. И теперь она не можетъ ѣхать, чтобы отдать послѣдній свой долгъ и присутствовать при похоронахъ; а потому на васъ, съ друми вашими братьями и сестрами, возлагаемъ обязанности совершенія похоронпаго обряда, не задерживая онаго, если тѣло поставлено будетъ и въ склепѣ, такъ какъ покойникъ умеръ неизболѣлый и тѣло его будетъ повреждено при перевозѣ въ монастырь (Густынскій). А послѣ похоронъ можете остаться тамъ, сколько вамъ будетъ нужно. Мы же, за нашими занятіями, прибыть на похороны не можемъ; но о вѣчномъ упокоеніи, идѣже правед-

ныхъ дуси, милаго родича, позаботимся, чтобы и здѣсь по церквамъ, были установлены молитвы и жертва о душѣ его[1])".

Кромѣ дочерей, Маркъ Аврамовичъ оставилъ кажется пять сыновей, изъ которыхъ только старшій — Андрей имѣлъ въ это время урядъ глуховскаго сотника; младшіе же пока не имѣли никакихъ урядовъ. Сыновья поспѣшили подѣлить отцовское наслѣдство, причемъ обдѣлили младшаго брата — Федора, который жилъ при отцѣ и на которомъ подслѣдній сосредоточивалъ особенныя свои заботы. Маркъ Аврамовичъ высваталъ Федору дочь переяславскаго полковника Томары, обѣщавъ свату—все свое имѣніе отдать младшему сыну, причемъ обѣщаніе свое свидѣтельствовалъ публично предъ прилуцкимъ полковникомъ Носомъ и протопопомъ Магеровскимъ. Такъ разсказываетъ объ этомъ Федоръ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, продолжая затѣмъ, что когда умеръ отецъ, то братья и сестры не исполнили отцовскаго завѣта и все имѣніе раздѣлили поровну, а „деньги пани гетманова Скоропадская всѣ забрала на Кондзеровскую, оставивъ ему, Федору, „на господарство" всего семь копъ. Особенно жалуется Федоръ на старшаго брата, Андрея, который пользуясь своимъ старшинствомъ и вѣроятно, поддержкою сестры-гетманши, забралъ все, что было получше, себѣ.

Андрей Марковичъ, старшій изъ сыновей Марка Аврамовича, пользовался при Скоропадскомъ большимъ значеніемъ, пользуясь которымъ нажилъ такія маетности, что родъ его уже въ половинѣ XVIII в. сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ въ Малороссіи. Начальное свое благосостояніе Андрей Марковичъ думалъ устроить женитьбою на дочери кролевецкаго сотника Маковскаго, который пользовался особенною пріязнью Мазепы, крестившаго, между прочимъ, у Маковскаго дѣтей. Но прежде, чѣмъ Марковичъ могъ воспользоваться вліяніемъ тестя, судьба поставила его въ такое положеніе, о которомъ онъ конечно и не мечталъ: булава измѣнившаго Мазепы досталась Скоропадскому, которымъ всецѣло заправляла его жена— родная сестра Марковича. Впрочемъ нужно отдать справедливость и личной ловкости Марковича: какъ только пронеслась въ Малороссіи вѣсть о томъ, что Мазепа передался Карлу, Марковичъ,

---

[1]) Украинскій журналъ 1824 г., № 21, 130—132.

жившій въ это время при тестѣ, въ Кролевцѣ, немедленно поспѣшилъ къ Меншикову, шедшему для взятія Батурина. За эту „вѣрность“ награда дана была немедленно: Марковичъ пожалованъ былъ сотникомъ въ Глуховъ, тогда-же назначенный быть новою резиденціею новаго гетмана. А затѣмъ Марковича царь послалъ въ Царьградъ съ своими письмами къ тамошнему русскому послу; не смотря на трудный проѣздъ въ Турцію, порученіе это Марковичъ исполнилъ исправно. Отличіе шурина дало возможность Скоропадскому наградить его первою маетностью; въ январѣ 1709 г. Марковичу дано было сосницкое село Шабалиновъ, которое черезъ годъ утверждено было и царскою грамотою: „наше царское величество пожаловали глуховскаго сотника Андрея Марковича, велѣли ему дать... грамоту на мельницы подъ г. Кролевцомъ, прозываемыя Дулины, да на село Шабалиновъ, для того, что служитъ онъ многіе годы во всякой вѣрности и, во время измѣны вора и измѣнника Мазепы, ни къ какимъ его воровскимъ умысламъ не приставалъ, а былъ всегда при нашихъ войскахъ противъ непріятелей нашихъ вѣрно и радѣтельно, и во время взятія Батурина на приступѣ былъ-же; за ту его службу пожалованъ глуховскимъ сотникомъ“ [1]). Но сотничій урядъ конечно не удовлетворялъ Марковича; гетманъ съ своей стороны готовъ былъ все сдѣлать для шурина, который былъ любимымъ братомъ его жены; но затрудненіе заключалось въ томъ, что Скоропадскій не пользовался властью своихъ предшественниковъ: полковничьи уряды перестали зависѣть отъ власти гетмана, такъ какъ Петръ Великій, послѣ измѣны Мазепы, сталъ замѣщать эти должности по своему личному усмотрѣнію. Приходилось, значитъ, самому гетману искать предстательства у приближенныхъ царя, которыхъ для этого Скоропадскій не упускалъ задобривать „маетностями“. Въ это время Скоропадскому уже удалось разъ выхлопотать полковничій урядъ для Черныша, который былъ женатъ на дочери его жены отъ перваго брака съ Голубомъ. Сталъ хлопотать гетманъ и за Марковича, чтобъ доставить ему лубенскій перначъ; хотя хлопоты эти были и не трудные, потому что дѣло шло о человѣкѣ, засвидѣтельствовавшемъ свою „вѣрность“ въ самое смутное время, но тѣмъ не менѣе хлопоты длились нѣсколько лѣтъ.

---

[1]) Арх. генер. канц., № 2523.

А между тѣмъ Марковичъ наживалъ себѣ богатства полученіемъ отъ гетмана болѣе, или менѣе цѣнныхъ маетностей. Пока добился онъ полковничества, Скоропадскій, кромѣ Шабалинова, далъ Марковичу: въ октябрѣ 1709 г.—греблю у с. Каменя, въ апрѣлѣ 1711 г.—с. Евдоконье въ стародубскомъ полку и въ іюнѣ 1713 г.—с. Токари и хуторъ на р. Артополоти. Наконецъ получено было и полковничество; въ универсалѣ Скоропадскаго 1714 г., читаемъ: „лубенскій полковникъ п. Василій Савичъ, прибывъ въ Глуховъ, сложилъ съ себя урядъ полковничества по слабости здоровья и на мѣсто его, по монаршему благоволенію, назначенъ п. Андрей Марковичъ, швагеръ нашъ, при чемъ и полковая старшина, съ рядовымъ товариствомъ, прибывшіе въ Глуховъ, также просили о немъ, швагрѣ нашемъ; и мы, гетманъ, исполняя монаршее повелѣніе и снисходя при томъ на общее всѣмъ полчанъ тамошнихъ прошеніе, вручили ему п. Андрею Марковичу тотъ урядъ полковничества лубенскаго" [1])... Въ этомъ универсалѣ интересно упоминаніе, что будто и лубенская старшина просила гетмана о назначеніи Марковича полковникомъ; но если и просила, то есть полное основаніе сомнѣваться въ искренности такой просьбы: не любили козаки, когда въ полковники къ нимъ попадалъ чужой человѣкъ, не имѣвшій своего тамъ хозяйства; знали они, что станетъ онъ наживать себѣ хозяйство на ихъ счетъ. Такъ оно сталось и съ Марковичемъ, который за тринадцатилѣтнее свое управленіе лубенскимъ полкомъ, нажилъ себѣ богатыя маетности; а маетности полковникъ наживалъ въ то время исключительно почти насиліемъ, которыя преслѣдовались въ исключительныхъ лишь случаяхъ; а Марковичъ этихъ преслѣдованій и совсѣмъ не боялся, имѣя защитницею свою сестру—гетманшу, которая, пользуясь безличіемъ мужа, заправляла Малороссіею, насколько оставлено было еще въ то время власти гетману. Впрочемъ лубенская старшина, потерпѣвъ четыре года, рѣшилась было въ 1718 г. заявить свой протестъ противъ насилій полковника, „но когда о томъ Марковичъ провѣдалъ и объявилъ гетману, заразъ помянутую старшину, вмѣнивши за бунтовщиковъ, съ походу отъ службы, завернено и предано за крѣпкій караулъ Ѳеодору Протасьеву, потомъ нещадно бито кіями, и уряды, такожъ и мает-

[1]) Дневн. записки Як. Марковича, I, 449.

ности у нихъ поотбирано съ крайнимъ прочаго имѣнія разореніемъ“ [1]). И пришлось лубенцамъ терпѣть; не только пока живъ былъ Скоропадскій, но и послѣ его смерти не было надежды освободиться отъ Марковича; овдовѣвшая гетманша не потеряла значенія, пользуясь, какъ свойствомъ съ Толстыми [2]), такъ и пріязнью Вельяминова, тогдашняго правителя Малороссіи. Но съ паденіемъ Толстыхъ, рушилось значеніе гетманши, тѣмъ болѣе, что Меншиковъ считалъ Толстыхъ въ числѣ своихъ враговъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1727 г. отставленъ былъ Толстой (зять Скоропадскаго) отъ уряда нѣжинскаго полковничества, а въ іюлѣ стали въ Глуховѣ уже поговаривать, что не сдобровать и Марковичу [3]). Дѣйствительно, пріѣхавшій въ Глуховъ, осенью 1727 г., Наумовъ, привезъ съ собою и указъ объ увольненіи Марковича отъ полковничества. Указъ объ отставкѣ Марковича состоялся въ верховномъ совѣтѣ 24 іюня 1727 г., но его придержали въ Москвѣ до посылки въ Глуховъ сенатора Наумова, ѣхавшаго въ Малороссію для подготовленія старшины къ избранію въ гетманы Апостола [4]). Отставка Марковича рѣшена была всемогущимъ въ то время Меншиковымъ, случайно вспомнившемъ о братѣ Скоропадской, которая за свойство съ Толстыми попала въ немилость временщика. При назначеніи Наумова министромъ Малороссіи, для него составлена была въ иностранной коллегіи инструкція, которую предварительно поднесли Меншикову на просмотръ; и—его свѣтлость, въ секретныхъ пунктахъ о выборѣ въ сотники и другіе чины добрыхъ людей, дополнить велѣлъ: „кромѣ жидовъ“; при томъ-же разсуждать изволилъ, что полковникъ лубенскій, шуринъ гетмана Скоропадскаго—изъ жидовъ и много отъ него народу въ полку его тягости, такъ лучше его—отставить“ [5]).

Такъ случайно, рѣшена была отставка Марковича, о „тягостяхъ“ котораго для полчанъ Меншиковъ, какъ видно, давно уже зналъ. Можетъ быть впрочемъ, что отставкою Марковича Меншиковъ

---

[1]) Русск. Арх. 1864 г., 494.

[2]) Сынъ Петра Андреевича Толстого, извѣстнаго сподвижника Петра Великаго, былъ женатъ на дочери Скоропадскаго, отъ втораго его брака съ Настасьей Марковной.

[3]) Зап. Марк. I, 231.

[4]) Архивъ пр. сената, Баранова, т. I, №№ 2352 и 2460.

[5]) Соловьевъ, XIX, 131.

хотѣлъ сдѣлать любезность будущему гетману Апостолу, вражда котораго противъ вдовы Скоропадскаго была извѣстна и въ Москвѣ.

Въ указѣ верховнаго совѣта было сказано: „отлучить отъ полка полковника лубенскаго Андрея Марковича и освидѣтельствовать о поступкахъ его въ бытность его при томъ полку и о тягостяхъ тому полку отъ него бывшихъ". Къ этому указу Наумовъ присоединилъ и свой—„дабы всякъ на Марковича жалобы за обиды, имъ оказанныя, заносилъ, не посягая и не закрывая" [1]). Жалобщиковъ явилось множество; во главѣ ихъ стояла лубенская старшина, которая не могла не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ для мести противъ полковника и подала Наумову пространное описаніе своихъ обидъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ образованъ лубенскій полкъ, говорилось въ этой жалобѣ, на чинъ полковничій выбирались вольными голосами, люди достойные изъ своихъ полчанъ и никогда отъ нихъ не было народу отягощенія; а когда промоторствомъ гетмана Скоропадскаго произведенъ въ чинъ лубенскаго полковничества чужой человѣкъ, шуринъ гетмана, Андрей Марковичъ, тогда не только нынѣшнихъ временъ никѣмъ не слыханныя, но и за державы лядской (польской) и за жидовскаго тогдашняго арендаторства едва-ли творились таковыя тягости, налоги и обиды, какія чинились отъ него Марковича въ полку всему народу, который отъ того обнищалъ и разоренъ, а Марковичъ за недолгое время обогатился!" Затѣмъ лубенская старшина переписала по пунктамъ всѣ тягости, которыя чинилъ Марковичъ своимъ полчанамъ. Наиболѣе характерные пункты были слѣдующіе:

Когда Марковичъ наѣхалъ въ полкъ и сталъ устраивать себѣ хутора, мельницы и фольварки, то, не довольствуясь опредѣленными на чинъ полковника и другими, прежде чина того отъ Скоропадскаго полученными, маетностями, принуждалъ всего полку людей, какъ козаковъ, такъ и посполитыхъ, исполнять свои частныя работы, причемъ для него гатили плотины (гдѣ были водяныя мельницы), возили дерево на разныя постройки, пахали землю козачьими плугами, косили сѣно и жали хлѣбъ.

А грунты, на которыхъ Марковичъ устраивалъ мельницы, хутора и фольварки, все чужіе; нѣкоторые изъ нихъ хотя и были

---

[1]) Зап. Марк., I, 242.

куплены, но—или насильною куплею или подложными способами, а многіе и просто были отняты у хозяевъ.

Купцамъ, которые воловъ гоняли въ Силезію для продажи, Марковичъ насильно раздавалъ свои волы плохіе, а бралъ за нихъ цѣну, какъ за самихъ лучшихъ.

За малые и большіе проступки полчанъ Марковичъ обтяжалъ ихъ безмѣрными взятками, хотя самъ почти никогда и не судилъ тѣхъ проступковъ, сдавая весь судъ на старшину, которой и правленіе полковое поручилъ, такъ какъ самъ постоянно занятъ былъ своими домашними дѣлами и разъѣздами по хуторамъ и маетностямъ.

А когда отлучался изъ полка въ походы, на свое мѣсто наказнымъ полковникомъ ставилъ сына своего Якова, а на мѣсто отлучившихся въ походы сотниковъ, ставилъ наказными своихъ слугъ. А тотъ сынъ и тѣ люди многія обиды чинили людямъ, отнятіемъ грунтовъ и другими взятками.

Не довольствуясь маетностями, опредѣленными на чинъ полковника и другими полученными прежде отъ гетмана, Марковичъ завладѣлъ частью г. Ромна, называемою Засулье, выпросивъ универсалъ на Засулье, какъ на село, а не какъ на часть Ромна; а Засулье—не село, но роменскіе фольварки. А сверхъ того Марковичъ завладѣлъ въ своемъ полку селами: Мойсеевкой, Нарожьемъ и Кулажницами, безъ универсала гетманскаго и безъ грамоты монаршей.

Да и сынъ его Яковъ, кромѣ Сухоносовки, полученной отъ гетмана свойства ради, завладѣлъ и другимъ селомъ Перервинцами, которое село Андрей Марковичъ отдалъ сначала, по своей полковничьей власти, брату своему Ивану, а послѣ смерти его Перервинцами завладѣлъ Яковъ[1]).

Въ жалобѣ полковой старшины сообщались общія черты насилій Марковича. Подробности описаны были въ частныхъ жалобахъ, которыхъ множество было подано Наумову. Тулиголовскій попъ Петръ Вышинскій жаловался, что Марковичъ отнялъ у него хуторъ, мельницы и лѣса; стародубскій значковый товарищъ Улѣзко жаловался, что у него отнято было гетманомъ село Евдоканье, для того чтобъ отдать Марковичу; лубенскій обозный Па-

---

[1]) Русск. Арх. 864 г., 493—505.

велъ Мартосъ жаловался, что у него Марковичъ отнялъ много грунтовъ и вообще чинилъ ему многіе обиды и т. д. и т. д. [1]).

Марковичу приходилось плохо, тѣмъ болѣе, что новый гетманъ радъ былъ случаю выместить на немъ ту злобу, которую онъ издавна питалъ къ его сестрѣ-гетманшѣ, отнявшей лучшія маетности у зятя его Горленка, для Гамалѣевскаго монастыря [2]).—И сталъ кланяться Марковичъ Наумову, а сынъ его Яковъ и сестра Скоропадская стали захаживать около людей, близкихъ къ Апостолу. Былъ у нихъ въ это время человѣкъ, который могъ оказать помощь—Михайло Скоропадскій, зять Апостола и большой другъ на словахъ Якова Марковича; но и его заступничество приходилось пріобрѣтать тѣми же подарками, на которые Марковичи потратились не мало [3]).

Два мѣсяца, октябрь и ноябрь, хлопотали Марковичи, съ какой бы стороны подойти къ Наумову, и наконецъ, кажется, подошли. 18-го ноября въ запискахъ Якова Марковича отмѣчено, что у министра (Наумова) состоялось опредѣленіе: „челобитныхъ на родителя изъ другихъ полковъ, кромѣ лубенскаго, *не принимать* въ канцеляріи министра и новоучрежденному суду (въ Глуховѣ) по онымъ не слѣдовать". А 26-го ноября, записано, „были съ родителемъ рано у министра и простились съ нимъ. Онъ сказывалъ о секретарѣ сенатскомъ, что онъ свѣдомъ"... Фраза осталась недоговоренною, но ясно, что Наумовъ указалъ на какого то секретаря въ Москвѣ, у котораго можно было найти помощь. Марковичи рѣшили ѣхать въ Москву и тамъ хлопотать, а Наумовъ съ своей стороны обѣщалъ, видно, не мѣшать. Поѣхалъ сначала сынъ—Яковъ, человѣкъ, уже искусившійся въ искательствахъ по Москвѣ и знавшій, къ кому и какъ подойти. Поѣхалъ онъ изъ Глухова не прямо на Москву, а сначала заѣхалъ въ харьковское село Тростянецъ, гдѣ жила семья Тимофея Надаржинскаго, бывшаго духовникомъ Петра Великаго и новаго государя Петра II. Здѣсь надо было заручитсся письмомъ къ Надаржинскому, жившему въ Москвѣ. 1 января 1728 г. Яковъ Марковичъ пріѣхалъ въ Москву и остановился на

---

[1]) Арх. Генер. Канц. № 3938.

[2]) См. Русск. Арх. 1875, I, 255.

[3]) Зап. Марк., I, 249.

квартирѣ у Надаржинскаго. Прежде всѣхъ молодой Марковичъ поспѣшилъ *поклониться* Петру Васильевичу Курбатову, совѣтнику коллегіи иностранныхъ дѣлъ, вѣдавшей малороссійскія дѣла [1]); это былъ общій ходатай всѣхъ малороссіянъ, пріѣзжавшихъ въ Москву хлопотать о царскихъ грамотахъ на тѣ маетности, которыя такъ легко добывались отъ гетмановъ, но которыя затѣмъ не легко было укрѣплять грамотами. 4-го января записано въ дневникѣ Марковича, что „былъ у Курбатова съ письмомъ отъ родителя и тетки (Скоропадской), а въ письмахъ вложено было тридцать червоныхъ...“ Послѣ Курбатова Марковичъ началъ, изо дня въ день, разносить письма и отъ родителя и отъ тетки; такъ—9-го января былъ у графа Головкина и письма отъ родителя и тетки отдалъ; 10-го былъ у Артемія Петровича Волынскаго; 11-го былъ снова у Курбатова и получилъ письмо гр. Головкина къ Наумову, „чтобъ надъ указъ трудностей родителю не чинить“. 13-го былъ у священника Ново-дѣвичьяго монастыря о. Василія, гдѣ встрѣтился съ карликомъ царицы, „съ которымъ братство завзяли и въ знакъ любви подарилъ ему пять червонныхъ“. 15-го былъ у Ѳ. М. Апраксина и письма отъ тетки и родителя отдалъ. 16-го былъ у кн. Д. М. Голицына и письма отъ тѣхъ же отдалъ. 17-го былъ у Стефанова [2]) и письма отъ тетки и родителя отдалъ, приложивши сорокъ червонныхъ 18-го, отнесъ письма къ князю М. М. Голицыну; 6-го февраля—Остерману; 8-го—князю Александру Григорьевичу Долгорукову. 9-го пріѣхалъ въ Москву самъ Андрей Марковичъ, вмѣстѣ съ сестрою Скоропадскою. Вслѣдъ за ними, 19-го февраля, пріѣхалъ въ Москву и Апостолъ съ Наумовымъ. На другой день Марковичи ѣздили поклониться гетману; „а онъ и не посмотрѣлъ“. Визитъ къ Наумову былъ удачнѣе; онъ Марковичей „изрядно подчивалъ“. Въ маѣ мѣсяцѣ началось слѣдствіе по жалобамъ на Марковича, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Вызвана была въ Москву и лубенская полковая старшина для уликъ бывшаго полковника. Допросъ Марковичу производилъ ас-

---

[1]) Арх. Сената, Баранова, II, № 2351.

[2]) Василій Петровичъ Степановъ, членъ иностранной коллегіи, тайный совѣтникъ и, какъ видно, дѣлецъ своего времени. Послѣ паденія Меншикова, ему поручено было разобрать его переписку. Опись Баранова II, № 1639. 2728 и др.

сесоръ коллегіи Ивановъ, къ которому Яковъ Марковичъ не разъ заѣзжалъ на домъ. Два мѣсяца тянулись допросы Марковича, при которыхъ присутствовала и лубенская старшина, поддерживавшая обвиненіе противъ бывшаго своего полковника. 8 іюня слѣдствіе кончилось и затѣмъ нужно было ждать суда. Но задобренная иностранная коллегія судомъ не спѣшила; Андрей Марковичъ продолжалъ оставаться въ Москвѣ и къ концу года сталъ уже подавать министрамъ сочиняемыя сыномъ прошенія о *своихъ обидахъ и нуждахъ*.

Насталъ 1729 годъ. 3 января состоялось постановленіе Верховнаго Совѣта о назначеніи генеральной старшины, въ замѣнъ той, которую полковники намѣтили при избраніи Апостола [1]). Повидимому и Андрей Марковичъ хлопоталъ попасть въ число послѣдней, такъ какъ ему предложено было мѣсто подскарбія. Должность генеральнаго подскарбія (вѣдавшаго войсковые сборы) учреждена была Брюховецкимъ, который поставилъ подскарбіемъ Романа Ракушку, принявшагося было въ 1665 г. описывать войсковыя имущества для правильнаго взиманія съ нихъ доходовъ; но Брюховецкій исчезъ, Ракушка пошолъ въ попы, и должность подскарбія оказазалась лишнею, мѣшавшею и гетману, и полковникамъ распоряжаться общественною казною. Не знаемъ, кто вспомнилъ въ 1729 г. о подскарбіяхъ; быть можетъ Степанъ Лукичъ Вельяминовъ, бывшій президентъ малороссійской коллегіи, тщетно старавшійся установить какіе нибудь порядки въ сборѣ и расходованіи „войскового скарба". Въ іюлѣ 1727 г. Вельяминовъ былъ вызванъ въ Москву со всѣми приходорасходными книгами о малороссійскихъ доходахъ, которыя въ декабрѣ того же года переданы были на разсмотрѣніе иностранной коллегіи [2]). Видно было, что правительство обратило вниманіе на „войсковой скарбъ" и хотѣло продолжать начинанія Вельяминова.

Андрей Марковичъ отказывался отъ должности, которая обѣщала ему въ будущемъ не власть и значеніе, какъ другимъ генеральнымъ урядникамъ, а копотливую работу надъ цифрами и неудовольствіе со стороны гетмана и полковниковъ, которые за то и

---

[1]) Зап. Марк., I, 246.

[2]) Арх. Сената, Баранова, II, №№ 2445 и 2757.

ненавидѣли Вельяминова, что онъ началъ было учитывать войсковой скарбъ. Но графъ Головкинъ рѣшилъ уже, что подскарбіемъ будетъ Марковичъ и спорить противъ этого рѣшенія нельзя было.

Новое назначеніе Марковича не осталось конечно безъ вліянія на благополучный исходъ дѣла его съ лубенскими полчанами. Въ запискахъ Якова Марковича отмѣчено, что 8 марта (1729 г.) „слушано у графа (Головкина) дѣло родителя съ полчанами", а 27 марта дѣло наконецъ было рѣшено; рѣшеніе состояло изъ восьми пунктовъ, изъ которыхъ по шести пунктамъ найдено нужнымъ собрать дополнительныя свѣдѣнія и рѣшеніе постановить впослѣдствіи, а по двумъ пунктамъ состоялось рѣшеніе категорическое: 1) Засулье отъ Марковича отобрать и 2) о тягостяхъ, полчанамъ чинившимся въ работахъ и поборахъ, буде оное было, то поелику по сказкамъ старшинскимъ происходило то прежде запретительнаго указа[1]), *того ради сіе оставляется*[2]). Такимъ образомъ за всѣ „тягости", которыя лубенскіе полчане терпѣли впродолженіи тринадцати лѣтъ, у Марковича отобрано было одно только Засулье, посполитое населеніе котораго, входя въ составъ города, должно было отбывать городскія повинности и никакъ не могло попасть въ подданство частному человѣку; по крайней мѣрѣ такъ было въ началѣ XVII в.; позже старшина стала безнаказанно захватывать въ свое подданство и городское населеніе.

Добившись такого счастливаго рѣшенія, Марковичъ началъ пробовать, нельзя-ли ужъ отстоять и Засулье, тѣмъ болѣе, что траты на рѣшеніе сдѣланы были, повидимому, большія. 3-го мая Марковичъ узналъ о рѣшеніи 27 марта, а на другой день онъ съ сыномъ ѣздилъ къ Головкину „просить замѣны за село Засулье, и ничего не получили". 11-го мая о томъ-же подана просьба Остерману, а 15-го повторена просьба Головкину, на письмѣ. Въ концѣ мая Марковичи выѣхали наконецъ изъ Москвы. Полуторагодичныя хлопоты, благодаря умѣнью и средствамъ Марковичей, не пропали даромъ. Между тѣмъ, вѣсть о такомъ благополучномъ исходѣ для Марковичей ихъ дѣла, достигла уже до Малороссіи; несправедли-

---

[1]) Здѣсь разумѣется вѣрояно одинъ изъ указовъ, изданныхъ въ 1722—24 гг., предписывавшихъ старшинѣ не обижать народа.

[2]) Записки Марковича, I, 315.

вость рѣшенія, по которому за свои насилія Марковичъ былъ не прощенъ, а просто отъ суда освобожденъ, на основаніи канцелярскихъ ухищреній, возбудила ужасное негодованіе у лубенской старшины, которою руководилъ обозный Мартосъ, самъ натерпѣвшійся отъ Марковича едва-ли не больше всѣхъ. Убѣдившись въ невозможности добиться правосудія, „Мартосъ согласился съ значковыми (козаками) лубенскаго полка какимъ-либо образомъ убить Марковича, не допуская его до Глухова[1])". Объ этомъ замыслѣ прослыхалъ главный экономъ Андрея Марковича—Кучарскій и послалъ въ Москву нарочнаго предупредить своего пана о грозящей бѣдѣ. Однакожъ угрозы Мартоса кончились ничѣмъ и Марковичи благополучно вернулись въ Глуховъ.

Доставшійся Марковичу урядъ генеральнаго подскарбія не получилъ того значенія, которое разумѣлъ Головкинъ, возобновляя эту должность. Вновь поставленный гетманъ Апостолъ былъ слишкомъ старъ, чтобы допустить въ „Войскѣ" такой небывалый порядокъ, какъ учетъ войсковыхъ доходовъ. Правившіе Малороссіей, послѣ Апостола, русскіе генералы тоже не находили удобнымъ для себя измѣнять старый порядокъ непосредственнаго завѣдыванія „войсковымъ скарбомъ". Поэтому должность генеральнаго подскарбія осталась безъ всякаго значенія: одинадцать лѣтъ занималъ эту должность Андрей Марковичъ, не имѣя повидимому никакого отношенія къ тому скарбу, хранителемъ котораго онъ предназначался. Пока живъ былъ Апостолъ, Марковичу нечего было и думать получить какое-либо значеніе въ войсковомъ управленіи, къ которому не могла его допустить старая вражда преемника Скоропадскаго ко всѣмъ родичамъ Настасьи Марковны. Но когда Апостола замѣнили „правители"—русскіе генералы, Марковичъ допущенъ былъ къ участію въ дѣлахъ генеральной канцеляріи; впрочемъ участіе это ограничивалось только тѣмъ, что на постановленіяхъ генеральной канцеляріи, Марковичъ „прикладывалъ", въ числѣ прочихъ, и свою руку.

Оставаясь членомъ генеральной канцеляріи, Марковичъ своею угодливостью успѣлъ сохранить съ „правителями" самыя лучшія отношенія, при помощи которыхъ онъ выхлопоталъ себѣ въ 1735 г. возвращеніе села Засулья, которое отобрано было у него въ

---

[1]) Марковичъ, I, 323.

1729 г., какъ неправильно отдѣленное Скоропадскимъ отъ г. Ромна. Несложныя обязанности Марковича на урядѣ генеральнаго подскарбія продолжались до 1740 г., когда за старостью онъ былъ уволенъ отъ службы, причемъ получилъ „въ отставку“ чинъ генеральнаго обознаго[1]). Послѣ отставки Марковичъ проживалъ большею частью въ купленной у Галецкаго слободѣ Погарщинѣ (теперь село гадяцкаго уѣзда). Здѣсь онъ написалъ свое духовное завѣщаніе „для пресѣченія обыкшихъ по кончинѣ людской между наслѣдниками за суетныя имѣнія бывати мятежей, распрь и несогласій“. Распредѣливъ имѣніе свое между наслѣдниками, Марковичъ увѣщевалъ послѣднихъ „подъ неблагословеніемъ“, чтобы они „въ своихъ партикулярныхъ ссорахъ въ суда градскіе не удавались, но самимъ обще между собою оныя ссоры успокоевали. Будежъ-бы сами собою не могли успокоевати, то къ тому-жъ просить пріятелей и другихъ добрыхъ людей для прекращенія; о семъ самимъ живымъ Богомъ увѣщеваю, подъ неблагословеніемъ сгожъ Божіимъ, ибо тѣмъ самимъ всемилосерднаго Господа Бога прогнѣваемъ и сами въ крайнее разореніе приходимъ“. Изъ шести своихъ сыновей Андрей Марковичъ пережилъ троихъ—Андрея, Семена и Луку, послѣ которыхъ остались впрочемъ дѣти. По числу всѣхъ сыновей Марковичъ раздѣлилъ свои имѣнія на шесть частей: 1) старшему сыну Якову—с. Евдоконье и земли около Кролевца; 2) внуку Ивану, сыну Андрея—сосницкое село Шабалиновъ, хуторъ около села Курени (конотопскаго уѣзда) и мельницы на р. Убеди; 3) дѣтямъ Семена села Короваи и Кулажинцы, хутора—Ангелевскій, Хоружовщину, Шепеховскій, Сухооржицкій и Глубоярскій и разныя мельницы; 4) четвертому сыну Марку—село Засулье и хуторъ Коцупѣевскій; 5) младшему сыну Ивану—село Токари, слободу Погарщину и хутора Артополотскій и Поповщину. На шестую часть—дочери умершаго сына Луки даны были мелкіе земельные участки.

Распорядивъ свои имѣнія и доживъ до глубокой старости (родился онъ около 1674 г.), Андрей Марковичъ умеръ въ январѣ 1747 года.

---

[1]) Сколько мы знаемъ, это былъ первый примѣръ пожалованія чина «въ отставку», положившій и въ Малороссіи начало превращенія званія дѣйствительныхъ должностей въ почетныя званія.

Изъ дѣтей и внуковъ Андрея Марковича выдѣлился лишь одинъ сынъ его—Яковъ, оставившій намъ свой многотомный дневникъ, изданный, подъ именемъ Записокъ, внукомъ его Ал. М. Марковичемъ [1]). Въ этомъ дневникѣ, обнимающемъ пятьдесятъ лѣтъ (1716—1767 г.), мы находимъ полную біографію его автора, который, по личному своему характеру, представляетъ собою довольно цѣльный типъ малороссійскаго „пана" половины XVIII в., когда малороссійская старшина, окончательно уже отдѣлившись отъ народа, искала сближенія съ русскимъ дворянствомъ, завидуя привилегіямъ послѣдняго. Мы не будемъ излагать здѣсь біографіи Якова Марковича, по общеизвѣстности его дневника, но представимъ разсказъ только о его молодыхъ годахъ, о томъ, какъ онъ вступалъ въ жизнь и какія употреблялъ старанія—занять въ ней опредѣленное положеніе. Объ этомъ времени изъ жизни Марковича печатный дневникъ его даетъ лишь отрывочныя свѣдѣнія, а мы восполнимъ ихъ и представимъ не лишенную интереса страницу изъ исторіи малороссійскаго общества первой четверти XVIII в., когда Петровская реформа, коснувшись Малороссіи, произвела значительный переворотъ и въ ея бытѣ, встрѣтивъ лишь слабый отпоръ.

Яковъ Марковичъ учился въ кіевской академіи и за свои способности былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Ѳеофана Прокоповича, который повидимому возлагалъ на него большія надежды. Какъ смотрѣлъ на Марковича бывшій его ректоръ, видно изъ письма Прокоповича, которое онъ писалъ къ бывшему своему ученику въ то время, когда послѣднему не было еще и двадцати лѣтъ. Вызванный Петромъ Великимъ въ 1716 г. въ Петербургъ, Ѳеофанъ ѣхалъ черезъ Глуховъ и хотѣлъ повидаться здѣсь съ любимымъ своимъ ученикомъ, но, не заставши его дома, написалъ къ нему письмо съ первой станціи отъ Глухова (Есмани). „Во время

---

[1]) М. 1859 г. 2 части. Подлинникъ этихъ «Записокъ», состоящій изъ 8-ми кажется фоліантовъ, хранится у правнука ихъ автора, П. А. Марковича, въ с. Сварковѣ, глуховскаго уѣзда. Въ печати Записки значительно сокращены и кромѣ того здѣсь подновленъ ихъ языкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что для изученія исторіи Малороссіи XVIII в. дневникъ Як. Марковича навсегда останется цѣннымъ памятникомъ и потому нельзя не пожелать изданія его въ полномъ видѣ; а до того желалось-бы, чтобы рукопись дневника отдана была, для большей ея сохранности, въ какое либо общественное книгохранилище.

твоего отсутствія, я былъ у тебя въ гостяхъ и пользовался твоимъ гостепріимствомъ. Это было для меня очень пріятно; непріятно и досадно только то, что я не засталъ тебя дома и потерялъ случай побесѣдовать съ тобою о многомъ, о чемъ хотѣлось поговорить съ пользою. Впрочемъ всякій ущербъ легко можетъ вознаградить Богъ. Живой примѣръ этого—ты самъ, который при помощи Божіей въ короткое время оказалъ такіе успѣхи въ богословіи, о какихъ и помышлять не могутъ украшенныя митрами головы; а между тѣмъ прежде никто и ожидать не могъ отъ тебя подобныхъ занятій. Продолжай-же счастливо идти тѣмъ-же путемъ" [1]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Прокоповичъ опять писалъ Марковичу, изъ Петербурга, очень длинное письмо, въ которомъ дѣлится съ нимъ тамошними своими впечатлѣніями. Жалуясь между прочимъ на схоластическое направленіе современныхъ ему теологовъ, Прокоповичъ говоритъ: „о если-бы по твоему прекрасному примѣру во всѣхъ возбудилась жажда знанія и изученія вопреки тиранству предвзятаго мнѣнія. Тогда была-бы надежда, что изъ тьмы возсіяетъ истина! Но иное, какъ мы видимъ, совершается на дѣлѣ; всѣ стремятся учить и почти никто не хочетъ учиться... Ты, clarissime, по своему ревностному обычаю, учись и не позволяй себѣ ни мало ослабѣвать. Правда, у тебя нѣтъ собесѣдника и конечно я съ своей стороны всего болѣе желалъ-бы жить, обращаться и бесѣдовать съ тобою и съ подобными тебѣ; но если Промыслъ рѣшилъ иначе, то нужно будетъ покориться. У тебя есть мудрые собесѣдники и учители лучше насъ скудныхъ; съ ними бесѣдуй [2]).

Нельзя видѣть въ этихъ письмахъ лести, а слѣдуетъ заключить, что Яковъ Марковичъ имѣлъ всѣ задатки, чтобы сдѣлаться ученымъ кіевскимъ монахомъ, но его манила къ себѣ жизнь мірская съ ея матеріальными благами. Кіевскіе академисты оканчивали свое ученіе лѣтъ въ семнадцать, восемнадцать [3]); такихъ-же лѣтъ вышелъ изъ академіи и Марковичъ. Въ это время тетка его—Настасья Марковна была уже гетманшей. Не имѣя сыновей, Настасья Мар-

---

[1]) «Труды кіевск. дух. акад., 1865 г., январь, 141—142.

[2]) Тамъ-же, 141—150. См. также «Интимную переписку Ѳеофана Прокоповича съ Як. Марковичемъ». «Кіевск. Стар., II, 498 и слѣд.

[3]) Ѳеофанъ Прокоповичъ кончилъ свое ученіе въ кіевской академіи—семнадцати лѣтъ.

ковна нуждалась въ близкомъ человѣкѣ, который-бы помогалъ ей въ веденіи письменной части ея хозяйственныхъ дѣлъ, которыя она вела, будучи второю женою, частью отдѣльно отъ мужа. Такого человѣка она нашла себѣ въ племянникѣ Яковѣ Марковичѣ, котораго и взяла поэтому подъ свое особое покровительство, какъ только онъ покончилъ свое кіевское ученіе. Прежде всего тетка позаботилась женить своего племянника, чтобы, ставъ семьяниномъ, онъ могъ начать устройство особаго своего „господарства". Выборъ жены взяла гетманша на себя и при этомъ прежде всего заботилась, разумѣется, о богатствѣ и знатности того рода, въ которомъ можно было-бы найти подходящую невѣсту. Въ это время первымъ богачемъ въ Малороссіи былъ черниговскій полковникъ Полуботокъ и у него оставалась еще не выданная замужъ третья дочь—Елена. Хотя Яковъ Марковичъ самъ по себѣ и особенно по своему происхожденію не представлялъ завиднаго жениха, но сватала гетманша любимаго своего племянника и бракъ былъ заключенъ. Восемнадцати лѣтъ отъ роду Яковъ Марковичъ женился на дочери Полуботка. Скупой тесть впрочемъ надѣлилъ свою дочь только одними „фантами" и „клейнодами", а маетности не далъ и самой малой, не смотря на то, что ихъ было у него—десятки. Отецъ Якова Марковича въ это время не успѣлъ еще нажиться, такъ какъ полковничій урядъ онъ получилъ только въ годъ женитьбы сына. Просить маетности у гетмана Якоку Марковичу было еще рано, такъ какъ маетности давались только за „службы", а ихъ за молодымъ академистомъ быть не могло.

Спустя четыре года послѣ женитьбы племянника, гетманша нашла однако-же, что право на маетность онъ уже заслужилъ: въ январѣ 1718 г. Скоропадскій, „усмотрѣвши знатнаго войсковаго товарища Якова Марковича до услугъ войсковыхъ способность и впредь къ онымъ его заохочивая", далъ ему глуховское село Сварковъ. Въ томъ-же году, будучи въ Москвѣ, гетманъ выхлопоталъ Марковичу на Сварковъ и царскую грамоту. Въ началѣ 1721 г. отецъ Якова Марковича назначенъ былъ въ ладожскій походъ; на время отсутствія полковника назначался, по войсковымъ обычаямъ, наказный полковникъ, выбиравшійся обыкновенно изъ старшихъ полковыхъ чиновъ; но когда Андрей Марковичъ ушелъ въ походъ, наказнымъ въ лубенскій полкъ Скоропадскій назначилъ неожиданно

для всѣхъ полчанъ старшаго сына его—Якова Марковича, двадцатипятилѣтняго войсковаго товарища, который до того ни въ какихъ „акціяхъ“ не бывалъ [1]). Назначеніе это должно было конечно возбудить неудовольствіе полковой старшины, но послѣдняя уже по опыту знала, что никакіе протесты противъ близкихъ родичей гетманши ни къ чему не поведутъ и по неволѣ должна была подчиниться такому небывалому распоряженію гетмана. Около полугода правилъ Яковъ Марковичъ лубенскимъ полкомъ и вѣроятно за эту службу гетманъ нашелъ возможнымъ дать ему въ слѣдующемъ году еще одну маетность—село Сухоносовку. Но въ томъже году Скоропадскій и умеръ, а со смертью его тетка-гетманша теряла прежнее свое значеніе. Но судьба Марковичу видимо благопріятствовала: за смертью Скоропадскаго, наказнымъ гетманомъ сталъ Павелъ Полуботокъ, тесть Марковича. Въ февралѣ 1723 г. Андрей Марковичъ снова посланъ былъ въ походъ и правленіе лубенскаго полка снова поручено было Якову Марковичу. При этомъ „наказничество“ передалъ сыну самъ отецъ—полковникъ, находя такую передачу полка вполнѣ законною послѣ бывшаго уже примѣра. На этотъ разъ Яковъ Марковичъ получилъ исправленіе должности полковника въ самое тревожное время. Какъ разъ въ это время тесть его Полуботокъ велъ борьбу за старые порядки съ президентомъ малороссійской коллегіи Вельяминовымъ. Отстаивая свои старшинскія привиллегіи, Полуботокъ хотѣлъ опереться на полковую старшину, которую для этого не разъ приглашалъ присоединиться къ своимъ протестамъ. Но наиболѣе вліятельные полковники того времени не хотѣли идти открыто противъ нововведеній, принесенныхъ Вельяминовымъ, и на приглашенія Полуботка отзывались туго. Будучи наказнымъ полковникомъ, Яковъ Марковичъ былъ въ числѣ тѣхъ, на поддержку которыхъ разсчитывалъ Полуботокъ; ему предстояло также выбрать одно изъ двухъ: или стать сторонникомъ тестя, или уклониться отъ всякихъ протестовъ. Не смотря на молодость, Яковъ Марковичъ уже хорошо понималъ, что своими протестами тесть вооружаетъ противъ себя правительство, борьба съ которымъ, по мнѣнію Марковича, прежде всего была невыгодна. Марковичъ видѣлъ, что въ борьбѣ тестя съ

---

[1]) Записки I, 451.

Вельяминовымъ выгоднѣе всего было стать на сторону послѣдняго, потому что президентъ коллегіи не могъ не оцѣнить поведенія той старшины, которая безропотно принимала установленіе новыхъ налоговъ съ своихъ маетностей. Рѣшивъ поэтому отстраниться отъ протестовъ Полуботка, Марковичъ постарался пріобрѣсти пріязнь Вельяминова и другихъ „коллегіатовъ". Поэтому, вступивъ въ управленіе полкомъ въ началѣ марта 1723 г., Марковичъ сталъ вести себя очень осторожно относительно тестя. Въ это время въ Малороссіи шли приготовленія ко второму ладожскому походу; Яковъ Марковичъ дѣятельно распоряжался по этимъ приготовленіямъ въ своемъ полку, разсылая приказы по сотнямъ о выходѣ козаковъ въ походъ въ половинѣ марта. Занятый этими распоряженіями, онъ получилъ изъ Глухова какія-то извѣстія, которыя по обыкновенію записалъ въ свой дневникъ; но извѣстія эти были какого-то щекотливаго характера, такъ какъ этотъ листъ, заключавшій въ себѣ дневникъ за послѣдніе семь дней марта, Марковичъ впослѣдствіи вырвалъ. Наступилъ апрѣль и Марковичъ, желая распорядить весеннія хозяйскія работы въ глуховскихъ своихъ маетностяхъ, поѣхалъ туда. На дорогѣ онъ получилъ „листъ" отъ тестя, въ которомъ предписывалось „о забароненю зборщикамъ заказныхъ зборовъ збирать". Распоряженіе это требуетъ объясненія. Дѣло въ томъ, что Вельяминовъ, пріѣхавъ лѣтомъ 1722 г. въ Малороссію, прежде всего хотѣлъ установить правильный сборъ тѣхъ налоговъ, которые существовали уже и прежде, но которые собирались безъ всякаго порядка. Для этого Вельяминовъ потребовалъ отъ Полуботка доставленія ему свѣдѣній о существовавшихъ въ Малороссіи налогахъ. Но когда Полуботокъ уклонился отъ доставленія подробныхъ свѣдѣній, тогда Вельяминовъ составилъ роспись налоговъ самъ, по свѣдѣніямъ добытымъ отъ разныхъ лицъ. По этой росписи назначено было взимать налоги съ маетностей старшины наравнѣ съ прочими владѣльцами. Полуботокъ на это распоряженіе пожаловался въ сенатъ и сенатъ осенью 1722 г. приказалъ коллегіи маетности старшинъ отъ налоговъ освободить. Но весною 1723 г. Вельяминовъ поѣхалъ въ Москву, доложилъ тамъ царю лично объ этомъ вопросѣ и царь приказалъ собирать налоги со всѣхъ маетностей, „не обходя никого". Это распоряженіе Вельяминовъ сообщилъ изъ Москвы въ коллегію для исполненія;

но Полуботка объ этомъ не увѣдомилъ. Когда Полуботокъ узналъ, что Вельяминовскіе сборщики снова стали собирать „заказанные сборы", то увидѣлъ въ этомъ произвольное распоряженіе коллегіи и предписалъ полковникамъ—не позволять сборщикамъ собирать тѣ сборы, которые по сенатскому указу были уже разъ отмѣнены. Вотъ это то распоряженіе тестя Марковичъ и получилъ по дорогѣ изъ Ромна въ Сварковъ. Представился трудный вопросъ—кого слушать: наказнаго гетмана или президента коллегіи? Марковичъ рѣшилъ, что послѣдній сильнѣе и затѣмъ затруднялся только предстоявшимъ свиданіемъ съ тестемъ, который конечно будетъ ему говорить о послѣднемъ своемъ распоряженіи, котораго Марковичъ рѣшился не исполнить. Не желая открыто противорѣчить Полуботку, Марковичъ рѣшилъ избѣгнуть свиданія съ тестемъ. Продолжая путь въ Глуховъ и выѣхавъ 3 апрѣля рано изъ Мутина (село это находилось уже въ глуховской сотнѣ), Марковичъ заѣхалъ въ свою уздицкую пасѣку (около с. Уздицы); побывалъ затѣмъ въ калюжновскомъ хуторѣ и тамъ немного побывши, „*ночью* поѣхалъ въ Глуховъ и пріѣхавши туда, все осмотрѣлъ въ дворѣ", а 4-го „поѣхалъ изъ Глухова *передъ свѣтомъ* въ Сварковъ" [1]). Только пообѣдавъ въ Сварковѣ, Марковичъ поѣхалъ въ тотъ-же день въ тулиголовское свое имѣніе, а 5-го выѣхалъ въ Роменъ. Значитъ, чтобы избѣгнуть встрѣчи съ тестемъ, Марковичъ пріѣзжалъ въ Глуховъ ночью и осмотрѣвъ свой дворъ, ночью-же и уѣхалъ оттуда. Конечно пріѣздъ зятя не могъ остаться неизвѣстнымъ для Полуботка, но послѣдній уже зналъ своего зятя и должно быть не особенно удивился ночному его пріѣзду въ Глуховъ.

Возвратившись въ Роменъ 6-го апрѣля, Марковичъ черезъ шесть дней (12-го) отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ; „указы до сотниковъ съ копіями правительскаго листа посланы, чтобы сборщики отставленныхъ зборовъ взыскивать отнюдь не смѣли". Но потомъ оставляетъ въ дневникѣ только слова: „до сотниковъ копія правительскаго листа послана", а остальное все старательно зачеркивается, такъ что эту замѣтку въ первоначальномъ ея видѣ намъ лишь съ трудомъ удалось разобрать. Видимо, что вернувшись въ Роменъ,

---

[1]) Мы пользовались подлинникомъ дневника Як. Марковича, который въ печати значительно сокращенъ.

Марковичъ опять боролся съ собою—что дѣлать съ приказаніемъ тестя о запрещеніи собирать „отставленные“ налоги. Съ одной стороны, это приказаніе вполнѣ совпадало съ личными интересами Марковича, какъ владѣльца маетностей, а съ другой стороны—страшно было коллегіи. Рѣшившись наконецъ написать сборщикамъ, чтобъ они отнюдь не собирали „отставленныхъ сборовъ“, Марковичъ тогда-же испугался своей смѣлости и ограничился посылкою къ сотникамъ одной только копіи правительскаго распоряженія и такимъ образомъ, въ случаѣ нужды, могъ себя оправдывать тѣмъ, что съ своей стороны онъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій, а приказаніе наказнаго гетмана не могъ не исполнить. Недѣли черезъ три Марковичу опять понадобилось посмотрѣть на свои глуховскія имѣнія. Пріѣхавъ въ Тулиголовъ 29 апрѣля и осмотрѣвъ тамъ водяную свою мельницу, Марковичъ оттуда поѣхалъ въ Глуховъ. 30-го онъ „былъ у правителей“, т. е. у тестя и у генеральныхъ—судьи, писаря, есаула и бунчуковаго. 1 мая „былъ у прокурора (коллегіи) Михаила Семеновича Хрущова и долго въ ночь сидѣлъ“. На другой день Марковичъ рано заѣзжалъ къ тестю и выпивъ рюмку водки, поѣхалъ обѣдать домой, а вечеръ просидѣлъ у Кошелева (члена коллегіи). Слѣдующіе два дня Марковичъ употребилъ на посѣщеніе тетки гетманши, которая въ это время большею частью проживала въ построенномъ ею Гамалѣевскомъ монастырѣ. Вернувшись 6-го въ Глуховъ и написавъ здѣсь письма въ Роменъ, Марковичъ на другой день утромъ пересматривалъ свиней въ своемъ глуховскомъ дворѣ, а вечеръ просидѣлъ у членовъ коллегіи Щепотьева и Жданова. 8-го писалъ письма въ Роменъ, а на Николая, 9-го, былъ у члена коллегіи Ушакова, гдѣ и „пилъ“, а потомъ у Хрущова, гдѣ тоже „пилъ“. Затѣмъ цѣлую недѣлю Марковичъ провелъ, осматривая хозяйство въ своихъ глуховскихъ имѣніяхъ, а потомъ пріѣхалъ на день въ Глуховъ, чтобы проститься съ Скоропадскою, и 18-го мая выѣхалъ въ Роменъ. Изъ подробностей пребыванія Марковича на этотъ разъ въ Глуховѣ видно, что главною его цѣлью было познакомиться и, если можно, сблизиться съ членами коллегіи; въ послѣднихъ онъ видѣлъ людей, которыхъ пріязнь была полезнѣе пріязни тестевской; отъ тестя Марковичъ видимо сторонился, ни разу не посѣтивъ его вечеромъ для дружеской бесѣды. Послѣдняя велась только съ „коллегіатами“.

Такое поведеніе Марковича какъ нельзя лучше рисуетъ намъ этого человѣка: едва достигнувъ двадцати семи лѣтъ, Марковичъ, какъ видно, былъ уже практическимъ мудрецомъ, безошибочно различавшимъ тѣ пути, которыми пріотрѣтаются земныя блага.

Черезъ нѣсколько дней послѣ выѣзда Марковича изъ Глухова, Полуботокъ получилъ царскій приказъ ѣхать въ Петербургъ, куда 13-го іюня и уѣхалъ. Передъ своимъ выѣздомъ Полуботокъ „споряжалъ" ту челобитную отъ имени „всего народа", за которую собственно и пострадалъ. Желая привлечь къ соучастію въ этой челобитной наибольшее число полковой старшины, Полуботокъ приглашалъ послѣднюю въ Глуховъ. У насъ подъ руками—офиціальный дневнихъ войсковой канцеляріи за 1723 г., изъ котораго видно, кому и когда посылались эти приглашенія. Не смотря на родственную близость Марковича, послѣдній приглашаемъ не былъ, такъ какъ Полуботокъ былъ увѣренъ, что дружба съ „коллегіатами" не позволитъ его зятю присоединить свою подпись на челобитной къ остальнымъ. Тѣмъ не менѣе Марковичъ нашелъ нужнымъ уничтожить въ своихъ запискахъ тотъ листъ, гдѣ записаны были происшествія отъ 19 мая до 22 іюня. Какого рода были отмѣтки на этомъ листѣ, не знаемъ; но Марковичъ нашелъ, что эти свѣдѣнія могутъ его компрометировать и вырвалъ цѣлый листъ изъ „домашняго протокола," какъ онъ называлъ свой дневникъ. Конечно Марковичъ пріѣзжалъ въ Глуховъ прощаться съ тестемъ (нужно же было привезти жену проститься съ отцемъ) и при этомъ нужно полагать записалъ что нибудь относительно той челобитной, которую тесть повезъ въ Петербургъ. Пріѣздъ Марковича въ Глуховъ въ іюнѣ мѣсяцѣ обнаруживается изъ того, что въ концѣ іюня онъ посылалъ изъ Ромна „овощи" Скоропадской и „бригадиру", т. е. Вельяминову; съ послѣднимъ онъ прежде не былъ знакомъ настолько, чтобы „обсылать" его фруктами; знакомство это произошло вѣроятно во время проводовъ Полуботка.

Вмѣстѣ съ вызовомъ Полуботка въ Петербургъ, сдѣлано было распоряженіе о приготовленіи 12 тыс. козаковъ въ походъ подъ командою князя Михаила Голицына. Цѣль похода опредѣленно не объяснялась; говорили только, что козаки пойдутъ оберегать южныя границы отъ нападенія татаръ; но о томъ, чтобы татары готовились напасть на Малороссію, никакихъ слуховъ не было и—старшина

смущалась походомъ. Наконецъ, въ концѣ іюля Голицынъ прислалъ въ Глуховъ приказъ, чтобы полки собирались у Буцкаго Брода (около Полтавы). Генеральный есаулъ Жураковскій, вѣдавшій въ это время генеральную канцелярію, поспѣшилъ передать приказъ по полкамъ, которые и начали выступать въ походъ въ половинѣ августа. Получивъ это распоряженіе, Марковичъ думалъ отдѣлаться отъ этого похода, такъ какъ не было точно сказано, чтобы въ походъ шли всѣ наличные полковники. Думая, что можно вмѣсто себя послать обознаго, Марковичъ написалъ объ этомъ Жураковскому, но послѣдній поспѣшилъ отвѣчать, чтобы наказный Лубенскій выходилъ въ походъ самъ, не увиливая („не ухиляючись") отъ службы, такъ какъ по приказу Голицына полки должны вести въ походъ сами полковники. Но Марковичъ разсчитывалъ, что „ухилиться" можно и снова писалъ Жураковскому, что вышлетъ вмѣсто себя обознаго Мартоса, потому что де самъ долженъ заняться своими хозяйскими дѣлами. Жураковскій отвѣчалъ, что въ походъ къ Буцкому Броду долженъ идти самъ Марковичъ, „отложивши всѣ свои жалобы и отрицанія, ибо когда въ дому быть, то ему, Марковичу, правленіе наказничества не непріятно есть, а когда въ походъ идти, то и тяжело кажется" [1]). Къ сожалѣнію, мы не можемъ прибавить къ этому подробностей изъ записокъ—чѣмъ именно отговаривался Марковичъ отъ похода: въ его „протоколѣ" опять вырванъ листъ, заключающій въ себѣ отмѣтки за первыя три недѣли августа мѣсяца [2]); опять, значитъ, записаны были такіе факты, съ которыми Марковичъ не хотѣлъ знакомить постороннее лицо. Не хотѣлъ идти Марковичъ въ походъ вѣроятно отчасти потому, что дома было сидѣть покойнѣе, а отчасти должно быть побаивался и своей непопулярности въ полку. Полковая старшина его не любила, а Марковичъ еще увеличивалъ эту нелюбовь, позволяя себѣ

---

[1]) Журн. генер. канц. 1723 г., рукопись.

[2]) Не достаетъ листа отъ 27 іюля по 24 августа. Въ печатныхъ запискахъ относительно этого времени вкралась крупная ошибка вслѣдствіе того, что половина вырваннаго листа вложена была въ рукописи не на свое мѣсто. Вмѣсто напечатаннаго на стр. 24 «августъ», слѣдуетъ читать сентябрь, до 24-го числа (стр. 25), а съ послѣдняго начинается августъ мѣсяцъ, продолжающійся въ печатныхъ запискахъ до 27 стр. и оканчивающійся словами: «отставлять меня отъ команды».

подъ часъ мѣры очень крутыя относительно сотниковъ; такъ передъ выступленіемъ въ походъ Марковичъ „посадилъ на армату“ сенецкого сотника Криштопенка; это наказаніе считалось настолько суровымъ, что рѣдко примѣнялось къ старшинѣ и сотникъ считалъ себя сильно обиженнымъ, тѣмъ болѣе, что подвергнутъ былъ этому наказанію наказнымъ полковникомъ, который „наказничество“ получилъ не по личнымъ заслугамъ, а по протекціи.

Въ концѣ августа почти всѣ полки, кромѣ сѣверныхъ, были уже въ сборѣ и расположились лагеремъ около рѣчки Коломака; а 24 августа Голицынъ произвелъ козакамъ смотръ и вручилъ общую команду надъ полками—миргородскому полковнику Апостолу. Послѣ смотра, Криштоненко подалъ на Марковича Голицыну жалобу за посаженіе его на пушку; но князь, прочтя жалобу, приказалъ помириться. Тѣмъ не менѣе Марковичъ былъ не спокоенъ; прежде Голицына, Криштоненко уже жаловался на свое безчестіе старымъ полковникамъ и послѣдніе находили, что сотнику назначено было наказаніе ужъ слишкомъ строгое, да и отъ кого-же?—Отъ „новокрещеннаго еврея“, который „содержалъ“ полковое правленіе только по милости сильныхъ родичей. Въ особенности нападалъ на молодого наказного Апостолъ, старый врагъ Марковичей. Поэтому, когда Голицынъ, послѣ своего смотра, отъѣхалъ на свою стоянку, въ Ахтырку, Марковичъ поспѣшилъ за княземъ, чтобы окончательно уладить дѣло съ сенецкимъ сотникомъ. Догнавъ его въ Красномъ Кутѣ, гдѣ тотъ дневалъ, Марковичъ сейчасъ же побывалъ у Голицына, отличавшагося между сподвижниками Петра Великаго своею доступностью и мягкосердіемъ, и былъ приглашенъ имъ на обѣдъ. Послѣ обѣда Голицынъ выѣхалъ въ Ахтырку въ сопровожденіи Марковича, который дорогою „о свой нуждѣ ему говорилъ“. Пообѣдавши еще разъ въ дорогѣ съ Марковичемъ, Голицынъ „милостиво его отпустилъ“.—Боялся Марковичъ недаромъ; его въ „Войскѣ“ сильно не долюбливали и громко называли „новокрещеннымъ евреемъ [1])“. А когда

---

[1]) На другой день послѣ отъѣзда Марковича къ Голицыну, въ лагерь пріѣхала изъ Глухова генеральная старшина—Жураковскій и Лизогубъ; Апостолъ устроилъ имъ обѣдъ, на который пригласилъ Галагана, Милорадовича и сердюцкаго полковника Бурлѣя. За обѣдомъ шла оживленная бесѣда о «небывалыхъ»

онъ уѣхалъ вслѣдъ за Голицынымъ, Апостолъ приказалъ лубенскому писарю Савицкому написать Голицыну подробную жалобу о насиліяхъ Марковича надъ полчанами и отправилъ его съ этой жалобой въ Ахтырку. Апостолу очень хотѣлось смѣстить Марковича съ „наказничества"; но наказный полковникъ былъ слишкомъ ловкій человѣкъ, чтобы не вывернуться изъ разставленныхъ ему Апостоломъ сѣтей. Вернувшись въ лагерь, Марковичъ узналъ, что жалоба составлена была отъ имени всего лубенскаго полка по настоянію миргородскаго полковника, который грозилъ при этомъ, что если лубенцы жалобы не напишутъ, „то онъ заженетъ ихъ въ такія тарапаты, что трудно будетъ имъ и выйти". Узнавъ объ этомъ, Марковичъ сейчасъ же донесъ Голицыну, при какой обстановкѣ написана была Савицкимъ жалоба и о томъ же увѣдомилъ двухъ Голицынскихъ адъютантовъ. Черезъ нѣсколько дней Савицкій вернулся отъ Голицына съ отвѣтомъ, что князь „не имѣетъ безъ изслѣдованія причины отставлять Марковича отъ команды". Тамъ же, на Коломакѣ составлены были Апостоломъ и предложены къ подписи извѣстныя челобитныя, за подачу которыхъ въ Петербургѣ царю Полуботокъ съ товарищами посаженъ былъ въ крѣпость. Приглашенъ былъ къ подписи и Марковичъ; практическій умъ послѣдняго и здѣсь выказалъ себя: въ челобитныхъ рѣчь шла объ избраніи гетмана и объ отмѣнѣ установленныхъ коллегіей налоговъ. Не смѣя отказаться отъ подписи одной изъ этихъ челобитныхъ, потому что для этого Марковичъ приглашенъ былъ въ палатку Апостола, наказный полковникъ подписался, но, подписавшись, замѣтилъ „*вмѣсто протеста*", что нѣкоторыя выраженія челобитной „кажутся досадны". А когда другая челобитная прислана была для подписи въ палатку Марковича, то онъ отъ подписи ея совсѣмъ отказался.

Въ концѣ сентября Голицынъ распустилъ козачьи полки, оставивъ у Буцкого Брода только небольшой отрядъ. Отпущенъ

налогахъ, установленныхъ коллегіей и вообще о «трудностяхъ людскихъ»; тутъ же говорено «*о какихъ-то жидахъ новокрещенныхъ, явившихся въ Малороссію* и о спорахъ Якова Марковича, наказнаго лубенскаго, съ его полчанами, что нѣкоторыхъ сотниковъ сажалъ на арматы окованныхъ». Журн. Генер. Канцеляріи 1723 года.

былъ и Марковичъ, который, не смотря на то, что поданная на него жалоба оставлена была Голицынымъ безъ всякихъ послѣдствій, счелъ однакоже полезнымъ еще разъ побывать у „главнаго командира", чтобы быть уже вполнѣ обезпеченнымъ отъ всякихъ преслѣдованій и по возвращеніи домой. Пріѣхавъ въ Ахтырку 26 сентября, Марковичъ встрѣтилъ тамъ и другихъ полковниковъ. Всѣ они приглашены были въ тотъ же день къ Голицыну на обѣдъ, гдѣ и „подпили знатно". Послѣ обѣда всѣ были отпущены, кромѣ Марковича, которому сказано было остаться. Оставался Марковичъ до вечера, а потомъ пошолъ къ адъютанту Голицына—Бирюлеву. Въ этотъ же день Марковичъ отдалъ Голицыну „бандурку своего малого", какъ отмѣчено у него въ дневникѣ. На другой день у Голицына утромъ снова сошлись полковники—откланяться князю; но Марковичъ съ Милорадовичемъ оставлены были на обѣдъ.

Вернувшись въ Роменъ, Марковичъ сталъ собираться въ Глуховъ, гдѣ ему хотѣлось переговорить „о своей нуждѣ" еще и съ „коллегіатами". Объѣхавъ лубенскія свои имѣнія, Марковичъ въ въ концѣ октября быль уже въ Глуховѣ. Здѣсь онъ получилъ прежде всего извѣстіе, что въ Малороссію пріѣдетъ Румянцевъ для изслѣдованія, кто именно участвовалъ въ составленіи челобитной, поданной старшиною царю въ Петербургѣ 13 сентября. Предусмотрительный Полуботокъ, извѣщая объ томъ Жураковскаго, писалъ ему, чтобы старшина въ предупрежденіе жалобъ отъ народа поспѣшила удовлетворить „обидимыхъ", причемъ указывалъ на Марковича особо, чтобы онъ постарался поскорѣе удовлетворить обиженныхъ имъ полчанъ [1]). Здѣсь рѣчь шла не о тѣхъ обидахъ, которыя Марковичъ нанесъ своимъ сотникамъ сажаніемъ ихъ на пушки, а о пріобрѣтеніи имъ разныхъ хуторовъ у своихъ полчанъ посредствомъ насилій, произведенныхъ во время управленія имъ полкомъ. Что сдѣлалъ Марковичъ по совѣту тестя, мы не знаемъ, такъ какъ онъ былъ слишкомъ остороженъ, чтобы отмѣчать въ своемъ дневникѣ подобные факты [2]). Но понимая, что въ этомъ

---

[1]) См. указъ 8 февраля 1725 г. въ Полн. Собр. Законовъ.

[2]) Впрочемъ можетъ быть, что что-нибудь по этому предмету въ дневникѣ и проскользнуло, но затѣмъ оно было уничтожено; ноябрьскій дневникъ, заключавшій въ себѣ замѣтки съ 12 по 23 ноября, Марковичемъ уничтоженъ. Это былъ впро-

отношеніи главнымъ дѣломъ было заручиться благорасположеніемъ Вельяминова, Марковичъ сталъ усердно посѣщать коллегіатовъ. Въ день пріѣзда въ Глуховъ, 26 октября, онъ былъ у Кошелева; на другой день просидѣлъ у Вельяминова до полночи. Черезъ день, 29-го, гетманша праздновала свои именины, гдѣ былъ Вельяминовъ, Хрущовъ и Кошелевъ; тутъ Марковичъ съ гостями „подпилъ гораздо". Черезъ нѣсколько дней у Вельяминова была „вечеринка", на которой присутствовалъ и Марковичъ; потомъ сталъ онъ посѣщать Вельяминова и для карточной игры. Нѣтъ сомнѣнія, что сближенію съ коллегіатами Марковича очень много помогала Скоропадская, водившая близкое знакомство съ женами Вельяминова, Хрущова и Кошелева. Да и мужья послѣднихъ повидимому не отказывались попить и погулять у богатой вдовы-гетманши, которая понимала, что это были самые сильные люди въ Малороссіи и потому не жалѣла для нихъ угощеній. Однако-жъ, какъ ни дружилъ Марковичъ съ Вельяминовымъ и его товарищами, а пришлось и ему поступиться однимъ дѣломъ, какъ видно очень непріятнымъ для него. Дѣло въ томъ, что когда въ 1718 г. сгорѣла кіево-печерская лавра, то для возобновленія этой святыни Петръ Великій приказалъ собрать съ малороссійскихъ владѣльцевъ извѣстную сумму; сборъ денегъ порученъ былъ полковникамъ, которые собирали ихъ по частямъ, не отсылая денегъ въ Кіевъ, пока не пріѣхалъ въ Малороссію Вельяминовъ. Послѣдній, узнавъ объ этомъ сборѣ, распорядился черезъ Полуботка, чтобы собранныя деньги полковники отослали кіевскому войту. Большинство полковниковъ поспѣшило исполнить это распоряженіе; но отецъ Якова Марковича, собравъ на лавру въ своемъ полку 1000 рублей, жалѣлъ съ ними разстаться и медлилъ ихъ отсылкою. Когда потребовали этихъ денегъ отъ сына, то онъ отвѣчалъ [1]), что онѣ взяты отцемъ въ сулацкій походъ на полковые расходы. Такимъ объясненіемъ въ Глуховѣ, повидимому, удовлетворились до времени, пока не возвратится

чемъ послѣдній листъ, уничтоженный практическимъ мудрецомъ. Затѣмъ весь дневникъ цѣлъ. Мы думаемъ, что уничтоженіе Марковичемъ въ его дневникѣ шести полулистовъ было имъ сдѣлано въ виду пріѣзда Румянцева, такъ какъ Полуботокъ писалъ роднымъ изъ Петербурга объ уничтоженіи разныхъ бумагъ, предвидя возможность обыска. См. Соловьевъ, XVIII.

[1]) Журн. генер. канцеляріи 1723 г.

Андрей Марковичъ изъ похода. Но когда пришла вѣсть о пріѣздѣ въ Малороссію Румянцева, Яковъ Марковичъ почувствовалъ, что отвѣтъ, данный имъ въ коллегіи, Румянцева пожалуй и не удовлетворитъ; поэтому онъ изъ Глухова поспѣшилъ написать матери въ Роменъ, что собранные отцомъ на монастырь деньги лучше поскорѣе прислать въ Глуховъ. Совѣтъ былъ исполненъ и 23 ноября въ дневникѣ отмѣчено: „Василь Дяченко пріѣхалъ съ деньгами 1000 р., на церковь печерскую опредѣленными, которыхъ коллегія доправляетъ". Деньги привезены были какъ разъ въ пору, потому что на другой день Румянцевъ пріѣхалъ въ Глуховъ. Въ тотъ-же день онъ приглашенъ былъ на обѣдъ Скоропадскою, гдѣ „гуляли довольно". Тутъ-же увидѣлъ его въ первый разъ и Марковичъ и какъ племянникъ хозяйки, конечно, былъ представленъ царскому слѣдователю. На другой день, 25-го, Марковичъ поспѣшилъ побывать самъ у Румянцева, а 26-го Румянцевъ устроилъ у себя „банкетъ", на которомъ Марковичъ не только что былъ, но и въ карты игралъ „пополамъ съ кн. Волконскимъ". 27-го Марковичъ былъ у Румянцева „рано"; 28-го гулялъ вмѣстѣ съ нимъ на банкетѣ у Жураковскаго; 30-го такой-же банкетъ былъ у Вельяминова и Марковичъ—въ числѣ гостей; 1 декабря карточный вечеръ у Вельяминова; Марковичъ былъ, но только смотрѣлъ, какъ Румянцевъ игралъ. А черезъ два дня, 4-го декабря, Марковичъ самъ устроилъ „вечеринку", на которой Румянцевъ съ Вельяминовымъ и прочими „долго просидѣли". 6-го декабря Марковичъ посѣтилъ рано Вельяминова и отправился вмѣстѣ съ нимъ къ Румянцеву, гдѣ уже нашелъ возможность поговорить „о 1000 р. печерскихъ денегъ, доправленныхъ изъ дома родительскаго"; конечно, рѣчь шла о томъ, что деньги употреблены родителемъ на общественныя надобности и доправлять ихъ не слѣдовало-бы. Затѣмъ 13-го Румянцевъ уѣхалъ изъ Глухова—производить по Малороссіи слѣдствіе о челобитныхъ Полуботка. Марковичъ остался въ Глуховѣ, но въ это время что-то произошло такое, что онъ 15-го декабря пошелъ къ Вельяминову на квартиру и „просилъ о увольненіи его отъ правленія полкового". Къ такому рѣшенію Марковичъ пришелъ вѣроятно вслѣдствіе какихъ нибудь жалобъ на него, какъ на наказнаго лубенскаго отъ его полчанъ; однако-жъ Вельяминовъ, какъ видно, не придалъ особеннаго значенія просьбѣ Марковича и посовѣтовалъ ему скорѣе

ѣхать въ полкъ. На другой день Марковичъ выѣхалъ въ Роменъ. Пробывъ въ Глуховѣ въ этотъ разъ около двухъ мѣсяцевъ, Марковичъ воспользовался этимъ пребываніемъ какъ нельзя лучше; прежде всего онъ сблизился съ Вельяминовымъ, который, водя постоянную хлѣбъ-соль съ вдовою-гетманшею, конечно, не могъ отказать въ своемъ вниманіи и любимому ея племяннику. Но еще важнѣе было для Марковича знакомство съ Румянцевымъ, который пріѣхалъ въ Малороссію главнымъ образомъ, чтобы заручиться тѣми данными, на основаніи которыхъ правительство могло-бы утвердительно сказать, что въ челобитныхъ, поданныхъ Полуботкомъ отъ имени „всего народа", послѣдній не принималъ и не могъ принимать никакого участія, такъ какъ постоянныя насилія старшины надъ народомъ давно уже разъединили ихъ интересы. Для этого Румянцеву нужны были жалобы народа на старшину, а Марковичъ хорошо зналъ, что лубенскіе полчане не упустятъ случая пожаловаться на насилія его отца, да и самъ онъ былъ не безъ грѣховъ. Поэтому заручиться если не пріязнью, то по крайней мѣрѣ знакомствомъ Румянцева для Марковича было чрезвычайно важно. Знакомства-же Марковичъ достигъ, и даже довольно близкаго, такъ такъ карточные вечера съ Румянцевымъ были доступны не для всѣхъ.

Пріѣхавъ въ Роменъ 17-го декабря, Марковичъ сталъ было исполнять залежавшіяся не исполненными порученія коллегіи и генеральной канцеляріи; но 27 декабря его о чемъ-то такомъ извѣстили, что, записавъ въ свой дневникъ это извѣстіе въ нѣсколькихъ строкахъ, онъ потомъ вырвалъ эти строки, а 28-го декабря „родителька его рано отъѣхала въ Глуховъ", а на другой день выѣхалъ и самъ онъ туда-же. Пріѣхавъ въ Глуховъ въ ночь противъ 31 декабря, Марковичъ 1 января отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „извѣстился, что Лукьянъ Свѣчка вчера поѣхалъ къ Семену Лизогубу въ Андреевку; а тутъ, въ Глуховѣ, жилъ съ нимъ на одной квартирѣ". Едва-ли ошибемся, если скажемъ, что причиною внезапнаго пріѣзда въ Глуховъ Марковича и его матери было полученное имъ извѣстіе, что одинъ изъ державцевъ лубенскаго полка Лукьянъ Свѣчка подалъ жалобу въ коллегію на Марковича—отца за какое-то насиліе послѣдняго при пріобрѣтеніи отъ Свѣчки с. Токарей. Жалоба Свѣчки, какъ видно, очень испугала Марковича;

но въ своемъ дневникѣ о такихъ дѣлахъ онъ не любилъ распространяться. Изъ дневника, кромѣ приведеннаго мѣста, видно, что 3-го января онъ купилъ у члена коллегіи Кошелева крестьянина за 50 р., а 7-го выѣхалъ обратно въ Роменъ. Спѣшить въ Роменъ нужно было и потому, что прошла вѣсть, что Румянцевъ изъ Переяслава ѣдетъ въ лубенскій полкъ. Моментъ былъ самый критическій, такъ какъ народъ, прослыхавъ о проѣздѣ царскаго чиновника, который дорогой выспрашиваетъ о злоупотребленіяхъ старшинъ, сталъ безбоязненно подавать ему во множествѣ письменныя жалобы. Узнавъ, что Румянцевъ ѣдетъ въ Миргородъ чрезъ сотенный городокъ лубенскаго полка Лохвицу, Марковичъ отправился на встрѣчу къ нему и встрѣтилъ его 9-го января, ночью, угостилъ заранѣе приготовленнымъ ужиномъ въ селѣ Ивахникахъ, гдѣ Румянцевъ и ночевалъ. А на другой день проводивъ Румянцева за Лохвицу, Марковичъ объѣхалъ нѣкоторыя отцовскія маетности и вернулся въ Роменъ. Черезъ нѣсколько дней получено было распоряженіе Румянцева, „чтобы старшина полковая вся была въ Роменъ собрана; такожъ и козаковъ со всякой сотни по 50 человѣкъ и дожидались-бы его въ Ромнѣ". Рѣшительная минута приближалась: Марковичъ былъ увѣренъ, что жалобы отъ полчанъ будутъ. Вспомнилъ въ эту минтуту Марковичъ о князѣ Михаилѣ Голицынѣ, который по своей добротѣ можетъ помочь своимъ вліяніемъ, если пріѣздъ Румянцева не обойдется благополучно, и вотъ въ дневникѣ находимъ замѣтку, что 28 января „посланъ конюшій Алексѣецъ въ село Токори взять тамъ четверню воронопѣгихъ („вороностроватыхъ") лошадей и отвести въ Ахтырку къ князю Голицыну" [1]. Черезъ три дня, 1-го февраля, Марковичъ поѣхалъ на встрѣчу Румянцеву и встрѣтивъ его верстъ за тридцать отъ Ромна, предложилъ пересѣсть въ свою карету, на что тотъ и согласился. При въѣздѣ въ Роменъ предупредительный наказный „поздравилъ" Румянцева семью пушечными выстрѣлами и затѣмъ пригласилъ его къ себѣ на ужинъ. На другой день Румянцевъ, произведя опросъ собраннымъ полчанамъ о челобитныхъ, поданныхъ Полуботкомъ, обѣдалъ у Марковича и затѣмъ просидѣлъ у него за картами весь вечеръ; 3-го Румянцевъ устроилъ обѣдъ на своей квартирѣ, на который пригласилъ и старшину; поигравъ послѣ обѣда въ карты, Румян-

[1]) Рукопись дневника Якова Марковича.

цовъ на ужинъ отправился къ Марковичу. 4-го Румянцевъ „самъ обѣдалъ на своей квартирѣ“ [1]). Въ этотъ день, должно быть, онъ и принималъ тѣ жалобы, которыхъ боялся Марковичъ; а жалобы поданы были, потому что въ дневникѣ, 5 февраля, отмѣчено: „бригадиръ рано далъ указъ и челобитныя для изслѣдованія“ [2]). Хотя Марковичъ и не поясняетъ, кому данъ былъ указъ, но изъ архивныхъ свѣдѣній намъ извѣстно, что, не имѣя возможности разобраться въ массѣ жалобъ, поданныхъ ему при объѣздѣ Малороссіи, Румянцевъ разслѣдованіе этихъ жалобъ поручалъ въ каждомъ полку особому офицеру, въ помощь которому назначался одинъ изъ бунчуковыхъ или значковыхъ товарищей. Для разбора жалобъ, поданныхъ въ лубенскомъ полку, былъ назначенъ прапорщикъ Волжинъ. Ему-то и былъ данъ тотъ указъ, о которомъ говоритъ Марковичъ. Такимъ образомъ самъ Румянцевъ въ Ромнѣ ничего не сдѣлалъ по поданнымъ ему жалобамъ; но въ нѣкоторыхъ полкахъ, на основаніи этихъ жалобъ, Румянцевъ смѣнялъ полковую старшину и назначалъ новую по своему выбору; такъ были имъ смѣнены наказные полковники въ Переяславѣ и въ Полтавѣ, на мѣсто которыхъ онъ поставилъ другихъ. Въ Ромнѣ ничего этого не было, хотя жалобы и были; предупредительность лубенскаго наказнаго видимо имѣла свое вліяніе, такъ какъ къ Марковичу Румянцевъ былъ благосклоненъ. Передавъ поданныя жалобы Волжину, Румянцевъ отправился обѣдать къ Марковичу, а вечеромъ въ тотъ-же день и выѣхалъ изъ Ромна. Безъ проводъ, разумѣется, не обошлось: провожали за нѣсколько верстъ отъ города „и тамъ долго пивши, разлучились“. Румянцевъ поѣхалъ въ Глуховъ, „а я повернулся“, пишетъ Марковичъ въ дневникѣ, „и долго блудилъ по дорогѣ, пока попалъ въ Роменъ“ [3]). Значитъ, проводы были очень „шумны“.

Такъ благополучно сбылъ съ рукъ Марковичъ страшнаго царскаго слѣдователя и затѣмъ могъ уже вполнѣ успокоиться, тѣмъ болѣе, что и главный врагъ Марковича и въ тоже время популярный въ Малороссіи полковникъ—Апостолъ попалъ уже подъ арестъ за челобитныя Полуботка. Съ этого времени Яковъ Марковичъ занялъ опредѣленное мѣсто среди тогдашней старшины, которая увидѣла въ немъ такого мудреца, котораго лучше было не трогать. Былъ еще трудный моментъ въ жизни Якова Марковича, когда

[1]) Т. Ж. [2]) Т. Ж. [3]) Т. Ж.

неожиданно для всѣхъ гетманомъ сталъ Апостолъ. Но мы видѣли уже, что и здѣсь Марковичъ-отецъ, благодаря опять таки ловкости того же сына, выпутался изъ бѣды благополучно.

Дальнѣйшую жизнь Якова Марковича можно прослѣдить по его дневнику, изъ котораго можно увидѣть между прочимъ, что не смотря на всю житейскую мудрость его автора, послѣднему, при всѣхъ его стараніяхъ, не удалось выбиться изъ круга средней старшины. Было что-то такое въ этомъ человѣкѣ, что не давало ему возможности, не смотря на все его умѣнье сближаться съ сильными міра, достигнуть завѣтныхъ высшихъ старшинскихъ урядовъ, которыхъ Яковъ Марковичъ тщетно искалъ всю свою жизнь, пока не состарѣлся.

Заканчивая настоящій очеркъ, не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ о внукѣ Якова Марковича, и издателѣ его дневника— Александрѣ Михайловичѣ Марковичѣ, который во второй четверти настоящаго вѣка былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей „новой" Малороссіи[1]). Получивъ солидное образованіе, Александръ Михайловичъ Марковичъ въ тоже время обладалъ прекраснымъ свойствомъ души—твердыми убѣжденіями, которыми не поступался, можно сказать, никогда. Особенную твердость своихъ убѣжденій выказалъ Александръ Михайловичъ, будучи черниговскимъ губернскимъ предводителемъ. Будущій его біографъ разскажетъ поэтому поводу нѣсколько интересныхъ эпизодовъ, какъ умѣлъ Александръ Михайловичъ оберегать свое человѣческое достоинство при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ тогдашней общественной жизни. Какъ помѣщикъ, онъ также выдѣлялся изъ среды своихъ современниковъ необычно гуманными отношеніями къ своимъ крестьянамъ. Мы лично видѣли этого замѣчательнаго человѣча уже въ глубокой его старости, но и ранѣе онъ оставался тѣмъ-же привлекавшимъ общія къ себѣ симпатіи человѣкомъ. Помнимъ мы, какъ въ это время (1862 г.) онъ, не хвалясь, указывалъ на значеніе крестьянской школы въ живомъ примѣрѣ—въ его Сварковской школѣ, которая издавна была имъ устроена въ этомъ селѣ и обученіе въ которой велось съ тою добросовѣстностью, которой можно позавидовать и теперь. Нельзя не пожелать появленія біографіи этого человѣка, замѣчательнаго по уму, добротѣ и кротости. Такая біографія моглабы быть поученіемъ и для нашего времени[1]).

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) Родился 1790, † 1865 г.

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни см. въ Древней и Новой Россіи, 1879 г., № 1, стр. 53—55.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.)[1]).

Широко раскинулось по полночному берегу Роси село Ольшаница. Среди села, по долинѣ, разлился обширный прудъ. По обѣ стороны пруда на далекое разстояніе тянулись роскошные огороды и сады, а по берегамъ зеленѣли густыя вербы. Подлѣ самой плотины, вблизи мельницы, на небольшомъ пригоркѣ стояла дубовая, пятиглавая, крытая гонтомъ церковь. Мимо церкви шла дорога, а противъ церкви, чрезъ дорогу, расположенъ былъ домъ священника. За домомъ зеленѣлъ садъ: вишни и черешни разрослись до самаго берега пруда. Село раскинулось разноцвѣтнымъ ковромъ на широкой равнинѣ. Среди зеленѣющихъ садовъ и кой-гдѣ пожелтѣвшихъ огородовъ вырисовывались своей бѣлизной чисто вымазанныя хаты то съ потемнѣвшими отъ времени, то не тронутыми стихіей жолтыми крышами, а за огородами и садами разстилались обширныя левады и сѣнокосы, съ прихотливо разбросанными по нимъ группами ольхъ, лозъ и вербъ. На полдень виднѣлся высокій, гористый берегъ Роси, покрытый лѣсами, а промежъ ихъ бѣлѣли хаты другихъ селъ, блестѣли бѣлоглавыя церкви. То тамъ, то здѣсь лѣса будто перебѣгали Рось и темной лавой заливали равнину, то вырѣзываясь по окраинамъ ея зубцами, то выступая полукругами и острыми клиньями далеко, далеко на полночь.

Дѣло было въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Была лѣтняя пора. Солнце высоко стояло въ небѣ и обливало Ольшаницу яркимъ, блестящимъ свѣтомъ. Зашли жнива, былъ будній день, а на дворѣ и за дворомъ священника толпилась большая масса народа. Въ Ольшаницѣ только что похоронили старика-свя-

---

[1]) Печатается въ переложеніи на обще-русскій языкъ, съ сохраненіемъ малорусскаго подлинника однихъ лишь діалоговъ.—Ред.

щенника, Петра Моссаковскаго. Вся *громада* собралась къ его дому на поминальный обѣдъ. Широкій дворъ священниковой усадьбы весь заставленъ былъ импровизированными столами, устроенными изъ длинныхъ досокъ, утвержденныхъ на деревянныхъ обрубкахъ. Вдоль этихъ столовъ сидѣли длинными рядами „парафіане" умершаго батюшки. На всемъ протяженіи двора, выглядывая изъ-за плетней, толпились массы подростковъ и дѣтей обоего пола. Въ огородѣ пылали три костра, а около нихъ сновали молодицы. Въ легкомъ дыму костровъ видны были десятки огромныхъ горшковъ съ различными, приготовленными для обѣда кушаньями. Скоро молодицы стали разливать въ огромныя миски кушанье и разставлять по столамъ, другія въ большихъ „ряднахъ" носили изъ дому и раскладывали по столамъ заранѣе разрѣзанный на куски хлѣбъ и „книши". У самаго порога сѣней длинными рядами расположились къ обѣду „старци" всѣхъ возрастовъ и половъ, Тутъ живо шла работа; одни ряды смѣнялись другими. На всѣхъ другихъ столахъ шла тоже смѣна: одни вставали, окончивъ обѣдъ, другіе занимали ихъ мѣста, послѣ мужчинъ располагались женщины и т. д. Тутъ обѣдало все село, обѣдали прохожіе, проѣзжіе, нищіе со всей околицы собрались...

Четыре сына покойнаго о. Петра,—два священника, одинъ діаконъ и одинъ дьячекъ—съ огромными фляшками въ рукахъ ходили промежъ столовъ и потчивали всѣхъ водкой. Съ особой привѣтливостію угощали они прихожанъ своего отца, зная, что громада въ слѣдъ за симъ приступитъ къ выборамъ на мѣсто покойника, а всѣмъ имъ одинаково хотѣлось поступить на мѣсто отца въ родное, многолюдное и богатое село.

За угломъ дома, въ тѣни высокихъ черешень, накрыты были столы для духовенства и почетнѣйшихъ прихожанъ. Невѣстка покойника распоряжалась здѣсь угощеніемъ.

Солнце свернуло за полдень. Священство и міряне встали изъ-за стола, за ними въ слѣдъ поднимались изъ-за столовъ на всемъ пространствѣ двора. Говоръ затихъ. Настала такая тишина, будто во всемъ дворѣ не было живой души. Слышно было щебетанье птичекъ въ саду. Старикъ священникъ, повернувшись къ церкви, громкимъ басомъ началъ „парастасъ". Его голосъ раздавался по всему подворью. Старый батюшка громче прежняго воз-

гласилъ „вѣчную память“ покойнику-собрату и все собравшееся здѣсь духовенство запѣло: „вѣчная память“, а въ это время староста, сѣдой, совсѣмъ бѣлый, съ длинными черными усами, трижды, крестообразно, выше головы своей поднималъ большой *куфель* разсиченнаго меду, придерживая лежавшій сверху хлѣбъ. Всѣ стоявшіе во дворѣ и за дворомъ начали креститься и кланяться по направленію къ церкви: сотни рукъ замахали, сотни головъ то наклонялись, то подымались, сотни устъ тихо шептали: „вѣчная память! вѣчная память!“ Будто пронесся нежданно по двору вѣтеръ и шевельнулъ листь на деревѣ и чуть замѣтно затихалъ, пока совсѣмъ не затихъ...

Сыновья покойника со всѣмъ священствомъ пошли въ „покои“. Снимали доски со столовъ и уносили подъ навѣсъ, оттаскивали въ сторону подставки. Масса мужчинъ разсыпалась по двору; женщины пустились со двора. Начинались выборы новаго священника.

Послышалось тихое гудѣнье громады, точно жужжанье пчелъ въ пасѣкѣ въ поздній вечеръ: по всему двору собирались люди въ кружки, тихо говорили. Чуть, чуть слышалось: „а хто буде у насъ священникомъ? кого станемъ выбирать?“ Одни говорили, что всего лучше выбрать на *парафію* одного изъ старшихъ сыновей покойника, что были уже священниками въ сосѣднихъ селахъ, другіе подавали голосъ за третьяго сына—діакона; но еще тише ходилъ говоръ по кружкамъ, что старшіе сыновья не хорошо живутъ съ своими прихожанами, а діаконъ пьянствуетъ въ корчмѣ и дерется не только съ людьми, но даже съ жидами.

— Панове, громадо! спокойно, но твердо проговорилъ старикъ староста, вокругъ котораго толпились такіе-же старики: выберимъ самого меншого покойникового сына, Харитона. Вінъ вырісъ на нашихъ очахъ, мы ёго добре знаемъ. Вінъ чоловікъ не гордый; выпье зъ нами чарку горілки, але не пьянствуе; вінъ до людей привітный, гортань мае добру. Зъ ёго добрый буде священикъ. Напишимъ прошеніе до владыки, даймо ёму підводу, грошей на дорогу, та й нехай рушае. Чи такъ, панове-громадо?

— Такъ, такъ! ты, старосто, добре радишь! загоготали вокругъ старосты и это рѣшеніе стрѣлой пролетѣло по всему двору.

Староста вышелъ изъ круга, прошелъ вдоль и въпоперекъ по двору, спрашивая всѣхъ и каждаго, пристаютъ-ли на предло-

женнаго имъ кандидата. Предъ нимъ почтительно разступались, обнаженныя головы всюду колыхались и отъ края до края всюду слышалось одно: такъ, такъ! нехай Харитонъ буде у насъ священикомъ!

Староста прошелъ въ домъ и оповѣстилъ священство и самаго Харитона о послѣдовавшемъ избраніи. Старшіе сыновья покойника видимо были сконфужены. Харитонъ покорно склонилъ голову; о его желаніи занять отцевское мѣсто не могло быть и вопроса.

— Выйдить-же, пане дяче, до громады,—сказалъ староста, слегка кланяясь Харитону.

Харитонъ вышелъ на крыльце. За нимъ нѣсколько священниковъ, кромѣ однако братьевъ. Гоготавшая громада мгновенно затихла. Староста со ступенекъ громко вопрошалъ: чи згожуетесь, панове-громадо, на сёго пана Харитона—мати ёго собі за священика на нашій парафіи?

— Згода, згода! загудѣла громада; нехай вінъ буде у насъ священикомъ!—Харитонъ низко поклонился и поблагодарилъ громаду.

— Волимо Харитона! Харитинъ нехай буде за попа! доносилось со всѣхъ сторонъ.

Харитонъ снова поклонился и хотѣлъ что-то говорить; но и первыхъ словъ его нельзя было уже разслышать. Поднялся шумъ, какой заканчиваетъ всѣ такія собранія; громада гудѣла, точно вѣтеръ въ лѣсу. Задніе ряды заколыхались и хлынули со двора. Точно лава воды, ринувшаяся изъ прорванной плотины, понесли они предъ собой кучи дѣтей и всякой молодежи, нависшія у воротъ. Заколыхалась и вся масса людей во дворѣ и широкой волной полила изъ воротъ на улицу. Въ дворѣ становилось пусто и тихо. На крыльцѣ все еще стоялъ счастливый Харитонъ,—высокій, тонкій, стройный, бѣлолицый, съ густыми русыми кудрями, едва доходившими до плечей. Онъ пристально глядѣлъ на удалявшуюся отъ него волну черныхъ шапокъ и свитокъ, пока и послѣдній человѣкъ не вышелъ со двора. На его нѣжномъ лицѣ горѣлъ яркій румянецъ, когда, проводивъ всѣхъ до послѣдка, онъ возвращался въ свѣтлицу, окруженный видимо сочувствовавшими ему сосѣдями-священниками.

— Поздоровляемо васъ, Харитоне Петровичу! первые заговорили проворныя матушки; теперь-же шукайте десь хорошу пани-матку, та й на парафію сідайте.

Харитоновъ братъ-діаконъ сердито взглянувъ на матушекъ, проговорилъ:

— У батька ще й ноги не захололи, а вы вже й за весілля...

— А що-жъ, брате? Живый живе гада!—отозвался найстаршій братъ. Вже батька не вернешь зъ гробу, а отъ выйдуть сороковины, то й счасти Боже Харитонови и одружитись!

— Добре слово! Мудра річь! Або нема зъ кимъ?—затараторили матушки. Они совсѣмъ забыли о похоронахъ и начали перебирать всѣхъ извѣстныхъ въ околоткѣ невѣстъ. Одна изъ матушекъ въ числѣ невѣстъ назвала Онисю Прокоповичевну. При этомъ имени Харитонъ поднялъ вверхъ стыдливые глаза свои и снова опустилъ ихъ внизъ. Предъ нимъ будто молнія изъ тучъ блеснулъ образъ Ониси. Онъ вспомнилъ ее и—забылъ даже про смерть отца и только что окончившіеся похороны. Разъ онъ видѣлъ ее въ Богуславѣ на ярмаркѣ и съ тѣхъ поръ не могъ забыть объ ней.

Подъ вечеръ разъѣхались одинъ за другимъ всѣ сосѣди и знакомые покойнаго Моссаковскаго, пріѣзжавшіе отдать ему послѣдній долгъ; сыновья, безъ шуму и спору, подѣлились „батькивскимъ“ добромъ; старшіе братья, взявъ кое-что изъ вещей покойника на память и предоставивъ Харитону всю недвижимость и хозяйство, да пригласивъ одного безмѣстнаго старичка-священника „наблюдать парафію“, пока „высвятится“ Харитонъ, въ свою очередь поспѣшили „до господы“. Къ ночи домъ опустѣлъ. Остался одинъ Харитонъ съ своими мечтами о священствѣ и Онисѣ.

Медленно тянулись для него „сороковины“, а тѣмъ временемъ Онисю навѣщали женихи, а чаще другихъ Марко Павловичъ Балабуха, *философъ*, только что оставившій преобразованную предъ тѣмъ кіевскую академію, чтобы поступить въ село на приходъ.

Онися Степановна была единственная дочь стараго уже священника села Чаёкъ. Чайки находились верстахъ въ 20-ти отъ Ольшаницы и расположены были на гористомъ правомъ берегу Роси. Отлогій по краямъ села и крутой въ самой серединѣ онаго берегъ то изрытъ былъ узкими ущельями, то загроможденъ скалистыми террассами; живописные уступы, роскошныя удолья красовались очаровательною зеленью; здѣсь и тамъ, отъ

берега до вершины горы, бѣлѣли чистенькія хатки, то прячась отъ солнца и бури подъ защиту скалъ, то утопая въ зелени садовъ. Съ обоихъ концовъ села, какъ двѣ зеленыя стѣны, стоялъ густой дубовый лѣсъ. На срединѣ горы, на одномъ изъ ея уступовъ красовалась стройно сложенная изъ дубовыхъ брусьевъ церковь, бѣлые верхи которой ярко блестѣли при свѣтѣ солнца и видны были на далекое пространство. У церкви ютился домикъ священника Прокоповича; отъ него по крутой горѣ до самаго берега шелъ роскошный старый садъ, а внизу по-надъ Росью зеленѣли густыя вербы. Передъ домомъ, по-за Росью, на десятки верстъ раскиданы были села по широкой равнинѣ, разрисованной, какъ картина, и испещренной то пожелтѣвшими нивами, то зелеными лугами и левадами, то синѣвшими на солнцѣ ставками, отражавшими въ себѣ верхи вербъ, церквей и горъ.

I.

Былъ день воскресный. Семья Прокоповичей окончила обѣдъ. Старый „панъ-отець“ отправился въ пасѣку и залегъ въ „*катрагѣ*“ спать. Въ комнатѣ сидѣли мать съ дочерью и грызли сѣмячки. Бесѣда у нихъ шла о молодыхъ паничахъ, наѣзжавшихъ къ Онисѣ Степановнѣ.

— А що, дочко, будемо діяти? Чи швидко підемо заміжъ, чи ще довго будемо перебендювати? спросила мать у дочери.

— Про мене, мамо, ідить замижъ хочъ и сёгодня, сказала дочь, усмѣхаясь.

— Цуръ дурнои-нависнои! Хиба я про себе говорю? замѣтила мать.

— А то-жъ про кого? сказала дочь.

— Та про кого-жъ, якъ не про тебе.

— Про мене?... Якъ про мене, то не знаю, сказала дочь, загнувъ въ знакъ недоумѣнія или неудовольствія нижнюю губу.

— А хто-жъ буде знати, якъ не ты? Це-жъ твое діло, а не мое. Мині съ твоими женихами не жити. Чи мало вже ихъ до насъ навідувалось?

— Та мене, хвалити Бога, нихто не объіхавъ рябымъ конемъ, сказала дочка, але, сказати щиру правду, моихъ женихівъ хочъ по сімъ за цыбулю продавай.

— Ну, не всіхъ продаси по сімъ за цыбулю. Одного академиста Балабуху не продати й за сімъ цыбуль.

— Я-бъ мамо, ёго й дурно оддала, абы вінъ тильки не іздивъ до насъ.

— Але й вередлива-жъ ты, нічого сказати. Балабуха чоловікъ вченый, займе добру парахвію, буде благочиннымъ, а може й протіереемъ.

— Про мене нехай буде й архіереемъ, коли-жъ у его таки губы, неначе вінъ зъ людей кривиться.

— Отъ и выгадала. Якіжъ у ёго губы? Такі, якъ и у всіхъ людей.

— Коли-жъ, мамо, якъ вінъ засміеться, то такъ зувсімъ, якъ отъ часомъ одна коняка до другои зубы шкирить. А що вже гордый та гоноровитый! правда, що вченый.

Не успѣла Онися окончить разговоръ, какъ за дворомъ послышался стукъ колесъ. Залаяли собаки и бросились за дворъ. Мать и дочь выбѣжали изъ „кімнаты“ въ „свѣтлицу“ и бросились къ окнамъ. Въ ворота въѣзжалъ старосвѣтскій богуславскій возокъ, котораго кузовъ обшитъ былъ широкимъ цѣльнымъ лубомъ и напоминалъ собою большую корзину, расширенную по краямъ и съ поднятымъ вверхъ передомъ. Изъ-за тощихъ двухъ клячъ въ плетеныхъ пеньковыхъ шлеяхъ выглядывала большая фигура академиста Балабухи. Онъ грузно сидѣлъ, какъ добрая копна сѣна, въ „легкодушномъ“ возку. На немъ была шинель синяго сукна съ такимъ длиннымъ воротникомъ, что, спускаясь позади возка, онъ закрывалъ до половины колеса. Возокъ остановился близъ „коморы“, стоявшей наискосъ отъ дома. Поднимаясь съ глубоко опустившагося сидѣнья, Балабуха взялся обѣими руками за края возка и такъ сильно ихъ нажалъ, выдвигая свою грузную фигуру, что возокъ затрещалъ и раздвинулся въ обѣ стороны.

— Ой, панычу, помалу, бо воза поломаете! сказалъ, съ испугомъ озираясь, погоничь; зновъ насъ будуть батюшка лаяти, якъ лаяли за того воза, що вы разтрощили торікъ.

— Роскажи своему батькови! сказалъ Балабуха и закинувъ ноги черезъ край трещавшаго возка, рванулся всѣмъ корпусомъ впередъ и грузно опустился на землю. Послышался гулъ, точно упалъ съ высоты большущій мѣшокъ съ зерномъ.

— Отъ тобі на! сказала Онися, глядя изъ окна; за вовка промовка, а вовкъ у хату.

— Йди, дочко, причепурись! сказала мать: надінь товсте намисто, та квітки на голову.

— Намисто надіну и квитки надіну, а Балабусі таки дамъ гарбуза, сказала Онися, смѣясь и убѣгая въ „кімнату".

— Годі, моя дитино, гарбузувати! Треба колись покохати та й заміжъ ити, тихо проговорила мать въ слѣдъ убѣгавшей дочери.

Балабуха стоялъ около возка, а ему подъ ноги бросились, точно бѣшеныя, три презлющія собаки. Наймичка выбѣгла съ палкою и прогнала собакъ. Балабуха, медленно и озираясь, побрелъ къ дому.

Въ сѣняхъ онъ снялъ съ себя шинель и картузъ и бросилъ на стоявшій тутъ сундукъ, вынулъ изъ кармана красный бумажный платокъ, высморкался, откашлялся и тяжелою поступью вошелъ въ „свѣтлицу". Тамъ не было ни духа. Балабуха снова досталъ платокъ, вытеръ носъ, кашлянулъ трижды и сталъ потихоньку переступать съ ноги на ногу, поглядывая то на дверь въ „кімнату", то на свои широкіе на „подборахъ" и въ „рантъ" шитые сапоги.

„Свѣтлица" была просторна, но съ малыми окнами, по четыре стекла въ каждомъ. Вся передняя стѣна съ прилегающими углами до половины сплошь увѣшана была образами и представляли изъ себя подобіе иконостаса. По угламъ висѣли наибольшіе и наиболѣе чтимые образа,—въ одномъ образъ печерской Богородицы, въ другомъ почаевской, а передъ образами висѣли небольшія лампадки, купленныя свѣжо у заѣзжаго торговца. Сверху и съ боковъ образа прикрыты были большими, разшитыми въ цвѣта и мелкимъ узоромъ полотенцами. Образа висѣли двумя рядами,—одни достигали самаго потолка, другіе доходили до стоявшаго у стѣны, по самой срединѣ оной, прикрытаго чистой скатертью стола. Боковая наружная стѣна была занята портретами какихъ-то архіереевъ, а около нихъ и подъ ними въ простыхъ некрашеныхъ рамкахъ, за стекломъ и безъ стекла, ютились такъ называемые куншты,—бумажныя изображенія нѣсколькихъ сраженій изъ отечественной войны и войны за независимость грековъ. На внутренней дощатой перегородкѣ, отдѣлявшей „свѣтлицу" отъ „кімнаты", развѣшенъ былъ огромныхъ размѣровъ „килимъ", т. е. коверъ, оригинальный рисунокъ котораго давалъ нѣсколько рядовъ большихъ цвѣтовъ, съ

сочетаніемъ самыхъ яркихъ красокъ, какое можно видѣть и теперь на пасхальныхъ „писанкахъ“. Подъ этой-же стѣной стояла такъ называемая „канапка“, родъ дощатаго некрашенаго и самой простой работы и конструкціи дивана. Канапка прикрыта была мѣстной работы ковромъ. Отъ нея шли вокругъ по стѣнамъ то узкія со спинками скамейки, то также простые и не крашеные стулья, самой разнородной формы, коллекція которыхъ составилась не вдругъ, а съ большою постепенностію, болѣе по случаю, а не по заказу. Въ заднемъ углу, близь порога, стоялъ окрашенный въ синюю краску и расписанный разными цвѣтами небольшой шкафъ въ два яруса, хранившій болѣе разныя подручныя яства и питія и мелкій хозяйственный скарбъ, чѣмъ какую либо посуду. На боковой двери изображено было принесеніе Авраамомъ Исаака въ жертву, а на главной—козакъ Мамай съ фляшкой въ одной и рюмкой въ другой рукѣ.

Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ по „свѣтлицѣ“, Балабуха остановился предъ Мамаемъ, будто видѣлъ его въ первый разъ, и въ десятый разъ читалъ классическую подъ нимъ подпись:

Козакъ, душа правдива,
Сорочки не мае;
Коли не пье, то в... бье,
Таки не гуляе.

Балабуха какъ-бы призадумался. Какіе-то неясные образы вновь появились въ его головѣ при чтеніи давно знакомой подписи, но лице его не выражало никакого движенія мысли или чувства... Коротко обстриженная голова его точно отдыхала на роскошныхъ широкихъ плечахъ. Густыя, черныя брови будто повисли надъ темными, чистыми и необычайно спокойными глазами. Продолговатое лице его пріятно закруглялось книзу и оканчивалось мягкимъ широкимъ подбородкомъ. Балабуха былъ совсѣмъ не дуренъ собой, только толстый и длинный носъ, да широкія мясистыя губы портили немного общую гармонію лица... Въ серединѣ верхней губы видна была глубокая, нѣсколько продолговатая впадина, точно кто притянулъ ее тонкой ниткой и сдѣлалъ изъ одной большой губы двѣ малыхъ, нижняя-жъ, напротивъ, красовалась во всей своей полнотѣ и такъ выдалась къ верху, что кожа на ней вытянулась

и лоснилась, какъ-бы смазанная яичнымъ бѣлкомъ. Общее выраженіе у Балабухи получалось такое, будто въ самомъ дѣлѣ онъ кривлялся, или передразнивалъ кого нибудь. Костюмъ его былъ „зъ достатку", чистый и новый, но въ то-же время очень оригинальный и совсѣмъ не похожій на народный костюмъ академистовъ прежняго времени: длинный синяго сукна сюртукъ съ широкимъ воротникомъ, безъ разрѣза назади, и бѣлыми, немного выпуклыми металлическими пуговицами, бланжовый жилетъ и такіе-же пантолоны, сильно съуживавшіеся книзу и изламывавшіеся по формѣ скрывавшихся подъ ними большихъ „шкаповыхъ" голенищъ. Черный, толсто-намотанный вокругъ шеи, полушелковый платокъ и высокіе стоячіе воротнички довершали костюмъ Балабухи... Послѣдніе имѣли столь острые концы, что тогдашнія панночки говорили, что они „нибы хмары ріжуть", а иной батюшка взглянетъ было на нихъ, улыбнется, плюнетъ и добродушно замѣтитъ: „эге! то-бъ то леміши зъ ихъ добри були". Одинъ дьячекъ, въ компаніи съ Балабухой, глядя на его голову, покоившуюся въ воротничкахъ и толсто намотанномъ вокругъ шеи платкѣ, сказалъ на ухо сосѣду: „ось дивиця: въ ёго голова зувсімъ, якъ квочка въ обычайці; ище й дві дощечки зъ боку встромлени". Вообще новомодный костюмъ Балабухи, за оставленіемъ академіи мало ему принадлежавшій, вызывалъ не мало добродушныхъ остротъ и замѣчаній, также какъ и его гладко выбритое, но отдававшее синевой и какъ-бы вымазанное сажей лице, свидѣтельствовавшее о сильной растительности черныхъ какъ смоль волосъ, отъ которыхъ онъ оставлялъ лишь длинные висячіе усы. Одна панночка даже спрашивала у своей матери: „що то, мамо, у того академиста лице также сине, якъ бузъ?" а другая говорила: „вінъ зъ тихъ білихъ коміривъ выглядае, якъ гречана галушка зъ молока".

Балабухѣ было далеко за 20-ть лѣтъ. Наука ему опостыла и онъ оставилъ академію при самомъ ея преобразованіи, захвативъ изъ нея лишь новый студенческій костюмъ, много напоминавшій офиціантовъ польскихъ пановъ. Когда Балабуха, бросивъ академію неожиданно для своего отца и прибывъ изъ Кіева домой, сталъ выражать предъ отцемъ свои сѣтованія на новые порядки и трудность науки, отецъ ласково улыбнулся и сказалъ: „це вже, сынку, здаеться, запаскою тобі запахло... Такъ що-жъ? Кинь іі, ту акаде-

мію, та одружись, та й сідай на парафію". И сынъ точно внялъ совѣту отца и сталъ искать себѣ невѣсты и прихода. На этотъ разъ онъ пріѣхалъ къ Прокоповичамъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ самолично объясниться предъ Онисею относительно истинной цѣли его частыхъ посѣщеній.

Тихо растворились боковыя двери; Авраамъ съ Исаакомъ скрылись во внутрь комнаты, а вмѣсто ихъ показалась на порогѣ *матушка*. Она была уже не молода. Костюмъ ея былъ такой, какой рѣдко встрѣтите теперь даже въ крестьянской средѣ глухаго украинскаго захолустья. На головѣ у ней стародавняя парчевая шапочка, давно переименованная въ „очипокъ", прикрытый теперь тонкою тканью домашней работы, на манеръ кисеи,—такъ называемою *наміткою*. Намітка искусно повязана была на головѣ, съ большимъ бантомъ позади и спускавшимися двумя длинными концами, на подобіе траурной вуали. Дальнѣйшій нарядъ матушки состоялъ изъ шелковаго лифа съ рукавами, или такъ называемой *юпки*, сшитой изъ темно коричневой матеріи съ мелкими серебряными листочками, и изъ темной плахты и такой-же запаски, т. е. двухъ кусковъ шерстяной матеріи, изъ которыхъ одинъ обхватывалъ нижнюю половину тѣла спереди, а другой сзади и оба укрѣплялись въ таліи шерстянымъ широкимъ поясомъ. Изъ подъ плахты и запаски виднѣлся на вершокъ прошитый заполочью подолъ рубахи, закрывавшій на половину черныя голеница жолтыхъ, сафьянныхъ сапогъ, на одной подошвѣ, съ невысокими каблуками и плоскими подковами. На шеѣ висѣлъ „червінець", величиною съ добрый пятакъ, а изъ подъ рукавовъ юпки выглядывали отороченныя также заполочью и оканчивавшіеся узкой сборкой рукава добротной, домашняго холста, рубахи.

Балабуха низко поклонился хозяйкѣ дома и поцѣловалъ ее въ руку, а она поцѣловалась съ нимъ троекратно въ губы.

— Выбачайте, паниматко! може вы одпочивали по обіді, а я васъ розбудивъ, проговорилъ Балабуха густымъ басомъ, но тихо и сдержанно, будто боясь кого нибудь разбудить.

— Ні, Марку Павловичу, сказала матушка: я не одпочивала, а мій старій пішовъ десь на спочивокъ до пасіки.

— А Онисія Степанивна дома? спросилъ Балабуха.

— Дома. Онисю! кликнула матушка свою дочь; выйди, серце, та вынеси намъ по чарці.—Чи горілочки, чи наливочки? спросила она академиста.

Академистъ, подумавъ какъ-бы, отвѣчалъ: та воно після дороги лучче-бъ теи *aquae vitae,* тобъ-то горілочки чарку.

— Вынеси, доню, намъ горілочки, та набери въ тарілку пирожківъ! опять сказала матушка черезъ порогъ.

Онися не замедлила выйти и вскорѣ показалась въ дверяхъ, высокая, тонкая, стройная, какъ тополь. Склонивъ немного на бокъ голову, чтобы не задѣть за перекладину, она вступила въ свѣтлицу, неся на подносѣ водку и пироги. Взглянувъ на нее, Балабуха чуть не вскрикнулъ отъ удовольствія.

На Онисѣ была *плахта,* вытканная изъ шерсти по поламъ съ шелкомъ, небольшими квадратиками. Квадратики были затканы „жовтогорячимъ" шолкомъ съ бѣлыми, какъ серебро, тонкими ободками; внизу качались круглые, величиною въ волоскій орѣхъ кисточки, похожія на колокольчики. Красная, съ синими и зелеными цвѣтами, *запаска* свѣтилась, какъ горящіе уголья. Вышитый красными и синими цвѣтами подолъ сорочки опускался на красивые сафъянные полусапожки. Яркосиній шелковый *корсетъ* затканъ былъ золотыми цвѣтами. На головѣ сіялъ цѣлый вѣнокъ цвѣтовъ. Разноцвѣтныя ленты покрывали плечи ея до пояса, будто дождь цвѣтовъ лился съ головы по плечамъ. На шеѣ красовалось роскошное въ нѣсколько спурковъ намисто съ золотыми *дукачами.*

Лице Ониси не блистало красотой, но поражало особою своею привлекательностію. Оно имѣло оригинальное очертаніе, вверху шире, книзу уже, и оканчивалось нѣсколько острымъ подбородкомъ. Двѣ тонкія линіи черныхъ бровей были какъ-бы вырисованы на широкомъ и высокомъ ея челѣ, и своими острыми концами уходили подъ нависшіе надъ выпуклыми висками цвѣты. Изъ-подъ густыхъ, стыдливо поднимавшихся рѣсницъ свѣтились черные, какъ уголь, острые и блестящіе глаза. Тонкій, съ легкимъ возвышеніемъ носикъ какъ-бы свѣтился насквозь, а маленькія темнокрасныя губы выступали впередъ и слегка опускались внизъ; цвѣтъ лица былъ нѣсколько желтоватъ, но его освѣжалъ легкій, едва примѣтный, широкій румянецъ.

Онися вошла и будто принесла съ собою еще больше свѣта въ свѣтлицу, залитую горячимъ лѣтнимъ солнцемъ.

Балабуха стоялъ и глядѣлъ. Онъ даже забылъ поклониться ей.

Онися по старосвѣтски поздоровалась съ гостемъ, кивнувъ на ходу головой, и поставила подносъ на столъ. Когда она наклонилась надъ столомъ, ленты закачались на ея плечахъ, точно отъ вѣтру, и открыли ея тонкій, ровный, какъ стрѣла, еще дѣтскій станъ. Балабуха опомнился, подбѣжалъ къ Онисѣ, поклонился и молча поцѣловалъ у нея руку. Онися улыбнулась, подмигнула матери и подумала: ей-же Богу, кривиться зъ мене!

— И коли-жъ оце моя Онися встигла убратись въ нову плахту, въ нову запаску, ще й почіпляти стрічокъ та квітокъ на голову? думала матушка, поглядывая искоса на свою дочку.

Онися сѣла на канапкѣ; Балабуха расположился на стулѣ подъ окномъ и робко посматривалъ на нее.

— Чого це я такъ злякався ціеи панны? думалъ Балабуха: я-жъ таки академистъ, философъ, а вона, и въ граматиці не була и не вміе навить просклопяти *mensa*; я-жъ знаю Горація та Овидія напамять одъ дошки до дошки.

Балабуха гордо поднялъ голову, откинулъ ее назадъ, закинулъ ногу на ногу, оперся локтемъ объ столъ и молча сидѣлъ въ такой позѣ. Онисѣ эта поза не понравилась; она была горда, разумна, энергична и не любила гордыхъ и характерныхъ людей. Она, сама любила верховодничать, а не покоряться.

Нѣсколько минутъ длилось общее молчаніе; слышалось только, какъ мухи бились объ окна, залитыя горячимъ свѣтомъ.

— Чого-жъ оце мы сидимо? заговорила наконецъ матушка. Ось выпиймо лишь по чарці, то й повеселішаемо та й розговоримось.

И она подошла къ столу, взяла фляшку въ правую руку, рюмку въ лѣвую и повернувшись лицемъ къ гостю, принялась наливать водку.

— И то розумне слово, отозвался Балабуха на такое приглашеніе. *In vino veritas*, казали древни мудреці,—добавилъ онъ съ нѣкоторою важностію, растягивая латинскую фразу.

— Будьмо-жъ здорови, какъ-бы въ отвѣтъ на это произнесла протяжно матушка, выпила съ полрюмки и наливъ вновь, поднесла Балабухѣ. Балабуха выпилъ чарку до дна, отломалъ половину пирога и цѣликомъ послалъ въ широкій свой ротъ.

— А ты, доню, не покуштуешъ оціеи поганои та гіркои? спросила мать у дочери.

— Спасибі, мамо! Я-жъ не пъю, сказала Онися быстро и громко, какъ-бы опасаясь повторенія предложенія.

— Та хочъ за здоровья гостя помочи губы, сказала матушка, подавая дочери рюмку съ водкой.

И мать и дочь хорошо знали стародавній, неизмѣнный обычай прикушать къ гостю и только для виду переговаривались: Онися сдѣлала видъ, будто ей неловко отказаться прикушать за здоровье гостя, а за тѣмъ, нехотя какъ-бы, встала, взяла рюмку, обмакнула губы и поставила на тарелку, утираясь платочкомъ.

Послѣ рюмки разговоръ пошелъ живѣе. Матушка расказывала про свое хозяйство, про урожай, про пасѣку. Балабуха то тамъ, то здѣсь вставитъ словцо и все посматриваетъ на Онисю, а Онися то подниметъ, то опуститъ свои длинныя рѣсницы, то пристально глядитъ на какой-нибудь *куштъ*, точно видитъ его въ первый разъ.

Матушка заговорила о смерти и похоронахъ ольшанскаго священника.

— А вы були на похороні? спросилъ Балабуха Онисю.

— Ні, я боюсь мерцівъ. Я-бъ три ночи не спала після похорона, сказала Онися и опять начала разсматривать то крашенныя притолки у дверей, то Авраама на дверяхъ, который поднялъ большіе испуганные глаза къ небу, будто видитъ тамъ въ свою очередь мертвеца.

— Який у васъ гарный садокъ, та ще надъ водою, сказалъ Балабуха, обращаясь прямо къ Онисѣ.

— Садокъ гарный, але цёго року не вродили *хруста*, сказала Онися, желая вставить непростое слово.

— Може *фрукты*, сказалъ Балабуха, до це слово латыньске, четвертои деклінаціи... и воно рода мужеського, тимъ то треба казати фрукты, а не фрукта.

— Ой поганый, та ще вчить мене, подумала Онися и покраснѣла; потривай же, я тобі підсуну хруста.

Матушка сообразила, что третье лице тамъ лишнее, гдѣ сходятся „хлопець“ и „дівчина“, встала и проговорила будто про себя: піду жъ я въ пасіку, та розбужу свого старого; а доки вінъ спатиме!

Матушка вышла. „Хлопець“ и „дівчина“ молчали. Въ свѣтлицѣ стало такъ тихо, что слышно было тяжелое дыханіе Балабухи, котораго широкая грудь то поднималась, то опускалась, изобличая его внутреннее волненіе.

— Звідкіль почати? що сказати? О музы! О боги! поможіть мині приступити до цееи червонои запаски, какъ-бы въ слухъ взмолился Балабуха, обращаясь къ древнимъ богинямъ и богамъ.

А они молчали, не помогали. У Балабухи выступилъ потъ на лбу. Онъ переложилъ правую ногу на лѣвую, потомъ опять лѣвую на правую, а приготовленныя слова совсѣмъ ушли изъ его памяти.

— О, Афина-Паллада! о, божествена Діяна! О, Венера! бросился опять Балабуха за помощью на Олимпъ, глядя на Онисю. Богини класическаго міра, мимо воли его, сновали въ его головѣ одна за другой, пробѣгали рядками, гонялись одна за другой, будто въ „хрещика“ играли, и все красивыя, роскошныя, одна краше другой. А слова все таки ня шли на языкъ. Балабуха вытянулъ платокъ, опять оперся локтемъ объ столъ и переложилъ вновь ногу на ногу.

— Чи не покликати на помічъ Горація? а може Арыстотеля? думалъ Балабуха, перебирая въ умѣ своемъ латинскія вирши. Но онъ чувствовалъ, что и Горацій куда-то удралъ, а Аристотеля и конемъ не догонишь. Передъ нимъ вертѣлись лишь нимфы въ какомъ-то сказочномъ лѣсу, въ полумрачной пещерѣ, надъ тихой, прозрачной водой. На нихъ, какъ на Онисѣ, были красивыя плахты, а зеленая осока и цвѣты покрывали ихъ головы, падали по плечамъ.

— Вы, Онисія Степановно, якъ лісова Діана! вдругъ проговорилъ Балабуха и самъ покраснѣлъ и замолкъ.

Онися взглянула на него удивленными глазами и подумала: „чи вінъ сміеться зъ мене, чи говорить вже дуже по вченому“, но ничего въ отвѣтъ не сказала. Балабуха и самъ спохватился и смекнулъ, что выразился очень высокопарно и темно, и что не слѣдуетъ говорить такимъ академическимъ, какъ онъ думалъ, языкомъ.

— Вы, Онисія Степановно,... я все... вновь началъ Балабуха, рѣшившись упростить свою рѣчь; якъ побачивъ я васъ, то мині ставъ світъ немилый!

— Хиба я така страшна, що вже й світъ вамъ ставъ не милый! смѣло отрѣзала Онися.

— Вы жартуете. Де вже вы страшни! Чи може жъ бути така краса страшною? Краса страшна, то правда, але такъ, якъ були страшни для людей давні боги, якъ страшный Богъ,—началъ философствовать Балабуха: ваши чорни брови, якъ гострі стрілы Купидона; того вразять, той вже на віки вашъ.

— У кого-жъ то були таки стрілы? Вы мабуть говорите про своихъ учителівъ? отозвалась Онися.

— Sancta simplicitas! якъ ты часомъ гарна буваешь своею таки простотою? проговорилъ будто самъ къ себѣ Балабуха.

— Чи вінъ сміеться зъ мене, чи глузуе, що вінъ ученый, а я проста? подумала Онися и стала сердиться.

— Вы такъ говорите по пісьменному, що я ничого не розберу, сказала Онися.

— Чи вже жъ вы не розберете, що я васъ люблю? А коли вы мене любите, то я готовый хочъ и сёгодня до васъ старостивъ слати,—сказалъ Балабуха и самъ удивился, что сказалъ такъ просто и ясно.

— Такъ бы вы й давно казали, то я бъ знала, про що пъеться, сказала Онися и разсмѣялась, ни мало не сконфузившись,—она слышала такія рѣчи уже не въ первый разъ.

Балабуха и самъ усмѣхнулся. При этомъ ротъ его широко растянулся, а по обѣ стороны его образовались по двѣ линіи, какъ-бы по двѣ ижицы. Въ академіи студенты шутили надъ Балабухою и говорили, что когда онъ засмѣется, то у него по одну сторону рта появляются *супины*, а по другую *герундіи*.

Онисѣ показалось, что Балабуха гордо смотритъ на нее и смѣется надъ нею.

— Потривай-же ты, академисте! я тобі накладу въ візъ таки правдивіхъ гарбузивъ, подумала Онися, и у нея въ самомъ дѣлѣ явилась мысль продѣлать эту обычную шутку съ гордымъ академистомъ. Она сама даже разсмѣялась отъ этой неожиданной мысли.

— Чого вы сміетеся? Чи того, що щасливі? спросилъ Балабуха, въ свою очередь усмѣхаясь.

Скрипнули двери въ сѣняхъ. Въ хату вошла матушка. Увидѣла она, что молодые люди обое смѣются и подумала, что все у нихъ окончилось ладомъ.

— Оце я будила, будила свого старого, та й не добудилась, весело проговорила матушка. Коли ваша ласка, обратилась она къ гостю, выпъемо по чарці, та ходимо до пасіки въ садокъ. Може гуртомъ розбудимо старого.

Матушка налила „по чарці", выпила сама и поднесла Балабухѣ. Балабуха „стукнулъ" до дна и со внусомъ заѣлъ пирогомъ, какъ-бы послѣ очень тяжелой, но успѣшно оконченной работы.

— Може ще по другій? спросила матушка.

— Ні, спасибі вамъ, пани-матко, весело сказалъ Балабуха; est modus in rebus, якъ казавъ Горацій.

— Вы все по вченому говорите, а мы люде прости, просто й горілочку пъемо, сказала матушка.

Матушка взяла фляшку и тарелку съ пирогами и пригласила Балабуху въ садокъ. Онися выскочила въ „кімнату", затворила за собою двери, обернулась и передразнила Балабуху передъ дверями, вывернувъ изо всей силы нижнюю губу, какъ у него.

Большой садъ Прокоповичей былъ раскинутъ на всемъ пространствѣ ихъ обширной гористой усадьбы; лишь незначительная часть его занята была цвѣтникомъ, огородомъ и пасѣкой. Главная часть сада расположена была на верхней террассѣ близъ дома и тутъ-то во всей красѣ росли лучшія широковѣтвистыя яблони и груши, въ перемежку по мѣстамъ съ вишнями и сливами. Отсюда садъ спускался по крутой скалистой горѣ большими и малыми группами старыхъ и молодыхъ деревьевъ, разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ и пересѣкаемыми то узкими ущельями, то громадными камнями, то легкими уступами и отдѣльно стоявшими гигантскими деревьями. Садъ заканчивался у самаго берега Роси густо поросшими рядами вербъ и при боковомъ солнечномъ освѣщеніи съ вершины терассы давалъ такую восхитительную картину, что Балабуха, взглянувъ съ горы на раскрывавшуюся предъ нимъ зелено-золотистую бездну, невольно выкликнулъ:

— Та й рай же у васъ, пани-матко! Це якъ бы Адамъ зъ того світа вставъ, то згадавъ бы свій рай, що такъ марно стративъ.

Пасѣка была на краю верхняго сада, въ маленькой впадинѣ,

въ зеленомъ „вишнякѣ“. Она обнесена была низкой огорожей, обставленной снопками. Изъ-за нея выглядывали верхи ульевъ, прикрытыхъ свѣтло-желтыми мисками—яндолами, какъ бы широкими шляпами. Въ сторонѣ отъ нихъ виднѣлась *катрага*,—низкій соломенный шалашъ надъ земляной ямой, въ которой складывались ульи пчелъ на зиму. Тутъ лѣтнею порою опочивалъ о. Степанъ отъ праведныхъ трудовъ своихъ, или же выхмѣлялся на свободѣ.

Матушка отворила маленькія дверцы въ соломенной оградѣ. За ними на грядкахъ желтѣли крупныя головки повняковъ и гвоздиковъ, блестѣли чорнобрывци, разстилались по травѣ гирлянды настурцівъ. Одинъ подсолнечникъ раскинулъ роскошные листья надъ огорожею и свѣсилъ черезъ нее свою тяжелую голову.

Пчелы кружили роемъ надъ пасѣкою, летая вдоль и впоперекъ. Отъ пасѣки несло теплымъ смѣшаннымъ запахомъ воску и гвоздиковъ.

Балабуха вошелъ въ пасѣку. Вдругъ пчела съ разлету ударились въ его лице, какъ будто кто бросилъ ею въ него изо всей силы. Привычный къ такимъ сюрпризамъ, Балабуха не мигнулъ даже бровью и тѣмъ предохранилъ себя отъ дальнѣйшаго нападенія пчелъ. Отецъ Степанъ спалъ въ катрагѣ, притворивъ двери. Матушка открыла ихъ и вошла въ катрагу; за нею вошелъ Балабуха.

— А вставай, паноче! Богъ гостя принісъ, крикнула она.

Отецъ Степанъ отозвался сквозь сонъ, поднялся и сѣлъ на постели, глядя сонными очами на Балабуху.

— Що? га? де? спрашивалъ онъ испуганнымъ голосомъ.

— Ось-ось! сказала матушка, тыкая ему въ руки фляшку съ горѣлкою.

— Отче Степане! архіерей приіхавъ, сказалъ подшучивая Балабуха.

— Не вже! крикнулъ какъ ужаленный отецъ Степанъ и вскочилъ съ постели, вытаращивъ глаза на Балабуху. Съ просонковъ ему и въ самомъ дѣлѣ показалось, что передъ нимъ стоитъ архіерей.

Отецъ Степанъ протеръ глаза, присмотрѣлся ближе къ Балабухѣ и узналъ его.

— Та це академистъ приіхавъ до насъ! крикнулъ онъ хриплымъ отъ сна голосомъ и бросился обнимать и цѣловать Балабуху, что

было для него нѣсколько трудно, такъ какъ отецъ Степанъ былъ ростомъ значительно ниже Балабухи. Балабуха поднялъ его своими мощными руками и они трижды облобызались.

— Pax vobis, serenissime pater! воскликнулъ при этомъ Балабуха и добавилъ вольный перифразъ: миръ дому сёму и живущимъ въ ёму, оиуская отца Степана, какъ малое дитя.

— А чомъ ты, стара, мене оце не збудила? проговорилъ отецъ Степанъ, обращаясь къ женѣ.

— Хиба жъ не будила! Штовхала тебе та торсала, а ты тільки ногами дригавъ, та махавъ руками. Мій панотець, Марко Павловичу, мае поганый звичай: бъеться спросоння, хочъ такий зъ себе непоказный. Ось якъ ударивъ мене спросоння по руці, то я трохи не впала.

— Сідайте жъ, академисте, въ моій господі, сказалъ отецъ Степанъ, придвигая къ столу скамейку: сідайте та выпъемо по чарці: може я сонъ прожену.

При этомъ отецъ Степанъ зѣвнулъ во всю мочь, крестя въ тоже время ротъ.

— Ой затуляй рота, бо бжолы влетять: подумають що улікъ, сказала матушка.

— Отъ и улікъ! може подумають, що вічко, сказалъ батюшка.

— Эге! добре вічко. Якъ выйде рій, то ще, боронь Боже, весь влетить тобі въ ротъ: не треба буде й збірати, сказала матушка, весело смѣясь.

Отецъ Степанъ налилъ рюмку, сказалъ обычное: будьмо здорови! и выпилъ, а потомъ вновь налилъ и поднесъ Балабухѣ.

— Мы вже, поздоровъ Боже паніматку, выпили зъ ними по чарці; такъ и не знаю, чи пити, чи не пити, сказалъ Балабуха.

— Та пийте! тільки недобрі люде не пьють, сказалъ батюшка.

Балабуха выпилъ и закусилъ пирогомъ. За первой чаркой пошла другая, за ней третяя. Скорый, проворный, говорливый панъ-отецъ развязалъ языкъ, выпивая чарку за чаркой, а Балабуха все посматривалъ чрезъ пасѣку, не покажется ли Онися. Ониси однако не было.

— Отъ вы вчитесь тамъ въ академіи все по латынському, все пишете вірши, а чи вчять васъ тамъ співати на гласы: *на Господи воззвахъ, на Богъ Господь...* спросилъ отецъ Степанъ.

— А чомъ же? Вчять, сказалъ Балабуха съ нѣкоторою гордостію.

— А чи вміетежъ на третій гласъ? а заспівайте? неожиданно спросилъ батюшка.

— Та годі тобі, старый! Отъ выдумуе ни се, ни те. Де вже, щобъ въ академіи цёго не вчили, сказала матушка, примѣтивъ желаніе своего *старого* проэкзаменовать того, кого она въ мысляхъ своихъ считала своимъ зятемъ.

— Тсъ! остановилъ ее батюшка и затѣмъ, обращаясь къ Балабухѣ, продолжалъ: отъ и не вміете, хочъ и вчились въ академіи: а нуте на *Богъ Господь* гласъ восьмый.

Балабуха засмѣялся, однако затянулъ гласъ восьмый. Онъ зналъ, что старые батюшки любятъ экзаменовать по части пѣнія.

— Такъ, да не зовсімъ, сказалъ отецъ Степанъ, въ насъ на селахъ ось якъ співають! И онъ зарипѣлъ низкимъ басомъ: *Богъ Господь*... гласъ восьмый.

— А нуте заспівайте на четвертый гласъ, вновь сказалъ батюшка, наливая чарку.

Балабуха затянулъ на четвертый. Отецъ Степанъ подтягивалъ, чтобъ выказать и свой голосъ. Въ пасѣкѣ поднялся такой гулъ, что заглушилъ жужжанье пчелъ.

— Добру гортань маете! Отъ за це люблю! И горілку добре пьете! И за це люблю! сказалъ отецъ Степанъ, цѣлуя въ губы Балабуху.—Колибъ вы знали, Марку Павловичу, якъ я опорядивъ свою церкву! Яки я образы поставивъ въ церкви! Такихъ мабуть и въ Кіеві не знайдете. Отъ ходімъ, голубчику, я вамъ покажу!

Отецъ Степанъ поднялся проворно съ мѣста, схватилъ за руку Балабуху и увлекъ его изъ „катраги". Матушка пошла за ними въ слѣдъ. Въ пасѣкѣ кругомъ ихъ сновали пчелы; не мало ихъ набилось въ бороду батюшки, одна даже ужалила его въ щеку, но онъ не поморщился, а равнодушно бросилъ ее на землю, да все не выпускалъ руки студента, какъ бы опасаясь, чтобы тотъ не улизнулъ. То и дѣло наклоняясь подъ густо нависшими вѣтвями, пробрались они къ церкви по протоптанной отцемъ Степаномъ узенькой тропинкѣ. Церковь была отворена; сторожъ подметалъ и прибиралъ въ ней послѣ воскресной службы.

Только переступивъ порогъ церкви, отецъ Степанъ выпустилъ руку Балабухи и перекрестился, какъ бы благодаря Бога за то,

что обезпечилъ за собою слушателя, или точнѣе зрителя его дѣлъ на пользу церкви.

Церковь была маленькая, сложенная изъ широкихъ дубовыхъ брусьевъ. Все въ ней было просто и бѣдно; небольшіе купола и узкія окна высоко отъ пола. Не смотря на ясный лѣтній день, въ ней было довольно темно, и только яркій пламень перевалившаго за полдень солнца, прорвавшись сквозь узкое окно, протянулся поперекъ церкви и упалъ на старинный иконостасъ, не гармонировавшій тонкой рѣзьбой и искусно писанными ликами святыхъ съ общимъ убожествомъ церкви. Всѣ стѣны увѣшаны были образами, какъ и свѣтлица отца Степана,—недавней впрочемъ и топорной работы; даже въ куполахъ, на голыхъ стѣнахъ виднѣлись изображенія евангелистовъ и другихъ святыхъ.

Отецъ Степанъ ходилъ отъ образа къ образу и показывалъ пальцемъ. Въ „бабинцѣ“ висѣлъ во всю стѣну образъ страшнаго суда; нижняя часть картины представляла горящее вѣчнымъ огнемъ *пекло*. Середину этой части картины занимала голова какого-то чудовища съ огромными зубами, смахивавшая однако на конскую голову, а межъ зубовъ, въ самой пасти, сидѣлъ на престолѣ сатана, съ рогами, весь черный, но съ бѣлыми зубами. На рукахъ у него сидѣлъ Іуда—столь малыхъ размѣровъ, какъ бы это было маленькое дитя. Голова чудовища будто хотѣла проглотить сатану, но подавилась и сатана застрялъ въ самомъ горлѣ, зацѣпился своимъ высокимъ трономъ и не могъ пойти дальше. У пасти чудовища пылало пламя и сюда рядами направлялись обнаженные грѣшники: ткачи съ клубками въ рукахъ, портные съ ножницами, сапожники съ копыльями, мельники съ перевѣшенными черезъ плечи жерновами, шли вѣдьмы и другія грѣшницы съ растрепанными волосами, писаря съ перьями и большими чернильницами въ рукахъ, за ними „осаулы“ и „сіпаки“ съ разинутыми ртами, панъ-экономъ въ наточанкѣ и куча жидовъ съ пейсами, а позади всѣхъ рогатые и хвостатые черти, погоняя грѣшниковъ нагайками.

Дивиться! только и могъ сказать отецъ Степанъ, вполнѣ увѣренный, что противъ достоинства картины и ея детальности не можетъ быть возраженій.

— Ой Господи! Господи! восклицала матушка, глядя на картину и тяжело вздыхая.

— А теперъ идіть сюди! сказалъ отецъ Степанъ, взявъ Балабуху за руку; я вамъ покажу такій образъ, що у васъ и въ Кіеві такого нема.

И онъ провелъ гостя въ правый притворъ. Тамъ на стѣнѣ висѣлъ большихъ размѣровъ образъ Покрова Божіей Матери. Отецъ Степанъ сталъ предъ образомъ и сложилъ руки, предоставляя гостю оцѣнить по достоинству то, что, по его мнѣнію, составляло особую красу его церкви. По срединѣ образа нарисованъ былъ амвонъ; казалось, что то двѣ опрокинутыя сковороды, положенныя одна на другую. На амвонѣ стоялъ молоденькій діаконъ зъ распущеными волосами, точно маленькая панна въ широкомъ парчевомъ капотѣ. Величиной онъ былъ какъ разъ подъ руки прочимъ фигурамъ. На самой головѣ его облака, а въ облакахъ Богородица, вдвое больше его, съ пеленой въ рукахъ, ниспадавшей такими острыми концами, будто они вырѣзаны были изъ листоваго желѣза. По одну сторону діакона стоялъ Андрей юродивый, спустившій съ одного плеча красную свою хламиду. Голая грудь его была непомѣрно полна, а круглый животъ торчалъ какъ-то отдѣльно, точно онъ привязанъ или прибитъ былъ къ фигурѣ Андрея. Лице святого было очень сердито, рука его сжата была въ кулакъ, поднятый къ верху, а отдѣльно торчавшій палецъ походилъ больше на деревянный зубъ отъ бороны. По другую сторону святого стоялъ съ ярко рыжей бородой и краснымъ лицемъ греческій императоръ, въ зубчатой коронѣ, смахивавшей на опрокинутый вверхъ треножникъ. Онъ гордо смотрѣлъ на стоявшаго рядомъ съ нимъ патріарха, заложивши руки за спину, а патріархъ тоже будто знать его не хочетъ и держать въ рукахъ крестъ, который пригодился-бы бѣдному человѣку на могилу. За патріархомъ стоялъ рядъ монаховъ съ удивительно бѣлыми лицами и одинаково чорными бровями, а тамъ далѣе группы не то „дѣвчатъ“, не то „парубковъ“, съ такими уродливыми физіогноміями, которыя неизбѣжно должны были вызывать въ зрителѣ одинъ развѣ смѣхъ: у одного такое было раздутое и скривившееся лице, что будь это живой человѣкъ, можно было-бы подумать, что онъ набралъ въ ротъ „кислицъ“; у другого будто рожа разнесла одну щеку; у третьяго точно чирей подъ бородою, а глаза такой величины и формы, какъ и самый ротъ. Внизу на рамѣ большими славянскими буквами было написано: *сей образъ соорудили рабы божі Чайкивськи сестрыци. Року Божого 1817.*

Давъ гостю насмотрѣться на образъ, отецъ Степанъ сталъ вызывать его на отзывъ.

— Хто ёго зна... отвѣчалъ Балабуха. Діяконъ дуже малый, до того ще неначе дівчина, а святый Андрей чогось дуже лютый, неначе хоче бити того діда, неначе каже: „ой, стережись старый, бо якъ дамъ, то й зубы вызбираешь“, а той неначе просиця: „и дядечку, голубчику, я-жъ ни въ чимъ не винный“...

— Отъ ка-зна що выдумуете! отрѣзалъ о. Степанъ; тимъ вченимъ скрізь недогода. И потомъ, поправляясь, сказалъ: выбачайте; коли той не подобався, то отъ подивиться на цей образъ!

Тутъ Илія уѣзжалъ на небо на страшно быстрыхъ коняхъ съ огненными гривами. Искры сыпались у нихъ изо ртовъ, а изъ ноздрей и ушей клубьями валилъ дымъ. Красная одежа падала на землю прямо на Елисея, а онъ лежалъ опрокинутый на спину, поднявъ вверхъ руки и ноги.

— Щось тутъ багато вже огню, неначе въ казкахъ росказують про якихсь-то коней, замѣтилъ Балабуха.

— Э, Марку Павловичу! я бо думавъ, що вы насъ хвалитимете, а вы ни се, ни те говорите, сказалъ отецъ Степанъ, съ досадою махнулъ рукою и направился изъ церкви. За нимъ пошли матушка и Балабуха.

— Хотівъ вамъ показати „неопалиму купину“ въ олтарі, продолжалъ о. Степанъ на ходу, та вже не покажу; вы насъ обсьміете. Ходимъ лучше до дому, та выпьемо хиба по трудахъ по чарці.

Въ то время, какъ старый Прокоповичъ хвалился предъ академистомъ своими образами, надѣясь, быть можетъ, расположить его къ дому, Онися надумалась и въ самомъ дѣлѣ надѣлить Балабуху „гарбузомъ“. Она позвала „погонича“ въ кухню покушать, а между тѣмъ послала своихъ дѣвчатъ на огородъ вырвать и принести дра „гарбуза“. Дѣвчата, всегда готовыя на такія штуки, мигомъ сбѣгали на огородъ и принесли два большущихъ „гарбуза“ и еще нѣсколько маленькихъ.

Підить-же, дівчатка, сказала имъ Онися, та вкиньте оціому паничеви въ візъ оці гарбузы, та добре замостить въ сіно, въ задокъ, на самісіньке дно.

— Мы, Онисю, говорили дѣвчатка, вкинемо въ візъ одного гарбуза, то буде паничеви, а другого—для погонича привяжемо підъ возомъ, підъ передкомъ.

— Про мене, привязуйте, та тільки добре, щобъ до дому довезли, сказала Онися, смѣясь.

Дѣвчата достали бичевку, „оперезали“ кругомъ бѣднаго гарбуза и понесли къ возу. Возъ стоялъ въ огородѣ подъ навѣсомъ, за плетнемъ, и потому дѣвчата могли выполнить затѣю Ониси незамѣтно и самымъ тщательнымъ образомъ. Такъ они и сдѣлали, а возвращаясь съ хохотомъ къ дому, принесли еще пару маленькихъ, какъ яблочки, „гарбузовъ“. Онися положила ихъ въ широкіе карманы жениховой шинели, лежавшей въ сѣняхъ.

Устроивъ такую продѣлку, Онися поспѣшно накрыла въ свѣтлицѣ столъ и поставила полдникъ. Вскорѣ скрипнули въ сѣняхъ двери со стороны сада и въ сѣни вошли Прокоповичи съ гостемъ. Противъ нихъ въ свѣтлицѣ стояла Онися, раскраснѣвшаяся какъ маковка, съ весело блестѣвшими насмѣшливыми глазами.

— А я, мамо, говорила она, вже полудень зготувала.

— Добре зробила, моя доню! вже часъ полуднувати, сказала Прокоповичка.

— О, зъ васъ добра господиня буде, замѣтилъ съ нѣкоторою важностью Балабуха, посматривая на Онисю, какъ на свою будущую женухозяйку: мабуть, вы черезъ господарство не выйшли до насъ у пасіку.

— Коли я бджілъ боюсь, сказала Онися, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Васъ и бджолы не кусали-бъ: подумали-бъ, що то квітка, любезно закончилъ Балабуха.

Усѣлись полдничать; пошла опять круговая. Двѣ жареныя курицы, полумисокъ вареников съ сметаной и миска простокваши составили нѣкоторое подкрѣпленіе по трудахъ. Когда все было съѣдено, Онися вынесла на тарелкахъ рожковъ, орѣховъ и собственнаго приготовленія „маковниковъ“, а въ добавокъ ко всему и фляшку сливянки. Прокоповичи угощали гостя съ большимъ радушіемъ и просили навѣщать ихъ почаще. Пока выпивалась, рюмка за рюмкой, вкусная наливочка, матушка не безъ цѣли развела пространный разсказъ о своемъ господарствѣ, пересчитала воловъ, коровъ, овецъ, не забыла и свиней, и сколько „пней“ въ пасѣкѣ, проболтнулась, будто невзначай, и о сотнѣ карбонцевъ, спрятанныхъ въ „скрынѣ“. Балабуха слушалъ, расправляя то усы, то высокіе воротнички и искоса слѣдя глазами за легкимъ станомъ Ониси, которая бѣгала изъ комнаты въ свѣтлицу, и обратно.

Передъ вечеромъ Балабуха сталъ прощаться. Прокоповичи вышли за нимъ иа крыльцо. Присѣли здѣсь и выпили, попрощались и еще разъ выпили, а за тѣмъ уже Балабуха окончательно распрощался, и полѣзъ въ возокъ, который вновь закачался и затрещалъ подъ его ногами. Лошадки тронули еъ мѣста. Прокоповичи посылаля съ крыльца всякія благожеланія, Балабуха оборачивался и кланялся, а выѣхавъ за дворъ, еще разъ снялъ картузъ и низко, низко поклонился по направленію къ Онисѣ. Онися закрыла губы рукавомъ и едва сдерживала смѣхъ, а дѣвчата, выглядывая изъ оковъ кухни, хохотали до того, что слезы у нихъ выступили на глаза.

На дворѣ было тихо. Дневной жаръ ослабѣлъ. Отъ садовъ, отъ вербъ легли тѣни; вѣяло прохладой. Балабуха ѣхалъ длинной улицей подъ прикрытіемъ тѣнистыхъ деревьевъ, стоявшихъ вдоль плетней. Прелесть наступавшаго вечера и только что кончившееся свиданіе съ Онисей настраивали его на тонъ мечтаній.

— Музо моя, богине моя! думалъ Балабуха, припоминая Онисю: яка-жъ ты гарна! Чи е де въ світі краща одъ тебе? Мабуть Юнона, и та не зрівнялась-бы съ тобою.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что подъ нимъ лежитъ что-то твердое и безпокоитъ его.

— Але якъ-же ты погано вымостивъ! Я чогось усе зъізджаю на одинъ бікъ, сказалъ Балабуха, обращаясь къ погоничу и пересовываясь на другую сторону возка.

— Діана! щира Діана! высока, рівна, станъ тоненькій, ніжки маленьки, пальци кляссычни, тонки та довги... Ой, муляе-жъ, бий ёго сила Божа!

И Балабуха опять поднялся выше и началъ высиживать себѣ мѣсто, какъ насѣдка въ гнѣздѣ.

— А що, паничу! мині здаеться, що мы тутъ не оженимось, сказалъ понуро погоничъ.

— Чого-жъ такъ? Певно ты не оженися, але я оженюсь.

— Ба й вы не оженитесь! мрачно произнесъ погоничъ.

— Та чого-жъ такъ? спросилъ Балабуха, усмѣхнувшись.

— Бо мене, чортъ-зна якъ нагодували; и чарки горілки не дали. Я зовсімъ голодный.

— Ну, це ще не велика біда. За те мене нагодували й напоили, ажъ у голові шумить.

На концѣ села стояла корчма. Возокъ катился прямо къ ней.

— Паничу! купить оселедця та чарку горілки, бо, ей Богу, істи хочу, сказалъ погоничъ.

— Добре! спиняй кони! Я й самъ радъ выпити чарку, сказалъ Балабуха.

Погоничъ остановилъ лошадей. Балабуха крикнулъ стоявшей у корчмы жидовкѣ, чтобы вынесла водки и закуски.

Между тѣмъ бродившія тутъ свиньи собрались около воза и все лѣзли подъ колеса. Погоничъ стегалъ ихъ кнутомъ, а они все свое.

— Якого це дідька вони лізуть підъ візъ? крикнулъ Балабуха.

Ни онъ, ни погоничъ не догадывались, что влечетъ свиней къ возу. Выпили, закусили й поѣхали. А свиньи за возомъ.

— Що це за напасть! сказалъ Балабуха, оглядываясь назадъ.

— Чи то свині, чи собаки? спросилъ онъ у погонича, какъ-бы не довѣряя своимъ глазамъ.

— А вже-жъ свині; а що-жъ більше, якъ не свині, отвѣчалъ погоничъ и махнулъ кнутомъ по лошадямъ.

— Що воно такъ муляе въ нечистого? скоро опять заговорилъ Балабуха. Чи не вкравъ ты часомъ чого, та сховавъ підъ мене? А стань.

Погоничъ остановилъ лошадей. Балабуха поднялся, сталъ разгребать сѣно и увидѣлъ что-то кругле и большое.

— А бачъ, укравъ та не вмівъ сховати, сказалъ укорительно Балабуха.

— Хто? я! крикнулъ погоничъ и соскочилъ зъ козелка: та нехай мене хрестъ святый побъе, коли я що вкравъ.

Погоничъ взлѣзъ на возъ, засунулъ руки въ сѣно и вытянулъ „гарбузъ". И паничъ и погоничъ раскрыли отъ удивленія рты и только смотрѣли друдъ на друга.

— Отъ вамъ и гостинець! Казавъ-же я, що намъ більше не іздити до цеи панны, крикнулъ погоничъ и такъ хлопнулъ „гарбузомъ" объ землю, что изъ него вся внутренность вывалилась.

Свиньи бросились къ гарбузу; отъ корчмы послышался хохотъ.

— Сідай швидче та поганяй! крикнулъ Балабуха на погонича. Погоничъ повиновался, Балабуха усѣлся, какъ попало; но не проѣхали и сотни шаговъ, какъ онъ опять вскричалъ:

Ой, муляе-жъ, муляе, гаспидське, прокляте!

Остановились, порылись въ сѣнѣ и нашли еще нѣсколько малыхъ гостинцевъ...

Погоничъ выбралъ ихъ изъ сѣна и побросалъ на дорогу. У Балабухи будто замерла душа: онъ поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ и опять поблѣднѣлъ. Погоничъ сѣлъ и погналъ лошадей.

— Ой вы Евы, вы скусительки! Це не Діана, це Фурія, аспидъ, василискъ! Чомъ-же ты мині просто не сказала, що не підешъ за мене?

Гордый студентъ разъобидѣлся на смерть. Вся любовь его исчезла, весь пылъ простылъ, всѣ мечты разсѣялись, какъ дымъ.

— Отъ тобі на! поіли свині нашу коляду! проговорилъ самъ къ себѣ погоничъ: а я думаю, чого то наймички регочуться, ажъ на комінъ спинаються, та все на мене скоса поглядають. Та й прокляти-жъ тутъ въ Чайкахъ дівчата!

— Що прокляти, то правда! глухо отозвался Балабуха.

Уже солнце садилось, когда Балабуха подъѣзжалъ къ своему селу—Хилькамъ. Сельцо это будто кто нибудь вбросилъ въ глубокій оврагъ. Кругомъ его стояли горы и въѣхать въ него невозможно было иначе, какъ спускаясь съ недлинной, но очень крутой гор ы

Только что возъ сталъ спускаться, какъ привязанный подъ возомъ „гарбузъ“ оборвался и покатился внизъ по горѣ, рядомъ съ возомъ, силясь какъ-бы опередить его.

— Паничу! зновъ гарбузъ гониться за нами! крикнулъ удивленный парубокъ, показывая на „гарбузъ“ кнутовищемъ.

Балабуха глянулъ и не вѣрилъ-бы своимъ очамъ, если-бы на „гарбузъ“ не показывалъ погоничъ. Лошади съ разбѣгу попали прямо въ ворота, что у въѣзда въ село, а „гарбузъ“ за возомъ покатился также черезъ ворота.

— Паничу! загубили гарбуза! крикнулъ недогадливый „царинникъ“ и бросился ловить „гарбузъ“, чтобъ угодить паничу своего батюшки.

— О ехидна! о Мегера! о породіння сатаны! Це не Венера, це самъ сатана въ плахті! Побий тебе громовержець зъ Олимпа стрілами съ твоіми чорными бровами. Ой відьма! певна відьма! Умудрилась причепити підъ возомъ гарбуза!

Балабуха пріѣхалъ домой, какъ убитый. Мать вышла на крыльцо встрѣчать своего академиста. Балабуха остановился въ

крыльцѣ и началъ вытрушивать свою длинную шинель. Изъ кармановъ выпали два маленькіе „гарбуза“.

— Що то сыну? Яблука повыпадали, чи що? спросила мать, наклонилась и подняла съ земли „гарбузця“; та це гарбузець... гм... гм...

Що це таке? Чи не дала тобі Онися гарбуза?

Сынъ только рукой махнулъ и пошолъ въ садъ. Мать тяжело вздохнула.

— Отъ тобі Онися! Отъ тобі пять корівъ! сто карбованцівъ! сказала она, ударивъ объ полы руками.

Сынъ долго ходилъ по дорожкамъ въ саду, пока совсѣмъ не настала ночь. Онъ перебралъ въ своей памяти всѣ подробности дня, все передумалъ, все перечувствовалъ вновь: и какъ встрѣтилъ Онисю, и какъ говорилъ съ нею, и какъ прощался; онъ и теперь какъ будто видѣлъ ея чорныя, тонкія и густыя брови съ острыми концами, видѣлъ ея прелестную улыбку и немного приподнятую верхнюю губку, изъ-подъ которой и теперь въ темнотѣ блестѣли предъ нимъ бѣлые верхніе зубки, крохотные, тоненькіе. Любовь зашевелилась въ его душѣ бурливо и шумливо, играла какъ крѣпкое пиво; но онъ вспомнилъ „гарбузы“... и его гордость заколыхалась со дна сердца, и, какъ бурливое море, выбросила вонъ хранившееся въ немъ сокровище.

„Гарбузъ“ видѣли люди въ Чайкахъ, видѣлъ „царинникъ“ въ Хилькахъ, видѣлъ погоничъ. Объ немъ станутъ говорить вездѣ въ околицѣ, его осмѣютъ...

— Потривай-же ты, червона запаско! Хиба вмру, щобъ тобі не віддавъ за свое! Я знайду таку красуню, що тобі й не снилось и не привиджувалось. Хиба-жъ я не философъ, не академистъ?

Мать звала сына ужинать, но онъ не пошелъ и уже, поздо, весь измученный, вошелъ въ комнату, и тяжело опустился на постель.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИМѢЧАНІЯ АЛЕКСАНДРА ПИШЧЕВИЧА НА НОВОРОССІЙСКІЙ КРАЙ.

Рукопись подъ этимъ заглавіемъ представляетъ собою черновой набросокъ историческаго, топографическаго и хозяйственнаго содержанія. Она состоитъ изъ небольшой тетради въ листъ и нѣсколькихъ не сшитыхъ листковъ, не достаточно связанныхъ между собою и по изложенію. „Примѣчанія на новороссійскій край" обязательно сообщены мнѣ внукомъ ихъ автора, живущимъ въ родовемъ имѣніи Пишчевичей, селѣ Скалевомъ, александрійскаго уѣзда, херсонской губерніи.

Родъ Пишчевичей выселился въ Россію изъ Австро-Венгріи, въ прошломъ столѣтіи, въ лицѣ Семена Степановича Пишчевича, прадѣда теперешняго владѣльца, и отца автора „Примѣчаній". Послѣдній оставилъ по себѣ довольное число дневниковъ, замѣтокъ и т. п., былъ человѣкомъ любознательнымъ и начитаннымъ; выйдя въ отставку изъ военной службы въ началѣ нынѣшняго столѣтія или въ самомъ концѣ прошлаго, онъ остатокъ жизни провелъ въ своемъ отцовскомъ имѣніи, селѣ Скалевомъ; съ 1811-го по 1814 г. былъ предводителемъ александрійскаго дворянства; по дѣламъ этой должности и по своимъ частнымъ дѣламъ въ разное время ѣздилъ въ Херсонъ, Николаевъ, Елисаветградъ, Александрію и Кременчугъ, имѣлъ много родственниковъ и знакомыхъ [1]). Александръ Семеновичъ обладалъ наклонностями къ гуманитарнымъ познаніямъ: онъ занимался политикой, исторіей, воспитаніемъ, но, по видимому,

---

[1]) Между прочимъ, Пишчевичи находились въ родствѣ и съ Хорватами, а именно: мать Александра Семеновича Пишчевича, Екатерина Дмитріевна, была племянницей Ивана Самойловича Хорвата.—*В. Я.*

не особенно успѣшно велъ свое хозяйство и не много понималъ въ немъ, а потому и замѣчанія его о новороссійскомъ краѣ касательно этого предмета отличаются большимъ диллетантизмомъ и во многомъ расходятся съ дѣйствительностью. Бѣглый историческій очеркъ Новороссіи въ началѣ его „Примѣчаній“ имѣетъ болѣе интереса, представляя собою, вѣроятно, передачу свѣдѣній, полученныхъ главнымъ образомъ отъ отца; здѣсь приводятся также нѣкоторыя преданія, слухи и т. п. мелочи, которыя могутъ имѣть этнографическій интересъ, хотя вообще разсказываются вкратцѣ. Сербское происхожденіе автора „Примѣчаній“ наложило очень явственную печать на отзывы и мнѣнія его, касающіяся его соотечественниковъ и Запорожья, но сужденія его могутъ остаться за нимъ. „Примѣчанія“ относятся къ 1806 году, какъ видно изъ одного мѣста ихъ.

В. Ястребовъ.

Изъ записокъ, какія читаемъ о воинскихъ подвигахъ Россіи, видимъ, какимъ трудностямъ подвергались войска, проходя дикую степь, отъ береговъ Днѣпра прилежащую къ Малороссіи, всякій разъ, когда вознамѣривалось правительство наказать хищность крымскихъ татаръ, нападающихъ на Малороссію. О семъ пространно пишетъ генералъ Манштейнъ въ своихъ запискахъ о Россіи. Кому не извѣстно, что сіи же татары нѣкогда симъ-же путемъ проходили до Москвы и тяготили русскихъ среди ихъ столицы данью, чиня при томъ неслыханныя наглости, поруганія Божіимъ храмамъ, обезчещивая семейства и безчестивъ ихъ дочерей и супругъ. Наименованія среди Москвы Арбата и Крымскаго Брода навсегда останутся памятниками сего ига.

Императрица Елисавета I, достойная дщерь Великаго Петра, найдя межу предположеніями, оставленными ея родителемъ и назначенными къ событію, что онъ, зная всю цѣну достоинствамъ сербскаго народа, положилъ оный вызывать въ Россію, воспользовалась тѣми притѣсненіями, каковыя сей народъ претерпѣвалъ во владѣніяхъ римской императрицы Маріи Терезіи, и будучи въ дружбѣ съ сего монархинею, испросила сербамъ позволеніе водвориться въ Россіи. Сіе переселеніе сдѣлалось подъ руководствомъ генералъ-маіоровъ Хорвата и Шевича. Притѣсненія, побудившія сербовъ оставить свое прежнее отечество, были

слѣдующія: „до капитанскаго чина сербинъ по службѣ могъ достигнуть, а далѣе никакъ, какія-бы онъ услуги ни оказалъ, не перемѣнивъ религіи греческой на католическую“. Что могло быть обиднѣе для сего мужественнаго народа, который есть и въ религіи своей непоколебимъ! Онъ тѣмъ охотнѣе шелъ въ Россію, что исповѣданіе вѣры въ оной одно съ сербами, и заглянувъ въ древность, находимъ, что сербы и русскіе суть двѣ вѣтви отъ одного славянскаго корня. Но сербы при самомъ входѣ въ Россію уже почувствовали обиду: Елисавета I, водворяя сербовъ въ Россіи, была окружающими ее настроена, что опасно много иностранцевъ въ одномъ мѣстѣ селить. Изъ сего родилось, что съ Хорватомъ вышедшіе поселены около Днѣпра и сія земля названа Новосербіею, а около Бахмута выведенные Шевичемъ составили селенія, и та часть наименована Славяносербіей. Зломыслящіе представили иностранцами сербовъ, которые искали покоя подъ сѣнію православной церкви! Могутъ-ли когда-либо сербы называться въ Россіи иностранцами [1]).

Какъ-бы то ни было, но Елисавета, поселивъ сербовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ проходить татарамъ въ Россію предлежало, показала тѣмъ, сколь много она надѣялась на сей воинственный народъ. Оправдали-ли сербы сіе ея довѣріе, время показало: они не токмо край имъ ввѣренный защищали отъ набѣговъ татаръ, поляковъ и запорожцевъ, но населивъ все пространство между Бугомъ и Днѣпромъ, доставили въ три послѣдующія войны (1769, 1787 и 18...) [2]) съ Портою всѣ выгоды для арміи, въ которыхъ сами и дѣти ихъ участвуя, оказали престолу примѣрную преданность.

Генералъ-маіоръ Иванъ Самойловичъ Хорватъ, занявъ подъ выводимый имъ народъ Новую Сербію, избралъ для себя главнымъ мѣстомъ пребыванія на р. Большой Выси небольшую слободку, такъ называемую *Трисягу*, заселенную малороссіянами, едва изъ 20 избъ состоящую, которую онъ назвалъ *Мирогорадомъ*. Впослѣдствіи *Миро-*

---

[1]) Поселеніе корпусовъ Хорвата и Шевича въ разныхъ мѣстахъ естественнѣе объясняется нерасположеніемъ послѣдняго къ Хорвату и нежеланіемъ находиться у него подъ командой. См. Арх. Гавріила, Очеркъ пов. новор. кр., стр. 35 и 36. — *В. Я.*

[2]) Недописка въ подлинникѣ. Вѣроятно, авторъ говоритъ о войнѣ, современной составленію настоящихъ «Примѣчаній». — *В. Я.*

градъ назвали *Миргородомъ* и, дабы отличить отъ Миргорода, въ Малороссіи лежащаго, то къ сербскому Миргороду прибавили „Ново", и потому вышелъ уже сей *Новомиргородъ*. Это мѣсто ему понравилось по своему хорошему положенію, а при томъ и есть у самой границы польской.

Тогда сдѣланъ былъ штатъ на два полка имъ выводимаго народа: *гусарскій хорватовъ и пандурскій пѣхотный;* каждый изъ этихъ полковъ состоялъ изъ 20 ротъ, а рота изъ 100 человѣкъ. Сіи два полка составлялись изъ сербовъ, грековъ, молдованъ, валаховъ, выводимыхъ Хорватомъ, или послѣ приходившихъ съ семействами, которыхъ семейства извѣстны были подъ именемъ *фамиліатовъ*. Два другіе полка гусарскіе, не принадлежащіе къ сему новому населенію, находились въ Малороссіи, подъ именами: *булгарскаго и македонскаго*. Въ сіи два полка отсылались всѣ тѣ выходцы изъ заграницы, которые являлись въ Россію безъ семействъ, какъ-то венгры, нѣмцы, поляки. Булгарскимъ полкомъ командовалъ премьеръ—маіоръ *Пишчевичъ*, отецъ сочинителя сихъ „Примѣчаній", а македонскимъ полковникъ *Костюринъ*.

Вся Новая Сербія иначе не дѣлилась, какъ на полки; уѣздовъ или округъ тогда не было. Новая Сербія имѣла укрѣпленныя мѣста: крѣпость св. Елисаветы [1]), шанцы: Глинскъ, Крыловъ, Крюковъ; впрочемъ шанцами назывались всѣ сіи вновь заводимыя селенія, хотя-бы они и безъ укрѣпленія были. Многія селенія названы были по именамъ селеній, оставленныхъ вышедшими сербами въ австрійскомъ владѣніи. Пандурскому полку принадлежали селенія: Бечи, Вараждинъ, Глоговацъ, Сомборъ, Вершацъ, Шолмошъ, Чонградъ, Глинскъ (штабъ—квартира пандурскаго полка), Крыловъ, Крюковъ, Павлышъ, Сланкамень [2]).

---

[1]) Крѣпость св. Елисаветы заложена генераломъ Глѣбовымъ, которая тогда охранялась гарнизономъ регулярнаго войска. Должно полагать, что оная была устроена сколько для защиты новой Сербіи отъ татарскаго набѣга, столько и для удержанія въ должномъ повиновеніи новыхъ переселенцевъ, ежели они умножатся въ семъ краю.—Авт.

[2]) Здѣсь перечислены всѣ шанцы пандурскаго полка. Шанцы Глинскъ, Сомборъ и Вершацъ отнесены Скальковскимъ и арх. Гавріиломъ не къ пандурскому, а къ гусарскому полку. См. Скальковскій, Хронологич. обозр. т. I, стр. 41—42; арх. Гавріилъ, Очеркъ повѣств. и проч., стр. 11.—*В. Я.*

Во всякомъ селеніи ротный начальникъ былъ и начальникомъ селенія и семействъ ему ввѣренной роты.

Не долго продолжалось начальствованіе генералъ маіора Хорвата въ Новой Сербіи. Онъ былъ обвиненъ передъ престоломъ и его не токмо смѣнили, но и сослали въ Вологду въ политическое заточеніе, изъ котораго выѣздъ ему былъ вовсе запрещенъ. Въ владѣніяхъ австрійскихъ не замедлилъ о семъ распространиться слухъ и потому сербы перестали выѣзжать, а притомъ Марія Терезія, видя, сколь охотно они переселяются въ Россію, оный возбранила.

Изслѣдовать дѣла генералъ-майора Хорвата были опредѣлены генералъ-поручикъ Мельгуновъ и генералъ-маіоръ Исаковъ, которые и открыли для сего слѣдственную коммисію въ крѣпости св. Елисаветы. Первое, что сія коммисія сдѣлала, было описать имѣніе Хорвата. Между прочимъ, въ вину причтено ему было и то, что онъ изъ Австріи и Венгріи выписалъ всю гусарскую и пандурскую аммуницію и тѣмъ изъ Россіи вышла знатная сумма денегъ въ чужое государство. Хорвату вооружить и снабдить составляемое имъ войско иначе нельзя было всѣмъ потребнымъ, ибо въ Россіи о пандурахъ никакого, а о гусарахъ весьма мало понятія тогда имѣли. Прочтя Хорвату сентенцію военнаго суда, отпущенъ онъ былъ на его квартиру, куда посланъ былъ послѣ полковникъ, долженствовавшій его заковать въ желѣзо. Сей полковникъ порученное ему дѣло производилъ съ нѣкоторою робостью. Хорватъ, замѣтя сіе, сказалъ ему: „дѣлай, что тебѣ велѣно, меня ничто не удивитъ отъ москалей“...

По удаленіи Хорвата изъ Новой Сербіи, генералъ-поручикъ Мельгуновъ поставленъ начальникомъ оной. Мельгуновъ сдѣлалъ новое положеніе сему краю, которое стало извѣстнымъ быть подъ названіемъ „мельгуновскаго штата“. По оному Новая Сербія названа новороссійскою губерніею и Кременчугъ сдѣланъ губернскимъ городомъ, а крѣпость св. Елисаветы—провинціальнымъ городомъ. Изъ полковъ гусарскаго Хорватова и пандурскаго устроены два гусарскіе полка, въ 16 эскадроновъ каждый, подъ названіемъ желтаго и чернаго, и часть селеніевъ отдѣлена для составленія елисаветградскаго пикинернаго полка. Въ это-же время и Славяносербія сопричислена къ азовской губерніи и

полкъ тамъ гусарскій названъ бахмутскимъ гусарскимъ. Во время начальствованія Мельгунова начали переходить изъ Малороссіи и Польши малороссіяне и селиться въ селеніяхъ, сербами заведенныхъ, и сіи уже состояли подъ управленіемъ земскаго начальства. Чтобы сіи переселенія умножить, начали давать чины по числу выводимыхъ изъ заграницы семействъ, которыя водворялись въ гусарскихъ селеніяхъ. Отъ ротныхъ земель начали отдѣлять части и раздавать подъ населенія штабъ и оберъ-офицерамъ. Бравшіе таковыя земли шесть лѣтъ избавлялись отъ платежа поземельныхъ денегъ, а по прошествіи оныхъ взималось со всякой десятины по 2½ к, и кто-бы могъ подумать, что столь малая плата заставляла всякаго убѣгать отъ пріобрѣтенія себѣ земли. Населять позволялось тогда выведенными изъ-за границы людьми, но никто, или очень мало разбирали земли, опасаясь, что ежели не залитъ овой, то чтобы не заплатить пени.

Въ 1769 году, при началѣ войны россіянъ съ турками, молдаване, притѣсняемые турками, начали спасаться бѣгствомъ съ своими семействами въ новороссійскую губернію. Въ это время поручено было Василію Степановичу Звѣреву поселить ихъ отъ Буга до Елисаветграда и изъ оныхъ составить молдаванскій гусарскій полкъ, котораго онъ, Звѣревъ, и былъ полковникомъ [1]).

Въ 1775 году войска, возвращаясь изъ Турціи, часть оныхъ была отряжена подъ начальствомъ генералъ-поручика Текели къ жилищамъ запорожскихъ козаковъ, которыхъ разбойничье скопище было уничтожено и вся ихъ земля присоединена къ новороссійской и азовской губерніямъ. При семъ случаѣ вторичная послѣдовала въ семъ краѣ раздача земель къ заселенію и дана льгота къ неплатежу поземельныхъ денегъ на 10 лѣтъ. Въ сіе-же время начали строить городъ Херсонъ, а потому и сія запорожская степь стала больше извѣстна быть подъ именемъ херсонской степи. По уничтоженіи сихъ козаковъ,

---

[1]) Маіоръ Звѣревъ (Лупулъ) поселилъ молдаванъ въ новороссійскомъ краѣ значительно раньше начала турецкой войны. См. Скальковскаго Хронологич. обозр., т. I, стр. 26. Ср. также «Опыт. статистич. опис.», его-же, т. I, стр. 253—254. Изъ выведенныхъ Звѣревымъ и Штеричемъ молдаванъ образованъ новокозачій полкъ, первымъ начальникомъ коего былъ полк. Адабашъ. Въ указ. сочиненіе смотри опредѣленіе границъ его поселенія.—*В. Я.*

Текели испросилъ у императрицы прощеніе сосланному въ Вологду генералъ-майору Хорвату, которому возвращено имѣніе и позволено жить въ своихъ деревняхъ.

Торжествующая Екатерина II, окончивъ славно въ 1774 г. войну съ Портою оттоманскою, наградила нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ сербской націи, со славою служившихъ на ратномъ полѣ, знатными помѣстьями въ Бѣлоруссіи. Въ сіе время новороссійская губернія ввѣрена была князю Григорію Александровичу Потемкину. Сей рѣдкаго ума вельможа сначала очень полюбилъ сербскую націю, любилъ изъ среды ея видѣть около себя, даже сопричислилъ къ тѣлохранителямъ великой Екатерины гусарскій эскадронъ, который весь составленъ былъ изъ сербовъ.

Полки желтый, черный, бахмутскій и молдавскій, которые прежде состояли каждый изъ 16 эскадроновъ, Потемкинъ раздѣлилъ на 6-ти-эскадронные и умножилъ число полковъ гусарскихъ, которые наименованы по провинціямъ, сербскимъ народомъ населеннымъ. Родились имена полковъ: сербскаго, славянскаго, иллирическаго, далматскаго, булгарскаго и пр., а сверхъ сихъ: волошскій, молдавскій, македонскій. Все сіе подавало мыслить, что вельможа сей мечталъ возстановить сербское царство.

Но посреди сего увидѣлъ онъ ссорящихся начальниковъ между собой (ссоры, происшедшія отъ зависти,—порокъ, которому по несчастію сербы подвержены); одному въ Бѣлоруссіи дали больше душъ, другому меньше, третьему ничего. Ни одинъ не хотѣлъ обдумать и порадоваться тому, что начали давать и что всѣмъ вдругъ пожаловать не возможно. Изъ зависти началась ссора, а отъ сей до ненависти шагъ, а потомъ родились доносы одного на другого. Князю Потемкину, до котораго все сіе доходило, наконецъ наскучило и онъ отъ сей толико несогласной націи отсталъ. Ко всему этому надобно было случиться, что генералъ-маіоръ Сем. Гавр. Зоричъ взошелъ у императрицы на ту счастливую степень, какой только можетъ смертный въ семъ мірѣ достигнуть, и сей Зоричъ не хотѣлъ себя ставить въ ровнѣ ни съ кѣмъ, не хотѣлъ помыслить, что ежели монархиня его съ удовольствіемъ видитъ его при себѣ, то не меньше ей и таланты кн. Потемкина нужны по государ-

ственнымъ дѣламъ, которыхъ въ Зоричѣ не видѣлось. Зоричъ не токмо все хотѣлъ равнымъ быть Потемкину, но показывалъ своимъ обращеніемъ, что онъ выше его, гордости былъ непомѣрной съ кн. Потемкинымъ, а ласки чрезмѣрной со всѣми россіянами, что составляло совершенную противуположность тому обращенію, которое князь имѣлъ съ русскими: онъ былъ противъ ихъ гордости непомѣрной, былъ неприступенъ. Натурально судя, что изъ сихъ двухъ особъ Зоричъ имѣлъ сердца всѣхъ на своей сторонѣ, а князю это все не нравилось. Екатерина, положа на вѣсы ихъ обоихъ, увидѣла, что для великости ея дѣлъ князя ей при себѣ надобно удержать, а посему Зоричъ отъ двора удаленъ. Послѣ сего имя сербовъ въ Россіи пало, хотя впрочемъ Зоричъ и не былъ великъ протекторъ своей націи.

Въ 1784 г. новороссійскую и азовскую губерніи, соединивъ во едино, назвали екатеринославскимъ намѣстничествомъ. Въ сіе время и селенія, до того носившія сербскія наименованія, переименованы большею частію по рѣчкамъ или урочищамъ, на которыхъ они поселены, или именами тѣхъ козаковъ, которыхъ хутора на тѣхъ мѣстахъ находились до прихода въ сей край сербовъ [1]). Напр. *Бечи* названа *Усовкою,* потому что тутъ былъ хуторъ козака *Усика, Сомборъ—Диковкою,* ибо козакъ *Дикъ* имѣлъ прежде на томъ мѣстѣ хуторъ. До прихода сербовъ въ сей край около Днѣпра начали было изъ Малороссіи и Запорожья становиться хуторами козаки, изъ которыхъ хуторовъ вышли: *Глинскъ, Крыловъ, Табурище, Крюковъ.* Итакъ лучше захотѣли сохранить память простыхъ козаковъ, можетъ быть разбойниковъ [2]), нежели оставить наименованія въ память народу, заселившему дикій

---

[1]) Здѣсь предложу имена сихъ селеніевъ: Бечи (Усовка), Вараждинъ (Протопоповка), Глоговацъ (Косовка), Сомборъ (Диковка), Вершацъ (Нестеровка), Шолмошъ (Стецовка), Чонградъ (Андрусовка), Павлышъ остался при своемъ имени, Сланкамень уничтоженъ совсѣмъ и земля роздана помѣщикамъ, Глинскъ, Крыловъ и Крюковъ остались при своихъ именахъ. Глинскъ былъ штабъ-квартирой пандурскаго полку.

[2]) Что здѣсь предлагается, не есть наобумъ вырвавшееся заключеніе: тому служитъ доказательствомъ то, что Цвѣтинова балка, лежащая надъ столбовой дорогой между Крюковомъ и Александріей, носитъ имя запорожца, пропившаго свою одежду.—Авт.

край и тѣмъ сдѣлавшему важную отечеству услугу, не говоря уже о томъ, что сами служили со славою Россіи и дѣти ихъ служатъ съ рѣдкою приверженностью и мужествомъ [1]). Въ сіе-же время и полки гусарскіе въ русской арміи совершенно уничтожены, которыхъ мѣста заступили легкоконные подъ совсѣмъ другими именами. Отъ сего дворянство сербское, служившее всегда въ гусарскихъ полкахъ, разошлось по всей арміи. Впослѣдствіи дѣти сербскихъ господъ, живущихъ около Бахмута, имѣвшія случай служить при лицѣ государя Александра I, выпросили у него наименованіе ими заселяемаго мѣста славяносербскимъ уѣздомъ и устроеніе города Славяносербска. Дворянству Новой Сербіи остается переименовать Новомиргородъ Новосербскомъ, устроивъ въ ономъ уѣздъ, составить новосербскій гусарскій полкъ, въ который-бы кромѣ изъ сего уѣзда рекрутъ другихъ не давать, а дворяне сами войдутъ въ оный. Сверхъ сего всѣмъ селеніямъ возобновить бывшія сербскія имена, полки гусарскіе елисаветградскій и александрійскій также велѣть составлять изъ оныхъ уѣздовъ, изъ которыхъ они и прежде составлялись.

Когда Новая Сербія начала селиться, тогда здѣсь были большіе лѣса. Хорватъ строго воспрещалъ оные истреблять. Новые поселенцы не иначе могли строить, какъ плетеныя избы. Дальновидный Хорватъ часто говаривалъ: „лѣса должно беречь, они сгодятся для постройки кораблей“. Многіе сему смѣялись, и не мудрено: тогда плаваніе на Черномъ морѣ почиталось собственностью турокъ; никакая нація другая не смѣла лодочки въ сіе море показать. О Херсонѣ, Николаевѣ и Одессѣ никто и помыслить не могъ. Но Хорватъ съ гусарскими усами и ментіей на опашку проникалъ тайны кабинетовъ. По удаленіи изъ Новой Сербіи Хорвата и когда начали сей край посѣщать полки, тогда примѣтнымъ образомъ начали истребляться сіи лѣса, ибо сверхъ

---

[1]) Авторъ нашъ, повидимому, совершенно упускаетъ изъ виду необыкновенную живучесть туземныхъ народныхъ названій урочищъ. Что касается услугъ сербскихъ колонистовъ, то онѣ непомѣрно раздуты, такъ какъ не одни-же сербы заселили Новороссію; полки ихъ, вопреки ожиданіямъ, были некомплектны, а оплачивались русскимъ правительствомъ весьма не дешево. См. Скальковскаго, Хрон. обозр., т. I, стр. 64.—*В. Я.*

того, что рубили оные для лагерей безо всякой пощады, но заводимыя въ лѣса команды полковъ, гдѣ проживая, строили обозы, выдѣлывая ложа ружейныя и другія полковыя потребности, а всего хуже было то, что нѣкоторыя команды дѣлали непозволительную продажу лѣса въ постороннія руки.

Главные въ Новой Сербіи лѣса суть: такъ называемая Чута, Великій Лѣсъ и Чёрный Лѣсъ. Въ сихъ лѣсахъ водились медвѣди, дикія свиньи, олени и козы [1]). Теперь сихъ уже не стало, но волки, лисицы и зайцы остались. Въ Чутѣ былъ стекляной заводъ, который послѣ уничтоженъ. Черный Лѣсъ былъ подаренъ князю Потемкину, которымъ онъ проданъ въ другія руки. Теперь Чута и Великій Лѣсъ подъ вѣденіемъ форшмейстера Лебедева, которому позволено продавать валежникъ и очищать лѣса. Справедливо то, что г. Лебедевъ слова „очищать лѣса" приводитъ во всей силѣ въ исполненіе и продаетъ безъ пощады не валежникъ, а столѣтніе дубы и другое всякое дерево. Соблюдая нѣкоторый порядокъ, онъ доставляетъ казнѣ ничего не значущій доходъ въ сравненіи съ тѣми великими тысячами, которыя себѣ откладываетъ. Лебедевъ происходитъ изъ поповичей и имѣя родню у двора, у какой-то фрейлины комнатною дѣвкою, сего предстательства довольно было, чтобы его въ пять лѣтъ вывесть въ коллежскіе ассесоры за исправный присмотръ казенныхъ лѣсовъ и соблюденіе государственнаго интереса.

Мое мнѣніе: при сихъ лѣсахъ завести суконныя фабрики, и лѣсъ, продаваемый для пользы г. Лебедева, могъ-бы употребленъ быть для фабрикъ. Шерсть для суконъ могла-бы почти у воротъ фабрикъ покупаема быть, заведя для того ярмарки при оныхъ. Все сіе гораздо-бы больше принесло казнѣ прибыли, нежели продажа лѣсу. Напротивъ того, теперь вывозятъ шерсть изъ здѣшняго края на фабрики въ Великороссію и первый разъ платятъ за провозъ оной тѣ фабрики, потомъ другой разъ платятъ, доставляя оную въ сукнѣ для войскъ, въ семъ краѣ расположенныхъ; а учредя фабрики. по моему мнѣнію, около сихъ лѣсовъ, коммисаріаты могли-бы прямо изъ оныхъ получать на обмундированіе войскъ.

---

[1]) Въ Черномъ лѣсу и въ настоящее время довольно водится козъ, какъ намъ не разъ передавали; изрѣдка попадаются, говорятъ, даже олени.—*В. Я.*

Теперь, обращаясь къ описанію херсонской степи, на которой жили прежде запорожскіе козаки хуторами, имѣя конные заводы и малую часть рогатаго скота, не принесли никакой пользы государству, ибо главная цѣль была Россіи взять ихъ подъ свое покровительство, чтобы они защищали предѣлы имперіи отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Ожиданіе сіе не свершилось: запорожцы границы совсѣмъ не обороняля, а еще способствовали татарамъ проходить въ предѣлы Россіи, грабили Польшу и тѣмъ подавали поводъ къ частымъ непріятностямъ съ сосѣдственными державами. Сіи тунеядцы любили себя больше всего, грабежемъ обогащались и полагали совершеннымъ себѣ счастіемъ то, что могли въ пьянствѣ и разныхъ буйствахъ безпрестанно обращаться. Сіе скопище разбойниковъ, какъ выше сказано, было въ 1775 г. отдѣльнымъ корпусомъ войскъ уничтожено, главный ихъ городъ Сѣчь былъ обложенъ; взявъ Кошевого сего буйнаго общества и истребивъ разогнаніемъ онаго даже имя запорожскихъ козаковъ, земли, имъ принадлежавшія, розданы подъ заселеніе всѣмъ тѣмъ, кто пожелалъ оныя брать, и тѣмъ содѣялась пространная область полезною государству [1]). Сѣчь, переименованная селомъ Покровскимъ, подарена бывшему тогда генералъ-прокурору князю Александру Алексѣевичу Вяземскому при 200,000 десятинъ земли. Впослѣдствіи времени сіи 200,000 десятинъ земли заселены 3,000 душами и наслѣдниками кн. Вяземскаго проданы жиду Штиглицу, содѣлавшемуся коллежскимъ ассесоромъ, нажившимъ необъятную сумму денегъ отъ содержанія имъ на откупу соляныхъ озеръ въ Тавридѣ. Такимъ образомъ Штиглицъ содѣлался первымъ въ семъ краю помѣщикомъ. Такова Россія для бродягъ: кто-бы смѣлъ подумать въ прежнія времена сказать запорожцамъ, что ихъ милая Сѣчь будетъ современемъ принадлежать жиду!..

Грунтъ земли на всей херсонской степи каменистъ, отчего хлѣбъ родитъ худо, а садовъ въ очень немногихъ мѣстахъ развести можно. Око нигдѣ не остановится здѣсь не токмо на какомъ либо лѣсу, но ни на одномъ деревцѣ. Огородовъ совсѣмъ нѣтъ и зелени никакой,

---

[1]) Данное сужденіе о значеніи Запорожья и раздачи земель, ему принадлежавшихъ, тѣмъ, «кто пожелалъ оныя брать», сужденіе, очевидно тенденціозное, интересно для характеристики отношеній сербовъ и запорожцевъ.—*В. Я.*

что, однакожъ, приписываю я не землѣ, а лѣности жителей, ибо земля во многихъ мѣстахъ мною найдена удобною для огородовъ. Кажется, что здѣсь могъ-бы быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разводимъ виноградъ, ежели-бы къ тому приложено было стараніе. Нѣсколько помѣщиковъ сдѣлали было опытъ и довольно удачный; у генералъ-поручика барона Бефвица въ садахъ виноградныхъ дѣлали уже и вино, но двѣ жестокія зимы истребили всю лозу, и хозяева, потерявъ охоту, перестали заниматься онымъ. Въ такомъ случаѣ потребно было-бы поощреніе правительства и не пренебрегать такую отрасль прибытку [1]), который со временемъ замѣнилъ-бы привозимое изъ Молдавіи вино, на что выходитъ изъ государства знатная сумма денегъ, а можетъ быть, выискались-бы и такія мѣста, которыя-бы дали подобное шампанскому, токайскому и другимъ рѣдкимъ винамъ. Примѣръ тому мы видимъ на Дону, гдѣ есть довольно хорошаго вина, но почва цымлянской станицы даетъ вино, которое не уступаетъ бургонскому лучшему вину.

Дикій камень, вынимаемый изъ земли на херсонской степи, служитъ для разныхъ построекъ и потому здѣсь всѣ живутъ въ каменныхъ домахъ, въ которыхъ лѣтомъ прохладно, а зимою чрезмѣрно холодно, и тѣмъ болѣе оный чувствуемъ, что когда хлѣбу неурожай, то и соломы для человѣка нѣтъ, и вырѣзываютъ отъ скота навозъ, который здѣсь называютъ кирпичемъ; лѣтомъ оный высушиваютъ на солнцѣ; на семъ кирпичѣ даже кушанье варятъ. Ограды домовъ также каменныя. Но все сіе строеніе имѣетъ видъ снаружи развалины, бѣдность обѣщающей, когда оное не обмазано. Между симъ камнемъ есть такого рода, который къ строенію очень удобенъ: онъ мягокъ и рѣжется даже ножемъ, можетъ выглаженъ быть найлучшимъ образомъ для строенія, но лѣность народа не позволяетъ употребить трудъ для сей обдѣлки, онъ находитъ болѣе удобства его класть кучею и промежутки залѣпить глиною.

---

[1]) Указомъ 30 апр. 1764 г. предоставлялось право безпошлинной торговли на 10 лѣтъ всякому, кто заведетъ въ Новороссіи виноградный садъ. Въ Елисаветградѣ и Крюковѣ заведены были даже казенные виноградники. См. Матер. для геогр. и стат. Россіи, Шмидта, херс. губ., т. II, стр. 143. — *В. Я.*

Кажется, правительство очень заботится о населеніи херсонской степи и ежели сіе сбудется, то скотоводство тогда уменьшится. Теперь отсюда идетъ много скота за границу, слѣдовательно тѣмъ дѣлается доходъ государству, а тогда оный или уменьшится, или вовсе прекратится. По моему мнѣнію, сію степь оставить при томъ населеніи, въ какомъ она теперь (1806 г.) состоитъ, котораго хотя и не въ большомъ количествѣ, судя по пространству земли, но однако-же довольно деревень разбросано. Ежели полагаютъ, что казна терпитъ отъ малости людей подушный сборъ, то можно наложить подать на землю и владѣлецъ оной можетъ оную заплатить, ибо земля ему даетъ прибыль скотоводствомъ, а поселенцы не будутъ въ силахъ выплачивать, ибо имъ нельзя будетъ тогда столько скота держать, а хлѣбъ рѣдко когда удается. Лѣта здѣсь, можно сказать, видятъ только май мѣсяцъ, а потомъ начинаются нестерпимые жары, которые, безъ помощи сильныхъ дождей, выжигаютъ все. Вотъ причина, отъ чего степь сію населяющіе жители не могутъ засѣваемымъ ими хлѣбомъ прокормиться, а довольствуются покупнымъ, изъ чего видно, что большое число людей на сей степи только будетъ тяготить народъ, а пользы никакой не принесетъ. Зимы бываютъ здѣсь рѣдко жестоки, а обыкновенно слабы, за исключеніемъ однако-же зимы съ 1804 на 1805 г., въ которую погибло скота, особливо овецъ, великое множество, и то не лютости зимы приписать должно, а только тремъ днямъ марта мѣсяца, въ которые случились вьюги сильныя съ снѣгомъ, и въ которые погибло столько овецъ, что многихъ хозяевъ въ конецъ разорило, и сію потерю вообще не тысячами, а милліонами ставить должно. По окончаніи зимы, скотъ откармливается легко въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, потомъ, въ жары, начинаетъ худѣть, а съ половины сентября до декабря пользуется умѣренною теплотою и освѣженною травою. Впрочемъ, скотъ рѣдкую зиму бываетъ на сухомъ корму, а обыкновенно довольствуется подножнымъ кормомъ. Изъ всего мною сказаннаго видно, что сія земля вовсе неудобна для жительства людей, а для разведенія скота способна; но чтобы его лучше сберечь, надобно неминуемо имѣть загоны. Степь сія имѣетъ много волковъ, лисицъ и зайцевъ, а птицы всякаго рода въ великомъ множествѣ; нѣкоторыя изъ этихъ птицъ при началѣ зимы улетаютъ въ теплѣйшія мѣста и весною опять возвращаются. Въ преж-

нія времена водились здѣсь цѣлые табуны дикихъ лошадей, но теперь осталось ихъ мало. Степь херсонская вмѣщаетъ на себѣ многочисленныя стада (сіи стада называются здѣсь *отарами*) волошскихъ, большею частію, бѣлыхъ овецъ. Чудной сими овцами и почти не понятный ведутъ хозяева счетъ. Ежели отара тысячи двѣ или три, то является къ оной болгаръ [1]) въ пастухи, или *чабаны,* не соглашаясь никакъ служить за деньги, а вводитъ въ отару часть и своихъ овецъ, напримѣръ, въ тысячную отару ставитъ своихъ 500 овецъ, и тогда онъ съ хозяиномъ состоитъ въ половинѣ. Такимъ образомъ, въ нѣсколько лѣтъ у чабана столько-же овецъ, сколько и у хозяина. Во все это время чабанъ держитъ на общемъ иждивеніи еще нѣсколько болгаръ для присмотру за овцами, держитъ пару или двѣ воловъ, которые везутъ для нихъ съѣстные припасы, держитъ 10 [2])...

Рѣки, сію степь протекающія, выключая Днѣпра и Буга, суть двѣ главнѣйшія: Ингулъ и Ингулецъ. Впрочемъ, всѣ другія рѣчки суть то текущи при сильныхъ дождяхъ и весною отъ талаго снѣга, то ничего (не) значущіе ручейки, на которыхъ заняты пруды и на оныхъ построены мельницы. Всѣ сіи рѣчки изобилуютъ разною мелкою рыбою.

По всей херсонской степи видны во множествѣ разсѣянные курганы, могилами здѣсь называемые; они суть насыпи, по обыкновенію древнихъ, надъ убитыми во время сраженія воинами. Ежели сіи курганы имѣютъ отъ того свое начало, то сильныя побоища долженствовали быть въ сихъ мѣстахъ. На нѣкоторыхъ изъ сихъ кургановъ поставлены каменныя статуи, изображающія мущинъ или женщинъ, грубой обработки. Не извѣстна причина, для чего сіи изображенія были выставлены: былъ ли это монументъ убитому, лежащему въ курганѣ, или народы, обитавшіе сію степь, покланялись сему истукану. Сіи курганы служили запорожцамъ маяками для польскихъ предѣловъ, ибо тогда не было на сей дикой степи дорогъ, а они добирались отъ кургана до кургана до желаемаго мѣста. Кажется, что всякій полякъ,

---

[1]) Сіи болгары заходятъ сюда изъ-за Дуная не для какого другого промыслу, какъ быть чабанами.—Авт.

[2]) Окончаніе фразы затеряно.—*В. Я.*

проѣзжая таковой курганъ, долженъ содрогнуться, видя предъ собой путеводителя, который нѣкогда доводилъ разбойниковъ до его отчизны, гдѣ сими неистовыми людьми предавалось все грабежу, насилію и мечу.

На степи херсонской во время сильныхъ снѣжныхъ зимъ бываетъ опасно при вьюгахъ проѣзжать оную и, потерявъ дорогу, неминуемая гибель должна послѣдовать. Кажется, сему можно бы помочь; по обѣ стороны прорѣзать рвы, которые бы были путеводителемъ до Херсона, Николаева и Одессы отъ стороны Крюкова. Обсадить сіи рвы деревьями жожно-бы, и это бы было, кромѣ украшенія, и польза, но сіи деревья не уцѣлѣютъ, ибо мы видимъ, что проѣзжіе чумаки, для сваренія своихъ кашъ, рубятъ и версты, и за сіе остаются не наказанными. По моему мнѣнію, сію дорогу обсадить кустами бузины,— дерево, для топлива не способное, но цѣль, для которой посажена, была бы выполнена, и на таковомъ пространствѣ разведя, сколько бы цвѣту можно было бы собрать для аптекъ!

Ѣдучи по сей степи, видимъ во время сильныхъ вѣтровъ, осенью отрываемый бурьянъ, такъ называемымый *перекати поле,* который съ чрезмѣрною скоростью перекачиваясь по необозримой равнинѣ, уподобляется вдали какому (sic) бѣгущему звѣрю, а иногда, поднимаясь вѣтромъ вверхъ, представляетъ большую летящую птицу. Сей травы суть два рода: одинъ называется *катранъ,* который весною простолюдины ѣдятъ въ великомъ числѣ и почитается кровочистительнымъ, а другой, *курай,* составляетъ, когда созрѣетъ, круглый кустъ колючей травы, которую верблюды ѣдятъ преимущественно всѣмъ травамъ. Оба же рода сей травы извѣстны здѣсь подъ именемъ *перекати-поле.* Сія трава нерѣдко сама себя приготовляетъ для топлива, заносима будучи въ какую ни есть глубокую лощину или водомоину, откуда уже вѣтромъ не будучи поднята, накопляется большою кучею; тогда живущіе по близости такого мѣста набираютъ *оную* для топлива въ домахъ.

Здѣсь кончается тетрадь; ниже слѣдующее воспроизводится по отдѣльнымъ листамъ, уцѣлѣвшимъ повидимому, не вполнѣ.

Здравый разсудокъ не дозволяетъ отыскивать въ архивѣ запорожскаго скопища какихъ либо записокъ о началѣ ихъ скопища, но нѣкоторые разсказы, отъ стариковъ мною слышанные и перешедшіе къ

нимъ по преданію старѣйшихъ изъ нихъ, здѣсь предложу. Натурально судя, нельзя за всѣ сіи бредни ручаться.

Начальное ихъ скопище произошло отъ небольшаго числа людей, приплывшихъ отъ Азова на плавкахъ (лодки они называли плавками) и основали свое жилище на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ теперешняго Херсона, назвавъ оное Алешками (Алешки теперь уѣздный городъ таврической губ.), по имени Алексѣя, ими надъ собою поставленнаго начальника. Сіи Алешскіе жители, впослѣдствіи времени, раздѣлились на два именованія, хотя и составляли одно общество: живущіе въ Олешкахъ назывались *плавниками* и упражнялись въ рыбной ловлѣ, а живущіе по днѣпровскимъ плавнямъ и островамъ, лѣсомъ покрытымъ, именовались *пластунама*. Сіи пластуны занимались стрѣльбою звѣрей, тогда въ плавняхъ въ великомъ множествѣ бывшихъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Херсонъ, владычествовала какая то дѣвица, по имени *Харсія*, надъ какимъ-то народомъ и имѣвшая войну съ какимъ-то царемъ, который ее покоривъ, истребилъ и полонилъ ея народъ, послѣ чего владѣнія Харсіи исчезли. Всего этого мы не находимъ ни въ какой исторіи и потому надобно считать за басню, ими выдуманную, или быль, разсказами изуродованную. Впослѣдствіи турки, или крымскіе татары, начавъ притѣснять олешскихъ жителей, то они оставили сіе мѣсто и перешли на правый берегъ Днѣпра, основавъ свое жилище ниже пороговъ и потому назвали себя *порожанами*, а впослѣдствіи *запорожцами*, главное же свое мѣсто наименовали *Сѣчью*. Здѣсь ихъ скопище начало умножаться изъ разныхъ мѣстъ приходящими, въ томъ числѣ найболѣе такими, которые содѣяли какое либо преступленіе.

Сѣчь раздѣлилась на четыре части, *пиріями* названныя. Каждая *пирія* состояла изъ 10 куреней, а каждый курень вмѣщалъ въ себѣ тысячу человѣкъ [1]). Курень былъ пространное строеніе. Весь городъ обнесенъ былъ валомъ; у *брамы*, или воротъ стража впущала только извѣстныхъ людей. Во всякомъ куренѣ оставалось до 200 че-

---

[1]) Число козаковъ, жившихъ въ куренѣ, разумѣется, сильно преувеличено. Что касается общаго числа куреней, то Скальковскій насчитываетъ ихъ 38. См. Ист, Н. Сѣчи. Ч. I. стр. 74.—*В. Я.*

ловѣкъ, извѣстныхъ подъ именемъ *сиромахъ*, не имѣвшихъ ни какой собственности; они получали жалованье и провіантъ и должны были быть готовы, по первому востребованію, на службу, и потому сіи сиромахи назывались (?) регулярными воинами. Прочіе жили хуторами, зимовниками называемыми, гдѣ плодили скотъ и лошадей, и имѣли, смотря по достатку, другихъ бродягъ человѣкъ по нѣскольку для присмотру за скотомъ. Сихъ прислужниковъ не рѣдко хозяинъ зимовника вооружалъ, сажалъ на кони и отправлялъ грабить Польшу, дѣлясь добычею съ ними. О таковыхъ побочныхъ походахъ Кошевой и войско часто ничего не знали. Во время уже сего распорядка живущіе на островахъ всѣ остались при прежнемъ своемъ наименованіи *пластуновъ* и сверхъ звѣриной ловли завели многочисленныя стада свиней, которыя откармливались и до того одичали, что когда пріѣзжали купцы оныхъ покупать, то иначе не могли ихъ взять, какъ застрѣливъ. Нѣсколько изъ сихъ пластуновъ завели большіе заводы кошекъ, вмѣщаемыхъ въ выстроенныхъ сараяхъ и не токмо доставляли хозяину прибыль отъ продаваемыхъ ихъ кожъ, но еще и тѣмъ, что на нѣкоторой окрестности не смѣли появляться ни хори, ни . . . . . (*пропускъ въ подлинникѣ*); онѣ все это давили и приносили для корму своимъ дѣтямъ. Хозяинъ, снимая сіи кожи, продавалъ, а мясо бросалъ кошкамъ.

Запорожцы не забывали ограбленнымъ серебромъ, золотомъ и другими камнями украшать церковь въ Сѣчи и таковое окровавленное приношеніе полагали богоугоднымъ. Сія церковь соединяла въ себѣ неоцѣненныя богатства. Однихъ евангеліевъ, серебромъ украшенныхъ, считалось 30, въ томъ числѣ до 10 непомѣрной величины, изъ которыхъ, во время крестнаго хода, каждое едва поднимаемо было 4 человѣками; паникадилъ было 12 огромныхъ, серебряной оправы. Въ срединѣ города выстроены были дома кошевого, судьи и войскового писаря. Сверхъ сего, войсковая скарбница, въ которой хранилась войсковая казна и пушкарня, гдѣ были пушки. Всякая *пирія* имѣла свою скарбницу, гдѣ содержалась особая казна, принадлежавшая той пиріи.

Всѣ вообще запорожцы не имѣли женъ ни въ Сѣчи, ни въ зимовникахъ. Нѣкоторые, однакожъ, женились въ сосѣднихъ городахъ или деревняхъ и оставляли тамъ своихъ женъ. Были таковы, что женились въ раз-

ныхъ мѣстахъ по два и по три раза. Но сіе казалось прекращеннымъ по слѣдующему случаю. Одинъ козакъ, заѣхавъ въ мѣстечко Кропивное [1]), женился на племянницѣ своего кошевого, Григорія Калныша, и оставивъ жену у ея матери, уѣхалъ въ Запорожье, обѣщавъ скоро возвратиться. Мать долго ожидала, но не видя возвращенія, взяла дочь и отправилась къ своему брату въ Сѣчь. Сей случай заставилъ кошевого сдѣлать постановленіе, что всѣ тѣ козаки, которые пожелаютъ жениться, должны оставить свои хутора и поселиться деревнями, на рубежѣ полковъ Новой Сербіи. Таковыхъ деревень составилось пять, подъ названіями: Верблюжка, Петровка, Куцовка, Зеленая и Желтая. Сіе постановленіе имѣло свое начало за 8 лѣтъ до истребленія Сѣчи, т. е. начали было умомъ жить, но поздно. Правда, что сіи заселенія умножалися такими людьми, которые изъ пикинерныхъ поселеній пожелаютъ, тогда запорожцы приходили вооруженною командою и брали ихъ съ семействами, называя своими родственниками и препровождая во вновь заводимыя свои деревни. Средство умножить такимъ образомъ число жителей было только извѣстно однимъ буянамъ-запорожцамъ.

На сей степи было довольно сайгаковъ или дикихъ овецъ. Старики помнятъ ихъ стада, покрывавшія сію степь. Разсказываютъ, что когда приходило время имъ ягниться, тогда стада приходили къ хутору и вблизи онаго останавливались до тѣхъ поръ, пока всѣ не токмо оягнятся, но и ихъ ягненки придутъ въ силу. Повидимому, они сближались къ людямъ для того, чтобы обезопасить себя отъ хищнаго звѣря, но въ мнимыхъ своихъ защитникахъ обрѣтали то, чего убѣгали: запорожцы оставляли ихъ въ покоѣ только до того времени, пока ихъ дѣти придутъ въ силу, и тогда начинали убивать старыхъ и малыхъ и тѣмъ отгоняли отъ себя такую скотину, которая, можетъ быть, современемъ содѣялась-бы домашнею. По замѣчанію старыхъ запорожцевъ, сайгаки удалились, невѣдомо куда, за годъ до истребленія Сѣчи и во весь сей годъ, подходя табунами къ зимовникамъ, производили нѣкій странный крикъ. Такъ заставляютъ запорожцы оплакивать паденіе ихъ войска даже и звѣрей.

---

[1]) М. Крапивное въ « » верстахъ отъ гор. Переяславля.—Авт.

Начало весны здѣсь прекрасно; вся равнина покрыта хорошей, изобильной травой, между которой разбросаны разнородные цвѣты; но сія пріятность едва до исхода іюня мѣсяца продолжается; тогда начинаются жары и теплые вѣтры, пожигающіе всю зелень. Трава изсыхаетъ, стада скота, съ весны на жирныхъ пастбищахъ утучненныя, начинаютъ худѣть и ежели осень отъ дождей и возвращеніе теплой погоды не поправитъ кормъ, то скотъ, входя въ зиму худымъ, нерѣдко производитъ падежъ. Таковый климатъ мы находимъ, по описаніямъ, въ дикой Аравіи, за то она и осталась необитаемою; но Россія, привыкшая превозмогать самое невозможное, приказала заселить сію степь. Народъ живетъ и бѣдствуетъ: новое доказательство, что сіи степи надобно-бы оставить для скотоводства, а не заставлять на оныхъ мучиться людей.

Всѣ жилища, и тѣ самыя, которыя уже по 20 лѣтъ заселены, кажутся по своей скудности какъ будто вчера на то мѣсто перенесенными. Многіе скажутъ: какъ-же заселили часть сей степи отъ Кременчуга до Елисаветграда? Да, заселили, но тамъ есть отчасти черноземъ, а большею частію песокъ, на которомъ кое-какъ хлѣбъ родится, а въ дождливое время и довольно хорошъ, а на Херсонской степи земли нѣтъ и на два вершка, а по (подъ) ней камень или известь, на которой, извѣстно, нельзя ни хлѣбу, ни садамъ быть [1]).

Сія-же степь опредѣлена судьбою была видѣть первыя заселенія жидовъ. Разсѣянные по всему міру, херсонская степь ихъ пріемлетъ въ видѣ хлѣбопашцевъ. Подъ ихъ деревни отведено много земли. На первую зиму ихъ много умерло. Обрабатываютъ они хлѣбъ худо. Видѣть, какъ они пашутъ, есть смѣху достойно. Возлѣ воловъ, въ плуги запряженныхъ, стоитъ жидовъ куча, всякій кричитъ, всякій понуждаетъ. Воловья тихость съ жидовскою опрометчивостью не сходна. Плугъ тронется съ мѣста и кидается во всѣ стороны поверхъ земли. Жиды, не

---

[1]) Въ дѣйствительности глубина чернозема въ херсонской степи измѣняется отъ 4 вершковъ до $1^1/_2$ аршина. См. Матер. для геогр. и стат. Россіи, собран. офицерами ген. шт. А. Шмидтъ, херсонск. губ., I, стр. 112. Не будемъ оспаривать мнѣнія автора о малоплодородности степи, считая вопросъ о томъ исчерпаннымъ вполнѣ.—*В. Я.*

вѣдая дать оному настоящаго направленія, чтобы придать ему тяжести, садятся на плугъ, опрокидываются. Оканчивается все это тѣмъ, что приходитъ нѣсколько жидовокъ, имѣя каждая по чулку въ рукѣ, и какими нибудь домашними кляузами займутъ всю честную бесѣду разговоромъ. Воловъ въ это время никому и въ голову не придетъ выпрячь, и такъ день пройдетъ. Изъ ихъ селеній выйдутъ современемъ родъ мѣстечекъ, въ которыхъ есть всякіе мастеровые; могутъ они жить разными оборотами, отдавать свою землю въ наймы, но хлѣбопашцами не будутъ никогда.

Этимъ исчерпывается все содержаніе „Примѣчаній на новороссійскій край“ А. С. Пишчевича. Изъ дневниковъ его за разные годы начала нашего столѣтія приводимъ ниже замѣтки, касающіяся состоянія новороссійскаго края и колонизаціи его.

„Дневная Записка на 1806 годъ“. 27-е іюня. Послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ черногорскій сердарь Никшичъ-Требашиничъ съ своею женою, съ которымъ я былъ знакомъ въ Петербургѣ. Онъ человѣкъ лѣтъ уже 60-ти, но здоровый, а женился на молодой россіянкѣ, бойкой и умной, и живутъ очень хорошо. Сердарь есть важный чинъ въ Черной горѣ, здѣсь едо переводятъ на полковничій, но что до того, а скажемъ, зачѣмъ зашелъ г. Никшичъ въ Россію. Извѣстно, что турки притѣсняютъ черногорцевъ въ ихъ землѣ, которымъ сіе притѣсненіе не дешево стоитъ, но не меньше непріятно въ такомъ сосѣдствѣ жить, вѣчно быть, такъ сказать, на караулѣ и въ готовности или убить, или самому быть убиту. Вотъ что побудило господина Никшича оставить свою отчизну, которому многіе его родные послѣдовали, числомъ до 100 душъ, и они вышли въ послѣдній годъ царствованія великой Екатерины; 12,000 десятинъ земли имъ отведено подъ поселеніе недалеко отъ Одессы [1]). Черногорцы съ древнихъ временъ были всегда приверженными Россіи и въ прошломъ году они всѣ при-

---

[1]) Разсказанное переселеніе черногорцевъ и герцеговинцевъ состоялось въ 1804 году; колонія ихъ названа славяносербскою. См. Опытъ статист. опис. новор.

сягнули въ вѣрности оной (?). Г. Никшичъ жилъ покойно на отведенной имъ землѣ, которую колонію умножить располагали многіе черногорскіе жители, но опредѣленіе въ начальники въ здѣшній край, и съ немалою довѣренностію, дюка-де-Ришелье все испровергло. Онъ не любилъ черногорцевъ, началъ ихъ притѣснять и изъ 12,000 десятинъ земли оставилъ имъ только 500, потомъ хотѣлъ ихъ обратить въ колонистовъ, тогда когда они суть всѣ дворяне. Сіи, натурально судя, писали въ свою отчизну о всѣхъ неудовольствіяхъ, какія съ ними повстрѣчались въ Россіи, и тѣмъ прекратился выходъ дальнѣйшій черногорцевъ. Изслѣдуемъ, какую отъ сего выгоду получаетъ дюкъ-де-Ришелье? Онъ, служа тайно Бонапартію на гибель Россіи, остуживаетъ ревность черногорскаго народа и всѣхъ единоплеменныхъ славянъ, живущихъ въ европейской Турціи, къ престолу русскому и тѣмъ помогаетъ вошедшимъ уже въ Далмацію французамъ къ одержанію поверхости надъ политикою русскою въ тамошнемъ краю.

25 октября. Теперь Кременчугъ наполняется жидами, которые, въ силу указа, должны оставлять шинкарство, и вздорожали всѣ съѣстные припасы до чрезмѣрности въ городѣ, и пока выдумаютъ, чѣмъ жить, принялись торговать деньгами; вся мѣдь и мелкія ассигнаціи въ ихъ рукахъ, и берутъ промѣнъ, какой хотятъ: теперь по 7 коп. съ рубля имъ платятъ. Ежели покупать въ лавкѣ, и купецъ, продавши рублей на десять, видитъ сторублевую или пятидесяти-рублевую ассигнацію, говоритъ, что нечѣмъ сдать, за неимѣніемъ сдачи, теряетъ свою прибыль, и товаръ лежитъ.

„*Записки Ал. Пишчевича на 1813 г., состоящія въ разныхъ письмахъ*". *13 мая. Кривой Рогъ.* Въ Кривомъ Рогѣ вынимается аспидный камень плитами, изъ котораго выдѣлываются доски. Здѣсь-же въ землѣ выкапываютъ глину разныхъ цвѣтовъ. Можетъ быть современемъ будутъ дѣлать здѣсь фарфоръ, о которомъ таковая-же молва пронесется, какъ о саксонскомъ и др. Ровно прошло 30

кр, I, ст. 225. Сравни хронологич. обозр. ист. новор. кр. того-же автора, II, 164—165. Въ послѣднемъ сочиненіи число отведенной черногорцамъ земли показано то-же, что и у нашего автора, въ первомъ-же—всего 3800 десятинъ. Вѣроятно, цифра Пишчевича точнѣе.—*В. Я.*

лѣтъ, какъ я на семъ мѣстѣ былъ, тогда пустомъ и едва изъ нѣсколькихъ двориковъ состоявшемъ.

3 іюня. Обѣдать я остановился въ новопоселяющейся деревнѣ *Усвятъ*, при рѣчкѣ Громоклеѣ. Сія деревня составлена изъ трехъ націй: великороссіянъ, приведенныхъ изъ курской губ., малороссіянъ изъ полтавской и черниговской губ. и молдаванъ, изъ разныхъ мѣстъ сошедшихся. На ночлегъ пріѣхалъ я въ такъ называемую *Дворянскую* деревню, начало свое возъимѣвшую отъ того, что нѣсколько простыхъ, недостаточныхъ валаховъ, отправясь въ Валахію, у тамошняго дивана купили себѣ дворянское достоинство и, явясь опять въ Россію, начали жить, пользуясь новымъ своимъ титломъ, совершенно вольными людьми, не платя податей, не отбывая рекрутской повинности, и словомъ, ничего по земству, живучи на правѣ дворянъ. Такимъ образомъ вся Молдавія и Валахія перешли-бы сюда, содѣлавшись дворянами, ибо диванамъ сихъ княжествъ что до того, что простые мужики, заплативъ имъ щедро, становятся на ряду съ русскимъ дворянствомъ, лишь-бы они не были наравнѣ съ гордыми ихъ боярами. Такимъ образомъ 18 семей сихъ покупныхъ дворянъ, соединясь въ одно общество, купили эту землю, на которой я ночую, у помѣщика Сѣднева, въ числѣ 6,000 десятинъ, заплатя по тогдашнему дешевому времени по 95 коп. за десятину [1]). Земля сія удобна для хлѣбопашества, имѣетъ много сѣнокоса, дикаго камня для строенія, воду хорошую и довольно рыбы въ рѣчкѣ. Обстроивъ себѣ домы, завели довольно скота и мнили быть маленькими удѣльными князечками; люди были довольны своимъ состояніемъ, но чортъ стоялъ на бивакѣ и улыбался ихъ мнимому счастію. Началось тѣмъ, что правительство русское хватилось умножающемусь валахскому дворянству въ Россіи и потому потребовало вѣрныхъ документовъ на сіе титло, и всѣхъ тѣхъ, которые таковыхъ не

---

[1]) Не знаемъ, къ какому времени относится эта купля-продажа; судя по стариннымъ купчимъ, которыя приходилось намъ видѣть, въ сѣверной части херсонской губерніи въ концѣ прошлаго столѣтія можно было купить 1500 дес. (не заселенныхъ) за 500 р., хотя, случалось, платили и по 3 р. за десятину; такая цѣна держалась и въ первые годы нашего столѣтія, но уже въ 20-хъ годахъ десятина стоила 10 р.—*В. Я.*

представятъ, велѣно обратить въ крестьянство. Натурально судя, они никакихъ доводовъ къ тому не имѣли и потому поступили въ тотъ классъ, изъ котораго выбраться стоило имъ и труда, и денегъ. За тѣмъ одинъ молдаванинъ продалъ свой участокъ въ 500 десятинъ по 1 рублю подполковнику Воропанову, который послѣ отнялъ у нихъ лучшіе покосы и выгоднѣйшія поля для посѣвовъ, отнялъ шинокъ и запрещалъ даже брать вино въ другомъ мѣстѣ.

4-го іюня. Кормить лошадей остановился я на станціи *Вшивой*, въ 20 верстахъ отъ Елисаветграда. Таковое неопрятное названіе получила она потому, что говорятъ, въ водѣ здѣшняго мѣста заводятся иногда насѣкомыя, похожія на вшей. Однакожъ, между сими животными заводитъ деревеньку секретарь Зеленый, служащій въ магистратѣ [1]).

„Записки Александра Пишчевича на 1815 годъ, состоящія въ разныхъ письмахъ“.

...При семъ нельзя умолчать о томъ, что мы не совсѣмъ безопасны среди своихъ домовъ: въ трехъ верстахъ отъ меня, въ лѣсахъ Золотаревскихъ, скопище разбойниковъ, отъ апрѣля мѣсяца скрываясь, служитъ ужасомъ сосѣдямъ своимъ. Сія шайка составилась изъ бѣглыхъ солдатъ, отданныхъ въ рекруты прошедшаго года, бывшихъ уже судимыми за разбой, но милостивымъ манифестомъ отъ наказанія прощенныхъ, а отданныхъ въ строй почтенныхъ воиновъ... Золотаревская шайка умножилась подговоренными ею-же другими рекрутами, и не безъ того, чтобы нить сего общества не простиралась и по селеніямъ, а особливо Золотаревкѣ. Лѣса, служащіе убѣжищемъ симъ людямъ, легко могутъ быть окружены и содержимы въ нѣкотораго рода блокадѣ, пока вся внутренность лѣса разыщется. Прошедшій разъ, когда начинщики сей шайки были пойманы, то открылась жилищемъ имъ пространная яма, дощанымъ засовомъ задвинутая, на который накоплено было не мало древеснаго листа. Съ весны первый набѣгъ они сдѣлали на домъ помѣщика Зенфирова, а на сихъ дняхъ ограбили помѣщиковъ Требинскаго и бывшаго у него въ гостяхъ Марковича, а

---

[1]) Старожилы, не безъ очевидной натяжки, производятъ это названіе отъ *вошивая* или *обшивая*: здѣсь *обшивали* военно-поселянъ.—*В. Я.*

потомъ тоже учинили въ домѣ г. Мефтедовскаго. Часть вещей, ограбленныхъ у сихъ господъ, найдены въ шалашѣ золотаревскаго баштана. Смертоубійствъ хотя еще и нѣтъ, но дѣло уже отъ того отстоитъ на одинъ шагъ. Удивительно, что полки насъ окружаютъ [1]), а не участвуютъ въ поимкѣ сихъ негодяевъ, а еще удивительнѣе дѣятельность земской полиціи.

---

[1]) Полки: саратовскій пѣхотный разположенъ въ александрійскомъ, а пензенскій пѣхотный въ елисаветградскомъ уѣздахъ.—Авт.

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛЬНАГО СУДЬИ АКИМА СЕМЕНОВИЧА СУЛИМЫ.

Предлагаемая Записка заимствована изъ уцѣлѣвшихъ бумагъ древняго малороссійскаго рода Сулимъ, обязательно сообщенныхъ намъ Т. В. Кибальчичемъ. Авторъ этой Записки Акимъ Семеновичъ Сулима былъ послѣднимъ генеральнымъ судьею Малороссіи и умеръ въ 1818 году, когда перестала существовать и должность, которую онъ занималъ, съ введеніемъ обще-имперскихъ учрежденій по проэкту Сперанскаго.

Содержаніе и назначеніе Записки объясняются въ слѣдующемъ заголовкѣ оной: „По второму Департаменту Генеральнаго Малороссійскаго суда: о необходимости въ прибавкѣ канцелярскихъ служителей и на расходы канцелярскіе суммы“. Время-же представленія Записки значится въ слѣдующей помѣтѣ въ концѣ перваго листа: „2-го августа 1798 года послано при письмѣ къ его высокопревосходительству, господину генералу отъ инфантеріи, малороссійскому военному генералъ-губернатору, управляющему гражданскою частію малороссійской и кіевской губерній, Александру Андреевичу Беклешову“.

Имѣя, по видимому, очень ограниченное содержаніе, Записка Сулимы знакомитъ насъ съ нѣкоторыми подробностями особаго малороссійскаго суда въ послѣдніе годы его существованія; кромѣ того она проливаетъ свѣтъ на положеніе этого суда во времена весьма отдаленныя и открываетъ нѣкоторыя совершенно новыя въ этомъ отношеніи свѣдѣнія.

Во время правленія Малороссіею гетмановъ, для канцелярскихъ служителей войсковой генеральной канцеляріи и генеральнаго суда,

построенъ былъ особой домъ, подъ названіемъ: Курѣнь войсковый, гдѣ жили болѣе ста человѣкъ.

На содержаніе-жъ ихъ даны были отъ гетмановъ и высочайшими грамотами утверждены деревни, въ которые избираемые изъ ихъ самихъ посылались управители и всѣ съѣстные припасы доставляли въ курѣнь въ натурѣ; а предъ праздниками Рождества Христова и Воскресенія и наличные собираемые изъ деревень деньги, по росписанію генеральнаго писаря, или по препорученію его старшаго канцеляриста, раздаваемы были по трудамъ и способности каждому.

Которые-жъ войсковые канцеляристы могли имѣть содержаніе сами отъ себя, тѣ жили на нанимаемыхъ ими квартирахъ и на всемъ своемъ иждивеніи. А за то и за ревностную службу, какъ тѣ, такъ и живущіе въ куренѣ награждаемы были отъ гетмановъ чинами войсковыхъ товарищей, сотниковъ къ мѣсту, также къ мѣсту чинами полковыхъ старшинъ: хорунжого, асаула и писаря, а изъ знатнѣйшихъ фамилій—въ бунчуковые товарищи и полковые судьи.

Когда правленіе гетмановъ престало и на мѣсто войсковой генеральной канцеляріи учреждена малороссійская коллегія; то главнокомандующій въ Малой Россіи и президентъ той коллегіи, покойный господинъ генералъ-фельдмаршалъ и кавалеръ, графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій, имѣлъ въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи и распоряженіи всѣ собираемые тогда въ Малой Россіи въ скарбъ войсковый доходы, дѣлалъ отъ себя для тогдашнихъ въ Глуховѣ присудственныхъ мѣстъ, и во первыхъ для малороссійской коллегіи и суда генеральнаго, о секретаряхъ и канцелярскихъ чинахъ и служителяхъ штаты въ 766-мъ и 769-мъ годахъ, кои по разсмотрѣнію своему дополнялъ, и на конецъ 776-го года предложеніемъ коллегіи предписалъ производить годовое жалованіе противъ положеннаго въ высочайше конфирмованныхъ 763-го года штатахъ состоящимъ въ Москвѣ коллегіямъ и канцеляріямъ.

И въ слѣдствіе того по предписаніямъ коллегіи малороссійская скарбовая канцелярія отпускала жалованье.

ВЪ МАЛОРОССІЙСКУЮ КОЛЛЕГІЮ.

1 экзекутору	465 р.
3 секретарямъ каждому по	375 »
2 секретарямъ.	250 »
1 протоколисту	225 »
1 регистратору	200 »

1 актуаріусу . . . . . 200 р.
1 архиваріусу . . . . . 200 »
2 адвокатамъ каждому по . . . . . 120 »

Сихъ послѣднихъ должность состояла въ томъ, чтобы приносимыя отъ просителей аппелляціи и частныя прозьбы прежде подачи просматривать и о исправности оныхъ подписью на нихъ свидѣтельствовать.

КАНЦЕЛЯРИСТАМЪ.

10-ти первой статьи по . . . . . 120 р.
11-ти второй . . . . . 80 »
23-мъ третьей по . . . . . 60 »
1-му вахмистру . . . . . 60 »
2-мъ истопникамъ по . . . . . 18 »
1-му переплетчику . . . . . 25 »

ВЪ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СУДЪ.

1-му экзекутору . . . . . 250 р.
2-мъ секретарямъ каждому по . . . . . 250 »
1-му протоколисту . . . . . 225 »
1-му регистратору . . . . . 200 »
1-му актуаріусу . . . . . 200 »
1-му архиваріусу . . . . . 200 »
1-му нотаріусу . . . . . 150 »
2-мъ адвокатамъ каждому по . . . . . 120 »

КАНЦЕЛЯРИСТАМЪ.

4-мъ первой статьи по . . . . . 120 р.
8-ми второй по . . . . . 80 »
10-ти третье по . . . . . 60 »
2-мъ истопникамъ по . . . . . 18 »

Каковы деньги въ то время, по дешевизнѣ всего, почитались за достаточные.

Какъ въ коллегіи, такъ и въ генеральномъ судѣ канцеляристы, за отдѣленіемъ въ помощъ протоколисту и регистратору человѣкъ по 15-ти, раздѣлены были по повытьямъ, которыхъ состояло отъ десяти до двенадцати, и въ каждомъ, кромѣ повытчика, было канцеляристовъ отъ 15-ти до 20-ти, а въ иныхъ и болѣе, въ которомъ числѣ человѣкъ сто было совершенно обучившихся и въ письмоводствѣ искусныхъ, имѣвъ съ нихъ многіе пособія къ тому отъ наукъ пріобрѣтенныхъ въ малороссійскихъ училищахъ.

Сіи сверхъ штата множайшіе служители на собственномъ иждивеніи, въ упованіи награжденія или одними чинами, или таковыми жъ къ мѣстамъ, по выше выраженному, и получали оные отъ коллегіи съ патентами на чины, по предложеніямъ главнокомандующаго.

На канцелярскіе жъ расходы, какъ-то: дрова, свѣчи, бумагу, сургучъ и протчіе положительнаго количества денегъ не было; но всегда при надобности требовано изъ скарбовой канцеляріи, которая требуемое количество денегъ и отпускала для покупки тѣхъ надобностей, съ записками въ книгѣ.

А для храненія въ коллегіи и генеральномъ судѣ дѣлъ и денегъ опредѣлялся достаточный караулъ изъ роты фузелерной, въ вѣдомствѣ коллегіи состоявшей.

При устроеніи губерній по высочайшимъ учрежденіямъ Малая Россія раздѣлена была на три губерніи: кіевскую, черниговскую и новгородъ-сѣверскую; а нѣкоторая часть Малой Россіи причислена и къ бывшей екатеринославской губерніи.

Когда же, въ силу всевысочайшаго его императорскаго величества 796-го года, ноября 30-го, указа Малая Россія возстановлена въ прежніе свои границы, и для рѣшенія тяжебныхъ дѣлъ возобновленъ малороссійскій генеральный судъ, съ раздѣленіемъ на два департамента, который прежде былъ средней инстанціи и состоялъ подъ аппелляціею малороссійской коллегіи, а нынѣ по оному высочайшему указу состоитъ подъ аппелляціею правительствующаго сената и есть дѣйствительно по части судныхъ дѣлъ на мѣсто той коллегіи; то при открытіи онаго вступили въ оба департаменты по родамъ всѣ дѣла нерѣшенные и не оконченные изъ бывшихъ уголовныхъ и гражданскихъ палатъ, верхнихъ земскихъ судовъ, губернскихъ магистратовъ и верхнихъ расправъ губерній: кіевской, черниговской, новгородъ-сѣверской и части екатеринославской, всего изъ шестнадцати присудственныхъ мѣстъ, да сверхъ того въ первый департаментъ вступили дѣла изъ совѣстныхъ судовъ. Всего же вступило въ 1-й департаментъ уголовныхъ триста и слѣдственныхъ о преступленіи должностей 12-ть. А во 2-й департаментъ двѣ тысячи двѣсти сорокъ девять дѣлъ.

Въ сіе время, когда въ прежнихъ шестнадцати присутственныхъ мѣстахъ отписывали дѣла 16-ть секретарей, 16-ть протоколистовъ, 16-ть регистраторовъ, и въ каждомъ мѣстѣ не менѣе десяти—однихъ по штату состоявшихъ канцеляристовъ сто шестьдесятъ, осталось толикое число не оконченныхъ дѣлъ, и при таковомъ еще облегченіи, что дѣла цѣною ниже двадцати пяти рублей изъ нижнихъ мѣстъ въ верхніе на аппелляцію не восходили.

А теперь въ оба департаменты генеральнаго суда вступили всѣ оные не оконченные въ палатахъ и верхнихъ мѣстахъ, и вновь вступаютъ дѣла во всякой уже, по праву книги: *Статутъ*, ценѣ по апелляціямъ на девяносто четыре присутственные мѣста, какъ то: 20-ть подкоморскихъ судовъ, 20-ть повѣтовыхъ судовъ, 26-ть городовыхъ магистратовъ и 28-мъ ратушъ: сверхъ того въ первый департаментъ вступаютъ изъ всѣхъ оныхъ судебныхъ мѣстъ всѣ уголовныя дѣла, заключающія въ себѣ преступленія, подвергающія подсудимыхъ къ лишенію жизни, лишенію чести и торговой казни, хотя-бы подсудимые мнѣніями нижнихъ присутственныхъ мѣстъ и были оправданы; къ тому-жъ вступаютъ дѣла о преступникахъ, не имѣющихъ совершенныхъ лѣтъ, принадлежавшіе прежде разбору совѣстныхъ судовъ; да въ оба департамента входятъ не только на тѣ 94 мѣста, но еще по жалобамъ и на 20-ть городничихъ, и на 20-ть нижнихъ земскихъ судовъ, и того на сто тридцать четыре присутствія. И уже съ открытія втораго департамента однихъ апелляціонныхъ, и по тѣмъ жалобамъ, противу коихъ требуетъ генеральный судъ объясненій отъ вышесказанныхъ подвѣдомыхъ ему мѣстъ, вступило двѣсти тридцать пять, не полагая въ то число тѣхъ жалобъ, кои при самой подачѣ разрѣшаются, и получаемыхъ къ выполненію и резолюціи отъ равныхъ мѣстъ сообщеній, а отъ подчиненныхъ рапортовъ, каковыхъ бумагъ во второй департаментъ донынѣ вошло три тысячи четыреста двадцать пять, и ежедневно не малымъ числомъ входятъ; а въ 1-й департаментъ таковыхъ-же бумагъ вошло 1686: уменьшенія-жъ сихъ въ оба департаменты входящихъ дѣлъ и бумагъ ожидать не можно, по тому наипаче, что въ здѣшнемъ краѣ, гдѣ кромѣ дворянъ, разночинцевъ и священниковъ, болѣе милліона жителей въ одномъ подушномъ окладѣ состоитъ, разграниченія земель не было, а владѣнія по большой части въ каждомъ селеніи совмѣстные и чрезъполосные нѣсколькихъ помѣщиковъ и многихъ козаковъ, также священно и церковнослужителей, имѣющихъ наслѣдственныя и покупныя земли.

Къ тому-жъ въ нынѣшнемъ генеральномъ судѣ производятся такія дѣла, которыхъ въ прежде бывшемъ не было, именно: въ 1-мъ департаментѣ слѣдственныя о преступленіи должностей, кои по обширнымъ матеріямъ и по не малому иногда въ одномъ дѣлѣ числу подсудимыхъ, требуютъ особаго секретаря и особой экспедиціи съ канцелярскими служителями; а во 2-мъ департаментѣ по запискамъ изъ главнаго начальства государственнаго вспомогательнаго банка для дворянства, и по частнымъ просьбамъ о выдачѣ свидѣтельствъ дворянамъ на закладываемыя ими въ банкъ имѣнія, часть сихъ дѣлъ отяготительна для канцелярій потому, что о благонадежности закладываемаго имѣнія надлежитъ соби-

рать отъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ справки, и выправляться съ алфавитными бывшихъ гражданскихъ палатъ запретительными книгами; а по выдачѣ свидѣтельствъ не только въ своей губерніи, но и по всей имперіи, гдѣ письмо крѣпостей производится, писать о запрещеніи, при случаѣ-жъ разрѣшенія и объ ономъ, на что множество исходитъ бумаги и сургуча. А не меньше и на то, что сей судъ по получаемымъ всегда изъ всѣхъ губерній сообщеніямъ объ учиненіи запрещеній и разрѣшеній на имѣнія дворянъ, купцовъ и другаго званія людей, при займѣ ими денегъ въ приказахъ общественнаго призрѣнія и казенныхъ палатахъ изъ выработанной преступниками суммы, или по подрядамъ и откупамъ, или-же по долговымъ къ нимъ частныхъ людей претензіямъ, о таковыхъ запрещеніяхъ и разрѣшеніяхъ пишетъ отъ себя здѣшней губерніи во всѣ повѣтовые суды, городовые магистраты и ратуши.

По симъ обстоятельствамъ малороссійскій генеральный судъ по обоимъ департаментамъ, изъ дознаннаго опыта, находитъ необходимымъ, для успѣшнаго производства вшедшихъ въ оной старыхъ, и особо вновь входящихъ во множествѣ дѣлъ, особливо въ 1-й департаментъ уголовныхъ, по коимъ подсудимые со всей губерніи присылаемые въ Черниговѣ содержатся, во многомъ числѣ, въ одномъ острогѣ, и о скорѣйшемъ коихъ окончаніи послѣдовало строжайшее предписаніе, имѣть примѣрно прежде бывшимъ малороссійской коллегіи и генеральному суду:

ВО 2-МЪ ДЕПАРТАМЕНТѢ.

1-го экзекутора.
2-хъ секретарей.
2-хъ экспедиторовъ или докладчиковъ.
2-хъ протоколистовъ.
2-хъ регистраторовъ.
1-го актуаріуса.
1-го архиваріуса.

КАНЦЕЛЯРИСТОВЪ.

12-ть первой статьи.
12-ть второй.
26-ть третьей.
1-го вахмистра.
2-хъ сторожей.
1-го переплетчика.

На канцелярскіе расходы 1,200 руб. и караулъ для храненія денегъ и дѣлъ.

А ВЪ 1-МЪ ДЕПАРТАМЕНТѢ.

2-хъ секретарей.

2-хъ экспедиторовъ или докладчиковъ.

2-хъ протоколистовъ.

2-хъ регистраторовъ, съ коихъ одинъ сверхъ регистраторской отправлялъ-бы и экзекуторскую должность.

КАНЦЕЛЯРИСТОВЪ.

12-ть первой статьи.

10-ть второй.

8-мь третьей.

1-го вахмистра.

2-хъ сторожей.

1-го переплетчика.

Да на канцелярскіе расходы въ годъ 600 руб. и караулъ для храненія денегъ и дѣлъ, съ коихъ многіе производятся и по секрету.

При каковомъ штатѣ можно раздѣлить въ каждомъ департаментѣ канцелярію на 12-ть повытей, дабы были 10-ть въ уголовныхъ, а въ гражданскомъ департаментѣ для просителевыхъ дѣлъ, и въ каждомъ отправлялись дѣла двухъ повѣтовъ: два-жъ повытья учредить въ 1-мъ департаментѣ, одно для слѣдственныхъ дѣлъ о преступленіи должностей, а другое для поточныхъ дѣлъ; во 2-мъ-же департаментѣ одно для частныхъ интересныхъ дѣлъ, а другое для отписки при выдачѣ свидѣтельствъ въ вспомогательный банкъ, и чрезъ то избѣжать затрудненія и обыкновеннаго при множествѣ дѣлъ въ канцеляріи замѣшательства.

А высочайшимъ именнымъ 797-го года, декабря 18-го, изданнымъ указомъ изъ губернскихъ штатовъ обращены на содержаніе дворянства совѣтники и ассесоры палатъ, суды и расправы уѣздные и нижніе земскіе суды, съ канцелярскими ихъ суммами, губернскіе и уѣздные землемѣры, врачебныя управы со всѣми медицинскими чинами и повивальными бабками, архитекторы и механики, и въ Малой Россіи, именно: генеральные судьи и совѣтники, и опредѣлена въ Малой Россіи ко взносу сумма 80,000 тысячъ рублей; но какъ въ генеральномъ судѣ на мѣстѣ ассесоровъ присудствуютъ депутаты, въ каждомъ департаментѣ по пяти, которые особое отъ дворянъ здѣшней губерніи получаютъ жалованье, въ годъ всякій съ нихъ по пяти сотъ рублей, а вмѣсто уѣздныхъ повѣтовые суды имѣютъ содержаніе отъ доходовъ, въ правѣ книги: *Статутъ* имъ позволенныхъ.

По Малороссійской-же губерніи всего въ расходѣ . 95,700 р.
въ которую сумму не полагая опредѣленнаго въ семъ-же указѣ для городничихъ съ канцеляріями ихъ отъ городовъ содержанія въ . . . . . 7,700 »
Да исключая содержаніе отъ короны губернскаго правленія съ прокуроромъ въ . . . . . 9,970 »
Казенной палаты въ. . . . . 10,770 »
И 20 повѣтовые казначейства въ . . . . . 18,760 »
Всего на сіи расходы . . . . . 39,500 »
На предписанные въ высочайшемъ указѣ для здѣшняго края изъ дворянской суммы расходы употребляется только . . . . . 40,500 »
Слѣдовательно изъ . . . . . 80,000 »
суммы остается безъ употребленія на тѣ расходы . . . 39,500 »

То изъ сихъ денегъ можно отдѣлить нѣкоторую часть на содержаніе вышеписаннаго штата малороссійскаго генеральнаго суда и тѣмъ удобнѣе, что покупаемою для расходовъ бумагою, при употребленіи оной на просителевы дѣла по исхожденію ихъ, взыскивая за каждый листъ по цѣнѣ гербовой по 30-ти копѣекъ, отпускаемая на расходы сумма можетъ выручиться съ превосходствомъ.

Сверхъ вышеписаннаго нужнаго штата генеральный судъ полагаетъ принимать къ дѣламъ благородныхъ людей, дабы они пріучались на пользу службы какъ судопроизводству дѣлъ, такъ и знанію законовъ въ семъ краѣ употребляемыхъ, а за то, что они будутъ служить на собственномъ своемъ иждивеніи, и по усмотрѣніи способности и прилежности ихъ, награждать, по прежнему обыкновенію, слѣдующими по линіи чинами преимущественно предъ тѣми, кои продолжаютъ служеніе съ полученіемъ жалованья.

ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРІИ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ МАЛОРОССІИ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Извѣстно, что малороссійская старшина довольно безцеремонно относилась къ праву собственности: захватывала недвижимыя имущества другъ у друга, грабила вдовъ и сиротъ, въ особенности-же доставалось меньшей братіи „черни". Старшина разными мѣрами вынуждала у находившихся въ зависимости отъ нея простыхъ козаковъ запродажныя росписки не только на пахотныя земли и угодья, но даже на грунты. Понятно, что лишенный пристанища козакъ дѣлался нищимъ и попадалъ въ кабалу къ своему эксплуататору. Однимъ изъ многочисленныхъ доказательствъ этого печальнаго въ исторіи экономическаго быта Малороссіи явленія можетъ быть и помѣщаемый ниже ордеръ прилуцкаго полковника Григорія Галагана къ подначальнымъ ему сотникамъ.

Не смотря на неоднократные императорскіе указы, а затѣмъ гетманскіе универсалы и полковничьи ордеры, запрещавшіе старшинѣ скупать грунты у простыхъ козаковъ, она продолжала обдѣлывать свои темныя дѣлишки, такъ что прилуцкій полковникъ, что-бы пресѣчь злоупотребленія, угрожаетъ, какъ читаемъ въ ордерѣ, за каждое „упущеніе и послабленіе истязаніемъ (тѣлеснымъ наказаніемъ) и жесточайшимъ штрафомъ".

Другіе два документа рисуютъ намъ простой и скорый порядокъ разрѣшенія поземельныхъ споровъ въ Малороссіи въ первой четверти XVIII вѣка.

Два селенія подаютъ просьбу въ гетманскую канцелярію объ опредѣленіи границы между ихъ землями; гетманъ посылаетъ одного изъ своихъ подчиненныхъ Чуйкевича и поручаетъ ему разобрать споръ. Чуйкевичъ, по разслѣдованіи дѣла на мѣстѣ и по опросѣ

понятыхъ „старинныхъ“ мѣстныхъ обывателей, ставитъ рѣшеніе (децизію) по праву даннаго ему гетманомъ полномочія, гетманъ же подтверждаетъ только своимъ универсаломъ постановленіе Чуйкевича.

Н. С—ко.

---

1. Ордеръ прилуцкаго полковника Григорія Галагана о нескуплѣ козачьихъ грунтовъ малороссійской старшиной.

Ордеръ съ полковой прилуцкой канцеляріи панамъ сотникамъ полку прилуцкаго: полковому Степану Лукомскому, монастирскому Ивану Романовичу, ичанскому Андрею Стороженку, пваницкому Федору Свѣрскому, карабутовскому Самойлу Левандовскому, красно-колядинскому Петру Максимовичу, сребранскому Николаю Троцинѣ, варвинскому Димитрію Конѣскому да журавскому Федору Тарасѣвичу:

Сего декабря 23 въ указѣ ея императорскаго величества изъ войсковой генеральной канцеляріи написано: прошедшихъ де разнихъ годовъ неоднократно де отъ войсковой генералной канцеляріи во всѣ полки малороссійские, въ томъ числѣ и въ полкъ прилуцкий, о нескуплѣ козаковъ предлагаемо било, а особливо въ минувшомъ 1739 году, по состоявшому имянному, блаженыя и вѣчно-достойныя памяти, ея императорскаго величества, государинѣ Анни Іоанновны, самодержицы всероссийской, за собственною ея императорскаго величества рукою, указу накрѣпко запрещено, чтобъ отнюдь никто ни подъ какимъ видомъ не точию козаковъ, но и козачихъ кгрунтовъ завладѣвати и за собою закрѣпляти, впредъ до высочайшого ея императорскаго величества соизволения и указу на то не дерзалъ, да кромѣ де того, и сего 1741 году, по силѣ полученного изъ правительствующаго сената о прощении винъ полковника нѣжинского и полковой старшини, и кои 736 и 734 года кгрунта у козаковъ покупили, и о возвращении безденежно, и о не скуплѣ впредъ во всей Малой Россіи, въ противность указамъ, подъ жесточайшимъ штрафомъ.

Указами изъ войсковой генералной канцеляріи извѣстно учинилось, что нѣкоторые изъ сотниковъ, въ отмѣнность оныхъ ея императорскаго величества высочайшихъ указовъ, паки дерзали изкупивъ козаковъ у подданство себѣ привращати, въ чомъ на нихъ въ войсковую генералную канцелярію и жалобы произойшли, почему отъ генералной войсковой канцеляріи изслѣдовати велѣно, и по изслѣдованіи де безъ достойного штрафа винному никакъ оставлено не будетъ; но дабы иногда

таковихъ весма предосудителнихъ, въ отмѣнность ея императорскаго величества указовъ, поступковъ и въ другихъ местахъ паче чаянія происходить не могло, того ради велѣно тѣмъ ея императорскаго величества указомъ, дабы такъ полковая старшина, яко и сотники, по силѣ оныхъ запретителныхъ о томъ высочайшихъ ея императорскаго величества указовъ, всеконечное и безъ сысканія и малѣйшия отмѣны чинити исполнение, и того требовати подъ опасениемъ за какое-либо въ томъ упущение или послабление истязанія и жесточайшаго штрафа, и для того той состоявшійся подтвердительный о томъ указъ вездѣ по всѣмъ полку прилуцкого сотнямъ опубликовати, и о полученіи и исполненіи прислати въ оную войсковую генеральную канцелярію репортъ, а особливо въ слушаніи и исполненіи оного такъ полковой старшинѣ, яко и сотникамъ подписатся, и тѣ подписки прислать въ генеральную войсковую канцелярію немедленно.

Того ради сего числа, по содержанію оного ея императорскаго величества указа, опредѣлено въ прилуцкой канцеляріи послати во всѣ полку прилуцкого сотнѣ къ сотникамъ настоящимъ и наказнымъ, такожъ и сотеннымъ старшинамъ сей ордеръ, найкрѣпчайше напомянуть, дабы они по силѣ запретителныхъ о томъ ордеровъ, всеконешне, безъ всякія и малѣйшія отмѣны, чинили исполненіе и того, яко настоящіе сотенные командири, сами они перестерегали, подъ опасеніемъ за какое-либо въ томъ упущеніе и послабленіе самимъ имъ истязанія и жесточайшаго штрафа, и для того сей состоявшій подтвердительный о томъ ордеръ вездѣ по всѣмъ сотенъ своихъ селамъ и деревнямъ публиковати, о полученіи и о исполненіи, вмѣсто репорта и отрепортованія о томъ въ генералную войсковую канцелярію, на семъ ордерѣ подписатся, а особливо о слушаніи и исполненіи оного, такъ настоящимъ, яко и наказнымъ сотникамъ и сотеннимъ старшинамъ на сообщеной при семъ ордерѣ подписки подписатись должно, и оный ордеръ, начавъ отъ полковой сотнѣ, во всѣ по ряду, списавъ съ оного точние копѣи съ нарочнимъ, промѣчая на ономъ, какого числа и часа полученъ ордеръ, въ другую сотню съ кимъ отправленъ будетъ, съ росписками отсылати, а отъ Журавки должно оный тожъ съ нарочнимъ сюда прислать. Данъ въ Прилуцѣ, декабра 24 дня, 1741 года.

На ордерѣ тако:

Григорій Galaganъ.

Полковий писарь Иванъ Александровичъ, канцеляристъ Григорій Леонтиевъ.

По указу ея императорскаго величества, мы нижеподписавшіеся полку прилуцкого полковникъ, полковая старшина, сотники и сотенная

старшина сею нашею подписею въ войсковую генеральную канцелярію обовязуемся, что ежели-бы имѣли мы сами козаковъ и ихъ кгрунта скупляти, кои указами ея императорскаго величества въ продажи и въ покупки воспящени, то должни подлежати неотмѣнно таковому штрафу, какой по указамъ ея императорскаго величества за такови скуплѣ положенъ. 1741 году декабра 29 дня.

(На копіи подписались полковникъ и вся полковая старшина).

Списано съ копіи. Н. С—ко.

Универсалъ гетмана Скоропадскаго о разграниченіи земель между жителями селъ Мартиновки и Рожновки.

Его царскаго пресвѣтлаго величества войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ

Іоанъ Скоропадскій.

Пану полковниковѣ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского нѣжинскому, старшинѣ его полковой, а особливо сотниковѣ ивангородскому и всѣмъ войсковимъ и посполитимъ того полку обивателямъ и кому колвекъ, теперь и въ потомніе часи, вѣдати надлежатиметь, симъ нашимъ ознаймуемо универсаломъ: поневажъ заводъ мартиновскихъ жителей зъ рожнувскими о поля спорніи чрезъ немалій часъ трымае и не моглъ прійти до мирного окончанія, того ради мы нарочито посылали отъ боку нашего пана Александра Чуйкевича, знатного товариша войскового туда съ крайною волею нашею, для всеконечного размежованія тихъ поль, которіи увазѣ своей давнюю границу, высланними одъ покойного Василя Забѣли мижи ими мартиновцями и его тогда подданими рожнувцями составленную и концями въ розиску вираженними, у своихъ мѣстахъ лежачими, раздѣленную, узнавши быти за твердую и правдивую, обнови и въ первобитномъ составленіи оную быти подтверди, якое розграниченіе поля и на паперѣ, для лучшои въ потомніи часы крѣпости, велѣлисмо вписати, за симъ мы гетманъ тое его пана Чуйкевича пилное разсмотрѣніе и розмежованіе грунтовъ между мартиновцями и рожнувцями, давнихъ концовъ предреченнихъ поновою теперъ означенное, яко разсудили бити слушное и обомъ сторонамъ безобидное, такъ оное симъ нашимъ унѣверсаломъ стверждаемъ, которою повагою пилно варуемъ и приказуемъ, даби тое розграниченіе, знаками въ розиску вираженими, оцирклiоване и моцненне, зъ обоихъ сторонъ цѣло и твердо въ потомніе вѣки было содержано и нихто зъ старшини и чернѣ

оного нарушати не дерзалъ, а особливе, яко мартиновцѣ въ рожнувское поле вступати, такъ и рожнувцѣ въ мартиновскіе грунта впиратися чрезъ Забѣлинскіе концы, теперь поновленіе, кажною мѣрою, подъ зарукою талярей двохъ сотъ и невступнимъ войсковимъ срогимъ караннемъ и винами правними, не важились, упоминаемъ. Данъ въ Глуховѣ въ канцеляріи нашей войсковой. Августа 5, року 1714.

М. П. Звишменованній гетманъ рукою власною.

---

2. Децизія или рѣшеніе гетманскаго уполномоченнаго по сему дѣлу Андрея Чуйкевича, подтвержденное универсаломъ Скоропадскаго.

Децизія.

Поневажъ одъ ясневельможного, его милости, пана гетмана сей розискъ узнанъ есть за слушній и подлугъ оного зуполное есть злеценіе учинить всеконечную границю межи полями мартиновскими и рожнувскими, яко листъ приватній егожъ панскій совершенно въ томъ мене информуетъ, теди властию одъ ясневелможного рейментара и добродѣя моего мнѣ данною розграничаю мартиновскіе и рожнувскіе поля концами небожчика пана Забѣли Василя вышеменованными, а теперь ново поновленними, а концямъ пана Івана Кераевскаго, товариша войскового, за дорогою къ ичанскимъ полямъ, на мартиновскихъ кгрунтахъ покопаннимъ нѣтъ мѣстце, потому, же рожнувцѣ своимъ противнимъ переораннемъ нивочтожили, ихъ озеро, противъ хойхи будучое, мартиновцямъ по прежнему приворочается, и же одъ первѣйшого въ Мартиновки поселенія надлежить и прислушаеть оное мартиновцямъ, безъ которого и прожити имъ невозможно, яко самого мѣстца положеніе виявляе, а що рожнувцѣ, впершись, на той сторонѣ, гдѣ озеро, поорали поле мартиновске, то до того орання однюдь вже не мають наймнѣйше интересоватися рожнувцѣ, понеже тое поле мартиновскимъ рукамъ досталось, подлугъ граничнихъ концовъ, одъ конца Забѣлиного узъ дорогу парафѣевску покоцанихъ до бугра противъ хойхи и по знаки граничніе и межовіе ичанскіе аж до Утки и озера за срѣбранскимъ шляхомъ. Звлаща же и Бусенко и Андрей Почотирко, старинни жители рожнувскіе повѣдали, ижъ за дорогою парафѣевскою противъ хойхи и за озеромъ межи кгрунтами мартиновскими и ичанскими нѣколи не мали себѣ кожной они рожнувцѣ части наименшои сѣнокосной, черезъ тую теди границу ирклѣевскимъ жителемъ одъ молодого небожчика Забѣли составленную, а теперь повими концями одновленную и правними поступками укрѣплен-

ную, абы такъ мартиновци не вступали въ рожнувске поле и сѣнокоси, яко и рожнувцѣ абы наимнѣйше не впирались до мартиновскихъ кгрунтовъ, а не черезъ копци забѣлински, а не черезъ дорогу парафѣевскую до бугра, противъ хойхи, къ ичанскимъ полямъ границею оцирклiованнымъ до Утки и озера, пилно егожъ панскои велможности варую и неотступними правними винами и срогимъ войсковимъ караннемъ стверждаю. У Мартиновцѣ, iюля 19, 1714 року.

Александръ Чуйкевичъ, висланецъ рейментарскiй.

Библіографія.

Городъ Чернобыль (кіевской губерніи), описанный отставнымъ военнымъ Л. П. Кіевъ, 1884 г.

Приступая къ описанію мѣстечка радомысльскаго уѣзда Чернобыля, древняго Стрежева, авторъ счелъ нужнымъ рекомендоваться: «Военный человѣкъ въ отставкѣ, если владѣетъ смысломъ, не обезсиленъ немощами и не обремененъ частными своими или чужими дѣлами, не можетъ долго сидѣть, сложа руки и ничего не дѣлая, кромѣ удовлетворенія животныхъ потребностей. Онъ привыкъ къ походамъ и обозрѣніямъ, притомъ съ своей обычной точки зрѣнія: защиты и нападенія, разумѣется воображаемыхъ, но возможныхъ». Такимъ заявленіемъ начинаетъ свою книжку г. Л. П., очевидно свободнѣе владѣющій оружіемъ, чѣмъ перомъ. То оружіе, съ которымъ онъ выступаетъ на этотъ разъ противъ твердынь, «воображаемыхъ, но возможныхъ», не похоже на утонченную толедскую шпагу, какою маневрировалъ когда-то литераторъ Де-ла-Серда. Это тяжеловѣсная берданка, по правдѣ сказать, совершенно напрасно захваченная авторомъ въ свою экскурсію. Въ его маленькой книжкѣ ужасно много полемическаго задора. Дымъ отъ выстрѣловъ застилаетъ Чернобыль и мѣшаетъ ясно видѣть его очертанія... Между тѣмъ точныя и обстоятельныя описанія отдѣльныхъ поселеній и мѣстностей нигдѣ не могутъ быть такъ желательны и умѣстны, какъ въ юго-западномъ краѣ, живущемъ по старому, безъ земскихъ учрежденій и гласнаго обсужденія дѣлъ, гдѣ всѣ свѣдѣнія объ общественной и экономической жизни не выходятъ еще изъ стѣнъ канцелярій. Но къ такимъ описаніямъ менѣе всего примѣнительна воинствующая манера. Авторъ дѣлается мало убѣдительнымъ, когда, напримѣръ, въ вопросѣ о еврейскомъ вліяніи въ краѣ ставитъ въ вину евреямъ даже празднованіе субботняго дня (стр. 29), или въ сравнительномъ благосостояніи еврейскаго населенія Чернобыля подозрѣваетъ участіе Aliance Israelite. Строгость къ евреямъ вообще у

него большая. Единственнаго любезнаго отзыва удостоиваются у него сыны Израиля за форму своихъ могильныхъ памятниковъ, «удобныхъ для постройки брустверовъ», между тѣмъ какъ «круглыя» (?) надгробныя сооруженія христіанъ, по его отзыву, не годятся для этой цѣли. Предвзятыя точки зрѣнія вносятъ путаницу во многихъ мѣстахъ описанія мѣстечка и его жизни. Такъ, разсказывая о чернобыльскихъ раскольникахъ, г. Л. П. заявляетъ, что они зажиточнѣе и развитѣе по уму, чѣмъ мѣстное православное населеніе и объясняетъ это обстоятельство «нѣкоторыми удобствами опеки и контроля офиціальности, а съ ней лишнихъ издержекъ въ духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ». И рядомъ, тутъ-же, дѣлаетъ изумительный выводъ, что *«поэтому* раскольники большею частію грамотны, не имѣя офиціальныхъ училищъ и обходясь безъ инспекторовъ, окружныхъ и сельскихъ, уподобляясь въ этомъ отношеніи евреямъ, которые также почти всѣ грамотны, не имѣя офиціальныхъ училищъ и строгаго инспекторства надъ ними».

Тамъ, гдѣ замѣчанія автора подкрѣплены фактами, съ нимъ нельзя не согласиться. Таковы его выводы объ общихъ сторонахъ нашего духовенства, объ его сословной обособленности, о взглядѣ на церковь, какъ на источникъ дохода, и происходящей, вслѣдствіе этихъ причинъ, офиціальности отношеній между духовенствомъ и мірянами, не существующей у раскольниковъ и иновѣрцевъ. Интересны свѣдѣнія, сообщаемыя г. Л. П. объ одномъ учрежденіи, тѣсно примыкающемъ къ церкви, но существующемъ помимо мѣстнаго духовенства: «при ильинской церкви существуетъ православное братство, самое давнее въ губерніи, учрежденное еще въ то давнее время, когда въ нашемъ краѣ духовенство болѣло съ народомъ общими болѣзнями и сохранившееся чудесно до нашихъ временъ, благодаря именно тому, что учреждено не по теперешнему типу братствъ или приходскихъ попечительствъ, обреченныхъ, подъ предсѣдательствомъ и завѣдываніемъ приходскихъ священниковъ, на служеніе духовному сословію, а по давнему обычаю обречено на служеніе самому православному чернобыльскому обществу, подъ предсѣдательствомъ и распоряженіемъ избраннаго обществомъ цихмистера, которымъ въ настоящее время состоитъ крестьянинъ Стефанъ Зозуля, завѣдующій имуществомъ братства и капиталомъ въ 2000 рублей. Имущество и капиталъ братства не смѣшиваются съ церковными суммами, коими распоряжаются консисторія и благочинные. Главное дѣло этого оригинальнаго братства—погребеніе мертвыхъ, даровое для бѣдныхъ и съ пожертвованіями для богатыхъ». Полнаго сочувствія заслуживаетъ также выражаемое г. Л. П. желаніе скорѣйшаго законодательнаго урегулированія положенія владѣльческихъ мѣстечекъ, подобныхъ Чернобылю,

или уничтоженія, напримѣръ, такой аномаліи, какъ устраненіе старообрядцевъ отъ выборовъ въ мѣстечкѣ, лишающее ихъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. Объ этихъ старообрядцахъ (безпоповцахъ и поповцахъ) авторъ сообщаетъ довольно подробныя свѣдѣнія. Онъ опустилъ только исторію ихъ поселенія въ Чернобылѣ, о чемъ нѣкоторыя данныя могъ найдти въ «Архивѣ юго-западной Россіи» (ч. V, т. I). Подобно основателямъ «Вѣтки», они бѣжали отъ притѣсненій въ своемъ отечествѣ и поселились во владѣніяхъ бывшей Рѣчи Посполитой, на правахъ «вольныхъ плебеевъ». Сохранился и договоръ ихъ съ графомъ Яномъ Ходкевичемъ, на основаніи котораго они поселились въ Чернобылѣ, нѣсколько раньше 1772 года.

Помимо указанныхъ слабостей, книжка г. Л. П. представляетъ довольно обстоятельный сводъ по исторіи, топографіи и экономической и общественной жизни Чернобыля. Она много выиграла-бы отъ устраненія «элемента борьбы», красной нитью проходящаго черезъ всю книжку и доходящаго до единоборства... съ правильною русскою рѣчью. Ревнителю русскихъ интересовъ въ краѣ, какимъ безспорно оказывается г. Л. П., нельзя говорить: «онъ былъ женатъ съ Софіею Кмитовой», «препятствовавшихъ его волокитству онъ трактовалъ пулею», или «теоретическая забота четырехъ въ дѣйствительности сводится на ничто», и т. под. Если, по приведенному уже заявленію г. Л. П., онъ «не можетъ сидѣть, сложа руки», и литературной дѣятельности его суждено продолжаться, то нельзя не пожелать, чтобъ на устраненіе причинъ, вліяющихъ на достоинство его этимологическихъ и синтаксическихъ «построеній», была употреблена хотя нѣкоторая часть тягостнаго для него досуга.

В. Г—ко.

Ворскло, лірна поэзія Я. Щоголева. Харьковъ. 1883 г.

Оживленіе малорусской литературной производительности въ началѣ шестидесятыхъ годовъ выдвинуло группу поэтовъ, дѣятельность которыхъ сосредоточивалась въ «Основѣ». Въ памяти многихъ остались имена Кузьменка, Руданскаго, Глѣбова, Кулика, талантовъ не яркихъ, но искреннихъ и слишкомъ рано покинувшихъ литературную сцену. Избравшій спеціальный родъ, Глѣбовъ оставилъ басни, успѣхъ которыхъ не исчерпанъ до сихъ поръ, Кузьменко—стихи и талантливую повѣсть, остальные—по двѣ-три пьесы, которыя не забудутся. Съ прекращеніемъ журнала, а потомъ и вообще появленія малорусскихъ книгъ, эти голоса замолкли.

Нѣсколько раньше названныхъ писателей выступилъ авторъ названной книги. Его имя можно встрѣтить еще въ «Молодикѣ» Бецкаго, а подъ малорусскими стихами стоитъ оно въ «Хатѣ», вызвавъ въ то время живыя надежды. Судьба удалила потомъ надолго г. Щоголева отъ литературнаго поприща и не дала развиться полнѣе его дарованію. Но и по вышедшему сборнику его пьесъ, малому зерну, которое онъ сберегъ для народной нивы, какъ-бы святыню сердца, его безспорно слѣдуетъ поставить во главѣ той группы поэтовъ, о которой говорилось сейчасъ.

Читатель, прежде всего, пріятно обрадованъ, встрѣчая поэта, сознательно стоящаго на художественной почвѣ. Вопросъ о тенденціозной и художественной поэзіи въ украинской письменности не можетъ быть, впрочемъ, вопросомъ. Разрѣшеніе его дано массою созданныхъ самимъ народомъ поэтическихъ произведеній, проникнутыхъ чувствомъ красоты, т. е. идеала. Высокія идеи присущи высокимъ сердцамъ, какими не могутъ не быть поэтическіе таланты. Но силу поэзіи даютъ не идеи, а ихъ выраженіе, жизненность образовъ. Въ яркости образовъ, въ силѣ чувства и въ томъ особенномъ своемъ освѣщеніи, какое сообщаетъ предметамъ и мыслямъ духовный складъ поэта—все вліяніе и дѣйствіе поэтическаго дара. Насъ миновала, и да минуетъ впредь, борьба съ искусствомъ въ области самаго искусства, равно какъ и опытъ переложенія въ стихи передовыхъ статей. На этомъ полѣ копья ломаются до сихъ поръ, хотя сила здраваго смысла беретъ свое и назвать Пушкина праднымъ забавникомъ рѣшится теперь только безпредѣльно самоувѣренное невѣжество.

Г. Щоголевъ хорошо обдумалъ свои поэтическіе рессурсы и хорошо овладѣлъ ими. У него есть качество важное для писателя и не часто встрѣчающееся: правильное сознаніе своихъ силъ. Нѣтъ пьесъ рефлектирующихъ, нѣтъ тенденціозной поэзіи и нѣтъ также, скажемъ вскользь, достающихся дешево переводовъ русскихъ поэтовъ. Истинная сфера его творчества—небольшая картинка, типъ, проявленіе какого либо чувства, все согрѣтое сильнымъ лиризмомъ; краски его всегда народны, и муза не покидаетъ степи, лѣса, хаты и поля.

Таковы его описательныя вещи. Но встрѣчаются у него стихи и иного порядка. Господствующій тонъ тѣхъ немногихъ пьесъ, гдѣ онъ открываетъ свой собственный душевный міръ—глубокая скорбь. Нетронутая, чистая природа, простой, старый, вольный строй жизни, любовь къ ближнему, сочувствіе страданью и бѣдности—таковы поэтическіе завѣты, съ какими онъ вышелъ въ міръ. Жизнь изломала и разбила сны юности, разъувѣрила въ чистыхъ надеждахъ, отняла все дорогое,

оставивъ на днѣ души горькій осадокъ. Свѣтъ подернулся въ глазахъ его дымкой лжи и грязи и міровоззрѣніе поэта доходитъ до пессимизма.

Этихъ, проникнутыхъ скорбью пьесъ, не много въ книгѣ («Струни», «Степъ», «Вітрові», «Покій», «Січа», «Годинникъ», «Пляцъ», «Тестаментъ»). Какъ тѣ люди, которые умѣютъ хоронить свою скорбь и не открываютъ первому встрѣчному свои душевныя раны, поэтъ предпочитаетъ разсказывать о чемъ нибудь другомъ и рисуетъ оттѣненныя лиризмомъ, живыя картинки жизни. И по выдержанности и по формѣ это лучшія вещи въ сборникѣ. Самыя свѣтлыя между ними относятся, конечно, къ раннему времени, къ молодой порѣ. Такія пьесы, какъ «Безрідні», «У полі», «Шинокъ», «Розцвіла червона квітка надъ водою», «Хвороба», «Колядка», «Весна» и еще двѣ-три, по своей граціи и задушевности, могутъ быть названы безукоризненными. Мѣткостью стиха и своей изящной сдержанностью онѣ должны-бы, безъ сомнѣнія, нравиться въ народной средѣ, если-бы книги чаще и легче проникали въ хату. Доказательство, впрочемъ, на лицо: пьеса «У полі» невѣдомыми путями проникла въ народъ и поется кое-гдѣ, какъ пѣсня, утративъ, по обыкновенію, при такомъ переходѣ, самую память объ авторѣ.

Въ цѣломъ рядѣ бытовыхъ стихотвореній рисуются типы труда и трудящагося люда («Ткачъ», «Косарі», «Будинокъ», «Могильщики»). Эти пьесы заставляютъ вспомнить невольно Пьера Dupont. Извѣстная аналогія пріемовъ производитъ сходство въ формѣ и, читая пьесы этого рода въ книгѣ г. Щоголева, не разъ вспоминаешь знаменитое начало пѣсни «Les ouvriers»:

Vous, dont la lampe le matin,
Au clairon du coque se ralume!..

Въ этихъ пьесахъ и въ балладахъ («Поминки», «Рыбалка», «Лоскотарки») авторъ чрезвычайно умѣстно и счастливо вводитъ живописныя старинныя выраженія, народныя названія растеній и принадлежностей ремеслъ,—слова столь образныя, что подъ ихъ звукомъ какъ-бы чуется самый предметъ. Баллады г. Щоголева очень картинны и ничѣмъ не уступятъ лучшимъ произведеніямъ этого рода у Алексѣя Толстого или Полонскаго.

Авторъ «Ворскла» чистѣйшій лирикъ. Его дарованію совершенно чужды ноты сарказма или дидактическій тонъ. Пьесы съ этимъ оттѣнкомъ («По закону», «До бурсаківъ», «Швець», «Якось намъ солі не стало на страву») совершенно ничтожны и лишни и нарушаютъ своей дисгармоніей цѣльное впечатлѣніе книги. Таковъ-же «Покинутый хутіръ»,

съ его странною скорбью о разоренномъ дворянскомъ гнѣздѣ, менѣе всего умѣстною послѣ этихъ строкъ вступительной пьесы «Струни»:

Не тобі я, добродію,
Сытый та щасливый,
Друковатиму мій гомінъ
Щирый и мисливый.

Щобъ тобі его утямить,
Щобъ зъ нимъ одружитись,
Треба знову безъ сорочки
На світъ народитись...

Въ пьесѣ, которую можно-бы назвать «Видѣнье въ зеркалѣ», поэтъ очень образно рисуетъ судьбу народа въ родной слободской Украйнѣ. Только манерность нѣкоторыхъ куплетовъ нарушаетъ впечатлѣніе, также какъ въ стихотвореніи «Келихъ», гдѣ употребленіе техническихъ словъ доведено до излишества и ими совсѣмъ задавленъ поэтическій замыселъ вещицы. Подобныя отступленія у г. Щоголева, впрочемъ, не часты, и его надо причислить къ поэтамъ—строгимъ къ себѣ, совершенно справедливо взвѣшивающимъ не только каждое слово, какъ надо дѣлать въ прозѣ, но и каждый звукъ.

Въ этихъ семи десяткахъ стихотвореній видѣнъ прирожденный поэтъ. Если онъ не настолько силенъ, чтобъ заставить подражать себѣ, то самъ безспорно не подражаетъ никому, и въ украинской поэзіи его имя не будетъ забыто.

В. Г—ко.

Юмористическіе разсказы и сцены изъ малорусскаго народнаго быта. В. П. Жуковскаго. Кіевъ. 1884 г.

Два слова объ этой книжонкѣ мы скажемъ не съ цѣлью ея разбора. Будучи продуктомъ рыночной литературы, она таковому не подлежитъ. Мы хотимъ выразить только изумленіе, какъ съ такимъ умственнымъ багажемъ можно являться, хотя-бы и на рынкѣ. Никогда не встрѣчалось намъ ничего болѣе тупого и плоскаго. Прародители всѣхъ этихъ русскихъ, еврейскихъ, армянскихъ и иныхъ сценъ: гг. Горбуновы, Вейнберги, Лейкины, въ сравненіи съ г. Жуковскимъ, кажутся гигантами. А онъ увѣряетъ насъ, что рисуетъ бытъ классической страны юмора, гдѣ насмѣшливая нотка проникаетъ рѣчь всякаго, отъ малаго ребенка до дряхлаго старика... Каждый изъ этихъ разсказовъ и сценъ производитъ

впечатлѣніе, какое вызываетъ въ обществѣ сказанная кѣмъ нибудь тупая пошлость, которой смѣется одинъ разсказчикъ, при гробовомъ и сострадательномъ молчаніи слушателей.

Г. Жуковскій не читалъ, конечно, ни Гоголя, ни Квитки. Но чтобы знать, что такое малорусскій юморъ, ему стоило прислушаться только къ народнымъ разсказамъ или заглянуть въ печатные ихъ сборники. У него отпали-бы тогда какъ охота издавать свою книжку, такъ и желаніе взимать за свое остроуміе по 25 копѣекъ.

Онъ не знаетъ, конечно, что многія произведенія нашихъ писателей суть ничто иное, какъ записанные изъ устъ народа разсказы и что еслибъ дать себѣ трудъ записывать остроумную болтовню деревенскихъ балагуровъ, то составилась-бы библіотека, подъ которой, какъ соръ, затерялись-бы книжки, подобныя издѣлію г. Жуковскаго и его присныхъ.

На зарѣ малорусской письменности первые писатели, люди съ талантомъ, погрѣшили, присвоивъ нашему сельскому люду тупыя и дураковатыя черты. Это могло находить объясненіе въ эпохѣ, когда одинъ выходъ на сцену мужика казался уже дерзостью. Питомцы той традиціи, гг. Ващенки-Захарченки и tutti frutti, держались старыхъ преданій, но лишились уже старыхъ свойствъ: ума и веселости. Карающая Немезида расправилась по своему съ упорствующими до сихъ поръ псевдонародными гаерами и наградила ихъ глупостью, обезоруживающей негодованіе.

Г—ко.

Демидовъ Санъ-Донато. Еерейскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1883 г.

Намъ доставлена книга, заглавіе которой мы привели. Авторъ оной, или только издатель, какъ догадываются нѣкоторые, видимо желаетъ самой широкой для нея публикаціи или-же разносторонняго разбора ея и обсужденія. Объ ней однако такъ много говорилось въ нашей печати, въ изданіяхъ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ, что говорить вновь послѣ того, что всѣми было прочитано, значило-бы досаждать читателю и такъ сказать мозолить ему глаза тѣмъ, отъ чего, быть можетъ, онъ давно уже отвернулся. «Помочи, галстухи, перчатки, духи, помада, одеколонъ»..., слышите вы на каждомъ шагу, проходя мимо еврейскихъ лавочекъ и испытавъ уже, что это за товаръ, переходите на другую сторону, чтобы не слышать болѣе самыхъ зазываній. Подобное впечатлѣніе можетъ производить и широкая публикація, полученная названною нами книгою. Притомъ намъ вовсе чужда всякая публицистика и та внутренняя политика, которая широко разводится здѣсь на

девяти десяткахъ страницъ веленевой бумаги; мы имѣемъ дѣло лишь съ исторіею, притомъ мѣстною, а въ этой области еврейскому вопросу посвящено въ книгѣ всего три страницы. Намъ, слѣдовательно, говорить тутъ почти не о чемъ. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ оставить безъ вниманія и этого микроскопическаго явленія въ области нашей исторіи, хотя-бы для того, чтобы отмѣтить фактъ, камъ мало придается ей значенія въ рѣшеніи такого даже вопроса, который вписанъ въ нее слезами и кровію, и какъ подгоняются къ рѣшенію предвзятой задачи ея общія указанія.

Г. Демидовъ Санъ-Донато, или стоящій за его спиною иной авторъ хочетъ построить проэктъ равноправности евреевъ въ Россіи на двухъ страничкахъ изъ исторіи той обширной области, которой собственно и принадлежитъ вся исторія еврейства Россіи. И здѣсь впрочемъ онъ не сказалъ ничего инаго, кромѣ избитой и затасканной мысли, которую онъ проводитъ чрезъ всю исторію еврейства, что только-де религіозный фанатизмъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ приходилось жить евреямъ, въ соединеніи съ невѣжествомъ народныхъ массъ, былъ причиною и вѣковыхъ страданій евреевъ и тяжелыхъ, хотя совсѣмъ несправедливыхъ противъ нихъ обвиненій. И въ Польшѣ, и въ Литвѣ бѣдные еврейчики, по мнѣнію автора, послѣ тѣхъ страданій, отъ которыхъ они бѣжали сюда изъ Европы, старались честно трудиться въ отведенной имъ якобы единственной сферѣ торговыхъ занятій; но тутъ, послѣ люблинской уніи, произошелъ переворотъ во внутреннемъ строѣ польскаго королевства, который будто-бы измѣнилъ ихъ соціальное положеніе и внутреннюю организацію ихъ общинъ и испортилъ дальнѣйшую ихъ репутацію: усилившаяся на счетъ королевской власти шляхта гнала-де ихъ отъ себя, а мѣщанство стѣсняло ихъ въ торговлѣ, такъ что они несчастные по неволѣ стали въ положеніе ростовщиковъ и факторовъ, начали арендовать у праздной шляхты всякія статьи доходовъ и доведены были до такой крайности, что брали въ аренду самыя даже церкви... Понятно, что это вызывало месть и расправу народа какъ съ панами, такъ и съ жидами, но виноваты тутъ собственно паны, а имъ евреямъ отъ чего-же и не тѣснить тѣхъ, которыхъ всѣ тѣснили...

Въ томъ-же смыслѣ авторъ книги даетъ объясненіе происхожденію нынѣшней обособленности нашихъ евреевъ и кагальнаго ихъ устройства. Въ періодъ ослабленія въ Польшѣ и Литвѣ государственной власти, въ періодъ усиленія шляхетскаго произвола и необезпеченности личности, соединялись де люди въ разные общественные союзы, подъ названіемъ цеховъ, гильдій и братствъ, въ которые однако не принимались евреи, сама де шляхта организовалась въ крѣпкую, общественную и политическую группу; ну, и бѣдные, покинутые всѣми, еврейчики

соединились также въ свою отдѣльную ассоціацію, а когда литовскіе евреи соединились съ польскими, сталъ большой кагалъ, который существуетъ и доселѣ. Виноваты опять Польша, шляхта, цехи, братства, мѣщане и рядовые шляхтичи, но только не евреи; эти послѣдніе, тѣснимые всѣми, всегда уединялись въ сферу свободныхъ занятій, которыми пренебрегали другіе, въ томъ числѣ и въ ростовщичество, шинкарство и арендованіе церквей.

Одну только свѣтлую пору находитъ авторъ въ судьбѣ нынѣшнихъ русскихъ евреевъ, именно пребываніе ихъ подъ властію литовскихъ князей: тутъ евреи были вполнѣ свободны, равноправны, не обособлялись отъ остальнаго населенія, носили одинаковую съ нимъ одежу и мѣстныя даже фамиліи, какъ Шпакъ, Бородавка и пр. Авторъ только не упоминаетъ о томъ, что и отсюда за что-то выгнали евреевъ и подвергли конфискаціи ихъ имущество, а также—что они ухитрились снова втереться въ милость къ князю, ихъ изгнавшему и потомъ опять принявшему.

За что здѣсь, какъ и вездѣ, евреевъ гнали и преслѣдовали, авторъ не говоритъ, предполагая, конечно, всюду одну и туже причину—религіозный фанатизмъ и невѣжество окружавшей евреевъ среды. Только съ ослабленіемъ религіознаго фанатизма и разсѣяніемъ невѣжества въ государствахъ Западной Европы наступила, по мнѣнію автора, для евреевъ эпоха мира и благоденствія, другими словами: только тамъ они забрали верхъ, гдѣ возобладалъ религіозный индифферентизмъ и космополитизмъ.

Все переданное нами изъ quasi-историческаго очерка автора разбираемой книги не есть, конечно, никакая исторія и не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія. Голый и краткій перечень законодательныхъ мѣръ противъ евреевъ, общія фразы объ ихъ страданіяхъ, подтасовка и искаженіе общеизвѣстныхъ историческихъ фактовъ не способны дать вѣрныхъ выводовъ и послужить правильному разрѣшенію еврейскаго вопроса. Для этого, кромѣ многаго другаго, прежде и болѣе всего нужна обстоятельная и правдивая исторія внутренней жизни самихъ евреевъ, ихъ отношеній къ другимъ частямъ населенія, ихъ занятій и способовъ жизни, ихъ идеаловъ общественныхъ и принциповъ нравственныхъ, ихъ вѣроученія и нравоученія. Все это обходится не только защитниками, но и обвинителями еврейства: у первыхъ нѣтъ для этого достаточно честности и мужества, у вторыхъ просто знанія. Внутренняя исторія еврейства, а также вѣроученіе и нравоученіе евреевъ составляютъ, можно сказать, кромѣшнюю тьму, а безъ ихъ разъясненія не возможно правильное сужденіе о томъ, что мы называемъ еврейскимъ во-

просомъ. Въ нашихъ рукахъ находилось обширное изслѣдованіе современнаго вѣроученія и нравоученія еврейскаго, принадлежащее лицу, которое посвятило этому труду 20 лѣтъ своей жизни. Авторъ этого неизданнаго сочиненія оставляетъ совершенно въ сторонѣ *Талмудъ*, какъ сборникъ самыхъ противорѣчивыхъ сентенцій и наставленій, изъ котораго съ полнымъ удобствомъ извлекаютъ обыкновенно доказательства *pro* и *contra* еврейства, но беретъ тѣ равносильныя нашимъ каноническимъ книгамъ изданія, которыя признаются въ нашемъ и заграничномъ еврействѣ священнѣйшими и важнѣйшими руководствами въ дѣлѣ вѣры и нравственной жизни, и по строгомъ и всестороннемъ ихъ разборѣ приходитъ къ заключенію, что это никакая вѣра и никакая нравственность, а лишь длинный рядъ правилъ и наставленій на всевозможные случаи практической жизни—относительно того, какъ обходить въ нихъ не только обрядовый, но и нравственный законъ и самаго Господа Бога. Нельзя, напримѣръ, давать деньги въ ростъ, но можно дать ихъ *единовѣрцу*, чтобы онъ купилъ и перепродалъ что-нибудь, и вообще на предметъ торговли, подъ видомъ помощи, а барыши или проценты придутъ подъ видомъ благодарности, и—нарушенія закона не послѣдуетъ. Нельзя обманывать, но для защиты и блага своего народа это не будетъ грѣхъ. Тяжкій грѣхъ еврею перейти въ христіанство, но если онъ будетъ полезенъ своимъ, онъ не исключается изъ ихъ общества. Нельзя *возжигать* огонь въ субботу, а слѣдовательно и ставить самоваръ, но можно, говоря громко: «Ахъ какъ-бы хотѣлось мнѣ напиться чаю»! въ полголоса прибавить, но такъ, чтобъ слышалъ тотъ, къ кому это должно относиться: «Иванъ, поставь самоваръ»... И эти книги во всеобщемъ употребленіи, по нимъ располагаетъ свою жизнь вся масса нашего еврейства, которая творитъ жизнь и... погромы. Вотъ что надо раскрыть и изучить, а не творенія великихъ философовъ, поэтовъ и разныхъ артистовъ изъ евреевъ. Нельзя не пожелать, чтобы было издано въ свѣтъ изслѣдованіе, о которомъ мы упомянули и котораго лишь обрывки остались теперь въ нашей памяти. Во всякомъ случаѣ оно послужило-бы первымъ шагомъ на томъ пути къ изученію еврейскаго вопроса, на который мы выше указали и который признаемъ единственно надежнымъ. Но авторъ онаго не имѣетъ средствъ для изданія. Не приметъ-ли на себя этого изданія г. Демидовъ-Санъ-Донато? Адресъ автора мы готовы указать.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ЕВРЕЙСКІЙ ПЛѢНЪ ВЪ ЗАПОРОЖЬИ 1770—1772 ГГ.

Въ недавно добытыхъ мною обрывкахъ архива „послѣдней“ Сѣчи Запорожской, я среди тысячи бумагъ, вполнѣ истлѣвшихъ и по неволѣ преданныхъ мною огню, отыскалъ еще много довольно любопытныхъ документовъ, особенно: *о гайдамакахъ, о войнѣ 1769—1774 годовъ, о сношеніяхъ Запорожья съ крымскими и ногайскими татарами, о торговлѣ съ Очаковомъ* и Польшею и проч. Между ними нашелъ я довольно любопытную переписку о „Еврейскомъ плѣнѣ въ Запорожьи“, которою желаю подѣлиться съ читателями „Кіевской Старины“.

Во время достославной Румянцевской компаніи противу турокъ и татаръ (1769—1774 г.), посланъ былъ, по волѣ главнокомандующаго, одинъ отрядъ запорожскихъ козаковъ на лодкахъ, подъ командою храбраго войсковаго старшины *Данилы Третьяка*, къ устьямъ Днѣпра и Буга, для поисковъ противъ непріятеля, особенно близъ Очакова и Кинбурна. Эта „Низовая команда“ или „Пѣхота“, во время вылазки и преслѣдованія татаръ по берегу, захватила въ ногайскихъ степяхъ, въ октябрѣ 1770 года, часть табора крымскаго хана Крымъ-Гирея и въ немъ плѣнныхъ волоховъ и евреевъ, всего 673 души. Вѣроятно это былъ „ясыръ“, добытый татарами за Днѣстромъ, или въ польскихъ предѣлахъ, который они вели въ Крымъ, на продажу туркамъ. Въ числѣ плѣнныхъ было болѣе 100 евреевъ съ женами и дѣтьми.

Походный Кошъ, получивъ о томъ извѣстіе, приказалъ: „кодакскому полковнику *Блакитному* „пригнанныхъ“ на Запорожье

кущовскимъ атаманомъ *Максимомъ Ротомъ* плѣнныхъ принять и размѣстить въ селеніи Паланки и ждать дальнѣйшихъ приказовъ. Но тутъ явился весьма щекотливый вопросъ: кто и чѣмъ будетъ кормить плѣнныхъ? ибо еще прежде сего было приведено въ Запорожье 1,300 волоховъ, освобожденныхъ тоже изъ татарскаго плѣну, во время поисковъ близъ Очакова. На счетъ христіанъ дѣло обошлось просто: имъ дозволено было оставаться въ запорожскихъ предѣлахъ, или-же удалиться за Днѣпръ, въ малороссійскія селенія [1]). Вслѣдъ за симъ отъ кошеваго съ походнаго Коша приказано: „такъ какъ повелѣно было, чтобы волоховъ распустить, а жидовъ отъ громады годовать, а иначе они всѣ съ голоду сгинуть, то полковнику кодакскому этому жидовскому народу харчевые припасы отъ поспольства отпустить съ запискою, сколько, какого числа, якихъ харчей или на то денегъ дано будетъ?“ Изъ документовъ видно, что для прокормленія жидовъ выдано проса 61 четверть, цѣною на 152 руб., и 58 четвертей муки.

Но евреи 25 октября просили кошевое начальство: что такъ какъ они, подобно волохамъ, не могутъ оставаться на жительство въ запорожскихъ предѣлахъ, а нуждаясь въ продовольствіи, отягощаютъ кодакскую громаду, то чтобы ихъ часть отпустили въ Польшу для добычи денегъ на „выкупъ“ ихъ изъ плѣна. Кошъ далъ приказъ войсковому старшинѣ Треть ку, какъ собственнику ясыра: „учинить въ командѣ своей о вышеписанномъ *консиліумъ* (совѣщаніе) и какъ у васъ о семъ положено будетъ, прислать къ намъ рапортъ.“ Третьякъ не медля отвѣчаетъ, что по опредѣленію всей *пѣхоты* (т. е. лодочной команды) рѣшено: отпустить 6-ть жидовъ въ Польшу для собранія денегъ на выкупъ и для ихъ конвоя назначенъ товарищъ кущевскаго куреня *Романъ Пашковскій*. Ордеръ походнаго Коша такъ любопытенъ, что мы списываемъ его буквально:

Г. полковнику кодацкому, Стефану Блакитному [2]).

„При опредѣленныхъ изъ Коша войска низоваго козакахъ, имѣете вы отбитыхъ пѣхотною запорожскою командою, при разбытіи

---

[1]) Мы полагаемъ, что эти волохи и молдоване были осадчими, т. е. основателями селенія «ВолосскіеХутора», въ 20 верстахъ отъ Екатеринослава.

[2]) Блакитный (błękitny, съ польскаго) голубой.

ханскаго обоза и ето ясыра, подъ Кинбургомъ жидовъ, если они находятся всѣ въ Новомъ Кодакѣ, собравъ, выбрать изъ нихъ шесть человѣкъ такихъ, которыхъ-бы здѣсь оставались жены и дѣти, либо родственники, а паче отцы, отпустить ихъ, съ посылаючимся при семъ свидѣтельствомъ, польской области въ разныя мѣста, къ ихъ родственникамъ, за конвоемъ сихъ козаковъ, для собранія договоренныхъ ими за содержаніе себѣ въ харчахъ и одѣяніи, также и на выкупъ 8,000 руб. денежной суммы, на пять мѣсяцевъ, съ тѣмъ имъ объявленіемъ, что если они тѣхъ денегъ въ показанный срокъ не выстарчатъ (не доставятъ), то оставшіеся въ Кодакѣ жиды и все ихъ родство имѣютъ окрещены быть и по неволѣ, или самой смерти преданы будутъ, безъ всякаго пощадѣнія, непремѣнно".

„13 ноября 1770 г."

Но не смотря на упомянутый „консиліумъ" запорожской пѣхоты и мудрый ордеръ походнаго Коша, случилось препятствіе (*цирконстанціе*, какъ сказано въ бумагѣ) [1]), какого наше „товариство" вовсе не ожидало. Евреи лишь только достигли польскаго рубежа, то нашли тамъ покровителей поляковъ, которые посовѣтовали имъ прежде уплаты денегъ обратиться „съ слезнымъ письмомъ" въ главную квартиру арміи, бывшую въ Яссахъ. И главнокомандующій, графъ Румянцевъ, послалъ въ Кошъ слѣдующій ордеръ:

„Жители польскаго мѣстечка Янова, жиды, здѣсь объявили, что взяты они командою войска запорожскаго во время разбитія ханскаго обозу, при городѣ Кинбурнѣ, и отпущены отъ васъ съ срокомъ въ Польшу для збору денегъ на выкупъ себя и другихъ жидовъ изъ плѣну, и что, не находя себя въ состояніи собрать назначенную вами сумму, возвратиться опасаются. Я потому рекомендую вамъ прислать ко мнѣ безъ замедленія рапортъ: сей зборъ денегъ на выкупъ по собственному-ли вашему благопризнанію опредѣленъ, или въ сходствіе даннаго какова-либо о томъ отъ вышняго начальства повелѣнія?"

Графъ Румянцевъ.

„*Яссы*, февраля 26 дня 1771 года.

---

[1]) Забавно читать въ козачьихъ письмахъ латинскія слова: *консиліумъ* (*consilium*, совѣтъ) и цирконстанція (*circumstantio*, случай); вѣроятно, писарями были учившіеся въ академіи или поляки, сдѣлавшіеся запорожцами.

На это Кошъ отвѣчалъ, что запорожская пѣхота съ боя взяла часть обоза крымскаго хана и въ ней бывшихъ плѣнныхъ волоховъ и жидовъ, и о своемъ подвигѣ донесла главному своему командиру графу Панину. Евреи, зная наши обычаи (воспрещеніе оставаться въ Запорожьи), пожелали свободы и сами предложили выкупъ. Войско согласилось и послало избранныхъ ими депутатовъ въ Польшу съ конвоемъ. 30-го апрѣля они уже были въ мѣстечкѣ Смѣлой (кіевской губ.), гдѣ евреи уже имѣли и деньги. Кошъ проситъ, слѣдственно, изъ уваженія къ службѣ пѣхоты и въ поощреніе новыхъ поисковъ надъ непріятелемъ, утвердить эту сдѣлку, тѣмъ болѣе, что запорожскія селенія содержали и кормили евреевъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Но Румянцевъ не удовольствовался этимъ отвѣтомъ, и еще разъ писалъ кошевому начальству:

„Получа вашъ рапортъ подъ № 728 на мой посланной къ вамъ ордеръ, и не видѣвъ въ немъ того, чтобы давало вамъ право освобождать плѣнныхъ за выкупъ, какъ сіе вы чините съ жидами, за коими я къ вамъ писалъ, схотѣлъ я вамъ тутъ изъяснить ту причину, по которой я вхожу въ сіе дѣло. По военному общему праву, плѣнникъ взятый оружіемъ принадлежитъ своею особою всегда государю; слѣдственно и свобода его не зависитъ отъ партикулярной воли воина, а найпаче въ продолженіи еще войны. Но естьли ваше войско исключительный имѣетъ для себя законъ, или древній обычай, позволяющіе вамъ поступать инако; я о томъ не вѣдая, нахожу однакожъ за прилично припомянуть вамъ, чтобы вы сіе чинили, доложась настоящему своему командиру; а въ прочемъ, въ отдачѣ по условію денегъ выпущенными жидами, я воспященія не прикажу чинить.

Графъ Румянцевъ.

9-го маія 1771 года.

Изъ главной квартиры. Городъ Яссы.

Вскорѣ является и отъ самыхъ евреевъ изъ форпоста Семлика [1]) всенижайшее донесеніе:

---

[1]) Въ Ново-Сербіи, т. е. въ елисаветградскомъ уѣздѣ херсон. губ., на р. Выси, близъ Ново-Архангельска.

Его ясне-вельможности пану Кошевому.

„По нынѣшнимъ печальнымъ военнымъ обстоятельствамъ павшіе въ полонъ сродственники наши, жиды, содержатся въ селеніяхъ принадлежащихъ войску команды вашей ясневельможности и по причинѣ не въ состоянія заплатить потребное число выкупныхъ денегъ, и по нынѣ не выпущены, о которыхъ всенижайшея прошенія приносимъ вашей ясневельможности. Мы по нашей бѣдности и нищетѣ, съ собранными 600 рублями, для заплату за тѣхъ нашихъ сродственниковъ, сюда къ семлицыну форпосту прибыли, но намъ пропуску чинить не могутъ здѣшніе командиры [1]), того ради мы нижайшіе рабы вашей ясневельможности, всенижайше падши къ ногамъ вашимъ, слезно молимъ: чтобы на нашу крайнюю нищету взирая, по своему вездѣ славившемуся великодушію, тѣхъ нашихъ родственниковъ приказали на нашъ коштъ съ повѣреннымъ отаманомъ сюда къ семлицыну форпосту доставить, для полученія отъ насъ вышепоказанныхъ 600 руб. денегъ, да привезеннаго для высокой вашей персоны 40 аршинъ кармазиннаго тонкаго сукна; для чего и посылаемъ при семъ нарочнаго отъ себя человѣка, съ прошеніемъ нашимъ и съ приложеніемъ письма его высокаго сіятельства, графа-фельдмаршала П. А. Румянцева о тѣхъ нашихъ однородныхъ.

Вашей ясневельможности нижайшіе рабы (подписи по еврейски).

Ноября 10. 1771 г.

Присланное евреями письмо графа Румянцева было слѣдующее:

Государь мой, Петръ Ивановичъ.

Обыватели польскаго мѣстечька Янова и другихъ, жиды, принесли вторичное прошеніе о освобожденіи взятыхъ войскомъ запорожскимъ ихъ однородцовъ, удерженныхъ по сіе время въ селеніяхъ войску принадлежащихъ, по той токмо причинѣ, что назначеннаго выкупа восми тысячъ рублей не могли собрать по крайней нищетѣ своей. Надѣяся на извѣстное мнѣ ваше благоразсужденіе, прошу васъ, государь мой, приказать ихъ освободить, ибо, положимъ, хотя-бы и было обыкновеніе брать съ плѣнныхъ за выкупъ деньги; но въ уваженіи крайняго несостоянія ихъ выплатить требуемое

[1]) Ново-сербское военное начальство.

количество денегъ, надлежитъ показать человѣколюбіе надъ сими бѣдными людми, кои, сидя въ неволѣ, лишены всѣхъ къ тому способовъ: а еднородцы ихъ, пребывая въ Полше, отъ войны и болѣзней обнищавшіеся, о исправленіи своемъ стараяся, конечно пособить имъ не могутъ.

Пребываю въ прочемъ съ моимъ истиннымъ вамъ почтеніемъ, государь мой, вашимъ покорнымъ слугою

Графъ Румянцевъ.

Октября 1771 года.

Получивъ хотя любезное, но и точное приказаніе, Кошъ собралъ сходку для рѣшенія этого дѣла и вотъ что было опредѣлено:

„1771 года декабря 7, атаманы куренные и козаки да старшины войсковые, будучи на сходкѣ, приговорили: чтобы взявши 600 руб. денегъ, жидовъ отпустить, ибо и графъ Румянцевъ неоднократно пишетъ въ Кошъ“.

Такъ окончилось это любопытное дѣло: 14 января 1772 года, Кошъ удостоилъ и жидовъ слѣдующимъ своимъ отвѣтомъ:

Жидамъ Самуилу Марковичу, Марку Лазаревичу и Мошку Осиповичу.

„При донесеніи вашемъ посланные 600 руб. деньги [1]) и сукно чрезъ нашихъ нарочныхъ козаковъ: *Ивана Щоку* и *Данила Заволоку* получены тутъ исправно, а родственники ваши жиды, находившіеся въ здѣшнихъ мѣстахъ, при семъ къ вамъ отправляются. А для охраненія ихъ въ пути и препровожденія до семлицкаго форпосту здѣшнихъ войсковыхъ три человѣка опредѣлено“.

А вотъ и финалъ: кодацкій полковникъ Гаврило Поповичъ 20 января 1772 года донесъ Кошу, что на десяти повозкахъ, нанятыхъ евреями по 8 злотыхъ за всякую, доставлено въ Семликъ, т. е. на польскій рубежъ 77 евреевъ, съ дѣтьми и женами.

Въ заключеніе приводимъ благодарственное письмо евреевъ, писанное 15 февраля 1772 года изъ Умани:

„За освобожденіе нашего рода жидовъ, до границъ семлицкаго форпоста, безъ приключенія и ни отъ кого никакой обиды, благополучно препровожденныхъ, и за такое вашей ясневельможности

---

1) «Серебренною монетою», прибавлено, а въ Сѣчь даже царское жалованье выдавалось мѣдными деньгами.

милосердіе и не оставленіе рода нашего приносимъ всепокорнѣйшую и нелицемѣрную нашу со всякою учтивостію и старшинамъ и всему войску запорожскому благодарность. Да и впредъ ясневельможность вашу всенижайше упрашиваемъ, если, по волѣ всемилосерднаго Бога, еще подъ случай нашъ родъ въ запорожское низовое войско попадется, не оставлять... Тѣ-же евреи, подъ покровительствомъ ново-сербскаго маіора Павла Эрдели, достигли Умани, гдѣ мы достали, и въ презентъ вашему ясневельможности посылаемъ 8 головъ сахару, и просимъ оный принять и себѣ въ здоровье употреблять".

А. Скальковскій.

ВОЛЫНСКАЯ БЫВАЛЬЩИНА.

Въ кременецкомъ уѣздѣ есть мѣстечко Рахмановъ; само по себѣ это мѣстечко маленькое, безъ всякой торговли, но интересное тѣмъ, что въ немъ почти нѣтъ жидовъ. Населяющіе это мѣстечко крестьяне представляютъ значительныя особенности, сравнительно съ крестьянами ближнихъ селеній; это народъ рослый, видный, свѣжій, трезвый, трудящійся и зажиточный; по типу они скорѣе подходятъ къ украинцамъ, чѣмъ къ волынякамъ. Между ними нѣтъ ни одного католика, тогда какъ окружающія это мѣстечко селенія, нѣкоторыя на половину, состоятъ изъ католиковъ. Это объясняется тѣмъ, что еще во времена польскаго владычества, даже при русскомъ правленіи, въ этихъ мѣстахъ была очень сильна католическая пропаганда. Въ семи верстахъ отъ Рахманова есть селеніе Сурожъ, огромное имѣніе, принадлежавшее іезуитамъ, гдѣ находились іезуитскія миссіонерскія школы. И теперь еще указываютъ въ сурожскихъ лѣсахъ мѣста, гдѣ іезуиты добывали желѣзную руду, указываютъ провалившіеся погреба, которые крестьяне засыпали, боясь ихъ раскапывать изъ суевѣрнаго страха передъ іезуитскими проклятіями, страха, сохранившагося и до настоящаго времени. Въ 9 верстахъ отъ Рахманова Шумскъ, бывшій когда-то удѣльный городъ русскихъ князей. Въ этомъ мѣстечкѣ были католическій францишканскій монастырь и тринитарскія школы. Удивительно, какъ уцѣлѣлъ Рахмановъ, что между его обитателями нѣтъ ни одного католика.

Въ этомъ мѣстечкѣ проживалъ столѣтній дѣдъ Иванъ *Добротворъ*, которымъ очень гордились Рахмановцы. Я былъ знакомъ съ Добротворомъ, когда лѣтомъ пріѣзжалъ въ свое имѣніе, находящееся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Рахманова. Добротворъ любилъ поговорить о старинѣ, особенно за чаркой водочки. Интересны его расказы о временахъ польскаго владычества, о занятіи Волыни русскими войсками, о Суворовѣ, о переходѣ изъ уніи въ православіе и особенно о ненавистной панщинѣ и ея уничтоженіи.

„За Польщи біда була; паны грабували панівъ, а мужиківъ грабували жолніри, та ще якісь „драбы“ були; таки були обідрани, та здорови. Наровить прійти до хаты, коли мужиківъ немае дома, а сами жинки въ хаті, щобъ де що чи вкрасти, чи одняти. И виршу таку драбы собі зложили; якъ увійде въ хату, той каже:

Помогай Бігъ, тітко!
Несе драба дідько.
Дай мині солонины
Моій жінці на хрестины!
Не дай мині козы,
Бо въ торбу не влізе.
Не дай мині теля,
Бо на тебе буде веле.
Дай мині того франта,
Що висе у банта.

Себъ то ему сала, що мужики вішають на горіщи до бантины.

Якъ забирали насъ підъ Россію, то війска було дуже багато, такъ якъ каши: та всі були у красній одежи, такъ якъ раки. Бачивъ я и Суворова; було якъ іде, то грають маршъ“. И Добротворъ проигралъ на губахъ маршъ, которымъ войска встрѣчали и провожали Суворова.

„А якъ одібрала насъ Россія одъ Польщи, то стали насъ навертати на благочестіе (на православіе); въ духъ усі пристали на благочестіе; паны дуже на тее гнівались, а мужики на те не потурали; пріихали якісь зъ Россіи, чи попы, чи ченці, чи може архимандриты и стали по церквамъ учити службу правити; якъ хто не второпа, то бере зъ рукъ братерьску свічку, та такъ по голові и латае.

Татаръ я вже не памятаю; а казали стари люде, що колись нападеніе було одъ татарівъ; тоді усімъ заказували, щобъ куповали собі рушниці: „продай, каже телицю, купи рушницю“. Казали, шо козаки колись воювали зъ поляками; були козаки, „амбурьци“ назывались (очевидно, ямбургскій пикинерный полкъ), то ти багато поляковъ побили; а ще бувъ козакъ „Жертва“, той также багато поляківъ побивъ и одибравъ відъ турка Бендеры и Очакивъ.

Якъ задумали поляки рухавку робити, то сбирались у святого Яна [1]) нибы юбилеушъ справляти, а вони збирались рухавку робити: іздили до Ярмолинець, коней купували и наряжали до рухавки своихъ козачкивъ, лакеівъ, фурманівъ, пастушкивъ. Панъ Менижнскій [2]) въ Корсунахъ (лѣсное урочище) сподівався повстанцівъ и державъ тамъ сіно, овесъ, хлібъ, мясо, горілку, сало; вінъ приказувавъ и мужикамъ давать полякамъ хлібъ, якъ будуть ити черезъ Брыково; ляхи ночували въ Корсунахъ. Отъ за тее и взяли Менжиньского и, кажуть, до Танбова его спровадили. Богъ Милосердный наславъ на поляківъ путь нечестивый и сами одъ себе погибли.

За Польщи тяжкои панщины не було, а якъ настала Россія, то дуже тяжка панщина стала. Якъ повелось руськое начальство, то заразъ паны дали намъ мычки прясти; довго думали мы, що зъ тими мычками робити, а далі взяли, та й попалили ихъ, отъ паны и призвали руське начальство, а сі якъ стали намъ дрібного бобу сыпати (по просту пороть); то вже нема чого казати, треба панівъ слухати; то одъ того часу уже тяжка панщина повелась. Бувъ панъ Стебницкій, той прикуе було чоловіка до колоды, та такъ чоловікъ и повиненъ зъ тею колодою ходити; у Стебницкого такій ящикъ бувъ выдовбаный зъ дуба; якъ не прийде хто на панщину, каже: заслабъ, то Стебницкій накладе въ той ящикъ снігу, положе туды слабого чоловіка, засуне ящикъ крышкою и лежить въ ящику чоловікъ, поки снігъ ростане. Були таки роги зроблени, надівавъ

---

[1]) Каплица между Рахмановымъ и Шумскимъ, къ которой поляки совершали въ прежнее время торжественные крестные ходы.

[2]) Менжинскій—помѣщикъ с. Брыкова, бывшій мировой посредникъ; за участіе въ мятежѣ 1863 г. имѣніе его конфисковано, а самъ онъ сосланъ. Брыково купила отъ казны графиня Блудова.

на людей роги; а було якъ забье якого чоловіка, то такъ въ корчахъ его и закопають. Такій ще бувъ и Прушиньскій. Було такъ бье людей, що тіло одстае одъ костей. Всі молили Бога, щобъ Богъ давъ намъ волю; бо въ „Отче-наши“ говорится: *да буде воля Твоя*, то мы и сподівалися воли. Потішивъ Царь міръ христіянскій, давъ намъ волю. Нехай Богъ за тее дае Царю корону въ небі.

Ой, спаси Бігъ нашому Царёви,
Що выручивъ мужиківъ
Зъ польскои неволи.
Ой, спаси-Бігъ щей нашій Цариці,
Що не ходять на паньщину
Наши молодиці.
Ой, спаси-Бігъ тай нашій Царівні,
Що стали мужики
Зъ панами на-рівні.

Отъ таку мы пісню зложили и заспівали, якъ давъ намъ Царь волю!“

Эта пѣсня есть чисто произведеніе народнаго творчества. Особенно хорошо поетъ эту пѣсню „Ямпильскій дідъ“ [1]). Лѣтомъ въ прошломъ году Добротворовъ умеръ, имѣя отъ роду 105 лѣтъ. До ста и болѣе лѣтъ онъ рубилъ еще дрова, а затѣмъ, не будучи въ силахъ рубить дрова, гонялъ на водопой скотъ до самой смерти.

Теперь уже не покажутся повстанцы ни въ Брыковѣ, ни въ Корсунахъ. Изъ корсунскихъ дубовъ графиня Блудова выстроила въ Брыковѣ церковь и школу. Интересна эта школа: въ ней учится все молодое поколѣніе Брыкова, отъ 5 лѣтъ до женитьбы или до выхода въ замужество. Нѣтъ въ этой школѣ ни опредѣленныхъ каникулъ, ни экзаменовъ, ни отчетовъ. Приходи, кто хочетъ и учись: утромъ, вечеромъ, лѣтомъ, зимою, когда угодно. Учителемъ приходскій священникъ, не женатый, который живетъ въ самой школѣ. Въ церкви поетъ Божественную службу все народонаселеніе Брыкова. Много сдѣлала для русскаго дѣла на Волыни графиня Блудова; много проявила она энергіи въ борьбѣ за русское дѣло и съ поляками и консерваторами. Стара становится графиня Антонина Димитріевна, а на смѣну ей нѣтъ и не видно человѣка.

И. О.

---

[1]) Мѣстечко Ямполь, кременецкаго уѣзда.

ЖИВОЙ УПЫРЬ ВЪ БОРЬБѢ СЪ УМЕРШИМИ УПЫРЯМИ [1]).

Курьезное такое произшествіе случилось въ 1831 году, въ селѣ Подосахъ, кіевской губерніи, бердичевскаго уѣзда. Впервые тогда появилась холера и своими многочисленными жертвами на долго оставила въ памяти народа этотъ годъ, извѣстный у него и доселѣ подъ названіемъ „великаго помірка". Тогда по селамъ умирало ежедневно по нѣсколько десятковъ душъ въ каждомъ.

Завернула эта „пошість" и въ с. Подосы. Съ начала іюня стали умирать селяне по одному, по два въ день; но чѣмъ дальше, тѣмъ смертность становилась больше. 24 іюня умерло восемь душъ, лежало больныхъ до двадцати.

Селяне не знали, что дѣлать, какъ отвратить отъ себя такое зло. Пробовали различныя средства: святили воду въ криницахъ на четырехъ концахъ селенія, заставляли нѣсколькихъ женщинъ, въ одеждѣ Евы, подъ вечеръ, оббѣжать вокругъ всего села; но ни то, ни другое средство нисколько не помогло. Наконецъ, кто-то посовѣтовалъ имъ обратиться къ Максиму Мазуренку, крестьянину сосѣдняго селенія Степанокъ, который, какъ ходилъ слухъ, можетъ излечивать всякую болѣзнь. 28 іюня два крестьянина изъ с. Подосовъ пріѣхали къ Мазуренку съ просьбой отправиться къ нимъ для истребленія открывшейся у нихъ болѣзни. Мазуренко согласился и на другой день былъ въ Подосахъ. Послѣ нѣкоторыхъ разспросовъ онъ объявилъ крестьянамъ, что вся эта болѣзнь происходитъ отъ умершихъ недавно мѣстнаго пономаря и его жены, похороненныхъ въ одной могилѣ и гробу.

— Это они, говорилъ Мазуренко, встаютъ ночью, вылазятъ изъ своихъ гробовъ и ходятъ по селу, по хатамъ: гдѣ въ хату зайдутъ и дохнутъ на человѣка, тотчасъ онъ и заболѣетъ, а у кого еще и кровь высосутъ, тотъ не поднимется уже во вѣки вѣчные.

Тутъ его заявленіе подтвердила крестьянка Явдоха Карпенкова. Она стала разсказывать, какъ однажды позднимъ вечеромъ встрѣтилъ ее на улицѣ умершій пономарь и, ударивъ палкой, велѣлъ вести его къ своему сыну, мѣстному дьячку. „Я, говоритъ,

---

[1]) Дѣло изъ махновскаго уѣзд. суда о кр. Максимѣ Мазуренкѣ за откопаніе мертвыхъ тѣлъ и отрубленіе имъ головъ. 1831 г. Хран. въ К. Ц. Архивѣ.

подвела его къ дяковой хатѣ, отворила дверь и впустила его въ сѣни, а сама стала подъ хатою и слушаю, что-то будетъ; какъ вдругъ загрохотали горшки и миски въ хатѣ, а на другой день, помню, жаловался дьячекъ, что кто-то ночью потолкъ у него въ хатѣ всѣ миски и горшки: даже, говоритъ, шлеи и возжи нашелъ я близъ церкви, а помню хорошо, что съ вечера положилъ ихъ подъ хатою на завалинѣ".

Хотя Явдоха считалась полуумной, но въ настоящую минуту почти все село потеряло голову, и всѣ вполнѣ повѣрили заявленіямъ Карпенковой.

— Такъ что-жъ, Максимъ, нельзя-ли какъ бѣдѣ помочь?

— Отъ чего нельзя?—можно. Нужно только сейчасъ-же идти къ могилѣ пономаря и его жены, откопать ихъ и отрубить имъ головы; а то вотъ у васъ сегодня умерло девять душъ, а на завтра умретъ еще больше, если только этого не сдѣлать.

Нужно было добиться согласія дьячка, сына покойниковъ, которыхъ предложенная мѣра касалась. И вотъ громада направляется къ дьячку съ просьбой отрыть могилу отца и матери его.

— Что хотите, дѣлайте съ ними, только-бы они не ходили больше по селу, отвѣтилъ дьячекъ Ѳедоръ Левицкій.

Тогда громада, предводительствуемая Мазуренкомъ, двинулась къ кладбищу.

Разрыли могилу, открыли гробъ; Мазуренко съ топоромъ въ рукахъ вскочилъ туда и принялся рубить головы пономарю и его женѣ; ударилъ разъ, другой,—изъ перерубленной шеи показалась кровь.

— Вотъ видите, сколько проклятые выпили людской крови! замѣтилъ Мазуренко.

— И въ самомъ дѣлѣ, подтвердилъ замѣчаніе Мазуренка присутствовавшій при вскрытіи могилъ мѣстный сотскій Денисъ Дмитренко и прибавилъ: „а вѣдь все это кровь христіанская".

— Дайте-же мнѣ осиновый колъ, я ихъ приткну тутъ до самой земли; тогда ужъ не поднимутся больше.

Подали два колка, Мазуренко пригвоздилъ ими пономаря и его жену. Затѣмъ потребовалъ хворосту и тутъ-же въ гробу сжегъ ихъ головы.

— Теперь засыпайте землею, обратился къ присутствовавшимъ; уже больше не встанутъ.

Въ благодарность за такое лѣченіе подосская громада рѣшила выдать Мазуренку изъ общественной казны рубль серебромъ, да полъ-корца ржи и, сверхъ того, послать трехъ человѣкъ для уборки Мазуренковаго хлѣба.

Между тѣмъ вскорѣ дошло извѣстіе о врачеваніи Мазуренка до мѣстнаго начальства; послѣднее привлекло его къ уголовной отвѣтственности. На судѣ Мазуренко заявилъ, что онъ уже въ теченіе пяти лѣтъ пособляетъ людямъ въ различныхъ болѣзняхъ, что дѣлаетъ это въ силу врожденной способности: „я, говоритъ, родился упыремъ, и пока жить буду, буду помогать людямъ въ ихъ болѣстяхъ".

Для излѣченія самаго Мазуренка отъ „упырства" начальство предало его церковному покаянію на полтора года.

К. Кошовикъ.

ОБРАЗЧИКЪ МАЛОРУССКОЙ „ПОКОРМЕЖНОЙ."

Въ „Исторіи Руссовъ" Конисскаго, въ разсказѣ о производившейся въ 1765—1769 гг. въ Малороссіи, по распоряженію тогдашняго ея правителя, графа П. А. Румянцева, генеральной описи приводится эпизодъ, свидѣтельствующій о томъ, въ какія натянутыя отношенія поставила эта опись производившихъ ее великороссійскихъ военныхъ чиновъ и отвѣтственную предъ ними малороссійскую старшину. Когда, по требованію первыхъ, послѣдніе представляли имъ всѣ свои документы на владѣемыя ими земли, въ томъ числѣ и гетманскіе универсалы, тѣ, подъ вліяніемъ взаимнаго раздраженія и не имѣя никакого уже представленія о значеніи постепенно умаляемой, а наконецъ и совсѣмъ упраздненной гетманской власти, въ насмѣшку называли гетманскіе универсалы *покормежными*.

Чтобы понять всю язвительность этой насмѣшки, надо имѣть понятіе о „покормежной", самый терминъ которой, по отдаленности времени, кажется для насъ темнымъ. Это былъ отпускной видъ, или свидѣтельство, который давался отъ помѣщика крестьянину, отправлявшемуся куда либо на заработки, и гарантировалъ до нѣ-

которой степени помѣщиковъ отъ побѣговъ ихъ крестьянъ. Не явившійся вовсе изъ такого отпуска, или просрочившій оный, кромѣ отвѣтственности предъ помѣщикомъ, привлекался къ уголовной отвѣтственности предъ судомъ, и такой-же отвѣтственности подлежали и всѣ тѣ, которые держали его у себя.

Мы не имѣемъ въ эту пору подъ рукою необходимыхъ справокъ о первоначальномъ происхожденіи и формѣ „покормежныхъ". Въ то время, когда они употреблены были въ видѣ остроты надъ гетманскими универсалами и ихъ обладателями, народъ малорусскій еще не былъ ознакомленъ съ этимъ аттрибутомъ крѣпостнаго права, какъ и съ самымъ крѣпостнымъ правомъ; но съ 1783 г. благодѣтельныя дѣйствія сего послѣдняго распространены были и на гетманщину, а за нимъ неизбѣжно должны были прійти и „покормежныя", въ той формѣ, въ какой царили уже во всей остальной Россіи.

Находящійся въ нашихъ рукахъ образчикъ „покормежной" принадлежитъ болѣе позднему времени, но и отъ него уже вѣетъ такою затхлостію и гнилью, отъ которыхъ заставляютъ отвернуться порядки и понятія нашего времени. Вотъ этотъ образчикъ, любопытный во многихъ отношеніяхъ, и между прочимъ, какъ точная иллюстрація къ той остротѣ, которая стала характернымъ достояніемъ исторіи.

По указу его величества, государя императора Александра Павловича, самодержца всероссійскаго и прочая, и прочая, и прочая, и по публикованному въ народѣ плакату, отпущенъ нижеподписанный въ работу отъ подписаннаго числа впредь на одинъ годъ для прокормленія по покормежной, которая явлена и оставлена въ лохвицкомъ повѣтовомъ казначествѣ и въ книгу записана подъ нумеромъ 626-мъ, и съ симъ отпускомъ вольно его до срочнаго означеннаго въ семъ пропуску числа въ наймахъ и въ работахъ держать, а по срокѣ явиться въ домѣ своемъ, и болѣе нигдѣ не жить и никому не держать, подъ такимъ подтвержденіемъ, какъ въ плакатѣ изображено. Сія покормежная, за подписью и за печатью казначея, дана, въ благополучномъ городѣ Лохвицѣ, крестьянину госпожи надворной совѣтницы Катерины Г....., малороссійской полтавской губерніи, лохвицкаго повѣта, жителю села Пѣсокъ, Науму Петрову сыну Бѣлику, которой примѣтъ таковыхъ:

росту 2-хъ аршинъ, 5-ти вершковъ, волосовъ русыхъ, глазовъ сѣрокарыхъ, лѣтъ отъ роду 22-хъ, въ публичномъ наказаніи не былъ: тысяча восемъ сотъ пятого года, маія двадцять второго числа. Казначей, коллежскій ассесоръ Кошаревскій, бухгалтеръ Мясницкій, губернскій регистраторъ Степанъ Салимовскій.

(М. П.) Указніе пошлины взяты.

ВЫСШІЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ ВЪ БЫВШЕЙ ГЕТМАНЩИНѢ.

Инымъ именемъ не можемъ окрестить того безвѣстнаго женскаго пансіона въ г. Нѣжинѣ, начала нынѣшняго столѣтія, афиша объ учрежденіи котораго случайно попала намъ въ руки и которое, быть можетъ, имѣло свою жизнь и свою исторію, сохранившуюся, вѣроятно, въ памяти нѣжинскихъ старожиловъ.

Называемъ этотъ пансіонъ такимъ громкимъ именемъ по одной особенности его общей программы, именно: *Мифтологіи*, помѣщенной между французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ.

Учредительницею сего высшаго разсадника наукъ для благородныхъ дѣвицъ, преемствовавшихъ въ чередованіи мѣстныхъ поколѣній пани гетмановой Апостоловой, была какая-то захожая, вѣроятно, французская дѣвица Елисавета Руссетъ. Собственнымъ-ли умомъ она дошла до необходимости включенія въ программу воспитанія *Мифтологіи*, или такова была потребность благородныхъ нѣжинскихъ малороссіянокъ, остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ нѣжинская афиша—документъ рѣдкій и по своимъ частностямъ далеко не безъинтересный въ темной исторіи нашего женскаго просвѣщенія. Дата его не обозначена, но, судя по почерку и бумагѣ,онъ долженъ быть не позже 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Даемъ ему мѣсто и въ тѣхъ видахъ, не послужитъ-ли онъ поводомъ для кого либо изъ нѣжинцевъ собрать воспоминанія объ училищѣ дѣвицы Елисаветы Руссетъ и о томъ, какъ она просвѣщала нѣжинскій нѣжный полъ по части *Мифтологіи*.

Учреждается пансіонъ въ городѣ Нѣжинѣ для благородныхъ дѣвицъ, въ домѣ дѣвицы Руссетъ.

Въ ономъ пансіонѣ преподаваться будутъ слѣдующіе предметы:

1. Законъ Божій, россійскій языкъ по правиламъ грамматики, исторія, географія и арифметика.

2. Французскій языкъ по правиламъ грамматики.

3. Мифтологія.

4. Нѣмецкій языкъ по правиламъ граматики.

5. Музыка, танцы и рисованіе.

6. Чистописаніе.

7. Рукодѣліе.

Цѣна въ годъ 800 руб. и уплачивается половина денегъ впредь за 6 мѣсяцей.

Содержательница пансіона принимаетъ на себя всю услугу, нужную для воспитанницъ; всякая дѣвица при вступленіи въ пансіонъ приноситъ съ собою, кромѣ постели—одну скатерть, шесть салфетокъ, одну ложку столовую, чайную чашку, пару столовыхъ ножей, одинъ стаканъ; выключая братьевъ, не будутъ приняты въ пансіонъ посѣщенія молодыхъ, не женатыхъ господъ, и во время классическаго преподаванія никто такъ-же не принимается.

Елисавета Руссетъ.

ПОСЛѢДНІЯ ДОМОГАТЕЛЬСТВА МАЛОРОССІЙСКАГО ШЛЯХЕТСТВА.

Когда въ первые годы второй половины XVII ст. теченіемъ событій поставленъ былъ вопросъ о соединеніи Малороссіи съ московскимъ государствомъ, рѣшеніе его занимало цѣликомъ какъ одну, такъ и другую страну: на Москвѣ созывался *земскій соборъ*, въ гетманщинѣ *генеральная рада*, напрягались думныя головы, писались многолистныя посланія, скакали гонцы, составлялся и пересоставлялся многостатейный договоръ, въ которомъ со всею щепетильностію процѣжены были одной и другой стороной тѣ права и вольности, которыхъ добился малороссійскій народъ отъ польскихъ королей и которыя онъ желалъ удержать, переходя подъ московскую державу. Желаніе удержать эти права и вольности толкнуло Дорошенка въ подданство турецкое, а Мазепу въ объятія Карла. И дѣйствительно внутренній строй польской и московской державъ были такъ не одинаковы и даже діаметрально противуположны, что было изъ-за чего стоять обѣимъ договаривавшимся теперь сто-

ронамъ. Рабовладѣльческая, но сильная единствомъ власти Москва не могла пойти по широкому, но скользкому пути либеральныхъ учрежденій Польши, съ которыми приходилъ подъ ея державу малороссійскій народъ, и новое объединеніе раздѣленныхъ вѣками двухъ половинъ Россіи должно было идти не путемъ взаимныхъ уступокъ и соглашеній,—общей политическо-общественной работы, а путемъ постепеннаго урѣзыванія широкихъ „вольностей" подчинявшейся стороны и приведенія ея къ общему строю жизни стороны, ее принимавшей, пока не начнется новая, совмѣстная работа органически сплоченнаго цѣлаго.

Когда черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ, въ началѣ царствованія Екатерины II, представительство малороссійское оглянулось на свое прошлое, оказалось, что отъ многаго, что составляло достояніе предковъ и особыми *пактами* утверждено было на вѣчныя времена, не осталось и слѣда, отъ другаго оставались лишь жалкіе обломки. Тѣмъ не менѣе, когда послѣдній гетманъ и малороссійская старшина, далеко отодвинувшіеся уже отъ народа, затѣяли попытку возстановить по новому плану разрушенное зданіе, нашлось еще для ихъ о семъ челобитной до 20-ти крупныхъ, хотя и не выдерживающихъ критики пунктовъ [1]). Извѣстно, какая судьба постигла челобитчиковъ и ихъ страну, по волѣ такъ сказать неумолимаго рока.

Прошло еще около сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, и вотъ что осталось отъ прежнихъ широкихъ домогательствъ Разумовскаго и его собратіи.

1831 года, августа 3-го числа.

Положеніе общества дворянскаго повѣта стародубскаго. О нашихъ нуждахъ чрезъ депутатовъ всеподданнѣйше просить Государя императора при принесеніи благодарности за возстановленіе грамоты дворянству жалованной.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Чтобъ судъ и расправа была по праву Статуту, съ оставленіемъ учрежденныхъ по оному праву возныхъ.

---

[1]) См. Кіев. Стар. на 1883 г., іюнь, стр. 317—336.

Чтобъ теченіе правленія возстановлено было сообразно учрежденіямъ для управленія губерніи всероссійскія имперіи. Потому 1-е что оныя учрежденія есть новѣйшій созрѣлый плодъ совершеннаго познанія вообще и подробно, по перемѣнившимся обстоятельствамъ, частей внутренняго государственнаго правленія, требовавшаго поправленія, 2-е что общую отъ оныхъ учрежденій пользу каждый малороссіянинъ позналъ и ощутилъ по пятнадцатилѣтнему ихъ въ Малой Россіи теченію и 3-е что статьи оныхъ учрежденій, о выборѣ къ должностямъ на всякіе три года чиновъ, поступивъ въ число первыхъ выгодъ дворянскаго общества, по грамотѣ на преимущества жалованной, внушаютъ, что общество дворянское, которое не управляется по учрежденіямъ, умалено въ своихъ правахъ, выгодахъ, отличностяхъ, преимуществахъ и даже нравоученіяхъ, противъ тѣхъ дворянскихъ обществъ, которыя по учрежденію управляются.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Чтобъ съ повѣта стародубовскаго, во время рекрутскихъ наборовъ, даточные люди принимаемы были въ рекруты ниже указной мѣры однимъ вершкомъ, потому что въ здѣшнемъ округѣ родъ людей нерослыхъ, такъ что современемъ вовсе невозможно будетъ изъ здѣшнихъ природныхъ жителей найти рекрутъ въ указную нынѣшнюю мѣру. Во всемъ-же прочемъ, что принадлежитъ до порядка при наборѣ рекрутъ, было-бы поступаемо по словамъ и силѣ единаго генеральнаго учрежденія, состоявшагося 1766 года, сентября 29 числа.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Малая Россія съ того времени, какъ состоитъ подъ всероссійскою державою, пользуется правомъ винокуренія и продажею выкуриваемаго вина, и при своемъ древнемъ на то правѣ, платитъ, сверхъ повсегодно зъ душъ, хлѣбную въ казну деньгами подать: но постепенно принуждена ощущать въ винномъ куреніи и въ продажѣ вина стѣсненіе: 1-е отъ новаго учрежденія по городамъ и казеннымъ деревнямъ питейныхъ откуповъ, коихъ до 1784 года въ Малой Россіи не было, 2-е отъ новаго предпріятія откупщиковъ великороссійскихъ смежныхъ губерній, чтобъ свободно вино курить и продаватъ, удалить съ мало-

россійскихъ цѣлыхъ уѣздовъ, прикосновенныхъ къ границамъ великороссійскихъ губерній, тѣхъ самыхъ уѣздовъ лѣсами изобильныхъ, коихъ весь почти хозяйскій доходъ, въ одной только статьѣ сей состоитъ, о чемъ по указу правительствующаго сената въ семъ 1801 году дворянскіе винные заводы описаны и многіе помѣщики подписками обязаны. Для того просить государя императора свободу виннаго куренія и продажу вина на земляхъ малороссійскихъ, кому оная по правамъ и привилегіямъ принадлежитъ, оставить въ полной ея мѣрѣ, безъ всякаго впредь подобнаго нарушенія и стѣсненія, сообразно высочайшему указу 1783 года маія 3 числа, пункта 13.

Обсуждалось и писалось это въ самомъ началѣ царствованія Александра I-го. Возстановленіе имъ дворянской грамоты, данной Екатериной и отмѣненной Павломъ, окрылило надежды переродившагося къ этому времени малороссійскаго шляхетства, и вотъ его *pia disideria*, судьба которыхъ намъ неизвѣстна. Если отбросить отъ нихъ статью 1-ю, касающуюся общаго гражданскаго управленія, и статью 2-ю относительно роста поставляемыхъ стародубовскими помѣщиками рекрутъ, то всѣ автономныя домогательства новыхъ представителей малороссійскаго народа сведены теперь къ одному невинному желанію свободно курить хлѣбное вино.

Раньше сего, четверть вѣка назадъ, другіе представители того-же народа, заканчивая свою политическую и общественную роль, не въ цѣломъ, правда, составѣ своемъ, но въ отдѣльныхъ личностяхъ, додумались до аналогичнаго идеала:

Спати, лежати,
Горілочку кружати.

Одни, слѣд., желали быть поставщиками, другіе потребителями одного и того-же продукта...

ИЗЪ ПИСЕМЪ ПОМѢЩИКОВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ КЪ КІЕВ. ГРАЖД. ГУБЕРНАТОРУ ПАНКРАТЬЕВУ.

Случайно досталась мнѣ коллекція писемъ, въ числѣ 135-ти, отъ разныхъ частныхъ лицъ къ кіевскому гражданскому губернатору Петру Прокопьевичу Панкратьеву. Всѣ они принадлежатъ

одному 1809 году. Трудно въ этой обширной перепискѣ уловить что либо, имѣющее историческій интересъ; большая часть ихъ содержитъ въ себѣ разнаго рода ходатайства, просьбы о содѣйствіи и помощи, выраженіе благодарности за оказанныя услуги, сообщеніе новостей и проч. Во всемъ этомъ хламѣ, обреченномъ на забвеніе и тлѣніе, показались мнѣ заслуживающими вниманія лишь нѣкоторыя письма кіевскихъ пановъ, характеризирующія тѣже неискреннія отношенія ихъ къ представителю правительственной власти, въ какихъ находилась шляхта во всѣхъ новоприсоединенныхъ къ Россіи провинціяхъ. Это не была, конечно, „волынская революція", такъ ярко очерченная въ письмахъ о ней неизвѣстнаго современника; но и здѣсь мы видимъ туже навязчивость и тоже унизительное заискиваніе, а въ одномъ изъ писемъ и явно проглянула готовность показать камень, который друзья и пріятели всегда держали за пазухой. Приведу нѣсколько характерныхъ и просто даже забавныхъ выдержекъ изъ этихъ писемъ.

Помѣщикъ Ивановскій, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ высказывая свою благодарность Панкратьеву за какую-то услугу, пишетъ, что ничѣмъ инымъ не можетъ отблагодарить его, какъ только „продуктомъ власной экономіи своей", а потому и посылаетъ при письмѣ „цугъ" (четверку) сѣрыхъ лошадей, которыя проситъ принять, не лишая его и впредь своихъ „ласкъ". Панкратьевъ не поддался искушенію и подарка не принялъ, отписавъ, что у него самого на конюшнѣ довольно лошадей и что онъ не имѣетъ въ нихъ никакой надобности.

Помѣщикъ Игнатій Голневскій изъ с. Димера пишетъ, 5 генваря 1809 г.: „убитаго людьми моими въ димеревскихъ лѣсахъ дикаго кабана посылаю вашему превосходительству въ знакъ моего должнаго почтенія, яко начальнику, подъ управленіемъ коего я имѣю счастіе находиться", и тутъ-же прибавляетъ: „много виноватъ я предъ его высокопревосходительствомъ Димитріемъ Прокопьевичемъ Трощинскимъ, что за оказанные имъ мнѣ милости не имѣю чемъ изъявить моей ему благодарности; ежели-бъ я былъ такъ счастливъ, чтобы мнѣ найти другаго кабана дикаго, то-бы съ удовольствіемъ послалъ и ему; но зная, что ваше превосходительство находитесь съ Дмитріемъ Прокопьевичемъ въ тѣсной дружбѣ, то я и надѣюсь, что принятіемъ сего малаго подарка одобрить изво-

лите къ обоимъ вамъ навсегда высокопочитаніе того, который пребываетъ вашему превосходительству покорнѣйшимъ слугою".

Антонъ Езерскій, вѣроятно управляющій, изъ с. Шибенне пишетъ тому-же Панкратьеву: „при отъѣздѣ въ Малороссію г-на моего Андрея Яковлевича Искры, имѣя повелѣніе лучшаго звѣря съ охоты его препровождать къ вашему высокопревосходительству, для того при семъ заполіовавши „дзика", къ вашему высокопревосходительству препровождаю и съ моимъ высокопочитаніемъ и глубочайшею преданностію остаюсь" и проч.

Каэтанъ Проскоровъ изъ Коринна въ такой формѣ преподноситъ подобный-же подарокъ: „позвольте ваше превосходительство отъ полеванія моего къ столу вашему принять сарну и кабана и при вкушаніи онаго воспомянуть о томъ, который съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣетъ называться вашему превосходительству покорнѣйшимъ слугою".

Въ иномъ родѣ письма выдающихся польскихъ магнатовъ: холодно-вѣжливое письмо гр. Браницкаго, имѣющее дѣловой и офиціальный характеръ, и изысканно-пріязненное по формѣ, но ѣдкое по содержанію письмо губернскаго маршала гр. Адама Ржевусскаго. Эти два письма передаю въ полномъ ихъ видѣ.

1.

Милостивой государь мой

Петръ Прокофьевичъ!

Я имѣлъ честь получить въ Заславѣ письмо отъ вашего превосходительства, но до сыхъ поръ не имѣлъ удовольствія къ вамъ писать за болѣзнею, съ которою я довольно долго боролся—равно же при письмѣ вашемъ получилъ одинъ экземпляръ докладовъ высочайше конфирмованныхъ относительно заведенія суконныхъ фабрикъ въ помѣщичьихъ владѣніяхъ, и которые экземпляры господинъ внутренныхъ дѣлъ министръ доставилъ вашему превосходительству, съ тѣмъ, чтобы вы разослали помѣщикамъ здѣшней губерніи. Я служу на сіе вамъ, милостивый государь мой, отвѣтомъ моимъ. Нѣсколько уже лѣтъ тому, какъ я предпринялъ было здѣлать испытаніе о заведеніи въ нѣкоторыхъ изъ моихъ владѣній суконныхъ фабрикъ; но по разнымъ обстоятельствамъ заведеніе сіе не имѣло желаемаго успѣха, ибо вмѣсто ожидаемой отъ того пользы

понесъ я нарочитой убытокъ; за всѣмъ тѣмъ, видѣвъ нынѣ высочайшее на таковое установленіе соизволеніе, я не оставлю, при первомъ удобномъ мнѣ случаѣ, здѣлать новое тому испытаніе, и какъ тутъ не имѣю я другой цѣли, окромѣ исполненія высочайшей воли, то и не нужно мнѣ какое либо отъ короны пособіе, почитая долгомъ моимъ и душевнымъ удовольствіемъ показать во всякое время вѣрноподданическую готовность къ исполненію его императорскому величеству угоднаго. Имѣю честь пребыть съ совершеннымъ почтеніемъ и искренною преданностію навсегда,

Милостивый государь мой, вашего превосходительства покорной слуга

Graff Branicki.

Декабря 8-го дня 1808 года.
Бѣлая церковь.

II

Мимостивый государь мой
Петръ Прокофьевичъ!

Условился я съ вами, почтеннѣйшимъ моимъ другомъ, во всякихъ встрѣчающихся обстоятельствахъ, до должности вашей и моей относящихся, не вступая ни въ какіе формальные переписки, дружескимъ образомъ предварить, и потому вчерашняго числа имѣлъ я честь вручить вашему превосходительству поданные ко мнѣ прошеніи отъ помѣщиковъ графовъ Борженскихъ на помѣщиковъ Раковскихъ и Любовицкаго на Ивановскаго.

При пріемѣ таковыхъ прошеній хотя весьма мнѣ прискорбно было видѣть, что отчасти они противу васъ, милостивого государя моего, поданы были, хотя мнѣ весьма извѣстно, что на начальниковъ губерніи не мнѣ, яко губернскому маршалу, а высшему правительству жаловаться должно, однако-жъ видя съ одной стороны, что сіи помѣщики дворяне поѣздкою, которую предприняли въ столицу, нѣсколько разстроиться могутъ, а съ другой, что В. П. можетъ при самой даже невинности получить себѣ неудовольствіе, то изыскавъ послѣдніе средства къ примиренію васъ съ тѣми-же лицами безъ всякаго для васъ предосужденія, препоручилъ я дворянскому секретарю о сихъ самыхъ средствахъ представить вамъ, моему другу, и потому безъ церемоніи усерднѣйше прошу васъ благосклонно выслушать его и рѣшительно со взаимною откровен-

ностію ему объявить о дальнѣйшихъ по симъ двумъ дѣламъ намѣреніяхъ вашихъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и искренною привержимостію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга, графъ Адамъ Ржевускій.

22 марта 1809 года, г. Кіевъ.

ПѢСЕННЫЙ ОТГОЛОСОКЪ ДАВНО МИНУВШЕЙ УНІИ [1]).

Журилася попадя та своею бідою:
Бідна-жъ моя головонько, що піпъ зъ бородою!
Охъ мині тяжко, охъ мині нудно,
Що піпъ зъ бородою—жити-жъ мині трудно!
Охъ, піду я до церковці Богу ся молити;
Якъ погляну на бороду, мушу ажъ умліти.
Охъ мині тяжко...
Охъ, піду я на хрестины—просять мене сісти,
Якъ погляну на бороду, тай не можу істи.
Охъ мині тяжко...
Хоць ты уберися въ дорогіи шаты,
Таки тебе не люблю—бо ты бородатый
Охъ мині тяжко...
Охъ, піду я къ протопопі, тай стану просити,
Щобъ позволивъ протопопа бороду голити.
Охъ мині тяжко...
„Охъ не можно, добродзійко, того учинити:
Якъ дознаетця владыка, буде мене бити!“
Охъ мині тяжко...
„Чи не можно, протопопе, того учинити:
Щобъ зо мною безъ бороды, въ люди-жъ причепити“.
Охъ мині тяжко...

---

[1]) Помѣщаемая пѣсня относится къ концу прошлаго столѣтія,—ко времени присоединенія юго-западнаго края къ Россіи и возвращенія волынскихъ уніатовъ къ православію. Народная память отмѣтила это послѣднее событіе, окрасивъ своимъ обычнымъ юморомъ и это пристрастіе женщины къ внѣшности и измѣняемость ея вкусовъ. Борода—вотъ все, что затрудняло для іерейскихъ женъ переходъ изъ уніи въ православіе.—Ред.

„Ой, не можно, добродзійко, того не ведетця:
Якъ вінъ схоче усы втерти, вона обірветця“.
Охъ мині тяжко...
Ой піду я та просити самого владыки,
Щобъ позволивъ добродзіямъ бороду голити.
Охъ мині тяжко...
Ось приходить добродзійка та въ ёго палаты,
Ажъ тамъ сидить попівъ зъ сорокъ, та всі бородати.
Охъ мині тяжко...
...Якъ зачали попадю кропиломъ кропити,
Приклякнула, присягнула, що „буду любити“.
Охъ мині тяжко...
...„Теперь мині любо, теперь мині мило,
Попове кропило любити навчило!
Вже-жъ и не тяжко, вже-жъ и не нудно,
Хоць піпъ зъ бородою, жити зъ нимъ не трудно“.

Записано въ селѣ Ивкахъ, на границѣ волынской и подольской губерній. 1883 г. 24 іюня.

Сообщ. **М. Крашановскій.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ

о подпискѣ на 1884 годъ на слѣдующіе журналы и газеты.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

(пятый годъ).

"Историческій Вѣстникъ" будетъ издаваться въ 1884 году по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года (1880—1883).

Подписная цѣна на двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять руб. съ пересылкой и доставкой на домъ.

Редакція, вполнѣ обезпеченная разнообразнымъ литературнымъ матерьяломъ, обратитъ особенное вниманіе на рисунки и обязательно будетъ давать въ каждой книжкѣ журнала нѣсколько иллюстрацій. (Въ 1883 г. въ «Историческомъ Вѣстникѣ» помѣщено болѣ 130 гравюръ).

Для приложенія въ 1884 году къ «Историческому Вѣстнику» редакція пріобрѣла отъ лейпцигскаго издателя Шпамера право изданія иллюстрированнаго (40 гравюрами на деревѣ) культурно-историческаго очерка Адольфа Глазера «Савонарола».

Для первыхъ книжекъ «Историческаго Вѣстника» 1884 года въ распоряженіи редакціи уже находятся статьи слѣдующихъ писателей:

Д. В. Аверкіева, А. В. Арсеньева, Н. В. Берга, Ѳ. И. Булгакова, В. П. Буренина, А. Я. Буткевской, И. Д. Бѣлова, Н. А. Бѣлозерской, Е. М. Гаршина, В. И. Герье, Н. А. Добротворскаго, И. П. Дубасова, Г. Г. Есипова, П. Н. Захарьина, В. Р. Зотова, П. П. Каратыгина, Е. П. Карновича, А. И. Кирпичникова, П. М. Коншина, М. С. Корелина, Н. И. Костомарова, Д. А. Корсакова, А. Н. Корсакова, В. Д. Кренке, Н. С. Кутейникова, Д. П. Лебедева, Н. С. Лѣскова, В. Н. Майнова, С. В. Максимова, П. К. Мартьянова, А. Н. Маслова, Л. С. Мацѣевича, А. П. Милюкова, В. О. Михневича, Д. Л. Мордовцева, А. И. Незеленова, В. И. Немировича-Данченко, Н. И. Петрова, А. С. Пругавина, Д. Н. Садовникова, графа Е. А. Сальяса, И. Н. Смирнова, А. И. Соболевскаго, В. Е. Стоюнина, М. И. Сухомлинова, С. И. Терпигорева, И. С. Усова, Ѳ. Н. Устрялова, М. К. Цебриковой и др.

Гравюры для иллюстраціи статей заказаны преимущественно граверамъ: Паннемакеру въ Парижѣ и Зубчанинову въ Петербургѣ.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, д. № 38 и въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы при московскомъ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Въ главной конторѣ можно получать оставшіеся, въ весьма ограниченомъ числѣ, экземпляры „Историческаго Вѣстника“ за прошлые годы (1883 года остается 42 экзем.). Цѣна каждому году, со всѣми приложеніями, десять рублей съ пересылкой и доставкой.

„ВѢКЪ“

(ГОДЪ ТРЕТІЙ.)

„ВѢКЪ“ будетъ издаваться въ будущемъ 1884-мъ году по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе два года.

Подписная цѣна за 12-ть книгъ въ годъ, съ портретами выдающихся дѣятелей: 16 руб. съ пересылкою; съ доставкою въ С.-Петербургѣ—15 руб. Полгода—8 руб. Съ Январьской книги журнала будутъ печататься: «Исцѣленный»—романъ В. Никитина. «Аракчеевщина»,—историческій романъ, въ 4-хъ частяхъ, М. А. Филиппова. «Ужасная ночь», разсказъ Г. Богрова. «Эпизодъ изъ жизни Богдана Хмѣльницкаго»—В. И. Любича-Романовича. «Записки Сергѣя Алексѣевича Тучкова,» приведенныя въ порядокъ бывшимъ московскимъ Генералъ-Губернаторомъ П. А. Тучковымъ. «Маркизъ де Сенъ-Вальэ» (le roi s'amuse) Виктора Гюго, переводъ риѳмованными стихами Н. Веригина. «Птица небесная»—повѣсть К. Фофанова. «Каждому свое», изъ воспоминаній К. Градовскаго. Кромѣ того будутъ помѣщены: Повѣсть С. Долгиной, бытовые и историческіе разсказы: А Шардина, Козьмы Пруткова и П. Шарченко. Драма А. Берсеньева. Научныя статьи: «Наши новые беллетристы», «Значеніе Сатиры», «И. С. Тургеневъ и Л. Толстой», «Изъ исторіи русскаго просвѣщенія». «Эволюціонная теорія». Для иностраннаго отдѣла имѣются романы—съ шведскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, лучшихъ современныхъ писателей, и многія другія статьи.

Кромѣ этого, редакція будетъ печатать въ теченіи 1884 года:

1) Никогда не изданныя два письма Гоголя, по поводу нападокъ на него за отпечатаніе имъ «писемъ его къ друзьямъ».

2) Письма графа Сперанскаго, фельдмаршала князя М. С. Воронцова, Ал. Скарлатовича-Стурдзы, Павскаго, Бодянскаго, Погодина, барона Корфа, Снегирева, Сахарова, Максимовича, В. Б. Богданова, Кочетова, двухъ Новицкихъ, О. Михнѣвича, Ан. Н. Муравьева и многихъ другихъ дѣятелей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ къ знаменитому проповѣднику писателю и ученому архіепископу Иннокентію.

Примѣчаніе. Эти драгоцѣнные документы предназначены для Спб. Императорской публичной библіотеки.

3) Посмертные труды и переписка Н. А. Муравьева (автора „Путешествія къ св. мѣстамъ“).

Главная контора въ С.-Петербургѣ у Обухова моста, по Фонтанкѣ, д. 93, кв. 16.

Издатель-редакторъ **М. А. Филипповъ.**

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ

будутъ издаваться въ 1884 году подъ новой редакціей, при новыхъ сотрудникахъ и въ увеличенномъ размѣрѣ.

Новая редакція поставила себѣ задачею сдѣлать изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ большой политическій органъ, руководимый яснымъ сознаніемъ государственныхъ и народныхъ интересовъ Россіи. Она разсчитываетъ, что газета будетъ отвѣчать настоящей минутѣ поворота отъ фразы къ дѣлу и удовлетворить настроенію общества, ожидающаго спокойнаго подъема духовныхъ и матеріальныхъ силъ страны.

Газетѣ будетъ придана полнота, какъ въ обозрѣніяхъ и извѣстіяхъ политическаго и экономическаго интереса, такъ и въ хроникѣ общественной и городской жизни, въ литературныхъ фельетонахъ и въ отдѣлѣ, посвященномъ искусству и наукѣ.

Въ литературномъ отдѣлѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ будутъ принимать участіе: *В. В. Крестовскій,* графъ *А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, К. Н. Леонтьевъ, Б. М. Маркевичъ, Е. Л. Марковъ,* графъ *Е. А. Саліасъ, К. К. Случевскій* и др.

Условія подписки (съ казенными объявленіями):

	Безъ доставки.	Съ пересылкою и доставкою.	За границею.
На годъ	14 р. 50 к.	16 р. — к.	24 руб.
» полгода . . .	8 » — »	9 » — »	13 »
» 4 мѣсяца . . .	5 » 50 »	6 » — »	10 »
» 3 » . . .	3 » 75 »	4 » 50 »	7 »
» 2 » . . .	2 » 50 »	3 » — »	5 »
» 1 » . . .	1 » 50 »	1 » 50 »	3 »

Подписка принимается въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Троицкій переулокъ, домъ № 10.

Иногородные адресуются: Въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, въ Петербургъ.

Редакторъ издатель *В. Авсѣенко.*

„Русскій Сатирическій Листокъ“.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

Съ раскрашенными рисунками и каррикатурами русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

(ГОДЪ ВТОРОЙ).

Программа журнала: I. *Сатирическая хроника человѣческой жизни и ея явленій.* II. *Сатирическая литература.* III. *Московскій листокъ.* IV. *Петербургскій листокъ.* V *Сатирическое обозрѣніе изящныхъ искусствъ.* VI. *Сатирическая критика русской журналистики и литературы вообще.* VII. *Обозрѣніе иностранной сатирической журналистики и литературы.* VIII. *Корреспонденціи и сообщенія.* IX. *Смѣсь.* X. *Сатирическіе и юмористическіе рисунки и каррикатуры русскихъ и иностранныхъ художниковъ.* XI. *Объявленія.*

Съ первыхъ №№ 1884 года „Русскій Сатирическій Листокъ“ будетъ печатать оригинальный „разсказъ въ рисункахъ“ подъ названіемъ „**Русскій Донъ-Кихотъ**“, состоящій изъ ста фоновыхъ картинъ. Текстъ журнала и количество рисунковъ будутъ значительно увеличены. Всѣ рисунки, помѣщаемые въ „Русскомъ Сатирическомъ Листкѣ“, составляютъ собственность редакціи и перепечатывать ихъ въ другихъ изданіяхъ не дозволяется. „Русскій Сатирическій Листокъ“ выходитъ по субботамъ и въ тотъ же день сдается на почту. Редакція отвѣтственна за аккуратную высылку журнала. Подписная цѣна „Русскаго Сатирическаго Листка“: *на годъ* съ пересылкою во всѣ города Россіи 8 рублей, *на полгода* 5 руб.; съ доставкою въ Москвѣ: *на годъ* 7 рублей, *на полгода* 4 рубля. Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала: Москва, близь Плющихи, Малый Трубный переулокъ, собственный домъ редакціи, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и С.-Петербурга.

Редакторъ-Издатель **Н. А. Полушинъ.**

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОЛНА“

Роскошное еженедѣльное изданіе въ форматѣ большихъ иллюстрацій съ рисунками въ краскахъ (акварель) 50 номеровъ въ годъ или 1200 страницъ убористой печати.

Журналъ „**ВОЛНА**“ издается при ближайшемъ участіи лучшихъ художественныхъ и литературныхъ силъ. Каждый номеръ журнала будетъ заключать въ себѣ отъ 20 до 30 страницъ текста и картинъ въ краскахъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1. Правительственныя распоряженія. 2. Вопросы и новости дня „обо всемъ и отовсюду". 3. Событія въ мірѣ политическомъ. 4. Лѣтопись литературы и искусства. 5. Операціи банковъ. 6. Земское дѣло. 7. Народное образованіе. 8. Судебная хроника. 9. Статьи историческаго содержанія и *иллюстрированные историческіе романы.* 10. Этнографическіе очерки (*повѣсти и разсказы изъ русской жизни*). 11. Справочный листокъ биржи и проч. 12. Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ. 13. Фельетонъ (обзоръ общественной жизни). 14. Театръ и музыка. 15. *Разсказы, очерки и описанія къ рисункамъ.* 16. Стихотворенія и поэмы. 17. Мелочи, анекдоты и разнообразный отдѣлъ смѣси. 18. Почтовый ящикъ. 19. Частныя объявленія и, въ видѣ безплатнаго приложенія для годовыхъ подписчиковъ, *четыре сезона парижскихъ модъ съ картинами.*

Художественный отдѣлъ. На этотъ отдѣлъ редакція обращаетъ особенное вниманіе и въ теченіи года будетъ помѣщено до 300 оригинальныхъ картинъ, большаго формата, исполненныхъ красками по заказу редакціи извѣстными русскими художниками. Въ журналѣ **„ВОЛНА"** будутъ помѣщаться: историческія картины, иллюстраціи къ повѣстямъ и разсказамъ, картины изъ русской жизни, портреты выдающихся дѣятелей, копіи съ извѣстныхъ картинъ, виды мѣстностей, разнообразные типы, множество виньетокъ и рисунковъ на злобы дня.

Всѣ годовые подписчики на 1884 годъ получатъ большую роскошную картину, отпечатанную масляными красками на холстѣ:

РУССКІЙ БОГАТЫРЬ АЛЕША ПОПОВИЧЪ
И ПОЛОНЕННАЯ ИМЪ ЦАРЕВНА.

Оригиналъ картины написанъ по заказу редакціи художникомъ *К. В. Лебедевымъ.* Сюжетъ заимствованъ изъ поэмы графа А. Толстого и изображаетъ **„Алешу Поповича"** на лодкѣ, среди камышей, играющаго на гусляхъ передъ полоненною Царевною.

Условія подписки: На мѣсяцъ—1 руб., на 2 мѣсяца—2 р. 50 к., на 6 мѣсяцевъ—5 р. и на 1 годъ—8 р. съ доставкою и пересылкою. Гг. служащимъ можетъ быть сдѣлана разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальниковъ.

За разсылку и упаковку преміи годовые подписчики благоволятъ прилагать 21 к.

Подписка принимается во всѣхъ библіотекахъ и книжныхъ магазинахъ Россіи.

Гг. иногородніе подписчики благоволятъ обращаться исключительно *въ контору редакціи: уголъ Никитской и Леонтьевскаго переулка, д. баронессы Корфъ, въ Москвѣ.*

Редакторъ-издатель **Н. У. Руссіяновъ.**

Съ 1-го января 1884 года въ Тифлисѣ будетъ издаваться новая ежедневная (350 нумеровъ въ годъ) литературно-политическая газета

„НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

подъ редакціею А. В. СТЕПАНОВА (бывш. редакторъ «Юридич. Обозр.»).

Объемъ газеты—печатный листъ средняго формата; программа—общая всѣмъ литературно-политическимъ ежедневнымъ изданіямъ.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою: на годъ—**10** руб.; на **6** мѣс.—**6** р., на **3** мѣс.—**3** р. **50** к., на **1** мѣс.—**1** р. **50** к.

Подписка (городская и иногородная) и объявленія (по 5 коп. за *строку петита*) принимаются *въ Тифлисѣ* исключительно *въ Газетномъ Агенствѣ В. Шавердова;* въ *С.-Петербургѣ-же и Москвѣ*—въ книжныхъ магазинахъ **«Новаго Времени»**.

Временное (до 15-го декабря) помѣщеніе редакціи: Давидовская ул., д. Каанова, квартира редактора.

За газетой обезпечено постоянное сотрудничество: *кн. К. А. Бебутова, Вс. М. Гаршина, П. А. Измайлова, С. Н. Кривенко, Н. Я. Николадзе, П. А. Опочинина, А. Н. Плещеева, П. Ф. Тхоржевскаго, Гл. И. Успенскаго, Н. А. Шаврова.*

ОТЪ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

„Университетскія Извѣстія“ въ 1884 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двѣнадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ „Извѣстій“ безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода приложеній (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики „Извѣстій“, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи правленія университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ коммисіонеру университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, № 4, и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Литова).

Редакція.

„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

на 1884 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Въ Варшавѣ:			*Съ пересылкою:*		
На годъ . . .	9 руб.	60 коп.	На годъ . . .	12 руб.	— коп.
„ полгода . .	4 „	80 „	„ полгода . .	6 „	— „
„ три мѣсяца.	2 „	40 „	„ три мѣсяца .	3 „	— „
„ мѣсяцъ . .	— „	80 „	„ мѣсяцъ . .	1 „	— „

За границу (подъ бандеролью): на годъ—15 руб., полгода—7 руб. 50 коп., три мѣсяца—3 руб. 75 коп., мѣсяцъ—1 руб. 25 коп.

Требованія, съ приложеніемъ денегъ, адресуются въ Контору Редакціи „Варшавскаго Дневника“, въ Варшавѣ, Медов-я. 18.

Подписка принимается также въ книжныхъ магазинахъ Истомина и Карбасникова.

Редакторъ-издатель *П. Щебальскій.*

„Николаевскій Листокъ Объявленій“

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГАММѢ:

1) Распоряженія Правительства и мѣстныхъ властей.

2) Телеграммы Сѣвернаго телеграфнаго агентства.

3) Мѣстная хроника общественной жизни. Рефераты общественныхъ и сословныхъ учрежденій. Письма и статьи касающіяся торговли, статистики и т. п.

4) Судебная хроника.

5) Театръ и музыка.

6) Мѣстныя экономическія и торговыя свѣдѣнія. Курсы, биржа.

7) Объявленія.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставскою: на годъ—7 руб., на 6 мѣсяцевъ—4 руб., на 3 мѣсяца—2 р. 50 коп., на 1 мѣсяцъ—1 руб.

Плата за объявленія: на 1-й страницѣ—1 руб. 80 коп. за вершокъ столбца; на послѣдней страницѣ—въ первый разъ 90 коп. и въ послѣдующіе разы по 60 коп. отъ вершка.

Подписка и объявленія принимаются въ г. Николаевѣ Херс. губ. въ конторѣ редакціи, на углу Соборной и Спасской улицъ, д. Сакисчи.

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ“

50 №№ въ годъ).

Условія подписки:

За годъ	6 р. — к.
За первое полугодіе	4 „ — „
За второе полугодіе	3 „ — „
За Январь, Февраль и Мартъ	2 „ 25 „
За Апрѣль, Май и Іюнь	2 „ — „
За Іюль, Августъ и Сентябрь	1 „ 75 „
Зя Октябрь, Ноябрь и Декабрь	1 „ 50 „

Помѣсячно:

За Январь	1 „ — „
За Февраль	„ 80 „
За остальные мѣсяцы, за каждый мѣсяцъ	— „ 75 „

Годовые подписчики получатъ литературный сборникъ, который будетъ вскорѣ изданъ редакціей „Екат. Недѣли.“

Редакція имѣетъ въ виду возобновить ходатайство объ изданіи газеты 3 раза въ недѣлю, безъ увеличенія цѣны изданія.

Редакторъ-издатель *П. Штейнфельдъ.*

Въ 1884 году открыта подписка на

„ПСКОВСКІЙ ГОГОДСКОЙ ЛИСТОКЪ“.

Политическо-общественную газету, выходящую два раза въ недѣлю.

Цѣна съ пересылкою: на годъ 4 р. 50 к., на 6 мѣс. 3 р,, на 3 мѣс. 2 рубля.

„СВѢТЪ“

выходитъ ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, въ форматѣ обыкновеннаго листа.

Начавъ издаваться съ 1 января 1882 года, „Свѣтъ“ имѣлъ невѣроятный и не бывалый успѣхъ и съ разу сталъ *самою распространеннею газетою въ Россіи.*

Цѣна на „Свѣтъ“

Съ пересылкою и доставкою:	За годъ	4 р.
» »	» полгода	2 »
» »	» четверть года	1 »

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ 1884 году, такъ-же какъ и въ нынѣшнемъ, будетъ выходить

Приложеніе романовъ.

къ газетѣ

„СВѢТЪ“

Двѣнадцать романовъ въ годъ, по одному роману каждый мѣсяцъ, лучшихъ европейскихъ и русскихъ писателей. Романы иллюстрированы.

Цѣна на романы съ пересылкою и доставкою:

На годъ (12 романовъ)	4 руб.
» полгода (6 романовъ)	2 »
» четверть года (3 романа) . . .	1 »

Безъ газеты подписка на романы не принимается.

Письма и подписныя деньги адресовать: Петербургъ, редакція газеты „Свѣтъ“, Гороховая, № 46.

Редакторъ-Издатель *В. В. Комаровъ.*

VI годъ. **„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“** годъ VI.

большой еженедѣльный иллюстрированный журналъ

СЪ РОСКОШНЫМИ ПРЕМІЯМИ и РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Выходитъ въ 1884 году по прежней программѣ, въ количествѣ 52 №№ въ годъ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій со множествомъ гравюръ.

Въ годъ два большихъ тома въ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ »Иллюстрированнаго Міра« заключаетъ въ себѣ историческіе и бытовые романы, повѣсти, разсказы, сцены, стихотворенія, историческіе и біографическіе очерки, популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія, всемірный курьеръ (обозрѣніе общественной жизни всего свѣта), литературное обозрѣніе, книжныя новости, политическое обозрѣніе, русское (внутреннее) обозрѣніе, новости наукъ, искусствъ и проч., калейдоскопъ, юмористическій отдѣлъ

шахматы, задачи, игры, шарады, ребусы, тиражи, почтовый ящикъ и проч. Нѣкоторыя беллетристическія произведенія помѣщаются съ богатыми иллюстраціями. Дополненіемъ беллетристическаго отдѣла будутъ служить:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ,

въ которыхъ въ теченіи года будутъ помѣщены наиболѣе выдающіяся произведенія всѣхъ корифеевъ иностранной литературы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ „Иллюстрированнаго Міра" даетъ снимки съ картинъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, портреты, виды замѣчательныхъ мѣстностей и зданій, картины животнаго и растительнаго царства, картины современной политической и общественной жизни, сцены изъ жизни, иллюстраціи къ романамъ, сцены изъ оперъ, балета, драматическихъ произведеній, карикатуры, модные рисунки, ребусы и проч. По примѣру прошлыхъ лѣтъ при журналѣ будутъ разсылаться РОСКОШНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, представляющія снимки съ произведеній извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

При журналѣ „Иллюстрированный Міръ" ежемѣсячно разсылаются безплатно »НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ«—полный рукодѣльно-модный журналъ съ выкройками въ натуральную величину.

Кромѣ того, всѣ годовые подписчики получаютъ главную большую премію—прекрасную олеографію съ картины знаменитаго художника профессора *Г. И. Семирадскаго*:

„ХРИСТОСЪ и ГРѢШНИЦА"

Подписная цѣна „Иллюстр. Міра" на годъ со всѣми преміями и приложеніями:

безъ доставки въ Спб. **6 р.**, безъ достав. въ Москвѣ **6 р. 50 к.** Съ дост. Спб. **7 р.** для иногородныхъ **8 р.** Загр. **10 р.**

Для служащихъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: *въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи журнала* „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ", по Невскому проспекту д. № 76 (уголъ Литейнаго пр.). *Въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы*, при Центральной конторѣ объявленій Л. Метцля, Петровка, домъ Солодовникова.

„Волжскій Вѣстникъ,“

Газета общественная, литературная и политическая, выходитъ въ г. Казани (2-й годъ изданія).

Въ настунающемъ году изданіе будетъ значительно расширено; такъ, «*Волжскій Вѣстникъ*» въ 1884 году будетъ выходить вмѣсто одного—три раза въ недѣлю.

Направленіе, составъ редакціи и подписная плата остаются прежнія.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго *Волжско-Камскаго края* и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Годовые подписчики получаютъ безплатную премію—литературный сборникъ, объемомъ не менѣе 15 печат. листовъ (240 страницъ). Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ мѣстнаго края.

Подписная цѣна, съ пересылкою и доставкою: на годъ—7 руб., на полгода—4 р, на 3 мѣсяца—2 р. 50 коп.—Для годовыхъ подписчиковъ допускается слѣдующая разсрочка платежа: при подпискѣ—3 р., къ 1 Апрѣля и къ 1 Іюля—по 2 рубля.

Иногородніе адресуютъ исключительно: въ Казань, въ редакцію «*Волжскаго Вѣстника*».

Редакторъ-Издатель, профес. *Н. Н. Загоскинъ.*

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РОССІЯ“.

Журналъ «РОССІЯ» выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ: 1, 8, 15 и 22 числа, тетрадями въ два листа (16 стр.) большаго формата, предназначаемыми исключительно для текста, въ цвѣтной оберткѣ съ виньеткой. **При каждомъ номерѣ прилагается четыре оригинальные рисунка** въ краскахъ (автографіи), исполненные извѣстными нашими художниками. Въ числѣ ихъ мы можемъ назвать *К. Е., Н. Е., В. Е. Маковскихъ, М. О. Микѣшина, К. Л. Эллерта, В. А. Якоби*, и друг.

Количество всѣхъ рисунковъ въ теченіи года простирается до двухъ сотъ. Отвѣчая идеѣ журнала «РОССІЯ», они представляютъ собою иллюстрацію къ исторіи, этнографіи, произведеніямъ народной русской поэзіи, какъ древней, такъ и позднѣйшей русской литературы, словомъ,—всевозможныхъ сторонъ внѣшней и внутренней русской жизни, въ силу чего они могутъ составить собою рядъ разнообразныхъ художественныхъ альбомовъ.

ПРОГРАММА литературнаго отдѣла вмѣщаетъ въ себѣ: романы, повѣсти, разсказы, очерки,—историческіе, бытовые, изъ уголовной хроники,—драматическія

произведенія, стихотворенія; отдѣлъ наукъ, искусствъ и художествъ; театръ и музыка; отдѣлъ русскихъ охотъ; внутреннія и внѣшнія дѣла; смѣсь. Въ этомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе: Графъ *А. Е. Саліасъ*, *Н. С. Лѣсковъ* (*Стебницкій*), *Д. Л. Мордовцевъ*, *Н. Г. Вучетичъ*, *А. В. Кругловъ*, *Д. А. Линевъ*, *С. Н. Филипповъ*, *Н. П. Тимофеевъ*, *Н. С. Стружкинъ*, *П. А. Оленинъ*, *В. В. Чуйко*, *В. Е. Ермиловъ*, *Н. Кульжинскій*, *М. М. Ивановъ*, *В. С. Баскинъ*, *Н. А. Вербицкій* и другіе.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ получаютъ, въ 1-й половинѣ 1884 года,

ХУДОЖЕСТВЕННУЮ РОСКОШНУЮ ПРЕМІЮ—

БОЛЬШУЮ КАРТИНУ, исполненную по акварельному оригиналу одного изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ художниковъ.

Редакція вполнѣ увѣрена, что премія эта, по своимъ достоинствамъ, будетъ такова, какой дѣйствительно еще ни одинъ журналъ не предлагалъ своимъ подписчикамъ.

Съ 1-го января 1884 года на страницахъ журнала «РОССІЯ» начнется печатаніемъ новый историческій романъ—

„АТАМАНЪ УСТЯ“,

извѣстнаго и талантливаго нашего писателя А. Е. Саліаса, автора романовъ: «Пугачевцы», «Принцесса Владимірская». «Петербургское дѣйство» и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА, со всѣми приложеніями и преміей, безъ доставки въ Москвѣ 7 р., съ доставкою и пересылкою 8 р.: на полгода безъ достагки 4 р., съ доставкой и пдресылкои 5 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Москвѣ, Газетный переулокъ, близъ Петровки, въ д. Фульца; Въ Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», Мелье и К° и Вольфа

Редакторъ-Издатель *О. М. Уманецъ.*

„КІЕВЛЯНИНЪ“,

ежедневная общественная, политическая и литературная газета,

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1884 г. ПОДЪ ПРЕЖНЕЙ РЕДАКЦІЕЙ.

Годичные подписчики получатъ безплатно художественно-литературный альманахъ „Кіевлянка“ съ потретомъ покойной издательницы „Кіевлянина“.

Программа альманаха будетъ объявлена позже, пока-же редакція можетъ зая-

вить, что, кромѣ постоянныхъ сотрудниковъ **«Кіевлянина»**, въ этомъ изданіи примутъ участіе нѣкоторые извѣстные русскіе писатели и художники.

Адресъ редакціи **«Кіевлянина»**: Шулявская, д. наслѣдниковъ Шульгиныхъ, адресъ-же конторы: книжный магазинъ Гинтера и Малецкаго, Крещатикъ, № 5.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкой и пересылкой: на годъ—**12** р., на 11 м.—**11** р. **20** к., на 10 м.—**10** р. **60** к., на 9 м.—**9** р. **40** к., на 8 м.—**8** р. **80** к., на 7 м.—**8** р., на 6 м.—**7** р,, на 5 м.—**6** р. **20** к., на 4 м.—**5** р. **40** к., на 3 м.—**4** р. **50** к., на 2 м.—**3** руб. на 1 м.—**1** руб. **50** к.; **безъ дост. и перес.:** на годъ—**10** руб., на 11 м.—**9** руб. **40** к., на 10 м.—**8** руб. **80** к., на 9 м.—**8** руб. **20** к., на 8 м.—**7** руб. **60** к., на 7 м.—**7** руб., на 6 м.—**6** руб, на 5 м.—**5** руб., на 4 м.—**4** руб., на 3 м.—**3** руб., на 2 м.—**2** руб., на 1 м.—**1** руб.

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ",

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТИРАТУРНАЯ,

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1884 году **ежедневно**, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Редакція въ послѣдніе годы всегда стремится къ улучшенію своей газеты увеличеніемъ состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста **Буквы** (Василевскаго), украшающаго страницы нашей газеты уже пятый годъ, намъ удалось въ этомъ году пригласить въ постоянные сотрудники извѣстнаго петербургскаго публициста **Гр. Градовскаго**, который обѣщалъ пополнять отдѣлъ руководящихъ статей по внутреннимъ вопросамъ и по юридическому отдѣлу; кромѣ того, съ текущаго года редакція пріобрѣла въ Петербургѣ и Москвѣ трехъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ редакціи различныя новости внутренней жизни, давая этимъ возможность «Нов. Тел.» сообщать своимъ читателямъ эти новости ранѣе полученія столичныхъ почтъ (иногда одновременно съ телеграфами) и на 1, 2 дня ранѣе другихъ мѣстныхъ одесскихъ газетъ. Въ скоромъ времени мы надѣемся пріобрѣсти въ Петербургѣ сотрудника и по беллетристической части.

Объ улучшеніи газеты въ издательскомъ отношеніи мы и не говоримъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи «Нов. Телеграфъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду провинціальныхъ газетъ. Ни одна провинціальная газета не отличается такимъ обиліемъ выпуска полуторныхъ нумеровъ, какъ «Нов. Тел.», доказывая этимъ и

богатство литературныхъ матеріаловъ, и обезпеченность матеріальныхъ средствъ изданія.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.		Безъ доставки и пересыл.	Съ доставк. и пересыл.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »	» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »	» 12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1884 г., всѣмъ подписчикамъ **«Нов. Тел.»** будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ безплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно беллетристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, перодовыхъ статей, разсказовъ, смѣся—или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или каррикатуры.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ",

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ Южной Россіи: Азовѣ, Александріи, Александровскѣ, Алуштѣ, Ахтыркѣ, Асхабадѣ, Бахмутѣ, Бердичевѣ, Бахчисараѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бѣлопольѣ, Бирючѣ, Бобровѣ, Валкахъ, Вернеднѣпровскѣ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Геническѣ, Глуховѣ, Грозномъ, Городнѣ, Дмитріевѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Житомірѣ, Зеньковѣ, Зміевѣ, Золотоношѣ, Золочевѣ, Изюмѣ, ст. Каменской, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Козельцѣ, Конотопѣ, Константиноградѣ, Корочѣ, Кременчугѣ, Кролевцѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кисловодскѣ, Лебединѣ, Лубнахъ, Луганскѣ, Майкопѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Маріуполѣ, Могилевѣ на Днѣпрѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Новозыбковѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Нахичевани-на-Дону, Новомъ-

Осколѣ, Обояни, Орлѣ, Одессѣ, Орѣховѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Переяславѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Прилукахъ, Пятигорскѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Сквирѣ, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ-Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таращѣ, Таганрогѣ, Умани, ст. Урюпинской, ст. Усть-Медвѣдицкой, Херсонѣ, Хоролѣ, Черниговѣ, Черкасахъ, Эривани, Ялтѣ, Ѳеодосіи и во многихъ станицахъ, селахъ и слободахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 » — »	7 » — »	4 » — »	1 » 40 к.
Съ пер. иног.	12 » 50 »	7 » 50 »	4 » 50 »	1 » 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Харьковскаго Университета № 7.

Редакторъ-издатель А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.

„ДОНСКАЯ ПЧЕЛА“

(годъ IX)

Какъ въ теченіи минувшихъ восьми лѣтъ, будетъ выходить два раза въ недѣлю, по четвергамъ и воскресеньямъ.

Цѣль газеты—служеніе интересамъ Пріазовскаго края: разработка вопросовъ касающихся экономической жизни этого края, своевременное обсужденіе всѣхъ явленій, имѣющихъ близкое соприкосновеніе съ мѣстной жизнью, оглашеніе болѣе или менѣе важныхъ событій, текущія явленія и мѣстныя новости.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Ростовѣ на Дону.		Съ пересылкою иногороднимъ.	
на годъ	6 р. —	на годъ	7 р. —
„ полгода	3 „ 50	„ полгода	4 „ —
„ 3 мѣсяца	2 „ —	„ 3 мѣсяца.	2 „ 50

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 25 коп.

Письма и деньги адресуются исключительно въ контору редакціи «Донской Пчелы», въ Ростовъ на Дону.

Редакторъ-издатель *И. А. Теръ-Абраміанъ.*

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РОДНИКЪ".

1884 г. 3-й годъ изданія.

Журналъ **«РОДНИКЪ»** выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, съ отдѣльными картинками, политипажами въ текстѣ, музыкальными приложеніями и смѣсью.

Въ 1884 г., какъ и въ прошедшіе два года, редакція приметъ за правило давать дѣтямъ для чтенія преимущественно **оригинальныя** произведенія изъ русской жизни и природы. Въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ будутъ даваться: народныя сказки и легенды; всѣ-же другія выдающіяся произведенія иностранной дѣтской литературы будутъ печататься въ видѣ пересказовъ. Редакція постарается и въ этомъ году дать своимъ читателямъ рядъ популярныхъ научныхъ очерковъ, представляющихъ нѣчто цѣльное, въ родѣ, наприм. напечатанныхъ въ 1883 г. въ «Родникѣ» очерковъ **профес. М. Н. Богданова**, подъ названіемъ **«Мірскіе захребетники»**, гдѣ описанъ бытъ животныхъ, селящихся около человѣка и, по народному выраженію, живущихъ у него *за хребтомъ*, т. е. на его счетъ. Въ 1884 г., редакція надѣется дать новый рядъ подобныхъ-же очерковъ М. Н. Богданова изъ другой области животнаго міра и очерки **профессора Дм. Кайгородова** изъ жизни растеній. Сверхъ того, въ «Родникѣ» появится продолженіе этнографическихъ разсказовъ **Л. Х. Симоновой** изъ быта народовъ, населяющихъ Россію. Выборъ статей принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Внѣшность изданія, по мѣрѣ возможности, будетъ постепенно улучшаться.

ПРИЛОЖЕНІЕ къ «РОДНИКУ»: педагогическій сборникъ **«Воспитаніе и Обученіе»** выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ немъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, и библіографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ.

Условія подписки на 1884 годъ:

На годъ съ приложеніемъ, съ дост. и пер. 6 р.	На годъ безъ приложенія, съ дост. и пер. 5 р.	На ½ года безъ приложенія 3 р.	за границу на годъ съ приложеніемъ. 8 р.

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ журнала* **«Родникъ»**, *Никольская площ., д. № 4*, и въ **отдѣленіяхъ конторы:** въ *С.-Петербургѣ*—книжный магазинъ Н. Фену и К°. Въ *Москвѣ* — «Сотрудникъ школъ» А. К. Залѣсской, Воздвиженка, д. Армандъ. Въ *Харьковѣ*—книжный складъ при «Публичной библіотекѣ» А. Н. Гусева и К°, Московская, 7. Въ *Томскѣ* — «Сибирскій книжный магазинъ» Михайлова и Макушина.

Редакторъ-издательница *Е. Сысоева.*

„НОВОСТИ ДНЯ“,

ежедневная политическая, общественная, литературная, иллюстрированная газета.

I. Правительственныя распоряженія. II. Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и телеграфныхъ агенствъ. III. Корреспонденціи изъ Петербурга и внутреннихъ городовъ Россіи. IV. Политическія новости и оригинальныя корреспонденціи изъ главныхъ городовъ западной Европы. V. Городскія дѣла, отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, городской думы и сословныхъ учрежденій. VI. Дневникъ городскихъ происшествій. VII. Подмосковныя вѣсти. VIII. Театральныя и музыкальныя рецензіи и извѣстія. IX. Судебная хроника: а) отчеты окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ и кассаціонныхъ департаментовъ сената; б) коммерческихъ судовъ, и в) мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ, причемъ болѣе интересныя дѣла будутъ излагаться *стенографически*. X. Литературный отдѣлъ: романы, повѣсти, разсказы, сцены, касающіяся злобы дня, стихотворенія, анекдоты и т. п. XI. Смѣсь: разныя извѣстія. XII. Объявленія и рекламы.

Газета «**Новости Дня**» на страницахъ своихъ даетъ своимъ читателямъ рядъ портретовъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, извѣстныхъ ученыхъ, писателей, артистовъ, адвокатовъ и вообще лицъ, составляющихъ интересъ дня.

Мы задались не одною только мыслью давать матеріалъ для читателей столичныхъ, быстро схватывая на лету злобу и интересъ насущнаго столичнаго дня; мы не забыли и иногородныхъ читателей нашихъ, которые въ отдѣлѣ беллетристики найдутъ для себя всегда интересное чтеніе въ минуты досуга и однообразной провинціальной жизни.

Удовлетворяя всѣмъ этимъ потребностямъ общества, мы не забывали также и того, что летучій листокъ газеты предназначается не для одной только розничной продажи, что онъ призванъ быть настольнымъ изданіемъ въ семейныхъ домахъ, и всегда тщательно избѣгали всего того, что могло-бы возмутить чувство нравственнаго приличія въ нашихъ читательницахъ, ни разу не пожертвовавъ строгимъ чувствомъ приличія, ни во имя интереса сообщаемаго событія, ни во имя бойкости разсказа характернаго вымысла.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12 мѣс.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки въ Москвѣ. . .	7 р.	4 р. — к.	2 р. — к.	— р. 90 к.
Съ доставкой въ Москвѣ . . .	8 »	5 » — »	3 » — »	1 » — »
Съ пересылкой иногороднымъ. .	9 »	5 » 20 »	3 » 50 »	1 » — »

Объявленія принимаются по 20 к. за строку петита на первой страницѣ и по 10 к. на послѣдней.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, на Петровкѣ, въ д. Левенсона. Иногородные адресуютъ: въ Москву, въ редакцію газеты «**Новости Дня**».

Редакторъ-издатель *А. Я. Липскеровъ.*

„РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Выходитъ 4 раза въ годъ книжками отъ 10 до 15 листовъ каждая. Общее число листовъ годоваго изданія около 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Цѣна годовому изданію: *семь р. с.* съ пересылкою.

Адрессъ: Варшава, въ редакцію «Русскаго Филологическаго Вѣстника».

Редакторъ-издатель: *А. И. Смирновъ.*

„ВАЗА“.

дамскій, иллюстрированный, литературно-модный и рукодѣльный журналъ.

Существуетъ 53 года. Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями и даетъ въ годъ: **24 двойныхъ номера журнала**, т. е. **24 литературныхъ и 24 рукодѣльно-модныхъ** (рисунки парижскихъ модъ и рукодѣлій, модную хронику, домашнее хозяйство и т. п.).

1000 политипажей въ текстѣ. **24 модныя раскрашенныя гравюры.** (Исполняются и печатаются въ Парижѣ). **12 вырѣзныхъ выкроекъ**—въ натуральную величину. **12** листовъ **литографированныхъ выкроекъ** (до 1000 формъ). **12** листовъ **узоровъ:** вязанья, вишиванья, тамбурныхъ и т. п. работъ. **6** раскрашенныхъ **узоровъ**, для различныхъ женскихъ рукодѣлій.

Каждый подписчикъ 1884 года получитъ 6 ПРЕМІЙ, а именно: **I. ГИПЮРНАЯ САЛФЕТКА** на переддиванный столъ. **II. ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА** пріозерный пейзажъ. Громадная (около 300 квадратн. верш.). Отпечатана въ 22 краски. Въ продажѣ 4 руб. **III. АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ ДЛЯ ВЫШИВОКЪ.** Полнѣйшее изданіе, около 300 узоровъ на 24 листахъ. Въ продажѣ 2 руб. **IV. «ХОЗЯЙКА».** Новая настольная книга въ 2-хъ частяхъ. Въ продажѣ 1 р. 50 к. **V. ШАРФЪ ТЮЛЕВЫЙ** съ накладной вышивкой по концамъ. **VI. КОРЗИНКА ДЛЯ КОЛЕЦЪ** изъ papier-mâché.

Раздача и разсылка премій оканчивается въ теченіи перваго полугодія.

Адресъ редакціи *С.-Петербургъ, Ивановская, № 12.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ.	СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.	
На годъ безъ премій . .	6 р. — к.	7 р.	Съ преміями на 5 р. дороже на укупорку премій слѣдуетъ добавлять 50 коп.
На ½ года безъ премій.	3 р. 40 к.	4 р.	

„ЛУЧЪ".

Подписчики получатъ за ШЕСТЬ руб. съ доставкою и пересылкою:

Пятьдесятъ два еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ номера, **двѣнадцать приложеній (премій)** ежемѣсячныхъ книгъ романовъ, оригинальныхъ и переводныхъ, отъ 15—20 печатныхъ листовъ каждая книга, и

6 БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ НА 1884 ГОДЪ:

1) **Большую олеографическую картину.**

2) } **Два акварельныхъ пейзажа.**
3) }

4) **Томъ** (форматъ въ полулистъ) **живописной Россіи**: сто двадцать видовъ городовъ и замѣчательныхъ русскихъ мѣстностей, съ подробнымъ описаніемъ и статистическими цифрами. **Изданіе это, по объему, изяществу и цѣнности, составитъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе**.. Всякому пріятно имѣть живописное описаніе своей родины, тѣмъ болѣе, что это первая попытка подобнаго рода альбома-иллюстраціи.

5 и 6) **Первый и второй** томъ сочиненій С. С. Окрейца, въ которыхъ будутъ помѣщены: романъ «Послѣдніе язычники», три части, и повѣсть «Изъ міра умершаго и погребеннаго». Кромѣ того памфлетъ С. С. Окр—ца «Что намъ нужно?» содержащій отвѣты на важнѣйшіе вопросы по благоустройству и хозяйству русской земли.

За годовое изданіе журнала «ЛУЧЪ» съ преміями, съ доставкою и пересылкою, **ШЕСТЬ** руб. и за укупорку и перес. премій 70 к. Безъ премій (одни 52 иллюстрированныхъ номера), съ доставкою и перес., **ТРИ** руб.

Дешевле и полнѣе нѣтъ ни одной газеты въ Россіи.

Гг. чиновникамъ и библіотекамъ, выписывающимъ не менѣе 10-ти экземпляровъ, одиннадцатый будетъ высылаться *даромъ*. Книги (безъ журнала) можно выписывать отдѣльно, приплачивая 3 р. 50 к. за экземпляръ. Разсрочка чрезъ казначеевъ допускается.

Подписку слѣдуетъ адресовать: въ С.-Петербургъ, Николаевская улица, д. № 41, въ контору редакціи.

Редакторъ *С. С. Окрейцъ.*

Открыта подписка на 1884 г. на издаваемые при с.-петербургской духовной академіи:

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(еженедѣльное изданіе отъ 2 до 4 печатныхъ листовъ въ №; въ годъ до 142 л. большаго формата)

И

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.)

«ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ»,—вступающій нынѣ въ *десятый годъ существованія,*—въ оффиціальной своей части, составляющей оффиціальный органъ св. синода, печатаетъ *сполна* и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ неоффиціальной же части, какъ издаваемый при с.-петербургской духовной академіи, даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (на православномъ востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестанствѣ).

При журналѣ «ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ», составляющемъ прибавленіе къ «Церковному Вѣстнику» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того **ТОЛКОВАНІЯ НА ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ** (въ 1884 г. будетъ продолжаться печатаніе «*Толкованія на книгу Псалмовъ,* и вмѣстѣ съ тѣмъ «*Толкованія на книгу пророка Исаіи*», такъ что къ концу 1884 г. выйдетъ *особою книжкою* пятый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи *за оба журнала и съ «Толкованіями на Ветхій Завѣтъ»* —**семь руб.** *съ пересылкою; отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ»* —**пять руб.**, *за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями»* — **пять руб.** За границей, для всѣхъ мѣстъ: *за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р. съ пересылкою.*

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія», въ С.-Петербургѣ» *Подписывающіеся въ Петербургѣ* подписываются въ отдѣленіи конторы редакціи (близъ Знам. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пор., д. № 5, кв. 2), гдѣ получаются также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.— за 1 разъ) и для разсылки при «Церк. Вѣстн.» (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Караблева), въ Москвѣ—при книжн. маг. Ферапонтова.

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“,

большая ежедневная политическая, литературная и коммерческая газета

Въ 1884 г. въ обновленномъ видѣ и расширенной программой вступитъ въ четвертый годъ своего существованія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Съ доставкою на домъ въ городѣ на годъ **9 р.**, полгода **5 р.**, трй мѣсяца **3 р**, одинъ мѣсяцъ **1 р. Съ пересылкою по почтѣ иногороднимъ** на годъ **10 р.**, полгода **6 р.**, три мѣсяца **3 р. 50 к.**, одинъ мйсяцъ **1 р. 25 к.**

Съ 1-го января 1884 года при „Одесскомъ Листкѣ“ будетъ выходить еженедѣльный политическо-литературн., художественно-юмористическій журналъ съ каррикатурами

„ПЧЕЛКА“

Въ форматѣ большихъ иллюстрированныхъ журналовъ съ 4-мя страницами каррикатуръ (въ нѣсколько красокъ) и съ 8 страницами текста, въ которомъ, кромѣ фельетоновъ сатирическихъ, обличительныхъ статей, беллетристическихъ и художественно-литературныхъ произведеній въ прозѣ и стихахъ, будутъ помѣщаться статьи по внутреннимъ вопросамъ и иностранной политикѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: для городскихъ подписчиковъ съ доставлою на домъ **6** р., полгода **4** р., для подписчикоэъ «Одесскаго Листка» на годъ **5** р., полгоъа **3** р. **50** к. **Для иногороднихъ подписчиковъ** съ пересылкою въ бандероляхъ: нв годъ **7** р., полгода **4** р. **50** к., для подписчиковъ «Одесскаго Листка» на годъ **6** р., полгода **4** р.

Требованія и деньги адресовать на имя **В. В. Новооцкаго**, въ контору редакціи „Пчелки“: въ Одессѣ, Ришельевская улица, домъ Баржанскаго.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1884 году.

Съ истеченіемъ текущаго 1883 года оканчивается 10-ти лѣтній періодъ изданія нашей газеты. Вступая въ одинадцатый годъ изданія, мы будемъ стремиться къ достиженію той-же цѣли, которую имѣли и въ истекшемъ десятилѣтіи.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача **«Церковно-Общественнаго Вѣстника»**: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостію* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнію вопросамъ, существеннымъ образомъ затрогивающимъ интересы духовенства и общества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны вашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 10-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при **«Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ»** въ 1884 г. будетъ изданъ въ видѣ безплатнаго приложенія *«Календарь для духовенства»*, въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія указанія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случаи общественной жизни духовенства.

Условія подписки на **«Церковно-Общественный Вѣстникъ»**: на годъ 8 руб., на полгода 4 руб. 50 коп., на три мѣсяца 2 руб. 50 коп., на мѣсяцъ 1 руб. Годовая цѣна за границей 10 руб.—Отдѣльные №№ по 10 коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: **въ редакцію «Церковно-Общественнаго Вѣстника»**, **въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер**, **домъ № 3, кварт. № 5.**

Редакторъ-издатель *А. И. Поповицкій.*

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

1884 г. (двѣнадцатый годъ изданія).

Въ предстоящемъ году **«Орловскій Вѣстникъ»** будетъ выходить ежедневно одинаковыми нумерами въ листъ, кромѣ послѣпраздничныхъ дней, въ которые газета будетъ издаваться полулистомъ. Въ виду такого громаднаго увеличенія объема газеты, болѣе чѣмъ вдвое, форматъ нумеровъ ея будетъ нѣсколько уменьшенъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ, съ доставкой на домъ и пересылкой въ другіе города, *7 РУБЛЕЙ.*

Подписка принимается: въ г. Орлѣ, Публичной Библіотекѣ **«Орловскій Вѣстникъ»**, болховская, д. Зальменъ, и въ редакціи—зиновьевская улица. д. Чудинова.

Редакторъ-издатель *А. Чудиновъ.*

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ"

1884 г. (Изданія г. 22-й).

Съ доставкою въ Саратовѣ:		Съ пересылкою въ другіе города:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
» полгода	4 » — »	» полгода	4 » 50 »
» 3 мѣсяца. . . .	3 » — »	» 3 мѣсяца	3 » — »
» 1 мѣсяцъ. . . .	1 » — »	» 1 мѣсяцъ	1 » 20 »

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Саратовъ, Скобелевская ул., домъ Онезорге.

Редакторъ *П. Лебедевъ.* Издатель *М. Поповъ.*

„СТРАННИКЪ"

на 1884 годъ

(четвертый годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. Синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ **10-ти** до **12-ти** и болѣе листовъ. Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи.* 2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи.* 3) Церковныя *слова, поученія* и другія правоучительныя произведенія. 4) *Разсказы, повѣсти, характеристики, очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовнства. 5) *Бытовые очерки* и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа. 6) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе.* 7) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта. 8) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и дру-

гихъ народныхъ дѣятелей. 9) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 10) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*. 11 Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій. 12) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала. 13) *Библіографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы. а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы. 14) *Книжная лѣтопись*: ежемѣсячный указатель вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнагб содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 15) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и другихъ обществъ, и проч.; корреспонденціи; объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе 1884 года остается прежняя: *съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ* **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**; съ пересылкою за границу **восемъ рублей**. Адресоваться: **въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ** (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели:

А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.

„ИСКУССТВО“

ЖУРНАЛЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ.

1884 Г. (2-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ трудахъ редакціи по прежнему будутъ принимать участіе: Н. В. Бергъ (проф.), П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, А. П. Бородинъ (проф.), А. Н. Веселовскій (проф.), Эд. Гонкуръ (изъ Парижа), Эдуардъ Елинекъ (изъ Праги, редакторъ „Slovansky Sbornik“), В. Н. Кашперовъ, Ц. А. Кюи, В. П. Карповъ, Эрлихъ (изъ Вѣны, критикъ „Tribune“). „Новый Москвичъ“ (псевд.), „Nix“ (псевд.), А. Н. Островскій, М. И. Писаревъ (арт. Моск. театра). Ридель (изъ Лейпцига), В. И. Родиславскій, В. Д. Спасовичъ, И. В. Самаринъ (арт. имп. Москов. театра), Ф. Сарсэ, (изъ Парижа), А. Г. Сахарова, „Театралъ“ (псевд.), П. А. Трифоновъ, А. Н. Трефолевъ, Филиппи (изъ Милана худ. критикъ „Perseveranza“), В. А. Чечотъ, П. П. Штеллеръ (авторъ „Ошибокъ Молодости“) и др.

Журналъ «ИСКУССТВО» будетъ издаваться по той-же программѣ. Съ 1 января 1884 года журналъ „ИСКУССТВО“, измѣнивъ свой форматъ, выходитъ въ болѣе компактномъ видѣ, въ форматѣ извѣстнаго французскаго журнала «*Revue politique et litteraire*», *заключая въ каждомъ нумерѣ отъ 24 до 32 страницъ*, съ приложеніемъ фототипическихъ портретовъ, сдѣланныхъ въ Мюнхенѣ по образцу портрета С. В. Шумскаго, разосланнаго при 43 № „ИСКУССТВА“.

Съ 1-го нумера будущаго года помѣщаются повѣсти, очерки, разсказы (имѣющіе содержаніемъ своимъ жизнь или дѣятельность артистовъ и художниковъ) и драматическія произведенія: классическія—въ переводѣ и выдающіяся по литературнымъ достоинствамъ русскихъ современныхъ писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Съ доставкою		Для иногородныхъ	
Годъ	9 р. 50 к.	Годъ	10 р.
Полгода	5 „ 75 „	Полгода	6 „
3 мѣсяца	3 „ 50 „	3 мѣсяца	4 „

Главная контора: С. Петербургъ, Ивановская, д. 14, кв. 9. Гг. Иногородные благоволятъ обращаться съ подпискою преимущественно въ Главную контору. Разсрочка чрезъ казначеевъ и по соглашенію съ конторой редакціи.

Редакторъ-издатель *Ѳ. Гриднинъ.*

„РЕБУСЪ“

ГОДЪ IV. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Программа журнала подобная всѣмъ еженедѣльнымъ изданіямъ, съ прибавленіемъ отдѣловъ, которыхъ читатель не встрѣтитъ ни въ одномъ изъ русскихъ періодическихъ изданій: 1) Обозрѣніе малоизслѣдованныхъ явленій природы, какъ-то: *МЕДІУМИЗМЪ* (спиритизмъ), магнетизмъ, гипнотизмъ, сомнамбулизмъ, ясновидѣніе, и проч. Статьи по этимъ вопросамъ помѣщаются какъ оригинальныя, такъ и переводныя изъ всѣхъ иностранныхъ спеціальныхъ журналовъ. 2) Статьи по Графологіи (опредѣленіе характера по почерку). 3) Статьи по Гомеопатіи. *Отдѣлъ ребусовъ:* въ теченіи года въ немъ будетъ помѣщено 24 ребуса; изъ нихъ 12 премировонныхъ, за рѣшеніе которыхъ *ВСѢ* получаютъ преміи въ видѣ книгъ, картинъ, нотъ, портретовъ и проч. *Беллетристическій отдѣлъ:* романы, повѣсти, разсказы какъ оригинальные, такъ и переводные. Между ними «Темное дѣло» —романъ принадлежащій перу одного изъ извѣстныхъ лицъ въ русской литературѣ.

Изъявили согласіе на сотрудничество въ журналѣ: А. Н. Аксаковъ, профессоръ А. М. Бутлеровъ, Е. П. Блаватская (Родда-Бай), В. В. Марковъ, Викторъ Острогорскій, Т. П. Пассекъ, графъ А. С. Соллогубъ и другіе.

ЦѢНА на годъ 4 р.; на полгода 2 р. 50 к. съ дост., а безъ доставки 3 р. 20 к. Допускаются разсрочки: при подпискѣ 2 р., 1-го апрѣля 1 р. и 1-го іюля 1 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ книж. маг. Вольфа, Мелье, Мартынова, «Новаго Времени», Бортневскаго и др. *ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ* въ редакціи (Англійскій просп., № 29). Въ Москвѣ въ кн. маг. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Редакторъ-издатель *В. Прибытковъ.*

„ЭХО"

ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА,

самая дешевая изъ всѣхъ большихъ газетъ.

1884 Г. (4-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Достаточно выразившійся въ послѣдніе мѣсяцы, при новомъ издателѣ и составѣ редакціи, *успѣхъ* газеты позволяетъ не только удержать прежнюю подписную цѣну, но и значительно расширить программу.

Направленіе газеты *«Эхо»* опредѣляемъ коротко: добросовѣстное и трезвое отношеніе къ явленіямъ русской жизни. Въ эпоху крайняго осложненія и путаницы въ ходѣ внутренней и внѣшней общественной жизни страны, пришлось намъ выступить на арену печатнаго слова. Повсюду слышатся жалобы на отсутствіе идеаловъ въ обществѣ, повсюду общество ищетъ пути, по которому оно можетъ идти твердою стопою къ намѣченнвй имъ цѣли. Въ этихъ поискахъ общество доходитъ до крайностей, то обращаясь на западъ, то думая видѣть спасеніе только за китайской стѣной. Мы думаемъ, что истина и правда—вездѣ одна, поэтому наука и нравственность не можетъ имѣть національности. Въ силу этого мы будемъ проводить въ русское общество данныя науки и нравственныя начала, не боращая вниманія на то, откуда придется ихъ брать: съ запада или изъ русской жизни. Мы прежде всего должны выработать себѣ опредѣленную мѣрку для уясненія, къ чему мы, русскіе, должны стремиться, чтобы оправдать свое назначеніе, какъ извѣстной группы человѣчества. Поэтому мы будемъ брать хорошее и у запада, если оно дѣйствительно хорошо, и отвращаться отъ дурнаго у себя на родинѣ, если оно дѣйствительно дурно. Но въ тоже время мы сознаемъ, что нельзя обществу навязывать того, къ чему оно внутренне не приготовлено: необходимо вызывать само общество къ развитію тѣхъ или другихъ, таящихся въ немъ, нравственныхъ началъ. Поэтому мы ставимъ своею цѣлью способствованіе свободному и широкому проявленію обществомъ его внутреннихъ силъ, причемъ, конечно, считаемъ необходимымъ способствовать проявленію хорошихъ только стремленій, устраняя развитіе дурныхъ,—внесеніемъ въ сознаніе и нравы общества возможно больше знанія и нравственныхъ началъ. Исходя изъ такой задачи, мы думаемъ сдѣлать изъ своего органа какъ проводникъ знанія и нравственныхъ принциповъ въ общество, такъ и орудіе ознакомленія общества съ самимъ собою. Съ этою цѣлью мы расширили программу нашего изданія до размѣровъ большой газеты.

Съ 1-го января будутъ помѣщены: большой оригинальный романъ послѣднихъ дней **„Чиновное болото"**, **„Прологъ къ роману"** *М. Н. Альбова.* Повѣсть **„Въ полутьмѣ"** и др., уже находящіяся въ распоряженіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
(Съ доставкою и пересылкою).

Въ Россіи:		За границею:	
На годъ	10 р.	На годъ	16 р. — к.
„ полгода	6 „	„ полгода	9 „ — „
„ три мѣсяца	8 „	„ три мѣсяца	5 „ — „
„ одинъ мѣсяцъ	1 „	„ одинъ мѣсяцъ	2 „ 50 „

Подписка принимается на всѣ вышеупомянутые сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца, и не далѣе, какъ до конца года, съ доставкою по городской почтѣ въ Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи.

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ (на углу Большой Садовой и Большой Итальянской ул., д. № 5—10, кв. № 3) и въ отдѣленіи главной конторы (на углу Большой Садовой и Мучнаго пер., д. № „27, въ Русской Скоропечатнѣ“ К. И. Купа).

Допускается разсрочка платежа подисныхъ денегъ: для служащихъ въ С.-Петербургѣ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; не служащіе-же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ *Петербургѣ*—въ главную контору „ЭХО“.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 руб. и въ началѣ августа 2 руб.

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ,“

(пятьдесятъ восьмой годъ изданія)

газета политическая, экономическая и литературная,

будетъ выходить листами большого формата по той-же программѣ и съ тѣми-же оттдѣлами, какъ и въ настоящемъ году.

Въ увѣренности, что газета наша, редактируемая почти десять лѣтъ одною и тою-же редакціею, достаточно выяснила свое направленіе и то, что не смотря на всѣ обстоятельства и условія, она остается и останетея вѣрною разъ принятому пути,—мы считаемъ умѣстнымъ ограничиться здѣсь нѣсколькими детальными указаніями.

Читателямъ извѣстно, что въ прошломъ году, съ надлежащаго разрѣшенія, мы открыли отдѣлъ „юридической хроники“, дающій право разбирать судебныя рѣшенія и приговоры. За это время у насъ были помѣщены разборы такого рода и мы намѣреваемся расширить этотъ отдѣлъ по возможности, въ виду ожидаемой пользы отъ ознакомленія публики съ юридическими вопросами и практикою судовъ.

Наши отношенія къ славянскому иноземному міру, съ явленіями котораго постоянно знакомимъ читателей, настолько выяснились, что, полагаемъ, мы не ошибемся, если не станемъ о нихъ распространяться.

Относительно расширенія земскаго, внутренняго и областнаго отдѣловъ думаемъ, что исполнили обѣщаніе по мѣрѣ возможности. Послѣдовавшее значительное расширеніе южной и мѣстной хроники, какъ выраженія жизни края и города, замѣчено читателями, о чемъ неоднократно было заявлено.

Статьямъ о желѣзнодорожномъ дѣлѣ, по разнымъ отраслямъ седьскаго хозяйства, по садоводству и винодѣлію мы, по прежнему, охотно будемъ удѣлять мѣсто на страницахъ нашего изданія.

До настоящаго времени мы давали читателямъ и будемъ продолжать давать повѣсти, разсказы, фезьетоны объ общественной жизни (русской и иностранной), литературные очерки и вообще статьи беллетристическаго содержанія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки и доставки:		съ пересылкой или доставкой:	
За годъ (12 мѣсяцевъ) . .	12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ) . .	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ	7 „ — „	За 6 мѣсяцевъ	8 „ — „
За 3 мѣсяца.	3 „ 85 „	За 3 мѣсяца.	4 „ 50 „
За 1 мѣсяцъ.	1 „ 30 „	За 1 мѣсяцъ.	1 „ 50 „

На пересылку за границу прибавляется 50 коп. въ мѣсяцъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно, съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодичные, или по четвертямъ года. Для различныхъ учрежденій также допускается разсрочка.

Подписка принимается въ *Одессѣ,* въ конторѣ „Одесскаго Вѣстника“, по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

Редакторъ-издатель *П. А. Зеленый*

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1884 г. 9-й годъ изданія.

I) Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности оренбургскаго края. II) Общія политическія извѣстія и политическія телеграммы. III) Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. IV) Сообщенія о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. V) Фельетонъ; въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. VI) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзно-дорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія. VII) Прибавленіе къ «Оренбургскому Листку»

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“.

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеньямъ, а «Листокъ Объявленій» по четвергамъ.

Подписная цѣна годовому изданію **ПЯТЬ РУБЛЕЙ** съ доставкой и пересылкой.

Для оренбургскихъ подписчиковъ допускается разсрочка по взносѣ подписныхъ денегъ.

Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать въ ОРЕНБУРГЪ, въ редакцію гатеты **«Оренбургскій Листокъ»**, Перовская улица, домъ № 33, близъ театра, при типо-литографіи Ивана Ивановича Евфимовскаго-Мировицкаго.

Редакторъ-издатель *Ив. Евфимовскій-Мировицкій.*

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА“.

1884 г. (выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 лист.).

Въ составъ журнала входятъ: 1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины; 2) избранныя сочиненія изъ иностранной медицинской литературы; 3) рефераты, обзоры, критическіе очерки и пр.

Годовая цѣна съ перес. **17** р., безъ перес. **15** р. Студенты пользуются уступкой.

Въ журналѣ за прошлые года (1881, 1882, 1883) были помѣщены изъ наиболѣе капитальныхъ вещей слѣдующія: 1) **А. Багинскій.** Дѣтскія болѣзни (40 лист.); **Бони.** *Физіологія* (60 лист.); **Генохъ.** Дѣтскія болѣзни (44 листа); **Зелюгмюлеръ.** Нервныя болѣзни (23 листа); **Мальгень.** *Оперативная хирургія* (20 лист.); **Нимейеръ.** Частная патологія и терапія (103 листа); **Рибо.** Болѣзни памяти (10 лист.); **Россбахъ.** Основы физическихъ методовъ леченія (32 листа); **Фритшъ.** Женскія болѣзни (28 лист.); **Шеффъ.** Зубныя болѣзни (17½ лист.); **Эйхгорстъ.** Діагностика (45 лист.); **Эйхгорстъ.** Частная патологія и терапія (40 лист.); **Эриксенъ.** Хирургія (70 лист.); **Ришэ.** Хирургическая анатомія (25 листовъ).

Всѣ сочиненія, помѣщенныя въ «Медицинск. Библіот.», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить Анатомію **Гиртля** съ рисунками атласа **Гейцманна**, затѣмъ переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ извѣстной коллекціи **Вредена** (**Гебра**, **Генсмеръ**, **Барделебенъ** и пр.), психіатрію **Мейнерта**, къ переводу которой будетъ приступлено немедленно по появленіи этого сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ.

Редакція имѣетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской переводной литературѣ по гигіенѣ, фармакологіи и судебной медицинѣ.

Отдѣлъ «хроники и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медиц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ.*
Издатель *Н. Л. Вилькинъ.*

„ДРУГЪ ЖЕНЩИНЪ"

ТРЕТІЙ ГОДЪ

«Другъ женщинъ» — будетъ выходить ежемѣсячно отъ 9 до 12 печ. лист.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Романы, повѣсти и разсказы — оригинальные и переводные; біографіи и характеристики женщинъ замѣчательныхъ въ исторіи; свѣдѣнія о дѣятельности современныхъ женщинъ въ области литературы, наукъ и искусствъ; статьи научнаго содержанія — по педагогіи, медицинѣ, статистикѣ женскаго труда и пр.; критика, библіографія и рецензіи книгъ и статей, касающихся женскаго вопроса и сочиненій о женщинахъ; статьи юридическія — по гражданскому праву, женщины по русскому и иностранному законодательствамъ и выдающіеся уголовные процессы, въ которыхъ потерпѣвшими и подсудимыми являются женщины; отчеты о женскихъ обществахъ, объ учительскихъ и другихъ съѣздахъ; правительственныя распоряженія; статистическія и другія свѣдѣнія по высшему, среднему и начальному женскому образованію въ Россіи; разныя извѣстія, относящіяся къ образованію и дѣятельности женщинъ въ Россіи и за границей.

Въ 1884 году будутъ участвовать въ журналѣ **«Другъ женщинъ»**: гг. *Ковалевская* (женщина-математикъ и доцентъ стокгольмскаго университета), *В. І. Дмитріева, Шабанова* (женщина-врачъ), *В. Ф. Левицкій* и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Москвѣ за годъ 6 р., съ пересылкой во всѣ города Россіи 7 р.; за полгода въ Москвѣ 3 р. 50 к. и съ пересылкой въ другіе города 4 р.

Подписка принимается: въ **Москвѣ**, въ конторѣ редакціи, Волхонка, домъ Воейковой, подъѣздъ съ Лѣнивки, и въ отдѣленіи редакціи у г-жи Печковской, на Петровкѣ, въ Петровскихъ линіяхъ; въ **С.-Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, Невскій проспектъ, противъ гостиннаго двора.

„ВОЛЫНЬ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вступая въ шестой годъ своего существованія съ будущаго 1884 года, газета „*ВОЛЫНЬ*“ будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объвленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій, и 13) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ Конторѣ редакціи, б. Бердичевская ул., д. Лашкевича.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Для городскихъ подписчиковъ, безъ доставки и пересылки	3 р. 30 коп.	1 р. 80 коп.	1 р.
Съ доставкою на домъ	3 р. 50 коп.	1 р. 90 коп.	1 р. 10 коп.
Для иногородочныхъ съ пересылкою.	4 р.	1 р. 20 коп.	1 р. 20 коп.

Иногородные подписчики на перемѣну адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 коп.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

продолжаетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: *съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи* **СЕМЪ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.**

При журналѣ: „Православный Собесѣдникъ“ издаются

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Причты казанской епархіи, выписывающіе „Православвый Собесѣдникъ“, получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія,“ съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна „ИЗВѢСТІЙ“ для мѣстъ и лицъ *другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ*, за оба изданія вмѣстѣ, *десять* руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи.

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ,“

Журналъ выходитъ восемнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ въ хорошемъ переводѣ романы иностранныхъ писателей.

Въ 1884 г,ду редакція обратитъ особое вниманіе, чтобы давать публикѣ, по преимуществу, романы историческаго и политическаго содержанія. Въ первыхъ книгахъ будетъ помѣщенъ большой романъ *Сэуа Д. Рэтклифа*—«Возстаніе въ Индіи», гдѣ авторъ разоблачаетъ политику Англіи со всѣми ея ужасами и коварствомъ и ироводитъ читателя по всѣмъ колоніямъ Британскаго государства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ доставки.	Съ доставкою на домъ.	Съ перс. во всѣ г. Россіи.
На 12 мѣс.	8 р.—к.	8 р. 50 к.	9 р.
На 6 „	4 „ 25 „	4 „ 50 „	5 „

Допускается разсрочка по полугодіямъ и по третямъ, съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 руб., а во второмъ—3 руб.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ *Конторѣ редакціи*, Знаменская, 22, кв. 16, и въ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные адресуютъ свои требованія исключительно: въ *Контору редакціи журнала «Переводы Отдѣльныхъ Романовъ»*.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1884 г. (двѣнадцатый годъ изданія).

Всѣмъ подписчикамъ въ теченіи года вышлется:

1) **52 еженедѣльныхъ нумера**, каждый въ два большихъ печатныхъ листа, съ 5—6 рисунками въ текстѣ.
2) **12 ежемѣсячныхъ книжекъ** въ 8-ю долю, объемомъ въ 10 печатныхъ листовъ
3) **12 ежемѣсячныхъ нумеровъ «Парижскихъ модъ»**.
4) **Безплатная премія**,—олеографія съ картины извѣстнаго художника **В. Е. Маковскаго**,

„МАЛОРОССІЙСКІЙ ДѢВИЧНИКЪ“.

(Размѣръ преміи: 20 верш. длины и 13 верш. ширины).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой: За годъ **8** р., за полгода **4** р. **50** к.

Безъ доставки и пересылки: За годъ **6** р. **60** к., за полгода **4** р.

За границею; за годъ—**12** руб., за полгода—**6** руб.

За пересылку преміи страховою посылкою **60** к.

Адресы конторы и редакціи журнала: *С.-Петербургъ, уголъ Николаевской и Колокольной, домъ Боборыкиной.*

Для помѣщенія въ 1884 г. редакція уже имѣетъ слѣдующія произведенія; А. МИХАЙЛОВА, „И золотомъ и молотомъ“, ром.; ЕГО-ЖЕ, „Изъ міра довольства и благополучія“, рядъ разсказовъ; Н. ЛѢСКОВА, „Отборное зерно“ (комическая трилогія); ЕВГЕНІЯ МАРКОВА, „Путешествіе въ Дагестанъ“; И. СЕВЕРИНА, „Врали“, комедія; П: ПОЛЕВАГО, „Шуты и скоморохи“, картины изъ средневѣковаго быта; К. СОБОРНОЙ (псевдонимъ), „Въ погонѣ за богатствомъ“, ром.; П. ТРОЙНИЦКАГО, „Петербургъ“, (центры умственной жизни;) А. СИМОНОВОЙ „Чья возметъ“ повѣсть, А. КРУГЛОВА „Разсказы изъ народнаго быти“; А. МИТУРИЧА, „Новая звѣзда“, большая повѣсть; А. САХАРОВОЙ, „Чайка не ласточка“, разсказъ; В. ЮРЬЕВА, „Феягоръ“, поэма; Г. СЕНКЕВИЧА „Огнемъ и мечемъ“, историч. романъ“; М. ЦЕБРИКОВОЙ „Американки“ изъ за-атлантической литературной жизни; Н. КРАСНОВА, „Поискъ походнаго атамана Ивана Богатаго подъ Цареградъ“, изъ донской старины; П. ВАСИЛЬЕВА „Нравственная зараза“, очерки; РАНЦОНИ, „Проклятіе и искупленіе“, ром. съ илюстраціями Каргера и мн. др.

Редакторъ-Издатель *П. Н. Полевой.*

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СВѢТЪ и ТѢНИ.

НАГРАЖДЕНЪ ПОЧЕТНЫМЪ ОТЗЫВОМЪ ГГ. ЭКСПЕРТОВЪ ВСЕРОССІЙСКОЙ ВЫСТАВКИ

1884 г. Седьмой годъ изданія.

Журналъ **«Свѣтъ и Тѣни»**—журналъ преимущественно художественный—издается нераздѣльно съ безцензурнымъ журналомъ **«Мірской Толкъ»**, обладающимъ полной программой журнала политическаго и литературнаго. Оба журнала выходятъ въ количествѣ **100 №№** въ годъ, еженедѣльно, въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій, заключая въ себѣ болѣе **800** страницъ самаго разнообразнаго текста и **200** большихъ страницъ иллюминованныхъ красками каррикатуръ, изъ коихъ 100 будутъ взяты изъ русской жизни, 100—на половину заимствованы изъ лучшихъ заграничныхъ каррикатурныхъ журналовъ, на половину—политическаго характера. Съ первыхъ-же нумеровъ журнала **«Свѣтъ и Тѣни»** начнется печатаніе иллюстрированнаго бытоваго романа **«Бѣлая невольница»** *И. К.*

Кондратьева, затѣмъ историческая повѣсть *И. Погорѣлина* **«Колоколъ императрицы Анны»**. Для журнала **«Мірской Толкъ»** редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи также большой оригинальный романъ г. ***, въ высшей степени интересныя **популярно-научныя статьи** одного изъ нашихъ ученыхъ, рядъ психологическихъ очерковъ *Н. А. Путяты*, подъ названіемъ **«Къ сумасшедшему дому»** и нѣсколько разсказовъ *И. Харламова*.

ВМѢСТѢ СЪ ЭТИМЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ СЛѢДУЮЩІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

Двѣнадцать книгъ подъ рюбрикой: «Избранные романы Библіотеки Мірскаго Толка». Каждая книга будетъ содержать отъ 10-ти до 15-ти листовъ текста; оригинальныхъ и переводныхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, драматическихъ произведеній и стихотвореній. Въ **«Библіотекѣ Мірскаго Толка»** редакція постарается помѣщать все лучшее, что появится за границей, и притомъ немедленно по появленіи, для чего редакція входитъ въ соглашеніе съ лучшими иностранными беллетристами.

Не менѣе **двадцати пяти** рисунковъ, съ отдѣльной обложкой, сюжетомъ для которыхъ послужатъ крупныя общественныя событія у насъ и за границей въ теченіи 1884 года.

Двѣнадцать картинъ, жанровъ и пейзажей, иллюминованныхъ цвѣтными красками подъ сепію и акварель, преимущественно русскихъ извѣстныхъ художниковъ, и отпечатанныхъ на бумагѣ «торшонъ» и «демиторшонъ». Этотъ новый способъ воспроизведенія картинъ почти неизвѣстенъ въ Россіи и отличается замѣчательной мягкостью и свѣжестью красокъ.

Кромѣ **ста №№** журналовъ и перечисленныхъ выше художественныхъ приложеній, всѣ гг. подписчики на 1884 годъ получатъ еще

ДВѢ ГЛАВНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ГОДОВЫЯ ПРЕМІИ.

1. ПЯТЬДЕСЯТЪ ГРАВЮРЪ ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЛЕРЕИ.

Эти картины будутъ точными снимками съ имѣющаго библіографическую рѣдкость роскошнаго заграничнаго изданія, стоющаго 350 руб. Въ упомянутомъ изданіи заключается 150 гравюръ: мы ихъ дадимъ послѣдовательно всѣ, и каждая серія въ 50 гравюръ въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе 20 руб.

2. БОЛЬШАЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА.

„Святое Семейство", съ картины Корренса.

Большая, роскошная олеографическая картина, исполненная въ тридцать красокъ на лучшей заграничной картинной фабрикѣ. Надъ этой копіей работали въ продолженіе трехъ лѣтъ четверо лучшихъ художниковъ и выполненіе ея на камнѣ обошлось фабрикѣ 75,000 франковъ.

Форматъ этой картины (1½ арш. ширины и 1 арш. 2 верш. вышины) равняется формату данныхъ редакціей въ преміи картинъ «Подкинутый Моисей» и «Найденный Моисей», но много превосходитъ ихъ по изяществу.

Цѣна на годъ съ пересылкой №№ и премій 13 руб. на полгода 5 руб.

Всѣ публичныя, полковыя, клубныя и проч. библіотеки пользуются правомъ полученія на каждый годовой экземпляръ журналовъ по два экземпляра премированной картины.—Разсрочка допускается только при высылкѣ денегъ прямо въ редакцію, съ уплатой 7 р. при подпискѣ и 6 р.—не позже 15-го іюня. Разсрочка болѣе дробная—или за поручительствомъ гг. казначеевъ, или по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается: въ *Москвѣ*—въ редакціи и центральномъ управленіи журналовъ (Бригадирская, соб. домъ), въ главной конторѣ журналовъ (Большая Лубянка, д. кн. Голицына, при фотографіи журн. «Свѣтъ и Тѣни») и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ *Петербургѣ*—въ отдѣленіи конторы журнала «Свѣтъ и Тѣни» при книжномъ магазинѣ Фену и другихъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„БУДИЛЬНИКЪ“.

1884 г. (двадцатый годъ изданія).

Съ 8 декабря 1883 года изданіе и редакція «Будильника» перешли въ другія руки.

Въ теченіи года 50 нумеровъ, 300 большихъ каррикатуръ и рисунковъ напечатанныхъ семью красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На ½ года.
Въ Москвѣ безъ доставки.	7 р.	4 р. — к.
Съ „Альбомомъ каррикатуръ“ . . .	8 „	— „ — „
„ съ доставкою	8 „	4 „ 50 „
„ „Альбомомъ каррикатуръ“ . . .	9 „	— „ — „
„ пересылкой въ другіе города имперіи	9 „	5 „ — „
„ „Альбомомъ каррикатуръ“ . . .	10 „	7 „ — „

Пересылка за границу по особому тарифу.

Подписка на иные сроки кромѣ вышеуказанныхъ—не принимается. Разсрочка подписной суммы требуетъ предварительнаго соглашенія съ главною конторою «Будильника». Годовые подписчики, когда-бы ни подписались, получаютъ всѣ нумера журнала, начиная съ перваго, равно какъ безплатную премію. Полугодовые подписчики никакой преміи не получаютъ.

Премія „БУДИЛЬНИКА“ на 1884 г.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Бомарше, переводъ съ французскаго, артиста москов. императ. театровъ **М. П. Садовскаго.**

„СЕВИЛЬСКІЙ ЦИРЮЛЬНИКЪ“

Рукопись печатается въ форматѣ «Будильника» съ десятью художественно выполненными рисунками болѣе выдающихся сценъ безсмертной комедіи—сатиры.

Въ виду двадцатилѣтія существованія «**БУДИЛЬНИКА**», въ 1884 году изданъ будетъ «Альбомъ каррикатуръ для смѣха и забавы», въ который войдутъ лучшія каррикатуры, также шутки и юмористическіе стишки, помѣщавшіеся въ «БУДИЛЬНИКѢ» съ 1863 по 1883 гг. Годовые подписчики, желающіе также получить «Альбомъ каррикатуръ», доплачиваютъ къ подписной суммѣ ОДИНЪ руб.:

Срокъ выхода безплатной преміи для годовыхъ подписчиковъ—Иллюстриров. ком. Бомарше «Севильскій цирюльникъ»—1 іюли, а «Альбомъ каррикатуръ»—1 іюня 1884 г.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала «БУДИЛЬНИКЪ». Москва. Б. Дмитровка, д. Шаблыкина и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

Важное примѣчаніе. Гг. иногородные подписчики, желающіе получать «БУДИЛЬНИКЪ» своевременно, приглашаются адресовать свои требованія прямо въ главную контору редакціи и при томъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.

За редактора издательница *Е. Арнольдъ.*

Подписка на 1884 годъ. Семнадцатый годъ изданія газеты

„НЕДѢЛЯ“

Съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ.

Въ 1884 году газета „Недѣля“ будетъ выходить, какъ и до сего времени, еженедѣльно, по воскресеньямъ, въ количествѣ 52 номеровъ въ годъ. „Журналъ романовъ и повѣстей“, составляющій беллетристическое приложеніе къ газетѣ „Недѣля“, будетъ выходить ежемѣсячно книжками, всего въ количествѣ 12 книжекъ въ годъ. Въ составъ „Недѣли“ входятъ: I. Редакціонныя (руководящія) статьи по текущимъ вопросамъ русской жизни; II. Такія-же статьи по вопросамъ внѣшней политики; III. Систематическія обозрѣнія текущихъ событій и явленій въ Россіи; IV. Обозрѣніе заграничной жизни, какъ политической, такъ и бытовой; V. Статьи научныя, преимущественно соціальнаго характера; VI. Статьи и изслѣдованія, касающіяся общихъ, основныхъ нуждъ Россіи; VII. Статьи по разнымъ частнымъ вопросамъ русской жизни изъ области земскаго и городскаго самоуправленія, народ-

наго хозяйства и т. п. VIII. Художественно бытовые очерки и разсказы; IX. Стихотворенія; X. Критическія статьи по поводу русскихъ и иностранныхъ произведеній; XI. Разборы вновь выходящихъ книгъ; XII. Статьи по текущей русской журналистикѣ; XIII. Письма изъ-за границы; XIV. Письма изъ провинціи, въ формѣ особыхъ статей; XV. Сообщенія изъ губерній въ видѣ фактическихъ текущихъ извѣстій; XVI. Судебная лѣтопись, въ формѣ обработанныхъ разсказовъ изъ уголовной хроники; XVII. Замѣтки полемическаго характера; XVIII. Фельетонъ. XIX. Разныя разности. Факты, сообщенія, выдающіяся происшествія, слухи и т. п. XX. Объявленія.

Въ составъ „Журнала романовъ и повѣстей" входятъ романы и повѣсти какъ русскіе, такъ и переводные. Въ каждой книжкѣ помѣщается отъ 3 до 4 произведеній, которыя въ теченіе года составляютъ отъ двѣнадцати до четырнадцати большихъ романовъ и повѣстей.

Цѣна обѣихъ изданій вмѣстѣ, то-есть „Недѣли" съ приложеніемъ „Журнала романовъ и повѣстей", **8** рублей въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА НА 1884 ГОДЪ ОТКРѢТА.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «НЕДѢЛИ», у Владимірской церкви, Ямская, 6.

Редакторъ издатель **П. А. Гайдебуровъ.**

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ"

1884 г. (годъ третій).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, *безъ предварительной цензуры.* Въ журналѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ его изданія, принимали участіе: проф. И. Е. Андреевскій, С. А. Бердяевъ, Н. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, И. Ф. Василевскій (Буква), Вологдинъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, проф. В. П. Даневскій, Ю. Г. Зарисѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, д-ръ Ивинъ, проф. А. О. Кистяковскій, Е. П. Карновичъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Кругловъ, Н. С. Курочкинъ, проф. О. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Омулевскій, Л. Н. Пальминъ, М. Л. Песковскій, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, проф. В. Н. Сергѣевичъ, Д. Н. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Л. Н. Трефолевъ, В. В. Чуйко и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставк.	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	13 р.	Съ достав. въ С.-Петербургѣ	7 р. 50 к.
Съ перес въ друг. мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылкою за границу. .	16 р.	Съ пересылкою за границу.	9 р.

Книгопродавцамъ 50 коп. уступки. Принимающіе подписку въ разсрочку или по полугодіямъ не пользуются уступкой.

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки.	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою.	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ пересылкою за границу. . . .	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются исключительно: въ Главную Контору *«Наблюдателя»*. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Подписка на текущій годъ продолжается. Подписавшіеся получаютъ всѣ книги журнала, начиная съ 1-го №.

Редакторъ-издатель *А. П. Пятковскій.*

„КРАЙ“,

польская газета, политическая, общественная и литературная, будетъ издаваться въ Петербургѣ въ будущемъ 1884 г. по прежней программѣ, подъ редакторствомъ *Эразма Пильца* и при сотрудничествѣ: *Ад. Асныка, Іос. Длугота, кс. Добкевича, Т. Т. Ежа, Ал. Ельскаго, Фр. Глинскаго, Каз. Яроховскаго, д-ра Антона I., Я. Иловскаго, Мил. Котарбинскаго, Ю Ляскарыса, гр. Карвицкаго, I. I. Крашевскаго, В. Спасовича, Гекр. Сенкевича (Литвоса), Рож. Вержхлейскаго, Іос. Шишло, Яна Захарьясевича, Т. Ходи* и друг.

«**Край**» обнимаетъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Переводныя статьи по текущимъ вопросамъ, политическимъ и общественнымъ; 2) Политическое обозрѣніе; 3) Славянская хроника; 4) Корреспонденціи внутреннія и заграничныя; 5) Литературный отдѣлъ (повѣсть, стихи, критика), 6) Обзоръ печати русской и польской; 7) Петербургская и внутренняя хроника; 8) Библіографія; 9) Экономическая и торговая хроника; 10) Объявленія.

«Край» издается еженедѣльно по воскресеньямъ въ объемѣ 24 стр.

ПОДПИСКА въ Петербургѣ на годъ 8 р., на 3 м. 2 р. съ пересылк. по почтѣ: на годъ 10 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 коп. Объявленія по 15 коп. со строки. Рекламы (въ текстѣ) по 30 к.

АДРЕСЪ редакціи и конторы: Площ. Бол. театра, д. 10. Варшавское агентство «Края»: Сенаторская, № 18 (Райхманъ и Френдлеръ).

ОСОБОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Въ редакціи «Кіевской Старины», по примѣру прежнихъ двухъ годовъ, и на 1884 годъ принимается подписка на издающуюся въ Львовѣ галицко-русскую газету «ДѢЛО», которая выходитъ три раза въ недѣлю, въ форматѣ большихъ ежедневныхъ газетъ, въ листъ и полтора.

Въ видѣ особыхъ приложеній газета даетъ лучшія мѣстныя и переводныя повѣсти. Подписная цѣна прежняя: съ приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р

Открывается вновь подписка на галицко-русскую газету, издающуюся въ Коломыѣ, подъ названіемъ:

„РУССКАЯ РАДА“

газета для народа.

Газета существуетъ *тринадцать* лѣтъ; выходитъ два раза въ мѣсяцъ, 1 и 15 чиселъ по русскому календарю, листами средняго формата.—Начальная страница № имѣетъ виньетку сельско-хозяйственнаго содержанія и слѣд. многознаменательный для галицко-русскаго населенія эпиграфъ:

Се русска рада, послѣдна воля:
Держѣмся купы, а буде доля.

Подписная цѣна на годъ 3 гульдена, на полгода 1 гульд. 50 крейц.

НЕОБХОДИМАЯ ПОПРАВКА.

Въ декабрьской книжкѣ «Кіевской Старины» на 1883 г. вкрались слѣдующія опечатки, которыя спѣшимъ исправить:

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стр. 613. О*бра*зовались	*орган*изовались.
Комчакъ	Колпакъ.
— 611 и 612 юго-восточной границѣ	сѣверо-восточной.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕНІЕ.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу новая книга: «*Островоротная или Остробрамская чудотворная икона Богородицы въ городѣ Вильнѣ.* Историческое изслѣдованіе. Съ восемью рисунками и разными свѣденіями, касающимися г. Вильны. Составилъ и издалъ Никодимъ Соколовъ, законоучитель виленскаго учительскаго института и гимназіи. г. Вильна. 1883 года».

Содержаніе книги: Виленская икона Богородицы Островоротная, ея наружный видъ и обстановка въ часовнѣ; поступленіе иконы въ г. Вильну и судьба ея здѣсь до перехода вь вѣдѣніе уніатовъ; нахожденіе ея у уніатовъ и переходъ къ латинянамъ, судьба иконы въ вѣдѣніи латинянъ, съ Островоротною часовнею, до настоящаго времени.

Рисунки: 1) Икона Благовѣщенія Богородицы, Корсунская, Островоротная, именуемая Отробрамскою, находящаяся на Острыхъ воротахъ г. Вильны. 2) Островоротная башня въ г. Вильнѣ, съ южной стороны, отъ желѣзной дороги. 3) Икона Богородицы Одигитріи, находящаяся въ главномъ храмѣ Виленскаго Свято-Троицкаго монастыря. 4) Островоротная часовня Богородицы въ г. Вильнѣ, съ прилелающими къ ней зданіями. 5) Внутренній видъ Виленскаго мужскаго Свято-Троицкаго монастыря со стороны зданія Литовской Духовной Семинаріи, находящейся въ семъ монастырѣ. 6) Православный мужской Свято-Духовъ монастырь, въ которомъ почіютъ мощи святыхъ мучениковъ Литовскихъ, чудотворцевъ Виленскихъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія, находящійся вблизи Острыхъ воротъ г. Вильны. 7) Свято-Николаевская приходская церковь въ г. Вильнѣ съ часовнею при ней во имя архистратига Михаила. 8) Памятникъ полковнику Казанскаго полка Дѣеву, убитому при Острыхъ воротахъ г. Вильны 31-го Іюля 1794 г., при усмиреніи возстанія Поляковъ,—вблизи большой дороги къ г. Ошмянамъ, на могилѣ покойнаго.

Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 руб.

Складъ изданія: у автора-издателя, въ зданіи Учительскаго Института, на Большой улицѣ, въ г. Вильнѣ.

Тамъ же можно получить книги того-же автора: «Ченстоховская чудотворная икона Богородицы въ г. Ченстохевѣ». Цѣна 40 коп. съ перес. и: «Почему въ православія крестятъ именно погруженіемъ въ воду» —10 коп. съ перес. Изображенія св. Кирилла и Меѳодія и ченстоховскаго православнаго храма ихъ—5 коп. съ перес.

Отъ редакціи.

Журналъ «**Кіевская Старина**» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Не смотря на всѣ принимаемыя редакціею мѣры относительно своевременной и исправной разсылки книжекъ журнала, въ теченіи двухъ лѣтъ бывали не рѣдкіе случаи неполученія нѣкоторыми изъ подписчиковъ той или иной, а иногда и нѣсколькихъ книжекъ; но происходило это, какъ удостовѣрилъ опытъ, кромѣ случаевъ неисправности почталіоновъ, большею частію отъ *не точнаго* и *не полнаго* обозначенія подписчиками адреса и не извѣщенія, или-же несвоевременнаго извѣщенія о перемѣнѣ онаго, при чемъ самыя заявленія о неполученіи книгъ присылаемы были спустя даже полгода и годъ.

Редакція не находитъ возможнымъ на будущее время удовлетворять всѣ безъ изъятія жалобы подписчиковъ, высылая,какъ дѣлалось доселѣ, иногда по 5 и 8 книгъ, въ замѣнъ утраченныхъ не по ея винѣ, и отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редадкіи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаемъ тщательныя рецензіи. О присылкѣ таковыхъ просимъ въ особенности галицко-русскихъ братій нашихъ, такъ какъ ихъ изданія неизвѣстны здѣсь.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под., которыхъ получается вообще очень много, просимъ, кому есть возможность, предварительно свѣрять съ существующими Сборниками, отмѣчать разности, если это будетъ только варіантъ, и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи, а въ самомъ записываніи держаться малорусскаго правописанія нашего изданія и не писать безъ твердаго знака. Тѣхъ, которыхъ сообщеніями въ этомъ родѣ мы не могли доселѣ воспользоваться, просимъ объяснять это преимущественно невозможностію для редакціи дѣлать массу справокъ и сличеній, примѣчаній и объясненій и утомительной установки правописанія, которое не рѣзало-бы глаза и слуха.

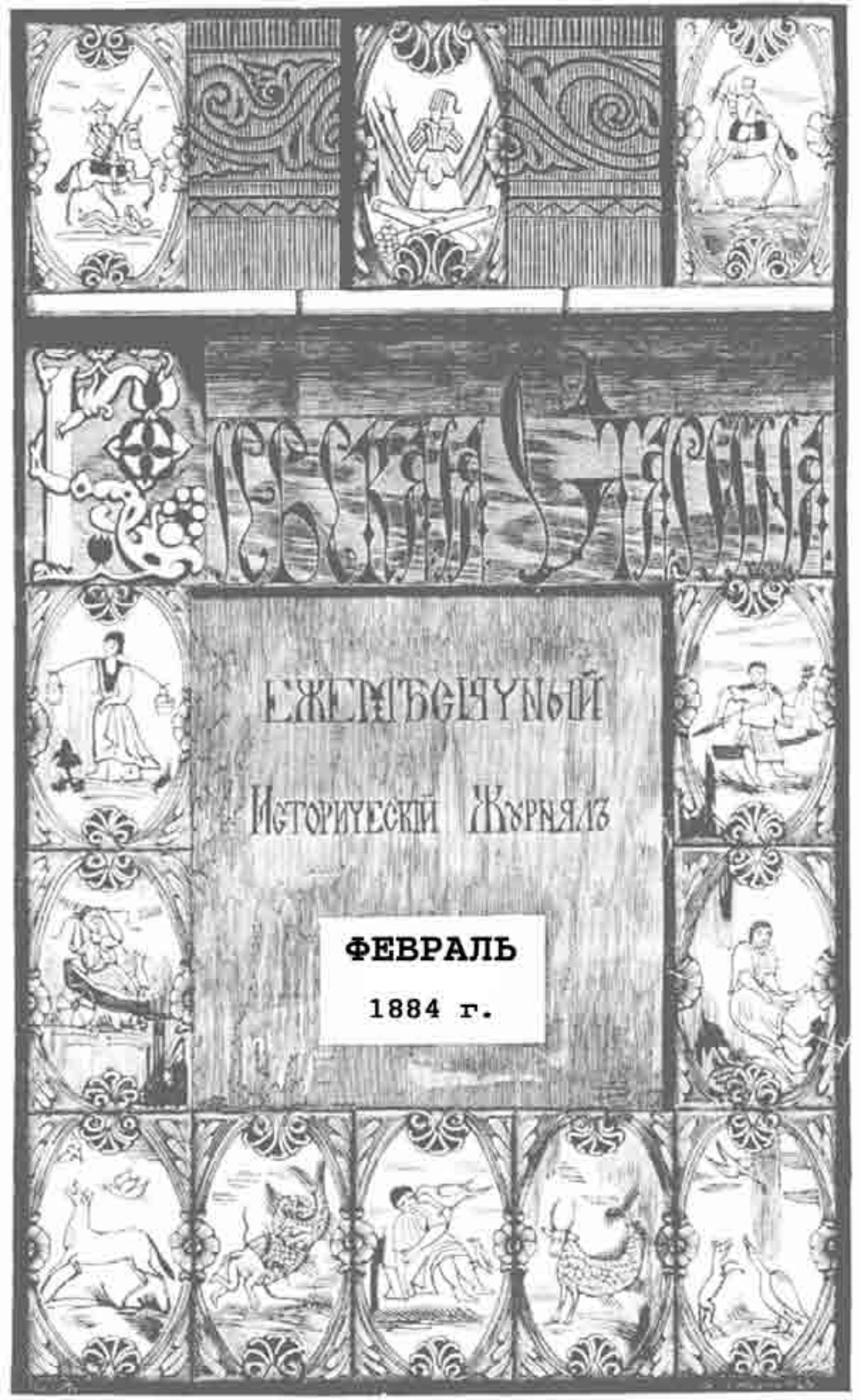
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
ФЕВРАЛЬ
1884 г.

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1884 г.

стр.

I. ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). (*Продолженіе*). **Н. Ѳ. Сумцова** 183

II. СТОРОЖЕНКИ. (Фамильная лѣтопись). **Н. В. С—ко.** 205

III. ИСТОРІЯ САМОУПРАВЛЕНІЯ У КУБАНСКИХЪ КОЗАКОВЪ. **Ф. Шербины** 223

IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая). 1821—1846 г. . 247

V. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ КЪ РЕКТОРУ КІЕВ. АКАД., АРХИМ. МЕЛЕТІЮ. Сообщ. свящ. **І. Левандовскій**. . . . 297

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) 1) Старозаимочная земля. Судебныя по искамъ объ нихъ рѣшенія. Изданіе Николая Чижевскаго. Харьковъ. 1883 г.— б) 2) Гурова и Бродскаго. Замѣтки и матеріалы по вопросу о старозаимочномъ крестьянскомъ землевладѣніи харьковской губерніи. Харьковъ. 1883 года).—*Дм. Багалѣя.*—в) Харьковскій календарь на 1884 года. Харьковъ. 1883 года.—*Б. Г.*—г) Островоротная или остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ. Историческое изслѣдованіе, съ восемью рисунками. Составилъ и издалъ Никодимъ Соколовъ. Вильна. 1883 г.—*К. Ц.* 305

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ прожитыхъ на Волыни дней.—*Н. Костомарова.*—б) Къ исторіи малорусскихъ церковно-общественныхъ нравовъ XVIII столѣтія.—*Н. С.*—в) Домашнее воспитаніе начала нашего столѣтія.—*В. Ястребова.*—г) Роковое чтеніе псалтири. (Изъ быта и нравовъ старыхъ кіевскихъ «студеевъ»).—*Кс. Цыбульскаго.*— д) П. П Чубинскій. (Некрологъ).—*А. Ѳ. Кистяковскаго.*—е) «Труды этнографическо-статистической экспедиціи» Чубинскаго въ сравненіи съ другими подобными.—*В. Г.*—ж) Не узнанная рукопись. (По поводу статьи: В. Л. Кочубей въ дек. кн. «Русской Старины» 1883 г.)— Графа *Милорадовича.*—з) Населеніе Кіева въ прошломъ столѣтіи.—*Д. Т.* 325

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

ФЕВРАЛЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го января 1883 года.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

Изд. 1883 и 1884 гг.

Въ книжкахъ „**Кіевской Старины**“ за 1882 годъ помѣщены, между прочими, слѣдующіи статьи: *Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI ст.*, проф. Вл. Б. Антоновича, *Паны Ходыки, воротилы городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI—XVII ст.*, его-же, *Уманскій сотникъ Иванъ Гонта*, его-же, *Малорусскій „Вертепъ“*, *Гр. П. Галагана*, *Поѣздка въ Бѣлую Церковь*, Н. И. Костомарова, *Матеріалы для исторіи Коліивщины* и *По поводу пѣсни XI в.*, его-же, *Южно-русскіе архіереи XVI—XVII в.*, О. Левицкаго. *Социніанство въ Польшѣ и юго-западной Руси*, его-же, *Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ*, Е. М. Крыжановскаго, *Архіерейскія печати*, К. Березы, *Люди старой Малороссіи*, (Лизогубы, Милорадовичи, Миклашевскіе и Свѣчки), М. А. Лазаревскаго, *Филиппъ Орликъ и Запорожцы*, А. А. Скальковскаго, *Ссыльные малороссіяне въ архангельскъ губ.* (1708—1802 г.), П. С. Ефименка, *Князья Ружинскіе*, И. П. Новицкаго, *Т. Г. Шевченко*, Н. М. Бѣлозерскаго, *Т. Г. Шевченко*, пр. П. Л—ва, *Къ характеристикѣ Д. Г. Бибикова и его рѣчь къ дворянству юго-зап. края*, *Разговоръ Великороссіи съ Малороссіею*, съ изслѣд. проф. Н. И. Петрова, *Украинская деревня* (историко-бытовые очерки) N, *Главнѣйшіе моменты землевладѣнія въ б. Слободской Украйнѣ*, А. Я. Шиманова, *Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ*, П. И. Житецкаго, *Матеріалы для исторіи кіев. академіи*, съ предисловіемъ Л. С. Маніѣевича, *Дневникъ Освѣщима* (о войнахъ Хмельницкаго), съ предисловіемъ В. Б. Антоновича, *Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи въ Украйнѣ 1768 г.*, съ объяснит. статьею, *Альбомъ М. А. Максимовича*, С. И. Пономарева и проч.

Къ вышедшимъ книжкамъ даны слѣд. приложенія: *Картина гетманскаго достоинства съ изображеніемъ Хмельницкаго* (фотограф. снимокъ съ оригинала XVII в.), *Кіевская академія и ея сту-*

денты (фототипный снимокъ съ гравюры конца XVII ст.), *Портретъ митр. кіев. Петра Могилы, Портретъ сотника Саввы Туптала, Ноты къ вертепной драмѣ, Рисунокъ вертепнаго ящика и Портретъ сотника И. Гонты.*

Въ 1883 году въ „**Кіевской Старинѣ**“ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе* (хроника нач. XVIII ст.), Н. И. Костомарова. *Печерскіе антики*, Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь*, Ѳ. Кондратовича, *Анна-Алоиза кн. Острожская*, О. И. Левицкаго, *Анонимныя Записки о волынской революціи нач. XIX в., Записки барскаго конфедерата Карла Хоецкаго, Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому*, Его же 8-мъ писемъ къ разнымъ лицамъ, *Письма Н. В. Гоголя къ В. В. Тарновскому, Письма С. Т. Аксакова, Гр. Квитки и др. къ М. А. Максимовичу, Допросъ Гр. Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы, Двѣ интермедіи 1619 года, Прошеніе гетм. К. Разумовскаго и малоросс. шляхетства о возстановленіи привилегій Малороссіи, Судъ надъ вѣдьмами*, П. С. Ефименка, *Неизвѣстный доселѣ гетманъ*, Вл. Б. Антоновича, *Судьба одного галицко-русскаго ученаго, Я. Г., Изъ архива Забѣлы и Галагановскій архивъ*, съ пред. А. М. Лазаревскаго, *Румянцевская Опись*, Д. И. Багалѣя, *Займанщина въ Украйнѣ XVII и XVIII ст.*, его-же, *Второбрачіе южнорусскихъ священниковъ XVIII ст.*, С. Ц., *Куплетныя формы народной южнорусской пѣсни*, Ц. Г. Неймана, *Смѣна народностей въ Россіи*, Ир. Житецкаго, *Украинскія женщины XVI и XVII ст.*, Д-ра А. І., *Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи 1768 г., съ объяснительною статьею*, и проч.

Сверхъ того. въ числѣ приложеній даны: портреты кн. Константина Острожскаго и его жены Софіи, жены Гонты и живущаго доселѣ запорожца А. Коломыйца.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1863 гг. могутъ быть пріобрѣтены по 8 р. 50 к. на мѣстѣ и по 10 р. съ пересылкою.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й*. Тамъ-же и контора редакціи.

ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1]).

Іоаннъ Вишенскій въ посланіи своемъ къ князю Константину Константиновичу Острожскому и ко всѣмъ православнымъ совѣтуетъ духовенству, по окончаніи литургіи, то, что читалось во время литургіи изъ Апостола и Евангелія на церковно-славянскомъ языкѣ, объяснять народу простымъ, русскимъ языкомъ. Трудно сказать, насколько обычны были въ Малороссіи въ началѣ XVII ст. подобнаго рода толкованія смысла и значенія отдѣльныхъ мѣстъ евангелія. Врядъ-ли эти толкованія были часты и повсемѣстны. Высшее духовенство жило слишкомъ роскошно и эгоистично, слишкомъ аристократично, чтобы заботиться о нравственномъ преуспѣяніи простаго народа. Низшее духовенство было слишкомъ невѣжественно, чтобы пускаться въ толкованія и объясненія евангелія. Князь Константинъ Острожскій въ посланіи къ Ипатію Потѣю 1593 г. жаловался на „грубьянство“ пресвитеровъ. „А не отъ чего иншого размножилось межи людьми такое лѣнивство, оспалство и отступленіе отъ вѣры, писалъ онъ, яко набольшей отъ того, нжъ устали учители, устали проповѣдачи слова Божого, устали казанья... Для цвиченья духовнымъ пильно потреба, же быхмо имѣли ученые пресвитеры, казнодѣи добрые; бо за тымъ, нжъ наукъ нѣтъ, великое грубьянство въ нашихъ духовныхъ умножилось“ [2]).

---

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., янв. кн., стр. 1—21.

[2]) Акты Запад. Россіи. IV. 65.

Въ началѣ XVII ст. въ Малороссіи начало быстро развиваться проповѣдничество, въ силу необходимости ученой и литературной борьбы съ латино-уніатами. Южно-русская проповѣдь развивалась подъ прямымъ вліяніемъ западно-европейской и польской латинской проповѣди, на что имѣется весьма цѣнное указаніе въ „Экзетезисѣ“ (1629 г.) Мелетія Смотрицкаго. „Цѣлуй Бессія, говоритъ онъ, обращаясь къ православному проповѣднику, который научаетъ тебя произносить съ каѳедры. Хорошо мнѣ извѣстно, что безъ него скрипѣли-бы твои колеса, какъ у возницы безъ мазницы. Одинъ на каѳедру съ Оссоріемъ, другой съ Фабриціемъ, третій съ Скаргою, а иные и съ другими проповѣдниками римской церкви, безъ которыхъ вы ни шагу, а все таки, по вашему, эти наставники еретики, вы-же, которые не можете безъ нихъ имѣть собственныхъ проповѣдей,—вы православные! У васъ все хвастовство, а не дѣло; въ цѣлой русской землѣ, такой обширной, не имѣете и трехъ ученыхъ, а между тѣмъ хвалитесь, что ихъ тысячи... Школы—это житницы церкви; онѣ обогащаютъ города, мѣстечки и селенія мудрыми людьми, знающими дьяками, ловкими духовниками, учеными проповѣдниками. Безъ школъ церковь, какъ будто безъ души; а этого добра по всей вашей странѣ Господь Богъ не соизволяетъ... Говорите: о, проклятая, проклятая унія! А давно-ли говорили: о, проклятая проповѣдь! о, проклятое искусное пѣніе! Однако потомъ, когда все это переняли, то считаете добромъ“...

Въ XVII ст. польская проповѣдническая литература была обширна. Мацѣевскій насчитываетъ 122 проповѣдника, изъ которыхъ только двое было талантливыхъ и оригинальныхъ по языку и содержанію проповѣдей, Скарга и Бирковскій. Отличительными чертами польской проповѣди XVII ст. были: многословіе, пустословіе, заимствованія изъ древнихъ классическихъ писателей: Овидія, Виргилія, Плинія и другихъ, приведеніе именъ языческихъ боговъ и героевъ, крайне натянутыя сравненія и сближенія, напримѣръ сравненіе Бога съ крылатымъ пѣтухомъ, вставка свѣдѣній по астрологіи, геральдикѣ, ботаникѣ, архитектурѣ, неумѣстные каламбуры и шутки [1]).

---

[1]) Maciejowski, Pism. polkie, II. 550, 554—556.

Внѣшняя форма проповѣди, ея составъ, типъ проповѣдника въ Малороссіи выработались въ десятыхъ годахъ XVII ст. На проповѣдяхъ Леонтія Карповича († 1620) и Захаріи Копыстенскаго († 1627) уже лежитъ печать польскихъ схоластическихъ проповѣдей. Галятовскій въ половинѣ XVII ст. окончательно установилъ и укрѣпилъ схоластическую проповѣдь въ Малороссіи своимъ „Ключемъ Разумѣнія". Приложенная къ „Ключу" „Наука албо способъ зложеня казаня" представляетъ первый въ Россіи учебникъ гомилетики, по которому въ теченіи многихъ десятилѣтій духовныя лица учились искусству слагать проповѣди.

„Ключъ разумѣнія" имѣлъ три изданія: 1659, 1660 и 1665 г. Въ старое время это была весьма распространенная книга въ Малороссіи. Въ настоящее время „Ключъ" сохраняется только въ старинныхъ семинарскихъ библіотекахъ; встрѣчается онъ иногда и въ сельскихъ церквахъ [1]). Въ „Ключѣ" 1659 и 1660 г. (кіевск. изд.) находятся: а) предмова до священниковъ, законныхъ и свѣтскихъ (монашествующихъ и бѣлыхъ), б) „казаня" на разные праздничные дни, в) „казаня приданыи"—14 поученій, г) „наука албо способъ сложеня казаня" и д) „чуда пречистыя Богородицы нѣкоторыи зъ разныхъ авторовъ зобраныи". Во львовскомъ изданіи 1665 г. въ началѣ книги прибавлена посвятительная предмова львовскому епископу Арсенію Желиборскому.

Почти всѣ сочиненія Галятовскаго посвящены сильнымъ міра: „Мессія" царю Алексѣю Михайловичу, „Боги поганскіе" царевнѣ Софьѣ, „Лебедь" и „Алфавитъ" гетману Самойловичу, „Софія" кіевскому митрополиту Гедеону Четвертинскому, „Старый костелъ" архіепископу Лазарю Барановичу, „Ключъ" епископу Желиборскому. Обыкновеніе посвящать книги знатнымъ лицамъ и расхваливать ихъ гербы было весьма распространено въ Польшѣ; оно удовлетворяло господствовавшей среди поляковъ наклонности хвастать старожитностью и благородствомъ происхожденія. Развитію гербоваго панегиризма весьма содѣйствовали іезуиты, хорошо понимавшіе, что въ сердцѣ человѣческомъ для лести всегда найдется уголокъ. Они цѣлыя полтораста лѣтъ „наполняли Польшу дымомъ отъ сожигаемаго передъ панами и ихъ клейнодами ѳиміама". Стихотворное

---

[1]) Филаретъ, Историко-стат. опис. харьк. епархіи. II, 312; III, 248; IV, 231.

прославленіе гербовъ въ Польшѣ было частичнымъ проявленіемъ всеобщаго виршеплетства. Въ Польшѣ въ XVII ст. всѣ, отъ короля до мѣщанина, писали стихи [1]). Крупная литовско-русская аристократія получила клейноды въ XV ст.; мелкое дворянство въ 1569 г., по люблинской уніи [2]). Православные писатели шли по слѣдамъ іезуитовъ. Они усердно хвалили пановъ, но только пановъ греко-восточнаго вѣроисповѣданія. Панегирическое виршеплетство тѣмъ легче привилось къ кіевскимъ ученымъ, что они надлежащую къ нему подготовку получали въ поэтическомъ и риторическомъ классахъ коллегіи. Панегирическое виршеплетство доставляло православнымъ писателямъ извѣстныя практическія выгоды: покровительство со стороны сильныхъ пановъ, денежныя награды, маетности.

Петръ Могила старательно поддерживалъ гербовый панегиризмъ. Такъ, въ Евангеліи, изданномъ въ 1636 г. и посвященномъ Ѳедору Проскурѣ-Сущанскому, Петръ Могила увѣрялъ, что гербъ данъ Сущанскому при князѣ Святославѣ Ярославичѣ въ 1059 г. Прозваніе Проскура Петръ Могила объяснялъ тѣмъ, что нѣкогда Сущанскій съѣлъ просфору, которую ему велѣла отнести въ дворецъ изъ церкви греческая царевна Анна, вышедшая замужъ за Владиміра I. Въ „Мовѣ духовной“ Петра Могилы находится изображеніе герба Радзивилловъ и стихи въ честь этого герба [3]). Самъ себя Петръ Могила производилъ отъ Муція Сцеволы. Воспитанники коллегіи усердно прославляли сложный гербъ Могилъ, напр., въ „Мнемозинѣ“ 1633 г. Со времени Петра Могилы въ южно-русской литературѣ твердо установилось прославленіе панскихъ гербовъ, даже въ чисто церковныхъ книгахъ. Такъ въ Апостолѣ 1654 г. и въ „Тріоди постной“ 1664 г. находятся вирши на гербъ Желиборскихъ [4]). Типичнымъ виршеплетомъ-панегиристомъ во второй половинѣ XVII в. былъ Лазарь Барановичъ. Всѣ свои сочиненія онъ посвятилъ московскимъ царямъ и царевичамъ, съ обширнымъ вос-

---

[1]) Kubala, Szkice historyczne. Lwow. 1880. II. 310.

[2]) Голубевъ, Опис. и истолк. двор. гербовъ. (Тр. кіев. д. ак. 1872 г.).

[3]) Пекарскій, Кіевск. ученые (Отеч. Зап. 1862. II. 580, 592).

[4]) Радосскій, Къ истор. слав.-рус. библіографіи. (Христ. Чтеніе 1881 г., іюль—августъ).

хваленіемъ царскаго герба. Въ 1671 г. онъ издалъ курьезную „Лютню Аполлинову“, объемистую книжку (въ 542 стран.), состоящую исключительно изъ виршей. Тутъ есть вирши во славу Іисуса Христа, Богоматери, ангеловъ, святыхъ, отцовъ церкви, добродѣтелей, солнца, мѣсяца, звѣздъ, молитвы, вирши о звѣряхъ, плодахъ древесныхъ, порокахъ, болѣзняхъ, славѣ, наукѣ, трудѣ и т. д. Всѣ эти вирши—сплошное пустословіе, что видно уже изъ однихъ заглавій, напримѣръ:

Nad wszystkie wodki
Jezus jest słodki (стр. 55).

—

Bespieczna ta noga,
Gdy biega do Boga (стр. 113).

—

Dobra ta noga
Co szuka Boga (стр. 118).

—

Idy noga do Boga (стр. 135)[1]).

Галятовскій относительно гербоваго панегиризма шелъ въ рядъ съ современными ему писателями. Нужно отмѣтить ту особенность Галятовскаго, что онъ почти совсѣмъ не писалъ виршей.

„Наука о сложеніи казаній“ изложена коротко, просто и ясно. Предусмотрѣно и объяснено все существенное въ проповѣдничествѣ, выборъ темы, раздѣленіе проповѣди на части и какъ заинтересовать слушателей. „Науку“ Галятовскаго можно изложить въ короткихъ словахъ, по причинѣ ея достаточной извѣстности. Тема для казанья берется изъ святаго писанія. Въ казаньѣ должно быть три части 1), экзордіумъ, или приступъ, въ которомъ проповѣдникъ „ознаймуетъ людямъ пропозицію свою, постановлене умыслу своего, що умыслилъ на казаню мовити“, 2) наррація, или самая проповѣдь, гдѣ казнодѣя объясняетъ то, что въ экзордіумѣ обѣщалъ объяснить, и 3) конклюзія, или заключеніе. Всѣ три части должны быть тѣсно связаны между собою и строго согласованы съ темою. Другой способъ составленія проповѣди состоитъ въ томъ, что въ наррацiи тема

[1]) «Lutnia Apollinowa». Мы пользовались экземпл., находящимся въ библ. харьк. духов. семинаріи.

раздѣляется на части, и каждая часть разбирается отдѣльно. Въ воскресные дни удобно говорить проповѣдь о смиреніи, милостыни, постѣ, или о какомъ-нибудь порокѣ, напр. пьянствѣ, развратѣ и т. п.; въ дни праздничные проповѣдь можетъ состоять въ похвалѣ того святого, котораго празднуютъ, въ объясненіи его дѣлъ и добродѣтелей. Чтобы возбудить вниманіе слушателей, Галятовскій совѣтуетъ проповѣднику „обѣщати якую новую речь показати, которои они не видѣли и не чували“, или прибѣгнуть къ толкованію значенія имени святаго, напримѣръ имени св. Владиміра, св. Христофора, св. Николая. Проповѣдникъ долженъ заботиться о томъ, чтобы его казанье для всѣхъ было понятно, чтобы въ казанье не прокрались мнѣнія, несогласныя съ ученіемъ православной церкви и, наконецъ, чтобы проводимое въ казанье нравственное наставленіе было укрѣплено на назидательныхъ и убѣдительныхъ доказательствахъ, примѣрахъ, сравненіяхъ или уподобленіяхъ. Относительно фактическаго содержанія Галятовскій не стѣсняетъ проповѣдника. Содержаніе, по его словамъ, можетъ быть взято изъ св. писанія, твореній св. отцовъ, житій святыхъ, изъ сочиненій по исторіи и по естествовѣдѣнію, наконецъ, изъ „розмаитыхъ казнодѣевъ теперешняго вѣку“.

Въ добавленіе къ „Наукѣ о сложеніи казаній“ Галятовскій присоединилъ наставленіе, какъ сочинять погребальныя рѣчи: взять тему изъ святого писанія, въ экзордіумѣ сказать о неизвѣстности смерти, о краткости жизни человѣческой, въ нарраціи изложить о добродѣтеляхъ покойнаго, при благопріятномъ случаѣ указать на его родовитость и старожитность, объяснить его гербъ, объяснить иносказательно значеніе его имени или фамиліи (напр. Браницкій—боронилъ отчизну, Любомирскій—любилъ миръ и т. д.), принять во вниманіе лѣта, въ которыя скончался, мѣсто, гдѣ погребается, и, наконецъ, въ конклюзіи пригласить родственниковъ умершаго молитвами и милостыней содѣйствовать успокоенію его души.

„Конецъ чинячи тоеи моеи працы, говоритъ Галятовскій въ концѣ своей „Науки о сложеніи казаній“, даю тебѣ такую раду: читай книги и що хорошее вычитаешь, нотуй себѣ и до своего казанья апликуй; до того уважай,—кто? що чинилъ? на якимъ мѣсцѣ? зъ кимъ? для чого? якимъ способомъ? которого часу? Если книги будешь читати и часто казаня повѣдати, до того если тыи циркумстанціи, околичности будешь уважати и концепты зъ нихъ

чинити, латво въ недѣлю, и въ свято, и на погребѣ и на иншихъ оказіяхъ казане учинишь".

Галятовскій въ „Наукѣ" отмѣтилъ двѣ такія стороны проповѣдничества, которыя имѣли мѣсто ранѣе, а ко времени появленія въ свѣтъ „Ключа разумѣнія" считались уже устарѣвшими. „Можетъ часомъ, говоритъ Галятовскій, казане быти и безъ ѳемы". „Если схочешь, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, можешь повѣдати казане любо въ недѣлю, любо въ свято, толкуючи евангеліе, которое читано было на службѣ Божіей",—и въ обоихъ случаяхъ прибавляетъ: „але того стилю казнодѣи теперешняго часу мало заживаютъ".

„Наука зложеня казаня" сопровождается 46 проповѣдями: 32 основными и 14 дополнительными. Проповѣди составляютъ практическое выраженіе правилъ, изложенныхъ въ „Наукѣ", и служатъ нагляднымъ ихъ разъясненіемъ.

Натянутость и искусственность въ проповѣдяхъ Галятовскаго начинаются съ приступа, или экзордіума. На первыхъ-же порахъ Галятовскій старается поразить своихъ слушателей какой-нибудь неожиданностью. Поставленное въ началѣ казанья изреченіе изъ св. писанія подвергается самымъ произвольнымъ объясненіямъ. Слѣдуя примѣру схоластическихъ католическихъ проповѣдниковъ, Галятовскій постоянно отыскиваетъ въ св. писаніи что-нибудь замысловатое. „Всѣ эти болтуны, которыхъ зовутъ казнодѣями, говоритъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, равно какъ и толкователи крайне обезображиваютъ св. писаніе для того только, чтобы вывести изъ него самыя нелѣпыя аллегоріи, даже изъ такихъ текстовъ, которые они въ другомъ случаѣ сами-же учатъ понимать просто и буквально. Во всякомъ текстѣ они усиливаются найти 3 или 4 смысла" [1]). И Галятовскій сильно злоупотреблялъ „смыслами" св. писанія. Въ первомъ казаньѣ на Воскресеніе Господне Галятовскій говоритъ, что въ св. писаніи есть четвероякій смыслъ: литеральный, моральный, аллегоричный и анагогичный, и ссылается при этомъ на Корнелія а Ляпиде и Беллярмина. „Литеральный сенсъ, по словамъ нашего проповѣдника, належитъ до исторіи самой; моральный належитъ до обычаевъ добрыхъ, которые повинна душа наша захо-

---

[1]) Мацѣевичъ, «Труды к. дух. ак.» 1871. IV. 214.

вати, и до злыхъ, которые душа повинна избѣгать; аллегоричный належитъ до церкви воюючей, которая находится на землѣ, а анагогичный—до церкви торжественной, находящейся на небѣ". Признавая въ св. писаніи столько разнообразныхъ смысловъ, Галятовскій не затрудняется толковать отдѣльныя библейскія фразы и слова, какъ ему заблагоразсудится, подставляя лишь то тотъ, то другой смыслъ. Напримѣръ, слово Іерусалимъ въ литеральномъ смыслѣ означаетъ извѣстный городъ, въ моральномъ—благочестивую душу, въ аллегорическомъ—воюющую церковь на землѣ и въ анагогическомъ церковь побѣдоносную на небѣ. Нѣтъ надобности объяснять, насколько эти смыслы были удобны для схоластическихъ казнодѣевъ и полемистовъ. Посредствомъ того или другаго смысла легко можно было устранить всякое возраженіе и доказать все, что угодно, даже то, о чемъ св. писаніе вовсе не говоритъ.

Любопытной чертой Галятовскаго, какъ проповѣдника, служитъ свободное проникновеніе въ планы и намѣренія Божіи. Галятовскій съ увѣренностью говоритъ, почему Богъ въ томъ или другомъ случаѣ поступилъ такъ, а не иначе, и самая проповѣдь подчасъ представляется какъ-бы адвокатской рѣчью въ защиту дѣла Господня.

Въ проповѣдяхъ Галятовскаго бросаются въ глаза схоластическія цифровыя дѣленія: во первыхъ, во вторыхъ и т. д. Эти дѣленія придаютъ казанью опредѣленную, правда, весьма искусственную цѣльность и единство. Въ казаньяхъ Галятовскаго встрѣчается еще весьма странное дѣленіе понятій. Напримѣръ, въ первомъ казаньѣ на Благовѣщеніе пресвятыя Богородицы: „троякая есть честь: лятрія—Богу, дулія—святымъ и гипердулія—Христу, какъ человѣку. Богу надлежитъ лятрія и гипердулія; пресвятой Дѣвѣ—гипердулія"; во второмъ казаньѣ на Благовѣщеніе пресвятой Богородицы: „троякая награда святымъ уготована: авра, аврола и пальма"; во второмъ казаньѣ на день св. Николая говорится, что мудрость бываетъ сотворенная и несотворенная; несотворенная мудрость раздѣляется на естественную и персональную". Всѣ эти дѣленія отзываются безжизненной, сухой школой. Эти пустяки вошли въ старинную кіевскую науку и литературу, какъ нѣчто важное, занимали мысль лучшихъ людей эпохи, такихъ людей, которые при свѣтлыхъ и чистыхъ условіяхъ школьнаго образованія, могли-бы внести здоровые элементы въ науку и въ жизнь.

Подобно польскимъ проповѣдникамъ XVII в., Галятовскій охотно приводитъ примѣры изъ греческой и римской исторіи. Ипатій Потѣй, писавшій проповѣди на полъ-вѣка ранѣе Галятовскаго, также имѣлъ наклонность вставлять въ проповѣди имена Октавіана Августа, Марка Аврелія и проч. [1]).

Проповѣди Галятовскаго принадлежатъ къ разряду догматическихъ. Въ нихъ идетъ рѣчь о св. Тройцѣ, воплощеніи Христа и проч. т. п. Въ казаньѣ на Богоявленіе, въ которомъ объясняется матерія, форма и польза каждаго таинства, между прочимъ, говорится, что пресуществленіе св. даровъ происходитъ въ то время, когда священникъ произноситъ слова: *пріймите, ядите* и проч. Какъ извѣстно, это ученіе, сходное съ католическимъ, раздѣляли и другіе западно-русскіе ученые, какъ Симеонъ Полоцкій, Лазарь Барановичъ, Иннокентій Гизель. Замѣчательно, что Галятовскій въ „Мессіи", въ изъясненіи 48 пророчества говоритъ, что св. дары пресуществляются при словахъ священника: *сотвори убо хлѣбъ сей* и проч., и въ этомъ случаѣ онъ высказываетъ то мнѣніе о времени пресуществленія св. даровъ, которое господствовало въ то время на Москвѣ. Извѣстно, что въ Москвѣ былъ споръ о времени пресуществленія св. даровъ между Полоцкимъ и Славинецкимъ, позднѣе между ихъ учениками, Сильвестромъ Медвѣдевымъ, авторомъ „Манны", и инокомъ Евфиміемъ, которому приписываютъ „Остенъ",—споръ, перешедшій въ общество. По этому поводу толковали „въ схожденіяхъ, въ собесѣдованіяхъ, на пиршествахъ, на торжищахъ и гдѣ любо случится кто другъ съ другомъ, въ яковомъ любо мѣстѣ, временно или безвременно, у мужей и женъ" [2]). Какъ извѣстно, православное толкованіе Славинецкаго, поддержанное патріархомъ Іоакимомъ, взяло верхъ. Галятовскій сначала слѣдовалъ мнѣнію своего наставника Барановича, потомъ, сблизившись съ московскимъ правительствомъ, принялъ господствовавшее въ Москвѣ мнѣніе о времени пресуществленія св. даровъ.

Нравственно назидательный элементъ въ проповѣдяхъ Галятовскаго весьма незначителенъ. Мѣстами разбросаны нравственныя наставленія общаго свойства, не представляющія интереса для

---

[1]) Трипольскій, «Труды кіев. дух. акад.» 1877 г. XII. 616.

[2]) Остенъ, стр. 115.

изслѣдователя религіозно-нравственнаго состоянія южно-русскаго общества XVII в. Любопытны попадающіяся въ двухъ-трехъ мѣстахъ наставленіл о выкупѣ плѣнныхъ изъ турецкой неволи, о заведеніи шпиталей и обличенія солдатъ въ томъ, что они „людемъ кривду чинятъ, шарпаютъ чужи добра и маетности пустошатъ“, наставленія и обличенія, отзывающіяся бытовой жизнью.

По разбросаннымъ въ „Ключѣ“ замѣткамъ о небесныхъ свѣтилахъ, громѣ, землетрясеніи, звѣряхъ, растеніяхъ, камняхъ, свойствахъ человѣческой природы можно судить о реальныхъ знаніяхъ кіевскихъ ученыхъ вообще, Галятовскаго въ частности.

Во второмъ казаньѣ на Благовѣщеніе пресвятой Богородицы находятся замѣчанія объ одиннадцати небесахъ, именно: 1) небо, на которомъ находится мѣсяцъ, даетъ человѣку ростъ; 2) небо, на которомъ находится Меркурій, доставляетъ людямъ краснорѣчіе; 3) небо Венеры дѣлаетъ людей милосердными; 4) небо солнца даетъ разумъ и чувства; 5) небо Марса—храбрость; 6) небо Юпитера—силу; 7) неба Сатурна—подвижность; на 8) небѣ, тверди, находятся звѣзды; 9) прозрачное хрустальное небо; 10) „перше рушаючееся, повертается и другія небеса обращаетъ“, и 11) небо эмпирейское, гдѣ находится тронъ Божій.

Во второмъ казаньѣ на Успеніе пресвятой Богородицы насчитано 12 звѣздъ: Фосфорусъ (Денница), Гесперусъ (Вечерняя звѣзда), Арктосъ (Небесный Возъ), Оріонъ (Коса), Офіухусъ (Ужа держачій), Нодусъ целестіусъ, Комета (предсказываетъ паденіе царства), Спѣка (колосъ, даетъ урожай), Лира, Амалтея, Кассіонея и Андромеда.

Во второмъ казаньѣ на св. ап. Петра и Павла затмѣніе солнца и луны объясняется по Корнелію а Ляпиде научнымъ образомъ. „Гды мѣсяцъ сближится до солнца, говоритъ Галятовскій, и подъ него подойдетъ, такъ-же станетъ межи солнцемъ и землею, на той часъ солнце тмится, бо мѣсяцъ, подышовши подъ солнце, не допущаетъ променямъ солнечнымъ землю освѣтити, и для того на земли темности знайдуются... Мѣсяцъ тмится, гды земля станетъ межи мѣсяцемъ и солнцемъ, бо отъ землѣ тѣнь походитъ и мѣсяцъ затемняетъ, а променѣ солнечныи для землѣ не могутъ пріити до мѣсяца и его освѣтити“. Это объясненіе повторено въ „Мессіи“, въ изъясненіи 38 пророчества.

Въ казаньѣ на Воскресеніе Господне встрѣчаемъ весьма любопытныя народныя примѣты о мѣсяцѣ. „Мѣсяцъ гды есть блѣдный, значитъ, же будетъ дождь, гды есть червоный, значитъ же будетъ вѣтеръ, гды есть бѣлый, значитъ же будетъ погода“.

Въ проповѣди на Сошествіе св. Духа находится объясненіе происхожденія грозы. „Въ оболоку родятся блискавицы, громы и перуны, бо гды сухую и теплую ексгаляцію, пару, вѣльготный и зимній вколо оболокъ оточитъ, на той часъ ексгаляція, пара сухая, шукаючи мѣстца, которымъ бы могла выйти изъ оболока собѣ противнаго, стирается з оболокомъ и справуетъ громы; потымъ ся тая ексгаляція, пара сухая, запаляетъ и справуетъ блискавицы; на остатокъ тая-жъ ексгаляція, пара сухая, гды запалившися на землю з оболока выпадаетъ, на той часъ перенумъ стается“ [1]). Въ той-же проповѣди происхожденіе облаковъ объясняется такимъ образомъ: „пара вѣльготная, котрая выходитъ зъ воды, подносится на повѣтре, и тамъ въ оболокъ вѣльготный и воднистый обертается, о чемъ Псалмиста мовитъ: „темна вода во облацехъ воздушныхъ“; потомъ тый оболокъ въ дождь обертается и на землю спадаетъ“.

Въ казаньѣ на св. Николая говорится о происхожденіи вѣтра: „якъ ся вѣтры родятъ и отколь походятъ, розмаитые люде розмаите разумѣютъ; едны мовятъ, же вѣтры походятъ зъ земли, гды една часть повѣтря въ яскини подземныи заходитъ, а другая часть повѣтря зъ яскинь подземныхъ выходитъ, на той часъ тыи двѣ части повѣтря рушаются и зъ собою стираются и съ того порушенія стается вѣтеръ (далѣе слѣдуетъ сближеніе земли съ лѣнивыми людьми). Другіи повѣдаютъ, же вѣтры походятъ зъ моря, гды отнога морская полудневая зъ отногою морскою полуношною зыйдутся на всходѣ, на той часъ рушаются и зъ собою стираются, и съ того порушеня морского стается вѣтеръ (далѣе слѣдуетъ сравненіе моря съ сердитыми людьми). Иншіи повѣдаютъ, же вѣтры походятъ зъ оболока, гды оболоки рушаются и ходятъ на повѣтру, на той часъ порушаютъ повѣтре и с того порушеня стается вѣтеръ (далѣе сравненіе гордыхъ людей съ облаками). Астроліогове повѣдаютъ, же вѣтры отъ планетъ походятъ, отъ Сатурна, отъ Іовиша, отъ Меркуріуша, отъ Марса и отъ иншихъ, бо тыи планеты розмаитымъ

---

[1]) Объясненіе взято изъ Плинія.

своимъ порушеніемъ и розмаитыми оборотами розмаитыи вѣтры справуютъ (далѣе люди непостоянные въ вѣрѣ и благочестіи сравниваются съ планетами). Ѳеоліогове зась повѣдаютъ, же вѣтеръ ангели справуютъ, бо видѣлъ св. Іоаннъ Богословъ въ обявеню чотирохъ ангеловъ, стоячихъ на чтырехъ углехъ земли и держащихъ четыри вѣтры земныи, жебы вѣтеръ не дыхалъ ни на землю, ни на море, ни на дерева („ангелами называются пустынники и дѣвственники, патріархове и епископове“ и проч.). Галятовскій не отдаетъ предпочтенія какому нибудь одному мнѣнію; ко всѣмъ мнѣніямъ онъ относится одинаково равнодушно и пользуется ими, какъ вообще всѣми своими реальными познаніями, какъ матеріаломъ для казанья, своего рода циркумстанціей, или подходящей къ слову околичностью.

Въ казаньѣ на Сошествіе св. Духа Галятовскій причиной землетрясенія считаетъ вѣтеръ. „Вѣтеръ маетъ такую моцъ, же трясетъ землею, бо гды зайдетъ вѣтеръ въ яскини и печеры земныи, а потымъ хочетъ выйти, и не знайдетъ мѣстца, которымъ-бы моглъ изъ яскинь подземныхъ выйти на верхъ, на той часъ вѣтеръ ходитъ зъ великимъ импетомъ по печерахъ земныхъ, шукаючи мѣстца, которымъ-бы моглъ изъ земли на верхъ выйти и отъ того вѣтренего импету и порушеня земля рушается и трясется“.

Во второмъ казаньѣ на Покровъ пресвятой Богородицы изложены свѣдѣнія о разныхъ птицахъ, свѣдѣнія, очевидно, почерпнутыя изъ средневѣковыхъ физіологовъ. Говорится о грифѣ, спереди похожемъ на орла, а сзади на льва, о лебедѣ, который жалобно поетъ передъ своей смертью, о журавлѣ, который, оберегая журавлиную стаю, стоитъ на одной ногѣ, а другой держитъ камень (если задремаетъ, выпуститъ камень и пробудится), о ботянѣ, который кормитъ своихъ престарѣлыхъ родителей, о фениксѣ, воскресающемъ изъ мертвыхъ, о ласточкѣ, которая нашла траву хелидонію и ею открываетъ слѣпые глаза у своихъ дѣтей, о моноцодіатѣ, которая не имѣетъ ногъ, никогда не садится на землю, а живетъ на вѣтвяхъ дерева, прикрѣпившись къ нимъ двумя жилками, выходящими изъ спиннаго хребта, объ алціонѣ, который вьетъ гнѣздо на морѣ и, плавая въ свитомъ гнѣздѣ, выводитъ птенцовъ, о весьма чистоплотной египетской птицѣ порфиріонѣ, которая не ѣстъ и умираетъ, если въ томъ домѣ, гдѣ она поселилась, совершилось чужеложство

и, наконецъ, о харадріѣ, который знаетъ, умретъ-ли больной человѣкъ или останется живымъ, и въ первомъ случаѣ печально поетъ. Подобнаго рода фантастическія животныя встрѣчаются и у другихъ духовныхъ писателей XVII в., польскихъ и русскихъ, напримѣръ въ словахъ Епифанія Славинецкаго [1]) и у польскаго проповѣдника Бирковскаго.

Въ казаньѣ на св. Николая изложены свойства и особенности нѣкоторыхъ цвѣтовъ. „Лилѣя межи всѣми квѣтами есть паномъ и першее мѣстце маетъ"... „Рута ужовъ звитяжаетъ, боятся еи ужи и утѣкаютъ отъ неи"... „Геліотропіонъ значитъ послушенство, завше схиляется до солнца и ему конфирмуется; гды солнце на всходѣ и оно на всходѣ; гды солнце на заходѣ, и оно на заходѣ, гды солнце на полудню, и оно на полудню". Подобнаго рода разсказы о растеніяхъ встрѣчаются изрѣдка у Епифанія Славинецкаго. Такъ, въ словѣ на текстъ: „аще кто хощетъ по Мнѣ ити" упоминается о деревѣ „лотосѣ", которое растетъ въ Ливіи; всякій, вкусившій отъ него, забываетъ о своемъ отечествѣ [2]). Разсказы о чудесныхъ деревьяхъ и травахъ встрѣчаются также у польскихъ проповѣдниковъ XVII в., напримѣръ, Сарбѣвскаго.

Во второмъ казаньѣ на Преображеніе Господне Галятовскій говоритъ, что „солнце маетъ такую моцъ, же справуетъ въ землѣ золото, срѣбро, цѣнь, мѣдь, желѣзо, олово и иншіи крушци, бо тепло солнечное проходитъ презъ пары земныи и во внутренностяхъ земныхъ крушци справуетъ".

Во второмъ казаньѣ на Срѣтеніе Господне объяснены чудесныя свойства разныхъ камней: карбунсулъ свѣтитъ въ темнотѣ, шафиръ улучшаетъ зрѣніе, хризолитъ отгоняетъ меланхолію, берилъ дѣлаетъ человѣка храбрымъ, агатъ предохраняетъ отъ укушенія змѣи, аметистъ избавляетъ отъ пьянства, магнитъ притягиваетъ желѣзо, можетъ извлекать пулю изъ раны. Подобнаго рода разсказы встрѣчаются у польскаго проповѣдника Старовольскаго.

Свѣдѣнія Галятовскаго о составѣ человѣческаго тѣла, высказанныя во второмъ казаньѣ на „Преображеніе Господне", и о силахъ души, высказанныя во второмъ казаньѣ на Сошествіе св.

---

[1]) Пѣвницкій, «Труды кіев. дух. акад.» 1861 г. III. 151—152.

[2]) Тамъ-же, III. 151.

Духа, крайне смутны и неопредѣленны. Тѣло человѣка состоитъ изъ четырехъ элементовъ: „воздуха, воды, земли и огня, которые борятся между собой и приводятъ человѣка къ смерти. Душа имѣетъ три силы: роснучую[1]), чаючую и разумѣючую“.

Чтобы дать надлежащую оцѣнку реальныхъ знаній Галятовскаго, нужно принять къ свѣдѣнію, что знали по части естествовѣдѣнія современные ему корифеи науки и литературы: Ставровецкій, Славинецкій, Полоцкій, Барановичъ, Стефанъ Яворскій. Порывшись въ ихъ сочиненіяхъ, принявъ къ свѣдѣнію оброненныя ими мимоходомъ замѣчанія о міроустройствѣ, не трудно придти къ тому заключенію, что реальныя знанія Галятовскаго были по тому времени довольно обширны. Онъ зналъ гораздо болѣе научныхъ теорій о причинахъ явленій и силъ природы, чѣмъ современные ему ученые, хотя, нужно признаться, пользовался своими реальными знаніями такъ-же неблагоразумно, какъ и другіе схоластическіе писатели XVII в.

Транквилліонъ Ставровецкій въ „Зерцалѣ Богословія“ (1618 г.) раздѣлялъ міръ на невидимый и видимый. Невидимый—ангелы и демоны. Видимый міръ состоитъ изъ 4 стихій: воздуха, воды, земли и огня. Небесная твердь—сухая, не промокаемая, легкая матерія, въ которую вставлены солнце, луна и звѣзды. Надъ твердью разлита вода, оберегающая ее отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Земля кругла. Земли и моря имѣютъ своихъ ангеловъ хранителей. Гроза происходитъ отъ того, что паръ съ моря поднимается въ верхніе слои горячаго воздуха[2]).

Лазарь Барановичъ въ „Лютнѣ“ посвятилъ нѣсколько безсодержательныхъ виршей солнцу, лунѣ и звѣздамъ. О солнцѣ говорится, что это отецъ дня, побудитель къ труду, источникъ плодородія; „Wilgotny miesiąc suchą ziemię chlodzi“; „gwiazdy jak swiecy gorają na niebie[3])“...

Извѣстно, что Симеонъ Полоцкій дѣлалъ астрономическія наблюденія и записывалъ ихъ въ свою записную книжку[4]). Любо-

---

[1]) Т. е. растительную.

[2]) Костомаровъ, Рус. ист. въ жизнеоп. II. 70.

[3]) Lutnia, 277.

[4]) Опис. рукоп. синод. библ. II. 191—102.

пытно послушать, что говоритъ онъ о міроустройствѣ. Въ „Вѣнцѣ вѣры“ Симеонъ Полицкій заявляетъ, что есть три неба: 1) эмпирейское, неподвижное, самое высшее, 2) кристальное, движущееся съ неизреченною скоростью и 3) твердь съ двумя поясами, поясомъ неподвижныхъ звѣздъ и поясомъ планетъ. Планетный поясъ раздѣляется на семь круговъ, по числу планетъ (Кронъ, Дей, Аръ и др.). Отъ земли до тверди 80 темъ (т. е. 800,000) миль, а отъ верха земли до эмпирейскаго неба такъ далеко, что если-бы ѣхать туда со скоростью 80 миль въ часъ, потребовалось-бы 50,000 лѣтъ. Звѣзды „веществомъ чисты, образомъ круглы, количествомъ велики, явленіемъ малы, качествомъ свѣтлы, дальныхъ вещей родительны“... Планеты ниже звѣздъ. Онѣ движутся иногда по одному пути со звѣздами, иногда по пути противоположному. Самая малая звѣзда въ 80 разъ менѣе земли, а слѣдующая за ней по величинѣ звѣзда въ 170 разъ болѣе земли; солнце въ 166 разъ болѣе земли; луна въ 30 разъ менѣе земли. Ежечасно солнце проходитъ 717 миль, изъ которыхъ каждая требуетъ двухъ-часовой ходьбы человѣка. Земля кругла, черна, холодна, тяжела. Она центръ всего міра. Внутри земли находится адъ. Землятрясенія происходятъ отъ движенія демоновъ въ аду.

Силы и явленія природы объяснялись теологическимъ путемъ. „Седмь тысячъ уже лѣтъ и 228 исчисляемъ отъ сотворенія міра, говоритъ Стефанъ Яворскій, 32 года спустя послѣ смерти Галятовскаго, въ одной своей проповѣди, и черезъ все тое время вои небесные, солнце, луна, звѣзды, въ непрестанной пребываютъ службѣ, въ неустанной стражбѣ, въ незанятномъ теченіи, въ неудержимомъ движеніи, служатъ, работаютъ не себѣ на пользу, но человѣкомъ, вселенную просвѣщаютъ, согрѣваютъ, землю плодоносною творятъ и въ самыхъ внутренностяхъ земныхъ злато, сребро, каменіе многоцѣнное и руды различныя дѣйствіемъ своимъ и инфлюенціями содѣлываютъ. Одному только нѣкоему астроному Копернику приснилося, будто солнце, луна и звѣзды стоятъ, а земля оборачивается, противо свящ. Писанію [1]).

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что одинъ изъ ученѣйшихъ людей XVII в., человѣкъ высокаго нравственнаго характера, Епифа-

---

[1]) Покарскій, Наука и литература при Петрѣ В. II 454.

ній Славинецкій склонялся на сторону Коперника, хотя, по своей осторожности, и не высказалъ этого достаточно ясно. Въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. Епифаній Славинецкій, монахъ Исаія и Арсеній Сатановскій перевели космографію, въ которой объяснены системы Птоломея и Коперника. „Нынѣ изящнѣйшіе всѣ математики, говорится здѣсь, Копернику подражаютъ... Кое отъ двоихъ сихъ разумѣній есть приличнѣйшее и съ природнымъ расположеніемъ міра согласуется, на мѣстѣ семъ не хощемъ уставлять; но въ вещахъ небесныхъ искустнымъ оставляемъ любопрѣтися“ [1]).

Свѣдѣнія западно-русскихъ ученыхъ XVII вѣка по физіологіи и психологіи были также весьма ошибочны и скудны. Въ „Жезлѣ Правленія“ (1666 г.) Симеонъ Полоцкій со словъ „естественныхъ тайнъ имѣющихъ искусство“ говоритъ о зачатіи младенца. „Зачинается дитя изъ сѣмени, огустѣваетъ и воображается черезъ сорокъ дней мальчикъ, черезъ 80 дней дѣвочка, а потомъ уже Богомъ одушевляется [2]).

Въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго встрѣчается нѣсколько любопытныхъ замѣчаній физіологическаго свойства. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ ставитъ вопросъ какихъ-то философовъ, почему у человѣка голова болитъ, а у животныхъ не болитъ, и отвѣчаетъ на него такимъ образомъ: „звѣріе долу преклонну имутъ главу, того ради пары, отъ желудка происходящіе, не входятъ до ихъ главы, ниже ей могутъ вредити, а у человѣка голова не къ землѣ преклонена, по горѣ вознесена; того ради пары внутренніе вредные, отъ желудка происходящіе, восходятъ до головы въ гору, и оную повреждаютъ“. Въ другомъ мѣстѣ черный цвѣтъ волосъ объясняется тѣмъ, что въ человѣкѣ много теплоты, огня; „обычно бо есть огню окуряти и очернѣвати“. У старыхъ людей бѣлютъ волосы, потому что со старостью теплота уменьшается: „кто имѣетъ бѣлые (?) власы, у того много мокроты; у кого волоса русые, въ томъ много желчи [3]).“

Языкъ Галятовскаго въ „Ключѣ“ простой и ясный. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изложеніе Галятовскаго напоминаетъ по силѣ и простотѣ Іоанна Вишенскаго. Макарнизмовъ нѣтъ. Часто попада-

---

[1]) Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ В. II. 337.

[2]) Жезлъ Правленія, листъ 27.

[3]) Проповѣди Ст. Яворскаго, II. 84.

ются народныя малорусскія слова и фразы. Можно допустить, что нѣкоторыя проповѣди, простѣйшія по содержанію, были понятны простому народу. Если-бы и въ содержаніи „Ключа“ было столько народности, сколько въ его языкѣ, то это было-бы капитальное произведеніе.

„Ключъ разумѣнія“ возникъ въ бурное время южно-русской исторіи. Войны Хмельницкаго съ поляками только-что окончились; только что совершилось присоединеніе Малороссіи къ московскому государству. Еще свѣжа была могила славнаго малорусскаго гетмана. Политическія и религіозныя страсти были еще сильно возбуждены. Народъ, вынесшій тяжелую борьбу за свою національную самобытность и экономическую независимость отъ польскихъ пановъ и ихъ наперсниковъ евреевъ, жилъ полной героическою жизнью. И ничто не затронуло, не взволновало души кіевскаго ученаго казнодѣя Галятовскаго. Грозныя и много знаменательныя событія прошли мимо его, не затронувъ ни его ума, ни его чувства, засушенныхъ безжизненной школой, — нимало не отразились въ „Ключѣ“. Въ то время, какъ рѣшалась участь украинскаго народа, когда относительно самаго его національнаго существованія поставленъ былъ роковой вопросъ: „быть или не быть“, Галятовскій поглощенъ былъ вопросами о томъ, будутъ-ли умершіе принимать пищу въ будущей жизни, сколько дней пробылъ въ раю Адамъ и т. п. На Галятовскомъ вполнѣ раскрылось денаціонализирующее значеніе кіево-могилянской академіи.

Галятовскій не отозвался на народныя думы, желанія и волненія, потому что видѣлъ въ крестьянахъ хамово отродье. „Маетъ пречистая Дѣва мѣсце на земли межи всѣми людьми, говоритъ онъ въ проповѣди на Благовѣщеніе, бо троякій есть станъ людскій: одинъ посполитый, другой панскій, третій духовный. Презначали тыи три станы сыны Ноеви, Симъ, Хамъ и Афетъ. Симъ презначалъ станъ духовный, Афетъ презначалъ станъ панскій, Хамъ презначалъ станъ посполитый, бо Хамъ служилъ двумъ братамъ своимъ, Симови и Афетови. Такъ люде посполитыи служатъ панамъ и духовенству. Маетъ теды пречистая Дѣва мѣсце межи людьми посполитыми, бо люде посполитыи даютъ панамъ своимъ дани, слухаючи апостола Павла, который мовитъ: *Воздадѣте убо всѣмъ дол-*

жная; ему-же убо урокъ урокъ, и ему-же дань дань, и ему-же страхъ страхъ, и ему-же честь честь.

„Ключъ разумѣнія“ при жизни Галятовскаго былъ подвергнутъ злой критикѣ. Критическій разборъ „Ключа“ затерялся, такъ что неизвѣстно, когда и кѣмъ онъ былъ сдѣланъ; но что такой разборъ былъ, видно изъ словъ самаго Галятовскаго въ концѣ „Алфавита“. „Песъ одинъ, говоритъ онъ, называемый зоиломъ (рѣчь идетъ о неизвѣстномъ критикѣ), по невѣжеству и зависти, зубами своими грызъ „Ключъ“ мой, но не угрызъ и поламалъ себѣ зубы, потому что мой „Ключъ“ похваленъ всѣми учеными людьми, охотно принятъ церковью и нашелъ многихъ читателей“.

Галятовскій не ограничился, да и не могъ ограничиться скромною дѣятельностію проповѣдника и профессора. Какъ высокопоставленное въ духовной іерархіи лицо, какъ руководитель высшаго въ южной Россіи православнаго училища, Галятовскій на первыхъ-же порахъ своей ученой и литературной дѣятельности вмѣшался въ религіозно-церковную полемику православныхъ съ латино-уніатами. Къ борьбѣ съ латино-уніатами Галятовскаго вызывало крайне угнетенное положеніе православной церкви въ Рѣчи Посполитой въ второй половинѣ XVII ст. Въ первой половинѣ XVII ст. польское правительство не выступало прямо и рѣшительно противъ южно-русской православной церкви. Оно тѣснило православныхъ преимущественно административными мѣрами. Съ шестидесятыхъ годовъ XVII ст. оно стало тѣснить ихъ законодательнымъ путемъ, воспользовавшись тѣмъ, что южно-русское дворянство къ этому времени перешло въ латинство. На варшавскомъ сеймѣ 1658 г. іезуитъ Корватъ требовалъ, чтобы король и сеймъ истребили всѣхъ иновѣрцовъ въ Польшѣ, какъ враговъ Бога. Маршалъ посольской палаты Любовицкій по этому поводу замѣтилъ, что врагами Бога могутъ быть названы только аріане (т. е. социніане). Въ 1667 г. было постановлено, чтобы православное духовенство отбывало постойную повинность, что было для него крайне тягостно, по причинѣ своеволія и буйства польскихъ войскъ; православные были исключены изъ числа лицъ, имѣвшихъ право занимать староства. Въ 1676 г. православнымъ, подъ опасеніемъ смертной казни и конфискаціи имущества, было воспрещено выѣзжать за границу [1]).

[1]) Антоновичъ, Очеркъ сост. прав. церкви въ ю. з. Россіи. 14.

Малорусскіе лѣтописцы мемуаристы XVII в. горько жалуются на притѣсненія православныхъ латино-уніатами. Народъ въ своихъ пѣсняхъ и преданіяхъ до сихъ поръ еще вспоминаетъ о польскомъ и еврейскомъ гнетѣ.

Православіе нигдѣ не находило защиты и поддержки. Католическое польское правительство было на сторонѣ притѣснителей. Южно-русское дворянство измѣнило вѣрѣ и языку народа и перешло въ разрядъ его угнетателей. Церковныя братства были придавлены административными и законодательными мѣрами. Попытки, направленныя къ противодѣйствію уніи, имѣли характеръ случайный и представлялись въ видѣ отдѣльныхъ безсвязныхъ явленій. Объединиться онѣ могли только при содѣйствіи церковной іерархіи, которая руководила-бы ими и сводила частныя усилія къ общей программѣ дѣйствій. Православные іерархи одновременно должны были обнаружить рѣдкія качества: образованность, энергію и непоколебимую стойкость въ убѣжденіяхъ. Во второй половинѣ XVII в. въ юго-западной Россіи не оказалось ни Іова Борецкаго, ни Петра Могилы. „Слышу отъ благочестивыхъ духовныхъ и мірскихъ, писалъ въ Москву изо Львова московскій резидентъ Тяпкинъ въ 1675 г, что ихъ владыки здѣсь только мантіей благочестивой вѣры восточной украшаются, внутри-же тяжки св. церки, какъ волки, и больше римскому костелу похлебствуютъ, чѣмъ церкви Божіи защищаютъ [1])“. Дѣйствительно, высшее православное духовенство правобережной Украйны: Іосифъ Шумлянскій, Иннокентій Винницкій, Варлаамъ Шептыцкій, Сильвестръ Тваровскій, тайно приняли унію и въ тайнѣ-же, выдавая себя православными, проводили унію въ города и села.

Въ то время, какъ высшее православное духовенство правобережной Украйны удачно разыграло роль Іуды предателя, въ Кіевѣ и Черниговѣ возникъ кружокъ высокопоставленныхъ духовныхъ лицъ, поставившій своей задачей энергическую борьбу съ латино-уніатами. Главными дѣятелями этого кружка были Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галятовскій и Иннокентій Гизель.

Галятовскій враждебно столкнулся съ католицизмомъ лѣтъ за десять прежде, чѣмъ кружокъ Барановича обнаружилъ свою дѣ-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи. XII. 227.

ятельность. Въ 1663 г. Янъ Казиміръ съ многочисленнымъ польскимъ войскомъ двинулся въ восточную Малороссію. Цѣлую недѣлю онъ пробылъ въ Бѣлой Церкви. Коронный канцлеръ епископъ Пражмовскій 8 ноября пригласилъ къ обѣду нѣсколько высшихъ православныхъ іерарховъ, Гедеона (Юрія) Хмельницкаго, Адама Желиборскаго, Антонія Винницкаго и Іоанникія Галятовскаго Потомъ пришелъ королевскій проповѣдникъ іезуитъ Адріанъ Пекарскій и сѣлъ за столомъ прямо противъ Галятовскаго. Вся комната была наполнена полковниками, ротмистрами, капитанами, ксендзами. Между Галятовскимъ и Пекарскимъ за столомъ произошелъ любопытный диспутъ о главенствѣ папы. Въ 1676 г. Галятовскій напечаталъ свой разговоръ съ Пекарскимъ на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Besiada bialocerkiewska“ [1]). „Бесѣда“ вскорѣ была переведена на русскій языкъ [2]).

Споръ завелъ впервые Пражмовскій, затѣмъ вмѣшался и весь споръ велъ Пекарскій. Пражмовскій изрѣдка вставлялъ свое замѣчаніе. Пражмовскій и Пекарскій проводили то положеніе, что папамъ искони принадлежало главенство въ церкви, что они предсѣдательствовали на соборахъ и судили константинопольскихъ патріарховъ, и что верховная власть въ церкви перешла къ нимъ отъ ап. Петра, будто-бы первенствовавшаго среди апостоловъ. Галятовскій привелъ слова св. Кипріана, что „были тоже и другіе апостолы, какъ и Петръ, отличенные равною съ нимъ честью, и властью, и достоинствомъ“. На замѣчаніе Пекарскаго, что православные, не признавая папу главой церкви, должны имѣть главою мірянина, Галятовскій возразилъ, что Христосъ глава церкви, а не кто иной. „Розмова“ оканчивается указаніемъ Галятовскаго на неудачный исходъ флорентинскаго собора 1439 г.

Вѣроятно Галятовскій предвидѣлъ споръ и заблаговременно справился съ книгами. Его возраженія Пекарскому мѣтки и сильны. Возраженія эти обнаруживаютъ въ Галятовскомъ знаніе св. Писанія, умѣлое пользованіе отцами церкви и діалектическую ловкость. Если споръ шелъ вполнѣ такъ, какъ говорится о томъ въ „Бесѣдѣ“,—

---

[1]) Самуилъ Величко вставилъ «Розмову» Галятовскаго въ свою лѣтопись (II. 42—76).

[2]) Востоковъ, Опис. Румянц. Музея. № 376, листы 21—27.

а не вѣрить Галятовскому въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ никакого основанія, то Пекарскій оказался побѣжденнымъ. Галятовскій нанесъ весьма сильные діалектическіе удары своему противнику. Такъ, онъ говоритъ, обращаясь къ Пекарскому: „да, честный отецъ, напрасны наши несогласія, напрасны споры, когда мы признаемъ главою одного Христа, и каждый изъ насъ говоритъ: „я Христовъ", а ваша милость признаете главой церкви папу, и каждый изъ вашихъ милостей говоритъ: „я папинъ". И вотъ ап. Павелъ спрашиваетъ вашу милость: развѣ папа за васъ распятъ? развѣ вы во имя папы крестились?"

Нѣтъ сомнѣнія, Галятовскому часто приходилось вести бесѣды съ иновѣрцами, подобныя бѣлоцерковской. Въ предисловіи къ „Мессіи правдивому" Галятовскій говоритъ, что онъ спорилъ съ учеными еврейскими раввинами о религіозныхъ вопросахъ. Вѣкъ семнадцатый былъ въ Малороссіи по преимуществу вѣкомъ религіозныхъ споровъ, и относительно его можно вполнѣ повторить слова Рихцицкаго о вѣкѣ XVI: „kto tylko chce tknąć jako kolwek częsci dziejów XVI wieku, musi mieć na względzie religią: ona była w ten czas głowném pytaniem, głowną trudnością; kto ją pominie, musi zostać albo jednostronnym, albo navet często niezrozumiałym" [1]). (Кто хочетъ коснуться какой либо части событій XVI в., долженъ принять во вниманіе религію; она была въ то время главнымъ вопросомъ, главнымъ интересомъ; кто обойдетъ ее, тотъ останется по необходимости или одностороннимъ, или непонятнымъ).

Были особыя причины, почему бѣлоцерковская бесѣда удостоилась печати. Галятовскій, вѣроятно, не безъ удовольствія вспоминалъ, какъ онъ въ многочисленномъ собраніи духовныхъ лицъ и восначальниковъ въ словесной борьбѣ одолѣлъ королевскаго проповѣдника, ловкаго іезуита, а вмѣстѣ съ нимъ и канцлера. Для православнаго ученаго было очень лестно повѣдать читающему южнорусскому міру о своей побѣдѣ. Можно думать, что осторожный Галятовскій въ первое время послѣ бѣлоцерковской бесѣды опасался говорить о ней печатно, боялся ее опубликовать, чтобы не подвергнуться непріятностямъ, особенно въ тяжелое и смутное время шестидесятыхъ годовъ, когда польскія войска проникали въ лѣво-

---

[1]) Rychcicky, Piotr Skarga. II. 15.

бережную Малороссію. Поселившись окончательно въ далекомъ отъ польскихъ границъ черниговскомъ елецкомъ монастырѣ, быть можетъ, не безъ побужденія со стороны Лазаря Барановича, Галятовскій издалъ свою „Бесѣду". Появленіе этой дѣльно составленной противолатинской статьи должно было упрочить славу Галятовскаго, какъ крупнаго ученаго и подкрѣпить партію Лазаря Барановича въ борьбѣ ея съ латино-уніатами. Въ особенности важно то обстоятельство, что грамотные православные, съ выходомъ въ свѣтъ „Бесѣды" Галятовскаго, нашли въ этомъ сочиненіи весьма подходящее пособіе для борьбы съ латино-уніатами въ такомъ существенномъ пунктѣ ихъ ученія, какъ главенство папы. Капитальныя возраженія противъ папства въ „Бесѣдѣ" изложены настолько коротко, просто и ясно вообще, дѣльно и общедоступно, что всякій грамотный православный, интересовавшійся религіозными спорами, могъ ею воспользоваться и руководствоваться при своихъ столкновеніяхъ съ уніатами и католиками.

На „Бесѣду" Галятовскаго католиками было сдѣлано возраженіе, озаглавленное „Рефутаціей". О существованіи „Рефутаціи" можно заключить по заглавію одной весьма рѣдкой книжки конца XVII в., именно: *Rycerz prawosławney katholickey cerkwi wschodniey rycerzowi kosciola rzymskiego na jego Refutacyą napisaną przeciw Rozmowie Bialocerkiewskiey.* Авторъ книги и годъ изданія неизвѣстны. Мацѣевскій авторомъ книги считаетъ Галятовскаго [1]). Ни Вишневскій, ни Филаретъ не упоминаютъ этой книги при перечисленіи сочиненій Галятовскаго.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Харьковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Maciejowski. Pism. polskie. III. 180.

СТОРОЖЕНКИ.

(Фамильная лѣтопись).

Первыя отрывочныя извѣстія объ этомъ родѣ относятся къ XVII вѣку.

Въ 1610 г. Андрей Стороженко былъ, какъ онъ подписывался, „старшимъ полковникомъ войскъ запорожскихъ". Начальствуя надъ отрядомъ козаковъ, онъ извѣщалъ изъ подъ Почаева по пути къ г. Брянску [1]) извѣстнаго литовскаго канцлера князя Льва Сапѣгу о движеніи своего отряда и просилъ отъ себя и отъ подвѣдомственнаго ему „стана рыцарскаго", чтобы канцлеръ сообщилъ ему о размѣрѣ слѣдуемаго имъ жалованья и о срокахъ его назначенія.

Андрей Стороженко прибавлялъ въ подписяхъ къ имени и фамиліи—„древній дворянинъ Малыя Руси".

Извѣстно, что осенью 1609 г. король польскій Сигизмундъ осаждалъ Смоленскъ; въ тоже время приходили вѣсти въ Москву и въ Тушино, что отряды запорожцевъ, „служа королю, берутъ города его именемъ, и что Путивль, Чернигов, Брянскъ, вмѣстѣ съ иными областями сѣверскими, волею или неволею ему покорились, измѣнивъ Лжедимитрію [2])".

Письма Андрея Стороженка къ Сапѣгѣ въ оригиналахъ сохраняются въ библіотекѣ графовъ Рачинскихъ въ Познани [3]).

Въ 1647, 1648 и 1649 гг. Михайло Стороженко былъ Тульчинскимъ [4]) сотникомъ въ браславскомъ полку.

---

[1]) Брянскъ—уѣздный городъ нынѣшней орловской губерніи.

[2]) Карамзинъ. Ист. Гос. Рос. Гу. XII. стр. 103. изд. Эйнерлинга,

[3]) Въ бумагахъ моего дѣда я нашелъ копіи съ этихъ писемъ, скрѣпленныя подписью библіотекаря Іосифа Лукасѣвича, съ приложеніемъ печати герба гр. Рачинскихъ.

[4]) Тульчинъ—мѣстечко подольской губерніи.

Послѣ знаменитой побѣды, одержанной Богданомъ Хмельницкимъ подъ Зборовымъ, въ августѣ 1649 года, былъ заключенъ между гетманомъ и королемъ польскимъ Яномъ Казимиромъ договоръ, по которому между прочимъ было опредѣлено количество реестровыхъ козаковъ: гетману полагалось имѣть 40,000 козаковъ. Имена этихъ избранныхъ были внесены въ такъ называемые „Реестра войска запорожскаго", которые были изданы съ подлинника профессоромъ О. М. Бодянскимъ въ 1875 году.

Въ этихъ „Реестрахъ" мы и находимъ въ браславскомъ полку сотника Тульчинскаго Михайла Стороженка.

Въ числѣ просто реестровыхъ козаковъ въ томъ-же браславскомъ полку, въ сотнѣ яланцской, стоитъ имя Яцька Стороженка; но, какъ говоритъ О. М. Бодянскій въ предисловіи къ „Реестрамъ", званіе простыхъ козаковъ „въ ту пору давало послѣднимъ права, одинаковыя съ шляхтою".

Послѣ Андрусовскаго договора Россіи съ Польшей (1667 г.), въ концѣ 60-хъ годовъ Иванъ Стороженко переселился на лѣвый берегъ р. Днѣпра. Сначала онъ служитъ сотникомъ ичанскимъ въ прилуцкомъ полку, а въ 1686 году является полковникомъ прилуцкимъ.

Еще будучи сотникомъ, онъ обзавелся хуторомъ подъ селомъ Ржавцемъ [1]). Отъ 1688—89 гг. сохранился рядъ купчихъ, совершеныхъ имъ на земли и угодья около мѣстечка Ични [2]) и села Ржавца и на грунты въ городѣ Прилукѣ. По универсалу, данному въ Батуринѣ 22 іюня 1690 г., гетманъ Мазепа, „респектуючи на его г. полковника прилуцкаго значные у войску запорозкомъ и зычливые услуги, которіе онъ здавна ронивъ и впередъ охочо ронити на службѣ монаршой мае", далъ въ награду ему село Ржавецъ и „млынъ подъ мѣстечкомъ Іваницею, на греблѣ мѣской стоячий, о едного кола мучного, а другого ступного".

Иванъ Стороженко умеръ въ полковничьемъ званіи 15 февраля 1693 г.

Сохранился портретъ его: въ креслѣ у стола сидитъ глубокій старикъ съ небольшой, совершенно бѣлой бородой. На столѣ сто-

---

[1]) Ржавецъ—нынѣ село прилуцкаго уѣзда, полтавской губ.

[2]) Ичня—нынѣ мѣстечко борзенскаго уѣзда, черниговской губ.

ятъ Распятіе и Евангеліе въ зеленомъ переплетѣ, съ золоченными украшеніями. Одѣтъ старикъ въ красный кафтанъ и опоясанъ черным, повидимому, бархатнымъ поясомъ, съ золотыми мушками; на плечи накинутъ плащъ розоваго цвѣта, съ голубой подкладкой, застегнутый подъ бородой золотымъ аграфомъ. Въ лѣвой рукѣ полковничья булава [1].

Таковъ былъ девятый, по счету покойнаго М. А. Максимовича, полковникъ прилуцкій [2]).

Имя жены его Марія. Кто она была по отцу, неизвѣстно.

Оставшись вдовою, Марія проситъ у Мазепы подтвержденія на владѣніе селомъ Ржавцемъ и другими, подаренными ея покойному мужу, имуществами. Мазепа даетъ въ Батуринѣ универсалъ 8-го февраля 1697 года, которымъ онъ подтверждаетъ право вдовы на владѣніе состояніемъ покойнаго мужа, „респектуючи на старынние услуги небожчика пана Ивана Стороженка, бывшого полковника прилуцкаго".

У Ивана былъ сынъ Андрей, оставшійся послѣ отца, „маючимъ способность до службы войсковои".

Въ 1703 г. мы видимъ Андрея Ивановича сотникомъ ичанскимъ: 10-го іюля 1703 г. жители ичанскіе Илюшъ Сѣрко и Дацко Германовичъ обмѣнялись сѣножатями и закрѣпили документально эту мѣну „на врядѣ ичанскомъ, передъ нами, какъ говорится въ документѣ, Андреемъ Стороженкомъ сотникомъ, атаманомъ городовымъ Костентиномъ Даниловичемъ, войтомъ тамошнимъ Кириломъ Яковичемъ, бурмистрами Иваномъ Кобенякомъ и Грицкомъ Чепѣгою".

Въ 1706 г. въ мартѣ мѣсяцѣ, въ середу на четвертой недѣлѣ великаго поста, „на врядѣ ичанскомъ, передъ Андреемъ Стороженкомъ сотникомъ, Михаиломъ Рабушкою атаманомъ городовымъ, Остапомъ Богаченкомъ войтомъ, Петромъ Семенчукомъ и Грицкомъ Прокоповичемъ Солтаникомъ бурмистрами" разбиралось слѣдующее интересное дѣло: ичанскій житель Павло Коломийченко купилъ у ржавскаго жителя Остапа Молотка коня за восемнадцать злотыхъ, но за неимѣніемъ денегъ не доплатилъ 10 злотыхъ; Молотокъ по-

---

[7]) Кіевск. Стар. 1882. Т. 3. стр. 578.

[8]) Собр. соч. Максимовича. Т. 1. стр. 325.

требовалъ обезпеченія и Коломійченко отдалъ ему въ залогъ „поле рабочое на двѣ недѣли, да лѣсокъ“, но потомъ отнялъ. Молотокъ жалуется за это на Коломійченка ичанской радѣ и проситъ или отдачи денегъ, или-же отнятой земли и лѣска. Рада присуждаетъ Молотку землю и лѣсокъ Коломійченка.

Какъ видимъ, стоимость почти шести десятинъ земли равнялась тогда почти половинѣ стоимости одного коня.

Андрей Ивановичъ значительно увеличилъ свое состояніе. Достигъ онъ этого, отчасти скупая мелкіе земельные участки и угодья у козаковъ ичанской сотни, отчасти получая награды за службу, преимущественно отъ своего ближайшаго начальника—полковника прилуцкаго.

Хотя во всѣхъ купчихъ стоитъ выраженіе, что такой-то продаетъ „доброволне и безъ жадного примусу и насильствія, але зъ доброи воли своеи“, но весьма вѣроятно, что званіе сотника и соединяемая съ нимъ властъ играли не послѣднюю роль при этихъ покупкахъ.

Когда на радѣ обсуждался вопросъ о покупкѣ сотникомъ какого-нибудь козацкаго имущества, предсѣдателемъ, вмѣсто сотника, бывалъ атаманъ городовой.

Путемъ купли Андрей Ивановичъ пріобрѣлъ 24-го іюня 1073 г. отъ козаковъ ржавскихъ Константина и Лукьяна Полуяненокъ ставокъ у села Ржавца за 20 злотыхъ; въ воскресенье третьей недѣли великаго поста 1706 г. отъ Тимоша Павленка, козака ржавскаго, лѣсъ „за двадцять талярей злотои монеты доброи литовскои“; 21-го мая 1710 г. отъ козачки Ульяны Костихи подъ мѣстечкомъ Ичней „за певную цину, за двисти злотыхъ сполна монеты доброи личбы литовскои“.

Въ награду Андрей Ивановичъ получилъ различныя льготы и одинъ *ланъ* земли.

Листомъ отъ 21-го апрѣля 1706 г. полковникъ прилуцкій Дмитрій Горленко объявляетъ ко всеобщему свѣдѣнію, что онъ освобождаетъ сотника ичанскаго Андрея Стороженка отъ взноса въ полковую казну части дохода съ мельницы о двухъ колесахъ, находящейся на р. Иченцѣ на лучковской греблѣ, пріобрѣтенной еще прежде сотникомъ. Подать съ мельницъ, какъ читаемъ въ этомъ же листѣ, называлась „поколесовщыною“. Андрей Ивановичъ былъ

такъ награжденъ за „многолѣтнее уже въ походахъ и оказіяхъ войсковыхъ нелѣнивое служеніе и раненіе“.

Таковое-же объявленіе дѣлаетъ полковникъ прилуцкій Иванъ Носъ листомъ отъ 24-го февраля 1709 г. относительно двухъ мельницъ на р. Иченцѣ при селѣ Лучковкѣ.

Гетманъ Иванъ Скоропадскій универсаломъ, даннымъ въ Нѣжинѣ 5-го февраля 1709 г., подтверждаетъ права ичанскаго сотника Андрея Стороженка, по его просьбѣ, на владѣніе селами Ржавцемъ и Томашовкой, въ сотнѣ ичанской, и Ступаковкой, въ сотнѣ иваницкой, а также мельницами на р. Смоши подъ м. Иваницей и подъ с. Ступаковкой.

„Универсалнымъ листомъ“ по ичанской и монастыринской сотнямъ полковникъ прилуцкій Игнатій Ивановичъ Кгалакганъ объявляетъ, что онъ увольнилъ „отъ всякихъ посполитыхъ тягостей подсусѣдковъ, жиючихъ на кгрунтахъ его (Стороженка) въ городѣ (Прилукѣ), а также на иченскихъ кгрунтахъ, и овсимъ позволилъ вшелякое чинити ему, Стороженковѣ, послушенство“. Листъ этотъ данъ въ Прилукѣ 19-го февраля 1715 г.

Листомъ отъ 2-го іюля 1715 г., писаннымъ подъ с. Гуровкою [1]), тотъ-же полковникъ Игнатій Кгалакганъ даетъ сотнику ичанскому *ланъ* земли, смежный съ ржавскими землями послѣдняго, изъ „здавна полковническихъ лановъ... зо всякими з того лану приходячими пожитками“.

Андрей Ивановичъ умеръ въ концѣ 1715 г. Онъ былъ женатъ на Матронѣ Гнилозубъ.

Другой сынъ полковника прилуцкаго Ивана былъ Григорій, сотникъ иваницкій. Объ немъ мы только и знаемъ по тяжбѣ его со вдовою брата Андрея, Матроною.

Григорій Ивановичъ хотѣлъ высыпать греблю на ставку у с. Ржавца, принадлежавшемъ Матронѣ, между двумя ея греблями. Матрона обратилась съ жалобою къ гетману Ивану Скоропадскому. Гетманъ выслалъ „для розыску и осмотренія одъ боку свого пана Семена Карпѣку и пана Александра Чуйкевича товариша войсковаго“. Слѣдствіе обнаружило неправоту Григорія Ивановича, а потому слѣдователи, по данному имъ отъ гетмана полномочію, своей

---

[1]) Нынѣ с. Згуровка, прилуцкаго уѣзда, полтавской губ.

„децизіей“ строго на-строго запретили обижать вдову; гетманъ-же, по обычному тогда порядку дѣлопроизводства, своимъ универсаломъ къ прилуцкимъ полковнику и старшинѣ подтвердилъ рѣшеніе слѣдователей-судей. Универсалъ былъ данъ въ Глуховѣ 25-го января 1716 г.

Кромѣ этого дѣла, вдова Андреева „предложила скаргу на пана Ігната Кгалакгана полковника прилуцкого“ гетману за то, что Кгалакганъ утаилъ два гетманскіе универсала, подтверждавшіе ея право на владѣніе сс. Ржавцемъ, Томашовкою, Ступаковкою, Лучковкою и другими землями и угодьями, а также за то, что онъ „чрезъ килько лѣтъ безъ данния причыны зъ двохъ млыновъ Петра и Грицка Зоценковъ въ Ступаковцѣ будучихъ части войсковые на себе отбиравъ и по сей часъ оные отбирати насильно не перестае“.

Скоропадскій универсаломъ, даннымъ въ Глуховѣ 18-го января 1719 г., „грозно“ приказываетъ Галагану, „возвративши все одъ мала до велика“, впредь „не важитись затѣвати кривдъ, перешкоды и озлобленія надъ винами правными и жесточайшимъ за преслушаніе императорского указу и противность власти наказаніемъ“.

Гнилозубъ—отецъ Матроны былъ убитъ во время осады Чигирина турками лѣтомъ 1678 г., мать ея вышла замужъ за извѣстнаго охочекомоннаго полковника Пашковскаго.

Въ 1693 г. Семенъ Палій и полки переяславскій и охочекомонный Пашковскаго бились трое сутокъ между Днѣпромъ и Бугомъ, при Кодимѣ, съ татарами ногайскими и бѣлгородскими, шедшими на Кіевъ, и прогнали ихъ. Въ 1694 г. Палій, Пашковскій и др. ходили подъ Очаковъ и одержали блестящую побѣду надъ татарами [1]).

Послѣ нарвскаго пораженія изъ Украйны былъ посланъ Мазепою къ Ригѣ трехътысячный отрядъ подъ начальствомъ полтавскаго полковника Искры, а потомъ пятнадцатитысячный съ наказнымъ гетманомъ, стольникомъ и нѣжинскимъ полковникомъ, Обидовскимъ въ челѣ. Въ числѣ этихъ 15000 человѣкъ были два охочекомонные полка—Пашковскаго и Ѳедора Степановича, болѣе 1000 человѣкъ [2]).

---

[1]) Маркевичъ, Ист. Малор. Т. II. 337—38, 358.

[2]) Бантышъ-Каменскій. Ист. Малор. Т. 3, стр. 43, 51.

1-го января 1702 г. въ Лифляндіи, въ битвѣ у селенія Эрестфера, окончившейся побѣдой фельдмаршала Шереметева и наказнаго гетмана Даніила Апостола надъ шведскимъ генераломъ Шлиппенбахомъ, полковникъ Пашковскій былъ убитъ.

У Андрея Ивановича Стороженка было два сына—Григорій и Иванъ.

Григорій съ молодыхъ лѣтъ отправлялъ войсковую службу. Въ 1715 г., когда умеръ отецъ, онъ былъ назначенъ сотникомъ ичанскимъ.

Лѣтомъ 1722 г. Григорій Андреевичъ участвовалъ въ походѣ великороссійскихъ и малороссійскихъ войскъ къ Дербенту (въ нынѣшней дагестанской области), съ самимъ императоромъ Петромъ Великимъ во главѣ, и присутствовалъ при закладкѣ крѣпости св. Креста на р. Сулакѣ. По возвращеніи съ похода подъ Дербентъ, онъ былъ посланъ отъ всего малороссійскаго корпуса (10000 козаковъ подъ начальствомъ миргородскаго полковника Апостола), стоявшаго по р. Сулаку, къ императору въ Астрахань съ прошеніемъ о „нуждахъ походныхъ войсковыхъ малороссійскихъ". Изъ Астрахани, по высочайшему повелѣнію, онъ былъ отправленъ въ Москву въ правительствующій сенатъ и оттуда привезъ въ войсковую генеральную канцелярію „милостивѣйшую грамоту", неизвѣстно какого содержанія. Затѣмъ онъ состоялъ въ разныхъ коммисіяхъ при генеральной канцеляріи.

1-го октября 1727 г., одновременно съ избраніемъ въ гетманы Даніила Апостола, состоялось избраніе генеральной старшины и Григорій Андреевичъ былъ выбранъ генеральнымъ бунчучнымъ. 9-го октября онъ вмѣстѣ съ другими былъ посланъ въ Петербургъ къ императору Петру II съ извѣщеніемъ объ избраніи новаго гетмана. Посланники прибыли въ Петербургъ 22-го ноября, получили высочайшую аудіенцію и были отпущены съ богатыми подарками.

21-го января 1728 г. Яковъ Марковичъ [1]) видѣлъ возвращавшихся изъ Петербурга малороссійскихъ посланниковъ въ Москвѣ на обѣдѣ у гетманича Петра Апостола.

Возвратившись въ Украйну, Григорій исполнялъ должность генеральнаго бунчучнаго, состоялъ членомъ генеральнаго суда и принималъ „челобитческія прошенія" на высочайшее имя.

---

[1]) Дневныя Записки Марковича. Т. I, 246, 247, 268, 305, 306, 318.

3-го января 1729 г. Тайный Верховный Совѣтъ перемѣнилъ всю генеральную старшину: генеральнымъ бунчучнымъ былъ назначенъ Иванъ Борозна.

Въ февралѣ 1728 г. гетманъ Даніилъ Апостолъ присутствовалъ на коронаціи Петра II въ Москвѣ. Онъ предложилъ на высочайшее разсмотрѣніе проектъ управленія Малороссіи.

Въ январѣ 1729 г. были посланы къ императору четыре лица, въ томъ числѣ и Григорій Андреевичъ, для принесенія благодарности за утвержденіе гетманскаго проекта. 19-го марта посланники поѣхали изъ Петербурга въ Глуховъ съ „премоцнѣйшею грамотою“ императора къ гетману.

По просьбѣ Григорія Андреевича и козаковъ ичанской сотни, гетманъ выслалъ бунчуковаго товарища Кирилла Троцкаго и войсковаго канцеляриста Павла Лабинскаго для проведенія грани между землями козаковъ ичанскихъ и жителей села Рожновки (борзенскаго уѣзда). Универсаломъ отъ 2-го сентября 1729 года гетманъ подтвердилъ сдѣланное разграниченіе.

По смерти Даніила Апостола, до избранія новаго гетмана, по указу императрицы Анны Іоановны, отъ 31-го января 1734 года было устроено правленіе изъ шести членовъ—предсѣдателемъ его былъ назначенъ князь Алексѣй Ивановичъ Шаховскій.

По опредѣленію Шаховскаго, Григорію Андреевичу поручено было заняться новымъ распредѣленіемъ „окладовъ и порціоновъ“ коммисарамъ, а также разными слѣдствіями.

9-го іюня 1732 года Андрей Миклашевскій, Семенъ Лизогубъ, Яковъ Марковичъ, Григорій Стороженко, Андрей Полуботокъ, Николай Ханенко были опредѣлены въ кандидаты на бунчучнаго генеральнаго.

Въ 1734 году Григорій Андреевичъ въ числѣ другихъ былъ назначенъ по имянному высочайшему указу въ учрежденную въ Москвѣ коммисію перевода и свода „книгъ правныхъ“ (законовъ) и въ первыхъ числахъ января 1735 года отправился въ Москву для присутствованія въ коммисіи, гдѣ и пробылъ полтора года. Затѣмъ онъ былъ посылаемъ отъ генеральной канцеляріи для предсѣдательствованія въ различныхъ коммисіяхъ при полкахъ. Ему поручено было также размежеваніе земель между „ландмилицкими“

орельскими[1]) полками и городскими, надъ чѣмъ онъ прозанимался два мѣсяца. Возвратившись къ себѣ въ Ичню, онъ не долго отдыхалъ дома: вскорѣ былъ полученъ изъ генеральной канцеляріи указъ, которымъ онъ призывался въ Глуховъ къ занятіямъ въ прежней коммисіи перевода и свода „книгъ правныхъ". Изъ Глухова онъ былъ посланъ въ Лубны для привода лубенскаго полка къ присягѣ на вѣрность императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Въ 1737—1741 гг. Григорій былъ назначенъ кандидатомъ сначала генеральнаго судьи, а потомъ генеральнаго подскарбія, продолжая состоять въ коммисіи о переводѣ и сводѣ „книгъ правныхъ".

Въ 1737 году кіевскій генералъ-губернаторъ генералъ-аншефъ Леонтьевъ съ присутствующими членами войсковой генеральной канцеляріи, „имѣя власть всякіе принадлежащіе до уряду гетманского дѣла управлять", далъ Григорію Андреевичу званіе бунчуковаго товарища.

Григорій Андреевичъ продолжалъ владѣть селами Ржавцемъ, Томашовкой, Ступаковкой, Лучковкой и другими, въ которыхъ по ревизіи 1730 года показано 264 двора. Кромѣ того онъ представилъ въ прилуцкую полковую канцелярію 9-го мая 1744 года реестръ 39 купчихъ на грунты въ мѣстечкѣ Ичнѣ.

По полному списку жителей села Ржавца отъ 1723 года видно, что сотникамъ ичанскому Григорію и иваницкому Ивану Стороженкамъ принадлежало 215 грунтовъ, на которыхъ жили посполитые люди; кромѣ того въ селѣ Ржавцѣ было 24 грунта козаковъ ржавскихъ куреня сотника ичанскаго.

Сохранился портретъ Григорія Андреевича, сдѣланный въ его молодые годы: изображенъ молодой красивый мужчина съ черными волосами, съ длинными усами, бритый, румяный, плотно сложенный. Одѣтъ онъ въ зеленый парчевый кафтанъ, на плечи накинутъ покрытый синимъ бархатомъ, подбитый, очевидно, куньимъ мѣхомъ, плащъ; возлѣ на креслѣ лежитъ высокая мѣховая, повидимому, бобровая шапка съ султаномъ.

Григорій Андреевичъ былъ женатъ на вдовѣ бунчуковаго товарища Кулябки-Евдокіи, урожденной Лизогубъ.

---

[1]) Орель—рѣка между нынѣшними полтавской и екатеринославской губерніями.

Иванъ Андреевичъ, сотникъ иваницкій, былъ женатъ два раза: постригши первую жену свою, по причинѣ болѣзни ея, въ монахини, онъ женился на другой, но недѣли черезъ двѣ самъ умеръ и постриженная тоже[1]. Это было, вѣроятно, въ концѣ 1725 года.

У Григорія Андреевича было четыре сына: Андрей, Петръ, Степанъ и Данило.

Андрей началъ службу войсковымъ канцеляристомъ. 23-го сентября 1741 года, по просьбѣ отца, а также сотенной ичанской старшины, Андрей Григорьевичъ былъ назначенъ сотникомъ ичанскимъ. Назначеніе это состоялось на основаніи высочайшаго указа правительствующему сенату отъ 1734 года, которымъ повелѣвалось „войсковыхъ канцеляристовъ достойныхъ за службу въ полковую старшину и сотники опредѣлять". На званіе сотника Андрею былъ выданъ изъ генеральной войсковой канцеляріи универсалъ за подписью полковника Алексѣя Извольскаго, генеральнаго подскарбія Михаила Скоропадскаго, полковника Челищева и генеральнаго асаула Петра Валькевича—онъ былъ данъ въ Глуховѣ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ назначенія, а именно 31-го декабря 1749 года.

Очевидно, утвержденіе въ должности не имѣло особеннаго значенія, потому что еще 24-го декабря 1741 года, т. е. черезъ три мѣсяца послѣ опредѣленія Андрея Григорьевича въ званіе ичанскаго сотника, полковникъ прилуцкій Григорій Галаганъ обращается съ ордеромъ ко всѣмъ сотникамъ полка прилуцкаго, и между прочими и къ Андрею Стороженку, сотнику ичанскому, напоминающимъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ и денежныхъ штрафахъ за куплю грунтовъ у подначальныхъ козаковъ.

Петръ Григорьевичъ началъ службу войсковымъ канцеляристомъ и умеръ, кажется, въ молодыхъ годахъ безъ потомства. Степанъ Григорьевичъ былъ сотникомъ повстинскимъ[2]) въ лубенскомъ полку. Данило Григорьевичъ — бунчуковымъ товарищемъ.

---

[1]) Записки Марковича. Т. I. 157.

[2]) Мы узнаемъ, что была въ лубенскомъ полку сотня повстинская, неизвѣстная Марковичу. Повстинъ—нынѣ большое козацкое село пирятинскаго уѣзда, на р. Удаѣ, верстахъ въ девяти отъ г. Пирятина, внизъ по теченію Удая.

Въ маѣ 1745 года братья подѣлились оставшимся послѣ отца состояніемъ: дѣлежу подлежали различныя недвижимыя имущества, пріобрѣтенныя по универсаламъ, ордерамъ и купчимъ. Всѣхъ документовъ было 140.

У Ивана Андреевича, сотника Иваницкаго, былъ сынъ Михайло.

Въ 1739 г. онъ подалъ просьбу генералъ-аншефу Александру Румянцеву объ опредѣленіи его „подъ главный знакъ бунчукъ". Изъ уваженія къ заслугамъ предковъ, а также и въ немъ самомъ „усматривая къ службѣ охоту и годность", Румянцевъ и состоявшіе при немъ члены войсковой генеральной канцеляріи, генеральный подскарбій Андрей Марковичъ, генеральный судья Михайло Забѣла, а также полковникъ Иванъ Сенявинъ дали ему званіе бунчуковаго товарища. Указъ объ этомъ данъ въ мѣстечкѣ Домонтовѣ (золотоношскаго уѣзда), 14-го февраля 1739 г.

Михайло Ивановичъ получилъ отъ отца часть недвижимой собственности въ с. Ржавцѣ. Онъ значительно увеличилъ свое состояніе.

20-го ноября 1740 г. ржавскіе жители Ѳедоръ Пищоленко и Катерина Ивановна, жена Степана Штанченка, продали „панови и державцеви свому, его мосци, панови Михайлови Стороженкови, знатному товаришеви бунчуковому" ставокъ подъ с. Ржавцемъ за 7 рублей.

15-го декабря 1740 г. онъ купилъ у бывшаго старосты ржавскаго Николая Климовича земли, въ трехъ рукахъ, на 100 рабочихъ дней, по 50 коп. за день, а также сѣнокосъ и усадьбу въ селѣ Ржавцѣ за 16 р.

4-го января 1741 г. ржавская козачка Ганка Хоменчиха продала „ланъ", купленный ея мужемъ за десять талярей, по 50 к. за рабочій день.

7-го февраля 1741 г. ржавскій житель Иванъ Ивашенко продалъ свой „гай" за 4 р.

Можно предположить съ полной вѣроятностью, что Михайло Ивановичъ сдѣлалъ еще не одну столь-же выгодную покупку.

Я упоминаю объ этихъ сдѣлкахъ, потому что онѣ представляютъ большой интересъ для изученія быта и для исторіи землевладѣнія въ XVIII вѣкѣ въ Украйнѣ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фактомъ постепеннаго увеличенія стоимости земли и перехода ея

отъ козацкихъ общинъ и мелкихъ землевладѣльцевъ въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, позднѣйшаго дворянства.

Михайло Ивановичъ былъ женатъ на Аннѣ Борознѣ.

У Михайла Ивановича былъ сынъ тоже Михайло.

Михайло Михайловичъ началъ службу войсковымъ канцеляристомъ. Универсаломъ гетмана графа Кирилла Разумовскаго, даннымъ въ Батуринѣ 12-го сентября 1763 г., онъ былъ опредѣленъ въ званіе войсковаго товарища. Потомъ онъ былъ коммисаромъ въ повѣтѣ прилуцкомъ.

23-го декабря 1765 г. онъ получилъ изъ малороссійской коллегіи патентъ на званіе бунчуковаго товарища за подписями: графа Румянцева, бригадира князя Платона Мещерскаго, генеральнаго писаря Василія Туманскаго, полковника Осипа Хвостова, генеральнаго асаула Ивана Жоравки, генеральнаго хорунжаго Даніила Апостола и коллежскаго совѣтника Дмитрія Натальина.

Предписаніемъ черниговскому намѣстничеству отъ 23-го января 1782 г. графъ Румянцевъ-Задунайскій назначилъ его въ судьи совѣстнаго суда намѣстничества и опредѣлилъ во всѣ новоучрежденныя присутственныя мѣста. Въ званіи совѣстнаго судьи Михайло Михайловичъ получилъ чинъ коллежскаго ассесора, а 28-го февраля 1784 г.—надворнаго совѣтника.

Михайло Михайловичъ продолжалъ округлять свое состояніе.

25-го января 1758 г. вдова Михайла Ивановича—Анна и сынъ ея Михайло купили у козака сотни иваницкой с. Ступаковки ставокъ и греблю съ мельницей и валюшными ступами за 45 р. Для закрѣпленія на купчей подписались: іерей Ѳеодоръ Купакевичъ съ приложеніемъ своей печати (изображеніе трехмачтоваго корабля съ распущенными парусами), атаманъ сотенный ичанскій Михайло Мартосъ (печать—изображеніе дракона) и атаманъ ржавскій, Яковъ Озерскій.

2-го мая 1759 г. Михайло купилъ у жителя с. Лучковки „гаіокъ". На купчей опять таки подписался „пресвитеръ Даміянъ Летнѣцкій" и житель лучковскій Іванъ Свирскій (печать—изображеніе двухъ тюльпановъ).

Весьма интересное дѣло велъ Михайло Михайловичъ съ владѣльцемъ с. Рожновки (борзенскаго уѣзда) Петромъ Разумовскимъ, полковникомъ нѣжинскимъ, о захватѣ рожновцами земель, принадлежавшихъ посполитымъ людямъ Михайла Михайловича.

У него былъ въ с. Ржавцѣ кирпичный заводъ, конскій заводъ (2 жеребца и 20 кобылъ), заводскаго рогатаго скота около 100 штукъ.

Женатъ Михайло былъ на дочери бунчуковаго товарища Семена Полуботка—Ѳеодосіи.

За женой онъ взялъ большое приданное:

Въ городницкомъ уѣздѣ ему принадлежала деревня Новая Рудня—„положеніе имѣетъ на весьма песковатомъ бугристомъ мѣстѣ, при р. Вертечѣ, на коей плотина съ руднею, на одно ковадло, въ борѣ; въ сей деревнѣ посполитыхъ означеннаго Стороженка—14. Къ сей деревнѣ землѣ пахотной и сѣнокосу вовсе нѣтъ; жители ходятъ на заработки хлѣба, въ разніе степніе мѣста и притомъ нанимаются на работы къ руднямъ и другимъ заводамъ, отчего нужное пропитаніе себѣ имѣютъ“ [1]).

Шафонскій [2]), составившій описаніе черниговскаго намѣстничества нѣсколькими годами позже Пащенка и положившій „въ основаніе своего труда“, по мнѣнію А. М. Лазаревскаго, „работу Пащенка“ (предисловіе къ описанію Пащенка, стр. III), дѣлаетъ слѣдующія добавленія къ описанію д. Новой Рудни: „желѣзный заводъ (рудня) на р. Вертечѣ, построенъ въ 1706 г. черниговскимъ полковникомъ Павломъ Полуботкомъ. Руду для онаго около той-же рѣчки въ болотахъ, а уголье изъ его-же лѣса, возлѣ онаго завода стоящаго, достаютъ.

„На семъ заводѣ только весною пудовъ пятьдесятъ желѣза выковываются, которое въ степныхъ мѣстахъ по торгамъ и ярмаркамъ продается“ [3]).

Въ хуторѣ Криничное ему принадлежалъ винокуренный заводъ на 12 двойныхъ котловъ.

„Хуторъ Старой Млинокъ при плотинѣ, состоящей на р. Ворзнѣ, съ 2 мельницами, о трехъ колахъ, въ лѣсѣ“.

Въ с. Неданчичахъ принадлежало ему нѣсколько грунтовъ, съ жившими на нихъ семью посполитыми людьми [4]).

---

[1]) Описаніе черниговскаго намѣстничества (1781 г.) Дмитрія Пащенка. Въ Запискахъ черниг. губернск. статистич. комитета. Книга вторая. Выпуски 1, 2, 3, 4. 1868 г.

[2]) Черниг. намѣстнич. топографич. описаніе, изд. М. Судіенка. Кіевъ. 1851 г.

[3]) Изд. Судіенка, стр. 330.

[4]) Пащенко. Зап. черниг. губернск. стат. ком. Вып. 1 и 2. Стр. 47, 54, 56.

Въ хуторѣ Уклоновѣ принадлежала ему плотина на р. Ворзнѣ, съ мельницею на два „кола“, разстояніемъ отъ хутора Уклонова въ 2 верстахъ, при коей посполитская его Стороженка хата—1.

„Село Довжикъ, разстояніемъ отъ г. Чернигова въ 25 верстахъ, отъ мѣстечка Любеча въ 29 верстахъ, на столбовой дорогѣ отъ Чернигова въ мѣстечко Любечъ. Положеніе имѣетъ отъ г. Чернигова на западной сторонѣ, на ровномъ, довольно возвышенномъ мѣстѣ; между жильями сего села протекаетъ р. Свишка и тутъ-же въ нее впадаетъ протокъ Бревенецъ; на соединившихся сихъ рѣкахъ двѣ плотины показаннаго Стороженка, съ 4 амбарами о 6 колахъ. Въ семъ селѣ: .... домъ пріѣзжій Стороженка о 3 покояхъ. Обывателей: ... посполитыхъ Стороженка—81. Къ сему селу земли пахатной достаточно, сѣно укашиваютъ на тѣхъ-же пахатныхъ поляхъ при берегахъ, а лѣсу посредственно; обыватели занимаются хлѣбопашествомъ“.

„Деревня Внучки въ 4 верстахъ отъ с. Довжика. Положеніе имѣетъ на высокомъ ровномъ мѣстѣ, на правой сторонѣ р. Свишки, на которой плотина Стороженка съ 3 амбарами о 3 мучныхъ и валюшномъ колахъ, при пахатномъ полѣ и небольшой части лѣса; въ сей деревнѣ посполитыхъ Стороженка—90“.

„Деревня Табаіовка въ одной верстѣ отъ д. Внучекъ. Положеніе имѣетъ на ровномъ высокомъ мѣстѣ, при пахатныхъ поляхъ. Въ ней посполитыхъ Стороженка—18“ [1]).

У Михайла Михайловича былъ сынъ Николай, бывшій черниговскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Со смертью Николая Михайловича прекратилась линія фамиліи Стороженковъ отъ Ивана Андреевича, сотника иваницкаго. Николай Михайловичъ былъ женатъ на Марьѣ Андреевнѣ Милорадовичъ, сестрѣ извѣстнаго графа Михаила Андреевича Милорадовича.

У старшаго сына Григорія Андреевича—Андрея, было два сына Григорій и Александръ.

Они начали службу въ званіи войсковыхъ канцеляристовъ—Александръ при генеральномъ судѣ, а Григорій при войсковой генеральной канцеляріи, а потомъ при малороссійской коллегіи. 20-го декабря 1765 г. они получили изъ коллегіи патенты на званіе войсковаго товарища, за подписью графа Румянцева.

[1]) Пащенко. Зап. черниг. губернск. стат. ком. Выпуски 3 и 4. Стр. 57—59.

7-го мая 1770 г. Григорій получилъ званіе сотника иваницкаго.

Григорій участвовалъ въ турецкой войнѣ съ 1768 г. по 1774 г., въ которомъ былъ заключенъ миръ при Кучукъ-Кайнарджи.

Для усмиренія Пугачевскаго бунта изъ Украйны былъ отправленъ въ казанскую и оренбургскую губерніи тысячный отрядъ козаковъ подъ начальствомъ нѣжинскаго полковника Александра Якубовича. Въ составъ этого отряда попалъ и иваницкій сотникъ съ козаками своей сотни.

30-го іюля 1774 г. Якубовичъ далъ ему въ лагерѣ при р. Камѣ, „въ Башкирьи", аттестатъ, удостовѣряющій его личную храбрость и распорядительность. Григорій Андреевичъ, съ 13-го февраля по 30-е іюля, участвовалъ во всѣхъ походахъ и въ сраженіяхъ при д. Сатанихѣ 8-го и 11-го іюня, при д. Сабаевой 12-го іюня, за р. Уршаномъ 21-го и 22-го іюня, при с. Часниковкѣ 27-го іюня.

Въ подтвержденіе этого аттестата князь Петръ Голицынъ, командовавшій корпусомъ, въ составъ котораго вошелъ и украинскій отрядъ, выдалъ въ Казани отъ себя удостовѣреніе отъ 7-го августа 1774 г., что „сотникъ иваницкій оказывалъ всегда отличную храбрость и распорядительность, не щадя ни мало живота своего и велъ себя такъ, какъ доброму и честному человѣку свойственно".

За „усердную и добропорядочную службу съ 1760 года" малороссійская коллегія выдала ему 31-го августа 1781 г. въ Глуховѣ патентъ на званіе бунчуковаго товарища.

Графъ Румянцевъ-Задунайскій въ доношеніи правительствующему сенату отъ 24-го мая 1779 г. ходатайствуетъ о награжденіи Григорія Андреевича имѣніемъ.

У Степана Григорьевича было два сына—Михайло и Иванъ. Михайло въ 1765 г. былъ премьеръ-маіоромъ. У него былъ сынъ Александръ, не имѣвшій сыновей.

Иванъ Степановичъ умеръ въ молодыхъ годахъ холостякомъ.

У бунчучнаго товарища Даніла Григорьевича было два сына—Петръ и Павелъ.

Павелъ родился въ 1775 г., получилъ воспитаніе въ сухопутно-кадетскомъ корпусѣ и началъ службу поручикомъ.

Петръ родился въ 1779 г., тринадцати лѣтъ онъ состоялъ регистраторомъ въ канцеляріи графа Румянцева.

Въ 1786 г. имъ принадлежала часть села Ржавца и слободы Лисогоръ, въ мѣстечкѣ Иваницѣ нѣсколько грунтовъ.

Хотя сыновья Петра Даниловича—люди XIX вѣка, но такъ какъ на нихъ кончается эта линія фамиліи Стороженковъ, то я позволю себѣ упомянуть объ нихъ.

У Петра было два сына—Николай и Алексѣй.

Николай былъ женатъ, но не имѣлъ сыновей. Алексѣй былъ холостъ.

Алексѣй Петровичъ былъ извѣстнымъ малорусскимъ писателемъ, оставившимъ не одинъ прелестный разсказъ изъ малорусскаго народнаго быта.

Прилагаю родословный списокъ Стороженковъ.

1. Андрей Стороженко, „старшій полковникъ войскъ запорожскихъ“ около 1610 года.
2. Михайло, сотникъ тульчинскій браславскаго полка около 1647—49 годовъ.
3. Яцко, козакъ реестровый 1649 года.
4. Иванъ, сотникъ ичанскій съ конца 60-хъ годовъ XVII в., полковникъ прилуцкій 1686—1693 гг. Жена—Марія. . 1.
5. Андрей, сотникъ ичанскій, 1715 года. Жена—Матрона Гнилозубъ . . . . . 2.
6. Григорій, сотникъ иваницкій около 1716 года . . . . 2.
7. Григорій, 1715 года сотникъ ичанскій, 1727 года—генеральный бунчучный, 1732 года—кандидатъ на генеральнаго бунчучнаго, 1734 года—членъ коммисіи о переводѣ и сводѣ книгъ правныхъ, 1737—41 годовъ кандидатъ на генеральнаго судью и генеральнаго подскарбія, бунчуковый товарищъ. Жена—вдова бунчуковаго товарища Кулябки, Евдокія, урожденная Лизогубъ . . . . 3.
8. Иванъ, сотникъ иваницкій. Былъ женатъ два раза. . . 3.
9. Андрей, войсковый канцеляристъ 1741 года — сотникъ ичанскій . . . . . 4.
10. Петръ, войсковый канцеляристъ 1741 г. . . . . 4.
11. Данило, бунчуковый товарищъ около 1770 года . . . 4.
12. Степанъ, сотникъ повстинскій. . . . . 4.

13. Михайло, бунчуковый товарищъ 1739 года. Жена—Анна Борозна . . . . . 4.
14. Григорій, войсковый канцеляристъ, войсковый товарищъ, сотникъ иваницкій 1770 годъ, бунчуковый товарищъ 1781 года . . . . . 5.
15. Александръ, войсковый канцеляристъ, войсковый товарищъ 1765 года . . . . . 5.
16. Михайло, премьеръ-маіоръ 1765 года . . . . . 5.
17. Иванъ . . . . . 5.
18. Павелъ родился въ 1775 году, началъ службу поручикомъ 5.
19. Петръ, родился въ 1779 году, началъ службу 13-ти лѣтъ регистраторомъ, поручикъ . . . . . 5.
20. Михайло, войсковый товарищъ 1763 года, коммисаръ 1765 года, бунчуковый товарищъ 1765 года, совѣстный судья 1782 года, надворный совѣтникъ 1784 года. . . 5.
21. Алексѣй, брестскій предводитель дворянства . . . . . 6.
22. Николай . . . . . 6.
23. Николай, дѣйствительный статскій совѣтникъ, черниговскій губернскій предводитель дворянства . . . . . 6.
24. Александръ . . . . . 6.
25. Александра. Мужъ генералъ-маіоръ О'конноръ . . . . 6.

Выдающимся въ родѣ Стороженковъ лицемъ какъ по своимъ дарованіямъ, такъ по литературной и служебной дѣятельности является не давно скончавшійся Алексѣй Петровичъ Стороженко. Несмотря на самыя разнообразныя вліянія образованія и жизни, онъ сохранилъ свою національную физіогномію до конца своихъ дней. Его недюжинный талантъ не получилъ еще надлежащей оцѣнки, а его беллетристическія произведенія далеко не всѣ извѣстны въ печати, его многолѣтняя служебная дѣятельность въ Царствѣ Польскомъ, въ центрѣ высшаго управленія остается совершенно почти неизвѣстною. Умеръ онъ вдали отъ родныхъ и къ нимъ не перешелъ его обширный портфель. Значительная часть его бумагъ, какъ мы слышали, находится у кого-то въ Брестѣ; множество писемъ находится въ разныхъ другихъ мѣстахъ и рукахъ. При тщательныхъ поискахъ, по свѣжей еще памяти, открылись-бы, можетъ

быть, рукописи покойнаго, существованія которыхъ мы не предполагаемъ.

Не безплодно было-бы для рода и потомства сохранить память объ этой личности даровитой и замѣчательной по своей служебной дѣятельности.

Принимаемъ на себя этотъ не легкій трудъ, но чувствуемъ сразу всю скудость имѣющагося у насъ матеріала. Позволяемъ себѣ надѣяться, что намъ не откажутъ въ содѣйствіи и довѣріи многочисленные почитатели таланта и памяти Алексѣя Петровича и покорнѣйше просимъ тѣхъ изъ нихъ, которые находились въ перепискѣ съ нимъ, или которымъ случайно достались его письма и другія рукописи, подѣлиться таковыми временно съ нами. По снятіи съ нихъ копій, они немедленно будутъ возвращены, тщательно сохраненными. Весьма желательны были-бы также личныя воспоми- о покойномъ и за сообщеніе оныхъ мы были-бы особенно благодарны.

Какъ письма, такъ и воспоминанія просимъ адресовать на имя редакціи „Кіевской старины“, для передачи намъ.

Н. В. С—ко.

Кіевъ, 8-го января 1884 г.

ИСТОРІЯ САМОУПРАВЛЕНІЯ У КУБАНСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

Кубанская область получила настоящій свой видъ только въ 1860 году, когда изъ двухъ, самостоятельно существовавшихъ до того. козачьихъ войскъ—черноморскаго и части кавказскаго линейнаго было образовано одно подъ именемъ кубанскаго. Поэтому, и исторія самоуправленія кубанскихъ козаковъ также распадается на двѣ независимыя исторіи: иначе самоуправленіе складывалось у черноморцевъ и иначе у линейцевъ. Такъ, отдѣльно одно отъ другаго, мы и отмѣтимъ историческое прошлое самоуправленіе у обоихъ названныхъ войскъ.

Относительно самоуправленія черноморскихъ козаковъ сложился тотъ неосновательный взглядъ, что будтобы черноморское войско, не смотря на свою генетическую связь съ Запорожьемъ, явилось тѣмъ не менѣе чѣмъ то новымъ, непохожимъ на это послѣднее по своему общественному строю. Такъ, семья и панское сословіе, не имѣвшія мѣста въ Запорожьи, получили полное право гражданства въ Черноморіи, чѣмъ будто-бы нарушились самыя основы сѣчеваго козачьяго самоуправленія. Историческіе факты дѣйствительно таковы: и семья и панское сословіе наложили рѣзкій отпечатокъ на жизнь козачества. И тѣмъ не менѣе, не смотря на это, Черноморія дала, въ предѣлахъ возможнаго, рѣдкій примѣръ согласованія старинныхъ излюбленныхъ формъ народной жизни съ новѣйшими ея требованіями, тѣмъ не менѣе черноморцы, съ ловкостью истыхъ политиковъ, перенесли съ собою на новое мѣстожительство порядки стараго Запорожья и привили ихъ здѣсь, на сколько позволили то обстоятельства.

Не въ добрую пору народилось черноморское войско. Центральное правительство косо въ это время посматривало на каза-

ковъ и ихъ самоуправленіе. Пугачевщина была еще у всѣхъ на памяти, съ запорожскою Сѣчью едва только были сведены счеты. И Екатерина II, и Потемкинъ одинаково стремились положить конецъ козачьимъ тенденціямъ въ средѣ малороссовъ. Братъ славянинъ Текелій, разрушая Сѣчь, постарался съ усердіемъ вандала стереть съ лица земли даже невинные историческіе памятники запорожцевъ. Только война съ турками и настоятельная нужда въ испытанныхъ козачьихъ войскахъ вызвали на свѣтъ снова организацію козачества изъ разрозненныхъ и разсѣянныхъ сѣчевиковъ. Давая, поэтому, новую жизнь козачеству, правительство всячески старалось съузить его права и подавить его былую, традиціонную автономію.

Начало существованія черноморскаго войска можно считать съ 1787 года. Въ это время часть разсѣянныхъ запорожцевъ, благодаря хлопотамъ бывшихъ запорожскихъ старшинъ Бѣлаго, Чепѣги и Головатаго, были кое-какъ собраны въ одно „войско“ и главное начальствованіе надъ козаками, согласно съ ихъ желаніемъ, было поручено Сидору Бѣлому. Бѣлый носилъ званіе войсковаго атамана и пытался было устроить Сѣчь у днѣпровскаго лимана съ Кинбурнской стороны. Войску была даже возвращена часть регалій запорожской Сѣчи—знамена, булава кошеваго и перначи, и дана собственная уже его войсковая печать [1]). Тѣмъ не менѣе на всемъ этомъ лежали черты какой-то вынужденной дѣланности. Сѣчь въ сущности представляла собою временный военный станъ, всецѣло находившійся въ распоряженіи русскихъ генераловъ, какъ часть дѣйствовавшей въ то время русской арміи. У войска не было надлежащей точки опоры для самостоятельнаго существованія—не было своей собственной земли, хотя въ 1788 г. и было уже сдѣлано обѣщаніе пожаловать землю „для поселенія въ керченскомъ кутѣ или на Тамани“ [2]).

Позже, въ 1790 году, черноморскому войску была отведена подъ поселеніе земля между рр. Днѣстромъ и Бугомъ. Войско здѣсь основало около 25 крупныхъ поселеній и не мало хуторовъ. Здѣсь поселились уже, кромѣ бездомной сиромы, и семейные ко-

---

[1]) Короленко, «Черномоцы», стр. 6.

[2]) Тамъ же, прил. III, стр. 3.

заки. Войско вмѣстѣ съ тѣмъ сохранило нѣкоторые остатки сѣчеваго устройства. Оно имѣло свой кошъ въ селеніи Слободзеѣ, своихъ кошеваго атамана, судью, писаря и есаула. Были учреждены также три полковыя паланки: березанская, поднѣстрянская и кинбурнская. Однако не смотря на все это, козаки все таки не чувствовали твердой почвы подъ собою, „не видѣли, по свидѣтельству Котляревскаго, точнаго тому положенія". Отъ старинной сѣчевой іерархіи остались одни лишь осколки, немногіе выборные старшины могли быть таковыми только съ согласія и утвержденія правительства, а, главное, казачество хорошо видѣло и понимало, что ему не ужиться рядомъ съ помѣщиками и что самая принадлежность ему указанныхъ земель была сомнительна.

И дѣйствительно, уже въ 1791 г. черноморцы получили повелѣніе переселиться изъ-за Буга на Таманскій или Фанагорійскій полуостровъ. Черноморцамъ такимъ образомъ не только предстояло бросить нѣсколько насиженныя уже мѣста, но въ перспективѣ виднѣлось нѣчто еще болѣе худшее: Таманскій полуостровъ представлялъ такой клочекъ земли, на которомъ было-бы тѣсно войску даже при тогдашнемъ его составѣ; но черноморцы, сплоченные уже въ одну козачью общину, нашлись въ этихъ крутыхъ обстоятельствахъ и вышли изъ нихъ побѣдителями. Имъ помогла тутъ привычка къ самоуправленію и желаніе добиться, во чтобы то ни стало, самостоятельной жизни.

Въ сущности, конечно, самое возникновеніе козачества обязано иниціативѣ и заботамъ исключительно самихъ-же козаковъ; они, въ лицѣ своихъ старшихъ, подали объ этомъ адресъ Екатеринѣ II, они ходатайствовали раньше о томъ-же предъ всесильнымъ Потемкинымъ. Позже, въ 1789 г., когда козачество ощутило надобность въ собственной своей землѣ и когда какъ по этому вопросу, такъ и относительно приравненія козачьей службы къ донской въ военномъ отношеніи, между пѣшими и конными козаками произошли несогласія, бывшій тогда войсковымъ атаманомъ Чепѣга просилъ войскового судью Антона Головатаго „приложить стараніе привесть и пѣхотную команду о землѣ въ единомысліе, а также и о донской службѣ" [1]). Вслѣдствіе этого Головатый собралъ на островѣ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 56.

Березани козачью раду изъ пѣхотныхъ козаковъ, которые и выразили свое согласіе относительно ходатайства о землѣ въ особомъ приговорѣ. Такимъ образомъ случай этотъ показываетъ, что общинная самодѣятельность была видною характерною чертою въ жизни черноморскаго козачества: община, а не отдѣльныя ея лица или даже представители, являлась окончательнымъ судьею и вершителемъ дѣлъ по важнѣйшимъ вопросамъ этой жизни.

Особенно-же ярко отмѣченная черта выразилась при переселеніи черноморцевъ изъ-за Буга на Кубань. Получивъ приказаніе о переселеніи, козаки на общей войсковой радѣ порѣшили послать прежде всего опытныхъ людей для осмотра Тамани и прилегавшихъ къ ней земель. Такимъ лицемъ былъ избранъ войсковый есаулъ Мокій Гуликъ съ командою козаковъ: затѣмъ, по приговору войсковой рады, судья Антонъ Головатый съ нѣсколькими войсковыми товарищами были избраны въ депутаты къ императрицѣ для исходатайствованія правъ „на вѣчно спокойное потомственное владѣніе" тою землею, которую намѣтило для себя козачество. Депутаціи было вручено прошеніе на имя императрицы отъ имени всего войска и особая инструкція относительно тѣхъ пунктовъ, о которыхъ депутація должна была хлопотать. Не смѣя даже заикнуться о правахъ бывшей запорожской Сѣчи, войско принуждено было пустить въ ходъ хитрость. Такъ, оно скромно просило объ отдачѣ ему во владѣніе земель „на Тамани съ окрестностями оной", а окрестности эти, по занимаемому ими пространству, въ 30 разъ превышали самый таманскій полуостровъ. Такъ оно не заикнулось и словомъ объ организаціи самоуправленія, а впослѣдствіи выработало свой собственный законодательный актъ, служившій въ сущности снимкомъ съ организаціи самоуправленія въ запорожской Сѣчи.

Результатомъ хлопотъ депутаціи въ Петербургѣ были двѣ жалованныя грамоты отъ 30 іюня и отъ 1 іюля 1792 года[1]). Въ этихъ грамотахъ были выражены тѣ начала, которыя легли потомъ въ основу общиннаго самоуправленія черноморскихъ козаковъ. Надо отдать полную справедливость той осторожности и тактичности, съ которою дѣйствовала въ этомъ отношеніи козачья депутація и въ

---

[1]) П. С. Іок., т. XXIII, стр. 342 и 346.

особенности ея глава—судья Антонъ Головатый. Пустивъ въ ходъ все: и знакомство съ людьми сильными, и малорусскую пѣсню, и бандуру, и чудачество козака-малоросса, этотъ замѣчательно умный человѣкъ на столько успѣшно довелъ до конца порученное ему дѣло, что главнѣйшія желанія войска были занесены въ жалованныя грамоты въ подлинныхъ почти козачьихъ выраженіяхъ.

На основаніи первой изъ этихъ грамотъ, войско представляло собою коллективное юридическое лице; земля была отдана ему также въ коллективную собственность; войску положено было опредѣленное жалованье, дарована свободная внутренняя торговля и вольная продажа вина на войсковыхъ земляхъ, пожалованы войсковое знамя и литавры, а также подтверждено употребленіе другихъ регалій бывшей Запорожской Сѣчи; въ административномъ отношеніи войско подчинено было таврическому губернатору, но имѣло свое собственное начальство, такъ называемое „войсковое правительство", состоявшее изъ войсковаго атамана, судьи и писаря; хотя затѣмъ въ грамотѣ и выражено было, „чтобы земское управленіе сего войска, для лучшаго порядка и благоустройства, соображаемо было съ изданными учрежденіями о управленіи губерній", но войсковому правительству предоставлена была „расправа и наказаніе впадающихъ въ погрѣшности въ войскѣ", и только „важныхъ преступниковъ" повелѣвалось отсылать къ таврическому губернатору „для осужденія по законамъ"; наконецъ, на черноморское войско возложены были „бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ".

Вторая грамота, отъ 1 іюля, обнимала собственно вопросъ о переселеніи козаковъ изъ-за Буга на Кубань и о пожалованіи старшинамъ патентовъ на офицерскіе чины.

Такимъ образомъ, въ грамотахъ не было прямыхъ указаній на то, въ какой формѣ должно было выразиться самоуправленіе войска. На дѣлѣ-же войско придерживалось уже въ этомъ отношеніи порядковъ Запорожской Сѣчи. Оно воспользовалось, поэтому, какъ неопредѣленностью оффиціальныхъ документовъ, такъ и прецедентомъ сложившейся уже практики, и выработало въ формѣ писанныхъ правилъ 1794 года, извѣстныхъ подъ именемъ „Порядка общественной пользы" [1]), свою особую организацію козачьяго само-

[1]) Ив. Попка. «Черноморскіе козаки», стр. 277—288.

управленія. „Вспоминая первобытное войска подъ названіемъ запорожцевъ состояніе“, войсковое правительство постановило въ этомъ замѣчательномъ документѣ слѣдущія важнѣйшія правила:

Въ войскѣ должно было существовать „войсковое правительство, на всегда управляющее войскомъ“, и состоявшее изъ кошеваго атамана, войсковаго судьи и войсковаго писаря.

„Ради войсковой резиденціи“ основанъ городъ Екатеринодаръ.

Въ Екатеринодарѣ, „ради собранія войска и прибѣжища бездомовныхъ козаковъ“, устроено было 40 куреней, изъ которыхъ 38 носили тѣ-же названія, что и въ Запорожской Сѣчи; а все войско положено было „поселить куренными селеніями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ какому куреню по жребію принадлежать будетъ“.

Въ каждомъ куренѣ ежегодно, 29 іюня, положено было избирать куреннаго атамана.

Куренные атаманы обязаны были безотлучно находиться при куреняхъ, дѣлать наряды по службѣ, примирять тяжущихся и „разбирать голословно маловажныя ссоры и драки“, а „за важное преступленіе представлять подъ законное сужденіе войсковому правительству“.

Старшины, безъ должности, должны были повиноваться въ куреняхъ „атаману и товариществу“, а этимъ послѣднимъ въ свою очередь предписывалось уважать старшинъ.

„Для завѣдыванія и утвержденія по всей войсковой землѣ къ долгоденственному спокойствію благоустройнаго порядка“, войсковая территорія была раздѣлена на пять округовъ.

Для управленія округами въ каждомъ изъ нихъ полагалось „окружное правленіе“, состоявшее изъ полковника, писаря, асаула и хорунжаго и имѣвшее свою окружную печать съ гербомъ.

Окружныя правленія и лица, составлявшія ихъ, обязаны были „чинить непремѣнное и немедленное исполненіе“ письменныхъ распоряженій войсковаго правительства. На правленіе, кромѣ того, возложено было имѣть попеченіе объ экономическихъ нуждахъ населенія, „а также между людьми встрѣчающіяся ссоры и драки голословно разбирать“, заботиться объ исправномъ и своевременномъ вооруженіи козаковъ, о дорогахъ и мостахъ, о благоустройствѣ и чистотѣ въ куренныхъ селеніяхъ, о пожарной части, о преслѣ-

дованіи воровъ и грабителей и о мѣрахъ противъ повальныхъ болѣзней на людяхъ и на скотѣ.

Въ частности козакамъ какъ чиновнымъ, такъ и рядовымъ, дозволено было заводить на войсковой землѣ и угодьяхъ дворы, хутора, мельницы, лѣса, сады, виноградники и рыбные заводы, а „въ отмѣнное воздаяніе старшинамъ, яко вождямъ, наставникамъ и попечителямъ общихъ сего войска благъ“, позволялось, кромѣ того, селить при хуторахъ родственниковъ и „вольноотпущенныхъ людей“.

Собственно для окружныхъ правленій была выработана также особая инструкція, въ которой подробно были изложены права и обязанности окружной администраціи, какъ земской полиціи и исполнительнаго органа.

Таковы въ существенныхъ чертахъ были порядки того самоуправленія, которымъ должны были начать свою новую жизнь на Черноморіи наслѣдники Запорожья. Сравнивая эти порядки съ тѣмъ, чѣмъ пользовалось въ этомъ отношеніи Запорожье, нельзя конечно не замѣтить, что права козачества были значительно съужены. Для Запорожской Сѣчи почти не существовало никакихъ законовъ, изданныхъ центральнымъ правительствомъ; она сама составляла свои законы, на основаніи обычая, и даже карала своихъ преступныхъ сыновъ смертною казнію. Управленіе-же черноморскимъ войскомъ предписывалось въ жалованной грамотѣ сообразовать съ узаконеніями по управленію губерніями. Въ Запорожьѣ широко практиковалось выборное начало. Въ Черноморіи оно было оставлено только для мелкихъ единицъ—куреней. Въ Запорожьи старшина была выборною. На Черноморіи, разъ козакъ занялъ въ войсковой іерархіи чиновное мѣсто, за нимъ закрѣплялось званіе пана правительственными дипломами навсегда.

Съ другой стороны, за козачествомъ были оставлены, во первыхъ, право войсковой земельной собственности и, во вторыхъ, куренное самоуправленіе, т. е. такого рода устои, на которыхъ крѣпко могла еще стоять общинная жизнь козачества. Козаки вообще старались удержать даже внѣшнія черты сѣчеваго устройства. Такъ, были оставлены курени въ Екатеринодарѣ; подъ именемъ округовъ были учреждены тѣ-же запорожскія паланки, въ которыхъ, какъ и въ Запорожьи, администрацію составляли полковникъ, писарь, асаулъ

и хорунжій; администрація эта ежегодно выбиралась войсковымъ правительствомъ, т. е. если не самимъ товариствомъ, то все таки его представителями, составлявшими коллегіальное учрежденіе; въ сферѣ обыденныхъ отношеній предписывалось даже почитать, какъ и въ Запорожья, старшинъ непроходившихъ общественной службы и проч. Но суть конечно заключалась въ перенесеніи самоуправленія въ курень.

Такимъ образомъ, въ Черноморіи въ первый разъ ясно обозначилась та диференцировка автономныхъ функцій козачества, благодаря которой одна часть этихъ функцій перешла къ центральному правительству, а другая осталась за войскомъ въ формѣ спеціальныхъ его правъ. Высшая администрація козачества, представляя собою одну лишь внѣшнюю форму сѣчевой администраціи, безъ внутренняго правоваго содержанія, была собственно органомъ правительственнымъ, такъ какъ и назначалась, и смѣнялась, и руководилась, и была отвѣтственною исключительно предъ центральнымъ правительствомъ. Самоуправленіе затѣмъ замкнулось въ тѣсныя рамки куренной, сельской общины.

Не само конечно козачество додумалось до подобной реорганизаціи вѣковой своей жизни, но привели его къ ней историческій ходъ событій, обстоятельства внѣшнія, которыя должны были съузить широкое приволье козачьей жизни. Подъ вліяніемъ ихъ, козачество работало несомнѣнно въ духѣ своихъ вѣковыхъ идеаловъ и съумѣло разбить безсемейную Запорожскую Сѣчь на сорокъ мелкихъ черноморскихъ сѣчей, въ основу которыхъ, по словамъ грамоты, должно было лечь „распространеніе семейственнаго житія“; но если при этомъ оно измѣнило и ограничило свою внутреннюю организацію, то это зависѣло не отъ превращенія безсемейнаго козачества въ семейное, а условливалось обстоятельствами чисто внѣшними—требованіями и интересами центральнаго правительства.

Но и упомянутое сѣчевое устройство черноморскаго козачества существовало безъ измѣненій только до 1801 года, когда войску была дана новая грамота императоромъ Павломъ, значительно измѣнившая прежнее козачье устройство и изгнавшая изъ употребленія даже нѣкоторыя названія лицъ и учрежденій, заимствованныхъ черноморцами изъ Запорожской Сѣчи. Напрасно раньше, въ 1797 году, кошевой атаманъ Т. Т. Котляревскій хлопоталъ о томъ,

чтобы дозволено было войсковое правительство „именовать по прежнему Кошемъ войска вѣрныхъ черноморскихъ козаковъ“ и заботился о пожалованіи войску „бунчука и трости войсковой, поелику сіи привиллегіи были въ войскѣ запорожскомъ жалованными“. Атаманъ видимо желалъ удержать хотя-бы одни внѣшнія черты стараго сѣчеваго устройства, чтобы покрайней мѣрѣ они напоминали молодому козачеству о былой автономіи его дѣдовъ и отцовъ. Но центральное правительство въ свою очередь неизмѣнно шло по разъ намѣченному пути. Въ силу упомянутой грамоты, вмѣсто „войсковаго правительства“, была учреждена „войсковая канцелярія“, въ которой должны были присутствовать отъ войска атаманъ и два члена, а отъ правительства „особа“ по назначенію отъ него; при канцеляріи-же долженъ былъ состоять правительственный прокуроръ. Въ дѣловомъ отношеніи, согласно съ образцами тогдашняго бюрократизма, канцелярія была раздѣлена на шесть „экспедицій“—криминальную, гражданскую, казенную, межевую, полицейскую и сыскную. Въ слѣдующемъ затѣмъ году, указомъ императора Павла отъ 13 ноября, войско было раздѣлено въ военномъ отношеніи на 20 полковъ.

Въ царствованіе Александра I, указомъ отъ 25 февраля 1802 г., вновь положено было учредить „войсковое правительство съ такимъже числомъ присутствующихъ, какъ и въ донскомъ войскѣ“, а въ войсковой канцеляріи донскаго войска, въ силу того-же указа, повелѣно было присутствовать войсковому атаману, двумъ непремѣннымъ членамъ и четыремъ ассесорамъ, при чемъ учрежденные при Павлѣ экспедиціи, за исключеніемъ полицейской, положено было совсѣмъ уничтожить. По воинскимъ дѣламъ Черноморію приказано было подчинить инспектору крымской инспекціи, а по части гражданской—таврическому губернскому начальству и „особенно управляющему губерніею“. Затѣмъ участіе въ войсковомъ правительствѣ „особаго генерала“ также рѣшено было отмѣнить, оставивъ лишь прокурора [1]). Такимъ образомъ, благодаря этому узаконенію, былъ сдѣланъ какъ-бы шагъ назадъ къ прежнему козачьему устройству. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣленіе войска на 20 полковъ въ военномъ отношеніи осталось въ своей силѣ.

---

[1]) Пол. собр. зак., т. XXVII, стр. 54.

По словамъ г. Попки, старые казаки рѣзко отличали то устройство казачества, какое послѣднимъ было получено въ силу узаконеній Павла и Александра I, отъ прежняго, выраженнаго письменно въ „Порядкѣ общественной пользы", обозначая его въ своихъ воспоминаніяхъ лаконически: „до полковъ". И на самомъ дѣлѣ въ этомъ отношеніи замѣчалась видимая разница, хотя разница эта началась раньше дѣленія войска на полки. Такъ, первые три кошевые атамана—Бѣлый, Чепѣга и Головатый, были еще избраны козачествомъ по старинному обычаю на войскокой радѣ и только утверждены правительствомъ; четвертый затѣмъ Котляревскій былъ уже прямо назначенъ правительствомъ, безъ всякаго выбора, и съ этихъ поръ войсковые атаманы назначались правительствомъ изъ среды козаковъ до 1855 года, когда назначеніе войсковыхъ атамановъ начало производиться изъ однихъ лицъ не козачьяго происхожденія. Грамотою императора Павла были совсѣмъ уничтожены зданія войсковаго судьи и войсковаго писаря. Дѣленіе на полки, ослабивъ отчасти у козаковъ право собственныхъ военныхъ распорядковъ, наложило на войско узы внѣшней сторонней регламентаціи. Назначеніе въ войсковую канцелярію довѣренныхъ отъ центральнаго правительства лицъ, помимо выраженнаго самимъ фактомъ войску недовѣрія, связывало козачью администрацію въ области самостоятельныхъ ея дѣйствій и начинаній. Однимъ словомъ, послѣдними правительственными распоряженіями окончательно были стерты слѣды собственно войсковаго козачьяго самоуправленія. Отъ запорожской Сѣчи осталось одно куренное, общинное въ тѣсномъ смыслѣ, самоуправленіе.

И такъ, начало теперешняго общиннаго самоуправленія черноморцевъ надо искать въ томъ отдаленномъ времени, когда на Черноморіи существовала куренная община, позаимствованная въ свою очередь изъ запорожской Сѣчи.

На сколько можно судить объ этомъ отдаленномъ времени, куренное самоуправленіе цѣликомъ держалось на народныхъ обычаяхъ и традиціяхъ. Писанныхъ законовъ не существовало для этой мелкой козачьей общины. Куренный атаманъ былъ лицемъ выборнымъ и ежегодно смѣняемымъ, по желанію избравшей его общины, разъ онъ былъ ей не угоденъ. Куренное общество или кругъ было традиціонною козачьею громадою, вершившею свои общественныя

дѣла на общихъ радахъ. Тутъ, на этихъ радахъ, товариство и атаманъ обсуждали свои нужды, распредѣляли выполненіе общинныхъ повинностей, устанавливали извѣстнаго рода хозяйственные порядки и чинили судъ и расправу въ тѣхъ границахъ, какія позволялись имъ войсковою администраціею, но какія, впрочемъ, были не ясно опредѣлены, а потому, и еще болѣе по старой привычкѣ, часто преступались козачествомъ.

Впрочемъ, собственно въ исполнительныхъ органахъ куреннаго управленія въ разное время были вводимы нѣкоторыя измѣненія. Обычнымъ представителемъ общины былъ въ этомъ отношеніи атаманъ, при которомъ состоялъ писарь. Но затѣмъ въ одно время, кромѣ куренныхъ атамановъ, были такъ называемые сельскіе атаманы, въ другое время, именно во время водворенія переселенцевъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, назначились „смотрителя" во вновь устраивавшіяся селенія. Въ концѣ концевъ куренное правленіе составляли куренной атаманъ и два куренные судьи, съ неизбѣжнымъ писаремъ, на которомъ лежало веденіе канцелярской части. Всѣ эти лица были выборными и первыя три лица, кромѣ исполнительной роли, несли обязанности ближайшей судебной инстанціи, роль которой, впрочемъ, какъ-то терялась въ куренномъ козачьемъ „кругѣ" или „радѣ", представлявшемъ собою высшую инстанцію козачьяго куреннаго самоуправленія.

Въ такомъ видѣ куренное самоуправленіе существовало до 1842 года, когда то, что держалось въ куренныхъ общинахъ на обычаѣ и традиціяхъ, въ первый разъ было формулировано и занесено въ правительственныя законоположенія. Въ этомъ году вышло первое казачье Положеніе.

Положеніемъ 1842 года[1]) управленіе черноморскимъ козачьимъ войскомъ было подраздѣлено на военные и гражданское. Для военнаго управленія были учреждены войсковое и окружныя дежурства. Въ гражданскомъ-же отношеніи органы управленія распадались на войсковыя, окружныя и станичныя.

Къ войсковымъ учрежденіямъ относились: 1) войсковое правленіе, 2) войсковая врачебная управа, 3) войсковая прокуратура, 4) торговый словесный судъ и 5) полиція города Екатеринодара.

---

[1]) П. С. Зак., т. XVII.

Существенный органъ въ козачьемъ управленіи представляло собственно войсковое правленіе, которое состояло изъ четырехъ экспедицій: исполнительной, хозяйственной, поземельной и гражданской.

Окружное гражданское управленіе въ свою очередь распадалось: 1) на окружной судъ, 2) окружное сыскное начальство, 3) словесный мировой судъ и 4) окружную прокуратуру въ лицѣ окружнаго стряпчаго. Существенное значеніе въ дѣлѣ козачьяго управленія имѣли собственно окружные суды и въ особенности сыскныя начальства. Въ составъ первыхъ входили судья и два засѣдателя—одинъ отъ чиновниковъ и одинъ отъ козаковъ. Такъ какъ въ засѣдатели выбирались обыкновенно лица станичными сходами, то въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, въ положеніи 1842 г. было допущено нѣчто въ родѣ участія куренной или станичной общины въ войсковомъ управленіи. Но это было именно только нѣчто. Въ силу самаго положенія, попавшія въ засѣдатели отъ козаковъ лица могли участвовать въ рѣшеніяхъ тѣхъ только дѣлъ, которыя касались станицы или козаковъ. Засѣдатели, слѣдовательно, являлись въ такихъ случаяхъ лишь защитниками интересовъ рядоваго козачества; но такая защита могла быть игрушкою въ рукахъ всесильнаго пана, который засѣдалъ во всѣхъ козачьихъ учрежденіяхъ и ворочалъ всѣмъ, конечно, не въ обиду и не въ убытокъ себѣ.

Наконецъ, станичныя учрежденія составляли собственно органы козачьяго самоуправленія. Это были станичный сборъ и станичное правленіе, въ которыхъ выражалась юридически автономная дѣятельность станицы или вѣрнѣе станичнаго общества.

Нужно замѣтить, что нѣкоторыя статьи Положенія 1842 года о черноморскомъ войскѣ были приравнены къ однохарактернымъ статьямъ Положенія отъ 26 мая 1635 года о донскомъ войскѣ, и такъ какъ послѣднее было издано раньше перваго, то въ извѣстныхъ случаяхъ черноморскіе козаки должны были руководиться имъ. Такъ, въ области собственно станичнаго управленія черноморское войско должно было придерживаться главы XVI „Наказа гражданскому управленію войска донскаго“ и „Отдѣльныхъ правилъ къ наказу гражданскаго управленія“, а также главы Положенія о порядкѣ станичныхъ выборовъ. Это конечно не означало, что станичное самоуправленіе черноморцевъ было перемѣнено на иной ладъ.

Нѣтъ, на указанныхъ пунктахъ у черноморцевъ и донцевъ было много общаго, къ которому они пришли путемъ самостоятельной жизни и развитіи.

Согласно обоимъ казачьимъ Положеніямъ и черноморскому и донскому, каждая станица въ лицѣ полноправныхъ общинниковъ представляла собою отдѣльное станичное общество, на которомъ лежали хозяйственные распорядки, касавшіеся всей станицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ станичному обществу была оставлена часть правъ стариннаго казачьяго круга или рады. Такъ, общество на полномъ сборѣ могло судить и наказывать своихъ членовъ „за маловажные проступки", „за бродяжество" и прочее. Въ частности автономныя функціи станичной общины были раздѣлены между двумя органами— станичнымъ сборомъ и станичнымъ правленіемъ.

Какъ гласитъ параграфъ 115 упомянутыхъ „Отдѣльныхъ правилъ къ наказу гражданскаго управленія", станичный сборъ долженъ былъ руководиться „въ сужденіи и рѣшеніи общественныхъ дѣлъ" тѣмъ общимъ основаніемъ, „чтобы общественная собственность со стороны всякаго незаконнаго притязанія оставалась совершенно неприкосновенною, чтобы польза общая всегда предпочитаема была частной; чтобы всѣ обыватели довольствовались выгодами уравнительно и никто изъ нихъ не присвоялъ не принадлежащаго ему; чтобы не былъ упущенъ изъ виду ни одинъ источникъ, могущій приносить станицѣ доходъ, а по расходамъ была соблюдена строгая хозяйственность и отчетность; чтобы мѣры взыскательности служили къ неослабному сохраненію и утвержденію древнихъ обычаевъ, доброй нравственности по общежитію и въ семействахъ, благочестія, чинопочитанія и уваженія къ старшимъ, и всегдашней готовности къ исполненію обязанностей службы; чтобы тѣлесное наказаніе опредѣлялось по однимъ яснымъ и никакому сомнѣнію не подверженнымъ доводамъ; чтобы престарѣлые, дряхлые и больные, неимѣющіе покрова, обрѣтали пристанище и успокоеніе, а сироты обезпечивались въ своемъ достояніи; чтобы искоренялось пристанодержательство подозрительныхъ людей, бродяжество нищихъ и прочее". Самые-же подлежавшіе обсужденію станичнаго сбора предметы подраздѣлялись на двѣ категоріи: по однимъ изъ нихъ, каковы „распоряженія по земельному довольствію, назначеніе опекуновъ, опредѣленіе мѣры тѣлеснаго наказанія" и т. п., постановленія мо-

гли производиться не менѣе, какъ $^2/_3$ голосовъ всѣхъ домохозяевъ; по другимъ, какими были разборъ ссоръ и дракъ, дѣла о буйствѣ и непослушаніи въ нетрезвомъ видѣ и проч., постановленія могли производиться и неполнымъ сборомъ.

Собственно станичное правленіе представляло собою „мѣстную исполнительную власть, дѣйствовавшую на пространствѣ юрта каждой станицы.“ Въ составъ станичнаго правленія входили станичный атаманъ и двое судей, которые выбирались обществомъ на полномъ сборѣ и утверждались въ своей должности войсковымъ атаманомъ на три года. Кромѣ того, при каждомъ станичномъ правленіи полагалось по два писаря, но, по своему положенію, они не принадлежали къ составу станичной администраціи, хотя въ дѣйствительности и играли именно такую роль. Какъ исполнительному органу, станичному правленію должно было подчиняться „все народонаселеніе станицы“.

Съ другой стороны, станичному правленію была присвоена въ извѣстныхъ предѣлахъ и судебная функція. Ему было предоставлено право „неукоснительно производить словесныя изысканія, разсматривать оныя и полагать мнѣніе свое объ исправительныхъ средствахъ: за неповиновеніе дѣтей родителямъ и оскорбленіе ихъ, за сварливость въ семействѣ и съ сосѣдями, за лѣность, пьянство, буйство, распутство, обманъ всякаго рода и кражу ниже двадцати рублей, потраву чужаго хлѣба или сѣна, поврежденіе сада и прочіе подобные поступки, не заключающіе въ себѣ важнаго преступленія“. Но въ такихъ случаяхъ, разобравъ извѣстное дѣло и записавъ кратко сущность его въ журналѣ, станичное правленіе передавало его на судъ станичнаго общества. Въ свою очередь станичное „общество, повѣривъ обстоятельства дѣла, или соглашалось съ мнѣніемъ атамана и судей, или полагало свое рѣшеніе.“ Такимъ образомъ, функціи станичнаго суда распредѣлялись между станичнымъ сборомъ и станичнымъ правленіемъ, причемъ послѣднее играло роль предварительной слѣдственной власти, а первый имѣлъ значеніе высшей судебной инстанціи.

Къ тому времени, когда было издано Положеніе 1842 года о черноморскомъ войскѣ, войско это уже окончательно сложилось въ сословномъ отношеніи. То, что было только въ зародышѣ при заселеніи края, въ это время стало вполнѣ законченнымъ фактомъ.

Прежняя старшина превратилась въ пановъ, въ дворянское сословіе. Рядомъ съ этимъ сословіемъ вышло изъ той-же среды рядоваго козачества и козачье духовенство. Занявъ опредѣленное мѣсто въ войскѣ, оба сословія стали, разумѣется, въ извѣстныя отношенія къ сѣрой массѣ. Принадлежность ихъ къ войску давала имъ права рядоваго козачества, а чиновное положеніе предоставляло преимущества привиллегированныхъ людей. Въ положеніе 1842 года въ первый разъ занесено одно изъ такихъ преимуществъ для дворянства. Помимо обычныхъ козачьихъ правъ на землю въ количествѣ 30 дес., дворянскому сословію было предоставлено въ пожизненное пользованіе по 1500 дес. на генерала, по 400 дес. на штабъ-офицера и по 200 дес. на оберъ-офицера. Это, понятно, должно было еще рѣзче выдѣлить офицеровъ и чиновниковъ изъ массы рядоваго козачества.

Исторія черноморскаго войска богата вообще фактами самаго безцеремоннаго отношенія пановъ къ куренному самоуправленію. Съ особенною яркостью выразилось это въ захватѣ панами лучшихъ земельныхъ угодій и въ исключительномъ пользованіи ими. Какъ примѣръ такихъ отношеній, можно привести здѣсь слѣдующій фактъ. Въ 1823 г. общество и атаманъ „вновь устроеннаго селенія на Албашахъ", впослѣдствіи новодеревянковскаго куреня, послали козака Павла Вариводу къ полковому хорунжему Пичкѣ для уговора на счетъ того, чтобы Пичка не толочилъ своимъ скотомъ „кута", оставленнаго обществомъ подъ общій для него и Пички сѣнокосъ, на что раньше изъявилъ согласіе самъ Пичка. „Но, какъ говорится въ жалобѣ атамана въ комитетъ по переселенію, онъ, г. Пичка, не взирая на просьбу общества, посланнаго козака Вариводу первѣе разругалъ разнообразно, потомъ билъ его плетью до удовольствія своего и отобралъ плеть; еще имѣлъ противозаконныя похвалки смерти предать" [1]). И подобными фактами, повторяемъ, полна исторія козачьяго самоуправленія.

Само собою понятно, что тамъ, гдѣ позволяли обстоятельства, рядовое козачество всячески старалось отстоять свою общинную самостоятельность. Старинные козачьи обычаи были еще сильны; козачество не могло еще забыть своей прежней автономіи, и община

---

[1]) Изъ архива новодеревянковскаго станичнаго правленія.

часто переступала тѣ границы, которыя были положены ей въ этомъ отношеніи писаннымъ закономъ. Такъ, въ той-же новодеревянковскій станицѣ общество постановило въ 1847 г. удалить изъ своей среды заштатнаго священника изъ козаковъ. Постановленный на этотъ счетъ приговоръ на столько любопытенъ самъ по себѣ, что не лишне будетъ привести его здѣсь въ существенныхъ чертахъ. Заштатный священникъ Иванъ Ивановъ, гласитъ приговоръ, „дѣлалъ намъ разныя притѣсненія, оскорбленія и обиды; рѣдкій изъ насъ не испыталъ отъ него неистерпимыхъ ругательствъ и побоевъ, особенно въ пьяномъ видѣ, въ коемъ онъ довольно часто упражняется". Жалобы на священника „были неисчислимы, но удовлетвореній (по нимъ) никто не получалъ". Правда, было сдѣлано распоряженіе о высылкѣ священника Иванова въ монастырь, но оно не приведено въ исполненіе. Къ тому-же, со времени смерти жены священника, за хозяйку у него живетъ „станицы новомлинской женщина Варвара Губарева развратнаго поведенія, вздорнаго и строптиваго характера и рѣшительно испорченной нравственности. Будучи близкою къ нему, какъ домоправительница, она подстрекаетъ и вооружаетъ Иванова противъ многихъ изъ насъ". А посему общество поручаетъ станичному правленію „ходатайствовать о скорѣйшемъ удаленіи изъ станицы, ради нашего спокойствія, вздорнаго и буйнаго священника Иванова, а его развратную и безнравственную домоправительницу Варвару Губареву заразъ удалить изъ среды насъ, куда будетъ благоугодно начальству" [1]). И затѣмъ подъ приговоромъ стоитъ 119 подписей.

Такимъ образомъ, куренная или станичная община была въ сущности общиною всесословною. Въ составъ ея входили вмѣстѣ съ рядовыми козаками и козачьи офицеры или чиновники, а мѣстами даже духовенство. Лица изъ дворянскаго сословія, не рѣдко выбирались станичными атаманами, хотя, по весьма понятной причинѣ, станичники и предпочитали имъ своего брата-козака. На сходахъ, въ дѣлахъ всей общины одинаково участвовали и козаки, и офицеры, и духовныя лица козачьяго происхожденія. И если объ участіи офицеровъ въ прежнемъ самоуправленіи станицъ козаки сохранили темныя воспоминанія, то лица духовныя играли иногда

---

[1]) Изъ архива новодеревянковскаго станичнаго правленія.

въ этомъ самоуправленіи довольно почтенную роль. Козакъ-священникъ всегда былъ уважаемымъ лицемъ въ станицѣ. За немногими исключеніями, масса сохранила объ этихъ священникахъ добрыя воспоминанія, выдѣляя ихъ изъ рядовъ остальнаго, пришлаго духовенства. Это было свое, „козàче“, по выраженію черноморцевъ, духовенство, ставшее таковымъ большею частію по „собственному призванію“, по желанію общинъ и по ходатайствимъ ихъ предъ епархіальнымъ начальствомъ путемъ представленія такъ называемыхъ „одобрительныхъ приговоровъ“. Неудивительно, что такого рода духовныя лица имѣли авторитетный голосъ по многимъ вопросамъ на станичныхъ сходахъ, которые эти лица обыкновенно обязательно посѣщали.

Инымъ путемъ и въ иныхъ формахъ шло развитіе внутреннихъ распорядковъ въ козачьихъ общинахъ Старой и Новой Линій. Съ самаго возникновенія этихъ общинъ и до 1870 года, въ жизни ихъ играло чрезвычайно важную роль военное начало. Тутъ не было такой органической связи съ прошлымъ козачества, какая чувствовалась на каждомъ шагу въ черноморскомъ войскѣ. Управленіе здѣсь отличалось своего рода простотою, но это была простота военной дисциплины. Общинная жизнь долго тлѣла подъ покровомъ военнаго приказа и всецѣло подчинялась ему. Поэтому, и исторія здѣшняго самоуправленія не отличается ни характерными эпизодами самостоятельнаго развитія, ни сложностью послѣдняго.

Ядро козачьихъ общинъ на Линіи составили донскіе выходцы. Они попали сюда въ 1794 году, какъ ослушники начальству, и слѣдовательно, по отношенію къ организаціи самоуправленія оказались еще въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ черноморцы. Правда, линейцы могли перенести съ собою на Кубань изъ стараго мѣстожительства вполнѣ выработанные и сложившіеся уже порядки самоуправленія донскихъ козаковъ. Но, во первыхъ, на Кубани были условія не тѣ, что на Дону, а во вторыхъ, переселенцы были водворены на Линіи, какъ мятежники. Размѣщенные въ шести станицахъ, основанныхъ на мѣстѣ бывшихъ до того военныхъ укрѣпленій, они составили кубанскій полкъ и, какъ пограничный полкъ, получили строго военную организацію. Во главѣ всѣхъ станицъ стоялъ полковой командиръ, отъ котораго зависѣла козачья старшина, командовавшая и распоряжавшаяся вмѣстѣ съ командиромъ

станицами. Собственно-же станичное самоуправленіе связано было съ мелочами обыденной жизни и держалось на обычаѣ, при посредствѣ станичныхъ круговъ или сходовъ.

Чрезъ десять лѣтъ, въ 1803 и 1804 годахъ, на Кубани было основано еще пять станицъ. Это уже были не донцы, а переселенцы изъ Слободской Украйны, входившіе раньше въ составъ екатеринославскаго войска. Получивъ такую-же военную организацію, какая дана была ихъ предшественникамъ донцамъ, эти новые поселенцы образовали особый, кавказскій полкъ. Согласно указу военной коллегіи отъ 11 іюля 1803 г., въ военномъ отношеніи полкъ этотъ долженъ былъ состоять изъ полковаго командира, 5 асауловъ, 5 сотниковъ, 5 хорунжихъ, одного квартирместра, одного полковаго писаря и 500 козаковъ. Но такъ какъ въ наличности не оказалось полнаго количества козачьей старшины; то инспектору кавказской инспекціи генералу Кноррингу было предписано, „чтобы онъ отрядилъ въ станицы надежнѣйшаго штабъ-офицера и приказалъ-бы въ присутствіи его учинить выборъ: во первыхъ въ войсковые старшины двухъ или трехъ кандидатовъ, достойныхъ и заслуженныхъ чиновниковъ, а потомъ въ асаулы, сотники и хорунжіе“ [1]). Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ козачеству было предоставлено одно изъ тѣхъ правъ, которое составляло существенную черту стариннаго козачьяго самоуправленія. Это, впрочемъ, была лишь временная мѣра. Козаки, получивъ полковую организацію, въ отношеніи самоуправленія были поставлены въ общія съ донскими выходцами условія.

Полковое устройство на долго потомъ осталось у линейцевъ господствующею формою управленія. За нимъ какъ-то стушевывалось самоуправленіе станицъ, тѣмъ болѣе, что эти послѣднія всецѣло были подчинены станичнымъ начальникамъ (атаманамъ), которые назначались военною администраціею изъ чиновныхъ козаковъ, а не выбирались станичными обществами, какъ это велось на Черноморіи. Въ 1832 г. изъ упомянутыхъ линейныхъ полковъ и изъ козаковъ, жившихъ въ области р. Терека, образовано одно кавказское линейное козачье войско, получившее, какъ и другія войска, своего атамана. Преобразованіе это не имѣло, собственно говоря

---

[1]) 1. Дебу, «О кавказской линіи», изд. 1829 г., стр. 74.

никакого вліянія на самоуправленіе линейныхъ козаковъ. Ихъ станичныя общины остались въ этомъ отношеніи тѣми-же малозначущими единицами, какими были и прежде. Но въ высшемъ козачьемъ управленіи произошла значительная перемѣна: разрозненные до того козачьи полки получили объединеніе подъ властію одного общаго начальника. Точно также и дальнѣйшее расширеніе войска не имѣло никакого вліянія на самый характеръ самоуправленія линейцевъ. Дѣло сводилось только къ увеличенію козачьихъ полковъ, организованныхъ по разъ принятому шаблону. Такъ, одновременно съ образованіемъ кавказскаго линейнаго войска, въ козачество былъ зачисленъ цѣлый рядъ крестьянскихъ, смежныхъ съ козачьими землями, поселеній. Такимъ-же путемъ, въ формѣ полковъ, занята была впослѣдствіи Новая или Лабинская Линія.

Нужно вообще замѣтить, что по отношенію къ организаціи линейнаго козачества центральнымъ правительствомъ на первыхъ порахъ не было издано ни жалованныхъ грамотъ, ни соотвѣтствующихъ имъ, общихъ регламентирующихъ законовъ. Исторія самоуправленія линейныхъ козаковъ въ этомъ отношеніи значительно разнится отъ исторіи самоуправленія черноморцевъ. Линейный козакъ всегда жилъ болѣе военною дисциплинированною жизнію, чѣмъ черноморецъ. Приказы начальства замѣняли ему законъ центральнаго правительства, и это, разумѣется, находилось въ ближайшей связи съ тою ролью, которая лежала на линейцѣ, какъ пограничномъ воинѣ. Однако, не смотря на то, что военный режимъ сдерживалъ козака въ границахъ возложенныхъ на него обязанностей и что у домашняго очага козакъ находилъ свои обычные порядки, свой судъ и расправу, необходимость въ общемъ, объединяющемъ все козачье управленіе, законѣ должна была чувствоваться по мѣрѣ расширенія войска, съ каждымъ годомъ, все сильнѣе и сильнѣе. Такой законъ дѣйствительно и былъ выработанъ впослѣдствіи въ формѣ „Положенія о кавказскомъ козачьемъ линейномъ войскѣ“ отъ 16 февраля 1845 года [1]).

Въ силу Положенія 1845 года, войско было раздѣлено на 17 полковыхъ округовъ, а управленіе его разграничено на военное и гражданское. Вообще-же мѣстное управленіе составляли: 1) вой-

---

[1]) Пол. собр. зак., т. XX.

сковой наказный атаманъ, 2) войсковое дежурство, 3) войсковое правленіе, 4) бригадныя управленія, 5) временныя военно-судныя коммисіи, 6) полковыя и станичныя управленія и 7) торговый словесный судъ. Въ хозяйственномъ отношеніи для войска имѣло большое значеніе войсковое правленіе; по отношенію-же собственно къ гражданскому управленію существенную роль играли, съ одной стороны, бригадныя и полковыя управленія, а съ другой станичныя управленія. Всѣ эти учрежденія были связаны между собою въ порядкѣ восходящихъ инстанцій: низшую инстанцію составляли станичныя управленія, а высшую—бригадныя. Бригадныя управленія состояли изъ командира и его канцеляріи, которою заправлялъ бригадный адъютантъ. Въ составъ-же полковыхъ управленій входили предсѣдатель, которымъ былъ полковой командиръ, и 4 или 3 засѣдателя, назначавшіеся исключительно изъ отставныхъ чиновниковъ. Наконецъ, станичныя управленія представляли собою собственно уже органы козачьяго самоуправленія.

Такимъ образомъ, старинный козачій строй линейцевъ, державшійся на дѣленіи войска на полки, остался неизмѣннымъ и по положенію 1845 года. Были лишь расширены рамки высшаго козачьяго управленія, при чемъ военное начало, какъ регулирующій факторъ, по прежнему легло въ основу всѣхъ козачьихъ распорядковъ. Это ярко отразилось на самой станичной общинѣ.

Станичное самоуправленіе линейцевъ значительно отличается отъ такого-же самоуправленія у донскихъ и черноморскихъ козаковъ. Существенное отличіе линейныхъ общинъ въ этомъ отношеніи составляла организація станичныхъ управленій. Въ составъ этихъ учрежденій входили станичный начальникъ и двое судей, но выборными лицами были лишь послѣдніе. Въ силу параграфа 289 положенія, станичные начальники назначались войсковою администраціею и, притомъ, исключительно изъ войсковыхъ офицеровъ или чиновниковъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составлялъ одинъ владикавказскій полкъ, да и то не въ пользу козачьяго самоуправленія. Во владикавказскомъ полку, за отсутствіемъ козачьихъ офицеровъ, дозволялось даже назначать станичными начальниками офицеровъ регулярныхъ войскъ. Наконецъ, самое опредѣленіе станичныхъ начальниковъ производилось войсковымъ наказнымъ атаманомъ по представленію бригадныхъ командировъ.

Такое положеніе станичнаго начальника, какъ независимаго ни въ какомъ отношеніи отъ общины лица, обусловливалось чисто военными обстоятельствами. Вѣдая гражданское управленіе станицы, станичный начальникъ былъ по преимуществу военнымъ командиромъ. Такъ, на немъ лежали обязанности принимать въ чрезвычайныхъ случаяхъ „всѣ мѣры къ предупрежденію и отраженію внезапныхъ нападеній на станицу горцевъ"; „онъ заботился, дабы ровъ и валъ около станицы всегда были содержимы въ должной исправности"; онъ долженъ былъ слѣдить за караулами станицы; станичный начальникъ „наблюдалъ, чтобы жители станицы, тамъ, гдѣ это по мѣстности необходимо, выходя на полевыя работы или сѣнокосы, всегда имѣли при себѣ оружіе, на случай внезапнаго нападенія хищниковъ"; на станичномъ же начальникѣ лежали заботы по обученію строевой службѣ малолѣтковъ. Такимъ образомъ, одинъ уже этотъ перечень обязанностей станичнаго начальника указываетъ на ту роль, какую играло это лице въ станичномъ самоуправленіи: послѣднее всецѣло было подчинено станичному начальнику.

Та же печать военной субъординаціи лежала на отношеніяхъ общины даже къ своимъ выборнымъ лицамъ. Судьи выбирались обыкновенно общинами на три года, но, по занимаемому ими положенію, они отличались отъ станичныхъ судей черноморскаго войска. Въ послѣднемъ судьею былъ рядовой казакъ и самое его положеніе, по мимо лежавшихъ на немъ обязанностей, не давало ему никакихъ исключительныхъ правъ на мѣсто въ войсковой чиновной іерархіи. На Линіи-же судья, если онъ даже не былъ офицеромъ, пользовался правами послѣдняго по положенію 1845 года. Какъ относились сами козаки къ судьямъ, это отчасти можно видѣть изъ слѣдующаго случая. 2 мая, какъ повѣствуется въ общественномъ приговорѣ станицы вознесенской за 1841 годъ, двое судей и два казака приходили мимо дома казака Золотова; на завалинкѣ у дома сидѣла въ это время жена Золотова и казачка Азарова. Послѣдняя сказала одному изъ судей: „отчего ты не скинешь шапки?" на что судья отвѣтилъ: „у меня сзади глазъ не имѣется" и просилъ ее болѣе не смѣяться, за что другой судья, также вступаясь, сказалъ Азаровой, что она смѣяться надъ судьею не должна, ибо она женщина и женщина безъ поведенія". Результатомъ была драка, въ которой принялъ участіе и мужъ Азаровой. И вотъ, раз-

сматривая это дѣло, сходъ присудилъ за оскорбленіе судей „козачку Азарову, въ примѣръ другимъ, наказать при сборѣ общества и женщинъ чрезъ десятскихъ розками“, а мужа Азаровой посадить въ карцеръ на три дня на хлѣбъ и воду [1]). Такъ до безобразія усердно относилась сама община къ охранѣ чести своихъ не сдержанныхъ на языкѣ, но пользовавшихся правами хорунжихъ, судей!

Вообще періодъ заправленія станицами со стороны станичныхъ начальниковъ по назначенію памятенъ для линейца, какъ періодъ его безправія и своеволія чиновнаго люда. Жалъ общину и козака въ это время не одинъ станичный начальникъ, а вся вообще чиновная старшина. Козаки и теперь еще живо вспоминаютъ, какъ развозили они во время праздниковъ, куръ, гусей, утокъ, индѣекъ, свиней и другую живность и съѣстные припасы по разнымъ управленіямъ, какъ за всякую малость приходилось имъ платиться кровными копѣйками разнымъ чиновнымъ воротиламъ, какъ тяжелы были натуральныя повинности, которыя они несли въ интересахъ упроченія хозяйствъ чиновной олигархіи! Конечно, и тогда, какъ теперь, было не безъ добрыхъ и честныхъ людей. Но, при узкихъ рамкахъ станичнаго самоуправленія, съ одной стороны, и при давленіи чиновнаго козака, съ другой, станичное населеніе терпѣло больше обидъ и несправедливостей, чѣмъ въ настоящее время. Вотъ почему съ введеніемъ въ дѣйствіе положенія 1870 года о козачьихъ войскахъ, давшаго больше простора станичному самоуправленію, не одна община вспомнила и поставила на видъ грѣхи своимъ прежнимъ начальникамъ. Въ нашихъ рукахъ находится довольно характерный въ этомъ отношеніи документъ въ формѣ общественнаго приговора, которымъ общество положило исключить бывшаго своего бригаднаго командира „изъ общества и посемейныхъ списковъ, какъ зачисленнаго безъ согласія общества“. Общество постановило вмѣстѣ съ тѣмъ отобрать у исключеннаго имъ генерала участокъ земли въ 400 десятинъ, обративъ его въ общій юртъ, а за исполненныя, въ періодъ командованія имъ бригадою, работы станичными жителями взыскать чрезъ судъ „примѣрно по крайней мѣрѣ по тысячѣ рублей, а всего за 12 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ 12,900 рублей сер.“ Конечно, съ оффиціальной точки зрѣнія, общество не имѣло права ни исключать изъ своихъ чле-

[1]) Изъ архива вознесенскаго станичнаго правленія.

новъ генерала, ни отбирать у него высочайше пожалованный участокъ земли; но дѣло тутъ очевидно не въ допущенной обществомъ ошибкѣ, а въ самомъ фактѣ отношенія послѣдняго къ такой когда-то важной особѣ, какъ командиръ. Видно, не легко давались бригадные порядки козаку, разъ онъ рѣшился выразить такой маловѣроятный въ лѣтописяхъ военнаго люда протестъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что на отмѣченную роль чиновнаго козачества въ станичныхъ общинахъ въ сильнѣйшей степени вліяло то обстоятельство, что общины эти носили всесословный характеръ. Какъ и черноморцы, линейные офицеры вышли главнымъ образомъ изъ среды рядоваго козачества. Какъ и на Черноморіи, въ старолинейныхъ общинахъ офицеръ имѣлъ права рядоваго козака плюсъ преимущества привиллегированнаго члена общины. Неудивительно, поэтому, что въ дѣлахъ общины онъ могъ творить, что хотѣлъ, слѣдуя правилу: большому кораблю—большое и плаваніе. Это было для него тѣмъ удобнѣе, что самъ онъ является въ такихъ случаяхъ и судьею, и подсудимымъ. Бригадный, полковой, члены военно-судныхъ коммисій, разные засѣдатели, адъютанты, станичные начальники и пр., и пр.—все это были свои люди, люди чиновные, облеченные властью и склонные, какъ всѣ люди, не забывать себя и своихъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе, даже при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, самоуправленіе не было мертвою буквою для станичныхъ общинъ. Да иначе и не могло быть, пока земля была общественною, пока живы были козачьи круги, обычаи и традиціи...

Соединеніе въ 1860 г. черноморскаго войска съ нѣсколькими бригадами бывшаго кавказскаго линейнаго не имѣло никакого вліянія на измѣненія въ станичномъ самоуправленіи составныхъ частей. Каждая часть вошла въ составъ, какъ самостоятельное цѣлое, и для черноморскаго войска оставлено было въ прежней силѣ положеніе 1842 года, а бывшіе линейцы должны были руководиться положеніемъ 1845 года. Измѣненія коснулись лишь положенія и правъ наказнаго атамана. Прежде наказный атаманъ зависѣлъ отъ командующаго войсками, который въ свою очередь находился въ подчиненіи у главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ. При образованіи кубанской и терской областей положено было званіе наказнаго атамана соединить съ обязанностями начальника области и командующаго войсками. Значитъ, положеніе

наказнаго атамана сдѣлалось болѣе почетнымъ и значительнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено было „изъ статей, составлявшихъ доходъ бывшаго кавказскаго линейнаго войска, тѣ, которыя находились въ исключительномъ районѣ одного какого-либо полка или бригады (какъ напримѣръ: желтенникъ, нефть, рыболовство при устьяхъ Терека и т. п.) отчислить безъ раздѣленія въ то войско, куда поступаетъ часть, которой эта статья присвоена или въ районѣ которой находится“ [1]). А войсковой капиталъ терскаго войска положено было раздѣлить между обѣими, кубанскою и терскою, частями, что и было произведено, на основаніи распоряженія отъ 16 сентября 1861 года, по расчету 99,708 десятинъ отошедшихъ въ кубанское войско и 54,341 десятины въ терское [2]).

Точно также и при заселеніи Закубанья въ станичномъ самоуправленіи кубанскихъ козаковъ не произошло никакихъ перемѣнъ. Вновь населенныя станицы были разбиты на полки и бригады, а въ дѣлахъ управленія опредѣлено было руководиться положеніемъ 1845 года о бывшемъ кавказскомъ линейномъ войскѣ.

Такъ шли дѣла до 1870 годъ, когда было издано „Положеніе объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ“. Строго разграничивъ функціи станичныхъ обществъ и станичныхъ правленій, положеніе это совершенно выдѣлило станичный судъ, придавъ ему характеръ крестьянскаго волостнаго суда, и положило въ основу станичныхъ учрежденій выборное начало. Такимъ обрзомъ, красная нить козачьяго общиннаго самоуправленія не порвалась въ теченіе восьмидесятилѣтняго существованія козачьихъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ кубанской области, но привела въ концѣ концовъ къ практикѣ нынѣшняго станичнаго самоупраленія.

Ф. Щербина.

---

[1]) П. С. Зак., т. XXV, стр. 11.

[2]) П. С. Зак., т. XVI. стр. 11.

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго[1].

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
1821—1846 ГОДЪ.

I. Дѣтство.

Родился я въ полтавской губерніи, пирятинскаго уѣзда, въ селеніи Малютенцахъ. Первые годы дѣтства моего протекли въ Петербугѣ. Отецъ мой служилъ въ гвардіи, полковникомъ конной артиллеріи; предъ нимъ разстилалось блестящее служебное поприще. Мать моя, дочь малороссійскаго помѣщика, извѣстная въ краѣ своими добродѣтелями, была осуществленіемъ идеи женскаго совершенства въ нравственномъ отношеніи.

Родъ нашъ происходитъ отъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій Иллиріи, родоначальникомъ которой, по Длугошу, извѣстному историку, былъ Зоардъ, полководецъ Аттилы. Гербъ нашъ Корчакъ, дополненный

---

[1]) Авторъ предлагаемыхъ Записокъ, покойный Петръ Димитріевичъ Селецкій скончался въ г. Кіевѣ въ 1879 г. въ званіе гофмейстера и въ должности кіевскаго губернскаго предводителя дворянства. Этихъ степеней онъ достигъ продолжительною своею службою, скромною, но честною и безпритязательною. 30-ть лѣтъ проведъ онъ на службѣ въ Кіевѣ сперва въ должности чиновника особыхъ порученій при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, потомъ вицегубернатора и вмѣстѣ члена совѣта кіевскаго института и наконецъ предводителя дворянства по назначенію отъ правительства. Если къ этому прибавить 4-ре года университетскаго образованія, проведенные имъ также въ Кіевѣ, то окажется, что всею своею сознательною жизнію онъ принадлежитъ Кіеву и можетъ быть названъ по этому кіевлянпномъ, позднѣйшей, конечно формаціи.

въ верхней половинѣ щита, въ голубомъ полѣ, крестомъ надъ полумѣсяцемъ и звѣздами, внесенъ въ общій гербовникъ дворянскихъ родовъ всероссійской имперіи (часть III, отдѣленіе 1-е, страница 106). Предки мои, переселясь въ Россію въ тысячу пятисотыхъ годахъ, служили всегда вѣрою и правдою своему новому отечеству.

Пращуръ мой былъ бунчуковымъ товарищемъ, два сына его: Лаврентій и Иванъ Яковлевичи Селецкіе были женаты: первый на Лизогубовой, второй на Апостолъ. Прадѣдъ мой Лаврентій Яковлевичъ служилъ малороссійскимъ почтъ-директоромъ, братъ его Иванъ екатеринославскимъ губернаторомъ и впослѣдствіи новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ (1798 г. См. „Русская Старина", октябрь 1875 г. Статья: Князь Потемкинъ-Таврическій, стр. 261, 263). Во время пребыванія въ Кіевѣ императрицы Екатерины II въ 1787 году, 21 апрѣля Лаврентій Яковлевичъ былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и получилъ большой брилліантовый перстень (Дневникъ предводителя дворянства Полетики, Андрея, 1787 г). Сверхъ этого, ея величество въ ознаменованіе своего особеннаго благоволенія къ почтъ-директору Малороссіи благоволила подарить Лаврентію Яковлевичу дорожный золо-

---

По своему происхожденію, Петръ Димитріевичъ принадлежалъ къ старинному южно-русскому роду и представляетъ собою послѣднюю его отрасль, переродившуюся на почвѣ общерусской и даже общеевропейской.

Записки П. Д. Селецкаго, представляя полную его автобіографію, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуютъ ближайшую къ намъ по времени жизнь кіевскаго, преимущественно высшаго общества и мѣстной администраціи, и въ этомъ отношеніи представляютъ для насъ современниковъ весьма интересныя и любопытныя данныя, а для будущаго историка края цѣнный и, быть можетъ, во многомъ ничѣмъ инымъ не замѣнимый матеріалъ. Записки дышатъ искренностію и правдивостію, которыя отличали автора и во всей его жизни. Авторъ не рисуется, но просто передаетъ то, что подпадало его умственному наблюденію въ его-ли собственной жизни, или въ жизни другихъ, при чемъ не обходитъ ни своихъ, ни чужихъ слабостей, увлеченій и погрѣшностей, но говоритъ о нихъ съ тою скромностію и сдержанностію, которыя составляли отличительныя его черты. Записки начаты въ то время, когда авторъ достигъ полнаго своего развитія, когда угомонились страсти, установились взгляды, убѣжденія и отношенія, когда прожитое прежде было много разъ передумано и осмыслено, когда на смѣну прежней разбросанности и нѣкотораго разгула пришла сосредоточенность и могли сложиться то спокойствіе и безпристрастіе, которыя проходятъ по всѣмъ

ченный чайный сервизъ. Погребецъ съ этимъ сервизомъ постоянно переходилъ къ старшему въ родѣ, въ потомствѣ Лаврентія Яковлевича. У Ивана Яковлевича было двѣ дочери: старшая за Синельниковымъ, младшая за Алексѣевымъ: мужскаго поколѣнія онъ не оставилъ. У Лаврентія Яковлевича было три сына и три дочери. Старшій сынъ, Петръ, мой дѣдъ, служилъ генеральнымъ судьею въ Черниговѣ и женился на В. Я. Лукашевичъ; второй сынъ, Василій, былъ женатъ на княжнѣ Е. М. Долгоруковой, сестрѣ князя Ивана Михайловича, писателя. Вотъ статья, посвященная памяти Василія Лаврентьевича въ „Кладищѣ моего сердца" Долгорукаго:

„Февраля 20. Селецкой. † 1831. Василій Лаврентьевичъ, зять мой родной, мужъ сестры моей, человѣкъ обязавшій меня чрезвычайно много. Благороднѣйшій его поступокъ, который дѣлаетъ отличную честь его характеру, состоитъ въ томъ, что онъ, полюбя сестру мою уже въ лѣтахъ, но, не имѣя возможности на ней жениться, потому что не былъ раздѣленъ съ матерью своей и не могъ доставить ей участи независимой, вдругъ скрылся изъ Москвы въ свою родину Малороссію и тамъ прожилъ лѣтъ двадцать, не давая о себѣ никакой вѣсти. Съ тою же скоропостижностью, съ какою оставилъ онъ нашъ домъ, написалъ изъ

разсказамъ и сужденіямъ автора. Описываемое имъ время, лица и происшествія, которыхъ онъ касается, какъ личность и жизнь его самаго—все это такъ не далеко отъ насъ, такъ свѣжо въ памяти у многихъ, что передаваемыя имъ свѣдѣнія и сужденія могутъ быть провѣрены и дополнены многими изъ читателей, безъ особыхъ объясненій. Извѣстная доброта Петра Димитріевича, его искренняя набожность и особая мягкость души—послѣдствіе его исключительнаго воспитанія кладутъ особый отпечатокъ на его Записки.

Мы печатаемъ Записки въ полномъ ихъ видѣ, не выпуская даже описанія заграничнаго путешествія Петра Димитріевича, безъ котораго многое осталось-бы непонятнымъ въ его жизни и личности и которое само собою представляетъ много любопытныхъ подробностей о знакомствѣ автора Записокъ съ такими знаменитостями музыкальнаго міра, какъ Листъ, Мендельсонъ, Мейерберъ и др. При этомъ мы и не пробуемъ касаться ни біографіи, ни характеристики самаго автора, полагая, что его Записки послужатъ первымъ и едва-ли не лучшимъ для того матеріаломъ.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить нашу искреннюю благодарность за сообщеніе Записокъ Григорію Евгеніевичу Бразолю, къ которому они перешли по ближайшему родству его съ П. Д. Селецкимъ.—Ред.

Чернигова къ сестрѣ моей письмо, которымъ увѣдомляя, что онъ получилъ свое имѣніе, умножилъ его и можетъ доставить ей спокойное состояніе, возобновилъ исканіе руки ея; сестрѣ было почти сорокъ лѣтъ, раздулся прежній огонь. Онъ пріѣхалъ немедленно въ Москву, женился на ней и повезъ въ свой край. Мы тамъ у нихъ были, видѣли ихъ житье, и сестра совершенно счастлива. Рѣдкій примѣръ вѣрности и благородства. Потомъ какъ мать моя скончалась, и я обязанъ былъ, по выданной сестрѣ рядной, выдѣлить ей часть изъ имѣнія, Селецкой, отъ лица жены своей, поступилъ оной въ пользу дочерей моихъ и, взявъ съ меня векселя, передалъ право полученія денегъ по онымъ тѣмъ дочерямъ моимъ. Какой родной и другъ нынѣшняго образованія поступилъ столь нѣжно и благодѣтельно! Я до гроба не забуду сихъ его одолженій, коими болѣе обязанъ правиламъ его, нежели родству, а потому-то онъ и превосходенъ въ глазахъ моихъ: ибо здѣсь побудительной причиной былъ не случай, не пристрастіе, по пословицѣ старинной: „свой своему по неволѣ другъ“, а характеръ, готовой на все благородное, возвышенное и доброе. Въ сіе число родила сестра сына: онъ одинъ у нихъ и есть. Дай Богъ, чтобы онъ былъ имъ въ радость!“

Третій сынъ Лаврентія Яковлевича, Яковъ, былъ женатъ на Шагаровой. Три дочери Лаврентія Яковлевича были замужемъ: первая за Милорадовичемъ, вторая за Кандыбой, третья за Иваненко. У Петра Лаврентьевича было три сына: Дмитрій, мой отецъ, женатый на Марьѣ Даниловнѣ Вукаловичевой, Андрей и Михаилъ—умерли холостыми.

У Василія Лаврентьевича былъ сынъ Михаилъ, у него три сына отъ двухъ браковъ: Михаилъ, Викторъ и Николай. У Якова Лаврентьевича было двѣ дочери: старшая за П. С. Джунковскимъ, младшая за Н. В. Синельниковымъ.

Состояніе наше было хорошее: за моими родителями числилось болѣе тысячи душъ. Я имѣлъ четырехъ сестеръ, но на мнѣ сосредоточивалась вся нѣжность материнской любви и отеческихъ заботъ. Меня держали однако довольно строго. Я безотчетно боялся отца и безпредѣльно любилъ мать. Была у меня еще бабушка, со стороны матери, добрѣйшая и почтенная старушка, проводившая все свое время въ мо-

литвѣ и постѣ. Она меня любила и баловала болѣе всѣхъ; къ ней я былъ очень привязанъ и чтилъ какъ святую. Дѣдовъ моихъ не помню; изъ разсказовъ матушки знаю, что Петръ Лаврентьевичъ пользовался большимъ почетомъ въ черниговской губерніи, былъ очень уменъ и образованъ, а дѣдушка Даніилъ Андреевичъ обладалъ рѣдкими качествами души, необыкновенною прямотою характера и замѣчательнымъ остроуміемъ. Мать моя всегда съ благоговѣніемъ отзывалась о своемъ отцѣ, называла его лучшимъ изъ людей, и никогда не могла вспомнить о немъ безъ слезъ.

Нрава я былъ добраго, но любилъ порѣзвиться и пошалѣть; роетомъ необыкновенно великъ, очень худъ и слабаго сложенія. Характеръ былъ у меня веселый; я былъ впрочемъ склоненъ къ мечтательности и нерѣдко задумчивость замѣняла шумную дѣтскую рѣзвость. Когда мнѣ исполнилось восемь лѣтъ, меня перевезли въ деревню; тамъ я прожилъ до одинадцати лѣтъ. Нравственнымъ и религіознымъ моимъ воспитаніемъ занималась матушка, она-же учила меня музыкѣ. Гувернеромъ былъ французъ, науки преподавалъ русскій учитель.

Отецъ мой заставлялъ меня ѣздить верхомъ. На воспитаніе мое вообще было обращено большое вниманіе, издержекъ не жалѣли, надзоръ за мною былъ бдительный. Но когда отецъ и матушка уѣзжали и я оставался съ бабушкой и наставниками, своеволіе брало верхъ надъ подчиненностью.

Изъ деревенской жизни мнѣ памятны два обстоятельства. Однажды, зимой, у незнакомой дамы, ѣхавшей въ Казань, сломался экипажъ у дома нашего, находящагося на большой почтовой дорогѣ, и пока его чинили, она пробыла у насъ цѣлый день. Путешественница, довольно молодая еще женщина, очень понравилась мнѣ, ласкала меня, много говорила объ отдаленныхъ странахъ, гдѣ живала, и съ которыми я былъ знакомъ только изъ географическихъ картъ, и предложила мнѣ, конечно шутя, уѣхать съ ней тайкомъ въ Казань; любовь къ путешествіямъ такъ сильно развита была во мнѣ, что, не смотря на безпредѣльную привязанность мою къ матери и бабушкѣ, я тотъ часъ согласился слѣдовать за незнакомкой. Въ сумерки, когда пришли доложить, что экипажъ путешественницы готовъ, я ушелъ въ свою комнату,

надѣлъ теплое платье, взялъ часть своихъ пожитковъ и отправился къ воротамъ ожидать похитительницу: подъѣхалъ ея возокъ, я въ него вошелъ съ поспѣшностью; но вмѣсто путешественницы въ возкѣ сидѣла моя мать...

Воспитанный женщиною и окруженный почти однѣми женщинами, я съ дѣтства особенно полюбилъ прекрасную половину человѣчества: изъ мужчинъ я зналъ коротко только гувернера и учителя, они давали мнѣ весьма посредственное понятіе о нашемъ полѣ, и поэтому я всегда чувствовалъ большое влеченіе къ женщинамъ вообще, а лѣтъ съ девяти къ одной въ особенности. То была прелестная генеральша Г..... Сѣсть поближе къ ней, поцѣловать ея ручку, услужить ей чѣмъ нибудь, было для меня истиннымъ наслажденіемъ. Но недолго оставался я вѣренъ своей первой привязанности: на одинадцатомъ году мнѣ понравилась г-жа Г..... Давно не видѣвши ее, въ одно прекрасное утро я ускакалъ къ ней въ деревню, верхомъ, за десять верстъ. Меня приняли очень ласково, но когда узнали, что я пріѣхалъ одинъ и безъ позволенія, то, не смотря на слезы и моленія, отправили обратно въ экипажѣ, въ сопровожденіи двухъ служителей. Со стыдомъ и оскорбленнымъ чувствомъ самолюбія возвратился я домой и пересталъ думать о г-жѣ Г..... До одинадцати лѣтъ я велъ себя довольно хорошо; очень любилъ моего наставника, умнаго, добраго и тихаго Антона Никитича, одного изъ лучшихъ воспитанниковъ кіевской духовной академіи и питалъ особое нерасположеніе къ гувернеру французу за его строгость и частыя жалобы на мое любимое занятіе гулять въ саду въ сырую погоду и подставлять голову во время дождя подъ водосточныя трубы. Строгость вообще дѣйствовала на меня довольно дурно: я становился еще непослушнѣе и упрямѣе, когда хотѣли поступать со мною круто; но всегда смирялся предъ кроткими словами моей матери. Занимался я прилежно, и въ одинадцать лѣтъ зналъ хорошо французскій и нѣмецкій языки, и пріобрѣлъ достаточныя свѣдѣнія въ тѣхъ предметахъ, которые преподавалъ мнѣ русскій учитель.

Ближайшимъ сосѣдомъ нашимъ и моимъ крестнымъ отцемъ былъ дальній родственникъ нашъ, графъ Александръ Петровичъ Завадовскій. Онъ меня очень любилъ, и я часто бывалъ у него въ Тепловкѣ; въ

праздники иногда меня отпускали къ нему на цѣлый день. Завадовскій былъ отличный стрѣлокъ; я имѣлъ страсть къ стрѣльбѣ, и какъ сынъ артиллериста, получалъ часто въ подарокъ пушки и пистолеты, но игрушками этими не довольствовался, и присутствуя при упражненіяхъ Завадовскаго въ стрѣльбѣ изъ пистолетовъ въ вдѣланные въ стѣну ножи, просилъ его выучить меня стрѣлять хорошо изъ его пистолетовъ. Графъ подарилъ мнѣ пару превосходныхъ небольшихъ кухенрейтеровъ и заставлялъ стрѣлять изъ нихъ. Я вскорѣ сдѣлалъ большіе успѣхи въ этомъ дѣлѣ и кончилъ тѣмъ, что на разстояніи двадцати шаговъ попадалъ въ цѣль и рѣзалъ пули объ остріе ножей. Завадовскій былъ въ восторгѣ и сталъ меня ласкать болѣе прежняго. Въ Тепловкѣ бывали ярмарки. Нерѣдко Завадовскій сажалъ меня въ свой шарабанъ, которымъ самъ правилъ, и мы отправлялись на ярмарку, около церкви. Въ шарабанѣ всегда лежало нѣсколько мѣшковъ съ серебряной монетой, и графъ доставлялъ мнѣ удовольствіе, заставляя бросать народу деньги: широкой рукой исполнялъ я это порученіе, и мы обыкновенно возвращались домой съ пустыми мѣшками. Зачастую Александръ Петровичъ приказывалъ своему груму покупать множество разныхъ *женскихъ* украшеній у ярмарочныхъ продавцевъ и заставлялъ меня дарить серьги, ожерелья, платочки и т. п. сельскимъ красавицамъ. Привычки щедрости крестнаго отца доставили мнѣ однажды случай проявить свою собственную: бабушка мнѣ ни въ чемъ не отказывала и предупреждала мои желанія; у ней въ комодѣ всегда былъ запасъ звонкой монеты,—выдвинетъ, бывало, ящикъ съ деньгами и позволяетъ мнѣ наполнить ими мои карманы. Въ одно прекрасное утро такимъ образомъ я взялъ у нее довольно много разной монеты и роздалъ все прислугѣ къ предстоявшей ярмаркѣ. Выдала меня ключница, и я получилъ порядочный нагоняй отъ матушки и отца за излишнюю щедрость, съ угрозой наказанія за рецедиву и отобранія денегъ, которыми надѣляла бабушка.

Ѣздилъ я съ графомъ Завадовскимъ и верхомъ, но верховая ѣзда мнѣ не давалась: никогда не могъ порядочно сидѣть на лошади, въ особенности на англійскомъ сѣдлѣ. Доставалось мнѣ часто отъ отца за неумѣніе держать себя хорошо на лошади. Александръ Петровичъ совѣтовалъ моему отцу заставлять меня дѣлать гимнастическія упражненія

и учиться фехтованію. При этомъ, помню, какъ онъ разсказывалъ исторію своей дуэли въ Италіи съ однимъ маркизомъ на шпагахъ, въ подтвержденіе необходимости умѣть владѣть этимъ *оружіемъ*. Графъ плохо владѣлъ шпагой, но не могъ отказаться отъ дуэли на шпагахъ, будучи слишкомъ хорошо извѣстнымъ стрѣлкомъ изъ пистолета. Маркизъ, отличный босцъ, поскользнулся и падая наткнулся на шпагу Завадовскаго. Исходъ дуэли былъ несчастный: маркизъ умеръ, какъ умеръ и Шереметевъ, вслѣдствіе дуэли на пистолетахъ съ Александромъ Петровичемъ. „Правду сказала Lenormand, присовокупилъ послѣ разсказа Завадовскій, она мнѣ предсказала долгую жизнь и смерть въ моей постели". Кстати о Шереметевѣ: не разъ говорилъ о немъ при мнѣ Завадовскій съ глубокимъ сожалѣніемъ. Дуэль состоялась изъ-за танцовщицы Истоминой. Секундантами были: Грибоѣдовъ со стороны графа и Якубовичъ со стороны Василія Александровича Шереметева: Шереметевъ стрѣлялъ первый, пуля скользнула по воротнику сюртука Завадовскаго. Завадовскій не имѣлъ намѣренія убить Шереметева и по просьбѣ Грибоѣдова готовился сдѣлать умышленный промахъ; но выведенный изъ терпѣнія Шереметевымъ, сказавшимъ, что если Завадовскій выстрѣлитъ на воздухъ, то рано или поздно онъ убьетъ Завадовскаго, Александръ Петровичъ потребовалъ Шереметева къ барьеру и ранилъ его въ животъ. Шереметевъ вскорѣ умеръ отъ этой раны. Завадовскій за дуэль былъ высланъ за границу, а Якубовичъ переведенъ въ армію и посланъ на Кавказъ, гдѣ встрѣтилъ Грибоѣдова, дрался съ нимъ на пистолетахъ и ранилъ Грибоѣдова въ кисть лѣвой руки.

Злая судьба, говаривалъ Завадовскій, сдѣлала меня два раза убійцей; печальная необходимость заставляла драться, но въ дѣлѣ чести уклоняться отъ дуэли нельзя, поэтому нужно пріучиться хорошо владѣть всякимъ оружіемъ, и въ правомъ дѣлѣ, какъ ни грустно, лучше сдѣлаться невольнымъ убійцей, чѣмъ быть убитымъ.

Не смотря на свои слабости и чисто англійскія причуды, графъ Александръ Петровичъ въ существѣ былъ добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ.

Грибоѣдовъ списалъ съ него своего князя Григорія.

«Чудакъ естественный! Насъ со смѣху моритъ,
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка».

(Горе отъ ума).

И дѣйствительно это была личность типичная въ высшей степени. Высокій, худощавый, съ выразительнымъ, нѣсколько рябоватымъ лицемъ, очень длинными руками и тонкими ногами, съ рѣчью сквозь зубы, не всегда удобопонятною, въ эксцентрическихъ туалетахъ англійскаго покроя и съ манерами истаго британца, Александръ Петровичъ въ былое время былъ очень оригиналенъ и слылъ чудакомъ, но безспорно былъ уменъ и отлично образованъ.

Я привязался къ нему всѣмъ сердцемъ, вполнѣ подчинился его вліянію и сталъ усваивать его манеры. Подражаніе было на столько удачно, что приводило въ негодованіе моего отца. Вслѣдствіе моего отвѣта на замѣчаніе отца по этому предмету, что держу себя какъ Александръ Петровичъ, мнѣ было сказано, что запретятъ ѣздить въ Тепловку, если не исправлюсь.

Не смотря на это, я до того началъ проникаться англоманіей, что однажды на вопросъ моего дорогого Александра Петровича, чѣмъ хочешь быть? я отвѣтилъ: хочу быть лордомъ. Въ награду получилъ шотландскую шапочку съ бантомъ и лентами;—къ большому огорченію моему не только мнѣ запрещено было ее носить, но въ теченіи цѣлой недѣли меня ни разу не пустили къ Завадовскому.

Вскорѣ любезность моего крестнаго отца вознаградила меня за это лишеніе. Онъ пріѣхалъ къ намъ и упросилъ отца моего отпустить меня въ Драбовъ, къ брату Завадовскаго, графу Василію Петровичу. Посѣщеніе Драбова доставило мнѣ большое удовольствіе. Хотя Драбовъ не могъ сравниться съ Тепловкой ни по мѣстоположенію, ни по постройкамъ и садамъ, я былъ въ восторгѣ отъ молодой супруги хозяина, красавицы графини Елены Михайловны, рожденной Влодекъ. Не стану описывать ея наружность: нѣтъ возможности передать неуловимую прелесть ея лица, гибкость стана, грацію и симпатичность, которыми была проникнута вся ея особа; довольно сказать, что она была въ свое время извѣстною красавицей и ея гравированные портреты служили лучшимъ украшеніемъ кипсековъ. Идея красоты, чувство прекраснаго сильно развивались во мнѣ, и графиня на меня произвела глубокое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе не осталось не замѣченнымъ: меня ласкали, баловали въ Драбовѣ, и я уѣхалъ оттуда съ слезами на глазахъ, вполнѣ оча-

рованный Еленой Михайловной. Мужъ ея, графъ Василій Петровичъ былъ очень красивъ, привѣтливъ, но нравился мнѣ менѣе своего брата.

По возвращеніи домой, я сдѣлался задумчивымъ, постоянно мечталъ о графинѣ Завадовской, часто говорилъ о ней съ моей матушкой.

Дальнѣйшее пребываніе мое въ деревнѣ, не могло принести мнѣ никакой пользы и поэтому родители мои предположили отдать меня въ пансіонъ, въ одинъ изъ ближайшихъ губернскихъ городовъ.

II. Пансіонъ.

Въ Харьковѣ мать моя, осмотрѣвъ всѣ учебныя заведенія, рѣшилась помѣстить меня въ пансіонъ Р. Я былъ принятъ въ пансіонѣ воспитанниками, какъ обыкновенно принимаютъ новичковъ; надо мной сначала смѣялись, подвергали разнымъ испытаніямъ; но когда убѣдились, что я мало обращалъ вниманія на насмѣшки товарищей и что стоялъ выше многихъ по образованію, то меня оставили въ покоѣ. Иногда впрочемъ доставалось мнѣ за мою привязанность къ матери, о которой я никогда не могъ вспоминать равнодушно; но и тутъ оскорбляемое чувство говорило во мнѣ такъ сильно и краснорѣчиво, что вскорѣ отъучилъ я товарищей моихъ насмѣхаться надо мною и заставилъ ихъ уважать и въ другихъ чувство сыновней привязанности.

Содержателемъ нашего пансіона былъ почтенный шестидесяти лѣтній старикъ, итальянецъ по фамиліи, нѣмецъ по религіи, французъ по службѣ и воспитанію. Звали его Карломъ Ивановичемъ. Онъ служилъ въ Наполеоновской арміи капитаномъ инженеровъ. Всѣхъ воспитанниковъ своихъ онъ дѣлилъ на двѣ категоріи: добрыхъ и злыхъ. Первые назывались бѣлыми душами, вторые черными. Сверхъ этого существовало еще различіе въ пансіонерахъ по количеству платы за нихъ вносимой; тѣ, за которыхъ платили больше, пользовались особенными матеріальными выгодами и не подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ. Я попалъ прямо въ число бѣлыхъ душъ, а какъ за меня вносили больше обыкновенной платы, то въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлался любимымъ воспитанникомъ Карла Ивановича. Онъ до того полюбилъ меня, что поручилъ своей супругѣ Каролинѣ Ивановнѣ мое музыкальное

образованіе. Четыре раза въ недѣлю, являлся я къ ней брать уроки музыки на фортепьяно; она была очень довольна моимъ прилежаніемъ и способностями, и въ ознаменованіе своего благоволенія заставляла меня разъигрывать въ четыре руки разныя пьесы съ единственною ея дочерью Аделаидою Карловною, прехорошенькой дѣвочкой лѣтъ пятнадцати.

У насъ было три класса, и чрезъ полгода послѣ моего поступленія въ пансіонъ, меня перевели во второй, за отличные успѣхи. Все шло какъ нельзя лучше. Карлъ Ивановичъ въ письмахъ къ моей матери не могъ довольно нахвалиться мною, и я достигъ самой большой милости: мнѣ дозволялось лѣтомъ во всякое время ходить въ садъ Карла Ивановича и кушать тамъ фрукты. Этимъ преимуществомъ пользовались очень не многіе, но строжайше было запрещено уносить фрукты изъ сада для себя или для другихъ.

Первое паденіе мое совершилось, какъ и паденіе перваго человѣка, посредствомъ запрещеннаго плода. Любимцы Карла Ивановича, накушавшись вдоволь фруктовъ, возвращаясь изъ сада, около воротъ всегда были осматриваемы надзирателемъ или содержателемъ пансіона. Между товарищами былъ у меня одинъ пріятель, бѣдный по состоянію, не знатный происхожденіемъ и хотя бѣлый душею, но не пользовавшійся дозволеніемъ ходить въ садъ Карла Ивановича. Часто просилъ онъ меня принести ему грушу или яблоко и не рѣдко удавалось мнѣ исполнить его просьбу, положивъ фрукты подъ мышки; но въ одинъ вечеръ хитрость моя была открыта, мнѣ запретили ходить въ садъ, и Карлъ Ивановичъ пересталъ ласкать меня. Нашелъ я впрочемъ вознагражденіе въ Каролинѣ Ивановнѣ: послѣ каждаго урока она приказывала Аделаидѣ Карловнѣ подчивать меня разными лакомствами. Тронутый этимъ вниманіемъ, я болѣе и болѣе привязывался къ хорошенькой Адели, цѣловалъ ея ручки и необыкновенно скоро разъучивалъ пьесы, которыя мы играли вмѣстѣ. Вскорѣ я замѣтилъ, что и Аделя находила удовольствіе въ моемъ обществѣ и что я ей нравился. Мы стали видѣться чаще, свиданья продолжались долѣе: мы любили другъ друга. Недолго впрочемъ наслаждались этимъ счастьемъ: однажды Карлъ Ивановичъ вошелъ неожиданно въ комнату, гдѣ я бралъ уроки музыки, и увидѣлъ, что вмѣсто игры на фортепьяно, я упражнялся

съ Аделаидой Карловной въ сладкихъ поцѣлуяхъ. Негодованію Карла Ивановича не было конца: онъ меня тотчасъ разжаловалъ въ черныя души и посадилъ въ карцеръ на три дня. Что сдѣлалось съ бѣдненькой Аделью, мнѣ было неизвѣстно и неизвѣстность эта увеличивала горечь моего положенія.

Когда я вышелъ изъ карцера, мнѣ наступилъ четырнадцатый годъ. Въ пансіонѣ все измѣнилось для меня: изъ любимцевъ я попалъ въ опальные, надзиратели и учителя стали обращаться со мною строго и не всегда вѣжливо; впрочемъ я нашелъ еще нѣкоторое утѣшеніе въ дружбѣ моихъ товарищей: въ немилости они стали любить меня болѣе, чѣмъ въ счастливыя времена. Я былъ однако увѣренъ, что невзгода скоро пройдетъ, что со временемъ меня опять возведутъ въ достоинство любимца, и поэтому никогда не участвовалъ въ шалостяхъ товарищей и продолжалъ учебныя занятія съ большимъ прилежаніемъ. Наступило время экзаменовъ: меня перевели въ третій классъ, съ награжденіемъ похвальнымъ листомъ, и отпустили на каникулы въ деревню. Мать моя была совершенно счастлива моими успѣхами въ наукахъ. Отецъ мой былъ произведенъ въ генералы, назначенъ начальникомъ артиллерійской дивизіи и квартировалъ недалеко отъ насъ. Мы видѣлись часто, онъ сталъ ласкать меня болѣе прежняго, чувство страха во мнѣ исчезло, и я привязался къ нему съ увлеченіемъ свойственнымъ юности.

Я росъ очень быстро, и въ слѣдствіе этого у меня развилась необыкновенная въ мои лѣта болѣзнь: сильная грудная боль и кровохарканіе. Родители мои были въ отчаяніи; но попеченія ихъ и искусство медика Шеффера, жившаго въ Прилукахъ, не далеко отъ нашей деревни, совершенно излечили меня.

Я выѣзжалъ къ сосѣдямъ и очень любилъ деревенскіе балы; на одномъ изъ нихъ, данномъ теткою моего отца г-жею В., я встрѣтилъ дѣвицу В., недавно вышедшую изъ института; она была прекрасна и такъ понравилась мнѣ, что въ самомъ разгарѣ бала я отправился въ садъ, чтобы сорвать пунцовую гвоздику и принести ей въ замѣнъ той, которую я вытащилъ изъ ея букета и спряталъ на память. На дворѣ было сыро и холодно. За мной послали, чтобы меня воротить, я убѣжалъ дальше и воротился чрезъ полчаса съ гвоздикой. Результатомъ

моей любезности была сильная горячка, продержавшая меня дней двадцать въ постели. Когда я выздоровѣлъ, мать моя прочла мнѣ длинное наставленіе о пылкости моего характера, объ огорченіяхъ ей нанесенныхъ моею болѣзнію, и я обѣщалъ быть впредь благоразумнѣе. Драгоцѣнная гвоздика была однако засушена и доставила мнѣ много пріятныхъ минутъ. И кто изъ васъ, читатель, не былъ счастливъ сладкимъ раздумьемъ, восторженной мечтой надъ цвѣткомъ пріобрѣтеннымъ отъ любимой особы?

Возвратясь въ пансіонъ, я сталъ заниматься науками по прежнему съ усердіемъ, но Карлъ Ивановичъ не любилъ меня и началъ дѣлать мнѣ разныя непріятности: не пускалъ иногда со двора, не смотря на добросовѣстныя мои занятія и хорошее поведеніе; ставилъ дурныя отмѣтки изъ фортификаціи, которую намъ преподавалъ въ старшемъ классѣ, и продолжалъ звать меня черной душой. Кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, пансіонеровъ отпускали въ городъ въ день ихъ рожденія и имянинъ. Чтобы вознаградить тѣ праздники, когда меня оставляли въ пансіонѣ безъ всякой причины, я нѣсколько разъ въ годъ праздновалъ свое рожденіе и имянины; это мнѣ удавалось потому, что память Карла Ивановича притупилась отъ старости, и онъ не помнилъ нашихъ именъ. Зрѣніе содержателя пансіона тоже значительно ослабѣло, и этотъ недугъ послужилъ мнѣ однажды какъ нельзя лучше. Сердце мое было тогда занято сестрою одного изъ моихъ товарищей; я былъ знакомъ съ ея родителями, и они довольно часто приглашали меня къ себѣ и возили въ театръ. Въ театрѣ давали по большей части драмы и трагедіи; любимой пьесой всѣхъ пансіонеровъ была: „Жизнь игрока“. Меня пригласили на одно изъ представленій этой пьесы, но Карлъ Ивановичъ не пустилъ. Внѣ себя отъ негодованія, я рѣшился его обмануть довольно оригинально. Въ частномъ женскомъ пансіонѣ оканчивала свои науки моя дальняя родственница, дѣвица С.; я вытребовалъ отъ нея полный женскій туалетъ, который мнѣ пришелся въ пору, упросилъ брата нравившейся мнѣ дѣвицы пріѣхать за мной въ каретѣ и назвать меня своей сестрой. Подъ именемъ этой дѣвицы, явился я къ Карлу Ивановичу съ просьбою отпустить въ театръ нѣсколькихъ пансіонеровъ, и меня въ томъ числѣ. Въ кабинетѣ Карла Ивановича

царствовалъ полумракъ: въ очкахъ и зеленомъ зонтикѣ, почтенный старикъ не узналъ меня, поцѣловалъ мою руку,—тогда подходили еще къ ручкѣ,—и снисходя къ убѣдительной просьбѣ хорошенькой дѣвицы, за которую меня принялъ, онъ отпустилъ насъ. Въ дамскомъ нарядѣ нельзя было явиться къ родителямъ моего товарища, я перемѣнилъ туалетъ и провелъ вечеръ очень весело. Шалость моя впрочемъ вскорѣ была открыта. Болѣе всего Карлъ Ивановичъ негодовалъ на то, что я осмѣлился дать ему поцѣловать мою руку. Меня посадили въ карцеръ на хлѣбъ, на воду; вышедши изъ карцера по истеченіи недѣли, я сдѣлался страшилищемъ Карла Ивановича и любимцемъ моихъ товарищей. Мнѣ наступилъ тогда пятнадцатый годъ.

Еслибы со мною обращались ласково, то я-бы опять возвратился къ добру, но разнаго рода притѣсненіямъ не было конца: необыкновенная строгость и что еще хуже—несправедливость возмутили меня: я сдѣлался зачинщикомъ всѣхъ шалостей и диктаторомъ товарищей. Весь классъ сталъ учить уроки только тѣхъ преподавателей, которые нравились мнѣ, поэтому фортификація и латинскій языкъ шли очень дурно. Вмѣсто крѣпостей, чертили башенки и рисовали домики съ огородами, а на вопросы учителя латинскаго языка не рѣдко весь классъ отвѣчалъ блеяніемъ, потому что у учителя были курчавые волосы и онъ очень походилъ на барана.

Всѣ шалости въ пансіонахъ, всѣ непріятности, дѣлаемыя учениками надзирателямъ и учителямъ, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы распространяться о нихъ, да всего и не вспомнишь. Запалъ мнѣ впрочемъ въ память побѣгъ, сдѣланный подъ моей командой изъ пансіона. Верстахъ въ семи отъ города была дача, принадлежавшая богатому помѣщику; на дачѣ этой давали балъ, на который насъ не пустили. Не долго думая, въ сумерки мы ускакали верхомъ на лошадяхъ знакомыхъ намъ уланскихъ офицеровъ изъ Чугуева, въ числѣ которыхъ былъ Жакъ д. Б., нашъ сосѣдъ по деревнѣ и большой мой пріятель, и потанцовавши вдоволь, воротились въ пансіонъ на разсвѣтѣ.

Карлъ Ивановичъ часто жаловался на меня матери моей, въ перепискѣ съ нею, но никогда не объяснялъ ей всѣхъ подробностей моихъ шалостей, боясь лишиться пансіонера, за котораго платили исправно.

Сближалось время окончанія годичнаго курса; оставаться болѣе въ пансіонѣ было безполезно: я отчетливо зналъ все, что тамъ преподавали въ послѣднемъ классѣ, исключая фортификаціи и латинскаго языка, и поэтому просилъ моихъ родителей не оставлять меня долѣе у Карла Ивановича. Наступили экзамены, я ихъ выдержалъ очень хорошо, игралъ на актѣ концертъ Гуммеля съ оркестромъ, и безъ всякаго сожалѣнія разстался съ Карломъ Ивановичемъ и его пансіономъ.

III. Высшее училище.

Отецъ мой вышелъ въ отставку въ 1835 году и поселился въ деревнѣ; онъ рѣшился везти меня въ Петербургъ и отдать въ одно изъ тамошнихъ учебныхъ заведеній. Мать моя сопровождала насъ; мы поѣхали на Москву и въ Москвѣ прожили нѣсколько недѣль. Я съ большимъ вниманіемъ осматривалъ достопримѣчательности древней столицы, и Москва понравилась мнѣ, какъ нельзя болѣе. Мы квартировали у родственника моего отца, А. А. Ригельмана, весьма умнаго и пріятнаго старика, женатаго на П. Г. Галаганъ. Единственный ихъ сынъ, Н. А. Ригельманъ, только что поступилъ тогда въ московскій университетъ по словесному факультету; при немъ находился еще гувернеръ. Я очень подружился съ молодымъ Ригельманомъ.

Въ Петербургъ мы пріѣхали позднею осенью; городъ этотъ съ перваго разу произвелъ на меня самое непріятное впечатлѣніе, въ которомъ я не могъ дать себѣ отчета. Прошло двѣ недѣли: я ни разу не видѣлъ солнца; густой туманъ, проникавшій меня своею сыростью, въ особенности былъ мнѣ ненавистенъ.

По долгомъ размышленіи, куда меня помѣстить для окончанія воспитанія, предположено было, что я поступлю во вновь открывавшееся высшее гражданское училище. Зданіе этого училища еще не было совершенно готово, и по совѣту директора меня отдали къ одному изъ его родственниковъ, инженерному капитану, занимавшемуся приготовленіемъ молодыхъ людей къ поступленію въ разныя учебныя заведенія, для того чтобы приготовить меня къ экзамену. Инженерный капитанъ взялъ за это значительную плату и занимался мною очень мало. Эк-

заменъ впрочемъ я выдержалъ въ третій классъ открывшагося училища очень удовлетворительно изъ всѣхъ предметовъ; но изъ латинскаго языка получилъ такую дурную отмѣтку, что вмѣсто третьяго класса меня помѣстили во второй. Послѣ пріемнаго экзамена родители мои уѣхали: я остался у инженернаго капитана и прожилъ у него четыре мѣсяца до поступленія въ училище.

Людей занимающихся приготовленіемъ юношества въ учебныя заведенія очень много въ Петербургѣ, и занятіе это приноситъ большія выгоды. Впрочемъ очень не многіе изъ приготовителей исполняютъ свое дѣло добросовѣстно, а по большей части довольствуются полученіемъ значительной платы за пансіонеровъ и занимаются ими очень мало. Такъ было и со мною: капитанъ, послѣ экзамена въ училищѣ, не обращалъ на меня ни какого вниманія, за мной не было надзора, я пересталъ учиться, каждый вечеръ ѣздилъ въ театръ, велъ жизнь довольно разсѣянную и пріучился къ совершенному своеволію.

Наступило время поступленія въ училище. Первые дни прошли довольно сносно: новость моего положенія занимала меня, но, всмотрѣвшись ближе въ подробности предстоявшей жизни, меня взяло раздумье. Вставать въ 6 часовъ утра, умываться въ общемъ мѣдномъ умывальникѣ, строиться въ ряды, чтобы итти къ молитвѣ, сидѣть въ классѣ на урокѣ, какъ въ клѣткѣ, не имѣя возможности дать свободы своимъ движеніямъ, писать и болѣе думать о томъ, чтобы не закапать скамейку чернилами, нежели о томъ, что пишешь, отправляться по командѣ на обѣдъ и выходить изъ за стола совершенно голоднымъ, не смѣть заниматься чѣмъ-бы то ни было въ рекреаціонной залѣ, когда приказано отдыхать и веселиться, итти стройными рядами въ спальню, раздѣваться и складывать по формѣ свое платье на табуретѣ, не имѣть возможности укрыться чѣмъ-нибудь теплымъ, кромѣ легкаго одѣяла, въ огромной комнатѣ со стѣнами подъ мраморъ и съ одинадцатью градусами тепла въ зимнее время, засыпать непремѣнно чрезъ четверть часа и спать не иначе, какъ на правомъ боку,—всему этому, какъ оно ни было для меня дико и непріятно, я подчинился съ стоическою твердостью. Но не выходить изъ училища въ будни, а только по праздникамъ, и то не иначе, какъ если за вами пришлютъ кого-нибудь съ

такъ называемымъ родственнымъ билетомъ, на которомъ означены фамилія воспитанника и адресъ родственника или знакомаго, берущаго воспитанника къ себѣ на домъ, ходить и ѣздить въ городѣ непремѣнно въ сопровожденіи лакея, бывать въ театрѣ только въ ложахъ и то всегда съ родными, никогда не заходить въ кондитерскія и не ѣздить на извощикахъ,—на это я никакъ не могъ согласиться, привыкнувъ во время пребыванія моего у инженернаго капитана не стѣсняться подобными мелочами. Товарищи меня полюбили за мой веселый, беззаботный характеръ, начальникамъ я не совсѣмъ нравился потому, что не всегда исполнялъ обязанности, возложенныя на воспитанниковъ.

За двѣ недѣли до поступленія моего въ училище, я познакомился у моихъ родственниковъ съ одной молодой еще дамой, которая произвела на меня сильное впечатлѣніе своею красотой и крѣпко заинтересовала своимъ положеніемъ. Ей было двадцать восемь лѣтъ, а супругу ея насчитывали за шестьдесятъ. Она была совершенная красавица, а мужъ уродливый старикъ. Она была жива и игрива по молодости и по природѣ, ее звали Лаурой, родомъ она была итальянка, а Иванъ Васильевичъ Б., за котораго она вышла замужъ, былъ флегматикъ самой непріятной наружности и, казалось, не имѣлъ большаго расположенія къ своей супругѣ. Полюбить эту очаровательную женщину со всѣмъ пыломъ и увлеченіемъ юноши было для меня дѣломъ одного мгновенія. Я вскорѣ совершенно предался этой страсти и выдумывалъ разные предлоги, чтобы чаще видѣть госпожу Б. Сначала я только пользовался позволеніемъ выходить изъ училища по праздникамъ; но родные мои иногда не присылали за мною, и, чтобы не проводить въ училищѣ тѣхъ счастливыхъ дней, въ которые я могъ видѣться съ Лаурой, я нанялъ особаго служителя, и его единственною обязанностью было являться съ родственнымъ билетомъ въ училище по праздникамъ и воскресеньямъ и объявлять воспитателямъ (такъ назывались у насъ надзиратели и гувернеры), что присланъ за мною отъ г. К., дальняго моего родственника, на имя котораго былъ написанъ училищный билетъ.

Привязанность моя къ Лаурѣ такъ быстро развилась, что жизнь въ училищѣ по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сдѣлалась для меня

невыносимой. Цѣлые дни проводилъ я въ мечтахъ о прелестной итальянкѣ, всю недѣлю жилъ надеждой видѣть ее въ воскресенье. Науками я занимался очень мало, или совсѣмъ не занимался, но этого не замѣчали мои наставники, потому что въ классѣ, въ который я поступилъ, читали предметы давно мнѣ знакомые. Въ музыкѣ я дѣлалъ замѣтные успѣхи; они обратили на меня вниманіе высокаго покровителя нашего училища. Кромѣ фортепьяно, я игралъ на віолончели, и игра на этомъ инструментѣ служила мнѣ большимъ развлеченіемъ и утѣшеніемъ въ моемъ положеніи. Попечитель нашего училища очень любилъ музыку и заставилъ меня и Сѣрова учиться на віолончели; учителемъ нашимъ былъ Кнехтъ. Изъ всѣхъ инструментовъ звуки віолончели болѣе другихъ походятъ на человѣческій голосъ и болѣе другихъ способны выражать чувства наши. Въ звукахъ этого инструмента такъ много пѣвучести, въ меланхолическомъ пѣніи его такъ много безотрадной тоски, что віолончель сильно дѣйствуетъ на душу, въ особенности, когда она настроена грустью...

Прошло четыре мѣсяца со дня поступленія моего въ училище, и знакомство мое съ Лаурой съ каждымъ праздникомъ дѣлалось короче, привязанность моя къ ней становилась сильнѣе. Меня принимали очень ласково: старикъ мужъ смотрѣлъ на меня, какъ на доброе дитя, развлекавшее иногда своими разсказами и любезностями его жену, а Лаура такъ привыкла ко мнѣ, что считала совершенно своимъ. Она очень любила музыку, пѣла превосходно и часто заставляла меня акомпанировать на фортепьяно или на віолончели. Привязанности моей она, казалось, не замѣчала, или лучше сказать не замѣчала въ ней увлеченія, съ которымъ я любилъ. Изъ веселаго и рѣзваго отрока я сдѣлался задумчивымъ, мечтательнымъ юношей, товарищи меня не узнавали; съ потерей веселости я потерялъ ихъ расположеніе, въ шалостяхъ ихъ никогда не участвовалъ, никому не повѣрялъ своей тайны, но изъискивалъ средства почаще выходить изъ училища.

Не такъ то легко было укрыться отъ бдительныхъ глазъ безчисленныхъ училищныхъ аргусовъ. Весьма многимъ изъ предписанныхъ правилъ я не могъ подчиняться и очень часто попадался въ отпуску нашимъ надзирателямъ на извощикѣ, или пѣшкомъ безъ лакея, или въ

театрѣ въ креслахъ, или въ кондитерской за чашкой кофе. Эти преступленія строго у насъ наказывались. На первыхъ порахъ я упрашивалъ надзирателей не доносить обо мнѣ директору, потомъ отдѣлывался отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ подарками, но, наконецъ, былъ подверженъ отвѣтственности, и нѣсколько праздниковъ сряду просидѣлъ въ училищѣ. Чтобы избавиться отъ этихъ непріятностей, я рѣшился не носить въ отпуску училищнаго мундира, заказалъ себѣ партикулярное платье и черный парикъ, измѣнявшій нѣсколько цвѣтъ моихъ волосъ, купилъ очки и досталъ помады тѣлеснаго цвѣта, которою закрашивалъ большое родимое пятно, находящееся у меня надъ лѣвымъ глазомъ. Переодѣтый такимъ образомъ, я безпрепятственно могъ ходить и ѣздить по городу и безнаказанно проводить дни отпуска, гдѣ и какъ хотѣлъ. Для того же, чтобы почаще отлучаться изъ училища, я придумалъ новое средство. Въ больницѣ были особыя комнаты для опасно больныхъ и для тѣхъ, у которыхъ была какая нибудь прилипчивая болѣзнь; иногда впрочемъ и обыкновеннымъ больнымъ отводили эти комнаты. Надзиратель больницы получалъ отъ меня постоянное вознагражденіе за разныя снисхожденія и часто отводилъ мнѣ особую комнату, изъ которой былъ выходъ по лѣстницѣ на дворъ. Директоръ имѣлъ привычку посѣщать больницу ежедневно нѣсколько разъ и вечеромъ приходилъ обыкновенно въ восемь часовъ; послѣ вечерняго посѣщенія директора, надзиратель по большей части или уходилъ со двора, или ложился спать, въ полной увѣренности, что больные спятъ. Я подкупилъ одного изъ фельдшеровъ и въ дни его дежурства, чрезъ день, послѣ восьми часовъ вечера отправлялся къ Лаурѣ или въ театръ и возвращался часамъ къ двѣнадцати.

Устроивъ такимъ образомъ свободные выходы изъ училища, чтобы пользоваться ими нѣсколько разъ въ недѣлю, я долженъ былъ часто сказываться больнымъ, и докторъ нашъ С. запретилъ, наконецъ, принимать меня въ больницу. Тогда я притворился больнымъ бѣлою горячкою, дозволилъ терзать себя всѣми средствами, употребляемыми къ излеченію этой болѣзни: глоталъ приписываемыя микстуры, съ стоическою твердостію выдержалъ два раза кровопускательныя банки и совершенно успѣлъ обмануть нашего доктора и другаго эскулапа, призваннаго для

консультаціи. Бѣлая горячка продолжалась полтора мѣсяца, и въ этотъ періодъ страсть моя развилась до крайнихъ предѣловъ; я видѣлъ Лауру почти каждый вечеръ и любилъ ее съ новымъ увлеченіемъ. Скрывать долѣе чувствъ моихъ я не могъ и высказалъ ихъ Лаурѣ. Она хотѣла обратить мое признаніе въ шутку, но я былъ такъ краснорѣчивъ, такъ настойчивъ, слова мои были такъ чистосердечны, привязанность моя такъ неподдѣльна, что нельзя было не выслушать меня серьезно. Въ отвѣтѣ Лауры, основанномъ не на чувствѣ оскорбленнаго достоинства, а на твердомъ сознаніи непоколебимости своего долга и всѣхъ его обязанностей, если и не было высказано полнаго сочувствія ко мнѣ, то я могъ однакоже замѣтить нѣкоторое участіе къ моему положенію, нѣсколько состраданія. Этотъ проблескъ какого-то чувства, не враждебнаго мнѣ, желаніе Лауры вразумить меня и объяснить привязанность мою дѣтскимъ увлеченіемъ, ея совѣты оставаться въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ и не говорить ей болѣе о любви моей — самолюбіе мое перетолковало иначе: въ словахъ ея, казалось мнѣ, выразилось сожалѣніе не только ко мнѣ, но и сожалѣніе, хотя не ясно высказанное о положеніи ея самой; въ глазахъ-же ея, въ черныхъ, томныхъ и очаровательныхъ, я прочелъ болѣе, чѣмъ ожидалъ, и остался совершенно доволенъ моимъ объясненіемъ. Пламенное воображеніе мое рисовало въ будущности картины счастія, и инстинктъ говорилъ мнѣ, что грезы мои осуществятся. Изъ тихаго, робкаго чувства привязанность моя перешла въ такое сильное, восторженное увлеченіе, въ такую пылкую необузданную страсть, что въ порывахъ любви моей я часто спрашивалъ себя: дѣйствительно-ли притворяюсь больнымъ и не помѣшался-ли въ самомъ дѣлѣ?

Скоро прошло время пребыванія моего въ больницѣ; мой добрый геній, фельдшеръ, покровительствовавшій мнѣ, заболѣлъ и на мѣсто его назначили другаго, который о предложеніи моемъ выпускать меня по вечерамъ доложилъ директору; къ счастію это предложеніе приняли за новое доказательство болѣзненнаго моего состоянія; но выходить изъ больницы я уже не могъ и по необходимости долженъ былъ выздоровѣть въ непродолжительномъ времени. Какъ и прежде, я сталъ видѣться съ Лаурою только по праздникамъ и воскресеньямъ и продолжалъ ходить въ городъ въ партикулярномъ платьѣ.

Однажды, въ вечеру, Лауры не было дома, и я отправился въ большой театръ. Давали любимую мою оперу: „Роберта Дьявола“ Мейербера. Великолѣпная постановка этой оперы, занимательное либретто, однимъ словомъ все въ этомъ образцовомъ произведеніи вкуса, геніальности, музыкальной учености и счастливаго вдохновенія, производило на меня невыразимо пріятное впечатлѣніе. Я сидѣлъ въ креслахъ; кончился первый актъ, я окинулъ взоромъ всѣхъ моихъ сосѣдей и не замѣтилъ между ними ни одного знакомаго лица: подлѣ меня было пустое мѣсто. Въ началѣ втораго акта, это мѣсто занялъ г. Т., надзиратель нашего училища, одинъ изъ самыхъ лютыхъ враговъ моихъ, нѣмецъ родомъ, маленькій ростомъ, близорукій и очень непріятной наружности. Онъ начинаетъ всматриваться въ меня и, кажется, узнаетъ. Тогда между нами завязывается слѣдующій разговоръ:

— Послушайте, какъ вы смѣете ходить одни въ театръ и въ партикулярномъ платьѣ?

— Милостивый государь, не мѣшайте мнѣ слушать прекрасную музыку Мейербера.

— Я васъ серьезно спрашиваю, какъ вы смѣете быть здѣсь, и не въ мундирѣ.

— Вы со мной-ли говорите?

— Съ кѣмъ-же, какъ не съ вами?

— Въ такомъ случаѣ я васъ не понимаю.

— Вы меня не понимаете, такъ поймете сейчасъ: не угодно-ли вамъ сію минуту ѣхать со мною?

— Извините, не могу удовлетворить вашему желанію: я очень люблю музыку „Роберта“ и не намѣренъ уѣхать изъ театра до окончанія пьесы.

— Такъ вы еще не слушаете меня? Будетъ-же вамъ.

— Вы, милостивый государь, или не въ своемъ умѣ, или ошибаетесь и принимаете меня за другаго.

— Нѣтъ, С., я васъ знаю слишкомъ хорошо, чтобы принять за другаго.

— Я дѣйствительно С., но не понимаю, какое право даетъ вамъ эта фамилія говорить мнѣ грубости.

— Вы еще насмѣхаетесь надо мной, такъ погодите-же, завтра въ училищѣ я съ вами раздѣлаюсь.

— А! Вы быть можетъ изъ училища N?

— Вы въ этомъ сомнѣваетесь?

— И вѣроятно служите тамъ инспекторомъ или воспитателемъ?

— Вы, кажется, въ этомъ не совершенно увѣрены?

— Теперь я понимаю въ чемъ дѣло. Вы приняли меня за моего брата, который воспитывается въ училищѣ N.; ошибиться впрочемъ не трудно, мы очень похожи другъ на друга, но я нѣсколько старше брата, у него волосы свѣтлѣе моихъ, и у меня нѣтъ родимаго пятна надъ глазомъ, по которому брата моего тотчасъ можно узнать.

— Извините, я дѣйствительно принялъ васъ за вашего брата, но онъ такой повѣса ..... еще разъ прошу меня извинить.

Зная нѣсколько слабыя струны нашего Т., я въ разговорѣ такъ къ нему поддѣлался, что онъ былъ отъ меня въ восторгѣ; въ особенности понравилось ему мое сужденіе о музыкѣ вообще и о нѣмецкой въ особенности.

Передъ пятымъ актомъ я его просилъ передать моему брату нѣсколько денегъ, увѣривъ его, что не могу прійти скоро въ училище, по случаю предстоящей поѣздки на нѣсколько дней изъ Петербурга, и въ концѣ представленія уѣхалъ изъ театра.

Мы разстались большими пріятелями. На другой день Т., не отдавая мнѣ денегъ, полученныхъ имъ наканунѣ, а сказавъ, что сохранитъ ихъ для моихъ надобностей (имѣть деньги воспитанникамъ запрещалось), разсыпался въ похвалахъ моему брату, говорилъ, что онъ прекрасный молодой человѣкъ, очень солидный, имѣетъ много свѣдѣній, долженъ быть отличнымъ музыкантомъ, и совѣтовалъ мнѣ брать съ него во всемъ примѣръ.

Чрезъ нѣсколько дней я разсказалъ объ этомъ происшествіи одному изъ моихъ товарищей, взявъ съ него честное слово, что сохранитъ его въ тайнѣ. Вскорѣ въ училищѣ не было другаго разговора, какъ о похожденіи моемъ съ Т.

Надзоръ за мной сдѣлался строже, узнали, что приходилъ съ родственнымъ билетомъ нарочно нанятый для этого лакей, что у род-

ныхъ моихъ бываю очень рѣдко и что хожу въ городѣ въ партикулярномъ платьѣ. Это такія преступленія, за которыя не могло быть помилованія. Меня засадили на двѣ недѣли въ карцеръ и въ теченіи мѣсяца запретили выходить изъ училища.

Первые дни моего заключенія были для меня невыносимы. Постоянный мракъ, царствовавшій въ темницѣ, невозможность ни встать, ни ходить,—такъ былъ малъ нашъ карцеръ, лишеніе всѣхъ средствъ къ занятіямъ доводили меня до отчаянія, а мысль, что въ теченіи шести недѣль не буду видѣть Лауры, терзала меня болѣе всего. Казалось, не могло быть положенія болѣе затруднительнаго, и я узналъ тогда на опытѣ, какъ невыносимо одиночное темничное заключеніе.

Но и въ эти горькія минуты мой добрый геній не оставилъ меня. На этотъ разъ онъ явился въ видѣ карцернаго сторожа, который, послѣ трехдневнаго бдительнаго надзора, сжалился надо мною и за незначительную плату согласился давать мнѣ свободу по вечерамъ, послѣ девяти часовъ. Вскорѣ я свыкся съ моимъ положеніемъ, и когда меня выпустили изъ карцера, я очень жалѣлъ, что время заключенія продолжалось не долго. Изъ карцера я могъ уходить и видѣть Лауру, а изъ училища не было возможности исчезнуть незамѣченнымъ. По этому я употребилъ карцеръ, какъ средство для свиданій съ Лаурою, и началъ дѣлать множество разныхъ шалостей, въ училищахъ обыкновенно называемыхъ школьничествомъ, какъ напримѣръ: капалъ изъ пера чернило на лысую голову учителя нѣмецкаго языка, сдергивалъ парикъ съ профессора физики, подражалъ лаю собакъ, когда преподаватель англійскаго языка заставлялъ меня спрягать глаголы, и тому подобное. За всѣ эти продѣлки меня сажали въ карцеръ; но наказаніе это такъ часто повторялось и, казалось, было такъ недѣйствительно, что чѣмъ чаще меня сажали въ карцеръ, тѣмъ больше я шалилъ, и карцеръ былъ занятъ мною почти постоянно. Тогда директоръ, начинавшій, вѣроятно, подозрѣвать что-нибудь, приказалъ сажать меня вмѣсто карцера въ отдѣльную комнату при больницѣ, изъ которой не было уже никакой возможности уйти, ибо ключъ хранился у самаго лютаго врага моего Т., такъ удачно обманутаго мной въ театрѣ. Къ заключенію прибавили еще другое наказаніе—голодъ, и какъ я ни былъ терпѣливъ, но не могъ перенесть всѣхъ истязаній, которымъ меня подвергли.

Независимо отъ обязанности наказывать, у директора развилось ко мнѣ враждебное чувство, которое обратилось въ злое, недостойное мщеніе; онъ хотѣлъ выместить на мнѣ всѣ насмѣшки наши надъ нимъ и его семействомъ, составлявшимъ порядочное собраніе уродовъ, и всѣ непріятности, которыя воспитанники дѣлали надзирателямъ и учителямъ, въ полной увѣренноста, что я былъ главной пружиной всѣхъ безпорядковъ и шалостей.

Дальнѣйшее пребываніе въ училищѣ сдѣлалось для меня невозможнымъ. Я писалъ моему отцу и умолялъ его взять меня изъ училища. Краснорѣчивое письмо мое, продиктованное невыносимымъ страданіемъ отъ стѣсненія личности, было прочтено директоромъ, и когда онъ убѣдился, что я рѣшительно не хочу оставаться въ училищѣ, то воспользовался отсутствіемъ изъ Петербурга нашего попечителя и, сдѣлавшись главнымъ начальникомъ въ училищѣ, довелъ меня до крайнихъ предѣловъ ожесточенія. Наконецъ, въ классѣ при всѣхъ ученикахъ насказалъ мнѣ столько грубостей и употребилъ такія выраженія, которыхъ врожденная мнѣ гордость не могла снести. Я ему отвѣчалъ тѣмъ-же, въ слѣдствіе чего и былъ исключенъ изъ училища.

Однимъ изъ самыхъ радостныхъ дней въ моей жизни былъ день моего исключенія: я оставилъ училище, какъ оставляетъ узникъ свою темницу. Я жалѣлъ только о томъ, что нашего попечителя не было тогда въ Петербургѣ, и я не могъ объяснить ему моего поведенія. Мнѣ не хотѣлось оставить въ памяти высокаго покровителя нашего дурнаго воспоминанія обо мнѣ. Онъ всегда былъ такъ ласковъ ко мнѣ, принималъ такое участіе въ моемъ положеніи, что каждый разъ, когда директоръ докладывалъ о моихъ шалостяхъ, онъ призывалъ меня къ себѣ и съ истинно родительскою любовью увѣщевалъ меня и просилъ исправиться; не смотря на неизмѣримое разстояніе между нами, я иногда готовъ былъ высказать ему все и признаться въ моей любви; онъ былъ еще молодъ, онъ, быть можетъ, понялъ-бы меня, и тогда жизнь моя получила-бы совсѣмъ другое направленіе. Но смѣлости мнѣ не доставало, врожденная застѣнчивость и ложный стыдъ заграждали мнѣ уста.

Сколько разъ добрый, незабвенный покровитель, во время пребыванія моего въ училищѣ, писалъ я тебѣ, и въ письмахъ моихъ громко

говорило чувство неподдѣльнаго раскаянія въ проступкахъ молодости, искренней преданности тебѣ и разумнаго пониманія началъ добра! Ты любилъ ихъ, эти признанія отроческой откровенности, эти очерки минутныхъ заблужденій, въ противоположность которымъ перо мое рисовало картины нравственнаго совершенства. Ты сочувствовалъ душѣ моей, увлеченной пылкой привязанностью, ты угадалъ, что не скверенъ по природѣ я. Да воздастъ тебѣ Господь за твои отеческія попеченія, и да наградитъ тебя въ дѣтяхъ твоихъ!

По исключеніи изъ училища, меня взялъ къ себѣ господинъ К., женатый на моей родственницѣ. Онъ былъ еще молодъ, велъ жизнь очень разсѣянную и не обращалъ на меня почти никакого вниманія; но счелъ однакоже нужнымъ снабдить меня гувернеромъ англичаниномъ. Я не любилъ К. и не могъ быть съ нимъ откровененъ; гувернеръ-же пришелся мнѣ по сердцу, и мы жили съ нимъ дружно; онъ никогда не мѣшался въ мои дѣла, провожалъ меня со двора и потомъ давалъ полную свободу; домой мы возвращались всегда вмѣстѣ въ условленное время, и всѣ были убѣждены, что мы въ теченіи дня не разлучались.

Во время послѣдняго моего заточенія въ училищѣ, мужъ Лауры скончался, оставивъ ей довольно значительное состояніе. Я не видѣлъ ея въ первые дни ея вдовства, но мы встрѣтились вскорѣ, свободные оба: она отъ узъ супружескихъ, я отъ ига училищнаго; и сколько разъ благословлялъ я судьбу за то, что она дала мнѣ возможность располагать собою и видѣть Лауру каждый день. Изъ всѣхъ ея родныхъ у ней осталась одна тетка, поселившаяся у Лауры послѣ смерти ея мужа. Тетка эта сдѣлалась истиннымъ моимъ другомъ. День со дня посѣщенія мои становились продолжительнѣе. Я ей не говорилъ о моихъ чувствахъ, но взоры наши краснорѣчиво высказывали то, о чемъ языкъ изъ приличія молчалъ еще.

Я дѣлалъ тысячи плановъ одинъ несбыточнѣе другаго, строилъ такіе великолѣпные замки, какіе можетъ создать пятнадцатилѣтнее восторженное воображеніе. Но въ этихъ очертаніяхъ счастливой будущности мысль моя часто останавливалась на моихъ родителяхъ, я думалъ объ огорченіи, сдѣланномъ имъ исключеніемъ изъ училища, о неудовольствіи на меня отца моего. Онъ не писалъ мнѣ ни слова, и я чувство-

валъ, что гнѣвъ его долженъ быть великъ и справедливъ. Безотчетный страхъ, который я питалъ къ нему въ дни дѣтства, пробуждался вновь и испуганное воображеніе не рѣдко доводило меня до отчаянія. Не долго впрочемъ продолжалось горькое раздумье: чувство сожалѣнія о нанесенныхъ родителямъ непріятностяхъ и идея неопредѣленнаго страха подавлялись безпредѣльною привязанностью къ Лаурѣ. Не могло быть продолжительной борьбы между чувствами сыновней любви и послушанія и страстью моей къ Лаурѣ. Лаура всегда бывала побѣдительницею. Наконецъ я рѣшился, если отецъ поступитъ со мной круто, оставить его навсегда, удалиться изъ Петербурга и уѣхать съ Лаурой за границу.

Прошло шесть недѣль траура Лауры, я говорилъ ей о моихъ чувствахъ и сообщилъ мое намѣреніе; въ словахъ моихъ было столько страстнаго увлеченія, во мнѣ такъ краснорѣчиво говорила привязанность моя, что невольно и Лаура высказала болѣе, чѣмъ я ожидалъ. Она впрочемъ значительно укротила пылъ моего восторга, объявивъ, что никогда не приметъ моихъ предложеній, если они не будутъ согласны съ волею моихъ родителей.

Какъ ни пріятно было мнѣ слышать выраженіе сочувствія Лауры, но рѣшимость ея не слѣдовать влеченію сердца, а во всемъ согласоваться съ волею отца моего, уничтожила все очарованіе. Сомнѣніе въ искренности Лауры мучило меня: подчиниться волѣ моего отца, по моему убѣжденію, значило разстаться съ Лаурой навсегда. И такъ не радость вынесъ я изъ этого объясненія, а безотрадную тоску, неопредѣленное сомнѣніе, неувѣренность въ возможности осуществленія моихъ мечтаній. Это состояніе между страхомъ и надеждой продолжалось до пріѣзда моего отца.

Первое свиданіе съ нимъ рѣшило вопросъ о моей будущности. Онъ обошелся со мною очень кротко, не смотря на то, что былъ крайне огорченъ изгнаніемъ изъ училища: въ немъ сильно страдало чувство оскорбленнаго самолюбія, ему грустно было отказаться отъ любимой идеи видѣть во мнѣ достойнаго наслѣдника своего имени, не хотѣлось ему сознаться и въ обманутой надеждѣ на совершенство нравственнаго моего воспитанія. Директоръ описалъ меня самыми черными

красками, что впрочемъ послужило мнѣ въ большую пользу. Удостовѣрясь изъ разговоровъ со мною, что я вовсе не имѣю дурныхъ правилъ, и что причиной большей части моихъ шалостей было стѣсненіе личности, отецъ мой вскорѣ совершенно успокоился на счетъ моего нравственнаго направленія. Не смѣлъ впрочемъ я ему признаться въ моей привязанности къ Лаурѣ; зная его серьезный характеръ, какъ было сказать ему, что я люблю и что меня любятъ? Я страшился не за себя, а за Лауру,—мнѣ дорого было ея доброе имя.

Я любилъ науки, и мысль о свободной учебной дѣятельности всегда привѣтливо улыбалась мнѣ; я увѣрилъ моего отца, хотѣвшаго было сначала отдать меня въ военную службу, что я готовъ учиться и горю нетерпѣніемъ почерпнуть нужныя для образованнаго человѣка свѣдѣнія, но съ условіемъ не ограничивать моей свободы ненавистными училищными формами, которыя введены у насъ нѣмецкими преподавателями и надзирателями и которымъ славянская моя природа не могла никакъ подчиниться. Дѣйствительно, жаждалъ я обогатить себя полезными познаніями, но желалъ пріобрѣсть ихъ по собственному побужденію и по внутреннему сознанію ихъ необходимости, безъ всякаго принужденія и стѣсненія. Поэтому рѣшено было, что я окончу мои науки въ университетѣ.

Увлеченный желаніемъ учиться, я изъявилъ согласіе на поступленіе въ университетъ, въ полной увѣренности, что меня оставятъ въ Петербургѣ; но каково было мое положеніе, когда отецъ объявилъ твердую волю, чтобы я поступилъ въ одинъ изъ губернскихъ университетовъ. Мысль, что, оставляя Петербургъ, я разстанусь съ Лаурой, быть можетъ, навсегда,—мучила, терзала меня; цѣлый день провелъ я въ тревожномъ состояніи и рѣшился не уѣзжать изъ Петербурга. Въ вечеру получилъ письмо отъ моей матери, въ которомъ она убѣдительно просила меня пріѣхать къ ней. Чувство безпредѣльной привязанности къ матери, предстоявшая возможность повѣрить ей тайну моего сердца заставили перемѣнить мое намѣреніе, и поѣздка въ деревню для свиданья съ матерью представлялась мнѣ лучшимъ средствомъ къ осуществленію моихъ желаній со временемъ. Недовѣрчивость однако поселяла во мнѣ новыя сомнѣнія въ искренности Лауры; я рѣшился въ тотъ-же

вечеръ объясниться съ ней окончательно. Я ей сказалъ, что уѣзжаю на дняхъ на югъ, что не говорилъ отцу ни слова о моей привязанности, зная его правила и характеръ и будучи убѣжденъ, что онъ приметъ это за глупое увлеченіе, сказалъ еще, что и привязанности ея я не совсѣмъ довѣряю, что не вѣрится мнѣ, чтобъ она искренно меня любила, а если дѣйствительно любитъ, то послѣдуетъ за мною туда, куда влечетъ меня судьба.

Нѣтъ словъ описать мой восторгъ, когда я услышалъ изъ устъ Лауры обѣщаніе найти меня, гдѣ-бы я ни былъ: то было упоеніе, доходившее до изступленія въ избыткѣ счастія; ощущенія подобнаго рода въ жизни человѣка очень рѣдки; они слишкомъ сильно потрясаютъ духовную его сторону и не могутъ повторяться часто. Мы положили съѣхаться не позже двухъ мѣсяцовъ въ Кіевѣ, гдѣ я предположилъ поступить во вновь открытый университетъ.

И такъ отъѣздъ мой изъ Петербурга сдѣлался для меня однимъ изъ пріятнѣйшихъ событій въ моей жизни. Я оставлялъ этотъ городъ съ надеждой на счастливую аркадскую будущность съ Лаурой. Не знаю впрочемъ, отчего не вѣрилось мнѣ, что я искренно любимъ ею: демонъ сомнѣнія часто тревожилъ меня, мысль, что Лаура меня любитъ, представлялась мнѣ такимъ несбыточнымъ бредомъ, такою мечтою недосягаемаго счастія, что я не смѣлъ предаваться ей вполнѣ. Эта недовѣрчивость имѣла единственнымъ основаніемъ избытокъ счастія и нисколько не была сродна моему характеру. Напротивъ я былъ слишкомъ довѣрчивъ, я вѣрилъ еще въ возможную непогрѣшимость человѣческой природы; добродѣтель, справедливость, истина не были для меня словами пустыми; обѣщать и не дѣлать, занять и не заплатить въ срокъ, быть въ состояніи помочь и не оказать помощи—я считалъ невозможнымъ. Благодаря правиламъ строгой нравственности, поселенной во мнѣ матерью и природнымъ началамъ добра, начертаннымъ Создателемъ въ сердцѣ моемъ, я былъ нравственно цѣломудренъ, я былъ наивно добродѣтеленъ и не только не дозволялъ себѣ думать о возможности отступленій и уклоненій отъ идеи правды, но не допускалъ ихъ и въ другихъ.

По пріѣздѣ нашемъ въ деревню, свиданіе мое съ матерью и ба-

бушкой было очень трогательно; онѣ не видѣли меня около двухъ лѣтъ, и не зная еще, достоинъ-ли я ихъ ласкъ, приняли меня съ любовью.

Я не разувѣрялъ отца моего въ предполагаемой имъ причинѣ моихъ шалостей въ училищѣ, но предъ матерью не могъ скрыть истины и разсказалъ ей все, не изъ тщеславія, что успѣлъ пріобрѣсть взаимность очаровательной женщины, не изъ одной необходимости высказать ей всю полноту моихъ чувствъ и вызвать въ ней сочувствіе къ моему положенію, а изъ желанія представить также достаточное извиненіе моимъ поступкамъ и предстать предъ нравственнымъ совершенствомъ моей матери не совсѣмъ недостойнымъ имени ея сыномъ. Откровенность моя послужила еще къ большему сближенію между нами. Страсть мою къ Лаурѣ мать моя считала пылкимъ увлеченіемъ юности и не осуждала меня за это; но говорила, что не слѣдуетъ давать большую свободу своимъ чувствамъ, что нужно умѣрять по возможности пылъ моего сердца, и изъявила желаніе, чтобы я поступилъ въ кіевскій университетъ для окончанія наукъ.

Какъ рѣзко начертались въ памяти моей слова твои, незабвенная виновница дней моихъ, несравненная мать, моя совершеннѣйшая изъ женщинъ! Помню я и буду всегда помнить то, что ты сказала, благословляя меня на новое поприще: больше разсудка и меньше сердца другъ мой, и ты будешь счастливъ.

IV. Университетъ.

У Днѣпра, на высокихъ горахъ живописно раскинутъ древній Кіевъ. Когда подъѣзжаешь къ этому городу, глазамъ представляется великолѣпное зрѣлище: предъ вами широкая, величественная рѣка, за нею прямо, на большой возвышенности печерская лавра, съ несмѣтнымъ множествомъ золотыхъ куполовъ, посреди которыхъ горделиво возвышается высокая башня колокольни; вся мѣстность, принадлежащая лаврѣ, обнесена каменной оградой и украшена роскошными садами, гдѣ между столѣтними деревами виднѣются крытые переходы изъ ближнихъ въ дальнія пещеры. Направо по горамъ ряды величественныхъ итальянскихъ тополей; изъ-за нихъ выглядываютъ городскія зданія и бесѣдки

царскаго сада, далѣе на горизонтѣ красуется единственная въ своемъ родѣ по архитектурной красотѣ своей церковь Андрея Первозваннаго; здѣсь картина оканчивается Подоломъ, новымъ городомъ, симметрически расположеннымъ на берегу рѣки; пристань усѣяна барками и разными судами. Налѣво крутые берега Днѣпра, изрытые оврагами, одѣтые дико ростущими кустарниками; вдали на утесѣ Выдубицкій монастырь,—мирная, убогая обитель и кладбище.

Чудно хорошъ святой градъ, когда подъѣзжаешь къ нему изъ-за Днѣпра, и трудно описать впечатлѣніе, которое производитъ видъ его на русскаго путешественника, впервые посѣщающаго эту древнюю колыбель вѣры православной. Чувства благоговѣнія къ святынѣ, уваженія къ старинѣ, тѣснятся въ груди и приводятъ въ совершенный восторгъ.

Я пріѣхалъ въ Кіевъ съ отцомъ моимъ, и по указанію попечителя кіевскаго округа, меня помѣстили къ директору 1-й гимназіи для приготовленія къ пріемному экзамену въ университетъ.

Директоръ былъ человѣкъ умный и просвѣщенный и зналъ, какъ нужно обходиться съ шестнадцатилѣтнимъ юношей: онъ предоставилъ мнѣ полную свободу располагать временемъ и развилъ во мнѣ охоту къ занятіямъ серьезнымъ: я учился съ успѣхомъ и въ четыре мѣсяца совершенно приготовился къ поступленію въ университетъ. Въ Петербургѣ я многое позабылъ изъ того, что зналъ еще въ пансіонѣ; оставивъ высшее училище и проживъ безъ занятій нѣсколько мѣсяцевъ, я удержалъ въ памяти очень немногое изъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ въ училищѣ, и четырехмѣсячное приготовленіе къ университету едва-ли было бы достаточно, еслибы я не употребилъ всевозможнаго старанія къ побѣжденію учебныхъ трудностей и пріобрѣтенію необходимыхъ познаній. Болѣе всего я занялся латинскимъ языкомъ; на первомъ курсѣ предстояло слушать „Римское Право“, и на пріемномъ экзаменѣ обращали особенное вниманіе на латынь.

Меня очень полюбили и ласкали въ домѣ нашихъ родныхъ П. Я. и Н. Гр. Лукашевичей. Они жили въ городѣ зимой, а лѣто проводили на прелестной дачѣ „Кинь-грусть“, купленной у Бѣгичева. Названіе „Кинь-грусти“ было дано императрицей Екатериной II въ 1787

году. Съ 1838 года дядя и тетушка Лукашевичи стали жить круглый годъ въ „Кинь-грусти“, гдѣ выстроили помѣстительный домъ и поселили нѣсколько семействъ крестьянъ. Не смотря на болѣзненное состояніе Платона Яковлевича, страдавшаго подагрой, и преклонныя лѣта Надежды Григорьевны, у нихъ было весело. Превосходно отдѣланный садъ, обиліе цвѣтовъ и фруктовъ, обширный прудъ, домашній оркестръ, хорошій столъ, радушіе и любезность стариковъ привлекали постоянно на дачу многочисленныхъ посѣтителей.

Лаура писала мнѣ часто, но не могла въ скорости пріѣхать въ Кіевъ: ее удерживали въ Петербургѣ разныя дѣла. Воспоминаніе о ней и надежда на скорое свиданіе поддерживали во мнѣ ученую дѣятельность.

Въ августѣ 1837 года я выдержалъ очень удовлетворительно экзаменъ и поступилъ въ число студентовъ университета св. Владиміра, по юридическому факультету.

Отецъ мой былъ доволенъ мною и навѣстилъ меня. Мы провели нѣсколько дней вмѣстѣ. Когда онъ уѣзжалъ, я сопутствовалъ ему до моста; это было вечеромъ, когда полный румяный мѣсяцъ величественно всходилъ на кіевскомъ горизонтѣ изъ за Днѣпра; мгновенно налетѣло облако и образовало на мѣдномъ дискѣ луны синій крестъ. Невольно перекрестился я и сказалъ отцу: „взгляните на крестообразное явленіе на лунѣ, это хорошее предзнаменованіе для меня“.

— Дай Богъ, отвѣчалъ отецъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ поступленія моего въ университетъ, пріѣхала въ Кіевъ Лаура; она окончила съ успѣхомъ свои дѣла и была совершенно свободна. Нѣтъ возможности описать мое счастіе и дать о немъ надлежащее понятіе Я любилъ, какъ любятъ въ лѣта первой молодости, когда безсознательное чувство взаимнаго влеченія не встрѣчаетъ въ изліяніи своемъ никакихъ препятствій и мелочныхъ разсчетовъ и не стѣсняется общественными условіями. Мы принадлежали другъ другу безусловно и существовали только для себя, не имѣя почти знакомыхъ. Большую часть времени я проводилъ въ университетѣ, а остальное посвящалъ Лаурѣ; жизнь наша текла тихо, спокойно: никто не зналъ о пребываніи Лауры въ Кіевѣ. Съ товарищами-студентами я мало былъ знакомъ и встрѣчался съ ними только на лекціяхъ,

всѣ думали, что я предался вполнѣ наукамъ, и никогда не спрашивали, что я дѣлаю и отчего нигдѣ не бываю. Въ первые мѣсяцы поступленія моего въ университетъ, многіе профессора относились ко мнѣ съ недовѣрчивостью; въ особенности не благоволилъ ко мнѣ М. А. Максимовичъ, читавшій исторію Русской Литературы; его научное изложеніе въ теченіе полугода „Слова о Полку Игоря" и малорусскихъ пѣсень выводило насъ изъ терпѣнія. Но Неволинъ и Мацкевичъ были ко мнѣ расположены. Я не пропускалъ ни одной лекціи, записывая ихъ аккуратно, и готовился постоянно на репетиціи, каждое воскресеніе и въ дни большихъ праздниковъ бывалъ въ университетской церкви въ первой гимназіи, читывалъ Апостола, пѣвалъ на клиросѣ и съ точностью исполнялъ всѣ обязанности, возложенныя на студентовъ, чѣмъ и заслужилъ полное довѣріе профессоровъ и университетскаго начальства.

Такъ прошелъ первый годъ. Наступили экзамены; я ихъ выдержалъ очень хорошо и перешелъ во второй курсъ съ отличіемъ, не смотря на очень дурную отмѣтку изъ французскаго языка, поставленную мнѣ Максимовичемъ. Изъ своего предмета онъ не могъ не поставить мнѣ полныхъ балловъ, потому что на экзаменѣ присутствовали многіе профессора, и я превосходно зналъ исторію Русской Словесности, но на экзаменѣ изъ французскаго языка, на который лекторъ не явился по болѣзни, Максимовичъ, совсѣмъ почти незнавшій французскаго языка, экзаменовалъ въ качествѣ декана словеснаго факультета, и озлобившись моими дѣльными возраженіями и нѣсколько насмѣшливымъ тономъ, поставилъ мнѣ единицу. Брадке, со вниманіемъ слѣдившій за успѣхами студентовъ въ наукахъ, не мало былъ удивленъ такой отмѣткой, но я былъ къ ней совершенно равнодушенъ, получивъ изъ всѣхъ предметовъ юридическаго курса и главныхъ вспомогательныхъ полные шары (4) и право на переходъ съ отличіемъ, условленный въ общемъ выводѣ тремя съ половиной.

Есть люди, которые отъ нечего дѣлать чрезвычайно любятъ заниматься чужими дѣлами и, встрѣчая затрудненія въ удовлетвореніи своей любознательности, употребляютъ всѣ средства, чтобы узнать что нибудь о своихъ знакомыхъ. Между моими товарищами былъ студентъ К., очень любившій выѣзжать, развозить городскія новости и украшать

ихъ разными вымыслами. Для него я былъ загадкой, надъ которой онъ усердно трудился. Узнавъ, что я дѣлю время между университетомъ и Лаурою, онъ распустилъ очень невыгодные слухи обо мнѣ и о Лаурѣ въ особенности. Слухи эти дошли до меня: я защищалъ Лауру со всѣмъ пыломъ молодости, не знающей границъ негодованію за оскорбленіе любимой женщины, и предъ многими студентами обличалъ К. во лжи, наговорилъ ему множество непріятностей и вызвалъ на дуэль. Но К. на вызовъ не явился и въ день назначенный для дуэли уѣхалъ на каникулы въ деревню. Я былъ въ отчаяніи: чувство неудовлетвореннаго мщенія кипѣло во мнѣ; презрѣніе къ безчестному поступку К. не могло заглушить жажды мести, желанія омыть кровью оскорбленіе нанесенное Лаурѣ.

Исторія моя съ К. сдѣлалась гласною; къ счастію, Лаура ничего о ней не знала.

Во время каникулъ я съѣздилъ на недѣлю домой. Бабушка была уже очень слаба, иногда забывалась, но по прежнему очень любила и ласкала меня и щедро надѣляла деньгами; бывало, откроетъ ящикъ бюро, гдѣ хранились деньги, и говоритъ: бери, мой милый, сколько хочешь. Изъ врожденной деликатности, случалось, не возьмешь много, — непремѣнно добавитъ нѣсколько десятковъ полуимперіаловъ, или положитъ въ карманъ пачку ассигнацій, и скажетъ: „мнѣ не надо, а тебѣ пригодятся“. 15-го августа 1838 года бабушка тихо скончалась. Горестна была для меня потеря этой добродѣтельной, праведной женщины, и я очень сожалѣлъ, что не былъ въ деревнѣ во время ея кончины.

Съ пріѣзда въ Кіевъ, Лаура чувствовала себя не хорошо: частая боль въ груди, постоянный кашель и едва замѣтная, но продолжительная лихорадка изнуряли ее; наступавшая осень еще болѣе разстроила ея здоровье. Медики рѣшили единогласно, что Лаурѣ необходимо провести зиму въ тепломъ климатѣ, и какъ ни тяжело было намъ разстаться, но дѣлать было нечего: Лаура выписала изъ Петербурга свою тетку и съ нею отправилась въ Италію.

Съ отъѣздомъ Лауры, К. сталъ мнѣ еще ненавистнѣе: я обвинялъ его въ безразсудной болтовнѣ, въ недостаткѣ чувства чести и съ нетер-

пѣніемъ ждалъ его возвращенія, въ надеждѣ излить на него всю горечь моего положенія. Съ наслажденіемъ думалъ я о той минутѣ, когда пуля прострѣлитъ врага, или шпага вонзится въ грудь его, и изыскивалъ средства, чтобы отмстить ему; эта жажда мести не была уже минутной вспышкой раздраженнаго чувства, слѣдствіемъ внезапнаго гнѣва, а обдуманнымъ желаніемъ зла, необузданнымъ стремленіемъ наказать К.

Надъ Крещатикомъ, на одной изъ плоскихъ возвышенностей, которыми оканчивается дворцовая часть Кіева, стояло древнее, деревянное, полуразрушенное зданіе; тамъ въ старыя времена была масонская ложа, потомъ въ зданіи этомъ помѣщался театръ, наконецъ оно пришло въ совершенную ветхость и служило убѣжищемъ летучимъ мышамъ; зловѣщій крикъ послѣднихъ нерѣдко вечернею порой пугалъ прохожихъ и наводилъ на нихъ уныніе. Вся мѣстность, окаймленная итальянскими тополями, поросла дикими, сорными травами, сквозь нихъ съ трудомъ можно было пробраться къ маленькому мысу, оканчивавшему собою плоскую возвышенность. Съ мыса открывался великолѣпный видъ на старый Кіевъ, съ его древними церквами, и на широкій величественный Днѣпръ, терявшійся у Вышгорода въ лазурной дали небосклона.

Рѣдко ходили сюда любоваться прекрасными видами... Существовало повѣрье, что мѣсто это нехорошее, что разрушенное зданіе—заколдованный домъ, обитаемый выходцами съ того свѣта.

Послѣ отъѣзда Лауры, въ свободное отъ занятій время, часто посѣщалъ я окретности Кіева, замѣчательныя по своему мѣстоположенію. Прогулки пѣшкомъ, склонность къ мечтательности и уединенію, созерцаніе чудной природы утоляли иногда печаль разлуки. Но бывали минуты, когда безотрадная тоска грызла меня, и я тогда чувствовалъ необходимость уйти подальше отъ людей; однажды въ самомъ грустномъ расположеніи я отправился къ описанной мѣстности.

Миновались жаркіе дни знойнаго лѣта, вѣяло осенней прохладой, широкая улица, ведущая къ спуску на Крещатикъ, была усыпана пожелтѣвшими листьями, сильный сѣверный вѣтеръ сметалъ съ земли кучи пыли и вертѣлъ ихъ въ воздухѣ громадными столбами; выгорѣвшія отъ жгучаго солнца земляныя насыпи представляли видъ печальный,

остовы деревьевъ, кое-гдѣ сохранившіе остатки зелени, грустно рисовались на сѣромъ небосклонѣ, покрытонъ облаками; накрапывалъ мелкій дождь, подъ ногами шелестѣлъ опавшій листъ; вечерѣло.

Вой вѣтра и зловѣщій крикъ филина были мнѣ по сердцу, и я быстрыми шагами приближался къ развалинамъ. Вдругъ явилось предо мной существо, служившее лучшимъ дополненіемъ дикой обстановкѣ, среди которой я находился: то былъ дряхлый, худой старикъ, едва таскавшій ноги. Онъ представлялъ собою ходячую развалину, олицетворялъ глубокую осень человѣческой жизни и находился въ большой гармоніи съ разрушавшимся отъ ветхости зданіемъ и умиравшей по времени года природой. Лице его, покрытое морщинами, было правильно и красиво; изъ подъ черныхъ съ просѣдью бровей сверкали большіе сѣрые глаза, полные жизни и выраженія; орлиный носъ гордо высился надъ маленькимъ ртомъ, лице оканчивалось острымъ подбородкомъ.

Старикъ такъ пристально на меня смотрѣлъ, въ его взглядѣ было такъ много магнетическаго притяженія, что я невольно приблизился къ нему и вступилъ съ нимъ въ разговоры. Въ словахъ его было столько ума, столько убѣдительнаго краснорѣчія, что я вполнѣ увлекся его бесѣдой и безпрекословно подчинился его обаятельному вліянію. Съ первыхъ словъ онъ угадалъ состояніе моего духа и между нами мгновенно установились самыя пріязненныя отношенія; я чувствовалъ какое-то неодолимое тяготѣніе его воли надо мной и находился въ состояніи субъекта подверженнаго сильному дѣйствію магнетизма. Съ откровенностью, свойственною молодости, вкратцѣ разсказалъ я ему исторію моей привязанности къ Лаурѣ и причину временной нашей разлуки. Когда разсказъ коснулся ссоры съ К., жажда мести такъ сильно заговорила во мнѣ, что старикъ остановилъ меня.

„Помни, молодой человѣкъ, сказалъ онъ, слова молитвы Божественнаго нашего Учителя: *и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* Не забывай одного изъ главныхъ основаній ученія Христова: „не дѣлай другимъ того, чего не желаешь, чтобы тебѣ дѣлали“; тебя обидѣли—прости и не желай зла врагу твоему. Но если, увлеченный злобой и желаніемъ мести, забывъ, что ты христіанинъ, станешь слѣдовать закону Мойсея: око за око, зубъ, то примѣни

этотъ законъ къ себѣ и знай, что не только одни дѣйствія приводятъ въ исполненіе нашу волю: часто слово, иногда мысль, стремленіе духа, осуществляютъ злыя намѣренія наши. Тѣмъ не менѣе они не остаются безнаказанными и ветхозавѣтный законъ тяготѣетъ всею тяжестью своею надъ удовлетвореннымъ мстителемъ. Положимъ, желаніе твое исполнится и врагъ твой будетъ наказанъ, но согласишься-ли ты въ свою очередь перенесть заслуженное жаждой мести наказаніе и по закону возмездія подвергнуться неизбѣжному его дѣйствію? Я былъ молодъ, какъ ты, я увлекался и давалъ свободу моимъ чувствамъ, я ненавидѣлъ и мстилъ, и правосудіе неба карало меня: каждый разъ за удовлетвореннымъ чувствомъ зла, казавшимся мнѣ вполнѣ справедливымъ, слѣдовало наказаніе; око за око, зубъ за зубъ: умиралъ-ли мой противникъ, я терялъ кого-нибудь изъ наиболѣе близкихъ моему сердцу; постигало-ли несчастіе врага моего, въ непродолжительномъ времени судьба подвергала меня горькому испытанію. Претерпѣвъ всѣ возможныя превратности въ жизни, потерявъ все, что было мнѣ дорого на землѣ, незлобенъ я сталъ, но поздно... преждевременное несчастіе убѣлило главу мою, предо мной отверзста могила.

Какъ фантастическое явленіе, исчезъ старикъ; ночная тьма черной пеленой покрыла небосклонъ, бушевалъ сильнѣе вѣтеръ, тоскливѣе и громче раздавался крикъ филина въ ушахъ моихъ. Не помню, какъ добрался я домой. Слова старика врѣзались въ мою память, и я долго не могъ ихъ забыть. Страннымъ и непонятнымъ казалось мнѣ многое изъ его рѣчей, не могъ я въ особенности объяснить себѣ возможности сдѣлать зло кому-бы то ни было однимъ желаніемъ, однимъ стремленіемъ духа, когда часто и дѣйствія наши бываютъ неуспѣшны. Невольно сдѣлалъ я посылку къ себѣ: поспѣшный отъѣздъ К., не принятая дуэль, неудовлетворенное чувство справедливаго негодованія, болѣзнь Лауры, разлука съ нею, все вмѣстѣ взятое въ высшей степени тревожило и волновало меня; отходя ко сну, я остановился на мысли, которую воображеніе облекло въ непреодолимое, непреклонное желаніе мести. Какъ было-бы хорошо, думалъ я, еслибы одной силою моего желанія, однимъ дѣйствіемъ мысли могъ-бы я отомстить К.

Не прошло двухъ недѣль послѣ свиданія моего съ старикомъ,

какъ получено было извѣстіе, что К. утонулъ, переѣзжая въ лодкѣ небольшую рѣку.

На другой день послѣ полученія извѣстія о смерти К., мнѣ принесли письмо изъ-за границы. Адресъ былъ написанъ рукою тетки. Въ письмѣ заключалось извѣстіе о смерти Лауры; она скончалась въ Тріестѣ отъ чахотки. Страшно отозвались въ душѣ моей слова старика: око за око, зубъ за зубъ.

Смерть Лауры сразила меня: нѣсколько дней бродилъ я безъ мысли, безъ сознанія, по окрестностямъ Кіева; приходилъ нѣсколько разъ къ мѣсту, гдѣ встрѣтилъ старика, но не находилъ его тамъ; наконецъ, подъ бременемъ тяжкаго горя, истощились мои духовныя и физическія силы, я слегъ и оправился не раньше шести недѣль отъ сильной нервной горячки. Мать моя была со мною во все время болѣзни и уѣхала въ деревню, когда опасность миновала и не было сомнѣнія въ скоромъ выздоровленіи.

Теплое чувство вѣры, развитое во мнѣ съ дѣтства доброй моей матерью, привело меня къ молитвѣ, я молился и молитва облегчила мои страданія.

Университетскія лекціи молодыхъ, недавно возвратившихся изъ Германіи профессоровъ развивали во мнѣ любовь къ наукамъ, я посвятилъ себя серьезнымъ занятіямъ, и ученость сдѣлалась для меня цѣлью моего существованія. Я трудился добросовѣстно, время шло быстро, положеніе мое становилось сноснымъ.

Независимо отъ курса юридическихъ наукъ, я изучалъ римскихъ и греческихъ классиковъ, пригласилъ поселиться у меня лектора итальянскаго языка г. Бертони, весьма умнаго и образованнаго человѣка, чтобы выучиться по италіански и въ подлинникѣ читать Данте, Беккерію, Филонжіери.

Попечитель кіевскаго учебнаго округа Е. Ф фонъ-Брадке, пользовавшійся особенною любовью и высокимъ уваженіемъ всѣхъ студентовъ, былъ ко мнѣ хорошо расположенъ и приглашалъ на вечера, по воскресеньямъ. У него собирались старшія воспитанницы частныхъ женскихъ пансіоновъ, студенты и профессора. Танцовали, и проводили время очень пріятно. Молодость вела себя въ высшей степени прилично: увле-

ченія и симпатіи, ствойственныя юношамъ, ограничивались лишнимъ вальсомъ, мазуркою. Я былъ сдержанъ, молчаливъ, и не разъ Е. Ф. Брадке спрашивалъ меня, почему не принимаю участія въ общей веселости. Уклончивые отвѣты не помогали, нужно было веселиться и показаться веселымъ по мѣрѣ возможности. Въ домѣ Брадке жила дѣвица Елена А....., весьма не дурная собою, умная, любезная, живая. Она обратила свое вниманіе на меня, и благодаря ей, я сталъ другимъ человѣкомъ. Елена А. обладала необыкновеннымъ талантомъ разсмѣшить, развеселить, оживить, и я незамѣтно вполнѣ подчинился ея вліянію: сталъ разговорчивѣе, развязнѣе и веселѣе; между нами установилась самая искренная дружба.

Въ числѣ чиновниковъ генералъ-губернатора находился въ Кіевѣ Н. Э. П. Онъ былъ женатъ на сосѣдкѣ нашей по полтавскому имѣнію В—ой; жена его была красавицей въ полномъ смыслѣ этого слова. Высокая, стройная блондинка, съ роскошными плечами и великолѣпными свѣтлокаштановыми волосами; довольно неправильныя черты лица, голубые безъ выраженія глаза, нѣсколько большой ротъ, украшенный жемчужными зубами, казалось, не представляли всѣхъ условій безупречной красоты, но общее впечатлѣніе было поразительно. Мужъ ея былъ очень малъ ростомъ, некрасивъ, но уменъ. Жили они бѣдно и помѣщались въ крошечной квартиркѣ, въ старомъ деревянномъ домикѣ, на спускѣ къ Крещатику по Александровской улицѣ. Я былъ у нихъ однажды съ визитомъ, тѣмъ знакомство и кончилось. Отецъ мой поручилъ мнѣ передать П. разные документы для взысканія должныхъ ему денегъ однимъ лицемъ, проживавшимъ постоянно въ Кіевѣ. П. взялся за дѣло и обѣщалъ въ непродолжительномъ времени доставить мнѣ деньги. Прошло мѣсяца три, я поѣхалъ къ П. и вмѣсто денегъ получилъ для доставленія отцу росписку должника, въ которой признавался долгъ и обязанность уплатить, когда средства позволятъ, съ условіемъ, что отецъ мой не можетъ преслѣдовать личность должника и обезпечивать уплату личнымъ его задержаніемъ, а имѣетъ право взыскивать съ его имущества, если таковое гдѣ либо откроется. Какъ я ни былъ неопытенъ въ дѣлахъ подобнаго рода, но этотъ способъ взысканія крайне меня удивилъ; я просилъ П. возвратить отданные ему документы, въ числѣ которыхъ было и заемное письмо; но получилъ отвѣтъ, что документы за

истеченіемъ давности уничтожены и замѣнены роспиской. Само собой разумѣется, что по ней никогда ничего нельзя было получить.

Во второмъ курсѣ особенно интересны были лекціи: государственнаго благоустройства профессора Богородскаго и психологіи Новицкаго; лекціи гражданскихъ законовъ Орнатскаго мало насъ интересовали по сухости изложенія. Требованіе профессора выучивать на память всѣ статьи свода законовъ въ особенности было намъ непріятно, да въ сущности и мало приносило пользы.

Весною 1839 года надъ университетомъ разразилась сильная гроза. Еще въ 1837 году, осенью, во время посѣщенія Кіева государемъ, три студента изъ поляковъ наклеили на зданіи университета пасквиль въ стихахъ. По непріязненнымъ отношеніямъ генералъ-губернатора къ попечителю учебнаго округа, человѣку умному, образованному и энергичному, дѣлу этому придали особенную важность, и государь, посѣтивъ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ, гдѣ были собраны всѣ студенты университета, высказалъ такъ много негодованія и былъ въ такомъ раздраженномъ состояніи, что поразилъ всѣхъ своимъ гнѣвомъ.

Въ сборной залѣ на лѣво отъ входа стояли студенты, на право профессоры. Государь, войдя въ залъ, не поздоровался ни съ кѣмъ, сталъ по срединѣ и обращаясь къ студентамъ, отрывистымъ голосомъ сказалъ: „вы учитесь хорошо, но это недостаточно: одна наука не приведетъ къ хорошимъ результатамъ, мнѣ нужны вѣрные сыны престола, мнѣ нужна безпредѣльная преданность, безсознательная покорность и безпрекословное повиновеніе; знайте, что я строго буду слѣдить за вами и горе тому, кто нравственнымъ или политическимъ своимъ направленіемъ не будетъ соотвѣтствовать моимъ предначертаніямъ, горе тому, повторяю, кто дерзнетъ увлечься, подобно товарищамъ вашимъ, я его упрячу туда, куда воронъ костей не заноситъ“.

За тѣмъ его величество, переведя духъ, изволилъ спросить, сколько студентовъ на лице, и пошелъ осматривать насъ, глядя каждому въ глаза. На бѣду, въ первомъ ряду взглядъ его остановился на одномъ косоглазомъ студентѣ, и тутъ произошла слѣдующая сцена.

— *Государь*. Смотри мнѣ прямо въ глаза.

Студентъ молча смотритъ.

— *Государь*. Ты не смотришь на меня, ты не можешь смотрѣть мнѣ въ глаза?

Студентъ молчитъ.

— *Государь*. Какъ твоя фамилія?

— *Студентъ*. Хоньскій.

— *Государь*. Откуда?

— *Студентъ*. Изъ Миньска.

— *Государь*. Видно, что не русскій, полякъ, совѣсть нечиста, не можешь смотрѣть прямо въ глаза русскому царю.

Приведенныя мною выше слова его величества были ничто въ сравненіи съ тѣмъ потокомъ негодованія и раздражительности, которыя излились изъ устъ государя, разсерженнаго косоглазіемъ Хонскаго. Въ другое время, быть можетъ, попечитель и осмѣлился-бы доложить его величеству, что студентъ косъ и не можетъ смотрѣть прямо, но въ то время государь былъ такъ раздраженъ, что всѣ окружавшіе его тряслись отъ страху, какъ осиновый листъ, и ни у кого не достало смѣлости объяснить государю причину, по которой Хонскій, не смотря на все желаніе, не могъ смотрѣть ему прямо въ глаза.

Кончивъ свою рѣчь студентамъ, по истинѣ рѣчь Юпитера громовержца, государь обратился къ профессорамъ и погрозивъ имъ пальцемъ, сказалъ: „а вы у меня смотрите, наука наукой; но если не будете обращать вниманія на развитіе нравственныхъ началъ въ студентахъ и политическаго направленія, согласнаго съ моими мыслями, я раздѣлаюсь съ вами по своему“. Профессоры низко поклонились, государь вышелъ. Студенты виновные въ распространеніи между товарищами и выставкѣ на зданіи, гдѣ помѣщался университетъ, возмутительныхъ стихотвореній: Буяльскій, Богдановичъ и Рушковскій, всѣ католики и уроженцы западныхъ губерній, были исключены изъ университета и строго наказаны: первые два по выдержаніи въ крѣпости посланы солдатами на Кавказъ. По высочайшему повелѣнію въ Кіевъ былъ присланъ министръ народнаго просвѣщенія. Посѣтивъ лекціи, онъ остался совершенно доволенъ ученою дѣятельностью университета, и вмѣстѣ съ тѣмъ были введены разныя дисциплинарныя правила, стѣснявшія студентовъ.

Для осужденныхъ за пасквиль студентовъ, студентъ Гордонъ, жившій въ институтѣ, собиралъ по подпискѣ деньги между товарищами и собравъ

значительную сумму, послалъ въ декабрѣ 1837 года съ сторожемъ тысячу рублей при запискѣ къ содержавшимся въ крѣпости товарищамъ. Плацъ-маіоръ Гайворонскій перехватилъ записку и донесъ объ этомъ генералъ-губернатору. Генералъ-губернаторъ пригласилъ къ себѣ попечителя и рѣшено было арестовать Гордона. За Гордономъ послали помощника инспектора студентовъ Шишкина, съ приказаніемъ немедленно привести Гордона къ генералъ-губератору. Когда помощникъ испектора объявилъ Гордону, что его требуетъ генералъ-губернаторъ, Гордонъ догадался, въ чемъ дѣло, и отвѣтилъ Шишкину, что тотъ часъ за нимъ послѣдуетъ; а между тѣмъ, захвативъ остававшіяся у него отъ подписки деньги, ушелъ по черной лѣстницѣ и исчезъ навсегда. Шишкинъ ждетъ Гордона, не дождется. Наконецъ убѣдившись, что Гордонъ его провелъ, Шишкинъ побѣжалъ къ генералъ-губернатору и за Гордономъ разослали во всѣ концы города полицейскихъ и университетскихъ служителей. Поздо вечеромъ того дня одинъ изъ педелей настигъ на Лютеранской улицѣ Гордона, но Гордонъ выстрѣлилъ въ педеля изъ пистолета и успѣлъ уйти; педель не былъ раненъ, но потерялъ слѣдъ, и спустя только пять мѣсяцевъ послѣ этого происшествія, изъ письма распечатаннаго почтовой цензурой, узнали, что Гордонъ благополучно прибылъ въ Парижъ, и предъ отъѣздомъ за границу, подъ чужимъ именемъ, съ фальшивымъ паспортомъ, скрывался около двухъ мѣсяцевъ въ окрестностяхъ Кіева, былъ болѣнъ и лѣчился на хуторѣ Дерпера у извѣстныхъ медиковъ.

Побѣгъ Гордона возбудилъ подозрѣніе въ участіи нѣсколькихъ лицъ въ этомъ дѣлѣ; стали слѣдить за молодыми людьми, но до весны 1838 года ничего не открыли. Въ то время назначенъ былъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ; при немъ разыгралась печальная драма заговора Конарскаго, охватившаго собою всѣ западныя губерніи. Гордонъ, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ однимъ изъ главныхъ сообщниковъ Конарскаго.

Польскій эмигрантъ Конарскій прибылъ въ Россію изъ Парижа и учредилъ тайное общество съ цѣлью возстановить польскую національность; пропаганда его распространилась быстро въ литовскихъ губерніяхъ и оттуда перешла въ Кіевъ. Болѣе двадцати студентовъ уни-

верситета св. Владиміра принимали дѣятельное участіе въ заговорѣ. Дѣло кончилось закрытіемъ университета 17 марта 1839 года, ссылкой въ каторжную работу трехъ главныхъ дѣятелей пропаганды въ Кіевѣ и казнію Конарскаго въ Вильнѣ.

Весьма непріятно было наше положеніе во время предшествовавшее закрытію университета: лекціи продолжались, но часто были прерываемы появленіемъ жандармовъ для арестованія студентовъ. Въ городѣ было тихо и спокойно, но усиленные патрули и смутное ожиданіе исхода дѣла о заговорѣ наводили на всѣхъ страшное уныніе.

13 марта всѣмъ студентамъ приказано было на другой день собраться въ пять часовъ утра въ домѣ казеннокоштныхъ студентовъ для представленія новому попечителю князю С. И. Давыдову, назначенному на мѣсто Е. Ф. фонъ-Брадке.

Я проѣзжалъ въ вечеру по улицѣ идущей вдоль большой крѣпостной эспланады и замѣтилъ, что на эспланадѣ устраивали какіе-то подмостки, рабочіе были окружены солдатами; я остановился и хотѣлъ спросить, для чего работаютъ такъ поздно, но караульный офицеръ громко закричалъ мнѣ, чтобъ я не подходилъ. Въ пять часовъ утра мы собрались въ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ и здѣсь узнали, что въ шесть часовъ три главныхъ заговорщика: Боровскій, бывшій содержатель частнаго мужскаго пансіона въ Кіевѣ, и помѣщики: Депре и Михальскій, послѣдній дряхлый старикъ, должны быть повѣшены на крѣпостной эспланадѣ.

Въ залѣ, гдѣ собралось болѣе двухсотъ студентовъ, было тихо, какъ въ могилѣ, всѣ стояли какъ приговоренные на смерть, никто не зналъ кого повѣсятъ, и каждый изъ насъ могъ думать, что поведутъ на казнь кого нибудь изъ товарищей,—съ такой тайной производился судъ надъ ними.

Наконецъ ударилъ роковой часъ и намъ сообщили, что государь императоръ соизволилъ даровать жизнь преступникамъ, замѣнивъ смертную казнь ссылкой въ каторжную работу. На эспланадѣ въ то время совершенъ былъ обрядъ политической казни: приговоренныхъ въ тележкахъ привезли къ висѣлицѣ, взвели на подмостки, прочли приговоръ, сломали надъ головами шпаги, покрыли бѣлыми саванами, объявили о

помилованіи и повезли обратно въ крѣпость. Въ восемь часовъ явился попечитель и прочелъ высочайшее повелѣніе о закрытіи университета. Въ смутномъ молчаніи разошлись мы; 17 марта прекратились лекціи.

Изъ арестованныхъ студентовъ оказались виновными 21; по высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе приговора военнаго суда, они исключены изъ университета; изъ нихъ 5 отданы въ солдаты въ кавказскій корпусъ безъ выслуги, съ лишеніемъ дворянства (Сосновскій, Зродловскій, Петрашкевичъ, Виннгизкій и Милевскій), 5 также отданы въ солдаты до отличной выслуги, безъ лишенія дворянства (Шимановскій, Черный (русскій), Любовицкій, Осѣцимскій и Юрковскій), 8 назначены въ военную службу на правахъ вольноопредѣляющихся, съ тѣмъ, чтобы по производствѣ въ офицеры прослужили въ военной службѣ не менѣе десяти лѣтъ (Августиновичъ, Стржельницкій, Бочковскій, Завадскій, Корсакъ, Немира, Порчинскій и Высѣкерскій), 3 переведены въ казанскій университетъ, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи курса были обращены на службу въ продолженіи десяти лѣтъ въ великороссійскія губерніи (Стройновскій, Цилли и Бржозовскій).

Всѣмъ студентамъ университета, не подвергавшимся слѣдствію, предоставлено было поступить въ другіе университеты безъ новаго испытанія и съ зачетомъ времени безпорочно проведеннаго въ кіевскомъ университетѣ; тѣмъ изъ числа студентовъ 2-го, 3-го и 4-го курсовъ, кои не пожелаютъ, или по какимъ либо обстоятельствамъ не въ состояніи будутъ перейти въ другіе университеты, дозволено вступить въ гражданскую службу, съ чинами 14-го и 12-го классовъ.

До 1839 года рѣзкаго разрыва между студентами разныхъ націй не было. Студенты сближались и раздѣлялись не столько по религіи и народности, сколько по воспитанію, факультетамъ и положенію въ обществѣ. Рознь въ политическихъ убѣжденіяхъ никогда не высказывалась, да политикой мы и не занимались. Православіе всегда стояло въ Кіевѣ выше католицизма, въ особенности при такихъ представителяхъ и дѣятеляхъ его, какими были преосвященные: Евгеній, Филаретъ и Иннокентій и профессоръ богословія И. М. Скворцовъ. Впрочемъ нѣкотораго рода отчужденіе проявлялось между студентами уроженцами лѣваго и праваго берега Днѣпра. Малороссіяне, въ особенности пол-

тавцы и черниговцы, рѣдко сближались съ поляками. Между ними бывали иногда столкновенія, кончавшіяся по большей части посредничествомъ благоразумныхъ и развитыхъ товарищей, въ которомъ всегда почти добродушный юморъ малоросса бралъ верхъ надъ увлеченіемъ и заносчивостію поляка.

Кіевское общество состояло изъ русскихъ и польскихъ семействъ, привлеченныхъ въ Кіевъ графомъ Левашовымъ, который заботился о развитіи общественной жизни и добромъ согласіи между двумя національностями. Изъ русскихъ извѣстны были своимъ гостепріимствомъ дома: князя Кудашева, Голубцова, А. В. Васильчикова, П. Я. Лукашевича и Ф. Г. Иваненко; изъ польскихъ-графовъ Тышкевича и Ильинскаго, Проскуры, Шимановскаго и другихъ. Во время контрактовъ съѣзжались въ Кіевъ почти всѣ помѣщики юго-западнаго края съ своими семействами; многіе жители Заднѣпровья жили здѣсь открыто и весело; пріѣзжіе вели большую игру и разъѣзжались обыкновенно на первой недѣлѣ великаго поста. Въ общественныхъ отношеніяхъ не было различія между русскими и поляками, многія русскія семейства находились въ тѣсной дружбѣ съ польскими, о преобладаніи той или другой національности не было вопроса, театральныя представленія давались на французскомъ языкѣ труппою актеровъ, выписанною графомъ Левашовымъ изъ Парижа, спектакли любителей шли также по большей части по французски. На контракты обыкновенно пріѣзжали знаменитые артисты: Липинскій, Ромборгъ, Леопольдъ Мейеръ, Паста Месъ-Мази; концерты давались въ контрактовой залѣ и привлекали многочисленную, блестящую публику. Тамъ-же бывали общественные балы. Каждый годъ контракты открывались утромъ: молебствіемъ съ процессіей, а вечеромъ: большимъ баломъ отъ дворянства въ честь генералъ-губернатора.

Жизнь въ Кіевѣ была дешева, роскоши въ убранствѣ домовъ и въ экипажахъ не существовало. Дамы одѣвались просто, но со вкусомъ; на большихъ только балахъ въ исходѣ сезона появлялись богатые туалеты, драгоцѣнные камни; красавицъ было много, достаточно упомянуть о дѣвицахъ: Муравьевой, Астромовой, Гинцъ и Швейковской, о дамахъ: Писаревой, графиняхъ Ильинской, Ржевуской и Понятовской.

Студенты составляли принадлежность всѣхъ собраній; изъ нихъ

было много хорошихъ танцоровъ и любезныхъ кавалеровъ. Меня всюду приглашали, но я былъ рѣдкимъ гостемъ на большихъ балахъ.

Съ закрытіемъ университета я долженъ былъ оставить Кіевъ и отправиться кончать курсъ въ другой городъ. Мать моя желала, чтобы я поступилъ въ харьковскій университетъ, ближайшій къ мѣсту ея пребыванія, и я поѣхалъ въ Харьковъ, чтобы познакомиться съ тамошними учеными.

Ученая дѣятельность Харькова не понравилась мнѣ; составъ юридическаго факультета былъ тамъ далеко не такъ хорошъ, какъ въ Кіевѣ; я рѣшился послѣ каникулъ ѣхать въ Дерптъ. Въ Харьковѣ мнѣ было пріятно увидѣться съ Карломъ Ивановичемъ Р..., онъ по прежнему продолжалъ содержать свой пансіонъ, не смотря на преклонныя лѣта, дочь его Аделанда Карловна вышла замужъ за профессора, я былъ у нея и мы отъ души смѣялись, вспоминая наши музыкальныя упражненія.

Лѣто я провелъ въ деревнѣ, занимаясь серіознымъ-чтеніемъ, повтореніемъ пройденныхъ лекцій и музыкой, а въ концѣ іюля, когда располагалъ уже ѣхать въ Дерптъ, получилъ изъ Кіева извѣстіе, что университетъ св. Владиміра вновь открывается для студентовъ православнаго исповѣданія. Намъ разрѣшено было держать экзаменъ въ слѣдующій курсъ. Я поспѣшилъ воротиться въ Кіевъ и перешелъ въ третій курсъ съ отличіемъ.

Бывшимъ до закрытія университета студентамъ католикамъ дозволено было кончить науки въ другихъ университетахъ, а профессоры изъ поляковъ были переведены въ Москву и Харьковъ. Нашъ юридическій факультетъ лишился двухъ полезныхъ дѣятелей: Мицкевича, брата извѣстнаго поэта, преподававшаго римское право на латинскомъ языкѣ и Даниловича, профессора уголовныхъ законовъ; но университетъ очистился отъ ненавистнаго намъ, со времени заговора Конарскаго, польскаго элемента.

1839-й и 40-й годы были посвящены усиленнымъ университетскимъ занятіямъ; на третьемъ курсѣ юридическаго факультета осталось къ началу учебнаго года всего тринадцать студентовъ; четвертаго курса не было вовсе по недостатку слушателей, и ученая дѣятельность моло-

дыхъ профессоровъ была сосредоточена на насъ. Независимо отъ лекцій мы часто собирались у извѣстнаго ученому міру Неволина, профессора энциклопедіи законовѣдѣнія и государственныхъ учрежденій, бывшаго тогда ректоромъ, и у Богородскаго, профессора уголовныхъ законовъ. Совѣты ихъ, выборъ чтенія, ученые разговоры и диспуты о предметахъ нашего факультета развивали насъ и заставляли работать серіозно и внѣ университета; диссертаціи по разнымъ отраслямъ юридическихъ наукъ, которыя мы писали по собственному побужденію и читали у этихъ профессоровъ, пріучали насъ къ самостоятельному труду и служили полезной подготовкой къ дальнѣйшей ученой дѣятельности.

Шелъ тогда вопросъ объ уничтоженіи въ Малороссіи дѣйствія Литовскаго Статута. Отецъ мой былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и поручилъ мнѣ составить записку о несвоевременности устарѣвшаго законодательства Статута и о замѣнѣ его, по иниціативѣ дворянства, Сводомъ законовъ. Довольно пространная записка была мною написана и послана отцу, препроводившему ее генералъ-губернатору. Въ запискѣ, доказывая необходимость отмѣны Статута, я находилъ полезнымъ сохранить статьи, относящіяся къ наслѣдству по закону, и порядокъ взысканія по долговымъ обязательствамъ, обезпечивавшій правильнѣе кредиторовъ, изъ коихъ первый по времени имѣлъ право на полное взысканіе капитала, процентовъ и рекамбій, за тѣмъ наступала очередь второго, третьяго и т. д., тогда какъ Сводъ Законовъ отдаетъ преимущество формѣ обязательствъ и при равноправности ихъ, уплата распредѣляется поровну между всѣми заимодавцами, безъ различія времени совершенія актовъ. Записку эту, по отсылкѣ оной, въ копіи читалъ я на вечернемъ собраніи студентовъ у Неволина и Богородскаго, жившихъ тогда вмѣстѣ во 2-й гимназіи, и она была одобрена; но профессоръ Орнатскій, узнавъ изъ разговоровъ сущность записки, вознегодовалъ на меня за то, что я осмѣлился послать мнѣніе о такомъ важномъ вопросѣ, не спросясь его и не посовѣтовавшись съ нимъ, и давать преимущество нѣкоторымъ статьямъ Статута предъ Сводомъ Законовъ. Я ему объяснилъ, что наслѣдство по Статуту имѣетъ историческое значеніе, выработанное жизнію народа, и вошло въ нравы и обычаи жителей Малороссіи, а порядокъ взысканій справедливо ограждаетъ право первыхъ заи-

модавцевъ и не допускаетъ должниковъ до возможности обременять ихъ собственность фиктивными долгами, хотя и облеченными въ законную форму.

Занятія наши вообще шли превосходно; но молодому университету не счастивилось въ другихъ отношеніяхъ. Съ 1839 года были введены новыя дисциплинарныя правила; правила эти, несвоевременыя и въ существѣ совершенно безполезныя, значительно стѣсняли разумную свободу, которою мы пользовались доселѣ. Вся административная дѣятельность университета была обращена на водвореніе внѣшняго порядка между студентами и на улучшеніе ихъ наружнаго вида: стригли, брили, одѣвали по формѣ и старались придать всѣмъ приличную и по возможности однообразную наружность.

Поводомъ къ усиленнымъ занятіямъ университетскаго начальства по части студенческой наружности послужило послѣднее въ бытность мою въ университетѣ посѣщеніе государя. Въ томъ-же зданіи казенно-коштныхъ студентовъ насъ выстроили стройными рядами, строго осмотрѣли нашу одежду и приличнѣйшихъ по виду поставили въ первый рядъ. Государь вошелъ и довольно ласково поздоровался съ нами, мы ему прокричали очень удовлетворительно: „здравія желаемъ, ваше императорское величество!“ Государь прошелъ по рядамъ, видимо остался доволенъ нашею наружностію и отправился осматривать дортуары. Въ это время одинъ изъ студентовъ задней шеренги, кривоногій и весьма непривлекательной наружности, сталъ въ первый рядъ, чтобы ближе видѣть государя, въ полной увѣренности, что смотръ оконченъ. Но государь, возвратясь изъ дортуаровъ, сталъ насъ осматривать вновь и съ негодованіемъ остановился на кривоногомъ студентѣ.

— Какъ твоя фамилія? спросилъ государь.

— П., отвѣчалъ отрывисто студентъ.

— Откуда?

— Изъ Чернигова, еще отрывистѣе отвѣчалъ П.

— Болванъ! грозно сказалъ императоръ и обратившись къ сопровождавшему его наслѣднику престола, прибавилъ: какіе не отесанные, не умѣютъ отвѣчать.

Выступленіе П. въ первую шеренгу имѣло важныя послѣдствія: для осмотра университета былъ вновь присланъ министръ народнаго просвѣщенія, который прожилъ въ Кіевѣ болѣе недѣли, посѣщалъ лекціи и репетиціи и

остался совершенно доволенъ учебною дѣятельностью университета. Къ Уварову водили студента П., какъ замѣчательную личность, обратившую на себя особенное вниманіе государя. Вскорѣ послѣ отъѣзда министра, въ вѣдѣніе попечителя отпустили 5 тысячъ рублей ассигнаціями, съ тѣмъ, чтобы онъ давалъ для студентовъ танцовальные вечера, назначили въ университетъ учителей: танцованія, фехтованія и верховой ѣзды.

Въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ университетской жизни со мной не произошло ничего особеннаго. Пріѣзжалъ однажды въ Кіевъ мой отецъ и представилъ меня Д. Г. Бибикову, съ которымъ былъ знакомъ еще съ компаніи 1812 г. Подъ Бородинымъ Дмитрію Гавриловичу оторвало ядромъ лѣвую руку, отецъ мой былъ контуженъ. Бибиковъ обласкалъ меня и распрашивалъ объ университетскихъ занятіяхъ, говорилъ о дисциплинѣ и спросилъ: не было-ли бы для васъ пріятнѣе, если-бы вамъ дали военную форму? Я отвѣтилъ, что если-бы насъ заставили носить военную форму, мы-бы подчинились безпрекословно такому распоряженію, но не думаю, чтобы это было особенно для насъ пріятно. Бибиковъ нахмурился, тѣмъ представленіе и кончилось. Но онъ постоянно былъ ко мнѣ внимателенъ и благосклоненъ, представилъ своей супругѣ и приглашалъ на балы. Къ нему я всегда ѣздилъ. Студенты впрочемъ почти не посѣщали общества, посвятивъ себя исключительно серіознымъ занятіямъ. Въ свободное время я часто отправлялся въ „Кинь-Грусть“, помогалъ тетушкѣ Лукашевичъ въ устройствѣ сада, читалъ дядѣ газеты, въ знойные дни удалялся въ тѣнистыя рощи окрестныхъ хуторовъ, по вечерамъ слушалъ музыку доморощеннаго, но весьма недурнаго оркестра. На каникулы и Рождественскіе праздники я ѣздилъ въ деревню и проводилъ тамъ время очень пріятно. Тогда живали въ деревняхъ очень весело, съѣзжались часто и танцовали по нѣскольку дней съ ряду. На одномъ изъ деревенскихъ баловъ я встрѣтилъ дѣвицу И., дальную мою родственницу; она мнѣ очень понравилась, я ей тоже, и нѣсколько мазурокъ скрѣпили еще болѣе нашу взаимную привязанность. Легко увлекающійся пылкостью моихъ чувствъ, я готовъ былъ просить ея руки, но мать моя уговорила меня не жениться на кузинѣ. Впрочемъ и предложеніе мое врядъ-ли было-бы принято отцомъ кузины, такъ какъ я былъ еще очень молодъ

и не окончилъ курса, и еще болѣе потому, что для кузины готовилась другая партія. Чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ ее отдали замужъ за пожилаго и нисколько не нравившагося ей помѣщика. Чрезъ нѣсколько лѣтъ несчастнаго замужества бѣдная кузина скончалась отъ грудной болѣзни, оставивъ двухъ дочерей.

Независимо отъ занятій юридическими науками, я много читалъ и занимался иностранной литературой. Въ то время Викторъ Гюго былъ въ ходу и романтическая школа имѣла большое вліяніе на наше литературное воспитаніе. Мы часто игривали между собой, съ участіемъ нѣкоторыхъ дамъ, драмы Гюго, трагедіи Шекспира и другія произведенія замѣчательныхъ писателей. Я жилъ тогда въ домѣ принадлежащемъ никольскому монастырю, квартира моя состояла изъ огромной залы и трехъ небольшихъ комнатъ. Меня избрали директоромъ домашняго театра и я часто исполнялъ трагическія роли. Наши представленія сопровождались иногда веселыми пирушками, совершенно приличными, въ присутствіи дамъ. Бывали впрочемъ иногда и маленькія оргіи, на которыхъ появлялись: Тисбе, Катарина Брогадини, Маріонъ де-Лормъ и другія героини Гюго. У меня была Эсмеральда, чистой крови и рѣдкой красоты. Эта цыганка до того привязалась было ко мнѣ, что покинула свой таборъ.

Между нами, какъ истыми буршами, въ большомъ ходу было фехтованье. Училъ насъ драться на рапирахъ плѣненный въ двѣнадцатомъ году французъ Базанкуръ; въ этомъ упражненіи я сдѣлалъ большіе успѣхи, и не разъ изъ состязанія съ учителемъ выходилъ побѣдителемъ. Вмѣсто шпагъ никуда негодныхъ, присвоенныхъ студенческой формѣ, мы завели длинныя шпаги, съ отпущенными клинками, и никогда съ ними не разставались, исключая лекцій. Часто ходили на охоту; въ стрѣльбѣ никто не могъ со мной соперничать, пистолетомъ владѣлъ я превосходно, изъ ружья также промаховъ не давалъ.

Весною 1841 года я кончилъ курсъ въ университетѣ, выдержалъ съ большимъ успѣхомъ послѣдній экзаменъ изо всѣхъ предметовъ юридическаго факультета и получилъ право на степень кандидата.

Экзаменъ мы сдавали за всѣ четыре года изъ юридическихъ наукъ и Богословія. На первомъ курсѣ намъ читалъ Неволинъ Энциклопедію законовѣденія по своимъ запискамъ. Ко времени нашего окончательнаго

испытанія была имъ напечатана его Энциклопедія въ двухъ объемистыхъ томахъ, несравненно пространнѣе записокъ. Неволинъ объявилъ, что хочетъ, чтобы мы отвѣчали не по запискамъ, а по книгамъ имъ изданнымъ, и мы охотно подчинились требованію любимаго профессора; но трудъ былъ не малый, пришлось вновь переучивать энциклопедію на память; къ счастію мнѣ достался вопросъ о философіи права Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, въ которомъ развитіе и пониманіе брало верхъ надъ памятью, и моимъ отвѣтомъ Неволинъ остался совершенно доволенъ. По Римскому праву не обошлось безъ затрудненій: мы слушали Мицкевича, послѣ него читалъ этотъ предметъ студентамъ другихъ курсовъ Ѳедотовъ-Чеховскій и требовалъ, чтобы мы отвѣчали по его запискамъ. Было предоставлено экзаменоваться по запискамъ того или другого. Я стоялъ за Мицкевича, получилъ вопросъ: „О правѣ владѣнія независимомъ отъ права собственности“ и не смотря на желаніе Ѳедотова сбить меня, вышелъ изъ ученой борьбы побѣдителемъ, что было впрочемъ и не трудно, и заслуга моя не велика.

Ученыя занятія были мнѣ по сердцу и я располагалъ посвятить себя совершенно наукѣ.

Усиленная дѣятельность во время экзаменовъ требовала впрочемъ отдохновенія; послѣ прощальнаго пира, даннаго мною товарищамъ, я отправился немедленно въ деревню. Отецъ и мать были въ восторгѣ отъ моихъ успѣховъ въ университетѣ, тѣмъ болѣе, что независимо отъ права на ученую степень, ректоръ университета и лучшій профессоръ юридическаго факультета, К. А. Неволинъ написалъ отцу моему самый лестный отзывъ обо мнѣ и совѣтовалъ ему содѣйствовать моему намѣренію посвятить себя дальнѣйшимъ занятіямъ науками и избрать для службы ученое поприще. Иначе смотрѣлъ на будущую мою карьеру отецъ мой. Ему хотѣлось предоставить мнѣ болѣе широкое поприще, по его понятіямъ о жизни и заслугахъ болѣе соотвѣтствующее моему положенію въ свѣтѣ. Профессоръ, монахъ и женщина, говорилъ онъ, имѣютъ почти одно и тоже значеніе въ обществѣ, значеніе, по его убѣжденію, весьма незавидное. Впрочемъ мнѣ разрѣшено было ѣхать за границу съ ученой цѣлью. До поѣздки за границу, я отправился на лѣтніе мѣсяцы въ Одессу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО ЕВГЕНІЯ КЪ РЕКТОРУ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ, АРХИМАНДРИТУ МЕЛЕТІЮ.

Помѣщаемыя здѣсь четыре письма митр. Евгенія Болховитинова къ архим. Мелетію Леонтовичу служатъ продолженіемъ переписки этихъ лицъ, помѣщенной въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины" за 1883 г. Существенный интересъ этихъ писемъ въ томъ, что они бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на состояніе нѣкоторыхъ изъ подвѣдомственныхъ кіевской академіи семинарій, отчасти и самой академіи, нѣсколько уясняютъ причину того огульнаго увольненія профессоровъ въ академіи и семинаріяхъ, о которомъ, кромѣ писемъ Иннокентія Борисова къ его товарищу и другу Александру Бѣлюгову, сохранилось и живое преданіе. Послѣднее объясняетъ этотъ темный фактъ вольнодумствомъ, усмотрѣннымъ будто-бы въ воспитанникахъ первыхъ курсовъ кіевской академіи, а письма м. Евгенія ставятъ его въ связь съ распущенностію не только профессорскаго, но и начальственнаго состава семинарій. Не отрицая присутствія въ этомъ печальномъ явленіи ни того, ни другого элемента, не можемъ не замѣтить, что на нашъ взглядъ оно было послѣдствіемъ не установившагося еще новаго порядка управленія духовными учебными заведеніями, созданнаго уставомъ коммисіи духовныхъ училищъ. Отличительною чертою этого устава, помимо широкой системы образованія, было между прочимъ то, что въ противоположность прежнему, долго господствовавшему въ духовныхъ училищахъ порядку, элементъ монашескій не былъ преобладающимъ, но поста-

вленъ въ равновѣсіе съ элементомъ свѣтскимъ, равно абсолютная дотолѣ власть епархіальнаго архіерея въ дѣлѣ управленія епархіальными училищами приведена была въ нѣкоторое равновѣсіе съ новосозданною духовно-учебною администраціею. Отсюда борьба двухъ различныхъ по многому элементовъ, закончившаяся снова полнымъ преобладаніемъ монашества и подчиненіемъ ему бѣльцовъ, а борьба не обходится безъ урона для обѣихъ сторонъ, а главное для стороны побѣждаемой. На эту борьбу указываютъ отчасти приводимыя письма. Митр. Евгеній, самъ членъ коммисіи духовныхъ училищъ и главный дѣятель въ составленіи ея устава, стоитъ по видимому за власть архіерея и огражденіе оной отъ „доносовъ" ревизоровъ.

Кромѣ этого главнаго интереса помѣщаемыхъ писемъ, въ нихъ разбросаны нѣкоторыя мелкія данныя, не лишенныя значенія для исторіи кіевской академіи, какъ напр. порядокъ разсмотрѣнія студенческихъ диссертацій, замѣчаніе объ упадкѣ въ академіи знанія латинскаго языка, не желаніе инспектора академіи Смарагда ѣхать на ревизію, очевидно изъ опасенія прійти въ столкновеніе съ архіереемъ и проч.

1.

Получено 2 октября.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Доклады ваши, при письмѣ отъ 6 сентября присланные, при семъ вамъ возвращаю, а на письмо отвѣтствую слѣдующее:

На ревизію въ орловскую семинарію вамъ самимъ ѣхать-бы не прилично, а можно-бы отправить отца Смарагда[1]), которому и отказываться не слѣдовало. А какимъ образомъ предписано епархіальному архіерею донести о ревизіи, того я не припомню. Но очевидно, что донесенія ревизоровъ прямо коммисіи, безъ свѣдѣнія архіереевъ, у коихъ

---

[1]) Смарагдъ Крыжановскій, тогда инспекторъ академіи, впослѣдствіи архіепископъ орловскій и потомъ рязанскій. Скончался въ 1863 г.

они ревизуютъ семинаріи, оказываются иногда фальшивыя и пристрастныя. Архіерею-же безъ свѣдѣнія и обличить ихъ не по чему. Отъ сего происходило, что и архіереевъ винили иногда по доносу одного ревизора. Вотъ, думаю, причина и предписанію сдѣланному вамъ. Остерегитесь и вы сего. Есть-ли правду напишете, то и архіерей спорить не будетъ, а вашъ репортъ подлинникомъ доложенъ будетъ представить коммисіи. Сей способъ надежнѣе тайныхъ доносовъ ревизорскихъ.

Странно, что въ теплой вашей церкви стѣны оказались щебневыя, а не кирпичныя, и кладка глиняная, а не известковая [1]). Но таково всегда почти школярное хозяйство. Подрядятъ, наймутъ и не смотрятъ. Это и вамъ наука и, думаю, такъ строить вы не будете.

За отца Владиміра я говорилъ въ коммисіи, но выведенная о немъ справка все испортила. Предложите ему, не согласится-ли онъ гдѣ нибудь въ епархіи кіевской быть настоятелемъ въ заштатномъ монастырѣ.

Будемъ ждать вашихъ упражненій [2]) на разсмотрѣніе. Но пришлите мнѣ по совѣсти рекомендацію, кого вы назначаете на ваканціи профессорами въ семинаріи, ибо ихъ задачи прежде всѣхъ будутъ разсмотрѣны для удостоенія академическихъ степеней. Означьте мнѣ и то, куда кого вы по своему разсмотрѣнію назначаете. Предваряю васъ, что кишиневскій владыка [3]) проситъ прислать ему учителями его-же семинаріи молдаванъ, а просящіеся оттуда профессоры не уволены, но безмѣстно отрѣшены будутъ за бурлацкое поведеніе, описанное владыкою. Ходятъ въ классы въ халатахъ, съ трубкою табаку и съ собаками, пренебрегаютъ начальническія увѣщанія и проч. Больно слышать о такомъ просвѣщеніи. Теперь многіе и ректоры и инспекторы за то-же отрѣшаются и ссылаются въ монастыри на покаяніе и переучиваніе.

---

[1]) Смотр. «Кіев. Стар.» 1883 г., іюнь, письмо 2, стр. 313.

[2]) Т. е. магистерскихъ и кандидатскихъ диссертацій оканчивавшихъ курсъ академіи воспитанниковъ, по которымъ имъ присуждались ученыя степени магистра и кандидата. Такія диссертаціи разсматривались тогда въ синодѣ или членами онаго, или-же по предложенію его ученѣйшими епархіальными архіереями.

[3]) Димитрій Сулима.

Благодарю за присланный мнѣ списокъ каталога книгъ, подаренныхъ [1]) кіевской семинаріи; мнѣ нужно было имѣть его для памяти.

Призывая на васъ и труды ваши благословеніе Божіе, есмь доброжелательнѣйшій вашъ Евгеній, митр. кіевскій.

19 сентября 1825 года.

Есть-ли не предписано вамъ отъ коммисіи донести ей о вашей ревизіи орловской семинаріи, а только архіерею, то и доносить вамъ прямо не слѣдуетъ. Самъ архіерей ваше донесеніе пришлетъ.

2.

Получено 14 октября.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Вчера съ почтой получилъ я отъ васъ каталогъ книгъ, кои въ представленіи называете покойнаго преосвященнаго Амвросія Келембета [2]). Но не имѣя на сіе доказательствъ, кромѣ слуховъ, вы подвергаете сіи книги отнятію наслѣдниками. Итакъ пришлите мнѣ другое представленіе, назвавши книги сіи просто оказавшимися сверхъ описи. Тогда могу я утвердить и причисленіе къ библіотекѣ.

Вчера-же читаны были въ коммисіи и диссертаціи ваши. Сильно осмѣхали и бранили латынь вашихъ учениковъ. Стыдно было и мнѣ и вамъ. Я извинялъ васъ только тѣмъ, что семинаріи не учили присланныхъ къ вамъ. Теперь розданы диссертаціи порознь на разсмотрѣніе. Трудно такихъ дѣлать кандидатами и магистрами по вашей только рекомендаціи. Но я нетерпѣливо жду вашего списка, кого куда по мнѣнію вашему назначить въ училища. Ихъ диссертаціи прежде и разсматриваемы будутъ. Прочіе отпустятся по домамъ впредь до разсмотрѣнія, какъ и въ невской (академіи) сдѣлано.

---

[1]) Самимъ-же митр. Евгеніемъ.

[2]) Архіепископа тобольскаго, б. учителя и префекта кіевской академіи.

Дивятся и здѣсь, что вы сами поѣхали въ Орелъ. Худо повинуются вамъ подчиненные.

Призывая на васъ и труды ваши благословеніе Божіе, есмь доброжелательнѣйшій Евгеній, митрополитъ кіевскій.

3 октября 1825 года.

Академикъ Френъ разбиралъ снимки съ вашей коптской рукописи, и вотъ вамъ они съ приложеніемъ его собственноручной записки. Тутъ увидите, что это церковнослужебная книга, сперва молитва утренняя съ ектеніями и псаломными стихами, потомъ молитвы пятдесятничныя и проч. Но Френъ проситъ, чтобы вы самую книгу сюда прислали. Тогда онъ обстоятельнѣе вамъ опишетъ. А для академіи это нужно, чтобы знать, чѣмъ владѣетъ.

3.

Получено 29 октября.

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Письмо ваше отъ 4 октября и копію о неустройствахъ орловской семинаріи получилъ я. Благодарю за строгое и безпристрастное обозрѣніе. Будетъ благодарна и коммисія. Другіе ревизоры присылаютъ по большей части мѣлочные и пустошныя замѣчанія, вѣроятно прикрывая свою братію. Безъ сомнѣнія такія-же неустройства и по другимъ семинаріямъ отъ своевольства ректоровъ. А Орловскій не устыдился дерзко говорить архіерею слова 1 Іоаннова посланія гл. 2, ст. 20 и 27-й. Но ему-бы надлежало отвѣчать стихомъ 19 [1]).

Диссертаціи ваши еще разсматриваются. По разсмотрѣнію будетъ и распоряженіе.

---

[1]) Между архіереемъ и ректоромъ происходилъ, вѣроятно, крупный разговоръ по поводу какихъ-либо доносовъ. Послѣдній отвѣчалъ: *И вы помазаніе имате отъ святаго, и вѣсте вся... и не требуете, да кто учитъ вы*.. Слова, которыми слѣдовало-бы отвѣчать, по мнѣнію Евгенія, дерзкому ректоу—слѣд.: *отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ*, и проч.

О членахъ вашей конференціи послѣ увѣдомлю. А владыка псковскій имяннымъ указомъ, безъ представленія синода, 30 сентября переведенъ въ Тобольскъ и на мѣсто его, въ Псковъ, астраханскій[1]) съ своею степенью переведенъ тѣмъ-же указомъ.

Вы мнѣ припомнили о Бунге[2]); я еще въ маѣ получилъ представленіе о немъ отъ семинарскаго правленія, но оно замѣшалось въ моихъ бумагахъ; теперь отыскавъ, возвращаю. Бунге и въ академіи врачь. Почему нужно, чтобы и академія его рекомендовала и отъ себя представила.

Посылаю вамъ программу Горнаго Корпуса. Экзаменъ былъ очень занимательный, а кабинетъ еще занимательнѣе.

Доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній, митрополитъ кіевскій.

17 октября, 1825 г.

Еще прилагаю собственноручный реестръ переводчицы, бывшей здѣсь въ Петербургѣ и уже уѣхавшей. Она раздаетъ по монастырямъ и семинаріямъ тупе свой переводъ, и въ томъ числѣ поручила мнѣ кучу для вашихъ подвѣдомыхъ училищъ и епархій. Примите на себя трудъ разослать оныя чрезъ академическое правленіе кіевскимъ монастырямъ, женскимъ, дальнимъ поручите доставить Раевской. Но вездѣ потребуйте росписки и мнѣ пришлите, а о полученіи въ семинаріяхъ хотя сами меня увѣдомите оффиціально.

Книги посланы отъ меня на имя Лавры. Получите ихъ отъ типографа. За провозъ до Москвы переводчица сама заплатила, а отъ Москвы до Кіева Лавра. Слѣдовательно уплатите вы сіи деньги Лаврѣ, а съ семинарій за увязку взыскивайте, какъ хотите.

На этомъ письмѣ сдѣлана архим. Мелетіемъ слѣдующая приписка: „Написать ко владыкѣ, чтобы для минской епархіи одного монастыря прислалъ 1 экземпляръ 4-хъ бесѣдъ Массиліона о монашествѣ“ [3]).

---

[1]) Псковскій—Евгеній, астраханскій—Меѳодій Писячевскій.

[2]) Отецъ нынѣшняго министра финансовъ. Рѣчь идетъ, конечно, о наградѣ.

[3]) Это книга, о которой выше рѣчь, а переводчица—генеральша Раевская.

4.

Получено 24 ноября.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Два письма ваши отъ 21 и [1]) октября я получилъ. При первомъ контскую рукопись, которую и отдалъ Френу. Пусть подробнѣе скажетъ намъ о ней.

Хорошо, что отецъ Владиміръ соглашается быть настоятелемъ богуславскаго монастыря, а вы сдѣлайте его и смотрителемъ богуславскаго училища. Но подождите, пока отецъ Варлаамъ произведетъ тамъ слѣдствіе о настоятелѣ. Между тѣмъ и помолчите.

По послѣднему вашему письму о новооткрывшихся ваканціяхъ будетъ сдѣлано также распоряженіе; и кажется скоро.

Рѣчи преосвященнаго Орловскаго [2]) читалъ я въ синодѣ. Сказали всѣ посовѣтовать ему не печатать. Почему поручаю вамъ исполнить это, а подлинникъ при семъ возвращаю.

Обозрѣніе ваше орловской семинаріи читано, и ужасно, а мнѣ вы не полную еще копію прислали съ донесенія комисскаго. Вѣрно тоже и по другимъ многимъ семинаріямъ, а прочіе ревизоры прикрывали свою братію; вообще вся отчетная часть въ расходахъ въ ужасномъ положеніи отъ своевольства ректоровъ и ихъ избранниковъ экономовъ.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, есмь доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній, митрополитъ кіевскій.

Ноября 12, 1825 г.

P. S. Вчера бывши у преосвященнаго митрополита Серафима, видѣлъ я присланную изъ Москвы безъимянно и неизвѣстно отъ кого выписку изъ проповѣдей и диссертацій недавно изданныхъ здѣшнею академіею. Выписчикъ показываетъ мѣста не хорошо и даже не право-

---

[1]) Число въ подлинникѣ не проставлено.

[2]) Гавріила, впослѣдствіи херсонскаго, затѣмъ рязанскаго, скончавшагося въ Твери.

славно, вопреки ученія церкви и святыхъ отцевъ выраженныя. Это заставляетъ и меня остеречь васъ и посовѣтовать, дабы прежде изданія вашихъ академическихъ сочиненій [1]), прислали вы ихъ ко мнѣ для пересмотрѣнія. Нареканіе на цѣлыя академіи наши есть нареканіе на всю нашу православную церковь.

Сообщ. свящ. **І. Левандовскій.**

---

[1]) Разумѣются магистерскія и кандидатскія диссертаціи оканчивавшихъ курсъ академіи воспитанниковъ, которыя печатались тогда отдѣльными сборниками. Въ то памятное время религіозныхъ колебаній въ высшихъ слояхъ нашего общества и ярой защиты православія со стороны такихъ ревнителей онаго, какъ князь Голицынъ, архим. Фотій, Шишковъ и Аракчеевъ, были въ большомъ ходу обличенія въ неправославіи и тайные доносы о немъ. На одинъ изъ такихъ доносовъ указываетъ здѣсь митр. Евгеній. Неправославія искали не только въ печатныхъ книгахъ и переводахъ, не только въ профессорскихъ лекціяхъ, но и студенческихъ сочиненіяхъ. Такое направленіе держалось еще долгое время; отъ него-то и хочетъ охранить своихъ студентовъ митр. Евгеній.

Поправка. Въ письмѣ преосвященнаго митрополита кіевскаго Евгенія къ архимандриту Мелетію, ректору кіевской академіи, отъ 1-го іюля 1825 года, напечатанномъ въ іюньской книжкѣ «Кіевской Старины» 1883 года, въ P. S. допущена ошибка: вмѣсто «для *рек*торства своего и вы должны приготовить какой нибудь *Specimen*» должно читать: «для *док*торства своего».

Библіографія.

1) *Старозаимочныя земли. Рѣшенія харьковскаго окружнаго суда, по искамъ крестьянскихъ обществъ къ харьковской казенной палатѣ о старозаимочныхъ земляхъ, съ приложеніемъ жалованныхъ слободскимъ полкамъ грамотъ и другихъ документовъ. Изданіе Николая Чижевскаго, присяжнаго повѣреннаго харьковской судебной палаты. Харьковъ. 1883 г. III. 123.*

2) *Гурова и Бродскаго. Замѣтки и матеріалы по вопросу о старозаимочномъ крестьянскомъ землевладѣніи харьковской губерніи. (Отвѣтъ на записку харьковской казенной палаты по тому-же вопросу и извлеченіе изъ такъ называемыхъ старозаимочныхъ процессовъ, производившихся въ судебныхъ учрежденіяхъ харьковскаго округа. Харьковъ. 1883 г. I. 89).*

Г-ну Чижевскому пришла въ голову хорошая мысль познакомить общество съ процессами о старозаимочныхъ земляхъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ (81 и 82 г.) крестьянами предъявлено къ казнѣ (въ лицѣ мѣстной казенной палаты) исковъ по старозаимочнымъ дѣламъ на 767,041 дес. «Такимъ образомъ, говоритъ г. Чижевскій, уже одно большое количество означенныхъ исковъ, громадная цѣнность спорнаго по нимъ предмета, а также и большое число лицъ, заинтересованныхъ въ опредѣленіи ихъ правъ на земли, придаютъ особую важность тѣмъ искамъ». По мнѣнію г. Чижевскаго эти иски наиболѣе интересны съ юридической стороны «по разрѣшенію возникшихъ по нимъ вопросовъ, какъ матеріальнаго нашего права, такъ и процесса». Съ исторической точки зрѣнія они впрочемъ также имѣютъ нѣкоторое значеніе: «имѣя предметомъ своимъ опредѣленіе древнихъ правъ владѣнія землею въ мѣстности Слободской Украйны, поставляютъ къ разрѣшенію нѣкоторые вопросы и изъ исторіи того края».

Мы полагаемъ, что историческій элементъ въ этихъ дѣлахъ долженъ играть (и играетъ) болѣе важную роль, чѣмъ приписываетъ ему

г. Чижевскій. Въ этомъ мы убѣдимся при дальнѣйшемъ разборѣ книги г. Чижевскаго.

Въ отчетѣ о процессахъ, приводимыхъ г. Чижевскимъ, мы видимъ посильное рѣшеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ историческихъ вопросовъ, стоящихъ въ тѣснѣйшей связи съ практическимъ рѣшеніемъ старозаимочныхъ дѣлъ. Обратимся съ этою цѣлью къ болѣе подробному разсмотрѣнію книги г. Чижевскаго. Она, кромѣ маленькаго введенія, состоитъ изъ двухъ частей: отчета о 5 судебныхъ рѣшеніяхъ Харьковскаго окружнаго суда и 12 особо важныхъ документовъ, на которыхъ основаны рѣшенія окружнаго суда. При каждомъ отчетѣ излагается сущность исковаго прошенія, возраженіе на него отвѣтчика и наконецъ мотивированныя рѣшенія суда.

Сущность всѣхъ исковыхъ прошеній такова. Въ первой половинѣ XVII в. заднѣпровскіе козаки или черкасы (по выраженію велико-россійскихъ актовъ) подъ вліяніемъ всяческихъ притѣсненій на родинѣ стали переселяться въ нынѣшнюю харьковскую губернію и заняли громадныя пространства дикихъ, никому не принадлежавшихъ земель, по теченію рѣкъ Псла, Ворскла, Мерла, Харькова, Лопани, Донца и др.; это было *дикое поле*, не принадлежавшее ни московскому правительству, ни татарскимъ ханамъ. Новопоселившіеся здѣсь черкасы образовали изъ себя военныя общества, получившія опредѣленную организацію. Такъ образовались слободскіе полки по образцу малороссійскихъ; Слободская Украйна сдѣлалась оплотомъ границъ московскаго государства противъ крымскихъ и татарскихъ ордъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слобожане сдѣлались и обладателями территоріи, ими занятой и защищаемой; «по своимъ черкаскимъ обыклостямъ» они стали *занимать* себѣ усадебныя и пахатныя земли, лѣса, сѣнокосы и рыбныя ловли. Этими землями слобожане владѣли *не на помѣстномъ, а на вотчинномъ правѣ*; это не было временное пожалованіе, а самостоятельная *заимка*, признаваемая законодательствомъ и подтвержденная цѣлымъ рядомъ жалованныхъ грамотъ. Такимъ образомъ земли войсковыхъ обывателей харьковской губерніи нужно признать *старозаимочными*, лично собственными, а *не казенно-оброчными*, слѣдовательно обложеніе ихъ оброчной повинностью со стороны казенной палаты является незаконнымъ актомъ, результатомъ недоразумѣнія, которое теперь должно быть исправлено: неправильно взимавшійся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оброкъ долженъ быть возращенъ крестьянамъ, а земли признаны ихъ полною собственностью.

Сущность возраженій отвѣтчика (казенной палаты) заключается въ слѣдующемъ. Для признанія права полной собственности нужно, по мнѣнію представителя казны, доказать во всякомъ данномъ случаѣ во 1-хъ,

что спорная земля—старозаимочная и во 2-хъ, что она не дана только во временное пользованіе отъ казны. Такое требованіе основывается на ясно выраженномъ законѣ о старозаимочныхъ земляхъ. Между тѣмъ представленые истцами документы (жалованныя грамоты слободскимъ полкамъ), какъ носящіе *общій* характеръ, не доказываютъ старозаимочнаго происхожденія *именно данныхъ* земель. Отсутствіе спеціальнаго депутата казны при генеральномъ межеваніи этихъ земель ничего не говоритъ противъ не принадлежности ихъ казнѣ, потому что такое присутствіе было установлено только впослѣдствіи (указомъ 25 іюня 1797 г.), до того-же времени его замѣняли повѣренные отъ крестьянъ. Купчія крѣпости, на которыя ссылаются истцы, не могутъ служить доказательствомъ ихъ полнаго права собственности на земли и свидѣтельствуютъ только о незаконномъ распоряженіи казенною землею со стороны отдѣльныхъ лицъ.

Судъ сталъ на точку зрѣнія отвѣтчика. Въ противовѣсъ мнѣнію истцовъ о свободномъ занятіи пустыхъ, никому не принадлежавшихъ земель, онъ выставилъ свою *гипотезу* о заселеніи Слободской Украйны малороссійскими выходцами изъ-за Днѣпра подъ руководствомъ московскихъ воеводъ. По мнѣнію окружнаго суда, уже въ началѣ XVII в., при самыхъ первыхъ переселеніяхъ, московское правительство считало земли Слободской Украйны своими собственными «искони вѣка». Часть ихъ была отдана великорусскимъ служилымъ людямъ, а другая отведена подъ поселенія слободскимъ полкамъ: острогожскій полкъ былъ учрежденъ по государеву указу и при участіи русскаго воеводы; сумской полкъ занялъ по государеву указу мѣстность, которая имѣла русское населеніе еще въ XI в.; ахтырскій полкъ занялъ территорію, которая перешла къ Россіи отъ Польши; харьковскій полкъ принадлежалъ прежде къ чугуевскому уѣзду, составлявшему исконную принадлежность московскаго государства; наконецъ изюмскій полкъ образовался изъ харьковскаго. Но если признать подобныя соображенія справедливыми, продолжаетъ далѣе окружной судъ, то, кромѣ свободной заимки земель въ полную собственность, было еще и пожалованіе въ *помѣстье*, что и встрѣчается во многихъ случаяхъ. Такимъ образомъ не достаточно доказать, что извѣстная земля заселена изстари, а нужно доказать, что она принадлежитъ истцамъ на правѣ собственности, а не пожалована только во временное пользованіе. На основаніи такихъ соображеній судъ не призналъ убѣдительными представленныхъ истцами доказательствъ и во всѣхъ 5-ти искахъ имъ отказалъ.

Сравнивая доводы сторонъ, мы наталкиваемся прежде всего на тотъ странный фактъ, что и истцы, и отвѣтчики опираются на одинъ

и тотъ-же законъ, а между тѣмъ приходятъ къ діаметрально противоположнымъ заключеніямъ. Очевидно, текстъ закона подаетъ поводъ къ недоразумѣніямъ. И дѣйствительно, оказывается, что судъ ссылается на 2-е прим. къ 783 ст. X т., ч. 1-я (по продолженію 1868 г), гдѣ говорится: «всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей, коль скоро онѣ принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны, дозволяется симъ обывателямъ отчуждать лично и въ составѣ обществъ людямъ всякаго званія». Основываясь на этомъ примѣчаніи, окружной судъ старозаимочныя земли раздѣляетъ на двѣ категоріи: однѣ, принадлежащія на правѣ полной собственности, и другія, данныя лишь въ пользованіе отъ казны.

Но такой выводъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ прямымъ категорическимъ заявленіемъ II го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, которой было поручено сообразить права на старозаимочныя земли съ историческимъ ихъ происхожденіемъ и съ постановленіями правительства, въ разное время по сему предмету состоявшимися. По свѣдѣніямъ, собраннымъ II отдѣленіемъ, оказалось, «что *войсковые обыватели, изъ которыхъ образовались слободскіе полки, заселивъ пограничную Украйну, по вызовамъ правительства и по собственному желанію, занимали тамъ земли и пользовались ими не на помѣстномъ правѣ, а на правѣ полной собственности, сохраняли это право по выходѣ въ иное званіе, могли оставлять старыя заимки и переходить на новыя свободныя земли, могли продавать ихъ своимъ и постороннимъ, закладывать, завѣщать, и такія права ихъ въ теченіе 150 лѣтъ были признаваемы правительствомъ*». Съ такимъ заключеніемъ II-го отдѣленія государственный совѣтъ согласился вполнѣ. Одно изъ двухъ: или примѣчаніе, на которое ссылается окружной судъ, не имѣетъ того смысла, который ему придаютъ, или-же нужно отвергнуть мнѣніе II отдѣленія, какъ несостоятельное.

И дѣйствительно: и представитель казны, и судъ, не смотря на свое видимое желаніе оставаться на почвѣ положительнаго узаконенія, на самомъ дѣлѣ аргументируютъ противъ него. Еще въ ахтырскомъ дѣлѣ представитель казны доказывалъ, что многія земли были пожалованы войсковымъ обывателямъ для отбытія службы и за службу; на это сенатъ замѣтилъ, что указы, на которые ссылается представитель казны, были въ виду государственнаго совѣта при изданіи въ 1859, 1864 и 1865 г. закона о старозаимочныхъ земляхъ, но онъ все таки призналъ, что войсковые обыватели занимали земли въ Слободской Украйнѣ на правѣ полной частной собственности и потому дѣлать изъ нихъ теперь противоположнаго вывода нельзя.

Съ своей стороны и судъ приводитъ цѣлый рядъ историческихъ доказательствъ, что заселеніе Слободской Украйны совершалось подъ руководствомъ московскаго правительства, съ надѣленіемъ отъ него-же земли новопоселившимся черкасамъ.

Развитію этой мысли посвящена Записка харьковской казенной палаты, поданная въ харьковскую судебную палату. Мы коснемся содержанія этой записки при разборѣ книги гг. Гурова и Бродскаго; теперь-же только ограничимся выводомъ, высказаннымъ нами въ началѣ рецензіи: очевидно, дѣло идетъ теперь о пересмотрѣ закона. И истцы, и отвѣтчикъ, и судъ, не зная, какими данными руководилось II-е отдѣленіе при своемъ заключеніи о старозаимочныхъ земляхъ, и не имѣя возможности опереться на прямой, не поддающійся разнымъ толкованіямъ законъ, принуждены были сами собирать матеріалы о старозаимочномъ землевладѣніи и на нихъ основывать свои заключенія.

Между тѣмъ данныя эти, разбросанныя въ нѣсколькихъ старыхъ сочиненіяхъ (архіеп. Филарета, Головинскаго, Гербеля, Квитки, Срезневскаго), при внимательномъ изученіи оказались далеко не удовлетворительными: вопросамъ землевладѣнія въ нихъ отведено очень мало мѣста. Правда и истцы, и отвѣтчикъ, сознавъ всю скудость имѣющагося въ распоряженіи науки матеріала, обратились къ архивамъ, какъ мѣстнымъ, такъ и московскимъ. Мы вполнѣ сочувствуемъ такому направленію дѣла, потому что существующій матеріалъ слишкомъ скуденъ и отрывоченъ, въ то время, какъ напримѣръ, московскій архивъ юстиціи или мѣстные архивы упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ заключаютъ въ себѣ документальные источники, могущіе положить конецъ нашимъ недоразумѣніямъ по многимъ капитальнымъ спорнымъ вопросамъ (переписныя, межевыя книги и т. д.). Но не можемъ не пожелать, чтобы дѣло это велось болѣе систематично. Теперь, какъ извѣстно, старозаимочные процессы пріостановлены и, вѣроятно, будутъ рѣшены законодательнымъ порядкомъ. Въ такомъ случаѣ желательно, чтобы было собрано побольше *документальныхъ* данныхъ, на основаніи которыхъ можно было-бы дать категорическіе отвѣты на главнѣйшіе вопросы старозаимочнаго землевладѣнія.

Отчеты о судебныхъ процессахъ, помѣщенные въ книгѣ г. Чижевскаго, не даютъ намъ представленія о сущности старозаимочнаго землевладѣнія; надежда г. Чижевскаго познакомить общество *съ дѣлами* о старозаимочныхъ земляхъ также не оправдалась. И нужно сознаться, что виноватъ въ этомъ самъ г. Чижевскій. Умышленно или неумышленно (предоставляемъ рѣшить читателю) онъ выбралъ только отрицательныя рѣшенія, *не обмолвившись ни однимъ словомъ о существованіи положительныхъ*. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы книга г. Чижевскаго не

имѣла никакого значенія для даннаго вопроса; наоборотъ, мы очень благодарны автору за то, что онъ первый далъ намъ извлеченія изъ судебныхъ рѣшеній, и только сожалѣемъ, что онъ не установился на объективной точкѣ зрѣнія въ этомъ дѣлѣ; вѣдь субъективность проявляется не только въ сочувствіи къ извѣстному взгляду, но и въ подборѣ матеріаловъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны сдѣлать и еще одинъ укоръ г. Чижевскому. Къ его книжкѣ приложено нѣсколько документовъ (12); нѣкоторые изъ нихъ перепечатаны изъ Полнаго Собранія Законовъ или изъ сочиненій Квитки, Головинскаго и архіеп. Филарета (№ 3, 4, 7, 10, 12); другіе являются въ печати впервые (всѣхъ ихъ 7); они были представлены истцами въ харьковскій окружной судъ. Но чѣмъ руководствовался г. Чижевскій, выбравши изъ всѣхъ представленныхъ въ судъ грамотъ только семь, имъ напечатанныхъ, остается неизвѣстнымъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ представляютъ большой интересъ, напримѣръ, Память ноября мѣсяца $\frac{7194}{1686}$ г., за приписью дьяка Судейкина, харьковскимъ полковникамъ Григорію и Константину Донцамъ (№ 6-й), и грамота 1-го сентября 1705 г. сумскому полковнику Кондратьеву (№ 11-й), Но какое отношеніе, напримѣръ, имѣетъ къ старозаимочнымъ землямъ грамота $\frac{7192}{1684}$ г., мая 5-го дня, харьковскому полковнику Григорію Донцу, трактующая исключительно о дозволеніи старшинѣ харьковскаго полка взять въ свое распоряженіе таможню, или грамота 2-го января $\frac{7203}{1695}$ г. стольнику воеводѣ Семену Зурову, освобождающая козаковъ харьковскаго полка отъ оброковъ за мельницы? Два первые документа о надѣленіи Яменскихъ черкасъ землею на правѣ помѣстномъ по своему содержанію стоятъ особнякомъ и отчасти даже находятся въ противорѣчіи съ остальными. Обыкновенному читателю вообще трудно разобраться въ приведенныхъ грамотахъ. Самъ г. Чижевскій изъ содержанія изданныхъ имъ грамотъ не дѣлаетъ никакихъ заключеній и даже самыхъ необходимыхъ объясненій. Такимъ образомъ остается открытымъ вопросъ, оправдываютъ-ли приведенныя грамоты отрицательныя рѣшенія окружнаго суда. Мы съ своей стороны на этотъ вопросъ склонны отвѣтить отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ представленныя грамоты подтверждаютъ черкасамъ вѣчное и безоброчное пользованіе ихъ землями; ими-же предоставляется право свободной заимки земель «по ихъ черкаской обыклости». Въ грамотѣ 1705 года, данной сумскому полковнику Кондратьеву читаемъ: «...велѣли имъ селиться въ защиту украинскимъ жилымъ городамъ по бѣлгородской чертѣ, *на дикихъ степяхъ*, на татарскихъ займахъ, которыми мѣстами хаживали крымскія и ногайскія орды, подъ наши

государевы жилые города и для размноженія тѣхъ новостроющихся городовъ велѣли имъ призывать въ тѣ мѣста на жилье всенадежно и иныхъ ихъ братьевъ черкасъ и тѣми новоприхожими черкасами построены городы, на путивльскихъ дикихъ земляхъ, Сумы, Суджа, Мирополье, Красно поле, Бѣлополье и къ тѣмъ городамъ уѣзды села и деревни... велѣно имъ, вмѣсто нашего государеваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья, въ тѣхъ городѣхъ жить и нашу государеву полковую службу служить по черкаской обыклости при всякихъ вольностяхъ и *велѣно-же заимки занимать,* пасѣки и всякіе грунты заводить, и торговыми всякими промыслами промышлять въ своихъ полкахъ безоброчно и безпошлинно противъ старо-черкаской обыклости...

Память $\frac{7194}{1686}$ г. харьковскимъ полковникамъ Григорію и Константину Донцу еще раньше подтвердила такія привиллегіи слободскихъ козаковъ. «Вамъ, черкаскимъ полковникамъ, говорится тамъ, и полковъ вашихъ урядникамъ и козакамъ, мѣщанамъ, въ тѣхъ городѣхъ и уѣздѣхъ и кто гдѣ живетъ, *землями и пасѣками и сѣнными покосы и всякими угодьи, которые вы заняли себѣ по своимъ заимкамъ, велѣно владѣть по прежнему по вашимъ черкасскимъ обыклостямъ.*

Исключеніе въ этомъ случаѣ представляютъ двѣ первыя грамоты (собственно одна, потому что 1-я представляетъ просьбу о надѣленіи, а 2-я отвѣтъ на нее). Въ нихъ говорится о *помѣстной* землѣ, которой были надѣлены жители сл. Ямной въ вольновскомъ уѣздѣ. Мы не будемъ доказывать, что помѣстныя земли въ это время слились съ вотчинными, а замѣтимъ только, что отдѣльные случаи надѣленія черкасъ помѣстною землею могли дѣйствительно встрѣчаться, особенно въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ великороссійскимъ населеніемъ и съ господствомъ такъ называемой четвертной системы.

На этомъ мы и кончимъ нашъ разборъ книги г. Чижевскаго и перейдемъ теперь къ другому сочиненію, касающемуся того же вопроса.

Объемистая брошюра гг. Гурова и Бродскаго (присяжныхъ повѣренныхъ округа харьковской судебной палаты) не представляетъ «ни строго научнаго изслѣдованія по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи харьковской губерніи, ни даже обстоятельной систематической компиляціи по этому вопросу». Цѣль ихъ работы – «изложить съ возможною обстоятельностью сущность наиболѣе важныхъ и спорныхъ положеній и вопросовъ, какіе до сего времени возбуждены были тяжущимися сторонами во время производства въ судебныхъ учрежденіяхъ такъ называемыхъ старозаимочныхъ процессовъ». Такимъ образомъ брошюра гг. Гурова и Бродскаго носитъ преимущественно судебный характеръ, представляя собою отвѣты на оффиціальную записку харь-

ковской казенной палаты, поданную въ видѣ апелляціонной жалобы въ судебную палату. Тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться съ авторами, что по существу затронутыхъ вопросовъ она имѣетъ значеніе для всѣхъ интересующихся судьбою Слободской Украйны вообще и крестьянскимъ землевладѣніемъ въ частности.

Мы выше замѣтили, что уже въ первой инстанціи (т. е. окружномъ судѣ) истцамъ приходилось доказывать справедливость существующаго положительнаго закона и защищать его противъ аргументовъ представителя казны.

Брошюра гг. Гурова и Бродскаго посвящена опроверженію записки казенной палаты, въ которой доказывается, 1) что территорія Слободской Украйны, имѣвшая уже въ XI в. русское населеніе, съ половины XVI ст. принадлежала московскому государству, 2) что переселеніе малороссіянъ изъ-за Днѣпра происходило подъ руководствомъ царскихъ воеводъ, которые и отводили земли переселенцамъ, 3) что казна всегда признавала земли, отведенныя черкасамъ, своею собственностью и обложила ихъ оброкомъ на совершенно законномъ основаніи. Уже изъ этого голаго перечня главнѣйшихъ вопросовъ, затронутыхъ въ запискѣ и отвѣтѣ на нее гг. Гурова и Бродскаго, ясно видно, что исторіи здѣсь отведено столько-же мѣста, сколько и гражданскому праву.

Мы не будемъ излагать доводовъ гг. Гурова и Бродскаго противъ положеній записки казенной палаты, потому что это завело-бы насъ слишкомъ далеко, а укажемъ только болѣе подробно, какіе вопросы представляютъ предметъ спора между ними.

Авторъ записки утверждаетъ, что съ половины XVI в. территорія Слободской Украйны находилась подъ властью московскаго государства, имѣвшаго здѣсь свои крѣпости и города; въ подтвержденіе своего мнѣнія представитель казны ссылается на нѣкоторые акты и извѣстія, помѣщенныя въ книгѣ архіеп. Филарета. Гг. Гуровъ и Бродскій справедливо замѣчаютъ, что тѣ сторожи, о которыхъ говорятъ источники, не могутъ быть признаны жилыми селеніями; что-же касается городовъ, то они, какъ видно изъ тѣхъ-же источниковъ, на которые ссылается авторъ записки, были построены пришлыми черкасами.

Относительно переселеній малороссіянъ въ Слободскую Украйну, авторъ записки замѣчаетъ, что они, собственно говоря, не имѣли и не могли имѣть мѣста до 1650 года.

Гг. Гуровъ и Бродскій справедливо замѣчаютъ, что подобное мнѣніе стоитъ въ противорѣчіи съ фактами, напримѣръ съ извѣстіемъ «Экстракта о слободскихъ полкахъ», приведеннымъ у Срезневскаго. Незачѣмъ только, какъ намъ кажется, отстаивать мнѣнія Маркевича о по-

селеніи слобожанъ на булавинскихъ земляхъ и о зависимости ихъ до временъ Самойловича отъ гетмана; дѣйствительно источникъ этого мнѣнія (неизвѣстный намъ авторъ Исторіи Руссовъ), вообще довольно мутный, не подтверждается другими болѣе достовѣрными данными. Мы думаемъ, что невозможно серьезно говорить и точно фиксировать годъ добровольнаго присоединенія слободскихъ полковъ къ Великой Россіи, потому что заселеніе края происходило медленно и свое полковое устройство онъ получилъ послѣ 1654 г.; положеніе Малороссіи было иное: въ качествѣ отдѣльной провинціи польскаго государства, добившейся политической самостоятельности, она *могла* добровольно возсоединиться и подойти подъ высокую руку великаго князя московскаго. Между тѣмъ заднѣпрскіе выходцы, добровольно и по вызовамъ правительства, приходили отдѣльными, болѣе или менѣе значительными партіями, селились за пограничною чертою московскаго государства въ дикихъ татарскихъ мѣстахъ и поступали въ подданство къ московскимъ великимъ князьямъ и государямъ.

Авторъ записки казенной палаты утверждаетъ, что новоявившимся черкасамъ отводились земли московскимъ правительствомъ. «Порядокъ этотъ рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ существующаго еще и донынѣ порядка заселенія государственныхъ пустопорожнихъ земель». До образованія слободскихъ полковъ черкасы были подъ вѣдомствомъ русскихъ воеводъ; впослѣдствіи они получили собственное управленіе, свою полковую и сотенную старшину. *Не смотря однако на передачу черкасъ въ вѣдѣніе полковниковъ, московское правительство никогда не предоставляло послѣднимъ права раздавать земли кому либо въ собственность;* самый отводъ земель производился по царскимъ указамъ или по распоряженіямъ изъ бѣлгородскаго приказа. Въ подтвержденіе своего мнѣнія авторъ записки ссылается на Филарета и Полное Собраніе Законовъ.

Гг. Гуровъ и Бродскій, разобравъ доказательства автора записки, находятъ, что никакого надѣленія землею со стороны московскаго правительства не было; тамъ, гдѣ авторъ записки видитъ надѣленіе землею, было обыкновенное размежеваніе. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что одинъ голый фактъ отвода земли еще ровно ничего не значитъ. Если даже, напримѣръ, согласиться съ авторомъ записки, что «въ 1659 г. на отведенной Сумамъ землѣ, по царскому указу, основано сел. Нижняя Сыроватка», то это вовсе не доказываетъ, чтобы земли сел. Сыроватки можно было признать теперь казенною собственностью. Въ самомъ дѣлѣ: авторъ записки, нужно думать, не дочиталъ до конца документа, на который ссылается, потому что земля отдавалась «новопоселеннымъ по ту

сторону р. Псла и р. Сыроватки по вышеписаннымъ урочищамъ *во вѣчное владѣніе»* [1]).

Вообще намъ кажется, что нельзя доказывать принадлежности земель казнѣ на основаніи такихъ общихъ и неопредѣленныхъ примѣровъ, какіе приводятся авторомъ записки. Позволимъ себѣ привести примѣръ изъ исторіи лѣвобережной Украйны. Тамъ земля признавалась собственностью всего войска запорожскаго въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. козачества и посполитства. Но очень часто за *подтвержденіемъ* своихъ земельныхъ правъ отдѣльныя лица обращались уже не къ мѣстному гетманскому уряду, а къ центральной власти; между тѣмъ эта центральная власть была *собственникомъ* только незначительной части земель (такъ называемыхъ государевыхъ или коронныхъ маетностей). Тоже самое мы видимъ и въ Слободской Украйнѣ. И здѣсь очень часто отдѣльныя лица и коллективныя юридическія единицы обращались за подтвержденіемъ, укрѣпленіемъ своихъ правъ на землю; очень часто давались такія подтвердительныя грамоты даже на земли *купленныя;* очевидно, въ нихъ не было самостоятельнаго акта пожалованія; такія-же грамоты выдавались и на земли *занятыя*. Чаще-же всего, нужно думать, укрѣпленіе земельныхъ правъ шло со стороны мѣстнаго полковничьяго уряда. Напрасно гг. Гуровъ и Бродскій ничего не сказали автору записки по поводу его замѣчанія, что слободскіе полковники не имѣли права раздавать земель. Въ Историко-статистическомъ Описаніи харьковской епархіи помѣщенъ универсалъ сумскаго полковника Кондратьева, предоставляющій жителямъ Ворожбы Ѳеодору Чернявскому право на владѣніе *занятымъ имъ по черкасской обыклости гайкомъ* [2]).

А вотъ другой документъ общаго содержанія, совершенно уничтожающій мнѣніе автора записки. Харьковскій полковникъ Григорій Іерофеевичъ Донецъ въ универсалѣ о надѣлѣ землею куряжскаго монастыря пишетъ: «...по указу великаго государя нашего, царя и великаго князя Алексія Михайловича, самодержца всей Великой, Малой и Бѣлой Россіи, *намъ дана власть раздавать всякіе вольные грунты и пасѣчныя угодья всякимъ людямъ для жительства»* [3]). Спрашивается, что можно отвѣтить противъ такого категорическаго свидѣтельства?

Въ другихъ документахъ мы имѣемъ указанія на существованіе *полковой земли*. Можно-ли послѣ этого утверждать, какъ это дѣлаетъ авторъ записки, что «укрѣпленіе за кѣмъ либо правъ на земли въ сло-

---

[1]) Ист. стат. опис. харьк. еп. Филарета, отд. III, стр. 368.

[2]) Ibidem., отд. III, стр. 426.

[3]) Ист. стат. опис. харьк. еп. Филарета, отд. I, стр. 75.

бодской губерніи *совершалось только царскими вотчинными грамотами*, даваемыми въ видѣ исключенія заслуженнымъ лицамъ, какъ особая милость». Гг. Гуровъ и Бродскій заявляютъ, что приведенное мнѣніе черезъ чуръ уже парадоксально; можно-ли допустить, чтобы въ XVII и XVIII вв. право собственности на земли можно было получить только путемъ жалованныхъ грамотъ, какъ *«особую милость» «за заслуги»*? Отдѣльные-же факты помѣстнаго владѣнія не могутъ доказывать господствующаго его значенія. Не менѣе страненъ взглядъ автора записки и на значеніе жалованныхъ грамотъ слободскимъ полкамъ. Изъ всѣхъ существующихъ грамотъ должны быть приняты во вниманіе по его мнѣнію только четыре, потому что онѣ только упоминаются въ жалованной грамотѣ Елисаветы Петровны. Эти-же четыре грамоты не заключаютъ въ себѣ указаній на право свободной заимки, а только освобождаютъ слобожанъ отъ нѣкоторыхъ оброковъ.

Гг. Гуровъ и Бродскій путемъ внимательнаго разбора содержанія всѣхъ извѣстныхъ намъ жалованныхъ грамотъ приводятъ къ заключенію, что онѣ *подтверждали самостоятельное занятіе земли по праву заимки.*

Дальнѣйшими указами и узаконеніями правительства это правило не было нарушено и существовало вплоть до генеральнаго межеванія (1765 года).

Въ 1837 года оно было утверждено министерствомъ государственныхъ имуществъ, подъ опеку котораго попали всѣ сельскіе обыватели податнаго состоянія; бывшіе козаки слободскихъ полковъ, переименованные раньше въ войсковыхъ обывателей, теперь попали въ категорію государственныхъ крестьянъ и находились подъ опекой министерства государственныхъ имуществъ до семидесятыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, т. е. до выдачи владѣнныхъ записей. Въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ правительство рѣшило переложить оброчную подать съ душъ на землю. При кадастрѣ многія старозаимочныя земли совершенно неправильно были внесены въ оцѣнку. Одною изъ главныхъ причинъ этой ошибки, по мнѣнію гг. Гурова и Бродскаго, было малое знакомство высшихъ административныхъ учрежденій съ исторіей здѣшняго края и оригинальнымъ характеромъ его землевладѣнія. Такъ, напримѣръ, кадастровая инструкція предписывала опредѣлять доходъ не съ отдѣльныхъ укастковъ земли, состоящихъ во владѣніи крестьянъ, а со всей земли, числящейся а обществомъ. «Въ виду этого чины коммиссіи, учрежденной въ харьковской губерніи для уравненія крестьянъ въ денежныхъ сборахъ, получивъ въ руководство инструкцію, въ которой предусматривалось исклю-

чительно только общинное крестьянское землевладѣніе и встрѣчая въ дѣйствительности на каждомъ шагу личное участковое землевладѣніе, на первыхъ-же порахъ оказались въ затруднительномъ положеніи, не зная, какъ справиться съ возложенною на нихъ задачею. Далѣе не смотря на то, что харьковская губернія была одною изъ первыхъ, въ которыхъ министерство государственныхъ имуществъ рѣшило примѣнить для опыта такъ называемую кадастрацію земель и что въ руководство харьковской кадастровой коммиссіи издана была особая инструкція, мы не найдемъ однако-же въ этой инструкціи никакихъ спеціальныхъ правилъ, которыя имѣли-бы въ виду исключительно старозаимочное крестьянское землевладѣніе, хотя въ тоже время встрѣчаемъ тамъ рядъ постановленій относительно земель однодворческихъ, четвертныхъ, захватныхъ и проч.». Между тѣмъ ошибочное внесеніе въ оцѣнку многихъ старозаимочныхъ земель нарушило земельныя права цѣлаго ряда отдѣльныхъ лицъ и обществъ. 2-е отдѣленіе собственнаго Его Императорскаго Величества канцеляріи ясно понимало, что старозаимочное владѣніе основано въ большинствѣ случаевъ не на крѣпостныхъ документахъ, а на правѣ первоначальнаго завладѣнія по закону; потому-то оно и признало необходимымъ доказывать во всякомъ данномъ случаѣ только то, что земля относится къ 26 разряду старозаимочныхъ, т. е. принадлежитъ владѣльцамъ со времени заселенія Слободской Украйны.

Таково вкратцѣ содержаніе интересной брошюры гг. Гурова и Бродскаго. Мы слышали, что скоро (въ началѣ февраля) появится сборникъ тѣхъ-же авторовъ, который будетъ заключать отчеты о старозаимочныхъ процессахъ и *значительное количество документовъ*. Мы только можемъ пожелать успѣха энергической дѣятельности гг. Гурова и Бродскаго въ отстаиваніи праваго дѣла.

Въ заключеніе мы приводимъ себѣ на память любопытную аналогію. 63 года тому назадъ малороссійскому генералъ-губернатору князю Репнину пришлось отстаивать права на землю малороссійскихъ козаковъ. Князь Репнинъ написалъ записку въ отвѣтъ тогдашнему министру финансовъ Гурьеву, который доказывалъ, что земли малороссійскихъ козаковъ (черниговской и полтавской губерніи) должны быть обложены оброчною податью, потому что онѣ искони принадлежали казнѣ и были отдаваемы только козакамъ для службы и за службу. Записка эта напечатана и наводитъ на любопытныя сближенія съ нынѣшними записками истцовъ и отвѣтчика по старозаимочнымъ дѣламъ.

Дм. Багалѣй

Харьковъ.

Харьковскій календарь на 1884 г. Изданіе харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей дѣйствительнаго члена секретаря комитета П. С. Ефименка. Цѣна 1 рубль. Харьковъ. 1883 г. VIII+455+161+41.

Предъ нами объемистая книжка въ 42 печатныхъ листа, стоящая всего 1 рубль. Дешевизна, очевидно, объясняется тѣмъ, что издателемъ является статистическій комитетъ, который изъ своего изданія не извлекаетъ никакой выгоды. Очевидно, харьковскій губернскій статистическій комитетъ не спитъ мертвымъ непробуднымъ сномъ, подобно другимъ губернскимъ комитетамъ, а старается служить по мѣрѣ своихъ силъ общественнымъ потребностямъ. Не странно-ли, напримѣръ, что мать городовъ русскихъ—Кіевъ не имѣетъ мѣснаго кіевскаго хорошаго календаря и принужденъ удовлетворяться календарями, издатели коихъ смотрятъ на свое дѣло исключительно, какъ на коммерческое предпріятіе.

Харьковскій Календарь носитъ мѣстный характеръ и въ этомъ его главное достоирство. Въ немъ собрана масса свѣдѣній, необходимыхъ для жителя города Харькова и харьковской губерніи. Первые два отдѣла посвящены общимъ справочнымъ извѣстіямъ; третій—исключительно мѣстнымъ. Здѣсь мы найдемъ раздѣленіе харьковской губерніи въ судебномъ, церковно-административномъ, полицейскомъ отношеніяхъ, статистическія данныя о движеніи населенія, о скотоводствѣ, фабрикахъ и заводахъ, ярмаркахъ, типографіяхъ и литографіяхъ; важное мѣсто занимаютъ отчеты кредитныхъ учрежденій харьковской губерніи, ученыхъ, а также благотворительныхъ обществъ о своей дѣятельности.

Въ 4-мъ отдѣлѣ находятся научно-справочныя свѣдѣнія. Здѣсь помѣщено 6 статей: 1) Первый харьковскій календарь, 2) Древности харьковской губерніи, 3) Монастыри харьковской губерніи, 4) Замѣчательнѣйшія изъ населенныхъ мѣстъ харьковской губерніи, 6) Біографическій указатель замѣчательныхъ уроженцевъ и дѣятелей харьковской губерніи.

Затѣмъ слѣдуетъ адресъ-календарь.

Уже этотъ голый перечень рубрикъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Харьковскій Календарь составленъ весьма умѣло и добросовѣстно, а главное приспособленъ къ нуждамъ мѣстнаго обывателя. Въ немъ найдутъ для себя интересныя свѣдѣнія всѣ слои мѣстнаго общества. Многія статистическія данныя имѣютъ кромѣ того и научное значеніе, рисуя матеріальную и умственную сторону харьковской жизни; таковы, напримѣръ, данныя о типографіяхъ г. Харькова, съ обозначеніемъ количества напечатанныхъ въ нихъ книгъ и брошюръ, и книжныхъ лавкахъ. Еще болѣе интересны отчеты ученыхъ и благотворительныхъ обществъ. Весь

четвертый отдѣлъ, не представляя изъ себя самостоятельныхъ научныхъ статей, имѣетъ большой интересъ для харьковской публики, трактуя въ составленныхъ сжато, но интересно статьяхъ о мѣстныхъ древностяхъ.

Никто не станетъ, кажется, сомнѣваться въ важности распространенія въ обществѣ историческихъ свѣдѣній, а путь календарный въ этомъ дѣлѣ одинъ изъ главныхъ. Поэтому помѣщеніе въ разсматриваемомъ нами Календарѣ мѣстныхъ историческихъ свѣдѣній, притомъ въ столь значительномъ объемѣ и разнообразіи, не можетъ не вызвать особаго сочувствія и благодарности потрудившимся въ семъ дѣлѣ. Біографіи мѣстныхъ дѣятелей временъ близкихъ и отдаленныхъ имѣютъ здѣсь особое значеніе, обновляя и укрѣпляя въ памяти современнаго общества свѣтлые образы тѣхъ, кому оно обязано многимъ въ настоящемъ. Глубокое сочувствіе вызываютъ такіе дѣятели, какъ *Василій Зазарьевичъ Каразинъ*, по праву единственный основатель университета, вымолившій его буквально на колѣняхъ у харьковскаго общества, или высоко-идеальный типъ *Григорія Савича Сковороды*, народнаго учителя и поэта. При біографіяхъ нѣкоторыхъ дѣятелей на поприщѣ науки и литературы приложенъ перечень ихъ главнѣйшихъ трудовъ и произведеній.

Въ статьѣ о «замѣчательнѣйшихъ населенныхъ мѣстностяхъ харьковской губерніи» разсказывается вкратцѣ исторія главныхъ городовъ, мѣстечекъ, селъ, слободъ. Такай-же характеръ носитъ и глава о монастыряхъ губерніи: излагается исторія каждаго изъ нихъ, а ихъ современное состояніе рисуется на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ настоятелями монастырей.

На статьѣ «о древностяхъ» мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько дольше. Описаніе и перечисленіе городищъ харьковской губерніи находятся въ сравнительно мало уже доступномъ Историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи, преосв. Филарета, и въ малоизвѣстной, но интересной брошюркѣ г. Морозова. Описаніемъ этихъ памятниковъ старины занимался и г. Пассекъ. Такъ какъ все это труды въ настоящее время рѣдкіе, то нельзя не поблагодарить издателей за эту статью, заключающую въ себѣ перечисленіе городищъ съ описаніемъ главнѣйшихъ изъ нихъ, какъ Хорошево и Одринское.

Было время, когда въ наукѣ русской держалось мнѣніе ученаго Ходаковскаго, что городища представляютъ собою мѣсто, гдѣ въ языческій періодъ жизни русскихъ славянъ совершались ихъ богослужебные обряды, что всѣ они имѣютъ одинаковое устройство, при чемъ входъ въ нихъ всегда устроенъ съ востока. Послѣ того было сдѣлано нѣсколько описаній весьма большаго количества городищъ, упомянутыхъ Пассекомъ,

а также Срезневскимъ, преосвященнымъ Филаретомъ, Самоквасовымъ, Морозовымъ. Эти работы показали, что какъ по своей обширности, такъ и по устройству, городища отличаются другъ отъ друга; что входы у нихъ бываютъ съ разныхъ сторонъ, смотря по мѣстности, при томъ всегда со стороны безопасной отъ врага. Благодаря нѣкоторымъ, иногда совершенно случайнымъ свѣдѣніямъ нашихъ древнихъ лѣтописей, оказалось, что городища представляютъ собою остатки укрѣпленій городовъ, существовавшихъ въ древній періодъ русской исторіи. Такъ отъ существовавшаго въ до-монгольскую эпоху города Выря сохранилось до сихъ поръ городище вирское, отъ города Донца—донское. Если городища суть остатки городовъ, то вопросъ сводится только къ тому, какъ древне само городище. Относительно городищъ харьковской губерніи можно сказать, что они относятся къ періоду до-монгольскому. Это видно изъ того, что о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы имѣемъ документальныя свидѣтельства XVI и XVII вв., указывающія, что эти городища существовали до заселенія Слободской Украйны, а стало быть города, остатками которыхъ они являются, существовали въ періодъ до-татарскій, такъ какъ со времени нашествія татаръ эти области были пустыней. По числу и мѣсту городищъ можно приблизительно гадать о населенности страны въ до-монгольской періодъ и гдѣ проходила граница между осѣдлымъ славянскимъ населеніемъ и его врагами — кочевниками тюрками. Жаль только, что положеніе нѣкоторыхъ городищъ не опредѣлено съ точностію, а указаны только уѣзды, въ которыхъ они находятся.

Продолжая календарнымъ путемъ популяризировать въ мѣстной читающей публикѣ мѣстную-же исторію, редакція Харьковскаго Календаря сдѣлала-бы несомнѣнно полезное дѣло, если-бы въ послѣдующихъ его изданіяхъ дала цѣльную, хотя-бы и краткую исторію того края. Трудно, конечно, соединить краткость, популярность, полноту и интересъ изложенія; но тутъ можно вполнѣ положиться на силы редакціи, въ лицѣ уважаемаго П. С. Ефименка, и на близкую связь ея съ историко-филологическимъ обществомъ. Желая возможно большаго распространенія дѣльно составленному и весьма полезному изданію харьковскаго статистическаго комитета въ формѣ календаря, заимствуемъ изъ него обращеніе ист.-филол. общества къ содѣйствію публики; оно съ интересомъ прочтется всякимъ любителемъ исторіи и можетъ служить хорошимъ указателемъ для другихъ подобныхъ учрежденій и предпріятій.

Отъ историко-филологическаго общества при харьковскомъ университетѣ.

Цѣль харьковскаго историко-филологическаго общества состоитъ въ развитіи и распространеніи историческихъ и филологическихъ знаній и въ сохраненіи словесныхъ памятниковъ старины.

Лица интересующіяся русскою исторіей вообще, исторіей южной Россіи въ частности могутъ оказать полезное содѣйствіе харьковскому историко-филологическому обществу сообщеніемъ свѣдѣній о старинѣ и доставленіемъ старинныхъ вещей.

Желательны: 1) Приведеніе въ извѣстность числа, величины и формы городищъ и кургановъ и сообщеніе связанныхъ съ ними народныхъ преданій и разсказовъ. Если городища и курганы раскапывались, то нужно знать: когда, кѣмъ, какимъ способомъ, что было найдено и гдѣ найденное въ курганѣ нынѣ хранится. 2-хъ) Доставленіе древнихъ вещей всякаго рода, глиняныхъ, каменныхъ, бронзовыхъ, желѣзныхъ, какъ-то: предметовъ вооруженія, украшенія; одежды, утвари, монетъ; доставленіе иконъ стараго письма, преимущественно съ чертами мѣстнаго южно-русскаго искусства; указаніе и описаніе старинныхъ портретовъ, хранящихся въ монастыряхъ, церквахъ или въ фамильныхъ собраніяхъ частныхъ лицъ, доставленіе списковъ съ разныхъ древнихъ надписей (на сволокѣ, камнѣ, книгѣ и пр.). При этомъ желательны письменныя объясненія: гдѣ, когда и кѣмъ вещь была найдена. Если нельзя получить вещи, то желательно получить съ нея точныя рисунки или фотографическіе снимки. 3) Сообщеніе свѣдѣній о малорусскомъ языкѣ, словарей мѣстныхъ говоровъ, сказокъ, повѣрій, заклинаній, пѣсень и обрядовъ всякаго рода, родинныхъ, свадебныхъ, похоронныхъ, зажнивныхъ и др., разсказовъ о цѣлебныхъ источникахъ, кладахъ, колдунахъ, вѣдьмахъ, чертяхъ, чародѣйствѣ и т. п. 4) Сообщеніе преданій и разсказовъ о церквахъ, монастыряхъ, иконахъ; о происхожденіи селъ и городовъ, о старинномъ землевладѣніи, въ частности заимкѣ; о государственныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ, старинныхъ войнахъ, о татарахъ, козакахъ, гайдамакахъ, о шляхахъ, о чумачествѣ. 5) Доставленіе свѣдѣній объ остаткахъ церковныхъ братствъ, о старинныхъ школахъ и способахъ обученія, о школьной жизни, о формахъ общественнаго призрѣнія (шпиталяхъ), о бандуристахъ (гдѣ живетъ, у кого учился, какія пѣсни знаетъ и пр.). 6) Сообщеніе о хранилищахъ рукописей и доставленіе оригиналовъ или копій съ рукописей, а именно: грамотъ, въ томъ числѣ грамотъ на данныя отдѣльнымъ лицамъ земли, юридическихъ документовъ, межевыхъ записей, фамильныхъ лѣтописей (напримѣръ лѣтопись Квитокъ, Лесевицкихъ, Кондратьевыхъ), историческихъ записокъ (напримѣръ «Экстракта о слободскихъ полкахъ»), писемъ, дневниковъ, сельскохозяйственныхъ документовъ, старинныхъ учебниковъ, проповѣдей, ненапечатанныхъ повѣстей, драмъ и лирическихъ стихотвореній на малорусскомъ языкѣ, сборниковъ литературнаго или историческаго содержанія, литературныхъ альбомовъ, панегириковъ, обличительныхъ статей, старинныхъ пасквилей, лечебни-

ковъ, каталоговъ старинныхъ рукописныхъ собраній и библіотекъ и проч. и 7) доставленіе старинныхъ книгъ.

Согласно съ 3 § устава, археологическіе и этнографическіе предметы, преобрѣтенные обществомъ, поступаютъ въ музей изящныхъ искусствъ и древностей при харьковскомъ университетѣ; рукописи и книги остаются въ вѣдѣніи общества и составляютъ его библіотеку, которая помѣщается въ зданіи университета.

Общество имѣетъ въ виду, по мѣрѣ денежныхъ средствъ, согласно съ 2 § устава, издавать ученыя изслѣдованія, памятники, мелкія замѣтки, критико-библіографическія статьи и обозрѣнія. Въ эти изданія войдутъ рефераты членовъ общества въ цѣломъ видѣ или въ сокращеніи и отчеты о сдѣланныхъ въ архивъ и въ библіотеку общества вкладахъ и пожертвованіяхъ.

По § 19 устава, въ случаѣ закрытія общества, все имущество поступаетъ въ вѣдѣніе университета.

Письменныя сообщенія и приношенія присылать по слѣдующему адресу: *Въ Харьковъ, въ университетъ, въ историко филологическое общество.*

Предсѣдатель профессоръ *А. Потебня.* Секретарь доцентъ *Н. Ѳ. Сумцовъ.* **Б. Г.**

Островоротная или остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ. Историческое изслѣдованіе, съ восемью рисунками. Составилъ и издалъ Никодимъ Соколовъ. Вильна. 1883 г.

Извѣстно всякому, кто живалъ въ Вильнѣ, или проѣзжалъ чрезъ нее, либо читалъ объ ней, что тамъ находится древняя, особо чтимая икона Божіей Матери, называемая *остробрамскою.* Икона эта находится въ рукахъ католиковъ и считается мѣстною польско-католическою святынею. На самомъ дѣлѣ это древняя православная икона, перешедшая, вслѣдствіе историческихъ перемѣнъ въ краѣ, сперва отъ православныхъ къ уніатамъ, а потомъ отъ этихъ послѣднихъ къ католикамъ. Судьба этой иконы сходна отчасти съ судьбою такой-же древней православной иконы въ г. Ченстоховѣ (петроковской губерніи), остающейся въ рукахъ католиковъ, и не менѣе древней иконы Богородицы въ г. Холмѣ (люблинской губерніи), возвращенной православію въ весьма недавнее время. Виленская икона Божіей Матери принесена туда изъ Корсуня, или Херсонеса Таврическаго великимъ княземъ литовскимъ Ольгердомъ Гедиминовичемъ, во время одного изъ успѣшныхъ его походовъ на крымскихъ

татаръ, во 2-й половинѣ XIV ст., а въ какомъ именно году, неизвѣстно. Первоначально она находилась въ виленскомъ троицкомъ монастырѣ, куда отдана была женою Ольгерда. Троицкій православный монастырь находился въ центрѣ русскаго населенія Вильны, а оно группировалось на южной оконечности города, выступавшей къ югу острымъ угломъ, отъ чего самая мѣстность эта называлась *острымъ*, а по населенію *русскимъ концемъ*. Тутъ былъ главный въѣздъ въ городъ; догадливые монахи троицкіе устроили здѣсь часовню и помѣстили въ ней данную имъ икону. Когда при великомъ князѣ Александрѣ обносили Вильну каменною стѣной, съ башнями и воротами, для защиты города отъ татаръ, одни изъ 5-ти въѣздныхъ воротъ устроены были на «остромъ концѣ» и названы «острыми вратами»; на нихъ устроена была часовня и въ ней помѣщена икона. Книжное славянское слово: *врата* замѣнилось мѣстнымъ: *брама* и самая икона стала называться *остробрамскою*, подъ какимъ именемъ извѣстна и доселѣ. Болѣе двухъ столѣтій корсунская икона Благовѣщенія Богородицы, перенесенная въ Вильну, была предметомъ особаго чествованія православнаго населенія Вильны и можетъ считаться вполнѣ русскою народною святынею. Но съ измѣненіемъ общей судьбы православія и русской народности въ б. литовскомъ государствѣ и постепеннымъ возобладаніемъ въ немъ польско-католическаго элемента, измѣнилась и судьба этой святыни: въ началѣ XVII ст., когда всѣ виленскія православныя церкви, которыхъ было свыше 20-ти, переданы были королевскимъ декретомъ уніатамъ, въ числѣ другихъ ими взята и церковь св. Николая, въ которую незадолго предъ симъ православные жители Вильны, за отобраніемъ у нихъ троицкаго монастыря, перенесли корсунскую икону. Захватъ этой святыни открытою силою произвелъ большое волненіе въ жителяхъ Вильны, оставшихся вѣрными православію, тѣмъ не менѣе икона осталась за уніатами и снова перенесена въ часовню на Острыхъ воротахъ. Это было въ 1609 г., а спустя 60-тъ съ небольшимъ лѣтъ, когда обветшавшая уніатская часовня, декретомъ особой коммисіи была закрыта, икона фактически стала достояніемъ монаховъ кармелитовъ, которые сперва поставили ее въ сосѣднемъ костелѣ св. Терезіи, а потомъ устроили для нея на тѣхъ-же воротахъ новую часовню. Въ 1744 г. часовня деревянная была замѣнена каменною, существующею и понынѣ: часовня и икона получили полную католическую обстановку. Новые владѣльцы иконы съумѣли, какъ нельзя лучше, воспользоваться ея народнымъ историческимъ значеніемъ: съ помощію дорогихъ украшеній, роскошной обстановки, нарочитыхъ моленій и пышныхъ процессій они перенесли въ среду католическую то благовѣніе, которымъ окружена была икона въ мірѣ православномъ, а

посредствомъ этого долго увлекали въ католичество массы православныхъ и уніатовъ и, наконецъ, съ присоединеніемъ края къ Россіи создали изъ древней русской святыни орудіе преступныхъ манифестацій противъ русскаго владычества, какъ это было въ 1794, 1830 и 1863 гг. Древняя принадлежность иконы православію не разъ была изслѣдуема и доказываема, злоупотребленіе народнымъ къ ней благоговѣніемъ для цѣлей политическихъ было слишкомъ очевидно; не смотря на то, она не могла быть возвращена православію ни въ силу особаго высочайшаго повелѣнія 1832 г., ни по почину всесильнаго Муравьева, въ періодъ послѣдняго польскаго возстанія.

Такова вкратцѣ исторія виленской остробрамской иконы Божіей Матери и таково содержаніе книги о ней о. Н. Соколова.

Описанная имъ икона имѣла уже свою обширную литературу на русскомъ и польскомъ языкахъ, усложняющуюся тѣмъ, что исторія этой святыни неразрывно связана съ исторіею г. Вильны и всего края, и писавшіе о городѣ и краѣ писали и объ иконѣ, и на оборотъ излагавшіе собственно судьбу иконы касались исторіи города и цѣлаго края. О. Соколовъ, какъ видно изъ его книги, имѣлъ подъ руками массу печатнаго матеріала, общаго и спеціальнаго, но, къ сожалѣнію, разобраться въ немъ не съумѣлъ. По видимому, онъ чувствовалъ это самъ и потому раздѣлилъ добытыя имъ свѣдѣнія на двѣ далеко не равныя части и изъ одной меньшей составилъ собственно исторію иконы, изложенную на 101 стр., а другую, гораздо большую на 405 стр. приложилъ къ ней въ видѣ 367 примѣчаній. Но, прочитавъ всю книгу, нельзя не видѣть, что съ одной стороны въ самую исторію внесено не мало такого, что могло-бы быть или вовсе опущено, или отнесено къ примѣчаніямъ, съ другой — въ самыхъ примѣчаніяхъ есть масса совершенно лишняго и посторонняго и есть такія данныя, которыя не лишни были-бы въ самой исторіи. Произошло это, какъ намъ кажется, не въ силу только неумѣнья автора отличить главное и существенное отъ посторонняго и не важнаго, но и потому, что авторъ недостаточно уяснилъ себѣ цѣль настоящаго своего труда. Послѣ того, какъ о виленской остробрамской иконѣ написано такъ много, задачею новаго изслѣдователя могло быть или добыть, если возможно, новыя какія либо данныя для исторіи этой иконы, подвергнувъ критикѣ прежнія данныя, или-же, воспользовавшись готовымъ матеріаломъ, составить сжатое, для всякаго понятное и доступное изложеніе судебъ древней виленской русской святыни. Новыхъ свѣдѣній объ иконѣ автору не удалось добыть, архивнымъ матеріаломъ онъ не пользовался, критики источниковъ у него также нѣтъ; оставалось, значитъ, послѣднее, и въ немъ чувствуется на мѣстѣ большая

потребность, на что указываетъ и самъ авторъ. Но именно этого онъ и не сдѣлалъ: книга вышла объемистая, но живой, полной, легко читаемой исторіи иконы въ ней нѣтъ, а цѣна 1 р. не можетъ быть названа общедоступною и не отвѣчаетъ интересу, доставляемому чтеніемъ книги.

Интересу книги, кромѣ неумѣлаго распредѣленія матеріала, мѣшаютъ два обстоятельства: во 1-хъ полемическій тонъ книги и въ 2-хъ особая манера изложенія и языкъ автора. Авторъ, пиша историческое изслѣдованіе не можетъ сохранить спокойнаго тона; онъ смотритъ на событія давно-прошедшія, какъ-бы они происходили предъ его глазами, раздражается тѣмъ, что они шли несогласно съ его чувствованіями и желаніями и свое раздраженіе выражаетъ массою такихъ эпитетовъ, которые, не помогаютъ изложенію и тѣмъ непріятнѣе дѣйствуютъ на читателя, что являются въ формѣ словъ мало кѣмъ употребляемыхъ, какъ на примѣръ «злокозненный, зловредный, злоухищренный» и т. п. Особенности языка автора составляютъ длинные, трудно-читаемые періоды, а также масса всевозможныхъ, часто совершенно лишнихъ эпитетовъ, однозвучныхъ, въ большей части также не нужныхъ приставокъ и такихъ фразъ и оборотовъ, построеніе которыхъ трудно чѣмъ-либо оправдать. Упоминая объ учрежденіи въ 1857 г. прихода при костелѣ бывшаго монастыря св. Терезіи, онъ прибавляетъ: „такимъ образомъ *при*островоротный костелъ сталъ въ свою очередь самъ *при*уроченнымъ къ св. Богородичной Островоротной иконѣ, соединеннымъ и даже связаннымъ съ нимъ необходимо“. Объявленныя въ 1609 г. уніатскими виленскія прав. церкви должны были, по выраженію автора, «*сиснуть* въ уніи и отъ уніи“; «средняя лампада въ часовнѣ всегда имѣетъ горѣніе», т. е. горитъ, «открытіе завѣсъ при св. иконѣ *происходить* не иначе, какъ лицомъ, имѣющимъ право надѣвать извѣстное костельное облаченіе»..., «въ часовнѣ бываетъ 8—10 обѣденъ въ день—читанныхъ и поемыхъ, играемыхъ, смотря по усердію усердствующихъ, различными ксендзами», «чествованіе иконы Одигитріи, Путеводительницы, въ священнѣйшемъ мѣстѣ величественнѣйшаго каѳедральнаго, митрополичьяго, пречистенскаго собора больше и больше, такъ сказать, *вбиралось* въ этотъ замѣчательно представительный по своему времени храмъ Пречистыя», и т. п. и т. д.

Вообще книга автора читается съ большимъ трудомъ и не оставляетъ цѣльнаго представленія о судьбахъ виленской остробрамской иконы. Задавшись, по видимому, цѣлію написать исторію иконы, авторъ излишне распространился о современномъ ея положеніи и обстановкѣ, мѣшаетъ исторію съ описаніями и собственными чувствованіями, вдается въ излишнія подробности, касается постороннихъ матерій, особливо въ примѣчаніяхъ, но всего болѣе онъ портитъ успѣху книги страстнымъ изложеніемъ и крайне необработаннымъ и тяжелымъ языкомъ. Видно, авторъ поторопился изданіемъ своего новаго труда, не осилилъ бывшаго въ его рукахъ обширнаго матеріала и слишкомъ мало потрудился надъ внѣшнею отдѣлкою своей монографіи.

К. Ц.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ИЗЪ ПРОЖИТЫХЪ НА ВОЛЫНИ ДНЕЙ.

Въ декабрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ на 1883 г., въ отдѣлѣ „Извѣстія и Замѣтки“ была статья г. Тарнавскаго: „По поводу 50-ти лѣтняго юбилея почаевской лавры“, статья любопытная по многимъ историческимъ и описательнымъ даннымъ, касающимся почаевскаго монастыря. Прочитавши ее, вспомнилъ я, какъ назадъ тому почти 40 лѣтъ пробылъ я три дня въ этомъ монастырѣ, и теперь, собравши мои воспоминанія, рѣшаюсь подѣлиться ими съ читателями „Кіевской Старины“.

Это было въ 1845 году. Я служилъ тогда старшимъ учителемъ исторіи въ ровенской гимназіи. Собственно желаніе познакомиться съ юго-западною окраиною нашего отечества, столь богатою историческими памятниками и преданіями, было побудительною для меня причиною искать возможности переселиться на Волынь и пожить тамъ нѣкоторое время. При всѣхъ удобныхъ случаяхъ, когда я былъ свободенъ отъ служебныхъ обязанностей, я совершалъ по окрестностямъ разныя поѣздки. На страстной недѣлѣ въ 1845 году отправился я, вмѣстѣ съ тогдашнимъ моимъ товарищемъ по службѣ г. Малавскимъ, въ Кременецъ и Почаевъ, съ намѣреніемъ посѣтить также Вишневецъ и знаменитое въ малорусской исторіи Берестечко. Пріѣхавши въ великую пятницу въ Кременецъ, мы всходили на гору Бону, очень высокую и крутую, осмотрѣли тамъ развалины замка, приписываемаго королевѣ Бонѣ, а на другой день, отстоявъ велико-субботнюю утреню въ соборѣ, устроенномъ изъ бывшаго францисканскаго монастыря (отъ котораго грудами валялись по двору разбитые католическіе изображенія ангеловъ, Бого-

матери и разныхъ святыхъ), мы уѣхали въ Почаевъ. Дорога шла по чрезвычайно живописной мѣстности: по бокамъ виднѣлись холмы, покрытые рощами, съ самыми разнообразными и затѣйливыми очертаніями; то были отроги Карпатскихъ горъ, заходящіе изъ Галиціи въ предѣлы Россіи. День былъ ясный, весенній. Все дышало свѣжестію молодой жизни; развивались вербы и березы; на рѣкахъ и прудахъ воды, недавно освободившіяся отъ льда, начинали зеленѣть молодымъ камышомъ и пестрѣть водяными цвѣтами. Было такъ хорошо, что мы всю почти дорогу не ѣхали, а шли пѣшкомъ, и потому, не смотря на недалекое разстояніе отъ Кременца до Почаева, прибыли туда при солнечномъ закатѣ и остановились въ жидовскомъ постояломъ дворѣ. Тотчасъ-же мы отправились въ монастырь къ архимандриту, къ которому было у меня рекомендательное письмо. Отецъ архимандритъ оказался добродушный и веселый старикъ; нѣкогда, какъ онъ самъ о себѣ сообщалъ, онъ занималъ мѣсто протоіерея въ Каневѣ. Съ первыхъ-же минутъ нашей бесѣды онъ разговорился о мѣстной старинѣ, о постройкѣ почаевскаго храма, воздвигнутаго въ его настоящемъ видѣ старостою каневскимъ Потоцкимъ, извѣстнымъ безобразникомъ и забіякою.

По разсказу о. архимандрита, этотъ панъ Потоцкій однажды ѣхалъ по горѣ въ виду Почаева, виднѣвшагося издали. Вдругъ кучеръ, по неосторожности, опрокинулъ его экипажъ. Разсерженный панъ приказалъ кучеру остановиться, взялъ ружье и хотѣлъ стрѣлять въ него. Убить человѣка для буйнаго пана въ припадкѣ гнѣва ничего не значило, и это практиковалось имъ не одинъ разъ. Кучеръ въ ужасѣ обратился къ виднѣвшемуся монастырю и началъ просить спасенія у почаевской Божіей Матери: „Najświętsza Matko Poczajowska, ratuj mię!“ Панъ спустилъ курокъ—сдѣлалась осѣчка; панъ снова взвелъ курокъ и спустилъ—въ другой разъ осѣчка. Это поразило буйнаго пана: онъ бросилъ ружье и сталъ у кучера допрашивать, какая это почаевская Божія Матерь, которую кучеръ призывалъ. Панъ мало занимался предметами благочестія и потому до тѣхъ поръ и не слыхалъ о чудотворной иконѣ Богоматери въ почаевскомъ монастырѣ, находившемся недалеко отъ него. Когда кучеръ, чудесно избавленный отъ смерти, сказалъ ему все, что зналъ и на сколько умѣлъ, панъ пришелъ въ задумчивость. Внезапно пробудилась въ немъ совѣсть: началъ онъ скорбѣть о мно-

жествѣ совершенныхъ имъ въ жизни безчинствъ и злодѣяній—явилась наклонность къ покаянію. Онъ велѣлъ везти себя въ почаевскій монастырь, и поклонился чудотворной иконѣ. Съ этихъ поръ чувство раскаянія овладѣвало имъ болѣе и болѣе; до невыносимости гнусною показалась ему протекшая жизнь. При этомъ о. архимандритъ вспомнилъ о разныхъ выходкахъ безобразія этого пана, которыя иногда соединялись и съ чувствомъ правды. Такъ, однажды, онъ встрѣтилъ мужика, плакавшаго надъ бочкой разлитаго дегтя. На вопросъ: что это значитъ? мужикъ сказалъ, что ѣхалъ доминиканскій монахъ, и за то, что мужикъ не успѣлъ свернуть съ дороги, онъ наѣхалъ на него и дышломъ пробилъ дно бочки съ дегтемъ. Панъ Потоцкій пустился догонять доминикана, воротилъ его къ мужику и заставилъ монаха, въ его бѣлой одеждѣ, пролѣзть сквозь разбитую бочку. Доминиканъ представлялъ, что онъ ѣхалъ напутствовать больнаго св. дарами, но панъ сказалъ, что деготь есть также даръ Божій и не можетъ причинить поруганіе Христу; напротивъ, оскорблять своего ближняго есть посягательство на поруганіе Христа. Когда монахъ все еще упрямился, панъ пригрозилъ ему канчуками и монахъ долженъ былъ исполнить приказаніе пана. Наказавши такимъ образомъ монаха, панъ вознаградилъ мужика за утраченный деготь. Въ другой разъ онъ узналъ, что у одного изъ его сосѣдей, у котораго имѣніе было на арендѣ у жидовъ, жиды обращались нахально съ панскими подданными. Между прочимъ жидъ приказывалъ мужикамъ доставлять ему дрова, и мужикъ привозившій дрова долженъ былъ по вязанкѣ сносить ихъ въ высокій сѣновалъ. Панъ Потоцкій переодѣлся въ крестьянское платье, сѣлъ на возъ съ дровами и отправился къ жиду, который подумалъ, что это мужикъ изъ его села привозитъ ему дрова. Панъ терпѣливо снесъ нахальное обращеніе съ нимъ жида и послушно понесъ вязанку за вязанкой по узкой лѣстницѣ, куда указывалъ ему путь жиденокъ, наблюдавшій за нимъ сзади. Между тѣмъ панъ, отъѣзжая изъ дому, приказалъ ѣхать вслѣдъ за собою каретѣ въ сопровожденіи гайдуковъ, а въ карету приказалъ сѣсть мужику, отъ котораго узналъ о нахальномъ обращеніи жида съ крестьянами, и когда, всходя на сѣновалъ, панъ увидалъ, что карета приближается, то спустившись съ лѣстницы, ударилъ жиденка полѣномъ по головѣ и положилъ его на мѣстѣ. Сбѣжались жиды, подняли гвалтъ,

а тутъ подъѣхала панская карета, и слуги обратились съ знаками почтенія къ своему господину. Тогда только узнали жиды, что за мужикъ привозилъ имъ дрова и что за панъ сидѣлъ въ каретѣ. Панъ Потоцкій приказалъ собрать всѣхъ бывшихъ въ томъ имѣніи жидовъ и жидовокъ и отъ мала до велика перестрѣлялъ ихъ всѣхъ, не пощадивши и младенцевъ. Владѣлецъ имѣнія, гдѣ происходило это событіе, подалъ судебный искъ. Тогда панъ Потоцкій поѣхалъ по околицѣ, наловилъ десятка два или три жидовъ, собралъ ихъ у себя и приказалъ наложить на возы, придавивши „рублемъ“ (гнетомъ), какъ дѣлаютъ при возкѣ сноповъ и привезъ къ пану сосѣду, который въ ту пору случился у себя въ имѣніи. „Вотъ“, сказалъ ему Потоцкій: „вы подали на меня искъ, что я пострѣлялъ у васъ нѣсколькихъ жидовъ; я вамъ плачу за нихъ— даю нѣсколько десятковъ“. Но многіе изъ этихъ несчастныхъ задохлись, сваленные тѣсно подъ гнетомъ. Архимандритъ вспомнилъ также о „Бондаривнѣ“, о которой сохранилось преданіе на Волыни, и осталось такъ живо, что у многихъ зажиточныхъ хозяевъ можно видѣть рисунокъ малорусской дѣвушки, выдаваемый за портретъ „Бондаривны“.

Послѣ приключенія съ кучеромъ и затѣмъ посѣщенія почаевскаго монастыря, панъ принялъ намѣреніе, ради покаянія, окончить дни свои гдѣ нибудь въ монастырѣ, но хотѣлъ извѣдать, въ какой монастырь укажетъ ему идти высшій Промыслъ. Онъ нарядился нищимъ и въ такомъ видѣ посѣтилъ нѣсколько католическихъ монастырей. Вездѣ его принимали дурно, ограничиваясь ничтожнымъ подаяніемъ; но когда онъ явился въ почаевскій уніатскій монастырь, бывшій бѣднѣе другихъ, тамъ его приняли радушно, накормили, напоили, дали пріютъ для ночлега. Потоцкій счелъ это небеснымъ указаніемъ и черезъ нѣсколько времени прибылъ туда, только уже не въ нищенскомъ видѣ, а въ великолѣпной каретѣ, и привезъ большую сумму на построеніе каменнаго храма, того самаго, который существуетъ до сихъ поръ. Здѣсь онъ и поселился въ качествѣ послушника, произвольно смирялъ себя, исполнялъ чорныя работы, но иногда невольно выказывалъ и прежнія панскія замашки. Такъ, напримѣръ, подметая корридоры келій, онъ будилъ къ заутрени монаховъ, и чуть только замѣтитъ въ комъ либо лѣность, того потянетъ по спинѣ метлою. Здѣсь онъ умеръ и былъ погре-

бенъ въ построенной имъ церкви; тѣло его, долго оставаясь нетлѣннымъ, показывалось богомольцамъ одѣтое въ польскій кунтушъ и обутое въ огромные сафьянные сапоги. Послѣ обращенія монастыря въ православіе, это тѣло повелѣно схоронить и не показывать никому, чтобы народъ не признавалъ его святыми мощами.

Во время разсказа архимандрита, вошелъ послушникъ и попросилъ благословенія звонить къ „Дѣяніямъ". Мы стали прощаться съ архимандритомъ. Онъ пригласилъ насъ прибыть въ полночь къ богослуженію, а послѣ литургіи—разговляться вмѣстѣ съ братіею въ трапезѣ. Въ назначенное время мы отправились въ церковь, внутри великолѣпно освѣщенную, и прослушали пасхальное богослуженіе. Напѣвъ въ почаевскомъ монастырѣ, хотя веселый, какъ вездѣ, показался мнѣ нѣсколько отличнымъ отъ того, какой я привыкъ слышать въ церквяхъ: онъ напоминалъ мнѣ слышанные въ дѣтствѣ мотивы экосеса. Церковь почаевская—одна изъ просторнѣйшихъ, какія я видѣлъ въ Россіи, и сохранила на себѣ сильные слѣды прежняго католичества. За низенькимъ иконостасомъ, сдѣланнымъ уже по присоединеніи къ православію, виднѣлся по другую сторону престола у капитальной стѣны высокій католическій иконостасъ. Во многихъ мѣстахъ въ трапезѣ у столбовъ стояли алтарики, употребляемые католиками и уніатами для тихой обѣдни и никакъ немыслимые въ православномъ храмѣ, такъ какъ они обращены были не на востокъ, и самые престолы примыкали прямо къ стѣнѣ, а вмѣсто образовъ были скульптурныя изображенія; на хорахъ оставался еще большой органъ, хотя уже не бывшій въ употребленіи. Въ храмѣ было множество сельскаго люда обоего пола въ пестрыхъ праздничныхъ одеждахъ; все это были, какъ я узналъ, крестьяне изъ Галиціи, постоянно приходящіе сюда на праздники.

Послѣ обѣдни, вслѣдъ за архимандритомъ, мы пошли въ обширную залу съ накрытыми столами, на которыхъ разставлены были пасхальныя снѣди, но безъ мясныхъ кушаньевъ. Послѣ хороваго пѣнія „Христосъ Воскресе", всѣ принялись разговляться и затѣмъ, тутъ-же, начался обѣдъ, не смотря на то, что солнце только что восходило. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ рыбныхъ кушаньевъ и сливочнаго крема. Я замѣтилъ, что братія, которой я насчиталъ тогда 18 человѣкъ, ничего не ѣла. Послѣ обѣда отецъ архимандритъ

пригласилъ насъ въ свою келію—и тамъ увидали мы разставленный на столѣ обильный запасъ всякихъ кушаньевъ и множество бутылокъ съ наливками и виномъ. Архимандритъ объяснилъ намъ, что у нихъ въ праздники трапеза бываетъ только для приличія, а всѣ они „утѣшаются“ по келіямъ; при этомъ онъ объяснилъ, что въ западномъ краѣ, гдѣ еще свѣжи уніатскіе и католическіе обычаи, такое нарушеніе принятыхъ въ православномъ монашествѣ обычаевъ, терпится и дозволяется, и черное духовенство позволяетъ себѣ наравнѣ съ бѣлымъ разрѣшать на мясо.

Послѣ того мы пробыли въ монастырѣ трое сутокъ, пользуясь гостепріимствомъ и радушіемъ отца архимандрита и всей братіи. Въ понедѣльникъ мы обѣдали у архимандрита въ его келіи и должны были отдать честь его повару. Монахи, которыхъ большая часть изъ уроженцевъ чисто-русскихъ губерній, зазывали насъ по одиночкѣ другъ передъ другомъ и старались угостить какъ можно обильнѣе, такъ что мы принуждены были отдѣлываться отъ ихъ любезности. Я осмотрѣлъ монастырскую библіотеку; она оказалась очень богатою старопечатными русскими книгами благочестиваго содержанія, но я не имѣлъ времени ознакомиться съ ними подробнѣе. Замѣчу, что перебирая книги, я нашелъ одну старопечатную глаголитскаго письма въ малую четверку; за неимѣніемъ при себѣ азбуки и не зная ее наизусть, я не могъ разобрать, что это за книга: только на оберткѣ ея было написано по польски скорописью: „heretycka ksziążka“.

Въ главной почаевской церкви показываютъ „стопку“ Божіей Матери. Изъ этой стопки сочится вода; чтобы видѣть эту стопку, надобно наклониться и вложить голову въ отверстіе находящейся въ стѣнѣ ниши, постоянно затворенное и открываемое только по желанію. По свѣдѣнію, сообщенному архимандритомъ, этой воды насочится въ день около чайной ложечки, иногда и меньше, а такъ какъ богомольцевъ приходитъ много, и много желающихъ имѣть эту воду, то „мы“, замѣчалъ архимандритъ, „впускаемъ полъ-ложечки этой чудотворной воды въ цѣлую кадь съ обыкновенною простою водою“. Преданіе говоритъ, что еще въ то время, когда не существовало монастыря въ XIII вѣкѣ, пастухи увидали на этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стопка, стоящую Божію Матерь. Изображеніе исчезло, а слѣдъ ноги остался на камнѣ, и изъ него начала сочиться

вода. Монастырь построенъ на скалѣ, воды кругомъ близко нѣтъ и появленіе воды въ „стопкѣ“ признается чудомъ. Въ длинномъ корридорѣ, ведущемъ отъ главной церкви въ нижнюю теплую, нарисована на стѣнѣ исторія чудеснаго избавленія Почаева отъ турецкаго нападенія. Событіе это относятъ къ тому времени, какъ турки, помогая гетману Дорошенку, сдѣлали нашествіе на южные предѣлы Рѣчи Посполитой въ 1672 году. Монастырь въ то время былъ еще православный; игуменомъ тамъ былъ Іовъ Залізо. Турецкій паша пришелъ съ войскомъ подъ Почаевъ; множество сосѣдней шляхты убѣжало тогда въ почаевскій монастырь, рѣшаясь тамъ дать отпоръ непріятелю. Но осажденные стали терпѣть недостатокъ съѣстнаго и въ отчаяніи рѣшились сдѣлать вылазку, вступить въ бой съ врагами и погибнуть въ сѣчѣ. Отецъ Іовъ служилъ обѣдню, которая должна была быть уже послѣднею какъ для него, такъ и для его паствы. Въ ту самую минуту, когда онъ провозгласилъ: „изряднѣй о пресвятѣй, пречистѣй и преблагословеннѣй, славнѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ и присно Дѣвѣ Маріи“, на крестѣ монастырскаго храма появилось изображеніе Божіей Матери. Она грозила рукою турецкому войску. Турки, по приказанію своего паши, пустили въ изображеніе ядро, но это ядро обратилось назадъ и положило многихъ турокъ. Событіе это произвело такой паническій страхъ, что все турецкое войско убѣжало, а польское, ободрившись, стало его преслѣдовать и нанесло ему пораженіе подъ Вишневцемъ. Такъ разсказывалъ архимандритъ, передавая сохранившееся преданіе. Въ такомъ-же видѣ передается это событіе въ народной пѣснѣ, которую поютъ лирники во всей южной Руси. Но изслѣдованіе г. Тарнавскаго („Кіев. Стар.“ 1883 г. дек. стр. 685) указываетъ намъ, что это анахронизмъ. Іовъ скончался 28 октября 1651 года, ста лѣтъ отъ роду, и въ 1658 году митрополитъ Діонисій Балабанъ открылъ нетлѣнныя мощи его для всенароднаго почитанія. Въ почаевскомъ монастырѣ намъ показывали яму, вырубленную въ скалѣ, куда преподобный Іовъ иногда влѣзалъ, желая предаться уединенному богомыслію.

Изъ монастырской террасы открывается живописнѣйшій видъ на Подкамень съ католическимъ монастыремъ и на разсѣянныя тамъ и сямъ села съ развалинами замковъ въ предѣлахъ Галиціи.

Посѣтивши почаевскій монастырь, мы отправились въ Вишневецъ и, наскоро осмотрѣвши тамъ у г. Мнишка богатую картинную галлерею, со множествомъ портретовъ историческихъ дѣятелей, оттуда направили путь къ Берестечку. Мы посвятили три дня на осмотръ злосчастнаго поля, гдѣ нѣкогда потерпѣла пораженіе козацкая сила. Праздничное время уже кончалось—мы возвратились въ Ровно къ своимъ служебнымъ обязанностямъ.

Н. Костомаровъ.

КЪ ИСТОРІИ МАЛОРУССКИХЪ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НРАВОВЪ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Въ 1759 г. козакъ Севастьянъ Бородуха прислалъ въ полковую черниговскую канцелярію на имя черниговскаго полковника Божича доношеніе, въ которомъ говорилъ, что родной его племянникъ, Ѳедоръ Бородуха, уклоняясь отъ козачьей службы, хочетъ принять священническій чинъ. Севастьянъ Бородуха сообщаетъ начальству о слѣдующихъ „винахъ“ своего племенника.

1) „Онъ, Ѳедоръ Бородуха, женился на поповнѣ Меланьѣ, которой исполнилось только одинадцать лѣтъ (родилась 31 декабря 1748 г., вышла замужъ 31 января 1759 г.).

2) „Она малолѣтняя жена, хотя до замужества своего лѣтъ совершенныхъ не имѣющая, еднакъ явилася свѣтовой публицѣ совершенною подозрительницею, когда въ обыкновенномъ первопублѣчномъ ложѣ своемъ малженскимъ, на актѣ своемъ весельномъ, не явилась по дѣвотству своему порядочною дѣвкою“. Да и мать ея, „удовая попадья, не вѣдомо съ кимъ, съ зятемъ своимъ, але съ кимъ другимъ, блудно и беззаконно женска полу, Елену по имени, родила дитя“.

3) „Онъ-же, Ѳедоръ Бородуха, зъ мало уживаннихъ имъ наукъ, да и то только русскаго діалекту по печатнымъ книгамъ чтенія, скорописное-же по русску почти читать и писать не умѣетъ, народъ учить о вѣрѣ и житіи вовсе неспособенъ и не годится“.

4) „Еще онъ и пьяница таковъ невоздержаный, что, многократно спивъ умъ, потолику изумляется, что люди принуждены связывать его“.

5) „Многихъ честныхъ людей, въ томъ числѣ и мать свою родную, многократно безвинно ихъ бивалъ и кровавилъ“, за что много расъ судился.

и 6) Отстраняется отъ службы, не смотря на то, что не имѣетъ на то права“.

Севастьянъ Бородуха находитъ поведеніе своего племянника противнымъ правиламъ святыхъ отецъ и проситъ полковую канцелярію увѣдомить епископа о поведеніи Ѳедора Бородухи и послать его въ походъ, чтобы онъ послужилъ, какъ служили его предки Бородухи.

Первая просьба Севастьяна Бородухи была исполнена полковой канцеляріею. Въ духовную канцелярію черниговскаго архіепископа было послано увѣдомленіе, что Ѳедоръ Бородуха оженился непорядочно, отъ козачей службы уклоняется и въ силу всего этого въ священники не годится.

(Извлечено изъ дѣлъ архива малороссійской коллегіи, находящагося при харьковскомъ университетѣ). Н. С.

ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНІЕ НАЧАЛА НАШЕГО СТОЛѢТІЯ.

Сопоставляемъ ниже два документальныхъ свидѣтельства о домашнемъ воспитаніи, оба относящіяся по времени къ первой четверти нашего столѣтія, а по мѣсту—къ новороссійскому краю. Первое мѣсто принадлежитъ Александру Семеновичу Пишчевичу, краткія свѣдѣнія о коемъ сообщены въ январской книжкѣ „Кіевской Старины“, и представляютъ выдержку изъ его „Дневной Записки“ на 1806 годъ. Приводимыя изъ нея строки рисуютъ основанія той модной европейской муштры, которая составляла всю суть тогдашней педагогіи; авторъ „Записки“ рѣзко осуждаетъ и такую систему воспитанія, и то заграничное пустозвонство, которое являлось послѣдствіемъ ея; онъ не щадитъ красокъ,—благо, въ нихъ не было недостатка, и по своимъ понятіямъ напоминаетъ Стародума,—быть можетъ, и не случайно. Второй документъ есть произведеніе пера неизвѣстнаго по имени иностранца-педагога; это—довольно своеобразное обязательство, заключающее программу занятій съ молодыми людьми. При чтеніи его не знаешь,

чему отдать предпочтеніе: убогому невѣжеству, или хвастливости захожаго просвѣтителя. Невольно приходитъ на память екатерининская старина, въ то время уже забывавшаяся въ столицахъ, воскресаютъ типы, осмѣянные Фонвизиномъ, но не вымершіе, какъ видно, и въ нашемъ столѣтіи въ сельской глуши юга Россіи. „Обязательство“ найдено нами въ семейныхъ бумагахъ Николая Ивановича Хорвата, жительствующаго въ селѣ Шамовкѣ александровскаго уѣзда; въ немъ идетъ дѣло о воспитаніи отца и дяди его; отецъ его, Иванъ Антоновичъ, родился въ 1805 году и былъ младшимъ братомъ; слѣдовательно, предлагаемый нами читателямъ документъ относится къ двадцатымъ годамъ. Разница во времени между отзывомъ Пишчевича и произведеніемъ иностраннаго педагога, не значительная впрочемъ, не мѣшаетъ ихъ взаимному сродству: одно знакомитъ насъ съ условіями воспитанія, другое съ результатами его.

Сначала приводимъ отзывъ Пишчевича.

Сказавъ о балѣ, данномъ въ зданіи херсонскаго благороднаго собранія, и о только-что входившемъ тогда въ моду вальсѣ, который показался Пишчевичу танцемъ безнравственнымъ, онъ продолжаетъ:

„Послѣ сего обозримъ, въ чемъ состоитъ вообще основаніе воспитанія нашей молодежи, разумѣется, воспитанія моднаго. Выучи сына танцовать, играть на фортепьянѣ или гитарѣ, и ежели можно, чтобы онъ могъ пѣть, то это будетъ прекрасно; говорить по французски, разумѣется — только говорить, а что говорить, до того дѣла нѣтъ; по русски писать русскому неминуемо надобно, но чтобы умѣлъ паче всего сочинять въ стихахъ пасквили на женщинъ, иногда касаться правительства; впрочемъ, дозволяется о законѣ Божіемъ стихами и прозою говорить самымъ неблагопристойнымъ образомъ, и требуется въ добавокъ не имѣть никакой вѣры и насмѣхаться надъ святостью, руководствующею человѣками, приписывая созданіе Божіе все случаю слѣпому: послѣ сего не уважать ни старости, ни достоинствъ и ставить себя выше всего; рисованіе идетъ также въ модное воспитаніе, но чтобъ оно не далѣе простиралось, какъ снимать силусты, и ежели достанетъ понятія, то не худо выучиться составлять узоры для пялецъ; симъ средствомъ молодой человѣкъ получаетъ право входить въ спальню и

другія внутреннія комнаты дома, гдѣ занимаются комнатныя дѣвки вышиваньемъ, и симъ средствомъ заключать связи для достиженія сердецъ или сихъ швей, или самой госпожи, или ея дочерей; ко всему этому въ заключеніе, если молодой человѣкъ опрятно и ловко одѣвается въ одежду, для сего же вѣка изобрѣтенную, также самую неблагопристойную, ибо всѣ части мужского тѣла не только стянуты, но выставлены наружу со всѣхъ сторонъ, и, дабы не краснѣть такимъ безстыдствомъ, то модная ческа выдумала средство закрывать глиза и все лицо кудрями головныхъ волосъ. Вотъ впрямь изображеніе молодого человѣка, хорошо воспитаннаго, котораго называютъ женщины милымъ, вертопрахи—ловкимъ, а люди съ разсудкомъ—ученымъ дуракомъ, отечеству ни на что не надобнымъ... Замѣтимъ, что и женщины нонишняго воспитанія приготовляются совсѣмъ противуположно тому, къ чему онѣ сотворены. Должность матери, должность хозяйки совсѣмъ удалены отъ воспитанія ихъ. Болтанье на французскомъ языкѣ, играніе на какомъ либо инструментѣ и пляска—суть главныя черты, которые входятъ въ модное воспитаніе; добавьте къ этому всю школу кокетства и полунагое одѣяніе и вы будетете имѣть совершенную идею о женщинахъ 19-го вѣка, вѣка просвѣщеннаго, которому-бы удивились наши предки, ежели-бы напримѣръ скромныя россіянки 17 вѣка, жившія въ своихъ теремахъ, могли встать и обозрѣть поприлѣжнѣе своихъ согражданокъ".

А вотъ обязательство иностранца—педагога.

„Обязываюсь учить слѣдующему:

По нѣмецки, по французски, по итальянски, священной исторіи, всемірной исторіи, географіи, математикѣ и политикѣ, философіи съ ея частями, натуральной исторіи и математическимъ частямъ (?), къ способности молодыхъ людей. Не льстясь легкою методою, ни основаніемъ первыхъ правилъ и нравоученія, способныхъ для обрабатыванія разума и образованія сердца молодыхъ людей, чтобъ имъ внушить добродѣтели, полезныя для общества, я буду заниматься ихъ воспитаніемъ слѣдующимъ образомъ. Глубокое раздробленіе грамматики (?), синтаксисъ, единомысленное правленіе словъ, чтобъ достигнуть хорошо понимать и переводить; порядокъ въ чтеніи, по слогу и словамъ, которые имъ будуть трудны для понятія,

и даже тѣ, которые имъ совершенно неизвѣстны въ теченіяхъ нашихъ лучшихъ сочинителей, какъ древнихъ, и нынѣшнихъ, давая имъ чувствовать силу, пылкость и тонкость мыслей и выраженій, такъ-же, какъ и значеніе словъ, и знать степени, до которыхъ наши знаменитые древніе и нонишніе писатели возвысились; точное диктованіе наукъ съ изтолкованіемъ задачей, и опытъ упражненія, способнаго къ возвышенію ихъ души и облегченію памяти. Въ протчемъ все, что будетъ въ моей власти, чтобъ образовать имъ добрыя нравы и благосконность, чтобы содѣлать ихъ почтенными".

„Обязательство" умалчиваетъ о цѣляхъ и методахъ преподаванія политики, философіи „съ ея частями", натуральной исторіи и „математическихъ частей". А жаль.

В. Ястребовъ.

РОКОВОЕ ЧТЕНІЕ ПСАЛТИРИ [1]).

(Изъ быта и нравовъ старыхъ кіевскихъ „спудеевъ").

Была зима 1764 года.

Кіевъ жилъ своею старою жизнію, совсѣмъ не похожею на нынѣшнюю. Подолъ продолжалъ оставаться центромъ городской жизни. Академія, какъ и теперь, служила лучшимъ его украшеніемъ. Въ ней толпились массы учащихся различныхъ возрастовъ, званій и состояній. Ученіе производилось тамъ, гдѣ и теперь зданіе академіи; общежитіе братскихъ питомцевъ или бурса помѣщалась на берегу Днѣпра, гдѣ теперь кіево-подольское духовное училище. Академія жила одною жизнію съ народомъ, отражая въ себѣ его свѣтлыя и темныя стороны; связь ея съ обществомъ была ближайшая, непосредственная; подольскіе жители смотрѣли на нее, какъ на школу, устроенную ихъ заботами и на ихъ собственныя средства. Студенты доставляли кіевлянамъ много удовольствія своими праздничными кантами, виршами и вертепными представленіями, публичными диспутами, драмами и трагедіями; они-же служили имъ въ частной жизни—подготовкою дѣтей къ школѣ, перепискою нужныхъ бумагъ, составленіемъ просьбъ, чтеніемъ въ часы досуга, чтеніемъ псалтири надъ покойниками.

---

1) Составлено по не полному подлинному дѣлу кіево-губ. канцеляріи.

Въ то время, о которомъ говоримъ, рядомъ съ „студенческою бурсою“ были расположены лавки Гамалѣи, близъ нихъ съ одной стороны дворъ подольскаго успенскаго священника Сафоновича, съ другой дворъ магистратскаго подданнаго Никиты Воловина. На этомъ послѣднемъ было двѣ избы: въ одной помѣщался смаъ хозяинъ съ своей семьей, въ другой жилъ магистратскій служитель Сидоръ Климовъ. И самъ Климовъ былъ не старъ, а жена совсѣмъ молодая, красивая, но гулящая.

21 декабря умерло у Климовыхъ дитя; пригласили они студента Кондратія Подгорскаго читать псалтирь. Подгорскій учился въ „піитикѣ“, былъ парень подъ усомъ, видный, статный. На немъ была черкеска-юпка, а по зимнему времени, поверхъ этой обыкновенній одежи, „эпанча“, иначе „либерія“. Пришелъ онъ съ собственнымъ инструментомъ, т. е. псалтирью, и открылъ чтеніе надъ умершимъ младенцемъ.

Изба, въ которой жили Климовы, была совсѣмъ простая, а обстановка ея самая убогая: вдоль стѣнъ длинныя лавки, на „покутьѣ“ столъ, противъ оконъ у стѣны“ такъ называемый „полъ“, или дощатыя нары, замѣнявшія кровать, а рядомъ съ нимъ большая печь съ мѣстомъ для сушки зерна и лежанья, въ свою очередь замѣнявшая кровать. Въ переднемъ углу предъ большимъ столомъ стоялъ малый, прихваченный у сосѣда столъ; на немъ, на убогой подушкѣ, покоилось умершее дитя, впереди большой подсвѣчникъ, крашенный, деревянный, съ ставникомъ изъ желтаго воску, а съ боку ничѣмъ не прикрытый аналой.

У бѣдныхъ простыхъ людей тогда, какъ и теперь, никакая оказія въ домѣ,—радостная и скорбная, не обходилась безъ выпивки. Выпили хозяева и чтеца попотчивали: по тогдашнимъ обычаямъ требовалось, чтобы для чтеца была водка на готовѣ и чтобы онъ отъ времени до времени былъ ею освѣжаемъ и подкрѣпляемъ.

Днемъ и вечеромъ въ избѣ Климовыхъ толпился народъ, къ ночи изба опустѣла. Долѣе другихъ пробыли двѣ набожныя старухи; но и они, соскучившись монотоннымъ, унылымъ чтеніемъ, сунувъ, по тогдашнему обычаю, въ руку чтеца по мѣдному пятаку, побрели домой. Климовы улеглись спать: мужъ на печи, жена на „полу“. Не спалъ лишь чтецъ-студентъ; но, доканчивая *Славу* и цѣлую *Катизму* и читая по памяти: *аллилуя, аллилуя...*, онъ тщетно

водилъ глазами по сторонамъ,—некому было приподнести освѣжающаго напитка... Не разъ въ этихъ интермедіяхъ взоръ его падалъ на хозяйку, раскидавшуюся на „полу“, но онъ гналъ отъ себя не чистые помыслы, скорѣе прежняго кончалъ *Аллилуя* и *Со святыми упокой* и снова углублялся въ лежавшую предъ нимъ книгу. Читалъ онъ твердо и протяжно: *сердце мое и плоть моя возрадовастася*... вдругъ „полъ“ заскрипѣлъ, хозяйка повернулась... У „поэты“ въ глазахъ потемнѣло, онъ машинально потянулся поправить свѣчку, но свѣчка упала и потухла. Искалъ-ли Подгорскій свою *либерію*, чтобы домой уйти, какъ послѣ объяснялъ, или прилегъ на „лавѣ“, или „полу“, никто того примѣтить не могъ: въ избѣ царили мракъ и тишина.

Вдругъ соскакиваетъ съ печи Климовъ, схватываетъ „поэту“ за волосы и съ одного размаха валитъ его на землю; за тѣмъ притащивъ его къ печи, досталъ полѣно, началъ бить имъ нещадно, стащилъ съ него, какъ увѣрялъ послѣ Подгорскій, одежу и сапоги, топталъ его ногами, билъ колѣньми въ грудь. Подгорскому удалось какъ-то вывернуться и онъ спрятался подъ „полъ“, но Климовъ роздобылъ огня (если вѣрить Подгорскому, въ избѣ хозяина, причемъ его Подгорскаго удержалъ оказавшійся у Климова какой-то неизвѣстный человѣкъ), зажегъ свѣчку, добылъ изъ-подъ печи толкачъ, „что макъ и протчее толкутъ“, и сталъ колотить студента толкачемъ. Тотъ бросился изъ избы, босой, въ одной рубахѣ, Климовъ догналъ его на дворѣ и снова сталъ бить; но тутъ вышелъ хозяинъ Воловинъ, оборонилъ студента и велѣлъ своему работнику вывести его со двора, а Климова увелъ въ избу.

Подгорскій едва добрался до бурсы и свалился безъ чувствъ. Когда потомъ, по распоряженію сотенной канцеляріи, урядникомъ Антономъ Чоколомъ произведенъ былъ осмотръ Подгорскаго, на немъ оказались „боевые знаки“ такіе: „шея опухла и на оной синій знакъ на два пальца, ухо лѣвое синее и кожа на усахъ подрана, глазами видѣть не можетъ, ибо оные весьма опухли и синіе, правое ухо, также и лице все подрано, лѣвая рука опухла, на которой знаковъ синихъ пять, и правая рука по томужъ опухла и синихъ знаковъ два, плечи опухли и на нихъ имѣется синихъ знаковъ шесть, груди, бока по томужъ опухли, лѣвое колѣно опухло-жъ,

на коемъ знаковъ малыхъ синихъ четыре, рубашка и портки въ крови и самъ онъ студентъ Подгорскій вельми болѣнъ".

Зашумѣла „бурса", узнавъ о такомъ неслыханномъ „смертномъ боѣ". Весь день шушукались „поэты, философы, богословы", ходили во дворъ Воловина, развѣдывали, соображали. Козацкая кровь кипѣла и требовала мести, столь-же жестокой. Раздавались голоса благоразумія, осторожности; но надъ всѣмъ преобладала мысль затягнуть виновнаго во дворъ бурсы и тутъ отколотить. Въ теченіи дня ни къ чему не пришли.

Вечеромъ къ студенту Козачинскому, въ его академическій „чуланъ" пришли студенты Романовичъ и Ясногорскій, зашелъ также и сеніоръ Кленчинскій. Играли въ карты, а за картами первые три, обращаясь къ своему старостѣ, говорили:

— Какъ таки мы то дѣло, что студента поэту прибилъ подольскій житель, оставимъ!

Сеніоръ отвѣчалъ:

— Я того не бороню; пущай идутъ, кто охотится, по оного человѣка, а когда что сдѣлается, тогда тѣ и отвѣтствовать будутъ.

Романовичь и Ясногорскій, получивъ согласіе сеніора, пошли „выкрикать на затягъ"; охотниковъ явилось не мало. Человѣкъ двадцать юнаковъ перерядились, какъ могли, вывернули свои бараньи шапки, подвязались платками и отправились за Климовымъ. Давно настала ночь: ворота у Воловина были на запорѣ, а на стукъ студентовъ имъ не отворили. Студенты-охотники перелѣзли черезъ заборъ, ворвались къ Климову и требовали прежде всего заграбленныхъ вещей Подгорскаго; псалтирь Климовъ успѣлъ уже пропить, „либерію" отыскали на печи. Оттрепавъ по щекамъ жену Климова, самого Климова потащили въ бурсу и здѣсь, на дворѣ, нещадно сѣкли его сперва розгами, потомъ плетьми. Главными дѣятелями въ экзекуціи были: Козачинскій, Романовичь, Ясногорскій, Пушкаревичь и Комаревскій; участвовали также, или-же были только свидѣтелями: Михайловскій, Бѣлецкій, Троцкій, Бороховскій, Краснопольскій, Бугаевскій, Паскевичь, Грезетовскій, и Юхновскій. На дворѣ стоялъ шумъ и гамъ. Выбѣжалъ сеніоръ Кленчинскій и пытался прекратить дикую расправу, но Романовичъ оттолкнулъ его, дернувъ за рукавъ, а Козачинскій крикнулъ: „пойди себѣ до дябла". Окончивъ экзекуцію, Романовичь и Козачинскій

вывели Климова со двора, но лишь пустили его изъ рукъ, какъ онъ тутъ-же упалъ. Его втащили во дворъ, чтобы продержать гдѣ-либо въ теплѣ до утра; но сеніоръ Кленчинскій рѣшительно возсталъ противъ этого и Климова снова выпроводили на улицу и пустивъ на волю Божію, заперли ворота, а Козачинскій, взлѣзши на заборъ, наблюдалъ, что станется съ жертвою ихъ экзекуціи. Климовъ постучалъ было во дворъ священника Сафоновича, но тамъ не отперли воротъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ своей квартирѣ, но упалъ и лежалъ, издавая лишь крики и стоны. Не скоро услыхалъ магистратскій сторожъ при гамалѣйницкихъ лавкахъ, но когда подошелъ къ Климову, то одинъ не могъ поднять его. Былъ уже второй часъ ночи: стоялъ морозъ и дулъ вѣтеръ. Климовъ кое-какъ разсказалъ о случившемся съ нимъ, Гребенка окликнулъ караульныхъ солдалъ и съ помощью ихъ отнесъ Климова въ магистратъ; но лишь только принесли его туда, онъ тамъ-же и Богу душу отдалъ.

На утро магистратскіе чины свидѣтельствовали трупъ Климова, въ присутствіи истребованнаго отъ академіи депутата. Оказалось, что не тодько вся спина его, начиная отъ шеи и до самыхъ ногъ, но животъ и грудь изсѣчены были такъ, что „тѣла цѣлаго ничего не видно". Донесли кіево-губернской канцеляріи и въ тотъ-же день отъ нея предложено было архимандриту братскому Самуилу (впослѣдствіи митрополиту) произвести по этому дѣлу слѣдствіе при депутатѣ отъ Магистрата.

Не смотря на наступавшіе праздники, слѣдствіе начато было немедленно. Всѣ вышепоименованные студенты были привлечены къ слѣдствію то въ качествѣ обвиняемыхъ, то въ качествѣ свидѣтелей, и всѣ почти арестованы, нѣкоторые отданы были на поруки. Первоначальные допросы не уяснили дѣла и особливо завязки онаго. Главный свидѣтель, обвиняемый и вмѣстѣ потерпѣвшій—Климовъ лежалъ уже въ землѣ; его гулящая жена, служившая основою столь ужаснаго раздора, отговаривалась, что „была пьяная и крѣпко спала, а потому и не знаетъ, подлинно-ли оной студентъ съ нею лежалъ, а слышала только отъ мужа своего". „Поэта" Подгорскій далъ объясненіе, которому можно было вѣрить лишь относительно причиненныхъ ему побоевъ. Всѣ прочіе студенты, не отвергая факта избіенія Климова и предварительнаго о томъ уговора, старались каждый никого въ особенности не выдавать, а себя всѣми силами

закрывать и оправдывать. До дальнѣйшихъ допросовъ и перепросовъ, до очныхъ ставокъ, до суда гражданскаго для многихъ дѣло не дошло и не могло дойти, и вотъ почему.

Еще рано утромъ 23 декабря, какъ только дошла до студентовъ о послѣдовавшей въ ту-же ночь въ магистратѣ смерти Климова, сеніоръ Кленчинскій такія рѣчи своимъ поднадзорнымъ говорилъ: „теперь, кто чуется въ семъ дѣлѣ, уходите“, и самъ, одинъ изъ первыхъ, послѣ перваго допроса, бѣжалъ. Раньше всякихъ допросовъ бѣжали Романовичъ и Ясногорскій, бѣжали Михайловскій, Бѣлецкій, Троцкій и Бороховскій, разбѣжались всѣ, кто чувствовалъ за собою вину въ причиненіи смертныхъ побоевъ Климову. Нѣкоторые изъ бѣжавшихъ скрывались въ самомъ Кіевѣ, который съ тогдашними его пустырями и лѣсами, горами и ярами представлялъ удобное мѣсто для укрывательства. Въ числѣ такихъ были Бороховскій и Козачинскій; первому удалось выбраться изъ Кіева, а послѣдній 4 генваря 1763 г. былъ пойманъ ночью на Подолѣ, куда приходилъ развѣдать о положеніи дѣла. Ему связали руки назадъ и посадили въ почтовой избѣ при магистратѣ. Пришлось Козачинскому отвѣчать за всѣхъ.

Болѣе двухъ лѣтъ тянулось это дѣло; въ теченіе этого времени, когда не розысканы были бѣжавшіе, иные привлечены къ дѣлу. Менѣе виновные отдѣлались плетьми, а относительно Козачинскаго кіево-губернскою канцеляріею было опредѣлено: „наказавъ его плетьми-же, послать въ сибирскую губернію для опредѣленія, въ какую тамъ службу годенъ явится“.

Для тогдашняго студента, способнаго вынести даже такіе „боевые знаки“, какими надѣлилъ Подгорскаго Климовъ, наказаніе плетьми было сущимъ пустякомъ, но ссылка въ Сибирь совершенно измѣняла ходъ жизни. Козачинскому было тогда 26 лѣтъ; онъ „дошелъ уже наукою до философіи“, когда стряслась надъ нимъ такая нежданная бѣда. Къ его счастью, у него нашелся не столько сильный ходатай, сколько „теплый предстатель“ предъ властями, двоюродный братъ, іеромонахъ кіево-печерской лавры Гимнасій. Онъ-то подалъ кіевскому генералъ-губернатору просьбу объ освобожденіи осужденнаго отъ ссылки въ Сибирь и объ „отосланіи его для до-

ученія науки въ академію по прежнему". Генералъ-губернаторъ запросилъ ректора академіи, дѣйствительно-ли Козачинскій „имѣетъ склонность къ обученію высшихъ наукъ"; ректоръ далъ благопріятный отвѣтъ, но прибавилъ, что принять Козачинскаго обратно въ академію „безъ главной команды" сдѣлать не можетъ. „Главною командою" была тогда кіевская консисторія, а она, предрасположенная, конечно, заранѣе въ пользу Козачинскаго путемъ разныхъ ходатайствъ, 30 мая опредѣлила: „буде по мнѣнію архим. Самуила принять Козачинскаго въ академію можно и въ томъ академическимъ установленіямъ никакой противности не усмотрится, то и принять". Кіево-губернская канцелярія въ свою очередь разсуждала, что хотя Козачинскій принималъ дѣятельное участіе въ истязаніи Климова, но не имѣлъ при томъ намѣренія убить его до смерти, а только хотѣлъ отмстить за своего товарища,—что всѣ виновные въ этомъ дѣлѣ разбѣжались, что Климовъ былъ въ то время очень пьянъ и смерть его могла послѣдовать не только отъ побоевъ, но также отъ пьянства и сильнаго мороза, на которомъ онъ пролежалъ болѣе двухъ часовъ, наконецъ, что Козачинскій молодъ, „имѣетъ склонность къ философической и другихъ высшихъ наукъ и по совершеніи оныхъ можетъ принять духовенство", а потому постановила отъ ссылки въ Сибирь и изъ-подъ караула его освободить, для опредѣленія по прежнему въ академію.

15 іюня 1765 г. Козачинскій освобожденъ изъ заключенія. Тѣмъ и кончилось это характерное для того времени и нравовъ „спудеевъ" дѣло. Дальнѣйшая участь Козачинскаго неизвѣстна. Его соучастники, какъ мы знаемъ, бѣжали. Куда?—Бродяжничество, скитальчество, стоическая борьба съ жизнію, самыя отчаянныя попытки пристроиться гдѣ нибудь, какъ нибудь, вообще жизнь полная приключеній была обыкновеннымъ удѣломъ тѣхъ, кто разъ выбиваемъ былъ изъ ея колеи какимъ либо несчастнымъ случаемъ. Запорожье и монастырь, пользовавшіеся самымъ широкимъ правомъ убѣжища, были наиболѣе частыми пріютами для такихъ буйныхъ, но несчастныхъ головъ, и они принимали ихъ съ любовію, не касаясь того, что случилось въ прежней ихъ жизни.

Кс. Цыбульскій.

ПАВЕЛЪ ПЛАТОНОВИЧЪ ЧУБИНСКІЙ

(род. 15 янв. 1839 г., ум. 14 янв. 1884 г.).

14 января сего года скончался въ Кіевѣ послѣ тяжкой и очень продолжительной болѣзни *Павелъ Платоновичъ Чубинскій*. Имя покойнаго было извѣстно всей интелигентной Россіи, но наибольшею извѣстностію онъ пользовался въ юго-западномъ краѣ. Извѣстность эту онъ пріобрѣлъ своими трудами на разныхъ поприщахъ дѣятельности, но въ особенности трудами по части этнографіи и статистики.

Павелъ Платоновичъ Чубинскій уроженецъ Малороссіи. Онъ родился въ мѣстечкѣ Баришполѣ переяславскаго уѣзда, полтавской губерніи, 15 января 1839 года. Родители его принадлежали къ небогатымъ дворянамъ.

Воспитаніе онъ получилъ во 2-й кіевской гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ петербургскій университетъ. Здѣсь онъ прошелъ курсъ юридическихъ наукъ въ 1861 г. и по экзамену удостоенъ степени кандидата.

Время окончанія имъ университетскаго курса было временемъ самаго сильнаго движенія среди различныхъ общественныхъ сферъ. Въ это время послѣдовало освобожденіе крестьянъ. Идеи народолюбія и народоизученія были въ своемъ зенитѣ. Пылкая и горячая натура, Павелъ Платоновичъ всецѣло отдался служенію господствовавшимъ въ то время идеямъ. Тогда-то положено было начало будущихъ полезныхъ и важныхъ его трудовъ. Но въ это-же время, въ ранней еще молодости, постигъ его и первый ударъ судьбы.

По окончаніи университетскаго курса, Павелъ Платоновичъ около года провелъ въ Малороссіи, проживая то Баришполѣ, то въ Кіевѣ. Въ концѣ 1862 г. онъ долженъ былъ оставить родину и переселиться въ Архангельскъ. Здѣсь онъ скоро поступаетъ на государственную службу, съ начала 1863 г. по 11 марта 1869 года, въ теченіи шести лѣтъ, проходитъ самыя разнообразныя должности, какъ-то: слѣдователя, секретаря архангельскаго статистическаго комитета, редактора Губернскихъ Вѣдомостей и начальника газетнаго стола, младшаго и потомъ старшаго чиновника особыхъ порученій, непремѣннаго члена приказа общественнаго призрѣнія. Всѣ эти должности онъ занималъ попеременно, то оставляя ихъ, то опять

занимая, за исключеніемъ должности секретаря архангельскаго статистическаго комитета, которую онъ несъ съ 12 октября 1863 г. по день своего увольненія отъ службы, 11-го марта 1869 г., и перехода на другое поприще дѣятельности.

Его труды по этой должности положили основаніе его извѣстности, выдвинули его на болѣе широкое поприще изученія отечественной этнографіи и статистики и обратили на него особенное вниманіе ученыхъ обществъ. Въ этотъ періодъ своей жизни Чубинскій избранъ былъ: членомъ-корреспондентомъ императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства, членомъ-сотрудникомъ императорскаго вольно-экономическаго общества, членомъ сотрудникомъ императорскаго географическаго общества, дѣйствительнымъ членомъ общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при московскомъ университетѣ. Къ этому-же времени относится награжденіе его первою серебряною медалью, которая присуждена ему была императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ, *въ изъявленіе особой признательности за полезные его труды, сообщенные обществу.*

Оставаясь еще на службѣ въ администраціи архангельской губерніи, онъ получилъ, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, командировку отъ двухъ императорскихъ обществъ, русскаго географическаго и вольно-экономическаго, для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ Сѣверо-Двинскомъ бассейнѣ, и съ 10 апрѣля по 10 октярбя 1867 года объѣхалъ семь губерній: архангельскую, вологодскую, олонецкую, новгородскую, костромскую, вятскую и пермскую. Добытые имъ матеріалы онъ обработалъ и представилъ географическому и вольно-экономическому обществамъ, отъ имени и на средства которыхъ они были отпечатаны наряду съ работами изслѣдователей другихъ бассейновъ. Около этого-же времени онъ участвовалъ въ работахъ коммисіи для изслѣдованій печорскаго края, учрежденной съ высочайшаго соизволенія, министромъ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ начальникомъ архангельской губерніи.

Успѣшное выполненіе покойнымъ порученнаго ему изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности Сѣверо-Двинскаго бассейна еще болѣе установило за нимъ репутацію опытнаго, дѣльнаго и исполнительнаго изслѣдователя по части статистики и этно-

графіи. Императорское русское географическое общество, которое еще со времени возстанія 1863 г. задумало предпринять изслѣдованіе сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, остановило свое вниманіе на покойномъ, какъ на одномъ изъ лицъ, которымъ можетъ быть поручено это дѣло. Заручившись предложеніемъ общества, Павелъ Платоновичъ 11 марта 1869 г. вышелъ въ отставку и получилъ разрѣшеніе на свободное проживательство какъ въ столицахъ, такъ и въ юго-западномъ краѣ. 27 марта того-же года онъ избранъ былъ дѣйствительнымъ членомъ императорскаго географическаго общества, которое 16 мая возложило на него, *съ высочайшаго соизволенія*, экспедицію въ юго-западный край для этнографическо-статистическихъ изслѣдованій. Покойный скоро доказалъ своими трудами, какъ удаченъ былъ этотъ выборъ.

Между тѣмъ и прежніе его труды нашли новую оцѣнку: въ апрѣлѣ 1869 г. его высочество, великій князь Алексій Александровичъ изволилъ пожаловать ему бриллiантовый перстень въ знакъ признательности за сообщенныя имъ разнородныя свѣдѣнія о сѣверныхъ губерніяхъ Россіи, а въ генварѣ 1870 г. совѣтомъ императорскаго географическаго общества онъ награжденъ былъ во второй разъ серебряною медалью за изданное имъ сочиненіе: *„очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій по гражданскому праву въ Малороссіи“*. Это юношескій его трудъ, написанный имъ для полученія степени кандидата, въ 1870 г. вновь пересмотрѣный и дополненный.

Павелъ Платоновичъ Чубинскій совершилъ возложенную на него экспедицію въ юго-западный край, можно сказать, съ блестящимъ успѣхомъ и въ короткое сравнительно время. По плану географическаго общества экспедиція должна была обнять три губерніи: кіевскую, волынскую и подольскую. Нашъ изслѣдователь простеръ свои изысканія, кромѣ того, и на части губерній: минской, гродненской, люблинской, сѣдлецкой и бессарабской области, населенныхъ малороссійскимъ народомъ. 1869 и 1870 годы онъ провелъ въ путешествіи и поѣздкахъ, совершивъ ихъ въ три пріема. По нѣкоторымъ отраслямъ изслѣдованія онъ воспользовался прежде составленными программами, какъ напримѣръ обще-этнографическою программою географическаго общества, по другимъ составилъ самъ, или чрезъ другихъ, и обнародовалъ ихъ или въ Губернскихъ Вѣ-

домостяхъ, или отдѣльнымъ изданіемъ, разославъ послѣднія въ количествѣ 500 экземпляровъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Обладая замѣчательнымъ даромъ возбуждать другихъ къ работѣ, онъ привлекъ къ выполненію порученнаго имъ предпріятія многихъ лицъ, которыя оказали ему свое содѣйствіе собраніемъ матеріаловъ и присылкою уже готовыхъ и частію ихъ обработкою. Подъ непосредственнымъ его руководствомъ работали пятеро молодыхъ людей, которые выполняли работы по его плану и задачѣ. Плоды его трудовъ и энергіи скоро обнаружились. „Результаты трудовъ г. Чубинскаго, сказано въ запискѣ коммисіи по снаряженію этнографическо-статической экспедиціи въ юго-западный край, начали поступать въ географическое общество съ половины 1870 г.“, то есть спустя съ небольшимъ годъ послѣ снаряженія экспедиціи. Въ 1872 г. уже появились въ печати четыре части трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край, собранные и составленные нашимъ изслѣдователемъ. Остальныя пять частей были напечатаны въ 1877 и 1878 гг. Эти труды изданы на счетъ русскаго географическаго общества, нѣкоторые подъ редакціею Н. И. Костомарова, другіе—П. А. Гильдебрандта.

Русское географическое общество оцѣнило заслуги покойнаго: въ 1873 г. оно присудило ему золотую медаль *за совершенную имъ статистико-этнографическую экспедицію въ юго-западный край, причемъ признало, что собранные имъ матеріалы и произведенныя изслѣдованія составляютъ весьма важное пріобрѣтеніе науки народностей не только по своему объему, но и по содержанію*, а въ 1877 г. приняло на себя ходатайство о зачисленіи ему въ государственную службу времени, посвященнаго имъ экспедиціи и работамъ съ нею сопряженнымъ, „во вниманіе къ особенной его дѣятельности по выполненію означенной экспедиціи и неусыпнымъ трудамъ, коимъ русская наука обязана собраніемъ громаднаго матеріала для изученія быта, юридическихъ обычаевъ и народной поэзіи населенія юго-западнаго края“, и ходатайство общества увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

За свои труды по этнографіи и статистикѣ Чубинскій, кромѣ того, получилъ въ 1875 г. золотую медаль 2-го класса, по опредѣленію совѣта международнаго конгресса въ Парижѣ, а въ 1879 г.

уваровскую премію, по опредѣленію академіи наукъ,—собственно за трудъ экспедиціи въ юго-западномъ краѣ.

Столь лестно оцѣниваемые труды Чубинскаго въ матеріальномъ отношеніи не давали ему того, что требовалось для жизни, и онъ долженъ былъ дѣлить время между трудами по экспедиціи и частными занятіями, принявъ мѣсто члена управленія въ одномъ частномъ предпріятіи; но въ это-же время онъ принималъ участіе и въ общественной дѣятельности на пользу науки. Къ этой послѣдней относятся его труды по должности секретаря кіевскаго отдѣленія императорскаго техническаго общества, секретаря и вице-предсѣдателя южно-русскаго отдѣла географическаго общества и одного изъ главныхъ дѣятелей по совершенію однодневной переписи г. Кіева въ 1873 г. Въ этотъ-же періодъ онъ издалъ свои труды относящіеся къ свеклосахарной промышленности подъ заглавіемъ: *Свекло-сахарные заводы россійской имперіи съ офиціальными статистическими о нихъ данными за компанію 1871—1872 г. Кіевъ. 1873 г.* Второй выпускъ изданъ былъ за 1873, 1874 и 1875 г. Въ 1876 г. имъ первымъ составлена и издана была карта свекло-сахарной промышленности. Эти работы покойнаго Чубинскаго послужили образцомъ для позднѣйшихъ трудовъ другихъ, работающихъ на этомъ поприщѣ.

Къ 1876 г. личныя его дѣла пришли въ нѣкоторое колебательное положеніе, и это не могло не имѣть тяжелаго вліянія на его здоровье. Онъ переселился въ Петербургъ и здѣсь въ началѣ 1877 г. поступилъ на службу въ министерство путей сообщенія. Окруженный людьми, къ нему дружественными, пользуясь покровительствомъ своего главнаго начальника, адмирала Посьета, о которомъ онъ не могъ говорить безъ слезъ благодарности, Чубинскій скоро занялъ видное мѣсто въ числѣ дѣлопроизводителей департамента общихъ дѣлъ сего министерства. Ему поручено было дѣло основанія, расширенія и организаціи желѣзнодорожныхъ училищъ. Въ это время онъ также занятъ былъ вопросомъ объ учрежденіи пенсіонныхъ кассъ для обезпеченія служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Но дѣятельность его въ этой службѣ была послѣднею въ его жизни. Не смотря на то, что служба его пошла отлично, что его достойно оцѣнили, удары судьбы, предъ тѣмъ его постигшіе, глубоко потрясли его организмъ. Кажется, что болѣзнь его дала ему первое предостереженіе еще предъ отъѣздомъ его въ Петербургъ: но тамъ поразилъ

его ударъ, который заставилъ его выйдти въ отставку. Вступивъ въ службу въ апрѣлѣ 1877 г., онъ вышелъ въ отставку въ томъ-же мѣсяцѣ 1879 г.

Возвратившись на родину, онъ сначала жилъ въ своемъ хуторѣ, а потомъ въ Кіевѣ. Въ 1880 г. съ нимъ случился новый припадокъ болѣзни, который уложилъ его на одръ болѣзни; въ такомъ положеніи Чубинскій прожилъ четыре года, пока благодѣтельная въ этомъ случаѣ смерть не прекратила его страданій.

Смотря на умственный и нравственный обликъ покойнаго, обозрѣвая его дѣятельность на разныхъ поприщахъ и въ разныхъ положеніяхъ, нельзя не признать того, что покойный одаренъ былъ отличными дарованіями, замѣчательною энергіею и неусыпнымъ трудолюбіемъ.

Онъ обладалъ прекраснымъ даромъ слова и по временамъ обнаруживалъ признаки истиннаго краснорѣчія. Онъ не лишенъ былъ поэтическаго дара, или по крайней мѣрѣ настроенія. Поэзію свою онъ напечаталъ въ 1869 г. подъ заглавіемъ: „*Сопілка*“ Павлуся. Одно изъ неизданныхъ имъ стихотвореній такъ характерно и оригинально, что галицкіе русины почли оное за произведеніе Шевченка и помѣстили въ полномъ собраніи сочиненій малорусскаго поэта. Знатокъ народной жизни, покойный едва-ли не первый въ новѣйшее время обратилъ вниманіе на обычное право, написавъ еще въ 1862 г. сочиненіе по обычному праву Малороссіи. Достоинство и важность его трудовъ по статистикѣ и этнографіи всѣми признана: его изслѣдованія и собранные имъ матеріалы по этимъ отраслямъ вѣдѣнія останутся цѣннымъ и неизсякаемымъ источникомъ, изъ котораго будетъ черпать наука будущихъ поколѣній. Покойный одаренъ былъ замѣчательнымъ организаторскимъ талантомъ для выполненія научныхъ работъ, изслѣдованій и полезныхъ предпріятій. Воодушевить другихъ на трудъ, сгруппировать вокругъ себя работниковъ, заставить каждаго выполнить свою часть работы— это было его призваніе и это онъ доказалъ, между прочимъ, блестящимъ выполненіемъ экспедиціи въ юго-западный край.

П. Пл. Чубинскій отличался самымъ живымъ характеромъ. Словоохотливый—онъ былъ весь наружу. Характеръ прямой и открытый. Не безъ малороссійскаго юмора, но чуждый желчности и сарказма, иногда по наружности рѣзкій, онъ былъ большой добрякъ.

Не это-ли доставило ему привязанность многихъ? Въ общественныхъ дѣлахъ это былъ умъ практическій, реальный, въ дѣлахъ собственныхъ частныхъ не имѣлъ большой удачи. По природѣ онъ былъ безкорыстенъ, и это доказалъ выполненіемъ экспедиціи, на которую, кромѣ средствъ ему отпущенныхъ, тратилъ и свои. Еслибы не правительственная пенсія, которою онъ обязанъ просвѣщенной и справедливой оцѣнкѣ его трудовъ, болѣзнь постигла-бы его въ тяжкомъ экономическомъ положеніи и семья его осталась-бы вполнѣ необезпеченною. Покойникъ претерпѣлъ тяжкія испытанія: но причины этихъ испытаній были общественнаго, а не личнаго свойства. Лучшею его характеристикою и такъ сказать оправданіемъ его памяти могутъ служить слѣдующія строки одного изъ его писемъ: „7 лѣтъ я трудился на сѣверѣ для русской науки и правительства. Не стану перечислять моихъ трудовъ, но они показали, насколько я интересовался населеніемъ великорусскаго и финскаго племенъ. Помимо этнографіи, я коснулся всѣхъ отраслей экономическаго быта народа и мои замѣтки по этимъ вопросамъ послужили предметомъ многихъ представленій гг. губернаторовъ; мнѣ даже до этихъ поръ случается встрѣчать въ газетахъ правительственныя распоряженія, вызванныя давними представленіями, которыя возникли по моей иниціативѣ. Я работалъ на сѣверѣ безъ устали и доказалъ мою любовь русскому народу".

Какъ ни тяжка преждевременная смерть талантливаго человѣка, но она несетъ съ собою нѣчто умиротворяющее, нѣчто просвѣтительное и для вражды и для дружбы, мгновенно отодвигая образъ умершаго на такое разстояніе, на которомъ онъ является очищеннымъ отъ всякихъ примѣсей ежедневной суеты и людскихъ слабостей и становится болѣе дорогимъ дружескому сердцу.

А. Ѳ. Кистяковскій.

„ТРУДЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ" ЧУБИНСКАГО ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ДРУГИМИ ПОДОБНЫМИ.

Къ свѣжей памяти недавно скончавшагося нашего этнографа и статистика прибавимъ нѣсколько словъ о сравнительномъ значеніи названнаго нами капитальнѣйшаго его труда.

„Труды этнографическо-статистической экспедиціи“ Чубинскаго, по богатству данныхъ, могутъ быть поставлены въ параллель только съ двумя памятниками европейской этнографической литературы: „Lud polski“ Кольберга и „Bibliotheca della tradizioni popolari“ Питрэ. Касательно мѣстной, южно-русской этнографіи труду Чубинскаго придаетъ особенную цѣнность то обстоятельство, что, кромѣ сборника пѣсень, во всѣхъ остальныхъ томахъ изданія собиратель явился, можно сказать, новаторомъ.

Матеріалы, касающіеся народныхъ представленій и вѣрованій, относящихся къ міру внѣшнему, къ человѣку и къ міру духовному, до появленія перваго тома „Трудовъ“ составляли достояніе захудалыхъ провинціальныхъ изданій, появляясь въ нихъ изрѣдка, безъ системы и совершенно случайно. „Народный Дневникъ“ (2-й томъ „Трудовъ“), сводъ народныхъ вѣрованій, пріуроченныхъ къ годовому религіозному и рабочему народному обиходу—оставилъ за собой далеко отдѣльныя и не полныя изслѣдованія и замѣчанія М. Максимовича и Маркевича. Томъ III—„Сказки“ содержитъ въ себѣ 296 номеровъ, великорусскій сборникъ Афанасьева заключаетъ—251 № и варіанты, сборникъ Рудченка—137. До появленія сборника Чубинскаго всѣхъ народныхъ малорусскихъ сказокъ съ варіантами было напечатано до 170. Въ его изданіи однихъ сказокъ съ миѳическимъ характеромъ 146. Всѣ сказки его сборника появились въ первый разъ. Въ томѣ IV отдѣлу *свадьбы* посвящено 500 страницъ. Кромѣ общаго описанія, сведеннаго изъ массы наблюденій, помѣщено еще описаніе тринадцати частныхъ обрядовъ, представляющихъ отличія. Сюда вошло 1943 свадебныхъ пѣсни и пѣсенныхъ отрывковъ. Бытовыхъ пѣсенъ, составляющихъ пятый томъ, напечатано 1884 на 1209 страницахъ. Такого числа нѣтъ ни въ одномъ изъ малорусскихъ сборниковъ, хотя всѣ они, кромѣ бытовыхъ пѣсенъ, содержатъ въ себѣ пѣсни обрядныя и нерѣдко историческія. Собраніе матеріаловъ по народнымъ юридическимъ обычаямъ (т. VI) до сихъ поръ является единственнымъ, что въ значительной степени можно сказать и о собраніи этнографическо-статистическихъ данныхъ о малороссахъ юго-западнаго края: (т. VII) ихъ численности, жилищѣ, утвари, орудіяхъ, одеждѣ, пищѣ и бытовой обстановкѣ вообще и о матеріалахъ для изученія нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ южной Руси и экономическихъ данныхъ о положеніи малорусскаго крестьянства.

„Передъ такой громадной работой, открывшей наукѣ массу новыхъ данныхъ, руки критика должны-бы опуститься стыдливо“, говоритъ академикъ Н. Веселовскій въ своей рецензіи сборниковъ Чубинскаго, найдя въ „трудѣ потребовавшемъ столько усилій и времени и столько собравшемъ матеріала лишь отдѣльныя недомолвки и стороны, вызывающія методологическія сомнѣнія“.

В. Г.

НЕ УЗНАННАЯ РУКОПИСЬ.

(по поводу статьи: „Василій Леонтьевичъ Кочубей въ разсказѣ его современника 1708 г.“, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины“ 1883 года).

Въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины“ за минувшій годъ помѣщена въ переложеніи на современный языкъ записка о Кочубеѣ и Искрѣ, составленная современникомъ ихъ, священникомъ села Диканьки въ 1708 году.

Переложившій эту записку на современный языкъ и сообщившій ее редакціи „Русской Старины“ священникъ села Жуковъ, Василій Курдиновскій заявляетъ, что разсказъ современника о Василіѣ Кочубеѣ переданъ ему княземъ Сергѣемъ Викторовичемъ Кочубеемъ изъ его архива и относится къ 1748 году, а имъ переложенъ на современную рѣчь.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что ни князь Кочубей, ни священникъ Курдиновскій, не занимаясь исторіей Малой Россіи, не имѣли точныхъ свѣдѣній объ означенной рукописи и найдя ее, видѣли, быть можетъ, въ ней открытіе, почему и поспѣшили передать ее для напечатанія въ „Русской Старинѣ“; но то удивительно, что прежняя судьба рукописи проскользнула мимо вниманія почтенной редакціи „Русской Старины“, имѣющей въ числѣ своихъ сотрудниковъ извѣстнаго историка Малой Россіи Костомарова. Какъ оказывается, упомянутая выше записка, въ подлинникѣ и переложеніи, въ полномъ и не полномъ видѣ, подвергается тисненію уже пятый разъ. Не далѣе, какъ въ прошломъ году издана послѣдняя монографія Н. И. Костомарова о Мазепѣ, сперва печатавшаяся въ „Русской Мысли“; и тамъ эта записка почти цѣликомъ помѣщена, съ тою лишь разницею, что переложеніе сдѣлано

правильно. Но гораздо раньше сего разсказъ о Кочубеѣ, какъ онъ названъ въ „Русской Старинѣ“, или записка диканьскаго священника, впервые была напечатана въ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1856 года, № 35; туда сообщена она мною, когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ, и озаглавлена: „Отрывокъ старинной рукописи о Кочубеѣ и Искрѣ“.

Въ 1858 г. въ № 19 „Черниговскихъ Вѣдомостей“ я помѣстилъ объ этой рукописи статью, въ которой заявилъ, что это та рукопись диканьскаго священника, на которую ссылаеттся въ своей Исторіи Бантышъ-Каменскій, и что она у меня, въ числѣ бумагъ моей бабушки, Александры Павловны Милорадовичъ, рожденной Кочубей, которая была правнучка Василія Леонтіевича Кочубея [1]). Послѣ этого записка диканьскаго священника была напечатана въ 1859 г. въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ“ при московскомъ университетѣ и въ отдѣльной книгѣ, подъ заглавіемъ: „Источники для исторіи Малой Россіи, собранные Бантышъ-Каменскимъ и изданные О. М. Бодянскимъ“.

Разница текста записки, напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“, отъ помѣщеннаго въ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей“, кромѣ переложенія, состоитъ еще въ томъ, что священникъ Курдиновскій не помѣстилъ въ концѣ разсказа тропаря, сочиненнаго диканьскимъ священникомъ въ честь мучениковъ и страстотерпцевъ Кочубея и Искры.

Что записка современника Кочубея лишній разъ напечатана, въ томъ грѣха, конечно, никакого; но о томъ, когда и гдѣ она раньше была напечатана, слѣдовало сказать.

Кіевъ. 13 января 1884 г. **Графъ Милорадовичъ.**

НАСЕЛЕНІЕ КІЕВА ВЪ ПРОШЛОМЪ СТОЛѢТІИ.

Въ Полномъ Собраніи законовъ россійской имперіи [2]) находимъ любопытныя данныя относительно населенія Кіева въ прошломъ

[1]) Вас. Леонт. Кочубей † 1708 г., сынъ его Василій, полк. полт., внукъ его Павелъ Вас., стат. сов. † 1780 г., правнучка Алекс. Павл. Милорадовичъ † 1838 г., внукъ ея графъ Григорій Милорадовичъ.

[2]) №№ 18,336 и 19,214.

столѣтіи, которыя небезъинтересно припомнить теперь, въ виду послѣдовавшихъ значительныхъ перемѣнъ въ соотношеніяхъ и числѣ общественныхъ и національныхъ группъ населенія въ Кіевѣ.

Въ 1798 года 22 января высочайшей резолюціей на докладѣ сената повелѣно: сборъ съ купцовъ г. Кіева складочныхъ денегъ, а съ мѣщанъ рекрутъ не чинить съ того числа, каковое оно было въ 1762 году, когда жалованною государемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ грамотою они отъ службы уволены. Въ привиллегіи этой значилось: „въ обозъ не ходить, а въ городѣ себя оберегать"; привиллегія эта подтверждена потомъ въ 1700, 1730, 1743 и 1764 годахъ, т. е. въ каждое царствованіе отъ временъ царя Алексѣя Михайловича. Тоже подтверждено и указомъ императора Павла Петровича, послѣдовавшимъ въ 16 день сентября 1797 года, коимъ возобновлены и утверждены прежнія права и преимущества общества гражданъ кіевскихъ. Но для выполненія высочайшаго повелѣнія 22 января 1798 г., потребовалось сенату знать, сколько было въ XVII вѣкѣ, именно въ 1652 г., купцовъ и мѣщанъ г. Кіева.

Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ кіевскій губернаторъ Милашевичъ донесъ: сколько въ 1652 году было въ Кіевѣ мѣщанъ, не отыскалось никакихъ переписей ни въ городовомъ магистратѣ, ни въ старомъ архивѣ, оставшемся отъ бывшей въ Кіевѣ губернской канцеляріи, такъ какъ всѣ бывшія дѣла въ 1718 году погорѣли во время бывшаго пожара. Затѣмъ въ 1727 году показано 1914 дворовъ, въ 1731—1726 дворовъ. Нынѣ же, въ 1798 году, состоитъ дворовъ въ г. Кіевѣ и на предмѣстьяхъ Плоскомъ, Куреневкѣ, Пріоркѣ и Сырцѣ—купеческихъ 210, мѣщанскихъ 2,315. Счисленія по душамъ прежде не было, а началось оно съ 1763 г., въ которомъ показано въ Кіевѣ съ предмѣстьями 6,485 дворовъ, по ревизіи 1784 г.—6,034 души, въ томъ числѣ купцовъ 334 и мѣщанъ 4,566 душъ.

Въ 1685 году въ Кіево-подолѣ было 2,625 дворовъ, какъ оказалось въ книгѣ прихода за сей 1685 годъ, найденной въ архивѣ кіевскаго магистрата между старыми дѣлами. А по вѣдомостямъ, вытребованнымъ изъ магистрата, оказывается по 1-й вѣдомости, что въ ревизію 1782 года поступило изъ старыхъ мѣщанъ 167. Послѣ сей ревизіи изъ иностранныхъ и польскихъ выходцевъ 37, изъ

великороссійскихъ и малороссійскихъ городовъ мѣщанъ 51; изъ казенныхъ крестьянъ, отпущенныхъ помѣщиками на волю 26. 2-й вѣдомости, что изъ старыхъ мѣщанъ по ревизіи 1782 года состояло 6,034, отъ коихъ, за исключеніемъ выбылыхъ въ купцы и разными случаями, до ревизіи 1795 года осталось въ мѣщанствѣ съ родившимися послѣ 1-й ревизіи 3,593. Пропущенныхъ въ первую 1782 года ревизію 22. Изъ польскихъ выходцевъ, изъ мѣщанства и другихъ городовъ, изъ казенныхъ крестьянъ и отпущенныхъ на волю людей и козаковъ 875. Да послѣ сей ревизіи въ сіе мѣсто поступило изъ мѣщанъ другихъ городовъ 20, изъ казенныхъ крестьянъ и польскихъ выходцевъ—56, итого 4,566, а всего купцовъ и мѣщанъ нынѣ состоитъ 4,900, въ томъ числѣ мѣщанъ христіанскаго закона 4,490, еврейского 94, да купцовъ христіанскаго закона 281.

П. Л.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

о подпискѣ на 1884 годъ на слѣдующіе журналы и газеты.

„Русскій Сатирическій Листокъ".

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

Съ раскрашенными рисунками и каррикатурами русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

(ГОДЪ ВТОРОЙ).

Программа журнала: I. *Сатирическая хроника человѣческой жизни и ея явленій.* II. *Сатирическая литература.* III. *Московскій листокъ.* IV. *Петербургскій листокъ.* V. *Сатирическое обозрѣніе изящныхъ искусствъ.* VI. *Сатирическая критика русской журналистики и литературы вообще.* VII. *Обозрѣніе иностранной сатирической журналистики и литературы.* VIII. *Корреспонденціи и сообщенія.* IX. *Смѣсь.* X. *Сатирическіе и юмористическіе рисунки и каррикатуры русскихъ и иностранныхъ художниковъ.* XI. *Объявленія.*

Съ первыхъ №№ 1884 года „Русскій Сатирическій Листокъ" будетъ печатать оригинальный „разсказъ въ рисункахъ" подъ названіемъ **„Русскій Донъ-Кихотъ"**, состоящій изъ ста фоновыхъ картинъ. Текстъ журнала и количество рисунковъ будутъ значительно увеличены. Всѣ рисунки, помѣщаемые въ „Русскомъ Сатирическомъ Листкѣ", составляютъ собственность редакціи и перепечатывать ихъ въ другихъ изданіяхъ не дозволяется. „Русскій Сатирическій Листокъ" выходитъ по субботамъ и въ тотъ же день сдается на почту. Редакція отвѣтственна за аккуратную высылку журнала. Подписная цѣна „Русскаго Сатирическаго Листка": *на годъ* съ пересылкою во всѣ города Россіи 8 рублей, *на полгода* 5 руб.; съ доставкою въ Москвѣ: *на годъ* 7 рублей, *на полгода* 4 рубля. Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала: Москва, близь Плющихи, Малый Трубный переулокъ, собственный домъ редакціи, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и С.-Петербурга.

Редакторъ-Издатель **Н. А. Полушинъ.**

„ВѢКЪ"

(ГОДЪ ТРЕТІЙ.)

„ВѢКЪ" будетъ издаваться въ будущемъ 1884 мъ году по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе два года.

Подписная цѣна за 12-ть книгъ въ годъ, съ портретами выдающихся дѣятелей: 16 руб. съ пересылкою; съ доставкою въ С.-Петербургѣ—15 руб. Полгода—8 руб. Съ Январьской книги журнала будутъ печататься: «Искалѣченный»—романъ В. Никитина. «Аракчеевщина»,—историческій романъ, въ 4-хъ частяхъ, М. А. Филиппова. «Ужасная ночь», разсказъ Г. Богрова. «Эпизодъ изъ жизни Богдана Хмѣльницкаго»—В. И. Любича-Романовича. «Записки Сергѣя Алексѣевича Тучкова,» приведенныя въ порядокъ бывшимъ московскимъ Генералъ-Губернаторомъ П. А. Тучковымъ. «Маркизъ-де Сенъ-Вальэ» (le roi s'amuse) Виктора Гюго, переводъ риѳмованными стихами Н. Веригина. «Птица небесная»—повѣсть К. Фофанова. «Каждому свое», изъ воспоминаній К. Градовскаго. Кромѣ того будутъ помѣщены: Повѣсть С. Долгиной, бытовые и историческіе разсказы: А Шардина, Козьмы Пруткова и Н. Шарченко. Драма А. Берсеньева. Научныя статьи: «Наши новые беллетристы», «Значеніе Сатиры», «И. С. Тургеневъ и Л. Толстой», «Изъ исторіи русскаго просвѣщенія». «Эволюціонная теорія». Для иностраннаго отдѣла имѣются романы—съ шведскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, лучшихъ современныхъ писателей, и многія другія статьи.

Кромѣ этого, редакція будетъ печатать въ теченіи 1884 года:

1) Никогда не изданныя два письма Гоголя, по поводу нападокъ на него за отпечатаніе имъ «писемъ его къ друзьямъ».

2) Письма графа Сперанскаго, фельдмаршала князя М. С. Воронцова, Ал. Скарлатовича-Стурдзы, Павскаго, Бодянскаго, Погодина, барона Корфа, Снегирева, Сахарова, Максимовича, В. Б. Богданова, Кочетова, двухъ Повицкихъ, О. Михнѣвича, Ан. Н. Муравьева и многихъ другихъ дѣятелей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ къ знаменитому проповѣднику писателю и ученому архіепископу Иннокентію.

Примѣчаніе. Эти драгоцѣнные документы предназначены для Спб. Императорской публичной библіотеки.

3) Посмертные труды и переписка Н. А. Муравьева (автора „Путешествія къ св. мѣстамъ").

Главная контора въ С.-Петербургѣ у Обухова моста, по Фонтанкѣ, д. 93, кв. 16.

Издатель-редакторъ **М. А. Филипповъ.**

Съ 1-го января 1884 года въ Тифлисѣ будетъ издаваться новая ежедневная (350 нумеровъ въ годъ) литературно-политическая газета

„НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

подъ редакціею А. В. СТЕПАНОВА (бывш. редакторъ «Юридич. Обозр.»).

Объемъ газеты—печатный листъ средняго формата; программа—общая всѣмъ литературно-политическимъ ежедневнымъ изданіямъ.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою: на годъ—**10** руб.; на **6** мѣс.—**6** р., на **3** мѣс.—**3** р. **50** к., на **1** мѣс.—**1** р. **50** к.

Подписка (городская и иногородная) и объявленія (по 5 коп. за *строку петита*) принимаются *въ Тифлисѣ* исключительно *въ Газетномъ Агенствѣ В. Шавердова;* въ *С.-Петербургѣ-же и Москвѣ*—въ книжныхъ магазинахъ **«Новаго Времени»**.

Временное (до 15-го декабря) помѣщеніе редакціи: Давидовская ул., д. Каанова, квартира редактора.

За газетой обезпечено постоянное сотрудничество: *кн. К. А. Бебутова, Вс. М. Гаршина, П. А. Измайлова, С. Н. Кривенко, Н. Я. Николадзе, П. А. Опочинина, А. Н. Плещеева, И. Ф. Тхоржевскаго, Гл. И. Успенскаго, Н. А. Шаврова.*

ОТЪ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

„Университетскія Извѣстія“ въ 1884 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двѣнадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ „Извѣстій“ безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода приложеній (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо Подписчики „Извѣстій“, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи правленія университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ коммисіонеру университета Н. Я. Оглобливу (С. Петербургъ, Малая Садовая, № 4, и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Литова).

Редакція.

„Николаевскій Листокъ Объявленій“

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГАММѢ:

1) Распоряженія Правительства и мѣстныхъ властей.

2) Телеграммы Сѣвернаго телеграфнаго агентства.

3) Мѣстная хроника общественной жизни. Рефераты общественныхъ и сословныхъ учрежденій. Письма и статьи касающіяся торговли, статистики и т. п.

4) Судебная хроника.

5) Театръ и музыка.

6) Мѣстныя экономическія и торговыя свѣдѣнія. Курсы, биржа.

7) Объявленія.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставскою: на годъ—7 руб., на 6 мѣсяцевъ—4 руб., на 3 мѣсяца—2 р. 50 коп., на 1 мѣсяцъ—1 руб.

Плата за объявленія: на 1-й страницѣ—1 руб. 80 коп. за вершокъ столбца; на послѣдней страницѣ—въ первый разъ 90 коп. и въ послѣдующіе разы по 60 коп. отъ вершка.

Подписка и объявленія принимаются въ г. Николаевѣ Херс. губ. въ конторѣ редакціи, на углу Соборной и Спасской улицъ, д. Сакисчи.

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ"

(50 №№ въ годъ).

Условія подписки:

За годъ	6 р.	— к.
За первое полугодіе	4 „	— „
За второе полугодіе	3 „	— „
За Январь, Февраль и Мартъ	2 „	25 „
За Апрѣль, Май и Іюнь	2 „	— „
За Іюль, Августъ и Сентябрь	1 „	75 „
Зя Октябрь, Ноябрь и Декабрь	1 „	50 „

Помѣсячно:

За Январь	1 „	— „
За Февраль	„	80 „
За остальные мѣсяцы, за каждый мѣсяцъ	— „	75 „

Годовые подписчики получатъ литературный сборникъ, который будетъ вскорѣ изданъ редакціей „Екат. Недѣли."

Редакція имѣетъ въ виду возобновить ходатайство объ изданіи газеты 3 раза въ недѣлю, безъ увеличенія цѣны изданія.

Редакторъ-издатель *П. Штейнфельдъ.*

Въ 1884 году открыта подписка на

„ПСКОВСКІЙ ГОГОДСКОЙ ЛИСТОКЪ",

Политическо-общественную газету, выходящую два раза въ недѣлю.

Цѣна съ пересылкою: на годъ 4 р. 50 к., на 6 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 рубля.

„СВѢТЪ“

выходящую ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, въ форматѣ обыкновеннаго листа.

Начавъ издаваться съ 1 января 1884 года, „Свѣтъ“ имѣлъ невѣроятный и небывалый успѣхъ и сразу сталъ *самою распространенною газетою въ Россіи.*

Цѣна на „Свѣтъ“

Съ пересылкою и доставкою:	За годъ	4 р.
» »	» полгода	2 »
» »	» четверть года	1 »

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ 1884 году, такъ-же какъ и въ нынѣшнемъ, будетъ выходить

Приложеніе романовъ.

къ газетѣ

„СВѢТЪ“

Двѣнадцать романовъ въ годъ, по одному роману каждый мѣсяцъ, лучшихъ европейскихъ и русскихъ писателей. Романы иллюстрированы.

Цѣна на романы съ пересылкою и доставкою:

На годъ (12 романовъ)	4 руб.
» полгода (6 романовъ)	2 »
» четверть года (3 романа) . . .	1 »

Безъ газеты подписка на романы не принимается.

Письма и подписныя деньги адресовать: С.-Петербургъ, редакція газеты „Свѣтъ“, Гороховая, № 46.

Редакторъ-Издатель *В. В. Комаровъ.*

VI годъ. **„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“** годъ VI.

большой еженедѣльный иллюстрированный журналъ

СЪ РОСКОШНЫМИ ПРЕМІЯМИ и РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Выходитъ въ 1884 году по прежней программѣ, въ количествѣ 52 №№ въ годъ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій со множествомъ гравюръ.

Въ годъ два большихъ тома въ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ »Иллюстрированнаго Міра« заключаетъ въ себѣ историческіе и бытовые романы, повѣсти, разсказы, сцены, стихотворенія, историческіе и біографическіе очерки, попу-

лярныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія, всемірный курьеръ (обозрѣніе общественной жизни всего свѣта), литературное обозрѣніе, книжныя новости, политическое обозрѣніе, русское (внутреннее) обозрѣніе, новости наукъ, искусствъ и проч., калейдоскопъ, юмористическій отдѣлъ шахматы, задачи, игры, шарады, ребусы, тиражи, почтовый ящикъ и проч. Нѣкоторыя беллетристическія произведенія помѣщаются съ богатыми иллюстраціями. Дополненіемъ беллетристическаго отдѣла будутъ служить:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ,

въ которыхъ въ теченіи года будутъ помѣщены наиболѣе выдающіяся произведенія всѣхъ корифеевъ иностранной литературы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ „Иллюстрированнаго Міра" даетъ снимки съ картинъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, портреты, виды замѣчательныхъ мѣстностей и зданій, картины животнаго и растительнаго царства, картины современной политической и общественной жизни, сцены изъ жизни, иллюстраціи къ романамъ, сцены изъ оперъ, балета, драматическихъ произведеній, карикатуры, модные рисунки, ребусы и проч. По примѣру прошлыхъ лѣтъ при журналѣ будутъ разсылаться РОСКОШНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, представляющія снимки съ произведеній извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

При журналѣ „Иллюстрированный Міръ" ежемѣсячно разсылаются безплатно »НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ«—полный рукодѣльно-модный журналъ съ выкройками въ натуральную величину.

Кромѣ того, всѣ годовые подписчики получаютъ главную большую премію—прекрасную олеографію съ картины знаменитаго художника профессора *Г. И. Семирадскаго*:

„ХРИСТОСЪ и ГРѢШНИЦА"

Подписная цѣна „Иллюстр. Міра" на годъ со всѣми преміями и приложеніями:

безъ доставки въ Спб. **6 р**, безъ достав. въ Москвѣ **6 р. 50 к.** Съ дост. Спб. **7 р.** для иногородныхъ **8 р.** Загр. **10 р.**

Для служащихъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: *въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи журнала* „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ", по Невскому проспекту д. № 76 (уголъ Литейнаго пр.). *Въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы*, при Центральной конторѣ объявленій Л. Метцля, Петровка, домъ Солодовникова.

„Волжскій Вѣстникъ,“

Газета общественная, литературная и политическая, выходитъ въ г. Казани (2-й годъ изданія).

Въ наступающемъ году изданіе будетъ значительно расширено; такъ, «*Волжскій Вѣстникъ*» въ 1884 году будетъ выходить вмѣсто одного—три раза въ недѣлю.

Направленіе, составъ редакціи и подписная плата остаются прежнія.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго *Волжско-Камскаго края* и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Годовые подписчики получаютъ безплатную премію—литературный сборникъ, объемомъ не менѣе 15 печат. листовъ (240 страницъ). Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ мѣстнаго края.

Подписная цѣна, съ пересылкою и доставкою: на годъ—7 руб., на полгода—4 р, на 3 мѣсяца—2 р. 50 коп.—Для годовыхъ подписчиковъ допускается слѣдующая разсрочка платежа: при подпискѣ—3 р., къ 1 Апрѣля и къ 1 Іюля—по 2 рубля.

Иногородніе адресуютъ исключительно: въ Казань, въ редакцію «*Волжскаго Вѣстника*».

Редакторъ-Издатель, профес. *Н. И. Загоскинъ.*

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РОССІЯ“.

Журналъ «РОССІЯ» выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ: 1, 8, 15 и 22 числа, тетрадями въ два листа (16 стр.) большаго формата, предназначаемыми исключительно для текста, въ цвѣтной оберткѣ съ виньеткой. **При каждомъ номерѣ прилагается четыре оригинальные рисунка** въ краскахъ (автографіи), исполненные извѣстными нашими художниками. Въ числѣ ихъ мы можемъ назвать *К. Е., Н. Е., В. Е. Маковскихъ, М. О. Микѣшина, К. Л. Эллерта, В. А. Якоби*, и друг.

Количество всѣхъ рисунковъ въ теченіи года простирается до двухъ сотъ. Отвѣчая идеѣ журнала «РОССІЯ», они представляютъ собою иллюстрацію къ исторіи, этнографіи, произведеніямъ народной русской поэзіи, какъ древней, такъ и позднѣйшей русской литературы, словомъ,—всевозможныхъ сторонъ внѣшней и внутренней русской жизни, въ силу чего они могутъ составить собою рядъ разнообразныхъ художественныхъ альбомовъ.

ПРОГРАММА литературнаго отдѣла вмѣщаетъ въ себѣ: романы, повѣсти, разсказы, очерки,—историческіе. бытовые, изъ уголовной хроники,—драматическія

произведенія, стихотворенія; отдѣлъ наукъ, искусствъ и художествъ; театръ и музыка; отдѣлъ русскихъ охотъ; внутреннія и внѣшнія дѣла; смѣсь. Въ этомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе: Графъ *А. Е. Саліасъ*, *Н. С. Лѣсковъ* (*Стебницкій*), *Д. Л. Мордовцевъ*, *Н. Г. Вучетичъ*, *А. В. Кругловъ*, *Д. А. Линевъ*, *С. Н. Филипповъ*, *П. П. Тимофеевъ*, *Н. С. Стружкинъ*, *П. А. Оленинъ*, *В. В. Чуйко*, *В. Е. Ермиловъ*, *Н. Кульжинскій*, *М. М. Ивановъ*, *В. С. Баскинъ*, *Н. А. Вербицкій* и другіе.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ получаютъ, въ 1-й половинѣ 1884 года,

ХУДОЖЕСТВЕННУЮ РОСКОШНУЮ ПРЕМІЮ—

БОЛЬШУЮ КАРТИНУ, исполненную по акварельному оригиналу одного изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ художниковъ.

Редакція вполнѣ увѣрена, что премія эта, по своимъ достоинствамъ, будетъ такова, какой дѣйствительно еще ни одинъ журналъ не предлагалъ своимъ подписчикамъ.

Съ 1-го января 1884 года на страницахъ журнала «РОССІЯ» начнется печатаніемъ новый историческій романъ—

„АТАМАНЪ УСТЯ“,

извѣстнаго и талантливаго нашего писателя А. Е. Саліаса, автора романовъ: «Пугачевцы», «Принцесса Владимірская». «Петербургское дѣйство» и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА, со всѣми приложеніями и преміей, безъ доставки въ Москвѣ 7 р., съ доставкою и пересылкою 8 р.: на полгода безъ достагки 4 р., съ доставкой и пдресылкои 5 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Москвѣ, Газетный переулокъ, близъ Петровки, въ д Фульца; Въ Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», Мелье и К° и Вольфа

Редакторъ-Издатель *О. М. Уманецъ*.

„КІЕВЛЯНИНЪ“,

ежедневная общественная, политическая и литературная газета,

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1884 г. ПОДЪ ПРЕЖНЕЙ РЕДАКЦІЕЙ.

Годичные подписчики получатъ безплатно художественно-литературный альманахъ „Кіевлянка“ съ потретомъ покойной издательницы „Кіевлянина“.

Программа альманаха будетъ объявлена позже, пока-же редакція можетъ зая-

вить, что, кромѣ постоянныхъ сотрудниковъ **«Кіевлянина»**, въ этомъ изданіи примутъ участіе нѣкоторые извѣстные русскіе писатели и художники.

Адресъ редакціи **«Кіевлянина»**: Шулявская, д. наслѣдниковъ Шульгиныхъ, адресъ-же конторы: книжный магазинъ Гинтера и Малецкаго, Крещатикъ, № 5.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкой и пересылкой: на годъ—**12** р., на 11 м.—**11** р. **20** к., на 10 м.—**10** р. **60** к., на 9 м.—**9** р. **40** к., на 8 м.—**8** р. **80** к., на 7 м.—**8** р., на 6 м.—**7** р,, на 5 м.—**6** р. **20** к., на 4 м.—**5** р. **40** к., на 3 м.—**4** р. **50** к., на 2 м.—**3** руб. на 1 м.—**1** руб. **50** к.; **безъ дост. и перес.:** на годъ—**10** руб., на 11 м.—**9** руб. **40** к., на 10 м.—**8** руб. **80** к., на 9 м.—**8** руб. **20** к., на 8 м.—**7** руб. **60** к., на 7 м.—**7** руб., на 6 м.—**6** руб, на 5 м.—**5** руб., на 4 м.—**4** руб., на 3 м.—**3** руб., на 2 м.—**2** руб., на 1 м.—**1** руб.

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ",

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТИРАТУРНАЯ,

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1884 году **ежедневно**. за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Редакція въ послѣдніе годы всегда стремится къ улучшенію своей газеты увеличеніемъ состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста **Буквы** (Василевскаго), украшающаго страницы нашей газеты уже пятый годъ, намъ удалось въ этомъ году пригласить въ постоянные сотрудники извѣстнаго петербургскаго публициста **Гр. Градовскаго**, который обѣщалъ пополнять отдѣлъ руководящихъ статей по внутреннимъ вопросамъ и по юридическому отдѣлу; кромѣ того, съ текущаго года редакція пріобрѣла въ Петербургѣ и Москвѣ трехъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ редакціи различныя новости внутренней жизни, давая этимъ возможность «Нов. Тел.» сообщать своимъ читателямъ эти новости ранѣе полученія столичныхъ почтъ (иногда одновременно съ телеграфами) и на 1, 2 дня ранѣе другихъ мѣстныхъ одесскихъ газетъ. Въ скоромъ времени мы надѣемся пріобрѣсти въ Петербургѣ сотрудника и по беллетристической части.

Объ улучшеніи газеты въ издательскомъ отношеніи мы и не говоримъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи «Нов. Телеграфъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду провинціальныхъ газетъ. Ни одна провинціальная газета не отличается такимъ обиліемъ выпуска полуторныхъ нумеровъ, какъ «Нов. Тел.». доказывая этимъ и

богатство литературныхъ матеріаловъ, и обезпеченность матеріальныхъ средствъ изданія.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.		Безъ доставки и пересыл.	Съ доставк. и пересыл.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »	» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »	» 12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1884 г., всѣмъ подписчикамъ **«Нов. Тел.»** будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ безплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно беллетристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, передовыхъ статей, разсказовъ, смѣся—или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или каррикатуры.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ".

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ Южной Россіи: Азовѣ, Александріи, Александровскѣ, Алуштѣ, Ахтыркѣ, Асхабадѣ, Бахмутѣ, Бердичевѣ, Бахчисараѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бѣлопольѣ, Бирючѣ, Бобровѣ, Валкахъ, Верхнеднѣпровскѣ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Геническѣ, Глуховѣ, Грозномъ, Городнѣ, Дмитріевѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Житомірѣ, Зеньковѣ, Зміевѣ, Золотоношѣ, Золочевѣ, Изюмѣ, ст. Каменской, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Козельцѣ, Конотопѣ, Константиноградѣ, Корочѣ, Кременчугѣ, Кролевцѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кисловодскѣ, Лебединѣ, Лубнахъ, Луганскѣ, Майкопѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Маріуполѣ, Могилевѣ на Днѣпрѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Новозыбковѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Нахичевани-на-Дону, Новомъ-

Осколѣ, Обояни, Орлѣ, Одессѣ, Орѣховѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Переяславѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Прилукахъ, Пятигорскѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Сквирѣ, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ-Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таращѣ, Таганрогѣ, Умани, ст. Урюпинской, ст. Усть-Медвѣдицкой, Херсонѣ, Хоролѣ, Черниговѣ, Черкасахъ, Эривани, Ялтѣ, Ѳеодосіи и во многихъ станицахъ, селахъ и слободахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 » — »	7 » — »	4 » — »	1 » 40 к.
Съ пер. иног.	12 » 50 »	7 » 50 »	4 » 50 »	1 » 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Харьковскаго Университета № 7.

Редакторъ-издатель А. А. ЮЗЕФОВИЧЪ.

„ДОНСКАЯ ПЧЕЛА"

(годъ IX)

Какъ въ теченіи минувшихъ восьми лѣтъ, будетъ выходить два раза въ недѣлю, по четвергамъ и воскресеньямъ.

Цѣль газеты—служеніе интересамъ Пріазовскаго края: разработка вопросовъ касающихся экономической жизни этого края, своевременное обсужденіе всѣхъ явленій, имѣющихъ близкое соприкосновеніе съ мѣстной жизнью, оглашеніе болѣе или менѣе важныхъ событій, текущія явленія и мѣстныя новости.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Ростовѣ на Дону.		Съ пересылкою иногороднимъ.	
на годъ	6 р. —	на годъ	7 р. —
„ полгода	3 „ 50	„ полгода	4 „ —
„ 3 мѣсяца	2 „ —	„ 3 мѣсяца	2 „ 50

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 25 коп.

Письма и деньги адресуются исключительно въ контору редакціи «Донской Пчелы», въ Ростовъ на Дону.

Редакторъ-издатель *И. А. Теръ-Абраміанъ.*

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РОДНИКЪ".

1884 г. 3-й годъ изданія.

Журналъ **«РОДНИКЪ»** выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, съ отдѣльными картинками, политипажами въ текстѣ, музыкальными приложеніями и смѣсью.

Въ 1884 г., какъ и въ прошедшіе два года, редакція приметъ за правило давать дѣтямъ для чтенія преимущественно **оригинальныя** произведенія изъ русской жизни и природы. Въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ будутъ даваться: народныя сказки и легенды; всѣ-же другія выдающіяся произведенія иностранной дѣтской литературы будутъ печататься въ видѣ пересказовъ. Редакція постарается и въ этомъ году дать своимъ читателямъ рядъ популярныхъ научныхъ очерковъ, представляющихъ нѣчто цѣльное, въ родѣ, наприм. напечатанныхъ въ 1883 г. въ «Родникѣ» очерковъ **профес. М. Н. Богданова**, подъ названіемъ **«Мірскіе захребетники»**, гдѣ описанъ бытъ животныхъ, селящихся около человѣка и, по народному выраженію, живущихъ у него *за хребтомъ*, т. е. на его счетъ. Въ 1884 г., редакція надѣется дать новый рядъ подобныхъ-же очерковъ М. Н. Богданова изъ другой области животнаго міра и очерки **профессора Дм. Кайгородова** изъ жизни растеній. Сверхъ того, въ «Родникѣ» появится продолженіе этнографическихъ разсказовъ **Л. Х. Симоновой** изъ быта народовъ, населяющихъ Россію. Выборъ статей принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Внѣшность изданія, по мѣрѣ возможности, будетъ постепенно улучшаться.

ПРИЛОЖЕНІЕ къ «РОДНИКУ»: педагогическій сборникъ **«Воспитаніе и Обученіе»** выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ немъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, и библіографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ.

Условія подписки на 1884 годъ:

На годъ съ приложеніемъ, съ дост. и пер. 6 р.	На годъ безъ приложенія, съ дост. и пер. 5 р.	На ½ года безъ приложенія 3 р.	за границу на годъ съ приложеніемъ. 8 р.

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ журнала* **«Родникъ»**, *Никольская площ., д. № 4*, и въ **отдѣленіяхъ конторы**: въ *С.-Петербургѣ*—книжный магазинъ Н. Фену и К°. Въ *Москвѣ* — «Сотрудникъ школъ» А. К. Залѣсской, Воздвиженка, д. Армандъ. Въ *Харьковѣ*—книжный складъ при «Публичной библіотекѣ» А. П. Гусева и К°, Московская, 7. Въ *Томскѣ* — «Сибирскій книжный магазинъ» Михайлова и Макушина.

Редакторъ-издательница *Е. Сысоева.*

„НОВОСТИ ДНЯ“,

ежедневная политическая, общественная, литературная, иллюстрированная газета.

I. Правительственныя распоряженія. II. Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и телеграфныхъ агенствъ. III. Корреспонденціи изъ Петербурга и внутреннихъ городовъ Россіи. IV. Политическія новости и оригинальныя корреспонденціи изъ главныхъ городовъ западной Европы. V. Городскія дѣла, отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, городской думы и сословныхъ учрежденій. VI. Дневникъ городскихъ происшествій. VII. Подмосковныя вѣсти. VIII. Театральныя и музыкальныя рецензіи и извѣстія. IX. Судебная хроника: а) отчеты окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ и кассаціонныхъ департаментовъ сената; б) коммерческихъ судовъ, и в) мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ, причемъ болѣе интересныя дѣла будутъ излагаться *стенографически*. X. Литературный отдѣлъ: романы, повѣсти, разсказы, сцены, касающіяся злобы дня, стихотворенія, анекдоты и т. п. XI. Смѣсь: разныя извѣстія. XII. Объявленія и рекламы.

Газета «**Новости Дня**» на страницахъ своихъ даетъ своимъ читателямъ рядъ портретовъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, извѣстныхъ ученыхъ, писателей, артистовъ, адвокатовъ и вообще лицъ, составляющихъ интересъ дня.

Мы задались не одною только мыслью давать матеріалъ для читателей столичныхъ, быстро схватывая на лету злобу и интересъ насущнаго столичнаго дня; мы не забыли и иногородныхъ читателей нашихъ, которые въ отдѣлѣ беллетристики найдутъ для себя всегда интересное чтеніе въ минуты досуга и однообразной провинціальной жизни.

Удовлетворяя всѣмъ этимъ потребностямъ общества, мы не забывали также и того, что летучій листокъ газеты предназначается не для одной только розничной продажи, что онъ призванъ быть настольнымъ изданіемъ въ семейныхъ домахъ, и всегда тщательно избѣгали всего того, что могло-бы возмутить чувство нравственнаго приличія въ нашихъ читательницахъ, ни разу не пожертвовавъ строгимъ чувствомъ приличія, ни во имя интереса сообщаемаго событія, ни во имя бойкости разсказа характернаго вымысла.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12 мѣс.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки въ Москвѣ . . .	7 р.	4 р. — к.	2 р. — к.	— р. 90 к.
Съ доставкой въ Москвѣ . . .	8 »	5 » — »	3 » — »	1 » — »
Съ пересылкой иногороднымъ . .	9 »	5 » 20 »	3 » 50 »	1 » — »

Объявленія принимаются по 20 к. за строку петита на первой страницѣ и по 10 к. на послѣдней.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, на Петровкѣ, въ д. Левенсона. Иногородные адресуютъ: въ Москву, въ редакцію газеты «**Новости Дня**».

Редакторъ-издатель *А. Я. Липскеровъ*.

„ВАЗА".

дамскій, иллюстрированный, литературно-модный и рукодѣльный журналъ.

Существуетъ 53 года. Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями и даетъ въ годъ: **24 двойныхъ номера журнала**, т. е. **24 литературныхъ и 24 рукодѣльно-модныхъ** (рисунки парижскихъ модъ и рукодѣлій, модную хронику, домашнее хозяйство и т. п.).

1000 политипажей въ текстѣ. **24 модныя раскрашенныя гравюры.** (Исполняются и печатаются въ Парижѣ). **12 вырѣзныхъ выкроекъ**—въ натуральную величину. **12** листовъ **литографированныхъ выкроекъ** (до 1000 формъ). **12** листовъ **узоровъ:** вязанья, вышиванья, тамбурныхъ и т. п. работъ. **6** раскрашенныхъ **узоровъ**, для различныхъ женскихъ рукодѣлій.

Каждый подписчикъ 1884 года получитъ 6 ПРЕМІЙ, а именно: **I. ГИПЮРНАЯ САЛФЕТКА** на переддиванный столъ. **II. ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА** пріозерный пейзажъ. Громадная (около 300 квадратн. верш.). Отпечатана въ 22 краски. Въ продажѣ 4 руб. **III. АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ ДЛЯ ВЫШИВОКЪ.** Полнѣйшее изданіе, около 300 узоровъ на 24 листахъ. Въ продажѣ 2 руб. **IV. «ХОЗЯЙКА».** Новая настольная книга въ 2-хъ частяхъ. Въ продажѣ 1 р. 50 к. **V. ШАРФЪ ТЮЛЕВЫЙ** съ накладной вышивкой по концамъ. **VI. КОРЗИНКА ДЛЯ КОЛЕЦЪ** изъ papier-mâché.

Раздача и разсылка премій оканчивается въ теченіи перваго полугодія.

Адресъ редакціи *С.-Петербургъ, Ивановская, № 12.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ.	СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.	
На годъ безъ премій . .	6 р. — к.	7 р.	Съ преміями на 5 р. дороже, на укупорку премій слѣдуетъ добавлять 50 коп.
На ½ года безъ премій.	3 р. 40 к.	4 р.	

„ЛУЧЪ".

Подписчики получатъ за ШЕСТЬ руб. съ доставкою и пересылкою:

Пятьдесятъ два еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ номера, **двѣнадцать приложеній (премій)** ежемѣсячныхъ книгъ романовъ, оригинальныхъ и переводныхъ, отъ 15—20 печатныхъ листовъ каждая книга, и

6 БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ НА 1884 ГОДЪ:

1) **Большую олеографическую картину.**

2) } **Два акварельныхъ пейзажа.**
3) }

4) **Томъ** (форматъ въ полулистъ) **живописной Россіи:** сто двадцать видовъ городовъ и замѣчательныхъ русскихъ мѣстностей, съ подробнымъ описаніемъ и

статистическими цифрами. **Изданіе это, по объему, изяществу и цѣнности, составитъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе**.. Всякому пріятно имѣть живописное описаніе своей родины, тѣмъ болѣе, что это первая попытка подобнаго рода альбома-иллюстраціи.

5 и 6) **Первый** и **второй** томъ сочиненій С. С. Окрейца, въ которыхъ будутъ помѣщены: романъ «Послѣдніе язычники», три части, и повѣсть «Изъ міра умершаго и погребеннаго». Кромѣ того памфлетъ С. С. Окр—ца «Что намъ нужно?» содержащій отвѣты на важнѣйшіе вопросы по благоустройству и хозяйству русской земли.

За годовое изданіе журнала «ЛУЧЪ» съ преміями, съ доставкою и пересылкою, **ШЕСТЬ** руб. и за укупорку и перес. премій 70 к. Безъ премій (одни 52 иллюстрированныхъ номера), съ доставкою и перес., **ТРИ** руб.

Дешевле и полнѣе нѣтъ ни одной газеты въ Россіи.

Гг. чиновникамъ и библіотекамъ, выписывающимъ не менѣе 10-ти экземпляровъ, одинадцатый будетъ высылаться *даромъ*. Книги (безъ журнала) можно выписывать отдѣльно, приплачивая 3 р. 50 к. за экземпляръ. Разсрочка чрезъ казначеевъ допускается.

Подписку слѣдуетъ адресовать: въ С.-Петербургъ, Николаевская улица, д. № 41, въ контору редакціи.

Редакторъ *С. С. Окрейцъ*.

Открыта подписка на 1884 г. на издаваемые при с.-петербургской духовной академіи:

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(еженедѣльное изданіе отъ 2 до 4 печатныхъ листовъ въ №; въ годъ до 142 л. большаго формата) и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.)

«ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ»,—вступающій нынѣ въ *десятый годъ существованія*,—въ оффиціальной своей части, составляющей оффиціальный органъ св. синода, печатаетъ *сполна* и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ неоффиціальной же части, какъ издаваемый при с.-петербургской духовной академіи, дастъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (на православномъ востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестанствѣ).

При журналѣ «ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ», составляющемъ прибавленіе къ «Церковному Вѣстнику» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того **ТОЛКОВАНІЯ НА ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ** (въ 1884 г. будетъ продолжаться печатаніе «*Толкованія*

на книгу Псалмовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ *«Толкованія на книгу пророка Исаіи»*, такъ что къ концу 1884 г. выйдетъ *особою книжкою* пятый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи *за оба журнала и съ «Толкованіями на Ветхій Завѣтъ»* — **семь руб.** *съ пересылкою; отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ»* — **пять руб.**, *за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями»* — **пять руб.** За границей, для всѣхъ мѣстъ: *за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р. съ пересылкою.*

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія», въ С.-Петербургѣ» *Подписывающіеся въ Петербургѣ* подписываются въ отдѣленіи конторы редакціи (близъ Знам. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пор., д. № 5, кв. 2), гдѣ получаются также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.— за 1 разъ) и для разсылки при «Церк. Вѣстн.» (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Караблева), въ Москвѣ—при книжн. маг. Ферапонтова.

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“,

большая ежедневная политическая, литературная и коммерческая газета

Въ 1884 г. въ обновленномъ видѣ и расширенной программой вступитъ въ четвертый годъ своего существованія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Съ доставкою на домъ въ городѣ на годъ **9 р.**, полгода **5 р.**, три мѣсяца **3 р**, одинъ мѣсяцъ **1 р. Съ пересылкою по почтѣ иногороднимъ** на годъ **10 р.**, полгода **6 р.**, три мѣсяца **3 р. 50 к.**, одинъ мѣсяцъ **1 р. 25 к.**

Съ 1-го января 1884 года при „Одесскомъ Листкѣ“ будетъ выходить еженедѣльный политическо-литературн., художественно-юмористическій журналъ съ каррикатурами

„ПЧЕЛКА“

Въ форматѣ большихъ иллюстрированныхъ журналовъ съ 4-мя страницами каррикатуръ (въ нѣсколько красокъ) и съ 8 страницами текста, въ которомъ, кромѣ фельетоновъ сатирическихъ, обличительныхъ статей, беллетристическихъ и художественно-литературныхъ произведеній въ прозѣ и стихахъ, будутъ помѣщаться статьи по внутреннимъ вопросамъ и иностранной политикѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: для городскихъ подписчиковъ съ доставкою на домъ **6** р., полгода **4** р., для подписчиковъ «Одесскаго Листка» на годъ **5** р., полгода **3** р. **50** к. **Для иногороднихъ подписчиковъ** съ пересылкою въ банде-

роляхъ: на годъ **7** р., полгода **4** р. **50** к, для подписчиковъ «Одесскаго Листка» на годъ **6** р., полгода **4** р.

Требованія и деньги адресовать на имя **В. В. Навроцкаго**, въ контору редакціи „Пчелки": въ Одессѣ, Ришельевская улица, домъ Баржанскаго.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ"

въ 1884 году.

Съ истеченіемъ текущаго 1883 года оканчивается 10-ти лѣтній періодъ изданія нашей газеты. Вступая въ одинадцатый годъ изданія, мы будемъ стремиться къ достиженію той-же цѣли, которую имѣли и въ истекшемъ десятилѣтіи.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача **«Церковно-Общественнаго Вѣстника»**: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостію* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнію вопросамъ, существеннымъ образомъ затрогивающимъ интересы духовенства и общества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны вашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 10-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при **«Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ»** въ 1884 г. будетъ изданъ въ видѣ безплатнаго приложенія *«Календарь для духовенства»*, въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія указанія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случаи общественной жизни духовенства.

Условія подписки на **«Церковно-Общественный Вѣстникъ»**: на годъ 8 руб., на полгода 4 руб. 50 коп., на три мѣсяца 2 руб. 50 коп., на мѣсяцъ 1 руб. Годовая цѣна за границей 10 руб.—Отдѣльные №№ по 10 коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: **въ редакцію «Церковно-Общественнаго Вѣстника», въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5.** Редакторъ-издатель *А. П. Поповицкій.*

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

1884 г. (двѣнадцатый годъ изданія).

Въ предстоящемъ году **«Орловскій Вѣстникъ»** будетъ выходить ежедневно одинаковыми нумерами въ листъ, кромѣ послѣпраздничныхъ дней, въ которые газета будетъ издаваться полулистомъ. Въ виду такого громаднаго увеличенія объема газеты, болѣе чѣмъ вдвое, форматъ нумеровъ ея будетъ нѣсколько уменьшенъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ, съ доставкой на домъ и пересылкой въ другіе города, *7 РУБЛЕЙ.*

Подписка принимается: въ г. Орлѣ, Публичной Библіотекѣ **«Орловскій Вѣстникъ»**, болховская, д. Зальменъ, и въ редакціи—зиновьевская улица. д. Чудинова. Редакторъ-издатель *А. Чудиновъ.*

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

1884 г. (Изданія г. 22-й).

Съ доставкою въ Саратовѣ:		Съ пересылкою въ другіе города:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
» полгода	4 » — »	» полгода	4 » 50 »
» 3 мѣсяца. . . .	3 » — »	» 3 мѣсяца	3 » — »
» 1 мѣсяцъ. . . .	1 » — »	» 1 мѣсяцъ	1 » 20 »

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Саратовъ, Скобелевская ул., домъ Онезорге.

Редакторъ *П. Лебедевъ.* Издатель *М. Поповъ.*

„СТРАННИКЪ“

на 1884 годъ

(четвертый годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. Синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ **10-ти** до **12-ти** и болѣе листовъ. Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи.* 2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи.* 3) Церковныя *слова, поученія* и другія правоучительныя произведенія. 4) *Разсказы, повѣсти, характеристики, очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства. 5) *Бытовые очерки* и характеристики

изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа. 6) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе*. 7) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта. 8) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей. 9) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 10) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*. 11 Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій. 12) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала. 13) *Библіографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы. 14) *Книжная лѣтопись*: ежемѣсячный указатель вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 15) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и другихъ обществъ, и проч.; корреспонденція; объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе 1884 года остается прежняя: *съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ* **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ;** съ пересылкою за границу **восемъ рублей**. Адресоваться: **въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ** (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: *А. Васильковъ. — А. Пономаревъ. — Е. Прилежаевъ.*

„ИСКУССТВО“

ЖУРНАЛЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ.

1884 Г. (2-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ трудахъ редакціи по прежнему будутъ принимать участіе: П. В. Бергъ (проф.), П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, А. П. Бородинъ (проф.), А. Н. Веселовскій (проф.), Эд. Гонкуръ (изъ Парижа), Эдуардъ Елинекъ (изъ Праги, редакторъ „Slovansky Sbornik“), В. И. Кашперовъ, Ц. А. Кюи, В. П. Карповъ, Эрлихъ (изъ Вѣны, критикъ „Tribune“). „Новый Москвичъ“ (псевд.), „Nix“ (псевд.), А. Н. Островскій, М. И. Писаревъ (арт. Моск. театра). Ридель (изъ Лейпцига), В. И. Родиславскій, В. Д. Спасовичъ, П. В. Самаринъ (арт. имп. Москов. театра), Ф. Сарсэ, (изъ Парижа), А. Г. Сахаровъ, „Театралъ“ (псевд.), П. А. Трифоновъ, А. П. Трефолевъ, Филиппи (изъ Милана худ. критикъ „Perseveranza“), В. А. Чечотъ, П. П. Штеллеръ (авторъ „Ошибокъ Молодости“) и др.

Журналъ «ИСКУССТВО» будетъ издаваться по той-же программѣ. Съ 1 января 1884 года журналъ „ИСКУССТВО“, измѣнивъ свой форматъ, выходитъ въ болѣе компактномъ видѣ, въ форматѣ извѣстнаго французскаго журнала «*Revue politique et litteraire*», *заключая въ каждомъ нумерѣ отъ 24 до 32 стра-*

ницъ, съ приложеніемъ фототипическихъ портретовъ, сдѣланныхъ въ Мюнхенѣ по образцу портрета С. В. Шумскаго, разосланнаго при 43 № „ИСКУССТВА“.

Съ 1-го нумера будущаго года помѣщаются повѣсти, очерки, разсказы (имѣющіе содержаніемъ своимъ жизнь или дѣятельность артистовъ и художниковъ) и драматическія произведенія: классическія—въ переводѣ и выдающіяся по литературнымъ достоинствамъ русскихъ современныхъ писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Съ доставкою		Для иногородныхъ	
Годъ	9 р. 50 к.	Годъ	10 р.
Полгода	5 „ 75 „	Полгода	6 „
3 мѣсяца	3 „ 50 „	3 мѣсяца	4 „

Главная контора: С. Петербургъ, Ивановская, д. 14, кв. 9. Гг. Иногородные благоволятъ обращаться съ подпискою преимущественно въ Главную контору. Разсрочка чрезъ казначеевъ и по соглашенію съ конторой редакціи.

Редакторъ-издатель *Ѳ. Гриднинъ.*

„РЕБУСЪ“

ГОДЪ IV. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Программа журнала подобная всѣмъ еженедѣльнымъ изданіямъ, съ прибавленіемъ отдѣловъ, которыхъ читатель не встрѣтитъ ни въ одномъ изъ русскихъ періодическихъ изданій: 1) Обозрѣніе малоизслѣдованныхъ явленій природы, какъ-то: *МЕДІУМИЗМЪ* (спиритизмъ), магнетизмъ, гипнотизмъ, сомнамбулизмъ, ясновидѣніе, и проч. Статьи по этимъ вопросамъ помѣщаются какъ оригинальныя, такъ и переводныя изъ всѣхъ иностранныхъ спеціальныхъ журналовъ. 2) Статьи по Графологіи (опредѣленіе характера по почерку). 3) Статьи по Гомеопатіи. *Отдѣлъ ребусовъ:* въ теченіи года въ немъ будетъ помѣщено 24 ребуса; изъ нихъ 12 премированныхъ, за рѣшеніе которыхъ *ВСѢ* получаютъ преміи въ видѣ книгъ, картинъ, нотъ, портретовъ и проч. *Беллетристическій отдѣлъ:* романы, повѣсти, разсказы какъ оригинальные, такъ и переводные. Между ними «Темное дѣло» —романъ принадлежащій перу одного изъ извѣстныхъ лицъ въ русской литературѣ.

Изъявили согласіе на сотрудничество въ журналѣ: А. Н. Аксаковъ, профессоръ А. М. Бутлеровъ, Е. П. Блаватская (Родда-Бай), В. В. Марковъ, Викторъ Острогорскій, Т. П. Пассекъ, графъ А. С. Соллогубъ и другіе.

ЦѢНА на годъ 4 р.; на полгода 2 р. 50 к. съ дост., а безъ доставки 3 р. 20 к. Допускаются разсрочки: при подпискѣ 2 р., 1-го апрѣля 1 р. и 1-го іюля 1 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ книж. маг. Вольфа, Мелье, Мартынова, «Новаго Времени», Бортневскаго и др. *ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ* въ редакціи (Англійскій просп., № 29). Въ Москвѣ въ кн. маг. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Редакторъ-издатель *В. Прибытковъ.*

„ЭХО"

ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА,

самая дешевая изъ всѣхъ большихъ газетъ.

1884 г. (4-й годъ изданія).

Достаточно выразившійся въ послѣдніе мѣсяцы, при новомъ издателѣ и составѣ редакціи, *успѣхъ* газеты позволяетъ не только удержать прежнюю подписную цѣну, но и значительно расширить программу.

Направленіе газеты *«Эхо»* опредѣляемъ коротко: добросовѣстное и трезвое отношеніе къ явленіямъ русской жизни. Въ эпоху крайняго осложненія и путаницы въ ходѣ внутренней и внѣшней общественной жизни страны, пришлось намъ выступить на арену печатнаго слова. Повсюду слышатся жалобы на отсутствіе идеаловъ въ обществѣ, повсюду общество ищетъ пути, по которому оно можетъ идти твердою стопою къ намѣченнвй имъ цѣли. Въ этихъ поискахъ общество доходитъ до крайностей, то обращаясь на западъ, то думая видѣть спасеніе только за китайской стѣной. Мы думаемъ, что истина и правда—вездѣ одна, поэтому наука и нравственность не можетъ имѣть національности. Въ силу этого мы будемъ проводить въ русское общество данныя науки и нравственныя начала, не боращая вниманія на то, откуда придется ихъ брать: съ запада или изъ русской жизни. Мы прежде всего должны выработать себѣ опредѣленную мѣрку для уясненія, къ чему мы, русскіе, должны стремиться, чтобы оправдать свое назначеніе, какъ извѣстной группы человѣчества. Поэтому мы будемъ брать хорошее и у запада, если оно дѣйствительно хорошо, и отвращаться отъ дурнаго у себя на родинѣ, если оно дѣйствительно дурно. Но въ тоже время мы сознаемъ, что нельзя обществу навязывать того, къ чему оно внутренне не приготовлено: необходимо вызывать само общество къ развитію тѣхъ или другихъ, таящихся въ немъ, нравственныхъ началъ. Поэтому мы ставимъ своею цѣлью способствованіе свободному и широкому проявленію обществомъ его внутреннихъ силъ, причемъ, конечно, считаемъ необходимымъ способствовать проявленію хорошихъ только стремленій, устраняя развитіе дурныхъ,—внесеніемъ въ сознаніе и нравы общества возможно больше знанія и нравственныхъ началъ. Исходя изъ такой задачи, мы думаемъ сдѣлать изъ своего органа какъ проводникъ знанія и нравственныхъ принциповъ въ общество, такъ и орудіе ознакомленія общества съ самимъ собою. Съ этою цѣлью мы расширили программу нашего изданія до размѣровъ большой газеты.

Съ 1-го января будутъ помѣщены: большой оригинальный романъ послѣднихъ дней **„Чиновное болото", „Прологъ къ роману"** *М. Н. Альбова.* Повѣсть **„Въ полутьмѣ"** и др., уже находящіяся въ распоряженіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

(Съ доставкою и пересылкою).

Въ Россіи:		За границею:	
На годъ	10 р.	На годъ	16 р. —
„ полгода	6 „	„ полгода	9 „ — „
„ три мѣсяца	8 „	„ три мѣсяца	5 „ — „
„ одинъ мѣсяцъ	1 „	„ одинъ мѣсяцъ	2 „ 50 „

Подписка принимается на всѣ вышеупомянутые сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца, и не далѣе, какъ до конца года, съ доставкою по городской почтѣ въ Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи.

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ (на углу Большой Садовой и Большой Итальянской ул., д. № 5—10, кв. № 3) и въ отдѣленіи главной конторы (на углу Большой Садовой и Мучнаго пер., д. № 27, въ Русской Скоропечатнѣ" К. Н. Купа).

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ въ С.-Петербургѣ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; не служащіе-же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ *Петербургѣ*—въ главную контору „ЭХО".

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 руб. и въ началѣ августа 2 руб.

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ"

(пятьдесятъ восьмой годъ изданія)

газета политическая, экономическая и литературная,

будетъ выходить листами большого формата по той-же программѣ и съ тѣми-же отдѣлами, какъ и въ настоящемъ году.

Въ увѣренности, что газета наша, редактируемая почти десять лѣтъ одною и тою-же редакціею, достаточно выяснила свое направленіе и то, что не смотря на всѣ обстоятельства и условія, она остается и останется вѣрною разъ принятому пути,—мы считаемъ умѣстнымъ ограничиться здѣсь нѣсколькими детальными указаніями.

Читателямъ извѣстно, что въ прошломъ году, съ надлежащаго разрѣшенія, мы открыли отдѣлъ „юридической хроники", дающій право разбирать судебныя рѣшенія и приговоры. За это время у насъ были помѣщены разборы такого рода и мы намѣреваемся расширить этотъ отдѣлъ по возможности, въ виду ожидаемой пользы отъ ознакомленія публики съ юридическими вопросами и практикою судовъ.

Наши отношенія къ славянскому иноземному міру, съ явленіями котораго постоянно знакомимъ читателей, настолько выяснились, что, полагаемъ, мы не ошибемся, если не станемъ о нихъ распространяться.

Относительно расширенія земскаго, внутренняго и областнаго отдѣловъ думаемъ, что исполнили обѣщаніе по мѣрѣ возможности. Послѣдовавшее значительное расширеніе южной и мѣстной хроники, какъ выраженія жизни края и города, замѣчено читателями, о чемъ неоднократно было заявлено.

Статьямъ о желѣзнодорожномъ дѣлѣ, по разнымъ отраслямъ седьскаго хозяйства, по садоводству и винодѣлію мы, по прежнему, охотно будемъ удѣлять мѣсто на страницахъ нашего изданія.

До настоящаго времени мы давали читателямъ и будемъ продолжать давать повѣсти, разсказы, фезьетоны объ общественной жизни (русской и иностранной), литературные очерки и вообще статьи беллетристическаго содержанія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки и доставки:		съ пересылкой или доставкой:	
За годъ (12 мѣсяцевъ) . .	12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ) . .	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ	7 „ — „	За 6 мѣсяцевъ	8 „ — „
За 3 мѣсяца.	3 „ 85 „	За 3 мѣсяца.	4 „ 50 „
За 1 мѣсяцъ.	1 „ 30 „	За 1 мѣсяцъ.	1 „ 50 „

На пересылку за границу прибавляется 50 коп. въ мѣсяцъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно, съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодичные, или по четвертямъ года. Для различныхъ учрежденій также допускается разсрочка.

Подписка принимается въ *Одессѣ*, въ конторѣ „Одесскаго Вѣстника“, по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

Редакторъ-издатель *П. А. Зеленый*

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1884 г. 9-й годъ изданія.

I) Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности оренбургскаго края. II) Общія политическія извѣстія и политическія телеграммы. III) Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. IV) Сообщенія о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. V) Фельетонъ; въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. VI) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзно-дорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія. VII) Прибавленіе къ «Оренбургскому Листку»

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ".

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеньямъ, а «Листокъ Объявленій» по четвергамъ.

Подписная цѣна годовому изданію **ПЯТЬ РУБЛЕЙ** съ доставкой и пересылкой.

Для оренбургскихъ подписчиковъ допускается разсрочка по взносѣ подписныхъ денегъ.

Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать въ ОРЕНБУРГЪ, въ редакцію гатеты **«Оренбургскій Листокъ»**, Перовская улица, домъ № 33, близъ театра, при типо-литографіи Ивана Ивановича Евфимовскаго-Мировицкаго.

Редакторъ-издатель *Ив. Евфимовскій-Мировицкій.*

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Медицинская Библіотека".

1884 г. (выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 лист.).

Въ составъ журнала входятъ: 1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины; 2) избранныя сочиненія изъ иностранной медицинской литературы; 3) рефераты, обзоры, критическіе очерки и пр.

Годовая цѣна съ перес. **17** р., безъ перес. **15** р. Студенты пользуются уступкой.

Въ журналѣ за прошлые года (1881, 1882, 1883) были помѣщены изъ наиболѣе капитальныхъ вещей слѣдующія: 1) **А. Багинскій.** Дѣтскія болѣзни (40 лист.); **Бони.** *Физіологія* (60 лист.); **Генохъ.** Дѣтскія болѣзни (44 листа); **Зелюгмюлеръ.** Нервныя болѣзни (23 листа); **Мальгень.** *Оперативная хирургія* (20 лист.); **Нимейеръ.** Частная патологія и терапія (103 листа); **Рибо.** Болѣзни памяти (10 лист.); **Россбахъ.** Основы физическихъ методовъ леченія (32 листа); **Фритшъ.** Женскія болѣзни (28 лист.); **Шеффъ.** Зубныя болѣзни (17½ лист.); **Эйхгорстъ.** Діагностика (45 лист.); **Эйхгорстъ.** Частная патологія и терапія (40 лист.); **Эриксенъ.** Хирургія (70 лист.); **Ришэ.** Хирургическая анатомія (25 листовъ).

Всѣ сочиненія, помѣщенныя въ «Медицинск. Библіот.», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить Анатомію **Гиртля** съ рисунками атласа **Гейцманна**, затѣмъ переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ извѣстной коллекціи **Вредена** (**Гебра**, **Генсмеръ**, **Барделебенъ** и пр.), психіатрію **Мейнерта**, къ переводу которой будетъ приступлено немедленно по появленіи этого сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ.

Редакція имѣетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской переводной литературѣ по гигіенѣ, фармакологіи и судебной медицинѣ.

Отдѣлъ «хроники и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медиц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ.*
Издатель *Н. Л. Вилькинъ.*

„ДРУГЪ ЖЕНЩИНЪ"

ТРЕТІЙ ГОДЪ

«Другъ женщинъ» — будетъ выходить ежемѣсячно отъ 9 до 12 печ. лист.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Романы, повѣсти и разсказы — оригинальные и переводные; біографіи и характеристики женщинъ замѣчательныхъ въ исторіи; свѣдѣнія о дѣятельности современныхъ женщинъ въ области литературы, наукъ и искусствъ; статьи научнаго содержанія — по педагогіи, медицинѣ, статистикѣ женскаго труда и пр.; критика, библіографія и рецензіи книгъ и статей, касающихся женскаго вопроса и сочиненій о женщинахъ; статьи юридическія — по гражданскому праву, женщины по русскому и иностранному законодательствамъ и выдающіеся уголовные процессы, въ которыхъ потерпѣвшими и подсудимыми являются женщины; отчеты о женскихъ обществахъ, объ учительскихъ и другихъ съѣздахъ; правительственныя распоряженія; статистическія и другія свѣдѣнія по высшему, среднему и начальному женскому образованію въ Россіи; разныя извѣстія, относящіяся къ образованію и дѣятельности женщинъ въ Россіи и за границей.

Въ 1884 году будутъ участвовать въ журналѣ **«Другъ женщинъ»**: гг. *Ковалевская* (женщина-математикъ и доцентъ стокгольмскаго университета), *В. І. Дмитріева, Шабанова* (женщина-врачъ), *В. Ф. Левицкій* и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Москвѣ за годъ 6 р., съ пересылкой во всѣ города Россіи 7 р.; за полгода въ Москвѣ 3 р. 50 к. и съ пересылкой въ другіе города 4 р.

Подписка принимается: въ **Москвѣ**, въ конторѣ редакціи, Волхонка, домъ Воейковой, подъѣздъ съ Лѣнивки, и въ отдѣленіи редакціи у г-жи Печковской, на Петровкѣ, въ Петровскихъ линіяхъ; въ **С.-Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, Невскій проспектъ, противъ гостиннаго двора.

„ВОЛЫНЬ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вступая въ шестой годъ своего существованія съ будущаго 1884 года, газета „*ВОЛЫНЬ*“ будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій, и 13) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ Конторѣ редакціи, б. Бердичевская ул., д. Лашкевича.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Для городскихъ подписчиковъ, безъ доставки и пересылки	3 р. 30 коп.	1 р. 80 коп.	1 р.
Съ доставкою на домъ	3 р. 50 коп.	1 р. 90 коп.	1 р. 10 коп.
Для иногородочыхъ съ пересылкою.	4 р.	1 р. 20 коп.	1 р. 20 коп.

Иногородные подписчики на перемѣну адреса прилачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 коп.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

продолжаетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: *съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи* **СЕМЪ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.**

При журналѣ: „Православный Собесѣдникъ“ издаются

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Причты казанской епархіи, выписывающіе „Православный Собесѣдникъ“, получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія,“ съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна „ИЗВѢСТІЙ“ для мѣстъ и лицъ *другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ*, за оба изданія вмѣстѣ, *десять* руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи.

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ,“

Журналъ выходитъ восемнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ въ хорошемъ переводѣ романы иностранныхъ писателей.

Въ 1884 г,ду редакція обратитъ особое вниманіе, чтобы давать публикѣ, по преимуществу, романы историческаго и политическаго содержанія. Въ первыхъ книгахъ будетъ помѣщенъ большой романъ *Сэуа Д. Рэтклифа* —«Возстаніе въ Индіи», гдѣ авторъ разоблачаетъ политику Англіи со всѣми ея ужасами и коварствомъ и проводитъ читателя по всѣмъ колоніямъ Британскаго государства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ доставки.	Съ доставкою на домъ.	Съ перс. во всѣ г. Россіи.
На 12 мѣс.	8 р.—к.	8 р. 50 к.	9 р.
На 6 „	4 „ 25 „	4 „ 50 „	5 „

Допускается разсрочка по полугодіямъ и по третямъ, съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 руб., а во второмъ—3 руб.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ *Конторѣ редакціи*, Знаменская, 22, кв. 16, и въ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные адресуютъ свои требованія исключительно: въ *Контору редакціи журнала «Переводы Отдѣльныхъ Романовъ»*.

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СВѢТЪ и ТѢНИ.

НАГРАЖДЕНЪ ПОЧЕТНЫМЪ ОТЗЫВОМЪ ГГ. ЭКСПЕРТОВЪ ВСЕРОССІЙСКОЙ ВЫСТАВКИ

1884 г. Седьмой годъ изданія.

Журналъ **«Свѣтъ и Тѣни»**—журналъ преимущественно художественный—издается нераздѣльно съ безцензурнымъ журналомъ **«Мірской Толкъ»**, обладающимъ полной программой журнала политическаго и литературнаго. Оба журнала выходятъ въ количествѣ **100 №№** въ годъ, еженедѣльно, въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій, заключая въ себѣ болѣе **800** страницъ самаго разнообразнаго текста и **200** большихъ страницъ иллюминованныхъ красками карикатуръ, изъ коихъ 100 будутъ взяты изъ русской жизни, 100—на половину заимствованы изъ лучшихъ заграничныхъ карикатурныхъ журналовъ, на половину—политическаго характера. Съ первыхъ-же нумеровъ журнала **«Свѣтъ и Тѣни»** начнется печатаніе иллюстрированнаго бытоваго романа **«Бѣлая невольница»** *И. К.*

Кондратьева, затѣмъ всторическая повѣсть *И. Погорѣлина* **«Колоколъ императрицы Анны»**. Для журнала **«Мірской Толкъ»** редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи также большой оригинальный романъ г. ***, въ высшей степени интересныя **популярно-научныя статьи** одного изъ нашихъ ученыхъ, рядъ психологическихъ очерковъ *Н. А. Путяты*, подъ названіемъ **«Къ сумасшедшему дому»** и нѣсколько разсказовъ *И. Харламова*.

ВМѢСТѢ СЪ ЭТИМЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ СЛѢДУЮЩІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

Двѣнадцать книгъ подъ рюбрикой: «Избранные романы Библіотеки Мірскаго Толка». Каждая книга будетъ содержать отъ 10-ти до 15-ти листовъ текста; оригинальныхъ и переводныхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, драматическихъ произведеній и стихотвореній. Въ «**Библіотекѣ Мірскаго Толка**» редакція постарается помѣщать все лучшее, что появится за границей, и притомъ немедленно по появленіи, для чего редакція входитъ въ соглашеніе съ лучшими иностранными беллетристами.

Не менѣе **двадцати пяти** рисунковъ, съ отдѣльной обложкой, сюжетомъ для которыхъ послужатъ крупныя общественныя событія у насъ и за границей въ теченіи 1884 года.

Двѣнадцать картинъ, жанровъ и пейзажей, иллюминованныхъ цвѣтными красками подъ сепію и акварель, преимущественно русскихъ извѣстныхъ художниковъ, и отпечатанныхъ на бумагѣ «торшонъ» и «демиторшонъ». Этотъ новый способъ воспроизведенія картинъ почти неизвѣстенъ въ Россіи и отличается замѣчательной мягкостью и свѣжестью красокъ.

Кромѣ **ста №№** журналовъ и перечисленныхъ выше художественныхъ приложеній, всѣ гг. подписчики на 1884 годъ получатъ еще

ДВѢ ГЛАВНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ГОДОВЫЯ ПРЕМІИ.

1. ПЯТЬДЕСЯТЪ ГРАВЮРЪ ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЛЕРЕИ.

Эти картины будутъ точными снимками съ имѣющаго библіографическую рѣдкость роскошнаго заграничнаго изданія, стоющаго 350 руб. Въ упомянутомъ изданіи заключается 150 гравюръ: мы ихъ дадимъ послѣдовательно всѣ, и каждая серія въ 50 гравюръ въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе 20 руб.

2. БОЛЬШАЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА.

„Святое Семейство“, съ картины Корренса.

Большая, роскошная олеографическая картина, исполненная въ тридцать красокъ на лучшей заграничной картинной фабрикѣ. Надъ этой копіей работали въ продолженіе трехъ лѣтъ четверо лучшихъ художниковъ и выполненіе ея на камнѣ обошлось фабрикѣ 75,000 франковъ.

Форматъ этой картины (1½ арш. ширины и 1 арш. 2 верш. вышины) равняется формату данныхъ редакціей въ преміи картинъ «Подкинутый Моисей» и «Найденный Моисей», но много превосходитъ ихъ по изяществу.

Цѣна на годъ съ пересылкой №№ и премій 13 руб. на полгода 5 руб.

Всѣ публичныя, полковыя, клубныя и проч. библіотеки пользуются правомъ полученія на каждый годовой экземпляръ журналовъ по два экземпляра премированной картины.—Разсрочка допускается только при высылкѣ денегъ прямо въ редакцію, съ уплатой 7 р. при подпискѣ и 6 р.—не позже 15-го іюня. Разсрочка болѣе дробная—или за поручительствомъ гг. казначеевъ, или по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается: въ *Москвѣ*—въ редакціи и центральномъ управленіи журналовъ (Бригадирская, соб. домъ), въ главной конторѣ журналовъ (Большая Лубянка, д. кн. Голицына, при фотографіи журн. «Свѣтъ и Тѣни») и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ *Петербургѣ*—въ отдѣленіи конторы журнала «Свѣтъ и Тѣни» при книжномъ магазинѣ Фену и другихъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

„БУДИЛЬНИКЪ“.

1884 г. (двадцатый годъ изданія).

Съ 8 декабря 1883 года изданіе и редакція «Будильника» перешли въ другія руки.

Въ теченіи года 50 нумеровъ, 300 большихъ каррикатуръ и рисунковъ напечатанныхъ семчю красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На ½ года.
Въ Москвѣ безъ доставки.	7 р.	4 р. — к.
Съ „Альбомомъ каррикатуръ“ . . .	8 „	— „ — „
„ съ доставкою	8 „	4 „ 50 „
„ „Альбомомъ каррикатуръ“ . . .	9 „	— „ — „
„ пересылкой въ другіе города имперіи	9 „	5 „ — „
„ „Альбомомъ каррикатуръ“ . . .	10 „	7 „ — „

Пересылка за границу по особому тарифу.

Подписка на иные сроки, кромѣ вышеуказанныхъ, не принимается. Разсрочка подписной суммы требуетъ предварительнаго соглашенія съ главною конторою «Будильника». Годовые подписчики, когда бы ни подписались, получаютъ всѣ нумера журнала, начиная съ перваго, равно какъ безплатную премію. Полугодовые подписчики никакой преміи не получаютъ.

Премія „БУДИЛЬНИКА“ на 1884 г.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Бомарше, переводъ съ французскаго, артиста москов. императ. театровъ **М, П. Садовскаго.**

„СЕВИЛЬСКІЙ ЦИРЮЛЬНИКЪ“

Рукопись печатается въ форматѣ «Будильника», съ десятью художественно выполненными рисунками болѣе выдающихся сценъ безсмертной комедіи—сатиры.

Въ виду двадцатилѣтія существованія «**БУДИЛЬНИКА**», въ 1884 году изданъ будетъ «Альбомъ каррикатуръ для смѣха и забавы», въ который войдутъ лучшія каррикатуры, также шутки и юмористическіе стишки, помѣщавшіеся въ «БУДИЛЬНИКѢ» съ 1863 по 1883 гг. Годовые подписчики, желающіе также получить «Альбомъ каррикатуръ», доплачиваютъ къ подписной суммѣ ОДИНЪ руб.:

Срокъ выхода безплатной преміи для годовыхъ подписчиковъ—Иллюстр. комедіи Бомарше «Севильскій цирюльникъ»—1 іюля, а «Альбомъ каррикатуръ»—1 іюня 1884 г.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала «БУДИЛЬНИКЪ». Москва, Б. Дмитровка, д. Шаблыкина и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

Важное примѣчаніе. Гг. иногородные подписчики, желающіе получать «БУДИЛЬНИКЪ» своевременно, приглашаются адресовать свои требованія прямо въ главную контору редакціи и при томъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.

За редактора издательница *Е. Арнольдъ.*

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

1884 г. (годъ третій).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, *безъ предварительной цензуры.* Въ журналѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ его изданія, принимали участіе: проф. И. Е. Андреевскій, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, И. Ф. Василевскій (Буква), Вологдинъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, проф. В. П. Даневскій, Ю. Г. Завиэецкій, проф. А. П. Загоровскій, д-ръ Ивинъ, проф. А. Ѳ. Кистяковскій, Е. П. Карновичъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Кругловъ, Н. С. Курочкинъ, проф. Ѳ. П. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Омулевскій, Л. И. Пальминъ, М. Л. Песковскій, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Л. Н. Трефолевъ, В. В. Чуйко и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	13 р.	Съ достав. въ С.-Петербургѣ	7 р. 50 к.
Съ перес въ друг. мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылкою за границу. .	16 р.	Съ пересылкою за границу.	9 р.

Книгопродавцамъ 50 коп. уступки. Принимающіе подписку въ разсрочку или по полугодіямъ не пользуются уступкой.

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки.	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою.	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ пересылкою за границу. . . .	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются исключительно: въ Главную Контору *«Наблюдателя»*. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Подписка на текущій годъ продолжается. Подписавшіеся получаютъ всѣ книги журнала, начиная съ 1-го №.

Редакторъ-издатель *А. П. Пятковскій.*

„СИБИРСКАЯ ГАЗЕТА“

на 1884 года.

Газета будетъ выходить въ 1884 г., какъ и прежде, по воскресеньямъ, въ размѣрѣ 1½—2 листовъ. **Подписная цѣна:** для иногородныхъ за годъ—**7** р., полгода—**4** р. Важнѣйшее мѣсто въ газетѣ будетъ отведено корреспонденціямъ и извѣстіямъ изъ всѣхъ концовъ Сибири—изъ городовъ, деревень и захолустій; цѣль этихъ извѣстій знать нужды и потребности мѣстнаго населенія и бороться съ злоупотребленіями, гнетомъ и неправдой, отъ кого бы они ни исходили. По важнѣйшимъ вопросамъ, какія видвинетъ мѣстная жизнь, будутъ помѣщаться руководящія статьи. Обзоръ различныхъ выдающихся проявленій этой жизни найдетъ мѣсто въ фельетонѣ. Въ русскомъ и иностранномъ обозрѣніяхъ читатель найдетъ всѣ выдающіяся событія въ русской и иностранной жизни; цѣль этихъ обозрѣній, по возможности, удовлетворить значительную часть нашихъ читателей, не имѣющихъ средствъ выписывать какую либо изъ ежедневныхъ столичныхъ газетъ. Дѣйствія правительства, касающіяся Сибири, будутъ печататься обязательно.—Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ, будутъ печататься отдѣльныя статьи по этнографіи, исторіи, статистикѣ Сибири, а также очерки, разсказы и проч. Всѣхъ лицъ, сочувствующихъ нашимъ цѣлямъ, просимъ помочь намъ трудами и совѣтами; для всѣхъ такихъ лицъ страницы „Сибирской Газеты“ широко открыты.

Подписку и корреспонденціи адресовать: въ Томскъ, въ ред. «Сибирской Газеты».

„СИБИРЬ“

1884 ГОДЪ.

Газета будетъ издаваться по прежкей программѣ и выходить по воскресеньямъ еженедѣльно.

Условія подписки, съ доставкою и пересылкою во всѣ города имперіи и за границу:

На годъ	7 р.	
„ полгода	4 „	
„ 3 мѣсяца	2 „	10 к.
„ 2 —	1 „	15 „
„ 1 —	„ „	75 „

Подписка принимается: въ Иркутскѣ—въ редакціи газеты «Сибирь», въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи «Восточное Обозрѣніе», Поварской пер. д.5,кв. 17.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Въ книжномъ складѣ типографіи М. Стасюлевича (С.-Петербургъ Васильев. Островъ, 2 лин. № 7) и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 38—4 и Москва Кузнецкій мостъ домъ Третьяковыхъ, а также въ газетномъ агенствѣ Шавердова въ гор. Тифлисѣ продаются слѣдующія изданія кубанскаго областнаго статистическаго комитета:

„ВРЕДНЫЯ НАСѢКОМЫЯ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ“,

изслѣдованіе проф. К. Э. Линдемана. Цѣна 1 р. с. безъ пересылки.

КУБАНСКАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА

и

КУБАНСКІЙ СБОРНИКЪ

съ картою кубанской области, изданныя подъ редакціею Е. Д. Фелицына.

Цѣна за обѣ книги 3 руб. сереб. безъ бересылки.

За пересылку плата особая по разстоянію за 4 фунта.

КАРТА КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ

въ 20-ти верстномъ масштабѣ по новѣйшимъ свѣдѣніямъ 1882 года составлена Е. Д. Фелицынымъ, цѣна 75 коп. серебр.

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Не смотря на всѣ принимаемыя редакціею мѣры относительно своевременной и исправной разсылки книжекъ журнала, въ теченіи двухъ лѣтъ бывали не рѣдкіе случаи неполученія нѣкоторыми изъ подписчиковъ той или иной, а иногда и нѣсколькихъ книжекъ; но происходило это, какъ удостовѣрилъ опытъ, кромѣ случаевъ неисправности почталіоновъ, большею частію отъ *неточнаго* и *неполнаго* обозначенія подписчиками адреса и неизвѣщенія, или-же несвоевременнаго извѣщенія о перемѣнѣ онаго, при чемъ самыя заявленія о неполученіи книгъ присылаемы были спустя даже полгода и годъ.

Редакція не находитъ возможнымъ на будущее время удовлетворять всѣ безъ изъятія жалобы подписчиковъ, высылая,какъ дѣлалось доселѣ, иногда по 5 и 8 книгъ, въ замѣнъ утраченныхъ не по ея винѣ, и отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Диптера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаемъ тщательныя рецензіи. О присылкѣ таковыхъ просимъ въ особенности галицко-русскихъ братій нашихъ, такъ какъ ихъ изданія неизвѣстны здѣсь.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под., которыхъ получается вообще очень много, просимъ, кому есть возможность, предварительно свѣрять съ существующими Сборниками, отмѣчать разности, если это будетъ только варіантъ, и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи, а въ самомъ записываніи держаться малорусскаго правописанія нашего изданія и не писать безъ твердаго знака. Тѣхъ, которыхъ сообщеніями въ этомъ родѣ мы не могли доселѣ воспользоваться, просимъ объяснять это преимущественно невозможностію для редакціи дѣлать массу справокъ и сличеній, примѣчаній и объясненій и утомительной установки правописанія, которое не рѣзало-бы глаза и слуха.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,"

1884 г. (Третій годъ изданія). **1884 г.**

Журналъ „**Кіевская Старина**", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**", *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины" принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, газету „ДѢЛО". Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель **Ѳ. Г. Лебединцевъ.**

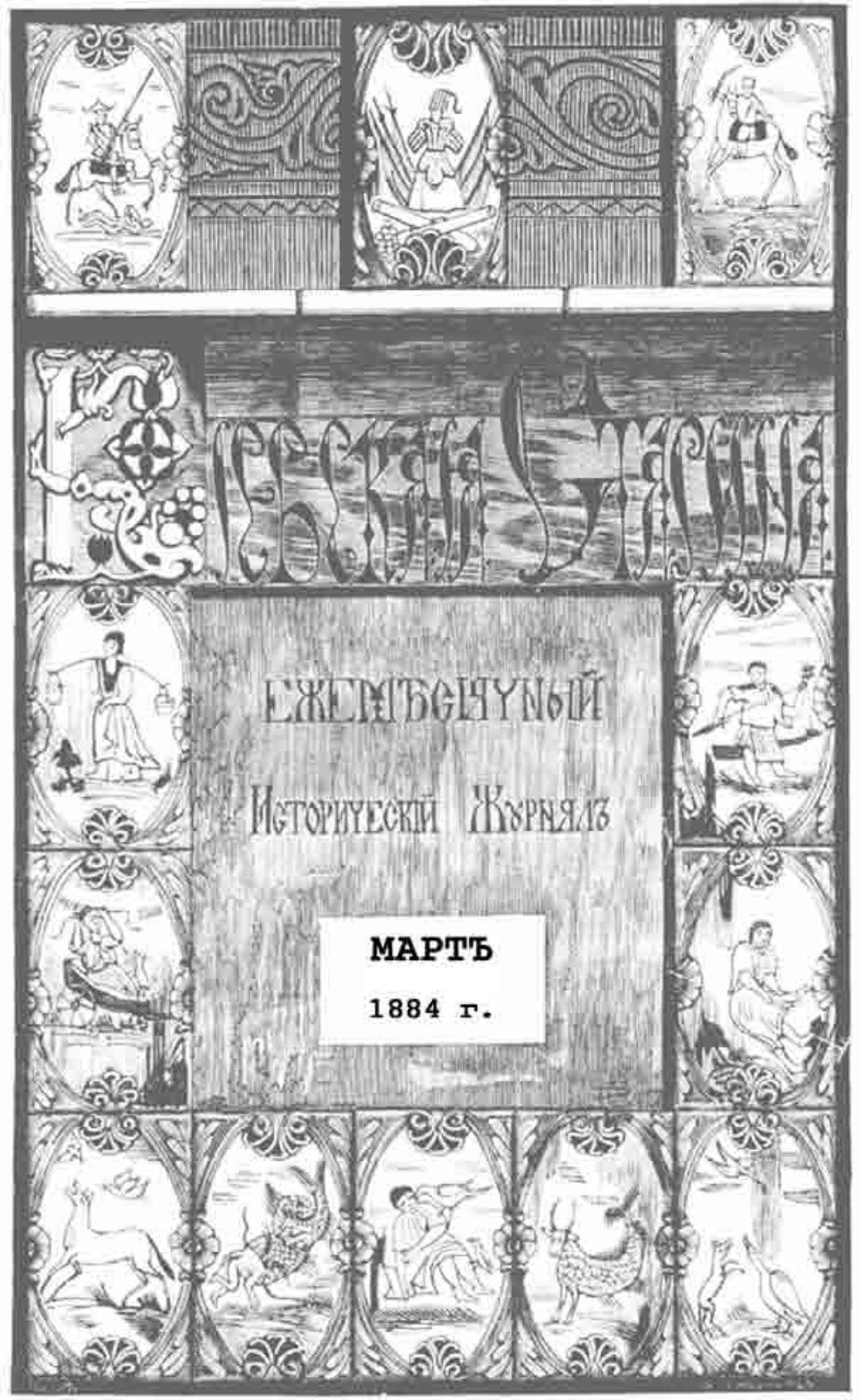
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
МАРТЪ
1884 г.

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1884 г.

стр.

I. ЗМІЕВЫ ВАЛЫ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ КІЕВСКОЙ ЗЕМЛИ. **В. Антоновича** 253

II. ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). *(Продолженіе)*. **Н. Ѳ. Сумцова** 271

III. КНЯГИНЯ. (Разсказъ Т. Г. Шевченка) 391

IV. ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ. (1591—1596 г.). **Ѳ. Николайчика** 423

V. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. Часть первая. 1821—1846 годъ. *(Продолженіе)*. 443

VI. ПИСЬМО АРХ. НОВГ. ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА КЪ АРХ. КІЕВ. РАФАИЛУ ЗАБОРОВСКОМУ. (О способахъ къ улучшенію матеріальнаго положенія кіев. академіи) 465

VII. РЯДНАЯ ЗАПИСЬ 1-й ПОЛОВИНЫ XVIII В. 471

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Н. Любовичъ. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи. Варшава. 1883 г.—б) Покутье. Этнографическій этюдъ. Сост. Оскаръ Кольбергъ. Краковъ. I. 1882. II. 1883. *Ц.—Неймана.*—в) Четъ, или не четъ? Историческая новѣсть конца XVII в. I. Крашевскаго. Варшава. 1884. Т. 1 и 2. *S.*—г) Споминки про житє и дѣяльность Володимира Барвѣньского. Львовъ. 1884 г.—*В. Г—ка.*—д) Къ новоселью городской публичной библіотеки въ Одессѣ (1829—1883 г.). Одесса. 1883 г. 478

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи слободско-украинскаго чумачества.—*Н. Сумцова.*—б) Изъ школьныхъ воспоминаній о Кіевѣ.—*Н. Я. Бар—вскаго.*—в) Сто семь лѣтъ южно-русской этнографіи.—*В. Г—ка.*—г) Попытка околдовать волостной судъ.—*П. Еф.*—д) Послѣдствія клятвопреступленія. *П. Еф.*—е) Вертепъ въ купянскомъ уѣздѣ харьковской губерніи.—*А. Селиванова.*—ж) Вымирающіе типы украинской деревни. Прот. *Луки Киселевича.*—з) Контрактъ на постройку церкви конца XVII в. 493

XI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями *А. М. Лазаревскаго.* (Приложеніе). . . . . 1—16

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

МАРТЪ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го февраля 1884 года.

ЗМІЕВЫ ВАЛЫ

въ предѣлахъ кіевской земли.

Во многихъ мѣстностяхъ южно-русскаго края виднѣются весьма древнія земляныя сооруженія—это земляные валы, которые пролегаютъ по полямъ и лѣсамъ на протяженіи десятковъ и сотень верстъ, охватываютъ цѣлые округи и уѣзды, по временамъ сопровождаютъ русла рѣкъ, иногда перерѣзываютъ ихъ теченіе или пролегаютъ по водораздѣльнымъ линіямъ; они, то постепенно понижаясь, какъ-бы сглаживаются и перестаютъ быть замѣтными, то, послѣ перерыва въ нѣсколько верстъ, опять постепенно возвышаются и тянутся въ таинственную, понынѣ не изслѣдованную даль. Насыпи эти извѣстны у народа подъ именемъ „зміевыхъ валовъ", на основаніи многочисленныхъ легендарныхъ преданій, сущность которыхъ будетъ изложена ниже. Люди книжные еще съ XVII вѣка, на основаніи весьма поверхностной и шаткой гипотезы, называли ихъ до весьма еще недавняго времени „Траяновыми валами". Вопросъ о происхожденіи этихъ громадныхъ сооруженій не можетъ быть въ настоящее время точно рѣшенъ какъ по отсутствію необходимыхъ географическихъ и археологическихъ данныхъ, такъ и по недостатку прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ о времени ихъ возникновенія.

Самое существенное неудобство при изслѣдованіи древнихъ валовъ южно-русскаго края заключается въ томъ, что они не нанесены на карты, даже самыя подробныя, и описанія ихъ встрѣчаются лишь въ видѣ отрывочныхъ свѣдѣній, разсѣянныхъ въ различныхъ сочиненіяхъ; свѣдѣнія эти притомъ не всегда совпадаютъ

другъ съ другомъ и почти всѣ не отличаются точностью и обстоятельностью. Такимъ образомъ общаго контура направленія всѣхъ валовъ невозможно пока возстановить и потому невозможно основывать общихъ выводовъ на географическомъ ихъ расположеніи.

Если сведемъ всѣ свѣдѣнія о валахъ находящихся въ кіевской губерніи [1]), то можемъ начертить на картѣ только нѣсколько цѣльныхъ линій, которыя пролегаютъ къ югу и частью къ западу отъ Кіева и находятся въ нѣкоторой связи съ рѣчною системою страны. Самая длинная изъ извѣстныхъ линій вала сопровождаетъ Рось: она начинается на лѣвомъ берегу этой рѣки, недалеко отъ ея устья и, то удаляясь, то приближаясь къ ея руслу, тянется мимо Корсуня и Богуслава до Бѣлой-Церкви [2]); здѣсь она поворачиваетъ къ западу, пересѣкаетъ притокъ Роси—Каменку, переходитъ на другой ея притокъ—Раставицу и затѣмъ, поворачивая къ сѣверу, проходитъ черезъ село Попельню и огибая съ запада истоки рѣкъ: Унавы, Ирпеня и Здвижи, достигаетъ южнѣе Радомысля береговъ Тетерева, въ окрестности котораго даетъ нѣсколько боковыхъ отроговъ и соединяется съ другими линіями валовъ. Другой валъ начинается вблизи мѣстечка Триполья и тянется къ западу, окаймляя болѣе или менѣе близко сѣверный берегъ рѣки Красной, изъ верховьевъ которой переходитъ на Раставицу. Третяя линія начинается вблизи предъидущей у Триполья, идетъ почти параллельно теченію рѣки Стугны, по правому ея берегу, затѣмъ пересѣкаетъ рѣку Унаву и тянется дальше къ западу, но западныя оконечности какъ этого вала, такъ и предъидущаго не изслѣдованы; правдоподобно они соединяются съ тою частью перваго вала, которая пролегаетъ по направленію съ юга на сѣверъ. Четвертая

---

[1]) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ слѣдующихъ источниковъ: Фундуклей, Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губерніи; Grabowski—Ukraina dawna i terazniejsza; Lippoman, Zastanowienie się nad mogiłami etc., Похилевичъ, Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи, Археологическій матеріалъ, собранный по донесеніямъ волостей кіевскимъ статистическимъ губернскимъ комитетомъ (рукопись). Наконецъ данныя о валахъ пополнены до нѣкоторой степени личнымъ нашимъ наблюденіемъ.

[2]) Валъ этотъ даетъ нѣсколько отроговъ, которые переходятъ на правый берегъ Роси, какъ напримѣръ у сс. Синицы и Острова, но намъ не удалось найти свѣдѣній о дальнѣйшемъ направленіи этихъ отроговъ.

линія вала начинается на лѣвомъ, сѣверномъ берегу Стугны, проходитъ черезъ Васильковъ, пересѣкаетъ р. Ирпень вблизи Черногородки, отдѣляя соединительную вѣтвь къ юго-востоку къ предъидущей линіи, затѣмъ, направляясь къ западу, достигаетъ мѣстечка Бышева; отсюда валъ, дѣлая крутыя извилины въ разныхъ направленіяхъ, пролегаетъ дальше къ сѣверо-западу, пересѣкаетъ теченіе Здвижи и между этою рѣкою и Тетеревомъ соединяется съ линіею первою и притомъ даетъ отроги въ разныя стороны, направленіе которыхъ и дальнѣйшее протяженіе намъ неизвѣстны; одинъ изъ этихъ отроговъ пересѣкаетъ русло Тетерева и теряется въ лѣсахъ въ окрестности села Верлоока, другой отходитъ по правую сторону Тетерева, параллельно его теченію, и часть его извѣстна нѣсколько ниже пе теченію этой рѣки, между селами: Песковкою и Тальскою Рудою. Пятой линіи намъ извѣстны только незначительные отрѣзки: къ сѣверу отъ Кіева между селами Вышгородомъ, Петровцами и Валками, къ западу въ лѣсу села Боярки и къ юго-западу у села Рославичи. Если гипотетически соединить эти отрѣзки между собою, то окажется полная половина круга, описанная около Кіева радіусомъ въ 18—20 верстъ. Наконецъ небольшое кольце вала замѣчается у села Ходосовки—оно охватываетъ небольшую площадь нагорной мѣстности и обоими концами упирается въ луговую долину Днѣпра.

Перечисленными линіями конечно не исчерпывается все количество земляныхъ сооруженій на площади кіевской губерніи; множество отрывочныхъ указаній свидѣтельствуютъ о томъ, что другія линіи валовъ, вѣроятно гораздо болѣе длинныя, существуютъ къ югу, западу и сѣверу отъ вышеисчисленныхъ. Такъ у Фундуклея намѣчены валы къ югу отъ Роси, на правомъ берегу Тасьмина и въ рѣчной системѣ Синюхи и ея притоковъ; послѣдніе тянутся на довольно значительномъ пространствѣ и южный отрогъ ихъ переходитъ въ степи балтскаго уѣзда подольской губерніи. Нѣсколько западнѣе, въ окрестности мѣстечка Дашева извѣстны два вала, переходящіе также въ Подоліе. На сѣверѣ намѣчены отрѣзки валовъ между рр. Устью и Припятью, а также длинный, по видимому, валъ, который переходитъ изъ радомышльскаго уѣзда въ волынскую губернію, въ окрестности села Выдыбора, и т. д.

Въ связи съ валами кіевщины находятся валы южной части переяславскаго уѣзда, описанные Максимовичемъ [1]). Валы эти пролегаютъ въ видѣ двухъ параллельныхъ дугообразныхъ линій, которыя упираются въ Днѣпръ, другими-же концами соединяются между собою у села Строковы.

Всѣ исчисленные валы сохранились не вездѣ въ равной мѣрѣ: въ мѣстностяхъ открытыхъ и степныхъ поверхность ихъ давно уже вспахивается и потому валы все болѣе и болѣе сглаживаются; вообще въ этихъ мѣстностяхъ вышина ихъ незначительна, иногда они едва замѣтны и даже по мѣстамъ какъ-бы прерываются. Напротивъ того въ мѣстностяхъ, покрытыхъ лѣсомъ, контуры валовъ сохранились довольно полно, высота вала достигаетъ здѣсь 3—4 сажень, ширина-же его у основанія равняется обыкновенно 7—8 саженямъ. Вездѣ, гдѣ контуры вала уцѣлѣли въ значительной степени, наблюдается одна характеристическая черта: валъ всегда сопровождается съ одной стороны рвомъ, и ровъ этотъ всегда находится на одной и той-же сторонѣ насыпи, именно, каково-бы ни было направленіе вала, ровъ находится со стороны противуположной Кіеву; въ валахъ переяславскихъ ровъ у обѣихъ параллелей находится съ южной стороны, т. е. со стороны, противуположной Переяславлю.

Упомянемъ гипотезы, высказанныя понынѣ относительно назначенія и времени происхожденія кіевскихъ валовъ. Въ первомъ отношеніи всѣ мнѣнія согласны: никто не сомнѣвается въ томъ, что валы были насыпаны съ стратегическою цѣлью для защиты страны. Довольно взглянуть на географическое расположеніе валовъ, чтобы вполнѣ убѣдиться въ справедливости этого мнѣнія: валы тянутся главнымъ образомъ по южной границѣ старой полянской территоріи: по Роси, Красной и Стугнѣ, охраняя эту страну отъ степи, на которой съ незапамятныхъ временъ до половины XIII ст. кочевали хищныя орды степняковъ, составлявшія постоянную грозу для осѣдлаго населенія кіевской территоріи; нѣкоторыя вѣтви вала, продолжаясь далѣе на сѣверъ, дополняютъ систему охраны той

---

[1]) См. Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. I, стр. CXXV—CXXVI; замѣтки и чертежи, собранные для этого описанія, покойный М. А. Максимовичъ сообщилъ мнѣ.—В. А.

территоріи, въ которой лежитъ Кіевъ, исконный центръ русской или полянской земли; такое-же значеніе имѣютъ по отношенію къ Переяславлю валы, находящіеся на лѣвомъ берегу Днѣпра. Указанное выше расположеніе рвовъ подтверждаетъ наглядно тоже мнѣніе.

Относительно времени возникновенія валовъ мнѣнія далеко не такъ однородны, какъ относительно ихъ назначенія. Мы уже указали, что книжные люди съ XVII в. стали давать имъ названіе Траяновыхъ валовъ, на основаніи предположенія, будто валы эти сооружены императоромъ Траяномъ, послѣ завоеванія имъ Дакіи. Конечно, мнѣніе это слишкомъ поверхностно для того, чтобы подлежало серьезной критикѣ; намъ кажется лишь достойнымъ удивленія то обстоятельство, что до недавняго времени серьезные писатели не могли вполнѣ отрѣшиться отъ этой гипотезы. Такъ и Фундуклей и Грабовскій, при описаніи валовъ въ кіевской губерніи, приняли странную номенклатуру для опредѣленія ихъ: одни изъ этихъ валовъ они называютъ народнымъ названіемъ: „Зміевыми“ другіе книжнымъ названіемъ „Траяновыми“, при чемъ стараются привести доказательства въ подтвержденіе старой гипотезы о сооруженіи ихъ императоромъ Ульпіемъ Траяномъ.

Описывая одинъ изъ валовъ, пролегающихъ по васильковскому уѣзду, оба названныя писателя утверждаютъ, будто въ народѣ сохранились какія-то преданія о Траянѣ, царѣ Ермаланскомъ (sic), но текста самыхъ преданій они не приводятъ и мы полагаемъ, что почтенные писатели введены были въ заблужденіе смутнымъ и неточнымъ слухомъ, слишкомъ поспѣшно занесеннымъ ими въ серьезный трудъ. По крайней мѣрѣ въ многочисленныхъ этнографическихъ изданіяхъ, вышедшихъ и раньше и позже названныхъ сочиненій, мы не встрѣтили нигдѣ намека ни на Траяна, ни на царя Ермаланскаго. Еще болѣе шатко другое доказательство, приведенное двумя названными авторами въ подкрѣпленіе Траяновой гипотезы. Они указываютъ, что въ мѣстечкѣ Кошеватой, лежащемъ впрочемъ въ сторонѣ отъ вала, найдена была монета съ именемъ Траяна; но по сообщенному ими-же описанію найденой монеты явствуетъ, что она чеканена не при императорѣ Ульпіѣ Траянѣ (98—117 г.), а при Деціѣ Траянѣ (249—251) и что она принадлежитъ къ числу колоніяльныхъ монетъ города Виминація въ Мезіи. Такимъ образомъ

очевидно монета не имѣетъ ничего общаго не только съ валомъ и кіевскою мѣстностью, но и съ императоромъ Ульпіемъ Траяномъ [1]).

Въ одно почти время съ Грабовскимъ и Фундуклеемъ неизвѣстный писатель, скрывшійся подъ псевдонимомъ Кіянина Дмитрія, посвятилъ цѣлое отдѣльное сочиненіе гипотезѣ о Трояновыхъ валахъ [2]) и пришелъ въ немъ къ весьма оригинальнымъ выводамъ: нисколько не сомнѣваясь, что имя Трояновыхъ валовъ осталось въ народной памяти съ незапамятныхъ, доисторическихъ временъ, авторъ силится путемъ филологическихъ, иногда весьма странныхъ сближеній, подкрѣпленныхъ цѣлымъ рядомъ нежданныхъ, диковинныхъ гипотезъ, доказать, что Троянъ, соорудившій валы, существовалъ дѣйствительно, но что лице это не тождественно съ римскимъ императоромъ II столѣтія, что Троянъ былъ князь славянскій, княжившій въ землѣ полянъ за 500 лѣтъ до Рождества Христова, что Кіевъ тогда носилъ правдоподобно имя Трои, что слово „Кій" было нарицательнымъ наименованіемъ или титуломъ князя и т. д. Словомъ авторъ забрелъ въ непроходимыя дебри, въ какія увлекаются всегда писатели, старающіеся пояснить историческій фактъ не историческими свидѣтельствами, а исключительно филологическими сближеніями, подкрѣпленными произвольными фантастическими гипотезами.

Липпоманъ, писавшій гораздо раньше Фундуклея и Грабовскаго, болѣе здраво отнесся къ гипотезѣ о Траяновыхъ валахъ: передавая описаніе извѣстныхъ ему линій, онъ говоритъ: „нѣкоторые ученые, вѣроятно имѣя ошибочныя свѣдѣнія о мѣстоположеніи этихъ валовъ, приписывали ихъ сооруженіе Траяну... но познакомившись съ ихъ расположеніемъ, нельзя не убѣдиться, что они не были сооружены Траяномъ и не могли находится на границѣ римской провинціи Дакіи" [3]). Въ замѣнъ этой гипотезы Липпоманъ представляетъ свою, весьма впрочемъ неопредѣленную; по его мнѣнію зміевы валы относятся къ весьма глубокой древности и сооружены были сарматами, которыхъ Липпоманъ считаетъ предками

---

[1]) Фундуклей, Обозрѣніе могилъ и т. д., стр. 30. Grabowski—Ukraina dawna i terazniejsza, стр. 72.

[2]) Выводъ о томъ, что въ древней Россіи Порусско-украинскіе и Дунайскіе Трояновы валы построены были не римскимъ, а русскимъ Трояномъ. Кіевъ. 1845.

[3]) Lippoman, op. cit., стр. 23—24.

славянъ"[1]).—Наконецъ Максимовичъ, съ свойственною ему трезвостію взгляда, основываясь на лѣтописныхъ указаніяхъ и на свидѣтельствѣ Брунона Мерзебурскаго, высказываетъ предположеніе, что переяславскіе валы были насыпаны въ концѣ X столѣтія[2]).

Отклонивъ названіе Траяновыхъ валовъ, какъ совершенно произвольное и лишенное научныхъ основаній, обратимся къ народному названію *Змієвыхъ валовъ*. Народъ называетъ ихъ этимъ именемъ не по имени предполагаемаго Липпоманомъ, будто-бы нѣкогда существовавшаго вождя змія, ни потому, что валы тянутся извилисто, подобно змѣѣ, какъ предполагалъ Максимовичъ, и еще менѣе по причинѣ высказанной Кіяниномъ Дмитріемъ, будто „они были столь огромны и страшны, что народъ, уподобляя ихъ змію, назвалъ его именемъ"[3]), а потому, что въ народной памяти уцѣлѣло въ видѣ фантастической легенды преданіе о возникновеніи вала, главнымъ-же дѣйствующимъ лицемъ легенды является миѳическое существо *змій* (по малорусски змій означаетъ не змѣю, а дракона), по имени котораго и названы валы.

Сказочная легенда о возникновеніи змієвыхъ валовъ была записана изъ устъ народа и издана во многихъ этнографическихъ сборникахъ[4]); она представляетъ множество варіантовъ, но существенныя черты разсказа сводятся къ слѣдующему: въ весьма давнее время, вблизи Кіева, у Днѣпра залегъ огромный и страшный Змій: онъ причинялъ жителямъ многія бѣдствія и, между прочимъ, потребовалъ у кіевлянъ дани дѣтьми; всѣ семейства безъ различія сословій должны были доставлять поочередно змію дѣвицъ и мальчиковъ на съѣденіе; очередь пришла на княжескую дочь; змію она полюбилась и онъ оставилъ ее жить у себя; княжна, пользуясь

---

[1]) Lippoman, стр. 24 и 139.

[2]) Труды перваго археологическаго съѣзда, т. I, стр. CXXVI.

[3]) Lippoman, стр. 26. Максимовичъ l. c., стр. CXXV. Выводъ о томъ et c, стр. 7.

[4]) Намъ извѣстны варіанты помѣщенные, въ слѣдующихъ сборникахъ: 1) *Кулишъ*, Записки о южной Руси, т. II, стр. 27—30; Nowosielski, Lud ukrainski, т. 1, стр. 254—284; Малорусскія народныя преданія и разсказы, изд. юго-западнаго отдѣла имп. русск. географич. общ., стр. 248—249; Фундуклей, Описаніе могилъ, валовъ и городищъ, стр. 30—31; Lippoman, Zastanowienie się etc., стр. 23; Atheneum, журналъ, выходившій въ Вильнѣ, за 1842 г., Чубинскій, Малорусскія сказки, стр. 128 и 252.

расположеніемъ чудовища, выпытала у него, кто въ состояніи его побѣдить и сообщила эту тайну отцу, переславъ ему извѣстіе въ письмѣ, привязанномъ къ шеѣ голубя. Оказалось, что въ Кіевѣ жилъ богатырь *„Кирило Кожемяка“*, отличавшійся громадною силою: онъ въ раздраженіи разрывалъ по 12 сыромятныхъ воловьихъ шкуръ, сложенныхъ вмѣстѣ; этому-то богатырю и суждено было побѣдить Змія. Князь съ трудомъ упросилъ его предпринять подвигъ, который и увѣнчался полною побѣдою Кожемяки. О пріемахъ борьбы почти каждый варіантъ разсказываетъ иначе, но изъ 12 извѣстныхъ мнѣ варіантовъ—четыре передаютъ, что богатырь побѣдилъ Змія, благодаря заступничеству святыхъ „Кузьмы—Даміяна“ (въ пятомъ варіантѣ Бориса и Глѣба), которые сковали огромный плугъ и доставили возможность богатырю впречь въ этотъ плугъ Змія и принудить его пахать; борозда выкинутая плугомъ и составляетъ Зміевъ валъ. Въ одномъ изъ варіантовъ прибавлена подробность, что Змій, утомленный работою, остановился на берегу рѣки, выпилъ ее почти всю и вслѣдствіе этого околѣлъ въ страшныхъ мученіяхъ, оставшаяся-же въ долинѣ рѣчки ничтожная струя воды съ того времени получила названіе рѣки Стугны, отъ стоновъ (по малорусски стогнати), которые испускалъ Змій; по причинѣ-же смерти Змія на берегу этой рѣки прекращается линія вала [1]).

Конечно, самъ по себѣ приведенный народный разсказъ принялъ слишкомъ сказочную, фантастическую окраску, чтобы можно было извлечь изъ него прямыя указанія на время возникновенія валовъ; мы привели его только потому, что нѣкоторыя черты этого разсказа совпадаютъ съ лѣтописною легендою объ основаніи Переяславля и о единоборствѣ русскаго богатыря съ силачемъ Печенѣжиномъ [2]). Богатырь лѣтописной легенды, подобно Кирилу—кожевникъ (усмошвецъ, кожемяка), подобно ему онъ заявляетъ свою силу, разрывая сыромятныя кожи; оба богатыря одерживаютъ побѣду въ единоборствѣ съ страшнымъ врагомъ, котораго кромѣ ихъ никто не въ состояніи побѣдить и который причиняетъ страшныя бѣдствія русской землѣ. Если на основаніи этого сходства въ нѣкоторыхъ подробностяхъ можно предположить, что лѣтописная

---

[1]) Nowosielski, т. I, стр. 269.

[2]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. IX, стр. 65—66.

легенда есть не что иное, какъ варіантъ той-же современной намъ народной сказки, только записанный за нѣсколько столѣтій раньше и потому не потерявшій еще многихъ чертъ реальной обстановки, замѣненныхъ впослѣдствіи чертами миѳическими, то прямымъ логическимъ послѣдствіемъ этого предположенія будетъ выводъ, что сказочный Змій современныхъ народныхъ преданій есть ничто иное, какъ аллегорія, подъ которою скрывается совершенно теперь забытый, но нѣкогда вполнѣ реальный и грозный образъ печенѣговъ, занявшихъ было оба берега Днѣпра и неоднократно бравшихъ кровавую дань со славянскаго населенія кіевской земли.

Обратимся отъ народныхъ сказаній къ болѣе точнымъ историческимъ свидѣтельствамъ. Если историческія сказанія о кіевскихъ собственно валахъ очень скудны, то за то мы находимъ весьма многочисленныя свидѣтельства о возникновеніи земляныхъ укрѣпленій, пролегавшихъ на большихъ разстояніяхъ и охватывавшихъ обширныя области въ западной Европѣ [1]). Римляне первые ввели земляные валы, какъ средство защиты своихъ границъ отъ германцевъ; уже въ I столѣтіи послѣ Рождества Христова сооружена была длинная линія вала, ограждавшая римскія владѣнія вдоль сѣверной ихъ границы отъ Кельна, по правому берегу Рейна, затѣмъ по Майну и до впаденія Альтмюля въ Дунай; линія эта тянулась на протяженіи 500 верстъ и впослѣдствіи была продолжена гораздо дальше къ востоку—до устья Дуная. Германцы заимствовали быстро у римлянъ эту фортификаціонную систему. Сначала западныя германскія племена стали окружать валами территоріи отдѣльныхъ общинъ и даже цѣлыхъ племенъ, затѣмъ, мало по малу, обычай этотъ распространился и въ восточной и сѣверной Германіи. Уже Германикъ, по свидѣтельству Тацита, наткнулся на валъ, окружавшій территорію херусковъ отъ сосѣдняго племени ангриваріевъ, третій валъ окружалъ предѣлы страны бруктеріевъ и т. д.

Во время Карла Великаго эта римская фортификаціонная система была во всеобщемъ употребленіи какъ у франковъ, такъ и у тѣхъ германскихъ и сопредѣльныхъ съ германцами народовъ,

---

[1]) Данныя о валахъ въ западной Европѣ мы заимствуемъ изъ спеціальнаго военно-историческаго сочиненія генерала Пеукера—von Peucker. Das Deutsche Kriegswesen der Urzeiten. Berlin. 1860 г. См. т. II, стр. 349—415.

съ которыми приходилось сталкиваться франкскому завоевателю. Такъ въ анналахъ Эйнгарта есть свѣдѣнія о сооруженіи въ 812 г. по повелѣнію Карла Великаго пространной линіи валовъ, которая назначалась для охраненія сѣверныхъ границъ Саксоніи отъ нападеній датчанъ и славянъ вильковъ. По правую сторону Эльбы линія эта простиралась отъ крѣпости Гогбуки на Эльбѣ до устья рѣки Свентины въ Балтійское море. Укрѣпленія эти, такъ называемые „limites Saxoniae", въ свое время видѣлъ и описалъ подробно Адамъ Бременскій. Въ одно почти время съ возведеніемъ этой линіи современникъ Карла Великаго, датскій конунгъ Готфридъ оградилъ въ 808 г. южные предѣлы своихъ владѣній по сѣверному берегу Эйдера длиннымъ валомъ, который тянулся отъ Балтійскаго моря до Нѣмецкаго. На юго-востокѣ арміи Карла Великаго встрѣтили также страну защищенную земляными валами: монахъ Сенгалленскій, разсказывая походъ сына Карла Великаго Пипина на аваровъ (796 г.), сообщаетъ подробное описаніе девяти концентрическихъ линій валовъ, которыми опоясана была страна аваровъ и которыя представляли главное препятствіе для завоеванія этой страны франками. Въ X в. германскіе императоры продолжали еще возводить на границахъ своихъ владѣній земляные валы; такъ около 970 года при Оттонѣ I насыпанъ былъ длинный валъ вдоль сѣверной границы Гольштиніи для защиты этой страны отъ датчанъ.

При постоянныхъ столкновеніяхъ полабскихъ славянъ съ германцами, установившаяся у послѣднихъ фортификаціонная система была заимствована и примѣнена славянами для защиты своей земли. Славянскія нѣкогда земли, лежавшія на площади нынѣшней Саксоніи, Брандебурга и Силезіи, представляютъ цѣлую сложную систему земляныхъ валовъ и рвовъ, которые тянутся на протяженіи сотень верстъ и охватываютъ обширные округи. Такія насыпи окружаютъ древнюю Миснію и верхнюю Лужицу, и вообще наполняютъ въ разныхъ направленіяхъ всю область отъ Саалы на западѣ до Одера и Варты на востокѣ [1]).

---

[1]) Весьма подробныя свѣдѣнія о валахъ и рвахъ полабскихъ и лужицкихъ собраны въ сочиненіи Шустера: Oscar Schuster—Die alten Heidenschanzen Deutschlands mit specieller Beschreibung des Oberlausitzer Schanzensystems. Dresden. 1869.

Отъ полабскихъ славянъ фортификаціонная система правдоподобно заимствована была поляками. Длинные валы окружаютъ разные округи Силезіи, составляя какъ-бы продолженіе лужицкихъ укрѣпленій; затѣмъ такіе-же круги валовъ охватываютъ всю озерную систему Гопла въ Великой Польшѣ, простираясь между рр. Вартою и Нотецью [1]).

Такимъ образомъ изъ этого краткаго обзора мы видимъ, что укрѣпленіе границъ линіями и кругами длинныхъ земляныхъ валовъ введено было римлянами, отъ нихъ заимствовано германцами и затѣмъ западными славянами; у германцевъ такія фортификаціонныя работы возводились еще въ IX и X столѣтіяхъ, слѣдовательно въ это время отвѣчали еще стратегическимъ условіямъ защиты страны отъ иноземнаго вторженія.

Если обратимся къ историческимъ свидѣтельствамъ о кіевскихъ валахъ, то найдемъ лишь немногочисленныя о нихъ свидѣтельства. Лѣтописи упоминаютъ пять разъ (1093, 1095, 1149, 1151 и 1169) о валахъ въ кіевскомъ и переяславскомъ княженіяхъ и упоминанія эти свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что валы уже существовали, но не служили уже повидимому для стратегическихъ цѣлей; лѣтописецъ пользуется лишь существованіемъ вала для того, чтобы точнѣе обозначить топографическое положеніе мѣстностей, по которымъ проходили княжескія дружины или гдѣ происходили боевыя стычки. Такъ подъ 1093 годомъ, описывая неудачный походъ князей: Святополка, Владиміра Мономаха и Ростислава противъ половцевъ, осаждавшихъ Торческъ, лѣтописецъ говоритъ, что князья переправились черезъ Стугну у Триполья, прошли валъ и здѣсь встрѣтили половцевъ. „Нашимъ-же ставшимъ межи валома и поставиша стяги своя и изидоста стрѣльцы по валу“ [2]). Очевидно лѣтописное указаніе относится къ тѣмъ двумъ валамъ, которые начинаются около Триполья весьма близко другъ отъ друга на устьѣ Стугны и потомъ расходятся: одинъ параллельно теченію Стугны, другой вдоль теченія Красной.

Подъ 1095 годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи разсказъ о неудачной попыткѣ половецкихъ хановъ, Итляра и Китяна, заключить

[1]) Schuster, op. cit., стр. 103—109. Kraszewski. Sztuka u Sławian, стр. 93—94.

[2]) Ипатская лѣтоп., стр. 153. Лаврентьевская лѣт., стр. 212.

мирный договоръ съ Мономахомъ. Оба хана подошли къ стольному граду Владиміра—Переяславлю; Итляръ со свитою вошелъ въ городъ, Китянъ-же съ ордою „ста межи валома", взявъ въ заложники сына Мономаха—Святослава. Но на совѣтѣ Владиміра рѣшено было, чтобы вмѣсто заключенія договора избить хановъ и пришедшую съ ними орду и потому ночью кіевлянинъ Славата отправился съ частью переяславской дружины и съ торками „межи валы", успѣлъ сначала „выкрасть" Святослава, а потомъ избилъ Китяна и его рать [1]). Въ этомъ отрывкѣ лѣтопись конечно говоритъ о двухъ валахъ, окаймляющихъ съ юга Переяславль. Къ тѣмъ-же валамъ относится и слѣдующее упоминаніе лѣтописи, записанное подъ 1149 годомъ: во время распри Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ, Юрій осадилъ Переяславль, но, узнавъ о приближеніи Изяслава, отступилъ отъ города и *„ста межи валома"*; за нимъ послѣдовалъ Изяславъ и здѣсь, у Янчина сельца, произошла рѣшительная битва, кончившаяся полною побѣдою Юрія [2]).

Подъ 1151 годомъ лѣтопись два раза упоминаетъ о валѣ, и оба раза, по видимому, слѣдуетъ указанныхъ лѣтописью частей вала искать на той линіи, которая пролегаетъ южнѣе Стугны и не доходя истоковъ этой рѣки, переходитъ на Унаву. Въ названномъ году Юрій Долгорукій, добиваясь кіевскаго стола, осадилъ Бѣлгородъ, но когда горожане отказались сдать ему крѣпость, то онъ отступилъ вверхъ по Ирпеню къ Черневу (Черногородкѣ?) и оттуда „иде за валъ и ста у Бзяницѣ" на Перепетовомъ полѣ, наджидая прихода своего союзника, князя Владиміра Галицкаго. Узнавъ объ этомъ движеніи, Изяславъ выступилъ изъ Кіева и пройдя Звенигородъ и Васильковъ, гдѣ переправился черезъ Стугну, „пришедше къ валови, и не проходяче къ валу, ту и сташа полки своими"; въ теченіи трехъ дней между обоими ратями происходили незначительныя стычки, имѣвшія повидимому цѣлью заманить Юрія въ битву такъ, чтобы рать Изяслава могла вступить въ бой подъ прикрытіемъ вала; но когда разсчетъ этотъ не удался, то Изяславъ, вмѣстѣ съ своими союзниками, „въ четвертый день преже солнца пройдоша валъ на чистое поле и пойдоша битися, гдѣ-же

---

[1]) Лаврентіевская лѣтопись, стр. 219—230.

[2]) Та же, стр. 305—306.

стояше Юрій". Затѣмъ послѣдовала битва на верховьяхъ рѣки Рутка, кончившаяся совершеннымъ пораженіемъ Юрія и его союзниковъ [1]).

Наконецъ о валахъ лѣтопись упоминаетъ послѣдній разъ подъ 1169 годомъ по поводу междоусобія, вспыхнувшаго между Мстиславомъ Изяславичемъ и его дядею Владиміромъ и другими родственниками. Мстиславъ выступилъ изъ Кіева къ Вышгороду, гдѣ затворился Владиміръ, и „пришедъ, ста по горѣ отъ бору, а пѣшци постави по валови". Очевидно здѣсь рѣчь идетъ о томъ отрѣзкѣ вала, который понынѣ проходитъ сѣвернѣе Вышгорода, между этимъ селомъ и Петровцами—отъ стороны бору [2]).

Немногими приведенными мѣстами исчерпывается все то, что лѣтопись сообщаетъ намъ о кіевскихъ валахъ. По отрывкамъ этимъ мы можемъ констатировать существованіе зміевыхъ валовъ съ конца XI столѣтія, но не находимъ никакого указанія на время ихъ возникновенія; за то указаніе это мы встрѣчаемъ въ одномъ иностранномъ памятникѣ начала XI столѣтія, именно дошедшемъ отъ 1008 года до насъ письмѣ, писанномъ Бруноном, архіепископомъ мерзебурскимъ къ императору германскому, Генриху II. Одинъ отрывокъ этого письма имѣетъ связь съ занимающимъ насъ предметомъ. Направляясь въ качествѣ миссіонера въ страну печенѣговъ, Брунонъ гостилъ нѣкоторое время въ столицѣ русскаго князя. „Князь руссовъ, пишетъ онъ, обладающій большимъ государствомъ и значительными богатствами, удержалъ меня въ продолженіи цѣлаго мѣсяца противъ моей воли; онъ усиленно упрашивалъ меня, чтобы я не ходилъ къ столь неистовому народу, утверждая, будто я добровольно ищу собственной гибели, будто я ничего не успѣю относительно спасенія душъ (язычниковъ) и обрѣту лишь позорную смерть. Но, когда оказалось, что онъ не былъ въ состояніи убѣдить меня и когда при томъ нѣкоторое видѣніе, касавшееся меня грѣшнаго, навело на него ужасъ, онъ въ продолженіи двухъ дней проводилъ меня съ отрядомъ войска до границъ своего государства, которыя онъ, для безопасности отъ враговъ кочевниковъ, *окружилъ со всѣхъ*

---

[1]) Ипатская лѣтопись, стр. 300—301.

[2]) Тамже, стр. 365—366.

сторонъ весьма длинною и крѣпкою оградою [1]). Здѣсь онъ соскочилъ съ коня и мы вышли изъ воротъ: я съ своими спутниками шелъ впереди, онъ съ своими вельможами слѣдовалъ за нами. За воротами онъ сталъ на одномъ курганѣ, я на другомъ и, держа въ рукахъ крестъ, я пропѣлъ возвышенный тропарь: „Если любишь меня Петръ, паси мои овцы"! Когда спутники мои пропѣли кондакъ, князь прислалъ ко мнѣ одного изъ вельможъ своихъ съ слѣдующимъ увѣщаніемъ: „я привелъ тебя къ предѣлу, гдѣ кончается моя земля и гдѣ начинается область враговъ. Именемъ Господа взываю къ тебѣ, не губи къ моему безславію своей юной жизни. Я увѣренъ, что завтра передъ вечеромъ ты безплодно и безцѣльно подвергнешься позорной смерти". Въ отвѣтъ я передалъ: „да откроетъ тебѣ Господь царство небесное, подобно тому, какъ ты намъ открылъ путь въ землю язычниковъ" [2]).

Изъ приведеннаго свидѣтельства Брунона видно, что одинъ изъ валовъ, окружавшихъ Кіевъ, былъ возведенъ княземъ, управлявшимъ страною въ 1008 году, т. е. Владиміромъ святымъ. Сооруженіе этого вала вѣроятно произошло одновременно съ усиленною постройкою Владиміромъ городовъ на Деснѣ, Острѣ, Трубежѣ и Стугнѣ, о которой разсказываетъ кіевская лѣтопись подъ 988 годомъ и которую Владиміръ предпринялъ потому, что „бѣ рать отъ печенѣгъ и бѣ воюяся съ ними и одоляя имъ" [3]). Тотъ валъ, сквозь который проходилъ Брунонъ и который, по его словамъ, окружалъ кольцемъ (undique) владѣнія русскаго князя, находился въ двухъ дняхъ пѣшаго пути отъ столицы: на основаніи этихъ данныхъ мы полагаемъ, что у Брунона рѣчь идетъ о той линіи Зміеваго вала, которая, начинаясь у Триполья (50 верстъ отъ Кіева), проходитъ черезъ Мытницу (42 версты отъ Кіева) и Бышевъ (50 верстъ отъ Кіева) къ Здвижу и Тетереву; миссіонеръ, шедшій въ печенѣжскую степь, долженъ былъ пройти черезъ южную вѣтвь этого вала, между Трипольемъ и Васильковымъ.

---

[1]) Ad regni sui terminum ultimum, quem, propter vagum hostem, firmissima et longissima sepe undique circumclausit.

[2]) Bielowski—Monumenta Poloniae historica, т. I, стр. 224—225.

[3]) Лаврент. лѣтоп., стр. 119.

О другихъ линіяхъ Зміеваго вала мы не имѣемъ указаній, подобныхъ Брунонову, но полагаемъ, что по теченію Роси они могли возникнуть тогда, когда Ярославъ раздвинулъ къ югу предѣлы своего государства до Роси и рѣшился укрѣпить границу по этой рѣкѣ, подобно тому, какъ отецъ укрѣпилъ ее по Стугнѣ. Подъ 1031—1032 годами лѣтопись передаетъ намъ, что „Ярославъ поча ставити городы на Роси и многи Ляхи (военноплѣнныхъ) приведе и посади на Роси“ [1]). Вѣроятно лѣтопись при этомъ умолчала о насыпкѣ поросьскаго вала, подобно тому, какъ умолчала о сооруженіи вала постугнянскаго, во время постройки городовъ по этой рѣкѣ въ 988 году.

Если сведемъ всѣ свѣдѣнія, какія намъ удалось собрать о Зміевыхъ валахъ, то полагаемъ можемъ прійти на ихъ основаніи къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Географическое расположеніе валовъ и положеніе сопровождающихъ ихъ рвовъ указываетъ на то, что валы возведены были для защиты отъ кочевниковъ той территоріи, въ центрѣ которой лежалъ Кіевъ.

2) Такъ какъ опасность отъ кочевниковъ угрожала по преимуществу со стороны южныхъ степей, то и валы сосредоточены главнымъ образомъ на южной границѣ древней кіевской области, опираясь на рѣку Рось и ея притоки—Красную и Стугну, и представляя съ южной стороны до 5 параллелей, расположенныхъ одна за другою.

3) Система огражденія областей длинными земляными валами не составляла особенности кіевской Руси; она была заимствована съ запада; римляне сообщили ее германцамъ, отъ которыхъ она перешла къ славянамъ. На западѣ земляные валы возводились еще до конца X столѣтія.

4) Мы имѣемъ свидѣтельство Брунона, дополняющее русскую лѣтопись о томъ, что Владиміръ св. возводилъ на границахъ своего государства валы для защиты отъ печенѣговъ также въ концѣ X столѣтія.

---

[1]) Также стр. 146.

5) Изъ сличенія народныхъ легендъ съ лѣтописною можно вывести заключеніе, что „Змій“, отъ имени котораго названы валы, есть не что иное, какъ миѳическій символъ, подъ которымъ скрывается забытое уже представленіе о печенѣгахъ.

6) Съ исходомъ XI столѣтія, судя по лѣтописнымъ указаніямъ, валы потеряли свое фортификаціонное назначеніе.

В. Антоновичъ.

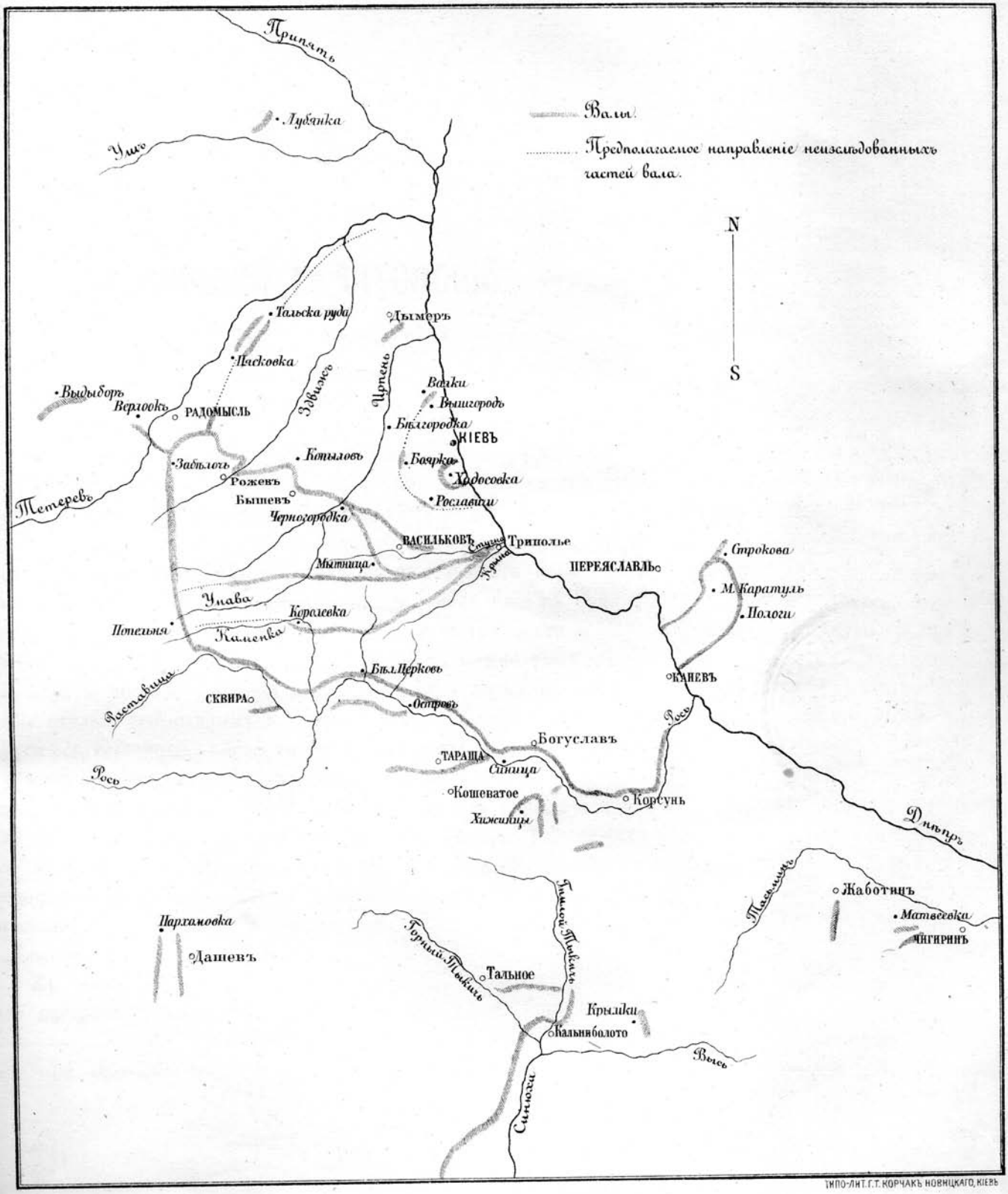

ТИПО-ЛИТ. Г. Т. КОРЧАКЪ НОВИЦКАГО, КІЕВЪ

ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1]).

Церковно-общественная жизнь польской и южно-русской интеллигенціи второй половины семнадцатаго вѣка многими своими сторонами напоминаетъ религіозное настроеніе и церковно-литературные порядки и вкусы западно-европейскаго общества въ глухое средневѣковье. Изъ іезуитскихъ коллегіумовъ, появившихся въ Польшѣ и въ Литвѣ въ XVI и XVII ст., выросли давно уже на Западѣ заглохшія сорныя травы суевѣрій, религіозной нетерпимости и ханжества. Безъ опасенія впасть въ погрѣшность можно утверждать, что іезуиты послали польскій и южно-русскій разумъ въ школу, чтобы сдѣлать его слѣпымъ и одностороннимъ. Въ Польшѣ, Литвѣ и Руси искусственнымъ образомъ были укрѣплены устарѣлыя формы и обветшалое содержаніе западно-европейской жизни, что въ особенности обнаружилось въ наукѣ и литературѣ. На первый взглядъ кажется, что въ лицѣ Галятовскаго воскресъ Цезарій Гейстербахскій или Яковъ де Ворагине. Эту странную иллюзію вызываетъ необыкновенное сходство „Неба Новаго“ и „Софіи мудрости“ Галятовскаго съ такими произведеніями, какъ „Dialogus miraculurum“ и „Legenda aurea“.

Къ числу весьма характерныхъ чертъ религіозно-нравственнаго настроенія польскаго и южно-русскаго общества второй по-

---

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., фер. кн., стр. 183—204.

ловины семнадцатаго вѣка принадлежитъ весьма своеобразное, вполнѣ средневѣковое по духу и внѣшней формѣ, прославленіе пресвятой Дѣвы, весьма отличное отъ того смиреннаго и безъискусственнаго почитанія, которое воздавали Ей въ московскомъ государствѣ. Польскій проповѣдникъ второй половины XVII в., іезуитъ Ѳома Млодзяновскій называетъ пресвятую Богородицу польской королевой, причемъ увѣряетъ, что она сама такъ назвала себя. По мнѣнію Млодзяновскаго, Польшу отъ окончательной гибели во время турецкаго нашествія въ 1676 г. спасло то важное обстоятельство, что, кромѣ особеннаго благоволенія Господа, Польша находится еще подъ покровительствомъ пресвятой Дѣвы [1]). Южно-русскіе проповѣдники усердно плели изъ своихъ напыщенныхъ „казаній вѣнокъ" для Богородицы или устраивали для нея „садъ". Они объясняли, изъ какихъ нитокъ сшито было платье Богоматери, изъ какихъ камней была составлена ея корона, какъ украшенъ ея дворецъ. При крайней матеріализаціи высоко-чтимаго образа пресвятой Дѣвы, въ южной Россіи развилась наклонность къ собиранію разсказовъ о ея чудесахъ.

Въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ Галятовскій выбиралъ изъ разныхъ книгъ сказанія о чудесахъ пресвятой Богородицы. Въ концѣ „Ключа" приведено сто чудесъ пресвятой Дѣвы, какъ пособіе для амплификаціи проповѣдей. Въ 1665 году Галятовскій издалъ во Львовѣ цѣлую книжку о чудесахъ Богоматери, подъ заглавіемъ: „Небо новое съ новыми звѣздами сотворенное, т. е. преблагословенная Дѣва Марія Богородица съ чудами своими, составленное трудолюбіемъ іеромонаха Іоанникія Галятовскаго, ректора и игумена братства кіевскаго". „Небо" имѣло три изданія: львовское 1665 года на польскомъ и малорусскомъ языкѣ [2]), черниговское 1677 года на малорусскомъ языкѣ и могилевское 1699 года на малорусскомъ языкѣ. „Небо" было въ 1677 года переведено на русскій языкъ дьякономъ звенигородскаго Саввы Сторожевскаго монастыря Ѳеофаномъ [3]). Новѣй-

---

[1]) Мацѣевичъ. «Труды К. Дух. акад.» 1870. Іюль. 263.

[2]) Wisznewski, Hist. liter., VIII. 393. Одинъ экземпляръ «Неба» находится въ библіотекѣ харьк. дух. семинаріи.

[3]) Бычковъ, библіологич. словарь Строева. 1882. стр. 132.

шій русскій переводъ сдѣланъ въ Москвѣ въ 1851 году А. Плоховымъ [1]).

На первой страницѣ заглавнаго листа изображена пресвятая Богородица, окруженная ангелами и въ одеждѣ, усѣянной звѣздами. На второй страницѣ того-жъ листа въ изданіи 1665 г. находится гербъ Могилъ и посвященіе книги двоюродной сестрѣ Петра Могилы, Аннѣ Потоцкой, а въ изданіи 1677 и 1699 г. изображено крещеніе Спасителя. На третьей страницѣ находится обращеніе къ „ласкавому чительнику", въ которомъ объясняется цѣль изданія книги: „Тыи чуда пресвятой Богородицы могутъ священники въ церкви читать, на утрени, для науки людямъ и на похвалу пресвятой Богородицы. На праздники Богородичные могутъ читать и законники въ церкви, того-жъ часу, могутъ читать и въ трапезѣ, подчасъ обѣда албо вечери; зъ тыхъ чудовъ могутъ и казнодѣи помочь мѣти до казаня на праздники Богородичные и на иншіи свята и недѣли, и на погребы, и на оказіи розныи, беручи ихъ и апплику-ючи до своеи мовы, що знайдуется въ моихъ казаняхъ многихъ; тыми чудами могутъ всѣ христіяне православные вѣру свою спирати и всѣмъ людямъ невѣрнымъ, геретикомъ, жидомъ и поганомъ отпоръ давати, и сами ся въ добрыхъ учинкахъ будовати и дѣдичами царствія небеснаго зостати". На листахъ 1—4 находятся пророчества Сивиллъ о 12 чудесахъ Богородицы.

Всѣхъ чудесъ въ „Небѣ" 445; распредѣлены они по 28 отдѣламъ: чудеса при рождествѣ пресвятой Богородицы, во время ея пребыванія въ храмѣ, во время рождества Іисуса Христа, отъ имени пресвятой Дѣвы, отъ ея перстня, надъ монахами, больными, умершими, жидами, язычниками и проч. Въ распредѣленіи чудесъ замѣтна искусственность и хаотичность.

Галятовскій черпалъ сказанія о чудесахъ Богородицы изъ разнообразныхъ источниковъ, изъ житій святыхъ, описаній чудотворныхъ иконъ, историческихъ сочиненій. Онъ пользовался почти исключительно латинскими источниками. „Prawda, писалъ Рутка въ 1696 г., ze pisali teraz schizmaticy kazania, jak przeciw żydow jako i mahometanow, ale cokolwiek tam jest dobrego, pięknego i

---

[1]) Пекарскій, наука и литер. при Петрѣ В. II. 19.

mądrego, to się z authorow łacinskich pobrało. Co się widzieć daje z authora „Nowego Nieba“. Bo w tym Niebie naprzod znaydziesz i spiac Dormi secure Anzelma, Suriusza, Karthagena, Marchauciusza, Boziusza, Bellowaceńskiego Vincenciusza i inszych. A schysmatykom Pan Bog nie dał tego, według nauki Ducha Swiętego: „do dusze złej woli nie wnidzie Duch mądrośći“ [1]).

Нѣтъ надобности доказывать, что „Небо“ Галятовскаго никогда не имѣло того образовательнаго и воспитательнаго значенія, какое ему приписывалъ благочестивый авторъ. Довольно важно другое значеніе этого литературнаго памятника, которое Галятовскій ни мало не предвидѣлъ,—значеніе историко-литературное. Нѣкоторые религіозные разсказы и легенды, циркулирующіе въ настоящее время въ народѣ, проникли въ Малороссію черезъ „Небо“ Галятовскаго. Чтобы не отклоняться въ сторону отъ нити изслѣдованія, можно ограничиться однимъ примѣромъ. Въ XIII вѣкѣ въ Германіи существовалъ разсказъ о томъ, какъ одинъ живописецъ изобразилъ на холстѣ Богоматерь и чорта. Чортъ былъ представленъ безобразнымъ, и Богоматерь попирала его ногами. Демонъ, какъ и слѣдовало ожидать, обидѣлся. Онъ выдернулъ изъ-подъ живописца скамью, чтобы живописецъ разбился; но Богоматерь поддержала его на воздухѣ и такимъ образомъ посрамила чорта [2]). Подобнаго рода разсказъ нынѣ циркулируетъ въ украинскомъ простонародьѣ. Сходство между средневѣковыми нѣмецкими и современными малорусскими разсказами о чортѣ и живописцѣ до такой степени велико, что малорусскіе разсказы необходимо признать простымъ пересказомъ сказаній нѣмецкихъ. У Галятовскаго разсказъ о живописцѣ и чортѣ встрѣчается въ „Небѣ“, въ XXI отдѣлѣ, и мы склонны думать, что именно Галятовскій, пользовавшійся при составленіи „Неба“ средневѣковыми сочиненіями, пересадилъ этотъ разсказъ на малорусскую почву, гдѣ онъ и принялся. Изслѣдователямъ исторіи малорусскихъ народныхъ преданій, разсказовъ и легендъ придется обратиться къ изученію вышедшихъ во второй половинѣ XVII ст. сборниковъ чудесъ, и, быть можетъ, изученіе

---

[1]) Treoph. Butka, Herby abo znaki kosciola prawdziwego. 1696. стр. 208. (Одинъ экз. «Гербовъ» находится въ библ. харьк. дух. семин.).

[2]) Roskoff. Geschichte des Teufels. II. 203.

этихъ сухихъ и безцвѣтныхъ памятниковъ украинской старины броситъ свѣтъ на исторію украинскихъ народныхъ легендъ, опредѣлитъ, какія изъ этихъ легендъ возникли въ самой Украйнѣ, а какія забрели съ чужбины и акклиматизировались въ Малороссіи.

Въ „Небѣ" встрѣчаются чудеса, любопытныя для изслѣдователя исторіи демонологіи. Такъ, Богородица привязала чорта къ столбу, и монахи его избили (XXIV, 15); демоны производятъ свѣтъ отъ тѣлъ еретиковъ, чтобы люди поклонялись имъ, какъ мощамъ (XX, 6); демоны, живущіе въ идолахъ, совѣтуютъ посвятить языческій храмъ Богородицѣ (XXI. 3—4) и друг.

Излагая чудеса отъ иконъ пр. Богородицы, Галятовскій говоритъ преимущественно объ иконѣ купятицкой и иконѣ печерской. Впослѣдствіи Галятовскій описалъ чудеса елецкой иконы Богоматери. Эти три иконы были особенно почитаемы Галятовскимъ, какъ устроительницы и руководительницы его въ разные періоды жизни,—икона купятицкая въ молодости, икона печерская въ зрѣломъ возрастѣ, икона елецкая въ старости.

Краевой южно-русскій элементъ въ „Небѣ„ незначителенъ. Въ XXII—XXVIII отдѣлахъ находится довольно много чудесъ Богородицы въ предѣлахъ Малороссіи; но чудеса эти большею частью заимствованы изъ книгъ и по содержанію однообразны,—говорится большею частью о монахахъ, видѣвшихъ во снѣ или на яву Богородицу (XXIV 21—27; XXVI 22; XXVIII 7, 15, 18, 22). Въ одномъ мѣстѣ (XXVIII 17) встрѣчается довольно любопытное историческое преданіе, записанное изъ устъ народа. „Въ Малороссіи, въ галицкомъ повѣтѣ, говоритъ Галятовскій, есть городъ Заваловъ, получившій названіе отъ древнихъ валовъ. Повѣдаютъ старые духовные и свѣтскіе люди, которые отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ слышали, что Бунякъ (яко они мовятъ), але рачей Батый, татарскій царь, разоряя русскую землю, встрѣтилъ воеводу Романа, который окопался тремя валами. Романъ видѣлъ св. Николая, который велѣлъ ему сразиться съ татарами и на мѣстѣ побѣды надъ ними построить церковь во имя пр. Богородицы. Романъ побѣдилъ татаръ и построилъ на мѣстѣ побѣды монастырь, подъ названіемъ „Погоня", съ церковью Успенія пр. Богородицы".

1665—1669 годы самые темные въ жизни Галятовскаго, темные въ томъ смыслѣ, что о нихъ почти ничего неизвѣстно. Въ

1665 г. академія была разорена и ректорство Галятовскаго фактически прекратилось. Въ 1667 г. Галятовскій, по порученію Лазаря Барановича, ѣздилъ въ Литву. Въ этомъ году между московскимъ правительствомъ и нѣкоторыми знатными польскими панами шли переговоры о возведеніи на польскій престолъ царевича Алексѣя Алексѣевича. Сторонникъ Москвы, Лазарь Барановичъ былъ заинтересованъ въ вопросѣ объ избраніи въ польскіе короли московскаго царевича. Можно думать, что Галятовскій ѣздилъ въ Литву въ интересахъ царевича. Такое предположеніе находитъ опору въ одномъ письмѣ Барановича, гдѣ одновременно говорится о желаемомъ избраніи царевича въ польскіе короли и о возвращеніи Галятовскаго изъ Литвы. „Вся Литва и сильнѣйшая партія въ Польшѣ, писалъ Барановичъ Симеону Полоцкому въ 1668 г., желаютъ, чтобы у нихъ былъ королемъ его милость царевичъ. Честный отецъ Галятовскій прибылъ изъ Литвы въ Черниговъ, точно какъ отъ дождя подъ водосточный жолобъ; онъ, какъ очевидецъ, умѣетъ разсказать объ ужасахъ войны; развѣ, говоритъ онъ, на страшномъ судѣ страшнѣе будетъ. Тамъ (?), по тоему старанію, Демко, сѣверскій гетманъ (рѣчь идетъ о Многогрѣшномъ), заключилъ союзъ съ княземъ Ромодановскимъ, перемиріе“... Быть можетъ, и въ заключеніи этого перемирія участвовалъ Галятовскій. Впрочемъ участіе Галятовскаго въ этомъ дѣлѣ могло быть лишь незначительно, такъ какъ Демьянъ Многогрѣшный вступилъ въ переговоры съ Ромодановскимъ въ концѣ 1668 г. въ Черниговѣ, гдѣ пребывалъ самъ Барановичъ и въ посредничествѣ Галятовскаго не могло быть надобности.

Политическія дѣла, безпокоившія Галятовскаго въ смутное въ исторіи Малороссіи время гетманствъ Брюховецкаго и Многогрѣшнаго, не помѣшали ему однако подготовить для печати крупное изслѣдованіе о правдивомъ, истинномъ Мессіи. Въ предисловіи къ „Мессіи правдивому“ Галятовскій говоритъ, что сочиненіе это издается на трехъ языкахъ: латинскомъ, польскомъ и русскомъ. О существованіи латинскаго „Мессіи“ не имѣется никакихъ свидѣтельствъ. На польскомъ языкѣ „Мессія“ изданъ въ 1668 г., на русскомъ въ 1669 г. [1]). Содержаніе польскаго „Messiasza“ и рус-

---

[1]) Въ библіотекѣ харьк. духовн. семин. находится 1 экз. «Мессіи» и 1 экз. «Messiasza».

скаго „Мессіи", за исключеніемъ начальной виньетки и предисловія, тождественно. На первой страницѣ заглавнаго листа польскаго „Мессіяша" изображенъ московскій гербъ (двуглавый орелъ съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ въ серединѣ); въ русскомъ „Мессіи" изображенъ прор. Іезекіиль, держащій въ правой и лѣвой рукахъ по жезлу, которые на верху страницы оканчиваются изображеніями ап. Петра и ап. Матѳея; между ними изъ-за разодранной занавѣсы выступаетъ Іисусъ Христосъ. Польскій „Мессіашъ" посвященъ московскому царю, который будто бы ненавидѣлъ жидовъ; русскій „Мессія" посвященъ самому Іисусу Христу, причемъ, странно сказать, прилагается гербъ Господа: крестъ въ кругѣ. Въ посвященіи книги Іисусу Христу говорится: „Созданіе рукъ Его, сей книги создатель, сію книгу Ему самому, какъ своему и сей книги начальнику создателю, оффѣруетъ и дедикуетъ. Прійми, Мессія правдивый, сію книгу, потому что въ сей книгѣ я написалъ противъ непріятелей Твоихъ жидовъ, которые Тебя преслѣдовали и ученіе Твое хулили, а Ты меня за то избавь отъ всѣхъ непріятелей моихъ, видимыхъ и невидимыхъ, которые меня преслѣдуютъ и хулятъ по-жидовски, или хотятъ хулить Твои божественныя слова, исходящія изъ устъ моихъ на хвалу Твою. Да постыдятся тѣ, которые меня гонятъ; да устрашатся они; наведи на нихъ день озлобленія и сугубымъ сотрясеніемъ сотряси ихъ"... Въ дальнѣйшихъ строкахъ посвященія обнаруживается такое же наивное отношеніе автора книги къ Іисусу Христу: „Я написалъ въ этой книгѣ имя Твое, а Ты за то напиши мое имя въ книгѣ живота. Малое прошеніе мое вношу въ уши Твои, надѣясь больше получить отъ Тебя за трудъ мой, чѣмъ я прошу"... Далѣе слѣдуютъ строки автобіографическаго характера: „Помяни, Господи, Іоанникія, и всѣ труды, и трудности, и исходы, и небезпеченства, и болѣзни, и всѣ утрапенія мои, которыя сію книгу я на хвалу Твою пишучи поднялъ; виждь смиреніе мое и трудъ мой и отпусти мнѣ всѣ грѣхи. Не имѣя своей обители, слоняюсь по свѣту, въ чужихъ обителяхъ сію книгу написалъ, что сопряжено съ затрудненіемъ".

Въ 1803 г. въ Москвѣ вышелъ переводъ „Мессіи правдиваго" на современный русскій языкъ. Переводчикъ, Космодемьянскій, не обозначилъ имени Галятовскаго, а только замѣтилъ на заглавномъ листѣ: „переводъ съ иностраннаго". Переводъ посвященъ Левашову:

Измѣненія значительны: вступленіе Галятовскаго сокращено, отброшены ссылки на источники, выброшено обвиненіе евреевъ въ разныхъ преступленіяхъ и сокращено число „знаковъ", т. е. прообразовъ Мессіи (19 вмѣсто 24) [1]).

Послѣ „Предмовы" находится 1) благословеніе и похваленіе кіев. митр. Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго 1669 г., 2) благословеніе и похваленіе черниг. архіеп. Лазаря Барановича, 3) похваленіе игумена минскаго монастыря, Іосифа Ходоновича, 18 окт. 1667 г. и 4) стихотворная похвала ректора и игумена кіево-братск. монастыря Варлаама Ясинскаго. Интересна хронологическая дата при похваленіи Ходоновича, свидѣтельствующая во первыхъ о томъ, что Галятовскій давалъ свое сочиненіе въ рукописи для прочтенія выдающимся православнымъ духовнымъ лицамъ, во вторыхъ, что „Мессія правдивый" былъ составленъ не позже половины 1667 года. Благословенія и похваленія были одною изъ отличительныхъ чертъ литературныхъ нравовъ XVII в. Апробаціи были обычны и въ Польшѣ. Съ одной стороны онѣ имѣли характеръ цензурнаго одобренія, съ другой стороны служили своего рода рецензіей со стороны лица авторитетнаго, предварительно расположеннаго къ одобрительному отзыву о сочиненіи.

Для Малороссіи искони два обстоятельства составляли несчастье. Во первыхъ ея бѣдственное топографическое положеніе: Малороссія—„горохъ при дорозі". Много разъ расхищали ея достояніе добрые и недобрые сосѣди. Разные народы толкались по ней, въ ущербъ ея національной самостоятельности, ея культурному благосостоянію. Во вторыхъ въ этнографическомъ составѣ малорусскаго населенія издавна весьма значительный процентъ составляютъ евреи, племя всегда внутренно презиравшее пріютившій его народъ, всегда дѣйствовавшее въ ущербъ туземному населенію. Евреи проживали въ южной Россіи со времени глубокой древности. По временамъ они настолько усиливались и такъ эксплуатировали мѣстное, коренное, собственно украинское населеніе, что вызывали возстанія и погромы. Въ 1113 г., по лѣтописнымъ извѣстіямъ, въ Кіевѣ былъ погромъ евреевъ. Въ началѣ XVI в. малороссы изби-

---

[1]) Одинъ экземпляръ этого перевода находится въ библіотекѣ харьковской духовной семинаріи.

вали евреевъ. При Богданѣ Хмельницкомъ произошло безпощадное избіеніе евреевъ въ предѣлахъ Малороссіи, и народъ сложилъ веселую пѣсеньку:

Та не буде лучче,
Та не буде краще,
Якъ у насъ на Украині;
Нема жида, нема ляха,
Нема и уніи.

Отсутствіе евреевъ было непродолжительно. Въ концѣ семнадцатаго столѣтія они снова стали появляться въ казацкой странѣ, привлекаемые откупами съ торговли виномъ и нѣкоторыми другими предметами доходовъ.

Во второй половинѣ XVII в. среди южно-русскихъ евреевъ обнаружилось сильное волненіе, вызвавшее сочиненіе Галятовскаго „Мессія правдивый". „Въ 1666 г., говорится въ предисловіи къ „Мессіи", во всей Малороссіи, въ в. княжествѣ литовскомъ, въ Польшѣ и въ пограничныхъ странахъ жидовское невѣріе высоко подняло свои рога. На Востокѣ, въ Смирнѣ появился лже-мессія Сабефа. Онъ увлекъ жидовъ ложными чудесами и обѣщалъ имъ возвратить Іерусалимъ и Палестину и освободить ихъ отъ подчиненія христіанскимъ народамъ. Жиды надѣялись, что Сабефа возьметъ ихъ на облако и перенесетъ въ Іерусалимъ. Они постили по нѣсколько дней въ недѣлю, въ зимнее время купались въ проруби, произнося новосоставленную молитву, отчего иные простудились и умерли. Днемъ и ночью жиды ходили въ синагогу и молились о скорѣйшемъ пришествіи Мессіи. Жиды стали смѣяться надъ христіанами и грозить имъ, говоря: мы будемъ вашими господами; ваши короли, князья, гетманы, воеводы, сенаторы и всѣ вообще сильные христіане будутъ у жидовъ пастухами, жнецами, работниками, будутъ рубить дрова и топить печи, и все дѣлать, что прикажутъ жиды, должны будутъ принять жидовскую вѣру и поклониться мессіи Сабефѣ и его пророку Наѳану Леви". Жиды смѣялись и надъ Іисусомъ Христомъ. Нѣкоторые малодушные христіане начали сомнѣваться, дѣйствительно ли Іисусъ Христосъ настоящій Мессія, начали даже склоняться мыслью къ жидовскому лже-мессіи. Движеніе, вызванное среди украинскихъ евреевъ появленіемъ на Востокѣ Сабефы, было настолько значительно, что на него обратили

вниманіе и малорусскіе лѣтописцы. „Того жъ року (1666), говоритъ Самуилъ Величко, въ панствѣ турецкомъ, нѣякійсь Сабета, начальникъ жидовскій, провозгласилъ былъ себя лживаго мессіяша, котораго турчинъ вскорѣ велѣлъ поймати и повѣсити на шебеницѣ“ [1]). Въ шестидесятыхъ годахъ XVII ст., до выхода въ свѣтъ „Мессіи правдиваго“, въ южной Россіи было уже составлено неизвѣстнымъ лицомъ сочиненіе противъ Сабефы, подъ заглавіемъ: „Дивный початокъ и странный конецъ“. Галятовскій пользовался этимъ сочиненіемъ при составленіи своего „Мессіи правдиваго“. [2]).

При составленіи сочиненія о „Мессіи правдивомъ“ Галятовскій пользовался письменными и устными источниками. Главные письменные источники: муч. Юстинъ, Іоаннъ Златоустъ, Юліанъ Померій, Павелъ Буржскій, Маркъ Корина, Іоаннъ Людовикъ, Ѳома Брюссельскій и Цезарь Бароній. „Для уясненія жидовскихъ мнѣній о Мессіи, говоритъ Галятовскій, я ѣздилъ по разнымъ городамъ и селамъ, нарочито разговаривалъ съ учеными жидами о Мессіи, доказывалъ имъ истинность Іисуса Христа, какъ Мессіи, и отмѣчалъ ихъ нелѣпые отвѣты... Мнѣ пріятенъ мой трудъ, хотя для составленія его я ѣздилъ по неудобнымъ и небезопаснымъ дорогамъ въ Малороссіи и в. кн. литовскомъ, претерпѣвалъ ущербъ здоровья, подвергался возможности быть убитымъ, и все это я терпѣлъ, во-первыхъ, по примѣру Іисуса Христа, который много потрудился для міра, и во-вторыхъ, въ надеждѣ получить небесное царство“.

---

[1]) С. Величко, Лѣтопись. II, 37.

[2]) Подробности о Сабатеѣ Цви см. въ соч. «Iost'a, Geschichte des Iudenthunes und seiner Sekten». Плохое сокращеніе этого сочиненія сдѣлано было на русск. языкѣ, и вышло въ Москвѣ въ 1864 г. О С. Цви была еще статья въ «Восходѣ» 1882 г.—Сабатей Цви родился въ Смирнѣ въ 1641 г. Семи лѣтъ онъ сталъ уже разсказывать, что ему снятся чудесные сны; звѣри ему кланяются, ангелы наставляютъ его врачебной наукѣ. Онъ ознакомился съ Талмудомъ и Кабалой и назвалъ себя мессіей. Раввины возстали противъ него и изгнали изъ Смирны. Цви отправился въ Салоники, потомъ въ Іерусалимъ, наконецъ въ египетскую Александрію, проповѣдь его имѣла громадный успѣхъ. Въ 1664 г. у него было до 75.000 послѣдователей, въ Константинополѣ, Палестинѣ, Аравіи, Египтѣ, Литвѣ, Польшѣ. Турецкое правительство обратило вниманіе на Цви. Онъ былъ вызванъ къ султану. Угрозой смертной казни его принудили принять исламъ. Лже-мессія сошелъ со сцены; но его послѣдователи, въ особенности лже-пророкъ Наоанъ, еще долго волновались. Движеніе окончательно улеглось въ началѣ восемнадцатаго вѣка.

„Мессія правдивый“ раздѣляется на двѣ неравномѣрныя части. Въ первой, бо́льшей части Галятовскій выдвигаетъ тяжелую аргументацію изъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ о Мессіи, исполнившихся на Христѣ; во второй части говорится о ветхозавѣтныхъ „знакахъ“ и сивиллиныхъ пророчествахъ, подтверждающихъ божественность Спасителя. Всѣхъ пророчествъ въ „Мессіи правдивомъ“—50, прообразовъ, знаковъ 24. Объ однихъ пророчествахъ говорится на многихъ страницахъ, о другихъ въ пяти или шести строкахъ.

Схема сочиненія о „Мессіи правдивомъ“ была давно уже готова у Галятовскаго. Въ „Ключѣ разумѣнія“ казанье на Преображеніе Господне состоитъ въ краткомъ изложеніи ветхозавѣтныхъ пророчествъ объ Іисусѣ Христѣ. Въ „Мессіи правдивомъ“ эти пророчества изложены подробно, и въ объясненіе пророчествъ вставлены богословскіе трактаты о св. Троицѣ, о воплощеніи Слова и другихъ догматахъ христіанскихъ. Эти трактаты совершенно механически вставлены въ рядъ объясненій пророчествъ и не имѣютъ съ послѣдними внутренней связи; каждый трактатъ легко могъ-бы пойти за отдѣльное сочиненіе.

Въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, преимущественно во второй его части, въ объясненіи 18 „знака“, говорится о „злостяхъ жидовскихъ“. Такъ, въ объясненіи 31 и 4 пророчествъ говорится о томъ, что евреи однажды распяли христіанина въ великую пятницу, убиваютъ христіанскихъ дѣтей и выцѣживаютъ изъ нихъ кровь для лѣченія больныхъ или для цѣлей волшебства. Въ изъясненіи 18 „знака“ евреи обвиняются въ шпіонствѣ во время войны, въ отбираніи у христіанъ плутовскими средствами въ мирное время имущества, въ отравленіи колодцевъ, въ примѣшиваніи въ лѣкарства яда, во взиманіи большихъ процентовъ, въ отниманіи у христіанъ церквей, въ ненависти къ выкрестамъ, въ склоненіи русскихъ служанокъ въ іудейскую вѣру, въ выдаиваніи у женщинъ христіанокъ молока на чары.

Отношеніе Галятовскаго къ евреямъ, разумѣется, враждебно. Но ненависть Галятовскаго къ евреямъ не заходила такъ далеко, какъ ненависть польскихъ писателей іезуитовъ. „Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, въ бытность мою въ Персіи, говоритъ Ѳома Млодзяновскій, польскій познанскій проповѣдникъ, прежній еще король Абасъ созвалъ въ одно время всѣхъ жидовъ и спросилъ

ихъ: скоро-ли прійдетъ Мессія? Жиды отвѣчали въ одинъ голосъ: да, мы ожидаемъ Мессію! Король сказалъ имъ на это: сказки! напрасно только вы себя обманываете. Или дѣлайтесь магометанами, или прочь изъ моего царства. Жиды начали просить срока на 70 лѣтъ; если, сказали они, не прійдетъ Мессія въ продолженіи 70 лѣтъ, тогда мы уже исполнимъ приказаніе вашей королевской милости. Жиды дали въ этомъ росписку. Въ бытность мою въ Персіи нашелъ упомянутую росписку эт-мадулетъ, т. е. канцлеръ персидскій, и напомнилъ о ней королю. Король поручилъ ему это дѣло. Тотъ созываетъ жидовъ и спрашиваетъ ихъ: а, что? пришелъ Мессія? Услышавъ отъ жидовъ, что Мессія не пришелъ, онъ показалъ имъ упомянутую росписку и отъ имени короля приказалъ или принять магометанство, или удалиться изъ государства". На размышленіе евреямъ данъ былъ одинъ годъ; потомъ срокъ этотъ былъ немного продолженъ. „Если обратитесь въ магометанство, сказалъ эт-мадулетъ евреямъ, то каждому мужчинѣ король даетъ сто абасы, или злотыхъ, и халатъ, а каждой женщинѣ 50 абасы". Но жиды по старому не хотѣли ни на что рѣшиться. Тогда, при наступленіи тѣхъ мѣсяцевъ, когда особенно свирѣпствуютъ холодные вѣтры и приморозки, приказано было имъ подъ страхомъ смерти выйти изъ города; приказано подъ страхомъ смерти никому не принимать ихъ и подъ страхомъ смерти не давать имъ ни хлѣба, ни огня. И что же? Когда начали умирать дѣти, женщины и старики, всѣ жиды должны были пристать къ магометанской вѣрѣ. Чья же ревность къ вѣрѣ большая, турецкая или христіанская? Страшно будетъ на страшномъ судѣ христіанамъ отъ того, что язычники и магометане болѣе дѣлаютъ для своего невѣрія, чѣмъ мы для нашей вѣры" [1]). Тяжелое впечатлѣніе производитъ нарисованная Млодзяновскимъ картина жестокаго гоненія за вѣру, тяжелое тѣмъ болѣе, что польскій проповѣдникъ желаетъ этого гоненія, приглашаетъ къ нему христіанъ. Какъ ни искалѣченъ былъ Галятовскій узкой схоластической школой, въ его душѣ не было мѣста для такого человѣконенавистничества, какое оказалось въ полякѣ іезуитѣ. Южно-русскій ученый отвергалъ насильственное обращеніе евреевъ въ христіанство. „Въ дѣлѣ обращенія евреевъ въ христіанство, гово-

---

[1]) Мацѣевичъ, «Труды к. д. ак.» 1870. Іюль. 179—181.

ритъ онъ въ объясненіи 24 пророчества, принужденіе не должно имѣть мѣста. Должна быть употреблена кротость и снисхожденіе; должно быть употреблено непрестанное чтеніе слова Божія и тщательное изъясненіе онаго". Странно читать эти свѣтлыя выраженія у писателя XVII в., у кіевскаго ученаго схоластика. Проблеснувшая въ этихъ выраженіяхъ вѣро-терпимость и гуманность свидѣтельствуютъ о высокомъ нравственномъ уровнѣ Галятовскаго, съумѣвшаго подъ тяжелымъ бременемъ злостной и сухой схоластики сохранить въ глубинѣ души живое чувство любви къ человѣку.

Догматическое ученіе въ „Мессіи" раскрывается не всегда убѣдительно, но почти всегда ясно, иногда образно, съ приведеніемъ подобій изъ міра физическаго. Положительная сторона христіанства излагается въ отвѣтахъ христіанина на вопросы еврея, въ которыхъ выражено отрицательное отношеніе къ христіанству. Въ изложеніи отрицательныхъ возраженій и замѣчаній еврея обнаруживается ученая добросовѣстность Галятовскаго. Христіанинъ апологетъ не скрываетъ вѣскихъ возраженій еврея и опровергаетъ ихъ по силѣ разумѣнія. Галятовскій довольно подробно останавливается на мнѣніяхъ противниковъ христіанскихъ истинъ и рядомъ своихъ опроверженій возстановляетъ въ общественномъ сознаніи религіозную истину.

Краевой національный элементъ въ „Мессіи правдивомъ" такъ-же ничтоженъ, какъ и въ предыдущихъ сочиненіяхъ Галятовскаго, „Ключѣ" и „Небѣ". Какъ писатель схоластикъ, далекій отъ народныхъ интересовъ, Галятовскій останавливается исключительно на такихъ проявленіяхъ еврейской „злости", которыя обнаружились въ Германіи, Франціи, Италіи. Такъ, говоря о томъ, что евреи берутъ слишкомъ большіе проценты, Галятовскій приводитъ примѣръ изъ римской исторіи временъ Тита Флавія; при указаніи на ненависть евреевъ къ выкрестамъ приводится примѣръ изъ западно-европейскаго прошлаго. Какъ проявлялась „жидовская злость" въ Малороссіи, на глазахъ самаго автора, въ „Мессіи правдивомъ" не говорится.

Полемическій тонъ Галятовскаго довольно мягкій. Вообще, южно-русскіе писатели второй половины XVII ст. не такъ суровы и рѣзки въ своихъ выраженіяхъ, какъ южно-русскіе писатели первой половины XVII в. Изъ полемическихъ сочиненій конца XVI ст. узнаемъ, что Кириллъ Терлецкій вывезъ изъ Рима скабрезныя кар-

тинки, или что Стефанъ Зизаній не зналъ, кто его отецъ [1]). Въ особенности суровыми полемистами и обличителями являются Іоаннъ Вишенскій, въ интересахъ тѣхъ, „що з одной мисочки борщикъ хлебчуть и сами собі господа и слуги суть“, поражавшій уніатскихъ епископовъ тяжеловѣсными обвиненіями въ развратѣ, роскоши, и жестокости, и Евсевій Пиминъ (Петръ Могила), постоянно напоминающій въ „Лиѳосѣ“ своему противнику Кассьяну Саковичу, что у него нѣтъ одного уха, что другое его ухо будто бы свиньи съѣли, что онъ толстобрюхій, дурень и т. д. Западно-русскіе писатели, перешедшіе въ Москву, также были невоздержны на языкъ. Такъ, современникъ Галятовскаго, Симеонъ Полоцкій, въ „Жезлѣ правленія“, написанномъ противъ Никиты Пустосвята, цѣлью своего сочиненія ставитъ: „обезглавить сего Голіафа, то же уды его и вся тѣлеса полчища его птицамъ и звѣрямъ отдати“ (листъ 18). И достается же этому несчастному Голіафу! Никита Пустосвятъ оказывается скотоумнымъ, окаяннымъ, свиньей. [2]). Рѣзкость выраженій подрывала значеніе разумнаго слова, производила ожесточеніе и возбуждала наклонность къ кулачной расправѣ. Во второй половинѣ XVII ст. Лазарь Барановичъ созналъ дурныя стороны полемическаго задора и литературной брани. Онъ самъ воздерживался отъ этихъ недостатковъ и старался воздержать другихъ южнорусскихъ писателей. „Если въ чемъ не соблюдено вѣжливости, писалъ Барановичъ И. Гизелю въ 1670 г., посылая ему свой отвѣтъ на книгу іезуита Боймы противъ православія, то, чтобы онъ (т. е. Бойма) не считалъ насъ невѣждами, я не прочь что либо и обрѣзать“. Въ письмѣ къ Ѳеодосію Сафоновичу 1670 года Барановичъ говоритъ, что въ своемъ отвѣтѣ Боймѣ онъ „клеймилъ его, но безъ посмѣянія, острилъ, но безъ колкости“. Въ письмѣ къ И. Гизелю 1671 г. Барановичъ говоритъ, что „нужно дѣло свое вести спокойно, какъ должно, или даже съ уваженіемъ“. Въ письмѣ къ И. Гизелю отъ 18 дек. 1672 г. Барановичъ говоритъ: „писать задористо я не совѣтую, и самъ такъ не пишу, а развѣ гдѣ-либо слегка уколю остро того; но и тутъ, по обыкновенію моему, тотъ-же часъ ограничиваю, высказавши впрочемъ свое“ [3]). Галятовскій слѣдо-

[1]) Кояловичъ, Литов. церк. унія. II. 34.

[2]) Л. Майковъ, „Древ. и нов. Россія“ 1875.

[3]) Письма Лазаря Барановича, стр. 103, 107, 156 и 180.

валъ этому благоразумному совѣту своего стараго наставника, друга и покровителя. Въ „Мессіи правдивомъ“ онъ только изрѣдка позволяетъ себѣ „уколоть остро“ противника, назвавъ его глупымъ (напр., въ объясненіи 12 пророч.). Въ „Бѣлоцерковской Бесѣдѣ“ Галятовскій обнаруживаетъ самую тонкую вѣжливость, очевидно потому, что бесѣда происходила въ многочисленномъ собраніи знатныхъ лицъ.

Съ выходомъ въ свѣтъ „Мессіи правдиваго“ общественное положеніе Галятовскаго измѣнилось къ лучшему. Галятовскій получилъ мѣсто игумена черниговскаго елецкаго монастыря. Назначая Галятовскаго игуменомъ елецкаго монастыря, Барановичъ, можно думать, руководствовался не только дружескимъ къ нему расположеніемъ, какъ къ своему талантливому ученику и единомышленнику, но и желаніемъ приблизить къ себѣ въ лицѣ Галятовскаго человѣка ученаго и искуснаго въ религіозно-полемическихъ бояхъ. Барановичъ именно въ это время, въ концѣ 60 и въ началѣ 70 годовъ нуждался въ совѣтѣ и содѣйствіи ученыхъ людей. „Какъ-то на дняхъ, писалъ онъ И. Гизелю въ 1671 г., отыскалъ я въ московскихъ правилахъ (кормчей) помѣстнаго собора сардикійскаго правило 344. Тамъ на листѣ 109 судъ предоставляется римскому папѣ. Прикажите, ваша пречестность, прочитать его себѣ. Когда престолъ константинопольскій сравненъ въ правахъ съ престоломъ римскимъ, то и судъ долженъ быть равный; мнѣ хотѣлось-бы соображаться въ моей „Мѣрѣ“ (рѣчь идетъ о сочиненіи „Nawa miara starey wiary“) съ вами и отъ васъ, не краснѣя, поучаться. Лучше-же намъ поправить свои труды тихонько между собою, нежели возьмутъ ихъ на зубы, а потому должно ихъ хорошо выточить, такъ чтобы было чѣмъ заняться, когда начнутъ грызть; нужно такую имъ приготовить костку, чтобы имъ въ горлѣ стала“ [1]). Галятовскій болѣе, чѣмъ что-либо другой, болѣе, чѣмъ И. Гизель, могъ помочь Барановичу въ составленіи „Новой Мѣры“, по своей начитанности и литературно-полемической опытности. Въ семидесятыхъ годахъ Галятовскій дѣлается правой рукой Барановича почти во всѣхъ его дѣлахъ, въ особенности въ дѣлахъ хозяйственныхъ епархіальныхъ.

---

[1]) Письма Лазаря Барановича, стр. 156.

Относительно возведенія Галятовскаго въ санъ архимандрита Барановичъ встрѣтилъ нѣкоторое препятствіе, точнѣе сказать, задержку, со стороны м. Нелюбовича—Тукальскаго, не долюбливавшаго Галятовскаго, какъ ученика и сторонника Барановича, и со стороны гетмана Многогрѣшнаго, не имѣвшаго ни времени, ни охоты заниматься собственно церковными дѣлами Малороссіи. Въ письмѣ 14 апрѣля 1679 г. Барановичъ писалъ Галятовскому: „слово мое посвятить васъ въ санъ архимандрита я потвержду дѣломъ, если Богъ поможетъ моей немощи". „Безъ затрудненій, говорится въ другомъ письмѣ Барановича къ Галятовскому 1669 г., полагаемыхъ его милостью (митр. Нелюбовичемъ Тукальскимъ), и моя хотя слабая голова сдержала-бы для васъ слово. Напоминалъ я въ Глуховѣ пану гетману о томъ, что хочу возвысить васъ въ санъ; но онъ какъ-то глухо это принялъ; даже и другимъ отцамъ игуменамъ не хотѣлъ подтвердить царскихъ грамотъ, откладывая до окончательнаго мира" [1]). Благословенная грамота Галятовскому отъ Барановича на елецкую архимандрію дана была 9 августа 1669 г. Въ грамотѣ говорится, что „на высокій тотъ архимандрическій степень" Барановичъ возводитъ „змежы прочихъ годнаго быти, значне заслуженого, въ наукахъ письма святаго добре выцвичоного и въ житіи иноческомъ искуснаго, поважного мужа, пречестного господина отца Іоанникія Галятовскаго,... абы южъ па той прееминенціи певнымъ строителемъ, правителемъ и господаремъ помененного старожитного монастыря архимандріи черниговской зостаючи около строенія его оздобы, порядку и належитого хвалы Божой отправованья вседушное имѣлъ попеченіе, яко-бы за его диспонованьемъ, промысломъ и печаловитостью мѣсце тое святое пустыни, яко красенъ кринъ, во чести Господу Богу и въ похвалу имени пречистой госпожи Богородицы проквѣтнуло"... Благословенная грамота Барановича Галятовскому вполнѣ напечатана въ „Исторіи россійской іерархіи" Амвросія [2]).

Елецкій успенскій мужескій 1-го класса монастырь находится подъ Черниговомъ на Болдинскихъ горахъ. Строителемъ монастыря считаютъ князя Святослава, сына Ярослава мудраго. Сѣдая древность придала монастырю величіе. Галятовскій дорожилъ историче-

---

[1]) Письма Лазаря Барановича, 28—83, 89.

[2]) Амвросій, Ист. рос. іерарх. VI, 504—511.

скими сказаніями и преданіями о монастырѣ. Онъ принялъ къ свѣдѣнію письменныя, документальныя свидѣтельства о монастырѣ, заключающіяся въ Патерикѣ и елецкомъ Синодикѣ. Кромѣ того, Галятовскій распрашивалъ стариковъ о прошломъ монастыря и обращался письменно съ вопросами къ потомкамъ Святослава Ярославича, князьямъ Одоевскимъ и Воротынскимъ". Въ селѣ Сомовѣ, что между Сѣвскомъ и Карачевымъ, пишетъ Галятовскій въ „Скарбницѣ", жили два брата, священникъ Симеонъ и священникъ Ѳеофанъ, старый до того, что ему было болѣе ста лѣтъ; въ Тупичевѣ Авдей Дорофеевичъ имѣетъ до 150 лѣтъ; въ Черниговѣ Максимъ Костомака 110 лѣтъ; эти старцы разсказывали намъ въ 1676 г... Сила Денисовичъ Вохня, черниговскій житель, которому было 200 лѣтъ (?), отъ старости слѣпой и глухой, разсказывалъ намъ"... Далѣе слѣдуютъ сообщенія стариковъ, что монастырь нѣкогда былъ окруженъ палями, куполы покрыты дубовыми досками и проч. На основаніи письменныхъ свидѣтельствъ и народныхъ преданій о монастырѣ, Галятовскій составилъ въ 1676 г. „Скарбницу потребную и пожитечную всему свѣту" [1]). Здѣсь перечисляются архимандриты елецкаго монастыря и 32 чуда отъ елецкой иконы Богоматери. Книга посвящена гетману Самойловичу. Къ „Скарбницѣ" приложена „Бѣлоцерковская бесѣда".

Галятовскій заботился о благоустройствѣ ввѣренной его попеченіямъ обители. Въ первые четыре года своего игуменства онъ очищалъ щебень снаружи и внутри елецкой церкви, исправилъ фрамуги подъ хоромъ и столбы между окнами въ большомъ куполѣ, построилъ каменную трапезу и каменную церковь. Въ началѣ семнадцатаго вѣка, когда елецкій монастырь находился во власти уніатовъ, по словамъ Галятовскаго „неразумныи звѣрята и птахи въ немъ гнѣзда себѣ чинили". Галятовскій реставрировалъ монастырь при дѣятельномъ содѣйствіи малорусской старшины и московскаго царя. Четырьмя универсалами 1669, 1670 и 1671 годовъ Многогрѣшный утвердилъ за монастыремъ разныя маетности. Самайловичъ также благотворилъ елецкому монастырю. Въ 1672 г. онъ выдалъ монастырю утвердительную грамоту на маетности. Въ особенности усерднымъ жертвователемъ явился черниговскій полковникъ, впо-

---

[1]) Одинъ экз. «Скарбницы» находится въ библіотекѣ Хлудова.

слѣдствіи генеральный обозный Дунинъ—Борковскій, давшій деньги на постройку каменной трапезы [1]).

Задолго еще до Галятовскаго, разные попрошайки греческаго происхожденія проложили дорожку въ Москву. Со времени присоединенія восточной Малороссіи къ московскому государству по этой дорожкѣ охотно пошли южно-русскія духовныя лица. Ранѣе Галятовскаго въ Москѣ побывали Лазарь Барановичъ, епископъ мстиславскій Меѳодій, нѣжинскій протопопъ Адамовичъ. Барановичъ направилъ Галятовскаго въ Москву: „ты жалуешься, писалъ онъ Галятовскому въ 1670 г., что тебѣ неоткуда взять гроша и даже шеляга [2]). Но, находясь подъ державою государя, надобно иначе выражаться и стараться о копѣйкахъ, а не о шелягахъ“ [3]). Галятовскій ѣздилъ въ Москву съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Барановича. Изъ сохранившейся въ елецкомъ монастырѣ записки видно, что Галятовскій „великую ласку, 50 рублей, 13 струговъ для огороженія монастыря, 7 фелоней съ епитрахилями, 5 стихаровъ съ орорами зъ разного блавату изъ среброглаву и златоглаву, три дискоса, звѣзду, копію, келихъ, ложку одъ серебра съ позолотою, кадильницу сребную и сребный крестъ злоцистый, евангеліе, окрытое аксамитомъ рытымъ и сребромъ злотистымъ пріоздобленное, съ иншими книгами церковными, отъ царскаго величества одержалъ“ [4]). Въ Москвѣ Галятовскій сказалъ царю привѣтственное слово и въ дворцовой церкви произнесъ проповѣдь. Все это было сказано въ концѣ 1670 года, а не въ 1671 годъ, какъ значится у архіеп. Филарета [5]). Къ первому числу января 1671 года Галятовскій былъ уже на родинѣ. Въ письмѣ къ думному дворянину Артамону Матвѣеву отъ 1 января 1671 г. Галятовскій сообщаетъ о своемъ благополучномъ возвращеніи въ Черниговъ и проситъ ходатайствовать о выдачѣ ему изъ царской казны ста рублей на печатаніе „Мессіи“ на польскомъ и латинскомъ языкахъ“ [6]). Въ письмѣ Галятовскаго рѣчь идетъ о второмъ польскомъ изданіи „Мессіаша“, которое на-

---

[1]) Истор.-стат. Опис. черниг. епархіи. III. 16.

[2]) Шелягъ—польская мѣдная монета въ полъ-копѣйки.

[3]) Письма Лазаря Барановича, стр. 100—101.

[4]) Амвросій, Ист. рос. іерархіи. 1815. VI. 495.

[5]) Филаретъ, Обзоръ дух. литер. I, 286.

[6]) Акты южн. и зап. Россіи, IX, 333—335.

чало печататься, судя по письму Галятовскаго, въ 1671 г. передъ великимъ постомъ, а вышло въ свѣтъ въ 1672 г. [1]). Сношенія Галятовскаго съ Москвой и царскія милости Галятовскому не прекращались. Въ 1672 г. Галятовскій просилъ царя о дарованіи монастырю жалованной грамоты на маетности. 18 іюня 1672 г. князь Ромодановскій, по случаю рожденія Петра Алексѣевича, роздалъ малорусскимъ военачальникамъ и духовнымъ лицамъ подарки: Самойловичу соболей на 170 рублей, обозному на 70 руб., судьямъ и полковникамъ на 60 руб. каждому, Барановичу на 50 руб., нѣжинскому протопопу Адамовичу на 28 р. Галятовскій получилъ маловато, всего 2 пары соболей на 12 руб. Галятовскій напоминалъ о себѣ просьбами. Такъ, не получивъ еще [2]) отвѣта на челобитную 1671 г., Галятовскій 4 іюля 1672 г. посвящаетъ царю второе изданіе „Мессіи" на польскомъ языкѣ и въ письмѣ къ царю напоминаетъ ему о его обѣщаніи построить въ елецкомъ монастырѣ каменную церковь и, пока суть да дѣло, проситъ у царя пособіе на „поправленіе и побѣлѣніе вапномъ церкви пресвятой Богородицы елецкой, на покрытіе купола, на звонъ и паникадилъ" [3]). Вскорѣ послѣ этого письма 1 августа 1672 г. Галятовскій получилъ отъ царя утвердительную грамоту на монастырскія маетности [4]). Галятовскій писалъ патріарху Іоакиму, чтобы онъ напомнилъ царю Ѳедору Алексѣевичу о нуждахъ елецкаго монастыря [5]).

Поддерживая дѣятельныя сношенія съ Москвой въ интересахъ монастыря елецкаго, Галятовскій и на мѣстѣ своего постояннаго жительства въ черниговщинѣ велъ жизнь дѣятельную, участвовалъ въ встрѣчѣ и въ богослуженіи александрійскаго патріарха Паисія, пробывшаго нѣкоторое время въ Черниговѣ, на обратномъ пути изъ Москвы въ Египетъ, въ августѣ 1669 года [6]), въ 1672 г. присутствовалъ въ Козачьей Дубравѣ при избраніи Ивана Самойловича въ гетманы [7]), въ 1676 г. обсуждалъ спорное дѣло

---

[1]) Wisznewski. Hist. liter. VIII. 395.

[2]) Акты ю. и з. Россіи. IX, 951.

[3]) Акты ю. и з. Россіи. XI, № 3.

[4]) Авросій. Ист. рос. іерархіи. VI. 497.

[5]) Рукопись въ моск. общ. ист., № 98.

[6]) Акты ю. и з. Россіи IX, № 12, стр. 54.

[7]) Акты ю. и з. Россіи. IX, 957; XI, 2.

Барановича съ Симеономъ Адамовичемъ о церковныхъ маетностяхъ, причемъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими духовными лицами подписался подъ приговоромъ войсковаго суда 1677 г. о низложеніи Адамовича съ протопопіи и о заключеніи его въ монастырь за клевету и неосновательный доносъ на Самойловича [1]):

Галятовскій въ политическихъ дѣлахъ обнаруживалъ честность и осторожность. Когда братъ Демьяна Многогрѣшнаго Василій, спасаясь отъ московскихъ ратныхъ людей, искалъ въ 1672 г. убѣжища въ елецкомъ монастырѣ и спрашивалъ у Галятовскаго совѣта, что ему дѣлать: ѣхать къ воеводѣ или бѣжать далѣе, Галятовскій отвѣтилъ: „Какъ де себѣ хочешь, побѣги далѣ, а здѣсь де тебѣ дѣлать нечего". Василій Многогрѣшный изъ елецкаго монастыря бѣжалъ за Десну и нѣкоторое время скрывался въ никольскомъ и максаковскомъ монастыряхъ, пока не былъ вѣроломно выданъ въ руки воеводы кіево-братскимъ ректоромъ, у котораго просилъ убѣжища [2]).

Н. Сумцовъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

---

[1]) Письма Лазаря Барановича, 209; Акты ю. и з. Россіи, XII, 669, 672, 860—862.

[2]) Акты, ю. и з. Россіи, IX, № 147., стр. 790.

КНЯГИНЯ.

РАЗСКАЗЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

1853 года.

(Посвящается Б. Ф. Засѣцкому).

Разсказъ этотъ принадлежитъ къ числу неизданныхъ набросковъ и этюдовъ поэта. Онъ написанъ въ бытность Шевченка въ новороссійскомъ укрѣпленіи и переданъ былъ имъ въ Петербургъ доброму другу и заступницѣ его, графинѣ Ан. Ив. Толстой, для помѣщенія въ одномъ изъ журналовъ. При томъ спискѣ разсказа, съ котораго онъ печатается нынѣ, находится короткое письмо автора, скрывавшагося подъ псевдонимомъ Дармограя, къ издателю „Отечественныхъ Записокъ" А. А. Краевскому такого содержанія: „Посылаю вамъ мой разсказъ „Княгиня" и прошу, если не будетъ противорѣчить духу вашего журнала, напечатать его. Если же окажется онъ неудобопечатнымъ, то прошу переслать рукопись въ Оренбургъ, на имя Бронислава Францовича Залескаго, въ батальонъ № 2". Этому же другу поэта, переписка съ которымъ была помѣщена прошлый годъ на страницахъ „Кіевской Старины", и посвящено самое произведеніе. Въ перепискѣ съ Н. И. Осиповымъ („Основа" 1861 г.) Тарасъ Григорьевичъ вспоминаетъ объ этомъ разсказѣ, не появившемся въ печати. Произведеніе это имѣетъ большое сходство съ неоконченной поэмой „Княжна", помѣщенной въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ „Кобзаря". Разница состоитъ въ томъ, что въ поэмѣ жертвою безпутнаго и развратнаго князя, кромѣ загубленной имъ жены, является и несчастная дочь его. Молодая княжна, безвинная и кроткая страдалица, заступница угнетеннаго крѣпостного люда, вносившая въ хаты помощь и утѣшеніе—героиня той поэмы.

По выполненію прозаическіе опыты Шевченка нельзя, конечно, и сравнивать съ его поэзіей. Въ этомъ отношеніи во всей силѣ остается мнѣніе, высказанное о нихъ С. Т. Аксаковымъ и П. А. Кулишомъ. Но отрицать ихъ историческое зна-

ченіе невозможно. Въ 1853 году, въ самую тяжелую пору своихъ жизненныхъ испытаній, поэтъ изъ далекой киргизской пустыни силится подать голосъ противъ угнетателей тѣхъ, о комъ онъ всю жизнь свою болѣлъ душею. Пусть несвойственная ему прозаическая рѣчь не имѣетъ огненной силы его стиха, но голосъ его звучитъ все той-же скорбной страстью.

Псевдонимъ, прозаическая форма и общелитературный языкъ приданы были этой работѣ, въ виду возможнаго помѣщенія ея въ журналѣ. Своеобразность стиха всегда выдала-бы автора, да и въ журналахъ того времени не печатались малорусскіе стихи. Къ тому-же тогда во всей силѣ оставалось тяготѣвшее надъ поэтомъ запрещеніе рисовать и писать что-бы то ни было, кромѣ писемъ. Во всѣхъ біографіяхъ поэта встрѣчаемъ тотъ фактъ, что генералу Обручеву, взявшему Шевченка въ ученую экспедицію по Аральскому морю въ качествѣ рисовальщика, былъ сдѣланъ изъ Петербурга строгій выговоръ, а начальникъ экспедиціи Бутаковъ за тоже самое былъ подвергнутъ тайному наблюденію III-го отдѣленія, продолжавшемуся нѣсколько лѣтъ (Чалый, „Жизнь и произведенія Т. Г. Шевченка", стр. 74 и др.). Обнаруженная попытка литературной работы могла-бы повести еще къ болѣе серьезнымъ послѣдствіямъ. Опасаясь ихъ, поэтъ, какъ мы видѣли выше, маскируетъ и друга своего, которому посвящаетъ свой разсказъ, назвавъ его въ посвященіи не *Залескимъ*, а *Засѣцкимъ*.

Печатаемый теперь, спустя двадцать три года отъ смерти Шевченка, его разсказъ нельзя, конечно, разсматривать, какъ законченное художественное произведеніе. Простой этотъ разсказъ принадлежитъ къ несродной Шевченку области творчества и оцѣнка его можетъ касаться только идеи и направленія, а въ этомъ отношеніи Шевченко всегда оставался вѣрнымъ самому себѣ. Тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ разсказѣ, при всей простотѣ его замысла и построенія, широкая кисть художника даетъ чувствовать себя во многихъ частностяхъ, особенно-же въ картинѣ голода. Заимствованная не разъ въ печать интродукція разсказа, въ которой поэтъ рисуетъ свое дѣтство, кромѣ поэтической картины родного его села, даетъ нѣсколько мѣткихъ чертъ для совершенно безъизвѣстнаго, но весьма интереснаго быта старинныхъ малорусскихъ дьячковъ—по *призванію* и *избранію*, послѣднихъ представителей которыхъ захватила память поэта. Не лишено также историческаго значенія свидѣтельство очевидца-поэта о тогдашнемъ народномъ образованіи, составлявшемъ потребность даже такого бѣдняка—„приблуды", какимъ былъ сирота Шевченко.

Сохраняемъ не только всѣ особенности литературной рѣчи поэта, но и его малорусское правописаніе, очевидно приспособленное для читателей столичнаго журнала. Въ разсказѣ, кромѣ малорусскихъ терминовъ, встрѣчаются свѣдѣнія, ставшія уже достояніемъ исторіи: тѣ и другія мы сочли нужнымъ объяснить въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Село! о сколько милыхъ, очаровательныхъ видѣній пробуждается въ моемъ старомъ сердцѣ, при этомъ задушевномъ словѣ. Село! и вотъ стоитъ передо мною наша бѣдная, старая, бѣлая хата, съ потемнѣвшею соломенною крышею и чорнымъ *дымаремъ*, а около хаты на причилку яблоня, съ краснобокими яблоками, а вокругъ яблони цвѣтникъ,—любимецъ моей незабвенной сестры, моей терпѣливой, моей нѣжной няньки; у воротъ стоитъ старая развѣсистая верба съ засохшею верхушкою, а за вербою стоитъ клуня, окруженная стогами жита, пшеницы и всякаго хлѣба; а за клунею по косогору пойдетъ уже садъ. Да какой садъ! видалъ я много на своемъ вѣку таки порядочныхъ садовъ, какъ напримѣръ уманскій и петергофскій, но это что за сады; гроша не стоютъ въ сравненіи съ нашимъ великолѣпнымъ садомъ: густой, темный, тихій, словомъ: другого такого саду нѣтъ на всемъ свѣтѣ. А за садомъ *ливада*, за ливадою долина, а въ долинѣ тихій, едва журчащій ручеекъ, уставленный вербами и калиною и окутанный широколиственными, темно-зелеными лопухами; а въ этомъ ручейкѣ подъ нависшими лопухами купается кубическій бѣлокурый мальчуганъ, а выкупавшись перебѣгаетъ онъ долину и ливаду, вбѣгаетъ въ тѣнистый садъ и падаетъ подъ первою грушею, или яблонею и засыпаетъ настоящимъ невозмутимымъ сномъ. Проснувшись, онъ смотритъ на противуположную гору, смотритъ, смотритъ и спрашиваетъ самъ у себя: „а что-же тамъ за горою? Тамъ должны быть желѣзные столбы, что подерживаютъ небо; а что если-бы пойти, да посмотрѣть, какъ это они его тамъ подпираютъ? Пойду да посмотрю, вѣдь это недалеко“. Всталъ и не задумавшись, пошелъ онъ чрезъ долину и ливаду прямо на гору, и вотъ выходитъ онъ за село, прошелъ *царину*, прошелъ съ полверсты поле, на полѣ стоитъ высокая, черная могила. Онъ вскарабкался на могилу, чтобы съ нея посмотрѣть, далеко-ли еще до тѣхъ желѣзныхъ столбовъ. Стоитъ мальчуганъ на могилѣ и смотритъ во всѣ стороны: и по одну сторону село, и по другую сторону село, и тамъ изъ темныхъ садовъ выглядываетъ трехглавая церковь, бѣлымъ желѣзомъ крытая, тамъ тоже выглядываетъ церковь изъ темныхъ садовъ—и тоже бѣлымъ желѣзомъ крытая. Мальчуганъ задумался. Нѣтъ, думаетъ онъ, сегодня поздно, не дойду я до тѣхъ желѣзныхъ столбовъ, а завтра вмѣстѣ съ Катрею. Она *до череды* коровъ погонитъ, а я пойду къ

желѣзнымъ столбамъ, а сегодня одурю Микиту (брата), скажу, что я видѣлъ желѣзные столбы, тѣ, что подпираютъ небо. И онъ, скатившись кубаремъ съ могилы, всталъ на ноги и пошелъ не оглядываясь въ чужое село. Къ его счастію встрѣтились ему чумаки и, остановивши, спросили:

— А куда ты мандруешь, *парубче?*

— До дому.

— А дежъ твоя дома, *небораче?*

— Въ Кереливци!

— Такъ чего-жъ ты йдешъ у Моринци?

— Я не въ Моринци, а въ Кереливку йду.

— А колы въ Кереливку, такъ сѣдай на мою *мажу*, товарищу, мы тебе довеземъ до дому.

Посадили его на скрыньку, что бываетъ въ передкѣ чумацкаго воза, и дали ему батигъ въ руки; онъ погоняетъ себѣ воловъ, какъ ни въ чемъ не бывало; подъѣзжая къ селу, онъ увидалъ свою хату на противоположной горѣ и закричалъ весело:

— Онъ де, онъ де наша хата!

— А колы ты вже бачишъ свою хату, сказалъ хозяинъ воза, то и йди съ Богомъ!

И снявши мальчугана съ воза, спустилъ его на землю и обращаясь къ товарищамъ, сказалъ:

— Нехай иде соби съ Богомъ!

— Нехай иде соби съ Богомъ! проговорили чумаки, и мальчуганъ побѣжалъ себѣ съ Богомъ въ село.

На дворѣ уже смеркало, когда я (потому что этотъ кубическій, бѣлокурый мальчуганъ былъ никто иной, какъ смиренный авторъ сего, хотя и не сентиментальнаго, но тѣмъ не менѣе печальнаго разсказа) подошелъ къ нашему перелазу; смотрю чрезъ перелазъ на дворъ, а тамъ, около хаты, на темномъ, зеленомъ, бархатномъ *шпоришѣ*, всѣ наши сидятъ себѣ въ кружкѣ и вечеряютъ; только моя старшая сестра и нянька Катерина не вечеряетъ, а стоитъ себѣ около дверей, подперши голову рукою, и какъ будто посматриваетъ на перелазъ. Когда я высунулъ голову изъ-за перелаза, то она вскрикнула: „прійшовъ, прійшовъ!“ и подбѣжавъ ко мнѣ, схватила меня на руки, понесла черезъ дворъ и посадила въ кружокъ вечерять, сказавши: „сидай вечерять, *приблудо!*“ Пове-

черявши, сестра повела меня спать и уложивши въ постель, перекрестила, поцѣловала и улыбаясь, назвала меня опять приблудою.

Я долго не могъ заснуть; происшествія прошлаго дня мнѣ не давали спать. Я думалъ все о желѣзныхъ столбахъ и о томъ, говорить-ли мнѣ о нихъ Катеринѣ и Микитѣ, или не говорить. Никита былъ разъ съ отцемъ въ Одессѣ, и тамъ конечно видѣлъ эти столбы,—какъ-же я ему буду говорить о нихъ, когда я ихъ вовсе не видалъ; Катерину можно-бъ одурить... нѣтъ, я и ей не скажу ничего, и подумавши еще не долго о желѣзныхъ столбахъ, я заснулъ.

Чрезъ два-три года я уже вижу себя въ школѣ у слѣпаго Совгиря (такъ назывался нашъ нестихарный [1]) дьячекъ), складывающаго *тму-мну*. Проскладавши, бывало, до *тля-мля*, выйду изъ школы на улицу, посмотрю въ яръ, а тамъ мои счастливые сверстники играютъ себѣ на соломѣ около клуни и не знаютъ, что есть на свѣтѣ и дьякъ, и школа. Смотрю, бывало, на нихъ и думаю: отъ чего-же я такой безталанный, зачѣмъ меня сердечнаго мучатъ надъ этимъ проклятымъ букваремъ, и махнувши рукой, *дамъ драла* черезъ *цвинтарь* [2]) въ яръ къ счастливцамъ на свѣтлую, теплую солому, и только что начну барахтаться на соломѣ, какъ идутъ два *псалтирника* [3]), берутъ меня раба Божьяго за руки и обращаютъ вспять, сирѣчь ведутъ въ школу, а въ школѣ, сами здоровы знаете, что дѣлается надъ нашимъ братомъ школяромъ, за отлучки.

Совгиръ-слипый (слѣпымъ его звали за то, что онъ былъ только косой, а не слѣпой) былъ въ нашемъ селѣ дьячкомъ не то, чтобы стихарнымъ, настоящимъ дьячкомъ, а такъ себѣ приблудою. Предшественникъ его, Никифоръ Хмара, тоже былъ у насъ не стихарнымъ дьячкомъ; только разъ у тытаря *на меду* [4]) захворалъ ночью, а къ утру и померъ, Богъ его знаетъ, отъ чего. А Совгиръ-слипый случился тутъ-же у тытаря на меду-же, да не долго думаючи,

---

[1]) Точнѣе: не назначенный епархіальною властію, а избранный и поставленный на мѣсто прихожанами съ согласія лишь священника, какъ всегда было до того времени.

[2]) Махну чрезъ погостъ.

[3]) Обучающіеся чтенію по псалтирю.

[4]) Въ храмовые и другіе большіе праздники, по вѣковому обычаю, варили по приходамъ во всей южной Россіи медъ и въ самый праздникъ распивали при церкви, а вечеромъ и на другой день у старосты угощались оставшимся медомъ.

въ слѣдующее-же воскресеніе сталъ на клиросѣ, пропѣлъ обѣдню, прочиталъ *Апостола*, да такъ прочиталъ, что громада и самъ отецъ Кассіянъ только что переглянулися и болше ничего. Послѣ обѣдни громадою былъ провозглашенъ слѣпый Совгиръ дьякомъ, и съ честію подобающею его сану введенъ былъ въ школу, яко въ свою *дидивщину*[1]). Великій человѣкъ громада! Поселился онъ въ своей школѣ и школяры, въ томъ числѣ и азъ невеликій пошелъ къ нему за наукою. А собою онъ былъ росту высокого, широкоплечій и смотрѣлъ-бы настоящимъ запорожцемъ, еслибы не былъ косой; даже свою не заплетенную косу носилъ онъ какъ-то въ родѣ чуприны.

Нрава онъ былъ болѣе суроваго, нежели кроткаго, а въ отношеніи житейскихъ потребностей и вообще комфорта онъ былъ настоящій спартанецъ. Но мнѣ болѣе всего въ немъ не нравилось то, что когда, бывало, въ субботу послѣ вечерни начнетъ насъ всѣхъ по обыкновенію кормить *березовою кашею*[2]),—это все еще ничего, пускай-бы себѣ кормилъ, намъ эта каша была въ обыкновеніи;—а то вотъ гдѣ, можно сказать, истинное испытаніе: бьетъ бывало, а самому лежать велитъ, да не кричать и не *борзяся* явственно самому читать четвертую заповѣдь. Настоящій спартанецъ! Ну скажите, люди добрые, рождался-ли когда на свѣтъ такой богатырь, чтобы улежалъ спокойно подъ розгами ~~и читалъ-бы~~ еще, *не борзяся*, четвертую заповѣдь? Нѣтъ, я думаю, такого человѣка еще земля не носила. Бывало, когда дойдетъ до меня очередь, то я уже не прошу о помилованіи, а прошу только, чтобы онъ умилосердился надо мною, велѣлъ меня, субботы ради святой, придержать хоть немножко. Иной разъ бывало и умилосердится и велитъ придержать, да ужъ такъ выпоретъ, что лучшебъ и не просить о милосердіи.

Миръ праху твоему, слѣпый-Совгирю! Ты горемыка и самъ не зналъ, что дѣлалъ: тебя такъ били и ты такъ билъ и не подо-

---

[1]) Таковъ и былъ повсюду порядокъ избранія и опредѣленія къ мѣсту дьячка, и онъ не считался въ духовномъ званіи и не зависѣлъ отъ епархіальной власти.

[2]) Сѣчь березовою розгою. Общій обычай старыхъ школъ — сѣчь по окончаніи недѣльнаго ученія всѣхъ поголовно, для внушенія страха Божія и усердія къ ученію.

зрѣвалъ грѣха въ своемъ простосердечіи! Миръ праху твоему, жалкій скиталецъ, ты былъ совершенно правъ!

И вотъ я къ несказанной моей радости кончилъ „*Малъ бѣхъ*“ [1]). т. е. кончилъ псалтирь, поставилъ, по обыкновенію, кашу братіи съ грошами, совершилъ сей священный обрядъ неукоснено по всѣмъ преданіямъ старины, и на другой-же день принялся мѣломъ выводить премудрыя каракули на крашенной доскѣ, сирѣчь я уже былъ не псалтырникъ какой-нибудь, а скорописецъ.

Въ эту-то почти счастливую для меня эпоху случилось переобразованіе школы: прислали къ намъ изъ самаго Кіева стихарнаго дьячка. Совгиръ-слѣпый сначала было поартачился, но принужденъ былъ уступить предъ могуществомъ закона и, собравши всю свою *мизерію* [2]) въ одну торбу, закинулъ ее за плечи, взялъ *патерицю* [3]) въ руки, а тетрадь изъ синей бумаги, съ сковородинскими [4]) псальмами или виршами, въ другую и пошелъ искать себѣ иной школы. А братія моя по наукѣ аки овцы отъ волка разсыпашася, такъ они отъ новаго стихарнаго дьячка, зане пьяница бѣ, наче всѣхъ пьяницъ на свѣтѣ. Тяжко противу рожна прати; и я, терпѣливѣйшій изъ братіи, наконецъ взялъ свое орудіе—таблицу, перо, каламаръ [5]) съ мѣломъ, и пошелъ во свояси съ миромъ, дивяся бывшему.

Съ этого времени начинается длинный рядъ самыхъ грустныхъ, самыхъ безотрадныхъ моихъ воспоминаній. Вскорѣ умираетъ мать, отецъ женится на молодой вдовѣ и беретъ съ нею троихъ дѣтей вмѣсто приданнаго. Кто видѣлъ хоть издали мачиху и такъ называемыхъ сведенныхъ дѣтей, тотъ, значитъ, видѣлъ адъ въ самомъ его отвратительнытъ торжествѣ. Не проходило часа безъ слезъ и драки между нами дѣтьми и не проходило часа безъ ссоры и брани между отцемъ и мачихой; мачиха особенно ненавидѣла меня, вѣроятно за то, что я часто тузалъ ее щедушнаго Степанка. Того-же года отецъ осенью поѣхалъ за чѣмъ-то въ Кіевъ, занемогъ въ дорогѣ и возвратясь домой, вскорѣ умеръ.

---

[1]) Этими словами начинается послѣдній въ Псалтири псаломъ.

[2]) Скудное имущество.

[3]) Палка, отъ *pater* отецъ.

[4]) Извѣстнаго Сковороды, философа украинскаго.

[5]) Чернильницу, въ которую вмѣсто чернилъ вливался растворъ мѣлу для писанья перомъ на доскѣ.

Послѣ смерти отца, одинъ изъ многихъ моихъ дядей, чтобъ вывести сироту въ люди, какъ онъ говорилъ, предложилъ мнѣ за ястіе и питіе пасти лѣтомъ стадо свинное, а зимою помогать его наймиту по хозяйству; но я избралъ другую часть.

Взявши свою таблицу, каламаръ и псалтырь, отправился я къ пьяному стихарному дьячку въ школу и поселился у него въ видѣ школяра и работника. Тутъ начинается моя практичная жизнь. Пребываніе мое въ школѣ было довольно не комфортабельно. Хорошо еще, если случались покойники въ селѣ (прости меня, Господи!), то мы еще кое-какъ перебивались; а не то, просто голодали по нѣскольку дней сряду. Вечеромъ иногда бывало я возьму торбу, а учитель возьметъ въ десную посохъ дебелый, а въ шуйцу сосудъ скудельной (мы и жидкостями не пренебрегали, какъ-то грушевымъ квасомъ и проч.) и пойдемъ подъ окнами воспѣвать „*Богомъ избранную*". Иной разъ принесемъ таки кое что въ школу, а иной разъ и такъ на-сухо придемъ, только что неголодные.

Я зналъ почти весь псалтирь наизусть и читалъ его, какъ говорили слушатели мои, выразно, т. е. громко. Въ слѣдствіе такого моего досужества не былъ въ селѣ похороненъ ни одинъ покойникъ, надъ которымъ-бы я не прочиталъ псалтиря. За прочтеніе его я получалъ *кнышъ* и *копу* [1]) деньгами, которыя отдавалъ учителю, какъ его доходъ, и онъ уже, отъ щедротъ своихъ, удѣлялъ мнѣ пятакъ на бублики, и это былъ одинъ-единственный источникъ моего существованія. При такихъ, можно сказать, умѣренныхъ доходахъ, я не могъ жить открыто и одѣвался не щегольски, какъ прилично званію школяра. Ходилъ я, постоянно въ сѣренькой, дырявой свиткѣ, и въ вѣчной грязной рубашкѣ, а о шапкѣ и сапогахъ и помину не было, ни лѣтомъ, ни зимою. Однажды далъ мнѣ какой-то мужикъ за прочтеніе псалтиря на *пришвы ременю* [2]), да и тотъ отъ меня учитель отобралъ, какъ свою собственность.

И много-много могъ-бы я разсказать презанимательныхъ и назидательныхъ вещей на эту тему, да разсказывать какъ-то грустно.

Такъ пролетѣли четыре жалкихъ года надъ моею дѣтскою головою.

---

[1]) Кнышъ—особой формы пшеничный хлѣбъ, праздничный и заупокойный, *копа*—50 коп.

[2]) Простой кожи на головки къ сапогамъ.

Потомъ воспоминанія мои принимаютъ еще печальнѣйшіе образы. Далеко, далеко отъ моей бѣдной, моей милой родины,

Безъ любви, безъ радости
Юность пролетѣла!

Не пролетѣла, правда, а проползла въ нищетѣ, въ невѣжествѣ и въ униженіи, и все это длилось ровно двадцать лѣтъ...

Въ продолженіи моего странствованія внѣ моей милой родины, я воображалъ ее такою, какою видѣлъ въ дѣтствѣ, прекрасною, грандіозною, а о нравахъ ея молчаливыхъ обитателей я составилъ уже свое понятіе, гармонируя ихъ, разумѣется, съ пейзажемъ; да мнѣ и въ голову не приходило, чтобы это могло быть иначе, а выходитъ, что иначе.

Послѣ двадцатилѣтнихъ испытаній, я не много окрылился и, разумѣется, полетѣлъ прямо въ родимое гнѣздо. Вскорѣ передо мною засверкали давно знакомые мнѣ бѣленькія хатки,—онѣ какъ будто улыбались изъ темной зелени.

Можетъ-ли быть мѣсто въ этихъ милыхъ пріютахъ нищетѣ и ея гнуснымъ спутникамъ? Нѣтъ, а иначе человѣкъ былъ-бы не человѣкъ, а простое животное... Съ этимъ сладкимъ убѣжденіемъ я проѣхалъ почти всю черниговскую губернію, нигдѣ не останавливаясь. Изъ города Козельца мнѣ нужно было взять въ сторону отъ почтовой дороги, и взглянуть поближе на мой эдемъ, и даже выслушать сію печальную и правдивую повѣсть.

Городъ Козелецъ ничѣмъ не отличается своей физіономіею отъ прочихъ своихъ собратій, повѣтовыхъ малороссійскихъ городовъ. Въ исторіи нашей онъ тоже не играетъ особенной роли, какъ напримѣръ заднѣпрянскіе его товарищи, развѣ только что въ 1663 году недалеко отсюда собрана была знаменитая *Чорная Рада*, вслѣдствіе которой Брюховецкій отрубилъ голову своему сопернику, Якиму Сомку. Словомъ: городокъ ничѣмъ не примѣчательный, но проѣзжающій, если только онъ не спитъ во время перемѣны лошадей, или не закусываетъ у пана Тихоновича, непремѣнно полюбуется величественнымъ храмомъ граціозной архитектуры Растрелевской, воздвигнутымъ Натальею Розумихою, родоначальницею дома графовъ Разумовскихъ.

Въ шести верстахъ отъ г. Козельца, въ селѣ Лемешахъ, въ бѣдной хаткѣ, на *сволокѣ* или балкѣ, читаемъ: *сей домъ соорудила раба Божія Наталія Розумиха 1710 року Божого;* а въ г. Козельцѣ въ величественномъ домѣ читаемъ на мраморной доскѣ: *сей храмъ соорудила Графиня Наталія Разумовская въ 1742 году.* Странные два памятника одной и той-же строительницы!

Въ Козельцѣ я нанялъ пару не мудрыхъ лошадокъ, вмѣстѣ съ рыжимъ жидкомъ, и поѣхалъ себѣ проселкомъ, куда мнѣ нужно, что было въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Съ утра былъ день только сѣренькій, а къ вечеру сталъ и мокренькій, время шло къ ночи, нужно было гдѣ нибудь приготовить себѣ ночлегъ, а по дорогѣ не только корчмы, и мизернаго шинка не видно.

Не доѣзжая Трубежа, или по мѣстному Трубайла, намъ показалося на косогорѣ село; подъѣзжаемъ ближе, и дѣйствительно село, только погорѣлое, и ничего живаго на чорной улицѣ не видно, а за греблею, по ту сторону Трубежа, мы увидѣли между вербами и едва начинающими желтѣть садами бѣлыя хаты. Проѣхали мы по плотинѣ мимо двухъ шумящихъ мельницъ и очутились въ большомъ козачьемъ селѣ. Чистыя большія хаты и неразрушенные тыны свидѣтельствовали о благосостояніи обитателей; но первая къ царинѣ хата своею миловидностію мнѣ особенно приглянулась, такъ что я рѣшился просить въ ней пріюта на ночь. Дождичекъ моросилъ таки порядочно, а хозяинъ привѣтно улыбающейся хаты, какъ ни въ чемъ не бывало—стоитъ себѣ, облокотяся на тынъ, въ новомъ нагольномъ тулупѣ, куритъ коротенькую трубку и улыбаясь смотритъ, какъ его любимцы круторогіе половые волы наслаждаются въ огородѣ капустою. Увидѣвши въ окно такое святотатство, изъ хаты выбѣжала хозяйка и сквозь слезы закричала:

— Чего-же ты стоишъ, *недолюде* старый, и смотришъ, какъ добро *нивичитъ* скотина, чому ты не заженешъ въ загороду?

— Я ее тридцать лѣтъ загонялъ, пускай теперь другіе загоняютъ,—отвѣтилъ хозяинъ совершенно равнодушно и продолжалъ курить трубку.

— А Боже мій съ тобою, снова закричала хозяйка. Да ты хоть-бы кожухъ снялъ, видишь дождь идетъ?

— Такъ чтожъ, пускай себѣ идетъ съ Богомъ!

— Какъ чтожъ? кожухъ изнивечишъ!

— Такъ чтожъ, пускай себѣ изнивечу, у меня другой есть.

— Хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое провадить,—сказала хозяйка и побѣжала выгонять изъ огорода скотину. Хозяинъ посмотрѣлъ ей въ слѣдъ и самодовольно улыбнулся.

Мнѣ очень понравилась его совершенно хохлацкая выходка, и я, высунувшись изъ брички, привѣтствовалъ хозяина съ добрымъ вечеромъ, на что онъ отвѣчалъ:

— Добри-вечеръ и вамъ, люди добри! а чи далеко Богъ провадитъ?—прибавилъ онъ, надѣвая шапку.

— Та не далеко, а все таки сегодня не доидемо,—сказалъ я, вылѣзая изъ брички, и прибавилъ съ разстановкой: а чи не можно-бъ у васъ, дядошко, пидночевать?

— Чому не можно, можно, Боже благослови! хата у насъ чимала, а мы добрымъ людямъ ради,—и говоря это, онъ отворилъ ворота, и бричка всунулась въ дворъ.

— Просимо покорно до *господы*,—сказалъ мнѣ хозяинъ, когда я вошелъ на дворъ, и замѣтно было, что онъ старался выговорить слова на русскій ладъ. Я вошелъ въ хату, въ ней было почти темно, но все таки можно было видѣть, что хата была просторная и чистая.

— Просимо, покорно, садовитесь,—говорилъ хозяинъ, показывая на лаву,—а я тимъ часомъ скажу своей старой, шобъ що нибудь намъ засвѣтила,—прибавилъ онъ, уходя изъ хаты.

Черезъ минуту вошла въ хату старушка со свѣчей и поставивъ ее на столъ, тихо отошла къ двери и сложа руки на груди, молча остановилась. Она была въ чистомъ чепцѣ и въ нѣмецкомъ платьѣ, что меня не мало удивило. Какимъ родомъ, подумалъ я, очутилось подобное явленіе въ мужицкой хатѣ.

Вскорѣ за старушкой вошелъ и хозяинъ въ хату, неся на рукахъ плачущее дитя, которое, увидя старушку, зажало губки и улыбаясь протянуло къ ней свои крошечныя рученки.

— Возьми его, Микитовна, до себе, говорилъ хозяинъ, передавая дитя старушкѣ. Бачъ, воно мужика боится; сказано княжа, прибавилъ онъ, гладя его по головѣ своей костлявой и широкой рукою.

У меня въ карманѣ были леденцы; нужно замѣтить, что я этотъ продуктъ постоянно имѣлъ въ карманѣ во время моихъ поѣздокъ по Малороссіи, ибо ничѣмъ нельзя такъ скоро задобрить моего угрюмаго земляка, какъ приласкать его дитя, и я часто не

безъ пользы употреблялъ эту тактику. Я подалъ леденецъ дитяти, оно сначала посмотрѣло на меня своими необыкновенно большими глазами, потомъ молча взяло леденецъ и улыбаясь, воткнуло въ свои розовыя губки.

Тутъ я могъ поближе взглянуть на дитя и на старушку. Старушка показалась мнѣ живой картиной Жераръ-Доу, а дитя было ~~настоящій~~ херувимъ. Меня поразила эта чистая тонкая красота дитяти; мои глаза остановились на этомъ прекрасномъ созданіи. Старушка отнесла дитя въ сторону и перекрестила, вѣроятно отъ дурнаго глазу, а хозяинъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— А что, не правда-ли, что панская дитина?

— Прекрасное дитя,—отвѣчалъ я, и подалъ дитяти еще одинъ леденецъ.

Хозяинъ замѣтно былъ доволенъ моими гостинцами и подходя къ старушкѣ, сказалъ: скажи моей старой, чи не найде вона тамъ чего-нибудь намъ подвечиркувать, та може коли не *лыха* буде, то й тее... по чарочци... догадуетесь, Микитовна?

— Мы, добродію, люди прости, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, у насъ нема ничого такого сладкого, ни того чаю, ниже того сахару, а такъ просто, по простому.

Старушка вышла изъ хаты, а онъ, съ ребенкомъ на рукахъ подходя ко мнѣ, сказалъ:

— Отеперъ подывитесь на ёго, добродію, правда что хороше; сказано княжа.

— Да какъ-же очутилось у васъ княжеское дитя? разскажите мнѣ, ради Бога! спросилъ я съ удивленіемъ.

— Нехай вамъ, добродію, Микитовна роскаже, бо тутъ, не вамъ кажучи, була настоящая комедія; вы бачили отамъ, за Трубайломъ, погориле село?

— Видѣлъ, отвѣтилъ я.

— Такъ добре, що видѣли. Отъ то самое село було колысь оцего дитяти матери, та и выгорѣло; а вона его маты... Та я не роскажу вамъ, якъ воно тамъ выгорѣло, мене тойди дома не було, то я и не бачивъ; нехай Микитовна сама роскаже; вона бачила, то вона й знае, якъ воно диялось.

Между тѣмъ старушка вошла въ хату и чистой бѣлой скатертью поверхъ *килима* [1]) накрыла столъ, достала съ *полыци* [2]) восьмиугольный расписанный штофъ съ водкою и рюмку, и поставила на столъ; потомъ принесла на деревянной тарѣлкѣ, тоже разрисованной, кусками нарѣзаннаго *чабака* и *паляницю* [3]), и все это было сдѣлано ею тихо, чинно, такъ что глядя на нее, можно было навѣрное сказать, что она выросла и состарѣлась не въ мужицкой хатѣ. Потомъ взяла на руки ребенка и отошла въ сторону, а хозяинъ сказалъ ей:

— Микитовна, когда положишъ спать дитину, то зайди до насъ, намъ треба буде роспытать у тебе де що. Та скажите тамъ моей старій, нехай намъ вечерю готуе, та не галушки, або *кулишъ*, бачите, що у насъ чужи люде.

Старушка вышла изъ хаты, а онъ въ слѣдъ ей прибавилъ:

— Зайдить же до насъ, Микитовна, якъ *упораетесь*.

— Хорошо, зайду, отвѣчала она изъ сѣней.

Выпивши по одной, а потомъ и по другой, хозяинъ мой сталъ слово-охотнѣе; онъ разговорился до того, что, самъ не замѣчая, разсказалъ мнѣ всю свою біографію; разсказалъ мнѣ, между прочимъ, какъ онъ, будучи парубкомъ еще, былъ въ погоньцяхъ подъ французомъ и воротился съ нимечины голый-голымъ, съ однимъ батогомъ въ рукахъ, и какъ потомъ пошелъ въ наймы до пана, и какъ послѣ трудомъ и разумомъ богатѣлъ и сдѣлался изъ бездомнаго сироты-наймита первымъ хозяиномъ въ селѣ. Словомъ чрезъ часъ времени я не допытываясь узналъ всю его самую сокровенную исторію. Но что мнѣ особенно въ немъ понравилось,—что онъ разсказывая свою обыкновенную исторію, касался какъ-бы мимоходомъ своихъ богатырскихъ подвиговъ, не подозрѣвая въ нихъ ничего необыкновеннаго.

А между тѣмъ старушка принесла намъ вечерю и сама повечеряла съ нами. Помолившись Богу, послѣ вечери хозяинъ обратился къ старушкѣ, сказалъ:

---

[1]) У людей зажиточныхъ столъ накрывался *коврикомъ* домашней работы.

[2]) Деревянная полка въ заднемъ углу, для храненія посуды.

[3]) Чабакъ—сушеная, вяленая рыба, любимая у хозяевъ съ достаткомъ закуска съ паляницею, т. е. бѣлымъ хлѣбомъ.

— Теперь, Микитовна, роскажить намъ про свою княгиню, якъ воно тамъ у васъ діялось; а съ самаго начала, прибавилъ онъ,— наточите намъ съ кухоль сливянки, воно, знаете, веселише буде слухать.

Черезъ минутъ пять старушка возвратилась въ хату съ порядочнымъ стеклянымъ *глечикомъ* въ рукахъ; поставивши глечикъ на столъ, сама она сѣла на скамейку, и помолчавъ немного, проговорила вздохнувши:

— Про ~~се~~ безталанье, Степановичу, про сю тяжку горькую долю, я готова каждый день, каждую годину разсказывать всему свѣту, чтобъ весь свѣтъ зналъ про сій горькіе кровавые слезы и казнился ~~ими~~.—И ~~старушка~~ тихо заплакала.

Мы выпили по рюмкѣ сливянки, а старушка, утерши слезы, начала такъ:

— Не умѣю сказать, сколько минуло тому лѣтъ, только это случилося давно, еще до француза, я была тогда еще такою *стрыюю*, когда покойный Демьянъ Федоровичъ, царство ему небесное, пришелъ изъ подъ-француза. Они служили въ какихъ-то козакахъ, а въ какихъ именно, не умѣю вамъ сказать, знаю только, что въ козакахъ и больше ничего. Батюшку своего Федора Павловича, царство ему небесное, они не застали въ живыхъ. Осмотрѣвшися дома около хозяйства, поправили, что нужно было поправить, а что не нужно, то и такъ оставили, тогда-же они выстроили и два *витряка*, вотъ что на горѣ стоятъ. Они только и уцѣлѣли отъ всего добра. Построивши витряки, да и задумали свататься, высватали они ажъ за Остромъ у какого-то Солонины Катерину Лукьяновну. Вотъ весною засватались, а послѣ першой Пречистой и повѣнчалися; и полгоду не былъ женихомъ голубчикъ мой; послѣ ихъ сватьбы меня и взяли во дворъ, въ покои. Долго я плакала и скучала за своими домашними, а послѣ и привыкла, когда побольше подросла. На другой или третій годъ,—кажется на третій, далъ имъ Богъ дитя, назвали его Катериною, а меня приставили къ нему нянькою; съ той поры и по сіе лютое время я не разлучалася съ моею безталанницею ни на одинъ часъ, у меня на глазахъ выросла и замужъ вышла, и...

— Та годи вамъ плакать, Микитовна, сказалъ хозяинъ съ участіемъ; на все то воля Божія, слезами только Бога гнивите.

Старушка, помолчавъ немного, продолжала:

— А какой хозяинъ! какой панъ добрый! Душа какая праведная была! И все пошло прахомъ. Бывало, покойный Катериничъ пріѣдетъ къ намъ изъ Кіева, да только подивуется, а ужъ можно сказать, что Катериничъ даромъ никого не похвалитъ, да правду сказать, было чему и подивоваться. Село всего на-вся сорокъ хатъ, а посмотрѣлы-бъ, чего въ этомъ селѣ не было! И *ставы*, и *млины* и *пасѣки*, и *винниця*, и *броваръ*, и скотины разной, а въ *коморахъ* и *господи* развѣ птичого молока не доставало, а то все было. А въ селѣ такъ любо по улицѣ пройдти, хаты чистыя, бѣлыя, казалось, что въ нашемъ хуторѣ вѣчная великодная суббота, люди ходятъ собе по улицѣ, или сидятъ подъ хатами обутые, одѣтые, дѣти бѣгаютъ по улицѣ въ бѣленькихъ сорочечкахъ, точно ангелята Божіи. О, охъ! и гдѣ это все дѣвалося? Правда, и Катерина Лукьяновна была хозяйка, но все таки не то, что самъ. Бывало, каждое Божіе воскресенье, или праздникъ какой запросятъ покойнаго Купріяна на *Отче нашъ*[1]) да и выставлятъ двѣнадцать графиновъ, и все съ разными настойками, а отецъ Купріянъ, царство ему небесное, по *Отче нашъ* выпьетъ бывало въ каждаго графина по рюмкѣ, да какъ дойдетъ уже до послѣдного, то и скажетъ: вотъ это хорошая водка, ее и будемъ пить; а водки, правду, сказать, всѣ были одинаково хорошія, да онъ покойникъ былъ ужъ такой чудной, любилъ иногда, царство ему небесное, и пошутить.

— Чудный, чудный таки былъ покойникъ, говорилъ хозяинъ, наливая въ рюмку сливянки, а чтобы сказать пьянаго, такъ я его никогда не видѣлъ: Богъ его знаетъ, или это ужъ натуру такую добрую Богъ дастъ человѣку, или человѣкъ уже самъ приспособится, не знаю;—а что, Микитовна, еслибъ и вы съ нами выпили чарочку сливянки, воно може-бъ и полегшало!

Старушка отказалась отъ сливянки, и немного помолчавъ, продолжала свой разсказъ:

— Катеринѣ Демьяновнѣ пошелъ уже другій годочокъ, какъ вона въ первый разъ на ноги стала, я привела ея за ручку въ гостинную, гдѣ они поутру пили чай. Господи! что тутъ было радости,

---

[1]) Т. е. на закуску, благословляя которую, священникъ читалъ молитву Господню; отсюда выраженіе: зайти, или престь на *Отче нашъ*.

такъ и разсказать не можно. Катерина Лукьяновна взяла ее на руки и поцѣловавши, тутъ-же сказала, что ни за кого на свѣтѣ не выдастъ ее замужъ, какъ за князя, или какого генерала... Охъ! такъ-же оно и случилося на наше безголовье. А какіе люди сватались: нѣтъ таки, дай ей князя, или генерала... вотъ тебѣ и князь!

— Да таки нѣчего сказать, хорошій, перебилъ хозяинъ, далъ онъ ей бѣдной знать себя.

— Стало оно выростать, стали его учить сначала грамотѣ, а потомъ—и Господи! чему они его не учили! Бывало, жаль посмотрѣть на бѣдное дитя! и шить, и вышивать, и прясть, и нитки сучить, а разъ самъ такъ послалъ ее бѣдную и коровъ даже доить. Бывало, сама иногда вскипется на него: что ты, говоритъ, дѣлаешъ съ бѣднымъ ребенкомъ? развѣ мы его за мужика готовимъ? А можетъ, и за мужикомъ придется жить; будущее кто знаетъ?— бывало, скажетъ самъ, да и замолчитъ. А она ему: ты бы лучше для нее фортопьяны купилъ въ Кіевѣ. Купили и фортопьяны на контрактахъ. Привезли съ фортопьянами и учителя, не умѣю сказать, полякъ-ли онъ былъ, или нѣмецъ, не знаю; только онъ говорить совсѣмъ не умѣлъ по нашему, бывало скажетъ слово, такъ слушаешъ, да ~~только~~ хохочешъ. Вотъ онъ ее въ годъ или два выучилъ играть на тѣхъ фортопьянахъ, да какъ бывало заиграетъ моя лебедонька, такъ только сидишъ, слушаешъ, слушаешъ да и заплачешъ, а она возметъ да и перемѣнитъ пѣсню, да какъ ударитъ *горлицю* или *метелицу*, согрѣшила я грѣшная, не вытерплю бывало, да какъ возьмуся въ боки, да й пойду, да какъ пойду!— Только подъ ноги ложится, а она играетъ, бывало, да хохочетъ. Однажды насъ и застала сама, да какъ крикнетъ на насъ: ты, говоритъ, что это дѣлаешъ? развѣ этому тебя учили играть, только инструментъ портишъ своими мужицкими пѣснями. А ты, цындря, не знаешъ, гдѣ коровъ доятъ, то будешь знать. Я, разумѣется, испугалась и стала себѣ въ уголъ, да и стою, какъ будто меня и въ комнатѣ нѣтъ.

— А вы таки, Микитовна, були, колись, нигде правды *сховать*, таки добре *дзиндзюристы* [1]), сказалъ хозяинъ, наливая рюмку сливянки.

---

[1]) Дзиндзюристый—вертлявый, на всѣ штуки.

— Прости мене, Господи! сказано молодость, а въ молодости чего не случается. А бывало, когда моя пташечка Катруся совсѣмъ выросла, то какъ только лягутъ спать паны послѣ вечери, а мы и выйдемъ тихенько въ садъ, гуляемъ, гуляемъ, до самого свѣта гуляемъ, а мѣсяцъ такъ тебѣ и свѣтитъ, какъ будто днемъ; а она еще бывало возметъ, да запоетъ: *Не ходи Грицю, та на вечерницю*— тихо, тихо, та сладко, такъ-бы вотъ, кажется, и слушала-бъ ее, слушала-бъ до самаго свѣту.

— Помню, хорошо помню, сказалъ хозяинъ, разъ иду я въ ночи коло вашего саду, только слушаю, что то поетъ, тилько не *Грицю*, а другую какую-то пѣсню, я остановился и такъ простоялъ, какъ прикованный до тыну, до самаго бѣлаго дня; нечего сказать, прекрасно було слушать, какъ вона бувало заспивае.

— А по утру, спала-ли, нѣтъ-ли, вспорхнется, что твоя пташка, и снова веселится и никто, опричъ меня, не знаетъ, что ночью дiялось. Ахъ, вотъ что я было чуть совсѣмъ не позабыла: есть тутъ, голубчики мои, не далеко отъ нашего села на Трубайлѣ хуторъ маiора Ячнаго. Вы его, Степановичъ, знаете самаго маiора? Онъ и теперъ еще здраствуетъ, благодареніе Богу, а что за хозяинъ, такъ и покойному нашему Демьяну Федоровичу не уступитъ. Правда, у него только всего на все десять хатъ на хуторѣ, такъ за то и хаты, за то и люде, что хата, то семья душъ десять. Извѣстное дѣло въ добри, та въ роскоши живутъ, а у самаго маiора ставочокъ, млиночокъ, садочокъ, а домикъ что твоя писанка,—чистенькій, бѣленькій, только смотри да любуйся! А что-же, еслибъ у него еще и хозяйка была-бы жива, а то онъ самъ за всѣмъ хозяйничаетъ: правда, былъ у него сынокъ, но то что? еще можно сказать дитина, да и то не на глазахъ росло, а было гдѣ то въ школахъ, не знаю, въ Кiевѣ или Нѣжинѣ.

— А были они съ нашимъ покойнымъ великiе прiятели. Бывало, или нашъ у него, или онъ у нашего, куска хлѣба не съѣдятъ врозь, все вмѣстѣ. На праздники прiѣзжалъ къ нему гостить и сынъ изъ школы, и только слава, что прiѣзжалъ къ отцу, а у насъ бывало и днюетъ и ночуетъ; изъ моею Катрусею, бывало, и въ полѣ, и въ саду, и въ покояхъ, одно безъ другаго никуда; я, бывало, гляжу на нихъ, та и думаю: вотъ выростаетъ парочка такъ, что на диво. Они просто одно для другаго на свѣтъ Божiй роди-

лися. Такъ думалъ и маіоръ, такъ думалъ и нашъ Демьянъ Федоровичъ, а про дѣтей и говорить нечего; да всѣ такъ думали, да не такъ думала Катерина Лукьяновна. Она спала и видѣла своего зятя или князя или генерала, а о другихъ и думать не хотѣла! Бывало, когда ему бѣдному приходило время отправляться въ школу, то Катруся моя уже за недѣлю начинаетъ плакать, а когда онъ уѣдетъ уже совсѣмъ, то она просто въ постель ляжетъ, и долго послѣ того не ѣстъ, ни пьетъ ничего, Богъ ее знаетъ, чемъ она и жива была.

— Такъ-то они мои голубоньки росли, да и выросли вмѣстѣ, да и полюбилися, сердечные, на свое безголовье. Господи! я уже въ *домовину* смотрю, а когда вспомню про нихъ, моихъ пташечекъ, то какъ будто снова молодѣю. Бывало уже передъ тѣмъ, какъ имъ надо разставаться, сойдутся себѣ въ саду, станутъ гдѣ нибудь подъ липою, или подъ берестомъ, обнимутся, поцѣлуются и долго, долго смотрятъ другъ другу въ очи, а слезы у обоихъ изъ очей такъ жемчугомъ и катятся; знать они чувствовали, что не дадутъ имъ жить одному для другаго.

— Вотъ онъ уже кончилъ свою школу, покойный губернаторъ Катериничъ взялъ его къ себѣ въ Кіевъ, опредѣлилъ его въ какую-то палату. Не умѣю вамъ сказать, для чего онъ его опредѣлилъ въ палату; вотъ онъ пробылъ годъ въ той палатѣ, а на другой годъ пріѣзжаетъ къ намъ въ гости, да и давай сватать мою Катрусю. Демьянъ Федоровичъ, царство ему небесное, таки сразу согласились и говорятъ, что лучше мужа нашей Кати не найти и за морями, и правду говорили. Такъ что-жъ сама,—не Катруся сама, Боже борони! а сама Катерина Лукьяновна—уперлась и руками и ногами. Какъ! закричитъ бывало, чтобъ я свою единственную дочь отдала за какого нибудь хуторянина, за *гречкосія*! нѣтъ, я лучше въ гробъ ее положу, чѣмъ увижу ее, мою милую Катеньку, на хуторѣ Ячнаго! Что она тамъ будетъ дѣлать, индиковъ кормить, гусей загонять? нѣтъ, не для того я ее на свѣтъ породила, не для хутора Ячнаго я ее воспитывала... крикнетъ, бывало, и запрется въ своемъ покою на цѣлый день; а онъ самъ около нея и такъ и сякъ, нѣтъ, хоть и не подходи, знай свое *провадитъ*. Князя или генерала, да и только! Покойный Демьянъ Федоровичъ хотѣлъ было уже безъ ея согласія перевѣнчать, да знать Богъ не судилъ ему это доброе

дѣло сдѣлать. О Рождествѣ онъ заболѣлъ, вернувшися изъ Козельца, а на средокрестной и Богу душу отдалъ.

— Господи! и теперь страшно вспомнить! Какъ онъ уже на вѣчной постели просилъ ее, чтобы не отдавала Кати ни за князя, ни за генерала, а чтобы отдала ее за молодаго Ячнаго, или за кого другаго, только за свою ровню. Нѣтъ таки, поставила на своемъ.

На тотъ грѣхъ, какъ разъ въ чистый четвергъ, вступила *драгунія* въ Козелецъ, да и заквартировала по хуторахъ и по селахъ на все лѣто. Да драгунія-жъ эта была! чтобы она къ намъ никогда не возвращалась. Да таки дала себя знать эта проклятая драгунія! не одна чорнобривка умылася слезами, провожавши эту Иродову драгунію; въ одномъ нашемъ селѣ осталось четыре *покрытки*, а что же въ Оглавѣ да въ Гоголевѣ? тамъ я думаю и не пересчитаешъ!

— Горе намъ! горе намъ съ тѣми драгунами, промолвилъ хозяинъ, наливая чарку сливянки.

— Да и теперъ страшно вспомнить, продолжала старушка; разъ сидимо мы къ вечеру всѣ трое въ гостинной, я, кажется, карпетку вязала, Катерина Лукьяновна сидѣла такъ, а Катруся книжку читала, та такую жалобную—чуть-чуть я не заплакала, про какого-то запорожца Киршу, или про Юрія, не помню хорошенько, только очень жалобно. Вотъ уже дочиталася она, моя рыбонька, какъ того Юрія запорожца заковали въ кайданы и посадили въ темницу, только глядь, смотримъ—входитъ въ комнату драгунъ, высоченный, усатый, а морда ниначе те *ретето*, гладка та червона, здавалась червонише одъ воротника, що пришитый до его мундира. Я, говоритъ, такой-то и такой князь Мордатый; мы сами видимъ, что ты мордатый, думаю себѣ. Я, говоритъ, покупаю овесъ и сѣно, нѣтъ ли у васъ овса и сѣна продажняго? Есть, говоритъ Катерина Лукьяновна,—прошу садиться. Вотъ онъ себѣ и сѣлъ, а мы съ Катрусею ушли въ другую комнату дочитывать книжку; только что начала читать, а въ комнату входитъ Катерина Лукьяновна и говоритъ: вотъ тебѣ, Катенька, и твой суженый. Мы какъ сидѣли, такъ и обмерли; какъ уже у нихъ было въ тотъ несчастный вечеръ и какъ онъ сватался, мы ничего не знали, только съ того самаго вечера—князь къ намъ началъ ѣздить каждый Божій день и рано и вечеромъ. А молодаго Ячнаго, когда пріѣдетъ онъ, бывало, изъ

Кіева, и на дворъ не пускали; ходитъ бывало по-за садомъ, да плачетъ, а мы глядя на него, и сами въ слезы. Что жъ? не помогли и слезы, а ни, ни; Катерина Лукьяновна таки поставила на своемъ; какъ разъ черезъ годъ послѣ смерти Демьяна Федоровича, на великодныхъ святкахъ, просватала за князя мою безталанну Катрусю.

— И можно таки сказать, что безталанница: отъ всего добра, отъ всей роскоши только и осталось, что два витряка, да и сама еще, Богъ знаетъ, останется ли въ живыхъ,—говорилъ хозяинъ какъ-бы самъ про себя, наливая рюмку сливянки.

— А вотъ какъ было, Степановичу! На Фоминой недѣли ихъ и повѣнчали; плакала, плакала она, моя безталанница, да что! знать, такъ Господу угодно было, не умолила она Его милосердаго; знать, Господь Богъ любя наказуетъ. На другой день послѣ свадьбы переѣхалъ онъ къ намъ изъ Козельца, и деньщикъ его Яшка, такой скверный, оборванный, тоже съ нимъ переѣхалъ, и только и добра было съ ними, что преогромная бѣлая кудрявая собака, юфтовый зеленый кисетъ и длинная трубка. Съ того же дня и началося новое господарство.

На этомъ словѣ старушка остановилась, и помолчавъ немного, перекрестяся сказала:

— Господи! прости меня непрощенную грѣшницу! за что я осуждаю человѣка, ничего мнѣ злаго не здѣлавшаго... А какъ подумаю, такъ онъ и мнѣ таки не мало надѣлалъ зла. Онъ, прости ему Владыко милосердый;—тутъ она снова перекрестилась,—онъ душегубецъ, загубилъ мое одно единственное сокровище, мою одну единственную любовь! Я никого никогда на свѣтѣ такъ не любила, какъ полюбила ее, мою горькую, мою бездольную Катрусю. Одна моя единая радость, одно мое единое было сладкое счастіе видѣть ее счастливою за мужемъ. И что-же? Слезы, слезы, слезы и посрамленіе, а все мать! всему причиною одна родная мать; захотѣлось ей, видишъ-ли, свою единственную дочь увидѣть княгинею; ну вотъ тебѣ и княгиня! любуйся теперъ на свою княгиню! любуйся теперь на прекрасное свое село, на свой садъ зеленый, на свой домъ высокій! любуйся, Катерина Лукьяновна! любуйся на свои хорошія дѣла, ты, ты одна все это натворила.

— Та цуръ ій, Микитовна, не згадуй ее, нехай ій лихо сниця; розсказувайте, що тамъ дальше буде?

— Охъ! я не знаю, какъ мнѣ и разсказывать, потому что тутъ пойдетъ все такое страшное, скверное, что и подумать грѣшно, а не то что разсказывать.

— Розсказуй уже, Микитовна, до краю, а то—такъ не треба було и зачинать, говорилъ хозяинъ, наливая рюмку сливянки и поднося ее разскащицѣ.

— Спасибо, спасибо Степановичу, я вже моими слезами пьяна.

— А не хочете, то якъ хочете, такъ мы съ добродіемъ выпьемо; а вы тимъ часомъ роскажите, якъ воно зачалося у васъ то новое господарство,—говорилъ хозяинъ, подчуя меня сливянкой.

— А началось вотъ какъ, проговорила старушка, и помолчавши, почти закричала.

— Ну, скажите вы мнѣ, люди добрые, чего сей грѣшницѣ не доставало? пани на всю губу, всякого добра и видимо и не видимо, купалася въ роскоши, такъ-же нѣтъ, мало, дайте мнѣ зятя князя, а то умру, якъ не дадите; добула, выторгувала, купила себѣ князя, продавши свою единственную дочъ. О, матери, матери! вы забываете свои страданія при рожденіи дитяти, когда такъ не дорого продаете это дитя, которое вамъ такъ дорого обошлося!

Старушка замолчала, а хозяинъ сказалъ:

Все воно такъ, Микитовна, а мы все таки не знаемъ, какъ у васъ началося новое господарство?

И она спокойно продолжала:

— А началося воно такъ, Степановичу, что князь въ комнатахъ завелъ псарню; вотъ какъ началося новое господарство! Всякій Божій день пиры да банкеты, бывало, свѣту Божьяго не видишъ отъ табачнаго дыму, а о прочемъ и говорить ничого. А еще бывало, какъ зазоветъ къ себѣ на охоту всю свою драгунію изъ Козельца, то Господи и упаси! Заѣдутъ пьяные, грязные, скверные такіе, что не дай Богъ и во снѣ такихъ увидать. Да еще всякій возьметъ себѣ по деньщику такому-же скверному, какъ и самъ, и не день, и не два, и не три, а цѣлую недѣлю гостятъ. А что они за эту недѣлю надѣлаютъ въ домѣ, такъ я и разсказать стыжуся. Свининецъ, настоящій свининецъ! Такъ что бывало вымываемъ, да выкуриваемъ послѣ ихъ цѣлый мѣсяцъ. Отутъ то я только узнала, что значитъ драгунія. А Катерина Лукьяновна смотритъ на нихъ, да только себѣ улыбается, и больше ничего.

— Не прошло и мѣсяца, какъ онъ все уже къ себѣ забралъ въ руки. Ключи отъ комоды и леху были у его поганого Яшки; такъ что ежели чего захочется Катеринѣ Лукьяновнѣ, то нужно было просить Яшку. О тутъ-то она въ первый разъ заплакала, тутъ-то она увидѣла своего князя такимъ, какъ его надо было видѣть матери до свадьбы. Но она, гордая, и виду не показывала, что все видитъ. А когда бывало придется ей до *скруту*, не въ моготу, то она хоть черезъ великую силу, а все-таки улыбается и поворотитъ все *въ жарты*. А Катруся, моя бѣдная Катруся, сидитъ бывало въ своей комнатѣ и день и ночь, да такъ рѣкою и разливается. А онъ, и это не одинъ разъ, пріѣдетъ въ полночъ изъ Козельца пьяный, да привезетъ съ собой жида съ цимбалами, всѣхъ подыметъ на ноги,—танцуйте, кричитъ, хохлацкія души, танцуйте! а не то всѣхъ васъ передушу! Мы, бывало, съ Катрусею убѣжимъ себѣ въ садъ лѣтомъ, а зимою не разъ мы ночевали въ мужицкой хатѣ.

— Мнѣ только вотъ что кажется чуднымъ, перебилъ ее хозяинъ, какъ вы не догадались его пьяного задушить, да сказали-бъ, что умеръ съ перепою, или просто сгорѣлъ.

— Э, такъ, думаете, и сказать легко; а грѣхъ, а страшный судъ, Степановичу! нѣтъ, пускай себѣ умираетъ своею смертію, Богъ ему и судъ и кара, а не мы грѣшные.

— Та воно то такъ, Микитовна, а бываетъ и вотъ еще какъ: одному разбойнику на исповѣди въ Кіевѣ чернецъ задалъ такую *покуту* ~~*чи эпитимію*~~: возьми, говоритъ, непрощенный грѣшниче, два камени, свяжи ихъ до купы сырецевымъ ремнемъ, перекинь черезъ плечи, и когда ремень перервется, тогда твои грѣхи будутъ прощены. Ото идетъ онъ съ тими камнями черезъ кладовище и видитъ, что на свѣжей могилѣ блудный сынъ мать свою проклинаетъ. Господи! говоритъ разбойникъ, не одного я добраго человѣка послалъ на тотъ свѣтъ, дай пошлю и этого злодѣя ругателя, и только что убилъ его, ремень какъ ножомъ перерѣзало. Вотъ что! прибавилъ онъ значительно.—Такъ что-же у васъ тамъ дальше происходило, Микитовна? сказалъ онъ, подвигая къ себѣ кухоль съ сливянкою.

— О, происходили, Степановичу, сливы, та плясы, та полуночные банкеты, и добанкетовалися до того, что къ концу зимы нечего было на столъ поставить. Драгунія, знаете, наѣдетъ голодная, такъ

тутъ хоть *макитру* пустую поставь на столъ, то и ту съѣдятъ. Все, что не поставь, бывало, какъ метлою метутъ. А когда не успѣемъ, бывало, собрать со стола во время посуды, то и посуда полетитъ подъ столъ; скааано: пьяные люди! А самъ ~~князь~~ сидитъ себѣ за столомъ, та знай въ ладоши бьетъ, та кричитъ: ура!! Сначала я не понимала этого слова и думала, что онъ сердится и ругаетъ своихъ гостей, а вышло, что онъ радъ былъ, когда они пустошили его добро. Вотъ такъ то они всю зиму просодомили, та прогоморрили, а весною смотримъ, наше поле не зеленѣетъ; ни трава, ни жито, ни пшеница не зеленѣютъ. Прошли и зеленые святки, а поле черное, какъ будто на немъ ничего и не сѣяно. Уже и молебствовали, и воду въ криницахъ святили, нѣтъ, ни что не взошло. Посѣяли яровое, и зерно въ землѣ погибло. Народъ заплакалъ, скотина заревѣла съ голоду, и наконецъ собаки завыли и разбѣжались, и Господь знаетъ, откуда это волки взялися, и днемъ, и ночью такъ бывало и ходятъ по селу. Это было горе, всесвѣтное горе! Но намъ было горе двойное! Одно то, что люди въ селѣ пухли отъ голоду, издыхали, якъ ти собаки, безъ святыхъ исповѣди и причастія (отецъ Купріянъ самъ занедужалъ); а другое наше горе было то, что князь, ничего этого не видя, назоветъ къ себѣ гостей, свою драгунію изъ Козельца и съ людьми, и съ лошадьми, и съ собаками, да и кормитъ ихъ и поитъ цѣлый мѣсяцъ; а до того ему и дѣла нѣтъ, что у мужиковъ ни одной крыши не осталось на хатѣ, все скотина съѣла; въ лѣсу даже не осталось ни одного дерева живаго; всѣ деревья—и дубъ и ясень, и кленъ, и осика, ужъ на что верьба горькая—и та была оскоблена и съѣдена людьми. О, Господи, что-то Господь дѣлаетъ съ человѣкомъ! Посмотришъ бывало, совсѣмъ не человѣкъ ходитъ, а что-то страшное, звѣрь какой-то голодный, что и взглянуть на него нельзя безъ ужасу. А дѣти-то бѣдные, дѣти! просто пухли съ голоду; лазятъ бывало по улицѣ, какъ щенята и только и знаютъ одно слово: *папы, папы!*

Вы, можетъ быть, думаете, что у насъ хлѣба не было? мыши его ѣли въ скирдахъ и въ коморахъ; лѣтъ пять можно-бъ прокормить не только наше село, а весь Козелецъ. Такъ что-жъ ты будешъ дѣлать? не даетъ людямъ: лучше, говоритъ, продамъ, когда вздорожаетъ, а люди нехай дохнутъ, отъ нихъ прибыли мало. Кат-

руся моя бѣдная заикнется было сказать слово про людей... Молчать, закричитъ онъ на нее, какъ на свою бѣлую собаку; развѣ я не знаю, что дѣлаю? Она бѣдная и замолчитъ; выйдетъ въ другую комнату да въ слезы, а я на нее глядя, и себѣ туда-же. Что будемъ съ нимъ дѣлать, сказано звѣрь, а не человѣкъ; и Богъ святый знаетъ, какъ она еще бѣдное дитя выносила!

— Она была тогда уже на износѣ, этимъ самимъ дитямъ, что вы сегодня видѣли, говорила она, обращаясь ко мнѣ, и когда бывало онъ заснетъ пьяный, то она, дрожа, на цыпочкахъ пройдетъ мимо его въ свою комнату, упадетъ на колѣни предъ образомъ скорбной Божіей Матери помолиться, и такъ горько заплачетъ, такъ горько, такъ тяжко, что я и не видѣла никогда, чтобъ люди такъ плакали. Мнѣ даже страшно дѣлалось. А когда онъ поѣдетъ на охоту съ своею драгуніею, тогда мы возьмемъ себѣ по мѣшку хлѣба печеного, я еще бывало говорю ей, не берите, не подымайте черезъ силу, вы сами видите, какіе вы; я одна понесу; ничего, говоритъ, Микитовна (она меня тоже Микитовной звала), ты только показуй, у кого есть маленькія дѣти и старые, немощные люди. Вотъ мы и пойдемъ по хатамъ. Господи! чего я тамъ не насмотрѣлась... Голодная мать вырываетъ изъ рукъ хлѣбъ у своего умирающаго дитяти! и волчиха, я думаю, этого не дѣлаетъ,—что значитъ голодъ!!

— Разъ зашли мы въ одну хату. О! я этой хаты, пока живу на свѣтѣ, не забуду! отворили мы двери, на насъ такъ и пахнуло пусткою. Входимъ и видимъ: по срединѣ хаты на полу лежатъ двое худыхъ, прехудыхъ дѣтей, только однѣ колѣни толстыя. Одно уже совсѣмъ кончалось, а другое еще губками шевелитъ, а около нихъ сидитъ мать простоволосая, худая, блѣдная, въ разорванной рубахѣ и безъ *запаски*; а глаза у нее, Господи! такіе страшные, и она ими не смотритъ ни на дѣтей, ни на кого, а такъ Богъ знаетъ на что смотритъ. Когда мы остановились на порогѣ, она какъ будто взглянула на насъ и закричала: не треба, не треба хлѣба. Я вынула изъ мѣшка кусокъ хлѣба и подала ей. Она молча обѣими руками схватила его, задрожала и поднесла къ губамъ умершаго дитяти и потомъ захохотала. Мы вышли изъ хаты.

— Да вы таки, Микитовна, видѣли на своемъ вѣку багато де чого!—говорилъ хозяинъ, съ участіемъ глядя на старушку.

— И не говорите, Степановичу! не приведи Господи никому того видѣть, что я видѣла.

— Господь его милосердный знаетъ, продолжалъ хозяинъ, обращаясь ко мнѣ, какъ это воно все мудро, да хитро устроено на свѣтѣ! Я про себя скажу, меня эти проклятые, голодные года просто на ноги поставили. У меня своего хлѣба таки было довольно, да у людей еще прикупилъ, какъ будто зналъ, что будутъ неурожаи. Вотъ какъ насталъ голодный годъ, ко мнѣ всѣ и сунулись за хлѣбомъ; я хотя и вчетверо продавалъ дешевле, нежели паны жидамъ продавали, а все таки выручилъ порядочную копѣйку. Чумаки мои одну зиму зимовали съ худобою на Дону, а другую перезимовали за Днѣстромъ, а тамъ голоду не було; волы, слава Богу, и чумаки вернулися живы и здоровы, еще и соли и рыбы мнѣ привезли, а хлѣбъ святый дома проданный. Вотъ у меня и гроши, и скотина, слава Богу, жива; такъ дѣлается на свѣтѣ, такъ дивно, прибавилъ онъ, обращаясь къ разскащицѣ.

— Такой ужъ вамъ таланъ, Степановичу! сказала она, вздыхая: за то вамъ Господь и посылаетъ, что вы въ нуждѣ людей не оставляете. Вотъ хоть-бы и я теперь, если-бы не вы, куда-бы я приклонилася съ этою бѣдною сиротою; хоть съ горы, та въ воду...

— Господь съ вами, Микитовна! мы свои люди! съ кѣмъ-же намъ дѣлиться, какъ не съ вами? а тымъ часомъ росказуйте дальше Микитовна, а то може нашему гостю и заснуть треба,—говорилъ онъ, на меня поглядывая.

— Кое-какъ прошло лѣто, продолжала старушка, осени мы и не видѣли, разомъ наступила зима, да лютая такая, да жестокая; и холодъ и голодъ разомъ посѣтили насъ. Лѣсъ ободранный весь высохъ, а князь, нашъ хозяинъ, запретилъ его на дрова рубить.— Кто, говоритъ, хоть вѣточку срубитъ, того, говоритъ, въ гробъ вгоню. Лѣсъ славный, сухой, лѣтомъ примусь, говоритъ, палаты себѣ строить. Я люблю просторъ, мнѣ нуженъ дворецъ, а не лачуга хохлацкая, въ которой я теперь гнѣздюся, какъ собака въ канурѣ. И люди бѣдные и мерзли и мерли, а что съ нимъ будешъ дѣлать? сказано панъ, что хочетъ, то и дѣлаетъ.

— На первой недѣли Филиповки разрѣшилась она отъ бремени и не хотѣла взять мамку, а сама кормила свое дитя. Вскорѣ послѣ крестинъ поѣхалъ онъ въ Козелецъ къ товарищамъ и прогостилъ

у нихъ цѣлую недѣлю. Отдохнули мы безъ него немного, слава Богу; только ночью, мы уже спать легли, пріѣзжаетъ онъ, ломится въ двери, да кричитъ; я вскочила, отворила дверь, достала огня, только смотрю, какая-то женщина съ нимъ въ картузѣ и въ офицерской шинели; какъ крикнетъ онъ на меня: что ты, говоритъ, глаза вытаращила, пошла вонъ дура! я и ушла въ свою комнату.

На другой день, за чаемъ, онъ сказалъ Катрусѣ:

— Знаешъ, душенька, какой сюрпризъ мнѣ сдѣлала сестрица? не написавши мнѣ ни слова, что хочетъ съ тобою лично познакомится, взяла да и пріѣхала, какъ говорится, не думавши. Такая, право, вѣтренница! И вообрази себѣ, на перекладныхъ вѣдь пріѣхала,—настоящая гусаръ-баба, просто одолжила. Вчера, вообрази себѣ, подхожу я къ почтовой станціи, смотрю, тройка у воротъ стоитъ совсѣмъ готовая. Я остановился, дай, думаю, посмотрю, кто такой поѣдетъ, только смотрю, выходитъ дама. Я, знаешъ, этакъ тово... ты прости меня, душеночекъ, проклятая привычка! Смотрю... и представь себѣ мой восторгъ! это была моя сестра... тутъ мы, разумѣется, бросились въ объятія другъ другу!

— А я и не знала, что у тебя есть сестра, проговорила Катруся.

— Какъ-же, есть, и не одна, а двѣ. Одна замужемъ, за графомъ Горбатовымъ, та постоянно живетъ въ столицѣ при дворѣ; она-бы тоже ко мнѣ прикатила, но, знаешъ, нельзя, она слишкомъ замѣтная при дворѣ. Я тебѣ, душенька, свою сестрицу сейчасъ представлю.

Какъ полотно поблѣднѣла моя бѣдная Катруся; она вѣрно догадалась, какая это будетъ сестрица... Черезъ минуту онъ ввелъ подъ руку женщину, не знаю молодую, не знаю старую, за бѣлилами та румянами нельзя было узнать; рекомендую тебѣ, душенька, княжна Жюли Мордатова.

И она вертляво поклонилась, проговорила что-то, не знаю по русски, не знаю по польски, я ничего не разобрала, да Катруся, думаю, тоже, потому, что она ей и головою не кивнула, а только поблѣднѣла пуще прежняго.

— Ты извини ее, мой другъ, она у меня еще институтка, по русски почти слова не выговоритъ, а въ высшемъ кругу въ русскомъ языкѣ никакой нѣтъ надобности. Да я про себя скажу, я до двадцати лѣтъ не умѣлъ по русски двухъ словъ сказать, у насъ

въ Грузіи все равно, что и въ столицѣ: никто по русски не говоритъ, все по французски, такая мода, мой другъ; мы и нашего крошку въ столицу въ институтъ пошлемъ; не правда-ли?

— Катруся не могла долѣе вытерпѣть, она молча встала и ушла въ дѣтскую, и я ушла за нею; а Катерина Лукьяновна осталась съ своими князьями. Я была-бы счастлива, Степановичу, если-бы забыла то, что у насъ творилося въ домѣ. Но Богъ меня, не знаю за что, памятью наказалъ.

Послѣ этой проклятой сестры, я ни на одну минуту не оставляла Катруси, да и она, моя безталанница, съ той поры ни шагу не выступала изъ своей комнаты. Господи! Святая Катерина великомученица, страдала-ли ты такъ, какъ она, моя бѣдная Катруся страдала? Бывало день плачетъ, ночъ плачетъ, я уже не знала, что съ нею и дѣлать; вотъ она плакала, плакала, да и начала уже въ умѣ мѣшаться, я хотѣла было ребенка отнять отъ груди, нѣтъ, не даетъ; умру, говоритъ, съ нимъ вмѣстѣ, пускай меня въ одну *труну* положатъ съ нимъ, пускай, что хотятъ, дѣлаютъ, а его никому не отдамъ; что-же мнѣ было съ ней дѣлать? Я такъ и оставила дитя; смотрю только, бывало, да плачу. Катерина Лукьяновна тоже бывало зайдетъ въ нашу комнату, посмотритъ на свою княгиню и хоть была гордая, не выдержитъ, заплачетъ и выйдетъ изъ комнаты.

А тутъ-же рядомъ въ другихъ комнатахъ пѣсни, та музыка, точно въ корчмѣ на перекрестномъ шляху, а жидовка Хайка, что князь назвалъ своею сестрицею, такъ и носится съ драгунами, и поетъ, и пляшетъ, и всякіе фигуры выдѣлываетъ, отвратительная— даже трубку курила.

— Катруся моя бѣдная сначала показывала видъ, что ничего не видитъ и не слышитъ; а послѣ уже ей сердечной и не въ моготу стало, да что станемъ дѣлать съ такимъ уродомъ. У нашей сестры, сказано, однѣ слезы, ничего больше не осталось; а слезы что? вода. Охъ! Не одну рѣку пролила она этой горькой воды, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало, зайдетъ къ ней иногда, да еще спрашиваетъ: какъ ты себя чувствуешъ? Какъ будто ослѣпъ, прости ты меня, Господи, не видитъ, что ее бѣдную едва ноги носятъ. Не послать-ли другъ мой въ Козелецъ за полковымъ штабъ-докторомъ? —Не нужно, скажетъ она да и замолчитъ.—Ну, какъ знаешъ, это

твое дѣло, а не мое, я въ твои дѣла, другъ мой, никогда не мѣшаюсь, скажетъ бывало и уйдетъ, хлопнувши дверью.

— Только мы и свѣтъ Божій видѣли, когда онъ бывало уѣдетъ куда нибудь недѣли на двѣ, на три къ своимъ товарищамъ драгунамъ; тогда мы безъ него вымоемъ, выскоблимъ полы и вывѣтримъ хоть немного покои, а то просто конюшня конюшнею. Разъ онъ ночью тоже пріѣхалъ и привезъ съ собою другую сестру, уже не жидовку, а полячку, или цыганку, кто ее знаетъ; помню только, что была чорная, и хотѣлъ тоже рекомендовать Катрусѣ; только она его и въ комнату не впустила.

Зима уже близилась къ концу; какъ разъ на середокрестной мужики наши, собравшися громадою, пришли къ нему просить зерноваго хлѣба для посѣву, что ежели, говорятъ, Богъ уродитъ, то они ему его добро возвратятъ седмерицею; куда тебѣ, и выговорить слова не далъ, прогналъ ихъ бѣдныхъ, да еще и собаками притравилъ. Хотѣла было вступиться за нихъ сама Катерина Лукьяновна, да какъ онъ гаркнетъ на нее: молчать, говоритъ, не ваше дѣло, я самъ знаю, что я дѣлаю, я въ ваши чепцы, да кофты не мѣшаюсь, такъ прошу не вмѣшиваться и въ мои распоряженія. Сказавши это, кликнулъ своего Яшку и велѣлъ закладывать тройку, чтобы ѣхать къ своимъ драгунамъ.

— Когда онъ уѣхалъ, Катерина Лукьяновна пошла въ клуню, чтобъ выбрать полускирдокъ жита и пшеницы, да и велѣть молотить мужикамъ для сѣменъ; она думала, что онъ по своему обыкновенію долго проѣздитъ; посмотрѣла около клуни, и половины скирдъ хлѣба не досчитала. А куда-же все это дѣлося? спрашиваетъ она у *токового*. А токовой отвѣчаетъ, что самъ князь, по частямъ, все жидамъ продавалъ, да половину уже и продалъ, и солому, и полову, все продалъ жидамъ, а жидъ, разумѣется, солому драгунамъ, а полову нашимъ-же мужикамъ, а они, бѣдные, и половѣ были рады. Катерина Лукьяновна выбрала одну скирду жита, а другую пшеницы, и велѣла мужикамъ молотить; только поскорѣе, говоритъ, молотите, а то пріѣдетъ князь, такъ онъ не дастъ вамъ ничего;— такъ и сталось. На другой день, только что начали молотить, глядь, въѣзжаетъ самъ на дворъ. Что вы дѣлаете, мошенники? крикнулъ на нихъ, какъ вы посмѣли? кто вамъ приказалъ? я васъ! Да какъ выхватилъ нагайку у кучера, или у Яшки, да какъ при-

нялся молотниковъ молотить такъ, что ни одного на току не осталось, всѣ разбѣжались. Досталось же и Катеринѣ Лукьяновнѣ за эту молотьбу; она бѣдная три дня съ постели не вставала. Послѣ этого онъ уже все дома бенкетовалъ, никуда не ѣздилъ *ажъ* до зеленыхъ святъ. А на самой зеленой недѣли и выѣхалъ онъ куда то съ своимъ Яшкою. Катерина Лукьяновна опять послала за мужиками и велѣла имъ намолотить хоть сколько нибудь яроваго хлѣба для посѣва, потому что, благодаря Бога, дожди перепадали и земля таки порядочно позеленѣла. Только что принялися они молотить просо и гречиху, какъ въ тотъ-же день возвращается онъ самъ, а за нимъ видимо-невидимо драгунія, какъ орда тая за Мамаемъ валитъ. Кто на мужицкомъ возу, а кто такъ просто безъ сѣдла верхомъ, а деньщики-тѣ бѣдные пѣшкомъ и босикомъ, только съ трубкою да кисетомъ въ рукахъ плелися за своими драгунами. Какъ только что на порогъ онъ вступилъ, кликнулъ своего Яшку и приказалъ ему, чтобы къ тремъ часамъ былъ готовъ обѣдъ на 50 персонъ, къ тремъ часамъ непремѣнно, а ужинъ въ вечеру на 100 персонъ, тоже чтобъ былъ готовъ непремѣнно. Для обѣда и для ужина столъ накрой въ саду; полно, говоритъ, въ этой конюшнѣ валяться, теперь можно и на подножный выйти;—а червонцами такъ и гремитъ въ карманахъ. Да слушай, говоритъ, скажи прикащику, чтобъ завтра всѣхъ мужиковъ выгналъ хлѣбъ молотить. Нужно весь перемолотить, сколько его ни есть. Вотъ тутъ мы догадались, откуда у него червонцы взялись. Неужели онъ весь хлѣбъ продалъ? говоритъ Катерина Лукьяновна; что-же люди бѣдные посѣютъ?

— А драгунія тымъ часомъ, со всею своею *мизеріею,* не заходя въ покои, отправилася прямо въ садъ, а потомъ на травѣ лежала и сквернословила, та трубки курила, пока онъ не велѣлъ имъ вынести водку; всѣ стулья и столы тоже въ садъ вынесли; велѣлъ было изъ спальни все забрать, да мы замкнулись и не пустили его къ себѣ. Онъ выругался по своему, по московскому, и оставилъ насъ въ покоѣ, пока приготовляли обѣдъ; драгунія гуляла по саду и пила водку, разставленную чуть-ли не подъ каждымъ деревомъ въ большихъ графинахъ, а другіе гости тоже пили водку и въ карты играли; нашъ князь съ ними тоже пилъ и игралъ въ карты, и всѣ червонцы, что получилъ отъ жида, какъ задатокъ за хлѣбъ, про-

игралъ, потому что бросилъ на землю карты и вышелъ изъ-за стола, а товарищи его захохотали. Все это я въ окно видѣла.

Смеркалось уже, когда Яшка съ другими деньщиками начали накрывать на столъ; поставили столы, а на столы положили длинныя доски, простыя дубовыя доски и покрыли ихъ холстомъ, потому что у насъ хоть и была длинная скатерть, но Катерина Лукьяновна не дала ее, чтобъ не испортили пьяные гости, а скатерть была дорогая; поставили на столъ въ трехъ мѣстахъ свѣчи, а чтобъ свѣтлѣе было, поставили по концамъ длиннаго стола смоляные бочки и зажгли ихъ, и только что вся драгунія сѣла за столъ, откуда не возмись полковые трубачи, да какъ грянутъ, такъ только земля задрожала! Не успѣли они и одного маршу проиграть, смотрю, клуня наша загорѣлась; смоляные бочки такъ и сыплютъ искры на скирды и на клуню, а гости смотрятъ и чрезвычайно пьяные, знай, хохочутъ да кричатъ ура!

— Катруся! говорю, сердце мое, посмотрите, говорю, клуня наша горитъ, что мы будемъ дѣлать? Смотрю, а она—не живая; я къ Катеринѣ Лукьяновнѣ, и та безъ чувствъ лежитъ, я на нее брызнула холодною водой, она очнулась. Спасайте, говорю, Катрусю съ младенцемъ, а то сгоритъ. Скирды уже всѣ загорѣлися, скоро дойдетъ и до дома. На силу-то, на силу, мы ее въ чувство привели, взяли ее подъ руки и вывели изъ дому. Я хотѣла было дитя взять у нея, но она его изъ рукъ не выпускала и только что шептала: не дамъ, никому не отдамъ, сама его похороню. Мы испугалися, она какъ-то страшно все это шептала. Мы повели ее черезъ греблю, прямо къ вамъ, Степановичу, въ хату, дай вамъ Богъ доброе здоровье,—сказала она, обращаясь къ хозяину, и уже изъ вашей хаты я видѣла это проклятое пожарище.—И Господь его знаетъ, откуда тотъ вѣтеръ взялся; снопы такъ прямо и летѣли на *будинокъ* изъ скирдъ, а потомъ вѣтеръ какъ будто перемѣнился, когда загорѣлись *будинки* и поворотилъ прямо на хаты. Черезъ минуту все село запылало. Пропали мы, говорю я моей Катруси; а она, бѣдная моя, лежитъ, только головою мнѣ киваетъ и языка во рту не поворотитъ. Катрусю! Катрусю! кричу я,—не слышитъ; я стою не жива, не мертва. Катрусю! еще проговорила я; она вдругъ вскочила, посмотрѣла вокругъ себя, да какъ броситъ своего бѣднаго ребенка на полъ и какъ закричитъ не своимъ голосомъ, да и ну на себѣ во-

лосы рвать. Я вижу, что она не въ своемъ умѣ, взяла дитя и вынесла въ другую хату, а ее, бѣдную, мы со Степановичемъ коекакъ уласкали, да завернули ее въ рядно, да и стали лить ей холодную воду на голову; она пришла въ себя да и говоритъ: не буду, не буду! а что̀ и чего не буду, она и сама не знала, что говорила. Потомъ она захохотала, потомъ начала пѣть, а потомъ запѣла, да такъ жалобно, такъ страшно запѣла, что мы выбѣжали изъ хаты... такъ она промучилась до самого разсвѣта. Передъ зорницею, она немного успокоилась, а я тѣмъ временемъ сѣла у окна и смотрѣла, какъ наше бѣдное село догораетъ; надъ нимъ кое гдѣ только дымъ дымился, ничего не осталось! И домъ, и кухня, и село—все пропало, остались одни дымари да печи отъ господскаго дому, а отъ мужичьихъ хатъ и того не осталось, потому что у нихъ не каменные. Остался только садъ, почернѣвшій отъ дыму, стоитъ себѣ въ сторонѣ, да такой черный и страшный, что я и смотрѣть на него боялася. Заплакала я грѣшная, глядя на это пожарище: что будемъ дѣлать! На все Его святая воля! Разбудила я Катерину Лукьяновну и говорю ей: что̀ же мы теперь будемъ дѣлать? гдѣ мы пріютимся? куда мы дѣнемся съ нашею бѣдною Катрусею?— А что? говоритъ она.—А то, говорю я, что она не въ своемъ умѣ, что она помѣшалася.—А ребенокъ?—говоритъ она. Ребенка, говорю я, я отъ нея отнесла, а то она его чуть не задушила.

Вскочила она и простоволосая выбѣжала на дворъ и кричитъ, чтобы бричку скорѣе заложили. Только видитъ, что дворъ чужой, она и замолчала, посмотрѣла на ту сторону гребли, ахнула, затрепетала и какъ не живая упала ко мнѣ на руки. Когда пришла въ себя, то сказала, гдѣ-же княгиня? (она всегда ее такъ называла) покажи мнѣ ее. Мы пошли въ комору, гдѣ была заперта Катруся. Когда мы вошли къ ней, то она сидѣла на полу въ рубашкѣ и съ растрепанной косою, и вся, какъ огонь, горѣла, не смотря на то, что въ коморѣ было довольно таки холодно; въ рукахъ держала она свое искомканое платье и прижала его къ груди своей. Когда мы вошли, она взглянула на насъ и шопотомъ сказала: спитъ, спитъ, не будите! Мы вышли изъ коморы; страшно было смотрѣть на нее бѣдную; а Катерина Лукьяновна, какъ ни въ чемъ не бывало, и не вздохнула даже, а никто другой, какъ она сама всему причиной; не осуди ее, Господи, на твоемъ праведномъ судѣ!!.

— Помолчавши, она обратилась ко мнѣ и сказала: Марино! нужно достать гдѣ нибудь бричку и лошадей, да отвезти ее въ Черниговъ, или въ Кіевъ. До Кіева, кажется, ближе, но гдѣ мы лошадей и и бричку достанемъ? хоть-бы телѣгу какую нибудь.—А лошадей, говорю я, намъ и Степановичъ дастъ; только брички у него нѣтъ, а простая мужицкая повозка есть. Попроси, говоритъ она, хоть простой повозки.

Я выпросила у Степановича, спасибѣ ему, и коней и повозки, положили мы въ повозку сѣна да покрыли рядномъ и положили ее бѣдную въ повозку; около нее сѣла сама Катерина Лукьяновна, да и повезли ее въ Кіевъ, въ кириловскій монастырь. Вотъ тебѣ, Катерина Лукьяновна, и княгиня. Теперь любуйся ею!

Старушка замолчала и тихо заплакала! А хозяинъ прибавилъ:

— Да таки нечего сказать, хорошая княгиня!

— А что-же сталося съ княземъ? спросилъ я.

— А Господь его знаетъ!—отвѣчала старушка: предъ Пётромъ, драгунія выступила въ походъ изъ Козельца, то можетъ быть и онъ выступилъ съ нею, только мы его съ той ужасной ночи уже не видали.

— И князь хорошій, нечего сказать,—прибавилъ хозяинъ, хоть-бы дитя провѣдалъ, проклятый.

— Господь съ нимъ, пускай лучше не провѣдываетъ,—сказала старушка и выходя изъ хаты, пожелала намъ покойной ночи.

На другой день по утру, пока мой жидокъ подмазывалъ бричку и запрягалъ свои тощія лошади, я сидѣлъ подъ хатою на завалинѣ и смотрѣлъ на противуположный берегъ Трубежа, на грустные остатки погорѣвшаго села, невольно восклицая: вотъ тебѣ и село! вотъ тебѣ и идиллія, вотъ тебѣ и патріархальные нравы! И тому подобныя восклицанія срывались у меня съ языка, пока бричка не высунулась на улицу. Поблагодаривъ хозяина за его безкорыстное гостепріимство, я отправился своей дорогой.

Чрезъ нѣсколько дней я былъ уже въ Кіевѣ и поклонившись святымъ угодникамъ печерскимъ, въ тотъ-же день посѣтилъ кириловскій монастырь, и увы! лучше было-бъ не посѣщать его. Я слишкомъ убѣдился въ горькой истинѣ печальнаго этаго разсказа, такъ не отрадно привѣтствовавшаго меня на моей милой родинѣ.

ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ.

(1591—1596 г.).

Козацкія возстанія одинаково польскіе, какъ и русскіе историки считаютъ одною изъ главныхъ причинъ ослабленія и гибели обширнаго и могущественнаго нѣкогда королевства польскаго. Чтобы понять эту неоспоримую истину во всей ея полнотѣ и исторической дѣйствительности, необходимо взять во вниманіе значеніе козачества въ исторіи южно-русскаго народа и положеніе этого послѣдняго въ общемъ строѣ государственной жизни Польши. Козачество высшей стороной своей жизни неопровержимо доказываетъ, что оно было выразителемъ государственно-общественныхъ идеаловъ южно-русскаго народа, а эти идеалы шли въ разрѣзъ съ исторически-слагавшимся государственнымъ строемъ Польши. Правда, тамъ и здѣсь въ основѣ высшихъ стремленій лежали самая широкая свобода и равноправность, но по понятіямъ козачества она должна была доходить до самыхъ низшихъ слоевъ и членовъ общины, въ государственномъ-же строѣ Польши свобода была удѣломъ весьма не многихъ, именно одного шляхетскаго сословія, и расширялась то путемъ ограниченія королевской власти, доведенной до совершеннаго безсилія, то путемъ порабощенія народныхъ массъ, лишенныхъ всѣхъ правъ и безъотвѣтныхъ предъ своими властителями. Но если и въ коренной Польшѣ такой строй вызывалъ частыя возбужденія народныхъ массъ, то тѣмъ болѣе онъ не могъ быть сносимъ народомъ южно-русскимъ, историческія традиціи котораго были совсѣмъ иныя. Козачество было хранителемъ этихъ традицій, обере-

гало права народа и вело со всякими притѣснителями его упорную борьбу, доколѣ собственная его жизнь не была подмыта иными историческими теченіями. Напрасно ставятъ козацкія возстанія въ исключительную связь съ началомъ уніи и преслѣдованій за вѣру; послѣднія были только однимъ изъ мотивовъ борьбы, усиливали ее, давали ей особый колоритъ, но начало борьбы раньше и основы ея глубже. Выдвинувшись на южную оконечность родной страны для защиты отъ набѣговъ татарскихъ, отраженіемъ ихъ Запорожье не ограничивало своей дѣятельности, но въ видахъ борьбы съ тѣми-же врагами предпринимало заграничные походы, вступая въ иностранную службу; когда-же правительство, давшее ему организацію и желавшее по своему регулировать его дѣятельность, подъ давленіемъ внѣшнимъ, закрывало для него границу, ограничивало его свободу, стѣсняло его дикую силу, оно обращало ее внутрь страны, живо откликалось на всѣ движенія народной жизни, вело борьбу противъ преобладающаго класса *пановъ*, не различая между ними поляковъ и русскихъ, разоряло ихъ замки и имѣнія и уничтожало всѣ слѣды, особливо письменные документы ихъ владѣнія надъ тѣмъ, что считало оно всенароднымъ достояніемъ. Отъ того-то такъ популярно было козачество на всѣмъ пространствѣ южно-русскаго поселенія и увлекало за собою всюду массы народныя.

Такимъ характеромъ въ общихъ чертахъ запечатлѣны и первыя козацкія движенія. Есть особый интересъ въ послѣдовательной группировкѣ и безпристрастной оцѣнкѣ фактовъ, обозначившихъ ихъ историческій ходъ, ибо по масштабу первыхъ козацкихъ движеній организовались всѣ дальнѣйшія, расширяясь постепенно во внѣшнемъ ходѣ своихъ дѣйствій, укрѣпляясь въ основныхъ своихъ принципахъ и пріобрѣтая наконецъ характеръ общенародныхъ движеній. Козачеству, какъ и всему южно-русскому народу, не суждено было достигнуть своихъ политическо общественныхъ идеаловъ и только однажды, въ минуты полнаго торжества Хмельницкаго, онъ былъ не далеко отъ нихъ; но когда осуществленіе этихъ идеаловъ оказалось невозможнымъ, ихъ смѣнило стремленіе къ объединенію съ остальною Русью, съ ближайшею цѣлію спасенія вѣры и народности, и не безъ надежды сохранить и развить тѣ гарантированныя вновь „вольности“, изъ-за которыхъ велась дотолѣ столь ожесточенная кровавая борьба. Достойно вниманія, что даже чисто

народныя возстанія, которыя длились въ теченіи всего XVIII в. въ отданной во власть Польши и лишенной козачества право-бережной Украйнѣ, сохранили общія черты первыхъ козацкихъ движеній и въ самомъ послѣднемъ изъ нихъ ясно обозначилось стремленіе народныхъ массъ къ объединенію со всею Россіею.

О первыхъ козацкихъ движеніяхъ въ нашей литературѣ существуютъ труды частію совсѣмъ устарѣвшіе, каковы напримѣръ Бантыша-Каменскаго и Маркевича, частію недавняго сравнительно времени, которыя трактуютъ объ нихъ болѣе или менѣе подробно, но не даютъ все таки полной ихъ картины, каковы: „Изслѣдованія о козачествѣ по актамъ отъ 1500—1648 г.“, Антоновича (Руковод. статья къ 1-му т. 3-й части, „Архива Юго-Западной Россіи“), 3-й т. Монографій (изданіе Кожанчикова) Костомарова и „Исторіи возсоединенія Руси“ Кулиша. Послѣднее сочиненіе имѣетъ скорѣе полемическій, чѣмъ научный характеръ. Авторъ безпрестанно дѣлаетъ отступленія и оговорки, иногда очень длинныя и страстныя; очень часто забѣгаетъ впередъ, если это нужно для его полемическихъ цѣлей, и затѣмъ возвращается къ прерванному разсказу. Вслѣдствіе этого въ его книгѣ, при самомъ внимательномъ чтеніи, очень трудно выдѣлить то, что относится къ безпристрастрому изложенію фактовъ въ ихъ естественной послѣдовательности. Статья профессора Антоновича имѣла спеціальную цѣль: въ краткомъ, связномъ разсказѣ представить публикѣ содержаніе того тома сыраго матеріала, при которомъ она помѣщена. Эта цѣль обусловливала и характеръ составленія статьи: другіе источники брались лишь для того, что-бы кратко иллюстрировать эпоху и пополнять недостающія звенья въ разсказѣ тамъ, гдѣ предлагаемые акты не представляли изъ себя достаточной связи въ событіяхъ. Понятно поэтому, что упомянутая статья не полна, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Наибольшею полнотою отличается сочиненіе Н. И. Костомарова, но со времени появленія его въ свѣтъ, изданы нѣкоторые новые матеріалы, между которыми особо важное значеніе имѣетъ сборникъ писемъ Жолкевскаго.

Въ настоящей статьѣ мы попытаемся послѣдовательно изложить ходъ первыхъ козацкихъ движеній, взявъ за основаніе разсказа только такъ называемые источники первой руки, т. е. такіе письменные памятники и извѣстія, которые современны излагаемымъ

событіямъ [1]), обходя источники болѣе поздняго времени, дабы не расширять излишне предположеннаго нами очерка и лишними подробностями не мѣшать цѣльности общей картины.

I.

Война Косинскаго.

Миръ Польши съ турками и татарами лѣтомъ 1591 г.—Мѣры правительства противъ козаковъ.—Замыслы козаковъ на Молдавію.—Первое козацкое возстаніе.—Косинскій.—Первое козацкое движеніе въ 1591 г. 1592-й годъ: взятіе козаками Кіева и Бѣлой Церкви; опустошеніе имѣній князя Острожскаго въ Подоліи; обращеніе Острожскаго къ окрестной шляхтѣ. 1593 годъ: постановленія шляхты разныхъ повѣтовъ о вооруженіи противъ Косинскаго.—Сборъ войскъ и сраженіе подъ Пяткой. Договоръ.—Смерть Косинскаго.—Заключеніе.

Лѣтомъ 1591 года Рѣчь Посполитая заключила вѣчный миръ съ турками и татарами и перемиріе на 11 лѣтъ съ Москвою. Отмѣчая этотъ фактъ, два современныхъ польскихъ историка (Бѣльскій и Гейденштейнъ), какъ-бы сговорившись, замѣчаютъ тутъ-же съ сожалѣніемъ, что государство, обезпечивъ себя извнѣ, не пріобрѣло однако внутренняго спокойствія [2]). Дѣйствительно, продолжались религіозныя несогласія католиковъ съ диссидентами; паны

---

[1]) Такими источниками служили для насъ слѣдующія изданія:

1. Архивъ Юго-Западной Россіи. Часть III. Акты о козакахъ (1500—1648 г.). Томъ 1-й.

2. Listy Stanislawa Żółkiewskiego. 1584—1620 r. W Krakowie. 1868 r.

3. Письма кн. Острожскаго. Приложенія ко 2 т. „Исторіи возсоединенія Руси“ Кулиша.

4. Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси. Т. I. Москва. 1877 года. Изд. Кулишомъ.

5. Ioachima Bielskiego. Dalszy ciąg kroniki polskiej, zawierającej dzieje od 1587 do 1598 r. Warszawa 1851 r.

6. Rajnolda Hejdensztejna. Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594. Petersburg. 1857. T. 2.

7. Tagebuch des Erich Lassota. Русскій переводъ Ф. Бруна. С.-Петербургъ. 1873 г.

---

[2]) Bielski. Dalszy ciąg kroniki polskiej.., стр. 151; Hejdensztejn (въ переводѣ на польскій), Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594. T. 2, стр. 299.

упражнялись въ кулачномъ правѣ; жолнѣры, собранные передъ тѣмъ въ виду опасной войны съ Турціей, производили страшныя безчинства и не хотѣли расходиться, пока не получатъ жалованья. А собрать деньги было очень трудно: шляхта и такъ роптала на Замойскаго за напрасные расходы на несостоявшуюся войну. Ко всему этому въ украинныхъ воеводствахъ—кіевскомъ, волынскомъ и брацлавскомъ—присоединялись еще козацкія своеволія. Подъ конецъ 1591 года они начали проявляться чаще и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и положили начало той цѣпи козацкихъ насилій надъ имѣніями пановъ, особенно князя Острожскаго, которая тянулась въ продолженіе всего 1592 года и завершилась въ началѣ 1593 года настоящей междоусобной войной, издавна извѣстной въ исторіи подъ именемъ перваго козацкаго возстанія.

Миръ съ татарами и турками былъ заключенъ подъ непремѣннымъ условіемъ усмиренія низовыхъ козаковъ и удержанія ихъ отъ дальнѣйшихъ набѣговъ на турецкія владѣнія. Условіе это было не ново для польскаго правительства, но теперь неисполненіе его грозило дѣйствительною опасностью, такъ какъ терпѣніе турокъ по видимому истощилось. Польскому послу пришлось перенести много разныхъ непріятностей въ Константинополѣ, прежде чѣмъ султанъ согласился, и то по ходатайству англійскаго посла, взять сто сороковъ соболей за убытки, причиненные козаками его владѣніямъ [1]). Сила турокъ наводила тогда страхъ на всю Европу.

Мѣры къ усмиренію козаковъ начались еще въ 1590 году изданіемъ универсала, въ которомъ Сигизмудъ III предписывалъ построить на Днѣпрѣ, въ урочищѣ Кременчукѣ, укрѣпленіе и въ немъ помѣстить 1000 человѣкъ, обязанныхъ слѣдить за тѣмъ, чтобы люди своевольные не нападали на сосѣднія государства и не подвергали-бы изъ-за этого опасности Рѣчь Посполитую. Въ случаѣ нападенія непріятелей, гарнизонъ долженъ былъ первымъ стать противъ нихъ. Старшимъ надъ гарнизономъ назначался снятынскій староста Николай Язловецкій, которому и поручалось, по данному королемъ приговѣдному листу, набрать 1000 годныхъ къ бою пахолковъ и построить замокъ. Продовольствіе доставлять обязывались

---

[1]) Гейденштейнъ. Т. 2, стр. 294.

жители сосѣднихъ коронныхъ имѣній [1]). Въ томъ-же году сеймъ сдѣлалъ суровое постановленіе противъ козаковъ. Число ихъ ограничивается 6000, они находятся въ зависимости отъ короннаго гетмана, который назначаетъ имъ сотниковъ и прочую старшину—изъ шляхты. Реестръ можетъ пополняться только съ вѣдома короннаго гетмана, у котораго онъ и хранится. Старосты и владѣльцы въ своихъ имѣніяхъ обязаны учредить урядниковъ, которые-бы смотрѣли за тѣмъ, чтобы изъ городовъ, мѣстечекъ и селъ никто не убѣгалъ на низъ, въ Сѣчь, и за границу; если-же кто убѣжитъ и возвратится съ добычей, того казнили-бы смертью;—чтобъ козаки не продавали пороха, селитры, оружія, безъ позволенія старшаго, а добычи ни въ какомъ случаѣ. Непослушные и нерадивые урядники подвергаются наказанію наравнѣ съ своевольниками; наказанію-же подвергаются и владѣльцы, дѣлающіе набѣги на сосѣднія земли, противъ воли гетманской. Сеймъ учредилъ двухъ дозорцевъ, обязанныхъ, каждый въ своемъ участкѣ, смотрѣть, не начинается-ли гдѣ какое своевольство, и о низовыхъ козакахъ доносить гетману, а о живущихъ въ панскихъ имѣніяхъ—панамъ, которые въ этомъ случаѣ обязаны карать смертью бунтовщиковъ, какъ изъ своихъ подданныхъ, такъ и изъ состоящей у нихъ на службѣ безземельной шляхты.

Но мѣры эти по обыкновенію не имѣли успѣха. Приказаніе построить укрѣпленіе на Днѣпрѣ даже и не приводилось въ исполненіе [2]), а постановленіе сейма, если и исполнялось съ формальной стороны, то все таки не имѣло никакого значенія. Въ слѣдующемъ-же 1591 году козаки нашли какого-то самозванца, называвшаго себя сыномъ бывшаго молдавскаго господаря Ивоніи, и хотѣли было вести его въ Молдавію на господарство. Правительство узнало объ этомъ. Король, не имѣя въ распоряженіи никакихъ другихъ средствъ для усмиренія козаковъ, поручилъ Язловецкому какъ нибудь уладить дѣло. Язловецкій вступилъ съ козаками въ переговоры и склонилъ ихъ выдать королю самозванца. Король сослалъ его въ Мальборкъ въ заточеніе, а козаковъ, привезшихъ его, *щедро наградилъ* [3]). Случай этотъ показываетъ, что само правительство не вѣ-

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи. Т. I, ч. 3-я, стр. 29.

[2]) Гейденштт., т. 2, стр. 300; Бѣльскій, стр. 152.

[3]) Гейденштт., т. 2, стр. 297—8; Бѣльскій, стр. 145—6.

рило въ дѣйствительность своихъ предписаній и въ каждомъ данномъ случаѣ прибѣгало къ мѣрамъ, какія только были подъ рукою, не заботясь о послѣдовательности въ дѣйствіяхъ.

Какіе именно козаки замышляли походъ въ Молдавію, источники не говорятъ. Нельзя допустить, чтобы это были *реестровые*, потому что тѣ находились въ это время подъ бдительнымъ надзоромъ своей шляхетской старшины и короннаго гетмана. Такъ называемые *нереестровые* не составляли какой-нибудь отдѣльной группы людей, могущихъ при случаѣ составить войско: послѣ реформы Баторія оставшіеся за штатомъ козаки или ушли на низъ, или растворились въ украинномъ населеніи; слѣдовательно объ нихъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Остается *запорожская вольница*. Хота запорожцы и находились *de jure* въ распоряженіи старшаго надъ реестровыми козаками [1]), но подчинялись его приказаніямъ только тогда, когда это было имъ выгодно. Такой выгоды для нихъ не было послѣ мира 1591 г.: по желанію старшаго они должны были-бы теперь сидѣть спокойно за порогами, но сидѣть безъ дѣла запорожцы не привыкли, притомъ надо было чѣмъ-либо содержаться. Разные промыслы плохо замѣняли „лыцарьскій добутокъ", а потому естественно, что козаки вынуждены были что-нибудь изобрѣсти. Задуманный ими походъ въ Молдавію окончился только „щедрой наградой", но и эта награда выдана была лишь тѣмъ, которые доставили королю самозванца. Запорожцы хорошо знали, кому они обязаны были крайностію своего положенія; противъ тѣхъ они и направили теперь свою силу. Они рѣшились на этотъ разъ промышлять въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и по какой-то неизвѣстной намъ причинѣ направились на владѣнія князя Острожскаго.

Въ характерѣ этого перваго козацкаго движенія замѣчается нѣкоторая неясность въ постановкѣ дѣла, вслѣдствіе которой частныя и сословныя отношенія заслоняютъ до нѣкотой степени существенныя причины движенія. Естественно, что характеръ народ-

---

[1]) Оффиціальнымъ старшимъ въ это время и былъ именно Николай Язловецкій. Такъ можно думать потому, что въ 1590 г. ему поручено построять замокъ на Днѣпрѣ и принять начальство надъ гарнизономъ, а въ началѣ 1592 года (10 марта) онъ издаетъ увѣщательный универсалъ къ козакамъ и подписывается въ немъ старшимъ войска запорожскаго (Listy Żółkiewskiego, стр. 22).

ной реакціи не могъ сразу выразиться въ схемѣ совершенно ясной и категорически опредѣленной, особенно при той степени развитія умственнаго и гражданскаго, которая была присуща въ то время южно-русской народной массѣ.

Посмотримъ прежде всего на составъ „возставшихъ". Главными дѣйствующими лицами въ экскурсіи на панскія маетности были, какъ только что сказано, низовые козаки, т. е. бѣглые нереестровые и крестьяне. Они на столько подавляли всѣ остальные элементы въ войскѣ Косинскаго и вообще во всѣхъ „своевольныхъ купахъ", что всѣ современные акты и писатели единогласно приписываютъ имъ всю бѣду, ихъ исключительно считаютъ виновниками и дѣйствующими лицами во всѣхъ грабежахъ, разбояхъ и насиліяхъ [1]). Изъ всѣхъ документовъ только королевскіе универсалы называютъ козаковъ просто „людьми своволными"; но это очень понятно: для правительства, кромѣ реестровыхъ, не было другихъ козаковъ; всякій другой, считавшій себя самъ и считавшійся въ обыкновенныхъ разговорахъ козакомъ, въ королевскомъ универсалѣ былъ человѣкъ „своволный". Но и универсалы иногда проговариваются и называютъ бунтовщиковъ прямо „козаками низовыми" [2]). Правда, кромѣ низовцевъ, въ „возстаніи" участвовали и другіе элементы, но, какъ это видно изъ источниковъ, въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Были тутъ шляхтичи- „выволанъци" [3]) и вообще бездомная шляхта, жившая при панскихъ дворахъ въ качествѣ „рукодайныхъ" слугъ; она то и называется въ актахъ „здрайцами, збегами, слугами [4]). Участвовали и осѣдлые мѣстные хлопы, но опять таки въ весьма ничтожномъ числѣ [5]). Вотъ составъ „купъ". Въ такомъ составѣ онѣ

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, часть 3-я тома 1-го, стр.: 32, 34, 36, 39, 49, 58; Listu Żółkiewskiego, стр. 22 и 23; Бѣльскій, стр.: 151, 178, 188—190; Генденштейнъ стр. 317.

[2]) Архивъ... стр. 45.

[3]) Ibid. стр. 58.

[4]) Ibid. стр. 55.

[5]) Изъ актовъ, напечатанныхъ въ „Архивѣ", только въ одномъ (№ XX) есть прямыя упоминанія о „подданныхъ" въ шайкахъ; но и тутъ ихъ очень небольшой процентъ, напр.: „упросилъ" (шляхтичъ—„выволанецъ" Михайло Гулевичъ) у пана Косиньского, гетмана козацкого, который позволилъ, и далъ ему на помочъ Дашка сотъника зъ его сотънею, къ тому было охвотъниковъ зъ нимъ не

передвигались по намѣченнымъ заранѣе мѣстамъ, и этотъ путь легко прослѣдить. Если-же во время „возстанія“ встрѣчались разбои одновременно въ разныхъ мѣстахъ, то это были все тѣ-же *заѣзды*, явленіе обычное для тогдашней Украйны. Собственно говоря, даже это трудно утверждать, такъ какъ во всѣхъ современныхъ памятникахъ, кромѣ голыхъ фразъ и притомъ пустыхъ, какъ увидимъ ниже, о распространенности „сваволенства“, нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ о мѣстахъ, гдѣ оно проявлялось. Напротивъ, такой близко стоявшій къ дѣлу современникъ, какъ Станиславъ Жолкевскій [1]), смотритъ на возстаніе только какъ на распрю козаковъ съ княземъ Острожскимъ, воеводою кіевскимъ, т. е. съ ближайшимъ къ козакамъ представителемъ административной власти, и слѣдовательно не придаетъ движенію характера противугосударственнаго въ широкомъ смыслѣ.

Дѣйствительно, въ сравненіи съ послѣдующими возстаніями—движеніе Косинскаго захватываетъ и гораздо меньшую долю участниковъ и менѣе ясно и рельефно выдвигаетъ основные принципы борьбы, которыя по временамъ совершенно маскируются второстепенными обстоятельствами.

Всего народу во всѣхъ отрядахъ, когда они сошлись въ началѣ 1593 года, было около пяти тысячъ,—крайне ничтожная цифра въ сравненіи съ общимъ числомъ русскаго поспольства въ трехъ украинныхъ воеводствахъ.

Признаки болѣе ясные народнаго движенія можно признать развѣ въ томъ, что Косинскій сносился съ царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ, желая отдать ему въ подданство часть Украины и что козаки, грабя жителей, заставляли присягать себѣ на послушаніе. Но послѣднее обстоятельство, передаваемое актами [2]) въ такомъ видѣ,

---

мало слугъ и подданныхъ пана Миколаевыхъ, человековъ зъ двадцать“... Самое отсутствіе упоминаній о хлопахъ въ актахъ, при постоянномъ фигурированіи низовыхъ козаковъ и гораздо менѣе частомъ—бездомной шляхты, должно считаться доказательствомъ ихъ крайне незначительнаго числа въ войскѣ.

[1]) „Mowiłem z panem Pissarzem Lwowskim, zebiy beł sam z siebie zrozumiał I. M. Pana Woiyewodę kiyowskiego, ieslibij chcział tę sprawę kłothnią z kozaki przez iaką zgodę zkonczijcz“. Listy Żółkiewskiego, стр. 22.

[2]) Арх. стр. 39, 42, 45.

что козаки по дорогѣ или убивали и мучили жителей, или заставляли присягать на свое имя, можетъ быть сочтено, какъ обыкновенный пріемъ людей, у которыхъ виситъ кара надъ головою: или уничтожить свидѣтелей своего преступленія, или сдѣлать ихъ безвредными, обязавъ молчаніемъ. Что-же касается сношеній Косинскаго съ царемъ, то это обстоятельство, въ связи съ разными другими, которыя будутъ видны изъ самаго хода войны, можетъ быть, указываетъ только на вліятельность самой личности Косинскаго. Косинскій, судя по всему, не былъ личностью, которыя стихійно выдвигаются изъ массъ, когда онѣ живутъ массовою жизнью, и которыя опять тонутъ въ массахъ безслѣдно, какъ только тѣ выйдутъ изъ періода броженія. Напротивъ, на сколько это видно изъ памятниковъ, онъ даетъ тонъ движенію, имъ оно держится, направляется. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ договорѣ Острожскаго и прочихъ пановъ съ козаками первые ставятъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Косинскій былъ смѣненъ, но не осмѣливаются требовать просто выдачи его, какъ простого „latra", (latro—грабитель, разбойникъ), что бывало въ послѣдующихъ козацкихъ возстаніяхъ. Если у Косинскаго былъ какой нибудь опредѣленный планъ, при выполненіи котораго война съ Острожскимъ должна была служить только прелюдіей, то все таки можно съ увѣренностью утверждать, что планъ этотъ былъ чуждъ сознанію той массы, съ которой Косинскій дѣйствовалъ.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣтки, перейдемъ теперь къ фактамъ и прежде всего—къ біографическимъ даннымъ о Косинскомъ, которыя очень скудны.

Криштофъ (Христофоръ) Косинскій былъ по происхожденію шляхтичъ православной вѣры, родомъ изъ Подляхіи [1]). По нѣкоторымъ даннымъ можно полагать, что онъ былъ старый, заслуженный запорожецъ и притомъ человѣкъ выдающійся по своимъ личнымъ качествамъ [2]). Еще до борьбы со шляхтою онъ былъ на За-

[1]) Гейденштейнъ (стр. 317) и Бѣльскій (стр. 188) указываютъ только его родину—Подляхію, а о вѣроисповѣданіи и шляхетствѣ не говорятъ ничего. Костомаровъ (Моногр. т. III, стр. 249) говоритъ, что онъ шляхтичъ и притомъ русской вѣры.

[2]) Въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго (краков. изд. 1868 г.) на стр. 34 въ примѣчаніи находится отрывокъ письма Богдана Микошинскаго къ Касперу Подвы-

порожьѣ гетманомъ и держался настолько самостоятельно относительно польскаго правительства, что отъ своего имени сносился съ Москвою [1]) и получалъ отъ царя сукна и деньги. Современники даже обвиняютъ его въ томъ, что онъ поддалъ царю московскому все пограничье, болѣе чѣмъ на сто миль разстоянія, такъ что царь московскій въ листѣ къ нему писался уже царемъ запорожскимъ, черкасскимъ и низовскимъ [2]). По всей вѣроятности онъ начальствовалъ и въ предполагавшемся походѣ въ Молдавію, такъ какъ ни чьего другаго имени въ источникахъ не упоминается, а Косинскій при описаніи первыхъ-же нападеній на шляхетскія имѣнія именуется уже человѣкомъ, „который на сей часъ гетманомъ козацкимъ се учинилъ".

Какъ началась война, неизвѣстно. Первый извѣстный намъ фактъ вооруженнаго нападенія со стороны козаковъ относится къ концу 1591 года, когда козаки ограбили въ Бѣлой-Церкви имущество князя Курцевича-Булыги. Фактъ этотъ совершенъ въ такой обстановкѣ. Козаки съ Косинскимъ шли куда-то изъ Бѣлой-Церкви и при выходѣ вдругъ напали на домъ князя Курцевича, подстаросты бѣлоцерковскаго, и, ворвавшись въ комору, захватили „шкатулу съ клейнотами, съ пенязми" и проч. Въ этой шкатулкѣ были „мамърамы", т. е. бланки князя Януша Острожскаго (онъ былъ старостой бѣлоцерковскимъ), данные подстаростѣ для разныхъ юридическихъ надобностей, привиллегіи на староство бѣлоцерковское, полученныя князьями Острожскими, и другіе документы. Все это было сдѣлано „снать зъ направы чиее", какъ доносилъ князь Янушъ Острожскій [3]).

соцкому и Юрію Владыкѣ *отъ 22 мая 1586 г.*, въ которомъ говорится: Pane Kasper a Pane Iuri. Oznaymuiu wam jaz, sze si ponowilo po odjechaniu waszom se zde: u nas prybiegla storoża *ot Krisztofa z Nizu ot Tawani* i ot gorodkow, daiuczi znac, iż Car s Perekopu byl pryszol zo wsieiu siloiu... (письмо очевидно въ подлинникѣ писано русскими буквами). Принявъ во вниманіе прямое указаніе здѣсь имени Косинскаго еще въ 1586 году, можно предположить, что Косинскій является „гетьманомъ" въ войнѣ не съ налету, что онъ только для правительства Рѣчи Посполитой „на сесь часъ гетманомъ се учинилъ", на самомъ-же дѣлѣ былъ старый, заслуженный запорожецъ. Вѣдь популярность въ Сѣчи, какъ извѣстно, пріобрѣталась не легко.

[1]) Бантышъ-Каменскій. Ист. М. Р. т. I, стр. 20 примѣчаній.

[2]) Listy Żolk., стр. 27.

[3]) Арх. стр. 32.

Отъ 1591 года извѣстенъ только этотъ одинъ фактъ. Но вѣроятно козацкія „своеволія“ уже дали себя знать, такъ какъ въ концѣ того-же года наряжена была королемъ коммиссія, съ Язловецкимъ во главѣ, для развѣдыванія о происхожденіи безпорядковъ и для кары по закону виновныхъ [1]). Эта мѣра, самая легкая для короля изъ всѣхъ, какія только были для него возможны, была вмѣстѣ съ тѣмъ и самой недѣйствительной. Безпорядки все увеличивались, если вѣрить королевскому универсалу отъ 16 января 1592 г. Вслѣдствіе дошедшихъ до короля слуховъ, говорится въ универсалѣ, о неслыханныхъ грабежахъ, убійствахъ и всякаго рода кривдахъ, совершаемыхъ въ воеводствахъ кіевскомъ, волынскомъ и брацлавскомъ нѣкоторыми людьми своевольными, не обращающими вниманія ни на верховную власть, ни на право общественное, учреждены особые коммиссары для искорененія зла. Теперь предписывается старостамъ и державцамъ королевскихъ имѣній, а также всякимъ урядникамъ и поспольству селъ и городовъ воеводства волынскаго, чтобы они помогали коммисарамъ въ разслѣдованіи о людяхъ своевольныхъ: давали-бы нужныя справки, ловили самыхъ своевольниковъ и ставили предъ судъ коммиссіи; а если-бы ихъ не оказалось въ мѣстахъ жительства, то чтобы давали коммисарамъ списки ихъ, дѣлая все это подъ страхомъ могущей пасть на нихъ отвѣтственности за всѣ убытки [2]). Глава коммиссіи, снятынскій староста Николай изъ Бучача Язловецкій, онъ-же и старшій козацкій отъ правительства, съ своей стороны писалъ воззванія къ запорожцамъ, чтобы они оставили измѣнника Косинскаго. Воззванія его не оказывали никакого вліянія на запорожцевъ, какъ видно изъ одного подобнаго воззванія, писаннаго изъ Хвастова отъ 10 марта 1592 г. [3]). Въ немъ Язловецкій приглашаетъ запорожцевъ въ послѣдній разъ

[1]) Арх. стр. 34; Бѣльскій стр. 152.

[2]) Архивъ стр. 33. Не на этомъ-ли универсалѣ основывается мнѣніе, что возстаніе распространилось разомъ по тремъ воеводствамъ южно-русскимъ: кіевскому, брацлавскому и волынскому? Если на этомъ, то основаніе очень шатко: своеволія распространены по тремъ воеводствамъ, а универсалъ обращенъ только къ жителямъ волынскаго; очевидно, распространеніе своевольствъ по тремъ воеводствамъ просто—фраза. Кромѣ этого универсала, о такомъ распространеніи не говорится ни у Бѣльскаго, ни у Гейденштейна, ни въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго, ни въ другихъ актахъ, помѣщенныхъ въ Архивѣ.

[3]) Listy Żółkiewskiego, стр. 21.

выдать „łothra“ Косинскаго, грозя въ противномъ случаѣ оружіемъ взыскать на крови ихъ за причиненныя бѣдствія. И это воззваніе осталось въ тунѣ. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ Язловецкій не исполнилъ своей угрозы. Далѣе въ войнѣ съ Косинскимъ онъ вовсе не участвуетъ.

Между тѣмъ, Косинскій въ 1592 г. взялъ Кіевъ и Бѣлую-Церковь, забралъ изъ тамошнихъ замковъ порохъ и все огнестрѣльное оружіе. За Кіевомъ и Бѣлою-Церковью покорились ему и другіе городки [1]). Козаки не обращали вниманія на то, частный-ли замокъ, или королевскій, всѣ одинаково разоряли, если они лежали имъ по дорогѣ; жителей убивали и мучили, или заставляли присягать себѣ на послушаніе. Но главная гроза собиралась не около Кіева и Бѣлой-Церкви, а на Волыни и Подоліи, въ имѣніяхъ князя Константина Константиновича Острожскаго, воеводы кіевскаго, маршалка земли волынской. Можно думать, что козаки устроили экскурсію въ сторону Кіева и Бѣлой-Церкви именно для того, чтобы запастись оружіемъ и порохомъ для операцій въ имѣніяхъ князя Острожскаго. Что центръ тяжести для козаковъ и Косинскаго лежалъ тамъ, объ этомъ сохранились положительныя указанія. Бѣльскій говоритъ, что въ срединѣ 1592 г. козаки много зла творили въ Подоліи, въ особенности въ имѣніяхъ князя Острожскаго. Они даже штурмомъ брали нѣкоторые его города и причиняли большіе убытки.

Князь, имѣя помощь отъ нѣкоторыхъ окрестныхъ старостъ, вышелъ противъ нихъ съ войскомъ, но козаки войско его поразили и перебили [2]).

Къ концу года Косинскій навелъ такой страхъ на князя, что тотъ, дѣятельно готовясь къ оборонѣ самъ, кромѣ того изъ всѣхъ

---

[1]) Костомаровъ. Монограф. т. III, стр. 250.

[2]) Бѣльскій, стр. 178. Кромѣ того въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго (стр. 22) помѣщено одно письмо Косинскаго *изъ Пикова* (въ брацлавскихъ имѣніяхъ князя) съ неполною датой: помѣчено просто мѣсяцемъ августомъ. Этого письма нельзя отнести къ 1593 г., потому что весной этого года Косинскій былъ уже убитъ; нельзя и къ 1591 г., основываясь на выраженіи, находящемся въ немъ: «Podobno w zime nas przywodzą (подразум. z temi pieniędzmi) tak, jako *ten rok jeszcze na Iana* S. mieli nam dacz, a teras iusz ku iesieni przisło». Это вышелъ-бы 1590 г., когда о козацкихъ своеволіяхъ еще не упоминается.

силъ старался внушить королю и сейму, что опасность грозитъ всей Рѣчи Посплитой. Съ этой цѣлью онъ во-первыхъ истребовалъ отъ вальнаго короннаго сейма свидѣтельство, что не по его винѣ, не смотря на нѣсколько предостереженій съ его стороны, Рѣчь Посполитая не предприняла починки полуразрушенныхъ крѣпостей въ Бѣлой-Церкви и Кіевѣ и что поэтому, въ случаѣ опасности, могущей произойти отъ козаковъ, онъ, Острожскій, не долженъ отвѣчать за причиненные убытки и бѣдствія [1]). Во вторыхъ у себя на Волыни Острожскій началъ всѣми мѣрами стараться привлечь къ участію въ оборонѣ всю окрестную шляхту. Шляхта тѣмъ охотнѣе поддалась вліянію Острожскаго, что козаки не миловали и ея мелкихъ владѣній, попадавшихся подъ руку. Съѣхавшіеся въ г. Луцкъ, на роки земскіе и гродскіе, обыватели земли волынской, въ январѣ 1593 г. постановили закрыть на нѣкоторое время засѣданія судовъ, прекратить между собою всякія тяжбы, не вчинать исковъ и стать съ оружіемъ противъ козаковъ. Изъ Луцка было отправлено приглашеніе и въ г. Владиміръ, къ шляхтѣ тамошняго повѣта, что-бы она сдѣлала тоже. Владимірская шляхта вѣроятно не съ большою охотою приняла-бы участіе въ войнѣ, потому что владимірскій повѣтъ былъ дальше отъ мѣста дѣйствія, чѣмъ луцкій, но, получивъ королевскій универсалъ, поручавшій князю Острожскому собирать посполитое рушенье, она присоединилась къ рѣшенію луцкой шляхты, не желая въ защитѣ „отчизны своее быти последнейшими“ [2]). Такое рѣшеніе, однако, было постановлено владимірскою шляхтою только 29 января, тогда какъ приглашеніе къ нимъ отъ шляхты луцкой было отправлено еще 11 января.

По королевскому универсалу князь Острожскій сталъ собирать войско. Сборнымъ пунктомъ назначенъ былъ г. Константиновъ; туда сходились отряды изъ Подоліи, гдѣ собиралъ ихъ сынъ князя Януша, внукъ князя Константина; самъ князь Янушъ также былъ занятъ сборомъ войска около Тарнополя, а князь Константинъ у

---

[1]) Архивъ стр. 38.

[2]) Архивъ, стр. 37—52. Что въ рѣшеніяхъ шляхты значительную роль играло вліяніе князя Острожскаго, какъ маршалка земли волынской, это видно изъ актовъ, гдѣ прямо говорится: «За ознайменемъ ясновельможнаго пана etc» ... «Маючи ведомость певную отъ ясновельможнаго etc» ... и проч. Притомъ это «ознаймене» было и до королевскаго листа о посполитомъ рушеньи.

себя, около Константинова. Судя по большому числу мѣстъ, гдѣ собиралось войско, оно должно было быть очень значительнымъ. Къ февралю войско было готово. Начальство надъ нимъ принялъ князь Янушъ, такъ какъ самъ Константинъ Константиновичъ былъ уже тогда глубокій старикъ.

Косинскій съ войскомъ, числомъ около 5 тысячь человѣкъ, стоялъ въ Острополѣ [1]). Начались стычки, удачныя для Косинскаго. Но онъ, тѣмъ не менѣе, не чувствуя себя безопаснымъ въ Острополѣ, выступилъ оттуда и направился къ Пяткѣ, которую считалъ болѣе надежной позиціей. Въ Пяткѣ его осадили войска князя Януша. Козаки, предпочитая свой любимый способъ обороны въ окопанномъ таборѣ сидѣнью въ замкѣ, вышли въ поле и окопались на выгодной позиціи. 2 февраля состоялась битва. Люди князя Острожскаго, послѣ нѣсколькихъ пораженій, испытанныхъ раньше, теперь „не особенно охотно атаковали козаковъ и даже стали обращаться въ бѣгство"; но князь Янушъ сдѣлалъ къ войску увѣщаніе, самъ бросился впереди съ тяжело вооруженной конницей, за нимъ копійщики. Тогда и остальное войско, ободренное вѣроятно болѣе конницей и копійщиками, чѣмъ увѣщаніемъ князя, сдѣлало напоръ на козаковъ. Козаки не устояли и пустились бѣжать въ городъ; ихъ преслѣдовали и убивали до самыхъ воротъ. Всѣхъ козаковъ будто-бы погибло въ этомъ сраженіи до 3 тысячь, взято у нихъ 26 пушекъ и почти всѣ хоругви, какія только были [2]). Косинскій съ остаткомъ войска затворился въ замкѣ, но долго не усидѣлъ. Видя, что непріятель вознамѣрился добывать его тамъ и не надѣясь отси-

---

[1]) *Въ Острополѣ*—по Бѣльскому (стр. 188), по Гейденштейну—*въ Тарнополѣ*; но это явная обмолвка. Острополь, нынѣ мѣстечко Новградъ-Волынскаго уѣзда, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Пятки (нынѣ тоже мѣстечко, житомірскаго уѣзда), тогда какъ Тарнополь (городъ въ нынѣшней австрійской Галиціи)—отъ Пятки въ нѣсколькихъ стахъ верстъ. Да притомъ изъ Тарнополя въ Пятку Косинскому пришлось-бы идти черезъ Константиновъ, или вблизи его, потому что этотъ городъ лежитъ какъ разъ по дорогѣ.

[2]) Вообще о дѣлѣ подъ Пяткою и о заключеніи договора—см. у Бѣльскаго стр. 188—190; Гейденштейна, томъ 2, стр. 317—318; Listy Żółkiewskiego, стр. 25—26.

дѣться, онъ повелъ переговоры, которые окончились договоромъ, заключеннымъ 10 февраля [1]).

Вотъ этотъ договоръ.

„Я, Криштофъ Косинскій, на это время гетманъ, и мы сотники, атаманы и все рыцарство войско запорожскаго, сознаемся въ этомъ листѣ нашемъ, что, не смотря на великія благодѣянія и ласку ясновельможнаго пана Константина князя Острожскаго, воеводы кіевскаго, маршалка земли волынской, старосты владимірскаго, которыя его милость всегда оказывалъ всему войску и каждому изъ насъ особо, мы, забывъ о всемъ томъ, не мало огорченій и убытковъ причинили его милости самому и дѣткамъ его, а также слугамъ и подданнымъ его, и тѣмъ ласку ихъ милости къ себѣ нарушили; ихъ-же милости, будучи подъ Пяткомъ, какъ паны христіанскіе, не жаждая пролитія крови нашей, за униженными и усердными просьбами нашими, по ходатайству многихъ знатныхъ людей, эти всѣ наши проступки простили; потому мы, все рыцарство вышеименованнаго войска, обѣщаемъ и присягою подтверждаемъ выполнить всѣ слѣдующія кондиціи, поданыя намъ отъ ихъ милостей князей и въ этомъ листѣ нашемъ поименованныя: съ этого времени пана Косинскаго за гетмана не имѣть, а на его мѣсто выбрать въ

---

[1]) Надо замѣтить, что у Бѣльскаго заключеніе договора относится къ 15 марта (у Костомарова по чему-то 10 марта), между тѣмъ какъ подъ напечатанною въ „Архивѣ“ копіею стоитъ 10 февраля; наконецъ тотъ-же самый договоръ, напечатанъ (латинскимъ шрифтомъ и съ нѣкоторыми полонизмами въ грамматическ. формахъ) въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго съ датой отъ 1 февраля. Что касается Бѣльскаго, то предъ нимъ предпочтительнѣе, разумѣется, оффиціальный документъ, изъ двухъ-же копій та, что въ „Архивѣ“, имѣетъ болѣе вѣрную дату потому, что 2 февраля („w dzień Panny Maryey Gromnicnej“, какъ сказано у Бѣльскаго) было только сраженіе подъ Пяткой. Если бы Бѣльскій и ошибался, что трудно допустить, потому что праздникъ Срѣтенія легко могли запомнить всѣ участвующіе и передать другимъ,—то рѣшеніе шляхты владимірской присоединиться къ ополченію, состоявшееся только 29 января, было-бы ужъ слишкомъ близко къ развязкѣ войны. Противъ Бѣльскаго и того источника, изъ котораго взялъ Костомаровъ, прямо говоритъ письмо войта Цешинскаго отъ 18 февраля (Listy Ż. стр. 25) въ которомъ говорится о заключеніи договора, какъ о прошедшемъ. Костомаровъ не пользовался сборникомъ писемъ Жолкевскаго, потому что 3-ій томъ его „Монографій“ (въ изданіи Кожанчикова) вышелъ въ 1867 г., а Listy Żolkiewskiego въ Краковѣ въ 1868 г.

продолженіи четырехъ недѣль другаго, и потомъ находиться въ послушаніи его милости короля, не производя никакихъ ссоръ съ сосѣдями земель его королевской милости; жить за порогами на указанныхъ мѣстахъ; жительствъ и квартиръ не имѣть и никакихъ убытковъ и кривдъ не чинить какъ въ державахъ и маетностяхъ ихъ милостей князей, такъ и ихъ пріятелей, его милости князя Александра Вишневецкаго, старосты черкасскаго, и иныхъ, находящихся въ это время при ихъ милости, а также въ державахъ и маетностяхъ ихъ слугъ, бѣглыхъ и измѣнниковъ князей ихъ милостей и ихъ слугъ, къ намъ перебѣжавшихъ, выдавать и у себя ихъ не передерживать; оружіе взятое гдѣ-бы то ни было въ замкахъ и городахъ и въ державахъ ихъ милостей, кромѣ трипольскихъ, вернуть; возвратить также и хоругви, лошадей, рогатый скотъ и движимое имущество; челядь обоего пола, при насъ находящуюся, отправить; вѣчно жить у князей ихъ милостей въ прежней любви никогда не приставать ни къ одному человѣку противъ ихъ милостей, а напротивъ служить имъ. Всѣ эти поименованныя кондиціи, ихъ милостями поданныя, мы, все войско, присягаемъ вѣчно, свято и ненарушимо, не ища никакихъ причинъ къ ихъ нарушенію, хранить и по нимъ поступать на вѣчныя времена. А присяга эта наша заключается въ слѣдующихъ словахъ: я, Криштофъ Косинскій, мы, сотники, атаманы, все рыцарство войска запорожскаго, одинъ за другаго и каждый за себя присягаемъ Господу Богу, въ Тройцѣ Единому, который сотворилъ небо и землю, въ томъ, что мы всѣ вмѣстѣ и каждый изъ насъ отдѣльно, имѣемъ и повинны всѣ эти кондиціи, на этомъ листѣ намъ поданныя ихъ милостью князьями Острожскими, свято и ненарушимо, не ища никакихъ причинъ къ ихъ нарушенію, содержать и по нимъ поступать, относительно князей Острожскихъ и ихъ пріятелей, вѣчно; такъ намъ и Господи Боже помоги! Если-же мы неправильно присягнули, то покарай насъ, Господи Боже, на душахъ и на тѣлахъ нашихъ, въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ! А для лучшей вѣрности и утвержденія нашего вѣчнаго, этотъ листъ я, Косинскій, рукою власною своею подписалъ и печать свою прикладываю; мы всѣ также приказали приложить къ этому листу войсковую печать и которые изъ насъ умѣли писать, къ нему руки свои подписали; просили сдѣлать тоже и ихъ милостей вельможныхъ пановъ, бывшихъ при этомъ: его ми-

лость пана Якуба Претвича изъ Гавронъ, каштеляна галицкаго, трембовельскаго старосту; его милость пана Александра князя Вишневецкаго, черкасскаго, каневскаго, корсунскаго, любецкаго, лоевскаго старосту, его милость пана Яна Кгулскаго, войскаго трембовельскаго, его милость пана Вацлава Боговитина, хорунжаго земли волынской, его милость пана Василія Гулевича, войскаго владимірскаго, что ихъ милости по просьбѣ нашей сдѣлать изволили и, приложивъ печати свои къ этому нашему листу, изволили подписать руки свои. Дѣялось подъ Пяткомъ 1593 г. мѣсяца февраля 10 дня. Криштофъ Косинскій своею рукою, Иванъ Кречкевичъ, писарь войсковый именемъ всего войска рукою"... (Далѣе подписи перечисленныхъ выше пановъ).

Но этимъ дѣло не кончилось. Косинскій согласился на такія условія только потому, что былъ въ крайности. Какъ только онъ съ остатками войска получилъ свободу, онъ и не думалъ о соблюденіи присяги. Въ ту-же весну онъ задумалъ отомстить панамъ, участвовавшимъ въ дѣлѣ подъ Пяткою. На Вишневецкаго онъ былъ сердитъ болѣе всего (вѣроятно за то, что этотъ магнатъ, какъ богатѣйшій изъ помощниковъ Острожскаго, доставилъ послѣднему болѣе другихъ войска) и потому съ 2 тысячами людей двинулся къ Черкасамъ, гдѣ въ замкѣ жилъ Вишневецкій. Оставивъ войско, шедшее водою и сухопутьемъ, позади, Косинскій съ нѣсколькими стами человѣкъ (отъ 350 до 400) вошелъ въ городъ и началъ пьянствовать въ корчмѣ. На него пьянаго напали слуги Вишневецкаго и убили. Съ нимъ погибли и его спутники. Остальное войско ушло за пороги [1]).

„Такимъ образомъ погибъ безславно этотъ Косинскій, такая участь обыкновенно постигаетъ всѣхъ ему подобныхъ", говоритъ Бѣльскій. По смерти Косинскаго козаки еще до осени наводили страхъ на шляхту пограничныхъ воеводствъ, старались даже утвердиться въ Кіевѣ, но чѣмъ кончилась попытка, неизвѣстно [2]). Во-

[1]) Бѣльскій, стр. 190; Гейденшт. т. 2. стр. 318; иначе передаетъ это Вишневецкій въ письмѣ къ Замойскому (Listy Żołk. стр. 26): онъ говоритъ, что козаки въ числѣ 2000 осадили городъ, что онъ Вишневецкій долженъ былъ сразиться съ ними и что въ сраженіи погибъ и Косинскій. Но, быть можетъ, говоря такъ, онъ хотѣлъ скрыть не рыцарское убійство Косинскаго и выставить свою храбрость и заслугу предъ отечествомъ. Когда именно погибъ Косинскій, неизвѣстно. Письмо писано Вишневецкимъ 23 мая 1593 г.

[2]) Архивъ, стр. 63; Listy Żółkiewskiego, стр. 28.

обще никакого крупнаго дѣла не произошло. Вниманіе запорожцевъ обратилось опять къ запретному плоду, въ турецкія владѣнія.

Отвѣчая теперь на вопросъ, что такое была война Косинскаго? надо сказать, что она въ значительной степени напоминаетъ, по пріемамъ и оттѣнку личнаго столкновенія съ княземъ Острожскимъ, „заѣзды", какими обыкновенно донимали другъ друга въ тогдашней Польшѣ люди, имѣвшіе средства собрать ополченіе въ большихъ или малыхъ размѣрахъ. Такъ на нее смотрѣли и современники[1]), любившіе вообще всякія ссоры владѣльцевъ, сопровождавшіяся по обычаю вооруженной расправой, называть войнами. Но внѣшней своей стороною и положеніемъ, занятымъ въ исторіи, она отличается отъ обыкновенныхъ „заѣздовъ". Разница по внѣшности въ томъ, что одна изъ участвующихъ сторонъ не та, что обыкновенно,—соперникъ Острожскаго не такой-же магнатъ, а козаки. Для правительства они давно уже стали „людьми своевольными" и потому очень понятно, что вся тогдашня юридическая обстановка была сейчасъ-же направлена противъ нихъ: явились королевскіе универсалы, постановленія шляхты и пр.; всё это могло дѣлаться какъ изъ желанія обуздать козаковъ, такъ и изъ угожденія Константину Константиновичу Острожскому, поддобриться къ которому не только для шляхты, но и для самого короля было не безразлично. Отсюда шумъ бумажный. Шумъ-же дѣйствительный въ трехъ воеводствахъ произошелъ, конечно, отъ значительности противниковъ. Съ одной стороны магнатъ, обладавшій несмѣтными богатствами и вліяніемъ, съ другой—коллективная сила, къ которой единицы приставали изъ трехъ воеводствъ. Но до возстанія массъ еще было очень далеко: потребовалось полувѣковая ссора козаковъ съ правительствомъ, въ которой послѣднее терпѣло нѣсколько разъ пораженія; потребовались насилія надъ народною совѣстью, надъ національными инстинктами; потребовалось усиленіе до невѣроятной степени гнета экономическаго, чтобы вспыхнуло наконецъ настоящее народное возстаніе при Богданѣ Хмельницкомъ. Нельзя сказать, что-бы положеніе южно-русскаго народа не было тяжело еще во времена Косинскаго, но оно не было еще на

[1]) Кромѣ Жолкевскаго (см. здѣсь-же стр. 431), въ «Дневникѣ» Эриха Лассоты (стр. 50 по русск. переводу) сами козаки возстаніе Косинскаго называютъ войною съ кіевскимъ воеводой.

столько ужасно, чтобъ вызвать со стороны его сопротивленіе *отчаянное*, не справляющееся съ удачами или неудачами. Уже и при Косинскомъ хлопы поднимались, но они прятались за козаковъ и оставляли ихъ при малѣйшихъ признакахъ неудачи. Движеніе Косинскаго, благодаря своему непосредственному сосѣдству по времени съ слѣдующими козацкими возстаніями, закончившимися эпохой Хмельницкаго, получило въ исторіи значеніе прецедента для этой эпохи, отчасти заимствовало отъ нея свѣтъ и въ этомъ свѣтѣ представлялось долгое время историкамъ; на самомъ дѣлѣ оно не имѣетъ строго опредѣленнаго характера народнаго возстанія. Скорѣе можно видѣть въ немъ не ясно сознанный, инстинктивный такъ сказать протестъ противъ того польско-шляхетскаго общественнаго строя, которымъ Польша послѣ люблинской уніи надѣлила и русскія области и который скоро усвоили себѣ и водворяли въ своихъ имѣніяхъ и всѣ русскіе князья и дворяне, не исключая и князей Острожскихъ. Въ короткій промежутокъ отъ этой уніи Руси съ Польшею послѣдняя успѣла слишкомъ много сдѣлать для того, чтобы народъ русскій почувствовалъ на себѣ ярмо полькое. Чувствовалось это ярмо и на Запорожьѣ, какъ мы выше видѣли. Народное недовольство обозначалось частыми побѣгами „подданныхъ" за пороги; борьба религіозная была уже въ сильномъ разгарѣ, церковная унія была подготовлена въ такой степени, что оставалось лишь придать ей извѣстную форму. Кто знаетъ, что заставило Косинскаго входить въ тѣ сношенія съ московскимъ царемъ, о которыхъ упомянуто выше? Мотивы распри его и предводимой имъ партіи съ княземъ Острожскимъ еще менѣе извѣстны. Мы далеки отъ мнѣнія прежнихъ нашихъ историковъ, окружавшихъ Косинскаго ореоломъ мученичества за вѣру и народность русскую; но должны признать въ немъ вождя и дѣятеля народнаго, хотя завѣтныя его стремленія остались для насъ не ясными.

Ф. Николайчикъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе) [1].

V. Одесса и адъюктъ-профессорство.

Знаете-ли вы Одессу,—эту маленькую, хорошенькую Одессу, которая такъ удобно и живописно расположена на берегу Чернаго моря; этотъ богатый порто-франко съ его безчисленными магазинами, блистающими лучшими произведеніями запада и востока, съ его красивыми зданіями, съ его прелестными окрестностями? Много прекраснаго найдете вы въ этомъ городѣ, одномъ изъ лучшихъ въ Россіи. Своею красотою васъ Одесса особенно поразитъ, когда вы узнаете, что лѣтъ пятьдесятъ едва прошло съ того времени, какъ она начала свое существованіе. Прошло едва полвѣка, и вотъ она уже выросла, возмужала и украсилась, какъ-бы по мановенію жезла въ рукѣ волшебника. Взгляните на здѣшній бульваръ, устроенный на голой скалѣ у моря, украшенный великолѣпными домами, громадной лѣстницей изъ бѣлаго камня, ведущей къ морю, памятникомъ герцогу Ришелье, положившему основаніе Одессѣ, и длинною нитью бѣлыхъ пахучихъ акацій—онъ необыкновенно хорошъ; ничего и нигдѣ не увидите подобнаго въ этомъ родѣ. Посмотрите, какъ очарователенъ видъ съ него на безконечное

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1884 г., февр. кн., стр. 246—296.

море, вдалекѣ сливающееся съ синевою неба, и ближе—на гавань усѣянную множествомъ кораблей, изпещренныхъ флагами всѣхъ націй. Съ какимъ наслажденіемъ сидишь здѣсь вечеромъ, въ тихую погоду, и любуешься этою картиной; особенно хороша она, когда освѣщаютъ ее послѣдніе лучи заходящаго солнца, или въ бурное время, когда море бушуетъ, когда волны разбиваются о крутую скалу бульвара и потомъ опять набѣгаютъ съ новою силою, какъ-бы желая увлечь ее за собой, но гордая, величавая она стоитъ незыблемо, презирая усилія могучаго соперника. Какъ красива театральная площадь близъ бульвара и зданія ее окружающія: театръ, гдѣ обыкновенно даютъ итальянскія оперы, на лѣво отъ театра длинное зданіе Palais Royales; здѣсь помѣщаются прекрасныя лавки, лучшія ресторацiи и кондитерскія, изъ которыхъ такъ хорошъ Café Каруты. Противъ театра прекрасный домъ англійскаго клуба, направо огромный Hôtel Richelieu, противъ этого отеля находится Casino, клубъ для негоціантовъ; этими двумя зданіями начинается лучшая въ Одессѣ улица Ришельевская, она богата магазинами содержащими въ себѣ самыя модныя произведенія французской и англійской промышленности, параллельно ей идетъ отъ биржи, зданія очень красиваго, Итальянская улица; ихъ пересѣкаютъ Дерибасовская и Греческая, гдѣ найдете въ изобиліи всевозможныя произведенія Италіи, Турціи и Греціи. И посмотрите, какъ всѣ эти улицы чисты, хорошо вымощены и освѣщены. Есть у насъ города, конечно, и красивѣе и богаче Одессы, но независимо отъ интереса, какой представляетъ она своею наружностью, она нравится еще и въ другомъ отношеніи,—въ отношеніи дѣятельности: во всякое время года найдете вы Одессу одушевленною, вездѣ много жизни и движенія, и когда ни пріѣзжайте сюда, лѣтомъ-ли, зимою, всегда проведете время весело и пріятно: зимою небольшое, но отборное общество жителей одесскихъ, а лѣтомъ, когда всѣ разъѣзжаются на дачи или въ Крымъ, Одесса наполняется пріѣзжими. Много бываетъ иностранцевъ, много пріѣзжаетъ сюда помѣщиковъ изъ новороссійскаго края, западныхъ губерній и Малороссіи. Иные ѣдутъ пользоваться морскимъ купаньемъ, другіе минеральными искусственными водами, а нѣкоторые просто для того только, чтобъ запастись иностранными товарами, которые здѣсь такъ хороши

и дешевы; любители музыки ѣдутъ сюда съ цѣлью услышать итальянскую оперу, представленія которой не прерываются цѣлый годъ; труппа составлена изъ очень хорошихъ артистовъ, иногда встрѣчаются здѣсь и первоклассные европейскіе таланты. Говоря вообще, въ Одессѣ очень много самыхъ разнообразныхъ удовольствій, и всякій, кто тамъ побываетъ, очарованный, съ наслажденіемъ вспоминаетъ объ этомъ хорошенькомъ уголкѣ Европы, гдѣ вы встрѣтите образчики почти всѣхъ народовъ.

Этотъ городъ произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе. Послѣ привычки къ тихой, довольно скучной жизни въ Кіевѣ, къ пустыннымъ неоживленнымъ его улицамъ, къ условіямъ строгой подчиненности и формальности, которыя проявлялись въ описываемую мной эпоху не только въ самой наружности города, носившаго отпечатокъ казеннаго характера, но и въ общественныхъ отношеніяхъ большой части его жителей,—Одесса шумной дѣятельностью ея разнороднаго населенія, затѣйливой архитектурой зданій, великолѣпнымъ видомъ на море, отсутствіемъ военной и полицейской дисциплины и свободой образа жизни не могла не имѣть на меня обаятельнаго вліянія. Множество богатыхъ магазиновъ съ самыми разнообразными предметами иностранной производительности, по цѣнамъ крайне умѣреннымъ, огромныя гостинницы съ роскошнымъ помѣщеніемъ и всѣми удобствами, превосходный столъ, доступный людямъ съ самыми ограниченными средствами, купанье въ морѣ—были для меня такою пріятною новостью, что я въ теченіи двухъ недѣль велъ беззаботную, уличную жинь провинціальнаго зѣваки.

Однажды сошелся я за обѣдомъ у знаменитаго въ то время ресторатора Оттона, воспѣтаго Пушкинымъ, съ нѣсколькими профессорами ришельевскаго лицея; къ намъ присоединился К. А. Неволинъ, проводившій каникулы въ Одессѣ. Разговоръ шелъ о наукѣ, о лицеѣ, о вакантныхъ кафедрахъ. Оказалось, что кафедра русскаго законовѣдѣнія не была занята въ лицеѣ въ теченіи полугода. Неволинъ предложилъ меня лицейскимъ профессорамъ, присовокупивъ, что лучшаго выбора сдѣлать не можетъ. Меня стали просить принять кафедру законовѣдѣнія, но на этотъ разъ разговоры наши кончились ничѣмъ: я не рѣшался принять лестное для меня предложеніе.

Отецъ мой служилъ еще въ компанію 1812-го и послѣдующихъ годовъ и участвовалъ почти во всѣхъ значительныхъ сраженіяхъ славной эпохи; онъ былъ хорошо знакомъ съ графомъ М. С. Воронцовымъ, тогдашнимъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, и снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ.

Чрезъ день послѣ встрѣчи съ профессорами я отправился къ генералъ-губернатору. Графъ принялъ меня очень ласково и представилъ пріѣхавшему къ нему во время моего посѣщенія попечителю одесскаго учебнаго округа Княжевичу. Я счелъ долгомъ на другой день побывать у Княжевича. Княжевичъ наговорилъ мнѣ множество любезностей, сказалъ, что получилъ обо мнѣ самыя лучшія свѣдѣнія отъ бывшаго моего профессора Неволина, и зная желаніе мое посвятить себя ученому поприщу, просилъ принять вакантную кафедру русскаго законовѣдѣнія въ ришельевскомъ лицеѣ. Я выпросилъ у него нѣсколько дней на размышленіе и возвратился къ нему вскорѣ съ утвердительнымъ отвѣтомъ.

Мнѣ едва наступилъ двадцать первый годъ. Задавая себѣ вопросъ: принять или не принять предложеніе попечителя, я сознавалъ, что лекціи въ лицеѣ возьмутъ у меня много времени, дадутъ возможность болѣе усвоить и уяснить пріобрѣтенныя познанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекутъ отъ новыхъ занятій и затруднятъ, при скудности ученыхъ пособій въ Одессѣ, приготовленіе къ экзамену на степень магистра. Впрочемъ возможность сдѣлаться профессоромъ въ двадцать лѣтъ и сѣсть на кафедру прямо изъ студетческой скамьи взяла перевѣсъ надъ другими соображеніями, я согласился принять кафедру и поспѣшилъ въ Кіевъ, чтобы написать кандидатскую дисертацію.

Для дисертаціи я избралъ область уголовнаго права и написалъ историческое рассужденіе о политической смерти. Диссертація моя была единогласно одобрена профессорами и вскорѣ я былъ утвержденъ въ ученой степени кандидата.

Въ августѣ я получилъ приглашеніе ѣхать немедленно въ Одессу для чтенія лекцій. Мнѣ предстояла еще поѣздка въ деревню, чтобы успокоить отца на счетъ поступленія моего, ко значенію въ обществѣ, въ число монаховъ и женщинъ. Добрая мать мая помогла мнѣ въ этомъ и

очень обрадовалась первымъ моимъ шагомъ на поприщѣ гражданской дѣятельности, но сожалѣла, что пребываніе въ Одессѣ удалитъ меня отъ нея и лишитъ возможности видѣть меня часто; я ее успокоивалъ тѣмъ, что пребываніе въ Одессѣ не продлится долго и что не позже года я пріѣду въ деревню.

Въ первыхъ числахъ сентября прибылъ я въ Одессу. Недѣли двѣ употребилъ на знакомство съ лицейскими профессорами, лицами принадлежавшими къ учебному вѣдомству, частью одесскаго общества, и на устройство квартиры, нанятой мною въ домѣ 3***, на бульварѣ. Затѣмъ занялся приготовленіемъ къ чтенію лекцій. Въ юридическомъ факультетѣ ришельевскаго лицея полагалось всего три профессора; по кафедрѣ мнѣ доставшейся я долженъ былъ читать студентамъ 1-го курса основные законы имперіи и государственныя учрежденія, во 2-мъ курсѣ гражданскіе и межевые, въ 3-мъ уголовное право; въ недѣлю я имѣлъ девять полутора часовыхъ лекцій. Любимымъ моимъ предметомъ было уголовное право и я обратилъ особенное вниманіе на составленіе лекцій по этой части моей профессуры, тѣмъ болѣе, что уголовное право приходилось читать студентамъ третьяго курса, достаточно развитымъ и подготовленнымъ, а по возрасту по большей части гораздо старше меня. До прибытія моего въ Одессу, имъ временно читалъ уголовное право одинъ изъ мохъ новыхъ товарищей по службѣ и успѣлъ познакомить ихъ вкратцѣ съ теоріями уголовнаго права. Для вступительной моей лекціи, служившей продолженіемъ преподаванія, я тщательно обработалъ критическій взглядъ на теоріи уголовнаго права. На лекцію пожаловали всѣ ученые, находившіеся въ Одессѣ, и много постороннихъ лицъ. Лекція вышла блестящая и въ высшей степени занимательная по своему содержанію: несостоятельность философскихъ системъ въ примѣненіи къ практикѣ была мною доказана съ неотразимою логическою послѣдовательностью.

Довольно застѣнчивый по природѣ, не вполнѣ увѣренный въ своихъ профессорскихъ способностяхъ, я долженъ былъ сдѣлать большое надъ собою усиліе, чтобы въ присутствіи мало знакомой, взыскательной публики прочесть тономъ истаго профессора длинную лекцію.

Взойдя на кафедру, я чувствовалъ себя неловко, лекцію началъ

дрожащимъ отъ волненія голосомъ, но послѣ вступительныхъ словъ ободрился и продолжалъ съ увѣренностью, не лишенною достоинства.

Успѣхъ превзошелъ мои ожиданія. Похваламъ и поздравленіямъ не было конца; вступительная моя лекція особенно понравилась извѣстному въ ученомъ мірѣ профессору Нордману, но наблюдательный взоръ мой не могъ не замѣтить смущенія и выраженія подавленной злобы на лицѣ одного изъ двухъ профессоровъ юридическаго факультета, читавшаго временно мой предметъ въ третьемъ курсѣ. Пожилой магистръ Х-го университета, не слѣдившій за развитіемъ науки и преподававшій по старымъ руководствамъ, съ рутинной неподвижностью, часть юридическихъ лекцій въ теченій 12 лѣтъ, не могъ простить мнѣ новаго взгляда на науку, сдѣлавшую огромные успѣхи въ послѣднее время, и смѣлости, съ которою я дерзнулъ опровергнуть старыя убѣжденія криминалистовъ, бывшихъ для него неприкосновеннымъ авторитетомъ. Общее сочувствіе къ молодому преподавателю, посвятившему себя наукѣ только для науки и не нуждавшемуся въ мѣстѣ для своего существованія, еще болѣе раздражило стараго рутиниста.

Первое время пребыванія моего въ Одессѣ было исключительно посвящено лекціямъ, я составилъ программы, по которымъ въ теченіи учебнаго года долженъ былъ пройти всѣ предметы моего преподаванія. Свободнаго времени имѣлъ очень мало и не располагалъ знакомиться съ обществомъ, чтобы не имѣть развлеченій, которыя могли бы вредить подготовкѣ лекцій и отвлечь меня отъ занятій къ предположенному чрезъ годъ въ Кіевѣ магистерскому экзамену.

Къ октябрю возвратился изъ Крыма графъ Воронцовъ съ семействомъ; въ числѣ моихъ слушателей 3-го курса былъ и сынъ его Семенъ Михаиловичъ. Однажды онъ мнѣ передалъ приглашеніе графа на обѣдъ. Я не могъ отказаться; былъ представленъ графинѣ Воронцовой, ея дочери и нѣкоторымъ дамамъ высшаго общества. На другой день долженъ былъ сдѣлать имъ визиты, былъ принятъ весьма благосклонно и получилъ приглашеніе продолжать знакомство. Въ короткое время я познакомился почти со всѣмъ одесскимъ обществомъ—блестящимъ, довольно многочисленнымъ и гостепріимнымъ. Я говорилъ хорошо по французски, по нѣмецки и по итальянски, былъ порядочнымъ танцоромъ, весьма от-

четливо игралъ на фортепьяно и віолончели, имѣлъ замѣчательный талантъ къ музыкальнымъ импровизаціямъ и пѣлъ не дурно. Баритонъ былъ умеренъ не большой, но священный огонь молодости, а подъ часъ и страсти, придавалъ моему голосу много выраженія.

Въ Одессѣ была очень хорошая итальянская опера, музыку вообще любили и занимались ею, но отдавали преимущество итальянской. Я предпочиталъ нѣмецкую, исполнялъ на фортепьяно по большей части пьесы Мендельсона, Бетховена и Моцарта, игралъ на віолончели произведенія Ромберга, Куммера, Доцауера и Серве и пѣлъ почти исключительно Шуберта и русскіе романсы. Музыка моя производила большой эффектъ, какъ новость.

Противъ желанія, я вскорѣ сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ; въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ я сталъ твердой ногой на новой для меня почвѣ, слылъ однимъ изъ лучшихъ преподавателей лицея, считался безукоризненнымъ джентльменомъ въ обществѣ.

Признаюсь откровенно: блестящее мое положеніе вскружило мнѣ голову; не ожиданный успѣхъ поставилъ меня на высоту, о которой я не мечталъ, но какъ ни было опасно это положеніе для молодаго человѣка, начинавшаго жить, оно имѣло ту хорошую сторону, что неувѣренность въ себѣ и врожденная застѣнчивость исчезли у меня мало по малу. Дни проводилъ я въ добросовѣстныхъ ученыхъ занятіяхъ, увеличившихся порученіемъ преподаванія римскаго права, по случаю отъѣзда профессора этого предмета, а вечера, до поздней ночи, въ увлекательномъ обществѣ красивыхъ и любезныхъ одесскихъ дамъ. Нравы были не суровы, отношенія дружески свободныя; я сталъ жить широко и безъ разчета тратилъ мою молодость.

Въ числѣ лицъ, постоянно проводившихъ зиму въ Одессѣ, былъ Г. Б., очень образованный, необыкновенно толстый человѣкъ, среднихъ лѣтъ, некрасивой наружности. Онъ былъ женатъ на молдованкѣ княжескаго рода, имѣлъ огромное состояніе; ближайшій сосѣдъ по занимаемой мною квартирѣ, большой любитель музыки и отличный музыкантъ, онъ заискивалъ моего знакомства, и я вскорѣ сталъ ежедневнымъ посѣтителемъ его великолѣпнаго дома. Часто разыгривали мы квартеты, еще чаще приходилось мнѣ импровизировать на заданныя темы. Су-

пруга его была красивая женщина не первой молодости: лѣтъ тридцати, средняго роста, худощава, съ большими черными выразительными глазами, нерѣдко удостоивавшими меня пламеннымъ, жгучимъ взглядомъ.

Безъ особеннаго увлеченія сошелся я съ этой женщиной. По богатству и происхожденію она играла не послѣднюю роль въ обществѣ, по изящному вкусу и хорошему образованію имѣла въ немъ большее вліяніе; она привязалась ко мнѣ съ пылкостью своей южной натуры, съ страстью, на которую способны однѣ женщины зрѣлыхъ лѣтъ. Отношенія мои къ ней льстили моему самолюбію, но вскорѣ я убѣдился, что во мнѣ, кромѣ влеченія очень обыкновеннаго въ молодомъ человѣкѣ къ красивой женщинѣ, не было другаго чувства.

Госпожа Б. отличалась необыкновенною ревностью и связь съ этой женщиной начинала тяготить меня. По врожденной деликатности я не имѣлъ силы воли прервать съ нею мои сношенія мгновенно; положеніе мое становилось впрочемъ невыносимымъ: она совершенно овладѣла мною, распоряжалась какъ своею собственностью и со дня на день становилась неотвязчивѣе и несноснѣе.

Наконецъ терпѣніе мое истощилось, я прервалъ мои сношенія съ г-жею Б. и съ большою твердостью перенесъ взрывъ негодованія, потоки упрековъ и слезъ. Мужъ, и какъ всѣ мужья, ничего не подозрѣвалъ и былъ не мало удивленъ, что не встрѣчалъ меня въ теченіи нѣсколькихъ дней въ своемъ домѣ. Я сказался больнымъ и недѣли чрезъ двѣ появился снова у Б., какъ ни въ чемъ не бывало.

Зима прошла быстро въ занятіяхъ и ежедневныхъ развлеченіяхъ. Между прочимъ, я часто посѣщалъ мастерскую Лангле, портнаго на меня шившаго: у него была прехорошенькая жена, типъ провансальской француженки, я за нею ухаживалъ, а съ мужемъ упражнялся въ фехтованьи на рапирахъ. Не смотря на то, что Лангле былъ лѣвша, онъ владѣлъ превосходно шпагой и выучилъ меня многимъ пріемамъ, которые не были еще мнѣ извѣстны. Я былъ очень любезенъ съ великосвѣтскими дамами вообще, но, проученный г-жею Б., не входилъ въ близкія къ нимъ отношенія, не смотря на возможность пристроить себя. Въ блестящемъ одесскомъ обществѣ было много красавицъ не жестокосердыхъ и обычай перешедшій изъ Италіи имѣть cavaliere servante,

такъ усвоился въ Одессѣ, что сталъ характеристическою чертою тамошнихъ нравовъ.

Не могу пройти молчаніемъ замѣчательныхъ личностей этого сезона. Въ ноябрѣ 1841 года, на одесскомъ театрѣ давали новую оперу „Эдинбургская темница". Хорошенькая зала этого театра, отдѣланная просто, но со вкусомъ, въ этотъ вечеръ была полна, такъ полна, какъ обыкновенно бываетъ она во время представленія новыхъ оперъ или дебюта лучшихъ артистовъ. Ложи перваго яруса зимою всегда абонированы одесскою знатью, въ ложахъ другихъ ярусовъ помѣщаются пріѣзжіе, семейства негоціантовъ и лицъ не принадлежащихъ къ высшему кругу; кресла заняты многочисленной и блестящею молодежью; партеръ набитъ мелкими чиновниками и приказчиками, которыхъ здѣсь такъ много. Зала была похожа на прекрасный цвѣтникъ, усѣянный роскошными цвѣтами; кое гдѣ, правда, проявлялись растенія нѣсколько и обыкновенныя, но они почти не были замѣтны въ блестящей массѣ цѣлаго. И въ самомъ дѣлѣ никогда Одесса не была богата такимъ множествомъ прекрасныхъ лицъ, какъ въ зиму 1841 года; чтобы убѣдиться въ справедливости этого, стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на ложи перваго яруса. Взгляните на одну изъ нихъ первую на лѣвой сторонѣ отъ сцены, — вы увидите тамъ молодую женщину очаровательной наружности—это княгиня К. Какъ чудно хороша она, какъ интересно ея блѣдно-матовое миніатюрное лицо, окаймленное черными какъ смоль волосами! Видали-ль вы что нибудь лучше, восхитительнѣе княгини? За нею князь К., олицетворенное ничтожество; нужно разъ увидѣть князя, чтобъ составить себѣ объ немъ вѣрное понятіе навсегда: никогда не видѣлъ я лица, которое-бы такъ отчетливо изображало глупость, какъ лице князя; посмотрѣвъ на него, вы скажете: этотъ человѣкъ глупъ и не ошибетесь, никогда наружность не была такимъ вѣрнымъ отблескомъ внутренняго, интелентульнаго. Далѣе ложа К. По красотѣ безспорно первое мѣсто занимала г-жа К. Блондинка средняго роста не выразимо пріятнаго лица съ голубыми глазами. Мужъ ревности необычайной. Никогда не отходилъ онъ отъ жены, постоянно сопровождалъ всюду, въ танцахъ всегда становился за ея стуломъ и утромъ во время посѣщеній никогда не уходилъ изъ гостиной. Часто

молодые люди подшучивали надъ нимъ. Сговаривались отправиться съ визитомъ къ К. Одинъ изъ молодыхъ людей, когда въ гостинной хозяевъ не бывало никого, подъ предлогомъ поговорить о дѣлѣ уводилъ мужа въ кабинетъ и задерживалъ его тамъ, какъ можно долѣе. Въ это время одинъ за другимъ являлись къ г-жѣ К. посѣтители и мужъ подвергался невыносимой нравственной пыткѣ. Потомъ ложа князя Г. Взглянувъ на княгиню, вамъ невольно представится Эсмеральда изъ Notre Dame de Paris. Княгиня не была молода, воздушна и эфирна, какъ цыганка, созданная Гюго, но имѣла прелестное смуглое лице, черные волосы, огненные, жгучіе глаза, сверкающіе молніями. Особенный, нѣсколько даже странный туалетъ княгини, дѣлалъ это сравненіе еще болѣе вѣрнымъ. Было въ ея одѣяніи много необыкновеннаго, но всего болѣе поражалъ головной уборъ, блиставшій множествомъ золотыхъ булавокъ и другихъ металлическихъ украшеній. Хороша, очаровательна была княгиня и взоры многихъ были обращены къ ней. Въ эту минуту на лицѣ князя можно было прочесть особенное удовольствіе; онъ гордился вниманіемъ оказываемымъ его супругѣ и всегда довольный всѣмъ и всѣми, а собою въ особенности, казалось, онъ выросъ въ этотъ вечеръ. Подлѣ ложи князя Г., ложа Ч. Здѣсь нельзя не замѣтить молодой дѣвушки, сидящей облокотившись на перила ложи: ее нельзя назвать красавицей, но неправильное лице ея, подернутое тихою грустью, невыразимо интересно. Съ правой стороны ложа г-жи Щ. Величественная осанка, правильныя черты лица, типъ библейской красоты производили на зрителя обаятельное впечатлѣніе; г-жа Щ. была идоломъ, которому поклонялись всѣ.

Далѣе г-жа С., роскошная блондинка, принадлежащая къ одной изъ извѣстныхъ фамилій Малороссіи. Потомъ г. П., гречанка античныхъ формъ, замѣчательной пластической красоты. За нею Г. С. миловидная молоденькая дама, съ волосами пепельнаго цвѣта и большими черными глазами. Наконецъ дѣвица К. стройная какъ пальма; роскошные каштановые волосы окаймляли обворожительно интересное лице, которому особенное выраженіе придавали небольшіе огненные каріе глаза.

Роскошь меблировки и мужскихъ туалетовъ могла сравниться съ роскошью главныхъ столицъ Европы. Чисто русское гостепріимство и

хлѣбосольство соединялось съ непринужденностью свойственною иностранцамъ.

Въ концѣ сезона у графа Воронцова было два костюмированныхъ бала, въ которыхъ я принималъ участіе. Балы эти были великолѣпны: на первомъ появился кадриль изъ 16 паръ въ костюмахъ Калабрійскихъ разбойниковъ, другой изъ 12-ти въ албанскихъ; отдѣльныя группы изъ Notre Dame de Paris: Эсмеральда, Клодъ Фроло Казимодо и Фебюсъ, изъ Робертъ-дьявола: Бертранъ Робертъ и Алиса, изъ Ернани: Донна Соль, Карлъ V, Эрнани и Рюи Гомецъ. На второмъ кадрили Шотландцевъ, Венеціанцевъ, пародія на сцену изъ Эсмеральды, изъ Фауста группа: Мефистофеля, Фауста и Гретхенъ, изъ Донъ-Жуана: Командоръ, Дона Анна, Лепорелло и Донъ-Жуанъ.

Въ постъ занимались много классической музыкой; самыя замѣчательные вечера были у г. Б. два раза въ недѣлю: по вторникамъ исполняли квартеты и соло на разныхъ инструментахъ, по субботамъ симфоніи и церковную музыку.

Наступилъ май. Явилось желаніе устроить большой пикникъ на хуторѣ Рено. Вся блестящая молодежь Одессы приняла въ немъ участіе: по подпискѣ составилась довольно крупная сумма и весенній загородный праздникъ достойнымъ образомъ увѣнчалъ зимній сезонъ удовольствій. Я былъ однимъ изъ главныхъ распорядителей этого праздника.

Внизу большой лѣстницы, ведущей отъ бульвара къ морю, была устроена палатка, въ которой приглашенные собрались къ 12 часамъ утра; послѣ легкаго завтрака сѣли въ шлюпки, украшенныя разноцвѣтными флагами и управляемыя гребцами въ костюмахъ венеціанскихъ гондольеровъ; впереди флотиліи шелъ баркасъ съ музыкой и хоромъ итальянскихъ пѣвцовъ. Часть общества, не желавшая ѣхать моремъ, отправилась въ экипажахъ сухимъ путемъ. На хуторѣ, на высокой возвышенности, украшенной мачтами съ флагами, была устроена батарея, съ которой произведены залпы при прибытіи флотиліи къ берегу.

До обѣда время было посвящено гулянью на хуторѣ, приведенномъ въ порядокъ къ празднику; въ пятомъ часу на галлереѣ, окружа-

ющей обширный домъ, былъ поданъ великолѣпный обѣдъ, приготовленный Оттономъ; послѣ обѣда опять гулянье, въ 8 часовъ начались танцы въ большой залѣ, убранной со вкусомъ гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ и освѣщенной à giorno, въ десять былъ сожженъ фейерверкъ. Танцы продолжались до 5 часовъ утра; не танцующіе провели большую часть вечера въ саду, иллюминованномъ разноцвѣтными фонариками и отъ времени до времени освѣщаемомъ бенгальскими огнями. Праздникъ кончился ужиномъ съ безчисленнымъ множествомъ тостовъ.

Въ концѣ зимы я сошелся съ замѣчательными личностями: съ лордомъ Альвенслеемъ, старымъ подагрикомъ и холостякомъ, который очень меня полюбилъ,—онъ былъ человѣкъ весьма образованный и умный и пэръ соединенныхъ королевствъ Великобританіи; съ г. И. весьма умнымъ, краснорѣчивымъ господиномъ, прожившимъ довольно большое состояніе и съ г. С., дѣльнымъ и очень пріятнымъ человѣкомъ. И. и С. только и думали, какъ-бы провести время пріятнѣе, почти каждый день мы собирались вмѣстѣ по вечерамъ; за частую дѣлали весною экскурсіи въ окрестности города въ экипажахъ, нерѣдко и моремъ на яхтѣ, принадлежавшей г. К. Послѣдній былъ эпикуреецъ и самодуръ: онъ проѣлъ и пропилъ значительное состояніе, курилъ опіумъ и забавлялся тѣмъ, что отравлялъ своихъ друзей разными возбудительными средствами. Я избѣгалъ знакомства съ этимъ господиномъ; случай насъ свелъ, но отношенія наши были всегда болѣе чѣмъ холодны.

Къ послѣднему времени моего пребыванія въ Одессѣ относится знакомство мое съ молодой женщиной, своего рода знаменитостью, извѣстной подъ именемъ графини С. Все, что ни было въ Одессѣ изъ молодежи и лицъ солидныхъ лѣтъ, все было знакомо съ графиней. Она каждый вечеръ бывала дома и у ней всегда можно было встрѣтить многочисленное общество женщинъ, носившихъ въ то время названіе лоретокъ. Графиня Теофила С. была замѣчательна своею наружностью и характеромъ.

Представьте себѣ женщину 22-хъ лѣтъ, роста выше средняго, съ таліей шестнадцатилѣтней пансіонерки, съ руками и ногами необыкновенно маленькими, съ бюстомъ Венеры Медичійской, съ густыми чер-

ными какъ смоль волосами, падавшими толстыми косами до земли, съ огромными темнокарыми глазами, свѣтившимися умомъ и страстнымъ выраженіемъ; дугообразныя черныя брови, маленькій ротикъ съ тонкими коралловыми губками, украшенный двойнымъ рядомъ жемчужинъ; прибавьте къ этому врожденную непринужденную грацію и вы будете имѣть приблизительное понятіе о красотѣ Теофилы; единственнымъ ея недостаткомъ было небольшое, едва замѣтное бѣльмо на лѣвомъ глазѣ.

Характеръ Теофила имѣла веселый, беззаботный и отличанась необыкновенною въ ея положеніи добросовѣстностью и честностью, сердца была добраго, но своенравна, вспыльчива и очень разборчива. Не всякій могъ пользоваться ея расположеніемъ, бывали люди и знатные и богатые, которые ухаживали за нею безъ успѣха.

Родомъ фанаріотка, она была привезена въ Одессу ребенкомъ. Графъ С. купилъ ее у матери, далъ порядочное образованіе и сдѣлалъ своей любовницей. Умирая онъ оставилъ Теофилѣ порядочный домъ и небольшой капиталъ.

Графъ С. скончался до прибытія моего въ Одессу. Я былъ знакомъ съ нимъ еще въ Кіевѣ, куда онъ часто пріѣзжалъ во время контрактовъ; у него было большое имѣніе въ кіевской губерніи, переданное сестрѣ графа въ замужествѣ за графомъ А. А, Б. Графъ С. оставилъ по себѣ память Донъ-Жуана, рыцаря безъ страха и упрека и большаго барниа. Съ рѣдкой красотой онъ соединялъ умъ, любезность, веселость и многіе таланты: былъ одаренъ необыкновенной физической силой, отлично ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ, фехтовалъ, былъ замѣчательнымъ музыкантомъ и ловкимъ танцоромъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня Теофилой, было не въ ея пользу. Я питалъ особенное отвращеніе къ женщинамъ слишкомъ легкихъ нравовъ; свобода въ обращеніи, обстановка, среди которой я познакомился съ этой куртизанкой высшаго полета, оттолкнула меня отъ нея. Послѣ перваго посѣщенія, сдѣланнаго изъ любопытства, я не бывалъ больше у Теофилы.

Изъ квартиры моей на бульварѣ, въ которой житья мнѣ не было отъ сварливой и несносной хозяйки дома, я перешелъ въ Новороссій-

скую гостинницу Маттео, отличнаго повара, по преданію, бывшаго пирата.

Однажды вечеромъ, возвратясь изъ загородной прогулки, я собирался лечь спать,—отворяются двери моей гостинной и къ не малому моему удивленію я вижу предъ собой Теофилу.

Я принялъ ее вѣжливо, но очень сухо. Представьте себѣ мое удивленіе, когда она объявила, что пріѣхала развлечь меня отъ скуки, которая, по отзывамъ моихъ пріятелей, съ нѣкотораго времени меня одолѣла, что она отослала свой экипажъ и увѣрена, что я не заставлю ее возвращаться домой въ поздній часъ ночи.

Какъ не озадачила меня такая безцеремонность, дѣлать было нечего: нужно было подчиниться оригинальному капризу своенравной женщины, тѣмъ болѣе, что она была очаровательно хороша.

Теофила совершенно плѣнила меня своимъ умомъ, неподдѣльною веселостью, безкорыстною привязанностью и формами, достойными рѣзца Праксителя.

Наступило время экзаменовъ въ лицеѣ. Студенты меня любили, занимались хорошо моими предметами и выдержали экзаменъ превосходно.

Вслѣдствіе наговоровъ моего товарища по профессурѣ, что я въ моихъ лекціяхъ провожу идеи слишкомъ новыя и чрезъ-чуръ либеральныя попечитель присутствовалъ на всѣхъ экзаменахъ изъ предметовъ мной пройденныхъ и не зналъ, какъ выразить мнѣ свою благодарность за успѣхи студентовъ; онъ въ особенности остался доволенъ уголовнымъ правомъ и обширными свѣдѣніями, сообщенными мною студентамъ о философіи права законодательствъ европейскихъ государствъ и американскихъ штатовъ.

Несмотря на столь удовлетворительный исходъ моей ученой дѣятельности, я заявилъ намѣреніе прекратить на будущій учебный годъ мои лекціи въ лицеѣ, убѣдясь въ невозможности, при большихъ занятіяхъ и разсѣянной жизни, приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ магистерскому экзамену.

Попечитель уговаривалъ меня не оставлять службы въ лицеѣ и предлагалъ воспользоваться каникулами и отпускомъ въ первые осенніе

мѣсяцы, чтобы ѣхать держать экзаменъ въ Кіевѣ. Я не далъ ему положительнаго обѣщанія исполнить его желаніе и въ іюнѣ отправился въ деревню.

Теофила такъ привязалась ко мнѣ, что изъявила желаніе проводить меня до Вознесенска.

За нѣсколько дней до моего отъѣзда, пріѣхали изъ Кавказа въ Одессу и поселились въ новороссійской гостинницѣ князь О., богатый молодой грузинъ, генералъ нашей службы, и поручикъ Ф., извѣстный повѣса, изгнанный изъ Петербурга, гдѣ воспитывался съ очень высоко поставленными личностями, и посланный на Кавказъ изъ гвардіи въ армію прапорщикомъ за какія-то шалости.

Эти господа познакомились со мною и очень меня полюбили, заставляли со дня на день откладывать мой отъѣздъ, дали нѣсколько прощальныхъ обѣдовъ и наконецъ до того надоѣли, что я не зналъ, какъ отъ нихъ отдѣлаться. Князь О. долженъ былъ остаться въ Одессѣ, а Ф. вызвался сопутствовать мнѣ до Вознесенска. Въ Вознесенскѣ та-же исторія; у Ф. нашлось много знакомыхъ и товарищей по службѣ между квартировавшими тамъ кавалеристами, задержали меня цѣлую недѣлю и устроили великолѣпные проводы.

Въ Вознесенскѣ простился я и съ Теофилой. Мнѣ жаль было съ нею разстаться: я ее любилъ за искренную ко мнѣ привязанность и рѣдкое безкорыстіе. Никогда въ Одессѣ не соглашалась она принять отъ меня цѣннаго подарка; разставаясь, я счелъ долгомъ предложить ей довольно крупную сумму. Теофила не приняла денегъ, вспылила, разсердилась, а потомъ расплакалась какъ дитя, укоряя меня въ неделикатности и неумѣньи отличить искренную привязанность отъ продажной податливости. Мнѣ стало совѣстно, не могъ я простить себѣ неумышленнаго оскорбленія любящей женщины, и долго, долго не могъ забыть ее.

Въ Кіевѣ нашелъ нѣсколькихъ товарищей по университету, провелъ съ ними весело три дня, посѣтилъ Кинь-грусть, гдѣ былъ принятъ очень радушно и прибылъ въ деревню гораздо позже назначеннаго срока.

Тамъ меня ожидали радости семейной жизни и любящее сердце матери.

Къ родителямъ моимъ доходили обо мнѣ преувеличенные слухи,—о разсѣянной жизни въ Одессѣ, увлеченіяхъ и неразсчетливости. Средствъ, которыя мнѣ давали, было дѣйствительно недостаточно: я задолжалъ, немедленно уплотили мои долги и согласились съ моимъ желаніемъ не возвращаться въ Одессу, а ѣхать за границу, отдохнувъ въ теченіи лѣта въ деревнѣ. Отдыхъ мнѣ былъ необходимъ: я усталъ и физически и нравственно. Объ Одессѣ я впрочемъ не жалѣлъ; зимній сезонъ, проведенный въ ней, пронесся какъ ураганъ, впечатлительная натура моя не вынесла изъ него ничего, кромѣ удовлетвореннаго самолюбія и сердечной пустоты; иногда только взгрустнется бывало, когда вспомнишь Теофилу съ ея заплаканными при прощаньи глазами.

Тихая деревенская жизнь, ароматическій степной воздухъ, превосходный садъ, откровенныя дружескія бесѣды съ умной и доброй моей матерью имѣли благотворное на меня вліяніе: я отдохнулъ, но не снѣжилъ отъѣздомъ за границу. Въ августѣ только собрался въ дальній путь и напутствуемый благословеніями, добрыми пожеланіями и совѣтами отправился въ Петербургъ, чтобы получить командировку съ ученой цѣлью за границу, на моемъ иждивеніи, или-же отставку.

По дорогѣ я заѣхалъ къ двоюродной сестрѣ моего отца г-жѣ С., замѣчательной своимъ умомъ, но не получившей почти никакого образованія; она представляла типъ помѣщицы давно прошедшихъ временъ. Отличная хозяйка въ обширномъ смыслѣ этого слова, необыкновенно строгая съ прислугой и крестьянами, въ высшей степени разсчетливая, она вела превосходно свои дѣла и нажила громадное состояніе; овдовѣвъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ замужества, посвятила себя заботамъ о единственной дочери, которая воспитывалась въ одно время со мною въ Х., и вышла замужъ за К. Новобрачные поселились въ Петербургѣ, у нихъ гостилъ я послѣ выхода изъ училища. Тетушка С. просила меня остановиться въ Петербургѣ въ квартирѣ ея дочери.

Въ Москвѣ я остался нѣсколько дней, чтобы познакомиться съ достопримѣчательностями первопрестольной столицы. Въ гостинницѣ Шевалдышева встрѣтился съ молодымъ Альвенслеемъ, который мнѣ очень

обрадовался и взялъ съ меня слово посѣтить его въ Англіи, въ замкѣ около Лондона. Москва мнѣ понравилась, въ ней прожилъ я очень пріятно недѣлю, нашелъ нѣсколькихъ знакомыхъ и родныхъ. Былъ очень радушно принятъ княземъ Д., женатымъ на дальней моей родственницѣ, замѣчательной своей красотой. Я съ ними вскорѣ породнился ближе: старшая сестра моя вышла замужъ за В., брата княгини. Въ петровскомъ паркѣ Д. имѣли великолѣпную дачу и жили открыто, у нихъ я познакомился съ московскою знатью.

Въ Петербургѣ, въ обширной и превосходно убранной квартирѣ кузины, на Гороховой, въ домѣ Таля, я расположился весьма удобно. Кузина была за границей, а мужъ ея уѣхалъ въ Сибирь, получивъ назначеніе на одно изъ важныхъ въ краѣ мѣстъ. Многочисленная прислуга и отличный поваръ оставались дома.

Я вскорѣ отыскалъ своихъ товарищей по училищу и проводилъ съ ними время въ дружеской бесѣдѣ. Они только-что кончили курсъ и поступили на службу. Вѣсть о моихъ успѣхахъ въ университетѣ и преподаваніи въ лицеѣ дошла до нихъ гораздо прежде моего пріѣзда въ Петербургъ. Какъ во всемъ дурномъ, такъ и въ хорошемъ не бываетъ безъ преувеличенія. По исключеніи изъ училища меня считали погибшимъ, послѣ занятія кафедры на меня смотрѣли какъ на ученаго профессора, какъ на авторитетъ въ наукѣ и обращались со мной съ подобающимъ уваженіемъ. Неудивительно со стороны товарищей: изъ разговоровъ со мной они убѣдились, что университетское образованіе вообще стояло несравненно выше училищнаго. Самый способъ занятій въ университетѣ давалъ возможность относиться къ наукѣ серьезнѣе, чѣмъ въ училищѣ, которое въ первое время его существованія было школою въ тѣсномъ смыслѣ: задавали уроки, спрашивали и, при удовлетворительныхъ отвѣтахъ, ставили удовлетворительныя отмѣтки. На экзаменахъ придерживались текста руководствъ, по большей части устарѣвшихъ. Память играла большую роль; на осмысленное усвоеніе предмета, на умственное развитіе учащихся не обращали должнаго вниманія. О преподаваніи и говорить нечего. Общее всестороннее образованіе брало много времени въ ущербъ спеціальнымъ предметамъ, которые проходили довольно поверхностно. И преподаватели были не тѣ, что въ универси-

тетѣ, а если и приглашались университетскіе профессора, то они въ училищѣ совершенно иначе читали свои лекціи. Между тѣмъ служебныя преимущества училища были выше университетскихъ. Кромѣ товарищей были еще лица, которыя превозносили мою ученость; одинъ господинъ, довольно высоко поставленный въ ученомъ мірѣ, простеръ свою любезность до того, что хвалилъ мою диссертацію и увѣрялъ, что читалъ ее съ большимъ вниманіемъ, тогда какъ она никогда не была напечатана.

Я поѣхалъ къ Е. Ф. фонъ-Брадке онъ принялъ меня весьма ласково и передалъ мнѣ разговоръ съ директоромъ училища П. обо мнѣ. По увольненіи отъ должности попечителя, Егоръ Федоровичъ отправился въ Петербургъ и при свиданьи съ П. сказалъ ему, что однимъ изъ лучшихъ студентовъ кіевскаго университета былъ бывшій воспитанникъ училища; директоръ спросилъ фамилію, и когда Брадке назвалъ меня, П. не хотѣлъ вѣрить и объявилъ, что я большой повѣса и плохой ученикъ, исключенный за шалости, а хорошій студентъ вѣроятно мой однофамилецъ. Когда Брадке описалъ мою наружность, сомнѣнія въ тождественности быть не могло; но П. увѣрялъ, что я достаточно хитеръ, чтобы скрывать свои пороки, что никогда не кончу курса и не сдѣлаюсь порядочнымъ человѣкомъ. Поѣзжай, сдѣлай одолженіе къ П., присовокупилъ Брадке и убѣди, что онъ непростительно ошибался на твой счетъ.

Къ П. я не поѣхалъ, степень кандидата и кафедра въ лицеѣ смыли съ меня пятно изгнанія изъ училища, но не могъ я забыть несправедливости и преслѣдованій директора.

Отецъ мой далъ мнѣ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ своимъ сослуживцамъ по гвардіи, нѣкоторые занимали важныя должности, изъ нихъ съ особенною привѣтливостью я былъ принятъ графомъ Кушелевымъ, директоромъ артиллерійскаго департамента, на прелестной дачѣ по Петерговской дорогѣ, и генералъ-адъютантомъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, недавно возвратившимся изъ Берлина, куда сопровождалъ прусскаго короля при обратномъ его путешествіи изъ Петербурга.

Министръ народнаго просвѣщенія Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, жившій въ то время на дачѣ, принялъ меня сначала очень благосклон-

но. Я сообщилъ ему мое предположеніе ѣхать за границу, чтобы въ германскихъ университетахъ заняться наукой, и просилъ командировки на три года безъ всякаго пособія отъ казны. Министръ сказалъ, что можетъ разрѣшить командировку съ ученою цѣлью безъ содержанія, но съ сохраненіемъ правъ службы, только на три семестра и съ тѣмъ, чтобы я подчинился всѣмъ условіямъ, установленнымъ для командировокъ отъ правительства. Я не согласился и выразилъ желаніе быть уволеннымъ немедленно отъ службы.

Рѣшительный тонъ мой не понравился Уварову, и онъ довольно сухо сказалъ мнѣ: вы профессоръ законовѣдѣнія, а не знаете, что съ просьбою объ отставкѣ нужно обратиться по начальству.

Сколько мнѣ помнится, возразилъ я, увольненіе зависитъ отъ лица, которое опредѣляетъ къ должности. Такъ какъ я имѣлъ честь быть утвержденнымъ въ должности адъюнкта вашимъ превосходительствомъ, по представленію одесскаго попечителя, то и увольненіе отъ этой должности зависитъ, полагаю, отъ васъ; позвольте просить принять мое прошеніе объ отставкѣ и, по полученіи свѣдѣній изъ Одессы о неимѣніи препятствій, сдѣлать распоряженіе о моемъ увольненіи.

Извольте обратиться въ департаментъ, холодно и съ сдержаннымъ неудовольствіемъ проговорилъ сквозь зубы Уваровъ, взялъ прошеніе и осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы.

На другой день я отправился въ департаментъ, при мнѣ написали запросъ попечителю и обѣщали выдать отставку немедленно по полученіи отвѣта.

Въ Петербургъ пріѣхалъ графъ Воронцовъ, я былъ у него нѣсколько разъ и никогда не забуду его ласковаго со мною обращенія и добрыхъ ко мнѣ отношеній. Узнавъ, что я выхожу въ отставку и ѣду за границу, онъ предложилъ мнѣ дать рекомендательныя письма и пригласилъ, если когда нибудь вздумаю оставить учебное вѣдомство, продолжать службу у него.

Я поблагодарилъ графа и отвѣтилъ, что воспользуюсь его благосклоннымъ вниманіемъ и безъ всякаго сомнѣнія не стану искать другой службы, какъ у него, если обстоятельства заставятъ измѣнить ученому поприщу.

Не смѣю совѣтовать, но полагаю, что вамъ нуженъ болѣе обширный кругъ дѣятельности, и поэтому не говорю вамъ: прощайте, а досвиданья,—сказалъ въ заключеніе графъ Михаилъ Семеновичъ, съ обычною ему любезностью, пожимая мнѣ дружески руку.

На другой день онъ присланъ мнѣ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ во Францію и Англію. Князь Лобановъ далъ мнѣ также нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ нашимъ посланникамъ въ Германіи

На прощанье я созвалъ своихъ училищныхъ товарищей въ великолѣпную квартиру кузины и далъ имъ блестящій вечеръ.

Въ ожиданіи отставки я часто ѣздилъ на острова за городъ и посѣтилъ замѣчательныя окрестности Петербурга.

Однажды предъ вечеромъ, по возвращеніи изъ Гатчины, сидѣлъ я дома съ однимъ изъ училищныхъ товарищей; были сумерки, свѣчей еще не подавали и въ комнатѣ царствовалъ полумракъ. Отворяется дверь моего кабинета, ведущая въ корридоръ, входитъ дама подъ вуалемъ, очень прилично одѣтая и останавливается въ нерѣшимости, идти ли впередъ или возратиться.

Я всталъ и вѣжливо спросилъ, что ей угодно. Дама не удостоила меня отвѣтомъ и исчезла, какъ привидѣніе. Мы продолжали разговоръ, чрезъ полчаса пришелъ лакей доложить, что кузина моя возвратилась изъ-за границы и проситъ пожаловать къ ней.

Кузина очень мнѣ обрадовась и объявила, что остается въ Петербургѣ сутки и ѣдетъ въ Сибирь къ мужу. Узнавъ за границею о его назначеніи, она хотѣла сдѣлать ему сюрпризъ своимъ пріѣздомъ и прошла по черной лѣстницѣ въ кабинетъ, въ полной увѣренности, что застанетъ тамъ своего мужа и обрадуетъ внезапнымъ появленіемъ.

Не мало удивилъ меня неожиданный пріѣздъ кузины и рѣшимость ея ѣхать догонять мужа, съ которымъ, какъ говорили, она разсталась навсегда.

Г К., единственная наслѣдница огромнаго состоянія, воспитывалась сначала дома, а потомъ въ харьковскомъ пансіонѣ. На воспитаніе ея ничего не жалѣли, она училась хорошо и получила по-

рядочное свѣтское образованіе, но излишняя угодливость воспитательницъ и невниманіе ихъ къ нравственному развитію молодой дѣвицы, при всей добротѣ ея сердца, сдѣлали ее женщиной своенравной, характера невозможнаго. Шестнадцати лѣтъ она вышла замужъ за человѣка безъ души, который женился изъ разсчета. По уму и образованію онъ могъ-бы имѣть благодѣтельное на нее вліяніе, еслибы хотѣлъ и съумѣлъ заняться ею серьезно, но вмѣсто добрыхъ дружескихъ совѣтовъ началъ трунить, насмѣхаться надъ нею, оскорблялъ и раздражалъ безъ нужды, и въ короткое время до того развилъ въ ней дурные инстинкты, что кузина дѣйствительно сдѣлалась въ семейномъ быту женщиной сварливой, капризной и невыносимой, а въ обществѣ довольно странной и смѣшной.

Находясь еще въ училищѣ, бывалъ я у нихъ иногда въ праздники, по выходѣ изъ училища прожилъ болѣе двухъ мѣсяцевъ и вынесъ о нихъ грустное воспоминаніе.

Поссорятся бывало изъ за пустяковъ и часто ссора принимаетъ громадные размѣры; отъ словъ переходятъ къ дѣйствіямъ: письменныя принадлежности, украшенія каминовъ, горшки съ цвѣтами—все это летитъ, разбивается и наноситъ иногда чувствительный вредъ ссорящимся; да и зрителямъ бывало небезопасно; не забуду никогда, какъ однажды бронзовый подсвѣчникъ рикошетомъ попалъ мнѣ въ плечо и больно ушибъ.

Поѣдутъ въ театръ, дорогой повздорятъ, и чтобы лишить жену удовольствія, К. разорветъ бывало ея наколку или испортитъ прическу. Но не всегда его поступки съ женой оставались ненаказанными. Въ одинъ прекрасный вечеръ, подъѣзжая къ знакомымъ, у которыхъ былъ балъ, кузина уничтожила прическу своего супруга, и К. долженъ былъ отказаться отъ бала, такъ какъ въ то время мужчины носили прически, требовавшія услугъ парикмахера. Въ другой разъ мщеніе кузины этимъ не ограничилось: она исцарапала лице мужа, и бѣдный К. двѣ недѣли не могъ выходить изъ дому.

К—вы нѣсколько разъ разъѣзжались, мирились; въ послѣдній разъ, казалось, разошлись навсегда. Но привязанность-ли въ мужу, или странный, ничѣмъ необъяснимый капризъ женщины заставилъ ку-

зину возвратитвся изъ Франціи въ Петербургъ и догонять мужа на пути въ Сибирь. Она дѣйствительно уѣхала на другой день.

Чрезъ недѣлю получивъ давно ожидаемую отставку и безсрочный паспортъ за границу, я отправился моремъ въ Любекъ съ послѣднимъ отходившимъ въ октябрѣ изъ Кронштадта пароходомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо арх. новг. Ѳеофана Прокоповича къ арх. кіевск. Рафаилу Заборовскому [1]).

8 марта 1734 г.

(О способахъ къ улучшенію матеріальнаго положенія кіевск. академіи).

Кіевская академія, неразрывно связанная прежде съ братскимъ монастыремъ, носившимъ по этому названіе училищнаго, до конца почти прошлаго столѣтія, именно до введенія въ 1786 г. штатовъ для малорусскихъ монастырей, не имѣла опредѣленной какой-либо суммы на свое содержаніе и содержалась вмѣстѣ съ монастыремъ отъ собственнаго хозяйства, извлекая натуральные и денежные доходы изъ данныхъ имъ въ разныя времена гетманскими универсалами и царскими грамотами селъ и угодій. Бюджетъ ея былъ растяжимъ и зависѣлъ вполнѣ отъ болѣе или менѣе искуснаго и аккуратнаго веденія хозяйства. При умѣломъ и честномъ управленіи имѣніями являлся избытокъ въ содержаніи и доходахъ, при небреженіи и злоупотребленіяхъ неизбѣжны были скудость и лишенія.

При оскудѣніи доходовъ, кіевскіе владыки, со времени подчиненія Кіева московской державѣ, обращались за пособіемъ къ государямъ. Обратился на этотъ разъ и новопоставленный архіепископъ кіевскій Рафаилъ Заборовскій, а для большаго успѣха прибѣгъ, какъ видно, къ ходатайству все еще сильнаго при дворѣ Ѳеофана Прокоповича, архіепископа новгородскаго.

Какъ б. воспитанникъ и ректоръ кіевской академіи, Прокоповичъ хорошо зналъ цѣну ея имѣніямъ и вмѣсто испрошенія пособія, рекомендуетъ кіевскому владыкѣ и патрону академіи заняться улучшеніемъ академическаго хозяйства.

Письмо обнимаетъ значительный промежутокъ времени въ исторіи кіевской академіи и даетъ много любопытныхъ свѣдѣній о ея такъ сказать домашней жизни;

---

[1]) Изъ бумагъ архива статсъ-секретаря В. С. Попова. Копія на 2-хъ большихъ листахъ. Слич. въ Русск. Арх. 1865 г., № 4, стр. 439—444, Труды кіев. д. акад., т. 3, стр. 274 и соч. проф. Чистовича: „Ѳеофанъ Прокоповичъ“.

оно обнаруживаетъ въ Прокоповичѣ отличнаго хозяина, указываетъ на нѣкоторыя давно исчезнувшія отрасли сельскаго хозяйства, дышетъ силою, одушевленіемъ, весьма понятными въ лицѣ, которому такъ дороги были судьбы родной академіи.

Преосвященнѣйшій архіепископъ кіевскій и галицкій и малыя Россіи,

Мой любезнѣйшій во Христѣ отче брате и сослужителю!

Какъ многими преосвященство ваше одолжилъ мене къ благодарствію благодѣяніи, такъ не малый ощущаю я на себѣ долгъ и къ частому ко святынѣ вашей, о взаимномъ усердіи моемъ, писанію: но понеже и немощи нерѣдкіе, и немалочисленные суеты до того мене не допускаютъ, паче всего-же извѣстное преосвященства вашего мудролюбіе, по которому не во внѣшнихъ видахъ, но въ дѣйствительной силѣ сущую братскую любовь позлаш, церемоніяльныхъ переписокъ не требуешъ; того ради не письмомъ, но сердечною искренностію благодаря какъ за прежніе, такъ и за новые, найпаче въ недавномъ времяни посланному въ Кіевъ доместику нашему, и чрезъ него мнѣ самому показанные вашей любви знаменія, молю законоположника любви Господа, да вашу къ смиренію моему любовь своею вседаровитою милостію преизобильно наградитъ: при семъ не могу и отъ писменнаго отвѣта удержаться, гдѣ къ тому понуждаетъ мене нѣкое немаловажное, отъ вашей-же святыни вѣдомо мнѣ учиненное дѣло.

Писалъ ко мнѣ преосвященство ваше чрезъ господина Величковскаго, что училищный у васъ монастырь братскій пришелъ въ крайнюю скудость, и такождѣ, что и къ повседневному препитанію не имѣютъ довольства учители и прочіи братія, и не могло-бы уже мѣсто оное въ состояніи пребыть, есть-ли-бы особливымъ святыни вашей призрѣніемъ снабдѣваемо не было. Удивился я и почти ужаснулся таковою вѣдомостію; а воспомянувъ и разсудивъ вину той немощи, и дивиться престалъ. Помню я, что тамо дѣлалося, во время младыхъ лѣтъ моихъ, при Головчичѣ, и Гугуревичѣ, и другихъ ректорахъ: всѣ маетности братскія были въ полномъ содержаніи, еще бо тогда и оные были во владѣніи, которыя послѣ новымъ рубежемъ польскимъ стали оторваны. Были-же времена весьма пріятныя: не было войны, небыло ни какихъ армейскихъ походовъ, не слыхали мы тогда, что недородъ, что

голодъ; а въ братскомъ монастырѣ таковая была во всемъ нищета, что и воспоминать печально; и я бы нынѣ не вѣрилъ, есть-ли-бы тогда самъ не видѣлъ: житницы и погреба пусты, никакой изъ дня на день провизіи, никаковаго припасу не бывало, на всякъ день нищу, и то скудную и подлую, на рынкѣ покупали, а и на оную покупку употребляли господа ректоры нѣкую часть денегъ изъ годоваго гетманскаго подаянія. А какая таковой бѣдности могла быть причина?—Одно только незнаніе економіи; и не одно того незнаніе, но къ тому противные и разорительные поступки: начальныхъ нерадѣніе, лѣность, дреманіе, гнусность, да еще при пособіи шумныхъ денноночныхъ заботъ, а подначальныхъ, найпаче посельскихъ старцевъ, иныхъ непросыпляемое піянство, а другихъ прилѣжные кражи и должныхъ обществу доходовъ хищенія, съ великимъ безстрашіемъ, когда и смотру и истязанія ни откуду не опасались и не ожидали. Долго такъ монастырь тотъ, при великомъ богатствѣ, былъ жажденъ, и гладенъ, и хладенъ. И чюдо, воистину, какъ устоялъ! Не скоро потомъ поставленъ економъ—покойный іеромонахъ Родовичъ, человѣкъ трезвый, догадливый и по всему званія того достойный. И тотъ часъ все лучше пошло; явились съѣстные и питейные и къ другимъ нуждамъ потребные припасы, а прежніе мизерные изъ базару покупки воспоминали мы со смѣхомъ въ притчу. Не долго потомъ економа онаго, видя его бодрость и искуство, переведено на економство къ дому архіерейскому въ монастырь софійскій, гдѣ такожъ дотоль не для чего было ходить въ погреба и анбары и въ протчія клѣти: а училищная обитель въ прежнее оскудѣніе возвратилась, и я и другіе, которые недвижимыхъ монастыря того имѣнія не вѣдали, помышляли, что вотчины его на пѣскахъ только, да на мхахъ и болотахъ стоятъ и тлѣютъ. Одно то иной нѣкой догадъ намъ подавало, что при економствѣ Родовича воздухъ былъ здоровѣйшій. А съ тысяща седьмъ сотъ одиннатцатаго года получивъ я чинъ ректорскій, и потомъ тщательнаго намѣстника, блаженныя памяти Епифанія, бывшаго послѣ бѣлоградскаго архіерея, когда только объѣжжая, осмотрѣли мы села и деревни, земныя и водныя угодія, тотъ часъ явилось, что братскій монастырь убогимъ называть грѣхъ, а въ немъ не быть кому сыту стыдъ и смѣхъ великій.

Что-же воспослѣдовало? Хотя и превеликія армеи стояли, хотя еще не весьма и вѣрные городничіи, то есть посельскіе монахи были; однакожъ всего у насъ преизобильное было довольство; и не только для своихъ, но и для подарковъ многимъ господамъ, и для принятія немалыхъ, и немалолюдныхъ, да еще и частыхъ гостей. Скоро нужда явилась не одинъ вновь погребъ дѣлать и житницу (полатою зовутъ) великую строить, и слухъ въ народѣ носился, что въ братскомъ монастырѣ кладъ найденъ. И правда найденъ, да тотъ, который предъ очима всегда былъ. Да не знаю, какъ то его затекшіи очи не видѣли. Надѣюся, что еще въ живыхъ нѣкіи обрѣтаются, которыи по совѣсти сказать могутъ, что въ съѣстныхъ найпаче и питейныхъ припасахъ не просто черпечіе, но господскіе были достатки: да и денежные прибыли начали показоваться изъ гуты, то есть стеклянныхъ заводовъ, въ мѣсто прежнихъ двенадцати, стало приходить по сту рублей въ годъ, кромѣ стекла, и на домовыя потребы, и на подарки довольнаго: не меншіи того доходы и изъ шинковъ, гдѣ въ продажѣ вино горячее своего хлѣба и куренія, ибо какъ куреніе, такъ и продажа безъ пошлины. Новая да знатная корысть была устроена и изъ вина волоскаго, такъ что одна бута (то есть большая бочка) даровая приходила. Но всего лучше можеши, преосвященство ваше, получить извѣстіе, есть-ли изволишь приказать, дабы вамъ вѣрно показано, сколько гдѣ нажинается пшеницы, ячменя, овса, гречихи, проса? Коликое мельничныхъ каменій число имѣется? Гдѣ и сколь многіе озера и другіе къ рыбнымъ ловлямъ мѣста угодныя? Сколько при мѣстечкѣ Стайкахъ медовой десятины и очковыхъ денегъ? и сверхъ того имѣется-ль особливая пасѣка монастырская? гдѣ и по коликому числу вѣдеръ сивухи продается? что приноситъ стеклянная гута? а есть ли ей нѣтъ, то для чего? коликое множество на разныхъ мѣстахъ всякаго скота въ заводахъ, и изъ того плодовъ молочныхъ, и волны и прочая? дѣлаются-ли изъ пенки женскою работою холсты росхожіе? не пусты-ль солодовни, которые при насъ были всегда не праздные? Сюда надлежатъ и огородные и садовые слѣтья, и лѣсные на дрова и строеніе непокупные плоты. И вся вышеупомянутая имѣлъ монастырь не скудно, и со временемъ могъ все то имѣть съ великимъ еще прибавленіемъ, когда о немъ стараніе было:

какъ-бы мало чего, и то иностраннаго покупать оставалось нужда. А понеже въ толь печалную скудость пришла обитель оная, какъ ваше преосвященство пишешъ, то мощно знать, что либо все то крайне студенымъ нерадѣніемъ упущено, либо воровскими посельскихъ руками перенимается, либо отъ части сіе, а отъ части оное дѣется. Что жъ Танталу дѣлать, коли онъ, посредѣ пищи и питія стоящій, или не хощетъ, или не можетъ пить и ѣсть?

Между тѣмъ донесено мнѣ, отъ вѣры достойныхъ человѣкъ, яко бы Карпиловка съ уѣздомъ отдается нѣкоему чернцу за сто рублей на откупъ: и есть-ли то правда, то чегожъ надѣяться? Развѣ скораго и крайняго разоренія и упраздненія школъ? Да и необычная таковая економія достойна великаго истязанія и наказанія: о чемъ естьли ясно извѣстимся, молчать намъ, яко о публичномъ воровствѣ, запретить совѣсть.

Что же бы здѣ вмѣсто врачевства употребить надлежало?

Не ино что, только сіе осталось: извѣстно намъ, что преосвященство ваше совершенно економическое искуство и къ произведенію того въ дѣло теплую охоту имѣешъ; извѣстно и то, что святынѣ вашей къ пользѣ церковной непрестанная належитъ ревность, и потому къ содержанію честныхъ ученій всегда горитъ желаніе: тѣми многомощными добродѣтельми возбужденъ, не трудно усмотрѣть можешъ, каковое нужно къ исцѣленію изнемогающаго училищнаго онаго мѣста лѣкарство. Надобно быть економуо бодрому, искусному и вѣрному. Надобно всячески возбуждать дремлющихъ и трезвить піянствующихъ и хищниковъ, яко злѣйшихъ злодѣевъ, обуздовать, а необуздываемыхъ лишать чина и на казнь предавать мірскому суду: былъ-бы прилѣжный во всемъ смотръ и чувствуемый неминуемаго наказанія страхъ, былъ-бы аккуратный инвентаръ, такожъ приходовъ и росходовъ указныя книги, чего тамъ, надѣюсь, такъ много, какъ много въ которскихъ, или косачевскихъ лѣсахъ цинамонной корицы. И естьли такъ, по моему сему мнѣнію и предложенію, исполнится, то въ скоромъ времени фортуна мѣста того мрачное и худое лице премѣнитъ на жирное и веселое, и возобновится причта, что найдено тамъ нѣкое знатное сокровище, и не будетъ нужды нѣкіихъ скудныхъ, да еще и неосновательныхъ подаяній нищетскимъ образомъ просить. Естьли-же не такъ, но по обыкновенному

гнусному и нерадивому обхожденію дѣло пойдетъ, или паче, какъ болотная вода, тлѣть и смердѣть станетъ, то хотя-бы всю Украйну имъ отдать, не будетъ ничего и таковые паны голодомъ помрутъ.

Сія отъ сожалительнаго къ мѣсту оному усердія пишу къ преосвященству вашему, надѣяся, что святыня ваша не меньшее о томъ сожалѣніе имѣешъ и по данной себѣ власти все къ лучшему привести потщишися.

Прочее непременной братской любви и молитвамъ святымъ вручая себе, пребываю

Преосвященства вашего доброжелательный братъ и сослужитель, смиренный Ѳеофанъ, архіепископъ новгородскій.

Санктпетербургъ.

Марта 8 дня 1736 года.

РЯДНАЯ ЗАПИСЬ 1-й ПОЛОВИНЫ XVIII В.[1]).

Помѣщаемая запись сдѣлана въ 1744 г. бунчуковымъ товарищемъ Михаиломъ Есимонтовскимъ, а исчисленное въ ней приданое давалось за нареченною его невѣстою Мариною Скоруповною, дочерью бунчуковаго-жъ товарища Григорія Скорупны. Есимонтовскіе и Скорупны принадлежали къ числу извѣстныхъ богатыхъ фамилій въ Малороссіи, а званіе бунчуковыхъ товарищей указываетъ на принадлежность ихъ къ почетной полковой старшинѣ. Скорупны, а чрезъ нихъ и Есимонтовскіе, состояли даже въ родствѣ съ гетманомъ Даниломъ Апостоломъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ предъ собою не просто людей средняго достатка, но и лицъ можно сказать высшаго тогдашняго круга. По законамъ и обычаямъ того времени браку или вѣнчанью предшествовала „шлюбная интерцыза", или гражданская сдѣлка, которая записывалась въ гродскія книги вмѣстѣ съ приданымъ. Получивъ и записавъ приданое, женихъ обязывался взять форменную о томъ выпись и вручить ее тестю, при чемъ самъ обязывался внести въ общую супружескую жизнь одну треть того, что приносила съ собою его будущая жена. Само собою разумѣется, что порядокъ этотъ соблюдался въ классѣ имущихъ, гдѣ было что давать, считать, оцѣнивать и записывать. Въ этомъ кругѣ имъ опредѣлялись имущественныя права и отношенія супруговъ, предъотвращались предбрачныя и послѣбрачныя недоразумѣнія и разногласія. По предбрачнымъ записямъ можно заключать о состоятельности, отчасти и вкусахъ не только брачущихся, но и вообще лицъ ихъ круга. Любопытно взглянуть на этотъ домашній скарбъ нашихъ предковъ, на эту выставку отчасти ихъ достатка и комфорта. Нѣсколько такихъ записей могутъ дать намъ понятіе о гардеробѣ и костюмѣ малорусскихъ дамъ лучшаго тона и круга въ XVIII столѣтіи и показать, насколько было въ немъ самобытнаго, національнаго, насколько заимствованнаго, подражательнаго и насколько отодвинулась въ этомъ отношеніи отъ народа тогдашняя малорусская аристократія. Таково значеніе предлагаемаго документа. Помѣщаемъ оный съ точнымъ соблюденіемъ правописанія подлинника.

---

[1]) Изъ бумагъ обязательно сообщенныхъ редакціи Т. В. Кибальчичемъ, составляющихъ часть сулиминскаго архива. Подлинникъ на 2-хъ листахъ съ сургучною печатью стародубскаго магистрата, отъ времени совершенно истершеюся.

Вписъ з книгъ мѣскихъ стародубскихъ права магдебурского.

Року тисяча сѣмъ сотъ четиредесятъ четвертого, мѣсяца мая осмого дня.

Ея императорскаго величества въ магистратѣ стародубовскомъ бунчуковій товаришъ Михайло Есимонтовскій, ставши персоналне, презентовалъ и ку записаню до книгъ мѣскихъ стародубовскиихъ подалъ реестръ, данній имъ Есимонтовскимъ тестю своему, бунчуковому товаришу, Григорию Скорупнѣ о внесенѣ в посагъ з дому оного бунчукового тотовариша Скорупны в домъ его Михайла Есимонтовского за женою его Есимонтовского Мариною Скорупповною и просилъ видать з оного реестра экстрактъ реченному тестю его, бунчуковому товаришу, Григорию Скорупнѣ, которій реестръ такъ въ себѣ мѣетъ.

Реестръ, данній отъ мене, за рукою моею и печатю и упрошенихъ отъ мене свидителей, тестю моему, бунчуковому товаришу, его милости, пану Григорию Скорупнѣ, прежде шлюба изъ имѣючоюся быть мнѣ в супружествѣ женою, панною Мариною Григориевною Скорупповною, сколко я взялъ въ посагъ вѣна, по силѣ правъ малороссійскихъ, совѣто пишучи, денегъ готовыхъ, золота, серебра, перелъ, камѣня дорогого и рухомихъ разнихъ вещей, одежди и убіоровъ, плятя бѣлого, коней, коляски и протчего, порознь всякую вещь еднимъ шацункомъ безъ совѣтости кладучи, нижей сего явствуетъ.

Перелъ великихъ шнурковъ восѣмъ, вѣсу золотниковъ сѣмнадцать и три четвертѣ . . . . . 236 р. — к.

Перелъ болшихъ шнурковъ чотири, да отъ тѣхъ мало меншихъ шнурковъ чотири-жъ . . . . . 645 р.

Перелъ дробнихъ шнурковъ тринадцать, вѣсу в нихъ золотниковъ одинадцать з четвертью. . . . . 60 р.

Штучка золотая з камѣнями . . . . . 20 р.

Крестъ рубиновий съ пятма рубинами и съ однимъ висящимъ шмарагдомъ, у золотой оправѣ, цена . . . 15 р.

Крестъ алмазній . . . . . 120 р.

Сережки алмазние . . . . . 30 р.

Сережки золотие з привѣсками перловими. . . . 6 р.

Перстень шафировій з шестма дияментами . . . 120 р.

Перстень рубиновій з алмазами . . . . . 40 р.

Перстень з двома рубинами и однимъ дияментомъ . 15 р.

Ланцужокъ золотій дощатий в двадцать червонихъ з четвертью . . . . . 110 р.

Кубковъ визолочених дванадцать, без визолотки менших дванадцать же . . . . . 185 р. 60 к.

Чарокъ двадцать . . . . . 24 р. 60 к.

Ложокъ серебраных дванадцать у полтора фунта и десять золотниковъ . . . . . 59 р.

Штопка визолочена у полтора фунта . . . . 55 р.

Подносъ, сто девять золотниковъ . . . . . 42 р.

Готових денегъ . . . . . 400 р.

Итого . . 2226 р. 2 к.

Шапка куничная з вершкомъ аксамитнимъ жовтимъ . . . . . 7 р.

Другая жъ аксамитная красная куничная . . . 6 р. 88 к.

Шапка легкая аксамитная . . . . . 3 р.

Кунтушъ златоглавній зеленій з футромъ шлямовимъ, рисъ сѣмъ, з корунками золотими з срѣбромъ . . 115 р.

Кунтушъ срѣброглавній, локоть по пяти рублей, подъ футромъ куничьимъ, з сѣткою золотою . . . . 135 р.

Кунтушъ бѣлій златоглавній з футромъ чорнимъ сѣбирковимъ, зъ корункою золотою . . . . . 60 р.

Кунтушъ легкій штофовій бѣлій, масолбасомъ подбитій, з корункою . . . . . 24 р. 50 к.

Кунтушъ штофовій блакитній изъ бѣлими квѣтами, зъ сѣткою золотою . . . . . 24 р.

Кунтушъ штофовій разноцвѣтній, масолбасомъ подшитій, з корункою золотою и лиштвами златоглавними . 27 р.

Кунтушъ штофовій рожовій, локоть по сорокъ алтинъ, съ пудзаментомъ серебренимъ и зъ лиштвами аксамитними 32 р. 70 к.

Кунтушъ штофовій разноцвѣтній бѣлій, локоть по два рублѣ, подъ чорними сѣбирками, з гасомъ золотимъ . 71 р. 30 к

Кунтушъ камловацовій чирвоній подъ шлямами на бокахъ и кругомъ пудзаментъ . . . . . 45 р.

Кунтушъ едамашковій зеленій съ пудзаментомъ и обшитій чирвонимъ масолбасомъ . . . . . 25 р.

Кунтушъ сукна злоткового съ пудзаментомъ срѣбнимъ . . . . . 16 р.

Кунтушъ сукна чирвоного, подшитъ лисами, з срѣбнимъ пудзаментомъ . . . . . 38 р.

Шнуровка златоглавная чирвоная з сѣткою золотою. 6 р.

Шнуровка блакѣтная аксамитная з золотимъ пудзаментомъ . . . . . 3 р. 60 к.

Шнуровка атласовая квѣтчастая з сѣткою срѣбною великою . . . . . 3 р.

Шнуровка чирвоная аксамитная з сѣткою золотою 2 р. 50 к.

Сподница бѣлокосовая съ корункою срѣбно-золотою 16 р.

Сподница атласовая з сѣткою серебранною . . . 26 р.

Сподница гранѣтурова жовтая з сѣткою срѣбною . 14 р.

Сподница блакѣтная полутабинковая з сѣткою золотою 10 р.

Сподница гранѣтуровая . . . . . 8 р. 40 к.

Запаска чирвоная златоглавная . . . . . 13 р.

Запаска красная златоглавная, локоть по пять рублей 20 р.

Запаска штофовая разноцвѣтная зеленая . . . . 7 р. 60 к.

Запаска чирвоная штофовая зъ жовтимъ . . . 4 р. 25 к.

Запаска штофовая бѣлая квѣтчатая разноцвѣтная . 7 р.

Запаска штофная чирвоная . . . . . 5 р. 50 к.

Запаска штофная бѣлая . . . . . 4 р. 50 к.

Постель: наволокъ полутабинковыхъ, з корункою серебренною и золотомъ, пять съ плостирадломъ . . . 45 р.

Запона табиновая зеленая . . . . . 20 р.

Запона дуклѣ венецкой . . . . . 13 р.

Ковдра атласовая блакѣтная зъ чирвоними атласовими лиштвами . . . . . 17 р.

Ковдра дуклевая чирвоная зъ лиштвами полутабинковими зелеными . . . . . 20 р.

Постелѣ три швабскіе, одна зъ корунками широкими, а другая безъ корунокъ, зъ цвѣтами, третая шитая золотомъ и зъ шовкомъ краснимъ . . . . . 30 р.

Постелей кужилнихъ сѣтковихъ чотири . . . . 16 р.

Постѣль фарботная . . . . . 4 р.

Кошуль алендерскихъ з рукавами кисевими пятнадцать . . . . . 45 р.

Кошуль швабскихъ и рубковихъ дванадцать . . . 18 р.

Кошуль ивановскихъ зъ рубковими рукавами . . 20 р.

Кошуль мужескихъ алендерскихъ паръ дванадцать . 14 р.

Обрусовъ швабскихъ чотири, серветъ три штучки, да кужелнихъ серветъ три штучки, да пять тузніовъ московского полотна . . . . . 28 р.

Скатертей пятнадцать . . . . . 15 р.

Ручниковъ одинадцать . . . . . 5 р.

Да штучокъ три кужилнихъ на ручники . . . 12 р.

Серветъ болшихъ, что пютъ чай . . . . . 1 р.

Скринь двѣ, шкатулка одна . . . . . 11 р.

Лаханя мѣдная жовтая . . . . . 1 р. 40 к.

Шоръ четверня . . . . . 30 р.

Карета . . . . . 50 р.

Лошадей четверня . . . . . 60 р.

Палубовъ два . . . . . 10 р.

Итого . . . . 1247 р. 13 к.

А всей вишеписанной сумми. . . . . 3473 р. 15 к.

И хотя въ силу правъ малороссійскихъ надлежало-бъ мнѣ сего-жъ часу, безъ упущенія времени, з имѣния моего противо вишепоказанного вношеня записать третюю часть, точию оставшись, по смерти отца моего, въ владѣніи моемъ, я еще не осмотрився въ такъ скоромъ времени, что именно записать въ третюю часть зъ оного моего владѣнія, чтобъ стояло того вношеня 3,473 р. 15 к. Ктому-жъ зъ братомъ моимъ роднимъ, бунчуковимъ товаришомъ, Степаномъ Есимонтовскимъ, по оставшейся посля отца нашого. бунчукового товариша, Алексѣя Есимонтовского духовной роздѣлу еще не имѣлъ. А когдажъ-жъ учиненъ бу-

детъ з нами надлежащій въ имѣніи по оной духовной роздѣлъ и всякъ частиею своею владѣти учнетъ, то имѣю зъ того знадаючого на мене владѣнія записать, въ силѣ правъ, въ вѣно третюю часть помянутой паннѣ Маринѣ Григориевнѣ Скорупповнѣ, имѣючой мнѣ быть въ супружествѣ женою, въ вѣчное и безпоротное ея владѣніе. О чомъ оній реестръ, за рукою и печатю моею и упрошенних отъ мене свидителей, помянутому тестю моему, бунчуковому товаришу, пану Григорию Скорупнѣ данъ 1744 г. мая 6 дня.

Въ подлинномъ реестру, съ притисненіемъ на ономъ трехъ печатей червленного сургуча, подписъ рукъ тими словы:

Къ сему реестру, данному тестю моему, бунчуковому товаришу, его милости, пану Григорию Скорупнѣ и что все по оному принялъ, бунчуковій товаришъ Михайло Есимонтовскій печать и руку приложилъ.

Къ сему реестру, по прошенію бунчукового товариша, Михайла Есимонтовского. Василь Жураховскій во свидѣтелство руку и печать приложилъ.

Къ сему реестру, по прошенію бунчукового товариша Михайла Есимонтовского, обозній полковий стародубовскій Григорий Юркевичь во свидѣтельство руку и печать приложилъ.

Которій подленьній реестръ Мы урядъ выслухавши, казалисьмо до книгъ мѣскихъ стародубовскихъ приняти и записати, и есть записанъ, зъ которихъ и сей экстрактъ выписавши, зъ подписомъ рукъ насъ уряду и съ приложеніемъ обыклой магистратской стародубовской печати сторонѣ того потребуючой, бунчуковому товарищу, Григорію Скорупнѣ есть виданъ.—Писанъ въ Магистратѣ стародубовскомъ року, мѣсяця и дня вижей спецѣфикованихъ.

Ея императорского величества Магистрату стародубовского: Войтъ Антонъ Коменокъ, бурмистръ Андрей Демяновичь, райца Іванъ Кункевичь, писарь Савва Терлецкій.

Библіографія.

Н. Любовичъ. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи (по неизданнымъ источникамъ). Варшава. 1883. (347×XXIX стр. цѣна 3 р.).

Книга, заглавіе которой мы выписали, представляетъ собою магистерскую диссертацію доцента варшавскаго университета Н. Н. Любовича, защищенную имъ въ кіевскомъ университетѣ 11 декабря прошлаго 1883 года. Объемъ и отчасти характеръ своей работы авторъ обозначаетъ въ первыхъ строкахъ предисловія. „Своеобразнымъ, оригинальнымъ характеромъ отличается реформаціонное движеніе въ Польшѣ. И причины, вызвавшія его тамъ, и задачи его, и самый ходъ развитія и распространенія совершенно иныя, нежели въ другихъ государствахъ западной Европы. Даже чѣмъ-то загадочнымъ и исполненнымъ, повидимому, противорѣчій можетъ показаться реформація въ Польшѣ! Хотя-бы взять тотъ фактъ, какъ быстро развилась она тамъ и какъ быстро затѣмъ пала. Разъяснить эти кажущіяся противорѣчія въ исторіи польской реформаціи, прослѣдить шагъ за шагомъ развитіе ея и показать неизбѣжность ея полной неудачи—составляетъ задачу моего труда. Въ настоящемъ томѣ я довожу изложеніе судебъ польской реформаціи до петроковскаго сейма 1562—3 года, т. е. до эпохи, когда она достигаетъ кульминаціоннаго пункта своего развитія. Начало католической реакціи и упадокъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ составитъ содержаніе слѣдующаго тома, который долженъ появиться въ непродолжительномъ времени. Касаясь только исторіи распространенія кальвинскаго и антитринитарскаго ученій въ Польшѣ, область моего изслѣдованія должна ограничиться лишь предѣлами Малой Польши, такъ какъ въ Великой Польшѣ нашло пріютъ ученіе лютеранское и братьевъ чешскихъ. Но общіе выводы относительно реформаціоннаго движенія въ Малой Польшѣ вполнѣ примѣнимы и къ Великой“.

Передъ нами очевидно находится строго-ученая работа, отъ которой мы вправѣ ожидать и новыхъ матеріаловъ, и новыхъ общихъ выводовъ. Относительно обилія новыхъ матеріаловъ трудъ г. Любовича не оставляетъ желать ничего большаго. Авторъ пересмотрѣлъ и извлекъ относящіеся къ его темѣ рукописные матеріалы въ библіотекахъ и архивахъ въ Вильнѣ, Краковѣ, Львовѣ, Кенигсбергѣ, Данцигѣ, Познани, Бреславлѣ и т. д.

Общіе выводы, къ которымъ пришелъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи, выражены имъ въ слѣдующихъ тезисахъ, предъявленныхъ имъ при публичной защитѣ диссертаціи.

1) Реформаціонное движеніе въ Польшѣ служитъ непосредственнымъ продолженіемъ борьбы шляхты съ духовенствомъ, начавшейся съ конца XIV вѣка.

2) Причины, вызвавшія реформацію въ Польшѣ, были политико-экономическаго характера

3) Принятое всѣми историками мнѣніе о существованіи связи между гусситскимъ движеніемъ въ Польшѣ и реформаціоннымъ не можетъ быть научно установлено и должно быть отвергнуто.

4) Хотя протестантскія идеи и начинаютъ проникать въ Польшу въ царствованіе Сигизмунда I, но начало реформаціоннаго движенія въ ней, вопреки общепринятому мнѣнію, можетъ быть константировано только въ концѣ сороковыхъ годовъ (т. е. XVI в.).

5) До половины пятидесятыхъ годовъ реформаціонная партія въ Малой Польшѣ не примыкаетъ еще окончательно ни къ одной протестантской церкви.

6) Кальвинизмъ вытѣсняетъ изъ Польши всѣ другія протестантскія ученія только послѣ пріѣзда туда Ласкаго.

7) Толчокъ польской религіозной мысли въ крайнемъ раціоналистическомъ направленіи данъ впервые Францискомъ Станкаромъ.

8) Ученіе антитринитаріевъ въ разсматриваемую эпоху не было еще систематизировано и оно распадается на нѣсколько вѣтвей.

6) Изъ реформаціонной партіи должна быть строго выдѣляема умѣренная партія, требовавшая только нѣкоторыхъ реформъ въ католической церкви и насчитывавшая своихъ членовъ, главнымъ образомъ, въ средѣ магнатовъ и епископовъ.

10) Реформаціонное движеніе въ Польшѣ охватываетъ лишь высшіе слои общества и потому, по справедливости, можетъ быть названо шляхетскимъ.

11) Сила реформаціоннаго движенія въ Польшѣ только кажущаяся, а въ дѣйствительности это движеніе крайне поверхностно и не пускаетъ глубокихъ корней въ обществѣ

12) Борьба реформаціонной партіи съ католическимъ духовенствомъ сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ сеймахъ, гдѣ шляхта надѣется добиться разрѣшенія религіознаго вопроса.

13) Фанатизмъ въ протестантскомъ движеніи Польши отсутствуетъ, и во взаимныхъ отношеніяхъ протестантовъ и католиковъ нетерпимости и вражды нѣтъ.

14) Въ моментъ наивысшаго развитія своихъ силъ реформаціонное движеніе не въ состояніи сокрушить католической церкви и только временно парализуетъ ея дѣятельность.

15) Причины быстраго упадка польской реформаціи коренятся въ ней самой: кальвинская церковь не имѣетъ прочной организаціи, духовенство ея лишено всякой самостоятельности, число реформированныхъ церквей относительно невелико, а сверхъ того въ этой церкви появляются секты.

Большая часть этихъ тезисовъ имѣютъ такъ сказать описательный характеръ и только суммируютъ тѣ факты, которые изложены въ сочиненіи. Они носятся по поверхности историческихъ явленій, а въ глубь ихъ не проникаютъ. Болѣе глубокимъ и принципіальнымъ характеромъ по видимому проникнуты тезисы, касающіеся причинъ возникновенія и упадка реформаціи въ Польшѣ, именно два первые и послѣдній. Они и были главнымъ предметомъ бесѣдъ на диспутѣ.

На этомъ вопросѣ и мы позволяемъ себѣ остановиться, тѣмъ болѣе, что рѣшаемся выступить съ особымъ противъ автора мнѣніемъ. Религіозная реформація XVI в. есть явленіе обще-европейское, отразившееся такъ или иначе во всѣхъ странахъ католической Европы,—и въ Германіи, и въ Швейцаріи, и въ Чехіи, и въ Голландіи, и во Франціи, и въ Англіи, и въ Швеціи, и въ Даніи, и въ Италіи, и въ Польшѣ. Но вездѣ это явленіе отразилось по своему, различно, сообразно съ народнымъ характеромъ, историческими условіями и политическими обстоятельствами. Благодарною для историка задачею было-бы прослѣдить развитіе и приложеніе одного и того-же религіознаго принципа въ разнообразной средѣ и при разнообразныхъ условіяхъ. Если когда-либо, то именно при такой работѣ можно ожидать плодотворныхъ результатовъ для уразумѣнія общихъ и основныхъ законовъ исторіи. И мы не можемъ достаточно выразить сожалѣніе о томъ, что Н. Н. Любовичъ, повидимому хорошо знакомый съ общеевропейскою исторіею реформаціи (какъ видно отчасти изъ его прежнихъ работъ: *Маркизъ де-Сентъ-Аль-*

гондъ, и *Общественная роль религіозныхъ движеній*) не воспользовался въ своей диссертаціи сравнительнымъ методомъ.

Мы конечно не возьмемъ на себя выполнить въ нѣсколькихъ строкахъ ту задачу, отъ которой уклонился авторъ въ своей диссертаціи: сдѣлаемъ однако въ короткѣ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ по *загадочному*, какъ выражается г. Любовичъ, вопросу относительно быстраго возникновенія и упадка реформаціи въ Польшѣ.

Три фактора, какъ показываетъ исторія западной Европы, производили реформаціонное движеніе: 1) появленіе великихъ религіозныхъ мыслителей, міро-созерцаніе которыхъ шло въ разрѣзъ съ окаменѣлыми преданіями католицизма, каковы: Виклефъ, Гусъ, Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ; 2) дѣятельность государей, которые настойчиво и рѣшительно говорили послѣднее *прости* Риму и полагали основаніе новыхъ отношеній церкви къ государству, сообразно духу реформы, каковы: шведскій король Густавъ Ваза, англійскій король Генрихъ VIII, германскіе государи—покровители Лютера, въ родѣ Фридриха мудраго, курфирста саксонскаго, Іоанна, сына его и др., и наконецъ 3) психическія особенности народовъ, у которыхъ умъ и воля преобладали надъ чувствомъ и фантазіею, которые жаждали болѣе трезваго и искренняго отношенія къ религіи, чѣмъ то, какое давалось католицизмомъ. Какъ богословствующіе умы, указанные государи не имѣли значенія,—въ этомъ отношеніи Лютеръ, съ свойственною ему рѣзкостію, выразился относительно Генриха VIII, короля англійскаго, что *если Господь Богъ захочетъ сотворить дурака, то дѣлаетъ короля богословомъ*,—но, какъ представители исполнительной власти, они могли взять такія мѣропріятія (особенно относительно воспитанія молодаго поколѣнія), которыя дѣлали возвратъ къ католицизму невозможнымъ.

Польша приняла и по своей близости къ западной Европѣ не могла не принять участія въ реформаціонномъ движеніи, но ни того, ни другаго, ни третьяго фактора для успѣховъ реформаціи не было въ Польшѣ. Польша не дала ни одного самостоятельнаго и смѣлаго богослова, который могъ-бы богословской системѣ Рима противопоставить свое цѣльное и систематическое богословское міросозерцаніе. Мелкіе противники целибатства, въ родѣ напримѣръ Оржеховскаго, въ этотъ счетъ не идутъ. Польша не дала, и по своему политическому устройству и не могла дать ни одного государя, который могъ-бы смѣло и рѣшительно разорвать связь съ Римомъ, подобно Генриху англійскому или Густаву шведскому. Наконецъ поляки по своему народному, увлекающемуся и неустойчивому, характеру неспособны были удовлетвориться холоднымъ и сухимъ религіознымъ раціонализмомъ и выдержать само-

дѣльную церковную дисциплину. Для поляковъ нужна была опека Рима, пополнявшаго своею дисциплиною тотъ недостатокъ послѣдовательности, какимъ страдалъ народный характеръ. Поэтому когда повѣтріе протестантизма коснулось и Польши, то въ протестанты уходили не лучшіе люди націи, а большею частію антиномисты худшаго сорта, въ родѣ напримѣръ Станилава Стадницкаго, co go zwano diabłem, wielki burda, a kutemu ewangelik.

На чемъ-же было держаться протестантизму въ Польшѣ, когда онъ былъ явленіемъ наноснымъ, не имѣвшимъ внутри страны ни одной прочной основы?

Конечно сравнительно-историческій методъ, проведенный въ диссертаціи, далъ-бы болѣе цѣнные выводы, чѣмъ тѣ, какіе мы могли обозначить въ бѣглой замѣткѣ, но къ сожалѣнію г. Любовичъ имъ не воспользовался.

Опуская изъ виду главную и единственную причину польской реформаціи, состоявшую въ реформаціонномъ повѣтріи, охватившемъ всю западную Европу и не могшемъ миновать и Польшу, не обративъ должнаго вниманія на эту, такъ сказать, *духовную эпидемію*, законы и условія которой заслуживали-бы болѣе тщательнаго изученія, не воспользовавшись сравнительно-историческимъ методомъ, г. Любовичъ изучаетъ польскую реформацію, явленіе чужеродное, не выходя, такъ сказать, изъ предѣловъ Польши, и начиная *ab ovo*, разбираетъ околичности, побочныя обстоятельства, въ которыхъ думаетъ найти разгадку загадочнаго явленія. «Религіозное чувство, разсуждаетъ г. Любовичъ, играетъ дѣйствительно важную роль въ религіозныхъ движеніяхъ. Не слѣдуетъ однако забывать, что обыкновенно съ религіозно-реформаціоннымъ движеніемъ идетъ неразлучно цѣлый рядъ попытокъ реформировать и политическія, и общественныя, и экономическія отношенія, и притомъ стремленія къ такимъ реформамъ не навѣяны религіозными идеалами реформаціоннаго движенія, а появляются еще задолго до него... Поэтому смыслъ реформаціоннаго движенія какого-либо народа можетъ стать понятнымъ лишь тогда, когда будетъ обращено вниманіе на предшествующія этому движенію измѣненія въ общественно-экономическомъ быту даннаго народа» (стр. 1—2). Постановка дѣла какъ будто новая и въ духѣ современной исторіографіи, мечтающей найти въ экономическихъ отношеніяхъ ключь къ разгадкѣ возможно-большаго числа историческихъ явленій. Но не все то хорошо, что́ ново, или лучше сказать: все хорошо на своемъ мѣстѣ и всякій методъ требуетъ нормальнаго приложенія.

Книга г. Любовича служитъ доказательствомъ того, что при избранной имъ постановкѣ дѣла можно говорить много и долго, и даже весьма обстоятельно, и все-таки не договориться до разгадки загадочнаго явле-

нія. Можно составить подробнѣйшее описаніе горючихъ матеріаловъ, находящихся въ домѣ, но отсюда отнюдь не будетъ слѣдовать тó, что въ домѣ долженъ произойти пожаръ, а еще менѣе тó, что пожаръ скоро долженъ угаснуть.

Важнѣйшею и неотъемлемою заслугою г. Любовича остается извлеченіе цѣнныхъ матеріаловъ изъ различныхъ архивовъ; книга его даетъ много новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній, методъ-же его изслѣдованія представляется намъ не совсѣмъ удачнымъ. Мы рѣшаемся съ полною откровенностію высказать это, потому что сохраняемъ полное уваженіе къ трудолюбію и дарованіямъ молодаго ученаго, отъ котораго русская наука получила уже цѣнный вкладъ и можетъ ожидать еще бóльшаго въ будущемъ.

Pokucie. Obraz etnograficzny. Skreślił Oskar Kolberg. Z rycinami podług rysunków T. Rybkowskiego. Kraków. I. 1882 r. II. 1883 r. (Покутье. Этнографическій этюдъ. Сост. Оскаръ Кольбергъ, съ политипажами по рисункамъ Т. Рыбковскаго. Краковъ. I. 1882. II. 1883.).

Такое заглавіе носитъ интересный трудъ замѣчательнаго польскаго этнографа-собирателя Оскара Кольберга, посвященный небольшой галицкой провинціи, населенной отраслью малорусскаго племени. Трудъ Кольберга нельзя назвать этнографическимъ сборникомъ; это дѣйствительно этнографическая картина (obraz) *Покутья*, какъ это удачно сказано въ заглавіи. Составленъ онъ по программѣ знаменитаго его-же изданія: «Lud», посвященнаго этнографіи польскаго народа. Въ 1856 г. Оскаръ Кольбергъ издалъ первый томъ своихъ богатыхъ матеріаловъ подъ заглавіемъ: «Pieśni Ludu Polskiego». Въ этотъ томъ вошло нѣсколько десятковъ пѣсенъ съ множествомъ варіантовъ и музыкой. Такъ какъ варіанты происходили изъ разныхъ этнографическихъ мѣстностей, то для дальнѣйшаго изданія понадобилось имѣть немедленно сколько нибудь полный матеріалъ со всѣхъ важнѣйшихъ этнологическихъ пунктовъ, что разумѣется было немыслимо, а безъ этого каждая сводная пѣсня явилась-бы не полной и не удовлетворяла-бы задачѣ. Кромѣ непреодолимой почти трудности изданія такого систематическаго своднаго сборника, онъ сразу бросался въ глаза своею непрактичностью для научныхъ этнографическихъ работъ. Такъ какъ всѣ большія народности обыкновенно представляютъ серьозныя разновидности по разнымъ мѣстностямъ, то для изученія этихъ разновидностей нѣтъ почти возможности пользоваться такими сборниками. Лучшій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ

сборникъ П. Чубинскаго. Для того, напримѣръ, чтобы прослѣдить особенности, положимъ, лексическаго матеріала Подлясья, изслѣдователю приходится рыться во многихъ объемистыхъ томахъ, смотрѣть подпись подъ каждой пѣсенкой или разсказцемъ и въ концѣ концовъ убѣдиться, что въ этомъ огромномъ сборникѣ изъ Подлясья матеріаловъ очень мало и положительно недостаточно для какой-бы то ни было научной работы. По этой причинѣ г. Кольбергъ сразу, послѣ изданія своего перваго тома, измѣнилъ программу и началъ издавать свой «Lud» по мѣстностямъ. До сихъ поръ онъ издалъ уже 16 серій; послѣдняя, изданная въ прошломъ году, носитъ заглавіе: „Lubelskie. Część I."

Сущность системы г. Кольберга слѣдующая:

Издавая матеріалы, собранные только лично, онъ отправляется въ данную мѣстность, имѣющую опредѣленную этнографическую физіономію, посѣщаетъ ее въ разное время года, наблюдаетъ, изучаетъ и записываетъ. Такая работа продолжается нѣсколько лѣтъ одновременно въ разныхъ мѣстностяхъ, такъ что собиратель переѣзжаетъ по временамъ года изъ одной мѣстности въ другую. Затѣмъ когда мѣстность достаточно изучена и собранъ матеріалъ довольно полный, собиратель издаетъ цѣлый этнографическій обзоръ данной мѣстности, описывая мѣстоположеніе, народъ, его языкъ, обычаи, жилища, и излагая его преданія, пословицы, обряды, вѣрованія, игры, пѣсни, музыку и танцы. Относясь съ любовью и замѣчательнымъ знаніемъ къ своему дѣлу, г. Кольбергъ представляетъ читателю матеріалъ вполнѣ научный. Каждое слово передано фонетически вѣрно, каждая пѣсенка записана съ нотами и безъ искаженій, неизбѣжныхъ у собирателей-диллетантовъ, и каждая замѣтка, каждый матеріалъ имѣетъ точную метрику; такъ что въ каждой серіи вы встрѣтите иногда болѣе десятка варіантовъ одной какой нибудь пѣсни и даже описанія обряда или игры. Кромѣ всего этого матеріалы позднѣйшихъ серій всегда сличены съ предъидущими, такъ что вы по замѣткамъ можете прослѣдить варіанты во всемъ изданіи.

Г. Кольбергъ никогда почти не вдается въ критическое объясненіе матеріала, не дѣлаетъ ни выводовъ, ни объясненій, но всегда даетъ такой полный и разнообразный матеріалъ и излагаетъ его и группируетъ съ такимъ удивительнымъ знаніемъ дѣла, что этотъ сухой, грубый этнографическій матеріалъ представляется читателю одной цѣльной картиной.

Такое-же впечатлѣніе производитъ и «Pokucie», въ которомъ явствуютъ всѣ достоинства системы г. Кольберга и его опытность, достигнутыя почти тридцатилѣтнимъ трудомъ на почвѣ этнографіи.

Районъ, обхватываемый сборникомъ г. Кольберга, не совпадаетъ вполнѣ съ мѣстностью, носящей названіе Покутья. Этотъ терминъ и не

этнографическій и не административный, а унаслѣдованъ отъ времени весьма отдаленнаго, когда онъ имѣлъ нѣкоторое географическое значеніе. Это былъ уголъ (kąt—кутъ), образуемый на южной границѣ б. Рѣчи Посполитой карпатскими горами и Днѣстромъ, безъ точныхъ опредѣленныхъ границъ для сторонъ этого угла. Покутье имѣетъ главнымъ образомъ двѣ этнографическія разновидности: въ горахъ живутъ гуцулы, а сѣвернѣе—подгоряне. Иногда къ Покутью причисляютъ и бойковъ, живущихъ немного сѣверозападнѣе. Трудъ г. Кольберга посвященъ центру Покутья, именно подгорянамъ, живущимъ въ коломыйскомъ и станиславовскомъ округахъ,—нижнему Покутью (Dolne Pokucie).

Приступая къ изслѣдованію мало извѣстной народности, авторъ знакомится какъ съ ней, такъ и съ мѣстностью Покутья, предварительно по работамъ Бѣлевскаго, Киркора, Видмана, Залѣскаго, Паули, Петрушевича, Головацкаго и др., изучая исторію, археологію и этнографическіе матеріалы. Кольбергъ дѣлалъ экскурсіи въ Покутье въ 1870, 1876, 1877 и 1880 г.г. Въ этомъ послѣднемъ году онъ почерпнулъ много свѣдѣній и матеріаловъ на этнографической выставкѣ въ Коломыѣ, продолжавшейся отъ 15 до 30 сентября н. с.

Первый томъ своего очерка г. Кольбергъ начинаетъ бѣглымъ описаніемъ мѣстности, обращая вниманіе какъ на топографію страны, такъ и на историческія событія. Далѣе въ довольно пространномъ очеркѣ даетъ онъ читателю представленіе о самомъ населеніи Покутья, описывая его одежду, пищу, жилище, занятія (хозяйство, возы, сани, трудъ, промыселъ, рыболовство) и даетъ замѣтки относительно особенностей языка. Весь этотъ очеркъ написанъ весьма живо, талантливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ просто и весьма содержательно. На каждомъ шагу масса этнографическихъ характерныхъ подробностей, подмѣченныхъ опытнымъ наблюдателемъ. За одно только мы можемъ винить г. Кольберга, это именно за его замѣтку о языкѣ. Она во-первыхъ слишкомъ бѣгла и кратка (всего 4 неполныхъ странички), а во-вторыхъ не всегда вѣрна. Ошибки въ оцѣнкѣ формъ произошли видимо отъ не совсѣмъ полнаго знакомства автора съ малорусскою рѣчью другихъ мѣстностей. Къ такимъ ошибкамъ надо отнести слѣдующія:

1) Авторъ считаетъ отступленіемъ отъ „общаго языка“ (mowa ogólna) такія формы, какъ «дубевый» вмѣсто «дубовый» и т. п. примѣры, между которыми ставитъ и *«вышневый»*, предполагая въ „общемъ» языкѣ вѣроятно: вышновый.

2) Напрасно также г. Кольбергъ считаетъ покутскою особенностью то обстоятельство, что гласная *о* въ односложныхъ словахъ обыкновенно

переходитъ въ *і*, возвращаясь опять къ *о*, когда слово пріобрѣтаетъ, болѣе слоговъ это явленіе въ малорусскомъ языкѣ повсемѣстно.

3) Авторъ замѣчаетъ, что его „остановили нѣкоторыя выраженія не слышанныя имъ въ другихъ мѣстахъ"; къ такимъ онъ совершенно ошибочно относитъ общепринятыя въ малорусской рѣчи выраженія: „того року, сего року"=въ прошломъ настоящемъ году, «сыпъ воду» вмѣсто „лый воду" и нѣкоторыя другія.

Не смотря на эти погрѣшности, другія его замѣтки довольно цѣнны, хотя онѣ, какъ сдѣланныя бѣгло, и не важны при той фонетической вѣрности, съ какой переданъ текстъ собраннаго имъ матеріала.

Затѣмъ весь первый томъ посвященъ народнымъ обычаямъ, играмъ и обрядамъ. Начиная отъ „Пилиповки", онъ по порядку народнаго календаря описываетъ обычаи и обряды цѣлаго года, причемъ передаетъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ собранный имъ пѣсенный матеріалъ съ музыкою. Описаніе каждаго обычая, игры или обряда изложено тоже по разнымъ мѣстностямъ въ нѣсколькихъ варіантахъ. Среди богатаго этого отдѣла должны обратить на себя вниманіе этнографа *Субитка*, *Комашня*, (пирушка на Св. Андрея), *Маланка* въ девяти разныхъ варіантахъ, *Рахманьській великдень*, и друг. Замѣчательно то, что по заявленію Кольберга, обрядъ Купайла на Покутьи совершенно почти исчезъ уже. Онъ это приписываетъ вліянію духовенства и мѣстной полиціи, преслѣдующей обрядъ, вслѣдствіе опасности его отъ костровъ и факеловъ.

Самый цѣнный однако матеріалъ представляютъ обрядовыя пѣсни. Онѣ цѣнны какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Изъ этого матеріала оказывается, что на Покутьѣ обряды сохранили несравненно болѣе древняго элемента, чѣмъ напримѣръ въ нашихъ мѣстностяхъ. Изъ 26 колядъ большинство до-христіанскаго происхожденія; изъ такихъ мы можемъ указать шесть колядъ историческаго содержанія и восемь съ обломками миѳологическихъ представленій и языческаго культа. Изъ историческихъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе два совершенно отличные варіанта (№ 10 и 19) извѣстной у малороссовъ и поляковъ пѣсни объ осадѣ города (Царьграда, Львова, Кракова и т. п.); оба варіанта представляютъ совершенно новыя особенности. Далѣе есть коляда о борьбѣ съ татарами (№ 8), о вольной дружинѣ, нанимающейся въ услуги доброму пану (№ 12), и оригинальный разсказъ (№ 14) о долгихъ походахъ войска въ безпрестанной борьбѣ съ разными народами; воины наконецъ постарѣли въ лагерѣ и прійдя въ московщину, отказались повиноваться своему вождю и заявили требованіе возврата на родину.—Коляды миѳологическаго содержанія (№№ 9, 11, 13, 15, 20, 22, 24, 25), составляя

варіанты колядъ, записанныхъ въ сборникѣ Головацкаго, мало даютъ новыхъ данныхъ для изслѣдователя. *Щедривокъ* у Кольберга только девять, но и въ этомъ небольшомъ числѣ нашлось два разнородныхъ варіанта (№ 40, 42) старой нравственной пѣсни (извѣстной повсемѣстно у малороссовъ и поляковъ) о томъ, какъ Богъ не простилъ той душѣ, которая отцу-матери «налаяла,—не налаяла, а тильки подумала.“—Къ числу чисто народныхъ христіанскихъ щедривокъ, въ сложеніи которыхъ совершенно не участвовала школа (а ихъ очень немного), надо отнести очень распространенную щедривку (№ 43, 44), записанную у Чубинскаго неправильно въ числѣ колядокъ (№ 62 въ 5 варіантахъ) и разсказывающую, какъ Богородица въ церкви изъ числа разныхъ предлагаемыхъ новорожденному Спасителю именъ (Св. Петра, Св. Миколая и др.) выбрала „Суса Христа“, имя это полюбила и до престолу приступила.—Всѣ колядки и щедривки отличаются замѣчательно длинными причитаніями поздравленій и пожеланій всякихъ благъ слушающему *газдѣ*, *газдынѣ* и ихъ семейству.

Весьма много новаго и интереснаго представляютъ весняныя игры съ пѣснями. Кромѣ записанныхъ игръ у Чубинскаго: *Воробей* (2 вар.), *Огирочки* (5 вар.), *Воротарь*, *Жельманъ* (3 вар.), *Перепилочка* (3 вар.), *Мужъ и Жинка* (3 вар.) и *Кострубъ*, есть еще и слѣдующія женскія игры: *Вербовая дощечка* въ шести вар., *Жукъ* въ шести вар., *Ворота* въ двухъ вар., *Дѣдъ и Баба*, *Рынокъ*, *Дивороювати*, *Журило*, *Крутый ридъ*, *Горщыкъ*, *Сосненька*, *Грушка*, *Сзаты*, *Былце*, *Билоданьчикъ* и 18 разныхъ игръ нарубковъ.

Что касается формы собранныхъ Кольбергомъ пѣсенъ, то я долженъ замѣтить слѣдующее. Въ малорусскихъ сборникахъ, напримѣръ у Чубинскаго, классификація пѣсенъ очень часто невѣрна; коляды и щедривки въ особенности перемѣшаны, вслѣдствіе чего въ пѣсняхъ, гдѣ содержаніе не даетъ указанія на праздники, соотвѣтствующіе этимъ родамъ пѣсни, весьма легко попасть въ ошибку и принять щедривку за коляду и наоборотъ. Я принялъ за ключъ къ классификаціи щедривокъ и колядокъ ихъ куплетныя формы, но не былъ въ немъ увѣренъ. По просмотрѣ сборника Кольберга, всякое сомнѣніе исчезаетъ. Оказывается, что всѣ его коляды безъ исключенія имѣютъ форму $^{2}(5+5)$, а щедривки $^{2}(4+4)$. Всѣ мелодіи какъ колядокъ, такъ и щедривокъ вполнѣ типичны и замѣчательно различаются между собою.

Окончивъ годичные обычаи и обряды, г. Кольбергъ описываетъ обычаи и обряды случайные: родины, крестины, похороны и свадьбу. При описаніи похоронъ въ нѣсколькихъ варіантахъ онъ даетъ 7 пѣсенъ—*похоронныхъ плачей*. Но главную роль въ этомъ отдѣлѣ играетъ

свадьба. Она описана имъ въ девяти разныхъ мѣстахъ съ массою пѣсенъ. Свадебныя мелодіи представляютъ серіозный интересъ; онѣ значительно отличаются отъ мелодій нашей мѣстности и отъ записанныхъ г. Лысенко (Сбор. Чубинскаго IV) въ Борисполѣ.

Говоря вообще о значеніи перваго тома «Покутья», какъ цѣннаго вклада въ науку, я не малую долю этой цѣнности долженъ отнести на счетъ его музыкальной части. До сихъ поръ мы имѣемъ очень много работъ по бытовой и исторической малорусской музыкѣ (Едличко, Коципинскій, Лысенко), но обрядная музыка оставалась въ забытьѣ; въ настоящее-же время мы имѣемъ у Кольберга болѣе 300 самыхъ разнообразныхъ обрядныхъ пѣсенъ съ музыкой, записанныхъ этнографомъ спеціалистомъ.

Ц. Нейманъ.

Cet czy licho? (Powieść historyczna z końca XVII wieku) przez J. Kraszewskiego. Warszawa. 1884. T. 1. 2. (Четъ, или не четъ? Историческая повѣсть конца XVII в. I. Крашевскаго. Варшава. 1884 г. Т. 1 и 2).

Въ текущемъ году вышелъ въ свѣтъ новый романъ маститаго польскаго писателя Крашевскаго, заглавіе котораго выписано выше. Онъ былъ написанъ, какъ обозначено въ концѣ втораго тома, въ Дрезденѣ въ 1882 г., вѣроятно, къ двухсотлѣтнему юбилею Собѣсскаго, праздновавшемуся въ прошломъ году.

Нѣтъ надобности говорить о многочисленныхъ достоинствахъ этого новаго произведенія Крашевскаго: легкости стиля, прелести описаній, живомъ воспроизведеніи былого; такія достоинства присущи всегда произведеніямъ этого знаменитаго беллетриста и извѣстны каждому. Названная повѣсть относится ко времени похода Яна Собѣсскаго для освобожденія Вѣны отъ осады турокъ и вообще къ эпохѣ войнъ этого короля 1674—1696 г. Сюжетъ повѣсти—дуэль двухъ шляхтичей королевской свиты изъ-за фрейлины королевы, разстроенная предложеніемъ этой послѣдней, чтобы соперники тянули жребій, съ тѣмъ, что кто вытянетъ *нечетъ* (отсюда и названіе повѣсти), тотъ долженъ искать смерти въ походѣ противъ турокъ. Читателей нашихъ эта повѣсть можетъ интересовать живымъ описаніемъ неудавшагося жванецкаго похода, предпринятаго королемъ Яномъ Собѣсскимъ для освобожденія Каменца-Подольскаго отъ власти турокъ, и изложеніемъ причинъ этой неудачи. Каменецъ уступленъ былъ туркамъ по журавенскому договору (17 окт. 1676 г.). Упоен-

ный своими побѣдами подъ стѣнами Вѣны, при Парканахъ и Острыгамѣ, Собѣсскій на возвратномъ пути рѣшился отнять у турокъ уступленныя имъ прежде Рѣчью Посполитою крѣпости. Вполнѣ увѣренный въ успѣхѣ своего намѣренія, онъ пригласилъ жену со всѣмъ ея дворомъ и иностранныхъ пословъ сопутствовать его войскамъ.

24-го августа 1684 г. взгорья, окружающія Язловецъ, небольшое старое укрѣпленіе въ нынѣшней Галиціи, были покрыты польскими войсками. На одномъ изъ холмовъ, напротивъ укрѣпленія, до котораго не достигали непріятельскіе снаряды, были разставлены большія красныя палатки, съ золочеными шариками на верхушкахъ, для короля, королевы и двора. Около палатокъ кипѣла жизнь, бѣгали слуги, въ большей палаткѣ разставлялись обѣденные столы.

Во время самаго обѣда началось бомбардированіе укрѣпленія. Вскорѣ горстка турокъ, находившаяся въ укрѣпленіи, просила о пощадѣ и самъ король выѣхахъ принять сдававшихся, чтобы привести ихъ къ ногамъ королевы. Четыре дня дворъ пробылъ подъ Язловцемъ, между тѣмъ войска потянулись къ Каменцу и Жванцу. Собѣсскій расчитывалъ взять Каменецъ голодомъ; но исполненію его стратегическаго плана мѣшало отсутствіе согласія между нимъ и гетманами. Слава Собѣсскаго возбуждала зависть—требовали, чтобы всѣ его соображенія были предварительно предлагаемы на усмотрѣніе военнаго совѣта, дѣлали затрудненія при ихъ исполненіи, добивались независимости въ дѣйствіяхъ. Хотя эти противодѣйствія причиняли большую непріятность Собѣсскому, но онъ молчалъ и держалъ себя вѣжливо по отношенію къ своимъ тайнымъ врагамъ, чтобы ихъ не раздражать. Король подъ Жванцемъ простоялъ безуспѣшно нѣсколько недѣль, не будучи въ состояніи построить мостъ черезъ Днѣстръ; гетманъ польный и кастелянъ краковскій стояли между тѣмъ подъ Каменцомъ, ожидая короля. Изъ-подъ Жванца король, опечаленный неудачей, отправился назадъ и, завернувши въ Каменцу, со слезами на глазахъ посмотрѣлъ на крѣпость, которою онъ не могъ овладѣть изъ-за зависти гетмановъ. Татары начали было преслѣдовать отступавшее войско, король настаивалъ напасть на нихъ; блестящая побѣда ускользала изъ рукъ славнаго побѣдителя хотинскаго и освободителя Вѣны; съ горечью взывалъ онъ къ гетманамъ Яблоновскому и Потоцкому: „берите на себя главное начальство; не для себя хочу я побѣды, но для Польши. Идите, припишите себѣ побѣду, но не дайте ускользнуть татарамъ“. Гетманы ссылались на то, что безъ военнаго совѣта они не рѣшаются нападать на непріятеля; татары возвратились между тѣмъ назадъ. Когда Собѣсскому донесли объ этомъ, онъ бросилъ о земь свой бунчукъ и воскликнулъ: „для чего онъ стоитъ? Развѣ я началь-

никъ? Ни въ одинъ походъ не пойду уже болѣе, во мнѣ не нуждаются. Пусть другіе добываютъ славы, я пресыщенъ ею до горечи".

Тѣмъ кончился походъ подъ Жванецъ, гдѣ когда-то Хмельницкій разбилъ на голову польскія войска. Теперь съ королемъ во главѣ, они потянули ко Львову: гетманы лишили короля новой славы и сами не прославились, а русскія области остались во власти турокъ.

S.

Споминки при житє и дѣяльность Володимира Барвіньского. Львовъ. 1884 г.

Эта небольшая книжка о безвременно умершемъ галицкомъ патріотѣ издана львовскимъ товариществомъ „Просвѣта" къ недавно исполнившейся годовщинѣ смерти Вл. Барвинского. Обстоятельно составленная на основаніи признаній покойнаго, его статей и писемъ къ близкимъ людямъ, эта характеристика русуетъ симпатичную личность Барвинскаго во всей ея идеальной чистотѣ. Его высокая любовь къ родинѣ, политическій умъ и тактъ, засвидѣтельствованные кратковременной его жизнью, выступаютъ ярко въ этой интимной, душевной его исторіи и показываютъ всю великость утраты, понесенной галицкой Русью въ его лицѣ.

Барвинскій принадлежалъ къ числу выдающихся публицистовъ и дѣятелей народныхъ въ Галиціи, и въ общественной жизни этой страны за послѣднее время не было, кажется, ни одного свѣтлаго явленія, ни одного шага, которые не связаны были-бы съ именемъ Барвинскаго. Его починъ, его высокій патріотизмъ всюду вносятъ свѣтъ народнаго самосознанія. Періодическая печать, честно служащая народу, много обязана его почину и примѣру. Издательскія и ученыя общества, и между ними прежде всѣхъ многополезная „Просвѣта", —его созданіе. Организаторъ перваго народнаго вѣча, горячій защитникъ народныхъ правъ — онъ собиралъ къ одной работѣ народныя силы. Задачею этой работы онъ ставилъ самостоятельное развитіе своего народа на началахъ широкаго европейскаго просвѣщенія.

„Единеніе всѣхъ силъ русинской интеллигенціи и сближеніе ихъ съ народомъ Барвинскій, по словамъ его біографа, считалъ конечнымъ условіемъ успѣха дѣла возрожденія галицкаго народа. Онъ съумѣлъ стать выше ежедневныхъ домашнихъ споровъ братьевъ между собою, сдѣлался рѣшительнымъ противникомъ всего, что можетъ дѣлить русиновъ въ ихъ работѣ для добра народа. Онъ былъ великимъ противни-

комъ всякаго пустомельства и всякой крикливой демонстратійности. Какъ неумолимо возставалъ онъ противъ всѣхъ посягательствъ на народныя права Руси, на честь и достояніе народное, такъ равно съ горячимъ жаромъ указывалъ русинамъ на ихъ грѣхи.

„Наша собственная исторія и исторія другихъ народовъ, говорилъ онъ, научила насъ, что „высокая политика“ безъ опоры въ реальной, живой силѣ — не ведетъ народа къ счастью, къ цѣли его задушевныхъ стремленій. Политическія перемѣны приносятъ выгоды только народамъ, имѣющимъ эту силу. Такая сила, по его мнѣнію, въ массахъ простонародья, въ тѣхъ селянахъ и мелкихъ мѣщанахъ, что, не взирая на столѣтія невзгодъ, сберегли свою русскую народность, а въ настоящее время, при условіяхъ просвѣщенія и самопознанія, должны стать тѣмъ народнымъ устоемъ, той скалой, о которую разобьется всякій вражескій валъ“...

Слабый тѣломъ, болѣзненный, Барвинскій былъ неутомимымъ работникомъ. Принужденный добывать хлѣбъ адвокатурой, онъ посвящалъ все остающееся время научной и литературной работѣ. Имъ написана масса популярныхъ книжекъ для народнаго чтенія, изданныхъ „Просвѣтой“. Со времени первыхъ литературныхъ опытовъ въ „Зорѣ“ и до послѣдняго дня жизни, онъ не покидалъ пера публициста. Лучшій галицкій журналъ „Правда“ пять лѣтъ выходилъ подъ его редакціей. Имъ-же основана и поставлена на ноги самая серьезная и честная русинская газета „Дѣло“. „Я адвокатъ, юристъ, литераторъ, пишетъ онъ брату своему въ 1876 г. Десять рукъ и десять головъ не были-бы для меня лишними. Обростаю бумагой, дѣлаюсь чернильной ньявкой, вотъ ужъ другой мѣсяцъ, какъ я ни разу не прогуливался. А дѣлаю развѣ только десятую часть того, что хотѣлъ-бы сдѣлать“. Какъ публицистъ, онъ отличался жаромъ, силою убѣжденія и честностью, предъ которой преклонялись даже его враги. Публицистикѣ отдалъ онъ наиболѣе времени и силъ, хотя личныя склонности влекли его, быть можетъ, къ болѣе спокойной, чисто научной и литературной работѣ. Въ немъ жилъ поэтъ съ отзывчивымъ и чуткимъ сердцемъ. Нѣсколько приводимыхъ въ біографіи его стихотвореній задушевны и милы. Повѣсти его отличаются несомнѣннымъ дарованьемъ. Лучшая изъ нихъ — „Скошенный цвѣтокъ“. Названіе это оказалось пророческимъ для автора, умершаго въ тридцать три года, въ лучшую пору своей дѣятельности.

Всегда недовѣрчивый къ медицинѣ, Барвинскій только въ виду полнаго упадка здоровья, рѣшился отправиться въ Карльсбадъ и въ одномъ изъ писемъ какъ-бы оправдывается за эту заботу о себѣ: «Мнѣ не жаль себя самого, не пѣлъ я, поднимаясь вверхъ, не буду пѣть, спускаясь

внизъ. Не баловала судьба меня съ юности, не будетъ баловать и теперь. Къ тому-жь, вы знаете, я никогда не дорожилъ ни своей личностью, ни своей жизнью. Но хотѣлось-бы мнѣ простымъ воиномъ удержаться на посту въ эти тяжкіе часы нашей народной жизни и по мѣрѣ силъ и средствъ отдать свой трудъ народному дѣлу". Судьба судила иначе: поправившись въ Карльсбадѣ, по возвращеніи въ Львовъ, Барвинскій схватилъ смертельную простуду и 22 января 1883 года его не стало.

Открытая уже подписка на памятникъ Барвинскому засвидѣтельствуетъ скоро общественное признаніе его плодотворной дѣятельности и его политическихъ заслугъ; но память о его самоотверженіи, безкорыстіи и великой любви къ роднѣ свято чтится и теперь лучшею частію галицко-русскаго общества, какъ показываетъ разсмотрѣнная нами брошюра.

Достоинъ уваженія народъ, который такъ чествуетъ своихъ скромныхъ, но горячихъ и самоотверженныхъ дѣятелей, достойно почтенія то «Общество», которое напоминаетъ народу объ одномъ изъ такихъ дѣятелей.

В. Г—ко.

Къ новоселью городской публичной библіотеки въ Одессѣ (1829—1883 г.). Одесса. 1883 г.

Въ этой брошюрѣ директоръ одесской публичной библіотеки, В. А. Яковлевъ сообщаетъ интересныя данныя о завѣдуемомъ имъ книгохранилищѣ, а также о другихъ общественныхъ библіотекахъ Новороссійскаго края.

Одесская библіотека самая большая изъ провинціальныхъ публичныхъ библіотекъ и въ Новороссіи занимаетъ, конечно, первое мѣсто. Въ ней числится теперь 40 тысячъ томовъ. Первое основаніе ея заложено изъ суммъ, собранныхъ изданіемъ „Одесскаго Вѣстника" въ 20-хъ годахъ. Къ основному фонду присоединились частныя пожертвованія. Справившая недавно свое пятидесятилѣтіе, библіотека съ 1829 г. прерывала свою дѣятельность только во время севастопольской осады, когда книги ея были скрыты въ подвалахъ.

Какъ всѣ библіотеки, получавшія частныя пожертвованія, и одесская не можетъ похвалиться полнотой и стройностью отдѣловъ. На путь строгаго ученаго книгохранилища она направляется все болѣе и болѣе теперь. Главное богатство библіотеки заключается нынѣ въ русскихъ журналахъ, какъ общаго, такъ и спеціальнаго содержанія. Изъ научныхъ отдѣловъ полнѣе другихъ отдѣлы правовѣдѣнія, экономическихъ наукъ, географіи и исторіи. Число читателей, постепенно возрастая, въ 1867

году дошло до 15 тысячъ. Вслѣдствіе запрещенія воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній посѣщать библіотеку, въ слѣдующемъ году оно упало на половину. Нынѣ цифра читателей превосходитъ 31 тысячу. Впрочемъ число требованій относится преимущественно къ словесности и журналамъ и во главѣ ихъ къ петербургскому „Дѣлу". Спеціально мѣстный отдѣлъ Novorossica еще не окончательно сформированъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такой отдѣлъ, посвященный краю, для умственныхъ потребностей котораго существуетъ библіотека, могъ-бы имѣть особенное значеніе.

Библіотека, существующая въ Николаевѣ, такъ называемая морская офицерская, старѣйшая въ краѣ. Она существуетъ съ 1821 г. Перевезенная въ началѣ осады Севастополя въ Николаевъ, она тамъ окончательно устроила свое существованіе. Въ 1879 г. въ ней числилось до 30 тысячъ томовъ. Изъ остальныхъ одинадцати общественныхъ библіотекъ Новороссіи почти всѣ основаны на пожертвованія частныхъ лицъ. Больше другихъ кишиневская, въ 1879 году заключавшая до 10 тысячъ томовъ. Керченская библіотека поддерживается взносами солепромышленниковъ, жертвующихъ ня библіотеку 15 коп. съ каждой тысячи пудовъ соли, отправляемой чрезъ Керченскій проливъ. Существуютъ еще общественныя библіотеки въ Екатеринославѣ, Севастополѣ, Елисаветградѣ, Тирасполѣ (съ безплатнымъ пользованіемъ книгъ), Павлоградѣ, Бобринцѣ, Хотинѣ, Симферополѣ и Херсонѣ.

Частныхъ библіотекъ и кабинетовъ для чтенія, по офиціальнымъ даннымъ, къ началу 1880 г. въ Новороссійскомъ краѣ было 43 (въ херсонской губерніи—17, въ екатеринославской—11, въ таврической—8, въ Бессарабской—7). Одна изъ этихъ библіотекъ находится въ селѣ Гуляйполѣ александровскаго уѣзда. Но есть и города, какъ напримѣръ Аккерманъ, не имѣющіе никакой библіотеки, ни общественной, ни частной. Въ этой статистикѣ не приняты, конечно, въ счетъ библіотеки, принадлежащія разнымъ учрежденіямъ и корпораціямъ.

Изъ тринадцати общественныхъ библіотекъ, приходящихся на четыре огромныхъ губерніи, только три довольно значительны. Цифра весьма скромная, показывающая, какъ намъ далеко до сознанія, что „общественныя книги нужны также для общаго блага, какъ общественные фонари". Такъ выражаются грубые янки, у которыхъ общественныя библіотеки существуютъ въ каждомъ городкѣ. Въ Англіи библіотечный налогъ поставилъ удовлетвореніе умственныхъ потребностей на равнѣ съ удовлетвореніемъ потребностей религіозно-нравственныхъ, физическихъ и санитарныхъ. Скоро-ли додумаются до чего-нибудь подобнаго наши городскія управленія? Правда и то, что многія изъ нихъ на этотъ упрекъ могутъ отвѣчать почти такъ, какъ отвѣчаетъ у Виктора Гюго блузникъ, сжегшій парижскую библіотеку: „je ne sais pas lire!"...

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

КЪ ИСТОРІИ СЛОБОДСКО-УКРАИНСКАГО ЧУМАЧЕСТВА.

Въ старинное время, въ XVIII и въ первой половинѣ текущаго столѣтія, въ Слободской Украинѣ было весьма развито чумачество. Въ существенныхъ своихъ чертахъ слободско-украинское чумачество не отличалось отъ чумачества другихъ малорусскихъ мѣстностей, напримѣръ, отъ чумачества полтавскаго. Путь слободско-украинскихъ чумаковъ былъ такъ-же далекъ и труденъ, также безлюденъ и таинственъ, какъ и путь чумаковъ полтавскихъ или черниговскихъ. И слободско-украинскіе чумаки держали путь въ далекую, полусказочную Черноморію и въ Донщину, забирали на Дону рыбу, въ Крыму соль и развозили ихъ по украинскимъ градамъ и весямъ. Сельскіе старики нынѣ съ удовольствіемъ вспоминаютъ о томъ времени, когда они большую часть года странствовали по украинскимъ полямъ и по донскимъ степямъ, съ своими рослыми круторогими волами, на своихъ вмѣстительныхъ возахъ—паровицахъ. Для чумаковавшихъ вспомнить о быломъ чумачествѣ значитъ вспомнить о жизни, правда, трудовой, но за то широкой и вольной. Не чумаковавшіе крестьяне съ словомъ чумачество соединяютъ нынѣ представленіе о прошедшемъ безвозвратно золотомъ вѣкѣ рыбной торговли, когда рыба на ярмаркахъ и базарахъ продавалась дешево, и рыба то была сочная, вкусная.

Въ ахтырскомъ уѣздѣ харьковской губерніи чумачество процвѣтало преимущественно въ Боромлѣ и въ Котельвѣ. Въ Боромлѣ,

по наведеннымъ мною справкамъ, въ настоящее время живетъ довольно много стариковъ, занимавшихся нѣкогда чумацкимъ промысломъ: Лозовой, Гудымъ, Новгородскій, Трипольскій, Сичкарь, Пятакъ, Скачко и друг. Одни, какъ Ѳедоръ Лозовой, перестали чумаковать въ началѣ пятидесятыхъ годовъ; другіе, какъ Петръ Сичкарь, дотянули до времени построенія южно-русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 60 годахъ. Одни чумаковали въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, причемъ ежегодно ходили въ дорогу. Другіе чумаковали незначительное число лѣтъ и чумаковали, когда случится, иногда пропускали годъ, рѣдко два года. Почти всегда чумаки шли въ путь на волахъ, но были случаи въ новѣйшее время, съ обѣднѣніемъ крестьянства, что ходили на югъ Россіи и съ одними конными подводами. Изъ Боромлянскихъ крестьянъ въ 30 и 40-хъ годахъ наиболѣе богатыми по числу ходившихъ въ степи воловъ были Лозовой и Гудымъ. Боромлянскіе чумаки покупали воловъ въ полтавской губерніи, причемъ платили за пару обыкновенно 220 руб. ассиг. Возы изготовлялись на мѣстѣ, за исключеніемъ колесъ, которыя были покупаемы въ имѣніи Шереметева Пушкарнѣ, приблизительно въ 40 верстахъ отъ Боромли, по 8—10 руб. ассиг. за двѣ пары колесъ. Въ большую дорогу клали на возъ около 50 пудовъ; соли клали до 60 и 65 пудовъ. Изъ съѣстныхъ припасовъ чумаки брали съ собою въ дорогу въ Крымъ или на Донъ на оба конца по мѣркѣ пшена, по 2½ пуда сухарей, по 1½ пуда печенаго хлѣба, по 20 фунтовъ гречневой и пшеничной муки на галушки и по десяти фунтовъ сала на одного человѣка. Лѣкарствъ не брали. Брали съ собой въ дорогу лишь синій камень для лѣченія скота. Въ путь-дорогу отправлялось нѣсколько хозяевъ, по предварительному взаимному уговору. Общее число паровицъ доходило иногда до 40. Рано утромъ чумаки собирались за цариной, молились и трогались затѣмъ въ путь. Съ хозяевами шли наймиты, по одному человѣку на четыре пары воловъ. Въ наймиты къ чумакамъ шли парубки изъ семействъ зажиточныхъ, хорошихъ. Срокъ найма начинался Свѣтлымъ Христовыхъ Воскресеніемъ и кончался зимнимъ Николаемъ, и за все это время наймитъ получалъ отъ хозяина рублей 8 или 10 серебр. Чумацкая валка не выбирала ни атамана, ни кашевара. Слушались того, кто уже хаживалъ въ дорогу и зналъ чумацкіе тракты и чумацкіе звычаи и обычаи. Пищу

варили и воловъ въ ночное время стерегли по-очередно. Время выхода опредѣлялось тѣмъ, куда направлялась валка; въ Москву выходили изъ Боромли на Ѳоминой недѣли; на Донъ выступали за недѣлю передъ Вознесеніемъ. Боромльскіе чумаки хаживали въ Москву, Нижній-Новгородъ, Перекопъ, Севастополь, Маріуполь, Бердянскъ, Таганрогъ и Ростовъ на Дону. Шли большею частью полями да степями, гдѣ попросторнѣй и поприволнѣй. Чумацкій трактъ на Одессу шелъ черезъ Екатеринославъ и Вознесенскъ; въ Крымъ—чрезъ Коломакъ, Карловку, Кочерижки, Карабиновку, Михайловку, Тимошовку, Сырогозы и Перекопъ; на Донъ—черезъ Коломакъ, Берестянку, Корніевку, Гришино, Родивку и степью до Ростова. Въ Одессу возили разный товаръ, преимущественно „крейду, крупу, олію", а привозили въ Украйну орѣхи, деревянное масло и другіе продукты южныхъ странъ, которые находили сбытъ на украинскихъ ярмаркахъ. Въ Крымъ возили исключительно овесъ. Сичкарь весьма хвалитъ крымскихъ татаръ за честность. Съ выселеніемъ татаръ въ Турцію, новые поселенцы русскіе иногда воровали у чумаковъ воловъ, преимущественно во время крымской войны. Въ Крыму чумаки брали соль на Красномъ озерѣ и сбывали ее исключительно въ Боромлѣ. Здѣсь спросъ на соль оказывался выше предложенія. Въ Донщину изъ Боромли везли разныя деревянныя издѣлія, по малорусскому выраженію „деревню", т. е. оси, колеса, вила и т. п. Съ Дону привозили исключительно рыбу, которую продавали въ разныхъ мѣстахъ харьковщины и черниговщины. На югъ боромлянскіе чумаки ходили гораздо охотнѣе, чѣмъ на сѣверъ, по сравнительной близости разстоянія и дешевизнѣ проѣзда по малонаселеннымъ степямъ. На сѣверѣ Москва, на сѣверо-востокѣ Нижній-Новгородъ были крайними пунктами, куда заходилъ боромлянскій чумакъ. Въ Москву возили преимущественно грушевыя деревья для тамошнихъ мануфактурныхъ фабрикъ; въ Нижній Новгородъ на макарьевскую ярмарку возили сахаръ и грушину. Въ Одессу изъ Боромли шли шесть недѣль, въ Одессѣ проживали недѣлю и обратно домой шли также 6 недѣль. Въ Крымъ шли четыре недѣли, отъ 2 до 10 дней проживали въ Крыму и затѣмъ 4 недѣли находились на обратномъ пути. Хожденіе на Донъ занимало столько-же времени, что и ходка въ Крымъ. Въ теченіи лѣта и осени чумаки дѣлали двѣ ходки на югъ, т. е. 4 конца. Дорож-

ніе расходы чумаки были незначительны. Платили нѣсколько копѣекъ за переѣздъ черезъ мостъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мосты находились въ рукахъ евреевъ, которые обязывали чумаковъ покупать за право проѣзда по квартѣ водки на каждый десятокъ возовъ. За одновременный попасъ обыкновенно платили 2 копѣйки съ пары воловъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ болѣе, напримѣръ, подъ Карловкой во владѣніи графини Разумовской, впослѣдствіи принадлежавшемъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, платили по 10 коп., подъ Одессой по 25 коп. Были для чумаковъ благодатныя мѣстности, напримѣръ, обширныя владѣнія Иловайскихъ на донскомъ чумацкомъ трактѣ, гдѣ чумаки шли очень долго и ничего не платили за пастьбу скота. За водопой платили лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и платили самую малость. Дорогою въ Крымъ или въ Донщину боромлянскій чумакъ въ сороковыхъ годахъ издерживалъ всего одинъ рубль на разные расходы: мостовое, пропасъ, пропой, деготь и т. п. По дорогѣ въ Одессу и въ Москву расходы увеличивались. Чистая прибыль отъ чумацкаго промысла была довольно значительна. Такъ, за вяленую рыбу на Дону платили за тысячу (на возъ клали 5 тысячъ) рублей 14 ассигнаціями, за сырую (клали на возъ $2^1/_2$ тысячи) 22 рубля ассигнаціями; первую продавали въ Малороссіи по 30 или 40 рублей, вторую по 40—50 рублей (около 14 рублей серебромъ). За соль на мѣстѣ ея добыванія платили 94 копѣйки ассигнаціями (28 серебромъ) за пудъ, а продавали около 1 рубля серебромъ. Доставка грушины въ Москву давала чумаку по меньшей мѣрѣ 40 рублей заработка, а въ случаѣ обратной доставки московскаго купеческаго товара, напримѣръ въ Ромны на ярмарку, заработокъ чумака превышалъ сотню рублей.

Валка оберегала личность и имущество чумака; чумаки были соединены узами товарищества. Однажды какой-то панъ просилъ въ Москвѣ Сичкаря продать ему возъ и пару воловъ, и Сичкарь согласился; но товарищи чумаки не позволили ему продать воловъ. Въ другой разъ на ночлегѣ было украдено два вола у Перекрестова, имѣвшаго въ валкѣ 12 паровицъ при паймитахъ. Члены валки, по возвращеніи въ Боромлю, сложились по два рубля съ воза и уплатили Перекрестову деньги за пропавшихъ воловъ.

Странствованіе по степямъ развивало въ чумакахъ поэтическое творчество и содѣйствовало возникновенію фантастическихъ разсказовъ. Люди впечатлительные, расположенные къ вѣрѣ въ чудесное, чуяли въ новороссійскихъ пустыняхъ присутствіе высшихъ, таинственныхъ существъ. Старикъ чумакъ нынѣ охотно разсказываетъ современной маловѣрной молодежи, какія чудные звуки слышались ему въ новороссійскихъ степяхъ и какіе странные образы являлись иногда передъ его очами. Такъ одинъ добродушный старикъ совершенно серьезно, съ примѣсью увлекательной таинственности, разсказывалъ намъ, какъ однажды, когда онъ шелъ въ Крымъ, въ вечернее время изъ степнаго озерка вынырнули два древнихъ водяныхъ дѣда и, не выдержавъ людскаго взгляда, снова погрузились въ прохладную озерную глубь.

Боромлянскіе чумаки люди зажиточные и разсудительные. Какъ люди бывалые, многое видѣвшіе и многое испытавшіе, они пользуются среди односельцевъ уваженіемъ. И дѣйствительно, чумаки „багато бачили, багато знають". Торговыя занятія сталкивали ихъ съ людьми разныхъ сословій, состояній и національностей и приводили ихъ въ разные города. Чумачество познакомило ихъ съ старинными запорожскими шляхами, съ безкрайными новороссійскими степями. Суровая, полная тревоги и труда жизнь чумака придала очертаніямъ его лица силу и мужественность, закалила его характеръ относительно настойчивости, внесла въ его міросозерцаніе элементы независимости и практичности, не исключающія природной малороссу мягкости и поэтичности. И въ смыслѣ нравственномъ, и въ смыслѣ общественномъ вымирающій украинскій торговецъ— чумакъ, сколько можно судить по боромлянскимъ могиканамъ чумачества, не имѣетъ ничего общаго съ нарождающимся новымъ торговцемъ деруновскаго и разуваевскаго типа. Имя чумака сходитъ со сцены дѣйствительной жизни и переходитъ въ исторію и преданіе чистымъ, безъ укора, безъ темныхъ пятенъ. Чумакъ не отдѣляется въ духовно-нравственномъ отношеніи отъ своихъ односельцевъ, жилъ съ ними одною жизнью, помогалъ имъ въ нуждѣ изъ своего честно и трудолюбиво накопленнаго достатка, напримѣръ, выручалъ односельца и земляка изъ бѣды въ тяжелую годину неурожайнаго года, въ случаѣ истребительнаго пожара, въ случаѣ несвоевременной уплаты податей.

И въ Боромлѣ, и повсемѣстно въ Малороссіи, чумачество изчезло, по объясненію самихъ крестьянъ, въ слѣдствіе увеличенія акциза на соль и въ особенности въ слѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ. Въ Боромлѣ въ настоящее время преемниками чумаковъ являются „хурщики", т. е. извощики, которые имѣютъ дѣло исключительно съ ближайшими къ Боромлѣ сахарными заводами и съ отстоящей въ пяти верстахъ отъ Боромли желѣзнодорожней станціей, куда возятъ муку, каменный уголь и проч. т. п.

Н. Сумцовъ.

ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ О КІЕВѢ.

Въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины" за 1883 годъ помѣщена замѣтка „Двѣ Ревизіи" (Немировская гимназія въ концѣ 40-хъ годовъ), въ которой авторъ говоритъ о двухъ лицахъ, занимавшихъ въ то время видное положеніе въ управленіи кіевскимъ учебнымъ округомъ и которыхъ онъ представилъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Лица эти, которыхъ авторъ называетъ только ревизорами, а имена и фамиліи ихъ обозначилъ начальными буквами, были: инспекторъ казенныхъ училищъ, Матвѣй Матвѣевичъ Могилянскій и попечитель кіевскаго учебнаго округа, генералъ-маіоръ Траскинъ. Оба они покойники и не могутъ отвѣтить за себя,—тѣмъ болѣе мы, говоря объ нихъ, должны соблюдать справедливость и безпристрастіе.

Не имѣю намѣренія вступать съ авторомъ „Двухъ ревизій" въ полемику по поводу его рѣзкаго отзыва о названныхъ лицахъ, составленнаго, какъ кажется, болѣе по слухамъ и тому мимолетному впечатлѣнію, какое они произвели на него во время ревизіи немировской гимназіи,—впечатлѣнія бываютъ различны и зависятъ отъ многоразличныхъ причинъ,—но хочу передать мои воспоминанія о тѣхъ-же лицахъ, а мимоходомъ и вообще о кіевскихъ гимназія того времени, порядкахъ и условіяхъ тогдашняго воспитанія, которыя были далеко не одинаковы и зависѣли отъ личныхъ качествъ воспитателей.

Начну съ Могилянскаго, которому авторъ замѣтки ставитъ, по видимому, въ вину даже его заграничное образованіе.

Извѣстно, что еще ранѣе 40-хъ годовъ все, что было лучшаго въ Россіи, стремилось за границу для своего образованія. Извѣстно также и то, что достичь этого въ ту эпоху было не такъ-то легко. Родители Матвѣя Матвѣевича были люди образованные и состоятельные; они жили въ Кіевѣ, пользовались общимъ уваженіемъ тогдашняго кіевскаго общества, имѣли собственный домъ въ Липкахъ, противъ нынѣшняго дома гражданскаго губернатора. Благодаря ихъ свѣтлому взгляду и особенной протекціи, Матвѣй Матвѣевичъ получилъ образованіе въ заграничномъ университетѣ; но какъ заграничный дипломъ не давалъ ему правъ по образованію въ предѣлахъ Россіи, то впослѣдствіи онъ сдалъ экзаменъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ.

Въ 1843 г. Матвѣй Матвѣевичъ не былъ еще инспекторомъ казенныхъ училищъ, какъ говоритъ авторъ „Двухъ ревизій", но и не „слонялся по типографіямъ", какъ увѣряетъ онъ-же, а былъ инспекторомъ 2-го благороднаго пансіона кіевской 1-й гимназіи. Такъ какъ мнѣ приходилось видѣть его тогда ежедневно (я воспитывался въ 1-мъ пансіонѣ 1-й гимназіи), то могу сказать положительно, что „румянъ и бѣлилъ, шнуровки и черненья волосъ" Матвѣй Матвѣевичъ не употреблялъ,—это не ускользнуло-бы отъ нашего школьнаго любопытства и вниманія. Жилъ онъ, правда, и въ то время шикарно, имѣлъ прекрасныхъ лошадей, экипажъ и обладая всѣми условіями изящнаго и образованнаго человѣка, вращался въ аристократическомъ кругу, но даже намъ, школьникамъ, было хорошо извѣстно, что средства его не исходили ни изъ какихъ незаконныхъ источниковъ.

Затѣмъ Матвѣй Матвѣевичъ получилъ должность инспектора казенныхъ учебныхъ заведеній, а въ 1848 году исправлялъ должность инспектора студентовъ кіевскаго университета. Въ 50-хъ годахъ онъ былъ директоромъ нѣжинскаго лицея графа Безбородько, а въ началѣ 60-хъ годовъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа, вмѣсто Н. И. Пирогова. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Матвѣй Матвѣевичъ получилъ мѣсто члена совѣта министра народнаго просвѣщенія и въ этомъ званіи скончался.

Въ Кіевѣ, въ 40-хъ годахъ, было 2 гимназіи: въ 1-й было 6-ть классовъ, во 2-й—7. Въ послѣдней преподавался греческій языкъ.

Въ 1-й гимназіи было 3 благородныхъ пансіона и „конвиктъ и училище землемѣровъ“. Въ 3-мъ пансіонѣ было самое незначительное число воспитанниковъ, изъ лучшихъ польскихъ фамилій,—платили по 2,000 руб. ассигнаціями въ годъ. 1-й и 2-й пансіонъ, хотя и помѣщались въ отдѣльныхъ зданіяхъ, но по внутреннему характеру, условіямъ и по цѣнѣ, платимой воспитанниками (1,000 руб. ассигн. ежегодно), они ничѣмъ не отличались одинъ отъ другаго. 1-й и 2-й пансіоны и „конвиктъ“, кромѣ надзора извѣстнаго числа комнатныхъ надзирателей, находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ особаго инспектора; но всѣ они подчинялись директору 1-й гимназіи, имѣвшему общее наблюденіе за всѣми этими воспитательными заведеніями гимназіи.

Матвѣй Матвѣевичъ въ то время былъ инспекторомъ 2-го благороднаго пансіона, и объ немъ у меня, какъ и у моихъ товарищей по воспитанію, сохранились самыя свѣтлыя воспоминанія.

Въ какомъ контрастѣ находились между собою 1-я и 2-я гимназія въ порядкахъ надзора и воспитанія, можно видѣть изъ того, что во все мое пребываніе въ 1-мъ пансіонѣ я не помню ни одного случая наказанія воспитанниковъ розгами. Совсѣмъ иное было во 2-й гимназіи, гдѣ мѣсто инспектора Зимовскаго (въ послѣдствіи директора немировской гимназіи) занялъ Іеропесъ, кромѣ греческаго языка не имѣвшій никакого понятія о самомъ элементарномъ образованіи. Онъ занимался сѣченіемъ воспитанниковъ въ теченіи всѣхъ часовъ пребыванія въ гимназіи, а по выходѣ ихъ оттуда, отправлялся въ общія ихъ квартиры и придираясь къ каждому вздору, производилъ тамъ новыя экзекуціи. Когда-бы вы ни проходили мимо этихъ воспитательныхъ заведеній, васъ всегда поражалъ раздирающій душу крикъ наказываемыхъ мальчиковъ.

Разъ какъ-то заболѣлъ учитель геометріи: на урокъ 4-го класса для порядка явился Іеропесъ. Онъ вызвалъ самаго плохаго ученика и приказалъ ему отвѣчать урокъ. Гимназистъ оказался не промахъ. Зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, онъ начертилъ на доскѣ нѣчто въ родѣ кошки, обозначилъ оконечности литерами и пошелъ писать развязно, бойко формулу за формулой; стеръ губкой исписанную разъ доску, исписалъ ее вновь и заключилъ словами: „что и слѣдовало доказать“. Іеропесъ удивленно смотрѣлъ сквозь очки на бойкаго математика, назвалъ его „молодѣчъ“ (онъ плохо говорилъ по русски)

и поставилъ ему въ журналѣ 5. Въ тотъ урокъ всѣ оказались превосходными математиками. Говорили, что послѣ выздоровленія учителя бойкій математикъ былъ обличенъ въ обманѣ и получилъ инквизиторскую порку отъ разсвирѣпѣвшаго Іеропеса.

Я воспитывался въ 1-мъ пансіонѣ, въ которомъ было около 120 учениковъ; во 2-мъ пансіонѣ воспитанниковъ было нѣсколько менѣе. Въ 1-мъ пансіонѣ было 6 комнатныхъ надзирателей и 7-й старшій. Каждый изъ 6-ти надзирателей дежурилъ сутки въ недѣлю; въ воскрестные дни была особая очередь. Всѣ надзиратели обладали хорошимъ знаніемъ новыхъ иностранныхъ языковъ, на которыхъ воспитанники обязательно должны были говорить, подъ условіемъ „chèz vous la marque". Вечеромъ они сходились для занятій по изученію языковъ и предметовъ.

Нѣкоторые изъ „комнатныхъ надзирателей" 2-хъ благородныхъ пансіоновъ 1-й гимназіи въ послѣдствіи заняли видныя государственныя должности. Такъ Падренъ-де-Карне былъ помощникомъ попечителя одесскаго учебнаго округа, графъ Келлеръ начальникомъ минской губерніи, а Стеблинъ-Каменскій начальникомъ виленской губерніи.

Падренъ-де-Карне былъ человѣкъ вспыльчивый; однажды во время обѣда, не помню по какой причинѣ, онъ крикнулъ воспитаннику 6-го класса Н. В. Гербелю (въ послѣдствіи переводчику Шекспира): „sortez du table!" Мы всѣ притаили дыханіе и соображая, что ученикъ выпускнаго класса не исполнитъ подобнаго приказанія „комнатнаго надзирателя", ожидали бури... Но Гербель, высокаго роста, покойно вышелъ изъ за стола и сталъ у стѣны, въ виду всего пансіона и первоклассныхъ мальчугановъ... Черезъ минуту Падренъ уже извинялся и цаловалъ Гербеля... Но идеаломъ нашимъ и всеобщимъ любимцемъ воспитанниковъ старшихъ классовъ былъ Е. П. Стеблинъ-Каменскій.

Наши пансіоны находились въ роскошныхъ помѣщеніяхъ. 1-й пансіонъ былъ въ Липкахъ, въ домѣ графа Иллинскаго. Паркетные полы натирались ежедневно. Въ верхнемъ этажѣ были комнаты для занятій, столовыхъ и пріемныхъ, въ нижнемъ спальни. Кровати и постельное бѣлье, безукоризненной чистоты, стояли днемъ подъ чехлами. Отыскать въ нихъ *клопа* было немыслимо. Въ пансіонѣ было 5 роялей. Обѣдъ, очень изящный, состоялъ изъ 3 и 4

блюдъ, ужинъ изъ 2-хъ. Къ утреннему и вечернему чаю подавались молоко и бѣлый хлѣбъ. Нашъ пансіонъ отстоялъ отъ гимназіи въ 200-хъ саженяхъ, 2-й былъ еще ближе. Въ гимназіи мы занимались отъ 8-ми до 11-ти часовъ утра и отъ 2-хъ до 5-ти часовъ пополудни. По возвращеніи изъ гимназіи двери нашихъ пансіоновъ затворялись на ключъ и мы никуда не выходили. Въ праздничные дни, если родные присылали за нами лакеевъ, насъ отпускали; но отлучиться самому изъ пансіона, или безъ лакея, было немыслимо: привиллегіей этой пользовались только 6 старшихъ воспитанниковъ, носившихъ на плечахъ погоны и наблюдавшихъ за порядкомъ въ 6 отдѣленіяхъ, по числу комнатъ для занятій и классовъ: они въ праздничные дни могли выходить изъ пансіона сами, но предупредивъ надзирателя. Въ праздничные дни и обстановка принимала болѣе праздничную наружность; даже швейцаръ на парадномъ входѣ облекался въ треугольную шляпу и красную перевязь, постукивая золоченой булавой.

По порядку воспоминаній перейду теперь къ другому ревизору 40-хъ годовъ, такъ не благовидно представленному авторомъ „Двухъ ревизій“, бывшему попечителю кіевскаго учебнаго округа генералъ-маіору Траскину. До поступленія на эту должность, онъ состоялъ начальникомъ штаба на Кавказѣ при князѣ М. С. Воронцовѣ.

Помню, въ одинъ лѣтній день 1846 года, мы выстроены были въ ряды въ рекреаціонной залѣ нашего 1-го пансіона. Стѣны оной сверху до низу были унизаны изящными рисунками пансіонеровъ, изъ коихъ два: Велизарій и Мадонна, по величинѣ и работѣ, занимали видное мѣсто. Мы ожидали перваго визита новаго попечителя Траскина, назначеннаго вмѣсто бывшаго попечителя князя Давыдова. Въ общей залѣ собранъ былъ и весь персоналъ учителей 1-й гимназіи, въ числѣ которыхъ былъ и Н. И. Костомаровъ, поступившій сюда на должность учителя исторіи до открытія университетской кафедры. Русскую исторію тогда проходили по учебнику Устрялова, а всеобщую по учебнику Смарагдова. Требовалось, конечно, твердое знаніе учебника и самъ знаменитый потомъ историкъ уступалъ, кажется, этому требованію, дѣлая въ учебникахъ только сокращенія карандашемъ. Въ послѣдствіи, слушая въ университетѣ его увлекательныя лекціи по русской исторіи, какъ-то не вѣрилось, что это былъ тотъ самый Костомаровъ.

Вскорѣ въ дверяхъ показалась тучная фигура Траскина, средняго роста, опиравшагося на трость, въ мундирѣ генеральнаго штаба. Не смотря на комичную его тучность и зычный голосъ, его наружность, въ золотыхъ очкахъ, была очень симпатична. Какъ дежурный старшій, я подошелъ къ нему съ рапортомъ. Выслушавъ его, Траскинъ полюбопытствовалъ узнать, которой губерніи я уроженецъ и проч.

При представленіи ему учителей помощникомъ попечителя Юзефовичемъ, указавшимъ на Костомарова, какъ „магистра", Траскинъ оказалъ послѣднему особенную любезность. Сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ нѣкоторымъ воспитанникамъ, Траскинъ обошелъ всѣ комнаты пансіона и спальни и обратилъ особенное вниманіе на библіотеку пансіона, которою завѣдывалъ Падренъ, сдѣлавъ, по поводу ея, нѣсколько замѣчаній, не обнаружившихъ въ немъ ничего того, что приписалъ ему авторъ „Двухъ ревизій", равно не отдалъ такой чести пробному обѣду 1-го пансіона, какую, по словамъ того-же автора, оказалъ *тремъ* обѣдамъ въ немировской гимназіи.

Я былъ тогда въ 6-мъ, т. е. выпускномъ классѣ. Вскорѣ послѣ этого Траскинъ пріѣхалъ къ намъ въ гимназію, въ 6-й классъ, на выпускной экзаменъ, на который обыкновенно приглашался, въ качествѣ ассистента, профессоръ университета соотвѣтствующаго предмета. Былъ экзаменъ физики и Траскинъ, по словамъ автора „Двухъ ревизій", не умѣвшій отличить физики отъ логики, удивилъ не только насъ, но и ассистента Фомберга (профессора химіи) основательнымъ знаніемъ этого предмета, предлагая каждому изъ экзаменовавшихся вопросы, сообразно его отвѣту, и, въ случаѣ затрудненія въ отвѣтѣ, разъясняя его самъ. Физика вѣдь не такой предметъ, чтобы можно было, для удивленія кого-либо, подготовиться къ нему наканунѣ.

Траскинъ, помню, посѣщалъ и лекціи въ университетѣ; но исключительное вниманіе онъ оказывалъ наукамъ математическимъ. Къ студентамъ онъ былъ снисходителенъ и помогалъ имъ иногда изъ собственныхъ средствъ. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ.

Деканомъ юридическаго факультета и профессоромъ уголовнаго права былъ въ то время С. О. Богородскій; прекасный знатокъ своего предмета, онъ отличался особою строгостію въ оцѣнкѣ познаній студентовъ и не рѣдко на экзаменахъ сбивалъ ихъ въ отвѣтахъ. Должно замѣтить, что кромѣ должности профессорской Богородскій

занималъ одно время должность цензора и директора 2-й гимназіи, пользуясь и квартирой въ гимназіи, которая помѣщалась тогда въ домѣ, гдѣ теперь магазинъ Огюста, на углу Крещатика и Лютеранской. Были-ль у него съ Траскинымъ какія-либо столкновенія и счеты,—не знаю; но въ нашъ выпускъ, который, вслѣдствіе строгости декана, оказался ограниченнымъ по числу удостоенныхъ степенями, между деканомъ и попечителемъ произошелъ весьма крупный разладъ. Богородскій имѣлъ почему-то особо веселый видъ, когда явился къ Траскину съ докладомъ о процентѣ студентовъ юридическаго факультета, удостоенныхъ степеней. Траскинъ выслушалъ его докладъ сердито, а потомъ сказалъ: „Не могу понять, г. профессоръ, что васъ такъ радуетъ. Я нисколько не отношу этого прискорбнаго явленія къ нерадѣнію студентовъ, но скорѣе къ нерадѣнію тѣхъ профессоровъ, которые не умѣютъ изложить студентамъ толково своего предмета и не желаютъ внушить имъ симпатіи ни къ себѣ, ни къ тому предмету, который они читаютъ. Нѣкоторые изъ нихъ впрочемъ такъ заняты другими обязанностями, что не имѣютъ на это даже и свободнаго времени: я постараюсь ихъ облегчить. До свиданія, г. профессоръ“!

Траскинъ въ то время занималъ лучшій на Крещатикѣ домъ, уцѣлѣвшій въ томъ видѣ и до нынѣ: угольный домъ противъ нынѣшней Европейской гостинницы и фонтана.

Черезъ нѣсколько времени С. О. Богородскій былъ дѣйствительно *облегченъ*, оставшись только въ должности профессора уголовнаго права.

Одинъ изъ студентовъ написалъ нелѣпый романъ, издавъ его на послѣдніе свои гроши, и *посвятилъ* его Траскину. Послѣдній поморщился, но купилъ тотъ-часъ у автора 100 экземпляровъ (кажется по 1 р.). Вмѣстѣ съ этимъ онъ посовѣтовалъ автору не тратить драгоцѣннаго времени на сочиненія романовъ; первымъ условіемъ, говорилъ онъ, хорошаго писателя, помимо таланта, должно быть и солидное образованіе, по окончаніи-же его талантъ можетъ высказаться сильнѣе со стороны умственной и нравственной. Прочитавъ затѣмъ самый романъ, Траскинъ смутился и за автора, и за свое имя, красовавшееся съ полнымъ титуломъ его, въ формѣ посвященія, на первой страницѣ изданія. Онъ послалъ скупить всѣ находившіеся въ книжныхъ магазинахъ экземпляры этого сочиненія, и взялъ съ автора слово не печатать 2-го изданія.

Одинъ студентъ, находившійся въ крайней нуждѣ, не имѣлъ средствъ уплатить денегъ, требуемыхъ съ него за право ученія. Онъ отправился къ Траскину и изложилъ ему свое горе. Траскинъ немедленно заплатилъ за него изъ своей шкатулки, приказалъ принять его въ число недостаточныхъ студентовъ (съ платою за столъ и за квартиру по 5 руб. въ мѣсяцъ) и просилъ его передать другимъ его товарищамъ, находившимся въ такой-же нуждѣ, свою готовность заплатить и за нихъ.

Послѣ арестовъ: Костомарова, Шевченка и другихъ, по извѣстной исторіи составленія славянскаго „общества св. Кирилла и Меѳодія", бывшій тогда генералъ-губернаторъ Бибиковъ приказалъ въ одинъ праздничный день собрать всѣхъ студентовъ въ залѣ университета.

Въ назначенный часъ мы явились въ мундирахъ. Пріѣхалъ и Траскинъ. Указавъ въ своей рѣчи на современное „броженіе умовъ", Бибиковъ закончилъ ее слѣдующими словами, нашедшими тогда мѣсто въ заграничныхъ изданіяхъ: „если я пять милліоновъ народа умѣлъ поставить на свою ногу, то и васъ поставлю: или я лопну, или вы всѣ перелопаетесь!" Траскинъ весь побагровѣлъ, очевидно, не отъ сочувствія къ энергичной рѣчи Бибикова.

По поводу этой рѣчи и вообще по поводу различія взглядовъ на системы образованія юношества, между Траскинымъ и Бибиковымъ происходили, говорятъ, крупные переговоры, пока наконецъ, вмѣсто Траскина, не былъ назначенъ попечителемъ кіевскаго округа самъ Д. Г. Бибиковъ въ 1848 году.

Н. Я. Бар—вскій.

Г. Одесса.
28 Января 1884 года.

СТО СЕМЬ ЛѢТЪ ЮЖНО-РУССКОЙ ЭТНОГРАФІИ.

Въ 1777 году въ Петербургѣ вышло сочиненіе, въ 25 страницъ, съ такимъ полнымъ заглавіемъ: „Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ въ Малой Россіи и въ слободской украинской губерніи, такожъ и въ великороссійскихъ слободахъ населенныхъ малороссіянами упоребляемыхъ, сочиненное Григоріемъ Калиновскимъ, армейскихъ походныхъ полковъ, состоя-

щихъ въ украинской дивизіи, прапорщикомъ". Эта маленькая книжка—первое сочиненіе касающееся этнографіи Малороссіи, какъ и вообще одинъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ объ этой странѣ. Въ „Указателѣ источниковъ для изученія малороссійскаго края" г. Лазаревскаго она стоитъ подъ № 13-мъ. Нечего говорить о ея чрезвычайной рѣдкости. Нашъ экземпляръ пріобрѣтенъ изъ б. библіотеки Трощинскаго. Одинъ видъ этой книжки, желтообрѣзанной и одѣтой въ кожу, можетъ привести въ огорченіе истиннаго библіомана.

Въ книгѣ Калиновскаго съ перваго-же разу бросается въ глаза интересная особенность: она не носитъ никакой цензурной помѣтки. Объясняется это просто. 1777 годъ и нѣсколько послѣдующихъ были годами своеобразнаго екатерининскаго либерализма. Исторія дала ему не высокую цѣну, но въ то время надзоръ за типографіями и книжными лавками почти не существовалъ. Издатели миновали всякую цензуру и ограничивались лишь обозначеніемъ типографіи и года изданія.

„Армейскихъ пѣхотныхъ полковъ прапорщикъ", не мудрствуя лукаво, описываетъ малорусскій свадебный обрядъ, къ сожалѣнію совершенно оставляя въ сторонѣ безчисленныя свадебныя пѣсни. А въ какой полнотѣ долженъ былъ онъ слышать ихъ на этихъ старосвѣтскихъ „весильяхъ", гдѣ женихъ является одѣтымъ „въ два смурые кафтаны и въ поясѣ пестромъ шерстяномъ, въ красной суконной шапкѣ, обложенной черною овчиной", а голову молодой, на другой день свадьбы, покрывала старинная „кибалка". При всей сжатости описанія, оно содержитъ въ себѣ однако нѣсколько подробностей, свидѣтельствующихъ объ исчезнувшихъ чертахъ народнаго свадебнаго обряда.

Особенной сложностью отличался въ старыхъ свадьбахъ такъ называемый выкупъ невѣсты,—обычай намекающій на продажу невѣстъ въ отдаленную языческую эпоху. Братъ молодой, по пріѣздѣ жениха къ невѣстѣ, скакалъ на его конѣ изъ двора, а женихъ и поѣздъ его должны были его догонять, чтобъ добиться отъ него права приблизиться къ молодой. Вернувшись въ хату, шуринъ говорилъ длинную рѣчь и требовалъ новый выкупъ. Покрыванье невѣсты въ понедѣльникъ непремѣнно освящалось церковью, для чего установлена была даже особенная молитва на „покровеніе главы".

Значеніе этого обычая, существующаго и теперь—вступленіе жены подъ власть мужа. Сказать кстати, нельзя не признать крайне натянутымъ мифическое толкованіе, даваемое ему ученымъ авторомъ „Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу". Зажиганіе костра на пути слѣдованія молодыхъ въ домъ мужа въ старину, какъ видно, существовало повсемѣстно. Нынѣ обычай этотъ, какъ свидѣтельствуютъ многія записи (Чубинск. ч. IV, стр. 428), или совершенно исчезаетъ или замѣняется тѣмъ или инымъ способомъ.

Какъ историческій матеріалъ, интересна приложенная въ концѣ книги Калиновскаго „Смѣта, во что обходится свадьба простолюдину". Вотъ цифры этой смѣты. А) *Съ невѣстиной стороны.* На подарки свекру или женихову отцу 20 коп., свекрови, или матери жениховой сапоги красные козловые, цѣна 50 коп., золовкѣ сапоги—50 коп., дѣверю, брату его-жъ—1 коп., другимъ свойственникамъ и свойственницамъ, смотря по числу ихъ, серпанковъ и калачей, примѣрно около 2 коп., боярамъ, платковъ, по 10 коп. платокъ, всего на 60 коп., подружкамъ и дѣвицамъ орѣховъ и кренделей на 20 коп., свахѣ, свѣтилкамъ и старостамъ разнаго званія дары, всего на 80 коп., сѣна лошадямъ гостиннымъ на 30 коп. *столовыхъ припасовъ*: разнаго хлѣба на 3 рубля, вина простаго 2 кадки или 9 вѣдеръ, цѣна 6 рублей, мяса разнаго и сала свинаго на 2 рубля 20 коп., соли четверть пуда 10 коп., рыбы свѣжей и вяленой, также и масла коноплянаго на 90 коп., перцу на 10 коп. Итого 17 рублей 41 коп. Б) *Съ жениховой стороны.* За вѣнчанье попу, дьячкамъ и пономарю 1 рубль 50 коп., тестю или невѣстину отцу 20 коп., тещѣ серпанокъ, цѣна 50 коп., шурину и свояченицѣ по парѣ калачей—4 коп., свойственникамъ и свойственницамъ серпанковъ и калачей примѣрно около 2 коп., подружкамъ, дѣвицамъ бывшимъ на свадьбѣ, орѣховъ и кренделей на 20 коп., боярамъ на квѣтки покупаются свѣтилкою красныя ленты—5 коп. Расходы на столовые припасы такіе-же. Итого 16 рублей 79 коп., съ обѣихъ сторонъ—33 рубля 20 коп.

Въ эту смѣту не внесенъ сборъ, какой брался иногда со свадьбъ помѣщиками. Роковой для Малороссіи 1783 годъ въ ту пору, какъ Калиновскій писалъ свою книжку, еще не наступилъ. Но существовалъ уже тотъ поборъ, который этнографъ Терещенко сравниваетъ съ древнимъ „куничнымъ"—поборъ за вѣнчанье.

В. Г—ко.

ПОПЫТКА ОКОЛДОВАТЬ ВОЛОСТНОЙ СУДЪ.

Вѣра въ колдовство до сихъ поръ всецѣло царитъ въ народѣ. По своимъ воззрѣніямъ въ этой области народъ нынѣ какъ будто живетъ не въ девятнадцатомъ столѣтіи, а въ какомъ нибудь шестнадцатомъ, семнадцатомъ. Правда въ большинствѣ случаевъ онъ потерялъ уже нить между колдовскимъ дѣяніемъ и вѣрованіемъ его породившимъ, т. е. онъ часто не можетъ объяснить вамъ, *почему* имъ совершается тотъ или иной чародѣйный обрядъ, но за то народъ хорошо знаетъ, *для чего* совершается каждое такое дѣйствіе. Вѣря въ колдовство и вообще въ чудодѣйственную силу колдуновъ, вѣдьмъ, знахарки и тому подобныхъ необыкновенныхъ людей, народъ прибѣгаетъ къ разнаго рода дѣйствіямъ, парализующимъ чудодѣйственную силу этихъ людей, дабы предохранить себя отъ ихъ пагубнаго вліянія.

Интересно, что по представленію народа одно и то-же средство можетъ служить для совершенно противуположныхъ цѣлей. Возьмемъ напримѣръ чудодѣйственную силу мака. На югѣ, по крайней мѣрѣ въ правобережной Украйнѣ, крестьяне отличаютъ особый родъ мака—*макъ-видюкъ*. Это обыкновенный макъ „самосій", который самъ появляется на огородахъ. Макъ этотъ собираютъ и святятъ въ церкви на Пасху. Если какой домъ посѣщаетъ мертвецъ или вѣдьма, то макомъ-видюкомъ обсыпаютъ въ домѣ; иногда макомъ обсыпаютъ покойника въ гробу и кладутъ узелокъ съ макомъ въ его головахъ, или просто посыпаютъ при похоронахъ путь макомъ. При этихъ посыпаніяхъ приговариваютъ: *тоди будешъ ходить, якъ сей макъ переличишъ*. Такимъ образомъ въ основаніи обыкновенія посыпать макомъ домъ, гробъ или путь лежитъ вѣрованіе, что мертвецъ не прежде можетъ начать или повторить свои посѣщенія, какъ подобравши всѣ разбросанныя зерна. Справедливость этого заключенія подтверждается другаго рода обыкновеніемъ, существующимъ въ Малороссіи. Снаряжая на тотъ свѣтъ повивальную бабку, кладутъ ей во гробъ палку, и кромѣ того къ поясу привязываютъ узелъ съ маковыми зернами. На томъ свѣтѣ умершіе дѣти, которыхъ она принимала, нападаютъ на нее за то, что она помогала появиться имъ на свѣтъ въ нашей юдоли плача, съ цѣлью разорвать ее. Она отбивается палкой, но если не успѣ-

етъ этого сдѣлать, то бросаетъ имъ макъ. Дѣти кидаются на макъ, подбираютъ его, а бабка тѣмъ временемъ уходитъ въ безопасныя мѣста. Изъ сказаннаго видно, что макъ въ народныхъ вѣрованіяхъ играетъ роль предмета, отвлекающаго колдуновъ, вѣдьмъ, мертвецовъ и проч. отъ людей, въ случаѣ нападенія первыхъ. Но въ тоже время маку приписывается совершенно противуположное свойство: посыпаніе макомъ считается средствомъ привлечь къ себѣ любовь или расположеніе другаго человѣка, уже обыкновеннаго; напримѣръ дѣвушка, умѣющая влюбить въ себя парня, старается обсыпать его макомъ, освященнымъ на Пасху. То-же дѣлается и въ другихъ случаяхъ, какъ увидимъ ниже. Почему такое свойство приписывается маку, мы уже объяснить не можемъ, если только не предполагать здѣсь замѣну мака какимъ либо другимъ веществомъ.

Мы сказали выше, что народъ глубоко вѣритъ въ чудодѣйственную силу колдовскихъ дѣяній и продолжаетъ совержать ихъ до сихъ поръ. Этому вѣрятъ не только простые крестьяне, но и ихъ выборные власти, сельскіе судьи, писаря и т. д. Приводимъ вкратцѣ содержаніе одного рѣшенія волостнаго суда, указывающаго на то, что суды раздѣляютъ воззрѣнія крестьянъ на колдовство. Въ настоящемъ случаѣ именно обнаруживается вѣрованіе въ возможность посредствомъ колдовства макомъ привлечь на свою сторону судей.

Въ истекшемъ 1883 году, юнаковскій волостной судъ (сумского уѣзда, харьковской губ.)) разсматривалъ дѣло по обвиненію одною изъ крестьянокъ трехъ крестьянскихъ женщинъ въ нанесеніи ей обиды дѣйствіемъ. Судъ призналъ обоюдную драку и потому приговорилъ какъ женщину, обвинявшую остальныхъ трехъ, такъ и обвиняемыхъ къ штрафу въ пользу мірскаго капитала, по 3 рубля съ каждой, за нарушеніе общественной тишины. При этомъ судъ, усмотрѣвъ, что одна изъ обвиняемыхъ женщинъ во время разсмотрѣнія означеннаго выше дѣла обсыпала макомъ около судей, и признавая, что эта женщина занималась колдовствомъ, приговорилъ взыскать съ нея въ пользу мірскаго капитала еще 3 рубля.

П. Еф.

ПОСЛѢДСТВІЕ КЛЯТВОПРЕСТУПЛЕНІЯ.

У многихъ народовъ нарушеніе клятвы считалось и считается великимъ преступленіемъ, за которое Богъ наказываетъ не только въ будущей жизни, но и здѣсь, на землѣ. Въ русскомъ народѣ повсемѣстно существуетъ до сихъ поръ подобное-же вѣрованіе. При томъ одинаковое значеніе приписывается какъ оффиціальной присягѣ, произнесенной передъ крестомъ и евангеліемъ, такъ и клятвѣ, сопровождаемой лишь снятіемъ со стѣны и цѣлованіемъ иконы.

Надобно пояснить, что въ прежнее время у насъ, въ Малороссіи, такъ-же какъ и въ московскомъ государствѣ, присяга истца или отвѣтчика въ разнаго рода исковыхъ дѣлахъ была весьма распространеннымъ видомъ доказательства, въ народѣ-же и до настоящаго времени остается во всей силѣ указанное значеніе присяги. Волостные суды, по крайней мѣрѣ на крайнемъ сѣверѣ, въ случаяхъ, когда нѣтъ прямыхъ доказательствъ, предлагаютъ истцу въ подтвержденіе справедливости своего иска или-же отвѣтчику присягнуть передъ судомъ, т. е. снять съ тябла икону и поцѣловать ее. При этомъ народъ твердо вѣритъ, что кто не по правдѣ сниметъ икону, тотъ умретъ въ скоромъ времени. Припоминаю одинъ разговоръ мой съ крестьяниномъ села Матигоръ, холмогорскаго уѣзда архангельской губерніи. Когда я выразилъ своему собесѣднику сомнѣніе въ томъ, что принявшаго ложную клятву непремѣнно постигаетъ смерть, онъ привелъ мнѣ нѣсколько примѣровъ скорой смерти послѣ совершенія ложной присяги; между прочимъ разсказалъ мнѣ, какъ одинъ крестьянинъ села Матигоръ, получивши свои часы отъ знакомаго, вновь потребовалъ ихъ себѣ и въ доказательство справедливости иска поцѣловалъ икону передъ волостнымъ судомъ и какъ онъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ того умеръ.

Мы не знаемъ, существуетъ-ли на югѣ то-же обыкновеніе доказывать справедливость иска или невинность отвѣтчика цѣлованіемъ иконы передъ волостнымъ судомъ; но что такой обычай существовалъ въ прежнихъ судахъ, видно изъ приводимаго ниже акта. Намъ извѣстно также существованіе у крестьянъ въ Малороссіи твердой вѣры въ то, что ложная присяга влечетъ за собой смерть клятвопреступника, или по крайней мѣрѣ какое-либо большое несчастье, пораженіе болѣзнью, отнятіемъ чрезъ параличъ

какой-либо части тѣла и т. п., точно также какъ вѣрили въ старину.

Приводимъ въ поясненіе сказаннаго донесеніе компанейскаго Павлова полка полкового асаула Михайла Самапаса, поданное гетману Разумовскому въ 1756 году [1]).

„Прошедшего 1746 году съ обознимъ первого компанѣйскаго полку Василемъ Мелесемъ, которой уже умре, имѣлъ я дѣло въ переясловской полковой канцеляріи во удержаніи имъ порціонныхъ и раціонныхъ моихъ денегъ двадцати девяти рублевъ и утайкою взятой имъ у меня латинской книжки, и за учиненною имъ въ незнаніи всего того предъ иконою Богоматери клятвою, я тои имъ оставилъ и забратое въ него по тому иску возвратилъ вдвое и правній штрафъ понесъ. По окончаніи-жъ того онъ на десятой неделѣ въ домѣ своемъ отъ злоприключившейся болѣзни умре. А въ прошломъ 1752 году писарь полковій компанейскій, первого-жъ полку, Павелъ Леонтіевичъ объявилъ мнѣ словесно, при стороннихъ людехъ, что при смерти онъ Мелесъ будучи, за два дни призвалъ его Леонтіевича и отдалъ ему книжку, сказуя, дабы онъ мнѣ отдалъ и я его простилъ. О чемъ я будучи сумнителенъ, что онъ въ книжкѣ взятой у мене заперся и клялся, какъ выше упоминается, той-же часъ протестовался и въ генералную войсковую канцелярію поданнимъ доношеніемъ просилъ о томъ изслѣдованія, но и по нынѣ не послѣдовало. А понеже я по тому дѣлу понесъ немалія убытки и штрафъ, а по предписанному изявленію книжки винность его Мелеса и напрасное запрещеніе и клятва явствуютъ, того ради нижайше прошу вашу ясне-велможность о семъ дѣлѣ переясловской полковой канцеляріи, яко тамъ оное и производилось, дабы изслѣдовать и мене въ понесенихъ убыткахъ, напрасномъ безчестіи и штрафѣ его Мелеса зъ жены и наслѣдниковъ удоволствовано было безволокитно, високоповелителній ордеръ пожаловать. Михайло Самапасъ“.

П. Еф.

---

[1]) Изъ дѣлъ малороссійской коллегіи, хранящихся при харьковскомъ университетѣ.

ВЕРТЕПЪ ВЪ КУПЯНСКОМЪ УѢЗДѢ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Зимою 1880 года въ купянскомъ уѣздѣ появился вертепъ. До этого года его тамъ не видали, даже 60-ти лѣтніе старцы его не помнятъ, а слышали о томъ, что онъ былъ, только отъ своихъ отцовъ. Въ другихъ мѣстахъ харьковской губерніи вертепы существовали еще недавно. Въ селѣ Боромлѣ, ахтырскаго уѣзда, вертепъ дѣйствовалъ лѣтъ шесть тому назадъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ близъ Харькова—всего только четыре года. Между тѣмъ профессоръ Н. И. Петровъ въ своей статьѣ „Старинный южно-русскій театръ“ (Кіевская Старина, книга 12 за 1882 г.) говоритъ, что въ настоящее время на югѣ Россіи по мѣстамъ представляютъ только отрывочныя и незаконченныя сцены, касающіяся событій Рождества Христова, и въ примѣръ указываетъ на с. Исакову, оргѣевскаго уѣзда, кишиневской губерніи. Статья профессора Петрова вызвала и меня написать свои воспоминанія о вертепѣ въ купянскомъ уѣздѣ, гдѣ мнѣ пришлось видѣть не отрывочныя сцены, но цѣлое вертепное представленіе въ обѣихъ его частяхъ—духовной и свѣтской. Воспоминанія мои будутъ по необходимости кратки, такъ какъ прошло уже три года съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ вертепъ и не могу привести тутъ ни одного отрывка вертепной драмы, опасаясь быть не точнымъ, видѣлъ-же я по слѣд. случаю.

30 января 1880 года я отправился на имянины къ помѣщику И. П. Сарандинаки, который жилъ въ 12-ти верстахъ отъ города Купянска, въ хуторѣ Благодатномъ, старовѣровской волости. Послѣ обѣда родственникъ хозяина В. С. Розаліонъ-Сомальскій пригласилъ хозяевъ и гостей въ залу, гдѣ онъ устроилъ имянинику сюрпризъ. Всѣ отправились. Въ дверяхъ залы мы увидѣли бѣлый шкапчикъ; онъ былъ небольшой и сколоченъ изъ досокъ. Высота его была аршина 2. Устройство шкапчика очень простое. Онъ состоялъ изъ двухъ частей; нижняя часть представляла изъ себя подставку, а верхняя—шкапчикъ, но безъ дверей, раздѣленный паралельно на двѣ части. Вышина каждой половины верхней части не болѣе ½ аршина; полъ въ верхней части шкапчика обитъ бѣлой, а въ нижней черной мерлушкой. Такая разница въ обивкѣ обѣихъ частей имѣла свое значеніе. Верхняя

часть предназначалась для представленія духовной части вертепа, а нижняя для свѣтской части. Впрочемъ въ нижней части представлялись и тѣ сцены изъ духовной части, въ которыхъ участвовалъ Иродъ, и это исключеніе сдѣлано потому, что народъ не любилъ Ирода. Чтобы освѣщать вертепъ, когда представленіе дается вечеромъ, какъ было и въ настоящемъ случаѣ, поставлены маленькія свѣчи съ передней стороны сцены. Въ каждомъ отдѣленіи по двѣ двери, изъ которыхъ одна служитъ для входа фигуръ, а другая для выхода. Двери находятся въ задней сторонѣ сцены. Въ верхней части къ задней стѣнѣ прислонены двѣ фигуры: одна изъ нихъ представляетъ праведнаго Іосифа, а другая св. Дѣву Марію. У Іосифа сѣдая борода. Передъ этими фигурами поставлены ясли, въ которыхъ, предполагается, лежитъ младенецъ Іисусъ (въ дѣйствительности фигуры младенца нѣтъ). Первая сцена происходитъ въ первомъ отдѣленіи. На сценѣ появляются два ангела. Фигуры сдѣланы очень искусно изъ дерева и двигаются на проволокахъ довольно свободно. Одинъ изъ ангеловъ подходитъ къ одному краю и зажигаетъ у свѣчки свой свѣтильникъ, другой-же ангелъ зажигаетъ свой свѣтильникъ на другой сторонѣ; затѣмъ они подходятъ къ св. Дѣвѣ Маріи и пр. Іосифу и объявляютъ св. Дѣвѣ, что у нея родится сынъ. Послѣ этого ангелы удаляются. Сзади вертепа сидитъ хозяинъ его; онъ выпускаетъ фигуры и говоритъ за нихъ. Нѣкоторыя сцены онъ говоритъ речитативомъ, а нѣкоторыя поетъ. Рядомъ съ хозяиномъ сидитъ его помощникъ, который сопровождаетъ его пѣніе игрою на бандурѣ. За ангелами появляются на сценѣ пастухи для того, чтобы поклониться Спасителю. Происходитъ извѣстная библейская сцена. Послѣ появленія пастуховъ дѣйствіе переносится въ нижній этажъ: на сцену въѣзжаетъ на тройкѣ лошадей Иродъ и садится на возвышеніе (табуретку, которая означаетъ тронъ). На головѣ у Ирода шапка съ металлическимъ значкомъ, которая замѣняетъ царю вѣнецъ; около Ирода становятся два оруженосца съ палками, изображающими копья. Какъ только онъ усѣлся, къ нему являются волхвы, которые затѣмъ отправляются въ верхнюю половину, чтобы поклониться Спасителю. Послѣ волхвовъ къ Ироду является бабка Рахиль съ ребенкомъ на рукахъ; разговоръ ея съ Иродомъ единственная сцена, которая принадлежитъ народному воображенію: она проситъ Ирода пощадить

ея дѣтей въ Виѳлеемѣ, которые и малы, и неразумны, и ни въ чемъ неповинны. Иродъ приказываетъ своимъ оруженосцамъ прогнать Рахиль и убить ребенка, что они и исполняютъ. Въ наказаніе за эту жестокость Ироду является вѣстникъ, который объявляетъ ему, что онъ умретъ и тѣло его будетъ отдано дьяволу. За вѣстникомъ появляется смерть, въ видѣ стрекозы, съ косою и отрѣзываетъ Ироду голову, а появившійся вслѣдъ за ней дьяволъ уноситъ съ собою тѣло Ирода. Этой сценой заканчивается духовная часть представленія. Всѣ объясненія сценъ совершенно подходятъ къ библейскому разсказу о тѣхъ-же событіяхъ, за исключеніемъ сцены съ Рахилью.

Свѣтская часть вертепной драмы состоитъ изъ комическихъ разсказовъ. Предметомъ этихъ разсказовъ служатъ бытовыя сцены съ неизбѣжнымъ ухаживаніемъ за женщинами. Изъ однихъ дверей выходятъ мущины, изъ другихъ женщины, а уходятъ они вмѣстѣ. Первымъ появляется запорожецъ: онъ высокаго роста, съ чубомъ на головѣ и, къ удивленію, съ большими баками, а въ рукахъ у него булава; изъ другой двери выходитъ здоровая женщина. За сценой играютъ на бандурѣ, и запорожецъ танцуетъ съ своей возлюбленной, затѣмъ обнимаетъ ее, цѣлуетъ и уходитъ вмѣстѣ съ ней. Его мѣсто заступаютъ парень въ красной рубахѣ и русская баба, которые сначала любезничаютъ, затѣмъ пляшутъ козачка и уходятъ. Появляется старикъ, который шамкаетъ губами и топчется на одномъ мѣстѣ, и довольно молодая женщина. Старикъ ухаживаетъ за ней, они танцуютъ и затѣмъ старикъ поцѣловавъ свою даму, уходитъ съ ней. Выступаютъ еврей съ еврейкой: еврей старается прельстить свою Хайку деньгами, та наконецъ склоняется, они цѣлуются, танцуютъ и затѣмъ удаляются. Ихъ смѣняетъ цыганъ съ шелудивою лошадью, которую хочетъ продать. Затѣмъ мужикъ Антонъ тащитъ козу, а она его, съ обычнымъ монологомъ. Въ заключеніе на сценѣ появляются всѣ лица, выступавшія въ свѣтской части, какъ кажется для того только, чтобы ихъ всѣхъ прогналъ запорожецъ. Свѣтская часть вертепной драмы кончается появленіемъ нищаго Савушки, который проситъ на вертепъ. Конечно, всѣ гости положили ему въ шапку, сколько кто хотѣлъ, или могъ.

Сцены свѣтской части отличаются большимъ юморомъ; въ нихъ много проявилось наблюдательности народа.

30 января 1880 г. вертепъ давалъ первое представленіе. Считаемъ не лишнимъ разсказать тутъ и его исторію, которую мы слышали отъ почтеннаго В. С. Розаліонъ-Сошальскаго, и отъ самого хозяина вертепа и другихъ лицъ. Дѣдъ В. С. Розаліонъ-Сошальскаго жилъ лѣтъ 70 тому назадъ въ богодуховскомъ уѣздѣ и часто ѣздилъ въ Кіевъ. Съ собою онъ бралъ кого нибудь изъ своихъ дворовыхъ людей, и вотъ одинъ изъ нихъ, увидѣвъ тамъ вертепъ, такъ имъ заинтересовался, что выучилъ всѣ сцены и пѣсни. Изъ богодуховскаго уѣзда онъ, по приказанію барина, переселился въ хуторъ Благодатный, купянскаго уѣзда, гдѣ также было имѣніе его барина. Здѣсь онъ научилъ одного изъ своихъ внуковъ всей вертепной драмѣ. Внукъ захотѣлъ устроить вертепъ, но не могъ, такъ какъ не умѣлъ сдѣлать фигуръ. Совершенно случайно онъ высказалъ свою завѣтную мысль В. С. Розаліону-Сошальскому, который сдѣлалъ ему фигуры, и 30 января вертепъ началъ свое дѣйствіе. Иванъ (такъ имя хозяина), по прозванію Сапожникъ, вмѣстѣ съ другимъ крестьяниномъ, ѣздятъ съ вертепомъ по ярмаркамъ и помѣщичьимъ домамъ только зимою, до великаго поста. Ихъ заработокъ въ годъ рублей 150. На ярмаркахъ представляется только свѣтская часть вертепной драмы, такъ какъ духовную часть запрещено представлять мѣстнымъ начальствомъ. Вертепъ существуетъ и до сихъ поръ.

Ал. Селивановъ.

ВЫМИРАЮЩІЕ ТИПЫ УКРАИНСКОЙ ДЕРЕВНИ.

Въ старой Украинѣ, въ странѣ полянъ, гдѣ сновали торки, берендѣи, черные клобуки etc. и что теперь кіевская губернія, верстахъ въ 20-ти отъ г. Липовца, въ дали отъ большихъ дорогъ лежитъ село *Чаговъ*. Въ былые годы оно жило какою-то изолированною отъ всего окружающаго жизнію. Можно было сказать: никогда не заходилъ туда *коробейникъ*, ни жидъ, скупающій куръ и воскобойны, не забѣгалъ становой, „воронъ кости архіерейской не заносилъ“. На далекое разстояніе отъ этого села ни ярмонки, ни фабрики, ни завода. Далеко оно было отъ всего, что дышало просвѣщеніемъ, цивилизаціею, давало потребность или удобство жизни, но вмѣстѣ и отъ того, что несетъ съ собою порчу и растлѣніе. И теперь еще мостки его, выгаченные навозомъ, весною и осенью,

ставятъ почти непреодолимую преграду тѣмъ, кто-бы вздумалъ посѣтить Чаговъ въ это время. За то господствовала въ немъ тогда удивительная простота и нравовъ чистота, подобныхъ которымъ теперь не найти нигдѣ. Простота, честность, усердіе къ церкви, миролюбіе и сострадательность къ ближнимъ составляли отличительныя черты чаговцевъ, Всѣ они занимались хлѣбопашествомъ, не исключая и тѣхъ, которые обладали какою нибудь спеціальностію. Спеціальность полагала особый отпечатокъ на этихъ добрыхъ и богобоязливыхъ людей и создавала особые сельскіе типы, дорогіе, незабвенные, но которыхъ теперь не встрѣтишь уже почти нигдѣ. Были напримѣръ чумаки, важные, степенные, меланхолическіе, какъ ихъ круторогіе, половые волы. Были не менѣе сосредоточенные *музыки,* услаждавшіе слухъ своихъ односельцевъ въ дни воскресные и праздничные, въ громадскомъ *клубѣ*—корчмѣ, или-же на свадьбахъ, а въ остальное время предававшіеся прозаическимъ занятіямъ сельскаго хозяйства. Были типы другихъ профессій для сельскаго обиходу: шевця, кравця, коваля и проч. Но изъ всѣхъ типовъ прежней украинской жизни въ моей памяти дорогими чертами напечатлѣлся типъ людей, для которыхъ трудно прибрать точное, опредѣленное названіе,—типъ людей, можно сказать, общественныхъ и отчасти какъ-бы церковныхъ. Каждое село въ старину имѣло одного—двухъ, даже нѣсколько такихъ людей. Они обыкновенно близки были къ церкви и священнику, служили имъ, чѣмъ могли, во всякое время, *примешались,* какъ царь Давидъ, *во дворѣ Господни,*—одинаково служили и обществу, появлялись на всѣхъ его собраніяхъ, въ качествѣ распорядителей и устроителей, служили всѣмъ и каждому изъ его членовъ въ дни радости, нужды и печали. Всѣмъ и всѣми они были довольны, всѣ прибѣгали къ ихъ услугамъ, всѣ принимали ихъ съ любовію и благодарностію.

Памятенъ мнѣ въ селѣ Чаговѣ такой типъ церковно-общественныхъ людей, въ лицѣ старика *Тимка Липки* и его жены Варки. Лѣтъ болѣе 25-ти тому назадъ въ глубокой старости умерли они обое въ одинъ день и въ одной ямѣ погребены. Я зналъ Тимка Липку, когда ему было лѣтъ подъ 60. Въ селѣ уже хозяйствовали его сыновья и зятья, самъ-же онъ, отдавъ дѣтямъ поле, имѣлъ только хатку и огородъ. Съ полемъ родные его приняли на себя и всѣ обязанности въ отношеніи помѣщика и общества. Тяжелы были эти

обязанности въ прежнее время. „Имѣешь поле, тяни таланъ и бѣду“,— говорилось тогда. Цѣлый вѣкъ бѣдный крестьянинъ долженъ былъ жить въ напряженномъ состояніи, въ вѣчномъ страхѣ, плачѣ и уныніи. Каждое Божіе утро только и слышна была строгая расправа въ дворѣ мѣстнаго эконома. Тимко Липка, вручивши хозяйство дѣтямъ своимъ, жилъ отъ мелкихъ услугъ ближнимъ. По большей части онъ занимался въ пасѣкѣ церковной, или у священника. Всегда живой, всегда говорливый, онъ нравился всѣмъ. Особенныхъ пріемовъ въ веденіи пасѣки Липка не имѣлъ. Тоже курище изъ вербовой порохни, тоже обхожденіе съ бѣдною пчелою, которую и убивали и давили.—Бывало Липка хвалится: „О, пчолы мене знають! то дитки мои!“. Мы вѣрили ему, хотя часто при сборѣ роя видѣли, сколько онъ этихъ дитокъ своихъ закуритъ, задавитъ, а съ другой стороны, когда начнетъ обмахиваться, то эти-же дитки искусаютъ его жестоко... Ничего, дадутъ Липкѣ чарку водки, и все забыто. Никогда Липка не сердился на дитокъ своихъ.

Въ селѣ Чаговѣ съ незапамятныхъ временъ существовало *братство церковное*. Безъ формы на бумагѣ, съ которою тогда рѣдко встрѣчались, оно существовало и жило. Братчики часто сходились въ домѣ священника, или въ братерской хатѣ близъ церкви, разсуждая о церковныхъ дѣлахъ, по силѣ своей дѣлали пожертвованія на церковь, помогали бѣднымъ, смиряли упорныхъ, ослушныхъ власти родительской и церковной. Всѣ грѣхи противъ доброй нравственности, не подлежавшіе суду панскому и казенному, судились братскимъ судомъ. Для этого существовала прибитая къ колокольнѣ *куна*, родъ желѣзнаго пута, которымъ припутывали за руки осужденныхъ братскимъ судомъ для посрамленія предъ громадою. Липка, какъ пожилой и честнѣйшій человѣкъ, по большей части участвовалъ въ этихъ братскихъ сужденіяхъ.

Братерская хата имѣла еще и другое назначеніе: въ ней совершались громадскіе, или братерскіе *обѣды*, въ дни великихъ праздниковъ, храмовые, поминальные и т. п. Обычай древній и общій въ цѣломъ краѣ. Угощалось все село, угощали нищихъ и прохожихъ. Самые шумные обѣды бывали на *проводы* и на храмовые праздники. Въ Чаговѣ церковь построена во имя Святителя Христова Николая. Храмовой день два раза правднуютъ: весною 9 мая и въ началѣ зимы—6 декабря. Жители чаговскіе говорятъ: *у насъ*

два праздника: еденъ голодный, а другій—холодный. Одинъ, а то и оба чаговскіе храмовые праздники сопровождались, кромѣ обѣда, *сыченіемъ меду.* Какъ въ приготовленіи обѣда на праздники, такъ и въ вареніи меду Липка принималъ самое дѣятельное участіе. Во главѣ другихъ *„прихильныхъ до церкви святои“* мущинъ и женщинъ, собиралъ онъ по „куткамъ“ села зерно, муку, печеный хлѣбъ, яйца, отчасти и деньги, но въ особенности выручалъ громаду, когда надо было добыть гдѣ либо на сторонѣ хорошей водки, обойти или ублаготворить мѣстнаго жида-орандаря, который претендовалъ и за водку, не у него взятую, и за медъ, производилъ обыски въ самый обѣдъ и накладывалъ иногда большую пеню за нарушеніе откупа.

Живя въ своей хаткѣ и будучи такъ сказать бобылемъ, Тимко Липка готовъ былъ къ услугамъ каждаго, кто-бы ни потребовалъ ихъ отъ него. Особенно охотно онъ принималъ на себя услуги священнику по отсылкѣ дѣтей въ училище и доставкѣ ихъ домой на каникулы. У покойнаго чаговскаго священика *Григорія Кисилевича* было 5 сыновъ. Ихъ начинали возить въ школу съ 8-лѣтняго возраста. При непастьѣ, при морозѣ слѣдовало и приберечь этихъ птенцовъ. Липка тутъ былъ драгоцѣннымъ, не замѣнимымъ возницей и дядькой. Съ какою заботою, съ какою нѣжностію онъ обращался къ дѣтямъ: „а що вы, панычи, померзли? сидить тихо, ворушить пальцями, закрывайтесь!“ и тутъ же самъ окоченѣлыми руками связываетъ намъ рукава, закрываетъ, какъ умѣетъ лице, глаза. Конечно, въ Липкѣ было дорого не искусство его управлять лошадьми: тутъ онъ не придерживался никакихъ правилъ, пускалъ больше на волю Божью, не разбиралъ, какая горячая и какая лѣнивая лошадь, а такъ усядется, какъ попало, подниметъ кнутъ, завертитъ имъ въ воздухѣ и прикрикнетъ по мѣстному: „віо віо! Геття, геття! Ну голубятка“! И голубяткка понесутъ иной разъ, не разбирая ни рвовъ, ни бугровъ. Приходилось иногда и наѣхать на кого-нибудь; тутъ доставалось Липкѣ, особенно въ Кіевѣ отъ полицейскихъ. Но онъ съ гордостію припоминалъ такіе казусы: „що вы, дурни, знаете? говорилъ Липка молодымъ поселянамъ; отъ якъ бы васъ такъ вшкваривъ москаль по заушкахъ, якъ мене колись“, и разскажетъ, гдѣ и какъ это случилось съ нимъ въ Кіевѣ. Но за то въ Липкѣ цѣнили его неподдѣльную честность, внимательный и

неусыпный досмотръ всего, что поручаемо было ему: лошадей, харчи, одежды, денегъ и дѣтей. Лѣтомъ мы не заѣзжали на постоялые дворы,—и не привычка, и разсчетъ,—а останавливались для корма лошадей и для ночлега на поляхъ, платя за выпасъ нѣсколько грошей, а то и ничего. Иногда ночуютъ нѣсколько повозокъ вмѣстѣ: образуется таборъ, разводимъ огонь и варимъ галушки или кашу. Тутъ вяжутся безконечные разсказы, и лѣтняя теплая ночь быстро пролетаетъ. Липка и здѣсь, какъ на братерскихъ обѣдахъ: и огонь разведетъ, и воды добудетъ, и треноги съ казанкомъ установитъ, и на коней посматриваетъ. Въ досмотрѣ лошадей на вольномъ корму было большое затрудненіе. Хорошо усмотрѣть за ними въ звѣздную, или лунную ночь, но случалось, застигнутъ насъ ненастье и холодъ: тогда, скорчившись, лежимъ подъ возами и часто однимъ дыханіемъ согрѣваемъ окоченѣвшіе члены. Тутъ нерѣдко и досмотрщики лошадей попадаютъ въ бѣду. Разсвѣтаетъ. Слышится крикъ: „ой, лихо! коней нема!“ Начинаются поиски; уѣзжаютъ всѣ. Остаются тѣ, у кого лошадей не стало. Не скоро найдутъ ихъ гдѣ либо въ сосѣднемъ селѣ, куда они взяты съ покосовъ или съ пашни. Тутъ начинаются поклоны, просьбы и за нѣсколько гривенъ выручаются наконецъ лошади. А то и хуже бывало, лошадей подцѣпитъ притаившійся гдѣ-либо въ оврагѣ воръ. Тутъ плачъ и бѣганье ничего не помогаютъ, и изыскиваются другія средства достаться къ мѣсту назначенія. Съ Тимкомъ и Липкою никогда такихъ казусовъ не случалось. Онъ не спускалъ лошадей съ глазъ своихъ; не спитъ бывало цѣлую ночь и развѣ ошибкою лошадь въ темнотѣ зайдетъ на какой-либо засѣвъ. Но и тутъ Липка то шуткою, то просьбою всегда выручитъ лошадей. Противъ его смиренной, добродушной просьбы нельзя было устоять. Изнурившись ночью отъ безсонницы, онъ бывало спитъ, сидя на повозкѣ, и сквозь сонъ и лошадей погоняетъ, и на вопросы наши отвѣчаетъ, а то предложитъ кому-либо изъ насъ взять „на часокъ“ возжи, что мы исполняли съ особымъ удовольствіемъ.

И такъ Липка возилъ дѣтей батюшки десятки лѣтъ въ школы и изъ школъ. И этого онъ не считалъ для себя тягостію, не домогался и платы за свои труды. „Що дасте, що милость,“ и ему даютъ нѣсколько злотыхъ и какую-нибудь мѣрку пашни. Эта случайная его профессія, эта функція, которую онъ отправлялъ разъ

шесть въ годъ, составляла его гордость: онъ чувствовалъ, что служитъ тѣмъ не просто *панъ-отцю*, но всей громадѣ. „Ось побачите, говорилъ онъ не разъ съ сомодовольствомъ предъ громадою, коли не вывожу вамъ попа.“ И когда одинъ изъ сыновей покойнаго Григорія Кисилевича, чрезъ нѣсколько лѣтъ по смерти отца, былъ посвященъ во священника села Чагова и Липка привезъ его въ родное село, тогда радости стараго возницы не было предѣловъ. Это былъ самый торжественный праздникъ его. И вообще въ этомъ, не наемномъ, но добровольномъ слугѣ было какое-то родственное отношеніе къ намъ. Мнѣ живо помнится и, кажется, я никогда не забуду того времени, когда Липка въ 1836 году пріѣхалъ въ Кіевъ съ харчами къ своимъ *поповичамъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ привезъ имъ печальное извѣстіе о смерти ихъ отца, а своего возлюбленнаго пастыря, *Григорія Кисилевича*. Вошелъ онъ въ комнату; мы его окружили, засыпали вопросами. Вмѣсто отвѣта—слезы брызнули изъ глазъ Липки. И долго онѣ лились, и долго онъ не могъ произнести ни слова... Все понято, слезы дѣтскія смѣшались съ слезами старика... Гдѣ теперь такіе слуги?

Такою-же привѣтливостію, такою-же добротою дышала и жена Липки, Варвара, или по просту *Варка*. Она сдѣлалась необходимою въ цѣломъ селѣ. Никто не могъ приготовить лучшаго обѣда, никто не ходилъ чище возлѣ *стравы*, никто не пекъ лучше курицы, какъ Варка. А потому гдѣ *хрестины*, весилля, или похороны,—непремѣнно уже Варка присутствовала тамъ въ качествѣ распорядительницы и собесѣдницы. Никогда ея услуга не была такъ полезна, какъ во время чьей-нибудь болѣзни. Она была утѣшительницею, лекаркою и сидѣлкой. Цѣлыя ночи она просиживала вмѣстѣ съ домашними у одра больнаго, и когда родные отъ скорби терялись, она принимала послѣдній вздохъ умирающаго. Въ послѣднее время ее приглашали въ качествѣ повивальной бабки, она и отъ этого не отказывалась, и сфера ея услугъ для ближнихъ расширилась. Она вездѣ была какъ своя—родная. Всегда ровная, безъ отягощенія, безъ капризовъ, она всѣмъ нравилась, всѣ ей довѣрялись. И такъ въ случаяхъ самыхъ торжественныхъ Тимко и Варка всегда у всѣхъ гостили, всегда и услуживали: одно съ другимъ соединялось. И такъ они проводили послѣдніе дни, дождавшись многочисленнаго потомства. Еще за жизни своей Липки теряли счетъ внуковъ и прав-

нуковъ. Цѣлый кутокъ въ Чаговѣ, по ихъ роду, названъ *Липковкою,* и въ этомъ куткѣ еще и теперь болѣе или менѣе держатся давнихъ обычаевъ своихъ дѣдовъ. Въ праздникъ святаго Богоявленія, послѣ освященія воды на рѣкѣ, священникъ бывало прежде всѣхъ ходитъ съ св. водою въ Липковкѣ. Какъ старшіе представители своихъ родныхъ, дѣдъ Тимко и баба Варка въ первой хатѣ встрѣчали священника съ зажженнымъ трисвѣщникомъ. Послѣ окропленія св. водою дома и его обитателей, приглашали всѣхъ садиться и предлагали закуску, по большей части приготовленія Варки. Сходились ближайшіе сосѣди, ставилась на столъ водка и медъ—*Липецъ*, такъ славный въ мѣстечкѣ Линцахъ. Шло угощеніе, лилась бесѣда—тихая, какъ утренняя заря. Липка пускался въ воспоминанія: ни горечи, ни осужденія, ни ропота на судьбу въ его словахъ, но одна всеобъемлющая любовь. Не возможно передать его радости, упоенія сердечнаго и того глубокаго благоговѣнія, съ какимъ онъ прикладывался ко кресту, цѣловалъ руку отца духовнаго. Его настроеніемъ проникалась вся компанія, и если чарка изрѣдка переходила изъ рукъ въ руки, то только для большей сообщительности въ разговорѣ. Праздникъ и бесѣда вблизи пастыря для бѣдныхъ, удрученныхъ были истиннымъ наслажденіемъ. Тутъ былъ ихъ отдыхъ, утѣха, ободреніе.

Многое перемѣнилось въ Чаговѣ, какъ и вездѣ съ 19-го февраля 1861 года. Проникъ и сюда лучъ свободы и освѣтилъ бѣдную крестьянскую хижину; но по мѣрѣ того, какъ проростаютъ на свободѣ и просторѣ добрыя старыя сѣмена, проглядываютъ кой-гдѣ и плевелы, въ видѣ *личной* только заботы, *личнаго* разсчета, нѣкотораго равнодушія къ тому, что не *мое*, нѣкотораго охлажденія къ дѣлу Божію, дѣлу ближняго, общественному. Умеръ между тѣмъ и старый батюшка *Григорій Кисилевичъ*, котораго чаговцы величали, какъ своего бладѣтеля; умеръ дѣдъ Липка, умерла и жена его Варка, эти послѣдніе, можетъ-быть, по крайней мѣрѣ очень рѣдкіе представители начерченнаго мною типа церковно-общественныхъ людей; умерли и три бывшіе *школяри*, которыхъ дѣдъ Липка возилъ въ школы и „вывозилъ на попы“... Что-то принесетъ намъ новая жизнь? Какіе новые, свѣтлые типы представитъ она намъ нъ замѣнъ отходящихъ, на которыхъ память останавливается съ невольнымъ уваженіемъ и любовію? Къ счастію, преданіе еще крѣпко въ Чаговѣ и жители его и

при новыхъ вѣяніяхъ не отстаютъ отъ него, и хотя проѣздъ въ Чаговъ и теперь иногда труденъ, за то его населеніе хранитъ и доселѣ многое изъ того, чѣмъ такъ богата была наша отживающая старина.

Протоіерей **Лука Кисилевичъ.**

М. Дашевъ.

КОНТРАКТЪ НА ПОСТРОЙКУ ЦЕРКВИ КОНЦА XVII В.

Этотъ рѣдкій и единственный извѣстный намъ документъ такого рода обязательно сообщенъ намъ А. М. Лазаревскимъ изъ его богатаго собранія древнихъ рукописей. Кромѣ имѣющихъ мѣстный интересъ свѣдѣній о церквахъ въ Глуховѣ и Стародубѣ, въ немъ привлекутъ вниманіе каждаго любителя старины и способъ постройки, и цѣна оной, и наглядное опредѣленіе ея размѣровъ и другихъ частностей. Никакого плана, ни фасада, ни разрѣзовъ продольныхъ или поперечныхъ, никакого вообще чертежа и рисунка и чего-либо напоминающаго наши такъ прославившіяся смѣты. Строится между тѣмъ церковь каменная, воздвигается она въ Глуховѣ, въ одномъ изъ значительныхъ городовъ Малороссіи, въ резиденціи потомъ гетманской. Постройка сдается огуломъ не мѣстному, а захожему мастеру Ефимову, который строилъ тогда-же церковь въ Стародубѣ. И условіе одно общее: какъ тамъ строилъ, такъ и здѣсь строй: только тутъ вотъ шире, или уже, тамъ длиннѣе или выше. А Ефимовъ строилъ по какому-то ему извѣстному образцу, который онъ заимствовалъ, конечно, оттуда, откуда самъ пришелъ. Что это за архитектура, никто, конечно, и представленія имѣть не можетъ, если не видѣлъ самыхъ церквей въ Глуховѣ и Стародубѣ.

Наша южно-русская архитектура вообще дѣло темное и совсѣмъ не початое. Не только какихъ-нибудь выводовъ, принятыхъ положеній въ этой области не существуетъ, но даже снятыхъ образцовъ, памятниковъ, научнаго матеріала мы почти не имѣемъ, если не разумѣть церквей древняго, княжескаго періода. Но кому случалось проѣзжать по Россіи, особливо лѣтъ 40—50 назадъ, и присматриваться хотя мелькомъ къ тому, что попадалось на пути, того вниманія не могли не обратить на себя слѣдующія два явленія: во 1-хъ обиліе каменныхъ церквей на сѣверѣ и малочисленность ихъ на югѣ Россіи, и во 2-хъ нѣкоторое однообразіе стиля послѣднихъ и отсутствіе въ нихъ чего-либо оригинальнаго, а съ другой стороны большое разнообразіе и подъ-часъ зна-

чительное изящество въ постройкѣ деревянныхъ церквей въ Малороссіи.

По малому числу данныхъ относительно нашей архитектуры XVII и XVIII ст., по неразработанности ихъ, иногда просто по отсутствію готовыхъ образцевъ, трудно съ точностію объяснить указанные факты, но намъ кажется, что разъясненія ихъ надо искать въ болѣе раннемъ періодѣ нашей исторіи. Еще при Ярославѣ приходили въ Кіевъ хоромы строить плотники новгородскіе, а церкви строили мастера греческіе. Строительному искусству мы, южане, и послѣ не скоро научились: къ каменнымъ постройкамъ такъ и доселѣ не навыкли, а когда освоились съ деревянными, то привнесли въ нихъ свой вкусъ и стиль, которые, по раздробленности южныхъ частей Россіи въ то время и разнообразнымъ на нихъ вліяніямъ, проявились въ своемъ развитіи и примѣненіи большимъ разнообразіемъ. Какъ-бы ни было, но помѣщаемый нами документъ, въ связи съ приведенными обстоятельствами, указываетъ, по нашему мнѣнію, на то, что памятниковъ нашей южно-русской церковной архитектуры мы должны искать скорѣе въ уцѣлѣвшихъ еще деревянныхъ, нежели каменныхъ церквахъ XVII—XVIII в., а по рѣдкости и недолговѣчности первыхъ—спѣшить сохраненіемъ ихъ рисунковъ для исторіи.

„Року 1692 мѣсяца октоврия 24 дня. Контрактъ зъ каменщикомъ п. Матвѣемъ Еѳимовичомъ учиненный на мурованне церкви святого архистратига Михайла въ Глуховѣ. Образъ и подобіе, якъ маетъ муроватись церковъ святого архистратига Михаила въ Глуховѣ: широта и долгота тоей церкви, такъ самое середини или капули, якожъ тежъ въ олтарѣ и предѣлехъ обоихъ боковъ, таковая маетъ быти и таковымъ подобиемъ, якъ церковъ святителя Христова Николая, новомуруючаяся въ Стародубовѣ, майстерствомъ сего-жъ майстра здѣлана, окромъ паперти лѣтѣйной; паперть лѣтѣйная напередѣ маетъ быти у глуховское церкви ширшая аршиномъ и должшая аршиномъ однимъ и вишшая сажнемъ надъ паперть стародубское церкви, и маетъ лѣтѣйной папертѣ баня ровна быти зъ олтарнею банею, а не такъ, якъ у Стародубовѣ; высота церкви святого архистратига Христова Михаила въ Глуховѣ маетъ быти самая капуля сажнемъ у гору вышшая одъ церкви стародубовской, и маютъ быти въ церкви глуховской въ стѣнахъ самой середини надъ окна стародубовской церкви другие окна круглие, олтаръ также вышшый квадруючийся до середины или до копули; предѣли

висотою двома аршинами выше отъ предѣлъ стародубовской церкви, склепъ повиненъ быти въ глуховской церкви также въ лѣтѣйной паперти, яко и въ стародубовской. Контрактъ на Глуховскую церковъ таковый: Матвѣй Еѳимовичъ мастеръ стародубовской церкви, маючій муровати у Глуховѣ церковъ, повиненъ онъ своимъ кирпичемъ, своею вапною, своимъ желѣзомъ, своимъ каменемъ, своимъ пѣскомъ и водою, всѣмъ тымъ своимъ коштомъ маетъ выставити глуховскую церковъ и зъ челядю своею и всю тую мастерию своима подводами повиненъ до церкви возити. Докладаемъ, же вапну и цеглу своимъ коштомъ и своими дровами палити маетъ. За тотъ увесь коштъ изо всѣмъ маемъ, якъ виставитъ церковъ глуховскую ведлугъ описаня сего, дати ему Матвѣю Евѳимовичу готовыхъ денегъ шесть сотъ рублей копѣйками, а пятъ сотъ рублей чехами, всей суммы одинадцять сотъ рублей. Харчи ликгоменное дати ему тридцять осмачокъ муки житное, пять осмачокъ крупъ розныхъ, пять пудъ сала, шесть пудъ соли. Деревню до тоей церкви на риштоване и до ѳундаментовъ, если-би треба, того всего обецуютъ достатчити его мил. п. Михайло Миклашевскій, полковникъ стародубовский, такъ тежъ и на сарай деревни вивезти, а Матѳей Евѳимовичь самъ будовати сарай зъ деревни готовое повиненъ, если-бы ихъ треба. До которого нашого контракту, умовленого ми урядъ: Василий Ѳедоровичъ, сотникъ глуховский, Кондратъ Грудяка, атаманъ городовий, зо всѣмъ урядомъ, для стверженя лѣпшого печать свою приложили.

(Изъ вѣчистой книги 1692 г. старод. маг.).

ДНЕВНИКЪ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ХОРУЖАГО

НИКОЛАЯ ХАНЕНКА

1727—1753 Г.

Приложеніе къ журналу «Кіевская Старина.»

1884.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. **Корчакъ-Новицкаго**, Михайловская улица, с. домъ.

ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА.

(1727—1753 г.).

Дневникъ генеральнаго хоружаго Николая Ханенка, вмѣстѣ съ дневникомъ Якова Марковича, представляютъ собою два важнѣйшіе памятника для изученія исторіи Малороссіи средины XVIII в., когда политическая жизнь этой страны начала терять свои самобытныя формы и стала сливаться съ общерусскою жизнью. О существованіи дневника Н. Ханенка спеціалисты знаютъ уже лѣтъ тридцать, но интересъ нашъ къ историческимъ памятникамъ настолько не великъ, что объ изданіи его заботился одинъ только приснопамятный для малороссійской исторіографіи О. М. Бодянскій. Однакожъ и Бодянскому удалось напечатать лишь часть этого дневника, касающуюся первой половины 1722 г. и составляющую отдѣльное цѣлое [1]). Затѣмъ думалъ, говорятъ, о напечатаніи дневника Ханенка издатель „Русскаго Архива", но и эти думы не сбылись. Наконецъ изданію этого памятника суждено осуществиться на страницахъ «Кіевской Старины», чѣмъ исполняется давнишнее желаніе всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ возможность познакомиться съ нимъ въ рукописи.

Авторъ „Дневника"—генеральный хоружій Николай Ханенко принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени. Мы не будемъ говорить о происхожденіи Ханенковъ послѣ тѣхъ свѣдѣній по этому предмету, которыя собраны Бодянскимъ и помѣщены въ его

---

[1]) «Діаріушъ или журналъ случающихся при дворѣ п. Іоанна Скоропадскаго гетмана оказій и церемоній, такожъ и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ, начеснійся 1722 году и окончепный въ томъ-же году, въ мѣсяцѣ іюлѣ».— Чтенія въ моск. общ. ист. и др., 1858 г., кн. 1.

предисловіи къ „Діаріушу“; изъ этихъ свѣдѣній, основанныхъ преимущественно на семейныхъ преданіяхъ, видимъ, что отецъ Николая Ханенка—Данило Лаврентьевичъ былъ родной племянникъ извѣстнаго правобережнаго гетмана Михайла Ханенка. Послѣдній, отказавшись отъ гетманства въ 1674 г., сначала жилъ въ Кіевѣ, а потомъ перешолъ на лѣвый берегъ Днѣпра и оселился здѣсь, какъ кажется, въ Лубенскомъ полку въ г. Лохвицѣ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Яковомъ [2]). Вмѣстѣ съ нимъ конечно перешли на лѣвый берегъ Днѣпра и братья его—Сергѣй и Лаврентій. Старшій сынъ послѣдняго—Данило былъ женатъ, по семейному преданію, на дочери Ивана Ломиковскаго, бывшаго генеральнымъ писаремъ у Михайла Ханенка, когда тотъ былъ поставленъ отъ поляковъ гетманомъ. Затѣмъ когда Ханенки перешли на лѣвый берегъ Днѣпра, съ ними перешолъ вмѣстѣ и Ломиковскій; здѣсь онъ поступилъ сначала въ „дворяне“ къ гетману Самойловичу, а при преемникѣ его вступилъ въ кругъ генеральной старшины и пользовался особымъ довѣріемъ Мазепы, особенно когда съ 1700 г. сталъ генеральнымъ обознымъ. Свойство Данила Ханенка съ такимъ человѣкомъ должно было выдвинуть его изъ ряда „значковыхъ товарищей“, въ число которыхъ необходимо входилъ Данило Ханенко уже за одно свое родство съ какимъ ни на есть, но все гетманомъ—Михайломъ Ханенкомъ. Отъ этого брака и родился въ 1691 г. авторъ дневника [3]). По семейному преданію, отецъ Николая Ханенка убитъ былъ при взятіи Кизикерменя (1697 г.), а мать его умерла по тому же

---

[2]) Акты юго-западной Россіи, XII, 409. Въ библіотекѣ церковно археологическаго музея при кіевской духовной академіи, въ числѣ документовъ кириловскаго монастыря, имѣется дарственная запись 1676 г., по которой Михайло Ханенко, живя въ Лохвицѣ, подарилъ кириловскому монастырю «грунтъ свой въ Киевѣ при монастиру брацкомъ лежачій, купленный у п. Криштофа Искрицкаго». Запись подписана Михайломъ Ханенкомъ совмѣстно съ сыномъ его Яковомъ такъ: «сію карту, при печати моей, рукою моею я и сынъ мой подписуемъ». Означенный актъ, дающій единственное до сихъ поръ свѣдѣніе о жизни Михайла Ханенка на лѣвомъ берегу Днѣпра, указанъ въ Описаніи рукоп. музея, Н. Петрова, стр. 185. Съ этого акта и взято факсимиле Михайла Ханенка, приложенное къ изданію Вл. А. Беца: Историческіе Дѣятели юго-западной Россіи.

[3]) На одной изъ иконъ, находящихся въ церкви с. Городища, стародубскаго уѣзда, имѣется такая надпись: Nicolaus Chanenco signifer generalis parvae

преданію, еще раньше; такъ что Н. Ханенко остался сиротою въ младенчествѣ и взятъ былъ на воспитаніе въ семью дѣда Ломиковскаго [4]). Если преданіе не ошибается, то отсюда Николай Ханенко поступилъ въ кіевскую академію, гдѣ учился вмѣстѣ съ Яковомъ Марковичемъ [5]). Но кіевская академія должно быть не вполнѣ удовлетворила пытливый умъ Николая Ханенка, такъ какъ онъ ученіе свое доканчивалъ въ львовской академіи [6]). Ученіе свое Ханенко окончилъ, должно быть, въ 1710 г., такъ какъ обыкновенно въ этомъ возрастѣ оканчивали курсъ кіевскіе академисты. Въ это время той семьи, изъ которой Ханенко пошолъ въ школу, уже не существовало: дѣдъ его Ломиковскій ушелъ въ 1708 г. за Мазепою и затѣмъ, послѣ полтавскаго сраженія, бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Турцію, гдѣ по смерти Мазепы оселился въ Яссахъ [7]). Изъ дѣтей Ломиковскаго выпутался изъ бѣды одинъ старшій сынъ его—Иванъ,

---

Russiae, natur die 30 novembr. an. 1691, obiit in Deo die 27 m. ianuarii an. 1760. Iuliana de domo Korecka, uxor ejus, nata die 28 iulii an. 1715, obiit in Deo die 29 decembr. an. 1775. Описаніе черниговской епархіи, VII, 56.

[4]) Такъ говоритъ Бодянскій на основаніи семейнаго преданія, въ предисловіи къ Діаріушу (VII), а правнукъ Николая Ханенка, Михайло Ивановичъ Ханенко, напечатавшій часть бумагъ прадѣда въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1852 г., говоритъ (№ 33, стр. 338), что «неизвѣстно, чьей заботливости былъ обязанъ Николай Дмитріевичъ Ханенко своимъ воспитаніемъ». Думаемъ что естественнѣе всего было заботиться о воспитаніи Николая Ханенка его бабкѣ, вдовѣ Лаврентія Ханенка, которая была жива еще въ 1704 г., какъ видно изъ универсала Мазепы этого года: «просила насъ п. Анна Лищанка, Ханенчиха зъ сыномъ своимъ п. Федоромъ Ханенкомъ, на тотъ часъ сотникомъ козелецкимъ, о стверженє въ владѣніе еи селца Соловьевки, недалеко Хвастова будучого, по небожчику Лищцѣ, дядку еи рожопомъ, ей належного». Упоминаемый здѣсь Федоръ Ханенко былъ родной дядя Николая Ханенка, такъ какъ онъ называетъ послѣдняго «роднымъ братаничемъ своимъ" (Діаріушъ, VI).

[5]) Яковъ Марковичъ называлъ Ханенка «кондисципуломъ» (II 364).

[6]) Въ фамильномъ архивѣ Ханенка еще въ 1852 г. хранились аттестаты, выданные Николаю Ханенку, какъ изъ кіевской, такъ изъ львовской академій. Черниговскія Губернскія Вѣдомости, 1852 г., № 33.

[7]) См. духовное завѣщаніе Ивана Ломиковскаго въ Молодинѣ на 1844 г., (Харьковъ. 1843 г.) стр. 71—85. Бодянскій ошибается (Діаріушъ, VII), говоря, что Ломиковскій былъ прощенъ Петромъ В. Былъ прощенъ старшій сынъ его, тоже Иванъ.

благодаря тому, что женатъ былъ на дочери Апостола. Слѣдуетъ думать, что отчасти при помощи родства съ Апостолами, а отчасти по старой пріязни гетмана Скоропадскаго къ Ломиковскому, выдвинулся по службѣ и питомецъ послѣдняго—Ханенко. Скоропадскій и Ломиковскій были земляками—оба выходцы изъ-за Днѣпра и служили вмѣстѣ у Мазепы. Николай Ханенко, по его словамъ, началъ службу съ 1710 г., сначала въ рядахъ войска, а съ 1717 г. поступилъ въ генеральную канцелярію [8]). Здѣсь его способности скоро были замѣчены, такъ какъ Ханенко былъ искуснымъ „редакторомъ", выражаясь по нынѣшнему, а такіе люди въ канцеляріяхъ всегда имѣютъ цѣну. Въ 30 лѣтъ отъ роду (1721 г.) Н. Ханенко становится уже „старшимъ канцеляристомъ", т. е. главнымъ помощникомъ генеральнаго писаря по управленію генеральною канцеляріею. Должность старшаго канцеляриста или „реента" пользовалась большимъ значеніемъ и ее обыкновенно занимали близкіе къ гетману люди. Значеніе Ханенка и близость его къ Скоропадскому видны изъ напечатаннаго Бодянскимъ „Діаріуша", который велъ старшій канцеляристъ съ начала 1722 г. до „окончанія жизни" Скоропадскаго и гдѣ подробно описана послѣдняя поѣздка этого гетмана въ Москву.

По смерти Скоропадскаго, Ханенко съумѣлъ сохранить свое положеніе и скоро сталъ довѣреннымъ человѣкомъ у Полуботка, излагая на бумагѣ всѣ тѣ распоряженія, которыя диктовалъ ему черниговскій полковникъ, пытаясь отстоять „давнины". Насколько Полуботокъ цѣнилъ Ханенка, это видно изъ того, что не кого иного, а Ханенка онъ выбралъ для посылки къ царю „вѣстительныхъ грамотъ" о смерти Скоропадскаго, которыя тотъ и отвезъ Петру В., находившемуся въ это время въ терковскомъ походѣ. Вообще, какъ видно, Ханенко былъ у Полуботка подручнымъ человѣкомъ при исполненіи болѣе важныхъ распоряженій. Служебныя способности Ханенка Полуботокъ рѣшился наградить даже маетностями. Хотя малороссійская коллегія не признавала за Полуботкомъ права распоряжаться послѣдними, какъ распоряжались гетманы, и противъ этого трудно было и

---

[8]) Сказка о службахъ Николая Ханенка, напечатанная въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1852 г. № 33, стр. 340.

спорить; но у Полуботка было два-три человѣка такихъ, службу которыхъ трудно было наградить чѣмъ другимъ, кромѣ маетностей; въ числѣ ихъ былъ и Ханенко. Послѣднему маетности даны были на томъ основаніи, что будто-бы это дѣлалось по приказу умершаго Скоропадскаго. Такъ говоритъ самъ Ханенко, получивъ въ апрѣлѣ 1723 г. отъ Полуботка два погарскія села—Перегонъ и Дешковичи: „мнѣ оныя деревни, Перегонъ съ Дешковичами, опредѣлены съ приказу гетмана Скоропадскаго, въ награжденіе за наслѣдственныя наши (т. е. предковъ Ханенка) по той сторонѣ Днѣпра маетности, отшедшія въ польскую державу, универсаломъ старшины генеральной въ 1723 г., апрѣля 2 числа“ [9]). Разумѣется, при этомъ генеральной старшинѣ, т. е. Полуботку, приходилось вѣрить на слово, что онъ, отдавая Ханенку Перегонъ и Дешковичи, дѣлалъ это во исполненіе посмертной воли Скоропадскаго; но другого предлога для награжденія маетностями Полуботокъ не умѣлъ да и не могъ найти, такъ какъ самъ права на раздачу маетностей не имѣлъ. Расторопностью Ханенка Полуботокъ хотѣлъ воспользоваться и въ самый критическій для него моментъ: получивъ указъ о своемъ, вмѣстѣ съ Савичемъ и Чернышомъ, вызовѣ въ Петербургъ въ концѣ мая (1723 г.), Полуботокъ придумалъ послать депутацію, которая должна была явиться къ царю отъ имени „всего народа“ и отъ имени послѣдняго представить царю челобитную, главнымъ содержаніемъ которой было то ходатайство объ избраніи гетмана, которымъ такъ болѣлъ Полуботокъ. Эта депутація должна была предварить пріѣздъ Полуботка въ Петербургъ и показать царю, что тѣ настойчивыя напоминанія Полуботка объ избраніи новаго гетмана, съ которыми онъ уже нѣсколько разъ, послѣ смерти Скоропадскаго, обращался къ царю и его приближеннымъ, основывались на общемъ желаніи народа. Депутацію эту пришлось снарядить на спѣхъ: получивъ указъ о вызовѣ въ Петербургъ 22 мая, Полуботокъ наскоро снарядилъ депутацію „отъ всего народа“, состоявшую всего изъ пяти человѣкъ, которую и выправилъ въ Петербургъ 24 мая [10]). Въ числѣ депутатовъ находился

[9]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ стародубскаго полка 1729 года, рукопись.

[10]) Подробности см. въ Русскомъ Архивѣ 1880 г., кн. I, 178—181.

и Николай Ханенко, на способности котораго въ умѣніи подойти къ сильнымъ людямъ Полуботокъ главнымъ образомъ и возлагалъ свои надежды.

Никакихъ желательныхъ для Полуботка результатовъ Ханенко, разумѣется, не могъ добиться, а дождавшись Полуботка въ Петербургѣ, сталъ и здѣсь главнымъ его секретаремъ. Когда Петръ В., разгнѣванный поданными отъ Полуботка 13 сентября (1723 г.) челобитными [11]), задумалъ послать въ Малороссію А. И. Румянцева для разслѣдованія, насколько народъ участвовалъ въ этихъ челобитныхъ, Полуботокъ хотѣлъ предупредить оставшуюся въ Глуховѣ старшину о пріѣздѣ Румянцева, для чего поручилъ Ханенку составить подробную „меморію“ — что дѣлать въ виду прибытія Румянцева. Эту меморію долженъ былъ отвезти въ Малороссію бунчуковый товарищъ Быковскій; но не успѣлъ послѣдній выѣхать изъ Петербурга, какъ привезены были изъ Малороссіи, отъ Апостола, новыя челобитныя, слѣдствіемъ которыхъ былъ немедленный арестъ Полуботка и его товарищей; всѣхъ ихъ заключили „въ каменный замокъ петербургскій“. Въ числѣ арестованныхъ былъ и Ханенко. Дѣло Полуботка кончилось вмѣстѣ съ смертью Петра В. Указомъ 8 февраля 1725 г. [12]) арестованные малороссіяне были освобождены изъ подъ ареста, при чемъ большинству изъ нихъ назначено было жить безвыѣздно въ Петербургѣ, а Ханенку кромѣ того указывалось „быть въ гарнизонной школѣ учителемъ дѣтей офицерскихъ и солдатскихъ“. [13]) Это назначеніе Ханенка показываетъ, что и въ Петербургѣ на него смотрѣли какъ на человѣка, выдѣляющагося изъ среды другихъ своимъ образованіемъ.

Бодянскій говоритъ (Діаріушъ, IX), что сохранилось преданіе, что Ханенка „водили даже изъ крѣпости во дворецъ давать кому-то уроки“. Не знаемъ, на сколько это преданіе вѣрно, но несомнѣнно, что Ханенко въ Петербургѣ заслужилъ такое благорасположеніе властей, что его отпустили оттуда уже въ 1726 г. и отпустили съ исключительною милостью. Мы уже говорили, при какихъ условіяхъ Ханенко получилъ

[11]) Т. Ж., 198—199.
[12]) Полное Собр. Зак., VII, № 4651.
[13]) Марк. I. 68.

отъ Полуботка двѣ деревни около Погара: когда Ханенка арестовали въ Петербургѣ, малороссійская коллегія распорядилась эти деревни отобрать изъ владѣнія Ханенка, причемъ они были отданы въ завѣдываніе одного изъ бунчуковыхъ товарищей. Возвратить эти деревни Ханенку было трудно, такъ какъ тотъ актъ, по которому онъ ихъ получилъ, правительство не признавало законнымъ. Тѣмъ не менѣе отпуская Ханенка изъ Петербурга, за нимъ признали право и на возвращеніе въ его владѣніе Перегона и Дешковичей. Въ своемъ „доношеніи, поданномъ въ полковое стародубское правленіе въ 1729 г., при „генеральномъ слѣдствіи о маетностяхъ", Ханенко пишетъ, что, за отъѣздомъ его въ Петербургъ, малороссійская коллегія тѣ деревни отдала во владѣніе Парфена Пекалицкаго, а за „прибытіемъ моимъ" изъ С.-Петербурга въ 1726 года, *за указомъ* до коллегіи малороссійской *сенацкимъ*, паки оніе деревнѣ стали мнѣ прислушать». Кромѣ возвращенія деревень, Ханенку сдѣланы были въ Петербургѣ и другія обѣщанія; это видно изъ того, что поѣхавъ туда въ началѣ 1727 года, онъ подаетъ въ сенатъ „челобитную о чинѣ", при чемъ должно быть разумѣлось стародубское судейство, которое онъ и получилъ въ концѣ того года, поддержанный въ своемъ ходатайствѣ Апостоломъ. Послѣдній настолько цѣнилъ въ Ханенкѣ его секретарскія способности, что считалъ его какъ-бы необходимымъ спутникомъ при своихъ поѣздкахъ въ Москву. Получивъ неожиданно, напр., 2 января 1728 года, указъ иностранной коллегіи о немедленномъ прибытіи въ Москву къ готовившемуся бракосочетанію Петра II, гетманъ въ тотъ же день послалъ „указъ до судіи полкового стародубского Николая Ханенка и бунчукового товарища Петра Корецкого, дабы за полученіемъ онаго денно и нощно зъ Стародуба къ Москвѣ спѣшили, а для пропитанія въ Москвѣ взять Ханенку 60 рублей, да на подъемъ ему-жъ и Корецкому 40 рублей [14]).

Пробывъ десять лѣтъ на урядѣ судейства, Ханенко въ 1738 году получилъ урядъ полковаго обозного, на которомъ оставался тринадцать лѣтъ, пока въ 1741 году не поставленъ былъ генеральнымъ бунчучнымъ. Мы не будемъ говорить о дальнѣйшей службѣ Ханенка, о коей гово-

[14]) Рукописный журналъ генеральной канцеляріи за 1728 г.

рять какъ „Сказка о службахъ" его [15]), такъ и Дневникъ, а обратимся къ частной жизни автора Дневника.

Выпросивъ себѣ первыя маетности въ стародубскомъ полку и получивъ въ этомъ-же полку судейство, Ханенко тамъ-же нашелъ себѣ и жену. Женился онъ на дочери бунчуковаго товарища Петра Корецкаго. Корецкій былъ человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, составившій себѣ положеніе женитьбою на одной изъ дочерей стародубскаго полковника Михаила Миклашевскаго. Всего вѣроятнѣе, что Корецкій былъ выходецъ изъ праваго берега Днѣпра, пришедшій на лѣвый берегъ искать счастья. Здѣсь онъ пріютился въ Стародубѣ около Миклашевскаго, который, какъ и прочая высшая старшина въ Малороссіи, любилъ окружать себя подобными выходцами, которые въ такомъ положеніи назывались „дворянами". Были „дворяне" гетманскіе, были и полковничьи. У Миклашевскаго было нѣсколько дочерей; одна изъ нихъ, Настасья, была замужемъ за бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Гамалѣею, сыномъ и братомъ генеральныхъ урядниковъ [16]). Это былъ одинъ изъ видныхъ богачей стародубскаго полка. Въ 1706 г. Миклашевскій былъ убитъ при осадѣ Несвижа; вмѣстѣ съ нимъ убитъ былъ и зять его Гамалѣя. На вдовѣ послѣдняго женился Петръ Корецкій и этою женитьбою составилъ себѣ положеніе; при Скоропадскомъ онъ сталъ уже бунчуковымъ товарищемъ и получилъ отъ него нѣсколько маетностей. У Корецкаго, кромѣ двухъ сыновей, Федора и Александра, была дочь Ульяна, на которой и женился Ханенко. Этою женитьбою Ханенко породнился со всѣми богачами Стародубщины: Миклашевскіе, Шираи, Скорупы, Галецкіе, Максимовичи - были близкою роднею Ульяны Корецкой. Вмѣстѣ съ женитьбою, Ханенко получилъ отъ Апостола въ 1732 г. новыя маетности (села Чубаровъ и Куровъ) и вмѣстѣ съ послѣдними пріобрѣталъ уже такіе матеріальные достатки, какими обладали и стародубскіе его свойственники. Отъ брака съ Корецкою, Ханенко имѣлъ трехъ сыновей и пять дочерей. Старшій сынъ—Петръ умеръ въ дѣтствѣ, а два другіе, Василій и Иванъ, выросли. Получивъ

---

[15]) «Сказка о службахъ» Николая Ханенка напечатана въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1855 г., № 33.

[16]) См. Русскій Архивъ 1872 г., I, 439.

самъ образованіе довольно солидное для того времени, Ханенко хотѣлъ дать дѣтямъ образованіе еще лучшее; кіевская академія повидимому его уже не удовлетворяла и онъ задумалъ старшаго сына отправить для ученія въ одинъ изъ заграничныхъ университетовъ. Это намѣреніе Ханенка тѣмъ большее останавливаетъ на себѣ вниманіе, что онъ при этомъ думалъ объ университетахъ нѣмецкихъ. Заграничное воспитаніе для малороссіянъ первой половины XVIII в. было не рѣдкость; но оно ограничивалось преимущественно тогдашними польскими школами (Львовъ, Вроцлавъ и друг.), нѣмецкіе-же университеты оставались для малороссіянъ неизвѣстными до половины XVIII в. Въ нѣмецкіе университеты первый направилъ своихъ дѣтей, кажется, Михаилъ Васильевичъ Скоропадскій, зять Апостола. Но Скоропадскій былъ однимъ изъ первыхъ богачей въ Малороссіи, до котораго Ханенку было еще далеко. Поэтому рѣшеніе Ханенка отправить своего сына въ нѣмецкій университетъ показываетъ, какъ высоко этотъ человѣкъ цѣнилъ образованіе. Взглядъ Ханенка на цѣль и значеніе образованія изложенъ имъ въ „увѣщаніи", которое написалъ онъ сыну Василію предъ отправленіемъ его за границу: „обучаться-же тебѣ", писалъ Ханенко сыну, „латинскаго и французскаго языковъ, не забывая и нѣмецкаго, а если допуститъ время, хотя и другихъ какихъ: и такой успѣхъ въ оныхъ стараться получить, чтобъ могъ еси чинно и свободно оными разговаривать и самымъ изряднымъ стилемъ писать, найпаче-же и всякихъ высокихъ авторовъ на тыхъ языкахъ не токмо читать, но и переводить и толковать былъ-бы еси достаточенъ; а сверхъ языковъ долженъ еси обучаться совершенно церковной и свѣтской, генеральной и партикулярной исторіи, тако-жъ ученію поэтики, реторики съ стилемъ, логики, физики и метафизики, хотя по части да отъ математики, ариѳметики, логистики и астрономики, геометріи, тригонометріи и геометріи практики, то есть геодезіи, архитектуры воинской и гражданской, географіи, этики, экономики, политики, юриспруденціи и механики, да и протчаго; въ томъ числѣ хотя-бы какого и художества честнаго, напримѣръ фехтуры, т. е. живописства, музыки, либо какого другаго майстерства, что честному и ученому человѣку къ знанію и искуству благопристойно; чему-же изъ вышенаписанныхъ наукъ, либо художествъ,

обучатися будешь, то старайся, что-бъ въ томъ ученіи и искусствѣ получить тебѣ совершенную теорію и практику: дабы за возвращеніемъ твоимъ въ отечество наше показалъ еси въ самой вещи, яко не всуе въ чужихъ краяхъ было твое обращеніе и въ наукахъ не напрасно потеряно твое время“ [17]).

Слѣдуетъ думать, что „увѣщаніе“ написано было безъ всякой помощи со стороны какого нибудь профессіональнаго педагога, и тогда мы должны признать, что Ханенко, и по окончаніи своего ученія въ школахъ, продолжалъ учиться самъ—чтеніемъ тогдашняго литературнаго обихода и довелъ это ученіе до того, что могъ считаться однимъ изъ образованнѣйшихъ малороссовъ половины XVIII в.. Отправивъ сына за границу, Ханенко велъ съ нимъ непрерывную переписку, которая заслуживаетъ быть изданною, какъ интересный матеріалъ для исторіи мѣстной культуры [18]). Съ младшимъ сыномъ, Иваномъ, Ханенко повидимому не хотѣлъ разставаться и заботился о томъ, нельзя-ли ученіе его устроить дома. Въ концѣ 1756 г. Ханенко пишетъ къ старшему сыну, находившемуся въ это время въ Килѣ: „Не можно-ли тамъ достать какого добраго учителя, чтобъ сюда (въ Глуховъ) къ намъ выѣхалъ и *завелъ гимназію*, который здѣсь, собравши учениковъ, хоча съ 10, можетъ хорошую имѣть пенсію, ибо отъ всякой персоны можетъ получать по 3 рубли въ мѣсяцъ, что чрезъ годъ учинитъ ему доходу триста рублей, а сверхъ того и квартера дастся“. Но это желаніе Ханенка не осуществилось и черезъ два года (въ декабрѣ 1758 г.) младшій сынъ его отправленъ былъ для воспитанія въ Петербургъ, гдѣ, при посредствѣ Разумовскаго, Иванъ Ханенко учился подъ руководствомъ академика Модераха. Разумовскій вообще благоволилъ къ Ханенку, цѣня въ немъ ту опытность въ дѣлахъ, которой именно самъ не имѣлъ. Вслѣдъ за утвержденіемъ своимъ на гетманствѣ, Разумовскій взялъ Ханенка къ себѣ правителемъ учрежденной имъ „походной“ канцеляріи. А по прибытіи въ Малороссію новый гетманъ поставилъ во главѣ генеральной канцеляріи его-же Ханенка вмѣстѣ съ Петромъ Апо-

---

[17]) Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1852 г., № 34.

[18]) Часть писемъ къ Николаю Ханенку изъ заграницы напечатана въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 18[illegible]2 г.

столомъ и Василіемъ Рудовичемъ. Служба Ханенка награждена была универсаломъ 13 января 1752 г., по которому Разумовскій далъ ему села и деревни: Команъ, Лѣсконоги, Юхновъ, Городище, Чаусы, Случевскъ, Дарѣевскъ, Сопычи, Муравьи и Подище [19]).

Но старые дѣльцы не долго пользовались значеніемъ у Разумовскаго; они скоро были оттѣснены молодымъ генеральнымъ обознымъ Семеномъ Кочубеемъ, который вмѣстѣ съ Тепловымъ получили первенствующее значеніе въ управленіи Малороссіею. Къ старымъ дѣльцамъ Разумовскій обращался лишь по временамъ, поручая имъ завѣдываніе дѣлами, когда напр. уѣзжалъ въ Малороссію. Службу Ханенка Разумовскій хотѣлъ наградить, кромѣ маетностей, еще и повышеніемъ въ чинѣ: въ 1759 г. будучи въ Петербургѣ, гетманъ представлялъ о назначеніи Ханенка генеральнымъ писаремъ, причемъ, въ виду его старости, хотѣлъ имѣть двухъ генеральныхъ писарей, указывая другаго писаря въ лицѣ Якова Тарновскаго [20]). Но прежде, чѣмъ гетманское представленіе было разсмотрѣно, Ханенко умеръ. Умеръ онъ въ январѣ 1760 г., въ Глуховѣ, гдѣ оставался при правленіи дѣлъ, вмѣстѣ съ другимъ генеральнымъ старшиною, на время отсутствія Разумовскаго. Оставшіеся сыновья Ханенка, Василій и Иванъ, получили отъ отца настолько значительное наслѣдство, что становились одними изъ первыхъ богачей въ Малороссіи [21]). Въ 1783 г., за младшимъ, Иваномъ Ханенкомъ было записано 1322 крест. обоего пола, въ селахъ и деревняхъ: Городищѣ, Перегонѣ, Дешковичахъ, Чубаровѣ, Куровѣ и Васильевкѣ. У старшаго, Василія Ханенка было конечно не менѣе; имѣнія его въ это время находились въ селахъ: Дарѣевскѣ, Чаусахъ, Случевскѣ, Сопычахъ, Лѣсконогахъ, Лукинѣ, Муравьяхъ, Команѣ, Юхновѣ, Лотакахъ,

---

[19]) Обозрѣніе Румянцевской Описи, стр. 802. Кромѣ этихъ имѣній Николай Ханенко посредствомъ «скупли» пріобрѣлъ село Лотаки съ разными землями, на которыхъ поселилъ три слободы: Николаевку, Кургановку и Конончуковку. Лотаки съ слободами были утверждены за сыновьями Николая Ханенка въ 1761 г.—Тамъ же, стр. 760.

[20]) Діаріушъ, XIII.

[21]) Въ числѣ наслѣдства Николая Ханенка осталась между прочимъ, какъ говоритъ преданіе, и весьма значительная библіотека, которая была подарена, вслѣдъ за смертью ея хозяина, дочерьми послѣдняго (сыновья въ это время были на службѣ) новгородсѣверскому народному училищу, преобразованному затѣмъ въ гимназію.

Николаевкѣ, Кургановкѣ, Рубановкѣ, Рудовкѣ и Подищахъ. При открытіи новгородсѣверскаго намѣстничества, въ 1783 г., Иванъ Николаевичъ былъ избранъ первымъ погарскимъ предводителемъ дворянства. Старшій, Василій Николаевичъ жилъ въ это время, послѣ службы при Петрѣ III, отставнымъ майоромъ и старымъ холостякомъ, въ с. Чаусахъ [22]). Наслѣдство его перешло къ дѣтямъ Ивана Николаевича, у котораго отъ брака съ Софіей Григорьевной Горленко, было нѣсколько сыновей. Старшимъ былъ Александръ, къ которому по наслѣдству перешла между прочимъ и рукопись дневника его дѣда.

Рукопись „Дневника" писана на отдѣльныхъ тетрадкахъ въ 4-ку, мелкимъ, своеобразнымъ почеркомъ Н. Ханенка [23]), которыя въ позднѣйшее уже время переплетены въ одну книгу. Мы не знаемъ, въ какомъ видѣ оставленъ былъ дневникъ его авторомъ и съ какого времени начинался онъ; Водянскій, видѣвшій этотъ дневникъ въ 1858 г., пишетъ (Діаріушъ, VI), что дневникъ начинался съ 9 ноября 1719 г., но въ рукописи, съ которой печатается теперь этотъ памятникъ, онъ начинается съ 3 февраля 1727 г. и затѣмъ имѣетъ въ срединѣ значительные пропуски; такъ въ немъ не достаетъ, напримѣръ, цѣлыхъ семи лѣтъ (1734—1741). Настоящій владѣлецъ рукописи, Ал. Ив. Ханенко сообщаетъ намъ, что въ такомъ видѣ онъ получилъ эту рукопись въ подарокъ отъ дяди своего, тоже Ал. Ив. Ханенка, который, будучи человѣкомъ очень образованнымъ, цѣнилъ и берегъ дневникъ своего дѣда; можно догадываться, говоритъ теперешній владѣлецъ рукописи, что части послѣдней были растеряны еще дочерьми Н. Д. Ханенка, въ рукахъ которыхъ нѣкоторое время оставались всѣ бумаги и книги умершаго ихъ отца, такъ какъ сыновья послѣдняго, во время его смерти, находились на службѣ.

Дневникъ Н. Ханенка, какъ мы уже говорили, извѣстенъ между спеціалистами издавна; для нѣкоторыхъ работъ онъ уже служилъ и

---

[22]) Портреты обоихъ братьевъ хранятся у Ал. Ив. Ханенка. Портретъ отца ихъ, Николая Ханенка, не сохранился, а быть—онъ конечно былъ, потому что таковъ ужъ былъ обычай у малороссійскихъ пановъ, чтобы портреты хозяина и хозяйки зажиточнаго дома, писаные масляными красками, висѣли въ пріемныхъ комнатахъ.

[23]) Нѣсколько страницъ впрочемъ имѣется въ дневникѣ, писанныхъ постороннею рукою, должно быть подъ диктовку Н. Ханенка.

источникомъ [24]). Незначительная его часть была напечатана архіепископомъ Филаретомъ (Гумилевскимъ) въ Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ за 1865 г. (1732 и 1733 годы), причемъ ученый издатель снабдилъ напечатанный отрывокъ подробными примѣчаніями, въ которыхъ привелъ выдержки и изъ другихъ частей дневника.

Въ настоящее время печатается дневникъ Ханенка вполнѣ, насколько онъ сохранился, по подлинной рукописи, принадлежащей цѣнителю и знатоку мѣстной старины Ал. Ив. Ханенку, правнуку автора дневника. Нами удержано правописаніе подлинника, за исключеніемъ тѣхъ измѣненій, которыя мы признали нужнымъ сдѣлать для удобства при чтеніи, такъ напримѣръ нами прибавлена вездѣ въ предлогахъ буква ъ, находящаяся въ подлинникѣ, притомъ не вездѣ, въ видѣ надстрочнаго знака.

Въ приложеніи къ дневнику мы печатаемъ, для большаго знакомства съ личностью его автора, духовное завѣщаніе Н. Ханенка и нѣсколько его писемъ. Самый-же дневникъ снабженъ нами примѣчаніями, которыя восполняютъ отрывочный его характеръ.

Ал. Лазаревскій.

27 декабря 1883 г.
Кіевъ.

---

[24]) Болѣе другихъ пользовался дневникомъ Ханенка авторъ «Семейства Разумовскихъ».

1727 годъ.

Февраль.

3. Віехалъ зъ Глухова до Санктпітербурха.

5. Прибылъ въ Стародубъ.

14. Віехалъ зъ Почепа.

22. Прибылъ въ Москву.

26. Віехалъ зъ Москвы.

Мартъ.

6. Прибылъ въ Санктпітербурхъ.

8. Стали на квартерѣ въ домѣ стольника Глѣбова, на Васильевскомъ острову, въ пятой лѣніи. Сего-жъ числа подалъ доношеніе изъ малороссійской коллегіи и изъ генеральной канцеляріи въ сенатъ.

15. Подана челобитная въ сенатъ о чину и того-жъ числа резолюція учинена.

20. По той резолюціи о чину подписанъ въ сенатѣ протоколъ.

29. Далъ за печатку отъ рѣзби 4 р.

Апрѣль.

18. Указъ сенатскій отправилъ до Глухова въ малороссійскую коллегію о чину.

24. Генералъ-адютантъ, генералъ полиціймейстеръ и сенаторъ Антонъ Мануиловичъ графъ Девіеръ арестованъ.

26. Указъ присланъ зъ верховного тайного совѣта въ сенатъ о висилки за рубежъ всѣхъ жидовъ.

Май.

6. Въ 9 часу пополудни государыня імператрица Екатерина Алексіевна преставилась въ Санктпитербурхѣ, въ зимнемъ дворцѣ.

7. Скоро свѣтъ, публиковано манифесты о вступленіи на престолъ императора Петра II. и начали чинить присяги, а въ 8 часу пополуночи дано на salve новому імператору зъ 105 пушекъ; потомъ стрѣляно помѣнутно жалобно.

12. Свѣтлѣйшій князь пожалованъ генералиссімусомъ.

14. Публикація по всѣмъ Пітербурхѣ чрезъ лѣтавщиковъ и трубачей о имѣючомъ быть погребеніи ея імператорскаго величества 16 числа.

16. Погребеніе ея величества отправлено въ крѣпости въ церквѣ Петра и Павла зъ всякими достойными жалобнаго видѣнія церемоніями. Сего-жъ числа его імператорское величество Петръ II изволилъ переехать жить на Васильевской островъ въ домъ свѣтлѣйшого князя.

18. Отправленъ сержантъ сенатскій Андріанъ Мироновичъ Ігнатіевъ въ Глуховъ зъ грамотою и указомъ о имѣючомъ быть гетманѣ и о протчемъ.

Іюнь.

29. Імператорское величество изволилъ быть въ литургіи и на молебствіи ради своего тезоименитства въ церквѣ Ісакія Долмацкого, а по обѣдѣ спущенъ корабль и дано ему імя Петръ I и II, то есть первый и вторый.

Іюль.

29. Тайный совѣтникъ и міністръ Федоръ Василіевичъ Наумовъ отъехалъ зъ С. П. Бурха до Глухова для избранія гетмана, а при немъ поехали и канцеляристъ Іванъ Романовичъ и сотникъ Іваницкій Павелъ Міницкій.

30. Зъ сего числа противъ 31-го въ ночи погорѣли інбари и нѣкоторые судна купеческіе на Виборской сторонѣ, где бывалъ складъ изъ кораблей купеческимъ товарамъ.

Августъ.

1. Михайло Івановичъ Новоторжцовъ віехалъ за міністромъ Наумовымъ къ Глухову. Мнѣ зубъ болячій виривалъ штапъ-лікаръ Петръ Івановичъ.

5. Государственного канцлера графа Гаврила Івановича Головкина сожительница, графиня Домна Андріевна преставилась.

19. Отехалъ въ Пітеръ-гофъ на дамъ-шкотѣ суднѣ.

20. Оттолъ прибылъ до Аранибома въ вечеру.

22. Освѣщеніе церкви было въ Аранибомѣ, а потомъ свѣтлѣйшій князь съ своею фамиліею и съ многими господами, въ томъ числѣ былъ и Феофанъ, архіерей новогородскій, при пушечной стрѣлбѣ гуляли.

23. Ездилъ іа зъ Аранибома въ Кронштатъ и пани туда возвратился.

24. Зъ Аранибома прибылъ на ночь въ фаворитъ.

26. Прибылъ въ Санктъ-пітербурхъ.

Септеврій.

5. Свѣтлѣйшій князь пріехалъ зъ Аранибома совсѣмъ въ Пітербурхъ.

6. Верховнаго тайного совѣту дѣла и все, что было государево въ дворцѣ свѣтлѣйшого князя, вивезено въ лѣтній государевъ дворецъ.

7. Отданъ именный приказъ государевъ въ полки гвардіи, чтобъ никого, кромѣ маіоровъ Іосунова и Солтикова, не слушано. Сего-жъ числа ввечеру и імператоръ прибылъ въ лѣтній дворецъ.

8. Публикованы указы печатные, чтобъ князя Меншикова указовъ и партикулярныхъ писемъ нигде не слушано и самому князю Меншикову въ домѣ его сказанъ арестъ.

8. Сняты кавалеріи россійскіи зъ Меншикова и емужъ велено віездить прочъ изъ Санктъ-Пітербурха.

10. Сняты съ егожъ и другихъ государствъ кавалеріи и яхъ варвари, да й віехалъ со всею фамиліею.

11. Прибыли въ С. П. Бурхъ посланци малороссійскіе Семенъ

Лизогубъ и сотникъ сребрянскій Троцина и сотникъ Семенъ Галецкій [25]).

14. Оные посланци имѣли авдіенцію у государя въ дворцѣ лѣтнемъ. Лизогубъ говорилъ рѣчь, а потомъ и у стола государевого кушали.

28. Оные жъ посланци отправлены и дано имъ жалованне и чрезъ нихъ грамота до старшины и народа, а указъ до міністра Наумова изъ іностранной коллегіи отправлены.

Октоврій.

1. Стали квартерою на нітербурскомъ острову въ домѣ священника петропавловскаго Мины Григоріевича. Сего-жъ числа въ Глуховѣ выбранъ съ изрядною церемоніею гетманомъ полковникъ миргородскій Даніилъ Апостолъ.

---

[25]) *Семенъ Ефимовичъ Лизогубъ*—зять гетмана Скоропадскаго; въ 1708 г. пошелъ за Мазепою и возвратился уже только послѣ полтавскаго сраженія (см. показаніе Лизогуба, «Мазепа» Костомарова, стр. 418). Не былъ сосланъ, какъ другіе, только за свойство съ гетманомъ. Умеръ въ польскомъ походѣ въ 1734 г., оставивъ дѣтямъ огромныя земельныя владѣнія. Записки Марковича, I, 345 и 318.

Антонъ Трофимовичъ Троцина (р. 1662 † 1749) былъ сынъ козака м. Переволочной, взятый мальчикомъ въ пѣвчіе царевны Софіи Алексѣевны, въ Москву, откуда онъ выхлопоталъ отцу своему Трофиму (по малороссійски *Троцю*) сотничій урядъ въ м. Срѣбномъ и позволеніе заселить разоренное татарами с. Охонькя. Потерявъ голосъ и возвратившись въ Малороссію, бывшій пѣвчій, усвоившій себѣ по имени отца, фамилію Троцины, самъ сталъ срѣбрянскимъ сотникомъ въ 1707 г., когда отецъ его поставленъ былъ прилуцкимъ полковымъ судьею, и оставался сотникомъ болѣе тридцати лѣтъ, до 1734 г., когда передалъ сотничій свой урядъ сыну Николаю. Какъ человѣкъ бывалый, Антонъ Троцинъ часто бывалъ совѣтчикомъ у гетмана Скоропадскаго, посылавшаго его иногда и въ Москву добывать тѣ или другія нужныя ему свѣдѣнія.

Семенъ Яковлевичъ Галецкій—человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, если онъ не былъ сыномъ мазепинскаго «дворянина» Галецы (Величко, III, 444). Въ первый разъ встрѣчается въ 1704 г., когда получилъ отъ Мазепы нѣсколько крестьянскихъ дворовъ въ с. Михайловскѣ (при р. Бойнѣ). Въ 1709 г.—стародубскій полк. есаулъ, а потомъ—сотникъ погарскій, новгородъ-сѣверскій и наконецъ стародубскій (1712—1734). Будучи стародубскимъ сотникомъ, интриговалъ противъ тогдашняго стародубскаго полковника Александра Дурова и поѣхавъ по этому поводу въ 1734 г. въ Петербургъ, добился смѣщенія Дурова и кромѣ того полу-

4. Отъехали посланци малороссійскіе изъ Санктъ-пітербурха.

12. Ради рожденія государевого было торжество, по молебствію палено зъ пушекъ болше ста и полки бѣглымъ огнемъ, и на двохъ суднахъ убранныхъ съ пушекъ-же, а въ вечеру былъ фейверкъ и иллюминація, въ лѣтнемъ огородѣ.

Ноеврій.

20. Прибыли посланники отъ новоизбраннаго гетмана Апостола.

21. Онижъ были у разныхъ господъ министровъ и сенаторовъ.

30. Віехалъ іа зъ Санктъ-питербурха зъ Александромъ Левицкимъ и ночю поѣхалъ зъ Ямской.

1730 годъ.

24 мая въ Москвѣ. Ея императорскому величеству одклонился яспевелможный и того-жъ числа ради отклону кушалъ въ дворцѣ. Сего-жъ числа ея і. величество изволили публично віехать изъ Москви до Измайлова, куда едучій при каретѣ, въ ассистенціи зъ кавалергардами, енералъ Іванъ Іліичъ Мамоновъ умеръ нечаянно. Купчину московскому Дементію Прохоровичу въ доплатку за футро 2 р., розышлось 14 к.

Числа 25. За 21¼ золотника сѣтки сребной дано 5 р. 16 к. За 34 золотника сѣтки пестрой—7 р. 31 к. За два фунта кофе—46 к. За вецоване бритовъ 32 к. За жестянку до голенья [26]) 12 к.

Числа 26. Въ доплатку за 4 аршина таѳи Іву Петровичу дано 60 коп. (Того-жъ) числа за Тріодь цвѣтную и два букваря 1 р. 20 к. Енералъ-лейтенантъ Урбаповичъ былъ у мене въ квартерѣ.

чилъ урядъ генеральнаго бунчучнаго. Убитъ въ 1738 г., въ крымскомъ походѣ, вмѣстѣ съ лѣтописцемъ Грабянкою, бывшимъ тогда гадяцкимъ полковникомъ. По предстательству Ласси, урядъ Грабянки отданъ былъ сыну Семена Галецкаго—Петру.

[26]) Бритья.

27. За работу мундіру для дитины 2 р. 50 к. Дѣвкамъ—40. Хлопцямъ отездного 15 к. Капралу и людямъ господина Курбатова 30 к. Каченовскому на персону 60 к. За вино красное и бѣлое 75 к. За ленти кумѣ Наталіи Лаврентіевнѣ, да сестрѣ ее Аннѣ 57 к. За ленти жолтую и зеленую 1 р. 26 к. Сего-жъ числа віехали зъ Москви и ночовали о 25 верстъ.

28. На обѣднiй попасъ прибыли въ деревню Черничку о 44 версты. На сѣно и оброкъ пошло 25 коп. На ночъ прибыли въ деревню Пратву о 39 верстъ.

29. Прибыли на обѣдъ до деревни Гусева о 37 верстъ; одтоль въ Калугу и перевезшись ночовали. За починку колиски въ Калузѣ 30 коп.

30. Прибыли къ Доброму монастырю и перевезшись чрезъ Оку, обѣдали. Дано за рибу 21 к. Ночовали за Кинетю, перевезшись.

31. Прибыли на обѣдъ до Белiова. Тутъ-же куплены ножи столовiи и два кухенныхъ, за которые дано 1 р. 40 к. За оковку колиски 15 к. За рибу 27½ к. На ночъ прибыли до Болхова, и одтоль отехалъ панъ Петръ, полковникъ лубенскiй, на почтѣ зъ поддячимъ Урiиломъ, которiй данъ былъ зъ Москвы для конвоя. За три четверти меду 21 коп.

Іюнь.

1. Прибыли на обѣдъ до села Глотова. Одтоль віехавши, ночовали въ степу, одехавши 17 верстъ.

2. Обѣдали надъ нѣкоторою переправою, а ночовали подъ малою деревнею.

3. Прибыли на обѣдъ до Почти Любошской и одтоль отехалъ панъ Холодовичъ на почтѣ. По обѣдѣ прибыли за Сѣвскъ на ночъ о 3 версты.

4. По полдни прибыли въ Глуховъ.

5, 6 и 7. Прожилъ въ Глуховѣ.

8. Віехавъ зъ Глухова, прибылъ на ночъ въ Новгородокъ.

9. Одтоль віехавши, пріехалъ на ночъ въ Левенку [27]).

12. Взято у Іанченка поставъ сукна блакитного, за которое дано ему 5 червоныхъ да 25 к.

---

[27]) Село стародубского уѣзда.

18. У Павлика отобрано 5 р. за коня проданнаго сивострокатого, да 5 р., отобранныхъ у шинкаря Зайцутского. Мужикъ перегонскій [28]) утонулъ, рибу ловлячи.

19. Кошцѣ, одправленному въ Глуховъ, дано на дорогу 20 к.

20. За похоронъ утонувшаго чоловика дано 20 к. Студентамъ інтермедіантамъ 1 р.

21. Розышлось 24 к.

23. За цѣвку золота 1 р. 10 к. За раіонокъ мишурный 18 к., за полтора фунта баволны 24 к. За два баранки 90 к. За 150 аршинъ шнурка 1 р. 20 к. За три фунта мініи 36 к. За два аршина крашенины 8 к. Отданы пану Іану Миклашевскому [29]) р.

24. Розышлось на розницу 33 к.

Журналъ или щоденная записка іакого месяца і числа до іакой персоны и чрезъ кого іменно писано и о протчемъ, начатый року 1730-го.

Мѣсяца августа 9. Писано до пана полковника лубенскаго, привитствуючи о прибытіи его въ домъ зъ Москвы [30]). Того-жъ числа писано и до писаря полкового лубенского, пана Стефана Савицкого, зъ инстанціею за свойственнымъ панскимъ о невзятіи его, яко жилца и осѣлого, въ великани и тые писма посланы чрезъ Дмитра Тимченка и Гаврила Ясиченка. До пана Іана Гамалѣя въ Юдиновъ [31]),

[28]) Село Перегонъ стародубскаго уѣзда, принадлежавшее Н. Ханенку.

[29]) Иванъ Михайловичъ Миклашевскій, младшій сынъ стародубскаго полковника, отъ второй его жены Анны Швейковской. Умеръ бунчуковымъ товарищемъ въ 1740 г.

[30]) Петръ Даниловичъ Апостолъ, второй сынъ гетмана, оставленъ былъ въ Москвѣ въ качествѣ заложника, когда отецъ его отпущенъ былъ въ Малороссію послѣ Полуботковскаго дѣла. Воспитывался подъ надзоромъ Меншикова (Опис. обит. въ Рос. госуд. народовъ. Спб. 1799 г., IV, 314). Въ 1728 г. Петромъ II лично назначенъ лубенскимъ полковникомъ (Зап. Марк. I, 277, 296), но и затѣмъ оставался въ Москвѣ до 1730 г., когда отпущенъ былъ въ Малороссію и сталъ дѣйствительнымъ полковникомъ. Петръ Апостолъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Послѣ него остались, какъ слышно, записки писанныя на французскомъ языкѣ, хранящіяся у г. Алексѣева въ Екатеринославѣ.

[31]) Иванъ Андреевичъ Гамалѣя—единокровный братъ жены Н. Ханенка. Былъ женатъ первымъ бракомъ на падчерицѣ путивльскаго поѣзщика Семена Неплюева, Марфѣ Анненковой, за которою получилъ богатое приданое въ томъ-же уѣздѣ, а вторымъ бракомъ—на вдовѣ графа Гаврила Рагузинскаго. Въ 1743 г.

о присылкѣ тарадайки и о прибытіи его для посѣщенія въ Перегонъ, чрезъ чаусовскаго шинкаря Осипа. Того-жъ числа писано до пана сотника красноколядинскаго Марка Ангеліовскаго [32]), дабы въ свойственныхъ панскихъ пропалый конь вороній въ Талалаевцѣ [33]), если сыщется, былъ имъ отданъ, который листъ чрезъ ихъ-же и посланъ.

16. Зъ Глухова писалъ листъ чрезъ Данила Кроцкевича, служителя п. Малѣшевской, до пана Стефана Миклашевского [34]), въ дѣлѣ панѣ Малѣшевской зъ Якубовичемъ [35]). Листъ до пана Івана Гамалѣи [36]), 17 числа писанный, посланъ въ Семіоновку для отсылки оттоль въ Пѣски, который такъ ся имѣетъ: „мосцѣ пане Гамалѣя, мой велце ласкавый добродзію. Писалъ іа въ прошедшемъ 1729 году два раза до в. м., м. пана, упоминаючися, ижбысь в. м., м. панъ должніе мнѣ отъ васъ деньги 26 рублей изволилъ отдати; но по тихъ писмахъ моихъ не только отдачи денегъ, но і отвѣту отъ в. м., м. пана не получилемъ. Прето теперь чрезъ нарочного, нарочно пишучи до вм., м. пана, прошу, изволте, безъ болшой своей и моей турбаціи, въ упомянутомъ своемъ мнѣ долгу уістітись неотложно. Гдижъ в. м., м. панъ можешъ помнѣти, что и заставу мнѣ изволилесь давать—кубокъ срѣбный и рондзикъ, а іа не взялъ, дуфаючи слову вашему, что імѣлисте вскорѣ тотъ мой долгъ отдати, зъ потверженемъ теди прошу в. м., м. пана сему посланному должніе 26 рублей денегъ вручити для привозки оныхъ ко мнѣ, а іа-жъ

назначенъ членомъ генер. суда, а при отставкѣ получилъ чинъ генер. судья. Ему принадлежали три села въ стародубск. уѣздѣ—Юдиновъ, Борщовъ и Чеховка и с. Сеняновка, конотопск. уѣзда. Портретъ его хранится въ семьѣ недавно умершаго Г. Н. Гамалѣи, въ обоянск. уѣздѣ курской губерніи.

[32]) Поставленъ сотникомъ въ 1717 г. на мѣсто Леонтія Лашинскаго, по «инстанціи разныхъ высокихъ особъ», какъ сказано въ универсалѣ Скоропадскаго, а ходатайства (инстанціи) особъ явились потому, что Ангеліовскій «у двору государинѣ царевнѣ Нататіи Алексѣевнѣ знайдовался», вѣроятно пѣвчимъ.

[33]) Село роженскаго уѣзда.

[34]) Степанъ Михайловичъ Миклашевскій—второй сынъ стародубскаго полковника; умеръ около 1750 г.

[35]) Яковъ Демьяновичъ Якубовичъ—генер. есаулъ.

[36]) Иванъ Михайловичъ Гамалѣя, сотникъ лохвицкій, получившій по раздѣлу съ братьями село Великіе Пески, лохвицк. уѣзда, которое затѣмъ было продано имъ Ефиму Дарагану.

тогожъ посланного буду здѣсь дожидатись въ Глуховѣ. При семъ зостаю на завше вм., м. пану всего добра зичливий сватъ и новолнѣйшій слуга Николай Ханенко, судіа полковий стародубскій. Зъ Глухова августа 17 числа, 1730-го году". А прошлого 1729 году, іюля 22, къ нему о томже посилано, да марта 6 тогожъ году.

17. Посланы листы, еденъ до пана Петра Валкевича[37]), въ Конотопъ, привитствуючи его тамошнимъ пребываніемъ; другій до старости семіоновского Гузевича о видачи Василію Мглиевскому лошаковъ панскихъ.

19. Посланы листи зъ Глухова два чрезъ Евтуха Данченка, писаніе еденъ до пана полковника стародубского Наказного, а другій до пана отца панского.

20. Посланъ листъ чрезъ Скоробогатого, жителя погарского, до Мартина Лирского, чтобы онъ подрядилъ тесель баню и комору строити. Тогожъ числа писанъ листъ до пана Стефана Миклашевскаго о коровахъ, чрезъ Василя Мглиевского.

20. Посланъ листъ до пана Константина Леонтовича о одобрани въ пана Іул(і)ана Дриганта, при которомъ шабля и матарасъ сукномъ зеленимъ покритій, чрезъ значкового козака полку переяславского Безбородка для отданія вручено ему.

21. Писано въ Москву до пана Василя Максимовича[38]) и до кватермейстера Гофмана о антечцѣ и протчемъ.

22. Писано въ Москву-жъ до господина Николая Павловича Кристича и до пана Василія Максимовича, да до канцеляриста

---

[37]) Петръ Васильевичъ Валькевичъ—при Апостолѣ «ресентъ» генер. канцеляріи, а съ 1741 г. генер. есаулъ; умеръ въ 1758 г. Былъ извѣстнымъ дѣльцомъ своего времени. Современникъ о Валькевичѣ говоритъ: «Валкевичъ хотя былъ и дикаго нрава, такъ что ни съ кѣмъ не водилъ знакомства и обращенія, кромѣ тѣхъ, которые въ теченіе многаго времени могли доказать ему свою искренность и привычку къ его свойствамъ, но изобиловалъ разумомъ, а наипаче знаніемъ правъ. Государь императоръ Петръ Великій, познавъ его дарованія, при случаѣ взятія подъ стражу Полуботка съ товарищи, предлагалъ ему остаться при его императорской особѣ». Опис. обит. въ россійск. госуд. народ., IV, 324.

[38]) Кажется, рѣчь идетъ объ одномъ изъ трехъ сыновей генер. есаула Дмитрія Максимовича, который за измѣну съ Мазепою сосланъ былъ въ Архангельскъ, а сыновья его—Федоръ, Иванъ и Василій поселены въ Москвѣ. Василій Максимовичъ въ 1712 г. былъ сотникомъ волынскимъ, черниг. полка.

Кгалюховскаго чрезъ почту. Тогожъ числа за колпакъ 25 конѣекъ, за хустку, що въ Роиску, 20 коп.

23. Послани зъ Глухова корови двѣ да два маленькихъ волики въ Перегонъ чрезъ козаковъ сотни новгородской Евтуха Михеенка, жителя горбовского, да Тита Невмоцеева, жителя пирогов-ского, чрезъ которихъ и листъ до атамана тамошнего новгородского посланъ, чтобы онъ тихъ козаковъ переменивъ, а другимъ тіи корови для отводу въ Перегонъ вручивъ, въ которомъ листѣ писано и до Липского писмомъ о пріемѣ тихъ коровъ. Тогожъ числа господинъ Новоторжцовъ почтою побѣгъ въ Москву и оніе писма чрезъ него послани. Отъ пана Стефана Миклашевского двѣ корови зъ телятами приведены въ Глуховъ.

24. Писани два листи, одинъ до полковника лубенского, пана Петра Апостола, о позиченнихъ паномъ Петромъ Корецкимъ денгахъ. Другій до полковника гадяцкого, пана Григорія Грабянки, привитствуючи его рангомъ[39]). Тогожъ числа, писанъ листъ до сотника воронежского, пана Ивана Холодовіча, требуючи у него отвѣтствія противъ даннаго ему меморіалу, которій для отсилки врученъ атаману Локотковскому.

24. Даль за коня вороного 8 рублей Михайлу Цигану, заплатилъ-же 3 р., а 5 на мнѣ осталось.

25. Отклонился пану и отежаючи подарилъ коня гнѣдского пану Іакимовичу.

27. Прибылъ въ Перегонъ.

28. За 4 габелки постолки 1 р., за подошви 16 конѣекъ, на разніе покупки въ Погаръ конѣекъ 20, шевцю Мойсею дано 60 конѣекъ на шкуру.

29. Писанъ листъ до хоружого полковного стародубовского, пана Іакимовіча, въ дѣлѣ Ганона Садовничого, которій посланъ чрезъ негожъ Ганона. Тогожъ числа столяру даны 25 конѣекъ на дерево; золотару на мосендзъ 15 конѣекъ.

31. Послани листи, одинъ до хоружого полкового стародубовского пана Іакимовича, другій до пана Скоропадского[40]) въ Глу-

[39]) Указомъ 30 мая 1730 г. Грабянка, авторъ извѣстной хроники и железной брани, назначенъ былъ гадяцкимъ полковникомъ на мѣсто Гавриила Милорадовича, смѣщеннаго за насилія и взятки.

[40]) Михаилъ Васильевичъ Скоропадскій, племянникъ гетмана Скоропадскаго и зять Апостола, генеральный подскарбій съ 1741 г. Умеръ въ 1758 г.

ховъ, въ дѣлѣ Ігната Данченка, которіе отосланы въ Глуховъ чрезъ Григорія Данченка, а въ Стародубъ чрезъ Павлика. Тогожъ числа писанъ листъ до Александра Левицкого, сторони въ іармарку кролевецкомъ покупокъ, которій для отдачи прученъ Григорію Данченку. Тогожъ числа за два соми дано 60 копѣекъ.

Септеврій.

1. Продалъ пенку, берковецъ по 3 р., взялъ у пана Круковского 21 руб. съ пол.

2. За 5 фунтовъ ганину дано 3 к., батоги желѣза 28 коп., золотарю коп. 12.

3. Кровь пущалъ.

4. Цилюрнику за кровопущеніе 20 копѣекъ. Тогожъ числа зъ маляремъ Іодиновскимъ учиненъ договоръ на шпалери 4 р. и пол. и полчвертки жита, маляру, імя Григорій Боюровъ, которому дано въ задатокъ 1 р. и 10 кварть цеховыхъ горилки. Велѣлъ дѣлать лиинику погарскому Ивану Стрикицкому постромковъ 6 паръ, обротей 36 и попругъ 12 до попонъ, а 4 волосяныхъ до кулбакъ. Тогожъ числа 4 дано за крашенину 6 коп. Привезено отъ пана Косача 2 бочки соли, за которіе падлежитъ 5 рублей и 2 гривны.

5. Купилъ панъ въ бабы, жителки перегонской, подданной своей, хату старую за копу и деньги ей за оную отдалъ. Тогожъ числа писани два листи, единъ до сотника погарского Семена Соболевского, другій до атамана и войта, тамошнихъ-же погарскихъ, просячи дабы людей вислали на панскую новозачатую греблю, которіе посланы чрезъ Мартина Линского.

6. Писанъ листъ до отца ігумена стеченского чрезъ пана Леонтія Галецкого [41]), зъ посилкою 10 червоныхъ, одисканнихъ отъ пана Славуцкого. Мойсею шевцю погарскому зъ челядникомъ за работу чоботъ, черевиковъ, туфлювъ и протч. 1 р. 70 к.

7. Писанъ листъ до атамана городового новгородского, чтобы онъ ваши на панскіе денги купилъ осмачку и прислалъ въ Перегонъ, которій посланъ чрезъ стойчика зъ Стародуба.

---

[41]) Сотникъ бакланскій, братъ Семена Г. (см. примѣч. 25), получилъ этотъ урядъ «за вѣрность» при измѣнѣ Мазепы; но когда за насилія его сотникамъ Скоропадскій выслалъ своихъ чиновниковъ разслѣдовать жалобы бакланцевъ, то Галецкій отказался отъ уряда и принятъ былъ «подъ бунчукъ».

8. Писанъ листъ до старосты перегонского Линского о направленю печей и коменка и о протчемъ дворовомъ господарствѣ чрезъ подводника Грицка Шногурова. Віехали зъ Левенки и прибыли на ночь до Нижніого [42]).

9. Обѣдали въ Курозновѣ у пановъ Рубцовъ. По полудни прибыли до Ропска; тутъ на стенжки и проч. розышлось 25 к.

10. Віехали зъ Ропска, ночовали въ Курпановичахъ. у Василя Борозни [43]).

11. Обѣдали у пана Николая Борозни [44]) въ Клюсахъ, ночовали въ Бутовцѣ, и тутъ ось зломилась.

12. Прибыли въ Городню, где урядники съ хлѣбомъ насъ витали; оттуль прибыли на обѣдъ до Листвина, тутъ и ночовали.

13. По обѣдѣ позно уже віехали зъ Листвина и ночовали въ футорѣ пана Бурковского Хлѣбовцѣ.

14. Прибыли рано въ Бобровицю, вечеромъ былъ у полковника и прочіихъ чернѣговцовъ.

15. Коло полдня віехали зъ Чернѣгова и прибыли на ночь въ Красное [45]).

16. На обѣдъ прибыли въ Церковища. на ночь въ Іржавцъ [46]); стелмаху и на вижки 5 коп. даны.

17. Прибыли въ Козелецъ. На лямъцѣ 10 к. Алексію за Стефана 20 к., ту и ночовали.

18. Были у полковника [47]) и обѣдали. На розную подробицю розышлось 17 к.

19. За ведро дегтю 14 к. Виехали зъ Козелця, обѣдали въ Омеляновѣ, ночовали въ Димерцѣ [48]).

20. Прибыли въ Бровари; тутъ за рибу 14 копѣекъ, за овесъ 30 копѣекъ. Прибыли на Днѣпръ, где и ночовать мусѣли за попорченіемъ мосту.

---

[42]) С. Нижнее, стародубск. уѣзда, принадлежало Андрею Мих. Миклашевскому.

[43]) Сынъ генер. судьи Ивана Владиміровича Борозды, умеръ въ 1747 г. бунчуковымъ товарищемъ.

[44]) Братъ того-же генер. судьи, умеръ бунчуковымъ товарищемъ въ 1757 г.

[45]) Черниговскаго уѣзда.

[46]) Села Церковище и Ржавецъ—козелецкаго уѣзда.

[47]) Антонъ Танскій, зять Семена Палія.

[48]) Села остерскаго уѣзда.

21. На рибу, рижки и проч. 5 копѣекъ. Тутъ и сей день весь дніовали и ночовали, понеже въ сей день мостъ дѣлали. На сѣно 10 копѣекъ.

22. Рано переехали мостъ и прибыли въ монастырь никольскій на квартеру. На мосту и въ крѣпости роздалось 10 копѣекъ, на медъ и пиво 7 к., на кремѣня 2 к.

23. Были на пещерахъ, а обѣдали у отца архимандрита печерского. Розошлось 1 р. 35 к.

24. На овесъ для коней и на хлѣбъ для людей 70 копѣекъ. Обѣдали и весь день пробавились у отца Негребецкого.

Былъ на праздникѣ въ Китаи. На овесъ для коней и на хлѣбъ для людей 70 копѣекъ.

26. Былъ въ видубицкомъ монастырѣ и отправовалась панахида по покойномъ Миклашевскомъ и другихъ сродникахъ [49]. Дано монахамъ 4 рубли, да еще роздалось 30 копѣекъ. Тамъ обѣдали и весь день пробавили.

27. На мясо 15 копѣекъ. Обѣдалъ у отца ректора и пробавилъ весь день у учителей. Послѣ былъ у пана Войнича бурмистра и ночовали у пана Ѳедора Тихоновича Козелского, бурмистра-жъ.

28. Были у святой Софіи; тамъ розошлось 50 копѣекъ. Прислана зъ магистрату обсылка хлѣбомъ и протчимъ. Розошлось 16 копѣекъ. Дано на покупку разную рубль и 98 копѣекъ. Зъ монастыря Братского обсылка хлѣбомъ и протчимъ учинена. Зъ монастыря видубицкого прислано сѣна.

29. Были въ монастырѣ михайловскомъ для поклоненія мощамъ св. Варвары и тутъ у отца намѣстника Дезидерія обѣдали. Розошлось на нѣкоторіе покупки и проч. 31 к., на мясо 12 к. Обослала хлѣбомъ, виноградомъ, виномъ и орѣхами панѣ Козмина Іакимовичева и панъ Годуцкій хлѣбомъ, виномъ, календаремъ на 1731 годъ.

29. Отцу Ивану на дорогу 20 копѣекъ. Студентамъ 1 рубль 6 копѣекъ; студенту Білѣцкому 60 копѣекъ, за направу фузіи 20 копѣекъ.

---

[49]) Стародубскій полковникъ Михаилъ Миклашевскій († 1706 г.) въ видубицкомъ монастырѣ построилъ каменную церковь во имя св. Георгія Побѣдоносца и каменную трапезу съ церковью св. Преображенія Господня. Въ залѣ настоятельскаго дома видубицкаго монастыря хранится большой старинный портретъ Михаила Миклашевскаго. Соч. Максимовича, II, 251—253.

30. Дѣвцѣ Іакимовиччиной 10 копѣекъ. Зъ Майстрату обослано рибою и хлѣбомъ.

Октоврій.

1. Пренесеніе мощей святого Михайла, первого митрополита кіевского, зъ пещери преподобнаго Антонія въ великую церковь.— Обослано мясомъ зъ Майстрату; обѣдали у отца Негребецкого. Подалъ мнѣ указъ гетманскій панъ Козма Іакимовичъ.

2. Обѣдали у мене намѣстникъ и економъ никольскіе и отехалъ я на Подолъ для исполненія указа гетманского.

3. Обявлялъ на Майстратѣ универсалъ іасне велможного, данный Кузмѣ Іакимовичу на бурмистровство, обѣдалъ у пана Рогуцкого. Рутинскому на чоботи 30 копѣекъ.

4. Обѣдалъ у пана Козми Іакимовича.

5. Былъ знову на ратуши. Панъ Василь Іакимовичъ принеслъ цукрў голову и хлѣбъ; обѣдалъ у пана Козми Іакимовича. За сосудци для Василка 7 коп.

6. По бытіи на ратушу, обѣдалъ у пана Рогуцкаго, который мнѣ подарилъ дриакви, табаку и рукавици, а панъ Іакимовичъ пару лихтаровъ зъ подщипникомъ и щипцами, до сѣдла уборъ и потебенки и двѣ солянки крышталіовыя.—У него-жъ занялемъ 5 рублей. Чрезъ всю бутность, сколко былъ на Подолѣ, щоденно обсилано зъ майстрату всякою харчою. Женѣ пару ножиковъ и стонжки[80]) жена его дарила. При отклонѣ отецъ архимандритъ далъ мнѣ и женѣ, такожъ отецъ Негребецкій по книжцѣ. Двѣ псалтирки куплены за 1 рубль 20 копѣекъ. Отецъ економъ книжку и свѣчку подарилъ же.

7. Обѣдали у отца Васияна, намѣстника печерского, который такожъ далъ по книжцѣ обомъ намъ. Сего же числа были у енерала и пожеднавшись съ всѣми, отехали зъ Киева. Провожалъ насъ аптекаръ Гелтеръ и Козма Іакимовичъ ажъ за мостъ и прибылисмо на ночъ позно до Броваровъ; тутъ пошло на овесъ 36 копѣекъ.

8. Поехали зъ Броваровъ и прибыли на обѣдъ въ Димерку; тутъ на овесъ пошло и на проч. 18 копѣекъ. Одтоль прибыли на ночъ въ Омеляново.

---

[80]) Ленты.

9. На обѣдъ прибыли въ Козелецъ; тутъ на желѣзо 26 коп., да еще на желѣзо жъ 14 копѣекъ. За чотири дойници овса 68 копѣекъ дано.

10. Въ Козелцѣ весь день пробавили въ домѣ пана дядка[51]). Розишлось на розницу копѣекъ 20. Розишлось на роздачу разнымъ въ Козелцѣ 1 рубль 6 коп.

11. Рано обослано одъ полковника хлѣбомъ и мясомъ и протч. Розишлось на розницу 1 рубль 60 копѣекъ. Ковалямъ 25 коп., на діоготь, хлѣбъ и протч. 20 копѣекъ. Надъ вечери висхали зъ Козельца и прибыли на ночъ до Дешкова[52]).

12. На обѣдъ прибыли до Ржавця[53]), где отъ пана сотника козелецкого братъ его Петро принесъ барана. На ночъ прибыли до Церковницъ[54]); тутъ за овесъ дано 16 копѣекъ, ковалю 2 коп.

13. Обѣдали въ Середницѣ[55]); тутъ атаманъ принесъ трое курей и протч., оттоль писанъ листъ до сотника козелецкого пана Алексѣя—сторони верблюда и посланъ чрезъ козака Герасима, которому даны 10 копѣекъ. Прибыли на ночъ до Краснаго[56]); тутъ за двѣ мѣрочки овса 12 копѣекъ далемъ.

14. Обѣдали въ Колчевцѣ; за рибу и хлѣбъ 4 копѣйки. Перевознікамъ 6 копѣекъ[57]). Прибыли на ночъ въ Чернѣговъ и стали кватерою въ домѣ пана писаря[58]), гдѣ обослано насъ отъ пана судіи чернѣговскаго полкового[59]) овсомъ и сѣномъ, а отъ пана Булавки хлѣбомъ, рибою и сѣномъ.

15. Зъ дому ее милости панской, панеи Борковской[60]) дано

---

[51]) Федоръ Лаврентьевичъ Ханенко, сотникъ козелецкій уже въ 1705 году, потомъ полковой есаулъ; съ 1722 по 1737 г. полковой обозный. О немъ см. Описаніе черниговской епархіи, V, 193.

[52]) Село козелецкаго уѣзда.

[53]) Тоже.

[54]) Тоже.

[55]) Тоже.

[56]) Село черниговскаго уѣзда.

[57]) При селѣ Кольчевкѣ, подъ Черниговомъ, находился тогда переводъ чрезъ р. Десну.

[58]) Ивана Янушкевича.

[59]) Василія Каневскаго.

[60]) Жена Андрея Борковскаго.

трое саней новыхъ; обѣдалъ у пана судіи черниговского, а вечеромъ былъ у полковника.

16. Полгора четверика овса 37 копѣекъ, шлей четверо съ постронками 20 копѣекъ, вожокъ четверо 4 копѣйки. Писаны листы до отца Негребецкого и до Козмы Іакимовича, стороны кунтуша, забутого въ Кіевѣ, и посланы тие писма зъ Чернѣгова на почту. За чоботи Костѣ 30 копѣекъ, вина полинкового 3 кварти 24 копѣйки. Обѣдали у полковника и ажъ до ночи пробавили; переехали на Бобровицю и тутъ ночовали.

17. Студентамъ приходившимъ кумалбо данъ червоный; розвилось на розницу 12 копѣекъ. Дана псалтирка маленькая пана Борковского синамъ Михайлу и Василію[61]). Обѣдали у панеи Борковской, куда для опровоженя насъ приездили панъ судія зъ панею своею и панъ Іванъ Булавка. Прибыли въ Седневъ[62]) 4 часа по полудни, а въ Листвень[63]) въ 7-мъ часу, где вежаючимъ въ село, палъ конь молодій гнѣдій, издохъ.

Засталемъ тутъ п. п. Красовского и Лисаневіча.

18. Пробавили весь день гулянемъ.

19. Даровалъ мнѣ панъ Борковскій[64]) пару кобилъ, рижую и сивую, да сивого-жъ лошака и табакерку, а женѣ штофикъ жолтій и зеркало. Розвилось 1 рубль 17 копѣекъ. По обѣдѣ отъехали и прибыли на ночъ въ Городню.

20. Зъ Городнѣ прибыли въ Жабчичи[65]) и тутъ обѣдали; одтоль прибыли на ночъ въ Клюсы.

21. Зъ Клюсовъ приехали на обѣдъ до Куршановичъ; одтоль на ночъ до Соловіовки; едучи чрезъ Хоромное, покиненъ хорий конь, таранъ, а дѣвчина потеряла коралеве маниство.

22. Прибыли въ Роискъ на обѣдъ; тутъ у Роиску умовилемъ шабелника дѣлать для себе шаблю, а для пана судіи чернѣговского крижъ желѣзний подчернь, которому шабелнику, а именно Алексію Грановскому, даны 30 копѣекъ взадатокъ; зоставлена фляжка

---

[61]) Михаилъ и Василій Андреевичи Борковскіе, оба бунчуковые товарищи въ 1751 г.

[62]) Мѣстечко черниговскаго уѣзда, принадлежало тогда Лизогубамъ.

[63]) Село городницкаго уѣзда.

[64]) Андрей Васильевичъ, сынъ генеральнаго обозного.

[65]) Село городницкаго уѣзда.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

о подпискѣ на 1884 годъ на слѣдующіе журналы и газеты.

„СИБИРСКАЯ ГАЗЕТА“

на 1884 года.

Газета будетъ выходить въ 1884 г., какъ и прежде, по воскресеньямъ, въ размѣрѣ 1½—2 листовъ. **Подписная цѣна:** для иногородныхъ за годъ—**7** р., полгода—**4** р. Важнѣйшее мѣсто въ газетѣ будетъ отведено корреспонденціямъ и извѣстіямъ изъ всѣхъ концовъ Сибири—изъ городовъ, деревень и захолустій; цѣль этихъ извѣстій знать нужды и потребности мѣстнаго населенія и бороться съ злоупотребленіями, гнетомъ и неправдой, отъ кого бы они ни исходили. По важнѣйшимъ вопросамъ, какія выдвинетъ мѣстная жизнь, будутъ помѣщаться руководящія статьи. Обзоръ различныхъ выдающихся проявленій этой жизни найдетъ мѣсто въ фельетонѣ. Въ русскомъ и иностранномъ обозрѣніяхъ читатель найдетъ всѣ выдающіяся событія въ русской и иностранной жизни; цѣль этихъ обозрѣній, по возможности, удовлетворить значительную часть нашихъ читателей, не имѣющихъ средствъ выписывать какую либо изъ ежедневныхъ столичныхъ газетъ. Дѣйствія правительства, касающіяся Сибири, будутъ печататься обязательно.—Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ, будутъ печататься отдѣльныя статьи по этнографіи, исторіи, статистикѣ Сибири, а также очерки, разсказы и проч. Всѣхъ лицъ, сочувствующихъ нашимъ цѣлямъ, просимъ помочь намъ трудами и совѣтами; для всѣхъ такихъ лицъ страницы „Сибирской Газеты“ широко открыты.

Подписку и корреспонденціи адресовать: въ Томскъ, въ ред. «Сибирской Газеты».

ГОДЪ ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1884-мъ ГОДУ **XXI.**

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ Покровительствомъ **Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.** Рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія—для гимназій, уѣздныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ. Состоящ. при IV отд. Собств. Его Величества Канцеляріи Учебнымъ Комитетомъ—для чтенія воспитанницамъ женск. учебн. заведеній **Императрицы Маріи.** Духовно-учебнымъ Управленіемъ рекомендованъ начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ и Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендованъ для библіотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе,

представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Годовое изданіе „Семейныхъ Вечеровъ“ состоитъ изъ 24 книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) Стихотворенія, повѣсти и разсказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей; 2) Біографіи замѣчательныхъ людей. 3) Очерки народныхъ обычаевъ, преданія разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разныя эпохи. 4) Путешествія. 5) Статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей. 6) Статьи по естественнымъ наукамъ. 7) Разборы замѣчательныхъ сочиненій. 8) Извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинами, распадался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила-бы вполнѣ пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14 лѣтъ, а вторая—для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ. Другой-же отдѣлъ заключалъ-бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленныя для семейнаго чтенія такъ, чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочлись-бы съ одинаковымъ интересомъ и пользой.

Къ отдѣлу для *Семейнаго чтенія*, какъ и въ 1883 году, будутъ разсылаться приложенія рисунковъ *новѣйшихъ рукодѣлій*, а къ отдѣлу *для дѣтей—рисунки техническихъ искусствъ* и *различныя игры и занятія*, а также награды подписчикамъ, приславшимъ опредѣленное редакціей количество задачъ и рѣшеній.

Кромѣ того, *всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла* „Семейныхъ Вечеровъ“ будетъ разослана, въ видѣ *преміи, олеографія „БУРЯ НА МОРѢ“*.

Въ приложеніи къ отд. для Семейнаго чтенія печатается рядъ лекцій, читанныхъ Государю Императору Александру Николаевичу въ 1830—1834 г. докторомъ Богословія Протоіереемъ *Г. П. Павскимъ*, подъ заглавіемъ *„БИБЛЕЙСКІЯ ДРЕВНОСТИ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ СВ. ПИСАНІЯ“*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	безъ достави.	съ доставкою.
Полный журналъ (24 книжки)	10 р.	11 р. 50 к.
Отдѣлъ для дѣтей (12 кн.)	5 р.	5 р. 50 к.
„ семейнаго чтенія и юношества (12 кн.) . . .	5 р.	5 р. 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію. уступается 1 руб.

Для земскихъ школъ, подписавшихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экз., уступается 2 руб.

Разсрочка допускается: для лицъ служащихъ въ казен. учрежденіяхъ за ручательствомъ гг. казначеевъ, для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній за ручательствомъ ихъ начальствъ. А для прочихъ подписчиковъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Цѣна „Семейныхъ Вечеровъ“ за прежніе годы безъ пересылки: съ 1874 г. по 1880—по 3 р. за каждый отдѣлъ; оба—6 руб.

Съ 1880 по 1883—по 4 руб. за каждый отдѣлъ, за оба 8 рублей.

За 1883 г.—4 р. 50 к. за каждый отдѣлъ, за оба 9 руб.

Пересылка каждаго отдѣла за 4 фунта по разстоянію.

Подписка примается: Въ редакціи журнала „Семейные Вечера“, *С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) улица, д. № 14, кварт. № 9*

Редакторъ-издательница *С. С. Кашпирева.*

Педагогическій и семейный журналъ для всѣхъ интересующихся воспитаніемъ и ходомъ народнаго образованія въ Россіи и заграницей.

„ЗАПИСКИ УЧИТЕЛЯ“

Программа журнала на 1884 годъ.

I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по отдѣльнымъ вопросамъ народнаго образованія. III. Педагогика, методика и *общеобразовательныя и научныя статьи.* IV. Семейно-воспитательный отдѣлъ. V. Исторія народнаго образованія и литературы. VI. Педагогическая хроника русская и иностранная. VII. Отчеты о засѣданіяхъ и съѣздахъ. VIII. Литературное обозрѣніе, библіографія и критика. Новыя книги, вышедшія въ Россіи и за границей. IX. Смѣсь, учебныя пособія. X. Отвѣты редакціи и частныя объявленія.

Журналъ въ одинаковой степени слѣдитъ за воспитаніемъ въ семьѣ и школѣ и за ходомъ учебнаго дѣла, какъ въ народной школѣ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ въ общеобразовательныхъ, такъ и спеціальныхъ. Характеръ журнала—общественно-педагогическій, общеобразовательный и практическій. Въ наступающемъ году будетъ помѣщенъ рядъ научныхъ статей и популярныхъ лекцій по разнымъ отраслямъ знанія.

Въ журналѣ участвовали и будутъ принимать участіе, между прочимъ, слѣдующія лица: проф. *Д. Н. Анучинъ, В. П. Анофріевъ, Н. Ѳ. Бунаковъ, Ю. Ф. Випперъ, В. А. Висковатовъ, В. М. Воскресенскій, А. Л. Вышеславцевъ, д-ръ М. И. Галанинъ, В. С. Гербачъ, П. Я. Гердъ, А. П. Гельденберъ, М. К. Горбунова, К. В. Ельницкій Г. А. Зуевъ, К. А. Казначеевъ,* проф. *Н. П. Карѣевъ, М. С. Корелинъ, В. Д. Коровинъ, М. Н. Казецкая, Н. Л. Казецкій. П. Ф. Маевскій, В. М. Михайловскій, В. П. Острогорскій, П. А. Плетеневъ, А. Н. Поливановъ, С. А. Радецкій, В. А. Соколовъ, В. И. Сизовъ, Д. Н. Тихоміровъ, В. И. Фармаковскій, М. К. Цебрикова, П. П. Штуцеръ,* и мн. др.

Журналъ выходитъ *ежемѣсячно* (исключая іюня и іюля) въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, *книжками въ объемѣ 4—6 листовъ въ каждой.* Подписная плата въ годъ 3 руб. 50 коп. съ пересылкой и доставкой, за границу 5 руб.

Подписка принимается *въ конторѣ редакціи,—Въ Москвѣ Денежный пер., у Мал. Каменнаго моста д. № 7.*

Для ознакомленія съ журналомъ желающимъ высылается: подробности программы, *перечень статей, помѣщенныхъ въ журналѣ за 1883 г.*, а также—списокъ изданій редакціи, условія выписки книгъ и пріемъ изданій.

Принимаются на изданіе книжки для народнаго чтенія.

„Ветеринарный Вѣстникъ"

ЖУРНАЛЪ НАУЧНОЙ И КЛИНИЧЕСКОЙ ЗООЯТРІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

подъ *отвѣтственной редакціей* экс.-ордин. профессора Харьковскаго Ветеринарнаго Института, **П. А. Гордѣева.**

и подъ *редакціей* ординарнаго профессора Директора Ветеринарнаго Института **М. Е. Земмера.**

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Первый отдѣлъ: анатомія, гистологія и физіологія нормальная и патологическая.

Второй отдѣлъ: научныя изслѣдованія по экспериментальной физіологіи, общей и частной патологіи и эпизоотологіи.

Третій отдѣлъ: статьи и работы по *зоотехникѣ, гигіенѣ, діэтетикѣ, сельскому хозяйству*, ветеринарной статистикѣ и экстерьеру.

Четвертый отдѣлъ: статьи и работы по хирургической, терапевтической, дерматологической, эпизоотологической клинической ветеринаріи и судебно-ветеринарной позиціи.

Пятый отдѣлъ: критика и библіографія.

Шестой отдѣлъ: литературное обозрѣніе и смѣсь. Рефераты по отечественной и иностранной журналистикѣ.

УСЛОВІЯ ИЗДАНІЯ: „Ветеринарный Вѣстникъ" въ 1884 году будетъ выходить *шестью* книжками отъ 5 до 8 печатныхъ листовъ въ каждой (что составитъ отъ 30 до 48 листовъ), *безсрочными выпусками*, смотря по накопленію научнаго матеріала, съ *приложеніемъ* въ концѣ года какого-нибудь спеціальнаго руководства въ формѣ кафедральныхъ лекцій, переводныхъ или оригиналь-

ныхъ сочиненій. По мѣрѣ увеличенія числа подписчиковъ редакція, въ свою очередь, увеличитъ какъ число книгъ, такъ и объемъ приложеній.

Начавшіяся издаваться съ 1882 года *„Руководство къ Частной Патологіи и Терапіи домашнихъ животныхъ“* и *Зоофармакологіи“* будутъ продолжаться и въ 1884 году. Независимо отъ этихъ двухъ руководствъ выходитъ еще и *„Анатомія домашнихъ животныхъ“*. Всѣ три руководства будутъ помѣщаться въ видѣ приложеній къ каждому выпуску.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: за годъ безъ приложенія **6 руб.**, съ приложеніемъ **7 руб.**, съ пересылкой **8 руб.**

Примѣчаніе. По соглашенію съ редакціей допускается разсрочка въ платежѣ на текущій годъ и *уступка* по *два рубля* за оставшіеся годовые экземпляры 1882 и 1883 гг.

Адресъ. Въ Харьковскій Ветеринарный Институтъ, профессору *Петру Андреевичу Гордѣеву.* По этому же адресу принимаются статьи и работы, причемъ послѣднія должны быть четко написаны.

Редакторъ-Издатель, *П. Гордѣевъ.*

Вышелъ и Разсылается подписчикамъ

1 № (январь) 1884 г.

„Извѣстій С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.“

Содержаніе: I. **Дѣйствія Славянскаго Общества.** II. **Славянское Обозрѣніе:** Исповѣдники и партія, **О. Ѳ. Миллера.** Дѣятельность юго-славянской академіи въ Загребѣ, **П. Л. Кулаковскаго.** Изъ путевыхъ замѣтокъ по Хорватіи, **И. П Саѳоновича.** Изъ Праги, корреспонденція. Славистика въ С.-Петербургской Духовной Академіи. Пожертвованія въ пользу бѣдствующихъ галичанъ. III. **Славянскія библіографическія:** Новый ученый трудъ В. И. Ламанскаго. Н. Любовичъ: Исторія реформаціи въ Польшѣ (замѣтка **В. Л. Кракау**). Вступительная лекція К. Я. Грота въ варшавскомъ университетѣ. Отчетъ объ ученой командировкѣ въ славянскія земли проф. І. І. Первольфа. Праздникъ „Славы“ у сербовъ **П. Л. Кулаковскаго.**

Подписка на „Извѣстія“ принимается въ помѣщеніи Славянскаго Общества на площ. Александринскаго театра, № 7. Подписная цѣна на годъ за 12 книжекъ **ДВА РУБЛЯ** съ доставкой и пересылкой.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Вышелъ и продается въ книжномъ магазинѣ А. Г. Сыркина въ Вильнѣ, а также у другихъ солидныхъ книгопродавцевъ Имперіи и Царства Польскаго

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХЪ И ЮГОСЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ И ПРИЛЕЖАЩИХЪ СТРАНЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ЯКОВОМЪ ГОЛОВАЦКИМЪ.

Съ приложеніемъ географической карты.

Въ Вильнѣ 1884 года, въ 8 ю долю XXIX и 372 страницы.

Въ этомъ словарѣ собраны топографическія названія областей, рѣкъ, горъ, городовъ и селеній въ славянскихъ земляхъ, въ которыхъ первобытно славянскія названія переиначены до неузнаванія. Въ такомъ видѣ они вошли въ общественное и литературное употребленіе, между тѣмъ какъ первоначальныя славянскія названія живутъ до сихъ поръ въ устахъ народа, а незнающіе славянскихъ нарѣчій ученые весьма часто не могутъ найти ихъ на картахъ составленныхъ подъ вліяніемъ иноземныхъ сочиненій. Въ настоящемъ словарѣ исправлены многочисленныя ошибки и неточности русскихъ географическихъ картъ, составленныхъ по нѣмецкимъ образцамъ, послѣ тщательной провѣрки оныхъ съ славянскими источниками и съ примѣненіемъ иностраннаго правописанія къ русскому. Въ этомъ словарѣ возстановлены почти всѣ исковерканныя иностранцами славянскія названія, съ ссылками на настоящіе, издревле славянскіе, географическіе термины мѣстностей и напечатаны крупнымъ шрифтомъ, съ показаніемъ произношенія ихъ на мѣстномъ нарѣчіи и обозначеніемъ области и уѣзда, въ которомъ онѣ находятся, народонаселенія городовъ и проч.

Такой географическій словарь долженъ быть настольной книгой для всякаго туриста и путешественника по славянскимъ землямъ, онъ долженъ лежать въ кабинетѣ каждаго журналиста, писателя, литератора для постоянныхъ справокъ и провѣрки европейскихъ книгъ и газетъ. Этотъ словарь (первый и единственный въ этомъ родѣ)—весьма полезенъ для всѣхъ учебныхъ заведеній, пока въ учебникахъ и атласахъ не будутъ замѣнены невѣрные иноземные термины родными славяно-русскими.

Въ особенности же Географическую Карту (въ масштабѣ 1:2,000,000), на которой обозначены границы югославянскихъ земель по С. Стефанскому договору и Берлинскому конгрессу, можно рекомендовать для военно-учебныхъ заведеній и для военно-тактическихъ упражненій.

Цѣна Географическаго Словаря съ картой 2 руб. 50 коп.—Карта отдѣльно стоитъ 1 руб.; наклееная же на холстѣ—1 руб. 50 коп.

Желающіе могутъ адресоваться: *Въ Вильну*, къ Дѣйств. Статск. Совѣтнику *Якову Ѳедоровичу Головацкому*, на Георгіевскомъ проспектѣ въ домѣ Довойны.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИЖКИ:

1) КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

и къ ней главнѣйшіе пути чрезъ г. Кіевъ, съ 5-ю планами и 3-я видами въ 180 страницъ.

Цѣна **40** коп; въ изящномъ переплетѣ **60** коп.

сверхъ того прибавляется по **40** коп. за экземпляръ для выписывающихъ ее съ изданнымъ путеводителемъ

„КІЕВЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ",

въ которомъ помѣщены: общій очеркъ Кіева, общія статистическія свѣдѣнія; частное раздѣленіе города на восемь полицейскихъ участковъ; ближайшія окрестности. *Указатель* для розысканія улицъ, домовъ и ихъ нумеровъ по всѣмъ частямъ Кіева. Топографическій планъ и 9-ть видовъ г. Кіева.

2) КІЕВСКІЙ АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ

(третій годъ изданія)

въ которомъ помѣщены адресы всѣхъ правительственныхъ и частныхъ управленій, заведеній и должностныхъ лицъ этихъ учрежденій. Алфавитъ для розысканія фамилій; частныя объявленія и мѣсяцесловъ.

Цѣна **50** коп; въ изящномъ переплетѣ **75** коп.

Продаются въ Кіевѣ въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и въ книжныхъ лавкахъ Кіево-Печерской Лавры Выписывающіе непосредственно отъ издателя, *по адресу:* Кіевъ, Окружной Штабъ, *Н. Тарановскому.*

ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.

ФИЛОСОФІЯ

XVII и XVIII в.

ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ФИЛОСОФІЕЮ

XIX в.

и отношеніе той и другой къ образованію (изъ лекцій по исторіи философіи). *С. С. Гогоцкаго*, профессора университета Св. Владиміра. Вып. III. Кіевъ, 1884 г.

ОПЕЧАТКИ.

Въ январской книжкѣ «Кіевской Старины» за нынѣшній годъ

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стр. 114, строка 4 снизу:	
«Перечислены *всѣ* шанцы» . .	«Перечислены *не всѣ шанцы*».
Стр. 118, строка 2 сверху:	
«*все* хотѣлъ»	«*не* хотѣлъ».
Стр. 122, строка 6 сверху:	
«*Бефвица*»	«Беервица».
Стр. 127, строка 14 снизу:	
«*другими*» . . . . . , . .	«дорогими».

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Не смотря на всѣ принимаемыя редакціею мѣры относительно своевременной и исправной разсылки книжекъ журнала, въ теченіи двухъ лѣтъ бывали не рѣдкіе случаи неполученія нѣкоторыми изъ подписчиковъ той или иной, а иногда и нѣсколькихъ книжекъ; но происходило это, какъ удостовѣрилъ опытъ, кромѣ случаевъ неисправности почталіоновъ, большею частію отъ *неточнаго* и *неполнаго* обозначенія подписчиками адреса и неизвѣщенія, или-же несвоевременнаго извѣщенія о перемѣнѣ онаго, при чемъ самыя заявленія о неполученіи книгъ присылаемы были спустя даже полгода и годъ.

Редакція не находитъ возможнымъ на будущее время удовлетворять всѣ безъ изъятія жалобы подписчиковъ, высылая,какъ дѣлалось доселѣ, иногда по 5 и 8 книгъ, въ замѣнъ утраченныхъ не по ея винѣ, и отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Диптера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаемъ тщательныя рецензіи. О присылкѣ таковыхъ просимъ въ особенности галицко-русскихъ братій нашихъ, такъ какъ ихъ изданія неизвѣстны здѣсь.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под., которыхъ получается вообще очень много, просимъ, кому есть возможность, предварительно свѣрять съ существующими Сборниками, отмѣчать разности, если это будетъ только варіантъ, и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи, а въ самомъ записываніи держаться малорусскаго правописанія нашего изданія и не писать безъ твердаго знака. Тѣхъ, которыхъ сообщеніями въ этомъ родѣ мы не могли доселѣ воспользоваться, просимъ объяснять это преимущественно невозможностію для редакціи дѣлать массу справокъ и сличеній, примѣчаній и объясненій и утомительной установки правописанія, которое не рѣзало-бы глаза и слуха.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,"

1884 г. (Третій годъ изданія). **1884 г.**

Журналъ „**Кіевская Старина**", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**", *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины" принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, газету „ДѢЛО". Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель **Ѳ. Г. Лебединцевъ.**

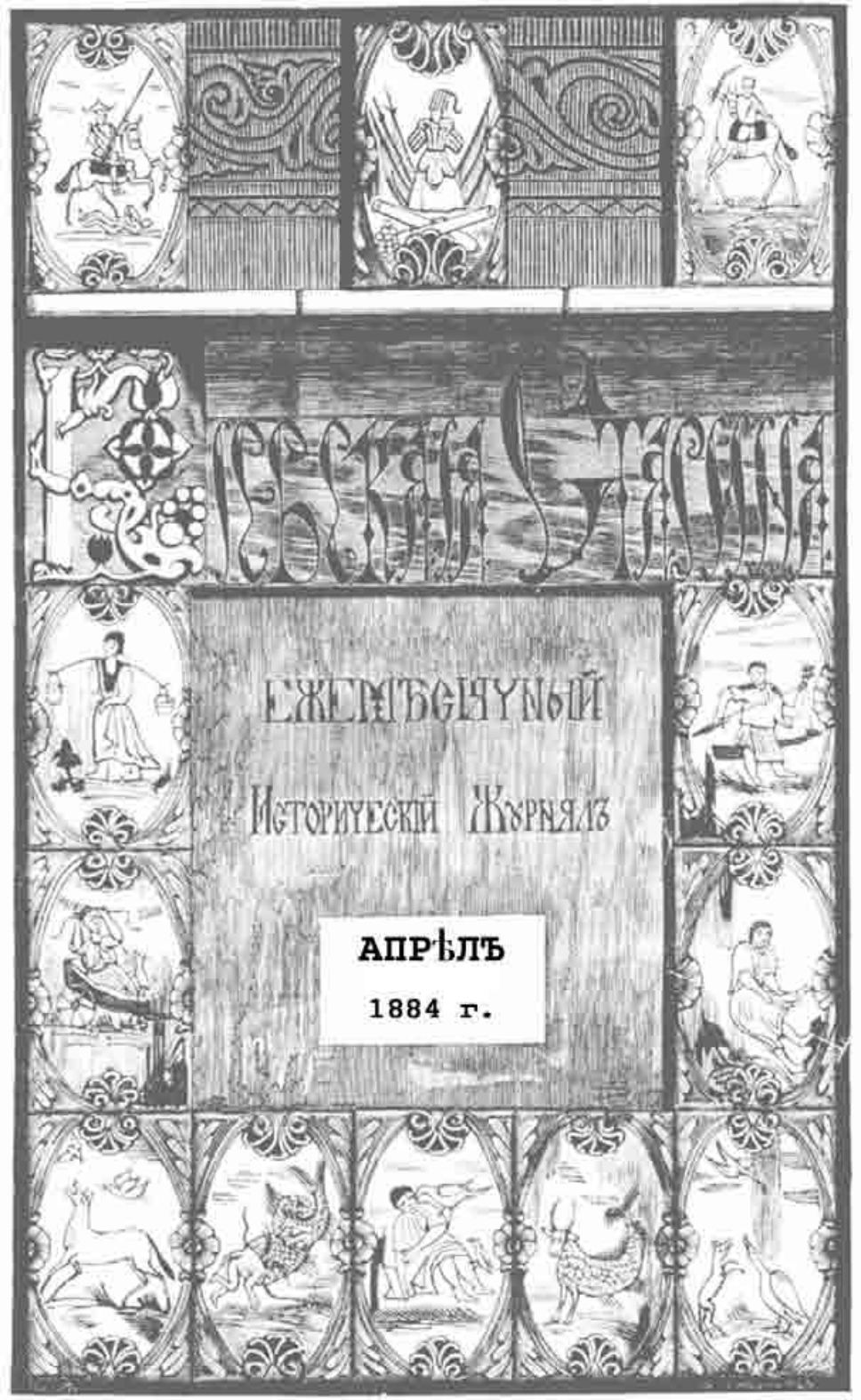
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Апрѣлъ
1884 г.

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1884 г.

стр.

I. ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ. (1591—1596 г.). *(Окончаніе).* **Ѳ. Николайчика.** 525

II. ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка. *(Окончаніе).* **Н. Ѳ. Сумцова.** 565

III. ЧИСЛО И ПОРЯДОКЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ СѢЧЕЙ. **Д. И. Эварницкаго.** 599

IV. ЗАПИСКИ Я. Д. СЕЛЕЦКАГО. Часть первая. 1821 — 1846 годъ. *(Продолженіе)* 609

V. ИЗЪ ПИСЕМЪ МАКСИМОВИЧА КЪ ШЕВЧЕНКУ. **С. Пономарева** . 634

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Географическій словарь западно и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ, сост. Я. Головацкимъ. Съ приложеніемъ географ. карты. Вильна. 1884 г.—*Ѳ. Ни—ка.*—б) Кубанскій Сборникъ. Труды Кубан. Област. Статистическаго Комитета, издаваемые подъ редакціею Е. Д. Фелицына: Т. I., съ картою Кубан. Области. Екатеринодаръ. 1883 г.—в) А. А. Потебни. Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень. Варшава 1883.—*Ц. Неймана*—г) Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія. Н. И. Петрова. Кіевъ, 1884 г.—*В. Г.* 621

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Греки въ Елисаветградѣ (Отрывокъ изъ исторіи колонизаціи)—*В. Ястребова.*—б) Малоизвѣстные и неизвѣстные источники свѣдѣній о минувшей жизни Полтавщины.—*Н.С.*—в) Кіевскія лѣтописныя замѣтки XVIII и XIX ст. 1) Изъ приписокъ къ подлиннику путешествія Василія Григоровича Барскаго. 2) Изъ записной книжки кіевскаго гражданина Миславскаго.—г) Могила гетманцевъ въ г. Лебединѣ.—*П. Ефименка.*—д) Два сообщенія по части народныхъ вѣрованій: 1) Криница—богиня плодородія у сѣверянъ.—Сообщ. *П. Литвинова.*—2) Полъ неодушевленныхъ предметовъ.—Сообщ. *М. Г—овъ.*—е) Изъ разсказовъ о Кармелюкѣ.—*Маковскаго.*—ж) Художникъ В. Л. Боровиковскій. 1758 (?)—1825 г.—*В. Горленка*—з) Греческія музы въ малорусскомъ изображеніи (Рисунокъ и поясненіе къ нему). 673

VI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (*Продолженіе*) 17—32

VII. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

АПРѢЛЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31-го марта 1884 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ.

(1591—1596 г.).

(Окончаніе) [1]).

II.

Лобода и Наливайко.

Причины козацкихъ грабежей внутри государства.—Біографическія свѣдѣнія о Наливайкѣ и Лободѣ.—Переходъ татаръ черезъ польскія владѣнія въ 1594 г.—Сношенія императора Рудольфа съ козаками: Хлоницкій и Лясcота.—Предпріятіе Язловецкаго.—Походъ козаковъ въ Молдавію.—Наливайко въ Брацлавѣ, затѣмъ въ Барѣ съ Лободою. 1595 годъ.—Неудавшаяся коалиція противъ турокъ и движеніе Замойскаго съ войскомъ къ границѣ.—Отдѣленіе Наливайка отъ Лободы и походъ его въ Венгрію.—Экскурсія его въ Бѣлую Русь.—Лобода съ Замойскимъ.

Козачество чѣмъ дальше, тѣмъ больше распространялось по Украйнѣ. Изслѣдовать, какія условія тутъ дѣйствовали, не входитъ въ нашу задачу. Отмѣчая просто это явленіе, нельзя не привести здѣсь словъ Н. И. Костомарова, въ точности подтверждаемыхъ бунтами Лободы и Наливайка. Онъ говоритъ: „лишеніе козаковъ возможности вырываться внѣ государства обратило ихъ удаль внутрь этого самаго государства. Козачество расширялось внѣ и было занято внѣшней войною, но коль скоро дорога къ внѣшней войнѣ была пресѣчена, то это вольное общество, естественно ища свободы своей дѣятельности, стало расширяться внутри, стремилось захватить для себя возможно болѣе поля въ королевствѣ и сломить про-

---

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., март. кн., стр. 423—442.

тивоположныя себѣ начала шляхетскаго строя"[1]). Къ этому надо прибавить только, что не одна удаль и желаніе сломить эти начала обращали козаковъ внутрь государства, а иногда и нужда въ хлѣбѣ насущномъ[2]).

Какъ только выходили запасы, пріобрѣтенные набѣгами на сосѣднія земли, и если нельзя было сдѣлать ихъ тѣмъ-же путемъ, то козаки естественно кормились на счетъ государства, а собирали кормъ обычнымъ для того времени способомъ—грабежами и насиліями, въ чемъ нисколько не отличались отъ правительственныхъ жолнѣровъ.

Такимъ путемъ поступали козаки впродолженіе двухъ лѣтъ, въ 1594—1595 году, пока въ 1596 г. ихъ своеволія не навлекли на себя коронныхъ войскъ, какъ на враговъ государства. Къ этому присоединилась и нѣсколько усложнила дѣло подготовка къ офиціальному объявленію уніи, состоявшемуся осенью 1596 г. на соборѣ въ Брестѣ-Литовскомъ. Въ 1596 г. правительство наказало козаковъ лишь за то, что они осмѣлились практиковать обычные пріемы пріисканія продовольствія, но только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Лица, принимавшія въ этомъ болѣе другихъ видное участіе, были Лобода и Наливайко, а выступили они на сцену гораздо раньше этого времени: первый въ концѣ 1593 г. Обратимся прежде всего къ біографическимъ о нихъ свѣдѣніямъ; въ скудномъ числѣ можно найти оныя о Наливайкѣ.

Семеринъ-Наливайко былъ сынъ вѣроятно мелкаго шляхтича, у котораго былъ грунтъ въ Гусятинѣ, въ Брацлавщинѣ. Грунтъ этотъ отнялъ у отца Наливайка панъ Калиновскій, причемъ такъ избилъ владѣльца, что тотъ умеръ отъ побоевъ. По смерти мужа, вдова Наливайкова, мать Семерина, жила съ дѣтьми у сына своего Даміана, бывшаго священникомъ въ г. Острогѣ[3]). Самъ Семеринъ былъ на службѣ князя Острожскаго (должно быть такъ называемымъ рукодайнымъ слугою) и сражался въ его войскахъ противъ козаковъ Косинскаго[4]). Но въ это время онъ является уже чело-

---

[1]) Историч. монограф., т. III, стр. 249.

[2]) Это лучше всего видно изъ письма Лободы къ коронному гетману отъ 11 января 1596 г.—Listy Zółk., стр. 65.

[3]) Костомаровъ. Моногр. т. III, стр. 258 и Кулишъ „Исторія возсоед. Руси" т. 2, стр. 92.

[4]) Путешествіе Эриха Ляссоты (русск. пер. Бруна), стр. 50.

вѣкомъ бывалымъ: онъ, по собственнымъ словамъ, съ юныхъ лѣтъ воевалъ по многимъ землямъ, подъ предводительствомъ козацкихъ гетмановъ [1]). Срокъ службы у Острожскаго кончился для Наливайка въ 1594 г., потому-что еще въ апрѣлѣ этого года онъ въ письмѣ къ коронному гетману называетъ Острожскаго своимъ паномъ и собираетъ войско съ его дозволенія [2]). Но 1-го іюля того-же года уже сносится съ запорожцами, какъ человѣкъ вольный, и выставляетъ имъ на видъ, что раньше не могъ служить имъ, потому что былъ на службѣ у Острожскаго [3]). Съ того времени и начинается извѣстность его въ исторіи. О Лободѣ извѣстно только, что онъ гетманствовалъ на Запорожьѣ еще до 1594 г. [4]).

Въ 1593 и 1594 г. турки вели войну съ цесаремъ Рудольфомъ II. Въ концѣ февраля мѣсяца 1594 г. отъ императора явился въ Польшу посолъ съ просьбой не пропускать татаръ въ Венгрію черезъ владѣнія Рѣчи Посполитой. Явился чаушъ и отъ султана—съ обратной просьбой. Сеймъ, пользуясь отсутствіемъ короля, который тогда уѣхалъ въ Швецію, на счетъ союза далъ обѣимъ сторонамъ уклончивый отвѣтъ; но о переходѣ татаръ черезъ польскія владѣнія отвѣтилъ прямо отрицательно [5]). Не смотря на это, въ апрѣлѣ разнесся слухъ, что татары двинулись на Украйну. Наливайко, какъ человѣкъ опытный въ военномъ дѣлѣ, сейчасъ-же, съ позволенія Острожскаго, у котораго состоялъ тогда на службѣ, собралъ около себя охотниковъ и отправилъ письмо къ Замойскому, прося его назначить мѣсто, гдѣ встрѣтить татаръ, и откуда брать съѣстные припасы; онъ просилъ Замойскаго, чтобы тотъ своими распоряженіями санкціонировалъ ополченіе охотвиковъ, такъ какъ у нихъ много враговъ, желающихъ выставить ихъ за шайку грабителей [6]). Неизвѣстно, отвѣчалъ-ли что-нибудь на это Замойскій, только Наливайко все таки погнался за татарами, ворвавшимися черезъ Покутье, и преслѣдуя ихъ до Теребовля, хотя и не помѣшалъ ихъ опустошеніямъ, но успѣлъ отбить все таки отъ 3 до 4 тысячъ лошадей. Татары на

---

[1]) Такъ сказано у Кулиша въ 2 т., стр. 58.

[2]) Listy Żółk., стр. 64.

[3]) Ляссота, стр. 50.

[4]) Ibidem, стр. 37.

[5]) Бѣльскій, стр. 212—213; Гейденшт. т. 2, стр. 321—322.

[6]) Listy Żółk, стр. 64.

несли страшный вредъ странѣ. Они взяли Снятынъ, Жуковъ, Товмачъ, Чешибисы[1]), Тысьменицу; часть населенія увели съ собою, часть поубивали; села, попадавшіяся на пути, обратили въ пепелъ. Замойскій и самъ было двинулся съ войскомъ, даже настигъ татаръ у Самбора, но татары обманули его и прошли въ Венгрію на помощь туркамъ[2]).

Рудольфъ II, не надѣясь получить никакой существенной помощи противъ турокъ отъ польскаго правительства, еще въ началѣ 1594 г. завелъ непосредственныя сношенія съ козаками, съ цѣлью побудить ихъ къ набѣгамъ на турецкія владѣнія. Сношенія эти велись черезъ шляхтича Хлопицкаго довольно успѣшно,—отчасти потому, что козаки и безъ того постоянно промышляли въ турецкихъ и татарскихъ владѣніяхъ. Благодаря внушеніямъ императорскаго агента, запорожцы весною 1594 г.[3]) на 50 чайкахъ отправились, въ числѣ 1300 съ гетманомъ Богданомъ Минкошинскимъ къ морю, съ цѣлью помѣшать переправѣ татаръ черезъ Днѣпръ у Очакова, при слѣдованіи въ Венгрію; этотъ послѣдній походъ, впрочемъ, кончился для нихъ безуспѣшно, благодаря присутствію около переправы турецкихъ галеръ.

Возвратившись лѣтомъ изъ этого похода на Запорожье, козаки застали тамъ новаго посланца отъ императора, силезца Эриха Лясcоту[4]), привезшаго имъ подарки отъ цесаря и пріѣхавшаго для заключенія условій относительно новыхъ походовъ.

---

[1]) Нынѣшній Езуполь, при впаденіи Быстрицы въ Днѣстръ.

[2]) Бѣльскій, стр. 215—224; Ляссота, стр. 50.

[3]) Современные польскіе хроникеры упоминаютъ еще о болѣе раннемъ походѣ козаковъ, именно о способѣ на Юргевъ (Джурджево), который они относятъ къ концу 1593 году. Въ прошломъ году во Львовѣ вышла брошюра подъ заглавіемъ „Справоздане дирекціи цесарско-королевской гимназіи академичной во Львовѣ на рокъ школьльный 1881—2 г.“, гдѣ помѣщена превосходная статья г. Заклинскаго „Зношеня цѣсаря Рудольфа II зъ козаками и ихъ участь въ войнѣ угорско-турецкой въ р. 1594 и 1595 г.“. Въ этой статьѣ г. Заклинскій съ большой основательностью доказалъ, что упомянутаго выше похода козаковъ на Джурджево не было, да и сношенія Рудольфа II съ козаками могли начаться не раньше начала 1594 г. („Справоздане“ и проч., стр. 7, 34—35.

[4]) О посольствѣ Ляссоты см. дневникъ его, а о Хлопицкомъ, кромѣ Дневника Ляссоты—Бѣльскій, стр. 210; Гейденшт. т. 2, стр. 323; Listy Żółkiewskiego, стр. 45—49, 59—60.

Переговоры на этотъ разъ пошли однако не совсѣмъ успѣшно. Козаки отказывались невозможностью воевать за столь незначительное вознагражденіе, какое предлагалъ имъ посолъ, указывая между прочимъ на неимѣніе лошадей для похода и на большія затраты, необходимыя для ихъ пріобрѣтенія. Тутъ явились на Запорожье 1-го іюля послы отъ Наливайка съ предложеніемъ доставить запорожцамъ 1500—1600 лошадей изъ числа отбитыхъ имъ при погонѣ за татарами, шедшими въ Венгрію,—съ условіемъ, чтобы честное рыцарство простило Наливайку участіе его въ войнѣ противъ нихъ, въ войскѣ князя Острожскаго, и приняло его въ свою среду. Для полнаго оправданія Наливайко предлагалъ лично явиться въ Сѣчь и доказать свою правоту, предоставляя запорожцамъ въ противномъ случаѣ отрубить ему голову его собственною саблею. Неизвѣстно, какъ именно состоялось примиреніе, но что оно состоялось, показываютъ послѣдующіе совмѣстные походы Наливайка съ его вольницею и запорожцами. Переговоры съ императоромъ затянулись: запорожцы отправили съ Эрихомъ Лясcотою своихъ уполномоченныхъ въ Австрію для испрошенія большаго вознагражденія, а сами между тѣмъ не остались безъ дѣла.

Татаръ надо было ожидать обратно изъ Венгріи и принять мѣры къ предупрежденію могущихъ повториться опять опустошеній. Коронный гетманъ Замойскій, собравъ войско, расположился на границѣ съ Венгріей, чтобы встрѣтить татаръ при возвращеніи. Между тѣмъ снятынскій староста Николай Язловецкій задумалъ на собственныя средства составить отрядъ и напасть на оставленный безъ защиты Крымъ. Хотя правительство Рѣчи Посполитой обыкновенно строго запрещало частнымъ лицамъ нападать на татарскіе улусы и тѣмъ навлекать месть на государство, однако на этотъ разъ набѣгъ предпринимался съ вѣдома Замойскаго, который былъ озлобленъ на татаръ за причиненный ими вредъ и смотрѣлъ сквозь пальцы на предпріятіе Язловецкаго, сомнѣваясь только, чтобы для этого хватило частныхъ средствъ. Но Язловецкій, собственно говоря, хотѣлъ выслужиться на чужой счетъ: всю надежду онъ полагалъ на козаковъ, которыхъ пригласилъ на помощь къ нѣсколькимъ сотнямъ нанятаго имъ войска. Козаки, въ ожиданіи результата переговоровъ съ императоромъ, такъ сказать между дѣломъ, приняли предложеніе Язловецкаго и отправились съ нимъ въ походъ. Ихъ было

два отряда: запорожцы шли подъ предводительствомъ Лободы, а Наливайко съ своею вольницею. Но во время похода они, раздумавъ, оставили Язловецкаго и расположились въ Брацлавщинѣ. Язловецкій, „желая выслужиться чѣмъ-либо", какъ говоритъ Бѣльскій, направился къ Бѣлгороду. Но за козаками стали уходить и его собственные люди: каждый день уходило, говоритъ Бѣльскій, душъ по сту, такъ что Язловецкій остался наконецъ ни при чемъ и долженъ былъ со стыдомъ возвратиться. Эта неудача такъ подѣйствовала на него, что онъ умеръ отъ горя [1]).

Куда направились запорожцы съ Лободой, оставивъ Язловецкаго—неизвѣстно; вѣроятно ушли за пороги. Наливайко-же съ своимъ войскомъ пошелъ къ Брацлаву. Мѣщане, измѣнивъ старостѣ Юрію Струсю, впустили козаковъ въ городъ и замокъ. Тамъ, говоритъ Бѣльскій, козаки жили, какъ дома, приказывая окрестной шляхтѣ доставлять имъ квартиры и продовольствіе. Кто изъ шляхты не исполнялъ ихъ требованія, они нападали на его домъ и разоряли. Между прочимъ тутъ они разграбили имѣніе пана Калиновскаго, отнявшаго грунтъ у отца Наливайка. Король слалъ къ нимъ листы съ приказаніемъ разойтись и не чинитъ людямъ убытковъ, но они не обращали на то вниманія. Напротивъ, къ Наливайку приставало все больше и больше народу [2]).

Наконецъ Наливайко самъ освободилъ шляхту отъ страха: съ цѣлью оказать услугу императору, онъ направился на Килію. По дорогѣ напалъ на Тегинь (Бендеры) и занялъ ее. Козаки вырѣзали здѣсь большую часть турецкаго и татарскаго населенія, затѣмъ городъ сожгли. Кромѣ того козацкіе загоны разбѣжались по окрестностямъ, сожгли много селъ (до 500, по словамъ самого Наливайка, сказаннымъ, очевидно, не безъ хвастовства) и взяли въ полонъ до 4 тысячъ татаръ и турокъ обоего пола. Въ то время, какъ козаки съ добычей уже возвращались домой, Ааронъ, господарь молдавскій, съ семью тысячами волошскаго и турецкаго войска, погнался за ними и преслѣдовалъ ихъ до самаго Днѣстра, гдѣ они должны были переправ-

---

[1]) Бѣльскій, стр. 224—225; Гейденшт. т. 2, стр. 326, 327; что съ Язловецкимъ были и Лобода и Наливайко, а не одинъ который нибудь изъ нихъ, объ этомъ у Костомарова (Моногр. т. 3, стр. 257).

[2]) Бѣльскій, стр. 225; Архивъ юго-западной Россіи стр. 67.

ляться. Во время переправы онъ отнялъ у козаковъ всю добычу, при этомъ козаковъ погибло нѣсколько сотъ или даже до 1500. Наливайко удалился отъ Днѣстра съ угрозами отомстить господарю [1]).

Дѣйствительно, спустя очень немного времени, Наливайко исполнилъ свою угрозу. Соединившись съ Лободою, онъ двинулся въ Молдавію. Въ этомъ походѣ козаковъ было до 12 тысячъ. Было у нихъ 40 хоругвей и на двухъ изъ нихъ орлы цесарскіе; предводительствовалъ Лобода, а Наливайко былъ помощникомъ. Козаки перешли Днѣстръ подъ Сорокой и сожгли Цецору. Ааронъ, разбитый въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, бѣжалъ въ Волощину, а козаки тогда перешли Прутъ и явились въ господарскую столицу Яссы. Тутъ они награбили много разнаго добра, затѣмъ сожгли самый городъ и множество окрестныхъ селъ и съ громадной добычей къ осени вернулись въ границы королевства [2]).

Это было въ октябрѣ 1594 года. Наливайко опять отправился къ Брацлаву. Лобода тоже должно быть расположился гдѣ нибудь неподалеку, потому что въ ноябрѣ того-же года они стояли вмѣстѣ въ г. Барѣ. Въ Брацлавѣ назначены были въ то время судебные „роки". Съѣхавшаяся шляхта, предупрежденная городовымъ писаремъ Байбузою, получившимъ отъ Наливайка угрожающее письмо, отложила суды и разъѣхалась по домамъ. Городской урядъ принялъ Наливайка и онъ поселился въ Брацлавѣ, требуя по прежнему *стаціи* отъ окрестныхъ дворянъ, т. е. содержанія для себя.

Между тѣмъ шляхта, опомнившись отъ страха, возъимѣла намѣреніе продолжать суды. Пошли ободряющіе слухи, что козаковъ немного въ Брацлавѣ, что ихъ подъ Тегинью погибло до 1500 человѣкъ, а теперь многіе разошлись по домамъ и что стало быть Наливайко напрасно только пугаетъ ихъ. Расхрабрившаяся шляхта собралась опять ѣхать толпою въ Брацлавъ и съ дороги послала въ городъ пана Цурковскаго для объявленія козакамъ, что шляхта не желаетъ быть сочтена пособниками разбойниковъ и поэтому не только не будетъ больше давать *стаціи*, но напротивъ сама ѣдетъ громадою въ городъ для расправы съ козаками; войту-же и и мѣща-

---

[1]) Заклинскій, Зношеня цѣсаря..., стр. 23.

[2]) Бѣльскій, стр. 225; Гейденштейнъ, т. 2, стр. 327.

намъ грозила наказаніемъ за потворство бунтовщикамъ. Козаки задержали Цурковскаго въ городѣ и когда шляхта, подъѣхавъ къ окрестностямъ Брацлава, остановилась въ ожиданіи посла, вдругъ ночью Наливайко съ козаками, въ сообществѣ со всѣмъ городскимъ урядомъ и мѣщанами, напалъ на шляхетскую стоянку, побилъ и поранилъ шляхтичей и ихъ слугъ, забралъ деньги, документы, все имущество шляхетское и благополучно вернулся въ городъ. Шляхта записала 17 октября протестъ въ урядѣ гродскомъ луцкомъ и обратилась съ жалобою къ королю [1]). Король прислалъ отъ 1-го ноября универсалъ къ шляхтѣ, въ которомъ, упоминая о прежнихъ своеволіяхъ брацлавскихъ мѣщанъ, за которыя они не разъ приговаривались къ наказанію еще покойнымъ Стефаномъ Баторіемъ, поручалъ шляхтѣ произвести слѣдствіе объ ихъ недавнихъ разбояхъ въ сообществѣ съ Наливайкомъ, и нашедши виновныхъ, покарать ихъ по закону, въ особенности „thego Nalewaika“ [2])

Универсалъ этотъ не имѣлъ никакого дѣйствія, потому что уполномочивалъ шляхту сдѣлать то, что она и безъ того сдѣлала-бы, если-бы только имѣла средства; средствъ-же этихъ, въ видѣ напримѣръ вооруженной силы, универсалъ не давалъ.

Въ серединѣ ноября Наливайко двинулся далѣе внутрь страны, къ г. Бару, гдѣ былъ и Лобода съ Хлопицкимъ. Всѣ козацкіе отряды расположились вокругъ города, такъ что ни одинъ человѣкъ не могъ проникнуть ни туда, ни обратно, безъ вѣдома козацкихъ предводителей. Въ замкѣ шли у козаковъ совѣщанія, а кругомъ города, по селамъ, производились по обыкновенію грабежи и разбои. На окрестное населеніе, знакомое съ козацкими и жолнѣрскими постоями, напала паника: жители разбѣгались, паны отправляли свои семейства въ болѣе безопасныя мѣста, а сами собирали слугъ вокругъ себя, чтобы только избавиться отъ смерти. „Прошу вашу милость научить меня, что дѣлать; простой совѣтъ не окажетъ намъ помощи, потому, что мы не имѣемъ силъ для отраженія опасности“, писалъ къ коронному гетману Яковъ Претвичъ, староста Теребовельскій, одинъ изъ близкихъ къ Бару владѣльцевъ [3]). Князь Острож-

---

[1]) Архивъ, стр. 66—68.

[2]) Кулишъ, Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, т. I, стр. 20—21.

[3]) Listy Żółkewskiego, стр. 59—60.

скій, слыша о приближеніи къ его владѣніямъ козаковъ, выслалъ на развѣдки въ Меджибожъ слугу, который-бы слѣдилъ за ихъ движеніями. Хотя князь былъ въ личной перепискѣ съ Лободой, которую снисходительно поддерживалъ изъ боязни повторенія дѣла Косинскаго, и хотя Лобода, заискивая у Острожскаго, гарантировалъ безопасность его владѣній, тѣмъ не менѣе, когда разнесся слухъ о выступленіи козаковъ изъ Бара, Острожскій, въ письмѣ къ затю, князю Радзивилу, выражаетъ желаніе, что-бы козаки уходили подальше отъ него: „пусть направляются куда угодно, лишь-бы Господь насъ отъ нихъ сохранилъ“ [1]).

Въ Барѣ козаки стояли до конца 1594 года и распускали слухи, что будто-бы опять намѣрены двинуться въ Волощину [2]); на самомъ-же дѣлѣ, въ началѣ слѣдующаго года они направились частію къ Винницѣ, частію къ Брацлаву,—„поближе къ Днѣпру“, какъ думалъ Острожскій.

Во время этого движенія Лобода взялъ у нѣкоей шляхтянки Оборской близкую родственницу ея и насильно заставилъ ее обвѣнчаться съ нимъ.

Козаковъ въ это время было до 12 тысячъ. Король въ отвѣтъ на многочисленныя жалобы на козацкія своеволія отправилъ за ними 2 тысячи войска. Острожскій выражалъ сомнѣніе въ письмѣ къ зятю, чтобы эта горсть могла что нибудь сдѣлать козакамъ, которымъ не въ состояніи были противостоять даже господари молдавскій и волошскій [3]). Что дѣлали эти 2 тысячи, неизвѣстно. Вѣроятно, согласно предположенію Острожскаго, они не осмѣлились вступить съ козаками въ дѣло.

---

[1]) Письма князя Острожскаго—въ приложеніи ко 2 т. „Исторіи возсоед. Руси“ Кулиша, стр. 431.

[2]) Костомаровъ (Моногр. т. 3, стр. 259), разсказывая объ этомъ, говоритъ. что о козакахъ одни говорили, будто-бы они идутъ къ Волохамъ, другіе—что *къ Черкесамъ;* надо *къ Черкасамъ*, а не *къ Черкесамъ* (въ письмѣ князя Острожскаго, откуда взялъ Костомаровъ это извѣстіе, говорится: *ku Czerkasom*, если только тутъ не поставилъ *a* по догадкамъ самъ издатель писемъ, г. Кулишъ). Далѣе у Костомарова приводится небывалый, кажется, фактъ, что козаки въ это время пограбили Волощину. Изъ писемъ Острожскаго ясно видно, что козаки только пускали слухъ, что идутъ въ Волощину, на самомъ-же дѣлѣ не пошли, а изъ Бара одни направились къ Брацлаву, другіе къ Винницѣ.

[3]) Кулишъ, т. 2, стр. 431 и 443.

Коронный гетманъ съ войскомъ, какъ было выше сказано, стоялъ лѣтомъ 1594 года, во время попытки Язловецкаго, на границѣ съ Венгріей, ожидая татаръ, которые должны были возвращаться домой черезъ польскія владѣнія. Простоявъ тамъ съ собравшимися около него панами до конца 1594 года, Замойскій получилъ извѣстіе, что татары прошли изъ Венгріи прямо черезъ Волощину, миновавъ польскія земли; поэтому въ январѣ 1595 года онъ уѣхалъ на сеймъ, а собравшіеся съ войскомъ паны разошлись [1]). На сеймъ въ началѣ 1595 года явились послы отъ цесаря, отъ папы, изъ Семиградіи и обоихъ румынскихъ княжествъ съ предложеніемъ союза противъ турокъ. Замойскій, зная по опыту, какъ трудно вести войну съ турками небольшими силами, противодѣйствовалъ заключенію союза, если къ нему не будутъ привлечены король испанскій и всѣ германскія государства. Шляхта, боясь новыхъ налоговъ, поддержала Замойскаго, и союзъ не состоялся, тѣмъ болѣе, что цесарь не могъ склонить къ нему испанскаго короля, занятаго въ это время войной съ Франціей [2]). Союзъ не состоялся, но княжества румынскія, вмѣстѣ съ Семиградіей, отпали отъ турокъ и, слѣдовательно, должна была начаться война, во время которой могли пострадать отъ татаръ пограничья Рѣчи Посполитой. Поэтому Замойскій съ войскомъ долженъ былъ двинуться на границу съ Молдавіей, къ Днѣстру. Онъ оповѣстилъ козаковъ, что теперь настало время заслужить прощеніе короля за прежнія преступленія и приглашалъ ихъ на помощь къ своему войску. Козаки сначала не хотѣли и требовали платы за участіе въ походѣ, но потомъ согласились; согласилась однако только часть ихъ, бывшая подъ предводительствомъ Лободы.

Изъ предыдущаго разсказа видно, что Лобода начальствовалъ надъ запорожцами, а Наливайко надъ вольницей, состоявшей изъ разнаго народу. Это подтверждаютъ и современные авторы. Гейденштейнъ напримѣръ прямо говоритъ (т. 2, стр. 363): „Лобода начальствовалъ надъ старыми, чистой расы, низовцами; Наливайко

---

[1]) Гейденштейнъ, т. 2, стр. 328. У Костомарова почему-то сказано, что Замойскій вернулся въ концѣ декабря 1594 года. Гейденштейнъ, какъ секретарь Замойскаго, долженъ былъ знать о возвращеніи своего принципала, кажется, въ точности.

[2]) Бѣльскій, стр. 227—228; Гейденштейнъ, т. 2, стр. 329—340.

имѣлъ подъ собой самихъ преступниковъ и бѣглыхъ, людей жестокихъ, но отважныхъ". Хотя Наливайко и помирился съ запорожцами и дѣлалъ вмѣстѣ съ ними набѣги, но или запорожцы не хотѣли, составляя нѣкоторымъ образомъ извѣстное войско, смѣшиваться со сбродомъ Наливайка, или поссорились сами предводители, потому что Наливайко, какъ видно, былъ честолюбивъ, а ему не давали первой роли [1]),—только въ февралѣ 1595 г. козацкое войско раздѣлилось: низовцы, подъ предводительствомъ Лободы, слѣдуя призыву Замойскаго, двинулись 21 февраля изъ Брацлава на помощь коронному войску, а Наливайко со своими козаками расположился въ Острополѣ, по сосѣдству съ княземъ Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ. Князя въ это время не было на Волыни; онъ былъ въ своемъ полѣсскомъ имѣніи Туровѣ и оттуда въ письмѣ къ Радзивилу выражалъ опасенія на счетъ безопасности своихъ маетностей въ виду присутствія козаковъ: „панъ Лобода, писалъ Острожскій, желая пріязни со мной, велъ себя спокойно относительно меня и моихъ подданныхъ, а этотъ „łotr" Наливайко, отставши отъ другихъ, въ числѣ 1000 человѣкъ гоститъ теперь въ маетности моей Острополѣ... Другаго Косинскаго насылаетъ на меня Господь Богъ!..." [2]).

Опасенія Острожскаго однако не оправдались: „погостивъ" въ Острополѣ, Наливайко съ своими козаками отправился черезъ Семиградію въ Венгрію на службу къ Эрцгерцогу Максимилліану. Но здѣсь онъ былъ не долго и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ огромной добычей, вернулся черезъ Самборъ на родину [3]). Объ этой своей заграничной службѣ самъ Наливайко писалъ къ королю слѣдующее: „не имѣя дома дѣла, а праздно жить не привыкши, мы, по письму нъ намъ христіанскаго цесаря, пустились въ цесарскую землю, гдѣ не за деньги, а по собственной охотѣ своей рыцарской, прослужили не мало времени; но узнавъ, что семиградскій воевода заводилъ козни противъ гетмана, не захотѣли мы оставаться болѣе въ той землѣ и не посмотрѣли ни на какіе подарки". Иностранные-же хроникеры передаютъ, что козаки просто оказались нестер-

---

[1]) Гейденштейнъ, т. 2, стр. 363.

[2]) Приложеніе ко 2 т. „Исторіи возсоединенія Руси" Кулиша, стр. 345.

[3]) Гейденшт. т. 2, стр. 463.

пимыми грабителями и потому нѣмцы постарались скорѣе препроводить ихъ въ Польшу [1]).

Вернувшись изъ Венгріи, Наливайко явился опять на Волыни и первый-же городъ, лежавшій на дорогѣ—Луцкъ, подвергъ опустошенію. Козаки явились туда во время ярмарки и такъ разграбили, что король, по просьбѣ пострадавшихъ, особымъ листомъ приказалъ луцкому „поборцѣ“ Николаю Семашку не взыскивать съ нихъ чоповаго, впредь до дальнѣйшей королевской инструкціи [2]).

Изъ Луцка Наливайко направился въ Бѣлоруссію; онъ напалъ на городъ Слуцкъ, бывшій во владѣніи Іеронима Хоткевича, каштеляна виленскаго. Городъ съ замкомъ былъ взятъ и поступилъ въ распоряженіе козаковъ; но тутъ Наливайко услыхалъ, что на него готовитъ войско гетманъ литовскій и потому не остался въ Слуцкѣ, а взявъ изъ замка 12 самыхъ лучшихъ пушекъ, 80 гаковницъ и 700 рушницъ, да съ жителей окупу 5000 копъ литовскихъ, поспѣшилъ убраться оттуда и пошелъ далѣе въ Бѣлоруссію, къ Могилеву [3]).

Здѣсь замокъ былъ довольно надежный, такъ что жители заперлись и начали было защищаться. Козаки осадили городъ и 30 ноября взяли штурмомъ. Обозленные сопротивленіемъ, они творили страшныя жестокости. „Мѣсто славное Могилевъ, говоритъ лѣтописецъ, мѣсто побожное, домы, крамы, острогъ выжгли; всехъ яко 500, а крамовъ зъ великими скарбами 400. Мещанъ, бояръ, людей учтивыхъ, такъ мужей, яко и жонъ, детей малыхъ побили, порубали, попоганили; скарбовъ тежъ незличоныхъ побрали съ крамовъ и зъ домовъ“ [4]). Такъ неистовствовали козаки впродолженіе двухъ недѣль. Наконецъ къ Могилеву подошло литовское войско, подъ начальствомъ Криштофа Радзивила, воеводы виленскаго, гетмана литовскаго. Съ нимъ было войско литовскихъ пановъ, всего числомъ до

---

[1]) Кулишъ, т. 2, стр. 81.

[2]) Чоповое—питейный сборъ. О нападеніи на Луцкъ см. Бѣльск., стр. 253; Гейденшт. т. 2, стр. 363; Арх. юго-зап. Руси, стр. 69.

[3]) Бѣльскій, стр. 253—254.

[4]) Кулишъ. Матер. для истор. возсоед. Руси т. I, стр. 64—65. Здѣсь напечатана рукопись, хранящаяся въ московской синодальной библіотекѣ подъ № 790, съ печатнымъ заглавіемъ на корешкѣ: „Лѣтописецъ вкратцѣ“ и названная г. Кулишомъ *Боркулабовской хроникой*, по мѣсту составленія—г. Боркулабову.

14 тысячъ, да татаръ 4 тысячи. Козаки заперлись въ разоренномъ Могилевѣ, но не могли долго усидѣть. Мѣщане, чтобы избавиться отъ нихъ какимъ-бы то ни было образомъ, зажгли замокъ и козаки принуждены были защищаться инымъ способомъ. Они вышли на сосѣднюю гору, Илинскую, и укрѣпились. Тутъ ихъ окружила литва съ татарами, расположившись на полѣ Буйницкомъ, имѣніи князя Богдана Соломерецкаго, кричевскаго и олучицкаго старосты. Сраженіе продолжалось цѣлый день, но литовское войско не могло причинить вреда козакамъ, потому что у нихъ было много пушекъ, гаковницъ, полгаковъ и иного оружія; кромѣ того позиція ихъ была очень выгодна для защиты. Потомъ козаки, спустившись съ горы, начали уходить такъ стройно, что войско литовское и тутъ не могло имъ повредить.

Козаковъ, уходившихъ таборомъ, литовцы преслѣдовали до Рогачева, затѣмъ вернулись въ Могилевъ и разграбили до тла все, что только могло остаться отъ пожара и козаковъ. Далѣе „литва и татары рушилися до Менска, до Новгорода и до Вильны, набравшися тутешнего краю лупу“ [1]). Изъ Рогачева Наливайко въ концѣ января 1596 г. возвратился на Волынь [2]).

Между тѣмъ Лобода съ запорожцами отправился было на помощь къ коронному гетману. Объ этомъ его походѣ никакихъ точныхъ свѣдѣній не имѣется. Послѣднее напечатанное письмо Лободы къ Острожскому относится къ 23 февраля 1595 года и писано имъ по выступленіи изъ Брацлава, съ дороги [3]). Послѣ этого до 11 января слѣдующаго года, когда Лобода находился въ Овручѣ и оттуда писалъ къ Замойскому [4]), нѣтъ никакихъ документовъ. Что касается цитуемыхъ нами авторовъ, то они говорятъ объ этомъ очень неопредѣленно. Вотъ что можно извлечь изъ нихъ.

Пока Замойскій дошелъ до молдавской границы, дѣла этого княжества сложились такъ, что потребовалось вмѣшательство поляковъ. У господаря Аарона была наемная венгерская дружина, начальникомъ которой былъ нѣкій Розванъ. Онъ измѣннически

---

1) Кулишъ. Матер. т. 1, стр. 65, изъ Боркулаб. хроники.
2) Гейденшт. т. 2, стр. 363.
3) Прилож. къ 2 т. „Ист. возсоед. Руси“ Кулиша, стр. 435.
4) Listy Żółk., стр. 65.

схватилъ господаря и съ семействомъ отправился къ семиградскому князю Сигизмунду Баторію, а самъ на правахъ его намѣстника сталъ управлять Молдавіей. Но тамошніе бояре были недовольны имъ и обратились къ Замойскому съ просьбой поставить имъ господаря отъ имени короля польскаго и защитить ихъ отъ турокъ. Исполняя просьбу, гетманъ вошелъ въ Молдавію, поставилъ на господарство Іеремію Могилу и расположился затѣмъ у Цецоры, близъ Днѣстра, въ ожиданіи татаръ. У Замойскаго было всего до семи тысячъ войска, потому-то онъ и обратился къ козакамъ. Лобода потянулъ къ нему, какъ выше сказано, но предпринялъ этотъ походъ единственно съ цѣлью пограбить. Дѣйствительно, козаки подошли къ Тегини и разсыпались опустошать окрестности. Тогда гетманъ, видя, что отъ нихъ больше вреда, чѣмъ пользы, объявилъ, что если они не уйдутъ и не будутъ сидѣть спокойно, то онъ будетъ поступать съ ними, какъ съ непріятелемъ. Послѣ этого Лобода вернулся въ украинныя воеводства, гдѣ и застаемъ его въ началѣ 1596 г. Замойскій-же, благодаря счастливому случаю, отвратилъ отъ Молдавіи грозу со стороны турокъ и заключилъ съ ними выгодный для Польши миръ, по которому Могила былъ признанъ господаремъ, въ вассальной зависимости отъ Польши. Затѣмъ Замойскій уѣхалъ зимою въ Польшу, оставивъ одну часть войска Могилѣ, другую-же двинулъ подъ начальствомъ польнаго гетмана Жолкевскаго на Украину, гдѣ въ началѣ 1596 года уже завязалась „трагедія“ съ козаками[1]).

III.

Подготовка уніи и отношеніе къ ней дѣйствій Наливайка на Волыни.—Братья Наливайка въ маетностяхъ епископа Кирилла Терлецкаго и пана Семашка.—Войско Лободы въ кіевскомъ воеводствѣ и прикрывавшіеся именемъ этого войска.—Савула.—Предписаніе короля Жолкевскому и универсалъ къ шляхтѣ противъ козаковъ.—Движеніе Наливайка изъ Волыни къ Брацлаву.—Брацлавщина.—Преслѣдованіе Жолкевскимъ Наливайка до „дикихъ полей“.—Сношенія Наливайка съ Жолкевскимъ и Лободою, и Лободы съ Жолкевскимъ.—Возвращеніе Савулы въ Кіевъ изъ Бѣлой Руси и соединеніе съ Лободою.—Сасько и Рожинскій.—Соединеніе всѣхъ козацкихъ отрядовъ у Бѣлой Церкви.—Сраженіе при Бѣлой Церкви и въ урочищѣ Острый Камень.—Переходъ козаковъ на лѣвую сторону Днѣпра.—Несчастье съ полкомъ Кремнскаго въ Каневѣ.

Возвратившись изъ Бѣлой Руси на Волынь, Наливайко расположился опять въ имѣніяхъ кн. Острожскаго. Но на этотъ разъ

---

[1]) Бѣльскій, стр. 235—251, 253; Гейденштейнъ, т. 2, стр. 344—359.

князь не протестуетъ противъ присутствія такого „гостя“, потому что оно даже было ему на руку.

Какъ извѣстно, 1595-й и половина 1596 года были временемъ подготовки къ офиціальному объявленію уніи, состоявшемуся на соборѣ въ Брестѣ осенью 1596 года. Епископы Кириллъ Терлецкій и Ипатій Потій уѣхали въ Римъ въ 1595 году и въ началѣ слѣдующаго еще не возвратились. Князь Константинъ Константиновичъ сталъ на сторону угрожаемаго православія. Какіе мотивы побуждали его явиться ярымъ противникомъ уніи, здѣсь не мѣсто обсуждать. Для насъ остается только фактъ, что князь Острожскій пользовался всѣми средствами, какія только были у него подъ руками, чтобы уничтожить, или по крайней мѣрѣ затормозить предпріятіе сторонниковъ уніи. Зная непріязнь князя къ дѣятелямъ уніи, Наливайко и его вольница не замедлили воспользоваться ею въ довольно обширныхъ размѣрахъ. Сейчасъ-же шайки своевольныхъ людей обратились на имѣнія лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу уніи, и подвергли ихъ полному опустошенію, пользуясь не только безнаказанностью, но даже покровительствомъ урядниковъ владѣній Острожскаго. Нельзя обвинять князя Острожскаго въ прямомъ подстрекательствѣ козаковъ къ грабежамъ, да это было-бы и излишне. Наливайко былъ слишкомъ тонкій человѣкъ и съ слишкомъ большимъ чутьемъ къ безнаказанной поживѣ для того, чтобы нуждаться въ подстрекательствѣ, когда обстоятельства указываютъ дорогу. Но что князь зналъ о насиліяхъ и не давалъ управы по жалобамъ потерпѣвшихъ, смотрѣлъ сквозь пальцы, потворствовалъ расправѣ козаковъ, объ этомъ прямо говорятъ акты [1]). Нельзя въ этомъ случаѣ смотрѣть на письмо Острожскаго къ зятю [2]), въ которомъ онъ отрицаетъ свое участіе въ подстрекательствѣ Наливайка, какъ на документъ, оправдывающій князя съ внутренней, а не съ формальной стороны. Письмо это не было откровеннымъ сознаніемъ близкому человѣку въ интимной перепискѣ. Оно было разсчитано на многочисленную вліятельную публику, съ которой зять будетъ говорить о тестѣ. Интересно кромѣ того участіе въ наѣздахъ козацкихъ брата Наливайка, острожскаго священника Дамьяна. Ни до, ни послѣ этихъ именно

---

[1]) Арх. юго-зап. Руси, ч. III, т. 1, стр. 76, 99, 135, 137.

[2]) Прилож. ко 2 т. Кулиша, стр. 438.

наѣздовъ, онъ не состоялъ въ вольницѣ брата; слѣдовательно участвовалъ въ ея поискахъ не въ силу присущей тогда всякому ненависти къ панамъ-притѣснителямъ; очевидно, имъ руководили религіозныя побужденія, а вмѣстѣ и желаніе подслужиться князю, или разсчетъ на его покровительство. Такъ или иначе, только Острожскій не называлъ уже Наливайка вторымъ Косинскимъ. Наливайко выѣзжалъ на грабежи изъ княжескихъ имѣній [1]) и возвращался туда-же; а княжескіе урядники не преслѣдовали его судомъ по жалобамъ потерпѣвшихъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ Наливайко, съ братомъ Дамьяномъ, сдѣлалъ набѣгъ на владѣнія Яроша Терлецкаго, брата уѣхавшаго въ Римъ епископа Кирилла. Къ нимъ пристали люди, лично не расположенные къ Терлецкимъ: сосѣдъ по имѣнію Павелъ Кмита, слуга епископа Флоріянъ Гедройтъ и другіе; они показывали дорогу въ села, принадлежавшія Терлецкому. Сначала ограбили имѣнье Дубую, потомъ Отовчичи. Дворы „зобрали, злупили и сплондровали; врядника, слуги, челядь побили, поранили; злото, сребро, права, привиля, листы важные, мамрамы на долги и иншие на маетности и справы пилные, кони ездъные и вшелякое забране, отъ мала до велика, побрали и полупили и съ тымъ укрываючися по некоторыхъ домехъ шляхетскихъ, уѣхали до мѣста княжати его милости, пана воеводы киевского, Степаня“ [2]).

Затѣмъ досталось и маетностямъ самого епископа. „Часу отеханя до Рыму, черезъ непріятелей внутрънихъ и сваволенство козацкое людей злыхъ, маетность его милости въ краю Пинскомъ вся забрана, злуплена и розпрошона“. Въ самомъ Пинскѣ, у нѣкоего мѣщанина Григорія Крупы хранились „мамрамы“ епископскія, ризница его и всѣ „коштовные обряды и апараты епископьи“, отданные этому мѣщанину на храненіе въ отсутствіе епископа. Наливайко, вѣроятно по указанію людей, прежде близкихъ къ Терлецкому, напалъ на домъ Крупы и забралъ всѣ имущества, принадле-

---

[1]) Почему-то Костомаровъ (Мон. т. 3, стр. 265—266) наѣзды Наливайка съ братомъ и съ Гедройтомъ на имѣнія братьевъ Терлецкихъ относитъ къ возвращенію Наливайка изъ Бѣлоруссіи: ограбили де-скать по дорогѣ. Акты (Арх., стр. 78) прямо говорятъ, что выѣзжали они изъ имѣній кн. Острожскаго.

[2]) Архивъ юго-зап. Руси, стр. 77.

жавшія епископу [1]). Впослѣдствіи, когда слуги Терлецкаго, шляхтичи Олизаровскій и Гротъ, явились въ Острогъ и на основаніи королевскаго листа требовали у тамошняго княжескаго старосты Ждана Боровицкаго выдачи епископскаго слуги Гедройта, то Боровицкій, по словамъ Олизаровскаго, ихъ „до двора своего, яко-бы якихъ лотровъ привелъ и разобравши зъ оденя, постронками бити хотѣлъ", потомъ „до турмъ местскихъ розно посажалъ, и въ ней за сторожью день и ночъ голодомъ морячи, у везеню держалъ" и затѣмъ, какъ преступниковъ, отослалъ въ гродскій судъ, въ Кременецъ [2]).

Кромѣ Терлецкихъ, наѣзды направлялись на владѣнія другаго дѣятеля уніи въ томъ краѣ, пана Александра Семашка, старосты луцкаго, каштеляна брацлавскаго. Въ этихъ наѣздахъ попу Наливайку помогали уже другія лица, тоже вѣроятно личные враги Семашка. Тутъ фигурируетъ даже *князь* Петръ Вороницкій, собравшій сотню и грабившій съ нею самостоятельно. 17 февраля попъ Дамьянъ Наливайко, князь Петръ Вороницкій и шляхтичъ Гулевичъ напали съ отрядомъ вооруженныхъ людей сначала на мѣстечко Тучинъ, потомъ на село Коростятинъ, маетности Семашка, и произвели страшное опустошеніе: ограбили имущества, какъ господскія, такъ и крестьянскія, насиловали женщинъ, крестьянамъ отрѣзывали уши и мучили другими способами. Приведемъ здѣсь нѣсколько небольшихъ выдержекъ изъ реестра убытковъ, причиненныхъ въ Тучинѣ и Коростятинѣ, исчисляющаго просто, безъ всякихъ иллюстрацій, „шкоды", причиненныя „людьми своволными"; онѣ дадутъ понятіе о безобразіяхъ, творившихся въ этихъ мѣстахъ шайками Наливайка. Исчисляя имущества, забранныя у крестьянъ, реестръ говоритъ напримѣръ: „у Рубина взяли ермякъ синий, люнский, взяли сокѣру и гусевъ семъ, и вепра, и лезиво ременное, и пенязей сто грошей литовскихъ, бчолы двое выдрано, и самого збили, и косы две, и шлякъ узялы, и три разы его мучили, стрелами руки кололи"; „у Гуменника клячу взяли, и ухо урезали, и копенякъ узято"; „Деревяци клячу взели, шапокъ две, ложникъ новий, сермягу, невесткамъ двомъ кгвалтъ учинили. Савостьянови

---

[1]) Архивъ, стр. 133.

[2]) Ibidem, стр. 137.

коня взяли и кожухъ, и жонѣ его кгвалтъ учинено. Боскови жонѣ его кгвалтъ учинено"; „у Парфена седло зъ войлокомъ, кошуль две, и сынови его уха урѣзано, и збито и змордовано самого, и на дорозе его покинули..." и проч. Въ господскихъ дворахъ брали больше и лошадей хорошихъ породъ, „меды и иные напое", но конечно не пропускали и прочихъ вещей. Все награбленное имущество Вороницкій и Гулевичъ увозили въ свои маетности, а попъ Наливайко въ Острогъ, гдѣ пользовался защитой мѣстнаго уряда [1]). Такъ когда въ Острогъ явился возный съ шляхтой-понятыми, чтобы отобрать лошадей, взятыхъ Дамьяномъ въ Коростятинѣ, то этотъ послѣдній съ угрозами прогналъ его. „Кгды есми хотелъ, говоритъ возный, тые вси кони личковати, тогды тотъ попъ Острозскій, братъ Наливайковъ, самъ мне около губы почалъ кивати и до кия порвался". Возный обратился къ содѣйствію старосты Боровицкаго, но онъ, вмѣсто помощи, отвѣчалъ возному: „ражу вамъ, уеждчайте оттоль прочъ, бо всѣ погинете!" и мы, говоритъ возный, „мусели ночю прочъ уеждчати" [2]).

Приведенные случаи грабежей и насилій, можно думать, были не единственными. Къ Наливайку приставало множество слугъ, хлоповъ, и вся эта вольница должна-же была гдѣ нибудь помѣщаться и кормиться. Они мелкими шайками, въ родѣ сотни князя Вороницкаго, разсыпались по селамъ и мѣстечкамъ и вездѣ чинили насилія, подобныя только что описаннымъ.

Въ то-же самое время, въ январѣ и февралѣ 1596 года, войско поступало такимъ-же образомъ въ кіевскомъ воеводствѣ. Собственно козаки, бывшіе въ войскѣ, вели себя теперь нисколько не хуже и не своевольнѣе, чѣмъ когда-бы то ни было въ другое время. Они собирали только *стацію*, съ тѣми-же обычными пріемами, какіе употреблялись въ этихъ случаяхъ всегда и ими, и жолнѣрами. Характерно очень письмо Лободы къ коронному гетману отъ 11 января 1596 г., въ которомъ онъ выражаетъ свой взглядъ на это дѣло. „Ваша милость пишешь къ намъ и приказываешь, писалъ Лобода, не входить въ границы великаго княжества литовскаго, къ Мозыру, и товарищей не пускать; не требуешь отъ насъ

---

[1]) Архивъ, стр. 86—98.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 99.

услугъ великому княжеству литовскому и всей Рѣчи Посполитой, указывая на миръ со всѣхъ сторонъ, со всѣми непріятелями короны польской. За это да будетъ хвала Господу Богу, за такой миръ люду христіанскому, что онъ смягчилъ сердце каждому непріятелю креста святаго. Но мы, если пришли въ этотъ край, то причина этого для всякаго очевидна:... въ это зимнее непогодное время, когда насъ никуда не требуешь на услугу, Богъ знаетъ, куда намъ направиться; поэтому покорно и униженно просимъ, благоволи *не заборонять намъ хлѣба-соли*" [1])... Эту хлѣбъ-соль козаки добывали обычнымъ способомъ, дѣлая наѣзды на сосѣднія села и забирая насильно все, что только попадалось подъ руку годнаго. Но къ войску очень много пристало сброду, для котораго грабежъ былъ ремесломъ, и много крестьянъ, ушедшихъ отъ панскаго гнета и потому готовыхъ мстить своимъ угнетателямъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Наконецъ именемъ и силою войска Лободы прикрывались авантюристы изъ шляхты, составлявшіе отряды съ цѣлью грабежа, или тѣ изъ дворянъ, которые хотѣли воспользоваться случаемъ для мести своимъ личнымъ врагамъ. Акты приводятъ примѣры такихъ людей, злоупотреблявшихъ именемъ Лободы и козаковъ. Такъ напримѣръ шляхтичъ Андрей Ганскій подговаривалъ другаго шляхтича, Остафія Слуцкаго, чтобы онъ назвался сотникомъ войска гетмана Лободы. Самъ Ганскій назвался атаманомъ. Они собрали толпу и шли къ войску Лободы просить у него на подмогу людей, чтобъ вмѣстѣ съ ними сдѣлать наѣздъ на одного шляхтича кіевской земли, которому хотѣли отомстить „за ниякось побране почту своего". Но по дорогѣ напали на село Коростятинъ, маетность Семашка. Здѣсь имъ однако не посчастливилось: сотникъ Остафій Слуцкій былъ убитъ, а Ганскій съ товарищами попалъ въ плѣнъ и былъ впослѣдствіи казненъ по приговору луцкаго гродскаго суда [2]). Другой примѣръ: подданные замка Межиричъ и окрестныхъ селъ, гдѣ старостою былъ Янъ Скотницкій, собрались подъ начальствомъ мѣщанина Гуменицкаго и называя себя сотнею гетмана Лободы, напали на замокъ Хунковъ, все того-же Семашка, и на его-же села и „чинили кгвалты

---

[1]) Listy Żółk., стр. 65.

[2]) Архивъ, стр. 106—129.

белымъ головамъ (т. е. женщинамъ), бои, морды (истязанія) людямъ невиннымъ", угнали множество лошадей и рогатаго скота. Когда-же возный явился въ замокъ Межиричи и, увидѣвъ тамъ весь награбленный скотъ, хотѣлъ „личковать" его, то былъ избитъ и выгнанъ урядникомъ и евреемъ-арендаторомъ [1]).

Въ то время, какъ это происходило на Волыни и въ Подоліи, часть козаковъ, подъ начальствомъ Савулы, сдѣлала экскурсію въ Литву и Бѣлую Русь, по примѣру Наливайка [2]). Объ этой экскурсіи нѣтъ подробностей, но по всей вѣроятности тамъ повторялось то-же, что и на Волыни. Козаки ушли туда должно быть потому, что тамъ „хлѣбъ-соль" была непочата.

Сумма безпорядковъ, творившихся Наливайкомъ, Лободою и Савулою, вызвала наконецъ серьезное опасеніе со стороны правительства. Король предписалъ польному гетману Станиславу Жолкевскому двинуться съ войскомъ изъ Молдавіи на усмиреніе украинныхъ воеводствъ. Въ то-же время онъ издалъ универсалъ къ шляхтѣ этихъ воеводствъ, приглашая ее соединиться съ войскомъ гетмана и совокупными силами идти на козаковъ. „Тотъ-же запалъ, писалъ король, уже праве до упреймости и верностей вашихъ доходитъ, которому кгды-бы ся не забежало, тожъ-бы ся, чого не зычимо, маетностямъ, деткамъ, жонамъ и самымъ-же упреймостямъ и верностямъ вашимъ одъ тыхъ своволныхъ людей деяло, што ся по тые часы вашой брати другой, звлаща при Украйне, стало" [3]). Листъ королевскій Жолкевскій получилъ въ февратѣ 1596 года. Не медля ни минуты, онъ двинулся къ Кременцу. У гетмана было очень немного войска, да и то истомленное молдавскимъ походомъ и давно не получавшее жалованья. Жолнѣры съ неохотой повиновались распоряженіямъ своихъ начальниковъ. Съ такими силами Жолкевскій не отваживался предпринимать что-нибудь рѣшительное и, разославъ письма къ воеводамъ волынскому и кіевскому и другимъ лицамъ, ждалъ вспомогательныхъ отрядовъ и осаждалъ Замойскаго письмами о жалованьи жолнѣрамъ [4]).

---

[1]) Архивъ, стр. 101.

[2]) Гейденштейнъ, т. 2, стр. 363.

[3]) Архивъ, стр. 84.

[4]) Гейденштейнъ, т. 2, стр. 363—364; Listy Żołkiewskiego, стр. 67—68.

Услышавъ о приготовленіяхъ польнаго гетмана, Наливайко двинулся изъ Волыни въ брацлавское воеводство, но не очень спѣшилъ, говоритъ Гейденштейнъ, потому что зналъ, что хоругви сходятся къ гетману медленно, а безъ нихъ Жолкевскій не осмѣлится напасть на него. Онъ разсчитывалъ остановиться въ Лабунѣ[1]) и подождать здѣсь, пока соберутся всѣ купы, которыя разбрелись на поживу по сосѣднимъ селамъ и мѣстечкамъ, а затѣмъ идти къ Брацлаву, гдѣ населеніе было къ нему очень расположено.

Здѣсь не лишне замѣтить, что въ Брацлавщинѣ козачество находило столь-же благопріятную почву для своего развитія, какъ и въ Поднѣпровьѣ. Это обусловливалось географическимъ положеніемъ Брацлавщины: она, какъ пограничье, такъ-же часто имѣла дѣло съ татарами, какъ и другія, сосѣднія съ ними области. Населеніе Брацлавщины, не имѣя возможности окозачиться по разнымъ причинамъ, тѣмъ не менѣе всегда тяготѣло къ козакамъ. Достаточно припомнить пребываніе Наливайка въ Брацлавѣ въ 1594 году, когда въ насиліяхъ надъ шляхтою ему помогали не только мѣщане, но и самъ муниципалитетъ, чтобы видѣть, что козаки, или всякая вольница, называвшая себя такъ и поступавшая покозацки, были дорогими гостями въ Брацлавѣ.

Сюда-то и стремился Наливайко по старой памяти. Но разсчеты его не удались. Жолкевскій, зная всю трудность расправы съ Наливайкомъ, если-бы онъ засѣлъ въ Брацлавѣ, рѣшилъ во чтобы то ни стало отрѣзать его отъ этого мѣста. Посему онъ, не ожидая подкрѣпленій, съ наличнымъ войскомъ двинулся къ Лабуню.

Это было въ концѣ февраля. Жолкевскій подошелъ къ Лабуню такъ неожиданно, что Наливайко и не подозрѣвалъ близости поляковъ. Вольница его не была въ сборѣ. Здѣсь, доносилъ потомъ Жолкевскій Замойскому, навѣрное-бы досталось козакамъ, если-бы ихъ не предупредилъ нѣкій Плоскій, бывшій сначала съ своею ротою въ польскомъ войскѣ, но потомъ перешедшій къ козакамъ, когда его рота, въ числѣ другихъ была отпущена за недостаткомъ жалованья[2]). Благодаря Плоскому, Наливайко ушелъ изъ Лабуня и направился къ Острополю. Войско его шло въ разбродъ, по разнымъ

---

[1]) Лабунъ—нынѣ мѣстечко заславскаго уѣзда, волынской губерніи.

[2]) Listy Żółk., стр. 71.

деревнямъ. Жолкевскій двинулся за нимъ. Въ селѣ Мацеіовицахъ, между Лабунемъ и Острополемъ, передовой отрядъ польскаго войска 2 марта наткнулся на двѣ сотни козаковъ, подъ начальствомъ сотниковъ Марка Дурнаго и Татаринца, числомъ до 500 человѣкъ. Не смотря на то, что козаки сильно подпили, выпивъ цѣлую бочку горилки у арендатора, они все таки стали бодро защищаться, такъ что поляки, не будучи въ состояніи съ ними справиться, „подкурили" ихъ: зажгли село и козаки погибли въ пожарѣ и сраженіи [1]).

Другой отрядъ встрѣтилъ козаковъ въ селѣ Чернавѣ; тутъ они стояли „на чатахъ" и однако-же не замѣтили приближенія поляковъ; было ихъ три хоругви. Началось сраженіе. Поляки не могли причинить вреда козакамъ, заставили ихъ только отступить къ Острополю. Въ Острополѣ Наливайко не остановился, а прошелъ далѣе и направился къ Пикову. Жолкевскій, переночевавъ въ селѣ Райкахъ, подъ самымъ Острополемъ, и не давъ отдохнуть жолнѣрамъ, пустился преслѣдовать козаковъ. Жолнѣры, не смотря на изнуреніе, очень усердно опустошали проходимыя села, забирали все, что оставалось отъ козаковъ, такъ что послѣ прохода ихъ ни въ одномъ селѣ нельзя было найти ни одной лошади [2]). Козаки шли къ Пикову день и ночь. Отдохнувъ въ Пиковѣ, они двинулись далѣе, прямо къ Брацлаву. Теперь уже они собрались и шли вмѣстѣ „sprawą wielką", въ таборѣ имѣли до 20 пушекъ и много гаковницъ: къ каждой пушкѣ Наливайко приказалъ приковать пушкаря; пороху и ядеръ тоже у нихъ было достаточно. Жолкевскій съ войскомъ пришелъ въ Пиковъ всего нѣсколькими часами послѣ ухода оттуда козаковъ. Здѣсь онъ узналъ, что Наливайко двинулся къ Брацлаву и что изъ Пикова еще онъ отправилъ туда посланца съ письмомъ.

Надо было Жолкевскому или опередить козаковъ и занять Брацлавъ, или заставить ихъ какъ нибудь свернуть съ дороги. Гетманъ, оставивъ ненужные возы и фургоны, затруднявшіе движеніе, бросился за козаками и нагналъ ихъ надъ р. Ольшанкой. По однимъ извѣстіямъ здѣсь произошло сраженіе, по другимъ—

---

[1]) Бѣльскій, сор. 262, Гейденштейнъ, т. 2, стр. 364; Письма князя Острожскаго—Кулишъ, т. 2, стр. 437.

[2]) Письмо Острожскаго. Кулишъ, т. 2, стр. 438.

нѣтъ, потому что ночь помѣшала [1]). Послѣ этого самъ Наливайко раздумалъ идти къ Брацлаву. Не получая оттуда отвѣта на свое письмо [2]), онъ опасался измѣны и потому повернулъ въ такъ называемыя дикія поля, которыя тогда начинались за р. Собомъ. Дошедши до Синихъ Водъ, онъ остановился, такъ какъ Жолкевскій здѣсь не могъ его преслѣдовать, — онъ не имѣлъ съ собою фургоновъ и запасовъ, а въ степи ихъ раздобыть было нельзя,— не было селъ, которыя можно было-бы грабить; кромѣ того въ польскомъ войскѣ захромало отъ быстрыхъ переходовъ множество лошадей [3]).

Стоя у Синихъ Водъ, Наливайко завелъ сношенія съ одной стороны съ Жолкевскимъ, съ другой—съ Лободою. До сихъ поръ войско Лободы не смѣшивалось съ вольницей Наливайка, съ того времени, какъ этотъ послѣдній отдѣлился отъ Лободы въ началѣ 1595 года и ушелъ въ Венгрію. Между предводителями того и другаго войска была, очевидно, непріязнь. Въ январѣ 1596 года Лобода въ письмѣ къ Жолкевскому заявляетъ, что съ Наливайкомъ онъ не имѣетъ ничего общаго. „Что касается того человѣка своевольнаго, Наливайка, который, забывши почти страхъ Божій и пренебрегая всѣмъ на свѣтѣ, собравши по своему замыслу людей своевольныхъ, чинилъ большіе убытки коронѣ польской, то мы объ немъ никогда не знали и знать не желаемъ“ [4]). Но теперь общая опасность заставила забыть непріязнь. Лобода, хотя и сносился въ январѣ 1595 года съ Жолкевскимъ и Замойскимъ, но дальнѣйшими обстоятельствами былъ поставленъ во враждебное отношеніе къ правительству. Безчинства и насилія, которыя творило его войско и всѣ, прикрывавшіеся его именемъ, возбуждали въ населеніи такія-же жалобы, какъ и вольница Наливайка. Кромѣ того можно предположить, что Лобода былъ раздраженъ Замойскимъ, который, по свидѣтельству современниковъ, вообще не терпѣлъ козаковъ и постоянно твердилъ о необходимости ихъ усмиренія, если не полнаго уничтоженія. Массы угнетенныхъ хлоповъ усиливали его войско

---

[1]) Бѣльскій, стр. 262; Гейденштейнъ, т. 2. стр. 365.

[2]) Жители Брацлава отлично понимали, что войска Жолкевскаго нельзя сравнивать съ шляхтою, съѣхавшеюся на рочки.

[3]) Гейденшт., т. 2, стр. 365.

[4]) Listy Żólk., стр. 65.

и онъ не могъ не видѣть, что если соединится съ Наливайкомъ и Савулой, который ожидался изъ Бѣлой Руси, то составится сила, съ которой въ пору было-бы помѣряться и большому, хорошо устроенному войску, не только хоругвямъ Жолкевскаго. Потому-то козаки и грозились, какъ говоритъ Гейденштейнъ, на короля и на городъ Краковъ.

Эти угрозы однако не были глухимъ подземнымъ гуломъ, предвѣстникомъ землетрясенія. Козаки не смотря на множество уроковъ, преподанныхъ имъ польскимъ правительствомъ, не научились еще не отдѣлять интересовъ угнетеннаго поспольства отъ своихъ собственныхъ и, какъ кажется, готовы были при случаѣ, пожертвовать хлопами для своихъ собственныхъ цѣлей. На такую мысль наводятъ нѣкоторыя строки въ письмѣ Наливайка къ королю Сигизмунду [1]), дающія отчасти понять, какъ относился къ хлопамъ даже этотъ самозванный „гетманъ запорожскій", у котораго въ шайкѣ хлопы составляли главную силу. „Наливайко предлагалъ королю, говоритъ Костомаровъ (Мон. т. 3, стр. 264—265), отвести козакамъ для поселенія пустыни между Бугомъ и Днѣстромъ, на шляху татарскомъ и турецкомъ, межди Тегинею и Очаковымъ, на пространствѣ 20 миль отъ Брацлава, гдѣ отъ сотворенія міра никто не обиталъ; пусть козаки тамъ построятъ городъ и замокъ и живутъ себѣ; затѣмъ уже *никому не должно, кромѣ реестровыхъ и запорожцевъ, называться козаками, а хлопамъ слѣдуетъ обрѣзывать за своеволіе уши и носы*". Еще менѣе, кажется, обращалъ вниманіе на хлопскіе интересы Лобода, офиціальный „старшій" надъ войскомъ запорожскимъ. Упомянутыя выше угрозы козаковъ надо принимать въ томъ смыслѣ, что удалое рыцарство само можетъ навести переполохъ не только на какого-нибудь Семашка, въ его замкѣ Хупковѣ, но даже и на самаго короля въ Краковѣ. Полнаго единства между козаками и народомъ еще не видно, но почти уже была готова почва для настоящаго народнаго возстанія. Жолкевскій писалъ Замойскому: „вся Украйна окозачилась, измѣнниковъ и шпіоновъ полно!" (Listy, стр. 80); но того, что видѣлъ Жолкевскій, не видѣла сама Украйна.

Изъ сѣверныхъ окраинъ кіевскаго воеводства Лобода передвинулся на югъ, къ Бѣлой Церкви; отсюда онъ и заводитъ сноше-

---

[1]) Къ сожалѣнію у насъ не было подъ руками самаго письма.

нія съ Наливайкомъ. Наливайко вѣроятно первый обратился къ Лободѣ, находясь въ стѣсненномъ положеніи. До Жолкевскаго доходили слухи, что въ войскѣ Наливайка были большія смуты; на него нарекали, что онъ плохою распорядительностью довелъ ихъ до того, что множество людей погибло даромъ, остальные-же лишились пропитанія и лошадей. Нѣсколько разъ даже жизнь Наливайка была въ опасности.

Прежде чѣмъ сноситься съ Лободой, Наливайко обратился къ брацлавскому старостѣ Струсю, прося у него ходатайства предъ гетманомъ, обѣщая распустить свое войско, если не будутъ взыскивать съ него за прежнее. Жолкевскій отвѣчалъ, что онъ обѣщаетъ ходатайствовать передъ королемъ о прощеніи Наливайка, если только онъ распуститъ свою шайку и выдастъ армату и хоругвь, пожалованную эрцгерцогомъ Максимиліаномъ. Плохо вѣрилъ Наливайко обѣщаніямъ гетмана, а потому предпочелъ обратиться лучше къ запорожцамъ съ Лободою. „Правдоподобнѣе, что такой съ такимъ легче сойдется, чѣмъ отдастся на ласку его королевской милости“, писалъ Жолкевскій [1]). Для отвращенія Лободы отъ соединенія съ Наливайкомъ, онъ отправилъ къ первому посланца съ письмомъ, въ которомъ обѣщалъ ходатайствовать передъ королемъ, если козаки уйдутъ къ себѣ на Запорожье и будутъ сидѣть спокойно; въ письмѣ говорилось очень рѣзко о Наливайкѣ и его дружинѣ и давалось понять козакамъ, что гетманъ не смѣшиваетъ ихъ со сбродомъ Наливайка. Но посольство не имѣло успѣха. Если самъ Лобода и былъ склоненъ покориться, то этого не допустила чернь. „Чернь, пишетъ Жолкевскій, хотѣла убить посланца, говоря, что онъ пріѣхалъ шпіонить. Лобода тоже, дѣлая видъ при черни, сердился на него и говорилъ: развѣ гетманъ не могъ къ намъ шляхтича какого нибудь прислать, а не тебя? какъ-бы говоря этимъ, прибавляетъ Жолкевскій, что я посылаю łotra къ łotr'амъ; а тотъ козачекъ, что я посылалъ къ нимъ, дѣйствительно не взраченъ. Потомъ однако отпустилъ посланца и далъ ему червонный злотый, но отвѣта никакого на мой листъ не прислалъ“ [2]).

Результатомъ сношеній Лободы съ Наливайкомъ было то, что послѣдній подвинулся отъ Синихъ Водъ поближе къ войску Лободы,

[1]) Listy, стр. 71.
[2]) Listy, стр. 72.

къ г. Корсуню. Ни пушекъ, ни пороху и ядеръ не было уже у Наливайка; онъ потопилъ ихъ въ водѣ, а порохъ закопалъ въ землю, когда уходилъ отъ Жолкевскаго. У Лободы тоже не было артиллеріи, потому что всю запорожскую армату забралъ съ собою Савула въ Бѣлую Русь. Теперь приходили къ Лободѣ вѣсти, что Савула находится въ Быховѣ и скоро будетъ въ Кіевѣ. Для соединенія съ нимъ двинулся въ Кіевъ и Лобода со своимъ отрядомъ. Это было въ половинѣ марта [1]). Савула дѣйствительно возвратился въ Кіевъ и выбранъ былъ гетманомъ [2]) надъ соединенными отрядами.

Жолкевскій въ это время стоялъ сначала въ Винницѣ, потомъ передвинулся въ Пиковъ, гдѣ вѣроятно было болѣе удобствъ. Чтобы развѣдать о положеніи непріятеля и держать его въ постоянномъ страхѣ близостью короннаго войска, Жолкевскій отрядилъ съ 500 конницы князя Рожинскаго въ Паволочь, приказалъ ему вести себя какъ можно осмотрительнѣе, въ виду умѣнья козаковъ строить засады непріятелю. Рожинскій, человѣкъ горячій, не могъ удержаться отъ рискованныхъ предпріятій. Онъ жестоко поступалъ съ попадавшимися ему въ руки козаками и самъ искалъ случая подраться.

Узнавъ о движеніи Рожинскаго, Савула выслалъ изъ Кіева полковника Саська съ 3 тысячнымъ отрядомъ, чтобы онъ опусто-

---

[1]) Гейденштейнъ, т. 2, стр. 365—366; Listy, стр. 72.

[2]) Относительно слова *гетманъ*, прилагаемаго въ описываемое время къ козацкимъ предводителямъ, надо замѣтить, что съ нимъ не соединялось представленіе о какой нибудь опредѣленной должности; гетманомъ въ обыденной рѣчи называли всякаго предводителя самостоятельнаго войска, какой-бы величины оно ни было, лишь-бы составляло отдѣльное цѣлое. Въ этомъ смыслѣ, „гетманомъ войска запорожскаго“ (въ то время уже вошло въ обыкновеніе называть всякихъ козаковъ войскомъ запорожскимъ) называетъ себя и Наливайко (Listy Żolkiewckiego, стр. 64) и Савула (ibid стр. 75) и Косинскій (Архивъ стр. 56). Авторъ Боркулабовской хроники тоже говоритъ: „надъ тымъ людомъ былъ *гетманомъ* на имя Николай Буйвидъ“ (а войско было приведено къ Могилеву княземъ Радзивиломъ). Въ такомъ смыслѣ употребляетъ это слово самъ Жолкевскій; онъ говоритъ: „kozaczy zaraz na mieyscze Sauline (послѣ сраженія у Бѣлой Церкви) obrali sobie *Hethmanem* Nalewayka“ (Listy, стр. 80). Въ этомъ смыслѣ слово *гетманъ* встрѣчается и у авторовъ. Бѣльскій говоритъ: „шли козаки къ Волохамъ (1594 г.); надъ ними гетманомъ былъ Лобода, а Наливайко „porucznikiem“. Оффиціальное имя начальника надъ реестровыми было *старшій*. Но этимъ именемъ „старшіе“ подписываются только въ сношеніяхъ съ польскимъ начальствомъ, напримѣръ Лобода въ письмѣ къ Замойскому (Listy Żolklewskiego, стр. 66).

шалъ имѣнія Рожинскаго, лежавшія въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви, и, въ случаѣ возможности, напалъ-бы и на самого Рожинскаго. Сасько остановился въ Хвастовѣ и послалъ оттуда нѣсколько человѣкъ на развѣдки. Они наткнулись на людей Рожинскаго и всѣ погибли. Рожинскій затѣмъ кинулся въ Хвастовъ, чтобы захватить тамъ Саська, но не засталъ его уже въ Хвастовѣ. Онъ ушелъ въ Кіевъ просить подкрѣпленія [1]). Не желая возвращаться ни съ чѣмъ опять въ Паволочь, Рожинскій двинулся въ Бѣлую Церковь и расположился тамъ, потому что изъ Бѣлой Церкви удобнѣе было ему оборонять отъ козаковъ свои маетности.

Жолкевскій, услышавъ объ этомъ движеніи Рожинскаго, испугался, чтобы козаки не обратились на него всѣми силами. Онъ поспѣшно двинулся изъ Пикова, не давъ поправиться захромавшимъ лошадямъ и не ожидая шедшихъ къ нему на помощь новыхъ хоругвей. Опасенія Жолкевскаго сбылись. Изъ Кіева двинулись къ Бѣлой Церкви всѣ козаки; кромѣ того они уговорились тѣмъ временемъ окончательно и съ Наливайкомъ и призвали его къ себѣ изъ Корсуня, гдѣ онъ собиралъ свѣжее войско.

Для отвлеченія вниманія Жолкевскаго и Рожинскаго отъ приближающейся бѣды, Савула изъ Кіева черезъ ксендза отправилъ 27 марта письма къ тому и другому, жалуясь, что ни за что—ни про что обратился на нихъ, людей рыцарскихъ, гнѣвъ ихъ милостей;

---

[1]) Начиная съ движенія отряда Рожинскаго, до конца войны мы будемъ больше всего заимствовать изъ Гейденштейна, потому что его показанія почти въ точности подтверждаются письмами Жолкевскаго, что объясняется легко положеніемъ Гейденштейна, какъ секретаря Замойскаго, которому Жолкевскій доноситъ подробно о всемъ происходящемъ. Очень жаль, что письма Жолкевскаго за 1596 г. прерываются въ половинѣ апрѣля... Не надо однако забывать, что это свидѣтельство только одной стороны и что мы поэтому лишены возможности слѣдовать правилу: audiatur et altera pars! Нѣкоторыя показанія Гейденштейна отличаются явной пристрастностью. О движеніи Рожинскаго и о битвѣ въ Бѣлой Церкви и около нея—см. Бѣльскій стр. 263—264; Гейденштейнъ т. 2, стр. 366—370; Listy Żolkiewskiego стр. 75—81.

Костомаровъ почему-то *Саська* называетъ *Шашкой*. Въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго есть одно письмо, писанное самимъ Саськомъ; въ немъ онъ подписалъ свою фамилію *Sasko*. Жолкевскій пишетъ *Saszko* и *Szasko*, но у него постоянно звукъ *s* смѣшивается съ *sz*, потому что въ произношеніи этотъ звукъ былъ нечистый.

что они теперь, какъ и всегда, готовы служить за порогами его милости королю и промышлять надъ врагами святаго креста. Въ письмѣ къ Рожинскому Савула просилъ у него заступничества передъ Жолкевскимъ. Но ксензъ-посланецъ разсказалъ объ истинныхъ планахъ козаковъ и письма такимъ образомъ не имѣли успѣха.

Козаки подошли къ Бѣлой Церкви 2 апрѣля и расположились таборомъ вокругъ замка. Было ихъ около 8 тысячъ. Рожинскій, замѣчаетъ Гейденштейнъ, лучше всего сдѣлалъ-бы, если-бы заперся въ замокъ и ждалъ прибытія Жолкевскаго. Замокъ стоялъ на высокой горѣ и былъ очень укрѣпленъ, потому что подвергался частымъ нападеніямъ татаръ, такъ какъ Бѣлая Церковь была первымъ городомъ на *Черномъ шляху* [1]), любимомъ пути татаръ. Но Рожинскій предпочелъ сразиться. Съ нимъ были роты Михаила Станиславскаго и другихъ, да кромѣ того венгерецъ Лепшеній съ королевской пѣхотой.

Когда настала ночь, Рожинскій рѣшилъ сдѣлать вылазку. Въ то самое время, какъ все польское войско, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ венгровъ, вышло изъ замка, Наливайко, отряженный козаками съ отрядомъ, ворвался въ замокъ съ другой стороны и изрубилъ и ограбилъ всѣхъ бывшихъ тамъ. Только венгры защитили жилище своего начальника. Но козаки, оставшіеся въ таборѣ, тоже не ожидали нападенія. Ночь была очень темная. Услышавъ выстрѣлы въ своемъ таборѣ, козаки переполошились и стали уходить. Поляки изрубили не успѣвшихъ присоединиться къ уходящимъ и бросились преслѣдовать послѣднихъ. Но козаки опомнились отъ страха и, обернувшись, ударили на поляковъ; тѣ бросились назадъ въ замокъ черезъ опустѣвшій козацкій лагерь, но тутъ наткнулись на Наливайка, успѣвшаго возвратиться изъ замка. Отрядъ

Наконецъ надо замѣтить, что у Гейденштейна (въ польскомъ переводѣ, во 2 т. стр. 366 и 368) два раза вмѣсто *Бѣлой Церкви* стоитъ *Брацлавъ*,— явная обмолвка, или опечатка, какъ это хорошо видно изъ предыдущаго и послѣдующаго.

[1]) „Такъ назывался путь, пролегавшій по водораздѣльной линіи между бассейнами Южнаго Буга съ одной стороны, Роси и Припяти съ другой; по этому пути обыкновенно врывались въ ю.-з. Русь татаре, избравшіе эту дорогу во избѣжаніе переправъ и болотъ“. (Антоновичъ. Кіевъ, его судьба... Кіев. Ст. 1882 г. кн. 1, стр. 26).

Рожинскаго такимъ образомъ очутился между козаками Савулы съ одной стороны и Наливайка съ другой. Легко себѣ представить, что тутъ очень не посчастливилось Рожинскому, хотя авторы и умалчиваютъ объ этомъ. „Наши, видя, что дѣло плохо (widząc, że źle), говоритъ Бѣльскій, убѣжали въ замокъ". Изъ 500 человѣкъ пѣхоты, по показанію Гейденштейна, пало болѣе 100 человѣкъ и было много раненыхъ; но по всей вѣроятности цифра убитыхъ и раненыхъ была гораздо значительнѣе.

Жолкевскій былъ уже близко отъ Бѣлой Церкви; эту ночь онъ проводилъ въ Тришкахъ, за 4 мили отъ города. Услышавъ гулъ пушекъ, онъ двинулся съ войскомъ. Передняя стража захватила нѣсколькихъ козаковъ, искавшихъ живности. Узнавъ отъ нихъ, что произошло, Жолкевскій пошелъ еще поспѣшнѣе. Въ полумили отъ Бѣлой Церкви встрѣтилъ онъ посланца отъ Рожинскаго, который просилѣ о помощи. Мѣстность около Бѣлой Церкви холмистая. Козаки, стоявшіе подъ городомъ, замѣтили съ холмовъ приближеніе польскаго войска и стали уходить по дорогѣ къ Триполью.

Пришедши въ Бѣлую Церковь, Жолкевскій колебался, преслѣдовать-ли ему козаковъ, или дать отдохнуть войску и подождать подкрѣпленій. Король, по письму его, отправилъ приказаніе Потоцкому, стоявшему съ частью войска въ Молдавіи, выйти оттуда и присоединиться къ Жолкевскому; его-то и поджидалъ гетманъ. Но жолнѣры рвались въ битву. Условія для нея были благопріятны: козаки отошли не далеко, стали въ разстояніи всего одной мили; мѣстность была тамъ ровная; маленькія болотца позамерзали, потому что, не смотря на весеннее время, ударили морозы и выпалъ такой снѣгъ, какого во всю зиму не было; снѣгъ даже нѣсколько раньше затруднилъ движеніе Жолкевскому. Надо было воспользоваться настроеніемъ жолнѣровъ и козаковъ, не пришедшихъ еще въ себя отъ страха. Въ виду этого Жолкевскій двинулся за козаками и вечеромъ догналъ ихъ у озера Острый Камень.

Козаки отаборились. Спереди поставили повозки, а внутри пѣхоту; только предводители были на лошадяхъ; со всѣхъ сторонъ табора расположили свои 24 пушки. Гетманъ, построившись такъ, чтобы козацкія пушки могли ему меньше всего вредить, быстро началъ битву. Жолнѣры охотно бросились на козаковъ и очень храбро сражались, „но разорвать табора, хотя это повидимому и

легко было, Господь не судилъ" [1]). Залегши подъ возами, козаки очень часто стрѣляли и наносили большой вредъ нападавшимъ. Тѣмъ не менѣе сраженіе окончилось очень печально для козаковъ: ихъ погибло до 2000; Сасько былъ убитъ, Савула и Наливайко ранены. Однако, если „Господь Богъ не судилъ разорвать табора козаковъ", то очень вѣроятно, что и у пытавшихся разорвать потери были немалыя. Поэтому, по прочтеніи показанія Гейденштейна, что у поляковъ палъ только ротмистръ Янъ Вернекъ и 34 человѣка (въ письмѣ Жолкевскаго даже 32), у читателя невольно является улыбка [2])...

Послѣ этого сраженія козаки сбросили съ гетманства Савулу и выбрали Лободу [3]). Ночью Лобода ушелъ къ Триполью и, переправившись здѣсь черезъ Днѣпръ, ушелъ къ Переяславу, гдѣ козаки и расположились.

Жолкевскій опять вернулся въ Бѣлую Церковь, чтобы перевязать раненыхъ и подождать подкрѣпленій, о которыхъ просилъ короля черезъ старосту галицкаго. Стоя въ Бѣлой Церкви, онъ получилъ извѣстіе, что по правую сторону Днѣпра, въ Каневѣ, что-то задержало еще козаковъ и что тамъ стоитъ ихъ полкъ подъ начальствомъ Кремпскаго. Онъ сейчасъ-же отправилъ туда отрядъ съ приказаніемъ очистить вообще правую сторону Днѣпра отъ козаковъ. Польскій отрядъ, состоявшій изъ людей князей Рожинскаго и Вишневецкаго и ротъ Темрюка и Блинструба, подъ главнымъ начальствомъ Ходкевича, напалъ на козаковъ въ расплохъ. Они кинулись переправляться, но многіе частью были изрублены, частью утонули въ Днѣпрѣ. Это было въ страстную субботу, въ серединѣ апрѣля. Въ Каневѣ и Терехтемировѣ польскій отрядъ забралъ всю соль изъ магазиновъ, что причинило не мало досады козакамъ. Къ Жолкевскому между тѣмъ подходили въ Бѣлую Церковь вспомогательные отряды. Кромѣ людей Ходкевича, тутъ соединились съ нимъ роты Бекеша и другихъ.

---

[1]) Listy Żółkiewskiego, стр. 80.

[2]) Въ данномъ случаѣ польскіе хроникеры докладываютъ публикѣ объ успѣхахъ поляковъ пословицей: „ахъ, какъ дядя хохла бьетъ! ажъ изъ дяди кровь идетъ!"

[3]) Гейденшт., т. 2, стр. 370. Жолкевскій въ своемъ письмѣ говоритъ (Listy, стр. 80), что вмѣсто Савулы выбрали Наливайка; но это, очевидно, по наслышкѣ, сейчасъ-же послѣ сраженія. Изъ дальнѣйшаго видно, что начальствовалъ Лобода.

IV.

Приготовленія къ переправѣ польскаго войска.—Переговоры.—Уловка Жолкевскаго.—Движеніе козаковъ къ Переяславу.—Личность Жолкевскаго.—Неудобное положеніе козацкихъ предводителей.—Переправа черезъ Сулу.—Козацкій таборъ у Лубенъ.—Мелкія стычки и положеніе осажденныхъ и осаждающихъ.—Приготовленіе поляковъ къ штурму.—Согласіе козаковъ на сдачу и ихъ погибель. Касперъ Подвысоцкій.—Казнь Наливайка.

Жолкевскій твердо рѣшилъ добывать козаковъ, куда-бы они ни пошли. Теперь ему предстояло переправиться черезъ Днѣпръ, и тѣмъ скорѣе, что онъ опасался, какъ-бы козаки по лѣвой сторонѣ Днѣпра не бросились на Бѣлоруссію, гдѣ гоняться за ними было-бы очень затруднительно. Но переправа представляла громадныя трудности. Козаки сожгли или увели съ собой всѣ суда, годныя къ переправѣ. Гетманъ послалъ собирать лодки съ рр. Припяти и Тетерева и наложилъ повинность на кіевлянъ: они должны были приспособлять къ переправѣ пригоняемыя съ верху разнокалиберныя суда и строить новыя лодки.

Какъ только козаки узнали о приготовленіяхъ къ переправѣ въ Кіевѣ, они тотчасъ поспѣшно двинулись туда, чтобы уничтожить приготовленныя лодки и наказать кіевлянъ за службу полякамъ; грозили обратить городъ въ пепелъ и развалины. Но Жолкевскому дали знать объ этомъ. Онъ тоже поспѣшилъ къ Кіеву и самъ лично ѣхалъ впереди войска, чтобы распорядиться работами. По дорогѣ къ Кіеву войско его продолжало пополняться; такъ въ Васильковѣ соединился съ нимъ возвратившійся изъ Молдавіи Потоцкій. Козаки хотѣли обмануть Жолкевскаго; чтобъ раньше подойти къ Кіеву, они завели съ нимъ переговоры. Но Жолкевскій черезъ шпіоновъ зналъ всѣ намѣренія козаковъ и потому попытка ихъ не удалась. Поляки подошли къ Кіеву только двумя часами раньше козаковъ и городъ былъ спасенъ.

Жолкевскій расположилъ свое войско подъ монастыремъ, въ полумилѣ отъ Кіева (выходитъ—подъ Лаврою), а городъ окружилъ пикетами. Тутъ-же противъ него на лѣвой сторонѣ расположились козаки, подъ начальствомъ Лободы. Къ нимъ плыли съ низу запорожцы на 100 чайкахъ.

Еще изъ Бѣлой Церкви Жолкевскій отправлялъ въ Сѣчь посольство съ цѣлью удержать запорожцевъ въ вѣрности правитель-

ству и разными обѣщаніями отклонить ихъ отъ соединенія съ бунтовщиками. Часть запорожскаго товариства была съ Лободой, но около 500 человѣкъ оставалось въ Кошѣ. Здѣсь польскому посольству не посчастливилось: запорожцы заковали пословъ въ кандалы, а сами подъ начальствомъ Каспера Подвысоцкаго отправились въ Кіевъ на соединеніе съ козаками. Вѣтеръ къ ихъ несчастью былъ съ верху; надо было идти сплошь на веслахъ. Люди изморились; тутъ Жолкевскій, узнавъ объ ихъ приближеніи, велѣлъ установить на берегу пушки и всѣми мѣрами стараться не дать чайкамъ приблизиться.

Какъ только раздался звукъ котловъ и трубъ, которыми запорожцы давали знать о своемъ прибытіи, въ нихъ начали палить изъ пушекъ. Пальба при сильномъ противномъ вѣтрѣ не допустила запорожцевъ подойти къ козацкому лагерю и флотъ удалился. Самъ Подвысоцкій даже чуть не лишился жизни, такъ какъ въ его чайкѣ было пробито двѣ дыры.

То-же самое, что поляки продѣлали съ козацкой флотиліей, могли продѣлать и козаки съ Жолкевскимъ, когда онъ попытался-бы переправиться. Надо было поэтому придумать Жолкевскому какой нибудь способъ безопасной переправы. Онъ прежде всего завелъ сношенія съ козаками и заключилъ перемиріе. Козаки тоже не прочь были переговорить, даже искренно, надѣясь, что гетманъ согласится уладить дѣло миромъ. Они пустили по Днѣпру колоду съ воткнутымъ въ нее листомъ, въ которомъ просили о помилованіи. На другой день въ польскій лагерь пріѣхалъ отъ козаковъ сотникъ Кузловскій, тоже прося о милосердіи и желая узнать, на какихъ услоіяхъ гетманъ согласенъ помириться съ козаками. Гетманъ отъ себя отправилъ къ козакамъ посланца съ отвѣтомъ, что они должны выдать Наливайка и другихъ главнѣйшихъ бунтовщиковъ, отдать артиллерію и хоругви иностранныхъ государей.

На слѣдующій день отъ козаковъ пріѣхали уполномоченными два асаула, которые повторили просьбу о милосердіи, но на требованія о выдачѣ дали отрицательный отвѣтъ. Переговоры очевидно не клеились. Жолкевскій и началъ ихъ только съ тѣмъ, чтобы за это время тѣмъ или другимъ способомъ приготовиться къ переправѣ. Онъ измыслилъ пріемъ, вполнѣ удавшійся. Зная, что въ Переславѣ козаки оставили семейства и все имущество, онъ распустилъ

слухъ, что отправилъ Потоцкаго съ частью войска къ Триполью, или къ какому-либо другому пункту ниже, съ цѣлью переправиться и напасть на Переяславъ. Для приданія большей вѣроятности слуху, онъ приказалъ Потоцкому дѣйствительно отойти отъ Кіева и, снарядивъ 24 воза съ лодками и другими предметами, необходимыми при переправѣ, отправилъ ихъ вслѣдъ за отрядомъ Потоцкаго. Это было сдѣлано тогда, когда асаулы еще не возвращались въ козацкій лагерь.

Въ это-же время изъ польскаго лагеря перебѣжали къ козакамъ два пахолка, вѣроятно нарочно посланные туда Жолкевскимъ. Они донесли козакамъ, что изъ Литвы приближается на помощь къ гетману войско и что Потоцкій уже двинулся къ Переяславу. Извѣстіе произвело сенсацію. Жолкевскій-же, чтобъ замаскировать подсылку, потребовалъ выдачи перебѣжчиковъ, грозя въ противномъ случаѣ задержать асауловъ. Козаки на глазахъ поляковъ отрубили головы бѣднымъ пахолкамъ, а Жолкевскому послали сказать, что не хорошо съ его стороны наружно вступать въ переговоры, а въ тылу тѣмъ временемъ строить засаду. Жолкевскій, чтобъ поддержать въ нихъ эту мысль, отвѣтилъ, что переговоры были начаты для того, чтобы каждая изъ сторонъ какъ можно лучше повела свое дѣло и что онъ не обѣщалъ имъ бездѣйствовать. Тутъ козаки тотчасъ начали сгонять съ пастбищъ лошадей, сѣдлать и приготовляться въ дорогу, и отступили, не медля ни минуты.

Но Лобода и Наливайко, въ количествѣ полутораста коней, остались еще для послѣдней попытки переговоровъ. Лобода одинъ сѣлъ въ лодку и подъѣхалъ къ кіевскому берегу. Для переговоровъ съ нимъ явился староста брацлавскій Юрій Струсь, лично съ нимъ знакомый. Переговоры однако ничѣмъ не кончились и Лобода съ Наливайкомъ уѣхали. Жолкевскій, убѣдившись, что нигдѣ нѣтъ засады, приступилъ къ переправѣ. Черезъ два дня все войско польское было уже на лѣвой сторонѣ [1]).

Козаки такъ спѣшили въ Переяславъ, что стали тамъ за одинъ день. По дорогѣ въ разныхъ мѣстахъ они разставили чаты, слѣдить за движеніемъ польскаго войска. Когда стоявшіе на ча-

---

[1]) О переправѣ см. Гейденштейнъ, т. 2, стр. 371—374; Бѣльскій, стр. 264—266.

тахъ дали знать, что Жолкевскій двигается къ Переяславу, между козаками поднялось большое смятеніе; не знали, оставаться-ли въ Переяславѣ, или двигаться дальше въ степь. Движеніе было очень затруднительно, потому что въ Переяславѣ нельзя было оставить женъ и имуществъ; надо было брать ихъ съ собой. Но съ другой стороны и запереться въ Переяславѣ было очень неудобно: во первыхъ городъ былъ раскинутъ на большомъ пространствѣ,—валъ имѣлъ до мили въ окружности; во вторыхъ, съ козаками было до 10 тысячъ лошадей, прокормить которыхъ въ городѣ продолжительное время не было никакой возможности. Собирались безпрестанно на рады, шумѣли, раздѣлились на партіи. Между козаками всегда было довольно людей, предпочитавшихъ сдаться на какихъ угодно унизительныхъ условіяхъ, лишь-бы сохранить свои пожитки и самимъ остаться цѣлыми. Жолкевскій не переставалъ манить такихъ людей разными обѣщаніями и тѣмъ увеличивалъ раздоры. Между тѣмъ надо было спѣшить, потому что чаты доносили о движеніи гетмана къ Переяславу. Наконецъ рѣшено было пуститься въ степь, въ Лубнахъ перейти черезъ Сулу, уничтожить за собой переправу и отсидѣться въ степи такимъ-же образомъ, какъ Наливайко на Синихъ Водахъ. Жолкевскому было-бы очень опасно ихъ тамъ преслѣдовать. Козаки съ женщинами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ двинулись въ Лубны.

Но Жолкевскій и здѣсь ихъ перехитрилъ, и на этотъ разъ удача Жолкевскаго имѣла для козаковъ роковыя послѣдствія. Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о личности самаго Жолкевскаго. Судя по его письмамъ и по установившемуся мнѣнію о немъ у поляковъ, это былъ человѣкъ выдающійся. Уступая нѣсколько знаменитому своему современнику Яну Замойскому въ обширности и всесторонности знаній, Жолкевскій тѣмъ не менѣе обладалъ значительнымъ для того времени образованіемъ, отличался природною смѣтливостью, открытымъ, твердымъ характеромъ и считался еще при жизни отличнымъ полководцемъ; онъ 46 лѣтъ провелъ въ лагерѣ или въ полѣ, и начальствовалъ въ 6 кампаніяхъ, совершенныхъ имъ съ успѣхомъ, за исключеніемъ послѣдней, въ которой онъ погибъ подъ Цецорой 7 октября 1620 года.

Козакамъ пришлось имѣть дѣло съ противникомъ, превосходившимъ ихъ вождей знаніемъ военнаго дѣла. Кромѣ того на сто-

ронѣ Жолкевскаго было то удобство, что онъ могъ спокойно, независимо ни отъ кого, обсуждать свои дѣла или самъ, или еще лучше въ военномъ совѣтѣ, составленномъ изъ небольшаго числа лицъ. Другое дѣло у козаковъ. Ихъ предводители были связаны по рукамъ и ногамъ всеобщимъ настроеніемъ. Обсуждать дѣла на многочисленныхъ сходкахъ хорошо только въ спокойное время, когда некуда спѣшить и когда всѣ участвующіе хладнокровно относятся къ дѣлу. Но въ минуты критическія толпа подхватываетъ большею частію какое-нибудь мѣткое мнѣніе, не отличающееся иногда основательностью, но удобное на первый взглядъ. Настроеніе толпы въ такихъ случаяхъ мѣняется очень рѣзко и часто, по мѣрѣ того, какъ того или другаго члена осѣняетъ какая-нибудь блестящая, хотя и нелѣпая мысль. Запорожцы отлично понимали это, когда облекали своего кошеваго на войнѣ неограниченною властью, въ то время, какъ у себя въ Сѣчи на радѣ его могли предать суду и даже казнить. Въ описываемую войну неустройство возбуждалось соперничествомъ Лободы и Наливайка, изъ которыхъ у каждаго были приверженцы, старавшіеся склонять массы въ сторону своихъ начальниковъ. Частыя перемѣны предводителей у козаковъ въ войнѣ 1596 года показываютъ, что первые были въ полной зависимости отъ таткаго настроенія толпы.

Жолкевскій съ войскомъ былъ еще въ 20 миляхъ отъ Лубенъ, когда козаки уже пришли туда. Лубны расположены на правомъ берегу (со стороны Переяслава) р. Сулы, на которой въ то время былъ очень длинный мостъ, по причинѣ примыкающихъ къ рѣкѣ болотъ. За Сулою начинались степи. Козаки расположились въ Лубенскомъ замкѣ, ожидая извѣстій отъ разставленныхъ вездѣ по дорогѣ чатъ и намѣреваясь, въ случаѣ близости гетмана, переправиться на другую сторону, разрушивъ за собою мостъ и перерѣзавъ такимъ образомъ путь польскому войску, потому что переправа другимъ способомъ была невозможна на далекомъ разстояніи по рѣкѣ.

Жолкевскому было извѣстно положеніе козаковъ и дѣло шло о томъ, какъ-бы помѣшать имъ переправиться, или отстоять мостъ. Онъ отправилъ къ козакамъ давняго ихъ знакомаго, галицкаго каштеляна Претвича, для переговоровъ, а самъ спѣшилъ къ Лубнамъ. На дорогѣ присоединился къ нему князь Богданъ Огинскій,

приведшій съ собой литовское войско. Между тѣмъ гетманъ узналъ, что за 5 миль отъ Лубенъ внизъ есть на Сулѣ еще другая переправа, въ Горошинѣ, гдѣ обыкновенно переправляются татары, идя на Украйну, и гдѣ нѣкогда перешолъ съ войскомъ великій князь Витовтъ, потерпѣвъ пораженіе надъ Ворсклой отъ Эдигея. Жолкевскій отрядилъ брацлавскаго старосту Юрія Струся съ княземъ Рожинскимъ и Михаиломъ Вишневецкимъ, приказавъ имъ перейти Сулу въ Горошинѣ и зайти въ тылъ козакамъ; при чемъ, если козаки не замѣтятъ,—подойти къ нимъ съ другой стороны моста и не дать переправиться, если-же до тѣхъ поръ перейдутъ уже Сулу, то стараться сохранить мостъ и задержать ихъ на томъ берегу. Другой отрядъ въ 500 коней, подъ начальствомъ Бѣлецкаго, Жолкевскій двинулъ впереди себя прямо къ Лубнамъ, чтобъ въ случаѣ надобности съ этой стороны рѣки оказать помощь Струсю; самъ-же гетманъ, со всѣмъ остальнымъ войскомъ, не могъ-бы подойти такъ скоро.

Струсь съ большими предосторожностями двинулся въ путь: даже люди его отряда не знали, куда ихъ ведутъ. Пройдя милю дорогою на Лубны, Струсь повернулъ направо и шелъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ козаки вовсе не предполагали встрѣтить поляковъ, а потому не разставили чатъ. Подошедши къ Сулѣ въ Горошинѣ, поляки пустили лошадей вплавь, а сами переправились на связкахъ тростника.

Козаки, узнавъ о движеніи Бѣлецкаго съ отрядомъ, прервали переговоры съ галицкимъ каштеляномъ и переправились за Сулу. Они уже подожгли мостъ, какъ одновременно съ двухъ сторонъ подошли къ нимъ Бѣлецкій и Струсь. Люди Бѣлецкаго бросились вслѣдъ за козаками на мостъ и впродолженіе часа потушили огонь и починили попорченныя части. Между тѣмъ подошелъ къ Лубнамъ и Жолкевскій. Зная о его приближеніи, но не зная о томъ, что въ тылу тоже стоятъ поляки, козаки еще не теряли надежды уйти отъ гетмана въ степь. Замѣтивъ за собою пыль, они думали, что это тянутъ татары. Но тутъ раздался пушечный выстрѣлъ, бывшій условнымъ знакомъ между Жолкевскимъ и Струсемъ, что этотъ послѣдній стоитъ уже на мѣстѣ. Козаки переполошились, не зная, что дѣлать. Опять пошли ссоры. Наконецъ видя, что такъ или иначе, а уходить поздно, такъ какъ ихъ обошли съ двухъ сторонъ, стали окапываться.

Козацкій лагерь находился въ полумили отъ города и былъ устроенъ такимъ образомъ. Сначала они окружили себя четырьмя рядами повозокъ, скованныхъ между собою, потомъ за повозками выкопали окопъ и насыпали валъ, выше повозокъ. Сдѣлавъ нѣсколько воротъ, насыпали въ таборѣ противъ каждыхъ изъ нихъ горки, на которыхъ поставили пушки. Горки эти дѣлались, очевидно, съ цѣлью заполнить для непріятельскихъ выстрѣловъ отверстія въ стѣнѣ, занимаемыя воротами. Внутри табора подѣлали срубы, наполненные землею, по высотѣ выше вала; на нихъ тоже помѣстили пушки, такъ что можно было стрѣлять черезъ валъ. Въ такомъ видѣ козацкій лагерь представлялъ изъ себя укрѣпленіе, почти неодолимое для поляковъ, что они хорошо понимали, послѣ сраженія у Остраго Камня.

Поляки расположились вокругъ козацкаго лагеря слѣдующимъ образомъ. Съ одной стороны отрядъ Юрія Струся, съ князьями: Рожинскимъ и Вишневецкимъ; здѣсь-же были роты: Ходкевича, Язловецкаго, Фредра, Собѣсскаго, Чарнковскаго, Бекеша, Горностая и остатки роты убитаго Вернека. Съ другой стороны самъ гетманъ съ ротами: Щенснаго Гербурта, Ковачевскаго, Гурскаго, Сладковскаго, Тарнавскаго и королевская пѣхота съ Лепшеніемъ. При гетманѣ были и отряды Потоцкаго и Огинскаго, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ нѣсколькихъ ротъ. Съ третьей стороны стояла постоянная стража, а съ четвертой находились прилегавшія къ Сулѣ болота. Всего войска у Жолкевскаго было, по показанію Бѣльскаго, до 3 съ половиною тысячъ; но не надо забывать, что считались только „товарищи“, т. е. шляхта, составлявшая конницу, такъ что и счетъ велся по числу лошадей. Кромѣ того каждый панъ приводилъ съ своею ротою еще толпу слугъ, которая была гораздо многочисленнѣе самой роты и составляла пѣхоту. Козаковъ было до 8 тысячъ, по показанію Гейденштейна,—цифра, конечно, приблизительная, потому что посчитать вѣдь полякамъ нельзя было.

Это было въ серединѣ мая 1596 года. Лѣто было жаркое. Положеніе осажденныхъ было очень печально. Они были отрѣзаны отъ воды и пастбищъ и ни откуда не могли разсчитывать на помощь. Къ полякамъ-же еще подъ Лубны прибыла рота князя Заславскаго, воеводы подляшскаго, въ числѣ 300 коней. Воду еще козаки съ трудомъ добывали, но корму для лошадей рѣшительно не было;

каждый разъ, когда козаки хотѣли выгнать лошадей, имъ приходилось силой пробиваться сквозь непріятелей. Чтобы отвлечь вниманіе непріятеля, козаки безпрестанно заводили „гарцы“ и при этомъ обнаруживали неистощимый запасъ изобрѣтательности. Часто заманивали поляковъ къ самому табору и здѣсь поражали. Въ „гарцахъ“ погибли со стороны поляковъ Дениско, староста житомірскій, Ташицкій, Пеніовскій, Милковскій и другіе паны. Но не смотря на всю изобрѣтательность козаковъ, они даже урывками не могли кормить лошадей, которыя падали отъ голода въ громадномъ количествѣ. Открылись частые побѣги изъ козацкаго стана, начались распри. Жолкевскій искусно ихъ поддерживалъ. Онъ завелъ сношенія съ Лободой, что навлекло на послѣдняго подозрѣніе въ измѣнѣ. Отчаявшаяся толпа наконецъ въ досадѣ убила Лободу и выбрала начальникомъ Кремпскаго.

Поляки тоже были въ очень неудобномъ положеніи: запасовъ было мало, пили мутную, теплую воду. Кони были почти постоянно подъ сѣдломъ и покрылись ссадинами. Войско, не сходя почти съ лошадей, было страшно истомлено. „Имѣли наши съ ними довольно работы и днемъ и ночью“, говоритъ Бѣльскій. Козаки безпрестанно тревожили вылазками. Такъ 28 мая они, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, бросились на Струся; къ нему поспѣшили на помощь другія роты и отбили козаковъ съ большимъ урономъ для нихъ, но и изъ поляковъ многіе „dali tam gardło“. Штурмомъ нельзя было взять козацкаго стана, потому что у Жолкевскаго не было большихъ пушекъ, а маленькія полевыя причиняли имъ мало вреда. Видя это, гетманъ послалъ въ Кіевъ за большими пушками, а въ ожиданіи ихъ приказалъ днемъ и ночью всѣми силами сторожить козаковъ, чтобы они не пробились какъ нибудь силою. Наливайко, дѣломъ котораго была и смерть Лободы, видя, что его все таки обошли, нѣсколько разъ бросался со своимъ полкомъ изъ лагеря, но каждый разъ поляки отбивали его.

4 іюня привезли пушки изъ Кіева. Жолкевскій сталъ готовить войско къ штурму. Было мало пѣхоты, а потому полковники потребовали у своего рыцарства, чтобы оно спѣшилось и шло на штурмъ. Рыцарство, истомленное постояннымъ бдѣніемъ, съ удовольствіемъ согласилось, желая такъ или иначе покончить дѣло. Уже все было готово къ штурму, какъ вдругъ поляки услыхали въ

лагерѣ козаковъ большой шумъ. Оказалось, что козаки рѣшили выдать Наливайка и прочихъ зачинщиковъ. Наливайко сталъ отбиваться, когда его хотѣли взять, почему и поднялась въ козацкомъ лагерѣ драка. Поляки хотѣли воспользоваться случаемъ и ударить въ это время на козаковъ; они сѣли на коней и тѣсно подступили къ табору, но тутъ козаки объявили, что выдадутъ зачинщиковъ. Дѣйствительно 8 іюня они привели Наливайка, схваченнаго уже во рву, когда тотъ собирался пробиться сквозь польскую цѣпь и убѣжать,—и на другой день обѣщали привести Савулу, Шостака и другихъ. Козаки кромѣ того соглашались исполнить всѣ раньше предложенныя имъ требованія, т. е. отдать армату, иностранныя хоругви, лишь-бы ихъ самихъ выпустили на свободу. Когда-же гетманъ сказалъ, что всякій панъ, находящійся въ войскѣ, имѣетъ право взять своего подданнаго, узнавъ его между козаками, они объявили, что лучше готовы защищаться до послѣдней капли крови. Тутъ поляки, воспользовавшись, тѣмъ, что козаки вышли для переговоровъ изъ табора, бросились на нихъ. Это было сдѣлано такъ внезапно, что козаки, по словамъ Бѣльскаго, „не успѣли ни сомкнуться въ строй, ни взяться за оружіе". Они бросились, куда попало. Поляки рубили козаковъ на разстояніи мили, такъ что лежалъ трупъ на трупѣ. Только около полутора тысячъ ихъ съ самимъ Кремпскимъ успѣли спастись.

Въ козацкомъ лагерѣ поляки нашли два цесарскихъ знамени, подаренныхъ козакамъ императоромъ Рудольфомъ, одно эрцгерцога Максимиліана, серебрянные котлы, тоже присланные цесаремъ, 21 хорошую пушку и нѣсколько испорченныхъ и много всякаго другаго оружія. Казна войсковая была плоха; болѣе всего въ ней было турецкихъ вещей, оцѣненныхъ при раздѣлѣ въ 4 тысячи злотыхъ.

Въ то время, какъ козаки были въ осадѣ подъ Лубнами, Касперъ Подвысоцкій съ своей флотиліей стоялъ у устьевъ Сулы. Сначала онъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ подойти на помощь осажденнымъ, но польскія чаты, разставленныя по рѣкѣ, мѣшали этому. Тогда онъ началъ жечь и опустошать окрестные города и села, вѣроятно маетности пановъ, находившихся въ войскѣ подъ Лубнами. Услышавъ о бѣдствіи, постигшемъ козаковъ, онъ ушелъ на низъ.

Очень вѣроятно, что съ нимъ уѣхали въ чайкахъ и запорожцы, спасшіеся съ Кремпскимъ [1]).

Жолкевскій, послѣ разгрома козаковъ, уѣхалъ въ Кіевъ, а оттуда во Львовъ, гдѣ вручилъ Замойскому взятыя у козаковъ хоругви, армату и нѣкоторыхъ плѣнниковъ; затѣмъ возвратился домой. Войско его расположилось въ украинскихъ городахъ и селахъ. Наливайка скованнаго, съ шестью другими вожаками, шляхтичъ Поребскій привезъ въ Варшаву. Здѣсь всѣ, кромѣ Наливайка, были тотчасъ казнены, а Наливайка „сохраняли" до сейма, когда ему отрубили голову, тѣло разрубили на 4 части и развѣсили по разнымъ мѣстамъ.

Въ позднѣйшее время, вѣроятно въ періодъ наибольшаго ожесточенія и ненависти между двумя національностями, сложилось преданіе, что Наливайко былъ сожженъ поляками въ раскаленномъ мѣдномъ быкѣ.

Говоря о казни Наливайка, Бѣльскій замѣчаетъ: „Это былъ красивый мущина, личность къ тому-же не заурядная,—если-бы онъ на добро употреблялъ то, что ему далъ Богъ; кромѣ того онъ былъ отличнымъ пушкаремъ" [2]).

Оканчивая этимъ описаніе козацкаго движенія 1596 года, сдѣлаемъ въ качествѣ заключенія одно замѣчаніе. Бунтъ Лободы и Наливайка, родившись на почвѣ общественной анархіи и не возвышаясь по своему существу надъ простымъ проявленіемъ ея, тѣмъ не менѣе обратилъ на себя вниманіе всего тогдашняго русскаго населенія Украйны. Онъ прокладывалъ дорогу оппозиціи и послужилъ, не смотря на всѣ свои неудачи, нагляднымъ образцемъ, по которому складывались послѣдующія оппозиціонныя движенія, какъ козацкія, такъ и крестьянскія. Не будь исходъ его такимъ печальнымъ для козаковъ, Хмельнищина явилась-бы въ исторіи нѣсколькими десятилѣтіями раньше.

Ѳ. Николайчикъ.

---

[1]) Гейденштейнъ, у котораго разсказъ объ осадѣ подъ Лубнами оканчивается совсѣмъ иначе,—именно, что козаки будто-бы по заключеніи условій были отпущены съ Кремпскимъ,—говоритъ, что Каспера извѣстили о заключеніи мира, и онъ сейчасъ-же принесъ повинную. Но въ List'ахъ Жолкевскаго напечатано письмо Претвича къ Нечковскому отъ *10 іюля*, гдѣ говорится: „Kasper niech się nyc nie boy, ya go na szię biorę y ślubuyę". Это письмо даетъ основаніе думать, что никакого опредѣленнаго термина заключенія мира не было, а просто козаки на время затихли, ожидая, пока уляжется дѣло, а поляки тоже не хотѣли разжигать его.

[2]) Отъ переправы черезъ Днѣпръ до конца—см. Гейденштейнъ, т. 2, стр. 373—377; Бѣльскій, стр. 275—281.

ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

(ОКОНЧАНІЕ)[1]).

Во второй половинѣ XVII столѣтія главными врагами малоруссовъ были поляки и турки. Противъ этихъ угнетателей Украйны направлены главныя сочиненія Галятовскаго съ 1669 года. Воспользовавшись безопаснымъ положеніемъ елецкаго монастыря, до котораго не только туркамъ, но и полякамъ по дальности растоянія трудно было добраться, Галятовскій злобнымъ латинскимъ и уніатскимъ писателямъ нанесъ нѣсколько ловкихъ полемическихъ ударовъ. Онъ удостоился съ ихъ стороны почти такой-же лютой ненависти, какую лѣтъ на восемьдесятъ ранѣе вызвалъ славный защитникъ православія, авторъ „Апокрисиса" Христофоръ Бронскій.

Въ 1668 г. въ Вильнѣ вышло сочиненіе іезуита Павла Боймы, въ которомъ онъ старался доказать, что православная вѣра не есть древняя вѣра [2]). Католики такъ высоко цѣнили это сочиненіе, что дали Боймѣ наименованіе „Benedictus". „Спорный вопросъ, поднятый Боймой", писалъ Барановичъ И. Гизелю, „не такой пустой, чтобы православные могли безъ вреда для себя не отвѣчать на него, потому что онъ явно упрекаетъ насъ, будто у насъ немного такихъ, которые умѣли бы разсуждать правильно". Въ другомъ письмѣ къ И. Гизелю Барановичъ находитъ, что „Бойму

---

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., март. кн., стр. 371—390.

[1]) Подлинное заглавіе этого сочиненія слѣдующее: „Stara wiara, albo jasne pokazanie, iż ci, co w dyzuniej trwają, starey wiary nie mają".

слѣдуетъ хорошо прошколить, чтобы онъ зналъ, что и въ непросвѣщенной Россіи есть свой разумъ". Въ письмѣ къ Ѳеодосію Софоновичу 1670 г. Барановичъ признаетъ, что „Старая вѣра" Боймы многихъ засушила въ Литвѣ [1]). Архимандритъ московскаго Симонова, потомъ новгородскаго Юрьева монастыря Гавріилъ Домецкій въ письмѣ своемъ къ новгородскому митрополиту Іову 1706 г. пишетъ, что на защиту православія отъ латино-уніатовъ „отъ малороссійскія церкве православныя были избраны извѣстные богословы, архіеп. черниг. Лазарь, да архимандритъ І. Галятовскій, которые и учинили имъ чиномъ философскимъ и богословскимъ отвѣтъ подобающій" [2]). Ту роль, которую Домецкій приписываетъ малорусской церкви вообще, въ дѣйствительности разыгралъ одинъ Барановичъ. Онъ не только лично выступилъ противъ Боймы, но выдвинулъ противъ него Галятовскаго и Гизеля и хотѣлъ еще побудить къ полемикѣ съ Боймой Софоновича. Посылая въ 1670 г. Софоновичу первую часть своей „Новой Мѣры", Барановичъ просилъ въ письмѣ Софоновича, Гизеля и всѣхъ игуменовъ „пересмотрѣть этотъ ночей стоившій трудъ" и „приложить своего огня; если у кого есть что-либо древнее, достопримѣчательное, то вынуть изъ ноженъ мечъ и сразиться съ Боймой..... Спасайте, спасайте! вопіетъ церковь къ сынамъ своимъ, — возражайте на „Старую Вѣру!" [3]).

„Nowa miara starey wiary" Барановича вышла въ 1676 г. въ Новгородѣ-сѣверскомъ. Въ началѣ книжки находится изреченіе изъ Св. Писанія, предисловія къ Богородицѣ и читателю и обращеніе къ Боймѣ. „Новая Мѣра" распадается на двѣ части; въ первой части говорится о власти римскихъ папъ, во второй объ исхожденіи св. Духа отъ Отца. Вся книжка въ 354 стран. пересыпана макаронизмами и пустыми виршами [4]).

Галятовскій принялся за составленіе возраженія Боймѣ почти одновременно съ Барановичемъ. „Моя *Мѣра* такъ плодовита", пи-

---

[1]) Письма Лаз. Барановича 104, 110, 107 и 103.

[2]) Прибавл. къ Твор. Св. Отцовъ 1846. I. 37 и 69. Примѣч., цит. въ примѣч. къ Письмамъ Лаз. Барановича, 155 стр.

[3]) Письма Лаз. Барановича, 104.

[4]) Одинъ экз. „Новой Мѣры" Барановича находится въ библ. харьк. дух. семинаріи.

салъ Барановичъ Гизелю 13 авг. 1671 г., „что уже третьяго цыпленка вывела.... Я сколько желаю того, чтобы всѣ прочитали отвѣтъ вашъ Боймѣ, сколько и мое (сочиненіе), какъ Лазарево, хотя и гнило, но для меня мило. Къ намъ, слава Богу, летитъ со своими перушками архимандритъ мой черниговскій. Если свѣтъ ничего не увидитъ, то не избѣгнемъ посмѣянія. Изъ этой миги выйдутъ три фиги; пускай они достанутся противникамъ; другаго чего нибудь они не стоятъ, какъ только, сложивши имъ пальцы съ перьями [1]), накормить ихъ такою фигою.... Вы нашъ Аристотель; почему же на ихъ вызовъ и намъ не отозваться; и они не снимаютъ звѣздъ съ неба; нужно только напередъ посогласоваться между собою“ [2]).

„Фига“ Галятовскаго произрастала цѣлыхъ семь лѣтъ. Лишь въ 1678 г. вышелъ его отвѣтъ Боймѣ подъ заглавіемъ: „Stary kosciol zachodni novemu kosciołowi rzymskiemu pochodzenie Ducha S. od Ojca samego, nie od Syna pokazuje (Древняя Западная церковь показываетъ новой римской церкви исхожденіе Св. Духа отъ одного Отца, а не отъ Сына) [3]). Сочиненіе Галятовскаго направлено не только противъ Боймы, но и противъ вышедшаго послѣ „Старой вѣры“ Боймы „Трибунала“ Николая Циховича. Прежде чѣмъ выпустить въ свѣтъ свое сочиненіе, Галятовскій сдѣлалъ попытку выпросить у московскаго царя денежное вспоможеніе. „Азъ хощу отвѣтъ дати о православной вѣрѣ нашей латинамъ,“—писалъ Галятовскій царю Ѳедору Алексѣевичу,—„клевещущимъ и злословящимъ насъ и глаголющимъ, же мы правовѣрные зле вѣримъ отъ Отца самого исходити Духа свята, не отъ Сына.... Тую книгу объ исхожденіи Духа Свята отъ Отца самого, не отъ Сына, освѣщающе я латинамъ, русскимъ языкомъ написалемъ и приписалемъ всея Россіи самодержцу, вашему пресв. царскому величеству..... Желаю отъ вашего царскаго величества, яко Ѳедора, Дара Божія, даровъ на друкованіе моей книги, которую хочу въ Новгородѣ-

---

[1]) Что касается выраженій: „летитъ съ своими перушками“, „пальцы съ перьями“, то въ объясненіе ихъ нужно допустить, что Галятовскій въ своемъ возраженіи католикамъ хотѣлъ опереться на сравненія перьевъ орла и коршуна, но потомъ отдумалъ, и немного позднѣе построилъ на этомъ сравненіи свои возраженія магометанамъ.

[2]) Письма Лаз. Барановича, 154—156.

[3]) Одинъ экз. „Стараго костела“ находится въ библ. харьк. дух. семинаріи.

Сѣверскомъ друковати". Далѣе Галятовскій проситъ прислать ему бумаги и 60 руб. денегъ или 40 соболей, чтобы продавши соболи, онъ могъ уплатить за наборъ и печатаніе книги [1]). Просьба Галятовскаго не была исполнена, что видно изъ того, что Галятовскій издалъ книгу на польскомъ языкѣ и посвятилъ ее Барановичу, нигдѣ не упоминая о Дарѣ Божіемъ, царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ.

Посвященіе книги Барановичу любопытно съ двухъ сторонъ, во первыхъ, какъ краткая біографія Барановича, составленная лицомъ современнымъ и близкимъ Барановичу, во вторыхъ, какъ краткая автобіографія Галятовскаго. Въ „посвященіи" говорится о благочестіи Барановича, о томъ, что онъ развилъ свой умъ въ разныхъ академіяхъ, въ Вильнѣ, Кіевѣ и Калишѣ, что съ учительской каѳедры онъ затѣмъ обучалъ въ кіевской коллегіи молодежь и съ церковной каѳедры въ разныхъ церквахъ говорилъ проповѣди, что онъ составилъ и издалъ много сочиненій, которыя при этомъ и перечисляются въ такомъ порядкѣ: „Мечъ", „Трубы", „Лютня", „Мѣра", „Житія святыхъ", „Księgi rodzaju" (?) и „Księgi śmierci" (?), что онъ оказываетъ матеріальную помощь убогимъ, коллегамъ, невольникамъ, сиротамъ, наконецъ даетъ средства на возстановленіе обветшавшихъ церквей и монастырей и на постройку новыхъ, которые при этомъ и перечисляются: новгородъ-сѣверская церковь Преображенія Господня, черниговская церковь св. муч. Бориса и и Глѣба, Троицкій монастырь на Болдинскихъ горахъ. „За эти добрыя дѣла, прибавляетъ Галятовскій, Богъ оказалъ Барановичу многія милости, давши ему игуменство кирилицкое, купятицкое и дятеловецкое, ректорство въ кіевскомъ коллегіумѣ, наконецъ черниговское архіерейство, причемъ Барановичъ, съ согласія царя Алексѣя Михайловича и восточныхъ патріарховъ, получилъ почетное наименованіе архіепископа".—Въ виду крайней скудости біографическихъ свѣдѣній о Барановичѣ, нѣкогда игравшемъ въ южной Россіи весьма видную роль политическаго и литературнаго дѣятеля, человѣкѣ несомнѣнно умномъ, дѣятельномъ и предпріимчивомъ, тѣ свѣдѣнія, которыя даетъ Галятовскій, представляютъ большую цѣнность въ научномъ отношеніи. Не менѣе важны сообщенія Галятовскаго о его собственной жизни, о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя

---

[1]) Рукопись въ библ. моск. общ. ист. и древн. № 98.

оказалъ ему Барановичъ. „Когда я, говоритъ Галятовскій, началъ мое ученіе въ кіевской коллегіи, ваша милость, панъ былъ моимъ первымъ учителемъ въ классахъ инфимы и грамматики, а потомъ и въ классѣ реторики, и великую милость оказывалъ мнѣ не только когда я былъ свѣтскимъ, но и когда сталъ монахомъ. Когда я въ опасное военное время пріѣхалъ изъ Волыни въ купятицкій монастырь, ваша милость панъ, будучи тамъ игуменомъ, принялъ меня милостиво и истинно какъ отецъ; перейдя потомъ на ректорство въ Кіевѣ, ты и тамъ давалъ мнѣ ходъ; переселясь также въ Новгородъ-Сѣверскъ, когда я прибылъ изъ Литвы, ты и тамъ меня обласкалъ, какъ любящій пастырь заблудшую овцу, поддержалъ мое избраніе на черниговскую архимандрію, посвятилъ меня въ этотъ санъ въ церкви Преображенія Господня, доставилъ мнѣ принадлежащія этой архимандріи имѣнія Горбовъ и Авдѣевку съ документами на нихъ, и наконецъ писалъ и посылалъ на Москву ходатайственныя обо мнѣ письма блаженной памяти царю Алексѣю Михайловичу и своими письмами привлекъ на меня великую милость его пресвѣтлаго царскаго величества“. Галятовскій посвящаетъ Барановичу въ знакъ своей благодарности сочиненіе „Stary Kosciol“, или, употребляя иносказательное выраженіе автора, подноситъ ему голубя, огонь, вѣтеръ и облако (образы св. Духа),—голубя, чтобы св. Духъ даровалъ Барановичу спокойствіе,—огонь, чтобы св. Духъ спалилъ всѣхъ его враговъ, вѣтеръ, чтобы св. Духъ вошелъ въ пещеры сердца Барановича, облако, чтобы св. Духъ сокрылъ Барановича отъ враговъ.

Богословскій трактатъ Галятовскаго объ исхожденіи св. Духа отъ Отца раздѣляется на двѣ части: въ первой части (90 стр.) доказывается, что древняя западная церковь держалась древней вѣры, а во второй (105 стр.), что новая римская церковь выдумываетъ новую вѣру. Въ первой части въ пользу православнаго ученія объ исхожденіи св. Духа исключительно отъ Отца приводятся доказательства изъ св. Писанія, восточныхъ и западныхъ писателей и доводы на основаніи разума. Во второй части опровергаются римскія доказательства „Filioque“, приводимыя изъ св. Писанія и учителей церкви. „Старый Костелъ“ Галятовскаго по силѣ доводовъ, по систематичности въ изложеніи доказательствъ, по простотѣ и ясности языка стоитъ несравненно выше „Новой Мѣры“

Барановича. Католики признали въ Галятовскомъ сильнаго противника. Съ латинской стороны послѣдовало три возраженія на „Старый Костелъ“: 1) неизвѣстнаго автора: „Квестійки, или краткіе вопросы по поводу сочиненія Галятовскаго: „Старый Костелъ“, 2) Вопросы къ разговору объ исхожденіи св. Духа, также неизвѣстнаго автора и 3) Голіаѳъ своимъ мечемъ пораженный, уніата Рутки[1]). Послѣдняя книга наполнена богословскими разсужденіями о св. Духѣ. Тонъ полемики рѣзкій. Рутка обращается къ Галятовскому съ словами: „О вѣтреная голова!“ и въ другомъ мѣстѣ: „извиваешься какъ змѣя, а на истину попасть не можешь“. Лазаря Барановича. Рутка называетъ козломъ барановичемъ. Языкъ Рутки простой и сильный. Противъ Боймы выступилъ Иннокентій Гизель съ сочиненіемъ „О истинной вѣрѣ“, которое архіеп. Филаретъ называетъ „слабымъ“[2]). Дѣйствительно, кіевскій „Аристотель“ оказался неудачнымъ полемистомъ. Галятовскій не замаралъ себя личной перебранкой съ Боймой, но нашелъ вполнѣ соотвѣтствующій ученому человѣку способъ отомстить противникамъ православія за ихъ клевету и брань. Въ 1683 г. онъ издалъ противъ католиковъ „Фундаменты, на которыхъ латинники утверждаютъ единство Руси съ Римомъ“[3]). Въ южно-русской схоластической литературѣ второй половины XVII ст. „Фундаменты“ Галятовскаго составляютъ самое лучшее, наиболѣе выдающееся произведеніе. Въ этой небольшой книжкѣ (всего 100 страницъ) довольно удачно опровергаются поль-

---

[1]) Точныя и полныя заглавія этихъ книгъ слѣдующія:

1) „Na Stary Koscioł zachodni“ I. Galatowskiego, wydany r. 1678, Qvestyjki albo krótkie pytania zadane y rozwiązane. R. 1679. 8+48 str.

2) Quæstiunculæ super Dialogum primum de Processione Spiritus s. a Solo Patre formatæ et resolutæ a quodam Latino—romano. R. 1682. Typ. monast. Olivensis. 8+72 str. (Wisznewski Hist. liter. polsk. VIII. 396).

3) Goliat swojim mieczem porażony, to jest I. Galatowski arch. Jelecki przeciw pochodzenia Ducha S.... y kosciołowi rzymskiemu piszący p. X. Theophila Rutkę s. J. Theologa refutowany i swiatu chrzesciańskiemu na widok podany. W Lublinie. 1689. 4+171. (Одинъ экз. *Голіаѳа* находится въ библ. харьк. д. ак.).

[2]) Филаретъ, Обзоръ, I. 285.

[3]) Fundamenta, na których łacinnicy jedność Rusi z Rzymem fundują, według rzymskiey teraznieyszey wiary nowey, prawdziwemi odpowiedziami cerkwi wschodniey wywrócone y zniesione“. Одинъ экземпляръ „Фундаментовъ“ находится въ библ. харьк. духов. семинаріи.

ско-іезуитскія хитросплетенія и выдумки о бывшей будто-бы въ старое время „едности“ малороссіянъ съ римскою церковью. Шагъ за шагомъ, страница за страницей, въ сильныхъ, простыхъ и ясныхъ выраженіяхъ Галятовскій подкапываетъ и разрушаетъ мнимо-историческія основанія уніи и, никого не браня, не дѣлая никому личныхъ оскорбленій, разскрываетъ предъ своими противниками всю гнусность ихъ гоненія на православныхъ и безчеловѣчность ихъ относительно простого народа.

„Фундаменты“ распадаются на двѣ части. Первая часть начинается картинкой, изображающей сошествіе св. Духа на апостоловъ и Богородицу. За картинкой слѣдуетъ краткое предисловіе, въ которомъ говорится, что вышедшее въ 1678 г. во Львовѣ сочиненіе о соглашеніи восточной и западной церквей дурно было принято православными потому, что въ основу соглашенія положено признаніе главенства папы и „Filioque“. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе и опроверженіе 30 фундаментовъ „едности“ Руси съ Римомъ. Фундаменты состоятъ въ томъ, что во время крещенія Руси (насчитывается 5 крещеній) греки находились будтобы въ единеніи съ римской церковью, что польскіе короли женились на русскихъ княжнахъ по единовѣрію, что князь галицкій Даніилъ принялъ титулъ короля отъ папы, что преподобные Антоній и Ѳеодосій, московскіе митрополиты Петръ и Алексѣй, кіевскіе митрополиты Михаилъ, Іона Глезна, Макарій, Іосифъ Солтанъ, позднѣе Михаилъ Рогоза, приняли унію и проч. Галятовскій говоритъ, что во время крещенія Руси греки не признавали главенства папы, что польскіе короли женились на русскихъ княжнахъ изъ политическихъ видовъ, а не по единовѣрію, что Даніилъ строго хранилъ православіе, что Антоній, Ѳеодосій, Петръ и Алексѣй никогда не были уніатами, что принявшихъ унію митрополитовъ: Исидора и Михаила Рагозу, русскіе не признавали владыками, считали ихъ измѣнниками и проч.

Вторая часть, заключающая въ себѣ объясненіе штурмовъ, которыми западная церковь насилуетъ восточную къ принятію уніи, начинается съ картинки, изображающей божественнаго Страдальца на колѣняхъ пресвятой Дѣвы Маріи, сидящей у подножія креста. Эта картинка немного ранѣе была приложена къ „Новой Мѣрѣ“ Барановича. Во второй части четыре главы, или штурма. *Первый штурмъ* со стороны духовныхъ лицъ римской церкви, на-

примѣръ, со стороны Ѳомы Брюсельскаго, обвиняющаго православныхъ въ потворствѣ и одобреніи воровства, разврата, въ отрицаніи милостыни и молитвы за умершихъ и т. п. Указавъ на неосновательность этихъ обвиненій, Галятовскій говоритъ о притѣсненіи православныхъ католическимъ духовенствомъ. Такъ, іезуиты не допускаютъ православныхъ въ философскій и богословскій классы своихъ коллегій, осмѣиваютъ православное богослуженіе и духовенство, переманиваютъ въ свою кіевскую коллегію студентовъ кіево-могилянской коллегіи. Студентъ, провинившійся въ буйствѣ, уходилъ во избѣжаніе наказанія въ іезуитскій коллегіумъ и здѣсь принималъ католичество. Католики смѣются надъ кіево-печерскими мощами и объясняютъ нетлѣніе тѣлъ особенными свойствами кіево-печерской почвы или тѣмъ, что монахи намазываютъ тѣла пахучими маслами. *Второй штурмъ* на православныхъ производятъ уніаты. Галятовскій вспоминаетъ фанатика Кунцевича и, пользуясь сообщеніями изъ разныхъ городовъ, говоритъ о современныхъ гоненіяхъ со стороны уніатовъ. Такъ, пинскій уніатскій епископъ Бѣлозоръ освобождаетъ находящихся въ его владѣніяхъ православныхъ крестьянъ отъ податей, при условіи, что они подъ Свѣтлое Воскресеніе будутъ ходить въ уніатскую церковь. Жоховскій перешедшимъ въ унію разрѣшаетъ употреблять въ посту мясо. Въ концѣ втораго штурма Галятовскій говоритъ о мученической кончинѣ брестскаго православнаго игумена Аѳанасія Филиповича. Разсказъ Галятовскаго немного разнится отъ превосходнаго по простотѣ и задушевности описанія кончины Филиповича, описанія, составленнаго неизвѣстными брестскими братчиками[1]). У Галятовскаго ошибочно показано, что Филиповичъ въ тюрьмѣ просидѣлъ недѣлю. По достовѣрному свидѣтельству братчиковъ, тюремное заключеніе Филиповича длилось два мѣсяца (съ 1 іюля по 4 сент. 1648). Братчики не подверждаютъ показанія Галятовскаго, что конь тащилъ Филиповича и что надъ его могилой горѣли свѣчи. *Третій штурмъ* производится хамелеонами, т. е. лицами, перешедшими изъ православія въ латинство, напримѣръ, Касьяномъ Саковичемъ. Галятовскій опровергаетъ мнѣніе Саковича, высказанное въ „Епанортозисѣ“ или „Перспективѣ“, что православные склонны съ соглашенію съ

[1]) Русск. истор. библ., IV. Описаніе это помѣщено здѣсь при „Діаріушѣ“ Филиповича.

кальвинистами. *Четвертый штурмъ* противъ православія производятъ паны католики. Галятовскій указываетъ на королевскіе универсалы, преграждавшіе православнымъ доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ, и замѣчаетъ при этомъ, что Климентій Тризна не получилъ мѣста мстиславскаго епископа, которое получилъ уніатъ Жоховскій, не смотря на то, что за Тризну ходатайствовали и просили православные. Паны отняли маетности у волынскаго зименскаго монастыря, бучацкій монастырь отдали доминиканамъ, православную церковь въ Константиновѣ обратили въ кладовую съѣстныхъ припасовъ, въ Минскѣ отдали православную церковь татарамъ, которые обратили церковь въ мечеть; виленскую церковь св. Параскевы католики обратили въ корчму. Въ Брестѣ паны католики запрещаютъ православнымъ священникамъ ходить къ больнымъ съ св. Дарами, рвутъ на священникахъ ризы, выливаютъ на землю св. Дары. Паны католическаго вѣроисповѣданія обращаютъ своихъ слугъ православнаго вѣроисповѣданія въ католицизмъ и запрещаютъ своимъ крестьянамъ ходить въ Кіевъ на богомолье, православныхъ священниковъ заставляютъ отбывать въ полѣ панщину или посылаютъ ихъ съ подводами въ далекія мѣста. Паны принуждаютъ православныхъ священниковъ участвовать въ католическихъ процессіяхъ и за отказъ или ослушаніе штрафуютъ ихъ или изгоняютъ изъ прихода. Мало того: паны католики своихъ собакъ отдаютъ православнымъ священникамъ на прокормленіе, угрожая священнику отнятіемъ послѣдняго его имущества, если онъ будетъ дурно кормить собакъ. Однажды православные священники просили пана католика быть милосердымъ къ православнымъ и обѣщали молиться за него Богу. „Не нужно!“ отвѣтилъ панъ; „вашихъ схизматицкихъ молитвъ Богъ не слушаетъ Вообще „Фундаменты“ Галятовскаго восполняютъ многочисленныя свидѣтельства актовъ, гродскихъ книгъ, мемуаровъ и народныхъ пѣсенъ о притѣсненіи православныхъ латино-уніатами и указываютъ въ то же время, какъ къ этимъ притѣсненіямъ относился Галятовскій.

На послѣдней страницѣ „Фундаментовъ“ находится небольшое замѣчаніе о Зоилѣ, который осмѣивалъ Гомера и за то былъ повѣшенъ Птоломеемъ. Предвидя возраженія со стороны латинскихъ зоиловъ, Галятовскій утѣшаетъ себя тѣмъ, что и у апостола Павла были враги, зоилы. Заключительное замѣчаніе о Зоилѣ было до-

вольно обычно въ южно-русской литературѣ XVII в.; оно, напримѣръ, встрѣчается въ „Евхаристиріонѣ“ 1632 г. Сколько извѣстно, латино-уніаты не возражали противъ „Фундаментовъ“. Они навѣрно настрочили-бы цѣлый рядъ возраженій противъ Галятовскаго, еслибы онъ остановился на избитой и истоптанной почвѣ схоластическаго богословія; но Галятовскій зашелъ въ область современной ему бытовой жизни и выдвинулъ такіе вопіющіе факты латино-уніатской жестокости и несправедливости по отношенію къ православнымъ, что трудно было его подкопать и одолѣть. Невозможно было опровергнуть такіе факты, которые были у всѣхъ на глазахъ или въ памяти. Пришлось молчать, и латино-уніаты на этотъ разъ смолчали. Можетъ быть этимъ молчаніемъ прійдется объяснить малую извѣстность и малую распространенность „Фундаментовъ“. Повидимому, эту книжку потому мало читали, что ее мало ругали.

Въ теченіи многихъ вѣковъ магометанскій міръ посредствомъ крымскихъ татаръ опустошалъ Малороссію. Во второй половинѣ XVII в. на Украйну обрушился турецкій султанъ, воспользовавшійся слабостью польскаго государства. Въ августѣ 1672 г. турки овладѣли сильнѣйшей польской крѣпостью, Каменцомъ [1]). По Буджановскому миру 1672 г. поляки отдали туркамъ Подолію и обязались платить ежегодно дань въ 22,000 червонныхъ. Только военныя дарованія Яна Собѣсскаго дали Польшѣ возможность не выполнить унизительныя условія мирнаго договора и возвратить Подолію. Въ августѣ 1674 г. турки занимали Чигиринъ, и въ самомъ Кіевѣ со страхомъ ожидали турецкаго намѣстника. Еще въ іюлѣ 1674 г. печерскій архимандритъ И. Гизель просилъ у царя пушекъ, пороху и ядеръ для обороны монастыря изъ печерской крѣпости. Въ 1675 г. крымскій ханъ сдѣлалъ попытку уничтожить Запорожье. 15,000 янычаръ были введены въ Сѣчь ночью на праздникъ Рождества Христова, когда товариство „завше звыкло гуляти и подпивати“ [2]). Запорожцы раззбили янычаръ, и ханъ бѣжалъ. Въ 1675 году турки разорили часть Галиціи и Волыни [3]). Въ 1678 г. московскія войска въ защиту отъ татаръ „верхній городъ Кіевъ, идѣ-

---

[1]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, II. 211.
[2]) С. Величко, Лѣтоп. II. 357—364.
[3]) Ibid. II. 371.

же церковь св. Софіи и катедра митрополитовъ кіевскихъ, глубокими рвами и высокими валами обведоша и умоцниша, а войска козацкія за поводомъ гетманскимъ городъ Кіевъ печерскій рвами и крѣпкими валами обваровали и уфундовали" [1]). Зимой 1681 г. татаре подходили подъ Кіевъ и брали людей въ плѣнъ. Въ 1685 г. кіевляне исправляли городскіе валы для защиты отъ татаръ [2]). Въ 1687 г. „татары барзо великія шкоды коло Кіева починили, коло самого города, замкомъ (близъ Златыхъ Воротъ), людей побрали, постынали и усе лѣто не давали отпочитку, же зъ города за Лыбедь трудно было выйти, не дбаючи на тое, що наши войска на Крымъ пошли" [3]). Слободская Украйна въ XVII и XVIII ст. очень часто была опустошаема татарскими отрядами, и битвы съ татарами происходили подъ самимъ Харьковомъ [4]). Татарскія и турецкія нашествія сопровождались жестокимъ избіеніемъ малороссіянъ и издѣвательствомъ надъ православными святынями. Побѣдители брали украинскихъ дѣвушекъ въ плѣнъ, обращали церкви въ мечети, иконами мостили улицы [5]). Въ эту тяжолую для Малороссіи эпоху турецкихъ и татарскихъ нашествій и набѣговъ сложились невольницкія думы, составляющія одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ отдѣловъ малорусской народной поэзіи. Въ пѣсняхъ и думахъ о борьбѣ съ татарами и турками вылилась многострадальная душа народа. Здѣсь народъ выплакалъ свое вѣковое горе; здѣсь онъ выразилъ чувство ненависти къ своимъ исконнымъ врагамъ магометанамъ; здѣсь прославлены народные герои, безстрашно пускавшіеся на утлыхъ чайкахъ въ Черное море и громившіе турокъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Въ пѣсняхъ и думахъ народъ съ замѣчательной точностью передалъ исторію своихъ страданій: какъ татары жгли села, топтали конями дѣтей, какъ мучили плѣнныхъ, какъ „турки білу челядь забирали", какъ скрывались отъ татаръ въ водѣ, но боясь,

---

[1]) Ibid. II. 478.

[2]) Ригельманъ, Лѣтоп. повѣств. II. 173, 178.

[3]) Лѣтопись Самовидца. Въ 1687 г. былъ первый походъ кн. В. В. Голицына на Крымъ.

[4]) Филаретъ, Истор.-стат. Опис. Харьк. епархіи. I. 108, 109, 114, 117, 119—122; II 58—63, 198—206 и во мног. друг. мѣстахъ.

[5]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи. II. 209.

чтобы тутъ не выдала чайка, пробирались въ лѣса съ маленькими дѣтьми [1]).

Общественныя бѣдствія, проистекавшія отъ татарскихъ набѣговъ, усиливали въ народѣ вѣру въ чудеса, порождали сказанія о необыкновенныхъ явленіяхъ въ природѣ, предвѣщавшихъ турецкое нашествіе. Такъ, въ 1675 г., во время нашествія турокъ на Галицію и Волынь, „въ монастырѣ елецкомъ черниговскомъ, за архимандритства о. І. Галятовскаго, чрезъ двохъ чеснихъ іеромонаховъ и иныхъ того монастыря законниковъ и людей свѣтскихъ мѣсяца августа, на отдане праздника Успенія пресвятой Дѣвы Богородицы, о полночи, близко того монастыря елецкаго на ясномъ небѣ два столпи зъ оболоку бѣлаго учиненіе, еденъ отъ сторони полуденной, а другій полунощной, видѣны бяху, которые зъ собою сшедшись вдарилися [2]), презъ которыи столпи Дѣва пресвятая Богородица тимъ законникамъ елецкимъ тое ознаймила, же войско христіанское съ магометанскимъ войскомъ турецкимъ въ Малой тогобочной Россіи того власне часу, якъ столпи были видѣнни, потикало и войну чинило“ [3]).

Выдающіяся южно-русскія духовныя лица второй половины XVII в. Галятовскій и Гизель, особенно Барановичъ, раздѣляли народную ненависть къ туркамъ и татарамъ и дѣйствовали противъ нихъ всѣми возможными для духовныхъ лицъ средствами: взывали къ московскому царю о помощи, отклоняли малороссіянъ отъ мысли покориться султану, поддерживали мужество козаковъ, издавали сочиненія противъ магометанской вѣры.

Во время турецкаго нашествія на правобережную Украйну въ 1677 г. Барановичъ, исполнявшій обязанности кіевскаго митрополита за смертью Діонисія Балабана, созвалъ въ Кіевъ на соборъ настоятелей главныхъ южно-русскихъ православныхъ монастырей: монастыря печерскаго—И. Гизеля, монастыря елецкаго—Іоанникія Галятовскаго, монастыря новгородъ-сѣверскаго—Михаила Лежайскаго

---

[1]) Въ водѣ прятались иногда съ головой, имѣя во рту пустую въ серединѣ камышину, черезъ которую дышали.

[2]) Нужно думать, что рѣчь идетъ о сѣверномъ сіяніи, которое изрѣдка бываетъ видно въ Малороссіи.

[3]) С. Величко Лѣтопись. II. 372.

и др. [1]). По соборному опредѣленію, Барановичемъ во всѣ мѣста Малороссіи были разосланы двѣ граматы, сходныя по содержанію: одна грамата отъ 4 мая 1677 г., другая въ 1678 г. Предпославъ духовенству и мірянамъ свое пастырское благословеніе и замѣтивъ, что нашествіе турокъ „грѣховъ ради нашихъ стается", Барановичъ предписываетъ духовнымъ лицамъ служить молебны о побѣдѣ надъ басурманами, а мірянамъ предписываетъ соблюдать постъ, воздерживаться отъ пѣнія, игръ и музыки [2]).

Въ 1679 г. изъ новгородъ-сѣверской типографіи Барановича вышло небольшое сочиненіе (въ 66 стр.) Галятовскаго подъ заглавіемъ „Лебедь" съ 5-ю перьями, или Христосъ съ 5-ю бож. дарами [3]).

Первое лебединое перо показываетъ причины продолжительнаго существованія магометанской вѣры. Богъ терпитъ магометанъ, потому что не наполнилась мѣра ихъ грѣховъ, терпитъ для испытанія христіанъ въ твердости вѣры, въ наказаніе христіанскихъ государей за ихъ раздоры и въ виду возможности обращенія магометанъ въ христіанство. Какъ-бы то ни было, магометанство должно погибнуть. По словамъ Баронія, Турція будетъ покорена французами; по словамъ Ѳомы Брюсельскаго—русскими.

Второе лебединое перо показываетъ причины, почему многіе народы приняли магометанство: повелѣніе Магомета распространять исламъ посредствомъ меча, разрѣшеніе разврата (многоженство), простота и общедоступность магометанскаго вѣроученія, обращеніе въ магометанство христіанскихъ дѣтей (янычары), пере-

---

[1]) Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи. I. 43.

[2]) Акты Западной Россіи. V. 141—144.

[3]) Полное его заглавіе слѣдующее: «Łabędz z piorami swemi, z darami boskiemi Christus prawowiernemu narodowi chrześćiańskiemu łabędziowym piorem swej mądrośći boskiey wypisuje przyczyny, dla ktorych długo trwa na swiecie secta mahometańska i dla ktorych wiele narodow przyęli zakon Mahometow i dla ktorych na wojnie mahometani szcęscie máją, chrzescian zwycięzają i miasta i panstwa chrzescianskie posiadają. Ten ze Łabędz Chrystus łabędziowym piorem swej nauki boskiey wypisuje fortele wojenne, ktorymi na wojnie Machometanow swoich przeciw chrześćian Mahomet pobudza, i fortele wojenne, ktoremi chrzescianie Machometanow i każdego nieprzijciela swego na wojnie zwyciężyc mogą, albo się od nieprzyjciela obronic». Одинъ экземпляръ „Лебедя" находится въ библіотекѣ харьковской духовной семинаріи.

ходъ бѣглыхъ преступниковъ изъ христіанъ въ магометанство. Кромѣ того Галятовскій говоритъ, что въ аду, по Божьему произволенію, будетъ болѣе людей, чѣмъ въ раю, и вотъ для наполненія ада нужны магометане. Въ концѣ втораго „пера“ Голятовскій прибавляетъ еще два возможныхъ случая уничтоженія магометанъ: магометане погибнутъ въ междоусобной войнѣ или будутъ обращены въ столбы.

Третье лебединое перо показываетъ причины, почему магометане на войнѣ побѣждаютъ христіанъ: грѣхи христіанъ, ссоры ихъ царей, небрежность на войнѣ. Въ концѣ главы о третьемъ лебединомъ перѣ находится весьма замѣчательное мнѣніе Галятовскаго о возможности союза православныхъ народовъ, которые могли бы освободиться отъ турецкаго ига, дѣйствуя единодушно. „Такъ и теперь, говоритъ Галятовскій, греки, болгаре, сербы, боснійцы, молдаване, валахи и иные христіанскіе народы, которые служатъ туркамъ, когда Богъ захочетъ, могутъ согласиться и уговориться между собою, выбиться изъ турецкой неволи и турокъ сдѣлать своими рабами, возвратить гробъ Христовъ и святыя мѣста.“

Если принять во вниманіе это любопытное замѣчаніе Галятовскаго и тѣ мысли о необходимости союза поляковъ, малоруссовъ и великоруссовъ, которыя высказаны Барановичемъ въ „Лютнѣ“, то можно съ увѣренностью утвердить, что среди малорусскаго духовенства второй половины XVII в., вполнѣ созрѣла идея политическаго единенія народовъ православнаго вѣроисповѣданія и преимущественно славянскаго корня. Не исключались изъ этого союза даже поляки, непримиримые враги малороссовъ. Въ своей „Лютнѣ“, въ одной изъ виршъ Барановичь говоритъ, что московскій и польскій орлы, соединившись, могли-бы повергнуть къ ногамъ своимъ магометанскую луну; другую виршу онъ посвятилъ на опроверженіе ходячаго мнѣнія (во времена Барановича), что „poki swiat swiatem nie będzie rusin polakowi bratem.“ Такія тенденціи Барановича и Галятовскаго представляютъ довольно сознательное выраженіе внутренней связи малорусскаго народа съ южными и западными славянами въ XV—XVII столѣтіяхъ. Разгромомъ прибрежныхъ турецкихъ городовъ козаки мстили не только за несчастія своей родины, но и за угнетеніе всего южнаго славянства. Югославяне надѣялись, что Богданъ Хмельницкій освободитъ ихъ отъ

турокъ, и Хмельницкій дѣйствительно приготовлялся „промышлять надъ турецкимъ царемъ.“ Есть основаніе думать, что Хмельницкій замышлялъ присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Украйнѣ, съумѣлъ даже склонить на свою сторону турецкаго султана; но тутъ подвернулись для Хмельницкаго крайне неблагопріятныя политическія обстоятельства, напоръ поляковъ, грабежи татаръ, опасность потерять въ московскомъ царѣ послѣднюю опору на случай крайности, и повернули мысли его въ другую сторону. Проблеснувшая мысль о союзѣ порабощенныхъ славянскихъ народовъ, о взаимной ихъ другъ другу помощи для общаго дѣла славянской свободы, которая могла-бы организоваться въ такую или иную политическую комбинацію, оставлена въ самомъ началѣ, хотя самая идея славянства была тогда живѣе, связь славянъ между собою и въ частности съ Малороссіею тѣснѣе и ближе и даже въ Румыніи славянскій элементъ былъ весьма значителенъ. Гораздо ранѣе Хмельницкаго еще въ XV в. малорусскіе козаки, подъ предводительствомъ князей Острожскихъ и Сигизмунда Корибута, ходили въ Чехію помогать чехамъ въ ихъ борьбѣ съ нѣмцами [1]).

Четвертое лебединое перо описываетъ военныя уловки или фортели, которыми Магометъ поднимаетъ въ Коранѣ мусульманъ противъ христіанъ: замѣчаніе о распространеніи ислама мечемъ, замѣчаніе о томъ, что магометанину принадлежитъ земля, гдѣ ступила нога его коня, обѣщаніе райскаго блаженства борцамъ за вѣру и др.

Пятое лебединое перо изображаетъ военныя мѣры, посредствомъ которыхъ христіане могутъ побѣдить магометанъ. Изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, западно-европейскихъ и польскихъ историковъ Галятовскій выбралъ около 40 случаевъ, когда побѣда была одержана въ слѣдствіе хитрости, и онъ рекомендуетъ эти военныя хитрости христіанамъ. Тутъ встрѣчается разсказъ о деревянномъ конѣ, ввезенномъ въ Трою, о томъ, какъ турки завлекли въ ровъ Владислава III, какъ древляне убили великаго князя Игоря, какъ Владиміръ св. взялъ Херсонесъ, и друг.

Въ концѣ книги Галятовскій приводитъ нѣсколько примѣровъ наклонности магометанъ къ колдовству, при чемъ одинъ примѣръ

---

[1]) Первольфъ. Славянск. взаимность, 151, 277.

заимствованъ изъ польскаго перевода „Освобожденнаго Іерусалима“ Т. Тасса. Галятовскій серьёзно вѣрилъ, что Исменъ былъ колдунъ и что татаре насылаютъ на христіанъ болѣзни, колдуя на сердцахъ убитыхъ людей. Магометъ у Галятовскаго не болѣе, какъ бѣсноватый, магометане—слуги дьявола и магометанское ученіе — дѣло дьявола.

Въ концѣ XVII ст. „Лебедь“ былъ переведенъ на русскій языкъ [1]). Противъ „Лебедя“ издано было злое сатирическое стихотвореніе „List do Galatowskiego [2]).

Вскорѣ послѣ выхода „Лебедя“ вышло другое сочиненіе Галятовскаго противъ магометанъ: „Alkoran Mahometa od (koheleta) Chrystusa zniszczony i w niwec obrocony“. Мѣсто изданія—Черниговъ. Время изданія у разныхъ библіографовъ и историковъ показано различно: у Вишневскаго въ 1683 г., у Костомарова въ 1687 г., у архіеп. Филарета въ 1688 г. По словамъ Н. И. Костомарова, въ „Алкоранѣ“ говорится о жизни и ученіи Магомета и повторяется преданіе о томъ, что турки будутъ побѣждены христіанами. „Алкоранъ“ раздѣленъ на 12 частей и изложенъ въ формѣ диспута между алкораномъ и когелетомъ. Сочиненіе посвящено царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ [3]). Переводчикъ посольскаго приказа Годзеловскій перевелъ его на русскій языкъ [4]).

Наряду съ Барановичемъ и Галятовскимъ, какъ дѣятельный членъ литературнаго и политическаго кружка Барановича, И. Гизель также писалъ противъ турокъ. Въ 1667 г. И. Гизель умолялъ Дорошенка не мыслить о подданствѣ бусурманъ и покориться православному московскому царю [5]).

Въ XVI ст., въ золотое время польской свободы, въ Польшѣ и Литвѣ возникли разные расколы и ереси, проникшіе и въ южную Русь; въ особенности глубокіе корни пустило аріанство. Аріанство, отвергавшее божественность Христа, какъ извѣстно, возникло въ IV ст. и было осуждено на Никейскомъ соборѣ 325 г. Время отъ времени оно возрождалось въ разныхъ концахъ христіанскаго

---

[1]) Филаретъ, Обзоръ дух. литер., I. 288 (у Толстаго, II. 26).

[2]) Wisznewski, Hist. liter. polsk. VIII. 394.

[3]) Костомаровъ, Русск. Исторія въ жизнеоп. II. 370.

[4]) Филаретъ, Обзоръ, I. 288.

[5]) Соловьевъ, Исторія Россіи. XII. 15.

міра. Въ XVI ст. представителемъ аріанства на Западѣ былъ Серветъ, сожженный Кальвиномъ. Въ 1551 году послѣдователи Сервета, Лелій и Фаустъ Социны перенесли аріанство въ Польшу, гдѣ оно, по имени Социновъ, стало называться социніанствомъ. Въ короткое время возникло множество социніанскихъ толковъ. Фаустъ Социнъ примирилъ аріанскія партіи, утвердивъ между ними единство въ главныхъ вѣрованіяхъ. По изъясненію Фауста Социна, откровеніе есть главный источникъ и основаніе вѣры; но въ объясненіи словъ св. Писанія человѣческому разуму долженъ быть предоставленъ полный просторъ. Богъ Отецъ всесовершенъ, безначаленъ, несотворенъ, а самъ все сотворилъ. Іисусъ Христосъ, по ученію Социна, былъ смертный человѣкъ, но, зачатый во чревѣ св. Дѣвы безъ мужа наитіемъ св. Духа, онъ въ извѣстномъ смыслѣ сталъ сыномъ Божіимъ, присвоеннымъ или усыновленнымъ. Черезъ крестныя свои страданія и воскресеніе Іисусъ Христосъ сдѣлался Богомъ и потому Его нужно прославлять и призывать въ молитвахъ. Но Христосъ не есть Слово, черезъ которое все сотворено. Онъ всесовершеннѣйшій пророкъ, богодухновенный человѣкъ, человѣко-Богъ, но не Бого-человѣкъ. Своей крестной смертью Христосъ не искупилъ людей отъ грѣха и не ввелъ ихъ въ наслѣдіе вѣчной жизни, но лишь показалъ, какъ они могутъ умилостивить Бога. Св. Духъ есть даръ Божій, подаваемый вѣрующимъ и всей полнотой своей почивавшій во Христѣ. Социніане признавали только два таинства, причащеніе и крещеніе, не придавая однако имъ таинственнаго значенія. Нравственное ученіе социніанъ было строго. Въ церковныхъ учрежденіяхъ и богослужебныхъ обрядахъ социніане не отличались отъ протестантовъ. Время отъ объединенія социніанскихъ партій въ 1585 г. до открытія гоненія на нихъ со стороны польскаго правительства и народа въ 1638 г. было самымъ цвѣтущимъ періодомъ въ исторіи польскаго социніанства. Социніанскія общины были во многихъ городахъ Литвы и южной Россіи: въ Вильнѣ, Новогрудкѣ, Венгровѣ, Пинчовѣ, Кіевѣ. Гнѣздомъ польско-литовскаго социніанства былъ городъ Раковъ. Въ 1638 г., по случаю выхода въ свѣтъ одной богохульной книжки, въ Раковѣ была закрыта социніанская церковь, школа и типографія, и самый городъ вскорѣ былъ разрушенъ католиками. Въ 1644 г.

были закрыты социніанскія церкви и школы на Волыни. По сеймовымъ постановленіямъ 1658, 1659, 1661 и 1662 годовъ социніанскія общины были уничтожены, при чемъ одни социніане вынуждены были принять католицизмъ, другіе были изгнаны, третьи казнены [1]).

Можно думать, что религіозное броженіе умовъ въ Литвѣ и южной Россіи, вызванное социніанствомъ, не смотря на драконовскія относительно социніанъ постановленія сейма 1662 г., не совсѣмъ улеглось. Въ образованномъ южно-русскомъ обществѣ, вѣроятно, встрѣчалось еще не мало людей съ социніанскими убѣжденіями и вѣрованіями, скрываемыми подъ личиной польско-католическаго благочестія. Іезуиты съ свойственной имъ ловкостью воспользовались религіозно-общественнымъ настроеніемъ, вызваннымъ социніанствомъ. Они обвиняли православныхъ въ наклонности къ кальвинизму и социніанству. Сдѣлавъ имя аріанъ ненавистнымъ въ Рѣчи Посполитой, они охотно стали примѣнять это имя къ православнымъ, направляя такимъ образомъ противъ нихъ фанатическое польско-латинское духовенство и шляхетство. Кипріанъ Жоховскій печатно называлъ Барановича и Галятовскаго аріанами [2]).

Издавая сочиненія противъ аріанъ, призывая на ихъ голову всѣ кары небесныя и земныя, Галятовскій тѣмъ самымъ свидѣтельствовалъ о лживости взводимыхъ іезуитами на православныхъ обвиненій въ наклонности къ аріанству. Южно-русскій ученый не замѣтилъ однако того, что, обѣляя себя и своихъ единовѣрцевъ передъ глазами католиковъ рѣзкимъ осужденіемъ еретиковъ, онъ по духу слишкомъ приблизился къ своимъ гонителямъ іезуитамъ, слишкомъ проникся ихъ злобой, нетерпимостью, ихъ ненавистью къ человѣку.

Вообще противъ еретиковъ направлено сочиненіе Галятовскаго Алфавитъ („Alphabetum rozmaitym heretikom niewiernym dla ich nauczenia y nawrocenia do wiary katholickiey).“ Напечатано въ Черниговѣ, въ типографіи Барановича, 23 іюня 1681 г., съ обозначеніемъ имени автора.

---

[1]) Левицкій, О южнор. социн., въ „Кіевской Старинѣ,“ 1882 г.; Соколовъ, Отношеніе протестантовъ къ Россіи, стр. 259—262.

[2]) Fundamenta, Галятовскаго, стр. 83.

Противъ аріанъ Галятовскій издалъ въ Черниговѣ въ 1686 г. „Софія мудрость“ [1]).

„Алфавитъ“ посвященъ гетману Ивану Самойловичу въ знакъ благодарности за благодѣянія, оказанныя имъ автору книги и елецкому монастырю. За посвященіемъ слѣдуетъ краткая „Предмова до чительника,“ въ которой еретики сравниваются съ дымомъ, саранчой и прочимъ, упоминаемымъ въ 9 главѣ Апокалипсиса. За предмовой слѣдуетъ стихотвореніе въ 10 строкъ, обращенное къ еретику,—одна изъ рѣдкихъ виршей Галятовскаго.

Tę xięge przy kłopotach, z kosztom, z pracą, chory
Napisałem, abym wszedł w niebieskie żyć dwory,
Żadając niewiernych do wiary nawrocenia [2])... и проч.

Въ самомъ „Алфавитѣ“ перечисляются въ алфавитномъ порядкѣ имена еретиковъ; въ двухъ-трехъ строкахъ говорится объ ихъ заблужденіяхъ, и затѣмъ слѣдуетъ возраженіе Галятовскаго, иногда въ нѣсколько страницъ. Пространныя возраженія изложены въ формѣ діалоговъ между православнымъ и еретикомъ. Сравнительно большая обширность нѣкоторыхъ возраженій и опроверженій Галятовскаго происходитъ отъ того, что въ нихъ вставлены богословскіе трактаты о св. Тройцѣ, о божествѣ Христа (13—24), о пребываніи душъ на небѣ (43—57), о страшномъ судѣ (60—75), объ иконопочитаніи (97—102), о формѣ и значеніи таинствъ, о св. мощахъ и проч. Трактаты эти представляютъ повтореніе того, что говорилось уже въ „Ключѣ“ и „Мессіи“.

Галятовскій въ изложеніи еретическихъ мнѣній и въ опроверженіи ихъ обнаруживаетъ крайнее неумѣнье отличать важное отъ пустаго и большое смѣшеніе понятій. О Херинтѣ, Эолѣ, Флоринѣ говорится болѣе, чѣмъ о Лютерѣ и Кальвинѣ. Въ число ере-

---

[1]) „Sophia mądrość zbudowała sobie dom y wgruntowała siedm słupów y mieszkając w tym domu, rozmaite na świecie czyni cuda przeciw Arianow heretykow y już wczyniła y przez w. w. Bogu o. J. Galatowskiego, arch. czern. — jeleckiego, swiatu objawiła“. Въ фундамент. библіотекѣ харьковской духовной семинаріи находится „Alphabetum“ и „Sophia mądrość“, по одному экземпляру.

[2]) „Въ хлопотахъ, съ большими издержками и трудомъ, больной, написалъ я эту книгу, чтобы войти въ небесное жилище, желая, чтобы невѣрующіе обратились къ вѣрѣ“ и пр.

тиковъ попали китайцы, японцы, мексиканцы, Зороастръ, Ксерксъ, греческіе философы, Маккіавели. Китайцы попали въ еретики за ношеніе косы, японцы за ученіе о богѣ Амидѣ, будто бы пострадавшемъ за человѣчество, мексиканцы за поклоненіе идолу, сдѣланному изъ муки, меда и разныхъ кореньевъ. Зороастру приписано изобрѣтеніе чародѣйства. Демократъ оказался въ числѣ еретиковъ на томъ основаніи, что училъ о происхожденіи міра изъ атомовъ, Діагоръ за ученіе о случайномъ происхожденіи міра и о господствѣ въ мірѣ случая, Зенонъ за ученіе, что душа человѣка состоитъ изъ четырехъ элементовъ, воздуха, воды, огня и земли, Гериллъ за то, что высшимъ благомъ человѣка считалъ мудрость, Платонъ за ученіе о существованіи душъ солнца, луны и звѣздъ, Ксенофонтъ за ученіе о вѣчности міра. Послѣдователи Маккіавели признаны еретиками за то, что ставятъ государство выше церкви. Галятовскій опровергаетъ древнихъ философовъ доводами изъ св. Писанія; наприм., Герилла халкедонскаго опровергаетъ словами ап. Павла, что земная мудрость—глупость передъ Богомъ. Магомету въ „Алфавитѣ“ отведено полъ-страницы; впрочемъ, сообщеніе о Магометѣ довольно вѣрно исторически и содержательно. Лютеру въ „Алфавитѣ“ посвящено еще менѣе мѣста, чѣмъ Магомету, причемъ обнаруживаются крайне скудныя свѣдѣнія Галятовскаго о протестантствѣ. Южнорусскій ученый могъ только замѣтить, что Лютеръ добрыя дѣла считалъ грѣхомъ и за это ночью былъ удавленъ чортомъ, который скрутилъ Лютеру шею. Повидимому, и наставникъ Галятовскаго Барановичъ весьма мало зналъ о протестантствѣ и лишь глумился надъ Лютеромъ. Въ „Лютнѣ“ находится вирша „Lutrowi—łotrowi“, въ которой Лютеръ названъ волкомъ, а жена его, бывшая монахиня, волчицей. По словамъ Галятовскаго, Кальвинъ называлъ себя краеугольнымъ камнемъ, о которомъ говорится въ евангеліи. „За это богохульство“, грубо и злобно замѣчаетъ Галятовскій на основаніи какого нибудь человѣконенавистнаго іезуитскаго свидѣтельства, „Кальвина съѣли вши, которыя выходили изъ его тѣла и сыпались; отъ этой вшивой болѣзни происходилъ въ его тѣлѣ столь сильный смрадъ, что люди убѣгали отъ него и самъ онъ задохся отъ собственнаго смраду“. На Гуса Галятовскій смотритъ съ точки зрѣнія средневѣковыхъ католиковъ, осудившихъ великаго чеха на сожженіе. Галятовскій признаетъ за

духовными лицами право проклинать мірянъ. Говоря о томъ, что самаритяне впадали въ идолопоклонство, Галятовскій замѣчаетъ, что и русскіе не отрѣшились вполнѣ отъ языческихъ вѣрованій въ Ладо, Купала, Леля-Полеля, Чура. „Наши христіане, говоритъ Галятовскій, „и теперь во время свадьбы или какого нибудь увеселенія упоминаютъ о Ладо; въ честь Купала надѣваютъ вѣнки на свою голову, опоясываются цвѣтами и травами, прыгаютъ чрезъ огонь и танцуютъ вокругъ него, взявшись за руки и распѣвая купальскія пѣсни; вспоминаютъ въ пѣсняхъ Леля-Полеля [1]); подъ праздникъ Рождества Христова вспоминаютъ Чура и распѣваютъ по дворамъ развратныя пѣсни“. Подъ развратными пѣснями, очевидно, подразумѣваются колядки. Объ обычаѣ колядованія находится упоминаніе въ „Лиѳосѣ“ 1644 года. Любопытно не столько перечисленіе нѣкоторыхъ остатковъ языческихъ вѣрованій въ Малороссіи въ XVII в., сколько заключительное замѣчаніе Галятовскаго. „Духовныя лица, замѣчаетъ Галятовскій, искореняютъ эти суевѣрія своими наставленіями, но ихъ не слушаютъ; потому свѣтскимъ лицамъ слѣдуетъ силой изгнать эти суевѣрія“. Южнорусскій ученый, очевидно, желалъ приложенія къ малорусской народной жизни принудительныхъ и регламентирующихъ законодательныхъ мѣръ, подобныхъ тѣмъ правиламъ, которыя практиковались въ XVI—XVII ст. въ московскомъ государствѣ.

Заключительное обращеніе къ читателю состоитъ въ объясненіи того, что изъ Алфавита видно, т. е. что еретики хуже жидовъ и язычниковъ, по демонскому внушенію производятъ ложныя чудеса, хитры, развратны, вообще достойны смертной казни.

„Софія мудрость“ посвящена кіевскому митрополиту Гедеону Святополку Четвертинскому (хиротонисанъ изъ луцк. еп. въ кіев. митр. 8 нояб. 1685 г., † 6 апр. 1690 г.). Въ предисловіи говорится о родѣ кн. Четвертинскихъ и приложено изображеніе Купятицкой иконы Богоматери. Въ книгѣ 25 листиковъ (50 стран.), на которыхъ изложены чудеса, свидѣтельствующія о преступности аріанъ. Всѣхъ чудесъ 51. Чудеса заимствованы преимущественно изъ Баронія. Отличительная особенность чудесъ въ „Софіи“—жестокость. И въ

---

[1]) Свидѣтельство это заимствовано изъ Кромера, который о Лелѣ и Палелѣ упомин. въ соч. „De origine et reb. gest. Polan.“ III. 30.—Прм. авт.

„Небѣ“ грѣшники терпятъ наказаніе отъ Богоматери; но иногда получаютъ прощеніе. Въ „Софіи“, этомъ жалкомъ исчадіи кіево-могилянской науки, Богъ является исключительно грознымъ и карающимъ. Для еретиковъ нѣтъ другаго наказанія, какъ искалѣченіе и смерть; напр. во 2 чудѣ аріанинъ убитъ громомъ, въ 4—облитъ въ банѣ кипяткомъ, въ 5—убитъ конемъ, въ 6—у аріанск. еписк. Зосимы вылѣзъ языкъ, въ 23—самъ Арій распухъ и умеръ скоропостижно мучительной смертью. Въ заключительномъ обращеніи къ „ядовитому Скорпіону зоилу“ Галятовскій говоритъ, что русскій народъ живетъ подъ небеснымъ зодіакомъ Скорпіона. „Неласковый и гнѣвный Скорпіонъ своимъ небеснымъ вліяніемъ побуждаетъ народъ русскій къ войнамъ“.

Въ 1686 г. Галятовскій издалъ въ Черниговѣ на русскомъ языкѣ сочиненіе „Боги поганскіе“. Эта небольшая книжка (12+34) нынѣ представляетъ большую библіографическую рѣдкость. Въ библіотекѣ Хлудова (въ Москвѣ) находится одинъ экземпляръ. Сочиненіе посвящено царицѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Содержаніе сочиненія видно изъ заглавія. „Боги поганскіе въ болванахъ мѣшкаючіе духове злыи, тутъ же посполу ихъ розмаитыи злости написани, жебы христіане правовѣрные могли отъ себя злыхъ духовъ отогнати и подоптати и поплевати и силу ихъ зламати и надъ ними тріумфовати“. Здѣсь говорится, что демоны, скрывающіеся въ статуяхъ языческихъ боговъ, обманываютъ христіанъ ложными чудесами; иногда демоны являются въ тѣлесномъ видѣ, сдѣлавъ себѣ тѣло изъ воздуха или облака. Демоны болѣе всего боятся Богородицы, костей святыхъ и молитвы.

Послѣднее сочиненіе Галятовскаго, изданное имъ за годъ до кончины, носитъ названіе: „Души людей умерлыхъ зъ тѣла выходячіи отходятъ на три мѣсця, иншіи до неба, иншіи до пекла, иншіи на мытарства“ [1]). Книжка небольшая, написана на русскомъ языкѣ, издана въ Черниговѣ въ 1687 г. Это такое-же сухое и безсодержательное порожденіе кіево-могилянской науки, какъ и два предъидущія сочиненія Галятовскаго. Въ „Душахъ“ много схоластическихъ пустяковъ; напр. въ концѣ предмовы въ формѣ прописныхъ буквъ показаны „оружія страстей Христовыхъ“: П—столбъ,

[1]) Одинъ экз. „Душъ“ находится въ библ. харьковск. духов. семинаріи.

у котораго бичевали Христа, Х—клещи, которыми извлекали гвозди изъ его рукъ и ногъ и т. д.; къ каждой фигурѣ приложено риѳмованное двустишіе. Въ „Душахъ“ перечисляются 11 небесъ, говорится о 9 ангельскихъ чинахъ, о томъ, съ кѣмъ святые ведутъ на небѣ дружбу, о раздѣленіи ада на отхлань и геенну, о разныхъ мукахъ грѣшниковъ, о мытарствахъ души и о борьбѣ святыхъ съ чертями за душу умершаго. „На повѣтрѣ, замѣчаетъ Галятовскій, полно есть злыхъ духовъ, которые съ нами войну точатъ, до грѣха насъ приводятъ и души людскія задерживаютъ“, — замѣчаніе, характерное для историка демонологіи, особенно при опредѣленіи темныхъ средневѣковыхъ вѣрованій и понятій, занесенныхъ въ южную Русь схоластической школой.

Іоанникій Галятовскій, „поживъ богоугодно, преставися въ старости въ 1688 году мѣсяца януарія 2 дня, положенъ есть въ храмѣ Успенія пр. Богородицы, подъ формою своею. Сія чтеши глаголи: сотвори ему, Господи, вѣчную память“. Слова эти находятся въ елецкомъ помянникѣ[1]). Кончина Галятовскаго не была замѣчена современниками. Объ ней не упоминаетъ Барановичъ въ своихъ письмахъ. Не упоминаетъ о смерти Галятовскаго и св. Димитрій Ростовскій, старательно отмѣчавшій въ своемъ Діаріушѣ время кончины южнорусскихъ духовныхъ лицъ, даже простыхъ монаховъ, чѣмъ либо отличавшихся, отмѣтившій, между прочимъ, время кончины одного благочестиваго постриженника Галятовскаго[2]).

Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи находится старинный портретъ Галятовскаго. Портретъ обгнилъ вокругъ, но лицо хорошо сохранилось, хотя нѣсколько закопчено.

Бросая послѣдній взглядъ на Галятовскаго, какъ человѣка и писателя, мы должны признать въ немъ человѣка благочестиваго, умнаго и образованнаго. Нельзя однако не замѣтить, что богатыя дарованія Галятовскаго были въ значительной степени искалѣчены школой. Кіево-могилянская схоластика внесла въ его ученую и литературную дѣятельность нѣчто такое, что помѣшало ему вполнѣ стать на народную точку зрѣнія и работать въ интересахъ народа.

---

[1]) Истор.-стат. Опис. черниг. епарх. III, 18.

[2]) Димитрій Ростовскій. Сочиненія, I. 10.

Южнорусскія народныя нужды и стремленія подсказывали ему темы для сочиненій и наводили его на мысль писать противъ католиковъ, магометанъ и евреевъ; но лишь только Галятовскій брался за перо, какъ вмѣсто живаго сочетанія современныхъ ему фактовъ въ огромномъ большинствѣ его сочиненій выступаетъ искусственное сопоставленіе книжныхъ свѣдѣній, безъ соотвѣтствія ихъ съ дѣйствительностью. Если позволительно объ ученикѣ судить по учителю, о Галятовскомъ по Барановичу (а между ними, несомнѣнно, существовала самая тѣсная духовная связь), то можно допустить, что Галятовскій въ своей частной жизни, въ общественной и политической дѣятельности стоялъ къ родной землѣ гораздо ближе, чѣмъ въ своихъ ученыхъ трудахъ. Вообще по сочиненіямъ южнорусскихъ писателей второй половины XVII в., преимущественно по сочиненіямъ Барановича и Галятовскаго, легко убѣдиться, что наука въ это время въ южной Россіи, при внѣшнемъ обманчивомъ богатствѣ, выражавшемся главнымъ образомъ толстотой книгъ и обиліемъ ссылокъ на пособія, была въ дѣйствительности явленіемъ почти вполнѣ мертворожденнымъ и крайне далеко отстояла отъ жизни. Исторія южнорусской науки и литературы второй половины XVII вѣка свидѣтельствуетъ, что научный прогрессъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ самое плодотворное проявленіе умственной дѣятельности, если онъ не основывается на національной почвѣ и не вытекаетъ изъ всеобщаго, общественнаго и народнаго, прогресса національнаго.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

12 декабря 1883 года.

ЧИСЛО И ПОРЯДОКЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ СѢЧЕЙ.

Во всѣхъ изслѣдованіяхъ, касающихся исторіи запорожской Сѣчи, распространено то общее убѣжденіе, что Сѣчь постоянно и по мѣрѣ надобности переносилась съ одного мѣста на другое и что, стало быть, существовало Сѣчей нѣсколько, а не одна. И это совершенно вѣрно. Является лишь вопросъ: каковъ былъ порядокъ запорожскихъ Сѣчей и что было причиною перенесенія ихъ съ одного мѣста на другое?

На первый изъ поставленныхъ вопросовъ между другими историками и лѣтописцами раньше всѣхъ даетъ отвѣтъ князь Мышецкій, авторъ „Исторіи о казакахъ запорожскихъ“ [1]). Такъ какъ отвѣтъ Мышецкаго, не смотря на всю его неполноту, отличается все таки большою подробностію, то мы и воспользуемся его показаніями, присовокупивъ къ этому и собственныя соображенія [2]). Въ главѣ „о прежнемъ житіи казаковъ запорожскихъ, гдѣ оные свои главныя жилища, а по ихъ званію, сѣчи имѣли“, авторъ говоритъ, что запорожцы сидѣли сѣчами въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) въ мѣстечкѣ Седневѣ, отстоявшемъ въ 30 верстахъ отъ г. Чернигова; 2) въ г. Каневѣ, который стоитъ на правомъ берегу Днѣпра, ниже г. Кіева и считается однимъ изъ уѣздныхъ городовъ этого послѣдняго 3) въ мѣстечкѣ Переволочнѣ, которое находилось въ полтавской губерніи, па лѣвомъ берегу Днѣпра; 4) на островѣ Хортицѣ [3])

---

[1]) „Исторія о казакахъ запорожскихъ“ издана въ Одессѣ, въ 1852 году.

[2]) Къ указанію Мышецкаго мы добавляемъ и собственныя свѣдѣнія, добытыя лично во время поѣздки по запорожскимъ пепелищамъ.

[3]) Иначе островъ св. Григорія, Варяжскій, Хиртица, Хитрицкій, Хордецкой островъ.

который лежитъ противъ пристани г. Александровска екатеринославской губерніи, ниже послѣдняго днѣпровскаго порога Вильнаго или Гадючьяго, на восемь верстъ [1]); 5) на островѣ Томаковкѣ или Токомаковкѣ [2]), который принадлежитъ теперь жителямъ села Красно-Григорьевки или Чернышовки, екатеринославскаго уѣзда и именуется островомъ Городищемъ; 6) на Микитиномъ рогѣ или мысѣ, теперь смытомъ водой, но находившемся на 150 сажень ниже пристани теперешняго мѣстечка Никополя, екатеринославскаго уѣзда, противъ южнаго конца острова Орлова; 7) на рѣчкѣ Чортомлыкѣ, при самомъ устьѣ ея, тамъ гдѣ теперь деревня Капуливка или Капыловка, екатеринославскаго уѣзда; 8) на устьѣ рѣчки Каменки, гдѣ теперь деревня Консуловка или Разоровка, въ имѣніи землевладѣльца М. Ѳ. Огаркова, херсонскаго уѣзда; 9) въ урочищѣ Олешкахъ, по теперешнему въ г. Алешкахъ таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда, прямо на востокъ отъ г. Херсона; 10) наконецъ на рѣчкѣ Подпольной въ дугообразной лукѣ или извивѣ ея, на правомъ берегу, въ урочищѣ, называвшемся у козаковъ Краснымъ-Кутомъ, или Базавлуцкимъ полуостровомъ [3]), гдѣ теперь село Покровское екатеринославскаго уѣзда.

Таковъ порядокъ запорожскихъ Сѣчей, представленный княземъ Мышецкимъ. Но тутъ является прежде всего вопросъ: можно-ли три первыя, до-хортицкія Сѣчи, Сѣчь Седневскую, Каневскую и Переволочанскую считать запорожскими Сѣчами, въ собственномъ смыслѣ этого слова? Кажется, что на этотъ вопросъ нужно отвѣтить отрицательно. За это говоритъ прежде всего этимологія слова: *запорожецъ*. Запорожцами, запорожскими козаками въ собственномъ смыслѣ назывались только тѣ изъ днѣпровскихъ козаковъ, которые, оставивъ свою родину гдѣ-нибудь въ Малороссіи, Литвѣ, Польшѣ или за предѣлами ихъ, селились, основывали себѣ жилища, за *порогами* Днѣпра, начинавшимися, ровнымъ счетомъ, на восемь

---

[1]) Мышецкій ошибочно показываетъ 15 верстъ вмѣсто восьми.

[2]) По татарски Томаковка звучитъ „тумакъ“ что значитъ „шапка“; островъ по своей округлости дѣйствительно очень похожъ на шапку. Другія названія острова Днѣпровскій и Буцка. См. Памятн. кіевской комм. для разбора древ. актовъ, I, отдѣлъ III, стр. 18. Кіевъ, 1845 г.

[3]) Подвиленская Сѣчь отстояла отъ Базавлука прямо на востокъ, на разстояніи 12 верстъ.

верстъ ниже деревни Половицы, теперешняго губернскаго г. Екатеринослава. Вотъ какіе изъ днѣпровскихъ козаковъ назывались и должны называться запорожскими козаками; тѣже изъ нихъ, которые жили выше днѣпровскихъ пороговъ, въ такъ называемой Старой Малороссіи, въ теперешнихъ губерніяхъ кіевской, черниговской и полтавской, тѣ козаки носили названіе черкасскихъ (отъ г. Черкасъ, кіевской губерніи, бывшихъ одно время ядромъ этого козачества), малороссійскихъ, гетманскихъ, украинскихъ, городовыхъ, реестровыхъ, или семейныхъ козаковъ. Но такъ какъ и Седневъ, и Каневъ, и Переволочна находились выше днѣпровскихъ пороговъ, то и считать ихъ *запорожскими Сѣчами* едва ли возможно. Если же пребываніе запорожскихъ козаковъ въ означенныхъ мѣстахъ и несомнѣнно, то это интересно скорѣе въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ мѣсто зарожденія запорожскаго козачества: запорожцы не выходцы изъ Польши и не переселенцы изъ прикавказскихъ областей, какъ думали недавніе историки, а истинные сыны Малороссіи, плоть отъ плоти и кость отъ костей ея. Впрочемъ пребываніе запорожцевъ въ названныхъ мѣстахъ, хотя бы то и не Сѣчами, могло относиться лишь къ тому моменту ихъ историческаго бытія, когда они не обособлялись еще отъ малорусскихъ козаковъ и, живя въ Старой Малороссіи, составляли съ ними одно цѣлое. Но затѣмъ, кромѣ этого общаго соображенія, не позволяющаго назвать Седневъ, Каневъ и Переволочну Запорожскими Сѣчами, мы не можемъ именовать ихъ такъ еще и потому, что не имѣемъ никакихъ документальныхъ подтвержденій о пребываніи въ нихъ запорожцевъ—сѣчами. Документально извѣстною, и то лишь въ смыслѣ временнаго укрѣпленія или замка, становится только Хортицкая Сѣчь, съ которой мы и ведемъ счетъ всѣмъ запорожскимъ Сѣчамъ.

Но, кромѣ указанной неточности, у Мышецкаго замѣчается еще отсутствіе хронологическихъ датъ на счетъ времени возникновенія и паденія каждой изъ названныхъ запорожскихъ Сѣчей; также точно Мышецкій не даетъ намека и на то, что нѣкоторыя изъ названныхъ Сѣчей, какъ напримѣръ Хортицкая, Чортомлыцкая и Каменская, возникали и прекращались не одинъ, а два раза. Впрочемъ, выставляя это на видъ, мы далеки отъ того, чтобы обвинять автора „Исторіи о казакахъ запорожскихъ“, писавшаго болѣе, чѣмъ

сто лѣтъ тому назадъ (между 1736 и 1740 гг.). Только въ наше время, и то все-таки далеко не вполнѣ, мы можемъ удовлетворить себя отвѣтомъ на заданный вопросъ. Такъ, что касается Хортицкой Сѣчи, то изъ лѣтописныхъ сказаній извѣстно, что начало ея положено въ 1557 году княземъ Д. И. Вишневецкимъ, человѣкомъ православной вѣры, родомъ изъ волынскихъ князей Гедиминовичей. „Тогожъ мѣсяца (сентября 1557 года) приѣхалъ ко царю и великому князю Івану Васильевичу (Грозному) всеа Русиі, отъ Вишневецкого князя Дмитрея Ивановича, бити челомъ Михайло Ескович, чтобъ его (т. е. князя) государь пожаловалъ, а велѣлъ себѣ служить, а отъ короля изъ Литвы от(ъ)ѣхалъ, и на Днепрѣ на Кортицкомъ острову городъ поставилъ, противъ Конскихъ водъ (рѣка), у крымскихъ кочевищъ" [1]). Вотъ время перваго возникновенія Хортицкой Сѣчи. Но уже два года спустя Сѣчь Хортицкая окончила это первое свое существованіе, вслѣдствіе того, что самъ предводитель запорожскихъ козаковъ, князь Д. И. Вишневецкій, подавленный нападеніемъ крымскаго хана Девлетъ-Гирея, удалился сперва „за Черкасы и Каневъ", а потомъ въ отдаленный г. Бѣлевъ съ его волостями и селами; козаки-же, предоставленные собственной судьбѣ, искали себѣ другаго мѣста для своего поселенія. Впрочемъ, павшая такъ безвременно Хортицкая Сѣчь снова возобновлялась, но это было уже въ началѣ XVII столѣтія при кошевомъ атаманѣ запорожскихъ и гетманѣ малорусскихъ козаковъ, Петрѣ Конашевичѣ-Сагайдачномъ. „Какъ поляки шли войною на Россію въ 1630 году [2]), тогда запорожскіе козаки были подъ Польшею, и одинъ запорожскій воинъ, прозываемый Сагайдачный, на ономъ островѣ (Хортицѣ) построилъ фортецію, а по ихъ званію окопъ" [3]). „Хортица одинъ изъ большихъ Днѣпровскихъ острововъ... Первыми поселенцами здѣсь были запорожскіе козаки. Въ началѣ XVII с. гетманъ Сагайдачный приказалъ жилища ихъ обвести землянымъ окопомъ и деревяннымъ тыномъ или *засѣкою*, отъ чего, мо-

---

[1]) По Максимовичу. См. Собр. сочин., т. I, стр. 284, Кіевъ, 1876 г.

[2]) Здѣсь явная ошибка: дѣло было въ 1618 году; ибо самъ Сагайдачный умеръ въ 1622 г. См. Антоновичъ и Бецъ. Истор. дѣят. юго-зап. Руси. 1883 г., стр. 1—5.

[3]) Мышецкій. Истор. о каз. запорож. Одесса, 1852 г., стр. 68.

жетъ быть, получило тогда это укрѣпленіе и названіе *Сѣчи*, сохранившееся и при переходѣ запорожцевъ въ другія мѣста, до самаго окончательнаго ихъ разсѣянія"[1]). „Островъ сей (Хортица) извѣстенъ былъ у Константина Багрянороднаго подъ именемъ острова св. Григорія. Тамъ древніе Руссы, переплывъ благополучно пороги и отразивъ непріятелей, приносили жертвы; тамъ въ началѣ XVI столѣтія запорожцы имѣли Сѣчь свою, оставили ее, въ 1620 году возобновили и вскорѣ вновь покинули"[2]).

За Хортицкой Сѣчью слѣдовала Томаковская; возникновеніе ея можно относить къ двумъ моментамъ: или къ тому времени, когда впервые основана была и Хортицкая Сѣчь, или-же ко времени немного позже этого. Въ первомъ мнѣніи утверждаетъ насъ авторъ „Исторіи Малой Россіи", когда говоритъ о князѣ Д. И. Вишневецкомъ, укрѣпившемъ не одинъ только островъ Хортицу, но и островъ Томаковку[3]); второе предположеніе является само-собой, когда исключить первое: если Томаковская Сѣчь основана не одновременно съ Хортицкой и не раньше ея, то, стало быть, позже. Но когда-же именно? На этотъ вопросъ отвѣтить утвердительно мы не можемъ. Правда, г. Костомаровъ[4]) говоритъ, что Томаковская Сѣчь возникла въ 1568 году; но на чемъ онъ основываетъ свое утвержденіе? На такомъ актѣ, который рѣшительно ничего не говоритъ о Томаковской Сѣчи. Вотъ этотъ актъ, буква въ букву: „Подъданымъ нашимъ козакомъ тымъ, которые зъ замковъ и местъ нашихъ Украйныхъ, безъ росказаня и ведомости на тое господарское и старостъ нашихъ Украйныхъ, зъехавши, *на низу на Днепре, въ полю и на иныхъ входахъ* перемешкиваютъ: Маемъ того ведомость, ижъ вы на местцахъ помененныхъ, у входахъ розныхъ свовольне живучи, подданнымъ цара Турецкого, чабаномъ и татаромъ цара Перекопского, на улусы и кочовища ихъ находечи, великие шкоды и лупезства имъ чините, а тымъ границы панствъ

---

[1]) Книга, глаголемая Большой чертежъ. Москва, 1846 г., стр. 259.

[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны. Спб. 1832 г., стр. 150.

[3]) Бантышъ-Каменскій. Ист.-Мал. Рос., Москва. 1842 г., I., 113; тоже повторяетъ Маркевичъ въ своей „Исторіи Малороссіи". Москва, 1842 г., I, 46.

[4]) Южная Русь и казачество. Отеч. Зап., т., CLXXXVIII, отд. I, стр. 39.

нашихъ отъ неприятеля въ небезпечество приводите“ [1]). Вотъ тотъ актъ, который, по словамъ г. Костомарова, указываетъ будто-бы годъ основанія томаковской Сѣчи. Но какое-же здѣсь указаніе на Томаковскую Сѣчь? Въ актѣ говорится только о томъ, что запорожскіе козаки „перемешкиваютъ“ на Днѣпрѣ, на низу и на поляхъ; но Днѣпръ великъ, а низъ и поле еще больше того; на Днѣпрѣ, кромѣ Томаковки острова, есть еще и множество другихъ островов.

Такимъ образомъ актъ, приведенный г. Костомаровымъ, ничего не говоритъ намъ о Томаковской Сѣчи, и годъ основанія ея для насъ остается совершенно неизвѣстнымъ. Костомаровъ о Тамаковкѣ даетъ другаго рода свѣдѣнія; такъ, онъ говоритъ, что на этомъ островѣ произошло свиданіе Богдана Хмельницкаго, гетмана малороссійскихъ козаковъ, съ Иваномъ Хмелецкимъ, посломъ короннаго гетмана Польши, Потоцкаго; посолъ убѣждалъ гетмана не поднимать войны противъ поляковъ, оставить всѣ свои мятежные замыслы и возвратиться изъ Сѣчи на родину: „увѣряю васъ честнымъ словомъ, говорилъ Хмелецкій Хмельницкому, что и волосъ на спадетъ съ вашей головы“ [2]). Впрочемъ, что касается самыхъ козаковъ, бывшихъ на островѣ Томаковкѣ, то они приняли Хмельницкаго далеко не такъ дружелюбно, какъ можно было-бы предполагать. Это зависѣло отъ слѣдующихъ обстоятельствъ. „Нѣсколько лѣтъ ранѣе бѣгства Хмельницкаго на Запорожье, на Украйнѣ атаманомъ Ѳеодоромъ Линчаемъ былъ поднятъ довольно серьезный бунтъ противъ Барабаша и другихъ старшинъ реестроваго войска, какъ противъ сторонниковъ польскихъ пановъ и грабителей своихъ соотечественниковъ. Нѣсколько сотъ казаковъ подъ начальствомъ атамана Ѳеодора Линчая подняли мятежъ и требовали его (Барабаша) сверженія съ начальства. Пріятель полковника Барабаша, Богданъ Хмельницкій, какъ реестровый сотникъ, по долгу службы, очевидно долженъ былъ принять участіе въ потушеніи мятежа. Реестровые восторжествовали, а Ѳедоръ Линчай со своими сторонниками, которые получили прозваніе „линчаивцівъ“, принужденъ

---

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи. Кіевъ, 1863. Т. I, III, стр. 4, Актъ помѣченъ 1568 годомъ, 20 числомъ ноября.

[2]) Богданъ Хмельницкій. Спб., 1870 г., т. I, стр. 84.

былъ спасаться бѣгствомъ на Запорожье, гдѣ онъ и поселился на островѣ Буцкѣ (Томаковкѣ). Теперь когда линчаевцы увидѣли на своемъ островѣ Хмельницкаго, ихъ прежняго противника, то, хотя по долгу козацкаго гостепріимства и дали ему убѣжище, однако относились къ нему съ подозрѣніемъ... Это недовѣріе заставило Хмельницкаго удалиться съ острова Буцка (Томаковки) на Никитинъ Рогъ" [1]).

Заговоривъ о Томаковской Сѣчи, мы не можемъ при этомъ не указать на тѣ неточности, которыя допущены при описаніи ея въ недавно вышедшемъ сочиненіи „О Богданѣ Хмельницкомъ" г. Буцинскаго [1]). Описывая островъ Томаковку, авторъ говоритъ, вопервыхъ, что островъ этотъ находится выше Микитина Рога на 25 верстъ;— это невѣрно: не на 25, а на 18 верстъ. Далѣе, авторъ говоритъ, что Томаковка—самый замѣчательный изъ всѣхъ днѣпровскихъ островов по своей величинѣ и недоступности;—и это невѣрно. Самый замѣчательный изъ всѣхъ днѣпровскихъ островов по своей величинѣ и недоступности есть островъ Хортицкій: онъ имѣетъ $24^1/_2$ версты въ окружности, а вся площадь его равняется 2547 десятинамъ и 325 сажнямъ; тогда какъ Томаковка въ окружности имѣетъ шесть верстъ, а площадь ея равняется 295 десятинамъ земли. Кромѣ того и самые берега острова Томаковки менѣе возвышены, нежели берега острова Хортицы: Томаковка доступна со всѣхъ сторонъ, кромѣ южной, гдѣ высота ея восходитъ до 7 саженъ; тогда какъ Хортица недоступна съ трехъ сторонъ, особенно-же съ западной, гдѣ высота ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до 30 саженъ и болѣе. Далѣе авторъ говоритъ, что Томаковка расположена въ томъ мѣстѣ Днѣпра, гдѣ онъ нѣсколькими (?) притоками соединяется съ рѣкою Базавлукомъ;—и это неправда: рѣка Базавлукъ находится болѣе, чѣмъ на 50 верстъ ниже Томаковки; она впадаетъ въ Днѣпръ у Краснаго-Кута, выселка села Грушевки херсонскаго уѣзда, и служитъ здѣсь раздѣльною чертою между екатеринославскимъ и херсонскимъ уѣздомъ. О Базавлукѣ при Томаковской Сѣчи не можетъ быть и рѣчи; у Томаковки сливаются другія рѣчки: съ юга ее охватываетъ рѣчка Рѣчище [2]), съ востока—Ревунъ и Ревунча; съ сѣвера—Ревугъ, а съ

[1]) Буцинскій. О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ. 1882 г., стр. 38.

[2]) Рѣчище есть притокъ Бугая, а Бугай есть притокъ Днѣпра съ правой стороны.

запада—Гнилая, а всѣ онѣ впадаютъ въ лиманъ, начинающійся ниже села Красно-Григорьевки или Чернышевки и деревни Нечаевой, екатеринославскаго уѣзда, имѣющій семь верстъ длины и впадающій въ Днѣпръ съ правой стороны. Кромѣ того, къ острову Томаковкѣ, прямо съ сѣвера бѣжитъ рѣчка Томаковка, которая, соединясь съ рѣчкою Ревуномъ, даетъ свое названіе и самому острову. Далѣе, авторъ говоритъ, что возлѣ Томаковки острова есть нѣсколько маленькихъ островов;—и это невѣрно: кромѣ самой Томаковки здѣсь нѣтъ никакихъ другихъ островов; есть лишь сплошная, отъ острова до Днѣпра, плавня, имѣющая ширины до 7 верстъ и покрытая непролазной лозой, высокимъ камышомъ, толстыми вербами, осокорами и шелковицами. Заключая свое описаніе острова Томаковки, авторъ сочиненія „О Богданѣ Хмельницкомъ", наконецъ, замѣчаетъ: „О *величинѣ* этого острова можно составить себѣ понятіе по донесенію одного польскаго начальника отъ 2 апрѣля 1648 года: „Хмельницкій сидитъ на островѣ Буцкѣ, называемомъ Днѣпровскимъ,—отъ берега, на которомъ мы стоимъ, двѣ мили, а съ той стороны, отъ Крыму, едва можно достать выстрѣломъ изъ доброй пушки". Здѣсь авторъ „Богдана Хмельницкаго" совсѣмъ не понялъ замѣчанія поляка: приведенныя слова говорятъ не о величинѣ острова, а о томъ, что островъ отъ праваго берега Днѣпра („на которомъ мы стоимъ"), стоитъ на двѣ мили, а отъ лѣваго („отъ Крыму") такъ далеко, что едва можно достать его изъ доброй пушки. Вотъ что хотѣлъ сказать полякъ [1]). И точно: островъ Томаковка стоитъ не среди самаго Днѣпра, а въ его низменности, удаленной отъ праваго берега рѣки на семь верстъ (но не на двѣ мили) вправо.

Еще меньшею опредѣленностію отличаются наши свѣдѣнія о Микитинской Сѣчи, находившейся съ правой стороны рѣки Днѣпра на такъ называемомъ Микитинѣ Рогѣ или мысѣ, теперь смытомъ водой; по неимѣнію документовъ, мы не можемъ сказать даже приблизительно о томъ, когда основана эта Сѣчь; въ этомъ отношеніи намъ ничего не даетъ и самое названіе Сѣчи, такъ какъ оно заимствовано отъ имени какого-то Микиты, вышедшаго изъ ста-

---

[1]) Слова эти взяты изъ письма пана Потоцкаго къ королю Владиславу IV, напечатаннаго въ Пам. кіевск. комм., т. I, отд. III, стр. 18.

рой Малороссіи, поселившагося на днѣпровскомъ рогѣ и давшаго свое имя сперва рогу, а потомъ уже и самой Сѣчи, возникшей здѣсь. „Нѣкто Микита, предпріимчивый малороссъ, плѣняясь разсказами своихъ собратьевъ, бывавшихъ въ походахъ противъ крымскихъ татаръ, о привольяхъ Днѣпра, изобилующаго рыбой и разнаго рода звѣрями, отъ оленя и дикой лошади до пугливаго зайца, плодившихся въ обширныхъ островахъ его, а можетъ быть и самъ участвовавшій въ походахъ противъ бусурманъ, съ которыми издревле Украйна вела войны,—этотъ Микита поселился на мысѣ у Днѣпра, который и получилъ названіе его именемъ „Микитинъ рогъ“ [1]). Вотъ то, что мы знаемъ относительно названія Сѣчи. Кромѣ того намъ извѣстно, что на Микитинской Сѣчи нашелъ пристанище гонимый поляками Зиновій Богданъ Хмельницкій; здѣсь, изъ устъ запорожскихъ козаковъ, Хмельницкій услышалъ первый откликъ на защиту всей Украйны; здѣсь онъ увидѣлъ искреннее желаніе со стороны „добрыхъ лыцарей“ сражаться за униженіе предковской вѣры и за оскверненіе православныхъ храмовъ; здѣсь-же Хмельницкій, выбранный на общей козацкой радѣ гетманомъ всего запорожскаго и малорусскаго войска, самъ еще не сознавая, полагалъ начало осуществившемуся въ послѣдствіи слитію въ одно политическое тѣло Малороссіи и Великороссіи.

О времени уничтоженія Микитинской Сѣчи мы можемъ сказать лишь то, что оно должно совпадать со временемъ основанія слѣдующей за ней Сѣчи Чортомлыцкой, т. е. съ 1652 годомъ. Это подтверждается между прочимъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1669 году, въ Андрусовскомъ договорѣ русскихъ съ поляками, Микитинъ рогъ оффиціально именуется уже не Сѣчью, а Микитинымъ перевозомъ, чрезъ который дозволено было малороссійскимъ козакамъ переходить въ Крымъ за солью [2]).

За Микитинскою Сѣчью слѣдовала Сѣчь Чортомлыцкая. Какъ и Хортицкая, Чортомлыцкая Сѣчь возникала не одинъ, а два раза, при чемъ моментъ перваго возникновенія ея предшествовалъ моменту возникновенія Сѣчи Микитинской, а моментъ втораго возникновенія ея слѣдовалъ за моментомъ паденія этой-же Сѣчи. Въ первомъ убѣждаютъ насъ слова Эриха Ляссоты, посланника германскаго

[1]) Карелинъ. Зап. одес. общ. ист. и древ., т. VI. стр. 523.

[2]) Карелинъ. Записки одесск. общ. ист. и древ., т. VI, стр. 525.

императора Рудольфа II; изъ „Путевыхъ записокъ“ Ляссоты мы узнаемъ, что Чортомлыцкая Сѣчь существовала уже въ 1594 году. Эрихъ Ляссота отправленъ былъ Рудольфомъ II-мъ къ запорожскимъ козакамъ съ тою цѣлію, чтобы привлечь ихъ къ задуманной императоромъ войнѣ противъ турокъ. Переправившись черезъ всѣ днѣпровскіе пороги, оставивъ за собою нѣсколько островов на Днѣпрѣ, Эрихъ Ляссота прибылъ наконецъ „до острова Базавлука [1]), при рукавѣ Днѣпра у Чортомлыка или, какъ они (запорожскіе козаки) выражаются, при Чортомлыцкомъ Днѣприщѣ [2]). Здѣсь находилась тогда Сѣчь козаковъ (*1594* года, іюня 9-го), которые послали намъ на встрѣчу нѣсколькихъ изъ главныхъ лицъ своего товарищества (Gesellschaft) и привѣтствовали наше прибытіе большимъ числомъ выстрѣловъ изъ орудій“ [3]). Но этимъ наши свѣдѣнія о Чортомлыцкой Сѣчи и времени ея перваго возникновенія и паденія и оканчиваются; за отсутствіемъ какихъ-бы то ни было указаній мы не можемъ ровно ничего сказать о томъ, когда оканчивается историческая роль Чортомлыцкой Сѣчи на первый разъ. Прошло много времени; уже померкла звѣзда Микитинской Сѣчи, и только тогда вторично взошла на историческомъ горизонтѣ Сѣчь Чортомлыцкая. Это было уже въ 1652 году; въ этомъ, по крайней мѣрѣ, убѣждаетъ насъ слѣдующій актъ: „Городъ Сѣча, земляной валъ, стоитъ въ устьяхъ у Чортомлика и Прогною надъ рѣкою Скарбною; въ вышину тотъ валъ 6 саженъ; съ поля, отъ Сумской стороны и отъ Базавлука, на валу строены пали и бойницы, а съ другой стороны, отъ устья Чортомлика и отъ рѣки Скарбной до валу, сдѣланы коши деревянные и насыпаны землею. А въ томъ городѣ башня съ поля,

---

[1]) Трудно съ точностію сказать, гдѣ находился названный Лассотою островъ Базавлукъ; въ настоящее время на Днѣпрѣ, противъ бывшей Сѣчи, есть два острова: Холодный и Андрушкинъ; но первый, имѣющій въ окружности три версты, какъ говорятъ старожилы, очень недавняго происхожденія. Другой островъ, Андрушкинъ, получившій свое названіе отъ какого-то Андрюшки, долгое время владѣвшаго имъ, существуетъ съ незапамятныхъ временъ; но онъ едва замѣтенъ для путешественника, потому что очень низкій и выходитъ только однимъ юго-восточнымъ угломъ на Днѣпръ, такъ какъ находится между двумя рукавами Днѣпра, Павлюкомъ и Чортомлыцкимъ Днѣприщемъ; въ окружности имѣетъ до 8 верстъ.

[2]) Чортомлыцкое Днѣприще существуетъ и до сихъ поръ; оно идетъ отъ Днѣпра къ мѣсту бывшей Сѣчи на разстояніи около $1^1/_2$ версты.

[3]) Путевыя записки. Одесса, 1852 г., стр. 30.

мѣрою кругомъ 20 саженъ, да въ той башнѣ построены бойницы, а передъ тою башнею за рвомъ сдѣланъ земляной городокъ, кругомъ его мѣрою 100 саженъ, а въ немъ окна для пушечной стрѣльбы. Да для ходу по воду сдѣлано на Чортомликъ и на Скарбную восемь фортокъ (пролазовъ), и надъ тѣми фортками бойницы; а шириною де тѣ фортки только одному человѣку пройти, съ водою. А мѣрою тотъ городокъ Сѣчи съ поля отъ рѣчки Прогною до рѣчки Чортомлика сто жъ саженъ; да съ правой стороны рѣчка Прогной, а съ лѣвой стороны рѣчка Чортомликъ, и впали тѣ рѣчки въ рѣку Скарбную, которая течетъ позади города, подлѣ самой ровъ. А мѣрою де весь Сѣча городъ будетъ кругомъ съ 900 саженъ. А строили этотъ городъ Сѣчю кошевой атаманъ Лутай съ козаками тому 20 лѣтъ. [1]) То де тому городу Сѣчѣ и укрѣпленіе, что стоитъ въ устьяхъ надъ рѣкою Скарбною и Прогною и Чортомликомъ; а кругомъ его ровъ" [2]).

Отъ Чортомлыцкой Сѣчи въ настоящее время остался очень небольшой островокъ, имѣющій всего лишь 2 десятины и 2250 кв. саженъ, песчаной формаціи, съ сѣверной стороны возвышенный (до трехъ саженъ высоты), съ южной отлогій, покрытый травой и деревьями. Съ разныхъ сторонъ островокъ охватывается разными рѣками: съ сѣвера рѣкою Чортомлыкомъ, съ востока рѣчкой Гнилой (старинный Прогной) и Скарбной, съ юга большой рѣкой, притокомъ Днѣпра, Павлюкомъ и небольшимъ протокомъ Бейкусомъ, съ запада—тѣмъ-же Павлюкомъ и рѣчкой Подпольной. Таковъ видъ Чортомлыцкой Сѣчи въ настоящее время, но не таковъ онъ былъ во времена господства на немъ козачества. „Чувъ я, якъ козакувавъ у Новій Січі (послѣдней по времени) отъ Ѳтоминича та отъ Білицького (кошевые атаманы), що того острова (Чортомлыцкаго) не було, а запорожци зробили рівъ и пропустили воду зъ Чортомлика, щобъ не датьця въ руки москалевіямъ (русскимъ солдатамъ). Бувъ тоді наказній отаманъ Богушъ Якимъ, гарный козакъ, на місто кошового Кости Гордіенка, що зъ Мазепою змінивъ руському цареви (Петру); вінъ *откопавсь* отъ берега, зробивъ на шпилі кріпость, поставивъ гармати и велівъ перенести туди

[1]) Актъ помѣченъ 1672 годомъ, вычитая отсюда 20 лѣтъ (1672—20), получимъ 1652 годъ, годъ возникновенія Сѣчи.

[2]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. XI, стр. 12, № 5.

увесь козацкій скарбъ" [1]). Такимъ образомъ, Сѣчь Чортомлыцкая представляла изъ себя въ старину не островъ, какъ можно было-бы заключить отъ настоящаго, а большой мысъ или по малорусски *ріг*, находившійся на рѣкѣ Чортомлыкѣ, при самомъ устьѣ его; мысъ этотъ отдѣленъ былъ отъ материка рвомъ, ровъ наполненъ былъ водой и такимъ образомъ съ теченіемъ времени получился островъ. Дѣло происходило въ 1709 году, когда запорожцы, во главѣ съ кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордіенкомъ и въ союзѣ съ гетманомъ Иваномъ Мазепою, измѣнили русскому царю Петру первому и перешли на сторону шведскаго короля Карла XII. Тогда Петръ, для наказанія запорожцевъ, отправилъ противъ нихъ большой отрядъ солдатъ, подъ начальствомъ полковниковъ Яковлева и Галагана, которые, не смотря на сильное сопротивленіе со стороны запорожскихъ козаковъ и ихъ наказнаго атамана Якима Богуша, разорили до основанія всю Сѣчь, а самыхъ козаковъ заставили бѣжать за предѣлы Россіи, къ туркамъ. „Когда Россіяне шведское войско подъ городомъ Полтавою на главу поразили (въ 1709 году) и въ полонъ людей побрали, то помянутый малороссійскій гетманъ Мазепа, запорожскій кошевой Костя Гордіянковъ, съ малою дружиною, съ королемъ швецкимъ, бѣжали въ турецкую область, въ провинцію Бендеры. А Россіяне по той викторіи, послали войска, чтобы разорить запорожскую Сѣчь, за ихъ измѣну, гдѣ пришедъ, Россіяне атаковали запорожскихъ козаковъ, и хотя тѣ козаки имѣли отъ Россіянъ жестокое обороненіе, но не могли своей Сѣчи удержать; многихъ ихъ Россіяне порубили и многихъ въ полонъ взяли, за ихъ къ себѣ измѣну вѣшали на плотахъ, пущали внизъ рѣки Днѣпра, и имѣющуюся у нихъ артилерію болѣе 100 пушекъ, взявъ въ Россію, а запорожскую ихъ Сѣчь до основанія разорили. А оставшіеся изъ нихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ бѣгствомъ животъ свой спасали, бѣжавъ отдались въ подданство крымскому хану, отъ котораго тамъ получили себѣ бунчукъ, булаву и прочее, и поселились при рѣкѣ *Каменкѣ*, гдѣ паки Россіяне, съ войски пошедъ, изогнали ихъ изъ онаго мѣста Каменки, то

---

[1]) Разсказъ жителя Никополя, Михаила Решетняки, имѣвшаго около 30 лѣтъ при уничтоженіи послѣдняго коша запорожскаго въ 1775 году. Зап. од. общ. ист. и древ., т. IX, стр. 441.

они ушедъ поселились при урочищѣ *Олешкахъ*, при рѣкѣ Днѣпрѣ, на крымской сторонѣ... А какъ запорожскіе козаки, подъ командою хана крымскаго, ходили въ Черкесы (т. е. на черкесовъ) въ нѣсколькихъ тысячахъ [1]), то запорожскіе козаки-жъ, которые живутъ при рѣкѣ Самарѣ, собравшись во многой силѣ, и пошли военною рукою на запорожскую Сѣчу, въ урочище Олешки, и оную всю разбили и разграбили, и людей множество перерубили и вѣшали, и потомъ оную всю выжгли; и за то они то чинили, что запорожцы подданными ихъ у себя имѣли, и многія имъ насильства и обиды чинили. И какъ кошевый, съ запорожскими козаками, изъ Черкесъ возвратился и увидѣлъ разореніе своей Сѣчи, собралъ всѣхъ запорожскихъ козаковъ и переселился изъ того урочища Олешекъ въ старую Сѣчу *Каменку*, о которой выше сего во многихъ пунктахъ упомянуто" [2]). Итакъ, послѣ Чортомлыцкой Сѣчи запорожцы сидѣли въ Сѣчахъ: Каменской, Алешковской и снова Каменской. Такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ князь Мышецкій. Изъ того же Мышецкаго (стран. 23—27) можно заключить, что запорожцы держались въ Каменкѣ до самаго того момента, когда, оставивъ крымско-турецкія владѣнія, вновь перешли въ предѣлы Россіи, что совершилось въ 1734 году, въ царствованіе императрицы Анны Ивановны [3]). Съ этимъ свидѣтельствомъ автора „Исторіи о козакахъ запорожскихъ" вполнѣ совпадаетъ и свидѣтельство автора „Записокъ о запорожскихъ обычаяхъ",—протоіерея Григорія Кремянскаго, бывшаго свидѣтеля послѣдней запорожской Сѣчи на р. Подпольной. „По разореніи Петромъ I Старой Сѣчи (на рѣкѣ Чортомлыкѣ, гдѣ теперь деревня Капуливка),—писалъ Кремянскій въ 1836 году, октября 17 дня,—запорожцы оставшіеся бѣжали на лодкахъ подъ турка, гдѣ турокъ принялъ и водворилъ ихъ въ Олешкахъ. А потомъ просились запорожцы у императрицы

---

[1]) „Во множественномъ числѣ". Ригельманъ. Лѣт. пов. о Мал. Рос. Москва, 1847, III, стр. 139.

[2]) Мышецкій. Ист. о коз. запорож. Одесса. 1852, 18—20. Тоже у Ригельмана: Лѣтоп. повѣств. о Мал. Рос. Москва. 1847 г., III, 96.

[3]) Ригельманъ по этому вопросу кривитъ душой: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что запорожцы имѣли свою Сѣчь въ Алешкахъ безпрепятственно до 1733 году, а въ другомъ онъ держится указанія Мышецкаго. Лѣтоп. повѣств., ч. III, стр. 96 и 139.

Анны Ивановны о принятіи ихъ опять подъ Россійскую державу, коимъ и позволено. То запорожцы и поселились выше Кизикермена (теперь г. Бериславъ, херсонской губерніи) *въ Омиловомъ* и поживя тамъ, какъ говорятъ, семь годъ, переселились въ Красный-Кутъ, что нынѣ село Покровское, гдѣ устроя Сѣчь свою, жили до послѣдняго ихъ разоренія великою императрицею Екатериною II-ю" [1]). Названное здѣсь урочище Омилово есть не что иное, какъ теперешнее село Мѣловое, херсонскаго уѣзда, расположенное на балкѣ Мѣловой, на сѣверъ отъ балки и рѣчки Каменки, на разстояніи всего лишь четырехъ верстъ. Такимъ образомъ, повторяю, свидѣтельство князя Мышецкаго о пребываніи запорожскихъ козаковъ въ Каменкѣ до 1734 года совершенно совпадаетъ съ свидѣтельствомъ и протоіерея Кремянскаго, не смотря на то, что этотъ послѣдній вмѣсто Каменки называетъ Омилово, теперь степныя мѣста, въ ту пору, быть можетъ, едва различаемыя одно отъ другаго. Показанія достойны того, чтобы имъ скорѣе вѣрить, нежели Ригельману, Скальковскому [2]) и г. Морковину [3]). „Сочинитель Запорожской исторіи г. Скальковскій,—говоритъ Н. И. Вертильякъ,—полагаетъ, что въ Каменкѣ Сѣчь была только одинъ годъ; не раздѣлять его мнѣніе я имѣю много причинъ. Значительное пространство кладбища (запорожскаго) не могло никакъ составиться въ одинъ годъ [4]); большое количество надгробныхъ надписей, указывающихъ годы смерти до 1736 г. многихъ кошевыхъ, войсковыхъ писарей и войсковыхъ судей, не было дѣломъ случайности; наконецъ, многія изустныя преданія, и эти записки (князя Мышецкаго) утверждаютъ меня въ моемъ мнѣніи. Сила русскаго оружія, послѣ полтавской битвы, заставила трепетать измѣнниковъ запорожцевъ и вынудила переселиться на крымскую сторону, въ Олешки, но не-

---

[1]) Зап. одесс. общ. истор. и древн., т. VI, стр. 645.

[2]) Истор. новой Сѣчи. Одесса, 1846 г., II, 40—54.

[3]) Очеркъ истор. запорож. козач., Спб., 1878 г., стр. 68.

[4]) Н. И. Вертильякъ писалъ въ 1852 году, но тоже можно сказать и теперь. Кладбище запорожское и до сихъ поръ уцѣлѣло въ Каменкѣ; есть нѣсколько и намогильныхъ крестовъ, между коими кресты кошеваго атамана Константина Гордіенка и Василія Іероѳеева сохранились хорошо. Мѣсто самой Сѣчи сохранилось также превосходно, какъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ: можно пересчитать и число ямокъ отъ бывшихъ куреней, можно видѣть и площадь между куреней, и т. под.

счастный прутскій миръ, по которому вся страна между Днѣпромъ и Бугомъ была уступлена туркамъ, служилъ достаточнымъ ручательствомъ безопасности вторичнаго водворенія запорожцевъ въ Каменкѣ; это мѣсто они предпочитали и потому, что оно охраняло ихъ, по своей мѣстности, отъ внезапныхъ набѣговъ татаръ, которымъ они всегда не довѣряли" [1]).

Съ 1734 года запорожцы снова на родныхъ пепелищахъ. Выведенные изъ-подъ власти турокъ кошевымъ атаманомъ Иваномъ Милашевичемъ [2]) въ предѣлы Россіи, они осѣлись Сѣчью въ урочищѣ Красномъ-Кутѣ, надъ рѣкою Подпольной, въ томъ мѣстѣ ея праваго берега, гдѣ она извивается въ видѣ лука или залива, и между рр. Базавлукомъ, съ западной стороны, и Чортомлыкомъ съ восточной. Сѣчь эта получила названіе Новой [3]) и существовала до 1775 года, роковаго въ исторіи запорожскихъ козаковъ: съ этого момента запорожскіе козаки потеряли свою политическую самостоятельность въ Россіи и должны были бѣжать вторично въ предѣлы турецкой имперіи, на устья р. Дуная, къ „прибѣжищу свѣта" (титулъ султана), въ „высокій порогъ, блистательныя врата" (титулъ Турціи).

Послѣ всего этого естественно спросить: что же было причиною перенесенія запорожскихъ Сѣчей съ одного мѣста на другое? Понятно, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить многими причинами. Но не вдаваясь въ различныя предположенія, мы отвѣтимъ на него однимъ изъ актовъ 1761 года (за № 1836), найденнымъ нами при разборкѣ архива Малороссійской Коллегіи, помѣщающагося при харьковскомъ университетѣ. Вотъ этотъ актъ.

---

[1]) Мышецкій. Истор. о коз. запорож., Одесса, 1852 г., стр. 22, примѣчаніе 35.

[2]) У Ригельмана Милашевичъ называется Иванцемъ. Лѣт. пов. о Мал. Рос., т. III, стр. 141.

[3]) Обращаемъ вниманіе на неточность выраженія въ учебникѣ Русской Исторіи г. Иловайскаго (Москва, 1883 г., стр. 166): „На одномъ изъ островов (Днѣпра), говоритъ онъ, обыкновенно располагался главный притонъ запорожцевъ или Сѣчь, особенно на островѣ Хортица"... Нужно: сказать особенно на р. Чортомлыкѣ или р. Подпольной, а не на островѣ Хортицѣ, такъ какъ только Старая и Новая Сѣчи были мѣстами, откуда „разливалась слава по всій Украіни", Сѣчь же хортицкая предъ этими двумя блѣднѣетъ.

„Ясне вельможному.... Графу Кириллѣ Григорьевичу Его сиятельству Разумовскому

нижайшее доношеніе.

О перенесеніи сѣчи запорожской з нинѣшняго мѣста [1]) въ асигнованное мѣсто Никитино [2]), яко тутъ безъ води нужда и немалое по размножению и поселению утѣсненіе есть, и мертвими гробами ввесь городъ почти обнятъ, и проходовъ нетъ и проездовъ водяныхъ свободнихъ часто не биваеть, хотя къ вашей ясне вельможности доношениемъ отъ насъ, с прописанними въ немъ таковими резони, взнесенно и на то отъ вашея ясне вельможности, что представленно в правительствующій сенатъ, високий ордеръ в Кошѣ полученъ и тому асигнованному мѣсту планъ, по опредѣлению правительствующого сената, чрезъ нарочно отъ вашей ясне вельможности присланного сочиненъ и доставленъ въ правительствующий сенатъ; однакъ потому и донынѣ никакой височайшей резолюции не послѣдовало, войско жъ запорожское низовое, какъ в томъ къ вашей ясне вельможности доношеніи прописано, вишеозначенно поноситъ и терпитъ немалую нужду и разнообразние, по худому и нездоровому сему мѣсту, можетъ нести припадки и наглие смерти; того ради вашей ясневельможности, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ низовимъ, нижайше просимъ о перенесении з нинѣшняго въ асигнованное мѣсто Никитино Сѣчи запорожской, зъ пожалованнемъ просимимъ, по докладу височайше дозволение и повелѣние чрезъ сего нарочно отъ Коша запорожского отправленного войскового писаря [3]) отчески исходатайствовать и резолюціею насъ снабдить и пожаловать и не оставить.

Атаманъ Кошевой Григорій Федоровъ.
Войсковой судья Петръ Калнишевскій.
Атамани куреней и все товариство.

1761 году июля 7 дня.

Просьба о перенесеніи Сѣчи подана запорожцами еще въ 1758 году, въ апрѣлѣ 27 числа, на имя императрицы Елизаветы Петровны, какъ это видно изъ слѣдующей „Выписки въ докладъ“,

---

[1]) На р. Подпольной, гдѣ теперь с. Покровское екатеринославскаго уѣзда.

[2]) Гдѣ теперь мѣстечко Никополь, екатеринославскаго уѣзда, выше Покровскаго на 25 верстъ.

[3]) Изъ послѣдующихъ словъ дѣла видно, что это былъ Иванъ Чугуевецъ.

приложенной при выписанномъ „нижайшемъ доношеніи“. „Прошлого 1758 году априля 27 д. войска низового запорожского Атаманъ Кошевій Григорій Федоровъ со всѣмъ низовимъ войскомъ прислали къ вашей ясневельможности доношеніе съ представленіемъ о тѣснотѣ и крайней нужности мѣста того, гдѣ нынѣ Сѣчь запорожская положеніе свое имѣетъ, какъ то по недостатку тамо въ нынѣшніе времена противъ прежнихъ води, за умаленіемъ оной въ речки состоящей при ономъ мѣстѣ, и за неимѣніемъ притомъ нимало источниковъ криничнихъ, зачемъ де принуждено войско довольствоваться водою, въ ямахъ бываемою, неподвижною, зацвѣлою и ізъмешаною съ нужнимъ всемъ, отъчего приключаются болѣзненніе зарази и смерти безъвременніе. А и кромѣ де того по нынѣшнему приумноженію противъ прежняго оного Запорожского войска, тамо въ Сѣчи такъ тѣсно, что между куренями проходъ, а въ басарахъ проездъ съ трудностію имѣть можно и въ случае пожара оборони подать не свободно; и по тѣмъ и протчимъ нужностямъ, именно въ томъ доношеніи прописаннымъ, Запорожской Сѣчи быть на томъ мѣстѣ, на коемъ она нынѣ состоитъ, неудобно, и что де къ переселенію той Запорожской Сѣчи отътоль избрано другое, удобное и не тѣсное, пристойное мѣсто въ россійской границѣ, немного выше над Днепромъ, при Никитинскомъ, гдѣ и застава отъ нынѣшней Сѣчи небольше, какъ въ двадцать верстъ въверхъ Днепра и въ равномъ почти пограничномъ состояніи, гдѣ положеніемъ какъ городу Сѣчи со всѣмъ посадомъ, такъ и крѣпости вмѣстится довольно обширно и весма хорошо при водѣ можно будетъ; и съ прошеніемъ къ ея императорскому величеству представленія о всевисочайшемъ дозволеніи въ переносѣ туда Коша запорожского и учрежденіи Сѣчи расположеніемъ и состроеніемъ тамо пространнѣйшей противъ нынѣшней церквы каменной, тако жъ въ пожалованіи на постройку оной денежной казны и желѣза зъ днѣпровскихъ постовъ самарскихъ, съ котораго его Атамана и Кошевого доношенія отъ вашей ясневельможности къ ея императорскому величеству въ правительствующій сенатъ на высочайшее благоразсмотрѣніе вѣрная копія при листѣ представлена тогдажъ. Іюня 18 тогожъ году прислана къ вашей ясневельможности высочайшая ея имп. величества изъ правит. сената грамота, которою велѣно: оное запорожского войска доношеніе разсмотря, прислать въ правит. сенатъ вашей ясневельможности свое

мнѣніе, подлинноль то ізбранное запорожскимъ войскомъ новое мѣсто къ поселенію ихъ способно, а найпаче въ разсужденіи пограничности удобно-ль, и представленніе от того войска резони справедливи-ль: И съ оной высочайшей ея имп. величества грамоти і изъ доношенія Кошевого атамана отъ вашей ясневельможности, при ордерѣ въ генеральную войсковую канцелярію справочніе копіи прислани, съ повелѣніемъ послать къ тому мѣсту нарочныхъ полковника миргородского Остроградского (?), сина его Павла Остроградского, да ізъ старшинъ полку полтавского надежного человѣка и велѣть имъ здѣлать планъ положенія мѣсту и притомъ вѣрно освидѣтельствовать, подлѣнно-ль то избранное запорожскимъ войскомъ новое мѣсто къ поселенію ихъ способно..... [1]). Для чего тотъ учиненный онимъ запорожскимъ мѣстамъ планъ 759 году марта къ вашей ясневельможности въ генеральной войсковой канцеляріи при доношеніи представленъ, съ таковимъ генеральной канцеляріи мнѣніемъ, что оному запорожскому войску переселиться для лучшей ихъ вигоди въ требуемомъ ими мѣстѣ при Никитиномъ способно, ибо нынѣшное поселеніе Сѣчи запорожской отъ границы турецкой состоить отдаленнѣйше отъ оного новоизбираемого ими къ поселенію Сѣчи запорожской при Никитиномъ мѣста... А на то въ присланной къ вашей ясневельможности прошлого 760 году генваря в височайшей ея имп. величества грамотѣ изображено, что въ правит. сенатъ при листѣ вашей ясневельможности представленъ планъ тѣмъ обоимъ мѣстамъ Коша запорожского, на которомъ оной нынѣ имѣется и на которое ево перенесть войско запорожское просить(ъ) о позволеніи, но притомъ де объявлено толко генеральной войсковой канцеляріи мнѣніе, что оному запорожскому войску переселится для лутшей их вигоди на требуемое мѣсто при Никитиномъ способно, а вашей ясневельможности свое мнѣніе... прислать... И по мнѣнію вашей ясневельможности, поселеніе свое по причинѣ неудобности мѣста того, гдѣ нынѣ Сѣчь запорожская имѣетъ, въ недостатке воды, за умаленіемъ оной въ рѣчке, имѣючейся въ томъ мѣстѣ, прозываемой Подполной, и что притомъ никакихъ криничнихъ источниковъ нѣтъ, и по протчимъ предъ симъ зъ доношенія отъ Сѣчи запорожской къ вашей ясневельможности присланныхъ донесеній резонамъ, для лутшей войску запорожскому вигоди

---

[1]) Дѣлаю пропускъ, потому что идетъ повтореніе одного и того же.

и отъ малороссійскихъ мѣстъ ближе переселится въ требуемомъ ими мѣстѣ при урочище Никитиномъ признается за способное. Итако какъ по прежнимъ представленіямъ, такъ и по оному вашей ясневельможности мнѣнію высочайшего ея имп. величест. разсмотренія и указу прошено. И на то съ правительствующаго сената и по нынѣ никакой резолюціи въ полученіи нѣтъ".

Резолюція на это доношеніе получена лишь въ 1764 году, 29 мая, уже отъ имени императрицы Екатерины II-й. Вотъ она буква въ букву [1]). „Секретная". „Божіею милостію мы Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская... графу Кирилле Григорьевичу Разумовскому. Въ нашъ сенатъ генералъ фелдцеихмейстеръ и кавалеръ Вилбоа при репорте представилъ прожектированной посыланнымъ отъ него по указу изъ нашего сената въ Сечь запорожскую, для осмотру назначаемого мѣста при никитинскомъ перевозѣ и перенесенія сѣчеваго поселенія, инженеръ-полковникомъ Менцелиусомъ, крѣпости и цитадели съ должнымъ въ оныхъ быть строеніемъ и церквами, планъ, профили и сметы, съ объясненіемъ всехъ къ тому потребностей, с которыми онъ генералъ фелдцейхмейстеръ, кроме некоторыхъ небольшихъ въ плане и профиляхъ отменъ, въ разсужденіи предвидящей оттого полезности согласенъ, донеся притомъ, что и вы, нашъ малороссійскій гетманъ и кавалеръ, разсматривая обще с нимъ помянутой планъ, во всемъ согласились же, о чемъ от васъ особо въ нашъ сенатъ и листъ полученъ. И по всему тому въ нашемъ сенатѣ опредѣлено: какъ о вознамеренномъ, при перенесеніи Сечи запорожской на другое при никитинскомъ перевозе место, крепостномъ строеніи на подносимой намъ от коллегіи иностранныхъ делъ доклад по поводу учиненныхъ отъ Порты отоманской резиденту Обрескову отзывовъ и в разсужденіи, что, по нынѣшнему положенію политическихъ делъ в Полше, Порту весма менажировать надобно, воспослѣдовала высочайшая наша конфирмація, чтобъ то крѣпостное строеніе отложено было до удобного времяни, о чемъ изъ сената вамъ нашему гетману и кавалеру, такъ же и генералу фелцеихмейстеру Вилбоа знать дано: при действительномъ же теперь перенесеніи Сечи на новое мѣсто отоманская Порта, надобно думать, въ новое безпокой-

---

[1]) Этотъ второй актъ доставленъ намъ П. С. Ефименкомъ.

ство придетъ и конечно не удовольствуется увереніемъ, что тамо крепости строено не будетъ: а при томъ когда нынѣ на то перенесеніе самымъ деломъ дозволить, то войско запорожское на долгое время въ томъ одномъ упражнено будетъ вместо того, что по нынѣшнимъ обстоятельствамъ высочайшей нашъ интересъ иногда потребуетъ употребить ихъ къ нужнымъ предприятиямъ въ другомъ месте, къ тому-жъ какъ изъ писма кошеваго атамана к инженеръ-полковнику Мерцелиусу усмотрено, они немалого казенного вспоможенія на то требуютъ; того ради повелеваемъ вамъ нашему гетману и самое той Сечи запорожской на новое место перенесеніе до будущаго удобнаго времяни и пока настоящия польския дѣла въ лутшее состояніе придутъ, отложить, о чемъ изъ нашего сената и колегіи иностранныхъ дѣлъ, равномѣрно-жъ и генералу фелдцеихмейстеру Вилбоа указами знать дано: в Санктъ-петербурге, мая 28 дня 764 года, по ея императорскаго величества указу".

Сенаторъ Иванъ Неплюевъ
Сенаторъ и кавалеръ Шаховскій
Оберъ-секретарь іванъ Ермолаевъ
Секретарь Иванъ Артемьевъ.

Д. И. Эварницкій.

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе)[1].

VI. Поѣздка за границу.

Кратковременный переѣздъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ моремъ на небольшомъ пароходѣ былъ очень непріятенъ, морская болѣзнь мгновенно свалила меня съ ногъ. Въ Кронштадтѣ мы переѣхали на большой пароходъ „Владиміръ", простояли часовъ пять въ гавани, и я нѣсколько было оправился отъ морской болѣзни.

Переѣздъ изъ Кронштадта до Любека совершался обыкновенно въ трое сутокъ, но по позднему времени года и бурному состоянію моря, мы употребили семь сутокъ на это путешествіе, самое непріятное въ моей жизни.

Отчалили; не успѣлъ я расположиться въ общей каютѣ 1-го класса, вмѣщавшей въ себѣ довольно много путешественниковъ и путешественницъ, какъ морская болѣзнь возобновилась и заставила меня искать убѣжища въ койкѣ. Мнѣ совѣтовали выпить рюмку рому, по-

---

[1]) См. „Кіевская Старина", 1884 г., март. кн., стр. 443—464.

больше ѣсть: ничто не помогало, я изнемогъ, не могъ равнодушно смострѣть на съѣстное, и все время путешествія находился почти въ безчувственномъ состояніи. Пробовалъ выходить на палубу: грустный видъ сѣраго свинцоваго неба, порывистый холодный вѣтеръ; мокрый снѣгъ, смѣнявшійся проливнымъ дождемъ, невыносимая качка и постоянное сотрясеніе парохода отъ дѣйствія машины, заставляли меня вскорѣ возвращаться въ койку, гдѣ по крайней мѣрѣ было тепло. Прибавимъ къ этому безсонницу, двѣ сильныя бури во время нашего плаванія, какъ-бы сквозь сонъ слышавшіеся крики дѣтей, стоны и вопли матерей, отрывистую команду капитана, постоянную бѣготню матросовъ, весьма серьезную опасность крушенія, и картина тогдашняго моего положенія будетъ полна; она часто возобновляется въ моей памяти. Сколько разъ раскаявался я, что рѣшился ѣхать моремъ, сколько разъ въ ожиданіи неминуемой, казалось, гибели, предавалъ духъ мой Богу, и не рѣдко, сознавая всю неотвратимость угрожавшей опасности, становился равнодушнымъ ко всѣмъ случайностямъ; въ эти тяжкія минуты смутно представлялся мнѣ образъ матери моей, и изъ глубины души вызывалъ сожалѣніе, но иногда озарялъ и проблескомъ надежды.

На пятый день намъ объявили, что колеса повреждены и мы не можемъ идти скоро; къ счастью бури не возобновлялись и мы кое-какъ доѣхали на восьмой день до Травемюнде, небольшаго селенія на берегу недалеко отъ Любека.

Деревушка эта показалась мнѣ издали чѣмъ-то особенно привлекательнымъ: изумрудная зелень ея пастбищъ ласкала взоръ, своеобразная архитектура домиковъ и сельской колокольни нравились новизной, материкъ, къ которому стремились мы съ такимъ нетерпѣніемъ, казался мнѣ обѣтованною землею.

Причалили; и на твердой почвѣ я почувствовалъ себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ: всѣ симптомы морской болѣзни исчезли, я поздоровѣлъ и какъ-бы обновился. Первымъ движеніемъ моего сердца было принести благодареніе Провидѣнію за счастливый исходъ путешествія.

Въ Любекѣ, куда мы отправились въ дилижансѣ черезъ часъ послѣ прибытія въ Травемюнде, я пробылъ три дня. Осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности города и отдохнувъ отъ непріятнаго переѣзда

моремъ, я направился въ Гамбургъ, куда и прибылъ въ первыхъ числахъ ноября, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ пожара, опустошившаго большую часть города.

Не смотря на бѣдствіе, постигшее Гамбургъ въ недавнее время, тамъ веселились, жизнь кипѣла, торговля шла своимъ чередомъ и кромѣ обгорѣвшихъ развалинъ да временныхъ деревянныхъ балагановъ, устроенныхъ на улицахъ и площадяхъ, ничто не напоминало о страшномъ пожарѣ 1842 года. Необыкновенная для русскаго путешественника дешевизна, доступность развлеченій и удовольствій, полная свобода дѣйствій произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе; я остался въ Гамбургѣ десять дней и провелъ ихъ очень весело.

Въ вечеру, наканунѣ отъѣзда въ Берлинъ, отправился я въ почтамтъ, чтобы взять билетъ на мѣсто въ почтовой каратѣ. Подходитъ ко мнѣ въ почтамтѣ какой-то господинъ, весьма пріятной наружности, прилично одѣтый, и спрашиваетъ: „вы ѣдете завтра утромъ въ Берлинъ?“ На утвердительный мой отвѣтъ, говоритъ: и я также. „Простите нескромный вопросъ: я иностранецъ, французъ, Алларъ, никого здѣсь не знаю, беру мѣсто до Берлина, но до отъѣзда, назначеннаго въ 9 часовъ,—въ 7 часовъ утра долженъ драться на дуэли съ однимъ англичаниномъ; ваша наружность внушаетъ мнѣ довѣріе и я покорнѣйше-бы васъ просилъ быть моимъ секундантомъ“.

Это предложеніе показалось мнѣ очень оригинальнымъ, симпатичная наружность незнакомца говорила въ его пользу. Не долго думая, я назвалъ себя, спросилъ о причинѣ дуэли, и узнавъ, что дѣло чести, изъ за женщины, согласился.

Взяли билеты и отправились въ гостинницу, гдѣ я квартировалъ; тамъ мы провели весь вечеръ и Алларъ разсказалъ мнѣ но нѣкоторые эпизоды изъ своей жизни, а также подробности дѣла о дуэли.

Аллару, на видъ, можно было дать лѣтъ сорокъ; ему было не болѣе тридцати трехъ; ростъ средній, сложеніе крѣпкое, мускулистое, худощавъ, тонкія черты лица, особенно красиваго въ профиль, темнорусые волосы и такая-же борода, подстриженная и тщательно разчесанная, небольшіе каріе глаза, выразительные, живые,—вотъ наружность моего новаго знакомаго. Онъ былъ роднымъ племянникомъ извѣстнаго

Наполеоновскаго генерала Аллара, поселившагося въ 1815 году въ Лагорѣ и командовавшаго тамъ войсками. Генералъ умеръ бездѣтнымъ въ 1838 году, оставивъ значительное состояніе племяннику, воспитывавшемуся у него и отданному съ ранняго дѣтства родителями въ полное распоряженіе дяди. Племянникъ былъ очень образованъ, говорилъ превосходно, зналъ хорошо англійскій, нѣмецкій, итальянскій, испанскій и нѣкоторые восточные языки, много путешествовалъ въ южной Азіи, Африкѣ и Америкѣ и послѣ смерти дяди переѣхалъ въ Европу. Объѣздивъ всѣ страны Европы, онъ послѣднее время поселился въ Англіи, познакомился въ окрестностяхъ Лондона съ однимъ значительнымъ фабрикантомъ, увезъ его жену въ Гамбургъ, и здѣсь, настигнутый мужемъ, долженъ былъ драться съ нимъ въ день нашего отъѣзда.

Алларъ былъ очень симпатиченъ, краткую исторію свою и знакомства съ англичанкой онъ мнѣ разсказалъ просто, безъ прикрасъ и увлеченій, свойственныхъ французамъ, и я нисколько не раскаявался въ данномъ ему согласіи быть его секундантомъ.

Мы разстались довольно поздно, условившись на другой день въ шесть часовъ утра сойтись въ отелѣ, гдѣ квартировалъ Алларъ, и оттуда отправиться за городъ на мѣсто, назначенное для дуэли.

Въ шесть часовъ я былъ уже у Аллара. Вещи его были уложены, онъ передалъ мнѣ письмо къ одному изъ своихъ друзей во Франціи и просилъ переслать его въ случаѣ несчастнаго для него исхода дуэли. Я предложилъ ему мои услуги, если будетъ раненъ; онъ съ благодарностію принялъ мое предложеніе.

Отправились въ крытомъ экипажѣ, и Алларъ дорогой сказалъ, что, по требованію оскорбленнаго мужа, онъ будетъ съ нимъ драться на шпагахъ до первой серьезной раны, и что англичанинъ привезетъ съ собой доктора.

Мы пріѣхали первые, но минутъ чрезъ десять явился англичанинъ съ секундантомъ и докторомъ.

Наружность оскорбленнаго мужа была въ высшей степени некрасива: высокій, полный, краснолицый и рыжій; звали его мистеръ Нормемби. Послѣ обычнаго другъ другу представленія, секундантъ англи-

чанина, весьма порядочный человѣкъ, принесъ двѣ шпаги и предложилъ выборъ Аллару.

Бойцы, снявъ верхнее платье, стали въ позицію. Англичанинъ наступалъ съ большой энергіей; съ перваго пріема можно было видѣть, что онъ мастерски владѣетъ шпагой, но раздраженіе, свойственное оскорбленному супругу, лишало его должной сдержанности; Алларъ защищался недурно и парировалъ удачно; сохранивъ все свое хладнокровіе и утомивъ англичанина, онъ перешелъ въ наступленіе и вскорѣ вонзилъ свою шпагу въ грудь противника. Мы всѣ бросились къ несчастному мужу и докторъ, осмотрѣвъ рану, объявилъ, что хотя она и не смертельна, но очень опасна. Англичанинъ лишился чувствъ, его бережно положили въ карету и повезли въ нанятый имъ домъ, недалеко отъ Гамбурга.

Я отправился къ нему съ Алларомъ. Тамъ мы нашли супругу мистера Нормемби. Она поразила меня своею красотою. Это былъ типъ блондинки чисто англійской крови. Узнавъ, что мужъ дерется съ Алларомъ, мистрисъ издали слѣдила за ходомъ дуэли и увидавъ, что мужа увезли раненаго, поспѣшила къ нему. Объявила Аллару, что между ними все кончено, и она остается ухаживать за мужемъ и постарается заслужить его прощеніе.

Все это произошло такъ быстро, что мы успѣли прибыть въ почтамтъ во время, сдать багажъ и занять свои мѣста. На третій день мы были уже въ Берлинѣ.

Дорогой я больше познакомился съ Алларомъ. Онъ мнѣ былъ очень благодаренъ за оказанную ему услугу; оба мы были нрава веселаго, скоро подружились и рѣшили поселиться въ Берлинѣ въ одной квартирѣ. Алларъ располагалъ пробыть тамъ зиму, а я до мая—университетскій семестръ. Онъ мнѣ говорилъ, что не очень сожалѣетъ о мистрисъ Нормемби, привязанность ея начинала его тяготить; что-же касается дуэли, то это была не первая и вѣроятно не послѣдняя въ его жизни; владѣлъ онъ шпагой хорошо и стрѣлялъ изъ пистолета еще лучше.

VII. Берлинъ.

Немедленно по пріѣздѣ пріискали очень удобную квартиру въ меблированныхъ комнатахъ госпожи Гриппентрокъ, на Фридрихштрассе, надалеко отъ Унтеръ-денъ-Линденъ. У насъ были во второмъ этажѣ общая гостинная, весьма прилично меблированная, и двѣ спальни. На другой день я записался слушателемъ въ университетѣ, взялъ на прокатъ рояль и условился съ извѣстнымъ Морксомъ на счетъ уроковъ гармоніи, а съ Таубертомъ переговорилъ объ урокахъ на фортепьяно.

Вскорѣ я убѣдился, что въ Берлинскомъ университетѣ по юридическому факультету я пріобрѣту немного новыхъ познаній. Знаменитыхъ профессоровъ Ганса и Савиньи не было въ университетѣ; первый скончался, а вторый съ назначеніемъ министромъ юстиціи не читалъ лекцій. Новые-же профессора, мало извѣстные, не могли по всей справедливости сравниться съ Неволинымъ и Богородскимъ. Но преслѣдуя предположенную цѣль, я постоянно посѣщалъ университетъ, бывалъ на лекціяхъ Неандера, знаменитаго теолога, Мишелэ, читавшаго исторію философіи, послѣдователя Гегеля и противника Шеллинга; изложеніе превосходное, но я не вполнѣ раздѣлялъ убѣжденія Мишелэ; несмотря на то, что лекціи Неволина и Богородскаго были также проникнуты гегелизмомъ, я склонялся скорѣе на сторону Шеллинга, примирителя философіи съ религіей; записался также на лекціи въ высшей степени занимательныя Риттера, извѣстнаго профессора географіи.

Морксъ тоже былъ мнѣ не по сердцу: его сухое изложеніе теоріи музыки, лишенное всякаго поэтическаго характера и артистическаго увлеченія, его холодная математичность цифръ и безпощадная послѣдовательность въ гармоніи часто выводила меня изъ терпѣнія. Еще студентомъ, и позже въ Одессѣ, я поверхностно занимался генералъ-басомъ, въ импровизаціяхъ модулировалъ довольно удачно, написалъ и напечаталъ нѣсколько піесъ для фортепьяно, что давало мнѣ право считать себя на столько свѣдущимъ, чтобы не начинать съ гармонической азбуки; не такъ смотрѣлъ Морксъ: началъ съ интерваловъ, остановился на терціяхъ и квинтахъ и на пятой только урокъ перешелъ къ аккордамъ. На нихъ продержалъ меня два мѣсяца, и не позволилъ идти далѣе, пока я не постигъ всей премудрости квартъ-

сексты, уменьшенной септимы и увеличенной ноны, не изучилъ отчетливо аккордной цифровки и не сталъ читать по ней, какъ по нотамъ. Модуляція не заняла много времени: въ ней я былъ довольно опытенъ, но долженъ былъ подчиниться неуклонной систематичности Моркса, которая впрочемъ открыла мнѣ новый міръ сочетанія звуковъ и познакомила съ болѣе правильными способами перехода изъ тона въ тонъ.

Окончивъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ музыкальную грамматику (генералъ-басъ) и написавъ нѣсколько небольшихъ пьесъ для фортепьяно на бумагѣ, безъ помощи инструмента, я представилъ ихъ на судъ моего взыскательнаго профессора. Онъ остался доволенъ правильностью композиціи вообще, нашелъ двѣ ошибки въ нисходящихъ квинтахъ и замѣтилъ, что даю слишкомъ много значенія мелодіи и не разработываю ее, какъ слѣдуетъ.

Нужно было обратиться опять къ пособію науки и заняться контрапунктомъ.

Первые уроки доводили меня до отчаянія; мнѣ казалось, что никогда не преодолѣю трудностей контрапункта и не буду имѣть терпѣнія завершить мое музыкальное образованіе. И дѣйствительно съ Морксомъ далѣе фуги не пошелъ.

Таубертомъ я былъ очень доволенъ и подъ его руководствомъ значительно улучшилъ технику фортепьянной игры.

Обжившись нѣсколько въ Берлинѣ, я представился нашему посланнику Мейендорфу и вручилъ ему рекомендательное письмо князя Лобанова-Ростовскаго. Былъ принятъ очень любезно. Баронъ спросилъ меня о цѣли моего пребыванія въ Берлинѣ, и не желаю-ли я познакомиться съ тамошнимъ обществомъ. На отвѣтъ, что я пріѣхалъ слушать лекціи въ университетѣ и желалъ-бы познакомиться съ Берлинскимъ обществомъ, онъ сказалъ, что званіе студента не даетъ на это права, но что онъ готовъ представить меня въ нѣкоторые дома какъ русскаго путешественника. Вскорѣ я былъ представленъ супругѣ барона, урожденной О'геръ, приглашенъ на обѣдъ къ посланнику, на которомъ познакомился съ членами нашего посольства и нѣкоторыми особами высшаго круга въ Берлинѣ.

По случаю траура при прусскомъ дворѣ въ началѣ сезона не танцовали, давали рауты. Баронъ Мейендорфъ повезъ меня на раутъ къ министру иностранныхъ дѣлъ Бюлову и потомъ пригласилъ на раутъ же въ нашемъ посольствѣ 18-го декабря.

Разсчитанная сдержанность, отталкивающая холодность и натянутость Берлинскаго общества крайне мнѣ не понравились; я ограничилъ свои выѣзды одними необходимыми визитами вѣжливости, и очень радъ былъ, что избавилъ себя отъ невыносимой скуки, царствовавшей въ высшихъ сферахъ.

Мой новый другъ Алларъ посвящалъ большую часть своего времени ухаживанью за прекраснымъ поломъ въ скромной средѣ бюргеровъ, модистокъ и гувернантокъ разныхъ націй, посѣщенію театровъ, зимнихъ садовъ, публичныхъ баловъ, чтенію и взаимному обученію; онъ изучалъ со мною русскій языкъ, я занимался съ нимъ литературными упражненіями на французскомъ, которыя принесли мнѣ большую пользу, благодаря глубокимъ познаніямъ, необыкновенной правильности и легкости стиля Аллара.

Ловеласа, подобнаго Аллару, я не встрѣчалъ еще: въ короткое время онъ одержалъ нѣсколько блистательныхъ побѣдъ, и нисколько не дорожилъ ими, гоняясь безпрестанно за новизною, вслѣдствіе пресыщенія, не привязывался серьезно ни къ одной женщинѣ, бросалъ ихъ также скоро, какъ и привлекалъ.

По вечерамъ Алларъ никогда не сидѣлъ дома, я же по большей части занимался музыкой и добросовѣстно трудился надъ изученіемъ гармоніи, но это продолжалось недолго: мало по малу Алларъ вовлекалъ меня въ свои похожденія, сталъ приглашать къ намъ знакомыхъ ему женщинъ къ великому негодованію хозяйки г-жи Грипентрокъ, и вскорѣ превратилъ нашу квартиру въ салонъ не слишкомъ разборчивыхъ дамъ. Неприхотливое угощеніе, моя музыка, болтовня Аллара, общая любезность и веселость привлекали многихъ посѣтительницъ.

Иногда Алларъ подъ конецъ вечера съ феской на головѣ танцовалъ съ одной изъ дамъ легонькій канканъ къ особенному удовольствію присутствовавшихъ. Къ намъ собирались раза два въ недѣлю, серіями

по національностямъ. Бывали нѣмки, которыя высоко цѣнили французскую любезность Аллара и мое русское гостепріимство, серія довольно скучная, хотя и очень красивая; потомъ слѣдовали швейцарки,—цѣлая плеяда гувернантокъ средней руки, довольно впрочемъ образованныхъ и недурныхъ собою; наконецъ француженки, по большей части изъ модныхъ магазиновъ, не очень красивыя, но въ высшей степени милыя и веселыя.

Изъ мужчинъ у насъ никто не бывалъ по вечерамъ, но я сошелся съ студентомъ юридическаго факультета Кранахомъ, который имѣлъ великолѣпный голосъ и пѣлъ теноромъ превосходно; въ свободное отъ занятій время, онъ часто приходилъ ко мнѣ передъ обѣдомъ. Другой пріятель мой изъ нѣмцевъ былъ Вальтеръ, недавно окончившій курсъ медицинскихъ наукъ и начинавшій заниматься практикой, которая впрочемъ не давалась ему въ Берлинѣ, и онъ вскорѣ переѣхалъ въ Дрезденъ.

Скромная жизнь моя въ Берлинѣ текла мирно и спокойно. Изъ полученныхъ денегъ на путешествіе въ теченіе перваго полугодія я много издержалъ въ Петербургѣ и на переѣзды, такъ что въ Берлинѣ у меня до марта оставалось немного средствъ; въ долги я не хотѣлъ входить, обѣщалъ не просить изъ дому болѣе положеннаго, и обходился ста талерами въ мѣсяцъ. Имѣя болѣе чѣмъ полный гардеробъ, большой запасъ гаванскихъ сигаръ, купленныхъ въ Гамбургѣ, и уплативъ за полугодіе впередъ за лекціи въ университетѣ, вотъ какъ я распорядился моими средствами: квартира 8 талеровъ, кофе 5 талеровъ, обѣдъ 5 талеровъ, прачка 4 талера, за чистку платья и уборку комнатъ штубемедхенъ 3 талера: итого 25 талеровъ въ мѣсяцъ необходимыхъ расходовъ. Сумма въ пять талеровъ на обѣдъ покажется очень малою, но въ Берлинѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ все было очень дешево, и существовали рестораны для студентовъ и офицеровъ, гдѣ, платя за тридцать обѣденныхъ карточекъ пять талеровъ, т. е. по пяти зильбергрошей за каждую, потребитель имѣлъ право спросить на $6\frac{1}{2}$ грошей кушанья по картѣ; обыкновенно на эти деньги съѣдали три блюда, весьма недурно приготовленныхъ, хлѣба сколько угодно, выпивали кружку пива и оставалось еще кое что въ пользу кельнера.

Изъ остальныхъ 75 талеровъ я платилъ Морксу 15 за три урока въ недѣлю у него на квартирѣ, 10 Тауберту, а 50 оставалось на развлеченія и удовольствія; разъ въ недѣлю мы позволяли себѣ обѣдать или ужинать у Трюшо, французскаго ресторана подъ липками, ходить въ театръ и посѣщать публичныя собранія.

Алларъ также не тратилъ много: онъ сталъ довольно разсчетливъ; истративъ въ два—три года большую часть капитала, доставшагося отъ дяди, и предполагая ѣхать въ Россію, гдѣ, какъ я ему сказалъ, жизнь и путешествія обходятся дорого, собиралъ средства и экономничалъ.

Зиму 1842—43 года Мейербееръ проводилъ въ Берлинѣ; съ нимъ я познакомился и довольно часто бывалъ у него; онъ интересовался моими музыкальными занятіями и нерѣдко удостоивалъ просмотромъ мои композиціи. На счетъ мелодіи, онъ былъ мнѣнія совершенно противуположнаго Морксу; что-же касается обработки и развитія музыкальныхъ идей, то въ нихъ онъ находилъ недостатки, свойственные начинающему. Смѣлая и своеобразная модуляція Мейербеера, пѣвучесть и оригинальность его мелодій, высокій драматизмъ его музыки, сила и богатство инструментовки ставили его выше всѣхъ современныхъ композиторовъ. Я благоговѣлъ предъ его геніальностью и поклонялся ей. Достаточно развитый въ музыкальномъ дѣлѣ, чтобы умѣть цѣнить его, я съ увлеченіемъ фанатика говорилъ Мейербееру о его произведеніяхъ и пользовался большимъ расположеніемъ знаменитаго маестро. Два раза при мнѣ Мейербееръ дирижировалъ „Роберта“ въ Берлинѣ и опера эта, которую я такъ любилъ и часто слышалъ въ Петербургѣ, подъ волшебнымъ жезломъ композитора имѣла для меня особенную прелесть и поражала новыми достоинствами.

Я часто бывалъ на концертахъ, посѣщалъ квартетные вечера и не пропускалъ ни одного симфоническаго собранія. Въ декабрѣ, въ гарнизонкирхѣ давали ораторію Гайдена „Сотвореніе міра“. Это геніальное произведеніе было мнѣ знакомо по отрывкамъ и въ переложеніи на фортепіано; я хотѣлъ ближе съ нимъ познакомиться, болѣе въ него вслушаться, и досталъ билетъ на генеральную репетицію, запасшись заблаговременно мѣстомъ въ ложѣ на вечеръ исполненія ора-

торіи. Для репетиціи, церковь не была освѣщена, исключая мѣста занимаемаго хоромъ, пѣвцами и оркестромъ. Когда раздались величественные звуки ораторіи, я весь превратился въ слухъ и съ наслажденіемъ, котораго давно не испытывалъ, прослушалъ первый номеръ, безукоризненно исполненный. На второмъ хоры сбились и его нужно было повторить.

Въ то время, когда дирижеръ объяснялъ хористамъ, въ чемъ состояла ошибка, я услыхалъ говоръ въ ложѣ налѣво отъ моей. Въ полумракѣ я могъ различить двѣ женскія фигуры, и позади ихъ пожилаго господина. Дама, сидѣвшая съ правой стороны, взглянула на меня; взглядъ ея былъ блескомъ молніи. Вглядѣться въ черты ея лица я не могъ, она быстро повернулась къ своей собесѣдницѣ, мелькнулъ правильный овалъ брюнетки, не ясно обозначился стройный ея станъ, на темномъ фонѣ ложи обрисовался темный туалетъ. Загремѣлъ второй номеръ ораторіи и отвлекъ мое вниманіе отъ незнакомки.

Въ непродолжительныхъ антрактахъ я напрягалъ свое зрѣніе, чтобы разсмотрѣть сосѣдку, изощрялъ свой слухъ, чтобы услыхать ея голосъ и узнать, на какомъ языкѣ она объясняется. Тщетно. Почти ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Бываютъ мгновенія, когда вещь, самая обыкновенная въ существѣ и не представляющая ничего особеннаго, тревожитъ или ласкаетъ неопредѣленной надеждой, когда внутреннее чувство инстинктивно говоритъ въ васъ, возбуждаетъ любопытство и напрягаетъ вниманіе. Такъ было со мною: не одно простое любопытство руководило мною, необъяснимое влеченіе заставляло всматриваться и вслушиваться въ сосѣднюю ложу.

Смолкли звуки ораторіи; я поспѣшилъ къ выходу, но въ толпѣ, въ едва освѣщенномъ корридорѣ, потерялъ изъ виду моихъ незнакомокъ.

Цѣлую ночь, проведенную почти безъ сна, звучали въ музыкальной памяти моей величественные аккорды ораторіи, представлялась воображенію стройная черная дама, мелькалъ ея жгучій взглядъ.

На другой день я мечталъ цѣлое утро и разъигрывалъ на фортепьяно „Сотвореніе міра“. Вечера ждалъ я съ нетерпѣніемъ: не столько влекла меня въ гарнизонную церковь ораторія, какъ желаніе встрѣтить незнакомку.

По счастливой случайности или предопредѣленію, на исполненіе ораторіи мнѣ досталась та-же ложа, въ которой я помѣщался на репетиціи. Въ ней было четыре мѣста, изъ коихъ три были заняты мною, Алларомъ и Кранахомъ, а четвертое неизвѣстнымъ господиномъ.

Когда мы вошли, ложа налѣво не была еще занята. Церковь была такъ наполнена, что не было ни одного пустаго мѣста и я былъ вполнѣ убѣжденъ, что и сосѣдняя ложа не останется безъ посѣтителей. И дѣйствительно незадолго до начала исполненія ораторіи, въ нее вошли три дамы и пожилой мужчина. Въ одной изъ дамъ, я тотчасъ узналъ мою вчерашнюю незнакомку, и долго не могъ отвести отъ нея глазъ моихъ.

Ростомъ она была выше средняго, стройна и граціозна; въ поступи и манерахъ проглядывала врожденная непринужденность, нелишенная достоинства; правильный овалъ ея лица, прямой носъ, маленькій ротъ съ коралловыми губками, большіе выразительные томные, бархатистые черные глаза въ формѣ миндалины, осѣненные длинными рѣсницами, и черные съ синимъ отблескомъ вороньего крыла роскошные волосы, матовая бѣлизна лица,—вотъ наружность незнакомки; на видъ ей было лѣтъ семнадцать.

Долго не могъ я отвести глазъ моихъ отъ чуднаго видѣнія. Непонятное чувство овладѣло мною, непреодолимая сила влекла меня, необузданное стремленіе воли сказалось во мнѣ твердою рѣшимостью во что бы ни стало сдѣлаться обладателемъ прелестной незнакомки, и какая то смутная надежда, какое-то убѣжденіе нашептывали мнѣ: она будетъ твоею.

Незнакомка замѣтила мой пристальный испытующій взглядъ и отвѣтила мимолетнымъ, какъ мнѣ показалось, сочувственнымъ взглядомъ.

Подлѣ нея помѣстилась молодая дама, очень похожая на интересовавшую меня незнакомку, но постарше; за ними красивая женщина лѣтъ сорока, и пожилой мужчина съ типической еврейской физіономіей.

Разсѣянно слушалъ я ораторію Гайдена, и часто, насколько позволяло приличіе, оборачивался къ сосѣдней ложѣ. При выходѣ я слѣдилъ за незнакомкой; она сѣла съ лицами, бывшими съ нею въ ложѣ, въ четырехмѣстную карету, дверцы затворилъ не ливрейный, но прилично

одѣтый лакей, и экипажъ быстро покатился. Нанять дрожки, обѣщать кучеру хорошее вознагражденіе, если не отстанетъ отъ кареты, было дѣломъ одной минуты. Ѣхали мы долго, наконецъ карета остановилась предъ небольшимъ, но очень красивымъ домомъ въ Моабитѣ, отдаленной части Берлина, которая тогда начинала отстроиваться. По звону лакея отворились ворота и экипажъ съ незнакомкой исчезъ во дворѣ, обнесенномъ высокимъ каменнымъ заборомъ, изъ за котораго выглядывали небольшія деревья обширнаго сада, покрытыя инеемъ.

Въ позднее время невозможно было узнать, кому принадлежитъ домъ и кто въ немъ живетъ; замѣтивъ хорошо мѣстность, я приказалъ кучеру ѣхать въ Вильгельмштрассе.

Аллара не было дома, я сѣлъ за фортепьяно и импровизировалъ часа два на темы изъ „Сотворенія міра". Возбужденное чувство одушевило меня и вылилось во всей полнотѣ въ такія мелодичныя сочетанія звуковъ, въ такіе удачные аккорды, что я очень сожалѣлъ о невозможности воспроизвести ихъ на бумагѣ тогда-же.

Утро слѣдующаго дня я посвятилъ розыскамъ о моей незнакомкѣ и узналъ, что она дѣвица, дочь удалившагося отъ дѣлъ банкира еврея К.; похожая на нее дама—ея сестра, замужемъ за евреемъ негоціантомъ, живущимъ постоянно въ Малагѣ и пріѣхавшимъ погостить у тестя; четвертая особа сидѣвшая въ ложѣ—тетка этихъ дамъ, родная сестра покойной ихъ матери. Банкиръ К., былъ очень старъ, очень богатъ, почти никуда не выѣзжалъ и никого не принималъ; лѣтомъ проводилъ все время въ новомъ саду, устроенномъ при принадлежавшемъ ему домѣ, зимою въ огромной теплицѣ, въ которую былъ ходъ изъ его кабинета; имѣлъ страсть къ садоводству и очень любилъ музыку. Кромѣ двухъ дочерей у него былъ сынъ, занимавшійся торговыми дѣлами въ Алжирѣ. Дамы имѣли обыкновеніе ѣздить въ хорошую погоду въ Тиргартенъ, часто бывали въ оперѣ и посѣщали концерты; знакомыхъ у нихъ было очень мало.

Получивъ эти свѣдѣнія, я началъ каждый день ходить въ Тиргартенъ, и былъ такъ счастливъ, что вскорѣ встрѣтилъ тамъ дѣвицу К. съ сестрой. Мы обмѣнялись выразительными взглядами. Потомъ я видѣлъ ее въ оперѣ, и не сводилъ своего бинокля съ ея ложи. Меня замѣтили.

Изъ концертистовъ наиболѣе привлекалъ публику мало еще тогда извѣстный скрипачъ Базини. Трудности для него не существовали; но вмѣстѣ съ необыкновенною ловкостью, силою и звучнымъ тономъ, скрипка его пѣла превосходно. Эта пѣвучесть одной изъ лучшихъ Амати, въ сочиненіяхъ концертанта по большей части на темы изъ италіянскихъ оперъ, и составила славу Базини. Особенно полюбили берлинцы его Е. мольный концертъ, la ronde des lutius изъ бравурныхъ пьесъ, его фантазіи изъ Пуританъ, Сомнамбулы, Пирата и другихъ. Я познакомился съ Базини и вскорѣ мы подружились. Славная, артистическая его натура была мнѣ по сердцу и мы съ нимъ видѣлись каждый день.

На третьемъ концертѣ Базини, на мою долю выпалъ счастливый жребій сидѣть рядомъ съ дѣвицей К.; она вблизи еще болѣе поразила меня своей красотой; но природная застѣнчивость, увеличенная чувствомъ необъяснимой привязанности, восторженнаго поклоненія прелестной наружности незнакомой особы, долго не дозволяла мнѣ вступить съ нею въ разговоръ. Наконецъ я рѣшился и началъ похвалой игрѣ Базини. Мнѣ отвѣчали очень любезно, въ разговоръ вмѣшалась сестра К., я ободрился, говорилъ съ увлеченіемъ о музыкѣ и къ концу концерта вполнѣ познакомился съ моими милыми собесѣдницами. Ихъ вѣрный взглядъ на игру и сочиненія Базини, свѣдѣнія, высказанныя о музыкѣ вообще, показывали, что онѣ очень развиты въ этомъ отношеніи; меткія замѣчанія, находчивость въ отвѣтахъ, приличный тонъ, превосходный нѣмецкій языкъ, на которомъ онѣ говорили, правильное произношеніе техническихъ музыкальныхъ терминовъ по италіянски вскорѣ убѣдили меня, что имѣю дѣло съ женщинами вполнѣ образованными.

Съ ними не было кавалера; я предложилъ мои услуги, чтобы проводить до экипажа; предложеніе мое принято и, когда карета ихъ исчезла съ моихъ глазъ, долго стоялъ я въ раздумьи у подъѣзда.

— О чемъ задумался Signor Pietro? спросилъ меня подошедшій Базини. Я ему отвѣтилъ, что подъ впечатлѣніемъ его волшебнаго смычка и черныхъ глазъ сосѣдки я былъ на небесахъ.

— Спуститесь на землю, mio caro, и пойдемъ ужинать къ Трюшо. Отправились; къ намъ присоединилось нѣсколько артистовъ и мы провели время очень пріятно. Базини находился въ хорошемъ расположеніи,

пилъ много и подъ конецъ былъ навеселѣ. Я его просилъ написать мнѣ на память что нибудь въ мой музыкальный альбомъ, и онъ написалъ довольно нечетко первые такты его E мольнаго концерта, къ подписи прибавилъ besofen, voir le dictionnaire Allemand-francais. На другой день Базини уѣзжалъ въ Лейпцигъ, и мы съ нимъ простились. За ужиномъ я узналъ, что на дняхъ ждутъ въ Берлинъ Франца Листа.

Алларъ продолжалъ свои донжуановскія занятія и былъ въ то время въ связи съ одной нѣмкой изъ Вѣны, весьма видной и красивой женщиной, въ которую влюбился лордъ Вестморландъ, англійскій посланникъ при прусскомъ дворѣ. Алларъ порядочно его дурачилъ, писалъ отвѣты на адресованныя къ его любезной посланникомъ письма, назначалъ свиданія, и посылалъ на нихъ другихъ женщинъ, къ немалому удивленію Вестморланда; заставлялъ его присылать билеты на ложи въ театръ и садилъ въ нихъ безобразныхъ старухъ. Однимъ словомъ потѣшался надъ бѣднымъ англичаниномъ и выводилъ его изъ терпѣнія. Кончилось впрочемъ тѣмъ, что Аллару нѣмка надоѣла и перешла къ Вестморланду: охлажденіе Аллара и гинеи играли въ этомъ значительную роль.

Съ Вестморландомъ я познакомился у Мейербеера. Посланникъ очень любилъ музыку, сочинялъ кое-что, но остался навсегда плохимъ и бездарнымъ композиторомъ.

Я постепенно отставалъ отъ аллaровскихъ похожденій и вскорѣ пересталъ принимать въ нихъ всякое участіе. Въ пріемные вечера Аллара я уходилъ изъ дому.

Серіозное чувство начинало овладѣвать мною: я любилъ, каждый день отправлялся въ Тиргартенъ, въ надеждѣ встрѣтить тамъ дѣвицу К., и на третій день послѣ прощальнаго концерта Базини надежда моя осуществилась.

Въ морозное январское утро знакомыя мнѣ сестры гуляли въ Тиргартенѣ, я подошелъ къ нимъ, и прогулка наша продолжалась часа полтора. Время прошло незамѣтно въ оживленныхъ разговорахъ; я просилъ позволенія пріѣхать къ нимъ, но замужняя сестра отвѣтила, что не смотря на все удовольствіе, которое доставилъ-бы имъ мой визитъ, онѣ не могутъ принять меня, потому что мужъ ея уѣхалъ въ Испанію, а

отецъ никого не принимаетъ и не любитъ, чтобы ѣздили къ нему въ домъ. Никого почти не видитъ изъ старыхъ знакомыхъ, а новыхъ знакомствъ по старости избѣгаетъ вовсе.

Мнѣ сочувственно пожали руку, выразительно на меня взглянули, какъ-бы извиняясь въ отказѣ, и уѣхали сказавъ ласково: au revoir.

Долго бродилъ я по широкимъ аллеямъ Тиргартена. Сначала уклончивый отвѣтъ безпокоилъ меня, тревожное сомнѣніе запало мнѣ въ душу, но ласковый тонъ при прощаніи, выразительный, симпатическій взглядъ, и любезное: au revoir вскорѣ изгладили непріятное впечатлѣніе; мысленно занялся я изысканіемъ возможности осуществить слова: „до свиданья", которыя успокоительно звучали въ памяти моей.

Мокрый снѣгъ началъ падать большими хлопьями; я поспѣшилъ домой и засталъ тамъ Кранаха. Кранахъ сообщилъ мнѣ о пріѣздѣ Листа и просилъ меня представить его знаменитому виртуозу, когда познакомлюсь съ нимъ.

Сестры К. были очень дружны между собою, превосходно говорили по французски, по испански и по италіянски, держали себя безупречно, и въ нихъ рѣшительно не было ничего, что обличало-бы ихъ происхожденіе, къ которому привыкли болѣе или менѣе относиться, если не враждебно, то недовѣрчиво.

Совершенное презрѣніе къ евреямъ, вошедшее въ нравы большинства жителей южнаго края Россіи, предубѣжденія и предразсудки ставили это племя у насъ въ весьма невыгодное положеніе; къ нему никто, никогда не питалъ довѣрія и долго евреи считались народомъ отверженнымъ. Проживая иногда въ деревнѣ и сознавая пользу приносимую ими въ сбытѣ хозяйственныхъ произведеній и торговыхъ оборотахъ, я привыкъ смотрѣть на евреевъ довольно снисходительно. Въ Одессѣ, городѣ по преимуществу коммерческомъ, богатство играло значительную роль; большой капиталъ давалъ право на извѣстный почетъ и евреи въ массѣ другихъ разноплеменныхъ жителей занимали положеніе весьма сносное. На нихъ смотрѣли даже благосклонно, какъ на полезныхъ дѣятелей въ торговомъ мірѣ; нѣкоторые изъ почетнѣйшихъ евреевъ съ семействами были приняты и въ высшемъ обществѣ. Но замкнутость ихъ религіознаго, нравственнаго и политическаго быта, обособленность, въ которую

они поставлены нашимъ законодательствомъ и укоренившимися обычаями, сохраняли за ними исключительное положеніе общества въ обществѣ, государства въ государствѣ.

За границей, въ Германіи, евреи пользовались въ полномъ объемѣ всѣми гражданскими правами, особенность ихъ заключалась единственно въ религіи; въ общественномъ-же положеніи, равно какъ и во внѣшнемъ видѣ, между евреемъ и нѣмцемъ не было никакой разницы.

Пріятнѣе было-бы, быть можетъ, думалось мнѣ, если-бы особа, которою увлекся, принадлежала къ другой народности, легче можно-бы было избѣжать затрудненій и достигнуть своей цѣли, обыкновеннымъ путемъ; но еврейское происхожденіе дѣвицы К. нисколько впрочемъ меня не смущало. Напротивъ: таинственная обстановка, романтическое направленіе тогдашняго времени, непреодолимыя препятствія, предстоявшія въ дальнѣйшемъ знакомствѣ, необыкновенная красота первобытнаго еврейскаго типа, вѣрованіе въ предопредѣленіе, въ неизбѣжность судьбы, еще болѣе увлекали и возбуждали меня.

Дѣвица К. носила имя Ноэмини, Ноэми; сестру звали Ліей. Эти библейскія имена были замѣняемы болѣе употребительными въ разговорѣ Наимы и Леи.

Леи я сказалъ, что звучное ея имя нисколько къ ней не идетъ, представляя рѣзкую противоположность между нею и первою некрасивою женою Іакова, а Наимѣ, что симпатичная личность ея библейской соименницы, вдовы Евимелеха, отражается въ ея характерѣ, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что Наима не осталась-бы долго вдовою, поставленною въ необходимость посылать сноху, подобно Руѳи, подбирать колосья на чужихъ поляхъ, и, хотя по мѣсту жительства Ноэми и можетъ считать себя моавитянкой, врядъ-ли ей придется возвратиться въ Виѳлеемъ и называть себя Марою (горькою). Шутка моя была принята благосклонно съ замѣчаніемъ, что я изучилъ библію.

Лея была уже пять лѣтъ замужемъ, но не имѣла дѣтей; мужа она очень любила, проживала постоянно съ нимъ въ Малагѣ, пріѣзжала впрочемъ каждый годъ погостить у отца мѣсяца два—три, и когда дѣла мужа позволяли, путешествовала много.

Четырнадцати лѣтъ, Наима, по смерти матери, была взята сестрою изъ родительскаго дома, сопровождала ее въ ея путешествіяхъ; получила превосходное воспитаніе и въ зиму 1842 года возвратилась въ Берлинъ.

Обѣ сестры были большими любительницами музыки: Лея играла на фортепьяно и на арфѣ, Наима на фортепьяно и на цитрѣ. Пѣли также обѣ: у Леи былъ контръ-альтъ, у Наимы mezzo soprano.

Хотя разговоры наши по большей части были кратковременны и ограничивались областью музыки, тѣмъ не менѣе свѣдѣнія эти успѣла мнѣ сообщить Лея. Она была очень разговорчива и любезна, Наима говорила меньше, конфузилась, краснѣла, потупляла взоры, замѣтно было что она застѣнчива, но когда удавалось уловить ея робкій взглядъ, онъ приводилъ меня въ восхищеніе; такого задушевнаго, сочувственнаго взгляда, такого магнетическаго притяженія въ глазахъ я не встрѣчалъ никогда.

Я имъ мало говорилъ о себѣ, но скоро мы познакомились на столько, что знали главныя условія нашего общественнаго положенія, занятія, вкусы и привычки. Каждый почти день встрѣчались въ Тиргартенѣ, сговаривались, когда быть въ концертѣ или театрѣ, освоились. Нельзя было не замѣтить моей привязанности къ Наимѣ; я былъ почти увѣренъ, что и она раздѣляетъ мои чувства.

Но какъ проникнуть въ заколдованный домъ? Склонить старика на знакомство со мною не представлялось возможности; посѣщать домъ, не будучи знакомымъ съ отцемъ, было неприлично, да вѣроятно, послѣ перваго визита, дошедшаго до свѣдѣнія старика, двери его дома навсегда-бы затворились для меня. Положеніе было затруднительное. Чувство начинало говорить во мнѣ смѣлѣе и сильнѣе; я не могъ ограничиваться свиданіями въ Тиргартенѣ, въ концертахъ и театрахъ.

Судьба свела меня съ Листомъ и, по странному стеченію обстоятельствъ, онъ имѣлъ роковое вліяніе на два главныхъ момента моей жизни.

Узнавъ отъ Кранаха о пріѣздѣ знаменитаго пьяниста, я вскорѣ отправился къ нему, засталъ дома въ гостинницѣ Мейнгардта и былъ принятъ. Листъ всегда обходился очень любезно съ молодыми людьми,

занимающимися музыкой. Когда я объяснилъ ему, что я дилетантъ и прошу позволенія приходить иногда къ нему, чтобы пользоваться его совѣтами, онъ отвѣтилъ, что уроковъ никому не даетъ, но очень радъ со мною познакомиться и, когда время позволитъ, быть мнѣ полезнымъ.

Чрезъ день назначенъ былъ его первый концертъ. Я, конечно, запасся заблаговременно мѣстомъ и былъ пораженъ необыкновеннымъ механизмомъ игры Листа. Сила, звучность, отчетливость, бѣглость дѣлали фортепьяно подъ его руками совершенно другимъ инструментомъ. Пѣвучесть и рельефность мелодіи, выдѣлявшіяся постоянно въ его сочиненіяхъ изъ самыхъ затѣйливыхъ и ученыхъ комбинацій гармоніи, испещренной необыкновенными техническими трудностями, привели меня въ совершенный восторгъ. Восторгъ публики превзошелъ всякое ожиданіе; вызовамъ и оваціямъ не было конца.

Ноэми и Лея не были въ первомъ концертѣ; я имъ досталъ билетъ на второй, и онѣ не знали, какъ благодарить меня за наслажденіе, доставленное имъ игрою Листа.

Первые дни пребыванія Листа въ Берлинѣ я мало съ нимъ видѣлся, но послѣ втораго концерта онъ пригласилъ меня обѣдать. Мы сошлись, и я каждый день бывалъ у него по утрамъ. Вечера Листа были всѣ разобраны: его безпрестанно приглашали, и энтузіазмъ, который онъ производилъ въ Берлинѣ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Первому пріѣзду его въ Берлинъ въ 1841 году предшествовала громкая извѣстность виртуоза и фантастическая, легендарная молва о его личности, похожденіяхъ и успѣхахъ.

Достаточно сказать, что Листъ въ одинъ сезонъ (1841 года) далъ въ Берлинѣ двадцать два концерта, на которыхъ никогда не было ни одного незанятаго мѣста, не смотря на высокую ихъ цѣну, что берлинскія дамы, обыкновенно сдержанныя и холодныя до нельзя, приходили въ такой восторгъ, что послѣ концерта цѣлой толпой осаждали Листа, стараясь одна передъ другой обратить на себя его вниманіе, разрывали на клочки его платки и перчатки и уносили обрывки, какъ святыню. Серенады и факель-цуги повторялись безпрестанно. Подобнаго увлеченія не бывало еще въ Берлинѣ.

Листъ родился 22 октября 1811 года и былъ венгерецъ, изъ

Рединга близь Эденбурга, но всю свою молодость провелъ въ Парижѣ, гдѣ занимался музыкой и науками. Въ Парижѣ поселилась и мать Листа и вела его денежныя дѣла.

Независимо отъ геніальнаго таланта, Листъ былъ человѣкомъ въ высшей степени замѣчательнымъ и въ другихъ отношеніяхъ. Прекрасная наружность его обращала на себя вниманіе: лѣтъ тридцати съ небольшимъ, высокій, худой, мускулистый; живые каріе глаза, свѣтящіеся умомъ и священнымъ пламенемъ искусства, длинный носъ, небольшой ротъ съ тонкими губами и саркастической улыбкой, высокій лобъ, густые каштановые волосы, зачесанные вверхъ и ниспадавшіе почти до плечъ, безукоризненный туалетъ, множество маленькихъ орденовъ на цѣпочкѣ въ петлицѣ чернаго фрака—вотъ наружность моего новаго пріятеля. Обширный умъ, стоящій выше обыкновеннаго уровня, отличное образованіе, ученость, начитанность, легкость краснорѣчиво объясняться и писать на всѣхъ европейскихъ языкахъ, сила характера, твердость убѣжденій, послѣдовательная логичность въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ—вотъ интеллектуальныя качества Листа. При этомъ богатый, щедрый до расточительности, откровенный и прямодушный, но разборчивый въ выборѣ своихъ друзей, онъ съ прошлаго года сдѣлался идоломъ берлинцевъ. Да и не могло быть иначе. Все существо Листа было проникнуто какимъ-то невыразимымъ очарованіемъ. Геній его таланта воплощался, олицетворялся во всей его особѣ. Игра его служила откровеніемъ какого-то невѣдомаго, непередаваемаго словами міра и мистическая прелесть этого откровенія дѣйствовала съ неотразимымъ обаяніемъ на душу человѣка, доступнаго возвышеннымъ впечатлѣніямъ. Изъ множества молодыхъ людей, окружавшихъ въ то время Листа, онъ особенно благоволилъ ко мнѣ. И говорить нечего, что я привязался къ нему искренно и полюбилъ всей душой. Началось съ откровеннаго объясненія на счетъ моей игры на фортепьяно. Листъ заставилъ меня сыграть нѣкоторыя изъ моихъ сочиненій, потомъ патетическую сонату Бетховена, и въ заключеніе его фантазію изъ „Гугенотовъ“.

Техника у васъ не дурна, сказалъ онъ, игра довольно чиста, и въ особенности пріятна, но по складу вашихъ маленькихъ и слишкомъ бѣлыхъ рукъ, по недостатку силы мускуловъ и бѣглости въ пальцахъ

вы никогда не сдѣлаетесь пьянистомъ виртуозомъ; въ вашей игрѣ слишкомъ много женственности и сентиментальности; если хотите, она не лишена поэзіи и пріятно ласкаетъ слухъ; но въ ней нѣтъ увлеченія, энергіи, драматизма. Ваши сочиненія весьма не дурны, довольно оригинальны и правильно написаны, но извините, если я вамъ откровенно скажу, что музыка ваша походитъ на нѣжное воркованіе голубковъ, производитъ на слушателя дѣйствіе успокоительное въ родѣ лавровишневыхъ капель, и лишена способности возбуждать, волновать, потрясать и вызывать страстные порывы, сильныя ощущенія.

— Не будьте въ претензіи, если отъ музыки перейду къ вашему характеру, продолжалъ Листъ. Быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что въ музыкѣ всегда проглядываютъ нѣкоторыя черты характера. Я полагаю, что вы спокойны, сдержанны, хладнокровны, что у васъ темпераментъ скорѣе меланхолическій, чѣмъ холерическій. Впрочемъ вы такъ еще молоды, что вашъ характеръ не вполнѣ сформировался; вы вѣроятно такъ мало еще жили и чувствовали, что душевныя ваши силы не имѣли времени и случая окрѣпнуть. Не такъ-ли?

— Не совсѣмъ такъ; я началъ жить и чувствовать довольно рано, испыталъ разныя невзгоды и огорченія, не всегда былъ счастливъ.

— Но все это скользнуло и не оставило глубокихъ слѣдовъ. Я вѣрю въ возможность увлеченій въ ранніе годы, въ нѣкотораго рода разочарованье, которое въ большомъ ходу въ настоящее время у молодыхъ людей, въ маленькія неудачи и противудѣйствія. Имъ вы обязаны оттѣнкомъ грусти, который слышится въ вашихъ мелодіяхъ. Я впрочемъ твердо убѣжденъ, что судьба вамъ улыбалась и вы были ея баловнемъ, судя по вашему положенію, цвѣтущему здоровью и въ особенности по жизненной силѣ, которая едва сдерживается мягкостью характера. Разскажите мнѣ главныя черты вашей жизни и тогда мы убѣдимся, кто правъ.

Я не заставилъ долго ждать; бѣгло очертилъ мое прошедшее и долженъ былъ сознаться, что замѣчаніе Листа въ концѣ концовъ было совершенно вѣрно.

Поживете, сказалъ онъ, познакомитесь ближе съ треволненіями, окрѣпнетъ вашъ характеръ, и въ музыкѣ вашей вмѣстѣ съ розовой водой появится бурный потокъ страсти; драмматизмъ необходимъ какъ въ

жизни человѣка, такъ и въ его литературныхъ и музыкальныхъ произведеніяхъ.

За мою откровенность Листъ заплатилъ мнѣ тѣмъ-же и посвятилъ въ тайны многочисленныхъ своихъ интригъ въ Берлинѣ.

Очень скоро мы подружились; когда Листъ не имѣлъ приглашеній на обѣды, почти всегда обѣдали вмѣстѣ и сдѣлались неразлучны; не сопровождалъ я только Листа въ скучное Берлинское общество.

О привязанности моей къ Наимѣ я сообщилъ Листу, и онъ просилъ меня при случаѣ представить его сестрамъ К.

Листъ велъ жизнь невоздержную: его связи съ берлинскими дамами были безчисленны; любилъ хорошій столъ и въ особенности много пилъ. Зачастую даже въ дни своихъ концертовъ онъ бывалъ подъ хмѣлькомъ, но по утрамъ, часа три, четыре всегда серьозно занимался дѣломъ. Пьянистъ, какихъ не бывало, Листъ получилъ вдругъ убѣжденіе, что онъ призванъ быть знаменитымъ композиторомъ и началъ писать; испишетъ бывало нѣсколько большихъ листовъ нотной бумаги, попробуетъ на фортепьяно свое произведеніе, поморщится, изорветъ въ клочки и броситъ въ каминъ. Его транскрипціи и фантазіи на извѣстные мотивы были превосходны, хотя и мало доступны большинству пьянистовъ по чрезмѣрной ихъ трудности; но оригинальнаго Листъ не могъ написать ничего; сколько ни бился, не могъ сочинить ни одной сносной мелодіи. Въ этомъ отношеніи онъ отличался совершенною бездарностью въ то время, сознавалъ это, сердился и говорилъ, что терпѣніемъ и трудомъ достигнетъ своей цѣли.

Въ исполненіи Листъ былъ неподражаемъ; всѣ восхищались его концертами, но по моему убѣжденію, онъ въ публикѣ никогда не игрывалъ такъ хорошо, какъ дома, въ особенности когда былъ расположенъ. Въ концертахъ онъ игралъ для эффекта, для публики; дома — для себя и очень немногочисленныхъ слушателей, удостоенныхъ его дружбы. Особенно хорошо было исполненіе имъ музыки Бетховена; Бетховеновскія увертюры, сонаты и симфоніи игралъ Листъ въ совершенствѣ. Онъ читалъ оркестровыя партитуры, какъ книгу, и à prima vista передавалъ на фортепьяно самыя многосложныя сочиненія для оркестра.

Однажды въ вечеру сидѣли мы вдвоемъ въ нумерѣ Листа; Листъ былъ въ ударѣ, игралъ много, игралъ превосходно, между прочимъ исполнилъ В-дурную сонату Бетховена ор. 106; уставъ отъ продолжительной игры, закурилъ сигару и съ стаканомъ абсента съ водою покойно расположился въ креслахъ у камина. Завязался оживленный разговоръ, который былъ прерванъ внезапнымъ появленіемъ камердинера Листа, принесшаго ему письмо. Листъ, пробѣжавъ письмо, передалъ мнѣ, прибавивъ съ неудовольствіемъ: опять приглашеніе, и приглашеніе играть, отъ совершенно незнакомаго мнѣ человѣка, еще съ вознагражденіемъ по моему усмотрѣнію; какъ это вамъ нравится? Скажите посланному, обратился Листъ къ камердинеру, что я ни у кого не играю, если угодно меня слышать, пусть ѣдутъ въ концертъ.

Погодите, погодите любезный другъ, возразилъ я, прикажите посланному подождать, я тотчасъ вамъ объясню почему и для чего.

Листъ отдалъ соотвѣтствующее приказаніе и когда камердинеръ вышелъ, я ему объяснилъ, что письмо было отъ старика К., отца Наимы, и что если Листъ питаетъ ко мнѣ хоть нѣсколько дружбы, то не откажетъ принять на завтра приглашеніе бывшаго банкира, возьметъ меня съ собою и дастъ возможность познакомиться въ домѣ Наимы.

Охотно для васъ сдѣлаю это, мой другъ, отвѣтилъ Листъ, располагайте мною; вы знаете, я всегда къ вашимъ услугамъ, а въ настоящемъ случаѣ мой долгъ повиноваться вамъ. Сію минуту напишу отвѣтъ.

Хотя и не имѣю чести быть знакомымъ съ г. К., написалъ Листъ, но услыхавъ, что онъ по нездоровью никуда не выѣзжаетъ, я съ благодарностью принимаю любезное приглашеніе на завтрашній вечеръ въ 8 часовъ, съ условіемъ, что возьму смѣлость привезти съ собою неразлучнаго моего друга С., молодаго русскаго путешественника, отличнаго музыканта. Что касается вознагражденія, то нахожу болѣе чѣмъ достаточнымъ — удовольствіе провести вечеръ въ кругу милыхъ и любезныхъ дамъ семейства К.

Благодарю, отъ всей души благодарю за чисто дружеское одолженіе, сказалъ я Листу, принимая отъ него письмо, которое поспѣшилъ передать посланному Б.

Едва успѣлъ я передать Листу подробности моего знакомства съ Наимой и переговорить о моей привязанности къ ней, о счастливой случайности, представлявшей возможность проложить путь въ неприступный домъ К., какъ явился вновь камердинеръ Листа, и съ таинственнымъ видомъ началъ ему говорить что-то шопотомъ.

Скажите, отвѣтилъ ему громко Листъ, что я не могу принять.

Не стѣсняю-ли васъ? сказалъ я Листу. Сдѣлайте одолженіе, будьто откровенны, я тотчасъ уйду.

— Не уходите. Какая-то незнакомая женщина желаетъ меня видѣть, но я не расположенъ принять ее; вѣроятно какая нибудь попрошайка или авантюристка.

Камердинеръ возвратился и доложилъ, что женщина не хочетъ уходить и желаетъ непремѣнно видѣть Листа.

Молода-ли она и хороша-ли собою, по крайней мѣрѣ? спросилъ Листъ.

Не могу сказать, отвѣтилъ камердинеръ, дама подъ вуалемъ.

— Рѣшительно не принимаю.

Камердинеръ появляется вновь и говоритъ, что дама подъ вуалемъ объявила, что не уйдетъ, не увидѣвшись наединѣ съ Листомъ. Скажи твоему господину, добавила она, что когда Листъ меня увидитъ, не будетъ раскаеваться въ снисхожденіи меня принять.

— Право скучно, не хотятъ меня оставить въ покоѣ; какъ вы думаете?

— Я думаю, что вамъ слѣдуетъ принять назойливую незнакомку, а мнѣ пора домой; до завтра, въ половинѣ осьмого я зайду къ вамъ.

— Дѣлать нечего; если вы меня оставляете, долженъ подчиниться капризу этой дамы.

Я взялъ шляпу, пожалъ Листу руку, пожелалъ ему успѣха и вышелъ.

Проходя черезъ переднюю, увидѣлъ даму средняго роста, закутанную въ большую мантилью съ густымъ вуалемъ на головѣ.

Остальную часть вечера я провелъ дома, въ раздумьи о предстоявшемъ наслажденіи увидѣть Наиму въ домѣ ея отца. Мнѣ что-то нашептывало, что наступаетъ въ жизни моей важная, рѣшительная ми-

нута, и сколько разсудокъ ни представлялъ препятствій, затрудненій и сомнѣній, вѣрованье въ счастливую будущность ласкало меня; непреодолимая, безсознательная сила воли влекла меня къ Наимѣ. Наима не произнесла ни одного слова, которое могло-бы поощрить, обнадежить меня; привѣтливая вѣжливость,—вотъ все, что замѣчалось въ ея обращеніи со мною. Но краснорѣчивѣе, убѣдительнѣе всякихъ словъ былъ ея взглядъ; и внутреннее чувство неясной, смутной, но тѣмъ не менѣе твердой надежды такъ сильно заговорило во мнѣ, что я былъ почти убѣжденъ въ успѣхѣ.

Я заснулъ подъ впечатлѣніемъ грезъ, навѣянныхъ Наимой. И снится мнѣ храмъ старинной архитектуры, освѣщенный множествомъ свѣчей желтаго воска въ золоченныхъ люстрахъ; раздается въ храмѣ громкое, величественное пѣніе, сопровождаемое звуками органа, духовыхъ и металлическихъ струнныхъ инструментовъ; посреди храма у большаго стола, покрытаго бѣлою атласною скатертью съ золотою бахрамою, стоялъ я, а направо подлѣ меня женщина въ бѣлой шерстяной одеждѣ съ густымъ покрываломъ на головѣ, ниспадавшимъ до колѣнъ; предъ нами жрецъ весь въ бѣломъ, въ плоской, съ двухъ сторонъ оканчивавшейся остроконечными закругленіями внутрь митрѣ; за поясомъ, на которомъ вышиты клиньями золотыя буквы, небольшой серпообразный ножъ; жрецъ, не смотря на длинные совершенно бѣлые волосы и такую-же окладистую бороду, былъ необыкновенно похожъ лицемъ на Листа. Смолкло пѣніе; жрецъ соединилъ мою руку съ рукой стоявшей около меня женщины и началъ что-то говорить на непонятномъ мнѣ языкѣ. Рѣчь его продолжалась недолго, въ храмѣ появились другіе жрецы безъ митръ съ длинными покрывалами, точь въ точь друиды въ „Нормѣ“ и начали трубить въ длинныя рогообразныя трубы. Трубный звукъ составлялъ такіе негармоническіе аккорды, отзывался такими сильными диссонансами, что я невольно вздрогнулъ. Изъ подъ земли выросъ предо мною уродливый старикъ въ одеждѣ, употребляемой евреями при совершеніи молитвъ, съ длиннымъ ножемъ въ рукѣ, которымъ онъ замахнулся на меня. Грянулъ нестройный хоръ съ аккомпаниментомъ бряцавшихъ треугольниковъ и кимваловъ; дикая музыка эта оглушила меня. Мгновенно исчезли жрецы, исчезла женщина,

по храму вихремъ пронесся холодный, леденившій вѣтеръ, погасли свѣчи, въ глазахъ потемнѣло, безъ чувствъ упалъ я на мраморный полъ. Очнувшись, я чувствовалъ, какъ могильный холодъ проникалъ въ члены мои; оглядѣвшись, я увидѣлъ, что нахожусь на кладбищѣ, и колѣнопреклоненный на мраморной плитѣ у могилы усѣянной цвѣтами и молюсь, вознося взоры на чудное изваяніе Мадонны, поставленное въ нишѣ и освѣщенное тускло горѣвшей лампадой. Ликъ Мадонны напоминалъ черты моей матери. Послышалось тихое, гармоническое, стройное пѣніе и съ послѣдними звуками, возносившимися къ небесамъ, я проснулся.

Бываютъ сны болѣе страшные, болѣе знаменательные, но не остаются долго въ памяти; сна же, видѣннаго мною наканунѣ вступленія въ домъ Наимы, я не могъ забыть: онъ такъ врѣзался въ мою память, что я помнилъ малѣйшія подробности; хоральное пѣніе и трубные звуки такъ часто повторялись въ моихъ ушахъ, что я безъ труда передалъ бумагѣ величественные аккорды хора, слышаннаго въ началѣ сна, но никакъ не могъ воспроизвесть ни на бумагѣ, ни на фортепьяно звуковъ трубъ и послѣдовавшаго за ними дикаго, потрясавшаго хора. Сколько ни трудился, какъ ни призывалъ на помощь самые крайніе диссонансы нонъ и ундецимъ, ничто не помогало. Мелодію же тихаго и нѣжнаго пѣнія у могилы я безъ всякаго усилія сыгралъ на фортепьяно и написалъ.

Все утро провелъ я въ музыкальныхъ занятіяхъ и мечтахъ.

Предъ обѣдомъ влетѣлъ въ комнату Алларъ, блѣдный, разстроенный.

Что съ вами? спросилъ я.

— Что? несчастье, и одно изъ самыхъ большихъ. Вообразите, я встрѣтилъ подъ Липами мистрисъ Нормемби, англичанку, изъ-за которой имѣлъ дуэль въ Гамбургѣ. Ея мужъ выздоровѣлъ, она его опять бросила и пріѣхала въ Берлинъ, чтобы розыскать меня. Двѣ недѣли прошли въ тщетныхъ поискахъ, и къ величайшей досадѣ, мы столкнулись сегодня. Слезамъ и упрекамъ, что не писалъ ей, не было конца; все еще любитъ меня, а я сталъ къ ней совершенно равнодушенъ. Прійдется опрометью бѣжать изъ Берлина.

— Успокойтесь, несчастіе еще не такъ велико, какъ думаете; притомъ англичанка право очень хороша и гораздо лучше всѣхъ вашихъ Берлинскихъ пріятельницъ.

— Правда, правда, да вѣдь надоѣла и такая страстная, что возобновивъ мои къ ней отношенія, невозможно будетъ отъ нея отдѣлаться.

— Признаюсь, я не мало удивляюсь, какъ вы не умѣете цѣнить искреннюю ея привязанность. Вторично оставить мужа, отказаться отъ извѣстнаго, недурнаго положенія для того, чтобы быть съ вами, это пожертвованія, которыя должны-бы возбудить въ васъ, если не прежнее увлеченіе, то глубокое сочувствіе и благодарность.

— Давно не слыхалъ я такой морали, впрочемъ вы правы; неприлично оставить ее на произволъ судьбы.

— Не только неприлично, но было-бы жестоко, скажу больше, не совсѣмъ благородно.

— Позвольте обнять васъ за откровенность; вы затронули слабую струну, и то, чего я не сдѣлалъ-бы изъ сентиментальнаго сожалѣнія, я сдѣлаю по долгу чести.

Мы отправились къ мистрисъ Нормемби, которая была въ восторгѣ отъ любезности Аллара; въ этотъ день втроемъ обѣдали у Трюшо.

Въ половинѣ восьмаго я былъ у Листа и засталъ его въ отличномъ расположеніи. Разговоръ начался объясненіемъ вчерашняго таинственнаго визита.

Когда вы ушли, говорилъ Листъ, я попросилъ незнакомку войти ко мнѣ и тутъ произошла сцена, которую трудно было предвидѣть; много приключеній бывало со мною въ разныхъ странахъ Европы, но подобнаго еще не случалось. Вообразите мое изумленіе, когда незнакомка, не подымая вуали, сказала мнѣ: ваша музыка произвела на меня такое глубокое впечатлѣніе, ваша наружность такъ мнѣ понравилась, что я пріѣхала просить васъ провести ночь со мною. Полагаю, не откажете. Приподняла вуаль, и я былъ пораженъ, я остолбенѣлъ отъ удовольствія: предо мною стояла красавица въ полномъ смыслѣ этого слова.

Я Лола Монтесъ, танцовщица изъ Испаніи, надѣюсь, вы согласны, добавила она.

Безъ всякаго сомнѣнія, я согласился. Прелестная женщина, еще очень молодая, весьма не глупая, но кажется своенравная. Одно мнѣ въ ней не нравится: это чрезмѣрная увѣренность въ себѣ, или скорѣе въ могущество своей красоты, оттуда излишняя развязность, даже наглость. Я что-то слышалъ о ней въ Парижѣ, но не помню хорошо, кажется она тамъ дебютировала въ балетѣ и не совсѣмъ удачно. Во всякомъ случаѣ это пріятное знакомство и я намѣренъ его поддержать.

Мы отправились въ Моабитъ. Дорогой я много говорилъ Листу о Наимѣ, и онъ къ удовольствію своему замѣтилъ, что я выходилъ изъ свойственной мнѣ сдержанности и сосредоточенности.

Домъ К. довольно помѣстительный, былъ содержанъ превосходно и отдѣланъ не роскошно, но съ большимъ вкусомъ. Насъ ожидали съ нетерпѣніемъ, дамы встрѣтили въ залѣ, я представилъ Листа, Листъ отрекомендовалъ меня хозяину, сидѣвшему въ гостиной съ теткой Наимы. Вглядѣвшись въ лице К., я былъ непріятно пораженъ необыкновеннымъ сходствомъ съ снившимся старикомъ, который замахнулся на меня ножемъ. К. былъ очень старъ, едва двигался, страдая ревматизмомъ въ ногахъ, его типическое чисто еврейское некрасиваго склада лице, покрытое морщинами, было очень непривлекательно; бѣлые волосы съ желтоватымъ отливомъ, красноватые потухшіе глаза, изъ подъ черныхъ, нависшихъ бровей тупо глядѣвшіе во всѣ стороны, огромный носъ—вотъ особенности его наружности, имѣвшей въ себѣ что-то отталкивающее. Гнусливый голосъ, непривѣтливыя манеры, сухость и какая-то разсчетливость въ обращеніи произвели на меня еще болѣе непріятное впечатлѣніе.

Тетка Наимы была пожилая, красивая, милая, разговорчивая женщина и съ перваго раза обворожила меня своею любезностью. Какъ она, такъ и сестра ея, мать Наимы, были уроженками Кадикса, гдѣ отецъ ихъ имѣлъ банкирскую контору и нажилъ большое состояніе, доставшееся по его смерти двумъ дочерямъ. Сыновей онъ не имѣлъ. Старшая вышла за мужъ за К., младшая осталась дѣвицей.

Съ трудомъ передвигая ноги, старикъ повелъ насъ въ свой ка-

бинетъ, не представлявшій ничего особеннаго, а оттуда въ оранжерею. Это былъ большой зимній садъ, наполненный самыми роскошными экзотическими растеніями, сгрупированными и разставленными со вкусомъ.— Я не былъ тогда любителемъ и знатокомъ въ этомъ дѣлѣ, но долженъ былъ отдать полную справедливость искусству, съ какимъ былъ устроенъ зимній садъ К.

Поговоривъ, мы занялись музыкой.

Листъ пригласилъ меня сыграть что нибудь для начала, чтобы испробовать фортепьяно. Инструментъ оказался превосходнымъ брудвудомъ изъ Лондона; я исполнилъ на немъ одну изъ небольшихъ пьесъ, сочиненную мною подъ вдохновеніемъ мечтаній о Наимѣ. Пьеса эта, носившая названіе: rêverie, просмотрѣнная и исправленная Листомъ, очень понравилась. Дамы наговорили мнѣ много любезностей, К. также сочувственно отнесся къ моему таланту. Потомъ игралъ Листъ; онъ игралъ много и игралъ превосходно. Слушатели были въ восхищеніи; старикъ такъ оживился и съ такимъ увлеченіемъ сталъ говорить объ игрѣ Листа и о музыкѣ вообще, что даже непріятное выраженіе его физіономіи исчезло совершенно, и онъ казался симпатичнымъ. Листъ обратился къ Наимѣ съ просьбой спѣть и она звучнымъ, чистымъ, необыкновенно пріятнымъ голосомъ исполнила „Путешественника“ Шуберта. Ей аккомпанировала Лея. Лея въ свою очередь съ аккомпаниментомъ Наимы пропѣла арію изъ Донъ-Жуана. Въ заключеніе онѣ исполнили извѣстный дуэтъ изъ Нормы, и исполнили его такъ хорошо, что привели насъ въ восторгъ; имъ аккомпанировала ихъ тетка.

Музыкальный вечеръ у К. кончился ужиномъ, сервированнымъ въ зимнемъ саду. Старикъ предложилъ тостъ за здоровье Листа, и обратился къ нему съ просьбой дать нѣсколько уроковъ Наимѣ. Листъ очень вѣжливо отклонилъ это предложеніе и сказалъ, что не можетъ рекомендовать лучшаго учителя музыки для его дочери, какъ я,—что онъ очень уважаетъ мои познанія, даетъ часто совѣты и вполнѣ ручается за успѣхъ, но предоставитъ себѣ удовольствіе заѣхать когда нибудь, чтобы провѣрить успѣхи моей ученицы. Все это было сказано такъ любезно и убѣдительно, что предложеніе Листа не могло не быть принято, и я

получилъ приглашеніе пожаловать завтра, чтобы условиться объ урокахъ. Наима не сказала ни слова, но взглядъ полный благодарности служилъ отвѣтомъ геніальной находчивости Листа.

Надѣюсь вы мною довольны, другъ мой,—говорилъ мнѣ Листъ, возвращаясь изъ Моабита; я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, чтобы быть вамъ пріятнымъ.

— Больше чѣмъ ожидалъ; вы такъ хорошо устроили мои дѣла, что не знаю, какъ васъ благодарить.

— Впрочемъ и я провелъ вечеръ очень пріятно: дамы очень милы, любезны, образованы и замѣчательно красивы; въ особенности ваша Наима какая великолѣпная представительница библейской красоты! я питаю глубокое уваженіе къ вашему вкусу.

— Да, она хороша, и, если не ошибаюсь, ея душевныя качества вполнѣ соотвѣтствуютъ замѣчательной ея наружности. Я былъ-бы вполнѣ счастливъ, если-бы могъ заслужить ея благосклонность.

— Повѣрьте, она не совсѣмъ къ вамъ равнодушна, судя по тѣмъ взглядамъ, которые мнѣ удалось подмѣтить; начало положено, остальное нужно предоставить времени. Вы теперь имѣете возможность часто ее видѣть, и исполняя осторожно роль Альмавивы, пріобрѣтете сердце новой Разины.

— Ваша выдумка не дурна, но я встрѣчаю маленькое затрудненіе. Завтра мнѣ предстоитъ условиться со старикомъ объ урокахъ: не могу-же я принять платы за мои уроки, —не смотря на то, что буду исполнять вполнѣ добросовѣстно мое дѣло.

— Напротивъ, чтобы не возбудить никакого подозрѣнія въ Бартоло, вамъ слѣдуетъ согласиться на всѣ условія, которыя онъ вамъ предложитъ; если-же онъ спроситъ о вашихъ условіяхъ, то не обинуясь назначьте приличное вознагражденіе за ваши труды. Это будетъ и справедливо: вы по всей вѣроятности принесете большую пользу музыкальному развитію вашей ученицы,—и благоразумно: отказомъ въ вознагражденіи не поставите въ затрудненіе старика и не возбудите въ немъ никакого сомнѣнія на счетъ вашихъ отношеній къ его дочери.

— Вы правы, нельзя поступить иначе.

Мы разстались молча, пожавъ крѣпко руку другъ другу.

Утромъ на другой день я отправился къ К., былъ принятъ старикомъ благосклонно; онъ показался мнѣ днемъ еще невзрачнѣе и безобразнѣе, чѣмъ въ вечеру. Условіе было сдѣлано: я обязался давать Наимѣ три урока въ недѣлю, по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ въ полтора часа каждый, и въ вознагражденіе мнѣ предложено было по талеру за урокъ. Я просилъ Наиму сыграть что-нибудь, и она исполнила капризъ Мендельсона такъ хорошо, такъ отчетливо, что только для приданія себѣ большей важности въ присутствіи старика, я нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Музыкальныя занятія наши шли весьма успѣшно; изрѣдка старикъ приходилъ послушать Наиму, иногда тетка ея присутствовала при началѣ урока, но чаще мы оставались одни, и никто намъ не мѣшалъ. Довольно скучныесеансы фортепьянной игры мы разнообразили пѣніемъ; я аккомпанировалъ Наимѣ на фортепьяно и на віолончели, нерѣдко Лея присоединялась къ намъ и полуторачасовые уроки вскорѣ превратились въ музыкальныя утра. Потомъ отправлялись гулять. Вечера также стали проводить по большей части вмѣстѣ въ театрахъ или на концертахъ. Натуры Наимы и Леи были чисто артистическія; онѣ пѣли и играли превосходно, имѣли тонкій, вѣрный слухъ и большія способности къ музыкѣ. Въ короткое время я такъ къ нимъ привязался, такъ полюбилъ Наиму, что сталъ ей посвящать все свое время.

Университетскія занятія мои отъ этого сильно пострадали: совсѣмъ почти пересталъ я посѣщать лекціи. Музыкальное образованіе мое также не двигалось: съ Марксомъ и Таубертомъ я разошелся, и на столько занимался музыкой дома, на сколько это могло быть пріятно и полезно Наимѣ. Но я пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ ботаникѣ, выучилъ названія растеній тепличныхъ и комнатной культуры, чтобы имѣть возможность говорить о нихъ съ К. и снискать его расположеніе.

Все шло какъ нельзя лучше; я сдѣлался въ домѣ К. домашнимъ человѣкомъ, и получилъ даже приглашеніе приходить иногда по вечерамъ, которые впрочемъ недолго продолжались: старикъ ложился въ

10-ть часовъ, и передъ отходомъ его ко сну всѣ должны были расходиться.

Съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе любилъ Наиму; съ ея стороны пользовался всегда большимъ сочувствіемъ. Вскорѣ сочувствіе обратилось въ сильную, глубокую привязанность, и мы полюбили другъ друга, какъ любятъ въ молодые годы: мнѣ наступилъ двадцать второй, ей было восемнадцать. Мы такъ увлеклись своимъ чувствомъ, что никогда не думали о препятствіяхъ, а къ несчастію препятствія были велики, непреодолимы.

Во всѣхъ отношеніяхъ Наима была-бы для меня хорошею партіей: въ глубокой взаимной привязанности мы вполнѣ убѣдились, сочувствіе, которымъ я пользовался въ семействѣ Наимы, не подлежало сомнѣнію, образованіе, полученное Наимой, ея прелестная наружность, высокія душевныя качества не оставляли желать ничего лучшаго, въ матеріальномъ отношеніи она была также совершенно обезпечена; независимо отъ части, причитавшейся ей отъ отца, у нея былъ значительный капиталъ, оставленный матерью; у бездѣтной тетки было сверхъ того хорошее состояніе. Мое положеніе было также вполнѣ удовлетворительно. Казалось, всѣ условія были въ высшей степени благопріятны для осуществленія нашихъ желаній принадлежать другъ другу. Но Наима была еврейка; въ этомъ заключался весь вопросъ.

Нашими законами бракъ православнаго съ нехристіанкою абсолютно воспрещался. Убѣдить Наиму перемѣнить религію не было возможности. Однажды я заговорилъ объ этомъ. Наима отвѣтила, что она готова принести въ жертву своей ко мнѣ привязанности все, и узы, связывающія ее съ семействомъ, и положеніе, и состояніе, но никогда не измѣнитъ Моисееву закону. „Я родилась еврейкой, еврейкой и умру“,—прибавила она съ твердостью, которой я не ожидалъ, потому что никогда не замѣчалъ въ ней и тѣни религіозной нетерпимости и свойственнаго евреямъ фанатизма.

Какъ ни было грустно убѣжденіе въ невозможности поколебать рѣшимость Наимы, я не могъ не отдать полной справедливости возвышенности ея чувствъ. Сомнѣніямъ въ ея глубокой привязанности ко

мнѣ не было мѣста; не разъ повторялось чистосердечное признаніе; ничѣмъ неудержимая радость при моихъ посѣщеніяхъ, избытокъ счастья, одушевлявшій ее въ нашихъ интимныхъ объясненіяхъ, служили вѣрнымъ залогомъ искренности Наимы. И не смотря на горячую ко мнѣ любовь, на полную увѣренность, что я сдѣлаю ее счастливою, Наима не соглашалась на послѣдній, необходимый шагъ, не изъ религіознаго фанатизма, а по сознанію долга, по инстинктивному чувству достоинства.

Любя Наиму отъ всей глубины моего сердца, я питалъ къ ней и высокое уваженіе; весьма обыкновенное въ мои лѣта увлеченіе рѣдкой ея красотой перешло въ чувство болѣе возвышенное; я вполнѣ умѣлъ оцѣнить ея душевныя качества и привязался къ ней всѣми силами моей души. Чувство чести громко заговорило во мнѣ.

Получивъ убѣжденіе, что ничто не въ силахъ измѣнить рѣшенія Наимы на счетъ религіознаго вопроса, и сознавая неодолимость этого препятствія къ женитьбѣ, я рѣшился уѣхать изъ Берлина. Какъ ни тяжело, какъ ни грустно было принять такое рѣшеніе, я не могъ поступить иначе въ виду невозможности, оставаясь въ одномъ городѣ съ Наимой, отказаться отъ счастья ее видѣть и прервать мои къ ней отношенія. Я чувствовалъ, что не имѣлъ для этого достаточной силы воли.

Листъ уѣхалъ изъ Берлина въ Петербургъ, не задолго до принятія мною этого рѣшенія. Онъ разстался съ Лоллой Монтесъ не совсѣмъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Началось съ того, что она выпросила у него довольно значительную сумму денегъ для уплаты своихъ долговъ; потомъ потребовала еще столько-же, Листъ заплатилъ; наконецъ требованія стали увеличиваться въ такомъ размѣрѣ и такъ часто, что Листъ поставленъ былъ въ необходимость отказывать, не смотря на всю неразсчетливость въ денежныхъ своихъ дѣлахъ. Лолла разсердилась; тѣмъ дѣло и кончилось.

Алларъ также оставилъ Берлинъ раньше предположеннаго срока.

Мистрисъ Нормемби такъ ему надоѣла своими нѣжностями, что бѣдный французъ, отличавшійся необыкновеннымъ непостоянствомъ, долженъ былъ бѣжать въ Россію. Я ему далъ нѣсколско рекомендательныхъ писемъ, въ Петербургъ, Москву, Полтаву, Кіевъ и Одессу къ

моимъ знакомымъ и роднымъ, заставилъ изучить географію имперіи и успѣлъ выучить его по русски нѣсколькимъ фразамъ, необходимымъ въ путешествіи. Жаль мнѣ было разставаться съ Алларомъ; вѣтренный и легонькій французикъ часто развлекалъ и смѣшилъ меня, а иногда бывалъ и очень полезенъ любезною готовностью служить, чѣмъ могъ.

Къ этому времени относится мое знакомство въ Берлинѣ съ Степаномъ Степановичемъ Джунковскимъ. Братъ его Петръ Степановичъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ моего отца, носившей нашу фамилію, и Степанъ Степановичъ, пріѣхавъ въ Берлинъ, счелъ долгомъ со мною познакомиться. Онъ кончилъ курсъ кандидатомъ въ петербургскомъ университетѣ и пріѣхалъ въ Берлинъ слушать лекціи.

Религіозныя православныя его убѣжденія были такъ сильны, что въ Берлинѣ онъ соблюдалъ всѣ посты, постился по средамъ и пятницамъ, посѣщалъ постоянно православную церковь и велъ жизнь чисто монашескую.

Весьма неглупый, съ очень добрымъ сердцемъ, онъ слылъ большимъ чудакомъ, вслѣдствіе религіознаго настроенія чуждался общества товарищей и ненавидѣлъ женщинъ. Тогда только что появилось въ продажѣ извѣстное сочиненіе Штрауса: „Жизнь Іисуса". Джунковскій закупилъ всѣ экземпляры бывшіе въ двухъ книжныхъ магазинахъ подъ Липками, сжегъ ихъ и требовалъ отъ книгопродавцевъ, чтобы не выставляли этой книги въ своихъ окнахъ. Проходя мимо, нѣсколько дней спустя, онъ опять видитъ на выставкѣ ненавистнаго ему Штрауса, входитъ въ магазинъ, говоритъ множество непріятностей приказчикамъ и выбрасываетъ на улицу новые экземпляры „Жизни Іисуса". Большой скандалъ, потомъ процессъ, наконецъ Джунковскій, уплативъ значительный штрафъ, долженъ былъ уѣхать въ Геттингенъ изъ негостепріимнаго ему Берлина.

И скучно и грустно мнѣ было въ Берлинѣ въ послѣдніе дни моего тамъ пребыванія. Я остался безъ друзей и безъ всякой надежды на перемѣну обстоятельствъ къ лучшему, но не падалъ духомъ: мысль, что приношу себя въ жертву Наимѣ, ободряла меня; я такъ искренно

и глубоко любилъ, что самоотверженіе въ этомъ случаѣ считалъ непреложнымъ долгомъ совѣсти и не придавалъ ему значенія героизма.

Я не считалъ возможнымъ объявить о моемъ рѣшеніи Наимѣ изъ боязни огорчить ее и вызвать, быть можетъ, какой-нибудь необдуманный, неосторожный поступокъ, тѣмъ болѣе, что мы тщательно скрывали отъ отца Наимы наши отношенія и онъ видѣлъ во мнѣ только усерднаго учителя музыки и любезнаго собесѣдника.

Написавъ къ Наимѣ письмо, я предположилъ отдать его Кранаху для доставленія на другой день послѣ моего отъѣзда. Въ письмѣ я выразилъ чувства руководившія мною, борьбу долга чести съ страстнымъ увлеченіемъ и твердою рѣшимостью проститься съ завѣтной мечтой счастья навсегда.

Наканунѣ моего отъѣзда я провелъ вечеръ у К.; много говорили, пѣли и играли, я старался казаться веселымъ и, возбужденный идеей самопожертвованія, я находился подъ вліяніемъ какого-то неестественнаго одушевленія. Въ концѣ вечера я просилъ Наиму спѣть мнѣ еще что-нибудь. Она пропѣла „Adieu“ и исполнила мою любимую мелодію Шуберта съ такимъ чувствомъ, такъ меня растрогала, что я расплакался, какъ дитя, не помню, какъ простился, и уѣхалъ домой.

На другой день, передавъ письмо къ Наимѣ Кранаху, я сидѣлъ уже въ вагонѣ по дорогѣ въ Лейпцигъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ПИСЕМЪ МАКСИМОВИЧА КЪ ШЕВЧЕНКУ.

Изъ переписки Максимовича съ Шевченкомъ уцѣлѣло только *девять* писемъ, относящихся къ 1857—1860 гг. *Шесть* изъ нихъ уже были напечатаны въ книгѣ М. К. Чалаго „Жизнь и произведенія Шевченка“ (Кіевъ 1882), съ нѣкоторыми пропусками и грубыми опечатками [1]). Помѣщаемъ остальныя три письма съ соблюденіемъ правописанія подлинниковъ. Письма Максимовича, во всей полнотѣ своей, важны особенно для уясненія отношеній его къ Шевченку, по поводу которыхъ наброшена въ печати тѣнь на свѣтлое нравственное достоинство Максимовича. Біографъ Шевченка, г. Чалый опирается на „частныя бесѣды съ Максимовичемъ“... Но мало-ли чего не говорится въ „интимныхъ“ бесѣдахъ? Неужели всякое лыко въ строку? И вѣрно ли переданы самыя бесѣды, ихъ основанія? Намъ при этомъ вспоминаются слова Шевченка: „Чому не писать, колы руки сверблять, а дрюковать не годилось“. Между Максимовичемъ и Шевченкомъ дѣйствительно было подъ конецъ нѣкоторое охлажденіе во взаимныхъ отношеніяхъ; можно пожалѣть объ этомъ, но не бросать осужденія полною горстью. Максимовичъ человѣкъ скромный, мягкій, уступчивый, былъ такимъ въ своихъ отношеніяхъ даже къ литературнымъ противникамъ, напр. къ г. Кулишу, и даже въ заочныхъ сужденіяхъ о немъ, а въ Шевченкѣ онъ всегда признавалъ и талантъ по-

---

[1]) На стр. 137—138 книги г. Чалаго напечатано »догледивъ« вмѣсто *догадливъ*; напечатано »милость«, нужно—*мысочку*; »нахаивъ«—вм. *накоивъ*; никчемнои вм. *несмачнои*; »новая« вм. *твоя*. Есть и пропуски, которые характерны для Максимовича, какъ человѣка, напримѣръ: »Поглянь-же незлымъ своимъ окомъ на тую добру людину и посмѣйся той кумедіи... Така поворотка на добру стать стоить того, щобъ пересердіе змѣниты на милосердіе«... и пр.

эта, и способность художника, и яркое дарованіе пѣвца: онъ возставалъ только противъ слѣпаго поклоненія ему, какъ поэту и какъ человѣку; но и подобныя замѣчанія Максимовичъ позволялъ себѣ только въ дружеской бесѣдѣ, смягчая ихъ добродушною шуткою. А если случалось касаться дѣйствительно темныхъ сторонъ въ жизни Шевченка, Максимовичъ говорилъ о нихъ съ глубокою грустью, сѣтуя и о своемъ другѣ и о слабости человѣческой природы вообще. Въ печати-же, сколько намъ помнится, Максимовичъ сказалъ про Шевченка одно лишь, что онъ свободнѣе относился къ исторіи, чѣмъ напр. Пушкинъ въ своей „Полтавѣ".

Но обратимся къ письмамъ Максимовича.

Письмо I.

1857 г. 20 дек. Москва.

Привѣтъ и поклôнъ тобѣ, нашъ любый, нашъ славный Тарасе, одъ щирого сердця и повности душевной! Радѣвъ и туживъ я, чуючи про тебе, читаючи твои вирши красномовныи и крѣпкодумныи, и на останку—и твои листы до Щепкина, сего дивно-милого чоловѣка, що и надзаходы вѣку свѣтить и грѣе душею своею, якъ вранцѣ свѣтить и грѣе яснее сонце. Полетивъ-бы и я отце изъ нимъ до Нижнего—да ба! Нужда не пуска зъ Москвы... живи небоже, роби небоже, то й Богъ поможе!—якъ кажуть на нашôй Украинѣ. Такъ хочъ словцемъ сказаться, коли не въ воли повидаться!

Прійми отъ-си книжици моей праци! Бачъ, и я на старости ставъ виршовникъ, и зъ письменного книжного Игоря зробивъ спѣваку—Украинця. На половину здается таки гарненькій; дещо вже й самъ полагодивъ; а що тобѣ не сподобается, будь ласковъ, напиши менѣ, коли буде досужно! Да ще отъ яка прозьба до тебе, нашъ вѣщій Бояне! Мы тутъ дуже бажаемъ твоихъ пѣсень и виршей, не тôлько про себе, да щобъ и въ свѣтъ ихъ пустить черезъ *Молву* да *Руську Бесѣду:* такъ чи не можно одолжить ими и мене, и выдавцевъ помяненыхъ журналовъ, и всѣхъ земляковъ... якъ-то рады будуть, побачивши ихъ друковаными! Знаю те по сличной *Наймичцѣ*! Бувай же здоровенькій и ясненькій, любый земляче! милый соловейку!... Помагай Богъ тобѣ, щобъ таки справдѣ побачила тебе Украина на своемъ роскошномъ лонѣ... бо вже вона все жде-не дожде тебе изъ дальнои чужины, и якъ въ тôй пѣснѣ спѣваеться:

„Лети лети сокилу,
Я жду тебя зъ тоскою,

Личко зъ пылу умыю
И обôйму за шію!"

Обнимаю жъ и я тебе, коханый земляче, мыслями моими и сердцемъ.

М. Максимовичъ

Кланяеться тобѣ и моя жôнка Маруся!

Поклонися отъ мене Вл. Ив. Далеви, коли вбачишься зъ нимъ. То ще добра людина на свѣтѣ!

Письмо это было послано Максимовичемъ чрезъ М. С. Щепкина (1788—1863), который ѣздилъ тогда въ Нижній Новгородъ, какъ для спектаклей на тамошнемъ театрѣ, такъ и для свиданія съ Шевченкомъ. Къ письму была приложена „Пѣснь о полку Игоря, переведенная Максимовичемъ на украинское нарѣчіе" (Кіевъ 1857 г.); впослѣдствіи Максимовичъ исправилъ свой переводъ и напечаталъ его въ Украинцѣ 1859 года. Просьбу Максимовича „прислать пѣсень и виршей" Шевченко исполнилъ въ Москвѣ, оставивъ ему нѣсколько своихъ стихотвореній, которыя и были напечатаны въ Русской Бесѣдѣ. Вл. Ив. Даль (1801—1872 гг.) служилъ тогда въ Нижнемъ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ.

Письмо II.

Шевченкови одъ Максимовича привѣтъ и поклонъ!

Якъ ся себе маешъ, любый земляче, и якъ здравствуе твое розумне чоло и видюще око?... Сегодня на врядъ чи побачимось; коли выѣду къ вечору, то все таки не трапиться тебе одвѣдати. Тымъ часомъ посылаю тобѣ *Жабомышодраковку*, тыи гекзаметры Думитрашкови, що я казавъ тобѣ; да ще й мои *псалмы*... будь ласковъ, подивись на си псалмы пильненько, и що въ ихъ не доладу, одмѣть менѣ все до послѣдняго словця: зъ твоеи порады може и зможеться менѣ ихъ справити такъ, щобъ и въ люде зъ ними не соромъ було показаться коли небуть.

Бувай-же здоровъ и свѣтлоясенъ!

Твой *М. Максимовичъ*.

15 марта, 1858 г. М.

Это письмо Максимовича относится къ пребыванію Шевченка въ Москвѣ, гдѣ оба писателя встрѣчались другъ съ другомъ почти ежедневно. „Жабомышодракивка"—переложеніе войны мышей съ лягушнами на малороссійскіе гекзаметры, чуть-ли не первые и весьма удачные. „Псалмы", переложенные Максимовичемъ на украинское нарѣчіе, тогда еще приготовлялись къ печати и вышли черезъ годъ (1859 г.),

не встрѣтивъ, къ сожалѣнію, того успѣха, котораго они вполнѣ заслуживаютъ. Черезъ 10 дней послѣ этого письма Максимовичъ устроилъ у себя почетный обѣдъ Шевченку (во вторникъ на святой), пригласилъ нѣкоторыхъ писателей и привѣтствовалъ поэта теплымъ стихотвореніемъ на малороссійскомъ языкѣ [1]).

Приводимъ любопытный *постскриптумъ* письма восьмаго и цѣликомъ все девятое письмо,—послѣднее если не вообще, то въ ряду уцѣлѣвшихъ и въ нашихъ рукахъ находящихся писемъ Максимовича къ Шевченку.

Постскриптумъ VIII письма.

Нашъ любый и благонадежный панъ Костомаровъ заѣвся зо мною за *Яська*, и выводитъ противъ мене цѣлу громаду за его, запрохавши до неи и вашу мосць; выбачайтежъ, що скажу вамъ: панове громада, чудна ваша рада! Якъ же вы *Яська* Яковомъ чи-то Йосипомъ назвали, а про *Ясона* и не згадали? (У васъ у Петербурзѣ бувъ и профессоръ *Ясонъ Василевичъ Петровъ*, звѣстный своею ботаникою и анекдотомъ, что, читаючи по книзѣ лекцію сперва о тростникѣ, перевернувши два листка вмѣсто одного, продолжавъ: зъ ёго строются корабли... отъ, каже, яка натура у жаркихъ климатахъ, що й тростникъ якъ дерево выростае! А далѣ дивиться, что написано про дубови жолуди, перевернувъ назадъ одинъ листъ—да й поправився: „сказанное о тростникѣ надо разумѣть о дубѣ!“ Таки-то були колись профессори).

Прошу перецать мой поклонъ Марку Вовчку и его подружію, а также панамъ Соколову и Трутовскому.

Письмо IX.

1860 г. 14 дек. Мих. Гора.

Вы зовсѣмъ забули на насъ, коханый земляче, Тарасъ Григорьвичъ! Вы не откликнулись даже и на мой мартовскій листикъ, которымъ извѣщалъ я васъ о рожденіи у меня сына Олексы. Что за немилость такая? А мы съ Марусею моею не мало тужимъ объ тимъ всякій разъ, какъ вспоминаемъ васъ, а это случается нерѣдко. Изъ нѣсколькихъ писемъ, полученныхъ мною въ послѣднее время отъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, я съ грустію и досадою вижу, что завелась какая-то мара, которая перехватываетъ, и чуть-ли не въ нашей Золотоношѣ, если не

---

[1]) См. въ „Основѣ“ 1861 г., № 6; въ книгѣ г. Чалаго оно перепечатано съ пропускомъ двухъ стиховъ (стр. 126); равно и другое съ пропускомъ (стр. 199).

въ Петербургѣ и Борзнѣ, наши письма—и мои къ нимъ, и ихъ ко мнѣ, особенно послѣднія, почему и подозрѣваю больше на Золотоношу... Грустное утѣшеніе себѣ сочиняю, что и ваше молчаніе къ намъ подходитъ подъ эту категорію. Озовитесь пожалуста къ намъ, и дайте о себѣ намъ знать: какъ вы поживаете и сподѣваться-ли намъ на Украйну въ слѣдующее лѣто?...

Наше житье-бытье такое-же, какъ видѣли, кромѣ радостной прибавки въ хлопяткѣ нашемъ, которымъ Господь взвеселилъ Михайлову Гору. Вы полюбовались-бы этимъ прекраснымъ младенцемъ. Въ немъ весь міръ мой теперь. Съ того дня, какъ мы разстались въ Мошнахъ, я совершенный отшельникъ и домосѣдъ, такъ что и Золотоноши даже не вижу, цуръ ей! Ничего не писалъ—даже до сего мѣсяца; ничего почти и не читалъ нового, не выписывая ни книгъ, ни журналовъ, ни газетъ, кромѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", изрѣдка и не вполнѣ присылаемыхъ отъ сосѣда моего, вамъ извѣстнаго брата жены моей. Вотъ какъ живу я, малограмотно! Радъ душевно, что Бѣлозерскій успѣлъ устроить *Основу*: исполать ему! и помогай ему Богъ!

Нынѣшній годъ унесъ съ сего свѣта многихъ для меня дорогихъ людей. Къ числу отшедшихъ принадлежитъ и нашъ Золотоношскій Лукашъ, котораго называли вы придурковатымъ, бо й справдѣ такій бувъ и передъ смертью, что завѣщалъ библіотеку свою, въ томъ числѣ и Маркевичевъ архивъ,—въ раздѣлъ между наслѣдницами, четырмя дочками малолѣтными! Не стало и Маркевича: хорошо-бы извѣстить о немъ въ Основѣ, да при томъ случаѣ припечатать ваше посланіе къ нему, не вошедшее въ „Кобзаря":

Бандуристе, сизый орле...

Не забудьте и не оставьте безъ исполненія моей просьбы: собрать для меня всѣ ваши гравюры новыя; вы намъ дали только двѣ, а мнѣ хочется имѣть всѣ ихъ.

За тѣмъ бывайте здоровеньки и вдохновенны! Кланяемось вамъ всѣ трое

М. Максимовичъ, Марья Максимовичева. Алексѣй.

С. Пономаревъ.

Библіографія.

Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ, составленный Яковомъ Головацкимъ. Съ приложеніемъ географической карты. Вильна. 1884 г. (XXXII+271 стр.). Ц. 2 р. 50 к.

Это новый трудъ плодовитаго писатели, около полувѣка съ честію подвизающагося на поприщѣ исторіи, литературы, лингвистики, этнографіи и публицистики. Большая часть его учено-литературной дѣятельности принадлежитъ времени пребыванія его въ Галиціи, но и по переходѣ къ намъ онъ не перестаетъ обогащать русскую науку все новыми солидными трудами. Настоящій трудъ по замыслу, спеціальности и сложности выполненія не уступаетъ многимъ другимъ.

Цѣль онаго—привести въ извѣстность и, по возможности, ввести въ употребленіе всѣ сохранившіяся доселѣ славянскія названія географическихъ мѣстностей въ земляхъ западныхъ и южныхъ славянъ, которыя безпощадно въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ извращались иноземными ихъ обладателями, замѣняясь въ иностранныхъ книгахъ и картахъ названіями иноязычными, и въ такомъ видѣ переходя и къ намъ.

Немногимъ извѣстенъ весь вредъ, проистекающій отъ такихъ перемѣнъ въ славянской географической номенклатурѣ. Глядя на карту, испещренную нѣмецкими, венгерскими или турецкими названіями, мы и не подозрѣваемъ, что имѣемъ дѣло съ славянскими мѣстностями. Насъ поражаетъ ограниченность славянской территоріи; на самомъ дѣлѣ она гораздо шире. Авторъ »Словаря« приводитъ примѣры иноязычныхъ названій географическихъ, которыя не имѣютъ въ дѣйствительности соотвѣтствующихъ имъ мѣстностей, и на оборотъ мѣстности съ славянскими названіями, которыхъ нѣтъ на картахъ.

Въ обширномъ, живо и интересно написанномъ предисловіи многоученый изслѣдователь славянщины выясняетъ всю необходимость воз-

становленія и сохраненія славянскихъ географическихъ названій и пользу этого дѣла въ самыхъ различныхъ примѣненіяхъ.

Историкамъ и археологамъ, говоритъ онъ, крайне затруднительно открывать славянскія историческія мѣстности подъ новыми иноземными названіями,—и приводитъ такіе примѣры. »Въ XII и XIII вв., сочинители Лаврентьевской и Ипатьевской лѣтописей знали, гдѣ города *Глогова*, *Опава*, *Глубиччичи*, *Особлага*, *Козлій*, *Бордуевъ*, *Пожга*, *Изволень*, гдѣ рѣка *Солона*, гдѣ *Чешскій Лѣсъ*, а теперь ученые никакъ не могутъ открыть ихъ на нѣмецкихъ и мадьярскихъ картахъ подъ исковерканными названіями: Glogau, Troppau, Leobschutz, Hotzenplatz, Kosel, Bartfeld или Bartfalva, Pressburg или Pozsony, Altzohl или Zolyom, Sajo, Böhmerwald, не зная, что народъ до сихъ поръ употребляетъ первобытныя названія. Даже издатели Ипатской лѣтописи впали въ невольную ошибку при указаніи города *Середы*, укрывшагося отъ нихъ подъ нѣмецкимъ названіемъ Neumarkt.

Возстановленіе славянской географической номенклатуры, по мнѣнію почтеннаго автора, имѣло-бы немаловажное значеніе для лингвистики, помогая объясненію законовъ фонетики и словопроизводства и нагляднымъ образомъ выясняя взаимныя отношенія племенъ въ самой глубокой древности.

Самое достоинство географической науки, по его словамъ, требуетъ, чтобы были возстановлены чистыя, первоначальныя формы славянскихъ географическихъ именъ. Наши карты, въ большинствѣ составляемыя по нѣмецкимъ оригиналамъ, повторяютъ исковерканныя уже нѣмцами названія, но очень часто наши картографы и сами искажаютъ ихъ вслѣдствіе незнакомства напримѣръ съ мадьярскимъ или румынскимъ языками, имѣющими свои особенности въ орѳографіи и произношеніи, и незнанія, какими правилами произношенія руководствоваться въ томъ или другомъ названіи и и къ какому изъ нихъ, смотря по мѣстности, примѣнить нѣмецкое, къ какому мадъярское, чешское, хорватское, польское, или итальянское произношеніе... Географическіе учебники наши не менѣе картъ страдаютъ невѣжествомъ относительно славянщины, ибо составляются опять таки по иностраннымъ образцамъ: *Львовъ* въ нихъ неизвѣстенъ, а есть *Лемберъ*, *Бескиды* называются *Бескиденами*, *Лужицкія* горы—*Ляузицерскими* горами и проч. Наиболѣе употребительные въ настоящее время время учебники географіи—это Смирнова и Семенова: учебникъ перваго ходитъ теперь въ 22-мъ, втораго въ 9-мъ изданіи, но ни въ томъ, ни въ другомъ вы нигдѣ не найдете не только какого-нибудь Оломуца, Дубровника, Нового Сада, но даже Львова и Загреба. „Изъ школы за-

ученныя ошибки входятъ въ общественную жизнь и въ сочиненія даже самыхъ почтенныхъ авторовъ. Въ русскихъ газетахъ и книгахъ не рѣдкость встрѣтить поразительное невѣдѣніе по части географіи, отъ чего выходятъ иногда уморительные пассажи. *Современныя Извѣстія* 1872 году № 133 напечатали слѣдующую телеграмму: »Въ *Цолькиверѣ*... явились аграрныя безпокойства« и проч. Мѣстности подъ названіемъ *Цолькиверъ* въ Галиціи вовсе нѣтъ, а есть городъ Жолковь, польскій Żółkiew, который Нѣмцы по своему зовутъ Zolkiew; русскій переводчикъ, не зная этого, скопировалъ нѣмецкое: Im Zolkiewer (Gebiethe)—въ *Цолькиверѣ*, и вышелъ абсурдъ". Переводчикъ книги *о Черногоріи* называетъ крѣпость *Спужъ*—Спуцомъ, *Зету*—Цетой, вм. *Жаблякъ* (Żabljak) пишетъ Цабльжахъ (!!)...".

Мы опускаемъ болѣе мелкія подробности аргументаціи автора, полагая, что и приведеннаго вполнѣ достаточно для убѣжденія публики въ важности и полезности его труда.

Позволимъ себѣ однако замѣтить, что этотъ кропотливый и весьма цѣнный трудъ г. Головацкаго не имѣетъ всей желательной полноты, не смотря на то, что авторъ пользовался источниками на нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ и нѣсколькихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Наиболѣе обработанъ имъ отдѣлъ географическихъ названій въ Галиціи и вообще въ славянскихъ земляхъ Австро-Венгріи,—здѣсь списаны не только города, мѣстечки, но и села; въ южной-же славянщинѣ приведены въ извѣстность славянскія названія только важнѣйшихъ городовъ и мѣстечекъ. Не надо впрочемъ забывать, что авторъ работалъ надъ предметомъ, если не совершенно не початымъ, то во всякомъ случаѣ очень мало обслѣдованнымъ.

Данныя, приводимыя авторомъ въ словарѣ, слѣдующія: при названіяхъ населенныхъ мѣстъ — число жителей, мѣстоположеніе и иногда ссылка на историческіе источники, гдѣ находится упоминаніе о данномъ мѣстѣ; при названіяхъ горъ и рѣкъ—высота первыхъ и истоки и устья вторыхъ. Собранный матеріалъ расположенъ въ книгѣ такимъ образомъ: крупнымъ шрифтомъ напечатаны названія славянскія, въ русскомъ произношеніи; рядомъ съ ними тѣ-же славянскія названія, но по мѣстному или сосѣднему славянскому выговору; затѣмъ тутъ-же термины, искаженные или окончательно замѣненные иностранцами; между названіями, напечатанными крупнымъ шрифтомъ, вставлены въ алфавитномъ порядкѣ мелкимъ шрифтомъ иностранные синонимы, съ ссылками на однозначущія русскія названія. Наконецъ къ книгѣ приложена карта, въ масштабѣ 1:2,000,000, напечатанная въ нѣсколько тоновъ, довольно отчетливо. На картѣ, при разныхъ географи-

ческихъ единицахъ, напечатаны только славянскія названія въ русской транскрипціи. Если принять во вниманіе, что иностранные синонимы, поставленные тутъ-же, только излишне испещрили-бы карту и что каждое иностранное названіе въ „Словарѣ" непремѣнно сопровождаетъ русское, напечатанное на картѣ, то надо согласиться, что способъ, принятый авторомъ, найболѣе удобенъ.

Словарь достоуважаемаго Я. Ѳ. Головацкаго—дѣло многолѣтняго, кропотливаго труда и многосторонней эрудиціи автора. Предисловіе помѣчено 1877 г., самый Словарь, какъ намъ передавали, былъ отпечатанъ еще въ 1880 г., но появленіе его замедлилось въ слѣдствіе затрудненій при изготовленіи карты. Желая самаго широкаго распространенія этому въ высокой степени цѣнному и полезному изданію, не можемъ не пожелать, чтобы основная его идея была примѣнена и къ нашей мѣстной географіи. Кто имѣлъ дѣло съ географіей и исторіей юго-западной Россіи, тотъ не знаетъ, чѣму болѣе удивляться: невѣжеству-ли лицъ, заносившихъ мѣстныя географическія имена на карты, или отсутствію патріотизма и полнѣйшему пренебреженію къ мѣстной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, откройте ходячую карту напримѣръ подольской губерніи: русскій народъ, живущій тамъ, не знаетъ этихъ Юзефполей, Юліамполей и проч.! Кого-же мы обманываемъ? Кстати сказать, у насъ и для производства прилагательныхъ отъ собственныхъ именъ законы не писаны.

Ѳ. Ни—къ.

Кубанскій Сборникъ. Труды Кубанскаго Областнаго Статистическаго Комитета, издаваемые подъ редакціею Е. Д. Фелицына, дѣйств. члена К. О. С. Ком. Т. I, съ картою Кубанской Области. Екатеринодаръ. 1883 г.

Оффиціальной статистикѣ не безъ основанія дѣлается упрекъ въ томъ, что рутина и формальность весьма часто замѣняютъ для нея самое существо дѣла. Происходитъ это главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: отъ способа собиранія статистическихъ матеріаловъ, при посредствѣ низшихъ полицейскихъ инстанцій, а затѣмъ отъ недостатка обработки этихъ матеріаловъ и критической ихъ провѣрки. Притомъ наши статистическіе комитеты въ своихъ работахъ рѣдко выступаютъ изъ узкихъ рамокъ, начерченныхъ Положеніемъ о нихъ 1834 г., дополненнымъ отчасти въ 1860 г., и имѣя дѣло съ современнымъ состояніемъ населенія данной мѣстности, для уясненія онаго не обращаются къ изученію его этнографическихъ и историческихъ особенностей. Отъ этихъ

недостатковъ свободенъ, кажется, названный нами трудъ. Кубанскій областной статистическій комитетъ существуетъ весьма недавно; онъ основанъ лишь въ 1879 г. и теперь выпускаетъ первый томъ своихъ трудовъ. Тѣмъ болѣе дѣлаетъ ему чести, что онъ сразу понялъ свою задачу и старался избѣжать общей многимъ другимъ его собратамъ рутины и пустаго формализма. Имѣя дѣло съ краемъ вовсе не изслѣдованнымъ, онъ, поставилъ своею ближайшею задачею постепенную подготовку матеріаловъ для всесторонняго его изученія въ будущемъ, начиная съ отдѣльныхъ мѣстностей. Не располагая ни ознакомленными съ дѣломъ статистики сотрудниками, ни подготовленными для того матеріалами, не имѣя даже списковъ населенныхъ мѣстъ, Комитетъ не отступилъ предъ первыми трудностями предстоящей ему работы и на первый уже разъ далъ какъ описанія отдѣльныхъ нѣкоторыхъ мѣстностей, такъ и гораздо болѣе цѣнные матеріалы для ознакомленія съ Кубанскою Областью въ различныхъ отношеніяхъ.

Въ составъ „Кубанскаго Сборника", весьма объемистаго (свыше тысячи страницъ), вошло 11 статей: одна изъ нихъ, могущая сама по себѣ составить отдѣльную книгу, спеціально научная (это статья проф. Линдемана: „Вредныя насѣкомыя Куб. Обл."), восемь статистическаго и статистико-этнографическаго содержанія и двѣ характера историческаго. Статья проф. Линдемана, трактуя о вредныхъ насѣкомыхъ Кубанской Области, какъ на одну изъ причинъ ихъ распространенія указываетъ на традиціонную земледѣльческую культуру малорусскаго ея населенія. Въ этомъ отношеніи она, вмѣстѣ съ другими статистико-этнограф. статьями, рисуетъ намъ знакомую по мѣстнымъ наблюденіямъ картину, показывающую, какъ цѣпко держится малороссъ своихъ звычаевъ и тамъ на далекой окраинѣ среди множества разноплеменныхъ вліяній и другихъ факторовъ бытовой жизни. Говорить объ этой статьѣ намъ не приходится; разборъ и оцѣнка оной дѣло спеціалистовъ; болѣе близкое отношеніе къ задачамъ нашего изданія имѣютъ другія статьи: статистико-этнографическія и особенно историческія. Объ нихъ мы и скажемъ нѣсколько словъ.

Въ объемистыхъ и старательно составленныхъ статьяхъ: г. Ейскъ, Ейскій уѣздъ, Николаевская, Новоминская, Воронежская и Троицкая станицы, заключается немало цѣннаго статистическаго, этнографическаго и отчасти историческаго матеріала, распредѣленнаго по широкой программѣ Комитета; но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особливо первой, третьей, пятой и шестой, разработка статистическаго матеріала не вполнѣ удовлетворительна и, говоря словами редакціи Сборника, „новость дѣла и неподготовленность авторовъ къ самостоятельнымъ статистическимъ ра-

ботамъ“ обнаруживается сама собою. Мы, однако, не считаемъ себя въ правѣ дѣлать за это какой-либо упрекъ авторамъ, а тѣмъ болѣе редакціи Сборника, и обращаемъ лишь вниманіе на слѣдующее: изъ указанныхъ статей, между прочимъ, видно, что нѣкоторые вопросы программы выполнялись какъ-бы потому, чтобы не вышли пробѣлы (напр. стр. 264); въ иныхъ мѣстахъ (стр. 572) замѣтна условная сдержанность, благодаря которой мы привыкли проходить мимо многихъ явленій, заслуживающихъ серьезнаго вниманія [1]); наконецъ, въ основаніе нѣкоторыхъ статей (напр. „Ейскій уѣздъ“) уже теперь положены свѣдѣнія и данныя, добытыя не надежнымъ офиціальнымъ путемъ. Мы понимаемъ трудность инаго собиранія такихъ свѣдѣній; но было-бы вознагражденіе за трудъ, а работники найдутся. Нужны, конечно, денежныя средства, а ихъ должно дать областное начальство, если не желаетъ, чтобы работа статистическая стала фантастическою. Необходимо заручиться сотрудничествомъ лицъ, близко стоящихъ къ изучаемымъ мѣстностямъ, каковы священники и сельскіе учители. Къ послѣднимъ Комитетъ обращался съ приглашеніемъ, и если, по замѣчанію редакціи Сборника, на это приглашеніе отозвались весьма немногіе, то, конечно, всего болѣе потому, что предстоялъ трудъ безплатный. Вполнѣ сочувствуемъ редакціи въ ея сожалѣніи объ этомъ.

---

[1]) Авторъ описанія Николаевской ст., говоря о „кадушникахъ“ (шалопутахъ), замѣчаетъ, что послѣдніе, для вовлеченія въ свою секту, употребляютъ деньги, которыя, по заявленію шалопутовъ, будто-бы получаютъ свыше. На это редакція Сборника ставитъ въ выноскѣ такое nota bene: „фактъ, конечно, говорящій самъ за себя не въ пользу своей достовѣрности“. Такимъ образомъ и авторъ и редакція оставляютъ фактъ въ невѣрномъ освѣщеніи. А дѣло вотъ въ чемъ: у шалопутовъ существуетъ въ широкихъ размѣрахъ взаимопомощь деньгами и трудомъ. Это одна изъ первостепенныхъ причинъ, почему секта быстро распространяется; всякому хочется лучше жить въ достаткѣ, нежели нужду терпѣть. Поэтому прозелиты шалопутизма оказываются прежде всего среди бѣдноты. Вступая въ секту, новый членъ тотчасъ-же получаетъ денежное пособіе. Со стороны этотъ фактъ объясняютъ подкупомъ, вовлеченіемъ въ секту при помощи денежныхъ подачекъ,—тогда какъ подобныя пособія обязательны у шалопутовъ въ силу самого строя общины, основанной на нравственной солидарности и имущественной или хозяйственной взаимопомощи. Шалопуты, какъ и всѣ сектанты отличаются скрытностію и крайне неохотно даютъ какіе либо отвѣты на вопросы любопытствующихъ объ ихъ сектѣ; отсюда и такой, ничего не говорящій отвѣтъ, что деньги они получаютъ свыше. Авторъ не воспользовался готовыми свѣдѣніями объ этой сектѣ, а ихъ не мало: въ „Кавказскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ 1873 г., въ видѣ матеріаловъ, въ газетѣ „Кавказъ“ 1876 г. въ нашей статьѣ, „Кавказскіе шалопуты“, въ „Отечеств. Зап“. 1882 г., №№ 9 и 10, въ обстоятельной статьѣ г. Абрамова и въ „Недѣлѣ“ № 2, въ статьѣ г. Щербины.

По личному опыту намъ извѣстно, что къ оффиціальнымъ собирателямъ статистическихъ свѣдѣній народъ нашъ относится крайне недовѣрчиво, видя въ нихъ чиновниковъ—развѣдчиковъ съ задними мыслями, въ родѣ возвышенія налоговъ; поэтому такимъ собирателямъ обыкновенно трудно бываетъ добиться вѣрныхъ свѣдѣній. Между тѣмъ знакомое лицо, какъ сельскій учитель, не встрѣтитъ подобнаго отношенія, притомъ-же ему болѣе или менѣе извѣстно уже хозяйственное положеніе, если не всѣхъ, то большинства односельчанъ. Вотъ почему мы считаемъ статистическое описаніе Новоминской станицы г. Кириллова (учителя, стр. 817) заслуживающимъ довѣрія и вниманія. Составленное на основаніи данныхъ, собранныхъ при подворной переписи (стр. 630) самимъ авторомъ, оно въ сжатомъ видѣ даетъ хорошіе матеріалы и такого характера матеріаловъ дай Богъ побольше Комитету. Впрочемъ, мы не считаемъ удобнымъ знакомить съ ними, такъ какъ не знаемъ, можетъ-ли быть ст. Новоминская признана типомъ кубанскихъ станицъ и какимъ именно: среднимъ, нисшимъ или высшимъ по экономическому положенію.

Въ числѣ восьми статей значится ст. (на 92 страницахъ) д—ра Ланда: «Движеніе населенія въ г. Темрюкѣ». Сама по себѣ она хотя и хороша, но по нашему мнѣнію слѣдовало-бы повременить съ пріемомъ подобныхъ статей и оставить мѣсто работамъ, наиболѣе необходимымъ въ данное время. Комитетъ прежде всего долженъ заняться изученіемъ мелкихъ населенныхъ единицъ, такъ какъ тамъ, по свидѣтельству самой-же редакціи Сборника, совершается что-то такое, окончательныя формы чего теперь трудно даже предъугадать. Подъ наплывомъ новыхъ факторовъ, обусловливающихъ экономическія отношенія, жизнь указанныхъ единицъ находится въ переходномъ состояніи;—въ сферу ея врываются такіе элементы, которые могутъ надѣлать не мало вреда впослѣдствіи. Чтобы помочь тутъ населенію, нужно знать его положеніе, нужно теперь-же, немедленно заняться изученіемъ его быта: вѣдь не для того-же учрежденъ Комитетъ, чтобы отъ времени до времени печатать свои труды. Надо полагать, что работы его должны имѣть значеніе въ глазахъ людей, власть имущихъ.

Комитетъ уже теперь далъ одну статью („Исторія земельной собственности у кубанскихъ козаковъ") высоко-поучительнаго характера, которую положительно нельзя оставить безъ вниманія. Принадлежитъ она перу г. Щербины, лучшаго знатока Кубанской Области, основательно изучившаго и прошлыя судьбы ея и современное положеніе.

Борьба обычныхъ понятій народа въ области общинно-земельнаго устройства съ эксплуататорскими поползновеніями отдѣльныхъ лицъ, желающихъ насадить, въ виду личныхъ своихъ интересовъ, форму част-

наго землевладѣнія и всѣми правдами и неправдами захватить общинныя земли, а затѣмъ оформить это закономъ—вотъ чего касается названная статья. Серьезные изслѣдователи, какъ напр. кн. Васильчиковъ («Землевл. и Землед.», т. I, стр. XI, изд. 1881 г.), настаиваютъ на необходимости немедленно приступить къ урегулированію поземельныхъ отношеній, чтобы не впасть въ ту же ошибку, какъ другіе народы, которые принялись писать и разсуждать о соціально-аграрныхъ устройствахъ, когда уже всѣ земли были разобраны, всѣ общественныя отношенія установлены; указываютъ также на необходимость такой земельной организаціи, которая предотвращала-бы чрезмѣрное развитіе крупнаго землевладѣнія, а мы, наоборотъ, насаждаемъ крупное частное землевладѣніе въ экономической жизни козачества (стр. 118 сборника), т. е. такую форму, которая вовсе не находитъ оправданія въ обычаѣ козака и притомъ идетъ въ разрѣзъ съ основными, законными правами на владѣнье его областною землею.

Статья г. Щербины представляетъ и другой интересъ.

Такъ какъ козачество Запорожской Сѣчи перешло въ кубанскую область, то, такъ сказать, послѣднія страницы исторіи внутренняго быта и земельнаго устройства ея, изслѣдованіе причинъ и путей, которыми шло видоизмѣненіе старыхъ формъ жизни, нужно искать въ исторіи теперешнихъ черноморскихъ козаковъ.

Авторъ говоритъ, что тѣ формы земельныхъ отношеній, которыя выработаны были въ Запорожьи, оказались непригодными въ Черноморьи. «Запорожскій Кошъ, какъ однородная, нераздѣльная община, состоявшая изъ 38 куреней или подъобщинъ, сразу-же распался на свои составныя части при поселеніи черноморцевъ на новомъ мѣстожительствѣ. Для занятія этими частями общей войсковой территоріи были заранѣе намѣчены разные пункты, а жребій указалъ потомъ, гдѣ и какому куреню или подъобщинѣ слѣдовало селиться. Такимъ образомъ, благодаря такому возникновенію отдѣльныхъ поселеній, рано или поздно, но непремѣнно должно было произойдти извѣстное обособленіе этихъ поселеній въ земельномъ отношеніи. Такъ оно въ дѣйствительности и было» (стр. 119). Но рядомъ съ этимъ, вслѣдствіе измѣнившихся внутреннихъ распорядковъ, привитыхъ извнѣ, и внутри этихъ поселеній также постепенно зарождались, росли и видоизмѣнялись новыя экономическія теченія. Властные козачьи старшины, уже не общиною избиравшіеся, какъ прежде, а назначавшіеся начальствомъ, и вообще весь козачій чиновный людъ захватывали въ исключительное владѣнье лучшія общинныя земли и угодья и вмѣстѣ съ тѣмъ, обособляясь отъ рядоваго козачества, стремились выдѣлиться въ особый, своего рода помѣстный классъ. Съ нимъ и поднесь козачество ведетъ земельную борьбу, полагая даже, что при-

надлежащія этому классу земли, права на которыя установлены закономъ, по существу есть ничто иное, какъ пай козачій и часть земель общинныхъ (стр. 122). Идетъ такая-же борьба у козака съ козакомъ хуторяниномъ, который пытается давность владѣнія обширными хуторскими угодьями превратить въ право (стр. 379 и далѣе).

Не можемъ не остановиться также на ст. г. Бентковскаго, помѣщенной въ Сборникѣ на первомъ планѣ: «Заселеніе западныхъ предгорій главнаго кавказскаго хребта» (матеріалы для исторіи колонизаціи западнаго Кавказа).

При колонизаціи Кавказа всегда имѣлись въ виду военно-стратегическія соображенія,—поэтому заботы объ экономическомъ положеніи колонистовъ (военнаго или гражданскаго вѣдомства) отступали на задній планъ, а то и вовсе не входили въ расчетъ. Мѣста для заселенія, по необходимости, выбирались только такія, которыя нужно было сдѣлать опорными пунктами военныхъ дѣйствій, не разбирая: годны-ли они подъ поселенія или нѣтъ, есть-ли тамъ какія-либо земледѣльческія угодья и т. п. Мало этого: поселенные въ одной мѣстности колонисты не могли разсчитывать, что останутся здѣсь навсегда; нерѣдко ихъ передвигали съ одного мѣста на другое. При подобныхъ передвиженіяхъ колонисты несли громадные убытки, хозяйства ихъ разстраивались и приходили въ упадокъ. Но военныя требованія были строги, хотя нельзя сказать, чтобы колонисты всегда безропотно подчинялись этимъ требованіямъ. Примѣръ этого и представленъ въ матеріалахъ г. Бентковскаго въ проэктѣ князя Барятинскаго 1860 г.—заселить горное и подгорное пространство западнаго Кавказа вооруженнымъ козачьимъ поселеніемъ по обѣимъ сторонамъ хребта (стр. 4), выселивъ горцевъ западной части на богатыя равнины, лежащія на лѣвомъ берегу Кубани.

Въ заключеніе остается еще упомянуть о картѣ кубанской области, приложенной къ сборнику. Составлена она самимъ редакторомъ Сборника г. Фелицынымъ; труда на нее потрачено, вѣроятно, не мало; но зато выполненіе превосходно и новая карта вышла гораздо полнѣе старыхъ.

А. А. Потебня. Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ. Варшава 1883. (отдѣльный оттиск из „Русскаго Филологическаго Вѣстника“).—8-ио стр. 268+VIII.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору содержанія книги г. Потебни, прошу позволенія у читателя сдѣлать маленькую замѣтку о той отличительной особенности его изложенія, которая способна поразить чита-

теля непривычнаго, если-бы онъ захотѣлъ ознакомиться ближе съ замѣчательнымъ трудомъ г. Потебни. Дѣло въ томъ, что этотъ трудъ, подобно другимъ его трудамъ, неудобочитаемъ; да, просто неудобочитаемъ, и не въ переносномъ какомъ-либо, а въ прямомъ смыслѣ этого слова. Замѣчательный польскій историкъ Лелевель очень плохо владѣлъ перомъ; стиль его былъ до того тяжелый, построеніе предложеній, нанизанныхъ при помощи разныхъ союзовъ въ громадные періоды, было до того странно, что читатель тщетно искалъ въ нихъ общей связи и частенько не доискивался либо подлежащаго, либо сказуемаго, и надъ каждой фразой приходилось ему задумываться и догадываться, что авторъ хотѣлъ сказать. Но онъ былъ словоохотливъ, и хотя именно эта словоохотливость и была главною причиною запутанности его рѣчи, но она-же и помогала читателю уразумѣть мысль автора. Г. Потебня представляетъ въ способѣ изложенія своихъ мыслей совершенно противуположную крайность. Онъ до того скупъ на слова, что выражается иногда чуть не знаками, формулами. Я не говорю уже о томъ, что онъ не признаетъ твердыхъ знаковъ въ концѣ словъ и дѣлаетъ массу необычныхъ сокращеній,—что тоже затрудняетъ чтеніе,—но онъ излагаетъ свои мысли такъ сжато, что весь его трудъ похожъ скорѣе на рядъ замѣтокъ автора, которыя онъ дѣлалъ про себя, съ массою ссылокъ и цитатъ, изъ которыхъ читателю приходится съ трудомъ отгадывать значеніе всего прочитаннаго и самому связывать одну мысль съ другою.

Хотя эстетическій стиль и не важенъ въ серіозномъ научномъ изслѣдованіи, но манера изложенія г. Потебни много мѣшаетъ ознакомленію съ его научными наблюденіями и выводами, дѣлаетъ его труды не привлекательными, недоступными для большинства читателей и понятными только для тѣхъ, кто упорно, съ напряженными усиліями будетъ добиваться въ нихъ намѣченныхъ авторомъ заключеній. Зависитъ-ли это отъ склада его ума, тонкости анализа, глубины соображеній и выводовъ, или вмѣстѣ отъ невниманія къ читателю и пренебреженія къ требованіямъ правильно построенной и ясной рѣчи,—положеніе дѣла отъ того не измѣняется. А жаль, потому что всѣ работы г. Потебни отличаются большою содержательностію, мѣткостію сопоставленій, оригинальностію выводовъ. Я не знаю другаго автора, который-бы въ такой степени соединялъ въ себѣ и замѣчательную эрудицію и удивительную память, сохраняющую неуловимыя почти мелочи, и способность такъ умѣло владѣть весьма богатымъ и разнообразнымъ матеріаломъ.

Но перейдемъ къ содержанію книжки г. Потебни.

Состоитъ она изъ четырехъ статей. Первыя двѣ небольшія: 1) Малорусскія пѣсенныя выраженія мыслей: «что къ чему идетъ», «что

къ чему пристало» и 2) «Лелю-полелю, диди-ладо», вызваны ошибочными взглядами Н. Ѳ. Сумцова въ его сочиненіи «о свадебныхъ обрядахъ». Остальныя двѣ: 3) Веснянки размѣра (4+3+3) и (5+3) и 4) Веснянки размѣра (5+4) составляютъ, преимущественно первая, самостоятельныя цѣнныя и главныя въ этой книгѣ изслѣдованія.

Первая статья написана въ разъясненіе символическаго выраженія пѣсни: «Сосновое відеречко, дубовое денечко», въ сопоставленіи съ словами: «ходимъ, повінчаймось, мое сердечко». Приведенныя слова навели г. Сумцова на мысль, что здѣсь проглядываетъ древній обычай совершать бракосочетаніе при водѣ.—Г. Потебня, указавъ на ошибку г. Сумцова, выясняетъ, что «сосновое відеречко, дубовое денечко» есть символическій образъ любви дѣвицы къ парню *ровнѣ*, и затѣмъ приводитъ цѣлый рядъ подобныхъ-же образовъ (нить свивается съ чѣмъ нибудь, паутина повилась по «тыну», виноградъ вьется по дереву). Затѣмъ авторъ довольно удачно выясняетъ разные символы взаимности любви; такъ: невѣста уподобляется бочкѣ или чашѣ меду, и при этомъ пить означаетъ любить. Въ этомъ-же смыслѣ онъ выясняетъ символическія выраженія: kola i rozwora, сопилка и денце, скрипка и струны. Всѣ выясненія автора основаны на массѣ весьма удачныхъ сближеній пѣсеннаго матеріала разныхъ славянскихъ и даже не славянскихъ народовъ.—Такимъ образомъ мы видимъ, что авторъ по поводу ошибочнаго толкованія Сумцовымъ одного пѣсеннаго образа, выясняетъ намъ цѣлый рядъ похожихъ на него образовъ, выражающихъ любовь къ подходящему парню или дѣвицѣ, словомъ къ *ровнѣ* и озаглавилъ вслѣдствіе этого свой этюдъ: Пѣсенныя выраженія мысли: „что къ чему идетъ".

Въ слѣдующей, полной эрудиціи, статьѣ, опровергается мнѣніе г. Сумцова, который въ пѣсенныхъ словахъ: „Lelum-Polelum" усматриваетъ указаніе на существованіе этихъ божествъ въ славянской миѳологіи. Массой подобраннаго и выясняемаго матеріала, относящагося къ этому вопросу, г. Потебня убѣждаетъ читателя, что «Лель и Лада», въ смыслѣ именъ божествъ, остаются не болѣе, какъ пустой, очень шаткой и ни на чемъ не основанной догадкой. Выраженія-же „Лелю-полелю и диди ладо", давшія поводъ къ фантастическимъ выводамъ въ области миѳологіи, являясь въ настоящее время въ видѣ припѣва, были когда-то обыкновенными словами, утратившими нынѣ прежнее свое значеніе.

Изслѣдованія г. Потебни о «веснянкахъ» вносятъ очень много новаго въ науку.—Я не буду останавливаться на подробностяхъ, такъ какъ это было-бы пересказомъ содержанія статей, а обращу вниманіе читателя на основную мысль автора и методъ изслѣдованія.—Авторъ, исходя изъ прежде высказанной имъ мысли, «что распредѣленіемъ пѣсенъ по раз-

мѣрамъ опредѣлились-бы самые широкіе потоки пѣсеннаго преданія» (стр. 45), старается выяснить тѣ древніе образы, быть можетъ миѳы, которые выразились въ пѣсняхъ размѣра (4+3+3), (5+3) и (5+4) и находитъ, что размѣры эти пріурочены только къ миѳическимъ образамъ культа весенняго и лѣтняго (Весняныя игры, веснянки, петровочныя и купальскія). Что въ извѣстныхъ разрядахъ пѣсенъ, даже при выраженіи извѣстныхъ образовъ и представленій, замѣчается присутствіе извѣстныхъ опредѣленныхъ пѣсенныхъ размѣровъ, это отчасти вѣрно, но я не думаю, чтобы размѣръ самъ по себѣ могъ быть принятъ за основаніе для распредѣленія пѣсенъ и служилъ пригоднымъ признакомъ для сведенія матеріала съ цѣлью раскрыть всѣ подробности и значеніе древнихъ миѳическихъ образовъ.—Дѣло въ томъ, что размѣръ самъ по себѣ не составляетъ существенной черты пѣсенныхъ формъ; онъ есть не болѣе, какъ результатъ построенія словъ въ извѣстной мелодіи и находится въ полнѣйшей отъ нея зависимости. Авторъ самъ признаетъ, что многія пѣсни въ разныхъ варіантахъ одного и многихъ племенъ представляютъ такъ называемое *стяженіе* и *растяженіе* размѣра, такъ что пѣсни съ размѣромъ, положимъ, (5+4) могутъ въ другихъ варіантахъ являться съ размѣромъ (4+4), или (5+5) и даже (5+6) и т. п. (стр. 244, 245); тѣмъ болѣе странно, что только на основаніи сходства содержанія пѣсень онъ признаетъ одинъ размѣръ ихъ генетически развившимся изъ другаго (ibidem). Это легко быть можетъ, но можетъ быть и то, что содержаніе совершенно тождественное могло быть парафразировано подъ вліяніемъ совершенно другаго мотива и для другой пѣсни въ размѣръ совершенно самостоятельный, что видно изъ примѣровъ, приведенныхъ самимъ авторомъ.

Я думаю, что далеко болѣе существенной чертой пѣсенной формы, признакомъ далеко болѣе вѣрнымъ, можетъ служить напѣвъ. Вѣдь прототипъ пѣсни, положимъ солнечнаго культа, заключавшій въ себѣ въ оное время опредѣленный миѳъ, разложившійся нынѣ въ осколки символическихъ и миѳическихъ образовъ народной поэзіи, не слагался по извѣстному размѣру, а выливался въ опредѣленной мелодіи, послѣдствіемъ которой уже и явился размѣръ. Но такой-же самый размѣръ могъ вполнѣ случайно явиться результатомъ совершенно другаго по характеру и жанру напѣва. Обрядныхъ мотивовъ очень немного и они весьма оригинальны, причемъ они замѣчательно сильно пріурочены къ извѣстнымъ обрядамъ; во всякомъ случаѣ далеко сильнѣе пріурочены они, чѣмъ размѣры, такъ что на мотивъ веснянки никогда не будутъ пѣть щедрівки, хотя-бы эти пѣсни и сложились по одному размѣру (4+4).

Говоря о купальныхъ пѣсняхъ размѣра (5+4), г. Потебня замѣ-

чаетъ: «До чего этотъ размѣръ принадлежитъ весеннимъ и лѣтнимъ пѣснямъ, видно и изъ того, до какой степени онъ необыченъ въ пѣсняхъ другаго содержанія, непріуроченныхъ къ веснѣ и лѣту» (стр. 234). Онъ находитъ въ V т. Сборника Чубинскаго только около десятка пѣсенъ этого размѣра, «притомъ исключительно такихъ, которыя суть веснянки, петривочныя и проч., или ведутъ отъ нихъ свое начало» (ibidem). Все это случайно почти вѣрно; я говорю «случайно» потому, что древній купальскій напѣвъ, создавшій этотъ размѣръ, весьма оригиналенъ и среди другихъ мотивовъ, болѣе новыхъ, мало нашлось такихъ, которые требовали отъ стиха такого-же склада; но они есть однако не только среди новыхъ, но даже и среди обрядныхъ древнихъ. Укажу на пѣсню «Маланка» изъ древняго обряда, не имѣющаго ничего общаго съ весеннимъ и лѣтнимъ культомъ.

Наша Маланка не линива,
На ополонци ложки мыла и т. д.

Напѣвъ этой пѣсни, со многими варіантами мелодіи, въ существѣ одинъ и тотъ-же повсемѣстно (См. Kolb. Pokucie I.), хотя ничего общаго не имѣетъ съ характеромъ мелодій купальныхъ пѣсенъ размѣра (5+4); онъ даже другаго музыкальнаго лада.

Вопросъ *стяженія* и *растяженія* размѣра (сокращенія и распространенія частей стиха), по моему, тоже не можетъ быть опредѣленъ, какъ я выше замѣтилъ, по сходству содержанія пѣсни, но онъ могъ-бы быть опредѣленъ стяженіемъ и растяженіемъ самого мотива. Для изслѣдованія этого вопроса до сихъ поръ нѣтъ достаточнаго количества музыкальнаго матеріала. Мнѣ удалось между прочимъ сдѣлать слѣдующее наблюденіе въ извѣстной купальской пѣснѣ:

Три мисяци ясни,
Три зироньки красни!
Ой яворе, яворонько, зелененькій!

третій стихъ составляетъ припѣвъ, повторяющійся послѣ каждаго куплета, и имѣетъ оригинальный напѣвъ. Но тотъ-же самый напѣвъ распространяется на припѣвъ двустишный, при чемъ первый стихъ оканчивается въ доминантѣ, второй въ тоникѣ. Это мы находимъ въ припѣвѣ слѣдующей купальской пѣсни:

Поставлю сторожу,
Тай посію рожу!

(Припѣвъ) { Стороною дощи йдуть, стороною
Надъ моею рожою повною.

Далѣе тотъ-же самый мотивъ, въ новомъ варіантѣ, составляетъ *часть* напѣва третьей купальской пѣсни:

Ой, на городи катранъ, катранъ,
Стоить Захарко, якъ панъ, якъ панъ.
Ой, на городи петрушечка,
Стоить Оксана, якъ душечка.
Катранъ петрушку покрывае,
Захаръ Оксану обіймае.

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что одна и таже мелодія, вслѣдствіе стяженія и распространенія, а также и сочетанія съ другою, вылилась въ пѣсняхъ въ трехъ разныхъ размѣрахъ: (4+4+4), ¹(4+3+4) и ²(5+4).

Итакъ одинъ и тотъ же размѣръ можетъ служить самымъ разнороднымъ пѣснямъ и напѣвамъ, а одинъ и тотъ-же напѣвъ можетъ требовать разнородныхъ размѣровъ, оставаясь пріуроченнымъ къ одному содержанію. Этого, мнѣ кажется, вполнѣ достаточно для убѣжденія, что надежды г. Потебни на размѣръ, какъ мѣрило при классификаціи пѣсенъ, легко могутъ не оправдаться.

Съ мыслію, что размѣръ пѣсенъ пріуроченъ къ опредѣленному содержанію, я мирюсь до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ о пѣсняхъ обрядныхъ, такъ какъ во всей этой группѣ своеобразные древніе мотивы создали весьма характерные размѣры, мало повторяющіеся въ другихъ родахъ пѣсенъ съ новою мелодіею.—Въ виду именно этого обстоятельства положеніе, высказанное г. Потебнею въ обоихъ его очеркахъ, а въ особенности въ послѣднемъ, повидимому оправдывается. Но если примѣнить это положеніе къ пѣснямъ бытовымъ и распредѣлить ихъ по размѣрамъ, то увидимъ, что оно совсѣмъ не вѣрно, такъ какъ новая музыка, при всемъ своемъ разнообразіи, дала куплетные размѣры общіе для самыхъ разнохарактерныхъ типовъ.

Вся цѣнность работы г. Потебни заключается главнымъ образомъ въ самомъ разъясненіи символики веснянокъ, которое какъ-то странно идетъ параллельно съ выше разсмотрѣннымъ положеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно самостоятельно, такъ что вопросъ о размѣрѣ повидимому совсѣмъ не связанъ съ главнымъ содержаніемъ работы, а вводится на каждомъ шагу эпизодично. Разъясненія основаны на весьма тонкихъ и удачныхъ сближеніяхъ разныхъ символическихъ выраженій въ громадномъ количествѣ собраннаго матеріала. Авторъ весьма удачно въ частностяхъ освѣщаетъ символическіе запѣвы и выраженія, смыслъ которыхъ, на первый взглядъ, совершенно не вяжется съ содержаніемъ пѣсни; въ дѣйствительности-же оказывается, что символика обрядовыхъ пѣсенъ до сихъ поръ остается вѣрною, такою-же, какою она была издревле, и пѣснь удержала ее понынѣ, не разложивъ и не исказивъ.

Авторъ дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы съ помощію самого

тщательнаго собранія всѣхъ обломковъ, напоминающихъ о культѣ, посредствомъ сближеній и предположеній возстановить представленіе о культѣ весны и лѣта, давшемъ начало этимъ обряднымъ пѣснямъ. Средства для этого у автора значительныя, какъ въ обиліи матеріала, такъ и въ замѣчательной его способности къ комбинаціямъ.

Но какъ ни поразительны его сближенія, какъ ни полны составляемые имъ изъ мелкихъ осколковъ образы, похожіе на мозаики изъ разноцвѣтныхъ камней, собранныхъ съ разныхъ розсыпей славянскихъ преданій, какъ ни убѣдительно все это, но, скрѣпя сердце, приходится сказать словами самого-же автора, высказанными имъ по поводу догадокъ о богинѣ Ладо: *„все бы это ничего, еслибы только добраться, что дѣйствительно былъ" такой культъ солнца* (стр. 38).

Еще одно замѣчаніе по поводу матеріаловъ, разсматриваемыхъ авторомъ. Какъ я выше замѣтилъ, богатство его просто поражаетъ. Кажется нѣтъ такихъ славянскихъ сборниковъ, которыми-бы авторъ не пользовался, и то весьма щедро; кромѣ того на каждомъ шагу вы встрѣтите скандинавскія, латышскія, итальянскія, индійскія и т. п. цитаты. Сближеніе этихъ матеріаловъ хотя и подходящее, но не всегда убѣдительно; подъчасъ волей неволей закрадывается сомнѣніе: такъ ли это? Не случайное ли это подобіе однихъ только выраженій и есть ли дѣйствительно между сближаемыми матеріалами связь внутренняя?

Къ такимъ сближеніямъ, ровно ничего не доказывающимъ, можно отнести напр. латышскій заговоръ отъ таракановъ и великороссійскій по рукописи XVII в. отъ болѣзни (умолвити червь въ человѣцѣ) (стр. 28). Въ нихъ авторъ видитъ соотвѣтствіе съ отсыланіемъ болѣзней за море на свободу, съ оставшимся будто обломкомъ миѳическаго представленія о закатѣ солнца, отправляющагося на свадьбу. Рядъ сближеній, употребленный авторомъ для выясненія этого соотвѣтствія, положительно не убѣждаетъ меня въ томъ, чтобы эти заговоры имѣли внутреннюю генетическую связь съ солнечнымъ миѳомъ.

Можетъ быть я и ошибаюсь, можетъ быть я не съумѣлъ уловить связывающую эти цитаты нить,—но въ такомъ случаѣ вина не моя, если у меня не достаточно остроумія для отгадыванія загадокъ, которыхъ исполненъ трудъ г. Потебни.

Во всякомъ случаѣ книга эта составляетъ очень цѣнный вкладъ въ науку уже по одному богатому сопоставленію матеріаловъ, выясняющихъ связь символическихъ образовъ съ содержаніемъ пѣсни, во многихъ пѣсняхъ неуловимую и непонятную для обыкновеннаго взгляда.

Ц. Нейманъ.

Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія.—Н. И. Петрова. Кіевъ 1884 г.

Почтенный трудъ профессора Петрова заслуживаетъ особеннаго вниманія уже какъ первое самостоятельное изслѣдованіе, посвященное судьбамъ малорусской литературы. Полнота и обстоятельность его,—плодъ нѣсколькихъ лѣтъ работы,—дѣлаютъ его однимъ изъ самыхъ выдающихся явленій провинціальной печати послѣдняго времени. Въ отдѣльномъ изданіи устранены тѣ натянутыя сближенія, которыя промелькнули въ работѣ, когда она печаталась по частямъ въ журналѣ. Спокойное, объективное изученіе украинской словесности, само собою разумѣется, не допускало никакой тенденціозности и какъ истина, такъ и историческая точка зрѣнія, принятая авторомъ, отъ отсутствія этого элемента, безъ сомнѣнія, только выиграли.

Эту точку зрѣнія г. Петровъ справедливо считалъ необходимой. „Историческое изученіе украинской литературы, говоритъ онъ, показало бы истинное происхожденіе ея и характеръ, изслѣдовало-бы ту почву, на которой она прозябаетъ и опредѣлило-бы, насколько устойчива и питательна эта почва, и потому имѣетъ-ли свою будущность украинская литература или не имѣетъ ея“. Руководясь этимъ, онъ предпринялъ обзоръ дѣятельности украинскихъ писателей XIX вѣка, не исключая и второстепенныхъ и незначительныхъ, чтобъ анализомъ этой дѣятельности уяснить сущность украинскаго литературнаго движенія, его пріемовъ, задачъ и теченій.

Въ какой же мѣрѣ примѣненъ составителемъ историческій методъ къ его труду? Изслѣдованы-ли всѣ факторы, вліявшіе на образованіе и развитіе письменной украинской литературы, прослѣжена-ли ея двойственная роль:—помощницы литературы обще-русской и создательницы самостоятельнаго литературно-національнаго типа?

Едва-ли возможно изученіе творчества какого либо народа безъ уясненія его національно-духовныхъ особенностей, какъ онѣ выразились въ его исторіи, во всемъ его нравственномъ типѣ и болѣе всего въ народной поэзіи. Такого изученія не было, нѣтъ его и въ книгѣ г. Петрова. Поэтому малорусская литература является у него чѣмъ-то оторваннымъ отъ почвы, дѣломъ нѣсколькихъ человѣкъ писателей. При такомъ взглядѣ упускаются изъ виду тѣ внутреннія силы, которыя ее порождаютъ, та, не проявляющаяся внѣшнимъ образомъ, жизнь народности, которая есть и существуетъ, пока эта народность не утратила особенностей своего духа, и показателемъ которой служитъ литература. На цѣлой литературѣ не могутъ отражаться, какъ на безформенной массѣ, только постороннія

вліянія. Такая литература не заслуживала-бы ни малѣйшаго вниманія наблюдателя и ея творческая производительность не имѣла-бы никакой жизненной силы. То, къ чему фатально клонится человѣчество, отражается, конечно и на ней, такъ какъ ей не чуждо ничто человѣческое. Но у нея свои звуки, объявляющіеся своимъ организмомъ, своей духовной природой. На малорусской литературѣ не могло не отразиться вліяніе общерусской. Общая политическая жизнь обѣихъ народностей, совмѣстное созданіе общерусской словесности, въ которую привнесены многія южно-русскія черты, все это дѣлало такія вліянія необходимыми и неизбѣжными. Но эти вліянія были взаимны и анализъ ихъ требуетъ особенной тщательности. Прошла-ли безслѣдно для русской литературы дѣятельность украинцевъ Хераскова, Богдановича, Капниста, Гнѣдича, Нарѣжнаго—цѣлой плеяды писателей до Гоголя включительно, повернувшаго силою великаго и глубоко національнаго генія всю литературу на иной путь? Какія стороны внесены одною народностью, какія другою? Какія превозобладали, оставили слѣдъ, создали новое направленіе? Можно-ли назвать „вліяніемъ“ черты, вынесенныя съ юга и вернувшіеся опять въ его литературу? Все это важно рѣшить не въ смыслѣ вопроса о какомъ нибудь первенствѣ или розни, но въ смыслѣ культурно-историческомъ. Какимъ „вліяніемъ“ объяснить тѣ или иныя особенности народной лирики, эпоса, глубокій политическій смыслъ историческихъ пѣсень, своеобразность народныхъ разсказовъ, представленій? Наконецъ что за двигатели, что за мотивы заставляли писателей большого таланта идти въ своей дѣятельности своимъ самостоятельно-народнымъ путемъ?

Безъ анализа этихъ національныхъ чертъ, безъ изслѣдованія того, какъ, при всѣхъ вліяніяхъ и воздѣйствіяхъ, выражался въ развитіи литературы этотъ процессъ самовыраженія и самоуясненія какой-то своеобразной духовной особи, въ чемъ онъ выразился и къ чему привелъ, не уяснится ни вопросъ »о свойствѣ почвы украинской литературы«, ни вопросъ о ея жизненности“.

Объяснивши всѣ стадіи развитія украинской литературы параллельнымъ вліяніемъ общерусской, г. Петровъ раздѣлилъ весь ея ходъ въ XIX вѣкѣ на шесть періодовъ, къ которымъ и пріурочиваетъ тѣхъ или иныхъ писателей. Это общая точка зрѣнія постоянно опровергается самыми монографіями дѣятельности писателей, составленными съ большою тщательностью и добросовѣстностью. Бѣглый обзоръ содержанія книги покажетъ намъ произвольность каждаго изъ такихъ дѣленій.

Первый періодъ называется: „псевдоклассическая литература нынѣшняго вѣка и реакція псевдо-классицизму“ и открывается Котляревъ-

скимъ. Гдѣ въ украинской литературѣ эти псевдо-классическія произведенія? Украинская муза, съ первыхъ словъ, сказанныхъ на родномъ языкѣ устами полтавскаго поэта, начала со сдергиванья псевдоклассической ветоши въ изображеніи жизни, осмѣяла фальшь этого рода литературнаго творчества, господствовавшаго въ литературѣ сосѣдней, напомнила о живой жизни, о дѣйствительности, которая должна служить матеріаломъ для искуства. По признанію г. Петрова, это сдѣлано было Котляревскимъ гораздо болѣе жизненно и умѣло, чѣмъ одновременно появившимися съ нимъ въ великорусской литературѣ Котельницкимъ и Осиповымъ. Въ своихъ драматическихъ попыткахъ Котляревскій не свободенъ отъ вліянія сентиментализма и резонерства, но въ нихъ обѣихъ, въ особенности въ „Наталкѣ", есть типы вполнѣ реальные, живые (Выборный, Терпелиха, Микола), что и сообщаетъ такую жизненность его пьесамъ, не устарѣвающимъ до сихъ поръ. Громадность задачи попомѣшала Котляревскому, обладавшему большимъ талантомъ, ставши творцомъ письменной украинской литературы, сдѣлаться въ ней и насадителемъ реализма, присущаго народному украинскому творчеству.

Вслѣдъ за Котляревскимъ въ этой группѣ поставленъ Белецкій-Носенко и ему отведено почти столько же мѣста, какъ первому. Вѣроятно неизданные источники, которыми пользовался составитель „Очерковъ", невольно подкупили его къ такому, далеко превосходящему заслуги писателя развитію этой монографіи. Въ общей картинѣ литературнаго украинскаго развитія Белецкій-Носенко необходимо долженъ стушеваться совсѣмъ. Это типъ литератора-обывателя. О »знаніи« его говорить едвали стоитъ и дѣятельностью его нельзя характеризовать литературный періодъ, прежде всего потому, что это писатель, не издававшійся при жизни, слѣдовательно не имѣвшій публики и не читавшійся никѣмъ изъ своего поколѣнія. Онъ литературный диллетантъ. Его опыты въ стихахъ—подражанія, поддѣлки, этнографическіе и историческіе труды не выдерживаютъ даже снисходительной научной критики, разсужденія на общественныя тэмы обличаютъ неустойчивость мысли, а иногда и нѣчто худшее. Часть сочиненій его потеряна, а »Горпинида«, блѣдное подражаніе »Энеидѣ«, и »Гостинецъ землякамъ« отводятъ ему въ литературной исторіи совсѣмъ дальнее мѣсто. Гулакъ-Артемовскій отнесенъ сюда-же за два-три стихотворенія, пріемъ или первая форма которыхъ взята изъ Горація. Анализомъ этихъ стиховъ самъ г. Петровъ убѣждается, что Артемовскій былъ не пародистъ, а сатирикъ. Онъ ищетъ слѣды сближенія поэзіи Артемовскаго съ произведеніями польскаго поэта Красицкаго и, основываясь на единственномъ переводѣ изъ Гете пьесы Der Ficher, заставляетъ Гулака примыкать къ романтикамъ. Ко-

роче, разсмотрѣвъ произведенія Гулака, авторъ самъ видитъ невозможность причислить этого образованнаго, расширившаго сферу украинскаго литературнаго творчества, писателя къ какому-бы то ни было опредѣленному циклу, но не сознается въ этомъ и присоединяетъ его къ псевдоклассикамъ, въ угоду принятой раньше системѣ. Точно также »подаетъ руку романтическому направленію въ украинской литературѣ« и Думитрашковъ, по одному переводу изъ Гете, напечатанному въ первый разъ въ книгѣ г. Петрова. Его передѣлка гомеровской »Войны мышей съ лягушками« толкуется иносказательно, въ видѣ изображенія прошедшей судьбы Малороссіи. Не думаемъ, чтобъ такое толкованіе прибавило цѣны этой попыткѣ малорусскаго гекзаметра, которая, скажемъ кстати, по преданію, нравилась Шевченку. Въ концѣ отдѣла совсѣмъ бѣлыми нитками пришиты Гоголь-отецъ и Кухаренко. Особенно странно въ періодѣ »псевдоклассицизма и реакціи ему« встрѣтить послѣдняго. »Чорноморскій Побитъ«—вещь совсѣмъ реалистическая, болѣе того, почти »натуралистическая" въ новѣйшемъ значеніи этого слова. Она имѣетъ цѣну по вѣрной рисовкѣ чертъ промежуточной, колонизаціонной эпохи въ Черноморіи и по сохраненію для исторіи, въ рельефныхъ обликахъ, живыхъ людей того времени. Остальныя работы Кухаренка—чистѣйшая этнографія. И по характеру, и по времени появленія все это нимало не относится къ тому періоду, къ какому присоединено составителемъ »Очерковъ«.

Вторымъ періодомъ является сентиментальная литература, а родоначальникомъ и главнымъ представителемъ ея—Квитка. Нужды нѣтъ, что значительная часть его произведеній принадлежитъ къ юмористическому роду, плохо уживающемуся съ представленіемъ о сентиментализмѣ во вкусѣ повѣстей Карамзина и первыхъ произведеній Жуковскаго, къ которымъ пріурочиваются свойства квитковскаго дарованія. »Украинская литература въ своемъ развитіи шла бокъ о бокъ съ сосѣдними литературами польскою и русскою и отражала въ себѣ всѣ ихъ направленія, въ томъ числѣ и сентиментальное«,—вотъ тезисъ, поставленный во главѣ отдѣла, и въ угоду ему разсматривается и дѣятельность харьковскаго беллетриста. Сентиментальныя нотки »Щирой любви«, »Добре роби, добре и буде«—подчеркиваются, а перлъ квитковскаго творчества »Маруся« подвергается перекрестному огню разнообразныхъ критическихъ отзывовъ. Эта поэма любви, гдѣ въ правдѣ изображенія характеровъ Квитка поднялся до эпическаго ве-

личія, одна выкупаетъ сентиментальныя слабости нѣкоторыхъ квитковскихъ вещей и глубоко справедливы слова Костомарова, что тотъ, кто не чувствуетъ правды этого произведенія, не знаетъ народной жизни. »Сердешна Оксана« сходна по сюжету съ »Катериной« Шевченка, а потому почти свободна отъ упрековъ въ сентиментальности; иначе къ этому періоду пришлось-бы присоединить и Шевченка. Но сближенія и параллели заманчивы, а потому »Салдацький Патретъ« ставится въ родственныя отношенія къ дѣятельности Артемовскаго-Гулака. Разсказъ основанъ будто-бы »на латинскихъ источникахъ«. Догадки объ этихъ источникахъ мало вѣрны. Эта вещица написана въ отвѣтъ сѣвернымъ критикамъ, учившимъ Квитку вѣрности въ изображеніи украинской жизни. Исходной чертой завязки взятъ школьный разсказъ объ Апеллесѣ и сапожникѣ. Вотъ все классическое вліяніе. По свойству-же живаго таланта Квитки, вмѣсто сухой дидактики, получилась яркая картинка, полная юмору и красокъ. Фантастическія произведенія Квитки взяты изъ народныхъ преданій, а потому совсѣмъ напрасно ставятся ему въ счетъ, съ упрекомъ въ подражательности тѣмъ же сентиментальнымъ образцамъ. Къ школѣ Квитки причислены братья Писаревскіе, С. Александровъ, Макаровскій и Тополя. Первые три, приставленныя къ имени Квитка, несомнѣнной единицы, не измѣняютъ чрезъ то своего значенія нулей. Симпатичная поэма Макаровскаго »Наталя«— вещь очень правдивая, а »Чари«-Тополи—слишкомъ отрывочное и безформенное произведеніе, съ трудомъ укладывающееся въ какія бы то ни было рамки.

Собраніе именъ А. и С. Метлинскихъ, Корсуна, Л. Боровиковскаго, Забѣлы, Думитрашка-Раича, Петренка и Афанасьева-Чужбинскаго— создаетъ »романтико-художественную« украинскую литературу. Всѣ помянутые писатели, кромѣ Амвросія Метлинскаго,—силы слабыя, подражательныя, гнувшіяся во всевозможныя направленія, и изъ шеренги, въ которую они поставлены г. Петровымъ, они выдвигаются постоянно то въ ту, то въ другую сторону. Кореницкій, Петренко и въ особенности Думитрашко-Раичъ, съ его »Бандурой«, едва ли заслуживали особыхъ этюдовъ, а для характеристики Забѣлы составитель не воспользовался мастерскимъ, хотя, можетъ быть, одностороннимъ портретомъ этого писателя, набросаннымъ Кулишомъ, въ вступленіи къ »Хуторной Поэзіи«. Отмѣтимъ тутъ нѣсколько маленькихъ погрѣшностей. Подтвержденіемъ подражанія Корсуна Пушкину и Лермонтову, приводится стихотвореніе его:

»Видчого«. Пьеса эта оказывается переводомъ стиховъ Марлинскаго: *Скажите мнѣ, зачѣмъ пылаютъ розы...* Сходное по темѣ съ одной изъ пьесъ Боровиковскаго извѣстное стихотвореніе Некрасова: „Внимая ужасамъ войны“ озаглавлено вмѣсто перваго вторымъ стихомъ, къ тому же искаженнымъ. Афанасьевъ — Чужбинскій, по г. Петрову, родившійся въ лебединскомъ уѣздѣ *полтавской губерніи*, конечно не Гомеръ и мѣсто его рожденія не возбудитъ спора, но полтавская губернія и такъ велика и можетъ обойдтись безъ расширенія на счетъ харьковской.

Въ тотъ періодъ, который названъ г. Петровымъ смутнымъ именемъ »украинскаго націонализма«, совмѣщены такія имена, какъ Максимовичъ, Бодянскій, Гоголь, Гребенка, Стороженко и... Петръ Раевскій. Первые два—дѣятели чистой науки, принесшіе огромную пользу украинскому самосознанію кабинетными, учеными трудами и чрезъ то дѣйствительно ставшіе живыми народными людьми. Дѣятельность Гоголя по отношенію къ южной Руси была лишена такой научной основы и потому его геній позволилъ ему только уловить общій поэтическій тонъ Украйны. И Гребенка и въ особенности Стороженко, съ его цвѣтистою фантазіей и неяснымъ міросозерцаніемъ, могли-бы съ такимъ-же удобствомъ быть причислены къ романтикамъ, какъ къ націоналамъ, а Петръ Раевскій, болѣе чѣмъ посредственный разсказчикъ и дешевый балагуръ, могъ-бы смѣло быть опущенъ не только въ этомъ періодѣ, но вообще въ литературной украинской исторіи, въ которую его имени попасть не суждено. Глава, озаглавленная »Украинское славянофильство«, посвящена дѣятельности Костомарова, Кулиша и Шевченка. Въ краткой общей характеристикѣ этого періода не достаточно ясно опредѣлена генетическая связь, которую предполагаетъ авторъ между украинскимъ славянофильствомъ и славянофильствомъ московскимъ. Такой связи ему, безъ сомнѣнія, и невозможно было бы установить. Какъ южное, такъ и сѣверное направленіе возникли параллельно, въ періодъ возникновенія общей идеи славянскаго возрожденія, обозначившейся въ австрійскихъ земляхъ реальными фактами. И отразились и развились эти идеи на югѣ и сѣверѣ—своеобразно. По признанію самого г. Петрова, южно-русское славянофильство никогда не замыкалось въ исключительность московскаго и никогда не вдавалось въ его крайности. Первые проблески его,—благородные идеалы кіевскаго кружка конца 40-хъ годовъ,—были шире идеаловъ московскихъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи оно шло своими пу-

тями. Отстаивая свою самостоятельность, индивидуальность духа, творчество, языкъ своего народа, украинскіе писатели стояли всегда на почвѣ широкаго просвѣщенія и никогда не думали изъ своихъ народныхъ особенностей, изъ своихъ историческихъ »завѣтовъ« создавать китайскія стѣны, въ которыхъ задыхались-бы жизнь и духъ родного племени. Европейская цивилизація не представлялась имъ чѣмъ-то ненавистнымъ, какъ для московскихъ славянофиловъ, которые объявили западъ гнилымъ и изобрѣли какое-то русское возрѣніе на науку и искусство. Все, что выработано другими обществами и народностями, должно было, по ихъ мнѣнію, изучаться дружески; но блага для своего народа они ждали отъ своеобразнаго развитія его собственныхъ силъ и отъ увеличенія средствъ къ жизни на его собственной почвѣ. Литературная дѣятельность трехъ названныхъ великихъ представителей украинскаго славянофильства выходила далеко за предѣлы панславизма и обняла такія стороны жизни, такіе вопросы исторіи и соціологіи, въ примѣненіи къ Украйнѣ, которые какъ дали работу слѣдующему литературному поколѣнію, такъ и ждутъ еще разрѣшенія. Историческое значеніе этой группы писателей, въ особенности Шевченка, не выступаетъ въ книгѣ Петрова въ надлежащемъ значеніи. За этими оговорками слѣдуетъ признать обширныя о нихъ монографіи составленными со всей возможной обстоятельностью и съ полнымъ знаніемъ источниковъ. Къ мелкимъ промахамъ надо причислить сближеніе поэмы Шевченка »Наймичка« съ однимъ слабѣйшимъ изъ стихотвореній Пушкина. Въ прозаическомъ этюдѣ этой піесы, который намъ довелось прочесть, означенная бытовая драма обставлена житейскими подробностями, списанными съ натуры, да и самая фабула поэмы такъ несложна, содержаніе ея настолько общечеловѣческое, что въ заимствованіи у Пушкина, котораго, безъ сомнѣнія, Шевченко зналъ и цѣнилъ чрезвычайно высоко, не было никакой надобности. Ошибочно появленіе этой-же поэмы отнесено къ 1840 г. (стр. 308). Не иначе, какъ ошибкой, и еще болѣе, можно назвать также включеніе въ этотъ отдѣлъ А. Навроцкаго, подобно Белецкому-Носенку, извѣстнаго скорѣе автору »Очерковъ«, чѣмъ публикѣ. Эти писатели, произведенія которыхъ остались въ портфеляхъ и не вошли въ общее литературное теченіе не что иное, какъ растенія, выросшія гдѣ то въ воздухѣ, и келейная дѣятельность ихъ, ихъ взгляды, симпатіи и антипатіи не доказываютъ и не объясняютъ ровно ничего.

Послѣдній періодъ охарактерированъ у г. Петрова слишкомъ общимъ названіемъ „новѣйшей украинской литературы". Ея теченія намѣчены только въ самыхъ общихъ чертахъ. Кромѣ того здѣсь сведены писатели двухъ литературныхъ поколѣній—шестидесятыхъ годовъ, какъ Марко Вовчокъ, Глѣбовъ и Руданскій, закончившіе свою литературную дѣятельность, и современные—Левицкій, Мирный и Кропивницкій, появившіеся въ эпоху иныхъ требованій, иныхъ общественныхъ теченій и задачъ. Дѣятельность ихъ, подверженная всякимъ случайностямъ, правда, не опредѣлилась еще съ достаточной полнотой и менѣе доступна для изученія, чѣмъ закончившаяся литературная карьера писателей прежнихъ лѣтъ. Внѣшнія условія этой дѣятельности менѣе благопріятны, чѣмъ въ 60-хъ годахъ, когда существовалъ южно-русскій журналъ или въ 40-хъ, когда малорусская литературная производительность проявлялась безпрепятственно. Нельзя поэтому ставить въ вину составителю „Очерковъ" отрывочность характеристики писателей этого періода [1]).

Мы видѣли изъ предъидущаго, что искуственныя рамки, принятыя г. Петровымъ для изложенія историческаго хода развитія украинской литературы, вносятъ противорѣчія въ оцѣнку явленій, изслѣдованныхъ имъ

---

[1]) Нѣсколько мелкихъ поправокъ къ этому періоду мы вносимъ, только принимая въ соображеніе педантическую точность составителя »Очерковъ«. Кромѣ указаннаго уже пропуска Номиса, нельзя не отмѣтить отсутствія замѣтки о дѣятельности Мордовцева. Издатель сборника, первый переводчикъ повѣстей Гоголя, авторъ разсказовъ и брошюръ, онъ заслуживалъ особой характеристики, никакъ не меньше, чѣмъ Кореницкій или Думитрашко-Раичъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о Чубинскомъ. Въ то время, какъ ничтожная пьеса Шереперн «Купало на Ивана» подвергнута обстоятельному разбору, а выдающееся произведеніе новаго малорусскаго театра, замѣчательная по реализму драма Стеценка »Доля« осталась въ тѣни. Не обращено вниманія на пьесы Цися. Не упомянуты, въ числѣ драматическихъ писателей Дмитренко и Велесовскій, авторы популярныхъ водевилей. Пропущенъ послѣдній литературный трудъ Марка Вовчка, относящійся къ южной Россіи, повѣсть »Маруся«, переведенная и на французскій языкъ. Псевдонимъ Митрофана Александровича—Митро Олельковичъ—приписанъ его брату, а одинъ изъ многочисленныхъ псевдонимовъ Кулиша—Забоцень сочтенъ особымъ писателемъ. Кропивницкій показанъ уроженцемъ екатеринославской губерніи, вмѣсто херсонской, а Свидницкій писателемъ исключительно русскимъ, хотя малорусскіе этнографическіе очерки его, напр. »Великдень у подолянъ«, принадлежатъ къ числу самыхъ замѣтныхъ работъ, какія появились въ »Основѣ«.

съ добросовѣстной полнотой. Эту сбивчивость представленій могло-бы устранить разсмотрѣніе украинской литературной исторіи, какъ проявленія, роста и видоизмѣненій культурно-національнаго типа въ историческомъ его развитіи. Въ настоящемъ видѣ книга г. Петрова не болѣе, какъ очень полный и точный сводъ литературныхъ фактовъ и въ этомъ смыслѣ она принесетъ существенную пользу и долго не утратитъ своего значенія.

Г.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ГРЕКИ ВЪ ЕЛИСАВЕТГРАДѢ.

(Отрывокъ изъ исторіи колонизаціи)[1].

1754—1777 гг.

На территоріи нынѣшняго Елисаветграда греки начали селиться одновременно съ появленіемъ крѣпости св. Елисаветы; слухи о льготахъ, даруемыхъ переселенцамъ въ Новой Сербіи, молва о построеніи крѣпости и послужили приманкою для подвижныхъ и промышленныхъ потомковъ Улиса. Въ царствованіе Екатерины, особенно ласкавшей грековъ, греческая колонизація усилилась и въ Елисаветградѣ; въ это время они сооружаютъ здѣсь свою церковь, получаютъ автономію какъ въ церковныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ. Впрочемъ численность колоніи никогда не была

---

[1]) Въ такъ называемой греческой церкви гор. Елисаветграда хранится связка документовъ, помѣченныхъ разными годами второй половины прошлаго столѣтія (ранній 1754 года); почти всѣ они писаны порусски, за исключеніемъ немногихъ на ново-греческомъ языкѣ; послѣдніе не представляютъ интереса (какое-то витіеватое, безсодержательное письмо, счетъ бакалейныхъ товаровъ и т. п.); русская половина коллекціи важнѣе, рисуя намъ бытъ греческой колоніи въ старомъ Елисаветградѣ. Правда, немного слѣда оставили по себѣ здѣсь греки и скорѣе исчезли, чѣмъ пришли, но для характеристики иностранной колонизаціи нашъ матеріалъ не лишенъ, думаемъ, интереса и мы рѣшаемся познакомить съ нимъ любителей старины. Дѣла греческой общины уцѣлѣли не всѣ, чѣмъ объясняется неполнота и нашего очерка.—В. Я.

велика: въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы грековъ считалось немного болѣе 50 душъ, съ женами и дѣтьми, а въ концѣ столѣтія, кажется, не болѣе 100 чел. [1]). Но большая часть ихъ имѣла свои дома и лавки, нѣкоторые—по двѣ лавки. Значительнѣйшее число грековъ переселилось изъ Македоніи, другіе явились изъ Константинополя и съ острововъ, двое вышли изъ Сѣчи запорожской, были выходцы изъ Австро-Венгріи, Бессарабіи, изъ Нѣжина и наконецъ одинъ прибылъ изъ Венеціи.

Получивъ мѣста для построекъ, обзаведясь и устроившись на новомъ мѣстѣ, почти всѣ переселенцы греки занялись торговлей и весьма немногіе ремесломъ. Изъ разныхъ отраслей коммерческой дѣятельности предпочтеніе осталось за бакалейной; слѣдующее по числу представителей мѣсто принадлежитъ торговлѣ „горячимъ виномъ", т. е. водкой и волошскимъ (бессарабскимъ) виномъ; послѣднія мѣста заняты табакомъ и хлѣбомъ. Промышленныя операціи елисаветградскихъ грековъ не ограничивались райономъ Новой Сербіи: изъ паспортовъ ихъ видно, что по торговымъ дѣламъ они отлучались въ Малороссію, Сѣчь, Польшу и Великороссію, но всего чаще навѣдывались въ Турцію. Замѣтно, что греки-колонисты не желали оставлять національныхъ своихъ особенностей и не всегда прочно сидѣли на почвѣ, хотя она была, или, по меньшей мѣрѣ, могла быть для нихъ благодатною во многихъ отношеніяхъ: значительное число паспортовъ выдано на годичный срокъ, многіе на 6 и на 4 мѣс.

Тѣмъ не менѣе на первыхъ-же порахъ проявляется у новопоселившихся грековъ стремленіе зажить своимъ міркомъ, какъ дома. Въ 1760 году, подъ предводительствомъ венеціанскаго выходца Ефима Темелея, они выступаютъ съ ходатайствомъ о сооруженіи своей особой церкви и просятъ разрѣшенія совершать богослуженіе на греческомъ языкѣ; въ просьбѣ о содѣйствіи по этому дѣлу, поданной коменданту крѣпости св. Елисаветы Толстому, указавъ на свою ревность къ русскому престолу и греко-россійской церкви и сославшись на существованіе греческихъ церквей въ Москвѣ, Кіевѣ и Нѣжинѣ, они утверждаютъ, что переселеніе грековъ въ Елисаветградъ усилится, если у нихъ будетъ здѣсь своя церковь; при

---

[1]) Въ этотъ счетъ однако не входятъ работники.

этомъ заранѣе указываютъ и кандидата на священническое мѣсто—отставного нѣжинскаго іеромонаха Игнатія Папазовлу. Въ прошеніи къ преосвященному Гервасію, епископу переяславскому, въ епархію котораго входила также и Новая Сербія, греки просятъ кромѣ того разрѣшить открытіе при церкви „страннопріимнаго дома“ для „убогихъ и безъязычныхъ“ изъ ихъ братіи [1]). Ходатайство грековъ уважено, и въ началѣ 1761 года они приступили къ заготовленію матеріала для постройки храма и къ подысканію мастеровъ для работъ живописныхъ и рѣзныхъ. Мастера выписаны изъ Нѣжина, конечно греки-же [2]).

Въ 1765 г., когда постройка приходила уже къ концу, преосвященный Гервасій разрѣшилъ іеромонаху Папазовлу совершать въ новомъ храмѣ часы, панихиды и т. п. службы, не требующія освященнаго престола, а 25 сентября 1766 года далъ благословеніе освятить средній престолъ во имя Владимірской Божіей Мари; придѣлы не были еще окончены и въ это время [3]). Іеромонахъ Папазовлу, прослуживъ годъ въ неосвященной еще церкви, оставилъ мѣсто по болѣзни,—вѣроятно отъ старости, и грекамъ пришлось искать новаго священника, а найти хорошаго священнослужителя—грека было не легко. Здѣсь заслуживаетъ упоминанія одинъ документъ, помѣченный 9 числомъ января 1766 г. и заключающій условіе вышедшаго изъ Константинополя іеродіакона Ѳеоны съ Ефимомъ Темелеемъ и греческимъ братствомъ при крѣпости св. Елисаветы: оно рисуетъ намъ церковно-общественные порядки и отношенія общества. Ѳеона обязывается, получивъ посвященіе и заручившись утвержденіемъ епархіальнаго начальства, священствовать въ греческой церкви 6 лѣтъ, получаетъ на содержаніе $1^1/_2$ части церковныхъ доходовъ, а 2 части отдаетъ ктитору „для всякихъ потребностей“; на содержаніе остальныхъ членовъ клира шла, вѣроятно, половинная доля.

---

[1]) Устройство его, кажется, не состоялось.

[2]) Почтенный изслѣдователь мѣстной старины, покойный архіепископъ Гавріилъ ошибся, отнеся начало греческой церкви въ Елисаветградѣ къ 1757 году. См. его ст. »Хрон.-истор. описаніе церквей губерніи херсонской.« въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., т. II, 1848 г., стр. 146.

[3]) Въ бумагахъ греческой церкви сохранилось условіе съ жителемъ слободы Злынки, Алексѣемъ Гурьевымъ, обязавшимся нарубить въ казенномъ Черномъ лѣсу и доставить 600 деревьевъ за 27 р.

По неизвѣстной причинѣ Ѳеона не получилъ прихода и послѣдній достался въ 1767 г. вышедшему „изъ за границы“ Видалиду. Однако, проживъ всего нѣсколько мѣсяцевъ при елисаветинской крѣпости, Видалидъ этотъ стосковался по родинѣ и тайно бѣжалъ, при помощи подкупленнаго имъ отставного солдата, за что тотъ былъ наказанъ плетьми.

Тогда греки заключили временное условіе съ бѣжавшимъ „отъ уніатскаго гоненія“ изъ польскаго мѣстечка Медвѣдовки священникомъ Аѳанасіемъ Борисовымъ, до пріисканія священника—грека[1]). Условіе заключено на 3 года, по 40 р. въ годъ, выплачиваемыхъ по третямъ; священникъ обязывался брать за обряды, „по силѣ указа Его Преосвященства“, безъ вымогательства; обязывался доставлять на собственный счетъ просфоры для обыкновенныхъ литургій, на сорокоусты же самъ заказчикъ расходуется на просфоры, вино, свѣчи и ладонъ. Таково условіе, заключенное греками съ Борисовымъ. Но епископъ Гервасій не утвердилъ его на приходѣ и на основаніи указовъ синода велѣлъ препроводить, какъ бѣглаго, на прежній приходъ, а грекамъ предложилъ поискать себѣ другого пастыря. Тѣмъ не менѣе, короткое время Борисовъ служилъ въ греческой церкви; служили также и священники русскихъ церквей при елисаветинской крѣпости, и грекамъ все не удавалось найти себѣ настоящаго священника.

Къ этому времени, когда духовное стадо елисаветградскихъ грековъ оставалось безъ пастыря, относится одинъ эпизодъ, представляющій особенный интересъ. Въ началѣ 1769 года елисаветградская провинція подверглась нападенію крымскихъ татаръ, подъ предводительствомъ хана Керимъ-Гирея. Въ числѣ многихъ поселеній, сожженыхъ непріятелями, такая участь постигла и многолюдное село Аджамку[2]), съ церковью. Населеніе Аджамки разбре-

---

[1]) Въ архивѣ греческой церкви сохранилось еще одно свидѣтельство о православномъ священникѣ, бѣжавшемъ отъ преслѣдованій изъ польскихъ владѣній (просьба о мѣстѣ свящ. Іоанна Дитанскаго). Оно напечатано въ »Херсонск. Епарх. Вѣд.« 1883 г. № 15.

[2]) Теперь село александровскаго уѣзда, на рѣкѣ того-же имени, впадающей въ Ингулъ. Баронъ Тоттъ полагаетъ въ ней 800—900 домовъ. См. переводъ его мемуаровъ объ этомъ нашествіи въ »Кіевской Старинѣ« т. VII, 1883 г.

лось, куда кто могъ: священникъ-же, Василій Логовикъ съ семействомъ поселился въ недальней отъ Аджамки крѣпости св. Елисаветы. Лишившись прихода и средствъ къ существованію съ семьей, онъ обратился къ старостѣ греческой церкви Темелею съ предложеніемъ исправлять должность священника и съ просьбою пріютить себя до мая мѣсяца въ церковномъ домѣ. Темелей и греки приняли Логовика и отвели ему временную квартиру въ церковной хатѣ, служившей помѣщеніемъ дьячку, пономарю и сторожамъ. Пришелъ май мѣсяцъ, а Логовикъ не оставлялъ церковной квартиры и не искалъ другаго мѣста; съ своей стороны и греки не успѣли еще найти иного священника: такъ, по взаимному соглашенію, вѣроятно болѣе или менѣе молчаливому, священствованіе бывшаго аджамскаго батюшки затянулось. Но одно не нравилось ему у грековъ: это то, что всѣми матеріальными дѣлами церкви распоряжаются у нихъ ктиторы, а священникъ не только не имѣетъ доступа къ нимъ, но и служитъ наемникомъ. И вотъ, протянувъ свое замѣстительство до осени, онъ рѣшается произвести общественно-церковный переворотъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ подаетъ Логовикъ прошеніе епископу Гервасію объ утвержденіи его, Логовика, въ должности священника греческой церкви и о дозволеніи остаться жить въ церковномъ домѣ. Предшествовало-ли подачѣ прошенія какое либо условіе Логовика съ греками, и если было заключено условіе, то какое именно,—не знаемъ; вѣроятнѣе, что такого условія не было: иначе зачѣмъ-бы было просить у преосвященнаго разрѣшенія жить въ церковномъ домѣ? Какъ-бы то ни было, епископъ Гервасій изъявилъ согласіе на оба пункта просьбы Логовика. Заручившись архипастырскимъ утвержденіемъ въ должности и водвореніемъ въ церковномъ домѣ, Логовикъ черезъ мѣсяцъ подаетъ въ переяславскую консисторію „доношеніе“ слѣдующаго содержанія: бывшій у грековъ священникомъ и потомъ сбѣжавшій Видалидъ „нанятой всегда находился и ни къ какому тоя церквы церковному добру дела не имелъ, но они сами отъ себя вино, ладанъ, свѣчи и просфиры отпускали, почему и свечи церковные, а не поповскіе въ продажу отпускаются, такожъ и ключъ церковный у себя содержатъ“. Логовикъ признаетъ такіе порядки неудобными и противными русскимъ церковнымъ преданіямъ; онъ объясняетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ: „1-е, просфиры они (греки) отпуска-

ютъ развѣ въ праздничные и воскресные дни, а въ рядовые хотя бы и желалъ священникъ литургисать, но просфоръ и другихъ потребностей не отпускаютъ; 2-е, чрезъ содержаніе ключовъ церковныхъ у себе (у ктитора) часто бываютъ священнику въ преподаяніи требъ препятствія и остановки; 3-е, по таковымъ отъ нихъ слѣдуемымъ происходствамъ и по малому тамо (въ Елисаветградѣ) ихъ числу дячка при той церкве содержать не съ чего, а онъ де..... отъ ныхъ грековъ найму не требуетъ (sic) и просфиры съ виномъ отпускать з своего кошту, такожъ и дячка на собственномъ препитаніи содержать одолжается". Вслѣдствіе изложеннаго, Логовикъ проситъ: „не поволеноль будетъ отъ духовной консисторіи въ оной греческой церкви свечи ему правителю[1]) въ продажу производить, какъ де оные греки и уговорились было з священникомъ Аѳанасіемъ (Борисовымъ[2]), и ключи церковныя содержать у себя....".

Должно полагать, Логовику хорошо извѣстны были ходы въ въ переяславской консисторіи, не даромъ онъ занималъ должность правителя; иначе трудно объяснить, при наличныхъ условіяхъ, опредѣленіе консисторіи, положенное вслѣдствіе его „доношенія". Резолюція была такова: „въ согласіе учиненнаго на просителевомъ доношеніи..... Его Преосвященства опредѣленія о бытіи при греческой прописанной церкве и о поступаніи такъ, какъ надлежитъ приходскому священнику по здѣшнимъ порядкамъ за силу правилъ святыхъ отецъ, въ коихъ изображено: души поручены въ наблюденіе, кольми паче церковное добро поручиты надлежитъ". Объ этомъ рѣшеніи сообщено елисаветградскому духовному правленію, т. е. тому-же Логовику, и предложено „вѣдать и чинить по сему".

Греческое общество протестовало. Оно ссылалось на нѣжинскую и кіевскую греческія церкви, гдѣ церковное добро находилось въ вѣдѣніи ктиторовъ; указывало на то, что и въ Елисаветградѣ доселѣ преосвященнымъ разрѣшалось тоже, по примѣру тѣхъ церквей; наконецъ утверждало, что никогда никакихъ неудобствъ отъ этого не выходило: просфоры и вино выдавались безпрепятственно, по требованію священника, ключи—также; ктиторъ жи-

---

[1]) Логовикъ занммалъ должность правителя елисаветградскаго духовнаго правленія еще съ того времени, когда служилъ въ Аджамкѣ. Документъ за его подписью, съ датой 1764 г., см. въ »Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.«, т. VI, стр. 602.

[2]) Мы видѣли, что объ этомъ договора заключено не было.

ветъ въ церковной оградѣ... На этомъ, къ сожалѣнію, обрывается это дѣло и мы не знаемъ: кто побѣдилъ въ борьбѣ? Правдоподобно,—Логовикъ.

Выше мы видѣли, что половина церковныхъ доходовъ, по условію съ іеродіакономъ Ѳеоною, долженствовала поступать къ церковному старостѣ „на всякія потребности". Но Ѳеонѣ не удалось занять прихода, и условіе, заключенное съ нимъ, не получило дѣйствія. Однако, изъ доброхотныхъ-ли даяній, или изъ другихъ источниковъ, не знаемъ, — при греческой церкви составился капиталъ; неизвѣстно также, великъ-ли былъ онъ, но несомнѣнно то, что онъ пускался въ оборотъ. Сохранилось „доношеніе" купца Михаила Николаева, помѣченное 1766 годомъ (слѣдовательно годомъ освященія средняго престола церкви), съ просьбою выдать ему изъ церковной суммы на годъ 300 р., такъ какъ ему, Николаеву, „небезъизвѣстно", что „желающимъ" выдаются деньги изъ церковной суммы на проценты; на оборотѣ „доношенія" набросано вчернѣ „одобреніе" купеческаго правленія (о купеческомъ правленіи будетъ сказано ниже). Кромѣ этого, есть еще два указанія на такіе займы, одинъ 230 р., другой—200 р., причемъ въ послѣднемъ случаѣ деньги выданы изъ „казны" какого-то капитана Кочаргана, находящейся при церковной суммѣ (вкладъ?); за просрочку 21 дня должникъ уплатилъ 70 к.

Итакъ, елисаветградскіе греки имѣютъ свою церковь, завѣдуютъ черезъ ктиторовъ матеріальными ея дѣлами, увеличиваютъ церковную казну отдачей на проценты, имѣютъ выбраннаго и договореннаго священника, совершающаго богослуженіе на греческомъ языкѣ. Но еще ранѣе освященія церкви они дѣлаютъ другой, еще болѣе важный шагъ къ устройству своей самостоятельности. Въ началѣ 1764 г. знакомый намъ венеціанецъ Ефимъ Темелей „съ товарищи" подали новороссійскому военному губернатору Мельгунову слѣдующаго содержанія „всенижайшее доношеніе". „Намъ нижайшимъ—писали греки—по бытности въ Нѣжинѣ извѣстно, что на основаніи Всевысочайшихъ жалованныхъ грамотъ, находящіеся въ Нѣжинѣ греки купеческое братство имѣютъ и между собою по купечеству судъ и расправу чинятъ, то и мы нижайшіе (продолжаютъ просители—греки), смѣлость возымѣли чрезъ сіе Вашего Высокопревосходительства, яко главнаго здѣсь командира и ко всѣмъ

ищущимъ милостиваго патрона рабски просить, дабы поданную отъ насъ нижайшихъ на Всевысочайшее Ея Императорскаго Величества имя челобитную представить, куда Ваше Высокопревосходительство заблагоразсудить изволите, чтобы мы нижайшіе Вашею неизреченною милостію въ семъ прошеніи оставлены не были, и за то подвергаемъ себя вѣчно имя Вашего Высокопревосходительства прославлять, а чтобы намъ нижайшимъ подъ магистрацкой старшиною въ командѣ не быть, понеже отъ оной старшины всегдашнее гоненіе и безчестіе претерпѣваемъ, и въ томъ, яко иностранныхъ людей, защитить и повелительнымъ Вашего Высокопревосходительства ордеромъ снабдить, чтобы до пріѣзда Вашего Высокопревосходительства моглибъ по купеческому промыслу судъ и расправу межъ собой имѣть и для лучшаго порядку быть при томъ находящемуся здѣсь переводчику Константину Юрьеву, понеже и напередъ сего былъ въ таковыхъ распорядкахъ переводчикъ".

Ходатайство грековъ уважено и на этотъ разъ. Съ слѣдующаго 1765 года они выбираютъ изъ своей среды двухъ старшинъ, которые служатъ исполнительнымъ органомъ самоуправленія общины. Для характеристики выборовъ любопытенъ рапортъ командиру крѣпостнаго магистрата, поданный въ 1769 г. бывшими старшинами Юріемъ Фундуклеемъ [1]) и Павломъ Дмитріевымъ о сдачѣ ими должности вновь выбраннымъ Савѣ Петрову и Николаю Иванову; изъ рапорта видно, что сдавались не только письменныя дѣла по описи, но и сами греки—купцы и цеховые, по списку; любопытно также, что новымъ старшинамъ переданы ружья и патроны съ пулями. Видно, должность старшины не отличалась спокойствіемъ, а сами греки не могли считаться вполнѣ осѣдлыми.

Кромѣ старшинъ, часто упоминается въ дѣлахъ „купеческое правленіе", но по всему судя, такое названіе присвоено было никому иному, какъ тѣмъ же старшинамъ, и въ документахъ замѣтнаго различія между ними не полагается.

Разсмотримъ же кругъ дѣятельности купеческаго правленія, насколько позволяютъ это матеріалы.

Во первыхъ, оно даетъ одобреніе на пріемъ въ свою общину новыхъ пришельцевъ; предварительно посылается человѣка 2—4

---

[1]) Выходецъ изъ мѣстечка Патина (?) на Бѣломъ морѣ (Архипелагѣ).

изъ купцовъ для осмотра товара будущаго братчика и повѣрки объявленнаго имъ капитала; послы, освидѣтельствовавъ его имущество, подаютъ правленію рапортъ, въ коемъ указывается, какой товаръ и въ какой суммѣ капиталъ имѣется у новоприбывшаго; затѣмъ уже купеческое правленіе подаетъ „одобреніе“ командиру крѣпостного магистрата для распоряженія.

Далѣе, купеческое правленіе выдаетъ членамъ общины увольнительныя свидѣтельства на отъѣздъ изъ крѣпости въ разныя мѣста, но дѣлаетъ это не иначе, какъ за поручительствомъ остающихся нѣсколькихъ грековъ (иногда одного), которые даютъ правленію подписку въ томъ, что отлучающійся вернется къ сроку.

Старшины собираютъ съ грековъ—купцовъ и цеховыхъ окладныя деньги, взыскиваютъ недоимки и собранное доставляютъ командиру крѣпостного магистрата.

Наконецъ, правленіе чинитъ грекамъ судъ. Немногочисленные слѣды этого суда, сохранившіеся въ дѣлахъ, интересны для характеристики нравовъ елисаветградскикъ грековъ.

1765 г. сентября 15 дня купецъ Яковъ Петровъ даетъ купеческому правленію подписку: въ пьяномъ видѣ, находясь „въ азартѣ“, какъ онъ выражается, онъ „назвалъ“ купца Леонтьева и жену его „безчестными словами“, которыя признаетъ теперь напраслиной, и обѣщается никогда впередъ не порочить его, уплачиваетъ 5 р. пени „на братскіе расходы“, а въ случаѣ повторенія проступка обязуется уплатить въ правленіе 50 р. и получить 100 ударовъ плети.

Другое дѣло. Жилъ при крѣпости одинъ грекъ Павелъ Дмитріевъ; его выбрали однажды старшиною, какъ мы видѣли выше, но онъ отличался нравомъ чрезвычайно горячимъ и, какъ говорится, вреднымъ. Вотъ, для примѣра, образчикъ его поведенія. Беретъ онъ въ долгъ у купца Фундуклея бессарабскаго вина и принимается торговать имъ во дворѣ, нанятомъ тѣмъ-же Фундуклеемъ; по окончаніи срока уплачиваетъ, вмѣсто полной суммы долга, часть ея; и всего-то оставалось доплатить 8 р. 50 к., но Павелъ Дмитріевъ не только отказался отъ уплаты, но въ собственномъ-же дворѣ Фундуклея въ рѣзкихъ и неприличныхъ выраженіяхъ коснулся интимныхъ дѣлъ своего благодѣтеля и потомъ вызывалъ даже его на поединокъ, показывая изъ подъ плаща саблю. Обиженный жа-

ловался командиру крѣпостного магистрата и просилъ удовлетворенія [1]).

А вотъ другая жалоба на того-же Дмитріева, поданная въ правленіе какой-то молдованкой вдовой Марьей Григорьевой. Суть дѣла слѣдующая. Прослышавъ отъ кого-то, что Григорьева—знахарка, Дмитріевъ призвалъ ее къ себѣ на домъ и спросилъ, „не знаетъ-ли какихъ волхованій, чтобы греческимъ старшинамъ Ефиму Темелею и Константину Бургазлію, да купцу Юрію Фундуклею такимъ образомъ учинить, чтобы они несмысленны и совсѣмъ въ разумѣ помѣшательны были"; такое желаніе онъ объяснилъ разсчетомъ получить наслѣдство умершаго тогда купца Яна Мураита, на дорогѣ къ чему стояли названныя лица; въ вознагражденіе за трудъ онъ предложилъ Григорьевой купить сподницу и кафтанъ. Но она отвѣчала, что не можетъ исполнить просьбы и что волхованій не знаетъ. Оставивъ домъ его, Григорьева въ тотъ-же день явилась къ Фундуклею, на котораго передъ тѣмъ злоумышлялъ Павелъ Дмитріевъ, и разсказала о разговорѣ. Узнавъ объ этомъ, Дмитріевъ начинаетъ преслѣдовать бабу: гдѣ ни увидитъ, бранитъ разными „непотребными и укорительными словами" и наконецъ прибилъ „кулачьемъ и сапогами до угодности", по документальному выраженію,—при чемъ показывалъ изъ подъ плаща шпагу и стращалъ, что голову ей отрубитъ. Однако услыхавъ, что оскорбленная сторона подала жалобу на него, Дмитріевъ бѣжалъ. Спустя четыре мѣсяца, явился онъ снова въ крѣпости, пришелъ въ домъ своего противника, старшины Темелея, бранилъ его разными „скверными словами" и при томъ, „произнося похвалки, искалъ случая его, Темелея, умертвить, на что и ножа просилъ у грека Павла Кушнера"; Темелей крикнулъ о помощи и приказалъ взять Дмитріева подъ стражу; тотъ схватилъ старшину за волосы и „дралъ довольно", такъ что едва розняли. Заковали буяна, но онъ снова бѣжалъ, „и съ цѣпью". Тогда Темелею не оставалось ничего больше, какъ обратиться за помощью и удовлетвореніемъ къ крѣпостному начальству, что онъ и сдѣлалъ; разузнавъ, что преступникъ скрывается въ Новомиргородѣ, онъ просилъ водворить его на мѣсто по-

---

[1]) Фундуклей занималъ должность старшины и поэтому дѣло не было направлено въ правленіе, а въ крѣпостной магистратъ.

стоянной осѣдлости, указывая на то между прочимъ, что Дмитріевъ долженъ многимъ. Дальнѣйшій ходъ дѣла и финалъ его не извѣстенъ намъ.

Изложеннымъ выше исчерпываются свѣдѣнія о купеческомъ правленіи. Оканчивая наше повѣствованіе, передадимъ еще для полноты содержаніе одной росписки о покупкѣ съ торговъ дома съ дворомъ извѣстнымъ намъ Темелеемъ: она знакомитъ насъ съ матеріальной обстановкой и цѣнностью жизни въ крѣпости св. Елисаветы середины прошлаго столѣтія (1757 г.). Темелею достались: ,изба рубленая съ печью, сѣни съ чуланомъ, оставленни (обставленные) тыномъ, ледникъ съ погребицею рубленые, погребъ выходний, въ срединѣ оставленна половина досками; близь онаго погреба чуланъ, оставленний досками; другой погребъ выходной, противъ ево комора, оставленна досками, дворъ и все строеніе(?)". Цѣна всему этому 20 рублей.

Свѣдѣнія о купеческомъ греческомъ правленіи въ Елисаветградѣ заключаются 1777 годомъ. Въ настоящее время въ приходѣ елисаветградской греческой церкви грековъ уже нѣтъ, и едва сохранилась память о нихъ: говорятъ, они переселились въ Маріуполь; въ ревизской сказкѣ 1811 г. показаны только двѣ семьи, уцѣлѣвшія отъ греческой колоніи прошлаго вѣка: Фундуклеи и Петровы[1]). Въ настоящее время единственнымъ напоминаніемъ о грекахъ въ Елисаветградѣ служитъ т. н. греческая церковь, находящаяся на правомъ берегу Ингула, на базарной площади, на подолѣ остатковъ крѣпости. Но это не та церковь, которая выстроена греками въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Старая церковь была деревянная, двуглавая, выкрашенная снаружи, выбѣленная внутри. По описи 1793 г. иконостасы въ ней были гладкіе, посеребренные, съ рѣзными, вызолоченными на двухъ, посеребренными на одномъ, рамами для иконъ; тогда въ церкви довольно было серебряныхъ сосудовъ и лампадъ, парчевыхъ, бархатныхъ и иныхъ ризъ, серебряная рака для плащаницы и т. п.

Въ 1784 г. въ приходѣ считалось 208 дворовъ и 1040 душъ

---

[1]) Изъ этой семьи Петровыхъ происходитъ знаменитый впослѣдствіи пѣвецъ-артистъ Ос. Аѳ. Петровъ (род. 1805 г.).

прихожанъ; въ 1793 г. 144 двора и 815 прихожанъ,—меньше, можетъ быть, вслѣдствіе бывшей въ этотъ промежутокъ чумы.

Нынѣшняя каменная Греческая церковь выстроена близь того мѣста, гдѣ стояла старая, обветшавшая; новая сооружена на доброхотныя пожертвованія прихожанъ и освящена въ 1812 г. Немного позже пристроена каменная-же колокольна.

В. Ястребовъ.

Елисаветградъ,
10 марта 1884 года.

МАЛОИЗВѢСТНЫЕ И НЕИЗВѢСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ СВѢДѢНІЙ О МИНУВШЕЙ ЖИЗНИ ПОЛТАВЩИНЫ.

Богатѣйшимъ, неисчерпаемымъ такъ сказать источникомъ свѣдѣній для исторіи Полтавщины XVIII ст. могла-бы служить такъ называемая Румянцевская Опись Малороссіи. Къ сожалѣнію, доселѣ не розыскана та именно половина оной, которая относится къ мѣстностямъ нынѣшней полтавской губерніи. Гдѣ-то было заявлено, что профессоръ Лучицкій нашелъ въ Полтавѣ недостающія части и между прочимъ ту часть оной, въ которой описана перво-пирятинская сотня Лубенскаго полка; но до сихъ поръ объ этомъ открытіи мы не имѣемъ ничего, кромѣ одного голаго извѣстія, и мы лишены возможности составить себѣ представленіе о прошломъ этого уголка лѣвобережной Украины.

Недостатокъ данныхъ Румянцевской Описи въ одномъ отношеніи и въ нѣкоторой степени могутъ замѣнить намъ, кромѣ архивовъ частныхъ, церковные архивы. Въ нихъ можемъ найти исповѣдныя росписи, приходо-расходныя книги, брачные обыски, клировыя вѣдомости, описи церковнаго имущества, копіи съ Высочайшихъ манифестовъ, консисторскихъ указовъ, бумаги изъ канцелярій полковыхъ и сотенныхъ; въ нѣкоторыхъ церковныхъ архивахъ попадаются замѣтки священно-служителей, нѣчто въ родѣ мѣстныхъ лѣтописей. Намъ извѣстно по крайней мѣрѣ, что такого рода матеріалы находятся въ церковныхъ архивахъ тѣхъ селъ, которыя входили въ составъ перво-пирятинской сотни [1]); но изъ этихъ ар-

---

[1]) По вычисленію Н. А. Маркевича всѣхъ селъ и деревень въ этой сотнѣ было 29, хуторовъ 72. Ист. Малор. Т. 5 стр. 118.

хивовъ пока разобраны только бумаги, хранившіяся при Іоанно-Богословской церкви въ с. Великой Кручѣ (Пирятинскаго уѣзда), и на основаніи ихъ составлена статья А. Стороженка, помѣщенная въ № 9 Полтавскихъ Епарх. Вѣд. за 1883 г., подъ заглавіемъ: „Село Великая Круча и его церковь". Намъ пришлось случайно въ томъ-же архивѣ наткнуться на двѣ публикаціи второй половины XVIII ст. о разысканіи и поимкѣ бѣглыхъ преступниковъ. Такими публикаціями переполнены архивы наши, особливо же за послѣднюю четверть прошлаго столѣтія и далѣе, когда надвигавшееся и потомъ налегшее на сельское населеніе крѣпостное право побуждало оное брести, куда попало, ища вольныхъ мѣстъ и вольной жизни. Въ изобиліи находимъ такія публикаціи и въ церковныхъ архивахъ.

Въ прежнее время, при слабости административной власти и отсутствіи въ ней правильной организаціи, церковь во многихъ отношеніяхъ служила ея цѣлямъ и между прочимъ цѣлямъ правосудія. Въ случаѣ побѣга колодниковъ, гродскіе суды и полковыя канцеляріи посылали приказы о поимкѣ скрывшихся сотникамъ, какъ низшимъ представителямъ уряда, совмѣщавшимъ въ своемъ лицѣ всю нынѣшнюю уѣздную администрацію. Въ сотенныхъ канцеляріяхъ писались „публѣкаціи" въ сельскія церкви съ обозначеніемъ примѣтъ преступниковъ и приказаніемъ прибить эти „публѣкаціи" къ церковнымъ стѣнамъ „къ общему всехъ навсегда знанію", а атаманамъ, приказчикамъ, войтамъ снять съ нихъ копіи, стараться о возможно-скорѣйшей поимкѣ бѣжавшихъ и доносить въ канцелярію о принятыхъ для этого мѣрахъ и ихъ результатахъ.

При всей мелочности и однообразіи такого рода бумагъ, въ въ нихъ разбросаны подъ часъ такія мелкія черты, которыя въ общей группировкѣ могутъ представлять немаловажный интересъ для мѣстной бытовой исторіи. Обѣ упомянутыя нами публикаціи выпущены изъ перво-пирятинской сотенной канцеляріи, первая 16 мая 1767 г., вторая 18 ноября 1768 года. Первою розыскивались „злодѣи, причинившіеся къ напоенію нѣякимсь вредительнымъ зѣллямъ жителей с. Костобобра Василя Килимонова и Ефима Лицерова, посполитыхъ, бунчукового товарища Павла Максимовскаго, жители с. Демьянокъ Халимонъ и Грицко Билоножки", давалась предосторожность населенію отъ таковыхъ зелій и за поимку виновныхъ обѣщалась награда въ 20 р.; второю преслѣдовался бѣ-

жавшій изъ подъ караула колодникъ Петро Курѣлный съ такими примѣтами: „росту среднего, волосовъ темнорусихъ, голится по чуприну, глазовъ карихъ, носа довгого, лица сухощавого, вусы толко що начали висипатися, лѣтъ отъ роду двадцати двохъ, одежи на немъ: свита сѣра стара, шита по донску, юпка с китайки гранатовои стара, чересъ полотняной старой, шапка круглая, околиця черна смушева, з вершкомъ, сукна вишневого стара...“.

Мимоходомъ указываемъ на самыя ничтожныя въ ряду архивныхъ бумагъ; найдутся, конечно, гораздо важнѣе и интереснѣе, а сводя все, можно, хотя по мелкимъ частямъ, достигнуть въ послѣдствіи цѣльнаго воспроизведенія минувшаго быта нашей Украины.

Не можемъ не указать при этомъ на нѣкоторыя готовыя, добытыя и разработанныя свѣдѣнія и матеріалы, которые могутъ быть весьма пригодны для занимающихся исторіею Полтавщины, но нашли себѣ мѣсто въ изданіи, принадлежащемъ къ числу наименѣе извѣстныхъ даже записнымъ исторіографамъ, именно въ Полтавскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ.

Сколько намъ извѣстно, въ предѣлахъ нынѣшней полтавской епархіи болѣе или менѣе разработаны архивы слѣдующихъ церквей. Перечислимъ по уѣздамъ, съ полными заглавіями статей, тѣ приходы и церкви, о которыхъ на страницахъ названнаго изданія даны иногда очень обстоятельныя свѣдѣнія на основаніи мѣстныхъ церковныхъ архивовъ.

Полтавскій уѣздъ.—Историко-статистическія церковныя свѣдѣнія о с. Чутово, Полт. Епарх. Вѣд. 1871. №№ 23, 24 (св. Григ. Коломенскаго).—Срѣтенская приходская церковь въ г. Полтавѣ, П. Е. В. 1875. №№ 10, 11.—Приходъ села Локощины, П. Е. В. 1876. № 10.—Церковь св. Василія Великаго въ селѣ Камянкѣ, П. Е. В. 1877. № 4; и статья, составленная на основаніи бумагъ, взятыхъ изъ архивовъ разныхъ церквей: Начало духовно-учебнаго дѣла въ Полтавѣ. П. Е. В. 1876. № 16 (Павловскаго).

Константиноградскій уѣздъ.—Церковь святыхъ Захаріи и Елисаветы въ д. Шляховой, П. Е, В. 1876. № 6 (Павловскаго).—Приходъ села Циглеровки, П. Е. В. 1877. № 6 (Павловскаго) и очеркъ изъ Константиноградской старины: „Киченіе“ при богослуженіи.

Кременчугскій уѣздъ.—М. Глобино и его церкви, П. Е. В. 1871. №№ 4, 5 и 6 (Зеньковскаго). — Бывшій Пивогорскій мона-

стырь и нынѣшняя кладбищенская Николаевская церковь въ г. Градижскѣ, П. Е. В. 1877. № 1 (Матченка).

Зѣньковскій уѣздъ. — С. Малыя Будищи, П. Е. В. 1873. № 24.—Свято-Троицкая церковь въ мѣстечкѣ Великихъ Будищахъ, П. Е. В. 1881. № 9.

Хорольскій уѣздъ—Мѣстечко Бѣлоцерковка и его приходъ, П. Е. В. 1881. № 8.

Лохвицкій уѣздъ.—С. Козловка, П. Е. В. 1880. № 11.

Прилуцкій уѣздъ.—С. Сорочинцы, П. Е. В. 1874. № 23, 24. (Яковлева).

Переяславскій уѣздъ—Похвала Барышевкѣ, П. Е. В. 1881. № 23. Городъ Переяславъ—Переяславская Варваринская церковь, П. Е. В. 1874. № 18.—Описаніе Петро-Павловской церкви, П. Е. В. 1875. №№ 15, 16 (Крамаренка).—Къ свѣдѣніямъ о Покровской церкви, П. Е. В. 1879. № 11.—Успенская церковь, П. Е. В. 1879. № 19.—Судьба царскаго дара въ Успенскую церковь, П. Е. В. 1880. № 24.—Село Студеники, П. Е. В. 1874. № 23.

Кобелякскій уѣздъ.—Мѣстечко Голтва, П. Е. В. 1871. №№ 16, 17. (Яснопольскаго).

Миргородскій уѣздъ.—Мѣстечко Погачка, П. Е. В. 1871. №№ 8 и 9 (Соколовскаго).

Пирятинскій уѣздъ. — Село Великая Круча и его церковь, П. Е. В. 1883. № 9 (Стороженка).

Весьма важно для исторіи культуры лѣвобережной Украйны изученіе съ большими подробностями переяславской старины и въ частности прошлаго переяславской бурсы; пока посвящено этому не такъ много статей. Сдѣлаемъ перечень извѣстныхъ намъ:

а) Архіереи.—Арсеній Берло, Б. М. православный епископъ переяславскій и бориспольскій, П. Е. В. 1880. № 5.

б) Бытъ духовенства.—Остатки братствъ въ приходахъ переяславскаго уѣзда, П. Е. В. 1876. № 15 (Павловскаго).—Изъ хроники переяславскаго дьяконства, П. Е. В. 1880. № 12.—Конское тягло со священства, П. Е. В. 1880. № 21.—Пребываніе преосвящ. Іереміи въ Переяславѣ, П. Е. В. 1881. № 5.

в) Семинарскій бытъ.—Кое-что изъ переяславскаго семинарскаго быта послѣдней четверти прошлаго вѣка, П. Е. В. 1876. № 11 (по воспоминаніямъ И. Ѳ. Тимковскаго сост. Демидовскій).—

Нѣчто изъ переяславскаго семинарскаго быта первой четверти текущаго столѣтія, П. Е. В. 1777. № 3 (Крамаренка).—Изъ воспоминаній объ учителяхъ, бывшихъ въ полтав.-переясл. семинаріи въ первой четверти текущаго столѣтія, П. Е. В. 1880. № 9. (Крамаренка).

Мы считали не безполезнымъ сдѣлать перечень извѣстныхъ намъ статей, составленныхъ по матеріаламъ, хранящимся въ церковныхъ сельскихъ архивахъ, помѣщенныхъ въ Полт. Епарх. Вѣдомостяхъ въ виду отсутствія указателя къ этому изданію. Думаемъ, что предварительное ознакомленіе съ указанными статьями значительно облегчитъ будущимъ изслѣдователямъ полтавской церковной старины ихъ трудъ.

Н. С.

КІЕВСКІЯ ЛѢТОПИСНЫЯ ЗАМѢТКИ XVIII И XIX СТ.

1) Изъ приписокъ къ подлиннику путешествія Василія Григоровича Барскаго.

Въ библіотекѣ графа Уварова есть подлинная рукопись путешествія Василія Григоровича Барскаго; къ ней приложено много рисунковъ не упомянутыхъ Рубаномъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны портреты и разные этюды, которые по работѣ сдѣлали-бы честь и не Барскому, видимо рисовавшему ихъ въ свободные минуты своего долгаго странничества. Въ концѣ рукописи нѣсколько замѣтокъ о братѣ нашего паломника Иванѣ Барскомъ, кіевскомъ строителѣ прошлаго столѣтія, а также другія приписки, календарнаго такъ сказать характера. Приводимъ ихъ по давней случайной выпискѣ. Сначала идетъ или черновая эпитафія, или списокъ съ нея.

„Зде положено тѣло кіевского мѣщанина, райци, Івана Григоровича Барского, брата родного монаха Василія Григоровича Барского, странствовавшаго по различнимъ землямъ и святимъ мѣстамъ и описавшаго въ книгу все видѣнное. Сей-же братъ его, трудившейся въ разнихъ строеніяхъ, воду привелъ въ различные мѣста въ городѣ семъ (Кіевѣ) отъ различныхъ источниковъ съ подъ горъ, а потомъ строилъ каменния церкви, колоколнѣ и покои. Первую церковъ здѣлавъ у Кириловскомъ монастырѣ, зъ звоницею и брамою и погребами, церковъ

покровскую и набрежно-никольскую; у Козельцѣ церковъ штукатурнею украшалъ и тинковалъ, и колоколню вновъ построилъ, у золотоношскомъ красногорскомъ монастырѣ церковъ, колоколню у петропавловскомъ монастырѣ, у соборноуспенскомъ соборѣ съ церквою. Еще магазинъ городской и гостинной домъ, жилие покои греческому монастирю и Юрию Дранчеву, реперовавъ церкви воскресенскую и успенскую, у Межигорскомъ монастырѣ келіи. А сего 1785 г. и зде погребенъ мая числа. Которому да будетъ вѣчное упокоеніе.

Послѣ этого по годамъ заносятся разнаго рода замѣтки, начинающіяся свѣдѣніями о городской службѣ строителя Барскаго.

1749 г. былъ Иванъ Барскій урядникомъ до полгода, а отъ полгода до окончения на инстигаторскомъ званіи за бурмистерства Герасима Холявки и раецтва Михаила Воронковича и п. Василія Жука. Тогожъ року хлѣбъ билъ дорогъ; до полтора рубля била дойниця, за сушею.

1750. Хлибъ дешевый, по 20 к. дойниця жита и овса по 13 к.

1751. Вода превелика была у Днѣпрѣ и у рѣкахъ средѣ лѣта; прибивало до іюля 12 числа; того-жъ года хлѣбъ дешевъ билъ: жита дойниця по 18 к., овса по 13 к., пшоно по 50 к. Того-жъ года представился панъ войтъ Павелъ Войничъ октября числа.

1753. Хлѣбъ по 25 к. жито, а по 20 гречка, а овесъ по 15 к.

1754. Весма било сухое лѣто и вода въ рѣкахъ весма била малая. Тогожъ года жито по 55 к. и 60; овесъ по 32 к. и вище.

1755. Вначалѣ нового года тарифъ и пошлина великороссійская переведена на новороссійскіе границы.

1756. Приехалъ у Киевъ войтомъ Іванъ Стефановичъ Сичевскій, февр. 3 ч. Въ тотъ-же годъ зима била мало снѣжна и легка. Жито продавалося по 32 к., а овесъ по 26 к., пшениця по 50 к. и мало вище, киевской мѣри.

1757. Зима била весьма люта морозами. Пашня: жито по 28 к., овесъ по 15 и 16 к., пшениця 55 к.

1758. Зима била также люта. Пашня била до новини дорога: жито 1 р. 20 к. четверть; пшениця 1 р. 60 к. четверть; овесъ по 50 к. четверть, пшоно до двохъ рублей. Лѣто было мокрое и холод-

ное; на хлѣбъ и овощи урожай. Въ началѣ тогожъ года отдано тарифъ на откупъ.

За тѣмъ замѣтки домашнія о дняхъ рожденія дѣтей и пр.

---

2) Изъ записной книжки кіевскаго гражданина Миславскаго.

1808 года, 21 ноября, по полудни въ 8 часовъ, сдѣлался на Подолѣ пожаръ, который превратилъ въ пепелъ всѣ лавки деревяныя торговыя; вмѣстѣ съ ними сгорѣла и церковь Успенская съ колокольней, только иконостасъ остался цѣлъ, безъ поврежденія.

1811 года, 9 іюля случился въ Кіевѣ столь ужасный пожаръ по полудни, въ первомъ часу, и въ 9 или 10 часовъ превращено въ пепелъ болѣе двухъ тысячъ домовъ каменныхъ и магистратъ, церквей каменныхъ 8, деревянныхъ 4, монастырей 3—братскій, петропавловскій и флоровскій, съ множествомъ имущества какъ церковнаго, такъ и обывательскаго. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ въ Кіевѣ было всѣхъ вообще зажигательствъ около 20.

1811 г. въ августѣ началась ревизская перепись.

1812 г. 30 января было открытіе гимназіи публичное. Съ церемоніальними цеховыми и регистровыми пушечными выстрѣлами препровождали грамоту отъ дворца въ Лавру и по окончаніи молебствія въ кловскій дворецъ.

1816 года 7-го сентября, въ 7 часовъ по полудни, прибылъ въ Кіевъ императоръ Александръ I-й безъ всякихъ встрѣчъ, заѣхалъ въ Лавру, гдѣ привѣтствованъ былъ рѣчью митрополита Серапіона; оттуда поѣхалъ въ назначенный для его пребыванія домъ *Оболонскаго*. Въ пятницу, 8 сентября слушалъ литургію въ софійскомъ соборѣ, гдѣ по осмотрѣ ризницы былъ въ покояхъ митрополита; въ субботу былъ въ пещерахъ и осматривалъ арсеналъ и прочія казенныя мѣста, и въ вечеру былъ во дворцѣ у корпуснаго генерала Раевскаго на балу, причемъ садъ былъ илюминованъ и въ саду играла музыка. Въ недѣлю былъ смотръ двумъ полкамъ за Золотыми воротами, и послѣ оного императоръ слушалъ литургію въ соборѣ; послѣ того былъ въ Андреевской церкви и въ Михайловскомъ монастырѣ, и. ввечеру посѣтилъ балъ, данный дворянствомъ въ домѣ дворянской коммисіи. Въ понедѣльникъ

государь посѣтилъ кіевскую духовную академію, а во вторникъ, въ 9 часовъ выѣхалъ изъ Кіева на Бѣлую Церковь. Во всѣ дни пребыванія государя была великолѣпная иллюминація, въ особенности были иллюминованы лаврская колокольня, михайловская и другія.

1817 г. въ іюнѣ государь императоръ Александръ I-й прислалъ въ михайловскій монастырь драгоцѣнный образъ Архистратига Михахаила, осыпанный брилліантами, и несенъ этотъ образъ изъ софійскаго собора въ михайловскій монастырь митрополитомъ Сераціономъ со всѣмъ духовнымъ соборомъ.

1817 года, 6 сентября, въ 7 часовъ вечера прибылъ въ Кіевъ императоръ Александръ I-й, заѣхалъ въ Лавру, и оттуда во дворецъ, гдѣ 7 числа былъ обѣденный столъ. 8 числа слушалъ литургію въ софіевскомъ соборѣ, и послѣ обѣденнаго стола въ 3 часа выѣхалъ въ Бѣлую Церковь, откуда на обратномъ пути, по пріѣздѣ въ Кіевъ 11-го числа, въ 12 часу былъ обѣденный столъ во дворцѣ, а во 2 часу выѣхалъ изъ Кіева въ Кременчугъ.

1824 года, 16 февраля сгорѣли на Печерскомъ деревянныя лавки всѣ въ гостиномъ дворѣ.

1824 г. 14 сентября скончался митрополитъ Серапіонъ.

1825 г. 19 ноября преставился государь императоръ Александръ I-й въ Таганрогѣ.

— 6 декабря приведены въ Кіевѣ всѣ сословія къ присягѣ на вѣрноподданство императору Константину Павловичу.

— 25 декабря, въ день Рождества Христова дали присягу вѣрноподданническую императору Николаю Павловичу всѣ военные и гражданскіе чины Кіева. При чемъ читаны были всѣ акты отреченія Константина Павловича отъ престола.

1826 г. 23 февраля преставился войтъ Михайло Григоренко. Сильныя наводненія отъ разлитія р. Днѣпра были въ 1820 [1]), 1826 и 1845 годахъ.

1829 года, 23 іюня въ воскресенье, въ 8 ч. прибылъ въ Кіевъ императоръ Николай Павловичъ, а на другой день великій князь Михаилъ Павловичъ.

---

[1]) Подобнаго наводненія не помнили за 32 года предъ тѣмъ.

— 25 іюня, въ день рожденія императора, получено извѣстіе о взятіи крѣпости Силистріи; по сему случаю въ 2 часа по полудни было въ софійскомъ соборѣ молебствіе съ пушечною пальбою, и изъ числа взятыхъ трофеевъ Государь, въ память сего извѣстія, пожаловалъ городу Кіеву 3 знамени и ключь отъ крѣпости Силистріи, которыя 6 августа, въ день Преображенія, церемоніально были возимы по всему городу городскою реестровою гвардіею, взявши оныя изъ крѣпости, и доставлены въ соборъ, гдѣ послѣ молебствія, совершеннаго предъ началомъ литургіи съ пушечною и ружейною пальбою отъ войскъ разставленныхъ по валамъ, оставлены въ соборѣ.

1830 г. 31 мая послѣдовалъ пріѣздъ въ Кіевъ государя императора Николая Павловича изъ Варшавы чрезъ Козелецъ; прибылъ въ 5 часу по полудни; 1-го іюня слушалъ обѣдню въ софійскомъ соборѣ, вечеромъ посѣтилъ балъ, данный дворянствомъ и гражданами въ контрактовомъ домѣ; на другой день 2 іюня государь выѣхалъ. Въ этотъ пріѣздъ государь повелѣлъ гражданамъ перемѣнить польскіе мундиры на обыкновенные статскіе гражданскіе, присвоенные дворянскимъ чиновникамъ.

1833 года 14 іюня кіевскій лавникъ Миславскій съ Иваномъ Ивановичемъ Ходуновымъ выѣхали въ С.-Петербургъ отъ имени кіевскаго общества ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о недозволеніи евреямъ селиться въ г. Кіевѣ на жительство по силѣ указа. Прибыли 22 іюня, выѣхали 4-го, а прибыли 14 августа съ пріятнымъ окончаніемъ въ пользу общества.

1834 г. 15 іюля открытъ университетъ св. Владиміра.

1837 г. 10 апрѣля, въ вербную субботу, происходило погребеніе фельдмаршала Сакена.

1853 г. 28 сентября посвященіе, а 28 октября открытіе цѣпнаго моста въ Кіевѣ черезъ Днѣпръ.

— Въ тоже время поставленъ памятникъ св. Владиміру на уступѣ Михайловой горы.

1857 г. 21 декабря скончался въ лаврѣ митрополитъ кіевскій Филаретъ, погребенъ 29 декабря.

1858 г. 10 іюня произошелъ пожаръ въ Липкахъ, во время котораго сгорѣло зданіе бывшей кіевской гимназіи и до 10 сосѣднихъ съ нею домовъ.

1861 г. 10 марта происходило въ Кіевѣ обнародованіе манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

— 15 іюля совершенъ торжественный ходъ на крещатицкій источникъ и послѣ онаго происходила закладка владимірскаго собора.

МОГИЛА ГЕТМАНЦЕВЪ ВЪ Г. ЛЕБЕДИНѢ.

Въ исторіи Руссовъ, приписываемой архіепископу Георгію Конисскому, передается, что въ концѣ 1708 г. во время пребыванія Петра I въ мѣстечкѣ Лебединѣ въ Слободской Украйнѣ, Меншиковъ творилъ судъ и расправу надъ тѣми изъ малороссіянъ, которые заподозрѣны были въ усердіи къ Мазепѣ, потому что они не явились въ общее собраніе для выбора новаго гетмана. Сознанія заподозрѣнныхъ добивались пытками, при помощи батожья, кнутовъ и раскаленнаго желѣза; кто не выдерживалъ положеннаго числа пытокъ, того казнили, смотря по винѣ, повѣшеніемъ, отсѣченіемъ головы, колесованіемъ, четвертованіемъ или-же сажаніемъ на колъ. Погибло такимъ образомъ до 900 человѣкъ. „Число сіе можетъ быть увеличено (преувеличено), но судя по кладбищу, отлученному отъ христіанскаго и извѣстному подъ именемъ *Гетманцовъ*, должно заключать, что зарыто ихъ здѣсь очень не мало“ (Истор. Рус. стр. 212).

По поводу приведеннаго извѣстія, Н. И. Костомаровъ въ своей статьѣ: „Мазепинцы“, помѣщенной въ 1-й книжкѣ „Русской Мысли“ за настоящій годъ, говоритъ, что это извѣстіе принадлежитъ къ разряду такихъ, о которыхъ можно сказать, что хотя они вѣроятны, но невѣрны. Сомнительно-же оно потому, что встрѣчается въ одномъ только источникѣ, не современномъ и чрезвычайно мутномъ (разумѣется исторія Руссовъ), и не подтверждается никакими другими, болѣе достовѣрными источниками.

Что судъ съ пытками и казнями дѣйствительно совершился въ Лебединѣ надъ лицами, сочувствовавшими Мазепѣ, подтверждается самой статьей Н. И. Костомарова, составленной, между прочимъ, на основаніи отрывковъ изъ дѣлъ, производившихся въ Лебединѣ

и сохранившихся въ дѣлахъ московскаго архива министерства юстиціи и въ дѣлахъ архива иностранныхъ дѣлъ. „Къ большому сожалѣнію, говоритъ Н. И., мы не имѣемъ всѣхъ дѣлъ, производившихся въ Лебединѣ; можетъ быть они гдѣ нибудь и сохранились, но ожидаютъ счастливца, которому суждено будетъ открыть этотъ кладъ". Изъ статьи многоуважаемаго историка видно, что онъ нисколько не отвергаетъ производства суда и расправы въ Лебединѣ надъ сторонниками Мазепы, а лишь ограничиваетъ размѣръ казней. Умаляя число жертвъ суда, Н. И. отрицаетъ существованіе особаго кладбища, гдѣ погребены казненные. „Если-бы тутъ была какая-нибудь правда, продолжаетъ онъ, и если-бы въ народной памяти мѣстность, гдѣ погребены были казненные, носила такое названіе, то оно-бы удержалось въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія, между тѣмъ въ этихъ именно годахъ мы встрѣчали старожиловъ лебединскихъ и спрашивали о томъ, что начитали въ знакомой намъ тогда еще по рукописи исторіи Руссовъ. Если старики 30-хъ годовъ XIX столѣтія, проведшіе юность свою въ концѣ XVIII, не слыхали о томъ, что выдается намъ за народное преданіе о событіяхъ, совершившихся не ранѣе начала XVIII вѣка, то какъ не усомниться въ существованіи когда-либо такого воспоминанія у народа".

Мы не знаемъ, почему старики лебединскіе ничего не сообщили Н. И. о казни гетманцевъ, хотя она несомнѣнно и производилась, по крайней мѣрѣ, надъ нѣкоторыми лицами,—и о мѣстѣ погребенія казненныхъ. Но въ другомъ источникѣ находимъ свѣдѣнія о существованіи подобнаго преданія. Преосвященный Филаретъ въ своемъ Историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи сообщаетъ „*по мѣстнымъ свѣдѣніямъ*", что дѣйствительно въ Лебединѣ существуетъ особая могила гетманцевъ; она, по его словамъ, находится въ саду одного изъ прихожанъ Вознесенской церкви въ 300 саженяхъ отъ бывшаго городскаго вала; возвышенная насыпь простирается болѣе, чѣмъ на 10 саженей въ длину и ширину; мѣстами на этой насыпи оказываются провалины и по временамъ, во время построекъ, выкапывались человѣческія кости. Общимъ кладбищемъ эта могила не могла быть потому, что она по прежнему стоитъ вдали отъ храма. А какъ извѣстно, въ прежнее время умершихъ естественною смертью хоронили въ церковныхъ оградахъ. Отдѣль-

ное-же кладбище въ Лебединѣ заведено лишь съ 1771 года (Отдѣл. III, стр. 463).

Зная, что преосвященный Филаретъ при составленіи своего замѣчательнаго труда пользовался главнымъ образомъ свѣдѣніями, добытыми на мѣстѣ, т. е. доставленными мѣстнымъ духовенствомъ, нельзя сомнѣваться въ дѣйствительности сообщаемаго имъ. Да мы и сами слышали здѣсь, въ Харьковѣ, о существованіи упомянутой могилы. Теперешніе мѣстные жители передаютъ, что въ указанной могилѣ погребены люди, казненные за поддѣлку фальшивой монеты. Для того, кто знаетъ, какъ народъ забываетъ прошлое своего края, нисколько не удивительна замѣна гетманцевъ, память о которыхъ вообще стушевалась въ здѣшнемъ населеніи, фальшивыми монетчиками.

Итакъ, надобно полагать, что исторія Руссовъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ передаваемому событію, не въ той мѣрѣ невѣрна, въ какой предполагаетъ Н. И. Костомаровъ.

П. Ефименко.

ДВА СООБЩЕНІЯ ПО ЧАСТИ НАРОДНЫХЪ ВѢРОВАНІЙ.

1) Криница—богиня плодородія у сѣверянъ.

Слово *криница*, или по подольскому говору „кирныця", означающее обыкновенно обрамленный источникъ ключевой воды, не глубокій колодезь, въ вѣрованіяхъ малорусскаго племени, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ мѣстностей, имѣетъ особое значеніе—божества, или особаго рода духовъ, сходныхъ съ русалками, но и отличающихся отъ нихъ.

Авторъ „Исторіи Сѣверской Земли до половины XIV вѣка", въ главѣ III „Внутренній бытъ Сѣверской Земли" (стр. 89—90), въ подтвержденіе вѣрованія Сѣверянъ въ подземную жизнь умершихъ, приводитъ повѣрье, сохранившееся въ черниговской губерніи—центрѣ Сѣверянской области, о „существованіи *Криницъ*". „Въ Новгородъ-Сѣверскѣ, говоритъ онъ, и теперь еще есть *родникъ* [1]), носящій названіе *Заручайской криницы*, на срубѣ

---

[1]) Слово родникъ тождественно съ употребляющимися и доселѣ въ Черниговщинѣ словами: *рудникъ, руда, рудка*, означающими вообще потокъ, почему

котораго по народному повѣрью сидятъ *криницы*, прекрасныя дѣвы съ русыми волосами"... и т. д.

Въ виду недостаточныхъ свѣдѣній объ этнографическомъ распространеніи *вѣрованій* и легендъ, немудрено смѣшать *русалокъ* съ *криницами*. Но достаточно знать главнѣйшіе признаки этихъ двухъ родовъ *духовъ*, чтобы съумѣть отличить *русалку* отъ *криницы*. О *русалкахъ* мы имѣемъ болѣе свѣдѣній и прямо имѣемъ возможность причислить ихъ къ разряду *нимфъ*, какъ нѣмецкія *Ундины*. Волоса они имѣютъ *зеленоватые*, живутъ въ *водѣ*—рѣкѣ, прудѣ, даже болотѣ, однимъ словомъ вездѣ, откуда возможно проникнуть въ подземное царство, гдѣ онѣ имѣютъ великолѣпные чертоги и куда заманиваютъ людей. Для соблазна этихъ послѣднихъ онѣ выходятъ, въ извѣстные дни года, въ лѣсъ и прячутся между вѣтвями на деревьяхъ. Происхожденіе ихъ едва-ли не исключительно изъ *утопленницъ*.

Совсѣмъ иное мы должны видѣть въ *криницахъ:* жилища ихъ исключительно только въ самыхъ водяныхъ *ключахъ*, будь они въ колодцахъ или въ рѣкѣ. Гдѣ нѣтъ ключей, тамъ нѣтъ и *криницъ*, хотя могутъ быть *русалки*. Происхожденіе криницъ мнѣ не случилось до сихъ поръ узнать, хотя я слыхала одну легенду, объ одной криницѣ, но врядъ-ли ее можно приспособить къ криницамъ вообще. Вотъ эта легенда: „Гуляли дѣвчата по берегу болота и подъ берегомъ увидѣли блестящей бѣлизны цвѣтокъ[1]), которымъ залюбовались. Одна изъ нихъ залюбовавшись сорвала цвѣтокъ и въ тотъ-же мигъ обратилась *въ криницу* и потекла *рудою* (потокомъ). Съ той поры ежегодно въ тотъ-же день и часъ въ той криницѣ разцвѣтаетъ тотъ-же бѣлоснѣжный цвѣтокъ и рѣдко кто его видитъ, потому что онъ цвѣтетъ одно мгновеніе и сорвать не дается. А если-бы кто тотъ цвѣтокъ сорвалъ, то и криница-ключъ закрылась-бы въ тотъ мигъ".

небольшія рѣчки и до сихъ поръ носятъ безъимянное названіе *рудъ и рудокъ*. Г. Багалѣй, описывая лѣтописный *Носовъ на Рудѣ* (Истор. Сѣв. Земли, стр. 150), не хочетъ признать его въ *Носовкѣ* нѣжинскаго уѣзда, потому что рѣчка при ней называется Носовкой, а ищетъ такого мѣста гдѣ-нибудь на Рудѣ или Руднѣ, но нигдѣ другого *Носова* не находитъ. Другая *Носовка* возлѣ *Рудни* на старинныхъ картахъ показана близъ р. Сновки, городнянскаго уѣзда, невдалекѣ отъ Бѣлоуса и др. мѣстъ, упоминавшихся въ лѣтописяхъ сраженій.

[1]) Кринъ сельный.

Назначеніе *криницы* совсѣмъ иное, чѣмъ назначеніе русалокъ. *Криница*—это славянская, *сѣверянская* богиня плодородія, обилія. Криничная вода считается благотворной во всевозможныхъ критическихъ случаяхъ. Слѣдующій *наговоръ* даетъ понятіе о той роли, какую играетъ *Криница* въ числѣ *сѣверянскихъ божествъ*.

„Добрывечоръ *Кринице*,
Красная дѣвице!
Вода—дочко Ульяно,
Земле—мати Тетяно,
Камне—брате Петро [1]),
Поздоровляю васъ изъ понедилкомъ
Пріймайте хлибъ-силь,
Давайте намъ водици на добро,
Давайте (скотини, птици и т. п.) плидъ, спиръ".

Въ этомъ наговорѣ криница олицетворяется въ образѣ *красной дѣвицей*, дочь ея—вода, мать—земля, братъ—камень.

Я не берусь дѣлать изъ этого наговора какіе либо выводы; укажу только, въ какихъ случаяхъ прибѣгаютъ въ народѣ къ *криницѣ*, какъ *богинѣ плодородія*. Если желаютъ, чтобы корова давала больше молока (спиръ), то хозяйка, отрѣзавъ кусокъ хлѣба, несетъ его *вечерней зарей* къ криницѣ, чтобы никто не видѣлъ, кланяется *криницѣ* и опустивъ въ ея ключъ „окраецъ", произноситъ вышенаписанный *наговоръ*, и оставивъ хлѣбъ на ночь въ водѣ, возвращается домой. На утро на зарѣ хозяйка снова идетъ къ *криницѣ*, стараясь, чтобы никто ее не увидалъ, кланяется ей, повторяетъ свой наговоръ, вынимаетъ опущенный съ вечера въ воду хлѣбъ и вмѣстѣ съ зачерпнутою *криничной водою* несетъ домой. На порогѣ хаты кладетъ вверхъ дномъ ведро, на ведро вѣко (крышку) изъ хлѣбной дѣжи, а на вѣко хлѣбъ бывшій въ *криницѣ* и припускаетъ скотину съѣсть его, а затѣмъ выпить и воду, зачерпнутую хозяйкою изъ криницы. Народъ вѣритъ, что послѣ этого скотина получитъ приплодъ и будетъ давать больше молока. Здѣсь прямо указывается на зависимость плодородія, обилія отъ *криницы*, какъ божества.

Сообщ. **П. Литвинова.**

---

[1]) Ульяна съ греческаго значитъ волнистая, Тетяна—повелительница, а Петръ—камень.

2) Полъ неодушевленныхъ предметовъ.

Кто-бы могъ подумать, что народная фантазія не только дѣлитъ неодушевленные предметы по родамъ или поламъ, но сообразно ихъ полу усвояетъ имъ тѣ или иныя свойства? — Такое повѣрье случилось мнѣ встрѣтить въ той-же Черниговщинѣ, центрѣ Сѣверской области, въ примѣненіи къ деревянной посудѣ, употребляемой для заквашиванія тѣста, а также капусты, буряковъ и пр. Народъ здѣсь строго отличаетъ „дѣжку" отъ „дѣжуна" не только по грамматическому ихъ роду и устройству, но и по нѣкоторымъ особымъ ихъ свойствамъ. Бураки, капусты, огурцы требуютъ, чтобы ихъ заготовляли въ прокъ непремѣнно въ „дѣжкѣ"; если-же положить ихъ въ дѣжунѣ", то они этимъ оскорбляются и отъ того неудаются. Въ „дѣжкѣ" и хлѣбъ удается хорошій, а въ „дѣжунѣ" никогда. Разсказывала баба изъ с. Переходова (нѣжинскаго уѣзда): „поихавъ чоловикъ у ярмарокъ и купивъ дѣжку, я й поклала въ іи капусты. Неудалась моя капуста! Я й на другій годъ—поклала—неудалась! Роздивились, ажъ то „дѣжунъ".

Этотъ-же самый „дѣжунъ" былъ проданъ за такую „не хозяйливость" въ руки одной барышни и сдѣлался „дѣжкою" въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Между тѣмъ повѣрье, приписывающее особыя свойства „дѣжкѣ" и „дѣжуну", заставляетъ не только продавать „дѣжуна", за меньшую конечно цѣну, но и передѣлывать его на „дѣжку", вставляя или выбрасывая одну клепку.

„Дѣжка" имѣетъ четное число клепокъ, „дѣжунъ" не четное. На этомъ основана народная примѣта и связанное съ нею повѣрье.

Доселѣ ни въ одномъ этнографическомъ сборникѣ мнѣ не случалось встрѣчать такого повѣрья. Любопытно знать, существуетъ-ли оно въ другихъ мѣстностяхъ.

Сообщ. **М. Г—овъ.**

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О КАРМЕЛЮКѢ.

Секретарь Кармелюка—поповичъ. Въ м. Деражнѣ жилъ старикъ—священникъ; одинъ изъ его сыновей учился въ духовной школѣ, въ м. Шаргородѣ; въ одни изъ каникулъ онъ увидѣлъ у отца старый шелковый платъ и забралъ съ собой въ Шаргородъ. Великовозрастный школяръ не могъ придумать лучшаго ему наз-

наченія, какъ сшить жилетъ. Одинъ изъ учителей присмотрѣлся случайно къ оригинальному жилету и нашелъ, что онъ сшитъ изъ стараго уніатскаго антиминса. Школяра немедленно исключили съ надлежащей аттестаціей и отправили къ отцу. Такое несчастье глубоко поразило старика-отца и онъ выгналъ изъ дому постылаго сына. Дѣло было весной; школяръ шатался по окрестностямъ и только тайкомъ отъ отца кормила иногда заходившее злосчастное чадушко его мать-попадья. Пришла Пасха и не примирила отца съ сыномъ. Послѣдній брелъ однажды лѣсомъ, голодный и утомленный, и набрелъ на группу людей, спокойно подкрѣплявшихся „свяченымъ". Послѣ обмѣна привѣтствій пригласили и его покушать. За нежданной трапезой школяръ на распросы незнакомцевъ откровенно разсказалъ имъ свою исторію. „Знаешь что?" предложилъ ему человѣкъ, съ которымъ почтительно обращались прочіе: „Оставайся при мнѣ, письменнаго человѣка мнѣ нужно. Ты уже, должно быть, слышалъ достаточно обо мнѣ: я Кармелюкъ!" Безвыходное положеніе школяра, а можетъ быть и молва о странныхъ подвигахъ Кармелюка, палочно примирявшаго богача съ бѣднымъ, расположили скитальца принять неожиданное предложеніе. Прошло довольно времени. Безпріютный школяръ освоился съ товариществомъ Кармелюка. И, когда однажды потребовалась Кармелюку бричка, чтобы въѣхать въ городъ (?) офицеромъ, для освобожденія товарищей, попавшихъ въ острогъ, новый секретарь посовѣтовалъ отправиться къ его отцу и взять бричку съ лошадьми. Явились ночью, разбудили хозяевъ и объяснили, что требуется. Заплакали отецъ и мать, увидѣвъ сына въ такой компаніи; компанія между тѣмъ распорядилась ужиномъ,—натаскала изъ коморы колбасъ, сала, огурцевъ и принялась уплетать. День былъ постный. Набожный священникъ, увидѣвъ сына съ колбасой въ рукѣ, горько упрекнулъ его, напоминая ему о постѣ.—„То жъ нічого, батюшка, замѣтилъ Кармелюкъ: онъ закусываетъ колбасу огурцомъ"! Поѣхалъ въ городъ переряженный Кармелюкъ, разставилъ переряженный караулъ на мѣсто споенныхъ инвалидовъ и освободилъ своихъ сподвижниковъ. Отцу секретаря тотчасъ же была возвращена бричка съ лошадьми.

Добродушная шутка. Въ каменецкомъ уѣздѣ въ селѣ Мукшѣ священствовалъ старикъ—іерей Стопнѣвичъ. Ѣхалъ онъ съ мельницы. Въ лѣсу останавливаетъ его неизвѣстный человѣкъ.

— Что везешь, отче?—Муку.—Гм! муку. Славные у тебя конята. А знаешь, кто я?—смѣется незнакомецъ. Старикъ выражаетъ полнѣйшее изумленіе. — Я—Кармелюкъ. Безпомощный пастырь затрясся и молитъ о пощадѣ;—заливается, хохочетъ Кармелюкъ. „Старъ ты, отче, да неразуменъ, на кой чортъ мнѣ твои клячи? На, да молись обо мнѣ грѣшномъ“, сказалъ Кармелюкъ, и далъ ему нѣсколько червонцевъ.

Самозащита. У Кармелюка гдѣ-то около села Бершади летичевскаго уѣзда была фаворитка. Тамъ Кармелюкъ любилъ отдыхать отъ своихъ странствованій. Разъ въ лѣтній жаркій день плотный Кармелюкъ, чтобы лучше всхрапнуть, раздѣлся до нага и забрался на сѣновалъ. Одинъ изъ сосѣднихъ пановъ шляхтичей напалъ на его слѣдъ и отрядилъ эконома съ дворней схватить его. Не съумѣли подойти тихо, разбудили Кармелюка; во время спохватился онъ, мигомъ вырвалъ бревно изъ стѣнки сарая и, голый, металъ имъ направо и налѣво удары, пока назойливые гости не разбѣжались.

Въ бѣгахъ. Публиковали розыскъ Кармелюка, а онъ пустился бѣжать въ Бессарабію, хотя и не очень, видно, боялся поимки: не сбросилъ своего обычнаго синяго кафтана и синихъ широкихъ шароваръ. На самомъ рубежѣ Бессарабіи, въ какомъ-то тамъ селѣ, зашелъ онъ въ хату къ мужику воды напиться, а тамъ крестины: сидитъ батюшка, и кумовья, и много гостей. Ну, извѣстное дѣло: на крестинахъ, какъ и на свадьбѣ, всякому рады. Усадили Кармелюка, пошла вновь попойка и бесѣда, а притомъ распросы. Кармелюкъ назвался не то прикащикомъ, не то экономомъ какого-то богатаго пана, рѣшившимся оставить службу и обзавестись собственнымъ хозяйствомъ, для чего подъискиваетъ подходящій уголокъ. Судилъ онъ о хозяйственныхъ дѣлахъ съ видомъ рѣдкаго знатока и несомнѣнно умнаго и бывалаго человѣка, проговаривался какъ-бы невзначай, что располагаетъ завести пасѣку, виноградникъ, а если Богъ поможетъ, то и *шпанку.* Его смѣлыя, толковыя рѣчи о хозяйствѣ удивили простыхъ и забитыхъ селянъ. Особенно былъ удивленъ батюшка и пригласилъ къ себѣ Кармелюка. Ему хотѣлось заранѣе расположить къ себѣ будущаго своего прихожанина, а если возможно, то принять участіе въ его необычныхъ хозяйственно-промышленныхъ предпріятіяхъ. Кармелюкъ радъ былъ, что

нашелъ безопасный уголь и пріятнаго собесѣдника. Дѣло было осенью, дни свободные, толковали долго и рѣшили кое-что изъ хозяйства вести по-поламъ. Въ одно утро батюшка пошелъ въ приходъ; сотскій на улицѣ вручилъ ему бумагу—публикацію о Кармелюкѣ. Прочиталъ батюшка и идетъ домой отвѣтить: не слыхали молъ и не видали. Приходитъ, перечитываетъ примѣты и Кармелюкъ тутъ въ горенкѣ; прочиталъ, подумалъ, да и ахнулъ. Ахнулъ и Кармелюкъ, передразнивая его: »Спасибо, батюшка, за хлѣбъ-за соль, за тихій отдыхъ; примите на память«, сказалъ онъ, подавая ему горсть червонцевъ.

Е. Маковскій.

ХУДОЖНИКЪ В. Л. БОРОВИКОВСКІЙ.

1758 (?)—1825 г.

О жизни Боровиковскаго въ печати можно найдти лишь самыя отрывочныя свѣдѣнія. Правда, что книги по исторіи искуства въ Россіи можно сосчитать по пальцамъ. Но нѣкоторые художники прежняго времени удостоились монографій (Брюловъ, Ивановъ). О другихъ говоритъ литература мемуаровъ. Боровиковскому посвящены три замѣтки въ справочныхъ книгахъ и одна неоконченная статья [1]) Немудрено, что большая часть изъ тѣхъ, кто останавливается въ музеяхъ и церквяхъ передъ удивительными холстами Боровиковскаго, ничего не знаетъ о немъ самомъ.

Владиміръ Лукичъ Боровиковскій—самый крупный талантъ, какой дала Малороссія русской школѣ живописи. Явясь, подобно пѣвчему Лосенку, глуховскому уроженцу, на зарѣ развитія этой школы, онъ долженъ считаться однимъ изъ ея создателей. Работы его высоко цѣнятся и теперь. Но достойная слава ждетъ его въ будущемъ, когда, съ поднятіемъ просвѣщенія и развитіемъ художественнаго вкуса, найдутъ справедливую оцѣнку таланты, работавшіе въ дальнюю пору. Тогда картины стараго украинскаго

---

[1]) »Каталогъ произведеній русской живописи« Сомова, »Живопись и живописцы«—Андреева, »Школа рисованія« 1861 г., № 4 и »Художественный Сборникъ, изданный московскимъ обществомъ любителей художествъ« подъ редакціей гр. Уварова. М. 1866. Выпускъ I. (Больше не выходило). Здѣсь неоконченная статья о Боровиковскомъ П. Н. Петрова.

мастера будутъ оспариваться музеями другъ у друга и цѣниться на вѣсъ золота.

Небогатый дворянинъ[1]), прослуживъ въ войскѣ до чина поручика, онъ почувствовалъ утомленіе и поселился въ родномъ Миргородѣ. Онъ рисовалъ самоучкой и, какъ видно, пользовался уже нѣкоторой репутаціей, такъ какъ, во время столь извѣстнаго путешествія Екатерины II въ Тавриду (1787 года), кіевскій губернскій предводитель дворянства Капнистъ заказалъ ему написать нѣсколько картинъ для одного изъ домовъ, гдѣ должна была остановиться царица. Требовались аллегоріи во вкусѣ того времени, съ примѣсью лести. Заказъ былъ исполненъ и въ аллегоріяхъ оказалось достаточно ѳиміаму. Екатерина объясняла тутъ свой наказъ семи греческимъ мудрецамъ. Петръ I вспахивалъ землю, на которой Екатерина сѣяла сѣмена и всходы посѣвовъ виднѣлись ужь вдали... Картины понравились и судьба художника была рѣшена. Онъ мѣняетъ скромный Миргородъ на сѣверную столицу, отправляясь учиться живописи на казенный счетъ. Кто былъ его первымъ учителемъ? По однимъ свѣдѣніямъ — „Лампій старшій". Но г. Петровъ, въ своей замѣткѣ, не принимаесъ этого— прежде всего потому, что оба Лампи, отецъ и сынъ пріѣхали въ Петербургъ только въ 1791 г., а въ 1789 г. Лампи—отецъ только вызванъ былъ королемъ Станиславомъ-Августомъ Понятовскимъ изъ Вѣны въ Варшаву. Первымъ учителемъ Боровиковскаго Петровъ считаетъ поэтому Левицкаго, написавшаго еще въ 1782 г. очаровательный портретъ государыни, послужившій поводомъ оды Державина „Видѣніе Мирзы". Достовѣрно то, что даровитый лѣвша (Боровиковскій рисовалъ лѣвою рукою) учился у обоихъ художниковъ и усвоилъ себѣ вполнѣ техническую ловкость и утонченную изысканность своихъ учителей, этихъ истинныхъ дѣтей XVIII вѣка.

---

[2]) По справкѣ въ генеалогіи дворянскихъ родовъ полтавской губерніи, хранящейся у полтавскаго предводителя дворянства, оказалось, что потомственное дворянство получено Боровиковскими только въ 1845 г. Ранѣе 1845 г. не записанъ ни одинъ Боровиковскій. Впрочемъ въ бумагахъ упоминается, что Левъ Ивановичъ (писатель) былъ уже ранѣе дворяниномъ, личнымъ, хорольскаго уѣзда. Владиміръ Лукичъ былъ братомъ отца писателя—Ивана Лукича. Онъ умеръ бездѣтнымъ.

Оставаясь оригинальнымъ, онъ взялъ у Левицкаго легкость и силу и строгость и обдуманность рисунка у Лампи.

Неподражаемый портретистъ онъ въ тоже время—вдохновенный религіозный живописецъ. Его картины на библейскіе сюжеты дышатъ глубокой и наивной вѣрой, переходящэй, къ концу его его жизни, въ мистическій восторгъ. Въ обоихъ родахъ, религіозномъ и портретномъ, благодаря замѣчательному трудолюбію, онъ произвелъ много. Небольшая часть его работъ сдѣлалась пока достояніемъ музеевъ. Остальное, напр. портреты, хранится въ частныхъ домахъ, какъ фамильная драгоцѣнность или украшаетъ стѣны храмовъ. Изъ религіозныхъ вещей картонъ „Богъ Саваоѳъ, созерцающій Спасителя въ страдальческой его кончинѣ", находится въ Румянцевскомъ музеѣ. Передъ Богомъ-отцомъ, на облакахъ, лежитъ безжизненное тѣло Христа, на которое онъ смотритъ съ глубокой скорбью. Въ заброшенномъ Густынскомъ монастырѣ мнѣ случилось видѣть, наивную по живописи, подобную же фреску въ куполѣ храма. Можетъ быть художникъ вспомнилъ что нибудь подобное, видѣнное на родинѣ? Изъ работъ, находящихся въ церквяхъ Петербурга, „Благовѣщеніе"—два медальона на царскихъ вратахъ Казанскаго собора—справедливо считается однимъ изъ лучшихъ вдохновеній миргородскаго мастера. Отличительныя черты этой композиціи—красота и грація. Послѣднее качество у русскихъ художниковъ особенно рѣдко.

Непорочная Дѣва, сложивъ руки на груди, склонилась надъ книгой, внимая словамъ небесной воли. Снѣжно-бѣлая ткань окутала ея плечи. Вѣнецъ изъ блѣдныхъ звѣздъ мерцаетъ надъ головой. Фигура Архангела—вся движеніе и свѣтъ. За плечомъ его дрожитъ крыло. Легкій, какъ видѣнье, предсталъ онъ предъ нею и, повѣдавъ благую вѣсть, утонетъ опять въ волнахъ свѣта. Все дышетъ здѣсь инымъ, чудеснымъ міромъ и о землѣ говоритъ только покрытый цвѣтами, гибкій стебель лиліи въ рукѣ Гавріила.

Горельефъ изъ литаго серебра, съ головками ангеловъ по сторонамъ, окаймляетъ эти дивную живопись. Когда царскіе врата открываются и косой лучъ свѣта падаетъ на ихъ колеблющіеся стѣнки, въ синеватой дымкѣ ладана, и Дѣва и Ангелъ кажутся по истинѣ небеснымъ видѣніемъ.

Въ петербургскомъ Эрмитажѣ выставленъ только одинъ холстъ Боровиковскаго, это—портретъ Мурзы-Кули-Хана, брата персидскаго шаха, пріѣзжавшаго посломъ ко двору Екатерины. Портретъ писанъ по заказу царицы. Онъ виситъ въ той залѣ, гдѣ скучныя полотна Угрюмова, противъ „Париса" Кановы.

Принцъ писанъ во весь ростъ, въ высокой шапкѣ, обвитой пестрою шалью, въ темнозеленомъ халатѣ и парчевой шубѣ на собольемъ мѣху. Матово-блѣдное лицо красиваго типа носитъ характеръ восточной нѣги. Узкая, чорная, холенная борода спускается до пояса. Правая рука лежитъ на кушакѣ, а лѣвая на рукояткѣ сабли. Это восточный властитель и воинъ.

Въ золотисто-голубоватой дымкѣ задняго плана художникъ, помѣстилъ купы кустовъ, палатки военнаго лагеря и дальше, совсѣмъ вдали, дворецъ у подножія горъ. Желанье-ли принца или капризъ художника,—эта обворожительная ложь вскрываетъ предъ нами тайникъ изящнаго воображенія артиста и своими едва уловимыми контурами дорисовываетъ характерный обликъ изображеннаго лица, гдѣ въ гармоническомъ сочетаніи слились двѣ коренныя черты: мужество и изнѣженность.

Нѣжная плотность шелка, мягкіе отливы бархата, игра и блескъ самоцвѣтныхъ камней, иглистый пухъ соболя—все это покорно кисти мастера и является какъ бы естественнымъ дополненіемъ у того, кто съ такимъ высокимъ искусствомъ умѣетъ изображать *человѣка*. А великихъ портретистовъ и характеризуетъ именно *это* умѣнье. Такіе портреты, какъ портретъ Екатерины II въ царско-сельскомъ паркѣ, въ пожиломъ возрастѣ и съ собачкой на рукахъ, или Павла I, во весь ростъ, въ далматикѣ и коронѣ, болѣе чѣмъ хорошая живопись. Это запечатлѣнный художникомъ живой образъ, который говоритъ больше, чѣмъ иной кропотливый историческій трудъ.

Счастливый случай соединилъ однажды значительное число портретныхъ работъ Боровиковскаго: болѣе двадцати. Это было на исторической выставкѣ портретовъ лицъ XVI—XVII вѣковъ, въ Петербургѣ. Оцѣнить его, какъ портретиста, можно было только тамъ, предъ этой галлереей типовъ минувшаго, гдѣ каждое лицо выходило вновь изъ прошлаго мрака, во всей своей индивидуальности, схваченной художникомъ.

Эти сановники былыхъ временъ, красавицы, блиставшія нѣкогда, чопорные аристократы и церковные іерархи, проходили вереницей передъ воображеніемъ, оживая вновь подъ кистью несравненнаго мастера. Уста, шептавшія слова любви и уста, произносившія проклятія крѣпостного вѣка, очи, за которыя жертвовали жизнію, и грозныя очи, предъ которыми трепетали подвластные люди,—все было здѣсь живое. Какъ портретистъ, Боровиковскій имѣетъ немного равныхъ. Рисуетъ-ли онъ задумчиваго старца („Зима“ въ Румянцевскомъ музеѣ) или пышнаго „Экзарха Грузіи (въ собраньи Третьякова), молодую красавицу или умудреннаго опытомъ мужа,—вездѣ, подъ внѣшнимъ обликомъ, силою таланта, раскрываетъ онъ обликъ нравственный, духовный, внутреннюю жизнь человѣка и даетъ не только внѣшне-схожій портретъ, но художественно-постигнутый, глубокій образъ.

О петербургской жизни Боровиковскаго извѣстно не много. Старый Лампи, умирая, оставилъ ему свою мастерскую, на Мильонной улицѣ, гдѣ художникъ и работалъ впослѣдствіи. Оставлять ему свою „практику“ Лампи не было надобности, такъ какъ въ то время Боровиковскій и безъ того имѣлъ массу заказовъ. Повидимому однако онъ не былъ богатъ. Неискательный, преданный одному своему искусству, заключившись въ стѣнахъ мастерской, онъ ничего не просилъ у своихъ современниковъ и рѣдко показывался даже въ публику.

Мистическое увлеченіе, охватившее общество во вторую половину царствованія Александра I, нашло въ настроеніи Боровиковскаго вполнѣ подготовленную почву. Съ мечтательной натурой, съ умомъ старавшимся проникнуть въ таинственныя области неизвѣстнаго, онъ примкнулъ къ духовному союзу Татариновой и сталъ однимъ изъ ревностныхъ его членовъ. Сохранились листки изъ его записной книжки, относящейся къ этому времени [1]). Въ нихъ, на ряду съ откликами страстныхъ религіозныхъ порывовъ, проглядываетъ и тяжелое и скорбное чувство неудовлетворенности. Этотъ „союзъ“, состоявшій изъ людей родовитыхъ, повидимому смотрѣлъ свысока на скромнаго и искренняго художника, хотя и эксплуатировалъ его талантъ для своихъ цѣлей. Общество Татариновой существо-

---

[1]) Напечатаны въ изданіи Бартенева »Девятнадцатый вѣкъ«. М. 1871 г.

вало до 1837 г. Боровиковскій умеръ въ апрѣлѣ 1825 г. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ аллегорій („Зима“ въ румянцевскомъ музеѣ) онъ, кажется, изобразилъ самого себя. Среди безжизненнаго пейзажа старый крестьяникъ въ зипунѣ грѣетъ руки надъ горящими угольями. Взглядъ этого одинокаго, стараго человѣка полонъ глубокой тоски.

Чрезвычайно желательно было-бы опубликованіе біографическаго матеріала, касающагося славнаго миргородскаго уроженца. Мы слышали, что собираніемъ такого матеріала занятъ одинъ изъ потомковъ художника по линіи его брата. Интересно было-бы видѣть добытые имъ данныя въ печати; что касается списка произведеній Боровиковскаго, то быть можетъ онъ не будетъ лишнимъ для поклонниковъ художника, такъ какъ произведенія эти разбросаны по разнымъ мѣстамъ и свѣдѣнія о нихъ не всѣмъ доступны. Отъ тѣхъже цѣнителей зависитъ сдѣлать прилагаемый ниже списокъ обстоятельнѣе и полнѣе.

В. Горленко.

Списокъ извѣстныхъ работъ Боровиковскаго.

Въ Эрмитажѣ.

Портретъ персидскаго принца Мурзы-Кули-Хана.

Въ Академіи Художествъ.

1. Портретъ Торсуковой (поясной).
2. Повтореніе портрета персидскаго принца, въ маленькомъ видѣ.

Въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

1. Портретъ президента академіи художествъ А. Ѳ. Лабзина (маленькаго размѣра).
2. Святое Семейство (копія съ эрмитажной картины Корреджіо).
3. Зима (аллегорія).
4. Портретъ Амвросія, митрополита новгородскаго и петербургскаго. Въ митрѣ, епископскомъ облаченіи и съ посохомъ (Даръ Третьякова).
5. Богъ Саваоѳъ (маленькій картонъ).
6. Портретъ Михаила Десницкаго, впослѣдствіи митрополита петербургскаго, въ бытность его епископомъ старорусскимъ.

Въ Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ.

1. Благовѣщеніе (два медальона на Царскихъ вратахъ).
2. Евангелисты (id).
3. Образъ преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, въ иконостасѣ лѣваго придѣла (вышина $2^1/_2$ аршина, ширина 1 арш. $5^1/_4$ вершка. Покрытъ серебряной ризой, видны одни лица).

4 и 5. Тамъ-же: два образа равноапостольныхъ Константина и Елены (изображены въ далматикахъ, въ ростъ. Св. Константинъ держитъ осьмиконечный

крестъ. Надъ нимъ, на небѣ, знаменіе креста, слившееся изъ звѣздъ. Св Елена съ обрѣтеннымъ на Голгофѣ крестомъ. Вышина $2^1/_2$ арш., ширина 1 арш. 3 вершка).

Въ церкви Тройцы, на смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ, гдѣ погребенъ Боровиковскій.

Иконостасъ верхней церкви.

Въ церкви села Романовки, мглинскаго уѣзда, черниговской губерніи.

Иконостасъ (свѣдѣніе о немъ въ письмѣ Чижова къ Максимовичу, „Кіевская Старина, 1883 г., апр., стр. 851).

Въ галлереѣ Третьякова (Москва, Замоскворѣчье, Большая Ордынка, Лаврушенскій переулокъ).

1. Портретъ экзарха Грузіи (изъ петербургскаго собранія Н. Д. Быкова). Въ полномъ облаченіи, съ посохомъ и регаліями, въ клобукѣ. На клобукѣ алмазный крестъ жемчужные ангелы на оплечіяхъ. Подписано: писалъ В. Боровиковскій, 1811 г.
2. Портретъ стараго сановника, въ лиловомъ бархатномъ кафтанѣ, красной лентѣ и звѣздѣ.
3. Поясной портретъ молодой дѣвушки, въ кисейномъ бѣломъ платьи, съ пейзажемъ сада позади.
4. Портретъ пожилаго человѣка въ военномъ сюртукѣ.
5. Повтореніе маленькаго портрета персидскаго принца безъ пейзажа.
6. Портретъ дамы среднихъ лѣтъ, восточнаго типа, въ желтой шали (Каталога третьяковской галлереи не существуетъ, а потому имена оригиналовъ неизвѣстны).

Портреты, бывшіе на »Исторической выставкѣ портретовъ лицъ XVI—XVIII вѣковъ« въ Петербургѣ въ 1870 году (Номера означены по каталогу выставки, изд. подъ редакціей П. Н. Петрова).

1. Екатерина II въ царскосельскомъ саду, № 351 (принадлежитъ П. И. Кузнецову).
2. Графъ Самойловъ (съ оригинала Лампи, приписывается Боровиковскому) № 454 (прин. А. Яблочкину).
3. Лачинова (овальный, маленькаго размѣра) № 606 (Охочинскаго).
4. Великая княгиня Анна Ѳедоровна, № 623 (музея Эрмитажа, № 1280. Взятъ изъ Гатчинскаго дворца).
5. Вел. кн. Екатерина Павловна, № 637 (И. Л. Кузьмина).
6. Вел. кн. Елена Павловна (поясной портретъ 1796 г. Музея Эрмитажа № 1272. Взятъ изъ Гатчинскаго дворца).
7. Павелъ I въ натуральный ростъ, № 640 (Департамента удѣловъ).
8. Великій князь Александръ Павловичъ (ниже пояса. 1796 г. № 644. Муз. Эрит. № 1273 изъ Гатчинскаго дворца).
9. Державинъ, № 653.
10. Графъ Васильевъ, № 654.
11. Дмитр. Прокоф Трощинскій, № 738 (Шлихтинга. Была копія подъ № 678).
12. Графиня Мусина-Пушкина (маленьк. портр.) № 687 (князя А. И. Шаховскаго).
13. Графъ Андрей Ильичъ Безбородко, № 697 (граф. Е. Д. Кушелевой).
14. Ардал. Алекс. Торсуковъ (Портр. по колѣни) № 700 (кн. Волконскаго).
15. Граф. Анна Иван. Безбородко, № 720 (гр. Е. Д. Кушелевой).

16. Дарья Алекс. Валуева, № 703 (графа П. А. Валуева).
17. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ (поясной) № 723. С. А. Гедеонова).
18. Екатер. Алекс. Архарова (поясной портр. въ чепцѣ) № 750 (А. А. Васильчикова).
19. Ольга Кузьм. Филиппова (поясное изображ. 1790 г.) № 759 (А. Н. Филиппова)
20. Павелъ Степ. Филипповъ (старшій архитекторъ при сооруженіи казанскаго собора. Поясной портр. 1790 г.) id.
21. Княжна Ал. Ник. Волконская (дочь фельдмаршала Репнина, держитъ медальонъ съ изображеніемъ своего отца) № 762.
22. Княгиня Наст. Ив. Куракина (поясной портр. 1790 г.) № 754 (кн. А. Б. Куракина).
23. Вѣра Ив. Арсеньева, № 763 (В. И. Ламанскаго).

Въ »Указатель собранія картинъ и рѣдкихъ художественныхъ произведеній, принадлежащихъ членамъ Императорскаго дома и частнымъ лицамъ въ Петербургѣ (Спб. 1861 г.) указаны *слѣдующія работы Боровиковскаго:*

1. Портретъ митрополита Михаила. Принадлежитъ Прянишникову. Безъ сомнѣнія это портретъ Мих. Десницкаго, находящійся въ румянцевскомъ музеѣ. Большая часть галлереи Прянишникова перешла туда.
2. Портретъ гр. Кутайсова (принадл. И. М. Смирнову).
3—5. Три семейныхъ портрета (принадлежатъ Ѳ. О. Львову); одинъ изъ нихъ (портретъ молодой, улыбающейся женщины, въ красномъ платьи) весною 1883 г. продавался въ Петербургѣ въ художественномъ магазинѣ Семенова (Гороховая д. 56).

Извѣстны еще у частныхъ лицъ.

1. Портретъ А. Лопухина (гдѣ-то на югѣ).
2. Портретъ Д. П. Трощинскаго, поясной въ креслѣ, съ видомъ въ окно на с. Кагарлыкъ кіевской губерніи, купленъ былъ въ м. Кагарлыкѣ, на аукціонѣ, покойнымъ кіевскимъ коллекціонеромъ И. П. Нововымъ. Нынѣ находится въ Одессѣ у г. Далькевичъ.
3. Нерукотворенный образъ, писанный по заказу Трощинскаго въ 1823 г. Купленъ, при распродажѣ галлереи послѣдняго, И. П. Нововымъ.
4. Святое Семейство. Картина эта найдена извѣстнымъ писателемъ Н. С. Лѣсковымъ въ Малороссіи, заброшенною въ какомъ-то помѣщичьемъ домѣ. О своей находкѣ г. Лѣсковъ тогда сообщалъ въ газетахъ.

Гравюры съ Боровиковскаго мнѣ извѣстны двѣ: »Екатерина II въ царскосельскомъ саду« Уткина и »Поясной портретъ Трощинскаго« работы Ухтомскаго.

Портретъ самого художника хранится въ Румянцевскомъ музеѣ, въ такъ называемомъ Дашковскомъ собраніи.

ГРЕЧЕСКІЯ МУЗЫ ВЪ МАЛОРУССКОМЪ ИЗОБРАЖЕНІИ.

(Рисунокъ и объясненіе къ нему).

Въ богатомъ собраніи рѣдкихъ книгъ и рукописей Н. М. Бѣлозерскаго нашлась давно сообщенная намъ рукописная книга первой половины XVIII ст., изъ которой и заимствовано прилагаемое къ настоящей книжкѣ изображеніе девяти греческихъ музъ въ малорусскомъ такъ сказать перекладѣ.

Чтобы яснѣе представить всѣ особенности этого рисунка и его внутренній смыслъ, изложимъ прежде его историческое происхожденіе.

Въ 1700 г., въ Черниговѣ, архіепископомъ черниговскимъ Іоанномъ Максимовичемъ учреждено было училище подъ названіемъ „Колегіумъ", иначе „Олимпъ", тоже, что впослѣдствіи „Школа славянско-латинскаго языка", а нынѣ черниговская духовная семинарія. Коллегіумъ устроенъ былъ по образцу кіевской академіи, подобно ей открытъ былъ для лицъ всякаго званія, а содержался преимущественно на средства разныхъ ревнителей просвѣщенія. Въ числѣ ихъ былъ родственникъ основателя „Олимпа", Тимофей Максимовичъ, съ 1727—1749 г. занимавшій почетный постъ архимандрита богатаго и древняго черниговскаго елецкаго монастыря [1]). До поступленія на это мѣсто, онъ три года пребывалъ на „Олимпѣ", просвѣщая юношество реторикою, піитикою и прочими науками; но и перейдя съ Олимпа на „Болдины горы", не оставлялъ помогать его питомцамъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ содержалъ на свой счетъ. Эти-то, по тогдашнему названію, кліенты его, а можетъ быть и прочіе питомцы „Олимпа", движимые чувствами признательности къ своему патрону и меценату, 1730 г., въ день его именинъ вздумали поднести ему, по обычаю того времени, *панегирикъ*. Панегирикъ этотъ представляетъ собою рукописную книгу изъ 20-ти листовъ писчей бумаги, мелко исписанной отъ начала до конца похвальными рѣчами имениннику отъ преданныхъ емъ „спудеевъ". Всѣхъ рѣчей четыре: двѣ на латинскомъ языкѣ,—одна въ прозѣ, другая въ стихахъ, и двѣ на польскомъ, обѣ въ стихахъ. Каждая рѣчь имѣетъ

---

[1]) Историко-стат. Опис. черн. еп. архіеп. Филарета, т. III, стр. 24.

длинное, во всю страницу, вычурнаго письма и еще болѣе вычурнаго слога заглавіе или посвященіе. Сущность всѣхъ заглавій можетъ быть передана въ переводѣ слѣдующими главными словами перваго изъ нихъ: „сокровищница неисчислимыхъ добродѣтелей.... архимандрита.... Тимоѳея Максимовича... открытая предъ нимъ... инфимистомъ Андреемъ Максимовичемъ". Авторы другихъ рѣчей своихъ фамилій не выставили. Годъ поднесенія панегирика обозначенъ съ свойственною старинѣ замысловатостію: въ двухъ латинскихъ стихахъ, заканчивающихъ первое посвященіе, тѣ буквы, которыми можно обозначить число 1730, поставлены въ видѣ заглавныхъ и притомъ курсивомъ; только съ приведеніемъ ихъ въ порядокъ по величинѣ означаемыхъ ими чиселъ и сложеніемъ сихъ послѣднихъ получился годъ посвященія. Рисунокъ, въ которомъ составители панегирика полагали, конечно, все достоинство имениннаго подарка, помѣщенъ между рѣчами польскими и снабженъ особыми польскими-же стихами въ полторы страницы, смутно поясняющими искуственную композицію рисунка. Самый рисунокъ занимаетъ полъстраницы; онъ начерченъ съ помощью пера—чернилами и тушью и представляетъ собою Олимпъ съ его божествами, далеко не въ полномъ сборѣ, а только тѣми, которыя имѣли отношеніе къ наукамъ и искуствамъ. У подошвы горы расположены музы—всѣ девять. Одна изъ нихъ, занимающая середину, играетъ на *цымбалахъ* и по роду инструмента находится въ положеніи сидячемъ; стоящія справа двѣ держатъ въ рукахъ военныя казачія трубы и какъ-бы оспариваютъ что-то другъ у друга; стоящія съ лѣвой стороны играютъ—первыя на сопилкѣ, замѣняющей флейту, вторая на скрипкѣ, третья на кобзѣ, четвертая на басѣ и только двѣ при двухъ послѣднихъ, вѣроятно предназначенныя восхвалять одну и ту-же добродѣтель мецената, не имѣютъ особыхъ инструментовъ. По приводимому здѣсь въ подстрочномъ примѣчаніи переводу сопровождающихъ рисунокъ польскихъ стиховъ [1]), досужій и любопытный читатель можетъ опредѣлить не только роли музъ съ ихъ названіями, но и мѣсто каждой, т. е. на какомъ инстру-

---

[1]) »Кого такъ славано воспѣваете, музы? Кому до самаго неба гремите: *виватъ?* Тому-ли, что въ блестящей коронѣ вѣнчаетъ главу свою кипарисомъ? Или тому, что на Парнассѣ, въ прекрасномъ Геликонѣ играетъ на цитрѣ? Тому-ли, который нѣкогда съ дочерьми Орфея распивалъ кастальскіе ликеры? Знаю

ментѣ какая муза играетъ и какую добродѣтель патрона восхваляетъ. Кромѣ малорусскихъ инструментовъ, данныхъ въ руки греческимъ богинямъ, и одѣты онѣ несомнѣнно по малорусски, хотя по несовершенству рисунка и поблеклости чернилъ трудно съ точностію опредѣлить родъ и названія одежи, какая дана музамъ. Въ рисункѣ допущены нѣкоторыя отступленія онъ національныхъ костюмовъ того времени, но нѣкоторымъ мелкимъ чертамъ фигуръ и едва примѣтнымъ тѣнямъ волосъ на головахъ нельзя не признать и фигуры и костюмы женскими: верхняя одежда—кунтуши, а широкія на нихъ полосы спереди означаютъ передники, какіе видимъ на рисункахъ женскихъ нарядовъ, приложенныхъ къ Лѣтописи Ригельмана. На двухъ классическихъ холмахъ Олимпа помѣщены два высшія божества: справа, на Парнасѣ, Аѳина, богиня мудрости, слѣва на Геликонѣ Аполлонъ, покровитель просвѣщенія. Одѣяніе Аѳины фантастическое—сорочка, приподнятая выше колѣнъ, и какое-то покрывало, перекинутое чрезъ плечи; богиня играетъ на лютнѣ или лирѣ. Аполлонъ представленъ просто хлопцемъ въ сорочкѣ, съ сильно подкатанными штанами и шапкой, какую видимъ на изображеніи козака на картѣ у Боплана; играетъ онъ на бандурѣ, какъ прямо сказано въ текстѣ одной изъ приложенныхъ рѣчей. Надъ Олимпомъ въ облакахъ самъ Юпитеръ съ приподнятой лѣвой, опущенной правой рукой и распростертымъ свиткомъ отъ головы, а на свиткѣ обращенныя къ играющимъ слѣд. слова: *Ludite virtutem carae et pulchrae soboles*, т. е. восхваляйте добродѣтель (разумѣется Максимовича), дорогое и прекрасное товарищество. Надъ головами музъ справа надпись: *Ludimus mirando virtutem* (восхваляемъ въ изумленіи добродѣтель), а слѣва: *Hic probitatis honos* (здѣсь, т. е. въ славѣ, награда добродѣтели).

Такова композиція рисунка и составъ всего панегирика. Прибавимъ къ этому, что края листовъ украшены тщательно сдѣлан-

---

хорошо, что это тебѣ, честный архимандритъ, приносятъ онѣ дань хвалы—прекрасно играя на лютнѣ Калліопа, воспѣвая твою доброту Тельксіопа, Кліо между тѣмъ славу, — она давно научилась восхвалять истинно добродѣтельныхъ,—Эрато всегда и каждому охотно указываетъ истинную любовь къ ближнему, Мельпомена и Талія щедроты, Полигимнія съ Терпсихирою цноты (добродѣтели), а прекрасная Уранія, восхваляя тебя, пронизываетъ голосомъ своимъ самый Олимпъ«.

ными перомъ виньетками, а мѣста между рѣчей—цвѣтами; на обложкѣ книги изъ плотной (альбомной) бумаги краснаго цвѣта вытиснуты на лицевой сторонѣ священныя изображенія, въ числѣ 8-ми, а на задней какія-то аллегорическія картины въ числѣ 12-ти. Тѣ и другія очень тонкой работы; но, къ сожалѣнію, рельефъ обложки значительно сгладился отъ времени, а потому невозможно разгадать содержанія и значенія изображеній, кромѣ явственно видимой картины Благовѣщенія.

Панегирики, подобные настоящему, въ печатномъ видѣ встрѣчаются еще въ XVI ст.; ими въ особенности богатъ былъ вѣкъ XVII; въ XVIII вѣкѣ мода на нихъ постепенно исчезаетъ и они замѣняются отдѣльными одами и похвальными рѣчами, изустно произносимыми. Панегирики, посвящавшіеся знатнымъ лицамъ, тѣмъ болѣе великимъ историческимъ дѣятелямъ, напр. Петру Могилѣ, на смерть Сагайдачнаго и пр., имѣютъ значеніе историческихъ памятниковъ: въ нихъ разбросаны біографическія, генеалогическія и вообще историческія свѣдѣнія, встрѣчаются гербы и другія изображенія, да и сами они служатъ отголоскомъ понятій, обычаевъ и вкуса даннаго времени. Но что, спроситъ читатель, можетъ представить и какое историческое значеніе имѣть панегирикъ лицу, ничѣмъ себя не заявившему въ исторіи, какъ въ настоящемъ случаѣ?—Въ сферѣ жизни прежней, какъ и современной, нѣтъ столь малаго лица и факта, которые не служили-бы отображеніемъ даннаго времени. Такъ и въ этомъ случаѣ. Любопытно это изображеніе Олимпа, съ его обитателями, на малорусскій ладъ, это низведеніе божествъ въ среду будничной жизни, въ которомъ черниговскіе спудеи опередили оригинальнаго перелицовщика Энеиды—Котляревскаго,—даже самая мысль ихъ поставить древнихъ боговъ въ положеніе служащихъ ихъ цѣли — прославленію своего патрона и мецената. А путь къ этой мысли для составителей панегирика былъ самый простой и естественный: ихъ коллегіумъ носилъ названіе Олимпа,—какъ представить этотъ Олимпъ, если не въ видѣ древняго? Но съ другой стороны какъ представить его миѳическихъ обитателей, если не въ современныхъ близкихъ образахъ? И вотъ передъ нами богини въ сорочкахъ и жупанахъ „рѣжутъ“ на кобзахъ и цымбалахъ, трубятъ въ козачія трубы, и самъ

Аполлонъ, *закачавши холоши*, отдираетъ на бандурѣ. Музы и музыки—одно созвучіе давало поводъ къ такому сопоставленію и перелицовкѣ греческаго на свое родное. И это былъ единственный моментъ, когда составители панегирика сходили съ высоты одуряющей схоластики на свою родную почву, оживали и отдыхали на ней. Все остальное въ панегирикѣ,—длиннѣйшія рѣчи въ прозѣ и стихахъ, на латинскомъ и польскомъ языкахъ, не что иное, какъ непроходимая дебрь и невообразимая гиль, которыя показываютъ, какъ далеко отъ жизни стояло тогдашнее образованіе и какъ мало общаго имѣло оно съ нею. Пройдя лишь такъ сказать по верхамъ эти 20 листовъ убійственной латыни и польщизны, не вынесешь изъ нихъ ни одной живой мысли, никакого представленія о чествуемомъ лицѣ, его качествахъ и дѣлахъ, ни о самихъ панегиристахъ, ни о заведеніи, къ которому пріурочено торжество и ни малѣйшаго указанія на тогдашнюю жизнь и ея обстановку. Рѣчи панегиристовъ держатся на отвлеченной мысли о добродѣтеляхъ и славѣ ихъ патрона, котерымъ удивляются якобы всѣ боги, но каковы эти добродѣтели и въ чемъ они проявлялись, объ этомъ ни слова. Мысль и воображеніе поздравителей ни на минуту не выступаютъ изъ заколдованнаго классическаго міра, оттуда черпаютъ свои вдохновенія, самыя представленія, образы, сравненія, постоянно переходя отъ Юпитера къ Посидону, изъ Колхиды на Циприду, отъ Тезея и Менелая къ Ксерксу, Александру Македонскому и т. д Для насъ—людей иного склада мысли не понятно даже, какъ люди, не потерявъ здраваго разсудка, могли отдаваться такой безплодной и бездушной работѣ. И если нѣтъ въ ней ни одного родного, жизненнаго образа, то нѣтъ и ни одного родного слова или звука. Насъ не удивляетъ господство латыни на черниговскомъ „Олимпѣ",—она царила тогда во всѣхъ школахъ Европы; но насъ поражаетъ господство здѣсь польской рѣчи. Малороссія, потоками крови смывшая слѣды польскаго панованья, находясь около ста лѣтъ подъ русскимъ владычествомъ, не могла сбросить съ себя ярма польской культуры. И это по ту сторону Днѣпра, въ центрѣ Сѣверской земли, въ стѣнахъ новооткрытаго вдали отъ Польши учебнаго заведенія! Шло третье, нарождалось четвертое поколѣніе, а духъ жизни удерживался прежній. Свидѣтелемъ живучести этого

духа тамъ, гдѣ, казалось, онъ давно долженъ былъ испариться, памятникомъ вообще нашего тогдашняго образованія, нашей замершей среди политическихъ невзгодъ жизни и служитъ очерченный нами панегирикъ съ его оригинальнымъ рисункомъ, приближающимъ парящія въ отдаленномъ полумракѣ существа и низводящимъ въ служебную роль то, что царило въ древнемъ классическомъ мірѣ.

Aus J. J. Kupferstich Sammlung Wien.

пуздерковая круглая, чтобъ такихъ еще три придѣлано. Послано колесо до пана Василя Борозни въ Куршановичи, при писмѣ чрезъ войта хоромнинского, которому и о оставленномъ конѣ приказъ отданъ. Врученъ листъ Марку для пересылки въ Глуховъ, до брата Андрея Ханенка [66]).

23. Данъ молитвенникъ пану Мануилу Зѣневичу, дозорци ропскому. Розышлось копѣекъ 8. По обѣдѣ зъ Ропска виехали и едучи чрезъ Плавню, видѣли тамъ камень нашъ оставленный. Ночовали сами въ Курозновѣ, а возки въ Нижніомъ.

24. Прибылисмо рано въ Нижнее, гдѣ снѣдали; и писаны два листи, еденъ до атамана городового погарского о висилцѣ въ Стародубъ Мойсея шевця зъ 10 белками или зъ двома черными козьлами; другій до старосты перегонского о присилцѣ въ дворъ стародубовскій овса осмачокъ двохъ, чоботы сафяновыя, которіе шилъ Мойсей швець, юоовую одну шкуру, которая меншая, індиковъ 2 старихъ, гусей 2, курей 6, утокъ 4, каплуновъ тогорочныхъ 6, оцту, варива, которое вкисло, а именно сѣченой капусти и бураковъ по дежцѣ.—Прибылъ въ Стародубъ передъ вечеромъ.

25. Обѣдали у пана Андрея Миклашевского купно зъ капитаномъ Яковомъ Гавриловичемъ Лебедевымъ, зъ Глухова присланнымъ зъ грамотою милостивою о одставцѣ нѣкоторыхъ сборовъ.

26. Таяжъ грамота церемоніально публикована и благодарственный былъ молебенъ съ пушечною стрелбою, а потомъ гуляли у пана наказного (полковника) до ночи. Сего жъ числа, въ время обѣда, поданъ указъ отъ ясневелможного, чтобъ присилать старшину полковую и сотниковъ въ Глуховъ для вислушанія грамоты, присланной чрезъ новоопредѣленного въ стародубскій полкъ г. Александра Ивановича Дурова. Да сего жъ числа прибыла и панѣя Турковская зъ Мглина въ Стародубъ.

27. Обѣдали и гуляли весь день у пана Федора Ширая [67]) ради приезду панѣи Турковской [68]). Качановскому на чоботы дано 20 копѣекъ.

---

[66]) Андрей Федоровичъ Ханенко.

[67]) Федоръ Степановичъ Ширай, внукъ извѣстнаго войта стародубскаго Спиридона Ширая, основавшаго своею пеньковою торговлею богатство Шираевъ.

[68]) Жена Михаила Турковскаго, впослѣдствіи генеральнаго писаря.

28. Обѣдали и весь день гуляли у пана наказного.

29. Пошло на желѣзо 20 копѣекъ, ковалю 15 копѣекъ. Примовала паню Турковскую съ прочими у себе пани Скорупина [69]).

30. Писанъ листъ зъ инстанціею за парохіанами пиколскими о состроеніи имъ каплицы, до отца писаря катедры чернѣговской. Публикованы указы о невзиманю впредь полушокъ и малыхъ копіекъ съ 1728 году дѣланныхъ. Данъ 1 рубль полушками панее— 1 рубль полушками пропалъ. Алексію на рукавици 15 коп.

31. Вручены 67 копѣекъ полушками Павлику для росходу. Виехали зъ Стародуба къ Глухову и на дорозѣ встрѣтились зъ паномъ Маркомъ Андріевичомъ Марковичомъ, подскарбія енералнаго синомъ, которій того дня виездилъ до Стародуба для отправленія веселья зъ дочерью панеи Березовской Марою. Мы прибыли на ночъ до Кистра; тутъ за направу колеса ковалеви даны 4 копѣйки и ночовали у отца Климентія Боярского, бывшого погарского протопопа, священника свято-троецкого кистерского.

Декабрь.

7. Въ Погарѣ Алексію данъ 1 рубль, да ему-жъ на рукавици 15 коп. и за его-жъ заплачено 20 коп.; за его жъ перенявъся заплатилъ Ѳедору, Козми Іакимовича слузѣ, 5 рублей; и заплачено 1731 августа 4 дня, въ Глуховѣ, 6 рублей 35 коп. У Александра Левицкого 4 червоніи куфа горѣлки. На провозъ оной за подводу 3 рубля, на пошлину 1 рубль. Два червоныхъ на позолоту шаблѣ; на желѣзо 2 рубли. Мнѣ онъ же для жены дѣлалъ шапку зъ пудломъ.

Журналъ 1731 году.

Генварь.

1. Виехалъ рано зъ Перегону, обѣдалъ въ Чаусахъ, ночовалъ въ Мехедовцѣ; одселя въ вечеру писаны писма..... о посилцѣ тушъ свинихъ къ Николаю Павловичу и до Линского о разнихъ господарскихъ дѣлахъ; розпилось 2 коп.

---

[69]) Жена стародубскаго полковаго писаря Григорія Скорупы—Настасья Степановна, рожденная Ширай.

2. Прибылъ на обѣдъ въ Шатрищи; одтоль приехалъ позно въ Глуховъ и тутъ сталъ квартерою въ дворѣ его милости пана Андрія Миклашевского.

3. За сѣно 28 коп., за овесъ 16 коп., барабанщикамъ 10 коп. Ясневелможному клапялся зъ хлѣбомъ; по обѣдѣ былъ у доктора Бока и у Александра Левицкого. Цилюрниковѣ 5 коп.

Май.

19. Подана суплика ясневелможному на пана Івана Гамалѣю, що въ Пѣскахъ, о 26 руб., да на Алексія Михайловича, нѣжинского полку, о 20-ти рубляхъ.

Іюнь.

18. Панъ Константинъ Романовскій, въ Яремнѣ мешкаючій, обѣцалъ пять осмачокъ жита стародубской мѣры визичити, и далъ.

23. Посланы 5 руб. денегъ Козмѣ Іакимовичу въ Глуховъ, чрезъ сотника новгородского пана Христичевского.

Взялъ коня бѣлого, торгомъ, до пробы, въ 8 рублей, у войта новгородского Доморки.

25. Мойсею Шевцю, коміссару погарскому, данъ конь гнѣдій въ семи копахъ.

28. Взялъ у пана господара двору рейментарского присиланнаго Дениса Морозенка пару коньковъ гнѣденкихъ ad interim въ 14 руб. и о томъ до пана господара писалемъ. Алексію дано 1 р., да за шапку его-жъ доплачено 15 коп. Цѣвцѣ.

Іюля.

9. Взято въ позику жита 5 осмачокъ у урядниковъ майстратовихъ стародубскихъ и одослано въ Переголъ 4½ и въ Стародубѣ на росходъ змолото ½ осмачки.

15. Д. Pilatovich [70]) promiscit брусовъ дубовыхъ 60.

23. За полотна 21 локоть взятого будто—по 2 осмачки. Тарасу Довлѣтову, пасинку жителя стародубского, дано ad interim 10 к.

---

[70]) Леонъ Пилатовичъ, выходецъ «изъ заграницы», женился на дочери Спиридона Ширая, получилъ отъ Мазепы въ 1708 г. универсалъ на увольненіе его «отъ войсковыхъ походовъ и всякихъ посполитыхъ повинностей и подачекъ». Обозрѣніе Румянцевской Описи, 518.

25. Подрядилъ маляра погарского Оникія змаліовать коляску для дитины, да въ большой избѣ подмаліовать подъ шпалерами, также коло окопъ и дверей и въ противной маліованой издебцѣ попоправлять, где попортилось, и за тее все давать ему 1 рубль денегъ да чвертку жита.

27. Зоставленъ Стефану въ Перегонѣ 1 рубль, для росходу панеи.

При писмѣ до сотника шептаковского послано 14 фляшокъ и 5½ шрубки, да золотий грошей, чтобъ приправлено въ машевской гутѣ шрубки.

29. Прибылъ въ Глуховъ и кланялся ясневелможному, где засталъ въ домѣ рейментарскомъ чрезвичайного посланника, до солтана турецкого отправленного, князя Івана Андріевича Щербатова, мѣнѣстерскихъ дѣлъ канцеляріи правителя, полковника Романа Семеновича Тургенева.

30. Пополдни привезъ подъ карауломъ зъ Москви Василія Танского, полковника переясловского, капитанъ лейбъ гвардіи преображенского полку, Петръ Петровичъ Воейковъ, которому и слѣдовать о обидахъ полку переясловского, обще зъ господиномъ полковникомъ Тургеневымъ, поручено и зъ секретаремъ сенатскимъ Іваномъ Івановичемъ Топѣлскимъ [71]).

31. Тотже капитанъ зъ полковникомъ господиномъ Тургеневымъ былъ у ясневелможного и подалъ о Танскомъ грамоту.

Августа.

2. Одправленъ Качановскій въ домъ и чрезъ негожъ послана стадвина и писма до домашнихъ писаны.

3. Одправлены писма въ Москву и наши челобитніе по почтѣ чрезъ козака глуховского Ющенка.

Пану господару двору рейментарского заплачены 14 р. въ Глуховѣ за пару коней гнѣденкихъ.

4. Алексію данъ рубль, Федору слузѣ Козми Іакимовича за егожъ Алексія заплатилъ пять рублей въ Глуховѣ.

---

[71]) Василій Михайловичъ Танскій, слѣдствіе надъ которымъ кончилось тѣмъ, что въ 1735 г. онъ былъ «наказанъ публично и сосланъ въ сибирскіе города». Въ 1742 г. Танскій былъ прощенъ и получилъ переяславское полковничество обратно. Марк. I, 436 и II, 179 и 184.

7. Василю Вишнѣцкому старостѣ семіоновскому даны 2 руб.

8. Писалъ въ Москву къ Дмитрію Даниловичу Гурчину, обрѣтающемуся при домѣ ея высочества, государыни цесаревны и в. кн. Екатерины Іоанновны о тожъ съ комплементомъ, и до Петра Василіевича Курбатова въ дѣлѣ моемъ о Перегонѣ, а вручилъ оніе писма пану Петру Искрицкому. [72])

Віехалъ я зъ Глухова.

12. Прибылъ въ Луку.

13. Въ монастырь Мгарскій, въ которомъ confess. communicavi

14. Тутъ намѣстникъ отецъ Іоакимъ Литвишко приймовалъ мене зъ економомъ. Datum est aureum meum in monasterio.

Того-жъ 14 числа предъ вечеромъ прибылъ въ Лубнѣ, где послѣ прибылъ и его милость панъ полковникъ лубенскій [73]) и обослалъ мене на квартерѣ хлѣбомъ и проч.

15. Кушалъ у пана полковника, и его милость панъ Петръ Кулябка обослалъ мене хлѣбомъ, виномъ, медомъ и бараномъ. Вечералъ у пана Кулябки [74]).

16. Панъ Федоръ Василенко прислалъ коня сивого по давней своей обѣтницѣ.

17. Подано прошеніе пану полковнику лубенскому о млинѣ лучанскомъ и съ крѣпостей копіи.

18 Одехалъ въ Сорочинцѣ.

20. Захоровалъ. Сотникъ Хорольскій Стефанъ Родзянка прислалъ корову съ телямъ.

22. Віехалъ одтоль и прибылъ въ Миргородъ, где въ домѣ пана Якова Николаевича Дуніна пролежалъ 23 и 24 число и заледво по полднѣ собрался ехать въ Лубнѣ, куда и прибылъ коло заходу слонца, боленъ.

25. Принималъ лекарство проносное.

26. Принималъ лекарство крѣпительное. Сегожъ числа вручилъ его милости пану Стефану Савіцкому, писарю полковому лубенскому, 24 р. денегъ для отсилки къ господину Славую Требинскому, а 20 р. денегже томужъ пану Савіцкому доправить на пану Івану

---

[72]) Племянникъ гетманши Ульяны Апостолъ и зять Григорія Демьяновича Скоруны.

[73]) Петръ Апостолъ.

[74]) Зять гетмана Апостола, женатый на его дочери Аннѣ.

Гамаліи, до которого и листъ рейментарский о томъ одосланъ, поручилемъ, а доправя тіе 26 руб., к томужъ господину Славую одослать, жебы уплачены сполна 50 р. просилемъ, о чемъ подъ симъ числомъ писмо зъ цедулою до пана Славуя написано въ Лубнахъ и отдано для пересылки къ нему...

27. Его милость панъ полковникъ лубенскій прислалъ коня карого подарунку чрезъ свого конюшого, которому данъ 1 р. отгузного, а манталѣру золотий 1.

28. Віехалъ зъ Лубенъ.

29. Прибылъ въ Луку.

31. Купилъ у пана Александра Саковича 4 коней гнѣдыхъ за 60 р. и далъ ему рублей 20, а рублей сорокъ надлежитъ одослати до ярмарку борзенского. Онъ же панъ Саковичъ прислалъ и гатласъ алый.

Мѣсяцъ Септеврій.

1. Сторговалъ футоръ на Артополотѣ у Івана, Ігната и Василя и Зѣнця Сподинейковъ козаковъ, жителей брисявскихъ, за 60 руб. и далъ онымъ задатку два червоныхъ золотихъ, а былъ торгъ при Якову Манку, при діаку Данилу, при Александру Крячковому внуку и при другихъ.

2. Прибылъ въ Роменъ и обѣдалъ у панеи Марковичевой, а ночовалъ въ Смѣломъ.

3. На обѣдъ прибылъ въ Семіоновку [75]), где доставлены два коне, гнѣдий и вороний, да вручено писмо Роману Мостовенку, до сотника новомлинского писанное о облигѣ Алексія Михайловского на останніе 20 р. отъ него должніе и оному Роману приказалъ зъ тимъ писмомъ ехать въ Новые Млины и требовать у сотника резолюціи.

4. Прибылъ въ 2 часѣ по полудни въ Мутинъ, на ночь въ Кролевецъ.

5. Въ 12-мъ пополуденномъ часу превеликій въ Кролевцѣ учинился пожаръ, отъ которого многіе доми въ мѣстѣ и по-за мѣстомъ, также товары купеческіе, конѣ, возы и прочее, да и нѣсколко человѣкъ и одна жонка згорѣли. Ночовалъ у пана Стефана Бутовича.

---

[75]) С. конотопскаго уѣзда, принадлежавшее Гамалѣямъ.

6. Рано віехавши зъ Кролевца, прибыль въ Глуховъ въ 3-мъ часу пополудни.

8. Грамота прислана къ ясневелможному о виступленіи въ походъ.

9. Iterum febricitabam. 10. Idem pastus.

11. Рано передъ службами имѣлъ входъ свой церемоніалный его преосвященство, отецъ Рафаилъ архіепископъ кіевскій въ Глуховъ. Сегожъ числа коло вечерень віехалъ зъ Глухова.

12. Прибылъ хорій въ Новгородокъ.

13. Въ Перегонъ ночью.

14. Получилъ лестъ одъ полковника зъ полѣценемъ команди полковой, на которий учинилемъ отвѣтъ. Сего числа взяти у Ноздри, шинкаря чаусовского, девять рублей.

15, 16, 17, 18 и 19 прожилъ въ Перегонѣ, за 19 одтоль віехавши, прибылъ на ночь въ Левенку.

20. По обѣдѣ зъ Левенки прибылъ въ Стародубъ. Сегожъ числа на ночь перешолъ въ дворъ, купленний у Самусенка на черигговской улицѣ за 280 р.

21. За покупленную въ тотъ дворъ разную посуду дано 1 р.

22. Позичена будка блаитная пану Григорію Скорупѣ, для отвезенія дѣтей его Івана и Павла за границю, въ Полщу, для наукъ [76]).

23. Отправлены въ Глуховъ три писмѣ, одно до пана Скоропадского, другое до пана подскарбія енер. Марковича, третье до Пантелимона Юркевича зъ посилкою рубля для отдачи оного лѣкарю Вѣттиху, чрезъ козака Мих. Гриневича, жителя стародубского. Тогожъ числа посланы писма до его благородія, г. полковника стародубского, Александра Івановича Дурева въ походъ, въ разнихъ дѣлахъ, о чемъ въ канцеляріи полковой имѣются черные отпуски, чрезъ козака Александра Лущика, жителя лищицкого.

24. Оние писма отправлены къ полковнику. Сего числа едучимъ зъ двора панеи тещи ночю былъ случай жестокій, что носили конѣ и на силу отъ бѣды чрезъ мілосердіе Божіе спаслися.

25. За два кожухи 2 р., за сафянъ 1 р. 10 к., шевцю ad rationem 20 к.

---

[76]) См. примѣч. 69.

26. Алексію за черевики 15 к. Данъ Алексію кожухъ въ 1 р., за овчину емужъ 25, за рукавици 20, за 3 бруся, доски и протч. 54 к. далъ Янченокъ.

27. За семнадцать тертицъ 63 к., еще за нѣкоторую дворовую посуду 23 к.

30. Посланъ чайникъ мѣдный въ 5 фунтовъ, которій дѣланъ Карпомъ Котляромъ, въ Глуховъ до доктора Бока, чрезъ капрала Дмитрія Минина, сина Чиркова, осмой роти капитана Неплюева полку гварнѣзонного глуховского. Сегожъ числа прислано отъ городничого лицицкого Патермуфія стекло, шибы, глеки и проч. и двѣ гуски. Рано посѣщалъ мене графъ Гаврило Владиславичъ. [77]). За бочку соли Федору Янченку 3 р. 25 к., за шовкъ 10 к.

Октоврій.

1. Подрядили видрать дранѣ копъ 50, копу полуторной по гривнѣ, двосаженной по 15 к.; а подрядившихся человѣкъ зъ Лицичъ — одинъ Василь, прозиваемый Рощина, другій Федоръ Пишедченокъ, которимъ дано житной муки полусмакъ, безмѣнъ сала, безмѣнъ соли, крупъ ячныхъ два безмѣна, риби вялой чотири лящи, и что они видеруть, должны о томъ давать знать, жебы тое спискивать за погоды.

2. Пришло извѣстіе, что полковникъ имѣетъ быть 5 числа сего октября въ Стародубъ.

3. Отецъ городничій лицицкій прислалъ шибъ прозрачистыхъ шестдесятъ. Получено извѣстіе, что полковникъ зъ полкомъ почують коло Мишковки [78]).

4. Прибылъ господинъ полковникъ зъ полкомъ и зъ 4-мя сотнями въ Стародубъ зъ походу, въ 10-мъ часу предъ полуднемъ, на которого пріездъ зъ 5-ти пушокъ и козаки тихъ сотень бѣглымъ огнемъ палили.

---

[77]) Рагузинскій — племянникъ извѣстнаго серба Саввы Владиславича Рагузинскаго, вызваннаго Петромъ В. въ 1703 г., какъ человѣка хорошо знакомаго съ торговлею, съ цѣлію воспользоваться его знаніями для развитія внѣшней русской торговли. Савва Рагузинскій получилъ въ 1710 г., въ Малороссіи, богатыя имѣнія, которыя умирая оставилъ племяннику Гаврилу. Послѣдній былъ женатъ на дочери генер. бунчучн. Ивана Бороздны Аннѣ, и умирая оставилъ 1066 крест. дворовъ.

[78]) Село стародубскаго уѣзда.

5. Ісакъ Пузиръ оженилъся на Сависѣ, да у Тищенка на веселѣ, которій женилъ сина на дочерѣ Соболевского, сотника погарского былисмо. За бервеня до двора 36 к.

7. Прибылъ панъ обозный въ Стародубъ. Сынъ пана Григорія Скорупи Петръ, лѣтъ 15 отъ роду, умеръ. Прибыли служители отъ пана Саковича за денгами. Господинъ полковникъ хлѣбомъ и солю обослалъ на новоселя.

8. За драпь, лотоки и проч. 50 коп.

9. Прислалъ мнѣ господинъ полковникъ зъ коней злодѣйскихъ клячонку ріжую и коніонка вороного. Сего числа взяти у Радіона Янченка 40 р. денегъ въ отдачу пану Саковичу за конѣ, которіе деньги, также дзигарокъ и атласъ, сегожъ числа отправлены чрезъ людей пана Саковича, нарочно за тимъ присланнихъ.

10. Посланъ Іванъ Кошка въ Перегонъ и чрезъ него посланы помянутіе конѣ.

11. Извѣстили подрядчики на драпь, что видрали 20 копъ, а 30 копъ еще имѣютъ драть, копу по 15 к., которымъ дано въ задатокъ 1 р. 50 к. да хлѣба чвертку, соли безмѣнъ, сала безмѣнъ, два безмѣна крупъ.

12. Присланы зъ Перегону 15 р., взятіе у Ноздри, шинкаря чаусовского.

14. Расплатился за всѣ прежніе покупки зъ Федоромъ Янченкомъ, которому даны 5 р. 98 к. Маляру умовленному маліовать издебку зъ комнаткою, Сопроненку, перве дано 65 к., а сего числа 40 к., и того 1 р. 5 к., а еще ему доводится отъ издебки 1 р., кромѣ великой хати. На желѣзо и проч. 25 к. Зоставлены у Івана Кошки на расходъ дворовый 2 р.

15. Шклярамъ даны за роботу 8-ми оконъ золот. 4.

16. Степану Римару за роботу коло старой кулбаки, и до новой за послиска и что направовалъ де що золот. 1, а шаговъ 5. Семену слюсару въ отроботокъ напередъ дано золот. 1. Золотарю Антону Ярцевскому при росплатцѣ за 12 гузіковъ срѣбныхъ додано решти золот. 1.

17. Теслямъ перегонскимъ, Палашу зъ товарищемъ, даны на дорогу 10 к. Сегожъ числа віехалъ зъ Стародуба до Глухова и ночовалъ въ Мишковцѣ, откуду послано писмо и яблоки чрезъ Косовича.

18. Обѣдалъ въ Бучкахъ [79]), а на ночь прибылъ въ Новгородокъ.

19. Обѣдалъ въ Новгородку; прибылъ на ночъ въ Собичъ и почовалъ у Вѣлчика; на перевозѣ даны 3 к.

20. Передъ обѣдомъ въ Глуховъ прибылъ, а обѣдалъ у ясневелможного. Челяди даны на харчъ 3 к.

21. За колпакъ спалный 55 к. Посланы писма чрезъ козака новгородского до полковника, до пана тестя, до жени и до Иванця и до хоружого Данченка. На харчъ людямъ 5 к.

22. За канчукъ 8 к., за двое носковъ 8 к., за возъ дровъ 7 к., за овесъ 10 к., на харчъ 6 к., Алексѣю на рукавицѣ 20 к., венграмъ 50 к. Dux aegrotare caepit de noctu.

23. На харчъ людямъ 4 к. Купили у пана обозного енерального [80]), ради тезоименитства его. На свѣчки 1 к.

24. Одправлены писма вчора писанные до полковника, до пана тестя, до пана Стефана Миклашевского и до сотника новгородского зъ урядомъ, о козаку середнобудлянскомъ Федору Соколину.

24. Посланы писма въ Москву sub data 22 praesentis, писанные до Петра Василіевича Курбатова, до Василія Маркелловича Леонтева, до Урила, до п. п. Холодовича и Данченка, такожъ до полковницы нашей стародубовской, на почтѣ чрезъ куріера отъ капитана преображенского полку Петра Петровича Воейкова одправленного. Сегожъ числа прийшла вѣдомость къ Глуховъ о преставленіи государыни царевни Параскевіи Ивановни, сего октоврія 9 дня. Розыплось на харчъ 20 к. Подъ симъ числомъ писано писмо до полковника о той печалной вѣсти.

25. Подала панѣ Ломиковская [81]) челобитную на пана тестя въ судъ енеральный. На харчъ, дрова и овесъ пошло 24; за шкурку жовтую на митюкъ 30; за стюжечокъ шесть локоть 22.

Маленкая дочь Анастасія панѣ Скоропадской [82]) умерла на оспу и похована въ церквѣ святого Николая.

[79]) Село новгородсѣверскаго уѣзда.

[80]) Яковъ Ефимовичъ Лизогубъ, генер. бунчучный 1717—29, генер. обозный 1729—49. Въ 1749 г. онъ умеръ въ Петербургѣ и похороненъ въ Невской Лаврѣ. См. о немъ Кіевск. Стар. 1882, I, 115—119.

[81]) Должно быть дочь Апостола Татьяна, бывшая замужемъ за старшимъ сыномъ генер. обозн. Ломиковскаго, Иваномъ.

[82]) Жены Мих. Вас. Скоропадскаго. См. прилѣж. 40.

26. За двѣ желѣзные жаровнѣ данъ 1 р. 10 к., на харчъ пошло и проч. 28 к.

27. Писаны писма въ Москву до госпожи Толстой [83]), до пана Холодовича, до пана Борковского и до пана Данченка, чрезъ пана Андрея Горленка. Сегожъ числа подписана грамота въ коллегію иностранную, подъ датою нынешнего мѣсяца 29 числа, о удостоеніи, а удостоеніе вчора закрѣплено [84]). Розишлось на розницю 18. Взяты у доктора лекарства для себе и для хлопця, а ему надобно будетъ зъ Стародуба прислать оробковъ [85]).

28. Рано віехалъ зъ Глухова и прибылъ на обѣдъ въ Локотки, одтоль писалъ до пана Юркевича и до пана Стефана Косача. На мясо и на перевозъ дано 8 к. На ночъ прибылъ въ Новгородокъ.

29. Въ Новгородку за 4 лиці даны 30 к., на діоготь 5 к. Обѣдалъ въ Смячи у сотника шептаковского, прибылъ на ночъ въ Андрійковичи [86]).

30. Прибылъ въ Стародубъ о 12-й годинѣ полуденной.

31. Въ домѣ пана Андрея Миклашевского было весели, одправованное дочерѣ его паннѣ Еленѣ, за полковниченка кіевского пана Михаила Танского видаванной [87]).

Ноеврій.

1. Тоежъ веселле продолжалося.

2. Гуляли всѣ на веселіи званіи персоны, зъ перезвою ходячи, и въ домѣ пана Миклашевского.

3. Розехались зъ веселя пріежжіе гостѣ и молодіе до Козелца отехали. Сего числа бывшимъ на квартерѣ моей музікамъ кіевскимъ даны 20 к., трубачамъ кіевскимъ же 40 к., капеллѣ пана Корсака червоній золотій [88]).

---

[83]) Ульяна Ивановна, дочь гетмана Скоропадскаго.

[84]) Разумѣется „удостоеніе" маетностями, селами Чубаровымъ и Куровымъ.

[85]) Рябчиковъ.

[86]) Село стародубскаго уѣзда.

[87]) Михаилъ Антоновичъ Танскій, послѣ смерти своего отца былъ поставленъ на его мѣсто—кіевскимъ полковникомъ.

[88]) Говорится о Максимѣ Михайловичѣ Корсакѣ, одномъ изъ первыхъ стародубскихъ богачей. Отецъ его, смоленскій шляхтичъ Михаилъ Богдановичъ Корсакъ, женившись на дочери гетманича Семіона Самойловича, успѣлъ при Петрѣ В. полу-

4 и 5. Розишлось на розницю 40 к. Малярамъ ad interim 10 к.

6. За футерце [89]) бѣлее дано 80 к., за кожухъ бѣлій для немого 1 р., за мамсу Стефану 1 р. 10 к. Малярамъ за образъ 50 к. На розницю пошло 7 к.

7. Писаны писма: одно до сотника новгородского о присылцѣ швачки Макрины, другое до Івана Степанова, старости Серединой Буды [90]), о покупкѣ сто четвертей жита. Пивовару за зварене пива и за хмѣль даны 30 к. На розницю розышлось 11 к. Бондару 9 к.

8. Получена вѣдомость въ Стародубѣ о преставленіи въ Глуховѣ, зъ 1-го противъ 2-го числа сего ноеврія, ея м. панеи Михайловой Скоропадской Параскевіи Апостоловни гетмановны [91]). Заказано Могилевцю шевцю сдѣлать для панеи туфлѣ и для Василя молодика чоботи нѣмецкіе, которому шевцю дано ad interim 40 к.

9. Господинъ полковникъ принималъ насъ полчанъ у себе кушанемъ за воспоминаніе рочинъ [92]) его полковничества. Панъ Іскрицкій [93]) прибылъ въ Стародубъ. Розышлось 4 к.

10. Заплачено Мочоповнѣ за давній долгъ 2 р. 85 к., а осталось еще на насъ 2 р. Дано за овчину для Василя 22 к. За поясъ

чить царскую грамоту на всѣ тестевскія имѣнія, въ ущербъ другому сонаслѣднику Григорію Гамалѣю (см. Русск. Арх. 1875 г., 445). Имѣнія Макс. Корсака перешли сначала къ двумъ его сыновьямъ Василію и Михаилу, которые стали уже писаться Римскими-Корсаковыми, а по смерти ихъ за бездѣтствомъ,—къ ихъ сестрамъ Дарьѣ и Евдокіи, которыя имѣнія эти, какъ обремененныя долгами, продали въ 1793 г., родственнику своему генералу Ивану Ник. Римскому-Корсакову, за 200,000 р. Затѣмъ корсаковскія имѣнія перешли къ Ладомірскимъ.

[89]) Бѣличій мѣхъ.

[90]) Мѣст. новгородсѣверскаго уѣзда.

[91]) Дочь гетмана Апостола, бывшая замужемъ первымъ бракомъ за Мих. Вас. Дунинымъ-Борковскимъ. Ея портретъ хранится у П. И. Скоропадскаго.

[92]) Годовщины. Полковникомъ былъ въ это время Александръ Ивановичъ Дуровъ. См. примѣч. 25.

[93]) Петръ Григорьевичъ Искрицкій родной племянникъ гетманши Ульяны Васильевны Апостолъ. Отецъ Петра Искрицкаго, будучи сотникомъ Сумскаго полка, убитъ въ походѣ противъ Булавина. По смерти отца, Петръ Искрицкій переѣхалъ къ теткѣ, которая въ 1731 г. женила его на дочери стародубскаго богача Григорія Скорупы—Еленѣ, а затѣмъ съ помощью мужа, надѣлила и имѣніями въ настоящемъ Суражскомъ уѣздѣ. Въ 1732 г. Апостолъ отдалъ ему свои земли въ с. Дроковѣ (Ст.) и слободу Далисичи, около которыхъ самъ Искрицкій поселилъ нѣсколько новыхъ слободъ: Нов. Дроковъ, Слище, Росль, Искрицу и друг. Умирая въ 1771 г., онъ оставилъ своимъ наслѣдникамъ около 2,500 крест. об. пола.

Івану 60 к. Розышлось на розницю 9 к. Писано къ атаману новгородскому о присылцѣ Макрины и отсилцѣ листа до сотника новомлинского пана Івана Шишкевича, до которого писалемъ о долгу на Михайловскомъ Алексію имѣючомся. Подъ симъ же числомъ писалъ до его м. пана Скоропадского consolaterias. До варистой печи желѣза 16 к.

11. Чиненъ порахунокъ зъ мѣщаниномъ старод. Шагою о заборѣ разныхъ у него крамныхъ вещей, за которіе довелось ему 3 р. 97 к. Заплочено теды сего числа 1 р. 97 к., а остались виновати 2 р. За Савку Кожомяку перенялъся заплатить рѣзникъ стародубовскій Михайло Федоровъ 3 р. 10 к., а брать у него имѣемъ лоемъ и мясомъ отъ сего числа; бондару за набите кухви на медъ 8 к. Розышлось на розницю 8 к. Посланы писма до пана Скоропадского и пана Юркевича зъ посилкою листа Лисаневичового до сотника лохвицкого.

12. Еще дано въ заплату 1 р. тимъ лицицкимъ людямъ, которіи драпъ драли, а доводится имъ решти 2 р. Снѣцару [94]) за рямки 10 к., за зроблене свѣчъ восковихъ 29-ти дано 12 к. За двѣ тертици 7 к. Розышлось на розницю 11 к. За сѣчку 7 к.

13. Дано кравцамъ 10 к. Господинъ полковникъ прислалъ два зайци своего полову, а панъ Іванъ Миклашевскій одного зайця жъ. Малярамъ еще дано 50 к., на мясо 7 к., за замочокъ 4 к.

14. Шевцю, що нѣмецкіе чоботи шивъ и пошилъ Василю, дано еще 18 к., за мясо и проч. 9 к.

15. Томужъ шевцю дано 13 к., маляру 50 к.

16. Алексію кухару дано 20 к., снѣцару за дви стойки 12 к. У Савки Кожемяки взята шкура яловичая въ 8-ми гривнахъ.

17. Взялъ чернецъ до направы стѣнный дзегарь [95]), которому даны денгами 50 к., въ задатокъ; емужъ знову на свѣчки 10 к.

18 На розницю розышлось 15 к.

19. Даны въ дѣло ножи и вѣделки Кліованого сину и опому на желѣзо дано 6 к., на уголье 3 к., на сталь 10 к., золотарю 4 к., за тертицѣ 20 к.

22. Алексію даны на заплату шевцю за чоботы 20 к. Кравцю,

---

[94]) Столяръ.

[95]) Часы.

що ковдры [96]) перешивалъ, 12 к., на нитки 4 к., за вибойку до ковдеръ 88 к., за крашенину до ковдеръ же 24 к. За перебите баволны [97]) 3 к. Полковникъ позавчора обослалъ рыбою.

23. Далъ Алексію 1 р. 50 к., а прежде забралъ онъ же на слѣдуючій службы его рокъ 50 к., и того стало 2 р. сполна, а рокъ началъся отъ 8. Чубѣ даны 5 к. за чинбу лисиць. На молебствіе у Вознесенія 40 к., на молоко для дѣтей 3 к. Сего числа въ 3-мъ часу пополудни даровалъ мнѣ Богъ сина, которому дано имя Петръ по числу сего мѣсяца 25-му. Священнику за молитву 30 к., паламару 3 к.

24. За зроблене пѣрниковъ [98]) 90 к. Писаны писма зъ посылкою родинного хлѣба [99]).

25. Получилъ листъ отъ генерала де-Вейзбаха.

26. Vacant.

27. За сѣмъ щукъ рибы 55 к.

28. Одправлено крещеніе сину нашему Петру, которому воспріемникомъ былъ господинъ полковникъ стародуб. Александръ Івановичъ Дуровъ и ея м. панѣя Андріева Миклашевская [100]).

29. Трактованы были повчора гостѣ, для которыхъ вчора и сегодня пошло вина: у пана Івана Данченка взятого 11 гарцевъ за 6 р. 60 к.

30. Карпу кухару [101]) за трудъ его данъ сафянъ.

Декаврій.

1. Писано писмо до его сіятелства, господина генерала кавалера, графа фонъ Вейзбаха о парусной пробѣ.

2. Отправлено оное писмо въ Полтаву чрезъ козака сотнѣ полковой.

---

[96]) Одѣяла.

[97]) Шерсть.

[98]) Одинъ изъ видовъ сладкихъ закусокъ.

[99]) При рожденіи ребенка въ семействѣ родители его, извѣщая объ этомъ своихъ близкихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ посылали и хлѣбъ, называвшійся «родиннымъ».

[100]) Андрей Миклашевскій, старшій сынъ стародубскаго полковника, первымъ бракомъ былъ женатъ на княжнѣ Маринѣ Юрьевнѣ Четвертинской, а вторымъ—на вдовѣ Андрея Жураковскаго. Здѣсь говорится, кажется, о Четвертинской.

[101]) Повару.

3. Свѣцару дано задатку на шафу 20 к., чернецу перехожому 20 к., на розницю пошло 8 к. Писано писмо до полковника чернѣговского за паномъ Булавкою; да писанъ же отвѣтъ до пана сотника варвинского сторони коней, къ нему посилатись имѣючихъ.

4 Сего числа умовили мамку до Петруся на рокъ, а давать ей грошми пять копъ, запаску штаметовую, тры чвертки житной муки, а чвертка крупъ. Сего жъ числа пріездили ко мнѣ въ домъ панъ Дублянскій [102]) и Романовичъ, принеся вину свою въ томъ всемъ, чимъ мене поносилъ предлюдне.

5. Принолъ указъ отъ ясневелможного о приготовленюся въ походъ. За інбиру фунтъ дано 12 к, на розницю розышлось 8 к.

6. Розышлось на розницю 16 к. Зъ Стародуба віехалъ и ночовалъ въ Борщевѣ.

7. Прибылъ въ Погаръ и сталъ квартерою у Круковского.

8. На покупку кореній пошло 2 р. 27 к., за полотно 95 к., дѣвцѣ 90 к., за стіонжки два локтѣ зъ чверткою 1 р. 10 к., за сковороду и бублики 28 к. Взято у Пуховича въ Погарѣ 14 локоть гарнѣтури пополястой, по 6-ти гривенъ 5 к. за локоть, и того чинить 9 р. 10 к. на долгъ, за фляшу вина 50 к. Заплаченъ сей долгъ и еще лишку всего 13 р., 1734 г. іюня 28.

9. Былъ въ Перегонѣ у мене панъ тесть и отехалъ тогожъ дня ввечерѣ.

10. Дніовалъ тамъ же въ Перегонѣ.

11. Прибылъ въ Стародубъ.

12. Былъ у мене въ домѣ на кушаню панъ Леонтій Галецкій зъ женою. Сегожъ числа привезли въ Стародубъ славныхъ двохъ разбойниковъ, родныхъ братовъ Гришу и Тимошку Соколовыхъ, пойманныхъ въ описной слободѣ Зибкой [103]) 8 числа сего мѣсяца.

13 Отданъ камень хоружому пану Данченку млиновый.

14. По прибытіи въ Стародубъ по се число розышлось на розницю 72 к. Взято сукна на колиску для Петруся 3¼ локти за 1 р. 17 к., крашенины 3 аршины зъ четвертю за 16 к.

---

[102]) Павелъ Дублянскій, сначала стародубскій полковой писарь, а потомъ съ 1714 г. сотникъ новомѣстскій.

[103]) Настоящій уѣздный г. Новозыбковъ. Слобода Зыбкая, изъ которой возникъ теперешній Новозыбковъ, поселена въ 1701 г. по позволенію Миклашевскаго, около с. Людкова, на земляхъ с. Тростани.

15. Прислалъ мнѣ въ подарокъ меделянную суку молодую панъ Ігнатъ Данченко, приведенную зъ Москви. Помирилась наша панѣ матка и другіе претенсори зъ п. п. Миклашевскими въ претенсіи о рубановскомъ добрѣ [104]) и въ проч. Писанъ листъ до отца намѣстника Чолнского въ отвѣтъ противъ его писма, такожъ до пана Леонтія Галецкого, что перенялъ ся я за него платить Дробязцѣ 17 осмачокъ жита старод. мѣри, да и до пана Кондзеровского [105]) писалемъ отвѣтъ, что денги ему должніе на Пузиру доправлены.

16. Взялъ у мене въ долгъ швець 50 к., а емужъ даны за роботу 15 к., еще томужъ шевцю дано 5 к. въ долгъ.

17. Въ сей день тезоименитства ясневелможного правили за его здорове молебствіе. Розышлось на разную до двора покупку 40 к.

18. За сѣчку сими часы заплатилъ 21 к.

19. Взялъ у пана тестя 1 р. мелкими денгами.

20. Положилъ у Федора Янченка 2 червонныхъ, а взялъ 4 р. дробною монетою. Куплено до двора то дерево, то другое де що, за 47 к. Заплатилъ останніе два рубли тимъ лицицкимъ мужикамъ, которіе подрядились драть випускати, а осталось на насъ чвертка хлѣба, а на нихъ коло десятка копъ дранѣ. Привезено зъ степу возовъ 14 сѣна. Гармашу дано 6 к. Взято у Пузиря 10 попопокъ, по золотому, да 40 фунтовъ желѣза, пара фунтовъ по 3 к.

21. Взялъ Янченко 74½ фунта и полчвертки сахару канарского, фунтъ по золотому, до порахунку [106]).

22. За пошите рисіого куптуша Чубѣ 30 к., на нитки, крохмаль, гвоздя и проч. 9 к. За сито густее 26 к. Кравцямъ 18 к.

23. За вичинку медведя и пошите медвежого одѣяла 21 к. За кецу для Васенка 30 к. За направу чугунного казана 30 к.; на розницю въ расходъ дворовій 12 к. Сего числа получилъ писма зъ Кіева отъ Козмы Іакимовича, отъ Рогуцкого зъ солянками, зъ Козелца

---

[104]) Рѣчь идетъ о глуховскихъ имѣніяхъ, оставшихся послѣ глух. сотника Данила Рубана, на дочери котораго отецъ Настасьи Корецкой женатъ былъ первымъ бракомъ.

[105]) Андрей Кондзеровскій при гетманѣ Скоропадскомъ былъ его «господаремъ», т. е. домоправителемъ. Онъ былъ женатъ на родной сестрѣ гетманши Скоропадской.

[106]) Разсчетъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ VII томѣ «Кіевской Старины» [1]).

А.

Ларонъ, господарь Молдавскій конца XVI в., 530—531, 537.

Адабашъ, первый начальникъ казач. Новосерб. полка, 116.

Адамовичъ, Симеонъ, протопопъ нѣжинскій (XVII ст.), 388—399.

Аджамка, с. ал-дров. у., 676—678.

Аксаковъ, С. Т., изв. рус. пис., 391.

Александровичъ, Митрофанъ, малорус. пис., 671.

Александровъ, С., малорус. писатель, 668.

Александръ I Павловичъ, имп.; отношенія его къ Черномор. козакамъ, 231—232; пребываніе его въ Кіевѣ въ 1816—1817 г.г., 690—691.

Алексѣй Александровичъ, в. князь, 345.

Алексѣй Алексѣевичъ, царевичъ (сынъ царя Алексѣя Мих.), 376.

Алексѣй I Михайловичъ, царь, 18, 314, 353.

Алешки, нынѣ у. г. Таврич. губ., прежде урочище и мѣсто 9-ой по времени Сѣчи, 590, 601—602.

Альваръ, уч., авт. латинской грам., 4.

Амвросій. архіеп., авт. „Россійской іерархіи“, 386.

Амвросій, Келембетъ, префектъ Кіев. д. акад., впослѣд. архіеп. тобольскій, 300.

Ангелевскій хуторъ, имѣніе Марковичей, 64.

Андрушкинъ островъ на Днѣпрѣ, 598.

Анна Іоанновна, имп-ца, 144, 212, 601.

Антоновичъ, Влад. Бон, изв. ученый, проф. у-та св. Влад., авт. ст. „Зміевы валы въ пред. Кіев. земли“, 355—370; упом., 425.

Апостолъ, Даніилъ, гетманъ, 56—57, 60, 61, 63, 74, 75, 81, 82, 211—212, 216.

Апостолъ, Петръ Дан., 211.

Апраксинъ, Ѳ. М, 60.

Артополотскій хуторъ, имѣніе Марковичей, 55, 64.

Аѳанасьевъ-Чужбинскій, изв. пис., 668—669.

Б.

Багалѣй, Дм. Ив., доц. харьк. у-та; его рецензіи книгъ Гурова и Бродскаго, Чижевскаго и Харьков. Календаря, 305—321; упом. 695—697.

Базавлукъ, р., 590, 595, 598, 603.

Базини, изв. скрипачъ; воспоминанія о немъ П. Д. Селецкаго, 622—623.

Балабанъ, Діонисій, митр. Кіев., 331, 576.

Барановичъ, Лазарь, архіеп. черниг., изв. ученый XVII ст., 1, 3, 5, 8, 10, 17—20, 186—187, 191, 196, 201, 204, 376, 384—389, 565—571, 576—578, 580, 582, 584, 587—588.

---

[1]) Цифры означаютъ стр. тома.

Барановскій, Ник. Яков.; см. его „Школьныя воспом. о Кіевѣ, 498—505.
Барвинскій, Влад., галицкій публицистъ († 1883 г.), 489—491.
Бароній, зап. ученый, XVII ст., 12—13.
Барскій (Григоровичъ), Василій, изв. путеш. по св. мѣстамъ, 577, 585, 688.
Барскій (Григоровичъ), Иванъ, братъ Василія, кіев. архитекторъ, 688—690.
Баторій, Сигизмундъ, князь Седмиградскій, 538.
Баша, Ѳедоръ, лирникъ, 24.
Беервицъ, (въ текстѣ опечатка; напечатано: Бефвицъ), баронъ, гер.-поручикъ временъ Екат. II, 122.
Безсоновъ, изв. собиратель рус. нар. пѣс., 45, 47.
Белецкій-Носенко, малорус. пис. XIX в., 666, 670.
Бериславль, г. Херсон. губ., 602,
Бецъ, проф. у-та св. Влад., 41.
Бешко, кобзарь, стр. 42—44.
Бибиковъ, Д. Г., кіев. ген.-губ., 285, 287, 294, 505.
Бирковскій, польск. пропов. половины XVII ст., 184, 195.
Благодатное, хуторъ купян. у.; вертепъ въ немъ, 512—515.
Блакитный, полков. Кодацкій, (1770 г.), 159.
Блудова, граф. Антон. Дмитр., 167—168.
Боговитинъ, Вацлавъ, хорунжій волынскій, 440.
Богородскій, С. О., проф. у-та св. Влад., 286, 292, 503—504.
Богуславъ, м. Кіев. губ., 356.
Богушъ, Якимъ, атаманъ запорожскій, 599—600.
Бодянскій, О. М. изв. славистъ, проф. моск. у-та, 206, 352, 669.
Бойма, Павелъ, іезуитъ XVII ст. 384, 565—567, 570.
Болдинскія подъ Черниговомъ горы, 386.
Бона, гора у Кременца; посѣщеніе ея Н.-И. Костомаровымъ въ 1845 г., 325—326.
Боровиковскій, В. Л., изв. художникъ начала XIX ст., 701—708.
Боровиковскій, Л., малорус. пис. XIX в., 668—669, 702.
Боровицкій, Жданъ, староста острожскій, 541.
Борозна, Иванъ, ген. хорунжій (1729 г.), 212.
Боромля, с. ахтыр. у., 493—498.
Боярка, с. кіев. губ., 357.
Брадке-фонъ, Е. Ф., попеч. кіев. уч. округа, 283, 285, 288, 460.
Бразоль, Григ. Евг., сообщ. записки II. Д. Селецкаго, 294—296, 443—465.
Браницкій, графъ; письмо его къ кіев. губ. II. П. Панкратьеву, 179—180.
Братиця, кобзарь; его думы и пѣсни, 41—50.
Бродскій, прис. пов.; разборъ его книги о старозаим. землевлад. въ харьков. губ., 305—316.
Брожка (Броціусъ), проф. математ. крак. у-та въ XVII ст., 4.
Бронскій, Христофоръ, изв. уч. XVI ст., авт. «Апокрисиса», 8, 565.
Брунонъ, архіеп. мерзебург.; письмо его къ имп. Генриху II. (1008 г.), 367—369.
Брыково, с. волын. губ., 167—168.
Брюховецкій, гетманъ, 19, 61, 376.
Брянскъ, г., 205.
Бугай, р., притокъ Днѣпра, 595.
Бурлѣй, полков. сердюцкій, 74.
Бутаковъ, ген., 392.
Буцинскій, доц. харьков. у-та, авт. соч. «Богданъ Хмельн.», 595—596.
Буцка, см. Томаковка.
Буцкій (около Полтавы) бродъ, 73—75.
Бышевъ, м. кіев. губ., 357, 368.
Б.-Церковь, м. кіев. губ., 356.
Бѣлгородъ, г., 357.
Бѣлый, Сидоръ, атаманъ кошевой черноморскаго войска, 224—232.
Бѣльскій, польск. истор. нач. XVII ст., 426, 432, 437—438, 562—564.

В.

Вакуленко, лирникъ изъ Прилукъ; его думы и пѣсни, 30—34.
Валки, с. кіев. губ., 357.
Валькевичъ, Петръ, ген. асаулъ, 214.

Васильковъ, г., 357, 366, 368.
Величко, Самуилъ, лѣтописецъ, 380.
Вельяминовъ, Степ. Лукичъ, президентъ малорос. коллегіи, 61, 68—69, 72—78.
Венсовскій, малорус. пис., 671.
Вересай, Остапъ, кобзарь, 25.
Верлооко, с. кіев. губ., 357.
Веселовскій, А. Н., акад., ученый, 351.
Вишенскій, южнорус. Іоаннъ, ученый XVII ст., 1, 183.
Вишневецкій, князь Ал-дръ, староста черкасскій, 439—440.
— князь Дм. Ив.; основаніе имъ Хортицкой сѣчи, 592.
Владиміръ св., в. князь кіевскій, 368.
Владиміръ Мономахъ, вел. кн. кіев., 365—369.
Владиміръ Мстиславичъ, кн., внукъ Мономаха, 367.
Влодекъ, Ел. Мих., жена графа Вас. Петр. Завадовскаго, 255—256.
Внучки, с. черниг. губ., 218.
Волынскій, А. П., кабинетъ-министръ Анны Іоанновны, 60.
Воронцовъ, князь Мих. Сем., новорос. ген.-губ., 448, 453, 461—462, 502.
Воронцовъ, кн. Сем. Мих., 448.
Воропановъ, подполк., 133.
Вукаловичъ, М. Д., мать П. Д. Селецкаго, 250—256, 260, 274, 275.
Выдыборъ, с. волын. губ., 357.
Вышгородъ, с., 357, 367.
Вяземскій, Ал-дръ Алекс., ген.-прокуроръ, 141.

Г.

Галаганъ, Григ. Павл., членъ госуд. совѣта, 261.
— Григорій, полков. прилуцкій, 143—146, 214.
— Игнатій, 209—210.
Галецкіе, дворяне, 64.
Галятовскій, Іоанникій, извѣст. ученый XVII ст.; монографія о немъ Н. Ѳ. Сумцова, 1—20, 183—204, 371—390, 565—588.
Гамалѣевскій (въ Полтавщинѣ) монастырь, 59, 71.
Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій, митроп. кіевскій, 585.
Гейденштейнъ, польск. историкъ нач. XVII ст., 426, 432, 437, 534, 545, 552—553, 561, 564.
Гербель, Н. В., изв. поэтъ и переводчикъ († 1883 г.), 501.
Гервасій, еписк. переяслав. XVIII ст., 675—677.
Гизель, Иннокентій, архим. кіево-печ. лавры, изв. уч. XVII ст., 1, 17, 191, 201, 384—386, 565, 567, 500, 574, 576, 580, 582.
Гильдебрандтъ, П. А., уч., пис., 346.
Глинекъ, ново-серб. колонія, 114.
Глубоярскій хуторъ, имѣніе Марковичей, 64.
Глѣбовъ, малорус. поэтъ, 176, 151.
Глѣбовъ, ген., основатель крѣпости св. Елисаветы (Елисаветграда), 114.
Гнилая, р., 596, 598—599.
Гнилозубъ, тесть Андр. Ив. Стороженка, 209—210.
Гоголь, Н. В., знам. пис., 665, 669, 671.
Гоголь, В., (отецъ) пис., 667.
Голицынъ, кн. Михалъ, 60, 72—76, 80, 81.
— кн. Петръ, ген., 209.
Головатый, кошевой атаманъ войска черномор., 224, 227, 232.
Головацкій, Я. Ѳ., изв. ученый; разборъ его «Географ. словаря слав. земель», 649—652.
Головкинъ, графъ и канцлеръ, 60—63.
Головчичъ, ректоръ к. д. акад. XVII ст., 466—467.
Голубцовъ, Сергѣй Плат., попечитель кіев. уч. окр., 290.
Голубъ, Константинъ, генер. бунчужный при гетманѣ Самойловичѣ, 52, 54.
Гордонъ, полякъ-эмигрантъ, 286—287.
Гордѣенко, Конст., атаманъ запорож., 599—600.
Горленко, Вас. Петр., авторъ статей: «Кобзари и Лирники», 21—50; «О трудахъ П. П. Чубинскаго», 349—351; «107 лѣтъ южнорус. этнографіи», 505—507; «В. Л. Боровиковскій» 701—708; разборъ книгъ Щоголева и Жуковскаго, 149—155, біографіи Барвинскаго. 489-491, и «Обзора ист. укр. литер.,» Петрова.

Горленко, Дмитрій, полков. прилуцкій, 59, 208.
Городище, с., см. Томаковка.
Грабовскій, авт. соч. «Ukraina dawna i terazniejsza», 356, 359, 360.
Гребенка, малорус. пис., 669.
Грибоѣдовъ, А. С., изв. рус. пис., 254.
Грушевка, с. херсон. у., 515.
Гугуревичъ, ректоръ к. д. акад. XVII ст., 466—467.
Гулакъ-Артемовскій, малорусскій пис., 666—668.
Гулевичъ, Вас., войскій владимірскій, 440.
Гуликъ, Мокій, асаулъ войсковой, 226.
Гуровъ; разборъ его книги о старозаимоч. землевлад., 305—306.
Гурьевъ, мин. финансовъ при имп. Александрѣ I, 316.
Гусятинъ, г., 526.

Д.

Давыдовъ, кн. С. И., попеч. кіев. уч. округа, 288—289, 502.
Даль, Вл. Ив., писат. ученый, авторъ «Толковаго Словаря», 44, 647.
Даниловичъ, проф. у-та св. Влад., 291.
Дашевъ, м. кіев. губ., 357.
Дворецкій, Вас.Ѳед., полковникъ кіев., 18.
Дворянская (въ Новорос.) колонія; разсказъ объ ея основаніи, 132—133.
Девлетъ-Гирей, ханъ Крымскій, 592.
Демидовъ-Санъ-Донато, князь; разборъ его книги „Еврейскій вопросъ въ Россіи“, 155—158.
Десна, р., 368.
Димитрій св., митроп. Ростовскій, 587.
Дмитренко, малорус. пис. XIX ст., 671.
Довжикъ, с. черниговъ. у., 218.
Долгорукій, кн. Ив. Мих., пис., 249—250.
Долгоруковъ, кн. Ал-дръ Григ., 60.
Домецкій, Гавріилъ, архим. новгород. Юрьева мон. (1706 г.), 566.
Донецъ, Григорій, полков. харьковскій, (1684 г.), 310—311, 314.
Дорошенко, гетманъ, 174, 331, 580.
Дубъ, Прокопъ, кобзарь, 49.
Думитрашко-Раичъ, малорус. пис. XIX в., 668, 671.
[illegible] 388
Дѣвица, Великая и Малая, с. прилуцкаго полка, имѣнія Марковичей, 52.

Е.

Евгеній (Болховитиновъ), митр. кіевскій; письма его къ архим. Мелетію Леонтовичу, 297—304; упом. 289.
Евдоконье, с., имѣніе Марковичей, 55, 58, 64.
Евфимій, инокъ, уч. XVII ст., 191.
Езуполь, см. Чешибисы.
Екатерина II, имп-ца, 117—118, 177, 295, 702—704.
Екатеринодаръ, г. Куб. обл.; разсказъ объ его основаніи, 228.
Елена Павловна, в. княгиня, 496.
Елизавета I Петровна, имп-ца; ея отношенія къ запорожцамъ, 604—607; упом., 112—113, 315.
Елизаветы св крѣпость; (Елизаветградъ); Греки въ немъ (1754—1777 г.), 673—684.
Емченко, Кондратъ, лирникъ, 27—29.
Епифаній, еписк. бѣлгород. конца XVII ст., 467.
Есимонтовскій, Мих., товарищъ бунчуковый (1744 г.), 471—476.
Ефименко, Петръ Саввичъ, авт. замѣтокъ: „Попытка околдовать вол. судъ“, 508—509; „Послѣдствія клятвопреступленія“, 510—511, и „Могила гетманцевъ въ г. Лебединѣ“, 693—695; разборъ изд. подъ его редакціей Харьк. календаря, 317—321.

Ж.

Жванецъ, м., 488—489.
Ждановъ, членъ малорос. коллегіи (1723 г.), 71.
Желиборскій, Арсеній, еписк. львовскій, 185—186.
Желѣзо, Іовъ, игум. почаевскій, 331.
Жолкѣвскій, гетманъ, 425, 431—432, 538; борьба его съ Лободой и Наливайкомъ, 544—564.
Жоравка, Иванъ, ген.-асаулъ, 216.
Жоховскій, Кипріанъ, епископъ мстиславскій XVII ст., 572—573, 582.
Жуковскій, В. П.; разборъ его „сценъ изъ малорус. нар. быта“, 154—155.

Жуковъ, с., 528.
Жураковскій, ген. асаулъ, 73—77.

З.

Забѣла, Михаилъ, судья генеральный (1739 г.), 215.
— , малорус. пис. XIX ст., 668.
Завадовскій, графъ Ал-дръ Петр., 252—255.
— , графъ Вас. Петр., 252, 256.
Залескій, Брониславъ Францовичъ, другъ Шевченка, 391—392.
Замойскій, Янъ, гетманъ коронный; 527—529, 537—538, 542—548, 558.
Запорожье, см. Сѣчь.
Заславскій, кн., воевода подлясскій, 561.
Засулье, предмѣстье Роменъ, см. Ромны.
Зборовъ, мѣсто изв. побѣды Хмельницкаго, 206.
Звенигородка, г., 366, 372.
Звѣревъ, Вас. Степ., маіоръ, 176.
Згуровка, с. прилуцкаго у., 209.
Здвижъ, р., притокъ Тетерева, 356, 357, 368.
Зимовскій, дир. немиров. гимназіи, 500.
Золотаревскіе лѣса (херсон. губ.); разбойничество въ нихъ, 133—134.
Зоричъ, Сем. Гавр, ген.-маіоръ, любимецъ и-цы Екатерины II, 117—118.

И.

Ивановъ, ассессоръ иностр. кол., 61.
Ивахники, с., имѣніе Марковичей, 80.
Иващенко, собират. нар. пѣсенъ, 41—48.
Ивонія, господарь молдавскій конца XVI ст., 429.
Изяславъ Мстиславичъ, в. кн. кіевскій, 366.
Ингулъ, р., 124.
Ингулецъ, р., 124.
Иннокентій, архіеп. херсонскій, 289, 297.
Ирпень, р, притокъ Днѣпра, 356—357, 366.
Исаія, монахъ, уч. XVI ст., 198.
Исаковъ, ген.-маіоръ, одинъ изъ разслѣд. дѣла ген. Хорвата, 115.
Искра, Андрей, полковникъ.
Истомина, изв. танцовщица 20 хъ гг. нын. ст., 254.
Итляръ, ханъ половецкій, 365—366.
Ичня, м. Борзен. у., 206—208, 213.

І.

Іеропесъ, инспек. кіев. I гимназіи (1840 г.), 500—501.
Іоакимъ, патріархъ москов, 191.
Іоаннъ IV Васильевичъ, царь и в. князь московскій, 592.
Іовъ, митр. новгородскій, 566.

К.

Казиміръ-Янъ, кор. польскій, 202, 206.
Калиновскій, Григорій, авт. „Опис. свад. обрядовъ въ Малороссіи“, 505—507.
Калнишевскій, Петръ Иван., послѣдній кошевой запорож., 163—164; 604.
Калнышъ, Григорій, кошевой запорож., 128.
Каменка, р.; при устьѣ ея мѣсто 8-й по времени Сѣчи, 356, 590, 601—602.
Капарскій, польскій эмигрантъ и революціонер, 287—289.
Каневъ, г., мѣсто 2-й по времени Сѣчи, 589.
Капнистъ, графъ, Кіев. губ. предводитель дворянства (1787 г.), 702.
Капыловка, с. екат. у., 590, 601.
Каразинъ, Вас. Зах., одинъ изъ основат. харьк. у-та, 318.
Карлъ XII, кор. шведскій, 53, 175.
Кармелюкъ, изв. разбойникъ; разсказы о немъ, 698—701.
Карповичъ, Леонтій, южно-рус. пропов. XVII ст., 185.
Квитка-Основьяненко, украин. писатель, 667—668.
Келлеръ, графъ, 501.
Кизикерменъ, см. Бериславль.
Кисилевичъ, Лука, прот., авт. статьи „Вымирающіе типы украин. дер., 515—522.
Кистяковскій, А. Ѳ., проф. у-та св. Влад.; некрологъ П. П. Чубинскаго, 343—349.
Китянъ, ханъ половецкій, 365—366.
Кіевъ; его населеніе въ прошломъ ст. 352—354; Кіевъ 40-хъ гг. наст. ст.

въ воспоминаніяхъ Н. Я. Барановскаго, 498—505; воспоминанія о Кіевѣ П. Д. Селецкаго,
Княжевичъ, попеч. одес. уч. окр., 446, 456—457.
Кодимъ, мѣсто битвы татаръ и козаковъ въ 1693 г., 210.
Коломакъ, р., 74, 75.
Кольбергъ, Оскаръ, польск. этнографъ; разб. его соч. „Покутье", 482—487.
Кондратьевъ, сумской полковникъ XVIII ст., 310, 311, 314.
Конисскій, Георгій, архіеп. бѣлорус., предполаг. авт. „Исторіи Руссовъ", 171.
Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, 691.
Копыстенскій, Захарія, кіев. ученый XVII ст. 2, 8, 12.
Кореницкій, малорус. пис. 1, 668, 671.
Короваи, с., имѣніе Марковичей, 64.
Корсунъ, малорус. пис. 1, 668—669.
Корсунь, м. кіев. губ., 356.
Косинскій, гетманъ, 426—442, 506, 550.
Космодемьянскій, перев. „Мессіи" Галятовскаго на рус. языкъ, 377.
Коссовъ, Сильвестръ, митр. кіевскій, 5, 18.
Костомаровъ, Ник. Ив., изв. историкъ; Н. И. какъ учит. исторіи въ кіев. I гимназіи, 502—505; статья его: „изъ прожитыхъ на Волыни дней", 325—332; упом. 346, 351, 425, 432, 525—526, 533, 580, 593—594, 648, 668—669, 693—695.
Костюринъ, одинъ изъ основ. Ново-Сербіи, 114.
Котельня, с. ахтыр. у., 493—498.
Котляревскій, Т. Т., атаманъ кошевой запорож., 230—232.
Котляревскій, изв. малорус. пис., 665—666.
Коцупѣевскій хуторъ, имѣніе Марковичей, 64.
Кочубей, Вас. Леонт. полк., 351, 352.
— , кн. Сергѣй Викт., 351.
Кошеватое, с., 359.
Кошелевъ, членъ малорос. коллегіи, (1723 г.), 71, 77, 80.
Краевскій, А. А., изв. публиц.; письмо къ нему Т. Г. Шевченка, 391.
Красная, р., 356, 358, 365.
Красногригорьевка, см. Чернышевка.
Красный-Кутъ, с. херсон. у., 590, 595, 603.
Крашановскій, М. сообщ. нар. пѣсню объ уніи, 181—182.
Крашевскій, I. И., изв. польск. пис.; разборъ его повѣсти „Четъ или не четъ, 487—489.
Кремянскій, протоіерей, авт. „записокъ о запорож. обычаяхъ", 601—602.
Кремпскій, козацкій полковникъ конца XVI ст., 554, 562—564.
Кречкевичъ, Иванъ, войсковой писарь, 440.
Кролевецъ, г., нынѣ м. черниг. губ., 54, 64.
Кропивницкій, малорус. актеръ и пис., 671.
Круча, (Великая и Малая) с. пирятин. у., 685.
Крыловъ, сербская колонія въ Новороссіи, 114.
Крымъ-Гирей, ханъ крымскій, 159, 676.
Крюковскій, Иванъ, кобзарь, 6, 34.
Крюковъ, нынѣ пос., сербская колонія въ Новороссіи, 114.
Кубанскіе козаки; исторію ихъ самоуправленія см. въ статьѣ Ѳ. А. Щербины, 223—246.
Кузьменко, малорус. поэтъ, 151.
Кулажинцы, с., имѣніе Марковичей, 58, 64.
Куликъ, малорус. поэтъ, 151.
Кулишъ, П. А., пис., 391, 425, 646, 668, 669.
Кулябка, бунчуковый товарищъ, 213.
Кунцевичъ, Іосафатъ, изв. уніатск. епископъ XVII ст., 572.
Купятицкій (близъ г. Минска) монастырь, 17, 384.
Курбатовъ, Петръ Вас., совѣтникъ кол. иностр. дѣлъ, 60.
Курень, с., имѣніе Марковичей, 64.
Курцевичъ-Булыга, князь, польск. магнатъ конца XVI ст., 433.
Кухаренко, малорус. пис. XIX в., 667.

Кушелевъ, графъ, директоръ артил. департамента, 460.

Л.

Лабза, Остапъ, кобзарь, 24.
Лазаревскій, А. М., пис., авт. изслѣд. о родѣ Марковичей, 51—82; сообщ. документъ о постройкѣ церкви въ XVII ст., 522—524; упом. 217.
Лебедевъ, первый форшмейстеръ въ Новороссіи, 120.
Лебединъ, г. харьков. губ.; могила гетманцевъ въ немъ, 693—695.
Левандовскій, I., свящ., сообщ. письма митроп. Евгенія къ архим. Мелетію, 297—304.
Левашевъ, графъ, кіев. ген.-губ., 290.
Левицкій (Нечуй), Ив. Сем., изв. пис., авт. повѣсти »Старосвѣт. батюшки и матушки«, 82—110; упом., 671.
Лелевель, изв. польск. историкъ, 658.
Леонтьевъ, кіев. ген.-губ., 213.
Лжедмитрій I, царь и в. князь моск.; 205.
Лизогубъ, Семенъ, 79, 212.
Линія (Старая и Новая—на Кубани) 239—245.
Линчай, Ѳедоръ, атаманъ запорож., 594—595.
Липпоманъ, польск. мемуаристъ XVIII ст., 356, 360—361.
Листъ, Францъ, знам. піанистъ; воспомин. о немъ П. Д. Селецкаго, 626—641.
Литвинова, П., авт., »сообщ. о народ. вѣрованіяхъ«, 695—697.
Лобановъ-Ростовскій, князь, ген.-адъютантъ, 460, 462.
Лобода, изв. предв. козаковъ въ XI ст., 525—564.
Лукашевичъ, Плат. Яковл., 276, 277, 290, 294.
Лучицкій, Ив. Вас., проф. у-та св. Влад., 684.
Любовицкій, маршалъ посольской палаты въ Варшавѣ, 200.
Любовичъ, Н. И., доц. варшав. у-та; разб. его соч.: »Ист. реформаціи въ Польшѣ«, 477—482.
Ляссота, Эрихъ, посолъ имп. Рудольфа II къ запорожцамъ въ 1594 г., 528—529, 597—598.

М.

Мазепа, Иванъ, гетманъ, 53—54, 174, 206—207, 599—600, 693—494.
Макаровскій, малорус. пис. XIX в., 668.
Маковскій, Е., сообщ. разсказы о Кармелюкѣ, 698—701.
— , кролевецкій сотникъ нач. XVIII вѣка, 53.
Максимовичъ, Іоаннъ, архіеп. черниг., 709.
Максимовичъ, М. А., изв. ист.; письма его къ Шевченку 643—648; упом., 278, 358, 361, 669.
Манштейнъ, авт. изв. »Записокъ« о Россіи, 112.
Марко Аврамовичъ, родонач. Марковичей († 1712 г.), 51—53.
Марковичи, малорус. двор. родъ; изслѣд. о нихъ Лазаревскаго въ статьѣ »Люди Старой Малороссіи«, 51—82.
Марковичъ, Ал. М., внукъ Якова Андреевича, черн. губ. предв. дворянства, 65, 82.
— , Андрей Андр.; біографія его 53, 65; письмо къ нему гетмана Скоропадскаго въ 1712 г., 52—53; упом., 64, 215.
— Иванъ Андр., 58, 64.
Марковичъ, Ив. Марк., 64.
— , П. А., правнукъ Якова Андр., 65.
— , Сем. Андр., 65.
— , Ѳедоръ Марковичъ, 53.
— , Яковъ, авт. »Дневныхъ записокъ«, 58—82, 211—212.
Марко-Вовчокъ, изв. пис. псевдонимъ, 661.
Мартосъ, лубен. полковой обозный, 63, 73.
Матвѣевъ, Артамонъ, бояринъ, 388.
Медвѣдевъ, Сильвестръ, изв. уч. XVII ст., 191.
Мейербееръ, изв. композиторъ; воспом. о немъ П. Д. Селецкаго, 618, 623.
Мелетій, Леонтовичъ, архим., ректоръ к. д. акад.; письма къ нему митр. Евгенія (Болховитинова), 297—304.
Мельгуновъ, новорос. губерн., 115, 679—680.
Меньшиковъ, кн. Ал-дръ Дан., изв. временщикъ, 56—57, 693.

Метлинскіе, А. и С., братья, пис. малорус. XIX в., 668.
Мещерскій, кн. Платонъ, бригадиръ, 216.
Меѳодій, епископъ мстиславскій XVII в., 19, 388.
Микитинъ рогъ (мысъ), мѣсто 6-ой по времени Сѣчи, 590, 595—597.
Милашевичъ, кіев. губернаторъ, 353.
— Иванъ, кошевой атаманъ, 603.
Милорадовичъ, графъ Григ. Ал.; зам. его »Неузнанная рукопись«, 351, 352.
— графъ Мих. Андр., 218.
Миклашевскій, Богданъ, гетманъ, 528.
Мирный, соврем. малоруск. пис., 671.
Мироградъ, (Миргородъ) одна изъ первыхъ ново-серб. колоній, 113—114.
Миславскій, гражданинъ кіевскій; извлеченіе изъ его дневника, 690—693.
Мицкевичъ, проф. кіев. у-та, 291, 291.
Млодзяновскій, Ѳома, польск. пропов. XVII в., 372, 381—382.
Многогрѣшный, Вас., братъ Демьяна, 390.
— , Демьянъ, гетманъ, 376, 386, 387.
Могила, Іеремія, господарь молдав, 538.
Могилянскій, Мат. Матв., инсп. училищъ кіев. уч. окр., 498—500.
Моисеевка, с., имѣніе Марковичей, 58.
Мордовцевъ, Дан. Лукичъ, изв. пис., 671.
Морксъ, изв. контрапунктистъ 40-хъ гг. XIX в., 614, 615, 618.
Мышецкій, князь, авт. „Исторіи о козакахъ запорож.“, 589—591, 601.
Мытница, с. кіев. губ., 368.
Мѣловое, с. Херсон. у., 602.

Н.

Навроцкій, малорус. пис. XIX в., 670.
Надаржинскій, Тимофей, духовникъ имп. Петра I и II, 59, 60.
Наливайко, Семеринъ, гетманъ; его войны съ Польшей, 525, 564.
— , Демьянъ, его братъ, 526, 540—542.
Нарожье, с., имѣніе Марковичей, 58.
Настасья Марковна, жена гетмана Скоропадскаго, 52, 53, 60, 63, 66—67, 71—72.
Наумовъ, сенаторъ временъ имп. Петра I, 56, 57, 59 и слѣд.
Неволинъ, К. А., проф. у-та св. Влад., 292, 295—296, 445—446.
Нейманъ, Ц. Г.; см. разборъ имъ книгъ Кольберга, („Покутье“) 482—487, и Потебни („Малорус. и сред. пѣсни“), 657—663.
Некрасовъ, знам. поэтъ, 669.
Нелюбовичъ-Тукальскій, Іосифъ, митроп. кіевскій, 378, 386.
Нечаевая, с. екат. у., 596.
Николай I Павловичъ, имп.; его отношенія къ черномор. козакамъ, 233—237; посѣщеніе имъ кіев. у-та въ 1837 и 1839 г., 285—287, 293—294; упом. 691—692.
Николаѣчикъ, Ѳ., авт. статьи „Первыя козацкія движенія въ Рѣчи Посполитой“, 426—442, 525—564; его рецензія на „географич. словарь слав. земель“, Я. Ѳ. Головацкаго, 649—652.
Никшичъ-Требашиничъ, кн. черногорскій; пріѣздъ его въ Россію, 130—131.
Новая Сербія; основаніе въ ней колоній, см. въ запискахъ Пишчевича, 111—134, 333—336, и въ зам. Ястребова „Греки въ Елисаветградѣ“, 673—675.
Новицкій, О. И., проф. у-та св. Влад., 285.
Нордманъ, проф. Ришельев. лицея, 448.
Носъ, полков. прилуц., начала XVIII в., 53, 209.

О.

Обресковъ, рус. резид. въ Стамбулѣ, 607.
Одесса 40-хъ годовъ нын. ст. въ воспоминаніяхъ П. Д. Селецкаго, 443—457.
Ольгердъ Гедиминовичъ, в. кн. литовскій, 321—322.
Ольденбургскій, принцъ Петръ Георг. († 2 мая 1881 г.), 270—273.
Омиловое урочище, см. Мѣловое.
Орловъ, островъ на Днѣпрѣ, 590.
Орнатскій, проф. у-та св. Влад., 285, 292.

Остерманъ, канцлеръ, 60, 62.
Остеръ, р., 368.
Островъ, с. кіев. губ., 356.
Острожскій, кн. Конст. Конст., изв. ревнитель православія на Руси, 183, 427, 429, 432, 435—442, 526—527, 529, 532—537.
— кн. Янушъ Конст., 433, 436.
Остропольь, м., 437.

П.

Павелъ I. Петровичъ, имп.; его отношенія къ черноморск. козакамъ, 230—232; упом., 353.
Падренъ-де Карне, надзир. кіев. 1 гимназіи, впослѣд. пом. попеч. одес. учеб. окр., 501.
Палій, Семенъ, изв. козацк. предв., 210.
Панинъ, графъ, 162.
Панкратьевъ, Петръ Прокоф., кіев. губ., 177—187.
Пашковскій, Романъ, козац. полк., 160, 210—211.
Пащенко, авторъ «описанія черниг. намѣстничества», 217.
Пекарскій, Адріанъ, іезуитъ XVII ст.; споръ его съ Галятовскимъ о главенствѣ папы, 202—203.
Переволочна, м. полтав. губ., мѣсто 3 ей по времени Сѣчи, 589—591.
Перепелица, Ефимъ, лирникъ, 30.
Перепетово поле, 366.
Перервинцы, с., имѣніе Марковичей, 58.
Переяславль, г, 359, 366.
Пемровцы, с. кіев. губ., 357.
Песковка, с. кіев. губ., 357.
Петренко, малорус. пис, 668.
Петровцы, с., 367.
Петровъ, Н. Ив., проф. кіев. дух. акад.; разборъ его «очерковъ изъ ист. украин. лит. XIX в., 664—672; упом., 512.
Петръ Могила, митроп. кіевскій, 2—3, 12, 186, 373.
Петръ I, имп., 59, 69, 211, 599—601, 693.
Петръ II, имп., 59, 211, 212.
Пиминъ, Евсевій, см. Петръ Могила.
Пироговъ, Н. И., изв. ученый, попеч. кіев. учебнаго округа, 499.
Писаревскіе, братья, малорусскіе пис. XIX в., 668.
Пишчевичъ, Ал-дръ Семеновичъ, авт. «Примѣчаній на Новорос. край», 111—134 и дополненій къ нимъ, 333—336.
— Екат. Дмитр., его мать, 111.
— Семенъ Степановичъ, его отецъ, 111.
Плаховъ, А., изд. послѣд. рус. перевода «Неба» Галятовскаго, 373.
Плетенецкій, архим. к.-печ. лавры, изв. уч. XVII ст., 2.
Повстинъ, с. пирят. у., 214.
Погарщина, с. имѣніе Марковичей, 64.
Подасы, с. бердичев. у., 169—171.
Подвысоцкій, Касперъ, предв. козацкій XVI ст., 556, 563—564.
Подпольная, р., въ извивѣ ея, на Базавлуцкомъ полуостровѣ, мѣсто 10 й по времени Сѣчи, 590—603.
Полоцкій, Симеонъ, южнорус. ученый XVII ст., 17, 191, 196, 198, 384.
Полуботокъ, полковникъ черниговскій, 67—78, 217.
— Андрей, 212.
— Семенъ, 80, 81, 217.
Пономаревъ, С. И., изв. библіографъ, сообщ. письма Максимовича къ Шевченку, 643—648.
Попельня, с. кіев. губ., 356.
Попко, А., ген.-лейт., 232.
Поповичъ, Гавріилъ, кодацкій полков., 164.
Поповщина, с., имѣніе Марковичей, 64.
Посьетъ, адм., нынѣ мин. путей сообщ., 347.
Потебня, А. А., проф. харьк. у-та; разборъ его книги «объясненія малорус. и сродныхъ пѣсенъ», 657—663; упом., 321.
Потемкинъ, кн. Григ. Ал-дровичъ, 117, 120, 225.
Потоцкая, Анна, двоюродная сестра митр. Петра Могилы, 373.
Потоцкій, графъ, староста каневскій; разсказы о его жизни, 326—329.

Поцѣй, Ипатій, епископъ влад., изв. пропагаторъ уніи, 183, 539.
Пошманъ, ген.-маіоръ, первый директоръ учил. правовѣдѣнія, въ воспом. П. Д. Селецкаго, 261—271, 460.
Пражмовскій, еписк. и канцлеръ коронный XVII ст., 202.
Претвичъ, Яковъ, каштелянъ галицкій, 440.
Прилуки, г., 51.
Припеть, р., 357.
Прогной, р., см. Гнилая.
Проскуры-Сущанскіе, дворяне, 186.
Пугачевъ, Е. И., 219.
Пушкинъ, Ал-дръ Сергѣевичъ, знам. поэтъ, 445, 668—670.
Пятка, м., 437, 438.

Р.

Радзивиллъ, Криштофъ, воевода виленскій и гетманъ литов., 535—537.
Радивиловскій, Антоній, южнорс. ученый XVII ст., 1, 8.
Радомысль, г., 356.
Раевскій, П., авт. разск. пис., 670.
Раздоровка, с., 590.
Разумовскій, графъ Кириллъ Григ., гетманъ, 216, 511, 604, 607—608.
— Петръ, нѣжинскій полк., 216.
Ракушка, Романъ, первый ген. подскарбій (ок. 1665 г.), 61.
Раставица, р., притокъ Роси, 356.
Рафаилъ Заборовскій, архіеп. кіевскій; письмо къ нему Ѳеофана Прокоповича, 465—470.
Рахмановъ, м. волын губ., 165—167.
Ревунча, р., 595.
Ревунъ, р., 595, 596.
Репнинъ, малорос. ген.-губерн., 316.
Ржавецъ, с. прилуцкаго у., 206—210, 213, 215—217.
Ржевусскій, графъ Адамъ; письмо его къ П. П. Панкратьеву, кіев. губернатору, (1809 г.) 180—181.
Ригельманы, А. А. и Н. А., 261.
Ришелье, герцогъ, основатель Одессы, 131.
Рожинскій, кн.; борьба его съ Савулой, 550—554; 561.
Рожновка, с. Борзен. у., 212.
Ромны, г., 58, 62—64, 70—71, 80—81.
Ромодановскій, князь, 376.
Рославичи, с. кіев. губ., 357.
Ростиславъ II Изяславичъ, в. кн. кіевскій, 365.
Рось, р, 356—358, 369.
Ротъ, Максимъ, кущовскій атаманъ, 160.
Руда, (Тальская) с. кіев. губ., 357.
Руданскій, д-ръ, малорус. поэтъ, 151, 671.
Рудня Новая, с. черниг. губ., 217.
Рудольфъ II., имп. германскій; его сношенія съ козаками, 597—598.
Румянцевъ Ал—дръ, президентъ малороссійской коллегіи, 76—81.
— графъ Петръ Ал—дровичъ, 136, 159—165, 171, 215, 216, 219.
Рѣчица, р., притокъ Бугая, 595.

С.

Сабатей-Цви, (Сабефа) Лже-Мессія смирнскій, (1666 г.) 379—380.
Савицкій, лубенскій полковой пис., 75.
Савичъ, Василій, лубенскій полковникъ начала XVII ст., 55.
Савула, гетманъ, 544, 550—554.
Сагайдачный, (Конашевичъ) Петръ, гетманъ, 592—593.
Самара, р, 601.
Самойловичъ, Иванъ, гетманъ, 52, 387, 389, 583.
Самоквасовъ, изв. рус. археологъ, 319.
Сапѣга, Левъ, канцлеръ литовскій, 205.
Сарбѣвскій, ильскій пропов. XVII ст., 195.
Сасько, полковникъ козацкій конца XVI ст., 550—554.
Сатановскій, Арсеній, ученый XVII ст., 198.
Сафоновичъ, Ѳеодосій, ученый XVII ст., 384.
Сварково, с., имѣніе Марковичей, 65, 67, 70, 82.
Свидницкій, малорус. пис. XIX в., 671.
Святополкъ II Михаилъ, вел. князь кіевскій, 365.
Святославъ Владиміровичъ Мономашичъ, кн., 366.

Седневъ, м. въ 30 верстахъ отъ Чернигова, мѣсто 1-й по времени Сѣчи, 589—591.
Селецкіе, Андрей и Максимъ Петровичи, 250.
— Петръ, Василій и Яковъ Лаврентьевичи, 249—257.
— Дмитр. Лаврентьевичъ, отецъ П. Д., 250—256, 261, 270—276, 296, 446, 458.
— Ив. Яковл., новорос.ген.-губ., 248—249.
— Лаврентій Яковл., малороспочтъ-директоръ, 248—250.
— Петръ Дмитріевичъ, гофмейстеръ, кіев. губ. предвод. дворянства; «записки» его; 247—296, 443—464, 609—644.
Селивановъ, А., авт. зам. «Вертепъ въ купянскомъ у.,» 512—515.
Семашко, Ал—дръ, староста луцкій и каштелянъ брацлавскій, 541, 542, 598.
Сенявинъ, Иванъ, полковникъ, 215.
Серапіонъ, митр. кіевскій, 690—691.
Серафимъ, митроп. петерб., 303.
Сигизмундъ I, кор. польскій, 205, 428—429, 434, 525—564.
Сигоній, польскій ученый XVI ст., 12.
Синица, с. кіев. губ., 356.
Синюха, р., 357.
Скалевое, с. ал—дрійскаго у., имѣніе Пишчевичей, 111.
Скальковскій, Ал., историкъ новой Сѣчи, 126.
Скарбная, р., 598—599.
Скарга, іезуитъ, польскій проповѣдникъ XVII ст., 184.
Скворцовъ, И. М., прот., профес. у-та св. Влад., 289.
Сковорода, Григ. Савичъ, изв. пис. и мыслитель, 318.
Скоропадскій, Иванъ, гетманъ; письмо его къ Андрею Марковичу, 52—53; упом. 52—57, 67, 146—147, 209—210.
— Михаилъ, ген. подскарбій, 59, 214.
Скоруппа, Григорій, бунчуковый товарищъ, 471—476.
Славинецкій, Епифаній, изв. ученый XVII ст., 191, 195—198.
Слободзея, с.мѣсто Зап.Коша въ1790г., 225.
Смарагдъ Крыжановскій, архіепископъ Рязан., 298.
Смотрицкій, Мелетій, извѣст. ученый XVII ст., 1, 8, 10, 184.
Снятынъ, с., 528.
Соколовъ, Никодимъ, свящ.; разборъ его книги объ Остробрамской иконѣ Божьей Матери, 321—324.
Соломерецкій, кн. Богданъ, староста кричевскій и олучицкій, 537.
Софья Алексѣевна, царевна, 586.
Социны, Лелій и Фаустъ, первые представители социніанства въ Польшѣ, 581—582.
Срезневскій, изв. ученый, 309, 311, 319.
Ставровецкій, ученый XVII ст., 196.
Старовольскій, польскій проповѣдникъ XVII ст., 195.
Стеблинъ-Каменскій, Е. П. надзир. въ кіев. I гимн., впослѣд. виленскій губ., († 1882 г.) 501.
Степанки, с. бердичев. у., 169.
Степановъ, Вас. Петр., членъ иностр. коллегіи при Петрѣ I, 60.
Стороженки, дворян. родъ; изслѣд. о нихъ, 205—222.
— Алексѣй Петр., извѣст. малор. пис., 219—221, 669, 685.
— Андрей, старшій полковникъ запорожскій; біографія его, 205.
— Андрей Иван., сотникъ иваницкій, 207—209.
— Данило, Андрей, Петръ, Степанъ, Григорій и Ал-дръ, сыновья Григ. Андр., 214—219.
— Григорій, сотникъ иваницкій, 209—210.
— Григ. Андр., бунчуковый товарищъ, 211—213.
— Иванъ, полков. прилуцкій, 206—207.
— Ив. Андр., сотникъ иваницкій, 214.
— Михайло, сотникъ тульчинскій, 205—206.

Стороженки, Мих. Ив., тов. бунчуковый, 215—216.
— Мих. Мих., тов. бунчуковый, 216—218.
— Мих. и Иванъ, сыновья Степана Григор., 219.
— Н., авт. предисл. къ «3 докум. къ ист. Малороссіи», 143--144, и изсл. о родѣ Стороженковъ, 205—222
— Ник. Мих., черниг. губ. предв. двор., 218.
— Петръ и Павелъ, сыновья Даніила Григ., 219.
— Яцько, козакъ брацлав. полка, 206.
Строкова, с. полтав. губ., 358.
Струсь, Юрій, староста брацлавскій, 530, 549, 557, 560—562.
Стугна, р., 356—358, 361, 365—369.
Суворовъ, свѣт. кн. Италійскій, А. В., 166.
Сулакъ, р., 211.
Сумцовъ, Н. Ѳ., доц. харьк. у-та, авт. слѣд. статей и зам.: «Іоанникій Галятовскій», 1—20, 183—204, 371—390, 565—588; «Къ ист. малорус. нравовъ XVII ст.«, 332—333, и «Къ ист. слоб.-укр. чумачества, 493—498; упом., 321, 659.
Суражъ, с. волын. губ., 165 и слѣд.
Сухоносовка, с., имѣніе Марковичей, 58, 68.
Сухоржицкій хуторъ, имѣніе Марковичей, 64.
Сѣровъ, А., изв. рус. композиторъ, 264.
Сѣчь, въ статьѣ «Число и порядокъ запорож. сѣчей», 589—608; въ статьѣ «Первыя козацкія движенія въ Рѣчи-Посп.», 423—442, 525—564; «Еврейскій плѣнъ въ Запорожьи, 159—165; разсказъ объ ея уничтоженіи, 121; внутреннее управл. Сѣчи, 126—128; упом. 223, 224, 229 и слѣд.

Т.

Тарнавскій, А. И., 325.
Тарнополь, г., 437.
Таубертъ, изв. піанистъ; воспом. о немъ П. Д. Селецкаго, 614—615, 618.
Текели, Савва, ген.-поручикъ, 116.
Терещенко, эгнографъ, 507.
Терлецкій, Кириллъ, еписк. луцкій, 383—384, 539, 591.
Тетеревъ, р., 356, 357, 368.
Токари, с., имѣніе Марковичей, 55, 64, 79.
Толстой, графъ Л. Н., знам. пис., 31.
— Петръ Андр., изв. сподвижникъ Петра I, 56.
— елисаветградскій комендантъ, 674.
Томаковка или Токомаковка, иначе Городище, островъ противъ с. Красногригорьевки или Чернышевки, екат. у., мѣсто 5-й по времени Сѣчи, 590, 593—596.
Томара, полков. переяславскій, 53.
Тополя, малорус. пис. XIX в., 668.
Торческъ, г, 365.
Тоттъ, бар., мемуаристъ прошлаго вѣка, 676.
Траскинъ, ген.-маіоръ, попечит. кіев. учебнаго округа, 498, 502—505.
Третьякъ, Данило, войсковой старшина (1770 г.), 159—160.
Триполье, м. кіев. губ., 356, 365, 368.
Троицкій въ г. Вильнѣ мон., 322—323.
Тростянецъ, с. харьков. губ., 59.
Троцкій, Кириллъ, бунчуковый тов., 212.
Трощинскій, Дмитрій Прок., сенаторъ и мин., 178.
Трубежъ, р., 368.
Тулиголовъ, с., 71.
Туманскій, Вас., пис. генеральн., 216.
Тысьменица, г., 528.
Тяпкинъ, резид. москов. во Львовѣ (ок. 1675 г.), 201.
Тясьминъ, р., 357.

У.

Убеды, г., 64.
Уваровъ, Сергѣй Семененовичъ, мин. нар. просвѣщенія, 460—461.
Уздица, с., имѣніе Марковичей, 70.
Унава, р., притокъ Ирпеня, 356, 366.
Усвятъ, валаш. колонія въ Новороссіи, 132.
Ушаковъ, членъ малорос. коллегіи, 71.
Ушъ, р., 357.

Ф.

Фелицынъ, Е. Д.; разборъ изд. подъ его ред. «Кубанскаго сборника», 652—657.
Филаретъ, архіеп. смоленскій, 19.
— Гумилевскій, архіеп. черниговскій, изв. ученый, авт. «Стат. опис. чернигов. и харьков. епархій», 309—314; 318—319; 695.
— митроп. кіевскій, 289, 692.
Филипповичъ, Аѳанасій, игуменъ брестскій XVII ст., 572.
Фомбергъ, проф. у-та св. Влад., 503.
Френъ, академикъ, 301, 303.
Фундуклей, авт. «опис. кіев. губ.», 356, 357, 359.

Х.

Ханенко, Николай, 212.
Хвостовъ, Осипъ, полковникъ, (1765г.)
Херсонъ, г.; основаніе его, 117.
Хмелецкій, Ив., посолъ гетмана Потоцкаго къ Хмѣльницкому, 594.
Хмельницкій, Богданъ-Зиновій, гетманъ, 206, 489, 578—579; 594—597.
— Гедеонъ-Юрій Богдановичъ, 202.
Ходкевичъ, Іеронимъ, каштелянъ краковскій, 536, 554, 561.
Ходоновичъ, Іосифъ, игуменъ минскаго монастыря, 378.
Ходосовка, с. кіев. губ., 357.
Холодный, островъ на Днѣпрѣ, 598.
Хоружовщина, имѣніе Марковичей, 64.
Хорватъ, Ив. Сам., осн. Новосербіи, 111—117, 119.
— Н. И., помѣщикъ ал-дрійскаго у., 334.
Хортица, островъ на Днѣпрѣ противъ г. Ал-дровска, екат. губ., мѣсто 4-й по времени Сѣчи, 589—593, 595.
Хрущовъ, Мих. Сем., прокуроръ малорос. коллегіи при Петрѣ I, 71, 77.

Ц.

Цась, малорус. пис. XIX в., 671.

Ч.

Чаговъ, с. кіев. губ., 515—522.
Чалый, М. К., авт. книги «Жизнь и произв. Т. Г. Шевченка», 645.
Челищевъ, полковникъ (1749 г.), 214.
Чепѣга, атаманъ кошевой черноморскій, 224, 225, 232.
Черневъ, см. Черногородка.
Чернобыль, м. радомысльскаго уѣзда; разборъ описанія его, сдѣланнаго г. Л. П., 149—151.
Черногородка, с. кіев. губ., 357.
Черноморскіе козаки, см. Кубанскіе.
Чернышевка, с. екат. у., 590, 596.
Чешибисы, нынѣ Езуполь, с., 528.
Чижевскій, Николай; разборъ его книги «Старозаимочныя земли», 305—316.
Чортомлыкъ, р.; при устьѣ ея мѣсто 7-й по времени Сѣчи, 590, 597—600, 603.
Чубинскій, Пав. Плат., изв. этнографъ; некрологъ его, 343—349; оцѣнка его трудовъ, 349—351; упом., 483, 486, 661.
Чуйкевичъ, Ал-дръ, тов. войсковой, 143—148, 209.
— Андрей, 147.

Ш.

Шабалиновъ, с., имѣніе Марковичей, 54, 64.
Шамовка, с. ал-дрійскаго у., 334.
Шафонскій, авт. топографич. опис. черниг. намѣстн., 217.
Шевичъ, ген.-маіоръ, одинъ изъ основ. ново-серб. колоній, 112—114.
Шевченко, Т. Г., знам. поэтъ; повѣсть его «Княгиня», 391—422; письма къ нему Максимовича, 645—650; упом. 505, 668—670.
Шепетовскій хуторъ, имѣніе Марковичей, 64.
Шереметевъ, Вас. Ал-дровичъ, 254.
— воев. кіев. (1666 г.), 19.
Шулакъ, м. волын. губ., 105.
Шутъ, Андрей, кобзарь, 42—44.

Щ.

Щепкинъ, М. С., изв. трагикъ, 646—647.
Щепотьевъ, членъ малор. коллегіи, 71.
Щербина, Ѳ. А.; его статья «Исторія самоуправленія у кубан. козаковъ», 223—246; отзывъ о его трудахъ, 654—657.

Щоголевъ, малорус. поэтъ; разборъ его стихотвореній, 151—154.

Э.

Эварницкій, Дм. Ив., доц. харьков. у-та, авт. статьи «Число и порядокъ запорож. сѣчей», 589—608.
Эрдели, Павелъ, маіоръ ново-сербскаго полка, 165.

Ю.

Юзефовичъ, Мих. Влад., помощникъ попеч. кіев. учебнаго округа, 503.
Юрій Владиміровичъ (Долгорукій), в. князь суздальскій, 366—367.

Я.

Яворскій, Стефанъ, извѣстный ученый XVII ст., 196—198.
Язловецкій, Николай, староста снятынскій, 427—429, 434, 435, 529—530, 534, 561.
Язловецъ, м. въ Галиціи, 488.
Яковлевъ, В. А., библіотекарь одес. публ. библ., 491—492.
Якубовичъ, полковникъ нѣжинскій (1774 г.), 218.
Ямполь, м. волын. губ., 168.
Янчино, с., 366.
Янъ Собѣсскій, кор. польскій, 487—488.
Ярославъ Великій, в. князь кіевскій, 369.
Ястребовъ, В., авт. зам. «Греки въ Елисаветградѣ», (1754—1777 г.), 673—684; сообщ. «Примѣчанія А. Пишчевича на Новорос. край» и дополненія къ нимъ, 111—134, 333—336.

Ѳ.

Ѳедоровъ, Григ., атаманъ кошевой, 604—607.
Ѳедоръ Алексѣевичъ, царь и в. князь, 567—568.
Ѳедоръ Іоанновичъ, царь и в. князь, 431.
Ѳедотовъ-Чеховской, проф. у-та св. Влад., 291.
Ѳеофанъ Прокоповичъ, изв. пропов., архіеп. псковской; письмо его къ Якову Марковичу, 65—66; письмо къ архіеп. кіев. Рафаилу Заборовскому, 465—470.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА VIII. 1883 г.

Январь, 1884 г.

стр.

I. ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). **Н. Ѳ. Сумцова** 1

II. КОБЗАРИ И ЛИРНИКИ. (*Очерки I—III*). **В. Горленка** 21

III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. (Марковичи). **Ал. Лазаревскаго** . . 50

IV. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). **И. Левицкаго**. . . . 83

V. ПРИМѢЧАНІЯ АЛЕКСАНДРА ПИШЧЕВИЧА НА НОВОРОССІЙСКІЙ КРАЙ. Съ предисл. и примѣч. **В. Ястребова**. 111

VI. ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛЬНАГО СУДЬИ АКИМА СЕМЕНОВИЧА СУЛИМЫ. 135

VII. ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРІИ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ МАЛОРОССІИ XVIII СТОЛѢТІЯ. **Н. С—ко**. 143

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Городъ Чернобыль (кіевской губерніи), описанный отставнымъ военнымъ Л. П. Кіевъ, 1883 г.—*В. Г—ко.*—б) Ворскло, лірна поэзія Я. Щоголева, Харьковъ. 1883 г.—*Его-же.*—в) Юмористическіе разсказы и сцены изъ малорусскаго народнаго быта В. П. Жуковскаго. Кіевъ, 1883 г.—*Его-же.*—в) Демидовъ Санъ-Донато. Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1883 г. 149

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Еврейскій плѣнъ въ Запорожьи 1770—1772 гг.—*А. Скальковскаго.*—б) Волынская бывальщина.—*И. О.*—в) Живой упырь въ борьбѣ съ умершими упырями.—*К. Кошовика.*—г) Образчикъ малорусской «покормежной».—д) Высшіе женскіе курсы въ бывшей гетманщинѣ.—е) Послѣднія домогательства малороссійскаго шляхетства.—ж) Изъ писемъ помѣщиковъ кіевской губерніи къ кіев. гражд. губернатору Панкратьеву.—Сообщ. *А. А—скій.*—з) Пѣсенный отголосокъ давно минувшей уніи.—Сообщ. *М. Крашановскій* . . 159

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕНІЕ.

Февраль, 1884 г.

стр.

I. ЮАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). (*Продолженіе*). **Н. Ѳ. Сумцова** 183
II. СТОРОЖЕНКИ. (Фамильная лѣтопись). **Н. В. С—ко**. 205
III. ИСТОРІЯ САМОУПРАВЛЕНІЯ У КУБАНСКИХЪ КОЗАКОВЪ. **Ф. Шербины** 223
IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая). 1821—1846 г. . 247
V. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ КЪ РЕКТОРУ КІЕВ. АКАД., АРХИМ. МЕЛЕТІЮ. Сообщ. свящ. **І. Левандовскій**. . . . 297
VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) 1) Старозаимочная земля. Судебныя по искамъ объ нихъ рѣшенія. Изданіе Николая Чижевскаго. Харьковъ. 1883 г.— б) 2) Гурова и Бродскаго. Замѣтки и матеріалы по вопросу о старозаимочномъ крестьянскомъ землевладѣніи харьковской губерніи. Харьковъ. 1883 года).—*Дм. Багалѣя.*—в) Харьковскій календарь на 1884 года. Харьковъ. 1883 года.—*Б. Г.*—г) Островоротная или остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ. Историческое изслѣдованіе, съ восемью рисунками. Составилъ и издалъ Никодимъ Соколовъ. Вильна. 1883 г.—*К. Ц.* 305
VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ прожитыхъ на Волыни дней.—*Н. Костомарова.*—б) Къ исторіи малорусскихъ церковно-общественныхъ нравовъ XVIII столѣтія.—*Н. С.*—в) Домашнее воспитаніе начала нашего столѣтія.—*В. Ястребова.*—г) Роковое чтеніе псалтири. (Изъ быта и нравовъ старыхъ кіевскихъ «студеевъ»).—*Кс. Цыбульскаго.*— д) П. П. Чубинскій. (Некрологъ).—*А. Ѳ. Кистяковскаго.*—е) «Труды этнографическо-статистической экспедиціи» Чубинскаго въ сравненіи съ другими подобными.—*В. Г.*—ж) Не узнанная рукопись. (По поводу статьи: В. Л. Кочубей въ дек. кн. «Русской Старины» 1883 г.)— Графа *Милорадовича.*—з) Населеніе Кіева въ прошломъ столѣтіи.—*Д. Т.* 325
ОБЪЯВЛЕНІЯ.
БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Мартъ, 1884 г.

стр.

I. ЗМІЕВЫ ВАЛЫ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ КІЕВСКОЙ ЗЕМЛИ. **В. Антоновича** 253
II. ЮАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). (*Продолженіе*). **Н. Ѳ. Сумцова** 271
III. КНЯГИНЯ. (Разсказъ Т. Г. Шевченка) 391
IV. ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ. (1591—1596 г.). **Ѳ. Николайчика** 423

V. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. Часть первая. 1821—1846 годъ. *(Продолженіе)*. 443
VI. ПИСЬМО АРХ. НОВГ. ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА КЪ АРХ. КІЕВ. РАФАИЛУ ЗАБОРОВСКОМУ. (О способахъ къ улучшенію матеріальнаго положенія кіев. академіи) 465
VII. РЯДНАЯ ЗАПИСЬ 1-й ПОЛОВИНЫ XVIII В. 471
IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Н. Любовичъ. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи. Варшава. 1883 г.—б) Покутье. Этнографическій этюдъ. Сост. Оскаръ Кольбергъ. Краковъ. I. 1882. II. 1883. *Ц.—Неймана.*—в) Четъ, или не четъ? Историческая повѣсть конца XVII в. I. Крашевскаго. Варшава. 1884. Т. 1 и 2. *S.*—г) Споминки про жите и дѣяльность Володимира Барвѣньского. Львовъ. 1884 г.—*В. Г—ка* —д) Къ новоселью городской публичной библіотеки въ Одессѣ (1829—1883 г.). Одесса. 1883 г. 478
X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи слободско-украинскаго чумачества.—*Н. Сумцова.*—б) Изъ школьныхъ воспоминаній о Кіевѣ.—*Н. Я. Бар—вскаго.*—в) Сто семь лѣтъ южно-русской этнографіи.—*В. Г—ка.*—г) Попытка околдовать волостной судъ.—*П. Еф.*—д) Послѣдствія клятвопреступленія. *П. Еф.*—е) Вертепъ въ купянскомъ уѣздѣ харьковской губерніи.—*А. Селиванова.*—ж) Вымирающіе типы украинской деревни. Прот. *Луки Киселевича.*—з) Контрактъ на постройку церкви конца XVII в. 493
XI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями *А. М. Лазаревскаго.* (Приложеніе). . . . . 1—16

Апрѣль, 1884 г.

стр.
I. ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ. (1591—1596 г.). *(Окончаніе).* **Ѳ. Николайчика.** 525
II. ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка. *(Окончаніе).* **Н. Ѳ. Сумцова.** 565
III. ЧИСЛО И ПОРЯДОКЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ СѢЧЕЙ. **Д. И. Эварницкаго.** 599
IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. Часть первая. 1821—1846 годъ. *(Продолженіе)* 609
V. ИЗЪ ПИСЕМЪ МАКСИМОВИЧА КЪ ШЕВЧЕНКУ. **С. Пономарева** . 634
VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Географическій словарь западно и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ, сост. Я. Головацкимъ. Съ приложеніемъ географ. карты. Вильна. 1884 г.—*Ѳ. Ни—ка.*—б) Кубанскій Сборникъ. Труды Кубан. Област. Статистическаго Комитета, издаваемые подъ

редакціею Е. Д. Фелицына: Т. I., съ картою Кубан. Области. Екатеринодаръ. 1883 г.—в) А. А. Потебни. Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень. Варшава 1883.—*Ц. Неймана*—г) Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія. Н. И. Петрова. Кіевъ, 1884 г.—*В. Г.* 621

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Греки въ Елисаветградѣ (Отрывокъ изъ исторіи колонизаціи)—*В. Ястребова.*—б) Малоизвѣстные и неизвѣстные источники свѣдѣній о минувшей жизни Полтавщины.—*Н.С.*—в) Кіевскія лѣтописныя замѣтки XVIII и XIX ст. 1) Изъ приписокъ къ подлиннику путешествія Василія Григоровича Барскаго. 2) Изъ записной книжки кіевскаго гражданина Миславскаго.—г) Могила гетманцевъ въ г. Лебеданѣ.—*П. Ефименка.*—д) Два сообщенія по части народныхъ вѣрованій: 1) Криница—богиня плодородія у сѣверянъ.—Сообщ. *П. Литвинова.*—2) Полъ неодушевленныхъ предтетовъ.—Сооб. *М. Г—овъ.*—е) Изъ разсказовъ о Кармелюкѣ.—*Маковскаго.*—ж) Художникъ В. Л. Боровиковскій. 1758 (?)—1825 г.—*В. Горленка*—з) Греческія музы въ малорусскомъ изображеніи (Рисунокъ и поясненіе къ нему). 673

VI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (*Продолженіе*) 17—32

VII. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
МАЙ
1884 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Май, 1884 г.

стр.

I. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. **М. К.** 1

II. ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. **Д. Эварницкаго.** . 33

III. КЪ ВОПРОСУ О ЦАРСКИХЪ СКИОАХЪ. **Ѳ. Мищенка** 55

IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. Часть первая. 1821—1846 годъ. *(Продолженіе)*. 77

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). *(Продолженіе)*. **И. Левицкаго.** 88

VI. ОБЪЯСНЕНІЕ ПОЛКОВНИКА И. ЧЕРНЯКА О РАБОТАХЪ КОЗАКОВЪ НА ЛАДОЖСКОМЪ КАНАЛѢ 117

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Славянскій Ежегодникъ. Изданіе кіевскаго славянскаго общества. Выпускъ шестой. Сост. подъ редакціею Т. Д. Флоринскаго, доцента имп. университета св. Владиміра. Кіевъ. 1884 г.—*Т. Ф.*—б) Кольбергъ Оскаръ. Покутье. Этнографическій этюдъ. Т. II. Краковъ. 1884 г.—*Ц. Неймана.*—в) Андріевскій М. А. Козацкая дума о трехъ Азовскихъ братьяхъ съ объясненіями и картой. Одесса. 1884 г.—*Его-же.*—в) Библіографическій указатель трудовъ И. П. Чубинскаго.—*П. Ефименка* 123

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Нѣжинскій журналъ Н. В. Гоголя.—*С. Пономарева*—б) Добавки и поправки постояннаго читателя »Кіевской Старины«.—*Н. Бѣлозерскаго.*—в) Присяга духовенства.—*Н. Ефименка.*—г) Малорусскій пѣсенникъ XVIII вѣка.—*Ц. Неймана.*—д) Дѣдушкинъ вексель (Изъ дѣтскихъ воспоминаній).—Крестьянина *Ивана Савченка.*—е) Ребяческая забава въ серьезную минуту.—*В. О.*—ж) Загадочное преданіе.—*Е. Маковскаго*—з) Изъ народныхъ устъ (Одна пѣсня и два разсказа).—Сообщ. *Д. Т.* 143

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (*Продолженіе*) 33—48

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

МАЙ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го апрѣля 1884 года.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

I.

Необходимыя біографическія свѣдѣнія объ авторѣ.—Разсказъ о томъ, какъ и почему ѣздилъ онъ въ Подоліе.

Еще въ дѣтскомъ возрастѣ, едва научившись читать и понимать прочитанное, я почувствовалъ страстное влеченіе къ путешествіямъ. Въ гимназіи зачитывался Робинзономъ, приключеніями героевъ Майнъ-Рида и Жюля-Верна, и хотя и не сбѣжалъ изъ гимназіи вслѣдствіе пристрастія къ этимъ авторамъ, и не былъ задержанъ въ ближайшей волости или становой квартирѣ, но тѣмъ не менѣе въ продолженіе долгихъ вечеровъ мечталъ о краснокожихъ, о пустынныхъ островахъ, охотѣ на бизоновъ и кайманов и, засыпая на разсвѣтѣ, давалъ себѣ клятвенное обѣщаніе: когда буду *большимъ*, немедленно отправиться по меньшей мѣрѣ въ Америку, а то, если судьбѣ угодно будетъ въ то время подослать къ землѣ какую нибудь шальную комету, то конечно воспользоваться этимъ рѣдкимъ перевозочнымъ средствомъ для того, чтобы поближе познакомиться съ солнечной системой.

Но мечты мои такъ и оставались мечтами. Дѣлался я большимъ медленно и мало по малу скептицизмъ закрадывался въ душу: мечтать о кометѣ какъ-то сдѣлалось совѣстно, относительно краснокожихъ сталъ немного я подумывать о неудобствахъ скальпировки; что-же касается пустыннаго острова, то онъ мнѣ почему-то сталъ казаться скучнымъ. Наконецъ рѣшилъ я однажды, что въ моемъ возрастѣ (мнѣ было около 15 лѣтъ) стыдно заниматься сказками и принялся за чтеніе *„серьезныхъ„* сочиненій: читалъ Араго, началъ, правда по выдержкамъ, знакомиться съ Ливингстономъ, прочиталъ Гумбольдта и др.

Мысли мои приняли новый оборотъ.—Нѣтъ, думалъ я, когда я буду „*зрѣлымъ*“ и „*умнымъ*“, т. е. когда досконально выучу всѣ необходимыя для моего дѣла науки, я долженъ сдѣлать нѣсколько важныхъ географическихъ открытій. Что именно я стану открывать, я конечно не зналъ, но полагалъ, что непремѣнно открою нѣчто очень важное. Съ бѣшенствомъ бросился я дозубривать тонкости латинской грамматики, счастливо достигъ „*зрѣлости*“ и вступилъ въ храмъ науки, гдѣ годъ за годомъ метался изъ аудиторіи въ аудиторію, посѣщалъ лекціи извѣстныхъ и неизвѣстныхъ ученыхъ, слушалъ много мудрыхъ рѣченій, но какъ-то инстиктивно чувствовалъ, что слышанное мною мало подвигаетъ меня на пути открытій. И вновь одна мечта за другой стали улетать; я постепенно сдѣлался скромнѣе, сдержаннѣе въ своихъ желаніяхъ, готовъ былъ уже отказаться отъ открытія не только новой Америки, но даже новыхъ истоковъ Нила, благо открытія эти перехватили у меня злые люди, но совсѣмъ отказаться отъ надежды обезсмертить свое имя, подобно Ливингстону, Гумбольдту и другимъ великимъ путешественникамъ, у меня не хватало силы.—„Хоть-бы плюгавую какую нибудь рѣченку оставили на мою долю“, думалъ я съ досадой, подводя итоги будущему путешествію, и, махнувъ рукой, побѣжалъ держать экзаменъ.

Экзамены къ счастью выдержалъ и дипломъ получилъ,—казалось-бы пора и въ путь, но тутъ явились два серьезныя препятствія. Во первыхъ, хотя я былъ уже давно зрѣлъ и только что признанъ умнымъ, какъ это значилось на двухъ лежавшихъ передо мною пергаментныхъ листахъ, я все таки сознавалъ, что знаю не то, что подобаетъ знать Ливингстону и Гумбольдту, и сильно сконфузился, а затѣмъ послалъ нѣсколько нелегкихъ пожеланій, разумѣется мысленно, жрецамъ науки, которые сообщили мнѣ всѣ свѣдѣнія, кромѣ тѣхъ, какія были необходимы. Во вторыхъ-же, для того, чтобы начать путешествіе, не доставало мнѣ презрѣннаго металла, или по меньшей мѣрѣ кредитныхъ его знаковъ, которые, хотя нѣсколько уступаютъ въ цѣнѣ презрѣнному металлу, но, собранные въ значительномъ количествѣ, могутъ до нѣкоторой степени замѣнить его.

Сообразивъ послѣднее обстоятельство, я рѣшился отложить путешествіе до болѣе благопріятнаго времени и отправился служить

въ банкъ. Но сдѣлаться богатымъ оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ стать большимъ, зрѣлымъ и умнымъ: должность кассира въ банкѣ была занята и мнѣ не приходилось мечтать о ней—и слава Богу, подальше отъ соблазна; во всякомъ случаѣ я только издали видѣлъ текущіе рѣкой кредитные знаки, на мою-же долю сочился до того ничтожный ручеекъ, что не оставалось никакой надежды на возможность собрать кушъ, необходимый для кругосвѣтнаго плаванія. По мѣрѣ того, какъ я терялъ надежду, сталъ я относиться къ самой мысли о путешествіи сначала какъ-то сентиментально-меланхолически, какъ къ несбыточнымъ грезамъ, увлеченію молодости; потомъ меланхолію замѣнило озлобленіе. — Вѣдь въ далекіе края, думалось мнѣ, ѣдутъ невѣжды,—чего они тамъ не видѣли, да съ чѣмъ возвращаются оттуда? Соберутъ справочныя цѣны по ресторанамъ, побываютъ раза два въ театрѣ, потолкаются по вокзаламъ желѣзныхъ дорогъ, да посмотрятъ парижскихъ гризетокъ,—вотъ и все тутъ. Право ѣздить не зачѣмъ! Гораздо покойнѣе жить на Козьемъ болотѣ, да регулярно каждый день ходить въ банкъ, слѣдить за текущими счетами и отъ времени до времени смотрѣть серьезную русскую драмму въ городскомъ театрѣ, пользуясь царящимъ тамъ просторомъ, тишиной и отсутствіемъ презрѣнной толпы.

Такъ разсуждалъ я въ гордыни сердца и справедливо былъ за нее наказанъ судьбою.

Случилось нѣчто неожиданное: въ нашемъ банкѣ оказалась крупная растрата, при чемъ кассиръ исчезъ съ лица земли, а остальные служащіе были заподозрѣны въ пособничествѣ, укрывательствѣ, сообществѣ и пр. и пр. Поднялась возня, попреки, начались посѣщенія судебнаго слѣдователя; словомъ скандалъ. Въ результатѣ оказалось, что вышелъ вполнѣ чистымъ изъ дѣла я одинъ, не потому, чтобы особенно превосходилъ всѣхъ остальныхъ чистотою побужденій, а просто потому, что должность моя была такого рода, что виновнымъ я и не могъ быть, даже при крайнемъ моемъ желаніи. Какъ бы то ни было,—я былъ чистъ.

Директоръ нашъ былъ человѣкъ строгій, но справедливый. Покаравши всѣхъ виновныхъ, онъ рѣшился вознаградить въ моемъ лицѣ добродѣтель и, призвавъ меня въ кабинетъ, сказалъ мнѣ рѣчь примѣрно слѣдующаго содержанія. „Сердце мое умиляется при видѣ оказанной вами, молодой человѣкъ, добродѣтели. Среди окружа-

ющей насъ атмосферы хищенія вы сохранили невинность сердца, чистоту рукъ и кармана; такое феноменальное въ наше время явленіе не должно остаться безъ награды. Я могъ-бы наградить васъ назначеніемъ на высшее мѣсто, но не хочу этого дѣлать, дабы впредь не подвергать васъ искушенію и не лишать лучшаго въ мірѣ блага — чистоты совѣсти (въ тотъ же день мѣсто кассира занялъ его племянникъ), но пусть пакетъ этотъ послужитъ вамъ доказательствомъ, что добродѣтель никогда не остается незамѣченною и невознагражденною". При этомъ онъ вручилъ мнѣ запечатанное письмо, заключилъ торжественно въ свои объятья и затѣмъ вѣжливымъ жестомъ указалъ на дверь.

Въ пакетѣ я нашелъ: 1) записку, въ которой директоръ совѣтовалъ мнѣ небольшое путешествіе для отдыха и поправленія здоровья: 2) отпускъ на два мѣсяца и 3) чекъ на 500 рублей.

Подъ впечатлѣніемъ столь неожиданной благодати куда дѣвался мой скептицизмъ. Бѣгомъ пустился я въ свою квартиру, что на Козьемъ болотѣ, по дорогѣ забѣжалъ въ книжную лавку и купилъ всѣ имѣвшіеся въ ней „Бедекеры": рѣшено, я по волѣ начальства въ теченіи двухъ мѣсяцевъ буду путешествовать. Цѣлый день перелистывалъ я „Бедекеры", но никакъ не могъ рѣшить, куда поѣду. Чѣмъ болѣе я вчитывался въ перечни вокзаловъ, гостинницъ, ресторановъ, театровъ, картинныхъ галлерей, красотъ природы и т. д., тѣмъ сильнѣе овладѣвала мною хандра: чужіе края представлялись мнѣ чѣмъ-то въ родѣ галантерейнаго магазина, гдѣ лежитъ подъ этикетами много хорошенькихъ вещицъ, но всѣ эти вещицы до того обыденны и общеизвѣстны, что не только не представляютъ никакой прелести новизны, но уже давнымъ давно подлежатъ pris fix'у.

Къ вечеру мною овладѣло полное уныніе. „О, Господи, думалъ я, неужели мечта всей моей жизни—мыльный пузырь? Неужели ѣхать некуда и незачѣмъ? Неужели всѣ великія путешествія и открытія не болѣе, какъ созданіе праздной фантазіи? Неужели?"... Но тутъ дверь моей комнаты отворилась и вошелъ мой старый товарищъ, Маринчукъ, подолянинъ, исходившій пѣшкомъ свой родной край, извѣстный оригиналъ и скептикъ, больше всего на свѣтѣ гордившійся своимъ подольскимъ происхожденіемъ. Я отъ всей души обрадовался ему, зная, что Маринчукъ всегда умѣлъ

найти выходъ, правда нѣсколько странный и неожиданный, но всегда почти удачный, изъ всякаго затруднительнаго положенія.

— Зашелъ тебя поздравить, сказалъ Маринчукъ, закуривая папироску; слыхалъ, братъ, осуществилась завѣтная мечта: ты отправляешься вояжировать.

— Да, отвѣтилъ я, нѣсколько смутившись, хочу ѣхать, но вотъ бѣда,—помоги совѣтомъ,—не знаю куда и зачѣмъ ѣхать. Все это— и я съ пренебреженіемъ указалъ на столъ, гдѣ лежала вся Европа въ лицѣ 12 „Бедекеровъ"—скучно, шаблонно, всѣмъ и каждому извѣстно; все это изображено въ безчисленныхъ олеографіяхъ, акварелляхъ, лито и фотографіяхъ на стѣнахъ чуть-ли не всѣхъ гостинницъ и пивныхъ, въ альбомахъ гимназистовъ и пансіонерокъ. Куда и зачѣмъ я поѣду смотрѣть все это? — Я трагически встряхнулъ головой и, почувствовавши себя почти Гамлетомъ, откинулся на спинку креселъ.

— А ты, братъ, все по части открытій, замѣтилъ Маринчукъ, что-жъ, можно попробовать, авось и на твою долю достанется что нибудь невѣдомое.

— Да вѣдь время и деньги, находящіяся въ моемъ распоряженіи, не дозволятъ мнѣ оставить Европу; а въ Европѣ нѣтъ абсолютно не то страны—деревушки не обслѣдованной на всѣ лады, не занесенной въ статистическія таблицы, не истоптанной ногами туристовъ, не отмѣченной „Бедекеромъ". Развѣ отправиться въ Исландію, что-ли?

— Зачѣмъ въ Исландію, можно и поближе. Выбери страну, куда во 1-хъ не ѣздятъ туристы, для которой во 2-хъ не составленъ еще „Бедекеръ" и въ 3-хъ, что всего важнѣе, которую самъ ты всего меньше знаешь. Въ такомъ случаѣ найдешь и свѣжесть впечатлѣній и открытія сдѣлаешь, конечно не абсолютныя, а относительныя, найдешь факты и свѣдѣнія, новыя для тебя и для многихъ другихъ, подобно тебѣ не обращавшихъ вниманія на избранную тобою страну...

— Такой страны нѣтъ въ Европѣ,—отвѣтилъ я съ большимъ апломбомъ; вѣдь я столько читалъ о разныхъ странахъ и знаю Европу, какъ свои пять пальцевъ я только что повѣрилъ свои свѣдѣнія: Швейцарію и Италію, Парижъ и Лондонъ, Дрезденъ и Мюнхенъ и проч., и проч. я знаю какъ свой карманъ, — неужели

прикажешь лишній разъ провѣрить безъ нужды Бедекера? сказалъ я съ злобной улыбкой.

Пріятель съ минуту помолчалъ, напѣвая одну извѣстную малорусскую арію; это онъ дѣлалъ всегда, когда собирался предложить неожиданный выходъ изъ затруднительнаго по видимому обстоятельства, поэтому я ждалъ съ большимъ интересомъ, боясь прервать его раздумье. Вотъ онъ медленно подымается со стула и произноситъ отрывисто: „Поѣдемъ, братъ, вмѣстѣ въ Подоліе!“ и затѣмъ спокойно садится на свое мѣсто.

— Что!! вскричалъ я въ недоумѣніи, ты, братъ не шути! Это дѣло для меня весьма серьезно, развѣ въ Подоліе ѣздятъ туристы?

— Туристы не ѣздятъ—это разъ, „Бедекеръ“ для Подолія еще не составленъ—это два. Что-же касается твоихъ свѣдѣній объ этомъ краѣ—посмотримъ; а ну братъ, выложи чистосердечно весь запасъ географическихъ познаній.

Я нѣсколько обидѣлся: мнѣ показалось, что Маринчукъ улыбался.

— Кто-же изъ насъ не знаетъ Подолія: Подольская губернія лежитъ по Днѣстру, главный городъ Каменецъ-Подольскій; вдоль губерніи пролегаетъ желѣзная дорога; на площади ея находится много сахарныхъ заводовъ, которыхъ траты учитываются въ банкѣ...

На этомъ я оборвалъ.

— Только? спросилъ спокойно пріятель и снова улыбнулся.

— Да это и все, горячился я, вѣдь больше о Подоліи и сказать нечего.—Тутъ въ головѣ невольно промелькнула мысль, что объ Эстремадурѣ или Новой Мексикѣ я могъ-бы сообщить гораздо больше подробностей, и я какъ-то конфузливо замолчалъ.

Собесѣдникъ мой продолжалъ улыбаться и какъ будто подсказалъ мнѣ: да ты, братъ, считался когда-то въ нашемъ кружкѣ историкомъ; не окажутся-ли историческія твои свѣдѣнія о Подоліи богаче географическихъ? Начни-ка съ этого конца, авось запасъ окажется богаче.

Въ этомъ, конечно, я и самъ не сомнѣвался и началъ въ нѣсколько поучительномъ тонѣ: на территоріи нынѣшняго Подолія первоначально поселились Уличи и Тиверцы, затѣмъ въ удѣльное время... (я запнулся,—чортъ знаетъ, что это такое—не могу ничего подъискать изъ удѣльнаго времени) ну, да впрочемъ это не важно, а вотъ впослѣдствіи... (вотъ бѣда: оказалось, что и впослѣдствіи я

ничего не знаю, а еще на выпускномъ экзаменѣ получилъ 5 по отечественной исторіи; оставалось только спасаться общими мѣстами), ну да, впослѣдствіи,—кончилъ я скороговоркою,—прострадавъ долго подъ польскимъ владычествомъ, Подоліе наконецъ возсоединилось съ Россіею въ царствованіе Екатерины II. Я замолчалъ и принялся ходить по комнатѣ, чтобы скрыть свое смущеніе.

— Браво! вскричалъ Маричукъ, послѣднее препятствіе устранено, значитъ мы ѣдемъ въ Подоліе.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— То, братъ, что ты обрѣлъ наконецъ страну, о которой ровно ничего не знаешь, значитъ открытія будутъ на каждомъ шагу. Такъ по рукамъ!

— Однако, милостивый государь, позвольте вамъ замѣтить, началъ я съ достоинствомъ: хотя я очень уважаю наши старыя товарищескія отношенія, но всему есть предѣлъ. Вы позволили себѣ...

Мой другъ покатился отъ смѣху.

— Такъ ты, братъ, сердишься, тѣмъ лучше: значитъ, я сказалъ истинную правду. Ну, успокойся, собирай пожитки, жду тебя завтра на вокзалѣ къ вечернему поѣзду.—Онъ всталъ, взялъ шляпу и удалился, отвѣсивъ церемонный поклонъ.

На другой день въ 7 часовъ вечера мы сидѣли въ вагонѣ Брестско-Кіевской желѣзной дороги и весело болтали. Въ карманѣ у меня лежалъ билетъ прямаго сообщенія въ Проскуровъ, дорожный мѣшокъ набитъ былъ трудами двухъ подольскихъ статистическихъ комитетовъ и всевозможными брошюрами и сочиненіями, касавшимися Подолія.

Въ Проскуровѣ обрывается вѣтвь желѣзной дороги и отсюда уже въ разныя стороны расходятся почтовыя дороги.

Такъ какъ мой другъ обѣщалъ мнѣ много открытій географическихъ, топографическихъ, этнографическихъ и всякихъ другихъ, а предпринимать открытія принято, начиная отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, то мы и направились прежде всего въ столицу Подолія, всѣмъ извѣстный Каменецъ, откуда сдѣлали нѣсколько экскурсій въ разныя стороны, съ цѣлью нѣсколько ознакомиться съ краемъ, который оказался для меня совсѣмъ невѣдомымъ, какъ вѣроятно и для большинства изъ моихъ читателей, съ которыми я поэтому и рѣшаюсь подѣлиться своими впечатлѣніями. Не буду опи-

сывать дорогу до Каменца и первыя наши поѣздки,—впечатлѣнія отъ нихъ остались слишкомъ поверхностныя и отрывочныя, какія только можно получить, не выходя изъ экипажа;—сколько-нибудь обстоятельное знакомство съ краемъ началось только со времени поѣздки въ Смотричъ. Отсюда я и начну свой разсказъ.

II.

Рѣка Смотричъ.—Толтры.—Мѣстечко Смотричъ; его исторія.—Дорога въ Карачковцы; берега рѣки.—Истребленіе лѣсовъ.—Сокилъ-гора.—Пещеры.—„Кірпичи". Карачковцы.—Легенда о возникновеніи села.—Остатки старины.—Наружность и характеръ жителей.—Изолированность подольскихъ поселеній.—Преданіе о Каменцѣ.—Еврейская лавочка.—Промыслы жителей.

Общимъ своимъ характеромъ Смотричъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ горныхъ рѣкъ Подолья. Вода въ немъ сѣроватаго цвѣта, также какъ и въ Днѣстрѣ; такую окраску придаютъ этимъ рѣкамъ известковыя и сланцевыя горныя породы, среди которыхъ онѣ прорыли свои русла. Въ обыкновенное лѣтнее время Смотричъ, по крайней мѣрѣ въ среднемъ своемъ теченіи, неширокъ и довольно мелокъ, такъ что во многихъ мѣстахъ можно переходить въ бродъ. Но во время весеннихъ разливовъ, или послѣ сильныхъ дождей, уровень воды сразу подымается до весьма значительныхъ размѣровъ, иногда на нѣсколько аршинъ, благодаря тому, что маленькія горныя рѣчки и ручейки, впадающіе въ Смотричъ, весьма быстро приносятъ огромныя массы воды. Тогда рѣка принимаетъ довольно грозный видъ и катитъ свои густыя, переполненныя глиной и известью, волны съ ужасающей быстротой и шумомъ, который разносится на значительное разстояніе, усиливаясь и повторяясь эхомъ сосѣднихъ горъ. Дождевая вода также быстро спадаетъ, какъ и прибываетъ, оставляя послѣ себя толстый слой илу.—Таковъ характеръ всѣхъ рѣкъ въ гористой части Подолья, принадлежащихъ къ системѣ Днѣстра; къ этому можно еще прибавить, что всѣ онѣ отличаются чрезвычайно быстрымъ теченіемъ.

Смотричъ беретъ начало въ юго-восточной части проскуровскаго уѣзда среди болотъ, расположенныхъ между двумя горными грядами. Въ своемъ верхнемъ теченіи онъ протекаетъ по мягкому черноземному пласту, затѣмъ русло его постепенно углубляется и,

начиная отъ мѣстечка Смотрича, рѣка обнажаетъ каменныя породы.

Благодаря своему быстрому теченію, Смотричъ прорылъ въ высокихъ известковыхъ скалахъ, въ нижнемъ своемъ теченіи, глубокую и узкую долину, на днѣ которой и пролегаетъ его русло. Прорываясь сквозь скалы, рѣка чрезвычайно извилиста, берега представляютъ множество мысовъ и глубокихъ заливовъ, такъ что зачастую береговая линія тянется на цѣлые десятки верстъ, между тѣмъ какъ перешеекъ, раздѣляющій два изгиба рѣки, иногда менѣе версты въ ширину, но за то всегда представляетъ довольно значительную возвышенность. За исключеніемъ Каменца мы нигдѣ не видѣли моста на Смотричѣ, не видѣли также и паромовъ, представляющихъ обычный способъ переправы на Днѣстрѣ. Изъ средствъ водянаго сообщенія, или вѣрнѣе—переправы черезъ рѣку, намъ встрѣтились два: 1) небольшія плоскодонныя лодки весьма оригинальной и первобытной формы, сдѣланныя изъ досокъ, съ острымъ носомъ и тупой, ровной кормой; 2) тамъ, гдѣ существуютъ водяныя мельницы, рѣчка наискось перегораживается отъ одного берега до другого плотиной изъ хвороста и легкаго мѣстнаго камня, по которой ходятъ и ѣздятъ. Каждую весну плотину размываетъ водой, послѣ чего ее подчиняютъ ровно настолько, чтобы ее снова прорвало въ слѣдующемъ году.

Для жителя степной Украйны долина Смотрича представляетъ картину, исполненную необычайной красоты: вдоль обоихъ береговъ рѣки сплошной стѣной тянутся горы, то покрытыя лѣсомъ, то усѣянныя грандіозными отвѣсными скалами, а внизу шумитъ и пѣнится по камнямъ рѣка, переливаясь то серебромъ, то сталью. Острыя вершины горъ и отдѣльно стоящія конусообразныя возвышенности называются въ народѣ *„толтры“* (нельзя не видѣть въ этомъ названіи аналогіи съ карпатскими *Татрами*). Иныя *„толтры“* покрыты лѣсомъ, другія, на которыхъ лѣсъ уже вырубленъ, поросли тощимъ дерномъ и усѣяны обнаженными скалами третичнаго известняка, различной величины и самыхъ разнообразныхъ, причудливыхъ формъ; зачастую скалы идутъ рядами вокругъ горы, иногда они расположены группами, представляющими поразительное сходство то съ мегалитическими постройками, то съ развалинами замковъ и т. п.

При впаденіи рѣчки Яромирки въ Смотричъ, въ чрезвычайно живописномъ уголкѣ, образуемомъ теченіемъ этихъ двухъ рѣкъ, расположено мѣстечко Смотричъ.

Поселеніе это весьма древнее и было нѣкогда однимъ изъ трехъ важнѣйшихъ центровъ Подолья. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о времени возникновенія этого поселенія, бывшаго въ древности городомъ; правдоподобно, онъ принадлежалъ къ галицкому понизью и вмѣстѣ съ нимъ раздѣлилъ общую судьбу галицко-подольскихъ городовъ послѣ татарскаго нашествія. Послѣ изгнанія татаръ Ольгердомъ, этотъ великій князь поручилъ управленіе Подолья своимъ племянникамъ, князьямъ Коріятовичамъ. Новымъ владѣльцамъ приглянулось мѣстоположеніе стараго Смотрича—скала, окруженная почти со всѣхъ сторонъ водою и опоясанная вѣнцомъ другихъ скалъ; они основали здѣсь столицу своего княжества и укрѣпили ее сильнымъ замкомъ.

Въ настоящее время отъ старины уцѣлѣли только земляные валы, составлявшіе часть укрѣпленій, и костелъ, принадлежавшій нѣкогда доминиканскому монастырю, основанному при Коріятовичахъ на мѣстѣ бывшаго прежде православнаго монастыря св. Богородицы. Князь Александръ Коріятовичъ выдалъ доминиканамъ въ 1375 году сохранившуюся понынѣ въ подлинникѣ подтвердительную грамоту на поземельныя владѣнія.

Въ началѣ XV вѣка вся подольская земля перешла въ пожизненное владѣніе Витовта, извѣстнаго защитника русскихъ интересовъ въ Подольи, куда уже въ то время стремится колонизація польской шляхты. Въ 1430 году, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, поляки, поселившіеся въ Подольи по иниціативѣ пана Бучацкаго, который стоялъ во главѣ движенія, овладѣли Смотричемъ и другими замками, и вмѣстѣ съ большею частью Подолья обратили ихъ подъ свою юрисдикцію, отторгнувши изъ состава литовско-русскаго княжества.

Съ этого времени начинается ополяченье края, выразившееся прежде всего раздачей земель польскому дворянству. Что касается городовъ, то имъ, по принятому тогда обыкновенію, гарантировалось правительствомъ самоуправленіе привилегіями на магдебурское право. Въ числѣ другихъ городовъ и Смотричъ получилъ въ 1448 г. такую привилегію отъ Казиміра Ягайловича.—Въ 1518 г. Сигиз-

мундъ I разрѣшилъ горожанамъ, въ видахъ большей ихъ безопасности отъ татарскихъ набѣговъ, въ то время часто опустошавшихъ подольскую землю, возстановить приходившій въ разрушеніе замокъ, при чемъ гарнизонъ должно было составлять само населеніе города. Для скорѣйшаго возстановленія замка Смотричъ освобождался на два года отъ уплаты всѣхъ налоговъ.

Политическія событія неизбѣжно должны были отразиться извѣстнымъ образомъ на населеніи края. Такъ напримѣръ въ промежуткѣ съ 1570 по 1665 г., населеніе Смотрича уменьшилось на 50 душъ, т. е. почти на половину и было обложено различными повинностями по отношенію къ своему старостѣ: налогами, рабочими днями и т. д. Въ тоже время мы видимъ изъ люстрацій, что главную часть населенія въ Смотричѣ составляютъ евреи, 163 души, занимавшіеся торговлей, винокуреніемъ и другими промыслами. Съ такимъ характеромъ еврейскаго мѣстечка, гдѣ вся торговля и промышленность сосредоточилась въ рукахъ евреевъ, Смотричъ остался и понынѣ.

Положеніе города, очевидно, представляло значительныя выгоды для поселенія, потому что уже въ концѣ XVIII вѣка (1791) Смотричъ заключалъ 287 домовъ. Посреди города красовалось каменное зданіе ратуши съ часами; на горѣ, среди валовъ стараго замка, находился доминиканскій монастырь, основанный въ 1586 г., и двѣ церкви; черезъ обѣ рѣчки былъ построенъ большой деревянный мостъ. Населеніе состояло изъ слѣдующихъ составныхъ частей: евреевъ 169, католиковъ 108 и православныхъ 87; эти послѣдніе, кромѣ обыкновенныхъ городскихъ налоговъ, были обложены всевозможными повинностями и данями натурою въ пользу старосты. Вообще мѣстечко приносило дохода 35,000 злотыхъ въ годъ.

Мы останавливаемся на всѣхъ этихъ подробностяхъ потому, что они могутъ служить прекрасной иллюстраціей для характеристики положенія каждаго мѣстечка юго-западнаго края, представляющаго извѣстныя выгоды для населенія. Смотричъ и до настоящаго времени служитъ торговымъ центромъ на нѣсколько десятковъ верстъ въ окружности для тѣхъ-же самыхъ селъ, которыя составляли смотричское староство въ прошломъ столѣтіи.

Дорога изъ мѣстечка внизъ по теченію р. Смотрича въ ближайшее село Нарачковцы пролегаетъ по берегу рѣки, такъ что путе-

шественникъ все время можетъ любоваться красотами обоихъ береговъ. Какъ мы уже говорили выше, рѣка проложила себѣ русло въ очень глубокой долинѣ съ крутыми скалистыми берегами, лѣвый берегъ покрытъ чрезвычайно густымъ лѣсомъ, который тянется вдоль по горѣ и далеко за гору. Только изрѣдка, среди сплошной темной массы зелени, виднѣются на склонѣ горы дикія грандіозныя скалы известковыхъ породъ, очень эффектно выдѣляющіяся своими свѣтлыми контурами на однообразномъ темнозеленомъ фонѣ. Лѣсъ въ этомъ мѣстѣ съ 1831 года принадлежитъ казнѣ и благодаря этому обстоятельству не истребленъ и тщательно охраняется лѣсничими вѣдомства государственныхъ имуществъ. Противуположный берегъ еще до недавняго времени былъ также покрытъ лѣсомъ, но отъ него теперь уцѣлѣли одни жалкіе остатки. Крестьяне, получивши надѣлъ на правомъ берегу, принуждены были расчистить и выкорчевать лѣсъ, при чемъ болѣе крутые склоны обращены подъ пастбища и сады, а болѣе пологіе подъ пахатныя поля. Результаты истребленія лѣсовъ уже сказываются самымъ печальнымъ образомъ: каждую весну вода вырываетъ новые глубокіе овраги по склону горы, гдѣ земля уже не сдерживается корнями деревьевъ. Слѣдствіемъ этого являются постоянные весьма значительные обвалы верхней почвы, а затѣмъ и лежащихъ подъ нею третичныхъ пластовъ, и обнажаются каменныя породы, которыя залегаютъ подъ ними; такимъ образомъ овраги все болѣе и болѣе врѣзываются въ полевые участки и постепенно поглощаютъ ихъ.—Конечно, ряды громадныхъ, дикихъ скалъ самой причудливой формы удивительно граціозно разнообразятъ пейзажъ, сообщая ему новыя красоты, но избытокъ такого украшенія береговъ угрожаетъ жителямъ серьезными затрудненіями въ будущемъ, когда весь культурный слой земли будетъ снесенъ въ долину, а на мѣстѣ пахатныхъ полей останутся только сплошныя массы камня или твердыхъ третичныхъ пластовъ. Еще лѣтъ семь назадъ жители совершенно свободно ходили по всему склону долины, поросшему дерномъ и лѣсомъ; въ настоящее-же время, вслѣдствіе ежегодныхъ обваловъ, въ иныхъ мѣстахъ едва можно пробираться узенькой тропинкой, цѣпляясь за скалы, изрѣдка поросшія тощими кустами терна и *дерена* (кизиль), а еще черезъ нѣсколько лѣтъ многія мѣста сдѣлаются и совсѣмъ неприступными, такъ какъ мѣстныя каменныя породы, большею частью различныя

породы известняковъ и сланцевъ, вывѣтриваясь чрезвычайно быстро, колются по вертикальному направленію.

Въ четырехъ верстахъ ниже м. Смотрича, на правомъ берегу рѣки возвышается очень крутая гора, поросшая лѣсомъ, называемая въ народѣ *Сокилъ-гора*[1]). Можетъ быть это названіе она получила вслѣдствіе своей высоты и крутизны, куда только соколъ можетъ залетѣть, или можетъ быть нѣкогда на этой горѣ и дѣйствительно гнѣздились соколы, дорого цѣнившіеся еще въ XV и XVI ст. въ качествѣ охотничьихъ птицъ, какъ это видно по литовскому статуту.

Прямо взбираться на *Сокилъ-гору* очень трудно, а для насъ, степныхъ жителей, почти невозможно; для этого необходимы такая ловкость и привычка ходить по скаламъ, какими отличаются мѣстные жители. Намъ пришлось подняться на гору по болѣе отлогому склону въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ *Сокилъ-горы* и уже оттуда подойти къ краю возвышенности. Въ половинѣ высоты горы въ отвѣсной скалѣ виднѣются два входа въ пещеру, обращенные на югъ. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ доступъ къ нимъ былъ возможенъ, но съ того времени скала у подножія входа обрушилась и теперь представляетъ совершенно отвѣсную стѣну. Смотря снизу, нельзя опредѣлить, принадлежатъ-ли оба отверстія двумъ пещерамъ, или это два выхода одной и той-же камеры.

Мѣстность здѣсь удивительно живописна. Гора, расположенная на другомъ берегу противъ *Сокилъ-горы*, отличается огромнымъ количествомъ источниковъ, *„кирницъ“* по мѣстному названію, впадающихъ въ Смотричъ. Проходя по лѣсу, вы со всѣхъ сторонъ слышите тихое журчаніе, которое, сливаясь съ шелестомъ листьевъ, производитъ впечатлѣніе чего-то таинственнаго и волшебнаго. Въ такой обстановкѣ особенно становится понятно поклоненіе рощамъ и источникамъ въ языческія времена.

Въ горахъ Подолья, состоящихъ изъ разныхъ породъ плитняка, вездѣ замѣчается особенное обиліе источниковъ, иногда большихъ, проложившихъ себѣ широкое русло, иногда до того малыхъ, что вода по каплѣ сочится по камнямъ, такъ что ее даже нельзя собрать въ

---

[1]) Названіе довольно распространенное въ этой части Подолья. Въ каменецкомъ уѣздѣ намъ во многихъ мѣстахъ указывали *соколью* гору и всегда это была самая крутая и высокая среди окружающихъ горъ.

стаканъ. Есть два пласта въ этихъ горахъ, дающіе начало источникамъ: одинъ, болѣе богатый водою, лежитъ ближе къ подножію горъ на высотѣ нѣсколькихъ сажень надъ уровнемъ рѣкъ; другой встрѣчается только въ болѣе высокихъ горахъ и находится почти у самой вершины. Вода въ *„криницяхъ“* отличается большой легкостью и такъ чиста и пріятна на вкусъ, что жители совсѣмъ не употребляютъ рѣчной воды. Случается, что мѣстные сибариты вѣсятъ воду изъ разныхъ *„криницъ“* и ту, которая окажется самой легкой, употребляютъ предпочтительно передъ другими. Этотъ обычай сохранился отъ временъ крѣпостнаго права, когда помѣщикамъ за нѣсколько верстъ приносили воду для самовара.

Въ разстояніи около полуторы версты ниже *Сокиль-горы*, на лѣвомъ берегу рѣки, на широкомъ полуостровѣ съ очень узкимъ перешейкомъ, образуемымъ извилинами Смотрича, расположено село Карачковцы, утопающее въ садахъ, подобно всѣмъ подольскимъ селамъ. Положеніе села, почти со всѣхъ сторонъ окруженнаго рѣкой, весьма выгодно для поселенія и потому очень рано привлекло оно вниманіе древнихъ жителей Подолья. У мѣстныхъ жителей существуетъ преданіе, что въ старину на мѣстѣ Карачковецъ былъ столичный городъ, въ которомъ жилъ князь; впослѣдствіи городомъ овладѣлъ *Солодій Буньякъ* и разрушилъ его [1]). Несомнѣннымъ доказательствомъ большой древности поселенія служитъ: 1) городище, расположенное во всю ширину перешейка и защищавшее городъ съ единственной доступной стороны. Городище, отрѣзанное отъ прилегающей горы глубокимъ искусственнымъ рвомъ, состоитъ изъ высокаго землянаго вала, расположеннаго въ видѣ четырехъугольника съ поперечнымъ валомъ по серединѣ, отъ чего получается три ряда укрѣпленій, одинъ надъ другимъ; 2) огромное количество кургановъ, расположенныхъ группами во всѣ стороны около села по

---

[1]) Можно, кажется, съ достовѣрностью заключить, что въ преданіи вспоминается половецкій ханъ Боняк, называемый въ лѣтописи *шолудивымъ*, который около половины XII вѣка сильно разорялъ предѣлы южной Руси. Легенды о Бонякѣ сохранились повсемѣстно въ Подольи, при чемъ онъ является то козакомъ, то татариномъ, который разрушаетъ города, а по другимъ варіантамъ укрѣпляетъ ихъ; ему приписываютъ сооруженіе сохранившихся во многихъ мѣстахъ древнихъ земляныхъ укрѣпленій. Всѣ остальные памятники древности: курганы, пещеры и другіе, народъ относитъ ко времени польско-турецкихъ войнъ.

обоимъ берегамъ рѣки. На пространствѣ трехъ верстъ мы встрѣтили семь могильниковъ, въ которыхъ насчитываютъ до 400 кургановъ.

Но есть основаніе думать, что нынѣшніе Карачковцы были населеннымъ пунктомъ еще во времена самой глубокой древности, такъ какъ здѣсь находятъ въ значительномъ количествѣ орудія каменнаго вѣка, какъ отбивныя, такъ и полированныя. Намъ самимъ удалось найти нѣсколько довольно интересныхъ экземпляровъ.

Во второй половинѣ XVIII ст. Карачковцы вмѣстѣ съ селомъ Цыковой образовали староство, которое описывается въ люстраціяхъ, какъ очень бѣдное и незначительное, не имѣвшее ни ярмарокъ, ни торгу, мало населенное и приносившее дохода отъ 6000 до 7400 злотыхъ.

Мы не знаемъ, какой доходъ могли-бы приносить Карачковцы въ настоящее время, но теперешнее населеніе повидимому очень зажиточно. Каждый хозяинъ имѣетъ по крайней мѣрѣ пару лошадей, не говоря о коровахъ и овцахъ; лошади употребляются и для полевыхъ работъ, за то волы встрѣчаются въ очень маломъ количествѣ и не идутъ въ работу, такъ какъ они часто *„разбиваются“* на крутыхъ горныхъ дорогахъ; ѣздятъ не иначе, какъ парой,—вообще во всемъ Подольи намъ ни разу не пришлось встрѣтить воза, запряженнаго въ одну лошадь, какъ то бываетъ на побережьи Днѣпра. Количество хлѣба здѣсь тоже въ значительной мѣрѣ превосходитъ въ этомъ отношеніи хозяйство нашихъ крестьянъ.

Богатство и разнообразіе природы, прекрасный горный воздухъ и другія благопріятныя условія жизни отразились какъ на характерѣ жителей, такъ и на самой ихъ наружности. Мы нигдѣ не встрѣчали такого красиваго, добраго и развитаго народа, какъ по берегамъ Смотрича, особенно въ Карачковцахъ. Здѣсь всѣ жители, не исключая и женщинъ, отличаются высокимъ ростомъ и стройностью стана, свойственной всѣмъ горцамъ, красотой и необыкновенной моложавостью. На кого ни посмотришь—всѣ какъ на подборъ саженные молодцы, очень худощавые, но широкоплечіе и здоровые и чрезвычайно красивые. Намъ встрѣтились нѣсколько стариковъ лѣтъ шестидесяти и больше, и между ними ни одного сгорбленнаго; всѣ они держатся прямо, какъ молодые, и показываются гораздо моложе своихъ лѣтъ. Такъ напримѣръ нашему проводнику было 65 лѣтъ, но на видъ ему можно было дать не болѣе 45,—держался онъ совер-

шенно прямо и ходилъ по горамъ [1]) не хуже молодаго, такъ что мы не могли за нимъ поспѣть. Говорятъ, что многіе доживаютъ здѣсь до ста лѣтъ и больше.

Богато одаренный физически, здѣшній народъ еще выше стоитъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не приходилось намъ встрѣчать такого джентельменскаго отношенія къ людямъ, какъ въ здѣшнихъ крестьянахъ: къ кому ни обратитесь, въ каждомъ васъ поражаетъ необыкновенное благодушіе и довѣрчивость по отношенію даже къ пріѣзжимъ, чужимъ людямъ, соединенное съ природнымъ юморомъ, большой вѣжливостью и полной готовностью, чѣмъ можно, помочь и услужить пріѣзжимъ, но все это соединяется съ полнымъ чувствомъ собственнаго достоинства, безъ малѣйшаго униженія или стѣсненія. Видно, что даже продолжительное панское господство не могло искалѣчить нравственно этотъ богато одаренный народъ. Поговоривши съ любымъ изъ крестьянъ, можно только пожалѣть, что для нихъ почти никогда не открывался путь къ образованію.

Тутъ я позволю себѣ остановиться на одной особенности, которая рѣзко бросается въ глаза даже поверхностному наблюдателю,— это, при единствѣ общаго типа подолянъ, огромное количество этническихъ разновидностей, находящееся въ зависимости отъ мѣстности. Кажется, причина тому лежитъ въ географическихъ условіяхъ края. Всѣ поселенія—города и села—располагаются главнымъ образомъ по теченію рѣкъ, въ глубокихъ долинахъ, отдѣленныхъ одна отъ другой довольно высокими и крутыми горами, сильно затрудняющими сообщеніе между жителями разныхъ долинъ. Почти всѣ дороги проложены по берегамъ рѣкъ и всѣ сношенія ограничиваются узкимъ райономъ рѣчной долины. Поэтому жители извѣстнаго села прекрасно знаютъ всѣ села и мѣстечки, расположенныя въ ихъ долинѣ по теченію своей рѣчки отъ ея верховьевъ до устья, но въ тоже время имѣютъ весьма смутное представленіе о поселеніяхъ сосѣднихъ долинъ: 10—15 верстъ въ сторону отъ рѣки называется уже „десь дуже далеко“. Этой изолированностью, кажется, и слѣдуетъ

[1]) Общепринятыя у насъ выраженія *лазить по горамъ, взбираться на горы* совершенно воспріятіемы къ подольскихъ жителямъ, которые ходятъ по самымъ крутымъ обрывамъ, куда нашему брату и посмотрѣть страшно, также легко и свободно, какъ по равнинѣ.

объяснить такое разнообразіе типовъ, при которомъ опытный этнографъ съ перваго взгляда можетъ опредѣлить, изъ какой долины происходитъ тотъ или другой крестьянинъ. Она-же объясняетъ намъ и отличительныя черты исторіи Подолья въ удѣльный періодъ—единственную пору, когда развитіе каждаго изъ русскихъ поселянъ укладывалось въ такія рамки, какія болѣе всего отвѣчали естественному характеру племени.

Затруднительность сообщенія между отдѣльными долинами послужила причиною тому, что здѣсь удивительно долго сохраняются историческія преданія во всей ихъ чистотѣ, между тѣмъ какъ у насъ, въ степной Украинѣ, гдѣ впечатлѣнія быстро смѣняются, не оставляя прочныхъ традицій, если извѣстное преданіе и сохранится въ народной памяти какихъ нибудь сто лѣтъ, то уже переходитъ къ потомкамъ въ такомъ искаженномъ видѣ, что историку подчасъ невозможно бываетъ опредѣлить, какой фактъ послужилъ основой преданію. Для примѣра укажу на легенду объ основаніи Каменца, которую намъ удалось слышать изъ народныхъ устъ въ Карачковцахъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Вѣроятно Каменецъ, какъ поселеніе, возникъ очень рано, но значеніе одного изъ укрѣпленныхъ центровъ древняго галицкаго княжества онъ получаетъ въ началѣ XIII в. при Даніилѣ Романовичѣ, который, какъ извѣстно, построилъ нѣсколько новыхъ городовъ и укрѣпилъ наиболѣе важные изъ существовавшихъ уже въ его время. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Каменецъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ легенда.

„Жили соби два браты, вдовины сыны, панычи. Ниде имъ не можна було ся ужити,—де ся не оселять—скризь ихъ женуть. Одного ранку поихали вони на полювання, не взявши й хлиба зъ дому. Издили цилый день, дуже ся вморили и выголодали, и ничого не зловили; вже надъ вечиръ загнали лиса мижъ камъяни скали у густый лисъ, шчо кругомъ его ричка тече. Тутъ вони й заночували. Другого дня вранци розгледили вдовиченки мисце, тай надумали, шчо гораздъ булобъ тутъ збудовати городъ; а дали поихали до матери, тай ій кажуть, просять порады. А мати имъ одказуе, шчо буде вашъ городъ голодный, бо не взяли-сте хлиба, якъ я вамъ вчора казала. Отже вони не послухали [illegible] городъ и тамъ ся оселили зъ матирью; а материно слово ся спр[illegible]ило—бувъ той [illegible] голодный, черезъ те й до сёго часу все такъ [illegible] у тому Каменци“.

Нельзя не узнать въ этомъ разсказѣ двухъ братьевъ Романовичей, устроителей галицко-волынскаго княженія, судьба которыхъ изображается въ преданіи совершенно вѣрно исторически, а между тѣмъ дѣло происходитъ почти за $6^1/_2$ столѣтій. Кажется, мы не сдѣлаемъ ошибки, относя это преданіе къ личности Даніила и Василька Романовичей, извѣстныхъ колонизаторовъ волынско-галицкой земли, тѣмъ болѣе, что и въ нашихъ лѣтописяхъ сохранился совершенно аналогичный разсказъ о постройкѣ этими князьями города Рая, сдѣлавшагося любимой лѣтней резиденціей и мѣстомъ охоты волынско-галицкихъ князей. Подробности однѣ и тѣ-же, только названія городовъ различны.

Населеніе всѣхъ подольскихъ селъ состоитъ изъ мѣстнаго священника, нѣсколькихъ сотъ крестьянъ православнаго и иногда католическаго вѣроисповѣданія и нѣсколькихъ семействъ евреевъ. Число послѣднихъ прямо пропорціонально богатству жителей и доходности ихъ занятій. Въ Карачковцахъ живетъ три еврейскія семьи. Одна, повидимому болѣе зажиточная, держитъ въ арендѣ водяную мельницу, на которой работаютъ крестьяне. Эта семья представляетъ собою мѣстную аристократію. Другая держитъ шинокъ, единственный въ селѣ. Это представители средняго сословія. Третья семья представляетъ собою еврейскій пролетаріатъ въ селѣ. Каждому, входящему въ маленькую комнатку, гдѣ живетъ цѣлая семья и гдѣ буквально повернуться нельзя, бросается въ глаза удивительная чистота и порядокъ: вещей много, но все на своемъ мѣстѣ; въ углу полочка съ книгами, по стѣнамъ священныя картины символическаго содержанія и заграничные портреты знаменитыхъ раввиновъ. По всему видно, что здѣсь живутъ люди интелигентные, видавшіе лучшіе дни. Еврей и его жена занимаются мелочной торговлей и оригинальное впечатлѣніе производитъ на посѣтителя эта лавка, помѣщающаяся въ двухъ-трехъ коробкахъ и содержащая все, что можетъ понадобиться не только крестьянамъ, но и сосѣднимъ лѣсничимъ, случайному путешественнику и вообще представителямъ болѣе привилегированнаго сословія. На печи картонка съ чистымъ товаромъ: иголками, нитками, лентами, намистомъ и т. п.; въ другой картонкѣ—табакъ разныхъ сортовъ, есть даже довольно хорошій, бумага и другія принадлежности; въ третьей—нѣсколько бумажныхъ платковъ и кусковъ самаго дешеваго ситцу. Но настоящимъ музе-

емъ является ящикъ, стоящій подъ кроватью: чего только тутъ нѣтъ! Бутылка съ керосиномъ, *вѣтрови сѣрнички*, мыло, повсемѣстно входящее въ употребленіе, нѣсколько чашекъ, блюдецъ и стакановъ, гвозди и много другихъ предметовъ—всего не припомнишь. Однимъ словомъ эта микроскопическая лавочка представляетъ нѣчто въ родѣ торговаго микрокосма.

Хозяинъ съ грустью разсказываетъ о томъ, какъ еще недавно онъ жилъ въ городѣ и занимался хлѣбными подрядами, но прогорѣлъ, потерялъ все имущество и теперь принужденъ начинать сызнова, кое какъ перебиваясь въ маломъ селѣ, гдѣ приходится продавать на грошъ спичекъ, на два гроша мыла и т. д. Этимъ путемъ онъ надѣется со временемъ на столько поправить свои обстоятельства, чтобы перейти въ большее село, а затѣмъ перенести свою дѣятельность въ мѣстечко и наконецъ можетъ быть снова возвратиться въ городъ. Остается только пожелать успѣха его энергіи и стойкости.

Впрочемъ и крестьяне въ Карачковцахъ занимаются промысломъ, матеріялъ для котораго доставляютъ имъ скальные обрывы окружающихъ горъ. Блуждая по *Сокиль-горѣ*, мы наткнулись на каменоломню, изъ которой крестьяне извлекаютъ плиты бѣлаго известняка и, обтесывая ихъ съ крайнею осторожностью, изсѣкаютъ кресты, достигающіе иногда весьма значительныхъ размѣровъ. Кресты эти покупаются въ качествѣ надгробныхъ памятниковъ или *„фигуръ“*, которыми благочестивые жители западной Подоліи украсили всѣ дороги своей области [1]).

Впрочемъ, я уже слишкомъ долго остановился на милыхъ моему сердцу Карачковцахъ; пора извиниться передъ читателемъ и пригласить его, вооружась терпѣніемъ, продолжать прогулку.

---

[1]) Такое-же производство мы встрѣчали еще во многихъ другихъ мѣстахъ, между прочимъ въ Каменцѣ, гдѣ изъ мѣстнаго известняка приготовляются надгробные памятники, отличающіеся большимъ изяществомъ и красотой отдѣлки. Этотъ третичный известнякъ въ отдѣлкѣ очень красивый бѣлый камень съ легкимъ желтоватымъ оттѣнкомъ, но въ короткое время совершенно темнѣетъ; сверхъ того онъ чрезвычайно быстро вывѣтривается, такъ что изображенія и надписи на памятникахъ въ короткое время подвергаются порчѣ и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ совершенно сглаживаются. Камень этотъ, идущій и на постройки, имѣетъ еще одно примѣненіе: во многихъ мѣстахъ, гдѣ обнажены известковыя породы, евреи закупаютъ

III.

Мѣстечко Черче; его исторія.—Нѣгинъ.—Пещеры.—Легенда.—Растительность.—Дорога въ Каменецъ.—Привороття.—Земляныя насыпи.—Паневцы, замокъ; его исторія.—Академія и типографія.—Гробница Потоцкаго.—Турецкія и казацкія войны.—Устье; видъ села, Траяновъ валъ.—Колонизація и исторія Устья.

Спускаясь дальше по Смотричу, встрѣчаемъ верстахъ въ шести ниже Карачковецъ мѣстечко Черче, а въ очень близкомъ отъ него разстояніи къ югу—село Залучье и Нѣгинъ.

Мѣстечко расположено въ очень живописномъ уголкѣ, окруженномъ высокими скалами. Въ старину Черче принадлежало къ имѣніямъ каменецкихъ епископовъ. Около половины XVI ст. было до чиста разорено татарами и въ 1578 г. снова возникло по иниціативѣ епископа Мартына Бѣлобрежскаго, выхлопотавшаго у короля Стефана Баторія привилегію на магдебурское право и двѣ ярмарки въ году, съ подтвержденіемъ всѣхъ прежнихъ правъ. Въ концѣ XVIII вѣка мѣстечко поступило въ вѣдомство государственныхъ имуществъ, а въ 1795 г. подарено гетманшѣ Александрѣ Браницкой. Памятникомъ старины остался въ Черчѣ каменный костелъ, въ архивѣ котораго, какъ говорятъ, хранятся важныя рукописи.

Къ югу отъ Черча по лѣвому берегу рѣки начинается цѣлый рядъ пещеръ, которыя тянутся до Залучья и Нѣгина. Существуетъ въ народѣ преданіе, будто это одна пещера, весьма обширная, идущая подъ землей отъ Черча до Нѣгина и имѣющая нѣсколько выходовъ. Не знаю, насколько это вѣрно. Намъ удалось осмотрѣть только нѣгинскія пещеры, расположенныя въ слоѣ силурійскаго известняка, достигающемъ около восьми сажень въ толщину; ихъ три числомъ, всѣ онѣ совершенно самостоятельны и вовсе не соединяются между собою.

Двѣ изъ нихъ скорѣе можно назвать гротами и только третья

у помѣщиковъ на извѣстный срокъ цѣлыя горы, ломаютъ камень и пережигаютъ на известь. Такимъ образомъ уже исчезло значительное количество скалъ. Такъ напримѣръ въ м. Кривчикѣ сломана цѣлая гора, въ которой находились двѣ очень обширныя пещеры съ озеромъ и купальней въ одной изъ нихъ; теперь и слѣда отъ нихъ не осталось. Сохранилась только третья пещера въ противуположной горѣ, служившая повидимому жилищемъ для человѣка въ доисторическую пору, но она недоступна для изслѣдованія, такъ какъ входъ наглухо забитъ камнемъ.

представляется настоящей пещерой съ двумя выходами и множествомъ развѣтвленій. Въ настоящее время, вслѣдствіе частныхъ обваловъ съ одной стороны и наростанія сталактитовъ съ другой, внутренность пещеры представляется въ видѣ нѣсколькихъ развѣтвляющихся корридоровъ, очень узкихъ и до того низкихъ, что во многихъ мѣстахъ приходится пробираться ползкомъ, расчищая себѣ путь между свалившимися сверху камнями. Мѣстами попадаются камеры по нѣсколько аршинъ въ діаметрѣ, въ которыхъ свободно можно ходить; отъ нихъ идутъ радіусами новые корридоры и вообще пещера представляетъ столько рамификацій, что нѣтъ никакой возможности оріентироваться. Мы запаслись компасами, и то непремѣнно заблудились-бы, если-бы по примѣру Тезея не взяли шнурка въ видѣ предосторожности.

Дно пещеры покрыто довольно толстымъ слоемъ наносной земли, переполненной огромнымъ количествомъ звѣриныхъ и человѣческихъ костей. Послѣднія носятъ отпечатокъ различныхъ эпохъ; намъ попалось нѣсколько костей, которыя по своимъ анатомическимъ особенностямъ должны быть отнесены къ самой глубокой древности; другія ничѣмъ не разнятся отъ современнаго скелета. Очевидно здѣсь покоятся остатки цѣлаго ряда поколѣній, населявшихъ берега Смотрича. Подтвержденіемъ тому служатъ находки какъ въ самой пещерѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ: здѣсь попадаются съ одной стороны каменныя орудія неолитическаго періода и съ другой польскія монеты XVI и XVII вв.; одну изъ нихъ—полторакъ Сигизмунда III, 1623 г., намъ удалось найти на днѣ одной изъ извилинъ пещеры. По преданію нѣгинская пещера служила для окрестныхъ жителей мѣстомъ убѣжища во время татарскихъ набѣговъ. Разсказываютъ, что однажды въ селѣ праздновалась свадьба, какъ вдругъ налетѣли татары. Всѣ жители Нѣгина укрылись въ пещеру, словно сквозь землю провалились; татары не смотря на всѣ старанія, не могли ихъ найти и принялись грабить хаты. Черезъ нѣсколько времени молодая *„княгиня“* въ барвинковомъ вѣнкѣ вышла изъ пещеры и тотчасъ была убита татарами. Такимъ образомъ убѣжище было открыто; хищники, не будучи въ состояніи проникнуть въ пещеру, завалили входъ деревомъ и зажгли, вслѣдствіе чего всѣ находившіеся тамъ погибли отъ дыму.

Этимъ объясняютъ присутствіе такой массы человѣческихъ костей на всемъ протяженіи подземныхъ корридоровъ.

Въ настоящее время, вѣроятно въ силу такой легенды, гротъ при началѣ пещеры обращенъ въ часовню, стѣны его нѣсколько подтесаны и входъ запирается дверью; селяне снесли сюда нѣсколько старыхъ иконъ и ежегодно, въ день св. Онуфрія, здѣсь служится молебенъ, при чемъ стекаются на богомолье жители окрестныхъ селъ. Въ остальное время года пещера посѣщается только пастухами, укрывающимися тутъ отъ непогоды, да туристами, которые довольно часто пріѣзжаютъ изъ Каменца.

Разсказываютъ, что барвинокъ, украшавшій голову молодой, растетъ понынѣ вѣнкомъ вблизи пещеры. Мѣстный польскій поэтъ, Гославскій, воспользовался этой легендой для весьма художественной поэмы, въ которой указываетъ даже мѣсто, гдѣ была похоронена *„молода княгиня“* и гдѣ на могилѣ росъ еще въ его время знаменитый барвинокъ. Этого барвинку ищутъ на память о нѣгинской пещерѣ всѣ туристы, знакомые съ поэмой, однако намъ не посчастливилось, не смотря на указанія родственника покойнаго поэта, найти ни малѣйшихъ слѣдовъ барвинка; вѣроятно онъ уже истребленъ прежними посѣтителями. Вмѣсто него въ указанномъ мѣстѣ намъ встрѣтилось нѣсколько кустовъ плюща, который въ большемъ количествѣ растетъ по всему лѣсу, покрывающему нѣгинскую гору.

Разъ упомянувши о плющѣ, я позволю себѣ на минуту остановиться на подольской флорѣ. Я не ботаникъ и потому могу говорить только о такихъ особенностяхъ, которыя сами бросаются въ глаза при поверхностномъ наблюденіи.—Всѣ притоки Днѣстра текутъ самыми прихотливыми извилинами, вслѣдствіе того склоны ихъ долинъ обращены поочередно ко всѣмъ четыремъ сторонамъ горизонта. Каждый склонъ имѣетъ свою преобладающую растительность: въ то время какъ на сѣверномъ и восточномъ преобладаетъ чорный лѣсъ, чрезвычайно распространенный въ Подоліи и *„чагарникъ“*, растущій повсюду въ нашихъ мѣстахъ, южный и западный склоны покрыты растительностью, которая своимъ характеромъ нѣсколько напоминаетъ крымскую флору. Здѣсь встрѣчаются цѣлые лѣса изъ настоящаго крымскаго кизилу (въ Подоліи *„деренъ“*), который очень хорошо дозрѣваетъ, также какъ и различные

сорта винограду; лѣсной папоротникъ достигаетъ вышины, необыкновенной въ нашихъ мѣстахъ; сверхъ того мнѣ попались два сорта скальнаго папоротника, которыхъ не приходилось встрѣчать въ поднѣпровской Украинѣ. Также, какъ и въ Крыму, въ большомъ количествѣ растетъ въ лѣсахъ плющъ, разводимый у насъ, какъ комнатное растеніе, требующее большаго ухода. Наконецъ здѣсь растутъ въ дикомъ видѣ нѣкоторые виды травъ и цвѣтовъ, встрѣчающіеся у насъ, какъ садовыя растенія.—Конечно, спеціалистъ замѣтилъ-бы несравненно больше особенностей, но вѣдь я не спеціалистъ въ области ботаники, также какъ большинство моихъ читателей.

Изъ памятниковъ старины въ Нѣгинѣ можно указать маленькую деревянную церковь, построенную въ прошломъ столѣтіи, какъ это значится въ надписи, вырѣзанной на церковныхъ дверяхъ. По преданію она выстроена семействомъ мѣстныхъ православныхъ дворянъ Ляховецкихъ; впослѣдствіи этотъ дворянскій родъ сильно размножился, обѣднѣлъ и въ настоящее время представители его приписаны въ крестьянство. Но и теперь члены его отличаются особеннымъ благочестіемъ, о которомъ свидѣтельствуютъ два каменные креста съ распятіемъ, окрашеннымъ въ яркозеленый цвѣтъ, поставленные ими на перекресткахъ въ селѣ.

Отъ Нѣгина до Каменца, опускаясь вдоль береговъ Смотрича, путешественникъ не встрѣтитъ уже ничего замѣчательнаго; поэтому лучше взять земскую почту и ближайшимъ путемъ отправляться въ Каменецъ. Дорога все время проходитъ среди чрезвычайно живописной мѣстности по равнинѣ, обрамленной съ двухъ сторонъ рядами остроконечныхъ горъ съ скальными вершинами, большею частью покрытыхъ лѣсомъ; иногда попадаются *толтры*, едва поросшія травою и усѣянныя обнаженными скалами. Вообще красивый видъ съ дороги на Привороття; самого села не видно, такъ какъ оно расположено въ глубокой долинѣ между двумя высокими *толтрами*, поросшими густымъ лѣсомъ. Обѣ горы сходятся основаніями. У подножья одной изъ нихъ въ разстояніи 2—3 верстъ отъ дороги, очень живописно обрисовывается силуэтъ небольшого замка съ зубчатой стѣной, башенками, бойницами; однимъ словомъ со всѣми атрибутами средневѣковой постройки. Обращаетесь за свѣдѣніями къ ямщику и узнаете, что это зданіе, построенное въ не-

давнее время мѣстнымъ помѣщикомъ, предназначалось для корчмы, которая въ немъ и помѣщалась нѣсколько лѣтъ назадъ; теперь-же корчма не дѣйствуетъ по недостатку практики. Странная идея строить корчму въ видѣ замка, но издали выходитъ очень красиво, а Привороття и безъ того считается однимъ изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ въ уѣздѣ.—Впрочемъ я не берусь описывать красоты подольской природы, для этого нужно обладать тургеневскимъ талантомъ, который, разумѣется не у каждаго бываетъ. Пусть читатель самъ, если захочетъ, представитъ себѣ рядъ прекраснѣйшихъ картинъ, какія только можетъ создать его воображеніе, и онъ не далеко будетъ отъ истины: не даромъ вѣдь называютъ этотъ край Подольской Швейцаріей.—Для интересующихся исторіей и археологіей родного края можно отмѣтить еще одну подробность.

Въ районѣ Каменца, верстъ на 15—20 въ окружности, разсѣяны на поляхъ въ огромномъ количествѣ: земляныя батареи, городища и курганы, единичные и группами. По внѣшнему виду первыя принадлежатъ къ позднѣйшему времени; городища большею частью относятся ко времени польско-турецкихъ войнъ; что касается могилъ, то онѣ ждутъ еще своего изслѣдователя. Мѣстные археологи,—ихъ есть нѣсколько въ Каменцѣ,—могли-бы оказать большую услугу наукѣ, взявшись за изслѣдованіе кургановъ; до сихъ поръ они занимаются большею частью собираніемъ коллекцій изъ случайныхъ находокъ и время отъ времени отсылаютъ свои коллекціи въ краковскую академію.

Не берусь описывать самый Каменецъ; это потребовало-бы слишкомъ много времени и мѣста. Объ исторіи этого города, его памятникахъ и достопримѣчательностяхъ, о его физіономіи и населеніи такъ много написано, что читающая публика, вѣроятно, имѣетъ уже ясное о немъ представленіе. Мои слова будутъ только безполезнымъ и слабымъ повтореніемъ.

Подвигаясь на югъ отъ Каменца, по теченію Смотрича, мы встрѣчаемъ еще два интересные пункта: Паневцы и Устье.

Село Паневцы—верстахъ въ семи отъ Каменца, на полдорогѣ изъ этого послѣдняго въ с. Устье; оно расположено въ глубокой долинѣ на правомъ берегу Смотрича, на полуостровѣ, образованномъ глубокой извилиной рѣки. На противуположномъ берегу находится самый возвышенный пунктъ всего лѣваго берега Смотрича. Полуостровъ, на

которомъ помѣщается село, представляетъ тоже довольно значительную возвышенность съ обросшей лѣсомъ вершиной, постепенно опускающуюся къ рѣкѣ. Почти у самой вершины, на обрывистой скалѣ, висящей надъ берегомъ, очень рельефно обрисовываются развалины громаднаго стариннаго замка. Вблизи развалинъ два огромныя каменныя зданія, построенныя въ одно время съ замкомъ, вполнѣ уцѣлѣвшія снаружи. Нѣсколько ниже расположена красивая помѣщичья усадьба, выстроенная въ новомъ вкусѣ; на средней террасѣ, на самомъ видномъ и красивомъ мѣстѣ,—приходская церковь, а еще ниже, у самаго берега, ряды крестьянскихъ хатъ. Все это окружено обширными фруктовыми садами, украшающими и разнообразящими пейзажъ густой массой зелени. Благодаря своему необыкновенно живописному мѣстоположенію и близости къ городу, Паневцы являются самымъ любимымъ мѣстомъ для загородныхъ прогулокъ каменецкихъ жителей.

Поселеніе это относится къ XVI в. Оно основано Николаемъ Потоцкимъ, генераломъ подольскимъ, получившимъ это мѣсто, по мнѣнію польскихъ историковъ, въ силу конституціи 1589 г. Получивъ пустое мѣсто въ малозаселенномъ краѣ, почти у самыхъ границъ Молдавіи, подверженное всѣмъ случайностямъ частыхъ татарскихъ набѣговъ, Потоцкій, по обычаямъ колонизаціоннымъ того времени, долженъ былъ зазывать поселенцевъ изъ разныхъ мѣстъ, обѣщаніемъ извѣстнаго числа льготныхъ лѣтъ. Такимъ образомъ возникло село Верхніе Паневцы, получивши названіе отъ небольшаго поселенія Нижнихъ Паневецъ, существовавшаго въ недалекомъ разстояніи еще съ начала XVI вѣка. Сынъ и наслѣдникъ Николая, Янъ Потоцкій, воевода Брацлавскій, построилъ здѣсь въ 1590 г. крѣпкій замокъ, обнесенный земляными валами, на высокомъ обрывѣ надъ Смотричемъ. Въ скоромъ времени вокругъ замка образовалось довольно значительное мѣстечко съ предмѣстьями.

Будучи послѣдователемъ реформатскаго ученія, охватившаго съ XVI в. лучшіе умы между дворянствомъ югозападнаго края въ большинствѣ случаевъ подъ видомъ социніанства и кальвинизма, Янъ Потоцкій одновременно съ замкомъ построилъ въ Паневцахъ кальвинскую часовню и основалъ академію, въ которой преподавателями были извѣстнѣйшіе въ свое время ученые—еретики, какъ ихъ называли современники: между ними особеннымъ значеніемъ пользовался на-

стоятель общины, Янъ Зыгровичъ. Тутъ-же была основана типографія, въ которой этотъ ученый печаталъ свои труды полемическаго характера, направленные противъ католицизма.—Къ сожалѣнію просвѣтительная дѣятельность не имѣла успѣха среди мѣстнаго населенія, состоявшаго главнымъ образомъ изъ православнаго крестьянства и католической шляхты; первые, будучи крѣпостными, не нуждались въ схоластическомъ образованіи, а послѣдніе, хотя и пользовавшіеся всѣми правами свободнаго сословія, слишкомъ фанатически держались за свой католицизмъ и предпочитали лучше оставить своихъ дѣтей совсѣмъ безъ образованія, чѣмъ отдать ихъ въ еретическую школу. Главный контингентъ воспитанниковъ академіи доставляли семейства мелкой шляхты и нѣмецкихъ пушкарей, находившихся въ прямой зависимости отъ Потоцкаго, какъ воеводы и помѣщика. Сверхъ того комплектъ пополнялся желающими изъ Великопольши и даже изъ заграницы. По обычаю того времени академія состояла изъ двухъ отдѣленій—высшаго и низшаго, распадавшихся въ свою очередь на нѣсколько классовъ, съ программою, общею всѣмъ современнымъ академіямъ.

Не долго просуществовали всѣ эти учрежденія. Янъ Потоцкій, принимавшій участіе въ московскомъ походѣ Сигизмунда III, погибъ при осадѣ Смоленска въ 1611 г.; тѣло его было перевезено въ Паневцы, похоронено въ склепу построенной имъ часовни и затѣмъ забыто потомствомъ. Лѣтъ 30 назадъ гробница Потоцкаго найдена была случайно садовникомъ, искавшимъ въ развалинахъ замка удобнаго зимняго помѣщенія для фруктовъ; найденныя въ гробѣ вещи взяты мѣстнымъ владѣльцемъ, кости покойнаго основателя Паневицъ, защищавшаго мѣстечко какъ отъ татарскихъ набѣговъ, такъ и отъ поселенія въ немъ іезуитовъ, зарыты подъ поломъ склепа, а самый склепъ обращенъ въ зимній складъ для яблокъ.

Со смертью Яна Потоцкаго погибло все его дѣло. За отсутвіемъ прямыхъ потомковъ, Паневцы получилъ по боковой линіи племянникъ покойнаго, Станиславъ Реверга Потоцкій, бывшій также кальвинистомъ, но впослѣдствіи вернувшійся къ ученію католической церкви. Новый владѣлецъ началъ съ того, что упразднилъ всѣ протестанскія учрежденія своего предшественника: часовня была закрыта, также какъ и академія, ученики и преподаватели разошлись по свѣту, а типографія перенесена ея начальникомъ въ

другое мѣсто. Зданія академіи и типографіи, по распоряженію наслѣдника, обращены въ сараи, конюшни, загоны для скота и т. п. и, благодаря необыкновенной прочности постройки, до настоящаго времени исполняютъ это назначеніе.—Со времени новаго владѣльца начинается военная слава Паневецъ. Два раза мѣстечко подвергается осадѣ многочисленныхъ турецкихъ силъ и оба раза успѣшно отражаетъ нападеніе. Первый разъ это случилось въ 1621 году, когда султанъ Османъ, послѣ безъуспѣшнаго хотинскаго похода, задумалъ овладѣть хоть однимъ изъ подольскихъ замковъ, поставить въ немъ турецкій гарнизонъ и положить этимъ начало своему господству въ краѣ. Потерпѣвши неудачу подъ Каменцемъ, Османъ обратилъ вниманіе на Паневцы; осадилъ мѣстечко, но, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ приступовъ, принужденъ былъ оставить Подолію. Въ другой разъ Паневцы успѣшно выдержали осаду 50,000 турецкой арміи въ 1633 г., когда турки, нарушивши перемиріе, вторглись въ Подолію, но были отражены гетманомъ Конецпольскимъ.

Но во время турецкой войны 1651—52 г., въ которой Богданъ Хмельницкій помогалъ туркамъ, козацкій гетманъ, потерпѣвши вмѣстѣ съ ханомъ неудачу подъ Каменцемъ, направился къ Жванцу и по пути соединенное козацко-татарское войско овладѣло Паневцами и разрушило до основанія мѣстечко, но всѣ сооруженія Яна Потоцкаго уцѣлѣли почти безъ поврежденій. Польскіе источники, не упускающіе случая очернить въ глазахъ современниковъ и потомковъ дѣятельность козаковъ и ихъ предводителя, сообщая о взятіи Паневцевъ, разсказываютъ, будто Хмельницкій вошелъ въ соглашеніе съ начальникомъ гарнизона, Трилятковскимъ, обѣщая ему, въ награду за сдачу крѣпости, званіе полковника войска запорожскаго, но послѣ сдачи замка приказалъ будто-бы казнить коменданта за измѣну и вырѣзать весь гарнизонъ поголовно, а замокъ съ мѣстечкомъ отдалъ козакамъ на разграбленіе[1]).—Послѣ того мѣстечко пришло въ полный упадокъ, почти всѣ его жители разбѣжались и въ началѣ XVIII ст. въ немъ едва насчитывается нѣсколько семействъ. Когда улеглись козацкія волненія, оно снова возвратилось въ родъ Потоцкихъ, которому суждено было

---

[1]) Wójcicki 1. c. II. 165.

колонизовать Паневцы, и начало снова заселяться по стародавнимъ обычаямъ. На этотъ разъ колонизація идетъ менѣе успѣшно: Паневцы остаются въ видѣ трехъ селъ, расположенныхъ другъ противъ друга на обоихъ берегахъ рѣки, и никогда уже не достигаютъ значенія мѣстечка. На правой сторонѣ Смотрича, на полуостровѣ, гдѣ было первоначальное поселеніе, находятся такъ называемые *Старые* или *Мурованые* Паневцы; рядомъ съ ними къ югу—*Нижніе Паневцы* и на лѣвомъ берегу *Вышніе* или *Драчновка*.

Не смотря однако на относительную слабость колонизаціи, по визитѣ 1740 г., въ селѣ съ предмѣстьями числятся двѣ уніатскія церкви и католическая часовня. Всѣ онѣ передѣланы изъ существовавшихъ здѣсь гораздо раньше православныхъ церквей. По мнѣнію мѣстныхъ ученыхъ, занимающихся разработкой исторіи Подоліи, въ старыхъ Паневцахъ существовала церковь съ первыхъ годовъ XVII ст. и съ теченіемъ времени нѣсколько разъ возобновлялась и перестраивалась.

Со времени послѣдней колонизаціи село, въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, нѣсколько разъ перемѣнило владѣльца; въ 1765 г. оно перешло въ родъ Старжинскихъ, во владѣніи котораго пребываетъ и понынѣ.

Подъ часъ барской конфедераціи паневецкій замокъ на короткое время былъ въ рукахъ конфедератовъ. Теперь онъ лежитъ въ развалинахъ и, не смотря на это, все таки поражаетъ зрителя своею громадностью и необыкновенной прочностью и массивностью постройки; толщина стѣнъ не менѣе $4^1/_2$ аршинъ, а въ иныхъ мѣстахъ и того больше; онъ былъ построенъ съ нѣсколькими башнями, обширными подземными ходами и обведенъ землянымъ валомъ. Зданіе бывшей типографіи въ одинъ этажъ; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него—огромное двухъ-этажное зданіе академіи съ примыкающей къ нему часовней, поставленной на четырехъ-угольномъ фундаментѣ съ восьмиугольнымъ куполомъ. Обѣ эти постройки снаружи сохранились безъ малѣйшаго поврежденія, что объясняется прочностью кладки и толщиною стѣнъ, достигающею отъ 2 до 3 аршинъ.

О послѣднихъ владѣльцахъ Паневецъ можно еще замѣтить, что одинъ изъ нихъ пользовался въ свое время извѣстностью, какъ поэтъ и esprit fort, другой оставилъ по себѣ память въ потомствѣ

тѣмъ, что путемъ постыднаго обмана отобралъ у мѣстнаго священника его усадьбу вмѣстѣ съ частью церковной земли.

Подвигаясь дальше на югъ по дорогѣ, ведущей въ Бессарабію, верстахъ въ 5—6 отъ Паневецъ встрѣчаемъ село Устье на лѣвомъ берегу Смотрича, при впаденіи этой рѣки въ Днѣстръ. Село расположено на продолговатомъ полуостровѣ, постепенно понижающемся и съуживающемся къ концу,—на одномъ изъ многочисленныхъ полуострововъ, постоянно встрѣчающихся по теченію Смотрича, который въ нижнемъ своемъ теченіи становится особенно извилистымъ.

Грустный видъ представляетъ этотъ уголокъ съ его дикими скалами, едва покрытыми тощей растительностью и представляющими обнаженіе известковыхъ и песчанистыхъ пластовъ силурійской формаціи. Скалы постепенно спускаются къ водѣ, переходятъ въ песчаный берегъ и здѣсь-то, въ самомъ углу между двумя рѣками, пріютилось небольшое, бѣдное село, представляющее такой-же грустный, жалкій видъ, какъ и самый полуостровъ, на которомъ оно расположено. На скалѣ надъ селомъ возвышается маленькая деревянная церковь, постоянно недостроенная или подчиняющаяся; невдалекѣ отъ нея помѣщичій домъ въ швейцарскомъ стилѣ, придающій еще болѣе унылый видъ картинѣ своимъ рѣзкимъ контрастомъ съ бѣдными крестьянскими жилищами.

Таковъ видъ Устья съ подольской стороны. Со стороны Днѣстра картина нѣсколько разнообразится длинной узкой полосой земли—фруктовымъ садомъ; на берегу робко пріютились нѣсколько хатъ и корчма у самаго перевоза, состоящаго изъ двухъ паромовъ. За то стоитъ подняться на вершину горы, на большую дорогу и отсюда, при поворотѣ дороги изъ Устья въ с. Свикловцы, лежащее на противоположномъ берегу Смотрича, открывается прекрасный видъ на окрестности.

Съ одной стороны—села: Козя и Свикловцы, расположенныя на двухъ полуостровахъ и раздѣленныя глубокимъ заливомъ, въ который врѣзывается длинный узкій мысъ, принадлежащій къ лѣвому берегу. Красивая, быстрая рѣка съ ея глубокими извилинами, съ высокими скалистыми берегами, въ свою очередь окруженными вѣнцемъ высокихъ горъ, представляетъ чрезвычайно живописную картину, которая дополняется широкой серебристой полосой Днѣ-

стра на горизонтѣ. Говорятъ, что въ старину горы здѣсь были покрыты дремучими лѣсами, въ которыхъ водились разные звѣри; при повсемѣстномъ истребленіи лѣсовъ, отъ нихъ уцѣлѣли одни жалкіе остатки.

Съ другой стороны открывается не менѣе живописный видъ на бессарабскій берегъ. На поляхъ, принадлежащихъ Устью, на лѣвомъ берегу Днѣстра, по вершинѣ возвышенности, параллельной теченію Смотрича, тянется длинный земляной валъ, достигающій отъ семи до девяти саженъ въ ширину и около сажени въ высоту, который спускается къ Днѣстру, переходитъ на другой берегъ и снова продолжается на бессарабской сторонѣ. Это часть такъ называемаго мѣстными книжниками *Траянова вала*, который тянется на нѣсколько сотъ верстъ; мѣстами валъ сильно распаханъ, иногда даже совсѣмъ исчезаетъ, но вскорѣ начинается снова, достигая въ иныхъ мѣстахъ весьма значительныхъ размѣровъ.

На поляхъ на правой сторонѣ Смотрича, въ двухъ верстахъ отъ Устья находится небольшое круглое городище и нѣсколько кургановъ; одинъ изъ нихъ носитъ названіе *Остановой могилы*. По преданію здѣсь похоронены христіане, погибшіе во время турецкихъ и татарскихъ набѣговъ. Можетъ быть это и вѣрно для даннаго случая, но вообще нужно замѣтить, что народныя преданія относятъ всевозможные памятники старины, разсѣянные по всему Подолью, ко времени польскаго владычества и турецкихъ войнъ. Это заблужденіе раздѣляется въ большинствѣ случаевъ интелигенціей, даже относительно такихъ археологическихъ памятниковъ, которые несомнѣнно принадлежатъ болѣе глубокой древности.

Документальныя свѣдѣнія объ Устьи, какъ заселенномъ пунктѣ, начинаются довольно рано—съ начала XV ст. Грамотою 1405 года король Владиславъ Ягайло отдалъ этотъ уголокъ во владѣніе шляхтичу Петру Качорску съ обязательствомъ доставлять трехъ вооруженныхъ воиновъ въ подольскую пограничную стражу. Источники умалчиваютъ о томъ, было-ли Устье уже заселено, или его колонизація началась съ этого времени. Переходя изъ рукъ въ руки и перемѣнивши нѣсколько владѣльцевъ, село въ 1599 г. перешло въ родъ Могилъ, бывшихъ господарей Волошскихъ, вынужденныхъ политическими обстоятельствами оставить свою родную землю.

Въ продолженіе всего XVII ст. судьба Устья была весьма печальна, благодаря его положенію на самой границѣ съ турецкими владѣніями, надъ однимъ изъ семи днѣстровскихъ бродовъ, существующихъ и понынѣ. Почти противъ Устья пролегалъ по правому берегу Днѣстра одинъ изъ такъ называемыхъ *„турецькихъ шляхивъ“*, т. е. путей, по которымъ производили свои набѣги на Подолію и Галичину отряды турокъ и орды бѣлгородскихъ татаръ. Прежде другихъ, конечно, приходилось терпѣть отъ такихъ набѣговъ жителямъ пограничныхъ селъ, лишенныхъ защиты, такъ какъ Рѣчь Посполитая не имѣла достаточно силъ, чтобы охранять свои предѣлы, и войско ея или храбро сидѣло по домамъ, или не менѣе храбро слѣдовало за непріятелемъ на почтительномъ разстояніи. Случалось впрочемъ, что, пропустивъ татаръ въ предѣлы Рѣчи Посполитой, отряды войска или-же вольныя дружины изъ мѣстной шляхты устраивали засады на тѣхъ дорогахъ, по которымъ должны были возвращаться хищники, обремененные плѣнниками и добычей. Польская засада нападала на нихъ въ расплохъ и захватывала въ свою пользу награбленную татарами добычу;—это называли защитой края. Польскіе историки называютъ такія стычки, въ большинствѣ случаевъ имѣвшія цѣлью грабежъ готовой добычи подъ благовиднымъ предлогомъ, геройскими подвигами, возвращавшими краю хоть часть того добра, какое непріятель такъ часто уносилъ изъ беззащитныхъ предѣловъ Подоліи. Съ своей стороны и правительство не оставляло безъ награды героевъ имѣніями или доходными должностями.

Около 1630 г., такой защитникъ появился и въ Устьи въ лицѣ простаго шляхтича, Стефана Хмѣлецкаго, который неоднократно нападалъ съ отрядомъ милиціи на возвращавшихся татаръ и отбивалъ у нихъ добычу. Однажды ему удалось захватить нѣсколькихъ знатныхъ плѣнниковъ, въ числѣ ихъ сына и племянника знаменитаго буджацкаго мурзы Кантемира; первый былъ выставленъ на показъ въ Устьи и затѣмъ обезглавленъ. За такіе рыцарскіе подвиги Хмѣлецкій получилъ во владѣніе мѣстечко Красное и сверхъ того награжденъ званіемъ воеводы и сенатора.

Не задолго до взятія Каменца турками Устье, лишенное всякой защиты, пришло въ полный упадокъ и почти совсѣмъ опустѣло: большинство жителей разбѣжалось, остались только немногіе дер-

жавшіе перевозъ, да тѣ, которые согласились потурчиться. Тогда Устье было обращено турками въ перевозочный пунктъ, черезъ который они переправляли подкрѣпленія и припасы въ Каменецъ. Не будучи въ состояніи возратить себѣ столицу Подоліи, поляки расположились нѣсколькими отрядами вдоль границы, между Окопами св. Тройцы и Устьемъ и отсюда вели съ турками мелкую партизанскую войну, при чемъ главною цѣлью является опять таки захватъ добычи. Найболѣе удачное столкновеніе случилось около 1694 г., когда поляки, подъ предводительствомъ двухъ гетмановъ, напали на турецкій отрядъ съ подкрѣпленіемъ и обозомъ, во время его переправы черезъ Днѣстръ подъ Устьемъ, обратили его въ бѣгство и преслѣдовали нѣкоторое время. Съ наступленіемъ ночи они прекратили погоню, чѣмъ и дали возможность туркамъ уйти. На другое утро, когда непріятеля и слѣдъ простылъ, поляки снова бросились за нимъ въ погоню, но верстахъ въ шести отъ Устья наткнулись на брошенный турками обозъ и, овладѣвъ имъ, прекратили преслѣдованіе.

Польскіе историки на всѣ лады прославляютъ этотъ походъ, въ которомъ ихъ соотечественникамъ удалось захватить милліонную добычу и въ которомъ они, сами испугавшись случайнаго перевѣса надъ непріятелемъ, во время остановились на ночлегъ. При этомъ они, сверхъ обыкновенія, умалчиваютъ о количествѣ убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ турокъ; вѣроятно ихъ не было.

Съ прекращеніемъ турецкихъ войнъ въ XVIII ст. наступило болѣе спокойное время для пограничныхъ селъ и они начали мало по-малу оправляться. Мало по-малу заселяется и Устье и снова начинаетъ переходить отъ одного владѣльца къ другому.

К. М.

ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ.

Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!
Ахъ ты степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Чорному
Попадвинулась [1]).

.... Витеръ віе—повивае,
По полю гуляе,
На могили кобзарь сидить
Та на кобзи грае...
Кругомъ ёго степъ, якъ море
Широке, синее;
За могилою могила,
А тамъ тилько мріе [2]).

... Иду шляхомъ; сонце сяе,
Витеръ съ травами говоре,
Передъ мною и за мною
Степъ колышетця, якъ море.
А затихне витеръ буйный,—
Степъ, мовъ камиць, не двигнетця
И, якъ килимомъ багатымъ,
Ввесь квитками уберетця.
Онъ нагнулась тирса била,
Звиробой скрутивъ стебельци,
Червоніе материнка,
Якъ зирки горять козельци;
Крикнувъ перепелъ въ ярочку,
Стрепетъ присипувъ надъ тернами,
По кущахъ межъ дерезою
Ходють дрохвы табунами.
Тихо всюди; тилько де-де
Витерочокъ пронесетця
Та на землю изъ-пидъ неба
Пісня жайворонка льетця [3]).

«Малороссія, пространство земли отъ Словечны до Днѣпра, отъ Клевели до Орели и отъ обѣихъ Галицій до Сѣвернаго-Донца, по сознанію всѣхъ путешественниковъ и естествоиспытателей, её посѣщавшихъ, есть одна изъ прекраснѣйшихъ странъ Европы; бо-

[1]) Кольцовъ. Собраніе стихотвореній. Издан. Солдатенкова. М. 1868.стр. 24.

[2]) Шевченко. Кобзарь. Спб. 1883 г., стр. 5.

[3]) Щоголевъ. Ворскло. Харьковъ. 1883 г., стр. 53.

гатая Днѣпромъ и пастбищами, на востокѣ и югѣ она изумляетъ безбрежностію плодородныхъ степей, на сѣверѣ изобилуетъ лѣсами, на западѣ плѣняетъ множествомъ холмовъ, потоковъ и рѣкъ. Цвѣтъ ея неба напоминаетъ путешественникамъ Италію, климатъ ея благорастворенный, растительность изумительная и произведенія земли столь разнообразны, что знаменитый Линней предполагалъ ее «колыбелью послѣ потопа« [1]). »То, что писано современниками объ этой землѣ (Малороссіи), текущей молокомъ и медомъ, представляется нынѣ невѣроятнымъ. Опалинскій говоритъ, что всякое зерно, брошенное въ землю, взрыхленную деревянною сохой, давало урожай баснословный; а Ржончинскій приводитъ одинъ случай, что изъ посѣва 50 корцевъ собрано жита 1500 копъ. Травы были такъ высоки, что огромные волы скрывались въ нихъ почти по самые рога, а плугъ, оставленный на полѣ, въ нѣсколько дней покрывался растительностію. По свидѣтельству того-же писателя, плодородіе земли, душистость злаковъ и обиліе цвѣтовъ до такой степени благопріятствовали въ Украйнѣ пчеловодству, что пчелы водятся тамъ не только въ лѣсахъ и деревьяхъ, но и по берегамъ рѣкъ и просто въ землѣ; что тамъ поселяне истребляютъ скитающіеся рои пчелъ для защиты отъ нихъ роевъ осѣдлыхъ и что образовавшіяся случайно въ землѣ ямы часто бываютъ наполнены медомъ, такъ что огромные медвѣди, попавшись туда, околѣваютъ отъ обжорства. Въ окрестностяхъ Подольскаго-Каменца и Ржончинскій зналъ одного пасѣчника, у котораго 12 ульевъ дали въ одно лѣто 100 роевъ, изъ коихъ 40 было сохранено, а остальные побиты ради меду; а Опалинскій, говоря объ обиліи пасѣкъ въ Червонной Руси, упоминаетъ объ одномъ землевладѣльцѣ, который собираетъ ежегодно по пяти тысячъ бочекъ медовой десятины. Подобнымъ образомъ, по словамъ Опалинскаго, одинъ изъ крупныхъ украинскихъ землевладѣльцевъ собралъ въ одинъ разъ 10 тысячъ воловъ десятины со стадъ; а когда семилѣтній сборъ поголовщины былъ замѣненъ ежегоднымъ, то ему каждый годъ приходилось по тысячѣ воловъ съ его имѣній« [2]). »И бысть намъ сіе путное шествіе печально и уны-

---

[1]) Маркевичъ. Исторія Малороссіи. Москва, 1842 г., стр. 4.

[2]) Кулишъ. Польская колонизація юго-западной Руси. Вѣстникъ Европы, 1874 г., III, II.

ливо, бяше бо видѣти ни града, ни села... Пустыня велія и звѣрей множество: козы дикія, и волцы, лоси, медвѣди... А земля зѣло угодна и хлѣбородна, и овощу всякого много; сады, что дикій лѣсъ: яблоки, орѣхи воложскіе, сливы, дули... Не погрѣшу эту землю назвать златою, понеже всего много въ ней родится« [1]).

Такова была природа Малороссіи. Но что касается собственно Запорожья, то здѣсь природа носила двойственный характеръ: по мѣстамъ она представляла такое же изобиліе, какимъ отличалась вообще вся Малороссія, а по мѣстамъ граничила съ крайнимъ недостаткомъ, свойственнымъ собственно Запорожью. То и другое требуетъ подробнаго разсмотрѣнія. »Славное войско запорожское низовое« занимало одну изъ тѣхъ окраинъ южно-русскихъ степей, гдѣ уже искони вѣковъ носились »киммерійскіе мраки«, волновались »скиѳскія тѣни«, сгущались »половецкіе туманы«, осаживалась »татарская мгла« и гдѣ съ незапамятныхъ временъ происходили ожесточенныя, кровопролитныя боевыя схватки между различными наѣздниками, полу-дикарями, полу-варварами, полу-кочевыми, полуосѣдлыми. Тутъ были уже за XII вѣковъ до Р. Х. киммеріяне-тавры; за VIII вѣковъ—іоняне-греки; за VII вв.—каллипиды, кочующіе и царскіе скиѳы, земледѣльцы, пахари и алазоны (въ теперешнихъ уѣздахъ: александровскомъ, ново-московскомъ и отчасти павлоградскомъ, екатеринославской губерніи); за сто лѣтъ до Р. Х.—геты или даки; во II вѣкѣ по Р. Х.—сарматы: роксолане, северы, алане (въ тѣхъ-же уѣздахъ); къ концу того-же вѣка—готы (собственно остъ-готы); въ IV вѣкѣ—гунны или гуннивары (по китайски гіонъ-гю); въ половинѣ V вѣка—венеты или анты (славянскія племена); въ концѣ того-же вѣка—угры и болгары; въ VI в. авары или обры; въ IX вѣкѣ—русскіе словяне (главнымъ образомъ поляне); въ концѣ этого-же вѣка—казары или хазары; въ X вѣкѣ—печенѣги (у нѣмцевъ—пеценаты, у грековъ—пацикакиты, у венгерцевъ—бессы, бессены) и между ними торки или узы, берендеи или черные клобуки (кара-колпаки); въ XI вѣкѣ—половцы или куманы (иначе саркаты) и, наконецъ, въ XIII вѣкѣ—татары. Весь районъ запорожскихъ казаковъ по теперешнему опредѣляется двумя губерніями: екатеринославскою и херсонскою, за исключеніемъ въ этой по-

---

[1]) Путешествіе въ святую землю свящ. Іоанна Лукьянова. Москва. 1862. 16.

слѣдней уѣздовъ ананьевскаго и тираспольскаго и градоначальства одесскаго. Взятое въ такихъ предѣлахъ, Запорожье называлось у московитовъ Заднѣпровскою Украйной, а у поляковъ—Низомъ или Дикимъ полемъ. Характеръ мѣстности—по преимуществу *степной*. Много оригинальности, своеобразія въ южно-русскихъ степяхъ теперь, но еще больше оригинальности и своеобразія было въ нихъ въ отдаленныя отъ насъ времена. И въ самомъ дѣлѣ. Что такое представляли изъ себя эти степи въ давнемъ прошломъ? Онѣ представляли собой безпредѣльную раскинувшуюся зеленую скатерть, безбрежную шелковистую пелену съ живописными скалами, многоводными рѣками, плодоносными островами и вѣчно зеленѣющими балками или долинами. И сколько здѣсь разнообразія?! Вотъ разстилается логъ, тянется оврагъ [1]); тамъ, по берегамъ рѣкъ, скалы выступаютъ изъ за скалъ; тутъ мелодически журчитъ ручей или живописно изливается чистая, какъ хрусталь, рѣка; вотъ высятся небольшіе пригорки, холмятся курганы или могилы (tumuli), »звучащіе игрой труда и жизни человѣка«; а тамъ, у текучихъ водъ, чернѣютъ дремучіе, дѣвственные густолиственные лѣса. Все это чрезвычайно живописно и величественно, на всемъ этомъ отдыхаетъ взоръ и освѣжается мысль; здѣсь, въ этой необозримой, безкрайной, неподвижной пустотѣ можно расплыться, забыть о самомъ себѣ и любоваться лишь однѣми красотами природы. »Широко ты, степь, пораскинулась«!... Но при всемъ томъ здѣсь, среди этого моря степей, въ былыя времена лишь изрѣдка можно было встрѣтить слѣды проявленія человѣческой жизни; только изрѣдка, да и то по окраинамъ, изъ за густой »тирсы« и желтаго »бурунчука« показывался здѣсь одиночный скиталецъ—чабанъ и снова невидимо, какъ мимолетный призракъ, скрывался въ ней; изрѣдка-же изъ за высокаго »буркуна« и бѣлаго, какъ морская пѣна, пушистаго ковыля показывалась »чумацкая шапка та довгий батигъ«... Да, это была своего рода terra incognita—невѣдомая земля, это было своего рода bonum nullius—ничье благо, это былъ особаго вида, скажемъ вмѣстѣ съ другими, травяной лѣсъ. Дорогъ здѣсь не было, кромѣ трехъ

---

[1]) Оврагъ—это длинная долина съ крутыми берегами, въ которой снѣговыя и дождевыя воды держатся не на поверхности, а уходятъ подъ почву, а ключевая вода совсѣмъ не просасывается. Никифоровъ. Очерки александр. уѣзда, херсонской губерніи. 1876 г., ч. I, стр. 2.

новыхъ и двухъ старыхъ, отвѣчныхъ шляховъ. То были: Батуринскій, Изюмскій и Калміусскій шляхи, и Черный (иначе Шпаковъ) съ Муравскимъ шляхомъ[1]). Степи эти отдѣляли тогда собой весь міръ славянскихъ людей отъ міра мусульманскихъ; для татаръ онѣ были естественною и вполнѣ надежною охраною ихъ кочевьевъ, а для русскихъ представляли собой безграничный океанъ зелени, скрывавшій въ себѣ все то, что можетъ приводить въ ужасъ и содроганіе и проникнуть куда мало кто отваживался. Русскому человѣку здѣсь всегда представлялась опасность; здѣсь онъ каждую минуту былъ на сторожѣ, ибо въ каждой балкѣ, подъ каждымъ яворомъ или черноклеиомъ, подобно черной гадинѣ, могъ скрываться тайный врагъ, жадно пожиравшій его своими зоркими очами и всегда готовый вонзить въ сердце его, если не калену стрѣлу, то пулю быструю.

Таковы были тѣ степи, которыя достались въ удѣлъ запорожскимъ казакамъ. Границы ихъ, хотя и не ясно, начали обозначаться уже со времени польскихъ королей Казиміра IV (1447—1492) и Сигизмунда перваго (1505—1548). »Въ оныя времена (въ 1471 году, во время Казиміра IV) казаки жили на островахъ, Днѣпромъ окруженныхъ, и были настоящіе морскіе наѣздники... А въ самомъ началѣ XVI ст. (при королѣ Сигизмундѣ первомъ) Дашкевичъ (запорожскій атаманъ) вооружился съ казаками противъ татаръ и нападающихъ на границы украинскія жестоко поражалъ и съ добычами изъ Польши и Россіи бѣгающихъ ловилъ, и въ учрежден-

---

[1]) Русовъ. Русскіе тракты, карта. Кіевъ. 1876 г., стр. 121. Шляхъ Черный шелъ изъ правобережной Украйны въ Крымъ, по водораздѣламъ между бассейнами Буга и Днѣпра: начинаясь на Волыни, онъ доходилъ до г. Уманя, кіевской губерніи, отсюда шелъ до Балты къ Ольвіополю и до Никитинской переправы на Днѣпрѣ. Онъ назывался Чернымъ по причинѣ опасностей, случавшихся съ ѣздившими по немъ, и Шпаковымъ, по имени чумацкаго атамана Шпака, умѣвшаго благополучно водить по немъ разныя валки. Муравскій шляхъ шелъ по водораздѣлу днѣпровскаго и азовско-донскаго бассейновъ: начинаясь отъ верховьевъ р. Ворсклы, онъ тянулся по. рр. Орели, Самарѣ и Конкѣ, т. е. шелъ изъ глубины Малороссіи въ восточныя степи Запорожья и отсюда въ крымскія владѣнія. Онъ могъ получить свое названіе или отъ имени травы муравы, или-же отъ имени города Моравска (онъ-же Монастыревскъ), извѣстнаго уже въ XII ст., къ которому онъ шелъ чрезъ р. Сѣверный Донецъ. Карамзинъ. Истор. государ. Россійск. Спб. 1818 г., т. II, стр. 290.

ныя мѣста ихъ отсылалъ; за что, въ 1505 году, въ награжденіе той службы козачей, испросилъ отъ короля польскаго, Жигимунда перваго, земли въ кіевскомъ и брацлавскомъ воеводствахъ, для пространнѣйшаго поселенія сихъ воиновъ... При дачѣ имъ земли, одарилъ ихъ вольностями и разными преимуществами, и на то привилегіею своею подтвердилъ« [1]). Въ 1516 году тотъ-же польскій король, Сигизмундъ первый, но только при другомъ казацкомъ гетманѣ, Предславѣ Лянцкоронскомъ, »за услугу казацкую далъ въ прибавокъ имъ (казакамъ) къ прежней, по Днѣпру-жъ на обои стороны и ниже до пороговъ землю, на которую тѣ казаки, кои тамъ промышлять хотѣли, переходили и на то даннымъ отъ короля универсаломъ подтверждено, и наименованы они обоихъ сторонъ рѣки Днѣпра всѣ вообще запорожскими казаками« [2]). Считая себя народомъ вольнымъ, наклоннымъ болѣе къ казакованью, нежели къ хлопской работѣ, избѣгая столкновеній съ поляками, запорожцы все далѣе уходили въ пустыя и нежилыя мѣста и въ степи [3]). Но такъ было до 1562 года: въ 1562 году польская республика, нуждаясь въ запорожцахъ для охраненія своихъ границъ, постаралась привлечь многихъ изъ нихъ изъ-за Днѣпра, съ понизовыхъ мѣстъ, торжественнымъ образомъ приняла ихъ подъ свое покровительство, обязалась выдавать имъ опредѣленное жалованье и отдала для ихъ жительства все пространство земель между рѣками Днѣпромъ и Днѣстромъ къ татарскимъ границамъ, »кои были безъ нихъ опустошены татарскими нападеніями, дабы они тамъ поселились городомъ, въ которомъ-бы имъ собираться всѣмъ обще« [4]). Привилегія 1562 года подтверждена привилегіей и 1569-го, когда на польскомъ престолѣ былъ король Сигизмундъ-Августъ, сынъ Сигизмунда перваго.

Впрочемъ во всѣхъ этихъ королевскихъ привилегіяхъ мы не имѣемъ еще опредѣленныхъ указаній на счетъ границъ запорож-

---

[1]) Ригельманъ. Лѣт. пов. о Малой Россіи. Москва, 1847, стр. 12, 14 и 15. Симоновскій. Краткое описаніе о казац. малор. нар. Москва, 1847 года, стр. 3 и 4.

[2]) Ibid., стр. 16 и 17.

[3]) Ibid., стр. 19; Миллеръ. Кратк. выв. о малор. нар. и о наз. Москва, 1846, 50.

[4]) Ibid., стр. 21 и 22.

скихъ поселеній;—опредѣленность границъ мы находимъ лишь въ 1576 году [1]), въ царствованіе короля Стефана Баторія. »Надаетъ его королевская мосць, говоритъ грамота 20 августа, казакамъ низовымъ запорожскимъ вѣкуисте городъ Терехтеміровъ [2]) съ монастыремъ и перевозомъ, опручь складоваго старинпаго ихъ запорожскаго города Чигирна и до пороговъ [3]) и отъ того города Терехтемірова *на низъ* по-надъ Днѣпромъ рѣкою, до самаго Чигрина и запорожскихъ степовъ къ землямъ чигринскимъ подойшлыхъ, всѣ со всѣми на тѣхъ земляхъ насаженными мѣстечками, селами и футорами, рыбными по тому берегу въ Днѣпрѣ ловлями и иными угодіи, а *вширь* отъ Днѣпра на степь, якъ тыхъ мѣстечекъ, селъ и футоровъ земли здавна находили и теперъ такъ ся тое въ ихъ завѣданіи маетъ заховаты. Городокъ старинный же запорожскій Самарь съ перевозомъ и землями *въ гору* Днѣпра по рѣчку Орель, а *внизъ* до самыхъ степовъ ногайскихъ и крымскихъ, на десять миль [4]); а черезъ Днѣпръ и лиманы Днѣпровый и Буговый, якъ изъ вѣковъ бувало, по очаковскіе улусы и въ гору рѣки Богу (Бугу) по рѣчку Синюху. Отъ самарскихъ-же земель чрезъ степь до самой рѣки Дону, гдѣ еще за гетмана козацкаго Прецлава Ланцкорунскаго козаки запорожскіе свои зимовники мѣвали, и жебы тое все непорушно въ вѣки при козакахъ запорожскихъ найдовалось, его королевская мосць грамотою своею козакамъ запорожскимъ утвердилъ и укрѣпилъ« [5]).

Такъ опредѣлились границы запорожскихъ владѣній при королѣ Стефанѣ Баторіѣ. Этотъ большой удѣлъ, по теперешнему вся Новороссія, кромѣ ногайской и крымской ея частей, въ общемъ удерживался и въ послѣдующее время запорожцами. »Разсуждая, коль полезны имъ сіи козаки..., польскіе короли наградили ихъ преимуществами и позволили имъ разпространяться вверхъ по

---

[1]) По князю Мышецкому въ 1580. Ист. о каз. запорож., Одесса, 1852 г., стр. 4.

[2]) Теперь это мѣстечко Тахтамировка, кіевской губерніи, черкасскаго уѣзда.

[3]) Слова: »и до пороговъ« добавлены изъ Ригельмана. Лѣт. пов., ч. I, стр. 25.

[4]) Слова: »на десять миль« — добавлены изъ Ригельмана, Лѣт. повѣств. ч. I, стр. 25.

[5]) Скальковскій. Ист. нов. Сѣчи, Одесса, 1846 г., ч. I, стр. 30.

Днѣпру отъ Сѣчи даже до Трехтемирова. Съ того времени гетманы запорожскіе съ большею частію народа возлюбили жительствовать въ городахъ малороссійскихъ заднѣпровскихъ, въ Черкасахъ, въ Трехтемировѣ, въ Чигиринѣ и приходящею отовсюду вольницею обоего пола населяли по обѣимъ сторанамъ Днѣпра пустыя мѣста городами и деревнями«[1]). Самъ Богданъ Хмельницкій, по просьбѣ кошеваго атамана Демьяна Барабаша, относительно границъ запорожскихъ казаковъ, дѣлаетъ лишь то, что универсаломъ, даннымъ въ 1655 году, 15 генваря въ Бѣлой-церкви, утверждаетъ грамоту короля Стефана Баторія.

Граница запорожскихъ владѣній измѣнилась лишь съ 1705 года, когда постановлена была, у рѣки Буга, »межевая запись«, заключенная между Россіей и Турціей и учиненная русскимъ посланцемъ Емельяномъ Украинцевымъ и турецкимъ пашею Кочъ-Мегметомъ. Тогда владѣнія запорожскихъ казаковъ опредѣлялись такъ: »Початокъ границы отъ польскихъ концевъ внизъ р. Бугомъ до р. Ташлыка (Чернаго), которая по турецки называется Великій-Конаръ, отъ Великаго-Копара, идучи полемъ поперекъ рѣки Мертвовъ (Мертвыя-воды), а перешедъ Мертвовъ, полемъ чрезъ Еланецъ, который по турецки называется Енгулою[2]), гдѣ впадаетъ въ Великій-Ингулъ; потомъ перешедъ Великій Ингулъ, полемъ до р. Исуни (Висуни), а Исунь поперекъ перешедши, до р. Малаго-Ингульца, а перешедъ Малый-Ингулецъ чрезъ бродъ Бекеневскій, который отъ Кизикерменныхъ пустыхъ мѣстъ въ десяти часахъ, а отъ того брода прямо до устья рѣчки Каменки, гдѣ она впадаетъ въ Днѣпръ. А отъ Кизикирменскихъ пустыхъ мѣстъ до того мѣста четыре мили, и тамъ кончится граница«[3]).

Съ 1709 по 1733 годъ запорожцы живутъ на земляхъ турецкихъ, сперва по балкѣ и рѣчкѣ Каменкѣ, впадающихъ въ Днѣпръ съ правой стороны, въ тридцати верстахъ выше г. Кизикирменя (Бериславa херсонской губерніи), а потомъ въ Алешкахъ (Алешки таврической губерніи), за рѣчками Конкой и Чайкой, съ лѣвой сто-

---

[1]) Миллеръ. Разсужденіе о запорожцахъ. Москва, 1846 г., 39 и 40; см. также стр. 50.

[2]) »Рѣчка Еланецъ или Гнилой-Еланецъ впадаетъ въ Бугъ близъ с. Троицкаго, херсонскаго уѣзда, слѣдственно не можетъ принимать ее въ себя Ингулъ«.

[3]) Скальковскій. Опытъ статистич. опис., Одесса, 1850 г., I, стр. 27.

роны Днѣпра. Это было время, когда запорожцы, во главѣ съ кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордіенкомъ, разсчитавъ, что имъ выгоднѣе примкнуть къ шведскому королю Карлу XII, нежели къ русскому царю Петру I, должны были поплатиться за это лишеніемъ своихъ угодьевъ въ предѣлахъ Россіи и перейти на жительство въ турецко-татарскія земли. Но въ 1734 году запорожцы получили прощеніе и снова водворились на прежнихъ своихъ „вольностяхъ". Тогда, особенно послѣ побѣдъ Миниха и Лассія (1736—1739), они считали своею палестиною весь теперешній новороссійскій край, кромѣ ногайскихъ и крымскихъ его частей, оканчивая свои владѣнія далеко на сѣверѣ: селомъ Старыми-Кайдаками, съ праваго берега Днѣпра, противъ перваго кайдацкаго порога, селомъ Новыми-Кайдаками, по той же сторонѣ, но на 60 верстъ выше, и степью по-р. Самарѣ, въ 25 верстахъ отъ ея устья [1]). Тогда, съ 1740 года, „инструментомъ, заключеннымъ при Великомъ Ингулѣ" русскимъ уполномоченнымъ Неплюевымъ и турецкимъ мустафою-беемъ-Селихтаромъ Кятибы, послѣ бѣлградскаго трактата, земли запорожскихъ козаковъ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ, съ западной стороны: „отъ окончанія польской границы (отъ впаденія р. Синюхи въ Бугъ), внизъ Бугомъ до Ташлыка или Великаго Копара, а отсюда ведена граница полемъ и разстояніемъ отъ онаго (Ташлыка) въ десяти верстахъ перешедъ рѣчку Гарбузинку, тою же линіею до р. Мертвыя воды, а оттуда до старой мечети у р. Громоклеи, даже до р. Великаго Ингула, оставляя весь лѣсъ по берегу тоя рѣки державѣ оттоманской; далѣе до Бекеневскаго (бѣлаго) броду (39 верстъ), до р. Исини и оттуда до Малаго Ингульца, въ десяти миляхъ отъ Кизикирмени и наконецъ до устья р. Каменки въ Днѣпрѣ" [2]); съ восточной же стороны: „начавъ отъ устья рѣчки Конскія воды въ Днѣпръ, вверхъ по ея теченію, по рѣчкѣ Мокрой-Маковкѣ и по степи прямою линіею до вершинъ рѣки Берды и по теченію сей послѣдней до устья въ Азовское море" [3]).

---

[1]) Миллеръ. О малор. нар. и о запорожц. Москва, 1846, стр. 23; см. также: Разсужд. о запорожц., стр. 41.

[2]) Скальковскій. Опытъ стат. опис. Одесса, 1850, ч. I, стр. 27. »Бекеневскій бродъ былъ на Ингульцѣ, а не на Висуни«. Тамъ-же.

[3]) Ibid., стр. 31.

Такъ было до 1742 года; когда граница запорожскихъ козаковъ съ юго-восточной стороны была нѣсколько нарушена новымъ „инструментомъ разграниченія земель между Россіей и Портою“: тогда земли „отъ вершины рѣки Конскихъ-водъ до западной вершины рѣки Большой-Берды и между помянутыми рѣками, къ полуденной сторонѣ, остались къ оттоманскому имперію, съ полуночной же стороны—вся земля всероссійскому имперію; рѣка же Конскія-воды, даже до впаденія ея въ Днѣпръ, вмѣсто знаковъ граничныхъ утверждена, отъ впаденія Конскихъ-водъ внизъ рѣки Днѣпра отъ обѣихъ имперій оставлена“ [1]).

Впрочемъ „запорожцы, мало или вовсе не зная о всѣхъ такихъ дипломатическихъ распоряженіяхъ, считали новороссійскія степи своею собственностію и на основаніи жалованныхъ имъ грамматъ, и какъ первые обитатели края (iure primi occupantis). Къ тому же такъ какъ границы актовъ 1705 и 1740 гг. были обозначены только на бумагѣ, а не въ натурѣ, то они, зная край лучше, нежели современные дипломаты и даже межевые коммисары, считали границу свою, и слѣдственно русскую, гораздо дальше къ западу, нежели ее опредѣляли въ трактатахъ; именно доводили ее до самаго Буга отъ впаденія въ него Синюхи или Синей-воды до днѣпровскаго лимана. Этотъ рубежъ былъ и выгоднѣе и точнѣе первыхъ, ибо шелъ по живому и всѣмъ, даже древнимъ географамъ, извѣстному урочищу“ [2]).

Съ этого времени границы запорожскихъ владѣній опредѣлялись слѣдующимъ образомъ, какъ это видно изъ „генеральной ландъ-карты“ инженеръ-подполковника де-Боксета и полковника Капписта, составленной въ 1740-хъ годахъ. *На сѣверъ*, запорожскія земли шли по-надъ лѣвымъ берегомъ р. Орели и правымъ—рѣки Сѣвернаго Донца, со стороны гетманщины и слободскихъ полковъ; здѣсь граница начиналась отъ устья р. Тясьмина, праваго притока Днѣпра, крайняго пункта польскихъ владѣній и оканчивались у верховьевъ р. Бахмута, праваго притока р. Сѣвернаго Донца. *На востокъ*, отъ верховьевъ р. Бахмута—по р. Калміусу до самаго Азовскаго моря, гдѣ теперь расположенъ г. Бердянскъ и стоитъ полу-развалившаяся петровская крѣпость, со стороны земли войска

---

[1]) Зап. одес. общ. ист. и древн., т. II, стр. 834 и 835.

[2]) Скальковскій. Опытъ стат. опис., Одесса, 1850, ч. I, стр. 32.

донскаго. *На югъ*, отъ устья р. Калміуса по р. Бердѣ и р. Конкѣ (конскія-воды), отъ верховья и до перваго впаденія ея въ Днѣпръ, нѣсколько ниже острова Хортицы на Днѣпрѣ, со стороны кочевьевъ джедисалской и джамбуйлуцкой ордъ. *На западъ* отъ устья р. Буга, или отъ поста Перевизскаго, вверхъ по рѣкѣ до самаго устья рѣки Синюхи, лѣваго притока Буга, со стороны земель джидисанскихъ и буджацкихъ ордъ и польскихъ воеводствъ.

Но съ 1751 и 1753 годовъ границы запорожскихъ земель съуживаются вслѣдствіе появленія на нихъ новыхъ людей, переселенцевъ-сербовъ съ Иваномъ Хорватъ-отъ-Куртичъ и переселенцевъ-задунайскихъ славянъ съ Иваномъ Шевичемъ и Райкомъ-де-Прерадовичемъ во главѣ. Первые осѣлись въ сѣверо-западныхъ запорожскихъ степяхъ и образовали такъ называемую новую Сербію съ крѣпостью св. Елисаветы (теперь Елисаветградъ), названною въ честь импер. Елисаветы Петровны, позволившей имъ выселиться въ Россію; а вторые поселились на сѣверо-восточныхъ степяхъ запорожскихъ, отъ вершины р. Самары, лѣваго притока Днѣпра, и далѣе на востокъ и образовали такъ называемую Славяно-сербію съ крѣпостью Бахмутомъ (теперь уѣздный городъ Бахмутъ), названный по имени рѣчки Бахмута. Тогда отъ земель запорожскихъ козаковъ, съ сѣверо-запада, отошелъ большой уголъ", начавъ отъ устья рѣки Кагарлыка (херсонской губ., бобринецкаго у.) прямою линіею до верховья р. Тура, а отъ верховья Тура по устье р. Каменки, а отъ устья р. Каменки на верховье р. Березовки, а отъ верховья Березовки на вершину Омельники (александрійскаго у.), и по той внизъ даже до устья ея, гдѣ оная въ Днѣпръ впадаетъ, уступя отъ польскихъ границъ на двадцать верстъ" [1]). Самая же граница сѣверо-западная опредѣлена была ново-слободскимъ козачьимъ поселеніемъ, прошедшимъ чертою отъ устья р. Чернаго Ташлыка, вдоль рѣки Сугаклеи-Каменоватой (праваго притока р. Ингула), черезъ р. Ингулъ, рѣчку Аджамку (лѣвый притокъ р. Ингула) и между верховьевъ рѣчекъ Каменки и Бешки. Такъ утверждаетъ, по крайней мѣрѣ, „снимокъ" запорожскихъ земель, представленный въ 1758 году геодезистомъ Семеномъ Леонтьевымъ [2]). Съ сѣверо-востока же отъ

---

[1]) Скальковскій Ист. нов. Сѣчи. Одесса, 1846, ч. II, стр. 168.

[2]) См. планъ, приложенный къ Зап. одес. общ. истор. и древ., т. I.

запорожскихъ земель отошелъ сперва кусокъ земли, заключенный между р. сѣвернымъ Донцомъ и рѣчками: Бахмутомъ и Луганью, а потомъ мало-по-малу запорожцы лишились и всего пространства земли почти до самой вершины р. Самары, лѣваго притока Днѣпра, у которой уже начинались запорожскіе хутора.

Теперь границы запорожскихъ земель установились на долго и въ 1766 году опредѣлялись, по словамъ очевидца, слѣдующимъ образомъ: „земли (запорожскихъ козаковъ), которыя большею частію состоятъ изъ пустой и дикой степи и которыя въ окружности простираются около тысячи семи сотъ верстъ... разпространяются отъ Сѣчи *по правой* сторонѣ рѣки Днѣпра внизъ къ Кизикермену до рѣки Камянки, гдѣ турецкая къ Очакову граница начинается около ста верстъ. Отъ устья сей рѣки Камянки идутъ по рѣкѣ Бугу чрезъ рѣки Ингулецъ, Исунъ (Висунь), Ингулъ, Громоклею, Еланецъ, Солону, Мертвыя-воды, Гарбузенку и Ташлыкъ до Буга, по учрежденной съ турецкою областью границѣ, болѣе ста шестидесяти верстъ. Съ другой стороны Сѣчи, вверхъ по Днѣпру, до устья рѣки Самоткани, по оной и чрезъ степь по границѣ новороссійской губерніи до рѣки Буга, разстояніемъ болѣе пяти сотъ пятидесяти верстъ. *Съ лѣвой стороны* рѣки Днѣпра отъ устья рѣки Конскихъ-водъ вверхъ по Днѣпру, мимо пороговъ, даже до устья рѣки Самары, вверхъ по оной на Волчьи-воды, до вершинъ ихъ, а оттуда чрезъ степь на вершины Калміуса, и по сей рѣкѣ до крымской границы, учрежденной прямою линіею отъ Калміуса до рѣки Берды, вверхъ по оной къ рѣкѣ Конскихъ-водъ, и по-надъ сею до устья оной въ Днѣпръ ниже Каменнаго-затона, который противъ Никитинской заставы, гдѣ запорожскими козаками перевозъ чрезъ Днѣпръ, на крымской дорогѣ держится; въ сей окружности болѣе восьмисотъ пятидесяти верстъ“ [1]).

Въ 1775 году, послѣ Кучукъ-кайнарджинскаго мира Россіи съ Турціей, запорожскія владѣнія увеличились небольшой частицей земли, заключенной между границею 1740 года и рѣкою Бугомъ (около нынѣшняго Ольвіополя). Тогда войско запорожское „разселило людей по всѣмъ впадающимъ въ Днѣпръ и въ Бугъ рѣкамъ,

---

[1]) Черняевскій. Опис. зап. Сѣчи. Приб. къ Ист. зап. каз. Мышецкаго. Одесса, 1852 г., стр. 80.

почавъ съ самой Тясмины, Синюхи, Ингула, Буга, при Гардѣ, Карабельнѣ, Мертвыхъ-водахъ, Еланчикѣ, Ингульцѣ, Громоклеѣ, Каменкѣ, Подпольной, Бузулукѣ, Саксаганѣ, Чортомлыкѣ и при многихъ иныхъ рѣчкахъ и урочищахъ, и по самому Днѣпру и по рѣкамъ, впадающимъ въ оную: Орелѣ, Самарѣ [1]), Московкѣ, Конскимъ-водамъ, Волчьей и прочимъ рѣчкамъ... Наконецъ простерли себя до Міуса рѣки, а потомъ по рѣкамъ же Калміусу, Кальчику, Бердѣ и по берегу той части Азовскаго моря, и прочимъ тамошнимъ рѣчкамъ" [2]). Тогда же, или около того времени, по словамъ самаго запорожца Никиты Коржа, запорожцы раскинули свои владѣнія: „на полдень отъ Буга по Случь, а внизъ по Днѣпру до великаго лимана, гдѣ теперь Херсонъ и Николаевъ; на полночь по Днѣпру до р. Орели, что впадаетъ въ Днѣпръ около мѣстечка Китай-города (за Орелью уже начиналась гетманщина); на сходъ солнца, отъ рѣки Конки до земли донскихъ козаковъ и крымскихъ и ногайскихъ татаръ" [3]). Съ этимъ и окончили запорожцы свое историческое существованіе въ предѣлахъ Россіи.

Удѣлъ запорожскихъ козаковъ, подъ разными названіями, извѣстенъ былъ уже историкамъ и писателямъ древняго міра: Геродоту, Мелѣ, Плинію, поэту Скимну, безъименному автору Евксинскаго Понта, Прокопію, Валерію Флакку [4]), Птоломею и другимъ. Геродотъ говоритъ собственно о такъ называемой Скиѳіи,—странѣ, лежавшей въ нижней и средней частяхъ бассейна Дуная, Днѣстра, Буга и Днѣпра. Отличительныя черты Скиѳіи—многоводность, плодородіе и въ нижней части, „по переходѣ черезъ Днѣпръ со стороны Буга", лѣсистость. „Когда пройдешь Борисѳенъ (Днѣпръ), отъ

---

[1]) По Орели и Самарѣ, со стороны слободско-украинскихъ поселеній, запорожцы считали ту границу, которая проходила по Касогову валу. См. Шиманова: Предсм. позем. борьба Запорожья. »Кіевская Старина«, 1883 г., декабрь, 612.

[2]) Ригельманъ. Лѣт. повѣств. о Мал. Рос., Москва, 1847; прибавленіе, стр. 69 и 70.

[3]) Никита Коржъ, по Стороженку, стр. 131.

[4]) Densior haud usquam, nec celsior extulit ullas
Silva trabes: fessaeque prius rediere sagittae
Arboris ad summum quam pervenere cacumen.

моря, во-первыхъ Гилея. Она находится близъ Бѣга Ахиллова (Тендерская коса) и вся наполнена разнаго рода деревьями" [1]).

Но что-же это такое Гилея, о которой говоритъ Геродотъ? Слово Гилея—чисто греческое; оно означаетъ лѣсистую сторону (по гречески ὕλη—лѣсъ); на языкѣ теперешнихъ по-днѣпровскихъ жителей слово „Гилея" скрывается въ словѣ „плавни". Но изъ всѣхъ днѣпровскихъ плавень Гилеѣ соотвѣтствуютъ собственно тѣ, которыя находятся въ мѣстности около теперешняго города Алешекъ, таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда, въ чемъ убѣждаютъ насъ какъ самое названіе города, такъ и общія соображенія. Алешки, или древне-русское Алешье, есть коренное славянское слово, происходящее или отъ слова „лѣсъ", или-же отъ слова „ольхи, елоха", что въ старинномъ топографическомъ языкѣ означало болото, водяное, поёмное мѣсто, покрытое кустарникомъ и мелколѣсьемъ [2]). „Нынѣ лѣвый, низменный берегъ Днѣпра, на протяженіи около 20 верстъ вокругъ Алешекъ, опутывается нерѣдко болѣе или менѣе густыми кустами лѣсной растительности: дубами, осиной, лозникомъ, а преимущественно ольхой и березою. Безъ сомнѣнія, эти лѣски были настоящими лѣсами въ древности, когда масса водъ въ колоссальномъ бассейнѣ была несравненно обильнѣе, а потому и сила прозябанія береговаго края гораздо могущественнѣе, особенно на луговой сторонѣ рѣки. По мѣрѣ уменьшенія этой силы, разныя породы деревьевъ, нѣкогда здѣсь встрѣчавшіяся, легко могли вывестись, а это тѣмъ скорѣе, что климатъ нашихъ степей подвергся измѣненіямъ еще болѣе ощутительнымъ, чѣмъ перемѣна, происходившая въ ихъ отношеніяхъ гидрографическихъ. Гилея могла представлять въ древности взорамъ путешественниковъ, кромѣ древесныхъ породъ, нынѣ еще тамъ попадающихся, и другія породы, въ настоящее время, быть можетъ, уже совершенно чуждыя этой мѣстности. Къ таковымъ породамъ могли принадлежать европейскія породы хвойныхъ деревьевъ, какъ напримѣръ, ель или сосна, поелику онѣ требуютъ почвы песчаной, а таковою именно отличаются

---

[1]) Геродота Галикарнасскаго бытосказ. книга четвер., надпис. Мельпомена, стр. 18.

[2]) Забѣлинъ. Ист. рус. жизни, Москва, 1876 г., стр. 16.

окрестности Алешекъ [1]). Къ физическимъ причинамъ, измѣнившимъ видъ Гилеи, нужно прибавить еще то, что она въ теченіе столь многихъ вѣковъ подвержена была разрушительному вліянію народовъ, и не однихъ только нагайцевъ, какъ полагаетъ баронъ Тоттъ, который въ проѣздѣ своемъ чрезъ эту мѣстность, узналъ отъ туземцевъ, что она нѣкогда была покрыта густымъ лѣсомъ. Такъ какъ остатки сего лѣса, тому назадъ болѣе ста лѣтъ, безъ сомнѣнія, были значительнѣе, нежели теперь, то и легко объясняется, почему турки могли сказать, что запорожцы, которые послѣ сраженія при Полтавѣ искали убѣжища въ Алешкахъ, поселились въ „лѣсѣ братьевъ". Въ среднихъ вѣкахъ лѣсъ этотъ долженъ былъ занимать еще болѣе пространства и поэтому могъ соотвѣтствовать тому, въ которомъ переночевалъ Бургундскій рыцарь Гилльбергъ-де-Ланнуа, въ своемъ путешествіи изъ Монкастро въ Кафу, въ 1421 году. Лѣсъ не могъ не обратить на себя вниманіе современныхъ рыцарю итальянскихъ промышленниковъ, посѣщавшихъ Черное море и образовавшихъ рядъ поселеній на берегахъ его, равно какъ и при рѣкахъ, въ него изливающихся, и въ томъ числѣ при нижнемъ Днѣпрѣ, столь важномъ, съ давнихъ поръ, по рыбной ловлѣ, которая въ немъ производилась" [2]).

„Есть поводъ думать, замѣчаетъ на этотъ счетъ г. Иловайскій, что европейская Скиѳія въ древнія времена не была такою почти безлѣсною степью, какъ въ наше время, а потому и не страдала такимъ недостаткомъ влаги, какъ теперь. Глубокія балки, въ настоящее время сухія, когда-то были прорыты водными потоками и служили ложбинами для многочисленныхъ рѣчекъ и ручьевъ. Хотя Геродотъ указалъ на величественныя рѣки и недостатокъ лѣса, какъ на отличительныя черты Скиѳіи, однако онъ упоминаетъ о лѣсистой ея части, которая называлась Гилея и лежала, по его словамъ, къ востоку отъ Днѣпра, на разстояніи трехъ или четырехъ дней пути отъ его устья. Эта лѣсистая и довольно холмистая по-

[1]) Это подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что у Стефана Византійскаго Гилея называется Ἀβιεκή,—страна елей: »abies« съ латинскаго на русскій значитъ »ель«.

[2]) Брунъ. О позд. назв. древней Гилеи.—Зап. одес. об. ист. и др., IV, 236—239.

лоса повидимому простиралась отъ нижняго теченія Днѣпра почти до береговъ Азовскаго моря. Остатки лѣсовъ, разсѣянные по холмамъ, видѣлъ еще въ XIII в. латинскій монахъ Рубруквисъ на пути своемъ въ Татарію. Іосафатъ Барбаро, итальянскій путешественникъ XV вѣка, говоритъ о значительныхъ лѣсахъ на нижнемъ теченіи Дона и Волги и вообще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ представляется голая степь. Очевидно, что густые лѣса средней Россіи въ древности простирались на югъ гораздо дальше, чѣмъ въ наше время, и посылали отъ себя отдѣльныя группы до самыхъ береговъ Понтійскихъ и Каспійскихъ [1]).

Но какъ-бы далеко ни распространялась Гилея, каковы-бы ни были породы ея деревьевъ, во всякомъ случаѣ можно одно лишь сказать, что то былъ очень большой лѣсъ. О величинѣ его можно судить уже по тѣмъ окаменѣлымъ остаткамъ, которые находятся теперь въ Днѣпровской долинѣ: остатки показываютъ, что настоящіе Днѣпровскіе лѣса суть только ничтожная пародія того исполина-лѣса, который нѣкогда своею могучею головою осѣнялъ широкій Днѣпръ.

Но одной Гилеей запорожскіе лѣса не исчерпывались: въ разныхъ мѣстахъ запорожскаго края росли и разныя породы лѣсовъ, теперь уже и много повыведенныя и много поизмельчавшія. Нельзя, конечно, сказать того, чтобы тамъ росли сплошные лѣса, но нельзя съ тѣмъ вмѣстѣ и утверждать, чтобы ихъ было очень мало или почти не было: много было истребителей запорожскаго лѣснаго царства въ видѣ степнаго пожара, скота, плуга и топора. Дикіе кочевники выжигали запорожскіе лѣса, частію изъ опасенія какой-либо засады со стороны враговъ, частію-же изъ желанія добыть для своего скота подножный кормъ; въ послѣднемъ случаѣ они выжигали собственно сухую степную траву, препятствовавшую расти свѣжей, а отъ травы загорался и самый лѣсъ. Польскія войска и русскія рати истребляли запорожскіе лѣса, когда предпринимали продолжительные военные походы на козацкій югъ. Первые поселенцы, которые появились въ степи послѣ паденія Сѣчи, много уничтожили запорожскаго лѣса на хозяйственныя постройки. Строители Екатеринослава, Херсона, Николаева, Одессы и другихъ городовъ и крѣпостей

---

[1]) Разысканія о началѣ Руси. Москва, 1876 г. стр. 6 и 7.

также произвели достаточное опустошеніе между козацкими лѣсами; сами помѣщики, получившіе на югѣ дарственныя земли, много поизвели запорожскихъ лѣсовъ, и вслѣдствіе неправильнаго веденія хозяйства, и вслѣдствіе послѣдовательной передачи своихъ имѣній наслѣдникамъ: переходя изъ рукъ въ руки, отъ поколѣнія къ поколѣнію, многіе изъ запорожскихъ лѣсовъ раздробились на самые мелкіе участки, до десяти и даже до пяти десятинъ, составляя при этомъ принадлежность нѣсколькихъ лицъ". Мѣстами степными часто называются и такія, въ которыхъ лѣса немного менѣе по количеству всей земли, чѣмъ въ губерніяхъ, называемыхъ нестепными... Безъ сомнѣнія здѣсь не было сплошныхъ и большихъ лѣсовъ, но настоящее присутствіе ихъ доказываетъ, что они были въ достаточномъ для края объемѣ, а названія рѣкъ, рѣчекъ и другихъ урочищъ, заимствованныя отъ разныхъ породъ лѣсныхъ, указываютъ, гдѣ лѣса были. Сверхъ того, присутствію ихъ ничто не могло и не можетъ мѣшать: ибо почва для нихъ удобна, кромѣ, можетъ быть, ближайшихъ мѣстъ къ поморью; а волнистая поверхность края, съ глубокими и частыми балками, гораздо, кажется для нихъ удобнѣе плоскихъ пространствъ самыхъ лѣсистыхъ мѣстностей кіевской, волынской и многихъ среднихъ губерній" [1]). „Слѣды бывшихъ въ степи лѣсовъ есть во множествѣ и въ окаменѣлыхъ кускахъ дерева и въ корняхъ, которые и теперь начинаютъ расти, какъ скоро заборъ защититъ ихъ отъ порчи скота" [2]).

Общее положеніе, высказанное о запорожскихъ лѣсахъ, подтверждается частными свидѣтельствами многихъ путешественниковъ XVI и XVII вѣковъ. Французскій инженеръ Боплапъ указываетъ на существованіе многихъ лѣсовъ въ запорожскихъ предѣлахъ: по берегамъ р. Самоткани, которая называется у него Замоканомъ, на островахъ Конскомъ и Хортицкомъ, по р. Бугу, но особенно по р. Самарѣ, притокѣ Днѣпра съ лѣвой стороны. „Окрестности Самары замѣчательны чрезвычайнымъ богатствомъ... въ строевомъ лѣсѣ, такъ что едва-ли какое-либо мѣсто можетъ сравниться съ ней въ этомъ. Оттуда доставляемъ былъ лѣсъ для построекъ на

---

[1]) Струковъ. О новор. лѣс., Ж. М. Г. И. 1853 г., февр., стр. 170, 167 и 169.

[2]) Княжевичъ. Зап. одес. общ. истор. и древ., т. I, стр. 488.

Койдакѣ [1]). Тоже подтверждаютъ и русскіе путешественники, стольникъ Василій Тяпкинъ и дьякъ Никита Зотовъ: „вѣдомо да будетъ впредь ходящимъ тѣмъ путемъ, такъ посламъ, яко и ратемъ царскаго величества, дубовыя и прочія деревья и вся угодья до того помянутаго стану (на р. Самарѣ) кончились. А отъ того стану даже до Крыма, по рѣкамъ и по рѣчкамъ и по угодіямъ, многіе тальники и терники, гдѣ звѣря и птицъ и рыбъ множество есть, и по нуждѣ, безъ большихъ простоевъ, великимъ ратемъ дровами проняться можно. На тѣхъ Овечьихъ-водахъ (притокъ Днѣпра, ниже Конки) и на всѣхъ вершинахъ Конскихъ и Самарскихъ и Орельскихъ и на степяхъ дубравы (суть) великія, и лѣса, и терники, и тальники, и камыши, и звѣрь въ лѣсахъ, и рыбы въ водахъ, и кормовъ конскихъ всюды множество, и пашни можно завести великіе“ [2]). Но еще подробнѣе о лѣсахъ запорожскихъ говоритъ писатель XVIII ст., Василій Чернявскій. По словамъ Чернявскаго, лѣса осѣняли какъ правый берегъ Днѣпра въ запорожскихъ предѣлахъ, такъ одинаково и лѣвый; справа они начинались отъ устья Каменки къ Бугу и тянулись по рр. Ингульцу, Ингулу, Громоклеѣ и „по другимъ въ оные впадающимъ рѣчкамъ и боеракамъ есть небольшія лѣсныя угодья“. Слѣва лѣса шли „знатные“, состоящіе изъ сосны и дуба, по р. Самарѣ, на Хортицкомъ островѣ, въ Великомъ лугу и по разнымъ степнымъ рѣчкамъ, каковы: Волчьиводы, Калміусъ и другія, впадающія „въ сіи и въ Днѣпръ; прямою-же линіею, отъ устья р. Самары внизъ по берегу Днѣпра до Каменки и Кизикерменя“ (теперешняго города Берислава херсонской губерніи) [3]). Какъ и Бопланъ, Чернявскій утверждаетъ, что

---

[1]) Опис. Украйны. Спб., 1832 г., стр. 16, 18, 25, 30. Гильонъ ле-Вассеръ-де-Бопланъ, родомъ французъ, въ званіи старшаго капитана артиллеріи и польскаго королевскаго инженера, служилъ въ Украйнѣ семнадцать лѣтъ, отъ 1620 по 1637 г. Онъ хорошо познакомился съ бытомъ казаковъ, не разъ проѣзжалъ по запорожскимъ степямъ до нынѣшняго г. Александровска, екатеринославской губерніи, и составилъ послѣ себя безсмертное сочиненіе: »Description d'Ukraine—Описаніе Украйны«.

[2]) Василій Тяпкинъ и Никита Зотовъ отправлены были русскимъ правительствомъ, въ 1680 году, въ Крымъ для заключенія съ турками Бахчисарайскаго договора и по возвращеніи въ Москву представили »Статейный списокъ посольства«, во многихъ отношеніяхъ весьма характерное сочиненіе.

[3]) Василій Чернявскій занималъ должность секретаря московской иностранныхъ дѣлъ коллегіи; въ 1760 году онъ посланъ былъ къ запорожцамъ для раз-

изъ всѣхъ запорожскихъ лѣсовъ особенно большіе были лѣса по р. Самарѣ: „изъ сихъ лѣсовъ, а главнѣйше изъ находящихся по р. Самарѣ,.. запорожскіе козаки не только дома и зимовники свои созидали, но и въ 1756 году, послѣ пожара, который большую часть Сѣчи въ пепелъ обратилъ, главные курени, козацкіе, купеческіе и мастеровые дома вновь построили и всегда на огрѣваніе и на прочія свои потребности дрова употребляютъ". Но уже тотъже Чернявскій говоритъ и о страшномъ опустошеніи запорожскихъ лѣсовъ хищными татарами: „во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ (отъ устья р. Конскихъ-водъ и выше) лѣса крайне разорены, не только огрѣваніемъ отъ строгости зимы, кормленіемъ скота, порубленными верхушками и вѣтвями деревъ, употребленіемъ на постройку для скота загородовъ, и вывозомъ въ аулы не малаго числа лѣсу, не обходя и садовыя деревья; но и насильнымъ забраніемъ при нѣсколькихъ зимовникахъ заготовленныхъ на строеніе колодъ, брусьевъ и досокъ, которые они въ свои степные аулы, подъ прикрытіемъ татаръ, провозили" [1]).

Самое расположеніе лѣсной растительности запорожскаго края показываетъ, что она держалась главнымъ образомъ и по преимуществу въ мѣстахъ низменныхъ, наиболѣе влажныхъ, и только здѣсь достигала большихъ размѣровъ. Таковы были, напримѣръ, лѣса, росшіе по рѣкамъ Самарѣ и Конскимъ-водамъ: ихъ густота и обширность такъ были велики, что тамъ расхаживали только одни хищные звѣри да дикія птицы, а человѣкъ, даже вооруженный, едва за нѣсколько верстъ могъ свободно объѣзжать ихъ. Поражающею густотою отличались и многіе изъ тѣхъ запорожскихъ лѣсовъ, которые росли по такъ называемымъ балкамъ, т. е. широкимъ долинамъ, окаймленнымъ сверху покатыми возвышенностями и на днѣ увлаженнымъ ключевыми и атмосферными водами. И здѣсь лѣсъ разростался нерѣдко до того, что человѣку не было никакой возможности пробраться чрезъ него: одни звѣри да птицы господствовали въ немъ.

бора взаимныхъ жалобъ между козаками и татарами, по поводу пограничныхъ владѣній; возвратясь въ Москву, онъ представилъ »Описаніе Запорожской Сѣчи въ четырехъ раздѣленіяхъ«. Приложеніе къ »Исторіи запорожскихъ козаковъ«. Мышецкаго. Одесса, 1852 г., стр. 83—85.

[1]) Истор. о каз. запорож., Одесса, 1852 г. стр. 85.

Остатки запорожскихъ лѣсовъ существуютъ и въ наше время въ разныхъ мѣстахъ екатеринославской и херсонской губерній. Въ екатеринославской губерніи извѣстны лѣса днѣпровскіе, находящіеся въ разныхъ мѣстахъ около р. Днѣпра, начиная отъ верхняго и до нижняго предѣла его; то лѣса, по преимуществу, мягкой породы: осокорь, ива, лоза, шелковица и другія; есть также лѣса по р. Самарѣ, особенно возлѣ самарскаго монастыря и уѣзднаго города Ново-Московска; далѣе, по р. Волчьей, особенно около села Дибривки, александровскаго уѣзда; по р. Ганчулу, главнымъ образомъ у деревни Богодара, имѣніи землевладѣльца Ѳ. И. Михеева; по р. Кушуму, притоку Днѣпра съ лѣвой стороны, у селъ Балабина-Петровскаго, Кушугумовки, Малой Катериновки, Царицына Кута и Васильковки; далѣе, по р. Чортомлыку, правому притоку Днѣпра, въ разныхъ мѣстахъ, но особенно у дер. Капуливки, екатеринославскаго уѣзда; по рѣчкѣ Подпольной, правому притоку Днѣпра, около села Покровскаго того-же уѣзда; по р. Конкѣ, тамъ, гдѣ она въ первый разъ впадаетъ въ Днѣпръ; по разнымъ островамъ Днѣпра, на Монастырскомъ островѣ, противъ г. Екатеринослава; на Становомъ, ниже Монастырскаго, противъ предмѣстья г. Екатеринослава, Мандрыковки; на Кайдацкомъ островѣ, у перваго днѣпровскаго порога; по оврагамъ лѣваго берега Днѣпра, отъ впаденія въ него р. Самары и внизъ до порога Ненасытецкаго, особенно противъ камня „Богатыря", гдѣ, по преданію, въ 972 году былъ убитъ печенѣгами русскій князь Святославъ; въ урочищѣ Сагайдакѣ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, ниже колоніи Кичкасъ; на островѣ Хортицѣ, у г. Александровска; на островѣ Томаковкѣ, у села Чернышевки или Красногригорьевки, екатеринославскаго уѣзда и проч.

Остатки запорожскихъ лѣсовъ видны теперь и въ херсонской губерніи. Такъ, въ херсонскомъ уѣздѣ, близъ впаденія рѣчки Громоклеи въ рѣку Ингулъ, у деревни Полковничьей или Воеводской, есть лѣсъ, состоящій изъ четырехъ сотъ десятинъ, извѣстный уже съ 1740 года, когда заключенъ былъ »пограничный инструментъ« между Россіей и Турціей, и занесенный въ 1770 году на карту Риччи-Заннони, подъ названіемъ Соколиной дубравы. Въ херсонскомъ-же уѣздѣ, небольшіе лѣса около устья р. Базавлука, у села Грушевки; по р. Каменкѣ, у деревни Консуловки или Разоровки,

имѣніи землевладѣльца М. Ѳ. Огаркова; наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ долины Днѣпра, его островов, и между городами Крыловомъ, Елисаветградомъ, Ново-Миргородомъ, Ново-Архангельскомъ и Александріей; здѣсь, въ восточной половинѣ александрійскаго уѣзда, между многими мелкими лѣсами, находится *Большой* лѣсъ, отличающійся особеннымъ ростомъ и густотой своихъ деревьевъ; кромѣ Большаго лѣса—лѣса *Чута* и *Черный*, въ сѣверо-западной половинѣ александрійскаго уѣзда, изъ коихъ послѣдній занимаетъ тысячу пятьсотъ десятинъ земли.

Есть полное основаніе думать, что всѣ эти лѣсныя рощи, теперь разбросанныя, въ старину представляли изъ себя одно сплошное пространство, въ которомъ лѣса Чута и Черный занимали лишь ничтожную долю. Тоже можно сказать и о лѣсахъ, растущихъ по верховьямъ рѣкъ Ингула и Ингульца; по преданію народа и по указанію карты Боплана, здѣсь въ прошлое время также были сплошные большіе лѣса, превращенные теперь въ мелкія кустарныя рощи. Кромѣ всѣхъ названныхъ лѣсовъ, по разнымъ балкамъ херсонской губерніи встрѣчаются еще небольшіе лѣса, называемые здѣсь татарскими словами »байраками и чагарниками« [1]); а по теченію рѣкъ Тясьмина, Выси, Синюхи и Днѣстра значительныя пространства покрыты рощами, въ коихъ преобладаетъ дубъ.

Таковы лѣса запорожскіе. Относительно самой флоры лѣсной нужно сказать, что въ запорожскихъ владѣніяхъ росли почти всѣ тѣ породы деревьевъ, которыя свойственны Сѣверной Америкѣ, что происходитъ, быть можетъ, отъ сходства климата той и другой страны: суровая зима, палящее лѣто, вѣтренная и непостоянная погода обусловливали и извѣстные виды древесной растительности, изъ коихъ господствующими здѣсь были: липа, кленъ, грабъ, вязъ, дубъ, ясень, дикая груша (ручня, malus silvester), берестъ (илимъ, ulmus campester), черноклен, глодъ (боярышникъ), кизиль (cornulus mascula), кожевенное дерево (rhus coriaria), желтинникъ (rhus cotinus), крушина (rhamnus frangula), бружмель (evonimus europaeus), жостеръ (rhamnus catharticus), толокнянка (arbutus unedo, arbutus

---

[1]) »Байракъ или буэракъ—небольшой лѣсъ, тоже что гай, но только съ болѣе толстыми и тяжелыми деревьями; а чагарникъ—лѣсъ, выросшій на мѣстѣ срубленнаго. Въ Крыму чагарами татары зовутъ лѣсныя огороженныя плетнемъ дачи.

uva ursi, или autostaphylos, raisin d'ours), таволга (sipiraca crenata), бузина (sambucus nigra), вязовникъ (sambucus ebulus), пищальникъ sambucus racemosa), гордовое дерево (viburnum lantana), верба (salix triandra, salix aurita, salix caprea), лоза (salix purpurea), шиповникъ, ива, яворъ (чинаръ, нѣмецкій кленъ, acer pseudoplatanus), шелковица, терновникъ, осокорь, яблонь, дули, барбарисъ, вишни, калина и др.

Но если страна запорожскихъ казаковъ, говоря вообще, не могла назваться богатою въ отношеніи лѣса, то за то въ отношеніи воды она была несравненно счастливѣе. Представляя изъ себя обширную равнину, наклонную къ морю, въ разныхъ направленіяхъ изрѣзанную оврагами и только въ одномъ—съ сѣвера на югъ—разграниченную балками, страна запорожскихъ казаковъ въ томъ-же направленіи, но почти чрезъ самую средину свою, пропускала одну изъ бо̀льшихъ на всемъ русскомъ югѣ рѣкъ, рѣку Днѣпръ со множествомъ большихъ и малыхъ притоковъ его, несущихъ въ него свои воды, начиная отъ самыхъ значительныхъ, Самары и Буга, и кончая самыми мелкими, въ родѣ Каменки и Мамай-Сурки, коихъ число

Зъ устя Дніпра та й до вершины—
Симъ сотъ ричокъ ще й чотыри.

Съ него и начнемъ мы очеркъ водной системы Запорожья.

Д. Эварницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ВОПРОСУ О ЦАРСКИХЪ СКИѲАХЪ.[1]

Вниманіе къ скиѳамъ, нѣкогда и долгое время занимавшимъ нашъ югъ, въ послѣдніе годы замѣтно усилилось. Явленіе это вполнѣ согласуется съ оживленіемъ научнаго интереса къ старинѣ вообще, съ тѣмъ оживленіемъ, которое изъ сферъ научныхъ распространяется и на значительную часть образованнаго общества, что доказывается между прочимъ усиленнымъ спросомъ со стороны этого послѣдняго на такіе труды, которые посвящаются изслѣдованію различныхъ сторонъ матеріальной и духовной культуры первобытныхъ народовъ или отдаленныхъ предковъ народовъ историческихъ.

Благодаря новому, болѣе широкому методу изслѣдованія, подобные труды получаютъ въ наши дни сверхъ историческаго и интересъ современности; они нерѣдко проливаютъ яркій и часто неожиданный свѣтъ не только на прошлое того или другаго народа, но и на его настоящее. Дѣло въ томъ, что образованное общество, усвоившее себѣ и продолжающее усвоивать плоды науки и гражданственности, то есть весьма незначительное меньшинство населенія любой европейской страны, живетъ въ такой средѣ, которая во многомъ остается вѣрною чертамъ быта и воззрѣніямъ, давно *пережитымъ* образованнымъ меньшинствомъ. Если такимъ образомъ многія черты глубокой старины являются въ образованной средѣ лишь въ видѣ спорадическихъ остатковъ, такъ называемыхъ переживаній (survivals), то въ огромномъ большинствѣ населенія они представляютъ все еще живую современность, а потому интересъ къ нимъ

[1]) Читано въ годичномъ собраніи »Истор. общества пр. Нестора лѣтописца«.

научный и общественный есть въ сущности интересъ къ современному положенію народныхъ массъ, къ разностороннему уясненію не только прошлой ихъ жизни, но и современной.

Вотъ почему мы рѣшились предложить нѣкоторыя свои соображенія объ одномъ изъ древнѣйшихъ и давно исчезнувшихъ племенъ южной Россіи вниманію не ученыхъ спеціалистовъ только, но и образованной публики.

Въ виду сказаннаго насъ не могутъ не интересовать всѣ, даже мелкія на видъ подробности существованія, если, быть можетъ, не предковъ нашихъ по крови, по происхожденію, то во всякомъ случаѣ нашихъ предшественниковъ на занимаемой нами территоріи. Въ этого рода изслѣдованіяхъ никакая подробность не можетъ быть признана не заслуживающею серьезнаго вниманія, потому главнымъ образомъ, что въ большинствѣ случаевъ мы не знаемъ того, какое мѣсто займетъ та или иная черта въ общей картинѣ прошлаго быта, которую, можетъ быть, когда либо удастся возстановить съ достаточною полнотою. Съ другой стороны нерѣдко случается, что какая-либо повидимому незначительная подробность находится въ органической связи съ чертами быта дѣйствительно существенными и характеристическими. Поэтому изслѣдователя старины интересуютъ въ болѣе или менѣе одинаковой степени и топографія и этнологія населенія, его физическое строеніе, данныя языка, матеріальной культуры, общественнаго устройства, памятники и извѣстія о его религіозныхъ и иныхъ воззрѣніяхъ.

Къ сожалѣнію, въ занимающемъ насъ вопросѣ достигаемые результаты могутъ имѣть лишь цѣну значительной вѣроятности или отвѣчаютъ на слишкомъ частные вопросы. Виною такого положенія дѣла слѣдуетъ признать прежде всего общія свойства свидѣтельствъ древнихъ писателей, не исключая и Геродота. Вообще они мало интересовались варварскими народами, съ которыми приходили въ соприкосновеніе; не заботились о знакомствѣ съ варварскими языками, о точной передачѣ ихъ именъ и иныхъ словъ; интересъ ихъ къ нравамъ, обычаямъ, культамъ варварскихъ народовъ имѣетъ вообще слишкомъ мало общаго съ тѣмъ систематическимъ, строгимъ отношеніемъ къ предмету, которое отличаетъ новѣйшихъ европейскихъ путешественниковъ—ученыхъ. Поэтому сообщаемыя древними свѣдѣнія носятъ на себѣ обыкновенно характеръ отрывочныхъ,

случайныхъ замѣтокъ, обращенныхъ почти исключительно на явленія поразительныя, совершенно чуждыя собственнымъ воззрѣніямъ и быту древнихъ повѣствователей.

Едва-ли не наименѣе надежными свидѣтельствами въ трудахъ древнихъ писателей являются передаваемыя ими имена варварскихъ народовъ, какъ собственныя, такъ и нарицательныя. Если греческіе писатели позднѣйшаго періода нерѣдко искажаютъ до неузнаваемости названія тѣхъ народовъ, въ сосѣдствѣ съ которыми они жили продолжительное время, свои наблюденія надъ которыми они могли легко провѣрять многократными показаніями очевидцевъ, то, разумѣется, тѣмъ менѣе можно полагаться на ихъ лингвистическія данныя о народахъ далекихъ, совершенно имъ неизвѣстныхъ, каковыми были и скиѳы для Геродота, Ѳукидида, Страбона и другихъ. Вотъ почему уцѣлѣвшія немногія свидѣтельства языка о скиѳахъ, находимыя нами преимущественно у Геродота, подаютъ поводъ въ наше время къ самымъ разнорѣчивымъ толкованіямъ и къ такого же свойства основаннымъ на нихъ заключеніямъ. Брунъ сожалѣетъ о томъ, что берлинскій академикъ Мюлленгофъ [1]), главный авторитетъ въ рѣшеніи вопроса о національности скиѳовъ въ смыслѣ иранства ихъ, не подвергаетъ критической оцѣнкѣ этимологіи тѣхъ-же самыхъ именъ, приводящихъ другихъ изслѣдователей къ заключенію о монгольствѣ или вообще о туранствѣ скиѳовъ. Г. Кипертъ, одинъ изъ авторитетнѣйшихъ современныхъ ученыхъ въ области исторической географіи, не придаетъ выводамъ Мюлленгофа рѣшающаго значенія. Признавая вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ за нѣкоторыми скиѳскими именами безспорно арійскій характеръ, онъ находитъ возможнымъ заимствованіе этихъ именъ скиѳскими племенами отъ арійскихъ, именно иранскихъ народовъ, съ которыми онѣ долгое время жили на иранскомъ плоскогорьѣ [2]). »Что скиѳскія имена«, замѣчаетъ онъ, »тождественныя съ ѳракійскими и персидскими, просто заимствованы изъ этихъ языковъ и потому не имѣютъ никакой доказательной силы въ вопросѣ о національности скиѳовъ, это доказывается вполнѣ совершеннымъ

---

[1]) *Ueber Herkuft und Sprache der pontischen Skythen und Sarmaten. Monatsber. der Berl. Akad.* 1866.

[2]) *Lehrbuch der alten Geographie.* Leipz. 1878 г., стр. 344 сл.

отсутствіемъ діалектическихъ особенностей: съ такимъ самымъ правомъ можно было-бы приписывать семитическое происхожденіе нынѣшнимъ османамъ и другимъ тюркскимъ племенамъ на основаніи почти исключительнаго употребленія у нихъ арабскихъ личныхъ именъ« [1]). Гораздо большее значеніе въ рѣшеніи подобнаго вопроса имѣютъ свидѣтельства древнихъ писателей о бытѣ народа и особенно о его физическомъ строеніи. Но и эти данныя толкуются и въ значительной степени не могутъ не толковаться различно. Рѣшающую силу данныя такого рода получаютъ лишь тогда, когда онѣ имѣются въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ и касаются различныхъ сторонъ быта. Преимущество ихъ передъ данными лингвистическими обусловливается болѣе всего тѣмъ, что здѣсь невозможно такое искаженіе и такая неточность въ описаніи, какія отличаютъ передачу варварскихъ именъ древними писателями. Возможность заимствованій впрочемъ слѣдуетъ допускать и здѣсь: вспомнимъ только о тѣхъ вліяніяхъ, какія имѣли семитическіе культы на древне-греческіе.

Вообще по вопросу о расѣ геродотовыхъ скиѳовъ ученые раздѣляются на двѣ главныя категоріи; одни считаютъ ихъ арійцами, другіе уралъ-алтайцами, или туранцами. Первые въ свою очередь раздѣляются на славянистовъ и германистовъ; въ рядахъ послѣднихъ одни считаютъ ихъ монголами, другіе турками, третьи финно-венграми. Арійское происхожденіе скиѳовъ защищаютъ или принимаютъ Гриммъ, Клапротъ, Цейссъ, Раулинсонъ, Мюлленгофъ, Бергманъ, Линднеръ, изъ русскихъ ученыхъ: Брунъ, Иловайскій, Забѣлинъ, Вс. Миллеръ, Боннель; въ числѣ представителей урало-алтайства скиѳовъ находятся имена Нибура, Гаммеръ-Пургшталя, Ганзена, Карла Неймана, Киперта, отчасти Васильевскаго и другихъ. Отъ времени до времени появляется въ литературѣ мнѣніе, что и у Геродота терминъ »скиѳы« имѣетъ не столько этнографическое, сколько географическое значеніе, что понятіе геродотовыхъ скиѳовъ— коллективное, и что подъ этимъ терминомъ слѣдуетъ разумѣть нѣсколько народностей, различныхъ по происхожденію и по степени культуры. Наиболѣе рѣшительно мнѣніе это высказывается Фридр.

---

[1]) *Ibid.*, стр. 315.

Мюллеромъ [1]), Овелакомъ (Hovelaque) [2]) и въ послѣднее время г. Вамбери [3]). Рѣшительнымъ противникомъ его является К. Нейманъ въ своемъ капитальномъ трудѣ: «Еллины въ странѣ скиѳовъ» (1855. Стр. 101). Онъ обращаетъ вниманіе на то, что греческій историкъ ясно и категорически отличаетъ скиѳовъ, какъ особый народъ, отъ сосѣднихъ не-скиѳскихъ народовъ, указывая при этомъ и на нѣкоторыя точки соприкосновенія между ними. Но, кажется, главнымъ мотивомъ у нѣмецкаго ученаго для отрицательнаго отношенія къ этому мнѣнію служитъ то обстоятельство, что, принимая такое мнѣніе, слѣдовало бы считать вопросъ о національности геродотовыхъ скиѳовъ неразрѣшимой загадкой [4]). Съ своей стороны мы, говоря вообще, раздѣляемъ основное воззрѣніе Фр. Мюллера и Вамбери на смѣшанный составъ скиѳскаго населенія южной Россіи и убѣждены, что только этимъ путемъ можно согласить разнорѣчивыя показанія древнихъ писателей о скиѳахъ и примирить между собою два лагеря новѣйшихъ изслѣдователей геродотовскихъ скиѳовъ. Но мы никакъ не можемъ согласиться съ Вамбери въ томъ, что онъ изъ числа скиѳовъ—не аріевъ исключаетъ прежде всего царскихъ скиѳовъ наравнѣ съ скиѳами—земледѣльцами. Царскіе скиѳы, какъ мы увидимъ ниже, кочевники по преимуществу; отъ остальныхъ скиѳскихъ племенъ они отличаются большею грубостью нравовъ, болѣе первобытнымъ бытомъ [5]). Авторъ не упоминаетъ вовсе о томъ,

---

[1]) *Allgemeine Ethnographie.* Wien. 1873 г., стр. 35 сл.

[2]) *Лингвистика.* Переводъ со втор. изд. Спб. 1881 г., стр. 142.

[3]) *Der Ursprung der Magyaren.* Leipz. 1882 г., I.

[4]) »Wenn diese Behauptung richig wäre, so würden die ernsten Forschungen bedeutender Historiker ein so trauriges Bild fruchtlosen Bemühens darstellen, dass ein zweiter Polygnot auf einem neuen Gemälde der Unterwelt für ein thörichtes, unerspriessliches Unterfangen kein bezeichnenderes Symbol finden könnte als einen Gelehrten, den über die Abstammung der Skythen schreibt«. Opus. cit., стр. 101.

[5]) О. с., стр. 11. Положеніе свое авторъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: »jener Theil des herodotschen Skythiens, der sich vom Mäeotischen See in nordöstlicher Richtung gegen die Wolga erstreckte, von Völkern Ural—altaischer Rasse, sehr warscheintlich von Türken bewohnt war, wobei jedoch die Möglichkeit nicht ausgeschlossen ist, dass sich einzelne Fractionen dieser Rasse oder des letzterwähnten Volks schon inmitten der sogenannten pontischen Skythen befunden haben«. Стр. 12. Въ нѣсколько иномъ видѣ таже мысль высказана немного дальше. Стр. 19 сл.

что къ сѣверо-востоку отъ Меотиды, приблизительно въ нынѣшней оренбургской губерніи, обитала часть царскихъ скиѳовъ, по Геродоту будто бы отдѣлившаяся отъ своихъ соплеменниковъ въ причерноморскихъ земляхъ. По остроумному замѣчанію К. Неймана [1]), въ восточныхъ царскихъ скиѳахъ слѣдуетъ видѣть остатокъ скиѳскаго приволжскаго населенія, занимавшаго этотъ край вмѣстѣ съ исседонами, до занятія понтскаго побережья. Наконецъ Вамбери на непонятномъ для насъ основаніи помѣщаетъ царскихъ скиѳовъ, несогласно съ Геродотомъ, между Дунаемъ и Днѣстромъ, на Герросѣ и Меотидѣ, тогда какъ по ясному смыслу греческаго текста царскіе скиѳы жили по ту сторону Герроса, т. е. къ востоку отъ днѣпровскихъ пороговъ до р. Дона и Азовскаго моря; на югъ жилища ихъ простирались до Таврики, до того рва, который отдѣляетъ восточную оконечность крымскаго полуострова къ керченскому проливу. Нельзя также безусловно принять мнѣніе венгерскаго ученаго, будто исторія не знаетъ никакого иранскаго народа въ кочевомъ состояніи.

Самъ Геродотъ раздѣляетъ скиѳовъ на нѣсколько племенъ, причемъ первое мѣсто по многочисленности и могуществу отводитъ царскимъ или царственнымъ скиѳамъ. Имъ подвластны скиѳы-земледѣльцы и скиѳы-пахари, а также »номады«. Занимающіяся земледѣліемъ скиѳскія племена обитаютъ по Гипаниссу и Гипакирису, а »кочевники« къ сѣверо-западу отъ Азовскаго моря. Сами себя скиѳы называли сколотами, по имени царя, замѣчаетъ Геродотъ; у персовъ они назывались саками.

Что Геродотъ зналъ »царскихъ« скиѳовъ, βασιλήιοι, а не барсилеевъ, какъ-то кажется Вивьену Сенъ-Мартену, Хвольсону и Н. Веселовскому, не подлежитъ сомнѣнію [2]); что не онъ далъ одному изъ скиѳскихъ племенъ такое наименованіе, но что онъ принялъ его готовымъ отъ своихъ свидѣтелей, прежде всего конечно отъ черноморскихъ грековъ, и въ этомъ нельзя сомнѣваться. Подтвержденіе тому и другому содержится въ самомъ трудѣ греческаго

---

[1]) *О. с.* стр. 128.

[2]) Срвн. нашу статью въ »Университетскихъ Извѣстіяхъ«, 1883 г. май: »Опыты этнологіи съ помощью этимологіи«.

историка. Такъ, въ одномъ мѣстѣ царскихъ скиѳовъ онъ называетъ »храбрѣйшими, многочисленнѣйшими и почитающими остальныхъ скиѳовъ своими рабами« [1]). Ихъ однихъ онъ называетъ свободными (IV, 110). Въ другой главѣ (59) той-же книги Геродотъ объ этихъ самыхъ скиѳахъ замѣчаетъ: »*такъ называемые* царскіе скиѳы« [2]); слѣдовательно названіе это было употребительно и до Геродота. Страбонъ, относящійся, какъ извѣстно, весьма скептически къ Геродоту, считающій показанія его менѣе достовѣрными, нежели гомеровскія, упоминаетъ однако о тѣхъ-же самыхъ скиѳахъ съ прибавленіемъ »такъ называемые« [3]). Съ полною увѣренностью можно отнести къ геродотовымъ царскимъ скиѳамъ слѣдующее замѣчаніе позднѣйшаго географа, только распространяющаго характеристику ихъ у Геродота: »кочевники скорѣе воины, нежели разбойники, и воюютъ они изъ-за податей; ибо, предоставивши владѣніе землею тѣмъ, которые желаютъ обработывать ее, они довольствуются взиманіемъ за нее установленной подати, умѣренной, идущей не на роскошь, но на удовлетвореніе повседневныхъ насущныхъ потребностей; если тѣ податей не уплачиваютъ, кочевники идутъ на нихъ войною«.

Послѣ сказаннаго едва-ли можетъ быть рѣчь о томъ, будто Геродотъ въ начертаніи имени царскихъ скиѳовъ (Σ. βασιλήιοι) допустилъ описку, которая впослѣдствіи и получила право гражданства въ древней литературѣ; описка состояла будто-бы въ томъ, что вмѣсто »барсилеи« историкъ написалъ »басилеи,« опустивши букву ρ. »Замѣтимъ по адресу не одного только Иловайскаго«, говоритъ Н. Веселовскій, »а и многихъ другихъ, что никакихъ царскихъ скиѳовъ не было. У Геродота просто описка, которая указана довольно давно. Геродотъ (или его переписчики, или издатели—что все равно) выпустилъ одну букву ρ послѣ α (Βασιλικοί вм. Βαρσιλικοί), т. е. скиѳы барзилійцы. А народъ барзилійцы извѣстенъ намъ и

---

[1]) Σκύθαι οἱ ἄριστοί τε καὶ πλεῖστοι καὶ τοὺς ἄλλους νομίζοντες Σκύθας δούλους σφετέρους εἶναι. IV, 20.

[2]) οἱ δὲ καλόεμενοι βασιλήιοι Σκύθαι.

[3]) οἱ δὲ καλεομενοι Βασίλειοι. VII, 4 7. p. 312.

[4]) VII, 4, 6. p. 311.

по другимъ источникамъ, какъ извѣстно и названіе страны Барзиліи, или Берзиліи« [1]).

Правда, нѣкоторое основаніе для такой поправки геродотова текста содержится въ извѣстіи историка, что отъ общей массы царскихъ скиѳовъ отдѣлился отрядъ, занявшій мѣстности приблизительно въ западной части оренбургской губерніи, на нынѣшнихъ земляхъ башкировъ и киргизовъ. По замѣчанію Хвольсона, почти на томъ-же самомъ мѣстѣ жили барзулы Ибнъ-Даста, или барзилеи Моисея Хоренскаго [2]). Но основаніе это кажется намъ слишкомъ недостаточнымъ для того, чтобы отвергнуть единогласную традицію древнихъ текстовъ, оправдываемую кромѣ того самымъ положеніемъ одного изъ скиѳскихъ народцевъ относительно остальныхъ. Шаткость этого основанія слѣдуетъ особенно изъ того, что географическія свѣдѣнія Геродота объ этой части Сарматіи были весьма скудны и сбивчивы.

Какъ назывался этотъ скиѳскій народецъ самими скиѳами, мы не знаемъ; вѣроятнѣе всего, это и было то сильнѣйшее скиѳское племя, по имени котораго названы были остальные скиѳы, т. е. народцы, подчиненные царскимъ скиѳамъ. Въ названіи »царскіе«, βασιλήιοι, К. Нейманъ усматриваетъ искаженное варварское имя собственное, въ чемъ убѣждаетъ его колебаніе рукописей въ начертаніи этого имени и употребленіе его у Страбона въ качествѣ собственнаго имени [3]). Но незначительное разночтеніе рукописей наблюдается нами въ сущности лишь въ одномъ мѣстѣ текста, а эпитетъ »базилеи« встрѣчается у Геродота нѣсколько разъ.

Если въ повѣствованіи о скиѳахъ Геродотъ оставляетъ далеко за собою не только предшественниковъ, но и послѣдующихъ историковъ и географовъ, то въ его разсказахъ объ отдѣльныхъ племенахъ скиѳскихъ все-же остается не мало пробѣловъ, много не яснаго и спутаннаго. Названіе скиѳовъ встрѣчается впервые у Гезіода, имѣвшаго разумѣется лишь самыя смутныя представленія о нашемъ югѣ и его обитателяхъ. Ближайшіе предшественники отца исторіи, Гекатей изъ Милета и Гелланикъ изъ Митилены,

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1882 г., сент.

[2]) Ж. М. Н. Просв. 1868 г., 12, стр. 702—703.

[3]) О. с., стр. 179.

употребляютъ названіе скиѳовъ въ слишкомъ широкомъ, неопредѣленномъ смыслѣ народовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря: меланхлены, исседоны, меоты относились ими къ скиѳамъ. У Страбона терминъ этотъ также имѣетъ болѣе широкое значеніе, нежели у галикарнасскаго историка V вѣка до Р. Х. Сравнительно со всѣми этими писателями Геродотъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ въ различеніи народностей нашего юга задолго до начала нашей эры.

Исходнымъ пунктомъ въ опредѣленіи взаимныхъ этническихъ отношеній между скиѳскими племенами, которыя неясно различаются у Геродота, должно служить то положеніе, что въ описаніи скиѳскихъ нравовъ, образа жизни, религіозныхъ представленій греческій историкъ имѣетъ въ виду прежде всего царскихъ скиѳовъ. Обусловлено это тѣмъ, что царскіе скиѳы были настоящими господами остальныхъ, и что весь бытъ ихъ представлялъ наиболѣе рѣзкія и любопытныя особенности сравнительно съ соотечественниками греческаго историка.

Войну съ Даріемъ ведутъ собственно царскіе скиѳы, раздѣленные ради военныхъ цѣлей на три отряда. »Это была одна часть царскихъ скиѳовъ«, замѣчаетъ историкъ, »направившаяся тою дорогой, о которой я сказалъ; двѣ другія части царскихъ, большая подъ предводительствомъ Иданѳирса, (меньшая) третья подъ предводительствомъ Таксакиса« и проч. [1]). Тѣ-же царскіе скиѳы называются (VI, 84) общимъ именемъ номадовъ: »скиѳы номады послѣ того, какъ Дарій вторгся въ ихъ страну, рѣшились ему отмстить«. О нихъ-же, какъ о номадахъ, говоритъ Артабанъ Ксерксу передъ походомъ царя въ Елладу [2]). Иданѳирсъ, одинъ изъ вождей царскихъ скиѳовъ, называетъ свой народъ не имѣющимъ ни городовъ, ни обработанной земли [3]).

Очевидно къ господствующимъ скиѳамъ относится замѣчаніе историка, что они »не имѣютъ ни городовъ, ни укрѣпленій, что дома свои носятъ съ собою, сражаются на лошадяхъ, живутъ не хлѣбопашествомъ, но скотоводствомъ, жилища свои перевозятъ на

---

[1]) IV, 120.
[2]) VII, 10 (1).
[3]) IV, 127.

повозкахъ и потому непобѣдимы и недоступны« [1]). Въ самомъ началѣ IV книги историкъ говоритъ, что скиѳы не пахари, но кочевники. Страбонъ въ приведенномъ выше мѣстѣ приписываетъ черты кочевой жизни именно царскимъ скиѳамъ; у географа они изображаются народомъ бѣднымъ, нуждающимся въ дани на удовлетвореніе первыхъ жизненныхъ потребностей и потому отдающимъ свои земли какъ-бы въ аренду сосѣднимъ племенамъ, занимающимся земледѣліемъ. На крайнюю бѣдность указываетъ и Геродотъ [2]). Скиѳовъ-кочевниковъ Геродотъ ясно отличаетъ отъ скиѳовъ земледѣльцевъ. Упомянувши объ этихъ послѣднихъ, историкъ замѣчаетъ, что скиѳы-кочевники »ничего не сѣютъ и не пашутъ« [3]).

Едва-ли позволительно сомнѣваться, что всѣ эти черты не могутъ быть распространяемы на скиѳовъ-земледѣльцевъ и пахарей. Откуда-бы ни происходило названіе этихъ скиѳскихъ народцевъ, было-ли оно искаженіемъ туземныхъ скиѳскихъ именъ, или нарицательнымъ греческимъ именемъ по роду занятій ихъ, во всякомъ случаѣ ему не могъ не соотвѣтствовать земледѣльческій образъ жизни, слѣдовательно по крайней мѣрѣ полукочевой, если не вполнѣ осѣдлый. Да и самъ историкъ замѣчаетъ объ одномъ изъ этихъ племенъ, что оно сѣетъ хлѣбъ не только для собственнаго употребленія, но и на продажу [4]). Въ этомъ отношеніи онъ сближаетъ ихъ съ каллипидами, называющимися у него еллинами-скиѳами, и съ алазонами; первые представляли смѣшанное греко-скиѳское населеніе. Историкъ категорически отличаетъ царскихъ скиѳовъ отъ остальныхъ поклоненіемъ морскому божеству, названному Геродотомъ Посейдономъ, и почитавшемуся у царскихъ вмѣстѣ съ прочими божествами другихъ скиѳовъ [5]).

Прежде всего царскимъ скиѳамъ приписываетъ отецъ исторіи чувство національной исключительности. Дѣйствительно, жертвами этой исключительности являются Анахарсисъ и Скилесъ, оба изъ среды царскихъ скиѳовъ. Анахарсисъ былъ дядя Иданѳирса со

---

[1]) IV, 46. Сравни II, 167. IV, 97. 121. 123.
[2]) IV, 83.
[3]) IV, 19.
[4]) IV, 17: Σ. ἀροτῆρες, οἳ οὐκ ἐπὶ σιτήσι σπείρουσι, ἀλλ' ἐπὶ πρήσι.
[5]) IV, 59.

стороны отца (πάτρως), того самаго Иданѳирса, который командовалъ однимъ изъ отрядовъ въ войнѣ съ даріевыми полчищами: »Иданѳирсъ былъ сынъ Савлія, а Савлій былъ убійцею Анахарсиса«. Аріапейѳъ, отецъ Скилеса, былъ также царемъ скиѳовъ [1]). Что скиѳскіе народцы не всѣ относились съ такою нетерпимостью къ чужеземцамъ, особенно къ еллинамъ, что нѣкоторые изъ нихъ легко сближались съ сосѣдними греками, не возбуждая тѣмъ преслѣдованія противъ себя со стороны скиѳскихъ царей, свидѣтельствуетъ самый фактъ существованія еллино-скиѳовъ, или каллипидовъ.

Мы полагаемъ, что почитаніе Арея, сверхъ животныхъ, человѣческими жертвами и выдѣленіе его такимъ образомъ изъ пантеона скиѳскихъ божествъ болѣе всего приличествовало народу военному съ наиболѣе грубыми нравами. Въ честь Арея закалались плѣнники, одинъ отъ каждой сотни. »Людей рѣжутъ надъ сосудомъ«, разсказываетъ Геродотъ, »совершивши предварительно возліяніе виномъ на головы жертвъ; потомъ, отнесши кровь убитыхъ на кучу хворосту, выливаютъ ее на мечъ. Это относятъ они на верхъ, а внизу у святилища совершаютъ слѣдующее: всѣмъ умерщвленнымъ людямъ отрѣзываютъ правыя плечи и бросаютъ ихъ въ воздухъ; покончивъ съ приношеніемъ остальныхъ животныхъ, удаляются« [2]). Такой культъ Арею вполнѣ согласовался съ обычаемъ скиѳскихъ воиновъ выливать кровь перваго убитаго врага; божество получало въ жертву ту самую пищу, которая высоко цѣнилась самими почитателями [3]). Аналогичное чествованіе бога войны тѣломъ военноплѣнныхъ Палласъ находитъ у монгольскихъ народовъ, при чемъ мѣстомъ жертвоприношенія служитъ вершина холма, а копье, на которое натыкается трупъ убитаго врага, представляетъ собою, подобно мечу скиѳовъ, божество войны [4]). Кочевой образъ жизни царскихъ скиѳовъ, положеніе ихъ, какъ господствующей части населенія, поддерживаемое войною и набѣгами, отвѣчаетъ варварскому почитанію меча съ человѣческими жертвами. Мы видѣли, что Страбонъ, предпочитая названіе царскихъ скиѳовъ воинами, полемизируетъ съ тѣми

[1]) IV, 78.

[2]) IV, 62.

[3]) IV, 64.

[4]) Sammlung histor. Nachrichten über die mongol. Völkerschaften. II, 326 сл.

свидѣтелями, которые считали ихъ просто разбойниками. Сомнительно, чтобы подобный культъ согласовался съ земледѣльческимъ бытомъ остальныхъ скиѳовъ, подвластныхъ войнолюбивымъ хищнымъ »царямъ«.

Разумѣется, нельзя отрицать того, что строгое различіе въ культахъ между разными скиѳскими народцами не имѣло мѣста во время Геродота. По всей вѣроятности, долговременное господство царскихъ скиѳовъ въ причерноморскихъ земляхъ наложило въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ печать единства на тамошнее скиѳское населеніе вообще; при этомъ нѣкоторые нравы и обычаи господъ могли перейти и къ ихъ подчиненнымъ, нѣкоторыя черты грубости менѣе культурной, но сильнѣйшей части населенія могли распространиться на болѣе культурную, но слабѣйшую часть жителей. Совершеннымъ безлѣсьемъ Скиѳіи греческій историкъ объясняетъ одну изъ подробностей скиѳскихъ жертвоприношеній, состоявшую въ томъ, что жертвенное животное варилось на горящихъ костяхъ, а не на древесныхъ прутьяхъ; подробность, не согласовавшаяся съ свойствами лѣсныхъ частей Скиѳіи, занятыхъ скиѳами не царскими. Далѣе, предпочтительнымъ жертвеннымъ животнымъ у скиѳовъ была, по словамъ того-же историка, лошадь. Годъ спустя послѣ смерти скиѳы чествовали умершаго царя закланіемъ въ память его пятидесяти пригоднѣйшихъ слугъ и такого-же числа лошадей. Удавленныхъ юношей они усаживали особеннымъ способомъ на убитыхъ лошадей, устраивая такимъ образомъ почившему жертвоприношеніе всадниками [1]), т. е. такое, которое могло быть особенно желательно и пріятно скиѳу-номаду. Нейманъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи »Еллины въ землѣ скиѳовъ« [2]) упоминаетъ объ аналогичномъ обычаѣ у монголовъ, а Бастіанъ въ своемъ трудѣ »Человѣкъ въ исторіи« [3]). Почти тождественный обычай сообщается Леббокомъ относительно патагонцевъ, на что обращаетъ вниманіе г. Воеводскій въ изслѣдованіи: »Чаши изъ человѣческихъ череповъ и тому подобные примѣры утилизаціи трупа« [4]).

---

[1]) IV, 72.

[2]) Стр. 232 сл.

[3]) Der Mensch in d. Geschichte. 1860. II., стр. 335.

[4]) Одесса 1877 г., стр. 35 сл.

Съ давняго времени и по настоящее геродотовы скиѳы отождествляются съ тѣмъ дикимъ кочевымъ народомъ, который въ пророчествѣ Іезекіиля и Іереміи носитъ названіе Гогъ (Gôg), и опустошительные набѣги котораго представлялись израильскимъ пророкамъ величайшимъ бѣдствіемъ. Объ этомъ-же вторженіи скиѳовъ въ переднюю Азію разсказываетъ Геродотъ [1]), причемъ описанное имъ событіе и со стороны хронологіи, и со стороны направленія скиѳскаго похода совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, которое изображено у израильскихъ пророковъ и относится приблизительно къ половинѣ VII вѣка до Р. Х. Операціоннымъ базисомъ скиѳовъ въ этомъ походѣ служила Арменія, та именно часть ея, которая отъ нихъ получила названіе Сакасены. Объ этомъ-же говоритъ и Страбонъ въ слѣдующихъ словахъ: »саки совершали набѣги, подобные вторженію киммерійцевъ и треровъ, одни болѣе отдаленные, другіе менѣе далекіе. Они заняли Бактріану, а другой разъ завоевали лучшую часть Арменіи, которой и оставили имя Сакасены. Оттуда они проникли въ Каппадокію, главнымъ образомъ въ ту часть, которая касается Евксинскаго Понта и называется теперь Понтикой« [2]). Въ 38 и 39 главахъ Іезекіиля читатель находитъ мрачную картину опустошеній въ Палестинѣ, предвѣщаемыхъ своему народу пророкомъ и причиняемыхъ ордами Гогъ. Варвары спускаются съ сѣвера и изъ сосѣднихъ странъ, увлекая за собою всѣ народы, жившіе между Кавказомъ и Месопотаміей. Варварскія полчища состоятъ главнымъ образомъ изъ всадниковъ, искусно владѣющихъ лукомъ. На появленіи варваровъ съ сѣвера неоднократно настаиваетъ и Іеремія. »Вотъ съ сѣвера наступаетъ народъ«, восклицаетъ пророкъ, »движется великій народъ съ окраинъ земли. Они несутъ лукъ и копье; они жестоки и немилосердны; голосъ ихъ напоминаетъ ревъ моря; они ѣдутъ на лошадяхъ, вооруженныхъ также, какъ и воины. Противъ тебя, дочь Сіона! При вѣсти о наступленіи ихъ руки наши слабѣютъ, тревога овладѣваетъ нами, какъ женщиною, которая раждаетъ. Не выходите въ поля, не показывайтесь на дорогахъ, вездѣ мечъ непріятеля, всюду царитъ ужасъ. Дочь моего народа! Накройся вретищемъ и повергнись въ прахъ, облекись въ трауръ,

[1]) I, 103—106.

[2]) XI, 8, 4. p. 551.

какъ по единственномъ сынѣ, изливай горькія жалобы! Ибо разоритель наступитъ на насъ внезапно« [1]).

»Когда Геродотъ«, замѣчаетъ Фр. Ленорманъ, »и другіе древніе писатели разсказываютъ о жестокости скиѳовъ, ихъ алчности и грабительствѣ, то они употребляютъ почти тѣ-же самыя выраженія, въ какихъ Іезекіиль описываетъ воинство Гогъ« [2]). Подобно этому послѣднему народу скиѳы сражались только на лошадяхъ, вовсе не имѣли въ своихъ рядахъ пѣхоты, были на столько совершенными стрѣлками изъ лука, что ихъ называли изобрѣтателями этого вооруженія и конными лучниками (ἱππακοτοξόται).

Едва-ли позволительно сомнѣваться въ томъ, что подобныя черты варварства и дикости не могутъ быть безъ крайней натяжки пріурочены къ скиѳамъ-земледѣльцамъ,—онѣ вполнѣ согласуются лишь съ нравами и образомъ жизни царскихъ скиѳовъ-воиновъ, которые и въ геродотовой Скиѳіи жили войною и грабежемъ. Геродотомъ записаны такія проявленія власти скиѳскихъ царей, которыя по грубости не имѣютъ ничего общаго съ извѣстными намъ чертами владыкъ арійскихъ народовъ. Священнѣйшая клятва у скиѳовъ совершается во имя пенатовъ царя ихъ. »Когда царь заболѣваетъ«, разсказываетъ Геродотъ [3]), »онъ призываетъ къ себѣ трехъ славнѣйшихъ гадателей; они обязаны назвать лицо, ложно поклявшееся пенатами (Tabiti) царя и тѣмъ причинившее ему болѣзнь; обвиняемаго тотчасъ схватываютъ, приводятъ къ царю и допрашиваютъ. Если обвиняемый упорно запирается, то царь призываетъ шесть другихъ гадателей, и если эти послѣдніе показываютъ одинаково съ прежними, то виновнаго обезглавливаютъ на мѣстѣ, а состояніе его раздѣляютъ между тремя первыми гадателями. Если-же шесть призванныхъ гадателей оправдываютъ подсудимаго, то вызываютъ все новыхъ и новыхъ гадателей. Если большинство гадателей высказывается за оправданіе, три первые

---

[1]) Переводъ Ленормана: *Les origines de l'histoire d'apres la Bible. Paris. 1882.* II. стр. 449 и слѣд. Здѣсь-же читатель найдетъ подробный разборъ извѣстій о разорительномъ вторженіи скиѳовъ въ Палестину.

[2]) *Ibid.*, стр. 439.

[3]) *Ibid.* IV, 68. 69.

гадателя должны поплатиться смертью. Ихъ привязываютъ къ повозкамъ, запряженнымъ быками и наполненнымъ хворостомъ, и зажегши хворость, отдаютъ гадателей на жертву пламени и изступленію быковъ«. Многіе быки сгораютъ вмѣстѣ съ гадателями; другіе убѣгаютъ съ обжогами, когда сгоритъ дышло. Такимъ-же образомъ цари сожигаютъ гадателей и за другія вины, уличая ихъ въ ложномъ гаданіи. Царь казнитъ не только виновныхъ, онъ умерщвляетъ и дѣтей ихъ, истребляя все мужское поколѣніе«. Такою-же грубостью, которой не находимъ у арійскихъ народовъ, хотя извѣстія о нѣкоторыхъ изъ нихъ восходятъ за нѣсколько вѣковъ до Геродота, отличались похороны скиѳскихъ царей, сопровождавшіеся между прочимъ избіеніемъ слугъ. Если къ этому прибавить нѣкоторыя другія черты быта скиѳовъ, прежде всего, разумѣется, царскихъ, общія имъ съ нынѣшними монголами, напр. употребленіе въ пищу конскаго мяса, сыру и кумысу (ὀξύγαλα), окуриваніе въ паровыхъ баняхъ конопляннымъ сѣменемъ и т. п., то мы получимъ такую совокупность бытовыхъ особенностей нѣкоторыхъ частей скиѳскихъ обитателей южной Россіи, что сравнительно съ ними данныя языка, объясняемыя въ смыслѣ Мюлленгофа, получаютъ лишь весьма относительное значеніе. Съ другой стороны, по изслѣдованіямъ Фр. Ленормана, страна Mâgôg, откуда вышли орды Gôg, оставалась свободною отъ вліянія арійства не только въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, но и гораздо позже. Онъ категорически отвергаетъ всякія попытки объяснить имена Gôg и Mâgôg изъ арійскихъ языковъ и этимологію этихъ именъ, предлагаемую Тухомъ и Кнобелемъ и принимаемую Боннелемъ, по которой послѣднее изъ этихъ словъ складывается изъ двухъ разноязычныхъ элементовъ, называетъ просто чудовищною.

Краснорѣчивѣйшимъ подтвержденіемъ нашихъ соображеній, основанныхъ главнымъ образомъ на чертахъ быта скиѳовъ царскихъ и вообще кочевыхъ, служатъ категорическія извѣстія добросовѣстнѣйшаго греческаго изслѣдователя, почти современника галикарнасскаго историка. Мы говоримъ о Гиппократѣ (460—377 до Р. Х.). Знаменитый греческій врачъ пораженъ былъ необыкновеннымъ внѣшнимъ видомъ скиѳовъ, отдѣлявшимъ ихъ отъ другихъ извѣстныхъ ему народовъ и скрывавшимъ для него индивидуальныя черты различныхъ представителей этого народа: »они похожи только на

самихъ себя«, замѣчаетъ онъ, »и нисколько на другихъ«. Цвѣтъ кожи скиѳовъ, по словамъ того-же ученаго, желтый, тѣло ихъ тучное; отсутствіе бороды уподобляетъ мущинъ женщинамъ [1]).

Въ виду всего сказаннаго выше мы считаемъ невозможнымъ не признать въ средѣ геродотовыхъ скиѳовъ туранскихъ [2]) или точнѣе урало-алтайскихъ племенъ. То обстоятельство, что Геродотъ ничего не говоритъ о физическомъ строеніи скиѳовъ, находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что онъ или не наблюдалъ лично собственныхъ скиѳовъ, или не обратилъ вниманія на такія черты, которыя не могли укрыться отъ болѣе испытаннаго въ этомъ отношеніи глаза Гиппократа.

Что населеніе геродотовой Скиѳіи не было однородно, видно уже изъ раздѣленія его на скиѳовъ-землевладѣльцевъ и кочевниковъ. Оно становится еще яснѣе въ виду такихъ отзывовъ о скиѳахъ у древнихъ писателей, которые менѣе всего соотвѣтствуютъ военному хищническому строю и образу жизни скиѳовъ царскихъ. Гомеръ называетъ »доителей кобылицъ« (ἱππομόλγοι) справедливѣйшими людьми [3]). Въ отрывкѣ, сохраненномъ намъ Страбономъ [4]), Эсхилъ называетъ скиѳовъ народомъ благонравнымъ. Тотъ-же трагикъ въ своемъ »Промеѳеѣ« изображаетъ скиѳовъ мирнымъ наступескимъ народомъ [5]). Страбонъ сохранилъ изъ »Исторіи Ефора« нѣкоторые отрывки, относящіеся къ скиѳамъ и сарматамъ. »Савроматы и скиѳы«, замѣчаетъ историкъ, »далеко не одинаковы по образу жизни; иные до такой степени свирѣпы, что ѣдятъ человѣческое мясо, напротивъ другіе воздерживаются даже отъ употребленія въ пищу животныхъ. Многіе писатели разсказываютъ объ ихъ дикости, писатели, которымъ лично приходилось наблюдать страшное, удивительное и поразительное; но, прибавляетъ онъ, слѣ-

---

[1]) *De aëri, aquis et locis*. 91. 94. τὰ εἴδεα ὁμοῖα αὐτὰ ἑωυτέοισί εἰσι. 97. 98—10 2.

[2]) Терминъ »туранство« вслѣдствіе своей неопредѣленности долженъ наконецъ уступить мѣсто другимъ болѣе точнымъ.

[3]) *Ibid.*, XIII, 5.

[4]) VII, 3 6.

[5]) Стр. 709 сл.

дуетъ показать и примѣры противнаго. Между кочевниками скиѳами есть народы, которые питаются только кумысомъ и отличаются при этомъ замѣчательною честностью и справедливостью«[1]). Впрочемъ у самого Геродота имѣются свидѣтельства подобнаго рода. Такъ, онъ отличаетъ скиѳовъ отъ невѣжественнѣйшихъ народовъ Понта и говоритъ о мудрости ихъ[2]). Въ разсказѣ о даріевомъ походѣ онъ называетъ скиѳовъ народомъ мирнымъ.

Всѣ подобныя черты, несогласныя съ общимъ характеромъ царскихъ скиѳовъ, понятны, если мы перенесемъ ихъ на земледѣльческіе скиѳскіе народцы, слившіеся съ первыми въ одно политическое цѣлое. Скиѳы-земледѣльцы отличались отъ царскихъ не только по степени культуры и образу жизни, но и по національности. Въ противномъ случаѣ трудно допустить, чтобы одинъ только Гиппократъ сохранилъ намъ извѣстія о физическомъ строеніи скиѳовъ— разумѣются царскіе,—о строеніи, выдѣлявшемъ ихъ, по словамъ греческаго врача, въ народъ совершенно особый.

Мы не знаемъ ни одного серьезнаго аргумента противъ принимаемаго нами раздѣленія скиѳскихъ обитателей южной Россіи въ V в. до Р. Х. Напротивъ, наше мнѣніе согласуется съ общимъ движеніемъ народовъ изъ Азіи въ Европу и съ топографіей скиѳскихъ народцевъ, извѣстной намъ по Геродоту. Скиѳы царскіе, какъ пришедшіе сюда послѣ земледѣльческихъ, заняли земли къ востоку и сѣверу лежащія отъ ихъ предшественниковъ на скиѳской территоріи. Урало-алтайскія орды покорили древнее арійское населеніе, понизили его культуру, утвердили деспотическій политическій строй, стараясь къ тому-же оградить себя отъ всякихъ иноземныхъ вліяній. Эти послѣднія усилія не увѣнчались полнымъ успѣхомъ: арійская часть Скиѳіи уступала вліянію греческой культуры, она выдѣлила изъ себя каллипидовъ, смѣшавшихся съ греческими колонистами и образовавшихъ еллино-скиѳовъ.

Неразрѣшимымъ остается вопросъ о томъ количественномъ отношеніи, въ какомъ соединены были въ геродотовой Скиѳіи племена арійскія и не-арійскія. Правда, у Геродота есть одно замѣчаніе, изъ котораго позволительно заключить, что господствующіе

---

[1]) VII, 3, 9. р.

[2]) IV, 4 6.

скиѳы не составляли по крайней мѣрѣ значительнаго большинства въ общемъ скиѳскомъ населеніи. »Численности скиѳовъ«, замѣчаетъ историкъ, »я не могъ узнать; но слышалъ объ этомъ различныя мнѣнія, потому что ихъ и очень много, и мало, *какъ скиѳовъ*«[1]). Само собою разумѣется, названіе скиѳовъ употреблено здѣсь въ смыслѣ геродотовыхъ скиѳовъ, а не въ общемъ смыслѣ всѣхъ варварскихъ народовъ, жившихъ къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Чернаго моря. Слѣдовательно самъ историкъ готовъ понимать подъ своими скиѳами то одну часть ихъ, конечно, скорѣе всего царскихъ скиѳовъ, то всѣ народцы, названные имъ общимъ именемъ. Производствомъ провѣрки населенія, сдѣланной Аріантою, царь имѣлъ въ виду привести въ извѣстность всѣхъ плательщиковъ податей въ его владѣніяхъ; таковыми были прежде всего подчиненныя царскимъ скиѳскія племена; они-то и увеличивали до значительной цыфры количество скиѳовъ. Самый памятникъ общенародной переписи Геродотъ видѣлъ не въ странѣ царскихъ скиѳовъ, что по ту сторону Герроса, но въ Ексампаѣ, въ землѣ скиѳовъ-пахарей, по сю сторону Гипаниса (Буга). Весьма вѣроятно впрочемъ, что ближайшими по расѣ къ царскимъ были такъ названные у Геродота скиѳы-номады, названіе, несомнѣнно представляющее передѣлку на греческій ладъ какого-либо туземнаго народнаго имени. Во всякомъ случаѣ названію этому долженъ былъ отвѣчать вполнѣ кочевой образъ жизни этого народца, являющагося у греческаго историка какъ-бы номадами по преимуществу.

Слѣдовательно, если Геродотъ превосходилъ своихъ предшественниковъ и нѣкоторыхъ изъ преемниковъ въ географической и этнографической точности описанія Скиѳіи, то все-таки свѣдѣнія его объ этой странѣ и ея населеніи были не на столько достаточны, чтобы дать намъ вѣрное представленіе о составѣ того населенія, которое по имени господствующей расы получило общее наименованіе скиѳовъ.

Въ заключеніе намъ остается разсмотрѣть доводы почтеннаго московскаго профессора, Всев. Ѳед. Миллера въ пользу иранства скиѳовъ[2]). »Изъ всѣхъ догадокъ«, говоритъ онъ, »предложенныхъ о

---

[1]) IV, 60.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1882 г., авг. Стр. 191—207.

національности сарматовъ и скиѳовъ, до сихъ поръ наибольшаго вниманія заслуживаетъ гипотеза Цейсса и Мюлленгофа, которые на основаніи данныхъ языка (разбора собственныхъ именъ) видятъ въ этихъ народахъ иранцевъ, нѣкогда тронувшихся вмѣстѣ съ другими индо-европейскими народами въ Европу и затѣмъ затертыхъ въ южной Россіи другими уже не индо-европейскими народами, постоянно надвигавшимися съ востока. Мы думаемъ, что эту гипотезу слѣдуетъ ограничить въ томъ смыслѣ, что имена *скиѳъ* и *иранецъ* не покрываютъ другъ друга; мы считаемъ вѣроятнымъ только то, что подъ именемъ скиѳовъ скрывались племена индо-европейскія, и въ числѣ ихъ въ восточныхъ частяхъ Скиѳіи, по сѣверному побережью Понта, главнымъ образомъ въ бассейнѣ Дона, были и иранцы«.

Вс. Ѳ. Миллеръ, извѣстный между прочимъ изслѣдованіями объ осетинахъ, подкрѣпляетъ предположеніе свое ссылкою на нѣкоторые обычаи осетинскаго народца, принадлежащаго къ иранцамъ, сходные съ обычаями геродотовскихъ скиѳовъ. Такъ, въ народныхъ осетинскихъ сказаніяхъ сохранились слѣды скальпированія, напоминающіе тотъ же обычай у скиѳовъ. Но между двумя народами замѣчается въ этомъ отношеніи и не маловажная разница, опускаемая почтеннымъ ученымъ: въ сказаніи объ осетинскомъ героѣ Созрыко шубы сшиваются изъ кожъ ближайшихъ родственниковъ: отцовъ, братьевъ, мужей, тогда какъ у скиѳовъ жертвами скальпированія были только враги. Подобный обычай не чуждъ и урало-алтайскимъ народамъ, а также дикарямъ сѣверной и южной Америки [1]).

Далѣе почтенный ученый обращаетъ вниманіе на способы гаданія осетиновъ, аналогичные скиѳскимъ, записаннымъ у Геродота [2]), именно, посредствомъ палочекъ и липовыхъ лентъ, приготовленныхъ изъ лубка и наматываемыхъ на пальцы. Но второй способъ извѣстенъ также калмыкамъ, а первый гораздо ближе къ способу гаданія шамановъ, записанному Гмелинымъ въ его путешествіи по Сибири [3]). »Послѣ непродолжительнаго тихаго бормотанія«, замѣ-

---

[1]) K. Neumann, *O. c.*, стр. 304. Л. Воеводскій, *O. c.*, стр. 26 сл.

[2]) IV, 67.

[3]) Gmelin, *Reise durch Sibirien.* I, 290. Neumann, *O. c.*, стр 265.

чаетъ путешественникъ, »колдунъ бралъ пучокъ мелкихъ палочекъ, какъ бы сѣрныхъ лучинокъ. Въ такомъ пучкѣ содержится 49 палочекъ, подобно тому, какъ гадатели черемисскіе, чувашскіе и вотякскіе имѣютъ (для этой цѣли) 49 бобовъ. Вскорѣ послѣ этого онъ выбиралъ изъ пучка пять палочекъ и клалъ ихъ особо. Съ остальными онъ игралъ, бросая ихъ то туда, то сюда, а затѣмъ вытягивалъ то одну, то другую. Процедура длилась не долго, и колдунъ произносилъ гаданіе«. У Геродота гадатели, которыхъ у скиѳовъ было много, кладутъ на землю большіе пучки палочекъ, развязываютъ ихъ, раскладываютъ по одной палочкѣ порознь и произносятъ прорицанія; потомъ опять собираютъ ихъ по одной и складываютъ въ пучки.

Въ похоронныхъ обрядахъ осетиновъ участвуютъ не одни родственники покойнаго, но весь аулъ его или даже вся окрестность, какъ у скиѳовъ. Погребеніе сопровождается обильнымъ угощеніемъ; поминки по умершемъ повторяются въ теченіи перваго года послѣ смерти до двѣнадцати разъ; при погребеніи обязательно для ближайшихъ родственниковъ выраженіе сильнѣйшей скорби и горя, а въ прежнее время, о чемъ свидѣтельствуютъ надгробные памятники, съ покойникомъ погребали коня и различные нужные для него предметы.

Всѣ эти черты, разумѣется, близко напоминаютъ скиѳскіе похороны [1]). Но дѣло въ томъ, что аналогіи болѣе многочисленныя и болѣе полныя содержатся въ трудахъ новыхъ ученыхъ о монгольскихъ народахъ [2]).

Вс. Ѳ. Миллеръ упоминаетъ еще о богатырской чашѣ, слѣды употребленія которой сохранились въ осетинскихъ сказаніяхъ. Это— чаша, подобная той, въ которой правитель каждой скиѳской области (νομάρχος) ежегодно замѣшивалъ вино; причемъ изъ чаши имѣли право пить только тѣ скиѳы, которые убивали непріятелей; никого не убившіе не допускались къ чашѣ и сидѣли въ отдаленіи [3]).

Впрочемъ вообще мы полагаемъ, что придавать большое значеніе сближенію геродотовыхъ скиѳовъ съ нынѣшними осетинами нельзя; нельзя и пользоваться этимъ сближеніемъ для подкрѣпле-

---

[1]) IV, 71—73.

[2]) I. C. F. Baehr. *Herodotos*. Примѣчанія къ главамъ, сюда относящимся.

[3]) IV, 66.

нія гипотезы объ иранствѣ скиѳовъ. Во-первыхъ, далеко недостаточно извѣстны прошлыя судьбы этого небольшаго горнаго народа, его отношенія въ прошломъ къ другимъ народамъ, отличнымъ отъ него по расѣ и языку. Во-вторыхъ, на настоящей своей территоріи, въ горныхъ ущельяхъ Кавказа, осетины стиснуты многими народцами никакъ уже не-арійскаго, но скорѣе всего урало-алтайскаго типа, каковы: чеченцы, грузины, кабардинцы и др. Самъ г. Миллеръ замѣчаетъ, что »многія имена нартовъ—богатырей общи у кабардинцевъ, балкарцевъ и осетинъ: всѣ три народа знаютъ нартовъ Хамица, Сосруко, Батраза, Сирдона и хитроумную богатыршу Сатáну«. Между тѣмъ главнѣйшія черты быта осетиновъ, сближаемыя авторомъ съ скиѳскими обычаями, заимствуются имъ изъ сказаній о богатыряхъ Сосруко и Батразѣ. Авторъ самъ предостерегаетъ изслѣдователей дѣлать обобщенія относительно прошлой исторіи осетинъ на основаніи ихъ эпоса, детальная разработка котораго до сихъ поръ еще не начиналась даже; онъ самъ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, какой именно изъ сѣверо-кавказскихъ народовъ создалъ главные типы нартовъ; онъ даже дѣлаетъ догадку, что кабардинскій эпосъ сильно повліялъ на осетинскій, а послѣдній и кабардинскій на сказанія балкарцевъ; но ни кабардинцы, ни балкарцы не принадлежатъ къ иранцамъ, ни вообще къ арійской семьѣ народовъ.

Въ виду этого трудно, если не совсѣмъ невозможно отрицать многообразныя вліянія урало-алтайскихъ народцевъ на иранскихъ осетиновъ; тѣмъ менѣе возможно полагаться на нѣкоторыя отдѣльныя черты сходства между геродотовыми скиѳами и нынѣшними осетинами въ доказательство иранства первыхъ.

Положеніе и бытъ осетиновъ въ виду занимающаго насъ вопроса представляется поучительнымъ въ другомъ смыслѣ: судьба этого иранскаго народца показываетъ намъ, какъ племя высшее по расѣ и по способности къ культурѣ можетъ при извѣстныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ уступить вліяніямъ племенъ низшей расы, въ особенности, если эти послѣднія подобно царскимъ скиѳамъ Геродота оказываются въ положеніи господъ. Присутствіе арійскихъ иранцевъ въ геродотовой Скиѳіи, занимавшихся земледѣліемъ, отличавшихся миролюбивымъ характеромъ и охотно сближавшихся съ греческими поселенцами, весьма вѣроятно; но едва-ли можетъ под-

лежать сомнѣнію, что господствующею частью населенія Скиѳіи были орды урало-алтайскаго типа, нѣкоторыя физическія черты котораго засвидѣтельствованы для насъ писателемъ, не уступающимъ по добросовѣстности и достовѣрности отцу исторіи, именно Гиппократомъ. Можно сказать съ увѣренностью, что Геродотъ съ своими пріемами изслѣдованія, съ своимъ знаніемъ варварскихъ языковъ не исключилъ бы осетиновъ изъ общей группы кавказскихъ народцевъ, какъ онъ соединилъ однимъ именемъ скиѳовъ-аріевъ и скиѳовъ—урало-алтайцевъ.

Такимъ образомъ мы пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) отецъ исторіи замѣнилъ прежнее слишкомъ общее *географическое* названіе скиѳовъ терминомъ *политическимъ* и тѣмъ ограничилъ географическое понятіе скиѳскихъ народовъ; но политическое единство скиѳовъ и недостаточность пріемовъ наблюденія помѣшали ему различить въ составѣ скиѳскаго населенія племена различныя по расѣ, арійскія и урало-алтайскія; 2) къ арійскимъ слѣдуетъ причислять каллипидовъ, алазоновъ, скиѳовъ-земледѣльцевъ и пахарей, остававшихся въ томъ полукочевомъ-полуосѣдломъ образѣ жизни, къ которому перешли общіе арійскіе предки индо-европейскихъ народовъ еще до разселенія ихъ на отдѣльныя мѣста жительства въ Азіи и Европѣ; 3) къ урало-алтайской группѣ принадлежали скиѳы-кочевники, прежде всего царскіе скиѳы, пришедшіе сюда послѣ арійскихъ народцевъ и раньше тѣхъ не скиѳскихъ племенъ, которыя въ описаніи Геродота ограничиваютъ скиѳское населеніе юга Россіи съ запада, сѣвера, востока, и отчасти съ юга (арійскіе народцы не чуждались еллинской культуры и содѣйствовали распространенію ея дальше къ сѣверу отъ греческихъ колоній, между тѣмъ скиѳы-урало-алтайцы отличались крайнею нетерпимостью ко всему чужеземному) и 4) терминъ »царскихъ« скиѳовъ долженъ быть удержанъ въ греческомъ текстѣ, такъ какъ къ замѣнѣ »базилеевъ« »барзилеями« у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній.

Ѳ. Мищенко.

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе)[1]).

VIII.

Въ Лейпцигъ я пріѣхалъ утромъ; городъ былъ очень оживленъ и многолюденъ; я въ немъ пробылъ нѣсколько дней, познакомился съ нѣкоторыми студентами, съ Феликсомъ Мендельсономъ Бертольди, у котораго провелъ два вечера и былъ очарованъ его любезностью и игрою на фортепьяно. Блестящи были импровизаціи и фантазіи Листа, но и Мендельсоновы немногимъ уступали имъ. Въ игрѣ Мендельсона было болѣе мягкости, нѣжности; она не потрясала, но глубоко проникала въ душу, и необыкновенно удачное сочетаніе оригинальной гармонизаціи съ пѣвучей мелодіей ласкало слухъ и приводило слушателя въ самое пріятное настроеніе. Отлично образованный, умный и въ высшей степени симпатичный, Мендельсонъ пріобрѣлъ во мнѣ искренняго поклонника своему геніальному таланту. Онъ просматривалъ мои музыкальныя со-

[1]) См. „Кіевская Старина", 1884 г., апр. кн., стр. 609—633.

чиненія, нашелъ ихъ очень удовлетворительными для любителя, далъ нѣсколько дѣльныхъ совѣтовъ, и рекомендовалъ мнѣ въ Дрезденѣ Рейсигера для инструментовки и Дотцауера для уроковъ контрапункта. Жена Мендельсона, милая и привѣтливая дама, весьма не дурная собою, произвела на меня пріятное впечатлѣніе.

Дрезденъ.

Изъ Лейпцига я переѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Дрезденъ, Городъ этотъ мнѣ очень понравился: незатѣйливыя, но красивыя зданія, узкія, но чисто содержимыя улицы, спокойствіе и миръ, въ немъ царствовавшіе, патріархальный образъ жизни, простота и дешевизна были мнѣ по сердцу. Я нанялъ маленькую, уютную квартиру въ двѣ комнаты въ Marien-strasse, въ домѣ, гдѣ жилъ извѣстный скрипачъ Липинскій, познакомился съ нимъ, а у него съ Рейсигеромъ и Дотцауеромъ, и началъ съ ними прерванные въ Берлинѣ музыкальные уроки. Какъ тотъ, такъ и другой излагали свои предметы точно, ясно и занимательно, и въ короткое время я инструментировалъ довольно порядочно мои сочиненія, написанныя для фортепьяно, постигъ всю премудрость фуги и перешелъ къ канону. У Липинскаго каждую недѣлю, по средамъ, собирались музыкальныя знаменитости Дрездена, исполняли квартеты. Первую скрипку игралъ всегда почти хозяинъ, вторую Шубертъ, на віолончели попеременно игрывали Дотцауеръ и Куммеръ. Высокое наслажденіе доставляли мнѣ эти квартетные вечера, я не пропускалъ ни одного, и постоянно вращался въ артистическомъ тѣсномъ кругу. Расположеніе духа было печальное, но спокойное; безмятежное существованіе и музыкальныя развлеченія помирили меня съ моимъ положеніемъ. Каждое воскресенье я отправлялся въ католическую церковь слушать превосходное исполненіе церковной музыки. Дирижировалъ всегда Рейсигеръ. Раза два, три въ недѣлю бывалъ въ нѣмецкой оперѣ въ новомъ отлично отдѣланномъ театрѣ.

Дрезденскій королевскій оркестръ считался лучшимъ въ Европѣ въ то время, и дѣйствительно состоялъ изъ первоклассныхъ артистовъ. Достаточно сказать, что первымъ капельмейстромъ былъ Рейсигеръ, кто-

рымъ Р. Вагнеръ, первыми скрипками: Липинскій и Шубертъ, віолончелями: Дотцауеръ и Куммеръ, валторной: Леви, кларнетомъ: Бекманъ, флейтой: Фюрстенау. Хоры были превосходны; первыя роли исполнялись: г-жею Шредеръ-Девріенъ, дѣвицей Тучекъ, гг: Ботигеромъ и Тихачекъ. Постановка была весьма удовлетворительная. Въ особенности хорошо шли: Фрейшюцъ Вебера, жившаго въ двадцатыхъ годахъ въ Дрезденѣ и дирижировавшаго оперой, Гугеноты Мейербеера и Рiэнци Вагнера. Самое зданіе театра, вновь построенное и отдѣланное, не очень велико, но чрезвычайно красиво.

Съ Вагнеромъ я познакомился у Рейсигера. Личность замѣчательная, и въ высшей степени талантливая. Онъ самъ написалъ либретто къ своей оперѣ и инструментировалъ ее оригинально. Многимъ не нравилась шумная трескотня духовыхъ инструментовъ въ оркестровкѣ и излишняя речитативность въ композиціи; но тогда уже въ немъ проглядывала геніальность. Вагнеръ былъ пріятнымъ и любезнымъ собесѣдникомъ во всемъ, что не касалось политики; но если заходила рѣчь о политическихъ или соціальныхъ вопросахъ, онъ становился довольно непріятенъ своими рѣзкими выраженіями и слишкомъ либеральнымъ, радикальнымъ образомъ мыслей. Въ этихъ вопросахъ я велъ съ нимъ ожесточенную борьбу. По рожденію, воспитанію и національности я былъ консерваторомъ и не могъ равнодушно слушать крайнихъ убѣжденій Вагнера, совершенно противоположныхъ моимъ. Впрочемъ мы оставались добрыми друзьями.

Кромѣ увѣдомленія Крапаха, что письмо мое передано, другихъ извѣстій изъ Берлина не имѣлъ.

Послѣ мирнаго шестинедѣльнаго пребыванія въ Дрезденѣ, судьба свела меня съ однимъ соотечественникомъ, близкимъ сосѣдомъ по полтавской деревнѣ, отставнымъ гвардіи поручикомъ З., раненымъ на Кавказѣ въ грудь пулею на вылетъ. З. лѣчился въ Германіи болѣе года и пріѣхалъ на зиму въ Дрезденъ. Хотя я мало былъ съ нимъ знакомъ на родинѣ, но за границей русскіе легко сближаются другъ съ другомъ, и мы вскорѣ сдѣлались пріятелями. З. предложилъ мнѣ нанять общую квартиру просторнѣе моей, отыскалъ очень удобное помѣщеніе помѣсячно въ гостинницѣ »Zum goldenen Hirsch«,

и мы тамъ поселились. Имѣли четыре комнаты; переднюю, довольно большую гостинную, и двѣ спальни, обзавелись лакеемъ и получали столъ отъ содержателя гостинницы, весьма не дурной, и за умѣренную условленную плату; пріобрѣли много знакомыхъ; если не отправлялись въ театръ, по вечерамъ бывали дома и принимали посѣтителей; изъ нихъ я въ особенности полюбилъ стараго моего знакомаго Вальтера, лѣчившаго З., и Ганса Ганфестенгеля, талантливаго живописца. Докторъ Вальтеръ начиналъ имѣть уже небольшую практику у русскихъ путешественниковъ, а Ганфестенгель занимался тогда литографированіемъ замѣчательнѣйшихъ картинъ дрезденской галлереи. Онъ нѣсколько разъ сопровождалъ меня въ галлерею и останавливалъ вниманіе на знаменитыхъ произведеніяхъ живописи. Изъ нихъ особенное впечатлѣніе произвела на меня Сикстинская Мадонна Рафаэля; каждое посѣщеніе галлереи не обходилось безъ того, чтобы я не посвятилъ нѣсколько времени этому геніальному произведенію; потомъ — св. ночь Корреджіо и Cristo della moneta Тиціана; часто любовался я также великолѣпными пейзажами Рюйздаля.

Вскорѣ наши вечерніе пріемы обратились въ пирушки; ужины съ шампанскимъ, по русскому обычаю, заканчивали вечера, продолжавшіеся иногда далеко за полночь, вопреки принятымъ въ Дрезденѣ обычаямъ. Тамъ обѣдывали въ часъ; въ десятомъ всякое движеніе по улицамъ прекращалось и въ десять всѣ уже покоились. Насъ начали считать богатыми иностранцами съ большими причудами. Собранія эти впрочемъ развлекали меня и разнообразили пустоту дрезденской жизни и домашняго быта. З. очень скоро надоѣлъ мнѣ своими претензіями на умъ и образованность: въ существѣ это былъ не глупый, но довольно пошлый господинъ, не умѣвшій правильно писать по русски и понимавшій французскій языкъ по своему; получивъ воспитаніе въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, онъ гордился своею ученостью, но считалъ нужнымъ дополнить образованіе путешествіями и чтеніемъ; читалъ постоянно французскіе романы и въ нихъ почерпалъ звучныя фразы, которыми старался украсить свою рѣчь; никогда не забуду, какъ онъ потѣшилъ меня однажды. Окончивъ чтеніе »Людовика XIV« Александра Дюма, З. увѣрялъ меня, что Людовикъ XIV обладалъ необыкновен-

нымъ аппетитомъ, потому что у него было два желудка, какъ ни старался я ему объяснить, что выраженіе: double capacité вовсе не означаетъ двухъ желудковъ, а двойную способность одного желудка, З. не хотѣлъ мнѣ вѣрить, началъ спорить и остался при своемъ убѣжденіи.

Подобное товарищество по квартирѣ не разъ заставляло меня пожалѣть объ Алларѣ и мысленно переноситься въ Берлинъ.

Образъ Наимы часто представлялся моему воображенію, нерѣдко помышлялъ я о возвращеніи въ Берлинъ, но долгъ чести останавливалъ меня. Ни разу ей не писалъ, и въ прощальномъ письмѣ не говорилъ о предположенномъ мѣстопребываніи, да и самъ не зналъ, куда поѣду и сколько гдѣ проживу.

Я началъ писать симфонію для оркестра, первое мое произведеніе въ этомъ родѣ; и говорить нечего, что оно принадлежитъ вполнѣ Наимѣ. Первая часть: Allegro agitato въ F-мольномъ тонѣ заключаетъ въ себѣ оригинальный мотивъ, которому я старался придать еврейскій характеръ; вторая: Andante con moto, As dur, чисто въ рускомъ стилѣ и напоминаетъ одну изъ велукорусскихъ пѣсень; третья Scherzo Allegro, минорная, но игривая мелодія, потомъ Trio въ мажорномъ тонѣ; четвертая: Finale Allegro не богатая музыкальными идеями, но тщательно разработанная и испещренная контрапунктомъ. Окончивъ симфонію, я показалъ ее Рейсигеру; онъ исправилъ два-три мѣста въ инструментовкѣ, одобрилъ разработку мелодіи и строгое исполненіе симфоническихъ правилъ и сказалъ, что симфонія моя можетъ быть исполнена королевскимъ оркестромъ. Каждый имѣлъ право требовать исполненія музыкальныхъ своихъ и другихъ сочиненій отъ королевскаго оркестра въ свободное отъ его обязательныхъ занятій время, съ платою по 25 талеровъ за два часа въ кассу вдовъ и сиротъ музыкантовъ, служившихъ въ оркестрѣ. Эта плата въ концѣ года составляла довольно порядочную сумму. Содержаніе-же оркестра вообще не обходилось дорого. Достаточно сказать, что такая знаменитость, какъ Лининскій, получалъ всего двѣ тысячи талеровъ въ годъ, Фюрстенау полторы тысячи, Дотцауэръ и Куммеръ по шестисотъ; чрезъ 25 лѣтъ службы жалованье обращалось въ пенсію.

Исполненіе моей симефоніи было назначено въ 11 часовъ утра, въ пятницу на пятой недѣлѣ великаго поста. Первый разъ ее сыграли безъ репетиціи: дирижировалъ Рейсигеръ, музыканты наговорили мнѣ множество любезностей, во второй разъ Рейсигеръ заставилъ меня дирижировать. Какъ ни былъ я слабъ въ этомъ родѣ музыкальныхъ упражненій, съ артистами королевскаго оркестра дирижированье собственнаго сочиненія не представляло большихъ трудностей и исполненіе вышло удачнѣе перваго, въ особенности второй части симфоніи, гдѣ русская мелодія подъ мановеніемъ моей капельмейстерской палочки очертилась рельефнѣе и произвела большой эффектъ. Но съ комплиментами выразилось и недовѣріе къ моему творчеству. Первый гобоистъ подошелъ къ Дотцауэру и до меня долетѣли слова: не могу допустить, чтобы вся симфонія была написана молодымъ русскимъ,—она такъ гармонизована, что требуетъ глубокихъ познаній въ контрапунктѣ, и я не сомнѣваюсь, что вы принимали большое участіе въ этой композиціи. Дотцауэръ увѣрялъ скептика, что не перемѣнилъ въ моей симфоніи ни одной ноты, но что Рейсигеръ дѣйствительно исправилъ мѣстами оркестровку.

Ганфстенгель познакомилъ меня съ польскимъ семействомъ отставного полковника наполеоновскихъ войскъ Z. Вполнѣ онѣмеченное семейство состояло изъ отца, матери и двухъ дочерей. Старшая, очень красивая блондинка, была въ разводѣ съ мужемъ, меньшая, очень не красивая, но умная и привѣтливая, была дѣвицей.

Ганфстенгель бывалъ у нихъ часто, но ничего не говорилъ мнѣ о своихъ отношеніяхъ къ старшей дочери Z. Однажды, въ вечеру, за чашкой чая, я разсказывакъ имъ, какъ мы съ Ганфстенгелемъ пріятно провели вечеръ у Шарлотты Гагенъ, извѣстной актрисы. Замѣчаю, что старшая дочь Z. то блѣднѣетъ, то краснѣетъ, наконецъ падаетъ въ обморокъ. Когда ее привели въ чувство, мы ушли, Гаписъ сталъ укорять меня въ неумѣстной шуткѣ, полагая, что давно долженъ былъ догадаться о его интригѣ съ красивой блондинкой. Я его увѣрялъ въ противномъ, пожурилъ за излишнюю скромность и мы разстались совершенными друзьями.

На вербной недѣлѣ я получилъ деньги изъ дому; переводъ тогда дѣлался чрезъ домъ Штиглица въ Петербургѣ, и кредитива прислана

на мое имя для полученія денегъ въ Дрезденѣ у банкира К. Сходство фамиліи этого банкира съ фамиліей отца Наимы меня поразило. Отправляюсь въ контору и узнаю, что дрезденскій банкиръ двоюродный братъ берлинскому К. Я изъявилъ желаніе съ нимъ видѣться, и въ дрезденскомъ представителѣ богатаго банкирскаго дома нашелъ двойника отца Наимы, только помоложе. Тотъ-же не красивый еврейскій типъ, та-же непривѣтливость. Я съ нимъ переговорилъ о курсѣ, о будущихъ переводахъ денегъ и откланялся. Курсъ стоялъ тогда для насъ очень выгодный, за сто рублей плотили сто десять талеровъ. О знакомствѣ съ семействомъ Наимы я умолчалъ; въ банкирѣ было что-то отталкивающее и не располагающее къ дальнѣйшему знакомству.

Въ вербное воскресенье въ зданіи стараго театра назначено было исполненіе ораторіи Мендельсона: Paulus и 3-й симфоніи Беттовена. Дожидали пріѣзда Мендельсона; онъ долженъ былъ дирижировать. Я запасся билетами какъ на генеральную репетицію, такъ и на исполненіе ораторіи. З. не пожелалъ слушать серьёзной, но очень скучной, по его понятіямъ, музыки.

Мое мѣсто было въ ложѣ бель-этажа на оба вечера; къ генеральной репетиціи пріѣхалъ Мендельсонъ, но я его не видѣлъ и не слышалъ его замѣчательнаго Паулуса; подлѣ моей ложи, съ лѣвой стороны, точь въ точь какъ въ Гарнизонъ-кирхѣ въ Берлинѣ, сидѣла Наима, а за нею Лея и незнакомый мнѣ господинъ. Появленіе ихъ въ сосѣдней ложѣ, показалось мнѣ сначала призрачнымъ видѣніемъ, но я вскорѣ убѣдился въ счастливой дѣйствительности. Наима заговорила со мной. Голосъ ея дрожалъ, она была взволнована, глаза свѣтились такимъ выраженіемъ сочувствія и любви, что я не помнилъ себя отъ радости; въ антрактахъ мы говорили довольно громко, и она представила мнѣ своего родственника, сына дрезденскаго банкира; во время репетиціи мы перешептывались. Что мы говорили другъ другу, вспомнить не могу: я находился въ слишкомъ возбужденномъ состояніи духа, но не забуду никогда заключительныхъ словъ Наимы: знай, что я твоя, на вѣкъ твоя, чтобы ни случилось.

Мы сговорились видѣться на слѣдующій день въ картинной галереѣ, гдѣ провели цѣлое утро, удаляясь въ комнаты менѣе посѣщае-

мыя публикой. Здѣсь Наима сообщила мнѣ, что пріѣхала съ Леей погостить накороткѣ у банкира К. и затѣмъ располагала ѣхать съ сестрой въ Малагу, что жизнь въ Берлинѣ стала ей невыносимой съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ и отецъ узналъ о ея привязанности ко мнѣ, а скрывать эту привязанность, послѣ неожиданнаго моего отъѣзда, она была не въ силахъ, часто плакала, постоянно грустила. Рѣшились послать ее въ Малагу въ надеждѣ, что время и путешествіе разсѣятъ ее. Разговоръ не могъ быть послѣдовательнымъ; намъ мѣшали.

Въ вечеру мы опять были вмѣстѣ на исполненіи ораторіи Мендельсона, и условились сойтись на другое утро въ »Hôtel de saxe«, гдѣ я долженъ былъ приготовить комнату съ особеннымъ входомъ. Принять меня у своего родственника, банкира К. Наима не могла, а переговорить съ ней безъ свидѣтелей было необходимо.

Рано утромъ, въ понедѣльникъ, я былъ уже на ногахъ, отправился къ содержателю „Hôtel de saxe“, съ которымъ былъ знакомъ, посѣщая иногда знакомыхъ въ его гостинницѣ, и условился съ нимъ на счетъ отдѣльнаго помѣщенія на короткое время для родственницы моей.

Съ 10 часовъ утра я ждалъ Наиму на площади не далеко отъ Саксонской гостинницы. Волненіе, нетерпѣніе, смутное ожиданіе длили время, оно казалось мнѣ безконечнымъ; около 11-ти часовъ я замѣтилъ даму, всю въ черномъ, съ опущеннымъ вуалемъ, приближающуюся медленнымъ, но твердымъ шагомъ къ гостинницѣ; я подошелъ, то была Наима; я ей подалъ руку, и мы отправились въ приготовленный номеръ.

Она подняла вуаль, сняла шляпку и я остолбенѣлъ отъ удивленія и восторга. Никогда еще Наима не представлялась мнѣ такою красивою, такою величественною. Матовая блѣдность ея лица была оживлена яркимъ румянцемъ, огненный взглядъ, въ которомъ выражалась непреклонная сила воли, придавалъ какую-то особенную, чарующую прелесть ея чуднымъ глазамъ. Невольно я опустился на колѣна и палъ къ ея стопамъ. Въ безмолвіи, въ упоеніи наслаждался я дивною ея красотой, впивался взглядомъ въ ея правильныя, тонкія черты. Она наклонилась, напечатлѣла на челѣ моемъ жгучій поцѣлуй и приподняла мени. Я бросился къ ней, обнялъ и продолжительный поцѣлуй въ уста

скрѣпилъ наши чувства навсегда. Вѣчно памятный день! Съ нимъ взошла новая заря моей жизни, предстала будущность, полная счастія и любви.

Два часа просидѣли мы въ Саксонской гостинницѣ и переговорили обо всемъ. Не обошлось безъ борьбы въ великодушіи. Наима рѣшилась оставить сестру и слѣдовать всюду за мною, прервать всѣ связи съ семействомъ и отдать мнѣ все, что было дорого ея сердцу, съ однимъ условіемъ, чтобы между нами никогда не былъ возбуждаемъ религіозный вопросъ,—какъ ни старался я убѣдить ее, что съ соблюденіемъ послѣдняго условія, я не считалъ-бы себя вправѣ воспользоваться ея рѣшимостью и не могъ-бы взамѣнъ громадныхъ жертвъ, ею приносимыхъ, дать ей моего имени.

Насъ благословитъ Богъ, отвѣтила Наима; одинъ Богъ на небесахъ, и предъ Нимъ я буду твоею женою, а ты моимъ мужемъ; даю Ему обѣтъ вѣчно любить тебя и принадлежать тебѣ; въ твоей любви не сомнѣваюсь.

Кто-бы устоялъ противъ этого искренняго, высокаго проявленія чувства? Я впрочемъ не пошелъ на сдѣлку съ своей совѣстью и далъ также обѣтъ осуществить завѣтную мою мечту не только предъ Богомъ, но и предъ людьми. Время, обстоятельства, думалъ я, поколеблютъ непреклонность Наимы въ религіозномъ отношеніи, и дадутъ мнѣ возможность назвать ее по праву моей супругой.

Меня затруднялъ еще одинъ вопросъ—вопросъ о Леи. Я очень любилъ и уважалъ сестру Наимы, она всегда была благосклонно ко мнѣ расположена, и мнѣ казалось неделикатнымъ, недостойнымъ да и не возможнымъ скрыть отъ нея наше рѣшеніе.

— Не безпокойся, сказала Наима, я переговорила съ Леей. Она сначала употребила все свое краснорѣчіе и всю свою привязанность, чтобы отговорить меня отъ свиданія съ тобою здѣсь, и удержать отъ принятаго рѣшенія; но когда увидѣла, что я непреклонна, объявила, что препятствовать мнѣ не будетъ, пожелавъ счастья, въ которомъ впрочемъ убѣждена, зная твой благородный характеръ; обѣщала даже скрыть до поры до времени мое отсутствіе изъ ея дома отъ отца и тетушки.

Послѣ этого всѣ сомнѣнія мои разсѣялись, и на другой день сговорились мы собраться въ Саксонской гостинницѣ утромъ, съ тѣмъ, чтобы въ вечеру уѣхать изъ Дрездена въ Италію.

Весь день провелъ я въ приготовленіяхъ къ отъѣзду, наскоро уложилъ необходимыя въ путешествіи вещи, остальныя сложилъ въ сундукъ и отправилъ на храненіе содержателю Саксонской гостинницы. Ночь провелъ безъ сна: избытокъ счастья, близкое осуществленіе несбыточныхъ надеждъ волновали меня. Къ этому прибавилось безпокойство, какъ объяснить матери моей мои отношенія къ Наимѣ, какъ склонить ее на согласіе благословить со временемъ бракъ нашъ и принять въ домъ мою жену. Затрудненія эти устранялись любящимъ сердцемъ: мнѣ казалось, какой то тайный голосъ нашептывалъ мнѣ, что когда увидятъ мою Наиму, когда узнаютъ ее—препятствія исчезнутъ сами собою.

Во вторникъ утромъ я простился съ З., сказавъ ему, что уѣзжаю съ однимъ знакомымъ французомъ въ Парижъ; мы разстались довольно холодно: его самолюбіе не могло извинить моихъ правильныхъ толкованій смысла французской рѣчи и указаній на его ошибки въ русской орфографіи. Разсчитавшись съ содержателемъ »Золотаго Оленя« и слугой, я убѣдился, что у меня оставалась еще довольно значительная сумма для путешествія вдвоемъ.

Въ 11 часовъ я сидѣлъ съ Наимой въ Саксонской гостинницѣ, мы занимались составленіемъ нашего маршрута. Пришла Лея. Ея появленіе привело меня въ смущеніе. Но вскорѣ ласковый тонъ этой превосходной женщины успокоилъ меня.

Я пришла не для того, сказала она, чтобы нарушать ваше спокойствіе и препятствовать вашему счастію, въ этомъ отношеніи я покаряюсь волѣ Провидѣнія, хотя и сдѣлала все, что зависѣло отъ меня, чтобы удержать Наиму; но привязанность ея къ вамъ сильнѣе всѣхъ родственнныхъ чувствъ. Будьте счастливы надолго и на столько, сколько можетъ этого желать любящее сердце сестры! Pierre, вы позволяете назвать васъ моимъ братомъ?

Я осыпалъ руки Леи горячими поцѣлуями, увѣрялъ ее въ искренней, постоянной къ ней привязанности, которая въ настоящее время еще болѣе скрѣпляется драгоцѣнными залогами любви и дружбы и отвѣтилъ, что считаю себя счастливымъ возможностью назвать ее моею сестрою. Потомъ Лея объявила намъ, что велѣла перенесть въ нашъ

номеръ всѣ свои вещи вмѣстѣ съ вещами Наимы, чтобы не безпокоить вечернимъ отъѣздомъ своихъ дрезденскихъ редственниковъ, и взяла мѣсто до Праги въ дилижансѣ, отходящемъ въ 9 часовъ вечера, а оттуда располагаетъ ѣхать на Линцъ и Клагенфуртъ до Тріеста, а изъ Тріеста на пароходѣ въ Марсель, изъ Марселя моремъ въ Малагу.

Мы ей сообщили наши предположенія. Въ десятомъ часу вечера располагали уѣхать по желѣзной дорогѣ въ Лейпцигъ, оттуда въ дилижансѣ чрезъ Альтенбургъ, Байрейтъ, Нюренбергъ и Регенбургъ до Мюнхена, а изъ Мюнхена чрезъ Инспрукъ и Верону въ Венецію.

Лея и Наима пошли проститься съ своими дрезденскими родственниками; онѣ возвратились въ три часа, къ заказанному мною и сервированному въ номерѣ обѣду. Въ началѣ обѣдъ былъ очень оживленъ, къ концу намъ всѣмъ взгрустнулось.

Послѣ обѣда Лея взяла меня въ сторону и спросила, имѣю ли достаточныя средства для путешествія. На утвердительный мой отвѣтъ, она сказала, что уѣзжая изъ Берлина надолго, просила отца выдать Наимѣ капиталъ, который слѣдовалъ ей отъ матери, въ виду возможности устроить будущность Наимы въ Испаніи, и передала мнѣ, съ паспортомъ сестры, вексель на Ротшильдовъ въ пятьдесятъ тысячъ талеровъ.

Возьмите это, прибавила она, на всякій случай. Въ векселѣ заключается четвертая часть имущества Наимы, тетушка назначаетъ ей столько-же, а по распоряженію отца ей достанется еще сто тысячъ. Довѣріе Леи тронуло меня до глубины души. Я спряталъ паспортъ и передалъ Наимѣ вексель.

Въ восемъ часовъ мы простились съ Леею; разставанье было трогательное: всѣ плакали,

Не прощаюсь съ вами, повторяла Лея, а говорю: до свиданія! Пріѣзжайте ко мнѣ на мою виллу въ Гренадѣ, осенью.

Въ десять часовъ мы мчались скорымъ поѣздомъ, въ отдѣльномъ купе, по дорогѣ въ Лейпцигъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.)

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1]).

II.

Харитонъ Моссаковскій не выждалъ и »сорочинъ по батькови« Справивъ *девятины*, онъ пріодѣлся, подбрился, надѣлъ новые, правда простые сапоги, подстригъ не много курчавые свои волосы, запрегъ плохенкую лошаденку и поѣхалъ въ Чайки къ Онисѣ Прокоповичевнѣ...

На той-же недѣлѣ былъ въ Богуславѣ ярмарокъ. На ярмаркѣ были отецъ и мать Прокоповичи. Здѣсь встрѣтили они сосѣдей и сосѣди, какъ по писанному, разсказали имъ всю »гарбузовую« исторію, какую продѣлала дочь ихъ съ академистомъ Балабухою.

Прокоповичи пріѣхавъ домой, накинулись на Онисю »мокрымъ рядномъ«.

— Гарбузуй, гарбузуй, дочко! вычитывала мать. Догарбузуешься скоро, що зовсимъ одкинутця одъ тебо женыхи.

— Не бійтесь, мамо, не одкинутця! Мене ще нихто рябымъ конемъ не объихавъ. А хотьбы й объїхавъ, то я того не боюсь. А вашого Балабухи таки не люблю: бо винъ гопоровитый, дивиться на мене згорда, та верзе щось таке, що я й не розберу:

---

[1]) См. »Кіевская Старина« 1884 г., янв. кн., стр. 83—110.—На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1876 г. о малорусскомъ правописаніи, въ малорусскомъ текстѣ этой повѣсти и другихъ статей, вм. буквы *і*, употреблявшейся нами при переходѣ въ этотъ мягкій звукъ *ѣ*, равно *о*, *е* и *у*, мы будемъ ставить всегда *и*, отличая эту букву надстрочнымъ знакомъ *й* лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо для устраненія сбивчивости произношенія и смѣшенія понятій, напр. *йду* (ѣду), а не идý, *ймъ* (ѣмъ), а не *имъ* и проч.—Ред.

кви-кви-кви! кувикае по якомусь, нечистый ёго зна, по якому! Незнаешъ, чи винъ тебе хвалить, чи зъ тебе сміется!

Только что кончила Онися, какъ на дворѣ залаяли собаки. Въ сѣняхъ кто-то спрашивалъ у наймички: чи батюшка й матушка дома? А панна дома?

Въ свѣтлицѣ скрипнули двери: то входилъ Харитонъ Моссаковскій.

Харитонъ принарядился, причесался. На немъ былъ длинный, до верху застегнутый сюртукъ темносиняго сукна, съ роговыми пуговицами; этимъ исчерпывался весь его костюмъ, и только широкій воротъ чисто вымитой рубахи, привольно покрывавшій сюртучный воротникъ, да ярко красная шелковая застежка пріятно оттѣняли симпатичное лице Харитона. Тогдашній дьячекъ нашъ еще не успѣлъ выродиться въ ту типичную церковную фигуру, въ длиннополомъ кафтанѣ и съ косичкой назади, какая давно уже красовалась на лѣвой сторонѣ Днѣпра, и казалъ изъ себя мѣщанина средней руки или шляхтича низшаго разряда. Ровно подстриженные русые волосы Харитона густыми кудрями вились вокругъ его шеи. Высокій, стройный, съ легкимъ станомъ, зъ бѣлымъ матовымъ лицемъ, съ свѣтлосиними глазами, Моссаковскій представлялъ изъ себя изящную, неопредѣленнаго типа, фигуру блондина, и только загорѣлыя, широкія руки его, огрубѣвшія въ тяжелой работѣ, выдавали его невысокое соціальное положеніе. Не большіе усы, ровныя, темныя брови очень шли къ его свѣтлосинимъ очамъ и довершали общую пріятность его лица.

Не смотря на свое скромное положеніе дьячка, Моссаковскій не пошелъ предварительно въ кухню, но прямо вошелъ въ свѣтлицу: въ тѣ поры не было еще такой разни между священниками и дьячками, какая установилась впослѣдствіи, и дьячки не выстаивали еще по цѣлымъ часамъ въ кухнѣ или на крыльцѣ, въ ожиданіи, пока доложатъ батюшкѣ объ ихъ приходѣ.

Старикъ Прокоповичъ поспѣшилъ къ гостю изъ »кимнаты« гдѣ шла семейная бесѣда. Мать и дочь стояли за дверями и прислушиваясь къ начинавшемуся въ свѣтлицѣ разговору, въ свою очередь перекидываясь словами.

— Це прыйхавъ дякъ зъ Карапишивъ, Мосаковскій, сынъ покойного священника вильшаницького, — чуть слышно проговорила

къ своей дочери мать и, настроенная раньше на тонъ укора, прибавила: ѝздили до тебе академисты, а теперъ почали вже дяки.

— Дяки дурнисинько будуть ѝздити. И вже я дячихою та не буду,—еще тише отозвалась Онися.

Но любопытство взяло свое. Между дверью и верхней притолкой была значительная щель, во всю ширину двери. Онися приставила стулъ, стала на немъ и принялась глядѣть въ щелку на гостя. Мать кивала ей пальцемъ, грозила кулакомъ, что-то грозно шептала, дергала Описю за одежу, а Онися стояла и внимательно разсматривала Харитона. Наглядѣвшись вдоволь, она тихонько, какъ кошка, сползла со стула.

— А що-жъ? якій? Чи молодый, чи старый? не удержалась Прокоповичка, чтобъ не спросить у дочери.

— Молодый, билявый, высокій, тонкій и говорить дуже несьмиливо та тихо,—шептала Онися матери надъ ухомъ: але черта-зъ-два! За дяка не пиду. Въ насъ високи пороги для дякивъ.

Вскорѣ Прокоповичь выглянулъ изъ свѣтлицы и шепнулъ женѣ подать водки и закуски, а Описѣ сказалъ, чтобы она сама вынесла все это въ свѣтлицу.

— А вже-жъ! Чого я до ёго выйду? Не бачила зроду дякивъ. Нехай йіде де инде! сказала Онися.

— Та его вильшаницька громада обибрала на свою парахвію за сьвященика. Оце думають ѝхати въ Кыивъ до владыки зъ прошеніемъ. Ты лишъ, дочко, не дуже кирпу задирай, та мерщій выходь до гостя.

— Хиба такъ! якъ буде священикомъ, та ще й въ Вильшаныци, то може й выйду, сказала Онися.

— Прибирайся, дочко, та йди! Въ Вильшаници церковного поля, левадъ, синокосивъ конемъ не объихати за цилый день. Парахвія велика!

— Потривай-же лишень, мамо, роздивлюсь на жениха. Не вамъ йти за ёго замижъ, а мени,—сказала Онися.

Немного погодя, Онися вышла разомъ съ матерью. Моссаковскій низко поклонился и покраснѣлъ, какъ макъ. Онъ давно уже не видѣлъ Ониси и теперь она показалась ему въ десять разъ милѣе, чѣмъ даже въ ту пору, когда она въ первый разъ поразила его своею красотою.

Всѣ усѣлись. Моссаковскій, положивъ руки на колѣни, сидѣлъ неподвижно, точно татарскій божокъ, опустивъ глаза внизъ. Онъ не рѣшался взглянуть даже на Онисю. Онися окинула его быстрымъ взглядомъ и онъ съ перваго-же глаза показался ей гораздо красивѣе Балабухи.

— Чи винъ смирный, чи тилько вдае зъ себе тихого, думала Онися, пристально глядя на его лице, брови, усы, губы.

Для завязки разговора, хозяинъ выпилъ рюмку »до гостя«, приподнесъ и ему. Гость выпилъ полъ-рюмки, робко поставилъ на столъ и не закусывая, снова усѣлся на стулъ, опустивъ глаза внизъ и положивъ обѣ руки на колѣни; при этомъ онъ протянулъ пальцы во всю ихъ длину, что означало уже нѣкоторую степень развязности и то, что гость входилъ такъ сказать нѣсколько въ себя и какъ-бы набирался духу. Прокоповичъ завелъ рѣчь о покойномъ отцѣ гостя, припомнилъ, гдѣ вмѣстѣ они встрѣчались, о чемъ говорчли и еще кое-что въ томъ-же родѣ,—гость едва поднималъ свои тихія очи, едва вставлялъ слово въ рѣчь хозяина.

Разговоръ прервался, настала тишина. Прокоповичка сожалѣла о Балабухѣ и видимо отбывала, какъ панщину, молчаливое сидѣнье на канапкѣ.

— Чи вы пакъ були коли въ нашій церкви?—неожиданно прервалъ томительное молчаніе Прокоповичъ. Чи бачили наши нови образы?

— Дай, старый, покій зъ образами! прервала его матушка. Не встигли выпити по чарци...

— А, то-бъ то по другій? Добре, що нагадала. То мы й по другій.

И онъ проворно потянулся къ фляшкѣ, выпилъ вновь до дна и поднесъ гостю, но тотъ едва губы обмокнулъ. Прокоповичъ не упрашивалъ; онъ радъ былъ чѣмъ нибудь разшевелить молчаливаго гостя, а еще болѣе тому, что есть предъ кѣмъ похвалиться своими заботами о церкви, и поспѣшилъ увлечь Харитона въ церковь. Тутъ онъ показалъ ему всѣ новые образа, даже Неопалимую купину въ алтарѣ: послѣдняя картина представляла огромный кустъ дикой розы, или терновника; кустъ весь объятъ былъ пламенемъ, а около него стоялъ Мойсей на одной ногѣ, обутой въ сапогъ, другую-же, босую, онъ протянулъ къ купинѣ и точно пригрѣвалъ ее около огня; въ рукахъ у него торчалъ большой мужичій сапогъ съ длин-

нымъ голенищемъ, а поверхъ купины виднѣлись Рось и церковь м. Богуслава.

— Ой дивни-жъ ваши образы! Господи, яка краса!—непритворно отзывался Харитонъ и набожно крестился передъ каждымъ новымъ образомъ.—Якъ стану на парахвіи, то покличу того самого маляра, щобъ и мени намалювавъ и купину, и пекло, и того пророка, що на коняхъ огнястихъ.

— Колибъ вы знали, яки тамъ апостолы въ бани! якій тамъ Андрей Первозванный! я вамъ скажу, такого и въ Лаври нема. Шкода, що дуже высоко. Якъ-бы драбина, то можна-бъ полизты, та близько придивитись,—хвалился старый Прокоповичъ, оглядываясь по сторонамъ и ища глазами, нѣтъ-ли гдѣ драбины.

Харитонъ немного встревожился: у него кружилась голова, когда ему приходилось подниматься на какую нибудь высоту, напр. на стогъ сѣна, или скирду хлѣба, а тутъ отказаться было-бы не ловко, такъ какъ въ силу жениховскаго своего положенія онъ долженъ былъ казать изъ себя молодца; ему нужно было притомъ подлаживаться подъ вкусъ отца невѣсты, чтобы заслужить его расположеніе.

— Гляньте, якій огонь въ пекли. Ну, таки горить, горить, неначе чорты дровъ пидкидають! продолжалъ Прокоповичъ.

— Ой Господи! якъ горить, горить! зовсимъ горить, вторилъ Моссаковскій и перекрестился предъ изображеніемъ ада.

— А якихъ чортивъ повыдумувавъ капосный маляръ! Вы, пане дяче, тильки придивиться: отой, що пре въ пекло нагайкою блудниць въ червоныхъ намистахъ, вгадайте, на кого похожый?

— Не вгадаю. Неначе на богуславського станового,—не рѣшительно промолвилъ Моссаковскій и—покраснѣлъ.

— Та це-жъ винъ самый! Це й нисъ его, неначе бульбашка, и очи вытрищкувати, тильки маляръ поставивъ ёму на голови роги, та причепивъ ззаду куцого хвоста.

— А отой, що лупить киемъ шинкаривъ, не вгадаете, на кого похожый? сказалъ Прокоповичъ.

— Цёго вже не вгадаю, отвѣчалъ Моссаковскій, хотя и догадывался, на кого мѣтилъ Прокоповичъ.

— Не вже не вгадаете? Це-жъ нашъ письмоводитель духовного правленія. Якось я проговорився передъ маляромъ: намалюй, кажу ты отого хаптурника въ пекли, на самому дни, пидъ Іудою, щобъ

винъ знавъ, яка ему буде на тимъ свити честь. Коли дивлюсь, а винъ его й перерядывъ на чорта, та ще й кія ему въ руку давъ. Гляньте, якъ працюе, бидораха.

— Дивно, дивно,—повторялъ, какъ заученное, Моссаковскій.

Прокоповичъ былъ вполнѣ доволенъ, что нашелъ добраго цѣнителя художествъ, въ которыхъ посторонняя кисть воплотила не только занимавшія его, но такъ сказать личныя его идеи; но, выйдя изъ церкви, онъ вспомнилъ, что не все еще показалъ своему гостю и, взявъ за руку Моссаковскаго и отведя его отъ церкви подъ ограду, ткнулъ пальцемъ на церковные купола.

— А придивиться лишень, заговорилъ онъ, до нашихъ бань? Що тамъ намалёвано! Ото-жъ маете тамъ дванадцять пророкивъ малихъ и чотыри велыкихъ. Тильки шкода, що нема драбины! Отъ якъ бы вы вылизли хочъ за опасаня та придивились, якъ винъ намалювавъ тихъ пророкивъ! Дивно, дивно!

Прокоповичъ оглянулся вокругъ, ища лѣстницы. У Моссаковского задрожали ноги. Тяжелая лѣстница лежала въ травѣ тутъ же въ оградѣ. А что если старикъ вздумаетъ приставить лѣстницу и заставитъ лѣзть »до опасаня«, а пожалуй и за опасаня!—промелькнула мысль къ головѣ Моссаковскаго.

Прокоповичъ дѣйствительно бросился къ лѣстницѣ и сталъ поднимать ее, но онъ былъ старъ, и малъ, и слабъ, и какъ ни силился, долженъ былъ бросить лѣстницу въ траву.

Моссаковскій не только не рѣшился помочь ему, но старался отклонить его отъ безпокоившаго его самого намѣренія.

— Не пиднимайте, говорилъ онъ, бо пидвередитесь. Та сказать правду, я трохи боюсь лазити высоко, совсѣмъ уже откровенно признался Моссаковскій.

— Оце! Такій-же зъ васъ парубокъ. Моя Онися лазила выще опасаня; а якъ була малою, то зъ хлопцями, було, по латахъ лазыть въ клуни горобцивъ выдирать, якъ та кишка, було, лизе, ажъ спидничина на ій гойдаеться,—неожиданно для гостя закончилъ говорливый старикъ и повелъ Моссаковскаго »до покою«. Тамъ ихъ ждали уже давно. Мать не спускала очей зъ Ониси: она боялась, чтобъ та опять и новому жениху не положила въ возъ »гарбуза«.

— А що, дочко, якъ тоби показався цей дякъ? спросила мать.

— Винъ кращій одъ Балабухи, и такій тихій, спокійный. Я люблю тихихъ та добрихъ людей, сказала Онися.

— И вже й ты! Балабуха чоловикъ здоровый, сильный, ще й до того вченый. А це якійсь простакъ, сказано: дякъ.

— Я тихъ вченыхъ не дуже люблю, бо я й сама проста. Балабуха ще присилувавъ-бы мене говорити полатыньски, а я й по московськи не вмію.

Онися наклонилась къ окну и взглянула по направленію къ саду, а тамъ по тропинкѣ рядомъ съ отцомъ шелъ Моссаковскій. Высокій, тонкій, стройный, онъ показался ей сквозь стекло еще краше и милѣе.

— Дивиться, мамо, чимъ-же винъ поганый? Очи сыни, якъ небо, брови тонки.....

— Уже й брови! знайшла красу. Та винъ зовсимъ безъ бривъ, сказала мать: отъ у твого батька, такъ правда, що брови,—прибавила она, глядя издали на взбитыя и крючковатыя брови стараго своего мужа.

— Тикайте, мамо, бо насъ видно знадвору, сказала Онися, отступая отъ окна, но не переводя съ него глазъ.

— Тикай бо дочко, бо винъ близько вже,—вглядить, сказала мать, отклоняя плечи, но не лице.

Прокоповичь вошелъ зъ гостемъ въ свѣтлицу. Снова стали наливать и выпивать по чаркѣ. Моссаковскій сидѣлъ неподвижно, положивъ руки на колѣни и едва осмѣливался приподнять рѣсницы и вскинуть глазами на Онисю. Та въ свою очередь почувствовала, что ее оставила природная ея смѣлость. Она сидѣла молча и сама опустила глаза къ низу. Другихъ жениховъ она сама затрогивала въ разговорѣ, говорила съ ними смѣло, игриво шутила, даже подшучивала надъ ними; теперь она чувствовала, что не можетъ слова произнесть.

— Що це зо мною? думала Онися: чи вже-жъ оце я злякалась оцёго дяка?

Старый Прокоповичь, выпивъ чарокъ съ десять, началъ затягивать »на гласы«. Моссаковскій сидѣлъ молча, не смѣя рта раскрыть, голосомъ повести. Онъ посидѣлъ, помолчалъ и предъ вечеромъ попрощался и домой поѣхалъ.

— Чи прыйде, чи не прыйде вдруге? проговорила сама къ себѣ Прокоповичка.

Онися развела руки, поставила указательные пальцы другъ противъ друга; зажмуривши глаза, повертѣла пальцами въ воздухѣ и разведя ихъ далеко, стала быстро сводить, загадавъ притомъ: чи прыйде, чи не прыйде? Пальцы сошлись ногтями. Прыйде! крикнула она и подскочила.

— Побачимо, сказала мать: йздили до тебе академисты, а теперъ почали йздити дяки.

Пошли дни за днями. Онися чувствовала, что она ждетъ Моссаковскаго, что онъ не выходитъ у нея изъ ума. Прошло дней шесть; настала суббота. Онися принялась сама подмазывать да прибирать въ »покояхъ«, вытерла жолтымъ пескомъ полъ, помыла окна, повытирала образа, повѣшала на образа самые лучшіе шитыя полотенца; на окнахъ поставила стклянки съ цвѣтами. Насталъ воскресный день. Онися встала чуть свѣтъ, нарядилась въ новую плахту, старательно причесалась, надѣла на голову всѣ ленты и цвѣты и пошла въ церковь. Ей почему то, казалось, что Моссаковскій пріѣдетъ въ церковь, что она тамъ его увидитъ...

Обѣдня отошла, а Мосаковскій не пріѣхалъ: Онися пасмурная пошла домой.

Сѣли обѣдать; она ѣла какъ-бы не ѣла, а послѣ обѣда ушла въ садъ. Гуляя по горѣ, Онися все посматривала на синій лѣсъ, на поля за лѣсомъ, густо покрытыя копнами, на дорогу изъ села Карапишей, что черной змѣйкой извивалась среди полей...

— Чого це я ёго жду? Не вже я люблю ёго? думала Онися, ходя по саду. Ея руки, помимо ея воли, протягивались къ цвѣтамъ, и она срывала найлучшіе изъ нихъ и закладывала за ленты на головѣ, за складки косъ. Долго ходила она по саду, пока солнце не ударило косымъ пламенемъ по горѣ и не пронизало на сквозь садокъ, раскинутый по крутымъ бокамъ горы. Онися прислушивалась, не застучитъ-ли возъ за Росью, около парома, либо въ дворѣ. А на дворѣ было тихо, тихо и душно. Онися вернулась въ »покои», сѣла на канапѣ и смутно склонила голову.

— Оце, нема съ кимъ по чарци выпить,—сказалъ старикъ отецъ: колибъ прыйхавъ хочъ карапишаньскій дякъ.

Онися вспыхнула. Блѣдныя щеки ея покрылись румянцемъ. Не успѣлъ отецъ произнести эти слова, какъ на дворѣ послышался легкій стукъ богуславскаго возка, залаяли собаки.

— Отже Богъ гостей несе! сказалъ Прокоповичь, выглянувъ въ окно.

Онися встревожилась. У нея задрожали ноги и она не имѣла силъ, чтобы вскочить, какъ прежде, подлетѣть къ окну и посмотрѣть, кто пріѣхалъ.

— Онисю! ставай колупати пичъ! [1]) приїхавъ Мосаковскій та ще й зъ братомъ, певне зъ сватомъ, отозвался отецъ.

Онися испугалась и поблѣднѣла, какъ мѣлъ. Она вся затряслась, застыла и стояла неподвижно на одномъ мѣстѣ. Но когда раздался скрипъ дверей, на нее напалъ такой страхъ, что она кинулась бѣгомъ въ спальню, а оттуда въ садъ.

— Боже мій! чого це я такъ злякалась? Я не боялась академиста, а злякалась цёго молодого хлопця,—думала Онися, пробуя возвратить свою природную смѣлость. Но смѣлость не приходила къ ней.

Онися стояла надъ горою, вперила свой взоръ, свои испуганныя, горящія глаза въ зеленѣвшую подъ нею бездну, въ зеленое марево, разлитое надъ старыми деревьями сада, глядѣла и ничего не видѣла. Зеленый свѣтъ дрожалъ въ ея очахъ, переливался, какъ вода въ Роси, сновалъ, какъ густая зеленая мошка роями. Онися стояла, ничего не сознавая. Солнце кинуло горячій свѣтъ подъ яблоню, близь нея стоявшую. Свѣтъ упалъ на щеку Ониси, облилъ ея лице яркимъ пламенемъ, а она ничего не чувствовала и все глядѣла въ зеленую бездну, будто въ рѣку глубокую.

— Онисю! Онисю! де це ты счезла? крикнула мать, выходя изъ за яблони. Чого це ты стоишъ, якъ стовпъ? Ходи лишень до гостей. Вони не до мене, а до тебе прыїхали.

Онися точно проснулася. Она тихо пошла въ хату за матерью, какъ малое дитя.

— Оце гарно! Глузувала зъ академыстивъ, а одъ цёго жениха втикаешъ у садокъ. Великій страхъ! Не бачила зроду женыхивъ. Онъ уже ихъ перекипулась цила метка. Йди та кажи имъ, що хочешъ.

---

[1]) Ковыряютъ лучинкой печь крестьянскія дѣвушки-невѣсты, чтобы этимъ занятіемъ прикрыть неловкость своего положенія при собственномъ сговорѣ.

Онися вошла въ свѣтлицу, сложивъ руки, какъ праведница. У нея въ рукахъ былъ шитый платочекъ. Она подвела глаза, примѣтила священника и поцѣловала его въ руку, но не успѣла повернуться, какъ Моссаковскій наклонился и поцѣловалъ ее въ руку. Она ощутила прикосновеніе къ ея рукѣ полныхъ, мягкихъ, горячихъ губъ и покраснѣла, какъ маковка.

Онися отошла и сѣла на стулѣ. Она едва приподняла глаза на Моссаковскаго и разглядѣла его тихія, свѣтлосинія очи, матово-бѣлое лице, на которомъ вспыхнулъ чрезвычайно нѣжный румянецъ. Свѣтлыя кудри блестѣли, насквозь пронизываемыя золотистымъ лучемъ солнца, проходившимъ чрезъ окно, у котораго сидѣлъ Моссаковскій. Онъ не сводилъ глазъ съ Ониси. Она ощущала на своемъ лицѣ его ласкающій взоръ, не знала, что дѣлать и начала щипать цвѣточки, вышитые на платкѣ. Красныя и синія нитки сыпались съ платка на ея красную запаску.

— Не скуби, дочко, хустки, бо грихъ! Сёгодня недиля,—сказала мать, слегка тронувъ дочь пальцами по рукѣ.

Онися съ трудомъ прервала это нервное невольное дерганье, но чрезъ минуту снова посыпались съ неповиннаго платочка красныя и синія нитки.

Хозяинъ разговаривалъ о семъ—о томъ съ пріѣзжимъ священникомъ. Матушка надулась и сидѣла молча: ей не хотѣлось отдавать дочку за дьячка. Но вотъ сватъ, братъ жениха, повелъ рѣчь о приближающихся »сороковинахъ« по ихъ отцѣ и закинулъ о томъ, что вотъ-де громада ольшаницкая, послѣ похоронъ старика, избрала »на парафію« Харитона. Лице матушки при этихъ словахъ прояснилось; она навострила уши, замѣтно повеселѣла, весело заговорила, стала привѣтливѣе и послала Онисю принести наилучшей наливки. Гости примѣтили, что хозяйка стала добрѣе и сами какъ-то разшевелились. Харитонъ весело поднялъ глаза и ввернулъ нѣсколько словъ въ общій разговоръ, но лично Онисѣ онъ не осмѣлился промолвить и слова и только любовно глядѣлъ то на ея брови, маленькія алыя губки, то на красную запаску.

— Якъ Богъ поможе, сказалъ сватъ, то мы оце вырядимо Харитона до Кыива. Громада вже налагодилась посылати до владыки прошение, щобъ Харитонъ зостався священникомъ на батькивській парафіи. Якъ тильки владыка поблагословить, то мы заразъ, спра-

вивши по батькови сорочины, оженимо нашого Харытона, та й уберемо ёго въ рясу.

— Отъ и добре! Слава Богу! отозвался Прокоповичъ: будемо близькими сусидами.

— Та намъ хотилось-бы бути не тильки вашими близькими сусидами, а навить ще близчими людьми: мы хочемо пориднытись зъ вами, сказалъ сватъ: у васъ дочка на выданни, а въ насъ, бачите, женихъ.

Блѣдное лице Ониси вспыхнуло яркимъ румянцемъ. Она покраснѣла и опустила глаза внизъ. Руки замерли на платочкѣ, красныя и голубыя нитки перестали летѣть на запаску. Харитонъ и самъ покраснѣлъ, какъ барышня, и не зналъ, куда дѣвать руки.

— Якъ же вы думаете, отець Степанъ? спросилъ сватъ.

— Я зъ дорогою душею, але треба спитати и матери, и дочки, сказалъ Прокоповичъ, посматривая на мать и дочь. Що ты, паниматко, скажешъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ женѣ.

— Я.... якъ дочка скаже, то такъ и я, едва отозвалась Прокоповичка съ неохотою: ей очень, очень жаль было Балабухи, но она была увѣрена, что тотъ больше не пріѣдетъ.

Доходило до Ониси. Она едва удержалась на стулѣ. Ей хотѣлось схватиться съ мѣста и уйти въ садъ.

— Якъ же ты скажешъ, дочко? заботливо спросилъ у дочери отецъ.

— Я згожуюсь, съ усиліемъ проговорила Онися, не поднимая глазъ.

— Коли такъ, закончилъ отецъ, то по людському звычаю, заминяемо святый хлибъ, а потимъ трохи межъ собою помиркуемо.

Онися по нѣсколькимъ оброненнымъ Харитономъ въ два посѣщенія словамъ не могла, конечно, составить объ немъ вѣрнаго понятія, но своимъ женскимъ чувствомъ отгадывала, что онъ подойдетъ къ ея энергичному и сильному темпераменту и что она будетъ настоящею хозяйкою въ своемъ домѣ. Помимо того Харитонъ очень понравился ей своимъ деликатнымъ лицемъ и свѣтлосиними очами.

Пока сыновья Моссаковскаго справляли »сорочины« по своемъ покойномъ отцѣ, пока состоялось формальное обрученіе Харитона

съ Онисею, пока ольшаницкая громада собралась отправить церковнаго старосту въ Кіевъ съ прошеніемъ къ владыкѣ отъ лица всего прихода, прошло не мало времени. А тѣмъ временемъ Балабуха не сидѣлъ, сложа руки.

— Треба женитись! доки ёго байдыки бити! разсуждалъ Балабуха, ходя у себя по саду. Не схотила Онися, знайду кращу, десять такихъ знайду, а въ осени таки оженюсь. Треба шукати та пытати дивчины.

Нечаянно какъ-то Балабуха взглянулъ на прилегавшій къ саду огородъ и увидѣлъ на немъ широкіе листья »гарбуза«. Одинъ видъ этой огородной овощи вызвалъ въ немъ такую злость, что онъ трижды проклялъ Онисю и не могъ больше не только ѣсть »гарбуза«, но даже глядѣть на него.

— Тату! дайте коней. Поиду ще въ Хохитву. Тамъ панны не прости, вбираются въ сукни по паньськи. Цуръ имъ тимъ плахтамъ та запаскамъ! Попробую ще на сукняхъ...

— Про мене, спробуй ще и суконь, отвѣтилъ отецъ. Тильки ти хохитвятьски сукни, може не для тебе, академисте, шыти. Панны тіи, кажуть, горди, кепкують поповичами, бо сами зъ панивъ, мають крепакивъ, мають багато поля. Але, якъ каже ляхъ, купить не купить, а спробувать можна.—Ци вже, принаймни, не причеплять гарбуза пидъ возомъ, прибавилъ, смѣясь, отецъ Степанъ.

— Не причеплять, то такъ ласкою та штуками якимись выпроводять съ хаты, отозвалась мать. Одначе въ Терлецького чотыри панны на выданни: може котру й отдадуть. Тильки, сыну, якъ будешь туды збираться, то попереду сядь та добре наижься, бо тамъ прыймають по шляхецьки: пундыками та лестными словами.

Не вдругъ собрался академистъ »на розглядины« къ священнику-помѣщику Терлецкому, а когда собрался, въ точности исполнилъ совѣтъ матери, и даже »погоничъ«, когда узналъ, куда собрался ѣхать паничь, захватилъ съ собой въ торбу хлѣба и сала. Такъ съ запасомъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней, послѣ ранняго обѣда, отправился Балабуха въ Хохотву »на разглядины«.

Хохотва—это небольшое сельце въ двухъ верстахъ отъ мѣстечка Богуслава. Раскинуто оно по правому берегу Роси, между рядами невысокихъ холмовъ. Отсюда дивный видъ на за-рѣчье. Надъ водою отвѣсная, высокая каменная стѣна, вдоль и поперекъ

изрѣзанная разсѣлинами и щелями, изъ которыхъ выглядывали пучки травы и жолтыхъ цвѣтовъ; кой-гдѣ, точно канделябры, развѣшанные по стѣнѣ, свѣшивались небольшіе кусты терновника, дикой розы, плюща, красной смородины. Ихъ нѣжная зелень смягчала угрюмый сѣрый фонъ сплошной скалы. Внизу, у подножія стѣны, зеленѣли лозы и тростникъ. Середь Роси, точно распластанное чудище, лежалъ небольшой островокъ изъ огромныхъ камней, въ безпорядкѣ нагроможденныхъ другъ на друга. Выше, за каменною стѣною, вдоль теченія Роси, тянулся рядъ невысокихъ горъ, которыя шли одна за другою, будто дуги, поставленныя рядомъ. На горахъ зеленѣлъ густой старый лѣсъ. А тамъ далѣе, внизъ по-надъ Росью, привольно разстилались покрытыя зеленью и цвѣтами »луки«. По обѣимъ сторонамъ островка шумѣла вода, спадая по террасамъ и уносясь вдаль по каменистому руслу; чернѣла, извилисто перекинутая по камнямъ, набросанная изъ хворосту плотина, а подъ самою крутою скалою чуть замѣтно пріютилась мельница. По холмамъ, по пригоркамъ и въ узкихъ ущельяхъ разбросалась Хохотва. Домъ священника Терлецкаго выходилъ на улицу, а обширный садъ разстилался по-за домомъ чуть-ли не до самой Роси. Отъ дома вправо тянулся необычно длинный дворъ, по обѣ стороны котораго стояли два ряда хатъ. Въ этихъ хатахъ жили когда-то »подданные« священника Терлецкого, точнѣе его жены, которая была шляхетского роду и принесла въ приданое своему мужу именно эту небольшую часть села Хохотвы съ поселенными на ней людьми. Остальная часть села досталась ея брату, который продалъ ее одному богатому графу, а самъ умеръ. Терлецкій пригородилъ небольшой уголъ села къ своему двору, не далъ людямъ земли, отобралъ даже у нихъ огороды и хозяевъ обратилъ въ дворовыхъ работниковъ. Крестьяне не выдержали такого положенія: большинство ушли въ степи, нѣкоторые умерли, дѣвушки, съ выходомъ замужъ, перешли въ село и кончилось тѣмъ, что въ людныхъ нѣкогда хатахъ осталось лишь нѣсколько калѣкъ, которымъ не было уже никакого разсчета уходить со двора.

Балабуха въѣхалъ во дворъ. Передъ нимъ изъ-за повѣтей и хатъ выступалъ большой домъ съ высокими окнами, съ широкимъ крыльцемъ. Передъ окнами разбитъ былъ хорошій палисадникъ: клумбы засажены были не какими нибудь настурцями, помяками,

любисткомъ, но левкоями, резедой, фіялками и пр. Домъ былъ хорошій и хорошо устроенный. Повѣтки, клуня, загороды и хлѣва содержались въ порядкѣ и цѣлости; огорожа новая, во дворѣ чисто, а предъ домомъ даже подметено. Нѣкоторыя крестьянскія хаты, собственно тѣ, что поближе къ дому, кое-какъ сохранились, но тѣ, что стояли въ далекомъ углу неимовѣрно длиннаго двора, сильно подались: нѣкоторыя наклонились на бокъ, другія совсѣмъ разваливались, и сквозь прогнившую соломенную крышу свѣтились стропилы и латы, точно кости на разлагающейся и заброшенной падали.

Возокъ вкатился осторожно на дворъ. Погоничъ остановилъ лошадей чуть не у воротъ. Балабуха потихоньку всталъ съ воза и несмѣлыми шагами направился къ крыльцу. Онъ долго отряхивался и оправлялся, смахнулъ пыль съ сапогъ полою собственной шинели, вытеръ платкомъ запыленное лице, шею, пригладилъ широкою ладонью волосы на головѣ, расправилъ усы и вошелъ въ сѣни, похожія на комнату, съ двумя длинными узкими окнами по обѣ стороны дверей. Изъ сѣней вели въ комнаты трое дверей. Балабуха немного постоялъ, подумалъ, еще разъ пригладилъ волосы, поправилъ усы и наугадъ отворилъ дверь налѣво. Тамъ была кухня. Онъ замѣтилъ только, какъ, при видѣ его, цѣлая куча разнаго возраста »панночекъ« махнула чрезъ двери въ комнату такъ быстро, какъ бѣгутъ мыши при видѣ кота.

Балабуха нерѣшительно притворилъ двери, постоялъ еще въ сѣняхъ, подумалъ и тихонько отворилъ дверь направо. Тамъ была просторная свѣтлица. Балабуха вошелъ въ свѣтлицу, но въ ней было пусто и тихо; раздавался лишь дребезжащій какъ-то стукъ маятника висѣвшихъ на стѣнѣ большихъ часовъ, да гдѣ-то вдали за стѣнами слышался глухой шумъ, точно тамъ сильный огонь горѣлъ въ печи или въ котлѣ клокотала вода. Балабуха окинулъ глазомъ стѣны свѣтлицы: она скорѣе походила на панскую гостиную, чѣмъ на единственную въ домахъ тогдашнихъ священниковъ чистую комнату, передняя стѣна которой представляла изъ себя цѣльный иконостасъ. Здѣсь иконъ совсѣмъ почти было не видно и лишь въ переднемъ углу висѣлъ большой образъ ченстоховской Богородицы съ польскою подписью, да посрединѣ стѣны, въ простой рамкѣ, за стекломъ, литографированное изображеніе Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, съ надписью: *Ecce Homo!* Вмѣсто разшитаго »ру-

шника« на большомъ образѣ была устроена занавѣска изъ бѣлой кисеи, но ни васильковъ, ни другихъ цвѣтовъ за образами тутъ уже не было. Остальное пространство стѣнъ ничѣмъ почти не было занято; только у порога Балабуха замѣтилъ *куштъ* какого-то крылатагокупидона, красными лентами привязаннаго къ лереву, да у печки—Геркулеса, поражавшаго дракона. Въ простѣнкѣ между иконъ, надъ небольшимъ раздвижнымъ столомъ, висѣло узкое и длинное зеркало, въ которомъ стекло было меньше верхней части, шпалерами выклеенной, деревянной рамы и напоминало собою малого хлопца въ высокой батьковской шапкѣ. Вдоль стѣнъ чинно стояли стулья съ овальными вогнутыми спинками и не особой мягкости подушками, покрытыми пестрымъ ситцемъ, а у правой стѣны между ними гордо выступала массивная, съ огромной спиной, канапа; спинки стульевъ и канапы были форнированы корнемъ осокора. На окнахъ стояли горшки мушкатки и герани.

Балабуха посмотрѣлся въ зеркало, поправилъ на шеѣ толсто повязанный шелковый платокъ, съѣхавшій немного на бокъ, еще разъ пригладилъ волосы и усѣлся на стулѣ, разставивъ ноги, точно ѣхалъ верхомъ.

Тихонько отворились двери изъ сосѣдней комнаты. Балабуха поднялся со стула и хотѣлъ уже рекомендоваться, склонивъ на бокъ голову; но изъ дверей вышла простая дѣвка, низкаго росту и съ двумя горбами—сзади и спереди; лице у нея было длинное, желтое, выраженіе черныхъ глазъ пугливое и скорбное! Она держала въ рукахъ полотенце и прямо со входа направилась къ Балабухѣ. Балабуха взглянулъ на свою одежу, на сапоги, потомъ на полъ, не оставилъ-ли онъ пыльныхъ слѣдовъ; — ему пришло на мысль, не хочетъ-ли дѣвка полотенцемъ обтирать его самого, или его сапоги, или вытереть послѣ него слѣды пыли на полу. Дѣвка между тѣмъ, подойдя къ Балабухѣ, поклонилась ему чуть не въ ноги, держа полотенце въ рукахъ, точь въ точь какъ кланяется »молода«, когда ходитъ по селу и проситъ всякаго на свадьбу.

— Чи на весилля просишъ, дивчино? спросилъ ее Балабуха.

Дивчина усмѣхнулась, поцѣловала Балабуху въ руку, отошла къ столу и начала стирать пыль со стола да стульевъ.

— Чи дома батюшка та матушка, чи може куды поихалы? спросилъ Балабуха.

— Дома, чуть слышно отвѣчала дивчина, возя полотенцемъ по столу.

— Може одпочиваютъ? опять спросилъ Балабуха.

— Ни, еще тише произнесла дивчина, посматривая на пріотворенную дверь.

Дивчина вышла. Въ свѣтлицѣ опять водворилась тишина, только маятникъ докучливо дребезжалъ и стучалъ, да гдѣ-то за тремя стѣнами слышался глухой сдержанный шумъ, точно шумъ воды на порогахъ Роси.

Снова тѣже двери отворились и въ нихъ появилась высокая, тонкая фигура отца Терлецкаго. Терлецкій былъ высокій, худощавый брюнетъ, съ блѣднымъ лицемъ, съ короткими, какъ-бы подсѣченными волосами на головѣ и также короткою, круглою бородою, на которой блестѣли уже серебристыя линіи. Только чорные блестящіе глаза придавали жизнь и энергію его лицу и всей его фигурѣ.

— Добрыдень вамъ! Зъ святою недилею будьте здорови, сказалъ Балабуха, кланяясь хозяину.

— Спасыби! будьте й вы здорови, какъ-то сухо произнесъ Терлецкій. Чи здалека прибули до насъ?

— Я зъ Хиліокъ, философъ [1]), Марко Балабуха, отця Павла, коли чули, сынъ, скинчивъ философію.

— Дуже радый. Спасыби вамъ, що насъ одвидали. Я вашого панотця знаю. Чомъ же сами панотець зъ паниматкою не прибули до насъ? спросилъ Терлецкій: але чого-жъ це мы стоимо? Сидайте, будьте ласкави.

Балабуха какъ-то робко присѣлъ на стулъ: скорчился, сморщился, поднялъ плечи вверхъ, а шею и голову какъ-бы упряталъ въ широкое гнѣздо своего толстаго галстуха и высокихъ остроконечныхъ воротничковъ. Ему въ первый разъ пришлось быть въ такомъ домѣ, гдѣ ото всего вѣяло нѣкоторымъ панствомъ, шляхетствомъ и гдѣ не было ничего напоминающаго его родную хату »безъ помоста« и такую-же хату и катрагу въ Чайкахъ. Непри-

---

[1]) Названія: философъ, богословъ, т. е. студентъ философскаго, богословскаго курса, оставались тогда за студентами академія и не вдругъ перешли на учениковъ семинаріи, о которыхъ и заочно говорили, напримѣръ: философъ зъ Медвина, точно: Аристотель изъ Стагиры.

вычная обстановка видимо его стѣсняла, и онъ, не обладавшій вообще быстротою и свободою рѣчи, теперь рѣшительно не зналъ, съ чего начать и какъ повести рѣчь.

— Чи вы скинчили академію, чи тильки прыйхали на вакацію? спросилъ его отецъ Терлецкій.

— Ни, я тильки философію скинчивъ, але бильше не поиду въ Кывъ, сказалъ Балабуха.

— Та й добре зробите. Я самъ дійшовъ до риторики та й подякувавъ ченцямъ, а про те маю парахвію и живу теперъ, якъ у Бога за дверьми, сказалъ хозяинъ.

— Такъ и я оце думаю зробити, сказалъ Балабуха.

Терлецкій едва примѣтно улыбнулся и погладилъ бороду: ему не трудно было догадаться, на что намекалъ послѣдними словами Балабуха и зачѣмъ пожаловалъ теперь къ нему въ домъ.

— Що-жъ тамъ у васъ теперъ въ академіи? Чи пишете вирши? Чи граете комедіи? спросилъ онъ Балабуху.

— А якъ-же! тотъ отвѣчалъ, и вирши пишемо, и комедіи граемо, ще й якъ.

— О, за наши часы мы такъ грали, що теперъ наврядъ чи зъумієте такъ грати. И мени таки доводилось не разъ грати. Тильки разъ сталася зо мною на сцени така причта: сказали мени грати »Суету« въ интермедіи. Обголивъ я вусы й бороду, намазавъ щоки румъяпами, причепили мени довги косы, накинули на плечи червону хламиду. Я доставъ у однои знакомои мищанки червони чоботы. Взувся въ ти чоботы, на шыю почепивъ червоне намисто, роспустивъ косы по плечахъ, надивъ на голову жидивську ярмулку, взявъ въ одну руку капшукъ зъ грипіми, въ другу пляшку зъ горилкою, та й выхожу на сцену. Выхожу та й кажу: я Суета! Сказавъ, та якъ глянувъ на людей... вси на мене очи повытрищали, а професоръ ельоквенціи, лютый прелютый, дивиться на мене, та неначе каже: потрывай, ось я тоби всыплю зъ пивсотни, якъ тильки въ чимъ помилишься! Глянувъ я ёму въ очи, та й забувъ, що дали говорити! Ей Богу забувъ, а знавъ, якъ *Отче нашъ*. Я Суета! Я Суета! сказавъ я тричи, а дали хочъ зарижъ! не пригадаю! Давай зъ Еклезіаста: суета суетствій, всяческая суета! Та вже, спасыби, Злоба стояла за декораціями та пидказала мени, що тамъ дальше говорити. Отъ я й почавъ:

О суета! колико ты прекрасна!
О суета! толико ты ужасна!
Днесь піяна скачетъ воля.....
Утро вставши тщетна доля.....
Сиренъ льстивыхъ океанъ,
Сладкимъ гласомъ обуянъ!
Едва лѣто запало,
А козля цапомъ стало,
Цапъ бородатый.

Сказавъ я це, а дали й зновъ забувся! Плутаю я та плутаю! Переплутавъ уси вирши, перемишавъ сиренъ съ козами та цапами, та вже не знаю, що дали й говорити. А професоръ мени показуе зъ-за людей кулака. Я й охоловъ... Тутъ де взялась Злоба: якъ выскочила передъ мене та якъ крикне: Я Злоба! ховай свого лоба! Та на мене мечемъ! Я драла та за ширмы; ажъ уже тутъ профессоръ добре намявъ мени чуба.

Ничто такъ не возбуждаетъ человѣка, какъ школьныя воспоминанія. Куда дѣвалась застѣнчивость Балабухи. Онъ съ живостію заговорилъ:

— Гравъ и я оцю саму Злобу, та ще й якъ гравъ! Було, якъ накину на плечи черпечу мантію, та обкручу голову гидрою, та визьму въ одну руку мечъ, а въ другу пучокъ гадюкъ, та якъ выйду, та якъ крикну: я Злоба! ховай свого лоба!

Говора это, Балабуха роспалялся съ каждымъ словомъ, подъ конецъ-же вскочилъ со стула, поднялъ руки къ верху и такъ рявкнулъ послѣднія слова, что горбатая Килина, проходившая въ это время къ столу съ тарелкой въ правой, графиномъ и рюмкой въ лѣвой рукѣ, съ перепугу затряслась: тарелка съ булкой вывалилась, полетѣла на полъ и разбилась.

— Цуръ дурнои! съ недовольствомъ произнесъ Терлецкій, принимая отъ Килины уцѣлѣвшій росписной графинъ съ рюмкой.

— Якась перелякана дивчина! сказалъ Балабуха, опускаясь на стулъ. Килина молча позабирала куски разбившейся посуды и съ плачемъ вышла изъ свѣтлицы.

— Колись и я писавъ вирши, знавъ на память Горація, а теперъ все чисто повылитало зъ головы, приговаривалъ Терлецкій, наливая рюмку.

А въ сосѣдней комнатѣ начинался опросъ Килины.

— Що то ты несешъ въ хвартуси? крикнула на нее матушка: чи розбила тарилку, чи що? що тамъ за крикъ?

— Ой, простить, матушко! отвѣтила Килина, цѣлуя матушку въ руку: нашъ батюшка зъ тимъ панычемъ чогось полаялись, та якъ почали кричати та соватись одинъ до другого зъ кулаками! А я злякалась та й упустила.

— Ты сёгодня совсимъ здурила! перебила ее матушка и велѣла ей скорѣе пріискать другую тарелку, нарѣзать вновь булки и нести скорѣе на столъ.

Въ другое время такой казусъ не обошелся-бы такъ дешево Килинѣ; но теперь матушкѣ было не до того, она торопилась принарядить дочь къ выходу въ свѣтлицу, точно опасаясь, чтобы женихъ не уѣхалъ. Въ комнатѣ происходила невообразимая суета и возня. Гардеробный шкафъ, комодъ и большой сундукъ стояли открытые. Мать и дочери бѣгали по комнатѣ, кидались сюда и туда, звенѣли ключами, вынимали разные наряды, мылись, причесывались. Олеся, старшая дочь, стояла среди комнаты въ юпкѣ и корсетѣ, который никакъ не сходился на ея полной таліи. Мать съ меньшою дочерью стягивали корсетъ, напрягались, потѣли, а корсетъ все таки не сходился.

— Килино! ходи сюда! придави лишь ты руками, та дужче! кричала матушка.

Килина схватила Олесю за талію, но столько-же помогла, сколько въ извѣстной сказкѣ жучка. Шнурки въ рукахъ матушки трещали, а корсетъ все таки не сходился.

— Покличте бабу Хиврю! крикнула матушка, бо ця Килина ни до чого не варта.

Прибѣжала Хивря, схватилась обѣими руками за спурки, а баба она была крѣпкая. Полная талія панны съузилась подъ ея руками и корсетъ былъ затянутъ. Мать накинула на Олесю бѣлое платье, помогла ей застегнуться, расправила складки, поправила волосы на головѣ. Принарядивъ дочь, мать принялась за собственный костюмъ, надѣла новое платье, набросила на плечи персидскій бѣлый, съ красными и желтыми разводами и фигурами, платокъ, еще разъ оглядѣла вокругъ дочь, точно солдата на смотру, и повела ее въ свѣт-

лицу. Младшія дочери устремились въ слѣдъ за ними, заглядывая въ свѣтлицу сквозь отворенную дверь.

Терлецкая входила медленно, важно, точно выплывала. Балабуха, увидѣлъ въ дверяхъ невысокую, но довольно полную даму, съ пухлымъ шляхетскимъ лицемъ, съ гладко причесанными, блестящими чорными начесами, надвигавшимися ко лбу, съ бѣлымъ въ оборкахъ чепцемъ на головѣ, отъ котораго двѣ широкія синія ленты опускались концами на плечи. Онъ всталъ, еще глубже опустилъ короткую шею въ воротнички, робко подошелъ къ Терлецкой и поцѣловалъ ея пухлую бѣлую руку. За матерью слѣдовала дочь, такая-же черноволосая, какъ и мать, съ бѣлымъ, нѣсколько короткимъ лицемъ, съ темными карими очами. Дойдя до средины свѣтлицы, она какъ будто присѣла передъ Балабухою и ковырнула по полу правою ногою. Балабуха впервые во очію видѣлъ реверансъ и былъ имъ нѣсколько смущенъ; поцѣловалъ Олесю въ руку, отступилъ немного назадъ и не зналъ, куда дѣвать свои большія руки. Матушка усѣлась на канапѣ и пригласила гостя сѣсть. Балабуха робко опустился на стулъ. Какъ разъ противъ него сидѣла Олеся, которой щоки зардѣлись, какъ піонъ. Балабуха слегка вскидывалъ глазами то на мать, то на дочь. Широкая синяя лента въ чепцѣ матери, бѣлое платье дочери, пунцовый кушакъ, плотно обхватывавшій ея станъ, и красный бантъ въ черной косѣ, все это такъ разило взоръ студента, что онъ сидѣлъ, какъ на шпилькахъ. Предъ его глазами явились снова пасѣка и ульи, темная катрага въ пасѣкѣ, орѣшникъ, чернобыль и крапива вокругъ пасѣки, и онъ готовъ былъ теперь уйти туда и тамъ укрыться отъ этихъ лентъ и платьевъ.

— Чи здорови вашъ панотець та паниматка? спросила Терлецкая Балабуху.

— Дякую вамъ! Хвалити Господа, здорови, тихо отозвался Балабуха.

— Таки не добри: насъ николи не одвидають. Я знаю вашого батюшку и вашу матушку, говорила Трелецкая громко, скоро и съ нѣкоторымъ тономъ.

Терлецкая спросила Балабуху про его отца и мать такъ себѣ въ видѣ любезности, а если-бы они вздумали пріѣхать къ ней, она отнюдь не была-бы имъ рада.

— И я бачила вашого батюшку, смѣло заговорила Олеся, обращаясь къ Балабухѣ: такій добрій, такій прывитный.

Балабуха перевелъ глаза съ матери на Олесю и теперь только замѣтилъ, что она была хорошенькая, хотя и малого росту, и не такія тонкія и острыя были у нея брови, какъ у Ониси Прокоповичевны. Только круглые, небольшіе, черные блестящіе глаза полюбились ему сразу.

Олеся не сидѣла на одномъ мѣстѣ, и это входило въ ея манеры и тонъ: она схватилась со стула и выбѣжала въ сосѣднюю комнату, чтобы посмотрѣться въ зеркало и поправить на головѣ красный бантъ, потомъ вернулась, опять сѣла и опять схватилась, подбѣжала къ вазонамъ, заглянула въ нихъ, опять выбѣжала, принесла графинъ съ водою, полила цвѣты, снова выбѣжала и опять, погодя, прибѣжала и сѣла. Длинные концы кушака и банта летали, какъ-бы ихъ качалъ вѣтеръ. Олеся ловила ихъ рукою и проворно то откидывала въ сторону, то притягивала къ себѣ, то просто вытягивала. Въ слѣдъ за дочерью вышла мать, поправила что-то на шеѣ, опять вернулась и опять вышла. Они сновали сюда и туда, будто »въ хрещика« играли. Чрезъ растворяемую часто дверь Балабуха замѣтилъ въ сосѣдней комнатѣ большущую кровать, напомнившую ему паромъ на Роси, а надъ кроватью—висѣвшій на стѣнѣ большой коверъ съ столь страннымъ узоромъ, что казалось, будто тамъ въ три ряда стояли на заднихъ ногахъ зеленыя лягушки съ красными брюшками, сцѣпившись передними лапами. Въ той-же комнатѣ Балабуха примѣтилъ другую панну, такого-же росту, какъ Олеся, но гораздо красивѣе ея, въ простомъ ситцевомъ платьѣ. То была вторая дочь Терлецкихъ, которую они и одѣвали плохо и прятали отъ жениховскихъ очей, чтобы она не отвлекала вниманія жениховъ отъ Олеси и не помѣшала скорому выходу ея въ замужество.

Въ послѣдній возвратъ Терлецкой въ свѣтлицу, за ней вошла горбатая Килина, неся на тарелкѣ два-три ломтя булки, тонко нарѣзанныхъ, да съ ложку масла на блюдечкѣ. Терлецкій взялъ прежде налитую рюмочку съ наперстокъ, поздоровался съ гостемъ, выпилъ самъ, попотчивалъ гостя и заткнулъ пробкой графинъ, какъ-бы давая тѣмъ знать, что не намѣренъ уже больше ни самъ пить, ни потчивать гостя. Балабуха глотнулъ, даже не почувствовалъ, что выпилъ, и

взялъ тоненькій ломоть булки, чтобы закусить. Ломоть свѣтился насквозь.

— А мы тутъ, паниматко, разговорились зъ Маркомъ Павловичемъ про академію, та такъ налякали Килину своими згадками, що вона впустила тарилку та й розбила, сказалъ Терлецкій, обращаясь къ женѣ.

— То бачите, отозвался Балабуха, мы колись грали въ академіи комедіи, та почали пригадувати зъ отцемъ Петромъ.

— Вы грали комедіи? спросила Олеся. Ото якъ бы меня довелося хочъ разъ на вику побачити! Сидишъ тутъ у Хохитви и людей не бачишъ.

— Де вже ты хотила въ Хохитви побачити комедіи, сказалъ Терлецкій: це чудо показуе тильки наша кыївська бурса.

— Папа кажуть, що й вони грали, смѣло, обращаясь къ Балабухѣ, проговорила Олеся, та ще й убирались за панну.

Матушка Терлецкая слегка усмѣхнулась, взглянувъ на бороду и усы своего мужа.

— Колись убирався за панну, а теперъ вже не вберусь, замѣтилъ мужъ.

— Може й вы убирались за панну? сказала Олеся, обратясь къ Балабухѣ.

— Ни, я разъ убирався за.... *Славу*, какъ-то нехотя сказалъ Балабуха, а другій разъ за прекрасного Іосифа.

— Ото якъ бы я хотила побачити того прекрасного Іосифа, сказала Олеся, искоса поглядывая на Балабуху: мабуть воно выйшло дуже гарно.

Балабуха, продолжая такъ перекидываться словами то съ панною, то съ матушкою, то съ самимъ панотцемъ, мало по малу освоился и пересталъ прятать шею въ воротнички. Непринужденное обращеніе Олеси, привѣтливость Терлецкой отбили въ немъ охоту уходить въ пасѣку и чернобыль.

Лице Балабухи не плѣнило Олеси, но его ростъ, крупная фигура, титло академика располагали ее въ пользу гостя, тѣмъ болѣе, что до той поры въ домъ Терлецкихъ заглядывали такіе невзрачные и неотесанные поповичи, что она не только смотрѣть на нихъ не хотѣла, но и совсѣмъ не выходила къ нимъ. Мать въ свою очередь благосклонно отнеслась къ Балабухѣ, чувствуя, что пора уже выдавать Олесю замужъ.

Разговоръ однако не вязался; перекидывались отрывочными словами, обмѣнивались взглядами, наконецъ и совсѣмъ замолчали. Вдругъ Килина приотворила дверь и что-то шепнула матушкѣ. Олеся схватилась со стула и устремилась къ двери такъ быстро, что чуть не свалила съ ногъ Килину. Балабуха смотрѣлъ ей вслѣдъ; онъ любовался тѣмъ, какъ быстро, проворно и легко бѣжала Олеся и какъ развѣвались около нея красныя ленты.

За Олесей вышла мать. Въ комнатахъ слышалась бѣготня, какая-то возня. Зазвенѣли, забренчали ложечки, стаканы и блюдечки, застучали ящики комодовъ и столовъ. Растворились потомъ двери и горбатая Килина внесла въ свѣтлицу высокій и тонкій самоваръ и поставила на столѣ, какъ нѣкое диво. То былъ первый самоваръ въ околицѣ, и объ немъ, какъ о дивѣ, говорили всѣ, кому видѣть приходилось.

Килина вышла; вошла Олеся съ ложечками и чайникомъ въ рукахъ, за нею мать, за матерью опять Килина. Онѣ входили и выходили суетливо, выбѣгали и снова возвращались: выносили стаканы и другія придатки къ самовару. Самоваръ сперва шипѣлъ, потомъ шумѣлъ, пыхтѣлъ, брызнулъ брызги отъ себя и наконецъ такъ заклокоталъ, что заглушилъ собой дребезжащій стукъ маятника у часовъ. И мать, и дочь, и Килина суетились около самовара, будто около утопшаго, или по меньшей мѣрѣ больного. Самъ Терлецкій не безъ самодовольства посматривалъ на эту хитрую машину, которой не было ни у кого, а Балабуха диву дался, впервые видя самоваръ.

Началось священнодѣйственное наливанье чаю въ стаканы, и бренчанье ложечекъ и блюдечекъ, какъ бы курантъ игралъ. Сама Терлецкая подала Балабухѣ стаканъ чаю. Килина снова принесла на тарелкѣ три тоненькихъ ломтика булки. Балабуха неохотно принялся за чай, но когда выпилъ, съѣвъ притомъ прозрачный ломоть булки, тутъ только почувствовалъ, что ему хочется ѣсть. Ѣсть хотѣлось, по привычкѣ и выпить давно уже тянуло, но хозяинъ и не думалъ даже предложить »по другій«. Онъ только замѣтилъ, какъ-бы поддразнивая Балабуху и не обращаясь ни къ кому:

— Не люблю я сёго зилля. Отъ такъ тильки звычай якійсь. Хто до ёго привыкшій, може воно ёму й пользуе, а старому животови нема, якъ добра чарка горилки.

Коли-бъ же добра чарка, а не така, якъ наперстокъ, подумавъ Балабуха, посматривая на крохотную рюмочку, стоявшую праздно на столѣ.

Терлецкая сердито взглянула на мужа, и онъ замолкъ и болѣе не развивалъ уже этой темы, на которую много могъ-бы сказать хранившій молчаніе Балабуха.

Выпили чай. Килина съ торжествомъ вынесла самоваръ, на который накинулись младшія дочери, какъ мухи.

— Озьми лишень, дочко, гитару та заграй, або й заспивай намъ якои, сказавъ Терлецкій, доставая гитару съ косого угольнаго столика и подавая Олесѣ.

— Я вже давно грала и мабуть все чисто позабувала, кокетливо промолвила Олеся.

Она взяла гитару, подтянула струны и неувѣренно начала брать аккорды.

— Вы не граете на гусляхъ? спросилъ Терлецкій у Балабухи.

— Ни, не граю, отвѣтилъ Балабуха.

— Шкода. Я колись гравъ та позабувавъ. Отъ мій сусидъ, въ Богуслави, якъ утне, то ажъ помистъ дрижить. Э, що то за гарный струментъ! сказалъ Терлецкій.

Олеся сыграла нѣсколько козачковъ, одного »съ переборомъ«. Ей хотѣлось спѣть, но она сама не рѣшалась начать и ждала, пока кто попроситъ.

— Засьпивайте, коли ваша ласка, несмѣло попросилъ ее Балабуха.

— Засьпивай, дочко, про Хлою, або про Нарциза, або лучче про студента.

Олеся усмѣхнулась, и, взявъ аккордъ на гитарѣ, запѣла тоненькимъ голоскомъ сперва Хлою, потомъ Нарциза, а наконецъ и студента:

Охъ, велѣла меня мать
За купца да отдать!
А купецъ какъ идетъ,
Сундукъ денегъ несетъ.
Сундукъ денегъ не прійму,
За купца я не пойду.
Ой велѣла меня мать
За студента отдать!

А студентъ какъ идетъ,
Кучу книжекъ несетъ.
Кучу книжекъ я прійму,
За студента пойду.

Це до шмыги, подумалъ про себя Балабуха и затѣмъ громко сказалъ:

— Щиро дякую вамъ. Це дуже добре, якъ хто вміе грати, та ще до того й спивати. Отъ зо мною одинъ такій вчився: все було грае та спивае, спивае та грае. Инши пенса (урокъ) було вчать, други оккупацію роблять, а винъ поклавъ передъ себе гитару, та все затынае:

По дорози жукъ-жукъ,
По дорози чорный.
Подивися, дивчино,
Якій я моторный.

Тильки винъ такихъ деликатнихъ, якъ оце вы спиваете, не вмивъ.

Олеся весело улыбнулась и кивнула Балабухѣ головой въ знакъ благодарности за такой лестный отзывъ.

Терлецкій воодушевился, всталъ со стула, началъ припоминать и декламировать давнія вирши, пробовалъ даже импровизировать, но выходило какъ-то нескладно. Вдругъ онъ что-то вспомнилъ, улыбнулся и подойдя къ Балабухѣ, сказалъ:

— Оце вы нагадали мени, що и въ насъ бувъ одинъ, що того *Жука* було разъ по разъ грае та выспивуе. Отъ разъ, тильки що винъ скинчивъ оце *моторный* и почавъ пальцами перебирати, а одинъ колега нибы далій:

Такій ты моторный,
Якъ собака чорный...

Всѣ расхохотались. Наступило оживленіе. Олеся продолжала играть и пѣть.

— Спивай, дочко, пока молоденька, говорилъ ей отецъ, бо якъ мине твоя весна, то перестанешъ спивати.—И онъ самъ затянулъ:

Наслаждайся дней твоихъ,
Все бо вмалѣ состарѣетъ...

Но потомъ съ какою-то горечью махнулъ рукой и закончилъ:

— Отъ бачите, и я колись спивавъ и вирши складавъ, а якъ ставъ старымъ, то вже й писня въ голову не йде.

Балабуха ничего не отвѣтилъ: мысль его была занята не тѣмъ. Слушая не безъ удовольствія игру и пѣніе чернявой Олеси, онъ еще раньше почувствовалъ, что въ его желудкѣ начинается музыка иная. На дворѣ вечерѣло, а перекусить доселѣ не давали. Графинъ съ водкой стоялъ будто припечатанный. Балабуха посматривалъ на двери, не вынесутъ-ли чего оттуда закусить, но двери не отворялись, а сирены въ широкой его утробѣ пѣли такъ громко, что ему становилось даже неловко.

Солнце зашло, смерклось на дворѣ. Терлецкая встала и вышла изъ свѣтлицы, за нею выбѣжала Олеся. Въ смежныхъ комнатахъ началась вновь бѣготня: забренчали ключи, застучали двери, зазвенѣли ложки и тарелки. Въ приотворенныя двери Балабуха видѣлъ, какъ мелькали на стѣнѣ тѣни головъ. Терлецкій ходилъ по свѣтлицѣ и фантазировалъ, а Балабуха сидѣлъ, опустивши голову и придерживая рукою опустѣвшій и ноющій животъ свой.

Спустя часъ широко распахнулись двери въ свѣтлицу. Баба съ Килиной внесли длинный столъ и накрыли скатертью. Килина за тѣмъ притащила кучу тарелокъ и начала разставлять по столу; баба отдѣльно вынесла ножи и вилки и раскладывала ихъ съ неменьшею, какъ и Килина, торжественностію и вдумчивостію. Въ концѣ этой комически-важной суеты вышла Терлецкая и попросила гостя къ столу. Усѣлись всѣ четверо и долгонько ждали. Опять двери отворились.

Наконецъ-то... подумалъ Балабуха, увидѣвъ бабу съ длиннымъ блюдомъ.

Но на большомъ блюдѣ оказалось всего лишь двое маленькихъ, какъ воробьи, цыплятъ. Балабуха даже вздрогнулъ.

— Прошу покорно! обратилась къ нему Терлецкая.

— Потрывай, паниматко! мы, по старому звычаю, выпьемо ціеи *aquae vitae*, котрои давни римляне певно не пили, сказалъ Терлецкій, наливая наперсточекъ.

Балабуха выпилъ и только жалобно поморщился. Сообразивъ ничтожный запасъ лежавшаго на блюдѣ кушанья съ числомъ сидѣвшихъ за столомъ и не желая ни конфузить хозяевъ, ни безнадежно раздражать свой аппетитъ, онъ отрѣзалъ ножку у цыпленка

и положилъ на тарелку. Олеся и мать отрѣзали по крылышку и давали видъ, будто ужинаютъ. Балабуха и самъ давалъ такой же видъ: обгрызъ ножку и вилку и ножъ положилъ на тарелку. А въ его голодномъ воображеніи рисовалась, предъ его глазами носилась »макитра« вареников въ сметанѣ.

— Правду казала мати! подумалъ Балабуха: якъ бы умысне не пообидавъ, то-бъ не доихавъ живый до дому.

Посидѣли еще за столомъ, поговорили и встали. Пришла баба и унесла блюдо, на которомъ остался нетронутымъ одинъ цыпленокъ.

Послѣ столь сытнаго ужина, терзаемый голодомъ, Балабуха сталъ прощаться. Терлецкіе просили его не забывать ихъ и пріѣзжать къ нимъ почаще.

Было уже около полуночи, когда Балабуха тронулся со двора. Только что выѣхали за село, Балабуха спросилъ погонича:

— Чи не зосталось въ тебе хлиба въ торбипи?

— Та тамъ зостався окраецъ.—Ну, та й скупи-жъ ци люди! сказалъ погоничъ, развязывая торбу съ хлѣбомъ: мабуть вони тимъ и багати, що скупи. Покликали мене полуднувати, чарки горилки не дали, а матушка вынесла хлибъ, одкраяла панську скибочку, та й зновъ взяла въ покои. Та горбата Килина мабуть живе Божимъ духомъ. А на попадю наймички й наймиты кажуть: *пани*, бо якъ котра назве матушкою, то вона, Господи, якъ сердиться.

Въ полночь Балабуха пріѣхалъ въ Хильки и разбудилъ мать.

— Мамо, давайте хочъ шматокъ сала та хлиба: ѝсты такъ хочу, ажъ шкура трищить.

— А я тоби казала! Ци гарбуза не причеплять, але витають гостей вже дуже по паньски. Сидай, сынку, за стилъ.

Мать высунула изъ печи »макитру« вареников. Балабуха принялся за нихъ съ жадностью и не оставилъ въ »макитрѣ« ни одного.

— Якъ-же тоби показалась дочка? спрашивала мать.

— Дочка гарна, и грае добре, и сьпивае добре, вбрана по паньски, сказалъ Балабуха и почувствовалъ, что Олеся заслонила въ его воображеніи тонкія брови Описи.

— Та въ ѝхъ и грошей сила. Не знаю тильки, чи дасть старый. А що вже багати, то багати, сказала мать.

Наѣвшись до отвалу, Балабуха завалился въ постель и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Между тѣмъ въ Хохотвѣ, по выѣздѣ Балабухи, въ домѣ Терлецкихъ послѣ церемоннаго начался домашній ужинъ. На тотъ-же столъ Килина вскорѣ поставила большую вазу галушокъ съ саломъ. Ѣли съ неменьшимъ аппетитомъ, какъ и Балабуха; даже Олеся, удовольствовавшаяся при гостѣ однимъ крылышкомъ маленькаго цыпленка, теперь опорожнила полную тарелку галушекъ, и съ разу ей стало такъ тѣсно въ корсетѣ, что она поспѣшила кликнуть Килину, чтобы поскорѣе распустить шнуровку.

— А що, Олесю, якъ тоби показався Балабуха? спросилъ ее отецъ.

— Такъ соби..... ничого, отвѣчала Олеся, сдѣлавъ видъ равнодушный.

— Отъ и ничого! отозвалась мать: панычъ здоровый, огрядный, вченый, чисто вбраный.

— И латынь знае добре: такъ и сыпле латынськими приказками, добавилъ отецъ: ни, дочко! цёго жениха шкода выпускати зъ рукъ. Ты будь зъ нимъ привитниша, якъ прибуде до насъ вдруге, та поговори зъ нимъ любенько.

— Коли-жъ винъ самъ не дуже охочій до розмовы. Сидить, та дивится, та очи пидводить, та чогось неначе стогне.

— То й добре, коли мовчить. Менше буде доникати тоби языкомъ, сказала мать, взглянувъ на своего »панотця«.

— Правда въ ёго очи й брови гарни, але губы... зовсимъ якись чудни. Чогось неначе кривиться, якъ середа на пятницю, сказала Олеся.

— Тоби, Олесю, мабуть треба жениха зъ Кыива, або зъ Варшавы... сказалъ съ недовольствомъ отецъ: дежъ тоби кращихъ набрати.

— Олеся хотѣла сказать, гдѣ она набрала-бы лучшихъ жениховъ, но промолчала: она видѣла въ »экономіи« и на панскомъ дворѣ гораздо интереснѣе паничей изъ сосѣдней польской шляхты; но богатые не сватали, а за бѣдныхъ отецъ не хотѣлъ отдать.

Олеся легонько вздохнула и отправилась спать.

Скоро всѣ уснули въ домѣ Терлецкихъ, только въ пекарнѣ долго еще свѣтилось. Тамъ Килина зъ бабой, да съ другой, также

»подданной« Терлецкаго, долго мыли да вытирали посуду, да бранили гостя. Килина и баба кончали работу уже черезъ сонъ. Ихъ блѣдныя лица совсѣмъ осунулись, сонъ клонилъ ихъ головы внизъ. Перевалило уже за полночь, а онѣ все еще стирали да прибирали, а на другой день ихъ ждала таже нескончаемая, съ колотушками и бранью, подъ строгимъ присмотромъ, работа и голодная жизнь, отъ которой бѣжали люди со двора Терлецкихъ, куда кто могъ.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯСНЕНІЕ ПОЛКОВНИКА И. ЧЕРНЯКА О РАБОТАХЪ КОЗАКОВЪ НА ЛАДОЖСКОМЪ КАНАЛѢ[1].

Високо Правительствующому Сенату

Доношение.

При воздаянии раболѣпного моего вашимъ свѣтлостемъ и сиятельствомъ, черезъ нарочно посланихъ моихъ, до-земного поклоненія, всепокорнѣе хотячи я въ напрасно нанесенномъ одъ господина полковника Вѣтвера свѣтлѣйшому римского и росийского государствъ ижерскому князю, генералу фелтъ маршару и кавалеру, его милости, господину Александру Даниловичу Меншикову пороцѣ и оскарженни козаковъ команди моей, на работѣ каналной, по указу его императорскаго величества, нашого всемилостивѣйшого государя, обрѣтаючихся, что будто они козаки лениво работають (яко о томъ зъ копѣи его княжой свѣтлости листу до господина брегадира Леоптиева, а одъ его милости ко мнѣ присланного извѣстилемся), праведное мое предъ високое вашихъ свѣтлостей и сиятельствъ лице принести оправдание, сие въ отвѣтъ до-

[1]) Помѣщаемый документъ заимствуется изъ ветхаго рукописнаго сборника разнаго рода записей, между которыми большинство составляютъ рѣшенія полтавскаго полковаго суда. Это не подлинникъ, но современная копія, судя по почерку всего сборника.

Командиръ посланнаго на ладожскій каналъ полка пишетъ съ мѣста работъ и описываетъ ихъ процедуру въ томъ участкѣ, какой отведенъ на долю козаковъ. Мы слышимъ голосъ очевидца, и это даетъ цѣну памятнику, въ своемъ родѣ пока единственному. Полковникъ Чернякъ пишетъ подъ очевиднымъ страхомъ гнѣва царскаго любимца, извѣстнаго Меншикова, предъ которымъ обнесли въ лѣни и нерадѣніи его и весь полкъ. Онъ старается оправдаться предъ сенатомъ и пишетъ въ самомъ униженномъ тонѣ. Насколько вѣрно самооправданіе, судить не

ношу: что любо за прибутиемъ нашимъ отъ Ладоги, въ первыхъ числехъ іюня, къ Кобонѣ зъ командою моею, не можна было заразъ, для наводнения великого въ каналу, въ земляную въступити роботу, однакъ козаки черезъ увесь тотъ часъ, безъ жадного огурства и лѣности еже-дня едни ручаи, зъ болотъ въ каналъ текучіи, гатили и плотини на многихъ мѣсцахъ черезъ увесь каналъ займали, а прежніе направляли, возячи песокъ для засипання отъ мѣлу, други тежъ въ каналу, где вода надтягнена била, рови копали, а третие указанное число фашинъ, сваевъ, дощокъ и колля зъ неменшою трудностию за килка верствъ на своихъ плечахъ носили; когда зась, по вилитю зъ канала води, земляная настала работа и козаки, виривши болшъ аршина въ глибъ, а въ ширъ сажень триаршинний въ каналу посредѣ ровъ, для спущения подъ машини води, и оной належите виношеннемъ землѣ вичистивши, хотѣли по опредѣлению и розмѣру за дѣло самое каналное взятись, лечъ господинъ полковникъ Вѣтверъ для проби велѣлъ числа 9 іюня ундеръ-офѣцеру своему въ горѣ едну плотину розрити, а потомъ видя, что каналъ увесь по прежнему наполненъ водою, приказалъ знову козакамъ одъ полдня черезъ всю нощь оную плотину, понеже вода всю било поломила, вновь гатити изъ тихъ мѣстъ. Покамѣсть одъ числа 9 до числа 18 зънову зъ каналу вода витягнена, у роботѣ каналъной остановка чинилася, однакъ и тогда не бездѣлны козаки били, лечъ по прежнему лѣсние припаси готовили, гатки по вся дни поправляли и гатили, а иние зъ полковъ въ тое время килкокротне по телѣжки и колеса за 10 верстъ до подрадчика ходили и на себѣ носили, одколь другие и нѣ щимъ, что не вистарчено било, мусѣли ворочатися, а любо по пятнадцать коней государевихъ для привозки помянутихъ телѣжокъ въ полки и давани, однакъ-же тие конѣ били весма вимордование и витягнение, которие и порожние вози въ

почему; предъ нами только процедура работъ, гибельная для работающихъ. Но въ ней, наравнѣ съ казаками, фигурируютъ драгуны, армейскіе солдаты и простые землекопы, согнанные съ разныхъ концовъ Петрова царства. Зная много о дѣяніяхъ Великаго Петра, мы сравнительно немногое еще знаемъ о тѣхъ жертвахъ отъ народа, какими созидались его слава и могущество Россіи. Приводимый документъ можетъ имѣть значительную цѣну въ изслѣдованіяхъ этого послѣдняго рода.—Ред.

сілу потягли, того ради назадъ зъ полковъ отдано. И скоро начала вода въ каналу уменшатись, ровъ посредѣ оного, одъ пѣску замѣлений, знову рили, землю виносили и очищали. А особливе що разъ по машини ровчаки два для скорѣшого проходу водного копали. И въ числехъ 18 и 19 іюня по витягненю води, вступівши козаки другимъ разомъ въ земляную работу, со всякимъ радѣніемъ и пилнимъ прилежаниемъ, хотячи въ скорѣ опредѣленнии свои дѣлницѣ ку прислузѣ своей-же совершить, чтобъ заранѣе, не входячи въ осѣнь, могли били ку домамъ одпущени, безъ жадной лѣности не только за себе, но и за болние, такожъ и за умершие, понеже ихъ дѣлниця остается, при досмотрѣ офицеровъ работали; въ двохъ зась полкахъ, чернѣговскомъ и стародубскомъ, мусѣли козаки на мѣсце болнихъ и умершихъ, что не змогли сами за слабостию въ здоровю и своихъ дѣлниць виробить, бурлаковъ наймати, которие нинѣ работаютъ. А въ числе 23 юня, за прибутнемъ его милости, господина генерала маіора Писарева къ каналу до Кобонѣ, когда по осмотру нашой работи изволивъ повелѣть болшъ въ каналу не копать, толко въ горѣ мало винять и зровнять, такожъ и береги отдѣлать, для узнаня въ каналу мѣри приказалъ во всю каналную роботу зъ гори води упустить, то одъ того числа, для наводнения великого, ктомужъ еще и дожчѣ частие спадали, знову остановка въ дѣлѣ канала до числа 9 и 12, а въ иншомъ полку и до 20 іюля показалась и черезъ все тое время, нѣмъ вода не уменшилась, по осмотрѣ обоемъ, и ундеръ-офицера, такожъ и старшини нашой полковой, по прежнему козаки на работѣ фашинной и сваевъ найдовались, а иние, за предложениемъ моимъ листовнимъ господину бригадиру Леонтиеву, машинъ двѣ, для скорѣшого води въ дѣлницяхъ команди моей витягненя, зъ драгунской роботи взявши, зъ немалою трудностію, по килка сотъ человѣкъ зъ полковъ на себѣ не въ близкости переносили, а ктому и въ перенесеню на каждой полкъ по кілка капровъ, черезъ немалое разстояние мѣсца, бѣди дознали, особливе тогдажъ поузъ каналъ по обоимъ сторонамъ полверстви всѣми полками, для воспящения въ реку Кобонъ води зъ озеръ въ каналъ проринутись мѣючой, якая уже знатне стала била проходити, рови копали въ ширъ болшъ сажня, а въ глибъ полтора слоя.

Итакъ зъ сего моего неложного отвѣту благоизволѣте ваша свѣтлость и сіятельство високимъ и премудримъ разсмотрениемъ зважити и уважити, якая козаковъ моихъ подкомандныхъ въ роботѣ інтересу монаршого (которий по нашой вѣрности и рабской къ своему всемилостивѣйшому государю, его імператорскому величеству должности всегда готови исполнять) показуется лѣностю и нерадѣниемъ, одъ кого барзѣй въ дѣлѣ каналномъ происходило и происходить препятие и лишняя остановка. Сего ради, надъ предъ сенаторскими вашихъ свѣтлостей и сіятелствъ, стопами, всенайпокорнѣе прошу жадного о роботѣ козацкой не имѣти мнѣнія и подзору, въ которомъ, безъ вини благословной, напрасно одъ господина полковника Вѣтвера оскаржени зостали, и для лучшого достовѣрия благоволѣте ваша свѣтлость и сіятелство, по своей милости, аще сие угодно будетъ, росказать помянутую нашу работу, что вндѣлано, освѣдительствовать, и если-би не препятиемъ наполненная въ каналѣ била вода, певне давнѣ-би земляное козаковъ дѣло пришло до совершенства, якожъ и такъ при помощи Божой робота команди моей въ каналу зъ драгунскою и салдацкою, любъ они передомъ гараздъ зачали дѣлать, соравнилась, а отъ бурлацкой, хочай такожъ они черезъ килка мѣсяцей работаютъ, получаючи знатное государево награждение, послѣдние взятии до каналного дѣла козаки стали первѣйшіе, понеже опредѣленние свои дѣлници землѣ викопали, сваями береги забили и фашинами въ мѣру указаняую соравнили, тилко уже надлежитъ въ горѣ по три фашини, когда виготовлени будутъ, положити, и тая надѣя въ Бозѣ, что зачатая козаковъ робота конечне желаемой своего окончания воспріиметъ скутокъ. Обаче сіе токмо мене усумнѣваетъ и смущаетъ, же въ командѣ моей, такъ при Кобонѣ обрѣтаючойся, яко и при Ладозѣ у каналной работи будучой, многое число козаковъ болнихъ и умершихъ найдуется, и що разъ въ болѣзни тяжкой, якая бардзѣй гарачка да опухъ ногъ вкоренилась, примножаются и умираютъ, якихъ вѣденіе явствуетъ, однакъ на таковую бедныхъ козаковъ нужду приставние офѣцери не взирая, безъ жадного баченя, зъ повелѣния господина брегадира Леонтиева, не милостиво бючи ихъ у роботи палками, хочай оную не толко днемъ и ночу, лечъ и во дни недѣлние і празничние одправуютъ, безъ одпочивку приганяютъ. Опасаяся теди я, чтобъ по прошлорочному козаковъ

зде не загубити, якихъ развѣ третья часть ку дому и въ прошлемъ году повернулась, предваряю въ сенатъ покорнѣйшимъ симъ моимъ писаниемъ и рабско прошу, благоволѣте ваша свѣтлость и сіятельство, іле по указу его імператорского величества високою своею особою россійское правление содержите, не допустить команди моеи въ конецъ при сей каналной роботѣ, не била-бъ надъ чужое мѣсто, якъ господинъ полковникъ Вѣтверъ хощетъ, зъ согласиемъ господина брегадира Леонтиева, который къ дѣлнимъ козакамъ велми есть недоброхотъ и немилостивъ, учинить,—для зачинания другой работи переведена, якой отнюдъ нѣкимъ (Богу самому свѣдущу, бо всѣ козаки въ сілѣ своей весма ослабѣли и ели живи обрѣтаются) дѣлать, лечь-би, не уводячи въ глубокую осѣнь роскиса и плюскоти, одпущены зостали во своясі принамнѣй въ первихъ числехъ сентеврия, такъ для лучшого и безбѣдного запроваженя болнихъ, зъ которими иле многимъ числомъ я теперь не вѣдаю, що чинити и куда ихъ обернути, и до лѣкарей зъ лѣкарствами для помощи хочай килка разъ о присилку онихъ и упоминалемся, не дано, яко и для вигоднѣшого такъ далечайшого пути здоровимъ, якие всѣ опѣшали ходу. А понеже прошлого року, по милости его імператорского величества, для проходу одпущенихъ зъ каналу козаковъ високо повелителнимъ его величества указомъ опредѣленно било видавать правиянтъ и для коней фуражъ, того ради да не лишени будуть и нинѣ тоежъ монаршой милости работаючие козаки, благоизволѣте ваша свѣтлость и сіятельство повелѣть високопочтеннѣйшимъ своимъ указомъ видать о получении въ пути козакомъ, когда одпущени будутъ изъ каналу, провиянту и для коней, якихъ неболшое число можетъ бити, принамнѣй самого сѣна, ибо они козаки тутъ при каналѣ не тилко позбули остатний грошевий запасъ, и иние при своей болезни для пропитания и одежду, якую имѣли, попродали, албо вѣмъ до сего часу, по указу его імператорского величества, за видѣлку кубическими сажнями въ каналу землѣ и за виношение зъ немалою бѣдою и трудностию за пять и шесть верствъ фашинъ и сваевъ, надлежащихъ денегъ имъ не видано, а любо изволивъ его княжеское сіятелство, господинъ Александеръ Даниловичъ Меншиковъ, фелтъ маршалъ и многихъ ординовъ кавалеръ на листъ мой въ отвѣтномъ своемъ почтеннѣйшимъ писании предлагать, что велено видать денги, однакъ при тои дачи мѣ-

ютъ вичитать данние онимъ въ прошломъ 1721 году, за которие не заробили. А понеже его імператорское величество нашъ всемилостивѣйший государь, по своей високомонаршой милости, благоизволивъ для всемирной радости получнаного зъ шведскою коропою вѣчного мира, не тилко провиянтомъ, но грошми и лѣкарствами, якие давани били прошлого лѣта при каналѣ козакамъ ихъ безвозвратно и чого за приключившоюся слабостию противъ порции драгунской работи не додѣлали, того на ихъ козакахъ въ семъ году не взискувать; сего ради, при обятии стопъ сенаторскихъ вашихъ свѣтлостей и сіятельствъ, всенижайше прошу, подлугъ того его імператорского величества милостивѣйшого указу, повелѣть такъ за роботу каналную козакамъ надлежащіе всѣ денги, не вичитая въ той суммѣ нѣчого, видать, яко и въ вижей вираженномъ команди моей нужномъ требовании милостивое свое явити благосклонение и дѣйствителнѣ рѣшителную учинить резолюцию.

Вашимъ свѣтлостемъ и сиятелствамъ нижайший рабъ
полковникъ полтавский Іванъ Чернякъ.

Одъ селг. Кобони при каналѣ.
Августа 2, року 1722 г.

Библіографія.

Славянскій Ежегодникъ. Изданіе кіевскаго славянскаго общества. Выпускъ шестой. Составленъ подъ редакціею Т. Д. Флоринскаго, доцента императорскаго университета св. Владиміра. Кіевъ. 1884. (382 стр. Цѣна 1 рубль).

Съ похвальнымъ постоянствомъ изъ году въ годъ кіевское славянское благотворительное общество выпускаетъ по книжкѣ *Славянскаго Ежегодника*, и даетъ этимъ добрый, но пока еще безплодный, примѣръ другимъ кіевскимъ обществамъ,—собственно ученымъ, а не благотворительнымъ, отъ которыхъ слѣдовательно естественнѣе было-бы ожидать постоянной литературной производительности. Составъ послѣдняго выпуска *Славянскаго Ежегодника* довольно разнообразенъ. Есть тутъ и изящная словесность — *Горные разсказы* чешскаго писателя Алоиза Краска (*Залишъ*, *Дивоусъ* и *Дворскій*), разсказы очень милые и граціозные, особенно первый и третій. Къ отдѣлу-же изящной словесности можно отнести и *воспоминаніе о событіяхъ 1876 г.* болгарскаго писателя И. Вазова въ русскомъ переводѣ и его-же стихотвореніе *Россія* въ болгарскомъ подлинникѣ. Есть статьи болѣе серьезныя и тяжеловѣсныя, которыя можно причислить къ отдѣлу научному. Сюда относятся: »разборъ стихотвореній чешскаго поэта *Яр. Верхлицкаго* (псевдонимъ Эмиля Богуша Фреды), навѣянныхъ вліяніемъ философіи Шопенгауера; 2) *Фр. Кухачъ и его Сборникъ южно-славянскихъ пѣсенъ* (обѣ статьи принадпринадлежатъ Л. Степовичу). 3. *Нынѣшнее положеніе Словаковъ*. Свѣтозара Гурбана-Вьянского (въ переводѣ Т. Д. Флоринскаго) и 4. *Покушеніе Австріи ввести въ Далмаціи унію*. Статья Я. Головацкаго. Есть наконецъ и научная хроника, въ составъ которой входятъ два некролога: В. В. Макушева († 2 марта 1883 г.) и Ю. Даничича († 4 ноября 1882 г.) и

два юбилея: Франца Миклошича (8 ноября 1883 г.) и В. И. Ламанскаго (9 мая 1883 г.). Научная хроника во всемъ составѣ своемъ принадлежитъ перу редактора *Ежегодника* Т. Д. Флоринскаго. *Ежегодникъ* заканчивается *Славянскою библіографіею* за 1879—81 годы, составленною А. О. Поспишилемъ.

Выслушаемъ сначала отъ *Славянскаго Ежегодника* одинъ упрекъ, обращенный по адресу русскаго общества. Авторъ статьи о *сборникѣ южнославянскихъ пѣсенъ Фр. Кухача* въ подстрочномъ примѣчаніи говоритъ: »Трудно представить себѣ бо́льшую степень равнодушія, чѣмъ ту, какую проявляетъ наше общество по отношенію къ явленіямъ славянской жизни, особенно, если это явленія не политическія, а бытовыя, относящіяся всецѣло къ скромной сферѣ мирнаго общественнаго развитія... Изданіе (*южно-славянскихъ пѣсенъ*) предполагалось въ двухъ транскрипціяхъ текста: кирилловской и латинской, именно въ виду желанія автора доставить удобства при пользованія изданіемъ тѣмъ славянамъ, которые употребляютъ кирилловское письмо. Русское общество могло-бы очень поддержать такую полезную мысль и посодѣйствовать распространенію цѣннаго изданія, но оно не знало о немъ (по своей-же впрочемъ винѣ!), и изданіе въ кирилловской транскрипціи лопнуло и прекратилось на пятомъ-же выпускѣ! Вотъ и предпринимайте послѣ этого что-нибудь подобное, въ разсчетѣ на поддержку русскаго общества!« (стр. 235). Далѣе (стр. 239—240) авторъ статьи припоминаетъ, что »въ началѣ семидесятыхъ годовъ и кіевская публика по концертнымъ исполненіямъ студентовъ—любителей изъ хора г. Лысенка была знакома съ славянскими пѣснями. Таковы напр. пѣсни *чешскія*: 1) Влъталво! 2) Тѣшме се благой надѣи, же се врати злате часы! (гуситская пѣсня, прекрасная по напѣву и содержанію), *сербская*: 1) Сви лайкаше одоше лако (всѣ корабельщики ушли легко) 2) Я подьо снудьенъ край дола (я пошелъ опечаленный около долины) и *хорватская*: Напрей застава славе, на бой юнашка кри! (Впередъ знамя славы, въ бой молодецкая кровь!) Всѣ эти пѣсни были весьма любимы публикой, нынѣ-же почему-то мало исполняются. Не можемъ не пожалѣть объ этомъ, такъ какъ путь публичнаго концертнаго исполненія—самый вѣрный для взаимнаго ознакомленія славянъ съ своими драгоцѣнными произведеніями музыкально-народнаго творчества. Лучшее средство для популяризаціи у насъ славянскихъ народныхъ пѣсенъ—это, повторяю, публичное ихъ исполненіе въ концертахъ хорошо организованными хорами, каковъ былъ напр. еще въ недавнее время въ Кіевѣ хоръ г. Лысенка. Нынѣ при отсутствіи такого рода исполненія славянскихъ пѣсенъ, онѣ опять перестали быть знакомы нашей публикѣ, и такимъ образомъ придется теперь, пожалуй,

начинать съизнова въ дѣлѣ ознакомленія ея съ родственной славянской музыкой».

Но, выслушавъ упрекъ отъ *Славянскаго Ежегодника*, отвѣтаемъ и ему такимъ же. Воспользуемся для этого словами покойнаго В. В. Макушева, приведенными въ его некрологѣ, помѣщенномъ въ этой же книжкѣ *Славянскаго Ежегодника*. «Ни одно изъ славянскихъ племенъ (говоритъ В. В. Макушевъ) не заслуживаетъ столь тщательнаго съ нашей стороны изученія, какъ сосѣднее намъ польское племя, съ которымъ мы находимся въ непрерывныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ древнѣйшихъ временъ и понынѣ. Поляковъ же мы знали и знаемъ меньше, чѣмъ другихъ славянъ и потому при всякомъ столкновеніи съ ними дѣлаемъ непростительные промахи и ошибки. Равнымъ образомъ и поляки не знали или вѣрнѣе не хотѣли знать Россію и русскихъ въ настоящемъ видѣ... Но поляки уже начинаютъ сознавать свою ошибку [1]); нужно же и намъ стараться поближе ознакомиться съ польскимъ народомъ въ его прошедшемъ и настоящемъ». (Стр. 301—302).

Въ приведенныхъ словахъ рѣчь идетъ не о политическомъ сближеніи между русскими и поляками, которое немыслимо при діаметральной противуположности стремленій русскаго и польско-шляхетскаго обществъ, но о сближеніи на нейтральной почвѣ науки, искусства и литературы, которое не можетъ быть чуждо и задачамъ кіевскаго Славянскаго Общества. Между тѣмъ настоящій выпускъ его *Ежегодника*, давая русскому обществу нѣчто для знакомства съ чехами, болгарами и словаками, ничего не даетъ для знакомства съ польскою литературою. Польская литература принадлежитъ къ числу богатыхъ нерѣдко выдающимися научными и беллетристическими произведеніями; но для насъ она представляетъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что по части южно-русской исторіи, этнографіи и пр. даетъ едва ли не болѣе, чѣмъ даемъ мы сами [2]).

---

[1]) Разумѣются, конечно, переводы на польскій языкъ нѣкоторыхъ сочиненій русскихъ писателей. Изъ недавно вышедшихъ въ польской библіографіи, приложенной въ концѣ см. *Ежегодника*, поименованы слѣдующіе: *Turgeniew*, Iwan-Pamietniki mysliwca, przeł. Henryk Heng. tom I. B. 1880. *Puszkin*. Cyganie, przekład Mir. Dobrzanskiego. Варшава. 1881. 31 стр. и *Gogol*, Mikolaj. Martwe dusze. Познань. 1879. 363 стр.

[2]) Чтобы не быть голословными, сдѣлаемъ хотя такія бѣглыя указанія. Въ послѣдніе два-три года польская литература о Хмѣльницкомъ дала два выдающіяся историко-беллетристическія произведенія, какъ »Z burzliwej chwili« Ежа и »Ogniem i mieczem« Сенькевича (переводъ перваго въ »Русской Мысли«, втораго въ »Живописномъ Обозрѣніи«), у насъ-же явилась только слабо-научная и претенціозная книжица Буцинскаго, да возобновленная 4-мъ типомъ монографія

Правда, что это условливается близостію нашей прежней и польской исторіи, отчасти же и особымъ взглядомъ польскаго общества на наши южныя и западныя области, которыя она не перестаетъ и теперь считать своими, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ не пользоваться ея произведеніями по этой части, когда нашихъ собственныхъ такъ еще не много. Будемъ надѣяться, что наше Славянское Общество въ дальнѣйшихъ выпускахъ своего Ежегодника пополнитъ этотъ пробѣлъ, равно дастъ намъ что либо изъ области вполнѣ родственной намъ литературы нашихъ галицкихъ братій, которыхъ, по своему уставу, Общество преимущественно имѣетъ въ виду.

Т. Ф.

Kolberg Oskar. Pokucie. Obraz etnograficzny. T. II. Kraków 1883. (Кольбергъ Оскаръ. Покутье. Этнографическій этюдъ. Т. II. Краковъ. 1883 г.).

Въ февральской книжкѣ »Кіевской Старины« за текущій годъ мы уже дали читателямъ краткій отчетъ о первомъ томѣ замѣчательной работы О. Кольберга »Pokucie«. Въ настоящее время мы можемъ сдѣлать небольшое сообщеніе о второмъ томѣ этого сборника.

Въ этой книжкѣ помѣщено 512 пѣсенъ, изъ которыхъ большинство съ мелодіями подъ общимъ заглавіемъ »пѣсни и думы«. Чтобы чи-

---

Костомарова. По части нашей этнографіи у поляковъ явился капитальный трудъ Кольберга »Покутье«, мы-же ничего подобнаго противупоставить ему за это время не можемъ. Укажемъ также на недавнія и свѣжо вышедшія въ польской литературѣ историческія сочиненія, имѣющія ближайшее къ намъ отношеніе и нашъ мѣстный интересъ. Таковы. 1) *Historya* Bazylianów w połockiej cerkwi w r. 1705, dnia 30 junia starego. Poznań (W. Simon) 1883, 2) *Bykowshi Piotr Jaksa.* Słoboda, powieść z dziejów zeszłowiecznej Ukrainy. Warszawa. 1883 r. (1884), 3) *Gorzkowski M.* Wskazówki do nowego obraza Jana Matejki, Wernyhora, z pobieżnym opisem o kozakach w ogóle. Kraków. 1884. 4) *Łuneewski T.* Cmentarzysko starożytne w Łuskach i Grodzisku, w gub. Siedleckiej, w pow. Sokołowskim. Warszawa. 1883 r. z rycina w tekscie. 5) *Notatka* o Akademii i szkołach jezuitów w Połocku. Poznań. 1884. 80 fenig. 6) *Popowski Boles.* Pieśni ludu ruskiego ze wsi Zalewańszczyzny (Odbitki ze Zbiora Wiad. do atr. kraj., tom. VIII 3) Kraków 1884. 7) *Zuber Rud.* Studya geologiczne we wschodnich Karpatach, część II. Lwów. 1883. 8) *Podbereski* Andrzey. Materyały do demonologii ludu ukrainskiego. Краковъ. 82 стр. 9) *DeLaveaux*, Ludwik. Michal Glinski, szkic historyczny. Львовъ. 45 стр. и проч.

татель не былъ введенъ въ заблужденіе этимъ заголовкомъ, я долженъ предупредить его, что терминологія О. Кольберга, принятая имъ въ польскихъ этнографическихъ работахъ и всецѣло перенесенная въ его »Pokucie«, существенно рознится отъ терминологіи усвоенной южно русской этнографіей. Названіе *дума* у Кольберга не означаетъ того, что мы привыкли называть думою, т. е. эпическихъ козацкихъ рапсодовъ, исполняемыхъ бандуристами. Польская дума имѣетъ довольно неопредѣленное значеніе; она присвоется каждой почти пѣснѣ народной съ серьезнымъ содержаніемъ и напѣвомъ, если только эта пѣсня не обряднаго цикла. Бываютъ слѣдовательно у Кольберга думы самаго разнообразнаго содержанія: историческія, баллады, любовныя, семейныя, бытовыя и т. п.; дѣйствительныхъ-же думъ кобзарскихъ у него, разумѣется, нѣтъ вовсе. Классификація пѣсеннаго матеріала тоже не совпадаетъ съ установившеюся классификаціей южно-русской этнографіи, хотя и основана не на формѣ, а на содержаніи пѣсенъ. Такъ напр. въ отдѣлѣ IV *Duma i pieśni zalotne* читатель найдетъ баллады (№№ 110, 113, 120) и разбойничьи (№ 111, 112) пѣсни. Вообще говоря, классификація Кольберга, довольно неустойчивая, не вполнѣ опредѣленная и сбивчивая составляетъ главный, хотя и единственный недостатокъ II-го тома »Pokucie«. Вслѣдствіе этого недостатка матеріалъ, распредѣленный на 15 отдѣловъ, подчасъ до того перепутанъ, что подбирая однородныя пѣсни, приходится рыться почти по всѣмъ отдѣламъ.

Такая участь постигла напр. пѣсни историко-бытоваго характера, которыя попали во многіе отдѣлы, миновавъ отдѣлъ I *Duma historyczne*. Среди двадцати пѣсенъ этого отдѣла, я нашелъ только двѣ пѣсни историческія; это: два прекрасныхъ варіанта гайдамацкой пѣсни о Савѣ Чаломъ и три варіанта пѣсни о Бондаривнѣ и Потоцкомъ (панъ Каневскій); остальныя пѣсни ничего историческаго въ себѣ не заключаютъ, и приходится ихъ отнести къ балладамъ и къ разбойницкимъ. Въ поясненіи къ пѣснѣ о Савѣ Чаломъ (стр. 289), гдѣ авторъ приводитъ и варіантъ Срезневскаго, онъ дѣлаетъ старую ошибку нашихъ историковъ, пріурочивая личность Савы Чалого къ временамъ Наливайка, ошибку давно выясненную актами о гайдамакахъ, изданными въ 1876 г. Временною коммисіею для разбора древнихъ актовъ. Бытовыхъ козацкихъ пѣсенъ записано Кольбергомъ болѣе двухъ десятковъ. Сохранились онѣ отчасти въ чистомъ видѣ (№№ 109, 353, 398, 410, 412—417), частью-же пріурочены къ новому солдатскому типу (№№ 40, 402, 408, 418—420, 424, 425.), но пріуроченіе это почти всегда ограничилось замѣною слова *козаки* на »жовнирыки, гранатыри, уланы« и т. п.

Даже въ извѣстной невольницкой пѣснѣ о выкупѣ любимою дѣвушкою (№ 418, 420) фигурируютъ жолнеры.

Дѣйствительныхъ солдатскихъ пѣсенъ, созданныхъ новой солдатской жизнью, весьма мало и тѣ по содержанію мало чѣмъ отличаются отъ пѣсенъ рекрутскихъ, которыхъ довольно много (№№ 373—391, 394, 396, 397, 399,—401, 404, 411, 422, 423). Всѣ онѣ носятъ тотъ-же характеръ, какимъ отличаются и наши рекрутскія пѣсни; разлука, съ семьей, милой, съ родиной, жалоба на тягость ненавистной службы,—и ни одной черты патріотическаго сознанія долга. Какъ у насъ, такъ и на Подгорьѣ нѣтъ ни одной веселой пѣсни рекрутской или солдатской. Я здѣсь, разумѣется, не говорю о нашихъ лагерныхъ, такъ сказать офиціальныхъ, пѣсняхъ. Среди рекрутскихъ пѣсенъ есть нѣсколько варіантовъ, общихъ нашимъ подольскимъ и волынскимъ, но большинство изъ нихъ выросло на мѣстной галицкой почвѣ и носитъ своеобразный мѣстный характеръ, обусловливаемый австрійскими порядками рекрутскаго набора и подгорскими отношеніями.

Тотъ-же мѣстный характеръ носятъ и пѣсни о панщинѣ (№ 451, 455), и »про волю« (№ 457—460). Въ одной пѣснѣ о панщинѣ (№ 455), какъ единственное спасеніе, указываются горы и опрышки (бандиты). Четыре оригинальныя пѣсни о волѣ проникнуты благодарностью *цисару* (имератору) за освобожденіе крестьянъ и ѣдкимъ сарказмомъ, направленнымъ противъ пановъ-ляховъ, гонящихся за ушедшею панщиною.

Между пѣснями бытовыми, кромѣ нѣсколькихъ бурлацкихъ и чумацкихъ, залетѣвшихъ на Подгорье въ довольно искаженныхъ и неполныхъ варіантахъ, попадаются и пѣсни совершенно мѣстнаго типа: это пѣсни о *чабанѣ*—пастушескія (№ 477, 478) и разбойницкія.

Эти послѣднія не носятъ полнаго характера настоящихъ пѣсенъ опрышковъ Чорной горы. Онѣ не рисуютъ намъ горскихъ бандитовъ, ихъ жизни и обычаевъ; онѣ подходятъ по своему содержанію къ особому роду балладъ, разсказывающихъ о разныхъ убійствахъ, грабежахъ и насиліяхъ. Словомъ, это эпическіе разсказы о похожденіяхъ разбойниковъ не въ смыслѣ воспѣванія подвиговъ удалыхъ отважныхъ опрышковъ, а въ смыслѣ разсказа о постигшемъ кого нибудь несчастьи. И потому и по содержанію онѣ почти ничѣмъ не отличаются отъ балладъ, къ которымъ, надо замѣтить, Подгоріе питаетъ особое влеченіе. Въ I и II отдѣлахъ читатель найдетъ болѣе пятидесяти самыхъ разнообразныхъ балладъ. Начиная отъ балладъ общеевропейскаго выясненнаго цикла, какъ напримѣръ о кровосмѣшеніи, и кончая пѣсней о какомъ-нибудь выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ событіи, можемъ на Покутьи

найти почти всѣ баллады, извѣстныя во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, населенныхъ малороссами.

Къ болѣе полнымъ и интереснымъ варіантамъ общеизвѣстныхъ балладъ, надо отнести слѣдующія: *объ отравленіи сестрой брата*, служившаго помѣхой въ выходѣ ея замужъ (№ 52, 54), семь самыхъ разнообразныхъ варіантовъ *объ убійствѣ и ограбленіи подговоренной* къ побѣгу дѣвушки (№ 21—26, 110.), составляющіе одну изъ переходныхъ ступеней отъ извѣстныхъ прежде южно-русскихъ къ польскимъ варіантамъ этой бретонской легенды, о *превращеніи* нелюбимой *невѣстки въ тополю* или яворъ (№ 45, 46); о *Петруни*, приглянувшемся барынѣ (№ 56, 57), которой *pendant* является баллада о Настѣ, приглянувшейся барину (№ 58, 59) и др.

Между этими пѣснями есть одна баллада нравственнаго содержанія о сынѣ, который прогналъ изъ дому старую мать, но наказанный за это ея молитвами, приходитъ просить ее вернуться опять къ нему. Пѣсня эта по содержанію почти тождественна съ Вересаевскою думою о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ. Является интересный вопросъ о генетической связи пѣсни и думы: родила-ли пѣснь думу, или дума перенята народомъ въ формѣ пѣсни?.

Кромѣ балладъ общеизвѣстныхъ, составляющихъ такъ называемую *бродячую* народную литературу, есть много балладъ чисто мѣстнаго характера, какъ напримѣръ: убійство урлениками (побилетными солдатами) мѣстнаго войта за оскорбленіе (№ 15). Способность къ эпическому творчеству на Подгоріи очень живуча; сказывается она при всякомъ удобномъ случаѣ. Болѣе или менѣе выдающійся фактъ обыкновенно рождаетъ пѣснь. Въ 1873 г. въ Испасѣ умеръ молодой юноша Иванъ Юрченко отъ чахотки; женщины подозрѣвали, что онъ былъ отравленъ любовницею и одна изъ газдынь Анна Чартецкая складываетъ про него пѣсню, (№ 14, 511) которая немедленно перенимается и затѣмъ становится достояніемъ народа.

Лирницкихъ псалмовъ (Pieśni nabożne i diadowskie) есть 19, посвященныхъ общему ихъ репертуару пѣсенъ религіозныхъ и нравственныхъ. Въ нихъ явно проглядываетъ двѣ культуры: уніятская съ церковно-славянскимъ элементомъ и католическая съ чисто польскимъ наслоеніемъ. Изъ лучшихъ и менѣе извѣстныхъ пѣсенъ надо отмѣтить два варіанта о св. Олексіѣ (№ 501, 502).

Среди разныхъ шуточныхъ пѣсенъ, иногда весьма характерныхъ по юмору и сарказму, какъ напримѣръ пѣснь о грибахъ (№ 488) или о сословныхъ пѣсняхъ (№ 487), я въ удивленію моему встрѣтилъ два варіанта извѣстной пѣсни о Грицкѣ Мудромъ изъ Коломыи, нашемъ

свиней по латыни (№ 462, 463) съ мелодіей. Варіанты довольно полны, но мелодія, хотя и напоминаетъ слышанную мною неоднократно въ Кіевѣ, значительно искажена. Г. Кольбергъ подъ этой пѣсней замѣчаетъ, что она поется дьячками и другими грамотными людьми.

Пѣсни любовныя и семейныя, перемѣшанныя въ девяти отдѣлахъ, въ общемъ, за немногими исключеніями, составляютъ болѣе или менѣе сходные варіанты подольскихъ пѣсенъ и особаго вниманія по своему содержанію не заслуживаютъ. Но нельзя не отмѣтить одной характерной черты покутскихъ пѣсенъ—это замѣчательной ихъ поэтичности вообще. При сравненіи ихъ съ пѣснями, записанными въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ васъ невольно поражаетъ въ сборникѣ покутскомъ обиліе высокохудожественныхъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію пѣсенъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе 2-го тома замѣчательнаго труда Кольберга. О достоинствахъ вообще его этнографическихъ работъ мы имѣли случай прежде высказаться; въ смыслѣ матеріала этотъ новый томъ даетъ не мало новаго и еще болѣе—для сравнительныхъ работъ въ области южно-русской этнографіи.

Ц. Нейманъ.

Андріевскій М. А. Козацкая дума о трехъ Азовскихъ братьяхъ въ пересказѣ, съ объясненіями, разборомъ и картой. Одесса 1884 г. (8-о, 82 стр.).

Кто изъ цѣнителей южно-русскаго народнаго творчества не знаетъ замѣчательно художественной думы объ Азовскихъ братьяхъ, одной изъ лучшихъ среди немногихъ *невольницкихъ* думъ, проникнутой, какъ и всѣ онѣ, глубокимъ искреннимъ лиризмомъ? Думу эту г. Андріевскій избралъ предметомъ публичной своей лекціи въ г. Екатеринославѣ, которую потомъ издалъ отдѣльной брошюрой. Выбора автора нельзя не назвать весьма удачнымъ, а намѣреніе его популяризировать одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ памятниковъ старо-козацкаго эпоса достойно благодарности, какъ первая попытка пробудить въ образованномъ обществѣ интересъ къ ознакомленію съ богатѣйшимъ и высшимъ содержаніемъ нашей народной музы.

Принимаясь за объясненіе думы о трехъ братьяхъ, авторъ, какъ видно, старался собрать возможно полно всѣ осколки повѣствованія, разсыпанные по многимъ извѣстнымъ ея варіантамъ, составить сводную ясную картину, изображаемую думою, указать на ея эпическія и поэти-

ческія достоинства, освѣтить и выяснить бытовую и историческую сторону этой повѣсти давнихъ временъ.

Автору извѣстны девять варіантовъ этой думы, именно: шесть, помѣщенныхъ въ I томѣ Истор. Пѣсенъ, изд. юго-зап. отдѣломъ геогр. общества, два, приведенные неполно Н. Костомаровымъ въ журналѣ «Русская Мысль» 1880 г. № 2, и одинъ, напечатанный въ «Кіевской Старинѣ» 1882 г. № 12. Кромѣ того авторъ знаетъ одинъ неизданный варіантъ, записанный г. Манджурою. Матеріалъ довольно богатый для изслѣдованія; но мы можемъ указать еще одинъ варіантъ той же думы, упущенный изъ виду г. Андріевскимъ, именно варіантъ кобзарей Братицы и Дуба, въ изданіи того же отдѣла геогр. общ. за 1874 г. (II, стр. 119), варіантъ довольно цѣнный по нѣкоторымъ особенностямъ, хотя и далеко не полный.

Сравнивая вышеназванные варіанты, авторъ находитъ въ нихъ три различныя редакціи: полную, среднюю и краткую. Существенная разница между ними, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что они неодинаково представляютъ послѣднюю судьбу двухъ старшихъ братьевъ: четыре варіанта передаютъ, что послѣ благополучнаго ихъ возвращенія домой были обнаружены обманъ и жестокосердіе старшаго брата, равно сострадательность и правдивость средняго, при чемъ первый понесъ заслуженное наказаніе, а второй вознагражденъ; по четыремъ другимъ оба брата не достигли родительскаго дома и за то, что бросили младшаго брата въ степи, поплатились сами смертью отъ настигшихъ ихъ татаръ; два-же варіанта, упоминая лишь кратко о возвращеніи старшихъ братьевъ домой, влагаютъ въ ихъ уста проклятіе турецкой неволѣ и молитву къ Богу объ избавленіи христіанъ отъ такой напасти. Авторъ не считаетъ существенною частью думы заключительнаго финала всѣхъ варіантовъ, желая тѣмъ объяснить происшедшую въ передачѣ одной и той-же думы разницу; по его мнѣнію этотъ финалъ созданъ впослѣдствіи пѣвцами думы, каждымъ самостоятельно, въ силу необходимости дать заинтересованнымъ слушателямъ какой нибудь эпилогъ, выясняющій судьбу старшихъ братьевъ послѣ смерти младшаго.

Мы не можемъ согласиться ни съ допущеннымъ авторомъ дѣленіемъ варіантовъ думы о трехъ братьяхъ на три редакціи, ни тѣмъ болѣе съ его мнѣніемъ о происхожденіи и значенія ихъ финала.

По нашему мнѣнію, въ варіантахъ думы можно признать только двѣ первыя редакціи; что же касается 3-го извода (Крячковскаго и Вересая), то въ немъ никакъ нельзя видѣть особой редакціи, такъ какъ заключительная часть этого извода дословно заимствована изъ двухъ другихъ думъ, именно: »Плачъ невольниковъ на турецкой каторгѣ« и

»Плачъ невольника о выкупѣ«. Произошло это вслѣдствіе забвенія пѣвцами дѣйствительнаго эпилога, а не въ силу необходимости создать такой эпилогъ. Что это такъ, показываетъ не соотвѣтствіе эпилога думѣ о трехъ братьяхъ въ 3-мъ изводѣ и полное его согласіе съ двумя другими названными думами. Проклятіе земли турецкой и вѣры бусурманской естественно въ устахъ невольниковъ, прикованныхъ на вѣки къ веслу турецкаго судна, но совершенно непримѣнимо къ счастливо возвратившимся на родину братьямъ. Тоже должно сказать и о молитвѣ къ Богу: она также умѣстна въ »Плачѣ невольниковъ«, какъ умѣстенъ въ думѣ о трехъ братьяхъ финалъ, что память объ нихъ не умретъ, не поляжетъ, а будетъ воспѣваться въ назиданіе до конца вѣка. Такой финалъ въ этой послѣдней думѣ заключаетъ въ себѣ всю мораль думы, не говоря уже о томъ, что безъ нея дума не имѣла-бы законченности эпическаго разсказа. Дидактическое значеніе думнаго творчества не подлежитъ сомнѣнію; оно проглядываетъ ясно во всѣхъ думахъ въ той или другой формѣ, причемъ назиданіе посвящается не только сферѣ семейныхъ отношеній, но также и общественныхъ. Между тѣмъ признавая заключительную часть думы за несущественный, позднѣйшій досказъ въ угоду заинтересованной публики, авторъ разбираемой брошюры лишаетъ думу существенной и важной ея черты — назидательности.

Приступая къ изложенію содержанія думы, авторъ предпосылаетъ ему весьма цѣнныя объясненія, особенно относительно обстоятельствъ мѣста и времени дѣйствія разсказа и бытовыхъ подробностей думы. Онъ рисуетъ намъ географическую карту пространства между Азовскимъ моремъ и р. Самарою и выясняетъ топографію мѣстности, относящейся къ думѣ, по памятникамъ историческимъ и преданіямъ, съ цѣлію опредѣлить путь, по которому возвращались братья изъ неволи.

Въ XV—XVI вв. было два пути по этой мѣстности; одинъ водный по р. Самарѣ, ея притоку Волчьи воды и Міусу (нынѣ Кальміусу) на Мариополь (Маріуполь), а другой сухопутный къ р. Омельнику, съ начала потому-же пути, а затѣмъ по верховьямъ рр. Крымки (нынѣ Кринки) и теперешняго Міуса возлѣ Савуръ-горы, къ гирламъ р. Дона. Встрѣтивъ въ думѣ названія р. Крымки, байрака-мелюса (э въ одномъ варіантѣ—Міусъ), и постоянную Савуръ-могилу, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что братья бѣжали именно по этому второму пути. Установивъ этотъ предполагаемый путь, авторъ сообразно съ нимъ распредѣляетъ порядокъ спутанныхъ иногда въ разныхъ варіантахъ частей думы. Намъ кажется однако, что онъ слишкомъ много придаетъ цѣны географическимъ названіямъ думы и совершенно напрасно старается насильно

свести ихъ съ названіями нынѣшнихъ картъ. Стремленіе это повело автора къ слѣдующему противорѣчію. По думѣ, во всѣхъ почти ея варіантахъ, Савуръ-могила опредѣляется въ мѣстности Муравской дороги и р. Самары; но въ ней ни слова нѣтъ о томъ, чтобы эта могила лежала на ихъ пути еще возлѣ рр. Кринки и теперешняго Міуса, т. е. тамъ гдѣ, ее опредѣлилъ по географическимъ картамъ г. Андреевскій. Если-бы младшему брату приходилось, побывавъ на Муравскомъ шляху, умирать на географической Савуръ-горѣ, то онъ долженъ былъ-бы для этой цѣли возвращаться назадъ, по опредѣленію автора, цѣлыхъ 156 верстъ. Это явное несоотвѣтствіе думной Савуръ-могилы съ географической заставляетъ автора объяснять соотвѣтственное мѣсто думы вліяніемъ пѣсни о Морозенкѣ, который тоже умираетъ на Савуръ-могилѣ, а въ пересказѣ думы онъ заставляетъ братьевъ дѣлать привалъ на географической могилѣ, а младшаго брата умирать на гладкой дорогѣ, вопреки почти единогласному разсказу во всѣхъ варіантахъ. Единственный варіантъ Срезневскаго, не упоминающій Савуръ-могилы, какъ мѣста смерти младшаго брата, представляетъ въ разсказѣ объ этомъ событіи явные пропуски и неполноту и не даетъ ни малѣйшаго основанія предполагать смерть этого брата не на могилѣ, да и другого мѣста—чистого поля, битого шляха и т. п. онъ также не опредѣляетъ. Гораздо проще отрѣшиться вовсе отъ желанія пріурочить разсказъ думы къ географической Савуръ-горѣ, а думную Савуръ-могилу искать на Муравскомъ шляху. Если здѣсь географическія карты не указываютъ такой могилы, то это еще не даетъ права категорически отрицать ея существованіе; наконецъ названіе прежнее Савуръ-могилы, относившееся быть можетъ къ какому нибудь кургану около Самары, могло забыться и утратиться. Подобное предположеніе весьма правдоподобно. Географическая теперешняя Савуръ-могила стоитъ слишкомъ въ сторонѣ отъ арены прежней козацкой жизни, чтобы могла оставить въ народной поэзіи столь распространенное и излюбленное о себѣ воспоминаніе.—Самъ авторъ признаетъ, что съ теченіемъ времени географическія названія переносятся съ одного мѣста на другое, какъ это случилось съ р. Міусомъ; почему-же не могло случиться подобнаго и съ Савуръ-могилой? Если самъ авторъ признаетъ, что и въ настоящее время многимъ могиламъ присвояется названіе Савуръ-могилы, какъ напр. въ каневскомъ уѣздѣ, то почему-же онъ за настоящую Савуръ-могилу признаетъ именно ту, которая попала на географическую карту? Есть даже нѣкоторыя основанія полагать, что въ мѣстѣ, опредѣляемомъ, думою была могила того-же названія. Это во первыхъ видно изъ приводимыхъ самимъ авторомъ словъ Вересая, который назначаетъ ей мѣсто не тамъ, гдѣ она значится на картѣ, а дале-

ко западнѣе, »по дорогѣ въ Марнополь«, которая никакимъ образомъ по верховьямъ теперешняго Міуса проходить не могла, а оставляла ихъ далеко на востокъ.—Кромѣ того въ I т. Ист. Пѣсенъ говорится, что »Савуръ-могила, часто упоминаемая въ пѣсняхъ, была гдѣ-то около рѣки Самары«, на основаніи, какъ передавалъ мнѣ одинъ изъ издателей этихъ пѣсенъ, преданія, записаннаго г. Манджурою, о томъ, что эта могила находилась именно у верховьевъ р. Самары, т. е. въ той мѣстности, по которой проходилъ Муравскій шляхъ.

Въ объясненіяхъ текста думы г. Андріевскій старается быть какъ можно болѣе точнымъ и обстоятельнымъ, но допускаетъ нѣкоторыя невѣрныя толкованія и преувеличенія. Отмѣтимъ ихъ, избѣгая утомительныхъ подробностей. Авторъ утверждаетъ, что побѣгъ трехъ братьевъ изъ неволи долженъ былъ совершиться раннею весною, и подтвержденіе этого видитъ между прочимъ въ томъ мѣстѣ думы, гдѣ говорится о появленіи; *сивой зозули* но какъ предвѣстницей весны считается обыкновенно не кукушка, а ласточка, то именно эту птицу онъ разумѣетъ подъ словомъ *зозуля* (стр. 74) и приводитъ для этого слѣдующія основанія. Во первыхъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ встрѣчается слово *зегзица*, а г. Погосскій слышалъ въ дѣтствѣ это слово, какъ названіе ласточки, въ »Причитаніяхъ-же сѣвернаго края« (Барсова) въ томъ-же будто-бы смыслѣ встрѣчается слово *загозочка*. Слова эти авторъ признаетъ однозвучными и однокоренными съ зозулей (зоз-уля=зегз-уля?). Но если-бы и такъ, то г. Потебня цѣлымъ рядомъ сближеній (Слово о Полку Игоревѣ, стр. 135—139) доказалъ, что зегзица ничто иное, какъ кукушка, которая такъ-же *куетъ*, какъ и наша зозуля, и что ея кукованіе служитъ въ *Словѣ* такимъ-же образомъ плача Ярославны, какъ кукованье нашей сивой зозули образомъ плача сестры и матери. Прибавимъ къ этому, что чешское *žehžule* и польское *zieziula* и *zuzela*[1]) означаютъ ничто иное, какъ кукушку. Во вторыхъ считать *зозулю* ласточкою, по мнѣнію автора, заставляетъ придача этому слову эпитета *сизая*, это постоянный эпитетъ не кукушки, а ласточки. Но если этотъ эпитетъ въ примѣненіи къ зозулѣ встрѣчается въ однихъ варіантахъ думы, то въ другихъ (Кожбабы, Вересая, Крячковскаго и Крюковскаго) постоянно читаемъ *сивая* или *сѣрая*, а это можетъ относиться только къ кукушкѣ, имѣющей всю спинку и головку пепельнаго цвѣта, а не къ ласточкѣ съ бѣлымъ брюшкомъ и коричневымъ горломъ. Въ третьихъ, по мнѣнію автора, въ думѣ подъ именемъ зозули потому

[1]) Zbiór. Wiad do Antr. krajow. Kraków I. стр. 102: Ej, zieziula, zieziula! Ile lat do mego wesela? или Kukuweczko, zuzela! Ile lat do mego wesela?

надо разумѣть ласточку, что имя ласточки употребляется народомъ, какъ ласкательный эпитетъ нѣжной матери или сестры; но въ думѣ зозуля является образомъ плачущей, скорбящей матери, въ этомъ смыслѣ у великороссовъ, и у малороссовъ, у поляковъ и у чеховъ въ пѣсняхъ семейныхъ употребляется имя кукушки, которая непремѣнно жалобно *кукуетъ*, что несовмѣстно съ представленіемъ о ласточкѣ.

Еще менѣе можно согласиться съ авторомъ, дающимъ нерѣдко весьма любопытные и цѣнные комментаріи исторически-бытового характера, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, увлеченный стремленіемъ извлечь изъ текста думы, какъ можно болѣе, содержанія, допускаетъ, кромѣ безсрочной каторги въ плѣну у турокъ и татаръ, еще и срочную. Основаніе для этого онъ находитъ въ томъ, что въ нѣкоторыхъ варіантахъ думы каторга названа *довичною:* если была де-скать каторга *довичная*, безсрочная, то была и срочная. Но кромѣ заключенія *a contrario* едва-ли тутъ можетъ быть какое либо другое основаніе. Ничего не доказываетъ здѣсь ссылка автора на Герберштейна; послѣдній описывалъ неволю только по разсказамъ въ Московіи и не видѣлъ ее лично. Служба на галерахъ могла быть только безсрочная, какъ и самая неволя. Случайный лишь выкупъ и смерть избавляли невольника отъ галернаго весла. Это ясно проглядываетъ какъ изъ богатыхъ цитатъ, приведенныхъ подъ невольницкими думами (въ Историч. Пѣсняхъ Мал. Народа), такъ и изъ самаго текста думъ. Плачъ плѣнниковъ на турецкой каторгѣ рисуетъ намъ окончательное отчаяніе невольниковъ, которые проситъ, какъ спасенія, гибели корабля, на которомъ работникъ другого исхода и конца мукъ не видитъ. Ни одного упоминанія нѣтъ въ думахъ о срокѣ службы на каторгѣ; напротивъ въ думѣ о Самуилѣ Кошкѣ козаки сорокъ лѣтъ уже прикованы (разумѣется, гипербола) и единственная ихъ надежда—удачный побѣгъ. Думы вообще и въ частности дума о трехъ братьяхъ говорятъ только о каторгѣ *довичной*, или безсрочной.

Пересказъ содержанія думы сдѣланъ авторомъ въ прозѣ на русскомъ языкѣ весьма удачно. Онъ съумѣлъ до мельчайшихъ подробностей собрать почти все, что давалъ разрозненный по извѣстнымъ ему варіантамъ матеріалъ и сгруппировать въ одну общую картину. Но несмотря на всѣ достоинства пересказа, онъ страдаетъ также нѣкоторыми промахами, которыхъ не можемъ не отмѣтить.

Прежде всего, авторъ не всегда вѣрно переводитъ малорусскія выраженія. На стр. 27 слова: »тило мое звиру, птыци на *поталу* не дайте« онъ переводитъ такъ: »не оставляйте меня *въ пищу* звѣрю и птицѣ (стр. 27).

Но слово *потала* вообще и въ данномъ случаѣ означаетъ *поруганіе*, какъ видно изъ словъ варіанта Братиці и Дуба, неизвѣстнаго автору:

Стали (орлы) на ёго чорни кудри наступати,
Стали ёго козацькую тварь *зневажати* (оскорблять).

Столь-же невѣрно авторъ перевелъ слѣдующій картинный образъ: »Тильки поле *леліе*, на нёму трава зелена зеленіе« — словами: »впереди его только степь *чернѣетъ и колеблется словно море;* на ней трава зеленая зеленѣетъ«. Степь чернѣетъ, когда на ней нѣтъ травы,— колеблется, волнуется, когда трава высокая, побѣгъ-же братьевъ, какъ и авторъ говоритъ, былъ раннею весною. Какимъ-же образомъ степь могла въ то время и колебаться, словно море, высокою травою и чернѣть, какъ выжженная долгимъ лѣтнимъ зноемъ? Если, во избѣжаніе этой несообразности, слово *леліе* перевести, согласно съ г. Потебнею (Слово о полку Игоревѣ стр. 96), словомъ *блеститъ*, въ какомъ значеніи оно дѣйствительно употребляется, то получится совершенно ясный и подходящій образъ: только поле (ровное, гладкое, безъ байраковъ) блеститъ и на немъ трава зеленѣетъ.

Въ фразѣ: *кони вакувати*(стр. 76), авторъ для объясненія послѣдняго слова обращается къ татарскому слову *вака*—накладываніе кулей, такъ что: *кони вакувать*, по его мнѣнію, значитъ: отягощать коней кладью. Но слово *вакувать* имѣетъ корень латинскій и представляетъ два значенія: недоставать и тратиться безъ употребленія, безъ пользы, напр.: »не було чимъ поля засіяти, то воно й теперъ вакуеться«, и въ томъ-же смыслѣ это слово употреблено и въ думѣ.

Наконецъ слова думы: »отцеву и матчину молитву споминае« авторъ передаетъ по русски такъ: »отца и матерь вспоминаетъ, молится за нихъ и отдаетъ Богу душу« (стр. 35). На этомъ переводѣ онъ строитъ даже характеристику младшаго брата въ такихъ словахъ: »Его глубокая дѣтская нѣжность и заботливость, его всегдашняя память объ отцѣ и матери выражается въ томъ, что послѣднею его мыслію и молитвою была именно мысль и молитва не о себѣ, но объ отцѣ и матери« (стр. 45). Между тѣмъ, сопоставивъ это мѣсто думы съ такимъ-же мѣстомъ объ Олексіѣ Поповичѣ, на которую авторъ ссылается, нельзя не видѣть, что умирающій юноша молился именно о себѣ, вспомнивъ материнскую и отцовскую молитву, т. е. молитву, которой его въ дѣтствѣ учили родители; это и просто и естественно.

Неправильные переводы и невѣрное толкованіе выраженій думы часто служатъ причиною и неправильныхъ выводовъ автора, что особенно ярко выступаетъ въ сдѣланной имъ характеристикѣ трехъ братьевъ. Переведя слова старшаго брата: *чи-жъ подобенство*, мій брате, и проч.

словами: *«развѣ мнѣ это прилично»* (стр. 39), авторъ поэтому видитъ въ немъ галантность, щепетильность и утонченную деликатность по отношенію къ своей собственной особѣ; онъ дескать знаетъ, что ему прилично и что неприлично. Но словъ: *чижъ подобенство* иначе нельзя перевести, какъ словами: *развѣ это похоже на что нибудь, развѣ это возможно*, а при такомъ переводѣ едва-ли можно видѣть въ словахъ старшаго брата что либо другое, кромѣ весьма обыденнаго грубаго эгоизма.

Не вѣрна и не отвѣчаетъ думѣ и вообще характеристика, даваемая авторомъ старшему брату, въ которомъ онъ старается представить какого то чернаго генія. Старшему брату, какъ болѣе практичному, удалось набрать болѣе турецкаго добра. Для спасенія его во время погони, онъ забываетъ даже родственное чувство въ отношеніи къ младшему брату и отказывается взять его на коня. Лишь добѣжавъ до р. Самары и видя себя уже спасеннымъ, онъ чувствуетъ укоры совѣсти, сожалѣетъ о братѣ; но сознавая, что уже поздно, что братъ до этого времени умеръ гдѣ-либо съ голоду, онъ приказываетъ среднему брату молчать предъ родителями объ участи младшаго, погибшаго, когда возвратятся домой, а про себя радуется тому, что убыло однимъ наслѣдникомъ. Такъ рисуетъ старшаго брата дума; авторъ же видитъ въ немъ далеко болѣе порочнаго человѣка. Онъ находитъ въ немъ еще въ Азовѣ *затаенныя мысли*, (стр. 37) избавившись отъ младшаго брата, завладѣть его наслѣдствомъ, называетъ его лицемѣромъ, хитрецомъ (стр. 39) и вообразивъ его такимъ, затрудняется объяснить его раскаяніе у р. Самары и, видя въ этомъ мѣстѣ (стр. 53) искаженіе думы, упрекаетъ за то пѣвцовъ. Между тѣмъ съ большею справедливостію можно упрекнуть автора за то, что онъ, разбирая думу, не передаетъ ея мыслей и образовъ, а видитъ въ думѣ собственную фантазію и досадуетъ на то, что она не сложена по его замышленію.

Къ догадкамъ, иногда мелочнымъ и празднымъ, авторъ весьма склоненъ. Онъ напримѣръ *догадывается* (стр. 42), безъ всякихъ, по собственному признанію, данныхъ, что старшіе братья задумали бѣжать безъ младшаго и что послѣдній какъ нибудь случайно узналъ объ этомъ; равно онъ изъ словъ думы: *орлы на кудри чорные наступали*—заключилъ, что младшій братъ выбрался изъ Азова даже безъ шапки, и т. под.

Какъ ни симпатична мысль автора популяризаціи нашихъ думъ, этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ малорусскаго эпическаго творчества, но мы его попытку въ этомъ направленіи должны признать не вполнѣ удачною. Авторъ много затратилъ труда для историческихъ и топографическихъ комментаріевъ, въ ущербъ литературной разработкѣ памятника.

Нарисованная и прекрасно выясненная карта весьма интересна, это правда; но она излишня для объясненія думы. Достаточно было выяснить въ короткихъ словахъ значеніе слова *мелюсь*, указать характеръ мѣстности между г. Азовомъ и рѣкой Самарой, указать, что путь братьевъ долженъ былъ пересѣчь Муравскій шляхъ уже недалеко отъ р. Самары, — и только. Главное же вниманіе автору слѣдовало обратить на содержаніе думы, которое онъ передалъ хотя и подробно, но подчасъ совершенно невѣрно, увлекшись собственнымъ воображеніемъ или невѣрно понявъ малорусскій текстъ. Затѣмъ, разборъ содержанія онъ ограничилъ почти исключительно характеристикой братьевъ, въ которой, тоже отступивъ отъ текста думы, рисовалъ на ея тему собственные образы. Значеніе же этой думы среди цѣлаго ихъ цикла вообще и невольницкаго въ частности, ея эпическое богатство, ея оригинальныя черты поэтическія, ставящія это думу на ряду съ первоклассными рапсодіями народнаго творчества — все это осталось не выясненнымъ, даже не намѣченнымъ. Авторъ не позаботился познакомить читателя съ оригинальной думной формой, которой нѣтъ ни у одного славянскаго народа; не отмѣтилъ даже характерныхъ пріемовъ эпическаго сравненія, почти тождественныхъ съ пріемами Слова о Полку Игоревѣ; не опредѣлилъ художественной силы и богатства языка думы, словомъ онъ не далъ никакого выясненія самородности и цѣнности памятника.

Въ параграфѣ »нравоучительная тенденція думы« онъ разсказываетъ много, но не выясняетъ ея морали, ея высокаго представленія о нравственныхъ семейныхъ началахъ, которыя составляютъ отличительную черту всего южно-русскаго народнаго творчества и быта. Думы наши преимущественно передъ прочими памятниками народнаго творчества заслуживаютъ болѣе всесторонней оцѣнки и болѣе серіознаго къ себѣ и къ своему тексту вниманія, чѣмъ оказалъ авторъ.

Каковы бы впрочемъ ни были недостатки статьи г. Андріевскаго, мы все таки должны сказать ему искреннее спасибо за многіе его интересные комментаріи, а главное — за счастливую мысль и починъ въ новомъ, не практиковавшемся у насъ дѣлѣ.

Ц. Нейманъ.

Библіографическій указатель трудовъ П. П. Чубинскаго.

Основа 1861 г. Іюль. *Минулося* (стихотвореніе). Августъ. *Поуковщина* (мѣстный мірской сборъ). Октябрь. *Изъ Борисполя* (значеніе могорича въ договорѣ, хозяйственныя товарищества, наемъ работниковъ).

Черниговскій Листокъ 1861. № 8. Нѣсколько словъ объ обычаѣ и о значеніи сказокъ, пословицъ и пѣсенъ для криминалиста.

Основа 1862 г. Мартъ. Украинскій спектакль въ Черниговѣ. Апрѣль. Два слова о сельскомъ училищѣ вообще и объ училищѣ для сельскихъ учителей. Апрѣль. Исторія бориспольской школы. Іюнь. Изъ Борисполя. Іюнь. Замѣтка по поводу лѣсохозяйства и лѣсокрадства. Іюль. Ярмарокъ въ Борисполѣ.

Кіевскія Губернскія Вѣдомости 1862 г. Программа для изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ въ Малороссіи.

Наличное народонаселеніе г. Архангельска по статистическимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ статистическимъ Комитетомъ въ назначенный день 22 декабря 1863 года. Арханг. 1864.

Архангельскія Губернскія Вѣдомости. 1864 г. № 10. Программа для собиранія статистическихъ свѣдѣній. № 21—24. Программа этнографіи. № 25. Программа обычнаго права. № 38. Колонизація мурманскаго россійскаго берега.

Памятная книжка архангельской губерніи на 1864. годъ. Арханг. 1865 г. Статистическія таблицы и вѣдомости за 1863 годъ, съ предисловіемъ Чубинскаго.

Архангельскія Губернскія Вѣдомости 1865 г. № 10. Списокъ статей, помѣщенныхъ въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ съ 1838 по 1865 годъ.

Труды Императорскаго вольнаго экономическаго Общества 1866 г., т. IV, вып. 1-й. Солевареніе въ архангельской губерніи (перепечатано въ Арханг. Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1867 г. № 15—17).

Труды Архангельскаго Статистическаго Комитета за 1865 г. кн. 2 я. Арханг. 1866 г. Здѣсь помѣщены: статистическо-этнографическій очеркъ Корелы. Статистика рожденій, браковъ и смертности по г. Архангельску за 10 лѣтъ. Статистика рожденій, браковъ и смертности въ уѣздныхъ городахъ и посадахъ арханг. губерніи. Обозрѣніе главнѣйшихъ ярмарокъ въ арханг. губерніи.

Труды Императорскаго вольнаго экономическаго Общества 1867 г., т. I, вып. 4-й. Виды хлѣбовъ, производимыхъ въ архангельской губерніи, съ показаніемъ количества каждаго.

Кромѣ того Чубинскимъ, какъ видно изъ его отчета о дѣятельности Архангельскаго Статистическаго Комитета за 1866 годъ, были доставлены въ Вольное экономическое общество слѣдующія статьи и записки: 1) о хлѣбопашествѣ и продовольствіи жителей архангельской губерніи, 2) О мурманскихъ рыбныхъ промыслахъ, 3) О торговлѣ поморовъ съ Норвегіею, 4) О колонизаціи сѣверо-западной части мурман-

скаго берега, 5) О соединеніи Бѣлаго моря съ Балтійскимъ, 6) О морскомъ судостроеніи, 7) О вывозной торговлѣ архангельскаго порта, 8) О Кореліи архангельской губерніи, 9) О лопаряхъ, 10) О Новой Землѣ и о боѣ морскихъ звѣрей, 11) О заиечорскомъ краѣ, 12) Проэктъ компаніи подъ названіемъ: Лукоморскій Лойдъ и Печорско-обская компанія. Были ли эти статьи напечатаны Вольнымъ Экономическимъ обществомъ, мнѣ неизвѣстно, но извѣстно, что по поводу ихъ III Отдѣленіе этого общества въ зиму 1867/8 года имѣло цѣлый рядъ засѣданій, которыя были посвящены вопросамъ о нуждахъ Сѣвера.

Отчетъ коммиссіи по изслѣдованію печорскаго края. Арханг. 1867 г.

Архангельскія Губернскія Вѣдомости 1867 г. № 28. Печальныя вѣсти о состояніи сплава товаровъ по р. Югу. № 31. По поводу журналовъ засѣданія III отдѣленія Императорскаго вольнаго экономическаго общества 20 и 28 марта. № 33. Обдѣлка щетины въ г. Устюгѣ. № 35. Сѣверо-Двинское пароходное общество и его дѣятельность. № 40. Учебно-ремесленное училище въ Емецкомъ селеніи. № 52. Одинъ изъ невѣдомыхъ распространителей грамотности въ народѣ. № 68 и 71. Сѣверо-Екатерининскій путь.

Архангельскія Губернскія Вѣдомости 1868 г., № 14—15. О Вятско-Двинской дорогѣ, № 18. О состояніи архангельской публичной библіотеки, № 28—29. Нѣсколько словъ о положеніи народнаго образованія, № 32. Проэктъ устава и записка о необходимости общества сельскаго хозяйства въ архангельской губерніи, № 73. О взаимномъ страхованіи судовъ и грузовъ, № 74. Смолокуреніе въ архангельской губерніи, № 81—82. По поводу неурожая въ архангельской губерніи.

Труды Императорскаго вольнаго экономическаго общества 1868 г., т. II., вып. 2. Письмо Чубинскаго объ изслѣдованіи хлѣбной торговли по сѣверно-двинскому бассейну.

Отчеты о дѣятельности архангельскаго губернскаго статистическаго комитета за 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 и 1868 годы (за послѣдніе два года одинъ отчетъ). Отчеты печатались въ Архангельскѣ въ слѣдующемъ за отчетнымъ году.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1869 г., т. V, отд. 1-й. Сообщенія Чубинскаго: а) о сборникѣ народныхъ юридическихъ обычаевъ архангельской губерніи, составленномъ П. Ефименкомъ и изданномъ архангельскимъ статистическимъ комитетомъ и б) о хлѣбной производительности и торговлѣ въ бассейнѣ сѣверной Двины.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи, 1869 г., т. II. Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій въ Малороссіи.

Юридическій Вѣстникъ 1869 г. № 4. Разборъ книги. П. Ефименка: Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ архангельской губерніи.

Труды экспедиціи, снаряженной Вольнымъ экономическимъ и русскимъ обществомъ для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ Россіи, т. I, вып. 2-й С.-Пб. 1869 г. Отчетъ о льноводствѣ, льняномъ производствѣ и льняной торговлѣ въ сѣверномъ районѣ.

Того-же изданія т. I, вып. 6-й. С.-Пб. 1870 г. О состояніи хлѣбной торговли и производительности въ сѣверномъ районѣ.

Сопилка (сборникъ стихотвореній на малороссійскомъ языкѣ). Павлуся. Кіевъ. 1871 г.

Записки Кіевскаго отдѣленія русскаго техническаго общества 1871 г., т. 1-й. Нѣсколько словъ о статистической литературѣ, касающейся свеклосахарной промышленности.

Кіевлянинъ 1872 г., № 73 и 76. Политехническая выставка въ Москвѣ (корреспонденція), № 85. Малорусское племя.

Извѣстія Императорскаго русскаго географическаго общества 1872 г., т. VIII, № 3. Краткое извлеченіе изъ доклада, прочитаннаго д. членомъ общества П. П. Чубинскимъ 15 января 1872 г. въ отдѣленіи этнографіи (объ этнографическомъ изслѣдованіи юго-западной Россіи).

Календарь юго-западнаго края на 1873 годъ. Составленъ Чубинскимъ и Борисовымъ. Кіевъ, 1872 г.

Программа для собиранія этнографическихъ и статистическихъ данныхъ, составленная д. членами юго-западнаго отдѣла русскаго геогр. общества Чубинскимъ и Русовымъ. Кіевъ, 1873 г.

Свеклосахарные заводы россійской имперіи съ оффиціальными статистическими о нихъ данными за компанію 1871—72 года. Изданіе кіевскаго отдѣленія русскаго техническаго общества. К. 1873 г.

Тоже за 1873, 74 и 75 годы, изд. въ Кіевѣ въ 1876 г.

Записки юго-западнаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества т. 1-й. К. 1874 г. Рѣчь Чубинскаго по поводу открытія юго-западнаго отдѣла. Село Сокиринцы и сокиринское ссудосберегательное товарищество. Нѣсколько народныхъ историческихъ преданій.

Тамъ-же т. II. К. 1875 г. Инвентарь крестьянскаго хозяйства. Обзоръ данныхъ о населеніи г. Кіева по однодневной переписи произведенной 2 марта 1874 г. Разъясненія къ таблицамъ о жителяхъ г. Кіева по переписи 2 марта 1874 г.

Отчетъ о дѣятельности юго-западнаго отдѣла Имп. русск. геогр. общества за 1873 г. К. 1874 г.

То-же за 1874 г. К. 1875 г.

(Извлеченія изъ этихъ отчетовъ помѣщены въ извѣстіяхъ Имп. русск. географическаго общества).

Карта свеклосахарной промышленности въ Россіи 1876 г.

Состояніе училищъ, подвѣдомственныхъ министерству путей сообщенія. С.-Пб. 1878 г.

Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя П. П. Чубинскимъ. т. I, вып. 1. С.-Пб. 1872 г. Вѣрованія и суевѣрія малорусскаго народа, вып. 2-й. 1877 г. Загадки и пословицы. Колдовство (изслѣдованіе и акты о колдовствѣ В. Б. Антоновича) т. II. 1878 г. Сказки миѳическія и бытовыя, т. III. 1872 г. Народный дневникъ, т. IV. 1877 г. Пѣсни обрядовыя т. V. 1873 г. Пѣсни любовныя, семейныя и шуточныя, т. VI. 1872 г. Народные юридическіе обычаи по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ (сборникъ рѣшеній волостныхъ судовъ со статьями А. Ѳ. Кистяковскаго о волостныхъ судахъ и Чубинскаго—краткій очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ). Т. VII, вып. 1-й, 1872 г. Евреи, поляки и прочія племена не малорусскаго происхожденія, проживающія въ юго-западномъ краѣ. (Здѣсь-же помѣщены статьи Полинковскаго: этнографическій очеркъ евреевъ и очеркъ ихъ юридическихъ обычаевъ). Т. VII, вып. 2-й. 1877 г. Малоруссы юго-западнаго края (этнографическій очеркъ, статистика, языкъ и нарѣчія, экономическое положеніе крестьянъ-собственниковъ).

П. Ефименко.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

НѢЖИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ Н. В. ГОГОЛЯ.

»*Метеоръ Литтературы. Январь, 1826*«. Подъ такимъ заглавіемъ доставлена А. А. Савичемъ [1]) въ редакцію »Кіевской Старины« рукописная тетрадка, въ зеленой обложкѣ, изъ сѣроватой бумаги, въ 42 перенумерованныя страницы, въ малую осьмушку (по 16-ти строкъ на каждой страницѣ); заглавіе это написано на обложкѣ, обведенной бордюромъ въ родѣ колѣнчатой лѣстницы, съ каемками по сторонамъ; на внутреннемъ заглавномъ листкѣ читаемъ: »*Метеоръ литтературы. Часть 1*«. Затѣмъ эпиграфъ—первые восемь стиховъ изъ басни Крылова »Орелъ и Пчела« и наконецъ: »*Нѣжинъ. 1826*«.

Очевидно, что это одинъ изъ тѣхъ рукописныхъ журнальцевъ, которые издавались въ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, во время пребыванія въ ней Гоголя. Тетрадка писана вся одной рукою и несомнѣнно рукою Гоголя, какъ видно изъ сличенія письма тетрадки съ другими его автографами. Такъ какъ біографъ его П. А. Кулишъ упоминаетъ, что Гоголь издавалъ въ гимназіи журналъ »Звѣзда«, то мы сейчасъ-же подумали: не тотъ-ли это самый журналъ лежитъ теперь передъ нами? Въ названіи его біографу

---

[1]) Приносимъ искреннюю признательность многоуважаемому Александру Андреевичу за сообщеніе столь рѣдкаго автографа, несомнѣнно удостовѣряющаго существованіе Гоголевскаго журнала, о которомъ мы имѣли лишь голое извѣстіе.—Ред.

легко можно было обмолвиться: »Метеоръ«, »Звѣзда« нѣсколько близки другъ къ другу и могли смѣшаться въ памяти. Гоголь издавалъ свой журналъ въ теченіи полугода или болѣе,—и такъ, это одна изъ книжекъ его. На первой страницѣ текста читаемъ опять: »*Метеоръ литтературы 1826 январь. № 1*«. А если это дѣйствительно первая книжка его существованія, то въ *первой* книжкѣ участіе Гоголя должно быть непремѣнно. И мы внимательно прочитали всѣ статейки »Метеора«. Вотъ содержаніе его, написанное на нижнемъ листѣ зеленой обложкѣ. Приводимъ его съ нашими поясненіями:

Оглавленіе.

»Проза«. . . . . стр.
1) Завѣщаніе (повѣсть *съ нѣмецкаго*) . . . . . 1.
2) Ожесточенный (*начало оригинальной повѣсти*). 13.

»Стихотворенія«.
1) Пѣснь Никатомы (отрывокъ изъ *Оссіановой* поэмы »Берратонъ) . . . . . 23.
2) Битва при Калкѣ . . . . . 25.
3) Альма (*вождь угровъ, проходившихъ по Днѣпру*) . 29.
4) Подражаніе Горацію . . . . . 35.
5) Къ *** (на одно прекрасное утро) . . . . . 38.
6) Эпиграмма (насмѣшнику некстати) . . . . . 40.
7) Эпиграмма . . . . . 41.

Между 4-й и 5-й пьесой пропущено въ оглавленіи стихотвореніе »Романсъ«, стр. 36. — Имени автора не указано нигдѣ, ни подъ одной статьей. По содержанію своему, почти всѣ эти статейки сентиментальнаго, мечтательнаго, псевдоисторическаго и романтическаго характера, и мы рѣшительно затрудняемся опредѣлить, что изъ нихъ можетъ принадлежать Гоголю. Впрочемъ, если бы и все содержаніе книжки несомнѣнно принадлежало ему, оно ничего не представляетъ для его славы. Проза никоимъ образомъ не можетъ быть приписана Гоголю: Гоголь въ гимназіи писалъ трагедіи, баллады, акростихи, эпиграммы; съ нѣмецкаго онъ переводить не могъ, нѣмецкаго языка онъ не терпѣлъ, не вѣрилъ даже, чтобы Шиллеръ и Гете писали на нѣмецкомъ языкѣ; другая повѣстушка—

реторическая вещь въ духѣ Марлинскаго. Въ стихотвореніяхъ риѳмы очень часто бѣдны, размѣръ кое гдѣ не выдержанъ, нерѣдко встрѣчаются усѣченныя окончанія прилагательныхъ именъ. Мѣстнаго характера во всѣхъ статьяхъ—ни тѣни. Гоголевскій талантъ не выдается нигдѣ. А между тѣмъ Гоголь былъ тогда уже 17-ти лѣтнимъ юношей, любилъ бродить по предмѣстьямъ Нѣжина и всматриваться въ игры и бытъ народа. Не имѣя возможности рѣшить положительно, что-же въ »Метеорѣ« принадлежитъ Гоголю, мы думаемъ, что Гоголь несомнѣнно былъ его редакторомъ и велъ свое дѣло съ любовью; самъ переписалъ всѣ статьи его, сдѣлалъ на немъ красивенькій бордюръ, названіе журнала писалъ всякій разъ различнымъ манеромъ, бока каждой страницы обвелъ крандашомъ, приложилъ указаніе описокъ въ стихахъ, и проч. Почеркъ его здѣсь болѣе твердый, устойчивый, старательный, даже болѣе грамотный, чѣмъ онъ извѣстенъ намъ въ позднѣйшихъ рукописяхъ Гоголя и особенно въ его письмахъ. Статьи »Метеора« безъ сомнѣнія принадлежатъ и ему и товарищамъ его. Названіе журнальца, составъ и самый форматъ его представляютъ собою очевидное подражаніе »Полярной Звѣздѣ«, альманаху 1823—1825 годовъ, и хотя содержаніе всѣхъ статеекъ »Метеора« весьма жиденькое, все-таки оно указываетъ на внимательность нѣжинскихъ гимназистовъ къ литературнымъ явленіямъ своего времени и дѣятельность ихъ въ духѣ лучшихъ писателей нашихъ: Карамзина, Жуковскаго, Марлинскаго, Дельвига и Пушкина. Біографъ Гоголя говоритъ, что Гоголь былъ въ гимназіи комикомъ на сценѣ и въ жизни, а въ литературѣ считалъ комическій элементъ низкимъ; послѣднему нельзя повѣрить. Комическая струя, которою отличался Гоголь и въ гимназіи, такъ была сродна ему и дорога, что никакъ не могла ему казаться »*низкой*« въ литературѣ. Она пробивается и въ эпиграммахъ »Метеора«. Послѣднюю изъ нихъ мы приведемъ здѣсь для любопытства читателей, особенно нѣжинскихъ товарищей Гоголя, изъ коихъ нѣкоторые еще здравствуютъ (Рѣдкинъ П. Г., Данилевскій А. С. и другіе): не вспомнятъ-ли они, точно-ли это Гоголевская эпиграмма и кого она очерчиваетъ. По нашему мнѣнію, это лучшее изъ всего, что есть въ »Метеорѣ«:

Эпиграмма.

»Нашъ Вралькинъ въ мірѣ семъ рѣдчайшій человѣкъ!
Подобнаго ему не сыщешь въ цѣлой вѣкъ.
Какъ станетъ говорить—заслушаться всѣмъ нада,
Какъ станетъ—такъ и рай вдругъ сдѣлаетъ изъ ада.
Былъ въ Римѣ, въ Лондонѣ... да гдѣ онъ не бывалъ—
Весь міръ на языкѣ искусно облеталъ«.

Мы печатаемъ эту замѣтку въ той надеждѣ, что авось она вызоветъ кого нибудь изъ старыхъ нѣжинцевъ—однокашниковъ Гоголя—доставить въ редакцію »Кіевской Старины« другія книжки »Метеора«, въ которыхъ прямое участіе Гоголя скажется, быть можетъ, ярче, очевиднѣе. А настоящую книжку »Метеора«, имѣющую не сомнѣнный интересъ для библіотеки Нѣжинскаго Института, позволяемъ себѣ рекомендовать вниманію Институтской Конференціи [1]).

С. Пономаревъ.

ДОБАВКИ И ПОПРАВКИ ПОСТОЯННАГО ЧИТАТЕЛЯ »КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ«.

1) Въ »Кіевской Старинѣ« 1882 г., №№ 2 и 7, помѣщенъ замѣчательный литературный памятникъ второй половины XVIII в., въ стихахъ, именно »Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей«, напечатанный по пяти спискамъ; надпись на одномъ спискѣ указываетъ имя сочинителя и время сочиненія »Разговора«; надпись эта, однако не вполнѣ сохранилась, и редакція журнала по догадкѣ и то отчасти дополнила ее (№ 7, стр. 137).—Въ имѣющемся у меня рукописномъ реестрѣ источниковъ для описанія Малороссіи, составленномъ Я. М. Марковичемъ въ 1798 г., поименованъ и »Разговоръ« съ слѣдующимъ заглавіемъ, можетъ быть, бывшимъ въ подлинной рукописи: »Разговоръ Великороссіи съ Малороссіею. Сочинилъ въ честь, славу и защищеніе всей Малороссіи генеральной канцеляріи *переводчикъ* Семенъ Дивовичъ, 1762 года *сентября 21*,

---

[1]) Теперешній владѣлецъ »Метеора« приложилъ къ нему помѣту: »Изъ библіотеки Полторацкаго« (кажется, родственника извѣстнаго библіографа и воспитанника нѣжинскаго).

въ Глуховѣ«.—Далѣе замѣтка Марковича: »Писанъ стихами, въ листъ, съ полъ-дести«.

Н. И. Петровъ, въ предисловіи къ »Разговору«, напечатанному въ № 2-мъ »Кіев. Стар.« 1882 г., говоритъ, что въ XVIII стол. въ южно-русской школьной литературѣ нерѣдко встрѣчаются произведенія въ формѣ »разговора« или діалога, и, сверхъ »Разговора« Дивовича, указываетъ на шесть подобныхъ сочиненій. Можно прибавить и седьмое—мистерію преосвященнаго Георгія Кониссскаго »Воскресеніе Мертвыхъ«, сочиненную имъ въ бытность его учителемъ кіев. духов. акад., такъ какъ и эта мистерія имѣетъ форму школьнаго діалога. Полагаю, что встрѣчавшееся въ южнорусской литературѣ прошлаго столѣтія обыкновеніе излагать публицистическія сочиненія въ формѣ »разговоровъ« перешло къ нашимъ южно-русскимъ писателямъ изъ Польши; у польскихъ писателей XVI—XVII в. такая форма была принята для памфлетовъ и вообще публицистическихъ сочиненій. Не заходя далеко, можно указать на »Rozmowy umarłych polaków, w których różne ile sekretnieysze za ich żywota dzieje i cirkumstancye są zebrane«; въ этихъ »Rozmowach« заключаются бесѣды тѣней короля Яна Собѣскаго съ княземъ Іеремією Вишневецкимъ о военныхъ событіяхъ въ Украинѣ временъ Б. Хмельницкаго и до конца XVII в., и Выжги съ кардиналомъ Радзѣевскимъ о событіяхъ въ Польшѣ.—Очень желательно собрать возможно болѣе списковъ »Разговора Великороссіи съ Малороссіею« и возстановить текстъ этого очень интереснаго публицистическаго сочиненія, а равно собрать и издать въ свѣтъ и другіе подобные памятники, обращавшіеся въ кругу малорусской интеллигенціи XVIII в. и нашедшіе себѣ пріютъ и спасеніе въ рукописныхъ сборникахъ, составленіемъ которыхъ любили заниматься въ Южной Руси наши интеллигентные и чуткіе къ общественнымъ дѣламъ предки во второй половинѣ XVII в. и особенно въ XVIII столѣтіи и даже до двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. У меня былъ прекрасный сборникъ »Пчела«, составленный въ 1679—80 г. священникомъ Виноградскимъ въ с. Крупичполѣ; въ немъ между прочимъ заключались замѣчательныя проповѣди, въ родѣ посланій Іоанна Вишенскаго. Иногда попадаются у любителей старины интересные сборники стихотвореній о современныхъ событіяхъ и лицахъ, и заключающіе въ себѣ »были«, »басни«, »имны«, »оды«,

»вѣрши«, »пѣсни«, элегіи«, »сатиры« и проч. Для образца сообщаю одно изъ такихъ стихотвореній, находящееся въ сборникѣ начала текущаго столѣтія.

Стихи къ господину сочинителю оды на смерть графа Румянцева Задунайскаго. 1796 года декабря 8 дня.

О, Муза! »*переявша славу*«
У древнихъ славныхъ Печенигъ!
Ты сладку льешъ въ сердца отраву,
Изъемля медъ изъ древнихъ книгъ.
Боговъ, богинь и музъ древнѣйшихъ
Себѣ зовешь ты помогать,
Поэтовъ имя, честь славнѣйшихъ,
Конечно, будешь помрачать.
Ахъ, естьлибъ ты не пѣлъ героевъ,
Но славу-бъ пѣлъ однихъ ословъ
И былъ правитель *кобзы* строевъ,
Изобрѣтатель грубыхъ словъ.
Ты-бъ лучше пѣлъ въ *шинкѣ* мѣщанамъ
Козацки подвиги и трудъ,
Любовь вознеслъ-бы въ нихъ къ стаканамъ,
То *шагъ* за то тебѣ дадутъ;
А болѣе еще прибавятъ,
Когда опишешь предковъ ихъ,
Какъ было въ полѣ кашу варятъ
Передъ толпой враговъ своихъ;
Набѣговъ оныхъ не боятся,
И, кашей *флинты* зарядивъ,
На нихъ привыкли устремляться,
Галушками имъ лбы разбивъ....
Вотъ лира что твоя пѣть можетъ
Съ достойной славою себѣ,
И ѣдка древность не изгложетъ
Достойныхъ почестей тебѣ.

---

2) Въ »Кіевской Старинѣ« сего года, № 3 (стр. 523—4), подъ заглавіемъ: »Контрактъ на постройку церкви конца XVII в.«, по-

мѣщенъ »договоръ 1692 г. о постройкѣ каменной церкви въ Глуховѣ«, сообщенный А. М. Лазаревскимъ.—Въ моемъ небольшомъ собраніи рукописей нашлась полная копія урядовой записи объ этомъ дѣлѣ, списанная мною такъ-же изъ *подлинной* »Книги справъ вечистихъ—купчихъ, дѣлчихъ и иныхъ тымъ подобныхъ, на рокъ 1692«, Стародубскаго магистрата. Привожу изъ нея тѣ мѣста, которыхъ недостаетъ напечатанному »контракту«.

»Зезнане Евфима Матвѣева каменнозодчого маистра церковного. Року 1692, мѣсяця ноевра 5.

... Ставши очивисте Евфимий Матвѣевичъ (sic), каменнозодчий маистеръ церковний, москвичкинъ, явне, ясне и доброволне призналъ до книгъ мѣсцкихъ стародубовскихъ; ижъ за учиненемъ контракту зъ ктиторами и братсвомъ жителми глуховскими, на церковъ каменную Архистратигу Господня Михаила, взялъ 50 рублей грошей задатку и далъ на себе онимъ ктиторомъ и братсву запись. Которое теди зезнане его принявши, велѣлисмо записати, и есть записано.

Року Божого 1692, мѣсяця ноеврия 6 дня.

За вѣдомомъ и зледенемъ ихъ царского пресвѣтлого величества войска запорозскаго полковника стародубовского, его милости пана Михайла Миклашевского, на майстратѣ... передъ нами... ставши очевисте учтивый Матвѣй Еѳимовичъ (sic), каменщикъ московский, презентовалъ даный собѣ контрактъ зъ мѣста Глухова на построение церкви Архистратига Господня Михайла мурованой; который контрактъ, за прочитанемъ, такъ въ себѣ мается«.—Слѣдуетъ контрактъ въ такомъ текстѣ, какъ и. сообщенный г. Лазаревскимъ, съ неважными противъ напечатаннаго разностями, заключающимися въ прибавленіи или недостачѣ нѣкоторыхъ предлоговъ и союзовъ, да въ замѣнѣ буквъ *и* и *і* одна другою; впрочемъ есть одна разность существенная: въ спискѣ г. Лазаревскаго (стр. 524, строка 8—9 сверху) значится »мастерию«, а въ моемъ—»материю«, какъ и слѣдуетъ быть: »материя«—матеріалъ, о которомъ идетъ рѣчь, а »материя«—это инструменты у »майстровъ«, о которыхъ въ контрактѣ нѣтъ и рѣчи. Затѣмъ въ моемъ спискѣ слѣдующее добавленіе: »А подписъ при печати мѣской глуховской тими билъ словы: Семенъ Ѳедоровичъ писаръ глуховский.—Который теды контрактъ, за прочитанемъ, велѣлисмо записати въ книги мѣскиѣ«.

Такимъ образомъ, сообщаемая мною выписка изъ подлинной актовой книги дополняетъ новыми свѣдѣніями и отчасти исправляетъ списокъ, сообщенный г. Лазаревскимъ.

3) Въ томъ-же № »Кіевской Старины« (стр. 472—6) помѣщена »Рядная запись первой половины XVIII в.«; это »вписъ зъ книгъ гродскихъ стародубовскихъ права магдебургского, року 1744, мѣсяца мая 8 д.«, заключающая въ себѣ »реестръ« бунчуковаго товариша М. Есимонтовскаго, »сколко онъ взялъ въ посагъ вѣна«, представленный на урядъ. Въ этомъ реестрѣ исчислены разныя женскія одежды, уборы и бѣлье. Подобныхъ перечисленій костюмовъ и уборовъ и всякой движимости за вторую половину XVII и за XVIII-й вѣкъ сохранилось довольно много—въ »тестаментахъ« или »духовницяхъ«, представляющихъ большую важность въ археологическомъ отношеніи, а также въ вѣновыхъ записяхъ, наконецъ, въ »описяхъ« конфискованныхъ въ казну имуществъ, напримѣръ, такихъ лицъ, какъ гетманъ Самуйловичъ и полковники Рословецъ, Палій и Полуботокъ.

Но, какъ ни интересны всѣ эти »реестры« и »описи«,—они все таки даютъ намъ почти только одни названія предметовъ, безъ всякихъ объясненій ихъ вида и другихъ подробностей, необходимыхъ для болѣе или менѣе полнаго представленія о перечисляемыхъ предметахъ. Въ моемъ собраніи находится выписка изъ дѣлъ стародубскаго магистрата, заключающая опись вещей, принадлежавшихъ какому-то войсковому канцеляристу и его женѣ, составленную 29 октября 1745 г.; въ ней достаточно подробно описывается каждая вещь, а потому эта опись представляетъ цѣнный матеріалъ для описанія костюмовъ, уборовъ и оружія первой половины XVIII столѣтія. Вотъ текстъ ея.

1) »Кунтушъ женскій, злотоглавній, зеленій, по бѣлокосѣ, зъ золотими и сребними небольшими клѣточкамы, на сѣбѣркахъ, зъ соболними карвашами, комеромъ, кой подшитъ зеленимъ кредитуромъ, а на обоихъ полахъ отъ комера до подполковъ зъ соболѣми жъ огонками и на усахъ золотимъ широкимъ одноличнимъ пузиментомъ, а около зъ золотимъ-же узшимъ старосвѣцкимъ пузиментомъ двоеличнимъ«.

2) »Шабля могилевской работи подъ оправою сребною и на паскахъ шелковихъ рудявихъ, золотомъ перетиканихъ, зъ штучками

сребними-жъ, а крижемъ полскимъ желѣзнимъ, отъ которого къ верхнему сребному жъ кантурку средній-же цепочокъ; желѣзко жъ шпанское и на ономъ близъ крижа вирисовани на одной сторонѣ святій апостолъ Петръ, а на другой святій апостолъ Павелъ, зъ надписомъ латинскимъ«.

3) Тацъ сребная фанцѣберовая на трохъ ножкахъ и около зрисованними брижамы«.

4) Ложокъ сребнихъ осмъ, въ которихъ при концѣ на держачкахъ ангелики, а при самой ложки кверху фѣgури на кшталтъ человѣковъ«.

5) Вершечокъ на шапку женскую суто сребромъ ленткоткою шитій и на каждой кватерцѣ по золотой квѣтцѣ«.

6) Звіонgка черная креповая, на концахъ лиштвою золотомъ и срѣбромъ шитая, изъ квѣтками сребними жъ и золотими и карункою пестро золотою широкою«.

7) Хустокъ шелковихъ великой руки двападцять, а іменно блакитнихъ, по концахъ зъ квѣтками разноцвѣтными, шесть, да малой руки зеленихъ пять«.

8) »Тарѣлокъ цѣнованнихъ новихъ 15 и приставочка една«.

9) »Зъ бѣлого плата: ручникъ новій, заполочю на московскомъ полотнѣ орлами по концахъ шитій, еденъ«.

Н. Бѣлозерскій.

ПРИСЯГА ДУХОВЕНСТВА.

Въ настоящее время духовенство, бѣлое и черное, какъ извѣстно, не приводится къ присягѣ въ качествѣ свидѣтелей, а свидѣтельствуется по священству, безъ присяги. Въ прежнее-же время, не далѣе прошлаго столѣтія, въ Малороссіи и Великороссіи существовали въ этомъ отношеніи различные порядки, обусловливавшіеся мѣстными законами. Дѣйствовавшее въ московскомъ государствѣ уложеніе царя Алексѣя Михайловича предписывало: »архимандритовъ, игуменовъ и старцовъ во свидѣтельство принимать по иноческому обѣщанію, а протопоповъ, поповъ и дьяконовъ по священству, а крестному цѣлованію не быть« (Гл. 10 ст: 161 и гл. 13 ст. 4). Петръ Великій однако нарушилъ это правило; онъ внесъ въ воинскій уставъ совершенно противуположную статью, заимст-

вовавъ ее изъ западныхъ законодательствъ: »всѣмъ свидѣтелямъ надлежитъ, хотя-бы оные вышняго достоинства и знатнѣйшія были, присягать, понеже свидѣтелю, которой присяги не учинитъ, вѣрить не можно, хотя-бы оной и архіепископъ былъ (гл. 3. п. 7-й). Такимъ образомъ въ Великороссіи, со времени изданія воинскаго устава, въ судахъ дѣйствовали два противуположныя начала относительно силы свидѣтельскихъ показаній духовенства; при томъ сфера дѣйствія военнаго закона не была строго опредѣлена, такъ какъ именной указъ 1716 года апрѣля 10 о воинскомъ уставѣ заявлялъ, »что хотя оной основаніемъ воинскихъ людей, однакожъ касается и до всѣхъ правителей земскихъ«. Впрочемъ сенатъ указомъ 1753 года ограничилъ это толкованіе, разъяснивъ, что по процессамъ велѣно свидѣтелей спрашивать подъ присягою, но оное слѣдуетъ до военныхъ судовъ, а не въ гражданскихъ дѣлахъ.

Въ противуположность указанной двойственности, въ Малороссіи всегда и по всякимъ дѣламъ требовалось свидѣтельство подъ присягой, какъ отъ свѣтскихъ людей, такъ и отъ духовенства. Литовскимъ Статутомъ узаконено: »свидѣтельству быть подъ присягою«, въ книгѣ »Порядка правъ магдебургскихъ« сказано: »свидѣтельство отнюдь несильно, если свидѣтели сперва не присягнутъ«. Это правило требовать отъ духовенства присяги исполнялось безъ всякаго нарушенія до половины прошлаго столѣтія. Въ половинѣ прошлаго вѣка противъ существовавшаго порядка въ Малороссіи возсталъ кіевскій митрополитъ Арсеній Могилянскій и сталъ запрещать присягу духовенства. Вѣроятно свѣтскія власти, дѣйствовавшія въ Малороссіи, представили объ упомянутомъ распоряженіи митрополита сенату, такъ что сенатъ счелъ нужнымъ доложить объ этомъ императрицѣ. Вслѣдствіе этого вышелъ указъ 1767 года декабря 11, въ которомъ мы находимъ, между протчимъ, слѣдующее разсужденіе: »можетъ-ли какой ни есть церковной или свѣтской начальникъ перемѣнить въ какой провинціи издавна принятой и утвержденной обрядъ? на что всякой разумной человѣкъ отвѣтствовать будетъ, что не можетъ; слѣдовательно установленіе магдебургскихъ правъ, коимъ по нынѣ въ Малороссіи слѣдовали, должно въ семъ случаѣ остаться въ своей силѣ«. Объ этомъ-же казусѣ и различіяхъ рѣшено было сообщить въ коммисію сочиненія новаго уложенія. Такъ какъ коммисія новаго уложенія не составила, а

распоряженіе кіевскаго митрополита было отмѣнено; то слѣдовательно въ Малороссіи по прежнему дѣйствовало прежнее обыкновеніе приводить къ присягѣ лицъ духовнаго званія. Вѣроятно, правило о присягѣ священниковъ и монаховъ существовало въ Малороссіи если не до отмѣны магдебургскаго права (1831 г.) и Литовскаго Статута (1842 г.), то, по крайней мѣрѣ, до 1783 года, когда временно были распространены на Малороссію учрежденія о губерніяхъ.

П. Ефименко.

МАЛОРУССКІЙ ПѢСЕННИКЪ XVIII ВѢКА.

(Изъ собранія рукописей Т. В. Кибальчича).

Въ собраніи разнородныхъ рукописей Т. В. Кибальчича я нашелъ весьма цѣнный памятникъ прошлаго вѣка, которому можно дать названіе *»Малорусскаго пѣсенника«*. Это довольно полная, хотя отчасти и дефектная рукопись въ 1/8 долю листа, состоящая изъ нотъ и текстовъ пѣсенъ.

По внѣшнему виду, рукопись эта была переплетена и обрѣзана, но теперь вырвана изъ переплета, хотя и держится на пяхъ корешка. Страницы перенумерованы славянскими знаками до 130-го листка, но кромѣ того есть еще семь листковъ не нумерованныхъ, такъ что рукопись видимо заключала въ себѣ 137 листковъ или 274 страницы. Въ серединѣ недостаетъ пяти листковъ, именно: 115, 116, 117, 120 и 121, т. е. 10 страницъ, слѣдовательно въ настоящемъ своемъ видѣ она представляетъ 264 страницы, вполнѣ хорошо сохранившіяся.—Бумага отъ начала до конца одинакова—плотная, синяя (за исключеніемъ нѣсколькихъ листовъ бѣлой) съ водными изображеніями герба, но безъ означенія года фабрикаціи.

До 101-й страницы текстъ писанъ церковно-славянскимъ шрифтомъ, а съ оборота ея такъ называемымъ полууставомъ. Почеркъ однообразный, старательный, четкій; помарокъ весьма немного; кое-гдѣ, особенно въ концѣ, сдѣланы подстрочныя приписки и поправки. Никакихъ рисунковъ, ни виньетокъ и орнамента нѣтъ вовсе.

Въ припискахъ я не могъ найти никакихъ указаній ни на первоначальнаго владѣльца рукописи, ни на ея составителя, ибо, кромѣ пѣсенъ и нотъ, никакого посторонняго текста нѣтъ.

Во всей этой рукописи имѣется 87 пѣсенъ, изъ которыхъ двѣ (№ 75 и 77) дефектны. Первая изъ нихъ безъ нотъ и начала пѣсни, а второй недостаетъ начала нотъ и начала перваго куплета. Всѣ остальныя пѣсни полны и каждая съ нотами, подъ которыми вписанъ первый куплетъ.

Матеріалъ пѣсенный распредѣленъ довольно систематично. Въ началѣ идутъ пѣсни религіозныя, числомъ 61, а затѣмъ свѣтскія, *свитови*, какъ онѣ озаглавлены въ сборникѣ.

Обращаясь къ содержанію рукописи, мы должны за ней признать весьма важное значеніе. Сколько намъ извѣстно, послѣ Почаевскаго Богогласника, это единственный памятникъ прошлаго вѣка, сохранившій намъ мотивы пѣсенъ того времени. Въ музыкальномъ отношеніи рукопись г. Кибальчича имѣетъ то преимущество передъ Богогласникомъ, что ноты въ ней писаны далеко правильнѣе и яснѣе, несмотря даже на то, что онѣ рукописныя, а въ Богогласникѣ печатныя; въ рукописи мелодія всегда раздѣлена на такты, чего нѣтъ въ Богогласникѣ. Музыкальное значеніе этого памятника пріобрѣтаетъ еще большее значеніе вслѣдствіе того, что въ немъ впервые находимъ мотивы свѣтскихъ пѣсенъ.

До сихъ поръ, кажется, еще никто не опредѣлилъ характера мелодій Богогласника и вопросъ этотъ остается темнымъ. Въ рукописи же г. Кибальчича, которую разсматривалъ Н. В. Лисенко, оказались въ религіозныхъ пѣсняхъ мотивы чисто мѣстнаго малорусскаго характера, подобіе которыхъ можно найти въ мелодіяхъ лирницкихъ. Нѣкоторые мотивы, кромѣ народнаго тембра, дышатъ глубокимъ чувствомъ и высокимъ художествомъ.

Сравнивая религіозныя пѣсни рукописи съ Богогласникомъ, я нашелъ, что почти всѣ онѣ находятся въ этомъ изданіи Почаевской Лавры въ болѣе или менѣе отличныхъ варіантахъ. Расположеніе этихъ пѣсенъ тоже очень сходно съ расположеніемъ въ Богогласникѣ. Въ началѣ идутъ пѣсни о Рождествѣ Христовомъ, о страстяхъ Господнихъ, о Воскресеніи; далѣе пѣсни о Богородицѣ, о разныхъ святыхъ и въ концѣ пѣсни религіозно-нравственнаго содержанія. Въ пѣсняхъ о чудотворныхъ иконахъ встрѣчаются географическія названія: Тывровъ (винницкій у.), Радовцы (литинск. у.), Баръ, Подкомель (Галиція), Тарнополь (тоже) и т. п., словомъ мѣстности главнымъ образомъ Волыни и Подоліи.

По языку пѣсни религіозныя въ рукописи значительно отличаются отъ варіантовъ Богогласника; въ рукописи видно значительное искаженіе полу-церковно-славянскаго первообраза въ пользу народной рѣчи, хотя не замѣтно такого уродства, какое видимъ въ лирницкихъ варіантахъ. Въ числѣ религіозныхъ пѣсенъ есть двѣ на польскомъ языкѣ, а именно: на Рождество Христово »Prsybieżeli do Betljem Pastyrze« и въ честь чудотворнаго образа Богородицы Подкаменецкой.

Въ числѣ 26 свѣтскихъ пѣсенъ рукописи есть только 14 собственно малорусскихъ, частью искуственныхъ, частью народныхъ. Эти послѣднія, какъ-то: »Летивъ чорный жукъ«, »Посіявъ чоловикъ ячминь«, »Сидить медвидь на колодци«, »Ой ûхавъ козакъ зо Вкраины«, всѣ сатирическаго содержанія. Изъ пѣсенъ искусственныхъ обращаютъ на себя вниманіе сатирическая пѣснь съ припѣвомъ »али-алилуй, Господи помилуй«, изображающая весьма живыми красками пиръ святыхъ и духовенства [1]); далѣе есть варіантъ, довольно полный, извѣстнаго »Грицька мудрого родомъ зъ Коломыйи« [2]) и одна пѣснь историческаго содержанія, относящаяся, кажется, къ событіямъ временъ конфедераціи Барской. Пѣснь эта къ сожалѣнію безъ начала перваго куплета; я привожу ее цѣликомъ, удерживая для образца правописаніе памятника.

. . . . . .

. . . . . .

Же почали були бунты починаты,
Передъ москалями мусѣли втѣкаты.
Якъ въ копару вѣвцѣ, такъ ихъ запудили,
А въ Станѣславовѣ кругомъ оступили:
Москалѣ изъ жарту почали стреляты,
А ляхи одъ страху стали умираты.
Гды прийшли ввѣвторокъ о пятой годинѣ,
Подъ Станѣславовомъ стали на долинѣ

---

[1]) Пѣсня эта въ нѣсколькихъ варіантахъ занесена въ III т. Сборника П. Чубинскаго, въ рубрику колядокъ—вслѣдствіе того, что въ этихъ варіантахъ, какъ поводъ для пира, указывается на Рожденіе Христово.

[2]) Въ двухъ варіантахъ помѣщена эта пѣсня во II т. »Pokucia« О. Кольберга, съ замѣчаніемъ, что пѣсню эту поютъ причетники и деревенскіе грамотѣи.

Вдарили зъ гарматы, ажъ баня упала,
Зъ первого косцола въ той часъ твога (тревога) стала.
Вже виходятъ ляхи, аби не пустыты
Москаля, отъ града-бы могли отъбиты,
Но не доказали, бо негодни того—
Москаля отъбиты, хотяй йхъ и много.
Дали собѣ битву на середу рано,
А другимъ москалямъ въ той часъ знаты дано,
Абы йшли скоро всю нощъ на ратунокъ,
Бо на ляховъ упавъ великій фрасунокъ.
У середу рано сталися сходиты
Всѣ ляхи до купи, що будемъ робиты?
Единъ мовитъ: біймо, десять: утѣкаймо,
А сто каже: всѣ до духа москалямъ подъдаймо.
Москалѣ волаютъ, абы виходили
Всѣ ляхи изъ града, котріс тамъ были.
Панъ староста *Блоньскій* сердца добувае,
Староста *Снятинскій* отъ страху въмлѣвае.
Почали стрѣляты, на пляцъ выходиты,
А не единъ мислитъ, якъ бы добре втекты,—
Мусѣлися быты у весь день доволѣ.
Любилисте ляхи добре людей грабоваты,
Любѣтежъ вневолѣ у насъ зоставаты;
Любилисте йсты гуси, кури много,
Днесь сидѣтъ вневолѣ, не йжте нѣколи.
Такъ москалѣ ляховъ люблятъ частоваты,
Абы памятали, якъ то грабоваты:
За тое имъ даютъ мало исты й питы,
Абы памятали, якъ бунты чиниты.

Кромѣ малорусскихъ пѣсенъ, есть въ сборникѣ одна великорусская—безвкусная и сентиментальная, озаглавленная: »*Пѣснь сентова Російска пастушкамъ*«.

Конецъ сборника составляютъ десять пѣсенъ польскихъ, содержанія любовнаго и бытоваго, довольно безграмотно записанныхъ, и слѣдующая характерная смѣшанная пѣснь-разговоръ крестьянъ—поляка и малороса о житьѣ-бытьѣ:

Oy rusinie, rusinie, co słychaé w twey krainie,
Pociesz, pociesz strapionego, a przynieś co wesołego
Sercu moiemu.

Имя минѣ Стахъ, скажу о людяхъ:
Въ насъ люде веселенко скачутъ, горѣлочкою рачатъ,
Горѣлка уприкрится, до меду подай, дай та надай.

Ach mnie, mnie czy wierzysz panie, ze ledwie na grosz stanie,
Bo chociay co zapracuie, albo tyz co utarguie,
To zabierze dwur.

А мы продаемъ, а грошѣ маемъ,
И пановѣ отъдаемо, а калиты ладнуемо,
Есть для пана, и для попа, и для домовихъ тысяча
золотихъ.

Ach panicu, panicu, zacny slachcicu, a ruski Krulewiczu,
Aby łaska twa sprawiła, y mnie tyz w czym domiesciła,
Do łaski twey.

Дармо, небоже, биты не може,
Якъ то правда, що я живу,
Такъ ты покинь всю надѣю.
Въбравесься въ мазурство, якъ у шевскій квасъ,
Засяжъ отъ насъ.—

Оставляя спеціалистамъ изученіе этой рукописи, какъ памятника пѣсеннаго и музыкальнаго творчества, я счелъ необходимымъ огласить мою находку, какъ смѣю думать, весьма цѣнную. Я не берусь теперь судить о значеніи и происхожденіи этого сборника— для этого необходимо серьёзное изслѣдованіе. Несомнѣннымъ для меня однако является слѣдующее: сборникъ этотъ видимо составленъ за разъ, хотя и писанъ двумя шрифтами; вывожу я это какъ изъ однообразія его внѣшняго вида, такъ и изъ правильной группировки пѣсенъ. Далѣе несомнѣнно, что сборникъ принадлежалъ какому нибудь уніяту Волыни или Подоліи, — это видно какъ изъ содержанія пѣсенъ, проникнутыхъ уніятскимъ духомъ Богогласника, такъ и изъ характера малорусской рѣчи, носящей всѣ особенности подольскаго говора.—Наконецъ не подлежитъ сомнѣнію, что рукопись эта по времени своего происхожденія не ранѣе конца XVIII вѣка. такъ какъ въ ней есть пѣсни, относящіяся къ событіямъ этого времени.

Владѣлецъ рукописи, г. Кибальчичъ, какъ передавалъ онъ мнѣ, пріобрѣлъ ее случайно въ г. Пирятинѣ; по какимъ образомъ она туда попала—неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ желательно было-бы издать этотъ памятникъ въ возможно скоромъ времени; изданіе это труднѣе всякого другого, такъ какъ транскрипція этого текста и въ особенности нотъ требуетъ участія опытныхъ спеціалистовъ, иначе изданіе можетъ потерять всякое научное значеніе.

И. Нейманъ.

ДѢДУШКИНЪ ВЕКСЕЛЬ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

Лѣтъ двадцать—тридцать тому назадъ, въ нашемъ селѣ [1]) грамотныхъ почти не было; было четыре-пять человѣкъ, которые когда-то въ дьячковской школѣ учились и въ то время уже были взрослыми мущинами, но они могли только читать по славянски и пѣть на клиросѣ, прочесть-же солдатское письмо или-же поминальную книжку, въ которой рукою дьячка записаны дѣды и прадѣды кого-либо изъ хозяевъ, они уже не могли и свою несостоятельность въ этомъ дѣлѣ оправдывали обыкновенно отговоркою: *це не при насъ писано...* А спросъ на грамоту и тогда уже былъ значительный. Недостатокъ оной чувствовался въ особенности въ поминальную субботу, когда по давнему въ нашемъ селѣ обычаю достаточные хозяева приглашаютъ въ свои домы какого-либо грамотѣя для чтенія псалтыри, при чемъ послѣ каждой каѳизмы или *славы* перечитывается и поминальная книжечка и хозяева такимъ образомъ поминаютъ умершихъ своихъ родныхъ. Читавшимъ псалтирь приходилось тутъ-же дописывать *грамотку*, или-же вновь ее писать. Для этого они брали съ собою перо, чернило и лоскутокъ бумаги и печатными буквами, со словъ хозяина, записывали имена умершихъ его сродниковъ. Запись по этому производилась по способу фонетическому и была вполнѣ понятна слушателямъ. »Помяны, Господы, произносилъ чтецъ, рабовъ Божихъ: Окъсеня, Насьцю, Ладыма, Приську, Юрька, Песьцю, Савъку, Хыму и въсихъ ихъ сродъныкивъ.... и слушатели

---

[1]) Соловьевка, радомысльскаго уѣзда, кіевской губерніи.

набожно крестились и клали поклоны, а чтецъ получалъ потомъ за каждую записанную и прочитанную душу по шагу (грошу), да за чтеніе псалтири пивзолотого« (7½ к.), да еще хлѣбъ и платокъ; его притомъ за обѣдомъ усаживали на первомъ мѣстѣ и ему первому подносили водку и кушанье. Но, повторяю, и такихъ грамотѣевъ было тогда мало.

Мнѣ пришлось учиться позже, но лучше и больше, а потому и выучился я больше. Раньше этого мнѣ очень хотѣлось попасть въ положеніе такихъ грамотѣевъ. И мое желаніе потомъ сбылось: мнѣ не было еще десяти лѣтъ отъ роду, а я уже могъ прочесть не только псалтирь, но даже и самую мудреную поминальную книжку, поэтому меня вездѣ и приглашали для чтенія псалтири во время поминальныхъ обѣдовъ. Въ особенности полюбилъ меня старичокъ *Степанъ Отаманчукъ*: у него я былъ, такъ сказать, *присяжнымъ чтецомъ*, и кромѣ меня никого онъ болѣе не звалъ для чтенія псалтири. А псалтирь въ его домѣ читалась каждогодно въ субботу первой недѣли поста, при чемъ каждый разъ, какъ начиналось чтеніе, предъ старинной иконой св. ап. Іакова зажигалась большая восковая свѣча, которую нарочно для этого каждый годъ изготовляла жена Степана Палажка. Читая уже не разъ, я замѣчалъ, что на этой иконѣ красуется большой крестъ, написанный мѣломъ, но ни разу нерѣшился спросить хозяевъ, для чего написанъ на иконѣ крестъ. Исторія этого креста объяснилась для меня случайно, и вотъ какъ это случилось.

Наступилъ великій постъ 18** г. По обыкновенію, Степанъ, въ субботу первой недѣли поста, пригласилъ меня для чтенія псалтири. Когда я пришелъ, онъ благоговѣйно возжегъ свѣчу, прилѣпивъ ее къ извѣстному уже образу. Я открылъ чтеніе; Степанъ и Палажка набожно крестились, клали поклоны, мало что разумѣя изъ читаемаго. Вскорѣ Степанъ отправился въ церковь, а Палажка принялась готовить поминальный обѣдъ. Долго безъучастно я читалъ псалтирь. Отъ разгорѣвшейся печи пошла духота; въ горлѣ у меня пересохло, голова кружилась и я вышелъ освѣжиться. Занятая стряпней Палажка не замѣтила, какъ свѣча, прилѣпленная къ иконѣ, наклонилась къ самой иконѣ и прожгла *то мѣсто, гдѣ былъ написанъ мѣломъ крестъ*. Вернувшись въ хату и увидѣвъ, что

икона горитъ, я поспѣшилъ сказать объ этомъ хозяйкѣ, а она, поправила свѣчку, набожно перекрестилась и проговорила вслухъ:

— Упокой, Господи, ёго душу!...

— Чью? спросилъ я.

— Та того-жъ, *Петра.*

— Какого *Петра?* родственникъ вашъ, что ли?

— Ба ни, чужый. Чумакъ бувъ тутъ, Петро звався.

— Чужой, чумакъ? По чему-же вы стали молиться объ немъ, когда увидѣли, что горитъ икона?...

— Бо то сгоривъ вексель нашого дида.

Меня это удивило и совершенно озадачило. Какъ это такъ?— подумалъ я: сгорѣлъ вексель ея дѣда, а она молится за душу какого то чумака Петра? Да и какъ тутъ вексель могъ сгорѣть? Онъ могъ быть спрятанъ за иконой; но горѣла вѣдь икона и не насквозь прогорѣла. При чемъ же тутъ вексель?... Да и какая связь между векселемъ ея дѣдушки и душою чумака Петра? Для чего такъ долго сохранялся этотъ вексель и если онъ принадлежалъ чумаку Петру, то почему-же не хранился въ домѣ его или его наслѣдниковъ?...

— Не понимаю ничего, сказалъ я, сообразивъ все.

А въ эту минуту Степанъ, возвратясь изъ церкви, входилъ въ хату въ сопровожденіи цѣлаго десятка нищихъ.

— Такъ отъ це вамъ Степанъ роскаже, сказала Палажка, якъ воно було.

— Що таке? спросилъ Степанъ.

— Онъ бачишъ?! отвѣтила Палажка, указывая на прогорѣвшую икону.

Взглянувъ на прижженую икону, на которой уже не видно было креста, написаннаго мѣломъ, Степанъ въ свою очередь набожно перекрестился и проговорилъ вслухъ:

— Упокой, Господи, ёго душу!

— Чумака Петра? спросилъ я.

— Эгежъ; а вы хиба вже знаете?

— Въ томъ-то и дѣло, что я не знаю. Просилъ я Палажку разсказвть, а она сказала, что вы разскажете.

— Добре, роскажу, а тымъ часомъ сядемо за трапезу Господню, сказалъ Степанъ, приглашая меня на покуть.

Прочитавъ *Отче нашъ* и усѣвшись на покути, я съ нетерпѣніемъ ждалъ обѣщаннаго разсказа, и Степанъ, послѣ первой чарки, принялся разсказывать, не стѣсняясь присутствующими. Передаю этотъ разсказъ по русски, сохраняя всѣ прочія его особенности.

— Дѣдъ мой, Яковъ Отамапчукъ, былъ изъ первыхъ богачей въ Соловьевкѣ. Было у него много худобы и еще больше грошей; при этомъ нужно вамъ знать, что въ то время бумажекъ не было, а все было золото, серебро да мѣдь, а потому деньги у дѣда хранились въ дѣжкахъ: одна малая дѣжка была насыпана до самаго верха серебромъ, такъ что когда дѣдъ было ее раскростъ, то карбованцы забѣлѣютъ все равно, какъ сыръ; другая-же дѣжка побольше, та была насыпана до самаго верха мѣдью. Къ этой послѣдней дѣдъ ходиля частенько, такъ какъ у него весьма часто просили денегъ взаймы и онъ никому не отказывалъ.

— Тоби скильки треба? спроситъ бывало дѣдъ у того, кто придетъ просить у него денегъ взаймы.

— Та кившыкивъ изо два позычьте.

— Добре, позычу,—отвѣчаетъ дѣдъ, тильки гляди, такъ якъ намиряю изъ верхомъ, такъ шобъ зъверхомъ и оддавъ.

— Та за певне такъ, признавалъ тотъ. И дѣдъ набиралъ изъ дѣжки два ковшика вверхъ мѣдныхъ пятаковъ, всыпалъ ихъ въ торбочку просителя, и тотъ своею рукою на дѣдовой иконѣ писалъ мѣломъ крестъ. Это и былъ вексель дѣда, чтобъ, значитъ, долгъ не пропалъ.

— То есть вексель просителя такого-то, Ивана тамъ, или Романа, а не дѣдушкинъ, пояснилъ я Степану.

— Нѣтъ, не такъ, отвѣчалъ Степанъ: когда Иванъ или Романъ далъ дѣду вексель, то, значитъ, онъ уже *дѣдовъ*, а не Ивана или Романа.

— Ну, пусть будетъ по вашему, сказалъ я.

— Такъ вотъ такой вексель, продолжалъ Степанъ, у дѣда и сохранялся до тѣхъ поръ, пока Иванъ тамъ или Романъ, а если умретъ, такъ его потомки не принесутъ и не всыплютъ въ дѣдову дѣжку два ковшика вверхъ занятыхъ у дѣда пятаковъ. Тогда кто долгъ принесъ, тотъ и стиралъ своею рукою съ иконы дѣдовъ вексель, самъ-же дѣдъ не могъ этого сдѣлать, считалъ за грѣхъ.

— Ну, а проценты какіе бралъ дѣдушка? спросилъ я у Степана.

— Тогда процентовъ не было никакихъ, а если тотъ, кто возьметъ у дѣда деньги, захочетъ сдѣлать ему за это выгоду, такъ за его душу поставитъ въ церкви свѣчку, вотъ и весь процентъ, объяснилъ Степанъ и затѣмъ продолжалъ:

— Теперь нужно вамъ знать, что, кромѣ моего дѣда, въ Соловьевкѣ были еще богачи—чумаки: *Петро Андрієць и Зинько Ляпасъ*, но за тѣми водился грѣхъ—любили выпивать. Бывало, какъ начнутъ пить, смотришь, жидъ и беретъ вола за долгъ. Это, видите-ли, хитрили старики: если у нихъ старые, негодные къ работѣ волы, которыхъ никто не хочетъ купить, такъ они нарочно пьютъ у жида водку въ долгъ, а потомъ не хотятъ платить долга нарочно, чтобы жидъ взялъ вола; ну, жидъ и беретъ, все равно пригодится на говядину.

Такъ вотъ какъ-то разъ подъ осень пили эти чумаки, да и поспорили тутъ-же въ шинкѣ, кто изъ нихъ богаче? Петро говорилъ:

— Та въ мене срибла мабуть буде кившыкивъ изъ двадцять...

А Ляпасъ говоритъ:

— Двадцять?!.. Та въ мене самого золота закопано пидъ покутемъ добрый горщикъ, а пидъ ступою закопано карбованцивъ повный глечикъ. Самыхъ копійокъ у мене повный глечикъ стоить у комори на полыци, а на росходъ маю срибла въ дижци мабуть кившикивъ зъ пятдесятъ...

— Ну, коли такъ, сказалъ Петро, то давай помиряемо; якъ у тебе буде въ дижци срибла пятдесятъ кившыкивъ, то маешъ право забрать уси мои возы зъ сильлю и зъ волами, якъ прийдуть зъ Крыму; ты-жъ знаешъ, шо тамъ ихъ у мене буде дванадцять возивъ. А якъ же у тебе въ дижци буде менше, якъ пятдесятъ кившикивъ, то я заберу твои дванадцять возивъ зъ сильлю и зъ волами.

— Добре, пристаю, отвѣчалъ Ляпасъ; ударили по рукамъ и запили могоричъ.

Когда потомъ перемѣряли серебро, хранившееся въ дѣжкѣ Ляпаса, то его оказалось пятдесятъ два ковшика и одна жменя (пригоршня). Пріунылъ тогда Петро. Когда онъ спорилъ съ Ляпасомъ въ шинкѣ, тогда онъ думалъ, что Ляпасъ только хвастается своимъ богатствомъ, а что на самомъ дѣлѣ онъ бѣднѣе его, Петра;

но теперь видѣлъ самъ, что Ляпасъ богаче его. Пожалъ онъ плечами и сказалъ Ляпасу.

— Ну, нема що, договоръ паче денегъ; якъ сказано, то такъ, якъ звязано: волы й возы зъ силью вже не мои, а твои...

Ляпасъ, извѣстно, былъ радъ и такъ угостилъ Петра, что тотъ и заночевалъ у него. Цѣлую ночь пьяный Петро распѣвалъ:

Ой яжъ чумакъ нещасливый,
Зъ журбы хожу ледви живый...

На утро проснувшись, Петро не пошелъ уже отъ Ляпаса домой, а поплелся къ моему дѣду.

— Здоровъ будь, Якове!

— Здоровъ Петре; а що скажешъ?

— Та позычъ, будь ласкавъ, кившыкивъ зо два срибла...

Дѣдъ, ничего про то не зная, очень удивился, что Петро пришелъ просить денегъ.

— Ну, а твое-жъ добро де? мыши зъзили, чи що?... спросилъ дѣдъ шутя, думая, что и Петро шутитъ.

— Гиршъ, якъ мыши; все то дурный розумъ робить; але що маю робить: слово свято...

— Ну?... удивлялся дѣдъ.

И Петро разсказалъ ему, какъ побился объ закладъ съ Ляпасомъ и какъ отдалъ ему все свое добро. Дѣдъ очень сожалѣлъ о Петрѣ, хотя самъ сознавалъ, что слова вернуть нельзя.

— Ну, такъ тобы треба два кившыки срибла? спросилъ онъ Петра.

— Та позычьте хочъ изъ три, отвѣчалъ Петро.

И дѣдъ всыпалъ ему въ полу его свитки три ковшика серебра, а онъ своею таки рукою написалъ вотъ на этой иконѣ крестъ, что теперь выгорѣлъ. Вотъ это и былъ вексель моего дѣда, добавилъ Степанъ, обращаясь ко мнѣ.

— Значитъ, по этому векселю доселѣ не были уплочены деньги ни Петромъ, ни его потомствомъ? замѣтилъ я Степану.

— Да, не были, а теперь уже заплочены. Теперь чумакъ Петро зъ дѣдомъ и съ нами уже разсчитался; видите, нѣтъ уже векселя, онъ самъ его уничтожилъ.

При этихъ словахъ Степана я невольно засмѣялся и сказалъ:

— Какъ же это такъ? я своими глазами видѣлъ, что вексель,

какъ вы называете, сгорѣлъ случайно отъ свѣчки, а вы говорите, что его Петро самъ уничтожилъ?

— А вы думаете нѣтъ? такъ таки и було: Петро самъ его уничтожилъ, утверждалъ Степанъ.

— Однакоже я этого совсѣмъ не понимаю, равно не могу понять, почему вы молитесь за должника вашего дѣда, сказалъ я Степану.

— Все это я вамъ послѣ объясню, а теперь слушайте дальше, что случилось съ Петромъ да съ Ляпасомъ, послѣ того, какъ побились они объ закладъ, отвѣтилъ мнѣ Степанъ и сталъ продолжать разсказъ:

— Недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ Петро взялъ у дѣда моего три ковшика серебра, по селу пронеслось »*чумаки йдуть!*« Сами знаете: великое это слово для того, кто посылаетъ, или самъ ходитъ въ дорогу. Помню, было это въ воскресенье. Ляпасъ и Петро сидѣли въ корчмѣ и пили въ долгъ. Ляпасъ пилъ и радовался, что у него, вмѣсто двѣнадцати, будетъ двадцать четыре воза съ солью, и вмѣсто двѣнадцати паръ воловъ, будетъ двадцать четыре пары; а Петро, извѣстно, съ горя пилъ. Сидитъ онъ и носъ повѣсилъ. Вдругъ въ корчму вбѣгаетъ дядько Харитонъ Заболотній да какъ крикнетъ:

— Ставьте могоричъ, чумаки йдуть!...

Петро, какъ заслышалъ тѣ слова, побѣлѣлъ какъ крейда, да и бухъ съ лавки да на землю...

Всѣ, кто былъ въ корчмѣ, бросились къ Петру, а онъ и зубы стиснулъ...

— Воды, воды! закричалъ Заболотній.

Принесли воды, влили въ ротъ Петру, но тотъ »уже й захоловъ«... Донесли становому, наѣхало слѣдствіе, стали распрашивать: что, да какъ, и когда узнали, что Петро »померъ зъ жалю«—отъ того, что ему приходилось отдавать Ляпасу своихъ двѣнадцать возовъ съ солью и волами, то взялись за Ляпаса.

— Сгніешь въ тюрьмѣ, душу христіянскую загубилъ, кричалъ становой и ногами на Ляпаса топалъ.

Испугался Ляпасъ, да бухъ становому въ ноги:

— Змилуйтеся, ваша благородія, есть у мене пятдесятъ два ковшыки срибла, забирайте все, тильки змилуйтесь...

И становой смиловался: Петра похоронили, а Ляпаса отпустили домой, только лишился онъ своихъ пятидесяти двухъ ковшиковъ серебра; но объ этомъ Ляпасъ не жалѣлъ, онъ говорилъ:

— Хочь голъ, да правъ зоставсь... И ще-жъ таки, хвалити Господа милосердного, есть у мене закопано пидъ ступою глечикъ карбованцивъ, та пидъ покутемъ горшокъ червонцивъ...

Слова Ляпаса, какъ видно, слыхалъ сатана; черезъ недѣлю становой опять потребовалъ къ себѣ Ляпаса.

— Бѣда,—говоритъ,—старикъ! изъ Петербурга пришла бумага, чтобъ откопать трупъ Петра да сдѣлать новое слѣдствіе...

Опять повалился Ляпасъ становому въ ноги.

— Змилуйтесь, ваша благородія...

— Ну, а есть у тебя еще сколько нибудь золота или серебра? такъ я поправлю дѣло, совсѣмъ потушу, сказалъ становой.

— Щожъ? треба правду казати, отвѣчалъ Ляпасъ; есть ище въ мене закопано пидъ ступою глечикъ карбованцивъ да пидъ покутемъ горшокъ червонцивъ.

— А больше?... допрашивалъ еще становой.

— Ище въ комори на полыци стоитъ глечикъ копійокъ...

— Такъ вотъ что старикъ, совѣтовалъ становой, копѣйки пусть останутся тебѣ на поминки Петра, а золото и серебро давай сюда, такъ я обдѣлаю дѣло такъ, что даже не будутъ откапывать трупъ Петра...

И дѣйствительно такъ было; но только у Ляпаса не осталось больше денегъ: досталъ онъ и глечикъ зъ-пидъ ступы и горщикъ зъ-пидъ покутя и все отдалъ становому, самъ же затужилъ, сталъ пить безъ просыпу, жиды за долгъ забрали воловъ, онъ обѣднѣлъ до крайности и отъ горя скоро умеръ.

Вотъ такъ то вексель дѣда и оставался невыплоченнымъ. Въ годъ послѣ смерти Петра заболѣлъ и мой дѣдъ, и болѣлъ онъ до великаго поста. Въ пятницу ночью на первой недѣлѣ поста приснилось мнѣ, что къ дѣду пришелъ покойный чумакъ Петро, а дѣдъ и говоритъ ему:

— А що, може прынисъ довжокъ?...

— Въ субботу оддамъ, отвѣчалъ Петро.

— Да развѣ одна въ году суббота? ты скажи, въ какую именно субботу отдашь?... спрашивалъ дѣдъ.

— Отдамъ я свой долгъ въ субботу на первой недѣлѣ поста, пусть только каждый годъ въ эту субботу ставятъ свѣчу передъ иконой св. Якова—твоего патрона, на которой я написалъ тебѣ вексель; да пусть въ этотъ день совершаютъ по мнѣ поминки, пусть читаютъ за мою душу псалтирь и ставятъ поминальный обѣдъ. А долгъ я отдамъ съ процентомъ за все время и самъ уничтожу вексель.

— Да вѣдь ты мертвый, говоритъ ему дѣдъ; какъ же ты отдашь долгъ и уничтожишь вексель?

— Черезъ нѣсколько лѣтъ я укажу твоимъ внукамъ, гдѣ закопаны деньги моего дѣда. Когда они возьмутъ эти деньги, то долгъ будетъ уплоченъ съ процентомъ. Вексель же я уничтожу огнемъ... И такъ, долгъ я отдамъ, а теперь пойдемъ ко мнѣ въ гости.., сказалъ въ заключеніе, чумакъ Петро. При этихъ словахъ я проснулся и кинулся къ больному дѣду, но тотъ уже и Богу душу отдалъ...

Похоренили мы дѣда и стали каждый годъ вотъ въ эту субботу поминать Петра. Это уже двадцатый годъ, какъ мы дѣлаемъ по немъ поминки. И вотъ въ понедѣльникъ на этой недѣлѣ приснилось мнѣ, будто дѣдъ нашъ живъ и лежитъ на полу. Вдругъ въ хату входитъ чумакъ—Петро.

— Здоровъ, Якове...

— Здоровъ Петре... А що?..

— Та пора заплатить довжокъ... Тамъ на Андрійціовимъ кладовиську, пидъ велыкимъ каминнымъ хрестомъ, на сходъ сонця, закопано... нехай выкопають въ субботу до сходъ сонця...

Проснулся я, да и говорю своей Палажкѣ:

— А що стара, не боишься ты вь ночи ити на могилки?..

— Боюсь, каже стара.

— Да не сама, а зо мною вдвохъ...

— Хочъ и вдвохъ, то боюсь... бо то ничь...

— Да не въ ночи, а чуть свитъ, до сходъ сонця, якъ пересьпивають пивни...

— Да чого жъ мы пидемъ?.. спросила меня Палажка.

Я разсказалъ свой сонъ, и Палажка съ нетерпѣніемъ стала ожидать *субботы*, только ее тревожили слова Петра: «вексель я уничтожу огнемъ»...

— Чи не буде, борони Боже, *пожежи?* [1]) говорила она при этомъ.

— Що Богъ дасть, то й буде, успокоивалъ я Палажку, а между тѣмъ самъ страшился пожара.

Когда настала пятница, то мы съ Палажкой цѣлый день молились Богу и держали постъ, чтобы Богъ сохранилъ насъ отъ пожара. Вечеромъ мы приготовили заступы и мѣшки, и на разсвѣтѣ субботы отправились на Андрійцове кладовисько. Большой каменный крестъ былъ давно извѣстенъ намъ, а потому найти его въ темнотѣ ночи намъ не стоило труда. Подойдя ко кресту, мы положили по три поклона и три раза проговорили: за преставльшихъ души: *Отче нашъ, Богородице Диво, Помилуй мя Боже* и *Вирую*, помянули раба божого Петра и стали копать у большаго каменнаго креста, на восточной сторонѣ. Не успѣли мы копнуть нѣсколько разовъ, какъ подъ заступами что-то зазвенѣло. Мы немного прорыли и нашли большой казанъ, полнехонькій серебряныхъ рублей. Тогда мы перекрестились, пересыпали деньги въ мѣшки, зарыли пустой котелъ на прежнее мѣсто и помолившись за душу Петра, пошли поспѣшно домой, забравъ конечно мѣшки съ серебромъ и заступа. Придя домой, мы все боялись огня; но вотъ слава Богу, какъ вы сами видѣли, вексель уже уничтоженъ огнемъ. И кто-жъ то все могъ сдѣлать? —то его, того чумака Петра душа зъ высшого неба и »гроши« намъ показала и »хрестъ той спалила«, сказалъ въ заключеніе Степанъ, обращаясь ко мнѣ, какъ къ очевидцу уничтоженія дѣдушкинаго векселя...

— Да, это дѣйствительно непонятный, чудесный случай, сказалъ я и попросилъ Степана показать мнѣ тѣ рубли, которые достались ему по дѣдушкиному векселю.

— Извольте, сказалъ Степанъ: если хотите, такъ я вамъ покажу и тотъ ковшикъ, которымъ дѣдъ мой мѣрялъ деньги, когда давалъ ихъ людямъ въ долгъ.

— Пожалуста покажите, это интересно; да вотъ кстати скажите, сполна ли вы по векселю получили долгъ...

— А конечно съ процентомъ, отвѣчалъ Степанъ: какъ сказалъ Петро, такъ и сбылось: перемѣряли мы съ Палажкой тѣ рубли и

[1]) Пожежа—пожаръ.

вышло четыре ковшика съ половиною; значитъ, процента наросло полтора ковшика...

Гости всатли, помолились Богу, поблагодарили хозяевъ и стали расходиться. Когда всѣ уже разошлись, Степанъ съ Палажкою принесли изъ коморы *дижечку*, въ которой хранились рубли, а также дѣдовъ ковшикъ.

Находка Степана оказалась стариною—это были рубли царя Петра Алексѣевича, чекана 1721 года. Одинъ изъ этихъ рублей Степанъ тутъ-же далъ мнѣ за чтеніе псалтири, и этотъ рубль хранится у меня и теперь, какъ память моего дѣтства. Ковшикъ я тоже выпросилъ у Степана себѣ на память, но во время пожара, которымъ истреблена хата моихъ родителей, ковшикъ этотъ сгорѣлъ. Что-же касается иконы св. Іакова, на которой былъ написанъ и на моихъ глазахъ выгорѣлъ дѣдушкинъ вексель, то Степанъ пояснилъ, что онъ пустилъ ее на проточную воду...

Крестьянинъ **Иванъ Савченко**.

РЕБЯЧЕСКАЯ ЗАБАВА ВЪ СЕРЪЕЗНУЮ МИНУТУ.

Самый крупный въ недавней исторіи югозападнаго края фактъ остается въ забвеніи. Мы не имѣемъ исторіи послѣдняго польскаго возстанія, какъ оно разыгралось въ предѣлахъ этого края, не имѣемъ даже отрывочныхъ о немъ свѣдѣній, если не считать недавно печатавшихся въ »Русской Старинѣ« воспоминаній ген. Крепке, чрезвычайно интересныхъ, но во многомъ неточныхъ и далеко неполныхъ. Въ архивахъ лежатъ нерушимо богатѣйшіе матеріалы для этой поучительной исторіи, въ обществѣ находится сотни, тысячи свидѣтелей тѣхъ печальныхъ дней и событій, въ народѣ циркулируетъ масса интереснѣйшихъ разсказовъ, какъ онъ самъ то здѣсь, то тамъ расправлялся съ возмутившимися панами и отдавалъ ихъ въ руки начальства. И не находится доселѣ человѣка досужаго и съ талантомъ, который занялся-бы собраніемъ всего письменнаго и устнаго матеріала объ этомъ событіи и повѣдалъ-бы намъ правдивую исторію тѣхъ дней. Будемъ воспроизводить ее хотя по мелочамъ, приводить въ извѣстность хотя то, что у кого въ памяти осталось.

Кто живалъ въ ту пору въ Кіевѣ, Житомірѣ или Каменцѣ, тому памятно, какъ не рѣдко необозначившіяся еще въ своихъ цѣляхъ и пріемахъ іереміады польской справы находили сочувствіе въ средѣ русскихъ, какъ многіе осуждали тогда политику правительства, порицали дѣйствія администраціи, взывали къ толеранціи, справедливости. То, что мы хотимъ сказать теперь, рисуетъ легкомысліе, пустоту, а не серьезный взглядъ, но и оно характерно для того времени.

Извѣстно, что въ началѣ возстанія, въ видахъ удобнѣйшаго надзора за проѣзжими, были заведены на большихъ почтовыхъ дорогахъ шнуровыя книги для записыванія имени, фамиліи и мѣста отправленія проѣзжающаго. Мѣра эта по многимъ причинамъ не приносила желаемой пользы, давая иногда поводъ къ школьничеству, ребячеству, какъ покажетъ случай, о которомъ хочу разсказать.

Пришлось мнѣ въ 1863 году проѣзжать по волынской губерніи. Дѣло было въ ноябрѣ. Почтовые кони еле тащили ноги, утопая въ глинистой вязкой грязи. Смеркалось... Мы съ ямщикомъ рѣшили остановиться въ ближайшей деревнѣ: устали кони, да и мы не прочь были отдохнуть... Подъѣхали къ корчмѣ. Входимъ. Я обращаюсь къ »вартовнику« и прошу дать шнуровую книгу »росписаться«.

Тотъ только усмѣхнулся.

— Становый казавъ: якъ мають не знати що писати, нехай липпе зовсимъ ничого не пишуть.

Я полюбопытствовалъ посмотрѣть на это »не знати що«. Читаю.

— Гарибальди ѣдетъ изъ Кременца въ пространство.

— Кавуръ и Викторъ-Элимануилъ направляются на востокъ.

— Расплюевъ ѣдетъ къ папѣ въ гости. И. т. д., и. т. д., все въ этомъ родѣ.

Я тоже хотѣлъ »росписаться«, но сторожъ не позволилъ. Довольно, значитъ, и этого!

Черезъ ½ часа я поѣхалъ дальше.

Теперь я забылъ уже и названіе деревушки, въ которой это происходило, но самый фактъ остался у меня въ памяти, и одно воспоминаніе объ немъ вызываетъ во мнѣ не то грусть, не то веселую улыбку.

В. О.

ЗАГАДОЧНОЕ ПРЕДАНІЕ.

Года четыре назадъ тому пришлось мнѣ проводить каникулы въ с. Потокахъ подольской губерніи, винницкаго уѣзда, въ восьми верстахъ отъ ст. Жмеринки. Когда я пожилъ тамъ недѣли двѣ и того больше, мнѣ не разъ приходилось слышать, какъ подростки крестьяне и даже взрослые въ ссорѣ обзываютъ своихъ противниковъ »гонтиками«. Меня это названіе заинтересовало, по тождеству своему съ именемъ извѣстнаго сотника уманскаго Гонты. На распросы мои объ этомъ мѣстный священникъ пояснилъ, что въ этомъ селѣ живетъ крестьянинъ Микола Коломіецъ, старикъ лѣтъ 80-ти, котораго считаютъ потомкомъ того самаго Гонты. Я постарался свести знакомство съ старикомъ. Когда въ распросахъ я навелъ рѣчь на такое его родство, старикъ долго отмалчивался и отнѣкивался и только впослѣдствіи призналъ приписываемое ему другими родство, пояснивъ, что не хотѣлъ сказать мнѣ объ этомъ, боясь, чтобы я не сообщилъ начальству.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній старикъ Коломіецъ, когда мы стояли съ нимъ на его дворѣ, указалъ мнѣ въ юго-западномъ углу деревни усадьбу на взгорьѣ, при чемъ не то съ горестью, не то похвальбой сказалъ: »ото наше батькивське добро, тамъ и жилъ Ксенофонтъ« (такъ онъ называлъ Гонту). По словамъ Коломійца, Потоки съ окружными селами принадлежали въ то время Потоцкимъ, и хотя у нихъ было много имѣній въ разныхъ другихъ мѣстахъ, но не рѣдко графъ съ женой жили здѣсь, а Гонта былъ атаманомъ козаковъ Потоцкаго. Къ сожалѣнію, старикъ не могъ назвать по именамъ ни графа, ни его жены, а также сообщить объ нихъ какія либо свѣдѣнія. Графъ, говорилъ онъ, часто и надолго отлучался, а графиня держала Гонту при себѣ и жила съ нимъ какъ съ мужемъ. Противъ двора графскаго стоялъ домикъ, тамъ-то и жили дѣти Потоцкой отъ Гонты; одинъ изъ сыновей звался Адамомъ; силенъ онъ былъ, какъ и батько его, но глупъ, не въ отца пошелъ. На мѣстѣ этого дома и теперь усадьба Адамчуковъ.— Графъ, разсказывалъ еще старикъ, боялся Гонты. Правда и графиня не всегда ладила съ нимъ. Разсердился разъ Гонта, хватилъ кулакомъ любимую лошадь графини,—на повалъ убилъ, а самъ ушелъ. Собрали людей ловить Гонту. Окружили его подъ корчмой,

а онъ стоитъ съ лавой въ рукахъ и говоритъ: »берить«. Взять не взяли, упросили вернуться во дворъ.

Какъ поднялись гайдамаки на ляховъ и пошли на Умань, страшно стало за дѣтей Потоцкому,—они въ Умани тогда учились. Позвалъ Потоцкій Гонту и говоритъ: »пять селъ даю тебѣ, Гонто, достань дѣтей«. Гонта обѣщалъ. А на Литинскомъ яру Желѣзнякъ таборомъ стоялъ и къ Гонтѣ гонца прислалъ, чтобъ былъ съ нимъ за одно. То мѣсто Литинскимъ яромъ уже потомъ прозвано, по имени пана; находятъ и теперь тамъ оружіе въ землѣ; Литинскій яръ лежитъ между Потокомъ и м. Ворошиловкой, въ сторонѣ отъ дороги. Вотъ пришелъ туда Гонта съ своими козаками. »Биться, или брататься намъ?—спросилъ онъ Желѣзняка. Желѣзнякъ отозвалъ его въ сторону и показалъ царицыну грамоту съ золотой печатью. Посмотрѣлъ Гонта, да и повернулъ съ своими козаками, разомъ съ гайдамаками, на Умань. Тамъ уже, какъ расправлялись съ гайдамаками, то и Гонту въ тюрьму посадили до конца жизни, хоть и ссылался онъ на царицыну грамоту.

Свои темные разсказы Коломіецъ закончилъ такъ: если, случалось, что нибудь не хорошее сдѣлаю, то батько всегда было говоритъ мнѣ: »вотъ и выйдешь такимъ гайдамакою, какъ Ксенофонтъ«.

Трудно разобраться въ этомъ темномъ преданіи и съ достаточною вѣроятностію пріурочить его къ опредѣленному историческому лицу и времени. То, что есть существеннаго и наиболѣе опредѣленнаго въ немъ, не согласуется въ примѣненіи къ уманскому сотнику и народному возстанію 1768 г., извѣстному подъ именемъ Гайдамачины или Коливщины, съ точными историческими о нихъ свѣдѣніями. Атаманъ надворныхъ козаковъ Салезія Потоцкаго, Гонта, носилъ имя Ивана, а не Ксенофонта, родился не въ Подоліи, а близъ Умани, въ с. Росошкахъ, которое потомъ получилъ въ даръ отъ своего патрона. Въ подольскихъ и червоно-русскихъ владѣніяхъ Потоцкаго Гонта, конечно, бывалъ съ своими козаками при дворѣ Потоцкаго, но самъ Потоцкій имѣлъ свою резиденцію въ Криштополѣ, въ нынѣшней Галиціи, а не въ Потокахъ. Далѣе еще большая несообразность. Соединеніе Гонты съ Желѣзнякомъ подъ Уманью, близъ с. Соколовки, удостовѣрено несомнѣнными свидѣтельствами современниковъ очевидцевъ, а между тѣмъ преданіе устами Коломійца отводитъ для этого мѣсто въ Литинскомъ яру, между с. Потоками и

м. Ворошиловкою. Самый фактъ связи жены Потоцкаго съ Гонтою могъ-бы многое объяснить намъ въ положеніи Гонты, который, не смотря на свое простое происхожденіе, занималъ высокое положеніе среди окружавшей Потоцкаго родовитой шляхты, внушалъ ей уваженіе и страхъ и пользовался непоколебимымъ довѣріемъ своего патрона, щедро награждаемый и ласкаемый отъ него. Но чѣмъ и какъ можетъ быть удостовѣренъ этотъ фактъ относительно уманскаго Гонты? Подобные факты не только возможны, но и на самомъ дѣлѣ въ то время случались; но для пріуроченія указаннаго факта къ сотнику Гонтѣ мы не имѣемъ ничего, кромѣ преданія, спутаннаго въ другихъ частяхъ. Не самъ Микола Коломіецъ, а его отецъ могъ быть современникомъ Гонты; но дѣйствительно ли онъ былъ его родственникомъ, это остается вопросомъ. Почему же держится и на чемъ основано преданіе о родствѣ Миколы Коломійца съ Гонтою? Почему въ народѣ бранятся тамъ именемъ Гонты? Почему не сохранилось здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, преданіе о страшной казни Гонты, совершенной, какъ извѣстно въ Подоліи? Не былъ-ли въ Потокахъ, во время Коліивщины, другой предводитель гайдамакъ также съ фамиліею Гонты?

Желательно, чтобы кто нибудь на мѣстѣ вновь провѣрилъ записанное нами преданіе и по возможности разрѣшилъ поставленные вопросы. Въ основѣ народныхъ преданій лежатъ всегда реальные факты, но здѣсь они совершенно спутаны относительно мѣста и времени, а можетъ быть и самихъ лицъ.

Е. Маковскій.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ УСТЪ.

(Одна пѣсня и два разсказа).

Минувшимъ лѣтомъ пришлось мнѣ быть въ черниговщинѣ и полтавщинѣ и слышать много пѣсень и разсказовъ, которыхъ всю прелесть чувствуешь тогда, когда выливаются они живымъ голосомъ, живою рѣчью въ жизненной обстановкѣ, какъ непосредственная принадлежность и прояленіе жизни.

Въ с. Жеведи (остерскаго уѣзда, черниговской губерніи) записаны мною 2 разсказа, а въ селѣ Прохоровкѣ (полтавской гу-

берніи, золотоношскаго уѣзда) пѣсня. Дѣлюсь ими съ читателями »Кіевской Старины«.

Пѣсня высоко художественна какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Подобной по содержанію пѣсни я еще до сихъ поръ въ печати не встрѣчалъ, несмотря на то, что имѣлъ подъ руками и перечиталъ большую часть нашихъ сборниковъ народныхъ пѣсень.

Въ этой пѣснѣ изображается судьба несчастной молодой женщины—Насти. Въ семьѣ мужа ее встрѣтила »лыхая свекруха«, которая постоянно грызетъ ее. Разъ, послѣ особенно-навязчиваго, злостнаго приставанья свекрухи, въ самомъ мрачномъ настроеніи духа, отправилась Настя »зъ малою дитиною« въ поле жито жать. Горькое, щемящее чувство незаслуженной обиды, сознаніе невозможности поправить свою безповоротно испорченную жизнь, чувство физическаго и нравственнаго утомленія, все это вмѣстѣ подавляетъ въ ней материнскія чувства и она, вспомнивъ про ожидающія ее дома семейныя обязанности, вечеромъ уходитъ домой, забывъ въ полѣ ребенка.

Погруженная въ свои безутѣшныя мысли, безсознательно, чисто механически отправляетъ она эти обязанности—и такъ и не вспомнила сама о томъ, что оставила дитя въ полѣ. Напоминаетъ ей объ этомъ мужъ, и она въ смертельномъ страхѣ, съ потрясеннымъ чувствомъ материнской любви бѣжитъ въ поле, въ полѣ видитъ орла, и спрашиваетъ его объ участи дитяти.

Въ прекрасномъ поэтическомъ образѣ передаетъ пѣсня роковой отвѣтъ орла, которымъ замѣняется личное удостовѣреніе Насти. Настя въ отчаяніи устремляется домой и подъ тяжестію неодолимаго горя кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Вся эта картина страданій и гибели отъ злой »свекрухи« нарисована прекрасною художественною кистью, проникнута глубокимъ, сильнымъ чувствомъ. Типъ Насти начерченъ съ необыкновенною силою немногими яркими, смѣлыми штрихами. Это, по моему мнѣнію, одна изъ лучшихъ народныхъ пѣсенъ.

Что до записанныхъ мною 2-хъ разсказовъ, то первый изъ нихъ, по основному своему сюжету, не новъ, но онъ интересенъ по формѣ, въ которую вылился избитый сюжетъ, по примѣненію къ типическимъ лицамъ народной поэзіи, по народному чувству, скво-

зящему вездѣ въ этомъ разсказѣ, по своей анти-жидовской подкладкѣ. Въ такомъ видѣ я его встрѣчаю въ первый разъ.

Почти тоже можно сказать и о второмъ разсказѣ. Въ немъ особенно интересенъ взглядъ народа на солдата-вора и его къ нему отношеніе. Народу, видимо, симпатиченъ этотъ преступный солдатъ за проблескъ въ немъ человѣчности, за сочувствіе его невинно страдающему человѣку, за ловкость, за то, что онъ перехитрилъ *жида*,—за все это народъ какъ-бы прощаетъ ему его проступокъ и смотритъ на темную сторону его дѣянія сквозь пальцы.

Пѣсня про Настю.

Уродилась Настя
Безъ доли, безъ щастя.
Да случилась Насти
Свекруха лыхая.
Посылае Настю
У поле жито жати:
—»Иди, иди, Насте.
Да й не озирайся.
Ой жни, Насте, жито
Да й не розгинайся«.
Розигнулась Настя,
Уже й сонце низенько.
Да й погибла Настя
Изъ поля до дому,
Да й убигла Настя
У нову свитлицю,
Да ухопила Настя
Дубову дойницю,
Подоила Настя
Сивіи коровы:
Ой питае милый:
»Де Насте, дитина?«
—»Ой, Боже мій милый,
Забула на ныви!«
Да й побигла Настя
Изъ дому на поле,
Да й зустрила Настя

Сизокрыла орла.
—» Ой ты, сизый орле,
Не бачивъ дитины?«
—» Ой у поли, въ поли
Стоить три тополи:
Ще перва тополя
Ямочку копае,
А другая тополя
Дитину ховае,
А третя тополя
Книжечку читае«.
Да й побигла Настя
Изъ поля до дому,
Да й убигла Настя
У нову комору,
Да ухопила Настя
Да свой [1]) полотенця [2]).
Не попала Настя
Ножемъ по полотенцю,
Да й попала Настя
По щирому серцю.

(С. Жеведь, остерскаго уѣзда, черниговской губерніи).

Разсказы.

I.

Нанявъ жидъ чоловика ûхати у городъ. И везе винъ ёго зъ села на гору—оттакъ, якъ у насъ отто гора. Ажидъ—ніякъ на гору не встане; лигъ, вывернувся та й спить. А бидный чоловикъ бичувався, бичувався! Не вытягне ніякъ коняка нещасна, а жидъ лежить, вывернувся, не поворушиться, дума: якъ нанявсь, то й вези. А винъ у жида просить: »встань, будь-ласка, бо коняка не вытягне. Я тоби верну гроши, тильки встань«. Той таки не слухае. Ажъ питъ на лоби выступивъ,—все лежить. Коняка не везе ніякъ, а чоловикъ сидить та й плаче. Другій тутъ ишовъ зъ горы: такій-же соби чоловикъ. Дивиться, що бидный чоловикъ мучить коняку, жидъ не встае,—якъ узявъ винъ дрючокъ та до того кучира: »а,

[1]) Свой—сувой, большой свертокъ.

[2]) Уменьш. отъ слова полотно.

сякій-такій! ты колись мого жида бивъ, якъ я ѣхавъ: ось я и твого буду бить, аже-жъ ты мого бивъ«. Той жидъ якъ схопитьця, якъ ударавъ ёго винъ тою ломакою по плечахъ,—якъ побижить! Тоди коняка й вытягла, бо жидъ вставъ. А цей чоловикъ тоди: »спасыби тоби, брате, що ты мого жида прогнавъ, а то й доси-бъ ще пропадавъ на тимъ мисци. Спасиби тоби!«

II.

Жидъ на ярмарку минявъ гроши на столи. А салдатъ смотритъ, що вони у ёго лежать, тай думае, якъ бы ихъ соби узять. Жидъ заворотився, задивився, а салдатъ за ти гроши, що були на столику, та за ошлагъ.

Чоловикъ прóстый приходить: »розминяй мени, яврею, пьять рубливъ грошей«. Жидъ кинувся: »Герште! де мои гроши?« Та на того чоловика: »ты взявъ! Цуесъ ты, верни мои гроши, мужицьке гóлове, швиняче рыло! Ты взявъ мои гроши«. Жидъ бере того чоловика за лобъ и увесь ярмарокъ жидивъ збигся на цюю кумедію дивитьця. Бьють ёго, вяжуть ёго, нехтують ёго. Той чоловикъ божитьця, кленетьця: »не бравъ я твонхъ грошей, далеби не бравъ!« Жиды, знаете, не вдаряютьця на прозьбу цюю, кричать: »ты взявъ, сто цортивъ въ твою голову!« А салдатъ той стоить, бачить биду того чоловика, бачить: бьють ёго, нехтують. Ёму, звисно, зробилось жалко. Винъ пидходить и каже: »за што, каже, ты этого бѣдного мужика бьешь?«—»Какъ зе ёго не бить, коли воно оттутъ, при моихъ оцахъ, на столику десять ци сто карбованцивъ узяло«.—И врешь ты, пархъ проклятой! Вѣдь ты напрасно мужика бьешь. Вѣдь твоихъ денегъ онъ не бралъ, а я ихъ взялъ«. »Герста! какъ вы узяли мои гроси?«—»Какъ я взялъ твои деньги? Вотъ какъ: пришелъ я къ твоему столику, смотрю, на столикѣ лежатъ. Гляжу, ты не смотришь. Я вотъ такъ шинелью подобралъ, отошелъ отъ столика, да все дальше, дальше«... Да якъ влупить зъ грошима по ярмарку! Жиды гвалтъ: »ловить! ловить!« А винъ по переду бижить и самъ кричить: »лови, лови!« Такъ и пропали жидови гроши.

А мужика салдатъ вызволивъ, щобъ ёго дарма не били.

(С. Прохоровка, золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи).

Сообщ. **Д. Т.**

отъ пана дядка и отца брата [167]). Священнику за молитву зъ паламаремъ 12 к.

24. За 18 аршинъ крашенины 54 к. Теслѣ Палашу 5 к. Сего числа взялъ еще у Ноздри чаусовского 5 р. шинковыхъ денегъ; сего числа рощотъ и расплатка здѣлана зъ Федоромъ Яченкомъ.

25. Чрезъ слѣдуючіе святочные дни розышлось на всякіе домовые и другіе росходы 5 р. 58 к.

29. Былъ въ Топалѣ у графа [168]) и купилъ для енерала де-Вейзбаха 4 концы, а для себе 1—полотна парусного за 30 р., а денги еще не плачены.

Былъ въ Нижніюмъ, а 31 прибылъ въ Стародубъ.

Приписка на особомъ листикѣ:

Клача ржая приводу съ Погару воровъ—имеемъ одинъ Яковъ Грищенко, житель полку миргородского, села Бакумовки, другій воръ тогожъ товарищъ—Ленко Карповъ сынъ Харконенко, житель сотнѣ топальской, села Могилевца, да въ перегонского жителя Зенка Триносенка тогожъ приводу имѣется клача ржая, а приводъ тихъ лошадей августа 21 дня сего 1731 году; о вороненкомъ конику, якого онъ приводу, исправится не почему.

1731 году Сентев. 9. Зде выраженныя клачи ржіи и коникъ вороный приняты въ дворѣ нашомъ въ Стародубѣ.

1732 годъ. Мѣсяцъ Генварь.

1. По обѣднѣ поздоровляли полковника новымъ годомъ.

2. Обявленъ писаремъ суду полкового панъ Стефанъ Косачъ.

3. Избирали кандидатовъ на асаулство полковое и на хоружество значковое. Сегожъ числа одправленъ Антонъ Донъ въ Полтаву зъ писмами до его сіятельства, господина генерала и кавалера, графа фонъ-Вейзбаха и зъ 4-мя концами парусного полотна, которому и подорожняя енералская дана на подводы. Дня сегожъ въ вечерѣ, прибылъ зъ Глухова панъ прапорщикъ зъ печатными указами его императорскаго величества о наслѣдствіи и зъ формами

---

[167]) Подъ именемъ отца-брата разумѣется родной братъ по отцу автора Дневника—Иванъ Даниловичъ, бывшій священникомъ. См. Опис. Черниг. Епархіи, V, 192.

[168]) Рагузинскаго.

присягъ, такожъ и зъ унѣверсаломъ рейментарскимъ о виконанію той присяги [109]).

4. По службѣ Божой въ церквѣ соборной присягу чинили полковникъ, старшина полковая и прочіе чины духовные и мирскіе.

5. Розышлось на розницю 45 к., куплено дерева на 8 к.

6. По службахъ была процессія на рѣку и по одправленномъ водосвятіи, палено зъ 7 пушекъ, также и три сотнѣ: полковая, новомѣстская и топалская бѣглымъ огнемъ, которіи сегожъ числа присягали въ соборной церквѣ. Въ вечерѣ посѣщала полковница зъ дочерми пана тестя и паню тещу въ домѣ ихъ.

7. Заплатилъ за медъ въ домъ братскій петропавловскій 70 к. Прислала полковниковна Параскевія Александровна 16 золотниковъ срѣбра и полтину денегъ на зроблене табакерки. Сговорилъ снѣцаря для робленя шафы за 2 р.

8. Тожъ снѣцарю въ задатокъ данъ 1 р. Сего числа господа графи Гаврило и Мойсей Владиславичи [110]) и Іванъ Івановичъ кушали у пана тестя, и мене въ домѣ моемъ посѣщали.

9. За водку заплачено 25 к., на мясо дано 7 к. Черницямъ заграничнимъ дано 20 к.

10. Віехалъ зъ Стародуба въ Глуховъ, забѣраючи дорогу, и прибылъ на ночъ въ Борщевъ [111]). Бабѣ, которая приходила одъ пана Максимовича зъ роднымъ хлѣбомъ о родившоіся дочерѣ его Татіанѣ (якая родилась зъ 7 противъ 8 числа), дана 10 к.

11. Прибылъ въ Перегонъ.

12. Пріехалъ туда рано и обѣдалъ бывшій управитель почеповскій Гаврило Никифоровичъ Лукинъ, также п. н. Галецкій сотникъ полковый и меншой Леонтій. У шинкаря чаусовского Ноздри взяты 2 р. По обѣдѣ віехалъ зъ Перегону и прибылъ на ночъ въ Витемле, где подданые пана сотника полкового дарили насъ рыбою и вонами. Писанъ зъ Перегону писма до пана тестя и до жены, да до пана сотника варвинского зъ отправленемъ кобылицъ и лошатъ, всехъ 20 штукъ, а зъ тимъ велено одправить Грицка зъ козакомъ и дать имъ на покупку сѣна 1 р., да овса чвертку для лошатъ.

[109]) О принесеніи присяги.

[110]) Разумѣ́ніе.

[111]) С. Борщевъ стародубск. уѣзда, принадлежалъ Галалѣямъ, роднымъ братьямъ, по отцу, жены автора Дневника.

Зъ Витемля писалъ къ Стефану и къ Івану Кощцѣ. Ночью въ Витемлѣ получено писмо отъ полковника, на которое

13. Писанъ отвѣтъ, такожъ и до хоружого Данченка зъ Мехедовки подъ датою зъ Шатрищъ. Зъ Мехедовки по обѣдѣ прибылъ въ Шатрища на ночъ.

14. Зъ Шатрищъ пріехалъ въ Глуховъ по полудни въ 3-мъ часу, и сегодня нигде не были. Розышлось на розницю 17 к.

15. Рано кланялись ясневелможному и обѣдали у столу гетманского. Положены въ карбоцу 60 к. Дано срѣбра 16 золотн. Петру Василіеву чеканщику для зробленя табакерки для полковниковой.

16. Обѣдали у отца Мойсея, капеляна войскового [112]), которому родилась дочь Тагіана, якой воспріемниками были панъ Андрей Марковичъ, подскарбій енеральный, и ясневелможная панѣ гетманова. Рано кланялся полковнику господину Тургеневу и асаулови енер. пану Мануйловичу, въ вечерѣ—панамъ хоружому и бунчужному енералнымъ. Я зъ рана кланялся полковнику и глуховскому коменданту Семену Тимофеевичу Кишкину да подполковнику Никифору Івановичу Лѣову, зъ хлѣбомъ и зъ звершою.

17. Пѣвчимъ гетманскимъ дано 50 к. Жолдакамъ 20 к. [113]). Слугамъ гетманскимъ 1 р. Обѣдалъ я у полковника и коменданта господина Кишкина.

18. Одкланившись ясневелможному, панчи отехали зъ Глухова до Стародуба, чрезъ которыхъ писалемъ до полковника, до пана тестя и до жены. Розышлось на розницю 26 к.

19. Писано писмо до сотника новомлинского пана Івана Шишкевича о долгу на Алексію Михайловскомъ, которого и обѣдъ своеручный вручилемъ пану Федору Чуйкевичу [114]) з писмо до тогожъ

---

[112]) О. Мойсей Богаевский былъ войсковымъ капелланомъ около 20-ти лѣтъ (1720—1749 г.) отъ него осталъ теперешніе дворяне Богаевскіе. См. Зап. Черн. Стат. Ком., кн. 2-я, 70—72.

[113]) Жолдакомъ называлась особая гетманская стража. Для поселенія сей этой стражи былъ отведенъ значительный земельный участокъ, въ которыхъ и возникло теперешнее с. Жолдаки, конотопскаго уѣзда.

[114]) Федоръ Чуйкевичъ бунчук. тов., сынъ Александра Чуйкевича, бывшаго полтавск. полковника, писаремъ при Скоропадскомъ. Женившись на дочери кролевецкаго протопопа Даніила Яковлевича, Федоръ Чуйкевичъ получилъ въ приданое слободу Грузскую подъ Кролевцомъ, которую впослѣдствіи передалъ также въ видѣ приданаго, бунч. тов. Андрею Войцеховичу, женившемуся на его дочери Аннѣ.

сотника пана хоружого енералного Горленка, писанное въ томже дѣлѣ. Взято у Мандзенка глуховского крепи чорной $3^{1}/_{4}$ локтя, да пузименту 5 золотниковъ, за що доводится ему 2 р. 30 к., да давныхъ 10 р. Дано на росходъ 30 к. Сей день праздновали въ Глуховѣ зъ пушечною стрѣлбою.

20. Писано писмо до пана Федора Чуйкевича, чтобъ, если доправить денги въ Новыхъ Млинахъ, заплатилъ з оныхъ Мандзенку 12 р. 30 к., Левченку 2 р. за потребы, до кунтуша взятіе, и себе-жъ ренту отобралъ, а остатокъ ко мнѣ прислалъ; на школы кіевскіе данъ двойный черьоній. Прибылъ Игнатъ Данченко въ Глуховъ. Заплатилъ за давніе стіонжки 10 к.

21. Дано на росходъ 30 к. Писано писмо въ Москву до пана Андрея Горленка, просячи о корреспонденціи и извѣстіе стороны даннаго ему моего меморіалу. Писано писмо до пана Федора Ширая [115]) о одобраню клевѣкорда у пана Івана Кулябки, и до пана Кулябки о видачи оного клевѣкорда. Да писалъ панъ Іскрицкій и карту мнѣ объ ономъ вручилъ. За $^{3}/_{4}$ бѣлокосу дано $41^{1}/_{2}$ к.

22. Пріехалъ полковникъ въ Глуховъ. Розышлось на розницю копѣекъ 9.

23. Онъ-же полковникъ былъ у ясневелможного и обѣдалъ зъ полчанами. Далъ на росходъ 30 к., цилюрнику 4 к.

24, 25, 26, 27. Розышлось на сѣно, овесъ и проч. 2 р.

28. Праздновано рожденіе ея імператорскаго величества зъ пушечною стрѣлбою, и сего-жъ числа прибылъ въ Глуховъ панъ Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій и Янушкевичъ, писарь черніговскій и Давидовичъ, тоаарищъ значковый, одпущенные зъ Москви. Чрезъ пана Холодовича прислана грамота о пожалованю пана Івана Борозны судею енералнымъ, а пана Турковского—писаремъ енер. полнымъ, да о пожалованномъ ему Холодовичу селѣ Пироговцѣ [116]).

---

[115]) Федоръ Ширай былъ женатъ на дочери Петра Кулябки, а слѣдоват. на внучкѣ тетк. Апостола (Петръ Кулябка женатъ былъ на Аннѣ Данил. Апостолъ). Иванъ Кулябка, у котораго нужно было взять «клевѣкорды», былъ братъ жены Федора Ширая. Впослѣдствіи онъ былъ полковникомъ лубенскимъ. См. примѣч. 67.

[116]) С. Пироговка глуховскаго уѣзда, недалеко отъ м. Воронежа, гдѣ Холодовичъ былъ сотникомъ.

Попу вѣкарію николскому отцу Тимофію данъ 1 р.

29. Розыплось на сѣно и проч. 22 к.

30. Его превосходительство, господинъ генералъ и ордена Александра Невского кавалеръ, Семенъ Григоріевичъ Нарышкинъ прибылъ въ Глуховъ по полдню, которого визитовалъ и ясневелможный на его квартерѣ. Розыплось на сѣно 21 к.

31. Писалъ письмо до жены чрезъ Григорія Данченка. Господинъ генералъ Нарышкинъ былъ у ясневелможного въ домѣ и вручилъ его ясневелможности грамоту о опредѣленіи маетности старшинѣ сперальной и прочимъ. На сѣно, овесъ и проч. розыплось 40 к. Одклонился ясневелможному въ вечерѣ.

Февраль.

1. Розыплось на сѣно и проч. 30 к. Господару дано 20 к., віехалъ я зъ Глухова и прибылъ на ночь въ Шатрищи.

2. Прибылъ на службу [117]) въ Камень надъ Десною и тутъ отобѣдавши, прибылъ въ Чаусы и въ Перегонъ, а зъ Перегону прибылъ ночю въ Стародубъ. За рыбу въ Каменѣ 6 к.

3. Праздновали тезоименитство ея і. величества и молебствовствовали зъ пушечною стрѣлбою, послѣ и при обѣдѣ у полковницы гуляли зъ стрѣлбою-жъ, а надъ вечери были у мене въ домѣ полковница и другіе, и гуляли.

4. Весь день пролежалъ послѣ вчерашнего гуляня.

5. Былъ у полковницы и прощался за позавчорашную при гульнѣ досаду. Одправлена баба въ Погаръ, которой дано сукна на кунтушъ темнозеленого за 2 р. 63 к.

6. Розыплось на мясо и проч. 20 к.

7. За меду 4 гарцы 20 к., за возъ лучины 17 к., на прочее 8 к. Прибылъ въ вечерѣ зъ Глухова полковникъ.

8. Дано Василю 10 к., Алексію 4 к., на мясо 10 к., за медъ 8 к., за желѣзо 12 к.

9. Писаны писма въ Глуховъ до его м. пана Скоропадского зъ посилкою кадриліи, до пана Юркевича и до пана Федора Чуйкевича о арестѣ на футоръ Михайловского, виданномъ зъ новомлинского уряду.

---

[117]) На обѣдню.

10. Дано лящицкимъ людямъ, которіи на дрань подрядились, вмѣсто полчвертки муки 20 к., а полчвертки еще имъ надлежитъ.

11. Снѣцару, котоpій дѣлаетъ шафу, дано 30 к.: на розницю розышлось 14 к. Гришки Соколова умершого тѣло повѣшено за ребро на ⌐.

12. За мясо заплачено и на проч. розышлось 22 к., дано Василю 20 к.

13. Графина [118]) зъ полковниковою де-Фроибісовою обѣдали у полковника и гуляли, а послѣ у насъ вечеряли и ночевали. Розышлось на медъ, мясо и проч. 36 к.

14 к. Послалъ чрезъ Бардовского до графа 30 р., да 5 кусковъ полотна парусного. Писала панѣ матка и я до пана Івана Гамаліи въ Москву чрезъ денщика графского, который посланъ доганять графа Мойсея Ивановича. Пошло на розницю 7 к. Пытаны Соколовъ зъ товарищи жестоко.

15. Посланъ сторожъ въ Андрѣйковичи по сѣно для свезеня оного въ Стародубъ; пошло на харчъ 10 к., за медъ заплачено 19 к.

16. Дано Брезкуну за мясо, передъ симъ набранное, 20 к. Писалъ писмо къ діакону Протерію въ Лящичи, чтобъ позволено випустить брусовъ сосновыхъ 200, да дубовыхъ 20, для которыхъ выпуску и людей велено одправить зъ Пятовска и другихъ деревень свободныхъ войсковыхъ. Розышлось на розницю 20 к.

17. Василю дано 10 к., за медъ заплачено 15 к.

18. Снѣцару отданы остальныя денги 70 к., да за дошки 15 к. Сей день пробивали у графа въ Топалѣ, одколь коло вечерень уже прибыли въ Стародубъ.

19. На рыбу и проч. пошло 16 к.

20. Въ вечерѣ были многіе гостѣ, которіе послѣ поехали до пана Івана Миклашевского.

21. За бочку соли цурки, да за пудъ бѣлой соли-жъ 4 р. дано.

22. За лѣйци (возжи) ременные пароконные 50 к. Посланы писма въ Глуховъ до его м. пана Скоропадского зъ термѣнами указовъ о калкуляціи денегъ.

23. Василю слузѣ дано 15 к., за ситце грибовъ 15 к., на розницю 10 к., за осмачку овса Гриневичу 30 к.

---

[118]) Анна Рагузинская, дочь булч. товар. Ивана Бороздны. Второй мужъ ея—Ив. Андр. Гамалѣя.

24. Покроено Алексію и Василю двѣ епанчи нѣмецкихъ зъ парусного полотна 18 аршинъ, дано на нитки 4 к., за падло конское для собакъ дано 6 к., на розницю 3 к. Договорилъся зъ маляремъ обмаліовать шафу за 1 р. 40 к.

25. Дано за чоботы Івану, що з Вори (хуторъ), 25 к., хлопцю Степану 10 к. Зѣнцю хлопцю покроено вчера камзолъ и епанчу; пошло на тое парусного полотна 8½ аршина; за 10 дощокъ липовыхъ 17 к.

26. Розышлось на розницю 72 к.

27. Заплатилъ Мандзелку и Левченку глуховскимъ 14 р. 30 к., за медъ и проч. 12 к., за сѣчку 9 к.

28. Липицкимъ людямъ остатокъ за полчвертки жита заплачено 20 к. Маляру умовленному шафу маліовать дано 60 к. ad interim. Послано чрезъ Стефанового отца до сестеръ 2 р., да Дмитру коня вороностроватого.

29. За козла жовтого 40 к., на рибу 64 к., на медъ 22 к. Графъ Гаврило Владиславичъ зъ женою и полковница де-Фронбісова зъ дочерю обѣдали у насъ. Взяли у грека 2 фляшки легонского, 2 простого полинкового. Далъ кунтушъ свой откросный Стефану.

Мартъ.

1. За двѣ хустки блакитные 30 к., за полшята локтя камлюту 1 р. 30 к., у Пуховича взялъ локоть ленти за 50 к., которую подарилъ дочерѣ пана Николая Борозны, которого жена у насъ обѣдала.

2. Покреяны дитинѣ суконки, до которихъ на пювкъ 12 к., на шнурокъ 5 к. Посланъ козакъ новомѣстской сотнѣ въ Полтаву, чрезъ которого писалъ до сперала де-Безбаха, до ксенза канеляна его, сзунти, и до пана Тимоновича. За розные багателѣ (мелочь) кухенные 4 р. 2 к.

3. Греку Зефіру заплатилъ за вино бранное передъ симъ, и именно за 8 фляшокъ легонского и за чотири червоного полункового 4 р. 20 к. Фарбелницѣ [118]), которой дано луданъ фарбоватися, дано 20 к., за 8 тертицъ сосновыхъ 4 к., за хрѣнъ 5 к., за два камснѣ [120]) и девять фунтовъ желѣза 1 р. 29 к., за полотна простого 26 локоть 36 к.

---

[118]) Красильницѣ.

[120]) Камень - 50 фунтовъ.

4. Подрядился гончарскій атаманъ Авраамъ Жуковъ пѣчъ дѣлать и поставить въ хатѣ столовой, а въ спиахъ коменъ, пѣчъ-же покощованную, а коменъ зъ сенцей мурованый и за то все ему дать ровно 4 р., а сего числа онъ-же взялъ уже въ задатокъ 2 р. битые. Маляру, который отдѣлалъ шафу совсѣмъ уже, дано доплатки 80 к., Евтушку кравцю на шонхъ 4 к., за щуки и окунѣ рибу 22 к.

5. За разный наборъ у Лаврѣна дано ему 98 к., розыплось на розницю 37 к.

6. Розыплось на розницю 65 к.

7. Одправлено писмо до его м. пана Скоропадского о небезпечной ради распутицы дороги, требуя повторного указу, и послано въ Новгородокъ; розыплось на розницю 15 к.

8. Купилъ дворъ у Музики зъ хоромнымъ строеніемъ, въ тылу моего двора будучій, за 40 р. и въ задатокъ данъ 1 р., стелмаху 3 к., шевцю на задатокъ чоботъ нѣмецкихъ чорныхъ 20 к., інтроліогатору (переплетчику) 10 к., на нитки кравцямъ 6 к., на розницю 14 к.

9. Расплатка учинена зъ Яченкомъ и другими за сукно, рисѣ, шнурокъ, таоу, тако-жъ Леонисѣ, Шадрѣ, всего дано 11 р. 38 к. За медъ 8 к., на нитки 5 к., за сокиру 8 к., фарбилницѣ 20 к., шевцю 18 к., слесарамъ 4 к., ковалямъ на крушъ 10 к., за шнурокъ и нитки Іванцю до кунтуша 16 к., кравцю Карноуху 38 к. Заплатилъ за Пузыра пану Скорупнѣ 20 р.

10. Шевцю за направу чоботъ 2-хъ паръ 18 к., кравцямъ за роботу 70 к., на нитки, гаплики и шнурокъ 7 к., Макрипѣ на серванокъ 20 к., мамцѣ Петрусевой сего числа дано 30 к., а прежде дано-жъ 20 к., въ заплату умовленныхъ. Одправилъ Івана Кошку, давши ему кунтушъ гранатовый и коня ему-жъ уступилъ подарованного матцѣ.

11. Віехалъ зъ Стародуба, и при отездѣ вручены на росходъ 5 р. денегъ. Занялъ у Конончука 5 осмачокъ жита стародуб. мѣри и облѣгъ ему далъ.

12. Прислала мнѣ панѣ подушечку, вина и проч., а я ей послалъ подушечку-жъ, кошеліокъ, auгеum и дѣтямъ стіонжечки. Василю дана полтина на росплатку его за гоние (лѣченіе). Заплачено за медъ и рибу, зъ Погари привезенные, 18 к.

13. Віехалъ съ Перегону, обѣдалъ въ Гремячомъ, ночовалъ въ Пушкарахъ [121]. Розышлось 8 к.

14. Прибылъ на обѣдъ до Смячи и тутъ у пана сотника шептаковского обѣдалъ. Отель ехалъ на Шептаки и прибылъ на ночъ самъ въ Новгородокъ, а возки ночовали у млина пролевецкого.

15. Отдалъ войту новгородскому коня бѣлого и тутъ въ Новгородку сей день пробавилъ.

16. За рибу дано 35 к., ремесникамъ 6 к., Козлу на дорогу 6 к., на перевозъ 2 к. Віехалъ зъ Новгородка, на ночъ позно прибыли въ Локотки.

17. Попасовали въ Собичевѣ, на ночъ прибыли въ Глуховъ. Сего числа ясневелможная віехала зъ Глухова до Сорочинецъ [122].

18. Весь день пробивалъ въ дворѣ гетманскомъ. Получилъ писма вечеромъ отъ сотника погарского о затѣйкахъ старости севдоколского.

19. Былъ у его м. пана писаря и обозного енералныхъ. Цирулику за голеня 4 коп.

20. За дрова 14 к., на медъ 4 к., за оглоблѣ 2 к.

21. Розышлось на розницю 75 к.

22. Віехалъ зъ Глухова по полднѣ въ 6-мъ часу, ночовалъ въ Слоутѣ [123].

23. Прибылъ въ Новгородокъ ночю. Розышлось позавчора 30 к.

24. Въ Новгородку за овесъ 17 к., за рибу 26 к.

25. Слушалъ службы Божои въ монастырѣ новгородскомъ, и обѣдалъ тамъ-же; позно віехавъ, прибылъ на ночъ въ Смячъ. Вчора послано удостоеніе для подпису до асаула епер. пана Лисенка, чрезъ значкового козака новгородского Лукяна Василіева.

26. Прибылъ въ Перегонъ и ночовалъ.

27. Прибылъ ночю въ Стародубъ.

28. За пообмаліоване колѣсъ до карети и поправку карети 60 к.

29. Розышлось на розницю 8 коп.

---

[121]) Село новгородсѣверскаго уѣзда.

[122]) Село миргородскаго уѣзда, гдѣ была Апостоловская усадьба.

[123]) Село въ 12-ти верстахъ отъ Глухова.

30. Прислалъ Колчевскій 4 щуки рыбы. Писалъ письмо до пана Андрея Миклашевского въ дѣлѣ пана Скоропадского о млинѣ и проч., что въ продажу. Послано письмо и до пана Борковского.

31. Данъ копь гнѣдій кулябковскій Качановскому. Взято у Герасима Солодовника ¾ колодной мѣры на пиво солоду, а на хмѣль дано 20 к. и до броварь 2 возы дровъ., на крашенину докупить немому на юпку 8 к., на шнурокъ до дѣвчинского жупанка, да на гаплики до молодецкихъ 4 к. Розышлось на рознице 8 к., за яблокъ 10—4 к.

Апрель.

1. На крашенину и нитки до панеи кунтуша штофового 12 к. Розышлось на рознице 5 к. Кравцямъ дано 12 к. Дано Ивану ворскому каѳанъ крашеновый зеленый и свиту бѣлую; нѣмому каѳанъ крашеновый-же. Дѣвчинѣ Улинѣ кунтушикъ суконный. Шевцю даны дѣлатись чоботи жовтіе и емужъ на потребы дано 14 к.

2. Присланъ унѣверсалъ и листъ зъ Глухова о Белявицѣ. Розышлось на рознице 14 к. Писаны письма въ Глуховъ, одно до пана Скоропадского зъ посылкою вшинеѣ и росписки, ревнянцямъ отъ карповцовъ[124]) данной, и термѣнъ двохъ, да листи графа Савы Владиславича, другое до пана Юркевича, и о пересылцѣ оныхъ писемъ писано до сотника новгородского чрезъ козака тоей-же сотнѣ погребского Іосифа Колмиченка. Получены указы о высылкѣ 30 тысячъ роботниковъ на лѣнійную работу, въ томъ числѣ зъ полку стародубовского козаковъ 9 сотъ зъ липкомъ, мужиковъ 2038, такожъ о постереганю, чтобъ люде не розиходились.

3. За рогожи и проч. 14 к., на шнурокъ хлопцямъ, на сталь, да на шнурокъ шовковый 9 к.

4. Отправлено вино фронтиніакъ въ Глуховъ при письмѣ до пана Скоропадского. Шевцю дано за работу 15 к. Розышлось 4 к.

5. Заплатилъ Лавріну за 10 фунтовъ ганипу 30 к. Свѣчарцѣ на полтора фунта воску и на яръ 25 к. Домонтовичу за зроблене штофного кунтуша панеи 25 к.

6. За пугвицѣ Алексію и Василю 20 к. За офарбоване крашенины 20 к., за полотно подъ хлопячіе жупанки 20½ к., огородвику 15 к. Розышлось 19 к.

---

[124]) Д. Ревна и с. Карповичи—новозыбковского уѣзда.

7. За три пришенки 30 к., спѣцару 20 к. Максиму шапочнику за зроблене шапки 20 к.

8. Сповѣдалъся и причащалъся: розшилось на розницю 95 к.

9. Въ Новгородку панъ Даниило Кутневскій т. б. (день Пасхи) по всенощной умре[124]). Сего числа и вчора панѣ тещи жестоко была болна.

10, 11, 12. Розышлось на разные експенси 3½ р.

14. Маслостятіе отправилось надъ панею тещею, и сего числа віехалъ я зъ Стародуба и прибылъ въ Перегонъ. Далъ панъ Федоръ Ширай 15 р. на покупку шпалеръ[125]) въ С. П. Бурхѣ до избы, которой стѣны двѣ шириною по 13 аршинъ, другіе двѣ по 11½ аршина, а высотою всѣ по 6 аршинъ.

14. Лаврѣнъ сторговалъ у насъ 2 куфи горѣлки за 33 р. и далъ задатку 20 р., и осталось на немъ 13 р. и камень ганищу. Взялъ отъ шинкаря чаусовского Ноября 6 р., зъ томъ числѣ чрезъ руки Стефановского 3 р., одъ самого 3 р. и изъ тихъ велѣлемъ панѣи отдать 2 р. Віехалъ зъ Перегону и прибылъ на ночъ въ Каменскую Слободку[126]).

15. Прибылъ передъ обѣдомъ въ Новгородокъ и тутъ обѣдалъ. сотникови новгородскому отдалемъ должные 5 р. На ночъ прибылъ въ Богдановку. Розышлось 9 к.

16. Службы слушалъ въ Гамаліевцѣ[128]), обѣдалъ въ Собичевѣ. Прибылъ завременно въ Глуховъ и былъ у ясненьможного вечеромъ.

17. Слугамъ гетманскимъ таляръ битій, гобоистамъ 12 к., на сѣно 14 к., на овесъ 12 к., на харчъ людямъ 5 к.

18. На сѣно 13 к.

19. Отобралъ присяги зъ доношеніемъ изъ маніфестерской канцеляріи.

20. Отобралъ прогонныхъ денегъ и на проч. 36 р. 46 к. Дала на покупку двохъ кунцъ панѣ Ломіковская 3 р., а до архимандрита Донского при письмѣ хустку.

---

[124]) Бунчуковый товарищъ, бывшій сотникъ новгородсѣверскій, зять генеральнаго писаря Семена Савича, по женитьбѣ на его сестрѣ.

[125]) Обои.

[126]) Теперь с. Каменка, новгородсѣверскаго уѣзда.

[128]) Гамалѣевскій женскій монастырь около с. Лукотковъ, глуховскаго уѣзда, построенъ гетманшею Скоропадскою.

21. Подбіралъ писма у господъ разныхъ, да и експедицію совсѣмъ отобравши, одклонился ясневельможному и прочіимъ.

22. Віехалъ зъ Глухова въ 6-мъ часу пополуночи, прибылъ на почту (станцію) товстодубовскую въ 10-мъ часу, отоль въ Сѣвскъ по полдне въ 4-мъ часу; за двѣ осѣ 6 к., на розницю 4 к., тому що поддѣловалъ оси 5 к.; зъ Сѣвска віехалъ въ 7-мъ часу, въ полѣ о 20 верстъ за мостомъ зломалось колесо подъ возкомъ и за колесо въ деревнѣ дано 9 к., въ Сѣвску за подоски два и за 12 гвоздей 6 к.

23. Рано прибылъ на почту Любощевскую въ 4-мъ часу по полуночи. Отоль на почту до Чаенки прибылъ въ 11-мъ часу, въ Чаенцѣ пошу дано 10 к., зъ Чаенки прибылъ въ Сомовъ въ 3-мъ часу по полудне, тамъ на перевозѣ дано 4 к.. Прибылъ въ Карачевъ въ полдевятого часа, тутъ на діоготь и проч. 6 к.

24. Зъ Карачева прибылъ въ Глотовъ въ 11 часу, отоль віехалъ вполтретя часа по полудни, прибылъ въ Болховъ въ полдесята часа пополудни: тутъ на медъ 8 к., подячому и виборному 3 к.

25. Зъ Болхова віехалъ въ полтретя часа по полуночи, прибылъ въ Беліовъ въ десятомъ часу, тутъ за ось 4 к., за подоски 18 к., тымъ що поддѣловали двѣ осѣ 5 к., на розницю розышлось 10 к., ямщикамъ 1 к. Зъ Беліова віехалъ въ 1½ часа по полудни и претерпѣвши несносніе досады отъ дожча, бездорожя, темноти ночной, особливе на Тихвинскомъ лѣсу и горахъ, прибылъ на силу въ 12-мъ часу, то есть о полночи въ Тихвинъ.

26. Тутъ обехавши генерала маіора артилеріи Матвія Матвіеича Витверта, прибылъ на попасъ подъ лѣсъ калужскій, за 21 версту отъ Калуги, и обѣдалъ надъ рѣчкою Желовъ, протокомъ идучою. За рыбу на Окѣ подлѣ деревнѣ Машковыхъ 5 к., за цібулю 1 к. Въ Калугу прибылъ ночю въ 11-мъ часу; тутъ въ Калузѣ на розницю розышлось 13 к.

27. По полуночи въ второмъ часу віехалъ зъ Калуги и прибылъ на почту до Добрыхъ въ 11-мъ часу; тутъ обѣдалъ и розышлось на розницю 14 к.; отоль поехалъ въ 12-мъ часу и проехавши другую почту въ Липовѣ, да тамъ-же переменивши лошадѣ, прибылъ на почту до Черничного и тутъ ночовалъ.

28. Въ 3-мъ часу пополуночи віехалъ зъ тоей почты и на дорозѣ встрѣтившись зъ куріеромъ кіевскимъ Павломъ Соколовскимъ, который одправленъ зъ С. П. Бурха въ Царградъ сего

апріля 22 д.; перемѣнилъ лошадѣ и прибылъ на почту въ Пахру въ 10-мъ часу и тутъ обѣдалъ. Розыплось на розницю 8 к., за колесо 10 к. Прибылъ въ Москву въ 7-мъ часу пополудни и сталъ квартерою на Мясницкой, въ домѣ переводчика Іностранной Коллегіи Лва Петровича Грузинца.

29. Целюрику за голене 10 к., на прочее розыплось харчевое 40 к. Ужиналъ и ночовалъ у пана шваграа Івана Гамаліи.

30. Обѣдалъ въ домѣ и зъ гостми. Розыплось на розницю коп. 10. Дана хустка сдвабная[128]) У(ріилу) подячему.

Май.

1. На двѣ осѣ до коляски 30 к. Алексею данъ 1 р., Николаю Евдокименковому козаку на его нужди данъ 1 р., а прежде 50 к. Куплены двѣ пари куницъ для панеи Ломиковской за 5½ руб., которые вручены для отвозки пану Ігнату Данченку.

2. Даны пану Ігнату Данченку 10 талѣрокъ, двѣ таци[129]) малїе зломанїе, полумисокъ одинъ старій, цѣнованые[130]), для обмѣна въ рядахъ на 12 талѣрокъ и одну тацу цѣнованую жъ, и въ доплатку, що надлежатиметь, даны 2 р. За сапоги заплочено 75 к. У его жъ оставлены при меморіалѣ 2 казанки мѣдные. Данъ 1 р. іноземцѣ Николая Мануйловича Мотонія[131]) женѣ, Елисаветѣ Василіевнѣ, alias Вилимовнѣ, на кошулки дѣтямъ и за запинанки[132]) по парѣ имъ здѣлать, да дочере-жъ ся маленкой Катеринѣ дано въ гостинецъ 20 к. На харчъ и иную розницю дано 30 к. Еще дано козаку Николаю Евдокименкову на ножъ и проч. 10 к. Вручены писма пану Ігнату Данченку, писанные до ясневелможного, до пана Скоропадского зъ отаѣтами одъ Толстой, до пана тестя, до жены и до Стефана, зъ подписомъ на пакетѣ до п. Юркевича. Тому, що выходилъ зъ ямской пашпортъ, дано 20 к. Віехалъ зъ Москви

---

[128]) Шелковая.

[129]) Блюдо.

[130]) Оловянные.

[131]) Грекъ Мотоній былъ родоначальникомъ дворянъ Мотонисовъ. Одинъ изъ сыновей его, по женитьбѣ на Жураковской, получилъ богатыя имѣнія около Нѣжина (с. Лиовъ Рогъ и друг.).

[132]) Кошулка—рубашка, запинанка—родъ фартушка.

въ 6-мъ часу по полдни и прибылъ на почтовой станъ въ село Чорное за полночь, одтоль віехалъ—

3. Въ 4-мъ часу пополуночи и прибылъ на другой станъ до Пешокъ въ 10-мъ часу. Зъ Пешекъ прибылъ въ Клинъ въ 2-мъ часу по полдни, и тутъ призивалъ мене къ себѣ и потчовалъ воевода здешный Глѣбъ Прокофіевичъ Радищевъ, до котораго я привезъ и писмо отъ брата его Афанасія Прокофіевича Радищева. Зъ Клину віехалъ въ 4-мъ часу по полудни и за сѣмъ верстъ одъ Клину, въ ємщицкой слободѣ, зломались подъ коляскою дроги и подушка, и покамисть поддѣлали починку, пробавилъ до 7 часу. Заплатилъ плотникамъ и кузнецовѣ 10 к., а въ 7-мъ часу віехавши, прибылъ до Завидова на почту въ 12-мъ часу, то есть о полночи. Одтоль в 3-мъ часу пополуночи віехавши прибылъ—

4. Въ Городню въ 7-мъ часу по полуночи, а одтоль въ Тверь въ полодинадцата часа. Одтоль віехалъ въ 2-мъ часу и переехазъ чрезъ Мѣдное, зъ перемѣною коней, прибылъ позно въ Торжокъ.

5. Зъ Торжка рано поехавши, перемѣнилъ почту въ Видропуску и прибылъ въ Волочокъ по полудни, а одтоль до Хотѣлова. Въ Волочку на діоготь, хлѣбъ, медъ и на проч. на другихъ почтахъ розыплось 29 к.

6. Зъ Хотѣлова рано прибылъ до села Едрова, где за мазницю з діогтемъ дано 15 к., одтоль до Зимніого и до Зажолобичъ, а одтуду цѣлую ночь ехавши, прибылъ—

7. Рано до Крестца; тутъ встрѣтились два геодезисти, изъ адмиралтейства на Воронежъ посланные: Федоръ Алексіевичъ Зубовъ да Александръ Даниловичъ Поповъ, которіе обижали, что панъ Андрей Полуботокъ въ С. П. Бурхѣ стоитъ квартерою въ Пушкарской Морской, на адмиралтейской сторонѣ, подлѣ Ивановского рынку. Тутъ въ Крестцахъ да въ Заяцовѣ на хлѣбъ, мясо и пиво 15 к. Зъ Крестца прибылъ до Заяцова и переехавшись за деревнею Красным Станкомъ, до 5 верстъ сухимъ путемъ уехавши, прибылъ передъ свѣтомъ въ Бронницы.

8. Рано зъ Бронницы судномъ пустившись, водою прибылъ въ Новгородъ въ 10-мъ часу передъ полуднемъ; тутъ розыплось на хлѣбъ, медъ и уксусъ и проч. 35 к. Зъ Новгорода, хоча и противная была погода, віехалъ въ 1-мъ часу по полудни и съ нуж-

дою днемъ ехали водою, и ночью, когда утишилась противная погода, то поспѣшне ехали.

9. Рано прибылъ до Сосвинской Пристани въ 5-мъ часу по полуночи: отоль взявши почту, поехалъ перспективою и прибылъ до почты зъ деревнѣ Грядкахъ, зъ Грядокъ до Любанъ и до Тіосни, одкуду ночю поехавши,

10. Пріехалъ рано до Іжоры, и тутъ за рибу дано 5 к., на прочее дорогою розышлось 7 к. Зъ Іжоры прибылъ въ С. П. Бурхъ въ 4-мъ часу по полудни и заехалъ на квартеру пана Андрея Полуботка [124]) въ Морской Пушкарской и тутъ ночовалъ. Сегожъ числа ея и. величество изволила въ адмиралтействѣ заложить корабль въ сто пушокъ и назено въ пріездъ ея величества з 31, а по заложеніи зъ 51 пушекъ.

11. Рано былъ у Петра Василіевича Курбатова [125]) и вручилъ партикулярніе къ нему писма. По обѣдѣ представилъ онъ же писма надлежащіе въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ и партикулярніе графу Головину и поотбѣралъ оные отъ мене. Сего же числа былъ я и у панича на Петербурскомъ Острову, а вечеромъ былъ въ дворцѣ въ дежурной князя Алексія Ивановича Шаховского, на дежурствѣ тогда бывшого, которому и писма вручилъ и до позна у него-жъ пробавилъ.

12. Представилъ мене Петръ Василіевечъ графу Остерману, которому и писмо вручилъ; потомъ былъ въ коллегіи иностранной. Сего-жъ числа видѣлся зъ сыномъ полковника нашего старод. Іваномъ Александровичомъ Дурновымъ, которому и писма отца, и сукно, и матерію и ленту, зъ Стародуба присланные, вручилъ.

13. Рано перевезлъся на Петербурскій Островъ въ квартеру Павла Апостола [126]). За перевезеніе бутарю, извощикамъ и перевощикамъ 38 к.

14. Рано были у генерала Ушакова, которому и писмо гетманское вручилъ; потомъ были въ дворцѣ, где камеръ-лікей Іванъ

---

[124]) Сынъ Павла Полуботка, бунчуковый товарищъ, умеръ въ 1734 г.

[125]) Секретарь коллегіи иностранныхъ дѣлъ. См. Акты Сенат., Баранова, II, № 2351.

[126]) Павелъ Апостолъ—внукъ гетмана и сынъ старшаго сына послѣдняго—Ивана, отъ брака его съ Еленою Михайловною Корсакъ (см. примѣч. 88). Онъ воспитывался въ Спб. на казенный счетъ и былъ потомъ прапорщикомъ гвардіи

Федоровичъ Котляревскій принималъ насъ въ своей квартерѣ. Тамѣеш въ домѣ обѣдали и весь день въ домѣжъ пробавили.

15. Былъ у коллегіи и послѣ у канцеляристовъ въ домѣ Новоторжцова и Леонтіева и до позна у нихъ пробавилъ. Гребцямъ Петра Василіевича Бурбатова, которіе мене судномъ егожъ отвезли на квартеру, дано 20 к. Розышлось отъ прибытія въ С. П. Бурхъ по се число на разный расходъ 1½ р.

16. Былъ въ домѣ у Петра Василіевича по обѣдѣ и вручилъ въ моемъ дѣлѣ партикулярное къ нему отъ гетмана письмо, и листъ гетманскій же принялъ онъ же надлежащый въ коллегію иностранную, о удостоеніи моемъ въ опредѣленіи деревень. Розышлось на перевозъ 13 к.

17. Рано былисмо въ домѣ ея высочества, государыни цесаревны Елисаветъ Петровны и въ 11-мъ часу предъ полуднемъ, по одправленіи обѣднѣ, вручилъ ея-жъ высочеству письмо отъ гетмана, на которое изволила обѣщать дать отвѣтъ. Данъ 1 р. на покупку дротовъ и прочого, до направы коляски надобного, да Алексію на перевозъ 3 к.

18. Рано были з паничемъ[121]), у его сіятельства графа Гаврила Ивановича Головкина. Обѣдали у насъ Новоторжцовъ и Леонтіевъ. Розышлось на мясо и проч. 75 к. По обѣдѣ были послы китайскіе въ домѣ графа Головкина, отдавчи визиту его сіятелству.

19. Ея і. величество и всѣ господа трактованы были въ домѣ молодного графа Бѣрона, которій княжну Меншикову поялъ, и домъ его подлѣ зимнего государского дворца, что былъ прежде корабелного майстера Шклева. Былъ у отца Платона Маліновского архимандрита іпацкого и въ егожъ домѣ кушалъ. Розышлось 4 к. Отдалъ листъ генер. фелдмаршалу фонъ-Миниху.

20. Были у князя Дмитрія Михайловича Голицина и у преосвященного новгородского зъ паничемъ и писма поотдавали и меморіалъ своихъ нуждъ преосвященному подалемъ, который

семеновскаго полка; умеръ въ 1742 г. Единственная дочь его Катерина была замужемъ первымъ бракомъ за полковникомъ Кондратіемъ Бутаковскимъ, а вторымъ— за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Матвѣемъ Крамнымъ. Въ концѣ XVIII в. она вела большой процесъ съ Римскими-Корсаковыми за имѣніе, слѣдовавшее ея бабкѣ, Еленѣ Корсакъ.

[121]) Подъ именемъ »паничка« вездѣ разумѣется Пав. Ив. Апостолъ.

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени" и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Динтера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, присылавшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

СТОЛѢТІЕ СОБЕСѢДНИКА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКАГО СЛОВА.

Подъ этимъ названіемъ ко дню столѣтняго юбилея россійской академіи издана брошюра in folio съ хорошо исполненною гравюрою академика *В. А. Боброва*, на которой изображенъ facsimile, заглавный листъ »Собесѣдника«, *Екатерины II, Дашковой и Державина*, а вверху Ихъ Императорскихъ Величествъ, такъ какъ столѣтіе журнала совпадаетъ со днями коронаціи. Текстъ обстоятельно составленъ *И. П. Божеряновымъ*. Изданіе отпечатано въ количествѣ 300 экземпляровъ для любителей художественныхъ произведеній и библіографическихъ рѣдкостей и, конечно, не въ далекомъ будущемъ будетъ составлять, въ свою очередь, рѣдкость. Гг. иногородные исключительно должны обращаться на имя г. *Бежерянова*: Спб., Вас. Островъ, 13 линія, собств. домъ, № 42, прилагая 3 р. за экземпляръ.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,"

1884 г. (Третій годъ изданія). **1884 г.**

Журналъ „**Кіевская Старина**", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**", *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины" принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, газету „ДѢЛО". Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель **Ѳ. Г. Лебединцевъ.**

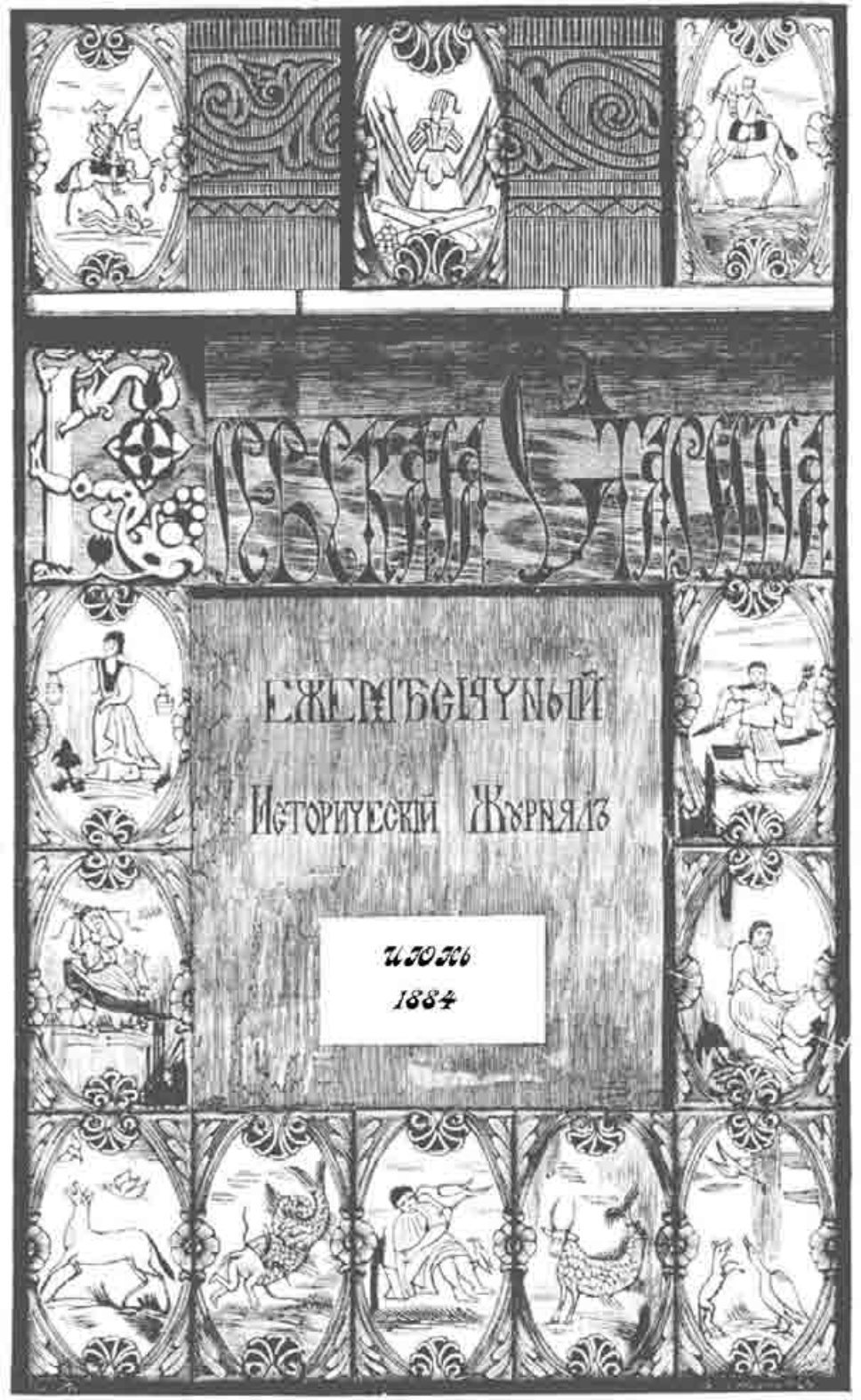
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Июнь
1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюнь, 1884 г.

стр.

I. ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. *(Продолженіе).* **Д. Зварницкаго** 177

II. СЛОБОДСКО-УКРАИНСКОЕ ДВОРЯНСТВО ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ Г. Ѳ. КВИТКИ. **Н. Ѳ. Сумцова**. 201

III. ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ БУМАГЪ МОГИЛЕВСКАГО АРХІЕПИСКОПА АНАТОЛІЯ МАРТИНОВСКАГО. Сообщ. **К. Береза** 210

IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая). 1821—1846 г. *(Продолженіе)* 241

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст. *(Продолженіе)*. **И. Левицкаго** 267

VI СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ДУШОЙ ГРѢШНИКА. (Южно-русская драма конца XVII ст.) съ предисловіемъ **Ц. Г. Неймана**. 286

VII. ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРІИ БУНТА ВЪ МАЛОРОССІИ ВЪ 1687 ГОДУ. Съ предисловіемъ **И. Лучицкаго**. 306

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Николай Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Историческая монографія. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ. 1884. Томъ 1—3.—*В. А.*—б) Записки Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. XIII. Съ VI литограф. листами. Одесса, 1883 г.—*И. Л.*—в) Каменецъ-Подольская гимназія—*В. И.*—г) О строющемся соборѣ во имя св. Владиміра въ Кіевѣ. А. Беретти. Кіевъ. 1884 г.—*А. К.* 315

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ біографіи художника В. Л. Боровиковскаго.—*И. Н. Божерянова.*—б) О митрополитѣ Іосифѣ Симашкѣ. (Изъ письма писаннаго вскорѣ послѣ его смерти).—Протоіерея *Александра Мацкевича.*—в) Письмо къ тремъ діаволамъ.—Сообщ. *А. Андріевскимъ*—г) Малоизвѣстный историческій родъ.—*П. Китицына.*—д) Судьба одного кіевскаго сооруженія.—*А. К.*—Старинные способы возвратить языкъ нѣмому и разсѣять ложные слухи.—Сообщ. *П. Е—ко.*—е) Нѣкоторые мелочи изъ народныхъ преданій.—*И. Орлова.*—ж) Еще пѣсня о попадьѣ, не взлюбившей бороды. Сообщ. *Г. С. Лебединецъ.*—Некрологъ. 327

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями *А. М. Лазаревскаго.* (Приложеніе) . . . . . 49—64

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ IX.

ІЮНЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 25-го мая 1884 года.

ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ.

(Продолженіе) [1]).

Днѣпръ—самая извѣстная въ древнемъ мірѣ Европы рѣка. Борисѳенъ, Данаприсъ, Узу [2]), Екси, Елексе, Елице, Ерексе, Ересе, Лересе, Луосенъ, Змѣя-дѣвица, Змѣй-Горыничъ, Рѣка-Словута—вотъ болѣе или менѣе употребительныя названія этой знаменитой и прославленной рѣки.

Названіе »Борисѳенъ« мы встрѣчаемъ первѣе всего у греческаго историка Геродота: »четвертая рѣка, Борисѳенъ, по нашему мнѣнію, найбольшая и найобильнѣйшая не только изъ рѣкъ скиѳскихъ, но и изъ всѣхъ другихъ, выключая египетскій Нилъ, съ которымъ нельзя сравнивать никакой другой. Изъ прочихъ-же Борисѳенъ, конечно, есть найобильнѣйшій... Судоходенъ онъ до мѣста называемаго Герросъ, на четырнадцать дней плаванія, и знаемо, что течетъ съ сѣвера; выше-же, чрезъ какихъ людей страны протекаетъ, никто не умѣетъ сказать; извѣстно только, что онъ течетъ по пустынѣ въ землю скиѳовъ-земледѣльцевъ, которые живутъ по немъ на десять дней плаванія... Борисѳенъ приближается къ морю, и съ нимъ соединяется Гипанисъ, изливаясь въ ту-же самую заводь« [3]).

---

[1]) См. »Кіевская Старина« 1884 г., майск. кн., стр. 33—54.

[2]) Отсюда-же названія областей Іозы, Іозагъ. У греческаго императора Константина Багрянороднаго вся область, орошаемая Днѣпромъ, называется Ателкъ-Узу.

[3]) Геродота Галикарнасскаго бытосказаній кн. 4., стр. 53.

Названіе *Boristhenes* имѣетъ эллинскую физіономію и весьма удобно можетъ быть изъяснено по эллински въ значеніи сѣвернаго пролива: *boreo stenos.*

Какъ и когда названіе »Борисѳенъ« замѣнилось названіемъ »Данаприсъ«—сказать нельзя; можно лишь думать, что это послѣднее слово образовалось изъ санскритскаго *duni* (русское *дън*) и окончанія *прис*, взятаго изъ Борис-ѳенъ (прис = порис = борисъ). Duni означаетъ вообще рѣку или текучія воды и служитъ корнемъ, кромѣ слова »Днѣпръ«, еще для словъ »Донъ, Днѣстръ, Дунай«; по крайней мѣрѣ въ этомъ убѣждаетъ насъ какъ самая широта распространенія этого корня, такъ и слѣдующее выраженіе одной изъ малорусскихъ пѣсенъ:

Якъ пôду я, якъ пôду я по-надъ *дунаями*,
А тамъ стоить вода, вода стоянами[1]).

Также трудно опредѣлить, какіе изъ народовъ и когда именно дали Днѣпру названіе »Узу или Озу« (»Большая рѣка«); быть можетъ это имя сообщено ему тѣми узами или торками (еще иначе берендѣями), которые съ 914 г. по Р. Х. жили въ низовьяхъ Днѣпра по сосѣдству съ печенѣгами. Съ этимъ-же названіемъ Днѣпръ извѣстенъ и донынѣ турецко-татарскимъ народамъ.

Названія Днѣпра—Екси, Елексе, Елице, Ерексе, Ересе, Лересе, Луосенъ—сообщены ему венеціанцами и генуэзцами, имѣвшими съ XIII по XV вѣкъ въ низовьяхъ его свои колоніи; съ такими-же названіями извѣстенъ былъ Днѣпръ и итальянскимъ путешественникамъ разныхъ временъ, начиная съ XIV столѣтія и кончая XVI-мъ, изъ коихъ наиболѣе извѣстные были: Піетро Висконти (1318), Іосафато Барбаро († 1434), Амброжіо Кантарини (1473), Граціозо Бенинказа (1480) и Синьорино Батисто (1505).

Наконецъ, что касается названій Днѣпра: »Змѣя-Дѣвица, Змѣй-Горыничъ и Рѣка-Славута«, то очевидно, что эти имена чисто славянскаго происхожденія и относясь собственно къ неопредѣленнымъ случайнымъ названіямъ, составляютъ въ поэтической рѣчи то, что называется украшающимъ эпитетомъ. Такъ Днѣпръ именовался въ сказкахъ и былинахъ, такъ величали его малороссійскіе и донскіе козаки.

---

[1]) Изъ пѣсенъ, записанныхъ мной въ с. Солнцевкѣ, харьковскаго уѣзда.

Какъ извѣстно, Днѣпръ беретъ свое начало у подошвы валдайской возвышенности; въ Черное море онъ впадаетъ такъ называемымъ лиманомъ. Все теченіе Днѣпра, слѣдуя по извилинамъ, опредѣляютъ въ тысячу восемсотъ пятьдесятъ верстъ; изъ нихъ почти шестьсотъ верстъ приходилось на долю Запорожья, при чемъ въ предѣлахъ запорожскихъ Днѣпръ имѣлъ и найбольшую ширину, до 860 саженъ, въ порожистой его части [1]), и найбольшую глубину, до 98 футовъ, ниже пороговъ, и найменьшую узкость, до 75 саженъ, противъ теперешней колоніи Кичкасъ и наконецъ найбольшую быстроту теченія, отъ 100—150 саженъ, на порогахъ. Своимъ теченіемъ Днѣпръ орошаетъ девять губерній: смоленскую, могилевскую, минскую, черниговскую, кіевскую, полтавскую, екатеринославскую, херсонскую и таврическую. Общее направленіе теченія Днѣпра—съ сѣвера на югъ, но въ предѣлахъ Запорожья онъ течетъ сначала съ сѣвера на юго-востокъ, отъ г. Кременчуга до г. Екатеринослава или до лѣваго притока своего Самары; отсюда поворачиваетъ прямо на югъ и такъ течетъ до г. Александровска, екатеринославской губерніи, или до лѣваго притока Мокрой Московки; далѣе постепенно поворачиваетъ на западъ, до притока Базавлука съ правой стороны; здѣсь Днѣпръ течетъ свободно, потомъ нѣсколько тише и при средней величинѣ имѣетъ достаточную для судовъ глубину; отъ впаденія Базавлука до г. Берислава, херсонской губерніи, идетъ на юго-западъ и наконецъ отъ г. Берислава почти прямою линіей на западъ, до самаго Чернаго моря, съ которымъ соединяется при посредствѣ такъ называемаго лимана [2]), начинающагося на 15 верстъ ниже г. Херсона и имѣющаго 60 верстъ длины и отъ двухъ до десяти ширины. Особенность составляютъ Днѣпра на сѣверѣ запорожскихъ владѣній *пороги*, а на югѣ *плавни*. Днѣпровскіе пороги извѣстны были уже древнему писателю греческому императору Константину Багрянородному (905—959), затѣмъ послу нѣмецкаго императора Рудольфа II, Эриху Ляссотѣ, французскому инженеру де-Боплану и другимъ. Поро-

---

[1]) Если не брать во вниманіе ширину между Кинбурномъ и Очаковымъ, которую опредѣляютъ десятью верстами.

[2]) Царевна Анна Комненъ Днѣпровскій лиманъ именуетъ Оло-лимва. Лиманъ, Ильмень, отъ греческаго λίμνη—озеро, прудъ.

гами называются гряды гранитныхъ камней, брошенныхъ поперекъ русла рѣки въ нѣсколько рядовъ, или *лавъ*, одинъ ниже другаго, на подобіе уступовъ или террасъ; причемъ одни изъ нихъ лежатъ подъ водою, другіе расположены въ уровень, третьи высятся надъ ней; по величинѣ пороги похожи на громадные домы, а по своей скученности напоминаютъ естественныя плотины, запружающія рѣку. Вода имѣетъ здѣсь самое сильное, стремительное движеніе, что происходитъ отъ постояннаго восхожденія ея на пороги и нисхожденія; отъ этого-же за каждымъ порогомъ образуется особенно глубокое и широкое мѣсто, называемое у мѣстныхъ жителей *плесомъ*. Въ весеннее время всѣ пороги покрываются водой, исключая одного Ненасытецкаго, который при всякомъ полноводіи остается выше воды. Отъ пороговъ отличаютъ еще *заборы*; это тѣже дикіе гранитные камни, но только занимающіе часть русла рѣки и, по преимуществу, отъ праваго берега ея; заборы очевидно, въ противоположность порогу, оставляютъ свободный проходъ по рѣкѣ. Днѣпръ уже въ началѣ своего теченія, отъ смоленской губерніи до границы кіевской съ полтавскою, несвободенъ отъ различныхъ камней и заборъ; еще менѣе онъ свободенъ отъ границы кіевской съ полтавской и до екатеринославской губерніи; на этомъ пространствѣ Днѣпръ имѣетъ семь заборъ, большую скалу, вдающуюся въ рѣку двумя камнями, пять пороговъ, два острова съ каменистыми заборами, девять большихъ камней среди рѣки и нѣсколько мелей. Но настоящая порожистая часть Днѣпра находится тотчасъ за Екатеринославомъ. »Днѣпръ въ своихъ низовьяхъ долженъ пролагать путь чрезъ гранитную поверхность, идущую отъ Карпатскихъ горъ и исчезающую въ своемъ направленіи къ востоку, гдѣ камень не является болѣе массою, а образуетъ слои, кои, совершенно отвѣсно или полу-отвѣсно простираясь на югъ, теряются въ низкихъ мѣстахъ. Здѣсь находятся такъ называемые Днѣпровскіе пороги. Этихъ пороговъ нельзя назвать собственно водопадами, потому что здѣсь вода не низвергается съ высокихъ крутизнъ, а стремится только чрезъ камни, преграждающіе ея путь. Эти пороги составляютъ твердые слои изъ гранитной поверхности; подобно комнатнымъ порогамъ они выходятъ изъ разнообразно-наклоненнаго русла рѣки и въ видѣ многихъ скалъ и утесовъ торчатъ то въ небольшой глубинѣ, то выдаются на поверхности воды, то подни-

маются высоко надъ оною, образуя болѣе или менѣе правильные ряды скалъ, между коими рѣка должна пробиваться. Одни изъ такихъ мѣстъ занимаютъ (по теченію рѣки) нѣсколько только шаговъ, а другіе версту и болѣе. Такіе-же ряды скалъ лежатъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поперекъ всей рѣки; вотъ эти и называются по преимуществу порогами; другіе-же занимаютъ только часть русла, оставляя мѣсто для прохода, и въ этомъ случаѣ называются заборами. Пороги искони были важнымъ препятствіемъ для судоходства по Днѣпру. Суда, да и то небольшія, могли ходить внизъ по Днѣпру, а по нуждѣ и вверхъ, только въ весеннее время; но лѣтомъ и осенью, когда фарватеръ имѣлъ по большей мѣрѣ два фута, проводить чрезъ пороги, даже и порожнія, суда не было никакой возможности. По этой причинѣ, товары, идущіе въ Херсонъ или Кинбурнъ, выгружались у Старой Самары и перевозились 70 верстъ сухимъ путемъ до стоящей при устьѣ р. Московки крѣпости Александровской, гдѣ опять нагружались на суда и шли до устья Днѣпра, не встрѣчая нигдѣ препятствій« [1]).

»Хотя Днѣпръ зачастую любитъ мѣнять свое русло, засыпая пескомъ старое и прорывая себѣ новое, однако онъ это дѣлаетъ на мѣстахъ привольныхъ; а на порогахъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, онъ не измѣнился отъ сотворенія міра, или вѣрнѣе сказать, отъ потопа, въ чемъ убѣждаетъ насъ и нынѣшнее теченіе его въ крутыхъ берегахъ, въ иномъ мѣстѣ одѣтыхъ гранитомъ, а въ другомъ состоящихъ изъ цѣльныхъ скалъ этого камня... Императрица Екатерина II обратила вниманіе на важность водянаго сообщенія Днѣпромъ, и тогда-же послѣдовали попытки къ улучшенію пути чрезъ пороги. Инженеру де-Волану поручено было устроить каналы, что и было исполнено Фалѣевымъ на порогахъ: Кодацкомъ, Сурскомъ, Лоханскомъ и Ненасытецѣ. На первомъ и послѣднемъ порогахъ и теперь еще видны слѣды этихъ сооруженій, и на первомъ можно даже проплыть въ небольшомъ суднѣ чрезъ Фалѣевскій каналъ, довольно хорошій, но очень узкій. Но фалѣевскіе каналы не принесли никакой пользы. Въ 1826 году снова былъ поднятъ этотъ вопросъ, и въ 1833 разрѣшено улучшеніе пути черезъ

---

[1]) Лербергъ. Изслѣдованія къ объясненію древней Россійской исторіи, стр. 265—276.

пороги. Въ настоящее время сооружены всѣ каналы, стоющіе казнѣ, кажется, два милліона« [1]).

Въ 1782 году русскому путешественнику Василію Зуеву удалось присутствовать при сооруженіи Фалѣевскихъ каналовъ, и вотъ какъ онъ описываетъ это дѣло: »Истребленіе таковаго по рѣкѣ неудобства (отъ пороговъ) въ разсужденіи плаванія было въ мысляхъ и у блаженныя памяти Петра Великаго; но сей государь, будучи занятъ другими дѣлами и видя, что по тогдашнему времени еще нельзя Россіи надѣяться той пользы, какой-бы отъ толикаго труда ожидать надлежало, начатое чищеніе оставилъ. Нынѣ г. Фалѣевъ, видя важность таковаго прочищенія, взялъ на себя исправить оное своимъ иждивеніемъ и, справедливо, успѣлъ довольно, а можетъ быть и совершенно-бъ окончилъ, еслибъ твердое на то намѣреніе положено было. Онъ по всѣмъ опаснымъ порогамъ срываетъ верхи торчащихъ подъ водою каменьевъ, просверливая оныя и заряжая порохомъ посредствомъ нарочно здѣланныхъ изъ жести длинныхъ трубокъ. Труднѣйшая работа есть бурить камни подъ водою, и по тому не безъ ужасу смотрѣть должно, какъ салдаты и работники, по два человѣка на плотикѣ, зацѣпясь за камень, посреди столь сильной быстрины и шуму держатся, сидятъ какъ чайки и долбятъ въ оной. Продолбивши на извѣстную глубину, становятъ жестяную съ порохомъ трубку, къ коей приложа фитиль отплываютъ. По прошествіи нѣкотораго времени разрываетъ камень подъ водою и оные обломки работники послѣ подбирая должны вывозить на берегъ... Всѣ принадлежащія къ сей работѣ орудія заказываетъ онъ дѣлать въ Тулѣ, откуда выписываетъ и мастеровыхъ людей. Работниковъ, по разнымъ порогамъ разпредѣленныхъ, всѣхъ числомъ бываетъ отъ полутораста до трехъ сотъ человѣкъ, смотря по времени и нуждѣ. Мнѣ сказывали, что всѣ издержки по порогамъ на жалованье, за работу, инструменты и прочія надобности становятся г. Фалѣеву въ рабочій мѣсяцъ до десяти тысячь рублей; но работа производится токмо въ извѣстные мѣсяцы, когда самая малая вода бываетъ« [2]).

---

[1]) Афанасьевъ-Чужбинскій. Поѣздка въ южную Россію. Спб., ч. I, стр. 77 и 82.

[2]) Путешеств. записки. Спб., 1787 г., стр. 256—258.

По точному измѣренію все порожистое пространство Днѣпра въ запорожскихъ предѣлахъ занимало шестьдесятъ пять верстъ и двѣстѣ семьдесятъ шесть съ половиной саженъ; первый порогъ начинается на 50 географическихъ миль ниже Кіева, на семь верстъ ниже теперешняго г. Екатеринослава, противъ селенія Старыхъ-Кайдакъ, на правомъ берегу Днѣпра и нѣсколько ниже устья притока Днѣпра, Самары, на лѣвомъ берегу, а послѣдній кончается на восемь верстъ выше Александровска, екатеринославской губерніи, противъ хутора Маріенталя, на правомъ берегу. Число всѣхъ Днѣпровскихъ пороговъ у различныхъ писателей показывается различно: у греческаго императора Константина Багрянороднаго насчитывается семь[1]), у Лерберга двѣнадцать, у Эриха Ляссоты, Боплана, въ древней россійской идрографіи, по сказкѣ запорожскихъ черкасъ и въ книгѣ Большаго Чертежа—тринадцать (между порогами Лишнимъ и Вôльнымъ вставленъ Таволжанный), въ атласѣ Днѣпра 1784 г. одиннадцать[2]), въ гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ девять; въ настоящее-же время всѣхъ пороговъ считаютъ девять и столько-же заборъ. Порядокъ ихъ слѣдующій. Порогъ *Кайдацкій* по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Старо-Койдацкій у Лерберга и въ атласѣ Днѣпра; Кадакъ въ древней россійской идрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Ессупи, по славянски, у Константина Багрянороднаго. Онъ находится противъ села Старыхъ-Кайдакъ (екатеринославскаго уѣзда) съ правой стороны и противъ деревни Чаплей съ лѣвой. Кайдацкій порогъ падаетъ четырьмя лавами или уступами: Плоской, Остренькой, Вишняковой и Мишиной, съ правой стороны на протяженіи 240 саженъ, а съ лѣвой на протяженіи 255, имѣя слѣва-же искусственный каналъ. Средняя глубина Днѣпра передъ Кайдацкимъ порогомъ восемь саженъ, а ниже, въ плесѣ 12, 5 саженъ; паденіе воды 0,91 саженъ. Кайдацкій порогъ считается самымъ большимъ послѣ Ненасытецкаго. *Сурскій* порогъ у всѣхъ писателей, кромѣ Константина Багрянороднаго, у котораго онъ совсѣмъ пропущенъ, и атласа Днѣпра, гдѣ онъ считается за-

---

[1]) De administrando imperio, cap. IX. О Россахъ, которые изъ Россіи приходятъ на челнахъ въ Константинополь; изд. Бон., 74—77.

[2]) Русовъ. Русскіе тракты. Кіевъ, 1876, стр. 132.

борой, находится между южнымъ концомъ острова Сурскаго и лѣвымъ берегомъ Днѣпра, на семь верстъ ниже Кайдацкаго; падаетъ двумя лавами: Чугунной и Бондаревой; справа на протяженіи 48 саженъ, а слѣва на протяженіи 34, имѣя слѣва же каналъ; паденіе воды на порогѣ 0,24. *Лоханскій* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ, по атласу Днѣпра и у Лерберга; Лоханной въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Ульворси по русски, Островуни—прагъ по славянски, у Константина Багрянороднаго; расположенъ противъ острова Лоханскаго, въ полуверстѣ отъ Сурскаго порога, немного выше села Волошскаго, съ правой стороны; падаетъ тремя лавами: Куликовскою, Плоскою и Черепашиной; длина съ праваго берега 127 саженъ, съ лѣваго 78, съ лѣваго-же берега каналъ; паденіе воды 0,77 сажени. *Звонецкій* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпра и по атласу; Звонецъ или Звонецкій у Лерберга (поставленъ пятымъ по счету); Звонецъ въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа (въ обѣихъ поставленъ вторымъ по счету, тотчасъ послѣ Кайдацкаго); Геландри по русски, Шумъ порога по славянски, у Константина Багрянороднаго; расположенъ между устьемъ Звонецкой балки и селомъ того-же имени, съ правой стороны, на пять верстъ ниже Лоханскаго; падаетъ четырьмя лавами: Плоской, Черной, Глухой, Кобылиной; длина справа 87 саженъ, слѣва 102; у лѣваго же берега каналъ; паденіе воды 0,72 саж. *Ненасытецкій* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ, по атласу Днѣпра и у Лерберга; Ненасытецъ въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Айфаръ по русски, Неаситъ по славянски, у Константина Багрянороднаго [1]); расположенъ между селомъ Николаевкой (Синельниково тожъ), съ правой стороны, и деревней Васильевкой, съ лѣвой, на шесть верстъ ниже Звонецкаго села; состоитъ изъ двѣнадцати лавъ съ особымъ названіемъ каждая: Рваная, Служба, Остренькая, Одинцовская, Рогожная, Буравленная, Булгарская или Богатырская, Долгополая, Казенцова, Мокрыя Клади и Рогатая. Длина порога съ правой стороны равняется 1150 саженъ, а съ лѣ-

---

[1]) Τον τέταρτον φραγμόν τὸν μέγαν τὸν ἐπιλεγόμενον Ρωσίστι μέν, Ἀειφάρ· Σκλαβινιστι δε, Νεασήτ. De admin. imperio, 7477.

вой 499 с., съ лѣвой-же стороны каналъ; наибольшая глубина, за мысомъ Монастырькомъ, двадцать саженъ; паденіе воды 2,78 саженъ. Порогъ Ненасытецкій самый грозный и самый знаменитый изъ всѣхъ Днѣпровскихъ пороговъ. »Здѣсь скалы и каменистыя мели, дикимъ образомъ перемѣшанныя между собою, занимаютъ почти цѣлую версту, и въ прежнія времена даже изобильнѣйшая водою весна не уменьшала опасности, которою онѣ и стремленіе волнъ угрожали судамъ« [1]). »Не доѣзжая за версту или болѣе до Ненасытецкаго порога, выходитъ съ правой стороны каменной мысъ, отъ котораго такаяжъ каменистая коса продолжается въ Днепръ почти до половины, а при концѣ оныя имѣются два острова, покрытые деревами и соединенные между собою также переборомъ. Сколько воды перебирается по сей косѣ и между островами, больше того Днепръ устремляется за дальнѣйшій островъ къ лѣвому берегу, а какъ пониже онаго выходитъ также гребень камней отъ лѣваго берегу и простирается чрезъ всю рѣку, то стремленіе воды и направляется отъ лѣвой стороны къ правой почти поперегъ рѣки; а какъ правой беретъ состоитъ весь изъ камню, то остановившись у онаго, принуждена съ великимъ стремленіемъ и шумомъ перебираться по торчащимъ изъ подъ воды каменьямъ и съ оныхъ сверхъ того еще ударяться въ выдавшійся въ рѣку нарочито далеко, ниже настоящаго порога, каменной мысъ, извѣстной здѣсь подъ именемъ Монастырки. Такимъ образомъ опасность на семъ порогѣ состоитъ въ большую воду (ибо въ малую и совсѣмъ проѣхать неможно) сколько въ торчащихъ подъ водою большихъ и при томъ острыхъ каменьяхъ, здѣсь потому шипами и называемыхъ, нашедшее на ихъ судно раздирающихъ, столько и въ стремленіи воды, которая обыкновенно наноситъ на упомянутый пагубный мысъ Монастырку« [2]). Уже за нѣсколько верстъ даетъ знать о себѣ Ненасытецъ страшнымъ шумомъ, водяной пылью и бѣлой пѣной, расходящимися отъ него въ разныя стороны; здѣсь вода, какъ-бы заключенная въ тиски между громадными скалами, идущими дугообразно отъ одного берега къ другому, стремится вырваться изъ нихъ,

---

[1]) Лербергъ. Изслѣдованія къ объясненію древней россійской исторіи, 268—276.

[2]) Зуевъ. Путешеств. зап. Спб. 1787 г. 254—255.

отчего сильно волнуется, ударяется въ разныя стороны и образуетъ водовороты или пучины, одна изъ коихъ носитъ страшное названіе *пекла*. По всему этому быстрота теченія здѣсь такъ велика, что суда все разстояніе Ненасытецкаго порога, отъ начала и до конца, что составляетъ до двухъ верстъ длины, пробѣгаютъ всего лишь въ полторы минуты или даже и того меньше. Свое названіе Νεασήτ порогъ получилъ отъ птицы неасита или неясыта (родъ пеликана), которая въ старину во множествѣ водилась на немъ [1]); теперь Ненасытецъ въ просторѣчіи называется »Дѣдомъ« и, какъ прежде, считается опаснѣйшимъ изъ пороговъ. »Страшный шумъ, зачастую слышный еще отъ Звонецкаго порога, здѣсь уже очень явственно даетъ знать о близости Дѣда, какъ называютъ лоцманы Ненасытецъ, и вскорѣ, вправо, показываются огромные всплёски волнъ, бьющихся бѣлой пѣной между каменьями. Сверху горы видъ на порогъ превосходный; Ненасытецъ представляется съ птичьяго полета весь покрытый бѣлой жемчужной пѣной. Шумитъ онъ какъ-то особенно; порою случается слышать въ его гулѣ необыкновенно дикіе переливы; но бываетъ, что онъ стихаетъ совершенно, и только вблизи слышно, какъ переливается вода черезъ каменья. Лоцманы и береговые жители предугадываютъ по этому погоду. У Ненасытеца были притоны дикихъ кочевыхъ народовъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и до сихъ поръ курганы, разбросанные по прибрежью и ждущіе ученыхъ изслѣдованій. Собственно порогъ состоитъ изъ двѣнадцати рядовъ каменьевъ, идущихъ дугообразно отъ праваго берега къ лѣвому, преграждая такимъ образомъ теченіе Днѣпру, который, бросаясь съ перваго уступа и низвергаясь далѣе, шумитъ ужасающимъ образомъ. Правый берегъ одѣтъ огромными камнями, разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ. У скалистаго мыса Монастырки, который перерѣзанъ Фалѣевскимъ каналомъ, существующимъ и до сихъ поръ, гдѣ построена большая трехъ-этажная мельница, можно видѣть камень, на которомъ выбиты углубленія въ родѣ мисокъ. Есть въ народѣ и у лоцмановъ два преданія: одно, что сюда сходила императрица Екатерина и пила чай, а другое, что во время оно запорожцы ѣли здѣсь кашу, сидя надъ самымъ порогомъ, и съ высоты смотрѣли, какъ

---

[1]) Διότι φωλεύουσιν οἱ πελεκάνοι εἰς τα λιθάρια τοῦ φραγμοῦ.

у ногъ ихъ било плоты о каменья«[1]). *Волнигскій* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпра; Волницкій по атласу Днѣпра; Волный или Волнинскій у Лерберга; Волнѣгъ въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Варуфоросъ по русски, Вулнипрагъ по славянски, у Константина Багрянороднаго; находится на тринадцать верстъ ниже Ненасытецкаго, противъ села Волнѣги, съ правой стороны, и на три съ половиной версты ниже острова Дубоваго; падаетъ четырьмя лавами: Близнюками, Плоской, Грозной и Помыйницой; протяженіе у лѣваго берега 235 саженъ, у праваго 270; паденіе воды 1,14 саж. Послѣ Ненасытецкаго это самый опасный порогъ; на языкѣ мѣстныхъ жителей носитъ названіе »Внука«. *Будиловскій* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Дубильскій въ атласѣ Днѣпра; Будильскій или Будинскій у Лерберга; Будило въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Леанти по русски, Веручи (»кипѣніе воды«) по славянски, у Константина Багрянороднаго; находится на пять верстъ ниже Волнигскаго, нѣсколько выше острова Перуна, противъ хутора Надеждовки съ лѣвой стороны; падаетъ двумя лавами: Тыриной и Созоновой; протяженіе съ праваго берега 187 саж., съ лѣваго 102 сажня; паденіе воды 0,49 с. *Лишній* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ порогозъ; Личной по атласу Днѣпра; Личный у Лерберга; Лычна въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Струвулъ по русски, Напрези по славянски (»что означаетъ маленькій порогъ«), у Константина Багрянороднаго; расположенъ на четырнадцать верстъ ниже Будиловскаго, противъ острова Кухарева, нѣсколько ниже села Игнатовки, съ правой стороны, и села Андреевскаго, съ лѣвой; падаетъ двумя лавами: Плоской и Швайчиной; длина съ праваго берега 220 саж., съ лѣваго 87; паденіе 0,21 с. *Вильный* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Вольной въ атласѣ Днѣпра, въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Волъный у Лерберга; у Константина Багрянороднаго пропущенъ; у мѣстныхъ жителей Гадючій; находится въ пяти съ половиной верстахъ ниже

---

[1]) Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Поѣздка въ южную Россію. Спб. 1863, I, 100, 103 и 104.

Лишняго, противъ скалы Волчьяго Горла и хутора Маріенталя и выше островов Прусова, Лантуховскаго и Гавина съ правой стороны; падаетъ шестью лавами: Сѣренькой, Похилой, Радовой, Переймой, Волчьимъ Горломъ и Шинкаревой; длина съ праваго берега 464 саж., съ лѣваго 380; паденіе воды 1, 35 саж. Вотъ число и порядокъ Днѣпровскихъ пороговъ. Что касается днѣпровскихъ заборъ, то древніе изслѣдователи говорятъ лишь о четырехъ, тогда какъ новѣйшіе насчитываютъ ихъ до десяти, по крайней мѣрѣ изъ болѣе значительныхъ [1]). *Каменская* забора, у древнихъ писателей неизвѣстная, находится выше Кайдацкаго порога, ниже села Старыхъ Кайдакъ, съ правой стороны. *Волошинова* забора по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Волошина въ атласѣ Днѣпра; у Лерберга Волшиная или Яцкая; у Боплана порогъ; въ древней россійской идрографіи Звонецъ; находится на двѣ съ половиной версты ниже Кайдацкаго порога, противъ с. Любимовки; мѣстное названіе Волошиновой заборы—Синельникова. *Стрельчья* забора по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Стрѣльчатая въ атласѣ Днѣпра; Стрѣльчій порогъ (по счету пятый) въ древней россійской идрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Стрѣльчій порогъ у Лерберга (по счету четвертый; вторая забора у него Кривая, которую онъ помѣщаетъ въ 330 сажняхъ ниже Сурскаго порога); находится ниже Волошиной заборы у лѣваго берега рѣки, въ двухъ верстахъ отъ Лоханскаго порога. *Тягинская* забора у новыхъ изслѣдователей; Технинскій порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Технинскій или Княгининъ порогъ у Лерберга; Княгинскій порогъ въ атласѣ Днѣпра; Княгининъ порогъ въ древней россійской идрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; находится въ пяти верстахъ ниже Звонецкаго порога, отъ праваго берега Днѣпра. *Бѣляева* забора у новыхъ изслѣдователей и неизвѣстная у древнихъ; находится ниже Ненасытецкаго порога, отъ праваго берега рѣки. *Воронова* забора по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ и въ атласѣ Днѣпра; порогъ Воронова забора въ древней россійской идрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; находится ниже с. Войсковой, съ пра-

---

[1]) Гуровъ считаетъ семь, но приводитъ больше. Къ геологіи екатеринославской и харьковской губерній. Харьковъ 1882 г. стр. 11.

ваго берега Днѣпра, между порогами Ненасытецкимъ и Волнигскимъ. *Таволжанская* гряда, въ древней россійской идрографіи Таволжанскій порогъ, въ атласѣ Днѣпра Таволжонскій порогъ-же, въ остальныхъ пропущенная; лежитъ ниже Волнигскаго порога, противъ деревни Языковой. *Кривая* забора по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ и у Лерберга; безъ имени въ атласѣ Днѣпра; находится противъ д. Свиступовой, ниже острова Песковатаго. *Скубова* или Коростева забора у новѣйшихъ изслѣдователей и неизвѣстная у древнихъ; находится противъ острова Дубоваго, съ праваго берега рѣки. *Крячиная* забора у южнаго конца острова Дубоваго и *Просулина*, ниже Крячиной.

Такова особенность верхней или сѣверной части Днѣпра въ запорожскихъ предѣлахъ. Что касается средней и нижней или южной части его, то здѣсь особенность его состоитъ въ такъ называемыхъ *плавняхъ*. Плавни—это низменныя долины по обоимъ берегамъ Днѣпра, покрытыя сочной травой, высокимъ камышомъ и разнаго рода, по преимуществу мягкой породы, деревьями: осокоремъ, вербой, шелковицей, ивой и рѣдко дубомъ; въ весеннее время и въ особенно дождливую осень плавни сплошь затопляются водой, лѣтомъ же онѣ почти сухія, исключая самыхъ низменныхъ мѣстъ, наполненныхъ водой и представляющихъ изъ себя рѣчки, озера и болота. Плавни образуются изъ песка, наносимаго теченіемъ самой рѣки, ила, земли и корней болотныхъ растеній; онѣ придаютъ рѣкѣ живописный и величественный видъ и напоминаютъ собою столь-же живописные и величественные цвѣтники по многочисленнымъ рѣчкамъ и озерамъ около Мексики. Изъ двухъ береговъ Днѣпра лѣвый имѣетъ больше плавенъ, нежели правый; это происходитъ отъ различныхъ положеній того и другаго берега: правый берегъ высокій, и потому поемныхъ мѣстъ здѣсь немного, только около Ново-Воронцовки и села Голой-Грушевки, екатеринославскаго уѣзда, онъ въ зелени: здѣсь вышли низменности; лѣвый берегъ отлогъ и потому плавни находятся здѣсь уже начиная отъ колоніи Шенвизъ, возлѣ г. Александровска екатеринославской губерніи, и идутъ съ небольшимъ перерывомъ до впаденія Днѣпра въ Лиманъ. Число плавенъ на Днѣпрѣ ежегодно увеличивается, и это единственно оттого, что Днѣпръ своимъ теченіемъ постоянно рѣжетъ правый берегъ свой и обрушивающуюся землю выноситъ или на средину,

образуя тамъ разной величины песчаные острова, или-же, и всего чаще, на противоположный, лѣвый берегъ свой; отъ этого-то и получаются днѣпровскіе плавни. »Освободясь отъ гранитныхъ береговъ и миновавъ Александровскъ, Днѣпръ принимаетъ совершенно другой видъ: долина его расширяется на большое пространство, и самая рѣка течетъ между такъ называемыхъ плавней, придающихъ ей много живописности, а владѣльцамъ приносящихъ значительныя выгоды. Плавни эти были извѣстны и въ глубокой древности подъ именемъ Гилеи, что можно найти у Геродота. Плавни изобилуютъ лѣсомъ, преимущественно вербовымъ и осокоровымъ, но на нихъ произрастаетъ и лоза, въ большомъ количествѣ,—матеріалъ столь необходимый въ крестьянскомъ быту для огорожи. Плавни во время засухи доставляютъ сѣно и подножный кормъ для скота и овецъ, многочисленныя стада которыхъ составляютъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей новороссійскаго хозяйства. Какая-бы ни была засуха, подъ вліяніемъ которой выгораютъ молодыя травы въ степи, но она въ плавнѣ неощутительна; здѣсь почва, напоенная обильнымъ разлитіемъ Днѣпра, сохраняя надолго влагу, даетъ роскошное прозябаніе растительности, и на этихъ пышныхъ мѣстахъ трава всегда превосходна, потому что поляны окружены лѣсами, и кромѣ того надъ Днѣпромъ, какъ надъ большою рѣкою, все таки перепадаютъ дожди, даже и въ то время, когда въ степи ихъ не бываетъ совершенно« [1]). Самая обширная изъ днѣпровскихъ плавенъ—это такъ называемый Великій-лугъ, мѣсто воспѣтое и прославленное запорожцами: »Сѝчь—мати, и Великій-лугъ—батько« было на устахъ у каждаго запорожца, не вѣдавшаго въ своеи средѣ »ни неньки ридне́нькои, ни сестры жалибне́нькои, ни дружины вирне́нькои«. Знаменитый Великій-лугъ начинался, по теперешнему, непосредственно отъ колоніи Шенвизъ, возлѣ г. Александровска, екатеринославской губерніи, и тянулся внизъ по-надъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра черезъ деревню Николаевку, село Балабино-Петровское, сл. Кушугумовку, Малую-Катериновку, Царицынъ-Кутъ и Васильевку, станцію нынѣшней Лозово-Севастопольской желѣзной дороги; длина всей этой плавни опредѣлялась сорока верстами, ширина—отъ шести до двадцати: Великій-лугъ образуется притокомъ Днѣпра,

---

[1]) Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Поѣздка въ южную Россію, ч. I, стр. 154.

Конкой, впадающей въ него впервые выше мѣстечка Никополя, потомъ выходящей изъ Днѣпра и затѣмъ снова сливающейся съ нимъ,—такъ до семи разъ.

Кромѣ плавенъ, пороговъ и заборъ Днѣпръ въ запорожскихъ предѣлахъ отличался еще *корчами* и *островами*. Корчи, или по мѣстному *хóлуи*, суть не что иное, какъ подводные пни, загромождающіе дно Днѣпра и то совершенно скрывающіеся въ водѣ, то на нѣсколько футовъ возвышающіеся надъ ней. Онѣ наносятся въ рѣку весеннимъ разливомъ воды изъ днѣпровскихъ-же плавенъ: все дѣло въ томъ, что въ плавняхъ иногда по десяткамъ и сотнямъ лѣтъ, вслѣдствіе непроходимыхъ болотъ, остаются несрубленными вербы или осокори; такъ они выростаютъ, старѣются и потомъ падаютъ на землю, затѣмъ захватываются весеннимъ разливомъ и выносятся въ Днѣпръ; въ Днѣпрѣ-же они ложатся или цѣлымъ деревомъ, или только вѣтвями, или-же одними пнями, во всякомъ видѣ называясь корчами или хóлуями. Холуи начинаются уже тотчасъ ниже Никополя, мѣстечка екатеринославскаго уѣзда, и попадаются до г. Берислава, херсонской губерніи, отсюда до Херсона встрѣчаются рѣже, а между Херсономъ и Лиманомъ уже совсѣмъ исчезаютъ. Что касается островов въ запорожскихъ предѣлахъ, то Эрихъ Ляссота, въ XVI столѣтіи, насчитываетъ ихъ до восемнадцати [1]), Бопланъ, въ XVII столѣтіи, опредѣляетъ число ихъ девятнадцатью [2]), атласъ Днѣпра, въ XVIII столѣтіи, показываетъ девяносто девять [3]), роспись 1697 года считаетъ ихъ тридцать семь [4]), а г. Бухтѣевъ, въ наше время, находитъ ихъ девяносто четыре [5]); въ дѣйствительности-же число островов въ запорожскихъ владѣніяхъ восходитъ далеко больше ста. Вотъ перечень болѣе замѣчательныхъ изъ нихъ. *Романовъ* островъ, извѣстный подъ этимъ именемъ уже Боплану, находится ниже теперешняго села Романкова, выше г. Екатеринослава; имѣетъ въ длину три съ половиной версты, а въ ширину полтораста шаговъ; въ весеннее время сплошь

---

[1]) Путевыя записки Эр. Ляссоты. Одесса. 1873 г., стр. 27—30; 52—53.

[2]) Описаніе Украйны. Спб., 1832 г., 17—30.

[3]) Русовъ. Русскіе тракты. Кіевъ. 1876 г., стр. 131—134.

[4]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. III, стр. 572—576.

[5]) Тамъ-же, стр. 389—494.

затопляется водой. *Монастырскій*, иначе Потемкинъ, Прозоровскій, Бураковскій островъ, лежитъ у Екатеринослава, противъ сада Потемкина; длина острова—одна съ осьмой, ширина—четверть версты, островъ крутой скалистый, возвышающійся съ южной стороны отъ 25 до 30 футовъ отъ уровня водъ и замѣчательный тѣмъ, что уже въ IX ст. его избрали мѣстомъ жительства греческіе монахи—аскеты, выходцы изъ Константинополя; красивое мѣстоположеніе и богатая природа острова понравились монахамъ и они избрали его мѣстомъ своихъ молитвенныхъ подвиговъ. Въ 957 г. островъ Монастырскій посѣтила великая княгиня кіевская Ольга; плывя въ Царьградъ, она долго проживала на этомъ островѣ, ожидая здѣсь прекращенія поднявшейся жестокой бури и устраивая свою дружину-стражу для предотвращенія нападенія со стороны хищныхъ печенѣговъ. Въ 988 г. на островѣ Монастырскомъ останавливался великій князь кіевскій Владиміръ, когда съ многочисленною дружиною своею плылъ по Днѣпру изъ Кіева въ Херсонъ или Корсунь, объявивъ войну грекамъ [1]). *Воронцовскій*, или въ старину Чортовъ островъ, непосредственно за Монастырскимъ; въ длину имѣетъ полъ-версты, въ ширину—одну осьмую; въ давнее время онъ составлялъ одно цѣлое съ Монастырскимъ островомъ. *Становой* островъ, противъ предмѣстья г. Екатеринослава Мандрыковки, имѣетъ длины три съ половиной версты, ширины одну съ осьмой версты. *Сурскій* островъ, противъ порога Сурскаго и выше села Волошскаго, имѣетъ длины двѣ съ половиной версты, ширины полъ-версты. *Козловъ* и *Ткачевъ* острова, нѣсколько выше Ненасытецкаго порога; къ лѣвому берегу Днѣпра, расположены о бокъ одинъ возлѣ другаго; первый имѣетъ длины одну съ четвертью версты при одной пятой ширины, а второй три четверти длины при одной шестой ширины. *Перунъ* островъ и *Ревунъ*, оба ниже Будиловскаго порога, замѣчательны, особенно первый, возвышенностью и крутизной своихъ береговъ. *Дубовый-большой* островъ лежитъ противъ д. Свистуновой съ лѣвой стороны и с. Петровскаго съ правой, выше Волнигскаго порога; длина четыре версты, ширина его полъ-версты. *Таволжанскій* островъ, ниже порога Будиловскаго, противъ сл. Авгу-

---

[1]) Ѳеодосій. Историческій обзоръ православной церкви въ предѣлахъ екатеринославской епархіи, Екатеринославъ. 1876 г., 17—19.

стиновки съ правой стороны и колоній Черевко, Тарапа и Реуна съ лѣвой; длина острова—три версты, ширина—три четверти. *Бобровый* и *Аврамовъ* острова, ниже Таволжанскаго, небольшіе, но чрезвычайно живописные по своему мѣстоположенію. *Кухаревъ* островъ или Канцеварница, лежитъ ниже Лишняго порога, противъ с. Андреевки, съ лѣвой стороны; длина—двѣ версты, ширина—одна съ пятой. *Гавинъ* островъ, ниже Кухарева; длина—полторы версты, ширина—одна пятая версты. *Лантуховскій* островъ, ниже Кухарева острова и выше Вильнаго порога; длина—двѣ съ четвертью версты, ширина—одна треть версты. *Дубовый-малый* островъ, лежитъ выше деревни Маркусовой съ лѣвой стороны; длина—одна пятая версты, ширина—одна седьмая. *Вербовый* островъ лежитъ ниже пороговъ; длина—одна верста, ширина—три пятыхъ версты. *Федоришинъ* островъ, противъ колоніи Кичкасъ, небольшой, песчаный. *Дубовый* островъ, противъ сѣвернаго угла острова Хортицы, скалистый и возвышенный; длина — полверсты, ширина—одна треть версты. *Хортицкій* островъ, противъ Вознесенска и г. Александровска, ниже колоніи Кичкасъ; самый большой и величественный изъ всѣхъ днѣпровскихъ островов; въ длину имѣетъ десять съ половиной верстъ, въ ширину отъ полуторы до трехъ, въ окружности двадцать четыре съ половиной версты. Вся площадь острова заключаетъ въ себѣ 2547 десятинъ и 325 саженъ. Первыми свѣдѣніями о Хортицкомъ островѣ мы обязаны греческому императору, Константину Багрянородному, у котораго онъ называется островомъ св. Григорія. »Прошедъ это мѣсто (Крарійскую переправу или теперешній Кичкасъ), они (русскіе) пристаютъ къ острову, который называется именемъ св. Григорія [1]). На этомъ островѣ приносятъ они свою жертву, потому что тамъ стоитъ отмѣнной величины дубъ. А приносятъ они въ жертву живыхъ пернатыхъ; также ставятъ кругомъ стрѣлы, а иные (кладутъ) куски хлѣба и мяса, или что у кого есть и какъ то у нихъ водится. Также мечутъ жребій о пернатыхъ, убивать-ли ихъ и ѣсть или оставлять въ живыхъ«. Въ русскихъ лѣтописяхъ Хортица именуется Варяжскимъ островомъ [2]); въ книгѣ Большаго Чертежа—

[1]) μετὰ δὲ τὸ διελθεῖν τοιοῦτον τόπον, τὴν νῆσον τὴν ἐπιλεγομένην ὁ ἅγιος Γριγόριος καταλαμβάνουσιν. De admin. imper., cap. XI, 74—77.

[2]) Лѣтоп. по Ипатск. списку. Спб. 1871 г., стр. 495.

Хиртицей [1]), въ атласѣ Днѣпра 1784 года Хитрицкимъ островомъ [2]), а въ лѣтописи Ригельмана—Хордецкимъ (I, 20). Въ исторіи запорожскихъ козаковъ Хортицкій островъ замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ была первая по времени сѣчь Хортицкая, основаніе которой намѣчено было уже въ 1556 году княземъ Д. И. Вишневецкимъ, но прочно утверждено въ 1618 году гетманомъ Петромъ Конашевичемъ—Сагайдачнымъ, который приказалъ своимъ казакамъ обвести островъ землянымъ окопомъ и деревяннымъ частоколомъ или *засѣкою*, отъ чего уже тогда это укрѣпленіе получило свое названіе *Сѣчи*. Хортицкую Сѣчь запорожскіе козаки два раза устраивали и два раза оставляли. Въ настоящее время на островѣ Хортицѣ отъ пребыванія козаковъ сохранились большія укрѣпленія и четыре кладбища, въ сѣверной части острова. Теперь островъ принадлежитъ нѣмцамъ-менонитамъ, выходцамъ изъ Данцига, поселившимся здѣсь ровно черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ паденія Сѣчи (1775—1789). *Канцерскій* островъ или, по Эриху Лясcотѣ, Малая Хортица; лежитъ въ старомъ руслѣ Днѣпра, охватывающемъ Большую Хортицу съ западной стороны, нѣсколько ниже такъ называемой Царской пристани; островъ заключаетъ въ себѣ двѣнадцать десятинъ и тысячу двѣсти квадратныхъ саженъ земли. На немъ, какъ и на Большой Хортицѣ, отъ козаковъ остались слѣды укрѣпленій еще отъ 1556 года. *Розстёбинъ* островъ въ новомъ руслѣ Днѣпра, противъ с. Вознесенки; островъ низменный, песчаный; длина—полверсты, ширина—треть версты [3]). *Неналивачъ* островъ выше села Бѣлецькаго; имѣетъ въ длину три версты, а въ ширину три пятыхъ. *Великій* островъ, длины, по Боплану, около двухъ миль, а ширины—полторы версты; находится противъ села Верхней-Тарасовки съ правой стороны, и противъ впаденія въ Днѣпръ рѣки Конки съ лѣвой. Въ весеннее время затопляется весь, кромѣ одной средины. *Гнйный*, *Круглый* и *Варавинъ* острова; всѣ, три противъ села Голой-Грушевки, изъ нихъ первый и третій имѣютъ по двѣ версты длины, при одной верстѣ ширины, а второй одну съ двумя

---

[1]) Книга, глагол. Больш. Чертежъ. Москва. 1846 г., стр. 100.

[2]) Русовъ. Русскіе тракты. Кіевъ, 1876 г., стр. 132.

[3]) Возлѣ Розстебина острова былъ еще островъ Дубовый, но онъ года три тому назадъ смытъ водой; на островѣ былъ большой дубовый лѣсъ, мельница, даже шинокъ, но все это не удержало островъ отъ размытія водой.

третями версты длины при двухъ третяхъ ширины. *Красный* островъ, противъ села Чернышовки или Красно-Григорьевки; имѣетъ длины двѣ версты, ширины—двѣ пятыхъ. *Томаковскій*, Буцкій, Днѣпровскій, или по теперешнему Городище островъ, противъ села Чернышовки или Красно-Григорьевки, лежитъ въ днѣпровской низменности, на сѣверъ отъ русла самой рѣки; имѣетъ длины въ окружности шесть верстъ, въ поперечникѣ двѣ версты, а всей площади двѣсти девяносто пять десятинъ земли. Замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ была вторая по счету запорожская сѣчь, Томаковская, основанная или въ 1556 году, одновременно съ Хортицкой, или около 1568 года; отъ пребыванія здѣсь козаковъ сохранились и до сихъ поръ окопы, могилы и небольшое кладбище на южной и сѣверной окраинахъ острова. *Орловъ* островъ, лежитъ противъ мѣстечка Никополя, екатеринославскаго уѣзда, бывшаго у запорожцевъ Микитина; длина до полуторы версты, ширина до полуверсты. На полтораста саженъ ниже острова Орлова, отъ праваго берега Днѣпра, выдавался въ старину большой мысъ, называвшійся у запорожцевъ Микитинъ Рогъ; на этомъ то Микитиномъ Рогѣ была третья по счету запорожская сѣчь, Микитинская, о которой теперь осталось едва слабое воспоминаніе, такъ какъ мысъ уже лѣтъ сорокъ тому назадъ смытъ водой и самое кладбище запорожское и небольшая каплица, бывшія на немъ, вмѣстѣ съ гробами пошли въ Днѣпръ. Микитинская сѣчь памятна пребываніемъ на ней въ одно время знаменитаго малороссійскаго гетмана Богдана Хмельницкаго. Здѣсь Хмельницкій нашелъ себѣ покровительство у запорожцевъ, когда бѣжалъ изъ старой Малороссіи отъ преслѣдованія польской власти; здѣсь онъ былъ покрытъ, по козацкому обычаю, шапками, то есть выбранъ гетманомъ всей Украйны; отсюда-же онъ началъ и свой славный походъ противъ поляковъ. *Холодный* или, по Боплану, Большой островъ; лежитъ противъ д. Капуливки и устья рѣки Чортомлыка, къ правому берегу Днѣпра; имѣетъ длины полторы версты, ширины—одну пятую; на немъ отъ козаковъ остались небольшія развалины отъ бывшихъ укрѣпленій. На сѣверъ отъ Холоднаго острова, гдѣ теперь деревня Капуливка при устьѣ рѣки Чортомлыка, на Рогѣ, была у запорожцевъ четвертая по счету сѣчь, »Чортомлыцкая«, называвшаяся иначе Старою сѣчью; она основана въ 1652 году кошевымъ атаманомъ Лутаёмъ. Изъ рога или мыса,

на которомъ была сѣчь, образовался теперь небольшой островокъ, имѣющій въ возвышенной части 1050 квадратныхъ саженъ, а въ низменной двѣ десятины и 1200 квадратныхъ саженъ. Отъ пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ осталось нѣсколько могилъ, изъ коихъ самая большая могила, съ памятникомъ, насыпана надъ прахомъ славнаго кошеваго атамана Ивана Дмитріевича Сѣрка, умершаго, какъ гласитъ самая надпись на памятникѣ, въ 1680 году, 4-го мая. *Андрушкинъ* островъ, ниже Холоднаго, между нижнимъ теченіемъ рѣки Павлюка и Чортомлыцкаго Днѣприща, притоковъ Днѣпра съ правой стороны; въ окружности имѣетъ до восьми верстъ. *Царевъ* островъ противъ села Малой-Лепетихи; длина три съ третью версты, ширина полверсты. *Носоковскій* островъ, длина до двухъ миль, и *Космакскій* или, у Боплана, Каиръ-Козмакъ островъ; длина до полу-мили, ниже Царева острова. *Каменскій* или, по теперешнему, Санжеревскій островъ, на одну версту ниже балки Каменки, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны, между деревнями Консуловкой или Разоровкой и Блажковкой, херсонскаго уѣзда; длина двѣ трети версты, ширина полверсты. Выше Каменскаго острова, при устьѣ балки Каменки и заливѣ Днѣпра, Казацкомъ Рѣчищѣ, была у запорожцевъ пятая по счету сѣчь, Каменская, основанная съ 1709 года, при наказномъ кошевомъ атаманѣ Якимѣ Богушѣ и просуществовавшая здѣсь съ перерывами, около двухъ лѣтъ. Въ настоящее время мѣсто Каменской сѣчи принадлежитъ землевладѣльцу М. Ѳ. Огаркову. Отъ пребыванія здѣсь козаковъ остались превосходно сохранившіяся ямы отъ куреней и нѣсколько могилъ, въ томъ числѣ могила надъ кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордіенкомъ, умершимъ въ 1733 году 4-го мая, какъ это видно изъ надписи, сдѣланной на большомъ каменномъ намогильномъ крестѣ. Здѣсь-же осталась могила кошеваго атамана Василія Іероосева, умершаго въ 1731 году, 23 мая, что также видно изъ надписи, высѣченной на каменномъ крестѣ. *Таванъ* островъ, по турецки Усу-свавъ; лежитъ нѣсколько ниже мѣстечка Каховки и прямо противъ теперешняго г. Берислава, херсонской губерніи, прежняго Кизикерменя, взятаго русскими въ 1695 году; длина, по Боплану, двѣ мили, ширина—одна треть мили. У турокъ на самомъ островѣ Таванѣ былъ городъ Таванъ, а въ устьѣ его городъ Ослапъ: »и отъ того Кизикерменя до Тавань-городка, чрезъ Днѣпръ, бы-

вали цѣпи желѣзныя перетянуты, дабы никто изъ непріятелей ночью пройти не могъ; такожъ и отъ Ослана, чрезъ Конскую рѣчку, до Крымской стороны, а посреди оныхъ рѣкъ, оставливаны были ворота; и пушки изъ оныхъ городковъ были наведены на оныя ворота; и когда кто наѣдетъ, то турки все могутъ разбить« [1]). *Бурганскій* (Боргунскій, Бургунскій) островъ, противъ рѣчки того-же имени; имѣетъ длины около трехъ верстъ и ширины около полуторы версты. *Тягинскій* островъ, противъ теперешняго села Тягинки, херсонскаго уѣзда, имѣетъ длины полторы версты, ширины одну треть. *Сомовъ* островъ, противъ устья рѣки Ингульца; длина двѣ съ половиной версты, ширина полъ версты. *Карантинный* островъ, между рѣкою Днѣпромъ и его притокомъ Кошевою; находится противъ г. Херсона, получилъ свое названіе отъ бывшаго на немъ когда-то карантина; длина шесть верстъ, ширина двѣ съ половиной. Противъ этого острова, съ лѣвой стороны, на материкѣ была у запорожцевъ шестая по счету сѣчь, Алешковская, тамъ, гдѣ теперь г. Алешки, таврической губерніи, »на поляхъ татарскихъ, кочевьяхъ агарянскихъ«, существовавшая съ 1709 по 1734 годъ съ небольшимъ перерывомъ, когда она перемѣщалась снова на балку Каменку. Отъ пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ въ настоящее время ничего не осталось, кромѣ небольшаго звѣздообразнаго укрѣпленія, находящагося прямо на востокъ отъ города, противъ рѣчки Лазни. *Потемкинъ* островъ, пять верстъ ниже Херсона; длина четыре версты, ширина двѣ съ половиной.

На всемъ пространствѣ запорожскихъ владѣній Днѣпръ имѣлъ десять переправъ [2]). *Романовская* переправа, противъ острова Романова, немного ниже теперешняго села Романкова, выше г. Екатеринослава. »Здѣсь Днѣпръ течетъ свободно: острова не задерживаютъ его, и татары смѣло переправляются въ этомъ мѣстѣ, не опасаясь засадъ, расположенныхъ выше острова« [3]). *Кайдацкая* переправа, противъ селенія Новыхъ-Кайдакъ, выше г. Екатерино-

---

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса. 1852 г., 11—13.

[2]) Эр. Ляссота насчитываетъ ихъ три (стр. 29, 30, 51); Бопланъ семь, изъ коихъ одна въ татарскихъ предѣлахъ (стр. 17, 22, 29), атласъ Днѣпра одну, Мышецкій (стр. 21) четыре.

[3]) Бопланъ. Описаніе Украйны, стр. 17.

слава; переправа очень удобная; до 1780 года черезъ нее шли обозы, отправлявшіеся на Донъ за рыбой. *Будилово-Таволжанская* переправа, между Будиловымъ порогомъ и Таволжанской грядой или островомъ. »Въ этомъ мѣстѣ Днѣпръ не развѣтвляется и не очень широкъ. Тамъ мы видѣли (слова Эр. Лассоты) большое число маленькихъ татарскихъ лодокъ изъ плетенаго хвороста, обтянутыхъ кожею«. *Кичкасовская* переправа, противъ теперешней колоніи Кичкасъ (Эйнлаге). »Въ сихъ мѣстахъ (отъ острова Кашеварницы или Кухарева до Кичкаса) берега рѣки очень высоки; Днѣпръ течетъ свободно, не пересѣкаясь островами, узкая постель его еще болѣе съуживается къ югу. Здѣсь, по моему мнѣнію, ширина Днѣпра есть самая меньшая: я видѣлъ, какъ поляки стрѣляли изъ лука съ одного берега на другой и какъ стрѣлы ихъ падали на сто шаговъ отъ противоположной стороны. Татары имѣютъ тамъ самую удобную переправу, ибо Днѣпръ не шире 150 шаговъ (саженъ), берега его удобоприступны, окрестности открыты, и потому они не опасаются засадъ« [1]). »Въ четырехъ верстахъ оттуда (отъ о. Вербова) берега рѣки (Днѣпра) довольно скоро сходятся между собою на разстояніи 300 саженей. Въ этой ширинѣ Днѣпръ течетъ $1^1/_2$ версты на юго-востокъ, а потомъ, стѣснясь еще болѣе, поворачивается вдругъ на юго-западъ. Отъ сего правый берегъ превращается въ довольно большой мысъ, называемый Кичкасъ. Здѣсь самый большой и лучшій переходъ для татаръ, поелику въ этомъ мѣстѣ проливъ не шире 150 шаговъ (саженъ), берега его не круты и земля открыта« [2]). *Кичкасовская* переправа извѣстна была уже Константину Багрянородному, который называетъ ее Крарійскимъ перевозомъ. »Они (русскіе) доходятъ до такъ называемаго Крарійскаго перевоза, гдѣ перевозятся херсониты изъ Руссіи и печенѣги въ Херсонъ. Перевозъ этотъ шириной съ гипподроміонъ (т. е. 608 русскихъ футовъ, $^1/_3$ или $^1/_6$ версты), а высота берега, усматриваемая снизу, такова, что только что доступна глазомѣру и удару стрѣлы« [3]). *Микитинская*

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, 24.

[2]) Лерберг. Изслѣдованія къ объясненію древней россійской исторіи, 277 и 278. На Кичкасѣ и теперь существуетъ переправа на двухъ паромахъ и нѣсколькихъ дубахъ.

[3]) De administrando imperio, стр. 286.

переправа, противъ теперешняго м. Никополя; знаменитая у запорожцевъ и извѣстная татарамъ и полякамъ. Переправа получила свое названіе отъ имени казака Микиты, вышедшаго изъ старой Малороссіи и поселившагося здѣсь на Днѣпровскомъ мысѣ и впервые занявшагося перевозомъ проѣзжихъ людей черезъ Днѣпръ. Имя его впослѣдствіи передалось какъ мысу, такъ и самой переправѣ. *Каменно-Затонская* переправа, нѣсколько ниже Микитинской, противъ прежней крѣпости Каменнаго-Затона, построенной въ 1696 году, теперешняго села Каменки или Малой-Знаменки, таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда. »Мы прошли мимо Каменнаго-Затона, или залива Днѣпра, тоже на татарской сторонѣ, съ каменистымъ берегомъ, объясняющимъ названіе этого Затона. Здѣсь татары имѣютъ обыкновеніе переправляться черезъ Днѣпръ зимою, когда рѣка покрыта льдомъ« [1]). *Каменская* переправа, ниже села Горностаевки, таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда и противъ д. Консуловки или Разоровки, расположенной на Каменской балкѣ. Здѣсь переправа съ праваго берега Днѣпра на лѣвый, по теченію рѣки, очень удобна; но съ лѣваго на правый, противъ теченія, довольно затруднительна и потому обозы, идущіе сверху внизъ, переправлялись у балки Каменки, а идущіе снизу вверхъ— въ Кизикирменѣ. *Носоковская* переправа, противъ о. Носоковскаго и Космакскаго (Каиръ-Козмака), неудобная, потому что здѣсь Днѣпръ, раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ, дѣлается очень широкъ, къ тому-же онъ наполненъ въ этомъ мѣстѣ множествомъ малыхъ острововъ и заросъ высокимъ камышомъ. *Таванская* или Кизикирменская переправа, противъ о. Тавана и прежняго г. Кизикирменя, теперешняго Берислава, самая лучшая переправа; здѣсь нужно было переходить сперва р. Конку, притокъ Днѣпра, а потомъ ужъ переплывать самый Днѣпръ. *Бурганская* переправа, противъ о. Бурганскаго и притока Днѣпра съ тѣмъ-же именемъ, мало удобная, потому что здѣсь нужно было переходить р. Конку и два раза р. Днѣпръ. Чрезъ всѣ эти переправы »хаживали изъ Малороссіи купцы и простые народы для продажи и покупки всякихъ товаровъ, такожъ и за солью въ Крымъ; такожде и Татары хаживали

[1]) Г. Русовъ видитъ въ Каменно-Затонской переправѣ Никитинскую (Русск. тракты, 123), но стоитъ только обратиться къ Лиссотѣ (стр. 51), чтобы убѣдиться, что Каменно-Затонская и Никитинская переправа не одно и тоже.

въ Малороссію для означенной добычи« [1]). Къ этимъ переправамъ на Днѣпрѣ можно прибавить еще двѣ на р. Бугѣ: переправа къ Мертвымъ-водамъ, »гдѣ купцы изъ Польши, Малороссіи и прочихъ мѣстъ хаживали въ Очаковъ и изъ Очакова«, и переправа у запорожскаго города Гарда, стоявшаго на лѣвой сторонѣ Буга, къ которому велъ знаменитый гардовій шляхъ, простиравшійся до 300 верстъ и отличавшійся замѣчательною прямизною.

Способъ переправы у казаковъ практиковался такой-же, какой практикуется и теперь: употреблялись лодки, плоты, паромы и проч., а у татаръ—мало извѣстный нашему времени«. Татары переплываютъ слѣдующимъ образомъ: на лодку, довольно плоскую, кладутъ поперекъ жердь, привязываютъ къ ней лошадей рядомъ, по ровному числу съ обѣихъ сторонъ для равновѣсія; потомъ накладываютъ на лодку багажъ и отчаливаютъ отъ берега. Лошади слѣдуютъ за лодкою и плывутъ медленно; хотя онѣ выбиваются изъ силъ, но короткая привязь къ жерди поддерживаетъ ихъ, и татаринъ безъ труда причаливаетъ къ противоположному берегу, разумѣется, въ ясную и тихую погоду... Для переправы черезъ Днѣпръ татарское войско выбираетъ мѣста съ отлогими берегами. Каждый татаринъ связываетъ изъ камыша два пука, длиною въ три фута, а толщиною отъ десяти до двѣнадцати дюймовъ; сверху прикрѣпляетъ къ нимъ три поперечныя палки, на футъ одна отъ другой, а снизу жердь, которая идетъ съ угла на уголъ и привязывается къ лошадиному хвосту; кладетъ на такой плотъ сѣдло, а на немъ одежду, стрѣлы, саблю, и нагой, съ плетью въ рукѣ, входитъ въ рѣку и погоняетъ лошадь; схвативъ одною рукою узду и гриву, безпрерывно понуждаетъ коня плетью и, не выпуская ни гривы, ни узды, разсѣкаетъ волны свободною рукою попеременно, то правою, то лѣвою. Приближась къ противоположному берегу, когда вода станетъ доставать лошади только по брюхо, татаринъ останавливаетъ ее, отвязываетъ отъ хвоста камышевый плотъ и выноситъ оный на берегъ« [2]).

Таковъ былъ Днѣпръ самъ по себѣ въ запорожскихъ предѣлахъ. Изслѣдуемъ его притоки въ тѣхъ-же предѣлахъ.

Д. Эваркицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Мышецкій. Исторія о каз. зап. Одесса, 1852 г., стр. 21.

[2]) Боплавъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832 г., стр. 30, 58—59.

СЛОБОДСКО-УКРАИНСКОЕ ДВОРЯНСТВО
въ произведеніяхъ Г. Ѳ. Квитки.

Квитка-Основьяненко выступилъ на литературное поприще въ зрѣлыхъ лѣтахъ, съ сложившимися и окрѣпшими убѣжденіями. Какъ человѣкъ крайне скромный, постоянно скептически относившійся къ своему литературному дарованію, Квитка, прежде чѣмъ стать въ ряды писателей, внимательно всматривался въ окружавшую его общественную среду, изучалъ ее, опредѣлялъ существенныя стороны современной ему дѣйствительности, и правдиво, вѣрно, съ любовью къ человѣку, съ уваженіемъ къ печатному слову и съ крѣпкой вѣрой въ его благотворное значеніе въ общественной жизни, излагалъ на родномъ ему малорусскомъ языкѣ въ художественныхъ повѣстяхъ свои наблюденія надъ житьемъ-бытьемъ малорусскаго народа, дворянъ, мѣщанъ, въ особенности крестьянъ, какъ наиболѣе типичныхъ выразителей малорусской народности. Отъ его зоркаго глаза не ускользали тонкія житейскія отношенія. Онъ подмѣчалъ помыслы землевладѣльцевъ дворянъ, улавливалъ свѣтлыя и добрыя проявленія душевнаго настроенія закрѣпощеннаго крестьянина, усматривалъ тонкія черты горести обездоленнаго судьбою сельскаго горемыки, пытливымъ взоромъ проникалъ въ взволнованное первою любовью сердце дѣвушки. Вообще, Квитка хорошо зналъ всѣ слои стариннаго харьковскаго населенія, времени Александра Перваго. Квитку считаютъ знатокомъ жизни малорусскаго крестьянина, при чемъ вполнѣ основательно выводъ этотъ основываютъ на его задушевныхъ малорусскихъ повѣстяхъ. Но Квитка основательно изучилъ и бытъ дворянъ, что видно изъ его русскихъ

сочиненій, составляющихъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость.

Группируя многочисленныя замѣтки о дворянахъ, помѣщикахъ, разбросанныя въ русскихъ и малорусскихъ повѣстяхъ Квитки, нельзя не придти къ тому заключенію, что старинный помѣщикъ-крѣпостникъ заключалъ въ себѣ много антипатичнаго и отталкивающаго. Квитка не былъ врагомъ крѣпостнаго права; по своимъ убѣжденіямъ онъ былъ болѣе оптимистъ, чѣмъ пессимистъ; какъ писатель сентиментальной и романтической школъ, онъ склоненъ былъ придавать нѣсколько розовый оттѣнокъ общественнымъ отношеніямъ, и при всемъ томъ старинное слободско-украинское дворянство въ сочиненіяхъ Квитки носитъ мрачный колоритъ. Это группа людей большею частью лѣнивыхъ и малообразованныхъ, иногда капризныхъ и жестокихъ. Нужно замѣтить, что у Квитки встрѣчаются помѣщики благотворители, напримѣръ Твердовъ, Скромновъ, Добрый панъ. За исключеніемъ Добраго пана, главнаго дѣйствующаго лица въ повѣсти *Добрый панъ*, представляющаго кое-какія живыя черты, всѣ остальные благодушные квиткинскіе помѣщики-дворяне совершенно безцвѣтны. Это нравственныя сентенціи въ лицахъ, обычные въ старинной сентиментальной литературѣ резонеры, выражавшіе личное мнѣніе доброжелательнаго и благонамѣреннаго писателя о томъ или другомъ предметѣ. Гораздо лучше, полнѣе и живѣе, очерчены авторомъ помѣщики-хищники. У Квитки встрѣчаются Выжималовъ, Драчугинъ, Кожедраловъ, Плутовкинъ, Жиломотовъ. Уже одни фамильныя прозванія достаточно говорятъ, что это за люди. Въ »Преданіяхъ о Гаркушѣ« выведенъ помѣщикъ скряга, блѣдный литературный предшественникъ гоголевскаго Плюшкина и салтыковскаго Іудушки. Гораздо болѣе отвратительной представлена въ »Похожденіяхъ Столбикова« помѣщица-хищница. Она устраиваетъ въ своемъ имѣніи школу для дѣтей, чтобы обратить на себя вниманіе мѣстнаго начальства, что ей и удается. Она прослыла любительницей и покровительницей просвѣщенія. Губернаторъ пишетъ ей благодарственныя письма. Въ дѣйствительности, просвѣтительница обираетъ своихъ крестьянъ, учителямъ вмѣсто заслуженнаго ими денежнаго вознагражденія выдаетъ заемныя письма. По ея мнѣнію, »мужикъ-хамово колѣно, созданъ для работы; сколько у него ни возьми, онъ пріобрѣтетъ снова«. Помѣщикъ-хищникъ раскрывался во всемъ

блескѣ, когда попадалъ въ исправники или опекуны. Квитка не находитъ для нихъ другаго названія, какъ Ненасытинъ, Жиломотовъ. Исправникъ Ненасытинъ въ »Дворянскихъ выборахъ« расправляетъ свои мускулы на крестьянскихъ физіономіяхъ, не смотря на то, что волостные головы приносятъ его вліятельной женѣ Матренѣ въ даръ вино, куръ, поросятъ, хлѣбъ, тальки, прядево на гноты, зеленый горошокъ, цыплятъ, яйца, орѣхи-мышеловки, сушеные грибы, полотенца, перья для подушекъ, деньги. Въ »Похожденіяхъ Столбикова« опекунъ Жиломотовъ является къ малолѣтнему Столбикову съ ватагой пріятелей. Занявъ хорошо убранную гостинную, они обратили ее въ кабакъ, залили полы виномъ, на дорогіе ковры набросали костей. Столбикову не было другаго имени, какъ щелокъ. Дворовые люди кормили его изъ милости. Квиткинскіе чиновники изъ дворянъ или бьютъ за то, что не даютъ взятокъ, какъ бьетъ Ненасытинъ, или, какъ Скромновъ, бьютъ за то, что подносятъ взятку, но непремѣнно бьютъ.

Жены дворянъ помѣщиковъ невѣжественны и мелочны. Одна поклоняется Петербургу; другая всѣ совершенства находитъ въ своемъ хуторѣ. Одна превозноситъ образованіе, подразумѣвая подъ словомъ образованіе умѣнье болтать по французски, играть на рояли, выводить замысловатые *па* въ котильонѣ. Другая грамату считаетъ нелѣпостью, выдуманной злонамѣренными людьми для того, что-бы растраивать здоровье. Въ домашнемъ быту, въ обыденной жизни помѣщицы придерживаются простоты, въ особенности въ костюмѣ; башмаки на босую ногу, юпка, платочекъ на голову—вотъ и домашній костюмъ старинной помѣщицы средней руки. Голова замужнихъ женщинъ всегда была покрыта. По глубокому убѣжденію Фенны Степановны Шпакъ, замужняя женщина, не покрывая голову, призываетъ гнѣвъ Божій, который выражается въ неурожаѣ хлѣба и болѣзняхъ. Когда наѣзжали гости, вся дворня, весь домъ, отъ барина до послѣдней собаки, приходилъ въ движеніе. Барыня спѣшила нарядиться въ чистое платье и новый чепчикъ; барышни умывались, надѣвали чистые чулки и чесали голову. Выходя замужъ, слободско-украинская дворянка большею частью отказывалась въ пользу мужа отъ своей имущественной собственности. Фенна Степановна объ имѣніи, полученномъ въ приданое отъ родителей, въ разговорѣ съ мужемъ иначе не говорила, какъ »ваше имѣніе«, до-

казывая тѣмъ, что когда я ваша, то не имѣю собственнаго ничего. За исключеніемъ Анисьи Ивановны Халявской, всѣ квиткинскія помѣщицы очень чадолюбивы и превосходныя хозяйки.

Дѣти помѣщиковъ до поступленія въ школу проходили своеобразное домашнее воспитаніе, часто коверкавшее на всю жизнь ихъ умственный и нравственный складъ. Школа не только не исправляла недостатки, вынесенные учениками изъ семьи, но знакомила ихъ въ добавокъ съ такими пороками, которыхъ они не успѣли усвоить въ родительскомъ домѣ. Квитка чуть-ли не первый изъ русскихъ писателей заговорилъ объ отцахъ и дѣтяхъ. Въ »Панѣ Халявскомъ« онъ постоянно сопоставляетъ прежнихъ и теперешнихъ юношей, причемъ слова »теперешній« слѣдуетъ отнести приблизительно къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ. Главной заботой папи Халявской было наполнить желудокъ своихъ дѣтей до невмѣстимости. Она накладывала съѣдобное горой на тарелки и строго взыскивала съ нянекъ, если дѣти не опоражнивали ихъ до-чиста. Паничи Халявскіе утромъ ѣли молочную кашу (чай въ началѣ нынѣшняго вѣка среди мелко-помѣстныхъ дворянъ былъ мало распространенъ); въ полдень они кушали блины, пироги или пампушки; немного спустя, обѣдали,—обыкновенно борщъ съ откормленною птицею, чудеснѣйшій борщъ, свинымъ саломъ заправленный, забѣленный сметаною, затѣмъ слѣдовала пшонная каша, облитая коровьимъ масломъ, гусь или индюкъ, и въ заключеніе сласти: пастила, павидло, яблоки, орѣхи и т. п. Къ вечеру паничи »подвечерковали«, т. е. кушали холодное жаркое, оставшееся отъ обѣда, и въ концѣ концовъ ужинали. Не вѣдая о стѣснительной гигіенѣ, старосвѣтскіе украинскіе паничи на сонъ грядущій уничтожали квасокъ, колбасу, здобныя на молокѣ галушки или плавающіе въ маслѣ и облитые сметаною вареники.—Насколько желудокъ обременялся пищею, настолько мозгъ суевѣріями и предразсудками. Въ »Героѣ очаковскихъ временъ« Ромаша въ дѣтствѣ уже воспринимаетъ отъ матери повѣрья, что въ ущербъ луны нельзя начинать важное дѣло, что понедѣльникъ несчастный день, что въ пятницу не слѣдуетъ работать. Онъ боялся колдуновъ и вѣдьмъ, дурнаго глаза, несчастныхъ встрѣчъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ былъ окруженъ бабусями, особаго рода старушками, знающими нашептыванія и заговоры. Онѣ оберегали панича отъ недобраго глаза и снимали »уроки«.

Первымъ наставникомъ помѣщичьихъ дѣтей почти всегда былъ дьякъ или священникъ мѣстной церкви. Паничи Халявскіе обучались у пана дьяка Кнышевскаго, Столбиковъ—у священника отца Филиппа. Кнышевскій по субботамъ производилъ генеральное сѣченіе, такъ называемыя субботки, что не помѣшало однако укрѣпленію среди учениковъ убѣжденія въ глупости учителя. Собственнымъ дворянскимъ умомъ, безъ содѣйствія пана дьяка, паничи дошли до искусства соблазнять несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и предметомъ первыхъ опытовъ экспериментальной физики избрали пятнадцатилѣтнюю дочь Кнышевскаго Ѳеодосію. Когда Петрусѣ Халявскому исполнилось шестнадцать лѣтъ, въ домъ приглашенъ былъ священникъ и прочитана молитва. Петрусь сдѣлалъ три поклона отцу и матери и принялъ отъ нихъ благословеніе на бритье бороды, при чемъ отъ отца получилъ бритву, а отъ матери кусокъ греческаго мыла и полотенцо, вышитое разноцвѣтными шелками. Въ заключеніе обряда брадобритія Петрусь получилъ изъ рукъ отца рюмку водки. Отъ Кнышевскаго паничи перешли къ Игнатію Галушкинскому, который поступилъ въ домъ Халявскихъ на слѣдующихъ условіяхъ: столъ съ господами, кромѣ банкетовъ, жить въ паничевской комнатѣ, для постели войлокъ и подушка, въ зимніе вечера одна свѣча на три дня, въ мѣсяцъ разъ позволеніе прокататься на таратайкѣ съ знакомымъ священникомъ не далѣе семи верстъ, черкеска съ барскихъ плечъ и по пяти рублей въ годъ отъ ученика. Онъ долженъ былъ обучать хлопцевъ россійскому чтенію, церковной и гражданской печати, письму и латинскому языку. Вышло такъ, что вмѣсто латыни, Галушкинскій пріучилъ паничей къ пьянству и хожденію по вечерницамъ. Отъ Галушкинскаго паничи перешли въ городскую школу. Заботливые родители снабдили ихъ съѣстными припасами для продовольствія и подарковъ школьному начальству, дали хлопца Юрка для прислуживанія, бабусю для приготовленія кушаньевъ и дѣвку, на обязанности которой лежало еженедѣльно мыть паничамъ голову и ежедневно заплетать имъ косы. Галушкинскій преподалъ имъ правила, какъ они должны были держать себя въ школѣ относительно начальства и товарищей: передъ начальствомъ они должны стоять съ благоговѣніемъ, изобразивъ собою — ? — знакъ вопросительный, переносить наказаніе въ мѣрѣ, числѣ и видѣ, какое соблаговолитъ назначить мудрое право-

судіе начальника и ни въ чемъ ему не противорѣчить, хотя бы онъ полдень называлъ полночью, а глаголъ именемъ существительнымъ, преклоняться и передъ помощникомъ, потому что часто помощникъ бываетъ глаголъ дѣйствительный, а начальникъ—точка, знакъ сильный, но безгласный,—учителей уважать только въ глаза, передъ товарищами держать себя по шляхетски, какъ знакъ — ! — »удивительный«, не красть на рынкѣ, не пьянствовать. Начальникъ школы, прочитавъ письмо отца Халявкихъ, поданное Галушкинскимъ, спросилъ: »ну что-жъ«? »Сейчасъ« отвѣтилъ Галушкинскій и началъ дѣйствовать. Первоначально онъ внесъ три головы сахару и три куска выбѣленнаго, тончайшаго домашняго холста. Начальникъ сказалъ меланхолически: »вписать ихъ въ синтаксисъ«. Домине Галушкинскій поклонился, вышелъ и вскорѣ возвратился, неся три сосуда съ коровьимъ масломъ и три мѣшечка отличныхъ разныхъ крупъ. Реверендиссиме, поднявъ голову, сказалъ: »они могутъ быть въ піитикѣ«. Галушкинскій втащилъ три боченка, съ вишневкою, терновкою и сливянкою. Начальникъ даже улыбнулся и сказалъ: »впрочемъ вписать ихъ въ риторику«.

Столбиковъ, выучившись грамотѣ у добраго священника о. Филиппа, поступилъ во французскій пансіонъ Филу. Французы—воспитатели русскаго юношества, гувернеры и гувернантки, въ сочиненіяхъ Квитки являются невѣжами и пошляками. Таковы мусье Филу въ »Похожденіяхъ Столбикова«, m-me Torchon въ »Украинскихъ дипломатахъ« и m-lle Ламбо въ »Харьковской Ганнусѣ«. Филу обманываетъ родителей внѣшнимъ блескомъ заведенія. Программа занятій обширная; экзамены торжественны. Въ дѣйствительности ученики занимаются крайне мало. Невѣжа и безбожникъ Филу прекращаетъ однако уроки въ небольшіе церковные праздники. Ученики усвоиваютъ хорошо разговорный французскій языкъ, танцы и отчасти музыку. Въ ариѳметикѣ они не идутъ далѣе умноженія, закона Божія не проходятъ (Филу находитъ этотъ предметъ неудобопостигаемымъ), исторіи, географіи и рисованію не учатся (Филу считаетъ ихъ безполезными). Ученики рано начали заигрывать съ дочерью Филу, для которой игра эта не прошла благополучно: пришлось ей подъ благовиднымъ предлогомъ удалиться къ тетушкѣ. Какъ видно, пансіонъ Филу былъ изъ рукъ вонъ плохъ; но въ немъ, какъ, вѣроятно, во многихъ французскихъ пансіонахъ въ Россіи,

носилась уже мысль, сдѣлавшаяся съ конца прошлаго столѣтія неотъемлемымъ достояніемъ французской націи,—мысль о правѣ человѣка свободно устраивать свою судьбу. Пересаженная на русскую почву, мысль эта много теряла; но и въ блѣдномъ своемъ видѣ она вызывала негодованіе. Когда Столбиковъ замѣтилъ впослѣдствіи одному полковнику: »въ пансіонѣ мнѣ объяснили, что человѣкъ рожденъ свободнымъ, долженъ избрать занятіе по свей волѣ, а не по прихоти...«, полковникъ не далъ ему докончить фразу и закричалъ: »молчать! если ты еще запесешь эту чепуху, а мнѣ донесутъ о томъ, то я тебя своими руками удушу«....

Квитка различаетъ двѣ эпохи въ исторіи женскаго образованія; въ прежнюю эпоху, приблизительно въ концѣ прошлаго столѣтія, воспитана—значило вскормлена, вспоена, не жалѣя кошту, и отъ того дѣвка полная, крупная, что называется кровь съ молокомъ; образована—значило, что она имѣетъ во что нарядиться и дать себѣ образъ или видъ замѣчательный; въ эпоху болѣе позднюю, приблизительно въ первую четверть текущаго столѣтія, воспитаніе и образованіе состояли въ знаніи иностранныхъ языковъ, танцевъ и музыки и въ умѣніи хорошо держать себѣ въ обществѣ, понимаемомъ въ узкомъ, старинномъ смыслѣ случайнаго собранія гостей. Въ »доброе старое время« дѣвушки до 12—15 лѣтъ считались дѣтьми и ходили иногда въ одной сорочкѣ, перехваченной поясомъ. Такъ Софійка Халявская впервые надѣла корсетъ и юпку по истеченіи 14 лѣтъ. Пазинька Шпакъ до 12 лѣтъ ходила въ дѣтской рубашечкѣ, съ поясомъ изъ широкой атласной розовой ленты. Фенна Степановна, мать ея, ходила въ такомъ легкомъ костюмѣ до 15 лѣтъ. Онѣ окружены няньками, бабусями, сказочницами, шутихами. Объ образованіи дѣвушекъ вообще мало заботились. »Умъ въ супружествѣ для жены не нуженъ; это аксіома«; заявляетъ Трушко Халявскій; »если-бы и случилось женѣ имѣть частичку его, она должна его гасить и нигдѣ не показывать; иначе къ чему ей мужъ, когда она можетъ разсуждать«. Понятно, что подобное мнѣніе о значеніи женскаго ума въ семейной жизни не могло вызывать въ дворянской средѣ стремленія къ образованію дѣвицъ. Женщину любили, какъ нѣжную подругу, уважали, какъ заботливую мать и хорошую хозяйку—домоправительницу. Ей отводили область чувства; въ характерѣ и умѣ ей отказывали. Ей никто не

мѣшалъ любить, если проявляемая любовь не выходила за предѣлы захолустнаго общественнаго мнѣнія, не нарушала ограниченный кодексъ нравственныхъ правилъ околотка. Небрежное отношеніе къ умственному развитію дѣвицъ имѣло слѣдствіемъ, что, по словамъ Квитки, »весь женскій полъ не только сами, чтобы разсуждать, да и тѣхъ не любятъ, кои разсуждаютъ«. Пазинька Шпакъ служитъ представительницей старинныхъ барышень, получившихъ домашнее образованіе, безъ гувернантокъ; она можетъ прочитать романъ; она умѣетъ надряпать любовную записочку; главное, она великая мастерица на разныя печенія, соленія и варенья. Можно быть увѣреннымъ, что Пазинька, по выходѣ замужъ, будетъ хорошая »мужняя« жена и чадолюбивая мать. Евжени Опецковская представляетъ образецъ барышни, воспитанной на новомодный нѣкогда французскій ладъ. M-me Torchon выучила ее говорить по французски, читать безнравственные романы и восторгаться офицерами. Французское воспитаніе не дало ей ничего хорошаго общечеловѣческаго; оно только лишило ее того хорошаго національнаго, что есть въ Пазинькѣ, малоразвитой, слабохарактерной, но честной и доброй. Можно безошибочно сказать, что Евжени въ замужествѣ уподобится Анисьѣ Ивановнѣ Халявской, которая во время пріѣзда офицеровъ прогоняетъ мужа въ деревню хозяйничать, а дѣтей въ школу учиться.

Отношеніе господъ къ прислугѣ въ повѣстяхъ »Панна Сотниковна«, »Божія дѣти« и »Украинскіе дипломаты« просто и мягко. Побои рѣдки и незначительны. Горничныя живутъ съ барышнями почти одною жизнью. Прислуга, по сочиненіямъ Квитки, принимала живое участіе въ интересахъ помѣщичьей семьи и была ей весьма предана.

Квитка впервые сдѣлалъ попытку представить въ литературѣ »развивателя«, въ повѣсти »Ложныя понятія«. Сынъ казака Омельянъ Григорьевичъ, обучившись въ Хоролѣ, потомъ въ Харьковѣ, пробирается въ дворянство. Онъ имя Омельянъ измѣнилъ въ Эмиля, облекся въ сюртукъ, надѣлъ очки, сталъ курить сигары. Водевильные куплеты и винцо составляютъ главное его развлеченіе. Въ 18 лѣтъ онъ изучилъ людей, позналъ ихъ неблагодарность и невѣжество. Онъ находитъ, что чистыя понятія и здравыя идеи живутъ лишь въ новомъ поколѣніи, въ молодежи, что стариковъ

не слѣдуетъ уважать, такъ какъ единственное ихъ преимущество состоитъ въ томъ, что они на своемъ долгомъ вѣку много съѣли и много выпили, что предки—поголовное дурачье. Похищеніе чужой собственности вовсе не дурно, если оно совершено для блага человѣчества; соблазнъ замужней женщины—дѣло хорошее, честное, если она имѣетъ дурнаго мужа. Эмиль передъ двоюродной сестрой, красивой дѣвушкой, развиваетъ ту мысль, что бракъ—глупая, варварская церемонія; женщина должна слѣдовать велѣнію благодѣтельной натуры; самое священное родство—любовь....

Малорусское дворянство уже и во время Квитки, т. е. полвѣка назадъ, далеко стояло отъ простаго народа, по языку, нравамъ, привычкамъ, и если кто либо изъ дворянской среды дѣлалъ шагъ къ сближенію съ крестьяниномъ, то это являлось столь страннымъ, что крестьянинъ первый сторонился и уходилъ отъ пана подалѣе. Въ »Харьковской Гаппусѣ« добродушный панъ предлагаетъ въ большую грязь дѣвочкѣ, продающей пироги, сѣсть рядомъ съ нимъ на дрожкахъ. »Отце ще, почти закричала дѣвочка; развѣ можно мнѣ ѣздить съ панами на дрожкахъ?«. Въ трогательной драмѣ »Щира любовь« офицеръ Зоринъ желаетъ жениться на крестьянской дѣвушкѣ Галечкѣ. Она горячо его любитъ, но ни за что не соглашается выйти за него, потому что она »неривня«. »Не однакови зирочки на небесахъ«, поэтически объясняетъ она причину отказа, »не однакови и деревья по садкамъ. Не буде вишенька цвисти яблуновымъ цвитомъ; не прйме березонька липового листочка; не позберe соловейко иншои пташечки, якъ тильки зъ свого роду. Усёму свій законъ, а чоловикови ще найбильшъ того«.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ БУМАГЪ МОГИЛЕВСКАГО АРХІЕПИСКОПА АНАТОЛІЯ МАРТИНОВСКАГО.

Съ личностью преосв. Анатолія постоянные читатели »Кіевской Старины« знакомы. Въ майской книжкѣ 1882 г., помѣщены были его замѣтки о положеніи нашей церкви, подъ заглавіемъ: »Архіерейскія печали«, которое удачно придалъ имъ г. Береза, сообщившій редакціи эти замѣтки. Въ іюльской книжкѣ 1883 г. докторъ Пирожковъ посвятилъ памяти преосв. Анатолія нѣсколько самыхъ искреннихъ и теплыхъ воспоминаній. Но то и другое составляетъ лишь самую микроскопическую долю того, что осталось отъ почившаго архипастыря и что объ немъ можно и должно сказать. Преосв. Анатолій Мартиновскій, по своимъ воззрѣніямъ на церковно-религіозную и общественную жизнь, по своей проповѣдической и литературной дѣятельности, по своему наконецъ строгому образу жизни заслуживаетъ полнаго и внимательнаго изученія. Пока, разумѣется, можетъ идти рѣчь только о матеріалахъ для полной его біографіи.

Для внѣшней, такъ сказать, ея стороны, какъ хронологическій указатель главнѣйшихъ фактовъ въ жизни и службѣ преосв. Анатолія, сообщаемъ точныя біографическія данныя, которыя заимствуемъ изъ сообщеннаго намъ Л. С. Мацѣевичемъ послужнаго списка почившаго архипастыря, провѣреннаго имъ самимъ при жизни, именно въ послѣдній годъ его службы.

Августинъ Мартиновскій,—впослѣдствіи архіепископъ, съ именемъ Анатолія,—родился въ Подоліи, приблизительно въ 1797 г. Отецъ его Василій Мартиновскій былъ священникомъ въ м. Мясковкѣ, что нынѣ ольгопольскаго уѣзда, подольской губерніи. Итакъ ему съ малыхъ лѣтъ пришлось быть свидѣтелемъ съ одной стороны новозаводимыхъ въ присоединенной Подоліи порядковъ церковныхъ, а съ другой—страшнаго гнета польскаго, съ особенною силою развившагося подъ скипетромъ россійскимъ, главнымъ образомъ въ царствованіе Александра Благословеннаго. Въ то время въ Каменцѣ-Подольскомъ существовала уже духовная семинарія, въ которой онъ и получилъ первоначальное свое образованіе. Предметы, которые онъ

изучалъ здѣсь, въ формулярѣ перечисляются въ томъ порядкѣ и подъ тѣми наименованіями, которыя установились въ духовныхъ семинаріяхъ впослѣдствіи, и только по мелочной замѣткѣ подъ 1812 г. узнаемъ, что тамъ преподавалось тогда »рисовальное искусство« и что учителемъ онаго былъ назначенъ въ этомъ году Августинъ Мартиновскій, состоя еще слушателемъ богословскихъ наукъ. Съ 1813 по 1817 г. ему, окончившему уже полный семинарскій курсъ, поручались для преподаванія въ разныхъ классахъ и другіе предметы: ариѳметика, грамматика и польскій языкъ, но »рисовальное искусство« оставалось за нимъ во все это время, изъ чего должно заключить, что онъ былъ знатокомъ этого предмета, быть можетъ единственнымъ и незамѣнимымъ. Гдѣ и какъ онъ самъ выучился ему и какъ обучалъ другихъ,—остается неизвѣстнымъ. Въ концѣ 1817 г. Августинъ Мартиновскій поступилъ во священники въ м. Грановъ, гайсинскаго уѣзда; около двухъ лѣтъ спустя овдовѣлъ и поступилъ въ каменецъ-подольскій монастырь съ намѣреніемъ постричься въ монахи. Состоя два года на искусѣ, въ сентябрѣ 1821 г. онъ получилъ мѣсто учителя въ старшемъ классѣ каменецкаго духовнаго училища, а въ апрѣлѣ слѣдующаго года переведенъ въ семинарію на польскій языкъ и вслѣдъ за симъ постриженъ въ монахи, съ именемъ Анатолія, при церкви архіерейскаго дома. Хотя спустя двѣ недѣли іеромонаху Анатолію предоставлена должность намѣстника каменецкаго монастыря, съ сохраненіемъ наставнической должности, а спустя четыре мѣсяца пожалована первая духовная награда—набедренникъ, но его тянуло къ высшему образованію, и въ октябрѣ слѣдующаго 1823 года онъ оставилъ Каменецъ и поступилъ въ старшій, богословскій курсъ кіевской духовной академіи. Съ окончаніемъ въ ней курса, со степенью магистра, Анатолій въ декабрѣ 1825 г. оставленъ былъ баккалавромъ при академіи, при чемъ поручены ему для преподаванія два совершенно разнородные предмета: польскій языкъ и библіологія, или наука о священномъ писаніи. Спустя четыре года его назначаютъ ректоромъ курской семинаріи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, а въ 1832 году переводятъ на такую-же должность въ Новгородъ; тамъ и здѣсь онъ принимаетъ участіе въ дѣлахъ епархіальныхъ, по званію члена консисторіи, благочиннаго монастырей и цензора проповѣдей. Въ 1840 г. архимандритъ Анатолій возводится въ санъ архіерейскій, съ названіемъ епископа екатеринбургскаго, въ должности викарія пермской епархіи, въ 1841 г. переводится на такую-же должность въ волынскую епархію, въ ближайшее сосѣдство къ родинѣ, а въ 1844 году назначается для самостоятельнаго управленія могилевскою епархіею. Здѣсь-то онъ, въ теченіи 15-ти съ лишнимъ лѣтъ, постепенно раскрываетъ свою глубокохристіанскую и патріотическую дѣятельность, далеко выступающую за предѣлы заботъ о ввѣренной ему епархіи, обнаруживаетъ высокіе и свѣтлые идеалы, которымъ оставался вѣренъ во всю свою жизнь, проявляетъ тонкое пониманіе нуждъ и дѣлъ православія, горячее желаніе служить церкви и обществу, побороть или ослабить вѣками вкоренившееся въ нихъ зло, пишетъ массу смѣлыхъ и подъ часъ

крайне рѣзкихъ проэктовъ, замѣтокъ и писемъ по разнымъ вопросамъ церкви, науки и жизни, встрѣчаетъ по большей части то равнодушіе къ своимъ заявленіямъ, то волокиту и медленность, то прямое противодѣйствіе, терпитъ неудачи и полный разочарованія, съ глубокимъ огорченіемъ, въ половинѣ 1860 года оставляетъ епархію и службу и удаляется на *покой* въ бессарабскій гербовецкій монастырь, унося съ собою почетныя званія и награды, безполезныя, возбуждавшія одно грустное воспоминаніе. Живя здѣсь въ добровольномъ уединеніи, архіепископъ Анатолій скоро почувствовалъ всѣ невыгоды онаго, раскаевается въ безповоротномъ рѣшеніи своей судьбы, такъ сказать, сгоряча, сожалѣетъ, что оставилъ постъ, съ высоты котораго его голосъ все еще могъ слышаться и возбуждать къ дѣятельности другихъ, старается возвратить хотя отчасти свое прежнее положеніе, проситъ, безуспѣшно, мѣста цензора въ Петербургѣ, не ослабѣваетъ въ энергіи, пишетъ замѣтки, наброски про себя, по временамъ шлетъ полныя огня и ума письма и замѣтки къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, имѣющія лишь изрѣдка ходъ, и удрученный болѣзнями и старостію, умираетъ наконецъ въ 1872 году въ томъ-же гербовецкомъ монастырѣ, имѣя около 80 лѣтъ отъ рожденія.

Для характеристики внутренней жизни пр. Анатолія предлагаемъ здѣсь рядъ его замѣтокъ и записокъ по разнымъ вопросамъ. Всѣ они, за исключеніемъ наиболѣе пространнаго трактата о еврейскомъ вопросѣ, не представляютъ собою чего-нибудь цѣльнаго, полно обдуманнаго и законченнаго. Это больше наброски и даже обрывки, принадлежащіе разнымъ временамъ и матеріямъ, соединенные нами подъ одною общею нумераціею, и тѣмъ не менѣе они кажутся намъ не однимъ историко-біографическимъ матеріаломъ,—въ нихъ слышится и живой публицистическій голосъ, въ особенности по вопросамъ польскому и еврейскому, получившимъ въ настоящую пору гораздо большее развитіе и занимающимъ теперь и правительственныя сферы, и общество, и печать. Первая замѣтка относится очевидно къ первой четверти нынѣшняго столѣтія и касается тогдашнихъ злоупотребленій въ епархіальномъ управленіи на его родинѣ; вторая, нѣсколько однородная, въ формѣ неполнаго письма его къ преосв. Антонію Амфитеатрову, писана въ позднѣйшіе годы, изъ гербовецкаго уединенія; остальныя три имѣютъ опредѣленную дату и писаны не задолго до удаленія арх. Анатолія на покой. Дѣятельность латино-польской пропаганды и бездѣятельность и зависимость нашей іерархіи составляли особенно наболѣвшее мѣсто въ душѣ апостольски-ревностнаго іерарха и онъ касается этихъ предметовъ во многихъ своихъ запискахъ и письмахъ, съ большею даже подробностію, силою и рѣзкостію, чѣмъ здѣсь. Соображенія по еврейскому вопросу мы встрѣчаемъ впервые и зато они являются здѣсь въ наиболѣе полномъ и законченномъ видѣ. Много въ нихъ любопытнаго и интереснаго и для нашего времени, но во многомъ проглядываетъ и неполное знаніе вопроса и наивная вѣра въ возможность превращенія прозелитовъ изъ евреевъ въ честныхъ и полезныхъ людей, съ помощію административныхъ и полицейскихъ мѣръ. Эта вѣра и вообще

мысль о миссіонерствѣ въ средѣ евреевъ отнюдь не вяжутся съ строго практическимъ и проницательнымъ взглядомъ арх. Анатолія, который онъ обнаруживаетъ по многимъ другимъ вопросамъ, и объясняются господствовавшею въ 50 годахъ въ высшихъ духовныхъ сферахъ мыслію о такомъ миссіонерствѣ, явившеюся, какъ кажется, случайно, подъ вліяніемъ ловко пущенныхъ широкихъ затѣй на этотъ счетъ упоминаемаго преосв. Анатоліемъ прозелита Темкина. Это былъ умный, широко образованный и рѣчистый раввинъ. Обстоятельства обращенія его намъ неизвѣстны. Долгое время онъ ютился при петербургской духовной академіи и морочилъ тамошнія духовныя сферы несбыточными мечтами объ обращеніи едва-ли не всѣхъ русскихъ евреевъ въ христіанство, съ помощію сочиняемыхъ имъ брошюрокъ, пока не былъ переданъ на попеченіе кіевскаго митрополита Филарета и въ пріютъ кіевской академіи и пока и здѣсь, какъ и тамъ, не обнаружились его пьянство, похотливость и тщета придумываемыхъ имъ грандіозныхъ проэктовъ. Мы знали лично Темкина, какъ и другаго, не менѣе смѣлаго прожектёра К. Говорскаго, котораго преосв. Анатолій считаетъ жертвою латинопольской пропаганды. Въ судьбѣ обоихъ, даже въ нравственныхъ ихъ чертахъ, было нѣчто общее. Тотъ и другой прозелиты,—Темкинъ изъ евреевъ, Говорскій изъ уніатовъ, но женатый на еврейкѣ; тотъ мечталъ объ обращеніи евреевъ, мыслью послѣдняго было едва-ли не обращеніе поляковъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края. Оба для достиженія проповѣдуемыхъ ими идей писали брошюры, послѣдній даже журналъ издавалъ; въ средствахъ одинаково были неразборчивы. Оба смущали прежде сѣверъ, потомъ юго-западъ Россіи и оба переселялись потомъ на сѣверо-западъ; здѣсь, подъ покровительствомъ Муравьева, послѣдній устроился было даже совсѣмъ не дурно. Въ концѣ концевъ оба ничего не достигли: Темкинъ спился, Говорскій кончилъ жизнь въ состояніи помѣшательства. Жертвою польской пропаганды онъ самъ себя выставлялъ всегда и вездѣ и этимъ ловко маскировалъ свои личные разсчеты. Едва-ли однако польская интрига, по крайней мѣрѣ она одна, навлекла на Говорскаго преслѣдованіе его ближайшаго начальства, какъ замѣчаетъ въ своей запискѣ о латино-польской пропагандѣ арх. Анатолій; виною въ этомъ случаѣ были доносы Говорскаго въ Петербургъ на это самое начальство, и если оно потомъ очернило его, то онъ далеко не остался предъ нимъ въ долгу. Удаленіе архіепископа Василія Лужинскаго отъ дѣлъ епархіи стояло въ связи съ доносами Говорскаго.

Эти предварительныя свѣдѣнія мы сочли не лишними какъ для ознакомленія читателей съ личностію автора предлагаемыхъ замѣтокъ и записокъ, такъ и для нѣкоторыхъ поясненій и поправокъ къ нимъ; въ остальномъ предоставляемъ оцѣнку самимъ читателямъ.

I.

Мои мысли и наблюденія нравовъ человѣческихъ (но не для всѣхъ).

Свѣтъ наполненъ неправдами и насиліями... При Божіей помощи я всѣми силами буду стараться быть добрымъ и истинно полезнымъ для людей, чтобы единицею уменьшилось число злыхъ.

Небомъ благословенный тотъ домъ, въ которомъ не былъ лѣкарь и счастливъ человѣкъ, который не испыталъ судебныхъ распрь: говоритъ польская пословица. Примѣры злодѣйства и ненасытимое корыстолюбіе даже въ власти духовной, ненаказанность сильныхъ за самыя величайшія преступленія—не одного изъ невинно гонимыхъ понудили прибѣгнуть къ законамъ, но законы молчали или по общей всего превратности довершали его гибель; оставалось взывать къ небу,—но громы спали: человѣческій голосъ не имѣетъ силы кондуктора притягивать ихъ на землю.

Многіе съ дарованіями и чрезвычайными способностями, отъ рабства, нуждою на нихъ налагаемаго, и отъ нищеты, ихъ снѣдающей, безъ поощренія, упали духомъ,—быстрый умъ ихъ, сокрушенный смутными мыслями, гибнетъ какъ дерево безъ вѣтвей, какъ безъ свѣта пламенникъ...

Итакъ надобно вооружиться стоическимъ терпѣніемъ; самому стараться быть добрымъ, а все окружающее добро и зло считать за одно, то есть быть ко всему равнодушнымъ: воображая, какъ-бы свѣтъ былъ театромъ, люди—актерами, ихъ страсти, злодѣянія и поступки вѣчно представляющимися сценами, непремѣнно нужными къ составленію драмы, отъ начала міра до сихъ поръ продолжаемой; ни о чемъ, раздражающемъ чувствительность нашего сердца, не думать, и ни мало не разсуждать о степени зла, насъ окружающаго... Часто одна мысль болѣе насъ безпокоитъ, нежели деспотизмъ можетъ причинить вреда; мысли наши тиранницы, онѣ раждаютъ душевныя болѣзни, которыя опаснѣе тѣлесныхъ. Свѣтъ, говорятъ, достигъ высочайшей степени своей испорченности: всякій говоритъ о добродѣтели и нравахъ человѣческихъ съ краснорѣчіемъ Сенеки; всѣ учились морали, или по крайней мѣрѣ читали въ семъ родѣ книги. Чтожъ? для того чтобы въ самомъ дѣлѣ быть добрыми? Совсѣмъ нѣтъ: съ того времени, какъ люди все священное стали называть баснями или романами,—это послужило къ тому, чтобы

умѣть какъ можно лучше представить добродѣтельнаго, играть роль справедливаго, и замапивать такимъ образомъ въ свои сѣти неопытныя, довѣрчивыя и невинныя еще сердца.

Религія въ чрезвычайномъ разслабленіи и въ таковыхъ теперь несчастныхъ болѣзненныхъ припадкахъ, которые тысячекратно превосходятъ претерпѣнные ею въ ея возрожденіи, когда она нечестивыми всюду гонима была, но яко кринъ сельный, между терніемъ при источникѣ прозябающій, орошаема мученическою кровію, въ новомъ блескѣ съ торжествомъ всегда возносила главу свою; тогдашнія ея страданія подобны были мудрымъ врача операціямъ, которыя, причиняя нестерпимую по видимому боль, даруютъ впослѣдствіи здоровье и цвѣтущее мужество,—это были раны, которыя ѣдкіе пластры исцѣляли; теперешнія суть судорожныя мученія умирающаго. Дуракъ, не простирающій далѣе своихъ понятій надъ счисленіе своихъ пальцевъ, утверждаетъ важно, что религія нужна только для политическихъ видовъ. Каждый, добившись, по мнѣнію его, въ полубоги, за величайшую мудрость считаетъ преслѣдовать духовныхъ; всѣ вообще пустились новомоднымъ образомъ философствовать. Духовные,—не тѣ, которые на деревняхъ и которыхъ рокъ со дня на день сравниваетъ съ поселянами, а начальство ихъ,—не находятъ болѣе удовольствія быть нищими духомъ, вмѣсто защиты подвластнымъ преслѣдуютъ ихъ до гроба; все на откупу, каждый степень начальства ихъ, даже духовныя овечки,—все продажное.

Защиты нигдѣ,—указы, законы, положенія премудры. Христосъ—глава церкви, состоящей изъ тѣхъ единицами считаемыхъ немногихъ, которые рѣшились, одиноки будучи, претерпѣвать все и быть несчастнѣйшими въ свѣтѣ; не назову ихъ,—ихъ называютъ дураками, суевѣрами и наконецъ, ежели ихъ существованіе чрезвычайно колетъ въ глаза, чтобы скорѣе ихъ сбыться, бунтовщиками. Сердце царя[1]),—какого не имѣли ни Титы, ни Авреліи. Но законы—на бумагѣ; Христосъ будетъ страшнымъ судьею въ послѣдній день; царь, говорятъ простолюдины, далеко; итакъ все это, ежели ничего не значитъ, по крайней мѣрѣ вовсе недѣйствительно;

---

[1]) Разумѣется императоръ Александръ Павловичъ.—К. Береза.

для доказательства возмемъ одинъ духовный санъ. Почему такая-то и такая протопопія не имѣетъ протоіерея? Можетъ быть нѣтъ достойнаго? Совсѣмъ нѣтъ; нѣтъ такого, который бы далъ за нее 200 червонцевъ или триста. Почему такой-то приходъ празденъ? Вамъ скажутъ: тамъ сироты или это славный приходъ, нѣту достойнаго человѣка; это въ истинномъ смыслѣ значитъ, что за такой-то приходъ надобно дать, какъ положено въ тарифѣ или какъ можно выторговать: 50 или 80 или 100 червонцевъ, или уже на него данъ задатокъ въ такой-то и въ такой протопопіи или во всѣхъ. Даже въ консисторіи нѣтъ положенныхъ законами присутствующихъ и членовъ; а хотя и есть, но это только движущіяся машины. Почему это? Чтобы другіе къ своему защищенію не знали законовъ; чтобы, начиная отъ перваго, всѣ протоіереи ссали послѣднюю кровь несчастныхъ безъ свидѣтелей, или за деньги, въ глазахъ цѣлаго свѣта, низвергали въ пропасть гибели нищихъ и сиротъ—безъ малѣйшаго наказанія.

II.

Министерство государственныхъ имуществъ и государственные крестьяне.

Правительство, учреждая особое министерство государственныхъ имуществъ, имѣло въ виду высокую благодѣтельную цѣль; но лица, посредствомъ коихъ совершается управленіе государственными крестьянами могилевской губерніи, далеко не соотвѣтствуютъ благимъ намѣреніямъ попечительнаго правительства.

Экономическое имущество упраздненныхъ фольварковъ: строенія, хлѣбъ, мѣдь, желѣзо и другіе матеріалы едвали принесли какую либо пользу казнѣ; большею частію оно осталось въ рукахъ старшинъ. По этому дѣлу были наряжаемы отъ палаты изслѣдованія; но люди допускались къ показаніямъ только тогда, когда были научены старшинами, что и какъ показывать чиновникамъ.

Люстрація земель производилась люстраторами, землемѣрами, окружными начальниками, ихъ помощниками и старшинами не только не безкорыстно, но очень недобросовѣстно, потому что многіе крестьяне лишились лучшихъ своихъ угодій, доставшихся людямъ зажиточнымъ и богатымъ; по этой причинѣ всѣ почти луч-

шія церковныя угодія подъ разными предлогами отторгнуты отъ церквей и замѣнены другими менѣе удобными, но надѣлъ и сихъ угодій по сію пору не приведенъ къ окончанію.

Всѣ запасныя земли пахатныя и сѣнокосныя не только не раздѣляются, какъ слѣдуетъ, на крестьянъ, но сдѣлались единственно достояніемъ старшинъ, кои по своему выбору пашутъ и косятъ ихъ казенными-же крестьянами въ свою пользу. Не можетъ статься, чтобы ближайшее начальство, окружные и ихъ помощники всего этого не знали и не видѣли.

Деньги на общественныя повинности старшинами взыскиваются по произволу несравненно болѣе; но вписывается крестьянамъ въ книжки только то количество, сколько слѣдуетъ. На приходскія повинности взимается съ дома по 1 р. 50 к., что составитъ по количеству приходскихъ домовъ отъ 200 до 600 рублей серебромъ, тогда какъ расходы по этому предмету не превышаютъ въ каждомъ приходѣ 130 рублей серебромъ, а тамъ, гдѣ устроены помѣщенія, приходская повинность обходится вдвое менѣе. Гдѣ-же нѣтъ помѣщеній для церковнаго причта и нанимаются оныя у жителей, сельскія управленія денегъ за нихъ хозяевамъ не уплачиваютъ, оттого никто не желаетъ держать у себя причетниковъ на квартирѣ.

На развитіе между крестьянами земледѣлія не обращается должнаго вниманія. Крестьяне безъ крайней нужды увольняются въ отдаленныя губерніи, а болѣе въ Москву; для заработковъ ходятъ туда цѣлыми семействами,—оставляя свои домы и поля, послѣднія—въ пользу зажиточныхъ крестьянъ, отчего нѣкоторая часть крестьянъ несоразмѣрно богатѣетъ, а большая бѣднѣетъ. Что ожидаетъ сихъ скитальцевъ подъ старость, когда у нихъ не достанетъ силъ ходить на заработки и не будетъ средствъ къ пропитанію? Паспорты на отлучку крестьянамъ стоятъ очень дорого. Нужно заплатить старшинѣ и сельскому писарю, такъ что паспортъ обходится отъ 10-ти до 20-ти рублей серебромъ, а между тѣмъ выработанныя деньги, хотя и присылаются старшинамъ на повинности, въ записяхъ не показываются; въ книгахъ видна одна только недоимка, которая разлагается на тѣхъ крестьянъ, кои на лицо состоятъ, и съ нихъ взыскивается строгими мѣрами.

Старшины наказываютъ крестьянъ жестоко подъ видомъ приговоровъ; тѣлесныя наказанія невыносимы, отчего крестьяне тре-

пещутъ предъ старшинами и при малѣйшемъ ихъ требованіи, оставляя всѣ свои занятія, бѣгутъ къ нимъ на работу. Горецкій старшина Автономъ Андреевъ далъ розгами до 300 ударовъ крестьянину деревни Задорожья, брату старосты того-же управленія, за напоминаніе, что онъ—старшина удержалъ у себя 10 рублей, присужденныхъ ему на выставкѣ, что взялъ у него безплатно новую избу и не платитъ одолженныхъ 25 рублей серебромъ.

Рекрутская повинность также не отрадна для бѣдныхъ крестьянъ. Сперва забираются и состоящіе и несостоящіе на очереди дѣти зажиточныхъ крестьянъ, кои, не бывъ допущены къ жеребью, откупаются родителями у помощниковъ и старшинъ дорогою цѣною, хотя въ слѣдующій наборъ тоже поспѣваютъ къ этой повинности. Взыскиваемыя съ крестьянъ на отдачу рекрутъ деньги издерживаются по произволу помощниковъ и старшинъ, безъ отдачи потомъ обществу отчета въ расходахъ.

Окружные начальники и ихъ помощники, а также и старшины обращаются съ приходскими священниками дерзко, надменно, дѣлаютъ имъ всякаго рода притѣсненія, что видя крестьяне не оказываютъ должнаго уваженія и почтенія своимъ духовнымъ отцамъ, отчего отношенія и связи между тѣми и другими видимо слабѣютъ,—и такимъ образомъ процессъ нравственнаго и религіознаго образованія крестьянъ совершается медленно.

III.

Латинопольская пропаганда.

Въ могилевской и прилежащихъ ей областяхъ пропаганда латинизма скрытно, но настойчиво дѣйствуетъ ко вреду православія. Признаками такихъ ея дѣйствій должно почесть: всемѣрное устраненіе ксендзовъ и вообще послѣдователей латинизма отъ общенія съ православными, особенно со священниками, что въ прежніе годы не такъ было примѣтно; общіе отказы ксендзовъ въ выдачѣ свидѣтельствъ желающимъ жениться на православныхъ о лѣтахъ ихъ для представленія православнымъ священникамъ; отказы помѣщиковъ въ удовлетвореніи прошеніямъ священниковъ по самымъ вопіющимъ нуждамъ и презрительное съ ними обращеніе; часто со-

вершаемыя ксендзами, стекающимися во множествѣ съ помѣщиками поочередно въ разные костелы, такъ называемыя сорокачасовыя богослуженія (czterydzieste godzinne), на которыхъ ксендзы произносятъ многія, какія имъ угодно, проповѣди; наконецъ вновь появляющіяся совращенія православныхъ. Противодѣйствіе такимъ дѣйствіямъ латинской пропаганды, особенно обращеніе на путь истины совращенныхъ посредствомъ обыкновенныхъ сношеній съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ и предписаній мѣстнымъ священникамъ вразумлять заблудшихъ, требованіемъ ихъ въ консисторію и т. п. не только безполезно, но даже составляетъ торжество латинства: потому что въ губернскихъ правленіяхъ, въ уголовныхъ палатахъ и въ судахъ почти всѣ присутствующіе, члены и писцы латинскаго вѣроисповѣданія. Совратившіяся жертвы латинскаго фанатизма не только избѣгаютъ сближенія, но даже встрѣчи съ православными священниками, а увѣщанія совратившихся, чинимыя въ консисторіяхъ, вообще безплодны: потому что для доведенія совратившихся къ перемѣнѣ превратнаго образа мыслей требуется время, а въ консисторіи не болѣе какъ въ теченіи двоихъ или троихъ сутокъ по одному или двумъ часамъ можно дѣлать увѣщанія заблудшимъ, тогда какъ они въ теченіи такого времени вынуждены питаться и гдѣ-либо имѣть квартиру на свой счотъ, и посему считаютъ такое обращеніе съ ними гоненіемъ за вѣру.

Соображая дѣйствія латинской пропаганды съ мѣстными обстоятельствами, полагаю, что противодѣйствіемъ ей могло-бы служить помѣщеніе въ прибавленіяхъ къ мѣстнымъ Губернскимъ Вѣдомостямъ хранящихся въ губернскихъ архивахъ историческихъ документовъ, свидѣтельствующихъ о гоненіи въ старыя времена въ здѣшнихъ областяхъ православія латинскимъ фанатизмомъ и уніятами, документовъ подобныхъ тѣмъ, какіе въ истекшемъ году были печатаемы въ прибавленіяхъ къ Витебскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ. Такіе историческіе памятники, будучи драгоцѣнными открытіями для церковной и отечественной исторіи, могли-бы охлаждать жаръ фанатизма помѣщиковъ здѣшняго края, убѣждая ихъ, что ихъ предки были православными и гонимыми за исповѣданіе православной вѣры, что посему они, какъ потомки православныхъ предковъ, не имѣютъ разумныхъ побужденій отвращаться отъ православія. Прибавленія къ Витебскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ въ

этомъ отношеніи столь драгоцѣнны, что заслуживали-бы даже распространенія во всѣхъ западныхъ губерніяхъ. Ибо если теперь и въ Россіи и внѣ предѣловъ ея печатаются лживые памфлеты и брошюры, составляются пасквили съ цѣлію очернить духовенство русской церкви: то изданіе въ свѣтъ историческихъ документовъ, свидѣтельствующихъ, сколько православная церковь претерпѣла въ западныхъ губерніяхъ гоненій отъ людей давно сошедшихъ съ позорища міра,—не оскорбляя современныхъ, доказывало-бы хотя косвенно, что и пасквили на счетъ отечественной церкви, издаваемые въ настоящее время, проистекаютъ отъ фанатизма людей, увлеченныхъ гнусными страстями, жаждущихъ гибели отечества и православной церкви. Но, къ прискорбію, редактора Витебскихъ Вѣдомостей всѣми мѣрами преслѣдуютъ теперь ксендзы, фанатики помѣщики и даже собственное его начальство, которое, по дошедшимъ до меня слухамъ,—не смотря на то, что само въ истекшемъ году рекомендовало Говорскаго[1]), какъ чиновника вполнѣ заслуживающаго награду, которую и получилъ онъ въ началѣ текущаго года,—чтобы не допустить Говорскаго къ должности архиваріуса центральнаго архива витебской и могилевской епархій, сочинило новый формулярный списокъ, въ которомъ очернило поведеніе Говорскаго самымъ язвительнымъ образомъ. Поэтому для всякаго теперь въ Витебскѣ очевидно, что враги отечественной церкви всѣми мѣрами гонятъ Говорскаго, всеусильно стараясь, чтобы, онъ ни въ какомъ вѣдомствѣ не получилъ мѣста, а особенно, чтобы онъ не могъ быть хранителемъ архива, заключающаго въ себѣ неисчерпаемый источникъ для исторіи Бѣлоруссіи, и нельзя не опасаться за цѣлость того архива, такъ какъ распаленные фанатизмомъ изувѣры готовы повредить, уничтожить самые важные документы, лишь-бы не осталось слѣдовъ ихъ происхожденія отъ предковъ православнаго вѣроисповѣданія.

Принимая, сверхъ того, во вниманіе, что жители Бѣлоруссіи, крестьяне и однодворцы, совратившіеся въ древнія времена въ латинство, на вопросъ: русскіе-ли они? обыкновенно отвѣчаютъ, буд-

[1]) *К. Говорскій* извѣстенъ, какъ редакторъ-издатель журнала, подъ названіемъ »Вѣстника юго-западной и западной Россіи« издававшагося въ Кіевѣ въ шестидесятыхъ годахъ и продолжавшагося въ Вильнѣ, съ выброскою въ названіи слова: *юго-западной*.—К. Береза.

то они поляки, что современная польская литература въ историческихъ статьяхъ, въ журналахъ, газетахъ и національныхъ повѣсткахъ, съ напряженнымъ усиліемъ, то прямо, то косвенно, старается доказывать, провозглашать, внушать, будто западныя русскія губерніи искони составляли Польшу до Смоленска, что помѣщики и образованнѣйшіе жители сихъ губерній съ фанатическимъ увлеченіемъ стали заниматься польскою литературою, что безъ всякой нужды исходатайствовали они преподаваніе польскаго языка въ гимназіяхъ, что въ генварѣ мѣсяцѣ текущаго года въ Могилевѣ во время дворянскихъ выборовъ ходила по рукамъ здѣшнихъ дворянъ прокламація извѣстнаго князя Чарторыйскаго, проживающаго за границей, убѣждающая помѣщиковъ дать крестьянамъ своимъ полную свободу, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ поляки—прикащики и ксендзы пользуются всякимъ случаемъ внушать крестьянамъ, будто они принадлежатъ Польшѣ, будто во время польскаго владычества поселяне блаженствовали: нельзя не видѣть, что поляки здѣшнихъ областей не оставляютъ завѣтной своей мечты о возстановленіи Польши и желанія при случаѣ вліяніемъ на народъ произвесть гибельные перевороты. Въ противоположность такимъ затѣямъ крайне необходимо въ поселянскихъ училищахъ западныхъ русскихъ губерній преподаваніе вмѣстѣ съ сокращенною церковною исторіею хотя самой краткой исторіи русскаго государства. Чѣмъ скорѣе введено было-бы изученіе такой исторіи въ тѣхъ училищахъ, тѣмъ лучше. Поэтому нѣтъ никакой надобности вновь заказывать кому-либо сочиненіе такой исторіи; какова-бы она ни была, лишь-бы краткая, хотя-бы такая, какая еще въ началѣ текущаго столѣтія изучалась въ кіевской гимназіи, сочиненная учителемъ той гимназіи Берлинскимъ. Вопіющая потребность состоитъ въ томъ, чтобы глубоко насадить въ умѣ и сердцѣ поселянъ западныхъ губерній, что они русскіе, что ихъ народность родственна великороссійской; что если они въ прежнія времена были угнетаемы, то единственно отъ порабощенія сословіемъ людей, чуждыхъ православной церкви.

Мая 27 дня, 1859 г.

— — — —

IV.

Еврейскій вопросъ.

Въ западныхъ областяхъ Россіи есть милліоны потомковъ древняго еврейскаго народа, упорно не признающаго исполненія данныхъ его родоначальникамъ обѣтованій Божіихъ о спасеніи чрезъ Іисуса Христа человѣческаго рода. Въ религіозномъ отношеніи умственное омраченіе евреевъ самыми нелѣпыми баснями талмудовъ и чудовищными вымыслами разныхъ писателей, порабощеніе безчисленнымъ, мнимообрядовымъ предписаніямъ раввинизма, коими каждый еврей обремененъ будто тяжкими оковами до того, что не только употребленіе чувственныхъ орудій, но даже всѣ движенія его оледотворены, скованы,—не могутъ не возбуждать въ душѣ размышляющаго ревностнаго желанія привесть ослѣпленный этотъ народъ ко свѣту вѣчной истины. Тѣмъ вожделѣннѣе для христіанина обращеніе евреевъ къ Богу отцевъ ихъ, что евреи, напитанные изъ дѣтства изувѣрскими внушеніями талмудистовъ и посему дыша скрытною непримиримою противъ христіанства ненавистію, всѣми мѣрами стараются постоянно дѣйствовать къ подрыву благосостоянія христіанъ всѣхъ сословій, особенно земледѣльческаго и мѣщанскаго состояній. Къ достиженію сей цѣли изъ дѣтства направлена и со всею напряженностію устремлена дѣятельность каждаго, по видимому празднаго еврея, а раввинскимъ ученіемъ не только разрѣшаются, но даже освящаются всѣ роды обмановъ, плутовства, клятвопреступленія, даже воровства и убійства, съ единственнымъ условіемъ, чтобы сіи беззаконія совершались во мракѣ глубочайшей скрытности, а слѣды вопіющихъ преступленій изглаживаемы были всѣми средствами.

Благодареніе Богу, съ нѣкотораго времени примѣтно въ еврейскихъ обществахъ броженіе мнѣній, по видимому благопріятныхъ для христіанства; кажется даже, что, по предсказанію пророка, духъ умиленія повѣялъ на сердца ихъ; по крайней мѣрѣ въ настоящее время несравненно въ большемъ количествѣ, нежели въ прежнія времена, начали евреи изъявлять желаніе просвѣтиться св. крещеніемъ. Но къ прискорбію, для озаренія ихъ свѣтомъ христіанскаго ученія, для убѣжденія въ истинахъ вѣры, къ обновленію духа и сердца ихъ евангельскими правилами для жизни, нѣтъ никакихъ пособій, приспособленныхъ къ понятію евреевъ, если принять въ

соображеніе, что они говорятъ искаженнымъ нѣмецкимъ языкомъ, съ примѣсью словъ областныхъ, русскихъ, литовскихъ, польскихъ, тогда какъ для сообщенія понятія о высокихъ таинствахъ христіанскаго ученія на всѣхъ языкахъ употребляются слововыраженія обдуманныя, освященныя для сей цѣли церковною властію. Отъ этого происходитъ, что въ собесѣдованіяхъ съ евреями о предметахъ вѣроученія христіанскаго всякое доказательство теряетъ свою силу, а принявшіе изъ евреевъ св. крещеніе остаются съ предзанятыми изъ дѣтства мнѣніями, не имѣютъ твердой нравственной опоры для христіанской дѣятельности, совращаются на путь порока, становятся предметомъ презрѣнія и подвергаютъ христіанское вѣроученіе порицанію прежнихъ своихъ единовѣрцевъ. Изъ сего видно, сколь необходимо изданіе катихизическихъ книжечекъ, въ которыхъ было-бы изложено на общеупотребительномъ у евреевъ языкѣ ученіе объ истинахъ христіанской вѣры и дѣятельности, направленное къ опроверженію ихъ предубѣжденій, приблизительно къ понятію евреевъ. Книжечки такого содержанія не только были-бы полезны къ убѣжденію въ истинѣ христіанскаго вѣроученія евреевъ, изъявляющихъ желаніе возродиться св. крещеніемъ; но много содѣйствовали-бы приведенію къ свѣту истины и тѣхъ евреевъ, которые теперь объ этомъ не думаютъ.

При составленіи книжечекъ такого рода требуется имѣть въ виду, что по религіознымъ понятіямъ евреи раздѣляются, какъ сами сознаются, преимущественно на двѣ секты: *мишнагимъ* и *хассидимъ;* что предубѣжденія противъ христіанства обѣихъ сихъ сектъ главнымъ образомъ основываются на басняхъ и превратныхъ толкованіяхъ св. писанія, внушаемыхъ изъ дѣтства евреямъ талмудическими и каббалистическими книгами. Евреи секты *мишнагимъ* слѣдуютъ преимущественно ученію *Мишны* и двоихъ *Талмудовъ*, а увлеченные въ злую секту *хассидимъ* погружены сверхъ того въ тонкости *Каббалы*. Есть еще между евреями родъ новой секты, проявившейся въ недавнія времена. Ее составляютъ образованнѣйшіе изъ секты *мишнагимъ*, которые, по торговымъ связямъ съ Германіею, ознакомившись немного съ идеями германской философіи, имѣвъ случай читать творенія своего Мендельсона и другихъ подобныхъ писателей, пріобрѣли чистыя понятія естественнаго богопознанія и усумнились въ чистотѣ талмудическаго ученія; но впали въ другую

крайность: научились посредствомъ филологическихъ попытокъ германскихъ филологовъ навязывать священному тексту смыслъ произвольный, ссылаться на различныя чтенія однихъ и тѣхъ-же мѣстъ св. писанія и затмѣвать свѣтъ истины діалектическими тонкостями. Это деисты и даже натуралисты, только по наружности, ради связей съ другими евреями, придерживающіеся талмудическихъ обрядовъ. Обращеніе такого рода евреевъ къ истинной вѣрѣ чрезвычайно трудно, почти безнадежно. Посему надобно ихъ оставить до времени. Но на массы евреевъ изъ секты *мишнагимъ* при пособіяхъ, коихъ необходимость усматривается изъ размышленія о довѣріи ихъ къ древнимъ своимъ писателямъ, можно-бы, при содѣйствіи благодати Божіей, дѣйствовать съ успѣхомъ. Итакъ:

1. Имѣя въ виду, что всѣ классическія мѣста Ветхаго Завѣта, прилагаемыя по ученію христіанскихъ богослововъ къ Іисусу Христу, самими талмудистами и древними раввинами относятся къ Мессіи, необходима книжечка, составленная на удобопонятномъ для евреевъ языкѣ, съ изложеніемъ пророчествъ объ Іисусѣ Христѣ, коими пришествіе Его издревле было обѣщано, время пришествія Его предсказано, даже предъуказаны были признаки, по которымъ слѣдуетъ признать за Мессію Іисуса Христа. Въ такой книжечкѣ требуется, чтобы за каждымъ такого содержанія текстомъ священнаго писанія слѣдовало согласное съ христіанскимъ ученіемъ изложеніе текста какимъ-нибудь раввинскимъ писателемъ о Мессіи, а въ заключеніе книжечки историческія доказательства, что всѣ такія пророчества исполнились на Іисусѣ Христѣ. Пособій къ составленію такой книжечки много у разныхъ христіанскихъ писателей. Такого рода указанія напримѣръ въ книгѣ: *Compendium dogmatum christiano-catholicorum systematicum; auctor T. W. Goldwitzen.* И изъ крещеныхъ евреевъ многимъ извѣстны многія подобныя толкованія извѣстныхъ мѣстъ Ветхаго Завѣта. Посему собрать требуемыя толкованія и составить предполагаемую книжечку было-бы весьма удобно.

2. Евреи всю надежду свою на оправданіе предъ правосудіемъ Божіимъ полагаютъ въ исполненіи обрядовъ, частію предписанныхъ Моисеемъ, а большею частію возложенныхъ на нихъ легковѣріе раввинскими писателями. Въ противоположность такому заблужденію требуется изданіе книжечки, въ которой были-бы изложены доказательства: а) что самъ Моисей (Втор. 27, 14—26) и другіе

священные писатели Ветхаго Завѣта (Псал. 23 и т. п.) выше всего ставили и почти исключительно внушали древнимъ израильтянамъ исполненіе нравственнаго закона; b) что пророки ничѣмъ считали обрядовый законъ безъ исполненія нравственнаго закона (Исаія 1, 11; Псал. 49, 8—15); c) что устами пророковъ Богъ обѣщалъ даровать израильтянамъ Новый Завѣтъ, противоположный завѣту Моисееву (Іерем. 31, 31—34); d) что учрежденія обрядоваго Моисеева закона, какъ даннаго на время, заключаютъ въ себѣ предписанія гигіены и гражданскіе законы, приспособленные къ климату и мѣстности Палестины, неумѣстные въ другихъ климатахъ и странахъ свѣта (Левит. 11, 6. 7. Левит. 22, 1); e) что Моисей строжайше запретилъ дѣлать малѣйшія прибавленія къ своему закону (Втор. 4, 2; 12, 32) и что слѣдовательно раввинскія предписанія составляютъ бремя лишнее, безполезное, противное волѣ Божіей.

Замѣчательно, что послѣднее доказательство весьма сильно дѣйствуетъ на убѣжденіе евреевъ. Они сознаются, что извѣстнаго рода птицъ и животныхъ, по закону Моисееву, можно было-бы имъ употреблять въ пищу, хотя-бы животныя были хромыя или имѣли какой-либо другой порокъ на тѣлѣ; что такихъ животныхъ запрещается только приносить въ жертву Господу; что предписанія талмудовъ, требующія, чтобы ни одинъ еврей не дерзалъ самъ собою закалать въ пищу ни птицъ, ни животныхъ, а приглашалъ для сего людей особеннаго класса, жрецовъ-мясниковъ, которые за свое искусство берутъ непомѣрную плату,—чрезвычайно отяготительны, особенно для бѣдныхъ.

Въ семъ отношеніи брошюры извѣстнаго прозелита *Темкина* удивительно приспособлены къ духу еврейскаго народа; но къ сожалѣнію предосудительный образъ жизни Темкина отвращаетъ евреевъ отъ чтенія его сочиненій. Переведенный имъ сокращенный катихизисъ съ молитвами принесъ-бы чрезвычайную пользу; но при напечатаніи его вкрались важныя ошибки, по которымъ запрещено самое изданіе. Вообще евреи говорятъ, что сочиненія *Темкина* могли-бы многихъ изъ нихъ поколебать въ вѣрѣ отеческой, т. е. обратить къ христіанской, если-бы въ заглавіи тѣхъ сочиненій не было выставлено имя и прозваніе *Темкина*, или-бы вмѣсто сего былъ поставленъ псевдонимъ.

3. Въ частности по отношенію къ евреямъ секты *хассидимъ*, погруженнымъ въ тонкости каббалы, полезно было-бы изданіе книжечки, содержащей въ себѣ: а) каббалистическіе выводы, благопріятствующіе христіанскому ученію, неизвѣстно кѣмъ, христіанами или евреями, придуманные. Таково напримѣръ изъясненіе текста: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*,—изъясненіе, по которому въ самомъ словѣ *бара—сотворилъ* усматриваютъ начальныя еврейскія буквы трехъ лицъ Святой Троицы; б) собраніе еврейскихъ афоризмовъ подобнаго-же содержанія. Такой напримѣръ афоризмъ въ еврейскомъ лексиконѣ *Буксторфія*: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святый—три во единомъ и единъ въ трехъ. в) Пишущему сіе доводилось слышать отъ евреевъ, будто каббала заключаетъ въ себѣ истины Ветхаго Завѣта, изложенныя *a posteriori* подъ формою числительною, и будто въ заключеніи каббалы есть столь трудныя для разрѣшенія теоремы, что силящійся разрѣшить ихъ или съ ума спятитъ, или сдѣлается христіаниномъ, такъ какъ искомое по тѣмъ теоремамъ x будетъ неизбѣжное заключеніе, что безъ удовлетворенія вѣчному правосудію Божію мучительною смертію Богочеловѣка весь родъ человѣческій подверженъ вѣчному осужденію.

Если дѣйствительно въ каббалѣ есть такія теоремы: то весьма полезно было-бы изданіе ихъ совмѣстно съ ихъ рѣшеніемъ.

Дѣйствуя на убѣжденіе евреевъ просвѣщеніемъ ума и сердца ихъ, съ бо́льшимъ успѣхомъ можно дѣйствовать къ освобожденію ихъ отъ порабощенія безчисленнымъ нелѣпымъ предразсудкамъ, къ сближенію съ христіанами и обращенію ихъ въ полезныхъ гражданъ и *внѣшними средствами*.

1. Благодареніе Богу, къ достиженію столь благотворной цѣли правительствомъ начало положено. Постановленіе, заставляющее ихъ перемѣнить свой костюмъ мужескій и женскій, если-бы только приведено было въ исполненіе повсемственно, произвело-бы и производитъ уже и въ образѣ ихъ мыслей большую перемѣну, потому что прежнюю ихъ одежду можно назвать оковами суевѣрія, такъ какъ весь костюмъ евреевъ, отъ башмака до ермолки, предписанъ будто имъ раввинами.

2. Несравненно большее имѣло-бы на евреевъ нравственное вліяніе строжайшее запрещеніе всякихъ ярмарокъ и торговъ по воскресеньямъ и въ праздничные дни христіанскіе: потому что евре-

евъ, особенно религіозныхъ, преимущественно и почти исключительно соблазняетъ мысль, будто у христіанъ нѣтъ временъ, посвященныхъ Богу, а если и есть, то будто христіане ничѣмъ считаютъ столь священную обязанность и что слѣдовательно христіане нечестивые, безбожники.

3. Для склоненія евреевъ къ обращенію въ христіанство въ рукахъ правительства есть еще косвенное, но весьма сильное средство. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: въ западныхъ русскихъ губерніяхъ на еврейскихъ обществахъ накопились чрезвычайныя недоимки казенныхъ податей и другихъ разныхъ сборовъ, а на нѣкоторыхъ числятся и частные долги. Присутственныя мѣста загромождены безконечною, тягостнѣйшею перепискою о взысканіи тѣхъ недоимокъ и долговъ, между тѣмъ какъ евреи постоянно отказываются отъ платежа ихъ, выставляя свою бѣдность и разорительное состояніе, въ ожиданіи Всемилостивѣйшихъ Манифестовъ, коими обыкновенно прощаются народу значительныя недоимочныя суммы.

Дѣйствительно, не смотря на то, что въ здѣшнихъ губерніяхъ всѣ торговые обороты, а потому и капиталы, состоятъ въ рукахъ еврейскихъ, бѣдность многихъ евреевъ ужасна до невѣроятности. Сія-то бѣдность, а частію общее слабосиліе ихъ тѣлосложенія и непривычка къ трудамъ заставляетъ бѣднѣйшихъ евреевъ провождать жизнь праздную, бродячую, снискивать пропитаніе для себя и своихъ семействъ мелочною продажею по шинкамъ водки, жить плутовствомъ и обманомъ простолюдиновъ, побуждая сихъ послѣднихъ ко всякаго рода преступленіямъ, отъ коихъ хотя бѣдные евреи извлекаютъ нѣкоторую корысть, умѣя при судебномъ преслѣдованіи уклониться отъ обвиненія, при всемъ томъ, оставаясь въ бѣдности, такіе евреи рѣшительно не въ состояніи платить податей и становятся несносною тягостію для своихъ общинъ, а для гражданъ другихъ вѣроисповѣданій страшною нравственною язвою.

Къ прекращенію сего зла и облегченію присутственныхъ мѣстъ отъ безплодной тягостной переписки полезно было-бы, приведя въ точную извѣстность, сколько на какой общинѣ евреевъ числится казенной недоимки и другихъ сборовъ, также частныхъ правильныхъ долговъ, велѣть тѣмъ общинамъ немедленно, въ опредѣленный срокъ, или уплатить недоимки и долги деньгами, или, считая рекрута по указной цѣнѣ, поставить соотвѣтственное причитающе-

муся на нихъ количеству недоимокъ и долговъ число рекрутовъ, предоставивъ въ семъ случаѣ старшинамъ общинъ руководствоваться не очередью, а сдавать по собственному усмотрѣнію въ рекруты такихъ евреевъ, которыхъ общины признаютъ тягостными для себя по ихъ крайней несостоятельности, лишь-бы по правиламъ рекрутскаго пріема оказывались годными нести военную службу.

Кромѣ уплаты казенныхъ недоимокъ и облегченія присутственныхъ мѣстъ отъ безуспѣшной по нимъ переписки, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабленія пагубнаго вліянія евреевъ на нравственность другихъ вѣроисповѣданій, такая мѣра безъ всякаго сомнѣнія принесла-бы и ту пользу, что многіе, совершенно праздные, и отъ того бѣдные евреи, бывъ стѣснены необходимостью уплатить недоимки или неизбѣжностью поступить въ военную службу, для избѣжанія сего принимали-бы св. крещеніе, а остальные вынуждены были-бы уплачивать государственныя подати въ положенные закономъ сроки.

При исполненіи этой мѣры полезно было-бы въ началѣ, для возбужденія въ евреяхъ охоты къ принятію св. крещенія, всякаго еврея, взятаго для сдачи въ рекруты, прежде введенія въ рекрутское присутствіе спрашивать, не желаетъ-ли онъ принять христіанское благочестіе, и изъявившихъ тотчасъ препровождать къ духовному начальству для изученія истинамъ христіанскаго вѣроученія и молитвамъ Господнимъ; а на мѣсто такого еврея, не считая его рекрутомъ, требовать другого.

Но истинная ревность объ озареніи евреевъ свѣтомъ истинной вѣры побуждаетъ предварительно обмыслить будущее пристанище крещаемыхъ, способы къ ихъ пропитанію и къ утвержденію ихъ въ трудолюбіи, соотвѣтственномъ христіанской дѣятельности.

Къ прискорбію, до сего времени принявшіе св. крещеніе евреи, съ весьма рѣдкими исключеніями, ни мало не стараются исполнять обѣты, данные ими при святомъ крещеніи, и большею частію провождаютъ жизнь растлѣнную, порочную. Но нельзя винить ихъ въ этомъ отношеніи, потому что такъ много преткновеній, совращающихъ ихъ на путь порока, что едва-ли-бы кто на ихъ мѣстѣ устоялъ противъ искушеній, которыя почти на всякомъ шагу встрѣчаютъ евреевъ послѣ св. крещенія. Обращаясь въ христіанство, евреи оставляютъ свои общины, свое племя, своихъ родныхъ; переходятъ въ общество совершенно имъ чуждое, въ которомъ, не надѣясь

найти родныхъ, не находятъ ни друзей, ни покровителей, потому что въ христіанахъ охладѣла любовь до того, что для воспріятія отъ св. купели еврея или еврейки чрезвычайно трудно упросить кого-либо принять на себя хотя одно названіе ихъ воспріемниковъ. Послѣ крещенія еврей естественно не безъ грусти видитъ, сознаетъ себя совершенно одинокимъ въ мірѣ и можетъ сравнить себя съ вѣтвію, отторгнутою отъ родного дерева, но едва привитою къ другому, безъ надзора, безъ попечительной руки, старающейся, чтобы прививокъ питался сокомъ дерева, къ которому привитъ. Безъ привычки къ трудамъ, едва умѣя чѣмъ-нибудь заниматься, побуждаемый голодомъ и другими нуждами, онъ обращается къ христіанамъ съ просьбою дать ему пріютъ ради насущнаго хлѣба, въ скорости теряетъ мѣсто новаго своего пристанища и проводитъ жизнь скитальческую, безпріютную. Этого только и ожидаютъ ревнующіе по своей вѣрѣ прежніе его единовѣрцы и, разставивъ сѣти своихъ козней, доводятъ новокрещеннаго до неизбѣжной пагубы: то подбросивъ ему краденныя вещи, то прямо увлекши его въ беззаконіе, предаютъ его въ руки правосудія, или, обладая адскою тайною произвесть въ комъ-бы-то ни было неисцѣльный запой [1]), обращаютъ крестившагося еврея въ отъявленнаго пьяницу, предаютъ его всеобщему позору, указывая на его пороки и пьянство христіанамъ, а преимущественно своимъ дѣтямъ, какъ на слѣдствіе принятія имъ христіанства. Стократъ бѣдственнѣе еще участь принявшихъ христіанство евреекъ. Немощныя по своему полу, слабосильныя по своей породѣ, не обученныя никакому рукодѣлію, кромѣ вязанія чулковъ, а по кухнѣ—стряпанью лапши, гугеля и щуки, горячія по своему темпераменту, онѣ въ самое непродолжительное время послѣ св. крещенія, почти всѣ безъ изъятія предаются, какъ единственному способу къ пропитанію, самому гнусному, безстыдному разврату [2]). Такимъ образомъ большая часть крестившихся евреевъ

---

[1]) Тайна или секретъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ старыхъ бочкахъ, въ которыхъ долго хранилось хлѣбное вино, заводятся на исподѣ непримѣтныя для невооруженнаго микроскопомъ взгляда инфузоріи. Если дать кому-либо выпить водки съ тѣми инфузоріями: то онѣ, постоянно требуя водки, какъ своей стихіи, будутъ производить во внутренности поглотившаго ихъ неутолимую жажду хлѣбнаго вина.

[2]) Пока еврейки пребываютъ въ еврействѣ, дотолѣ онѣ безопасны отъ разврата: впрочемъ отъ сего спасаетъ ихъ теперь не заповѣдь Божія, а вынесшее

становятся, по выраженію Спасителя, сынами геенны вдвое хуже, чѣмъ были до крещенія.

Достойно вниманія и замѣчаніе самихъ евреевъ на счетъ принимающихъ изъ числа ихъ св. крещеніе. »Вы«, говорятъ христіанамъ евреи, »крестите ихъ; но скажите: многихъ-ли изъ крещаемыхъ вами хороните? Покажите хотя одну могилу крещеннаго еврея!« Отвѣчать на подобный вопросъ искренно было-бы трудно. Есть извѣстные примѣры совращенія въ іудейство крестившихся евреевъ; могутъ быть многіе такіе примѣры неизвѣстными. Это предположеніе становится весьма вѣроятнымъ при соображеніи, что многіе изъ евреевъ, принявшихъ христіанство, получивъ опредѣленное закономъ на первоначальное обзаведеніе количество денегъ, уходятъ съ мѣста прежняго своего жительства и неизвѣстно гдѣ скрываются. Даже носятся объ нихъ слухи, и кажется достовѣрные, что многіе изъ крестившихся, выдавая себя въ другихъ городахъ снова за евреевъ, просятъ въ другой и третій разъ крещенія единственно для полученія денежной награды.

Такія соображенія убѣждаютъ въ необходимости обдумать средства не только къ живому убѣжденію принимающихъ св. крещеніе евреевъ въ истинѣ христіанскаго вѣроученія, къ направленію ихъ дѣятельности сообразно съ правилами евангельскими, къ содѣланію ихъ полезными членами общества, но и къ обезпеченію ихъ содержанія и избранію постояннаго рода жизни. Въ послѣднемъ отношеніи требуемыя средства, по мѣрѣ способовъ, могутъ быть многоразличны. Ближайшими представляются слѣдующія:

1. Всѣхъ евреевъ, принявшихъ христіанство, выдавъ имъ изъ опредѣленныхъ постановленіемъ высшаго начальства 10 рублей серебромъ на первоначальное обзаведеніе, немедленно отправлять во внутреннія губерніи Россіи. По малому еще количеству крещаемыхъ, они бы могли безъ отягощенія для правительства по одиночкѣ отправляться въ Россію съ почталіонами, препровождающими легкія почты. Если-же бы число крещаемыхъ увеличилось: то можно-бы

въ обычаи ихъ бдительное въ этомъ отношеніи наблюденіе однихъ за другими, которое весьма удобно при настоящемъ ихъ образѣ жизни, по которому въ такомъ домишкѣ, въ каковомъ даже бѣлорусскій крестьянинъ съ трудомъ помѣщается съ своимъ семействомъ, еврейскихъ семействъ живетъ по нѣскольку.

ихъ отправлять подъ какимъ-либо попечительнымъ надзоромъ, подобно тому, какъ отправляются арестанты по этапамъ.

2. По прибытіи во внутренность Россіи немедленно требовать отъ новопросвѣщенныхъ евреевъ избранія рода жизни, и по объявленіи ими мѣстной полиціи объ избраніи рода жизни и пристанища, выдавать имъ остальные двадцать рублей на обзаведеніе.

3. Постановить правиломъ, чтобы избравшему такимъ образомъ родъ жизни и пристанище, принявшему христіанство еврею не выдавать годичныхъ плакатныхъ билетовъ, а выдавать на самое ограниченное время билеты или дозволеніе перейти въ другое опредѣленное мѣсто для избранія рода жизни и пристанища подъ условіемъ, прописаннымъ въ самомъ билетѣ, по прибытіи на опредѣленное мѣсто немедленно предъявить билетъ и избираемое имъ пристанище мѣстной полиціи.

4. Земскимъ и градскимъ полиціямъ повсемѣстно весть особенный имянной списокъ или вѣдомость всѣмъ принявшимъ христіанство евреямъ съ означеніемъ въ ней происхожденія, времени крещенія, переходовъ съ мѣста на мѣсто, поселенія ихъ въ подвѣдомомъ полиціи мѣстѣ, также избраннаго ими рода жизни, пристанища и примѣтъ каждаго. Съ сею-же цѣлію вмѣнить хозяевамъ временнаго ихъ пристанища въ непремѣнную обязанность немедленно послѣ выхода отъ нихъ или бѣгства крещенныхъ евреевъ, давать знать о томъ мѣстной полиціи, которой, учинивъ о томъ отмѣтку въ вышеозначенныхъ вѣдомостяхъ, въ тоже время принять мѣры къ отысканію бѣглеца.

5. Вмѣнить въ повсемѣстную обязанность полиціямъ составить имянныя вѣдомости всѣмъ принявшимъ доселѣ христіанство евреямъ и, повѣривъ оныя съ документами, а въ случаѣ надобности посредствомъ сношеній съ консисторіями тѣхъ губерній, въ коихъ тѣ евреи приняли христіанство, неослабно наблюдать въ отношеніи къ нимъ выше-предполагаемыя правила; а выписки изъ означенныхъ вѣдомостей сообщить мѣстнымъ приходскимъ священникамъ для неослабнаго наблюденія послѣдними за неуклоннымъ исповѣданіемъ христіанскаго вѣроученія принявшими оное евреями.

6. Изъ соображенія, что какъ вообще евреи, такъ и обращающіеся изъ нихъ въ христіанство, по физическому сложенію слабосильны, непривычны къ тягостнымъ трудамъ, рѣшительно неспо-

собны къ земледѣлію, и посему всѣ усилія къ обращенію какъ тѣхъ, такъ и другихъ въ земледѣльцевъ всегда останутся тщетными, при избраніи рода жизни принявшими крещеніе евреями безполезно настаивать, чтобы они избирали земледѣльческое состояніе. Но они одарены необыкновенною смышленостію, понятливостію, переимчивостію, легко изучаются всякаго рода рукодѣліямъ; а привыкнувъ изъ дѣтства довольствоваться самою умѣренною пищею [1]), позволяя себѣ въ этомъ отношеніи нѣкоторую роскошь только по субботамъ, до того воздержны въ пищѣ, что содержаніе еврея стоитъ вдвое менѣе, нежели христіанина; изъ сего слѣдуетъ, что какъ вообще евреи, такъ и принявшіе христіанство съ пользою могли бы поступать на фабрики, на заводы, въ мастерскія различныхъ ремесленниковъ. Но имѣя въ виду природную евреевъ раздражительность, горячность и вообще въ высшей степени чувствительность, а отсюда памятозлобіе и мстительность, въ обращеніи съ крестившимися евреями требуется особенная осторожность, снисхожденіе къ проступкамъ, кроткое вразумленіе, сопровождаемое справедливостію и терпѣніемъ, ясное изложеніе или указаніе способа къ произведенію предмета, предлагаемаго имъ для изученія. Тѣлесныя же наказанія дѣлаютъ ихъ мстительными, памятозлобивыми и доводятъ до окончательной нравственной испорченности. Вообще еслибы въ западныхъ губерніяхъ Россіи побудить или какими-либо средствами заставить евреевъ завесть различныя фабрики, особенно, по обилію въ тѣхъ губерніяхъ пеньки и льна, фабрики полотняныя, устроить ихъ по образцу лучшихъ иностранныхъ фабрикъ, учредить на нихъ стройный порядокъ по нравственной и мануфактурной части: то гораздо вѣрнѣе можно было-бы обратить евреевъ въ полезныхъ гражданъ, нежели усиліями сдѣлать изъ нихъ земледѣльцевъ. А между евреями есть такіе капиталисты, которые въ состояніи завесть фабрики; по торговымъ связямъ съ единовѣрцами

---

[1]) Каждый еврей признаетъ себя дотолѣ не заслуживающимъ подкрѣпить себя пищею, доколѣ чего-либо не заработаетъ, т. е., пока кого-либо изъ христіанъ не обманетъ. Затѣмъ онъ качается на молитвѣ часъ и два, наконецъ принимается за пищу, которая ежедневно, кромѣ субботы, состоитъ осенью и зимой изъ луку съ небольшимъ ломтемъ хлѣба и какой-либо похлебки; весною-же и лѣтомъ, кромѣ луку, еврей лакомится еще рѣдькой.

другихъ странъ, они легко могли-бы открыть техническіе секреты, коими обладаютъ процвѣтающія иностранныя фабрики.

7. Опыты доказываютъ, что многіе изъ крестившихся евреевъ не только въ западныхъ губерніяхъ, но и внутри Россіи заводятъ питейные домы и занимаются продажею водки. Это только по имени христіане, принявшіе христіанство съ тѣмъ, чтобы подъ его прикрытіемъ заниматься плутовствомъ прежняго рода жизни. Съ умноженіемъ въ Россіи такихъ продавцевъ водки русскихъ крестьянъ постигнетъ также страшная нищета, слабосиліе, безсмысліе, какъ и бѣлорусскихъ: потому что крещенные, занимающіеся продажею водки, евреи изученнымъ ими искусствомъ заманивать въ шинки разовьютъ въ русскихъ крестьянахъ неисцѣльное пристрастіе къ пьянству. Въ предотвращеніе столь пагубныхъ послѣдствій необходимо всемѣрно не допускать вновь принимающихъ крещеніе евреевъ заниматься продажею водки.

Къ принятію такими евреями христіанства побуждаетъ единственно то, что послѣ крещенія они безпрепятственно могутъ заниматься продажею водки: такъ какъ этотъ родъ жизни обратился въ страсть, овладѣлъ сердцемъ и душею евреевъ. Изъ сего очевидно, что для перерожденія этого народа, для обращенія евреевъ въ полезныхъ гражданъ требуются законы, воспрещающіе имъ заниматься продажею водки, строгіе, не допускающіе въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго исключенія ни для кого, ни для какихъ самыхъ корыстныхъ видовъ, даже государственныхъ: потому что евреи малѣйшему въ семъ отношеніи послабленію законовъ тотчасъ даютъ такой оборотъ, что дозволяютъ себѣ торговать водкою во всѣхъ возможныхъ мѣстахъ. Такъ, въ западныхъ русскихъ губерніяхъ дозволено евреямъ—откупщикамъ продавать водку и внѣ городовъ, по мѣстечкамъ и селамъ, съ тѣмъ, чтобы продажею водки занимались христіане. Что-же? Въ каждой корчмѣ живетъ для виду какой-нибудь шляхтичъ, будто занимающійся продажею водки, тогда какъ на самомъ дѣлѣ продаетъ водку еврей, постоянно живущій въ той-же корчмѣ. Если проѣзжій спроситъ его: что ты здѣсь дѣлаешь? еврей отвѣчаетъ: такъ, заѣхалъ на минуту для разсчета съ шляхтичемъ, продающимъ здѣсь водку.

Вотъ что!

V.

Письмо къ архіепископу Смоленскому Антонію.

Преосвященнѣйшій Владыко,
Благомилостивѣйшій Архипастырь!

Да воздастъ вамъ прошедшій небеса Пастыреначальникъ своими щедротами за любовь вашу, побужденіемъ коей ваше святительство начертали писаніе ко мнѣ 16 числа истекшаго ноября! По истинѣ, это писаніе усладило душу мою!

Дождавшись указа, окончательно отрѣшившаго меня отъ могилевской епархіи, я спѣшилъ скорѣе выѣхать изъ Могилева: потому что настала самая дурная погода. При всемъ томъ не могу выразить, сколько я перенесъ горя въ подольской губерніи, путешествуя по черноземной разкисшей дорогѣ.

Но это въ сторону! Обращаюсь къ содержанію почтеннѣйшаго вашего писанія. Я съ болѣзнію сердца предчувствовалъ, услышавъ предъ выѣздомъ моимъ изъ Могилева, что въ Смоленскъ опредѣленъ кураторомъ, или приходскимъ патеромъ, ксендзъ графъ Лубянскій, кажется, по прозванію, іезуитскій ученикъ, дышущій всею ненавистію противъ нашей церкви, видный собою, красивый, ловкій мущина. Его и ксендза графа Потоцкаго привозилъ съ собою въ Могилевъ латинскій митрополитъ Зѣлинскій. Слѣдствіемъ нѣсколько—дневнаго ихъ пребыванія въ Могилевѣ было то, что три православнаго вѣроисповѣданія помѣщичьяго сословія дѣвицы, племянницы гр. Т. открыто совратились. Я писалъ къ нему объ этомъ и всуе! Другихъ-же мѣръ не предпринималъ противу этого, потому что, по всѣмъ мѣстнымъ соображеніямъ, другія мѣры доставили-бы только большее торжество врагамъ нашей церкви. Теперь съ крайнимъ прискорбіемъ вижу, что мое предчувствіе по случаю опредѣленія въ Смоленскъ кураторомъ графа-іезуита оправдалось. Но все это только цвѣточки еще, надобно ожидать сверхъ того самыхъ горькихъ плодовъ, принявъ во вниманіе, что теперь повсемѣстно, гдѣ только есть латинисты, образовались тайныя общества пропаганды, дѣйствующей по сатанински обдуманному плану, съ упорнѣйшею настойчивостію! Эта пропаганда образовалась первоначально во Франціи ультрамонтанистами и развилась по всему міру. Кромѣ безчисленныхъ книгъ, она издала

для совращенія женщинъ и дѣвицъ книгу, заключающую въ себѣ мнимыя видѣнія какой-то ясновидящей, которая будто-бы отъ напряженнаго размышленія о страданіяхъ Іисуса Христа получила отпечатки язвъ Его на лѣвомъ боку, на головѣ, на ногахъ и рукахъ. Это въ родѣ видѣній или набожнаго бреда латинскихъ святыхъ Бригитты, Екатерины Сеннейской и проч. А книга написана самымъ обольстительнымъ слогомъ, обильно украшена всѣми цвѣтами поэзіи и фантазіи. Объ этомъ я провѣдалъ также предъ самымъ выѣздомъ изъ Могилева!

Такія дѣйствія пропаганды ультрамонтанистовъ въ Россіи, кажется, неотразимы: потому что одни изъ святителей нашей церкви и не думаютъ отражать нападенія, другіе связаны по рукамъ и ногамъ. Возьмите 1 часть XI тома свода законовъ Россійской имперіи, въ которой 1857 года напечатанъ уставъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, и ваше высокопреосвященство убѣдитесь, что духовенство латинской церкви поставлено выше всѣхъ, что дѣйствія духовныхъ патеровъ протестантскихъ, реформатскихъ, даже татарскихъ муллъ стократъ свободнѣе, нежели ваши. Они всѣ дѣйствуютъ въ пользу своего вѣроисповѣданія съ полною свободою, какъ имъ угодно, по своему усмотрѣнію, никому не докладываясь. Ваше высокопреосвященство вынуждены напередъ обо всѣхъ важнѣйшихъ предпріятіяхъ представлять св. синоду; гдѣ часто и не дадутъ хода вашему представленію, а если доложатъ объ немъ присутствію, то будутъ разсуждать безъ конца о вашихъ предположеніяхъ; покуситесь сдѣлать что-либо, выходящее изъ заведенной рутины, а узнаютъ объ этомъ въ Петербургѣ, такъ станутъ требовать столько объясненій, что вмѣстѣ съ ними опротивѣетъ вамъ Ваша ревность. Да каково самое опредѣленіе святителей нашей церкви на епархіи? Напишутъ указы Его Императорскаго Величества объ опредѣленіи такого-то архіерея на такую-то епархію и возношенія имени на ектеніяхъ до указа о новомъ архіереѣ. Все указы да указы. Вашему напримѣръ преосвященству подала прошеніе какая-нибудь пономарша о томъ, что такой-то дьячекъ прибилъ ее. Вы сдаете прошеніе въ консисторію, консисторія пишетъ объ этомъ указъ Его Императорскаго Величества; какой-нибудь благочинный, представляя отчетъ о свѣчномъ доходѣ, ошибся въ счету одной копѣйкой, консисторія требуетъ отъ него объясненія

указомъ Его Императорскаго Величества. Не профанируется-ли этимъ Высочайшее имя? Ахъ, больно слушать, какъ надъ такою формою насмѣхаются иновѣрцы, да и вообще либеральные свѣтскіе люди. Въ старину и въ нашей церкви..... [1]). Не очевидно-ли изъ всего этого, что дѣйствовать къ обращенію въ нѣдра церкви совратившихся тоже, что гоняться за вѣтромъ! Въ частности обыкновенныя наши средства къ вразумленію раскольниковъ безуспѣшны преимущественно потому, что епархіальныя начальства дѣйствуютъ на раскольниковъ посредствомъ земской полиціи. Это надо бросить и дѣйствовать, какъ дѣйствовали апостолы: потому что раскольниковъ явно покровительствуютъ и утверждаютъ въ расколѣ и чиновники земской полиціи и директоры внутренняго министерства.

Но я восхищаюсь ревностною дѣятельностію вашего преосвященства; да укрѣпитъ Господь ваши силы и да сподобитъ васъ дѣйствовать во славу Своего имени еще хоть шестьдесятъ лѣтъ! Дѣйствовалъ и я когда-то; могу сказать съ Цицерономъ: sedebamus in puppi et clavem tenebamus! Да только то горе, что руки вяжутъ. И мнѣ пришло было на мысль, что учрежденіе въ церквахъ, окруженныхъ раскольниками, молебствій объ обращеніи ихъ въ нѣдра церкви послужило-бы къ утвержденію православныхъ въ отеческой вѣрѣ и вразумленію самихъ раскольниковъ. Мысль эта возникла въ моей головѣ по случаю чтенія одной книжечки, заключавшей въ себѣ совѣты и наставленія миссіонерамъ латинской пропаганды. Въ числѣ наставленій положено миссіонерамъ правиломъ ежедневно совершать миссу съ интенціею, чтобы Господь подалъ благодать къ вразумленію невѣрныхъ, не начинать бесѣды съ ними безъ предварительной внутренней о томъ молитвы. Вслѣдствіе сего я написалъ къ б. ректору петербургской академіи пр. Макарію (впослѣдствіи митрополитъ м.), что полезно было-бы написать ектеніи и вообще составить молебствіе, похоже на то, какое было употребляемо во время холеры, для возглашенія моленій объ обращеніи въ нѣдра церкви раскольниковъ. Пр. Макарій доложилъ объ этомъ пр. митрополиту петер. блаженной памяти Григорію и оба вполнѣ одобрили мое предположеніе. Вслѣдъ за тѣмъ я съ жаромъ принялся за дѣло, написалъ ектеніи, подобралъ чтенія изъ Евангелія и Апостола, так-

[1]) Въ этомъ мѣстѣ перерывъ въ письмѣ: часть письма потеряна.—К. Береза.

же прокимны и причастенъ, и все это представилъ св. синоду. Что же? Рукопись мою схватилъ, говорятъ, святѣйшій Сербиновичъ [1]) и проглотилъ. Семь лѣтъ назадъ минскій преосвященный Михаилъ представилъ св. синоду, что полезно было-бы издать краткія молитвы ко святымъ мѣстно-чтимымъ, по древнему обычаю, въ западныхъ губерніяхъ. Св. синодъ поручилъ мнѣ написать такія молитвы, я написалъ ихъ и представилъ. Но рукопись моя снова, кажется, уничтожена святѣйшимъ Сербиновичемъ! А сколько я представилъ проектовъ о преобразованіи семинарій, объ обращеніи въ нѣдра церкви раскольниковъ, о просвѣщеніи евангельскимъ ученіемъ евреевъ, кромѣ проектовъ и предположеній по епархіальному управленію! И все напрасно: потому что въ св. синодѣ преобладаетъ сила міра сего. Но не болѣе ревнуютъ о благѣ св. церкви и наша братія архіереи. Нѣкоторые помѣщики православнаго вѣроисповѣданія со слезами жаловались предо мною, что такъ какъ у нихъ бываетъ прислуга латинскаго вѣроисповѣданія, то когда бываетъ приглашаемъ ксендзъ для совершенія какого-либо таинства или напутствія умирающаго, онъ сопровождаетъ свои дѣйствія такими наставленіями, что всѣхъ присутствующихъ приводитъ въ умиленіе. А приглашенный для той-же цѣли нашъ священникъ прійдетъ, поспѣшно прочитаетъ подъ носъ невразумительно какія-то молитвы и уйдетъ. Стараясь посему вывѣдать, какъ дѣйствуютъ ксендзы при совершеніи таинъ особенно въ домахъ, я узналъ, что въ ихъ требникахъ, именуемыхъ *agenda*, есть наставленія, которыя непремѣнно долженъ произносить ксендзъ при совершеніи таинствъ, что кромѣ того есть у нихъ множество въ рукописи рѣченокъ на всѣ случаи, что тѣ наставленія и рѣченки ксендзы твердо заучиваютъ и щеголяютъ ими при случаѣ. Обратившись къ нашимъ требникамъ, я увидѣлъ, что только въ большихъ требникахъ есть наставленія по отношенію къ нѣкоторымъ таинствамъ, а въ малыхъ ихъ нѣтъ. Вотъ я и написалъ рѣченки и наставленія пріемлющимъ и присутствующимъ при совершеніи таинствъ, совершаемыхъ священникомъ; представилъ рукопись съ тѣми рѣченками въ петербургскую духов-

---

1) Воспитанникъ іезуитовъ, Сербиновичъ былъ всемогущимъ директоромъ канцеляріи оберъ прокурора святѣйшаго синода графа Протасова, тоже воспитанника іезуитовъ.—К. Береза.

ную цензуру; цензура представила оную св. синоду; синодъ поручилъ разсмотрѣть и дать объ ней мнѣніе б. п. пр. Елпидифору (епископъ каменецъ-под.); Елпидифоръ оплевалъ рукопись мою своею критикою, которую въ копіи прислалъ мнѣ св. синодъ съ моею рукописью. Прочитавъ критику и убѣдившись, что она неосновательна и недобросовѣстна, я препроводилъ реченную рукопись съ означенною критикою къ бывшему ректору петербургской академіи преосвященному Нектарію съ просьбою, чтобы онъ или самъ составилъ или кому-либо поручилъ составить требуемыя рѣченки, обѣщая выписать по изданіи тысячи; преосвященный Нектарій представилъ упомянутую рукопись съ критикой блаженной памяти митрополиту Григорію; Григорій взялся самъ разсмотрѣть рукопись, но вскорѣ отошелъ въ вѣчность; тѣмъ дѣло и кончилось. Въ 1858 году издатель моихъ издѣлій священникъ Василь Гречулевичъ [1]) настойчиво просилъ меня согласиться на вторичное изданіе »Записокъ о Римской Церкви». Съ этою цѣлію я внимательно прочиталъ рѣченныя записки, исправилъ множество вкравшихся въ нихъ ошибокъ, подкрѣпилъ сужденія и событія, прописанныя въ тѣхъ запискахъ, множествомъ новыхъ примѣчаній и свидѣтельствъ самыхъ авторитетныхъ писателей римской церкви и съ записками объ этой церкви, первоначально изданными, препроводилъ Гречулевичу; онъ представилъ ихъ св. синоду; синодъ поручилъ дать свое мнѣніе объ нихъ преосвященнѣйшему Димитрію; Димитрій другой годъ уже критикуетъ ихъ, постоянно утверждая, что надо выбросить изъ записокъ нѣкоторыя главы, особенно главу объ избраніи папъ..... [2]).

Сообщ. **К. Береза.**

---

[1]) Нынѣ пр. Виталій, епископъ могилевскій.

[2]) На этомъ письмо обрывается: оно не было окончено и, вѣроятно, не было послано по адресу.—К. Береза.

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
1821—1846 годъ.

(Продолженіе) [1]).

IX. Путешествіе по Германіи.

Въ Лейпцигъ пріѣхали мы въ самый разгаръ Остра-мессе, но нашли удобное помѣщеніе и пробыли тамъ два дня. Въ почтовой каретѣ отправились въ Альтенбургъ, гдѣ провели одинъ день. Этотъ маленькій городъ понравился мнѣ своими первобытными нравами; старинные костюмы тамошнихъ женщинъ обратили на себя въ особенности наше вниманіе; въ Байрейтѣ мы оставались только для обѣда и прибыли въ Нюренбергъ. Отдохнули тамъ два дня. Нюренбергъ заинтересовалъ насъ средневѣковымъ характеромъ своихъ построекъ; неправильныя узкія улицы, высокіе дома, остроконечныя крыши, поросшіе кустарниками и травою рвы—все это поражало своею оригинальностью; я срисовалъ карандашемъ съ натуры часть одной улицы съ аркой, перекинутой между домами.

Когда то вольный, богатый и многолюдный городъ, одинъ изъ лучшихъ въ Германіи, Нюренбергъ славился въ свое время произведеніями изъ папье-маше и дѣтскими игрушками. Народонаселеніе уменьшилось на

---

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1884 г., майск. кн., стр. 77—87.

половину. Маркт-плацъ съ великолѣпнѣйшимъ фонтаномъ, нѣсколько старинныхъ замѣчательныхъ своей архитектурой и живописью на стеклѣ церквей, Rathhaus, и небольшая картинная галлерея, въ которой находится св. Екатерина съ младенцемъ Іисусомъ Рубенса,—вотъ и всѣ достопримѣчательности Нюренберга.

Въ Регенсбургѣ мы пробыли одинъ день. Въ былыя времена также вольный и богатый городъ съ ратгаузомъ, въ которомъ съ 1633 по 1806 годъ собирался германскій сеймъ, и великолѣпнымъ готическимъ соборомъ во имя св. Петра, Регенсбургъ произвелъ на насъ пріятное впечатлѣніе; ѣздили осматривать Валгаллу, выстроенную баварскимъ королемъ Людвигомъ I по плану имъ составленному и заключавшую въ себѣ бюсты знаменитыхъ мужей и женщинъ Германіи, любовались величественнымъ видомъ на Регенсбургъ, Дунай и Альпы, и выѣхали въ Мюнхенъ.

Столица Баваріи намъ очень понравилась и мы пробыли въ ней недѣлю, да менѣе и нельзя было, что-бы познакомиться вполнѣ съ художественными достопримѣчательностями Мюнхена. Нѣсколько разъ посѣтили Пинакотеку и Глиптотеку, осмотрѣли новыя церкви, зданіе университета и почты и королевскій дворецъ, часто гуляли въ англійскомъ саду и ѣздили въ окрестности, довольно красивыя; я срисовалъ двѣ изъ нихъ.

Однажды мы остановились предъ зданіемъ почты, вновь построенномъ въ греческомъ древнемъ стилѣ противъ дворца. Подходитъ къ намъ какой то некрасивый, пожилой, сухощавый господинъ въ изношенномъ пальто и помятой шляпѣ и, внимательно посмотрѣвъ на Наину, обращается ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Какъ вамъ нравится зданіе почты?—Я ему отвѣтилъ, что нахожу зданіе очень оригинальнымъ, но не будучи знатокомъ въ дѣлѣ архитектуры, а только любителемъ всего изящнаго, не берусь судить о достоинствахъ или недостаткахъ этой постройки.

— Что вы любитель изящнаго, я въ этомъ не сомнѣваюсь, платя дань удивленія красотѣ вашей дамы, но желалъ бы знать ваше мнѣніе на счетъ почты.

— Признаюсь откровенно: оно мнѣ не нравится.

Пожилой господинъ бросилъ на меня взглядъ негодованія, сказалъ отрывисто: »видно, что вы дѣйствительно ничего не понимаете въ архитектурѣ«,—и отошелъ отъ насъ быстрыми шагами. Я повернулся, чтобы посмотрѣть на этого чудака; вижу, что всѣ ему кланяются, а часовые отдаютъ честь у входа въ дворецъ; спрашиваю одного изъ прохожихъ, кто этотъ господинъ и узнаю, что то былъ король Людвигъ. Какъ извѣстно, король украсилъ Мюнхенъ превосходными зданіями, достроилъ дворецъ, выстроилъ четыре церкви, университетъ, театръ, синагогу, двѣ Пинакотеки и Глиптотеку, наполнилъ ихъ замѣчательнѣйшими произведеніями живописи и ваянія, былъ истиннымъ меценатомъ въ дѣлѣ искусствъ, большимъ поклонникомъ красоты и классикомъ въ архитектурѣ. По его плану и чертежамъ выстроено архитекторомъ Кленце зданіе почты въ концѣ тридцатыхъ годовъ съ 12 колоннами и 6-ю фресками Гильтенспергера на красномъ фонѣ. Король часто ходилъ любоваться своимъ произведеніемъ и имѣлъ привычку спрашивать путешественниковъ о впечатлѣніи, которое производила на нихъ архитектура почты. Мнѣ очень досадно было, что безъ умысла огорчилъ художника въ лицѣ короля.

Людвигу Мюнхенъ обязанъ своими сокровищами архитектуры, живописи и скульптуры. Въ дворцѣ, въ новой резиденціи особенно замѣчательны залы Нибелунговъ и тройная съ 20 коринѳскими колоннами и 12 золочеными статуями баварскихъ электоровъ и королей, и комната съ портретами красавицъ. Въ Пинакотекѣ (тогда новая, только что начинала строиться), кромѣ извѣстныхъ картинъ знаменитыхъ живописцевъ старыхъ школъ италіянскихъ, голландскихъ и нѣмецкихъ, находится множество новѣйшихъ произведеній живописи. Достаточно указать на имена: Каульбаха, Корнеліуса, Кауфмана, Циммермана, Овербека, Кирхнера, Гесса, Ротмана, Беккера, Клотца и другихъ. Въ Глиптотекѣ, кромѣ древнихъ статуй и бюстовъ, слѣдуетъ упомянуть о произведеніяхъ Кановы, Торвальдсена, Шадова, Эбергарда, Рауха, Тика, Буша, Даннеккера.

Чѣмъ болѣе узнавалъ я Нанну, тѣмъ сильнѣе привязывался къ ней; вездѣ и постоянно мы были неразлучны. Чудный характеръ, доброе сердце, замѣчательный умъ, всегда веселое расположеніе духа,

простота въ обращеніи и образѣ жизни, снисходительность, кротость и глубокая любовь ко мнѣ дѣлали меня вполнѣ счастливымъ.

Въ то время въ Мюнхенѣ было множество красивыхъ женщинъ, двухъ типовъ совершенно противуположныхъ. Баварки, чистой крови, отличались небольшимъ ростомъ, необыкновенною бѣлизною, свѣтлыми пепельнаго цвѣта или слегка рыжеватыми волосами, голубыми и сѣрыми глазами и довольно яркимъ румянцемъ; тирольки были высоки, стройны, черноволосы, по большей части блѣднолицы. И во множествѣ самыхъ красивыхъ женщинъ, конечно, нельзя было не замѣтить величественной красоты моей очаровательной подруги.

Въ многолюдномъ городѣ, какъ Мюнхенъ, красота Наимы заставляла впрочемъ насъ искать уединенія и рѣдко показываться въ публикѣ. Когда мы были въ театрѣ, Наима обратила на себя общее вниманіе, бинокли постоянно обращались къ нашей ложѣ, а при выходѣ насъ сопровождала цѣлая толпа. Какъ ни льстило моему самолюбію поклоненіе красотѣ Наимы, признаюсь, оно иногда мнѣ было не совсѣмъ пріятно.

X. Италія.

Изъ Мюнхена на Инспрукъ отправились мы въ Верону. Дорогой любовались чудными видами Тироля, отъ которыхъ нерѣдко приходили въ совершенный восторгъ. Пріѣхали въ Верону раннимъ весеннимъ утромъ и остановились на обширной площади, украшенной двумя мраморными фонтанами и превосходно вымощенной большими плитами. Покуда переносили наши вещи въ гостинницу, мы вышли погулять; рынокъ только что открылся, многолюдная оживленная толпа покупателей и продавцевъ наполнила площадь. Меня поразилъ необыкновенно большой размѣръ овощей, которыя очищались и мылись у фонтановъ торговками и крестьянками. По нимъ можно было уже судить о производительности италіянской почвы.

Осмотрѣвъ знаменитый циркъ и другія достопримѣчательности Вероны, мы проѣхали на другой день чрезъ Падую, остановились въ ней на два часа, чтобы пообѣдать и взглянуть на cafe Педрокки, а на третій день были въ Венеціи.

Въ Венецію пріѣхали утромъ; подъѣзжая, мы увидѣли издали большую гондолу, всю покрытую чернымъ сукномъ. На вопросъ мой: не похороны-ли это? мнѣ отвѣтили, что въ Венеціи всѣ гондолы оббиваются всегда чернымъ сукномъ, по распоряженію правительства республики, сдѣланнаго давно для ограниченія роскоши, вкравшейся въ нравы венеціанцевъ, тратившихъ большія суммы на украшеніе своихъ гондолъ золотой рѣзьбой, богатыми матеріями и парчей. Тутъ-же мнѣ сообщили, что въ прежнее время насчитывали въ Венеціи до 30,000 гондолъ а теперь нѣтъ и тысячи. Въ день нашего пріѣзда назначенъ былъ большой національный праздникъ, называемый регатою. Этотъ праздникъ, состоявшій въ гонкѣ гондолъ, былъ любимымъ развлеченіемъ венеціанцевъ; но въ теченіи многихъ лѣтъ австрійское правительство не дозволяло устроивать регату, и разрѣшило въ первый разъ только въ 1843 году. Стеченіе народа было громадное, наѣхало столько итальянцевъ, желавшихъ принять въ немъ участіе, прибыло такъ много путешественниковъ и иностранцевъ, что всѣ гостинницы были переполнены. Мы долго блуждали по Венеціи, покуда нашли помѣщеніе. Задолго до пріѣзда Наимы въ Дрезденъ, я заговорилъ однажды съ Липинскимъ о путешествіяхъ и о желаніи моемъ поѣхать со временемъ въ Италію; онъ далъ мнѣ нѣсколько адресовъ, въ числѣ ихъ былъ адресъ синьоры Грассо, содержательницы меблированныхъ комнатъ въ Венеціи, на каналѣ Вознесенія, недалеко отъ площади св. Марка. Не найдя ни одного свободнаго номера въ гостинницахъ, я вспомнилъ объ адресахъ Липинскаго, и у синьоры Грассо мы нашли порядочную квартиру. Намъ отвели двѣ очень прилично меблированныя комнаты, и когда я спросилъ о цѣнѣ, синьора отвѣтила: по два цванцигера за комнату въ день регаты, а если останетесь нѣсколько дней, заплатите по цванцигеру. На наши деньги цванцигеръ равнялся тогда 20 копѣйкамъ серебромъ. Дешевизна во всемъ была необыкновенная въ Италіи, въ особенности въ Венеціи.

Наима устала отъ дороги и чувствовала себя не совсѣмъ хорошо; я хотѣлъ остаться съ нею цѣлое утро, но она упросила меня пойдти посмотрѣть регату и располагала уснуть тѣмъ временемъ.

Я направился къ большому каналу и получилъ мѣсто у палаццо Гримани. Весь каналъ былъ усѣянъ безчисленнымъ множествомъ гон-

долъ, гондольеры въ національныхъ костюмахъ; по срединѣ у мѣста, съ котораго долженъ былъ начаться бѣгъ, стоялъ знаменитый буценторъ, служившій во время республики для національныхъ празднествъ и для обрученія вновь избираемаго дожа съ моремъ. Онъ былъ разсвѣченъ флагами. Всѣ дворцы по большому каналу, начиная отъ Ріальто, были украшены флагами, кусками матерій и коврами, висѣвшими изъ оконъ и балконовъ, наполненныхъ зрителями. Нѣсколько оркестровъ музыки помѣщалось въ отдѣльныхъ большихъ лодкахъ.

Регата продолжалась долго, восторженнымъ кликамъ и энтузіазму не было конца. Первая награда заключалась въ серебряномъ золоченомъ кубкѣ съ крылатымъ львомъ св. Марка на крышкѣ; вторая состояла изъ 300 гульденовъ, третья изъ 150 гульденовъ, а четвертая изъ чернаго поросенка въ красномъ ошейникѣ. Послѣ раздачи наградъ, я собирался уже отправиться домой, какъ услыхалъ подлѣ себя русскую рѣчь. Я очень обрадовался встрѣчѣ съ соотечественниками. То были: Ѳ. В. Чижовъ, профессоръ математики с.-петербургскаго университета, жившій нѣсколько лѣтъ въ домѣ г-жи Галаганъ въ качествѣ наставника ея сына, княгиня Трубецкая, помѣщица орловской губерніи съ племянникомъ Барщевскимъ, и баронесса Мантейфель. Съ Чижовымъ мы сошлись тотчасъ; онъ мнѣ очень понравился своимъ умомъ, привѣтливостью и простотою въ обхожденіи; живалъ въ Малороссіи, и у насъ нашлись общіе знакомые.

Княгиня Трубецкая пожилая дама, нервная, но довольно симпатичная; племянникъ ея блѣдный, худой Митрофанушка, путешествовавшій года три за границей и не выучившійся ни одному иностранному языку.

Баронесса Мантейфель, весьма милая и любезная дама, страдала потерей голоса, провела всю зиму въ Венеціи и стала съ весны говорить довольно громко.

Нашу я засталъ еще спящею. Сонъ возстановилъ ея силы и мы отправились обѣдать къ русскому повару, содержавшему тогда ресторанъ въ Венеціи. Мимоходомъ посѣтили площадь св. Марка и были въ восторгѣ отъ этой великолѣпной залы безъ потолка; стѣнами служила церковь св. Марка и зданія прокуративъ; въ верхнихъ этажахъ про-

куративъ помѣщались правительственныя учрежденія, а нижніе съ аркадами всѣ заняты были магазинами. Вечеръ провели мы на площади св. Марка, которая при освѣщеніи показалась намъ еще красивѣе, чѣмъ днемъ. Безчисленное множество гулявшихъ, нѣсколько оркестровъ превосходной музыки, оживленное движеніе массъ, неумолкаемый говоръ напоминали старое счастливое время венеціанской республики, изрѣдка только взоръ былъ непріятно поражаемъ появленіемъ бѣлаго австрійскаго мундира и вслѣдъ за нимъ до слуха долетало энергическое: Tedesco maledetto. Женщины почти всѣ были въ черномъ, у большинства на головахъ черное кружевное покрывало. Позднимъ вечеромъ возвратились мы домой.

На другой день хозяйка предложила намъ еще комнату и мы помѣстились очень удобно. Венеція намъ такъ понравилась, что мы пробыли въ ней три недѣли, осмотрѣли въ подробности всѣ достопримѣчательности, какъ художественныя, такъ и историческія: бывали въ фениче, гдѣ шли весьма недурно итальянскія оперы; ежедневно разъѣзжали въ гондолахъ при пѣніи гондольерами стансовъ Петрарки; вечера по большей части проводили или въ театрѣ или на площади св. Марка.

Въ каждомъ большомъ городѣ болѣе или менѣе видишь постройки новыхъ домовъ; въ Венеціи, напротивъ, старые, необитаемые быстро разрушаются; по количеству тогдашняго народонаселенія домовъ было слишкомъ много, и печальный видъ развалинъ представлялся часто въ отдаленныхъ частяхъ Венеціи. Старинныя знаменитыя фамиліи обѣднѣли и великолѣпные ихъ дворцы опустѣли. Мраморныя и бронзовыя украшенія проданы и вывезены, преимущественно англичанами. Одними картинами венеціанцы дорожили и не смотря на соблазнительныя предложенія, рѣдко продавали ихъ. Лучшіе palazzo были заняты или почтамтомъ или полиціей и другими учрежденіями, а нѣкоторые обращены въ казармы. Ни въ одномъ изъ нихъ не осталось древняго богатаго убранства, но наружность, по большей части мраморная разныхъ цвѣтовъ, поражала своею грандіозностью и оригинальностью неправильной, но изящной архитектуры. Дворцы большаго канала: Фоскари, Пизани, Гримани, Мочениго, Вальморана, Пезаро, Вендраминъ, Кон-

реръ, Мавфриръ и Каза-Доро представляли собою поразительное сочетаніе богатства, вкуса и искусства.

Дворецъ дожей, выходящій главнымъ фасадомъ на Піацетту, верхъ зодческаго своеобразнаго таланта. Нигдѣ нѣтъ симметріи, вездѣ неправильности, а между тѣмъ общій видъ удовлетворяетъ вполнѣ чувству изящнаго. Церковь св. Марка и другія заключаютъ въ себѣ сокровища живописи и ваянія. Прибавьте къ этому историческія воспоминанія, встрѣчающіяся на каждомъ шагу, полное величія, таинственности и романтизма прошедшее республики; загляните въ залу совѣта десяти, въ ньомбы и подземелья, пройдитесь по ponte del sospiri, взойдите на лѣстницу гигантовъ съ львиной пастью, куда бросали доносы, и воображенію вашему живо представятся: Дондоло Зено, Марино-фальеро Фоскари, Мочениго и та поэтическая Венеція, о которой вы такъ много слышали, читали и мечтали. Было-ли это особеннымъ настроеніемъ души въ самые счастливые дни моей молодости, или дѣйствительно Венеція заключала въ себѣ чарующую прелесть прошлаго, былаго, дѣло въ томъ, что ни одинъ городъ никогда не производилъ на меня такого глубокаго впечатлѣнія, какъ прекрасная царица Адріатики.

Въ пятницы, по вечерамъ, когда Наима оставалась дома одна, я посѣщалъ моихъ соотечественниковъ и бывалъ чаще другихъ у Ѳ. В. Чижова; онъ готовился писать исторію искусствъ, начавъ съ живописи; изучалъ картины Тиціана и Поля Вероэезе и ходилъ ежедневно въ библіотеку дворца дожей читать сочиненія, касавшіяся живописи, дѣлалъ изъ нихъ выписки и приготовилъ уже довольно матеріала для своего труда. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ предъ отъѣздомъ изъ Венеціи я отправился къ княгинѣ Трубецкой, жившей на большомъ каналѣ подлѣ caza dóro, нашелъ тамъ баронессу Мантейфель, Чижова, Эшингера, русскаго художника, и пѣвицу Фреццолини, начинавшую въ фениче свою блестящую артистическую карьеру. Послѣ довольно продолжительнаго и оживленнаго разговора о національностяхъ, въ которомъ я отождествлялъ велико и мало-русскую, вопреки мнѣнію Чижова, мы занялись музыкой. Фреццолини пѣла арія изъ »Лучіи« и »Пуританъ«, я ей аккомпанировалъ, потомъ попросили меня импровизировать.

Чудная весенная ночь, синее венеціанское небо, полная луна, освѣщавшая своимъ блѣднымъ сіяніемъ великолѣпные мраморные дворцы, отражавшіеся въ тихомъ невозмутимомъ каналѣ, изрѣдка плавно скользившія по гладкой поверхности водъ гондолы, освѣщенныя краснымъ пламенемъ факеловъ, разлука, хотя и очень кратковременная, но вынужденная съ Наимой, невозможность познакомить съ нею моихъ соотечественниковъ и ввести въ ихъ кругъ подъ моимъ именемъ, и поэтично и грустно настроили меня; я сѣлъ за фортепьяно и въ звукахъ вылилось состояніе моего духа. Никогда не любилъ я такъ страстно, давно не игралъ я съ такимъ чувствомъ и увлеченіемъ: образъ Наимы одушевлялъ меня, глубокая взаимная привязанность неразрывно связывала насъ; но на этомъ счастливомъ, безмятежномъ горизонтѣ появлялись въ мысляхъ моихъ темныя тучи: врожденная совѣстливость постоянно тревожила меня и нерѣдко вызывала глубокое сожалѣніе о томъ, что я позволилъ себѣ воспользоваться увлеченіемъ Наимы и поставленъ въ необходимость скрывать отъ знакомыхъ наши отношенія, чистыя предъ небеснымъ Сердцевѣдцемъ, но преступныя предъ условіями общественной жизни. Поэтому въ импровизаціи моей къ нѣжному изліянію любви примѣшивалось и волновавшее, потрясавшее чувство неопредѣленной тревоги; вмѣстѣ съ мелодіями, дышавшими прелестью весенней итальянской ночи, звучали рѣзкіе диссонансы душевной невзгоды. Никогда не забуду этого вечера; онъ мнѣ памятенъ по музыкальному вдохновенію. Когда я кончилъ, Фреццолини подошла ко мнѣ и пожимая руки сказала, что не ожидала найти въ скромномъ любителѣ замѣчательнаго артиста; всѣ были въ восторгѣ отъ моей игры, я тоже остался совершенно доволенъ моей импровизаціей. Далеко за полночь мы разстались.

Высоко взошло солнце, когда я проснулся послѣ описаннаго вечера. Вхожу къ Наимѣ и застаю ее въ утреннемъ неглиже. Она была блѣднѣе обыкновеннаго, и говорила, что чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо. Я старался ее успокоить и отправился за докторомъ. Лучшій въ то время въ Венеціи докторъ Z. изъ Падуи, разспросивъ Наиму, объявилъ, что ничего особеннаго нѣтъ въ состояніи ея здоровья и что маленькіе припадки слабости происходятъ отъ весьма обыкновенной у молодыхъ дамъ причины.

Печалиться или радоваться? — въ этомъ состоялъ вопросъ. Сначала мнѣ взгрустнулось; но вскорѣ радостное чувство овладѣло мною, мысль, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ узы наши скрѣпятся еще болѣе залогомъ нашей любви, успокоивала меня; надежда, что сдѣлавшись матерью, Наима станетъ уступчивѣе въ религіозномъ отношеніи и дастъ возможность повести ее къ алтарю, лелѣяла, услаждала меня.

Съ большимъ сожалѣніемъ разстались мы съ Венеціей; чрезъ Падую отправились въ Болонью, гдѣ пробыли день, оттуда во Флоренцію; тамъ прожили недѣлю, чтобы внимательно осмотрѣть произведенія искусствъ древней столицы Тосканы.

Флоренція съ перваго взгляда не представляетъ ничего особеннаго, но вглядитесь внимательно въ этотъ средневѣковой италіанскій городъ, и онъ васъ заинтересуетъ въ высшей степени. Осмотрите соборъ S-ta Maria del Fiore съ громадной башней колокольни, церковь св. Іоанна Крестителя съ бронзовыми вратами, о которыхъ Микель Анжело сказалъ, что онѣ достойны служить вратами рая, церковь св. креста, св. Маріи (Novella), названной Микелемъ Анжело невѣстой, старый дворецъ на площади Синьоріи, дворцы Рикарди, преторіи, Uffizi, Питти съ безчисленными галереями, заключающими въ себѣ картины и статуи знаменитѣйшихъ художниковъ всѣхъ странъ и временъ, въ томъ числѣ Венеру Медичійскую, и въ памяти вашей воскреснутъ гвельфы и гибелины, Висконти, Медичи, Каппони, Строцци, а чувство изящнаго вполнѣ будетъ удовлетворено созерцаніемъ лучшихъ произведеній архитектуры, живописи и скульптуры. По нимъ вы прослѣдите исторію развитія искусствъ; въ особенности съ благовѣніемъ остановите вниманіе ваше на геніальныхъ образцахъ живописи безсмертныхъ яталіянскихъ художниковъ, начиная съ Чимабуэ и Жіото и кончая Рафаэлемъ, Леонардо да Винчи, Поль Веронезомъ, Тиціаномъ, Корреджіо.

Часто гуляли мы въ Кашине (Cascine), превосходномъ паркѣ Флоренціи, въ саду Боболи, посѣтили нѣсколько окрестныхъ виллъ, утопающихъ въ роскошной растительности; множество цвѣтовъ, до которыхъ Наима была большая охотница, ацалеи, рододендры и камеліи въ грунту, на открытомъ воздухѣ, доставляли намъ новыя и самыя пріятныя ощущенія.

Въ Флоренціи было нѣсколько русскихъ, но я избѣгалъ знакомства съ ними, чтобы не поставить себя въ затруднительное положеніе на счетъ Наимы. Познакомился съ извѣстнымъ въ Италіи С., акварельнымъ портретистомъ; онъ нарисовалъ портретъ Наимы, отличавшійся необыкновеннымъ сходствомъ и превосходной отдѣлкой, и мой—менѣе удачный. На замѣчаніе мое въ этомъ отношеніи, артистъ отвѣтилъ, что и въ дѣлѣ снятія портрета необходимо вдохновеніе и что портретъ синьоры вышелъ такъ хорошъ, благодаря чувству изящнаго, возбужденному въ немъ ея наружностью, которая служитъ вѣрнымъ выраженіемъ идеи прекраснаго.

Изъ Флоренціи мы отправились въ Ливорно, и на другой день на пароходѣ въ Чивита-Веккію. Какъ ни непріятно было мнѣ воспоминаніе о путешествіи моремъ изъ Петербурга въ Любекъ, однакожъ я рѣшился на непродолжительное плаваніе по морю въ благопріятное время года. И дѣйствительно, плаваніе наше по Средиземному морю было вполнѣ благополучно.

Изъ Чивита-Веккіа поѣхали въ Римъ съ ветурино. Этотъ способъ путешествія весьма пріятенъ; дѣлается съ ветуриномъ письменное условіе, въ которомъ опредѣляется время доставки по назначенію, плата за комнаты для ночлега, за завтракъ и обѣдъ и за мѣсто въ экипажѣ. Въ обеспеченіе исправнаго исполненія условія ветурино даетъ задатокъ и по большей части везетъ и продовольствуетъ весьма не дурно. Совершая свои поѣздки постоянно по одному направленію, ветурино состоитъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ со всѣми трактирщиками, и доставляя имъ вѣрный заработокъ, получаетъ отъ нихъ за умѣренную цѣну для путешественниковъ и для себя удобное помѣщеніе и хорошій столъ. Иностранцамъ, не довѣрявшимъ этому способу путешествія и платившимъ ветурино только за мѣста въ экипажѣ, приходилось часто довольствоваться неудобными ночлегами и платить очень дорого за худшее продовольствіе. Ветурино обыкновенно останавливается днемъ часа на три, чтобы покормить лошадей и позавтракать, и на ночь съ 7 часовъ для обѣда и ночлега. Нѣчто въ родѣ нашего путешествія на долгихъ.

Мы наняли для себя трехмѣстную коляску и прибыли въ Римъ къ ночи, послѣ кратковременнаго, пріятнаго путешествія.

Переночевавъ въ одной изъ лучшихъ гостинницъ, раннимъ утромъ мы пошли осматривать вѣчный городъ; но вскорѣ убѣдились, что Риму нужно посвятить по крайней мѣрѣ недѣли двѣ, чтобы познакомиться вполнѣ съ его достопримѣчательностями. Какъ Венеція нравится красотой своихъ зданій, напоминающихъ собой богатства торговой республики, какъ Флоренція интересуетъ средневѣковымъ характеромъ своихъ построекъ, въ размѣрахъ относительно довольно скромныхъ главнаго города Тосканы, такъ Римъ поражаетъ громадностью, величіемъ, строгостью стиля и правильностью архитектуры, достойными столицы языческаго и христіанскаго міра. Все носитъ на себѣ печать владычества силы, богатства, искусства и ума.—Изъ міра языческаго достаточно указать на Пантеонъ и Колизей, въ которомъ помѣщается 100,000 зрителей; Пантеонъ и Колизей служатъ представителями временъ императоровъ; изъ міра христіанскаго—на церковь св. Петра и на Ватиканъ, памятники владычества и могущества папъ.—Нигдѣ искусство не проявило себя въ такой высокой степени совершенства, какъ въ Римѣ. Здѣсь сила художесственнаго творчества достигла своего апогея. Съ каждымъ зданіемъ, съ каждою церковью связаны имена знаменитѣйшихъ художниковъ и всѣ почти безъ исключенія принесли Риму лучшую, совершеннѣйшую дань своей геніальности. Браманте, Рафаэль, Микель Анжело, Лагоріо, Фонтана, Мадерно были строителями; превосходные образцы древней скульптуры во множествѣ встрѣчаются въ галереяхъ Ватикана, въ числѣ ихъ Аполлонъ Бельведерскій; лучшія произведенія рѣзца Барнини, Росси, Кановы и Торвальдсена составляютъ принадлежность базилики св. Петра, украшенной великолѣпной мозаикой по рисункамъ знаменитыхъ художниковъ. Не говоря уже о ложахъ Рафаэля, его фрескахъ въ разныхъ церквахъ и дворцахъ, въ галлереѣ Ватикана, заключающей въ себѣ немного картинъ, но замѣчательныхъ по ихъ достоинству, вы видите Рафаэля: Благовѣщеніе, поклоненіе Волхвовъ, Введеніе во храмъ, Вѣру, Надежду и Милосердіе, Преображеніе на Ѳаворѣ, Мадонну de Foligno, Вѣнчаніе св. Дѣвы; Перуджино: св. Бенедикта, св. Флавію, Воскресеніе, св. Ночь, св. Дѣву

и святыхъ, Мурилло: поклоненіе Волхвовъ, Блуднаго сына, обрученіе св. Екатерины; Доминикино: св. Іеронима, Тиціана: св. Дѣву со святыми, П. Пуссена: мученичество св. Эразма.

Въ палаццахъ Доріа, Колонны, въ виллѣ Фарнезини, Спады, въ Санта Маріа делла Паче и другихъ—сколько сокровищъ живописи и ваянія!

Однимъ словомъ, Римъ заключаетъ въ себѣ цѣлый міръ высокихъ художественныхъ произведеній.

Бывали на Корсо, посѣтили студію нашего талантливаго художника Иванова, писавшаго тогда свою картину: проповѣдь св. Іоанна Крестителя въ пустынѣ; слушали обѣдню въ Сикстинской капеллѣ. Богослуженіе великолѣпное, но обстановка и идолопоклонничество папѣ показались мнѣ не соотвѣтствующими святости совершаемаго таинства и христіанскому смиренію. Церковная музыка превосходна, оркестръ безукоризненный, голоса замѣчательные по своей звучности, пѣвучести и чистотѣ; но, признаюсь, стройное величественное пѣніе нашей православной церкви, по моему убѣжденію, стоитъ несравненно выше лучшей католической музыки; оно проникаетъ глубже въ душу и вызываетъ въ ней болѣе религіознаго чувства. Видѣли большую церемонію съ папой, въ день Corpus Domini. Несмѣтная толпа сопровождала ее; церемонія имѣла характеръ театральнаго представленія.

Въ Дрезденѣ оставилъ я мою віолончель; инструментъ былъ посредственный, и по объему своему могъ затруднять насъ въ путешествіи. Въ Римѣ, по случаю, за довольно сходную цѣну, я пріобрѣлъ великолѣпнаго Гварнерія. Останавливаясь въ нѣкоторыхъ городахъ на короткое время, не всегда можно было имѣть фортепьяно. Невозможность аккомпанировать Наимѣ и слышать ея пѣніе была для меня чувствительнымъ лишеніемъ въ жизни, полной счастья и самыхъ пріятныхъ развлеченій. Вновь пріобрѣтенная віолончель пополнила этотъ недостатокъ.

Кто-то сказалъ, что жить—это путешествовать; и дѣйствительно путешествіе въ классической странѣ искусствъ, съ ея чуднымъ мѣстоположеніемъ, превосходнѣйшимъ воздухомъ, синимъ небомъ и богатою южною растительностью было въ высшей степени пріятно. По вечерамъ,

усталые отъ осмотра достопримѣчательностей Рима, мы занимались музыкой. Гварнерій мой вторилъ звучному серебристому голосу Наимы. Наима мнѣ аккомпанировала на фортепьяно, когда пѣніе ее утомляло; часто разыгрывали мы съ нею разныя пьесы въ четыре руки, и въ томъ числѣ мою симфонію, въ которой Наимѣ особенно нравились: Andante и Scherzo.

Однажды мы отправились въ часть города, издавна населенную евреями Наима щедрою рукою раздавала пособіе бѣднымъ; у одного дома, со двора. доносились до насъ звуки женскаго голоса, обратившіе наше вниманіе; мы вошли въ дворъ и увидѣли въ немъ старуху полулежавшую въ небольшой телѣжкѣ; старуха пѣла; унылый мотивъ ея пѣнія поразилъ меня своею оригинальностью, то была чисто еврейская мелодія темпа: allegro. Наима съ участіемъ распросила о ея болѣзни, старуха была разбита параличемъ; Наима надѣлила ее деньгами, а я попросилъ повторить мелодію. Возвратившись домой, я тотчасъ записалъ еврейскій мотивъ, подобралъ аккомпаниментъ, и въ тотъ-же вечеръ Наима исполнила его.

Изъ Рима мы поѣхали въ почтовой каретѣ въ Неаполь. Здѣсь испытывали впечатлѣнія другаго рода, но не менѣе пріятныя. Обращая менѣе вниманія на замѣчательныя богатства музея, осматривали въ высшей степени интересныя древности, отдавали должную дань восторга чудной природѣ и необыкновенно красивому мѣстоположенію Неаполя. Не даромъ сложилась италіянская поговорка: Veder Napoli, e poi morir. Мы остановились подлѣ Villa reale и въ первый разъ, что вышли на балконъ, были поражены великолѣпной картиной, представившейся нашимъ взорамъ. Представьте себѣ въ далекѣ дымящійся Везувій, отдѣленный отъ города лазурнымъ неаполитанскимъ заливомъ, усѣяннымъ множествомъ кораблей, лодокъ и пароходовъ у берега, на которомъ дугообразными уступами амфитеатра возвышается Неаполь и утопаетъ съ своими бѣлыми зданіями въ зелени садовъ самой роскошной растительности; и строенія и сады отражаются въ зеркальной поверхности водъ, принимающихъ синій цвѣтъ южнаго итальянскаго неба; прибавьте къ этому яркое освѣщеніе неаполитанскаго солнца, и не удивитесь, если я вамъ скажу, что болѣе двухъ часовъ любовались мы

этой восхитительной картиной. Никогда нигдѣ я не видывалъ ничего подобнаго.

Побывали мы въ Казертѣ, Позилипо, Пуццоли, Байѣ, Сорренто, въ монастырѣ св. Мартина, откуда открывается превосходный видъ на Неаполь; всходили на Везувій, посѣтили Геркулавумъ и Помпею. Часто гуляли по многолюдной толедской улицѣ и на набережныхъ Неаполя, и очарованные этимъ городомъ и его окрестностями отправились на пароходѣ въ Геную.

Съ моря Генуя представляетъ видъ величественный, поражаетъ красотою и громадностью своихъ зданій, построенныхъ амфитеатромъ. Университетъ, палаццо Андрео Доріа, королевскій дворецъ, палаццо Бриньола и другіе замѣчательны своей архитектурой, великолѣпными лѣстницами и входами. Но всмотрѣвшись ближе въ Геную, вы разочаруетесь; переходъ отъ возвышеннаго, идеально-прекраснаго къ грязной дѣйствительности слишкомъ рѣзокъ: узкія, темныя, зловонныя улицы, нечистота, превосходящая всякое вѣроятіе, и зараженный гнилью воздухъ произведутъ самое непріятное впечатлѣніе. Издали, снаружи, Генуя дѣйствительно заслуживаетъ названія: superbo, даннаго ей итальянцами; вблизи, въ подробностяхъ, какъ городъ, она ниже всякой посредственности. Это великолѣпная декорація, на которую нужно смотрѣть съ извѣстнаго разстоянія.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Генуѣ, мы отправились чрезъ Александрію въ Миланъ.

Въ Миланѣ больше всего обратилъ на себя вниманіе наше соборъ — чудо современнаго зодчества. Весь изъ бѣлаго мрамора, чисто готической архитектуры, съ безчисленнымъ множествомъ башенъ и шпилей, украшенныхъ тончайшею кружевной рѣзьбой изъ мрамора, и съ пятью тысячами статуй, разставленныхъ снаружи у стѣнъ, на столбахъ, въ нишахъ и по крышѣ. Внутренность собора строгая и величественная; остроконечные своды поддерживаются гигантскими столбами въ четыре ряда вдоль всего зданія; но соборъ внутри не былъ еще вполнѣ оконченъ, казался совершенно пустымъ и не соотвѣтствовалъ внѣшности. Площадь, окружающая соборъ, не велика и до того стѣснена домами, что нѣтъ возможности осмотрѣть соборъ со всѣхъ сто-

ронъ. Для такого зданія необходимо болѣе простора, но не думаю, чтобы австрійское правительство, или городское управленіе рѣшилось затратить большія суммы на увеличеніе площади посредствомъ ломки домовъ.

Каждый день на Корсо съ 6 до 8 часовъ вечера бывало гулянье; многочисленная пестрая толпа, музыка, множество экипажей, всадниковъ, пѣшеходовъ, нарядныхъ дамъ и кавалеровъ оживляли это любимое гулянье миланцевъ. Мы нѣсколько разъ туда ѣздили и издали любовались подвижной панорамой. Посѣтили два раза la Scala, самый большой театръ въ Европѣ; составъ оперы былъ посредственный.

Изъ Милана мы наняли ветурино до Женевы, чтобы вдоволь насмотрѣться на прекрасные виды сѣверной Италіи и южной Швейцаріи. Поѣздка должна была совершиться въ девять дней. Останавливались въ Сесто Календе и Аронѣ, мѣстностяхъ замѣчательныхъ превосходными видами. На Лаго Маджіоре мы пробыли почти цѣлый день и успѣли въ подробности осмотрѣть Борромейскіе острова. Подъѣзжая къ Isola bella, издали къ намъ долеталъ упоительный запахъ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ; весь островъ — великолѣпная вилла, принадлежащая фамиліи Борромеевъ. Превосходный палаццо съ большой террасой, отличный садъ съ разными растеніями и колоссальная бронзовая статуя святого Борромея — вотъ достопримѣчательности Изола белла. Онъ намъ такъ понравился, что мы пробыли на немъ очень долго. Посѣтили Изола Мадре и Пескіера и очарованные нашею прогулкой по озеру возвратились въ гостинницу. Далѣе Домо д'Оссола, небольшая деревушка, произвела на насъ самое пріятное впечатлѣніе своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ.

Здѣсь нужно было проститься съ дорогой намъ Италіей; мнѣ крѣпко взгрустнулось. Въ продолженія всего путешествія по Италіи мы встрѣчали вездѣ не только готовность къ услугамъ и рѣдкую добросовѣстность, но сердечное участіе, радушіе и дружеское расположеніе. Не говоря о лицахъ, принадлежащихъ къ высшимъ слоямъ общества, съ которыми приходилось встрѣчаться, не могу пройти молчаніемъ содержателей и содержательницъ меблированныхъ комнатъ, трактирщиковъ, прислуги, ветурино. Нигдѣ не было пререканій, излишнихъ требованій, неудовольствія. Въ Венеціи синьора Грассо ухаживала за На-

имой, какъ сестра, и когда я ей предложилъ денежное вознагражденіе, она обидѣлась и отвѣтила: »расположеніе и дружескія услуги не продаются«; едва, едва упросила ее Наима принять отъ нее подарокъ на память. Во Флоренціи, въ гостинницѣ мнѣ понадобилось однажды отдать слугѣ сюртукъ, чтобы пришили случайно оторванную пуговицу; въ карманѣ сюртука я забылъ бумажникъ съ 200 лирами. Чрезъ полчаса лакей принесъ сюртукъ и отдалъ бумажникъ съ деньгами, присовокупивъ, что не слѣдуетъ оставлять деньги въ карманахъ отдаваемаго платья. Въ Неаполѣ я долго искалъ между моими вещами золотую съ жемчугомъ булавку и не найдя, считалъ потерянною; представьте мое удивленіе, когда прачка, принесшая бѣлье, вручила мнѣ булавку, объявивъ, что нашла воткнутою въ рубаху, и посовѣтовала быть внимательнѣе къ вещамъ извѣстной цѣнности.

Сколько счастливыхъ дней провели мы въ Италіи! Глубокая взаимная привязанность несомнѣнно дѣлаетъ насъ счастливыми; возбужденная чудной природой юга, высокими произведеніями искусствъ она переноситъ въ тотъ міръ блаженства, который рѣдко бываетъ доступенъ человѣку. Никогда не изгладится изъ памяти моей время, проведенное въ Италіи, всегда съ искренней признательностью буду вспоминать благодатную страну и поминать добромъ ея честныхъ, добродушныхъ и симпатичныхъ обитателей.

XI. Швейцарія.

Подъемъ на Семплонъ былъ продолжительный и утомительный. Къ парѣ, везшей насъ изъ Милана, пристегнули третью лошадь, и мы шагомъ взбирались на гору по дорогѣ, устроенной Наполеономъ во время войнъ съ Италіей. Стало очень холодно, мы нѣсколько разъ вставали изъ экипажа, чтобы согрѣться, слѣдуя за нимъ пѣшкомъ. Нависшія скалы, покрытыя снѣгомъ и льдомъ, дикая тощая растительность на склонахъ утесовъ, сѣрое покрытое густыми облаками небо вызвали въ насъ ощущенія не совсѣмъ пріятныя. Наконецъ мы прибыли въ hospice на вершинѣ Семплона; положеніе этого страннопріимнаго монастыря прекрасное; видъ дикій, угрюмый, но величественный на проходъ про-

тивъ Бернскихъ Альпъ и на Шенгорнъ. Зданіе монастыря огромное въ четыре этажа, основанное Наполеономъ 1 и оконченное С. Бернардскими монахами августинскаго ордена. Семплонскій монастырь принимаетъ ежегодно отъ 10-ти до 12,000 путешественниковъ. Покуда лошади отдыхали и кормились, мы согрѣлись въ теплой комнатѣ у большого камина, и услужливые монахи угостили насъ горячимъ супомъ, говядиной, отличнымъ виномъ и превосходнымъ хлѣбомъ, въ родѣ нашего ржанаго; уѣзжая мы положили въ монастырскую кружку плату за угощеніе; бѣдные получаютъ общій столъ даромъ.

Съ вершинъ Семплона стали спускаться довольно медленно и благополучно пріѣхали въ Мартиньи. Здѣсь природа оживилась; свѣтлая зелень долины, быстрые потоки съ горъ, яркое солнце и теплая температура воздуха позволили намъ вздохнуть свободнѣе. Гостепріимная и любезная хозяйка отвела намъ лучшее помѣщеніе своей гостинницы и угостила весьма недурно.

Отдохнувъ въ Мартиньи, мы отправились въ Шамуни. Эта чудная долина у подножья Монблана произвела на насъ самое пріятное впечатлѣніе; но взбираться на Монбланъ мы не заблагоразсудили и продолжали путешествіе до Женевы.

Въ Женевѣ случилось со мной происшествіе, не совсѣмъ пріятное. Разсчитавъ время моего прибытія въ этотъ городъ, я просилъ отца моего выслать деньги для дальнѣйшаго путешествія въ Женеву. Пріѣхавши, отправляюсь на почту: ни письма ни денегъ. Между тѣмъ нужно было заплатить ветурино; кромѣ задатка, имъ мнѣ даннаго, у меня не было денегъ. Пришлось просить ветурино подождать до завтра. На другой день тотъ-же отвѣтъ на почтѣ. Цѣнныхъ вещей со мной не было, къ капиталу Наимы я не хотѣлъ обращаться. Въ вечеру ветурино приходитъ за разсчетомъ, объявивъ, что нашелъ путешественниковъ для обратной поѣздки въ Миланъ и ждать далѣе не можетъ. Нечего дѣлать, какъ ни совѣстно, нужно было объяснить Наимѣ мое затруднительное положеніе. »Какъ тебѣ не стыдно, сказала она, не предупредить меня объ этомъ раньше, я твоя, и все мое-твое«.—»Я не хотѣлъ, отвѣтилъ я, трогать твоего капитала«.—»Въ этомъ и надобности нѣтъ, возразила Наима. Лея при прощаньи подарила мнѣ на пу-

тешествіе и пополненіе моего гардероба десять тысячъ талеровъ изъ своихъ средствъ. Вотъ открытое письмо на извѣстныхъ банкировъ; возьми его, получи деньги, разсчитайся съ ветурино и оставь у себя остальныя«.—На глазахъ Наимы навернулись слезы; я пожалѣлъ, что огорчилъ ее излишнею деликатностью и не зналъ, какъ оправдаться. Ветурино конечно не остался въ накладѣ за отсрочку. На третій день нашего пребыванія въ Женевѣ, я получилъ ожидаемыя деньги и хотѣлъ возвратить взятыя у Наимы, но при первомъ объ этомъ словѣ Наима зажала мнѣ ротъ своей прелестной ручкой и объявила, что никогда не вступитъ въ денежные разсчеты со мною и что касса наша должна быть общею. Это было сказано такъ убѣдительно, что всякое возраженіе становилось невозможнымъ.

Видъ съ прибережной части города на женевское озеро очень хорошъ, но Женева вообще представляетъ мало интереса; довольно скучный и непривлекательный городъ. Ѣздили въ Ферней смотрѣть домъ Вольтера; ничего особенно замѣчательнаго. Въ одной изъ комнатъ стоитъ на пьедесталѣ урна, заключающая въ себѣ сердце фернейскаго философа, съ надписью: Son coeur est ici, son esprit est partout. Прошло много лѣтъ со времени этой надписи, и она сдѣлалась совершеннымъ анахронизмомъ: Вольтеровскій духъ улетучился, и слава Богу, подумалъ я.

На пароходѣ, по озеру, отправились мы въ Лозанну, осмотрѣвъ на пути Шильонскій замокъ; изъ Лозанны въ дилижансѣ въ Бернъ чрезъ Фрибургъ. Висячій мостъ у этого города приводилъ путешественниковъ въ восторгъ и казался чудомъ мостовой архитектуры. Гербъ Берна—медвѣдь, и онъ воспроизведенъ вездѣ: на бассонахъ экипажей, на столбахъ, на вывѣскахъ. Въ городѣ устроена большая яма, обложенная гранитомъ, въ которой помѣщается пара медвѣдей съ медвѣжатами; особый сторожъ ухаживаетъ за ними. Какъ сторожъ, такъ и медвѣди получаютъ содержаніе изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго для этой цѣли какою-то старой дѣвой. У подошвы горы, на которой раскинутъ Бернъ, протекаетъ Ааръ, на островѣ этой рѣки устроены ванны; видъ великолѣпный.

Изъ Берна мы поѣхали осмотрѣть самыя замѣчательныя мѣстности Швейцаріи: Интерлакенъ, озеро четырехъ кантоновъ, Риги и Шафгаузенскій водопадъ. Дикая, но величественная природа, голые каменистые утесы, снѣжныя вершины горъ съ ихъ ледниками, лѣса хвойныхъ деревьевъ, сохраняемыхъ въ первобытномъ состояніи для предохраненія жилищъ отъ обваловъ, безчисленное множество водопадовъ, зеленѣющія долины, оригинальные костюмы женщинъ, мѣняющіеся въ каждомъ кантонѣ, стада рогатого скота, рожокъ пастуха, извѣстный ranz des vaches, домики съ деревянною рѣзьбою и камнями на крышѣ, построенные на скалахъ надъ обрывами и глубокими оврагами, превосходно обдѣланныя поля, виноградники, необыкновенный эффектъ восходящаго и заходящаго солнца, облака, несущіяся у вашихъ ногъ,—все это въ высшей степени оригинально, привлекательно, грандіозно и поразительно хорошо.

На Базель мы проѣхали въ Страсбургъ.

XII. Франція.

Въ Страсбургѣ отдохнули два дня послѣ довольно утомительнаго путешествія по Швейцаріи. Осмотрѣли соборъ съ знаменитой колокольней; я спускался въ склепъ, гдѣ показываютъ необыкновенно хорошо сохранившееся въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій тѣло графа Саарбрюка; всходилъ на башню, чтобы полюбоваться видомъ на Страсбургъ. Послѣ Швейцаріи, гдѣ народонаселеніе некрасиво и не совсѣмъ любезно, въ Страсбургѣ мы поражены были учтивостью и миловидностью его жителей; особенно красивыми показались намъ молодыя дѣвушки, средняго класса, стройныя, довольно высокія съ выразительными глазами и темными роскошными волосами, обвивавшими подобно змѣямъ ихъ милыя головки длинными толстыми косами.

Изъ Страсбурга въ почтовомъ купе по превосходному шоссе отправились мы чрезъ Нанси въ Парижъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня Парижемъ, не соотвѣтствовало той идеѣ, которую я составилъ объ этомъ городѣ. Наима бывала тамъ прежде и увѣряла, что Парижъ мнѣ понравится и полю-

бятся. Мы остановилось въ мѣстности мало отдаленной отъ Лувра, въ старинной улицѣ Coquillière, въ отелѣ того-же имени. Отель этотъ имѣлъ то удобство, что не выходилъ на улицу, а находился во дворѣ; зданіе отеля старинное въ стилѣ временъ Генриха IV; наше помѣщеніе состояло изъ трехъ комнатъ, хорошо меблированныхъ, съ коврами, бронзою и большими зеркалами; за это помѣщеніе мы платили 12 франковъ въ сутки. Table d'hôte, весьма удовлетворительный, съ виномъ обходился въ три франка съ персоны. Тотчасъ-же я пріискалъ фортепьяно и заплатилъ съ настройкою и переноскою на прокатъ 12 франковъ въ мѣсяцъ. Упоминаю объ этомъ, чтобы дать понятіе о дешевизнѣ, существовавшей въ то время въ Парижѣ.

Въ Парижѣ мы пробыли шесть недѣль и провели время въ высшей степени пріятно. Утромъ осмотръ достопримѣчательностей, послѣ обѣда спектакль или прогулка за городъ. Обѣдывали часто въ Palais Royal у Вери и Вефури или Frères Provançaux, посѣщали большую и комическую оперы, Одеонъ, Français, Palais-Royal, Водевиль и другіе театры. Тогда M-lle Rachel, трагическая актриса, производила фуроръ и дѣйствительно обладала необыкновеннымъ талантомъ; высокая, до нельзя худая, смуглая, съ характеристическими чертами лица и непомѣрно длинными руками, она не могла нравиться своей наружностью; но когда священный огонь страсти и геній искусства, доведеннаго до высшей степени совершенства, до натуральнаго проявленія чувства, одушевляли ее въ разгарѣ трагедіи, тогда Рашель становилась типично красивою и вызывала въ зрителяхъ неописанный восторгъ. Часто заставляли ее, по окончаніи представленія, декламировать извѣстную Marseillaise съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукахъ. И тутъ она производила потрясающее впечатлѣніе и такъ наэлектризовывала публику, что случись какой нибудь поводъ къ возстанію, вся толпа зрителей отправилась-бы немедленно на баррикады въ hôtel de Ville или бросилась-бы на министерства.

Не было во Франціи правительства болѣе либеральнаго и разумнаго, какъ правительство Луи-Филиппа. Этотъ буржуа--король зналъ хорошо французовъ и въ особенности парижанъ, и поэтому все, что могло быть имъ пріятнымъ, было дозволено. На шумныя проявленія въ

театрахъ, на сходки на улицахъ, на ораторства въ ресторанахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ смотрѣли снисходительно, и парижане были довольны, считая себя вполнѣ свободными и счастливыми. И въ самомъ дѣлѣ благосостояніе Франціи достигло своего апогея во всѣхъ отношеніяхъ въ этотъ періодъ времени: никогда производительность и торговля этой богатой страны не давала такихъ блистательныхъ результатовъ, никогда промышленность большихъ городовъ не достигала такого развитія. Плодоносная почва Франціи производитъ лучшіе сорта хлѣбовъ, кормовыхъ травъ, самыя тонкія вина и водки, превосходные фрукты. Лучшаго качества дичь и рыба составляютъ принадлежность лѣсовъ и водъ Франціи, щедро надѣленной всѣми благами земными. Но и въ интеллектуальномъ отношеніи Франція превосходила другія европейскія государства. На поприщѣ наукъ и литературы подвизались тогда такія личности, какъ: Кузенъ, Вильменъ, Тіерри, Барантъ, Ройе—Колларъ, Амперъ, Кювье, Лапласъ, Шатобріанъ, Тьеръ, Гизо, Мишле, Ламартинъ, Викторъ Гюго, Бальзакъ, Альфонсъ Карръ, Фридерикъ Сулье, Александръ Дюма, Беранже, Жюль Жаненъ, Жирарденъ.

Музыка также процвѣтала: оперы Мейербеера, Галеви Обера были писаны для парижской сцены и исполнялись превосходно. Парижкая консерваторія была лучшею въ Европѣ, а оркестръ ея подъ управленіемъ Габенека не имѣлъ нигдѣ себѣ подобнаго. Исполненіе Бетховенскихъ симфоній было безукоризненно.

Въ какихъ-бы кружкахъ вы ни вращались, вездѣ находили людей образованныхъ; говорили о политикѣ, наукахъ, литературѣ, искусствахъ, и изъ самаго обыденнаго разговора вы выносили идеи и понятія. Безспорно можно сказать, тогдашній Парижъ былъ центромъ умственной дѣятельности. Меня много занимали историческіе памятники Парижа и я осмотрѣлъ ихъ въ подробности; на осмотръ Лувра съ галлереями посвятилъ нѣсколько дней. Загородные дворцы также привлекли наше вниманіе и мы побывали въ Версали, Тріанонѣ, Сенклу Мальмезонѣ и Фонтенебло. Чтобы познакомиться съ мѣстными нравами, обѣдалъ однажды у Франконо за 15 су (три блюда съ виномъ), посѣтилъ: Mabile, Chaumière, Chateau des fleurs.

Наима пріобрѣла нѣсколько предметовъ для своего туалета, я пополнилъ свой гардеробъ у знаменитаго портного Human'a; все было превосходнаго качества и по цѣнамъ болѣе, чѣмъ умѣреннымъ. Сдѣлали также значительный запасъ книгъ; въ числѣ ихъ только что вышедшее сочиненіе Кюстина: La Russie et les Russes. Въ Парижѣ не имѣли времени читать и отложили книги для дальнѣйшаго путешествія. Наима была права. Парижъ меня очаровалъ и я увезъ о немъ самое пріятное воспоминаніе. Сколько позднихъ интимныхъ радостныхъ вечеровъ провели мы въ нашемъ отелѣ подъ вліяніемъ видѣннаго и слышаннаго въ теченіи дня. Знакомыхъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, у насъ не было, встрѣчались за table de hôte, у ресторановъ, на гуляньяхъ съ нѣкоторыми личностями, раскланивались, разговаривали и только. Да и надобности не было въ болѣе близкихъ знакомствахъ: мы были такъ счастливы, мы такъ любили другъ друга.

Изъ Парижа отправились въ Calais, Дувръ и Лондонъ; переѣздъ былъ довольно скорый и благополучный.

XIII. Лондонъ, Голландія, Бельгія.

Лондонъ поразилъ насъ своею громадностью и необыкновенною дѣятельностію. Въ Парижѣ мы встрѣчали на бульварахъ толпы уличныхъ зѣвакъ; въ Лондонѣ всюду гораздо больше движенія, но движеніе другаго рода. Прогуливающихся немного, все дѣловые люди, бѣгущіе къ своимъ занятіямъ. Время—деньги у англичанъ, и они не тратятъ его даромъ. Парижъ смотритъ кокетливѣе, чопорнѣе Лондона; въ Лондонѣ всѣ почти зданія почернѣли отъ тумановъ и дыма. Но нигдѣ не видѣлъ я такой роскошной растительности, какъ здѣсь, густые яркіе газоны, великолѣпныя деревья; парки и скверы—верхъ совершенства.

Нигдѣ не встрѣчалъ я впрочемъ такого поразительнаго контраста между величайшею роскошью и необыкновенною бѣдностью. Нигдѣ не наталкивался на такія возмутительныя проявленія нищеты и растлѣнія нравовъ, какъ въ Лондонѣ.

Въ Лондонъ мы пріѣхали въ разгаръ лѣтняго сезона, когда городъ бываетъ оживленъ болѣе обыкновеннаго. Часто посѣщали итальянскую оперу; составъ ея былъ лучшій изъ всѣхъ, которые мнѣ когда нибудь случалось слышать. Лаблашъ, Рубини, Тамбурини, Маріо Гризи, Персіани—вотъ имена, которыя появлялись на афишахъ того времени. Мы слышали Норму, Пуританъ, Вильгельма Теля и Лучію. Артистическое исполненіе не оставляло ничего болѣе желать и приводило всѣхъ въ восторгъ.

Обозрѣвъ въ теченіи десяти дней все, что заслуживало особаго вниманія, мы на пароходѣ отправились въ Роттердамъ.

Плаваніе было удачное, и мы вскорѣ очутились въ оригинальной Голландіи.

Осушенныя озера, безконечныя плотины, изъ нихъ нѣкоторыя поражающія своею вышиной и протяженіемъ; множество вѣтряныхъ мельницъ, плоскость почвы, однообразіе видовъ, безвкусіе построекъ, грубость и безобразіе жителей,—вотъ впечатлѣнія, произведенныя на насъ Голландіей при первомъ съ нею знакомствѣ. Но познакомившись ближе съ этой страной, нельзя было не отдать полной справедливости предпріимчивости, настойчивости и терпѣнію голландцевъ. Выйти побѣдителями изъ борьбы за существованіе съ грозной стихіей, удержать ее въ должныхъ границахъ, обратить въ плодоносную почву болота и озера, освободиться отъ ига испанцевъ и сдѣлаться независимой богатою морской державой,—вотъ результатъ стойкости и непреклонной воли голландцевъ.

Изъ Роттердама мы поѣхали въ Гаагу, изъ Гааги очень тихо по единственной тогда въ Голландіи желѣзной дорогѣ въ Гарлемъ. Гигантское предпріятіе осушенія гарлемскаго озера уже было начато въ то время. Изъ Гарлема въ Амстердамъ и Утрехтъ. Гаага новый городъ и не представляетъ собою ничего особеннаго. Роттердамъ и Амстердамъ обратили наше вниманіе своими старинными постройками, каналами и муравьиною торговою дѣятельностью. Утрехтъ старинный, чисто средневѣковый городъ.

Страсть къ чистотѣ вездѣ въ Голландіи доходитъ до смѣшнаго. Мало того, что каждый день чистятъ и моютъ дворы и тротуары, не

рѣдко обмываютъ и обтираютъ швабрами дома снаружи. Чепчики и передники у женщинъ безукоризненной бѣлизны и всегда накрахмаленные, но покрываютъ такія формы и прелести, на которыя конечно не засмотришься. Подобнаго безобразія я нигдѣ не встрѣчалъ.

Изъ Голландіи поѣхали въ Бельгію, посѣтили Антверпенъ, Брюсель и Люттихъ; здѣсь типъ жителей совсѣмъ другой, и хотя бельгійцы и не очень красивы, но и не такъ уродливы, какъ голландцы. Въ Люттихѣ, въ отелѣ, за конторкой мы видѣли дѣвушку замѣчательно хорошенькую. Брюсель чисто французскій городъ, очень красивъ, представляетъ много удобствъ для путешественниковъ; изъ Люттиха мы проѣхали въ Кельнъ, провели тамъ сутки, осмотрѣли знаменитый соборъ и на пароходѣ сдѣлали очень пріятное путешествіе по Рейну мимо Бонна и Кобленца до Майнца. Изъ Майнца поѣхали во Франкфуртъ на Майнѣ. Большой и богатый Франкфуртъ былъ тогда еще свободнымъ городомъ. Изъ Франкфурта мы направились чрезъ Бибрахъ въ Висбаденъ. Въ Бибрахѣ останавливались, чтобы осмотрѣть великолѣпный дворецъ герцога Нассаускаго и превосходныя оранжереи. Въ Висбаденѣ пробыли дней десять и познакомились съ жизнію на водахъ.

XIV. Висбаденъ, переѣздъ чрезъ Францію.

Висбаденскій сезонъ 1843 г. былъ блестящій; множество иностранцевъ, въ особенности англичанъ, французовъ и русскихъ. Публичная игра въ рулетку и trente et quarante, весьма недурной французскій спектакль, балы въ курзалѣ, поѣздки за городъ, превосходныя гостинницы, отличный и обильный столъ за table d'hôte дѣлали пребываніе въ Висбаденѣ очень пріятнымъ.

Часто и подробно писалъ я моей дорогой матери, описывая мои путешествія и впечатлѣнія, производимыя на меня различными странами и художественными произведеніями, часто получалъ отъ нея умныя, проникнутыя искренней любовью письма, но не могъ рѣшиться извѣстить ее о настоящихъ моихъ отношеніяхъ къ Наимѣ. Писалъ впрочемъ изъ Дрездена еще, что мнѣ очень нравится дѣвица, соединяющая въ себѣ всѣ условія для того, чтобы сдѣлать меня счастливымъ и что я поль-

зуюсь ея внимательностью; о національности и религіи Наимы я умолчалъ. Изъ Парижа написалъ, что счастливая случайность соединила насъ въ путешествіи. Мать моя отвѣтила, что изъ писемъ моихъ усматриваетъ необыкновенную восторженность и заключаетъ, что я все вижу въ розовомъ цвѣтѣ, благодаря сильному сердечному увлеченію, и совѣтуетъ сдерживать пылъ моей привязанности. Въ письмѣ изъ Брюсселя я откровенно сознался въ увлеченіи и въ полной взаимности. Описывая наружность Наимы, ея качества, я коснулся слегка ея состоянія и общественнаго положенія, сказавъ, что Наима принадлежитъ къ семейству почтенныхъ негоціантовъ и представляетъ для меня хорошую партію во всѣхъ отношеніяхъ. Въ Висбаденѣ получилъ отвѣтъ, дышавшій материнскою нѣжностью и любовью, но вмѣстѣ съ тѣмъ заключавшій и требованіе не дѣлать предложенія любимой мной особѣ и не жениться безъ разрѣшенія моихъ родителей, такъ какъ о женитьбѣ мнѣ рано еще думать, и во всякомъ случаѣ разрѣшеніе можетъ быть дано не раньше, какъ по возвращеніи моемъ изъ путешествія. Я поспѣшилъ успокоить мать мою обѣщаніемъ не дѣлать послѣдняго шага безъ ея согласія и благословенія...

Въ Висбаденѣ я испытывалъ иногда свое счастіе въ игрѣ: въ рулетку всегда проигрывалъ и пересталъ играть. Но rouge et noir была мнѣ благопріятнѣе: я постоянно выигрывалъ и въ концѣ концовъ увезъ изъ Висбадена выигранныхъ пятнадцать тысячъ франковъ. Между прочимъ я обязанъ случаю довольно крупнымъ выигрышемъ.

Въ числѣ лицъ игравшихъ я увидѣлъ даму, необыкновенно похожую на кузину К. Предполагая, что кузина въ Сибири, не вѣрилъ, что это она; но дама встаетъ, подходитъ ко мнѣ и беретъ меня въ сторону, чтобы поговорить. Моя ставка въ нѣсколько луидоровъ стояла на noir, я объ ней совершенно забылъ и пока разговаривалъ съ кузиной, сдѣлано было нѣсколько игоръ, мои луидоры оставались все на noir, которая прошла нѣсколько разъ; возвратившись къ своему мѣсту, я нашелъ кучу золота и пять свертковъ съ червонцами. Разговоръ съ кузиной принесъ мнѣ восемь тысячъ франковъ.

Оказалось, что кузина ѣздила въ Тобольскъ, не застала тамъ своего мужа и отправилась по его слѣдамъ въ Томскъ. Здѣсь они съѣхались,

провели одинъ день вмѣстѣ, какъ голубки, на другой разсорились и разъѣхались навсегда. Мужъ продолжалъ свою поѣздку въ Сибири, кузина направилась въ обратный путь и проведя нѣсколько дней въ Москвѣ и потомъ у себя въ деревнѣ, поѣхала за границу.

Игра въ Висбаденѣ начинается обыкновенно въ 11 часовъ утра. Къ тому времени чиновникъ приноситъ карты, запечатанныя герцогскою печатью. Крупье ихъ распечатывали, тасовали при многочисленной публикѣ и давали снимать одному изъ желавшихъ участвовать въ игрѣ. Послѣ утренней прогулки, я обыкновенно провожалъ Наину въ гостинницу не далеко отъ курзала, или въ читальню, и отправлялся играть часъ, другой. Крупье часто просили меня снимать стасованныя карты, увѣряя, что у меня легкая рука; я имъ всегда высказывалъ желаніе, чтобы легкая рука была не въ ихъ пользу, и игра начиналась. Faites vos jeux, messieurs, говорилъ главный крупье, повторяя эту фразу нѣсколько разъ, потомъ раздавалось громогласное: le jeu est fait, rien ne va plus, и за тѣмъ клались карты сначала для rouge, а потомъ для noir; разница между 30-ю и 40 составляла выигрышъ той или другой стороны. Нужно было видѣть, какъ ловко крупье загребали особеннаго устройства деревянными лопаточками проигранныя деньги и какъ отчетливо уплачивали двойную сумму выигравшей ставки.

Страсти къ игрѣ я никогда не имѣлъ, но въ Висбаденѣ она развлекала меня и быть можетъ увлекла-бы легкостью выигрыша, если-бы я не принадлежалъ вполнѣ чувству, соединявшему меня съ Наимой.

Въ теченіе двухъ-недѣльнаго пребыванія въ Висбаденѣ, мы успѣли отдохнуть отъ безпрерывныхъ путешествій и подышать чистымъ воздухомъ въ паркахъ и садахъ Висбадена и окружающихъ его красивыхъ по своему мѣстоположенію мѣстностяхъ. Лѣто было знойное и прогулки въ рощи и лѣса доставляли намъ большое удовольствіе.

Изъ Висбадена мы поѣхали на Страсбургъ, Безансонъ, Шалонъ на Саонѣ, въ Ліонъ и оттуда чрезъ Авиньонъ въ Марсель.

Ліонъ оживленный, многолюдный городъ; въ немъ мы пробыли всего два дня, и онъ не произвелъ на насъ никакого особеннаго впечатлѣнія.

Марсель очень понравился и постройками и кипучей торговой дѣятельностью. Генеральныя консульства всѣхъ государствъ, представители всѣхъ націй, громадные магазины съ произведеніями всѣхъ странъ указывали на значеніе этого города въ всемірной торговлѣ. Видъ на взморье, на гавань, усѣянную безчисленнымъ множествомъ судовъ, природа юга, зной, умѣряемый морскою влагой, южный провансальскій типъ жителей съ живыми черными глазами и черными какъ смоль волосами, не всегда красивыхъ, но въ высшей степени типичныхъ и подвижныхъ, были замѣчательными особенностями Марселя.

Пароходы два раза въ недѣлю отходили въ Малагу; случаи къ поѣздкѣ на парусныхъ судахъ представлялись ежедневно. Мы предпочли путешествіе на пароходѣ, и въ ожиданіи отхода парохода пробыли въ Марсели пять дней.

Собираясь ѣхать къ Леѣ въ Испанію, я сталъ еще въ Италіи изучать испанскій языкъ подъ руководствомъ Наимы, владѣвшей этимъ языкомъ превосходно, такъ какъ большую часть своей ранней молодости она провела у Леи между Малагой и Гренадой и нерѣдко сопутствовала сестрѣ въ ея путешествіяхъ по Испаніи. Въ теченіи нашей поѣздки отъ Италіи до Марселя я успѣлъ на столько усвоить себѣ испанскій языкъ, что читалъ свободно, понималъ хорошо прочтенное, выучилъ обыденныя фразы и могъ вести непродолжительный разговоръ. Знаніе латинскаго и италіанскаго языковъ помогло мнѣ въ этомъ, по сродству ихъ съ испанскимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1]).

III.

Въ то время, какъ Балабуха ѣздилъ »на розглядины« къ Олесѣ, да увивался около ней, по околотку прошелъ слухъ, что Ониcя Прокоповичевна обручена съ Харитономъ Моссаковскимъ. Мать Балабухи была на ярмаркѣ въ Богуславѣ и привезла эту вѣсть въ Хильки.

— Чи ты знаешь, сыну, за кого подавала рушники Ониська Прокоповичивна? спросила она своего академиста, пріѣхавъ съ ярмарка домой.

— А за кого, мамо? спросилъ сынъ.

— За Харитона Мосаковскаго, карапишаньского дяка, сказала мать.

— За Харитона Мосаковского! за того рудого дяка, за ту чехоню? крикнулъ сынъ.

— Не за дяка-бо! Винъ сёгодня дякъ, а може завтра буде попомъ на батькивськи парафіи, бо ёго вилшаницька громада выбрала соби священникомъ, сказала мать, желая ослабить негодованіе и досаду сына.

— Одкаснулась одъ мене, студента, академиста для того рудого дурня, що винъ навить въ граматыци не бувъ, не тильки що въ философіи? кричалъ Балабуха, поднявъ руки вверхъ и какъ-бы грозя кому-то своими здоровенными кулачищами.

---

[1]) См. »Кіевская Старина« 1884 г., майск. кн., стр. 88—116.

— Потрывай, сыну! успокоивала его мать. Не кричи и не сердься;—ничого тымъ не поможешь, а коли хочъ, пойдь у Кыивъ, та выпроси соби въ митрополита Вилшаницю: парафія велика, поля багато, синокосы... и окомъ не скинути,—геть по-надъ Росью, ще й левада така здорова,—скильки то тамъ картопли та капусты зибрать можно! Ей Богу, сыну, не гай часу, ôдь до Кыива! Нехай тоди Ониська потанцюе зъ своею чехонею цыганьскои халяндры. Нехай старый Прокоповичъ дае Харитонови свои Чайки, що ихъ можна въ мишокъ забрать.

— Добре, мамо, радите! Пойду справди до Кыива, до самого владыки. Та же въ ёго академистамъ парафіи на выбиръ: яку хочъ, выбирай! самодовольно произнесъ Балабуха и злобно захохотавъ, прибавилъ: О будуть тоби, Онисько, гарбузы! Дамъ я тоби гарбуза, що будешъ носиться зъ нимъ до смерти.

Не долго думая, Балабуха на другой день отправился въ Кіевъ, явился митрополиту и подалъ прошеніе о предоставленіи ему ольшаницкаго прихода. Владыка не видѣлъ препятствій къ удовлетворенію его просьбы; одобреніе или выборъ прихожанъ отъ академистовъ не требовалось, не требовался и экзаменъ. Послѣ короткихъ справокъ о мѣстѣ и личности просителя и легкой кой-гдѣ смазки со стороны Балабухи, Ольшаница предоставлена ему резолюціею митрополита. Съ торжествующимъ видомъ выходилъ Балабуха отъ владыки, а на встрѣчу ему робко подниматись по лѣстницѣ ольшаницкій староста и двое стариковъ—прихожанъ съ Моссаковскимъ впереди. Увидѣвъ Балабуху, Моссаковскій, встрѣчавшійся съ нимъ прежде, привѣтствовалъ его низкимъ поклономъ; но Балабуха даже не взглянулъ на него. Тотъ не понялъ или не замѣтилъ этого и въ простотѣ души своей, съ особою привѣтливостію и почтительностію, промолвилъ:

— Чи парафіи шукаете, Марку Павловичу? Боже поможи вамъ на все добре!

— Нехай уже вамъ Богъ помагае, а мени вже помигъ: я зайнявъ вашу Вильшаницю, гордо произнесъ Балабуха и не останавливаясь, прошелъ мимо изумленныхъ представителей ольшаницкой громады, медленно направляясь въ консисторію для выправки указа о своемъ назначеніи. Если-бы надъ головою Моссаковскаго и его спутниковъ раздался въ эту минуту ударъ грома, онъ не поразилъ-бы ихъ бо-

лѣе, чѣмъ слова Балабухи; они стояли и смотрѣли вслѣдъ Балабухѣ, не вѣря своимъ ушамъ.

— Чи цей панычъ правду каже, чи жартуе, промолвилъ староста.

— Мабуть бреше на свою обыхидку, какъ-бы въ отвѣтъ ему сказалъ одинъ изъ стариковъ: а хто-жъ ёго выбиравъ въ Вилшаницю за священника?

Представители громады не допускали мысли о назначеніи священника безъ выбора громады.

— Та вже чи подався, чи не подався винъ на Вилшаницю, а мы таки ходимъ до владыки. Почуемо, що то намъ владыка скаже,—проговорилъ Моссаковскій.

И всѣ четверо стали подыматься вверхъ. Въ просительской, куда наконецъ они вошли, шелъ пріемъ и стоялъ владыка въ лиловой шелковой рясѣ, въ черной бархатной скуфейкѣ съ вышитымъ напереди крестомъ, не старый, но довольно дряхлый, съ красноватымъ лицемъ, съ жидкой, раздвоенной бородой, на половину сѣдой. Самолично отбиралъ онъ просьбы, выслушивалъ просителей, объявлялъ имъ свои рѣшенія. Дошла очередь до ольшаницкихъ: они поклонились до ногъ и затѣмъ Моссаковскій подалъ отъ себя прошеніе, а староста другое отъ имени громады. Владыка пробѣжалъ то и другое, что-то припомнилъ и дроботливо произнесъ:

— Опоздали, старики! Вашъ приходъ я отдалъ уже другому. Сейчасъ положилъ резолюцію.

Старики замигали глазами, одинъ вздохнулъ, двое другихъ переступили съ ноги на ногу и недоумѣло переглянулись между собою.

— А ты учился въ школахъ? спросилъ владыка, взглянувъ на Моссаковскаго.

— Ба ни, ваше високее преосвященство: я вчився дома въ батька, та въ карапишаньского дяка.

— Гм..., произнесъ владыка.—Чему-же ты учился, что знаешь?

— Вывчивъ граматку, часловець, псалтыръ, твердо и увѣренно отвѣчалъ Моссаковскій; вмію читати апостола, евангелію, знаю добре уставъ, вмію спивати на гласы, на »Богъ-Господь«, »на подобенъ«.

— А катихизисъ изучилъ?

— Трошки не довчивъ.

— Ну, и трошку доучи; а коли тебя выбрала громада, то я дамъ тебѣ приходъ, но только поменьше; большіе приходы я отдаю академистамъ. Ну, Богъ васъ благословитъ! Идите съ Богомъ,—закончилъ митрополитъ и направился во внутренніе покои.

Несмѣлые, неповоротливые депутаты только разинули рты, чтобы изложить свою аргументацію, повторить свою просьбу; но владыка уже скрылся за дверью сосѣдней залы. Сконфуженные неудачей, съ поникшими главами, съ опущенными глазами, тяжело вздыхая, переступали они владычній порогъ, а Моссаковскій стоялъ, какъ оглушенный громомъ.

— Чи пиде теперъ за мене Онися? невольно мелькнуло въ его головѣ. Чи пиде вона за дяка? Боже мій! сокрушался онъ, втерявъ я парафію, втерявъ и Онисю.

Глаза его блуждали; лице покрылось мертвенною блѣдностью, руки и ноги окоченѣли. Староста съ участіемъ взялъ его за руку и вывелъ на дворъ.

— А що будемо робити? спросилъ староста, обращаясь къ своимъ спутникамъ, когда всѣ они очутились на дворѣ.

— А те буде, що мы не пустимо того Балабухи на парафію, отъ що! сказали старики.

У Моссаковскаго немного на сердцѣ отлегло, точно пахнулъ на него свѣжій вѣтерокъ. Въ немъ проблеснула надежда возвратить себѣ отнятую парафію, не утратить и Ониси.

Воротившись въ Ольшаницу, депутаты объявили громадѣ волю владыки.

— Не буде такъ, якъ владыка каже! Не пустимо Балабухи на вашу парафію. Нехай буде въ насъ священникомъ Харитинъ, тай годи,—шумѣла громада, собравшись около церкви: пошлемо знову, вдруге, прошення до владыки, а якъ не дозволитъ, пошлемо втрете, а таки нехай буде такъ, якъ громада хоче. Десь выдрався якійсь Балабуха, не явивъ очей въ Ольшаницю, не поговоривъ зъ громадою, а преться до насъ на парафію. Не пустимо Балабухи!

Пока ольшаницкая громада шумѣла да собиралася съ духомъ послать вновь своихъ выборныхъ ко владыкѣ, счастливый Балабуха, возвратясь въ Хильки, дѣлился своею радостію съ родителями и рѣшительно приступалъ къ женитьбѣ.

— А що, сыну, зипхнувъ Ониську зъ парафіи? первая, по пріѣздѣ Балабухи, заговорила мать.

— Зипхнувъ мамо! Такъ и покотилась, ажъ курява пиднялась, отвѣчалъ Марко.

— Отъ теперъ нехай знае, якъ класти въ визъ, та въ кишени студентамъ гарбузы, сказала мать. А ты, сынку, не гай часу, та збирайся до Терлецькихъ, та ще й сватив бери. Терлецьки скупи, дарма що багати. Треба выбрати въ сваты доброго крутія, щобъ выкрутить сотню—другу карбованцивъ.

— Кого-жъ бы то попросити въ сваты? спросилъ Марко.

— Бери, сынку, дядька отця Мелхиседека, ще й титку попроси. Титка цикава на языкъ, та й дядько добрый торохтій: вони таки щось выторохтять! Та нехай добре припруть Терлецького.

Спустя нѣсколько дней Балабуха студентъ, его дядько »торохтій« и тетка »цокотуха« въѣзжали на дворъ Терлецкихъ.

Терлецкіе, увидѣвъ, что Балабуха пріѣхалъ не одинъ, а съ дядей и теткой, сразу догадались, что онъ явился теперь съ рѣшительнымъ намѣреніемъ свататься на ихъ дочери. Въ домѣ началась необычайная бѣготня. Бѣгала Терлецкая мать, бѣгала Олеся, бѣгалъ самъ Терлецкій, бѣгала Килина, даже бабы въ кухнѣ прониклись общею тревогою и вертѣлись совсѣмъ ужъ безъ нужды и дѣла. Послѣ первыхъ привѣтствій Балабуха поспѣшилъ объявить, что онъ занялъ ольшаницкій приходъ. Терлецкій поздравлялъ его, цѣловался съ нимъ по три раза въ три оборота, цѣловался съ сватомъ Мелхиседекомъ и даже съ его резонабельною женою. Олеся затянулась въ шнуровку такъ, что чуть дышала, нацѣпляла красныхъ и другихъ лентъ, гдѣ только можно было ихъ прицѣпить, и все вертѣлась и бѣгала по комнатѣ въ виду Балабухи. Она знала, что Балабуха не свободно объясняется, особливо въ присутствіи другихъ, и потому пригласила его въ садъ, гдѣ надѣялась услышать отъ него, въ поэтической при томъ обстановкѣ, предложеніе, такъ интересовавшее ее теперь, когда ей минуло уже двадцать три съ половиною года.

— Чи бачили мои квитки? спросила она у Балабухи.

— Ни, не бачивъ, отвѣтилъ Балабуха.

— Ходимъ, я вамъ покажу, яки въ мене квитки! сказала съ живостью Олеся и чуть не потянула его за руку.

Балабуха съ великою натугою поднялся со стула и потянулся въ слѣдъ за Олесею въ садъ.

Цвѣтникъ въ саду былъ въ самомъ дѣлѣ хорошъ для неприхотливаго вкуса. Клумбы его съ избыткомъ заполнены были левкоями, астрами, резедою, кой-гдѣ торчали кусты георгинъ, но отъ недосмотра заросли отчасти бурьяномъ.

— Дивиться, яки чудови левкои, сказала Олеся, нагнувшись надъ грядками и срывая левкои.

— А справдй гарни, та пахучи, сказалъ Балабуха, въ свою очередь наклоняясь къ грядкѣ.

Олеся сорвала нѣсколько цвѣтковъ и не разгибаясь нюхала ихъ. Балабуха также запустилъ руку въ густо поросшіе цвѣты, но заглядѣвшись на полную талію Олеси, вмѣсто цвѣтовъ сорвалъ бурьяну и не замѣтивъ этого, сталъ усердно нюхать.

— Вы нюхаете щирицю! крикнула Олеся, вырывая изъ его рукъ бурьянъ и хохоча на весь садъ.

— Ось потривайте, я вамъ нарву букетъ.

Она нарвала самыхъ лучшихъ астровъ и подала Балабухѣ. Балабуха, не раглядѣвъ, нюхалъ и астры, хотя они совсѣмъ не имѣли запаху.

Олеся вновь захохотала.

— Ходимъ, побачите нашъ садъ, сквозь смѣхъ прозвенѣла Олеся и побѣжала по дорожкамъ сада къ Роси.

Балабуха принялся было и самъ бѣжать, но скоро почувствовалъ, что его ноги способны только ходить, а не бѣгать, и шагая изо всѣхъ силъ, едва успѣлъ догнать Олесю.

— А вы куштовали, яки на смакъ левкои? спросила, смѣясь, Олеся: а нате покуштуйте!

Балабуха глядѣлъ на раскраснѣвшуюся, полногрудую Олесю, какъ-бы опьянѣлый и ничего не соображая; онъ машинально взялъ левкой, положилъ въ ротъ и сталъ жевать, но почувствовалъ горечь, скривился и не зналъ, выбросить-ли изо рта цвѣтокъ или, ничто-же сумняся, скушать на доброе здоровье.

Олеся всѣмъ тѣломъ дрожала отъ смѣха.

— А що смачни?—спросила она.

— Де тамъ, гиркій, якъ полынь,—отвѣчалъ Балабуха и тутъ только рѣшился избавиться отъ непригоднаго кушанья, не чувствуя впрочемъ всей глупости своего положенія.

Олеся продолжала хохотать и, граціозно изгибаясь во всѣ стороны, продолжала быстро идти по дорожкѣ. Балабуха едва поспѣвалъ. Они пришли къ самому берегу Роси и остановились здѣсь на пригоркѣ. Внизу шумѣла вода, переливаясь по камнямъ. По ту сторону Роси, прямо предъ ихъ глазами, гордо высилась отвѣсная, какъ стѣна, скала, вся облитая солнцемъ; за нею по горамъ зеленѣлъ дивный лѣсъ, а вверхъ по теченію Роси виднѣлся Богуславъ, раскинутый по высокимъ ея берегамъ, залитый яркимъ свѣтомъ.

— Теперъ далій намъ немае куда йти, хиба въ воду, або на скели, сказала Олеся, наводя Балабуху на отвѣчавшую ихъ положенію мысль.

— А справди нема куды, хиба въ воду, або на скели, проговорилъ задумчиво Балабуха.

— А вы полизли-бъ на скели? кокетливо спросила Олеся.

— Ни, не выдерусь, бо дуже круто, искренно отвѣчалъ онъ.

— А якъ-бы я васъ попросила, то полизли-бъ?—какъ-бы поддразнивая, вновь спросила Олеся.

— Полизъ-бы, рѣшительно и твердо сказалъ Балабуха, глянувъ прямо въ очи Олеси.

Глаза Олеси блестѣли, какъ яркая заря; ихъ блеска не ослаблялъ даже яркій свѣтъ солнца. Ея горящее лице пылало, какъ огонь.

А Балабуха все таки молчалъ.

— Правда, у насъ у Хохитви гарно? Краще, якъ у вашій Вильшаници?

— Краще, якъ у Вильшаници, але.... але, якъ бы вы були зо мною въ Вильшаници, то вона-бъ мени здалась кращою отъ Хохитвы,—едва вымолвилъ Балабуха и покраснѣлъ, какъ ракъ.

— Насилу! слава тоби Господи! Отъ-отъ скаже,—подумала Олеся.

— Якъ же-бъ я була? Чи пойхала-бъ зъ вами, чи що? спросила Олеся.

— Ни, якъ бы вы за мене пишли замижъ, бо я...я.... бо той... Купидонъ пронизавъ наскризь мое сердце стрилою. Амуръ не любивъ такъ Психеи, якъ я люблю васъ, съ большою натугою сказалъ Балабуха.

Олеся читала альманахи, стихи, кой-какіе романы, понимала, что значитъ Купидонъ и что Амуръ, и сказанное Балабухою, помимо содержанія, ей очень понравилось. Романтизмъ носился тогда въ воздухѣ, проникалъ даже въ сельскія захолустья; имъ заражена была и Олеся, начитавшаяся отчасти старинныхъ въ русскомъ переводѣ нѣмецкихъ романтичныхъ повѣстей. Но все таки ей хотѣлось Амура нѣсколько лучше Балабухи: не такимъ она рисовала себѣ своего Амура, да гдѣ его лучшаго взять. Олеся, церемонно опустивъ глаза внизъ, тихо промолвила: якъ батько, та мати скажуть; я згожуюсь.

Балабуха какъ то нерѣшительно поцѣловалъ руку Олеси и ничего больше не могъ уже сказать. Олеся въ свою очередь замолкла. Молча повернули они назадъ, медленными шагами направляясь къ дому.

Въ то время, какъ молодые гуляли по саду, отецъ Мелхиседекъ и его жена, недолго думая, принялись за Терлецкаго и его *паню* и начали трактовать о приданомъ.

— А що, отче Петре, сказати правду, прыихали сватати вашу дочку Олесю, сказалъ отецъ Мелхиседекъ: чи оддасте, чи нехай, якъ кажуть, пидросте?

— Мы зъ жинкою согласни. Не знаю, що дочка скаже, коротко отвѣчалъ Терлецкій.

— Коли вже, дякувати вамъ, така ваша воля, то треба й дарити дитей. Выбачайте, спитаю, що вы думаете дати за дочкою? съ подходцемъ спросила матушка сваха, Мелхиседекова жена, Мароа Тарасьевна.

Терлецкій взглянулъ на жену и сказалъ: а щожъ? дамо сто карбованцивъ.

— Сто карбованцивъ гроши, то правда, зачастилъ отецъ Мелхиседекъ; але, сказати правду, не велики.

— А вже-жъ не велики, подхватила Мелхиседекова жена: гроши гришьми, але треба й до грошей: треба й воливъ, треба й коривъ, треба й возивъ, треба коней, треба и до коней; треба й мыски й ложки, треба чогось и до ложки. Вже, Господи, що й казати! Вы сами здоровеньки, знаете, чого треба на господарстви, та ще й новому.

Терлецкая сердито взглянула на простую въ *намиткѣ* сваху, которая затараторила, какъ старая цыганка.

— Та вже, свахо, Олеся наша дочка; то таки мабуть не выпхнемо іи босу зъ хаты, не безъ ироніи замѣтила Терлецкая.

— Борони Боже! Я й сама мати и маю дочокъ: хвалити Бога, я вже надбала повни скрыни всякого добра для своихъ дочокъ. Въ мене готова имъ и одежа, й плахта, й запаски, й намитки, й скатерти. Я вже презначила имъ коровы й телыци, и кабаны й ліохи, й гусы и индыки.... Де вже! що й казати! Певне и вы придбали для Олеси всякого добра. Чи багато коривъ та воливъ думаете дати? спросила сваха.

— Дви пары воливъ и корову, сказалъ Терлецкій.

— Мало, сказалъ Мелхиседекъ.

— Ей Богу, сердце, мало! подхватила сваха. Двома парами не потягнешь плуга въ поле. Третя пара не зашкодить. Та зъ одной коровы не набершь ни сыру, ни масла. Треба, свахо, дви коровы, доконче дви, бо вы сами, здоровеньки, знаете, що зъ одней коровы не найстись масла та сыра. Воно-бъ добре було масла та сыру найстись, ще й на ярмарокъ выслати на продажъ. Що й казати. А скатертивъ багато думаете дати? смѣло спросила сваха.

— И прынисъ нечистый оцю цыганку! Вона забере въ мене вси коровы, гусы и индыки, подумала Терлецкая.

— Та що тамъ, жинко, скатертй! За гроши можна всіого накупити. Я все, бачите, за гроши. Отче Петре! Ей Богу мало сотни карбованцивъ. Що теперъ сто карбованцивъ? То колись було можна за сотню трохи не село купити. Треба дви або й три сотни, та й ще трохи, сказалъ Мелхиседекъ.

— Подумаемо, подумаемо. Въ насъ не одна дочка; сами знаете, сказалъ Терлецкій.

— Та й панщанныхъ вашихъ дайте, сказала сваха. У васъ таки багатенько людей. Дайте хочъ одну симью!

— Де ти люде въ мене! Геть уси порозбигались, неначе ихъ якій нечистый кыемъ порозганявъ! Тильки й зосталась сама калічъ: одна баба та горбата Килина, сказалъ Терлецкій.

— Съ тєи горбатои роботы, якъ зъ малои дитины, сказала сваха: вона тильки хлибъ дурно йстиме. Дайте таки здоровенькихъ та мицненькихъ, щобъ догодни були до роботы.

— Але все таки Килина глядитиме дитей, буде за няньку, сказала Терлецкая: Килину дамо, а бильше не дамо.

— И за Килину спасыби! Але прикиньте ще хочъ бабу. Баба не багато заважить, а все таки буде помичъ въ господарстви: хочъ гусей пастиме. Добра баба въ хати, якъ добра квочка: вона й дитей догляне, и курчата добре высидить и ихъ добре выводить,— тараторила сваха.

Мелхиседекъ сердито посмотрѣлъ на жену; она догадалась, что наговорила много лишняго и прикусила языкъ.

— Якъ же воно буде, сказалъ отецъ Мелхиседекъ, чи на словахъ умовимось, чи напишемо на папери?

— На папери, серденько, на папери лучше буде, забарабанила опять сваха; бо сказано, якъ напишешъ перомъ, то не вывезешъ и воломъ. На папери, на папери! Такъ и Богъ казавъ.

— Сваты гвоздили, пока не выгвоздили еще сотню рублей, еще одну корову и третью пару воловъ, да еще и Килину, хотя Килины не спрашивали, захочетъ ли она разстаться съ отцемъ и матерью и ѣхать въ чужое село. Сваха все поглядывала искоса въ окна, много-ли на дворѣ куръ, гусей, индюковъ и прочей птицы. Она очень любила гусей, любила мягкія пуховыя подушки и все приставала къ Терлецкимъ, чтобы дали Олесѣ побольше гусей.

— Гуска, моя свашко, въ господарстви, то свята птиця, все одно, що вивця, або свиня, выбачайте въ цимъ словй: зъ неи мясце, зъ неи смалець, зъ неи пирья, зъ неи й пухъ, зъ неи яйця, зъ неи сыръ, зъ неи й масло, зъ неи вовна, зъ неи молоко, зъ неи ковбас...

Тутъ запнулась сваха и замолкла; она сама почувствовала, что завралась до невозможнаго.

Терлецкая улыбнулась, но отъ смѣха удержалась. Отецъ Мелхиседекъ опять грозно взглянулъ на жену.

Пока старики уговаривались, въ свѣтлицу вошли молодые. Балабуха былъ красный, точно у огня долго постоялъ. Олеся смотрѣла такъ спокойно, какъ-бы ничего съ нею не случилось, точно она прошлась по саду и посмотрѣла свои любимые цвѣты.

— Чи скинчили вы свое дило? спросила сваха, обращаясь къ молодымъ.

Олеся засмѣялась, повернулась сюда-туда по свѣтлицѣ и съ размаху опустилась на стулъ.

— Скинчили слава Богу! отвѣтилъ за себя и за нее Балабуха.

— Поздоровляю васъ! Даруй жо вамъ, Боже, щастя та здоровья, крикнула сваха.

— Роди вамъ, Боже, жито й пшеницю, а въ запичку дитей копицю, сказалъ нецеремонно отецъ Мелхиседекъ, цѣлуясь съ Балабухою.

Всѣ стали поздравлять и цѣловать свѣже помолвленныхъ.

— Коли вы скинчили, то й мы скинчили, закончила сваха: теперъ, свате, можно й на папери нашу розмову написать, прибавила она, лукаво поглядывая на ново-пріобрѣтеннаго свата.

Терлецкій потоптался, повертѣлся и добылъ гдѣ-то бумаги. Хватился пера, пера не оказалось; досталъ чернильницу, а тамъ чернило высохло, осталась лишь черная масса, на подобіе ваксы. Принесли воды, развели чернило. Килина побѣжала на дворъ, поймала гуся, выдернула изъ его крыла два пера и принесла въ комнаты. Батюшки долго очинивали перья, обсасывали и слюнили ихъ, писали: »проба пера и чернила, какъ оно пишетъ« и наконецъ невысокимъ слогомъ положили на бумагу свою »розмову«. Первымъ подписался Терлецкій, а за нимъ сватъ не твердою рукою начерталъ: »іерей Мелхиседекъ, рабъ Божій, за себе и за свою нетямущу письма жинку рабу Божу Марту руку приложивъ«.

— А що, отче Петре! теперъ можна и до заручинъ приступити, сказалъ отецъ Мелхиседекъ.

— А вже-жъ треба, якъ слидъ, по закону зробити, отвѣчалъ Терлецкій и мигнулъ женѣ, чтобы приготовила, что слѣдуетъ по закону. Терлецкая вышла изъ свѣтлицы и скоро вернулась, неся въ рукѣ восковыя свѣчи. Свѣчи зажгли и погрѣвъ ихъ концами дружка о дружку, прилѣпили къ угольному столику, зажгли и лампадку передъ образомъ. Килина съ бабой принесли домашней работы коверъ и разостлали въ углу передъ столикомъ. Обручаемые вступили на коверъ, положили по три поклона, поцѣловали образъ, обмѣнялись кольцами, кланялись до земли сперва отцу, потомъ матери невѣсты, прося благословенія.—Балабуха былъ серьёзенъ, задумчивъ, легкая грусть будто пробѣгала по его лицу; Олеся раскраснѣлась отъ поклоновъ; казалось, вся кровь ея полнаго тѣла прилила къ головѣ. Терлецкій съ важностію своего сана и положенія сталъ благословлять, вспомнилъ долго жившій въ традиціи

фактъ, какъ знаменитый кіевскій проповѣдникъ, протопопъ Леванда говорилъ рѣчь на собственной свадьбѣ, и счелъ умѣстнымъ привѣтствовать рѣчью Балабуху и Олесю; но, не обладая даромъ импровизаціи, запутался на первыхъ-же словахъ и замолкъ. Терлецкаго выручила болѣе его счастливая въ дарѣ импровизаціи сваха Марта. »Щасти вамъ, Боже,—засыпала она, какъ горохомъ, обращаясь къ обрученнымъ,—на все добре, на весь викъ, на весь ридъ, на вашихъ дитей, на вашихъ внукивъ и правнукивъ! Даруй, Боже, щобъ жили вы зъ собою, якъ рыба зъ водою, щобъ любились, якъ голубки, а плодились, пробачайте, якъ свинки«...

— Та годи тоби, стара, прервалъ свою ораторшу Мелхиседекъ, замѣтивъ, что при послѣднемъ ея словѣ молодые сильно сконфузились, а сваты даже нахмурились.

Сваха замолкла. Благословляла мать. Поздравляли другъ друга сваты, не скупясь на благожеланія. Наконецъ, перецѣловавшись по нѣскольку разъ, всѣ усѣлись, точно устали отъ трудной работы.

Отецъ Мелхиседекъ поглядывалъ, не вынесутъ-ли хоть теперь выпить да закусить, но Терлецкая и не думала, кажется, о томъ, что на взглядъ свата и даже жениха было теперь едино на потребу. Отецъ Мелхиседекъ не вытерпѣлъ наконецъ и по просту сказалъ:

— А що, паниматко свашко! годилось бы може й брызнути на молодихъ.

»Паниматка« догадалась и вскорѣ на столѣ явился знакомый уже Балабухѣ маленькій графинчикъ и столь-же маленькая рюмочка. Отецъ Мелхиседекъ и его жена сердито взглянули на такіе »злыдни« и переглянулись между собою.

Выпили по рюмкѣ, при чемъ о. Мелхиседека даже передернуло отъ досады на скаредность сватовъ. Подали за тѣмъ самоваръ и Терлецкая стала поить гостей чаемъ. Какъ вдругъ двери отворились и въ свѣтлицу влетѣлъ мѣстный кавалеръ, хохотянскій экономъ Сигизмундъ Баньковскій. То былъ молодой, выхоленный блондинъ, съ здоровенными усами, съ роскошными русыми кудрями на головѣ, съ свѣтло-сѣрыми глазами и полными розовыми губами. Его здоровыя круглыя щеки загорѣли, но лобъ обозначалъ бѣлизну кожи, а отъ всей его фигуры такъ и отдавало здоровьемъ. Возвращаясь съ поля и увидавъ въ дворѣ Терлецкаго двѣ брички, онъ догадался, что у него гости. Зналъ онъ, что у Терлецкихъ священ-

ники не бываютъ, но только сосѣди—панки, и предполагая, что тутъ гостятъ знакомыя и ему »паніенки«, завернулъ на часочекъ, разсчитывая весело поболтать да потанцовать. Баньковскій, вертлявый и необычайно живой, буквально вбѣжалъ въ комнату, на лету поздоровался съ хозяиномъ, поцѣловалъ хозяйку въ руку, повернулся на одной ногѣ, стукнулъ каблукомъ, подлетѣлъ къ Олесѣ, цмокнулъ ее въ руку и съ легкостію падающаго мячика опустился рядомъ съ ней на стулъ. Ему и въ голову не приходило, что тутъ только что кончилась помолвка Олеси съ Балабухою, и онъ началъ весело болтать да сыпать обрученной комплименты. Говорили они все по польски.

— Якъ же здровіе панны? Якъ сіе панна ма? Якъ сіе спало? Яки сіе снили квяты? защебеталъ развеселый панъ.

— Спалось добре и ничого не снилось, отвѣтила Олеся, кокетливо вскидывая глаза на Баньковскаго.

— И до правды не снили сіе квяты? игриво допрашивалъ Баньковскій.

— Мени квитки не сняться, а такъ хиба часомъ *кручени паныч*и... сказала Олеся.

— А я завше видзе квятки, а часами паненятки зъ карыми очками, лепеталъ Баньковскій.

— Баньковскій и Олеся вели игривую бесѣду, шутили, смѣялись, подзадоривали другъ друга, какъ будто въ комнатѣ не было никого. Мелхиседекъ только посматривалъ на свою Марту, Марта на Мелхиседека.

— Цо то за »намитка« коло самовару? тихонько спросилъ Олесю Баньковскій.

— То сваха; прыихала мене сватати, шопотомъ отвѣтила Олеся.

— И то панна пуйде за те »намитке?« прошепталъ Баньковскій и расхохотался на всю комнату.

Олеся съ трудомъ удержалась отъ смѣха, прикусивши губы. Гости переглянулись, разговаривая за чаемъ. Балабуха сидѣлъ, надувшись.

Хочете подивитьця на мои квитки? спросила Баньковскаго Олеся, поднявшись со стула.

— Овшемъ! Квятки гарни, панны гарни—то мое крулевство, вполголоса сказалъ Баньковскій, выходя вслѣдъ за Олесей въ сѣни.

Балабуха вспомнилъ, что Олеся такъ недавно и тѣми-же словами вызывала его на роковое объясненіе и пришелъ къ мысли, не думаетъ-ли Олеся повести такое-же объясненіе съ ненавистнымъ ему ляшкомъ. Онъ всталъ, взялъ картузъ и вышелъ вслѣдъ за Олесею и Баньковскимъ.

Олеся проворно бѣжала, направляясь къ цвѣтамъ и на бѣгу, какъ птичка, щебетала. Баньковскій не отставалъ, весело подпрыгивая и постукивая каблуками. Мѣшковатый, на галушкахъ вскормленный, Балабуха настигъ ихъ лишь у грядокъ съ фіалками и астрами.

— Гляньте, пане Баньковській, яки чудови мои квиточки, сказала Олеся, нагибаясь надъ грядкой. Баньковскій также нагнулся рядомъ съ Олесей: ихъ руки и плечи соприкасались. Балабуху это передернуло. Олеся сорвала фіалку и подала Баньковскому; тотъ жадно нюхалъ.

— Дае нюхати, якъ и мени давала. А ну, чи загадае вона и ёму ûсти квитки, якъ мени загадувала? подумалъ Балабуха.

Но Олеся не повторила прежней шутки; она лишь ловко подразнила Баньковскаго, который хотѣлъ у ней взять цвѣтокъ, и кокетливо поигравъ имъ предъ носомъ панка, быстро повернулась и побѣжала по дорожкѣ сада, напѣвая веселую пѣсенку. Баньковскій въ припрыжку устремился за Олесей, а Балабуха угрюмо поплелся, не спуская ихъ съ глазъ.

— Ей Богу веде панка туды, куды й мене водила, думалъ про себя Балабуха. А ну, чи загадае вона ёму лûзти на скели? Якъ що тильки загадае, то мабуть вона вдруге стане на заручины зъ цимъ панкомъ.

Олеся добѣжала до конца сада, взглянула на Рось, на скалы, вертѣлась, топала ножкой, точно танцовать хотѣла, но не предложила Баньковскому лѣзть ни въ воду, ни на скалу. Балабухѣ стало легче на душѣ. Онъ любовался тѣмъ, какъ Олеся бѣгала, кружилась, притопывала и тихо напѣвала то польскія, то свои родныя пѣсеньки. Баньковскій безъ умолку болталъ и не далъ Балабухѣ промолвить слова къ Олесѣ.

— Це мій женихъ, шепнула Олеся Баньковскому: я йду за ёго замижъ.

— О, Матка Бозска! тихо промолвилъ Баньковскій, трагически приложивъ руку къ сердцу и поднявъ глаза къ небу.

— Чого вы такъ пиднимаете очи до неба? прошептала Олеся.

— Чого, чого.... Ой вы, панны! Ой вы квяты! вы не знаціе тего..., нашептывалъ Баньковскій, отнимая руку отъ груди и указывая пальцемъ на сердце.—На правде я скоче зъ тей скалы въ воде.

— А ну скакайте, я подивлюсь! Я зроду не бачила, якъ панычи скачуть зъ скель у воду, сказала Олеся, усмѣхаясь.

— Ой вы, панна! охъ! со вздохомъ произнесъ Баньковскій и мгновенно замолкъ, увидѣвъ приближающагося къ нимъ Балабуху.

Балабухѣ хотѣлось пихнуть панка съ скалы въ воду. Ему рѣшительно думалось, что панокъ хочетъ отбить у него Олесю. Олеся замѣтила, что Балабуха надулся, и сообразила, что пора перестать заигрывать съ Баньковскимъ. Она умолкла, силилась быть серьезной, но въ томъ не успѣла.

Баньковскій сыпалъ комплиментами, заигрывалъ, подшучивалъ; Олеся не выдержала и стала заливаться громкимъ смѣхомъ, перекидываясь съ Баньковскимъ бойкими, подъ часъ ничего не значущими словами. Это была ея сфера; въ ней она выросла, съ ней сроднилась; она такъ подходила къ ея живому, пылкому темпераменту. Чтобы сдержать себя въ эту минуту, она подала Балабухѣ руку, и они тихо пошли по направленію къ дому.

Тамъ между тѣмъ шла иная бесѣда — серьёзная, дѣловая: толковали о днѣ свадьбы.

— Весилля одкладати на довгій часъ зовсимъ не годиться,—говола сваха Марта. Черезъ тиждень, або черезъ два роспочинайте весилля. Въ субботу коровай та шишки, а въ недилю й до винчаньня, а то ще Харитинъ одниме парафію.

— Яки шишки? Мы й не думаемо пекти шишки, сказала Терлецкая съ видомъ пренебреженія; це дуже простый звычай.

— А якъ же воно буде, мое серденько? почти вскрикнула Марта: це-жъ буде не по людьскому и не по Божому. Дежъ таки справляти весилля безъ шишокъ! Въ субботу мы надъидемо пидъ часъ короваю та шишокъ, поможемо замисити и спекти, та й засьпиваемо и потанцюемо по старому звычаю, абы музыки були,—допоминалась сваха.

Терлецкая только рукой махнула. Марта стиснула зубы и надулась.

— А Баньковскій, не обращая вниманія на сватовъ, точилъ по прежнему »балясы«, выдѣлывалъ »выкрутасы«, то подсаживаясь къ Олесѣ, то вертясь передъ нею, то подпрыгивая и кружась, какъ въ »обертасѣ[1])«. Сваты искоса поглядывали то на Баньковскаго, то на Олесю и переглядывались между собою. Марта не на шутку разобидѣлась по поводу коровая и шишекъ и стала прощаться. Балабуха не хотя вставалъ со стула, но лишь видъ давалъ, что собирается уѣзжать: ему крайне не хотѣлось оставлять Олесю съ Баньковскимъ. Тѣмъ не менѣе гости поговорили, потолковали, стоя на ногахъ, опредѣлили день свадьбы и распрощались.

— Алежъ ты, Марто, велика брехуха! вже дуже роспускаешъ свого языка, сказалъ Мелхиседекъ своей женѣ на выѣздѣ изъ села: дежъ таки плести таке, що зъ гуски сыръ, и молоко, й вовна, ще й ковбасы.

— Хочъ я й брехуха, а все таки выбрехала небожеви двисти карбованцивъ, три пары воливъ, дви коровы, два десятки гуссй, ще й Килину зъ бабою на придачу.

Когда наконецъ женихъ и сваты пріѣхали въ Хильки, сваха на ухо разсказала матери жениха, что продѣлывала съ Баньковскимъ ея нареченная невѣстка. Мать покачала только головой и передала все сыну.

Между тѣмъ отецъ Павелъ саморучно наточилъ изъ баклажки свѣже принесенной изъ подвала водки, а его госпожинька, зная уже отъ сына, каково угощеніе у Терлецкихъ, припасла къ ужину всякой всячины: поставила лапшу, потомъ бараньи *шулики* въ листахъ свѣжей капусты, жаренаго гуся съ сливами и большую »салитерку« вареников. Мелхиседекъ съ Мартою да и самъ женихъ такъ накинулись на ѣду, точно изъ Почаева сейчасъ пришли.

— Чудни ваши сваты, говорилъ о. Мелхиседекъ, выпивая »на потуху«. Горилки не пьють, хлиба жалують: чимъ вони живуть?

— Скупи таки; Господи, яки скупи! вторила ему Марта.

— Та вже коли заручили нашого Марка зъ ихъ Олесею, то мусимо мати ихъ за сватив, сказалъ о. Павелъ.

— То правда, не безъ горечи замѣтила Балабуха-мать и обращаясь къ сыну, прибавила: уже-жъ, якъ Богъ тоби поможе одру-

---

[1]) Польскій простонародный танецъ.

житися зъ Олесею, то нехай вона забуде свое панство, та щобъ навчилась гостей витати, якъ Господь приказавъ, а не пускати ихъ противъ ночи голодными.

Вѣсть о предстоящей свадьбѣ Балабухи и Олеси скоро разнеслась въ околоткѣ, но никого особенно не поинтересовала и не порадовала, ибо всѣ понимали, что не придется никому изъ нихъ на этой свадьбѣ гулять. Когда Балабуха, по старому обычаю, поѣхалъ приглашать родныхъ, тѣ благодарили, но отговаривались, кто какъ могъ и умѣлъ. Даже Мелхиседекъ и Марта,—не *дядина*, но тетка родная, и тѣ не вдругъ согласились присутствовать на свадьбѣ.

— Чого я туды пойду, що я тамъ побачу? отвѣчала тетка на приглашеніе племянника. Бо хто тамъ буде?—Мабуть тильки ты, небоже, та твій батько, а решта все Баньковськи та Горшковськи, Копыцинськи та Стожиньски. Свашокъ, свитилокъ, дружокъ тамъ не буде; короваю не забгають, пишокъ не спечуть, писень ніякихъ не почуешь, не буде до кого й слова промовить... Чого я пойду? Такъ хиба на вытришки...

— Та що-жъ, коли вони живуть по панськи, сказалъ Балабуха.

Про мене нехай соби живуть и по свинськи, але сватамъ повинни честь отдать, та по людськи ихъ приймать. Вже-жъ я, слава Богу, не перший разъ за сваху.

И тѣмъ не менѣе быть на свадьбѣ сваха согласилась. Невозможность отказа она и сама вполнѣ понимала; но ей хотѣлось излить всю свою досаду на скупыхъ и »запанѣлыхъ« сватовъ.

Спустя недѣлю Терлецкіе праздновали свадьбу своей дочери съ Балабухою. На свадьбѣ со стороны родныхъ и сосѣдей жениха только и было, что его родители и дядя съ женою, да еще одинъ сосѣдъ священникъ, остальная свадебная компанія состояла изъ мелкой польской шляхты, да такихъ-же чиновниковъ изъ сосѣдняго Богуслава.

Олеся была въ бѣломъ сатентюровомъ платьѣ, съ вѣнкомъ бѣлыхъ розъ на головѣ; весь вечеръ танцовала она съ мѣстными и пріѣзжими панками да богуславскими чиновниками. Смуглый, загорѣлый Балабуха въ бѣломъ жилетѣ, съ повязаннымъ на шеѣ бѣлымъ шолковымъ платкомъ, рѣзко выдѣлялся и своею наружностію и своими манерами въ этой все таки полированной средѣ. Участія въ танцахъ онъ и не могъ принять: танцовали трамблямъ

краковяка, позже мазурку, а онъ могъ-бы пройтись развѣ *козака* да *метелицы*. Балабуха занимался созерцаніемъ сновавшихъ предъ его глазами нимфъ и сиренъ; лишь изрѣдка приходилъ ему на память иной стихъ изъ древнихъ поэтовъ. Матушки сидѣли молча и отъ времени до времени потрогивали одна другую локтями. Положеніе батюшекъ было все таки сноснѣе: съ пріѣзжими экономами они вели кое-какой разговоръ; напримѣръ о томъ, какъ родится рѣпакъ, когда и въ какую землю его сѣять и какую выгоду онъ даетъ, а равно о только начинавшемся тогда сахарномъ производствѣ. Долго Богуславскіе жидки играли, долго паничи и панны танцовали. Батюшки и матушки не только соскучились, но и порядкомъ проголодались, а имъ вмѣсто привычной и ничѣмъ для нихъ незамѣнимой горилочки подавали чай, потомъ разныя сладкія печенья, богуславскую *бакалію*—фиги, рожки и родзынки и изъ собственнаго сада разную овощь. Такое угощеніе мало ихъ занимало и развлекало; они до него совсѣмъ почти и не дотрогивались. Чѣмъ долѣе шло время, тѣмъ болѣе одолѣвали ихъ скука и голодъ.

Сваха Марта стала даже дремать и чуть совсѣмъ не заснула. Сестра ея, мать жениха, замѣтивъ это, слегка тронула ее за руку и онѣ вмѣстѣ принялись выражать свою досаду на Терлецкихъ.

— Це не весилля, а якась дитяча забавка, сказала мать Балабухи.

— Ни короваю, поддержала ее сестра, ни шишокъ, ни весильнихъ писень. А колибъ ты знала, якъ я їсти хочу.

— Та хоть-бы по чарци дали, еще тише высказалась сестра: мене ажъ за печинки тягне.

Въ это время лихо несся на нихъ Баньковскій въ мазуркѣ съ Олесею, гулко выбивая каблуками.

— Дивись, сестро, замѣтила Марта, якъ стрибае, ажъ усы трусяться. Бый ёго сила Божа, неначе скаженый.

За полночь поданный ужинъ столь-же мало удовлетворилъ ихъ, какъ и предъидущее угощеніе. На столахъ было больше посуды, чѣмъ кушаньевъ. Никакой тутъ настойки, ни наливки не было, понаставили много тарелокъ, много стакановъ, стояло нѣсколько бутылокъ сантуринскаго, тенерифу и мушкателю да хорошаго, правда, меду—*липцу*, что сосѣдъ поссесоръ къ свадьбѣ подарилъ; но и то все безцеремонно панки потребили. А что всего хуже,— не было ни припросу, ни докуки.

— Чомъ ты, сестро, не ûси? спрашивала Марта Балабуху-мать.

— А якъ же ёго ûсти, отвѣчала она, коли нихто не припрошуе.

Тэкъ и встали изъ-за стола наши сваты и свахи голодными и ужъ нимало не пьяными, какъ слѣдовало по старому обычаю.

— Буду довго памятати сынове весилля! говорила послѣ ужина мать Балабухи, обращаясь къ своему мужу. Нехай же вони до насъ прыидуть, то я имъ покажу, якъ-то сватив витати: вже-жъ я ихъ не выпущу голодными та тверезыми.

— Цуръ ёму, цёму весиллю! вторилъ ей мужъ; ûдьмо до дому.

— Колибъ лишень Терлецкій не обдаривъ и сына такимъ приданымъ, якъ насъ оціею вечерею.

Ни о какихъ дальнѣйшихъ, привычныхъ въ старомъ быту церемоніяхъ и сопровождающемъ ихъ бражничаньи не могло быть и рѣчи. Сваты и свашки ясно это видѣли и потому единогласно рѣшили отправляться ко дворамъ. Терлецкіе не очень упрашивали ихъ остаться; но за то эти съ полнымъ радушіемъ и искренностію просили Терлецкихъ о томъ, что такъ сказать слѣдовало само собой, т. е. привезти къ нимъ »молодыхъ« и закончить у нихъ свадебное праздненство.

Скоро послѣ свадьбы Марко Павловичъ отправился въ Кіевъ и получилъ посвященіе. Съ граматою и указомъ онъ явился къ благочинному и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Ольшаницу, чтобы войти въ свой приходъ. Благочинный позвалъ старосту и велѣлъ отпереть домъ священника, который, за отъѣздомъ Харитона къ одному изъ братьевъ, оказался запертымъ, равно оповѣстить громаду, что на слѣдующій-же день (а это приходилось воскресенье) молодой батюшка будетъ совершать первое служеніе.

— Ключи въ мене, скромно началъ староста, але я не маю права одмыкати, бо то хата не громадська, а покійного батюшки, а теперь Харитона.

— А дежъ буде жити вашъ новый священникъ? спросилъ благочинный.

— Де схотять, тамъ и житимуть, отвѣчалъ, понуро глядя, староста.

— То нехай громада дасть ему кватиру, сказалъ благочинный.

— Не мы выбирали соби священника, не мы будемо й кватиру ему давати, спокойно, но твердо говорилъ староста. Громада вы-

брала за священника сына покійного панотця, Харитина, и хоче, щобъ винъ бувъ у Вильшаныци священникомъ.

— Та це-жъ самъ владыка приславъ вамъ сёго священника, возразилъ благочинный.

— А коли владыка ёго приславъ, то нехай владыка и кватиру ёму дае, также спокойно отвѣчалъ староста.

Балабуха испытывалъ большую неловкость и смущеніе. Онъ совсѣмъ не думалъ объ этомъ отпорѣ со стороны громады, который ясно обозначился въ отвѣтахъ старосты.

— Вже, старосто, якъ громада схоче, а нового священика нехай прыймае, продолжалъ благочинный.

— Ба не прыймемо. Не мы его выбирали, не намъ его й прыймати, сказалъ наотрѣзъ староста.

— А все-жъ таки новый священикъ буде въ вашій церкви службу Божу правити, прибавилъ на другой ладъ благочинный.

— Нехай правлять: то Боже дило, а громада кватыри не дасть, замѣтилъ на это староста.

Благочинный не желалъ болѣе тратить по напрасну словъ: ввелъ Балабуху въ церковь, передалъ ему предъявленное старостою имущество и ключи, а за тѣмъ, отслуживъ вечерню въ пустой церкви, оба отправились на ночлегъ къ дьячку. На утро Балабуха, въ присутствіи благочиннаго, служилъ обѣдню и чтобы расположить къ себѣ прихожанъ, прочелъ два-три акаѳиста предъ обѣдней, самую обѣдню тянулъ долго, а въ концѣ сказалъ длинную-предлинную проповѣдь, нарочито имъ на этотъ случай написанную. Голосомъ, фигурою, манерою служенія Балабуха приходился по вкусу громадѣ; но медленность службы и проповѣдь, пропитанная насквозь схоластикою и пересыпанная текстами славянскими и словами польскими и даже латинскими, рѣшительно не располагали прихожанъ къ новому батюшкѣ.

— Тай довго-жъ держить цей попъ у церкви. Вже, мабуть, и обидъ простоявъ,—жужжали хозяйки, выходя изъ церкви.

— Що то винъ читавъ? чи яки указы, чи що? спрашивали другъ у друга хозяева.

— Атъ! верзе щось таке, що й купы не держиться, отвѣчалъ одинъ представительный старикъ. Богъ зъ нимъ, зъ цимъ непроханымъ попомъ!

По данному отъ старосты наказу, громада собралась около церкви. Вышелъ благочинный и сталъ убѣждать ее принять новаго батюшку и дать ему квартиру, или-же купить для него домъ прежняго священника.

— Не хочемо, отче! И кватыри не дамо, и не сплатимо грунту покійнаго батюшки, загудѣла громада: мы таки будемо домагатись у владыки, щобъ Харитинъ бувъ у насъ священникомъ.

— Якъ хочете, а я не маю права зминыти, що постановивъ владыка, сказалъ благочинный: новый священикъ зостанеця у васъ на парафіи.

— Воля ваша! Нехай зостанетця, але мы не будемо давати ему помочи.

Благочинный долго на всѣ лады уговаривалъ громаду, но ничего не могъ сдѣлать. Балабуха остался на нѣкоторое время въ хатѣ дьячка, но скоро увидѣлъ, что ему приходится дорого расплачиваться за свое недавнее торжество надъ Онисею. Онъ служилъ, но въ церкви мало видѣлъ прихожанъ, а нѣтъ людей, нѣтъ и приносу. Онъ крестилъ, погребалъ и вѣнчалъ, а люди или вовсе не платили ему, или платили очень мало, а за акаѳистами, молебнами и другими подобными требами обращались къ сосѣднимъ священникамъ; громада еще разъ нарядила посланцевъ къ владыкѣ просить о Харитонѣ Моссаковскомъ.

Балабуха попробовалъ показать своимъ парафіянамъ молодую ихъ матушку, но этимъ еще болѣе повредилъ себѣ. Олеся нарядилась и пошла въ церковь, но имѣла неосторожность стать впереди всѣхъ предъ иконостасомъ, а не въ »бабинцѣ«, гдѣ обыкновенно становились прежнія матушки и ихъ дочери. Громада загудѣла:

— Що воно таке за пани! Пришла простоволоса (не покрытая платкомъ), роспустила свои спидныци, тай выперлась на самый передъ, мабуть, щобъ на нен инъ дивився, а вона на его. Господа зневажае, громады не шануе.

Какъ ни изворачивался Балабуха, но ничего не могъ подѣлать. Старался онъ задобрить старосту и стариковъ, увѣщевалъ въ церкви и по домамъ,—ничто не помогло. Громада стала противъ него, какъ одинъ человѣкъ; перестали подходить къ нему подъ благословеніе, обходили на улицѣ, отказывали въ какой-бы ни было услугѣ, а самое главное не давали ему ни доходу, ни приносу. Олеся пожила

съ недѣлю въ дьяковой хатѣ и уѣхала къ отцу. Балабуха не могъ не видѣть всей безвыходности своего положенія: въ его рукахъ была церковь, и ризы, и кропило, и кадило, а дохода никакого и жить совсѣмъ стало нечѣмъ. Оставалось или голодать, или просить другаго прихода.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ДУШОЙ ГРѢШНИКА.[1]

(Южно-русская религіозная драма конца XVII ст.).

Рукопись, по которой мы воспроизводимъ текстъ этой драмы, сообщена редакціи изъ купянскаго уѣзда, харьковской губерніи, куда она попала, конечно, совершенно случайно. Подлинное заглавіе драмы слѣд.: *Розмова во кратцѣ о душѣ грѣшной, судъ принявшой отъ судіи справедливого Христа Спасителя.* Ни самая драма, ни имя ея автора въ нашей исторической литературѣ совсѣмъ не извѣстны. По формѣ и пріемамъ построенія она подходитъ къ драмамъ св. Димитрія Ростовскаго, по языку едвали-не предшествуетъ имъ. Во всякомъ случаѣ это одинъ изъ первыхъ памятниковъ этого рода, доселѣ совершенно неизвѣстный.

По внѣшнему виду, рукопись представляетъ восемь листковъ in 4° бѣлой, совсѣмъ потемнѣвшей бумаги, которые, какъ замѣтно, были когда-то сшиты, но не имѣютъ никакой нумераціи и отъ начала до конца заполнены текстомъ драмы. Рукопись сохранилась довольно хорошо, хотя и представляетъ въ послѣднихъ четырехъ листкахъ небольшой дефектъ: въ нѣсколькихъ стихахъ оторваны крайнія буквы, которыя впрочемъ восполняются легко.

Изъ помарокъ и поправокъ, имѣющихся въ рукописи, можно догадываться, что это черновая авторская рукопись, окончательно имъ выправленная.

Судя по письму и бумагѣ, памятникъ этотъ надо отнести къ концу XVII ст. и самое позднее къ первымъ годамъ XVIII ст. Вся

[1]) За сообщеніе этого цѣннаго памятника приносимъ искреннюю признательность многоуважаемому Петру Васильевичу Иванову.—Ред.

рукопись писана однимъ почеркомъ съ массой сокращеній и надстрочныхъ приписныхъ буквъ, безъ всякихъ слѣдовъ вліянія русскаго петровскаго письма.

О начертаніи буквъ можно замѣтить слѣдующее. Буква *в* имѣетъ два начертанія, встрѣчающіяся въ актахъ XVII в.; позднѣйшая форма, состоящая изъ двухъ вертикальныхъ линій, соединенныхъ чертами вверху и внизу, въ рукописи отсутствуетъ. Твердый и мягкій знаки употребляются въ двухъ разныхъ начертаніяхъ: обыкновенномъ и въ видѣ надстрочныхъ знаковъ, особливо въ предлогахъ, а при сокращеніяхъ сливаются съ начертаніями надписанныхъ вверху рядомъ съ ними буквъ. Звукъ *д* выражается или латинскою буквою этой формы, или-же двумя буквами *кг*, напримѣръ *кди*, *сродое* и т. п. Буква *Ф* только разъ употребляется въ теперешнемъ ея видѣ, какъ прописная въ словѣ »Филипъ«, въ остальныхъ-же случаяхъ употребляется знакъ латинскій, напр. *обѓите*. Буква *о* только въ предлогѣ *отъ* имѣетъ видъ омеги, причемъ *т* всегда бываетъ приписнымъ. Буква *я* имѣетъ всегда видъ іотированнаго съ переди *а* и въ позднѣйшемъ своемъ начертаніи ни разу не встрѣчается. Іотированное долгое *и* (суди*и*) имѣетъ надъ собой точку и сверхъ нея горизонтальную черту. Наше полугласное *й* изображается или двумя вертикальными надстрочными черточками, или съ помощью краткаго знака, напр. *своѐ* своей, *надражайшая* найдражайшая.

Относительно языка »Розмовы«, оставляя научную его оцѣнку спеціалистамъ, можемъ только замѣтить, что въ основаніи какъ формъ, такъ и лексическаго матеріала лежитъ языкъ малорусскій съ небольшою примѣсью церковно-славянскихъ словъ и формъ и съ солиднымъ наслоеніемъ полонизмовъ.

Форма »Розмовы« стихотворная, хотя и опредѣленная, почти вездѣ однообразная, но невыдержанная и неправильная. Основной стихосложной схемой служитъ силлабическое двустишіе съ рифмой; каждый стихъ имѣетъ 13 слоговъ съ цезурою послѣ седмого слога, напр.:

Все еси то, неизная, || ногами здоптала,
Єди роскоши свѣтовой || назбитъ голдовала.

Весьма часто встрѣчаются сокращенія до 12 и 11 слоговъ. Случайно, повидимому, между эти стихи попало въ реплику »Души« шесть двустишій девятисложнаго силлаба, какъ напр.:

О годино ахъ страшливая!
Где я дѣмся нешчасливая?

Такія двустишія писаны въ рукописи въ одну строку, но стихи отдѣлены одинъ отъ другого чертой. Обѣ эти формы стиха преобладаютъ въ произведеніяхъ польскихъ классиковъ XVI и XVII ст., особенно въ драматическихъ, и затѣмъ въ XVIII вѣкѣ очень часто употребляются и малорусскими писателями.

Въ основѣ »Розмовы« лежитъ религіозно-нравственная сентенція о нелицепріятіи суда Божія. »Розмова« очевидно направлена противъ людей, излишне надѣющихся на милосердіе Божіе. Конечная ея цѣль—дать высшій идеалъ справедливаго суда человѣческаго. Основная идея развита въ этомъ случаѣ въ одноактную драму, изображающую судъ Божій надъ душою грѣшника. Драмѣ предшествуетъ краткій прологъ, сущность котораго въ слѣд. словахъ: не такъ происходитъ судъ Божій, какъ мы обыкновенно представляемъ. Картина суда представлена въ шести явленіяхъ (видокахъ). Въ первомъ явленіи Архангелъ Михаилъ вызываетъ умершихъ изъ гробовъ, дабы въ качествѣ публики присутствовали на судѣ и были свидѣтелями, что правосудіе Божіе не творится подъ вліяніемъ »ярости и гнѣва«, а руководствуется лишь »справедливостью«. Во второмъ явленіи Судія приказываетъ Архангелу Михаилу ввести судимую душу, которая, не видя возможности защищаться, готова безъ суда пойти въ адъ; на нее набрасывается діяволъ, но ангелъ хранитель, играющій роль защитника, требуетъ свободы подсудимой до произнесенія вердикта. Судія изрекаетъ обвиненіе, согласно предъявленному діяволомъ »списку« злыхъ ея дѣлъ; душа старается оправдать чѣмъ нибудь свои проступки и проситъ о помилованіи. Ангелъ хранитель въ свою очередь предъявляетъ списокъ добрыхъ ея дѣлъ и проситъ принять ихъ во вниманіе; Судія назначаетъ провѣрку силы доказательствъ обвиненія и защиты, которая производится въ третьемъ явленіи на вѣсахъ; оказывается, что злыя дѣла перевѣсили добрыя и ангелъ хранитель отступаетъ отъ души. Въ четвертомъ явленіи душа желаетъ оправдаться въ послѣднемъ словѣ, но совѣсть и діяволъ побѣждаютъ ее. На этомъ оканчивается слѣдствіе и состязательный процессъ, и въ 5-мъ явленіи Судія, поставивъ вопросъ о виновности, требуетъ отъ 12 апостоловъ ихъ мнѣнія (сентенціи). Одинадцать апостоловъ высказываются за обвине-

ніе, одинъ только Іоаннъ повергаетъ участь души на усмотрѣніе Судіи, прося о милосердіи. Въ шестомъ явленіи Судія, убѣдившись, что всѣ признаютъ душу достойной наказанія, »видаетъ декретъ, абы по дѣломъ отнесла заплату«.

Таковъ сюжетъ »Розмовы«. Насъ невольно останавливаетъ высокое для того времени представленіе о безпристрастномъ судѣ. Такіе гуманные принципы, какъ гласность, защита, оцѣнка доказательствъ, отбираніе мнѣнія двѣнадцати судей—вѣдь они только недавно проникли въ наши судебные органы. Высказанный въ »Розмовѣ« ангеломъ хранителемъ дезидератъ: »нехъ едно идетъ ко суду свободне« и до сихъ поръ, во многихъ случаяхъ, остается только дезидератомъ; во все время нашего предварительнаго слѣдствія обвиняемый не можетъ »свободне« распоряжаться средствами защиты.

Составляетъ-ли »Розмова« переводъ или заимствованіе изъ западнаго образца, выросла-ли она на мѣстной почвѣ,—мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ она служитъ цѣнной иллюстраціей тогдашняго умственнаго и нравственнаго развитія. Авторъ »Розмовы« (лице, по всей вѣроятности, духовное) не могъ отрѣшиться отъ теоріи устрашенія наказаніемъ, но онъ-же представляетъ здѣсь апостоловъ разрѣшающими вопросъ о виновности, а Судію только примѣняющимъ наказаніе и объясняетъ это тѣмъ, что Судія не желаетъ показаться въ своемъ судѣ суровымъ.

Въ транскрипціи нашей мы старались быть буквально вѣрны съ подлинникомъ и ограничились только раскрытіемъ сокращеній и надстрочныхъ знаковъ, а также установкою пунктуаціи, для удобства чтенія. Не имѣя для передачи іотированнаго *и* соотвѣтствующаго типографскаго знака, мы отмѣчаемъ оное курсивомъ.

Ц. Г. Нейманъ.

Розмова во кратцѣ о душѣ грѣшной, судъ принявшой отъ Судии справедливаго Христа Спасителя.

Не такъ судъ той, якъ звикли описоватъ люде,
въ остатний день предъ Сыномъ Бога Отца буде.
Но зъ сей розмови о томъ хтѣмо памятати,
якъ барзѣй предъ страшнѣйшимъ судомъ мѣемъ стати.
Кгди Сынъ Божий зъ дѣлъ нашихъ будетъ насъ судити,
о горе зло творяшчимъ, кой страхъ будутъ мѣти!

ВИДОКЪ 1.

Архангелъ Михаилъ.

Слишѣте, лежащи*и* во гробной яскинѣ [1]),
котріе презъ смерть въ темной зостаете сѣни!
Абисте ся правому суду присмотрѣли,
повстанте, любся есте южъ въ прахъ премѣнили,
А признайте изъ мертвихъ воскресшему Богу,
же хочъ мѣстъ образу [2]) отъ грѣшника многу,
Лечъ [3]) не въ ярости своей, ни въ гнѣвѣ караетъ,
но справедливимъ судомъ зъ ними поступаетъ.
Щедръ и милостивъ Господь долготерпеливий;
встаптежъ отъ гробъ, а зрѣте, якъ естъ справедливий.

Еденъ мертвий востаетъ.

Давцо всѣмъ смерти, давцо и живота!
ото я естем рукъ твоихъ робота.
На гласъ Аггелский зъ мертвихъ уставаю,
а поклонъ тебѣ низкий отъдаваю.

Вторий мертвий востаетъ.

На твой единый палецъ, Боже мой, скиненя [4])
все тебѣ послушное стается створеня.

---

[1]) Яскиня (jaskinia)—пещера.
[2]) Образа (obraza)—оскорбленіе.
[3]) Лечъ (lecz)—но.
[4]) Скиненя (skinienie)—маповеніе.

Якъ смерти-сь былъ росказалъ животъ нашъ забрати,
такъ на вказъ твой мусѣла намъ его вертати.

Третий востаетъ отъ гроба.

Тебѣ весь сонмъ Аггеловъ, Творче мой и Пане,
отдаетъ честь и поклонъ вездѣ безпрестанне;
И ми, вставши отъ гроба зъ тварію гнилою,
впадаемъ до стопъ твоихъ трупи предъ тобою.

4. востаетъ отъ гроба.

Кгди на судѣ нинѣ Судіе сѣдаешъ,
чи и повторежъ насъ судити маешъ?
Gди въ остатний день всѣхъ отъ гроба возбудишъ
и кождаго зъ дѣлъ истинно осудишъ,
Въ тотъ часъ и днесь будь милосерднимъ, Пане,
хтожъ предъ тебе правъ а безъгрѣшенъ стане.

ВИДОКЪ 2.

Судія до зъ мертвихъ восталихъ мовитъ.

Не бойтеся, не на судъ то казано вамъ встати,
но угодно мнѣ естъ за свѣдковъ васъ мати.
Грѣшникъ сконалъ, тожъ душу нехай на судъ ставитъ,
нехай за его дѣла вразъ [1]) ся исправитъ.
Зле жилъ, здопталъ ногами мое приказа(н)я,
нехай же южъ сродое [2]) одержитъ каранья.
Михаиле, всѣхъ полковъ небесныхъ гетмане!
заволай, нехъ грѣшнича душа на судъ стане.

Михаилъ.

Душо неизная [3]), душо чловека грѣшнаго,
на справу пред Судію предстани страшнаго!

---

[1]) Вразъ (wraz)=тотчасъ.
[2]) Сродое (srogie)=грозное, жестокое.
[3]) Неизная (nędzna)=негодная.

Душа.

О нешчасливая новина,
О нешчасливая година!
Нешчасливая моя доля!
Въ що мя впровадила своеволя?
Якъ я на тотъ судъ могу стати,
Якожъ ся буду справдовати?

Михаилъ.

Иди, бридкая душе, иди по неволѣ,
а дай справу предъ судомъ зъ своей своеволѣ.

Душа.

О годино ахъ страшливая!
Где я дѣмся нешчасливая?
Заразъ мя въ пекло воверзѣте,
А пред Судію не ведѣте.
О горе мнѣ на судѣ стати!
Штож я тамъ буду отвѣшчати?

Дияволъ.

Ай бо не такто тебе на судъ, душе, треба,
поневажъ [1]) не мѣла есь стараня до неба.
То ти змовилъ, же чортъ то справивъ тобѣ тое,
жесте зъ тѣломъ у свѣтѣ справовали злое.
Нехай же судъ уважитъ, если моя вина,
жесь здоптала своего приказаня пана.
Пойди, пойди ко суду и я изъ тобою;
тожъ изъ суду озму тя до пекла зъ собою.

Ангелъ охранитель.

Пречь, враже! прежде время чемъ душу турбуешъ?
можешъ ся омилити, што ей обецуешъ.
Жила зле, а часомъ тежъ жила и побожне,
узримъ: нехъ едно идеть ко суду свободне.

---

[1]) Поневажъ (ponieważ) — такъ какъ.

Судія.

А тись то естъ пензная, штось жила сваволне,
тись то въ свѣтѣ згордѣла мною доброволне,
Творцась свого ногами стерла приказаня;
самажъ узнай, если есь негодна караня.
Точилась войну зъ Творцемъ своимъ въ свѣтѣ смѣло,
догаждающе тѣлу, чого едно хтѣло,
А о вѣчное добро бынамнѣй [1]) не дбала,
но грѣхи, аки воду, безпечнесь пивала;
Въ тебе писмо святое фрашками [2]) бывало,
пянство, обжирство толко тебѣ смаковало:
Овожъ [3]), душе пензная, отвѣшчай же нинѣ,
кгдысь заслужила быти въ пекелной яскинѣ.
Дайте книги, где дѣла той души вписанни,
нехай сама уважитъ, якъ годна нагани:
Отъ пса бридкаго горѣй житя справовала,
доброволне о пекло сама ся старала.

Дияволъ (показуетъ списку).

Ото, Судіе страшный, Судіе правдивий,
я исписавъ весь животъ тутъ *еи* строптивий.

Судія.

О, нешчасливое рукъ *моихъ* створеня,
достойно есь вѣчного стало потопленя!
А на тоежъ я тебе во свѣтѣ зъ нѣчого
на образъ свой чловека сотворилъ живого,
На тоежъ я тебѣ давъ розумъ совершений
и волю: абы еси вѣкъ свой замѣрений,
Въ свѣтѣ жиюшче, стратилъ безъ жадной боязни,
отъ Творца свого ждушче страшливой казни.

---

[1]) Бынамнѣй (bynajmniej)=совсемъ не.
[2]) Фрашка (fraszka) =пустякъ.
[3]) Овожъ (owoż) =слѣдовательно.

А на тоежъ я въ свѣтѣ поносивемъ [1]) рани,
на том же я нешчадно бувъ и скатований,
Далъ тѣло и животъ за житіе твое,
абымъ тя въ небо воведъ, сотвореня мое.
Въ чтожъ святыхъ сакраментовъ [2]) отъ мене поданя,
въ щожъ крови моей сталось обѣите [3]) проляня?
Все еси то, неизная, ногами здоптала,
gди роскоши свѣтовой назбитъ [4]) голдовала [5]).
А въ штожъ ся южъ днесь ласки мои премѣнили,
которіе для тебе во свѣтѣ служили,
Аби есь небеспихъ добръ могла доступити,
а во вѣчной роскоши со святыми жити?
А ти тимъ всѣмъ, неизная, въ цѣлѣ погордѣла,
а ко дияволю ся сердцемъ обратила,
Волѣла еси врагу въ свѣтѣ голдовати,
нѣжъ зъ Творцемъ своимъ въ небѣ вѣчне царствовати.
Комужъ еси служила, тотъ ти и заплатитъ,
тотъ тя въ свое жилишче запровадитъ.
Милший тебѣ дияволъ билъ надъ Творца твого,
зъ нимъ же теперъ заживай и роскошей его.
А поки естъ вѣчности, тамъ будеши жити,
весполъ [6]) въ пекелномъ огнѣ изъ тѣломъ горѣти.

Душа.

Тамже мене, Творче мой, южъ то отсилаешъ;
ахъ, чи вжежъ то отъ себе мене отдѣляешъ?

Судія.

Ти сама ся, неизная душе, отдѣлила,
ти сама доброволне мною погордѣла.

---

[1]) Поносивемъ (ponosiłem)=претерпѣвалъ.
[2]) Сакраментовъ (sakramentów)=таинствъ.
[3]) обѣите (obfite)=обильное.
[4]) Назбитъ (nazbyt)=слишкомъ.
[5]) Голдовала (hołdowała)=поклонялась.
[6]) Веспол (wespół)=вмѣстѣ.

Душа.

Ти еси сердовидецъ, Творче мой и Пане,
зрижъ якъ жалѣетъ сердце мое безъпрестане,
Жемъ заповѣдей твоихъ въ свѣтѣ не сполнила,
жемъ тя свого Творца зѣло образила.

Судія.

Не въ часъ еси взбудила сердце до жалости,
бо южъ моей наступилъ часъ справедливости.

Душа.

Со слезами молю тя, змѣни запалчивость,
якъ Творецъ надъ створенямъ, сотвори мнѣ ми(лость)[1]);
Вшакъ[2]) же не токмо естесь, Пане, справедливий,
лечъ бываешъ и къ грѣшнимъ часто милостивий.

Судія.

Такъ есть; чемжесь, ѕди въ свѣтѣ зъ тѣломъ зоставала,
о милосердіе ся мое не старала?
А теперъ южъ часъ минулъ мого злѣтованя[3]),
южъ справедливаго часъ наступилъ караня.
Ѕди тя южъ обвинену зрю на судѣ нинѣ,
идижъ отъ лица моего къ пекелной яскинѣ!
По дѣломъ твоимъ декретъ такий видаваю,
во огонь тя пекелний вѣчне посилаю;
Зъ дилволи мешканя тамъ будешъ имѣти,
вѣчне зъ ними во огнѣ пекелномъ горѣти.

Душа.

Вшакъ кровію твоею естемъ оздоблена[4]),
чи зо мноюжъ твоя кровъ будетъ потоплена?
Яжъ святіе приймала, Пане, сакраменти,
мѣламъ вѣру, же могли грѣхи моя стерти.

---

[1]) Оторванныя мѣста въ рукописи возстановлены въ скобкахъ.
[2]) Вшакъ (wszak)=вѣдь.
[3]) Злѣтованя (zlitowanie)=сожаленіе.
[4]) Оздоблена (ozdobiona)=украшена.

Судія.

Незбожне есь, неизная, въ свѣтѣ зоставала,
негодне сакраменти святіесь приймала;
Чулась, же безъ дѣлъ вѣра всегда поглашченна:
чемужъ есь въ злихъ учинкахъ била занурена [1])?
Овожъ и крови моей обfите струменя [2])
на болшое нехъ тебѣ будетъ потопленя.
Берѣте сію душу, дияволи, въ руки,
а провадте, якъ свое на вѣчніе муки.

Душа.

Погибламъ, ахъ погибла во вѣчніе вѣки,
жемъ зле жила во свѣтѣ межи человѣки.
Ахъ мнѣ южемъ зъ опеки Бозкой виверженa,
отъ роскошей небеснихъ естемъ отсуждена.
О страшная заплато моей своеволѣ,
ахъ мешканя горкое в пекелной неволѣ!
О множество розныхъ мукъ, и несказаное,
а такъ на мя неизную много собраное!
Проклята, проклята есмъ, ахъ нинѣмъ познала,
кгдимъ ся южъ дияволамъ до пекла достала.

Спѣваня.

Тутъ смертелніе зписавъ всѣ ей закал(и)
и што колвекъ [3]) изъ тѣломъ у свѣтѣ дѣя(ли),
Не слухаючи, пане, твого приказаня,
я тежъ кождое писавъ той души скаля(ня).

Ангелъ Хранитель.

Пане милосердний и судіе правдивий,
вибачъ, а не зри на ей животъ нецнотливий!
Вшакъ же предъ ся што колвекъ и добре чинила,
а подъ часъ, якъ уломний чловекъ, поблудила.

---

[1]) Занурена (zanurzona)=окунутая.
[2]) Струменя (strumienie)=потоки, ручьи.
[3]) Штоколвекъ (cokolwiek)=чтобы-то ни было.

Правда, же грѣхъ усегда долженъ естъ караня,
а цнотѣ всегда въ тебе естъ пошанованя;
Многожъ и добрихъ было ей дѣлъ въ свѣтѣ, Пане,
котріе ото маю въ себе исписание.

Судія.

Азъ по дѣломъ заплату усѣмъ отдаваю,
добрихъ милую, а злихъ жестоко караю:
Зважтежъ добріе дѣла и злие на шалѣ [1]),
же бысте позору [2]) на судъ мой не мали,
Ту тутъ ся покаже, чого душа тая годна:
чили будетъ карана, чили тежъ свободна.

ВИДОКЪ 3.

(Аггелъ охранитель присмотривается вазѣ, але злие дѣла добрихъ преважаютъ, и по спѣваню инихъ персонъ)

Ангелъ мовитъ.

(Не м)огу тя болей, душо, вимовляти,
(но) прийдется и минѣ за тебе встидати.
(Ша)ля легка естъ изъ доброми дѣли;
якъ злие дѣла збитъ добрихъ превишили!
(Чу)лась, здимъ мовилъ о добромъ до тебе,
(нинѣ)жъ душо, отвѣшчай южъ сама за себе.

ВИДОКЪ 4.

(Душа хочетъ ся оправдити, але сумленя и дияволъ оную звитяжаетъ).

Згрѣшиламъ, ахъ згрѣшила! вижду сама явне,
же шаля добрихъ дѣлъ злимъ подается снадне [3]).
Ахъ сумленя! чемъ жесь мнѣ не оповѣдало,
чемъ жесь мя отъ сей казни не остерѣгало?
Чемъ мнѣ жиючой зъ тѣломъ не чинилось смутку,
абимъ била въ покутѣ доказала скутку.

---

[1]) Шаля (szala)=вѣсы.
[2]) Позору (pozoru)=подозрѣнія.
[3]) Снадне (snadnie)=легко.

Згрѣшиламъ, але и чортъ зводивъ мя на тое,
абимъ всегда во свѣтѣ починала злое.
Его то сѣти, его справи мя вловили,
а такъ въ ѥрогіе муки мене утопили.

Дияволъ.

Неправду мовишъ, вшакемъ не чинивъ ти сили;
штося стало, Бозкие очи тое зрѣли.
Не тягнувемъ тя къ грѣху за лобъ усиловне: [1])
штось хтѣла, тось творила въ свѣтѣ доброволне.
Малимъ нѣчямъ отъ Аггелъ былась умаленна,
чемъ же въ зліе учинки билась занурена?
Отъ телесности мѣлась злое нанушченя,
а теперъ мене клеплешъ и свое сумленя.

Сумленя мовитъ.

Ахъ душо, чемже мене такъ, свое сумленя,
во вѣчное тягнути смѣешъ потопленя?
Чи разъ же я на тебе сердечне волало
предъ тимъ, нѣжъ што ешче злое ся ставало:
Ей, для Бога, грѣхъ то естъ! Богъ будетъ карати;
ей, бойся, душе, вѣчнихъ добръ въ небѣ втеряти;
А любо то ся ти здастъ зъ *твоимъ* утѣшенямъ,
але невне заплатишъ вѣчнимъ потопленямъ!
А тись на *мои* слова нѣчого не дбала,
мовлячи: ей, грѣхъ той естъ, рѣчъ то барзе мала!
Штожъ зъ того, любъ ся я днесь допушчу до злого?
вшакъ исповѣдь святую мѣю я для того.
Яжъ и по исповѣди въ сердце-мъ тя торкало:
ей, не мовъ же то Богу! проступаешъ мало,
Же на святую сповѣдь безпечне дуѳаешъ [2]),
а безъ жадкаго встиду въ грѣхъ всегда впадаешъ.

---

[1]) Усиловне (usiłownie)=насильно.

[2]) Дуѳаешъ (dufasz)=надѣешься.

Ахъ, не разъ мое сердце зъ жалю омлѣвало,
видяшче, што ти за то потомъ быти мало!
Зналамъ, же тя судъ Божий скараетъ за тое,
же есь, псу встидъ продавши, починала злое.
А теперъ мя, сумленя свое, оскаржаешъ,
невинне злости свои на мене складаешъ.
Тись мене не слухала,— твоя естъ причина,
же днесь на тебе пришла сроgая ругина.

Душа мовитъ.

Згрѣшиламъ, ахъ згрѣшила! знаю то до себе,
лечъ не престану, враже, жаловать на тебе;
Бо тись то, діяволе, добръ людзкихъ зазорца,
тись мя звювъ на тое, же я свого Творца
Такъ назбитъ великими грѣхми образила,
презъ тебе я караня того заслужила.
Тись мнѣ роскошъ марнаго засладилъ былъ свѣта,
тись мя звювъ, жемъ твоего слухала совѣта.

Дияволъ.

Южъ себѣ не поможешъ, любъ тя я изводилъ,
бо-мъ тебе ко грѣху gвалтомъ не приводилъ.
Мѣла еси отъ Бога свободную волю,
чемжесь такъ збитъ кохала въ свѣтѣ своеволю?
Чи разъ же казнодѣе [1]) на тебе волали,
чи разъ ти духовніе до уха шептали:
Ей, душе! не дай тѣлу спросной [2]) своеволѣ,
бо обое будете въ пекелной неволѣ?
А тись на тіе слова нѣчого не дбала,
казаня и исповѣдь за жартъ себѣ мала.
Отожъ я днесь конечне говорити мушу
на запамяталую добръ небеснихъ душу.
Прошу тебе покорне, Судіе справедливий,
видай на сію душу декретъ справедливий!

---

[1]) Казнодѣе (kaznodzieje) — проповѣдники.

[2]) Спросной (sprośnéj) — негодной, безнравственной.

Душа.

Уви мнѣ, окаяной! о горе мнѣ стало!
жемъ не памятала, же жити въ свѣтѣ мало!
За житіе сладкое а краткое въ свѣтѣ
ахъ пришовъ часъ безъ конца болѣзни терпѣти!
Ахъ мнѣ, жемъ зле творила, жиюще по волѣ!
отож избитной моей плата своеволѣ!

ВИДОКЪ 5.

(Судія питаетъ Апостоловъ о сентенцію и мовитъ тіе слова).

Якъ ся вамъ здаетъ о той душѣ своеволной,
всѣхъ мерзостей грѣховнихъ изобилне полной?
Жебимъ ся въ суду моемъ не издавъ суровий,
вашихъ словъ до слуханя я естемъ готовий.

Апостолъ Петръ.

Тая неизная душа не хтѣла до неба,
то южъ предъ нею небо замкнути потреба.
Зѣло на своеволю была роспущена,
тожь годна, аби была неба отсуждена.

Павелъ.

Я учитель народу, тое мѣю зданя,
же годна душа тая вѣчнаго караня,
Бо она казанями усегда гордѣла:
слушнаяжъ рѣчъ, бы въ неклѣ во вѣки горѣла:

Андрей.

Крестъ у тоеи души бивавъ въ посмѣваню,
а жити незбожне то въ ей было коханю.
Овожъ, же ся святого креста отрѣкала,
годна, аби въ пекелнихъ мукахъ зоставала.

Іяковъ Братъ Божий.

Я Іяковъ, а братъ твой, Судіе и Пане,
прошу, нехай зъ декретовъ такъ ся нашихъ стане:

Же твоею дщерею не хотѣла быти,
нехъ же не будетъ годна лица твого зрѣти.

Иоанъ.

Ти створитель, ти Богъ нашъ и судия правий,
лечъ знаемъ, же и къ грѣшнимъ бываешъ ласкавий:
Одъпустижъ грѣхъ души сей, хочъ била сваволна,
если милосердія твоего естъ год(на).

Маѳей.

Не годна, бо святіе скарби зле вмѣняла,
сакраменти Божкіе за нѣзащо мала,
Въ ней найдражайшая кровъ и Христово тѣло
простимъ виномъ и хлѣбомъ въ мисли часто (было).

Марко.

На исповѣдехъ всегда она обецала,
же ся отъ злихъ учиниковъ повстягнути [1]) мала;
А потомъ ся вертала, якъ песъ къ бліоватинню,
доброволне сама йшла въ пекелну яскиню.

Лука.

Заслужила вѣчное та душа проклятство [2]),
бо ꙋдижъ службы Божіе и все набоженство
За простіе вимисли въ сердцу своемъ мѣла,
нѣбы не хрестіянка спросне въ свѣтѣ жила.

Варѳоломей.

Годна естъ вѣчной смерти, бо не памятала,
же зъ тѣломъ разлучившись, на судъ стати мала.
Не хотѣла о смерти згола [3]) памятати,
не хтѣла приказаній церковнихъ слишати.

---

[1]) Повстягнутися (powsciągnąć się) — воздержаться.

[2]) Проклятство (przeklęstwo) — проклятіе; слово это рифмовано съ »набоженство, а потому надо полагать, что гласная »я« произносилась въ немъ какъ польское »ę«.

[3]) Згола (zgoła) совсѣмъ.

Филипъ.

(Н)е годна въ небѣ жити, бо святіе пости
въ тоей души бивали нѣби вимислъ простий;
(Хочъ) для людзкой обмови любо и постила,
еднакъ же всѣми злостми назбитъ ся кормила.

Симонъ.

(Г)одна естъ тая душа пропасти безденной,
бо въ злой запалчивости мешкала штоденной.
Якъ песъ стеклий на всѣхъ ся злостю поривала,
а бинамнѣй пекелнихъ мукъ ся не бояла.

Ѳома.

Гнѣвъ, ненависти, обжирство и всѣ ей обмови,
пянство, не встидливіе всѣ *еи* розмови,
Всѣ справи вшетечніе, [1]) котріе чинила,
годна, би зъ ними вѣчне во огнѣ горѣла.

Судія.

Чи такое усѣхъ васъ о той души зданя?

Всѣ мовлятъ.

Такъ, бо годна есть, Пане, вѣчного каранія.

ВИДОКЪ 6.

(Судія на душу грѣшную вядастъ декретъ, аби по дѣломъ отнесла заплату).

---

[2]) Вшетечніе (wszeteczne)=безнравственныя.

ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРІИ БУНТА ВЪ МАЛОРОССІИ ВЪ 1687 ГОДУ.

Низложеніе гетмана Самойловича, сосланнаго потомъ въ Ситирь, и выборы новаго гетмана, Ивана Мазепы, въ 1687 году, вызвали, какъ извѣстно, весьма сильное и значительное движеніе въ народной массѣ, движеніе, имѣвшее повидимому чисто соціальный характеръ. Рядъ измѣненій, внесенныхъ въ земельный и общественный строй жизни гетманами и старшиною, управлявшими Малороссіей послѣ возстанія при Богданѣ Хмельницкомъ: захваты земель и цѣлыхъ селъ, о которыхъ разсказываетъ Самовидецъ (Лѣт., стр. 169), образованіе крупныхъ владѣльческихъ хуторовъ, привлащенія посполитства и козаковъ, перемѣны въ системѣ выборовъ сотенной и полковой старшины, все большее и большее вторженіе оной въ народныя права и стремленіе возстановить, что было недавно »скасовано козацкою шаблею«,—все это не могло не вызвать броженія въ массѣ, еще недавно побѣдившей поляковъ и свергнувшей съ себя иго польскаго владѣльчества. Броженіе это и разразилось въ бунтѣ 1687 года.

Объ этомъ бунтѣ мы имѣемъ лишь самыя общія свѣдѣнія; даютъ ихъ намъ лишь одни лѣтописи и хроники: Величко, Самовидецъ и нѣкоторые другіе. Полнѣе всего исторія бунта разсказана у Велички (т. III, стр. 53—4). »По низложеніи гетмана Самойловича съ гетманства, разсказываетъ онъ въ своей лѣтописи, »заразъ зо всѣхъ полковъ городовихъ войска козацкого многіе своеволцы, не дожидаючися нового гетмана, отъехали самоволно зъ

обозу въ дома свои, и якъ въ дорогѣ, такъ и въ домахъ и полкахъ своихъ, учинивши крамолу и бунтъ и другихъ, въ домахъ зоставшихъ, легкомысленныхъ людей зъ собою до тоей же своеволи заохотивши, *не только арендаровъ, але и иншихъ можнихъ людей и крамаревъ* невинныхъ безумнѣ брали *и имѣне ихъ между себе розшарповали*, а нѣкоторихъ и самихъ въ смерть забивали и разние убитки и мордерства надъ ними виполняли«. Самовидецъ кратко говоритъ, что »почалися бунти у войску *на старшихъ*«, что затѣмъ *»многіе двори пограбовали«*, *»арендаровъ и иншихъ людей знатнихъ* и пріятелей гетмана бувшого« (Лѣтопись, стр. 169). Еще короче говоритъ другая краткая лѣтопись [1]). Составитель ея разсказываетъ, что *»чернь (козаки и мужики) пановъ своихъ, а паче арендаровъ грабили«*. Изъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ отрывковъ можно было заключать лишь о характерѣ и направленіи движенія; но гдѣ и въ какихъ мѣстностяхъ проявилось народное движеніе, — оставалось совершенно неизвѣстнымъ. Ни Величко, ни другіе хроникеры ничего не сообщили намъ на этотъ счетъ. Не знаемъ мы также ничего опредѣленнаго и о дѣйствительныхъ размѣрахъ движенія и о степени энергіи, съ какою проявилось оно. Извѣстно лишь, да и то въ самихъ общихъ чертахъ, какъ закончился народный бунтъ. Вступленіе къ управленію дѣлами Мазепы, энергическія мѣры, принятыя до него и имъ самимъ, положили вскорѣ конецъ возстанію. »Заразъ, говоритъ Самовидецъ о возстаніи, тое Москва ускромила«, а краткая лѣтопись сообщаетъ, что бунтъ продолжался, »поколь бунтовщиковъ смирено« (ib.). Лишь одинъ Величко нѣсколько болѣе распространяется на счетъ исхода бунта. Вслѣдствіе жалобъ, поданныхъ и подавшихся »обидимыми«, тотчасъ-же были назначены спеціальныя судныя коммиссіи и »своевольники« были живо смирены. »Заразъ, разсказываетъ Величко, всѣхъ тѣхъ своеволниковъ по городахъ и селахъ велѣно старшинамъ зискать, ловити и до крѣпкого вязеня отдавати; потомъ розыски чинити, по которыхъ розискахъ единымъ,

---

[1]) Краткое лѣтоизобразительное знаменитыхъ и памяти достойныхъ дѣйствій и случаевъ описаніе«, изд. г. Бѣлозерскимъ, въ его Сборникѣ южно-русскихъ лѣтописей. Кіевъ. 1856 г., стр. 85.

важнѣйшимъ, руки и ноги поломано, другимъ головы неистовые оттинано, третихъ на шибеницахъ вѣшано, четвертыхъ на худобахъ карано, зъ пятихъ глупство кіями вигоняно«. Всѣ эти энергическія мѣры привели къ тому, что, какъ говоритъ тотъ-же Величко, »станула въ мірѣ тишина и безбоязненное людямъ тамошнимъ мешкане«.

Таковы извѣстныя доселѣ данныя о бунтѣ 1687 г. Всѣ они характеризуютъ его лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, не давая вовсе свѣдѣній о ходѣ его въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія этого послѣдняго рода даютъ намъ три документа, найденные нами въ числѣ разнаго рода актовъ, приложенныхъ въ копіяхъ къ Румянцовской описи Малороссіи 1766—68 г.[1]), въ подтвержденіе правъ на владѣніе землями въ селѣ Сконцахъ Ивана Сулимы, сотника воронковскаго, и мѣстечкѣ Домонтовѣ, Стефана Томары, полковника переяславскаго. Это, во первыхъ, выписъ изъ судебнаго разбирательства, учиненнаго переяславскимъ судомъ въ 1688 году по дѣлу о бунтѣ, во вторыхъ, двѣ купчихъ крѣпости: одна, 1689 года, выданная Сулимѣ козакомъ с. Сконцевъ (переяславскаго уѣзда) Петромъ Романенкомъ, и другая, данная жителемъ мѣстечка Домонтова (золотоношскаго уѣзда) Савою Наливайченко, въ 1689 г. 22 іюля, Стефану Томарѣ, въ то время сотнику домонтовскому.

Два первые документа касаются возстанія въ сотенномъ городкѣ переяславскаго полка, Воронковѣ. По свидѣтельству ихъ, старшина воронковская и крамари (торговцы) очутились, благодаря бунту, въ крайнемъ »небезпеченствѣ«. Лица, зависимыя отъ нихъ, ихъ слуги, бросали ихъ беззащитными и бѣжали, и всѣ власти въ м. Воронковѣ, вся старшина и можные и богатые люди были предоставлены собственной участи. А опасность была для нихъ тѣмъ большею, что не однѣ только отдѣльныя лица, а вся воронковская громада приняла участіе въ погромѣ, направленномъ противъ »старшихъ«. Главнымъ руководителемъ движенія былъ, повидимому, козакъ изъ с. Сконцевъ, Петръ Романенко, »клавшій«

[1]) Документы эти находятся въ связкахъ описи переяславскаго полка, и именно сотенъ: перво-полковой и домонтовской, связкахъ, хранящихся въ библіотекѣ университета св. Владиміра.

вездѣ, какъ выражалась на судѣ громада, »початокъ дѣлу«, не упускавшій случая разграбить старшинское добро. Масса не отставала отъ своего руководителя. По выписи изъ судебнаго дѣла[1]) нападеніямъ подверглись: сотникъ Иванъ Сулима (все движимое имущество его забралъ къ себѣ въ с. Скопцы козакъ Романенко, остатки разграбила громада), Максимовичъ, у котораго разорена винокурня, вмѣстѣ съ откармливавшимися при ней свиньями, и крамаръ Константиновичъ, лавка котораго была разбита и разнесена. Мѣстная старшина успѣла однако скоро оправиться и сама принялась за усмиреніе бунта, лишь только увидѣла, что новый гетманъ—свой человѣкъ и человѣкъ энергическій. Въ усмиреніи взбунтовавшейся воронковской громады дѣятельную и характерную для того времени роль игралъ нѣкто Думитрашко (быть можетъ, сынъ или родственникъ полковника переяславскаго Думитрашка-Раича). Вся воронковская громада была обложена крупнымъ по тому времени штрафомъ въ 500 талярей въ пользу потерпѣвшихъ. Случилось однако такъ, что деньги были взяты, а потерпѣвшіе ничего не получили,—деньги оказались если не цѣликомъ, то въ большей части въ карманѣ возстановителя порядка Думитрашка. Когда въ слѣдующемъ 1688 году, по указу царей Петра и Іоанна и церевны Софьи, и распоряженію гетмана Мазепы, начался и въ Воронковѣ судъ надъ грабителями, то на судѣ явилась продѣлка Думитрашка: громада жаловалась, что съ нея взыскано болѣе 500 талерей »въ награду того грабовку«, а потерпѣвшіе отъ погрома, извѣстныя уже три лица заявили, что изъ этой награды они ничего не получили. Дѣло было ясное и очевидное. Судъ призналъ за тремя потерпѣвшими право на вознагражденіе и присудилъ Ивану Сулимѣ слѣдуемую ему сумму взыскать съ Романенка и Думитрашка, а Константиновичу и Максимовичу съ одного послѣдняго; жалоба громады м. Воронкова оставлена безъ удовлетворенія. Выполнилъ-ли Думитрашко по рѣшенію суда, остается неизвѣстнымъ. На судъ онъ лично не явился; не прислалъ даже уполномоченнаго отъ себя, не смотря на »килкокротніе самого

---

[1]) Выпись, къ сожалѣнію очень краткая, касается лишь нѣсколькихъ лицъ; полнаго дѣла и описи нѣтъ; оно хранится, по всей вѣроятности, въ дѣлахъ малороссійской коллегіи.

гетмана, ясне велможного, его милости, пана, листовіе указы«, и былъ осужденъ заочно. Другой подсудимый, козакъ Романенко, понесъ тяжелую кару въ своей »худобѣ«. Долго ему удавалось уклоняться отъ выполненія судебнаго приговора и только около десяти лѣтъ спустя, послѣ новаго иска Сулимы, Романенко повинился и »безъ жадного примусу и насилія, доброволне« отдалъ Сулимѣ, взамѣнъ денегъ, которыхъ онъ не имѣлъ, свои земли въ с. Скопцахъ: островъ, лѣсъ, два сѣнокоса—луговой и степной, оцѣненные въ суммѣ 230 золотыхъ. Мимоходомъ отмѣтимъ, что Сулима около этого времени пріобрѣлъ осѣдлость въ Скопцахъ, и это, въ связи съ купчей, выданной Романенкомъ, дало Сулимѣ возможность въ въ 1721 году добиться отъ гетмана Скоропадскаго универсала, по которому *все* село Скопцы (кромѣ козаковъ и ихъ грунтовъ) было отдано ему въ собственность.

Послѣдній изъ найденныхъ нами трехъ документовъ,—запись козакомъ Наливайченкомъ части своего лѣса сотнику Томарѣ даетъ прямое указаніе на то, что бунтъ 1687 г. имѣлъ мѣсто и въ мѣстечкѣ Домонтовѣ, ибо сынъ козака Наливайки отдаетъ свою землю (часть лѣса) за проступокъ отца, который, какъ говорится въ документѣ, »невиповѣдимо, подчасъ *того злого рабунку*, такъ въ записахъ, яко и въ рухомихъ вещахъ викрочилъ его милости пану Стефану Томарѣ«.

Приводимъ самые документы, имѣющіе, кромѣ историческаго, и историко-юридискій характеръ и значеніе.

И. Лучицкій.

I.

Выпись зъ книгъ енералного суду войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого. Року тисеча шестъ сотъ осѣмъ десятъ осмого, мѣсяца декеврія осмого на десятъ дня.

По повеленію присвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей, царей и великихъ князей, Іоана Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государинѣ, благовѣрной царевны и велыкой княгини Софіи Алексѣевны, всея великія, и малія, и бѣлія Росіи самодержцевъ, ихъ царского пресвѣтлого величества.

Предъ нами отъ боку самого ясне велможного, его милосты, пана Іоанна Мазепи, гетмана войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого, до Переяславля на разсужденіе вшелякихъ справъ въ прошломъ року подъ розрухъ сталихъ, зосланими Михайломъ Вуяхевичемъ, судею енералнимъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого Иваномъ Ломѣковскимъ, Андреемъ Василевичомъ, писаремъ судовымъ, и при битности пана Іакима Головченка, полковника переяслонского, Івана Гулака, обозного полкового, і Максима Хоменка, атамана городового, на справки ниже описаніе засѣлими, ставши у суду нашому Іванъ Сулима, бывшій сотникъ воронкувскій, при жалосной суплѣце своей, прикладалъ на реестрѣ шкоди свои отъ Романенка Петра ему сталние: же того часу онъ, приихавшы до Воронкова, *всѣ добра его* (яко реестру роборуетъ) *рухомые забралъ*, до которыхъ добръ Петро Романенко и самъ знался, же побралъ, толко не згожался зъ реестромъ, лечъ доводилъ тую своего шкодованя челядникомъ Петра Максимовича [1]), меновите Матвѣемъ, которой подъ сумленемъ своимъ свѣдчилъ, ижъ тогди утѣкаючи отъ пана своего, *въ небезпеченствѣ будучого*, въ селѣ Скопцихъ [2]), где мешкалъ Петро Романенко, видѣлъ, яко зъ возовъ складали много добръ Ивана Сулими, привезенихъ зъ Воронкова [3]).

По записаню сей справки, ставши обоего чину *люде воронкувскіе* подали суплѣку отъ всей своей *громади*, жалѣючися на Дмитрашка, же за тотъ *проступокъ, которій учинилисмо Ивану Сулимѣ за початкомъ Петра Романенка и остатокъ* после него добра его разгробовали, взялъ у насъ вини болше пяти сотъ талярей, обѣцуючися тую суму въ нагороду того грабовку ему, Ивану Сулимѣ, дати, и не далъ. Судъ прихилнимъ будучи до такого свѣдоцтва, и такъ Романенка, яко и Дмитрашка обвинивши, жебы укривжоному за шкоди его обадва нагородили и заплатили, наказуемъ.

До тоей-жъ суми пяти сотъ талярей Юско Константиновичъ з Воронкова подалъ суплѣку на того-жъ Дмитрашка, ускаржаючися, же за шкоди сталіе отъ Петра Романенка, то есть за порабованя комори зъ крамкомъ, зъ тоей-жъ суми мѣлъ заплатити и не заплатилъ. Которому то укривжоному жалобнику повиненъ будетъ заплатити, судомъ наказуемъ.

---

[1]) Сотника бубновскаго.

[2]) Переяславскаго уѣзда полтавской сотни. Въ то время село перво-полковой сотни переяславскаго полка.

[3]) Мѣстечко того-же уѣзда. Въ то время сотенный городъ воронковской сотни, переяславскаго полка.

Того-же термину и до тоей-жъ суми вибраное презъ Думитрашка болше пяти сотъ таллярей, Дмитро Максимовичъ подалъ на реестрѣ и свои шкоди, *ускаржаючися на воронковцовъ*, которие, мовитъ, *въ мѣскомъ воронкувскомъ дворѣ три куфи горѣлки розграбили и попили, и четвертую куфу у дворѣ передъ мѣскомъ, борошна виничного молотого сорокъ осмачокъ мѣри воронкувской, и увесь посудокъ виничний, и шестъ десятъ свиней.*

Аже Дмитрашко, за вилкократнимъ самого ясне велможного его милости пана гетмана листовимъ указомъ и нашимъ судовимъ извѣщеніемъ, на скаргу вищъ менованихъ обжалованя на термену не сталъ и умоцованого своего для отповѣди (подобно зъ умислу всѣ справи и скарги на него занесеніе зволѣкаючи) не прислалъ, теди и въ небитности его зъ заводовъ и документовъ правнихъ уваживши, жебы всякіе шкоди Дмитровѣ Максимовичови, Івану Сулимѣ и Юску Константиновичю Дмитрашко зъ тоежъ вибраное на воронкувцахъ суми безъ жадной изволоки нагородилъ, наказуемъ.

Которие справи, якося точили и декретомъ судовимъ скончили. такъ, за потребованіемъ сторонъ, до книгъ актовихъ переяславскихъ про память записани, зъ которихъ и сей виписъ подъ судовою печатю и за подписомъ руки писарской естъ виданъ. Писанъ въ Переяславлѣ.

(на подлѣнномъ):

Андрей Василевский, писаръ судовій войсковій сенералній.

(Румянцевская опись, переяславскій полкъ, документы перво-полковой сотни, т. I, подъ 1688 г.).

II.

Виписъ зъ книгъ мѣскихъ переяславскихъ права майдебурского его милости пану Ивану Сулимѣ, товаришу значному войсковому, на грунта отъ Петра Романенка за худобу въ бунти пограбованную, въ суммѣ золотихъ двѣстѣ и тридцяти пущенне. Року 169 февраля 15.

За вѣдомостю его милости пана Іоана Мировича, полковника войска его царского пресвѣтлого величества запорожского переяславского передъ обополнимъ урядомъ полковимъ и майстратовимъ въ ратушѣ переяславской, передъ нами, Леонтьемъ Потаповичомъ, обознимъ полковимъ, Іоаномъ Гулакомъ, сотникомъ полковимъ, Михайломъ Ивановн-

чемъ, атаманомъ городовимъ, Іваномъ Соколскимъ, войтомъ переяславскимъ, Корнѣемъ Еремѣевичемъ, буймистромъ, Стефаномъ Ивановичемъ, райцею старшимъ, Миколаемъ Лукяновичомъ, Яковомъ Федоровичомъ, райцами и иними райцами и лавниками, становши очевисте его милость, панъ Иванъ Сулима, товарищъ знатный войсковій, покладалъ жалобу на Петра Романенка, козака и жителя скопецкого, которій подчасъ бунтовъ грабовалъ у Воронковѣ худобу его, за що судомъ енералнимъ сужений и декретъ видано, наказуючи сурово ему, Петру Романенку, починенние шкоди его милости пану Ивану Сулимѣ нагородити и во всемъ, яко належитъ, погодити. А онъ презъ килканадесять лѣтъ декрету суду енералного задосить чинити замедлѣвъ, вимогаючися Петро Романенко, ижъ для того до тихъ часъ починенних шкодъ не пополнилъ, же его милость панъ Іанъ Сулима не вспоминался. До которого декрету суду енералного стосуючися, ми обополній урядъ наказалисмо Петру Романенку, безъ жадной отмови и продолженя часу, нагородити починенние шкоди. Аже не мѣвъ готовой суми, просивъ его милости пана Яна Сулиму, жеби грунта на Скопцяхъ или где уподобаетъ собѣ шацункомъ принявъ, обѣцуючи всѣ грунта свои ему отказати. На якое прилѣжное прошеніе призволився его милость панъ Янъ Сулима и грунтами принимати, и на томъ угода стала. По колку дняхъ становши очевисте Петро Романенко предъ нами, вишъ менованнимъ обополнимъ урядомъ, въ ратуши переяславской, визналъ явне, ясне, доброволне, безъ жадного примусу и насиля до записаня въ книги тие слова: маючи я *сеножать* отъ Скопцовъ къ Илтицѣ, почавши отъ дѣдовой могили по Исаишинъ грунтъ до ющенкового окопу, по юсченкову ниву, котора до Илтицѣ притягла, отческую и дѣдизную, *островъ* ющенковскій зъ *садкомъ* и *березами* и *лозами* по сеножать Хомину Носенкову; *сеножать и березу* по окунъ, границя по могилу Бѣлоусову, и *въ степу сеножать*, тожъ отческая и дѣдизная, нѣкому нѣвчомъ не пенная и не заведенная, пустилемъ его милости пану Яну Сулимѣ и панѣ малжонцѣ его и потомкомъ ихъ вѣчними часи въ посессію за шкоду и бунти починени, въ сумѣ золотихъ двѣстѣ тридцять; мѣетъ тижъ его милость панъ Янъ Сулима, панѣ малжонка его и потомкове ихъ власть зуполную вѣчними часи тими грунтами, сѣножатми, садомъ, березами, лозами, островомъ, яко хотѣти, владѣти и пожитковати, волно имъ, кому хотѣти, дати, продати, даровати, замѣняти, яко ко найлѣпшому пожиткови своему примножити и приспособляти, а я, Петро Романенко, анѣ жона моя, анѣ дѣти мои, анѣ кревніе, близкіе и далекіе, не мѣемъ власти вѣчними часи до тихъ грунтовъ озиватися и своити, и овшемъ, ежели-би хто колвекъ зъ кревнихъ моихъ, близкихъ и далекихъ, мѣлъ до тихъ грунтовъ озватися и важился его милость пана

Яна Сулиму, або пототковъ его турбовати, теди я винне достою у каждого суду и права, становши своимъ коштомъ, ихъ заступати и боронити, а на того турбатора покладаемъ вини до шкатули войсковой тисячу золотихъ. Которое доброволное зезнане ми, обополній урядъ, вислухавши, позволилисмо до книгъ мѣскихъ переясловскихъ вписати, а зъ книгъ виписавши и печатми судовою и майстратовою ствердивши, росказалисмо видати его милости пану Яну, товарищу знатному войсковому, панѣ малжонцѣ его и потомкомъ ихъ на защиту и оборону въ потомніи часы, за подписомъ рукъ нашихъ.

(На подлинномъ):

Леонтій Потаповичъ, обозній полковій переясловскій, рукою. Іванъ Сокалскій, войтъ переясловскій зъ майстратомъ. (Тамъ-же).

III.

1689 року, іюня 22 дня.

Я, Сава Наливайченко, житель домонтовскій, чиню вѣдомо симъ моимъ писмомъ, кому того будетъ потреба, ижъ за власній проступокъ небозчика отца моего, которій невиновѣдимо, подчасъ того *злого рабунку*, такъ въ записахъ, яко и въ рухомихъ вещахъ, викрочилъ его милости, пану Стефану Томарѣ, сотниковѣ домонтовскому, аже *правне обвиновативши* мене за отцевскій проступокъ, не мѣлимъ чимъ-би моглъ погодити пана сотника нашего, теди во вечность два гайки, подъ Матвѣевкою[1]) стоячие, которие мѣлемъ сполне изъ Иваскомъ Горлачемъ, свои половины власние и никому не пенние, его милости пану Стефану Томарѣ, сотнику нашему домантовскому, вручаю. До которихъ отнюдъ нѣхто не повиненъ такъ изъ далекихъ, яко и близкихъ нашихъ приятелей втручатися. Для чего даю сее мое доброволное писание при людехъ зацнихъ и вѣри годнихъ, жителяхъ домонтовскихъ, тута подписанниихъ, напродъ:

Дмитро Володко, атаманъ городовій, Василь Брахно, Матвѣй Симоненко, братъ старшини (?), Васко Похожай, ктиторъ храму Рождества пресвятия Богородици домонтовского, Васко Горлачъ, Романъ Демба, Иванъ Чорномазенко, Гаврило Дриваль, Касянъ Шулженко, Иляшъ Дорошко, Іляшъ Ісаенко, войтъ домонтовскій. Дѣялося у Домонтови року и дня вишписанного.

(Рум. Опись, документы, относящіеся до селеній домонтовской сотни, т. I, № 8).

---

[1]) Деревня домотовской сотни, нынѣ золотоношскаго уѣзда.

Библіографія.

Николай Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Историческая монографія. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ. 1884. Томъ 1—3.

Среди многочисленныхъ трудовъ извѣстнаго своею ученостью, трудолюбіемъ и высокимъ художественнымъ талантомъ нашего историка, несомнѣнно монографія о Богданѣ Хмельницкомъ занимаетъ первое мѣсто. Монографія эта появилась первый разъ въ печати 25 лѣтъ тому назадъ и съ того времени авторъ не переставалъ изучать избраннаго имъ предмета, внимательно слѣдилъ за всѣми, вновь появлявшимися въ печати, матеріалами и трудами, относящимися къ сюжету его изслѣдованія, многіе новые матеріалы открывалъ самъ въ архивахъ и отъ времени до времени, пользуясь новыми научными пріобрѣтеніями, исправлялъ и дополнялъ первоначальную работу и выпускалъ новыя изданія. Каждое изъ этихъ изданій встрѣчалось просвѣщенною публикою съ глубокимъ интересомъ и сочувствіемъ и расходилось весьма быстро, чѣмъ до нѣкоторой степени и облегчалась возможность новаго изданія.

Послѣднее, четвертое изданіе, сохраняя всѣ научныя и художественныя качества предъидущихъ, представляетъ значительныя усовершенствованія и поправки, вслѣдствіе которыхъ трудъ маститаго историка пріобрѣтаетъ еще большую научную цѣну. Мы постараемся указать важнѣйшія мѣста, въ которыхъ мы замѣтили измѣненія сравнительно съ послѣднимъ, третьимъ изданіемъ.

Въ новомъ изданіи Богдана Хмельницкаго авторъ, по обыкновенію, предпосылаетъ перечень источниковъ и монографій, которыми онъ пользовался при составленіи своего труда; сличая этотъ перечень съ тѣмъ, который былъ помѣщенъ въ началѣ 3-го изданія, мы находимъ 19 но-

выхъ сочиненій, въ числѣ которыхъ важнѣйшіе какъ по указаніямъ самаго автора, такъ и по количеству приведенныхъ ссылокъ, слѣд.: Записки Николая Іемеловскаго, Дневникъ Станислава Освѣцима, Историческіе очерки Кубани, X томъ актовъ южной и западной Россіи и т. д.

Затѣмъ исторіи Богдана Хмельницкаго предшествуетъ обширное введеніе, занимающее первую половину перваго тома. Введеніе это представляетъ полный очеркъ исторіи днѣпровскаго козачества отъ его возникновенія до 1648 года, т. е. до появленія во главѣ козацкаго движенія Богдана Хмельницкаго. Это несомнѣнно понынѣ лучшій систематическій очеркъ исторіи козачества въ указанный періодъ его существованія. Н. И. Костомаровъ пополнилъ въ настоящемъ изданіи эту часть своего труда разсказами о возстаніяхъ Косинскаго и Наливайка, которые въ предшествующемъ изданіи были выдѣлены и составили отдѣльныя статьи, вошедшія, какъ особыя монографіи, въ полное изданіе его сочиненій. Нѣкоторыя второстепенныя положенія въ вступительномъ очеркѣ измѣнены или исправлены и дополнены. Такъ Н. И. устранилъ предположеніе о томъ, что народныя преданія о Савиѣ Чаломъ могутъ быть пріурочены ко времени Павлюка, убѣдившись, что личность эта относится къ половинѣ XVIII ст.; такъ онъ прибавилъ интересныя подробности, заимствованныя изъ исторіи Турціи Гаммера фонъ Пургшталя, о козацкихъ морскихъ походахъ 1638—1639 г. и т. п. Признавая вполнѣ достоинства этой вступительной главы, мы особенно благодарны почтенному автору за то, что онъ очистилъ первоначальную исторію козачества отъ тѣхъ фантастическихъ наростовъ, которыми она была испещрена, благодаря вымысламъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ и особенно анонимнаго составителя исторіи Руссовъ, повторявшимся потомъ въ сочиненіяхъ первыхъ историковъ Малороссіи и затемнившимъ въ видѣ непроглядного тумана первоначальную исторію козачества. Намъ кажется только, что самый вопросъ о происхожденіи и первоначальномъ бытѣ козачества авторомъ оставленъ нѣсколько незаконченнымъ; указавъ на появленіе козачества подъ управленіемъ литовскихъ старостъ, авторъ переходитъ къ очерку отношеній южно-русскихъ мѣщанъ къ правительству, затѣмъ приводитъ свѣдѣнія о первоначальномъ возникновеніи Запорожья, упоминаетъ только о реформѣ короля Стефана и прямо переходитъ къ возстанію Косинскаго; такимъ образомъ съ одной стороны историческій бытъ козачества XVI в. является какъ-бы не законченнымъ, съ другой для читателя невольно первоначальное козачество сливается и съ давно существовавшимъ мѣщанствомъ приднѣпровскихъ городовъ и съ позже возникшимъ Запорожьемъ. Отбросивъ всѣ вымыслы и навязанныя коза-

честву, но не имѣвшія съ нимъ органической связи случайныя событія, Н. И. дѣлаетъ исключеніе въ пользу небольшой серіи предполагаемыхъ гетмановъ; онъ признаетъ въ этомъ достоинствѣ Федора Богдана, »его преемника Яна Подкову« и Шаха (Томъ I, стр. 20—21). Исключеніе это заставляетъ насъ предполагать, что многоуважаемый авторъ нашелъ вѣскія основанія для того, чтобы выдѣлить названныя личности изъ ряда миѳическихъ гетмановъ XVI столѣтія и признать ихъ дѣйствительными козацкими гетманами; но такъ какъ ссылки на источники указываютъ въ данномъ случаѣ только на свидѣтельство позднѣйшихъ козацкихъ лѣтописцевъ, то мы находимся въ нѣкоторомъ недоумѣніи и не вполнѣ можемъ избавиться отъ скептицизма, въ силу котораго склонны признать Ѳедора Богдана лицемъ врядъ-ли существовавшимъ (вѣдь Ѳедоръ и Богданъ это переводъ одного и того-же имени), а въ Подковѣ привыкли видѣть не настоящаго гетмана всего поднѣпровскаго козачества, а политическаго иноземнаго авантюриста, пытавшагося залучить въ пользу своего предпріятія часть козаковъ, жившихъ въ Брацлавщинѣ.

Въ изложеніи событій случившихся при Хмельницкомъ мы встрѣчаемъ въ новомъ изданіи нѣсколько поправокъ и по временамъ значительныя дополненія. Къ числу болѣе существенныхъ поправокъ принадлежитъ, по нашему мнѣнію, устраненіе во второй главѣ названія гайдамаковъ, которымъ въ прежнихъ изданіяхъ авторъ характеризовалъ возставшихъ крестьянъ; конечно имя это онъ примѣнилъ только по аналогіи данныхъ событій съ историческими явленіями болѣе поздняго времени; въ настоящемъ-же изданіи, желая избѣжать недоразумѣній отказался отъ термина, характеристическаго, но могущаго подать поводъ къ анахронистическому представленію.

Болѣе всего расширены и дополнены въ новомъ изданіи тѣ главы, которыя относятся къ исторіи 1651 года, памятнаго злосчастною Берестецкою битвою и еще болѣе печальнымъ Бѣлоцерковскимъ договоромъ; большинство новыхъ источниковъ, которыми авторъ пользовался, сосредоточены на исторіи этого года (Дневникъ Осѣцима, Кубаля) и потому доставило ему обильный новый матеріалъ для характеристики того времени. Центральнымъ фактомъ, около котораго группируются событія 1651 года, естественно является Берестецкое сраженіе и потому Н. И. посвящаетъ описанію его цѣлую главу; впрочемъ въ разсказѣ какъ о самой битвѣ, та и о приготовленіи къ ней и объ ея послѣдствіяхъ, авторъ сохраняетъ собственный пріемъ въ изложеніи фактовъ: онъ рисуетъ рядъ блестящихъ картинъ и останавливаетъ вниманіе по преимуществу на отдѣльныхъ эфектныхъ эпизодахъ, оставляя въ сторонѣ описаніе плана стратегическихъ движеній обѣихъ армій какъ до битвы,

тавъ и во время самаго сраженія и послѣ него. Подробности эти разработаны весьма тщательно въ очеркахъ Кубали и Освѣцимъ даетъ въ этомъ отношеніи весьма основательныя данныя, но Н. И. не захотѣлъ вѣроятно портить общаго художественнаго впечатлѣнія картины сраженія и потому отказался отъ ихъ воспроизведенія.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ особенно интересныя прибавленія мы встрѣтили въ описаніи осады Буши, равно и весьма характеристическія подробности о попыткахъ возстаній польскихъ крестьянъ въ окрестностяхъ Кракова и Познани; свѣдѣнія эти заимствованы изъ записокъ Іемеловскаго, дневника Освѣцима и изъ труда Кубали.

Въ заключеніи труда мы встрѣчаемъ четыре приложенія: 1) отчетъ о запискахъ еврейскаго раввина современника—Ганновера, 2) замѣтку о статьѣ г. Дитятина: »Къ вопросу о земскихъ соборахъ XVII столѣтія«, 3) сборникъ народныхъ думъ, пѣсней и современныхъ виршей, относящихся къ эпохѣ Хмельницкаго и 4) алфавитный указатель личныхъ и географическихъ именъ, упоминаемыхъ въ сочиненіи.

Свѣдѣнія изъ записокъ Ганновера не вошли въ самый текстъ сочиненія, потому что авторъ не могъ своевременно получить русскаго изданія этихъ записокъ, вышедшаго въ Лейпцигѣ, въ 1883 году, т. е. въ то время, когда новое изданіе уже находилось въ печати; впрочемъ есть другой русскій переводъ этого сочиненія: оно было издано въ переводѣ изъ французскаго изданія Даніила Леви (Tlemcen 1855) редакціею кіевскихъ губернскихъ вѣдомостей въ 1858 году, подъ заглавіемъ: »Четыре года войны поляковъ съ русскими и татарами (1648—1652) или преслѣдованіе польскихъ израильтянъ«. Конечно не удивительно, что Н. И.-чу не могло прійти въ голову искать источника для исторіи XVII столѣтія въ столь скромномъ и мало распространенномъ изданіи.

Сборникъ пѣсень, относящихся ко времени Хмельницкаго, былъ помѣщенъ уже въ третьемъ изданіи (40 пѣсень), въ настоящемъ онъ значительно расширенъ (52) и пополненъ присоединеніемъ пѣсень и ихъ варіантовъ, напечатанныхъ въ промежуткѣ между выходомъ двухъ изданій. Указатель собственныхъ именъ составляетъ приложеніе совершенно новое, и конечно весьма полезное и необходимое при каждомъ обширномъ и капитальномъ историческомъ трудѣ, къ которому приходится всякому занимающемуся данною эпохою, прибѣгать не однократно для справокъ и удостовѣренія отдѣльныхъ фактовъ.

Относительно именъ собственныхъ мы впрочемъ позволимъ себѣ выразить нѣкоторое сожалѣніе; въ трудѣ столь капитальномъ и занимающемъ несомнѣнно положеніе весьма авторитетное въ исторіографіи южно-русскаго края, не вездѣ обращено было тщательное вниманіе на

географію края и географическія названія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ весьма рѣдкихъ, подверглись болѣе или менѣе значительному искаженію. Иногда-же авторъ, довѣрившись излишне источнику, не повѣрилъ его данныхъ по картѣ или воспроизвелъ картину мѣстности, гдѣ происходило описываемое имъ событіе, не вполнѣ согласно съ дѣйствительностью. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Нѣкоторыя искаженія географическихъ именъ произошли очевидно вслѣдствіе нечеткости почерка рукописей, которыми пользовался какъ самъ авторъ, такъ и издатели матеріаловъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ; такъ мы встрѣчаемъ мѣстности: *Ильменцы* (III, 188) и *Берладь* (III 188, 196), которыя потомъ занесены и въ указатель, какъ отдѣльныя мѣстечка; между тѣмъ эти населенныя мѣстности возникли только вслѣдствіе искаженія именъ: Илинцы (иначе Липцы—мѣстечко липовецкаго у.) и Бернада (м. ольгопольскаго у.), въ чемъ весьма легко убѣдиться, провѣривъ по картѣ тѣ эпизоды разсказа, въ которыхъ онѣ упоминаются. Нѣсколько чаще встрѣчаются искаженія мѣстныхъ названій, происшедшія отъ того, что авторъ, пользуясь иноземнымъ источникомъ, оставлялъ эти имена, не измѣняя транскрипціи источника, согласно мѣстному народному произношенію, какъ это принято дѣлать въ русской литературѣ для собственныхъ именъ всѣхъ народовъ и странъ. Вслѣдствіе этого мы находимъ въ текстѣ и указателѣ названія: Пятокъ (I, 25), Смѣлое (I, 290), Базилія (III, 303), Билгорія, Горія (III, 301) и т. д., вмѣсто варіантовъ, извѣстныхъ по народному произношенію: Пятка, Смила, Базалія, Билгорай, Горай и т. д. Наконецъ иногда, слѣдуя тексту источника, авторъ даетъ описаніе мѣстности не точное и иногда не вполнѣ понятное; такъ въ разсказѣ о жванецкой осадѣ (III, 102) мѣстоположеніе королевскаго лагеря описано такъ: »съ юга закрывалъ его Днѣстръ, съ сѣвера большая болотистая долина рѣки Жванца, съ фронта (т. е. съ востока?) укрѣпленный замокъ, а съ запада овраги и лѣса«. Не говоря уже о томъ, что рѣка Жванецъ, подобно всѣмъ притокамъ Днѣстра, течетъ среди обрывистыхъ скалъ и не имѣетъ болотистой долины и что съ востока къ Жванцу прилегаетъ открытая возвышенная равнина, которая тянется къ селу Брагѣ, довольно трудно представить себѣ оріентировку описанной мѣстности, зная, что Жванецъ впадаетъ въ Днѣстръ у мѣстечка того-же имени и что замокъ лежитъ на самомъ обрывистомъ берегу рѣки Жванца.

Вотъ еще одинъ примѣръ: послѣ охматовскаго сраженія »поляки продолжали истреблять мѣстечки и селенія украинскія. Такъ были разорены: Кристьянополь, Устье, Берлады, Каменица, Киріевка, Лещыновка, Кѣсинцы, Берестки, Дмитрашевка (III, 196)«. Довольно трудно

дать себѣ отчетъ, въ какой мѣстности въ то время свирѣпствовали поляки: большинства перечисленныхъ мѣстностей мы напрасно стали-бы искать на картѣ; имена нѣкоторыхъ, правда, можно возстановить, но онѣ являются разбросанными на слишкомъ большомъ пространствѣ для того, чтобы можно ихъ пріурочить къ одной компаніи. Такъ Бершада (Берлады) и Каменка (Каменица) лежатъ въ нынѣшнемъ ольгопольскомъ уѣздѣ подольской губерніи, Кристинополь въ жолковскомъ округѣ Галиціи въ 300 верстахъ отъ нихъ къ сѣверо западу, а Лещинъ (Лещиновка?) въ житомирскомъ уѣздѣ, волынской губ., въ 240 верстахъ къ сѣверу.

Если мы позволяемъ себѣ указывать на эти, конечно ничтожныя, погрѣшности, то дѣлаемъ это не изъ желанія во что-бы то ни стало отыскать, такъ сказать, пятна и на солнцѣ, а потому только, что, дорожа въ высшей степени трудами многоуважаемаго ученаго, желаемъ указаніемъ на мелочи, ускользнувшія отъ его вниманія, доставить посильный, хотя крошечный матеріалъ для будущаго новаго изданія Богдана Хмельницкаго, потребность въ которомъ, какъ мы искренно увѣрены, будетъ еще очень долго чувствоваться въ широкомъ кругу нынѣшнихъ и будущихъ почитателей мастистаго историка.

В. А.

Записки Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. XIII. Съ VI литограф. листами. Одесса, 1883 г. 294 стр. Ц. 3 р.

Одесское общество исторіи и древностей—одно изъ старѣйшихъ историческихъ и другихъ ученыхъ нашихъ обществъ. Сорокъ четыре уже года оно ведетъ свою серъезную научную дѣятельность, обогащая нашу юную историческую науку цѣнными матеріалами и учеными трудами. Теперь предъ нами XIII т. его »Записокъ«. Записки эти имѣютъ вполнѣ мѣстный характеръ: частію они относятся ко временамъ весьма отдаленнымъ, частію касаются позднѣйшей исторіи края, преимущественно XVIII вѣка. Вошедшіе въ этотъ томъ матеріалы и статьи распредѣлены по обычнымъ отдѣламъ: *археологіи, исторіи* и *географіи* Новороссійскаго края. Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ помѣщено собственно три историческіе памятника, изъ которыхъ первые два представляютъ древне-греческія *надписи*, найденныя въ Херсонисѣ и сел. Чóбручи; послѣдняя принадлежитъ древнему городу Тирѣ. Обѣ надписи имѣютъ значеніе для исторіи политическаго быта означенныхъ городовъ во II вѣкѣ по Р. Х. Объясненія къ нимъ сдѣ-

ланы проф. В. Н. Юргевичемъ. Матеріалы эти послужили также предметомъ реферата въ обществѣ Нестора лѣтописца [1]). Третій документъ — бѣлорусская грамота княжны Наст. Мих. Мстиславской о размѣнѣ селъ съ ея родственниками 1561, напечатана по подлиннику, хранящемуся въ Музеѣ того-же общества, и имѣетъ значеніе для генеалогіи князей Мстиславскихъ, а имѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь, находились въ Бѣлоруссіи.

Въ отдѣлѣ *исторіи* помѣщено »житіе преподобнаго Іоанна, епископа Готѳіи (VIII вѣка). Текстъ его заимствованъ изъ Bollandi, Acta Sanctorum, а примѣчанія къ нему изъ статьи В. Василевскаго: »Русско-византійскіе отрывки« (Журн. Мин. Нар. Пр. 1878, № 1). При этомъ помѣщенъ и русскій переводъ житія.

Въ отдѣлъ географіи вошли окончаніе перевода путешествія Палласа въ Крымъ и на островъ Тамань въ 1793 и 1794 гг., а также его записка къ князю Потемкину объ изслѣдованіи береговъ Каспійскаго моря (1781 г.). Отдѣлъ »матеріаловъ« весь заключаетъ въ себѣ документы и статьи, относящіяся къ исторіи Новороссіи въ царствованіе Екатерины II, а именно: письма господаря Гики къ фельдмаршалу Румянцеву и Потемкину (1777—83); выѣздъ послѣдняго крымскаго хана Шагинъ-Гирея изъ Россіи въ Турцію въ 1787 г., письма барона Антуаня къ гр. Сегюру о пользѣ учрежденія морской торговли Марсели съ Херсономъ; историко статистическій очеркъ торговли города Херсона (1784—1803 г.); свѣдѣнія о постройкахъ въ г. Николаевѣ и заведеніи флота на Черномъ морѣ, 1791 г.; выписка о службѣ Потемкина по синоду. Въ отдѣлѣ *смѣси* напечатаны: лѣтопись общества за 1881—83 гг.; столѣтіе церковной жизни Крыма (1783—1783); некрологи нѣкоторыхъ членовъ общества (гр. С. Р. Строганова, митр. Макарія, И. И. Фундуклея и пр.) и письма архіеп. Иннокентія къ проф. Бодянскому (рѣчь идетъ объ изданіяхъ Бодянскаго). Въ концѣ тома помѣщенъ указатель всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ Запискахъ Общества за все время его существованія 1844—84 г. и отдѣльныхъ изданій общества.

Наиболѣе интересенъ отдѣлъ послѣдній. Не можемъ не отмѣтить въ немъ прекраснаго, живого очерка исторіи послѣдняго столѣтія въ церковно-религіозномъ отношеніи, составленнаго по архивнымъ источникамъ членомъ общества, одесскимъ каѳедральнымъ протоіереемъ А. Г. Лебединцевымъ. Большую услугу для общества и исторіи могъ-бы

[1]) Въ этотъ-же отдѣлъ слѣдовало-бы отнести и отрывокъ греческой надписи, найденной въ Ольвіи, такого-же характера, но помѣщенный въ особомъ отдѣлѣ — »матеріаловъ«.

оказать этотъ въ своемъ родѣ севастопольскій ветеранъ, еслибы представилъ въ Запискахъ Общества свои воспоминанія объ осадѣ Севастополя, которую онъ выдержалъ отъ перваго до послѣдняго дня, при громѣ орудій, среди потоковъ крови, принося безкровную жертву въ пронизанной пулями и ядрами церкви, посѣщая ежедневно самыя опасныя мѣста на бастіонахъ, проживая въ блиндажахъ и оставивъ Севастополь лишь наканунѣ роковаго дня, съ потерею всего своего имущества, взорваннаго непріятельскимъ ядромъ. Изъ числа некрологовъ особый интересъ представляетъ краткій некрологъ И. И. Фундуклея, бывшаго когда-то кіевскимъ губернаторомъ и оставившаго Кіеву, кромѣ женской гимназіи его имени, три цѣнныя изданія: 1) Обозрѣніе Кіева и кіевской губерніи въ отношеніи къ древностямъ, 2) Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губерніи и 3) Статистическое описаніе кіевской губерніи.

Запоздалый некрологъ Фундуклея, какъ и многое другое въ этомъ отдѣлѣ, принадлежитъ перу покойнаго предсѣдателя общества Н. Мурзакевича. Извѣстно колоссальное состояніе обрусѣлаго сына мелкаго константинопольскаго торговца, равно и его относительная щедрость. Составитель его некролога, говоря о послѣднихъ годахъ службы Фундуклея, проведенныхъ имъ въ Варшавѣ, въ разгаръ послѣдняго возстанія, въ похвалу его замѣчаетъ, что въ то время, какъ другіе изъ выдающихся русскихъ дѣятелей въ Варшавѣ подвергались опасности жизни или падали отъ рукъ убійцъ, Фундуклей жилъ вполнѣ спокойно и его не коснулась рука вражія. На это можемъ замѣтить, что, по ходившимъ тогда въ Варшавѣ разсказамъ, рука вражья коснулась однажды только не его, а его толстаго кармана. Фундуклей не былъ женатъ; громадныя его богатства, земельныя и иныя, стоимостію приблизительно около 30 милліоновъ, перешли къ боковымъ наслѣдникамъ.

Характеренъ, какъ матеріалъ, коротенькій запросъ генерала М. Я Коховскаго къ секретарю Потемкина В. С. Попову. Суть его въ томъ, что путешествовавшій въ Крымъ съ Екатериною подъ именемъ графа Фалькенштейна Іосифъ II далъ поручику Пироли 300 червоныхъ на покупку для него одной черкесской красавицы. Коховскій такъ озабоченъ былъ исполненіемъ этой коммиссіи, что отправилъ курьера для доклада Потемкину и испрошенія его ордера о прибавкѣ суммы, о томъ, куда и какъ отправить оную красавицу и не купить ли, вмѣсто одной, двѣ или три.

И. Л.

Каменецъ-Подольская гимназія.

Историческая записка о 50-лѣтнемъ ея существованіи (1883—83). Составилъ И. Михалевичъ. К. Подольскъ, 1883. 180+105+134, съ планами.

Въ то время, какъ университетъ св. Владиміра собирается праздновать свое 50-лѣтіе, появленіе историческихъ записокъ о гимназіяхъ кіевскаго округа, подлежавшихъ нѣкогда его вѣдѣнію, какъ нельзя болѣе кстати. Есть слухъ, что составляется подобная же записка и о кіевской 2-й гимназіи. Созданныя почти одновременно съ кіевскимъ университетомъ, онѣ призваны были служить одной и той-же цѣли.

Въ исторической запискѣ о каменецъ-подольской гимназіи авторъ дѣлаетъ сначала общій обзоръ образованія въ юго-западномъ краѣ до 30-хъ годовъ и говоритъ сперва о школахъ въ Каменцѣ и Винницѣ; а за тѣмъ излагаетъ исторію Каменецъ-Подольской гимназіи по періодамъ: до 1849 г., до 1864 г., и съ 1865 до послѣдняго времени. Въ этихъ очеркахъ представлена дѣятельность попечителей, директоровъ и преподавателей въ отношеніи къ гимназіи, матеріальное положеніе гимназіи, нравственное состояніе и жизнь учащихся. Во второй части описаны учебно-вспомогательныя средства и пособія гимназіи, равно сдѣланъ обзоръ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ дирекціи училищъ подольской губерніи (дворянскія, приходскія училища, казенныя еврейскія училища, землемѣро-таксаторскіе классы, частныя учебныя заведенія, состояніе народнаго образованія, воскресныя школы). Наконецъ въ приложеніяхъ помѣщены: свѣдѣнія о пожертвованныхъ суммахъ (фундуши), списокъ служащихъ въ гимназіи съ 1833—83 г.; списокъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ гимназіи съ 1833 г.; статистическія свѣдѣнія о количествѣ учащихся, поступившихъ и выбывшихъ и распредѣленіе ихъ по сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ за все время существованіе гимназіи.

В. И.

О строющемся соборѣ во имя св. Владиміра въ Кіевѣ. А. Беретти. Кіевъ. 1884 г.

Года два уже назадъ тому мы слышали, что г. Беретти намѣревается обнародовать имѣющійся у него »богатый« матеріалъ относительно постройки въ Кіевѣ собора св. Владиміра, которая тянется около 25 лѣтъ, безъ надежды скораго окончанія, и приводитъ въ недоумѣніе

не только жителей г. Кіева, но и прибывающихъ сюда ежегодно посѣтителей со всѣхъ концевъ Россіи. Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ мы встрѣтили вышедшую теперь брошюру г. Беретти, надѣясь найти въ ней нетолько разрѣшеніе вызываемыхъ этою постройкою недоумѣній, но и полную правдивую исторію оной. Авторъ брошюры—отставной профессоръ архитектуры въ университетѣ св. Владиміра, нѣсколько лѣтъ руководилъ работами по постройкѣ владимірскаго собора и теперь состоитъ членомъ Комитета, доканчивающаго постройку, слѣд. ему доступны самыя подробныя и точныя о ней свѣдѣнія. Съ другой стороны строющійся соборъ имѣетъ значеніе не для одного Кіева; по мысли митрополита кіевскаго Филарета, положившаго начало его постройкѣ, это памятникъ, который должна была воздвигнуть вся православная Россія своему великому просвѣтителю. Поэтому, принимаясь за брошюру, мы полагали, что она можетъ имѣть историческій и для нашихъ читателей интересъ. Вышло нѣсколько иначе, и вотъ почему.

Въ строющемся соборѣ, какъ извѣстно, въ самомъ началѣ оказались серьезныя поврежденія; онъ едва не развалился, какъ только выведены были стѣны и купола, и это затянуло окончаніе онаго на безконечное время. Но именно въ ту пору работами руководилъ г. Беретти. Итакъ, это его исповѣдь, самооправданіе, подумали мы. И дѣйствительно онъ такъ начинаетъ свою брошюру; »такъ какъ о постройкѣ собора во имя св. Владиміра въ г. Кіевѣ ходятъ разные слухи, вредящія моей репутаціи, какъ строителя, то я считаю нужнымъ объяснить какъ исторію самой постройки этого собора, такъ равно причины оказавшихся въ немъ поврежденій«. Можно было-бы, конечно, и оправдывая себя, изложить полную исторію этой любопытной постройки и въ своемъ мѣстѣ объяснить причины поврежденій; но г. Беретти облюбовалъ одни только поврежденія. Это, очевидно, его больное мѣсто, въ поврежденіяхъ онъ видитъ всю суть исторіи постройки. Весь первый ея періодъ 1853—1862 г., т. е. до начатія работъ и оказавшихся немедленно поврежденій, авторъ брошюры проходитъ молчаніемъ, хотя этотъ періодъ не менѣе любопытенъ, какъ и послѣдующіе и объясненіе онаго было-бы въ интересахъ самозащиты г. Беретти. Періодъ съ 1869 г. по 1876 г., когда г. Беретти былъ устраненъ отъ главнаго завѣдыванія работами и самыя работы были пріостановлены, оставленъ имъ также безъ вниманія, хотя и тутъ не мало интереснаго, и только послѣдующія, не безъ его участія производившіяся работы по отдѣлкѣ собора онъ описываетъ

балѣе или менѣе подробно, сѣтуя на то, что его преемникъ вознагражденъ больше его, что въ работахъ иное сдѣлано не такъ, что слѣдовало бы сдѣлать иначе, и т. под.

Такимъ оразомъ это не исторія постройки собора, которую обѣщалъ намъ разсказать одинъ изъ строителей его, но исторія поврежденій за время завѣдыванія имъ работами, поясняющая и самое устраненіе его отъ работъ. Всего дѣла постройки г. Беретти не разъясняетъ, а какъ-бы еще болѣе запутываетъ,—даже и самую исторію поврежденій и ихъ поправокъ. Оправдывая себя, онъ валитъ все на другихъ, а дѣло все таки не объясняетъ и даже самъ себя опровергаетъ. На страницахъ напр. 3—4 главную причину всѣхъ поврежденій г. Беретти видитъ въ произведенномъ имъ-же уменьшеніи (точнѣе утоньшенія) главныхъ столбовъ и наружныхъ стѣнъ и винитъ Главное (техническое) Управленіе въ томъ, что оно »просмотрѣло такой явный и бросающійся въ глаза промахъ«, а на стр. 9, 11, 23 и другихъ, говоря о дальнѣйшихъ и самыхъ существенныхъ поврежденіяхъ, всю вину ихъ сваливаетъ на подрядчика и усматриваетъ ее въ томъ, что подрядчикъ, *по своему невѣжеству*, когда рѣшено было понизить и потому разобрать купола, вмѣсто того, чтобы разобрать прежде большой куполъ, разобралъ малые и разобранный кирпичъ положилъ не на коренныхъ лѣсахъ, а на стелажахъ въ пролетахъ большаго купола, отъ чего будто и осѣли главныя арки и произошли отклоненія столбовъ и стѣнъ и трещины, дѣйствительно поражающія приводимыми авторомъ размѣрами.

Не желая утомлять читателей, мы не будемъ слѣдить за подробностями самооправданія и полемики автора съ его оппонентами и закончимъ нашъ бѣглый обзоръ брошюры общими замѣчаніями о ея содержаніи, тонѣ и характерѣ. Полемическая сторона преобладаетъ въ ней надъ фактическою; есть данныя для исторіи постройки, но далеко не полныя; относятся они исключительно почти къ одному среднему, не большому ея періоду, поставлены подъ извѣстнымъ освѣщеніемъ и раскрываются лишь настолько, насколько это нужно для цѣлей автора. Къ тому же полемика автора довольно страстная и скучная: онъ вдается въ мелочи, входитъ въ рѣзкую откровенность относительно своихъ противниковъ, часто повторяется и даже самъ себѣ противорѣчитъ, рѣдко ясенъ въ техническихъ подробностяхъ, которыя, при добромъ желаніи, не трудно было-бы изложить гораздо проще и понятнѣе, а ли-

шетъ такимъ неправильнымъ языкомъ, что совѣстно становится за почтеннаго профессора.

Тѣмъ не менѣе нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ самой попыткѣ почтеннаго автора объяснить это темное, такъ долго, въ укоръ Кіеву, длящееся дѣло, и мы съ благодарностію воспользуемся данными его брошюры для того, что-бы, дополнивъ ихъ нѣкоторыми доступными намъ свѣдѣніями, ознакомить особо нашихъ читателей съ любопытною и поучительною исторіею одного изъ кіевскихъ сооруженій послѣдняго времени.

А. К.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

КЪ БІОГРАФІИ ХУДОЖНИКА В. Л. БОРОВИКОВСКАГО.

Въ апрѣльской книжкѣ »Кіевской Старины«, за настоящій годъ, помѣщена статья г. Горленка, сообщающая нѣкоторыя данныя къ біографіи Боровиковскаго, къ которымъ мы съ своей стороны въ настоящей замѣткѣ сдѣлаемъ еще нѣсколько указаній и исправленій, причемъ считаемъ долгомъ выразить почтенной редакціи глубокую благодарность за добрый починъ собранія матеріала для жизнеописанія высокоталантливаго живописца, принадлежащаго по своему происхожденію южной Россіи, и смѣемъ думать, что родной, такъ сказать, органъ сослужитъ добрую службу для сородича, имя котораго занимаетъ во всякомъ случаѣ одно изъ видныхъ мѣстъ въ исторіи русской школы живописи.

Прежде всего мы начнемъ съ указанія на разсказъ Гр. Данилевскаго: »Екатерина Великая на Днѣпрѣ (Библіотека для Чтенія за 1858 г. Т. 151, Смѣсь, стр. 45), гдѣ говорится о Боровиковскомъ, что онъ былъ наемщикомъ въ рекруты, отчего избавилъ его казакъ Грицько, бывшій въ полтавскомъ боѣ и передававшій свои воспоминанія о немъ Екатеринѣ. Послѣдняя спросила старика:

— Ну, дѣдушка, скажи-же ты мнѣ, чего ты желаешъ? Все, что скажешь, исполню! Говори! Не робѣй...

Провожая императрицу, старикъ остановился на порогѣ, сложилъ и опустилъ руки, взглянулъ на пышныхъ странниковъ, на придворныхъ, которые суетились, и задумался.

— Ваше Царское Величество! сказалъ онъ: коли просить, вотъ что я попрошу! Дайте мнѣ грошей, денегъ: двадцать рублей мнѣ нужно! Есть у меня внучатый племянникъ—полюбилъ дѣвку и посватался; а батько ея не отдалъ. За тѣмъ, что бѣдный онъ! ну, онъ и продался въ рекруты, нанялся, выходитъ, за мѣщанина одного за 20 рублей—ну, и гуляетъ теперь! такъ коли бы его спасти отъ солдатчины, пропитыя деньги мѣщанину воротить, а его женить! Вотъ бы мнѣ подмога и была.... Да и жаль его: малюетъ, вотъ какъ малюетъ всякія картины, что поискать! Въ Борисовкѣ учился и совсѣмъ вышелъ маляръ: еще и въ Переяславѣ въ ученьи, въ бурсѣ былъ! Совсѣмъ грамотный!

— Гдѣ-же твой племянникъ? спросила Екатерина; я думаю, ему уже лобъ забрили теперь.

— Ни, мамо! Срокъ еще до завтра; онъ въ Мирномъ, тутъ не по далеку, на ярмаркѣ, съ своимъ наемщикомъ гуляетъ.

Императрица обратилась къ графу Безбородку, поручила ему судьбу старика и его племянника, назначила сумму на выкупъ изъ рекрутъ и на сватьбу послѣдняго, а первому постоянное содержаніе по смерть и уѣхала снова на Днѣпръ, къ своимъ галерамъ, съ графомъ Фалькенштейномъ.

Далѣе Данилевскій говоритъ, что »полтавское дворянство въ самомъ городѣ выстроило домъ для встрѣчи императрицы. Маршалу его кто-то шепнулъ о происшествіи близъ Кайдакъ и о любопытной судьбѣ племянника старика, руководившаго приготовленіемъ царскихъ маневровъ. Призванный Боровиковскій написалъ картины, сюжеты которыхъ названы тѣ-же самые, что и у г. Горленка, ранѣе того, замѣтимъ кстати, описанные въ біографіи В. Л. въ »Энциклопедическомъ Словарѣ«, изданія Плюшара.

Приводя эту выписку, мы конечно не думаемъ придавать фактамъ сообщеннымъ въ ней какое либо значеніе, но нельзя не предположить, что нѣчто послужившее фабулѣ разсказа заимствовано изъ народнаго преданія и будущій біографъ—изслѣдователь Боровиковскаго долженъ имѣть его въ виду.

Достовѣрныя-же свѣдѣнія о Боровиковскомъ имѣются въ »Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ« (изданнаго въ 3 т., въ 1864, 65 и 66 гг.) слѣдующія: »Декабря 4-го (1794) академическимъ совѣтомъ на письмо г. почетнаго вольнаго общника Лампія, которымъ представляетъ онъ о удостоеніи господина поручика Владиміра Боровиковскаго званіемъ академика, положено отвѣствовать, что въ сіе достоинство въ силу устава производятся въ академики по заданнымъ программамъ по большинству балловъ, въ публичномъ собраніи, почему оный г. Боровиковскій нынѣ избранъ назначеннымъ, въ чемъ и дать ему надлежащее свидѣтельство« (Т. I., стр. 336). Отсюда очевидно, что въ судьбѣ Боровиковскаго принималъ прямое и непосредственное участіе Лампи, который самъ въ почетные общники академіи былъ избранъ въ томъ-же 1794 г., а сынъ его сдѣланъ назначеннымъ въ академики 28 сентября 1795 г., единовременно съ удостоеніемъ Боровиковскаго академикомъ »по двумъ портретамъ писаннымъ съ натуры« (стр. 341). Что-же касается того обстоятельства, былъ-ли Боровиковскій ученикомъ Лампи или Левицкаго, то намъ кажется вѣрнѣе считать его воспитанникомъ и того и другого, такъ какъ Левицкій какъ разъ въ 1788 г. былъ уволенъ отъ должности профессора изъ академіи съ пенсіономъ въ 200 р. (стр. 227), поэтому очень вѣроятно, что, оставшись безъ занятій, Левицкій охотно принялъ къ себѣ привезеннаго въ Петербургъ Боровиковскаго, а съ пріѣздомъ профессора вѣнской академіи Лампи, Боровиковскій перешелъ къ нему.

Въ 1797 г., въ собраніи академіи, бывшемъ 28 февраля, значится, что изъ содержанія президента академіи художествъ, графа Мусина-Пушкина, оставленнаго имъ въ пользу художниковъ, по его предложенію, въ числѣ другихъ лицъ, Боровиковскій получилъ 200 р. за портретъ графа и графини Бутурлиныхъ (стр. 358).

Въ томъ-же году, октября 26, въ собраніи совѣта разсматривались представленные художниками эскизы портретовъ лицъ императорской фамиліи, заказанные для Департамента Удѣловъ; большинству художниковъ велѣно было дѣлать другіе эскизы, за исключеніемъ Угрюмова, Жданова и Боровиковскаго, которыхъ эскизы, именно портрета княжны Елены Павловны, были оставлены. Но въ 1798

ровиковскому снова приказано было сдѣлать другой эскизъ, какого однако портрета—не сказано (стр. 364 и 371).

Въ 1802 г., декабря 11, Боровиковскій по большинству балловъ, вмѣстѣ съ Алексѣевыми и Щукинымъ, удостоенъ былъ званія совѣтника портретной живописи (стр. 434). Какъ говоритъ Андреевъ (»Живопись и живописцы«), Боровиковскій императоромъ Павломъ Петровичемъ былъ употребленъ для украшенія строившагося дворца, нынѣ Михайловскаго замка, и ему было поручено написать портреты со всѣхъ членовъ императорской фамиліи; за нихъ, можно думать, онъ и былъ пожалованъ званіемъ совѣтника.

Въ 1811 году за работы для Казанскаго собора Боровиковскій пожалованъ былъ бриллiантовымъ перстнемъ отъ Государя Императора (Т. II, стр. 15).

Наконецъ въ собраніи академіи, 16 сентября 1825 г., упомянуто, что академія въ числѣ умершихъ членовъ лишилась В. Л. Боровиковскаго (стр. 203, Т. II); но такъ какъ академическій годъ считается съ сентября мѣсяца, то необходимо опредѣлить день смерти Боровиковскаго, тѣмъ болѣе, что на этотъ счетъ имѣются даже различныя показанія года. Такъ а) въ эрмитажномъ каталогѣ (Т. III, стр. 84, изданія 1871 г.) годъ смерти означенъ 1826, 4 апр.; въ »Русскомъ энциклопедическомъ словарѣ« Березина (Т. IV, стр. 177) также 1826; но б) въ Энциклопедическомъ Словарѣ Плюшара, равно какъ въ Мѣсяцословѣ на 1840 г., гдѣ въ алфавитномъ спискѣ русскихъ художниковъ приведены біографическія свѣдѣнія о Боровиковскомъ, показанъ 1825 годъ. Послѣднюю дату съ числомъ 4 апрѣля и надо считать вѣрною; она подтверждается и современнымъ »Журналомъ Изящныхъ Искуствъ«, издававшимся Вас. Ив. Григоровичемъ, секретаремъ общества поощренія художниковъ, бывшимъ впослѣдствіи конференцъ-секретаремъ академіи. Въ № 2 своего изданія, вышедшемъ въ апрѣлѣ 1825 г., на стр. 75, онъ сообщалъ: »въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ скончался извѣстный художникъ по части портретной и исторической, г. совѣтникъ И. А. Х. В. Л. Боровиковскій. Собравъ свѣденія о его жизни и произведеніяхъ, я не оставлю сообщить оныя читателямъ«. Однако этому благому намѣренію не суждено было исполниться, такъ какъ вскорѣ Журналъ Изящныхъ Искуствъ прекратился своимъ изданіемъ.

Затѣмъ, обращаясь къ списку работъ Боровиковскаго, скажемъ, что въ »Указателѣ выставки рѣдкихъ вещей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, бывшей въ залахъ Имп. Академіи Художествъ, въ пользу кассы общества посѣщенія бѣдныхъ« 1851 года, показаны: изъ собранія Л. Л. Львова—двѣ головки писанныя на желѣзѣ, изъ собр. художника Бугаевскаго-Благодарнаго—портретъ г. Демидова и изъ собранія Ѳ. И. Прянишникова тѣ произведенія, которыя г. Горленко перечислилъ въ спискѣ картинъ, принадлежащихъ Московскому Румянцевскому музею, подъ №№ 1, 2, 5 и 6, а въ перечнѣ картинъ галлереи Прянишникова, напечатанномъ въ изданіи Вольфа »Картины Европы« (Т. I, стр. 184) названъ портретъ еще неизвѣстнаго священника.

Кромѣ того въ »Указателѣ Русскаго музея«, учрежденнаго собраніемъ СПБ. художниковъ на всероссійской мануфактурной выставкѣ, бывшей въ Петербургѣ въ 1870 году, были: изъ собранія г. Петровскаго—четыре евангелиста, изъ собр. И. Д. Быкова—портретъ экзарха грузіи Антонія, сына царя Георгія и портретъ неизвѣстнаго священника.

Въ настоящее время, за смертію И. Д. Быкова, собраніе его картинъ распродается и въ немъ имѣются слѣдующія произведенія кисти Боровиковскаго:

1) Портретъ в. кн. Константина Павловича.

2) Портретъ Суворова (?)

3) Императрицы Екатерины II.

4) Портретъ дѣвущки въ бѣломъ платьѣ.

Относительно портретовъ »исторической портретной выставки« замѣтимъ, что изображеніе Екатерины II въ царскосельскомъ саду, показанное въ каталогѣ г. Петрова, подъ № 351, принадлежащимъ г. П. И. Кузнецову, по словамъ Д. А. Ровинскаго, въ изданномъ только что изслѣдованіи о жизни и произведеніяхъ Н. И. Уткина, есть копія съ оригинала Боровиковскаго, находящагося у князя Воронцова (Wasiltschikoff. Catalogue, I, 188), а мы предложимъ еще вопросъ касательно происхожденія этого портрета, т. е. какимъ образомъ попалъ онъ къ Воронцову, ибо Ник. Рамазановъ въ книгѣ своей »Матеріалы къ исторіи художествъ въ Россіи« (стр. 235) говоритъ, что портретъ Екатерины II, награвированный Уткинымъ, находится въ Москвѣ у А. М. Муромцева.

Въ спискѣ г. Горленка (№ 8) названъ портретъ в. к. Александра Павловича, что невѣрно, такъ какъ подъ указаннымъ имъ № 644 каталога Петрова значится портретъ княжны Александры Павловны, равно какъ и предъидущій подъ № 643 ея-же, но только поясной. У г. Горленка онъ пропущенъ, а № 699—Торсуковой—принадлежитъ не Академіи Художествъ, а князю Волконскому.

Изъ гравюръ, произведеній Боровиковскаго, кромѣ названныхъ г. Горленкомъ, укажемъ еще »Благовѣщеніе«; находится на царскихъ вратахъ въ Казанскомъ соборѣ, работы на стали англійскаго гравера Робинзона, приложено къ книгѣ Н. Д. Кукольника »Картины Русской живописи«, изданія 1846 года. Кромѣ того въ »Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ« Д. Ровинскаго (СПБ. 1872 г.) перечислены слѣдующіе портреты:

а) Великой кн. Александры Павловны работы Селиванова и съ него-же Березникова.
б) Графа Алексѣя Ив. Васильева—Ухтомскій.
г) Голубовой—онъ-же.
д) Державина—4 листа гравированныхъ Гейзеромъ, Уткинымъ, Пожалостинымъ и Тейхель.
е) Великаго кн. Костантина Павловича—Березниковъ.
ж) Кн. П. В. Лопухина—Валкеръ.
з) Кн. А. Б. Куракина—три листа Вендрамини, Клаубера, Тассартъ и Уткина.
и) В. К. Маріи Павловны—Селивановъ.

И. Н. Божеряновъ.

О МИТРОПОЛИТѢ ІОСИФѢ СИМАШКѢ.

(Изъ письма писаннаго вскорѣ послѣ его смерти).

Въ нынѣшнемъ только году появились »Записки Іосифа, митрополита литовскаго«, изданныя, по завѣщанію автора, Академіею наукъ въ 3-хъ большихъ томахъ и оконченныя печатаніемъ еще въ концѣ прошлаго года. Мы не успѣли еще дать отчета объ этомъ капитальномъ изданіи, изъ котораго такъ много интересныхъ и поучительныхъ выдержекъ сдѣлано разными газетами. Пока бу-

детъ готовъ нашъ отчетъ, даемъ мѣсто письму, которое содержитъ въ себѣ любопытныя біографическія свѣдѣнія о почившемъ знаменитомъ архипастырѣ, какихъ нѣтъ въ самой его автобіографіи. Письмо писано б. протоіереемъ липовецкаго уѣзда, кіевской губерніи, Александромъ Мацкевичемъ, въ вѣдѣніи коего находился приходъ Павловка, родина Симашки, спустя 7 мѣсяцевъ послѣ смерти сего послѣдняго,—писано въ отвѣтъ на запросъ кіевскаго каѳедральнаго протоіерея Н. Г. Лебединцева, который, редактируя еще въ то время Кіевскіе Епархіальныя Вѣдомости, интересовался собрать, по свѣжей памяти, уцѣлѣвшія на родинѣ почившаго іерарха письменныя и устныя свѣдѣнія о немъ и его родѣ; оно осталось осталось ненапечатаннымъ и теперь передано намъ. Опускаемъ начало и конецъ письма, излагающія поводъ и результатъ поисковъ, и приводимъ существенную и самую большую его часть. Собранныя о. Мацкевичемъ свѣдѣнія изложены въ порядкѣ обращенныхъ къ нему вопросовъ, а потому его сообщеніе не имѣетъ связнаго изложенія и отдѣлки.

»Дѣдъ митрополита Іосифа, во время бывшей въ здѣшнемъ краѣ уніи, поступилъ уніатскимъ священникомъ въ село Павловку; но православнымъ не былъ. Какъ расказываетъ того села житель, крестьянинъ Алексій Сидорукъ, имѣющій 72 года отъ роду и помнящій его, онъ долженъ былъ оставить свой приходъ вслѣдствіе того, что не хотѣлъ принять православія (благочестія) и на его мѣсто тогда-же былъ назначенъ православный священникъ Михаилъ Чарпинскій. Было это во время присоединенія югозападнаго края къ Россіи, а вмѣстѣ и возвращенія къ православію отпавшаго въ унію его населенія. По справкѣ въ клировой вѣдомости прихода Павловки за 1834 годъ значится: »Священникъ Михаилъ Андреевъ Чарпинскій рукоположенъ во священника преосвященнымъ архіепископомъ Викторомъ 1795 года, марта 6; отъ роду ему 81 годъ«. Сколько мнѣ извѣстно по расказамъ моего родителя, оставшимся тогда въ уніи священникамъ, за устраненіемъ ихъ отъ приходовъ, назначаемо было отъ казны на содержаніе по 100 рубл. асс. въ годъ. Полагать можно, что и дѣдъ Симашки пользовался тѣмъ же содержаніемъ. По расказамъ того-же крестьянина-старика, Тимоѳей Сѣмашко продолжалъ и въ это время жить въ своемъ домѣ въ с. Павловкѣ, но для совершенія богослуженія ѣздилъ въ мѣстечко

Илинцы, гдѣ была уніятская каплица, построенная въ видѣ обыкновеннаго дома, противъ нынѣшней становой квартиры, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ иностранца Уха. При немъ жили и внукъ его Іосифъ, впослѣдствіи митрополитъ, и отецъ послѣдняго, не бывшій еще тогда священникомъ; но внукъ не слѣдовалъ примѣру своего дѣда и отца и вмѣстѣ съ матерью своею ходилъ къ богослуженіямъ въ православную церковь села Павловки, обращенную изъ уніатской, въ которой служилъ упомянутый выше православный священникъ Михаилъ Чарпинскій.

Въ № 15 Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостейза 1868 г. въ замѣткѣ о митр. Іосифѣ, между прочимъ, сказано, что онъ, на восьмомъ году отъ рожденія, вмѣстѣ съ братьями Іоанномъ и Николаемъ, отданъ былъ для домашняго обученія нѣкоему Бучковскому. Кто этотъ Бучковскій? Въ метрической книгѣ церкви села Павловки значится, что съ 1803 года Трофимъ Бочковскій былъ дьячкомъ этой церкви; а, извѣстно, что какъ въ то время, такъ и въ позднѣйшіе годы дьячки, носившіе почетное названіе »бакаляровъ«, были спеціальными педагогами и обучали не только крестьянскихъ, но и священническихъ дѣтей. Выходитъ, что первоначальное обученіе митрополитъ Іосифъ получилъ у православнаго дьячка и конечно это обстоятельство имѣло весьма важное на него вліяніе, парализируя дѣйствіе не православнаго элемента его семьи. Какъ ученикъ православнаго дьячка, вмѣстѣ съ нимъ онъ ходилъ въ православную церковь, пѣлъ и читалъ на клиросѣ, особенно читалъ: *Благословлю Господа*. Вѣнцемъ тогдашняго ученія, мечтою родителей учащагося дитяти было именно умѣнье громко и протяжно прочесть этотъ псаломъ, во время раздачи антидора. Въ особенности занимало это дѣтей. Бывало, погонитъ будущій митрополитъ въ поле воловъ на пастьбу, около него соберется гурьба такихъ же крестьянскихъ подростковъ и просятъ его прочесть: *Благословлю Господа*, какъ въ церкви онъ читалъ, »голосно, съ протягомъ, съ роздохомъ«, а въ замѣнъ того онъ просилъ ихъ пѣть пѣсни и выучить его какой либо новой, неизвѣстной. Пѣсни, конечно, были малороссійскія и будущій святитель страстно ихъ любилъ. Лѣтъ за семь предъ симъ (1869 г.) умеръ въ Павловкѣ нѣкто Базько (Василій) Цинскій, бившій до самой смерти сторожемъ церковнымъ, за времени уніи

и потомъ въ православіи. Церковный сторожъ служилъ обыкновенно священнику вмѣсто кучера въ поѣздкахъ болѣе далекихъ и Базько возилъ »Іосипка—панича«, впослѣдствіи митрополита, въ »школы«, сперва въ Немировъ, а потомъ въ Вильну. По сохранившимся въ свѣжей памяти его разсказамъ, *паничъ* ничего такъ не любилъ, какъ останавливаться въ дорогѣ на почлегъ въ полѣ, подъ открытымъ небомъ. Любуясь прелестями лѣтнихъ ночей, онъ долго, не смыкая глазъ, пѣлъ малороссійскія пѣсни, преимущественно »чумацкія«, прося Базька, чтобы и онъ подпѣвалъ ему, и за это давалъ ему въ дорогѣ особую порцію водки. Наиболѣе любимою его пѣснью была: »Ой, мати, мати, та не гай мене; въ далеку дорогу выряжай мене«... Невольно при этихъ словахъ намъ представляется тотъ далекій жизненный путь, которымъ впослѣдствіи прошелъ знаменитый іерархъ церкви.—Будучи въ санѣ архіерейскомъ, высокопреосвященнѣйшій Іосифъ относился къ »Базьку«, какъ къ своему пріятелю, когда тотъ пріѣзжалъ къ нему въ Вильну, и радушно его угощалъ и дарилъ. Кромѣ »Базька«, уже умершаго, въ Павловкѣ остается въ живыхъ однодворецъ Янъ Душинскій, бывшій по найму въ службѣ у отца митр. Іосифа: случалось и ему возить »панича« въ школы въ Немировъ, и его разсказы совпадаютъ съ разсказами Базька. Такимъ образомъ душа великаго іерарха воспиталась на звукахъ родной пѣсни и думы. Могъ-ли онъ забыть когда либо эти глубокіе, нѣжные звуки, въ которыхъ вылилась многострадательная жизнь народная, и не они-ли были важнѣйшимъ, не поддающимся анализу сознанія стимуломъ въ томъ поворотѣ, какой совершился потомъ въ душѣ Симашки и доставилъ ему славное имя въ исторіи народной?

Съ какого времени дѣдъ митр. Симашки сталъ священствовать въ с. Павловкѣ, объ этомъ письменныхъ данныхъ не нашлось. Доискиваться послужнаго его списка у илинецкаго ксендза я не нашелъ возможнымъ, зная его направленіе, а уніатскія дѣла липовецкаго духовнаго правленія, въ числѣ коихъ могъ онъ находиться, въ сороковыхъ годахъ вытребованы въ кіевскую консисторію. Но памятникомъ, указывающимъ время священствованія въ Павловкѣ Тимоѳея Сѣмашки, служитъ надпись на потирѣ, пожертвованномъ имъ въ здѣшнюю церковь. Надпись эта, которую и я видѣлъ, случайно открыта теперешнимъ священникомъ о. Порфиріемъ Молча-

новскимъ, при развинчиваніи потира для чистки, и заключается въ слѣд. знакахъ: 1768. T. S. P. P. Разгадка не трудная: цифры показываютъ годъ, а начальныя буквы скрываютъ подъ собою слѣд. слова: *Thimotheusz Siemaszko, Puroch Pawłowski*. По словамъ старика Сидорука и другихъ, потиръ этотъ сдѣланъ Тимофеемъ Симашкомъ на третьемъ году его священствованія изъ серебра, которое удалось ему спасти во время *Коліивщины* отъ гайдамакъ, и сдѣланъ, какъ жертва благодаренія Богу за сохраненіе жизни и имущества. Итакъ начало священствованія Тимоѳея Сѣмашки въ селѣ Павловкѣ приблизительно можно относить къ 1765 году. Тотъ-же старикъ помнитъ время смерти Тимоѳея Симашки (ему самому было тогда 10 лѣтъ) и какъ его погребали въ селѣ Павловкѣ, возлѣ церкви, на мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи устроенъ придѣлъ.

Отецъ митрополита Іосифа былъ женатъ на дочери уніатскаго священника Сѣроцинскаго; сынъ его Іосифъ родился въ то время, когда отецъ его еще не былъ священникомъ. Въ метрической книгѣ прихода Павловки, годъ 1808, мѣсяцъ октябрь, записана статья о рожденіи и крещеніи сына того села стихарнаго дьяка Павла Барановскаго, а въ ней значится, что воспріемникомъ при крещеніи былъ »тамошъній уныятинъ Иосифъ Сомашко« (sic); священникомъ онъ здѣсь не названъ, значитъ и не былъ таковымъ въ то время. Проживая при отцѣ, родитель великаго іерарха занимался вообще хозяйствомъ, а преимущественно покупкою и продажею воловъ и свинныхъ салъ, самолично »чумаковалъ«—ѣздилъ въ Крымъ за солью; оставаясь дома, исполнялъ всѣ полевыя работы; собственными руками косилъ, оралъ и ралилъ, только не жалъ; вмѣстѣ съ нимъ работали и его сыновья, въ томъ числѣ и будущій митрополитъ. Когда крестьяне говорили отцу: зачѣмъ онъ къ такимъ труднымъ работамъ употребляетъ »панычивъ«, онъ отвѣчалъ: пусть прежде научатся работать, а »пановать« будутъ послѣ. Одному изъ своихъ сыновей, именно Іосифу, отецъ преимущественно предъ другими, поручалъ пасти воловъ и стеречь ихъ въ ночное время, и вотъ въ этой-то пастьбѣ и ночной стражѣ участвовалъ съ нимъ и старикъ Сидорукъ, разсказами котораго мы пользуемся, и получалъ отъ него по куску сала за хорошую пѣсню, или если стерегъ за него воловъ, когда ему хотѣлось заснуть. Старику этому я показывалъ портретъ митрополита Іосифа, приложенный къ апрѣльской

книжкѣ »Странника« за настоящій 1869 годъ, и онъ узналъ его, найдя въ немъ черты, знакомыя ему съ дѣтства.

Въ 1813 году Іосифъ Сѣмашко (отецъ) рукоположенъ былъ уніатскимъ епископомъ въ санъ священника въ м. Илинцы, но служилъ онъ не въ уніатской илинецкой церкви, которая имѣла особаго священника, а въ тамошнемъ костелѣ. Тамъ, говорятъ, устроены были два боковые олтари для уніатскихъ священниковъ, и на одномъ изъ нихъ во имя святителя Николая, священнодѣйствовалъ Сѣмашко, а на другомъ тоже уніатскій священникъ Духовскій. Въ некрологѣ митр. Іосифа, помѣщенномъ въ »Иркут. Еп. Вѣдомостяхъ«, архимандритъ Модестъ говоритъ даже, будто въ первомъ изъ этихъ придѣловъ Симашкомъ (отцемъ) устроенъ иконостасъ. Намъ кажется и то и другое невѣрнымъ: въ католическихъ костелахъ всегда есть боковые олтари, а священники уніатскіе также служили въ костелахъ, какъ ксендзы въ церквахъ уніатскихъ, устройство-же иконостаса въ костелѣ не мыслимо уже потому, что этого не допустили-бы ксендзъ и прихожане. Обветшалыя иконы, писанныя на холстѣ, въ томъ числѣ икона святителя Николая и другихъ патроновъ фамиліи Сѣмашковъ, есть и теперь въ колокольнѣ, при церкви с. Павловки, и по разсказамъ, они принадлежали уніатскому священнику Іосифу Сѣмашкѣ; но были-ли онѣ когда либо въ илинецкомъ костелѣ, того никто не знаетъ; вѣрнѣе они составляли обычное украшеніе въ домѣ тогдашняго священника, хотя-бы и уніатскаго. Раньше того было въ обычаѣ у православныхъ и уніатовъ рукополагаться »на вакансъ«, въ надеждѣ пріисканія прихода; очень можетъ быть, что и отецъ Сѣмашки рукоположился въ такомъ-же разсчетѣ, но приходъ уніатскій найти тогда было уже трудно и, за неимѣніемъ его, онъ служилъ въ костелѣ. Принимая къ себѣ уніатскихъ священниковъ, польскіе ксендзы разсчитывали, конечно, воспользоваться остатками погибавшей уніи; но потому ли, что обманулись въ своихъ разсчетахъ, или потому, что послѣдовало какое либо на этотъ счетъ запрещеніе, скоро стали згонять ихъ изъ своихъ костеловъ,—изгнанъ былъ при этомъ и Симашко изъ илинецкаго костела. Тогда, подаривъ выстроенный имъ вблизи костела домъ сыну своему Николаю, бывшему въ Илинцахъ вольнопрактикующимъ врачемъ, онъ купилъ для себя другой vis-à-vis, и здѣсь изъ кухни, которая составляла

помѣщеніе отдѣльное отъ дома, устроилъ молельню; тутъ-то и были иконы, о которыхъ мы предъ симъ упоминали. Въ этой молельнѣ въ январѣ 1840 года старики Симашки устроили по уніатскому обряду бракъ ихъ дочери Елены, любимой сестры православнаго уже тогда преосвященнаго Іосифа. Женихомъ былъ Викторъ Гомолицкій, нынѣшній виленскій каѳедральный протоіерей, а бракъ совершенъ уніатскимъ священникомъ Ѳедоромъ Кудрицкимъ, проживавшимъ въ то время въ предмѣстьѣ города Липовца Гайсинѣ, и нарочито для этого сюда вызваннымъ. При совершеніи этого брака вѣнчавшіеся, какъ передаютъ очевидцы, по уніатскому обычаю, стояли на колѣнахъ.

Принявъ православіе, преосвященный Іосифъ въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ писалъ не разъ отцу своему въ Илинцы, убѣждая и съ сыновнею покорностію упрашивая послѣдовать его примѣру. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ приходилось и мнѣ читать; писаны они были всегда по русски, оборотная-же сторона листа всегда оставляема была не писанною. По окончаніи письма слѣдовала приписка къ брату Николаю (лѣкарю) и его женѣ на польскомъ языкѣ, начинавшаяся словами: »państwu Mikołaiowstwu«... При одномъ изъ писемъ прислана была для отца богатая ряса и подрясникъ; но никакія убѣжденія почтительнаго и нѣжнаго сына не дѣйствовали на престарѣлыхъ родителей. Наконецъ осенью 1846 года высокопреосвященный Іосифъ прибылъ лично въ Илинцы къ своимъ родителямъ, имѣя отрощенныя на головѣ волосы и бороду, но и это не повліяло на отца относительно перемѣны вѣры; онъ только сказалъ, что ему лѣнь брить бороду, но волосы стригъ и не оставлялъ надѣвать свой »габитъ«, совершенно чуждаясь рясы и подрясника. Во время пребыванія архіепископа Іосифа у родителей, его просили посѣтить православныя церкви въ Илинцахъ и Павловкѣ, но онъ отъ этого отказался, избѣгая архіерейскихъ встрѣчь, и сказалъ, что пріѣхалъ секретно. Въ слѣдующемъ затѣмъ году отецъ и мать высокопр. Іосифа уѣхали къ нему въ Вильну, продавъ домъ свой, который перешелъ во владѣніе помѣщика гр. Плятера и занятъ потомъ подъ становую квартиру, при чемъ молельня получила прежнее свое назначеніе, будучи снова обращена въ кухню. Домъ этотъ впослѣдствіи подаренъ Плятеромъ иностранцу Вуху и въ настоящее время совершенно перестроенъ.

О. архимандритъ Модестъ въ упомянутомъ некрологѣ митрополита Іосифа говоритъ между прочимъ, будто родитель его вполнѣ сочувствовалъ мыслямъ его о возсоединеніи уніатовъ и когда послѣдовалъ актъ возсоединенія, охотно принялъ православіе. Знавъ его лично, и притомъ близко, могу утверждать лишь противное; лишь переѣхавъ въ Литву, гдѣ дано было ему священническое мѣсто въ селѣ Дзѣкушкахъ, онъ сталъ православнымъ, но и то болѣе по имени. Фанатизмъ и ненависть къ православію особенно сильно выразились въ сынѣ его священникѣ Іоаннѣ Симашкѣ, который и умеръ внѣ православной вѣры, и о родномъ братѣ своемъ митрополитѣ Іосифѣ всегда отзывался такъ: *przeklęty! i sam siebie potępił i naród zgubił*. Въ бытность его у меня въ Липовцѣ, я показалъ ему портретъ его знаменитаго брата; онъ съ бѣшенствомъ бросилъ портретъ на полъ и, при звукахъ разбитаго стекла, тотъ часъ-же убѣжалъ. Умирая, онъ завѣщалъ похоронить его при илинецкомъ костелѣ, и ксендзы уже принялись было за исполненіе его воли; но православные священники отобрали его у ксендзовъ и погребли при православной илинецкой воскресенской церкви, чѣмъ остался доволенъ братъ умершаго, митрополитъ Іосифъ и священникамъ погребавшимъ прислалъ денежное вознагражденіе. Жена Іоанна Симашки, дочь уніатскаго священника Гречины, совсѣмъ перешла въ латинство, о чемъ велась безплодная переписка въ липовецкомъ духовномъ правленіи; по смерти она погребена на римско-папастическомъ кладбищѣ ксендзомъ. На евангеліи, присланномъ митрополитомъ Іосифомъ въ церковь села Павловки, слѣдующая надпись: »Азъ смиренный Іосифъ митрополитъ литовскій и виленскій сію книгу святаго евангелія положилъ навсегда въ церковь приходскую въ селѣ Павловкѣ, кіевской губерніи, липовецкаго уѣзда, гдѣ дѣдъ мой Тимофей Сѣмашко добрѣ пастырствовалъ, гдѣ у самой паперти покоится прахъ моей бабы Маріи, а также трехъ братьевъ и сестры, усопшихъ во младенчествѣ, гдѣ и я молился изъ дѣтства до юношескаго возраста. Приношеніе сіе (sic) въ январѣ мѣсяцѣ 1853 года, на пятдесятъ пятомъ году моей жизни. Помяни Господи меня недостойнаго и всѣхъ присныхъ моихъ«! Удивительно, что митрополитъ Іосифъ въ приведенной надписи, говоря о погребенныхъ при церкви села Павловки ближайшихъ его родныхъ: бабѣ, братьяхъ и сестрѣ, не упомянулъ о своемъ дѣдѣ, который, по сви-

дѣтельству очевидца, погребенъ при этой-же церкви, да и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ и не могъ быть погребенъ, находясь до самой смерти своей въ томъ селѣ».

Протоіерей **Александръ Мацкевичъ.**

ПИСЬМО КЪ ТРЕМЪ ДІАВОЛАМЪ [1]).

Дѣло было въ маѣ мѣсяцѣ 1751 года, въ »маетностяхъ« гетмана Разумовскаго, въ быковской волости. Приходскій священникъ села Петровецъ Іоаннъ Григоріевъ и житель того-же села Иванъ Мирочникъ пришли въ »экономическую его ясневельможности канцелярію« и предъявили въ ней »саморучное писаніе« старобыковскаго жителя Михайла Гладкого, 21 года, которымъ этотъ послѣдній отдавалъ себя діяволамъ »вѣчне зъ душею и тѣломъ». О Михайлѣ Гладкомъ производилось въ это время дознаніе по подозрѣнію въ кражѣ имъ у капитана Флицеля 316 рублей, но самъ онъ находился на свободѣ. Мѣстный сотникъ Петръ Карповичъ арестовалъ Гладкого и, допросивъ его »безъ пристрастія«, допросныя рѣчи его, вмѣстѣ съ письмомъ, а также донесшаго о семъ Ивана Мирочника отправилъ къ бунчуковому товарищу, »всѣхъ малороссійскихъ его ясневелможности маетностей главному экономy, Павлу Ломѣковскому«, который съ своей стороны препроводилъ все дѣло въ войск. генер. канцелярію. Въ производившемся по этому случаю дѣлѣ сохранилась засвидѣтельствованная копія съ письма Гладкого къ діаволамъ; она заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

»Приятелѣ мои добрии Гуцмерю, полуденъ и вырокъ.

Цураюсь я Бога и матери его, и всѣхъ святыхъ, и отца своего и матеры, и отдаюсь вамъ зъ душею и тѣломъ во вечное ваше владѣние, а вы минѣ издѣлайте, чтобъ я бувъ у Быковѣ паномъ, и принесли бъ вы минѣ грошей, сколько я захочу, такожъ капитану, моему неприятелю, и сотнику и Сандулу издѣлайте, чтобъ воны побѣсились и щобъ воны мене боялись; только васъ прошу— дайте мнѣ вѣкъ свой изжить, а по смерти моей возмете мене во вѣчность зъ душею и тѣломъ.

Вашъ моихъ добрихъ приятелей вѣчный слуга
Михайло Гладкий«.

---

[1]) Изъ »дѣла« войск. генер. канцеляріи 1751 г.

Въ основѣ всего дѣла лежитъ глубокая вѣра въ дѣйствительность непосредственныхъ сношеній человѣка съ нечистою силою и возможность съ помощію оной выйти изъ стѣсненнаго положенія, сдѣлаться паномъ и даже отмстить своимъ врагамъ. Гладкій предварительно распрашивалъ у разныхъ лицъ о томъ, какъ бы ему повидаться съ дьяволами: просилъ онъ жителя веприцкаго Павла Шепеля указать ему человѣка, который знался-бы съ дьяволами, а тотъ направилъ его къ двумъ жителямъ воронъковскимъ. Поѣхалъ Гладкій къ нѣкоему Савкѣ Мирочнику и просилъ показать ему діавола »персонально«; тотъ посовѣтовалъ ему пойти въ какіе нибудь пустые »хоромы« и выкликать діаволовъ: »они и явятся, увѣренно говорилъ Савка, если не будешь »лякаться«. Но Михайло этого не сдѣлалъ, а, по совѣту Василія Котляра, обратился къ жителю Петровецъ, зятю рыбака, Ивану Мирочнику, который взялся показать ему діавола »персонально«. Три раза пріѣзжалъ Махайло къ Ивану Мирочнику и наконецъ, по совѣту его, »напившись пьяный въ ночь глупую на роспутье выходилъ и діавола Гуцмера кликалъ трижды, токмо діаволъ не явился«. Тогда Иванъ Мирочникъ сказалъ, что можно и безъ »персональнаго« свиданія записаться діаволамъ и тогда де Михайло будетъ »паномъ, но только душу свою погубитъ«.

И вотъ 1-го мая на ярмаркѣ быковской Михайло, встрѣтившись съ Иваномъ Мирочникомъ, по его совѣту, и написалъ это письмо »до діяволовъ трохъ—Гуцмера, полудена и вырака« и передалъ Мирочнику. Мирочникъ, вмѣсто отправки письма по адресу, показалъ оное прежде всего священнику, а съ нимъ уже отправился къ сотнику и управителю волости быковской—Петру Карповичу.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ состоялся, по повелѣнію гетмана, войсковой генеральной канцеляріи указъ Павлу Ломѣковскому объ отсылкѣ какъ самого Михайла Гладкого, такъ и произведеннаго о немъ слѣдствія въ переясловскую духовную консисторію »къ надлежащому тамо объ немъ разсмотренію и опредѣленію«.

Рѣшенія консисторіи въ дѣлѣ нѣтъ, но сущность его отгадать не трудно: въ такихъ случаяхъ виновные отсылались обыкно-

венно года на два или на три въ какой-либо монастырь до совершеннаго раскаянія и заглажденія вины молитвою и постомъ.

Дикія и странныя на современный взглядъ дѣла этого рода являлись нерѣдко въ производствѣ судебныхъ и административныхъ мѣстъ прошлаго вѣка и въ архивахъ того времени встрѣчаются довольно часто; но записи души діаволу писались обыкновенно подъ общимъ этого послѣдняго именемъ. Здѣсь-же ясно различаются три опредѣленныя какъ-бы лица съ особымъ для каждаго именемъ. Одно изъ нихъ—*полуденъ* заимствовано, очевидно, изъ книгъ церковныхъ и означаетъ бѣса »полуденнаго«, который дѣйствуетъ преимущественно въ полдень, что же означаютъ два другія, объяснить затрудняемся. Не будутъ-ли эти названія новостью въ нашей народной демонологіи?

Собщ. **А. Андріевскій.**

МАЛОИЗВѢСТНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ РОДЪ.

На лѣвомъ берегу р. Ворсклы, въ 3-хъ верстахъ отъ г. Полтавы, раскинуто живописное село Крутые Берега. Существуетъ предположеніе, что оно подало мысль украинскому поэту И. П. Котляревскому написать извѣстную его оперу »Наталку-Полтавку« [1]). Мы имѣли случай, въ 1875 г., побывать у владѣльца этого села, маіора А. Ѳ. Дублянскаго, умершаго въ 1876 году. Помѣщаемъ краткую замѣтку объ этомъ дворянскомъ родѣ и его »маетности« на основаніи переданныхъ намъ Дублянскимъ свѣдѣній.

С. Крутые Берега было пожаловано Петромъ I предку А. Ѳ. Дублянскаго по матери, гадячскому полковнику И. Чарнышу, а до того принадлежало полтавскому полковнику П. Герцику, приверженцу Мазепы. Прадѣдъ Андрея Ѳедоровича, Александръ Дублянскій, служилъ въ малороссійскомъ полтавскомъ полку бунчуковымъ товарищемъ при гетманѣ Апостолѣ; въ 1731 г. находился въ составѣ отряда козаковъ подъ командою кіевскаго полковника А. Танскаго, при устрой-

[1]) См. »И. П. Котляревскаго, изд. С. П. Катрановымъ. Кіевъ 1875 года, стр. II.

ствѣ украинской линіи на р. Орели, т. е. землянаго вала съ башнями отъ р. Днѣпра до Донца.

Сынъ Александра, дѣйствит. стат. совѣтникъ Павелъ Дублянскій, служилъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Въ 1787 г., при проѣздѣ императрицы Екатерины II въ Крымъ, онъ занималъ, въ г. Екатеринославѣ, должность прокурора и получилъ рѣдкую въ то время награду, орденъ св. Владиміра 4 ст. У Андрея Ѳедоровича сохранялась и жалованная на этотъ орденъ грамота, а также письмо по этому случаю къ Павлу Дублянскому отъ князя Потемкина—таврическаго. Отецъ Андрея, Ѳедоръ Дублянскій, служилъ въ малороссійскихъ козакахъ и въ 1814 г., въ чинѣ полковника, съ козаками участвовалъ при взятіи русскими войсками Парижа. Маіоръ А. Дублянскій служилъ въ гусарахъ, участвовалъ въ польской кампаніи 1830 г., по выходѣ въ отставку, былъ избранъ депутатомъ отъ дворянъ полтавскаго уѣзда, при губернскомъ предводителѣ А. Поповѣ, а въ послѣднее время жилъ въ с. Крутыхъ Берегахъ. Онъ передавалъ намъ любопытныя свѣдѣнія объ И. Чарнышѣ, испытавшемъ всѣ превратности судьбы. Еще въ званіи значковаго товарища Ив. Чарнышъ былъ посланъ Петромъ I въ 1709 году къ крымскому хану и къ запорожцамъ, съ извѣстіемъ о выборѣ гетманомъ стародубовскаго полковника Ив. Скоропадскаго. Чарнышъ изъ Крыма заѣхалъ въ Кошъ, атаманъ Гордѣенко арестовалъ его и передалъ шведамъ. Потомъ Чарнышъ выданъ, вмѣстѣ съ прочими плѣнными, князю Меншикову, когда ему сдались шведскія войска, подъ начальствомъ Левенгаупта, подъ м. Переволочной, близъ Днѣпра. Въ послѣдствіи И. Чарнышъ былъ назначенъ генеральнымъ судьею и, вмѣстѣ съ П. Полуботкомъ и прочими старшинами, заключенъ 10 ноября 1723 г. въ Петропавловскую крѣпость; затѣмъ водворенъ на жительствѣ въ Москвѣ, откуда отпущенъ на родину въ ноябрѣ 1727 года.

Андрей Ѳедоровичъ показывалъ мнѣ слѣдующія рѣдкости: 1) набалдашникъ мѣдный, вызолоченный отъ гетманской булавы; 2) кубокъ, или братину мѣдную, 1712 года, шестигранную, украшенную рѣзьбою; въ ней ставили вино на радахъ, при выборѣ старшинъ; 3) винтовку нарѣзную, шестигранную, украшенную серебромъ, привезенную предкомъ его изъ Запорожья; 4) шведскій карабинъ, мѣдный, гладкоствольный, съ расширеннымъ на концѣ стволомъ; 5) шведскую пушку, отбитую въ полтавской битвѣ;

6) турецкую саблю и 7) особый приборъ, въ формѣ ножа, который запорожцы втыкали въ землю, когда приходилось стрѣлять въ лежачемъ положеніи, причемъ на верхній, раздвоенный конецъ ножа клали дуло ружья. Кромѣ того у А. Дублянскаго было много рѣдкихъ книгъ, географическихъ атласовъ XVIII вѣка и портретовъ.

П. Китицынъ.

СУДЬБА ОДНОГО КІЕВСКАГО СООРУЖЕНІЯ.

Исторія разнаго рода сооруженій въ г. Кіевѣ въ высшей степени любопытна и поучительна. Самымъ древнимъ, конечно, доселѣ неоконченнымъ сооруженіемъ матери градовъ русскихъ надо считать кіевскую крѣпость. Основаніе ей положено, какъ извѣстно, въ 1703 г. еще Петромъ В. Разбита первоначально крѣпость на земляхъ, принадлежавшихъ лаврѣ и частнымъ лицамъ, преимущественно бѣдному люду, всегда селящемуся на окраинахъ города. По тогдашнему суровому времени, какъ читаемъ въ одной неизданной лѣтописи, »хаты поуруйновано, виноградніи сады и огороды поплюндровано, людямъ земли не дано, а сказано: идѣте собѣ, где хочте... И бысть тогда плачъ многъ и рыданіе великое«. Спустя около 40 лѣтъ Минихъ (кругъ города (Стараго) сыпалъ валы высокіе и много также »поплюндровалъ и попустошилъ« частныхъ строеній и усадьбъ. Гораздо позже, въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, для расширенія эспланадной линіи крѣпости снесены четыре прихода: вознесенскій, спасскій, ѳеодосіевскій и владимірскій, жители откочевали на далекое разстояніе, церкви трехъ первыхъ приходовъ заключены въ крѣпостныхъ валахъ, а четвертая съ приходомъ отнесена на пески къ Лыбеди, гдѣ и теперь сваливаютъ около нея навозъ. Въ 40-хъ годахъ придумана новая линія оборонительныхъ верковъ, для которой уничтожена лучшая часть Печерска, отъ никольскихъ воротъ до царскаго сада, снесены Кловъ и Кресты, разобрано зданіе присутственныхъ мѣстъ, служившее первоначально помѣщеніемъ для университета, когда-же окончены были эти милліонныя сооруженія, то нашъ русскій Мольтке, умудренный севастопольскими уроками, изрекъ надъ ними суровый приговоръ: осмотрѣвъ ихъ въ 1869 г., онъ призналъ, что ихъ совсѣмъ не стоило возводить, такъ какъ нѣсколько дальнобойныхъ орудій, поставлен-

ныхъ на Байковыхъ высотахъ, въ теченіи не многихъ часовъ не оставятъ въ нихъ камня на камнѣ. И опять начерчена новая эксплаадная линія, отъ которой не свободны и самыя отдаленныя части Кіева, гдѣ въ недавнее время паслись стада.

Подобна отчасти исторія знаменитаго цѣпнаго моста и вызванныхъ его постройкою двухъ другихъ сооруженій: подъема въ крѣпость и запруды Чартороя. Прежде чѣмъ оконченъ былъ мостъ, ему грозила опасность остаться на мели съ лѣвой стороны Днѣпра, вслѣдствіе напора воды къ правой. Придумали дѣлать запруду на Днѣпрѣ выше Кіева, гдѣ рѣка стала дѣлать крутой поворотъ вправо, отклоняясь отъ стараго своего русла, которое потому лишь мелкимъ желобкомъ доходило до лѣвой стороны моста. Мостъ стоилъ 3 милліона, позже, говорятъ, прибавленъ еще одинъ, а подъемъ около полутора милліона. Съ проведеніемъ желѣзной дороги и постройкой новаго моста ниже лавры и крѣпости, мостъ цѣпной остался едва не для пѣшеходовъ, а подъемъ въ крѣпость оказался и совсѣмъ не нужнымъ, что-же до запруды, то она изъ году въ годъ продолжается и доселѣ: что положатъ инженеры въ рѣку лѣтомъ и осенью, то весной она вынесетъ, гдѣ она вынесетъ, тамъ они опять наложатъ камней и фашинъ, а она опять ихъ вынесетъ, и т. д., и т. д. На маперъ запруды шло долгіе годы сооруженіе набережной у Подола, а несравненно долѣе, съ милліонными затратами, производились устройство александровскаго спуска и обдѣлка михайловской горы. Начатыя еще при Александрѣ I, они длились чрезъ все почти царствованіе Николая I и хотя подъ конецъ онаго былъ поставленъ на верху горы гранитный столбъ съ надписью: *Обдѣлка горы окончена въ 1849 г.*, но время сокрушило и самый этотъ столбъ, какъ бы въ доказательство того, что строители поторопились съ своимъ заявленіемъ.

Около 15 лѣтъ тянется дѣло сооруженія памятника Богдану Хмельницкому, и никакъ не можетъ прійти къ концу.

Но изъ всѣхъ кіевскихъ сооруженій давняго и позднѣйшаго времени едва-ли не наиболѣе любопытна постройка въ Кіевѣ владимірскаго собора. Въ отдѣлѣ Библіографіи мы дали отчетъ о брошюрѣ, посвященной этой постройкѣ, и обѣщали сказать объ этой послѣдней особо, что и исполняемъ здѣсь, пользуясь нѣкоторыми данными брошюры г. Берсти.

Мысль о постройкѣ въ Кіевѣ храма въ честь святаго равноапостольнаго князя Владиміра,—храма достойнаго имени великаго просвѣтителя Россіи, явилась такъ сказать случайно. Обдѣлывали, какъ мы выше упоминали, михайловскую гору и обдѣлавши, задумали, не извѣстно по чьей мысли, украсить ее литымъ изваяніемъ св. Владиміра. Освятить это изваяніе выпадало на долю извѣстнаго своимъ благочестіемъ и строгостію религіозныхъ воззрѣній тогдашняго митрополита кіевскаго Филарета Амфитеатрова. Благочестивый старецъ, строго различавшій тончайшіе изгибы нѣжнаго христіанскаго чувства, на отрѣзъ отказался. »Какъ? говорилъ онъ; святый благовѣрный равно-апостольный и великій князь Владиміръ съ этихъ высотъ низвергалъ истукановъ, а теперь его истуканъ тамъ-же ставятъ. Въ честь святыхъ угодниковъ Господнихъ св. матерь наша церковь обыкла воздвигать только священные храмы ихъ имени, а не свойственныя однимъ язычникамъ изваянія«... Ему возразили, что вѣдь нѣтъ въ Кіевѣ храма Владиміра, достойнаго его имени. »Ему вся православная Россія должна воздвигнуть здѣсь такой храмъ«, отвѣчалъ святитель Филаретъ и вошелъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи подписки по всей Россіи на сооруженіе такого храма. Пока шла подписка, неизвѣстному еще тогда петербургскому архитектору Штрому заказанъ былъ планъ. Подписка дала 100 т. р., планъ оказался замѣчательно художественнымъ и доставилъ его автору званіе академика. Храмъ по плану имѣлъ форму продолговатаго креста, а стоимость всей постройки опредѣлена г. Штромомъ приблизительно до полумилліона рублей. Это послѣднее обстоятельство крайне смутило и огорчило митр. Филарета. »Я старъ, повторялъ онъ въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ; гдѣ намъ собрать столько денегъ?« и обратился къ епархіальному своему архитектору г. Спарро съ вопросомъ, нельзя-ли удешевить постройку. »Можно«, отвѣчалъ извѣстный уже и тогда неудачными своими постройками г. Спарро, и не думая много надъ проэктомъ Штрома, обрѣзалъ бока на его планѣ и укоротилъ отчасти длину; будетъ-де не крестъ, а корабль, хотя и не такъ длинный.

Въ такомъ видѣ проэктъ постройки храма св. Владиміра, за послѣдовавшею въ концѣ 1857 г. смертію митрополита Филарета, попалъ, какъ говорится, въ длинный ящикъ. Вновь назначенный

изъ экзарховъ Грузіи митрополитъ Исидоръ (нынѣ петербургскій) прибылъ въ Кіевъ весьма не скоро. Въ недолгое его управленіе поднятъ былъ вопросъ лишь о мѣстѣ для постройки и уже самый выборъ мѣста показывалъ, какъ ослабѣлъ тогда интересъ къ этому дѣлу. Вмѣсто монументальнаго памятника св. Владиміру отъ лица просвѣщенной имъ Россіи на собранныя деньги рѣшались построить теплую церковь его имени на погостѣ софійскаго собора, рядомъ съ храмомъ Ярослава. Планъ г. Спарро Высочайше утвержденъ лишь 5 апр. 1859. г.

Въ концѣ 1860 г. митр. Исидоръ перемѣщенъ былъ въ Петербургъ, а на его мѣсто назначенъ митр. Арсеній. Перемѣна митрополита не подвинула-бы, кажется, дѣла постройки собора, если-бы не явился совершенно неожиданный, но рѣшительный толчекъ. Дѣло въ томъ, что около этого времени возникла мысль о постройкѣ храма во имя равно-апостольнаго Владиміра на мѣстѣ его собственнаго крещеніи въ древнемъ Херсонесѣ. Энергическій настоятель херсонесскаго монастыря, извѣстный архимандритъ Евгеній, изыскивая средства на постройку этого храма и заручившись весьма высокою поддержкою, выступилъ съ ходатайствомъ объ обращеніи на это дѣло денегъ, собранныхъ по мысли митр. Филарета. Митрополиту Арсенію данъ былъ соотвѣтственный запросъ, а это побудило его рѣшительно взяться за дѣло, прежде посылки какого либо отвѣта. Добыли проэктъ Спарро, избрали мѣсто на пустыряхъ, рядомъ съ зданіемъ 2-й гимназіи и противъ ботаническаго сада, объявили торги. Положеніе дѣла оказалось критическимъ. Одна черновая постройка исчислена была въ 158 т., притомъ выходилъ не соборъ, а только модель собора, какъ выразился тогда намѣстникъ лавры, архимандритъ Іоаннъ, нынѣ полтавскій архіепископъ. Торги дали ничтожную уступку; приходилось отказаться отъ постройки. Но тутъ лавра печерская дала безмездно милліонъ кирпича, а купецъ Ховалкинъ, желая, какъ говорилъ онъ, послужить Богу, скинулъ 33,6 процента со смѣтной суммы и обязался выстроить соборъ вчернѣ за наличную сумму 100,000 р. Наскоро разбили мѣсто, и 15 іюля 1862 г. митрополитъ Арсеній, совершивъ давно забытый и имъ вновь возстановленный крестный ходъ къ источнику Владиміра на мѣстѣ крещенія его сыновей, равно впервые окропивъ освященною водою поставленное на михайловской горѣ изваяніе

Равноапостольнаго, съ тѣмъ-же крестнымъ ходомъ произвелъ закладку собора и тогда донесъ, что закладка уже сдѣлана, а слѣд. и деньги, по подпискѣ собранныя, не могутъ быть переданы въ Херсонесъ.

Приступая рѣшительно къ работамъ, въ талантахъ исправителя штромовскаго проэкта г. Спарро усумнились. Вмѣсто него, по указанію тогдашняго кіевскаго генералъ-губернатора кн. Васильчикова, къ руководству работами приглашенъ былъ г. Беретти, докончившій, послѣ отца своего, зданіе университета св. Владиміра, извѣстный постройкою и другихъ кіевскихъ зданій: 1-й гимназіи, что прежде былъ кадетскій корпусъ, анатомическиго театра, училища гр. Левашовой и пр. »Разсматривая смѣту«, пишетъ онъ въ своей брошюрѣ *о вновь строющемся соборѣ*, »я, признаться, не вѣрилъ своимъ глазамъ, чтобы можно было составить, а тѣмъ болѣе утвердить ее съ такими очевидными и огромными излишествами и явными несообразностями«. Къ сожалѣнію, ни этихъ излишествъ, ни несообразностей онъ не объясняетъ, говоритъ только, что »на утвержденномъ уже масштабѣ сдѣлалъ красными линіями новый масштабъ, взявъ за сжень съ прежняго масштаба $2^1/_2$ аршина« (?), проэктировалъ какія-то пристройки, хоры, три престола вмѣсто одного, подвальный этажъ, съ помѣщеніемъ для калориферовъ и причетниковъ, а главное—достигъ увеличенія помѣщенія для молящихся въ $2^1/_2$ раза, именно съ 51 кв. сажени до $127^1/_2$, не считая хоръ, при томъ увеличилъ купола, и не только не возвысилъ суммы первоначальной смѣты, но понизилъ ее съ 158 т. на 141 т. безъ нѣсколькихъ десятковъ рублей. Но, говоритъ самъ-же г. Беретти, »желая увеличить помѣщеніе для боковыхъ олтарей, я уменьшилъ главные столбы и соотвѣтственно этому пришлось уменьшить и наружныя стены, отъ чего главныя поперечныя арки и не имѣли надлежащаго противораспора въ наружныхъ стѣнахъ, *что и было главною причиною всѣмъ поврежденіямъ*«. На этомъ оканчивается первый періодъ постройки собора св. Владиміра въ Кіевѣ.

Второй періодъ обнимаетъ собою черновую постройку собора, т. е. возведеніе фундаментовъ, стѣнъ и куполовъ, постепенно открывавшіяся поврежденія, ихъ свидѣтельствованіе и мѣры, предпринимавшіяся для ихъ исправленія. »Въ октябрѣ 1864 г., говоритъ г. Беретти, »когда большой и малый купола были доведены до окон-

ныхъ пролетовъ и были уже окончены верхніе своды, кромѣ трехъ сводовъ въ средней западной части собора, обнаружились вертикальныя трещинки на нижнихъ частяхъ облицовки западныхъ столбовъ, со стороны малыхъ арокъ, и надъ этими столбами, по линіи главныхъ поперечныхъ арокъ, и на малыхъ аркахъ, и на соприкасающихся къ нимъ парусахъ малыхъ куполовъ; къ тому-же лопнули обѣ верхнія связи въ главныхъ поперечныхъ аркахъ«. Произошло это, по спеціальному на сей разъ объясненію г. Беретти, отъ вращательнаго движенія арокъ, а по прежнему его-же объясненію отъ утоньшенія »главныхъ столбовъ и наружныхъ стѣнъ и недостатка въ послѣднихъ противораспора для арокъ«. Поврежденія эти, по признанію г. Беретти, были ничтожны и такими-же, по его словамъ, они признаны командированными изъ Петербурга архитекторами Кузьминымъ и Маевскимъ, исправленіе-же ихъ обошлось всего въ 265 р. Тѣмъ не менѣе въ главномъ техническомъ Комитетѣ найдено необходимымъ понизить купола, хотя ихъ было не 13, какъ проэктировалъ первоначально Штромъ, а только 5. 20 августа 1865 г. эти и другія измѣненія (въ наружныхъ украшеніяхъ) были Высочайше утверждены. Г. Беретти продолжалъ работы и къ зимѣ того-же года окончилъ всѣ верхніе своды, а 25 января 1866 г., въ его отсутствіе, работы свидѣтельствовали два генерала, фамилій которыхъ онъ не называетъ, и нашли, что прежнія незначительныя поврежденія нисколько не увеличились и что вообще трещинъ нигдѣ нѣтъ. Г. Беретти уѣзжалъ тогда въ Петербургъ, гдѣ на его работы смотрѣли иначе, и пробылъ тамъ довольно долго, а въ его отсутствіе, по его-же словамъ, »техническіе члены Комитета« разрѣшили подрядчику сломку куполовъ, не давъ себѣ труда присмотрѣть за тѣмъ, какъ подрядчикъ будетъ производить эту сломку. Подрядчикъ прежде большаго разобралъ малые купола и сложилъ кирпичъ на стелажахъ въ оконныхъ пролетахъ большаго купола; отъ этого, говоритъ г. Беретти, осѣли главныя арки, произошли и всѣ дальнѣйшія поврежденія. А поврежденія оказались очень и очень серьезныя: »въ главныхъ поперечныхъ аркахъ вновь лопнули связи и разошлись гораздо болѣе, чѣмъ прежде, самыя эти арки такъ осѣли, что между ими и сдѣланнымъ сверху кольцомъ образовались промежутки, оба западные столбы отклонились на $3^1/_2$ вершка, восточные на $2^1/_2$, стѣны противъ западныхъ столбовъ на

$4^1/_6$, а противъ восточныхъ на $2^1/_2$ вершка отошли наружу; отъ осѣвшихъ арокъ образовались трещины и на лежащихъ на нихъ парусныхъ сводахъ, на смежныхъ съ главными арками малыхъ аркахъ, вмѣсто едва замѣтныхъ ссѣдинъ, образовались видимыя трещины, а простѣнки, выведенные подъ верхними малыми арками, отдѣлились отъ наружныхъ отклонившихся стѣнъ, причемъ противъ этихъ мѣстъ и на парусахъ малыхъ куполовъ образовались поврежденія«.

Когда свѣдѣнія о такихъ поврежденіяхъ дошли до Петербурга, оттуда командированъ былъ для осмотра постройки самъ составитель первоначальнаго ея проэкта г. Штромъ, вмѣстѣ съ свидѣтельствовавшимъ ее прежде г. Маевскимъ. Составленный ими актъ констатировалъ указанныя выше поврежденія, а причинами оныхъ, насколько можно судить по сдѣланнымъ изъ акта въ брошюрѣ г. Беретти выпискамъ, призналъ: »не равномѣрность осадки стѣнъ и столбовъ, при чемъ основаніе столбовъ заложено выше, чѣмъ основаніе стѣнъ, гдѣ устроены подвальные этажи, отсутствіе распорныхъ арокъ между стѣнами и столбами и то, что основанія столбовъ сдѣланы безъ уширенія«. Найдено также, что »пяты всѣхъ сводовъ, какъ нижнихъ, такъ и верхнихъ подняты очень высоко относительно пятъ арокъ между столбами и положено по одной связи между столбами сваренныхъ не надлежащимъ образомъ, а уцѣлѣвшія сильно натянулись«. »Своды, въ поясненіе къ этому говоритъ г. Беретти, мною сдѣланы парусные и дѣйствительно весьма плоски; но за то резонансъ въ церкви оказался отличнѣйшимъ, и своды эти служатъ украшеніемъ собора, на которыхъ я положилъ на синемъ полѣ разкинуть золоченныя звѣзды«. Резонанса этого никто, конечно, не слыхалъ и звѣздъ никто не видѣлъ, а собору грозило полное разрушеніе. Укрѣпили его кой-какъ и пошли писать. Въ перепискѣ прошли, кажется, 1867, 1868 и начало 1869 г. Переписка вызвала командировку архитектора Бернгардта. »Изслѣдованіе грунта, пишетъ г. Беретти, способа кладки фундамента, пилоновъ и другихъ частей зданія, а также употребленнаго матеріала привели г. Бернгарта къ заключенію, что причину произшедшихъ поврежденій слѣдуетъ искать не въ качествахъ мѣстнаго грунта и строительнаго матеріала, не въ исполненіи работъ, такъ какъ всѣ они удовлетворяютъ требованіямъ техники, а въ большомъ мѣстѣ всѣхъ строющихся на Руси

храмовъ—въ несоотвѣтствіи между собою конструктивныхъ частей зданія«. Собору отъ этого не стало легче, архитекторамъ также, а г. Беретти съ 1869 г. былъ устраненъ отъ завѣдыванія работами и самыя работы прекратились на весьма долгое время, на цѣлыхъ почти семь лѣтъ.

Подпертый, съ трещинами, обставленный лѣсами стоялъ всероссійскій памятникъ равноапостольному просвѣтителю Россіи и никто не чаялъ видѣть его когда либо оконченнымъ. Собранныя по подпискѣ деньги давно было израсходованы, новыхъ ресурсовъ не было никакихъ, а министерство внутреннихъ дѣлъ не хотѣло принимать продолженія и окончанія работъ на счетъ казны.

Но какъ г-ну Беретти, по его объясненію, повредило не допущеніе имъ, наравнѣ съ другими техниками разныхъ промаховъ въ конструкціи собора, а то мелочное обстоятельство, что, будучи съ г. Бернгардтомъ на концертѣ Рубинштейна, онъ отъ духоты впалъ въ обморокъ; такъ собору помогло, хотя нестоль мелкое, но также связи съ нимъ не имѣвшее проведеніе отъ Кіева двухъ желѣзныхъ дорогъ, сперва кіево-балтской, а потомъ курско-кіевской. Съ устройствомъ вокзала близъ кадетскаго корпуса путь отъ него въ Кіевъ направился по бибиковскому бульвару, мимо самаго собора. Въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ въ Кіевъ покойный императоръ Александръ II, проѣзжая мимо, обратилъ вниманіе на эту видную постройку и, освѣдомившись отъ ѣхавшаго съ нимъ генералъ-губернатора кн. Дундукова-Корсакова о положеніи и обстоятельствахъ постройки, выразилъ желаніе, чтобы соборъ былъ доконченъ. Но послѣ тѣхъ перипетій, чрезъ которыя проходило это дѣло, интересъ къ нему у кіевскихъ властей ослабѣлъ въ такой степени, что понадобилось новое напоминаніе государя въ слѣдующій пріѣздъ и категорическое приказаніе возобновить дѣло объ окончаніи постройки, съ принятіемъ расходовъ на суммы государственнаго казначейства. Пошла вновь переписка на цѣлые годы; работы по отстройкѣ собора возобновлены лишь съ 1876 г. Завѣдываніе ими, по указанію Бернгардта, поручено мѣстному молодому архитектору Николаеву, подъ наблюденіемъ, какъ и прежде, особаго многочленнаго Комитета. Устроили контрфорсы, дали собору боковыя пристройки, которыхъ онъ лишился отъ руки Спарра, а за тѣмъ принялись за наружную и внутреннюю отдѣлку. Работы велись и продолжаются

съ такою медленностію, какая только и возможна въ казенныхъ постройкахъ, потому быть можетъ, что у казны *капшукъ* самый длинный... Въ этомъ году сдѣлаютъ напримѣръ верхніе, въ слѣдующемъ нижніе карнизы, чрезъ годъ отдѣлаютъ щиты, потомъ раздѣлаютъ купола, и т. д., и т. д. Но какъ всему бываетъ конецъ, то и этой постройкѣ приходилъ, повидимому, конецъ и освященія собора можно было ожидать если не въ прошломъ, то въ нынѣшнемъ году.

Случилась однако новая неожиданность. Одному ученому профессору, живущему по сосѣдству съ соборомъ, по поводу выхода въ свѣтъ исторіи русской церкви Голубинскаго, гдѣ такъ обстоятельно раскрыто, что у насъ, какъ и теперь на востокѣ, были иконостасы въ формѣ невысокой преграды, отдѣляющей, но не закрывающей олтарь, пришла весьма почтенная мысль, что въ соборѣ во имя Владиміра надлежало-бы устроить иконостасъ и всю олтарную обстановку такъ, чтобы они переносили собою молящихся ко временамъ Владиміра. Мысль эта проведена была сперва въ одной мѣстной газетѣ, а потомъ заявлена офиціально. Пошла новая переписка. Проэктъ профессора былъ переданъ на обсужденіе церковно-археологическаго общества при кіевской академіи; оно согласилось съ нимъ и поручило одному изъ членовъ своихъ, профессору А. В. Прахову, занимающемуся возобновленіемъ фресокъ въ кіево-кирилловской церкви, составить соотвѣтственные чертежи. Общество между тѣмъ не удовлетворилось чертежами г. Прахова и поручило архитектору Николаеву составить новые. Тѣ и другіе были посланы въ Петербургъ въ концѣ прошлаго года, разсматривались во многихъ инстанціяхъ и наконецъ лишь въ послѣднее время утверждены рисунки проф. Прахова съ тѣми измѣненіями, какія указаны для нихъ императорскимъ археологическимъ обществомъ. Предстоятъ заказы иконъ, стѣнной алтарной живописи, преграды и многаго другаго. Пройдетъ не одинъ еще годъ, утечетъ не мало въ Днѣпрѣ воды, пока будетъ совершенно оконченъ и освященъ этотъ давно ожидаемый молитвенный памятникъ, который, по мысли святителя Филарета, должна была создать вся православная Россія своему равноапостольному просвѣтителю.

Штукатурная и лѣпная работы, по видимому, совершенно окончены; на куполахъ съ прошлой осени водружены кресты; го-

товится позолота куполовъ на средства мѣстнаго капиталиста Н. Терещенка; зданіе, особливо издали, кажется весьма виднымъ и красивымъ, хотя лишеннымъ цѣльности и полнаго изящества. Г. Беретти, указывая въ выполненіи слѣдовавшихъ послѣ него работъ разныя мелкія несовершенства, въ новомъ строителѣ усматриваетъ одинъ тотъ недостатокъ, что онъ »не отецъ собора, а только его отчимъ«. Отца, скажемъ мы въ заключеніе, и трудно тутъ доискаться; случайно и на время прикасавшіеся къ этому дѣтищу строители являются какъ-бы въ видѣ нянекъ и, по странной игрѣ случая, въ числѣ семи, а извѣстно, что при семи нянькахъ съ дитятей и не то еще бываетъ. Мы же, блюдущіе за всѣмъ и затрачивающіе деньги, держимся стариннаго правила, что географію обязанъ знать лишь извощикъ...

А. К.

СТАРИННЫЕ СПОСОБЫ ВОЗВРАТИТЬ ЯЗЫКЪ НѢМОМУ И РАЗСѢЯТЬ ЛОЖНЫЕ СЛУХИ.

Старое время поражаетъ насъ суровостію пріемовъ въ обращеніи съ виновными или только подозрѣваемыми въ какой либо винѣ. Платили дань времени и такіе мудрые и гуманные правители, какимъ считается для Малороссіи графъ Румянцевъ-Задунайскій. Въ той части архива Малороссійской коллегіи, которая нынѣ находится при харьковскомъ университетѣ, мы нашли два его предложенія этой коллегіи, которыя приводятъ къ такому заключенію.

Гдѣ-то, въ Малороссіи, взятъ былъ подъ стражу неизвѣстный человѣкъ, имѣвшій при себѣ какіе-то травы и нѣкоторые инструменты; свидѣтельствовавшій его докторъ высказалъ предположеніе, что пойманный притворяется нѣмымъ. Румянцевъ указываетъ коллегіи средства заставить этого нѣмого заговорить. Другой случай— распространеніе въ 1769 году въ Малороссіи слуховъ на счетъ плохаго состоянія россійской арміи, которою командовалъ Румянцевъ, приводитъ его къ тому средству, которое, вѣроятно, по традиціи, практиковалъ впослѣдствіи кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ[1]) Знакомятъ съ тѣми и другимъ средствами предложенія графа Румянцева, которыя приводимъ здѣсь въ подлинникахъ.

---

[1]) См. »Кіевск. Старин.« на 1882 г., кн. VII, стр. 71 и 72.

1.

Содержащійся въ оной коллегіи колодникъ нѣмой, который по освидѣтельствованію докторскому признанъ притворяющимся въ своей нѣмотѣ, а найденные у него травы и инструменты, употребляемые къ земляной и деревянной работѣ, наводятъ на него подозрѣніе, для чегобы онъ сіи вещи при себѣ носилъ; поелику и за увѣщаніемъ священническимъ ничего о себѣ не проговорилъ, сложеніе-же его тѣла во всемъ здоровое, какъ и вышесказанные причины дѣлаютъ сомнительство, не ханжитъ-ли онъ? и какъ не отвѣтствуетъ на вопросы ему предложенные, заслуживаетъ наказаніе; то Малороссійская коллегія имѣетъ, соблюдая послѣднее средство помилованія, посадить его подъ крѣпкой караулъ на два дни и не дать ни питья, ни пищи, но оставить все сіе время провождать ему съ священникомъ, который-бы усугубилъ свои увѣщанія, представляя, что упорство подвергаетъ его дальнему жестокому истязанію. На остатокъ, ежели и по прошествіи сихъ дней онъ однакожъ казать непременно себя будетъ безъ рѣчи, то по сомнительству изъ его обстоятельствъ останется распросить его батожьемъ въ присутствіи членовъ, извѣдывая собственнаго признанія отъ него, какой онъ человѣкъ? чтобъ иногда снисходительствомъ къ его притворному и ложному виду не дать въ немъ примѣру подражанія другимъ преступникамъ, во избѣжаніе наказаній ими заслуженныхъ. Іюля 18, 1768 года.

2.

Къ сожалѣнію доходятъ мнѣ извѣстія, что нѣкоторые невоздержные раскащики къ смятенію народному въ Малой Россіи и въ самомъ Глуховѣ оглашаютъ пустые враки о состояніи арміи мнѣ ввѣренной. Какъ не должно попускать сей вредной лжѣ распространиться до общихъ мнѣній и съ тѣмъ сопряженныхъ послѣдованій, то я и рекомендую Малороссійской коллегіи взять пристойное примѣчаніе, чтобъ всякого, кто къ смущенію общему покусится что либо разглашать про обстоятельства арміи, присылать ко мнѣ, дабы здѣсь удостовѣрить его о противномъ и по испытаніи знать, какъ говорить о военныхъ дѣлахъ. Іюня 18, 1769 года. Изъ главной квартеры Самбура.

Сообщ. П. Е—ко.

НѢКОТОРЫЯ МЕЛОЧИ ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЙ.

Въ январской книжкѣ »Кіевской Старины« за нынѣшній годъ были помѣщены нѣкоторые изъ разсказовъ, записанныхъ нами на Волыни отъ старика Добротвора, съ которымъ мы бесѣдовали не разъ о минувшихъ временахъ. Изъ его характерныхъ разсказовъ намъ припомнились и еще нѣкоторыя подробности, и мы сообщаемъ ихъ для печати, дабы не затерялась ни одна изъ тѣхъ мелочей, изъ которыхъ потомъ историкъ создаетъ цѣльную картину народной жизни въ данную эпоху.

О Добротворѣ мы замѣтили прежде, что любимою темою его разсказовъ была *панщина*, особливо въ первое время по присоединеніи края къ Россіи. Извѣстно, что тогда былъ полный просторъ власти пановъ въ отношеніи къ ихъ »подданнымъ«, не только никѣмъ не стѣсняемый, но напротивъ какъ-бы поддерживаемый всею силою русскаго управленія. Это была самая тяжкая пора для православнаго населенія присоединеннаго края и она глубоко напечатлѣлась въ памяти народной. Народъ сознавалъ тягость, бывшую послѣдствіемъ перемѣны режима, помнитъ это и теперь.

— Якъ були мы пидъ Полщею, разсказывалъ Добротворъ, то паны насъ боялись, бо кожный зъ насъ мавъ ножа зъ боку; а якъ пидвернулись пидъ Россію, то паны зробили такъ, щобъ на три дворы бувъ еденъ пижъ, а на десять дворивъ одна сокира.

— Вже-жъ и муки мы набрались за ихъ панування, говорилъ старикъ, обращаясь къ частностямъ; а найгирше ти жинки. Де по якихъ дворахъ, тамъ, де людей били, були покопани не велички ямки; то, бачте, для того, що якъ треба часомъ простягти женщину временну (беременную), та въ такую ямку клали іи животомъ, щобъ не зашкодити іи. Бьють було, духу послухаючи. А коли забъе було панъ якого чоловика, то заразъ пише до ассесора, це-бъ то станового; а якъ пріиде ассесоръ, то панъ и не крыться, а просто каже: *забилемъ чловька.* Ассесоръ заразъ пише до попа, що вмеръ той чоловикъ своєю наглою смертью и що треба ёго поховати. Тоди вже на возы кладуть годованихъ кабанивъ, гусей, индыковъ, килька гарцивъ пшеныци, вивса и везуть до пана ассесора. А найгирше було, що ще й згнущаюця надъ нами: быдло,

каже, пся кревь; такъ невирно лаялись. Надивились на наши муки оти коробейники—кацапы, що въ коробкахъ крымъ усякій носять, та й питають було насъ: какà, каже, въ тебе, хохолъ, душа? Коли каменна, то перебъется; коли ременна, то перервется; коли мочальна, то перетрется. Должно быть, каже, въ тебе, хохолъ, душа кремённа!

Извѣстно, что преданія о событіяхъ временъ Хмельницкаго совсѣмъ затерялись. Въ разсказахъ Добротвора намъ удалось подмѣтить нѣкоторые ихъ обрывки. Передаемъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они записаны, безъ сличенія съ фактами историческими.

— Въ Шумському замку, що надъ ставомъ, сыдивъ давно колись князь Радывилъ. Отъ якъ воювали козаки зъ ляхами, то козаки добули зъ того замку Радывила, вывели его за Шумскъ и тамъ пидъ Брыковомъ замордували.

Въ основѣ этого краткаго преданія лежитъ дѣйствительный историческій фактъ, изъ времени войнъ Хмельницкаго.

— А якъ гнали козакивъ ляхи зъ-пидъ Берестечка, говорилъ еще старикъ Добротворъ, то козаки, втикаючи, кидали гроши въ криныци, въ ставы, въ безодни; де яки отдавали мужикамъ повни саквы червинцивъ та дукативъ.

— А якъ зибрались зновъ козаки, то зустрилы ляхивъ пидъ Старымъ Костянтиновымъ, на гори Ганчарыси и моцно бились... бились тамъ три дни й три ночи, а потимъ розійшлись: ляхи въ свою сторону, а козаки въ свою.

— Кажуть, заключилъ Добротворъ, при кинци свита зновъ буде велике страженя на тій гори Ганчарыси—будуть биться ляхи зъ москалями..., а потимъ уже и кинець свита.

И. Орловъ.

ЕЩЕ ПѢСНЯ О ПОПАДЬѢ, НЕ ВЗЛЮБИВШЕЙ БОРОДЫ.

Въ январской книжкѣ »Кіевской Старины« за настоящій годъ была помѣщена пѣсня, подъ заглавіемъ: »Отголосокъ давно минувшей уніи«.

Въ бытность мою въ Кутаисѣ, въ одномъ имеретинскомъ семействѣ я видѣлъ толстую, пожелтѣвшую тетрадь, въ которой, среди различныхъ старинныхъ романсовъ, помѣщено много малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ ряду послѣднихъ есть близкій, но краткій варіантъ той-же пѣсни.

На тетради значится 1850 г. и слѣдующее посвященіе съ подписью:

»Сію вамъ книжку я теперь дарю
Съ любовію въ знакъ памяти своей;
Я ей за пѣсню васъ благодарю
Пропѣтую въ усладъ души моей.
Давайте всѣмъ ее святымъ монашкамъ,
Когда пойдутъ онѣ въ свой монастырь,
И тѣмъ, кто о любви страдаетъ тяжко,
Во благо служитъ пусть сія псалтирь«.

»Не просвѣтившій исповѣдью гордыхъ монашекъ печальный іерей Алексѣй Архангельскій«.

Оставляя въ сторонѣ названный уже мною варіантъ, сообщаю другую пѣсню, которая, кажется, составляетъ въ свою очередь варіантъ напечатанной пѣсни о попадьѣ, но совсѣмъ далеко отъ нея отступившій.

Ой попадя молоденька,
Чорнобрива и гарненька,
И товстенька, и кругленька,
И роточокъ, и носочокъ,
И зубоньки, и губоньки,
И очыци, и бровыци:
Кругомъ, кругомъ, кругомъ гарна,
И ще й зовуть ія Ганна.
Попа вона не злюбила,
Трохи ёго не згубила;
Зъ москалями обизналась,
На колина имъ сажалась.
Вони-жъ іи обнимали,
Обнимавши цилували
И въ губоньки, и въ зубоньки,
И въ очыци, и въ бровыци.
Якъ пипъ заставъ, то й посвиставъ,
И такъ іи казати ставъ:
»Ой, попаде, що хочъ, роби,
Тильки мене попа люби,
Мене попа зъ бородою,
Та й не будешь изъ бидою.

Бо якъ не будешь любити,
То не будешь довго й жити.
Якъ почну я шанувати.
Тоди будешь мене знати
И бороду почитати.

Г. С. Лебединецъ.

НЕКРОЛОГЪ.

23 мая, около 8 часовъ вечера, смерть нежданно сразила одного изъ лучшихъ людей и ученыхъ г. Кіева, *Филиппа Алексѣевича Тарновскаго*. Неразрѣзанный во время нарывъ во рту произвелъ отравленіе крови; болѣзнь длилась всего три дня.

Покойный Филиппъ Алексѣевичъ много лѣтъ состоялъ преподавателемъ кіевскаго университета и академіи и пользовался всегда глубокимъ уваженіемъ и расположеніемъ своихъ слушателей. Воспитанникъ московской академіи, онъ, по окончаніи, въ ней курса въ 1862 г., поступилъ баккалавромъ кіевской академіи и оставилъ оную послѣ 20 лѣтъ, съ званіемъ экстраординарнаго профессора, по обстоятельствамъ извѣстнымъ изъ газетныхъ сообщеній. Въ академіи читалъ русскую исторію, въ университетѣ общую церковную. Въ теченіи долгой службы этотъ рѣдкій труженикъ не устанно работалъ въ широкой области избранныхъ имъ предметовъ и обогатилъ науку многими весьма цѣнными и оригинальными изслѣдованіями, изъ которыхъ изслѣдованіе по исторіи византійской церкви, стало для него роковымъ. Сотрудничая въ »Трудахъ кіевской духовной академіи«, »Кіевской Старинѣ, »Новомъ Времени« и другихъ изданіяхъ, онъ написалъ не мало прекрасныхъ статей по разнымъ отраслямъ знанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ глубоко набожный человѣкъ, истинный христіанинъ. Трудно также было встрѣтить человѣка болѣе его прямого, искренняго, сердечнаго, кроткаго, незлобиваго и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойно твердаго въ своихъ убѣжденіяхъ. Веселое настроеніе духа не оставляло его въ самыя трудныя минуты. Годъ тому назадъ онъ похоронилъ жену, а теперь оставляя 4-хъ малолѣтнихъ, круглыхъ сиротъ безъ всякихъ средствъ, онъ сохранилъ до послѣднихъ минутъ тотъ-же свѣтлый и спокойный взглядъ на жизнь и смерть. Ему готовилась иная, строго научная сфера дѣятельности, но смерть увлекла его въ обитель невечерняго свѣта и вѣчнаго мира. И будетъ о немъ долгая и самая свѣтлая память.—Ред.

Поправка. На стр. 320 напечатано: *сорокъ четыре уже года;* надо читать: *сорокъ уже лѣтъ.*

насъ своею баркою даже до квартеры отослалъ. Сего числа писано отъ мене письмо до ясневелможного подъ вчорашнею датою съ объявленіемъ о пріездѣ моемъ въ С. П. Бурхъ, чрез рейтара кіевского. За мите платя и на милю дано 15 к.

21. Рано былъ у князя Алексія Михайловича Черкаского и подалъ письмо гетманское. Службы слушалъ въ церквѣ Исаакія. Розыплюсь на розвицю 12 к. Въ 1-мъ часу по полдни изволила ея і. величество воспріять маршъ водою до Ладожского каналу, и въ 3-мъ часу изволила прибыть въ Невскій монастырь, гдѣ палено на салве зъ пушекъ, и когда изволили ея і. величество всесть въ судно Торжкого, на которомъ и імператорскій штандартъ былъ, при дворцѣ въ С.-П Бурхѣ, то дважди зъ суденъ, такожъ зъ адмиралтействѣ и въ крѣпости палено по одиножди зъ пушокъ, въ адмиралтействѣ зъ 77, а въ крѣпости зъ 77, а зъ суденъ дважди по 17 пушокъ, и того за двома разами палено въ обохъ крѣпостяхъ и зъ суденъ зъ 188 пушокъ. По полдни былъ въ нашой квартерѣ панъ Андрей Полуботокъ, которому и парти поніе подарилемъ. Розыплюсь сегодня 11 бутилокъ вина и полапкера, за который дано 2 р. 25 к.

22. Ездили на Василіевскій островъ къ Петру Василіевичу, токмо оного не застали въ домѣ. Сегожъ числа по полдни былъ у насъ на квартерѣ камеръ ліокай ея і. высочества Іванъ Федоровичъ Котляревскій и позабавилъся годинъ зъ 4.

23. Никуда зъ квартери не бывали ради зешкой чрезъ весь день непогоды. За направу туфлювъ дано 6 к.

24. Ея і. величество изволила возратится зъ походу, не доехавъ ладожского каналу за великою противною погодою верховою, которая перейти пороговъ не допустила на Невѣ, а во время приисствія въ С. П. Бурхъ такожде палено зъ пушекъ 188. Были у Петра Василіевича на Василевскомъ острову. Fungi ibidem relicti [138]). На перевозъ 5 к. себѣ, за двѣ бутелки 4 к., на перевозъ Алексію 2 к. Алексію на его нужди 10 к. Вечеромъ були у отцевъ архимандритовъ іпатского и донского.

25. Писма писанные въ Глуховъ до ясневелможного, до пана Скоропадского, до господина Пасека и до пана Юркевича подъ

---

[138]) Тамъ оставлены грибы.

вчерашною датою, и до пана тестя, до жены, до полковника нашого, до пана Андрея Миклашевского и до пана Скорупы и до Стефана въ Перегонъ подъ нынешнимъ числомъ, вручены въ коллегіи иностранной для отправы до Глухова на почтѣ. Сегожъ числа и виску въ коллегіи читалъ, учиненную по челобитю Корсаковому [139]) и по нашихъ спорныхъ челобитныхъ. Яхта императорская пришла зъ походу и палено на приходъ зъ пушекъ. Сегожъ числа князю Шаховскому подалъ письма въ моемъ дѣлѣ, писанные отъ гетмана, генерала де-Вейзбаха и пана Скоропадского, такожъ и мое прошеніе зъ копіею челобитной спорной противъ Корсака. На перевозъ пошло 10 к.

26. Былъ въ коллегіи и подалъ письмо, за мною отъ гетмана къ Василію Васильевичу Степанову [140]) тайному совѣтнику писанное. На перевозъ пошло 4 к. Купилъ двѣ бутылки фронтиніаку, дано 60 к., сыра аглинского 18 фунтовъ, фунтъ по 8 копѣекъ, дано 1 р. 44 к. Ея величество изволила быть въ адмиралтействѣ, и палено зъ пушекъ.

27. Былъ въ квартерѣ нашой Василь Федоровичъ Яворскій, камеръ юнкеръ ея высочества государыни царевни, е. і. зъ сдовымъ сержантомъ, а обѣдали тутъ, а послѣ были мы у графа Савы Владиславича, который насъ своею верейкою отослалъ ажъ до квартери, дано гребцямъ 25 к. Сего числа начали ходить по мосту, на Невѣ сдѣланномъ.

28. Обѣдню слушали у церквѣ Троицкой, а по полудни ездили графскою шлюпкою на Василевскій островъ и были у Петра Васильевича Курбатова, у Василія Васильевича Степанова и у переводчика Балошицкого. Розошлось 10 к.

29. Были въ дворцѣ и тутъ въ придворной церквѣ было молебствіе о состоявшемся трактатѣ зъ Персіею, да для тоей же оказіи поставлены были полки 3 гвардіи и нѣсколко пѣхотныхъ кругомъ дворца и другихъ палатъ, и первое палено зъ пушекъ на трехъ суднахъ, на Невѣ стоячихъ, потомъ зъ крѣпости и зъ адмиралтейства,

---

[139]) Максима Михайловича Корсака.

[140]) Василій Степановъ — членъ иностранной коллегіи и дѣлецъ своего времени. См. Архивъ Сената, Баранова, №№ 1659, 2728 и друг.

да знову зъ пушокъ передъ дворцомъ поставленныхъ, и всѣ полки палили бѣглымъ огнемъ трижды. Tandem былъ банкетъ въ дворцѣ. Панъ Горленко [111]) былъ у ручки государыни и у принцессы. Розышлось 5 к. Тамъ же въ дворцѣ подалъ я листъ отъ ясневелможного графу Левенвольду, оберъ гофъ-маршалу, и поруччику Ерголскому отъ Богдана Ивановича Пасска. Подъ симъ числомъ помѣченъ листъ гетманскій рукою Петра Василіевича Курбатова, въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ поданный передъ симъ, зъ удостоеніемъ мнѣ на деревнѣ Куровъ и Чубаровъ подписанный.

30. Были въ домѣ государыни царевны Екатерины Іоанновны, только не получили времени поклону отдать. Послѣ былъ въ коллегіи, и зъ рейстратури вийшолъ листъ гетманскій по записцѣ. На перевозъ и проч. пошло 13 к. По обѣдѣ были у капитана поручика семеновского полку Івана Івановича Косогова на Василевскомъ острову, а одтоль былъ я у князя Алексія Івановича въ домѣ и о своемъ дѣлѣ просилъ. Потомъ были зъ паномъ Андреемъ Горленкомъ въ домѣ ея і. высочества государыни цесаревны Елисаветъ Петровны, у духовника отца Костантія, и тутъ довго позабавились зъ компаніею, въ которой была и фрелина ея высочества Марія Михайловна Наришкина, господина генерала Семена Григоріевича Наришкина родная племянница, да гофъ-юнкеръ Алексій Григоріевичъ Жеребцовъ, такожъ сынъ оного отца духовника Алексій, которій на Украину отправляеться; и тамъ позабавились ажъ до полуночи.

31. Дано Алексію на желѣзо и проч. потребное до споряженя коласки 50 к.

Мѣсяцъ Іюнь.

1. Ея імператорское величество изволила переехать въ лѣтній новопостроенный дворецъ, и когда ея величество водою восприяла путь въ баржѣ, то зъ суденъ и въ крѣпости въ адмиралтействѣ палено зъ многихъ пушекъ. Рано были у графа Андрея Івановича

[111]) Андрей Андреевичъ Горленко, внукъ гетмана Апостола и братъ Іосафа, епископа Бѣлгородскаго, впослѣдствіи полковникъ полтавскій съ 1744 года по 1774. См. о немъ Русск. Арх. 1875, II, 257.

Остермана, потому и писма въ моемъ дѣлѣ отъ ясневелможного и отъ господина генерала графа фонъ-Вейзбаха вручилъ. Сегожъ числа графъ Сава Владиславичъ обослалъ мене виномъ краснымъ и водкою. Послѣ полдня былъ въ квартерѣ нашей Петръ Василіевичъ Курбатовъ, зъ которымъ и зъ другими доволно попили, и былъ я гораздо пьянъ.

2. Весь день пробывши въ домѣ, а въ вечеру былъ Новоторжковъ и привезъ паничу кормовые денги 45 р. на іюнь мѣсяцъ.

3. Розыплось на розницю 15 к., въ томъ числѣ на лекарство козаку 10 к., пилюрику 2 к.

4. Были въ дворцѣ лѣтнемъ, где церкви во имя святыя Троицы было посвященіе; послѣ въ огородѣ гуляли и по службѣ были въ салѣ приходной съ новопостроенныхъ будинкахъ, въ которой презрядные видѣли шпалери и прочее зѣло велелѣпное уборство. Обѣдали въ домѣ и рано передъ службою были и у графа Головкина, которому я и писма, за мною отъ гетмана и отъ генерала де-Вейзбаха писанные въ моемъ дѣлѣ, вручилъ. Розыплось на разный росходъ 48 к.

5. За ключикъ до шкарка 18 к., за книжечку латинского и нѣмецкого букваря 35 к., на гвоздики до чоботъ нѣмецкихъ 2 к. Одправлены писма на почтѣ до Глухова, и именно къ ясневелможному, зъ включеніемъ и писма отъ государини цесаревны и отъ енерала Ушакова, подъ датою 31 мая; до пана Скоропадскаго, подъ датою іюня 1; до жены подъ датою іюня 3, зъ включеніемъ и одъ полковничого сына писма; до пана тестя подъ нинешнимъ числомъ, да объ отправленіи оныхъ писемъ писалъ въ Москву къ подканцеляристу иностранныхъ дѣлъ коллегіи Урилу Ларіоновичу Іванову. Былъ сегожъ числа у Новоторжкова и Леонтіева, послѣ и у господина Бялошицкого—переводчика, а оттоль идучи на перевозъ, подрезалъ себѣ ногу, отчего занемогъ на ногу не помалу. На перевозъ поняло 11 к.

6. За болѣзнію поньною ногу за зъ избы не выходилъ. Подлячему Егору Афанасіевичу Іванову далъ 1 р. и баранко водки. Розыплось на розницю 23 к. Hac die abductus in fortalitium Petrus Mirovitz sub aresto in secretam cancellariam [115]. Писано писмо до его

[115] = Сегодня отведенъ въ крѣпость Петръ Мировичъ подъ арестомъ въ тайную канцелярію. Ср. Зап. Маркевича I, 391. Мы не знаемъ, въ какомъ родствѣ

м. пана Скоропадского о Алексіѣ Константиновy Яблонскомъ, мушенку.

7. Послалъ канцеляристу Леонтеву цигу (кубарь, волчокъ) и бутель вина красного, и сей день пробавилъ въ домѣ. На перевозъ челяди дано 4 к.

8. Былъ въ коллегіи и писалъ писмо къ Урілу въ Москву, чтобъ отправленный передъ симъ пакетъ въ Глуховъ вручилъ салдатамъ, отселя одправленнымъ, которіе зъ Петромъ Мировичемъ пріездили, одинъ преображенского полку Никита Шиповъ, другій гвардѣзоту глуховского. Обѣдалъ и въ лазнѣ (банѣ) мылся у отца Малиновского, которій и отправилъ мене на квартеру каретою. Пѣвчому малому государыни цесаревны Іванкѣ Павлову данъ 1 р. и хустка едвабная (шелковая). Былъ у насъ же и бандористъ слѣпій Григорій Михайловъ [113]. За 3 бутылки меду 12 к., на перевозъ 9 к., на хлѣбъ 4 к.

9. За перевезеніе коляски 30 к., за переправку червоныхъ чоботъ и за направу Николаевыхъ 20 к. Николаю козаку на цитваровое насѣне 5. к. Вчера написанное писмо до Урілла вручилъ солдатамъ помянутымъ. Сегожъ числа писалъ писма въ Глуховъ до его м. пана Скоропадского и до секретаря сенатского Івана Івановича Топілского, такожъ до Стародуба къ пану тестю, къ пану Федору Шираю и до жены—тамъ же поклонъ взразилъ и. и. Миклашевскимъ, Гамаліямъ и Корецкимъ пиваграмъ и пану Скорупнѣ, и отослалъ оные къ тимъ же салдатамъ чрезъ Кирила Семенова, служителя пана Павла Апостола. На перевозъ 5 к.

10. Посолъ китайскій, которій зъ свитою своею ездилъ до Пітергофа и до Кронштату, возвратилъся оттуду на яхтѣ дворцовой, на которой трубачи зъ лѣтаврами играли, и для проходу оной яхты

былъ Петръ Мировичъ съ переяславскимъ полковникомъ Иваномъ Мировичемъ (1696—1700), но вѣроятно это одинъ изъ его потомковъ. Вина Петра Мировича, за которую онъ сосланъ былъ въ Сибирь (см. ниже 16 іюля), остается неизвѣстною. Преосвященный Филаретъ Гумилевскій догадывается, что онъ былъ одною изъ «жертвъ» Бирона.

[113]) Григорій Михайловичъ Любистовъ бандуристъ-слѣпецъ императрицы Елисаветы Петровны. Въ 1742 г. онъ женился, въ слѣдующемъ году пожалованъ дворянствомъ, а потомъ произведенъ въ полковники (Марк. II. 182, 191). Въ 1749 г.

мостъ на Невѣ розвоженъ. За лимонъ дано 3 к., гребцамъ 3 к. Николаю козаку даны 5 к. По полдни ездили шлюбкою графскою на островъ его жъ графскій и тамъ также въ дворцѣ загородномъ графа Савы Владиславича гуляли годинъ зъ 5. Цилюрику 4 к.

11. Получилъ письмо отъ ясневелможного первое по отъездѣ зъ Глухова. Прийшла вѣдомость отъ пана Юркевича зъ Глухова, что жена пана Федора Ширая преставилась въ Стародубѣ маія 27. По полдни были въ домѣ преосвященного новгородского на Карповцѣ и тутъ изъ самымъ преосвященнымъ ходили по огороду и сами забавлялись годинъ зъ 6, а потомъ его-жъ преосвященство приказалъ всѣхъ насъ отвезть своею баржою.

12. Писалъ писма до ясневелможного и до п. Скоропадского да до п. Юркевича подъ вчорашнею, а до п. тестя и жены и до судового писаря Стефана Косача подъ нинешнею датою, зъ выраженіемъ поклону п. п. Гамаліямъ и п. п. Корецкимъ, которіе отправлены на почтѣ. За хлѣбъ французкій 8 к., на перевозъ и за пиво 20 к., за мите платя 10 к., за полапкерка бѣлаго вина 2 р. 50 к., за бутелку мушкателю 30 к., за фунтъ чаю 1 р. 50 к.

13. Принеслъ салдатъ глуховскаго гварнизону писма въ пакетахъ отъ п. Юркевича, въ которихъ изъ дому были писма; тому салдату дано 10 к. Сего-жъ числа ездили въ невскій монастырь, где по выслуханю службы Божой позваны въ келію архимандричую и тутъ по полднѣ въ 3-мъ часу перве кушали, потомъ ажъ до исходу 7 часу позабавили, таже въ началѣ 8-го отехали, и такъ туда, яко и назадъ ехали шлюбкою графскою. Были-же въ той компаніи преосвященные архіепископи крутицкій и нижегородскій, архимандриты чудовскій Колетій, іпатскій Платонъ Малиновскій и горицкій Іларіонъ, да Петръ александроневскій и другіе зъ мирскихъ и духовнихъ знатные, которыхъ всѣхъ трактовалъ ради отезду своего въ свою-жъ епархію до Казани преосвященный архіепископъ казанскій Іларіонъ Рогалевскій.

14. Былъ у его сіятелства князя Алексія Ивановича Шаховскаго и докладовалъ о писмахъ присланныхъ зъ Стародуба стороны

Любостовъ купилъ въ лубенскомъ полку у сыновей тамошняго полковника Василія Савича († 1714) дѣдовскія ихъ имѣнія, село Хорошки и д. Пулинцы и отцовскія—село Ходнѣевку и степь Строкачи (теперь село хорольскаго уѣзда).

Волуйця [144]), потомъ былъ въ коллегіи да у отца Іосифа Федоровича, священника воскресенского, что на Василевскомъ острову, болного, которій просилъ послать писмо къ брату его пану Ходорацкому въ Погаръ. На перевозъ и проч. пошло 9 к., за ленточки нитчаные 4 к., извощику за отвезене до кузнеца коляски 4 к., на литки 1 к.

15. Писалъ писма до п. тестя въ Ригу и вручилъ для отсылки графу Мойсею Ивановичу, да до жены и до Стефана Косача, писара суду полков. старод. и посланы оные до п. Юркевича въ Глуховъ. На перевозъ и проч. розышлось 9 к. По полдни были у Петра Василіевича, а послѣ у архимандрита іпацкого отца Малиновского зъ паничемъ, а ездили графскою шлюпкою.

16. Писалъ до ясновельможного стороны дѣлъ, что не могутъ быть рѣшены вскорѣ за немощію графскою, и о газетахъ французкихъ, да до судіи и писара енералныхъ [145]) стороны дворовъ ихъ, и отданы тіе писма отъ коллегіи іностранныхъ дѣлъ для отсылки. По полдни въ 4-мъ часу спущенъ въ адмиралтействѣ корабль или фрегатъ, названный Вагенмейстеръ, въ 46 пушокъ, и при спуску оного изволила и ея імператорское величество быть въ адмиралтействѣ на шлюпкѣ, и когда мимо судна на Невѣ и мимо крѣпость и къ адмиралтейству пріехать изволила, то во всѣхъ тихъ мѣстахъ изъ пушекъ палено. За оковане коляски кузнецу дано 70 к., да за привозъ тоей-же коляски 6 к. На перевозъ и на проч. розышлось 23 к. Гуляли въ огородѣ князя Меншикова, а послѣ были у Петра Василіевича.

17. За подроблене до коляски дроговъ плотнику дано 50 к., на перевозъ и проч. 22½ к. Въ вечеру былъ у сына полковника нашего корабелного подмастера Івана Александровича Дурова, котораго жена Катерина Андріевна зъ Кошеліовыхъ была болна и причащалась; а рано и въ 9-мъ часу по полудни былъ у князя Шаховского, который сего-жъ дня ездилъ въ невскій монастырь и уже позно возвратилъся.

18. По выслуханю обѣднѣ въ церкви Троецкой, где служилъ архіерей вологодскій, преосвященный Афанасій, былъ въ крѣпости

---

[144]) Село Волуенъ стародубскаго уѣзда.

[145]) Судья—Михаилъ Забѣла, а писаръ—Турковскій.

въ церкви святыхъ апостоловъ Петра и Павла, а возвратясь отголь засталъ въ своей квартерѣ Василія Маркелова Леонтева канцеляриста, которій у насъ и обѣдалъ и за полдень до 4-го часа позабавился. За редку, бѣлій хлѣбъ и на медъ 20 к.

19. Писаны писма въ Москву къ швагру Івану Гамаліи подъ вчерашнимъ, и до Уріила Ларіоновича Іванова подканцеляриста іностр. коллегіи подъ нинешнимъ числомъ и одправлены на почтѣ. Сего-жъ дня зрана былъ въ квартерѣ нашей отецъ Адамъ зъ лекаремъ домовымъ преосвященного новгородского, а по обѣдѣ былъ камеръ ліокай Івалъ Федоровичъ Котляревскій, которій посланъ въ Москву. Розышлось на перевозъ, хлѣбъ бѣлій и пр. 16½ к. Рано былъ я у преосвященного новгородского за своимъ дѣломъ, токмо ничего не получилъ.

20. Былъ въ коллегіи рано, а послѣ обѣда сзялъ къ Новоторжцову и Леонтеву, да не получилъ Новоторжцова, а отъ нихъ заехалъ къ Іпихову и отдоль пришовши, ночю захорогалъ жестоко на горячку. Розышлось на розницю 24 к.

21. Весь день былъ боленъ и послѣ обѣда принималъ прошокъ лубенскій contra lumbricos (противъ глистовъ). За хлѣбъ французкій 7 к.

22. Принималъ прошокъ одинъ, данный отъ лекаря дому преосвященного новгородского, послѣ которого пашло глисти болше двохъ аршинъ; потомъ обѣдалъ зъ святкою и спинкою борщъ, отъ чего мнѣ повредило горше. Розышлось на розницю 26 к.

23. По полдни жестокій былъ парокезмъ, зперва зимно, а послѣ горячой фебри, и тривалъ (продолжался) болше десяти часовъ неотпустно, бо окончалъся ажъ въ 7-мъ часу по полночи на завтрее.

24. Лекаръ дому преосвященного новгородского давалъ прескрипцію, по которой посылалъ въ аптеку за лѣкарствомъ, якое и куплено за 50 к., и употреблялъ отъ жару. Розышлось на розницю 16 к.

25. Зъ полночи въ 11-мъ часу пущалъ мнѣ кровь зъ правой руки тотъ-же лекарь и випустилъ на двѣ талѣрки, якая жестоко была худая. Посѣщалъ мене Іпиховъ зъ женою. Армашенку послана фляшка водки. На хлѣбъ бѣлій 8 к.

26. Присланъ листъ отъ преосвященного новгородского до графа Головкина, за мною въ моемъ-же дѣлѣ писанный. По обѣдѣ бывшему у мене помянутому лекарю архіерейскому далемъ за труды 1 червонный золотій. Розошлось 4 к.

27. Посѣщали мене перве Новоторжцовъ и Леонтіевъ, которому вчора дочь Евфимія родилась, послѣ переводчикъ иностранной коллегіи Петръ Михайловичъ Софоновъ. За хлѣбъ бѣлій и за дви лимони и проч. 8½ к.

28. Vacat.

29. Слушалъ обѣдни въ церкви троецкой, и въ дворцѣ были всѣ кавалери святого апостола Андрея Первозванного въ своемъ церемоніалномъ одѣянія, которіи ишли до церкви и зъ церкви по пари, а именно графъ Михайло Гавриловичъ Головинъ зъ графомъ оберъ гофъ-маршаломъ Левенвольдомъ, графъ фонъ-Биронъ оберъ-камергеръ зъ генераломъ фелдмаршаломъ графомъ фонъ-Минихомъ, князь Черкаской зъ посломъ цесарскимъ графомъ Вратиславомъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицинъ зъ вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ, за ними одинъ шолъ государственный великій канцлеръ графъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ, а потомъ ея імператорское величество, всѣ въ плащахъ зеленыхъ бархатныхъ, подбитыхъ бѣлими серебреними и несребреними матеріами. Колнѣры (воротники) у плащовъ парчовые золотые, а чрезъ колнѣры на цѣпяхъ (то есть лапцугахъ) золотыхъ у всякого висѣла на шіи кавалерія; шляпи зъ плюмажами бѣлими. Бачмаки бархатные чорные. Платье: кафтанъ золотій, камзолъ срѣбрный, штаны золотіе парчевые. По обѣдни кушать изволила государыня публично въ салѣ за однимъ столомъ зъ тими-жъ кавалерами, которіе у столу сидѣли въ шляпахъ и развѣ тогда толко поднимали шляпы, когда государыня пить изволила. До столу играла музика зъ пѣніемъ дамъ и кастратовъ, у другого стола кушала государыня принцесса зъ дамами и кавалерами, у третего генералы и прочіихъ чиновъ знатные мужескіе персоны. Послѣ обѣда приведенъ въ дворецъ посолъ китайскій съ съ своею свитою, а передъ обѣдомъ и между обѣдомъ палено зъ пушекъ доволно въ крѣпости и на суднахъ, передъ дворцомъ на Невѣ стоящихъ.

30. Далъ п. Косачу для переписки челобитную и универсалы. Вчора именинику Петру дано 25 к. На хлѣбъ бѣлій и на перевозъ 7 к.

Іюль.

1. Были у его сіятелства господина вице-канцлера графа Остермана, потомъ я былъ въ коллегіи и видѣлъ виписку на бѣло переписуючуюся. На перевозъ 3 к.

2. На бутилку меду 4 к. Былъ у мене Федоръ Інеховъ зъ тестемъ своимъ Іваномъ Ивановымъ.

3. Рано былъ я въ домѣ у Петра Василіевича Курбатова и о своемъ дѣлѣ просилъ, которій велѣлъ переждать сей тиждень, для того что пословъ имѣють отправляти. Сего-жъ числа подалъ челобитную въ коллегіи о мелницахъ до Перегона надлежавшихъ, что на рѣцѣ Борѣ, которыми нынѣ Корсакъ владѣетъ. За 5 книгъ, 4 латинскихъ и 1 граматку руско-нѣмецкую, дано 2 р. 27 к. зъ переплётомъ. На перевозъ пошло 12 к. На хлѣбъ бѣлій 2 к. Вручилъ письмо Алексію Требенскому для отсылки въ Ригу на почтѣ до пана тестя въ письмахъ отъ графа Савы Владиславича, а оное письмо написано подъ датою сего іюля 1 д.

4. Обѣдалъ у насъ ученикъ и переводчикъ академическій Василій Евдокимовичъ Ададуровъ, очень порядный молодецъ. На перевозъ пошло 6 к.

5. Былъ въ коллегіи; на перевозъ пошло 13 к., на бѣлій хлѣбъ 8 к. По обѣдѣ былъ у Інехова и у Егора Тимофіевича подлячихъ ін. коллегіи и женѣ Інеховой, ради именинъ ея, давъ 1 р.

6. На яхтѣ, отъ его сіятелства графа Головкина данной, поехали до Кронъштату въ 12-мъ часу, а прибыли въ Кронъштатъ въ 7-мъ часу по полудни. Передъ ѣздомъ дано Николаю козаку 10 к.

7. Капитанъ коммандоръ Ісаакъ Андріевичъ Брантъ прислалъ своего адютанта Іллина зъ поздравленіемъ и зъ 2 шлюбками, на которыхъ поехали перве въ военную гавань, и тутъ были у капитана караулного Бориса Козмича Лебедникова, а отоль попровадилъ насъ, и третую взявши шлюпку, капитанъ-лейтенантъ Александръ Артеміевичъ Возницынъ, которій былъ прежде кавалергардомъ, на корабль Ангутъ въ 96 пушокъ, потомъ въ Кронштатъ, и на корабль Петръ Первый и Вторый въ 110 пушокъ, которій

стоялъ на якорахъ между Кронштатомъ и купеческою гаванью, на морѣ совсѣмъ вооруженный, на якомъ въ то время было всякихъ людей зъ 500; и тутъ на кораблѣ все, что видѣть было и знать надобно, показивано. По полдни въ 7-мъ часу были въ обоихъ дворцахъ государевыхъ—въ старомъ квадратномъ и въ новомъ, что за церквою въ линіи зъ другими палатами, и все во всѣхъ покояхъ показивано.

8. Были рано въ мелницѣ, которою зъ канала, якій каменемъ викладивается, вѣтромъ витягаютъ воду. Дано за 3 кристалныхъ стаканы 21 к. Въ 10-мъ часу предъ полуднемъ віехали зъ Кронштату и что въ гаванѣ до вийстя (выхода) способной погоды не было, теды вышепомянутый капитанъ-коммандоръ господинъ Брантъ прислалъ свою десятя-веселную шлюпку, которая и яхту нашу зъ гаванѣ и далеко на море буксировала. Послѣ, одпустя шлюпку, пошли на паросахъ и прибыли въ Аранибомъ въ 12-мъ часу, где во всѣхъ палатахъ и въ церквѣ были и по огороду ходили; тутъ огородникъ поднесъ панничу полумисокъ огурцовъ и цвѣтовъ розныхъ. Въ 4-мъ часу по полудни поехали зъ Аранибома и прибыли до Питергофа въ 6-мъ часу и тутъ ходили въ каменныхъ палатахъ большихъ по всѣхъ покояхъ, тако-жъ въ гротахъ, и по правую сторону въ палатахъ, названныхъ Марли и Еремѣтажъ, где столъ на гирахъ и галѣрки подіймаются, и въ той-же сторонѣ по рощамъ и перспективамъ ажъ до позна гуляли.

9. Зрана пошли въ палаты, названные Монплезиръ, где во всѣхъ покояхъ и спальняхъ государевыхъ были и все преславное уборство видѣли, тако-жъ по городѣ и коло фонтанъ везде ходили; тутъ огородникъ поднесъ намъ по букету розныхъ цвѣтовъ, которому даны 10 к. Послѣ пришли опять къ гроту большому и тутъ показивано намъ фонтаны и где на дзвонкахъ водою куранти играютъ и на тихъ-же дзвонкахъ играли, толко на большіе фонтаны воды не пущано за оскудѣніемъ оной. Сего числа одехалъ князь Шаховскій въ Ригу. По полдни въ 3 часу віехали зъ Питергофа и не доехавши до Невы, за противною погодою, стали въ морѣ на якорѣ и тутъ ночовали.

10. Хотя зрана начали были лавѣровать, однако-жъ въ Неву ввойти за противною погодою не могли, и погодою-жъ взнесло яхту на мѣль, которую за ледво (едва) могли зъ мѣли сопхнуть на глу-

божое мѣсто, чего ради поехалъ графскій человѣкъ Іванъ Семеновичъ, которій зъ нами и въ Кронштатѣ и въ другихъ былъ вышепомянутихъ мѣстахъ, до Питербурха и за обявленіемъ о томъ его графскому сіятелству, припроводилъ къ намъ до яхти шлюбку графскую и на другомъ шерботѣ люде для провожеия яхти, но понеже за противною погодою яхти вести было ни завозомъ, ни другимъ способомъ невозможно, того ради мы, оставивши оную въ томъ-же мѣстѣ, на узморю, сами поехали на шлюбцѣ до С.-Питербурха и прибыли въ квартеру въ 8 часу по полудни. Тутъ въ квартерѣ засталъ я письмо отъ пана тестя зъ Риги на почтѣ присланное зъ дому графа Савы Владиславича, одъ которого (сказывано) дважди зовучи на обѣдъ присилано въ суботу и въ недѣлю, тако-жъ картку засталъ одъ Василія Леонтіева, въ которой просилъ кушать къ себѣ на прошлую недѣлю.

11. Писаны и посланы письма чрезъ райтара кіевского Андрея Мейковского до ясневелможного, до п. Скоропадского и до п. Юркевича и до жены. За рѣкою былъ у п. Полуботка. На перевозъ пошло 8 к., на мило до платя 2 к.

12. Челобитная Федора Максимовича, сержанта семеновского полку гренадерской роти, при писмѣ генерала и кавалера и генерала адютанта г. Ушакова по указу ея и. величества отправлена въ сенатъ для слѣдствія и рѣшенія о добрахъ отца ихъ разобранныхъ и владѣемыхъ разными персонами[48]. — Розыплось на перевозъ 15 к., на бѣлій хлѣбъ 9 к. Данъ парикъ чорный п. Josифу Грифскому и емужъ два галстухи и чоботи новіе нѣмецкіе, и отъ него взялъ платокъ шестрій єдвабный.

13. Писаны письма въ Глуховъ до пана Скоропадского, въ Стародубъ до жены, до пана Андрея Миклашевского, до пана обозно-

[48]) Федоръ Дмитріевичъ Максимовичъ—сынъ генерального есаула, который за измѣну (1708 г.) сосланъ былъ въ Архангельскъ. Старшіе его два сына Федоръ и Иванъ оставлены были въ Москвѣ и впослѣдствіи зачислены были въ гвардейскіе полки. Федоръ—въ семеновскій, а Иванъ—въ измайловскій. Послѣдній былъ убитъ въ турецкую войну при Анѣ Ивановнѣ, а Федоръ въ 1741 г. назначенъ «за раны» стародубскимъ полковникомъ въ этомъ рангѣ онъ и умеръ въ 1756 году.

го полкового Кенмонтовского [15], до н. Григорія Гамалія, до писара судового Косача и до служителя Стефана въ Перегонъ, которые отправлены на почтѣ зъ іностранной коллегіи.—Въ 11-мъ часу по полудни посолъ китайскій зъ свитою своею былъ у его сіятельства графа Головкина государственного канцлера и при одобраню грамоты къ богдихану своему пожегналъ (простился) его сіятелства.—По полдни въ 2-мъ часу кушали у насъ трансляторы іностранной коллегіи господа Яковъ Стефановичъ Сенявинъ и Александръ Михайловичъ Болоховицкій, и у мене на горѣ были. Коло вечерень былъ я у пѣвчихъ государыни цесаревны и у духовника отца Константіна, отъ которого возвратился въ 8 часу по полудни. Пошло на перевозъ 10 к.

14. Пришли писма зъ Глухова въ пакетѣ, который прислалъ чрезъ своего денщика его сіятелство графъ Сава Владиславичъ, а другое писмо привезъ солдатъ гварнѣзону глуховского, сего числа пріехавшый оттоль. На перевозъ пошло 7 к., на хлѣбъ бѣлій 2 к., за полфунта тебу 65 к.

15. Рано ходилъ до его сіятелства графа Савы Владиславича и отдалъ писмо вчора писанное до пана тестя, для пересилки въ Ригу на почтѣ.—Въ 5-мъ часу пополудни изволила ея і. величество смотрѣть ботика, зъ которого причины покойный государь Петръ I началъ заводить флотъ россійскій, и когда оный ботикъ зъ крѣпости припроваженъ былъ къ дворцу, то на судахъ, противъ дворца стоячихъ, спущены флаги и палено зъ пушекъ, отдаючи ему честь, яко автору флота россійского. Послѣ знову оный ботикъ отпроваджалъ до крѣпости господинъ Мурзинъ. Посолъ китайскій віехалъ изъ С. П. Бурха. За поланкера меду дано 37 к., на перевозъ пошло 6 к.

16. Рано были у графа Головкина, послѣ въ дворцѣ. Обѣдали у насъ профессоръ математическихъ наукъ и календариста и секретарь академіи господинъ Георгій Крафтъ да Василій Евдокимовичъ Адодуровъ ученикъ академическій и забавились до 7-го часа пополудни.—Пополудни въ 2-мъ часу изволила ея і. величество отъѣхать

[15] Афанасій Ивановичъ Кенмонтовскій сынъ мглинского сотника и самъ тамошній-же сотникъ, потомъ обозный полковой. Былъ женатъ на дочери стародубского полковника Петра Лагана, убитаго подъ Чигирномъ при Самойловичѣ.

изъ С. П. Бурха до Питергофа и при віездѣ ея величества такъ зъ суденъ, противъ дворца стоячихъ, яко и въ крѣпости и въ адмиралтействѣ палено зъ многихъ пушекъ. Рано приеплалъ салдата зъ крѣпости Петро Мірозичъ, обявляючи, что назначено ему путь до Сибѣри, которому посланъ 1 р. На перевозъ и хлѣбъ бѣлій дано 4 к.

17. Писаны писма до п. Юркевича, до сотника воронежского п. Холодовича и до жены въ пакетѣ на імя писара судового Косача подписанномъ. Розыплось на перевозъ 17 к.

18. Сего числа помѣчены рукою Петра Василіевича Курбатова челобитная моя о мелницахъ, что на Ворѣ Корсакъ владѣеть, и по запискѣ въ реестръ подъ № 537 отдана въ повите канцеляристу Леонтіеву. На переволъ и за направу чоботъ 8 к.

19. Былъ рано въ коллегіи, по обѣдѣ у Інехова, и отнесены къ нему 2 бутелки вишниёвки, 1 водки, послѣ—у Егора Тимофіева, рейстратуру держащого. Розыплось 8 к.

20. Вручилъ рано писмо отъ преосвященнаго новгородского его сіателству графу Головкину інсталціалное за мною и о своемъ дѣлѣ его жъ сіателства просилъ.—Панъ Андрей Полуботокъ былъ у насъ.—Были зъ паничемъ у графа Савы Владиславича, токмо оного не застали; такожъ были и у почтъ-діректора Аша за газетами французкими.

21. Писаны писма подъ датою 17 сегожъ мѣсяца, до ясневелможного противъ полученного писма и до п. Скоропадского и купно зъ протчими одправлены чрезъ рейтара кіевского Семена Лисицина, зъ комиссіи іностранной въ Царградъ отправленного. Пошло на перевозъ 11½ к. Одъ полковниченка нашого принесено писмо къ отцу писанное. Даны пану Никитѣ Косачу жолтые чоботы.

22. Ихъ высочества государыни цесаревна Елисаветъ Петровна и принцесса Анна отехали въ Петеръ-Гофъ. Рано были у графа Савы Владиславича, по обѣдѣ въ дворцѣ лѣтнемъ, где стоявший на караулѣ семеновского полку гвардіи капитанъ лейтенантъ Іванъ Ивановичъ Косоговъ принималъ у себе и по огородахъ зъ нимъ же ходили. Виписку моего дѣла взялъ къ себѣ Петръ Василіевичъ Курбатовъ. Въ квартерѣ нашей безъ насъ былъ Василій В. Степановъ, тайный совѣтникъ.

23. Рано были у графа Головкина и въ егожъ домовой церквѣ службы Божой слушали. Послѣ обѣдни былъ у мене пѣвчихъ государини цесаревны. реентъ Іванъ Петровичъ зъ другими двума, потомъ былъ у мене копіистъ Іеховъ, которому за виписку еще данъ 1 р.

24. Рано былъ у Петра Василевича. tandem въ коллегіи и въ академіи у госп. Алодурова. По обѣдѣ посѣщалъ насъ на квартерѣ его преподобие отецъ Платонъ Малиновскій, архимандритъ іпатскій, зъ отцемъ Евпикіаномъ. На заплату за мите кошуль (рубахъ) и прочого 11 к., на бѣлій хлѣбъ 2 к.—Никита Косачъ началъ сего числа учитись въ академіи наукъ, котораго учить декляровано математики, логики и французкого языка.

25. За вѣдомости дано 4 к. По обѣдѣ былъ въ квартерѣ нашей тотъ же архимандритъ іпатскій троецкій, что при Костромѣ, и зъ нимъ посхали мы въ его домъ, где былъ въ лазнѣ (банѣ), потомъ пріехавши до квартеры на егожъ архимандрита колясѣ, застали тутъ принесенные писма зъ Глухова, которые принесъ отъ Петра Вас. Курбатова человѣкъ его. Розышлось на розницю 6 к.

26. Рано были у Петра Василіевича, но не заставили его въ домѣ, ходили до графа Остермана и одтель зъ нимъ пришли въ коллегію, где вручилъ я емужъ подлежащіе въ коллегію гетманскіе листы: 1) о обидахъ отъ поляковъ, 2) о кандидатахъ на бунчучество енералное, 3) о мирномъ трактатѣ, 4) о нѣкоторомъ колоднику. Позычилъ отцу архимандриту Платону Малиновскому книжки de officiis hominis, а у его вчора взялъ для прочитаня Sulpitii Severi hystoriam sacram. Пану Полуботку отдано писмо отъ пана Турковского, писара енералного. Николаю Евдокименкову козаку даны 50 к. на его нужды.—По полдни ездилъ паничъ къ графу Головкину на Каменный островъ зъ обявленіемъ, что присланъ до ся і. величества листъ отвѣтный отъ ясневелможного о великорослыхъ людяхъ противъ указу о томъ, за собственною рукою чрезъ капитана пруского посланного.

27. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного, до п. Скоропадского и до п. Юркевича, подъ вчорашнимъ числомъ, да до Стародуба подъ нынешнимъ до полковника нашего, до п. матки, до жены, до п. Скоруши, до писара судового Косача и до Стефана въ Перегонѣ. Были рано у графа Остермана, толко оного не

застали въ дому, отехалъ на свой островъ для отпочивку.—Куплена книжка латинская Cornelius Nepos, за которую дано 30 к.

28. Рано были у графа Остермана и оддалъ листъ писанный до ея і. величества отъ ясненьможного стороны великорослыхъ людей, за которыми прусскій капитанъ посланъ, тогожъ графа Остермана я и въ своемъ дѣлѣ просилъ. Купилъ книжку названную de poenis haereticorum cum Stephano Javorskio disputatio, дано 24 к. Салдату глуховского гарнизону Герасиму Логвинову вручены вышенамѣченные писма и емужъ на дорогу дано 10 к.—Пополудни въ 5-мъ часу были у профессора Краба и у него до пол. 8-го часа забавились разными инскурсами о математическихъ и прочіихъ сціенціяхъ.

29. Дано Николаю козаку на его потребы 12., на перевозъ пошло 3 к. Зновку былъ въ домѣ графа Остермана и тутъ просилъ господина Курбатова о своемъ дѣлѣ.

30. Рано были у графа Головкина и тутъ обѣдню слушали. По обѣдни былъ въ квартери нашей Петръ Василіевичъ Курбатовъ на водкѣ.

31. Принималъ прошокъ ad expellendos lumbricos, данный отъ лекаря преосвященного новгородского. Писма, которые были отданы салдату глуховского гварнізону, отобравши у оного, отправили въ Москву на одинарной почтѣ коллегіи іностранной для пересылки отоль до Глухова.

Августъ.

1. Отъ троецкой церкви на Неву по пристани, по отправленной службѣ Божой, была процессія и водосвятіе на здѣланномъ тутъ при пристанѣ на суднѣ для священія воды мѣстѣ, а служилъ и освящалъ воду преосвященный архіепископъ сарской и подонскій Леонидъ, при ассистенціи архимандритовъ чудовского Колеты[148]), іпатского Малиновского и другыхъ.

2. Получилъ писмо изъ Риги отъ пана тестя. Розышлось на перевозъ и пр. 24 к.

[148]) Ливерій Колетинъ, греческій священникъ, былъ воспитателемъ дѣтей князя Кантемира. О немъ см. примѣчаніе преосв. Филарета Гумилевскаго въ напечатанномъ отрывкѣ Дневника, Черниг. Епарх. Изв. 1865 года; также въ книгѣ г. Чистовича *Ѳеофанъ Прокоповичъ*.

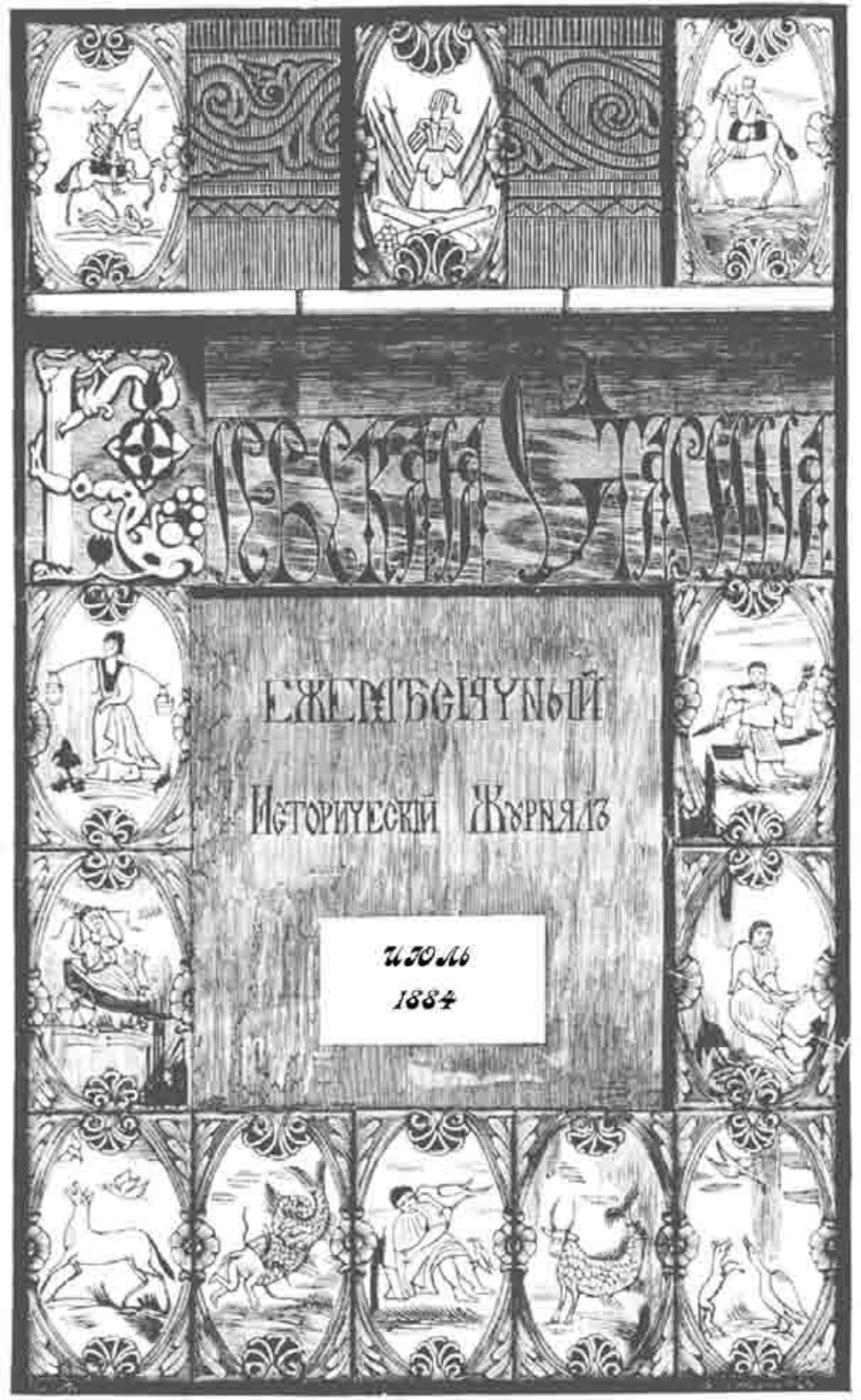
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Іюль
1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюль, 1884 г.

стр.

I. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІИ. *(Продолженіе)*. **К. М** 359

II. ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. *(Окончаніе)*. **Д. И. Эварницкаго** 392

III. ХРОНИКА КІЕВСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПО ДНЕВНИКУ МИТРОПОЛИТА СЕРАПІОНА. (1804—18024 г) 423

IV. ИЗЪ ЖИЗНИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЛОНИСТОВЪ НА СѢВЕРНОМЪ КАВКАЗѢ. **И. С—р—а** 467

V. ЗАПИСКИ ПЕТРА ДИМИТРІЕВИЧА СЕЛЕЦКАГО. Часть первая 1821—1856 годъ. *(Продолженіе)* 485

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Голубовскій.—Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ.—Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в. Кіевъ. 1884 г.—*В. А.*—б) Указатель къ изданіямъ Кіевской Коммисіи для разбора древнихъ актовъ. Т. 11. Имена географическія. Кіевъ, 1883 г. И. П. Новицкій.—*О. Л.*—в) Записки Іосифа, митрополита литовскаго, изданныя императорскою академіею наукъ, по завѣщанію автора. Т. I, II и III. Спб. 1883 г. — *А. К.* — г) Андріевскій Ал. — Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 6-й. Кіевъ. 1884 года.—*Ц. Н.* 505

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Любопытная книжица конца XVIII ст. *Ц. Г. Неймана.*—б) Приглашеніе къ открытію университета св. Владиміра и правила поступленія въ оный.—Графа *Милорадовича.*—в) Еще о Боровиковскомъ.—*В. Горленка.*—г) Кіевскій пещерникъ XVIII ст.—Сообщ. *Ал. Лашкевичъ.*—д) Изъ временъ нашествія шведовъ на Россію.—*А. Катрухина.*—е) Многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII в.—Сообщ. *П. Л—въ.*—ж) Историческое средство противъ конокрадства.—Сообщ. *А. Маркевичъ.*—з) Орестъ Марковичъ Новицкій. (Некрологъ).—и) Загадочная пѣсня.—Сообщ. *А. Маркевичъ.*—і) Къ портрету Анны Ярославны 525

VIII. ПРИЛОЖЕНІЕ.—Портретъ Анны Ярославны.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ IX.

ІЮЛЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27-го іюня 1884 года.

PIANGO LA SUA MORTE E LA MIA VITA
АННА ЯРОСЛАВНА
Королева французская родилась въ Кіевѣ
скончалась близъ Парижа

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

(Продолженіе[1]).

IV.

Жванець.—Дорога изъ Каменца. — Должокъ. — Гавриловцы. — Въѣздъ въ Жванецъ.— Армянскій костелъ и кладбище. Ограда и валы.—Рынокъ положеніе мѣстечка.—Пристань.—Видъ съ пристани.—Окопы и галицкая граница.—Атаки.—Хотинъ и Брага.— Исторія Жванца и его замка.

Самой живописной частью Поднѣстровья, по крайней мѣрѣ въ русскихъ предѣлахъ, считаются берега Днѣстра отъ Жванца до Ямполя; мѣстность эту называютъ Подольскою Швейцаріею. Отсюда Днѣстръ теряетъ уже характеръ горной рѣки, берега его значительно понижаются и онъ принимаетъ характеръ степныхъ рѣкъ, отъ которыхъ отличается только быстротою теченія.

Мы рѣшились осмотрѣть берега Днѣстра отъ Жванца до пороговъ и наняли въ Каменцѣ еврейскаго балагулу съ бричкой, который доставилъ насъ въ Жванецъ часа черезъ три. Ничего не можетъ быть ужаснѣе и утомительнѣе ѣзды на еврейской подводѣ: бричка, разумѣется, всегда разъѣженная, тряская, неподмазанная, но хуже всего то, что балагула, вѣроятно изъ хозяйственныхъ соображеній, пріучаетъ лошадей къ особому аллюру, какимъ отличаются только еврейскіе извощики. Лошади идутъ мелкой рысью, которая еще болѣе усиливаетъ тряску стараго экипажа и совершенно разстраиваетъ непривычнаго къ такой ѣздѣ. Мнѣ кажется, что цѣлыя сутки ѣзды даже бессарабскою почтою, гдѣ ямщикъ несется какъ бѣшенный, не обращая вниманія на горы, овраги и другія препятствія, гдѣ путникъ помимо рискуетъ вылетѣть изъ повозки и сломать себѣ шею, меньше растрясутъ человѣка, чѣмъ два часа ѣзды на еврейской подводѣ. Поэтому оба мы чрезвычайно обрадо-

[1]) См. »Кіевская Старина«, 1884 г., майск. кн., стр. 1—32.

вались, когда показалось вдали мѣстечко, бывшее цѣлью нашей поѣздки.

Мѣстечко Жванецъ расположено въ 18 верстахъ на югозападъ отъ Каменца; къ нему ведетъ почтовая дорога, проходящая изъ Каменца въ Хотинъ. Отправлясь сюда изъ Каменца, всякій живущій въ центрѣ города проѣзжаетъ черезъ турецкій мостъ, минуетъ старинную польскую крѣпость, въ которой уцѣлѣли три башни и колодецъ, построенные турками, обращенную теперь въ казармы для арестантскихъ ротъ и примыкающіе къ ней земляные валы и бастіоны николаевскаго времени, выложенные камнемъ и сверху покрытые дерномъ. Далѣе дорога проходитъ черезъ Подзамче,—западное предмѣстье Каменца, расположенное на возвышенной равнинѣ. Это русское предмѣстье, состоящее изъ широкой улицы, не вымощенной, не смотря на чрезвычайное обиліе камня, такъ какъ весь городъ построенъ на скалѣ; по обѣимъ сторонамъ улицы рядъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ весьма однообразной архитектуры, окруженныхъ цвѣтниками и огромными фруктовыми садами; изъ нихъ нѣкоторые обнесены каменными или деревянными заборами, другіе плетнями и живою изгородью, иные просто окопаны канавкой, вообще предмѣстье имѣетъ очень патріархальный видъ. Къ концу Подзамча равнина, на которой оно расположено, а вмѣстѣ съ ней и дорога спускается въ довольно глубокую балку, наполняющуюся иногда водою, на что указываетъ небольшой мостикъ, расположенный по срединѣ. За мостомъ, на другомъ склонѣ балки начинается село Должокъ, утопающее въ садахъ, особенно изобилующихъ сливами и черешнями. Крестьянскія хаты, очень чистенькія и нарядныя, скорѣе напоминающія мѣщанскія жилища, производятъ весьма пріятное впечатлѣніе, свидѣтельствуя своимъ внѣшнимъ видомъ объ извѣстной степени зажиточности населенія. Во время польско-турецкихъ войнъ XVII вѣка въ Должкѣ находилась таможня и здѣсь должны были проживать какъ польскіе, такъ и турецкіе послы, являвшіеся съ порученіями къ каменецкимъ властямъ. Въ то время иностраннымъ посламъ былъ запрещенъ въѣздъ въ Каменецъ, чтобы лишить ихъ возможности осматривать укрѣпленія этого города. Въ люстраціи г. Каменца 1665 г. значится: »с. Должокъ обязывается нынѣ, какъ и прежде, пословъ, идущихъ къ намъ изъ Орды и нашихъ въ Орду содержать на

своемъ продовольствіи и давать имъ подводы. Въ этомъ селѣ имѣется три дворянскихъ дома для пословъ и два козака для разсылки бумагъ«. Если не ошибаюсь, въ Должкѣ существуетъ волостное двукласное училище; помнится, что мы видѣли такую вывѣску, проѣзжая черезъ село.

Непосредственно за Должкомъ тянется вдоль почтовой дороги другое село Жабинцы, составляющее какъ-бы продолженіе перваго. По внѣшнему виду Жабинцы ничѣмъ не отличаются отъ Должка; тѣже чистенькія хаты »на двѣ половины«, съ большими, прямыми окнами[1]), окруженныя хорошими и довольно обширными хозяйственными постройками, и все это окаймляется большими фруктовыми садами и огородами. Только село это меньше предъидущаго и не имѣетъ церкви. Оба села расположены на взгорьѣ и дорога, начиная отъ Должка, постепенно подымается вверхъ на весьма значительную плоскую возвышенность, поросшую лѣсомъ. Отсюда открывается прекрасный видъ на окрестности. Оборачиваетесь назадъ и передъ вами, на скалистомъ островѣ, окруженномъ вѣнцомъ высокихъ горъ, обрисовывается весь Каменецъ съ его мостами, старинными башнями и остатками старинной стѣны, идущей въ нѣсколько рядовъ по уступамъ острова, со множествомъ церквей, которыхъ кресты и куполы горятъ на солнцѣ. На вершинѣ главнаго католическаго собора, обращеннаго въ мечеть, во время турецкаго господства въ Каменцѣ, очень рельефно обрисовывается бронзовая статуя Богородицы, съ сіяніемъ изъ звѣздъ, стоящая на полумѣсяцѣ; эту статую поставили католики послѣ возвращенія Подолья польскому правительству. Вокругъ города блестящей змѣей вьется Смотричъ между высокими, скалистыми берегами, представляющими самыя причудливыя очертанія: въ иныхъ мѣстахъ скалы отвѣсны, какъ стѣна, въ другихъ они нависли надъ берегомъ и подъ этими навѣсами, прилѣпившись къ скалѣ прямо надъ рѣчкой, гнѣздятся

[1]) Въ подольскихъ селахъ очень рѣдко попадаются хаты »на одну половину«, такъ часто встрѣчающіяся въ полтавскихъ селахъ и хуторахъ, гдѣ подобная хата едва освѣщается однимъ-двумя маленькими подслѣповатыми окошечками изъ одного куска стекла, за частую криво вмазаннаго. Какъ наружность хатъ, такъ и большое количество всякихъ хлѣвовъ, повитокъ и другихъ хозяйственныхъ построекъ указываютъ на значительную зажиточность подольскаго населенія, сравнительно съ нашимъ.

маленькіе, легкіе домики каменецкихъ мѣщанъ. Влѣво отъ дороги, на краю горизонта вы видите высокую гряду бѣловатыхъ известковыхъ скалъ, очень живописно перемѣшанныхъ съ группами зелени, у подножія которыхъ извивается таже рѣчка. Ближе къ дорогѣ, по обѣимъ ея сторонамъ тянутся обширные пустые лѣса, окруженные рвомъ и валомъ. Въ лѣсу и вдоль дороги встрѣчаются довольно часто курганы, понынѣ еще не изслѣдованные археологами. Дорога по обѣимъ сторонамъ обсажена старыми дуплистыми деревьями, между которыми очень часто попадаются огромной величины черешни. Въ одномъ мѣстѣ почтовая дорога перерѣзываетъ длинную аллею изъ тополей, которая идетъ въ право и въ лѣво, на сколько глазъ захватитъ; это путь въ усадьбу мѣстнаго помѣщика, пролегающій по его владѣніямъ. Затѣмъ дорога начинаетъ спускаться въ долину, которая постепенно понижается въ направленіи къ Днѣстру; здѣсь уже лѣсъ перемежается съ хлѣбными полями и нивами, придающими большее разнообразіе пейзажу. Въ старину эта мѣстность называлась »жванецкими гаями«.

Трудно передать то нетерпѣніе, какое овладѣваетъ путникомъ, никогда не видѣвшимъ Днѣстра и много слышавшимъ о красотахъ этой рѣки, когда наконецъ вдали показывается темною полосою наддпѣстрянскія горы, слегка покрытыя туманомъ. Вправо отъ дороги показывается большое село Гавриловцы съ прекрасной каменной церковью. При въѣздѣ въ село стоитъ красивый каменный памятникъ съ крестомъ и длинною надписью. Зная, что мѣстность эта, бывшая театромъ многочисленныхъ войнъ, изобилуетъ историческими воспоминаніями, мы тотчасъ останавливаемся и читаемъ надпись, изъ которой узнаемъ, что этотъ крестъ поставленъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ мѣстнымъ крестьяниномъ и его женою изъ благочестивыхъ цѣлей. Отсюда путникъ уже различаетъ расположенный на высокомъ луговомъ берегу Днѣстра городъ Хотинъ. Мало по малу на склонѣ горы ниже города замѣчается какая-то огромная сѣрая масса, которая съ каждой минутой увеличивается и становится яснѣе; наконецъ передъ вами во всемъ своемъ грозномъ величіи встаетъ старая хотинская крѣпость, производящая на зрителя подавляющее впечатлѣніе своей громадностью. Почти въ тоже время замѣчаются вправо отъ дороги остатки жванецкаго замка, но они совершенно стушевываются передъ хотинскою крѣ-

постью по своей ничтожности. Видъ этой крѣпости поглощаетъ все вниманіе и, стараясь разсмотрѣть ее во всѣхъ подробностяхъ, мы незамѣтно приближались къ м. Жванцу, расположенному всего въ разстояніи 2—3 верстъ отъ Гавриловецъ.

Недалеко отъ въѣзда въ мѣстечко, въ небольшой балкѣ, вправо отъ дороги, виднѣется старое кладбище съ каменными крестами и плитами, теперь оставленное; кладбище обнесено высокой каменной стѣной, но ворота настежь открыты и на могилахъ безпрепятственно пасутся коровы. Между кладбищемъ и дорогою стоитъ большой каменный памятникъ, сложенный изъ мѣстнаго известняка въ видѣ четырехгранной колонны. По разсказамъ мѣстныхъ жителей этотъ памятникъ остался отъ времени турецкаго господства въ краѣ. Минуя кладбище, мы въѣзжаемъ наконецъ въ предмѣстье Жванца, состоящее изъ прямой улицы, которую образуютъ ряды прекрасныхъ крестьянскихъ хатъ, выходящихъ на улицу рядами и окруженныхъ густыми садами. Но вотъ кончаются хаты и начинаются еврейскія жилища, представляющія весьма рѣзкій контрастъ съ крестьянскими. Грязные, ободранные дома стоятъ безъ всякаго порядка просто на улицѣ, безъ всякой огорожи; при домѣ совсѣмъ нѣтъ двора и ни малѣйшаго слѣда какихъ нибудь сараевъ, коморъ, или помѣщеній для домашнихъ животныхъ,—вообще никакихъ хозяйственныхъ построекъ. Все это помѣщается въ самомъ домѣ. Въ этомъ мѣстѣ, на выѣзжей улицѣ находится старый турецкій колодецъ, дѣйствующій и до настоящаго времени. Колодецъ имѣетъ видъ небольшого круглаго холма меньше аршина въ вышину и около сажени въ діаметрѣ, сложеннаго изъ большихъ каменныхъ плитъ, повышающихся къ срединѣ колодца въ видѣ ступенекъ. Внутри онъ выложенъ камнемъ; сверху круглое отверстіе, въ которое опускаютъ ведро. (Впрочемъ нужно замѣтить, что ведра встрѣчаются сравнительно рѣдко даже въ мѣстечкахъ и городахъ; въ Подольи воду носятъ въ особой деревянной посудѣ »коповка«, сдѣланной изъ клёпокъ въ видѣ кувшина или кружки, съуживающейся кверху, съ 2—3 обручами и ручкой, которую надѣваютъ на коромысло). Такіе колодцы встрѣчаются въ южной Подоліи весьма часто; иногда возлѣ нихъ находится крестъ или выдолбленное изъ камня корыто, но это уже позднѣйшія прибавки, а самые колодцы представляютъ одинъ изъ немногихъ остатковъ турецкаго господства въ краѣ. Къ числу та-

кихъ остатковъ принадлежатъ кое-какія постройки въ нѣкоторыхъ городахъ и прекрасные старые сады. Извѣстна и понынѣ любовь турокъ къ садоводству и къ усовершенствованію ирригаціи; слѣды ихъ работъ и понынѣ встрѣчаются въ мѣстностяхъ, когда-либо подчинявшихся турецкому господству. Слѣдуя дальше по въѣзжей улицѣ, встрѣчаемъ по лѣвую сторону старинный каменный костелъ, окруженный высокой стѣной, къ которой пристроены нѣсколько еврейскихъ домовъ. Минуя ихъ, мы въѣзжаемъ на рынокъ, т. е. въ самый центръ мѣстечка. Тутъ нужно сказать нѣсколько словъ о наружности подольскаго мѣстечка и объ архитектурѣ еврейскихъ домовъ, такъ какъ это совсѣмъ неизвѣстныя вещи для жителя напримѣръ лѣвобережной Украйны.

Всякое мѣстечко или бывшій владѣльческій городъ начинается съ предмѣстья, состоящаго изъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ хатъ съ садами, огородами и другими признаками осѣдлости; смотря по величинѣ мѣстечка они идутъ одной или нѣсколькими улицами. Затѣмъ слѣдуютъ еврейскіе дома, построенные на довольно близкомъ разстояніи. Самый центръ мѣстечка составляетъ такъ называемый рынокъ—большая четырехъугольная площадь, застроенная по краямъ однимъ или двумя рядами еврейскихъ домовъ или *заѣздовъ*. На площади находится нѣсколько маленькихъ деревянныхъ лавочекъ, въ которыхъ производится торговля всевозможными продуктами, необходимыми для обывателей; тутъ-же передъ столиками сидитъ нѣсколько торговокъ—евреекъ, продающихъ хлѣбъ, яйца, фрукты и другіе съѣстные припасы. Но главная торговля происходитъ въ домахъ, окружающихъ площадь.

Всѣ эти дома выстроены по одному и тому-же архитектурному типу и различаются между собою только величиной и большей или меньшей опрятностью, смотря по зажиточности хозяина. Еврейскій домъ, въ большинствѣ случаевъ каменный, представляетъ продолговатый четырехугольникъ; одна изъ узкихъ сторонъ, обращенная на рынокъ, служитъ фасадомъ. По срединѣ дома находятся ворота и крытый въѣздъ, раздѣляющій жилище на двѣ половины: въ одной находится рядъ комнатъ, иногда сообщающихся между собою, иногда представляющихъ отдѣльные номера, изъ которыхъ одинъ выходитъ на улицу, въ остальные ходъ черезъ внутренній корридоръ, а ихъ окна выходятъ на стѣну сосѣдняго дома, отстоя-

щаго всего на $1^1/_2$—2 аршина. Въ худшихъ комнатахъ живутъ сами хозяева,—лучшія предназначаются для проѣзжающихъ. По другую сторону корридора, подъ тою-же крышею, помѣщается шинокъ, винарня, или лавка со всевозможными товарами; на улицу продѣлано широкое квадратное отверстіе въ родѣ окна безъ рамы, запирающееся ставней, которая, опускаясь горизонтально, служитъ прилавкомъ. Подобная лавка находится безъ исключенія при каждомъ еврейскомъ домѣ—вездѣ чѣмъ нибудь торгуютъ. Все это занимаетъ половину дома, иногда меньшую; остальную занимаетъ такъ называемая стодола, нѣчто въ родѣ сарая, примыкающаго къ дому, съ воротами на концѣ, какъ разъ противъ въѣздныхъ воротъ. Здѣсь лежатъ дрова, стоятъ повозки и экипажи проѣзжающихъ; вдоль стѣнъ устроены ясли для скота, возлѣ которыхъ проводятъ время и лошади принадлежащія постояльцамъ, и хозяйскій скотъ, и домашняя птица. Сюда-же выбрасываются всевозможные помои и кухонные остатки, потому что на улицу дальше выносить. Среди толстаго мягкаго слоя навозу и разнаго рода нечистотъ, составляющихъ почву стодолы, копошится нѣсколько штукъ свиней, которыя хотя принадлежатъ христіанскому населенію мѣстечка, но промышляютъ себѣ кормъ главнымъ образомъ на улицахъ и въ еврейскихъ домахъ. Разведеніе свиней составляетъ одинъ изъ весьма доходныхъ промысловъ для жителей подольскихъ мѣстечекъ. Эти животныя дошли до такого нахальства, что зачастую являются даже въ комнаты, и если въ такихъ случаяхъ хозяйка заѣзда спѣшитъ водворить порядокъ, то никогда не препятствуетъ имъ проводить дни и ночи въ стодолѣ, которой не нужно даже выметать послѣ такого посѣщенія. Такимъ образомъ свиньи являются здѣсь единственными исполнителями санитарныхъ требованій, и нужно отдать имъ справедливость, они гораздо лучше соблюдаютъ интересы жителей, нежели многіе представители нашей санитарной коммиссіи.

Таковъ характеръ еврейскаго заѣзда. Для дополненія картины можно прибавить, что съ улицы вдоль всего дома тянется »призьба«, на которой цѣлый день сидятъ хозяева и постояльцы, ожидая новыхъ проѣзжающихъ и созерцая все, что дѣлается на площади и прилегающихъ къ ней улицахъ. Надъ »призьбою« выступаетъ широкій навѣсъ, дозволяющій продолжать это мирное занятіе и въ дурную погоду. Старые каменные дома, изъ которыхъ многіе отко-

сятся еще къ прошлому столѣтію, какъ напримѣръ въ Могилевѣ, Каменцѣ и др., имѣютъ еще мезонинъ съ балкономъ и высокой острой крышей, но въ настоящее время въ нихъ вѣроятно не чувствуется надобности, поэтому что этихъ прибавокъ нѣтъ уже въ новѣйшихъ постройкахъ.—При въѣздѣ на рынокъ васъ обыкновенно окружаетъ цѣлая толпа евреевъ,—каждый приглашаетъ остановиться въ его заѣздѣ, обѣщая всевозможныя удобства. Нашъ балагула молча проѣхалъ сквозь кричащую толпу и остановился передъ заѣздомъ своего знакомаго, гдѣ мы и расположились—нельзя сказать, чтобы очень удобно. До вечера оставалось еще нѣсколько часовъ и мы, воспользовавшись этимъ временемъ, отправились осматривать достопримѣчательности мѣстечка.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей квартиры, по лѣвой сторонѣ въѣзжей улицы, привлекаетъ вниманіе старый армянскій костелъ,—каменное зданіе старинной архитектуры, окруженное высокой, массивной каменной стѣной, на которой во многихъ мѣстахъ сохранились слѣды фортификацій, въ видѣ бойницъ и контрфорсовъ. Мѣстами верхъ стѣны начинаетъ осыпаться и, конечно, остается безъ починки. Внутренность костела не представляетъ ничего замѣчательнаго и ничѣмъ не разнится отъ обыкновенныхъ католическихъ костеловъ средней руки. Зданіе довольно обширно и достигаетъ значительной вышины, особенно колокольня съ бойницами, утратившими свое значеніе, такъ что въ настоящее время въ одной изъ нихъ помѣщаются часы, составляющіе гордость мѣстечка. Въ оградѣ костела расположено старое армянское кладбище, отъ котораго сохранилось нѣсколько памятниковъ, большею частью обвалившихся и разрушенныхъ, и много надгробныхъ плитъ съ армянскими надписями, почти совсѣмъ вросшихъ въ землю и покрытыхъ мхомъ.—Въ настоящее время, за неимѣніемъ армянъ въ Жванцѣ, костелъ обращенъ въ католическій; не смотря на довольно значительную древность костела, въ немъ, кажется, не сохранилось никакихъ документовъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ польскихъ метрическихъ книгъ. По крайней мѣрѣ такой отвѣтъ далъ при насъ ксёндзъ туристу, пожелавшему осмотрѣть архивъ.

Костелъ окруженъ еврейскими домами, при чемъ нѣкоторые прямо пристроены къ оградѣ. Непосредственно за оградой, къ югу, по направленію къ Днѣстру тянутся остатки стариннаго земляного

вала, частью застроеннаго домами, частью заросшаго дерномъ и сорными травами, гдѣ пасутся различныя животныя. Валъ этотъ обрывается въ самомъ мѣстечкѣ, не доходя до берега, и мы нигдѣ не могли найти его продолженія; вѣроятно онъ срытъ былъ при постройкахъ.

Больше въ ту сторону уже нечего было смотрѣть и мы возвратились въ рынокъ. Какъ уже сказано было выше, это большая продолговатая площадь, окруженная еврейскими домами; между ними, по правую сторону площади, находится рядъ каменныхъ лавокъ, въ томъ числѣ одна кондитерская съ громкой вывѣской, объявляющей, что здѣсь приготовляются мороженое, шеколадъ и другія заманчивыя вещи, а между тѣмъ на окнахъ выставлены засушенныя старыя пирожныя самаго отталкивающаго вида; вѣроятно спросъ на эти произведенія не особенно великъ. По другую сторону цѣлый рядъ домовъ занимаютъ »винарни« (винные погреба, гдѣ производится торговля распивочно и на выносъ), идущія и дальше въ улицу, которая ведетъ къ рѣкѣ и составляетъ продолженіе въѣзжей. Эти заведенія имѣютъ несравненно болѣе веселый видъ, чѣмъ несчастная кондитерская; между ними одно обращаетъ вниманіе своей новой вывѣской и особенно опрятной наружностью. Для посѣтителей, сверхъ обыкновенія, отведены двѣ комнаты, убранныя на подобіе ресторана, съ диванами и креслами, и увѣшанныя, вмѣсто символическихъ еврейскихъ картинъ, портретами и картинами воинственнаго содержанія. Очевидно это мѣсто, гдѣ обыкновенно собираются жванецкіе нотабли. Здѣсь мы нашли прекрасное бессарабское вино разныхъ сортовъ, далеко превосходящее тѣ фабрикованныя вина, какія у насъ продаются подъ именемъ крымскихъ и французскихъ.

На рынокъ выходятъ нѣсколько улицъ, которыя прямыми или ломаными линіями продолжаются до окраинъ мѣстечка. Прямо отъ нашей квартиры шла улица, составлявшая продолженіе въѣзжей; это неширокая грязная улица,—по обѣимъ сторонамъ тянутся еврейскіе дома, не огороженные, безъ дворовъ, расположенные на разстояніи 2—3 аршинъ другъ отъ друга; здѣсь живутъ различные промышленники; надъ дверью каждаго дома № и надпись, означающая, что домъ принадлежитъ купцу такому-то. Вдругъ, совершенно неожиданно между такими домами показывается очень красивый двухъэтажный домъ, съ легкими балконами, весь украшенный рѣзь-

бой, не то въ русскомъ, не то въ швейцарскомъ вкусѣ, окруженный рѣшеткой и прекраснымъ цвѣтникомъ. Домъ этотъ принадлежитъ одному изъ сосѣднихъ помѣщиковъ; наружность улицы нисколько не выигрываетъ отъ этого изящнаго жилища, такъ какъ оно представляетъ слишкомъ рѣзкій контрастъ съ окружающими постройками, которыя показываются еще неряшливѣе отъ такого сосѣдства.

Послѣ двухъ-трёхъ поворотовъ улица обрывается на высокомъ, скалистомъ берегу Днѣстра; отсюда ведетъ внизъ небольшая извилистая тропинка, пролегающая по уступамъ скалъ, напоминающимъ крутую лѣстницу. У подножія скалъ тянется узкая низменная береговая полоса, покрытая пескомъ и небольшими, закругленными камешками, выброшенными водой. По склону горы лѣпятся нѣсколько маленькихъ домиковъ, а на вершинѣ, на самомъ удобномъ мѣстѣ для наблюденія, откуда открывается прекрасный видъ далеко вверхъ и внизъ по рѣкѣ, находится квартира станового, которому отсюда очень удобно наблюдать движеніе по рѣкѣ. Самое мѣстечко расположено при впаденіи р. Жванчика въ Днѣстръ, на высокомъ полуостровѣ, образованномъ теченіемъ этихъ двухъ рѣкъ. Обѣ онѣ прорыли себѣ очень глубокія, узкія долины съ почти отвѣсными скалистыми берегами, на которыхъ обнажаются мѣстныя каменныя породы.

Въ юго-западной сторонѣ мѣстечка, при устьѣ Жванчика, находится единственный сколько нибудь пологій спускъ къ рѣкѣ, годный для проѣзда экипажей. Здѣсь проложена улица, по которой происходитъ главное торговое движеніе между рынкомъ и берегомъ. Отъ устья Жванчика Днѣстръ дѣлаетъ крутой поворотъ къ югу и въ этомъ мѣстѣ находится обширная, весьма удобная пристань; здѣсь сортируется и распиливается получаемый по рѣкѣ изъ Галичины лѣсъ, связывается въ плоты, которые сплавляются внизъ по Днѣстру большею частью нагруженные какими нибудь товарами. Не смотря на большую разговорчивость мѣстныхъ жителей, которая подчасъ сильно надоѣдаетъ, намъ почти ничего не удалось узнать о торговлѣ мѣстечка; на всѣ распросы вамъ отвѣчаютъ, что каждый изъ обывателей ведетъ торговлю лѣсомъ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, что на плотахъ или галерахъ иногда сплавляются разные товары, между прочимъ съ недавняго времени отправляются

въ Австрію большіе транспорты фосфоритовъ, которые скупаются въ разныхъ мѣстахъ Подолья австрійскими агентами.

Тотчасъ за лѣсной пристанью, внизъ по теченію находится перевозъ изъ нѣсколькихъ плохихъ паромовъ; еврей за переправу беретъ съ разныхъ лицъ различно, смотря по пассажиру, хотя, разумѣется, »свого не подаруе«; прислуга на паромахъ вся состоитъ изъ мѣстныхъ крестьянъ—украинцевъ и молдованъ. На берегу у перевоза—маленькая лавочка и вмѣстѣ шинокъ, въ которомъ торгуетъ еврей. Осмотрѣвши пристань, подымаетесь тропинкой на гору, откуда открывается прекрасный видъ на окрестности: на право, вверхъ по рѣкѣ, берега Днѣстра сначала нѣсколько понижаются, дальше на горизонтѣ обрисовываются нѣсколько вершинъ; между ними замѣчается группа деревьевъ—это галицкая граница; здѣсь расположено пограничное галицкое село Околы св. Тройцы. Прямо противъ Жванца на бессарабскомъ берегу, который въ этомъ мѣстѣ значительно ниже подольскаго и весьма полого спускается къ рѣкѣ, расположено большое село Атаки, съ красивыми бѣлыми хатами, утопающими въ зелени, и церковью по срединѣ села. На лѣво, внизъ по Днѣстру, на подольскомъ берегу среди садовъ виднѣется село Брага, а противъ него, въ томъ мѣстѣ, гдѣ повышается бессарабскій берегъ и его возвышенность ближе подходитъ къ водѣ,—городъ Хотинъ со своей грандіозной крѣпостью, которая привлекаетъ все вниманіе зрителя. Глядя на эту громаду, созданную человѣческими руками и производящую и теперь еще подавляющее впечатлѣніе, вспоминается историческая судьба крѣпости и вмѣстѣ съ ней исторія цѣлаго края, для котораго та служила оплотомъ. Только тяжелое чувство могутъ вызвать историческія воспоминанія, соединенныя съ хотинской крѣпостью, и какимъ ничтожнымъ кажется жванецкій замокъ передъ этимъ великаномъ, который пережилъ свою славу и теперь стоитъ, всѣми оставленный и забытый, и долго еще, даже въ развалинахъ, будетъ разкказывать позднѣйшимъ поколѣніямъ о той борьбѣ различныхъ культуръ, которой онъ былъ центромъ, и на долго еще останется весьма замѣчательнымъ памятникомъ строительнаго искуства.—Наступившія сумерки, освѣтившія на минуту яркими красками громадную стѣну и рядъ красивыхъ скалъ съ широкой извилистой рѣкой у ихъ подножья, вскорѣ скрыли отъ насъ прелестную картину. Надъ рѣкой поднялся

туманъ, кое гдѣ на плотахъ показались огоньки, отражаясь въ водѣ, и напомнили намъ, что пора уже подумать объ отдыхѣ и приготовленіяхъ къ предстоявшей на завтра экскурсіи.

Слѣдующій день мы хотѣли начать съ осмотра жванецкаго замка и пещеры и затѣмъ сдѣлать прогулку въ Хотинъ и Брагу.

Замокъ находится въ западной части мѣстечка и путь къ нему лежитъ чрезъ рынокъ, день случился базарный и вся площадь, буквально запруженная народомъ такъ, что протолпиться было трудно, представляла очень оживленное и оригинальное зрѣлище. Выбравшись наконецъ изъ толпы, мы направились къ р. Жванчику и, пройдя 2—3 кривыхъ узкихъ переулка, вышли на пустырь, гдѣ и возвышаются развалины замка. Укрѣпленіе это расположено на высокомъ, скалистомъ, почти отвѣсномъ берегу р. Жванчика; оно имѣетъ видъ пятиугольника, обведеннаго со стороны мѣстечка довольно глубокимъ рвомъ, который заросъ крапивою и другими сорными травами, такъ-же какъ и внутренность крѣпости, представляющая довольно жалкій видъ. Стѣны изнутри укрѣплены валами, подъ которыми находятся обширные погреба и склады, частью уже обрушившіеся; одинъ изъ такихъ обваловъ, случившійся нѣсколько лѣтъ назадъ, образовалъ весьма значительное котловидное углубленіе внутри крѣпостнаго двора. Круговая стѣна, построенная на вершинѣ насыпного вала, сложена изъ тесаннаго камня, скрѣпленнаго цементомъ; верхняя ея часть постоянно осыпается,—вообще постройка не носитъ того характера прочности и внушительности, какой мы привыкли видѣть въ крѣпостныхъ сооруженіяхъ. На каждомъ углу стояла башня и только въ этихъ мѣстахъ стѣна достигаетъ двухъ аршинъ въ толщину. Въ замокъ съ разныхъ сторонъ ведутъ нѣсколько воротъ. Въ передней части замка, въ стѣнѣ надъ главными воротами, сохранились слѣды какой-то пристройки, вѣроятно двухъ-этажнаго жилого помѣщенія. Въ настоящее время уцѣлѣли три башни съ бойницами и зубчатымъ верхомъ, двое въѣзжихъ воротъ и почти вся круговая стѣна, хотя верхушка ея во многихъ мѣстахъ разрушена и только мѣстами сохранились остатки бойницъ, помѣщавшихся во второмъ этажѣ. Больше всего пострадала восточная сторона: тутъ стѣна почти совершенно разрушена, такъ что въ одномъ мѣстѣ можно пройти въ замокъ сквозь образовавшееся отверстіе. Вообще нужно замѣтить, что жванецкій замокъ

не поражаетъ зрителя ни размѣрами, ни прочностью укрѣпленій и, при сравненіи съ хотинской крѣпостью, производитъ чрезвычайно ничтожное впечатлѣніе—совершенно какъ будто игрушечный домикъ, поставленный рядомъ съ настоящимъ. Можно только удивляться чрезмѣрному патріотизму польскихъ писателей, которые посѣщали Жванецъ, при чемъ разумѣется не могли не видѣть Хотина, и которые съ большимъ апломбомъ изображаютъ неприступнымъ жванецкій замокъ, приводя въ доказательство своего мнѣнія тотъ фактъ, что даже турки, въ періодъ наибольшаго своего могущества, не пытались никогда овладѣть этимъ замкомъ, а вмѣсто того старались укрѣпиться въ болѣе отдаленныхъ центрахъ, какъ Паневцы, Каменецъ и др. Мнѣ кажется, что безпристрастный наблюдатель не можетъ признать это мнѣніе справедливымъ: при одномъ взглядѣ на обѣ крѣпости, расположенныя почти другъ противъ друга, всего на разстояніи 3—4 верстъ, становится очевиднымъ, что, находясь съ большими силами въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, хотинскій паша, если не по праву, то на дѣлѣ, могъ распоряжаться въ Жванцѣ по своему усмотрѣнію и если турки не пытались овладѣть этимъ замкомъ, то вовсе не потому, чтобы это представляло большія затрудненія, а вѣрнѣе потому, что въ томъ не было никакой необходимости, тѣмъ болѣе, что при приближеніи турокъ гарнизонъ обыкновенно, не ожидая враговъ, самъ очищалъ замокъ. При томъ-же самая удобная переправа черезъ рѣку находится не у Жванца, а у Браги противъ Хотина. Въ случаѣ необходимости, турки могли просто перейти на подольскій берегъ и безъ всякаго опасенія оставить въ сторонѣ замокъ, никогда не обладавшій большими гарнизонами. Наконецъ извѣстно, что во время 27 лѣтняго господства турокъ въ Подоліи Жванецъ принадлежалъ имъ на равнѣ съ прочими крѣпостями и замками. Нѣсколько ниже замковой стѣны, подъ одной изъ башенъ, въ отвѣсномъ высокомъ берегу р. Жванчика, виднѣется четырехъугольное отверстіе, вырубленное въ скалѣ. Это и есть извѣстная жванецкая пещера, весьма древняя; въ настоящее время входъ въ нее со стороны рѣки оказывается совсѣмъ невозможнымъ вслѣдствіе вертикальныхъ обваловъ скалы. На сколько можно разсмотрѣть издали, стѣны и потолокъ пещеры имѣютъ видъ корридора, вытесаннаго въ скалѣ; повидимому она подновлена поляками и сообщалась съ внутренностью замка посредствомъ подзем-

ныхъ ходовъ. У подножія скалы, въ которой находится пещера, при впаденіи въ Жванчикъ маленькой рѣчки Вильшанки, устроена большая каменная мельница, возлѣ нея на горѣ—огромные склады; мельница принадлежитъ евреямъ, а работаютъ на ней крестьяне. Возлѣ мельницы чрезъ Жванчикъ перекинутъ легкій деревянный мостикъ, вѣрнѣе *»кладка«*, отъ котораго идетъ дорога къ пограничному селу Исаковцы на Днѣстрѣ. По ту сторону Жванчика идетъ цѣлая улица изъ прекрасныхъ крестьянскихъ хатъ, окруженныхъ садами, составляющая какъ-бы продолженіе мѣстечка. За нею тянется низменный песчаный мысъ, вдающійся клиномъ между двухъ рѣчекъ, поросшій лозою и болотными растеніями; дно здѣсь чрезвычайно мелко, черезъ рѣчку переложено нѣсколько камней, по которымъ можно перейти на другой берегъ, не замочивши ногъ.

Прежде чѣмъ разстаться съ мѣстечкомъ, остается сказать нѣсколько словъ о его исторіи, представляющей много весьма интересныхъ и подчасъ трагическихъ эпизодовъ.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о времени первоначальнаго заселенія Жванца,—имя это встрѣчается первый разъ въ документахъ, относящихся къ первой половинѣ XV в. Король Ягайло, занявшійся съ большимъ усердіемъ раздачей русскихъ земель польскому дворянству на ленномъ правѣ, грамотой 1431 г. отдалъ въ собственность рыцарю Свычкѣ изъ Ленчины пространство земли по берегу Днѣстра, приблизительно отъ Збруча до р. Жванчика. Въ документѣ не указано, была-ли эта мѣстность заселенная или пустопорожняя, но уже упоминается она подъ именемъ Жванца. Къ концу XV в. закончилась колонизація этого уголка и вокругъ Жванца группировалось еще 6—7 селъ, такъ что цѣлое помѣстье, такъ называемыя »добра жванекція«, заняло нѣсколько десятковъ кв. верстъ. Въ теченіи четырехъ столѣтій, 1431—1830 гг., оно составляло нераздѣльную собственность одного владѣльца и только съ тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія раздробилось между нѣсколькими владѣльцами. За это время добра жванецкія нѣсколько разъ переходили въ собственность того или другаго знатнаго рода, при чемъ нѣкоторые изъ владѣльцевъ особенно заботились объ устройствѣ имѣнія. Благодаря ихъ стараніямъ, Жванецъ уже въ половинѣ XVI в. считается весьма значительнымъ населеннымъ пунктомъ. Около этого времени онъ переходитъ въ собственность рода Калиновскихъ, одного изъ

богатѣйшихъ дворянскихъ родовъ юго-западнаго края, котораго представители очень быстро успѣли обогатиться путемъ выпрашиванія у короля жалованныхъ грамотъ на огромные участки малозаселенныхъ земель въ русскихъ областяхъ.

Въ царствованіе Сигизмунда III въ началѣ XVII в. Валентій Калиновскій, генералъ подольскій, въ силу общепринятаго тогда обычая, укрѣпилъ Жванецъ замкомъ, развалины котораго сохранились и понынѣ на высокомъ берегу Жванчика. Трудно сказать, что имѣлось въ виду при постройкѣ укрѣпленія: было-ли оно воздвигнуто съ цѣлью обороны пограничнаго мѣстечка, или-же просто потому, что знатному дворянину нельзя было жить иначе, какъ въ замкѣ. Кажется послѣднее вѣрнѣе, потому что расположенный вблизи грозной хотинской крѣпости, обладавшей весьма сильнымъ турецкимъ гарнизономъ, скромный жванецкій замокъ не могъ служить серьёзнымъ оплотомъ противъ турокъ, какъ-то пытаются доказать мѣстные польскіе ученые. Какъ-бы тамъ ни было, но благодаря укрѣпленію, гарантировавшему жителей отъ внутреннихъ неурядицъ и тревогъ въ краѣ, населеніе Жванца съ этого времени начинаетъ быстро увеличиваться и возвышается торговое значеніе мѣстечка, благодаря его выгодному положенію вблизи границы и при одной изъ лучшихъ пристаней на Днѣстрѣ.

Вскорѣ Жванецъ, въ силу семейныхъ счетовъ, перешелъ въ родъ Ланцкоронскихъ и тогда постигло его первое общественное бѣдствіе—онъ подвергся полному разоренію со стороны польскихъ войскъ, никогда не отличавшихся порядкомъ и дисциплиной. Въ августѣ 1621 г., во время извѣстной хотинской войны, въ которой козацкое войско принимало участіе въ качествѣ союзниковъ польскаго правительства, союзныя войска остановились у Жванца, разсчитывая здѣсь переправиться черезъ Днѣстръ. Предводительствовалъ козаками гетманъ Сагайдачный; польское войско, по обычаю, шло подъ начальствомъ обоихъ гетмановъ, великаго и польнаго. Въ то время, какъ Сагайдачный съ козаками занятъ былъ устройствомъ переправы у с. Браги, гдѣ строился временный мостъ подъ руководствомъ русскаго крестьянина, польское войско, состоявшее изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, скучало бездѣйствіемъ, съ завистью поглядывая на богатое мѣстечко, недавно лишившееся своего законнаго защитника за смертью Калиновскаго. По окончаніи

моста, едва только успѣли перейти на тотъ берегъ козаки, а за ними передовые польскіе отряды и все начальство, какъ какой-то охотникъ до чужого имущества, пользуясь удобнымъ случаемъ, распустилъ въ остальномъ войскѣ слухъ, будто гетманы приказали снести мѣстечко. Недленно всѣ обозные слуги, пѣхота и всевозможный сбродъ, наполнявшій ряды польскаго войска, всѣ эти элементы, жадные на легкую добычу, съ такимъ усердіемъ и поспѣшностью бросились исполнять мнимый приказъ, что въ самое короткое время Жванецъ былъ дочиста разграбленъ и нѣсколько окрестныхъ селъ снесены до основанія. Для усмиренія разбоя и грабежа явился польный гетманъ Любомирскій съ прочими начальниками и хотя, послѣ разслѣдованія дѣла, нѣсколько зачинщиковъ были казнены, чѣмъ возстановленъ порядокъ въ войскѣ, но для облегченія участи мѣстечка ничего не было сдѣлано. Вскорѣ послѣ погрома Жванецъ перешолъ во владѣніе Ланцкоронскихъ, и новый владѣлецъ начинаетъ заботиться о благосостояніи мѣстечка, возстановляетъ замокъ и исправляетъ поврежденія, причиненныя грабежомъ. Король Владиславъ IV, видѣвшій лично бѣдственное положеніе мѣстечка и понимавшій его пограничное значеніе, возстановилъ грамоту, въ силу которой Жванецъ получаетъ магдебургское право, право торговъ и ярмарокъ въ установленные дни и сверхъ того гербъ и магистратскую печать.

Не успѣлъ Жванецъ оправиться отъ перваго погрома, какъ черезъ семь лѣтъ онъ снова становится центромъ вооруженнаго столкновенія. Послѣ извѣстной битвы подъ Батогомъ, въ которой польская армія съ гетманомъ Калиновскимъ была совершенно разбита и уничтожена козаками, король Янъ Казиміръ съ 30,000 войскомъ, состоявшимъ большею частью изъ наемныхъ венгерскихъ и волошскихъ полковъ, остановился у Жванца, желая отрѣзать Хмельницкому возможность сношеній съ Молдавіей. Самъ король съ старшинами и частью войска, составляющей стражу, поселился въ замкѣ; остальное войско расположилось на высокой равнинѣ надъ с. Брагой, противъ Хотина, и здѣсь укрѣпило свой лагерь земляными валами. Въ настоящее время это мѣсто занято пахатнымъ полемъ; валы почти совершенно разпаханы и отъ прежняго укрѣпленія едва сохранились самые ничтожные слѣды. Польское войско бездѣйствовало подъ Жванцемъ въ то время, какъ союзники Хмельницкаго

Татары протянулись линіей по всей Подоліи, Польшѣ и Галичинѣ до Львова, чтобы отрѣзать королю обратный путь, и грабили занятыя ими области. Между тѣмъ подошелъ ноябрь, наступили холода, а вмѣстѣ съ ними и недостатокъ жизненныхъ припасовъ. Войско роптало на недостатокъ въ пищѣ и неуплату жалованья и хотя король рѣшился расплачиваться собственной казной, но продовольствія и за деньги нельзя было достать; люди и лошади начали умирать отъ голода и холода. Въ тоже время начались въ польскомъ лагерѣ повальныя болѣзни, которыя послужили сигналомъ къ бѣгству: не смотря ни на какія увѣщанія и строгія мѣры противъ дезертировъ, польскіе солдаты цѣлыми массами оставляютъ лагерь; ихъ примѣру слѣдуютъ венгры и волохи, такъ что еще до первой встрѣчи съ непріятелемъ, король съ остатками войска очутился въ самомъ грустномъ положеніи. Приходилось жить чуть не подаяніемъ, довольствуясь тѣми припасами, какіе по временамъ присылались молдавскимъ логофетомъ и хотинскимъ пашею изъ любезности. Узнавши о приближеніи крымскаго хана съ ордой, король совсѣмъ потерялъ голову,—начинаются безпрерывные военные совѣты, однѣ рѣшенія быстро смѣнялись другими: о сопротивленіи никто и не думалъ и почти всѣ проэкты сводились къ одному, что нужно подкупить татаръ и заручившись поддержкой съ ихъ стороны, кончить дѣло договоромъ съ козаками. Самъ король до того растерялся, что пытался тайкомъ бѣжать изъ лагеря съ немногими приближенными, но остальные узнали объ этомъ и не пустили его.

Наконецъ подошелъ Хмельницкій съ татарами, разсчитывая путемъ продолжительной осады принудить короля къ сдачѣ. При вѣсти о его приближеніи страшная паника произошла въ лагерѣ; бѣгство польскихъ солдатъ достигло ужасающихъ размѣровъ, такъ что у короля едва осталось около 11,000 человѣкъ. Большая часть бѣглецовъ была захвачена татарами на пути въ Каменецъ. Наконецъ Жванецъ былъ осажденъ, голодъ и смертность въ немъ достигли крайнихъ предѣловъ. Король вошелъ въ переговоры съ ханомъ, заплатилъ татарамъ огромную контрибуцію 100,000 червонныхъ и сверхъ того обязался платить имъ ежегодную дань и позволялъ имъ брать ясыръ въ польскихъ областяхъ, но исключительно изъ русскихъ жителей. Послѣ того, 15 декабря 1653 г.,

заключенъ съ козаками жванецкій договоръ, подтверждавшій всѣ зборовскія статьи.

На другой-же день король уѣхалъ во Львовъ, не думая объ исполненіи договора; остатки его арміи составили нѣсколько мелкихъ отрядовъ, которые должны были преградить татарамъ путь въ Польшу и въ Каменецъ, но не смотря на это, татары разсыпались по всему Подолью и совершенно разграбили нѣсколько селъ и мѣстечекъ, жители которыхъ были уведены въ Крымъ.

Послѣ того наступилъ для Жванца новый промежутокъ спокойствія, хотя и продолжительнѣе перваго, но недостаточно длинный для того, чтобы дать возможность мѣстечку оправиться и возвратить прежнее благосостояніе. Въ 1672 г. султанъ Магометъ IV съ огромнымъ войскомъ предпринялъ походъ съ цѣлью овладѣть Каменцемъ, а за нимъ и цѣлымъ Подольемъ. Отправляясь подъ Каменецъ, султанъ у Жванца переправился на подольскій берегъ и едва только окружилъ мѣстечко, какъ польскій гарнизонъ безъ одного выстрѣла сдалъ замокъ, въ которомъ султанъ поставилъ сильный турецкій гарнизонъ. Не смотря однако на этотъ фактъ, занесенный даже въ польскіе источники, историки польскіе настойчиво утверждаютъ, что турки никогда не осмѣливались завладѣть сильнымъ жванецкимъ замкомъ. У Жванца турецкая армія соединилась съ поджидавшимъ ее здѣсь козацкимъ войскомъ Дорошенка, помогавшимъ ей въ занятіи Каменца, и затѣмъ разсыпалась по всей Подоліи, овладѣвая всѣми укрѣпленными мѣстами и оставляя въ нихъ свои гарнизоны. Съ этого времени Жванецъ остается въ рукахъ турокъ во все время, пока продолжалось ихъ владычество въ Подоліи, не смотря на многочисленныя попытки поляковъ овладѣть этимъ пограничнымъ пунктомъ, въ которомъ находилась одна изъ наиболѣе удобныхъ переправъ черезъ Днѣстръ.

Въ слѣдующемъ году, во время хотинской битвы Яна Собѣскаго, жванецкій замокъ служитъ мѣстомъ заключенія каменецкихъ мѣщанъ, арестованныхъ турецкимъ пашею.

Съ этого времени до начала XVIII ст. Жванецъ принадлежалъ туркамъ, но большинство жителей разбѣжалось и все его населеніе состояло изъ нѣсколькихъ десятковъ еврейскихъ семействъ, производившихъ торговлю лѣсомъ, и небольшаго количества крестьянъ, занимавшихся земледѣліемъ. Послѣ стольких военныхъ погромовъ

и замокъ, и мѣстечко лежали въ развалинахъ и представляли чрезвычайно жалкій видъ.

Въ 1690 г., въ силу карловицкаго трактата, турки очистили Подолье. Съ этого времени прекращается ихъ господство и въ Жванцѣ, который начинаетъ заново населяться; кромѣ прежнихъ жителей, мѣщанъ и крестьянъ, возвратившихся въ мѣстечко, является масса новыхъ колонистовъ изъ Червоной Руси. Благодаря выгодному положенію на одной изъ лучшихъ днѣстровскихъ пристаней, здѣсь поселяются въ большомъ количествѣ греки и армяне, занявшіеся торговлей подъ гарантіей магдебургскаго права; они быстро подняли торговлю и промышленность до весьма значительнаго уровня. Явились и прежніе владѣльцы Ланцкоронскіе, занявшіеся обновленіемъ замка, лежавшаго въ развалинахъ.

Періодъ благосостоянія Жванца продолжается приблизительно до 1768 г. Армяне и греки ведутъ обширную торговлю венгерскими винами, красными товарами, солью, сушеной рыбой, хлѣбомъ и строевымъ лѣсомъ. Вскорѣ послѣ своего поселенія въ Жванцѣ, въ 1699 г., армяне выстроили большой каменный костелъ, существующій и понынѣ; теперь онъ перешелъ въ руки поляковъ. Около половины XVIII в. съ большими усиліями удалось и полякамъ построить себѣ деревянный костелъ, но онъ просуществовалъ не долго.

Въ 1768 г. Жванецъ снова становится театромъ военныхъ столкновеній и подвергается новому разоренію. Зимою этого года нѣкоторые изъ предводителей барской конфедераціи, успѣвшіе спастись послѣ взятія Бара русскими войсками, разсѣялись со своими отрядами по границамъ Подолья и Молдавіи, всюду захватывая въ свои руки укрѣпленные замки. Основавши главную квартиру въ Хотинѣ, подъ защитой хотинскаго паши, два отряда подъ начальствомъ братьевъ Пулавскихъ заняли Окопы св. Тройцы и Жванецъ вмѣстѣ съ прилегающими къ нимъ селами, съ цѣлью организовать здѣсь серьёзную защиту.

Однако, при первомъ столкновеніи съ русскими войсками, конфедераты, вытѣсненные изъ жванецкихъ окоповъ, заперлись въ замкѣ, при чемъ для своей безопасности нашли нужнымъ сжечь ближайшіе къ замку дома, въ томъ числѣ и польскій костелъ. Такимъ образомъ уничтожена значительная часть мѣстечка, но эта мѣра нисколько не облегчила защиты: послѣ нѣсколькихъ дней осады,

храбрые конфедераты, въ количествѣ 400 человѣкъ кавалеріи и около 40 янычаръ, явившихся съ разрѣшенія хотинскаго паши, ночью вышли изъ замка со стороны р. Жванчика, спустились съ крутого, почти отвѣснаго берега, считавшагося неприступнымъ и потому не занятаго русской стражей, перешли по льду на правый берегъ Днѣстра и разсѣялись въ Бессарабіи.

Въ маѣ слѣдующаго года, Жванецъ испыталъ новое бѣдствіе: на него напали турки съ татарами, разграбили и опустошили какъ беззащитное мѣстечко, такъ и окрестныя села; множество жителей погибло, въ томъ числѣ и настоятель польскаго костёла, остальные спаслись бѣгствомъ въ болѣе отдаленныя мѣста.

Ко всѣмъ этимъ несчастьямъ прибавилось еще одно, общее для всего подольскаго края: чума, занесенная изъ Турціи и памятная цѣлому Подолью, истребила огромное большинство жителей Жванца, такъ что послѣ всѣхъ этихъ бѣдствій мѣстечко представляло чрезвычайно жалкій видъ. Кладбище, на которомъ похоронены зачумленные, лежитъ на берегу Днѣстра, при устьи Жванчика, откуда начинается дорога въ Исаковцы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лѣсная пристань. До недавняго времени православные жители мѣстечка въ Троицынъ день являлись сюда съ процессіей молиться объ умершихъ, но теперь этотъ обычай оставленъ.

О крайнемъ разореніи мѣстечка свидѣтельствуетъ сеймовое постановленіе 1775 г., въ силу котораго дается жителямъ на 12 лѣтъ льгота отъ всевозможныхъ повинностей и уплатъ въ пользу казны, для того чтобы поднять изъ развалинъ мѣстечко, оживить торговлю и возвратить прежнее благосостояніе. Но эта мѣра оказалась безсильною: большая часть грековъ и армянъ переселились въ другія мѣста, остальные смѣшались съ мѣстнымъ шляхетскимъ элементомъ и, усвоивши его бытъ, оставили свои прежнія занятія.

Въ военно-административномъ отношеніи, какъ укрѣпленный пунктъ, Жванецъ обыкновенно, т. е. въ то время когда имъ владѣли поляки, находился въ вѣдѣніи регментаря подольскаго. Въ концѣ 1777 г. онъ поступаетъ подъ непосредственное начальство коменданта каменецкаго и получаетъ значеніе пограничнаго форпоста съ небольшимъ отрядомъ кавалеріи въ качествѣ гарнизона, подъ начальствомъ хорунжаго. Этотъ послѣдній игралъ скорѣе наблюдательную роль: его главной обязанностью было извѣщать высшія

власти о движеніяхъ турецкихъ войскъ въ Хотинѣ, о появленіи повальныхъ болѣзней на берегахъ Днѣстра и т. д. Сверхъ того въ обязанности хорунжаго входило: 1) поддерживать мирныя сосѣдскія отношенія съ хотинскимъ пашею и 2) наблюдать за другими польскими отрядами, расквартированными вдоль по теченію Днѣстра и охранять всѣ броды и перевозы черезъ рѣчку отъ Жванца до Могилева.

Какъ пограничный пунктъ, Жванецъ былъ мѣстомъ, гдѣ публиковались съ большой торжественностью всѣ важнѣйшія перемѣны, происшедшія въ краѣ и доводившіяся до свѣдѣнія сосѣдней державы. Такъ напримѣръ здѣсь объявляли объ избраніи новаго короля, при чемъ хотинскій паша приносилъ поздравленія коменданту; въ свою очередь и поляки платили такою-же любезностью при восшествіи на престолъ новаго султана и т. д. Такъ какъ существованіе жванецкаго замка всецѣло зависѣло отъ поддержанія мирныхъ сосѣдскихъ отношеній съ турецкимъ правительствомъ, то польскія власти старались устранить всѣ малѣйшіе поводы къ столкновенію; такъ напримѣръ, если хорунжій не могъ поладить съ хотинскимъ пашею, или почему нибудь не нравился ему, то немедленно замѣнялся другимъ. Главной обязанностью хорунжаго было именно поддержаніе сосѣдскихъ отношеній съ турецкимъ губернаторомъ. Въ документахъ сохранилось много примѣровъ взаимной любезности между сосѣдями. Такъ напримѣръ, поляки, желая доказать свою справедливость передъ невѣрными, всѣ приговоры надъ подолянами за преступленія, совершенныя ими на молдавской территоріи, приводили въ исполненіе на высокомъ берегу Днѣстра въ виду Хотина. D-r Antoni J. приводитъ весьма характерный примѣръ подобной любезности—казнь одного шляхтича за убійство турка, сопровождавшуюся цѣлымъ ритуаломъ, за исполненіемъ котораго турки слѣдили съ другого берега. Вѣроятно и паша, съ своей стороны платилъ такою-же учтивостью. — Вообще исторія Жванца, исполненная трагизма, представляетъ въ тоже время много весьма оригинальныхъ эпизодовъ, которые очень живо переносятъ насъ въ эпоху польскаго владычества, отличавшагося характеромъ крайняго своеволія и самодурства, не лишеннаго по временамъ и комическихъ выходокъ.—Такъ напримѣръ, въ то время, какъ въ Жванцѣ уже существовала православная церковь и армянскій

костелъ, не было польскаго костела, не было и средствъ для его сооруженія. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ епископъ каменецкій, Сигизмундъ Чижевскій, возъимѣлъ блестящую мысль—обязать къ постройкѣ костёла еврейскую общину въ Жванцѣ. Предлогомъ къ тому послужила торжественная процессія, устроенная будто мѣстными евреями съ большимъ парадомъ; шествіе открывалъ старый еврей, несшій подъ балдахиномъ какое-то священное изображеніе; за нимъ слѣдовала огромная масса народа съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ. Въ такомъ видѣ процессія прошла черезъ рынокъ, украшенный свѣжими деревьями и усѣянный цвѣтами и душистыми травами.—Религіозное чувство благочестиваго епископа было возмущено подобнымъ фактомъ и, въ наказаніе за дерзость, епископскій судъ (22 апрѣля 1663 г.) приговорилъ старѣйшихъ изъ евреевъ къ тюремному заключенію на 1 годъ и 6 недѣль, всѣхъ-же остальныхъ—къ штрафу въ 16,100 злотыхъ, которые должны быть употреблены на постройку костела. Къ счастью для евреевъ, набожный епископъ вскорѣ умеръ, не дождавшись исполненія приговора. Изъ того-же приговора узнаемъ еще одну интересную подробность, а именно: въ данное время Жванецъ, составлявшій собственность Ланцкоронскаго, находился въ арендѣ у еврея Емануэля.

Съ теченіемъ времени Жванецъ все больше и больше теряетъ свое прежнее значеніе торговаго пограничнаго пункта и пріобрѣтаетъ общій характеръ подольскаго мѣстечка—характеръ промышленнаго, культурнаго и административнаго центра для весьма небольшаго района. Хотя послѣ присоединенія Подолья къ Россіи въ Жванцѣ были устроены таможня и карантинъ, но эти учрежденія ни мало не способствовали процвѣтанію промышленности и, послѣ присоединенія Бессарабіи, были упразднены въ 1812 г., просуществовавши всего 17 лѣтъ. Мѣстечко все больше и больше приходитъ въ упадокъ; въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія оно составляетъ собственность нѣсколькихъ владѣльцевъ; въ 1842 оно было пріобрѣтено казной для проэктируемой постройки цѣлой системы пограничныхъ укрѣпленій, но проэктъ не былъ приведенъ въ исполненіе и Жванецъ остался въ вѣдѣніи государственныхъ имуществъ. До начала работъ многіе изъ жителей были разселены въ

сосѣднія села, преимущественно въ Гавриловцы, что еще больше способствовало уменьшенію населенія.

Въ настоящее время въ Жванцѣ считается до 3,000 жителей; большинство составляютъ евреи, меньшинство—православные малороссы и незначительную часть—католики. Евреи торгуютъ хлѣбомъ, лѣсомъ и т. д., держатъ перевозъ на Днѣстрѣ и занимаются самыми доходными промыслами. Остальное населеніе живетъ земледѣліемъ и ремеслами.

Наибольше выгодъ доставляетъ лѣсная торговля, которою занято почти все еврейское населеніе Жванца. Евреи закупаютъ лѣсъ, сплавляемый сюда изъ Галичины,—большею частью дубъ, сосну и букъ, сортируютъ его, вяжутъ въ плоты или тутъ-же на пристани распиливаютъ въ доски, изъ которыхъ строятъ лодки и »галяры«—особыя плоскодонныя суда въ видѣ четырехъ угольныхъ ящиковъ, на подобіе парома съ высокими бортами, которыя встрѣчаются на всемъ протяженіи Днѣстра до моря; суда эти отличаются большой ёмкостью. Плоты и галяры представляютъ единственное средство передвиженія на Днѣстрѣ, вслѣдствіе мелководія этой рѣки; они нагружаются хлѣбомъ, лѣсомъ и другими товарами, которые доставляются такимъ путемъ во всѣ днѣстровскія пристани до самыхъ Маякъ. Торговля находится въ рукахъ евреевъ, но рабочими на пристани и на судахъ служатъ мѣстные крестьяне.

Въ лѣтнее время населеніе увеличивается еще купальщиками, которые стекаются сюда въ значительномъ количествѣ по совѣту врачей, такъ какъ воды Днѣстра, проложившаго себѣ русло въ породахъ известковыхъ скалъ, считаются цѣлебными. Съ наступленіемъ лѣтняго сезона оживляется какъ торговая, такъ и общественная жизнь мѣстечка; является усиленный спросъ на продукты, сдѣлавшіеся предметами первой необходимости въ жизни культурныхъ классовъ. Сверхъ того является потребность и въ развлеченіяхъ. Во время нашего пребыванія въ Жванцѣ давались спектакли заѣзжей еврейской труппой; афишъ разумѣется не было; за отсутствіемъ театра, представленія давались въ одномъ изъ заѣздовъ. Намъ не удалось посѣтить этотъ импровизированный театръ, но, судя по разсказамъ, представленія шли на русскомъ языкѣ и зала была переполнена публикой, состоявшей какъ изъ представителей еврейскаго населенія, такъ и изъ скучающихъ купальщиковъ.

V.

Окопы св. Тройцы, исторія села.—Дорога въ Брагу.—Берегъ Днѣстра.—Брага.—Историческія свѣдѣнія.—Перевозъ.—Промыслы жителей.—Хотинъ.—Видъ города; крѣпость, базаръ, русскій городъ.

Изъ окрестностей Жванца больше всего привлекаетъ вниманіе зрителя съ южной стороны старая хотинская крѣпость и расположенное противъ нея на подольскомъ берегу Днѣстра с. Брага; затѣмъ прямо противъ Жванца, на низкомъ песчаномъ мысѣ, лежитъ село Атаки [1]) и наконецъ въ разстояніи 3—4 верстъ вверхъ по Днѣстру, на юго-западъ отъ Жванца, среди горъ бѣлѣютъ нѣсколько хатъ, окруженныхъ уступами деревьевъ; это—небольшое село Окопы св. Тройцы, лежащее уже на территоріи нынѣшней Галиціи. Село расположено на склонѣ высокаго длиннаго мыса, который образуется теченіемъ рѣкъ Днѣстра и Збруча, впадающаго въ этомъ мѣстѣ въ Днѣстръ.

Окопы св. Тройцы, входившіе прежде въ составъ Подолья, возникли позже другихъ подольскихъ поселеній. Мѣстность, на берегу судоходнаго Днѣстра, на самой границѣ польскихъ владѣній съ турецкими и румынскими, привлекла вниманіе Станислава Яблоновскаго, великаго коронпаго гетмана, какъ удобный въ стратегическомъ отношеніи пунктъ. Во время турецкаго господства, король Янъ Казиміръ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ очистить край отъ турокъ, размѣстилъ въ ближайшихъ къ границѣ мѣстахъ небольшіе гарнизоны, которые должны были прекратить подвозъ припасовъ въ Каменецъ и прервать возможность сношеній непріятеля съ заграницей. Въ это время было построено нѣсколько новыхъ замковъ въ мѣстахъ, за которыми признавалось извѣстное стратегическое значеніе, въ томъ числѣ и въ углу при впаденіи р. Збруча, въ самомъ крайнемъ пограничномъ пунктѣ Рѣчи Посполитой. Въ теченіи шести недѣль отрядъ польскаго войска высыпалъ здѣсь валы и шанцы, укрѣпленные каменной стѣной, при чемъ распоряжался работами самъ коронный гетманъ.

---

[1]) Поселенія съ такимъ именемъ довольно часто встрѣчаются на бессарабскомъ берегу; онѣ всегда расположены какъ разъ напротивъ подольскаго города или мѣстечка.

Небольшое укрѣпленіе, наскоро сооруженное, получило громкое названіе: «*Окопы горы св. Тройцы—блокада Каменца Подольскаго*»; въ настоящее время оно называется въ народѣ просто Окопами. Станиславъ Яблоновскій былъ прилично вознагражденъ правительствомъ Рѣчи Посполитой за оказанную имъ услугу; но замокъ не выполнилъ, кажется, своего назначенія—служить для блокады Каменца.—Мы не знаемъ, когда именно возникло здѣсь поселеніе: были-ли Окопы св. Тройцы заселеннымъ пунктомъ раньше постройки замка, или жители начали селиться подъ защитой укрѣпленій, но въ концѣ XVII столѣтія мы уже встрѣчаемъ извѣстія о существовавшемъ здѣсь поселенія. Въ 1700 г. укрѣпленіе превращено въ мѣстечко привилегіей короля Августа II, надѣлившаго его магдебургскимъ правомъ, съ извѣстнымъ числомъ торговъ и ярмарокъ и т. д.; сверхъ того мѣщане освобождались въ теченіи десяти лѣтъ отъ всевозможныхъ податей и повинностей, какъ земскихъ, такъ и военныхъ. Военная служба, т. е. охрана границы, отбывалась особымъ гарнизономъ, принадлежавшимъ правительству. Но всѣ эти мѣры немного повліяли на развитіе благосостоянія мѣстечка. Вообще Окопы св. Тройцы не имѣли большаго значенія ни въ смыслѣ промышленнаго, или торговаго центра, ни въ смыслѣ укрѣпленнаго замка, не смотря на выгодное, повидимому, положеніе при самой границѣ, на берегу судоходной рѣки; гарнизонъ вскорѣ былъ выведенъ изъ замка, мѣстечко оставалось безжизненнымъ; укрѣпленія мало по малу приходили въ упадокъ и правительство нисколько не старалось вызвать поселеніе къ жизни. Разъ только, въ 1764 г., сеймъ ассигновалъ небольшую сумму на возстановленіе замка и валовъ и съ того времени совершенно оставилъ всякую заботу объ Окопахъ. Вѣроятно и послѣ ассигновки укрѣпленіе не было возстановлено, потому что въ 1770 г., когда Жванецъ, Паневцы и другіе пограничные замки заняты были барскими конфедератами, въ Окопахъ св. Тройцы на короткое время расположился небольшой отрядъ Казиміра Пулавскаго, заставшій здѣсь однѣ развалины и запустѣніе. Пулавскій нѣсколько реставрировалъ замокъ, въ которомъ пробылъ около 12 недѣль, и наконецъ былъ вытѣсненъ при первомъ штурмѣ русскимъ отрядомъ, одновременно съ конфедератами, занявшими жванецкій замокъ.

Послѣ раздѣла Рѣчи Посполитой, въ 1773 г. Окопы св. Тройцы вошли въ составъ нынѣшней Галиціи, послѣ чего большая часть укрѣпленій была срыта австрійскими властями, устроившими въ мѣстечкѣ таможню и карантинъ. Въ настоящее время уцѣлѣла часть валовъ и стѣнъ, которые мало по малу разрушаются и временемъ, и жителями.

Въ двухъ верстахъ къ югу отъ Жванца, на берегу Днѣстра виднѣется небольшое село Брага, расположенное прямо противъ Хотина на подольской сторонѣ. Дорога въ Брагу идетъ по самому берегу Днѣстра, занимающему вдоль рѣки очень низкую и узкую полосу, всего нѣсколько сажень ширины; берегъ покрытъ толстымъ пластомъ разноцвѣтныхъ закругленныхъ камешковъ, выброшенныхъ рѣкою во время разливовъ; большинство этихъ галекъ состоитъ изъ кремней всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, снесенныхъ сюда водой изъ разныхъ мѣстъ, такъ какъ горы Подолья, состоящія большею частью изъ различныхъ известковыхъ и глинистыхъ породъ, чрезвычайно богаты кремнемъ. Низменная береговая полоса окаймлена съ правой стороны Днѣстромъ, съ лѣвой— возвышается сплошной стѣной каменная гора, около 40 сажень вышиною, служащая подпочвой для плоскогорной приднѣстровской равнины. Верхняя половина горы представляетъ рядъ отвѣсныхъ скалъ, изрѣдка поросшихъ тощей растительностью и напоминающихъ стѣны крѣпости или замка; ближе къ подножію, обрывъ становится болѣе пологимъ, благодаря осыпямъ камней и земли сверху. Во многихъ мѣстахъ высокій берегъ изрѣзанъ глубокими поперечными оврагами, вырытыми дождевой водой. По нимъ только и можно взбираться на гору, при чемъ подъ ногами осыпается постоянно земля и камни, такъ что приходится по два и три раза взбираться на одну и ту-же скалу. Дно овраговъ, также какъ и самый берегъ, усѣяно огромнымъ количествомъ кремневыхъ осколковъ, изъ которыхъ многіе напоминаютъ первобытныя орудія простѣйшей формы; между ними попадаются изрѣдка полированные каменные топорики, хотя намъ не посчастливилось найти ни одного.

Весь берегъ Днѣстра изрѣзанъ болѣе или менѣе глубокими заливами, отчего дорога вдоль берега чрезвычайно извилиста. При самомъ началѣ села Браги, дорога идетъ по цѣльной скалѣ, которая въ этомъ мѣстѣ образуетъ почву и, постепенно понижаясь,

переходитъ на дно рѣки и представляетъ очень удобное мѣсто для купанья.

Село, расположенное на южномъ склонѣ высокаго берега, состоитъ всего изъ двухъ рядовъ хатъ, которыя какъ-бы сбѣгаютъ съ горы къ Днѣстру. Посреди села небольшая церковь; садовъ мало, также какъ и въ Жванцѣ; причиной тому отчасти, можетъ быть каменистый грунтъ, въ которомъ трудно укорениться дереву, или, можетъ быть, и нелюбовь жителей къ занятію садоводствомъ, потому что на противуположномъ бессарабскомъ берегу такая-же каменистая почва и однако на ней растутъ и садовыя, и лѣсныя деревья; вся зелень въ селѣ состоитъ изъ однихъ огородныхъ растеній. На возвышенной равнинѣ, господствующей надъ селомъ, видны слѣды земляныхъ укрѣпленій, насыпанныхъ поляками во время войнъ XVI и XVII в., когда Брага на равнѣ съ Жванцемъ, Окопами и др. имѣла значеніе пограничнаго сторожевого пункта. Теперь городище почти совсѣмъ распахано, отъ него сохранились едва замѣтные остатки валовъ, окруженные ровнымъ полемъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи, ближе къ почтовой дорогѣ, синѣетъ темная полоса лѣса — остатокъ бывшихъ *«жванецкихъ гаивъ»*.

Въ первый разъ съ своимъ настоящимъ именемъ Брага упоминается въ документахъ подъ 1595 г., какъ село, въ которомъ останавливался лагеремъ Замойскій, провожая господаря Іеремію Могилу на валашскій престолъ, и въ которомъ нѣсколько лѣтъ спустя собирались польскіе и валашскіе послы для заключенія договора, послѣ того, какъ сынъ Іереміи, не съумѣвшій удержаться на тронѣ, обратился къ покровительству Польши. Гетманъ Жолкевскій съ отрядомъ занялъ окопы на высотахъ надъ селомъ, а комиссары обоихъ державъ собирались на совѣщаніе вблизи укрѣпленій подъ его прикрытіемъ. Въ теченіи восьми дней, пока продолжались переговоры, въ Брагу ежедневно переправлялся изъ Хотина турецкій отрядъ, становившійся въ виду комиссаровъ, при чемъ поляки съ своей стороны выставляли такой-же отрядъ, а начальники ихъ щедро угощали турокъ водками и винами вопреки закону Магомета. Наконецъ договоръ былъ заключенъ; одна изъ его статей, относившихся къ Брагѣ, состояла въ томъ, что перевозъ у села, по давнимъ обычаямъ, остается въ общемъ пользованіи;

отсюда видно, что до того времени право перевоза одинаково принадлежало всѣмъ пограничнымъ народамъ, т. е. полякамъ, туркамъ и румынамъ.

Въ теченіи всего XVII в. Брага сохраняетъ значеніе такого пограничнаго пункта, куда съѣзжаются для переговоровъ послы изъ Подоліи и Румынскихъ господарствъ.

Во время хотинской кампаніи 1621 г., Брага получаетъ важное стратегическое значеніе, какъ ближайшій къ Хотину пунктъ на подольской территоріи. Воспользовавшись весьма удобной переправой черезъ Днѣстръ, гетманъ Сагайдачный устроилъ здѣсь мостъ и перевозъ черезъ рѣку для польско-козацкой арміи, которая пользовалась имъ во все время войны.

Въ продолженіи 27 лѣтняго господства турокъ въ Подоліи, село совершенно опустѣло, даже переправа почти перестала существовать, но послѣ удаленія турокъ, Брага, подобно другимъ оставленнымъ селамъ, весьма быстро колонизуется малорусскими поселенцами; жителей привлекала сюда близость Молдавіи, гдѣ не было крѣпостнаго права и куда легко было спасаться въ случаѣ притѣсненія отъ жванецкаго старосты, которому принадлежала Брага вмѣстѣ со многими другими селами.—Мы уже говорили выше, что здѣсь, на самомъ видномъ мѣстѣ противъ Хотина, происходилъ со стороны поляковъ обмѣнъ сосѣдскихъ любезностей съ турками въ видѣ казней преступниковъ, нанесшихъ вредъ туркамъ.

Съ 1769 по1792 г. Брага получаетъ значеніе русскаго почтоваго пункта; здѣсь стоялъ небольшой козацкій гарнизонъ, на обязанности котораго лежало пересылать корреспонденціи между Петербургомъ и Константинополемъ; тутъ-же останавливались русскіе послы, отправлявшіеся въ Турцію.

Въ настоящее время, также какъ и въ старину, въ Брагѣ существуетъ переправа черезъ Днѣстръ, состоящая изъ двухъ плохихъ паромовъ, которые здѣсь, какъ и въ Жванцѣ, да и повсемѣстно въ Подоліи, содержатся евреями, между тѣмъ какъ рабочими на нихъ являются крестьяне. Переправляясь изъ Браги въ Хотинъ, мы каждый разъ находили на берегу группы крестьянъ съ возами, въ ожиданіи парома, который не спѣшили подавать на ихъ зовъ. Изъ разговоровъ съ ними мы узнали, что жители Браги большею частью получили надѣлы на бессарабскомъ берегу, куда

отправляются на полевыя работы и откуда по нѣсколько разъ въ день возятъ снопы домой, при чемъ каждый разъ принуждены платить за переправу. Такой налогъ долженъ тяжело ложиться на крестьянское хозяйство. Здѣсь кстати отмѣтимъ одну особенность въ сельскихъ промыслахъ. По всему Подолью до береговъ Днѣстра крестьяне сѣютъ главнымъ образомъ различные сорта зерноваго хлѣба, горохъ и чечевицу, при чемъ пшеница идетъ въ продажу, а жито, гречка и др. потребляются на мѣстѣ. Но начиная отъ Жванца, по всему Днѣстровскому побережью сѣется преимуобразомъ кукуруза, которая составляетъ главную пищу мѣстныхъ крестьянъ. Исключеніе представляютъ большія помѣщичьи имѣнія, гдѣ разводятся различные сорта хлѣба; но все это закупается евреями и сплавляется на плотахъ и галерахъ въ Одессу, или потребляется на мѣстныхъ винокурняхъ.—Изъ кукурузной муки больше всего приготовляютъ мамалыгу—особое молдованское кушанье, которое служитъ главной и постоянной пищей какъ бессарабскаго, такъ и подольскаго крестьянина. Кромѣ мамалыги, изъ кукурузы приготовляется особый сортъ хлѣба, такъ называемый »молай«, различныя лепешки и т. п. При каждой хатѣ находится одно или нѣсколько помѣщеній для склада кукурузы, сплетенныхъ изъ хвороста въ формѣ высокихъ цилиндрическихъ корзинъ (3—4 аршина вышиною), нѣсколько расширяющихся къ верху и закрывающихся остроконечной крышкой. Корзины эти очень удобно переносятся съ мѣста на мѣсто; въ каждой помѣщается около 10 возовъ кукурузы. По словамъ крестьянъ, 10—15 возовъ достаточно на прокормленіе небольшой семьи въ теченіе цѣлаго года, такъ какъ эта пища чрезвычайно сытная. Излишекъ зерна закупается евреями.

Хотя цѣлью нашей поѣздки было знакомство собственно съ Подольемъ, но разъ очутившись въ виду Хотина, нельзя было упустить случай осмотрѣть этотъ интересный бессарабскій городъ, первый, какой встрѣтился намъ на пути. Нужно замѣтить, что начиная отъ с. Атакъ (противъ Жванца), бессарабскій берегъ довольно быстро повышается, такъ что Хотинъ, отстоящій всего на разстояніи двухъ верстъ, расположенъ уже на довольно высокой горѣ, которая возвышается сплошною стѣной вдоль низменной и узкой береговой полосы.

Переправившись изъ Браги на другой берегъ, мы очутились у подножія старинной хотинской крѣпости, расположенной въ глубинѣ довольно значительнаго залива, какіе встрѣчаются постоянно по причинѣ частыхъ извилинъ рѣки. Въ крѣпость ведетъ узкая извилистая тропинка, круто подымающаяся по скаламъ и вся покрытая густымъ слоемъ щебня, который осыпается изъ развалинъ. Цитадель стоитъ на крутой возвышенности, которая со всѣхъ почти сторонъ отрѣзана отъ города чрезвычайно глубокимъ оврагомъ, едвали не достигающимъ уровня Днѣстра и, повидимому, прорытымъ искусственно. Крѣпость, выстроенная генуэзцами, которые имѣли здѣсь факторію, и впослѣдствіи захваченная и значительно увеличенная турками, поражаетъ своею грандіозностью и необыкновенной прочностью постройки; до настоящаго времени сохранились почти цѣликомъ всѣ наружныя стѣны и башни, только внутреннія жилыя постройки большею частью разрушены. Цитадель имѣетъ видъ четырехъугольника съ круглыми башнями по угламъ, со множествомъ бойницъ и амбразуръ въ стѣнахъ; внутри двора—старый турецкій колодецъ, доходящій до уровня воды въ Днѣстрѣ, сохранившійся въ цѣлости и до настоящаго времени, хотя теперь имъ никто не пользуется,—множество погребовъ, подземныхъ ходовъ и другихъ построекъ, которыя лежатъ впустѣ. Съ сѣверо-восточной стороны, т. е. со стороны рѣки, крѣпость имѣетъ весьма внушительный видъ,—кажется, что стѣны и башни въ этомъ мѣстѣ были въ свое время реставрированы турками; но трудно представить себѣ что нибудь грандіознѣе противуположной части, которая выходитъ на оврагъ: громадная, выстроенная полукругомъ, стѣна спускается совершенно отвѣсно до самаго дна оврага, и на нѣсколько сажень превосходитъ своею высотою вышину сосѣдней горы. Стѣны сложены изъ желтаго кирпича необыкновенной прочности, съ украшеніями изъ краснаго кирпича въ видѣ полосъ вдоль всей стѣны до самаго верху; надъ главными въѣздными воротами на стѣнѣ выложенъ рельефный орнаментъ въ видѣ двухъ розетокъ, между которыми фигура пѣтуха, кажется, обращенная на востокъ. Толщина стѣнъ хотинской крѣпости превосходитъ всякое вѣроятіе: онѣ достигаютъ въ своей нижней части отъ двухъ до трехъ сажень въ толщину, во многихъ мѣстахъ въ стѣнахъ устроены небольшія камеры и потайные ходы, углубляющіеся въ землю и совершенно

темные, куда путешественникъ не рѣшается проникнуть. Въ настоящее время крѣпость совершенно заброшена и мало по малу разрушается временемъ и непогодой. Только изрѣдка посѣщаетъ ее заѣзжій туристъ и, преклоняясь передъ ея подавляющимъ величіемъ, удивляется той высокой культурѣ, которая могла создать и поддерживать въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій такую неприступную твердыню.—Цитадель укрѣплена съ единственной доступной стороны, т. е. съ юга, рядомъ земляныхъ фортификацій, сквозь которыя ведетъ въ городъ прекрасное шоссе, вымощенное еще турками. Среди валовъ уцѣлѣла часть мечети съ минаретомъ, служившая до недавняго еще времени казармою; тутъ-же находится нѣсколько казармъ, складовъ и другихъ военныхъ построекъ николаевскаго времени, которыя теперь тоже оставлены и уже приходятъ въ полное разрушеніе, не смотря на свой недолгій вѣкъ, между тѣмъ какъ старая хотинская крѣпость простоитъ еще долгое время и будетъ поражать еще много поколѣній необыкновенной прочностью постройки.

Объ исторіи Хотина существуетъ цѣлая литература, такъ что о ней нужно сказать или слишкомъ много или ничего; поэтому я ограничусь только внѣшнимъ очеркомъ крѣпости и города.

Въ разстояніи около версты отъ крѣпости, на склонѣ горы начинается городъ, который тянется къ западу отъ Днѣстра по высокой равнинѣ. Сперва идетъ старый городъ, представляющій настоящій лабиринтъ кривыхъ, узкихъ и непроходимо грязныхъ улицъ, застроенныхъ большею частью еврейскими домами; въ каждомъ производится какая нибудь торговля или промыселъ. На главной улицѣ уцѣлѣли еще нѣкоторые слѣды мостовой—остатки турецкаго шоссе, облегчавшаго сообщеніе между городомъ и крѣпостью или берегомъ Днѣстра. Вдоль улицы тянутся въ два ряда лавки, шинки, табачныя фабрики и т. п. Вся торговля находится въ рукахъ евреевъ, при чемъ по внѣшнему виду лавки нельзя опредѣлить, какой здѣсь главный продуктъ,—спеціализаціи въ торговлѣ совсѣмъ нѣтъ. Въ небольшихъ лавкахъ или рундучкахъ, гдѣ развѣшаны и нагромождены всевозможные товары болѣе низкаго достоинства (все лучшее и болѣе цѣнное прячется подъ прилавкомъ или въ жилыхъ помѣщеніяхъ и подвалахъ при лавкѣ), торгуютъ однѣ еврейки и наперерывъ другъ передъ другомъ зазываютъ всякаго, проходящаго по улицѣ. Евреи собираются группами на улицѣ и

возлѣ лавокъ, съ большимъ оживленіемъ толкуютъ о своихъ гешефтахъ, но не занимаются мелкой продажей.

Въ разныя стороны отъ главной улицы расходятся переулки, болѣе или менѣе правильные, также застроенные еврейскими домами, подъ часъ старинной архитектуры, со множествомъ пристроекъ, кладовыхъ, погребовъ и т. д.; повидимому, это жилища болѣе зажиточныхъ купцевъ. Дальше, на склонахъ горъ, лѣпятся бѣлыя чистенькія хаты хотинскихъ мѣщанъ, окруженныя садами и огородами, въ которыхъ преобладающимъ растеніемъ является кукуруза. На одной изъ горъ, пониже крѣпости, выглядываетъ среди зелени красивая каменная церковь, но, повидимому, безъ всякихъ остатковъ старины.

Миновавъ старый городъ, начинается новый, все-таки еврейскій городъ, который тянется подъ гору и дальше на высокой песчаной равнинѣ. Широкая главная улица, вымощенная еще во время турецкаго господства и служащая теперь главнымъ торговымъ центромъ, окаймлена съ двухъ сторонъ длинными корпусами каменныхъ лавокъ. Между ними весьма часто попадаются вывѣски, на которыхъ изображено крупнымъ шрифтомъ: *Кондиторская* и внизу мелкимъ шрифтомъ добавлено: *съ продажей питей распивочно и на выносъ.* Незнакомый съ мѣстной стилистикой пріѣзжій напрасно сталъ-бы искать внутри этихъ заведеній чего нибудь напоминающаго кондитерскую; онъ найдетъ только бочку водки и другія принадлежности обыкновеннаго шинка.

Съ концемъ базара оканчивается еврейская часть города и начинается новый русскій городъ, отдѣляющійся отъ перваго довольно обширной площадью. Посреди площади, вправо отъ главной улицы, возвышается очень красивое зданіе турецкой архитектуры, сложенное изъ разноцвѣтнаго узорчатаго кирпича. Одноэтажное квадратное зданіе, очень высокое, окружаетъ со всѣхъ сторонъ широкая, крытая галерея, состоящая изъ ряда арокъ; посреди дома возвышается изящная, ажурная башенка съ полумѣсяцемъ на верху. Въ настоящее время это зданіе передѣлывается подъ лавки; намъ ничего не удалось узнать объ немъ отъ мѣстныхъ жителей, но кажется, судя по внѣшнему виду, что и въ турецкое время здѣсь долженъ былъ помѣщаться караванъ—сарай или какое нибудь общественное учрежденіе.

Въ концѣ площади начинается рядъ чистенькихъ бѣлыхъ домиковъ шаблонной архитектуры, въ пять или семь оконъ, съ подъѣздами, палисадниками и т. д., однимъ словомъ тоже самое, что мы привыкли видѣть на главной улицѣ заурядного уѣзднаго городка. Здѣсь живутъ представители мѣстной администраціи и интеллигенціи, здѣсь же помѣщаются всѣ правительственныя учрежденія: полиція, острогъ, камера мирового судьи, уѣздное училище и т. п., нѣсколько магазиновъ, два-три ресторана и настоящая кондитерская.

По другую сторону улицы тянется довольно обширный скверъ, очевидно недавно еще разведенный, но уже довольно тѣнистый, съ традиціонными аллеями изъ акацій, съ усыпанными желтымъ пескомъ дорожками, съ зелеными скамейками и эстрадой для музыки посреди сада. Возлѣ сквера находится другая православная церковь, новенькая, чистенькая; на дверяхъ красуется длинное печатное поученіе противъ пьянства; вѣроятно православные жители Хотина особенно отличаются этимъ качествомъ.

Дальнѣйшій осмотръ города не представлялъ ничего интереснаго; время шло къ вечеру и пора было думать о возвращеніи въ Жванецъ.

К. М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ.

(Окончаніе) [1]).

Изъ многочисленныхъ притоковъ Днѣпра въ предѣлахъ Запорожья болѣе значительные и извѣстные были слѣдующіе: *съ правой стороны*: Цыбульникъ, Сухой Омельникъ, Большой Омельникъ, Самоткань, Домоткань, Сура, Верхняя, Средняя и Нижняя Хортицы, Бѣлая, Червонная, Ребелинка, Тармань, Ненажора, Олешина, Тарасовка, Грушевка, Томаковка [2]), Каменка, Лапинка, Подпольная (Пидпильня), Рѣчище, Чортомлыкъ [3]), Шарай, Осетровка, Скарбная, Павлюкъ, Днѣприще, Сельчинъ, Шебалина, Днѣприще Чортомлыцкое, Базавлукъ, Березовка, Грушевка, Большая Тереневка, Сухая Тереневка [4]), Осокоровка, Золотая, Переставка, Дурная [5]), Сухая Наносоковка [6]), Мокрая Наносоковка [7]), Веревчина, Мѣловая, Гирлы, Коловоротъ, Вятлинскій-Перевалъ, Хресна, Каменка, Дримайловка [8]), Косматій, Идеромля, Бурганка, Тягнинка, Малый Ингулъ, Бѣлозерка и наконецъ Бугъ; *съ лѣвой стороны*: Орель [9]), Протовчанка,

---

[1]) См. »Кіевская Старина« 1884 г., майск. кн., стр. 33—54.

[2]) Турецко-татарское слово »тумакъ«, по русски значитъ шапка.

[3]) Vox hybrida, славянское слово съ турецкимъ окончаніемъ.

[4]) Теперь сухой оврагъ.

[5]) Теперь сухой оврагъ.

[6]) Теперь Яреминская.

[7]) Теперь Дудчанская.

[8]) Теперь сухой оврагъ.

[9]) Вытекая изъ харьковской губерніи, онъ составляетъ границу между нею, полтавскою и екатеринославскою губерніями. Думаютъ, что названіе этой рѣкѣ

Самара, Осокоровка, Татарка, Мокрая и Сухая Каменка, Старуха, Вороная, Волнянка, Московка Сухая, Московка Мокрая (Великая), Рѣчище, Конка, Святая, Маячка, Бристана, Бабина, Аталыкова, Татарка, Басанка, Царева, Бѣло-зерка, Мамай-Сурка, Рогачикъ, Чаплыва, Лопатиха, Русинова-балка, Сухая-Широкая Каирь, Мечетная Каирь, Западная Каирь, Крутая Каирь, Турецкая Каирь и Веливела [1]).

Изъ всѣхъ названныхъ притоковъ болѣе замѣчательны слѣдующіе: Базавлукъ, Подпольная, Малый Ингулецъ, Бугъ съ правой стороны, Самара и Конка съ лѣвой.

Базавлукъ, Базулукъ, Бузовлукъ или, по Книгѣ Большаго Чертежа, Безовлукъ, извѣстенъ былъ подъ именемъ Герроса еще отцу исторіи Геродоту. На турецкомъ языкѣ Базавлукъ звучитъ »базар-лукъ«, что значитъ »торговля« [2]). Онъ начинается въ верхне-днѣпровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи и, протекши 120 верстъ съ сѣвера на югъ, впадаетъ въ рѣчку Скарбную изъ Подпольной, около Краснаго Кута, выселка Грушевки, херсонскаго уѣзда, въ ста сорока верстахъ выше самаго Херсона, служа границей между херсонской и екатеринославской губерніей. Сама »рѣчка Скарбная, принявши Базавлукъ, раздѣляется на два притока, изъ которыхъ одинъ называется р. Омельнихою, другой —р. Колотовскою. Колотовская вскорѣ пускаетъ отъ себя новый рукавъ, называемый Быстрымъ Переваломъ, который перехватываетъ Омельниху и потомъ дѣлится опять на три притока, именуемые жолобами и изливающіеся въ такъ называемыя Великія Воды, гдѣ также поглощается и Колотовская. Великія Воды, родъ болота или озера, весьма обширнаго, соединяются наконецъ съ Днѣпромъ посредствомъ многихъ гирлъ при деревнѣ Фирсовкѣ« [3]).

Рѣчка *Подпольная* начиналась въ старину противъ Микитина, теперешняго м. Никополя, екатеринославскаго уѣзда, на Орловомъ

дано узами или торками и произошло отъ одного корня со словомъ »Уралъ«. Никифоровъ. Очерки александрійскаго уѣзда, херсонской губерніи, ч. I, стр. 23.

[1]) Мышецкій. Ист. о каз. зап. Одесса, 1852, 59—73.—Русовъ. Русскіе тракты, Кіевъ, 1876 г., стр. 23.

[2]) Знаніемъ этого и другихъ словъ мы обязаны профессору харьковскаго университета В. И. Шерцлю.

[3]) Надеждинъ. Геродотова Скиѳія. Записки одесскаго общества исторіи и древностей, I, 54.

лугу, съ правой стороны, и получила свое названіе, по однимъ,—потому что проходила *подъ полями*, а по другимъ,—потому что своимъ теченіемъ подрѣзывала или *подпиливала* свои берега. Она замѣчательна тѣмъ, что нѣсколько разъ то соединяется съ Днѣпромъ, то отдѣляется отъ него, при чемъ въ разныхъ мѣстахъ носитъ и разныя названія. »Подпольная у г. Берислава принимаетъ названіе р. Касмахи, и отъ деревни Казацкой—рѣки Казацкой, гдѣ уже течетъ значительнымъ рукавомъ болѣе 100 саженъ шириною, и вливается въ Днѣпръ у д. Ольговки (Дядьковки) подъ названіемъ рѣки Копки. Съ приближеніемъ къ рѣкѣ Ингульцу, снова отдѣляется рукавъ вдоль праваго берега, подъ названіемъ Ингульца, и снова вливается въ Днѣпръ, а отъ Херсона, опять отдѣлившись, называется р. Кошевою. Къ сѣверу отъ Днѣпра, возлѣ самыхъ устьевъ, течетъ Прогной, называющійся опять р. Подпольной« [1]). Кромѣ этого рѣка Подпольная замѣчательна еще тѣмъ, что на ней была послѣдняя по счету, въ предѣлахъ русскаго государства, Запорожская Сѣчь, называемая Новою Сѣчью, основанная кошевымъ атаманомъ Иваномъ Милашевичемъ и существовавшая съ 1734 по 1775 годъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь село Покровское, екатеринославскаго уѣзда. Сѣчь находилась на большомъ полуостровѣ, заключенномъ между лѣвымъ берегомъ р. Базавлука и правымъ р. Днѣпра вмѣстѣ съ отдѣлившеюся отъ него рѣчкою Подпольною, что подало поводъ Э. Лясcотѣ сказать о Новой Сѣчи, что она расположена на островѣ Базавлукѣ [2]). Отъ пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ остались укрѣпленія; нѣсколько намогильныхъ крестовъ, между прочимъ крестъ надъ могилою кошеваго атамана Стефана Гладкаго, умершаго въ 1747 г., какъ гласитъ надпись; иконостасъ послѣдней сѣчевой церкви, хранящійся на хорахъ теперешней церкви, болѣе двадцати церковныхъ книгъ, нѣсколько иконъ съ интересными подписями, тамъ-же, четыре сволока, оставшихся отъ запорожскихъ хатъ съ характерными надписями и даже цѣлая хата, построенная въ 1747 году, августа 13-го и находящаяся во дворѣ крестьянина Митрофана Чернаго или, по уличному, Папуши.

Рѣка *Ингулецъ*, или по Книгѣ Большаго Чертежа Ангулецъ, также извѣстна была уже Геродоту, подъ именемъ р. Гипакириса; на ту-

[1]) Шмидтъ. Матеріалы для исторіи и статистики. Спб., ч. I, стр. 177.

[2]) Путевыя Записки Э. Лиссоты. Одесса, 1873 г., стр. 30.

рецкомъ языкѣ Ингулъ или Ингулецъ звучитъ »іен-кул«, что значитъ »обширное озеро«. Она беретъ свое начало въ такъ называемой Висунской степи, херсонской губерніи, александрійскаго уѣзда, въ 7½ верстахъ отъ с. Елисаветградки, и впадаетъ въ двадцати верстахъ выше г. Херсона, при селеніи Даріевкѣ; всего теченія Ингульца, по прямому направленію, 217½ верстъ, а слѣдуя по извилинамъ—523 версты.

Рѣка *Бугъ*, извѣстная Геродоту подъ именемъ Гипаниса. Впрочемъ, есть мнѣніе, что у Геродота Днѣпръ и Бугъ считались за одну рѣку и именовались однимъ общимъ именемъ Борисѳена: »нынѣшній Бугъ для Геродота былъ ни что иное, какъ самый Борисѳенъ... Днѣпръ и Бугъ считались имъ (Геродотомъ) за одинъ бассейнъ, означавшійся общимъ именемъ Борисѳенеса. Впрочемъ главнымъ, настоящимъ Борисѳенесомъ, въ смыслѣ рѣки, былъ для него (Геродота) нынѣшній Днѣпръ, въ своемъ теперешнемъ руслѣ. Почему-же Геродотъ, исчисляя Ингулъ, Ингулецъ и Бузулукъ, не упомянулъ ни слова о нынѣшнемъ Бугѣ, по крайней мѣрѣ съ той точки, гдѣ онъ и въ его время былъ уже отдѣльною, самобытною рѣкою, то есть съ соединенія его съ Чичиклеей? Причина тому безъ сомнѣнія заключается въ томъ, что Бугъ, именно почти отъ Чичиклеи запертый порогами, въ то время былъ также неизвѣстенъ совершенно въ своемъ верховьѣ, какъ и самый Днѣпръ. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ быть, по причинѣ пороговъ, доступенъ судоходству съ моря (προς πλωτός ἀπό θαλάσσης), а только такія рѣки Геродотъ предположилъ себѣ вычислить и поименовать«[1]) Бугъ или, по Книгѣ Большаго Чертежа, Бокгъ, по козацки и польски Богъ или Бохъ, по турецки Ак-су—»бѣлая вода«, выходитъ изъ болотъ южной части волынской губерніи, на Авратынской возвышенности, отрасли Карпатскихъ горъ, у деревни Холодецъ, старо-константиновскаго уѣзда; протекаетъ черезъ волынскую, подольскую и херсонскую губерніи, съ сѣвера на юго-востокъ, на протяженіи 716 верстъ, заключая во всей своей рѣчной области 1,034 кв. миль и впадая въ Днѣпръ бугскимъ лиманомъ. Запорожцамъ принадлежалъ Бугъ только нижнимъ своимъ теченіемъ, отъ впаденія въ него р. Синюхи, съ лѣвой стороны, при теперешнемъ г. Ольвіополѣ, и до самаго

[1]) Надеждинъ. Геродотова Скиѳія. Зап. одес. общ. ист. и древ., I. стр. 41, 44, 55.

устья, что составляетъ 180 верстъ, по прямому направленію. Отличительное свойство этой части Буга то, что дно его уже въ началѣ, отъ Ольвіополя до сл. Александровки, бобринецкаго уѣзда, херсонской губерніи, на 15 верстъ выше г. Вознесенска, загромождено каменными глыбами, на пространствѣ 70—80 верстъ, называемыми здѣсь, какъ и на Днѣпрѣ, порогами и одинаковаго съ днѣпровскими-же происхожденія. Они начинаются еще у Брацлава, подольской губерніи, но тамъ они не такъ скучены да и самое число ихъ не велико; здѣсь-же отъ Ольвіополя до Александровска они составляютъ большую помѣху для судоходства по Бугу: число этихъ пороговъ насчитываютъ до восемнадцати; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: мигійскіе, числомъ два, при с. Мигіѣ, одинъ въ 350 с. длины, а другой въ 500; богдановскій, противъ дер. Богдановки, въ 600 с. длины; константиновскій, противъ с. Константиновки, въ 400 саж. длины; проточинскій, 80 с. длины, и александровскій, противъ с. Александровки. »Русло Буга, прорѣзавшись въ каменистой гранитной грядѣ, отрогѣ Карпатскихъ горъ, сквозь скалистые обрывы, сжимающіе его берега, пересѣкается въ самомъ руслѣ своемъ множествомъ отдѣльныхъ гранитныхъ массъ и булыгъ, мѣстами высовывающихся надъ поверхностью воды на двѣ сажени, въ видѣ цѣлыхъ островов, покрытыхъ иногда деревьями и живописно разбросанными садами, что, вмѣстѣ съ окружающею мѣстностью, также довольно живописною, составляетъ превосходную и рѣдкую въ херсонской губерніи картину. Эти гранитные острова и подводные камни составляютъ только верхнюю надводную часть тѣхъ каменныхъ глыбъ, которыми завалено все ложе рѣки между Ольвіополемъ и Александровкою и которыя образуютъ на всемъ протяженіи 18 пороговъ, не считая заборъ« [1]). Ниже села Александровки гранитные берега Буга смѣняются известковыми утесами, а потомъ мало-по-малу превращаются въ широкіе луга, такъ до г. Вознесенска; отсюда до впаденія р. Чичиклеи въ Бугъ, неподалеку отъ гор. Ананьева, переходятъ въ низменныя топи; еще ниже отъ впаденія р. Ингула, выше гор. Николаева, въ песчано-глиноватую низменность, по которой Бугъ и изливается въ Днѣпръ своимъ лима-

---

[1]) Шмидтъ. Матеріалы для географіи и статистики. Спб. 1863 г., ч. I, стр. 190.

номъ, имѣющимъ 46 верстъ длины и отъ 800 саженъ до 7 верстъ ширины.

Самара, или въ географіи южной Россіи 1698 года Малая Самара, у казанскихъ татаръ Сакмаръ, въ книгѣ Большаго Чертежа Самаръ, у запорожскихъ казаковъ Самарь. Имя »Самаръ, Самара, Самарчукъ« распространено у разныхъ народовъ древняго и новаго міра, начиная отъ евреевъ въ Палестинѣ и кончая киргизами въ европейской Россіи и Сибири. У евреевъ подъ этимъ именемъ мы знаемъ область: вся Палестина раздѣлялась на четыре области: Галилею, *Самарію*, Іудею и Перею. По сказанію житій »Сорока двухъ мучениковъ, Павла Аѳонскаго« и другихъ, былъ г. Самара, на рѣкѣ Ефратѣ, принадлежавшій сарацинамъ: въ Сибири былъ остяцкій князь по имени Самара, извѣстный своимъ неудачнымъ сраженіемъ съ русскимъ покорителемъ Сибири, Ермакомъ Тимоѳеевымъ; на горѣ Аѳонъ есть и теперь утесъ Самары; за Волгой есть гор. Самара, на рѣкѣ Самарѣ-же; въ Крыму была рѣчка Самарчукъ[1]); наконецъ слово »Самара« встрѣчается и у киргизовъ, въ смыслѣ нарицательномъ. Различно переводили и переводятъ это слово[2]), но ближе всего, кажется, подходитъ переводъ съ киргизскаго языка, на которомъ »самара« значитъ »круглое озеро«. »У роксоланъ, антовъ и запорожскихъ козаковъ Самара, кромѣ собственнаго названія именовалась еще »священною или святою рѣкой«. Самара вытекаетъ изъ харьковской губерніи, изюмскаго уѣзда, близъ села Самарскіе Пруды; длина ея въ запорожскихъ предѣлахъ простиралась до 200 верстъ, при ширинѣ отъ 20 до 100 саженъ и болѣе. Самара замѣчательна въ исторіи запорожскаго козачества тѣмъ, что на ней у запорожцовъ былъ монастырь, въ томъ именно мѣстѣ рѣки, гдѣ она раздѣляется на два рукава, собственно Самару и Самарчукъ, въ двухъ верстахъ выше теперешняго г. Ново-Московска, запорожской Новоселицы.

---

[1]) Надхинъ. Память о Запорожьѣ. Москва, 1877, стр. 46 и 47.

[2]) Авторъ »Историч. обозр. церквей екатеринославской епархіи« производитъ »Самару« отъ сарматовъ или сауроматовъ: »Сарматы построили себѣ гор. Савромару, въ просторѣчіи называвшуюся Самарою, при рѣкѣ того-же имени« (arx Sauromaris, vulgo vocatur Samaris cum ejus modem nominis flumi. ne). Стр. 12.

Рѣка *Конка*, Конскія воды или по татарски Эльки-су, беретъ начало въ александровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, въ десяти верстахъ отъ с. Конскихъ-Раздоръ и течетъ на протяженіи 180 верстъ. Она замѣчательна тѣмъ, что семь разъ соединяется съ Днѣпромъ и столько-же разъ отдѣляется отъ него. Такъ, взявшись изъ-подъ Конскихъ-Раздоръ, Конка имѣетъ сначала сѣверо-западное, прямо встрѣчное Днѣпру направленіе. »Но по мѣрѣ приближенія къ г. Александровску, гдѣ Днѣпръ, освободясь отъ пороговъ, самъ поворачиваетъ круто на юго-западъ, и она вслѣдъ за нимъ поворачиваетъ туда-же, пока наконецъ, догнавши его у острова Хортицы, сливается съ нимъ совершенно. Но это сліяніе не есть окончательное. Вскорѣ Конка снова отдѣляется отъ Днѣпра; потомъ еще четыре раза съ нимъ сходится, и опять расходится; именно близь селеній Малой-Знаменки, Нижняго-Рогачика, Каховки и подъ г. Алешками. Невозвратно исчезаетъ она уже въ Днѣпрѣ возлѣ Лимана, при такъ называемой Голой-Пристани, 35 верстъ ниже Алешекъ. Самобытность Конки, какъ рѣки, во всю длину ея прерывистаго, или лучше, перепутаннаго теченія доказывается не столько тожествомъ имени, постоянно ею сохраняемаго, сколько самымъ свойствомъ водъ, которыя, при всѣхъ сліяніяхъ, не смѣшиваются съ водами Днѣпра, но отличаются отъ него особою синевою и прозрачностью цвѣта, даже удерживаютъ свой особенный вкусъ, предпочитаемый вкусу водъ собственно-днѣпровскихъ. Она-то преимущественно, какъ приливами своими къ главной трубѣ Днѣпра, такъ и раздробленіями собственнаго канала на множество протоковъ, образуетъ въ долинѣ днѣпровской наибольшую часть островов и плавней, которые чѣмъ ближе къ Лиману, тѣмъ болѣе имѣютъ видъ сплошнаго лѣса« [1]).

Кромѣ Днѣпра и его притоковъ, можно указать еще многія другія рѣки въ запорожскихъ предѣлахъ. Такъ на сѣверо-западномъ его склонѣ находятся *Кильчень* [2]), впадающая въ Протовчанку, *Солоная*, впадающая въ Базавлукъ, подъ селомъ Шо-

---

[1]) Андреевскій. Путев. зап. при объѣздѣ днѣпров. и мелит. у. Л. О. С. Х. Ю. Р. 1838 г., № 5, 294.

[2]) Кильчень по турецки »Кылыджъ« — сабля, мечъ.

лоховымъ екатеринославскаго уѣзда, *Саксаганъ* [1]) и *Висунъ*, впадающія въ Ингулецъ [2]), *Добрая*, впадающая въ Висунь, *Ингулъ*, у Геродота Пантикапесъ [3]), впадающій въ Бугъ, *Гнилой Еланецъ* [4]), *Мертвые Воды* и *Корабельная*, впадающія въ Бугъ, *Синюха*, впадающая въ Бугъ и отдѣлявшая на западъ запорожскія границы отъ границъ брацлавскаго воеводства, и наконецъ *Черный Ташлыкъ* изливающійся въ Синюху и *Каменка*—въ Ингулъ; на юго-восточномъ склонѣ: *Верхняя Терса*, впадающая въ Волчью, выше сл. Николаевки, александровскаго уѣзда [5]), *Нижняя Терса* впадающая въ Волчью, *Средняя* или *Степная Терса*, впадающая въ Нижнюю Терсу, подъ с. Берберовкой, александровскаго уѣзда, *Ганчулъ*, впадающій въ Волчью подъ деревней Богодаромъ [6]), *Янчулъ*, впадающій въ Ганчулъ [7]), *Волчья*, впадающая въ Самару [8]), *Торецъ*, впадающій въ сѣверный Донецъ, *Березняговатая*—въ Калміусъ, *Калміусъ* [9]), впадающій въ Азовское море и служившій у запорожцевъ пограничной рѣкою съ востока, отъ Славяно-Сербіи и Земли войска донскаго, *Кальчикъ* [10]), впадающій въ Калміусъ, *Берда*, впадающая въ Азовское море [11]), *Янчикракъ* и *Карачикракъ*, впадающія въ Конку [12]), Жеребецъ, впадающій въ Конку и отдѣлявшій

---

[1]) Саксаганъ, по турецки »сакскык«, легкій, быстрый.

[2]) Всего теченія Висуни 97 верстъ.

[3]) По турецки »іен-кулъ«—обширное озеро; находится между Бугомъ и Днѣстромъ; беретъ начало въ херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда, вблизи любомірскаго лѣса, возлѣ деревни Бровковскаго; длина рѣки—190 верстъ, ширина отъ 5 до 90 саженей; впадаетъ въ Бугъ возлѣ г. Николаева

[4]) По турецки »алапъ«—лужайка, полина

[5]) По турецки »тересъ«—соръ, навозъ.

[6]) Въ имѣніи землевладѣльца О. И. Михеева.

[7]) По турецки Ганчулъ и Янчулъ звучатъ одинаково: »іен-чол«, обширное пространство, степь.

[8]) Волчья беретъ начало въ бахмутскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, не вдалекѣ отъ села Покровскаго; длина 220 верстъ, ширина отъ 15 до 25 сажень, глубина отъ 1 до 6 футовъ.

[9]) Беретъ начало изъ высотъ бахмутскаго уѣзда, впадаетъ въ Азовское море, близъ г. Маріуполя; длина 150 верстъ, ширина до 30 сажень, глубина отъ 6 футовъ до $3^1/_2$ сажень.

[10]) Кальчикъ, Калка, по турецки »калкан«—щитъ, навѣсъ.

[11]) Длина 100 верстъ, ширина отъ 6 до 20 саженей.

[12]) Карачикракъ названіе турецкое: кара—черный, чикранъ названіе птицы; Янчикракъ значитъ Новый Чикракъ.

земли запорожскія отъ земель джедишкульской и джамбуйлуцкой ордъ.

Такова гидрографія запорожскаго края. Къ этому нужно прибавить нѣсколько словъ объ озерахъ и болотахъ.

Озеръ въ запорожскихъ владѣніяхъ, болѣе значительныхъ, считалось до пятисотъ, изъ нихъ до двухъ сотъ находилось въ теперешней екатеринославской губерніи и до трехъ сотъ въ теперешней херсонской губерніи Болѣе замѣчательныя изъ озеръ слѣдующія: Соломчино, Осокорово, Прогной, Головковское, Лахново, Ровное, Священное, Сотниково, Жаданово, Домаха, Тарасово, Васюрчино, Темерницкое, Федьковское, Федорово, Золотянское, Шатное, Царевское и др.

Изъ болотъ въ предѣлахъ запорожскихъ болѣе замѣчательныя слѣдующія: болота днѣпровскія, по нѣкоторымъ долинамъ и балкамъ, впадающимъ въ Днѣпръ, особенно съ правой стороны; орельскія болота, въ разныхъ мѣстахъ праваго берега р. Орели; самарскія болота, по обоимъ берегамъ р. Самары, особенно на среднемъ и нижнемъ теченіи ея; донскія на низменной мѣстности р. Дона, прилегавшей къ запорожскимъ владѣніямъ; калміусскія, при устьѣ р. Калміуса; наконецъ можно указать еще на болота по долинамъ рр. Базавлука, Ингульца, Ингула, Буга, по верховьямъ Ингула, Ингульца и другихъ рѣчекъ, въ нихъ или въ Днѣпръ вливающихся.

Послѣ всего сказаннаго о Днѣпрѣ, легко повѣрить тѣмъ историкамъ и путешественникамъ, которые говорятъ объ удивительномъ плодородіи долины Днѣпра и смежныхъ съ ней окрестностей. Уже Геродотъ на этотъ счетъ замѣчаетъ: »Земля (скиѳовъ) вся изъ плоскихъ равнинъ; она изобилуетъ травою и водами; рѣкъ, протекающихъ по ней не меньше числомъ, какъ въ Египтѣ каналовъ... Рѣка Борисѳенъ (Днѣпръ), по нашему мнѣнію, наибольшая и наиобильнѣйшая. Онъ доставляетъ скоту прекраснѣйшія и питательнѣйшія пастбища. Вокругъ него родится превосходный хлѣбъ, а тамъ, гдѣ земля не засѣвается, преглубокая трава. При устьѣ его, соль въ чрезвычайномъ изобиліи садится сама собой« [1]) »Рѣка эта (Борисѳенъ), замѣчаетъ другой писатель древняго міра, полезнѣе всѣхъ прочихъ по изобилію и величинѣ рыбъ, по количеству зем-

---

[1]) Геродота Галикарнасскаго бітоскаваній книга четв., стихъ 53.

ныхъ плодовъ, которые она доставляетъ, и по пастбищамъ для скотскаго корма« [1]). »Въ 1581 году... мы осмотрѣли значительную часть этой земли (при-днѣпровскихъ степей) и нашли тамъ огромныя пустыни. Въ этой странѣ трава растетъ чрезвычайно высоко и столь густо, что нѣтъ возможности ѣздить на колесахъ, потому что она впутывается между спицъ и препятствуетъ свободному ихъ движенію. Въ лѣсахъ и на деревьяхъ множество пчелъ; въ этой странѣ растетъ въ изобиліи, само по себѣ, особое растеніе на подобіе винныхъ лозъ; туземцы считаютъ его дикимъ виноградомъ [2])«. »Въ городѣ Екатеринославѣ и во всемъ уѣздѣ онаго воздухъ благорастворенный, вода въ рѣкахъ и устроенныхъ колодцахъ сладка и здорова; земля плодоносна, но не совсѣмъ еще обработана. Сельскіе жители упражняются въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ; въ рѣкахъ и озерахъ рыбы довольно, а особливо весной на Днѣпрѣ, въ порогахъ ловятся осетры, стерляди и сазаны, въ немаломъ количествѣ. Лѣсовъ по рѣкѣ Самарѣ и другихъ мѣстахъ небольшими буераками и кустарниками имѣется, но нынѣ разсадкою и посѣвомъ въ разведеніи по селеніямъ довольно успѣхи видны [3]). »Обширное пространство плодовитыхъ и тучныхъ земель, которыя прежде бывшими запорожцами оставлены были въ небреженіи непонятномъ, воздѣлывается; помѣщики, взявшіе дикопорожнія дачи, обрабатываютъ оныя прилѣжно и населяютъ людьми, да и казенные поселяне съ довольнымъ раченіемъ трудятся въ земледѣліи, ощущая очевидно труды свои сугубо награждаемые. Качество земли производитъ всякаго рода хлѣбъ, рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, гречиху, просо, ленъ, конопель и прочее; изъ огородныхъ овощей: арбузы отмѣнно сладкіе и великіе, красныя и бѣлыя дыни, разные огурцы, земляныя яблоки, чеснокъ, лукъ, свекла, петрушка и многія другія. Въ разсужденіи пространныхъ степныхъ мѣстъ великое заведено скотоводство, лошадиные, рогатаго скота и овечьи заводы суть главнѣйшимъ предметомъ, зажиточнѣйшимъ, къ полученію изряднаго прибытка. Ското-

---

[1]) Скимна Хіосскаго отрывки. Зап. одесск. общ. истор. и древн., т. III, стр. 137.

[2]) Записки Миллера, издан. въ Лейпцигѣ въ 1585 году; Записки одесск. общества истор. и древ., I, 604.

[3]) Описаніе городовъ и уѣзд. азовской губерніи. Зап. одесск. общ. ист. и древн. III, 290—291.

водство здѣсь содержать тѣмъ удобнѣе, что скотъ, особливо рогатый и лошади почти чрезъ цѣлую зиму могутъ себѣ въ полѣ сыскивать пастьбу... въ рѣкахъ и озерахъ вода сладка и здорова и къ продовольствію жителей служащая; рыбы находится изобильно разнаго рода. Въ лѣсахъ хотя недостатокъ, однако въ отвращеніе онаго выращиваются нынѣ и посѣвомъ и разсадкою разныя деревья. Звѣри въ лѣсахъ и степяхъ водятся. »Дикія птицы« въ большомъ количествѣ [1]).

»По нашій сторони скризь були таки трáвы та бурьяны, шо зъ нихъ було й не вилизешъ. Стари люди розсказують, шо тутъ було якъ пидешъ по степу ранкомъ або вечеромъ, то заразъ же скидай съ себе штаны, а то якъ хлющи будуть; а скинувъ штаны, пидбирай ще й сорочку, а то й ця зопріе. Отъ що було! А шо цёгò звиру, птыци, такъ звисно, видимо й невидимо: такъ по степу й ходять. Отъ тутъ у Наковальни—слобидка такá—бувъ одинъ дидъ, призвищемъ Зализнякъ; ёму було, якъ винъ умеръ, годъ сто двадцять,—не брешу. Такъ той Залізнякъ було розсказуе про те, шо воно тутъ у старовину робилось. Прыихали, каже, мы съ своею панею у ци мисця, де теперь Наковальня—вони, бачъ, одійшли ій по наслидству—ну й прыихали; дивимось, ажъ тутъ ни хатины, ни куреня нема. Шо тутъ казати? А шо? рубай очеретъ та копай дернину, каже мени паня. Нарубавъ я очерету, накопавъ дернины; поставивъ той очеретъ, обсыпавъ землею,—оце, бачъ, хижка й е; шо жъ теперь ûсти? Та ûсти, що хочъ: е й птиця, е й звиръ степовый. Шо птиця? шо тамъ звиръ? Ти пойдь та піймай мени дике порося, каже мени паня. Ну, шо жъ порося й порося! Сидаю я на коня, беру малахай (длинный кнутъ) та й ûду до рички, де бували бирла (логовища) дикихъ свиней. Та то прыиду та й жду, ажъ поки свини пидуть пастись у степъ, а поросята зостапутця сами; выдивлюсь було, та заразъ туды; ухоплю порося та навтикача; та все бижу, та все бижу, шо есть духу, а воно кричить, якъ скажене! Та шо жъ вы думаете? Якъ почують гаспидови свини, такъ бижать за мною ажъ до куриня, та якъ бы не малахай, то й розирвали бъ: такъ и лизуть, такъ и лизуть пидъ ноги коневи. Отъ що було, кажуть, у старовину. Совсимъ не такъ якъ теперь. Отъ хочъ бы и

---

[1]) Записки одесск. общ. ист. и древн., III, 302.

урожай: хиба такий винъ бувъ, каже Зализнякъ, якъ теперь? У нашои пани, каже, було симейства симъ чоловика, а вона бильшъ двадцяти сажень николи було не сіяла пшеныци; оце було заволоче прямо проти куриня, посіе та й жде. Якъ уроде було, такъ стебла того й невидко: одинъ колосъ наче, та товстый такій якъ веретено. Отъ таки-то були хлиба, а травы такъ ще лучче. За травою и земли не видко було: якъ рядно, або кожухъ лежитъ поверхъ земли. Тоди, бачъ, мало хто косивъ іи, такъ вона пидниметця, та впьять и пада,— видъ того и лежитъ якъ рядно. А вышиня! хиба така була якъ теперь?! Чоловика верхи на кони не видко було! Отъ яки травы були« [1]). »Тоди травы теи було, шо й не пролизешъ. Тирса, комышъ, бурунчукъ, орешокъ, ковыль—якъ дерева стоять. Якъ загонишъ було у траву овець, такъ ихъ и не видко; уже хиба у вечери уздрипъ, якъ понайдятця та сами повыходють изъ травы, тоди тилько и вздришъ; та якъ понабьетця було вивцямъ тееи тирсы, такъ днивъ два або три оббираешъ. Тра́вы дуже високи були; теперъ такихъ и не вбачишъ, скилько не ûздь и не ходи. И дерева́ велики були; була тутъ груша, берестъ, вишня, дуля, а тернина така товста, шо изъ неи робили оси на брички; туполи були: стоять було стина стиною та ривненьки якъ стрилочки; плавни таки, шо й не продерешься по-мижъ ними; тамъ велика лоза росла; заблудишъ було, якъ припизныся, або задивишься. Тоди урожаи на все були: сіяли тропки, а родило багато« [2]). »Трава така була якъ лисъ; та все пиріи, а не то що щириця, або лобода. Теперь такихъ травъ и близько нема, а тоди, Боже правый, скилько ихъ було! Бачъ, зи́мы тоди тепли були,—це вже теперь до насъ кацапы понаносили холода́, а тоди зимы тееи не дуже чутно було, такъ того вона и трава велика росла. Вона оце пидниметця, выросте та впьять и пада на землю,—такъ и лежить якъ той войлокъ; нихто іи, бачъ, тоди не косивъ: сама соби росте сама й пада, видъ то̀го и звалась вона не́жиръ-трава; якъ весна, то іи заразъ палють було, щобъ да-

---

[1]) Разсказъ, записанный мной отъ крестьянина александровскаго уѣзда екатеринославской губерніи, Евдокима Косяка.

[2]) Записано мной отъ крестьянина-старика Ѳ. С. Заброды, села Чернышевки, екатеринославскаго уѣзда.

вала съ-пидъ себе молоду траву; та якъ запалють, такъ вона горить недиль дви, або й три. Дуже багато було іи« [1]).

Всего вдоволь было у запорожцевъ:

Вдоволь было у лихъ и лѣсу дремучаго,
И звѣря прыскучаго,
И птицы летучія,
И рыбы пловучія;
Вдоволь у нихъ и травушки-муравушки,
Добрымъ конямъ на потравушку.

»Обильнѣе всѣхъ рыбою Орель, текущая въ Днѣпръ съ московской стороны: я видѣлъ, какъ на устьѣ ея рыбаки въ одну тоню вытащили болѣе 2000 рыбъ, изъ коихъ самыя мелкія были около фута величиною. Многія озера столь обильны рыбой, что она, умирая отъ тѣсноты, заражаетъ гніеніемъ своимъ воздухъ и стоячую воду озеръ. Сіи мѣста называются Замоканъ (т. е. Самоткань)... Выше Замокана протекаетъ рѣчка Домотканъ, въ которой видится множество большихъ раковъ, въ 9 дюймовъ длиною... Самара весьма обильна рыбой, а окрестности ея замѣчательны чрезвычайнымъ богатствомъ въ медѣ, воскѣ, дичинѣ и строевомъ лѣсѣ, такъ что едвали какое-либо мѣсто можетъ сравниться въ семъ съ окрестностями Самары. Оттуда доставляемъ былъ лѣсъ для построекъ на Койдакѣ. Казаки называютъ ее святою рѣкою, можетъ быть, за счастливое богатство ея [2]). Пользуясь всѣми выгодами прекраснаго климата, напоенная животворною влагою, защищенная густымъ дубовымъ лѣсомъ, самарская область носила названіе у запорожцевъ святой Палестины, рая Божьяго на землѣ. Городокъ Самарь, со всѣмъ его округомъ, по естественнымъ своимъ произведеніямъ, всегда былъ всѣмъ богатъ, плодороденъ и обиленъ; рыбы и дичи, меду и воску, всякаго рода хлѣба и строеваго лѣса, всего было въ немъ много и изобильно: »се була земля добре гарная, кветнучая и изобилуючая«,— такъ всегда и вездѣ до 1770 годовъ выражались казаки-запорожцы о Самарѣ и о Самарской паланкѣ [3])«. Не меньшимъ богатствомъ,

---

[1]) Разсказъ, записанный мной отъ столѣтняго старика села Чернышевки, екатеринославскаго уѣзда, И. И. Россолоды.

[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны. Спб., 1832 г., стр. 16—19.

[3]) Ѳеодосій. Сам. пуст.-никол. мон., скатер. губ., 1873 г., 4 и 5.

въ отношеніи рыбы отличался и самый Днѣпръ. »Рыбныя ловли у запорожцевъ были чрезвычайныя въ Днѣпрѣ, по озерамъ, особливо въ Тилигулѣ, на Кинбурнской косѣ и на Тендерѣ; здѣсь такое множество было у нихъ лова, что не только вся Украина запорожская ею обогащалась, но и вся Польша, гетманщина и прочіе околичные жители ею пользовались [1])«. Количество рыбы, ловимой въ Днѣпрѣ, было такъ велико, что запорожцы и потребляли ее сами, и продавали другимъ, употребляя полученныя деньги на покупку оружія и платья:

Днипровый, Днистровый, обидва лиманы,
Изъ нихъ добувались, справлялись жупаны.

Изъ рыбъ, которыхъ запорожцы ловили въ Днѣпрѣ, его притокахъ и озерахъ, были: осетры, сомы, севрюги, сазаны, лини, стерлядь, щука, тарань, подлещики, лещи (чабаки), семга, окуни, плотва, судаки (сула), язи, сельди, чилики, ерши, марена, сабля, бѣлуга, длиною иногда до трехъ саженъ, шириною до сажня [2]).

Еще больше того было звѣрей и птицъ: »Въ великомъ лугѣ были страшныя гущи, озера, лиманы, охваченные камышами, ситнягомъ; тамъ, по нетрямъ и дряговинамъ, звѣри кишѣли [3])«. »Ну й звиру жъ тутъ плодилось: дики козы, кабаны, вовки, лисици—такъ по плавнямъ и шныряють, гладки таки та дики! Свиню було якъ побачишъ дику, такъ скорійшъ лизь на дерево, а то заразъ хрю! хрю! чмакъ! чмакъ! та до тебе, такъ рыломъ и пре.... За тежъ и гадюччя тутъ було; зъ гадюкою такъ и пьешъ, и ûси и спишъ: пидлизе було пидъ чоловика, звернетця въ клубокъ та й спить зъ нимъ: бачъ, холодно ій проклятій самій. Чорни гадюки, ци не страшни, а жовтобрюхи, такъ видъ тихъ Боже храни! Страшни скажени: сажень по два, по три довжины; такъ и кишать, та свистять якъ чабанъ на вивци. Ця дуже страшна гадюка: якъ укусе, то ото вже й смерть,—ей же Богу. Оце було якъ косити

---

[1]) Устн. повѣствов. Никиты Коржа, стр. 39.

[2]) Мышецкій. Ист. о каз. запор. Одесса, 1852 г., стр. 77. Бопланъ. Описаніе Украйны. Спб. 1832 г., стр. 17 и 19. Зап. одес. общ. истор. и древ., т. III, стр. 302.

[3]) Устн. повѣств. Ник. Коржа, изд. Стороженка, стр. 151.

траву на острови (Томаковкѣ), то перше всёго косари беруть коляки та выбивають жовтобрюхивъ, а тоди вже берутця за косы. Отъ що було! А птыци? іи було, такъ у-ю-ю! Тоди стрильцивъ цихъ, сказать вамъ, мало було,—це вже теперь стало такъ, що кинешъ палицю на собаку, а въ стрильця попадешъ, а тоди ихъ не густо було; видъ того и птыци плодилось багато. У сорокъ пьятому годи (въ 1845) була тутъ велика вода, скризь позатопляло, тилько що остривъ и бувъ сухий, такъ сюды птыци всякои якъ поналитало,—такъ сказати вамъ,—и гилля не видко було на деревахъ: самый компяхъ висе [1])«. »По озерамъ та по степамъ—рыбы, звиру, птыци видимо й невидимо. Плодились вовки, лисици, зайци, свини—и по плавнямъ и по скелямъ; рыба та сердешна такъ ажъ затхнетця, а ракивъ штанами ловили. А що птыци? Стрепеты, огари [2]), лебеди, такъ и ходють. Травы таки, що ажъ по груди хватають, а то ще й бильшъ; а роса по трави, якъ вода; якъ хочешъ ити по степу, то першъ усего скинь штаны, а то й не дотягнешъ, якъ намокнуть. Грушья, калины, винограду дикого—не пролизешъ. Ничью страшно було й ходити [3])«. »Тутъ були всяки дерева: окація, вильха, калина, бруслина, береза, дубъ, а звирно такъ, що й скотыни не можно було пройти; зъ вивцями такъ не опизнайсь. Дики козы, кабаны, барсуки, видныхи такъ и бигають по степу, особливо видныхи. Це дорогій звирь; винъ скидаетця на лисицю, тилько що живе въ води; шерсть на нему така, що ажъ лощитця, а якъ погладишь, такъ наче-бъ то искры сыплютця. По пашому це видныхи, а по руському выдра. Птыци страсть Божа: гусей дикихъ выдирали изъ гниздъ сотнями, а качокъ, такъ, Господи спаси, скилько: волокомъ ловили. Теперь того нема: людно стало. Всёго було вдовиль: и звира, и рыбы, и травы. Комыши таки були, що й не проберешься за ними, а калданивъ, буркунивъ, такъ, Боже мій, скилько! [4])«. »У запорожцивъ велике було привилля, теперь такого

[1]) Разсказъ, записанный мною отъ старика Ѳ. С. Заброды, села Чернышевки, екатеринославскаго уѣзда.

[2]) Огарь—большая рыжеватая утка, величиною почти съ гуся; научное названіе ея: anas rutila.

[3]) Записано мною отъ старика С. Герасименка, деревни Блажковки, херсонскаго уѣзда.

[4]) Разсказъ, записанный мною отъ старика Ѳ. А. Горбатенка, г. Алешекъ, таврической губерніи.

нема. Бжолы тіи, такъ батечки мои! Тоди усяки цвиты цвили, травы велыки були, бо ціеи пôгани—ховрашкикъ та гусеныци, що теперь плодитця, тоди не чути було; такъ древа, травы, звирья и не пройдешъ. Медъ и по пасикамъ, и по землянкамъ, такъ и стоить у липовникахъ: скилько хочешъ, стилько й бери; а звиру ще бильша сила: вовкивъ, лисиць, чокалкивъ (той же вовкъ, тилько злійшый надъ вовка), такъ цила бида; дики кони цилыми табунами ходили... Було й птыци вдовиль: качокъ, лебедивъ, охитви [1]), дрохвивъ,—такъ хо-хо-хо! Стрепетивъ сильцями ловили, а лебеди було якъ заведутця битьця, та якъ пиднимуть крикъ, такъ батько выскочуть изъ землянки та давай стриляти ихъ изъ пистоля, щобъ порозгонить... За тежъ и кони водились тутъ, вивця, такъ на диво; та все воно по воли й паслось, хиба тилько коло отаръ и були чабаньци... [2])».

Такимъ образомъ, уже изъ этихъ свидѣтельствъ мы можемъ видѣть, на сколько плодородна и богата была земля запорожскихъ козаковъ. Здѣсь, уже на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ десятинъ, можно было найти и дикій чай, и шалфей, и ковыль, и цикорій, и куколь, и незабудку, и бузину, и сурѣпку, и спаржу, и чеснокъ, и лукъ, и хрѣнъ, и ромашку и множество другихъ видовъ растительности. Все это, при первомъ же блескѣ весенняго солнца, скоро поднимается изъ земли, быстро возрастаетъ и въ короткое время достигаетъ почти полнаго развитія, а при обильныхъ дождяхъ и подъ вліяніемъ западныхъ и южныхъ вѣтровъ, земля запорожскихъ козаковъ съ успѣхомъ производила и всякаго рода хлѣбъ, свойственный вообще всей южно-русской полосѣ. Вмѣстѣ съ появленіемъ растительности, появлялись и животныя, прилетали и птицы; изъ животныхъ тутъ были: олени, дикія козы, кабаны, барсуки, выдры [3]), сугаки, волки, лисицы, зайцы, медвѣди, лани, байбаки, лоси, дикія кошки, буйволы; были также

---

[1]) Охитва, хохитва, стрепетъ, свистокрилъ, трясучка, степная кура—разныя названія для одной и той-же птицы изъ породы дрохвы (otis tetrax). См. Даль. Толков. словарь, Москва, 1866 г., ч IV, стр. 514 и 309.

[2]) Разсказъ, записанный мною отъ столѣтняго старика Россолоды, жителя села Чернышевки, екатеринославскаго уѣзда.

[3]) Иначе видриха, каборга; изъ кожи каборги запорожцы видѣлывали себѣ шапки.

дикія лошади. »Онѣ ходили, говоритъ очевидецъ Бопланъ, отъ 50 до 60 головъ и нерѣдко заставляли насъ браться за оружіе, потому что издали мы принимали ихъ за татарскую конницу [1])«. »Тутъ водились дики кони. Ще й я та й то зазнаю ихъ: вони на масть мишасти, невелички, та гладки, та крѣпки таки. Мій батько таки ловивъ ихъ, такъ що-жъ? Вони або повтикають, або подохнуть: не можуть, бачъ, жити у неволи; по степу имъ бигати, такъ це такъ. Оце було йде чоловикъ кобылою по шляху, а дики кони пасутця у бальци. Отъ жеребецъ заразъ выскоче на могилу та й пюха, чи кобылою, чи конемъ йде той чоловикъ. Якъ почуе, що кобыла, заразъ-же й бижить до неи. Тоди вже, що тамъ чоловикъ той не роби и якъ не одбороняйся, а жеребецъ одибье кобылу. Видъ того по шляху багацько було валяетця колисъ, обиддя, оглобель та драбинъ зъ возивъ: то все дики жеребци ламають у произжаючихъ людей возы, якъ одбивають кобылъ [2])«. Такъ богато было Запорожье разными животными. Не меньше того оно богато было и птицами. Изъ птицъ, водившихся въ запорожскихъ предѣлахъ, были: дикіе гуси, лебеди, дрохвы, бакланы, бабы—птицы, цапли, журавли, аисты, ястреба, орлы, соколы, куропатки, скворцы, коростели, дупеля, голуби, колпицы, тетерева, стрепеты, огари и др.

Вотъ привлекательная сторона запорожскихъ владѣній: днѣпровской долины, ближайшихъ къ ней окрестностей, самарскаго побережья, смежныхъ съ нимъ земель, вообще большей части правой и лѣвой стороны днѣпровскихъ степей. Здѣсь были прекрасныя пастбища для скота, безконечныя нетры для птицъ и необозримыя пространства для звѣрей; здѣсь, именно въ этой части запорожскихъ владѣній, нужно искать ту »Палестину«, тотъ »обѣтованный рай«, который текъ молокомъ и медомъ и который былъ предметомъ глубокаго благоговѣнія въ глазахъ всякаго козака; это Самарь и по-Самарье съ ея священнымъ пустынно-николаевскимъ монастыремъ:

Славно ж ть на кошу:
Я земли не пашу,

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, 1832, Спб., стр. 93. Также Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Поѣздка въ Южн. Россію, т. I, стр. 379.

[2]) Разсказъ, записанный мною отъ крестьянина Евсевія Головурнаго, деревни Богодара, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи.

Я травы не кошу,
А парчу все ношу,
Сыплю золотомъ...
На войнѣ не тужу,
А на смерть колочу,
Безъ войны я кучу,
Да кучу, какъ хочу,
Въ свою голову!..

Но тоже Запорожье, по мѣстамъ и въ иное время, носило и противоположный этому характеръ. »Разсказъ Папроцкаго выразительными чертами рисуетъ мѣстность, въ которой гнѣздилось козачество. Становится понятнымъ, почему, она оставалась »дикими полями«, безлюдною пустынею, не принадлежащею никому изъ сосѣднихъ народовъ. Это были пространства безплодныя, опустошаемыя саранчею, удаленныя отъ поселеній на столько, что человѣкъ рисковалъ умереть голодною смертью во время переходовъ. Нѣкоторыя только мѣста изобиловали рыбою и дичью, да на большихъ разстояніяхъ были разбросаны оазисы богатой растительности для пастьбы скота. Удалиться за пороги—значило подвергнуть себя многимъ лишеніямъ, которыя могъ выдерживать только человѣкъ съ желѣзною натурою. Что-бы войско могло стоять въ этой пустыни кошемъ, отряды его должны были заниматься охотою и рыболовствомъ. Даже добываніе соли сопряжено было съ далекими переѣздами и опасностями, и потому козаки вялили рыбу, натирая ее древесною золою вмѣсто соли... *Козакъ сиромаха*—было давнишнею народною поговоркою на Украинѣ, гдѣ сиромахою обыкновенно называется волкъ, въ смыслѣ голоднаго скитальца. Козакъ и убожество, козакъ и нужда — эти два понятія имѣли всегда близкое сродство. Вспомнимъ распространенное по Украйнѣ изображеніе запорожца съ надписью:

Козакъ, душа правдива,
Сорочки не мае, и т. д. [1])«.

Характеромъ безплодія отличалось по преимуществу такъ называемое »Дикое поле«, теперь »Чисто-поле, Пусто-поле«. Хотя у

[1]) Кулишъ. Подольск. колон. юго-западной Руси. Вѣст. Евр., 1874 года, т. IV, стр. 530.

поляковъ именемъ Дикаго поля называлось вообще все Запорожье, но есть основаніе думать, что это была только часть запорожскихъ владѣній, по преимуществу съ правой стороны Днѣпра. Дикое поле начиналось на западѣ отъ р. Синюхи, притока Буга, и тянулось на востокъ къ правому берегу Днѣпра, по верховьямъ р.р. Ингульца, Саксагани, Базавлука и Мокрой Суры; на сѣверѣ оно граничило съ гетманщиной, а на югѣ со степями ногайскихъ татаръ, въ паланкахъ Кайдацкой, Буго-гардовской и Ингульской[1]). Это была дикая, мало-плодная пустыня; въ ней не было ни деревушки, ни хаты, кромѣ рѣдко разбросанныхъ козацкихъ жилищъ—бурдюговъ. Здѣсь путешественники не только не находили необходимаго для себя пропитанія, но даже лишались зачастую и самой жизни, какъ объ этомъ поется въ превосходной думѣ »О побѣгѣ трехъ братьевъ изъ неволи турецкой изъ Азова«.

.... Отъ меньшій братъ на Савуръ-могилу лягае,
Головку склоняе,
Тамъ соби безпечно девятого дня спочинокъ мае,
Девятого дня изъ неба воды-погоды выжидае;
Мало-не много спочивавъ,
Къ ёму вовки сиромальци набигали
И орлы сизопери налитали,
Въ головкахъ сидали,
Вони смерти дожидали.
.... Тоди меньший братъ на Савуръ-могилу захожае,
Головку свою козацьку склоняе,
Батькову-матчину молитву споминае,
И Богу душу отдавае.
Отъ руками не визьме,
Ногами не пійде
И ясно очима на небо не зглянe....
На небо взирае,
Тяжко воздыхае:
Голово моя козацькая!
Бували ми у земляхъ турецькихъ,

[1]) См. планъ Россіи съ 1770 г. »Планы и карты« Устрялова; также Путевыя записки. Э. Ляготы, стр. 53 и 54.

У вирахъ бусурменськихъ;
А теперъ припало на безвидди, на безхлибьи погибати.
Девятый день хлиба въ устахъ не маю,
На безвидди, на безхлибьи погибаю!
Тутъ тее промовлявъ... Не чорна хмара налитала,
Не буйни витри винули,
Якъ душа козацька молодецька зъ тиломъ розлучалась.
Тоди сиви зозули налитали,
У головкахъ сидали, жалибно кували
И такъ якъ ридни сестры оплакали,
Тоди вовки—сиромальци набигали,
И орлы-чорнокрыльци налитали,
Въ головкахъ сидали,
Зъ лоба чёрни очи выдирали,
Биле тило одъ жовтои кости одрывали,
Жовту кисть по-пидъ зелеными яворами разношали
И комышами укрывали,
И жалибненько квилили—проквиляли:
То-жъ вони козацькіи похороны одправляли[1]).

Но не одно Дикое поле отличалось такими ужасами; безхлѣбье и безводье были частыми явленіями и во всей краинѣ запорожской, а голодные и оттого дико-свирѣпые волки рыскали цѣлыми стаями повсемѣстно; они нападали на путешественниковъ, разрывали ихъ, пожирали скотъ и въ ночное время поднимали въ степи такой адскій вой и дикое пѣніе, отъ котораго всякое живое существо приходило въ ужасъ и содроганіе. Еще больше того было здѣсь гадовъ, слѣпней, комаровъ и мошекъ, »крылатыхъ шпилекъ запорожскихъ омутовъ«. »Берега днѣпровскіе замѣчательны безчисленнымъ количествомъ мошекъ: утромъ летаютъ мухи обыкновенныя, безвредныя; въ полдень являются большія, величиною съ дюймъ, нападаютъ на лошадей и кусаютъ до крови; но самые мучительные и самые несносные комары и мошки появляются вечеромъ: отъ нихъ невозможно спать иначе, какъ подъ козацкимъ пологомъ, т. е. въ небольшой палаткѣ, если только не за-

1) Антоновичъ и Драгомановъ. Истор. пѣсни малорусск. нар. Кіевъ, 1874 года, т. I, стр. 106—133.

хочешь имѣть распухшаго лица. Я могу въ этомъ поручиться, потому что самъ былъ проученъ на опытѣ: опухоль лица моего едва опала черезъ три дня, а вѣки такъ раздулись, что я почти не могъ глядѣть: страшно было взглянуть на меня... Чтобы избавиться отъ мучительныхъ комаровъ и мошекъ, одно средство—прогонять ихъ дымомъ; для сего надобно содержать постоянный огонь« [1]). Но что все это въ сравненіи съ тѣми бѣдствіями, которыя постигали запорожскій край отъ множества водившейся здѣсь саранчи? Это былъ страшный бичъ Запорожья; она истребляла не только травы степныя, произрастенія земныя, не только всѣ посѣвы хлѣбные и листья древесныя, но даже пожирала самую одежду, особенно зеленыхъ и красныхъ цвѣтовъ, и на далекое разстояніе заражала воздухъ зловоннымъ и отвратительнымъ смрадомъ. Въ Украйнѣ и въ Запорожьѣ саранча появлялась періодически, по два, по четыре и даже по шесть лѣтъ подъ рядъ. Въ 1690, въ 1745 и 1746 годахъ саранчи на Украйнѣ особенно много было. »Тогда многіе принялись было за набоженство и церковныя заклинанія и выходили многія парафіи съ процессіей церковною на встрѣчу летящей сараны; когда увидѣли, что сарана садилась на хоругви церковныя и на ризы священническія и грызла крашеную ихъ матерію, то, оставивъ процессіи и встрѣчи, стали изыскивать средства простѣйшія къ ея погубленію« [2]). Въ 1748 и въ 1749 годахъ для истребленія саранчи были введены такія мѣры, какія принимались противъ моровой язвы. »Бывшіе малороссійскіе полки всѣ были въ поле выведены и сами ихъ полковники и старшины, употребляя и прочихъ обывателей, истребляли саранчу, то зарывая ее во рвы, то сожигая, то метлами побивая... Словомъ сказать, истребленіе саранчи всѣхъ начальниковъ и жителей занимало и за первое дѣло почиталось и уважалось«. Такъ говоритъ неизвѣстный авторъ »Замѣчаній до Малой Россіи принадлежащихъ«, предлагающій при этомъ и самыя мѣры противъ этого страшнаго бича Малороссіи и Запорожья [3]). »Безчисленное множество оной (саранчи) въ Украйнѣ припоминаетъ мнѣ наказаніе, ниспосланное Всевышнимъ на Еги-

---

[1]) Боплавъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832 г., стр. 84.

[2]) Конисскій. Исторія Руссовъ. Москва, 1846 г., стр. 187.

[3]) Замѣчан. до Малой Россіи, Москва, 1848, стр. 44 и 45.

петъ при Фараонѣ. Я видѣлъ, какъ бичъ сей терзалъ Украйну въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, особенно въ 1645 и 1646 годахъ. Саранча летитъ не тысячами, не милліонами, но тучами, занимая пространство на пять или на шесть миль въ длину, и на двѣ или на три мили въ ширину. Приносимая въ Украйну почти ежегодно изъ Татаріи, Черкессіи, Бассы и Мингреліи восточнымъ или юго-восточнымъ вѣтромъ, она пожираетъ хлѣбъ еще на корнѣ и траву на лугахъ; гдѣ только тучи ея пронесутся или остановятся для отдохновенія, тамъ черезъ два часа не останется ни былинки, и дороговизна на съѣстные припасы бываетъ ужасная. Бѣдствія увеличиваются въ триста разъ болѣе, когда саранча не пропадаетъ до наступленія осени... Нѣтъ словъ для выраженія саранчи: она совершенно наполняетъ воздухъ и помрачаетъ свѣтъ дневной. Полетъ ея лучше всего сравнить съ снѣжными хлопьями, разсыпаемыми вьюгою во всѣ стороны. Когда она сядетъ, все поле покрывается ею, и раздается только шумъ, который она производитъ, пожирая растенія; оголивъ поле въ часъ или два, туча поднимается и летитъ далѣе по вѣтру. Въ это время исчезаетъ свѣтъ солнца и небо покрывается какъ будто мрачными облаками. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1646 года я долженъ былъ остановиться на двѣ недѣли въ недавно построенномъ Новоградѣ, гдѣ заложена была мною крѣпость: увидѣвъ тамъ безчисленное множество саранчи, я не опомнился отъ удивленія. Гадина вывелась въ окрестностяхъ Новограда весною и не могла еще хорошо летать, но покрывала землю и наполняла воздухъ такъ, что я не могъ безъ свѣчей обѣдать въ моей комнатѣ. Домы, конюшни, даже хлѣва и погреба были набиты ею. Чтобы выжить сію незванную гостью изъ комнаты, я жегъ порохъ, курилъ сѣрою, но все безъ пользы: какъ скоро отворяли дверь, безчисленное множество насѣкомыхъ вылетало и прилетало въ одно время. На улицѣ онѣ кидались въ лицо, садились на носъ, щеки, брови, даже падали въ ротъ, если кто хотѣлъ вымолвить слово. Это неудобство еще незначительно въ сравненіи съ безпокойствомъ во время обѣда: разрѣзывая мясо на тарелкѣ, вы по неволѣ давите саранчу, и едва раскроете ротъ, чтобы проглотить кусокъ, въ ту-же минуту должны выплевывать влетѣвшую гадину. Люди самые опытные приведены были въ отчаяніе неописаннымъ множествомъ саранчи: надобно быть самому очевидцемъ, чтобы

судить объ этомъ наказаніи. Опустошивъ въ двѣ недѣли окрестности Новограда и получивъ силу летать, саранча отправилась по вѣтру въ другія области. Я видѣлъ ночлегъ ея: кучи насѣкомыхъ покрывали дорогу на четыре дюйма въ толщину, такъ что лошади наши останавливались и только подъ сильными ударами плети передвигали ноги: поднявъ уши и фыркая, онѣ переступали съ большимъ страхомъ. Гадина, давимая колесами повозокъ и лошадиными копытами, испускала смрадъ нестерпимый, для головы весьма вредный; я принужденъ былъ безпрерывно держать у носа платокъ, намоченный уксусомъ. Свиньи съ жадностью пожираютъ саранчу и отъѣдаются весьма скоро; но никто не употребляетъ ихъ въ пищу, единственно по отвращенію къ гадинѣ, которая наноситъ столь большой вредъ. Саранча живетъ не болѣе шести съ половиной мѣсяцевъ, но распложается и на слѣдующій годъ: октябрь мѣсяцъ останавливаетъ полетъ ея: тогда каждое насѣкомое выкапываетъ хвостомъ яму и, положивъ въ оную до 300 яицъ, зарываетъ ихъ ногами; послѣ сего умираетъ. Ни дождь во время несенія яицъ, ни сильный зимній холодъ не истребляютъ зародышей; весною-же, въ половинѣ апрѣля, когда солнечные лучи нагрѣваютъ землю, саранча вылупляется изъ яицъ и расползается, но не прежде шести недѣль получаетъ способность летать; до того-же времени отходитъ не далеко отъ мѣста своего рожденія. Укрѣпясь въ силахъ, она направляетъ свой полетъ по вѣтру; постоянный вѣтеръ сѣверо-западный вгоняетъ ее въ Черное море, а вѣтры другихъ странъ разносятъ бичъ сей по Украйнѣ... Вотъ что замѣчено мной въ долговременное пребываніе въ Украйнѣ о семъ насѣкомомъ. Оно бываетъ толщиною въ палецъ, а въ длину имѣетъ отъ трехъ до четырехъ дюймовъ« [1]). Почти въ такихъ-же краскахъ рисуетъ бѣдственное положеніе земель ногайскихъ татаръ, а съ ними вмѣстѣ и запорожскихъ, подвергаемыхъ опустошенію со стороны той-же саранчи, и баронъ де-Тоттъ, авторъ »Записокъ о туркахъ и татарахъ«. »Сіи насѣкомыя налетаютъ тучами на равнины ногайскія, садятся на поля, особенно засѣянныя просомъ, и опустошаютъ ихъ въ одно мгновеніе. При появленіи облаковъ саранчи свѣтъ дневной помрачается и облака ея заслоняютъ солнце. Иногда удается зем-

[1]) Бенкенъ. Описаніе Украйны. Спб., 1832 г., стр. 87—89.

ледѣльцамъ— ногаямъ прогонять ее крикомъ и стукомъ, но чаще она садится на поляхъ ихъ и покрываетъ оныя слоемъ, толщиною отъ шести до семи дюймовъ. Тогда шумъ полета ея смѣняется шумомъ, который она издаетъ, пожирая растенія, и который можно сравнить со звукомъ при паденіи града; но градъ не столько наноситъ вреда, какъ саранча. Самый огонь не можетъ быть опустошительнѣе для полей: тамъ, гдѣ отдыхала саранча, не остается и слѣдовъ прозябанія. Бичъ сей вѣроятно не пощадилъ-бы плодоносныхъ полей Греціи и Малой Азіи, если-бы Черное море не поглощало саранчи, когда она усиливается перелетѣть чрезъ сію естественную преграду. Не рѣдко я находилъ берега Эвксинскаго понта близъ Босфора Ѳракійскаго покрытыми изсохшею саранчей, такъ что нельзя было пройти по берегу безъ того, чтобы не увязнуть въ ея кучахъ. Любопытствуя знать причину истребленія ея, я выжидалъ случая и былъ свидѣтелемъ, какъ буря, заставъ саранчу близъ береговъ, истребила ее совершенно: принесенная волнами къ берегамъ, она издавала такой несносный запахъ, что долго невозможно было къ нимъ приблизиться« [1]).

Но и саранчею не оканчивались бѣдствія, постигавшія запорожскій край. Много приходилось козакамъ терпѣть еще отъ заразительныхъ лихорадокъ и особенно отъ страшной болѣзни, извѣстной подъ именемъ чумы, моровой язвы или наглой смерти. И это бѣдствіе не было рѣдкимъ явленіемъ на Запорожьѣ. Въ 1680 году »въ Кизикерменѣ, въ турецкомъ городѣ надъ Днепромъ, повѣтре моровое значне грасовало, и бея кизикерменскаго со всѣмъ домомъ его вигубило. Потомъ и въ Сѣчи запорожской, подъ осѣнъ (осень), тое-жъ повѣтре значную въ войску запорожскомъ учинило шкоду« [2]). Въ 1738 году »свирѣпствовавшая моровая язва въ Яссахъ и Букарестѣ распространилась не только въ Каменцѣ-Подольскомъ, Барѣ, Могилевѣ и въ другихъ польскихъ городахъ, но даже перешла въ Украйну« [3]). Тогда страшная смерть поглотила многихъ изъ запорожскихъ козаковъ, полегшихъ благородными костями на кладбищѣ Новой Сѣчи и своими могилами увеличившихъ эту мерт-

[1]) Mémoires du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares.

[2]) Лѣтопись Сам. Величка. Кіевъ, 1851 г., стр. 500.

[3]) Бантышъ-Каменскій. Истор. Мал. Рос., Москва, 1842 г., стр. 171.

вую обитель. Въ 1760 году »появившаяся и сразу въ одно время обнявшая все вообще Запорожье моровая язва была такъ сильна и свирѣпа, навела на козаковъ запорожцевъ такой паническій страхъ, что жители Запорожья въ недоумѣніи и страхѣ, въ томленіи сердца и въ смятеніи духа, въ виду смерти, прекратили всѣ обычныя занятія свои и всецѣло предались молитвеннымъ воплямъ и сердечнымъ воздыханіямъ къ Богу. Въ Никитиномъ (застава) іеромонахъ-начальникъ внезапно и скоропостижно умершій, незадолго до смерти въ духѣ старческой, отеческой любви, написалъ умилительное воззваніе къ своимъ дѣткамъ-запорожцамъ, прося и умоляя ихъ каяться во всѣхъ прегрѣшеніяхъ своихъ и готовиться къ переходу въ загробную жизнь; сѣчевой школы и церкви учитель и уставщикъ, іеромонахъ Леонидъ, прекративъ всѣ занятія по школѣ и перемѣстивъ учениковъ своихъ изъ Сѣчи за рѣчку Подпольную, по долгу званія своего, какъ отецъ сердобольный, *возвысилъ къ дѣтямъ-запорожцамъ голосъ свой яко трубу*, письменно и устно внушалъ всѣмъ и каждому, въ тяжкія минуты явной опасности, заботиться исключительно о благоугожденіи Богу и о спасеніи души. Самъ панъ атаманъ Алексѣй Бѣлицкій, именемъ всевельможнаго и всевластнаго Коша, располагалъ и приглашалъ козаковъ-запорожцевъ къ тому-же... Въ духовномъ, чисто религіозномъ настроеніи сердца, козаки-запорожцы во все это время огромными массами ходили въ Новые-Кайдаки на поклоненіе иконѣ Божіей Матери и въ Самарскій монастырь на поклоненіе образу великаго милостивца и избавителя отъ *наглой смерти*, святителя Христова Николая«.

Вотъ непривлекательная сторона того удѣла, который достался на долю запорожскихъ козаковъ. Страшный зной лѣтомъ, невыносимый холодъ и лютая стужа зимой довершали общую картину и всего вообще Запорожья и Дикаго поля въ особенности, гдѣ холодъ, вслѣдствіе открытой, почти голой поверхности, вслѣдствіе своего положенія на сѣверъ, особенно давалъ о себѣ знать. »Основываясь на градусной широтѣ, можно полагать, что наши степи наслаждаются благорастворенным климатомъ южной Европы, но какъ много изотермическая линія разнствуетъ отъ широты! Средняя годовая температура Одессы выражается только $+8^0$, а температура лѣта отъ зимы разнится весьма много: лѣтній жаръ доходитъ иногда въ тѣни до $+30^0$; зимою термометръ понижается, хотя и весьма

рѣдко, до 23°. Годовое количество выпадающаго дождя доходитъ среднимъ числомъ лишь до 13 фр. дюймовъ. Съ сею разностію между жаркимъ лѣтомъ и суровою, нерѣдко безснѣжною зимою, и съ этимъ ограниченнымъ количествомъ дождя, сопряжены непрестанные вѣтры, лѣтомъ палящіе почву, зимою усиливающіе холодъ, продолжительныя лѣтнія засухи при безоблачномъ, раскаленномъ небѣ и совершенномъ отсутствіи ночныхъ росъ, слабость электричества въ атмосферѣ, быстрое испареніе воды и наконецъ перемѣнчивость погоды. Таково состояніе атмосферы въ большей части херсонской губерніи« [1]), а, стало быть, скажемъ отъ себя, и запорожскаго края.

Но, безъ всякаго сомнѣнія, изъ всѣхъ климатическихъ неудобствъ запорожскаго края однимъ изъ наиболѣе чувствительныхъ былъ въ зимнее время холодъ. Бопланъ въ этомъ отношеніи даетъ прекрасное описаніе. »Хотя Украйна, говоритъ онъ, лежитъ подъ одинаковою широтою съ Нормандіею, однакожъ стужа въ ней суровѣе и съ нѣкотораго времени не только жители, особенно люди военные, но даже кони и вообще вьючный скотъ, не въ силахъ переносить холода нестерпимаго. Счастливъ еще тотъ, кто спасается отъ смерти, отморозивъ пальцы, уши, носъ, щеки или другія части тѣла. Въ сихъ членахъ естественная теплота исчезаетъ иногда мгновенно, зараждается антоновъ огонь и они отпадаютъ. Человѣкъ теплокровный хотя не можетъ вдругъ отморозить членовъ, но отъ стужи появляются на нихъ вереды, которые производятъ боль столь-же мучительную, какъ и болѣзнь венерическая. Это доказываетъ, что стужа въ Украйнѣ гибельна не менѣе огня. Вереды сначала бываютъ въ горошину, но чрезъ нѣсколько дней, иногда чрезъ нѣсколько часовъ, увеличиваются и покрываютъ весь членъ, который потомъ отваливается«...

»Обыкновенно стужа охватываетъ человѣка вдругъ и съ такою силою, что безъ предосторожностей невозможно избѣжать смерти. Люди замерзаютъ двоякимъ образомъ: одни скоро; смерть ихъ можно назвать даже спокойною, ибо они умираютъ во время сна, безъ долговременныхъ страданій. Кто пустится въ дорогу на конѣ или

---

[1]) Кирьяковъ. Взглядъ на лѣсов. и садов. въ херсонской губерніи; Лѣсной журналъ, 1836 г., ч. II, кн. I, стр. 103—105.

въ повозкѣ, но не возьметъ необходимыхъ предосторожностей, худо одѣнется и притомъ не можетъ перенести жестокой стужи, тотъ сперва отмораживаетъ оконечности рукъ и ногъ, потомъ нечувствительно самые члены, и мало-по-малу приходитъ въ забытье, похожее на оцѣпененіе: въ это время сильная дремота клонитъ васъ ко сну. Если дадутъ вамъ уснуть, вы заснете, но никогда уже не пробудитесь; если-же соберете всѣ свои силы и прогоните сонъ, или спутники васъ разбудятъ,—жизнь ваша спасена... Другіе умираютъ не такъ скоро, но смерть ихъ труднѣе и мучительнѣе. Природа человѣческая не въ состояніи даже перенести тѣхъ мученій, которыя приводятъ страдальцевъ почти въ бѣшенство. Такой смерти не избѣгаютъ люди и самаго крѣпкаго тѣлосложенія. Стужа проникаетъ въ почки и обхватываетъ поясницу: всадники отмораживаютъ подъ бронею животъ, особенно кишки и желудокъ. Потому-то страдалецъ чувствуетъ неутолимый голодъ. Принявъ пищу самую легкую, напримѣръ, бульонъ, онъ извергаетъ ее немедленно съ болью мучительною и коликами нестерпимыми, стонетъ безпрестанно и жалуется, что внутренности раздираются. Предоставляю ученымъ врачамъ изслѣдовать причину такихъ ужасныхъ страданій; замѣчу только, что нѣкоторые любопытные украинцы, желая узнать, отъ чего болѣзнь сія столь мучительна, вскрывали трупы и находили большую часть кишекъ почернѣлыми, обожженными и какъ будто-бы склеившимися. Это убѣдило ихъ, что подобныя болѣзни неизцѣлимы и что больной стонетъ и кричитъ день и ночь безпрестанно, по мѣрѣ того, какъ въ отмороженныхъ внутренностяхъ появляется антоновъ огонь: продолжительная, мучительная смерть его неизбѣжна. Что касается до меня, то я, путешествуя въ каретѣ или въ повозкѣ, клалъ на ноги для тепла собаку, укутывалъ ихъ суконнымъ одѣяломъ или волчьей шубой; лице же, руки и ноги натиралъ виннымъ спиртомъ, которымъ смачивалъ и чулки, оставляя ихъ высыхать на ногахъ... Стужа бываетъ еще опаснѣе для того, кто не употребляетъ горячей пищи и питья, по примѣру украинцевъ, которые три раза въ день ѣдятъ родъ похлебки или горячаго пива съ масломъ, перцемъ и хлѣбомъ, и тѣмъ предохраняютъ свою внутренность отъ холода [1]).

---

[1]) Боплянъ. Описаніе Украйны, стр. 95—99.

Такова характеристика запорожскихъ владѣній. Много здѣсь удобствъ и привлекательности, но много-же здѣсь неудобствъ и непривлекательности. Уже одинъ Днѣпръ мало казался гостепріимнымъ для всякаго путешественника. Грозенъ и дикъ онъ въ настоящее время, но еще грознѣе, еще болѣе дикимъ онъ казался въ прошлую пору, въ тѣ молодыя для Руси времена. Такимъ грознымъ, дикимъ, недоступнымъ дѣлали Днѣпръ какъ обиліе его заливовъ, гирлъ, болотъ и рукавовъ, такъ и множество его острововъ, корчей, заборъ и пороговъ. »Днѣпръ, говоритъ Діонъ Хризостомъ, подъ конецъ своего теченія (τό δε λοιπόν) бросается многими устьями въ лиманъ и образуетъ многочисленные острова, покрытые зеленью и камышомъ (δασεῖα καλάμῳ καὶ δένδροις)« [1]). По сказанію Боплана, съ южной стороны Днѣпра острововъ было болѣе десяти тысячъ и всѣ они были покрыты такою густою травою, такимъ непроглядным камышомъ и высокими деревьями, что неопытные моряки издали принимали огромныя деревья за мачты кораблей, плавающихъ по днѣпровскимъ водамъ, а всю массу острововъ за одинъ сплошной, огромной величины островъ. »Однажды, говоритъ Бопланъ, преслѣдуя козаковъ на возвратномъ пути съ Чернаго моря, турецкія галеры проникли до самой скарбницы, но тамъ, въ лабиринтѣ острововъ и рукавовъ, запутались и не могли найти выхода. Козаки грянули на нихъ изъ ружей съ челновъ, закрытыхъ камышами, потопили множество галеръ и такъ напугали турокъ, что они никогда съ тѣхъ поръ не смѣли входить въ Днѣпръ далѣе четырехъ или пяти миль отъ устья« [2]). Но что это въ сравненіи съ днѣпровскими порогами? Кто не видѣлъ пороговъ, кто не пытался проѣзжать чрезъ нихъ, тотъ никогда не можетъ себѣ представить всей грозности, всего ужаса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего величія, какимъ обдаетъ Днѣпръ всякаго путешественника. Кровь леденѣетъ въ жилахъ, уста смыкаются, сердце перестаетъ биться. Уже издали можно узнать приближеніе пороговъ,—узнать можно по тому страшному шуму, оглушительному реву воды, которая, вливаясь въ промежутки между пороговъ, сильно пѣнится, высоко вздымается

---

[1]) Dio Chrysost., cap. II, oratio XXXVI, стр. 75.

[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны, стр. 26.

вверхъ и быстро стремится вырваться изъ своихъ тисковъ, желая какъ-бы все пожрать своимъ теченіемъ, за все какъ-бы судорожно хватаясь и все мгновенно увлекая. Картина еще страшнѣе выходитъ, когда на Днѣпрѣ схватится вѣтеръ или буря, такъ называемая »*полоса*«. »Изъ всѣхъ вѣтровъ, заключенныхъ въ мѣхахъ Эола, онъ (сѣверо-восточный) самый злой, коварный и опасный. Какъ сила дурнаго глаза, губительно его вліяніе; какъ чаша испитой неблагодарности, снѣдаетъ грудь ядовитое дуновеніе его«, сказалъ одинъ изъ эллиновъ о греческихъ вѣтрахъ и это-же можно примѣнить къ днѣпровскимъ. Изъ періодическихъ вѣтровъ, съ большимъ постоянствомъ дуетъ здѣсь сѣверо-восточный вѣтеръ, достигая наибольшей силы около двухъ часовъ дня. »Имъ (лоцманамъ) опасенъ только вѣтеръ, и потому они отваливаютъ лишь въ самую тихую погоду, когда, что называется, не шелохнетъ. Но и въ самый благопріятный день схватываются полосы и если такая полоса застигаетъ барку при входѣ въ порогъ, гдѣ уже нельзя ни поворотить, ни бросить якорь, тогда съ крѣпкой надеждой на Бога, лоцманъ пускается въ опасный путь [1])«. Полосы эти схватываются во всякое время дня и совершенно внезапно. Вотъ Днѣпръ спокоенъ и тихъ; въ его водахъ, какъ въ чистомъ хрустальномъ зеркалѣ, отображается ясное, безоблачное небо. Но это спокойствіе обманчиво, оно непродолжительно. Не проходитъ и нѣсколькихъ минутъ, какъ вдругъ Днѣпръ поворонѣлъ, надъ нимъ разражается страшная буря, дико завоетъ свирѣпый вѣтеръ и въ мигъ вся поверхность воды превращается въ цѣлыя горы во всѣ стороны брызжущей пѣны. Еще хуже того бываетъ въ осеннее время. Тогда среди яснаго, тихаго и теплаго дня воздухъ вдругъ холодѣетъ и начинаетъ мутиться. Небо изъ синяго дѣлается сначала сѣрымъ, а потомъ совершенно темнымъ; оно какъ-бы наливается тяжелымъ свинцомъ. Днѣпръ кажется тогда черной, ужасающихъ размѣровъ гадиной, готовой всякаго пожрать въ своей невмѣстимой пасти; тогда всѣ предметы естественной величины выходятъ до чудовищной; былинка представляется деревомъ, небольшой камень огромной скалой, маленькій стрижъ (птица) большущимъ орломъ.

---

[1]) Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Поѣздка въ южн. Рос. ч. I, стр. 87.

По всему этому среди безконечныхъ гирлъ Днѣпра, среди его глубокихъ лимановъ, корчей и пороговъ, не рискуя головой, могъ свободно плавать опытный и очень опытный пловецъ; среди его безчисленныхъ островов, топкихъ болотъ, среди непроглядныхъ камышей могъ не потеряться только тотъ, кто отлично и во всѣхъ подробностяхъ изучилъ Днѣпръ и его долину: въ противномъ случаѣ, одна малѣйшая ошибка, одинъ неосторожный шагъ человѣка вели къ завѣдомой гибели его, непремѣнной смерти. Но вотъ эта-то дикость, вотъ эта-то неприступность Днѣпра и привлекала »низовыхъ молодцевъ«, запорожскихъ козаковъ. Здѣсь, за неприступными порогами, среди безчисленныхъ островов, непроходимыхъ камышей, вѣковыхъ лѣсовъ; здѣсь, въ безплодныхъ и знойныхъ »поляхъ«, въ безводныхъ и дикихъ степяхъ,—здѣсь-то удальцы и находили себѣ надежное убѣжище, прочную колыбель, всеобъемлющее лоно. »Сичь—мати, а великій лугъ—батько«!.. Сюда не могла досягать ни рука королевскаго чиновника, ни рука пана-узурпатора, ни власть коронпаго гетмана, ни даже распоряженія самаго короля Рѣчи-Посполитой. Здѣсь-же »молодцы« не боялись ни набѣговъ татаръ, ни наѣздовъ турокъ. Такъ было уже въ началѣ существованія запорожской общины и до самаго 1638 года, когда поляки впервые, и то лишь отчасти, проникли и ознакомились съ запорожскими трущобами, придавая этому знакомству чрезвычайно важное значеніе [1]).

Съ понизовья вѣтеръ вѣетъ,
Повѣваетъ,
Вѣтеръ лодочки лелѣетъ
И качаетъ,
Гей, хлопцы, живо, живо!
Въ Сѣчи водка, въ Сѣчи пиво...
Будемъ отдыхать,

[1]) Кулишъ. Польско-козацкая война. Отеч. Зап., 1864 г., стр. 54, примѣчаніе 2.

Дружно въ весла! чайкой чайку
Обгоняйте!
Про Подкову, Наливайка
Запѣвайте.
Гей, хлопцы, пойте пѣсни,
Словно птицы въ поднебесьи
Вольныя поютъ.

Д. И. Эварницкій.

Харьковъ. 1883 г., декабря 6 дня.

Хроника кіевской общественной жизни по дневнику митрополита Серапіона[1]).

(1804—1824 г.)

Человѣкъ, по своему положенію поставленный въ необходимость принимать участіе въ наиболѣе крупныхъ событіяхъ общественной жизни, не можетъ, при всемъ желаніи, отдѣлить свою частную, личную жизнь отъ жизни общества. Какъ-бы ни былъ ограниченъ его кругозоръ, въ какихъ-бы узкихъ рамкахъ онъ ни велъ свои поденныя записи, какъ-бы эгоистично ни было его самонаблюденіе,—волей-неволей въ его дневникѣ найдетъ себѣ мѣсто и нѣчто годное для исторіи и характеристики общественной жизни. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служатъ дневныя записки м. Серапіона. Среди скучнаго, утомительно-однообразнаго и вялаго перечня градусовъ тепла, просителей и посѣтителей, богослуженій и обѣденныхъ кувертовъ,—нѣтъ, нѣтъ, да и мелькнутъ въ нихъ нѣсколько строкъ, характерныхъ для исторіи кіевской общественной жизни.

Общественная жизнь Кіева важнѣе и любопытнѣе, чѣмъ личное житіе владыки, разнообразившееся почти исключительно почестями и болѣзнями, а тотъ періодъ, который обнимаютъ записки Серапіона, не смотря на свою близость къ намъ, все-таки довольно малоизвѣстенъ.

О древней кіевской жизни мы знаемъ изъ лѣтописей, о новѣйшей изъ газетъ. Но между эпохою лѣтописей и эпохою газетъ есть длинный, глухой и темный промежутокъ, слегка и прерывисто освѣ-

---

[1]) Изъ посмертныхъ бумагъ проф. Ф. А. Терновскаго.

щаемый для насъ случайными извѣстіями мемуаристовъ и кіевскихъ поклонниковъ. Поэтому-то для насъ легче представить непрерывный ходъ кіевской жизни въ XI и XII столѣтіи, чѣмъ въ XVIII и началѣ XIX. Для подтвержденія этого нужно заглянуть хоть въ хронику кіевскую при *Описаніи Кіева* Закревскаго. Благодаря запискамъ м. Серапіона, открывается возможность отчасти пополнить этотъ пробѣлъ по отношенію къ годамъ 1804—1824. Почтенный архипастырь отмѣчалъ иногда, *не мудрствуя лукаво*, или лучше сказать—безъ всякихъ размышленій, факты общественной жизни, отмѣчалъ сухо, кратко и вяло, и тѣмъ не менѣе оставилъ намъ далеко не безъинтересныя, хотя отрывочныя и односторонія свѣдѣнія о кіевской жизни того времени. Постараемся по возможности сгруппировать ихъ подъ общими нѣкоторыми заглавіями, а гдѣ можно и связать между собою, по единству содержанія, отдѣльныя выдержки изъ дневника Серапіона, опуская замѣтки совсѣмъ не значущія, а подъ часъ сокращая и измѣняя многословную и слишкомъ однообразную ихъ форму.

Посѣщеніе Кіева митр. моск. Платономъ.

Митр. московскій Платонъ *Левшинъ* провелъ въ Кіевѣ недѣлю (отъ 2 по 8 іюня). Посѣщеніе это было для м. Серапіона и почетно, и пріятно, ибо на первыхъ порахъ поднимало его авторитетъ, но конечно требовались и нѣкоторыя хлопоты, чтобы принимать знаменитаго гостя.

1 іюня м. Серапіонъ получилъ увѣдомленіе о выѣздѣ м. Платона изъ Чернигова въ Кіевъ и отправилъ за Днѣпръ въ *трактиръ*, стоящій на восточномъ берегу Днѣпра, архимандрита никольскаго монастыря Иринея Фальковскаго, владимірскаго протопопа Кринитскаго (брата царскаго духовника) и лаврскихъ казначея, эконома и типографа, для встрѣчи московскаго митрополита. Московскій владыка подъѣхалъ къ *трактиру* около 2-хъ часовъ ночи, гдѣ и встрѣченъ у кареты прибывшими, и благословивъ ихъ, отпустилъ ѣхать шлюпкою, для него приготовленною, а самъ поѣхалъ паромомъ. Въ Лавру прибылъ въ 4 часа утра *въ Вознесенье 2 іюня*, и встрѣченъ въ сѣняхъ (архимандричьихъ покоевъ) митрополитомъ Серапіономъ и соборными старцами. Въ 6 часу, яко до-

рожный, трактованъ чаемъ. Въ 9 часовъ ходилъ въ великую церковь и слушалъ тутъ обѣдню, стоя у стѣны противъ праваго клироса. Послѣ проповѣди взошелъ въ олтарь и любопытно осматривалъ все, и вышедъ изъ олтаря, осматривалъ внутренность церкви. Возвратившись въ архимандричьи покои, митрополитъ Платонъ принималъ поздравленіе съ пріѣздомъ отъ военнаго и гражданскаго губернаторовъ, отъ коменданта и отъ другихъ чиновниковъ. По отбытіи свѣтскихъ, поздравляли московскаго владыку братія лаврская и соборяне софійскіе, при чемъ протоіерей Леванда произнесъ рѣчь.

3 іюня митрополитъ Платонъ въ сопровожденіи митрополита хозяина осматривалъ Печерскъ, былъ въ Никольскомъ монастырѣ, въ церкви на Оскольдовой могилѣ и въ арсеналѣ. Ходилъ большею частью пѣшкомъ.

4 іюня гость служилъ раннюю обѣдню въ ближнихъ пещерахъ; потомъ ѣздилъ съ хозяиномъ въ Софійскій соборъ, гдѣ особливо и двоекратно входилъ въ придѣлъ видѣть гробъ Ярослава, основателя собора сего; также обратилъ большое вниманіе на одинъ, въ верхнемъ (срѣтенскомъ) придѣлѣ, иконостасъ рѣзной, »представляющій отъ корепя Авраамова происхожденіе«. Потомъ смотрѣлъ соборную, а послѣ и архіерейскую ризницу; сію послѣднюю призналъ нескудною панагіями и саккосами. Предъ обѣдомъ принимали у митрополита Платона благословеніе священство подольское и консистористы. Обѣдалъ у митрополита-хозяина съ викаріемъ, архимандритами и присутствующими (въ дикастеріи) на 13 кувертовъ. Послѣ обѣда гость посѣщалъ старокіевскія церкви и осматривалъ съ крыльца Андреевскаго собора Подолъ. Съ Андреевской горы оба митрополита пѣшкомъ шли до низу ея; заѣзжали сперва въ монастырь Фроловскій, потомъ въ греческій; оттолѣ были въ Академіи [1]). Наконецъ заѣзжали въ Михайловскій монастырь; гость былъ въ церкви и въ покояхъ у викарія Ѳеофана (Шіянова).

5 іюня воскресенье. Гость служилъ въ великой церкви съ своимъ архимандритомъ (андроньевскимъ) и протопопомъ и пр. Обѣдъ былъ у митрополита-хозяина на 26 кувертовъ: гость, хозяинъ, викарій, военный губернаторъ и гражданскій вице-губернаторъ, артиллеріи генералъ Миллеръ, генералъ-маіоръ Свѣчинъ и Толь,

---

[1]) См. объ этомъ *Труды кіевск. дух. ак.*, 1882 г. № 9, стр. 230.

генералъ-поручикъ Шардонъ, войтъ и Балабуха. Послѣ обѣда въ 7 часу митрополиты ѣздили въ Выдубецкій монастырь, гдѣ ходили по церквамъ; и во время сіе дождь шелъ.

6 іюня понедѣльникъ. Утромъ м. Платонъ былъ въ Шулявщинѣ и въ Китаевской пустыни, ходилъ въ лаврскую типографію, потомъ въ Преображенскую приходскую церковь, что̀ близь вратъ экономскихъ (т. е. Спаса на Берестовѣ); оттолѣ заходилъ въ намѣстничьи кельи и въ другихъ братскихъ кельяхъ былъ. Обѣдъ былъ у митрополита-хозяина на 12 кувертовъ. Послѣ обѣда отдыхалъ гость, а предъ вечеромъ сталъ сбираться въ путь. Предъ вечеромъ были ему поднесены отъ братіи книги, числомъ до 20, и два погребца, одинъ съ водкою старою сахарною о 8 штофахъ, а другой въ 12 бутылокъ венгерскаго и бархату малиноваго 16 арш. Братію отпустивъ, два митрополита ходили вечеръ по саду, потомъ взошедши въ покои до 11 часа разговаривали и простились.

8 іюня въ среду въ 5 часу утра митрополитъ Платонъ отпустилъ карету о 8 лошадяхъ и коляску о 5 лошадяхъ и кибитку о 5 лошадяхъ (ибо только и было экипажу), а самъ, искушавъ чаю и потомъ рюмку водки съ закускою, въ 20 минутъ 7 часа въ простомъ одѣяніи отправился изъ лавры въ путь. На дорогу ему поднесены были образа въ окладахъ сребряныхъ позлащенныхъ,—отъ Софійскаго собора Софіи премудрости Божіей, а отъ лавры Успенія Божія Матере и Антонія и Ѳеодосія. Старцы соборные провожали митрополита Платона до вратъ экономскихъ, а митрополитъ и викарій кіевскіе въ каретѣ до пристани. Здѣсь ожидалъ митрополита Платона полицмейстеръ, вмѣстѣ съ которымъ владыка московскій сѣлъ въ большую лодку, называемую по здѣшнему *дубъ*, и перевезенъ на другой берегъ Днѣпра, а въ 9 часовъ совсѣмъ отправился гость нашъ отъ днѣпровскихъ береговъ въ путь свой.

Отъѣздъ изъ Кіева архимандрита Констанція, впослѣдствіи патріарха константинопольскаго.

7 іюля былъ у меня (записано въ дневникѣ Серапіона) предъ вечеромъ бывшій архимандритъ здѣшняго греческаго монастыря *Константій* для истребованія благословенія отправиться въ путь въ Синайскую гору, котораго благословилъ на путь книгою подъ

заглавіемъ: *Каноны съ акаѳистами*, первой по моему благословенію въ кіево-лаврской типографіи печатанною, и сулкомъ (?) по бѣлому глазету шитымъ и поручами такими-же.

Принцъ Карлъ въ Кіевѣ.

22 и 23 августа былъ въ Кіевѣ 22-лѣтній принцъ мекленбургскій Карлъ, братъ родной супруга покойной в. кн. Елены Павловны. Остановился въ магистратскомъ трактирѣ. Митрополитъ былъ у принца съ визитомъ и поднесъ ему икону, планъ лавры на тафтѣ и книгу. Принцъ былъ въ лаврѣ, въ ризницѣ и на пещерахъ, отдалъ визитъ митрополиту и былъ лично водимъ имъ по Софійскому собору, гдѣ съ любопытствомъ смотрѣлъ старинное украшеніе, *миссіею* (мусіею, мозаикою) называемое, и гробъ Ярослава.

Бриллiанты графини Потоцкой.

30 августа въ числѣ другихъ лицъ, посѣщавшихъ митрополита, была графиня Потоцкая, *которая бриллiанты на себѣ имѣла, какъ сказывалъ ювелиръ ея, на милліонъ рублей. О суета!...* Тотъ-же ювелиръ цѣнилъ пэнагіи здѣшніе казенные, и лучшую и первую оцѣнилъ въ 4,800 р. с.—Это суета, уже значительно меньшаго размѣра!

Нищій эмигрантъ.

1 сентября былъ у митрополита эмигрантъ французскій, полковникъ, баронъ, акибы ограбленный между Житоміромъ и Кіевомъ на сумму до 17,000 руб.; просилъ милостыни, и дано ему 25 руб.

Цезаревичъ близь Кіева.

Въ семъ году въ началѣ октября былъ вблизи Кіева цезаревичъ Константинъ Павловичъ; осматривалъ полки въ Махновкѣ. И ѣздили туда изъ Кіева генералъ-губернаторъ Тормасовъ и протопопъ Снигиревичъ, а митрополитъ поручилъ ректору академіи готовить оду de adventu M. Ducis Const P.

Пожаръ на Кудрявцѣ.

9 декабря былъ пожаръ на Кудрявцѣ, который у митрополита описывается такъ: »въ исходѣ 9 часа вечера усмотрѣлъ я нечаянно близь одной главы собора Софійскаго малый свѣтъ на подобіе луны

красной, и потомъ вскорѣ освѣтился весь соборъ и домъ. И это былъ пожаръ на Кудрявцахъ; и горѣлъ домъ нашъ митрополитанскій бывшій, отданный года за два предъ симъ для гродской госпитали. И часа въ два весь сгорѣлъ большой его корпусъ съ церковію; но больные всѣ спасены. Пожаръ учинился аки бы отъ разсѣлины трубы подъ крышею. Богъ вѣсть, правда-ли?«—Дней чрезъ пять владыка ѣздилъ на пожарище. Огонь еще тлѣлся. Вѣрно въ землѣ горѣли перекладины. Мѣсто прекрасное, но пусто стало. Посидѣлъ владыка на горѣ, съ которой Подолъ видѣнъ, какъ на ладони, и поѣхалъ во свояси.—И теперь тамъ никакого жилья, одинъ огородъ, а мѣсто все также прекрасно, и видѣнъ Подолъ.

1805 годъ.

Слухъ о выходцѣ съ того свѣта.

28 февраля былъ у меня,—пишетъ митрополитъ, андреевскій протопопъ Лозановскій съ донесеніемъ о сборищѣ, бывшемъ въ недѣлю православія на кладбищѣ, по случаю или по слуху таковому, будто-бы одной жены умершій мужъ приходитъ къ ней и акибы хотѣли духовные въ недѣлю православія открыть его въ моемъ присутствіи. Оле суевѣрія и невѣжества!

Звонъ по душѣ.

16 апрѣля умерла мать ректора академіи Іоакима Логановскаго 77 лѣтъ; и по здѣшнему обыкновенію былъ звонъ наемный по преставившейся во всѣхъ церквахъ подольскихъ около $^1/_2$ часа. По просьбѣ сына митрополитъ разрѣшилъ похоронить почившую въ Китаевской пустынѣ.

Какъ отразилась въ Кіевѣ война 1805 г.?

Въ 1805 г. Россія въ коалиціи съ Австріею воевала противъ Наполеона. Въ Кіевѣ это событіе внѣшней политики, если судить по дневнику митрополита Серапіона, отразилось едва замѣтно. То иные знакомые брали у митрополита благословеніе на опасный путь за границу, то владыка случайно замѣчалъ движеніе войскъ; 30 іюня напримѣръ »владыка увидѣлъ проходящій мимо вратъ дому митрополитанскаго московскій полкъ солдатъ во Львовскіе врата, человѣкъ тысячъ, кажется, до 2-хъ. И шли около $^1/_4$ часа. И вышедъ изъ города, играли въ трубы и били въ барабаны«.—Куда и за чѣмъ

шли эти веселые люди,—размышленій на эту тему у владыки не записано.

Въ началѣ августа кіевскій генералъ-губернаторъ Тормасовъ былъ назначенъ командовать 13 полками или, по счету митрополита, 26,000; вмѣсто Тормасова правленіе кіевскою губерніею временно поручено было предсѣдателю гражданской палаты д. с. с. Моршковскому. Впрочемъ Тормасовъ скоро отпросился назадъ за болѣзнію, и на его мѣсто былъ назначенъ генералъ отъ кавалеріи баронъ Казиміръ Мейендорфъ, который 31 октября проѣздомъ былъ въ Кіевѣ и у владыки.

Въ связи съ войною стала дороговизна. Казначей лавры докладываетъ владыкѣ о покупкѣ ржи тысячи четвертей для братіи; »по 4 р. 50 к. просятъ, отмѣчаетъ владыка, и то у одного только; по *причинѣ проходу мимо здѣшнихъ мѣстъ полковъ,* и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около нашихъ губерній была саранча, а потому и неурожай«.

Кампанія 1805 г., какъ извѣстно, была неудачна. Русскіе и австрійцы жестоко были разбиты подъ Аустерлицемъ. Но въ Кіевѣ ходили слухи совершенно противуположнаго свойства: »докторъ Бунге (отецъ нынѣшняго министра финансовъ) 15 декабря сказывалъ владыкѣ, акибы наши русскіе войска разбили французовъ и взяли ихъ въ полонъ до 20,000 и Мурье фельдмаршала ихъ убили и проч.«—Все это, конечно, скоро оказалось патріотическою иллюзіею.

Закладка присутственныхъ мѣстъ.

13 іюня, около 10 часовъ утра, митрополитъ прибылъ къ мѣсту закладки и совершилъ водоосвященіе съ тремя архимандритами никольскимъ, братскимъ и греческимъ, прот. Левандою и соборянами. Во время водосвятія прибылъ военный генералъ-губернаторъ Тормасовъ. Митрополитъ прочелъ молитву освященія дома, и за тѣмъ положена была оловянная доска съ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа закладки, титла государя императора и кіевскихъ военнаго и гражданскаго губернаторовъ. Три камня положилъ митрополитъ, одинъ—генералъ-губернаторъ и одинъ—архитекторъ. На остальныхъ трехъ углахъ зданія вышепоименованныя лица клали также по камню. Потомъ митрополитъ окропилъ всѣ рвы, приготовленные для фундамента. Отпускъ, многолѣтіе и закуска въ шатрѣ близъ

мѣста закладки.—Конечно закладывались не нынѣшія присутственныя мѣста, существующія на софійской площади, но зданіе, бывшее на мѣстѣ нынѣшняго дворцоваго сквера и сломанное въ 1855 г.

Проэктъ сліянія академіи съ будущимъ университетомъ.

15 іюля въ 9 часу вечера явился предъ митрополитомъ нечаянный гость: г. министръ просвѣщенія графъ Петръ Василіевичъ Завадовскій и просидѣлъ часа два, разговаривая о разныхъ матеріяхъ. Между прочимъ предложилъ объ академіи, чтобы ее соединить съ университетомъ, который предполагается открыть въ Кіевѣ, и говорилъ это *акибы по волѣ Государя Императора*». Митрополитъ, какъ консерваторъ, по лѣтамъ, по характеру и по званію, отвѣчалъ, что »многія неудобности и затрудненія изъ сего всегда могутъ быть; а лучше-бы особо учредить университетъ, а академію нашу оставить по прежнему духовною«. Если-бы министръ былъ суевѣренъ, то еще ѣдучи къ митрополиту, онъ убѣдился-бы, что изъ его предложенія пути не будетъ, ибо когда онъ ѣхалъ къ владыкѣ, замѣчаетъ послѣдній, то лошади по причинѣ испортившейся отъ дождя дороги не вывезли его на гору. Министръ пробылъ въ Кіевѣ съ небольшимъ сутки, (15—16 іюля), останавливался въ контрактовомъ домѣ, посѣтилъ лавру, гдѣ отслужилъ панихиду по гр. П. А. Румянцевѣ и далъ братіи 100 р. с.; былъ въ академіи, гдѣ выслушалъ на разныхъ языкахъ стихи и рѣчи, и выѣхалъ въ Харьковъ (кажется для открытія университета).

И. В. Лопухинъ въ Кіевѣ.

Извѣстный мистикъ и филантропъ, сенаторъ, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, немного пострадавшій вмѣстѣ съ Новиковымъ во время екатерининскаго гоненія на масоновъ, является въ Кіевѣ отъ 23 по 27 августа. Митрополитъ принялъ гостя любезно: вмѣстѣ они ходили въ склепъ подъ Софійскимъ соборомъ и смотрѣли нетлѣнное тогда тѣло митрополита Рафаила Заборовскаго. Mira res! замѣтилъ владыка,—ибо 58 лѣтъ, какъ скончался.

Дворянскіе выборы.

Въ первыхъ числахъ сентября происходили въ Кіевѣ дворянскіе выборы. Православныхъ приводилъ къ присягѣ митрополитъ

3 сентября; а католики тогда-же принимали присягу въ своемъ костелѣ. Католики имѣли перевѣсъ не только въ числѣ, но въ знатности и богатствѣ. Православныхъ владыка называетъ мелкочиновными, а изъ католиковъ отмѣчаетъ губернскаго маршала, тайнаго совѣтника Козловскаго, и человѣкъ пять съ кавалеріями польскими св. Станислава.

1806 годъ.

Дороговизна въ Кіевѣ.

Прошлогодняя дороговизна, бывшая слѣдствіемъ военныхъ обстоятельствъ, продолжалась и въ 1806 г. 30 апрѣля митрополитъ записалъ: »Цѣна овсу съ сего дня уменьшилась. Былъ покупаемъ по 7 р. 50 к. четверть; а въ сей день по 5 р. покупали. А мука ржаная все еще по 90 к. пудъ у привозныхъ, а въ лавкѣ по рублю пудъ. Неслыханная здѣсь цѣна!« И причина дороговизны повидимому была на лицо. 6 мая былъ у владыки присланный изъ Кесаріи (Австріи) комисаръ для полученія въ трехъ губерніяхъ подольской, кіевской и черниговской: 1) муки ржаной 29,000 четв., 2) разныхъ крупъ 35,000 ч., 3) жита 15,000 ч., 4) овса 8,000 ч., 5) воловъ 10,000, аки бы вмѣсто издержанныхъ сихъ вещей отъ цесарцовъ для нашихъ войскъ въ Германіи бывшихъ«. Отмѣтивъ дороговизну, опять лишь по поводу покупки хлѣба для лавры, митрополитъ записываетъ сообщенный ему полицмейстеромъ слухъ о томъ, будто въ Кіевѣ будутъ два короля, французскій Людовикъ XVIII и неапольскій, а затѣмъ отмѣчаетъ разновременно два пожара отъ грому: одинъ близъ лавры, другой въ церкви Николая Набережнаго, и постановку въ великой лаврской церкви мраморнаго монумента графу Румянцеву-Задунайскому.

Освященіе кирилловскихъ богоугодныхъ заведеній.

21 октября въ 12 часу дня, въ воскресенье происходило освященіе кирилловскихъ богоугодныхъ заведеній. Владыка отмѣчаетъ встрѣчу его »губернаторомъ и магистратскими« и порядокъ освященія. »Примѣчанія, говоритъ онъ далѣе, достоинъ домъ для сумасшедшихъ, гдѣ многія комнаты съ кольцами на стѣнахъ желѣзными. Завтракъ былъ приготовленъ въ столовомъ богадѣленномъ покоѣ, но на обѣдъ богатый похоже было купанье и потчиванье

винами. Потомъ ходили всѣ въ монастырь Кирилловскій и были въ церкви, гдѣ назначилъ я, по просьбѣ губернатора, быть теплой церкви въ углу за правымъ клиросомъ. Потомъ ходили въ покои, гдѣ тутъ живутъ инвалиды: въ первыхъ двухъ покояхъ далъ по 10 руб. на покой, и послѣ въ другихъ трехъ по 5 р. ассигн. на покой«. Тѣмъ кончился осмотръ древнѣйшаго кіевскаго монастыря, въ богадѣльню обращеннаго, по мысли Потемкина.

Съ 10 по 17 ноября отмѣчаются: визитъ митрополита новому военному губернатору М. И. Голенищеву-Кутузову, рожденіе у государя дщери Елизаветы, молебствіе, пальба изъ поставленныхъ на валу софійскомъ пушекъ, обѣдъ у военнаго губернатора съ такою-же въ теченіе онаго пальбою, вечерняя иллюминація, пушечная пальба на Подолѣ и балъ отъ магистрата для всего дворянства по тому-же случаю. А въ это время академія трудилась надъ сочиненіемъ одъ на сей-же случай и митрополитъ особо отмѣчаетъ отдачу ихъ для печати лаврскому типографу.

Великія кавалеріи Кутузова.

Ноябрь по дневнику заканчивается двумя кавалерскими праздниками съ митрополичьимъ служеніемъ: 26 числа въ Софійской церкви для кавалеровъ георгіевскихъ, и 30 въ Андреевской цевкви, при чемъ одинъ Кутузовъ только и былъ кавалеръ андреевскій. Мимоходомъ здѣсь митрополитъ отмѣчаетъ посѣщеніе имъ Десятинной церкви, т. е. части оной, обновленной митр. Петромъ Могилою, и то, что за два дни предъ симъ она была »чрезъ влезаніе въ окошко, обворована«.

Нѣсколько чиселъ декабря заполнены отмѣтками объ объявленіи войны съ французами, чтеніи манифеста, служеніи литургій и молебновъ, учрежденіи временной милиціи и призывѣ къ пожертвованіямъ.

1807 годъ.

5 генваря. Архимандритъ никольскій (Ириней) пожертвовалъ отъ себя и братіи 500 р. на милицію.

14 генваря. Молебенъ въ соборѣ о побѣдѣ надъ французами.

11 февраля. Благодарный молебенъ о побѣдѣ, надъ самимъ Бонапартіемъ одержанной 26 и 27 генваря. Говорили, что фран-

цузовъ до 1200 побито и 1000 взято въ плѣнъ и 12 знаменъ, а нашихъ до 7000 побито. На молебнѣ народу великое множество и простаго. При многолѣтіи пушечная пальба и цѣлодневный звонъ.

Новый викарій—Иринней Фальковскій.

15 февраля. Указъ св. синода отъ 25 генваря о назначеніи викарія кіевскаго Ѳеофана Шіянова на епархію полтавскую, а на его мѣсто викаріемъ николаевскаго архимандрита Иринея (Фальковскаго).

23 февраля. Нареченіе въ крестовой церкви о. Иринея во епископы чигиринскіе, викаріи кіевской митрополіи.

24 февраля. Въ сей день, приходившійся въ прощальное воскресенье, совершено было посвященіе о. Иринея во епископы. Благовѣстъ въ Софійскомъ соборѣ начался въ половинѣ 9 часа, но новонареченный епископъ пріѣхалъ не скоро, такъ что митрополитъ долженъ былъ идти въ соборъ уже въ 10 часовъ. По окончаніи часовъ, когда митрополитъ въ облаченіи сосѣдалъ съ епископомъ Ѳеофаномъ, новонареченный епископъ прочелъ присягу по обычаю; за тѣмъ въ свое время совершено было въ олтарѣ посвященіе по чиноположенію. По окончаніи литургіи, митрополитъ вручилъ новопроизведенному епископу на облачательномъ амвонѣ посохъ, и оный епископъ, съ протопопомъ каѳедральнымъ Левандою и митрополичьимъ протодіакономъ, прямо изъ собору препровождался въ свой каѳедральный михайловскій монастырь. Въ 3 часа у новаго епископа въ михайловскомъ монастырѣ была трапеза, на которой присутствовалъ и Кутузовъ. Чрезъ три дня новый епископъ былъ у митрополита съ благодарностію за посвященіе, говорилъ рѣчь русскую и поднесъ ему 6 бутылокъ шампанскаго и 14 аршинъ разноцвѣтной матеріи на рясу.

6 марта. Для Благовѣщенской, что въ дальнихъ пещерахъ церкви, устроенъ былъ новый мѣдный позлащенный иконостасъ 16 п. 22 ф. вѣсомъ, съ уплатою мастеру по 10 р. съ фунта.

9 Апрѣля. Полученъ указъ изъ синода о произвожденіи на духовные училища вдвое противъ прежняго жалованья.

Воздушный шаръ.

21 апрѣля. Митрополитъ съ бывшими у него гостями на переходахъ ожидалъ, по предварительному обѣщанію, спуску

шару изъ саду дворцоваго; но однако шаръ пущенъ не былъ, якобы за розрывомъ его во многихъ мѣстяхъ. Впрочемъ ровно черезъ мѣсяцъ (21 мая) опытъ повторенъ былъ удачнѣе въ Шулявщинской, принадлежавшей митрополичьему дому рощѣ. Шаръ пущалъ цесарецъ. Кромѣ митрополита съ духовными властями присутствовалъ ген. Кутузовъ и множество дамъ и другихъ людей. При посѣтителяхъ шаръ былъ наполняемъ горячею матеріею, а болѣе дымомъ. И наполненъ будучи, поднялся довольно скоро и поднялся выше березъ и пролетѣлъ влѣво къ дорогѣ и близь рощи опустился. Вышиною возлетѣлъ, какъ другимъ показалось, саженей на сто, и летѣлъ не болѣе, какъ минутъ 10.

Андреевскій колодезь.

8 мая. Крестный ходъ по случаю праздника Преполовенія къ колодцу андреевскому, что близь самой андреевской церкви.— Колодезь этотъ на уступѣ андреевской горы, существовалъ до 60-хъ годовъ, а съ тѣхъ поръ закрытъ.

Миръ и дешевизна.

7 іюля. Послѣ литургіи читанъ былъ соборнымъ діакономъ высочайшій рескриптъ къ г.-губернатору Кутузову о заключеніи мира между Россіею и Франціею; потомъ тотчасъ сказано было сочиненное на сей случай краткое слово лаврскимъ іером. Ѳеодосіемъ. Потомъ благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и цѣлодневнымъ звономъ. Наконецъ обѣдъ у генер.-губернатора Кутузова и пушечная пальба.—Миръ, должно быть, повліялъ на дешевизну. Подъ 19 авг. владыка отмѣтилъ извѣстіе, что »мука ржаная уже по 35 коп. пудъ продается, вмѣсто того, что предъ тѣмъ за мѣсяцъ продавалась по 70 к. Чрезъ день и муку ржаную продавали уже 32 к. пудъ, а грѣшневую 20 к. пудъ. Благодать Господня!«.

Гроза, комета и жидовскій гвалтъ.

Подъ *15 сентября* отмѣтивъ бывшую въ тотъ день грозу съ молніею и громомъ, а подъ *7 ноября* появленіе »звѣзды съ сіяніемъ на подобіе метлы хвостомъ кверху«, митрополитъ 13 числа отмѣчаетъ особое произшествіе, оставшееся, къ сожалѣнію, не разгаданнымъ. Освящалась въ этотъ день церковь Николая Добраго, на По-

долѣ; было митрополичье служеніе, а потомъ трапеза у церковнаго ктитора, именитаго купца Назаря Сухоты. »Примѣчательно!«—ставитъ авторъ дневника. Въ обѣднѣ при самомъ окончаніи чтенія Апостола вдругъ сдѣлался на мостовой чрезвычайный крикъ у самой церкви у западныхъ дверей. И крикъ сей учинили жиды человѣкъ 30, якобы для послѣдняго дня празднованія кущей ходятъ они по улицамъ и поютъ. И были изъ нихъ многіе взяты въ полицію. 20 ноября эти жиды являлись къ митрополиту съ просьбою о прощеніи ихъ неумышленнаго проступка.

Молдавскій господарь на житьѣ въ Кіевѣ.

17 ноября. Дѣлалъ митрополиту визитъ господарь молдавскій Ипсилантій, прибывшій въ Кіевъ на житье съ своимъ семействомъ и сановниками (со свитою не менѣе 30 человѣкъ). Ипсилантій говорилъ по французски, а переводчикомъ между нимъ и владыкою былъ на этотъ разъ зять Кутузова, Толстой. При послѣдующихъ визитахъ митрополитъ и господарь объяснялись по латыни.

1808 годъ.

Отъѣздъ Кутузова.

12 марта. »Кутузовъ сказывалъ митрополиту, что повелѣніе получено двумъ его дивизіямъ идти въ Молдавію и ему туда же отправляться. И, какъ можно было примѣчать, симъ препорученіемъ Кутузовъ былъ доволенъ, и былъ веселъ !противъ прежняго гораздо«.

Дороговизна тогдашняя сахара.

20 марта. »Казначей купилъ для митрополита сахару по 40 р. за пудъ. И говорятъ, будетъ-де еще дороже.«

Даръ Императрицы.

1 апрѣля. Присланъ былъ отъ императрицы Елизаветы Алексѣевны въ кіевопечерскую лавру неожиданный даръ,—ризница богатая, особенно архіерейская, а саккосъ матеріи превосходнѣйшей. Въ день пасхи 5 апр. митрополитъ освящалъ въ лаврѣ по требнику Петра Могилы всю царскую утварь, разосланную на разныхъ столахъ и налояхъ и кропилъ св. водою каждую вещь, коихъ было до 50. Потомъ въ новомъ облаченіи соборне былъ отправленъ мо-

лебенъ о здравіи высочайшей вкладчицы и всей августѣйшей фамиліи. 15 апр. митрополитъ отправилъ императрицѣ, а равно и обер-прокурору, благодарственныя письма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и иконы.

Наводненіе.

1 мая. Вода въ Днѣпрѣ была на зарѣ 7½ вершк. выше обыкновеннаго уровня и покрыла всѣ острова и потопила на Подолѣ 180 домовъ.

Фокусъ-Покусъ.

6 мая вечеромъ въ прихожей митрополита совершалось оригинальное представленіе, которое конечно повторялось и въ другихъ знатнѣйшихъ домахъ Кіева, а можетъ быть и публично. Въ присутствіи владыки, ректора и префекта академіи, знатнѣйшихъ лаврскихъ и домовыхъ старцевъ прибылъ иностранецъ съ ученою лошадкою и со штуками фокусъ-покуса и представлялъ штуки въ прихожемъ покоѣ. Лошадка взошла на лѣстницу скоро и свободно, на вопросы отвѣчала качаніемъ головы и топаньемъ ногою; не безъ курьезности всему научена! Изъ фокусовъ всего болѣе удивило то, что въ часы, лежащіе предъ глазами зрителей, фокусникъ вкладывалъ карточки, не касаясь часовъ. Въ заключеніе живыя птички акибы крѣпость осаждали и палили изъ пушечекъ, и вся крѣпость при пальбѣ зажжена порохомъ и былъ видъ акибы фейерверка. Фокусникъ получилъ отъ митрополита 50 рублей.

Отмѣтивъ подъ *11 мая* градъ и грозу, подъ *18*—прибытіе въ лавру на жительство преосв. Ѳеофилакта, бывшаго вологодскаго, митрополитъ, послѣ другихъ еще менѣе значущихъ произшествій, отмѣчаетъ:

Основаніе рождественской церкви на Подолѣ.

27 іюня. Начали рвы рыть для фундамента рождественской церкви, на мѣстѣ, которое назначилъ и благословилъ владыка. А самая закладка торжественно была совершена 18 августа, причемъ были: митрополитъ, три архимандрита, два лаврскихъ старца, трое софійскихъ соборянъ, подольскихъ 5 протопоповъ и 10 священниковъ. При рытіи фундамента головъ и костей человѣческихъ вырыто премногое число и наложено кучею великою. Митрополитъ приказалъ закопать кости и отпѣть панихиду.

Гости къ лаврскому празднику.

9 августа. Пріѣхала графиня Анна Радіоновна Чернышева и остановилась въ маломъ домикѣ близь пещеръ у госпожи богомольной Олениной. Лаврскій намѣстникъ и казначей являлись къ графинѣ отъ имени митрополита и хлѣбъ поднесли. Посѣтивъ владыку, графиня дала людямъ и монахамъ, провожавшимъ ее до кареты 75 р.—14 августа прибылъ министръ юстиціи, свѣтлѣйшій князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ. Были также на праздникѣ графъ Самойловъ и графъ И. Я. Безбородко. 16 августа графиня Чернышева угощала лаврскую братію, при чемъ дала на трапезу 135 р. 29 августа таже графиня устроила при митрополичьемъ служеніи панихиду по графѣ Захаріи, за что и прислала митрополиту 500 р., которые онъ тогда-же росписалъ служащимъ и домовымъ чинамъ.

Дворянскіе выборы.

11 сентября. Приведеніе дворянъ къ присягѣ на 3-лѣтній выборъ чиновниковъ. Дворянъ со всей губерніи съѣхалось очень не мало; и въ кавалеріяхъ польскихъ было до 10. А 19 сентября были приводимы къ присягѣ новоизбранные чиновники. Изъ собора всѣ и избиратели и избранные пришли въ покои митрополита человѣкъ до ста съ новымъ губернскимъ маршаломъ графомъ Ржеуцкимъ. И были потчиваны въ залѣ водкою и закускою на большой столовой штукѣ. Но закуски не стало: *яко огнь всю ее полизалъ.* Впредь при такихъ случаяхъ готовить надобно на двухъ столахъ. Потомъ все сіе собраніе, какъ состоящее все изъ католиковъ, отправилось въ костелъ для учиненія тойже присяги.

Пожаръ на Подолѣ.

21 ноября. Въ началѣ 9 часа учинился пожаръ на Подолѣ въ лавкахъ, у самой Успенской церкви, который и продолжался до 3 часа за полдень. Церковь Успенская кровлею и окошками,—также и колокольня,—сгорѣла, такъ что жалостно смотрѣть на оголѣлость, но иконостасъ остался цѣлъ, а образа и ризница вынесены. И до 300 лавочекъ разныхъ сгорѣло.

Запись 1808 г. оканчивается замѣткою объ обиліи снѣга въ томъ году.

Подъ *31 декабря* м. Серапіонъ записалъ: »Смотрѣлъ привезенную изъ Засны ловитву велію рыбъ, въ двухъ возахъ состоящую. И въ двѣ только тони вытащили окуней крупныхъ до ста, линей большихъ до 60, щукъ большихъ самыхъ до 10, а малыхъ до ста. И сія велія ловитва отъ того, что веліе количество снѣгу было вездѣ, и рыба дохлась отъ того«.

1809 годъ.

Начинается не оправдавшимися слухами о пріѣздѣ двора и великой распутицѣ—послѣдствіи велико-снѣжной зимы, а за тѣмъ хроникеръ отмѣчаетъ обвалъ купола въ кіево-подольской успенской церкви, послѣдствіе бывшаго предъ тѣмъ пожара,—устройство новой дороги къ Днѣпру отъ никольскаго монастыря, отъ которой теперь и слѣда не осталось, покупку икры для лаврской братіи по 16 р. за пудъ, какъ признакъ удешевленія цѣнъ, и проч. Послѣ того начинаются отмѣтки сравнительно болѣе крупныя и болѣе подробныя.

8 апрѣля. Освященіе домовой митрополитанской въ лаврѣ церкви во имя Серапіона, арх. новгородскаго. На другой день обѣдъ въ лаврѣ, при чемъ митрополитъ пилъ за здоровье: 1) намѣстника, церковь оную 1805 г. сент. 15 закладывавшаго, 2) казначея, планъ первый церкви сочинявшаго, 3) эконома, доставлявшаго матеріалы и съ казначеемъ все распоряжавшаго, 4) экклесіарха, приготовлявшаго все къ церковной утвари принадлежащее, и за всѣхъ другихъ, послужившихъ устроенію церкви. За первыхъ четверыхъ тосты были провозглашены особо, а за прочихъ вообще.

Печальныя вѣсти съ театра войны.

1 мая. Губернаторъ Панкратьевъ читалъ митрополиту письмо, присланное изъ арміи отъ сына, что нашихъ турки подъ крѣпостію Браиловымъ разбили, троихъ генераловъ ранили, офицеровъ болѣе ста ранили и убили. А всего потеряли мы тутъ до 5,000 убитыми. Веліе несчастіе и Божіе наказаніе!

Перестройка Зачатейской церкви, засуха и мѣры противъ нея.

17 мая. Разобрана Зачатейская церковь, старая, каменная, на дальнихъ пещерахъ, а крыша и съ главою оставлена на подпорахъ.

А закладка обновляемой зачатейской церкви произведена 30 мая.

30 мая. Въ день закладки обновляемой зачатейской церкви, совершенъ крестный ходъ на кладезь св. Антонія, и было зѣло знойно. Митрополитъ освятилъ воду въ колодцѣ съ прочтеніемъ на послѣдокъ молитвы о ниспосланіи дождя съ колѣнопреклоненіемъ. Купанье въ этотъ день въ лаврѣ было все постное, а рыбнаго не было для моленія о дождѣ. Въ 9 часу вечера дѣйствительно шелъ дождь. *Чудо новое!* записалъ м. Серапіонъ; *видно молитва какого-либо праведника услышана.* Несмотря на то, 6 іюня снова было митрополичье молебствіе, по причинѣ бездождія и засухи, на Подолѣ, подъ кладеземъ Фелиціаномъ. И послѣ полночи былъ дождь не малый и смочилъ землю. Тѣмъ не менѣе, 20 іюня снова было молебствіе о дождѣ. Ходили къ андреевскому колодезю со всѣмъ старокіевскимъ духовенствомъ, гдѣ митрополитъ освящалъ воду съ моленіемъ о ниспосланіи дождя. Засуха бо продолжается отъ 15 мая до сего дня.

Устроеніе новой церкви на Оскольдовой могилѣ.

15 іюня. Митрополитъ ѣздилъ на Оскольдову могилу и, осмотрѣвъ старую деревянную церковь, согласился дать дозволеніе воронежскому купцу Самуилу Никитину Мещерякову, по его прозьбѣ и на его коштъ, построить тутъ, вмѣсто деревянной, каменную церковь. На другой день Мещеряковъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Гавріиломъ Лоскуткинымъ былъ у митрополита для принятія благословенія отправиться и далъ на устроеніе церкви на Оскольдовой могилѣ 6,000 р., въ дополненіе къ прежде даннымъ на сей же предметъ 2,000 р., да въ лавру вкладу 500 р. Закладка была 1 сентября. 27 сентября митрополитъ осматривалъ уже строющуюся на Оскольдовой могилѣ, вмѣсто деревянной, каменную церковь съ 24 склепами внизу въ стѣнѣ, съ 28 склепами въ срединѣ и съ 24 склепами на верху между колоннами,—величиною для поставки одного гроба.

Закладка новаго гостиннаго двора на Подолѣ.

5 октября. Служеніе въ Успенскомъ подольскомъ соборѣ, по случаю обновленія храма послѣ пожара и закладки гостиннаго двора. Послѣ литургіи, митрополитъ съ крестнымъ ходомъ и съ

образами ходилъ на мѣсто, приготовленное для закладки гостиннаго дома, т. е. къ четыремъ рвамъ, изъ коихъ два были по 57 сажень и два по 30½ сажень. Въ углу положена была доска съ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа и именъ бывшихъ при томъ митрополита, губернатора (П. П. Панкратьева) и войта (Юрія Ивановича Рыбальскаго). Предъ положеніемъ доски, была прочитана митрополитомъ молитва и совершена закладка, по обычаю, на 4 углахъ наружныхъ и 4 углахъ срединныхъ. Во время закладки шелъ дождь, а послѣ закладки была въ магистратѣ трапеза.

Освященіе дома для присутственныхъ мѣстъ.

14 октября. Было освященіе вновь построеннаго трехъ-этажнаго дома для присутственныхъ мѣстъ. Средній этажъ окроплялъ св. водою митрополитъ, а нижній—ректоръ академіи Іоакимъ. По окропленіи дома было собраніе въ залѣ. Судьи и всѣ чиновники заняли мѣсто предъ портретомъ императорскимъ и митрополитъ говорилъ имъ рѣчь краткую, за тѣмъ губернаторъ читалъ имъ по бумажкѣ привѣтствіе, пѣвчіе воспѣли: *Тебе Бога хвалимъ.* Отпустъ и многолѣтіе. Обѣдъ былъ у губернатора человѣкъ на 40; за столомъ пѣли митрополичьи пѣвчіе, что было еще впервые. Вечеромъ митрополитъ проѣхалъ мимо новоосвященнаго дома, который былъ иллюминованъ очень хорошо. И такъ какъ въ каждомъ окнѣ стояло по двѣ свѣчи, то отчетливо обозначался этимъ планъ всего дома.

Панкратьевская табакерка.

4 ноября. Былъ у митрополита гражданскій губернаторъ Панкратьевъ, отправляясь въ уѣзды для набору рекрутъ, и между прочимъ показывалъ табакерку, отъ дворянства кіевскаго ему поднесенную, съ надписью на польскомъ языкѣ бриллiантовыми словами: *за добродѣтели и труды отъ шляхты кіевской!* А 9 ноября скончалась супруга сего губернатора, и была препровождаема чрезъ Подолъ въ кирку лютеранскую для погребенія.

Напрасная смерть студента.

Въ тотъ же день префектъ репортовалъ митрополиту, что студентъ Савченко, изъ крестьянъ, упалъ съ лаврской колокольни и убился до смерти.

Кавалерія игуменьи.

27 ноября. Митрополитъ возложилъ на флоровскую игуменью Пульхерію, бывшую княжну Шаховскую, орденъ св. Екатерины, присланный ей вмѣстѣ съ рескриптомъ отъ вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны.

1810 годъ.

Денежный курсъ въ Кіевѣ.

Генваря 12 лаврскій казначей и екклесіархъ промѣняли 2,000 р. серебряныхъ на 5,000 р. ассигнаціями (т. е. за рубль серебряный взяли по 2 р. 50 к. асс.); а 13 февраля экономъ академіи мѣнялъ деньги нѣсколько выгоднѣе, именно за рубль сер. бралъ 2 р. 55 к. асс. 27 окт. полковница Костогорова просила митрополита о дачѣ ей мѣдныхъ денегъ на промѣнъ ассигнацій, сказывая, что промѣнять нигдѣ не могла, ибо-де за ассигнаціи 5 рублей надо заплатить 2½ рубля промѣну. Очевидно, полковница хотѣла вопреки курсу уровнять для себя рубль ассигнаціонный съ металлическимъ. Въ 1816 г. курсъ уже былъ иной; промѣнивали 4 р. 30 к. ассигн. за рубль серебр.

Черногорскій архимандритъ въ Кіевѣ.

14 февраля явился къ митрополиту архимандритъ черногорскій съ крестомъ и кавалеріею св. Анны 2 класса бриллiантовою. Это извѣстный Дометіанъ Влодевичъ, ведшій жестокую борьбу съ митр. Іерофеемъ, съ позоромъ изгнанный изъ лавры и впослѣдствіи съ торжествомъ въ нее возвратившійся (Исторія Дометіана по документамъ синод. архива разсказана въ 1 томѣ *Чтеній въ обществѣ Нестора.* См. также ниже подъ 30 генв. 1813 г.).

Похороны губернатора Панкратьева.

13 марта въ 8 часу вечера скончался гр. губ. Петръ Прокофіевичъ Панкратьевъ. Погребеніе было въ субботу 19 марта. Въ 9 часу утра митрополитъ поѣхалъ въ домъ скончавшагося для поднятія тѣла, и по входѣ въ домъ вскорѣ облачился. Затѣмъ читана была у самаго гроба на польскомъ языкѣ рѣчь предсѣдателемъ гражданскаго суда Проскурою. Послѣ литіи, тѣло было поднято чиновниками и совершались проводы до самаго монастыря кириллов-

скаго отъ мѣста верстъ 5 и болѣе. Шествіе продолжалось $2^1/_2$ часа. Въ провожаніи народу была тьма. Едва не весь городъ былъ. И были несены отъ шести цеховъ шесть пустыхъ гробовъ, накрытыхъ покровами, шитыми очень богато и хорошо золотомъ по красному бархату. Обѣдню служилъ митрополитъ. Онъ-же и отпѣвалъ тѣло со всѣмъ градскимъ духовенствомъ. Проповѣдь краткую говорилъ прот. Леванда. Тѣло предано землѣ на горѣ въ одномъ склепѣ съ женою губернатора, мѣсяца за 4 предъ симъ скончавшейся. Послѣ похоронъ было небольшое угощеніе въ сиротскомъ кирил. домѣ.

Болѣзнь и кончина протоіерея Сулимы.

6 апрѣля. Прот. Сулима, вдовецъ, членъ дикастеріи (отецъ Димитрія Сулимы, впослѣдствіи архіепископа кишиневскаго) ходилъ вмѣстѣ съ митрополитомъ въ 7 часу вечера въ покои, гдѣ пѣвчіе живутъ. И возвращаясь оттолѣ, при сходѣ съ верхнихъ покоевъ, съ лѣстницы, съ рундука оступившись, упалъ чрезъ три ступени на полъ лицомъ и раздробилъ лѣвую ногу. И насилу пять человѣкъ внесли его въ его келью. Митрополитъ послалъ больному камфоры, но повидимому безъ пользы. Болѣзнь тянулась мѣсяца $2^1/_2$ до роковаго исхода. 20 іюня были у больнаго докторъ Бунге и штабъ-лекарь, братъ преосв. Ѳеофилакта. Первый сказалъ, что можно еще отлѣчить, а послѣдній объявилъ, что опасность близка и скоро будетъ антоновъ огонь, ибо опухоль пошла вверхъ по ногѣ къ колѣну. Въ тотъ-же день митрополитъ посѣтилъ больнаго. 21 іюня Бунге вмѣстѣ съ Гординскимъ былъ у больнаго, и донесъ владыкѣ, что примѣтно-де, что уже сдѣлалась гангрена и дня-де три больной можетъ прожить еще, если не уврачуется болѣзнь. Митрополитъ опять посѣтилъ прот. Сулиму и смотрѣлъ ногу его больную, распухлую, якъ бревно, съ разными то синими, то красными, то блѣдными пятнами. 24 іюня, въ исходѣ 6 часа вечера митрополитъ въ послѣдній разъ посѣтилъ прот. Сулиму. »И засталъ его (пишетъ м. Серапіонъ) издыхающаго. Благословилъ и простился съ симъ честнымъ, трудолюбивымъ и вѣрнымъ мнѣ по дикастеріи помощникомъ. А чрезъ $^1/_2$ часа донесено мнѣ, что онъ и скончался. Да будетъ ему вѣчная память!« 25 іюня вечеромъ соборяне и члены дикастеріи вынесли изъ кельи тѣло покойнаго Сулимы въ трапезную церковь, отпѣли его и похоронили на Кудрявцѣ близъ олтаря.

29 мая. Прибылъ новый военный губернаторъ кіевскій, Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ.

Пожаръ въ Межигорьѣ.

14 іюня. Въ 3-мъ часу за полночь въ бывомъ межигорскомъ монастырѣ фіансовая фабрика сгорѣла вся; а церкви тамошней каменной сгорѣли только куполы и крыша, а иконостасъ и утварь всѣ цѣлы. Жалко, что чрезъ сіе и Кіевъ лишился великихъ доходовъ, ибо посуда съ сей фабрики во многіе города въ великомъ количествѣ была покупаема и безъ всякаго при томъ брака. 6 октября того-же года митрополитъ былъ въ Межигорьѣ и нашелъ, что церковь отъ пожара повредилась только снаружи, а внутри все неповрежденно и благолѣпно; нашелъ также, что послѣ пожара вновь заведены станки фіансовой фабрики, на коихъ уже работаютъ. Въ ту-же поѣздку митрополитъ ходилъ на имѣющійся предъ Вышгородомъ холмъ, на подобіе великой могилы, гдѣ на самой срединѣ водруженъ дикаго мрамора камень, вышиною болѣе аршина, плоскій, толщиною въ $^1/_4$ арш. Замѣтка, быть можетъ, не лишняя для археологовъ.

24 іюня. Закладка крѣпости на Звѣринцѣ и митрополичье служеніе въ Предтеченской на Подолѣ церкви, нынѣ не существующей.

5 іюля. Закладка больницы Прозоровской.

Военныя экзерциціи Ермолова.

12 іюля. Вечеромъ была воинская экзерцицiя въ рощѣ митрополичьяго загороднаго подворья, называемаго Шулявщина, и внѣ рощи къ протоку рѣчки Лыбеди; и было примѣрное сраженіе, продолжавшееся около двухъ часовъ. Послѣ (часовъ въ 10) былъ фейерверкъ въ лагерѣ близь Папковщины. И народу была тьма. Объ этомъ примѣрномъ сраженіи, въ которомъ участвовало до 8,000 человѣкъ, предупредилъ митрополита начальникъ отряда генералъ-маіоръ Ермоловъ. »Ничего сего«, записалъ митрополитъ, »очи мои не видѣли, но уши весь шумъ и громъ слышали, сѣдящу мнѣ въ верхнихъ моихъ покояхъ«.

18 іюля. Опять была около большой гребли экзерцицiя военная, тысячь изъ осми состоящая; при пушечной пальбѣ, аки бы атаку дѣлали. И народу всякаго была тьма.

3 августа. Старокіевскія крѣпостныя ворота (?) были разбираемы; посему митрополитъ ѣхалъ въ лавру чрезъ нѣмецкое кладбище (?).

9 августа. Прибылъ новый гражд. губернаторъ Ланской.

30 августа. По случаю царскихъ имянинъ, былъ у военнаго губернатора М. А. Милорадовича хорошій фейерверкъ, продолжавшійся болѣе ½ часа, съ пушечною пальбою. И народу была тьма до полночи. И былъ у губернатора балъ и угощеніе веліе всѣмъ.

Освященіе церкви на Оскольдовой могилѣ.

1 сентября. Было освященіе новой на Оскольдовой могилѣ церкви, заложенной ровно за годъ предъ симъ (см. выше подъ 15 іюня 1809 г.). Освященіе совершено митрополитомъ съ двумя архимандритами, никольскимъ Кипріаномъ и братскимъ Іоакимомъ, и съ четырьмя старцами, при собраніи вельможъ и всѣхъ первыхъ чиновниковъ. Послѣ обѣдни, всѣ приглашенные накакунѣ отправились къ настоятелю никольскаго монастыря на обѣдъ, человѣкъ до 40; въ томъ числѣ М. А. Милорадовичъ и Д. П. Трощинскій.

15 октября. Генералъ-губернаторъ Милорадовичъ имѣлъ разговоръ съ митрополитомъ по дѣлу кіевскаго вице-губернатора Четверикова, о которомъ представилъ государю касательно взятокъ и казалъ всѣ бумаги дѣла сего, даже и секретныя.

18 октября. Являлся къ митрополиту кіево-владимірскій протопопъ Арсеній Кринитскій, возвратившійся изъ Петербурга и получившій тамъ орденъ св. Анны 2 класса ходатайствомъ братца своего, духовника императорскаго. (Впослѣдствіи о. Криницкій постригся въ монахи съ именемъ Варлаама и былъ архимандритомъ никольскаго монастыря).

1811 годъ.

Румянцевская панихида.

16 генваря. Митрополичья панихида въ лаврѣ по графѣ Петрѣ Александровичѣ Румянцевѣ-Задунайскомъ. При панихидѣ были генералъ-маіоры Полетаевъ и Бернадосъ и два полковника, получающіе отъ графа по 1000 р. пенсіи, чтобы имъ только быть при отправленіи панихиды сей.—Мы знаемъ, что эта панихида съ тысячными пансіонерами совершалась и въ другіе годы, и должно

быть митрополитъ имѣлъ какое либудь вліяніе на назначеніе пенсіи, потому что генералъ Полетаевъ просилъ у владыки его по этому предмету содѣйствія. Но не знаемъ, когда эта пенсія прекратилась;— вѣроятно по смерти раздаятеля ея графа Н. П. Румянцева. (См. ниже подъ 27 сент. 1814 г. и 8 генв. 1818 г.).

Кіевскіе откупщики.

6 февраля. Возвратились изъ С.-Петербурга кіевскіе купцы: Кисселевскій, Лакерда и Барскій. А ѣздили они за откупомъ виннымъ и взяли на себя *лично* за 379,000 руб., да за пиво и медъ 23,000 руб. на 4 года. Сумма чрезвычайно великая!

Пожаръ въ Выдубецкомъ.

18 марта. Во 2 часу ночи загорѣлись братскіе покои въ Выдубецкомъ монастырѣ и сгорѣли всѣ кельи,—деревянный корпусъ на каменномъ фундаментѣ на 25 сажень длины и на 5 ширины.

Ссыльный митрополитъ Паисій.

23 марта проѣзжалъ чрезъ Кіевъ высланный изъ Яссъ въ Суздаль митрополитъ греческій Паисій съ провожатымъ надворнымъ совѣтникомъ и просилъ у Серапіона на бѣдность, и дано ему, яко посланному нечаянно, ut in exilium, вспомоществованія 50 рублей.

Отказъ Иринея Фальковскаго отъ кавалеріи.

29 апрѣля. Митрополитъ чрезъ секретаря консисторіи послалъ при своемъ письмѣ къ викарію епископу Иринею высочайшій рескриптъ и знаки ордена св. Анны I класса, полученные наканунѣ. Возвратясь, секретарь донесъ, что Ириней отрекается принять орденъ и не принялъ конверта и не распечаталъ его. Вечеромъ митрополитъ самъ поѣхалъ къ викарію Иринею, отрекающемуся принять орденъ, съ увѣщаніемъ оставить упорство свое. Но Ириней остался при своемъ мнѣніи. И митрополитъ, искушавъ у него чашку чаю, отъѣхалъ во свояси. Чрезъ день митрополитъ опять ѣздилъ къ викарію для посѣщенія его, яко больнаго, и говорилъ ему о принятіи кавалеріи. 10 мая въ царскій день рожденія великой княгини Екатерины Павловны молебствіе отправилъ епископъ Ириней безъ возложенія недавно пожалованной ему кавалеріи.

Пожары на Подолѣ.

Въ ночь на *10 мая* на Подолѣ, въ приходѣ притиско-никольскомъ сгорѣлъ одинъ домъ отъ пьяныхъ хозяевъ и въ немъ умершая дѣвица 45-лѣтняя сгорѣла.

28 мая былъ пожаръ на Подолѣ у Введенія, и дворовъ до 15 сгорѣло небольшихъ.

Хлѣбный жукъ.

2 іюня, осматривая сельское хозяйство въ Теремкахъ, митрополитъ нашелъ, что рожь низка и рѣдка вышла; и на каждомъ почти стеблѣ жучки сидѣли и объѣдали цвѣтъ въ колосьяхъ.—Похоже на то, что знаменитый впослѣдствіи *кузька существовалъ и въ 1811 году.*

Великіе пожары и смущеніе кіевлянъ.

Іюнь ознаменованъ многими пожарами въ Кіевѣ, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ великій пожаръ на Подолѣ 9 іюня, когда сгорѣло 1,240 домовъ, монастыри братскій и фроловскій и болѣе десяти церквей. Къ сожалѣнію листокъ съ записью отъ 9 по 15 іюня утраченъ изъ дневника м. Серапіона, и по дальнѣйшимъ записямъ мы можемъ составить себѣ понятіе только о впечатлѣніи ужаса, какимъ были поражены кіевляне.

14 іюня, въ 11 часу вечера »паки былъ пожаръ на Печерскѣ, противъ самой почти владимірской церкви. Сгорѣлъ домъ войта Рыбальскаго, и сей пожаръ навелъ такой страхъ, что всѣ выбирали все имѣніе свое изъ домовъ, и вывозили въ поле«.—Какъ будто читаешь выдержку изъ новгородской лѣтописи: »по вся дни загорашеся невѣдаемо, и не смѣяху людіе жити въ домѣхъ, но на поли живящу«. И мы, прибавляетъ митрополитъ, всю ризницу выносили въ выходъ, что подъ полатнымъ амбаромъ, и ночь почти всю не спали, и мои коробы, и вина, и водки въ подвалъ-же вынесли.

25 іюня была пальба изъ всѣхъ пушекъ, на крѣпости лаврской стоящихъ, для пробы-де ихъ; что весь городъ весьма встревожило, ибо не знали, для чего была пальба.

28 іюля, въ исходѣ 1 часа за полночь былъ пожаръ во дворцѣ у военнаго губернатора, аки-бы отъ зажогу, и сгорѣлъ правый со въѣзду корпусъ.

30 іюля митрополитъ ѣздилъ въ Выдубецкій монастырь осматривать покои для помѣщенія погорѣлыхъ фроловскихъ монахинь.

4 августа протопопъ Кринитскій сказывалъ митрополиту о письмѣ, стихами писанномъ и прибитомъ акибы къ дому часовщика Коробки, что на Подолѣ, о сгорѣніи и остальныхъ подольскихъ домовъ.

7 августа митрополитъ прогуливался по обгорѣлому саду на Кудрявцѣ и замѣтилъ, что между прочимъ двѣ груши сгорѣли отмѣнной величины и высоты.

16 августа, вечеромъ горѣлъ домъ зятя коменданта Масси Корда близь дому генерала Бухгольца. На другой день въ томъ-же домѣ паки горѣлъ другой флигель, и муки сгорѣло до 900 кулей.

17 августа, въ началѣ 2-го часа за полдня открылся пожаръ противъ дворца у графа Самойлова, и у аптеки сгорѣли флигеля и сараи у брата Бунге, лекаря. И пожаръ былъ сильный въ виду дому нашего софійскаго, яко на горѣ, но тихо было, Богу благодареніе! И часа чрезъ два все потушили. А всѣмъ страху много причинено; и у митрополита карсты на конюшнѣ вытаскивали.

19 августа. Весь городъ наполненъ былъ чрезъ весь день горячимъ дымомъ, такъ что и дышать было трудно, и вдали мало что было видно. Не знали, чему приписать. И въ смущеніи многіе бѣгали на Подолъ посмотрѣть, не горитъ-ли гдѣ?

22 августа. Митрополитъ слышалъ отъ прот. Сигиревича, акибы отселѣ прислано въ С.-Петербургъ 8 человѣкъ, подозрительныхъ въ зажигательствѣ Кіева, а шесть содержатся здѣсь.

Посвященіе епископа Аѳанасія въ Кіевѣ.

2 сентября въ крестовой церкви было нареченіе, а *5 сентября* въ лаврѣ посвященіе черниговскаго елецкаго архимандрита Аѳанасія Корчанова въ епископы пензенскіе. Посвященіе совершали м. Серапіонъ съ викаріемъ Иринеемъ и съ жившимъ въ лаврѣ на покоѣ епископомъ Ѳеофилактомъ (Слонѣцкимъ), бывымъ вологодскимъ.

Комета.

10 сентября. Въ 10 часу очень ясно видна была звѣзда комета, отъ лѣтняго запада къ сѣверу идущая, и лучи или сіяніе—казалось на сажень—перпендикулярно простирались къ созвѣздію ursae majoris. И до полночи видно было сіе явленіе очень необыкно-

венное. *15 сентября* сіяніе отъ кометы было косвеннѣе или наклоннѣе къ востоку и было слабое и короткое, такъ какъ на аршинъ уже только.

Городокъ Китай.

25 сентября митрополитъ съ гостями духовными и свѣтскими обѣдали въ Китаевской пустыни, а послѣ обѣда ходили на виноградникъ, а оттолѣ на гору зѣло высокую, гдѣ былъ городокъ Китай, гдѣ видны и до днесь окопы и валы.

26 сентября прибылъ въ Кіевъ сенаторъ Илья Петровичъ Аршеневскій для обозрѣнія фабрики фіансовой.

Перемѣщеніе монашествующихъ послѣ пожара.

4 октября. Никольскій архим. Кипріанъ донесъ владыкѣ, что онъ съ своею братіею уже перебрался въ лавру, а фроловская игуменья просила благословенія совсѣмъ перебраться въ монастырь никольскій и показывала рескриптъ, ей присланный отъ импер. Маріи Ѳеодоровны и 1,000 руб. при письмѣ об. прок. кн. Голицына.

8 октября. Въ лаврѣ было приведеніе дворянства къ присягѣ на 3-хъ лѣтніе выборы.

16 октября. Пріѣхалъ изъ С.-Петербурга сербскій архим. Мелетій, коему, по имянному указу, велѣно выдать изъ лавры два круга церковныхъ книгъ.

Надгробіе Долгорукимъ въ Лаврѣ.

21 октября. Былъ у митрополита титулярный совѣтникъ, отъ владимірскаго губернатора князя Долгорукого присланный, съ доскою мѣдною вызолоченною для постановленія ея при входѣ въ великую печерскую церковь въ стѣнѣ противъ чугунныхъ плитъ, положенныхъ надъ гробами его родственниковъ, славныхъ по обстоятельствамъ того времени.

15 ноября. Митрополитъ сдалъ эконому академіи, пр. Россовскому, 1,000 р., присланныхъ отъ гр. А. Р. Чернышевой для раздачи погорѣлымъ священникамъ кіевскимъ.

9 декабря. Освященіе вновь сооруженной церкви Зачатія св. Анны на дальнихъ пещерахъ.

12 декабря. Въ 7 часовъ утра военный губернаторъ прислалъ митрополиту письмо, увѣдомляя о полученіи имъ изъ молдавской

арміи отъ главнокомандующаго Кутузова извѣстія, что турокъ у Рущука взято въ плѣнъ 12,000 и 56 пушекъ съ трехбунчужнымъ пашею и 3 другими начальниками.

25 декабря. Былъ у владыки совѣтникъ правленія Катериничъ, человѣкъ благочестивый и нѣчто жертвовалъ для благоукрашенія лавры и объявилъ, что онъ сдѣланъ кіевскимъ вице-губернаторомъ.

1812 годъ.

Кончина епископа Ѳеофана Шіянова.

24 генваря. Скончался послѣ паралича полтавско-переяславскій епископъ Ѳеофанъ Шіяновъ, бывшій викарій кіевскій и родной дядя извѣстнаго кіевскаго домовладѣльца Н. С. Шіянова. Параличъ поразилъ преосвященнаго 15 генваря, и электрическая машина, выписанная изъ Кіева отъ протопопа Манковскаго, какъ видно, не спасла умирающаго. Переяславская консисторія репортовала митрополиту о кончинѣ Ѳеофана, требуя распоряженія о его погребеніи на основаніи синодальнаго указа отъ 30 ноября 1783 года. Посему митрополитъ и поручилъ ѣхать въ Переяславль для погребенія пр. Ѳеофана викарію Иринею.

Торжество открытія кіевской гимназіи.

30 генваря. По просьбѣ визитатора тайнаго совѣтника Чапскаго (т. е. Чацкаго), митрополитъ совершалъ литургію въ лаврѣ. Императорскій уставъ, данный гимназіи, былъ внесенъ въ великую лаврскую церковь съ торжественною процессіею. Проповѣдь говорилъ катихизаторъ гимназіи, успенскаго собора священникъ Иванишевъ. Послѣ молебствія и многолѣтія, уставъ тотъ въ бархатномъ футлярѣ и на бархатной подушкѣ понесенъ былъ въ гимназію. Въ 3-мъ часу дня послѣдовало самое открытіе. Предъ гимназіею стояли цехи съ знаменами и городская милиція на коняхъ, и играли въ литавры. У лѣстницы встрѣтилъ митрополита т. е. Чапскій съ директоромъ гимназіи Мышковскимъ и учителями, и провелъ въ залу, гдѣ послѣ водоосвященія и многолѣтія, митрополитъ благословилъ новое учебное заведеніе иконою и библіею. Затѣмъ говорены были рѣчи польскія. Первую рѣчь говорилъ болѣе получаса г. Чапскій, дѣлая обращенія къ г. губернатору Милорадовичу, графу Ржевутскому, губернскому маршалу Потоцкому и къ митрополиту. Вторую рѣчь

также съ комплиментами и еще длиннѣе говорилъ графъ Ржевутскій; третью—покороче говорилъ, вмѣсто маршала губернскаго, маршалъ повѣтовый. Наконецъ въ заключеніе говорилъ благодарную рѣчь директоръ Мышковскій, уже на россійскомъ языкѣ. Потомъ военный губернаторъ взялъ уставъ, лежавшій на бархатной подушкѣ, и вручилъ директору. Въ 7 часу, уже зажженнымъ свѣчамъ, сѣли за столъ богатый; и было обѣдающихъ болѣе ста. Когда пили за здоровье государя, былъ 101 пушечный выстрѣлъ.—Вѣроятно въ теченіе своей многовѣковой жизни Кіевъ только разъ оглашался въ вечернее время такимъ патріотическимъ громомъ, какой устроили теперь три польскіе графа.—Послѣ обѣда митрополитъ былъ провожденъ до кареты г. Чапскимъ, директоромъ и учителями; даже г. Чапскимъ въ карету посажденъ, по учтивости крайней польской.

Возобновленіе фроловскаго монастыря.

21 февраля. Почтмейстеръ принесъ къ митрополиту письмо отъ государя императора, присланное по естафетѣ, о скорѣйшемъ возобновленіи фроловскаго монастыря. Это порученіе митрополитъ спѣшилъ возложить на никольскаго архимандрита Кипріана и самъ часто сталъ ѣздить въ погорѣлый фроловскій монастырь. 23 марта заключенъ былъ контрактъ съ подрядчикомъ Сѣриковымъ, который взялся за 45,000 р. построить четыре корпуса келій на 56 саженяхъ. А 5 мая митрополитъ послѣ литургіи во фроловскомъ уже отправлялъ благодарный молебенъ, что Богъ помогъ въ погорѣломъ монастырѣ устроить четыре корпуса келій и въ нихъ поселить монахинь, а монахини со слезами благодарили митрополита за трудъ его въ устроеніи семъ многій положенный.

Отъѣздъ викарія Иринея.

12 марта. Викарій Ириней, пожалованный епископомъ смоленскимъ, въ первый разъ воздѣлъ на себя анпинскую кавалерію по просьбѣ митрополита.

1 апрѣля вечеромъ Ириней выѣхалъ въ Смоленскъ и былъ провожаемъ братіею до р. Днѣпра съ колокольнымъ звономъ, продолжавшимся болѣе часу.

2 апрѣля митрополитъ въ михайловскомъ монастырѣ отпѣвалъ госпожу Ханенкову.

Безполезныя саперныя работы надъ пещерами.

8 апрѣля. На Печерскѣ военные люди начали размѣрять мѣстность и назначили рвы для баттарей надъ самыми пещерами. Это митрополиту, какъ видно, очень не нравилось, и подъ 29 мая онъ записалъ отзывъ какого-то офицера, пріѣхавшаго изъ Брянска съ артиллерійскими лошадьми, что инженерная работа на пещерахъ предосужденію подвержена особливо потому, что пещеры оставлены безъ защиты. Часъ отъ часу было не легче. 31 мая начальникъ дальнихъ пещеръ доносилъ митрополиту, что инженерный генералъ Глуховъ хочетъ приступать къ тому, чтобы на пещерахъ ломать переходы. Но митрополитъ не имѣлъ никакой власти надъ инженерами, и ему оставалось только похаживать надъ пещерами, да посматривать, что́ дѣлаютъ инженеры. Пробовалъ жаловаться военному губернатору Милорадовичу, но тотъ отвѣчалъ, что это не его дѣло, что инженерами завѣдуетъ какой-то генералъ Опперманъ. Митрополитъ жаловался, должно быть, кому нибудь и повыше. Какъ-бы то ни было, 17 іюня митрополитъ получилъ письмо отъ графа Аракчеева, и въ немъ именной указъ инженерному генералу Глухову, предписывающій ему имѣть всякое попеченіе о невредимости пещеръ. Въ тотъ-же вечеръ владыка поѣхалъ къ пещерамъ, гдѣ Глуховъ подѣлалъ рвы и валы, осмотрѣлъ инженерныя работы и съ торжествомъ вручилъ Глухову высочайшій указъ.

14 апрѣля. Благодарственное молебствіе по случаю пожалованія государемъ императоромъ 34,200 р. погорѣвшему кіевскому духовенству.

Какъ отражались въ Кіевѣ событія 1812 года?

24 апрѣля. Была у митрополита философка Турчанинова и разсказывала исторію объ измѣнничествѣ Сперанскаго и Магницкаго.

24 іюня митрополиту изъ разговоровъ гостей стало примѣтно, что французы уже въ Вильнѣ.

27 іюня философка Турчанинова первая прислала копію съ приказа арміямъ о нападеніи французовъ на наши войска при Ковнѣ.

30 іюня митрополитъ, возвращаясь изъ лавры въ 10 часу вечера, нашелъ, что крѣпость была уже заперта, и ходили на главную гофъ-вахту докладываться о пропускѣ.

3 іюля принесено къ митрополиту письмо отъ Турчаниновой, коимъ увѣдомляетъ, что сей-де часъ прибылъ изъ арміи курьеръ; сказываютъ-де, что было три сраженія, всѣ выгодныя для россіянъ. А *5 іюля* вице-губернаторъ показывалъ митрополиту и самое письмо Багратіона о трехъ побѣдахъ небольшихъ, 27 и 28 іюня и 2 іюля бывшихъ.

11 іюля военный губернаторъ Милорадовичъ объяснилъ митрополиту, что государь назначилъ его, Милорадовича, главнокомандующимъ надъ арміею, изготовляемою между Калугою, Волоколамскомъ и Москвою, и давалъ читать только что полученный имъ Высочайшій о семъ рескриптъ. Пока митрополитъ былъ у Милорадовича, пріѣхалъ офицеръ съ извѣстіемъ, что миръ съ турками ратификованъ султаномъ.

13 іюля. Явился къ митрополиту архимандритъ Лазарь, который имѣлъ монастырь свой въ Пинскѣ, и мѣсто-де сіе, такъ какъ и Минскъ, занято французами; и архіепископъ-де минскій Серафимъ выѣхалъ въ Смоленскъ.

14 іюля философка Турчанинова доставила владыкѣ копію съ письма о побѣдѣ 1-ю арміею непріятельской арміи, состоявшей изъ 100,000, изъ коихъ 60,000 убито и взято въ плѣнъ, а 40,000 разсѣяно безъ вѣсти; въ числѣ плѣнныхъ маршалъ Макдональдъ, а Понятовскій или раненъ, или убитъ.

Съ половины іюля въ Кіевъ стали приводить плѣнныхъ французовъ. 15 іюля комендантъ просилъ у митрополита позволеніе въ пѣвческомъ корпусѣ поставить плѣнныхъ французовъ, коихъ ведутъ 290 человѣкъ, да вслѣдъ за симъ будутъ до 400.

20 іюля. Предъ литургіею былъ прочитанъ манифестъ о всеобщемъ вооруженіи и отправленъ соборомъ молебенъ о побѣдѣ на супостатовъ. Послѣ литургіи прочитано письмо генерала Тормасова о побѣдѣ надъ саксонцами при Кобринѣ и отправлено благодарственное молебствіе.

22 іюля. Предъ обѣднею молебенъ о побѣдѣ, одержанной надъ французами генералъ-лейтенантомъ Раевскимъ.

30 іюля. Была сильная пальба въ лагерѣ, что у Златыхъ вратъ, для ученія.

2 августа. Митрополитъ повѣрялъ въ соф. соборѣ доску, выгродированную со гроба князя Ярослава.

3 августа. Извѣстіе о двухъ побѣдахъ подъ Полоцкомъ.

6 августа. Были у митрополита вице-губернаторъ Катериничъ, С. С. Шіяновъ и почтмейстеръ Ассонъ Савичъ и сказывали, что казну, состоящую въ золотѣ и серебрѣ, изъ Кіева велено вывезти въ Москву (?!), и вывезена-де. Да и депо провіантское и коммиссаріатское вывозятъ-де отселѣ въ Москву,—и что то-де послѣдуетъ чрезъ 4 дня, ожидать надобно.

7 августа. Были у митрополита лаврскіе намѣстникъ и казначей по дѣлу о сохраненіи сокровищъ лаврскихъ. Митрополитъ ѣздилъ къ губернатору и говорилъ съ нимъ объ угрожающихъ обстоятельствахъ, но, какъ видно, ни къ какому рѣшенію не пришли. Впрочемъ *16 августа* митрополитъ послалъ въ Черниговъ къ генералъ-губернатору Лобанову письмо относительно сохраненія сокровищъ церковныхъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ.—Кажется, все ограничилось тѣмъ, что лаврскія драгоцѣнности были положены въ сундуки для случая.

15 августа. Былъ крестный ходъ съ иконою Богоматери кругомъ всей лавры.

16 августа. Митрополитъ ходилъ съ братіею въ верхній скарбецъ, гдѣ отбирали серебро, безъ употребленія лежащее, для пожертвованія отечеству. Въ тотъ-же день митрополитъ получилъ отъ Шіянова непріятное извѣщеніе, что Смоленскъ занятъ французами 7 августа. Но за то *2 сентября* Шіяновъ пришелъ къ владыкѣ съ извѣстіемъ, аки-бы одержана нашимъ войскомъ побѣда подъ Можайскомъ, и взято будто-бы отъ 70 до 100 пушекъ, и до 70,000 побито и ранено, и взятъ акибы въ полонъ король неапольскій, зять Наполеоновъ Іоакимъ Муратъ. *15 сентября* дошелъ до кіевскаго владыки слухъ о московскомъ пожарѣ. Inter rumores varios hoc a multis audivi, quasi Mosquam adivit Napoleon et multa ibi igne consumsit. O avertat Deus hoc summum malum!

20 сентября вице-губернаторъ сообщилъ митрополиту, что Москва точно французами занята 2 сентября и много-де предмѣстій выжено; а наканунѣ комендантъ сказывалъ митрополиту, со словъ проѣзжавшаго курьера, акибы съ Австріею у насъ миръ объявленъ и посланникъ-де нашъ поѣхалъ въ Вѣну,—также и съ саксонцами. *29 сентября*, лекарь Бунге сказывалъ митрополиту, акибы Москва была сдана французамъ на капитуляцію. Наконецъ *3 октября* ми-

трополиту удалось получить прямое извѣстіе о Москвѣ. Кіевскій воздвиженскій священникъ, ѣздившій въ С.-Петербургъ, не могъ уже возвратиться чрезъ Москву, а проѣхалъ чрезъ родину митрополита, Александровъ и привезъ письмо отъ митрополичьяго племянника Симона Ив., священника александровскаго дѣвичьяго монастыря. Племянникъ писалъ, что они находятся въ великомъ страхѣ, ожидая ежечасно нашествія непріятельскаго, что московскій митрополитъ въ махрищскомъ монастырѣ, а викарій его во Владимірѣ, а синодальная-де и лаврская ризницы вывезены въ Вологду, а мощи-де преп. Сергія сокрыты подъ спудъ. »О великій гнѣвъ Божій!« замѣтилъ митрополитъ, и при первой возможности послалъ въ Александровъ 500 р. 23-мъ бѣднымъ родственникамъ, бѣжавшимъ изъ Москвы.

20 сентября въ полдень многіе въ Кіевѣ видѣли при солнечномъ сіяніи луну и подъ нею малую звѣзду, изъ чего разныя дѣлали заключенія.

1 октября прибылъ въ Кіевъ генералъ отъ кавалеріи А. М. Тормасовъ проѣздомъ изъ арміи западной въ армію подмосковную, а выѣхалъ изъ Кіева *4 октября*.

20 октября. Молебенъ о побѣдѣ надъ королемъ неаполитанскимъ, одержанной 6 октября генераломъ Бенигсеномъ подъ Вороновымъ.

26 октября. Митрополитъ читалъ письмо генерала Милорадовича къ кіевскому гражд. губернатору, коимъ увѣдомляетъ, что »Москва нами занята сего октября 11 числа, и взошелъ генералъ Еловайскій первый въ городъ, а непріятель ретируется по разнымъ дорогамъ«. И затѣмъ послѣдовали все уже пріятныя извѣстія.

3 ноября митрополиту сообщено о побѣдѣ, 27 и 28 октября въ 40 верстахъ отъ Смоленска одержанной, гдѣ взято нашими 63 пушки и 3,500 плѣнныхъ, а болѣе того побито.

18 ноября митрополитъ узналъ, что гдѣ-то русскіе взяли въ плѣнъ 17,000, 8 генераловъ, 200 пушекъ и страшный обозъ.

22 ноября получено было письмо отъ фельдмаршала князя Кутузова о совершенной безопасности кіевской крѣпости, объ открытіи всѣхъ мѣстъ присутственныхъ и о возвращеніи госпиталя изъ Переяславля.

24 ноября. Подписка въ пользу разоренныхъ отъ французовъ. Митрополитъ подписалъ отъ лавры 5,000 р., да отъ себя лично

1,500 р. с., губернаторъ 500 р., вице-губернаторъ 300 р. и т. д. Всего-же отправлено было лаврскимъ казначеемъ оберъ-прокурору св. синода на разоренныхъ отъ французовъ 13,575 р.

Панихида по м. Платонѣ.

19 декабря. Торжественная панихида по московскомъ митр. Платонѣ въ софійскомъ соборѣ, а *21 декабря* въ лаврѣ. Митрополитъ Серапіонъ при семъ роздалъ на свой счетъ 390 пятикопѣечныхъ булокъ лаврской братіи и оставилъ на сорокоустіе 50 р.

1813 годъ.

Крестный ходъ въ лаврѣ.

1 генваря былъ крестный ходъ кругомъ лавры съ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери. Предварительно митрополитъ говорилъ съ амвона рѣчь, въ коей изъяснилъ причины хода. Впослѣдствіи г-жа философка Турчанинова составила описаніе сего хода, въ коемъ участвовало все кіевское духовенство, какъ черное, такъ и бѣлое. А *26 генваря* былъ благодарственный молебенъ о спасеніи отечества отъ врага, при чемъ читаны были, по силѣ указа св. синода, два высочайшіе манифеста.

Погребеніе войта Рыбальскаго.

24 генваря умеръ войтъ Рыбальскій, старикъ почтенный, всѣми уважаемый и любимый, и умный. Отпѣвалъ митрополитъ. Церемонія погребенія войта была необычная: 1) въ церкви было около гроба 18 знаменъ; 2) когда гробъ вынесли изъ церкви, предъ гробомъ ѣхало до ста гражданъ въ найлучшемъ уборѣ, на найлучшихъ лошадяхъ, въ малороссійскомъ богатомъ платьѣ; 3) впереди всей процессіи несли 12 гробовъ, покрытыхъ богатыми пеленами, шитыми золотомъ и серебромъ. Похоронили войта Рыбальскаго *29 генваря* на Щекавицѣ, гдѣ его стараніемъ сооружена каменная церковь.

30 генваря явился къ митрополиту черногорскій архимандритъ Дометіанъ Влодевичъ, коему дозволено пребываніе въ лаврѣ, съ письмомъ отъ министра полиціи и отъ посланника изъ Вѣны князя Куракина.

1 марта. Московскій купецъ Ждановъ поднесъ м. Серапіону книжку, имъ сочиненную, о его бѣгствѣ изъ Москвы отъ французовъ.

23—25 марта, пребываніе въ Кіевѣ в. кн. Екатерины Павловны, которая пожертвовала къ чудотворной лаврской иконѣ звѣзду бриллiантовую съ превеликимъ аметистомъ по срединѣ, а сама получила изъ лавры до 10 частицъ мощей здѣшнихъ преподобныхъ.

11 апрѣля. Привезенъ въ Кіевъ и погребенъ въ Выдубецкомъ монастырѣ трупъ полковника Василицкаго, убитаго подъ Бородинымъ.

Покража въ лаврѣ.

10 августа украдены въ лаврѣ кружечныя деньги до 14,000 р.; а 17 ноября обокрали въ лаврѣ уставщика Гавріила: взято 4 мѣшка мѣдныхъ денегъ и до 600 р. ассигнаціями и шуба; впрочемъ въ тотъ-же день и воръ, и украденное найдены.

30—31 августа былъ въ Кіевѣ проѣздомъ въ свою епархію могилевскій епископъ Даніилъ (Мирданскій) и подарилъ митрополиту 12 бут. венгерскаго и 32 арш. матеріи.—Это приношеніе повидимому нѣсколько удивило митрополита.

Посвященіе въ Кіевѣ двухъ епископовъ.

13 сентября было нареченіе, а *14 сентября* посвященіе каменецъ-подольскаго архимандрита Стефана во епископы житомірскіе; что было учинено митрополитомъ съ коадъюторомъ Иринеемъ и Ѳеофилактомъ, бывымъ вологодскимъ.

13 октября было нареченіе, а *14 октября* посвященіе курскаго архимандрита Аполлоса во епископы харьковскіе. Дѣйствующіе въ обрядѣ архіереи были тѣже. На мѣсто новопосвященнаго епископа опредѣленъ въ Курскъ архимандритомъ ректоръ академіи Іоакинѳъ.

1814 годъ.

15 генваря. Былъ благодарный молебенъ по высочайшему манифесту, что наши побѣдоносныя знамена развѣваются уже на берегахъ р. Рейна.

25 генваря. Снѣгъ съ пургою, и великое множество его выпало.

12 апрѣля. Торжественное молебствіе по случаю вступленія Государя Императора въ Парижъ. Народу и господъ было очень много, а особливо господъ никогда почти столько не бывало. Послѣ молебна господа всѣ съ чиновниками заходили къ митрополиту, человѣкъ почти до ста. И тутъ предложено ознаменовать сіе чрезмѣрно радостное происшествіе подпискою на инвалидовъ денежною. Митрополитъ первый подписалъ 200 р., остальные тутъ же въ залѣ сотъ до семи.

27 іюня. Отпѣваніе протоіерея Леванды, скончавшагося *25 іюня* [1]).

28 іюня. Торжественный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и цѣлодневнымъ звономъ, по случаю высочайшаго манифеста о заключеніи мира съ Франціею. 101 пушечный выстрѣлъ. Вечеромъ иллюминація. »И были для торжества иллюминованы софійская и лаврская колокольни. На первой было сто плошекъ, а на второй 200, къ великому удовольствію гражданъ«.

Приношенія въ лавру гр. Н. П. Румянцева.

27 сентября. Былъ въ Кіевѣ государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, а на другой день прислалъ въ лавру, гдѣ погребенъ его родитель, панагію бриллiантовую всебогатую для митрополита, вѣтвь масличную и жезлъ фельдмаршалской золотые, бриллiантами украшенные.—Послѣднія двѣ вещи и теперь хранятся въ лаврской ризницѣ.

1 октября. Прибылъ въ Кіевъ графъ М. А. Милорадовичъ, герой, орденами обвѣшанный, и будучи *4 октября* у митрополита на обѣдѣ, казалъ златую шпагу, бриллiантами украшенную и лаврами обвитую, за храбрость пожалованную ему Государемъ Императоромъ.

1815 годъ.

23 генваря. Былъ въ Кіевѣ и у митрополита графъ Витгенштейнъ, герой видный, росту высокаго, орденами обвѣшанъ.

26 генваря. Былъ въ Кіевѣ и у митрополита лейбъ-кучеръ Государя Императора, изъ Вѣны пріѣхавшій на богомолье въ Кіевъ,

---

[1]) Обстоятельство это подробно описано въ книгѣ Ф. А. Терновскаго: *Протоіерей Іоаннъ Леванда.* Кіевъ. 1879 года.—Ред.

съ бородою червою и съ усами раскольническими(!), въ кафтанѣ купеческомъ, кушакомъ подпоясанномъ. Митрополитъ благословилъ кучера книгами и просфорою, что онъ принялъ, павъ на колѣни, съ душевнымъ восторгомъ.

26 апрѣля. Скончалась старушка Анна Александровна Турчанинова, супруга полковника и перваго камердинера императора Петра III, и погребена торжественно *28 апрѣля* въ Выдубецкомъ монастырѣ.

20 іюня. Манифестъ по случаю начатія войны съ Франціею.

14 іюля. Выпускной экзаменъ въ кіевской гимназіи. Новопроизведеннымъ студентамъ выданы были аттестаты, а еще губернаторъ роздалъ имъ и шпаги.

27 іюля. Получено было высочайшее повелѣніе срыть на пещерахъ валы и привесть все въ первобытное состояніе и все сдѣлать на государственный счетъ. Митрополитъ и лаврскіе старцы возрадовались и благодарили Божію Матерь, и прочитано было оное высочайшее повелѣніе намѣстникомъ въ присутствіи митрополита въ средѣ старцевъ.

26 декабря. Молебенъ по случаю полученія радостнаго извѣстія, что всеобщій миръ уполномоченными подписанъ 8 ноября въ Парижѣ.

1816 годъ.

29 мая. Присланы отъ государя императора золотые сосуды для Софійскаго собора при рескриптѣ къ митрополиту.

30 мая—3 іюня. Пребываніе въ Кіекѣ в. кн. Николая Павловича.

27 іюня. Господарь молдавскій Ипсилантій, жившій въ Кіевѣ, скоропостижно скончался въ 8 часу утра, на 56 году отъ роду. Мѣсто для погребенія было назначено въ Георгіевской церкви, въ углу за правымъ клиросомъ, гдѣ и въ настоящее время возвышается мраморный монументъ. Могила была вырыта съ трудностію по причинѣ оказавшихся подъ поломъ каменныхъ стѣнъ и большаго дикаго камня. Погребеніе было совершено 30 іюня. Тѣло вынесли изъ дому господарскаго противъ столбовой никольской церкви (т. е. никольскаго монастыря, именовавшагося *Слуть*), при величайшемъ стеченіи господъ и народа: 15 городскихъ цеховъ приняли участіе въ церемоніи съ своими гробами и знаменами. Литургія и

отпѣваніе были въ Софійскомъ соборѣ. Вдовица-княгиня была въ сильнѣйшей скорби.

8 августа. Былъ у митрополита князь Голицынъ, зять покойнаго князя Прозоровскаго, съ просьбою о переносѣ тѣла покойнаго изъ лавры въ церковь, отъ нихъ при больницѣ устроенную (въ Прозоровскую башню).

Пребываніе Императора въ Кіевѣ.

30 августа. Получено формальное увѣдомленіе, что Государь Императоръ въ Кіевъ прибудетъ къ 7 сентября и пробудетъ до 12.

7 сентября. Четвергъ. Въ половинѣ 7 часа вечера Государь Императоръ изволилъ прибыть въ лавру, гдѣ во св. вратахъ встрѣченъ былъ митрополитомъ съ братіею въ полномъ облаченіи и привѣтствованъ рѣчью. Потомъ провожденъ, при пѣтіи братіею и пѣвчими стиха: *Днесь благодать св. Духа,* до церкви. По вшествіи въ оную, запѣли пѣвчіе: *Достойно есть,* въ которое время изволилъ прикладываться къ мощамъ при препровожденіи митрополита. Потомъ эктенія и многолѣтіе. И отбылъ изъ лавры; и зажжена была иллюминація на колокольнѣ. И иллюминована была и колокольня софійская.

8Сентября. Пятница. Праздникъ Рождества Богоматери. Въ 11 часу изволилъ прибыть къ собору Государь Императоръ и встрѣченъ у св. воротъ митрополитомъ съ духовенствомъ, причемъ митрополитъ говорилъ краткое привѣтствіе. По вшествіи въ соборъ, Государь изволилъ прикладываться къ иконамъ и мощамъ. Потомъ началась обѣдня, которую совершалъ митрополитъ съ тремя архимандритами и четырьмя соборными. Проповѣди не было. Послѣ литургіи, Государь изволилъ входить въ новую ризницу, осмотрѣлъ мозаику и гробъ Ярославовъ. Послѣ посѣтилъ митрополичьи покои, гдѣ милостиво бесѣдовалъ съ хозяиномъ, сидя съ нимъ рядомъ на канапе, предстоящимъ генераламъ, и графинѣ Браницкой, и княгинѣ Прозоровской. И былъ потчиванъ сперва кофеемъ съ чаемъ, но не изволилъ кушать; потомъ шампанскимъ, коего полъ-рюмки искушалъ за здоровье митрополита, и немного откушалъ вырезуба и пирожка частицу. И отбыть изволилъ благополучно и радостно для всѣхъ съ шумомъ *ура* у собора.

9 сентября. Суббота. Во 2-мъ часу дня митрополитъ ѣздилъ къ Государю съ духовенствомъ, и подносимы были иконы: отъ лавры образъ Успенія въ окладѣ, и хлѣбъ, и книги; отъ собора образъ Софіи, премудрости Божіей, отъ фроловскаго монастыря образъ Вознесенія и хлѣбъ, а отъ академіи ода. И принято было благоволительно. Пригласивъ митрополита во внутренніе покои, Государь бесѣдовалъ съ нимъ милостиво и обѣщался завтра слушать въ лаврѣ обѣдню, поемую лаврскими старцами.

10 сентября. Воскресенье. Прибытіе государя въ лавру послѣдовало въ исходѣ 11 часа; и былъ встрѣченъ у вратъ святыхъ экономомъ съ 10 старцами, а у церковныхъ дверей митрополитомъ съ крестомъ. И по вшествіи, изволилъ приложиться къ образу Божіей Матери и слушалъ литургію, совершаемую митрополитомъ, спѣваемую братіею и продолжавшуюся два часа. Послѣ литургіи, Государю поднесена была митрополитомъ просфора, и подходили всѣ служащіе къ рукѣ. Затѣмъ Государь прошенъ былъ въ архимандричьи кельи и провожденъ намѣстникомъ, а митрополитъ, разоблачившись, взошелъ въ кельи и благодарилъ Государя за посѣщеніе и подчивалъ его шампанскимъ, наливъ бокальчикъ, и Государь половину выпилъ за здоровье митрополита; потомъ потчиванъ рыбою вырезубомъ и пирогомъ. Въ тотъ-же день митрополитъ былъ на обѣдѣ у Государя. За столъ сѣли въ три часа. По правую руку его величества сидѣли митрополитъ, графъ Сакенъ и графъ Ржевутскій, а по лѣвую графъ Милорадовичъ, Раевскій и Капцевичъ; всѣхъ было за столомъ болѣе 30 человѣкъ, и всѣ почти генералы. Въ 5 часу встали изъ за стола и Государь, поговоривъ немного, откланялся. Кушанье для митрополита все было рыбное и изготовлено наивкуснѣйше.

11 сентября. Понедѣльникъ. Полученіе митрополитомъ бриллiантовыхъ знаковъ ордена Андрея Первозваннаго, а лаврскимъ намѣстникомъ бриллiантоваго креста. Посѣщеніе Государемъ академіи.

12 сентября. Вторникъ. Государь изволилъ слушать обѣдню, отправляемую однимъ намѣстникомъ въ церкви преп. Антонія. Послѣ обѣдни митрополитъ представилъ Государю схимника во всемъ схимническомъ одѣяніи, который и благодарилъ за пожалованный ему бриллiантовый крестъ. Изъ церкви Государь прошенъ былъ въ кельи начальничьи, гдѣ, мало наливъ вина, выпилъ за

здоровье митрополита, и много разглагольствовалъ о бывшемъ предъ Парижемъ моленіи среди 15,000-ной арміи въ 7 церквахъ. Потомъ Государь зашелъ въ лаврскую великую церковь, гдѣ приложился къ образу Божіей матери. При выходѣ митрополитъ поднесъ Государю образъ преподобныхъ и сказалъ краткую благодарную рѣчь. »И тако«, заключаетъ митрополитъ свое сказаніе о пребываніи Государя въ Кіевѣ,- »въ исходѣ 10 часа за полночь отбылъ Государь, сѣвъ въ коляску у вратъ святыхъ, въ дальнѣйшій путь. И симъ все совершилось благополучно. Проводивъ, взошли въ церковь и отпѣли благодарный молебенъ за вся благая, намъ ниспосланная чрезъ царя благочестивѣйшаго«.

Освященіе церкви въ инвалидномъ домѣ кн. Прозоровскаго.

21 сентября. Литургію совершалъ митрополитъ. Послѣ тутъ и обѣдали. За столомъ было до 30 человѣкъ, все почти генералы, да дамъ до 5: кн. Прозоровская, генеральша Раевская, кн. Голицына хозяйка, да генеральша Давыдова. Обѣдъ былъ богатый.

27 октября. Митрополиту была доставлена чрезъ г. Шіанова ода, сочиненная полковникомъ Морозовымъ на прибытіе въ Кіевъ Государя Императора.

31 октября. Былъ у митрополита сенаторъ Болотниковъ съ объявленіемъ о назначаемомъ имъ мѣстѣ для католицкой церкви, гдѣ аптека, близъ дворца.

1817 годъ.

9—12 генваря. Пребываніе въ Кіевѣ преосв. Михаила черниговскаго, впослѣдствіи м. петербургскаго.

13 апрѣля. Былъ у митрополита раввинъ жидовскій и просилъ прощенія въ ложномъ доносѣ самому Государю, аки бы дочь его (раввина), будучи выкрадена, была окрещена.

24 апрѣля. Присланъ отъ Государя Императора въ Михайловскій монастырь образъ архангела Михаила, въ златой ризѣ, бриллiантами и другими драгими каменьями украшенный.

23 мая. Митрополитъ осматривалъ въ лаврѣ въ верхнемъ скарбцѣ открытый желѣзный сундукъ, въ коемъ отъ 1785 г. хранились деньги серебромъ 10,000 и золотомъ червонцевъ тысяча.

О лаврскомъ скарбцѣ упоминается въ дневникѣ владыки еще разъ, именно подъ 15 февраля 1805 г., именно, что митрополитъ и старцы ходили въ скарбецъ, что въ великой церкви, и положили остатковъ отъ прошлаго 1804 года, за расходами разною монетою 20,000 р. къ имѣемымъ отъ прежнихъ годовъ 55,000 р. Кромѣ 12,000 златыхъ, qui sub pavimento absconditae тутже. О похищеніи изъ лаврскаго скарбца см. подъ 4 марта 1821 года. Существуетъ-ли въ настоящее время лаврскій скарбецъ, не знаемъ.

Открытіе кіевскаго отдѣленія россійскаго библейскаго общества.

11 августа. Въ лаврской церкви былъ отслуженъ молебенъ съ прошеніемъ Божія благословенія на начатіе благаго дѣла сего, при чемъ были генералы Раевскій, Капцевичъ, комендантъ Масси, губернаторъ Назимовъ и прочее дворянство и купечество. Изъ церкви всѣ пошли въ митрополичьи покои и заняли мѣста въ большой залѣ. Митрополитъ произнесъ рѣчь (которую случайно бывшій при семъ князь И. М. Долгорукій въ своихъ запискахъ не похвалилъ и назвалъ рутинною). Затѣмъ читаны были правила библейскаго общества, была подписка приношеній (при чемъ митрополитъ подписалъ 1,000 руб. единовременно и 300 р. ежегодно) и выборъ членовъ комитета. Собраніе началось пѣніемъ духовныхъ стиховъ: *Днесь благодать св. Духа насъ собра*, и *Благословенъ еси Христе Боже нашъ*, и закончилось пѣніемъ: *Тебе Бога хвалимъ. 25 августа* было новое собраніе, на коемъ въ добавку къ прежнимъ выбраны новые директора, въ томъ числѣ пасторъ лютеранскій.—Изъ этого видно, что библейское общество имѣло не вѣроисповѣдный, а общехристіанскій характеръ.—Въ слѣд. 1818 г., апрѣля 4, у митрополита были англійскій пасторъ и раздаватель библіи и нового завѣта евреямъ и другой миссіонеръ англичанинъ (Гендерсонъ и Патерсонъ) и много разговаривали объ обращеніи евреевъ въ вѣру христіанскую.

30 августа. Закладка костела католицкаго близъ театра на горѣ.

Священникъ—авторъ.

14 сентября. Митрополитъ произвелъ въ протоіереи чернобыльскаго священника Іоанна Рубановича, 70-лѣтняго, автора исто-

рической книги на польскомъ языкѣ: »О началѣ церкви христіанской до послѣднихъ временъ съ возраженіями о заблужденіяхъ римской церкви«.

5 декабря. Увѣдомленіе оберъ-прокурора св. синода кн. Голицина о томъ, чтогосударь приказалъ отдать кіево-печерской лаврѣ рыбныя ловли въ черниговской губерніи.

18 декабря. Княгиня Ипсиланти просила митрополита о дозволеніи совершать для ней богослуженіе греч. іеромонаху съ острова Патмоса.

1818 годъ.

8 генваря. Панихида въ лаврѣ по графѣ Румянцевѣ, на которой былъ сынъ его, графъ Семенъ Петровичъ, и ассистентами были шесть кавалеровъ, получающихъ тысячную пенсію, и солдатъ два батальона подъ командою генералъ-майора Орлова. За панихиду графъ далъ братіи 500 р., а воинамъ 4000 рублей.

12 марта. Раздача кіевскимъ іереямъ бронзовыхъ крестовъ на владимірской лентѣ въ память войны 1812 года.

22 октября. Подполковница Марья Степановна Высоцкая лично просила митрополита объ устроеніи въ Выдубецкомъ женскаго монастыря (вѣроятно на ея счетъ). О томъ же просила она и св. синодъ. Просьба, какъ видно, осталась безъ послѣдствій.

19 ноября. Устроенъ вновь въ церкви преп. Варлаама, на ближнихъ пещерахъ, *иконостасъ мѣдный, позлащенный* очень блистательно чрезъ огонь, на что 239 червонцевъ пошло.

20 ноября. Лаврскій намѣстникъ со встревоженнымъ духомъ заявилъ митрополиту затрудненіе намѣстнической должности, болѣе жалуясь на типографа о постановленіи ангела близъ нужнаго мѣста.

30 декабря. Погребеніе на Оскольдовой могилѣ *полковника Будьянскаго,* скончавшагося отъ прорванія пупка. Послѣ похоронъ полицмейстеръ, провожая митрополита, положилъ ему въ карету 800 р., чѣмъ владыка былъ удивленъ.

1819 годъ.

8 февраля. Панихида по королевѣ виртембергской Екатеринѣ Павловнѣ, скончавшейся на 32 году.

23 мая—3 іюня. Двѣнадцать дней гостилъ въ Кіевѣ Антоній, архіепископъ подольскій.

20 августа. Молебенъ о рожденіи в. кн. Марьи Николаевны, а *31 августа* о крещеніи ея.

13—14 сентября. Былъ въ Кіевѣ военный министръ Петръ Петровичъ Коновницынъ.

28 сентября. Открытіе кіевской академіи по новому уставу (См. *Труды к. д. ак.* 1883 № 2).

1820 годъ.

11 апрѣля. Генеральное собраніе библейскаго общества въ лаврѣ.

1821 годъ.

Похищеніе изъ лаврскаго скарбца.

4 марта. Похищено неизвѣстно кѣмъ изъ лаврскаго скарбца церковнаго казенныхъ денегъ 18.897 р. Подозрѣвался какой-то іером. Ѳедоръ. Найдено какое-то орудіе, подкинутое за иконостасомъ. Наконецъ воръ былъ отысканъ въ Бердичевѣ совѣтникомъ Саксомъ, слѣдователемъ дѣла, и представленъ митрополиту. По описанію владыки, въ его залѣ, 7 мая въ 12 часовъ дня, разыгралась слѣдующая сцена. Полицмейстеромъ и совѣтникомъ Саксомъ воръ былъ привезенъ и введенъ въ залу. Воръ просилъ, чтобы чиновники оные тутъ не были, а были бы духовные, архимандритъ, или протопопъ, или іеромонахъ. Митрополитъ приказалъ взойти въ залу своему эконому игумену Никандру и духовнику, при коихъ воръ былъ спрашиваемъ и признавался въ похищеніи въ лаврѣ въ соборѣ денегъ и много говорилъ о своихъ беззаконіяхъ и преступленіяхъ великихъ, коимъ онъ не надѣется здѣсь получить отпущенія и разрѣшенія, но понесетъ на тотъ свѣтъ великое бремя своихъ грѣховъ и будетъ съ Богомъ говорить. Митрополитъ всячески утѣшалъ грѣшника, но тщетно. За тѣмъ воръ много жаловался на духовныхъ, которые ему ни хлѣба куска, ни кваса просящему не давали. А отходя совсѣмъ, сказалъ: *я васъ въ другой разъ не увижу.*—Воръ по имени не называется, но очевидно это былъ кто-то изъ лаврской братіи. Въ тотъ же день вечеромъ, намѣстникъ доложилъ владыкѣ, что преступникъ былъ въ лаврѣ у схимника, и отъѣхавъ

отъ него съ полицмейстеромъ, преступникъ велѣлъ, проѣхавъ домъ Ахордовъ, остановиться и у конюшни въ навозѣ порыть. Найденъ былъ боченочекъ такой, въ какихъ сельди продаются, закупоренный. Въ боченочкѣ оказалось 345 полуимперіаловъ и 1600 руб. ассигн.

14 мая. Опущеніе въ склепъ (въ придѣлѣ архидіакона Стефана) привезеннаго въ лавру *тѣла* генералъ-фельдмаршала Ив. Вас. *Гудовича*. Митрополитъ совершалъ надъ гробомъ панихиду со всѣмъ кіевскимъ духовенствомъ, бѣлымъ и чернымъ, за что сынъ Гудовича доставилъ владыкѣ 2,000 р.

15 мая. Бракосочетаніе генералъ-маіора Мих. Осод. Орлова (впослѣдствіи декабриста) съ дочерью генерала Н. М. Раевскаго, Екатериною въ церкви Спаса на Берестовѣ. Пѣли митрополичьи пѣвчіе, и дано имъ отъ жениха сто руб. ассигн.

7—10 августа. Былъ въ Кіевѣ *Досиѳей, еп. бывый орловскій.*

16 августа. Пожаръ въ фроловскомъ монастырѣ небольшой.

25 августа. Пожаръ іорданской церкви на Подолѣ.

Отголоски греческаго возстанія.

3 сентября. Былъ у митрополита архимандритъ (Паисій, грекъ), который тѣло убіеннаго Григорія, патріарха константинопольскаго, привезъ въ Одессу. Около того же времени сказывалъ митрополиту генералъ Раевскій, что въ Одессѣ такая бѣдность у грековъ изгнанниковъ, что продаютъ собственныхъ дѣтей. А г-жа Турчанинова разсказывала владыкѣ, что Инсиланти, сынъ господаря, умершаго въ Кіевѣ, собираетъ въ Молдавіи добровольцевъ.

7—10 октября былъ въ Кіевѣ Ксенофонтъ, епископъ бывый владимірскій, пожалованный архіепископомъ каменецъ-подольскимъ, проѣздомъ на свою епархію.

27 октября. Скончался архим. Гавріилъ на 87 году, жившій въ лаврѣ на обѣщаніи почти 20 лѣтъ.

За 1822 годъ дневника не сохранилось.

1823 годъ.

Кончина епископа Иринея.

29 апрѣля. Въ 10 часу утра Ириней епископъ, викарій кіевскій, не болѣвъ, скончался скоропостижно.

9—12 іюля. Былъ въ Кіевѣ М. М. Сперанскій. 11—16. Былъ въ Кіевѣ проѣздомъ въ Петербургъ Димитрій Сулима, архіепископъ кишиневскій. 21—24. Былъ въ Кіевѣ и у м. Серапіона графъ А. А. Аракчеевъ.

1824 годъ.

Кончина протоіерея Снигиревича.

11 генваря. Утромъ скончался протоіерей софійскаго собора Димитрій Снигиревичъ. »Вѣчная ему память!« записалъ м. Серапіонъ, »а о дѣлахъ его Богу судить, и въ причиненныхъ имъ мнѣ оскорбленіяхъ Богъ его да проститъ!«

17 февраля. Пожаръ на Печерскѣ, гдѣ всѣ близъ владимірской церкви деревянныя лавки въ два часа сгорѣли.

Археологическая находка.

24 іюля. Учитель гимназіи г. Берлинскій приносилъ м. Серапіону вещи, найденныя мѣщаниномъ кіевскимъ подъ горою противъ церкви трехъ-святительской, какъ то: панагія золотая, съ изображеніемъ Спасителя благословляющаго, и двѣ серебрянныя большія серьги, съ изображеніемъ на нихъ животныхъ во вкусѣ того времени, и двѣ штучки золотыхъ съ жемчугомъ (надобно думать, были онѣ у евангелія на корнѣ).

Вотъ все, что́ мы могли выбрать сколько-нибудь цѣннаго для характеристики кіевской общественной жизни изъ дневника митр. Серапіона! Не велика наша находка! И на это двѣ причины: тихо бился пульсъ кіевской общественной жизни, и близорукъ былъ старческій взглядъ м. Серапіона, только скользившій по поверхности явленій. Но что-нибудь все-таки лучше, чѣмъ ничего.

ИЗЪ ЖИЗНИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЛОНИСТОВЪ НА СѢВЕРНОМЪ КАВКАЗѢ [1]).

Въ концѣ 1775 года назначенъ былъ намѣстникомъ и генералъ-губернаторомъ новороссійскимъ, азовскимъ и астраханскимъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ. Такъ какъ въ составъ астраханской губерніи входилъ еще сѣверный Кавказъ,—насколько онъ принадлежалъ намъ,—то къ обязанности Потемкина относилось также веденіе дѣлъ кавказскихъ. Положеніе этихъ дѣлъ было такого рода, что побудило Потемкина, между прочими мѣрами, приступить къ колонизаціи громаднаго раіона незаселенныхъ земель, тянувшихся отъ Моздока до Азова, на протяженіи пятисотъ верстъ [2]). Впрочемъ, еще до Потемкина правительство сознавало необходимость распространенія какъ можно болѣе »россійскихъ селеній« у Кавказа, вверхъ по Тереку. Въ сенатскомъ указѣ 20 сентября, 1762 г. было высказано мнѣніе, что съ помощью лишь такихъ селеній возможно будетъ скорое и дѣйствительно прочное покореніе »варваровъ« (кавказскихъ горцевъ). Поэтому Потемкину предстояло только осуществить указанную сенатомъ мѣру, и надо отдать ему справедливость: онъ первый положилъ основаніе широкой колонизаціи дотолѣ пустыннаго края. Такъ, послѣ устройства по моздокско-азовской линіи ряда военныхъ укрѣпленій, объявлено было о раз-

[1]) Существенный матеріалъ для этой статьи взятъ изъ »Сентенціи отъ 5 мая 1855 года военно-судной коммисіи, учрежденной при ставропольскомъ уѣздномъ судѣ надъ зачинщиками, руководителями и главными виновниками возмущенія маслокутскихъ крестьянъ въ 1853 году (современная копія).

[2]) Полное Собр. Зак., т. XX, №№ 14,464 и 14,607.

дачѣ подъ поселеніе на этой линіи земель однодворцамъ и всѣмъ другимъ, безъ различія рода и званія [1]), т. е. открытъ былъ свободный притокъ гражданскому населенію. Затѣмъ, со дня образованія кавказской области, указомъ 9 мая 1785 г. на имя генералъ-поручика Павла Сергѣевича Потемкина (двоюроднаго брата князя Потемкина), предоставлялось кавказскому генералъ-губернатору право раздавать земли, остающіяся отъ надѣла переселенцамъ, всѣмъ тѣмъ, кто пожелаетъ *населить ихъ и завести хозяйства* [2]). Этотъ указъ открылъ путь частному землевладѣнію и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпостной колонизаціи. Но насколько легко было помѣщикамъ получить землю, настолько трудно и убыточно показалось имъ заселять ее собственными крѣпостными людьми. Переводить ихъ изъ Россіи—значило обезсиливать уже устроенныя хозяйства; помимо того, заводить хозяйства на одинъ свой страхъ здѣсь, на новомъ мѣстѣ, вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, представлялось дѣломъ рискованнымъ: сплошь и рядомъ бывали примѣры, что однимъ набѣгомъ горцевъ въ какой нибудь часъ истреблялось то, что стоило долгаго труда и не малыхъ денежныхъ затратъ [3]). Въ виду этого, собственно крѣпостная колонизація достигла на сѣверномъ Кавказѣ самыхъ незначительныхъ результатовъ [4]), и земли многихъ частныхъ владѣльцевъ могли-бы остаться вовсе ненаселенными; если-бы на подмогу не явились колонисты—бѣглые.

Извѣстно, что въ послѣдней четверти XVIII в. положеніе нашего крестьянства значительно ухудшилось. Если указами 70-хъ годовъ помѣщикамъ дано было право ссылать крѣпостныхъ за дерзости въ каторжную работу и въ Сибирь на поселеніе, а у крестьянъ отнято право заносить на господъ челобитье за всякія беззаконія и притѣсненія [5]), то жалованная грамота дворянству 21 апрѣля 1785 г. предоставила помѣщикамъ такія права, больше которыхъ

---

[1]) Ibid., т. XXI, № 15,619; т. XXII, № 16,401.

[2]) Ibid., т. XXII, № 16,194.

[3]) Примѣры см. у Буткова: »Матеріалы для новой истор. Кавказа«, издан. 1869 года, или у Дубровина: »Братья Потемкины на Кавказѣ«—Русскій Вѣстникъ«, 1878 г., кн. 12, стр. 545.

[4]) »Хозяйствен. описаніе астрах. и кавказской губерніи«, изданіе 1809,—»Статистическіе труды П. Штукенберга«, т. 1, изданіе 1857 года.

[5]) П. С. З., т. XVII и XVIII, № 12,511, 12,556, 12,557 и 12,966.

уже и давать было нечего: крестьянинъ сдѣлался полною частною собственностью помѣщика, собственностью, на которую онъ имѣлъ такое-же вещное право, какъ на прочее недвижимое имѣніе[1]). Хорошо, если помѣщикъ былъ »добрымъ экономомъ« и по совѣту неизвѣстнаго автора записки, поданной въ 1791 г. въ »Вольное Экон. Общество« заботился о крестьянахъ, какъ о домашней скотинѣ, имѣя въ виду размноженіе рабочаго племени,—тогда по крайней мѣрѣ возможно было жить; но такіе »экономы« случались въ рѣдкость; на оборотъ: »многіе помѣщики, по свидѣтельству современника, были до того жестоки, что охотнѣе заботились о своихъ гончихъ собакахъ, чѣмъ о крестьянахъ, кровавому поту которыхъ они большею частью обязаны были тѣмъ благосостояніемъ и богатствомъ, которое расточали такимъ непростительнымъ образомъ«[2]). Между тѣмъ, какъ мы уже сказали, юридическое право протеста противъ рабовладѣльческаго гнета у крестьянъ было отнято, послѣдствія же протеста открытаго, фактическаго еще свѣжи были въ памяти; оставался, слѣдовательно, одинъ способъ облегчить свою судьбу,—бѣгство.—На Кавказѣ не употреблялось пока стѣснительныхъ мѣръ противъ бѣглыхъ, поэтому цѣлыя массы ихъ дѣйствительно направлялись сюда[3]). Здѣсь они или смѣшивались съ легальными переселенцами, или селились отдѣльно отъ нихъ, не на тѣхъ даже мѣстахъ, заселеніе которыхъ входило въ планы правительства, или-же привлекались на земли частныхъ владѣльцевъ. Въ послѣднемъ случаѣ переселенцамъ представлялось не мало выгодъ, хотя въ то-же время они поступали въ обязательныя отношенія къ помѣщику, со временемъ переходившія въ крѣпостную зависимость. Землевладѣльцы оказывали поселявшимся на ихъ земляхъ колонистамъ матеріальныя пособія, что для людей, ничего неимущихъ, какими, безъ сомнѣнія, были бѣглые насельники, имѣло громадное значеніе; владѣльцы-же болѣе вліятельные обезпечивали свои имѣнія отъ безпрестанныхъ набѣговъ горцевъ при помощи размѣщенія или вблизи имѣній, или даже въ самыхъ имѣніяхъ той или другой воинской части. Такимъ образомъ и для помѣщиковъ и для

---

[1]) П. С. З., т. XXII, № 16,187; т. XXIII, № 17,076.

[2]) »Вѣстн. Евр.«, 1866 года, т. I, стр. 371.

[3]) П. С. З., т. XXII, №№ 16,471 и 16,715.

бѣглыхъ выходила обоюдная выгода. Помѣщики выигрывали въ томъ отношеніи, что избавлялись отъ необходимости переселять крѣпостныхъ своихъ изъ Россіи и, хотя расходовались, но надѣялись расходы свои возмѣстить, что и бывало конечно. Бѣглые-же сразу могли осѣсться и заняться хозяйствомъ, а это былъ единственный исходъ, чтобы не голодать, такъ какъ въ краѣ, гдѣ экономическая и гражданская жизнь только зарождалась, другихъ источниковъ прокормленія не было. Но изъ этихъ обоюдныхъ выгодъ могло выйти въ концѣ концовъ нѣчто несообразное. Дѣло въ томъ, что обязательныя экономическія отношенія, въ которыя становились къ помѣщикамъ бѣглые, съ теченіемъ времени и, быть можетъ, незамѣтно для самихъ крестьянъ переходили въ крѣпостную зависимость—это съ одной стороны; съ другой, мѣстное начальство не считало своею обязанностію входить въ разборъ правъ колонистовъ частныхъ земель, и они оставались никуда не приписанными и не зачисленными. Поэтому выходило, что такіе колонисты будто подлежали вѣдѣнію одного землевладѣльца. Понятно, что подобный порядокъ въ свою очередь велъ къ закрѣпощенію. По прошествіи десятка-другого лѣтъ, когда многіе изъ первыхъ насельниковъ умерли-бы, а оставшіеся въ живыхъ, за давностью, свыклись-бы съ своимъ положеніемъ, новое поколѣніе очутилось-бы въ полномъ владѣніи помѣщика. Результатъ этотъ ничего невѣроятнаго не представляетъ: въ данномъ случаѣ Кавказъ только повторилъ-бы то, съ чѣмъ знакомитъ насъ исторія »крестьянъ на Руси«.

Вотъ такъ именно поставлено было дѣло въ имѣніи князя П. С. Потемкина. Урочище Масловъ-Кутъ, на р. Кумѣ (нынѣ ставропольской губ.), отведено Потемкину въ 1785 году. Въ имѣніи этомъ считалось до 30,000 десят. богатой, хлѣбородной земли[1]). При отводѣ никакого поселенія здѣсь не было; но управляющій, капитанъ Ковалевскій, энергично принявшись за дѣло, съумѣлъ скоро привлечь цѣлыя сотни поселенцевъ, обѣщая имъ всевозможныя льготы и пособія. По свѣдѣніямъ кавказскаго губернатора Жукова, уже въ 1786 г. въ Масловомъ-Кутѣ считалось 426 душъ одного муже-

[1]) »Ставропольскія Губернскія Вѣдомости«, 1876 года, № 34-й, стр. 5; № 41-й.

скаго пола[1]). Въ »Сентенціи« же военно-судной коммисіи прямо сказано, что Ковалевскій заселялъ имѣніе »людьми, показывающими себя выходцами изъ заграницы, а въ сущности бѣглыми крестьянами разныхъ губерній и частью польскими выходцами«). Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, приводимыхъ въ той-же »сентенціи«, оказывается, что главный контингентъ колонистовъ составляли выходцы изъ малороссійскихъ губерній[2]), и всѣ они были бѣглые; между тѣмъ сенатскимъ указомъ 27 января 1789 года разрѣшалось бѣглыхъ разнаго званія людей, въ кавказскую губернію зашедшихъ, зачислить въ казенное вѣдомство, не различая, кто они и откуда бѣжали; »впредь-же подъ жестокимъ наказаніемъ« запрещалось, »чтобы нигдѣ на порозжихъ земляхъ ничьи... и никакіе бѣглые не селились, и того строго наблюдать[3])... По полученіи этого указа, начальству пришлось сдѣлать разборку населенію, такъ какъ сразу объявилось много бѣглыхъ, требовавшихъ зачисленія ихъ въ государственные крестьяне. Дѣло дошло и до частныхъ имѣній, и крестьяне Маслова-Кута, всѣ безъ исключенія, поступили въ вѣдѣніе казенной палаты и занесены были въ окладныя книги.

Такимъ образомъ, указъ 1789 г. спасъ маслокутцевъ отъ крѣпостной зависимости, но не на долго. Въ 1793 г., послѣ смерти князя Потемкина, имѣніе по наслѣдству перешло во владѣніе генералъ-маіора Высоцкаго, который черезъ годъ продалъ его камердинеру Екатерины II, камеръ-фурьеру Зотову, по купчей крѣпости, совершенной 20 марта 1794 года. въ с.-петербургскомъ верхнемъ надворномъ судѣ, во 2-мъ департаментѣ. Въ этомъ же году Зотовъ подалъ государынѣ прошеніе, гдѣ жаловался, что купленную имъ землю *съ населенными на ней людьми* отъ него будто бы отбираютъ. Хотя произведеннымъ дознаніемъ констатировано было, что Зотову продана одна только земля безъ крестьянъ, тѣмъ не менѣе Екатерина подарила своему камердинеру маслокутцевъ въ полное владѣніе и бѣглые колонисты были закрѣпощены за помѣ-

---

[1]) Вѣдомость Жукова составлена была 20 апрѣля 1786 г. Ibid. № 34-й.

[2]) Бѣгство малороссіянъ на Кавказъ и въ смѣжную ему астраханску губ. (»Списки населен. мѣстъ Россійской Имперіи«, т. II, стр. IX дал.) составляетъ вообще очень замѣтный фактъ въ исторіи Малороссіи XVIII в.

[3]) П. С. З., т. XXIII, № 15743.

щикомъ окончательно, навсегда. Не смотря на то, крестьяне не считали объявленный имъ объ этомъ указъ дѣйствительнымъ и полагали, что закрѣпощеніе ихъ сдѣлано помимо высочайшей воли, такъ какъ шло въ разрѣзъ съ указомъ, на основаніи котораго они зачислены въ крестьяне государственные. Какъ ни пытались они примирить въ своемъ умѣ такое противорѣчіе, но не могли свыкнуться съ мыслію о »крѣпости«. Отъ словъ и разговоровъ вопросъ свелся къ дѣлу: крестьяне отказались повиноваться помѣщику и въ концѣ 1798 г. отправили прошеніе на имя государя, въ которомъ доказывали незаконность отдачи ихъ помѣщику, и въ тоже время жаловались на жестокое обращеніе съ ними управляющаго имѣніемъ, Колпакова. Однако, просьба эта не принесла пользы маслокутцамъ, наоборотъ мѣстныя власти открыли въ Масловомъ-Кутѣ бунтъ и призвали на помощь войска. Военною силою заставили крестьянъ покориться помѣщику, а подстрекателей и главныхъ виновниковъ (въ числѣ 38 человѣкъ), кромѣ того, подвергли наказанію: семь человѣкъ были прогнаны »сквозь строй«, а объ остальныхъ георгіевскій уѣздный судъ постановилъ: первыхъ зачинщиковъ и неодобренныхъ на »повальномъ обыскѣ«, наказавъ на мѣстѣ преступленія кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, а также поставивъ указные знаки, сослать на вѣчныя времена въ Нерчинскъ, для употребленія на крѣпостныя работы; одобренныхъ-же наказать нещадно плетьми и отдать крестьянамъ Маслова же Кута на поруки. Приговоръ этотъ приведенъ въ исполненіе 22 сентября 1799 года. »Съ этого времени до 1825 года въ семъ имѣніи никакого замѣчательнаго событія не получилось«. А событіе 1825 года заключалось вотъ въ чемъ. Крестьяне развѣдали, что Зотовъ (сынъ) намѣренъ продать имѣніе Ивану и Степану Калантаровымъ, армянскимъ дворянамъ, почему немедленно-же отправили государю съ особыми ходоками прошеніе о взятіи ихъ въ казну, а Зотову обѣщали выплатить въ теченіи 8 лѣтъ 40,000 р. ассигн. выкупа.

Между тѣмъ, пока крестьяне хлопотали въ Петербургѣ, Зотовъ успѣлъ продать имѣніе. Но при вводѣ во владѣніе Калантаровыхъ 8 августа 1825 г. крестьяне заявили, что продажа эта совершена неправильно, такъ какъ владѣлецъ не дождался рѣшенія по ихъ прошенію; вмѣстѣ съ тѣмъ они не дали подписки въ выслушаніи указа о переходѣ къ новымъ помѣщикамъ, отказались вы-

полнять повинности и наконецъ произвели явное возмущеніе. Тогда же крестьяне вновь отправили государю жалобу на неправильность продажи ихъ, людей не крѣпостныхъ, а государственныхъ, жаловались также на жестокое обращеніе съ ними управляющаго имѣніемъ и т. п. 3-го января 1826 г. крестьяне были усмирены съ помощью войска, зачинщика-же и главнаго виновника возмущенія Илью Остапенка сослали въ Сибирь, предварительно наказавъ его »нещадно«.

Какъ первая, такъ и вторая просьбы крестьянъ разсматривались въ комитетѣ министровъ. Вопросъ объ ихъ поселеніи и случайномъ закрѣпощеніи оставленъ безъ всякаго вниманія; собирались свѣдѣнія о томъ лишь, имѣютъ-ли право Калантаровы владѣть крѣпостными. Оказалось, что Калантаровы признаны герольдіею и сенатомъ дворянами, слѣдовательно были вполнѣ, такъ сказать, правоспособными къ рабовладѣльчеству, а потому комитетъ положилъ: прошенія крестьянъ с. Маслова-Кута оставить безъ разсмотрѣнія.

Но мысль объ освобожденіи тѣми или иными средствами изъ крѣпостной зависимости и послѣ того не оставляла маслокутцевъ. Заручившись удостовѣреніями общества ближайшихъ государственныхъ селеній о своей принадлежности къ этимъ селеніямъ, маслокутцы продолжали свой искъ противъ незаконной ихъ продажи и порабощенія. Въ свою очередь Калантаровы настаивали у властей разслѣдовать выдачу такихъ удостовѣреній, подтвердить маслокутцамъ о состоявшемся рѣшеніи комитета министровъ и внушить имъ, чтобы »изъ повиновенія помѣщикамъ ни подъ какимъ предлогомъ не выходили«. Дворянскій засѣдатель, которому поручено было это дѣло, донесъ, что крестьяне въ выслушаніи распоряженія »о бытности ихъ въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ подписи дать не согласились«.

Съ этого времени возникало еще нѣсколько дѣлъ по жалобамъ крестьянъ Маслова-Кута на ихъ помѣщиковъ-армянъ и обратно. Однѣ изъ такихъ жалобъ рѣшены на мѣстѣ; другія-же были на разсмотрѣніи сената, при чемъ крестьяне почти всегда жестоко платились: такъ по нѣкоторымъ жалобамъ главные подстрекатели были наказаны и сосланы въ Сибирь, по другимъ только наказаны и оставлены на мѣстѣ; были и такіе виновные, которымъ вина прощена по высочайшей волѣ.

Но всѣ жалобы имѣли за собою основаніе и вызывались прежде всего варварскимъ управленіемъ помѣщиковъ. Въ концѣ концовъ на это обстоятельство обратили вниманіе и мѣстныя власти. Въ 1830 г. графъ Паскевичъ-Эриванскій приказалъ прекратить преслѣдованія крестьянъ за подачу жалобъ, а имѣніе велѣлъ взять въ опеку. Мѣра эта употреблялась въ крайнихъ случаяхъ, и будь Калантаровы дѣйствительно »добрыми экономами«, она не была-бы примѣнена къ нимъ. Надо однако сказать, что намѣреніе Паскевича облегчить участь крестьянъ не достигло своей цѣли, ибо фактическими управителями Маслова-Кута остались тѣже владѣльцы-армяне. Пошли вновь просьбы и жалобы, и все съ тѣми же, безплодными и печальными послѣдствіями. Маслокутцы, потерявъ всякую надежду на свободу, обратились наконецъ къ послѣднему средству—къ побѣгамъ; но и здѣсь не было имъ удачи: бѣглецовъ перехватывали и водворяли на мѣстѣ; въ имѣніи поставлена была даже воинская команда, наблюдавшая за бѣглецами. Съ своей стороны и помѣщики не остались въ долгу и еще больше тѣснили крѣпостныхъ, еще шире пользовались своею властью въ отношеніи не повинующихся.

Въ 1837 г., во время проѣзда имп. Николая I чрезъ кавказскую область въ Тифлисъ, маслокутцы подали государю жалобу на помѣщиковъ. Какъ и прежде, она разсмотрѣна была въ комитетѣ министровъ. Справки въ дѣлахъ и доставленныя мѣстнымъ начальствомъ свѣдѣнія показали, что какъ жалоба крестьянъ, такъ и обвиненіе ихъ въ неповиновеніи помѣщикамъ были уже на разсмотрѣніи комитета и по нимъ объявлено уже его рѣшеніе, а потому комитетъ положилъ на сей разъ »считать ихъ оконченными«. Не добившись этимъ путемъ удовлетворенія, маслокутцы, спустя пять лѣтъ, именно въ 1842 г., обратились съ жалобою къ начальству области на жестокое обращеніе съ ними помѣщиковъ и доказывали свои права на свободу. Не помогло и это; объ ихъ домогательствахъ у мѣстныхъ властей установилось опредѣленное мнѣніе, и генералъ Граббе приказалъ лишь подтвердить жалобщикамъ, чтобы они »не вовлекались въ такое домогательство, котораго неосновательность и вредныя послѣдствія имъ вполнѣ извѣстны«. Жалобщики измѣнили лишь путь для заявленія своихъ домогательствъ; но отъ самой мысли о нихъ и не думали отказываться: въ 1844 г.

они отправляютъ въ Петербургъ съ прошеніемъ двухъ ходаковъ: Васильченка и Шульева; прошеніе оставлено безъ разсмотрѣнія, а ходаки поплатились..... Казалось, всякая надежда оставитъ маслокутцевъ, упорству и терпѣнію ихъ настанетъ конецъ; но они ловили каждый случай для подачи жалобъ и въ 1845 г., въ проѣздъ намѣстника кавказскаго, князя Воронцова, прибѣгли къ нему съ своею всегдашнею жалобою на помѣщиковъ и просьбою о зачисленіи ихъ въ государственные крестьяне. Воронцовъ лично разъяснилъ имъ, что сдѣлать послѣдняго нельзя. Годъ спустя, до него стороной дошли свѣдѣнія о крайне жестокомъ обращеніи Калантаровыхъ съ крестьянами. Пошли запросы, справки; помѣщики спохватились и постарались замять дѣло: они заявили, что, напротивъ, крестьяне ими теперь довольны, »особенныхъ признаковъ отыскиванія свободы въ настоящее время не обнаруживаютъ и остаются въ должномъ повиновеніи«. А между тѣмъ, при помощи мѣстнаго земскаго засѣдателя, лично продолжали расправляться съ подстрекателями и ослушниками, то и дѣло устраивая въ имѣніи экзекуціи розгами и палками. Такимъ образомъ дѣло шло до 1853 года. Въ это время первыхъ владѣльцевъ уже не было въ живыхъ, имѣніе-же перешло къ дѣтямъ Степана Калантарова: Акиму, Гаврилу и Герасиму и находилось въ управленіи Герасима Калантарова, отставнаго гвардіи штабсъ-ротмистра.

Такимъ образомъ мысль о свободѣ не покидала случайно закабаленныхъ жителей Маслова-Кута въ теченіи цѣлаго полстолѣтія. За это время успѣли уже народиться новыя поколѣнія; но онѣ, очевидно, воспитались на этой мысли и продолжали дѣло дѣдовъ и отцевъ. Въ свою очередь преемственность обратнаго характера видна и въ семьѣ помѣщиковъ: то, что дѣлали отецъ и дядя, продолжали дѣлать дѣти и племянники, нисколько не измѣняя фамильнаго гнета, безпредѣльно царившаго надъ крѣпостными. Мало того, Герасимъ Калантаровъ довелъ этотъ гнетъ до послѣдней степени, ибо при немъ только крестьянское »искательство свободы« завершилось наконецъ поголовнымъ возстаніемъ маслокутцевъ. Случилось это въ началѣ 1853 года.

Утромъ 2 января, на берегу р. Кумы, близъ кузницъ собралась толпа крестьянъ изъ малороссійскаго кута и подъ руководствомъ Василія Кикоти вела о чемъ-то оживленный разговоръ. По

распоряженію старосты, крестьянина Заиченко, на рѣкѣ производилась въ это время ломка льда и перевозка его въ помѣщичьи ледники. Но дѣло какъ-то не спорилось. По многимъ мужицкимъ спинамъ прошлась палка старосты, который выбивался изъ силъ, подгоняя рабочихъ; крестьяне въ концѣ концовъ, одинъ за однимъ, побросали работу, воловъ и проч. и ушли въ толпу; понемногу прибывали сюда-же крестьяне изъ села. Часа черезъ два сходбище возросло человѣкъ до ста. Затѣмъ толпа двинулась къ селу. Проходя по улицамъ, она призывала присоединиться къ ней всѣхъ, кто желаетъ »искать свободу«. Изъ конторы выслали отрядъ съ цѣлью разогнать сходбище; но посланные были избиты. Тогда къ возмутившимся вышелъ староста и просилъ ихъ объяснить, чего они хотятъ; но тѣ отказались вести разговоръ съ конторскимъ начальствомъ и продолжали свой путь по селу, захватывая все большую и большую массу людей. На дорогѣ толпа встрѣтила мѣстнаго священника о. Никанора Руденка. »Благословить, отче, на общественное дѣло«, почтительно просила она его. О. Руденко, не зная, въ чемъ дѣло, сталъ благословлять; но замѣтивъ въ толпѣ палки, на лицахъ изступленіе, въ словахъ ожесточеніе, поспѣшилъ въ свой домъ и тутъ уже, чувствуя себя въ безопасности, произнесъ: »на не доброе дѣло нѣтъ моего благословенія«.

У священническаго двора толпа стояла въ недоумѣніи. Противъ нея вторично выслали отрядъ въ 50 человѣкъ изъ той части села, которая населена была великороссіянами. Произошла свалка; хохлы смяли кацаповъ; послѣдніе частью бѣжали, частью присоединились къ бунтовщикамъ. Къ вечеру сходбище перевалило въ малороссійскій кутъ и тамъ размѣстилось на ночлегъ въ трехъ дворахъ. На слѣдующій день утромъ возмутившіеся выступили на площадь, къ церковной оградѣ и здѣсь приступили, такъ сказать, къ организаціи возстанія. Преобладающимъ элементомъ въ средѣ ихъ были исключительно почти малороссіяне, по этому главными заправилами были избраны малороссы-же: атаманомъ упомянутый уже Кикотя, его помощникомъ Рудаменко, а для представительства велико-русской половины избранъ крестьянинъ Кокинъ. Избрали кромѣ того особый совѣтъ изъ 20 стариковъ; для письменной части учредили канцелярію. Четыре писаря, подъ руководствомъ главнаго изъ нихъ—Григорія Бабенкова, »отбирали отъ крестьянъ руки«

въ томъ, что никто не измѣнитъ общему дѣлу и скорѣе всѣ, какъ одинъ, погибнутъ, но помѣщику, проклятому армянину, который такъ угнетаетъ ихъ, повиноваться не станутъ«. Давшій клятву не долженъ былъ нарушать ее подъ опасеніемъ жестокаго наказанія и даже смерти.

Между тѣмъ о волненіи крестьянъ контора дала знать полиціи и помѣщику, котораго въ имѣніи въ то время не было. 4-го января прибыли въ Масловъ-Кутъ исправникъ, засѣдатель и уѣздный стряпчій, составивъ такимъ образомъ на мѣстѣ временное отдѣленіе земскаго суда. На распросы отдѣленія, крестьяне объяснили, что они не могутъ выносить чрезвычайно обременительныхъ работъ и безчисленныхъ сборовъ въ пользу помѣщика, что помѣщикъ и управляющіе его подвергаютъ ихъ тяжкимъ побоямъ и взысканіямъ, не рѣдко безъ вины, по одному капризу, и что желая освободиться изъ крѣпостной зависимости, они просятъ передать о томъ высшему начальству, сами же не уйдутъ съ площади до тѣхъ поръ, пока не получатъ воли. Не долго думая, отдѣленіе рѣшило снестись съ ближайшими воинскими начальниками о высылкѣ командъ для усмиренія неповинующихся крестьянъ. Изготовивъ нужныя для этого бумаги, отдѣленіе приказало нарядить подводу для отправки ихъ съ нарочнымъ; но атаманъ Кикотя потребовалъ отъ исправника объясненія, куда именно и кого нужно везти, при чемъ заявилъ, что если отдѣленію нужно отправить куда либо бумаги, то этимъ будетъ завѣдывать онъ, Кикотя. При такихъ условіяхъ отдѣленіе не нашло возможнымъ оставаться въ Масловомъ-Кутѣ и на слѣдующій день выѣхало въ ближайшее село. Въ это время, т. е. 5-го января, всѣ маслокутцы (до 4-хъ тысячъ об. пола) примкнули уже къ первоначальной группѣ возставшихъ. Въ ожиданіи воинскихъ командъ, они дѣятельно укрѣпляли занятую ими на площади позицію. Въ работѣ помогали жены, дѣти, старики и старухи. Огородились возами и бочками съ водою, точь въ точь, какъ въ былое время таборъ козацкій на войнѣ; изъ замкнутаго круга никто уже не выходилъ. Когда все было готово для сопротивленія на случай боя, крестьяне попросили священника освятить ихъ дѣло—отслужить молебенъ; но о. Руденко, конечно, не уважилъ ихъ просьбы, за исполненіе которой ему самому пришлось-бы поплатиться.

7-го января отдѣленіе земскаго суда вновь появилось въ Масловомъ-Кутѣ, но теперь подъ прикрытіемъ вооруженной команды до 700 человѣкъ. Однако прежде, чѣмъ приступить къ серьезнымъ дѣйствіямъ, оно послало на площадь двухъ священниковъ, для вразумленія бунтующихъ.

Въ полномъ облаченіи, со крестами и евангеліями въ рукахъ, приблизились священники къ табору крестьянскому. Первымъ говорилъ къ взбунтовавшимся благочинный Замятинъ. *»Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется«*, началъ онъ, и этимъ опредѣлялись характеръ и содержаніе его рѣчи. Нѣсколько времени на площади царила тишина; крестьяне со вниманіемъ слушали батюшку; но вдругъ кто-то изъ толпы крикнулъ: »вы, отцы, не христіанъ увѣщевать, а проклятаго вышли защищать«! Громада заколыхалась, зашумѣла, стала напирать на передніе ряды. Тогда атаманъ попросилъ священниковъ уйти. Тѣмъ и кончилось дѣло. На слѣдующій день увѣщанія, однако, возобновились. Теперь рѣчь началъ отецъ Руденко; но крестьяне не дали ему говорить, а вынеся »слѣдованную псалтырь«, попросили его прочитать вслухъ начальную статью о перетосложеніи. Когда батюшка дошелъ до словъ: »проклятіи-же аріане«,—крестьяне просили его объяснить имъ, какимъ образомъ армянинъ можетъ владѣть православными, если въ священной книгѣ онъ названъ проклятымъ. Объясненіемъ о. Руденка крестьяне остались недовольны.

Утромъ 9-го января въ Масловъ-Кутъ прибылъ пятигорскій уѣздный воинскій начальникъ, генералъ-маіоръ Принцъ и съ нимъ команды: рота кавказскаго линейнаго № 5-й баталіона въ 230 человѣкъ при двухъ офицерахъ, подвижнаго запаснаго парка 19-й артиллерійской бригады 122 человѣка при двухъ офицерахъ, казаковъ 250 челов., четыре артиллерійскія орудія и проч., всего свыше 800 человѣкъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Генералъ-маіоръ Принцъ приказалъ войскамъ оцѣпить лагерь бунтовщиковъ и не пускать къ нимъ дѣтей и женщинъ, носившихъ горячую пищу; но задержанныя казаками бабы подняли крикъ, и бунтовщики бросились на казаковъ. Въ одинъ мигъ могла возгорѣться кровопролитная, но преждевременная стычка. Принцъ поспѣшилъ отмѣнить свое распоряженіе и попробовалъ подѣйствовать на крестьянъ другими средствами: онъ выслалъ къ ихъ становищу

привезеннаго имъ изъ г. Георгіевска священника о. Попова, поручивъ ему произнести предъ непокорными слово вразумленія. Крестьяне приняли о. Попова ласково, объявивъ, что охотно выслушаютъ все, что имѣетъ онъ сказать.

— »Маслокутцы!« возвысивъ голосъ, заговорилъ о. Поповъ. »Все время, какъ я знаю васъ, я убѣжденъ былъ, что вы православные христіане, усердно чтите Бога, почитаете святый законъ Его, слушаетесь пастырей церкви, любите царя и повинуетесь властямъ. Въ настоящее время я не могу думать, чтобы въ добрыхъ сердцахъ вашихъ произошла какая-либо перемѣна. Не можетъ быть, чтобы такое многолюдное собраніе имѣло въ предметѣ то, что противно Богу, царю и его законамъ. Вы, думаю я, собрались для того, чтобы прилично принять начальниковъ вашихъ и высказать имъ свое горе. Господинъ-ли васъ утѣсняетъ, нужду-ли какую имѣете, все вы можете высказать начальникамъ, и я ручаюсь вамъ пастырскою моею совѣстью, что все будетъ выслушано ими, разобрано и сдѣлано по истинѣ. Правда, передъ вами стоятъ вооруженные воины, но это не должно приводить васъ въ сомнѣніе, будто-бы начальники ваши предпринимаютъ противъ васъ что-либо непріятное; воины присланы сюда потому, что начальству было донесено, будто вы, отъ стараго до малаго, не исключая и женъ вашихъ, вооружены кольями и дубинами и не хотите, какъ дѣти отцамъ, высказать нужды свои начальникамъ, а скрываете въ мысляхъ дурное предпріятіе. Не видя васъ вооруженными, я думаю противное«.

— »Благодаримъ васъ, батюшка, что вы не потеряли о насъ добраго мнѣнія,—отвѣчали крестьяне. Дѣйствительно, всѣ мы для того собрались сюда, чтобы здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ, начальство выслушало насъ и рѣшило дѣло между нами и помѣщикомъ. Мы вѣдь давно страдаемъ подъ гнетомъ его; терпѣнье наше истощилось. Да и кто нами владычествуетъ: армянинъ, проклятый еретикъ«!

— »Но, возражалъ о. Поповъ, жаловаться вы иначе могли-бы: написали-бы просьбу«.

— »Просьбу!... закричали крестьяне: да кто-же рѣшиться подать ее? Тюрьмы Ставрополя и Пятигорска намъ давно знакомы. Просьбы мы подавали,—счету имъ не знаемъ, да податели никогда не возвращались съ пріятными отвѣтами; самихъ-же либо въ тюрьму сажали, либо въ Сибирь ссылали. У помѣщика золота много—за-

кроетъ имъ, кому надо, глаза, да такъ, что и жалобы то нашей не станетъ видно«.

Пока велись мирныя бесѣды въ этомъ родѣ, надъ головами маслокутцевъ собиралась страшная гроза.

12-го января въ Масловъ-Кутъ прибылъ ставропольскій гражданскій губернаторъ, генералъ-маіоръ Волоцкой. Крестьяне встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью и на распросы Волоцкаго повторили тоже, что въ началѣ говорили отдѣленію земскаго суда. Губернаторъ пробовалъ было подѣйствовать на крестьянъ угрозами, но угрозы встрѣчались крикомъ: »хотимъ воли«! Видя неудачу, Волоцкой предложилъ самому Калантарову вступить въ переговоры съ возмутившимися его-же крестьянами, успокоить и уговорить ихъ разойтись. Калантаровъ завертѣлся на мѣстѣ: сначала онъ не рѣшался идти, опасаясь нападенія; потомъ выступилъ впередъ на нѣсколько шаговъ, но сказать что-нибудь все-таки побоялся и поспѣшилъ удалиться со словами: »пусть стоятъ, негодяи, я свое возьму«! И онъ дѣйствительно взялъ свое. Прошло еще нѣсколько времени въ переговорахъ, все также безплодныхъ и ни къ чему не приводившихъ; наконецъ, генералъ Волоцкой, потерявъ всякую надежду образумить неповинующихся мѣрами кротости и отъѣхавъ къ орудіямъ, приказалъ стрѣлять. Первыми двумя выстрѣлами повалило двухъ главныхъ бунтовщиковъ, ранило смертельно атамана. Толпа даже не шевельнулась. Махая вверхъ палками, атакуемые кричали: »ура, воля, ура«! Послѣдующіе два выстрѣла также не имѣли никакого вліянія. Въ промежуткахъ между выстрѣлами генералъ подъѣзжалъ къ толпѣ и требовалъ разойтись. Отвѣтомъ были крики: »хотимъ воли«! Послѣ четырнадцатаго картечнаго выстрѣла, на баррикаду направили кавалерію. Толпа была смята, скомкана и обратилась въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ: убитыхъ м. п. 92 человѣка, ж. п. 35, раненыхъ м. п. 107, изъ коихъ впослѣдствіи умерло 27 человѣкъ, ж. п. 34, изъ нихъ умерло 6; всего убитыхъ и раненыхъ 268 человѣкъ. Въ тотъ-же день были схвачены оставшіеся въ живыхъ главные зачинщики возстанія.

Началось слѣдствіе. По обычаю того времени тянулось оно долго, въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ. Добытыя имъ данныя относятся главнымъ образомъ ко времени управленія имѣніемъ Герасима Калантарова и группируются около той неподлежащей

сомнѣнію истины, что помѣщикъ этотъ, далекій отъ мысли неизвѣстнаго автора 1791 года, нещадно сдиралъ съ крѣпостныхъ по нѣскольку шкуръ, угнеталъ ихъ и матеріально, и нравственно, распоряжался имуществомъ крестьянъ и даже самою жизнію ихъ, по своему господскому усмотрѣнію.

Вотъ что показали крестьяне:

1) Тѣ изъ нихъ, которые платили оброкъ помѣщику, самъ по себѣ непомѣрно великій, отъ господскихъ работъ все-таки освобождаемы не были.

2) Находившіеся на безсмѣнной господской работѣ хотя имѣли право на льготы въ домѣ, но льготами не пользовались, отчего такія семьи не успѣвали припасать себѣ хлѣба и должны были голодать. Иванъ Москаленко попытался было просить о льготѣ, но помѣщикъ приказалъ наказать его немилосердно.

3) Имѣвшіе избытокъ хлѣба не могли продавать его безъ вѣдома помѣщика; если-же онъ узнавалъ о такой продажѣ, то деньги отбиралъ въ экономію, а ослушника наказывалъ розгами нещадно. Кто-же желалъ продать хлѣбъ, тотъ обязанъ былъ ссыпать его въ магазины помѣщика и получалъ плату по назначенію послѣдняго. Молоть зерно не на помѣщичьихъ мельницахъ строго воспрещалось.

4) Помѣщикъ производилъ выдѣлку вина на собственныхъ виноградныхъ плантаціяхъ, для продажи. Если не все вино распродавалось, то остающіяся бочки сваливались крестьянамъ и ихъ заставляли платить цѣну, какую назначалъ помѣщикъ. Но если случалась надобность въ винѣ, по случаю хорошихъ рыночныхъ цѣнъ, то онъ приказывалъ отбирать его у крестьянъ, денегъ-же не платилъ.

5) За освобожденіе отъ рекрутчины платилось отъ 300 до 2000 руб.; но освободившіеся не пользовались льготами въ отбываніи тягловой повинности. Выкупъ брался не съ общества, а съ семьи и даже съ тѣхъ крестьянъ, которые желали идти въ солдаты. Выбиваясь изъ силъ, чтобы уплатить помѣщику выкупъ, такія семьи окончательно и на много лѣтъ разорялись.

6) Занимаясь поставкою въ интендантство провіанта и проч., помѣщикъ употреблялъ крестьянъ съ ихъ волами для перевозки по назначенію муки, сухарей и т. п. По цѣлымъ годамъ приходилось

быть на господскомъ извозѣ и если на этой работѣ падала скотина, помѣщикъ не вознаграждалъ за нее хозяевъ. Григорій Шевченко показалъ, что ему возвратили одно только ярмо и колесо, а Сивокоза, что ему отдали съ павшихъ воловъ шкуры, когда-же онъ заявилъ просьбу объ уплатѣ денегъ за воловъ, приказано было наказать его розгами.

7) Помѣщичья земля не давалась крестьянамъ подъ посѣвы хлѣба, а для этого отводились участки на казенной землѣ, которую содержалъ помѣщикъ въ оброкѣ, въ 70 или 80 верстахъ отъ села. За всякую распаханную десятину съ крестьянъ взималось *два р. с.*, а въ описываемое время цѣна не могла быть выше *15-ти коп.*

8) За впускъ скота въ луговыя помѣщичьи мѣста виновныхъ подвергали несоразмѣрному штрафу: ихъ или заставляли возить помѣщичій хлѣбъ съ полей, или наряжали на перевозку въ отдаленныя мѣста по подрядамъ господскимъ.

9) Подати взыскивались всегда въ Петровъ день; а такъ какъ въ это время была самая горячая работа и крестьяне денегъ не имѣли, то должны были занимать ихъ у помѣщика подъ хлѣбъ и доставлять его по указанію Калантарова и при томъ по цѣнамъ, имъ-же назначеннымъ.

10) Всю экономическую контору крестьяне содержали на свой счетъ, платя барину въ годъ свыше 3000 руб. Помимо такихъ крупныхъ сборовъ, собирались и мелкія дани, въ видѣ мелкихъ хозяйственныхъ принадлежностей: брались полсти, холстъ, веревки, доски, колеса и т. п.

Злой по характеру, помѣщикъ какъ-бы нарочито подбиралъ такихъ-же приказчиковъ и старостъ и требовалъ отъ нихъ самаго суроваго личнаго отношенія къ крестьянамъ. Въ размѣрахъ и орудіяхъ наказанія самъ помѣщикъ не стѣснялся: наказывалъ розгами, плетьми, палками и кнутомъ; тоже дѣлали и конторскія власти. Невыносимо тяжело читать всѣ показанія объ этомъ. Такой-то былъ битъ нещадно плетьми, проболѣлъ затѣмъ годъ, не вставая съ кровати, и умеръ; такая-то, послѣ немилосерднаго наказанія воловьимъ кнутомъ, болѣла мѣсяцъ и теперь чувствуетъ нестерпимую боль въ боку; наказана-же за то, что не пошла на ночь къ конторщику Сукачеву; такую-то помѣщикъ своеручно наказалъ кнутомъ такъ, что она »залилась кровью« и съ нею сдѣлался обморокъ, а

послѣ того была въ безпамятствѣ трое сутокъ. А вина ея: не успѣла выдоить коровъ, когда на скотный дворъ изволилъ зайти баринъ. Приказчикъ Заика перещеголялъ даже самого барина: Лукерью Васильченкову онъ наказалъ такъ жестоко, что на другой день она Богу душу отдала. Также наказалъ Степанъ Лемешко, по приказу барина, крестьянку Робченко за то, что безъ спросу мочила въ рѣкѣ Кумѣ коноплю. Вообще били старыхъ и малыхъ, больныхъ и здоровыхъ, беременныхъ и роженицъ; отъ побоевъ никто не былъ застрахованъ. Особеннымъ рвеніемъ по этой части отличался Заика, пьяница, грязный развратникъ, но »хорошій хозяйскій глазъ«. Помѣщикъ дорожилъ имъ, какъ субъектомъ, который вполнѣ отвѣчалъ его требованіямъ, и потому Заика чувствовалъ себя вторымъ послѣ барина. Большой любитель женской стыдливости, онъ не пропускалъ ни одной крестьянки, имѣвшей несчастье приглянуться ему; если же какая противилась и давала отпоръ негодяю, онъ связывалъ ее, мазалъ дегтемъ половое мѣсто и билъ по немъ кнутомъ. На слѣдствіи Калантаровъ оригинально защищалъ Заику. »Я, говорилъ помѣщикъ, убѣжденъ въ невозможности Заикѣ гоняться быстро за дѣвками по тучности его и потому еще, что онъ всегда бывалъ съ женою; жалобы-же подобныя (т. е. о прелюбодѣяніи Заики) могутъ доказывать только безнравственность моихъ крестьянъ«.

Всѣ болѣе или менѣе тяжкія показанія, падавшія на помѣщика и конторскихъ властей, слѣдователями были признаны малодоказательными; къ открытію-же истины они не нашли средствъ (!), ибо давшіе эти показанія прежде никому не жаловались въ отдѣльности, а при слѣдствіи представили такихъ свидѣтелей, которые прикосновенны къ бунту. Тѣмъ не менѣе о дѣйствіяхъ помѣщика Калантарова нашли нужнымъ произвести особое дознаніе, которое и было представлено, согласно существовавшему порядку, на высочайшее усмотрѣніе. Мы однако не слышали, чтобы Калантарова подвергали какой-либо отвѣтственности. Что-же касается крестьянъ, то осудили изъ нихъ только лицъ, наиболѣе виновныхъ, именно: зачинщиковъ и руководителей бунта, собравшихъ сходбище 2 января 1853 г. и организовавшихъ возстаніе на площади. За смертію убитыхъ и раненыхъ, такихъ обвиненныхъ все таки оказалось 60 человѣкъ. Изъ женщинъ ни одна не была осуждена. »Хотя изъ

дѣла видно, говорится въ »сентенціи«, что женщины принимали участіе въ бунтѣ, но какъ не обнаружено, какія именно, такъ какъ никто не показываетъ, а тѣ, которыя были за ранами въ госпиталѣ, объявили, что зашли въ толпу съ пищею къ мужьямъ и отцамъ, то..... онѣ не подлежатъ никакому взысканію«.

Всѣ обвиненные крестьяне приговорены частью къ ссылкѣ въ рудники, частью въ Сибирь или въ тюрьму съ предварительнымъ наказаніемъ сквозь строй шпицрутенами и т. п., но вслѣдствіе манифеста 27 марта 1855 года были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія и благодаря этому манифесту, а также 26 августа 1856 г., судьба ихъ вообще значительно была облегчена.

Дознаніемъ, между прочимъ, открыто участіе въ дѣлѣ маслокутцевъ мѣстнаго сельскаго дьячка Суходольскаго. Оказалось, что онъ сочинялъ въ послѣднее время прошенія отъ имени маслокутцевъ и первый указалъ крестьянамъ на мѣсто въ слѣдованной псалтыри о »проклятыхъ аріанахъ«... Конечно, крестьяне сами не могли напасть на такую мысль, а познанія Суходольскаго въ сравнительномъ богословіи не помогли ему отличить аріанъ отъ армянъ. Въ виду всего этого, была признана наличность вины дьячка, и дѣло о немъ поступило къ епархіальному начальству. Чѣмъ оно кончилось,—не знаемъ.

Прошло восемь лѣтъ послѣ описаннаго здѣсь событія, и

Порвалась цѣпь велика,
Порвалась, раскачалася:
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику!....

Сильно пришибла она и Калантаровыхъ. Послѣдующіе наслѣдники и владѣльцы Маслова-Кута »оскудѣли«.... Два или три года тому назадъ мы встрѣтили въ газетахъ объявленіе о продажѣ имѣнія Калантаровыхъ за долги, кажется, ставропольскому городскому банку....

И. С—р—ъ.

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
1821—1846 годъ.

(Продолженіе) [1].

XV. Испанія.

Мы причалили къ Малагѣ предъ закатомъ солнца. Красновато-золотистые лучи погасавшаго свѣтила окрашивали бѣлые дома Малаги въ какой-то странный не бывалый цвѣтъ и отражались огненнымъ отблескомъ на оконныхъ стеклахъ, за городомъ возвышались горы, покрытыя изумрудною зеленью. Бархатистая зелень горъ отъ красноватаго отлива заходящаго солнца, образовала темный фонъ, изъ котораго рельефно выступала Малага, освѣщаемая послѣдними лучами солнца, словно какою-то фантастическою иллюминаціей. Картина была поразительно хороша, но грустна; не знаю, отъ чего Малага издали представилась мнѣ громадной погребальной часовней (chapelle ardente) съ стѣнами, обитыми чернымъ бархатомъ, и съ множествомъ зажженныхъ свѣчей подъ красновато синимъ сводомъ неба.

Высадившись на берегъ, мы отправились въ домъ Лек. Дорогой я былъ пораженъ многочисленностью пестрой и оживленной толпы, повсюду звуки гитары, пѣсни, шумные разговоры, танцы и веселье. Я думалъ, что попалъ на народный праздникъ, но Наима сказала мнѣ, что ежедневно вечеромъ жители Малаги собираются на улицахъ и про-

---

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1884 г., іюньск. кн., стр. 239—266.

водятъ время до глубокой ночи въ беззаботномъ весельи, а днемъ не выходятъ изъ домовъ, укрываясь отъ нестерпимаго зноя.

На огромной площади, обстроенной большими домами, на которой расположена Alameda, мы остановились у дома Леи. Лея проводила обыкновенно лѣто въ окрестностяхъ Гренады, и переѣзжала въ Малагу въ началѣ сентября; хотя и былъ уже сентябрь въ началѣ, но жаръ стоялъ еще очень сильный и мы не застали Леи въ Малагѣ. Оправивши не много нашъ туалетъ, мы отправились на Аламеду. Это городское гулянье привело меня въ совершенный восторгъ. Представьте себѣ длинный, широкій бульваръ, густо обсаженный экзотическими деревьями и растеніями южной Америки, между ними бюсты временъ римскаго владычества, несмѣтная толпа гуляющихъ, національные андалузскіе костюмы мужчинъ, черныя платья, кружевныя мантиліи и неразлучные вѣеры женщинъ, замѣчательныхъ своей красотой, развязностью и граціей, оживленіе, не поддѣльная веселость, неумолкаемый говоръ и при всемъ этомъ безукоризненная порядочность и приличіе, врожденныя испанцамъ, —и будете имѣть понятіе объ обаятельномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня первымъ вечеромъ въ Испаніи.

Погулявъ часа полтора, усталые отъ морскаго путешествія, мы ушли рано домой. Въ домѣ Леи не было роскоши, онъ былъ меблированъ очень просто, но съ большимъ вкусомъ и содержался превосходно.

На другой день очень рано я уже былъ одѣтъ и отправился осматривать городъ. Послѣ вчерашняго вечерняго впечатлѣнія Малага мнѣ показалась днемъ очень некрасивой, но довольно живописной, въ особенности въ мѣстностяхъ сохранившихъ мавританскій характеръ; изъ нихъ замѣчательна Alcazaba, старинная часть города съ развалинами мавританской крѣпости на горѣ, съ которой открывается видъ на море. Горы, окружающія Малагу, по большей части обнажены и лишены растительности, берегъ совершенно голый, безъ деревьевъ и жилищъ. Гавань считается одною изъ лучшихъ въ Испаніи, постоянно наполнена иностранными судами и оживлена торговою дѣятельностью. Вино, оливковое масло, апельсины, лимоны, свѣжій и сушеный виноградъ—вотъ продукты мѣстнаго производства, привлекающіе въ Малагу купцовъ всѣхъ націй, и не смотря на кажущуюся ничтожность предметовъ от-

пускной торговли, здѣсь дѣлаются большіе обороты и наживаются безъ особеннаго труда и рисковъ значительные капиталы.

Мужъ Леи былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ и крупныхъ негоціантовъ Малаги; онъ велъ постоянно оптовую торговлю виномъ, которое выдѣлывается въ окрестностяхъ Малаги и расходится по всей Европѣ. Производство винъ не ограничивается однимъ дессертнымъ; здѣшняя почва даетъ превосходныя столовыя крѣпкія вина, которыя мало чѣмъ уступаютъ мадерѣ, хересу и портвейну, въ особенности въ натуральномъ видѣ, безъ примѣси алкоголя; но такое вино можно пить только на мѣстѣ: безъ добавленія извѣстнаго количества спирта, оно не выноситъ перевоза, какъ и всѣ вина южной Испанія.

Днемъ улицы Малаги почти совершенно пусты; рѣдко встрѣтишь какого нибудь caballero; женщинъ совсѣмъ не видать.

День провели и мы чисто по испански; не выходили изъ дому, представлявшаго всѣ удобства жилищъ южныхъ странъ. Зноя мы не чувствовали, солнца не видали; вездѣ царствовалъ полумракъ.

Нужно было ожидать слѣдующаго утра, чтобы ѣхать въ дилижансѣ въ Гренаду; предъ закатомъ солнца мы вышли погулять. Наима хорошо знала Малагу; для меня этотъ городъ представлялъ интересъ новизны. Тоже оживленіе, веселье и многолюдство, что и вчера. Тутъ я присмотрѣлся къ малагскимъ женщинамъ, и красота ихъ поразила меня.

Въ дилижансѣ, запряженномъ мулами, чрезъ Лоху, небольшой городъ, отправились мы въ Гренаду. Въ окрестностяхъ Малаги южная растительность обратила на себя мое вниманіе. Живыя изгороди изъ кактусовъ, алоэ огромныхъ размѣровъ, бананы, пальмы, большія лимонныя и апельсинныя деревья, виноградники, плантаціи сахарнаго тростника и хлопчатой бумаги украшали живописныя мѣстности нашей дороги, проложенной между горъ. Кое-гдѣ встрѣчались селенія довольно значительныя и мелькали одинокія венты. Задолго до пріѣзда въ Гренаду представилась взорамъ нашимъ величественная Сіерра Невада съ своей бѣло-снѣжной вершиной. Наконецъ мы въ предмѣстьяхъ Гренады, утопающихъ въ роскошныхъ садахъ. Послѣ несноснаго жара въ ущелі-

яхъ горъ, мы вздохнули свободнѣе и съ наслажденіемъ дышали свѣжимъ, влажнымъ воздухомъ Гренады. У подножія горы живописно раскинута древняя столица мавровъ; за нею, на возвышенномъ, зеленомъ холмѣ, рисуется Альамбра. Я былъ въ совершенномъ упоеніи отъ чудной, разстилавшейся предо мною картины, и нѣтъ словъ передать ея чарующую прелесть: все, что ни напишешь, будетъ ниже дѣйствительности. Мы остановили дилижансъ, вышли и долго, долго въ нѣмомъ восторгѣ любовались Гренадой.

Въ живописной долинѣ, изрѣзанной водопроводами, орошающими посѣвы хлопка, конопли, сахарнаго тростника, винограда, рису и тутовыхъ деревьевъ, недалеко отъ Vega de Grenada, находилась вилла Леи. Насъ не ждали; пріемъ былъ самый дружескій. Мужа Леи, Натана, не было дома: онъ отправился осматривать закупленные имъ виноградники и долженъ былъ воротиться дней чрезъ десять. Мы сговорились ждать его въ Гренадѣ и, по возвращеніи, всѣмъ вмѣстѣ отправиться въ Малагу.

Дни, проведенные мною у Леи, были одними изъ самыхъ счастливыхъ дней моей жизни. Искреннее, чисто родственное ко мнѣ расположеніе этой превосходной женщины, удобства привольной загородной жизни, чудный испанскій воздухъ, высокая температура котораго умѣряется въ Гренадѣ обиліемъ воды, проведенной всюду еще маврами, роскошная растительность всѣхъ странъ и климатовъ искусно сгруппировались въ небольшомъ, но отлично расположенномъ и содержимомъ садѣ. Ежедневныя прогулки въ Гренаду, глубокая привязанность къ Наимѣ, скрѣпленная ея интереснымъ положеніемъ и надеждою на возможность назвать Наиму рано или поздно моею супругой, чему обѣщала содѣйствовать Лея,—все это такъ хорошо расположило меня, что я былъ постоянно веселъ и въ высшей степени разговорчивъ и любезенъ. Сидя дома, мы разсказывали Леѣ наши путевыя впечатлѣнія; много говорилъ я ей о Россіи. Время летѣло незамѣтно.

Какъ ни поразилъ меня своею красотою видъ Гренады, первые два дня были вполнѣ посвящены семейной жизни на дачѣ Леи; потомъ мы отправились осматривать городъ. Не ищите въ немъ красоты

европейскаго города: узкія, извилистыя улицы, полуразрушенныя мавританскія постройки, новые дома, не представляющіе ничего особеннаго, церкви ничѣмъ не замѣчательныя, исключая большаго собора съ гробницей Фердинанда и Изабеллы. Но въ самой неправильности улицъ, вымощенныхъ небольшими цвѣтными камнями въ узоръ арабесковъ, въ почтенной древности и оригинальности мавританскихъ зданій чисто восточнаго характера, въ богатой растительности садовъ, оживленной обиліемъ фонтановъ, ручьевъ и канавокъ самой чистой воды, столько прелести, столько поэзіи, что Гренада непремѣнно произведетъ на васъ впечатлѣніе обаятельное; она васъ очаруетъ. Ея большая площадь Вивараибла, за нею на холмѣ разрушающіяся стѣны и башни Альамбры, еще выше, Хенералифе съ стройными кипарисами, возвышающимися надъ обрушившимися стѣнами крѣпости, великолѣпная Alameda, состоящая изъ аллей роскошныхъ и величественныхъ буковъ и вязовъ, съ ея чудными фонтанами, громадными олеандрами, шумнымъ, пѣнистымъ Хенилемъ и притокомъ его, золотоноснымъ Дарро; всюду прохлада, чистый, влажный, ароматическій воздухъ, и чѣмъ ярче свѣтитъ солнце, чѣмъ сильнѣе жаръ, тѣмъ болѣе таетъ снѣгъ на вершинѣ Сіерры Невады, тѣмъ обильнѣе льются потоки съ окружающихъ горъ, тѣмъ стремительнѣе бѣгутъ ручьи, бьютъ фонтаны; враждующія стихіи: огонь и вода мирятся, дружатся въ Гренадѣ, и взаимное ихъ дѣйствіе даетъ древней столицѣ мавровъ такой климатъ, такую растительность, какихъ нельзя встрѣтить въ другихъ странахъ Европы. По истинѣ, это рай земной.

Прибавьте къ этому памятники мавританской архитектуры, встрѣчающіеся на каждомъ шагу; историческія воспоминанія о господствѣ мавровъ, живущія въ памяти настоящаго населенія; ихъ цивилизацію и культуру, стоявшую выше, чѣмъ у другихъ средневѣковыхъ народовъ, ихъ рыцарскую честность и отвагу, ихъ романическія, почти сказочныя похожденія, ихъ нравы и обычаи, вошедшіе въ жизнь, въ природу андалузянъ, и наконецъ мавританскую кровь, которая течетъ въ большей части жителей южной Испаніи, и вы не удивитесь, когда скажу, что Гренада до того меня очаровала, что, когда, по возвращеніи Натана, нужно было думать объ отъѣздѣ, мнѣ крайне не хотѣлось раз-

статься съ Гренадой; каждый день просилъ я отсрочки и тогда только согласился ѣхать въ Малагу, когда Натанъ объявилъ, что его присутствіе тамъ необходимо по коммерческимъ дѣламъ.

Понятны мнѣ стали слезы мавровъ при прощаніи ихъ съ Гренадой, памятно мѣсто на одной изъ окружающихъ горъ: cuesta de las lagrymas, съ котораго, рыдая, Боабдиль, послѣдній владыка Мавровъ, въ послѣдній разъ взглянулъ на Гренаду. Скала эта называется: el ultimo sospiro del moro, послѣдній вздохъ мавра.

Описывать достопримѣчательности Гренады не стану: о дворцахъ Альамбры и Хенералифе такъ много писали, что эти памятники мавританскаго зодчества болѣе или менѣе всѣмъ извѣстны. Но не могу не прибавить, что всѣ описанія, рисунки и гравюры Альамбры могутъ дать только слабое понятіе о тонкомъ изяществѣ, рѣдкой красотѣ и чисто восточномъ богатствѣ отдѣлки мавританскаго дворца. Нужно его видѣть, чтобы вполнѣ оцѣнить и навсегда запечатлѣть въ своей памяти это образцовое, геніальное произведеніе арабскаго искусства. Оно васъ поражаетъ не громадностью размѣровъ; напротивъ, величина построекъ очень ограничена; но необыкновенною легкостью, кружевными узорами лѣпной работы, утонченностью вкуса, и поражаетъ, несмотря на довольно неудовлетворительное состояніе этого дворца, требующаго тщательнаго исправленія и болѣе заботливаго содержанія. Нѣкоторыя части зданія разрушаются, а другія давно уже обратились въ груду развалинъ.

Я очень полюбилъ Натана; мы вскорѣ подружились; это былъ честный и умный негоціантъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Нрава онъ былъ кроткаго, веселаго и любезнаго.

Возвратясь въ Малагу, мы постоянно проводили время въ троемъ; Натанъ былъ занятъ дѣлами и только по вечерамъ удѣлялъ намъ нѣсколько часовъ. Мы много читали, занимались музыкой и съ захожденіемъ солнца всегда отправлялись на Аламеду.

Однажды мы усѣлись на скамейкѣ; къ Наимѣ подошелъ незнакомый мнѣ высокій, статный молодой человѣкъ и заговорилъ съ нею. Разговоръ продолжали довольно долго. Это мнѣ не понравилось. Возвращаясь домой, я спросилъ Наиму, кто былъ ея собесѣдникомъ? Она

отвѣтила, что молодой человѣкъ маркизъ Б., сынъ испанскаго гранда, знакомый ей со времени послѣдняго пребыванія у Леи. Маркизъ каждый вечеръ подходилъ къ Наимѣ, познакомился со мной, но встрѣтилъ самый холодный пріемъ. Маркизъ былъ очень красивъ и любезенъ; возбудилъ во мнѣ большую антипатію; всюду преслѣдовалъ Наиму, бросалъ на нее пламенные взгляды и раздражалъ меня. Ревность или простая антипатія дѣлали присутствіе маркиза для меня невыносимымъ. Когда онъ появлялся, я подавалъ руку Наимѣ и мы уходили. Наконецъ маркизъ затѣтилъ мое къ нему нерасположеніе; мы обмѣнялись выразительными взглядами, въ которыхъ просвѣчивалась непримиримая вражда, и болѣе не встрѣчались. Тѣмъ не менѣе я такъ ненавидѣлъ маркиза, что не могъ равнодушно о немъ вспомнить и мысленно сопровождалъ его недобрыми пожеланіями.

Насталъ октябрь, стало прохладнѣе, но все еще днемъ мало выходили изъ домовъ, закрывали двери и окна. По возвращеніи съ гулянья, мы остальную часть вечера, до глубокой ночи, проводили обыкновенно въ patio, внутреннемъ дворикѣ, устраиваемомъ при каждомъ испанскомъ домѣ. Дворикъ этотъ обсаженъ обыкновенно лучшими растеніями и цвѣтами; по срединѣ, или въ сторонѣ фонтанъ, колонны обвиты вьющимися растеніями, образующими вмѣсто потолка, непроницаемый для лучей солнца сводъ изъ зелени. Садовая мебель, зеркало, мраморные столы, иногда статуи служатъ украшеніемъ patio, на который выходятъ двери и окна внутреннихъ покоевъ. Съ patio на улицу ведетъ большая желѣзная, сквозная дверь; днемъ ее завѣшиваютъ, въ сумерки открываютъ; вечеромъ patio всегда освѣщается. Дворикъ этотъ служитъ гостинной и составляетъ роскошную, относительно богато убранную часть домовъ, отличающихся вообще необыкновенной простотой отдѣлки и меблировки.

Лея ухаживала за Наимой, какъ нѣжная мать. Наима чувствовала себя хорошо и безъ страданій переносила беременность. Оставалось два мѣсяца до разрѣшенія.

Въ одну изъ субботъ, Наима, по обыкновенію, въ сопровожденіи Леи и Натана отправилась въ свой молитвенный домъ.

Я остался дома и былъ занятъ сочиненіемъ фантазіи для оркестра на мотивъ, записанный мною въ Римѣ съ голоса старой еврейки.

Внезапно былъ я выведенъ изъ музыкальнаго самозабвенія необыкновеннымъ движеніемъ въ домѣ; вбѣгаетъ ко мнѣ Натанъ блѣдный, разстроенный, и объявляетъ, что Наимѣ очень дурно. Опрометью я бросился къ ней. Наима безъ чувствъ лежала на кровати. Вотъ, что случилось. Въ синагогахъ и еврейскихъ молитвенныхъ домахъ, какъ извѣстно, мужчины помѣщаются внизу, женщины на хорахъ. Спускаясь съ крутой, темной лѣстницы, Наима оступилась и упала; выходившія за нею женщины попадали на нее и ушибли Наиму. Она лишилась чувствъ; ее принесли домой. Послали за лучшимъ докторомъ; онъ привелъ Наиму въ чувство кровопусканьемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ начались мучительныя боли и къ вечеру Наима скончалась, разрѣшившись преждевременно ребенкомъ, который остался живъ. Я его возненавидѣлъ...

Катастрофа эта случилась такъ неожиданно, такъ быстро, что потрясающія подробности не успѣли напечатлѣться въ моей памяти. Помню только, что всю ночь я провелъ у бездыханнаго трупа Наимы, и когда на другой день меня оторвали отъ ея смертнаго ложа, и Лея поднесла мнѣ новорожденнаго, я оттолкнулъ его и сказалъ, что не хочу видѣть ребенка, жизнь котораго стоила жизни Наимѣ. Лея отвѣтила, что усыновляетъ моего сына.

Что было потомъ со мною, вспомнить не могу: я находился въ сильно возбужденномъ, горячечномъ состояніи. Припоминаю впрочемъ, что, не простясь, бѣжалъ изъ Малаги и ускакалъ верхомъ въ Гренаду, куда влекло меня воспоминаніе о счастливыхъ дняхъ; но не остался въ Гренадѣ долго: становилось слишкомъ грустно, и безъ цѣли, безъ всякаго побужденія отправился въ Севилью.

Севилья не замѣчательна ни постройками, ни мѣстоположеніемъ, ни растительностью. Заслуживаетъ вниманія громадный соборъ, уступающій размѣрами одному храму св. Петра въ Римѣ; внутренность собора очень богато убрана, великолѣпна, чисто готическаго стиля, и заключаетъ въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ произведеній кисти Мурильо и другихъ испанскихъ живописцевъ. Въ часовнѣ для крещенія находится лучшее

произведеніе Мурильо: св. Антоній Падуанскій. Наружность собора болѣе чѣмъ проста; арабскій минаретъ, замѣчательная башня Хиральда служитъ колокольней. Алькасаръ, мавританскій дворецъ, отличающійся необыкновенно тонкою, кружевною рѣзьбою изъ камня въ подковообразныхъ аркахъ и украшеніяхъ колоннъ и деревянными арабесками потолковъ, находился въ самомъ плачевномъ видѣ. Alame da del duque, обсаженная акаціями; по срединѣ большой фонтанъ, кофейни, лавочки,—вотъ и все. Гвадалквивиръ течетъ за городомъ; вокругъ пустыня, на которой возвышаются полуразрушенныя стѣны Севильи.

Но кто разъ побывалъ въ Севильѣ, тотъ никогда не забудетъ чарующей прелести ея обычаевъ и нравовъ. Здѣсь вы переноситесь въ ту Испанію, о которой мечтали въ годы молодости, читая Фигаро, слушая Севильскаго цирюльника; предъ вами разыгрываются сцены и эпизоды испанскаго романа; вы чувствуете себя въ средѣ волшебной, въ осуществленной фантазіи восторженнаго воображенія, вращаетесь въ мірѣ поэзіи.

Бываютъ страшныя, необъяснимыя перемѣны въ состояніи нашего духа. Никого не любилъ я такъ сильно, какъ Наиму; никогда ни одна женщина не останавливала на себѣ моего вниманія, покуда жила Наима. Въ Гренадѣ, во время вторичнаго ея посѣщенія, грустный убитый горемъ, бродилъ я по пустыннымъ улицамъ. Въ Севильѣ вдругъ сталъ другимъ человѣкомъ: откуда взялась необыкновенная энергія, лихорадочная дѣятельность, бодрость духа, неудержимая сила воли—объяснить не могу. Уступчивый, благодушный, мягкосердый, я мгновенно превратился въ сталь. Бывало, не могъ безъ сожалѣнія, участвуя въ охотѣ, смотрѣть на травлю звѣрей; въ Севильѣ, постоянно присутствовалъ на боѣ, или какъ выражаются испанцы, на бѣгѣ быковъ и не только безъ отвращенія и жалости смотрѣлъ на раненыхъ и убитыхъ людей и лошадей, но находилъ въ этомъ варварскомъ развлеченіи особенное удовольствіе. Хотя сердце и не влекло меня ни къ кому въ особенности, хотя я чувствовалъ, что нѣтъ болѣе во мнѣ привязанности и любви, тѣмъ не менѣе съ неудержимымъ стремленіемъ бросился въ водоворотъ вѣчнаго севильскаго карнавала; это было какое-то неесте-

ственное возбужденіе, своего рода опьяненіе, послѣдняя вспышка потухавшаго вулкана.

Днемъ Севилья отдыхаетъ, нѣтъ движенія, нѣтъ жизни, словно мертвый городъ. Настаетъ вечеръ, зажигаютъ фонари, отворяютъ двери, окна и балконы, улицы наполняются народомъ; на Calle de las Sierpes рядъ великолѣпныхъ кафе, наполненныхъ мужчинами, и огромныхъ магазиновъ, совершенно открытыхъ, гдѣ во множествѣ сидятъ на стульяхъ прелестныя севильянки высшихъ слоевъ общества и разсматриваютъ товары, предлагаемые услужливыми приказчиками; на Alameda del Duque появляется несмѣтная толпа, идутъ tomar fresco. Севилья оживаетъ, оживляется, веселится. Слышится бряцанье гитаръ, танцовальный напѣвъ, стукъ кастаньетъ, шумный говоръ; разныя группы танцуютъ: фанданго, олу, хаясо; крики одобренія привѣтствуютъ ловкихъ танцовщицъ. Въ танцовщицѣ цѣнится въ особенности гибкость тѣла и пластичность ногъ; верхъ искусства составляетъ нервическое дрожаніе бедръ. И чѣмъ дольше продолжается это ночное гулянье, тѣмъ большаго оживленія достигаетъ оно. Наступила ночь, на балконахъ появляются севильянки, у каждаго балкона кавалеръ съ гитарой. Это novio; онъ пришелъ ухаживать за своей возлюбленной, pelar la pava, какъ выражаются испанцы. Почти нигдѣ не видно европейскаго платья; вездѣ богатые андалузскіе костюмы majo, темный плащъ, андалузская шляпа. И что за симпатичный, ловкій и красивый народъ!

Но вотъ мелькаютъ черныя тѣни андалузскихъ красавицъ; вы ихъ не видите во тьмѣ ночной, но чувствуете неотразимую ихъ прелесть, жадно вдыхаете въ себя упоительный запахъ цвѣтка въ ихъ волосахъ, ищете свѣта и при тускло горящемъ фонарѣ васъ обдаетъ, какъ молніей, жгучій андалузскій взглядъ. Электрическій токъ пробѣгаетъ по жиламъ, васъ влечетъ какая-то неодолимая сила, вы вступаете въ разговоръ съ красавицей. Заговорить съ незнакомой женщиной—здѣсь вещь общепринятая; отвѣчаютъ всегда вѣжливо, развязно, свободно и любезно; когда узнаютъ, что вы estranjero, съ вами обращаются еще любезнѣе: непремѣнно получите приглашеніе пожаловать въ домъ, продолжать знакомство.

Севильянка—чудный самородокъ; въ ней все природа, нѣтъ изысканной сдержанности, образованія, начитанности женщинъ другихъ націй; но умъ, неподдѣльная веселость, ласковость, любезность, разговорчивость составляютъ главныя ея достоинства. Что касается наружности, то неуловимой и непередаваемой прелести нельзя не посвятить нѣсколькихъ строкъ.

Андалузянки вообще, севильянки въ особенности, представляютъ типъ, совершенно не похожій на принятыя условія европейской красоты. Женщины Севильи не велики, не массивны, роста ниже средняго, худощавы; маленькая ножка, обутая въ башмачекъ, едва прикрывающій пальцы; крохотная ручка въ черной ажурной митени; руки, обнаженныя до плечъ; тонкій, стройный, гибкій станъ; чудныя формы шеи и груди, просвѣчивающіяся сквозь кружево черной мантиліи, накинутой сверхъ чернаго платья. Это миніатюрное созданіе скрѣплено твердыми, упругими, какъ сталь, мускулами, изгибается съ неподражаемой, врожденной граціею, не имѣющею ничего общаго съ выдержкою и выправкой европейскихъ женщинъ другихъ странъ. Севильянки необыкновенно живы, ловки, развязны и скорѣе порхаютъ, чѣмъ ходятъ; искусство владѣть вѣеромъ, блескъ глазъ, увѣренная походка и гибкость таліи придаютъ имъ совершенно особенную физіономію. У испанцевъ существуетъ особенное выраженіе для передачи ловкости, граціи, непринужденности движеній и остроумія женщины: dona Salada (соленая женщина). Здѣсь говорятъ женщинѣ: »какъ вы *солоны*«, и нѣтъ выше этого комплимента. Что касается лица севильянки, то не ищите въ немъ классической правильности, характеризующей европейскую красоту. Попадаются иногда головки классическія, но по большей части черты лица неправильныя. Неправильность эта проходитъ совершенно незамѣтною и нисколько не уменьшаетъ красоты андалузской женщины. Въ ней болѣе всего поражаютъ большіе, продолговатые, черные, бархатистые глаза, осѣненные длинными рѣсницами, пурпуровый, какъ гранатовый цвѣтокъ, маленькій, свѣжій ротикъ, зубы алебастровой бѣлизны и черные съ синимъ отливомъ, роскошнѣйшіе волосы, подъ тяжестью которыхъ гнется очаровательная головка. Цвѣтъ лица—блѣдно-матовый, прозрачный; не смотря на блѣдность, здѣшнія женщины дышатъ здоровьемъ.

Самыя красивыя принадлежатъ къ числу Morenas, отличающихся темнымъ, оливковымъ цвѣтомъ, который увеличиваетъ прелесть пурпуроваго ротика и блескъ глазъ. Прибавьте къ этому необыкновенную живость, подвижность физіономіи, взглядъ, какъ выражаются испанцы, дня и ночи, блеска и мрака, взглядъ, выразительностью своею приводящій въ волненіе, электризирующій, сверкающій молніей, взглядъ, которому испанскій языкъ посвятилъ особенный глаголъ: ojear (бросать взглядъ), и будете имѣть слабое понятіе о чарующей, обаятельной красотѣ андалузской женщины. Бросанье взгляда заключается въ томъ, что при встрѣчѣ съ мужчиной севильская испанка опускаетъ вѣки, затѣмъ быстро открываетъ глаза, обливаетъ васъ своимъ взглядомъ и опускаетъ рѣсницы; выдержать равнодушно подобный взглядъ—не возможно. На югѣ Испаніи мавры оставили по себѣ неизгладимые слѣды въ типичности жителей. Сколько ни изгоняли мавровъ изъ Испаніи, сколько ни убивали и ни жгли ихъ на auto da fé, мавританская кровь течетъ въ жилахъ жителей Андалузіи, и ей андалузянки обязаны тою особенностью своей породы, тою прелестью формъ и необычайною красотою, которыя дѣлаютъ ихъ самыми очаровательными женщинами въ мірѣ.

Болѣе мѣсяца прожилъ я въ Севильѣ; остался-бы и долѣе, еслибы совершенно неожиданное происшествіе не заставило меня выѣхать изъ Испаніи.

Однажды, въ поздній часъ ночи, пробирался я по одной изъ извилистыхъ, въ то время совершенно пустынныхъ улицъ въ Севильи. У низенькаго балкона стоялъ кавалеръ, завернутый въ плащъ; на балконѣ дама. Я прошелъ мимо тихими шагами; кавалеръ забренчалъ на гитарѣ; разговоръ прервался. Въ темнотѣ я не могъ разглядѣть лица кавалера. Необъяснимое, инстинктивное чувство овладѣло мною; не знаю почему и для чего мнѣ непремѣнно захотѣлось увидѣть лице кавалера. Пройдя нѣсколько шаговъ, я повернулъ назадъ; кавалеръ не успѣлъ закрыться плащемъ, въ немъ я узналъ маркиза Б.

Пройдти раза два-три мимо балкона, занятаго дамой и кавалеромъ, преднамѣренно или случайно помѣшать ихъ ночному свиданію,

въ Испаніи вещь очень опасная; такія столкновенія обыкновенно оканчиваются добрымъ ударомъ ножа или стилета.

Ненависть къ маркизу громко, неудержимо заговорила во мнѣ; я въ третій разъ прошелъ мимо балкона. Дама исчезла, маркизъ бросился ко мнѣ, въ рукѣ его сверкнулъ кинжалъ. Я схватилъ маркиза за руку съ занесеннымъ оружіемъ и сказалъ ему: погодите, маркизъ! я безоруженъ и нападать на меня съ кинжаломъ было-бы неблагородно; считаю для себя счастливою встрѣчу съ вами и надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи принять вызовъ, согласно правиламъ чести образованныхъ и порядочныхъ людей. Вотъ моя карточка; когда и гдѣ угодно—я къ вашимъ услугамъ!

— Вотъ и моя; я васъ не узналъ, извините, отвѣтилъ маркизъ, освобождая свою руку; между нами старые счеты, и оскорбленіе, которое вы нанесли мнѣ теперь, не можетъ остаться безъ удовлетворенія; завтра буду имѣть честь прислать къ вамъ моего секунданта.

Затѣмъ мы вѣжливо раскланялись и разошлись.

Прійдя домой, я заснулъ богатырскимъ сномъ; на другой день стукъ въ мою дверь разбудилъ меня. Я просилъ подождать немного, накинулъ на себя альмавиву и отворилъ, въ полной увѣренности увидѣть секунданта маркиза. Вообразите мое удивленіе и радость, когда предо мною очутился Натанъ. Я бросился въ его объятія, расспрашивалъ о Леѣ. Натанъ такъ былъ счастливъ меня видѣть, что слегка упрекнулъ меня за внезапный побѣгъ изъ Малаги; долго не могъ онъ объяснить моего загадочнаго исчезновенія и молчанія, но предполагая, что въ разстроенномъ моемъ состояніи со мною могло случиться несчастье, онъ поѣхалъ отыскивать меня въ Гренадѣ; послѣ долгихъ поисковъ, не найдя меня тамъ, случайно узналъ, что я отправился въ Севилью. Въ Севильѣ, послѣ двудневныхъ поисковъ, узналъ, гдѣ я квартирую.

Теплое участіе Натана вызвало во мнѣ глубокую благодарность; съ чувствомъ пожимая его руку, я разсказалъ Натану о вчерашней встрѣчѣ и присовокупилъ, что сама судьба посылаетъ его мнѣ въ настоящемъ затруднительномъ положеніи. И дѣйствительно, я не былъ ни

съ кѣмъ хорошо знакомъ въ Севильѣ и не могъ-бы пріискать секунданта.

Натанъ старался убѣдить меня, что я не правъ въ дѣлѣ съ маркизомъ, и склонялъ къ извиненію, которое по всей вѣроятности удовлетворило-бы маркиза въ виду ничтожнаго предлога ссоры. Я просилъ не говорить болѣе объ этомъ, считая невозможнымъ и несогласнымъ съ моимъ достоинствомъ предлагать извиненія.

На просьбу мою принять участіе въ дуэли, Натанъ покачалъ головой и отвѣтилъ, что не смотря на всю его привязанность ко мнѣ, онъ не можетъ исполнить моего желанія.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него. Тебя это удивляетъ, говорилъ Натанъ, ты не знаешь нравовъ и обычаевъ Испаніи: въ дуэли дворянина съ сыномъ гранда и маркизомъ секундантъ твой долженъ быть hidalgo по меньшей мѣрѣ. Маркизъ знаетъ, что я негоціантъ; купцы не пользуются въ Испаніи почетомъ, и меня никогда не допустятъ быть твоимъ секундантомъ. Нужно найти другого; не достаточно, чтобы онъ былъ hidalgo; въ дѣлѣ чести требуется, чтобы онъ былъ caballero: испанцы говорятъ, что король дѣлаетъ благородными, но одинъ Богъ создаетъ кавалеровъ.

— Въ такомъ случаѣ я буду драться безъ секунданта.

— Не думаю, чтобы это было возможно.

— А если-бы я предложилъ посланному отъ маркиза быть нашимъ общимъ секундантомъ?

— Быть можетъ, онъ и приметъ твое предложеніе, но въ такомъ случаѣ ты совершенно предашь себя въ ихъ руки.

— Знаешь что, Натанъ? Я мало знакомъ съ испанцами, но на сколько ихъ знаю, кажется, вполнѣ можно положиться на ихъ честный, рыцарскій характеръ. Novio, по принятому обычаю, въ гнѣвѣ готовъ нанести ударъ ножемъ или стилетомъ; hidalgo, вызванный на дуэль иностранцемъ не уклонится отъ правилъ чести.

— Съ этимъ я согласенъ, но бываютъ исключенія.

— Что-жъ они могутъ сдѣлать? Не убьютъ измѣннически?

— Это конечно трудно предполагать. Но я во всякомъ случаѣ про-

силъ-бы тебя дозволить мнѣ издали слѣдить за вами. Не откажи въ этомъ; какъ знать, что случится? За исходъ поединка никогда нельзя ручаться.

— Вѣришь-ли въ предопредѣленіе? Чему быть, тому не миновать, говоритъ русская пословица. Я твердо убѣжденъ въ счастливомъ для меня исходѣ этого дѣла.

— Такъ или иначе, я не оставлю тебя и если не пріищу секунданта, на котораго вполнѣ можно было-бы положиться, буду слѣдить за вами.

— Дѣлай, какъ знаешь; позволь обнять тебя за твою дружбу, за твою братскую привязанность.

— Натанъ ушелъ. Я занялся туалетомъ. Часовъ въ одинадцать опять стукъ въ двери. Отворяю. Предо мною не большаго роста, красивый, въ высшей степени симпатичный молодой человѣкъ.

— Съ сеньоромъ-ли С. имѣю честь говорить?

— Точно такъ. Неугодно-ли сѣсть. Вы пожаловали вѣроятно по порученію маркиза Б.?

— Графъ П., секундантъ маркиза Б., къ услугамъ вашей милости.

Большіе сѣрые глаза молодого человѣка смотрѣли съ такимъ выраженіемъ благодушія и благородства, особа графа была такъ привлекательна, что онъ внушилъ мнѣ невольное къ нему сочувствіе и полное довѣріе.

Когда мы согласились на счетъ времени, мѣста и условій поединка, я ему сказалъ о моемъ затруднительномъ положеніи въ отношеніи секунданта и просилъ графа быть нашимъ общимъ секундантомъ.

Графъ отвѣтилъ, что предложеніе мое противорѣчитъ принятымъ правиламъ о дуэляхъ; благодарилъ за оказываемую честь и довѣріе и сказалъ, что если маркизъ согласится, онъ отдастъ себя въ наше полное распоряженіе.

Послѣ тщетныхъ поисковъ, Натанъ возвратился съ длиннымъ, блѣднымъ лицемъ. Я успокоилъ его, передалъ разговоръ съ графомъ П.

и упомянулъ о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня этимъ молодымъ человѣкомъ. Натану хотѣлось узнать подробности условій дуэли. Я сообщилъ ему, что завтра въ семь часовъ утра, за городомъ, мы должны драться на шпагахъ. Натану это крѣпко не понравилось; онъ упрекалъ меня въ томъ, что я согласился драться на шпагахъ, стрѣляя отлично изъ пистолета. Какъ ни старался я объяснить ему, что выборъ оружія зависѣлъ отъ маркиза и что деликатность не позволяла предложить бой на оружіи, которымъ я владѣлъ слишкомъ хорошо, Натанъ не могъ понять излишняго, какъ онъ выражался, великодушія. Онъ впрочемъ пересталъ безпокоиться, когда я сказалъ, что и шпагою владѣю не дурно, хотя очень давно не фехтовалъ.

Весь день былъ посвященъ воспоминанію о Наимѣ. Натанъ много говорилъ о ея дѣтствѣ, превосходныхъ ея качествахъ. Я навелъ разговоръ на знакомство Наимы съ маркизомъ. Натанъ объяснилъ мнѣ, что дѣвицы въ Испаніи пользуются большою свободою, часто вступаютъ въ довольно интимныя отношенія къ молодымъ людямъ, которымъ нравятся, что иностранцу можетъ казаться страннымъ и неприличнымъ. Наима-же, не смотря на свою красоту и любезный характеръ, никогда и никѣмъ не была занята, всегда была безупречна; первая и единственная ея привязанность вполнѣ принадлежала мнѣ. Маркизъ дѣйствительно желалъ за нею ухаживать; но не нравился Наимѣ, и знакомство ограничилось встрѣчами на гуляньи до отъѣзда Наимы въ Берлинъ. По мнѣнію Натана, маркизъ былъ пустой, но честный и добрый молодой человѣкъ и пользовался нѣкоторымъ успѣхомъ у андалузскихъ красавицъ.

Передъ вечеромъ я получилъ съ нарочнымъ слѣдующую записку: Иностранецъ, довѣряющій чести испанца, достоинъ полнаго уваженія. Предложеніе ваше принято. До завтрего. Графъ П.

Меня взяло раздумье, мнѣ стало совѣстно драться съ человѣкомъ, который въ сущности ничѣмъ меня не обидѣлъ и котораго я вывелъ изъ терпѣнія неумѣстнымъ и въ высшей степени оскорбительнымъ, по понятіямъ мѣстныхъ жителей, поступкомъ. Вызовъ мой былъ слѣдствіемъ ненормальнаго, возбужденнаго состоянія духа; но размышленіе

пришло поздно: ложный стыдъ удерживалъ меня отъ извиненія; жребій былъ брошенъ.

Я написалъ два письма: одно дорогой моей матери, другое Леѣ и просилъ Натана, въ случаѣ несчастнаго для меня исхода дуэли, отправить первое по почтѣ, а второе передать доброй Леѣ. Вечеръ мы провели въ дружеской, братской бесѣдѣ.

На другой день, въ шесть часовъ утра Натанъ пришелъ ко мнѣ и возобновилъ просьбу дозволить ему издали слѣдить за нами. Я не согласился.

Въ семь часовъ я былъ за городомъ, на берегу Гвадалквивира и засталъ тамъ маркиза Б. и графа П. Мы молча обмѣнялись поклонами, я пожалъ руку графа. Онъ поднесъ мнѣ двѣ толедскія шпаги, прося выбрать одну изъ нихъ. Сбросивъ верхнюю одежду, мы съ маркизомъ стали въ позицію.

— Одно слово, господа, сказалъ графъ; позвольте сдѣлать предложеніе лично отъ меня: я полагалъ-бы возможнымъ ограничить бой первой раной, полученной каждымъ изъ сражающихся, или двумя, нанесенными одному и тому-же изъ почтенныхъ противниковъ.

Маркизъ и я изъявили на это согласіе. Маркизъ владѣлъ хорошо шпагой и нападалъ очень бойко; я защищался и отпарировалъ нѣсколько ударовъ. При одномъ изъ приступовъ, моя шпага, вмѣсто того, чтобы отбить въ сторону, скользнула по шпагѣ маркиза снизу вверхъ, и остріе его шпаги вонзилось въ верхнюю мою губу; ударъ былъ не очень силенъ, но боль невыносимая. Мы вновь стали въ позицію, я перешелъ въ наступательное положеніе; мои первые удары были отпарированы; на четвертомъ шпага моя проколола маркиза въ грудь съ правой стороны и проколола такъ сильно, что я съ трудомъ могъ ее вытащить. Маркизъ упалъ на руки графа, кровь заструилась изъ раны маркиза.

Я былъ крѣпко взволнованъ; мысль, что нанесъ смертельную рану маркизу, приводила меня въ отчаяніе; я бросился къ нему и съ сожалѣ-

ніемъ, съ глубокимъ раскаяніемъ взоръ мой остановился на покрытомъ мертвенною блѣдностью лицѣ маркиза.

Графъ свистнулъ; явились служители. Графъ П. положилъ на рану компрессъ холодной воды, далъ раненому проглотить нѣсколько капель рому, и маркизъ очнулся. Я протянулъ ему руку, и просилъ простить меня.

Легкое пожатіе руки маркиза и взглядъ, полный примиренія, были его отвѣтомъ.

Наскоро устроили носилки, положили на нихъ маркиза, и печальное шествіе направилось къ его квартирѣ; я просилъ позволенія сопровождать его. Графъ охотно согласился. Послали за докторомъ; онъ объявилъ, что рана очень опасна. Окончивъ перевязку раны маркиза, докторъ обратился ко мнѣ, изслѣдовалъ мою рану на губѣ; губа оказалась проколотою насквозь, шпага разрѣзала и десну. Обмывъ запекшуюся кровь, докторъ сшилъ рану булавками, далъ какую-то примочку, и спросивъ мой адресъ, сказалъ, что завтра посѣтитъ меня. Съ графомъ мы разстались совершенными друзьями.

По возвращеніи домой, я засталъ Натана въ большомъ безпокойствѣ; долгое мое отсутствіе тревожило его и наводило на мысль, что со мною случилось несчастіе. Когда я ему разсказалъ, какъ было дѣло, онъ успокоился.

Въ душевномъ моемъ состояніи произошелъ сильный переломъ: возбужденіе духа исчезло совершенно и дало мѣсто такому упадку нравственныхъ и физическихъ силъ, что нѣтъ словъ описать мое тогдашнее положеніе.

Неожиданная, почти внезапная смерть Наимы, глубокая привязанность моя къ этой прелестной женщинѣ, жертвы, принесенныя ею, благородный, возвышенный ея характеръ, чистая ангельская душа и горячая ко мнѣ любовь, бѣгство изъ дома Леи, отвращеніе къ сыну, безумная, непрерывная оргія Севильи, ничѣмъ неоправдываемая ссора съ маркизомъ, убійство,—все это, взятое вмѣстѣ, грызло, мучило, терзало меня. Словно завѣса спала съ глазъ моихъ; словно взглядъ просвѣтлѣлъ, и я прозрѣлъ и сталъ ненавистенъ самъ себѣ.

Когда Натанъ, замѣтивъ перемѣну во мнѣ, съ участіемъ спросилъ, что со мною, и не страдаю ли отъ ранъ, я отвѣтилъ, что физическая боль ничто въ сравненіи съ нравственнымъ мученіемъ, и произнесъ строфу Метастиза, которая вѣрно передавала мое тогдашнее настроеніе:

Ogni oggetto ch' altrui piace
Per me licto più non è:
Ho perduta la mia pace,
Son io stesso in odio a me.

Ночь провелъ я безъ сна. Утромъ пришелъ докторъ и остался доволенъ положеніемъ моей раны; опухоли не было, но сильная боль не унималась. Я спросилъ о маркизѣ, докторъ отвѣтилъ, что за выздоровленіе ручаться нельзя, но лихорадочное состояніе уменьшилось.

На третій день послѣ дуэли, я навѣстилъ маркиза; ему не было ни лучше, ни хуже, онъ все время находился въ безпамятствѣ, лихорадка впрочемъ ослабѣвала. Я долженъ былъ уѣхать изъ Севильи: дѣло о дуэли огласилось; законы строго преслѣдовали дуэлистовъ. Графъ и Натанъ совѣтовали мнѣ выѣхать изъ Испаніи. Я рѣшился послѣдовать ихъ совѣту. Простился съ графомъ П. и убѣдительно просилъ его писать мнѣ о маркизѣ въ Марсель, гдѣ располагалъ провести нѣсколько времени.

Прощаніе съ Натаномъ было трогательно; я крѣпко къ нему привязался, полюбилъ какъ брата. Онъ возвратилъ мнѣ письмо, назначенное матушкѣ, и оставилъ у себя писанное къ Леѣ. Въ немъ я просилъ прощенія въ бѣгствѣ изъ Малаги, благодарилъ за дружеское, родственное ко мнѣ расположеніе и изъявлялъ глубокое сожалѣніе о необходимости проститься съ Леею навсегда, если меня убьютъ, или на долго, если останусь живъ. О сынѣ ни слова. Заѣхать въ Малагу я не могъ: это было выше силъ моихъ. Обѣщалъ писать изъ Марселя, куда Натанъ долженъ былъ отправить мои вещи. Болѣе всего я дорожилъ портретомъ Наимы и просилъ не забыть прислать его.

На пароходѣ отправился я изъ Севильи въ Кадиксъ, и въ день моего туда пріѣзда отплылъ въ Марсель. Во время переѣзда полная апатія и болѣзненная сонливость овладѣли мною.

Очнулся, пришелъ въ себя только въ Марсели. Нужно было отдохнуть отъ нравственныхъ потрясеній, собраться съ мыслями, окрѣпнуть духомъ и принять какое нибудь рѣшеніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографія.

Голубовскій.—Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в. Кіевъ. 1884 г.

Книга г. Голубовскаго по самому сюжету своего изслѣдованія представляетъ высокій интересъ для средневѣковой русской исторіи; выбранный имъ предметъ несомнѣнно одинъ изъ болѣе трудныхъ и автору приходилось бороться съ весьма существенными препятствіями при выполненіи своей задачи: съ одной стороны, онъ могъ пользоваться только разрозненнымъ и весьма неполнымъ историческимъ матеріаломъ, который онъ собралъ весьма тщательно въ историческихъ памятникахъ: русскихъ, византійскихъ, венгерскихъ, польскихъ и арабскихъ (поскольку послѣдніе могли быть доступны автору въ переводѣ на русскій или другіе европейскіе языки); съ другой стороны, при невозможности пользоваться подлиннымъ текстомъ восточныхъ писателей и сличеніемъ между собою тюркскихъ языковъ, авторъ невольно долженъ былъ ограничить въ этомъ отношеніи свои выводы и отказаться отъ цѣлаго ряда историческихъ указаній.

Не смотря однако на указанныя трудности, г. Голубовскому удалось свести довольно полную картину исторіи южно-русскихъ степей до XIII ст. Собравъ все, что возможно было собрать въ извѣстныхъ понынѣ источникахъ, авторъ сгруппировалъ эти свѣдѣнія съ большою осторожностью и съ большимъ критическимъ тактомъ; не смотря на то, что ежеминутно онъ встрѣчалъ широкое поле для догадокъ, онъ пользовался этою возможностью очень умѣренно и въ рѣдкихъ только случаяхъ поставилъ весьма правдоподобныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма осторожныя гипотезы. Къ числу почтенныхъ качествъ, которыми отличается сочиненіе г. Голубовскаго, принадлежитъ высказанное имъ въ

предисловіи и строго выдержанное въ самой книгѣ положеніе, вслѣдствіе котораго авторъ отказывается отъ полемическаго пріема въ изложеніи избраннаго имъ вопроса. »Мы не излагаемъ, говоритъ г. Голубовскій, всѣхъ теорій, существующихъ по тому или другому вопросу, и не разбираемъ ихъ, считая это совершенно излишнимъ балластомъ: разъ мы строимъ свои выводы на основаніи источниковъ первой руки, то этимъ самимъ возражаемъ противъ тѣхъ мнѣній, съ которыми мы не согласны. Мы не пишемъ исторіи разработки вопроса, а изслѣдуемъ самый вопросъ«. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что избранный имъ пріемъ проще, скромнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ полезнѣе для самостоятельной разработки предмета, чѣмъ пріемъ полемическій, при которомъ авторъ можетъ высказать и свое остроуміе, и свою эрудицію, но который невольно отвлекаетъ его на каждомъ шагу отъ прямой цѣли его изслѣдованія и очень часто замѣняетъ эту цѣль второстепенными вопросами, дающими поводъ къ спору, и отодвигаетъ ее невольно на задній планъ сочиненія. Другой критическій пріемъ, несомнѣнно весьма цѣнный въ историческомъ изслѣдованіи, высказанъ авторомъ также въ его предисловіи: »Въ своемъ трудѣ мы обращаемъ главное вниманіе на источники первой руки... Мы желаемъ, чтобы намъ были указаны наши ошибки на основаніи источниковъ первой руки. Ими-же и только ими одними мы будемъ защищать свои положенія«. Послѣдній пріемъ авторъ старался дѣйствительно примѣнить, по мѣрѣ возможности, въ своей книгѣ, но, къ несчастью, скудный матеріалъ источниковъ первой руки не всегда дозволилъ ему строго слѣдовать по указанному пути; во временамъ онъ былъ поставленъ въ необходимость прибѣгать къ наведеніямъ изъ болѣе позднихъ свидѣтельствъ и нѣкоторыя соображенія долженъ былъ заимствовать изъ источниковъ далеко не первой руки. Впрочемъ нельзя не признать, что подобнаго рода примѣры встрѣчаются въ книгѣ г. Голубовскаго относительно рѣдко и весьма добросовѣстно имъ-же отмѣчены.

Сочиненіе г. Голубовскаго раздѣлено по содержанію на 6 главъ. Въ первой изъ нихъ, озаглавленной: »Степи до появленія печенѣговъ (т. е. до IX ст.), авторъ старается представить картину южно-русскихъ степей въ ту отдаленную эпоху; онъ пришелъ къ заключенію, по собраннымъ имъ свидѣтельствамъ, что степи въ то время были далеко не такъ пустынны, какъ въ послѣдствіи; значительная часть ихъ была покрыта лѣсомъ, другая пересѣкалась лѣсными грядами; лѣса давали возможность селиться осѣдлому населенію и составляли естественное препятствіе для вторженій первыхъ кочевниковъ. Славянское населеніе занимало всю степную полосу до моря; авторъ особенно тщательно со-

бралъ доказательства въ пользу того положенія, что славянское населеніе существовало въ то время въ бассейнѣ Дона и простиралось сплошными поселеніями къ юго-востоку до Тмутаракани.—Вторая глава посвящена исторіи печенѣговъ, торковъ и половцевъ до пришествія татаръ; авторъ передаетъ собранныя имъ свѣдѣнія о кочевьяхъ этихъ народовъ въ средней Азіи и въ юго-восточной Европѣ, устанавливаетъ ихъ общее происхожденіе и, указавъ на принадлежность ихъ къ тюркскому племени, наравнѣ съ турками сельджуками и османами, ставитъ гипотезу, что всѣ названные народы правдоподобно выдѣлились изъ одного племени »гузовъ«, кочевавшаго въ IX—X столѣтіяхъ въ аралокаспійскихъ степяхъ.

Самая подробная и обстоятельная глава труда »Русь и кочевники« разсматриваетъ отношенія поочередно смѣнявшихся степныхъ ордъ къ славянскому населенію степей и порубежныхъ съ степью мѣстностей. Авторъ въ этой главѣ, не ограничиваясь изложеніемъ собранныхъ имъ фактическихъ данныхъ, характеризуетъ весьма типично политику разныхъ вѣтвей русскаго княжескаго рода по отношенію къ кочевникамъ и весьма подробно устанавливаетъ границы и боевыя линіи со стороны степи, выдвинутыя князьями рязанскими, сѣверскими, переяславскими и кіевскими.

Указавъ на постепенныя смѣны одной орды другою, онъ обращаетъ вниманіе на поселеніе остатковъ вытѣсненныхъ ордъ въ предѣлахъ Руси и даетъ весьма конкретный и живой очеркъ Черныхъ Клобуковъ и того положенія, какое они занимали на югѣ Россіи.

Четвертая глава озаглавлена: »Судьбы окраиннаго славянскаго населенія«; г. Голубовскій собралъ въ ней свѣдѣнія, сохранившіяся о томъ славянскомъ населеніи, которое заселяло южно-русскія степи до прихода печенѣговъ и которое, по его мнѣнію, въ значительной мѣрѣ уцѣлѣло въ южныхъ степяхъ отъ Дона до Прута, не смотря на завоеваніе этихъ степей кочевниками. Это изслѣдованіе г. Голубовскаго отличается совершенною самостоятельностью и возбуждаетъ весьма живой интересъ. Онъ указываетъ, какъ на остатки славянскаго поселенія, на Тмутаракань, затѣмъ въ степяхъ у Дона онъ видитъ его остатки въ упоминаемыхъ лѣтописью городахъ: Тарукани, Сугровѣ, Балинѣ, Чешлюевѣ; онъ указываетъ на то, что славянское населеніе придонскихъ степей и береговъ Азовскаго моря извѣстно было нашимъ лѣтописцамъ подъ именемъ *бродниковъ*, затѣмъ онъ переходитъ къ очерку такихъ-же славянскихъ поселеній въ степяхъ, занятыхъ кочевниками, на западной степной территоріи, указываетъ на существовавшіе въ этой территоріи въ удѣльно-вѣчевое время города: Олешье, Бѣлгородъ, Черный городъ (Очаковъ),

Малый Галичь, Берладь, Текучій и устанавливаетъ названіе »берладники«, какъ имя, подъ которымъ современникамъ извѣстно было славянское населеніе юго-западныхъ степей. Главу эту г. Голубовскій заключаетъ гипотезою, поставленною впрочемъ весьма осторожно, о томъ, что въ берладникахъ, можетъ быть, слѣдуетъ видѣть первоначальное козачество. Гипотеза эта несомнѣнно очень остроумна, но, какъ намъ кажется, не можетъ быть обставлена сколько нибудь удовлетворительно научными данными, вслѣдствіе совершеннаго ихъ отсутствія. Желая подкрѣпить ее сколько нибудь вѣскими соображеніями, г. Голубовскій поставленъ былъ въ необходимость отступить отъ своего обычнаго пріема—основывать свои выводы исключительно на источникахъ первой руки и потому вовлеченъ былъ въ ошибку: съ одной стороны онъ долженъ былъ допустить, вопреки яснымъ свидѣтельствамъ, что Запорожье дало начало осѣдлому козачеству, а не на оборотъ, какъ это явствуетъ изъ древнѣйшихъ современныхъ свѣдѣній о началѣ козачества; съ другой стороны, въ подкрѣпленіе своей гипотезы авторъ принялъ въ основаніе грамоту, данную будтобы запорожцамъ королемъ Стефаномъ въ 1576 г., заимствовавъ ее не изъ источника первой руки, а изъ позднѣйшаго, несомнѣнно апокрифическаго пересказа.

Въ пятой главѣ: »Кочевники у себя« авторъ собралъ всѣ дошедшія до насъ данныя о внутреннемъ бытѣ кочевниковъ. Онъ указываетъ на дѣленіе ихъ на колѣна и роды, на значеніе власти князей, на состояніе у нихъ военнаго дѣла, ихъ быть, вооруженіе, привычки, одежду и наружный видъ; указываетъ также и на постепенно развивавшееся среди кочевниковъ культурное вліяніе Руси и на попытки мисіонерской среди ихъ дѣятельности.

Наконецъ шестая глава разсказываетъ исторію изгнанія изъ степей половцевъ татарами; авторъ прослѣдилъ судьбу половецкаго народа до его исчезновенія въ исторіи и указалъ выселеніе ихъ частью въ предѣлы Руси, частью на Балканскій полуостровъ, въ Венгрію и даже въ Египетъ.

Вообще книга г. Голубовскаго представляетъ весьма серіозное изслѣдованіе по предмету, мало понынѣ разработанному, изъ древнерусской исторіи и содержитъ очень обстоятельный очеркъ отношеній южо-русскаго населенія къ сосѣдямъ, составлявшимъ въ теченіи трехъ столѣтій постоянную грозу, висѣвшую надъ этимъ населеніемъ и въ значительной мѣрѣ задержавшую развитіе его культуры и гражданственности.

В. А.

Указатель къ изданіямъ Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Т. II. Имена географическія. Кіевъ, 1883 г. Составилъ И. П. Новицкій.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Кіевская Археографическая Коммиссія предприняла составленіе отдѣльныхъ указателей къ своимъ изданіямъ, вышедшимъ въ свѣтъ въ теченіе 34-хъ-лѣтняго существованія ея (съ 1845 по 1877 г.) и составившимъ 27 отдѣльныхъ томовъ. По плану Коммиссіи, это изданіе должно составить три отдѣла: 1) указатель личныхъ именъ, 2) географическихъ названій и 3) предметовъ. Въ 1878 г. вышелъ въ свѣтъ I томъ этого изданія, составленный также г. Новицкимъ; теперь-же предъ нами находится II томъ того-же изданія, представляющій, подобно I-му, очень увѣсистую книгу, въ объемѣ болѣе 60-ти печатныхъ листовъ.

По своему характеру, Указатель г. Новицкаго значительно отступаетъ отъ общепринятаго типа указателей: это не есть только простой *сводъ* упоминаемыхъ въ источникахъ географическихъ именъ со ссылками на страницы; въ немъ составитель старается пріурочить каждое *имя* къ *предмету*, къ той или иной по возможности точно опредѣленной мѣстности, съ точнымъ обозначеніемъ ея географическаго положенія, современнаго названія и административной принадлежности—въ прошломъ и въ настоящемъ. Мало того, при весьма многихъ географическихъ именахъ приведены указанія на такіе предметы, которые собственно выходятъ за предѣлы географическаго указателя, или относятся къ другимъ его отдѣламъ. Напримѣръ, подъ названіемъ г. *Кіева* мы встрѣчаемъ не однѣ только ссылки на источники, въ которыхъ упоминается этотъ городъ, но сверхъ того имѣемъ слѣдующія частныя указанія, расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ: *Академія* кіевская, при чемъ перечислены всѣ упоминаемые въ источникахъ ректоры ея, префекты и профессоры; всѣ *урочища* г. Кіева, о какихъ только упоминается въ источникахъ, *улицы*, *дворы*, даже *дома*; всѣ *церкви*, *монастыри*, *костелы*, съ перечнемъ священниковъ, игуменовъ, церковныхъ имѣній; *замокъ* съ именами городничихъ; всѣ кіевскія учрежденія: *митрополія* съ именами митрополитовъ, *губернія* съ именами губернаторовъ, *козацкій полкъ* съ именами полковниковъ и пр. и пр., наконецъ—случившіяся въ г. Кіевѣ историческія и другія *событія*—войны, сеймики, пожары и т. под. Такимъ образомъ можно сказать, что каждое почти географическое имя представляетъ въ Указателѣ г. Новицкаго готовый сводъ данныхъ, на основаніи которыхъ легко можетъ быть составлена полная (на сколько позволяютъ источники) исторія данной мѣстности, и въ этомъ смыслѣ г. Новицкій вполнѣ основа-

тельно назвалъ свой трудъ »*Матеріалами для исторической географіи Южной и Западной Россіи*«.

Кто пользовался изданными историческими матеріалами въ ихъ, такъ сказать, сыромъ, необработанномъ видѣ, тотъ легко пойметъ тѣ громадныя трудности, какія, безъ сомнѣнія, пришлось преодолѣвать составителю подобнаго систематическаго Указателя при опредѣленіи, напр., мѣстностей съ одинаковыми названіями, или мѣстностей, подвергавшихся неоднократнымъ переименованіямъ и даже исчезнувшимъ безслѣдно съ лица земли, или, наконецъ, мѣстностей, названія которыхъ въ источникахъ иногда бываютъ испорчены до неузнаваемости и т. под. Въ такихъ случаяхъ изслѣдователю приходится подвергать тщательному многократному анализу всѣ мѣста въ источникахъ, въ коихъ упоминается данная мѣстность, и прибѣгать къ цѣлому ряду различныхъ сопоставленій, соображеній и домысловъ. Безъ сомнѣнія, такую-же чисто критическую работу приходилось г. Новицкому совершать почти на каждомъ шагу при составленіи его настоящаго труда. Къ сожалѣнію, онъ скрылъ отъ насъ тѣ критическіе пріемы, какими онъ пользовался при этомъ, и потому намъ не всегда ясны основанія его выводовъ. Напримѣръ ему пришлось встрѣтить въ источникахъ цѣлый рядъ мѣстностей съ именемъ *Каменки* въ значеніи поселеній, рѣкъ и урочищъ. Для пользующагося Указателемъ г. Новицкаго остается неизвѣстнымъ, почему въ такихъ-то мѣстахъ источниковъ Каменка означаетъ *деревню* херсонскаго уѣзда, а въ такихъ-то *слободу* того-же херсонскаго уѣзда, или въ такихъ-то мѣстахъ Каменка есть лѣвый притокъ р. Роси, впадающій въ *васильковскомъ уѣздѣ*, а въ такихъ-то тоже лѣвый притокъ Роси, но впадающій въ *каневскомъ уѣздѣ*, или еще: почему упоминаемое въ актахъ XVI в. поселеніе *Новогородчичи* есть именно теперешняя деревня острожскаго уѣзда *Новорочинцы*. Вѣроятно, составитель имѣлъ достаточныя основанія для подобныхъ утвержденій; но онъ, повторяемъ, не посвятилъ лицъ, имѣющихъ пользоваться его Указателемъ, въ тайну своихъ соображеній и тѣмъ поставилъ ихъ въ необходимость или слѣпо вѣрить его опредѣленіямъ, или-же по поводу каждаго, подобнаго вышеуказаннымъ имени самимъ производить ту критическую работу, какую пришлось произвести ему самому при составленіи настоящаго труда. Очевидно, что книга г. Новицкаго весьма нуждается въ особомъ предисловіи, въ которомъ были-бы предложены читателю тѣ необходимыя объясненія, о которыхъ мы намекаемъ. Если такое предисловіе почему-то не было приложено къ самой книгѣ, то, намъ кажется, оно могло-бы быть и отдѣльно напечатано.

Еще одно замѣчаніе. Всѣ поселенія, лежащія въ нынѣшней Галиціи, опредѣляются въ Указателѣ г. Новицкаго не по административной

ихъ принадлежности къ округамъ или повѣтамъ, а по *деканатамъ*. Это опредѣленіе настолько-же удобно при пользованіи его Указателемъ, какъ еслибы кто вздумалъ опредѣлять поселенія, лежащія въ Россіи, не по губерніямъ и уѣздамъ, а по духовнымъ *благочиніямъ*...

Ограничиваемся этими замѣчаніями, минуя мелочные недосмотры, неизбѣжные при столь капитальномъ и объемистомъ изданіи, и скажемъ въ заключеніе, что Указатель г. Новицкаго во всякомъ случаѣ составляетъ настолько драгоцѣнную справочную книгу, что навѣрное всякій, кто будетъ ею пользоваться, не разъ скажетъ составителю ея большое »спасибо«.

О. Л

Записки Іосифа, митрополита литовскаго, изданныя императорскою академіею наукъ, по завѣщанію автора. Т. I, II и III. in q—to. Спб. 1883 г. Ц. 12 р.

23 ноября 1868 г. скончался величайшій изъ іерарховъ нашей церкви, литовскій митрополитъ Іосифъ Сямашко. На всемъ протяженіи ея исторіи трудно найти имя, равное ему по исключительности его положенія, великости совершеннаго имъ дѣла, по уму, энергіи и глубокому пониманію судебъ русскаго народа, нуждъ церкви и государства. На ряду съ нимъ можетъ быть поставлено имя дѣйствовавшаго при другихъ обстоятельствахъ знаменитаго кіевскаго митрополита Петра Могилы. Съ именемъ митр. Іосифа Сямашки неразрывно связано одно изъ самыхъ крупныхъ событій нынѣшняго и другихъ столѣтій—возвращеніе къ православію полутора милліона русскихъ обитателей Бѣлоруссіи и Литвы, пріобщеніе ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ русской народности, возстановленіе тамъ вѣками попраннаго православія, пробужденіе угасавшаго народнаго сознанія, подъемъ русской власти и силы и закрѣпленіе за Россіею всего сѣверо-западнаго края. Дѣло возсоединенія уніатовъ во всемъ сѣверо-западномъ и даже юго-западномъ краѣ принадлежитъ м. Іосифу Сямашкѣ всецѣло и безраздѣльно, и исторія этого дѣла, равно утвержденія возсоединенныхъ въ православіи, тянувшаяся десятки лѣтъ, есть только исторія тяжелой борьбы этого великаго дѣятеля съ колебаніями самаго правительства нашего и тѣми препятствіями, какія ставились ему не только противною партіею, но не рѣдко русскими властями.

Изданныя теперь Записки митр. Іосифа Сямашки представляютъ богатѣйшій, ничѣмъ не замѣнимый матеріалъ какъ для исторіи возсоединенія уніатовъ въ 1839 г., такъ и въ частности для біографіи глав-

наго виновника онаго. Собственно Записки, писанныя собственноручно митр. Іосифомъ, занимаютъ немного меньше половины I-го тома, около 300 стр., остальныя свыше 450 стр. этого тома, равно весь II и III томы наполнены офиціальными и частными разнаго рода документами, касающимися веденнаго авторомъ Записокъ дѣла возсоединенія. Записки представляютъ собою связное и послѣдовательное изложеніе того, что дается массою предложенныхъ документовъ, на которые авторъ въ соотвѣтственныхъ мѣсахъ дѣлаетъ ссылки и указанія. Онѣ писаны разновременно, обнимаютъ собою различные періоды описываемаго событія и подраздѣляются на *пять* частей, къ каждой изъ которыхъ пріурочена особая группа документовъ, въ ней объясняемыхъ. Часть *первая*, писанная въ октябрѣ 1850 г., обнимаетъ собою дѣтство и воспитаніе автора Записокъ, переходъ его изъ Вильны Петербургъ, въ первые годы его службы и выступленіе съ первымъ проэктомъ мѣръ къ возвращенію уніатовъ къ православію. Часть *вторая* писана въ мартѣ 1861 г.; она очерчиваетъ положеніе уніатовъ до 1828 г., выдѣленіе ихъ изъ общей съ римско-католиками юрисдикціи и цѣлый рядъ принятыхъ по проэкту Іосифа Симашки мѣръ къ радикальному измѣненію управленія и состоянія уніатской церкви съ цѣлью приближенія ея къ православной греко-россійской церкви, вообще событія 1828 – 1836 г. Часть *третья*, написанная въ апрѣлѣ того-же года, излагаетъ рѣшительный поворотъ въ ходѣ уніатскаго вопроса, начавшійся съ назначеніемъ оберъ-прокуроромъ св. синода гр. Протасова, подписаніе уніатскою іерархіею акта возсоединенія и постепенное осуществленіе этого дѣла съ надлежащею постановкою дѣла православія въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, въ періодъ времени 1837—1844 г. Часть *четвертая*, написанная въ октябрѣ 1861 г., обнимая время 1844—1851 г., рисуетъ тягостный застой въ дѣлѣ возсоединенныхъ и не менѣе тягостное положеніе самаго виновника этого дѣла, приводившее его къ мысли удалиться на покой. *Пятая* часть, написанная въ ноябрѣ того-же 1861 г. и касающаяся событій въ судьбѣ возсоединенныхъ 1852—1860 г., даетъ общій очеркъ всего дѣла обращенія уніатовъ, съ характеристикою главныхъ гражданскихъ дѣятелей и самаго митрополита Іосифа.

Понимая, какъ никто можетъ быть другой, громадное значеніе совершеннаго имъ дѣла для церкви и государства, митр. Іосифъ не желалъ, чтобы память объ этомъ дѣлѣ и о немъ лично, перешла въ потомство съ тѣми превратными сужденіями и толками, какіе разсѣевались о нихъ всюду враждебною латино-польскою партіею, и зная всю цѣну принадлежавшихъ ему лично документовъ, не рѣшался отдать на долю случая ихъ цѣлость и обнародованіе, но подобравъ ихъ за жизни въ

извѣстномъ порядкѣ, связавъ и пополнивъ во многомъ ему одному доступными объясненіями, подъ общимъ заглавіемъ своихъ бумагъ, хранилъ эти драгоцѣнныя рукописи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ особомъ сундукѣ, завѣщавъ передать ихъ послѣ его смерти въ академію наукъ, избравшую его своимъ почетнымъ членомъ, съ просьбою вскрыть и издать эти бумаги, по ея усмотрѣнію, на особую, имъ-же назначенную, сумму пять тысячъ рублей, въ видѣ непрерывнаго доходнаго билета его имени.

Академія наукъ издала Записки м. Іосифа въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оставилъ ихъ авторъ, безъ всякихъ опущеній и перемѣнъ, снабдивъ ихъ указателемъ личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ Запискахъ, что само собою вызывалось обширностію изданія и научнымъ его назначеніемъ; къ изданію приложены три портрета автора Записокъ: къ первому тому портретъ его въ санѣ уніатскаго епископа, ко второму—въ санѣ православнаго архіерея и къ третьему—въ санѣ митрополита, въ преклонныхъ лѣтахъ.

Трудно, совсѣмъ почти не возможно въ короткой журнальной замѣткѣ объ этомъ изданіи ознакомить читателей съ богатѣйшимъ его содержаніемъ. И самыя Записки м. Іосифа, и приложенія полны такого высокаго интереса, что положительно не знаешь, чему отдать въ нихъ преимущество. Если все это обширное изданіе посвящено безраздѣльно дѣлу возсоединенія уніатовъ 1839 г. и даетъ неоцѣнимый матеріалъ для ознакомленія съ этимъ дѣломъ и творцемъ онаго м. Іосифомъ, то въ обстоятельствахъ, подготовлявшихъ это дѣло, сопровождавшихъ осуществленіе онаго и послѣдовавшихъ за нимъ, какъ нельзя болѣе отражаются съ одной стороны могущество и сила латино-польской партіи на всемъ пространствѣ Бѣлоруссіи и Литвы, крайнее обнищаніе и униженіе уніатской церкви, съ другой—безсиліе русской власти и русскаго элемента въ русскихъ областяхъ и колебательная политика нашихъ высшихъ сферъ въ правленіе даже такого твердаго государя, какимъ былъ императоръ Николай I-й. Газеты наши, какъ только появилось это изданіе въ нынѣшнемъ году, отдавъ ему заслуженную цѣну, извлекли изъ него то, что такъ сказать бьетъ въ глаза,—отдѣльные нѣкоторые эпизоды, въ особенности прямодушные и не всегда лестные отзывы м. Іосифа о тогдашнихъ гражданскихъ дѣятеляхъ, прикасавшихся къ уніатскому вопросу, каковы Д. Н. Блудовъ, гр. Н. А. Протасовъ и виленскіе генералъ-губернаторы: кн. Долгоруковъ, О. Я. Марковичъ, И. Г. Бибиковъ и Вл. И. Назимовъ. Насъ интересуетъ сущность самаго дѣла возсоединенія, его ходъ и система, а также характеристическія черты м. Іосифа и его положеніе между двумя противными сторонами: православно-рус-

скою и латино-польскою. Представимъ ихъ хотя въ самыхъ общихъ и краткихъ чертахъ.

Возсоединеніе уніатовъ Бѣлоруссіи и Литвы съ православною церковью привлекло въ свое время вниманіе православнаго и католическаго міра и въ послѣднемъ вызвало ожесточенные нападки на наше правительство и личность Симашки; стоустая молва, съ помощію заграничной печати, распространяла самые невѣроятные толки и извѣстія, сводившіеся къ тому, что возсоединеніе было актомъ варварскаго насилія съ одной, честолюбія и продажности съ другой стороны. Такіе толки и извѣстія долго бродили въ нашемъ не только польско-католическомъ, но отчасти и православномъ обществѣ; отголоски ихъ остались кой-гдѣ и теперь. Между тѣмъ, прочитавъ записки митр. Іосифа, самый предъубѣжденный человѣкъ не можетъ не признать, что тутъ по самому существу дѣла и личнымъ качествамъ Симашки не могло быть ничего подобнаго тому, что съ такою увѣренностію въ свое время утверждали враги православія. Въ изданныхъ теперь Запискахъ дѣло возсоединенія раскрывается во всей его сокровенности и полнотѣ, со всѣмъ его ходомъ и системой, отъ первой мысли о возсоединеніи до послѣднихъ дѣйствій относительно утвержденія возстановленнаго православія. Записки даютъ намъ слѣдующія несомнѣнныя, документально подтверждаемыя данныя. Во 1-хъ мысль о возсоединеніи уніатовъ зародилась самостоятельно и совершенно независимо отъ какихъ либо постороннихъ вліяній въ душѣ Іосифа Симашки, зародилась подъ вліяніемъ впечатлѣній дѣтства и при исключительныхъ условіяхъ его домашняго воспитанія, развивалась при дальнѣйшемъ образованіи и ознакомленіи съ исторіею римской и уніатской церкви и укрѣпилась при ближайшемъ знакомствѣ Симашки съ печальнымъ положеніемъ уніатской церкви, когда онъ сталъ сначала членомъ луцкой уніатской консисторіи, а потомъ членомъ римско-католической коллегіи по департаменту уніатскихъ дѣлъ, окончательно-же выражена имъ въ формѣ стройнаго проэкта въ запискѣ совершенно частнаго характера, написанной имъ въ ноябрѣ 1827 г. по поводу случайнаго разговора съ директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій Карташевскимъ, который, безъ вѣдома и согласія автора, передалъ ее министру просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ Шишкову, а этотъ представилъ государю Николаю Павловичу; во 2-хъ мысль эта, по тогдашнимъ нашимъ взглядамъ на присоединенныя отъ Польши провинціи и совершенному незнакомству съ ихъ исторіею и современнымъ составомъ и положеніемъ, не могла возникнуть въ правительственныхъ сферахъ и совершенно чужда была нашей недавней относительно ихъ политикѣ, по которой мы великодушно рѣшались возвратить ихъ нами-же возста-

новляемой Польшѣ, а потому въ своемъ развитіи и осуществленіи встрѣчала массу недоумѣній, колебаній и препятствій и если доведена до окончанія, то, какъ свидѣтельствуетъ авторъ Записокъ, единственно твердою волею имп. Николая, принявшаго ее съ сердечнымъ удовольствіемъ и, прибавимъ отъ себя, видѣвшаго вообще гораздо далѣе своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ политиковъ; въ 3-хъ, къ тому времени унія совершила свой недолгій историческій путь и уже подъ русскимъ владычествомъ приблизилась къ окончательному сліянію съ польско-католическою церковію, потому самою жизнію выдвигался теперь вопросъ о томъ, отдать-ли уніатовъ на жертву латинству и полонизму, или-же возвратить ихъ къ тому, чѣмъ они были прежде, а о выборѣ между тѣмъ и другимъ и вопроса быть не могло; въ 4-хъ подготовительныя дѣйствія къ возвращенію уніатовъ въ нѣдра прав. церкви (о сохраненіи самой уніи, обнаружившей полную свою историческую несостоятельность, не могло быть и рѣчи), по проэкту Симашки, были столь-же естественны, какъ и справедливы, и состояли въ отдѣленіи уніатовъ отъ общей римско-католической юрисдикціи, установленіи отдѣльнаго управленія уніатскою церковью, обновленіи состава высшей уніатской іерархіи свѣжими и надежными силами, въ очищеніи уніатскаго богослуженія отъ болѣе важныхъ латинскихъ примѣсей, а уніатскаго клира отъ ярыхъ папистовъ, возстановленіи въ уніатскомъ духовенствѣ сильно упавшей дисциплины, освобожденіи уніатскихъ школъ отъ надзора и гнета монаховъ-базиліанъ, постепенномъ перевоспитаніи въ духѣ намѣченной реформы и конечной ея цѣли какъ наличнаго священства, такъ и будущихъ пастырей церкви и наконецъ въ негласномъ, личномъ соглашеніи на дѣло возсоединенія выдающихся въ уніатскомъ клирѣ лицъ, съ отобраніемъ отъ нихъ письменныхъ въ этомъ росписокъ; въ 5-хъ самое возсоединеніе подраздѣлилось на два отдѣльные акта: возсоединеніе *de jure* и возсоединеніе *de facto*, изъ которыхъ первое состояло въ подписаніи представителями уніатской церкви соборнаго о семъ постановленія, утвержденіи онаго св. синодомъ и государемъ, но безъ оглашенія его и тѣмъ болѣе какихъ либо церемоній и обрядовъ, а второе совершалось постепенно, въ теченіи долгаго времени, и состояло въ подчиненіи возсоединившихся епископовъ и ихъ епархій вѣдѣнію и управленію св. синода, въ устроеніи уніатскихъ церквей и всей обрядности уніатской по чину православной церкви и постепенной замѣнѣ уніатскими епископами и священниками ихъ костюма и внѣшняго вида общимъ всему православному русскому духовенству. Собственно народъ, въ видѣ массы крестьянскаго уніатскаго населенія Бѣлоруссіи и Литвы, ничего не зналъ о задуманной и совершенной перемѣнѣ, пока не уви-

цѣлъ ее въ очію въ формѣ измѣненной обрядности, богослуженія и наружнаго вида своихъ пастырей и лишь самымъ дѣломъ вошелъ въ общеніе съ прав. церковью. Это вполнѣ совпадало и съ тогдашнимъ совершенно безправнымъ положеніемъ нашего крестьянства, и съ особымъ воззрѣніемъ уніатско-католической церкви и самаго Симашки, что въ дѣлѣ вѣры паства должна слѣдовать за своими пастырями.

Таковы существенныя данныя относительно памятнаго возсоединенія 1839 г., представляемыя разсматриваемымъ нами изданіемъ.—Почти половина Записокъ и приложеній къ нимъ заключаютъ не менѣе драгоцѣнный матеріалъ для исторіи утвержденія православія въ сѣверо-западномъ краѣ и возведенія его по внутреннему и наружному положенію на ту высоту, которая отвѣчала бы ему, какъ исповѣданію господствующему. Къ сожалѣнію, славная дѣятельность въ семъ отношеніи митр. Іосифа и его долгая неутомимая борьба съ препятствіями, лежавшими на этомъ пути, не обнимаются Записками во всей полнотѣ, такъ какъ самыя Записки доведены лишь до 1861 г., а смерть митр. Іосифа послѣдовала въ концѣ 1868 г. Перо автора Записокъ не коснулось послѣдняго 8-ми лѣтняго періода въ его жизни, когда ему пришлось переживать примирительную политику нашу предъ возстаніемъ 1863 г., быть свидѣтелемъ пламени возстанія, грозившаго истребить все дѣло рукъ его, порадоваться на короткое время пробужденію духа народнаго, торжеству надъ усиліями противниковъ, возстановленію въ самой резиденціи митрополита—Вильнѣ многихъ памятниковъ православія и закрыть глаза на вѣки при видѣ начинавшейся шутовской игры въ дружбу въ управленіе Потапова.

Впрочемъ и того, что даютъ намъ о жизни и дѣятельности митр. Іосифа изданныя теперь его Записки и приложенія, слишкомъ достаточно, чтобы получить ясное представленіе объ этомъ великомъ дѣятелѣ недавняго времени и опредѣлить его характеристическія черты. Сынъ »уніатина«, жителя с. Павловки, кіевской губерніи, липовецкаго уѣзда, ставшаго впослѣдствіи уніатскимъ священникомъ въ м. Илинцахъ, Іосифъ Симашко происходилъ изъ древней бѣлорусской дворянской фамиліи. Неизвѣстно, когда предки его перешли въ Украйну;. но уже дѣдъ его былъ священникомъ въ Павловкѣ,—въ такой степени уніатскимъ, что носилъ бороду и длинные волосы, а за приверженность къ русскимъ едва случайно избавился отъ польской висѣлицы. Мать Симашки и въ старости не знала польскаго языка, а отецъ его, занимавшійся до принятія священства въ 1811 г. чумачествомъ, не польскою, конечно, рѣчью пробавлялся, когда ходилъ въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбой; въ домѣ ихъ не слышалась польская рѣчь и языкомъ семьи былъ при-

родный малорусскій языкъ. »Родина моя, пишетъ митр. Іосифъ, была поприщемъ двухъ-вѣковой борьбы между малороссіянами, защищавшими свою вѣру и народность, и ихъ притѣснителями—поляками. Я слушалъ разсказы этого народа, прикрашенные ѣдкими сарказмами на своихъ притѣснителей, внималъ съ дѣтскимъ сочувствіемъ его стонамъ, и этотъ мѣстный духъ оставилъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе«. О страстной его любви къ народнымъ пѣснямъ мы знаемъ изъ разсказовъ свидѣтелей его дѣтства[1]) и самъ онъ говоритъ: »насъ дѣтей отецъ заставлялъ въ праздничное послѣобѣднее время пѣть малороссійскія пѣсни, подъ игру не безъискусную его скрипки«. »Но самое пламенное удовольствіе моего дѣтства, замѣчаетъ онъ далѣе, было слушать сказки. Я просиживалъ до полуночи, вставалъ съ первымъ пѣтухомъ, если кто изъ служителей потѣшитъ бывало меня сказкой. Самъ отецъ былъ мастеръ разсказывать и часто въ длинные зимніе вечера дѣлалъ намъ дѣтямъ это удовольствіе. Но удивительный разсказщикъ былъ безногій Ѳедько, который часто портняжилъ въ домѣ моихъ родителей. Этого я готовъ былъ слушать день и ночь, и когда впослѣдствіи читалъ о восточныхъ разсказщикахъ, то всегда представлялъ себѣ старого Ѳедька—его сказки хоть-бы вписать въ тысячу и одну ночь«. Съ другой стороны унія, въ которую по крещенію былъ записанъ будущій ея искоренитель, совсѣмъ не коснулась его въ дѣтствѣ. Симашко родился въ 1798 г., т. е. спустя четыре года послѣ того, какъ съ присоединеніемъ края къ Россіи народъ самъ оставилъ ненавистную унію. Мать Симашки водила его въ православную церковь, отецъ самъ посѣщалъ эту церковь, пока не сталъ уніатскимъ священникомъ. Учителемъ Іосифа былъ православный дьячекъ Бочковскій и если обучилъ его польскому чтенію, то лишь потому, что безъ этого нельзя было въ школы поступить. Въ домѣ отца были кое-какія книги. »Я перечитывалъ ихъ съ жадностію, пишетъ авторъ Записокъ; библію прочелъ три раза, римскую и англійскую исторію зналъ почти наизусть«. Къ гимназіи 12-лѣтній Іосифъ Симашко оказался настолько подготовленнымъ, что хотя поступилъ въ первый классъ, но нерѣдко былъ призываемъ во второй отвѣчать за лучшихъ учениковъ. Прилежаніе и память его были необыкновенны; во всѣхъ классахъ онъ шелъ первымъ. Но въ гимназіи царилъ непотизмъ, взяточничество; большинство учащихся были дѣти зажиточной польской шляхты, богатыхъ пановъ, квартировали у учителей; платившіе больше занимали первыя въ классѣ скамьи, уніаты-поповичи мѣстились на *Запорожьѣ*. Вдругъ распоря-

---

[1]) См. іюньск. кн. »Кіевск. Стар.« на 1884 г., стр. 334 и 335.

женіе изъ виленскаго университета, которому подчинены были гимназіи,— разсадить учениковъ по успѣхамъ, и уніаты-поповичи, числомъ семь, заняли первую скамью, а первымъ въ ряду ихъ сѣлъ Симашко. Съ годами и развитіемъ ослабѣла въ немъ память, но развилась способность и страсть къ математикѣ. Первымъ онъ оканчиваетъ курсъ гимназіи въ 1816 г. и переходитъ въ виленскій университетъ на богословскій факультетъ. Для воспитанниковъ этого факультета, католиковъ и уніатовъ, было особое помѣщеніе и учрежденіе, подъ названіемъ *Главной Семинаріи*. Здѣсь читались имъ уроки профессорами университета, здѣсь, въ этомъ общежитіи, на казенный счетъ, по особой системѣ велось ихъ воспитаніе и вся подготовка къ спеціальному служенію. Весь строй и духъ заведенія былъ ультра польско-католическій; но »думаю,—замѣчаетъ авторъ Записокъ,—ни въ одной православной академіи воспитанники не услышатъ о злоупотребленіяхъ римской церкви того, что я слышалъ тамъ; противъ православной церкви намъ ничего не говорили, вѣроятно боялись... и безъ предъубѣжденія противъ сей послѣдней выѣхалъ я изъ Вильны, напротивъ съ важными предъубѣжденіями противъ римской«. Духъ воспитателей и совоспитанниковъ былъ явно враждебный Россіи; русскихъ книгъ нигдѣ нельзя было достать, и когда товарищъ Симашки Антоній Зубко добылъ гдѣ-то № стариннаго журнала *Улей* и оба они накинулись на него въ классѣ въ виду товарищей, послѣдніе подняли шумъ: »развѣ такіе намъ нужны священники, которые забываютъ мать Польшу... сочувствуютъ Россіи?!«... Но былъ старикъ Чернявскій, профессоръ русской словесности. »Это, говоритъ авторъ Записокъ, была настоящая ходячая библіотека разнообразнѣйшихъ свѣдѣній о Россіи; анекдотически, безъ всякаго порядка, но занимательно, съ чувствомъ и душею разсказывалъ онъ вмѣсто урока все, что приходило ему на мысль о Россіи, ея исторіи, герояхъ, ея бытѣ народномъ. Много-бы нужно сочиненій, чтобы узнать то, что узналъ я тогда отъ него... Онъ поселилъ въ моемъ сердцѣ разумное предпочтеніе и любовь къ Россіи«.

Таковы были сѣмена, посѣянныя въ душѣ Симашки семьею и школою! Могли-ли они заглохнуть, могли-ли иной плодъ принести, чѣмъ какой принесли?

Окончивъ курсъ университета со степенью магистра богословія, Симашко, убѣжденный настоятельными совѣтами луцкаго епископа Іакова Мартусевича, рѣшился безженнымъ вступить въ уніатскій клиръ и принять службу въ луцкой уніатской консисторіи. »Я былъ дикъ для свѣта, пишетъ онъ въ своихъ Запискахъ, чуждъ всякихъ свѣтскихъ связей и равнодушенъ къ женитьбѣ... Если женюсь, если займусь хозяйствомъ, приходомъ, если придутъ семейныя заботы, что станется съ моими кни-

гами, куда обратится моя любовь къ чтенію и познаніямъ?« Быстро прошелъ онъ первыя священныя и служебныя степени, далеко раньше всякихъ сроковъ сталъ священникомъ и членомъ консисторіи; но тутъ же онъ увидѣлъ бездну, на краю которой стояла унія: требовалось не много времени, чтобы она поглощена была латинствомъ. Заговорили природные инстинкты, послышались вліянія дѣтства, поднялись соображенія яснаго, положительнаго ума.» Пусть ненавидятъ насъ православные русскіе,—они враги; за что-же обижаютъ *друзья?*« Зародившаяся душевная борьба усилилась въ Симашкѣ, по поводу переѣзда его въ Петербургъ на должность члена коллегіи, вѣдавшей католиковъ и уніатовъ. Повсюду въ Бѣлоруссіи и Литвѣ видѣлъ онъ до невѣроятія бѣдные, на сараи и амбары походившіе уніатскіе храмы, а за Великими Луками, въ долинѣ Ловати, насчиталъ 13-ть каменныхъ, чисто обѣленныхъ, подъ желѣзными крышами православныхъ церквей. Пріѣхалъ въ Петербургъ, тутъ храмы великолѣпные, богослуженіе прекрасное, пѣніе отличное..., тутъ же богатый латинскій костелъ, а для богослуженія уніатскаго, митрополичьяго »скудная бесѣдка«... А въ коллегіи, въ обоихъ департаментахъ, было полное господство латинства и полонизма, ловко опутывавшихъ своими сѣтями самое правительство русское; въ дѣлахъ царили полная несправедливость, пристрастіе, взяточничество. Самъ митр. Булгакъ былъ на сторонѣ римлянъ; въ коллегіи то и дѣло возникали проэкты, гибельные для уніатовъ. Совращенія уніатовъ шли десятками тысячъ. Твердость и смѣлость помогали Симашкѣ иное остановить, иное измѣнить, но удержать потокъ всепожирающей лавы было выше его силъ. Между тѣмъ, еще съ перваго пріѣзда своего въ Петербургъ онъ принялся изучать его; перебывалъ всюду, все пересмотрѣлъ, проникъ въ публичную библіотеку, у одного Глазунова въ одинъ первый годъ перечиталъ болѣе 400 книгъ, а ежегодно тратилъ на покупку ихъ по 100 р. Такъ прошло семь лѣтъ. Съ 1822 г. Симашко былъ протоіереемъ, съ 1823 каноникомъ, съ 1825 прелатомъ; предъ нимъ былъ архіерейскій санъ. Но въ душѣ его происходила невыносимая борьба. »Я давно уже, пишетъ онъ, убѣдился въ православіи восточной церкви, а между тѣмъ принадлежалъ къ западной. Я былъ членомъ, и не маловажнымъ, церкви русской, хотя и уніатской, а между тѣмъ долженъ былъ служить орудіемъ окончательнаго измѣненія оной въ латинскую. Я преданъ былъ Россіи сердцемъ и душой, а между тѣмъ считался для нея чуждымъ и принадлежавшимъ непріязненной для нея Польшѣ«... Борьба разрѣшилась рѣшительнымъ намѣреніемъ его принять православіе и монашество въ александро-невской лаврѣ. Симашко сталъ писать сочиненіе о православіи восточной церкви, довелъ до половины, какъ вдругъ случайная бесѣда съ Карташевскимъ и данная ему записка о

положенія уніи, о которыхъ мы выше упоминали,—и дальнѣйшая судьба Симашки измѣняется неожиданно и безповоротно.

Такъ совершился въ душѣ Симашки внутренній переворотъ, повлекшій за собою переворотъ всего уніатства, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію и первымъ годамъ жизни и службы.

Нуженъ былъ необычайно тонкій и проницательный, обширный и глубокій умъ, чтобы обнять судьбы уніи на всемъ историческомъ ея теченіи, сообразить силы противниковъ, изъ-за нея боровшихся, взвѣсить данныя прежняго и того времени и безъ предубѣжденія и пристрастія рѣшить, при какомъ исходѣ борьбы положеніе исповѣдниковъ уніи можетъ быть естественнѣе и счастливѣе; нужна была быстрая сообразительность, находчивость и практичность, что-бы въ одну ночь написать такой проэктъ возвращенія уніатовъ къ православію, отъ котораго правительство не отступило ни на шагъ до самой развязки всего дѣла. Требовались съ другой стороны необычайная сила воли, крѣпость убѣжденій, увѣренность въ своихъ силахъ и правотѣ дѣла, полное наконецъ самоотреченіе, чтобы бросить вѣрное, почетное и обѣщающее положеніе и пуститься на неизвѣстный, скользкій и опасный путь, способный привести къ полной неудачѣ и разочарованію. И таковы именно были умъ и характеръ Симашки. Чѣмъ далѣе шло, усложнялось и запутывалось дѣло возсоединенія, тѣмъ болѣе раскрывались его зоркость и проницательность, энергія, смѣлость и настойчивость и та особая гибкость, которая отличаетъ людей, стоящихъ между двухъ партій. Ему одновременно приходилось бороться съ коварствомъ и интригами уніатовъ и поляковъ, равнодушіемъ и недовѣріемъ православныхъ, иногда-жъ и съ ихъ не умѣлостію и незнаніемъ дѣла Въ крайнихъ случаяхъ онъ прибѣгалъ къ крайнимъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Смѣлость и прямота его были такъ велики, что одна записка его вызвала замѣчаніе имп. Николая Блудову: »это обвинительный актъ противъ тебя и меня.» Въ 1833 году, уже въ санѣ епископа и когда дѣло о возсоединеніи было въ ходу, но затормозилось отъ нерѣшительности Блудова, Симашко явился въ синодъ съ прошеніемъ о присоединеніи его лично къ православію, что равносильно было отреченію отъ дѣла, и хотя не подалъ прошенія, потому что не могъ дождаться оберъ-прокурора, который ввелъ-бы его въ присутствіе, но этимъ шагомъ рѣшительно подвинулъ дѣло впередъ. Тотъ же пріемъ и съ такимъ-же успѣхомъ онъ повторилъ въ 1836 г. и подвинулъ дѣло къ рѣшительной развязкѣ. Отказъ въ средствахъ для устройства возсоединенныхъ епархій и поднятія православія съ внѣшней стороны на подобающую ему въ центрѣ католицизма высоту, а также въ удовлетвореніи другихъ пред-

ставленій Симашки заставлялъ его выступать съ прошеніемъ объ отставкѣ, какъ было въ 1842, 46 и 51 г., и каждый разъ онъ выходилъ изъ затрудненія съ торжествомъ. Лично для себя онъ ничего не просилъ и ничего, кромѣ обычныхъ наградъ и пенсіи въ 6,000 р., не получалъ, отказавшись на отрѣзъ отъ возвышенія ея до 10,000 р. Но онъ былъ ревнивъ къ судьбѣ созданнаго имъ дѣла и отстаивалъ и поддерживалъ его цѣлость и зоркимъ наблюденіемъ за дѣйствіями противной партіи, и искусною политикою съ мѣстными и высшими властями, письмами, записками и изрѣдка печатными статьями. Положеніе его въ завоеванной имъ Вильнѣ и краѣ было всегда въ высшей степени напряженное и трудное и требовало особаго такта, умѣнья, хладнокровія и терпѣнія. Побѣжденные имъ противники не могли простить ему своего посрамленія и громаднаго урона, распускали о немъ небылицы, подкапывались подъ него со всѣхъ сторонъ. Въ то-же время русскіе администраторы играли не рѣдко въ руку польской партіи, по недомыслію и другимъ причинамъ, а ихъ чиновники, закупленные панами, и прямо дѣйствовали во вредъ ему. Съ другой стороны въ средѣ чиновныхъ русскихъ, особливо военныхъ, было не мало такихъ, которые и къ православію архіепископа и митрополита относились съ недовѣріемъ. Нашелся генералъ, который въ глаза ему назвалъ его служеніе неправославнымъ. Оказалось, что генералъ не зналъ архіерейскаго служенія и считалъ уніатствомъ все, что не сходствовало съ литургіею его полковаго священника. Высшее православное духовенство относилось къ Симашкѣ по временамъ неискренно, церемонно, почти недоброжелательно, опасаясь его новаго возвышенія и преобладанія. Особой мудрости и проницательности Симашки надо приписать то, что онъ предупредительно отклонилъ дважды готовившееся ему возвышеніе въ званіе первоприсутствующаго синода, въ видахъ преобразованія церковнаго управленія. Хотя онъ несомнѣнно могъ бы ввести новую струю въ эту сферу, всегда требовавшую нѣкотораго освѣженія; но въ складѣ его мыслей и церковно-практическихъ воззрѣній, въ самомъ образѣ его жизни было нѣчто такое, что могло возбудить противъ него и соархипастырей и самую паству его. Въ 1851 г. просясь въ отставку и опасаясь перемѣщенія, Симашко писалъ государю Николаю Павловичу: »Я не привыкъ къ обычаямъ, нравамъ и самымъ постамъ; не привыкъ къ заученымъ фразамъ и движеніямъ, которыя пріобрѣтаются только изъ дѣтства, и по необходимости покажусь страннымъ среди древне-православнаго населенія, а тѣмъ болѣе среди иноковъ«. Въ нашемъ церковномъ управленіи онъ всегда видѣлъ больше формы, нежели дѣла; сложившійся подъ многоразличными вліяніями образъ его жизни вовсе не походилъ на традиціонную жизнь нашихъ

іерарховъ. Митр. Іосифъ въ своихъ Запискахъ съ подробностію очерчиваетъ привычки и особенности своей жизни. Въ молодые годы, въ санѣ каноника и прелата онъ бывалъ въ театрѣ и отдѣлялъ на это 100 р. въ годъ, читалъ самыя разнообразныя книги, не пропускалъ и Вольтера, игралъ въ карты, хотя рѣдко на деньги; уже въ санѣ архіерея уніатскаго и православнаго, живя въ Жировицахъ, собиралъ у себя по вечерамъ служащихъ съ семействами, допускалъ при томъ музыку и танцы, »развлекался землевѣдѣніемъ, статистическими и политическими соображеніями, а также путями сообщеній« и астрономическими наблюденіями и вычисленіями, любилъ произведенія свѣтской живописи и украшалъ ими свои комнаты въ Вильнѣ и Тринопольской дачѣ, до конца жизни дважды въ недѣлю дѣлился часами досуга съ семьею сестры своей Елены, жены каѳедральнаго протоіерея Гомолицкаго, допускал невинное развлеченіе музыкою и пѣніемъ, а на дачѣ игрою и прогулками съ дѣтьми и стряпаньемъ общими силами ужина въ оврагѣ, надъ прудомъ. Привычку къ польскому языку онъ сохранилъ до послѣднихъ дней, но употреблялъ оный лишь съ самыми близкими людьми. Съ переходомъ Симашки въ Вильну, отношеніе его къ постороннимъ было, по его словамъ, »нѣсколько офиціальное, этикетальное, а въ такомъ положеніи, прибавляетъ онъ, освѣжительнаго развлеченія не найдешь«. »На артистическія произведенія издержалъ я по крайней мѣрѣ 10,000 р. с. Меня, кажется, обвиняли за это, а я не могъ понять, какъ другіе могутъ довольствоваться образами, и то еще безобразными. Вы, господа, обращаетесь съ живымъ міромъ, говорилъ я инымъ; не удивляйтесь, что я любуюсь имъ хотя въ картинахъ«. Достойно замѣчанія, что достигши высшихъ почестей и удобствъ жизни, митр. Іосифъ, какъ истый украинецъ, идеаломъ счастья поставлялъ для себя уединенный домикъ, садикъ, прудъ и комнату съ книгами.

Говоря объ авторѣ разсматриваемыхъ Записокъ, не можемъ не сдѣлать въ заключеніе одного историческаго сопоставленія, которое напрашивается, такъ сказать, само собою. За три четверти вѣка предъ возсоединеніемъ бѣло-русско-литовскихъ уніатовъ бѣлорусецъ Георгій Конисскій, архіепископъ могилевскій, своимъ ораторскимъ талантомъ и энергическимъ ходатайствомъ въ Варшавѣ и Петербургѣ поддержалъ Украйну въ борьбѣ ея съ уніею и католичествомъ; теперь Украйна дала Бѣлоруссіи и Литвѣ дѣятеля, который помогъ имъ снять съ себя тѣже вѣковыя оковы и возвратиться къ единой вѣрѣ отцевъ.

Собственно объ изданіи говорить нечего; оно безъукоризненно: но цѣна его, 12 р. за 3, хотя и большіе, тома, непомѣрно высокая. Матеріальная стоимость изданія, безъ сомнѣнія, не вынуждала къ назначе-

нію такой цѣны академію наукъ, получившую на это изданіе, по завѣщанію автора, пятитысячный непрерывно доходный билетъ съ процентами—вѣроятно съ 1862 г., т. е. составленія завѣщанія и опредѣленія этой суммы. **А. Н.**

Андріевскій Л.г. Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 6-й. Кіевъ. 1884 года. 225 стр. Цѣна 50 коп.

Изданіе г. Андріевскаго, шестой выпускъ котораго теперь передъ нами, принадлежитъ къ числу тѣхъ скромныхъ, но кропотливыхъ работъ, которыя, не производя въ обществѣ шума и не дѣлая громкой славы издателю, тѣмъ не менѣе приносятъ несомнѣнную и весьма важную пользу для науки. Отряхнуть отъ тлѣющихъ архивныхъ хартій пыль и грязь, извлечь и спасти изъ груды канцелярскихъ переписокъ все, что можетъ намъ освѣтить общественную и бытовую обстановку нашего прошлаго и тѣмъ восполнить пробѣлъ въ нашей исторіографіи,—это трудъ не легкій, не видный, мало благодарный, но тѣмъ не менѣе полезный и важный. Мы съ удовольствіемъ встрѣчаемъ каждый выпускъ изданія г. Андріевскаго и отъ души желаетъ ему успѣха на этой почвѣ.

Читатели »Кіевской Старины« знакомы съ характеромъ изданія по рецензіямъ на прежніе выпуски, а потому я ограничусь только указаніемъ на содержаніе шестого выпуска. Онъ посвященъ главнымъ образомъ г. Кіеву и отчасти его окрестностямъ.

Изъ двѣнадцати отдѣловъ разнообразныхъ матеріаловъ большую половину выпуска занимаютъ послѣдніе два, относящіеся къ питейному вопросу. Въ первомъ изъ нихъ: »Казенные кабаки и корчемство« изложены *in extenso* нѣсколько дѣлъ, возбужденныхъ въ 1738—1754 г.г. о кражѣ денегъ въ казенныхъ кабакахъ и о корчемствѣ отставныхъ солдатъ. Во второмъ (12-омъ) отдѣлѣ: »борьба кіевскаго магистрата съ »неуказнымъ на подступъ мѣсту шинкованіемъ« изложены девятнадцать дѣлъ 1743—1757 годовъ, возникшихъ по поводу нарушеній козаками, проживавшими въ Кіевѣ, и кіевскими монастырями привиллегіи, по которой предоставлялось кіевскому магистрату исключительное право продажи хлѣбнаго вина распивочно и на выносъ въ особыхъ шинковыхъ домахъ въ »нижнемъ городѣ Кіевѣ на Подолѣ«. Дѣла эти возникали или вслѣдствіе ходатайствъ магистрата о закрытіи постороннихъ шинковъ, или же по жалобамъ монастырей и козаковъ на магистратскихъ »потыжниковъ« и др. урядниковъ за учиненные ими »гвалты, бои и пр.«.

Въ остальныхъ десяти отдѣлахъ матеріалъ довольно разнообразный. Для исторіи землевладѣнія въ прошломъ столѣтіи и для топографіи немалый интересъ представляютъ дѣла по взаимнымъ спорамъ изъ за раз-

ныхъ грунтовъ между монастырями и между этими послѣдними и магистратомъ. Мирныя обители, по общему унаслѣдованному отъ прежнихъ временъ обычаю, прибѣгали иногда къ »гвалтовному« занятію спорныхъ участковъ, какъ это напр. случилось въ 1725 г. въ спорѣ о правѣ на островъ Муромецъ между Днѣпромъ Черторыемъ, когда игуменъ троицкаго монастыря, прогнавъ чиновника, посланнаго отъ ген. губ. канцеляріи, »самовольно и насильно сѣна до щенту восемь скиртъ заграбилъ и перевозилъ на свой берегъ подъ село Троетчину«.

Далѣе не лишены интереса для исторіи промышленности свѣдѣнія о кожевенномъ промыслѣ въ г. Кіевѣ и раскольничьихъ слободахъ въ 1766 г. По именному указу его императорскаго величества были потребованы отъ кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова справки о выдѣлываемыхъ кожахъ, ихъ цѣнности и сбытѣ. Изъ репортовъ оказалось, что »какъ въ самомъ здѣшнемъ городѣ Подолѣ, такъ и въ присутственномъ къ оному подгородьѣ Преоркѣ, Сырцѣ и Куреневщинѣ кожевныхъ фабрикъ никогда не было и нынѣ не состоитъ«, но нашлись »партикулярные мѣщанскіе 22 дома, въ которыхъ сырыя кожи выдѣлываются«. Кромѣ кожъ мѣстнаго убоя, кожемяки скупали еще въ Малороссіи, но выдѣланныя кожи въ отпускную торговлю не шли, а потреблялись на мѣстѣ.

Весьма любопытенъ представленный въ 1747 г. въ кіевскую генералъ-губернаторскую канцелярію кіевскимъ полицмейстеромъ Акимомъ Литвиновымъ проэктъ организаціи въ Кіевѣ полицейскаго надзора. Надзоръ этотъ касался только »великороссійскаго народа людей«, такъ какъ по указу отъ 9 апрѣля 1734 г. »до нижняго города Кіева, прозываемаго Подола, гдѣ только малороссійскаго народа люди особливое жительство имѣютъ, дѣйствительно подъ гетманскимъ регументомъ, и вѣдомы они въ кіевскомъ магистратѣ, кіев. полицмейстерской конторѣ интересоваться не велѣно«. Въ проэктѣ играетъ главную роль вопросъ о безпаспортныхъ людяхъ. Въ утѣшеніе нынѣшнихъ кіевскихъ домовладѣльцевъ, платящихся часто за несвоевременную прописку видовъ, можемъ привести слѣдующую выдержку изъ проэкта: »когда-жъ кто къ себѣ жить пуститъ, оныхъ объявлять подъ опасеніемъ за необъявленія съ обывателей взятія штрафа 50 рублевъ въ годъ«.

Въ 1738 г. по указамъ изъ кабинета его императорскаго величества о сысканіи въ кіево-межигорскомъ монастырѣ янтаря, дѣлались сначала подъ наблюденіемъ капитана Веревкина, а затѣмъ присланнаго изъ генералъ-бергъ директоріи саксонца Питера Пикарта въ продолженіи цѣлаго лѣта раскопки »янтарной руды«. Янтарь дѣйствительно былъ найденъ, но въ весьма маломъ количествѣ и въ мелкихъ кускахъ, а потому »штенгеръ« Пикартъ былъ отозванъ, причемъ велѣно ему привезти найденный янтарь и »такожъ, въ которыхъ мѣстахъ оной янтарь лежалъ, изъ нихъ взять по нѣкоторой части для признаку каждаго слоя земли съ яснымъ описаніемъ«. Ц. Н.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ЛЮБОПЫТНАЯ КНИЖИЦА КОНЦА XVIII СТ.

Разнообразный и обширный составъ южно-русской библіографіи прежнихъ временъ далеко еще не опредѣленъ даже простымъ перечневымъ порядкомъ и едвали скоро будетъ исчерпанъ. Интересующемуся южно-русскими изданіями прежняго времени приходится нерѣдко встрѣчаться съ новинками, о которыхъ онъ не мечталъ. Въ частныхъ библіотекахъ и архивахъ, на чердакахъ деревенской глуши попадаются остатки разнообразныхъ изданій, потерявшихъ нынѣ всякое практическое значеніе для своихъ владѣльцевъ, но бросающіе все новые лучи свѣта на наше прошлое въ его культурныхъ и бытовыхъ проявленіяхъ.

Къ числу такихъ остатковъ относится и книжица, съ которою желаю познакомить читателя. Это сборникъ разныхъ секретовъ и лечебныхъ средствъ, необходимыхъ въ »господарствѣ«. Принадлежитъ онъ теперь проф. В. Б. Антоновичу; печатанъ въ 16-ю долю листа; переплетъ недавній, но истрепанный, свидѣтельствуетъ о долгомъ употребленіи книги; заглавнаго листа нѣтъ и потому ни мѣсто, ни годъ изданія, ни имя автора неизвѣстны. По шрифту, бумагѣ и предисловію можно заключить, что книжка напечатана во второй половинѣ XVIII ст., въ одной изъ типографій правобережной Украины; въ предисловіи неизвѣстный авторъ прямо говоритъ, что она напечатана для »поспольства Волынскаго, Кіевскаго, Подольскаго и Брацлавскаго воеводствъ«. Кромѣ заглавнаго листа

въ книжкѣ не достаетъ еще нѣсколькихъ страницъ: послѣ 96-ой слѣдуютъ стр. 103—108, но и изъ нихъ видно, что книга безъ конца.

Предисловіе на польскомъ языкѣ и занимаетъ 6 страницъ, а затѣмъ слѣдующее малорусское заглавіе, печатанное славянскимъ шрифтомъ:

»*Книжиця для господарства, указующая, якъ ратовати въ хоробахъ всякую скотину, то есть, конь, воли, овцѣ, козы, свинѣ, якъ бѣлити полотно, якъ боронити пашнѣ отъ саранчи, якъ ратоватися отъ джумы, якъ губыти гусеницю отъ капусты, якъ ловиты рыбу, якъ губыти мыши и щурѣ, якъ ратовати скаженіи собаки, якъ ратовати людей, которыхъ собаки скаженіи покусали, якъ ратовати человѣка, который не въ давномъ времени зъ ума зыйдетъ.*

Все содержаніе книги состоитъ изъ наставленій на всѣ показанные случаи. Наставленія изложены по малорусски; напечатаны славянскимъ шрифтомъ; на послѣднихъ шести страничкахъ помѣщены нѣкоторыя изъ тѣхъ же наставленій шрифтомъ польскимъ.

Приведемъ въ русскомъ переводѣ польское предисловіе; оно ознакомитъ насъ съ цѣлью изданія книжки, ея значеніемъ и назначеніемъ.

»До сихъ поръ издаваемы были книги разныхъ лекарствъ языкомъ и шрифтомъ польскимъ. Можно безошибочно утверждать, что чтеніе и разноска такихъ книгъ въ нашемъ русскомъ краѣ не приносили никакой или весьма малую пользу: книги попадали всегда въ руки землевладѣльцевъ поляковъ, въ руки пановъ, а они прочитавъ однажды ради любопытства или желанія развлечься отъ праздности, болѣе не имѣли побужденія въ нихъ заглядывать, будучи заняты свойственными ихъ состоянію забавами, которыя не оставляли времени для испытанія на дѣлѣ совѣтовъ, какъ подавать помощь больнымъ животнымъ.—Вслѣдствіе этого печатаемъ Книжечку лекарствъ для скота, лошадей, овецъ и пр., переведенную изъ польскихъ и другихъ авторовъ на языкъ русскій, обыкновенно употребляемый и понимаемый польскимъ простонародіемъ въ воеводствахъ волынскомъ, кіевскомъ, подольскомъ и брацлавскомъ. Мы употребили даже шрифтъ славянскій, т. е. русскій, какъ знакомый большей части простого народа и такой, которому народъ легче можетъ обучиться«. — »По этому,

мы можемъ разсчитывать, что польскіе подданные, занятые преимущественно земледѣліемъ, зная, что ихъ рабочій скотъ: волы и лошади и часть ихъ имущества, состоящая изъ коровъ, овецъ и свиней, необходимы для ихъ работъ и жизненныхъ потребностей, будутъ со вниманіемъ читать такую книжечку и тѣмъ охотнѣе будутъ ей слѣдовать, что она обѣщаетъ имъ пользу и отвѣчаетъ ихъ требованіямъ«.

»Каждое село въ нашемъ краѣ нуждается въ достаточномъ количествѣ лошадей и воловъ, однако въ сотомъ развѣ селеніи можно розыскать человѣка, который, въ случаѣ заболѣванія лошади или вола, съумѣлъ-бы подать помощь.—Поэтому кстати будетъ предложить всѣмъ владѣльцамъ городовъ и селъ, чтобы они заставляли своихъ подданныхъ смолоду упражняться въ русскомъ чтеніи, чтобы давались имъ для чтенія такія книги, въ которыхъ изложены хозяйственные совѣты, какъ напр. настоящая о поданіи помощи больнымъ животнымъ. При этомъ условіи, можно надѣяться, мы имѣли-бы въ скоромъ времени отличныхъ хозяевъ, опытныхъ въ уходѣ за разнымъ скотомъ, отличныхъ коноваловъ, полезныхъ слугъ и конюховъ при стадахъ и конюшняхъ, а отъ сего быстро развилась-бы торговля и благосостояніе края«.

»Но чтобы молодежь простонародія дошла до того, что съумѣла-бы читать и исполнять предписанія и совѣты, вы священники обряда греческаго (Ritus Graeci) и всѣ настоятели изъ любви къ ближнему и къ ввѣренной вашему управленію паствѣ, предпишите своимъ церковнымъ дедаскаламъ, чтобы въ приходскихъ школахъ дѣтямъ, набраннымъ для обученія чтенію книгъ, печатанныхъ на славянскомъ языкѣ, и эту также книжечку для упражненія давали.—Вѣдь и вы почтенные (zacni) настоятели греческаго обряда должны стараться о преуспѣяніи блага отечества.—Хотя эта книжечка и не содержитъ въ себѣ ничего возвышеннаго, однако проникнута она надеждой на общественную пользу, преслѣдуетъ ту цѣль, чтобы бѣдные люди, которыхъ судьба не надѣлила состояніемъ, достаточнымъ для содержанія ихъ и ихъ дѣтей, будучи опытными въ леченіи домашнихъ животныхъ, могли найти средства къ жизни«.

»Въ этой книжкѣ приложены и нѣкоторые хозяйственные секреты, полезные какъ для народнаго здравія, такъ и для удобства; они полезны не менѣе первыхъ, а именно: о ловлѣ рѣчныхъ

рыбъ, о выбѣлкѣ полотна, о предосторожности отъ змѣй, заразы, саранчи; о посадкѣ и прищепкѣ плодовыхъ деревьевъ, о посѣвѣ лѣсныхъ деревъ и о поданіи помощи на случай пожара въ городахъ и селахъ. Все, заключающееся въ этомъ маломъ сборникѣ, можетъ показаться кому либо недостаточнымъ; но желающимъ открывается поле для просвѣщенія простого и бѣднаго люда въ ихъ нуждахъ съ помощію подобнаго изданія правилъ на разные случаи; къ этому по всей вѣроятности можетъ побуждать не одного изъ польскихъ соотечественниковъ стремленіе быть полезнымъ въ этой или другой мѣрѣ своему народу ‹.

Какъ видимъ, авторъ предназначалъ свою книжицу для простого народа во имя просвѣщенія во имя блага народа и отечества. Предлагаемые имъ совѣты и наставленія извлечены изъ польскихъ и другихъ авторовъ и расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала указываются лекарства противъ болѣзней лошадей, потомъ воловъ, далѣе овецъ и свиней; за тѣмъ слѣдуютъ разные хозяйственные секреты и домашнія средства противъ болѣзней людей, а въ концѣ помѣщено нѣсколько статсекъ, посвященныхъ садоводству.

Въ ряду совѣтовъ и средствъ, изложенныхъ въ книжкѣ, много такихъ, которые теперь уже покажутся несостоятельными и даже наивными, но въ большей части они основаны на разумныхъ соображеніяхъ или же на опытѣ и чужды суевѣрія и предразсудковъ, которыми руководствуется знахорство, нѣкоторые же совѣты, особенно въ отдѣлѣ о лошадяхъ, о прививкѣ деревьевъ и пр., до сихъ поръ съ успѣхомъ могли-бы быть примѣняемы.

Изъ числа рецептовъ наивныхъ и курьезныхъ, приведемъ слѣдущіе четыре:

1) *На слиногуръ.* Слиногуръ значится болячка въ горлѣ конскомъ, отчого и языкъ пухне, на тое треба лѣтнои воды и положивши коня, треба лляти на языкъ и въ губу, щобъ загрѣвся языкъ и губа, а заразъ воловою жовчею патерти языкъ и губу, а при томъ не давати нѣчого иншого ѣсти, тилко ячмѣнь перевѣяній и отовчаній з салѣтрою пѣвтора лута (ст. 44).

2) *Якъ тіи робаки губити, которіи на древѣ въ садахъ листъ и цвѣтъ объѣдаютъ?* Рибу якуколвякъ росплатай въ штуки, покрай

и помочи въ водѣ, нехай мокне чрезъ день *е*динъ, накривши, и тою водою кропи всѣ древа що дня, зробивши кропило зъ соломы (ст. 88).

3) *Коли зуби болятъ, якъ ратоватися.* Лучину смолную вари з оцтомъ, и тимъ губу часто полощи, а хрѣну утерши на тертцѣ, приложи на руку до локтя с противной сторони, з которой зубы не болятъ (ст. 86).

4) *Якъ ратовати человѣка, которій недавно з ума зыйде?* Тому человѣкови треба пустити з ноги *е*дной кровъ рано, з другой ноги въ вечеръ, а заразъ хустку въ зимную воду умочивши, на каркъ *е*му прикладати уставичне чрезъ день и ночь, а на ночь давати *е*му салѣтри в водѣ наперстокъ, тожъ и на рано (ст. 84).

Въ языкѣ книжки обращаетъ на себя вниманіе совершенное отсутствіе вліянія языка церковно-славянскаго; это простая малорусская рѣчь, испещренная по мѣстамъ полонизмами и то главнымъ образомъ въ техническихъ словахъ. Употребленіе глаголовъ въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа настоящаго времени всегда съ твердымъ окончаніемъ, напр. робля*тъ*, боля*тъ*, даетъ поводъ думать, что авторъ былъ подъ вліяніемъ подольскаго говора.

Интересно было бы разрѣшить вопросъ о національности автора. Польскій языкъ въ предисловіи самъ по себѣ не даетъ еще основанія считать автора непремѣнно полякомъ; по польски говорили и писали тогда и малороссіяне; но на польское происхожденіе автора указываютъ: тонъ предисловія, названіе: *pospólstwo polskie* и эти заботы его о благѣ народа польскаго, отечества польскаго, очень напоминающія настроеніе лучшей части польскаго общества во времена упадка Рѣчи Посполитой, настроеніе, выразившееся въ Коллонтаевскомъ движеніи и конституціи 3-го мая, проникнутыхъ надеждой на спасеніе съ помощію поднятія уровня нравственнаго и матеріальнаго положенія народа.

Ц. Г. Нейманъ.

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ОТКРЫТІЮ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА И ПРАВИЛА ПОСТУПЛЕНІЯ ВЪ ОНЫЙ.

Жизнь отодвинула насъ отъ этого сравнительно недавняго событія. Много-ли въ живыхъ осталось свидѣтелей этого торжества, которые могли-бы разсказать намъ, какъ оно происходило, какія

думы, чувства, надежды будило,—не въ тѣхъ, что устрояли празднество и распоряжались имъ,—они исполняли лишь свой служебный долгъ, и не въ тѣхъ, что призывались къ участію въ немъ,—едвали оно было имъ по сердцу, но въ томъ коренномъ населеніи и Кіева и края, которое удалено было цѣлымъ ходомъ исторіи отъ участія въ этомъ торжествѣ, которому не было на немъ мѣста и предъ которымъ долго еще закрыты были двери открывавшагося тогда святилища наукъ?

Существовали, и уже давно, университеты въ Москвѣ и Петербургѣ; былъ университетъ въ Харьковѣ, даже въ Вильнѣ; еще въ прошломъ столѣтіи проэктировалось не разъ учрежденіе университета въ Глуховѣ и Батуринѣ, а въ началѣ нынѣшняго даже въ Новгородъ-Сѣверскѣ. О Кіевѣ, какъ мѣстѣ для университета, упоминалось подъ конецъ царствованія Екатерины и въ началѣ царствованія Александра I, но самаго университета дождался онъ въ тотъ годъ, когда отмѣнены были для его чиновниковъ польскіе мундиры, прекращено дѣйствіе магдебургскаго права и замазаны въ великой церкви кіево-печерской лавры портреты великихъ кіевскихъ князей и гетмановъ малороссійскихъ. Но такова была историческая судьба столицы равно-апостольнаго Владиміра, колыбели просвѣщенія, матери градовъ русскихъ, что даже на открытіи здѣсь первой гимназіи, въ памятный 1812 годъ, митрополитъ, генералъ-губернаторъ и прочія русскія власти угощены были подъ рядъ тремя польскими рѣчами и только четвертую, послѣднюю, сказалъ директоръ Мышковскій на россійскомъ уже діалектѣ [1]).

Скоро университетъ св. Владиміра празднуетъ 50-лѣтній юбилей своей жизни. Открытіе университета происходило 15 іюля 1834 г., начало ученія 15 августа того-же года, въ промежуткѣ шелъ пріемъ студентовъ, юбилейное-же торжество совершится 8 сентября сего года. Но если воображеніе способно будетъ перенести участниковъ сего послѣдняго торжества за 50 лѣтъ, то не встрѣтитъ оно затрудненія перенести ихъ и еще за нѣсколько дней назадъ, ибо на то у него есть крылья.

Въ газетахъ появляются уже воспоминанія о прежней жизни университета св. Владиміра, печатаются приглашенія ко дню юбилей-

---

[1]) См. въ этой же книжкѣ стр. 449.

наго торжества. Умѣстно будетъ ознакомить читающую публику съ приглашеніемъ къ открытію самаго университета и правилами поступленія въ оный, какъ они опубликованы были въ печатныхъ экземплярахъ 50 лѣтъ назадъ, въ 1834 г. Эти два письменные памятника того времени, въ такой степени мало значительные, что получавшіе ихъ тогда же употребляли ихъ на обертку сальныхъ свѣчей и на другія надобности, говорятъ кое-что объ этомъ-же времени, отъ нихъ вѣетъ также исторіею. Приглашается къ торжеству открытія университета св. Владиміра, въ день посвященный его памяти, *почтеннѣйшее Сословіе Дворянства* нынѣшнихъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края, а поступающіе въ университетъ обязываются представлять свидѣтельство о *свободномъ* состояніи. Изъ кого-же состояло, какой національности принадлежало это »почтеннѣйшее сословіе«, въ качествѣ любителя отечественнаго просвѣщенія, приглашавшееся »быть *свидѣтелями* столь важнаго для края событія«, и кто эти *свободные* состояніемъ, для которыхъ однихъ открытъ былъ доступъ въ храмъ наукъ? Пояснять это едва-ли есть надобность;—слишкомъ извѣстны тогдашній составъ дворянства юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерній (мы не понимаемъ только, какъ въ число ихъ попала губернія черниговская) и нашъ тогдашній государственно-общественный строй. Скажемъ развѣ, что мѣстное русское купечество въ то время почти не существовало, а и существовавшее сторонилось даже отъ гимназіи, держась правила, что не книга кормитъ брюхо; что-же касается дѣтей священно и церковно-служителей, то для поступленія какъ въ гимназію, такъ и въ университетъ они должны были увольняться изъ духовнаго званія, приписываться въ мѣщане или крестьяне и за тѣмъ брать удостовѣренія отъ ихъ обществъ, что они будутъ платить за нихъ подать и пр. и не препятствуютъ учиться. Если въ университетъ св. Владиміра допускались тогда, въ качествѣ студентовъ, чиновники, служащіе и отставные, то опять сказать надо, что чиновниковъ русскихъ въ обоихъ краяхъ въ то время можно было по пальцамъ счесть. Какъ особенность программы вступительныхъ экзаменовъ можно отмѣтить требованіе, чтобы поступающій въ университетъ »излагалъ свои мысли на латинскомъ языкѣ, безъ грамматическихъ ошибокъ«.

Приводимъ текстъ и приглашенія и правилъ по печатному экземпляру 1834 г.

Объявленіе о торжественномъ открытіи императорскаго университета св. Владиміра.

Его императорское величество, всемилостивѣйшій государь нашъ въ непрестанномъ попеченіи о благѣ народовъ, провидѣніемъ Ему ввѣренныхъ, желаетъ насадить и распространить между ними просвѣщеніе истинное, утвержденное на основаніяхъ святой вѣры, которое одно упрочиваетъ благоденствіе человѣческихъ обществъ. Равно благотворящій всѣмъ своимъ подданнымъ, соизволилъ онъ повелѣть учредить въ западныхъ губерніяхъ Россіи учебное заведеніе, имѣющее цѣлію развитіе высшаго образованія, основаннаго на благихъ началахъ, правительствомъ предписанныхъ.

Основанія сего учрежденія подробно изложены въ обнародованныхъ высочайшихъ указахъ и постановленіяхъ: здѣсь излагается вкратцѣ ихъ содержаніе.

Учреждаемый въ семъ краю университетъ, преобразованный изъ Волынскаго лицея, предназначенъ преимущественно для образованія губерній: кіевской, волынской и подольской; наслѣдственное усердіе жителей оныхъ къ пользѣ просвѣщенія упрочило и на будущія времена благосостояніе учебныхъ заведеній сего края.

Мѣстомъ учрежденія сего заведенія избранъ г. Кіевъ, столица святаго равноапостольнаго князя Владиміра, гдѣ впервые возсіялъ и откуда разлился въ предѣлы древней Россіи свѣтъ истинной вѣры. Да предзнаменуетъ сіе избраніе успѣхи новаго разсадника просвѣщенія, въ духѣ благочестія и нравственности!

Открываемый университетъ наименованъ: императорскимъ университетомъ св. Владиміра, въ память великаго просвѣтителя Россіи, и удостоенъ принятія подъ особое покровительство его императорскаго величества.

Университету св. Владиміра дарованы всѣ права и преимущества, какія предоставлены прочимъ университетамъ въ государствѣ. Ему присвоены всѣ доходы съ фундушей и капиталовъ, пожертвованныхъ дворянствомъ и другими сословіями кіевской, волынской и подольской губерній для волынскаго лицея и кіевской гимназіи; по недостатку же сихъ средствъ, всемилостивѣйше повелѣно увеличить оныя значитель-

ными пособіями изъ общихъ государственныхъ доходовъ, соразмѣрно потребностямъ на содержаніе университета.

Вмѣстѣ съ отмѣненіемъ предположенія объ учрежденіи лицея въ г. Оршѣ, по неимѣнію въ бѣлорусскомъ учебномъ округѣ высшаго учебнаго заведенія, высочайшимъ указомъ предоставлено юношеству губерній, въ составъ сего округа входящихъ, получать окончательное образованіе въ университетѣ св. Владиміра; на каковой конецъ суммы, на построеніе лицея въ г. Оршѣ назначенныя, обращены на возведеніе зданій университета св. Владиміра.

Таковы благодѣтельныя мѣры правительства! Благотворныя намѣренія его клонятся къ распространенію истиннаго просвѣщенія въ семъ краю. Да увѣнчаются попеченія Николая I-го о благѣ тысячи народовъ, промысломъ ему ввѣренныхъ, полнымъ успѣхомъ!

Основаніе университета въ семъ краю сопряжено было съ толикими затрудненіями, что открытіе его въ нынѣшнемъ году, по общему мнѣнію жителей сихъ странъ, казалось невозможнымъ. Попеченія господина министра народнаго просвѣщенія, Сергія Семеновича Уварова, при просвѣщенномъ участіи г. кіевскаго военнаго, волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора, много содѣйствовали къ преодолѣнію сихъ препятствій,—и предначертанія правительства готовы быть приведены въ исполненіе. Проектъ университета св. Владиміра уже составленъ и удостоился высочайшаго утвержденія; возникающему заведенію доставлены всѣ пособія, отъ высшаго училищнаго начальства зависящія; важнѣйшія каѳедры его замѣщены; совѣтъ и правленіе университета вступили въ исполненіе своихъ обязанностей, и университетскіе курсы будутъ начаты 15 августа сего года.

Такимъ образомъ совѣтъ императорскаго университета св. Владиміра, съ разрѣшенія г. попечителя онаго, симъ честь имѣетъ извѣстить почтеннѣйшее сословіе дворянства губерній: кіевской, волынской, подольской, черниговской, какъ равно и губерній, принадлежащихъ къ бѣлорусскому учебному округу: витебской, могилевской, минской, виленской, гродненской и бѣлостокской области, что торжественное открытіе университета св. Владиміра послѣдуетъ 15 іюля сего года, въ день, посвященный памяти св. равноапостольнаго князя Владиміра.

Объявляя о семъ, совѣтъ университета позволяетъ себѣ надѣяться, что какъ всѣ любители отечественнаго просвѣщенія вообще, такъ и особенно тѣ, кои своими пожертвованіями доказали на опытѣ свое усердіе къ пользамъ онаго,—пожелаютъ быть свидѣтелями сего важнаго для здѣшняго края событія.

При семъ прилагаются: высочайше утвержденное постановленіе о распредѣленіи учебныхъ предметовъ по факультетамъ и правила для принятія студентовъ въ университетъ.

1834 года. Г. Кіевъ.

Высочайше утвержденное постановленіе о распредѣленіи учебныхъ предметовъ по факультетамъ.

Университетъ св. Владиміра составленъ изъ двухъ факультетовъ: философскаго и юридическаго. Философскій раздѣляется на два отдѣленія.

Въ составъ философскаго факультета входятъ слѣдующія каѳедры:

I-е ОТДѢЛЕНІЕ.

1) Философія.
2) Греческая словесность и древности.
3) Римская словесность и древности.
4) Россійская словесность.
5) Всеобщая и россійская исторія и статистика.

II-е ОТДѢЛЕНІЕ.

1) Чистая и прикладная математика.
2) Астрономія.
3) Физика и физическая географія.
4) Химія.
5) Минералогія и геогнозія.
6) Ботаника.
7) Зоологія.
8) Технологія, сельское хозяйство, лѣсоводство и архитектура.

Въ факультетѣ юридическомъ преподаются:

1) Общее систематическое обозрѣніе законовѣденія, или такъ называемая энциклопедія правъ.

2) Основные законы и учрежденія россійской имперіи, законы о состояніяхъ людей въ государствѣ.

3) Россійскіе гражданскіе законы какъ общіе, такъ и особенные, какъ то: кредитные, торговые и о фабрикахъ, со включеніемъ и тѣхъ мѣстныхъ законовъ, кои дѣйствуютъ въ нѣкоторыхъ токмо губерніяхъ.

4) Россійскіе уголовные законы.

5) Законы благочинія.

6) Законы о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ.

7) Римское законодательство въ соединеніи съ исторіею его какъ внутреннею, такъ и внѣшнею.

Сверхъ того, для догматической и нравоучительной богословіи, церковной исторіи и церковнаго права, опредѣляются двѣ особыя непринадлежащія къ факультетамъ каѳедры: одна для студентовъ греко-россійскаго, а другая для студентовъ римско-католическаго исповѣданія.

Въ университетѣ будутъ преподаваться языки:

1) Французскій.

2) Нѣмецкій.

3) Италіянскій.

4) Польскій.

Свободныя искусства:

1) Рисованіе.

2) Фехтованіе и волтижированіе.

3) Музыка.

4) Танцованіе и

5) Верховая ѣзда.

Правила для принятія студентовъ въ университетъ.

1. Всѣ желающіе поступить въ университетъ должны выдержать предварительное испытаніе, при чемъ одобрительныя свидѣтельства гимназій принимаются въ особое уваженіе и даютъ право предстать на экзаменъ немедленно и прежде прочихъ.

2. Предметами испытанія будутъ науки, входящія въ составъ гимназическаго курса, а именно:

а) Законъ Божій, священная и церковная исторія.

б) Русская грамматика, словесность и логика.

в) Языкъ латинскій. Отъ испытуемаго требуемо будетъ, чтобы онъ могъ переводить и объяснять изъ прозаиковъ Саллустія, Ливія и Цицерона, изъ поэтовъ Виргилія и лучшія оды Горація, равно излагалъ-бы мысли свои на латинскомъ языкѣ безъ грамматическихъ ошибокъ.

г) Языкъ нѣмецкій. Желающій поступить въ университетъ долженъ понимать и разбирать лучшихъ писателей на семъ языкѣ, какъ прозаиковъ, такъ и стихотворцевъ, и излагать мысли свои на нѣмецкомъ языкѣ, подобно какъ и на латинскомъ, безъ грамматическихъ ошибокъ.

д) Въ такой-же степени требуется отъ испытуемаго знаніе языка французскаго.

е) Ариѳметика, алгебра до уравненій 2-й степени включительно, геометрія и плоская тригонометрія.

ж) Исторія всеобщая и россійская.

з) Географія и въ краткомъ обозрѣніи статистика.

и) Физика общая и частная.

3. Студентъ, начавшій лекціи въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, перемѣнивъ мѣсто жительства, можетъ окончить оныя въ университетѣ св. Владиміра, и обратно, съ зачетомъ времени пребыванія въ первомъ изъ сихъ заведеній въ число лѣтъ, опредѣленныхъ для окончанія полнаго курса, если причины, побудившія его оставить университетъ, въ коемъ прежде обучался, будутъ уважены попечителемъ, и если, по предварительномъ испытаніи, представитъ вполнѣ одобрительный отъ того университета аттестатъ. Впрочемъ такой зачетъ времени въ университетѣ св. Владиміра можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда откроются всѣ четыре курса, въ наступающемъ же академическомъ году открытъ будетъ одинъ первый; слѣдующіе будутъ вводимы постепенно, всякій годъ по одному.

4. Дабы предоставить способы къ дальнѣйшему усовершенствованію себя въ наукахъ и полученію права на ученыя степени или чины, къ слушанію университетскихъ курсовъ допускаются, съ дозволенія

попечителя, кромѣ студентовъ, также и чиновники служащіе и отставные; они должны для сего выдержать испытаніе, подобно желающимъ вступить въ число студентовъ университета, а служащіе имѣютъ представить сверхъ того позволеніе на то отъ своего начальства.

5. Государю императору благоугодно было при семъ университетѣ опредѣлить комплектъ казеннокоштныхъ студентовъ изъ 50 человѣкъ; въ томъ числѣ 26 предназначаются въ учительское званіе, и 24 въ гражданскіе чиновники.

6. Для каждаго изъ сихъ званій ежегодно будетъ принимаемо только по 6 человѣкъ, всего 12; они избираемы будутъ изъ учениковъ гимназій, окончившихъ курсъ съ отличными успѣхами.

7. Казенные студенты, по окончаніи 4-хъ годичнаго въ университетѣ курса, поступаютъ по распредѣленію начальства въ учители заведеній кіевскаго учебнаго округа, или въ гражданскіе чиновники въ губерніяхъ: кіевской, волынской и подольской, съ обязательствомъ прослужить 6 лѣтъ въ томъ вѣдомствѣ, въ которое опредѣлены будутъ.

8. Сверхъ предполагаемаго комплекта казеннокоштныхъ студентовъ, будутъ принимаемы въ университетъ и пансіонеры, съ платою за полное свое содержаніе 800 рублей ассигнаціями въ годъ, на правилахъ, для благороднаго пансіона при кіевской гимназіи постановленныхъ.

9. Время пріема въ университетъ назначается отъ 1 іюля до 15 августа. Вступающіе должны имѣть слѣдующіе документы:

а) Метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи.

б) Свидѣтельство о происхожденіи и свободномъ состояніи.

в) Аттестатъ или одобрительное свидѣтельство о своихъ познаніяхъ изъ гимназій, ежели въ оныхъ обучались.

г) Тѣ, кои желаютъ поступить въ число казенныхъ студентовъ или пансіонеровъ, должны представить также докторское свидѣтельство о бывшей на нихъ натуральной или прививной оспѣ.

Графъ **Милорадовичъ**.

ЕЩЕ О БОРОВИКОВСКОМЪ.

Дополненія и поправки г. Божерянова къ замѣткѣ моей о Боровиковскомъ, помѣщенныя въ предыдущей книгѣ »Кіевской Старины«, нуждаются въ оговоркахъ. Эти оговорки пригодятся, быть можетъ, будущему біографу Боровиковскаго, если наши замѣтки,— моя и г. Божерянова,—попадутся ему на глаза.

Прежде всего о случаѣ изъ юности художника, сохраненномъ въ разсказѣ г. Данилевскаго »Екатерина II на Днѣпрѣ«. По этому разсказу, Боровиковскій освобожденъ былъ отъ солдатчины по просьбѣ дѣда своего, козака Грицька, участника полтавскаго боя, и впослѣдствіи обратилъ на себя талантомъ вниманіе царицы, росписавъ стѣны одного изъ домовъ, выстроенныхъ для ея остановокъ.

Какихъ лѣтъ могъ быть козакъ Грицько, просившій Екатерину за своего внука? Полтавская битва была въ 1709 году. Екатерина ѣздила въ Крымъ въ 1787. Козаку, слѣдовательно, было лѣтъ сто и болѣе. Былая долговѣчность допускаетъ конечно такой возрастъ, но противъ розсказываемаго случая есть другія данныя. Въ преданіи говорится о свадьбѣ Боровиковскаго. Онъ жилъ въ Петербургѣ одинокимъ и умеръ бездѣтнымъ. Надо предположить изъ двухъ одно: или онъ овдовѣлъ сейчасъ послѣ женитьбы и до отъѣзда въ Петербургъ или, что вѣрнѣе, что онъ женатъ совсѣмъ не былъ. Домъ, росписанный Боровиковскимъ, по разсказу, находился въ Полтавѣ. Тамъ дѣйствительно до сихъ поръ сохранился домъ, гдѣ останавливалась Екатерина, путешествуя въ Крымъ. Онъ стоитъ въ усадьбѣ Крестовоздвиженскаго монастыря, надъ долиной Ворсклы. Въ пріемномъ залѣ его до сихъ поръ уцѣлѣла стѣнная живопись. Но живопись эта груба, не носитъ ни малѣйшаго слѣда таланта и не можетъ быть приписана Боровиковскому уже потому, что сюжеты фресокъ совсѣмъ иные, чѣмъ тѣ, о которыхъ сохранилось преданіе. Гдѣ былъ тотъ домъ—въ подлинности неизвѣстно, и самъ г. Данилевскій конечно не считаетъ живописи полтавскаго монастырскаго дома живописью Боровиковскаго, такъ какъ въ изданномъ имъ впослѣдствіи описаніи »достопримѣчательностей« Полтавы, описывая монастырскій домъ, онъ ничего не говоритъ о Боровиковскомъ. Наконецъ послѣднее. Въ офиціальныхъ бумагахъ

первыхъ лѣтъ пребыванія въ Петербургѣ, Боровиковскій называется поручикомъ. Съ этимъ чиномъ онъ пріѣхалъ въ столицу и его не не могли дать ему ни академія, ни Левицкій, ни Лампи. Когда-же могъ онъ его достичь? Не въ короткій-ли промежутокъ между освобожденіемъ отъ рекрутчины и отъѣздомъ въ Петербургъ? Хотя въ эту эпоху бывали примѣры особенно быстраго движенія по чиновной лѣстницѣ, но на такое движеніе давали права таланты иного свойства, чѣмъ тѣ, какими обладалъ Боровиковскій.

Къ офиціальнымъ даннымъ о Боровиковскомъ, заимствованнымъ г. Божеряновымъ изъ »Сборника матеріаловъ для исторіи императорской академіи художествъ«, могутъ быть прибавлены свѣдѣнія, сообщенныя П. П. Петровымъ въ »Художественномъ Сборникѣ«. Мы оставили ихъ въ сторонѣ, считая служебныя подробности дѣломъ наименѣе важнымъ въ характеристикѣ художника. Но въ біографіи онѣ будутъ необходимы. Упорство, съ какимъ академія долгое время отказывала Боровиковскому въ высшихъ степеняхъ, объясняется несообразностью устава академіи, дѣйствовавшаго до 1830 года. По этому уставу портретная живопись считалась родомъ второстепеннымъ и ни Левицкій, ни Боровиковскій не могли получить званія профессора. Высокое достоинство портретныхъ работъ Боровиковскаго взяло свое, но на конкурсѣ, о которомъ упоминаетъ и г. Божеряновъ, за портреты Бутурлиныхъ, онъ получилъ все таки только вторую награду, на ряду съ забытымъ пейзажистомъ Мартыновымъ. Первая же награда присуждена была скульптору Козловскому, не оставившему слѣда въ искуствѣ. Окончательное признаніе досталось Боровиковскому только послѣ исполненія портретовъ лицъ царской фамиліи, въ которыхъ онъ превзошелъ не только Вуаля и г-жу Виже-Лебрёнъ, гостившую тогда въ Россіи, но подчасъ и самого Лампи.

Къ одному изъ этихъ портретовъ относится указанная г. Божеряновымъ погрѣшность въ составленномъ мною спискѣ работъ Боровиковскаго, гдѣ портретъ великой княгини Александры Павловны названъ портретомъ великаго князя Александра Павловича. Ошибка произошла отъ сокращенія въ рукописи, въ чемъ ссылаюсь на уважаемаго редактора »Кіевской Старины« [1]). Свидѣтельство

[1]) Дѣйствительно, такъ.—Ред.

его привожу въ тѣхъ видахъ, что мало почтеннымъ пріемомъ сваливанья своихъ грѣховъ на плечи часто неповиннаго наборщика злоупотребляли слишкомъ часто и въ болѣе важныхъ случаяхъ.

Что касается »Портрета неизвѣстнаго священника«, бывшаго прежде въ галлереѣ Прянишникова, а нынѣ находящагося въ Румянцевскомъ Музеѣ, то относительно него я правъ. Какъ доказано нынѣ, этотъ портретъ писанъ Левицкимъ и изображаетъ отца художника. Писаннаго-же Боровиковскимъ священника, извѣстнаго или неизвѣстнаго, въ Румянцевскомъ музеѣ нѣтъ.

Сводя разнорѣчивыя цифры печатныхъ замѣтокъ о Боровиковскомъ, г. Божеряновъ хочетъ установить нѣчто въ родѣ *средняго числа* для опредѣленія въ точности дня его смерти. На этотъ счетъ есть свѣдѣніе вполнѣ достовѣрное. Это надпись на могилѣ Боровиковскаго, гдѣ ошибки быть не можетъ. Надпись эта, теперь полуистертая, гласитъ слѣдующее: »На семъ мѣстѣ предано землѣ тѣло совѣтника академіи Владиміра Лукича Боровиковскаго, скончавшагося на 68 году отъ рожденія, *въ 6-й день апрѣля 1825 г.*

Смоленское кладбище, гдѣ покоится прахъ художника, лежитъ на одной изъ дальнихъ окраинъ Васильевскаго острова въ Петербургѣ. Близость моря даетъ себя чувствовать неустойчивостью и влажностью почвы. Вновь вырытыя могилы,—а ихъ ежечасно требуетъ сѣверная столица,—тотчасъ наполняются водою. Печальныя и тощія березки осѣняютъ это жилище смерти.

Въ сторонѣ отъ средней дороги стоитъ церковь святой Тройцы. Здѣсь, близь самой церкви на право, маленькій, почернѣлый, гранитный саркофагъ украшенъ надписью, приведенною выше.

Въ этой церкви два престола. Иконостасъ верхняго, во имя Михаила Архангела,—работы Боровиковскаго. Есть слухъ, что онъ писанъ во время предсмертной болѣзни художника. Фигуры иконъ далеко не закончены, а мѣстами только едва начерчены. Къ счастью ничья чужая рука не коснулась этихъ, полныхъ скорбнаго чувства, набросковъ. Царскія врата изображаютъ все ту-же отрадную минуту Благой Вѣсти. На мѣстныхъ иконахъ Христосъ и Богоматерь, окруженные ангелами, во всей своей славѣ. Но въ выборѣ остальныхъ сюжетовъ отразилось страдающее настроеніе художника. Вотъ исцѣленіе Товіи, вотъ Архангелъ Михаилъ, поражающій Змія, и наконецъ вотъ шестой образъ,—странный и таинствен-

ный: полуденный пейзажъ, съ караваномъ вдали, а прямо, противъ зрителя, ангелъ уноситъ на небо пожилого человѣка. Лицо очень обыкновеннаго типа, но на немъ печать такого просвѣтленія и блаженства, какія грезились вѣрно художнику во время предсмертныхъ молитвъ. Не смотря на свою незаконченность, это лучшая изъ религіозныхъ картинъ Боровиковскаго. Здѣсь всего ярче передалъ онъ свой внутренній міръ, свою вѣру, здѣсь остался лучшій слѣдъ этой, глянувшей въ вѣчность, нѣжной души, стремившейся къ высшей правдѣ и красотѣ.

В. Горленко.

КІЕВСКІЙ ПЕЩЕРНИКЪ XVIII СТ.

Традиціонная форма отшельничества,—пещерное житіе, ведущая свое происхожденіе отъ начальника русскаго иноческаго житія, пр. Антонія печерскаго, удерживаясь въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, не смотря на множество перемѣнъ во внѣшней и внутренней жизни русскаго народа, доходитъ до нынѣшняго даже столѣтія. Пещерничество, отъ котораго, по внѣшней обстановкѣ и условіямъ жизни, мало чѣмъ разнится суровая жизнь нашего крестьянства, въ болѣе близкое къ намъ время находило своихъ приверженцевъ преимущественно въ этой послѣдней средѣ. Строгіе указы Петра В. и его преемниковъ о непринятіи въ монастыри людей бѣглыхъ и не свободныхъ могли только поддерживать именно этотъ видъ иночества, который освобождалъ отшельника отъ узъ общественнаго рабства и навсегда укрывалъ его отъ взоровъ міра и полицейскихъ. Только десятки годовъ суроваго анахоретства привлекали снова къ спасающемуся такимъ образомъ вниманіе міра, но уже полное благоговѣйнаго уваженія.

Извѣстіе объ одномъ такомъ кіевскомъ пещерникѣ нашлось въ массѣ разнородныхъ фамильныхъ бумагъ малорусскаго рода Лашкевичей. Записано оно неизвѣстно кѣмъ на полулистѣ синей бумаги, почеркомъ конца прошлаго столѣтія. Приводимъ его здѣсь отъ слова до слова.

„Кіево-печерскія Лавры рясофорный монахъ, старецъ Досиѳей родомъ былъ великороссіянинъ, крестьянинъ нѣкоего изъ великихъ россій-

скихъ боляръ: имѣя непремѣнное желаніе быть монахомъ, когда не могъ исполненія своему желанію получить въ великой Россіи, яко не уволненный рабъ, то удалился въ малую Россію, во градъ Кіевъ, какже и въ кіевскихъ обителяхъ не могъ получить желанію исполненія, рѣшился жить при пустыни китаевской, въ горѣ называемой Китай, при вершинѣ ея, вирывши въ ней небольшую пещерку, гдѣ и пожилъ немалое время въ великомъ воздержаніи. 1744 года, посѣщая Кіевъ, блаженныя памяти благочестивѣйшая императрица Елисаветъ Петровна, услышавши о живущихъ богоугодяѣ въ пустыни китаевской монашествующихъ и о семъ пещерникѣ Досиѳеи, благоизволила не оставить убогаго мѣста сего августѣйшимъ своимъ посѣщеніемъ, куда съ многими духовными и свѣтскими чиновними персонами прибывши, изволила пѣшо шествовать на гору Китай по здѣланнымъ на тотъ случай невеликолѣпнымъ, прибытимъ къ земли изъ деревляшекъ степенькамъ. Пришедши къ пещеркѣ Досиѳеевой, повелѣть изволила вызвать его и за вопрошеніемъ увѣдомившись, что за рабство онъ не постриженъ, изволила повелѣть на другой день постричь, и постриженъ въ рясофоръ и долгое время послѣ постриженія въ тойже пещерѣ прожилъ. Когда указъ послѣдовалъ, чтобъ отшельникамъ не быть нигдѣ, по причинѣ послѣдовавшихъ нѣкоторыхъ злоупотребленій; то и Досиѳею отъ лаврскихъ властей велено преселится въ лавру, и жилъ на дальней пещерѣ и невозбраненно служилъ уединенно затворникомъ, получая по желанію пищу отъ лавры, которую ему послушникъ опредѣленній приносилъ тогда, когда подвижникъ сей щиталъ нужною къ употребленію. На пещерѣ прожилъ онъ по 74 й годъ, а сего года, по совѣту митрополита кіевского, Гавріила Кременецкаго, архимандритомъ Зосимою Валкевичемъ удаленъ въ пустынь китаевскую и жилъ въ келлійкѣ уединенной, при прудкѣ, всегда съ обычнымъ воздержаніемъ; по годъ отъ сего скончался, имѣя отъ рожденія близъ ста лѣтъ, съ коихъ три части проживъ въ великомъ воздержаніи. Изъ сего можно заключить о его дивной жизни, что во все въ горизонтахъ кіевскихъ время пребыванія его никогда не согрѣвалъ себя вещественнымъ огнемъ и никогда не возгнѣщалъ огня въ келліи до кончины жизни своея".

Имѣетъ ли Лавра печерская свѣдѣнія объ этомъ подвижникѣ своемъ? Имѣетъ ли она другія подобныя свѣдѣнія за время позд-

нѣйшее? Тамъ писались нѣкогда лѣтописи, патерики, житія, сказанія. Пишется ли и хранится ли теперь что-либо, кромѣ бумагъ офиціальныхъ, о подвижникахъ этой древнѣйшей обители въ ближайшее къ намъ время?—Извѣстія, въ родѣ сообщаемаго теперь, съ какой-бы кто стороны ни разсматривалъ ихъ, имѣютъ значеніе не для одной монастырской, но и вообще бытовой нашей жизни.

Сообщ. **Ал. Лашкевичъ.**

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ НАШЕСТВІЯ ШВЕДОВЪ НА РОССІЮ.

Установилось мнѣніе, подтверждаемое массою несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, что измѣна Мазепы не встрѣтила никакого сочувствія въ малорусскомъ народѣ и что на сторону Мазепы, кромѣ запорожцевъ, стали лишь весьма немногіе изъ козачей старшины дорого потомъ поплатившіеся за свое сочувствіе къ измѣннику.

Намъ довелось услышать преданіе, совершенно противуположное такому мнѣнію и свидѣтельствующее о сочувствіи къ Мазепѣ и его союзникамъ шведамъ не отдѣльныхъ, при томъ служилыхъ лицъ, но цѣлой и притомъ довольно численной общины.

Какъ преданію, въ которомъ не выяснены ни мотивы, ни ближайшія обстоятельства передаваемаго имъ факта, мы отнюдь не думаемъ придавать значенія историческаго свидѣтельства, подрывающаго установившееся въ исторической наукѣ мнѣніе. Сохраненный имъ случай все-таки единичный и могъ быть плодомъ частнаго внушенія или недоразумѣнія. Народъ, чуткій къ общимъ перемѣнамъ въ своей судьбѣ, плохо понимаетъ тонкости политики случайной, каковъ былъ союзъ Мазепы съ Карломъ, составлявшій секретъ для самаго Петра; обыкновенно онъ становится на сторону того, кто заступается или видъ показываетъ, что заступается за него; по части же забиранія фуража и провіанта въ то военное время русскія войска конечно не уступали шведамъ. Однако, какъ преданіе весьма опредѣленное, пріуроченное къ извѣстной мѣстности, мы считаемъ совсѣмъ не лишнимъ привести въ извѣстность: въ крайнемъ случаѣ передаваемый имъ фактъ можетъ служить образчикомъ великодушія побѣдителя Карла XII, на которое онъ былъ способенъ и въ минуты самаго сильнаго гнѣва.—Вотъ въ чемъ дѣло.

На границѣ харьковской губерніи существуетъ уѣздный городъ курской губерніи Грайворонъ или по мѣстному Гайворонъ. Грайворонъ въ степень уѣзднаго города возведенъ только въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія, до этого-же времени былъ селомъ хотмыжскаго уѣзда. Основаніе села Гайворонки относятъ къ очень далекимъ временамъ и основателемъ называютъ нѣкоего козака *Жеребила*, потомки котораго, а также и потомки другаго, дѣйствующаго въ преданіи лица, *Гетепана*, живутъ и по настоящее время въ Грайворонѣ; первые теперь носятъ фамилію *Жеребиловыхъ*, а вторые не измѣнили таковой и остались Гетепанами.

Преданіе говоритъ, что во время движенія Карла XII подъ Полтаву, а за нимъ по пятамъ Петра I, Грайворонъ или въ то время село Гайворонка находилась на пути. Жители села, по совѣту своего старшины Жеребила, а можетъ быть и по собственному соображенію, охотно дѣлились всѣми возможными съѣстными припасами съ шведскими войсками. Узнавъ-же о приближеніи русскихъ войскъ, весь провіантъ попрятали и по прибытіи Петра I не переставали тайкомъ доставлять въ шведскія войска, отказывая по неимѣнію русскимъ. Петръ I, узнавъ о такомъ отношеніи своихъ подданныхъ къ врагу, страшно разсердился и порѣшилъ наказать все село полнымъ уничтоженіемъ,—такъ сказать, стереть его съ лица земли. Для исполненія этой казни было приказано обложить село кругомъ соломой и никого не выпускать оттуда, а дабы предупредить всякое поползновеніе къ бѣгству, обставить село пушками и въ бѣглецовъ стрѣлять. При исполненіи-же казни зажечь одновременно со всѣхъ концовъ солому и палить въ село изъ пушекъ. Казнь должна была быть совершена въ присутствіи самого Императора. Гайворонцы, видя свою неминуемую гибель и не ожидая пощады, собрали раду и обратились къ тому-же Жеребилу, который, посовѣтовавъ подчиниться своей горькой участи, предложилъ однако испробовать послѣднее средство, заключавшееся въ томъ, чтобы въ день казни собрать всѣхъ могущихъ только ходить дѣтей и выслать ихъ за село на дорогу, по которой будетъ ѣхать Государь. Совѣтъ радою былъ принятъ и дѣти, какъ говоритъ преданіе, въ числѣ болѣе ста душъ, были высланы по назначенію. Государь, увидя столькихъ плачущихъ дѣтей, былъ крайне озадаченъ и остановившись, спросилъ разъясненія. Въ это время подъѣхалъ случив-

шійся здѣсь уроженецъ Гайворонки, козачій старшина Гетепанъ, находившійся въ войскахъ русскихъ и обратился съ слѣдующими словами къ Императору: »Ваше Императорское Величество, это невинныя дѣти тѣхъ виновныхъ отцовъ и матерей, которые сегодня должны погибнуть. Дѣти эти могли-бы быть вѣрными и полезными слугами Вашего Величества, но со смертью своихъ родителей и ихъ ожидаетъ гибель. Пощадите ихъ!«.. Государь, ничего не сказавши, махнулъ рукой и возвратился, приказавъ оставить въ покоѣ Гайворонку.

А. Катрухинъ.

Александрія.
Херсонской губерніи.

МНОГОЛѢТІЕ, ВОЗГЛАШЕННОЕ ВЪ КІЕВѢ ВЪ НАЧАЛѢ XVIII В.

Помѣщаемое здѣсь многолѣтіе сохранилось въ современной записи, на особомъ листѣ сдѣланной, по всей вѣроятности, для возглашавшаго его діакона. Оно знакомитъ насъ съ составомъ высшаго духовенства въ г. Кіевѣ и съ цѣлой корпораціей служившихъ въ кіевской академіи въ началѣ XVIII вѣка. Не трудно догадаться, что это особое многолѣтствованіе составлено по случаю какого-либо академическаго праздника. Странно одно: въ немъ нѣтъ имени кіевскаго архипастыря, между тѣмъ какъ не забытъ кіевскій войтъ. Отсюда можно заключить, что многолѣтіе относится къ 1718—1722 г., когда по смерти кіевскаго митрополита Іоасафа Кроковскаго, 4 года митрополичья каѳедра въ Кіевѣ оставалась вакантною.

Всечестнымъ игуменомъ кіевскимъ *Христофору* [1]), обители пустынно-никольскія, *Іоанникію* [2]) обители святаго архистратига Михаила златоверхія, *Ѳеофану* [3]) обители Богоявленскія, братскія, ректору и богословіи учителю, *Евстратію* [4]) обители свято-троицкія

---

[1]) Чарнуцкому—(1706—1709 ректоръ кіевск. академіи).

[2]) Сенютовичу—1715 года; съ 1715 по 1729 года архимандритъ печерской лавры.

[3]) Прокоповичу—1711 года, съ 1718 года епископъ псковскій, архіепископъ новгородскій.

[4]) Самборовичу—1713 года.

кирилскія, *Лаврентію* [1]) архангелова чудова выдубицкаго, *Іосифу* свято-петропавловскому и всѣмъ всечестнымъ игуменомъ и строителемъ многая лѣта.

Мысленнаго винограда дѣлателемъ трудолюбивымъ *Сильвестру* [2]), учителеви философіи и префекту училищъ кіевскихъ, *Ѳеодосію* [3]) реторицкому, *Симону* [4]) поэтицкому, *Аѳанасію* [5]) синтаксискому, *Іосифу* [6]) грамматицкому, *Епифанію* [7]) инфимискому, *Геннадію* [8]) аналогитскому въ православномъ собраніи кіевскомъ учителемъ и всѣмъ во словѣ ученія и наставленія труждающимся, честнымъ православнымъ протопресвитеромъ и пресвитеромъ и всему церковному причту многая лѣта.

Его царскаго пресвѣтлаго величества державной отчизны Богоспасаемаго града Кіева упревѣлеіованному войту, благочестивому *Димитрію* [9]) со всѣмъ майстратомъ и со всѣми гражданами и всѣмъ повсюду во благовѣріи и благочестіи сіяющимъ православнымъ христіаномъ благодать, милость, миръ, тишина, здравіе и изобиліе плодовъ земныхъ и многая лѣта.

Сообщ. **П. Л—въ.**

ИСТОРИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ КОНОКРАДСТВА.

Конокрадство—величайшій бичъ нашего времени, преимущественно южныхъ мѣстностей Россіи. Изъ всего, что придумано было противъ этого зла на нашихъ глазахъ, въ нашей памяти наиболѣе врѣзалось то, что когда были учреждены спеціальные чиновники для пресѣченія конокрадства, народъ безъ всякаго умысла, а просто для удобства произношенія назвалъ ихъ конокрадами. У нашихъ предковъ было, какъ кажется, средство подѣйствительнѣе нашихъ.

---

[1]) Горкѣ—1713—1719 г.
[2]) Пимовскому—1716 г.—1721 г.
[3]) Глѣнскому.
[4]) Кохановскому.
[5]) Хмарному.
[6]) Волчанѣцкому.
[7]) Тихарскому, съ 1722 г. епископъ бѣлгородскій.
[8]) Шпаковскому.
[9]) Полацкому—1700—1729 г.

Это запродажныя записи, совершаемыя по точной формѣ тогдашнихъ купчихъ крѣпостей на недвижимыя имущества. Запись краткая, свидѣтельствовалась мѣстною, хотя-бы самою низшею инстанціею и служила до нѣкоторой степени гарантіею для покупщика, что продана ему лошадь не завѣдомо краденая. Одну изъ такихъ записей мы нашли въ нашихъ фамильныхъ бумагахъ и предлагаемъ ее для любопытства читателей.

Погарскій мѣщанинъ Яковъ Петровъ продаетъ лошадь калужскому посадскому человѣку Семену Дехтереву 1701 г., 11-го декабря, и вотъ какъ обезпечиваетъ ему принадлежность этой лошади на все послѣдующее время:

Се азъ Іаковъ Петровъ, мѣщанѣнъ и абыватель Погарский, ведомо чиню сеею моею купьчою, же я продалъ своево коня власнаго, шерстѣ гнедого, лѣтъ пяти, грива на право, на правомъ стегни зостаетъ пынуровъ зъ чотыри. А продалемъ посадскому человеку Семену Дегтяреву калуженину за копъ девятнадцать, которого то коня во всемъ чыстого, а не краденого, и волно ему Семену онымъ конемъ, якъ хотячи продать, даровать и заминять и якъ хотячи владеть. А ежели въ оного коня хто могъ бы увозънати (опознати), то его Семена маю у кажьдого суду и права его Семена заступовать и очыщать и на томъ ему Семену подаю сею купьчую предъ урядомъ, предъ паномъ Гаврилою Еремиевѣчемъ, сотникомъ Погарскимъ и предъ Григоремъ Притыкою, атаманомъ городовымъ, съ подписомъ рукъ и зъ притисненіемъ печати урядовоя. Въ Погарѣ, року ҂ахл, декабря аї. Гаврило Еремиевѣчъ, сотникъ войска Его Царского Пресвѣтлого Величества запорожского Погарскій. Сообщ. **А. Марневичъ.**

ОРЕСТЪ МАРКОВИЧЪ НОВИЦКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Другую уже книжку намъ приходится заканчивать некрологомъ, и также кіевскаго профессора и ученаго. 4-го іюня скончался въ Кіевѣ на 79-мъ году жизни, въ чинѣ дѣйст. стат. совѣтника, б. профессоръ кіевской академія и кіевскаго университета Орестъ Марковичъ Новицкій. Съ его именемъ соединяются воспоминанія о самой лучшей, цвѣту-

щей порѣ обоихъ высшихъ учебныхъ заведеній г. Кіева; это птенецъ изъ гнѣзда знаменитмго Иннокентія, это старѣйшій профессоръ кіевскаго университета, бывшій свидѣтелемъ и участникомъ его открытія и всей его полувѣковой жизни, не дожившій лишь около полутора мѣсяца до 50-ти лѣтняго его юбилея. Орестъ Марковичъ пережилъ своихъ братьевъ, массу знакомыхъ, родныхъ, сослуживцевъ и многихъ, весьма многихъ изъ своихъ многочисленныхъ слушателей. Грустную картину представзялъ собою гробъ его, вокругъ котораго стояли лишь не многіе его ученики и одинъ товарищъ по первымъ годамъ университетской службы. Это зрѣлище смерти среди потухающей жизни, точно листья пожелтѣвшіе, чуть-чуть держащіяся на изсохшихъ стебелькахъ, а предъ ними упавшій съ дерева, совсѣмъ засохшій листъ...

Покойный Орестъ Марковичь былъ уроженецъ Волыни и происходилъ изъ древней дворянской фамиліи, но уже отецъ и дѣдъ его были священниками, что въ ту пору было дѣломъ обыкновеннымъ. Волынско-шляхетское его происхожденіе сказалось въ немъ отсутствіемъ той простоты и угловатости, которыя нерѣдко выдаютъ духовнаго воспитанникахъ въ самыхъ высшихъ чинахъ и должностяхъ. Чувство порядочности, нѣкотораго даже изящества и лоска было присуще ему, какъ и двумъ старшимъ его братьямъ, изъ которыхъ Наркисъ Марковичь скончался въ званіи житомирскаго каѳедральнаго протоіерея, а Ѳеофилъ Марковичь, б. варшавскій каѳедральный протоіерей, пользовавшійся особымъ благоволеніемъ князя Паскевича и близостью къ нему, извѣстенъ своею трагическою судьбою: въ первое польское возстаніе онъ былъ объявленъ народовымъ жондомъ внѣ законовъ и всякій поймавшій его, какъ гласили афиши на фонарныхъ столбахъ, могъ убить его, какъ собаку, а предъ началомъ втораго возстанія, по странному недоразумѣнію, былъ высланъ изъ Варшавы въ 24 часа, съ отрѣшеніемъ отъ всѣхъ должностей, и умеръ въ Кіевѣ въ 1864 г.

Первоначальное образованіе Орестъ Марковичь получилъ въ домѣ отца, который для своего времени и круга былъ довольно образованнымъ и начитаннымъ человѣкомъ. За тѣмъ онъ учился въ острожскомъ духовномъ училищѣ, волынской духовной семинаріи, помѣщавшейся тогда въ м. Аннополѣ, и наконецъ въ кіевской духовной академіи, въ со-

ставѣ воспитанниковъ V ея курса, гдѣ въ 1831 г. окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ со степенью магистра. Полагать надо, что только не имѣніе свободныхъ наставническихъ вакансій въ академіи помѣшало академическому начальству оставить этого даровитѣйшаго воспитанника при академіи; но, какъ предназначенный къ ней, онъ получаетъ мѣсто въ ближайшей къ Кіеву переяславской семинаріи, а спустя менѣе двухъ лѣтъ мы видимъ его въ должности баккалавра кіевской академіи—сперва на каѳедрѣ польскаго языка, а потомъ философіи. Первое мѣсто службы Ореста Марковича было совсѣмъ не по его натурѣ. Переяславская семинарія и въ болѣе позднее время отличалась отъ всѣхъ другихъ такою крайнею патріархальностію нравовъ и такими наклонностями и привычками ея профессоровъ и учениковъ, которыя много напоминаютъ собою послѣдніе годы Сѣчи Запорожской. Въ самостоятельной, иначе направленной натурѣ Ореста Марковича переяславская атмосфера не оставила никакихъ слѣдовъ, но и въ послѣднее время своей жизни онъ не могъ безъ особой улыбки вспоминать о своей службѣ въ Переяславѣ.

Перемѣщеніе въ академію подѣйствовало на него освѣжающимъ и ободряющимъ образомъ. Во главѣ ея стоялъ *Иннокентій*, извѣстный и тогда уже своими талантами и обширными познаніями; онъ не давалъ никому заснуть, часто посѣщалъ лекціи профессоровъ, указывалъ каждому новѣйшія и лучшія изслѣдованія по его предмету въ иностранной литературѣ, всѣхъ и каждаго располагалъ и возбуждалъ къ дружной научной работѣ. Много ученый тогдашній кіевскій митрополитъ Евгеній собственнымъ примѣромъ и вліяніемъ могъ только располагать къ научному труду. Вліяніе обоихъ сказалось на молодомъ баккалаврѣ; первые шаги его на академическомъ поприщѣ вполнѣ оправдали возлагаемыя на него надежды. Скоро пришлось ему раздѣлить свой трудъ между двумя заведеніями. Въ іюлѣ 1834 г. открывался въ Кіевѣ университетъ св. Владиміра; по рекомендаціи Иннокентія, Новицкій приглашенъ былъ, въ званіи адъюнкта, къ чтенію лекцій по философіи студентамъ перваго университетскаго курса. Съ открытіемъ втораго курса въ слѣдующемъ году и увеличеніемъ занятій, онъ оставилъ академію съ званіемъ экстраординарнаго профессора и остался

на каѳедрѣ университетской, гдѣ спустя два года получилъ званіе ординарнаго профессора. Можно безъ преувеличенія сказать, что это былъ лучшій и даровитѣйшій профессоръ того и послѣдующаго времени; равнаго ему по совокупности всѣхъ качествъ блестящаго профессора мы не можемъ указать за все 50-лѣтнее существованіе университета. Широкое, разностороннее образованіе, основательное знаніе своего предмета, подновляемое неустанною работою философствующаго ума и чтеніемъ новѣйшихъ изслѣдованій въ области философіи, стройное сочетаніе и развитіе всѣхъ душевныхъ способностей, систематическое развитіе мысли и тонкій анализъ, ясное представленіе излагаемаго въ цѣломъ и частяхъ и необычайно ясное и простое изложеніе—таковы преподавательскіе таланты, отличавшіе О. М. Новицкаго. Прибавьте къ этому свободную, плавную и изящную рѣчь, чистую, явственную дикцію, мягкій, дышащій спокойствіемъ и добродушіемъ голосъ, при самой счастливой и представительной наружности, и вы будете имѣть наглядное представленіе о томъ блестящемъ лекторѣ, который очаровывалъ, увлекалъ не только своихъ постоянныхъ слушателей, но всѣхъ, кому приходилось быть на его лекціяхъ. Высокій, стройный, красавецъ и въ возрастѣ болѣе, чѣмъ зрѣломъ, съ высокимъ открытымъ челомъ, съ благородной, исполненной достоинства осанкой и умнымъ, то сосредоточеннымъ, то улыбающимся выраженіемъ лица, онъ производилъ неотразимое впечатлѣніе на всѣхъ, кто видѣлъ его хоть на короткое время. Не даромъ студенты боготворили его, не даромъ начальство университетское съ увѣренностію препровождало на его лекціи высокихъ посѣтителей въ понятномъ желаніи выставить университетъ съ лучшей стороны. Вѣримъ вполнѣ восторженнымъ отзывамъ слушавшихъ его лекціи, вѣримъ и тому, что онъ имѣлъ огромное вліяніе на развитіе въ нихъ не просто идеальнаго философствованія,—оно было тогда въ ходу у насъ и за границей, но строгаго, отчетливаго мышленія, а это имѣло неоцѣнимое значеніе и въ научныхъ занятіяхъ студентовъ и въ самой ихъ жизни. Въ этихъ отзывахъ вся карьера умершаго профессора, весь его формуляръ и мы не много прибавили-бы къ нимъ, если-бы сказали о служебныхъ его отличіяхъ и неоднократномъ прохожденіи имъ съ полнымъ достоинствомъ должности декана, въ которую онъ былъ избираемъ своими сослужив-

цами. Карьера стоющая многихъ отличій, почестей и самыхъ громкихъ дѣлъ!

Къ сожалѣнію, Оресту Марковичу пришлось оставить ее едва не на половинѣ обычнаго ея срока, въ полномъ разцвѣтѣ ума и знанія Въ 1850 г. по политическимъ соображеніямъ закрыты въ Россіи философскія каѳедры при всѣхъ университетахъ. Университетъ св. Владиміра понесъ двойную утрату: кромѣ первостепенной важности предмета, онъ лишился въ лицѣ Новицкаго даровитѣйшаго и самаго вліятельнаго своего дѣятеля. Съ полнымъ стоицизмомъ, руководясь соображеніями, которыя вызывала необезпеченность довольно численной семьи, онъ принялъ должность цензора, отнюдь не требовавшую ни его таланта, ни знанія, и на ней окончилъ такъ блестяще начатую и продолженную службу.

Печатные труды Ореста Марковича дополняютъ его репутацію, какъ человѣка разносторонне образованнаго и замѣчательнаго мыслителя, самостоятельно относившагося къ разнымъ философскимъ системамъ и направленіямъ и въ самой доступной формѣ знакомившаго своихъ слушателей съ результатами научныхъ работъ въ области философіи. Первымъ печатнымъ его трудомъ было историко-критическое изслѣдованіе о сектѣ Духоборцевъ, написанное покойнымъ еще на студенческой скамьѣ и доставившее ему степень магистра богословія. Напечатанное въ 1832 г. на счетъ академіи, оно привлекло къ себѣ вниманіе ученыхъ и въ особенности самихъ духоборцевъ. Въ немъ впервые являлись въ печати новыя, недоступныя дотолѣ свѣдѣнія о зарожденіи и распространеніи у насъ этой секты, и ея ученіе приведено въ связь съ раціоналитическими сектами западной и древней восточной церкви. Систематическій умъ молодаго автора сказался тутъ какъ нельзя ярче; разнообразныя, не ясныя вѣрованія сектантовъ, какъ они представлены въ слѣдственныхъ ихъ показаніяхъ, приведены здѣсь въ стройную систему и изложены въ опредѣленной научно-богословской формѣ. Духоборцы увидѣли въ первой части сочиненія Новицкаго какъ бы нарочито для нихъ составленный катихизисъ и дорого, десятками, сотнями рублей, скупали эту небольшую книжечку въ 146 страницъ. Изданіе разошлось быстро и ставъ не доступною библіографическою рѣдкостію, возбудило

неосновательные толки о томъ, будто оно подверглось запрещенію. Къ академическимъ трудамъ Ореста Марковича относится и его изслѣдованіе »О первоначальномъ переводѣ св. писанія на славянскій языкъ«, написанное по предложенію митр. Евгенія и вошедшее въ составъ трудовъ воспитанниковъ кіевской академіи 1839 г. Слѣдующія за тѣмъ три неравныя по объему сочиненія: 1) *Объ упрекахъ дѣлаемыхъ философіи*, въ формѣ рѣчи для университетскаго акта 1837 г., 2) *Руководство къ опытной психологіи* 1840 г. и 3) *Постепенное развитіе философскихъ ученій въ связи съ религіозными вѣрованіями*, въ 4-хъ томахъ, 1860 г., составляютъ плодъ спеціальныхъ его занятій философіею. Главное отличительное достоинство этихъ сочиненій состояло также въ необычайной ясности изложенія, а чтобы опредѣлить значеніе этого качества, припомнимъ, что говорилъ о философіи другой, столь-же ясный и положительный русскій умъ. »До сихъ поръ думаю«, писалъ въ своихъ Запискахъ въ 1850 г. (т. I, стр. 20) митрополитъ Іосифъ Симашко, что главный недостатокъ философіи состоитъ въ томъ, что для нея нѣмцы выдумали особый языкъ, котораго многіе изъ нихъ самихъ не понимаютъ, и что они любятъ болтать на цѣлые томы о томъ, что на обыкновенномъ языкѣ можно изложить на нѣсколькихъ страницахъ«.

Столь малое число философскихъ работъ не отвѣчаетъ дарованіямъ и трудолюбію покойнаго профессора, но это не должно удивлять насъ. Въ составъ философіи входили тогда слѣд. науки; логика, психологія, умозрительная философія или метафизика, философія нравственная или этика и наконецъ исторія философіи. Въ то время, какъ въ академіи для преподаванія философіи въ этомъ-же составѣ назначались четыре профессора, въ университетѣ оно лежало на одномъ—Новицкомъ, а читать ему приходилось не однимъ студентамъ философскаго отдѣленія, но также математикамъ и юристамъ. При такомъ громадномъ, не посильномъ для другого трудѣ, ему некогда было думать объ обработкѣ всѣхъ своихъ изустныхъ чтеній для печатанія, которое, правду сказать, было тогда и не въ модѣ, когда-жъ Орестъ Марковичъ послѣ многолѣтнихъ напряженныхъ трудовъ овладѣлъ вполнѣ столь сложнымъ предметомъ, изученіе философіи надолго было прервано и печатать было не

для кого. Пока прошло время запрета, радикально измѣнилось направленіе философіи, ея пріемы и самая основа; въ самомъ обществѣ нашемъ зародились новыя стремленія, отнюдь не гармонировавшія съ прежнимъ идеальнымъ философствованіемъ. Философствовать печатно приходилось въ убытокъ, что отчасти показалось на послѣднемъ изъ упомянутыхъ выше философскомъ трудѣ Ореста Марковича Новицкаго. Лучше другихъ это видно было ему самому и потому, продолжая до послѣднихъ дней жить въ области науки, онъ не возвратился къ изданію какого либо новаго философскаго труда, а принялся за свой первый историко-критическій этюдъ, переработалъ его на ново, пополнилъ данными за цѣлыя 50 лѣтъ и издалъ въ 1882 г. Послѣднею литературною его работой была обширная его автобіографія, написанная, по приглашенію университета для предстоящаго юбилейнаго торжества и готовящагося къ тому времени историческаго сборника. Съ этими интересными мемуарами мы надѣемся въ свое время ознакомить нашихъ читателей, а пока закончимъ нашу характеристику этого замѣчательнаго дѣятеля высшей науки указаніемъ на выдающіяся нравственныя его черты.

Спокойствіе и твердость, глубокая честность и благородство, прямота и искренность, привѣтливость и добродушіе—таковы отличительныя свойства характера и жизни Ореста Марковича. Ни предъ кѣмъ онъ не преклонялся, ни въ комъ не заискивалъ, ничего не искалъ, ни къ какой партіи никогда не примыкалъ; свое мнѣніе и положеніе охранялъ съ большимъ тактомъ и достоинствомъ, но сторонился отъ всякихъ ухищреній, шумной полемики, ссоры и разлада. Въ кружкахъ академическомъ и университетскомъ, въ кругу знакомыхъ и родныхъ это былъ любимѣйшій собесѣдникъ, остроумный и веселый; для дѣтей это былъ нѣжнѣйшій отецъ, для внучатъ любящій, попечительный дѣдушка. Съ стоическимъ спокойствіемъ и покорностію судьбѣ онъ переносилъ нерѣдкіе ея удары, какъ нежданный свой выходъ изъ университета, смерть старшаго сына, блестяще окончившаго курсъ училища Правовѣдѣнія, катастрофу съ братомъ, равносильную смерти болѣзнь старшей дочери, нежданную смерть второй и смерть жены, скончавшейся за мѣсяцъ предъ нимъ. Съ такимъ же настроеніемъ онъ оставилъ жизнь, спокойно отдавшись въ объятія смерти.

Университетъ св. Владиміра, готовясь къ юбилейному своему торжеству, избралъ Ореста Марковича почетнымъ своимъ членомъ, и это была высшая награда его честной и славной дѣятельности на поприщѣ науки и просвѣщенія. Смерть не дала ему дождаться ни торжественнаго провозглашенія этой награды, ни той высшей послѣдней радости, какую доставило бы ему участіе въ самомъ торжествѣ и которую онъ могъ-бы воспринять всѣми нервами своей старческой души.

Да будетъ ему вѣчная память!

ЗАГАДОЧНАЯ ПѢСНЯ.

Свите, свите, ясенъ мисяць,
Ще й вечирняя зоря;
Пише, пише кроль французській
Ажъ до билого царя:
Та оддай намъ нашу Польщу
Билый, руській Царь,
Бо не втерилю я вже больше,
Буду битись, якъ лыцарь.
Якъ не вернешь нашой Польщи,
То мы тебе розобьёмъ;
По твоихъ деревняхъ, по новихъ заводахъ
Конюшеньки становлёмъ«.
Зажурився Олександеръ царь,
У сенати сидючи;
Схиливъ, склонивъ головоньку,
Перо въ пальцяхъ держучи.
Обизвався славный graпъ Пашкевичъ:
»Не журися, билый царь,
Наберемо війско—крэпкого запасу,
То й мы ёго розобьёмъ,
По ёго свитлицяхъ, по его скамницяхъ
Конюшеньки становлёмъ«.
Дурна, дурна французьска голова,
Що стала биться—воеваться
Та противъ билого царя!

Сообщ. **А. Маркевичъ.**

Записано въ Кіевѣ въ 1864 г. 13 декабря, отъ 12-лѣтняго деревенскаго хлопца Павла Стременецкаго, родомъ изъ Волыни.

КЪ ПОРТРЕТУ АННЫ ЯРОСЛАВНЫ.

Лице, изображеніе котораго мы предлагаемъ, даже занимающимся русскою исторіею едва извѣстно по имени. Оно принадлежитъ такому отдаленному времени что самое появленіе его изображенія способно возбудить во многихъ недоумѣніе, не есть-ли оно плодъ фантазіи художника позднѣйщаго времени. Настоитъ поэтому необходимость говорить объ исторической дѣйствительности лица и подлинности его изображенія и отъ перваго идти къ послѣднему.

Анна Ярославна, одна изъ дочерей великаго кіевскаго князя Ярослава Мудраго, состояла въ замужествѣ съ Генрихомъ I, королемъ французскимъ и по признанію многихъ французскихъ хроникеровъ и историковъ была одною изъ достойнѣйшихъ женщинъ, какія когда либо появлялись на тронѣ Франціи. Кіеву и Россіи она принадлежитъ лишь по рожденію и первымъ годамъ юности; съ выходомъ отъ насъ она становится для насъ иностранкой и напрасно мы стали-бы искать какихъ либо свѣдѣній о ней въ нашихъ лѣтописяхъ. Иностранкой тѣмъ болѣе была она для Франціи и нѣтъ ничего удивительнаго, что и тамъ занимались ею менѣе, чѣмъ заслужила она по своимъ прекраснымъ качествамъ, что тамъ нѣтъ доселѣ посвященной ей монографіи, что являлись писатели, которые, подъ вліяніемъ духа династическихъ партій, отвергали ея русское происхожденіе и производили ее изъ французскаго дома *Роису*, отрасли дома Гуго Капета.

Намъ русскимъ пріятно было-бы, хотя и по французскимъ источникамъ, узнать, какова была судьба и жизнь нашей кіевской княжны по переселеніи ея отъ насъ, что принесла и дала она отъ себя новому своему отечеству, оставила ли тамъ слѣды своего пребыванія, сохранила ли свои національныя вѣроисповѣдныя черты, какъ долго жила, когда и гдѣ умерла и гдѣ погребена. Чтобы отвѣчать на эти вопросы, что-бы представить болѣе или менѣе подробныя біографическія свѣдѣнія объ Аннѣ Ярославнѣ, по разнорѣчію позднѣйшихъ французскихъ сказаній объ ней, необходимо обратиться къ источникамъ первоначальнымъ, къ актамъ и документамъ того далекаго времени, которыхъ, по справкамъ, не оказывается въ лучшихъ нашихъ библіотекахъ и даже въ библіотекѣ императорской публичной. Работа длинная, уто-

мительная: отлагая ее на дальнѣйшее время, ограничимся на сей разъ указаніемъ лишь главнѣйшихъ, болѣе достовѣрныхъ хронологическихъ данныхъ о жизни Анны Ярославны, опуская критику доступныхъ теперь намъ источниковъ, а также представимъ тѣ данныя о ея портретѣ, какими располагаемъ въ настоящее время,

Время рожденія Анны Ярославны, не отмѣченное въ нашихъ лѣтописяхъ, по сопоставленію французскихъ свидѣтельствъ о годѣ смерти Генриха I и возрастѣ, въ какомъ она осталась вдовою, можно приблизительно относить къ 1034 году. Первое предложеніе о помолвкѣ Анны Ярославны съ Генрихомъ I, французскимъ королемъ, принятіе и объявленіе этой помолвки, по свидѣтельству болѣе достовѣрныхъ французскихъ источниковъ, падаетъ на 1044 годъ. Съ тѣхъ поръ Анна считалась невѣстою Генриха и хотя ей могло быть въ ту пору 10—11 лѣтъ, но по тогдашнимъ обычаямъ и законамъ это не можетъ казаться страннымъ. Сватовство Генриха произведено заочно, посредствомъ особаго посольства, пріѣзжавшаго изъ Франціи въ Кіевъ ко двору Ярослава, и хотя брачная сдѣлка могла считаться и тогда уже дѣйствительною, тѣмъ не менѣе переговоры по поводу оной продолжались и въ послѣдующіе годы, а въ 1049 г. прибыло въ Кіевъ новое посольство. Въ составѣ его были, кромѣ свѣтскихъ сановниковъ, епископы мельденскій Вальтерій и епископъ каталонскій Рогерій; отъ послѣдняго сохранилось извѣстіе о томъ, что великій князь Ярославъ показывалъ ему главу Климента, папы римскаго, привезенную прежде въ Кіевъ. Посольство прибыло осенью 1049 г. и пробыло въ Кіевѣ до лѣта 1050 г., задержанное, какъ думать можно, не затрудненіями въ окончательномъ соглашеніи, а трудностію переѣзда въ зимнюю пору. Но въ апрѣлѣ 1050 г. случилась смерть княгини Ирины, жены Ярослава, матери Анны и бракъ состоялся въ Парижѣ лишь въ 1051 г., съ чѣмъ согласуется и опредѣленно извѣстный (1052) годъ рожденія у Генриха и Анны перваго сына Филиппа.

---

[1]) Собирая свѣдѣнія объ Аннѣ Ярославлѣ и ея портретѣ, мы совершенно неожиданно получили изъ Переяслава отъ Степана Даниловича Карпенка извѣстіе о томъ, что, обучаясь въ 30-хъ годахъ въ кіевской гимназіи, онъ у товарища своего Кириченка, сына кіево-подольскаго гражданина, видѣлъ

Кромѣ Филиппа были у нихъ еще два сына: Робертъ и Гуго, а также дочь, имя которой остается неизвѣстнымъ.

Бракъ Анны съ Генрихомъ былъ счастливый, но продолжался всего около десяти лѣтъ. Въ 1060 г. Генрихъ умеръ; Аннѣ было тогда едва 25 лѣтъ, старшему сыну Филиппу исполнилось лишь 8 лѣтъ. Еще при жизни отца, въ 1059 г. онъ былъ коронованъ и помазанъ на царство; опекуномъ его Генрихъ самъ назначилъ мужа сестры своей Аделаиды, графа фландрскаго Балдуина. Такое назначеніе произвело разладъ въ королевской семьѣ; образовались партіи, произошло смятеніе, грозившее государству переворотомъ: являлись попытки освободить отрока-короля отъ опеки Балдуина, котораго подозрѣвили въ честолюбивыхъ и коварныхъ замыслахъ, и возстановить права королевы-матери. Положеніе Анны было не только не удобно, но крайне затруднительно. Чтобы обезопасить себя отъ случайностей въ борьбѣ партій, Анна, дождавшись чрезъ годъ окончанія траура, вышла за мужъ за могущественнѣйшаго изъ вельможъ графа Рудольфа Креши. Онъ удалилъ для этого отъ себя вторую свою жену Элеонору, но кромѣ того между имъ и умершимъ королемъ по тогдашнимъ понятіямъ находили родство, такъ какъ оба они были Капеты. Бракъ Анны съ Рудольфомъ хотя объявленъ платоническимъ, тѣмъ не менѣе произвелъ сильное волненіе при дворѣ и въ народѣ. Негодовалъ Римъ и успокоился, лишь когда узналъ объ истинной цѣли брака. Рудольфъ скончался въ 1074 г., Анна имѣла на него самое благотворное вліяніе. Не смотря на этотъ бракъ, между матерію и сыномъ-королемъ существовали самыя добрыя отношенія, которыя сохранялись какъ при жизни, такъ и по смерти втораго мужа и остались такими до смерти самаго Филиппа въ 1108 г. По отсутствію положительныхъ свидѣтельствъ, мы не можемъ установить, какъ, когда и въ силу какого государственнаго акта Анна

и читалъ пергаменную рукопись, написанную по церковно-славянски и заключавшую въ себѣ подробное описаніе пріѣзжавшаго въ Кіевъ для сватанья дочери Ярослава Анны посольства отъ французскаго короля Генриха I, съ поименованіемъ бывшихъ въ посольствѣ лицъ и разсказомъ о ихъ одеждахъ, привычкахъ, времяпрепровожденіи, угощеніяхъ и пр. Если-бы это было такъ и если-бы нашлась самая рукопись или списокъ съ нея, на что мы не теряемъ надежды, то въ нашей исторіи явился-бы новый интересный листокъ изъ ея древняго періода.—Ред.

стала соправительницею своего сына; но на это указываютъ уцѣлѣвшія грамоты и другіе акты того времени, на которыхъ послѣ подписи короля слѣдуетъ подпись королевы-матери въ такихъ словахъ: *Agna Dei gratia francorum Regina* (Анна Божіею милостію королева французская). Первый изъ такихъ актовъ относится, если не ошибаемся, къ 1060 году, но подобныя же подписи находимъ въ актахъ послѣдующихъ годовъ, до 1075 г. и далѣе.

По смерти Генриха, Анна Ярославна избрала своимъ мѣстопребываніемъ старый замокъ въ Санли, невдалекѣ отъ Парижа. Здѣсь она еще при жизни мужа выстроила великолѣпную церковь во имя св. Викентія, а потомъ учредила при ней аббатство. Въ этой церкви на стѣнѣ былъ написанъ ея портретъ, съ котораго точный снимокъ изданъ въ концѣ XVII в. ученымъ Мезерэ въ его жизнеописаніяхъ французскихъ королевъ.

Годъ смерти Анны Ярославны не можетъ быть опредѣленъ даже приблизительно, но мѣсто погребенія ея въ точности извѣстно. Въ 1682 г. ученый іезуитъ Менестріе нашелъ въ Вилье, въ тамошнемъ систерціанскомъ аббатствѣ, надгробную плиту, на которой было изображеніе этой королевы съ короной на головѣ, въ родѣ вѣнца, даваемаго курфирстамъ, и начинавшуюся такими словами надгробную надпись: *Hic jacet Domina Agnes, uxor quondam Henrici Regis*... Раньше этого времени другой ученый—Парадэнъ открылъ ея гербъ съ лиліями, древнею эмблеммой Франціи, на одной половинѣ, — крѣпостными открытыми воротами на другой и короной на верху, сходной съ короной на прилагаемомъ портретѣ. Не включила-ли Анна Ярославна въ свой гербъ дорогія ея сердцу кіевскія *Златыя врата*, родныя, отчія?...

Древніе французскіе писатели, у которыхъ находимъ извѣстія объ Аннѣ Ярославнѣ, отзываются о ней съ благоговѣніемъ, какъ о женщинѣ, которая *plus de futuris, quam de praesentibus cogitavit.* По ихъ свѣдѣніямъ, съ высокимъ уваженіемъ и похвалою ея добродѣтелямъ отзывались папы Николай I и Григорій VII, первый въ письмѣ къ ней 1059 г., а второй въ письмѣ 1083 г. Въ духѣ благочестія воспитывала ее мать ея Ирина, за что похвалялъ эту послѣднюю митрополитъ кіевскій Иларіонъ. Независимо отъ того можно думать, что Анна Ярославна получила въ домѣ своихъ родителей об-

разованіе, соотвѣтственное готовившейся ей высокой роли. Достаточно времени давало для этого долго длившееся сватанье и достаточно средствъ образованность семьи Ярослава; самъ онъ, по свидѣтельству пріѣзжавшаго въ посольствѣ епископа Рогерія, велъ съ нимъ разговоры на латинскомъ языкѣ, а одинъ изъ сыновей его, Всеволодъ, какъ извѣстно, объяснялся на пяти языкахъ. Такимъ образомъ Анна Ярославна, прибывъ въ Парижъ для бракосочетанія, не могла показаться тамъ дикаркой и простушкой, но съ разу пріобрѣла то уваженіе, которымъ, какъ видно, пользовалась до самой смерти.

Удержала-ли она во Франціи свои вѣроисповѣдныя и національныя особенности, судить объ этомъ трудно. Вопросъ о переходѣ ея въ латинство въ смыслѣ нынѣшнемъ не могъ тогда имѣть мѣста, такъ какъ Анна прибыла во Францію двумя годами раньше раздѣленія церквей; но безъ сомнѣнія она свыклась впослѣдствіи съ особенностями тамошняго богослуженія и его языкомъ, который она знала, какъ показываютъ ея подписи, а равно усвоила языкъ, обычаи и нравы новаго своего отечества. Есть впрочемъ данныя, заставляющія полагать, что на первыхъ порахъ она имѣла своего священника, вывезеннаго изъ Кіева, свои иконы, богослужебныя и молитвенныя книги. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и знаменитое реймское евангеліе, на которомъ присягали французскіе короли, и другія книги и рукописи, которыя ученые Сорбоны показывали Петру I-му, остались отъ временъ Анны Ярославны. По ея, конечно, желанію, ея первенцу, будущему королю въ первый разъ дается имя христіанскаго святаго, а духъ ея благочестія отразился въ послѣдующихъ поколѣніяхъ королевскаго дома Франціи.

Что касается прилагаемаго здѣсь портрета Анны Ярославны, то гравюра его обязательно сообщена намъ полковникомъ Д. М. Резвымъ, а имъ получена отъ академика Бассена, къ которому перешла въ составѣ богатой и рѣдкой коллекціи отъ отца его, б. профессора живописи въ императорской академіи художествъ. Отъ кого и когда получена этимъ послѣднимъ, свѣдѣній объ этомъ не имѣемъ. Гравюра, какъ показываетъ подпись подъ ней, сдѣлана въ Венеціи, а русская надпись на ней: *Анна Ярославна, королева французская, родилась въ Кіевѣ, скончалась близъ Парижа* указываетъ на то, что она сдѣлана по заказу кого

либо изъ русскихъ, жившихъ за границей. Почеркъ русской надписи начала нынѣшняго, если не конца прошлаго столѣтія. Имѣемъ свѣдѣнія, что въ 1825 г. княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ была издана въ Парижѣ, въ числѣ 100 экземпляровъ, на французскомъ языкѣ біографія Анны Ярославны съ относящимися къ ней документами. Былъ-ли при ней портретъ, не знаемъ, да и самаго изданія этого нигдѣ розыскать не могли. Что настоящая гравюра сдѣлана съ какого либо древняго портрета, на это указываетъ корона — несомнѣнная принадлежность XI в. Не есть-ли это снимокъ съ изданія Мезерэ, которое, какъ снятое съ современнаго оригинала, имѣетъ всѣ условія автентичности? Прическа указываетъ по видимому на вѣкъ Людовика XIII и ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что она подновлена на портретахъ того времени. Девизъ на дусѣ герба королевы Анны свидѣтельствуетъ также о древности изображенія, послужившаго основою для гравюры. Смыслъ его: *оплакиваю мою жизнь и его смерть* эмблематически выраженъ въ видѣ горлицы, уныло сидящей на землѣ: предъ ней безплодное, увядающее дерево, назади кустъ лиліи, символъ чистоты. Горлица—это древнѣйшій, излюбленный въ нашихъ думахъ и пѣсняхъ символъ скорби и грусти; какъ нельзя болѣе онъ идетъ къ положенію вдовы-королевы, отвѣчаетъ ея думамъ и чувствамъ. Вдали отъ родины, забытая своими, чуждая всѣмъ и всему окружающему, лишившись друга жизни, ради котораго пожертвовала всѣмъ дорогимъ, Анна Ярославна хотя и соединяетъ свое имя съ именемъ новаго друга, покоряясь политической необходимости, но не принадлежитъ ему ни тѣломъ, ни душой, всѣмъ существомъ своимъ живетъ въ прошедшемъ, оплакиваетъ свою надломленную жизнь, когда-то широко распустившуюся, льетъ слезы о безвременной смерти своего подружія, какъ горлица-голубка воркуетъ и въ этомъ воркованьи вся ея жизнь, приближающая и ее къ неизмѣнному предѣлу. При взглядѣ на этотъ образъ нашей кіевской княжны, невольно приходятъ на память слова кіевской-же пѣсни, правда школьной, но симпатично и полно досказывающей смыслъ неяснаго въ подробностяхъ образа.

Горлица, какъ друга лишится,
Во вѣки зъ другимъ не спарится,
Гдѣ древо зелено,
Вѣтьми украшено,
Не сядетъ...

Отъ редакціи.

Журналъ «**Кіевская Старина**» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени" и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Динтера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, присылавшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ редакціи, кромѣ полныхъ экземпляровъ журнала за 1882, 1883 и 1884 г., есть также экземпляры разрозненные, образовавшіеся отъ высылки отдѣльныхъ книжекъ въ замѣнъ утраченныхъ при пересылкѣ. Гг. подписчики, у которыхъ случайно затерялись какія либо книжки »Кіевской Старины« предъидущихъ или нынѣшняго года, могутъ въ замѣнъ ихъ получить новыя, обращаясь въ редакцію съ приложеніемъ *одного рубля* за каждую вновь требуемую книжку; особой платы за пересылку не требуется.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,"

1884 г. (Третій годъ изданія). **1884 г.**

Журналъ „**Кіевская Старина**", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**", *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины" принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, газету „ДѢЛО". Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель **Ѳ. Г. Лебединцевъ.**

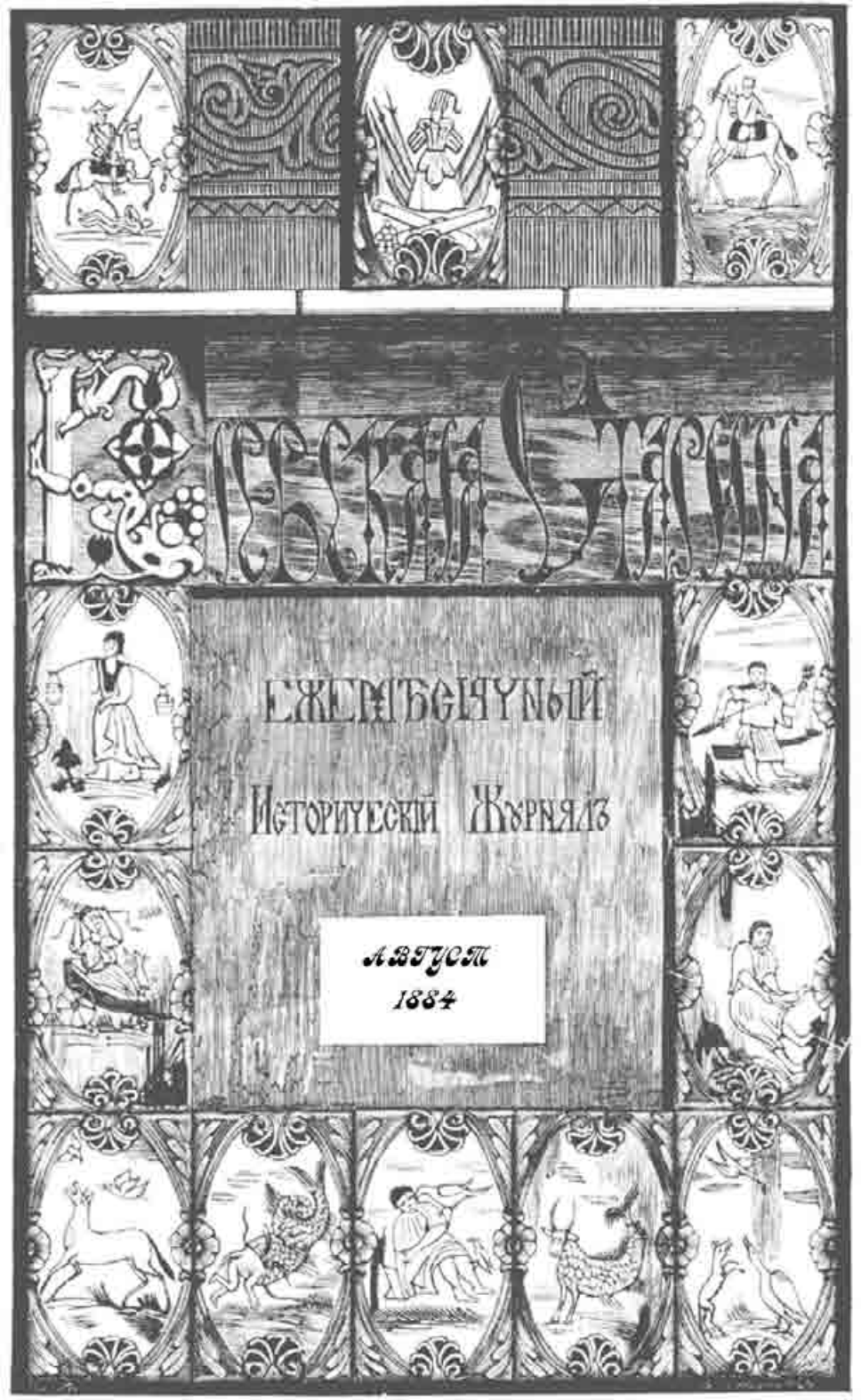
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Августъ
1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Августъ, 1884 г.

стр.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). *(Продолженіе).* **Ир. Житецкаго.** 561

II. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА. 580

III. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая) 1821—1846 г. *(Продолженіе).* 609

IV. ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ВНУТРЕННЯГО СТРОЯ ЗАПАДНО РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ XVI И XVII ВВ. **О. И. Левицкаго.** 627

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20 хъ годовъ XIX ст. *(Продолженіе).* . 655

VI. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Живописная Россія. Т. III. Спб. 1883. (Литва и Бѣлоруссія—соч. Киркора).—б) Сборникъ судебныхъ рѣшеній и проч., относящихся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей слободской Украйны. Сост. В. В. Гуровъ, при участіи Е. К. Бродскаго. Харьковъ 1884 г., XVII, IV. 705.—*Д. Багалѣя.*—в) Александръ Барвѣнскій.—Исторія Руси. Часть V. Львовъ. 1884.—*В. А.*—г) Темнѣ мѣстця въ »Словѣ о Полъку Игоревѣ«. Пояснивъ Ом. Партыцкій. Часть перша. У Львовѣ. 1883 г.—*Н. Голубовскаго.* 681

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Разсказы старыхъ людей о старыхъ временахъ.—Сообщ. *Н. Л—въ.*—б) Движеніе народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ—*К. Ц.*—в) Очаковская зима по современному описанію.—Сообщ. *В. Ястребовъ.*—г) Загадочные портреты.—*Д. Сапожникова.*—д) Панская блажь, хлопская напасть, а чиновничья пожива.—*К. Ц.*—е) Грамота Петра I черниговскому архіепископу Іоанну Максимовичу (объ измѣнѣ Мазепы и избранія новаго гетмана).—Сообщ. графъ *Милорадовичъ* 715

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями *А. М. Лазаревскаго.* (Приложеніе) . . . . 65—80

IX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ IX.

АВГУСТЪ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26-го іюля 1884 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ IX.

1884 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл.-у., соб. домъ.

Смѣна народностей въ южной Россіи.

(Историко-этнографическія замѣтки).

(Продолженіе) [1]).

ГЛАВА 3-я.

Татарская эпоха лѣтописнаго періода [2]).

Въ XIII ст. произошли историческія событія, рельефно отразившіяся на этнографической судьбѣ южнаго славяно-русскаго населенія; это были: *вторженіе* въ предѣлы южно-русской страны *монголовъ*, поселившихся потомъ въ южно-русскихъ степяхъ, и *занятіе нѣмцами польско-русскаго побережья Балтійскаго моря*. Послѣднее имѣло то значеніе, что нѣмцы, оттѣснивъ поляковъ и литовцевъ отъ моря и въ силу борьбы поднявъ послѣднихъ до государственной жизни, бросили эти двѣ народности на ослабленную всѣми предыдущими обстоятельствами южно-русскую страну. Нѣсколько иной смыслъ имѣло монгольское вторженіе.

Такъ называемое »монгольское нашествіе« не представляетъ въ своихъ общихъ типическихъ чертахъ чего нибудь особеннаго: это, какъ мы уже и говорили выше, было послѣднее звено въ той

---

[1]) См. »Кіевск. Стар.«, 1883 года, Т. VI, майск. кн., стр. 1—30, іюльск. кн., стр. 399—453.

[2]) Татарская эпоха обнимаетъ около вѣка (съ конца первой четверти XIII столѣтія до начала второй четверти XIV в.) и относится къ лѣтописному періоду южно-русской исторіи, такъ какъ для воспроизведенія этнографической картины страны служитъ, между незначительными другими источниками, главнымъ образомъ по прежнему лѣтопись.

цѣпи движенія азіатскихъ кочевниковъ, крайними звеньями котораго представляются намъ съ одной стороны скиѳы, а съ другой монголы, и слѣдовательно оно однородно съ движеніемъ хозаръ, печенѣговъ и половцевъ. Сравнительно съ послѣдними, монголы имѣютъ двѣ особенности, именно: они явились въ южную Русь, какъ представители довольно стройно организованной центральной власти и потомъ не остановились въ степныхъ пространствахъ съ момента появленія, а проникли сразу *въ глубь страны* и сдѣлались полными властителями надъ ея обитателями по всему пространству. Но чтобы достигнуть болѣе правдоподобной оцѣнки значенія въ жизни южно-русскихъ обитателей бурнаго натиска монголовъ, безусловно необходимо обратить вниманіе на три обстоятельства: 1) *на топографическія особенности южно-русской страны*, 2) *на систему разселенія въ ней обитателей въ XIII ст.* и 3) *на обычный ходъ движенія кочевыхъ монгольскихъ ордъ.*

Изъ 12,359,53 кв. м. (или 597,459 кв. в.) общаго пространства теперешней южной Россіи въ началѣ XIII в. осѣдлыя поселенія разбросаны были приблизительно на 6,738 кв. м. [1]) (322,045 кв. в.), что составляетъ около 55% всей территоріи. Область южной Россіи въ указанныхъ предѣлахъ, разрѣзываемая въ ширину (съ сѣвера на югъ) приблизительно параллельными теченіями главныхъ рѣкъ (Днѣпра и Днѣстра) и передѣляемая по всей длинѣ отпрысками Карпатъ (съ запада на востокъ), подраздѣляется на двѣ полосы: на южную и сѣверную. Южная—это возвышенная равнина съ поднятіемъ поверхности надъ уровнемъ моря на 1,000 ф. на волыно-подольскомъ и на 900 на галиційскомъ плато; здѣсь значительныя рѣки, параллельно почти текущія съ сѣвера на югъ, имѣютъ рѣзкія береговыя очертанія, а общія условія почвы благопріятствуютъ проживанію земледѣльческаго населенія. Напротивъ, сѣверная полоса представляетъ собою плоскую болотистую низменную равнину, съ высотою

---

[1]) Мы считаемъ не занятыми осѣдлыми поселеніями въ XIII в. приблизительно слѣдующія пространства: новороссійскій край, включая сюда и аккерманскій уѣздъ Бессарабіи, губернію воронежскую, Землю Войска Донскаго, харьковскую губернію и прилегающія части курской, а также константиноградскій уѣздъ полтавской губерніи, именно около 5,621 кв. м. (или 275, 414 кв. верстъ).

надъ уровнемъ моря въ 435,85 ф. (уровень Пины у г. Пинска)[1]— это по преимуществу *область лѣсовъ.* Въ наше время на пространствѣ разсматриваемыхъ нами 322,045 кв. в. южной Россіи лѣсомъ занято приблизительно около 82,000[2]) кв. в. или 25%. Изъ этого числа незначительная часть лѣсовъ, именно около 8,562 кв. в. представляетъ отдѣльныя лѣсныя заросли по рѣчнымъ прибрежьямъ южной полосы; остальные лѣса связаны въ двѣ неровныя группы: 60,975 кв. в. лѣса занимаютъ почти безъ промежутковъ сѣверную границу южной Россіи, отъ восточной до западной ея оконечности, представляя т. наз. *Полѣсье,* а 13,463 кв. в. лѣса покрываютъ срединныя Карпатскія горы, входящія въ южную Россію на ея зап. границѣ. Бескиды или лѣсистые Карпаты, занятые южно-русскими поселеніями, въ рѣдкихъ мѣстахъ достигаютъ высоты за 4,000 фут. надъ уровнемъ моря, и въ значительной части покрыты непроходимыми первобытными лѣсами, спускающимися до самой почти подошвы; среди сплошной массы густаго краснолѣсья изрѣдка торчатъ одинокія скалистыя вершины (Илемскій Горгань, Гропа, Яловая и др.), или же свѣтятся, какъ плѣши среди лѣсовъ пространныя горныя пастбища (»полонины«); для хлѣбопашества удобны лишь скаты горъ, и только по надрѣчнымъ долинамъ поселился народъ и, расчистивъ луга (царины), живетъ въ длинныхъ, довольно многолюдныхъ селахъ, тянущихся вверхъ по быстрымъ горнымъ рѣкамъ и притокамъ[3]). Переходъ черезъ Карпаты удобенъ

---

[1]) *Докучаевъ.* »По вопросу объ осушеніи болотъ вообще и въ частности объ осушеніи Полѣсья«.—Отеч. Зап. 1875 г. № 9, стр. 81.

[2]) Въ волынской губерніи 26,499 кв. в., кіевской 10,750, подольской 5,544, полтавской 2,697, черниговской 8,061, въ малорусскихъ частяхъ люблинской и сѣдлецкой 3,690, восточной Галиціи 11,522, Буковинѣ 1,941, гродненской 2,976, минской 8,082, въ хотинскомъ уѣздѣ Бессарабіи 321 кв. в. Свѣдѣнія взяты для Буковины у Головацкаго »Карпатская Русь. Географич.-стат. и историко-этногр. очерки Галичины, сѣверо-восточной Угріи и Буковины« (Славянскій Сборникъ 1877 г. т. II, стр. 56—57), для восточной Галиціи изъ Wiadomości statystyczne« Pr. Pilata, 1881 г., стр. 135—137, а относительно остальныхъ приблизительныя вычисленія сдѣланы по Де-Ливрану (стр. 76—77 и стат. табл., стр. 27—28). Въ количествѣ лѣса точности быть не можетъ; на наши выводы нужно смотрѣть, какъ на приблизительное отношеніе лѣсныхъ пространствъ къ остальной области.

[3]) *Головацкій,* »Карпатская Русь«. Слав. Сборникъ, т. I, стр. 3—4.

лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ источники рѣкъ, текущихъ въ противоположныя стороны, близки другъ къ другу и гдѣ потому и долины противоположныхъ притоковъ подступаютъ одна къ другой [1]). Аналогичными свойствами, хотя и совершенно другого типа, обладаетъ южно-русское Полѣсье. Центральнымъ мѣстомъ этой области лѣсовъ является такъ называемое минско-кіевское или бѣлорусское Полѣсье,—это пространство въ 8 милліоновъ десятинъ, приближающееся по формѣ къ треугольнику, представляетъ собою плоскую, болотистую, поросшую дремучими лѣсами страну по обѣ стороны рѣки Припети [2]). На востокѣ за границу Полѣсья принимаютъ Днѣпръ, а на западѣ верхнее теченіе р. Буга [3]). Но отъ этого центральнаго Полѣсья болотисто-лѣсистыя мѣстности продолжаются какъ на западъ, вдоль Буга, Нарева, Вислы, Вепржа и т. д. (Полѣсье волыно-подлясское), такъ и на востокъ отъ Днѣпра до г. Брянска (Полѣсье черниговo-сѣверское) [4]), такъ что опушка непроходимыхъ лѣсовъ, составляющихъ главный характеръ мѣстности, простирается на сѣверѣ до черты, проведенной отъ Бреста-Литовскаго до Могилева, а на югѣ отъ Влодавы до Кіева [5]) и далѣе черезъ Днѣпръ на востокъ мимо г. Чернигова. На югѣ границею Полѣсья, имѣющею реальное значеніе, представляется волыно-подольское и галиційское плато. Внутри Полѣсье представляетъ болотистую мѣстность, покрытую лѣсомъ и изборожденную по всѣмъ направленіямъ безчисленнымъ множествомъ рѣкъ, рѣчекъ и протоковъ то соединяющихся, то снова раздѣляющихся, то пересѣкающихся въ разныхъ направленіяхъ: словомъ, это лабиринтъ водъ, гдѣ даже трудно услѣдить одну и ту-же рѣку, опредѣлить ея направленіе. Въ половодье рѣки выступаютъ во многихъ мѣстахъ изъ своихъ береговъ, затопляютъ окрестныя мѣста, сливаются, представляя такимъ образомъ водныя пространства на 10—15 верстъ ширины, а зимою многія воды Полѣсья, благодаря бью-

---

[1]) Головацкій, »Карпатская Русь«. Слав. Сборн., т. I, стр. 19.

[2]) *Макшеевъ*, »Военно-статистическое обозрѣніе Россійской имперіи«, 1867 года, стр. 61.

[3]) *Докучаевъ*, »Отеч. Зап.« 1875 г. № 9, стр. 79.

[4]) *Макшеевъ*, стр. 61.

[5]) Ibid.

щимъ изъ грунта ключамъ, совершенно не замерзаютъ [1]), такъ что полѣсскія пространства и въ наше время во многихъ мѣстахъ являются непроходимыми [2]). Обитаемыя пространства составляютъ высокія сухія мѣста по берегамъ рѣкъ и отдѣльные песчаные бугры, или »острова« по мѣстному. Аналогичными свойствами обладаютъ какъ западныя, такъ и восточныя окраины Полѣсья, хотя и не въ такихъ рѣзкихъ, типичныхъ формахъ.

Наблюденія, сдѣланныя надъ Полѣсьемъ въ наше время, приводятъ къ выводу, что оно находится въ регрессивномъ состояніи: Полѣсье постепенно высыхаетъ (Эйхвальдъ), открытыя болота, хотя и медленно, но въ огромныхъ размѣрахъ постоянно превращаются въ торфяники, а эти послѣдніе въ черноземныя пахатныя земли (Зеленскій), а г. Кантреме на основаніи документовъ и инвентарей приходитъ къ выводу, что съ давняго времени въ Полѣсьѣ пространства земли, покрытыя водою, съ каждымъ годомъ уменьшаются [3]). Наблюденія о регрессивномъ ходѣ Полѣсья въ связи съ изслѣдованіями орографическими и геологическими, а также нѣкоторыми историческими указаніями (Геродотъ) послужили къ созданію весьма вѣроятной гипотезы (Н. П. Барботъ де Морни, Эйхвальдъ, Мурчисонъ), что въ Полѣсьѣ уже въ историческія времена (при Геродотѣ) существовало огромное озеро (внутреннее море); въ послѣдствіи оно могло обмелѣть, раздѣлиться на отдѣльныя озера и открытыя болота и явиться намъ въ той формѣ, въ какой мы видимъ Полѣсье теперь [4]). Можетъ быть въ непосредственной связи съ регрессомъ Полѣсья, какъ главнаго, внутренняго воднаго резервуара, находится наблюдаемое уменьшеніе дождевой влаги и воды въ рѣкахъ, упадокъ вообще флоры и въ частности лѣсной растительности. Вѣкъ назадъ страдающія отъ засухъ южно-

---

[1]) *Докучаевъ.*

[2]) »По случаю низменной почвы Полѣсья, говоритъ г. Эрсмичъ, проселочные пути его сообщенія такъ неудобны, что въ иныхъ мѣстахъ едва-ли можно сдѣлать и 20 верстъ по одной какой-нибудь методѣ передвиженія съ мѣста на мѣсто. Иногда приходится проѣхать верстъ пять на волахъ, столько-же на лодкѣ и около того же пройти пѣшкомъ« (Вѣстн. Зап. Россіи, 1877 г., № 11, стр. 101. Очерки бѣлорусск. Полѣсья).

[3]) *Докучаевъ*, стр. 20.

[4]) *Докучаевъ*, стр. 84.

русскія степи покрыты были еще обильною и роскошною травянистою растительностью, напоминающею тропическую, и нѣсколько десяткокъ лѣтъ не больше назадъ громадные лѣса тянулись по побережью рр. Ворсклы (отъ ея устья до г. Полтавы), Орели, Псла, Сулы и пр. И въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ настоящее время текутъ мелководныя рѣки южной Руси, напр. Альта, Трубежъ, Пселъ, Ворскла и пр., нѣсколько столѣтій назадъ были судоходныя рѣки; даже въ херсонскихъ степяхъ напр. въ болѣе или менѣе отдаленное время были рѣки тамъ, гдѣ теперь находятся однѣ огромныя сухія балки. Подобныя указанія, перечисленіе которыхъ отвлекло бы насъ далеко въ сторону, послѣдовательно приводятъ къ выводу, что семь-восемь вѣковъ тому назадъ южную Русь необходимо представлять и болѣе лѣсистою страною и болѣе обильною водою вообще, и въ частности, что Полѣсье и въ XIII ст. не только сохраняло свои лѣсисто-болотистыя оригинальности, но что граница Полѣсья спускалась гораздо южнѣе тогда, чѣмъ въ наше время. Судя по прогрессивно увеличивающимся болотамъ можно думать, что ранѣе въ Полѣсьѣ было болѣе текучихъ водъ и такъ какъ спускъ водъ былъ свободнѣе, то и больше было сухихъ пространствъ, пригодныхъ для обитанія.

Намъ приходилось уже касаться вопроса о разселеніи южнорусскихъ обитателей въ предшествовавшіе періоды (см. »Кіевск. Стар.« 1883 г., іюль, стр. 407—411), и мы тогда признали, что южные славяно-руссы, занимаясь не только земледѣліемъ, но и скотоводствомъ, и особенно охотою за рыбой, птицами, звѣрями, *обитали по побережьямъ рѣкъ, ручьевъ и водныхъ болотъ, въ мѣстахъ близкихъ для промысла среди болотъ и лѣсовъ*, почему у нихъ преобладалъ, можно думать, видъ отдѣльныхъ хуторскихъ поселеній. Такъ продолжали разселяться южно-руссы въ XIII в. и позже. Управляли здѣсь разселеніемъ не столько соціально-политическія условія, — большая безопасность отъ нападенія людей, сколько промышленно-экономическія. Въ ту эпоху, какъ и до конца разсматриваемаго періода, земледѣліе давало только необходимый продуктъ внутренняго потребленія, предметами-же торговли внѣшней служили исключительно продукты промысловъ: шкуры, медъ, воскъ и т. д. Отсюда мѣстности съ обиліемъ водъ, болотъ и лѣсовъ были гораздо цѣннѣе, чѣмъ области тучнаго чернозема, дававшія исклю-

чительно хлѣбъ, и потому населеніе, въ силу уже хозяйственно-экономическихъ побужденій, стремилось удержаться ближе къ лѣсамъ и болотамъ, чѣмъ къ открытымъ степнымъ пространствамъ. Въ XIV—XVI вв., отъ которыхъ до насъ дошли документальные матеріалы, продолжаетъ преобладать въ южно-русскомъ населеніи тотъ-же взглядъ при оцѣнкѣ угодій: мѣстности лѣсисто-болотныя »съ бортями«, »бобровыми гонами«, со звѣрями и дичью и съ лѣсными матеріалами предпочитаются всякимъ другимъ. Отсюда произошло то явленіе, что напр. въ повѣтахъ мозырскомъ, овручскомъ, чернобыльскомъ и въ сѣверныхъ частяхъ кіевскаго и житомирскаго, вообще въ лѣсной полосѣ—земяне были весьма многочисленны и отчины въ этой мѣстности были разобраны весьма рано [1]), тогда какъ въ южныхъ черноземныхъ и степныхъ повѣтахъ: черкасскомъ, каневскомъ, въ южныхъ частяхъ кіевскаго и житомирскаго »земяне или вовсе не берутъ »службъ« и »выслугъ«, или берутъ ихъ весьма неохотно [2])«. На тоже указываютъ и тѣ подраздѣленія населенія по занятіямъ, какое мы находимъ въ литовскій періодъ; напр. между крестьянами преобладали »колесники«, »бондари«, »плотники«, рыболовы«, »осочники« и »бортники«, »подлазники« или »полозники«, »бобровники« [3]). Аналогія съ разселеніемъ южныхъ славяно-руссовъ въ лѣтописный періодъ и потомъ въ XIV—XVI в. в. даетъ намъ основаніе предполагать, что и въ XIII в. лѣсистыя области древлянъ, дреговичей, сѣверныхъ волынянъ, верхнихъ сѣверянъ, вятичей и радимичей были гуще заселены, чѣмъ прочія области южной Россіи, а такія заселенныя области были: Подлясье, сѣв. Волынь, минско-кіевское и чернигово-сѣверское Полѣсье. Отсутствіе большихъ городовъ въ этой полосѣ въ то время можетъ быть объяснено тѣмъ, что защитою для населенія въ случаѣ нападенія непріятелей, вмѣсто городовъ, служили лѣса и болота (»paludes silvaque« Іорнанда), а сбытъ продуктовъ промысла удовлетворялъ города южной полосы, расположенные на лѣсныхъ опушкахъ при рѣкахъ, какъ Черниговъ, Кіевъ, Луцкъ и пр. Въ южной, болѣе

---

[1]) *Антоновичъ.* »Кіевъ, его судьба и значеніе въ XIV в. по XVI ст.« (»Кіевск. Стар.«, 1883 г. янв., стр. 30).

[2]) *Антоновичъ*, ibid.

[3]) Писцовая книга бывшаго ляпскаго староства, Вильно. Ч. I, стр. III.

степной полосѣ Руси та славяно-русская масса, которая не находила себѣ мѣста и удобствъ жизни въ городахъ, не отличавшихся тогда современными размѣрами и занятыхъ княжескими и боярскими дворами, духовенствомъ и иноземцами, была разбросана мелкими поселками, сообразно съ удобствами какъ земледѣлія, такъ и ловли рыбы, охоты за звѣрями и пр.

Въ южную Русь, въ страну на половину почти покрытую лѣсами и обильную водами, явились въ 1237 г. монголы. Какъ кочевой народъ, они двигаются въ предѣлахъ степей всею массою: съ семьями, со стадами, съ кибитками, встрѣчая же на пути области, не приспособленныя природою для кочевой жизни, они посылаютъ въ нихъ временно болѣе или менѣе большіе конные отряды. Эта черта общая у монголовъ съ половцами, печенѣгами и проч. Но есть у нихъ и свои важныя особенности: монголы прикочевали къ предѣламъ южной Руси въ такой періодъ своего бытоваго устройства, когда у нихъ организовалась уже своя центральная регулирующая власть, представители которой были довольно многочисленны, пользовались силою и имѣли опредѣленное постоянное мѣстопребываніе въ средней Азіи [1]). Движеніе монголовъ не отличается исключительно стихійнымъ характеромъ: въ задачу его входитъ не только расширеніе предѣловъ своихъ кочевьевъ, но и увеличеніе вообще подвластной территоріи, умноженіе подвластнаго населенія въ видахъ какъ увеличенія жизненныхъ средствъ, такъ и обогащенія правящихъ классовъ. Такимъ образомъ монголамъ не чужда была идея завоевателей—сохранять населеніе для извлеченія болѣе продолжительныхъ выгодъ, въ видѣ разнаго типа даней. Проходя по странѣ уже заселенной, они истребляютъ лишь населеніе сопротивляющееся; тутъ у кочевниковъ разгораются дикія свойства и они являются безпощадными; населеніе-же мирно-поддавшееся они не только не истребляютъ, но даже оберегаютъ: такъ Батый »приде къ Володимерю, и взя и копьемъ и изби и не щадя, такожъ и градъ Галичъ« [2]), тогда какъ мирно поддавшуюся землю болоховскую

---

[1]) Плано-Карпини. »Любопытнѣйшее путешествіе монаха францисканскаго ордена Жана дю Планъ-Карпина«. Москва, 1800 г., стр. 19—21.

[2]) Ипатск. лѣт. 1245 г., стр. 528, 1250 г., стр. 536.

[3]) Ипатск. лѣт. 1240 г., стр. 523.

»оставили.... татарове, да имъ орють пшеницю и просо«[1]). На сколько можно возстановить по лѣтописи, завоеваніе монголовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1237 г. кочевыя орды монголовъ достигли области половцевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра и отсюда стали посылать конные отряды въ лѣвобережныя земли южноруссовъ[2]); сопротивляющіеся города Переяславль, Черниговъ были взяты и разрушены, такая же участь постигла, можно думать, г. Глуховъ[3]) и др. сѣверскіе города. Въ теченіи 3-хъ лѣтъ монголы оставались на лѣвомъ берегу, не переставая, вѣроятно, опустошать сѣверную область до предѣловъ лѣсовъ, куда проникнуть мѣшала сама природа. Въ 1240 г. перешедши очевидно въ пунктѣ постояннаго перехода всѣхъ предшествовавшихъ кочевниковъ, ниже впаденія Десны въ Днѣпръ[4]), монголы подошли къ Кіеву со всѣми своими кочевыми обозами[5]), взяли и разрушили сопротивлявшійся городъ, закочевали въ степяхъ на правой сторонѣ Днѣпра, а конныя военныя силы пошли во внутрь страны[6]) и проникли даже за карпатскій хребетъ въ Венгрію: при этомъ одни города со всѣмъ населеніемъ были взяты и истреблены, какъ Колодяжный, Каменецъ, Володимерь, Галичъ[7]), другіе устояли подъ напоромъ монголовъ, напр. Кременецъ, Холмъ, нѣкоторые были сохранены, какъ болоховскіе города: Деревичь, Губинъ, Кобудъ, Кудинъ, Городѣцъ, Божьскій, Дядьковъ[8]), наконецъ нѣкоторыхъ и не коснулось нашествіе, напр. Бакоты, Дрогичина, Пинска, и пр.[9]). Черезъ два года

---

[1]) Ibid., 1241 г., стр. 526.

[2]) »Батыеви-же вземши Козлескъ, и поиде въ землю Половецькую. Оттудаже поча посылать на грады Руськые«. Ипатск. лѣт., 1237 г., стр. 520.

[3]) Ibid.

[4]) См. глава 2-я »Смѣна народностей«, »Кіевская Старина« 1883 года, № 6-ой, стр. 415—416.

[5]) »И бѣ Батый у города и отроци его обьсѣдяху градъ, и не бѣ слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множества ревенія вельблудъ его и ржанія отъ гласа стадъ конь его. Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 522.

[6]) У насъ нѣтъ фактическихъ основаній соглашаться съ мнѣніемъ, что монголы вездѣ двигались цѣлою массою, всею ордою со стадами и имуществомъ. *Дашкевичъ*, »Кн. Дан. Галицк.«, стр. 84, *Антоновичъ*, »Кіевск. Стар.«, стр. 511.

[7]) Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 523.

[8]) Ипатск. лѣт., 1241 г., стр. 526.

[9]) Ibid., 1240 г., стр. 524, 525.

(въ 1243 г.) на возвратномъ пути »изъ Угровъ татарове воеваша до Володавы и по озерамъ много зла створше« [1]), и всѣдъ за этимъ они en masse очевидно исчезаютъ въ степи въ своихъ кочевьяхъ, а Батый, завоевавшій южную Русь, удаляется въ свою ставку на Ахтубу, чѣмъ и заканчивается собственно завоеваніе южной Руси монголами, такъ какъ дальнѣйшіе набѣги татаръ (1255, 1259, 1260 и т. д.) имѣютъ, какъ увидимъ, совершенно другое значеніе. Города Руси, изъ которыхъ правили страною до этого времени князья, подчинились монголамъ, а черезъ это подчинилась имъ и вся страна. Умолчаніе лѣтописи, въ связи съ послѣдующими историческими событіями, и указанныя нами выше топографическія условія Карпатскихъ горъ и Полѣсья, гдѣ природа ставитъ на каждомъ шагу непреодолимыя препятствія не только для движенія кочевыхъ массъ, но даже и кочевыхъ отрядовъ, — заставляютъ думать, что такъ называемое »нашествіе монголовъ« не коснулось непосредственнаго населенія этихъ областей [2]), нѣтъ также данныхъ, показывающихъ, что монголы проникали за Днѣстръ, въ такъ называемое Подгорье (округи коломыйскій, станиславовскій, стрыйскій и отчасти самборскій); потому, какъ уже и говорили мы, сохранилось населеніе волыно-подольскихъ областей, принадлежавшихъ болоховскимъ городамъ. Въ остальныхъ областяхъ южной Россіи пострадали прежде всего и болѣе всего города и ихъ обитатели, а также то вблизи живущее населеніе, которое искало спасенія въ стѣнахъ города. Расположеніе городовъ обусловливало главнымъ образомъ направленіе пути для движенія кочевниковъ; остальныя поселенія едва-ли служили цѣлью нападеній, а захватывались развѣ по пути. Къ городамъ болѣе всего и относится извѣстіе Плано-Карпини, что большая часть руссовъ была побита и уведена въ плѣнъ татарами [3]). Истребленіе сопротивлявшагося городскаго населенія и ихъ имущества, а равно и встрѣчен-

---

[1]) Ibid., 1243 г., стр. 528.

[2]) Мнѣніе, что Шейбанъ, братъ Батыя, и Кайданъ, полководецъ его, разорили въ 1240 г. Пинскъ, Новогрудокъ и др города и села Полѣсья... но были разбиты около Мозыря литовскимъ княземъ Эрдвиломъ (Николай архимандритъ, »Историко-Статистическое описаніе минской епархіи«. Спб. 1864 г., стр. 12) мало вѣроятно, особенно въ опредѣленіи времени.

[3]) *Максимовичъ*, »Собраніе сочиненій«, т. I, стр. 133.

наго внѣ городскаго поселенія, было страшное [1]), а много жителей было захвачено въ плѣнъ и частію увлечено въ качествѣ войска завоевателей [2]), частію выведено въ степи [3]), за предѣлы южной Россіи. Однако нельзя оставить безъ вниманія тѣхъ, хотя и неясныхъ, отрывочныхъ свѣдѣній, которыя говорятъ намъ, что часть населенія бѣжала, по выраженію Воскресенской лѣтописи, »въ дальнія страны« [4]), какими были прежде всего Венгрія, Польша, а также Литва и сѣверо-восточная Русь. Удалялись изъ страны, конечно, особенно князья, бояре и высшее духовенство—классы, обладавшіе средствами для быстраго и далекаго передвиженія [5]). Можно думать, что выселилось изъ южной Руси все иноземное населеніе: какъ торгово-промышленники, иноземцы обладали средствами для передвиженія, не связаны были органически со страной на столько, чтобы жертвовать собой въ защиту ея, а если часть иностранцевъ не успѣла удалиться, то, проживая главнымъ образомъ въ большихъ

---

[1]) Вотъ какую картину рисуетъ лѣтописецъ: »Даниловн-же со братомъ пришедшу къ Берестью, и не возмогоша ити въ поле страдя ради множества избіенныхъ, не бѣ бо на Володимерѣ остался живой, церкви святой Богородицы исполнена быша трупья и тѣлесъ мертвыхъ«.—Ипатск. лѣт. 1240 г., стр. 526.—О томъ-же говоритъ и замѣтка Плано-Карпини, что, проѣзжая скоро послѣ нашествія монголовъ, онъ видѣлъ въ степи множество череповъ и костей человѣческихъ. Дашкевичъ, стр. 84.

[2]) Въ войскѣ, осаждавшемъ замки въ Венгріи и Польшѣ, находились плѣнные руссы, половцы и угры.—Илов. т. II, стр. 392.

[3]) Посолъ французскаго короля Людовика IX (въ 1253 г.) и его товарищи слыхали, что русскіе пасли стада въ кочевьяхъ монголовъ (Илов., 402). То же посольство, на пути отъ Дона до Сарая, было въ большомъ страхѣ отъ разбойниковъ, ибо многіе бѣдняки переселенные татарами въ степи изъ Руси, Венгріи и Алавіи, соединялись по 20—30 человѣкъ и по ночамъ рыскали на степныхъ коняхъ, грабя и убивая всякаго встрѣчнаго (Ibid., стр. 403).

[4]) *Житецкій*. »Очеркъ звуковой исторіи«, стр. 283; *Дашкевичъ*, стр. 84—85.

[5]) Михаилъ, князь черниговскій, при появленіи татаръ на лѣвомъ берегу Днѣпра, бѣжалъ въ Угрію, а »потомъ до ляховъ (Ипатск. лѣт. 1238 г., стр. 521) со своей семьей, людьми и товаромъ« (522). Въ 1241 г. князь Даніилъ на пути изъ Венгріи въ Польшу на р. Полцѣ встрѣтилъ свою »родину« (брата, дѣтей, княгиню), »яко вышли суть изъ русское землѣ въ ляхы предъ безбожными татары« (Ипатск. лѣт. 1240 г., 524). Около того-же времени переселились, вѣроятно, черниговскіе бояре (ibid., 525 и пр.).

городахъ, которые подверглись раззоренію, она была истреблена. Однако и рядовое славяно-русское населеніе, какъ городское, такъ и внѣ живущее, не только въ сѣверной, но и въ южной полосѣ, сохранилось въ значительномъ количествѣ: оно если не могло удалиться, за нѣкоторыми исключеніями, за предѣлы страны, то спѣшило укрыться въ горахъ, лѣсахъ, болотахъ, пещерахъ[1]) и т. п. недоступныхъ для кочевниковъ мѣстахъ. Даніилъ въ синеводскомъ монастырѣ, въ Карпатскихъ горахъ, »видѣ множество бѣжащихъ отъ безбожныхъ татаръ«[2]); часть удалившихся изъ Кіева монаховъ укрылась въ волынскихъ лѣсахъ и основала тамъ почаевскую лавру[3]); много населенія сберегли лѣса и болота Полѣсья (Чернигово-Сѣверскъ, Кіево-Минскъ и пр.), а равно и недоступныя для кочевниковъ мѣста въ самой южной полосѣ. Дѣло въ томъ, что южноруссы привыкли уже укрываться отъ набѣговъ кочевниковъ: хозаръ, печенѣговъ, половцевъ и т. д.; самое появленіе монголовъ не было внезапное: предварительно были истреблены военныя силы южно-руссовъ на Калкѣ, раззорена и опустошена сѣверо-восточная Русь; наконецъ переходъ за Днѣпръ совершился лишь на третьемъ году послѣ появленія монголовъ въ области южной Руси; за это время сдѣлалась извѣстна какъ сила монголовъ, такъ и ихъ умѣнье брать города, и потому, если скоплялось населеніе въ такъ хорошо защищаемыхъ городахъ, какъ Кіевъ, Кременчугъ и др., то несчастный опытъ Сѣверщины, города которой были разрушены, долженъ былъ послужить урокомъ, чтобы предпочитать городу болота и лѣса; наконецъ въ города и не могло сбѣжаться все населеніе страны. Такъ по крайней мѣрѣ поступало сельское населеніе въ болѣе доступное по свѣдѣніямъ время: въ случаѣ нападенія часть населенія бѣжала въ городъ, другая часть, по выраженію г. Шараневича, »утѣкала въ лѣсы, яскинѣ и въ подземніи диры«, въ недоступныя мѣста »межи багна и мочары« и скрывалась тамъ съ родиною и остаткомъ добытку«[4]), какъ передъ та-

---

[1]) *Иловайскій*, 387, *Костомаровъ*, »Монографіи«, т. I, стр. 218.

[2]) Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 523.

[3]) Дашкевичъ, стр. 88.

[4]) *Шараневичъ*, »Исторія Галицко-Владимірской Руси, стр. 356, 399.

тарами, такъ и передъ поляками и литовцами [1]), а по отходѣ враговъ возвращалась изъ убѣжищъ на старыя жилища [2]). Но лучшимъ основаніемъ для вывода, что значительная часть населенія осталась и во время погрома монгольскаго внутри [3]) страны, служитъ сравнительная быстрота появленія населенія въ раззоренномъ краѣ. Въ областяхъ Галиціи, сѣверной половины Волыни, на Подлясьѣ, въ предѣлахъ пинскаго и туровскаго княжества, непосредственно за удаленіемъ монголовъ жизнь политическая забила полнымъ ключемъ [4]) (княженіе Даніила Галицкаго); но не остались пустыней Кіевщина, Черниговщина и Подолія—области найболѣе пострадавшія. Явились въ Кіевъ, а также и въ Черниговъ [5]) князья, а также и »людіе, еже бѣху разбѣглися на чужей землѣ, пріидоша на свою землю« [6]). Около 1245 г. Плано-Карпини нашелъ Кіевъ бѣднымъ городомъ, но въ немъ былъ и тысяцкій, и бояре кіевскіе, и около 200 дворовъ жителей [7]); съ 1243 г. и почти до конца XIII ст. въ немъ проживаютъ безъ перерыва князья [8]); продолжаютъ существовать главные кіевскіе монастыри и церкви: кіево-печерская лавра, выдубецкій монастырь, софійскій соборъ и пр. [9]); населеніе было и

---

[1]) Ibid., стр. 356, 399, 400, 420, 425 и пр.

[2]) Г. Самоквасовъ говоритъ: »какъ *до татаръ* народъ искалъ спасенія въ совмѣстной общинной жизни, въ стѣнахъ городовъ, такъ *послѣ татаръ* сталъ искать его въ разрозненности—въ болотахъ и лѣсахъ. Какъ *до татаръ* въ случаѣ опасности народъ бѣжалъ въ стѣны города, такъ *послѣ татаръ* въ подобныхъ случаяхъ онъ разбѣгался изъ городовъ по лѣсахъ и болотахъ (162). Но есть и другое мнѣніе, что уже въ первое нашествіе татаръ 1241 г. « жителя оставляли хаты, бѣжали въ лѣсы и горы, або хоронилися за багнами и мочарами «. Шараневичъ, стр. 88.

[3]) Не слѣдуетъ забывать словъ, которыя говорилъ Дмитрій, тысяцкій кіевскій Батыю, раззорившему Сѣверщину, Кіевщину, Волынь и пр. »Не мози стряпати въ землѣ сей долго, время ти есть на Угры уже поити, аще ли умешкаешь, земля ти есть сильна; соберутся на тя и не пустять тебѣ въ землю свою«.—Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 523.

[4]) *Антоновичъ*, »Кіевъ« и проч., стр. 4; *Дашкевичъ*, стр. 87.

[5]) *Житецкій*, стр. 283.

[6]) Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 524.

[7]) *Максимовичъ*, т. I, стр. 133; *Иловайскій*, стр. 394.

[8]) *Антоновичъ*, »Кіевъ« и проч., стр. 4—5.

[9]) *Ипатск. лѣт.*, 1250 г., стр. 535; *Максимовичъ*, стр. 133, *Антоновичъ*, »Кіевъ« и проч., стр. 5.

внѣ Кіева, въ селахъ[1]). На значительную населенность кіевской области въ XIII ст. указываетъ фактъ перехода въ XIV ст. 1700 княжатъ и дѣтей боярскихъ къ московскимъ князьямъ[2]). Присутствіе южно-русскаго населенія непосредственно послѣ перваго нашествія татаръ на лѣвой сторонѣ Днѣпра видно изъ факта возвращенія Ростислава въ Черниговъ въ 1240 г.[3]), а также изъ извѣстной поѣздки Михаила въ Сарай за полученіемъ ярлыка на черниговское княженіе[4]). Хотя скоро чернигово-сѣверская земля теряетъ политическую самостоятельность, но сѣверныя ея части, очевидно заселенныя тогда, примкнули къ возвысившемуся въ то время Брянску[5]); видно, сѣверское населеніе, оставшееся послѣ нашествія монголовъ, подвинулось на сѣверъ, въ лѣсистую область и продолжало держаться тамъ, такъ какъ на югѣ, въ нижнемъ Подесеньѣ и Посемьѣ заселенію мѣшали близость кочевыхъ ордъ и отсутствіе въ краѣ естественныхъ средствъ защиты[6]). Что касается Подоліи (или Понизья), то хотя этотъ край дѣйствительно пострадалъ и здѣсь не осталось »ни одного города ни деревомъ рубленаго, ни каменными стѣнами укрѣпленнаго«[7]), но есть основаніе предполагать и здѣсь остатки славяно-русскаго населенія: непосредственно за первымъ нашествіемъ въ Подолію является оригинальное татарское устройство съ атаманами[8]) и пр., и потомъ поселившіеся здѣсь

---

[1]) Въ 1246 г. Плано-Карпини отъ первой татарской заставы на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ кочевалъ Курекса, ѣхалъ до Кіева шесть дней. На этомъ разстояніи и ниже селенія Канавы (Канева) были подобныя-же селенія (vilae), изъ которыхъ въ одномъ былъ тогда начальникомъ *Михей*, провожавшій путешественниковъ до татарской заставы. Это очевидно было на пространствѣ между рѣками Росью и Тисьминомъ, на которомъ были уже города и селенія русскіе, въ томъ числѣ и Боровой, впосл. Боровица.—Максимовичъ, стр. 135.

[2]) Ibid., 136.

[3]) Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 524.

[4]) Ibid., 1245, стр. 528.

[5]) Багалѣй, 307—309.

[6]) Ibid.

[7]) Шараневичъ, стр. 88.

[8]) У Daniłowicz'а по поводу пораженія княземъ Ольгердомъ татаръ при Синихъ Водахъ говорится: сіи три брата татарскіе князья отчичи и дедичи Подольской земли, а отъ нихъ завѣдали ватамани, а баскаки, приездяючи отъ нихъ, у атамановъ имывали изъ Подольской земли дань.—Daniłowicz, Latopisiec Litwy

татары оказываются обрусѣвшими[1]). Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, южная Русь при первомъ нашествіи монголовъ не обезлюдѣла, а сохранила въ значительной степени коренное славяно-русское населеніе, хотя и не вездѣ въ одинаковыхъ размѣрахъ. Густота населенія понижалась по направленію съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ: южная черноземная полоса потеряла больше, чѣмъ сѣверная лѣсная, и далѣе восточная половина южной полосы болѣе, чѣмъ западная. Изъ всѣхъ областей южной Россіи черниговская область особенно обѣднѣла осѣдлымъ населеніемъ: менѣе приготовившись, чѣмъ другія области, она выдержала первый и самый сильный ударъ монголовъ и при этомъ оказывала самое энергичное сопротивленіе. Къ этой восточной окраинѣ можетъ быть примѣнено мнѣніе г. Костомарова, что »въ Руси едва-ли осталась десятая часть прежняго населенія«. Затѣмъ чувствительныя потери населенія понесены были южною половиною кіевской области и подольской. Послѣднія области продолжали терять свое осѣдлое населеніе и послѣ перваго нашествія монголовъ, благодаря тому обстоятельству, что онѣ примыкали непосредственно къ кочевьямъ татарскихъ ордъ, расположившихся въ степяхъ на всей южной и восточной границѣ Руси отъ Днѣстра и далѣе на востокъ за Волгу. Близость кочевыхъ ордъ, отсутствіе въ странѣ естественныхъ средствъ защиты, конечно, все это не способствовало развитію благосостоянія въ такихъ странахъ, какъ Подолье, южная часть Кіевщины (Поросье), Посемье и нижнее Подесенье, гдѣ населеніе должно было постоянно бѣгать въ лѣса, а потому послѣднее постепенно выселяется изъ этихъ мѣстъ: колонизація южно-русская во второй половинѣ XIII ст. направляется *на западъ*—въ области галицко-волынскія и далѣе за Карпаты, *на сѣверъ*—въ Полѣсье и Литву, а на сѣверо-востокъ—въ предѣлы зарождающейся московской Руси. Галицко-волынскія области, какъ самыя безопасныя среди прочихъ южно-русскихъ областей, несомнѣнно привлекали славяно-русское

---

i kronika Ruska, стр. 50, по Новицкому »Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV—XVIII вѣкѣ«. Кіевъ. 1876 г., стр. 31.

[1]) *Антоновичъ*, »Исторія Великаго Княжества Литовскаго«, стр. 147 и 149.

населеніе изъ другихъ районовъ, какъ въ видѣ князей[1]), бояръ[2]), такъ и изъ среды рядового населенія. Извѣстенъ фактъ, что къ Даніилу бѣжало множество мастеровъ отъ татаръ, имѣвшихъ обыкновеніе щадить при набѣгахъ и брать въ плѣнъ ремесленниковъ[3]). Были въ галицко-волынской землѣ и насильно переселенные южноруссы изъ другихъ областей: по взятіи и разрушеніи Дзвягля, Даніилъ »*люде изведе* и вдастъ я на надѣлъ ово брату, ово же Львови, другия Шварнови«[4]). Благодаря переселенію славяно-русскаго населенія въ предѣлы галицко-володимірской территоріи, эта область со временъ монгольскаго нашествія удерживаетъ за собою преимущественное названіе »Руси«, »Русской земли«.

Другимъ пунктомъ, куда направилась тогда же колонизація южныхъ славяно-руссовъ, были области литовскихъ поселеній[5]). Славяно-руссы »утиснени, по выраженію г. Шараневича, подъ ярмомъ татарскимъ въ областяхъ заднѣпровскихъ, покидали свои отцѣвства и переходили въ великомъ множествѣ въ сосѣдственную Литву, строили себѣ жилища и православныя церкви и распространяли свои поселенія далеко за правый берегъ Виліи въ самую глубь Жмуди«[6]).

Чѣмъ далѣе къ XIV в., тѣмъ наплывъ русскаго населенія возрасталъ, особенно въ ятвяго-русской области[8]), нынѣшней малорусской части Гродненской губерніи.

---

[1]) »Князѣ зъ роду Ольговичей, черниговскія, Василій и Мстиславъ Глѣбовичи бѣжали передъ татарами въ Галицко Володимірскую Русь и вступили въ службу Данила. Мы срѣтили ихъ яко вождей и хоробрыхъ борцей въ ополченіи Данила передъ Ярославлемъ«. Шараневичъ, стр. 92.

[2]) Галицкіе бояре »вôйшли съ черниговскими боярами въ порозумѣнье, призвали ихъ въ Галичъ и пороздавали *боярамъ* и *хлопамъ* княжескіе городы и области«. Шараневичъ, стр. 84.

[3]) Дашкевичъ, стр. 93.

[4]) Ипатск. лѣт. 1258 г., стр. 556.

[5]) Ibid., 1259 г., стр. 558.

[6]) »Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края«, XXVI.

[7]) Акты, изданные комиссіей въ Вильнѣ, т. I, стр. 2—Шараневичъ, стр. 118.—Кукольникъ, »Историческія замѣтки о Литвѣ«. Вильна. 1864 года, стр. 10.

[8]) Кукольникъ, стр. 37. »Историческія замѣтки о Литвѣ«.

Менѣе интенсивно переходило южно-русское населеніе въ сѣверо-восточную Русь, которая тогда еще сама страдала отъ татарскихъ и другихъ бѣдъ и не могла представить прочной гарантіи въ безопасности населенія. Главнымъ образомъ въ сѣверо-восточную Русь перешло то южно-русское населеніе черниговo-сѣверской области, которое не успѣло укрыться за Днѣпръ[1]); изъ другихъ частей южной Россіи переселялось туда главнымъ образомъ высшее духовенство, князья и бояре. Въ 1299 г. »татаре творили великое насиліе въ Кіевѣ. Митрополитъ Максимъ не могъ того стерпѣти, оставилъ Кіевъ и съ *клиросомъ* своимъ и *со всею службою* своею отойшолъ черезъ Брянскъ и Суздаль во Владимеръ Клязменскій«[2]). Въ началѣ XIV в. вызванъ былъ московскимъ княземъ на службу кіевскій вельможа Родіонъ Несторовичъ, вышедшій съ 1700 *княжатъ и дѣтей боярскихъ*«[3]). Къ концу XIII в. прилегающія непосредственно къ степямъ южно-русскія окраины запустѣли и нѣтъ признака славяно-русскаго населенія въ малорусскихъ частяхъ курской губерніи[4]), въ степномъ районѣ черниговской и полтавской по Сулѣ, Сейму и нижней Деснѣ[5]); почти въ такомъ-же состояніи оказались и степныя области кіевской, волынской и подольской губерній. Въ выше лежащихъ южно-русскихъ мѣстностяхъ населеніе пополнялось притокомъ новой колонизаціи, но оно постоянно и систематически въ свою очередь разрѣжалось[6]) спорадическими набѣгами татарскихъ ордъ[7]), »которыя похищали, рѣзали, палили, раззоряли«[8]).

Кромѣ измѣненія направленія южно-русской колонизаціи, сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ, а чрезъ это насильственнаго задержанія славяно-руссовъ въ томъ районѣ ихъ

---

[1]) Шараневичъ, стр. 120 и 124.

[2]) Максимовичъ, т. I, стр. 136.

[3]) Багалѣй, стр. 308.

[4]) Германовъ, стр. 2; Багалѣй, Ibid.

[5]) Въ 1283 г. »по отшествію Телебузинѣ и Ногаевѣ Левъ князь сочте, колко погибло во его землѣ людей, што поимано, избито и што ихъ Бюжию волею измерло полъ-третьинадесять тысячѣ«. Ипатск. лѣт., стр. 589.

[6]) Въ 1253, 1258, 1259, 1260, 1261, 1277, 1281, 1283 годахъ и т. д.

[7]) Шараневичъ, стр. 88.

территоріи, изъ котораго они постоянно стремились разселиться внизъ по теченію пересѣкающихъ ихъ страну рѣкъ,—монгольская эпоха оказала и другія вліянія на этнографическія судьбы кореннаго населенія. Прежде всего въ это время докончилось то этнографическое объединеніе южно-руссовъ, процессъ котораго отмѣтили уже мы въ періодъ княжескихъ междоусобій. Политическіе областные центры или исчезли совершенно, или же ослабѣли до неузнаваемости (Черниговъ, Кіевъ, Каменецъ и пр.), княжескіе роды, поддерживавшіе традицію удѣловъ и областей, стушевались передъ могуществомъ сарайскаго правителя Руси и силою волыно-галицкаго рода, наконецъ перемѣщеніе населенія, обитаніе его на сравнительно меньшей территоріи, слѣдовательно подъ менѣе разнообразнымъ вліяніемъ разъединяющихъ географическихъ условій, и единеніе въ виду общаго врага—монголовъ—все это неизбѣжно служило въ теченіи почти столѣтія монгольской эпохи къ стиранію областныхъ особенностей въ южныхъ славяно-руссахъ. Тогда-же заложено было и основаніе той оригинальности въ сословномъ организмѣ южно-руссовъ, съ какою они существуютъ и въ наше время—это отсутствіе національнаго городскаго сословія. Какъ мы уже и говорили, при нашествіи монголовъ главнымъ образомъ пострадали города и городское населеніе, такъ что XIII в. можетъ быть обозначенъ, какъ періодъ упадка южно-русскихъ городовъ по преимуществу, ибо возникавшіе въ волыно-галицкой землѣ и достигшіе цвѣтущаго состоянія города не имѣли, какъ увидимъ, этнографическихъ чертъ коренного населенія. Въ разрушенныхъ и обезсиленныхъ городахъ погибло нарождавшееся ремесленно-торговое населеніе, исчезли дружины княжескія и ослабѣло мѣстное духовенство, а вмѣстѣ съ тѣмъ духовныя силы народа, дѣйствовавшія прежде, сошли со сцены или устремились на другія цѣли [1]); задержано было матеріальное и умственное процвѣтаніе въ южной Руси и само собою пріостановилось »широкое развитіе русскаго слова« [2]). Наконецъ занявшіе своими кочевьями нижнее теченіе главныхъ рѣкъ южной Россіи: Днѣпра, Буга и Днѣстра монголы прекратили живыя и разнообразныя сношенія южно-русскаго населенія

---

[1]) *Житецкій*, стр. 49.

[2]) Ibid., стр. 276.

съ греческимъ византійскимъ міромъ, а черезъ это увеличилось сношеніе и взаимодѣйствіе славяно-руссовъ между германо-романскимъ міромъ, нивеллируемымъ тогда особенно римскимъ католичествомъ. Древняя Русь (что мы уже видѣли) вообще не чуждалась запада и входила съ нимъ въ разнообразныя сношенія, но особенно часты были сношенія, конечно, въ пограничныхъ съ нимъ Галиціи и Волыни. Съ сосредоточеніемъ политической жизни южной Руси въ этихъ областяхъ и съ прекращеніемъ уравновѣшивающаго значенія въ торговлѣ и въ политическихъ связяхъ и сношеніяхъ Византіи, западъ пріобрѣтаетъ особенную силу. Къ тому же западная Европа въ это время для населенія южно-русскаго не только стала просвѣтительнымъ и торгово-промышленнымъ центромъ, но представляла изъ себя и ту политическую силу, на которую только и можно было разсчитывать, какъ на опору противъ нападенія монголовъ: на послѣднее особенно указываетъ извѣстная исторія сношеній Даніила Галицкаго съ папою [1]). Если въ XIII в. и не видно еще особенныхъ результатовъ этого западно-европейскаго вліянія на южную Русь, то во всякомъ случаѣ въ это время создались тѣ условія, которыми впослѣдствіи воспользовались западно-европейскіе элементы для своего воздѣйствія на южно-русское населеніе: культура края начала съ этого момента развиваться подъ западнымъ вліяніемъ [2]) и въ ростѣ ея культурномъ и сословномъ нельзя не замѣтить параллелизма съ западной Европой.

Таковы общіе результаты вліянія монгольскаго нашествія на этнографическія судьбы южной Руси; что-же касается до этнологическаго взаимодѣйствія татаръ и южно-руссовъ, то объ этомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Ир. Житецкій.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

---

[1]) *Дашкевичъ*, стр. 95, 99, 102.

[2]) Ibid., стр. 94.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА.

Не возможно излагать исторію запорожскаго козачества, не касаясь исторіи южно-русскаго козачества вообще. Запорожское козачество составляетъ только частный фактъ въ явленіи южно-русской козаччины; обособилось оно въ отдѣльный типъ только послѣ цѣлаго ряда измѣненій въ судьбѣ этой послѣдней.

Поэтому, прежде чѣмъ станемъ изслѣдовать причины и условія, подъ воздѣйствіемъ которыхъ сложилось запорожское козачество, намѣтимъ въ общемъ главнѣйшія черты, характеризующія все южно-русское козачество.

Козачество—явленіе общерусское. Съ XV вѣка встрѣчается оно на территоріи какъ московской, такъ и литовской Руси. Слово »козакъ«, перешедшее отъ татаръ и обозначавшее у нихъ нижній классъ свободнаго военнаго сословія, не вездѣ въ русско-славянскомъ мірѣ выражало одно и тоже понятіе. Можно установить два различныхъ значенія этого слова. Оно обозначало человѣка свободнаго, исполняющаго обязанности военной пограничной службы: таковы были козаки, упоминаемые въ лѣтописи въ началѣ XV вѣка въ рязанской землѣ [1]); такое-же значеніе имѣли извѣстные съ послѣдней четверти XVI столѣтія донскіе козаки [2]). Но было и другое значеніе слова »козакъ«: оно обозначало еще свободнаго мелкаго земельнаго собственника. Такъ, изъ доку-

[1]) Никоновская лѣтопись, ч. V, стр. 192, годъ 1444.

[2]) Kronika Bielskiego, Kraków, 1597 г. 719 стр.

ментовъ, относящихся къ 1530-мъ годамъ, видно, что въ смоленской области были козаки—свободные хлѣбопашцы, бѣжавшіе изъ московскаго государства, изъ подъ Торопца, въ Литву [1]). Число козаковъ въ смоленской области было значительно. Во время войны Польши съ московскимъ государствомъ въ 1580 году Филонъ Кмита, бывшій въ то время воеводой смоленскимъ, дѣйствовалъ противъ московскихъ войскъ, имѣя у себя до 2,000 козаковъ, набранныхъ въ смоленской области [2]). Такіе свободные мелкіе землевладѣльцы, по недостаточности земельныхъ участковъ, нерѣдко занимались различными торговыми промыслами, а главнымъ образомъ извозомъ соли. Иногда они брались и за другія занятія. Такъ, въ XVI вѣкѣ козаками назывались свободные рабочіе на волжскихъ судахъ [3]). Упоминаются также въ XVI вѣкѣ полоцкіе козаки: эти, какъ и тѣ, что находились въ смоленской области, были правдоподобно мелкими земельными собственниками, отправлявшими въ случаѣ надобности военную службу. Козаки полоцкіе въ 1579 г. овладѣли небольшимъ московскимъ укрѣпленіемъ Нещердою [4]). Такимъ образомъ, какъ въ московской, такъ и въ литовской Руси, въ областяхъ порубежныхъ, принадлежавшихъ съ XV вѣка то тому, то другому изъ этихъ центровъ русскихъ земель, были козаки не несшіе постоянной военной службы и представлявшіе собою малоземельное свободное сословіе.

Съ достовѣрностію можно полагать, что въ названныхъ русскихъ областяхъ козачество не имѣло исконнаго, въ татарскомъ смыслѣ наѣздническаго характера въ силу условій мѣста. Здѣсь русско-литовскія области примыкали къ русскимъ-же московскимъ областямъ; народъ осѣдлый былъ въ сосѣдствѣ съ народомъ осѣдлымъ-же; вооруженныя столкновенія между великими княжествами московскимъ и литовскимъ происходили не часто. Такимъ образомъ козаки здѣсь были обставлены совершенно другими условіями, чѣмъ въ тѣхъ земляхъ, которыя были въ сосѣдствѣ съ кочующими татарами. Въ этихъ послѣднихъ земляхъ татары могли явиться для грабежа и опусто-

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. I-й, № 105.

[2]) Kronika Bielskiego, 775.

[3]) Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. IX, изд. 1870 г.

[4]) Kronika Bielskiego, 768 стр.

шеній во всякое время; поэтому тамъ необходимы были козаки—воины. И козачество въ такихъ земляхъ дѣйствительно являлось козачествомъ въ подлинномъ, татарскомъ смыслѣ этого слова. Козаки здѣсь всегда должны были быть на готовѣ отражать татарскія вторженія; при томъ же они, отплачивая татарамъ тѣмъ же, естественно могли предпринимать наѣзды и на татарскія земли [1]).

Такимъ образомъ татарское слово »козакъ«, перенесенное на русскую почву для обозначенія факта, по всей вѣроятности аналогичнаго съ тѣмъ, какой обозначался этимъ словомъ у татаръ, съ теченіемъ времени въ русскихъ земляхъ двоится въ своемъ значеніи. Козаки въ земляхъ, открытыхъ для нападенія татаръ, составляютъ особое военное сословіе; въ другихъ-же земляхъ пограничныхъ, гдѣ наличныя условія не требовали ни защиты, ни нападеній, козаками назывались просто свободные мелкіе собственники, случайно принимавшіе участіе въ войнѣ. Слово »козакъ« теряетъ здѣсь свой первоначальный смыслъ; подлинное козачество, если и было когда-нибудь въ этихъ земляхъ, къ концу XVI вѣка отошло въ область преданія; реальныя условія жизни обратили козаковъ въ обыкновенныхъ свободныхъ поселянъ, которые помимо указанныхъ уже занятій являлись иногда въ литовской Руси въ качествѣ иррегулярныхъ отрядовъ при войскѣ. Такъ, въ 1581 году, при движеніи войска Рѣчи-Посполитой подъ Ржевъ, козаки вмѣстѣ съ татарами, расположившись по обѣ стороны главной арміи, одни по одной сторонѣ, другіе по другой, опустошали непріятельскую землю [2]). Кромѣ того, козаки въ литовской Руси состояли иногда на службѣ у частныхъ лицъ, вмѣстѣ съ которыми выступали и въ походы. Такъ Бѣльскій, перечисляя военныя силы Рѣчи-Посполитой, участвовавшія въ походѣ подъ Данцигъ, упоминаетъ о козакахъ Струсевыхъ, Темрюковыхъ и нѣкоторыхъ другихъ [3]).

Что-же касается характера южно-русскаго козачества, уже существующаго въ концѣ XV в. въ южныхъ порубежныхъ земляхъ литовской Руси, то козачество это принадлежало къ первому типу

---

[1]) Kronika Bielskiego, 719 стр.

[2]) Тамъ-же, стр. 783.

[3]) Тамъ-же, стр. 746.

козаччины въ русско-славянскихъ земляхъ. Южныя украинныя земли литовской Руси, граничившія съ татарами, подвергались постояннымъ вторженіямъ этихъ послѣднихъ, и потому здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ русско-славянскаго міра, гдѣ нужно было вести борьбу съ татарами, должно было возникнуть козачество. Но помимо вліянія этой главной причины, южно-русское козачество складывалось и развивалось еще подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ другихъ важныхъ факторовъ, сообщившихъ ему особую физіономію. Особенности мѣста его распространенія, особенности внутреннихъ распорядковъ великаго княжества литовскаго, въ предѣлахъ котораго оно возникло, и наконецъ этнографическія особенности югозападныхъ русскихъ славянъ обусловили собою особый бытъ и особый внутренній строй южно-русскаго козачества. Благодаря именно этимъ частнымъ условіямъ, оно со ступени незначительнаго сословія, жившаго промыслами и войной съ татарами, поднялось на высокую ступень цѣлаго народа, ознаменовавшаго себя многими знаменитыми дѣяніями и имѣвшаго свою славную исторію.

Плодородныя южныя окраины литовской Руси, обезлюженныя татарскими нашествіями, въ XV вѣкѣ представляли степную полосу и лежали почти пустопорожними. Въ это время очень немногія мѣста степной полосы были заселены. Значеніе прежнихъ, нѣкогда бывшихъ здѣсь городовъ пало; населеніе внѣ городовъ не существовало вовсе. Все населеніе края въ эту пору сосредоточивалось только въ немногихъ городахъ—острогахъ. Такими городскими укрѣпленіями въ концѣ XV в. были Черкасы, Каневъ, Бѣлая Церковь, Хмельникъ, Баръ, Винница и Брацлавъ; только въ половинѣ XVI в. возстановлены еще два: Звенигородъ и Переяславъ. Нѣкоторые изъ этихъ городовъ были довольно оригинальнаго происхожденія. Такъ городъ Черкасы построенъ при Витовтѣ [2]), который осадилъ здѣсь пятигорскихъ черкасъ, выведенныхъ съ крайняго юговостока Европы [3]). Каневъ же около этого времени заняли выходцы изъ нынѣшней Полтавщины, совершенно беззащитной въ

---

[2]) Въ описаніи каневскаго замка неточно сказано при Гедиминѣ.

[3]) Описаніе каневскаго замка; рукопись литовской метрики; Антоновичъ, Очеркъ исторіи В. К. Литовскаго, стр. 62—63.

то время противъ татарскихъ вторженій [1]). Къ каждому изъ городовъ, находящихся въ степной полосѣ, были приписаны громадныя пространства земли, которыя въ началѣ XVI в. оставались совершенно пусты. Немногочисленное населеніе этихъ городовъ, большею частію мѣщане, занималось промыслами и торговлею; только въ лѣтнее время расходилось оно по этимъ землямъ на промыслы звѣриные, рыбные и бобровые. Между тѣмъ плодородная степная полоса литовской Руси не могла остаться безъ насельниковъ: населеніе, оставившее прежде этотъ край вслѣдствіе грозныхъ татарскихъ нашествій, въ лицѣ своихъ потомковъ такъ или иначе, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ ближайшихъ причинъ, должно было снова занять его. Въ дѣлѣ вліянія мѣста распространенія южно-русскаго козачества на его отличительныя черты важное значеніе имѣло то обстоятельство, что за такъ называемой Украйной, т. е. за староствами черкасскимъ, каневскимъ, бѣлоцерковскимъ, хмельникскимъ, барскимъ, винницкимъ, брацлавскимъ, звенигородскимъ и переяславскимъ, въ сторону юга, лежали обширныя степи, совершенно дикія, безъ малѣйшихъ признаковъ осѣдлаго существованія обитателей. Этотъ обширный край, протянувшійся отъ Орели, Тясмина и Синюхи до самаго Чернаго моря, былъ обладаемъ татарами, если только обладателями можно считать полудикія татарскія орды, безпрерывно мѣняющія свои кочевья и главнымъ образомъ занимавшія южный, примыкающій къ Черному морю край этого степного пространства. Природныя богатства степей и то обстоятельство, что онѣ неустойчиво были занимаемы татарами, издавна привлекали сюда энергичныхъ насельниковъ Украйны. Какъ можно заключать изъ документальныхъ данныхъ, движеніе украиннаго населенія направилось сюда задолго до 30-хъ годовъ XVI-го столѣтія [2]). Обширность этого края, близость татаръ и относительная немногочисленность являющихся сюда поселенцевъ обусловили собою своеобразный полукочевой характеръ колонизаціи, нашедшей здѣсь примѣненіе. Южныя украинныя земли литовской Руси начали вновь заселяться съ XV вѣка. Главнѣйшей причиной, вызывавшей это заселеніе, было то, что въ русскихъ

---

[1]) Описаніе каневскаго замка. Рукопись литовской метрики.

[2]) Акты западной Россіи, т. II, № 195.

областяхъ великаго княжества литовскаго, еще со времени правленія Витовта постепенно происходитъ переворотъ въ поземельныхъ отношеніяхъ. Тотъ принципъ земельнаго владѣнія, который въ продолженіе вѣковъ существовалъ въ западно-русскихъ земляхъ, началъ колебаться подъ вліяніемъ литовскаго государственнаго принципа. Центральная власть великаго княжества литовскаго не считаетъ земли собственностію общины, какъ это было въ русскихъ земляхъ прежде, а смотритъ на землю, какъ на достояніе государства и раздаетъ ее тѣмъ, которые несутъ военную службу. Естественно, что при феодальномъ распорядкѣ, правоспособными нести военную службу скоро оказались только высшій и средній классы и поземельныя отношенія, регулируемыя литовскимъ феодальнымъ государственнымъ принципомъ, должны были вызвать стѣсненіе крестьянскаго сословія въ правѣ пользованія землею, повлекшее за собою постепенное обезземеленіе онаго. Это обстоятельство и послужило однимъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ къ развитію козачества на южномъ рубежѣ этого княжества. Крестьяне, теряя земельныя права внутри государства, могли свободно пользоваться ими на южныхъ окраинахъ этого-же государства. Дѣло въ томъ, что западно-русскія земли мирнымъ путемъ соединились съ собственною Литвой подъ властію князей литовскаго корня и вытекавшій изъ литовскихъ юридическихъ понятій феодализмъ реформировалъ только поземельныя отношенія, вовсе не касаясь сословныхъ; вслѣдствіе этого крестьяне въ западно-русскихъ областяхъ, теряя прежнее право на землю, не теряли личной свободы и безпрепятственно на первыхъ порахъ могли переходить съ мѣста на мѣсто. Если крестьяне оставляли мѣста прежняго жительства, то въ этомъ случаѣ съ государственной точки зрѣнія не страдали ничьи интересы, и у правительства великаго княжества литовскаго не было побудительныхъ причинъ препятствовать крестьянскимъ передвиженіямъ. Напротивъ, для государства могло казаться выгоднымъ, чтобы безлюдная степная полоса, граничившая съ татарами, заселялась. Государство нуждалось въ защитникахъ страны отъ хищныхъ набѣговъ татарскихъ. Военныя силы великаго княжества литовскаго, по тогдашнимъ условіямъ военной организаціи, не были вполнѣ пригодны для этого дѣла. Въ

великомъ княжествѣ литовскомъ въ XV вѣкѣ постоянныхъ войскъ не было, а вооруженные контингенты поставлялись лицами, несущими обязанности военной службы, всякій разъ по особому распоряженію центральной власти. Если взять въ соображеніе, что такіе военные контингенты не могли быть выставлены вдругъ, а татарскіе набѣги совершались внезапно, то ясно, что для обороны страны отъ татарскихъ вторженій нужны были иные защитники.

Еще одинъ фактъ внутреннихъ распорядковъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ способствовалъ тому, чтобы крестьяне, уходившіе изъ центральныхъ западно-русскихъ областей въ степную Украйну, взяли на себя дѣло защиты страны отъ татарскихъ вторженій. Мы имѣемъ въ виду особенность экономическаго строя въ этомъ княжествѣ, продолжавшуюся до люблинской уніи (1569 г.). Особенность эта заключалась въ томъ, что земледѣліе здѣсь составляло второстепенную вѣтвь хозяйства, державшагося главнымъ образомъ на лѣсномъ промыслѣ. Поэтому украинныя черноземныя, пригодныя наибольше для пахоти земли въ данное время цѣнились весьма низко, и лица привилегированныхъ сословій, имѣющія права на владѣніе землей, старались получать себѣ земельные участки преимущественно въ центральныхъ областяхъ великаго княжества литовскаго, гдѣ характеръ мѣстности былъ лѣсной или болотистый [1]). Такъ какъ лица привилегированныхъ сословій избѣгали брать земельные участки въ Украйнѣ, а между тѣмъ военныя силы здѣсь вслѣдствіе близости татаръ были необходимы, то правительство великаго княжества литовскаго на украинныхъ поселенцевъ возлагаетъ всѣ виды военной службы. Всѣ насельники украинныхъ городовъ отбываютъ то нѣкоторыя, то всѣ существующія въ краѣ повинности воинскія. Они поставляютъ сторожу »замковую«, »городовую«, »польную«, они обязаны преслѣдовать уходящихъ съ добычею татаръ и предпринимать вмѣстѣ съ старостами или ихъ помощниками походы въ татарскія земли [2]).

Чтоже касается особенностей этнографическихъ элементовъ, оказавшихъ вліяніе на складъ южно-русскаго козачества, то нужно

---

[1]) Антоновичъ, Историческіе дѣятели юго-западной Россіи, стр. 2.

[2]) Описанія украинныхъ замковъ; рукопись литовской метрики.

сказать, что элементы эти коренились глубоко въ жизни юго-западныхъ русскихъ славянъ, восходили къ отдаленнымъ преданіямъ кіевской Руси съ ея общиннымъ началомъ, вѣчемъ и другими основами прежняго общественнаго устройства. Западно-русскія и южнорусскія земли, примкнувшія при Гедиминѣ и Витовтѣ къ литовскому центру, не могли, какъ мы уже отчасти видѣли на фактѣ переустройства земельныхъ отношеній, не подвергнуться чуждому вліянію господствующаго государственнаго племени. Козачество южно-русское и въ лицѣ тѣхъ выходцевъ изъ центральныхъ западно-русскихъ земель въ степную Украйну, которые имѣли къ козачеству лишь косвенное отношеніе, въ смыслѣ подготовительнаго матеріала, и въ лицѣ уже прямо относящихся къ нему козаковъ украинныхъ, которые козаковали »на полѣ« за промыслами и на »низу« въ татарскихъ поселеніяхъ, было протестомъ противъ распорядковъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Какъ протестующій элементъ, козачество естественно стремилось найти новые устои для общественной жизни и очутившись на пустопорожнихъ земляхъ, внѣ сильнаго давленія государственнаго строя и основанныхъ на немъ распорядковъ, могло оживить померкшіе идеалы существовавшаго нѣкогда, основаннаго на принципѣ самоуправленія, общественнаго устройства.

Полки въ Украйнѣ, курени въ Запорожьи, рады войсковыя— это такія формы общественныхъ отношеній, которыя могли возникнуть въ южно-русскомъ козачествѣ именно путемъ возвращенія къ преданіямъ вѣчевой и общинной древней Руси,—путемъ обнаруженія и осуществленія таившихся въ душѣ народа его завѣтныхъ идеаловъ.

Такимъ образомъ съ XV вѣка часть степной полосы великаго княжества литовскаго, воеводство брацлавское и южная часть воеводства кіевскаго, заселяется поселенцами—воинами, послужившими основой для имѣющаго здѣсь развиться и разцвѣсти козачества южнорусскаго. Земли, прежде опустошенныя грозой татарскихъ нашествій, вновь принимаютъ насельниковъ. Западно-русская и южнорусская народности, реагируя на татарскія вторженія, примѣняясь къ условіямъ своего быта, выдѣляютъ каждая свои элементы для козачества.

Козаки украинные, какъ видно изъ документовъ, относящихся къ самому началу второй половины XVI в. [1]), составляютъ въ украинныхъ староствахъ особое сословіе, отличное отъ сословія такъ называемыхъ бояръ и мѣщанъ. Первоначальные украинные козаки представляли въ степной полосѣ бродячій элементъ, не имѣющій постоянной осѣдлости. Время отъ времени они появлялись въ украинныхъ городахъ въ качествѣ временныхъ посѣтителей. Въ описаніи черкасскаго замка, 1552 года, читаемъ: »окромъ осилыхъ бояръ и мещанъ бываютъ у нихъ (т. е. у черкасцевъ) прихожые козаки; сее зимы было ихъ разомъ о полъ-третяста«. Точно также въ описаніи каневскаго замка, относящемся къ тому же времени, значится: »а кромъ того бываетъ тамъ людей прихожихъ, козаковъ неоселыхъ, а бываетъ ихъ не равно завжды, але яко которыхъ часовъ«. Въ описаніяхъ украинныхъ замковъ мы встрѣчаемъ указанія и на родъ занятій козаковъ. Тамъ говорится, что если черкасцы, или каневцы, или козаки добудутъ въ землѣ непріятельской такъ называемые »бутынки«, т. е. добычу, то обязаны давать старостѣ по его выбору одно что-нибудь лучшее изъ плѣнниковъ (»языковъ«), коней или другихъ какихъ-нибудь предметовъ. Есть и другое указаніе на занятія козаковъ. Въ описаніи каневскаго замка въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о городскихъ уходахъ (владѣніяхъ) на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ теперешней Полтавщинѣ, прибавляется еще слѣдующее: »переказа уходомъ онымъ сѣверскимъ тыхъ часовъ не только отъ татаръ, а большъ отъ своихъ козаковъ, которые уставичне тамъ живутъ на мясе, на рыбе, на меду зъ пасекъ, зъ свепетовъ (?) и сытятъ тамъ собе медъ, яко дома«. Сверхъ того не будетъ, кажется, натяжкой относить къ козакамъ и слѣдующее мѣсто изъ указаннаго уже описанія черкасскаго замка: »указалъ (составлявшимъ описаніе) тежъ староста служебниковъ своихъ ездно зъ броней 50 молодцевъ пріеждьчихъ, а тутошнихъ черкасцевъ и каневцевъ, которые ему съ дѣтку служатъ—11«... Въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ о »почетѣ служебниковъ старостнихъ«, т. е. о числѣ лицъ, которые состоятъ на службѣ у старосты въ качествѣ добровольцевъ. Мы видѣли уже, что были козаки Струсевы, Темрюковы и т. д. По довольно точной анало-

---

[1]) Тамже.

гіи можно считать и этихъ служебниковъ старостиныхъ козаками. Въ пользу такого пониманія черкасскихъ »служебниковъ старостиныхъ« можно указать еще на то, что эти служебники выдѣлены въ описаніи отъ городскихъ служебниковъ вообще, имѣющихъ названіе драбовъ, которыхъ въ Черкасахъ было 100, и съ которыми ротмистръ Петръ Розбискій »ново тамъ присягнулъ«. Выдѣлены старостины служебники изъ »почета служебниковъ« въ особый »почетъ«, правдоподобно не потому только, что тѣ были пѣшіе, а эти конные, но и потому, что тѣ были обычнымъ войскомъ, дисциплина котораго была точно опредѣлена, а эти были охочимъ, »пріѣзжимъ« войскомъ, которое—хотѣло—служило, хотѣло—нѣтъ, т. е. было именно такимъ, какимъ козачество являлось всюду и всегда.

Первоначальное козачество, какъ особое сословіе въ украинныхъ староствахъ, характеризуется въ »Описаніи украинныхъ замковъ« еще слѣдующими важными указаніями. Въ описаніи черкасскаго замка говорится, что городу принадлежатъ нѣкоторыя озера, и затѣмъ прибавляется: »А ходятъ озеръ тыхъ волочити козаки съ Черкасъ«. Въ томъ-же описаніи говорится: »козаки, которые домовъ тамъ въ Черкасахъ не мають, и тые дають старосте колядки (подать, взимаемая передъ Рождествомъ) по 6 грошей и сена косятъ ему по два дни толоками за его стравою и за медомъ. А которые козаки, не уходячи у козацтво на поле, а ни рекою у низъ, служатъ въ местахъ бояромъ або мещаномъ, тыи колядки давати, або сена косити не повинни«. Изъ описанія-же каневскаго замка видно, что городскими уходами козаки пользовались на правахъ половинниковъ, т. е. имъ доставалась только половина того (рыбъ, бобровъ, меду), что они пріобрѣтали въ этихъ уходахъ; остальная-же половина отдавалась старостѣ.

Такимъ образомъ первоначальные украинные козаки характеризуются слѣдующими чертами: они, не имѣя осѣдлости, передвигаются съ мѣста на мѣсто и ютятся главнымъ образомъ или въ степи, гдѣ они ловятъ рыбу, охотятся на звѣрей, занимаются пчеловодствомъ, или на низовьяхъ Днѣпра, гдѣ они сверхъ этого еще грабятъ татаръ; кромѣ того козаки — самый маломощный въ имущественномъ отношеніи классъ свободныхъ людей: они обязаны отбывать городскія повинности (колядка и толока), подъ-

часъ являются въ услуженіи у городскихъ бояръ и мѣщанъ, иногда ловятъ рыбу на старосту въ принадлежащихъ городу озерахъ или въ качествѣ половинниковъ пользуются городскими уходами.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ козачество становится фактомъ все болѣе и болѣе крупнымъ, явленіемъ все больше и больше замѣтнымъ. На пути къ козачеству, въ силу условій мѣста, находилось не мало лицъ и изъ украинныхъ бояръ и мѣщанъ. Неся повинности сторожевой службы, выдерживая частыя нападенія татаръ, постоянно воюя съ ними и подвергаясь всевозможнымъ случайностямъ войны, какъ-то: плѣну, потерѣ семьи и имущества, украинное боярство и мѣщанство въ свою очередь изъ среды себя выдѣляло людей, для которыхъ война являлась привычкою и какъ-бы потребностію жизни и которые становились козаками, т. е. людьми не имѣющими опредѣленной осѣдлости, а, какъ уже сказано, промышляющими то »въ полѣ«, то на низовьяхъ Днѣпра.

Украинное козачество въ процессѣ своего дальнѣйшаго развитія подъ вліяніемъ указанныхъ выше факторовъ въ отношеніи нѣкоторыхъ своихъ сторонъ значительно видоизмѣнилось. Имѣя недостаточно ясную начальную исторію, которую мы посильно прослѣдили, козачество украинное обособилось потомъ въ два опредѣленные типа: козачество собственно украинное, такъ называемое городовое, и козачество низовое, въ собственномъ смыслѣ запорожское.

Что касается времени возникновенія запорожскаго козачества, какъ особаго типа, то оно явилось въ концѣ XVI столѣтія. До этого времени запорожскаго козачества въ собственномъ смыслѣ не было, было только украинное козачество вообще. Отдѣльныя лица или группы изъ этого козачества, то каневскіе, то черкасскіе, то бѣлоцерковскіе и т. д. козаки, а иногда и мѣщане съ боярами украинныхъ городовъ, время отъ времени для промысловъ и для вторженій въ татарскія и турецкія земли отправлялись на низовья Днѣпра, за пороги. Но эти козаки только временно козаковали на Запорожьи, устойчивая-же запорожская община возникла послѣ цѣлаго ряда измѣненій въ судьбѣ украиннаго козачества,—она явилась только тогда, когда нѣкоторые эле-

менты силою обстоятельствъ должны были оторваться отъ остальнаго козачества.

Какъ и вслѣдстіе чего проявились въ украинномъ козачествѣ элементы, послужившіе впослѣдствіи основаніемъ для возникновенія особаго запорожскаго товариства, можно видѣть въ нѣкоторыхъ подробностяхъ начальной поры украиннаго козачества. Такъ, съ конца XV в. можно прослѣдить, хотя на первыхъ порахъ и нѣсколько не ясно, двоякое движеніе украиннаго козачества въ сторону Запорожья,—военное и промысловое. Въ 1489 году Янъ Ольбрахтъ, сынъ Казиміра IV, впослѣдствіи король польскій, преслѣдовалъ ворвавшихся въ Подолію татаръ; его войску передъ вели козаки, какъ хорошо знающіе мѣстность, по которой приходилось преслѣдовать татаръ. Преслѣдованіе совершалось до Савраны, притока Буга [1]).

О промысловомъ движеніи въ сторону Запорожья украиннаго козачества можно заключать уже изъ грамоты великаго князя литовскаго Александра, выданной въ 1499 году Кіеву съ дарованіемъ нѣкоторыхъ льготъ. Въ этой грамотѣ говорится между прочимъ, что если козаки привезутъ рыбу съ низу, то брать съ нихъ пошлину [2]).

Затѣмъ съ 1508 г. начинается цѣлый рядъ походовъ, предпринимаемыхъ съ участіемъ козаковъ противъ татаръ, иногда во главѣ украинныхъ старостъ и ихъ помощниковъ, а иногда и подъ предводительствомъ просто отважныхъ лицъ, выступавшихъ въ походъ по личной иниціативѣ. Такъ кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій, староста брацлавскій и виленскій, замѣчательный полководецъ своего времени, почти всю жизнь отражалъ съ козаками набѣги татаръ. Въ 1508 году [3]) этотъ Острожскій разбилъ на голову загонъ татаръ, громившихъ пограничныя области литовской Руси, а другой загонъ разбилъ Полюсъ Русакъ, славный козакъ, какъ говоритъ о немъ Бѣльскій. Затѣмъ 1512 г. Прецлавъ Ланцкоронскій, каменецкій староста, »собравши людей служебныхъ и иныхъ«, уничтожилъ загонъ татаръ, ворвавшихся въ южные пре-

---

[1]) Kronika Polska Bielskiego, стр. 476.

[2]) Акты западной Россіи, т. II, № 1.

[3]) Kronika Bielskiego, стр. 512.

дѣлы великаго княжества литовскаго. Эта орда была разбита совокупными усиліями козаковъ съ украинными насельниками, надъ которыми начальствовалъ все тотъ-же Острожскій, и отрядомъ польскаго войска. Первыми ударили на враговъ козаки, при чемъ Острожскому не малаго труда стоило убѣдить поляковъ, что сраженіе должны начинать козаки, хотя и »менѣе збройные«, но умѣющіе сражаться съ татарами, что въ сраженіи съ послѣдними должно стоять на первомъ планѣ[1]). Съ 1516 г., когда, по замѣчанію Бѣльскаго, при украинныхъ замкахъ служебныхъ людей стало больше[2]), что онъ считаетъ за начало козаковъ, начинаются козацкіе походы въ татарскія и турецкія земли. Къ этому-же 1516 году относится походъ во главѣ Лапцкоронскаго, каменецкаго старосты, подъ Бѣлгородъ, откуда было принесено много татарской и турецкой добычи[3]).

Затѣмъ въ 1528 году былъ предпринятъ подъ Очаковъ генеральный походъ во главѣ большинства украинныхъ старостъ: Ланцокоронскаго, въ это время старосты хмельникскаго, Остафія Дашковича, старосты черкасскаго, а также старостъ винницкаго и брацлавскаго. Въ этотъ походъ татары были трижды разбиты; 30,000 головъ скота и 500 коней досталось козакамъ въ добычу[4]).

Съ 1541 г. героемъ козачьихъ походовъ въ татарскія и турецкія земли становится Бернатъ Претфицъ, староста барскій, по замѣчанію Бѣльскаго, достойный памяти всѣхъ поляковъ. Въ этомъ году онъ съ козаками и черемисами (?) преслѣдовалъ татаръ до самаго Очакова, и такъ-какъ захваченные въ русскихъ предѣлахъ въ оковахъ уже были отправлены моремъ изъ Очакова въ Кафу, то онъ отомстилъ »знаменито« татарамъ и съ полономъ возвратился назадъ. Такой походъ предпринималъ онъ и на слѣдующій годъ[5]).

---

[1]) Kronika Polska Bielskiego стр. 519.
[2]) Тамъ-же, стр. 534.
[3]) Тамъ-же, стр. 534.
[4]) Тамъ-же, стр. 560.
[5]) Тамъ-же, 582 стр.

Къ 50-мъ годамъ XVI столѣтія относится козакованье князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго. Дѣятельность его открывается съ 1556 года. Въ это время Вишневецкій, будучи предводителемъ козаковъ на низовьяхъ Днѣпра, за порогами, построилъ укрѣпленіе на островѣ Хортицѣ и чрезъ козачьяго атамана Михаила Ескович билъ челомъ царю Ивану Грозному, чтобы тотъ принялъ его подъ свою защиту. Царь прислалъ Вишневецкому »опасную« грамоту и жалованье[1]). Вишневецкій скоро послѣ этого, чрезъ того-же Михаила Ескович, названнаго на этотъ разъ Миской, искалъ протекціи у Сигизмунда Августа, короля польскаго и великаго князя литовскаго. Король, какъ видно изъ его грамоты, отправленной Вишневецкому въ 1557 году[2]), хвалилъ его за военные подвиги, мужественную оборону вновь устроеннаго хортицкаго замка отъ хана перекопскаго, приказывалъ не нападать на владѣнія турокъ и татаръ, такъ какъ съ ними заключены мирные договоры, и особенно на пословъ крымскихъ, посылалъ Вишневецкому и жалованье, желая привлечь его на свою сторону; но этотъ послѣдній предпочелъ на сей разъ служить Ивану Грозному. Въ 1558 г. Вишневецкій оставилъ хортицкое укрѣпленіе, такъ какъ крымскій ханъ съ турками и волохами собирался вторично штурмовать оное, у негожъ, какъ писалъ онъ царю московскому, корму не стало и козаки его разошлись. Вишневецкій выступилъ изъ-за пороговъ и занялъ Черкасы и Каневъ; но Иванъ Грозный, вслѣдствіе мира съ великимъ княжествомъ литовскимъ, велѣлъ ему отступиться отъ этихъ городовъ и далъ ему въ отчину городъ Бѣлевъ[3]). Недолго однако пробылъ Вишневецкій и въ Бѣлевѣ. Въ 1561 г., по ходатайству брата его, Михаила Вишневецкаго, старосты черкасскаго и каневскаго, Сигизмундъ Августъ посылалъ Дмитрію Вишневецкому два »глейтовныхъ листа«, дающихъ амнистію за самовольную отлучку изъ государства; при этомъ милость королевская мотивируется тѣмъ, что Дмитрій Вишневецкій поддавался московскому царю не для чего иного, какъ только для того, чтобы, узнавши »справы непріятеля«, онъ могъ съ возможно большей пользой служить Рѣчи Посполитой[4]). Король

[1]) Максимовичъ, 1-й т., 284 стр.

[2]) Акты южной и западной Россіи. т. II, № 130.

[3]) Максимовичъ, т. I, стр. 289.

[4]) Акты южной и западной Россія, т. II, №№ 142, 143.

обѣщаетъ Вишневецкому свою милость и всѣ вольности и свободы, которыми пользуются »иные княжата и пана«[1]). Въ 1562 г. Вишневецкій, поддавшійся сперва татарамъ, а потомъ московскому царю, прибылъ въ отечество и былъ торжественно встрѣчаемъ громадными толпами людей[2]). Печальный конецъ постигъ Вишневецкаго въ 1563 г. Въ этомъ году онъ съ 4-хъ тысячнымъ войскомъ пошелъ добывать обѣщанной ему короны молдавской, тамъ предательски достался въ плѣнъ воеводѣ Томжѣ и переданный отъ него туркамъ, былъ замученъ въ Константинополѣ[3]). Важнѣйшимъ дѣяніемъ козачества подъ властію Вишневецкаго было взятіе города Ислямъ Керменя (1556 г.), изъ котораго были вывезены пушки во вновь устроенное хортицкое укрѣпленіе[4]).

Къ 1556 году относится также походъ днѣпровскихъ козаковъ подъ Очаковъ, предпринятый ими вмѣстѣ съ московскимъ дьякомъ Ржевскимъ; атаманами днѣпровскихъ козаковъ въ этотъ походъ были нѣкто Млинскій и Михайло Ескович, тотъ самый, который, приставъ потомъ къ Вишневецкому, былъ самымъ довѣреннымъ его лицомъ и отправлялся, какъ уже сказано, отъ его имени съ челобитьемъ къ Ивану Грозному и листами къ Сигизмунду Августу[5]).

Въ ряду наиболѣе крупныхъ козачьихъ походовъ въ татарскія и турецкія земли одиноко стоитъ козацкій походъ въ Крымъ, за Перекопъ, 1575 года. Въ этомъ году воевода кіевскій, узнавъ, что татары переправляются черезъ Днѣпръ съ цѣлью вторгнуться въ ближайшія южно-русскія земли, послалъ противъ нихъ кіевскихъ, черкасскихъ и каневскихъ козаковъ. Козаки, спустившись внизъ по Днѣпру на чайкахъ, близъ Чорнаго лѣса (при впаденіи Тясменя въ Днѣпръ), неожиданно напали на татарскую стражу въ нѣсколько сотъ человѣкъ и всю ее перебили. Татары показали видъ, что возвращаются назадъ въ свои земли, между тѣмъ громадной ордой переправившись чрезъ Днѣпръ, начали страшно опустошать всю прилегающую къ Синявѣ мѣстность и, по словамъ Бѣльскаго, захватили въ полонъ около 50 тысячъ человѣкъ; тогда козаки съ вож-

---

[1]) Тамъ-же, № 144.

[2]) Kronika Bielskiego, стр. 612.

[3]) Kronika Bielskiego, стр. 614.

[4]) Максимовичъ, I т., 289 стр.

[5]) Тамъ-же.

демъ своимъ Богданкомъ ворвались въ Крымъ, проникли за Перекопъ и въ свою очередь безпощадно опустошили многіе татарскіе улусы [1]).

Эти самые крупные козачьи походы въ татарскіе и турецкіе предѣлы, занесенные въ хронику Бѣльскаго, не исчерпываютъ, конечно, всѣхъ походовъ, которые предпринимались козаками въ земли татаръ и турокъ. Были, безъ сомнѣнія, и другія, не извѣстныя для исторіи попытки проникнуть въ татарскіе и турецкіе предѣлы, предпринимаемыя по иниціативѣ не должностныхъ лицъ, каковыми были украинные старосты, а лицъ частныхъ, увлекаемыхъ желаніемъ добычи, жаждой найти удовлетвореніе личной удали, или наконецъ местью. Эти походы не только расширяли ряды козаковъ, но и служили для нихъ настоящей школой, гдѣ они входили во вкусъ своеобразнаго, чисто козацкого, способа вести войну,—военнаго ремесла и выработывались »въ желѣзныхъ людей, въ богатырей необычайной силы, неимовѣрнаго терпѣнія, сказочныхъ подвиговъ« [2]).

Но сколько ни предпринималось подобныхъ походовъ противъ татаръ, эти послѣдніе все-таки были грозой для значительной части пограничныхъ польско-русскихъ земель. Правительство Польши и Великаго Княжества Литовскаго постоянно было озабочено пріисканіемъ радикальнаго средства противъ татарскихъ вторженій, такъ какъ практиковавшіяся для этого средства не защищали страны. Въ городахъ и замкахъ иные вовсе уклонялись, другіе, по особо уважительнымъ причинамъ, самимъ королемъ освобождались отъ обязанности ходить въ погоню за татарами [3]). Самая эта повинность, лежавшая на южныхъ порубежныхъ областяхъ Великаго Княжества Литовскаго, помимо ея обременительности, не приводила къ желаемой цѣли.

Въ 1533 году староста черкасскій и каневскій, Остафій Дашковичъ, весьма опытный воинъ, побывавшій въ плѣну у татаръ и бѣжавшій изъ этого плѣна (1523 г.) [4]), мужественно обо-

---

[1]) Kronika Bielskiego, стр. 721 и 722.

[2]) Надхенъ. Памятники о Запорожьѣ, стр. 9.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 111.

[4]) Миллеръ. Историческія сочиненія о Малой Россіи, стр. 3—4.

ронявшій черкасскій замокъ отъ осады крымскаго хана Сайдета (1531) [1]), на піотрковскомъ сеймѣ представлялъ проэктъ защиты противъ татарскихъ вторженій, состоявшій въ томъ, чтобы на низовьяхъ Днѣпра находилась постоянная стража, тысячи въ двѣ человѣкъ, которые бы, разъѣзжая на чайкахъ, препятствовали татарамъ переправляться черезъ Днѣпръ. Къ этимъ двумъ тысячамъ Дакшевичъ предлагалъ прибавить еще нѣсколько сотъ человѣкъ, которые-бы добывали въ окрестностяхъ (»obmyslali«) необходимые припасы, на мало доступныхъ днѣпровскихъ островахъ (вѣроятно за порогами: до пороговъ островов на Днѣпрѣ очень мало) построить замки и завести поселенія. Предложеніе всѣмъ понравилось, но, какъ замѣчаетъ Бѣльскій, ничто изъ предложеннаго не было сдѣлано [2]).

Въ 1534 году въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Подоліи, Кіевщины и Брацлавщины, куда татаре найчаще предпринимали набѣги, оправлялись замки и окружались валами городскія поселенія. Работы производились подъ руководствомъ великаго гетмана Яна Тарновскаго, который находился съ частью своего войска въ Хмельникѣ; замокъ и городъ этого имени онъ особенно укрѣпилъ [3]). Конечно, и это была мѣра въ ряду другихъ мѣръ; но какъ мало Польша и Великое Княжество Литовское были защищены противъ татарскихъ вторженій, видно изъ королевскаго листа 1546 г. къ литовскимъ раднымъ панамъ. Король пишетъ въ очень минорномъ тонѣ, печалуется на чрезмѣрную требовательность, высокомѣріе и гордость крымскаго хана; предлагаетъ раднымъ панамъ рѣшить, давать-ли требуемые »упоминки« крымскому хану, или »Бога на помочь взяв-

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Kronika Bielskiego, стр. 566.

[3]) Тамъ-же, стр. 571.

[4]) Не есть ли этотъ Янъ Тарновскій, гетманъ короны польской, двойникъ того мнимаго гетмана козаковъ, а по другимъ (Миллеръ) предводителя низовцевъ, имя котораго нѣкоторыя польскія лѣтописи, а за ними и козацкія ставятъ подъ 1534 годомъ, именно Венжика Хмельницкаго? Вопросъ напрашивается, такъ сказать, самъ собою: первая часть имени этого загадочнаго лица, *Венжикъ*, не есть собственно имя, а прозваніе: *Венжикъ* уменьшительное отъ *wąz*—ужъ и относится къ внутренней характеристикѣ лица, которое такъ прозвано. Вторая часть имени, *Хмельницкій*, до нѣкоторой степени основательно можетъ сближаема съ названіемъ замка *Хмельникъ*. Яна Тарновскаго съ Хмельникомъ сближаетъ не то

ши, воевать«; проситъ радныхъ пановъ отнестись серьезно къ рѣшенію этого вопроса и результатъ своей рады сообщить ему [1]).

Между тѣмъ само собою, народною жизнью, выдвигалось болѣе вѣрное средство для защиты края отъ татарскихъ вторженій въ увеличивавшемся все больше и больше числѣ мѣщанъ и бояръ въ украинныхъ поселеніяхъ на южномъ рубежѣ государства. Заселеніе Украйны было въ интересахъ государства, поэтому украинные насельники естественно должны были найти поддержку центральной власти государства. Обязанные постоянно быть на готовѣ, чтобы встрѣчать вторженія татаръ, прежде всѣхъ и больше всѣхъ терявшіе въ имущественномъ отношеніи отъ этихъ вторженій, они должны были стать въ особое отношеніе къ государству; въ свою очередь правительство Рѣчи Посполитой своими мѣропріятіями становилось пособникомъ выроставшаго въ Украйнѣ козачьяго сословія. Съ начала второй половины XVI вѣка можно прослѣдить цѣлый рядъ королевскихъ грамотъ, фактически выдѣлявшихъ низшій классъ населенія въ Украйнѣ отъ этого-же класса въ остальномъ государствѣ. Такъ въ 1558 году окружною грамотою польскій король Сигизмундъ-Августъ освобождаетъ мѣщанъ города Канева, какъ людей украинныхъ, отъ платежа за живность по всему великому княжеству литовскому. Льгота [2]), данная каневцамъ, не была единственною; одновременно съ нею и послѣ нея подобныя и еще болѣе важныя льготы получаютъ мѣшане и другихъ украинныхъ городовъ. Къ тому-же 1558 году относится окружная грамота того-же короля, освобождающая мѣщанъ города Винницы отъ платежа »мыта« по великому княжеству литовскому, по случаю перенесенія ихъ поселенія подъ новый винницкій замокъ, и такая-

---

только, что онъ строилъ Хмельникъ и нѣкоторое время проживалъ въ немъ, а еще слѣдующее совпаденіе лѣтописныхъ сказаній: Бѣльскій, говоря о столкновеніи съ татарами подъ Заславлемъ, называетъ предводителемъ польскаго войска Яна Тарновскаго; авторъ-же лѣтописи Самовидца, говоря объ этомъ-же самомъ столкновеніи, называетъ предводителемъ на польской сторонѣ Венжика Хмельницкаго. Правдоподобно, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ-же лицѣ. Kronika Bielskiego, стр. 571; Лѣтопись Самовидца, стр. 2.

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. I, № 108.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 131.

же грамота въ пользу бояръ и мѣщанъ города Черкасъ, предоставлявшая имъ, »какъ людямъ украиннымъ«, право безпошлиннаго провоза тѣхъ товаровъ, которые они имѣли при себѣ въ поѣздкахъ для покупки живности[1]). Въ 1559 году изданъ королевскій универсалъ[2]) въ пользу брацлавскихъ мѣщанъ, а въ 1571 г. жалованная грамота[3]) жителямъ Бѣлой-Церкви. Мѣщанамъ этихъ послѣднихъ городовъ давались еще болѣе крупныя льготы, въ виду того, что татары »въ маетностяхъ ихъ великія шкоды чинятъ и не мало братьи ихъ въ полонъ ведутъ«. Изъ жалованной грамоты жителямъ Бѣлой-Церкви видно, чѣмъ вызывались эти льготы и какія обязанности бѣлоцерковцы должны были исполнять за дарованныя имъ права: они должны были при постройкѣ бѣлоцерковскаго замка взять на себя надзоръ надъ рабочими и рабочимъ скотомъ, сверхъ того содержать караулы на поляхъ и шляхахъ и наконецъ, въ случаѣ приближенія непріятеля, давать знать и въ бѣлоцерковскій замокъ, и королю. Такими актами обозначались заботы польскаго правительства о заселеніи степной украинной полосы. Въ 1571 г. вопросъ объ этомъ заселеніи подготовлялся для обсужденія его »вальнымъ« сеймомъ варшавскимъ[4]), а давая новымъ насельникамъ Украйны различныя льготы, простирая оныя и на тѣхъ, которые »придутъ и осядутъ« около того или инаго замка, заботясь о томъ, дабы люди »осѣдали и множились«, правительство польское прежде и болѣе всего имѣло въ виду отпоръ татарскимъ вторженіямъ.

Но не одними льготами украиннымъ насельникамъ правительство помогало образованію украинскаго козачества; къ тому-же проводили отрицательныя его мѣры. Такъ, поддерживая сначала украинныхъ мѣщанъ и бояръ, а впослѣдствіи насильственно подчинивъ ихъ юрисдикціи пановъ, оно вытолкнуло этихъ бояръ и мѣщанъ на путь вольныхъ, по собственному признанію, людей, козаковъ. Тоже можно видѣть и въ отношеніи правительства къ тѣмъ козакамъ, которые самовольно удалялись за пороги и нападая на татаръ и турокъ, навлекали гнѣвъ ихъ на Рѣчь Посполитую. Въ

[1]) Тамъ-же, № 133.
[2]) Тамъ-же, № 136.
[3]) Акты южной и западной Россіи, т. I-й, № 160.
[4]) Акты южной и западной Россіи, т. II, стр. 174.

1540 г. такимъ ослушникамъ изъ каневскихъ и черкасскихъ козаковъ Сигизмундъ-Августъ посылалъ »глейтовный листъ«, которымъ гарантировалъ имъ безнаказанное возвращеніе къ оставленнымъ замкамъ.

Козачество росло, усиливалось и давало чувствовать свою силу и значеніе какъ сосѣдямъ врагамъ, такъ и собственному правительству. Запретительныя мѣры противъ козацкихъ поисковъ надъ непріятелемъ показываютъ только, какъ трудно было положеніе въ этомъ дѣлѣ правительства польскаго. Въ грамотѣ 1541-го года на имя маршалка князя Андрея Каширскаго король Сигизмундъ I, строго воспрещая козакамъ дѣлать набѣги на татарскіе улусы [1]), немнѣе строго выговариваетъ украиннымъ властямъ за то, что они, не смотря на многократныя королевскія приказанія, не удерживаютъ украинныхъ козаковъ отъ набѣговъ на татарскія земли, а напротивъ того дозволяютъ такіе набѣги »для пожитковъ своихъ, добытки козаковъ дѣля на полы съ ними«. Извѣщая украинныхъ урядниковъ, что ханъ крымскій строжайше требуетъ прекращенія вторженій въ татарскія земли и всякихъ другихъ »шкодъ« татарамъ отъ козаковъ, въ противномъ-же случаѣ угрожаетъ »своею головою« идти въ предѣлы Рѣчи Посполитой и надъ украинными замками выместить татарскія потери,—король исчисляетъ вины козаковъ,—какъ около этого времени они произвели нападеніе на татаръ, идущихъ за добычею въ московскую землю, 20 человѣкъ изъ нихъ убили и захватили при этомъ 250 коней, какъ погромили крымскихъ гонцевъ въ Польшу при переправѣ черезъ Днѣпръ и »статки« ихъ побрали, какъ ограбили гонцевъ казанскаго хана и какъ нападая много разъ на кочевья сосѣднихъ татарскихъ ордъ, людей убивали, скотъ захватывали въ добычу и пр. Тщетно впрочемъ Сигизмундъ въ той-же своей грамотѣ грозитъ украиннымъ урядникамъ, что онъ не будетъ впредь принимать ихъ оправданій, будто козаки тайно отъ нихъ предпринимаютъ вторженія въ татарскія земли, напрасно велитъ этимъ урядникамъ внимательно смотрѣть за тѣмъ, какіе козаки идутъ на низъ для рыбнаго и другаго промысла, а при возвращеніи козаковъ съ низовьевъ Днѣпра осматривать »добытки« ихъ, что-бы такимъ образомъ знать, кто изъ нихъ

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. I-й, № 105.

ходилъ только для промысла, а кто и для грабежа въ татарскихъ земляхъ, тщетно наконецъ приказываетъ маршалку Каширскому уговаривать козаковъ записаться въ реестръ и исполнять королевскую волю, а ослушниковъ »за горло имать и карать«. Велѣнія центральной власти безсильны были задержать козацкое теченіе между насельниками Украйны, обусловленное сложными причинами внутреннихъ отношеній въ государствѣ и постоянно поддерживаемое стремленіемъ къ отпору одной народности противъ напора другой. Безсиліе власти сказалось уже въ 1545 году. Въ этомъ году подъ Очаковомъ козаки ограбили турецкихъ купцовъ; для разслѣдованія дѣла, по жалобѣ турецкаго правительства, королю пришлось посылать коммисаровъ и изъ »своего скарбу« заплатить убытки [1]).

Движеніе населенія украинныхъ земель на »низъ«, противъ татаръ, продолжается изъ года въ годъ; нападенія козаковъ вызываютъ набѣги татаръ, и наоборотъ. Въ 1560 г. Андчакъ, предводитель татаръ бѣлгородскихъ, опустошившій предъ тѣмъ поселенія возлѣ бѣлоцерковскаго замка, писалъ Сигизмунду II, что онъ это сдѣлалъ въ отместку за то, что козаки кіевскіе, бѣлоцерковскіе, брацлавскіе, винницкіе, каневскіе и черкасскіе подданнымъ турецкаго султана »великіе шкоды дѣютъ«. При взаимныхъ столкновеніяхъ крымскаго ханства и Рѣчи Посполитой, эта послѣдняя должна была уступать первому, покровительствуемому въ то время могущественнымъ турецкимъ султаномъ. По этому Сигизмундъ тогда-же писалъ воеводѣ кіевскому кн. Острожскому и всѣмъ украиннымъ старостамъ, приказывая не посылать въ поле козаковъ даже для сторожи, чтобы они тамъ на своей волѣ не причиняли турецкимъ и крымскимъ подданнымъ обидъ [2]); но въ тоже самое время, зная, что набѣги татаръ не прекратятся, онъ велитъ держать козаковъ наготовѣ, чтобы въ случаѣ татарскаго нападенія было кому преслѣдовать уходящихъ татаръ и отбивать полонъ. Столкновенія козаковъ съ татарами происходили нерѣдко между самими небольшими группами мирныхъ людей съ той и другой стороны и были такъ сказать будничнымъ явленіемъ. Кочующіе татары въ обшир-

---

[1]) Kronika Bielskiego, стр. 586.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 137.

номъ размѣрѣ занимались скотоводствомъ; при приближеніи ихъ стадъ козацкіе пастухи нерѣдко отбивали и угоняли скотъ въ украинныя поселенія. »Не для чого большая шкода (отъ татаръ) въ панствахъ нашыхъ дѣется, пишетъ король Сигизмундъ кн. К. Острожскому, »одно за таковыми чабанники, которые за убезпеченьемъ Украйны быдло беруть, а непрыятель прыходячы и надъ поддаными нашыми помсту чынить« [1]).

Не въ силахъ будучи справиться съ зародившимся и постоянно усиливавшимся козачествомъ, правительство Рѣчи Посполитой относительно его долго не могло придумать опредѣленнаго плана, но, сознавая одинаково и пользу и вредъ его для государства, поступало въ отношеніи къ нему по усмотрѣнію и теченію обстоятельствъ, то воспрещая козачьи наѣзды на татарскія и турецкія земли, то поощряя оные, какъ необходимые и цѣлесообразные, то отвлекая козачьи силы въ другую сторону, то предоставляя своимъ агентамъ вѣдаться съ ними согласно видамъ внѣшней политики. Около 1561 года козаки опустошали очаковскія окрестности. Въ 1561 году Сигизмундъ Августъ писалъ старостѣ черкасскому и каневскому Михаилу Вишневецкому, что если въ его районъ возвратятся тѣ козаки, которые »Очаковъ збурыли«, то чтобы онъ уговаривалъ ихъ не оставаться долго въ украинныхъ замкахъ, а идти черезъ Могилевъ и Полоцкъ въ Эстляндію, при чемъ имъ будетъ даваться датокъ (жалованье) и живность. Одновременно почти тотъ-же Сигизмундъ Августъ, отправляя охранный листъ для находящихся »на низу« козаковъ воеводѣ кіевскому, велитъ переслать этотъ листъ козакамъ только въ томъ случаѣ, если это, по его (воеводы) зрѣлому обсужденію, не повлечетъ опасности со стороны Турціи и Крыма [2]). Гораздо позже, именно въ 1568 г., онъ же, примѣтивъ, что украинное козачество продолжаетъ стремиться на низовья Днѣпра, особымъ универсаломъ приказываетъ козакамъ, оставившимъ украинные города и замки и собравшимся въ разныхъ мѣстахъ »на низу«,—разойтись, причемъ предлагаетъ желающимъ службу при (украинныхъ) замкахъ и обѣщаетъ давать имъ жалованье, если они перестанутъ грабить татаръ [3]).

---

[1]) Ibidem.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 143.

[3]) Архивъ юго-западной Россіи, № 3.

Увеличившееся въ числѣ, окрѣпшее въ силахъ, освоившееся съ своею профессіею, украинное козачество не имѣло какой либо опредѣленной организаціи. Выступая за пороги, пробираясь къ татарскимъ и турецкимъ землямъ, оно избирало своихъ старшихъ подъ названіемъ атамановъ и гетмановъ, но, возвращаясь на свои жилища, поступало въ завѣдываніе украинскихъ старостъ и воеводъ. Козаковъ привлекали къ отбыванію замковыхъ и другихъ повинностей, что не могло быть по вкусу имъ, вкусившимъ свободы. Отсюда взаимныя неудовольствія и жалобы: воеводы и старосты обвиняли козаковъ въ своевольствѣ и непослушаніи, козаки жаловались на притѣсненія старостъ и воеводъ. Около 1572 года короннему гетману Юрію Язловецкому удалось привлечь подъ свою юрисдикцію козаковъ ходившихъ на низовья Днѣпра. Предлогомъ избрана защита ихъ отъ притѣсненій со стороны украинныхъ воеводъ и старостъ, а приманкой послужила выдача жалованья изъ королевскаго скарбу. Расположивъ къ себѣ козаковъ, Язловецкій ходатайствовалъ предъ королемъ о назначеніи для нихъ ближайшаго начальника и такимъ назначенъ былъ королевскою грамотою 1572 г. шляхтичъ Бадовскій. Этотъ старшій долженъ былъ давать судъ и управу по дѣламъ, касающимся низовыхъ козаковъ («окромъ гвалту и рѣчей кровавыхъ») въ то время, когда эти послѣдніе возвращались съ низу въ украинныя поселенія. Резиденція Бадовскаго была въ Бѣлой-Церкви [1]).—Такимъ образомъ часть населенія украинныхъ староствъ, которую привиллегированная грамота Бадовскому называетъ низовыми козаками, не только получила право свободно ходить въ низовья Днѣпра, на промыслы, но была изъята изъ-подъ юрисдикціи украинныхъ воеводъ и старостъ. Низовые козаки поставлены были въ непосредственную зависимость отъ короннаго гетмана; намѣстникомъ этого послѣдняго при козакахъ былъ особый старшій, на этотъ разъ Бадовскій.

Принятая теперь правительственная мѣра, продолженіемъ которой была реформа Баторія, еще не выдѣляла украинныхъ козаковъ въ особое сословіе съ строго опредѣленными правами и обязанностями: то была уступка центральной власти развившемуся, главнымъ образомъ, внѣ ея вѣдѣнія, помимо ея воли и желанія

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 149.

явленію въ народной жизни,—уступка вызванная извѣстною силою этого явленія, но уступка первая и потому неполная.

Событія 1572 года были таковы, что могли побудить Сигизмунда-Августа искать службы козаковъ: онъ протежировалъ Богдану, сыну прежде бывшаго господаря молдавскаго Александра, получить молдавскую корону и съ этою цѣлію сперва посылалъ спеціальное посольство къ турецкому султану, а потомъ, съ появленіемъ новаго претендента на молдавское господарство, въ лицѣ Ивони, поддерживаемаго 20 т. турецкаго войска, долженъ былъ оказать своему кандидату вооруженную помощь. Эта-то поддержка кандидатуры Богдана на молдавскій престолъ и могла побудить короля дать или давать нѣкоторое время жалованье козакамъ: козаки были нужны Сигизмунду-Августу, чтобы съ помощію ихъ утвердить на молдавскомъ престолѣ Богдана; они могли быть необходимы для правительства Рѣчи Посполитой и въ томъ случаѣ, еслибы Турція за молдавскія дѣла объявила ему войну. Давая жалованье козакамъ, Сигизмундъ-Августъ разсчитывалъ по своей волѣ распоряжаться ими въ случаѣ надобности; съ другой стороны жалованье это могло обязывать козаковъ не производить опустошеній въ татарскихъ и турецкихъ земляхъ и не нарушать такимъ образомъ мира съ этими неугомонными и опасными сосѣдями.

Признанное въ своемъ существованіи и нѣкоторыхъ правахъ, украинное козачество, чѣмъ дальше, тѣмъ больше развивается и, встрѣчая благопріятныя условія, начинаетъ играть видную роль и внѣ своей страны. Въ 1574 г. украинныхъ насельниковъ, въ числѣ которыхъ были и козаки, призвалъ на помощь упомянутый выше Ивоня, молдавскій господарь, одолѣвшій своего соперника Богдана. Турецкій султанъ потребовалъ съ него за право управлять Молдавіей такую плату, какую предложилъ ему вновь явившійся искатель молдавской короны, нѣкто Петрило, братъ мультанскаго воеводы; въ противномъ случаѣ Ивоня долженъ былъ оставить молдавскій престолъ. Получивъ такое требованіе, Ивоня послѣ предварительнаго совѣта съ представителями своего государства объявилъ Турціи войну. Тщетно обращаясь за помощью къ польскому королю, Ивоня въ концѣ концовъ обратился къ нѣкоторымъ изъ украинныхъ жителей, которыхъ зналъ, какъ »мужей вольныхъ и храбрыхъ«. На зовъ Ивони явилось въ Молдавію изъ Украйны 1200

человѣкъ. Они были подъ начальствомъ семи предводителей, изъ которыхъ главнѣйшихъ было два: Свирчовскій и Бастанъ [1]). Въ командѣ каждаго предводителя было по двѣсти и по сто человѣкъ; 200 человѣкъ брацлавянъ, правдоподобно въ собственномъ смыслѣ козаковъ, составляли особую команду. Съ почетомъ встрѣтилъ Ивоня военные отряды изъ Украйны. При пушечной пальбѣ угощались они въ палаткахъ господаря,—шляхетныя лица особо, простыя особо. Снабдивши эти отряды виномъ и золотомъ, Ивоня выступилъ противъ непріятеля. Три раза были разбиты турки, три раза обогащались украинскіе выходцы и добычею непріятеля, и наградами благодарнаго Ивони. Въ концѣ концовъ Ивоня вслѣдствіе измѣны одного изъ своихъ приближенныхъ, былъ разбитъ турками; но и разбитый, онъ мужественно защищался, окопавшись съ украинными выходцами на пожарищѣ одной деревни. Турки предложили Ивонѣ сдаться; онъ соглашался, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы самъ онъ живымъ былъ отданъ въ руки султана и чтобы выходцы изъ Украйны были отпущены здравыми и невредимыми. Условія Ивони были приняты; но когда онъ, простившись съ своими украинскими друзьями и въ послѣдній разъ щедро наградивши ихъ, подъѣхалъ къ турецкому войску, турки вѣроломно убили его. Украинскіе выходцы хотѣли было занять свой прежній окопъ, но его уже заняли турки. Окруженная со всѣхъ сторонъ непріятелями, украинская дружина мужественно отбивалась, многіе изъ украинскихъ выходцевъ пали въ этой неравной борьбѣ и только 12 человѣкъ изъ ихъ ополченія было взято турками въ плѣнъ [2]).

Къ этому именно времени относится первое обстоятельное извѣстіе современнаго польскаго писателя [3]) о козакахъ украинныхъ. Вотъ по возможности близкій переводъ избранныхъ мѣстъ этого классическаго для исторіи начальнаго украиннаго козачества свидѣтельства.

»Козаки — посполитые люди на низу, т. е. на низовьяхъ Днѣпра; занимаются они тамъ ловлею рыбы, которую тамъ-же и

---

[1]) Имена остальныхъ предводителей, какъ передаетъ ихъ Бѣльскій, слѣдующія: Козловскій, Стуженскій, Янчя и Соколовскій.

[2]) Kronika Bielskiego, стр. 791—717.

[3]) Бѣльскаго-отца (Мартына) или, можетъ быть, и сына (Якима).

сушатъ на солнцѣ; живутъ они тамъ только лѣтомъ, на зиму-же расходятся въ ближайшіе города, какъ Кіевъ, Черкасы и другіе, спрятавши предварительно на какомъ нибудь днѣпровскомъ островѣ, въ секретномъ мѣстѣ, свои лодки и оставивши тамъ нѣсколько сотъ человѣкъ »на куренѣ«, какъ они говорятъ, на стражѣ (przy strzelbie). Есть у нихъ также и свои пушки, которыя они частію захватили въ турецкихъ укрѣпленіяхъ, частію отняли у татаръ. Прежде козаковъ не было такъ много, но теперь ихъ сбирается по нѣсколько тысячъ; особенно число ихъ увеличилось въ послѣднее время. Козаки часто большую бѣду причиняютъ татарамъ и туркамъ и уже много разъ нападали на Очаковъ, Тегиню (Бендеры), Бѣлгородъ и другія укрѣпленія; въ поляхъ также они захватываютъ не мало добычи, такъ что теперь ни турки, ни татары не отваживаются пасти овецъ или скота такъ далеко отъ своихъ укрѣпленій, какъ прежде они пасли; также не пасутъ скота нигдѣ (и) по той сторонѣ Днѣпра на протяженіи 10 миль (отъ днѣпровскаго берега). Козаки насъ найбольше и ссорятъ съ турками да и татары говорятъ, что если-бы не козаки, то у насъ съ ними (татарами) никогда не было бы вражды. Но татарамъ не нужно вѣрить; хорошо, чтобы были козаки; но нужно, чтобы они подчинены были уряду и получали жалованье; пусть-бы они тамъ постоянно находились, на днѣпровскихъ островахъ, изъ которыхъ нѣкоторые столь неприступны, что если-бы тамъ засѣло нѣсколько сотъ человѣкъ, то и самое большое войско ничего-бы съ ними не сдѣлало. Въ числѣ этихъ островов есть островъ, который козаки называютъ Кохання; лежитъ онъ между порогами, на разстояніи 40 миль отъ Кіева, длиною въ нѣсколько миль (?). Если татары замѣчаютъ, что на этомъ островѣ сторожатъ козаки, то не съ такимъ удобствомъ переправляются на нашу сторону, потому что съ этого острова можно препятствовать переправѣ татарскаго войска черезъ кременчуцкій и кучманскій броды, которыми оно обыкновенно переправлялось. Недалеко отъ этого острова есть другой, Хортица,—тотъ самый, на которомъ нѣсколько прежде пребывалъ Вишневецкій. Пока Вишневецкій былъ тамъ, то татары не осмѣливались такъ часто вторгаться къ намъ, потому что присутствіе его служило имъ большой помѣхой. Есть и третій островъ— Томаковка, на которомъ больше всего проживаетъ низовыхъ козаковъ, такъ что онъ служитъ имъ главною твердынею (zamek).

Есть много и другихъ меньшихъ островов, и еслибы на нихъ построить замки и осадить поселенія, то не отваживались-бы татары такъ часто врываться къ намъ. Но мы въ Самборѣ (?) предпочитаемъ отъ нихъ защищаться. Со стороны рѣки также никто не могъ-бы никакого вреда причинить въ тѣхъ мѣстахъ, потому что со стороны моря никакія галеры, ни баты не могутъ подниматься по Днѣпру по причинѣ пороговъ, которымъ самъ Богъ опредѣлилъ быть тамъ, и еслибы не они, то тѣ края давно-бы навѣстили турки. Козаки-же такъ изловчились, что тѣ пороги переплываютъ въ кожаныхъ лодкахъ, называемыхъ у нихъ чайками,—переплываютъ, при помощи веревокъ спускаясь внизъ и такъ-же по веревкамъ поднимаясь въ гору. Въ такихъ-же самыхъ лодкахъ прежде Русь воевала съ греческими императорами, нападая иногда на самый Константинополь. И теперь козаки едва-ли не сдѣлали-бы тогоже, если-бы ихъ было такъ много. Потому-то турки и хотятъ, чтобъ этотъ край былъ пустъ и людей тамъ не умножалось, чтобы имъ безопаснѣе было въ Константинополѣ. Былъ тоже тамъ въ прежніе годы большой портъ, именно въ Бѣлгородѣ, изъ котораго въ Кипръ пшеницу изъ Подоліи возили. Теперь только черезъ тотъ городъ и черезъ Очаковъ караваны въ Москву ходятъ. Изъ Бѣлгорода въ Очаковъ идетъ широкая дорога, на которой козаки разбиваютъ часто турецкихъ купцовъ, и если желаютъ добыть языка, то достаютъ его тамъ всего скорѣе«...

Въ заключеніе Бѣльскій высказываетъ свой планъ, по которому можно бы привести въ порядокъ козаковъ; говоритъ онъ въ этомъ случаѣ со словъ своего дяди Орнишевскаго, который бывалъ гетманомъ у козаковъ, т. е. предводителемъ козачьихъ отрядовъ. Планъ состоитъ въ томъ, чтобы не только по Днѣпру, но и по его притокамъ были построены замки и осажены поселенія [1]),

Въ этой до нѣкоторой степени обстоятельной характеристикѣ начальнаго козачьяго быта существенно важно свѣдѣніе о томъ, что козаки, возвращаясь на зиму въ свои украинныя поселенія, оставляли »на зиму« стражу изъ нѣсколька сотъ человѣкъ.

Является вопросъ, не есть-ли эта стража признакъ уже организовавшагося козачества запорожскаго, обособившагося отъ ос-

---

[1]) Kronika Bielskiego, стр. 718—719.

тальнаго украиннаго?—Отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Отсутствіе запорожскаго козачества въ собственномъ, позднѣйшемъ смыслѣ этого слова можно прослѣдить, начиная съ 30-хъ годовъ XVI ст. и кончая 1574 годомъ, къ которому относится замѣтка Бѣльскаго о сторожѣ на низу. Въ 1533 году Остафій Дашковичъ на піотрковскомъ сеймѣ вносилъ извѣстное уже намъ предложеніе о защитѣ противъ татаръ на низовьяхъ Днѣпра,—ясно, что этой защиты тогда не было, а слѣд. не было и козачества запорожскаго. Не существовало это козачество и въ 50-хъ годахъ XVI-го столѣтія. Хотя въ эту пору на низовьяхъ Днѣпра и появляется хортицкое укрѣпленіе, но укрѣпленіе это, построенное по иниціативѣ Дмитрія Вишневецкаго, не было постояннымъ жилищемъ козаковъ, а только временнымъ лагеремъ для козачьихъ милицій, куда вводился гарнизонъ лишь въ случаѣ надобности, большею частію на время лѣта, на зиму же такой гарнизонъ удалялся домой [1]). Вишневецкій оставилъ это укрѣпленіе въ 1558 году въ виду предстоящаго приступа татаръ, и нужно полагать, что оно было вскорѣ разрушено татарами, такъ какъ въ слѣдующемъ году на польской сторонѣ Днѣпра, »между Хортицею и Черкасами«, московскій царь хотѣлъ строить другое укрѣпленіе, которое могло-бы замѣнить прежде существовавшее хортицкое [2]).

Припомнимъ указанныя раньше королевскія грамоты, изъ которыхъ видно, что козаки, побывавъ на Запорожьи, вновь ищутъ возвращенія въ Украйну и что главными утѣснителями татаръ являются »чабанники«, угоняющіе татарскій скотъ въ украинныя поселенія; сопоставимъ съ ними два королевскіе листа 1561 г.: одинъ къ Михаилу Вишневецкому, старостѣ черкасскому и каневскому о пропускѣ татарскаго посла, другой къ жителямъ городовъ Черкасъ и Канева съ приказомъ не нападать на имѣющія пройти мимо Черкасъ и Канева татарскія войска. Какъ грамоты, такъ и листы равно указываютъ, что въ то время было только одно украинное козачество, въ противномъ случаѣ король послалъ-бы и на Запорожье такого же содержанія листы, и это значилось-бы въ листахъ къ Ви-

---

[1]) Костомаровъ, »Богданъ Хмельницкій«, изд. 1870 г., т. I, стр. XXIII.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 134.

шневецкому и жителямъ Черкасъ и Канева, чего въ данномъ случаѣ не видимъ.

Тоже утверждаетъ призваніе Ивонею на помощь себѣ ополченій изъ Украйны. Будь въ 1574 г. отдѣльное запорожское козачество, Ивоня обратился бы къ нему, какъ къ своему ближайшему сосѣду, и въ такомъ случаѣ не пришло-бы въ Молдавію ополченіе изъ Украйны во главѣ семи предводителей, изъ которыхъ главныхъ было два, не выдѣлялись бы въ этомъ случаѣ и тѣ 200 брацлавянъ, которые составляли особый отрядъ съ отдѣльнымъ (не названнымъ) предводителемъ. Запорожскіе козаки явились бы къ Ивонѣ, подчиненные одному лицу, кошевому атаману. Свирчовскій, раздѣлявшій, по словамъ Бѣльскаго, съ Барсаномъ главное предводительство надъ украинными ополченіями, былъ въ этомъ случаѣ такой же гетманъ, какимъ былъ въ свое время дьякъ Ржевскій, когда къ нему пристали для похода въ Крымъ низовые козаки съ атаманомъ Млинскимъ и Михаиломъ Ескевичемъ[1]), какимъ былъ въ пору своего козакованья Дмитрій Вишневецкій, какимъ бывалъ, по Бѣльскому, и дядя его Орнишевскій.

Принявъ все это въ разсчетъ, можно сказать, что стража, которая оставалась на низовьяхъ Днѣпра, при козачьихъ лодкахъ и оружіи, не служитъ признакомъ существованія организованнаго запорожскаго козачества, не представляетъ еще собою запорожской общины; она все таки состояла изъ украинныхъ козаковъ и пополнялась ими. Если и возможно установить какое либо отношеніе этой стражи къ имѣвшей сложиться запорожской общинѣ, то это была одна изъ ступеней въ процессѣ развитія украиннаго козачества, за которой слѣдовало выдѣленіе изъ него въ собственномъ смыслѣ запорожскаго козачества.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Максимовичъ т. I-й, 289.

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
1821—1846 годъ.

(Продолженіе)[1].

XVI. Обратное путешествіе на родину.

Заграничный мой паспортъ былъ безсрочный, я имѣлъ право путешествовать въ чужихъ краяхъ въ теченіи пяти лѣтъ; оставалось еще болѣе трехъ лѣтъ. Родители мои не ограничивали никакимъ срокомъ пребыванія моего за границей; матушка впрочемъ писала, чтобы я не заживался тамъ долго, и чѣмъ скорѣе возвращусь, тѣмъ болѣе удовольствія доставитъ ей мой пріѣздъ.

Первымъ движеніемъ моего сердца было согласоваться съ желаніями матушки, но показаться ей въ тогдашнемъ плачевномъ моемъ состояніи я не рѣшался.

Узналъ, что изъ Марсели недѣли чрезъ двѣ отправляется въ кругосвѣтное плаваніе хорошо устроенный компаніей морскихъ путешествій пароходъ. Путешествіе должно было продолжаться два съ половиной года; плата за каюту перваго класса съ продовольствіемъ десять тысячъ франковъ. Плаваніе вокругъ свѣта заинтересовало меня, оно мнѣ представлялось необходимымъ развлеченіемъ; я спросилъ программу путешествія, въ которой обозначены были мѣста стоянки и вре-

[1]) См. „Кіевская Старина", 1884 г., іюньск. кн., стр. 239—266.

мя посѣщенія новыхъ, невѣдомыхъ мнѣ странъ. Программа мнѣ понравилась, и я рѣшился на кругосвѣтное плаваніе, не смотря на отвращеніе къ долгимъ переѣздамъ моремъ.

Съ вещами присланными Натаномъ, между которыми находился и драгоцѣнный для меня портретъ Наимы, получилъ я письмо Леи. Оно дышало дружеской привязанностью, родственной любовью. Лея поняла, что пріѣхать въ Малагу я не могъ, просила не забывать ее, любить по прежнему, писать почаще.

Отъ графа П. имѣлъ извѣстія довольно благопріятныя: маркизу стало лучше, и докторъ не сомнѣвался въ скоромъ и совершенномъ его выздоровленіи. Тяжелый камень свалился съ моей совѣсти; я вздохнулъ свободнѣе, вознесъ теплую благодарственную молитву Богу: я не былъ убійцей. Въ воспоминаніе этого радостнаго событія, я далъ обѣтъ: никогда не употреблять оружія безъ особенной надобности самосохраненія, воздерживаться и воздерживать другихъ отъ дуэлей.

Въ день назначенный для взятія билета и подписанія условія на кругосвѣтное плаваніе я получилъ письмо отъ матушки. Оно было отвѣтомъ на увѣдомленіе о кончинѣ Наимы, посланное мною изъ Севильи. Матушка требовала немедленнаго моего возвращенія. Воля обожаемой мною матери была для меня священна; въ сердцѣ моемъ не было другой привязанности; при мысли о скоромъ свиданьи съ матушкой я ожилъ, окрѣпъ и, нигдѣ не останавливаясь, прибылъ въ Дрезденъ, взявъ самый краткій путь на Ліонъ, Мецъ, Мангеймъ, Франкфуртъ и Веймаръ.

Предъ отъѣздомъ изъ Марсели поблагодарилъ я письменно графа П. за добрую вѣсть о маркизѣ и написалъ длинное посланіе Леѣ, извѣстивъ ее, что возвращаюсь на родину, куда просилъ адресовать ея письма.

Въ числѣ вещей, присланныхъ изъ Малаги, была и віолончель. Однажды въ Марсели вздумалось мнѣ поиграть на ней; звуки моего гварнерія сильно разстроили меня, голосъ віолончели такъ живо напомнилъ мнѣ пѣніе Наимы, что я продолжать не могъ, разбилъ драгоцѣнный инструментъ въ дребезги и затопилъ ими каминъ. Съ тѣхъ поръ никогда уже не игралъ я на віолончели.

При переѣздѣ изъ Веймара въ Дрезденъ мнѣ досталось внутреннее, среднее мѣсто въ большомъ шестимѣстномъ дилижансѣ; ѣхали тихо, какъ ѣздятъ въ Германіи. Не смотря на ноябрь, погода стояла теплая; въ дилижансѣ съ поднятыми стеклами было душно, я едва могъ дышать, не совсѣмъ зажившая рана на губѣ начинала меня безпокоить. Въ угловыхъ мѣстахъ, на лѣво, сидѣла почтенная дама, напротивъ какой-то старикъ нѣмецъ. Я попросилъ у нихъ позволенія открыть окно, они вѣжливо отвѣтили, что просятъ не отворять: у дамы болѣли зубы, старикъ кашлялъ. Я обратился къ счастливымъ обладателямъ угловыхъ мѣстъ правой стороны; рядомъ со мною сидѣлъ какой-то толстый краснощекій бюргеръ, противъ него рыжій англичанинъ. Я заявилъ о моемъ желаніи англичанину; представитель Альбіона отвѣтилъ, что ничего противъ этого не имѣетъ и самъ желалъ опускать стекло, но нѣмецъ не дозволилъ; я обратился къ бюргеру и получилъ отвѣтъ, что какъ онъ сидитъ у окна, то можетъ имъ распоряжаться по своему усмотрѣнію и открыть не дозволитъ. Какъ ни старался я его убѣдить, что право открывать окна принадлежитъ всѣмъ путешественникамъ, а не ему одному, онъ стоялъ на своемъ и оставался непреклоненъ. Я выбилъ стекло, и свѣжій осенній воздухъ оживилъ меня. Бюргеръ былъ внѣ себя отъ негодованія, началъ кричать, остановилъ дилижансъ. Съ меня взяли за разбитое стекло, но до Дрездена оно не было вставлено. Англичанину очень понравилась моя выдумка, и онъ благодарилъ меня.

Въ Дрезденѣ я остановился въ hôtel de Saxe, въ томъ самомъ номерѣ, изъ котораго уѣхалъ съ Наимой. Хотѣлъ остаться день, другой, но заболѣлъ и прожилъ тамъ три недѣли.

Сильная боль въ груди съ кровохарканьемъ свалила меня съ ногъ; нравственное мое состояніе было еще хуже. Послалъ за Вальтеромъ; онъ мнѣ помогъ, но не хотѣлъ отпустить скоро изъ Дрездена. Ганфстенгель постоянно сидѣлъ у меня, бралъ съ собою свою работу, прилежно ею занимался, развлекая меня своими разсказами и ухаживая за мною, какъ родной. Я просилъ снять копію съ портрета Наимы, онъ исполнилъ это охотно и очень удачно. Я ее послалъ Леѣ.

Въ самомъ грустномъ, плачевномъ расположеніи духа находился я: и болѣзнь, и душевныя страданія, и нетерпѣніе возвратиться на ро-

диву терзали меня. Когда оставался одинъ, цѣлые часы проводилъ я въ самозабвеніи, не отрывая взоровъ отъ портрета Наимы, и не разъ горячія слезы струились изъ глазъ моихъ....

Однажды я легъ спать позже обыкновеннаго и долго не могъ заснуть; во снѣ или на яву вижу Наиму; съ грустной улыбкой на блѣдныхъ устахъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: благодарю, не забылъ ты меня, мой другъ; не печалься, не тужи, мы увидимся, хотя не скоро. Наима поцѣловала меня въ лобъ, то было прикосновеніе мрамора. Видѣніе исчезло.

Безсонница продолжалась, я забылся только къ свѣту. И грезится мнѣ старикъ К; покрытый бѣлымъ саваномъ, съ сверкающими глазами; гробовымъ голосомъ спрашиваетъ меня: что сдѣлалъ ты съ Наимой? Я ему отвѣтилъ: Наима умерла.

— Ты убилъ мою Наиму, ты преждевременно свелъ въ могилу ея отца. Будь.....

— Не проклинай меня, никто не могъ любить Наиму такъ сильно, какъ я любилъ, и вѣрь мнѣ: я бы отдалъ мою жизнь, что-бы возвратить жизнь Наимы.

— Прошедшаго не воротишь, мертвыхъ не воскресишь, но безъ кары не останешься: кого-бъ ты не полюбилъ, къ кому бы искренно, глубоко ни привязался, всѣ будутъ умирать, какъ умерла дочь моя, моя Наима. Ты отвергъ ея сына, и не будетъ у тебя сыновей.

Кровь въ жилахъ оледѣнѣла, мнѣ стало страшно; въ мгновенье, когда я хотѣлъ броситься къ К. и просить его измѣнить суровый, не справедливый приговоръ, старикъ исчезъ, бросивъ на меня взглядъ, полный ненависти.

Съ разсвѣтомъ я вновь уснулъ, и вижу третій сонъ, скорѣе третье видѣнье. То былъ сѣдой, какъ лунь старикъ, черты его лица были мнѣ знакомы, но я никакъ не могъ припомнить, гдѣ его я видѣлъ.

— Тебя грызетъ тоска, тебя мучитъ сомнѣнье на счетъ твоего здоровья, сказалъ онъ мнѣ. Не унывай: тяжкая потеря надолго оставитъ глубокіе слѣды въ душѣ твоей; но тѣлесныя силы вскорѣ окрѣпнутъ, ты будешь жить.

— Для чего жить, когда нѣтъ жизни въ сердцѣ? Существовать, прозябать, какая въ этомъ польза?

— Живи и надѣйся. Время врачуетъ. А жить тебѣ еще долго.

— Долго, говоришь ты?

— Ты любопытенъ, значитъ, хочешь жить; хочешь знать, долго-ли проживешь? Могу исполнить твое тайное желаніе: на твоемъ письменномъ столѣ купленный въ Амстердамѣ ящикъ съ сигарами, не такъ давно начатый; сочти сигары, и сколько ихъ будетъ, столько лѣтъ тебѣ еще жить съ завтрешняго дня.

— Благодарю за предсказанье, сигары будутъ сочтены. Скажи лишь, кто ты? Твой голосъ, твое лице мнѣ издавна знакомы.

— Если-бы ты чаще вспоминалъ обо мнѣ, еслибы слова мои, сказанныя тебѣ въ Кіевѣ, рѣзче напечатлѣлись въ твоей памяти, быть можетъ плачевное состояніе, въ которомъ ты находишься теперь, и не было-бы твоимъ удѣломъ. Прощай, не заживайся здѣсь, тебя ждетъ любящее сердце матери.

Я очнулся и вспомнилъ, что послѣднимъ видѣніемъ былъ старикъ, котораго я встрѣтилъ въ Кіевѣ, послѣ ссоры съ Каровскимъ, у развалинъ масонской ложи.

Не придавая особеннаго значенія его предсказанью, я впрочемъ пересчиталъ сигары, запечаталъ ящикъ и предположилъ выкуривать по одной сигарѣ каждый годъ въ день моего рожденія. Въ ящикѣ оставалось пятдесятъ сигаръ, мой двадцать третій годъ былъ на исходѣ.

Второе видѣнье тревожило меня. Я просилъ Ганфстенгеля справиться въ конторѣ дрезденскаго К. о его берлинскомъ родственникѣ. Вообразите мое смущеніе, мой ужасъ, когда Ганфстенгель возвратился съ отвѣтомъ, что отецъ Наимы скончался скоропостижно въ Берлинѣ, получивъ извѣстіе изъ Испаніи о смерти его младшей дочери. Страшно отозвались въ душѣ моей слова привидѣнья.

Невольно мысли мои обратились къ Наимѣ, взглядъ остановился на ея портретѣ, и первое видѣнье предстало воображенію моему; возобновились въ памяти, въ сердцѣ моемъ, дни счастья и любви, вселилась въ душу твердая надежда на свиданіе за гробомъ..

Молодость вскорѣ осилила болѣзнь. Оправившись, я остался еще нѣсколько дней въ Дрезденѣ, совершалъ отдаленныя прогулки по совѣту доктора Вальтера и познакомился со многими русскими путешественниками, въ числѣ которыхъ находился художникъ Рамазановъ, пріѣхавшій въ Дрезденъ изъ Петербурга съ Бальзакомъ. Чрезъ Позенъ я отправился въ Варшаву. Въ Познани разсказывали о выстрѣлахъ сдѣланныхъ въ экипажъ государя Николая Павловича при обратномъ его путешествіи изъ Берлина. Темная исторія; злоумышленники никогда не были открыты.

Въ Варшавѣ я остался три дня, остановился въ Европейской гостинницѣ. Вечеромъ, наканунѣ моего отъѣзда, слышу въ сосѣднемъ номерѣ звуки гитары и мотивъ испанскаго танца: *ола*. Заинтересованный въ высшей степени, призываю служителя, чтобы узнать, кто квартируетъ рядомъ со мною. Сосѣдкой оказывается Лола Монтесъ. Я немедленно отправился къ ней. Лола была въ самомъ дурномъ расположеніи духа: утромъ на репетиціи она дала пощечину оберъ-полицмейстеру Абрамовичу, завѣдывавшему варшавскими театрами, и князь намѣстникъ, какъ звали Паскевича, приказалъ ей выѣхать въ 24 часа изъ Варшавы за границу. Лола Монтесъ тотчасъ меня узнала, очень мнѣ обрадовалась, повеселѣла, и мы въ двоемъ провели весь вечеръ; вспоминали о Листѣ, о Берлинѣ; Лола разсказала нѣсколько новыхъ эпизодовъ изъ своей, обильной приключеніями жизни, много говорили объ Испаніи... Утромъ Лола отправилась въ Берлинъ, я въ Кіевъ. Хороша была она; но дикая, необузданная, страстная натура, излишняя свобода въ обращеніи, нахальство, доходившее до невѣроятія, дѣлали ее сиреной опасной для неопытныхъ молодыхъ людей и въ особенности для старцевъ ловеласовъ.

Варшава не произвела на меня особенно пріятнаго впечатлѣнія; городъ грязный, но довольно оживленный. Варшавянки не дурны собою, развязны, кокетливы и, говорятъ, не очень строгихъ нравовъ.

Утомленный ѣздой на почтовыхъ, отъ Кременца до Кіева я нанялъ еврея, у котораго былъ рессорный крытый экипажъ, по мѣстному названію: кочь-карета. Полякъ, помѣщикъ волынской губерніи Д., былъ моимъ попутчикомъ. Я съ нимъ много говорилъ и въ качествѣ больного дремалъ постоянно, начиналъ жить воспоминаніями.

За Кременцомъ, верстахъ въ тридцати, еврей заѣхалъ въ корчму, чтобы напоить лошадей; попутчикъ мой отправился въ корчму, я оставался въ экипажѣ. Подъѣхала тройка съ колокольчикомъ, изъ повозки выскочилъ чиновникъ съ краснымъ околышкомъ на фуражкѣ. Онъ вошелъ въ корчму, потомъ подошелъ ко мнѣ и на польскомъ языкѣ спросилъ мой паспортъ. Окончаніе моей фамиліи на-*цкій* дало ему поводъ принять меня за поляка. Чиновникъ начинаетъ говорить, что паспортъ у меня *кепскій* и что дальше я ѣхать не могу. Это меня крайне удивило; я отвѣтилъ по польски, что паспортъ мой въ порядкѣ, вездѣ визированъ и даже прописанъ въ Варшавѣ; чиновникъ ушелъ. Является еврей и объявляетъ, что становой приставъ приказалъ отпречь лошадей и требуетъ меня для объясненій. Внѣ себя отъ негодованія, я объяснился съ нимъ на такомъ чисто русскомъ языкѣ и такими энергическими выраженіями, которыя не представляли никакого сомнѣнія въ моей національности; упомянулъ и о Бибиковѣ. Объясненія мои такъ подѣйствовали на станового, что онъ началъ извиняться, тотчасъ отдалъ мнѣ паспортъ и велѣлъ запрягать нашихъ лошадей. Могущественное вліяніе полиціи въ юго-западномъ краѣ было такъ велико, что ни отъ извощика, ни отъ еврея, содержавшаго корчму, я не могъ узнать фамилію становаго. Попутчикъ мой сталъ обращаться со мною съ большимъ подобострастіемъ, услыхавъ, что я знакомъ съ Бибиковымъ, и увидавъ, что могу, не откупаясь, отдѣлываться грозными фразами отъ несправедливыхъ требованій полиціи.

Безъ всякихъ приключеній, благополучно прибылъ я въ Кіевъ. Помѣщикъ Д. поручалъ себя моей памяти и просилъ протекціи. Я имѣлъ возможность оказать ему позже нѣкоторыя услуги.

Въ Кіевѣ я пробылъ недолго. Посѣтилъ дядю Лукашевича на его дачѣ. Тетушка скончалась во время моего путешествія. Извѣстіе о ея кончинѣ я получилъ, уѣзжая изъ Дрездена съ Наимою; дядя, извѣщая о смерти тетушки, въ письмѣ своемъ просилъ меня возвратиться немедленно въ Кіевъ, имѣя намѣреніе передать мнѣ на извѣстныхъ условіяхъ недвижимое свое имѣніе въ полтавской губерніи. Но изъ за сдѣлки этой я не могъ разстаться съ Наимою въ первое время моего съ нею сближенія; отвѣтилъ дядѣ благодарностью и просьбою подо-

ждать моего возвращенія или обратиться къ моему отцу по этому дѣлу. Дальнѣйшей переписки не послѣдовало. Дядя Платонъ Яковлевичъ былъ очень радъ моему возвращенію, принялъ меня со слезами на глазахъ и выразилъ большое сожалѣніе, что я опоздалъ. Оказалось, что за двѣ недѣли до моего прибытія въ Кинь-грусть, дядя, удрученный годами и болѣзнію и обремененный долгами, передалъ свое имѣніе другому племяннику Ивану Яковлевичу Лукашевичу, съ условіемъ, чтобы онъ взялъ на себя уплату всѣхъ долговъ и давалъ дядѣ пожизненное содержаніе въ четыре тысячи рублей въ годъ.

Этого племянника тетушка терпѣть не могла, да и дядя не очень любилъ. Обезображенный до нельзя оспой, дурно воспитанный, грубый и скупой до невѣроятія, Иванъ Яковлевичъ былъ въ высшей степени антипатиченъ, но имѣлъ громадное состояніе и живя постоянно въ деревнѣ, пользовался въ своемъ околоткѣ извѣстнымъ почетомъ. Домъ въ Кіевѣ и дачу Кинь-грусть тетушка оставила въ пожизненное владѣніе дяди, а по смерти его завѣщала своимъ племянницамъ Гинцъ.

Хотя имѣніе дяди и было довольно значительное, но уплата долговъ и выплата содержанія могли-бы поставить меня въ затруднительное положеніе: хозяйственными дѣлами я никогда не занимался и не имѣлъ къ нимъ наклонности. Признаюсь, я былъ отчасти радъ, что сдѣлка эта не состоялась въ мою пользу; стяжательность и разсчетливость никогда не были моимъ удѣломъ. Притомъ надъ совѣстью моею тяготѣлъ долгъ довольно значительный по тогдашнему моему положенію. Я считалъ себя обязаннымъ возвратить Леѣ десять тысячъ талеровъ, подаренныхъ ею Наимѣ и издержанныхъ нами, упоминалъ объ этомъ Леѣ въ одномъ изъ писемъ; она отвѣтила, что никогда не приметъ отъ меня денегъ, данныхъ на путешествіе и гардеробъ сестры; тѣмъ не менѣе требованіе совѣсти возлагало на меня обязанность разсчитаться съ Леей рано или поздно. Поэтому принять на себя еще долги дяди, хотя и обезпеченные имѣніемъ, казалось мнѣ дѣломъ очень рискованнымъ.

Въ Кіевѣ я поѣхалъ къ Димитрію Гавриловичу Бибикову. Былъ принятъ очень благосклонно. Просидѣлъ у него болѣе часу. Распрашивалъ о познанскомъ происшествіи, о моихъ путешествіяхъ и о впечатлѣніи, произведенномъ за границей книгой Кюстина la Kupie et les Kupes;

остался очень доволенъ моими разсказами. При прощаньи спросилъ, что располагаю дѣлать и не желаю-ли поступить на службу. Я ему отвѣтилъ, что ѣду въ деревню и переговоривъ съ отцемъ и матушкой, приму рѣшеніе, согласное ихъ желаніямъ.

Служить слѣдуетъ, возразилъ Бибиковъ, пожимая мнѣ руку: захотите служить въ Кіевѣ — милости просимъ. Кланяйтесь батюшкѣ.

Трудно описать восторгъ, съ какимъ встрѣтила меня матушка послѣ долгой разлуки. Отца не было дома, онъ уѣхалъ въ уѣздный городъ по своимъ предводительскимъ дѣламъ.

Сестры Софія и Марія, окончивъ воспитаніе въ полтавскомъ институтѣ, были съ матушкой. Я ихъ не видѣлъ нѣсколько лѣтъ и нашелъ въ нихъ большую перемѣну къ лучшему. Болѣе другихъ любилъ я сестру Софію Димитріевну Бразоль, за ея доброе сердце, притомъ она была похожа на матушку.

Помолившись въ образной, въ спальнѣ моей матери, я разсказалъ матушкѣ мои отношенія къ Наимѣ. Все утро мы провели вмѣстѣ; счастливыя и печальныя воспоминанія давали пищу откровенному разговору. Къ обѣду возвратился отецъ и обошелся со мною очень ласково.

Отецъ мой былъ занятъ хозяйствомъ и дѣлами по должности; всѣ собирались, какъ водится въ деревнѣ, къ утреннему и вечернему чаю и къ обѣду. Утро я всегда проводилъ въ бесѣдѣ съ матушкой, и чѣмъ дальше говорили мы другъ съ другомъ, тѣмъ больше убѣждался я въ высокихъ нравственныхъ качествахъ и замѣчательномъ ея умѣ, тѣмъ сильнѣе становилась привязанность моя къ ней. Смотрѣть ей въ глаза, угадывать каждое желаніе, предупреждать всякую просьбу было для меня истиннымъ наслажденіемъ; казалось, всѣ силы моего осиротѣвшаго сердца сосредоточились на ней, и матушка была единственнымъ предметомъ нѣжности моихъ чувствъ. Съ нею одной дѣлилъ я время очень пріятно и былъ вполнѣ откровененъ.

Матушка и Софія разучили мою симфонію, играли и часто на фортепьяно въ четыре руки; я дирижировалъ, потомъ матушка исполняла одну изъ любимыхъ моихъ сонатъ Бетховена и каждый день заставляла меня импровизировать.

Усадьба наша лежитъ на большой почтовой дорогѣ на Кіевъ, не проходило дня, что-бы кто нибудь не посѣтилъ насъ; посѣщенія эти мнѣ крѣпко надоѣдали. Скучные сосѣди забрасывали меня разспросами о путешествіи; разсказывать каждому мои впечатлѣнія было утомительно, невеселое расположеніе духа и пустота деревенской болтовни заставляли меня удаляться къ себѣ во флигель, гдѣ я занимался чтеніемъ и приведеніемъ въ порядокъ моихъ путевыхъ замѣтокъ.

Настали рождественскія святки, сосѣди стали учащать, нелюбезность моя увеличивалась. Матушка могла удѣлять мнѣ не много времени и просила быть привѣтливѣе съ посѣтителями. Какъ ни старался я исполнить ея желаніе, удавалось не всегда. Наконецъ и мы въ свою очередь должны были сдѣлать нѣсколько визитовъ. Всѣ были для меня невыносимо скучны, къ счастію посѣщенія ограничивались поѣздками на одинъ день къ ближайшимъ сосѣдямъ. На праздникахъ мы всѣ поѣхали въ Яготинъ къ князю Николаю Григорьевичу Репнину. Мои воротились въ тотъ же день, я провелъ тамъ нѣсколько дней.

Послѣ долговременнаго пребыванія за границей, Репнины: князь съ княгиней и дочерью, княжной Варварой Николаевной поселились въ Яготинѣ. Тамъ-же жилъ тогда и сынъ князя, Василій Николаевичъ, женатый на Балабиной.

Княгиня, рожденная Разумовская, была тѣломъ стара, но привѣтлива и любезна. Князь Николай Григорьевичъ (Волконскій), внукъ знаменитаго фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина, принявшій въ родѣ по женскому колѣну фамилію Репниныхъ, былъ еще очень бодръ и обладалъ необыкновенною памятью. Отлично образованный, замѣчательно умный, привѣтливый и гостепріимный, онъ занималъ важный постъ вице-короля Саксоніи послѣ отечественной войны и потомъ долгое время былъ генералъ-губернаторомъ малороссійскимъ.

Управляя Саксоніей, получалъ очень ограниченное содержаніе и издержалъ на представительство болѣе милліона ассигнаціонныхъ рублей изъ своихъ средствъ, вслѣдствіе чего вошелъ въ значительные долги. Обѣщано было уплатить изъ казны издержанные Репнинымъ деньги, но по необъяснимому великодушію мы не брали контрибуцій, не взыскивали военныхъ издержекъ, и суммы, издержанныя Репнинымъ, не были

возвращены. Въ царствованіе государя Николая Павловича, въ тридцатыхъ годахъ, по доносу сдѣланному Александромъ Григорьевичемъ Строгановымъ, Репнинъ былъ удаленъ отъ должности малороссійскаго генералъ-губернатора, на имѣніе его наложено запрещеніе, назначено слѣдствіе, обвиняли князя въ незаконномъ расходованіи казенныхъ денегъ.—Долги росли, одно изъ значительныхъ имѣній князя продано съ публичнаго торга (Почепъ, купленный Клейнмихелемъ), въ концѣ концевъ оказалось, что князь былъ виновенъ въ неправильномъ позаимствованіи изъ полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія девятнадцати тысячъ рублей для окончанія постройки полтавскаго института. Между тѣмъ дѣло длившееся около десяти лѣтъ совершенно его разорило, и еслибы не состояніе, довольно значительное, княгини, князь былъ-бы лишенъ всѣхъ средствъ къ существованію.

Князь Николай Григорьевичъ, знававшій меня еще ребенкомъ, посѣщая часто нашъ домъ по пути изъ Повисовъ въ Яготинъ, принялъ меня въ высшей степени любезно и я провелъ у него два дня въ постоянныхъ разговорахъ, по большей части, съ старикомъ княземъ въ кабинетѣ. Не было новой книги мало-мальски замѣчательной, которую князь не прочелъ-бы; разговоръ его бывалъ интересенъ и поучителенъ. Любилъ вспоминать и старину, но ни слова о несправедливостяхъ, которыхъ былъ жертвой; единственнымъ проявленіемъ его неудовольствія въ этомъ отношеніи была раздача добрымъ знакомымъ портретовъ императоровъ изъ его обширной и замѣчательной картинной галлереи. Между прочимъ, портретъ Александра I-го во весь ростъ. превосходная копія Доу, достался моему отцу, особенно преданному памяти Благословеннаго.

Княжна Варвара Николаевна, энергичная, легко увлекавшаяся дѣвица зрѣлыхъ лѣтъ, худая, тоненькая, съ большими, живыми выразительными глазами, не могла скрывать своего негодованія на неблагодарность къ заслугамъ ея отца. Вспыхивала, какъ порохъ, при малѣйшемъ намекѣ на дѣла минувшихъ лѣтъ, но добрая, остроумная, милая и любезная, она была провидѣніемъ бѣдныхъ и несчастныхъ, раздавала, что у ней было, и принимала самое теплое участіе во всѣхъ прибѣгавшихъ къ ея помощи и совѣту.

Изъ постороннихъ въ то время жили въ Яготинѣ двѣ личности обращавшія на себя вниманіе. Въ качествѣ домашняго доктора находился постоянно Фишеръ, вывезенный княземъ изъ Саксоніи, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Гуфланда, очень умный, образованный, симпатичный человѣкъ и отличный медикъ. Проживалъ временно въ Яготинѣ въ одномъ изъ многочисленныхъ флигелей Шевченко, живописецъ по профессіи и поэтъ по призванію. Средняго роста, широкоплечій, крѣпкаго и здороваго тѣлосложенія, рябой, съ мутными карыми, неглупыми глазами, угловатый, неуклюжій, не чесанный, не мытый, болѣе чѣмъ небрежно одѣтый—вотъ наружность Тараса Шевченки, далеко не изящная. Какъ живописецъ, онъ мало извѣстенъ: рисовалъ довольно посредственно; какъ поэтъ былъ замѣчателенъ чистотою малороссійскаго языка, плавнымъ, мѣрнымъ стихомъ, звучными строфами, задушевнымъ чувствомъ, мягкою сердечностью; его Кобзарь, въ особенности его Катерина можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ произведеній въ этомъ родѣ. Но въ Гайдамакахъ Шевченкѣ недоставало священного огня, проявленія страсти, широкой кисти, увлекательнаго дѣйствія, характеризующихъ историческую драму.

Какъ человѣкъ..., но de mortuis aut bene, aut nihil, въ особенности принимая во вниманіе тяжкую судьбу, постигшую несчастнаго поэта.

Старые князь и княгиня удалялись тотчасъ послѣ вечерняго чая въ свои комнаты; мы, оставшись съ молодыми Репниными, съ княжной, заставляли Шевченку читать Катерину и неизданныя имъ стихотворенія; расходились рано. Ко мнѣ обыкновенно приходилъ Фишеръ и Шевченко, болтали до поздней ночи. Разсказы Фишера были очень интересны; онъ ѣздилъ въ Египетъ, на мысъ Доброй Надежды и знакомилъ насъ съ этими отдаленными странами.

Шевченко говорилъ о своемъ прошедшемъ и, казалось, былъ совершенно доволенъ настоящимъ.

Уроженецъ кіевской губерніи, Шевченко принадлежалъ къ семейству крѣпостныхъ крестьянъ, помѣщика Э. Въ былое время помѣщики отправляли крѣпостныхъ мальчиковъ въ Петербургъ для изученія какого нибудь ремесла. На долю Шевченка выпало малярное искусство; мальчикъ вскорѣ оказалъ такіе успѣхи, что его опредѣлили въ ака-

демію художествъ, и живопись сдѣлалась его постояннымъ занятіемъ. Онъ рисовалъ портреты. Какой-то генералъ заказалъ ему свой портретъ за сто рублей ассигнаціями. Портретъ, нарисованный Шевченкомъ, не понравился заказчику; генералъ предлагалъ впрочемъ взять портретъ за половину цѣны. Шевченко обидѣлся и не согласился; замѣнивъ мундиръ и эполеты бѣлой рубахой, онъ сдѣлалъ изъ портрета генерала вывѣску цирульника. Генералъ, проѣзжая однажды мимо цирульни, увидѣлъ себѣ на вывѣскѣ и пришелъ въ сильное негодованіе. Помѣщикъ Э. случился въ то время въ Петербургѣ; генералъ просилъ его продать ему Шевченку, предлагая двѣ тысячи рублей. Э. согласился. Шевченко писалъ уже стихи и былъ нѣсколько извѣстенъ Жуковскому. Видя неминуемую бѣду, Шевченко обратился къ знаменитому поэту. Жуковскій доложилъ императрицѣ о горькой участи Шевченки. Э—ду заплатили требуемый выкупъ и, по милости государыни, Шевченко былъ свободенъ отъ крѣпостной зависимости. Выкупъ былъ сдѣланъ посредствомъ розыгрыша въ лотерею портрета Жуковскаго, написаннаго по этому случаю Брюловымъ; нѣтъ надобности упоминать, что императрица взяла всѣ билеты. Какъ ни была черства душа человѣка, она должна была проникнуться священной благодарностью, и чѣмъ болѣе безобразія представляло крѣпостное право, тѣмъ глубже, *тѣмъ сильнѣе* должна была быть благодарность за освобожденіе; увидимъ далѣе, какъ поступилъ Шевченко въ этомъ отношеніи.

Нѣсколько разъ игралъ я на фортеньяно въ Яготинѣ, и музыка моя очень нравилась; Варвара Николаевна предложила мнѣ написать оперу, либретто взялся составить Шевченко, сюжетомъ избрали Мазепу. Сюжетъ для оперы дѣйствительно богатый. Много драматизма, дѣйствія, разнородные элементы: велико и малорусскій, шведскій, польскій. Но въ разработкѣ драмы и въ языкѣ либретто мы расходились. Всѣ стояли за личность Мазепы и хотѣли представить его поборникомъ свободы въ борьбѣ съ деспотизмомъ Петра. Хотя Петръ никогда не былъ моимъ героемъ, но въ дѣйствіяхъ Мазепы я не находилъ также ничего героическаго и желалъ представить его такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Въ пылу спора у меня сорвалось слово: измѣнникъ, и мы чуть-чуть изъ за этого не разсорились. Варвара Ни-

колаевна и Шевченко хотѣли, чтобы либретто было написано на малорусскомъ языкѣ, я былъ противоположнаго мнѣнія и увѣрялъ, что Шевченко владѣетъ на столько русскимъ языкомъ, что хорошо напишетъ либретто; если писать оперу, говорилъ я, такъ писать оперу серьозную и на языкѣ обще-доступномъ, а не какую нибудь Наталку-Полтавку. Каждый остался при своемъ мнѣніи, тѣмъ дѣло и кончилось въ Яготинѣ.

Огромный деревянный яготинскій домъ, окруженный паркомъ въ полтораста десятинъ, съ закругленною рѣкой, представлялъ удобное и вполнѣ барское помѣщеніе. Исторія этого дома очень занимательна. Онъ былъ построенъ въ Кіевѣ гетманомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, на Печерскѣ, въ одной изъ лучшихъ мѣстностей надъ Днѣпромъ. Пріѣзжаетъ однажды къ бывшему гетману кіевскій комендантъ и докладываетъ ему, что на лѣто ожидаются многочисленныя войска, направляемыя чрезъ Кіевъ въ Турцію, и проситъ позволенія назначить въ домѣ Разумовскаго временный постой, наравнѣ съ другими обывателями. Кирилло Григорьевичъ изъявляетъ согласіе, но потомъ раздумался; пишетъ приказъ въ Яготинъ, чтобы немедленно выслали въ Кіевъ три тысячи подводъ и столько же крестьянъ съ топорами. Въ нѣсколько дней домъ былъ разобранъ и перевезенъ въ Яготинъ. Неправда-ли, оригинальный способъ избавиться отъ постоя? Домъ, какъ былъ, такъ и поставленъ въ Яготинѣ, а мѣсто въ Кіевѣ и флигеля Разумовскій подарилъ Трощинскому. Усадьба эта принадлежитъ теперь инженерному вѣдомству.

Ѣздилъ я потомъ въ Дехтяри, помѣстье Петра Григорьевича Галагана. Онъ былъ женатъ на Софіи Александровнѣ К., сестрѣ мужа моей кузины, о которой упоминалъ выше. Петръ Григорьевичъ былъ еще не старый, но болѣзненный человѣкъ, типъ богатаго малороссійскаго помѣщика, получившаго порядочное образованіе въ прежнее время. Софія Александровна была премилая и въ высшей степени любезная женщина. Громадный барскій домъ, великолѣпный садъ съ огромными оранжереями, безчисленною прислугою, большой и превосходный оркестръ дѣлали Дехтяри однимъ изъ пріятнѣйшихъ домовъ въ Малороссіи. Капельмейстеромъ былъ нѣмецъ Краузе, отличный музыкантъ; первая

скрипка: крѣпостной Артемъ, проживший три года въ Дрезденѣ; онъ бралъ уроки на счетъ барина у Липинскаго; другіе солисты были также очень недурны. Очень отчетливо исполнили двѣ Бетховенскія симфоніи, сыграли хорошо и мою, а также нѣсколько увертюръ. Краузе хвалилъ мои произведенія, но какъ опытный капельмейстеръ посовѣтовалъ измѣнить оркестровку въ двухъ мѣстахъ моей симфоніи, что я тутъ-же и сдѣлалъ; эффектъ дѣйствительно былъ лучше прежняго. Разговорились мы какъ то съ Петромъ Григорьевичемъ о музыкѣ и объ окрестныхъ оркестрахъ. Я назвалъ Тарновскаго, Григорія Степановича.

Его оркестръ, сказалъ мнѣ Петръ Григорьевичъ, гораздо хуже моего, инструменты плохіе, капельмейстеромъ свой крѣпостной, да и самъ Григорій Степановичъ ни чего не смыслитъ въ музыкѣ, не знаетъ ни одного иностраннаго языка, ничему не учился. Ѣздилъ именно Тарновскій за границу лѣчиться, ни съ кѣмъ не могъ объясняться, и вообразите, претендуетъ, что его вездѣ принимали за турка; гдѣ ему дураку быть туркомъ. Насмѣшилъ меня Петръ Григорьевичъ своею антипатіей къ Тарновскому. Оказалось, что они соперничали во всемъ, но Галаганъ стоялъ несравненно выше своего сосѣда, съ которымъ мнѣ суждено было вскорѣ познакомиться.

У родственницы нашей Татьяны Густавовны Волховской въ день ея именинъ 12-го января бывалъ всегда пиръ горой. Старушка не имѣла дѣтей и прямыхъ наслѣдниковъ, жила открыто и издерживала всѣ свои доходы, довольно значительные—на пріемы, содержаніе огромнаго сада и большого дома. Доморощенный, многочисленный, но плохой оркестръ, отличный хоръ пѣвчихъ, пополняемый мужской и женской прислугой, дворня, состоявшая изъ полутораста человѣкъ, старая нѣмка Каролина Антоновна, разливавшая чай, вотъ обстановка Татьяны Густавовны.

Въ большіе праздники всегда бывало много гостей въ Мосевкѣ, помѣстьѣ Волховской, но къ 12 января съѣзжались не только ближайшіе сосѣди, но изъ дальныхъ мѣстностей всѣ ея знакомые. Собирались обыкновенно наканунѣ и проводили дня три, четыре у гостепріимной хозяйки.

На перепутьи къ намъ заѣзжали также многіе, въ томъ числѣ и Григорій Степановичъ Тарновскій съ супругой Анной Дмитріевной, рожденной Алексѣевой, внучатой сестрой моего отца, и съ племянницей Анны Дмитріевны, дѣвицей Троцкиной.

Григорій Степановичъ человѣкъ уже очень пожилыхъ лѣтъ, но бодрый, сухой, высокій, съ огромнымъ ястребинымъ носомъ и маленькими глазами, былъ типомъ мѣщанина. Толстая золотая цѣпочка для часовъ, спускавшаяся съ шеи по жилету, бриллiантовыя запонки, кольца съ драгоцѣнными камнями были принадлежностями его повседневнаго туалета. Высокопарная рѣчь, по большей части безсмысленная, сознаніе своего достоинства, въ существѣ заключавшагося только въ богатствѣ и званіи камеръ-юнкера, пріобрѣтенномъ въ 60 лѣтъ не большими пожертвованіями, но сытными обѣдами въ Петербургѣ, посягательство на остроуміе, состоявшее въ предложеніи къ разрѣшенію общеизвѣстныхъ и избитыхъ загадокъ и шарадъ, претензіи на меценатство, ограничивавшееся приглашеніемъ двухъ, трехъ артистовъ на лѣто къ себѣ въ деревню, гдѣ имъ бывало не всегда удобно и пріятно, скупость, доходившая до скряжничества, при желаніи блеснуть и поразить роскошью, вотъ характеристическія черты Григорія Степановича.

Анна Дмитріевна была толстая, неуклюжая, молчаливая, но добрая и въ высшей степени благородная женщина. Особеннымъ умомъ она также не отличалась, недостатокъ этотъ впрочемъ пополнялся обходительностью, благодушіемъ и отсутствіемъ всякихъ претензій.

Старики Тарновскіе жили постоянно какъ голубки, дѣтей у нихъ не было. Они приняли въ домъ, какъ дочь, родную племянницу и крестницу Анны Дмитріевны, Анну Елисѣевну Троцину. Григорій Степановичъ давно передалъ Аннѣ Дмитріевнѣ по купчей крѣпости четыре тысячи душъ лучшаго своего состоянія, у Анны Дмитріевны было также порядочное имѣніе и множество бриллiантовъ; все это предназначалось Аннѣ Елисѣевнѣ. Анна Елисѣевна была не хороша собою, но слыла не глупой, скромной и доброй дѣвушкою, получила порядочное домашнее образованіе, такое, какое могутъ дать богатые люди за деньги, не приложивъ къ тому ни надлежащаго личнаго надзора, ни необходимаго руководства и направленія.

Достаточно было легкаго намека моего отца, что Анна Елисѣевна превосходная партія и что не мѣшало-бы мнѣ заслужить ея вниманіе, дабы оттолкнуть меня отъ этой дѣвицы и ея родныхъ.

Съ Анной Дмитріевной я былъ еще довольно любезенъ по родству и по неисчерпаемому ея добродушію; съ Анной Елисѣевной говорилъ очень мало, а Григорій Степановичъ до того дѣйствовалъ на мои нервы, что я съ трудомъ могъ его переносить. У себя я былъ очень вѣжливъ и ни въ чемъ ему не противорѣчилъ; но что было отложено изъ уваженія къ гостю, то съ избыткомъ вознаграждено въ Мосевкѣ, куда отправились мы всѣ вмѣстѣ 11 января.

Началось съ литературы. Тарновскій, какъ попугай, заучилъ нѣсколько фразъ, когда-то и отъ кого-то слышанныхъ, но совершенно превратно толковалъ ихъ смыслъ; я конечно не оставилъ его безъ возраженій. Перешли къ музыкѣ: Григорій Степановичъ сожалѣлъ, что я, посѣтивъ Галагана, не пріѣхалъ къ нему послушать его оркестръ; я извинился недостаткомъ времени. Зашла рѣчь объ италіянской музыкѣ, потомъ о нѣмецкой: тутъ Тарновскій понесъ такую дичь, что я помиралъ со смѣху и разсмѣшилъ моими замѣчаніями многочисленный кружокъ собравшійся около насъ. Наконецъ Тарновскій перешелъ къ русской музыкѣ, считая себя на твердой почвѣ, по близкому знакомству съ Глинкой, гостившимъ у него въ деревнѣ въ теченіи цѣлаго лѣта. И говорить нечего, что Тарновскій считалъ Глинку непогрѣшимымъ авторитетомъ въ дѣлѣ музыки и геніальнымъ композиторомъ. Отдавая полную справедливость таланту Глинки, я находилъ много недостатковъ въ его „Жизни за Царя“ и имѣлъ неосторожность сказать, что произведеніе это, изобилуя многими превосходными мѣстами, глубокой ученостью и нѣсколькими пѣвучими мелодіями, въ общемъ представляетъ что-то непослѣдовательное, несвязное, неоконченное, что опера лишена драматизма, монотонна и скучна.

Негодованію Григорія Степановича не было конца, но оно дошло до крайнихъ предѣловъ, когда на объясненіе его, какъ сочинялъ Глинка при немъ нѣкоторые номера и потомъ отправлялъ къ Розену для написанія къ нимъ стиховъ, я возразилъ, что въ томъ и состоитъ отчасти ошибка Глинки, такъ какъ никто не пишетъ оперъ, подбирая стихи

подъ музыку, а обыкновенно пишутъ музыку къ либретто и способъ композиціи избранный Глинкою подтверждаетъ сказанное мною о недостаткахъ „Жизни за Царя“.

Кончилось тѣмъ, что мы разстались не совсѣмъ дружелюбно: Григорій Степановичъ не вступалъ болѣе въ разговоръ со мною, но счелъ своею обязанностью пожаловаться на меня моей матушкѣ. Матушка желавшая, чтобы всѣ любили меня, была этимъ огорчена и просила не раздражать Григорія Степановича и обходиться какъ съ нимъ, такъ и со всѣми какъ можно любезнѣе. Достаточно было одного слова моей матушки, чтобы я исполнилъ ея желаніе; старался казаться веселымъ, болталъ съ дамами, пригласилъ даже на кадриль Анну Елисѣевну, не смотря на сильную къ ней антипатію.

Послѣ бала, продолжавшагося три дня въ Мосевкѣ, и пріема гостей у насъ, при обратномъ ихъ путешествіи, пробывъ еще нѣсколько дней дома, я отправился въ Кіевъ вслѣдствіе настоятельной просьбы матушки, желавшей, чтобы я не уѣзжалъ далеко отъ нея и поступилъ-бы на службу, не теряя времени. Меня влекло въ Одессу, къ Воронцову, но я долженъ былъ уступить желанію матушки и рѣшился избрать новое поприще для службы въ Кіевѣ. Судьба вновь привела меня въ этотъ городъ: какъ ни казался мнѣ Кіевъ скучнымъ и безлюднымъ, съ нимъ мирила меня мысль, что я часто буду имѣть возможность видѣться съ матушкой.

(Окончаніе главы и части слѣдуетъ).

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ВНУТРЕННЯГО СТРОЯ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ XVI И XVII ВВ.[1]).

Религіозная жизнь извѣстнаго народа не можетъ развиваться иными путями, отличными отъ тѣхъ, какими совершается развитіе остальныхъ сторонъ его исторической жизни. Поэтому идеи и направленія, руководящія въ данное время жизнью общественною и политическою, непремѣнно отражаются въ событіяхъ жизни церковной. Это положеніе, примѣнимое къ исторіи каждаго народа, находитъ особенно яркое подтвержденіе въ примѣненіи къ прошлой жизни южно-русскаго племени, для котораго вѣра долгое время служила знаменемъ народности. Судьба южно-русской церкви была всегда неразрывно связана съ судьбою его народныхъ началъ, и потому эпохи торжества послѣднихъ были въ тоже время эпохами торжества первой, и наоборотъ. Аналогія эта не ограничивается лишь единствомъ ихъ внѣшней судьбы: она можетъ быть распространена и на внутренній строй жизни церковной и общественной. Какъ извѣстно, основными чертами народнаго южно-русскаго общественнаго строя были всегда стремленіе къ равноправности и къ самоуправленію и выборное начало. Я хочу показать, что тѣ-же черты были основными и для внутренняго церковнаго строя въ южной или, точнѣе, юго-западной Руси и что борьба за сохраненіе ихъ составляетъ главное содержаніе исторіи западно-русской церкви въ XVI и XVII в.в. Само собою разумѣется, что, во вниманіе къ условіямъ мѣста и вре-

[1]) Читано въ годичномъ собраніи Общества преподобнаго Нестора Лѣтописца, 11-го марта 1884 г.

жени, я буду избѣгать подробностей въ раскрытіи моей мысли и постараюсь ограничиться лишь самымъ бѣглымъ очеркомъ избраннаго для настоящей бесѣды предмета.

По недостатку историческихъ свидѣтельствъ о юго-западной Руси изъ временъ XIII и первой половины XIV в.в., трудно сказать что-нибудь опредѣленное о внутреннемъ строѣ тогдашней западно-русской церкви; но группируя отрывочныя свѣдѣнія слѣдующей за тѣмъ эпохи, находимъ, что послѣдовательное развитіе организаціи церковныхъ отношеній не было здѣсь прервано татарскимъ и затѣмъ литовскимъ завоеваніемъ, но продолжалось въ духѣ тѣхъ-же началъ, какія положены были еще въ древне-русскій періодъ. Уже въ XII—XIII в.в. замѣчаемъ, что избраніе епископовъ, совершавшееся первоначально соборомъ однихъ лишь іерарховъ, подъ руководствомъ митрополита и по соизволенію великаго князя, постепенно становится дѣломъ мірянъ, представителей мѣстныхъ паствъ. Не говоримъ уже о Новгородѣ, гдѣ избраніе епископовъ принадлежало народному вѣчу, но и въ другихъ древне-русскихъ княжествахъ вошло въ обычай, что, по смерти или удаленіи епископа, мѣстный князь вмѣстѣ съ своими подданными избиралъ ему преемника и посылалъ къ кіевскому митрополиту для посвященія. Впослѣдствіи въ московской Руси обычай этотъ былъ измѣненъ въ смыслѣ устраненія мірянъ отъ участія въ выборѣ іерарховъ; но въ юго-западной Руси, еще до отдѣленія ея отъ московской митрополіи, находимъ, что избраніе епископовъ совершалось по прежнему обычаю, т. е. не соборомъ однихъ іерарховъ, но при участіи князей, бояръ, священниковъ и всего »людства« той епархіи, для которой избирался архипастырь. Когда здѣсь была учреждена впослѣдствіи отдѣльная митрополія, то тѣмъ-же порядкомъ совершалось обыкновенно избраніе и кіевскихъ митрополитовъ, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что въ составъ избирателей входили князья, бояре и »людство« не одной какой-либо епархіи, а всей митрополіи. Таже система избранія примѣнялась къ замѣщенію и другихъ степеней церковныхъ до низшихъ клириковъ включительно. Имѣются документальныя свидѣтельства, что еще въ половинѣ XVI в. архимандритовъ кіево-печерской и другихъ обителей избирали не одни старцы монастырскіе, но также князья, земяне и

бояре кіевской земли; а виленскіе мѣщане до временъ уніи сами избирали и уставляли къ своимъ городскимъ церквамъ не только священниковъ, но и діаконовъ, уставщиковъ и пономарей. То же встрѣчаемъ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ юго-западной Руси.

Избирательная система обыкновенно сближаетъ избирателей съ избираемыми и порождаетъ между ними тѣсную нравственную связь; такъ было и въ данномъ случаѣ. Не составляя изъ себя особаго, замкнутаго сословія и постоянно пополняясь членами, избранными изъ среды міранъ, западно-русское духовенство XV—XVI в.в. жило одною жизнью съ своими пасомыми, принимало видное участіе въ ихъ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ и въ свою очередь не устраняло міранъ отъ такого-же участія въ дѣлахъ, касавшихся предметовъ церковнаго вѣдѣнія. Пока въ литовской Руси существовали удѣльныя княжества, православные іерархи занимали почетныя мѣста въ составѣ княжескихъ »радъ« или совѣтовъ; впослѣдствіи, въ XVI в. мы видимъ ихъ членами сеймовъ различныхъ западно-русскихъ земель и воеводствъ, а по смыслу одной грамоты короля Сигизмунда I отъ 1511 г. можно заключать, что православные іерархи засѣдали даже въ генеральныхъ сеймахъ великаго княжества литовскаго. Съ другой стороны и міряне въ то время смотрѣли на церковныя дѣла какъ на нѣчто такое, что должно подлежать вѣдѣнію всѣхъ и каждаго изъ членовъ церкви, а не одной лишь іерархіи. Оказывая церкви покровительство и щедрыя благодѣянія, свѣтскіе люди того вѣка считали своимъ правомъ блюсти за церковнымъ порядкомъ и благоустройствомъ, контролировать жизнь и дѣятельность ими же избираемаго духовенства и вообще принимать самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ церковныхъ. И не было случая, что-бы представители церкви когда-либо протестовали противъ законности подобныхъ взглядовъ и отношеній: напротивъ, они сами допускали иногда вмѣшательство міранъ въ такія дѣла, которыя и по правиламъ церковнымъ должны принадлежать одной лишь духовной власти. Сохранились документальныя свидѣтельства о томъ, что міряне входили въ составъ *духовныхъ судовъ* не только епископскихъ, но даже митрополичьихъ, и принимали участіе въ рѣшеніи дѣлъ, касавшихся собственно церковнаго управленія. Наконецъ міряне участвовали въ *церков-*

ныхъ соборахъ, которые обыкновенно были созываемы для рѣшенія болѣе важныхъ вопросовъ, касавшихся всей литовско-русской митрополіи. Когда въ началѣ XV в. въ литовской Руси созрѣла мысль о необходимости имѣть здѣсь особаго, независимаго отъ Москвы митрополита, то великій литовскій князь Витовтъ не ограничился предварительнымъ совѣтомъ объ этомъ важномъ дѣлѣ съ одними епископами, но, слѣдуя очевидно мѣстному обычаю, »събра вси князи литовскыхъ и русскыхъ земель, и бояръ, и вельможъ, архимандриты-же и игумени, и благоговѣйныа инокы и попы, и сихъ всѣхъ съвѣтомъ и волею и избраніемъ и хотѣніемъ« былъ окончательно рѣшенъ вопросъ объ отдѣленіи кіевской митрополіи и объ избраніи въ митрополиты Григорія Симвлака. Въ этомъ документальномъ свидѣтельствѣ поименованъ обычный составъ западно-русскихъ церковныхъ соборовъ, не измѣнившійся и во все послѣдующее время, за исключеніемъ лишь того, что съ конца XVI в. на нихъ появляются, кромѣ князей, земянъ и другихъ »зацныхъ свѣтскихъ становъ«, еще представители церковныхъ братствъ и городскихъ обществъ.

Такимъ образомъ основными чертами внутренняго строя западно-русской церкви въ періодъ приблизительно до половины XVI в. нужно считать: а) избирательное начало въ замѣщеніи церковно-іерархическихъ должностей и б) широкое участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви. Черты эти одинаково были согласны какъ съ духомъ древнихъ соборныхъ преданій православной церкви, такъ и съ характеромъ понятій и общественныхъ воззрѣній южно-русскаго народа, и при условіи дальнѣйшаго ихъ сохраненія и развитія должны были сопровождаться самыми благотворными послѣдствіями и для самой церкви, и для общества. Избирательная система по самой природѣ своей не могла не служить наиболѣе вѣрнымъ средствомъ, обезпечивавшимъ западно-русскую іерархію отъ вторженія въ ея среду людей недостойныхъ, такъ какъ избранію обыкновенно предшествовало »взысканіе многое« достойнаго кандидата; а постоянное и близкое участіе представителей общества въ дѣлахъ церковнаго управленія и благоустройства естественно приводило къ тѣсному единенію пастырей съ пасомыми и порождало въ послѣднихъ живое и дѣятельное участіе къ интересамъ церкви. При этихъ

условіяхъ церковь оставалась живымъ національнымъ организмомъ, дѣйствительною хранительницею духовныхъ силъ своего народа и его руководительницею въ общественномъ и политическомъ развитіи.

Къ сожалѣнію, въ самомъ государственномъ устройствѣ княжества литовскаго коренились условія, мало благопріятствовавшія дальнѣйшему развитію внутренняго строя западно-русской церкви въ указанномъ направленіи и впослѣдствіи, при измѣнившихся обстоятельствахъ, прямо содѣйствовавшія его разрушенію. Опасность заключалась не въ томъ лишь одномъ, что со времени Ягайла литовскіе государи стали послѣдователями католической вѣры. Сознавая, какую громадную силу имѣло въ ихъ государствѣ русское народное начало, князья литовскіе, за исключеніемъ развѣ грубаго фанатика Ягайла, не только постоянно относились къ православной церкви съ полною вѣротерпимостью, но часто оказывали ей покровительство и неоднократно прилагали стараніе и заботливость объ ея интересахъ. Но въ ихъ рукахъ было одно опасное орудіе, злоупотребленіе которымъ впослѣдствіи принесло страшное зло для западно-русской церкви и привело ее къ крайнему разстройству; то было знаменитое ихъ право »*подаванья* столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ«, т. е. право жалованья архіерейскихъ каѳедръ, монастырей и церквей. Право это, во многомъ сходное съ инвеститурой нѣмецкихъ императоровъ, всецѣло вытекало изъ феодальнаго литовско-государственнаго строя, по которому великій князь признавался верховнымъ господаремъ всѣхъ земель на территоріи княжества, а слѣдовательно и всѣхъ находившихся въ немъ имѣній и земель церковныхъ, которыя принадлежали епископскимъ каѳедрамъ, монастырямъ и церквамъ. Такъ какъ почти всѣ церковныя должности въ литовской Руси были сопряжены съ правомъ распоряженія церковными имѣніями, часто весьма значительными, то на этомъ основаніи при замѣщеніи митрополичьей и архіерейскихъ каѳедръ, а равно настоятельскихъ мѣстъ въ монастыряхъ и нѣкоторыхъ церквахъ требовалось, сверхъ избранія, еще и согласіе или утвержденіе великаго князя, каковое утвержденіе и называлось »*подаваньемъ*«. Такимъ образомъ »подаванье« не было собственно раздачей церковно-іерархическихъ должностей, а лишь пожалованіемъ новоизбранному кандидату права распоряженія церковными

имѣніями, съ которыхъ отбывалась въ пользу государства военная служба и другія повинности; и въ этомъ смыслѣ литовскіе государи именовались »подавцами хлѣбовъ духовныхъ«. Такъ понимали на Руси право подаванья даже въ эпоху уніи, когда польскіе короли многократнымъ злоупотребленіемъ этого права извратили его первоначальный смыслъ и почти отождествили его съ правомъ назначенія[1]). По мѣрѣ безпрестаннаго жалованья литовскими государями служилымъ людямъ— князьямъ, земянамъ и боярамъ—земельныхъ участковъ и перехода леновъ въ частную собственность, къ новымъ владѣльцамъ вмѣстѣ съ тѣмъ переходило и право »подаванья« по отношенію къ находившимся на ихъ земляхъ церквамъ и монастырямъ; точно такое же право пріобрѣтали они и тогда, когда сами основывали въ своихъ имѣніяхъ новые монастыри или церкви и обезпечивали ихъ земельными надѣлами. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ владѣльцы могли переуступать это право другимъ лицамъ посредствомъ дара, продажи, залога, аренды и проч. Этимъ путемъ право »подаванья«, первоначально принадлежавшее одному лишь верховному господарю, раздробилось впослѣдствіи между огромнымъ множествомъ лицъ. Теперь великому князю это право принадлежало лишь по отношенію къ епископскимъ каѳедрамъ и тѣмъ монастырямъ и церквамъ, которые находились или въ собственныхъ королевскихъ имѣніяхъ, или вообще на государственныхъ земляхъ, еще не розданныхъ въ частныя руки. Нерѣдко король жаловалъ право »подаванья« церквей и монастырей, находившихся въ его собственномъ распоряженіи, не только частнымъ лицамъ, свѣтскимъ и духовнымъ, архіереямъ, протопопамъ и проч., но и цѣлымъ обществамъ того или другаго города и церковнымъ братствамъ.

Нечего и говорить о томъ, что право »подаванья« рѣшительно противорѣчило выработанному общимъ теченіемъ исторической жизни юго-западной Руси выборному началу; но въ первое

---

[1]) Авторъ знаменитаго *Апокрисиса* (изд. въ 1597—1599 г.), нисколько не отрицая королевскаго права подаванья, такъ опредѣляетъ его значеніе: »Пишая есть речъ урядъ (духовный), а пиша—добра до уряду для доброго его отправованья прилучоные. Урядъ власне отъ духовныхъ при посвященью, добра зась не отъ духовныхъ, але отъ короля его милости даваны бываютъ« (Русская Историч. Библіотека, т. VII, ст. 1292 и далѣе).

время и сами литовскіе князья, и частныя лица, умѣренно пользовались этимъ правомъ и потому его вліяніе на церковнообщественныя отношенія было почти не замѣтно. Долѣе всего сохранилъ свою силу прежній порядокъ относительно замѣщенія высшихъ іерархическихъ степеней въ западно-русской церкви: митрополиты и епископы до начала XVI в. были избираемы по прежнимъ обычаямъ [1]), господарское-же право »подаванья« при этомъ выражалось лишь тѣмъ, что во-первыхъ безъ княжескаго разрѣшенія нельзя было приступить къ выборамъ, а во-вторыхъ князю предоставлялось утверждать новоизбраннаго. Скорѣе и легче привилось право »подаванья« въ примѣненіи къ низшимъ церковнымъ должностямъ, но и здѣсь оно не сразу вытѣснило прежній порядокъ, а само вошло въ извѣстное съ нимъ соглашеніе. Въ то время западно-русское дворянство, не только простые земяне и бояре, но и высшая знать, потомки древнихъ удѣльныхъ и литовскихъ князей, удерживали еще въ своемъ быту множество понятій и чертъ, сближавшихъ ихъ съ низшими, городскими и сельскими сословіями, имѣли одни съ ними религіозныя вѣрованія и свято чтили »стародавніе звычаи« своей народности. Они обыкновенно бывали строителями и основателями церквей и монастырей въ своихъ имѣніяхъ, надѣляли ихъ землей и другими источниками постоянныхъ доходовъ, содержали при нихъ »шпитали« для бѣдныхъ и больныхъ, давали содержаніе церковнымъ причтамъ, защищали церкви и духовенство отъ обидъ и т. п., и въ этой заботливости о церковныхъ нуждахъ и интересахъ было фактическое оправданіе ихъ права »подаванья«. Часто случалось, что они выпрашивали у короля ту или другую церковь или монастырь, находившіеся въ его подаваньи, руководствуясь лишь благочестивымъ желаніемъ имѣть эти церкви въ своей »опекѣ и оборонѣ« и привести ихъ въ лучшее благоустройство; и король въ своихъ жалованныхъ грамотахъ иногда самъ напоминалъ подобнымъ патронамъ, что они »не маютъ отъ своихъ церквей пожит-

---

[1]) Авторъ *Апокрисиса* свидѣтельствуетъ, что еще въ его время, т. е. въ самомъ исходѣ XVI в., православные дворяне нѣкоторыхъ воеводствъ имѣли особыя королевскія грамоты, подтверждавшія ихъ право избирать себѣ духовныхъ властей. (Русск. Истор. Библіотека, т. VII, стр. 1294).

ковъ никоторыхъ собѣ мети, но сами маютъ церкви Божіи всякими речьми надавати и направляти и ихъ въ опекѣ своей и оборонѣ мети« [1]). Въ такой формѣ право подаванья не противорѣчило и стариннымъ, древне-русскимъ обычаямъ, по которымъ избраніе, напримѣръ, игумена первоначально предоставлялось строителю или основателю монастыря, а позже игумена избирала братія, но утверждалъ основатель или князь [2]). Многіе общежительные монастыри, находившіеся въ королевскомъ подаваньи, какъ наприм. кіево-печерскій, кіево-михайловскій, межигорскій, еще въ XVI в. сохраняли въ своей жизни именно этотъ порядокъ: ихъ настоятели были избираемы братіей и мѣстными обывателями, а королю принадлежало лишь право утвержденія избраннаго [3]); другіе хотя и жаловались королемъ въ подаванье частнымъ лицамъ, но съ обязательствомъ подавать въ игумены человѣка »годного, хто будетъ любъ братьи, старцомъ того монастыря« [4]). Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда частные владѣльцы основывали въ своихъ имѣніяхъ общежительные монастыри, они сами предоставляли братіи избирать себѣ игуменовъ [5]). Можно думать, что и право подаванья приходскихъ церквей въ первое время не было столь абсолютнымъ, какимъ оно является впослѣдствіи. Во времена, предшествовавшія люблинской уніи, когда не существовало еще вполнѣ обязательныхъ отношеній между крупными владѣльцами и жившимъ на ихъ земляхъ населеніемъ, когда въ чертѣ ихъ владѣній существовало много мелкихъ свободныхъ собственниковъ — земянъ и бояръ, владѣльцамъ не представлялось никакой нужды, ни интереса вмѣшиваться въ приходскія дѣла всѣхъ церквей, разсѣянныхъ на ихъ территоріи. Они могли конечно брать подъ свое особое попеченіе нѣкоторые, болѣе важные монастыри или церкви, построенные и матеріально обезпеченные ими самими или ихъ предками, и интересоваться выборомъ къ нимъ священнослужите-

---

[1]) Акты западной Россіи, т. II, № 124.

[2]) Исторія р. церкви, митроп. Макарія, т. 2, стр. 100.

[3]) Архивъ юго-зап. Россіи, часть I, т. I, № 14. Акты зап. Россіи, т. II, № 121 и 122.

[4]) Акты запад. Россіи, т. II, № 117.

[5]) Виленскій Археогр. Сборникъ, т. VI, № 142.

лей. Но было вѣдь много и другихъ церквей, построенныхъ самими прихожанами, священники которыхъ, въ отличіе отъ владѣльческихъ, носили въ XVI в. названіе »поповъ посполитыхъ«. Сельскія общины, тогда еще вполнѣ свободныя и пользовавшіяся даже правомъ самосуда (копные суды), также имѣли свои церкви и сами свои причты. Безъ сомнѣнія, выборъ священно-служителей для такихъ церквей вполнѣ принадлежалъ прихожанамъ, и если владѣлецъ принималъ въ немъ какое-либо участіе, то не болѣе, какъ только почетное, т. е. у него испрашивалось согласіе на избраніе и утвержденіе новоизбраннаго, подобно тому, какъ это практиковалось въ юго-западной Руси въ прошломъ и даже въ началѣ текущаго столѣтія.

Наиболѣе раннее указаніе о злоупотребленіи правомъ подаванья встрѣчаемъ въ актахъ извѣстнаго виленскаго собора, бывшаго въ 1509 году. »Нѣкоторые въ нашемъ законѣ, жаловались отцы собора, презирая отеческое преданіе и заповѣди, ради мірской славы и властительства, покупаютъ себѣ, еще при жизни епископовъ, ихъ каѳедры и принимаютъ эти каѳедры *безъ совѣта и согласія митрополіи и епископовъ и безъ осмотрѣнія и избранія отъ князей и пановъ нашего греческаго закона*«. Такъ же пріобрѣтались иногда, по словамъ соборнаго акта, и настоятельскія мѣста въ монастыряхъ и священническія на приходахъ. Съ другой стороны соборъ жаловался, что нѣкоторые православные князья и паны, пользуясь въ своихъ имѣніяхъ правомъ подаванья священниковъ къ приходскимъ церквамъ, сами потомъ и отнимали эти церкви у священниковъ, безъ вѣдома епархіальнаго архіерея; другіе, по небрежности долго оставляли въ своихъ имѣніяхъ приходскія церкви безъ священниковъ; иные приказывали священникамъ священнодѣйствовать въ ихъ церквахъ безъ благословенія архіерейскаго; еще нѣкоторые отнимали у церквей имѣнія и другіе предметы церковнаго достоянія. Но изъ всего видно, что въ то время подобныя злоупотребленія частныхъ лицъ правомъ подаванья составляли покуда еще рѣдкіе случаи и противозаконность ихъ была сознаваема всѣми; вотъ почему соборъ могъ энергично вооружиться противъ нихъ, угрожая даже отлученіемъ за нарушеніе старинныхъ порядковъ и правилъ церковныхъ. Гораздо труднѣе было бороться противъ покупки

святительскихъ каѳедръ и другихъ духовныхъ степеней, такъ какъ продавцемъ ихъ являлся не кто иной, какъ самъ »верховный подавца хлѣбовъ духовныхъ«, т. е. король. Все, что могъ предпринять соборъ противъ этого страшнаго злоупотребленія, выразилось въ слѣдующемъ опредѣленіи: »никому не подкупаться подъ живыми епископами, архимандритами и священниками; если же кто дерзнетъ на такое дѣло, архимандритъ-ли, или игуменъ, или священникъ, или міряниръ, то да будетъ на нихъ церковное неблагословеніе и отлученіе, и на епископство и на всякій священническій санъ ихъ отнюдь не поставлять, а ставить на эти степени только достойныхъ; а за недостойнаго если и господарь будетъ ходатайствовать, въ такомъ случаѣ всѣмъ намъ епископамъ съ митрополитомъ пойти къ господарю и объявить недостоинство того недостойнаго, не дерзая отнюдь давать таковому посвященіе«. А если кто-либо изъ насъ, или будущіе послѣ насъ церковные пастыри, по своему нерадѣнію или скупости, захотятъ преступить эту заповѣдь и за нее не пострадать, тѣ да будутъ лишены своего сана« [1]).

Господарь, вмѣшательства котораго въ церковныя дѣла отцы собора такъ опасались, былъ Сигизмундъ I, великій князь литовскій и вмѣстѣ король польскій. Онъ вовсе не былъ фанатикомъ и гонителемъ православія, напротивъ это былъ умный и вполнѣ вѣротерпимый государь, оказавшій много услугъ самой западно-русской церкви. Но въ немъ были уже слабы литовско-русскія традиціи его предшественниковъ, а живя почти постоянно въ Польшѣ и обращая преимущественное вниманіе на ходъ польскихъ дѣлъ, онъ вполнѣ усвоилъ тамошніе порядки и понятія и невольно переносилъ ихъ и на дѣла литовско-русскія. Какъ извѣстно, избирательное начало было всегда чуждо римскокатолической церкви, основанной на противоположномъ принципѣ—строгаго единовластія. Извѣстно также и то, какъ многочисленны были разные виды симоніи, подкуповъ и искательствъ, съ которыми сопряжено было въ то время пріобрѣтеніе отъ римскаго двора духовныхъ сановъ и бенефицій. Польскіе короли, подобно другимъ католическимъ государямъ Европы, вели упорную борьбу противъ этихъ искательствъ и добились того, что

[1]) Дѣянія Виленскаго Собора.—Русск. Истор. Библіот., т. IV.

взяли исключительно въ свои руки назначеніе духовныхъ сановниковъ и раздачу церковныхъ имѣній и бенефицій; вмѣстѣ съ тѣмъ они обратили въ доходы государственной казны и всѣ тѣ денежные взносы, какіе прежде шли римскому двору отъ лицъ, искавшихъ церковныхъ должностей. Пользуясь столь неограниченно правомъ раздачи духовныхъ должностей въ римско-католической церкви, Сигизмундъ склоненъ былъ такъ-же широко понимать и принадлежавшее ему право подаванья по отношенію къ православной западно-русской церкви; отсюда и проистекали справедливыя опасенія отцевъ виленскаго собора. Тѣ »подкупательства подъ живыми епископами, архимандритами и священниками «, о которыхъ соборъ упоминаетъ, въ Польшѣ составляли обычное явленіе: тамъ можно было легко выхлопотать у короля грамоту на любую церковную должность еще при жизни занимающаго ее лица, съ правомъ занятія ея, когда она сдѣлается свободною; такіе преждевременные кандидаты назывались *номинатами*. Очевидно, что, по мѣрѣ сближенія Литвы съ Польшею, подобныя искательства стали проникать и въ западно-русскую церковь, и какъ не энергично вооружалась противъ нихъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, православная іерархія, случаи покупки церковныхъ должностей не только не исчезли, но стали быстро увеличиваться, благодаря покровительственному отношенію къ нимъ правительства. Изъ обнародованныхъ доселѣ документовъ извѣстно нѣсколько случаевъ подобныхъ подкупательствъ, бывшихъ именно при Сигизмундѣ I. Былъ, напр., у него писарь Михайло Васильевичъ Коптя, котораго онъ посылалъ однажды въ Крымъ, чтобы расположить въ свою пользу татаръ. Исполнивъ порученіе, Коптя издержалъ на это не мало собственныхъ денегъ, и воротившись къ королю, просилъ вознаградить его — и чѣмъ же? Не деньгами, а тѣмъ, чтобы отцу его, пану Василію Евлашкевичу, король пожаловалъ епископскую каѳедру — луцкую или владимірскую (обѣ самыя богатыя по имѣніямъ), какая прежде станетъ праздною. И Сигизмундъ охотно исполнилъ желаніе просителя и выдалъ въ 1520 г. грамоту, въ которой объявилъ, что за вѣрную службу писаря Копти и за понесенныя имъ на службѣ издержки даетъ отцу его одну изъ названныхъ епископскихъ каѳедръ, какая прежде сдѣлается свободною, и обѣщается »тое епископьи никому иншому не

отдавати«, кромѣ отца его [1]). А въ 1524 г. нѣкто Андрей Дягилевичъ изъ Кіева повѣдалъ королю, что имѣетъ намѣреніе сдѣлаться священникомъ; а такъ какъ за взятый у него товаръ ему должна быть уплачена изъ королевской казны значительная денежная сумма, то онъ просилъ, взамѣнъ этой платы, дать ему въ Кіевѣ три церкви королевскаго подаванья: межигорскую, іорданскую и рождественскую. И король охотно согласился на такую сдѣлку и отдалъ Дягилевичу три названныя церкви со всѣми имѣніями, тѣмъ болѣе что за него же ходатайствовалъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій [2]). Очевидно, что, поступая такимъ образомъ, король отнюдь не руководствовался желаніемъ намѣренно вредить православію, да едва-ли онъ и сознавалъ, что его дѣйствія подтачивали въ самомъ корнѣ главную силу церковной іерархіи и вели ее къ разстройству и деморализаціи. Такъ же точно онъ распоряжался духовными должностями и въ католической церкви и какъ тамъ, такъ и здѣсь прежде всего ревниво оберегалъ, какъ ему казалось, прерогативы своей верховной и заботился объ умноженіи королевскихъ доходовъ. Онъ впрочемъ допускалъ и существованіе прежнихъ выборныхъ порядковъ въ православной церкви, но ввелъ новый обычай, клонившійся къ той-же финансовой цѣли, именно: бралъ отъ православныхъ епархій и монастырей денежныя приношенія, такъ называемыя »*чолобитья*«, каждый разъ, когда утверждалъ избранныхъ ими кандидатовъ на епископскія и архимандричьи мѣста [3]); значитъ, бралъ и съ тѣхъ, кому хотѣлось купить себѣ церковную должность, и отъ тѣхъ, кому »подавалъ« іерарховъ. При новомъ королѣ, Сигизмундѣ-Августѣ, превосходившемъ вѣротерпимостью своего отца, выборный порядокъ замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей въ западно-русской церкви почти совсѣмъ выходитъ изъ употребленія и замѣняется искательствомъ и подкупами у короля и его приближенныхъ, или же король самъ раздаетъ эти должности въ награду выслужившимся предъ нимъ лицамъ, не обращая никакого вни-

---

[1]) Акты южн. и зап. Россіи, т. II, № 105.

[2]) Ibidem, № 110.

[3]) Акты южн. и зап. Россіи, т. II, №№ 105 и 112. Исторія Русск. церкви, митроп. Макарія, т. IX, стр. 193—4 и 229.

манія на нравственныя ихъ качества и вообще на степень годности ихъ къ занятію сановъ духовныхъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что къ половинѣ XVI в. прежній внутренній строй западно-русской церкви если не совсѣмъ еще былъ разрушенъ, то уже сильно дезорганизованъ. Для нашей цѣли весьма важно замѣтить, что начало этой дезорганизаціи было положено въ самое по видимому благопріятное для православной церкви время, когда она наслаждалась полнымъ спокойствіемъ, не нарушаемымъ никакими попытками къ введенію уніи, когда объ іезуитахъ въ Польшѣ и Литвѣ не было еще и помину, и наконецъ въ правленіе лучшихъ и наиболѣе вѣротерпимыхъ польско-литовскихъ государей, двухъ первыхъ Сигизмундовъ. Безспорно, оба эти государи своимъ образомъ дѣйствій не мало способствовали означенной дезорганизаціи; но видѣть въ ихъ дѣйствіяхъ какую-то преднамѣренность, якобы въ видахъ систематической подготовки къ будущей уніи, какъ то обыкновенно утверждаютъ наши историки уніи, по меньшей мѣрѣ не основательно, ибо, повторяемъ, оба эти короля совершенно такъ-же поступали и по отношенію къ собственной, католической церкви.

Но что же дѣлало въ это время само западно-русское православное общество? Отчего оно не выступило на защиту старинныхъ обычаевъ и порядковъ своей народной церкви и не вооружилось противъ нововведеній, явно грозившихъ ей конечнымъ безчиніемъ и упадкомъ?— Въ томъ-то и заключается, по нашему мнѣнію, центръ тяжести вопроса, что западно-русское общество само переживало тогда переходное время и быстро приближалось къ развязкѣ давно уже зрѣвшаго въ немъ процесса, имѣвшаго составить поворотную эпоху въ его политической, общественной и бытовой жизни. Съ одной стороны оно чутко прислушивалось къ ходу событій въ сосѣдней Германіи, волновавшихъ тогда всю Европу и заставившихъ дрогнуть самую столицу католическаго міра. Многіе изъ западно-русскихъ дворянъ посылали въ то время своихъ сыновей учиться въ германскіе университеты, гдѣ они слушали самого Лютера, Меланхтона и иныхъ протестантскихъ богослововъ; другіе сами любили ѣздить въ нѣмецкія земли и въ Швейцарію. По всей Литвѣ и юго-западной Руси ходили сочиненія знаменитыхъ реформаторовъ и

свободно распространялись ихъ ученія. Когда въ 1548 г. вступилъ на престолъ Сигизмундъ-Августъ, онъ приблизилъ къ себѣ виленскаго воеводу Николая Радзивилла, потомка нѣкогда православныхъ предковъ, который выступилъ горячимъ поборникомъ кальвинизма и открытымъ его покровителемъ. Примѣръ Радзивилла увлекъ за собою цѣлый рядъ знатныхъ литовско-русскихъ фамилій, за которыми потянулись и болѣе мелкіе дворянскіе роды. Въ короткое время увлеченіе протестантскими идеями сдѣлалось въ Литвѣ и западной Руси до такой степени всеобщимъ, что рѣдкій сколько-нибудь образованный человѣкъ былъ вполнѣ отъ него свободенъ [1]). Съ другой стороны, одновременно съ этимъ умственно-религіознымъ броженіемъ, исподоволь совершался еще болѣе рѣзкій переломъ въ общественно-бытовой жизни Литвы и юго-западной Руси. Приближалась знаменитая люблинская унія (1569 г.), окончательно объединившая литовское княжество съ Польшей и открывшая эпоху полнаго господства въ немъ польскаго вліянія. Люблинская унія справедливо считается поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Литвы и юго-западной Руси, знаменующимъ начало кореннаго измѣненія прежде существовавшихъ здѣсь политическихъ, сословно-общественныхъ и экономическихъ отношеній. Она положила конецъ существованію древне-русскихъ сельскихъ общинъ съ ихъ правомъ самосуда и свободнаго землевладѣнія, уничтожила прежнее разнообразіе сословныхъ группъ, до того времени чуждыхъ строгаго разграниченія и взаимно другъ съ другомъ сливавшихся, и разбила все населеніе на двѣ рѣзко отдѣленныя одна отъ другой сословно-общественныя категоріи: шляхтичей и людей посполитыхъ. Заимствованіе формъ польскаго общественнаго строя повлекло за собою перенесеніе цѣлой атмосферы понятій, выработанныхъ въ польско-шляхетскомъ обществѣ, и усвоеніе привычекъ и формъ шляхетскаго общежитія. Подъ вліяніемъ этого въ русско-шляхетскомъ обществѣ становятся господствующими такіе пороки, какъ стремленіе къ роскоши и тщеславію и отсюда всеобщая погоня за наживой и неразборчивость въ средствахъ къ ея достиженію, сословное высокомѣріе и чрезмѣрная ревность къ охранѣ своего привиг-

[1]) Łukaszewicz, Dzieje kościoła wyznania helwekiego w Litwie.

легированнаго положенія; отсюда презрительное отношеніе къ людямъ низшихъ сословій и нетерпимость къ малѣйшимъ проявленіямъ ихъ независимости, напр. преслѣдованіе копныхъ судовъ и другихъ освященныхъ преданіемъ древности остатковъ былыхъ крестьянскихъ правъ и свободы. Новыя сословно-шляхетскія идеи столь интенсивно дѣйствовали на умы западно-русскихъ дворянъ, что даже какъ-бы затмѣвали въ нихъ сознаніе національной ихъ индивидуальности: въ юридическихъ актахъ и другихъ памятникахъ тогдашней письменности все рѣже встрѣчается прежнее противопоставленіе »*Руси*« и »*ляховъ*«: ихъ племенное различіе какъ-бы игнорируется и они обыкновенно сливаются въ одномъ сословномъ терминѣ: »шляхта и рыцерство закону греческого и римского«. Но на дѣлѣ и это послѣднее, вѣроисповѣдное различіе постепенно теряетъ прежнюю силу: съ одной стороны тѣсное сближеніе западно-русскихъ дворянъ съ поляками, въ особенности-же брачныя между ними связи, все чаще стали приводить ихъ къ перемѣнѣ старой »русской« вѣры на новую, шляхетскую, т. е. католическую, а съ другой то широкое распространеніе протестантскихъ идей, о которомъ выше мы упоминали, если и не могло увлечь поголовно все западно-русское дворянство, то все же значительно расшатывало прежнія его вѣрованія и порождало въ его средѣ религіозный индеферентизмъ.

Сообразивъ все вышесказанное, не трудно представить, какъ всѣ эти послѣдствія общественнаго перелома, связаннаго въ исторіи юго-западной Руси съ эпохою люблинской уніи, должны были отразиться на положеніи и судьбѣ западно-русской церкви. Прежде всего сословная исключительность окончательно разрушила прежнее единеніе клира и мірянъ—представителей всѣхъ слоевъ западно-русскаго общества и парализовала ихъ совмѣстное служеніе интересамъ церкви. Самый клиръ, подъ вліяніемъ сословной идеи, распался теперь на двѣ рѣзко разграниченныя группы: высшая іерархія вмѣстѣ съ немногими представителями бѣлаго духовенства образовала изъ себя *шляхту духовного стану* и скоро совершенно слилась во всемъ съ »панами *шляхтою становъ свѣтскихъ*«, а низшее духовенство зачислено было въ ряды »*посполитого стану*« и вмѣстѣ съ нимъ обречено на жертву само-

властію со стороны »становъ шляхетскихъ«. Получая изъ рукъ помѣщиковъ приходскія мѣста, священники привыкли подчиняться имъ даже и въ такихъ дѣлахъ, которыя выходили изъ сферы собственно подданническихъ отношеній и касались прямо ихъ пастырскихъ обязанностей. И въ обществѣ, и въ средѣ самого духовенства скоро выработался принципъ: чье подаванье, тому и послушаніе поповъ. На этомъ основаніи помѣщики или даже ихъ урядники и арендаторы третировали священниковъ, какъ своихъ подданныхъ, сами и судили ихъ, сажали въ свои тюрьмы, приказывали имъ по произволу вѣнчать или расторгать браки и т. п. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ быта сельскаго духовенства, самое званіе православнаго священника пало такъ низко, что, по свидѣтельству современниковъ, порядочный человѣкъ стыдился вступать въ него, и только одно »сметье людское, голодные и неуки тиснулись« въ его ряды, понижая и безъ того невысокій нравственный его уровень до такой степени, что, какъ выражается одинъ изъ современниковъ, »южъ трудно было розознати, где былъ частшій пресвитеръ: въ корчмѣ, чи въ церквѣ«. Совершенно обратно измѣнилось теперь положеніе высшаго духовенства, въ ряды котораго стали стремиться одни шляхтичи, часто представители именитыхъ фамилій. Такъ было въ то время и въ Польшѣ, гдѣ высшія духовныя должности нерѣдко служили предметомъ искательства для знатныхъ вельможъ и государственныхъ сановниковъ. Тѣмъ болѣе это должно было случиться въ юго-западной Руси, высшія сословія которой переживали тогда экономическій кризисъ. Вслѣдствіе измѣнившихся бытовыхъ условій жизни, стремленія къ роскоши и расточительности, западно-русскіе шляхтичи скоро ощутили недостаточность прежнихъ источниковъ матеріальнаго обезпеченія и старались отыскать новые. Такъ какъ православныя епархіи и большинство монастырей обладали весьма значительными имѣніями, то отсюда становится понятной охватившая въ то время свѣтскихъ пановъ погоня за »духовнымъ хлѣбомъ«, т. е. епископіями и архимандріями. Естественно, что прежній путь къ достиженію этихъ достоинствъ, т. е. всенародное избраніе, для большинства искателей представлялъ много неудобствъ, и потому они предпочитали обращаться съ искательствомъ непосредственно къ королю и на-

перерывъ другъ предъ другомъ выпрашивали у него жалованныя грамоты на духовныя должности—кто за военную службу, кто по ходатайству придворныхъ вельможъ, а большинство прямо за деньги. Принявъ посвященіе, шляхтичи, нимало не измѣняли прежняго образа жизни и прежнихъ привычекъ и нравовъ и на каждомъ шагу попирали самымъ дерзкимъ образомъ церковныя правила и предписанія. Многіе вступали въ управленіе епархіями или монастырями, имѣя живыхъ женъ и, посвятившись, продолжали вести прежнюю семейную жизнь. Эти непризванные владыки менѣе всего склонны были заботиться о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ: все вниманіе и всѣ ихъ помыслы были поглощены одной заботой—о возможно быстромъ обогащеніи. Они устранили »крылошанъ«, т. е. соборныхъ священниковъ отъ права участія въ распоряженіи церковными имѣніями и доходами и сами распоряжались ими единолично и совершенно безъ всякаго контроля: раздавали цѣлыя помѣстья въ пожизненное пользованіе своимъ дѣтямъ и родственникамъ, отдавали въ приданое за дочерьми, продавали, обмѣнивали, расхищали болѣе цѣнныя вещи изъ церковной утвари и т. п. Не довольствуясь этимъ, владыки произвольно налагали поборы и подати на подвѣдомственное имъ духовенство, и если священники не могли удовлетворять ихъ требованіямъ, то они запрещали имъ богослуженіе и запечатывали церкви. Еще безцеремоннѣе поступали владыки съ тѣми церквями, которыя находились подъ личнымъ ихъ патронатствомъ: они просто сдавали такія церкви въ аренду, наравнѣ съ мельницами и винокурнями. Въ своей частной жизни владыки ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ шляхтичей и съ излишествомъ предавались всѣмъ порокамъ, какіе распространены были среди тогдашняго русско-шляхетскаго общества.

Таковы были послѣдствія новой системы отношеній въ западно-русской церкви. Съ той поры, когда были нарушены основныя черты ея древняго, соборнаго строя, когда старинный обычай всенароднаго избранія духовныхъ пастырей мало-по-малу уступилъ мѣсто королевскому и частному »подаванью«, когда паства была устранена отъ участія въ дѣлахъ церковныхъ, духъ жизни сталъ угасать въ живомъ до того времени и дѣятельномъ организмѣ церковномъ и не

прошло полувѣка, какъ въ немъ обнаружились печальные признаки внутренняго разложенія: всѣ духовныя должности стали считаться не болѣе, какъ доходными мѣстами, которыя можно было купить за деньги; на архіерейскихъ каѳедрахъ возсѣдали сплошь и рядомъ люди безъ всякаго призванія и подготовки къ пастырскому служенію, нерѣдко люди безъ вѣры и убѣжденій, заботившіеся объ одномъ обогащеніи, предававшіеся всякимъ порокамъ и безнаказанно нарушавшіе каноническія правила и церковные обычаи; исчезла самая тѣнь церковной дисциплины: всякій могъ дѣлать, что хотѣлъ, и лица опозоренныя тягчайшими преступленіями спокойно оставались на своихъ мѣстахъ; священники не хотѣли слушаться своихъ порочныхъ пастырей, предавались пьянству и больше заботились о томъ, чтобы угодить своимъ патронамъ-помѣщикамъ, нежели думали о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ; наконецъ сами пасомые, лишенные духовнаго руководительства и потерявшіе всякое довѣріе и уваженіе къ своимъ недостойнымъ пастырямъ, измѣняли отцевской вѣрѣ и толпами уходили въ чужія вѣры и секты, другіе-же стали склоняться къ мысли объ уніи. При созерцаніи всего этого становится совершенно понятнымъ отчаяніе современниковъ, о которомъ въ 1591 г. львовскіе братчики увѣдомляли константинопольскаго патріарха, что многіе изъ православныхъ смущаются недоумѣніемъ: не настоитъ-ли время погибели православной церкви?

Западно-русская церковь однакожъ не погибла и была обязана своимъ спасеніемъ единственно тому обстоятельству, что ея соборныя преданія не были окончательно забыты западно-русскимъ обществомъ и сохранились въ чистотѣ среди низшихъ классовъ населенія. По мѣрѣ того, какъ умножались злоупотребленія въ іерархической средѣ, мысль о реформѣ церковной находила все большее число сторонниковъ; не доставало лишь соглашенія относительно того, какими средствами и во имя какихъ началъ должна быть предпринята эта реформа. Православные патроны, даже столь могущественные, какъ князь К. Острожскій, оказались безсильными не только предпринять такую реформу, но и указать путь и средства къ ней. Несравненно способнѣе и пригоднѣе къ этому дѣлу оказались западно-русскіе мѣщане, преимущественно тѣ, которые жили въ большихъ городахъ и пользовались само-

управленіемъ по магдебургскому праву. Мы уже раньше упоминали, что мѣщанскія общества многихъ городовъ и мѣстечекъ до временъ самой уніи удержали право завѣдыванія своими церквями и выбора къ нимъ священниковъ, очень дорожили этимъ правомъ и энергично отстаивали его отъ посягательствъ со стороны своихъ же архипастырей. Къ этому нужно прибавить, что мѣщане, по условіямъ быта и по самому роду торгово-промышленныхъ занятій своихъ, представляли собою достаточно развитое сословіе: многіе изъ нихъ вели торговлю съ заграничными городами и сами часто бывали въ чужихъ земляхъ; между ними была широко распространена грамотность и кое-какое книжное образованіе, а въ средѣ мѣщанъ болѣе крупныхъ городовъ, напр. Львова, Вильны и другихъ нерѣдко встрѣчались лица, обладавшія настоящею европейскою образованностью. При всемъ этомъ западно-русское мѣщанство отличалось строгимъ консерватизмомъ во всемъ, что касалось его народности и вѣры, и не смотря на то, что мѣщане, въ силу указанныхъ условій ихъ быта, ничуть не менѣе шляхтичей подвергались дѣйствію протестантской пропаганды, между ними были довольно рѣдки случаи оставленія отцевской вѣры. Мы готовы даже допустить, что проповѣдь реформаціи нѣкоторыми ея сторонами, напр. отрицаніемъ безусловности авторитета іерархической власти, обличеніемъ злоупотребленій духовенства, а также ученіемъ о правѣ вѣрующихъ самостоятельно завѣдывать дѣлами церковныхъ общинъ и т. под., скорѣе могла оказывать полезное вліяніе на западнорусскихъ мѣщанъ, развивая и укрѣпляя въ ихъ сознаніи соотвѣтственныя начала православнаго ученія, столь же противоположныя началамъ католическимъ, и пріучая ихъ критически относиться къ дѣйствіямъ собственныхъ своихъ іерарховъ. Какъ-бы то ни было, но нельзя не признать, что западнорусское мѣщанство обладало достаточными средствами къ тому, чтобы взять на себя починъ въ дѣлѣ реформы церковной, тѣмъ болѣе, что оно имѣло у себя готовыя учрежденія, которыя могли стать первыми очагами церковнаго возрожденія: разумѣемъ церковныя братства.

Извѣстно, что братскіе мѣщанскіе союзы существовали въ нѣкоторыхъ западно-и южно-русскихъ городахъ еще съ половины XV в., но число ихъ было не велико и они носили смѣшанный характеръ:

отчасти религіозныхъ и отчасти цеховыхъ корпорацій. Но съ наступленіемъ послѣдней четверти XVI в. церковныя братства одно за другимъ появляются въ большихъ и малыхъ городахъ и мѣстечкахъ и въ какія нибудь 10—15 лѣтъ образуютъ довольно густую сѣть на пространствѣ отъ Львова до Вильны и Мстиславля. Въ это же время обнаружилась недостаточность одного попеченія о матеріальныхъ нуждахъ отдѣльныхъ приходскихъ церквей, что составляло доселѣ задачу братствъ, и мѣщане стали убѣждаться въ необходимости такихъ учрежденій, которыя имѣли-бы задачей служить не своимъ только приходскимъ церквямъ, а всей церкви православной, для удовлетворенія не столько вещественныхъ, сколько духовныхъ ея потребностей, о которыхъ некому было тогда заботиться. Этимъ путемъ возникла мысль о непригодности прежней организаціи церковныхъ братствъ и о необходимости реформировать ихъ внутренній строй съ цѣлью приспособить ихъ къ служенію болѣе широкимъ задачамъ. Такая реформа и была осуществлена въ 1586 г. по почину, предпринятому старѣйшимъ изъ южно-русскихъ братствъ, именно львовскимъ. Воспользовавшись пріѣздомъ во Львовъ антіохійскаго патріарха Іоакима, львовскіе мѣщане представили на его утвержденіе выработанный ими новый братскій уставъ, служившій послѣ того образчикомъ для южно-русскихъ братствъ. По смыслу новаго устава, братство не есть болѣе сословный кружокъ лицъ, преслѣдующихъ частныя религіозно-благотворительныя цѣли, но является общецерковнымъ учрежденіемъ, задача котораго во всестороннемъ служеніи пользѣ и интересамъ всей западно-русской церкви. Поэтому братства, вопервыхъ, теряютъ прежній, полуцеховой характеръ и становятся всесословнымъ союзомъ, въ составъ котораго могли вступать и мѣщане, и знатные шляхтичи, и посполитые, и вообще люди »всякого стану«, и притомъ не одни мужчины, но и женщины; во вторыхъ, не отказываясь отъ преслѣдованія прежнихъ благотворительныхъ цѣлей, т. е. помощи церквямъ, »шпиталямъ« и вообще бѣднымъ и несчастнымъ, братства считаютъ теперь главнѣйшимъ своимъ дѣломъ: открытіе училищъ, содержаніе при нихъ ученыхъ людей, заведеніе типографій и воспитаніе въ своихъ школахъ сиротъ и дѣтей бѣдняковъ; и въ третьихъ, въ видахъ достиженія единства и солидарности

своихъ дѣйствій, братства организуются въ одинъ общій союзъ, въ которомъ львовскому братству дается первенство между всѣми братствами, какъ прежде основанными, такъ и имѣющими возникнуть, и даже право нѣкотораго контроля надъ ихъ дѣятельностью. Патріархъ видѣлъ, что въ лицѣ братствъ возникала на Руси новая церковно-общественная сила, могущая реформировать западно-русскую церковь, и потому не только утвердилъ новый братскій уставъ, но и съ своей стороны даровалъ имъ столь широкія права и полномочія, что, владѣя ими, братства являлись законными органами высшей церковной власти. Такъ имъ предоставлялось право: обличать всякаго противящагося христіанскому закону и отметать изъ церкви всякое безчиніе, наблюдать за жизнью и нравственностью не только своихъ членовъ, но и лицъ сторонниихъ, какъ міранъ, такъ и духовныхъ, и не исправляющихся предавать церковному суду и даже подвергать отлученію; наконецъ, что особенно важно, братствамъ предоставлялось право надзора за дѣйствіями и поступками самихъ архіереевъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда епископъ управлялъ своей паствой не по правиламъ церковнымъ, братчики имѣли власть »противиться ему, какъ врагу истины«. Пользуясь этими полномочіями и опираясь на сочувствіе и поддержку православныхъ дворянъ, которые стали охотно вписывать свои имена въ братскіе реестры, братства настойчиво стараются простирать свое вліяніе на высшее управленіе дѣлами западно-русской церкви и обуздать своевольное и безнравственное духовенство: они ставятъ архіереямъ на видъ всѣ безобразія, творившіяся тогда въ іерархической средѣ, побуждаютъ ихъ созывать ежегодно соборы, сами посылаютъ на эти соборы своихъ уполномоченныхъ и вносятъ предложенія, направленныя къ коренной церковной реформѣ и къ возстановленію древняго ея благоустройства. Такъ, напр., въ 1594 г. на брестскомъ соборѣ братскіе »послы« или депутаты внесли между прочимъ слѣдующія важныя предложенія: объ измѣненіи существовавшихъ порядковъ замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей и о возстановленіи древняго обычая замѣщать эти должности путемъ избранія, а равно объ учрежденіи въ юго-западной Руси постояннаго мѣстопребыванія патріаршаго экзарха или намѣстника въ видахъ усиленія надзора за жизнью и дѣятельностью высшей іерархіи.

Наконецъ, потерявъ надежду на добровольное исправленіе своихъ владыкъ, братства стали побуждать константинопольскаго патріарха къ созыву чрезвычайнаго собора для суда надъ ними.

Извѣстно, въ какія враждебныя отношенія къ церковнымъ братствамъ стали тогда многіе изъ архіереевъ, уже достаточно усвоившіе шляхетско-католическую теорію о непререкаемости авторитета власти епископской и невмѣшательствѣ мірянъ въ церковныя дѣла. Едва только братства обнаружили намѣреніе пользоваться предоставленными имъ отъ патріарховъ полномочіями, какъ немедленно въ средѣ архіереевъ поднялся вопль о томъ, что патріархи отняли у нихъ всю церковную власть и вручили ее простымъ хлопамъ: шевцамъ, сѣдельникамъ и кожемякамъ, что эти хлопы-братчики не только не хотятъ повиноваться епископамъ, но даже осмѣливаются вмѣшиваться въ церковное управленіе и обсуждать ихъ образъ дѣйствій, и что въ виду этого они, епископы, вынуждены что-нибудь »о собѣ промышляти«. Это »промышленіе« о себѣ западно-русскихъ архіереевъ выразилось въ томъ, что они отправились договариваться съ польскимъ правительствомъ относительно уніи и въ число главныхъ условій этого договора внесли требованіе, чтобы выданныя братствамъ патріаршія грамоты были уничтожены и чтобы братства впредь находились въ совершенномъ подчиненіи у епископовъ. Такъ самъ митрополитъ Михаилъ Рагоза объяснялъ причины, побудившія его и другихъ архіереевъ приступить къ уніи, а о львовскомъ епископѣ Гедеонѣ Балабанѣ одинъ изъ современниковъ выразился, что онъ, томимый со стороны львовскаго братства, былъ-бы радъ взять въ помощь себѣ самаго дьявола, а не то что римлянъ. Архіерейское вѣроотступничество нимало не остановило начавшагося на Руси своего рода реформаціоннаго движенія: опасность, грозившая вѣрѣ и церкви со стороны владыкъ-отступниковъ, заставила мірянъ взять исключительно на себя защиту православія, и такимъ образомъ архіереи сами подали поводъ къ еще болѣе рѣшительному вмѣшательству свѣтскихъ людей въ церковныя дѣла. Заволновались церковныя братства, къ нимъ присоединились мѣщане и большинство православныхъ дворянъ, и всѣ въ одинъ голосъ протестовали противъ уніи и заявляли именемъ всего русскаго народа, что не признаютъ бо-

лѣе измѣнниковъ-архіереевъ своими пастырями. Напрасно король старался успокоить эти волненія, угрожая мѣщанамъ и убѣждая дворянъ, что они, люди свѣтскіе, не имѣютъ права даже обсуждать, а тѣмъ болѣе отвергать то, что учинено ихъ архипастырями, но должны безпрекословно слѣдовать за ними, не испытывая, чему учатъ тѣ, которыхъ Духъ св. далъ имъ въ вожди до конца жизни. Этому, чисто католическому принципу православные противопоставляли свой, соборный принципъ и утверждали, что безъ совѣщаній соборныхъ и безъ воли и согласія свѣтскихъ сословій, какъ знатныхъ, такъ и простыхъ людей, владыки не имѣли права предпринимать никакихъ перемѣнъ въ религіи. Вскорѣ былъ открытъ знаменитый брестскій соборъ, представляющій небывалое ни предъ тѣмъ, ни послѣ того явленіе въ церкви русской. Онъ состоялъ изъ двухъ »колъ« или отдѣленій: духовнаго и свѣтскаго, собиравшихся однако вмѣстѣ и разсуждавшихъ сообща. Коло свѣтское было несравненно многочисленнѣе духовнаго; въ его составъ входили депутаты отъ всѣхъ почти западно-русскихъ земель, воеводствъ и повѣтовъ, а также отъ церковныхъ братствъ и городскихъ общинъ, прибывшіе на соборъ съ инструкціями отъ своихъ избирателей, сходными въ двухъ главныхъ требованіяхъ: а) чтобы митрополитъ и владыки, самовольно подчинившіеся папѣ, были низложены и лишены духовнаго сана, и б) чтобы затѣянная ими унія была отвергнута. Въ такомъ именно смыслѣ состоялся и самый актъ соборный, который и былъ изданъ отъ имени лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, какъ членовъ собора.

Брестскій соборъ былъ актомъ окончательнаго разрыва между двумя направленіями, давно уже обозначившимися внутри западно-русской церкви: клерикально-іерархическимъ и соборнымъ. Первое изъ этихъ направленій, какъ не согласное съ духомъ православія, теперь выдѣлилось изъ него и примкнуло къ своему естественному союзнику— латинству; разсчитывая при его помощи достигнуть преобладанія надъ направленіемъ ему противоположнымъ, оно въ свою очередь старается, въ видахъ самосохраненія, оживить и яснѣе формировать свое основное начало. Таковъ, по нашему мнѣнію, внутренній смыслъ борьбы между уніей и православіемъ, открывшейся тотчасъ послѣ брестскаго собора.

Унія стала теперь внѣшнимъ символомъ, знаменующимъ собою систему строгаго іерархическаго полновластія въ церковныхъ отношеніяхъ, совершенно исключающаго право пасомыхъ на самоопредѣленіе въ дѣлахъ вѣры и самоуправленіе въ дѣлахъ церкви, какъ религіозно-общественной организаціи. Эта система была не чѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ къ сферѣ церковныхъ отношеній общаго олигархически-шляхетскаго принципа, издавна господствовавшаго въ польскомъ общественномъ быту и съ успѣхомъ прививаемаго тогда на литовско-русской почвѣ; вотъ почему унія, не смотря на первоначальную малочисленность открытыхъ ея приверженцевъ и вообще негодованіе, съ какимъ встрѣчено было въ западно-русскомъ мірѣ ея появленіе, не погибла преждевременною смертью, но съ теченіемъ времени стала пріобрѣтать сочувствіе и поддержку въ средѣ той самой русской шляхты, которая такъ недавно еще клялась на брестскомъ соборѣ оказывать ей всевозможное противодѣйствіе. Наоборотъ, православіе осталось знаменемъ церковно-соборнаго строя, основаннаго на евангельской идеѣ всеобщаго равенства вѣрующихъ, какъ членовъ церкви, безъ различія ихъ званій и положеній въ ней, и по духу весьма близкаго къ тому безсословно-общинному порядку, который нѣкогда составлялъ основу общественныхъ отношеній въ южной Руси и въ то время подвергался окончательному вытѣсненію со стороны чуждаго, польско-шляхетскаго порядка; вотъ почему истинные поборники православія, полагавшіе за него свое достояніе, свободу и самую жизнь, выходили не столько изъ среды западно-русскихъ пановъ, любившихъ болѣе хвалиться титуломъ защитниковъ православной церкви, нежли въ дѣйствительности ее защищавшихъ, сколько изъ среды низшихъ сословій: мѣщанъ, низшаго духовенства и простаго народа, въ лицѣ его представителей—козаковъ.

Чтобы иллюстрировать наши положенія, обратимъ вниманіе на полемическую литературу того вѣка, уніатскую и православную, такъ какъ въ ней яснѣе формулированы тѣже основные принципы, какими обѣ стороны руководились и въ своихъ дѣйствіяхъ. Какіе-же то были принципы? Если исключить изъ полемической литературы богословскіе трактаты о догматическихъ разногласіяхъ между православіемъ и уніей, то окажется, что остальная часть полемики сводится главнымъ обра-

зомъ къ спорамъ о предѣлахъ церковно-іерархической власти и о правѣ участія мірянъ въ дѣлахъ вѣры и церкви. Такъ въ первомъ полемическомъ сочиненіи, написанномъ въ защиту уніи, проводятся слѣдующія воззрѣнія: соборъ есть трибуналъ только однихъ епископовъ и кромѣ нихъ никто другой не долженъ имѣть на немъ голоса; право разсуждать объ ученіи вѣры принадлежитъ единственно высшей духовной власти, а отнюдь не мірянамъ, которые обязаны слѣпо вѣровать всему, чему учатъ ихъ пастыри; міряне ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть судьями своихъ пастырей, даже и тогда, когда-бы они заблуждались, ибо и въ этомъ случаѣ пасомые не освобождаются отъ обязанности безусловнаго повиновенія имъ. Въ отвѣтномъ сочиненіи православныхъ, знаменитомъ »Апокрисисѣ«, искусно опровергаются эти папистическія воззрѣнія и энергично защищаются противоположныя имъ, соборныя понятія православной церкви. Съ особенною смѣлостью авторъ »Апокрисиса« развиваетъ и защищаетъ тезисъ объ участіи мірянъ въ дѣлахъ вѣры. Онъ усвояетъ мірянамъ въ самыхъ широкихъ границахъ право участія не только въ избраніи и судѣ надъ всѣми духовными лицами, но и въ сужденіи о догматахъ вѣры, съ правомъ голоса на соборахъ, производящихъ церковный судъ и постановляющихъ церковныя вѣроопредѣленія. Ученіе противниковъ объ обязанностяхъ пасомыхъ безъ разсужденія вѣровать всему, чему учатъ пастыри, авторъ Апокрисиса называетъ *жидовскимъ* ученіемъ, говоря, что »такое приказаніе могло выйти не отъ христіанскихъ учителей, а развѣ отъ жидовскихъ рабиновъ, которые, написавъ въ талмудѣ множество нелѣпыхъ выдумокъ, приказали жидамъ вѣрить всему этому подъ угрозою проклятія«; напротивъ, по его взгляду, пасомые имѣютъ несомнѣнное право испытывать, согласно-ли съ словомъ Божіимъ то, чему учатъ пастыри, предостерегать и вразумлять послѣднихъ, когда они заблуждаются или поступаютъ беззаконно, а въ случаѣ нужды подвергать преступныхъ іерарховъ соборному суду и приговаривать къ низложенію; »ибо, говоритъ онъ, кто имѣетъ право избирать духовныхъ, тотъ можетъ и низвергать ихъ«. Уніатскіе писатели объявили автора »Апокрисиса« еретикомъ, а его взгляды протестантскими; но тѣже воззрѣнія были повторяемы и другими, несомнѣнно православными по-

лемистами. Наконецъ, мы имѣемъ сочиненія простого южно-русскаго монаха, Іоанна Вишенскаго, подвизавшагося въ то время въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей и оттуда приславшаго въ Малую Русь свои поистинѣ »соборныя« посланія. Вишенскій не былъ ученымъ богословомъ, писалъ свои посланія въ простонародномъ духѣ и безъ сомнѣнія вѣрнѣе другихъ писателей выражалъ мнѣнія и настроеніе среднихъ круговъ тогдашняго общества. Въ своихъ посланіяхъ онъ проводитъ тѣже воззрѣнія, что и авторъ »Апокрисиса«, но формулируетъ ихъ съ большею еще смѣлостью и рѣзкостью. »Да будутъ прокляты, восклицаетъ онъ, владыки, архимандриты и игумены, которіе на мѣстахъ святыхъ лежучи, гроши збираютъ, жены украшаютъ, слугъ умножаютъ, кареты зиждутъ, роскошь свою поганскую исполняютъ«. Онъ прямо провозглашаетъ, что »хлопы, кожемяки, сѣдельники, шевцы«, вообще міряне и простолюдины—это и есть самое тѣло церкви, имѣющее, по гласу Христову, власть »скверно-начальника (архіерея) извергнуть, осудить и даже подвергнуть отлученію«. Въ другомъ мѣстѣ онъ убѣждаетъ православныхъ: »всякого такого, который на священническій санъ не по правиламъ восходитъ, але похоти плотскія ради, имѣнія и панства самъ наскакуетъ, не пріймайте, и отъ короля даного, безъ вашого избранія, изжденѣте и прокленѣте. Лѣпше вамъ безъ владыкъ и безъ поповъ, отъ діавола поставленныхъ, до церкве ходити и православіе хранити, нежели съ владыками и попами, не отъ Бога званными, у церкви быти и съ тои ся ругати. Не попы бо насъ спасуть, или владыки, или митрополиты, но вѣры нашея таинство съ храненіемъ заповѣдей Божиіхъ—тое насъ спасти маетъ«.

Вотъ какія понятія проповѣдывались тогда въ западно-русскомъ обществѣ ревнителями православія въ противовѣсъ клерикальнымъ тенденціямъ латино-уніатской партіи. Правду сказать, никогда еще соборный принципъ православной церкви не формировался съ такою опредѣлительностью, широтою и смѣлостью, какъ то мы видимъ у цитированныхъ нами полемистовъ, особенно же у православнаго инока Вишенскаго, доходившаго почти до отрицанія церковной іерархіи. Мы упомянули, что латино-уніатскіе писатели признавали ихъ мнѣнія еретическими, т. е. протестантскими; къ этому прибавимъ, что такими-же

отчасти признаются нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній и нынѣшними православными богословами. Не намъ, конечно, защищать ихъ ортодоксальность. Скажемъ лишь, что голосомъ всей западно-русской церкви подобныя мнѣнія признавались тогда вполнѣ православными, а если кто изъ православныхъ начиналъ смущаться ихъ церковно-республиканскимъ характеромъ, тотъ неминуемо оканчивалъ тѣмъ, что измѣнялъ православію и оказывался въ рядахъ уніи. Это именно и случилось съ однимъ изъ талантливѣйшихъ слугъ и защитникомъ православія, извѣстнымъ Мелетіемъ Смотрицкимъ, который, послѣ цѣлаго ряда литературныхъ и другихъ трудовъ, совершенныхъ на пользу православной церкви, будучи уже въ санѣ архіепископа полоцкаго, неожиданно сталъ соблазняться тѣмъ, что въ южно-русской церкви »не духовные въ справахъ духовныхъ радятъ, але свѣтскіе, а духовные (какъ онъ выражался) только pro forma«, и это сознаніе произвело столь рѣзкій переломъ въ его убѣжденіяхъ, что онъ осудилъ свою прежнюю дѣятельность, признавъ ее насажденіемъ на Руси »лютерской и кальвинской ересей«, и перешелъ въ унію. Но не такъ думали объ этомъ предметѣ другіе православные іерархи, видѣвшіе въ широкомъ участіи міряпъ въ дѣлахъ церкви единственный прочный залогъ ея спасенія среди обуревавшихъ ее со всѣхъ сторонъ бѣдствій и потому заботливо поощрявшіе такое участіе. И когда въ 1620 г., въ южной Руси была снова возстановлена высшая православная іерархія и вступила во всѣ каноническія права свои, она и не подумала ограничивать участіе міряпъ въ церковныхъ дѣлахъ, а на первомъ-же соборѣ своемъ, происходившемъ въ Кіевѣ въ 1621 г., приняла себѣ въ руководство слѣдующее постановленіе: »Не слѣдовать безбожному папскому правилу, по которому хотя бы папа тму людей влекъ за собою въ адъ, никто не смѣетъ сказать ему: стой! что ты дѣлаешь? Поэтому не гнѣваться на младшихъ или низшихъ степенью, если-бы они архіереямъ и другимъ начальникамъ что-либо напоминали или отъ чего предостерегали, напротивъ позволять имъ это дѣлать и не считать стыдомъ слушать меньшихъ и отъ нихъ научаться. Ипатій Потѣй, Рагоза и другіе ихъ единомышленники были немалыя головы, не смотря на то предки наши, и многіе изъ нихъ совсѣмъ простые люди, дерзали обличать ихъ безбоязненно. Тоже подобаетъ творить и всѣмъ православнымъ«.

Съ тѣхъ поръ до самаго конца существованія самостоятельной кіевской митрополіи, всѣ церковныя должности въ Малороссіи отъ митрополита до приходскаго священника были избирательныя и общеніе между духовнымъ и мірскими сословіями было такъ тѣсно, что нерѣдко на высшія духовныя достоинства были избираемы заслуженные козаки, и наоборотъ—лица духовныя при случаѣ выбирались въ войсковыя должности. Такъ еще въ 1692 г. въ архимандриты кіево-печерской лавры былъ выбранъ единогласно значный войска запорожскаго товаришъ, войсковый генеральный судья Михаилъ Вуяхевичъ, а подъ 1715 г. малороссійскія лѣтописи передаютъ, что какой-то протопопъ Лисовскій »того року сотникомъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ учиненъ«. Что-же касается сельскаго малороссійскаго духовенства, то и въ настоящую пору живо еще поколѣніе, которое хорошо помнитъ тѣ времена, когда сельскія »громады« на Украинѣ вольными голосами выбирали къ своимъ »парахвіямъ« священниковъ и заключали предварительный договоръ относительно ихъ обезпеченія и вообще взаимныхъ отношеній. И кто знаетъ, не въ этой-ли свободѣ отношеній между пастырями и пасомыми кроется объясненіе того, почему у насъ въ старину и духовенство было дѣятельнѣе, и школы и училища существовали почти при каждой церкви, и общество иначе относилось къ церкви и къ духовенству, и не было слышно тѣхъ нареканій на него, какими столь богато наше время.

О. И. Левицкій.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1]).

IV.

Вѣсть о томъ, что Балабуха отбилъ ольшаницкую парафію у Моссаковскаго, пришла скоро въ Чайки. Какой-то дьячекъ, бывъ въ Ольшаницѣ, заѣхалъ въ Чайки и передалъ эту вѣсть матушкѣ Прокоповичкѣ. Отецъ Степанъ на ту пору отдыхалъ въ пасѣкѣ. Лишь только гость за порогъ, матушка опрометью бросилась въ пасѣку и чуть не опрокинувъ улья на пути, влетѣла въ »катрагу«. О. Степанъ сладко почивалъ, лежа на спинѣ и вольно раскидавъ руки и ноги. Матушка дернула его изо всей силы и крикнула на всю пасѣку.

— Чи ты знаешъ, що сталося? Чи ты знаешъ, що дiється?

— Га, що, де? Пожежа! крикнулъ въ свою очередь панъ-отецъ; схватившись съ своего ложа и усѣвшись на лавкѣ.

— Чи ты знаешъ, що сталося? крикнула еще громче пани-матка и толкнула своего »господинка« въ бокъ.

— Що? церква горить? Дзвони на гвалтъ! лизь на дзвиныцю! кричалъ въ просонкахъ Прокоповичъ.

— Лизь уже ты на дзвиныцю, та дзвони. Пропала Вильшаниця, та вже й не вернется.

— А, злодiи! Хтось укравъ Вильшаницю? Запрягай кони та доганяй,—мололъ совсѣмъ еще сонный панъ-отецъ.

---

[1]) См. »Кіевская Старина« 1884 г., іюньск. кн., стр. 267—288.

— Та перехрестись, та прочумайся! вразумляла его пани-матка. Яки тамъ злодіи! Ось Балабуха одбивъ Вильшаницю у нашого Харитона. Тильки що бувъ дякъ, забула вже звидкиль, вступивъ до господы, та й росказавъ оце.

— Та чортъ ёго бери, коли одбивъ. Про мене, нехай соби поса одибъе. Тильки мене перелякала. Я думавъ, що може де нибудь пожежа, сказалъ Прокоповичъ, занятый только сномъ и опасеніемъ пожара.

— Отъ тоби й на! Це гарный батько! А що жъ теперъ робитеме наша Онися? спросила Прокоповичка.

— Про мене, нехай соби й за Балабуху йде! пробормоталъ Прокоповичъ, ничего уже не соображавшій;—на него налегъ сонъ и онъ, какъ снопъ, свалился на лавку.

— Та вставай, та давай намъ пораду! крикнула матушка и дернула мужа такъ, что тотъ чуть не полѣтѣлъ подъ лавку и со страха уцѣпился обѣими руками за жену.

— Одчепись, бо якъ дамъ, то й перекинешься! закричалъ онъ сердито, снова сѣвъ на лавку: дай мени доспати, а потимъ...

И о. Степанъ сидя дремалъ, свѣсивъ голову и упершись руками въ колѣни.

— Вставай. Онъ архіерей прыихавъ! крикнула ему жена, замѣтивъ, что онъ дремлетъ.

— А вже-жъ! Пиддуришъ, якъ разъ, не открывая глазъ, проговорилъ о. Степанъ и опрокинувшись на лавку лицемъ къ стѣнѣ, мгновенно захрапѣлъ. Жена плюнула съ досады и пошла въ комнаты на совѣтъ къ Онисѣ.

Онися ходила по свѣтлицѣ и спокойно забавлялась сѣмячками, точно ничего непріятнаго не произошло. Мать замѣтила ея равнодушный видъ, и ее разбирала невольная досада на равнодушіе къ случившемуся со стороны мужа и дочери и что ей одной приходилось мучиться за всѣхъ.

— Похожай доню, та насиннячко лузай! проговорила она язвительнымъ тономъ, обращаясь къ дочери.

— А що-жъ маю робити! отвѣчала дочь. Хиба сиду, та буду слёзы лити?

— Ато-жъ нема чого плакати? съ сердцемъ вскрикнула мать.

— Я, мамо, не зъ тихъ, що плачуть, спокойно сказала Онися и по прежнему ходила и грызла сѣмячки.

— Якъ не зъ тихъ, то про мене, йди замижъ за карапишанського дяка, бо вже попадею не будешъ.

— То й пиду! Оце велике лихо! Хиба дякъ не чоловикъ.

— Якій винъ чоловикъ! будешъ лито й зиму боса ходити та горщикомъ воду носити.

— Абы не дирявый горщикъ, та й носитиму, сказала Онися, глядя въ окно и не переставая грызть сѣмячки.

— Хиба-жъ ты думаешъ за ёго йти замижъ? крикнула мать.

— А бо що?

— А те, що винъ попомъ у Вильшаници не буде. А якажъ друга громада выбере такого дурня за попа?

— Харитонъ не дурень. Я ёго люблю и за ёго замижъ пиду, хочъ-бы я на вики зосталась дячихою, сказала Онися, снова заглядывая въ окно.

Если-бы Онися не глядѣла въ окно, а взглянула на мать, послѣдняя, быть можетъ, стала бы мягче и покойнѣе: равнодушіе дочери раздражало ее.

— То ты пидешъ за того дяка, за ту чехоню? Ба не пидешъ! крикнула мать.

— Ба пиду й за чехоню, тихо сказала Онися, сдерживая гнѣвъ.

— Ба не пидешъ, бо мы тебе не оддамо!

— Я й сама пиду. Хиба я маленька, щобъ вы мене оддавали.

— Та мы тоби ничого не дамо! Пидешъ до ёго хиба пишки въ Карапиши.

— То й пишки пиду. Це мени не заважить.

— Пфу на того дурного дяка. Та винъ-же отъ хлибъ святый обминявъ, а до тебе й слова не промовивъ. Ото знайшла розумъ.

— Тимъ винъ мени й сподобався. Вмію я й сама говорити. Якъ бы въ ёго бувъ языкъ довгій, ябъ ёму наклала повенъ визъ гарбузивъ, якъ вашому академистови.

— Якъ ты ёму не накладешъ гарбузивъ, то я ёму накладу не то въ визъ, а въ ёго голову, бо въ ёго голова така розумна, якъ гарбузъ.

— И, вже ваше минуло. Не часъ вамъ гарбузувати. А я Харитона люблю и більшъ ни за кого замижъ не пиду, окримъ ёго, хочъ-бы тутъ двадцять академиститъ було.

Тяжело вздохнула мать, хлопнула дверью и пошла къ мужу. Отецъ Степанъ хропѣлъ такъ, что лавка подъ нимъ дрожала. Матушка поглядѣла, потопталась и не рѣшилась прерывать крѣпкій сонъ своего мужа, между тѣмъ пройдясь по саду, немного остыла, успокоилась и побрела въ комнаты. Онися ходила по свѣтлицѣ и грызла сѣмячки.

— Хто ёго зна, що це за люди, заговорила какъ-бы про себя мать, переступая порогъ: той хропе въ катрази, а ця насиннячко луза. Немае имъ дила ни до чого. Сама за всихъ клопочись, та й годи.

— За мене, мамо, не клопочиться. Я сама за себе поклопочусь, сказала Онися.

Только что Онися произнесла эти слова, какъ на дворѣ залаяли собаки и раздался глухой трескъ въѣзжавшаго воза. Онися, не взглянувъ даже въ окно, догадалась о томъ, кто въѣзжалъ во дворъ. Догадывалась и мать и тѣмъ не менѣе спросила:

— А хто то прыихавъ?

— Вгадайте! отозвалась Онися, не обращаясь къ матери.

— Певне карапишанська чехоня, сказала со злостью мать, удаляясь въ комнату, и прибавила: крутись-же зъ нимъ, бо я не буду коло ёго панькатись.

Спустя нѣсколько минутъ отворилась дверь въ свѣтлицу и на порогѣ показался Моссаковскій въ черномъ длинномъ жупанѣ, въ сапогахъ на подборахъ, съ широкимъ отложнымъ воротомъ рубахи, застегнутой на этотъ разъ голубой лентой. Лице его сіяло, синія очи блестѣли тихимъ радостнымъ свѣтомъ. Русыя кудри свѣтлымъ пламенемъ охватывали кругомъ его голову. Подъ мышкой у него бѣлѣла паляница. Прокоповичка вскинула на Моссаковскаго черезъ порогъ не ласковыми очами, приотворила дверь и стала за ней. Моссаковскій взглянулъ на Онисю и на его матово-блѣдномъ лицѣ появился легкій румянецъ. Онися почуяла въ себѣ непонятный страхъ при видѣ этого совсѣмъ смирнаго человѣка. Она чувствовала, какъ забилось въ груди ея сердце, какъ стыли ея руки и ноги.

— Добры-день вамъ! зъ недилею будьте здорови! тихо сказалъ Моссаковскій и поцѣловалъ Онисю въ руку.

Онися поцѣловала его въ щеку и мгновенно почувствовала, что кровь хлынула ей въ лице, а руки и ноги совсѣмъ онѣмѣли.

— Доброго здоровьячка! спасыби вамъ! едва слышно отвѣтила Онися. Моссаковскій положилъ палянницу на столъ, остановился и опустилъ руки. Онися попросила его сѣсть, Моссаковскій робко опустился на стулъ.

Настало молчаніе, Моссаковскій и Онися не смѣли взглянуть другъ другу въ глаза. Мать стояла за дверью и все прислушивалась.

— Правдива чехоня! подумала она послѣ нѣкотораго ожиданія, не вміе навить зъ дивкою поговорити й пожартувати. Мій отець Степанъ не такъ поводився зо мною, якъ бувъ моимъ женихомъ.

Долго молодые сидѣли и молчали. Онися знала, что Моссаковскій готовъ до вечера молчать да смотрѣть на нее; но ей самой становилось неловко, и она наконецъ прямо заговорила о томъ, что у нихъ обоихъ было на мысли.

— Вы, Харитоне Петровичу, може думаете, що я одкинусь одъ васъ черезъ те, що вы втеряли вильшаницьку парафію? Не думайте сёго...

— Ни, я... ничого не думаю... на силу отозвался Моссаковскій и сказалъ правду: въ ту минуту онъ дѣйствительно ни объ чемъ не думалъ, но только глядѣлъ на Онисю и любовался ею.

— Я не одкинусь одъ васъ, я пиду за васъ замижъ, хочъ-бы вы зостались дякомъ въ Карапишахъ, смѣло сказала Онися.

— Спасыби вамъ, Онисіе Степановно! Яки вы добри.

Мать за дверью такъ мотнула головой, что намитка на ея плечахъ приподнялась чуть не выше головы.

Моссаковскаго лице горѣло, глаза блестѣли отъ радости; онъ готовъ былъ броситься къ ногамъ Ониси, но даже глазами не шевельнулъ.

— Я пиду за васъ замижъ, хочъ-бы мій батько та мати не пристали на те, опять сказала Онися и съ этими словами схватилась съ мѣста и сѣла рядомъ съ Моссаковскимъ. Моссаковскій не выдержалъ, схватилъ ея руку и поцѣловалъ. Онися цмокнула его въ щеку.

Мать, заслышавъ цѣлованье, дернула дверью и вскочила въ свѣтлицу. Молодые сидѣли, потупивъ глаза. Лице Прокоповички было блѣдно, глаза горѣли, какъ угли.

— Оце гарно,—начала она, ей Богу гарно! Де весилля, а вони вже цмокаються.

— Ей Богу я ни въ чому не виненъ, тихо промолвилъ Моссаковскій, схватившись со стула и цѣлуя Прокоповичку въ руку.

Прокоповичка не знала, что дѣлать, что больше сказать; метнулась сюда-туда по свѣтлицѣ, такъ что памятка на ней заколыхалась, и молча вышла въ садъ.

— Ваша паниматка на мене чогось сердяться, сказалъ Моссаковскій: вони не оддадуть васъ за мене.

— Якъ не оддадуть, то я сама пиду, сказала Онися, сердито глянувъ въ слѣдъ удалившейся матери.

А мать межъ тѣмъ бѣгомъ устремилась въ пасѣку и, найдя мужа уже проснувшимся, накрыла его, какъ говорится, мокрымъ рядномъ:

— Иди вже до хаты, та говори зъ тимъ дякомъ. Вже прыихавъ мабуть по мою душу!

— Отъ и добре, що прыихавъ: буде зъ кимъ по чарци выпити.

— Тоби тильки по чарци. Готовый свою дитину пропити. Сплять соби, а я одна клопочусь та бигаю.

— Вже правда, що розбигалась, якъ курка зъ яйцемъ; не дала й выспатись. И чого пакъ ты прибігала въ пасику гвалтувати? Що тамъ трапилось: чи пожежа, чи?...

— Пожежа! Добра пожежа! Балабуха одбивъ Вильшаницю одъ Моссаковського. Виддавай теперъ дочку за дяка.

— А дочка що каже?

— А дочка здурила. Иди ще ты поговори зъ нею: цилуется зъ тымъ дурнымъ дякомъ, нема стыда й сорома.

— Гм... Гм... Це вже не до ладу... Треба щось робити... закончилъ Прокоповичъ, направляясь съ женой къ дому.

Тѣмъ временемъ Моссаковскій сообщилъ Онисѣ, что ольшаницкая громада выжила Балабуху и что владыка тамъ предоставилъ ему этотъ приходъ, какъ того желала громада. Онися сообразила, что въ такомъ разѣ ей и думать не объ чемъ и что родителямъ ея никакой нѣтъ нужды мѣнять свое слово. Одно то ея ждало, что, благодаря робости и молчаливости ея жениха, дѣло не вдругъ объяснится; но и это болѣе забавляло, чѣмъ безпокоило ее.

Скоро появились папъ-отецъ и пани-матка. Моссаковскій привѣтствовалъ ихъ низкимъ поклономъ. Онися съ любопытствомъ поглядывала то на отца, то на мать. Мать сѣла на канапкѣ, надулась, глядѣла на стѣну и молчала. Отецъ смотрѣлъ покойнѣе и ласковѣе; не желая раздражать жены, онъ обратился къ Онисѣ и велѣлъ ей принести водки и закуски. Онися поспѣшно выходила; мать въ догонку говорила:

— Та нарижъ, Онисю, теси паляныци, що лежить тамъ зъ самого верху!

Онися усмѣхнулась: съ самаго верху лежала черствая паляница. Онися нарѣзала самой свѣжей и вынесла вмѣстѣ съ водкой въ свѣтлицу.

Выпили по рюмкѣ. Моссаковскій молчалъ, не имѣя привычки много говорить. Прокоповичка молчала съ досады и все глядѣла на стѣну. Прокоповичъ пробовалъ завести разговоръ, но, не вполнѣ очнувшись еще отъ сна, только зѣвалъ во весь ротъ. Молчаніе и надутый видъ жены ему не нравились и онъ, желая развеселить ее, обратился къ ней съ шутливымъ вопросомъ:

— Чого це ты, паниматко, такъ пильно дивишся на стину? Чи мухъ личишъ, чи що?

Прокоповичка бросила на мужа гнѣвный взглядъ и стала смотрѣть на печку такъ пристально, будто тамъ была очень искусно написанная картина.

Въ свѣтлицѣ опять стало тихо. Прокоповичъ еще разъ зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ. Всѣ молчали, Прокоповичъ вновь началъ поддразнивать жену.

— Отъ же ты, паниматко, закохалась въ груби. Дивися тай дивися на неи и очей не зводишъ, сказалъ онъ.

— Говори вже ты; мени нема чого говорити, сердито отвѣтила Прокоповичка, не сводя глазъ съ печки.

Онися внутренно смѣялась. Моссаковскій глядѣлъ въ землю.

— Выпиймо ще по чарци! Може зъ чарки добудемо розмовы, сказалъ Прокоповичъ, наливая по второй.

Выпили по второй; языки въ самомъ дѣлѣ развязались. Прокоповичъ сталъ распрашивать Моссаковскаго про Ольшаницу, по издалека.

— Якъ же вы, Харитоне, думаете теперъ распорядитись собою? спросилъ онъ Моссаковскаго.

— Мени треба скорише женитись, щобъ часомъ знову хтось не отбивъ у мене Вильшаныци, отвѣтилъ Моссаковскій. Прокоповичка перевела глаза съ печи на дверь.

— Якъ же такъ! А Балабуха де дився? спросилъ Прокоповичъ.

— Балабуха мусивъ выихати зъ Вильшаныци, бо ёго громада не схотила держати на парафіи. Владыка оддавъ мени Вильшаныцю, сказалъ Моссаковскій.

Прокоповичка перевела глаза съ дверей на Моссаковскаго и не вѣрила своимъ ушамъ.

— Такъ оддавъ вамъ парафію? вскрикнула она, схватившись съ мѣста.

— Оддавъ, совершенно спокойно отвѣчалъ Моссаковскій. Громада настояла на своему. Теперъ мени треба поспишати, щобъ парафія знову не втикла зъ рукъ.

— Голубчику, Харитоне! Поздоровляю васъ одъ щирого сердця! воскликнулъ Прокоповичъ и бросился обнимать Моссаковскаго. Прокоповичка въ свою очередь начала обнимать и цѣловать его. Всѣ развеселились, всѣ говорили, нихто никого не слушалъ. Прокоповичка засуетилась, завертѣлась, выскочила въ спальню и снова въ свѣтлицу вбѣжала. Онися хохотала, закрывшись рукавомъ.

— А що, паниматко, коли поличила вси мухи, то ставъ могоричъ. Вынось наливки, настойки, запикапки! Давай на стилъ пироги, калачи, всяки ласощи, яки маешъ! Давай разомъ полудень и вечерю, выкрикивалъ Прокоповичъ.

Прокоповичка бросилась въ кладовую, въ кухню, подняла на ноги всю прислугу. Въ кухнѣ затопили въ печи. Закричали куры подъ ножемъ, завизжалъ поросенокъ, котораго влекли на закланіе. Въ свѣтлицу какъ будто на крыльяхъ влетѣли фляшки съ наливками и настойками. Откуда взялись пироги въ сметанѣ, бублики на яйцахъ, маковники, всякіе »пундики«. Пошла чарка за чаркой, полилась веселая бесѣда. На всѣхъ сіяла радость. Моссаковскій разговорился, раскраснѣлся, повеселѣлъ. Прокоповичка любовно глядѣла на его нѣжное съ румянцемъ лице и только теперь убѣдилась, что онъ похожъ отнюдь не на чехоню, а на какого нибудь панка.

— Теперъ хочъ и пидъ винець! не выдержала и поспѣшила высказаться Прокоповичка, выпивъ чарку запеканки: нема намъ чого

гаятись. Въ поли, хвалити Господа, зовсимъ обробились, дома роботы не гуртъ,—можно й погуляти.

— Про мене, хочъ и заразъ, сказалъ Моссаковскій; бо справди нема чого гаяти часъ.

— Шкода, що вы не прыихали зъ братомъ: мы-бъ оце поговорили зъ нимъ, якъ зъ сватомъ, говорила Прокоповичка, ласково глядя Моссаковскому въ глаза. Про те мы своеи дочки не обидимо: є въ насъ, хвалити Бога, и худоба, й кони, й возы, й плуги.

— И спасыби вамъ, паниматко! Хто-жъ не знае про вашу добристь? Про це нема чого й говорити, съ довѣріемъ произнесъ Моссаковскій.

— Одна дочка, одна дитина: для кого-жъ мы дбали? прибавилъ Прокоповичъ, и тѣмъ кончились переговоры о приданомъ.

Пошла чарка опять изъ рукъ въ руки. И гость и хозяева, перекидываясь веселыми шуткам и иприбаутками, принялись за полдникъ и не переставали выпивать и закусывать, пока не настало время »вечери«. Прокоповичка, снимая со стола закуски и очищая мѣсто для ужина, со вздохомъ произнесла:

— Оце-жъ я наварила й напекла, та не буде кому вечеряти: колибъ Господь принисъ якихъ гостей, або що.

— Правду кажешъ, пани-матко, отозвался Прокоповичъ: якбы Господь пославъ гостей, то все-бъ таки бильше взилось и выпилось въ кумпаніи.

Какъ-бы въ исполненіе ихъ желанія, неожиданно для всѣхъ въ свѣтлицу вошелъ старшій братъ Харитона, завернувшій мимоѣздомъ.

— Десь Господь послухавъ моеи молитвы и принисъ васъ, неначе на крылахъ! радостно вскричалъ Прокоповичъ и бросился обнимать и цѣловать гостя.

Прокоповичка отъ радости и съ хмѣлю чуть не поцѣпилась гостю на шею. Онися цѣловала его руки, а Харитонъ въ увлеченіи общимъ восторгомъ такъ прижималъ и цѣловалъ брата, будто не видѣлся съ нимъ много лѣтъ. Настало новое оживленіе, пошла опять круговая, разошлись въ бесѣдѣ, запумѣли.

— Теперъ моя вечеря не пропаде! сказала Прокоповичка и побѣжала въ кухню.

Въ непродолжительномъ времени столъ былъ готовъ къ ужину: по срединѣ его, какъ на громадскомъ обѣдѣ, возвышалась цѣлая гора свѣже-нарѣзанной паляницы, по краямъ протянуты были полотенца, въ замѣнъ салфетокъ. Добавлено было разныхъ настоекъ и наливокъ, долито было и широкое *пуздро* (родъ графина) съ водкой. Усѣлись за столъ, выпили со всѣми причитаньями по первой и принялись за лапшу съ курицей такъ усердно, какъ бы дотолѣ во рту съ утра ничего не держали. Выпили по второй, и отъ большущаго поросенка скоро остались однѣ только кости. Справились съ большимъ полумискомъ жареныхъ куръ и закончили варениками, выпивая *до* и *по*, и наконецъ на потуху.

Прокоповичъ давно уже чувствовалъ, что у него шумитъ въ головѣ и потому спѣшилъ закончить дѣломъ.

— Ну, господине, началъ онъ, обращаясь къ нареченному своему зятю, поки ще наши языки повертаються въ роти, поговоримо по Божому, коли то намъ те весилля справляти.

— Воля ваша, отець Степанъ, сказалъ Моссаковскій; мени здаеця, що нема чого одкладати.

— А вже-жъ нема чого одкладати, подхватила Прокоповичка, пуще всего боявшаяся, чтобы кто нибудь опять не отнялъ прихода у Харитона. По предложенію о. Степана, согласились всѣ праздновать свадьбу чрезъ недѣлю.

— Въ субботу спечемо коравай та шишки, а въ неділю й до винця, заключила Прокоповичка, поправляя на головѣ »очипокъ и намитку«.

Встали изъ за стола, помолились и вновь присѣли. Въ свѣтлицѣ стояла духота. О. Степанъ раскрылъ окна; въ комнату полилась свѣжая прохлада сухой, теплой осени. Надъ садомъ по темному небу блестѣли звѣзды; но пресыщеннымъ гостямъ и хозяевамъ не приходило въ голову любоваться звѣздной ночью; они сидѣли и пыхтѣли, обтирая потъ. Бесѣда не клеилась, всѣхъ клонило ко сну. Немилосердно зѣвнулъ о. Степанъ, за нимъ пани-матка, потомъ старшій гость. Только Онися, забившись въ уголъ съ Харитономъ, тихо щебетала, какъ пріѣзжалъ свататься Балабуха и какъ надавала она ему »гарбузовъ«, а Харитонъ съ дѣтскимъ смѣхомъ слушалъ ея разсказъ, жадно слѣдя за движеніемъ ея кро-

шечныхъ губъ, изъ подъ которыхъ блестѣли, какъ жемчугъ, ровные красивые зубки.

— Теперъ хочь и до дому, сказалъ наконецъ братъ Харитона, назѣвавшись до слезъ.

— Та зоставайтесь ночувати, просилъ Прокоповичъ, не твердо державшійся на стулѣ: ничь темна: треба переправлятись черезъ Рось. Борони Боже якои напасти!

— И хто таки въ глупу ничъ йде? приговаривала Прокоповичка. Зоставайтесь! Постелемо отутъ покотомъ; выспитесь добре, та тоди й поидете.

Но и сама она чувствовала, и гости понимали, что это такъ ради »звычаю« говорится.

Когда гости стали прощаться, хозяева стали выполнять другой »звычай«.

— Выпиймо-жъ на дорогу, щобъ колеса не торохтили, произнесъ Прокоповичъ, наливая по чаркѣ.

Выпили, »щобъ колеса не торохтили«, и вышли на крыльцо.

— Выпъемо по другій, щобъ конямъ веселише було бигти, сказалъ опять Прокоповичъ.

Выпили, »щобъ конямъ веселише було бигти«. Гости совсѣмъ стали прощаться.

— А ще-жъ, щобъ дорога стлалась скатертю, примолвила Прокоповичка, и изъ своихъ рукъ поднесла.

Казалось, все уже исполнено, всѣ обычаи соблюдены, оставалось уѣзжать гостямъ; но о. Степанъ вспомнилъ о погоничахъ и сталъ потчивать ихъ, а какъ на нихъ закончить казалось не ловкимъ, то пришлось хозяевамъ и гостямъ еще разъ выпить на прощанье.

Была полночь, когда гости тронулись со двора. По затихшему, будто мертвому селу громко застучали ихъ повозки и дребезжащій ихъ стукъ скоро замеръ гдѣ-то глубоко внизу надъ Росью.

— А що, мамо, чи буду я соломою топити, та горшкомъ воду носити? подшучивала надъ матерью Онися.

— Теперъ-же, пани-матко, вже не бигай, якъ курка зъ яйцемъ, та не буди мене, якъ буду спочивати въ катрази, поддалъ о. Степанъ. Прокоповичка не нашлась возразить дочери и мужу и лишь указывала на предстоящія ей хлопоты:

— Смійтесь, смійтесь зъ матери; набигаеться мати, поки ще й весилля настане.

Чрезъ недѣлю, въ субботу, въ пекарнѣ о. Степана, послѣ ранняго обѣда, собравшіяся изъ села »молодыци« и пріѣхавшія родственницы невѣсты начали готовить коровай и шишки. Онѣ поставили среди пекарни два стола, помыли руки, засучили рукава и выкинули изъ большой дежи тѣсто въ ночвы, а потомъ на столъ. Старостиха завела тоненькимъ голоскомъ:

Свйти, Боже, зъ раю
До нашого короваю,
Щобъ було виднесенько
Краяти дрибнесенько!

Дружно подхватили молодицы и матушки. Закипѣла работа подъ звуки грустно-веселыхъ, нескончаемыхъ пѣсень: завертѣлись десятки рукъ вокругъ стола, зашевелились голые локти, дрожа, вертясь и цѣпляя другъ друга. Громадная глыба тѣста раздроблена на большіе и меньшіе куски; привычныя, быстро вертѣвшіяся руки давали имъ то ту, то другую форму: однѣ выдѣлывали сердцевину коровая, другія поясокъ къ нему, третія поперечники, четвертыя вѣнецъ; тѣ вылѣпливали шишки, эти голубковъ, и т. д., и т. д. Изъ частей слагалось цѣлое; соорудили коровай, вокругъ его расположили массу шишекъ, голубковъ и пр., и все это двинули съ причитаньями да съ припѣвами въ большущую широкую печь. Молодицы помыли опять руки и застлали столы скатертями. Въ пекарню вошли Прокоповичка и Онися, неся водку и закуски. Началось полдничанье. Онися благодарила мѣсившихъ, кланялась каждой въ поясъ, потчивала изъ своихъ рукъ. Вотъ молодицы поставили дѣжу на столъ, закрыли ее вѣкомъ, зажгли и прилѣпили вокругъ восковыя свѣчки, стали въ кружокъ, подняли дѣжу въ верхъ и держа ее на рукахъ, съ притопываньемъ, съ припѣвомъ трижды обошли вокругъ стола и трижды стукнули ею въ потолокъ, каждый разъ, какъ оканчивали кругъ. Запѣло все, что было въ кухнѣ, запѣли старыя бабы, вспомня свои молодые годы, когда и для нихъ готовили коровай... Море звуковъ залило пекарню, отдалось въ свѣтлицѣ и комнатѣ и сквозь растворенныя окна разливалось далеко по селу.

Пока выпекался коровай въ печи, молодицы и матушки выпивали и закусывали, перекидывались шутками и прибаутками, на этотъ случай издавна придуманными, и отъ времени до времени затягивали пѣсни, одна другой лучше. Уже подъ вечеръ вынули изъ печи коровай и шишки; коровай удался какъ нельзя лучше. Еще разъ запѣли молодицы и разошлись по домамъ, неся въ рукахъ свадебныя шишки на гостинецъ дѣтямъ.

Въ то время, когда съ такими церемоніями готовился коровай, о. Степанъ хлопоталъ приготовить помѣщеніе для гостей, которыхъ ждали много въ лицѣ званыхъ и незваныхъ, близкихъ и отдаленныхъ, парочитыхъ и проѣзжихъ. Такимъ помѣщеніемъ избиралась обыкновенно клуня, гдѣ молотятъ хлѣбъ, а по сторонамъ складываютъ снопы, припасаемые для молотьбы. Еще наканунѣ было утрамбовано долбешками гумно, слито водой и смазано глиной, а боковыя части, »засторонки«, освобождены отъ сноповъ, тщательно вычищены и выметены. Теперь заняты были убранствомъ свадебнаго помѣщенія: въ почетныхъ углахъ стѣны завѣшены были коврами, въ другихъ мѣстахъ простынями, ряднами, кусками небѣленаго полотна. Въ одномъ изъ »засторонковъ« поставили столы и ослоны для музыкантовъ, въ другомъ для гостей. На двухъ столбахъ, подпиравшихъ крышу, повѣшены были фонари для освѣщенія сцены, т. е. мѣста танцевъ; столы предположено освѣщать свѣчками и каганцами.

На дворѣ рѣзали и потрошили птицу и поросятъ, на огородѣ смалили кабана. Къ вечеру Прокоповичъ самолично привезъ изъ Богуслава большую бочку водки; Прокоповичка вытачивала и разливала наливки и настойки, варила варенуху. Вездѣ кипѣла работа, шевелились и бѣгали люди. Въ кухнѣ то и дѣло мѣсили тѣсто, пекли кныши, паляницы, пироги, варили ноги воловьи, свиныя и поросячьи на холодецъ, жарили куръ, утокъ, гусей, индюковъ, мыли посуду, прибирали, выметали. Далеко за полночь, утомленные работой хозяева и помогавшіе имъ улеглись спать, гдѣ кого сонъ свалилъ.

На утро Онися схватилась раньше всѣхъ; ей не спалось уже, хотя на дворѣ только занималась заря. Онися накинула кацавейку и вышла въ садъ. Въ домѣ всѣ спали; вездѣ было тихо. На селѣ гдѣ-то далеко пѣли петухи, слышался ревъ коровы. Синее небо

широкимъ шатромъ покрывало спящую землю. Внизу дремала Рось и чуть замѣтно лоснилась ея поверхность, отражая слабый свѣтъ утренней зари. Раскинувшійся по горѣ садъ, высокіе берега Роси, покрытые лѣсами, будто думу думали, глядя за Рось, на густой спящій лѣсъ, на небо, зардѣвшееся надъ лѣсомъ. Густая осенняя роса гнула къ низу еще совсѣмъ здоровый листъ на деревѣ. Въ воздухѣ стояло какъ-бы лѣто и только пожелтѣвшіе кой гдѣ листья напоминали о наступившей осени.

Онися окинула глазами садъ, оба берега Роси, густые лѣса, взглянула на засыхавшія гряды чернобривцевъ да гвоздиковъ, вспомнила, что она сегодня вѣнчается, что это послѣдній для нея здѣсь день и почуяла въ сердцѣ тихую боль. Ей стало жаль и садка, и густыхъ лѣсовъ, и Роси, и роднаго гнѣзда. Онися кинула глазами на широкія поля и луки за Росью, гдѣ чуть замѣтно темными чертами обозначались ольшаницкія хаты, вербы и груши, и почувствовала, что ея сердце облилось неиспытанною радостію.

— Тамъ я буду господинею, матиму свое господарство, свою худобу... Тамъ мое царство й панство! подумала Онися и душа ея, какъ выпорхающая впервые изъ гнѣзда птичка, заиграла и задрожала. Она гордо подняла голову, еще разъ окинула взоромъ широкую роскошную картину за Росью и не примѣтила совсѣмъ, какъ изъ-за густаго лѣса выкатилось пышное солнце, облитое короткимъ огненнымъ пламенемъ и пронизало золотистыми стрѣлами курчавые верхи дубовъ.

— Тамъ мое царство й панство! Тамъ я буду господинею! подумала Онися и спокойная, гордая вернулась домой.

— А що дочко! Часъ тоби убиратись до винця. Швидко задзвонять до церкви, сказала мать, встрѣтивъ Онисю на крылечкѣ.

Не успѣла Онися умыться, какъ къ ней влетѣли разрядившіяся по свадебному, разукрашенныя цвѣтами и лентами *дружки*, дочери лучшихъ хозяевъ въ селѣ. Дивчата живо расчесали и заплели Онисѣ косу, увили ее густыми рядами лентъ, убрали голову цвѣтами. Онися надѣла дорогую плахту, затканную желтымъ и бѣлымъ шелкомъ, одѣлась въ ясно-синюю юбку съ серебряными цвѣтками, обулась въ красные сафьянные башмаки и взяла въ руку вышитый »рушникъ«. Ударили въ колоколъ и Онися пошла съ дружками въ церковь.

Немного спустя пріѣхалъ Моссаковскій съ *боярами*, а за нимъ стали съѣзжаться его близкіе родичи. Молодые причастились за обѣдней и, по давнему обычаю, не выходя изъ церкви, тутъ-же обвѣнчались. Когда они направились домой, за ними повалило слѣдомъ все, что было въ церкви, а для такого случая собралось чуть не все село: въ тѣ поры праздникъ священника былъ праздникомъ всего прихода. Около каждаго двора на воротахъ стояли покрытые скатертями столы, а на столѣ лежали хлѣбъ и соль. Каждый хозяинъ съ приближеніемъ молодыхъ привѣтствовалъ ихъ хлѣбомъ-солью. Прокоповичка встрѣтила молодыхъ на крыльцѣ; она благословила ихъ хлѣбомъ-солью, а одна близкая родственница обсыпала новобрачныхъ овсомъ и пшеницею пополамъ съ мѣдными и серебряными деньгами. Налетѣвшія со всего села дѣти бросились подбирать деньги и немилосердно толкали, пихали, опрокидывали другъ друга, чуть не дрались. Поднялся шумъ и гвалтъ. Масса народа облегала крыльцо, наполняла весь дворъ; яркое солнце сіяло на живописныхъ уборахъ дѣвчатъ и молодицъ, переливаясь въ тысячахъ цвѣтовъ; черныя свиты и головы мужчинъ мелькали, шевелились всюду по двору и у крыльца. Молодые вошли въ домъ и усѣлись обѣдать въ небольшомъ кружкѣ родныхъ. Обѣдъ былъ непродолжительный; это была какъ-бы прелюдія къ свадебному пиру.

Скоро послѣ обѣда начали съѣзжаться гости: собралось много родныхъ и сосѣдей, не мало и совсѣмъ непрошеныхъ; пріѣхали и Мелхиседекъ съ Мартою. По срединѣ свѣтлицы стоялъ длинный столъ; на столѣ красовалось сосновое *гилце*, подъ сѣнью его *коровай*, убранный листовымъ золотомъ, вокругъ большія и малыя *шишки*. Дружки разцвѣтили *гилце* калиною и мелкими букетиками изъ колосьевъ ржи и овса. Онисю усадили на *посади*, а за столомъ усѣлись дружки,—дочери священниковъ и подруги-крестьянки изъ села. Дружки запѣли; водворилась тишина, все замерло, все обратилось въ слухъ. Онися сидѣла задумчивая, сосредоточенная; подруги пѣли, понимая всю важность и торжественность минуты. Чувствовалось, будто совершается священнодѣйствіе, идетъ новое вѣнчанье, не по чину церкви, а по обряду міра съ его широкою жизнью. Пѣсни смѣнялись пѣснями: радостныя, веселыя—грустными, заунывными. Въ нихъ выливалось все, что могло волновать душу въ эти торжественныя минуты, и сильнымъ ключемъ била жизнь

съ ея думами, мечтами, надеждами, тайнымъ предчувствіемъ Матушки вздыхали, Прокоповичка стояла подперши голову рукой, Онися не разъ подносила хусточку къ глазамъ...

Перепѣли наконецъ все, что положено на этотъ разъ; Онисю подняли »зъ посаду«, и она, поблагодаривъ подругъ, въ сопровожденія ихъ отправилась въ клуню, чтобы тамъ начать танцы. Тамъ ждали »музыки въ засторонкѣ«, а противъ нихъ длинными рядами вокругъ столовъ расположилась вся компанія гостей; столы уставлены были всякими закусками и напитками. Съ появленіемъ Ониси, богуславскіе жидки заиграли на своихъ органахъ; открылись танцы на »току«. Для начала Онися »перекрутилась« по разу съ каждой изъ подругъ, и затѣмъ пошелъ нескончаемый *козакъ* въ одиночку, по парамъ и гуртомъ, мѣняемый на десятки ладовъ. У обѣихъ широкихъ дверей толпились большія массы народу, собравшагося со всего села. Батюшки и господари изъ села съ своими женами угощались за столами. Матушки смѣшались съ простыми парафіанками и только лучше выбѣленныя и болѣе тонкія намитки, да болѣе толстыя намиста съ золотыми дукачами да парчевыми жупанами отличали однихъ отъ другихъ.

Солнце зашло. Въ клунѣ зажгли фонари и свѣчи; »музыки« все играли; а дѣвчата съ паничами и парубками продолжали танцовать. Стали наконецъ подавать »вечерю«, точнѣе мѣнять и подбавлять кушанья и напитки, которыя на минуту не сходили со столовъ. Это послужило поводомъ къ новой усиленной выпивкѣ. Нѣкоторые изъ гостей, нагрузившіеся раньше, не выдержали и подъ общій шумъ и гоготанье побрели спать, заваливаясь, гдѣ только можно было найти какое либо прикрытіе. Вообще всѣ держались чинно и даже записные гуляки не очень наливались: ихъ день былъ въ понедѣльникъ. Лишь въ полночь все затихло. Батюшки, вообще мужчины расположились спать кто тутъ-же въ клунѣ, кто въ другихъ постройкахъ, на бричкахъ и возахъ, не заботясь о постели. Матушекъ разобрали прихожанки по своимъ хатамъ.

Въ понедѣльникъ рано проснулись гости, оставшіеся на ночь въ клунѣ, и калякали, лежа на сѣнѣ.

— А що, отецъ Мелхиседекъ, чи шумить въ голови висля вчорашнёго? спросилъ Прокоповичъ, толкая локтемъ своего сосѣда.

— Въ мене така голова, що зъ одного дня не зашумить, отвѣчалъ Мелхиседекъ, потягиваясь подъ кожухомъ: може зашумить ажъ сегодня ввечери. А въ тебе, отець Степанъ, шумить?

— Шумить, але мабуть одъ музыкъ. Сказати правду, нема писля чого й похмелятись. Але часъ уже молодыхъ скрывати! А чого це вы й доси лежите? Вставайте, та пидемо до коморы выводить молодихъ, бо вже по чарци хочеться, крикнулъ Прокоповичъ на спавшихъ »покотомъ« гостей.

Гости зашевелились, зѣвали, потягивались, но никто не спѣшилъ вставать. День былъ тихій, но холодный: каждому хотѣлось еще полежать на мягкомъ сѣнѣ, подъ теплой покрышкой.

— Тай ледачи зъ васъ люди! крикнулъ отецъ Мелхиседекъ; нема на васъ моеи жинки. Вона-бъ дала вамъ доброи прочуханки. А доки вы будете отутъ вывертаться на вси боки! Онъ вскочилъ на ноги и пошелъ стаскивать съ гостей одежу. Охваченные холодомъ собраты поневолѣ вскакивали и принимались за свой не хитрый туалетъ: разыскивали свои кафтаны, облачались и шли умываться къ колодцу, который былъ тутъ-же на дворѣ, а освѣжившись холодною водою, расплетались и заплетались, а равно причесывались съ помощью лишь собственныхъ пальцевъ и потомъ расходились въ одиночку, чтобы »переговорить *Отче нашъ* и *Помилуй мя Боже*«.

Скоро потянулись къ дому батюшки и другіе гости со всѣмъ концевъ двора, гдѣ кого ночь застигла.

Собрались у крыльца, а на искосокъ отъ него была *комора*, гдѣ почивали молодые. У коморы расположились »музыки« въ ожиданіи выхода молодыхъ. Раньше проникнули туда свашки: они подняли Онисю, помогли ей одѣться, повязали голову платкомъ и вывели молодыхъ изъ опочивальни. Лишь только растворились двери, жидки заиграли какой-то маршъ, подъ звуки котораго молодые съ конфузливымъ видомъ прослѣдовали въ домъ. Спустя нѣсколько минутъ ихъ повели въ церковь. »Музыки« шли за ними и играли, пока они не вступили въ колокольню. Въ церкви имъ прочли молитву на снятіе вѣнцевъ и затѣмъ вся компанія возвратилась домой: »музыки« на пути играли, а свашки подплясывали. Онисѣ надѣли *очипокъ*, потомъ *намитку* и повели въ клуню. Тамъ уже накрыты были столы и поставлены яства и питья. Подъ звуки музыки на-

чалось всеобщее снѣданье. Къ тому времени со всего села ко двору батюшки шли на поклонъ молодымъ хозяева и хозяйки, и шли не съ пустыми руками: кто несъ курицу, утыканную калиною, кто гуся, кто утку или поросенка, кто тащилъ овцу, кто бычка либо телку. Иныя изъ хозяекъ несли сувои полотна, пряжу, лепъ, пеньку. Когда окончился завтракъ, молодые стали потчивать каждаго изъ гостей поочередно. Харитонъ держалъ подносъ. Онися наливала и припрашивала. Выпившіе вручали или объявляли свои подарки. Молодые кланялись и обязательно съ каждымъ цѣловались. Раскошеливались батюшки и матушки: кто выкладывалъ деньги, кто заявлялъ, что даритъ коня или лошенка, корову или теленка, улей или два пчелъ, кругъ колесъ и пр. и пр. Посыпались подарки отъ прихожанъ: дарили, что принесли и вновь обѣщали, кто мѣшокъ или мѣрку пшеницы, кто жита, проса, ячменя или овса. Всѣ прибавляли: »на новое хазяйство«, и выражали свои пожеланія, кто какъ могъ. Молодые въ короткое время завелись чуть не цѣлымъ хозяйствомъ. Счастливые, довольные и въ тоже время крѣпко уставшіе, они усѣлись на свое почетное мѣсто »князя и княгини«.

Заиграли »музыки«; *приданки*, сдавъ съ рукъ подарки, пустились въ плясъ. Число танцующихъ росло съ каждой минутой; танцовали всѣ, кто чувствовалъ въ себѣ силу шевелить ногами. Скоро вся *клуня* превратилась въ всенародное гульбище: перемѣшались мужчины съ женщинами, старые съ молодыми, міряне съ духовными. Танцовали на *току* и въ *застороникахъ*, въ клунѣ и за клуней. Забыли крепаки свое горе и нужду, нескончаемую работу и панскіе нагаи и отдирали не хуже, чѣмъ ихъ предки на Хортицѣ. Уставшіе отъ танцевъ присаживались къ пировавшимъ за столами, выпивали и закусывали и вели шумную бесѣду, въ которой исчезало различіе между пастырями и пасомыми. Вдругъ среди общаго шума, стука, гоготанья, въ клуню вошли двѣ жидовки и одинъ жидъ. Одна жидовка тащила полную корзину куръ, другая на одной рукѣ несла кошелку съ яйцами, а другой держала пару утокъ за ноги. У жида въ обѣихъ рукахъ висѣли внизъ головами по два пѣтуха, а еще два пѣтуха, связанные ногами, были перекинуты черезъ плечо. Жиды направились къ тому столу, гдѣ сидѣли молодые, сами хозяева и о. Мелхиседекъ. У жидовокъ были парчевые наушники, обшитые бисеромъ и стеклярусомъ. Изъ подъ нихъ ви-

днѣлись черные начосы изъ шелковой матеріи, закрывавшіе ихъ обритыя головы. Одѣты они были въ старые капоты; лица имѣли грязныя, выпачканныя. Жидовки приступили къ Мелхиседеку.

— Добрыдень, панотченьку! поздоровляю васъ зъ весиллячкомъ вашои дочки. Дай Боже вамъ и вашій дочци счастя й здоровья!

— Що це за мара? Звидкиля вы взялись? спросилъ Мелхиседекъ.

— Мы йдемо на ярмарокъ въ Богуславъ, та почули, що въ васъ весилля, ну й зашли до васъ. Чи не треба вамъ курей? Въ мене кури гладки, якъ печи. Ожъ нате покоштуйте, яки добри! говорила старшая жидовка и съ этими словами она вытащила изъ корзины одну курицу, перевернула ее вверхъ ногами и приблизясь къ Мелхиседеку, ткнула ему чуть не въ бороду.

— Чи не сказилась жидивка! Тыче мени живу курку въ зубы! Понеси своему Лейбо, нехай покоштуе.

— Якъ не хочете цеси, ну, то визьмить оцю; це ще гладша. Я оцю курку цилый мисяць сама годувала кукурузою, продолжала жидовка и опять ткнула курицею Мелхиседеку чуть не подъ самый носъ.

— Одчепись къ нечистому! Мени не треба курей.

— Якъ-же не треба? Я знаю, що треба. Выдаете таку доню, таку гарну, якъ сонце, а курей не треба. Де вже не треба. Я выдала недавно свою дочку въ Билу-Церкву, то знаю, що треба. А може визьмете пивпивъ?

Тутъ жидъ съ пейсами, въ панчохахъ и патынкахъ подступилъ къ Мелхиседеку и хвостомъ пѣтуха ткнулъ ему въ руки.

— Иди къ нечистому! Не знаешъ, котрымъ бокомъ показувати курей.

— Може визьмете яечокъ! приговаривала другая жидовка: я знаю, що вамъ треба гугеля на весилля, бо я сама недавно оженила свого Моиика...

— Якого це чорта вы напали на мене зъ курми! Я не господарь! отмахивался Мелхиседекъ.

Жидъ подступилъ къ Прокоповичу и сталъ переворачивать предъ нимъ пѣтуховъ на всѣ бока. Жидовка показывала куръ Описѣ, ея матери, мужу. Одна, что постарше, вновь пристала къ Мелхи-

седеку, совала ему въ лице курицей, а дальше начала нецеремонно дергать его за рясу. Мелхиседекъ разсердился.

— А ты проклятуща! Якъ ты сміешъ смыкати мене за рясу? Геть пишла къ нечистому! Иди соби зъ курми до свого Лейбы.

— На що мени ити до Лейбы, коли я васъ, Господи, якъ люблю; хай вамъ Богъ дасть здоровья. На що мени ити до Лейбы, коли я й теперъ коло свого Лейбы, сказала жидовка и кинулась обнимать Мелхиседека.

Мелхиседекъ схватился съ мѣста и прыснулъ, точно понюхалъ крѣпкаго табаку. Вокругъ раздался хохотъ. Жидовки не вытерпѣли и также расхохотались.

— Чи це ты мене не пизнавъ? а хиба-жъ я тебе не люблю?

Мелхиседекъ вытаращилъ глаза. Онъ только теперь по голосу узналъ жену свою Марту. Предъ нимъ стояла истая жидовка въ наушникахъ, съ шелковыми начосами, въ старенькомъ капотѣ со спущеннымъ однимъ рукавомъ, въ старыхъ патинкахъ.

Марта однако такъ измѣнила голосъ, такъ искусно въ разговорѣ поддѣлалась подъ говоръ и всѣ пріемы жидовокъ, что ее никакъ нельзя было узнать. Наушники, начосы, капотъ, патинки—все это взято было у жидовъ въ корчмѣ; въ добавокъ къ этому Марта выпачкала сажею лице, разрисовала брови, понатерла калиной и яичнымъ желткомъ щеки такъ, что сдавалась пожилою и длинноликою. Жидомъ нарядился одинъ академистъ, роль второй жидовки исполняла одна пріѣзжая дьячиха.

Въ клунѣ поднялся смѣхъ и говоръ. Жидовъ узнали, но роль ихъ еще не была окончена. Жидъ крикнулъ »музыкамъ«, чтобъ играли жидовскій танецъ. Переодѣтые комедіанты пошли танцовать по жидовски, держа въ рукахъ куръ и утокъ. Жидовки выступали одна противъ другой тихо, плавно, поводя граціозно станомъ и руками. Жидъ мѣрно переходилъ отъ одной къ другой, выдѣлывая граціозные пируэты, страстно глядя въ очи, осматривая сзади. Музыканты заиграли быстро, жидки подхватили полы и пошли столь же быстро выкидывать ногами; пейсы, полы тряслись, куры, корзины болтались; всѣ помирали со смѣху. Въ концѣ всего танцовали, повернувшись спинами другъ къ другу: стали подскакивать на обѣихъ ногахъ, но не разомъ, а одинъ за другимъ, какъ ступы въ мельницѣ, толкая другъ друга спинами. Картина была такъ за-

бавна и смѣшна, что въ клунѣ поднялся не смѣхъ, а просто гвалтъ. На шумъ со всего двора и кухни сбѣжались парубки и дѣвчата, погоничи, наймиты и наймички смотрѣть »кумедію«. Натѣшивши компанію, жидъ бережно взялъ своихъ дамъ одну по другой подъ мышки и снесъ ихъ на стулья. Жидовки взяли въ руки по курицѣ и будто вѣерами обмахивали свои разгорѣвшіяся лица. Пошли шутки, приставанья; но актеръ и актерки, исполнивъ свою роль, шибко убѣжали.

Завтракъ все тянулся: подбавлялись закуски и питья, гости выпивали, ѣли и весело шумѣли. Въ полдень Прокоповичка велѣла подавать обѣдъ. За обѣдомъ шло непрерывное потчиванье; выпита была масса водки и наливокъ, но пьяныхъ не было. Потчивали попеременно хозяева, молодые, кто либо изъ родныхъ. Шли нескончаемыя причитанья, пожеланья, припрашиванья и отнѣкиванья: пока рюмка переходила отъ одного конца до другого и возвращалась на старое мѣсто, у выпившаго хмѣль вылеталъ изъ головы. Съ такими-же передышками, облегченіями шло потребленіе обѣда; съѣдена была неимовѣрная масса вареного и печеного: порѣшили кабана, съѣли полъ быка, несчетное число куръ, гусей, утокъ, индюковъ, а гости не уставали ѣсть. Подали сладкое, мучное: хрустъ, маковники, разные коржики. Хозяинъ обратился къ женѣ:

— А що, паниматко! чи не ма въ тебе чого мицнищого одъ цеей гирькои. Щось наша горилка не дуже бъе въ голову. Тягнемъ, тягнемъ, а въ голови не шумить. Тыбъ зварила намъ варенухи, або що.

— Я вже й зварила, безъ твого приказу, сказала Прокоповичка и послала въ пекарню молодицъ за варенухой.

Молодицы принесли два горшка варенухи. По клунѣ разносился запахъ вареной водки, меду, гвоздики, перцу и всякаго коренья. Охотники до варенухи даже облизывались. Прокоповичка наливала варенуху въ разнокалиберныя чашки, стаканы и большія рюмки. Сильный запахъ перцу съ медомъ дошелъ до другого конца клуни, гдѣ сидѣли жидки музыканты. Жидки загерготали и зацмокали языками. Батюшки дразнили ихъ черезъ »токъ«, показывая имъ чашки зъ варенухой.

— Ну, отець Мелхиседекъ! теперъ начувайся. Писля цеей варенухи пидешъ и ты въ танець, смѣялся о. Степанъ.

— А ну попробую, чи пиду въ танець, чи зостанусь на мисти и нигъ не пидведу, сказалъ Мелхиседекъ.

Пока гости смаковали и хвалили варенуху, въ дворъ вошли цыгане и направлялись къ клунѣ. За ними гналась цѣлая стая собакъ. Впереди шли двѣ »плащуватыя« цыганки, закутанныя съ головы до ногъ въ разноцвѣтное тряпье. У одной за спиной торчало въ мѣшкѣ дитя, грязное, закоптѣлое, почти голое. Цыганки обвѣшаны были щетками и пучками веретенъ. Рослый, черный, косматый цыганъ едва выглядывалъ изъ кучи решетъ, ситъ и подситковъ, которыми былъ обвѣшанъ спереди и сзади. Цыганки вошли въ клуню и направились къ гостямъ, показывая имъ щетки и веретена, цыганъ совалъ матушкамъ решета и сита, выхваляя свой товаръ. Одна изъ цыганокъ подошла къ Онисѣ, взяла ее за руку и стала ворожить.

— И поздоровъ тебе, Боже! Дай тоби викъ довгій! Отъ дай свою билу рученьку, я тоби всю правду скажу. Ты щаслива и вродлива, довго будешъ жить; будешъ мати двадцятеро дитей, кучерявихъ, гарнихъ та чорнявихъ, якъ свята земля. Поклади-жъ меби на руку золотого, я тоби ще иншу правдоньку скажу.

Онися положила на руку цыганкѣ злотый.

— Спасиби тоби, молодая пани! Богъ тебе благословить. Будешъ мати тридцятеро сандушкивъ, будешъ жити зо сто рокивъ та ще не помрешъ. Ты будешъ головою въ доми, будешъ верховодити надъ панами, надъ жидами. Твои сандушки будуть кучеряви та чорняви, якъ въ комини сажа. А будешъ богата, якъ свята земля и николи не вмрешъ...

Гости разсмѣялись. Послѣ разыгранной жидами »кумедіи« трудно уже было кого-либо ввести въ заблужденіе. Въ новыхъ комедіантахъ всѣ узнали двухъ дьячихъ и чорнаго пучеглазаго богуславскаго дьяка. »Музыки« заиграли. Цыганъ повелъ цыганокъ въ танецъ, и онѣ начали настоящій дикій цыганскій танецъ: поднявъ свои лохмотья, они изумительно быстро въ тактъ музыки неслись по току, щелкая языками, всплескивая приподнятыми руками, откидывая головы назадъ, кружась на одномъ мѣстѣ, страстно вздрагивая бедрами, икрами, всѣмъ станомъ. Цыганъ выдѣлывалъ »халяндру«, немилосердо колотя себя пятами, при чемъ сита и решета, колотясь другъ о друга, вторили музыкѣ. Послѣ

танцевъ цыгане безъ церемоніи попросили себѣ варенухи, сѣли за столами между гостьми и долго еще плели всякую небылицу и ворожили батюшкамъ и матушкамъ.

Перевалило за полдень, обѣдъ все еще тянулся. Приданки запѣли:

А все тута не по нашому,
А все тута не по вашому.
А свидания до обидания,
А обидания ажъ до полудня,
А полудень ажъ до вечери,
А вечеря ажъ о пивъ ночи!

Варенуха развеселила гостей, но не споила ихъ. Матушки и молодицы разъохотились пѣть, а потомъ пустились танцовать. Танцовали и пѣли до вечера, пока не настала пора для ужина. Опять молодицы потащили на столы всякую живность: ставились опять холодныя ноги, жареныя куры, гуси, поросята, вареники въ сметанѣ, мнишики, всякіе пундики. Неустанная чарка обходила столы.

Гости собирались уже вставать, какъ вдругъ подъ однимъ столомъ что-то сильно заворчало и заревло. Гости подумали, что подъ столъ залѣзла собака и не обратили вниманія; но спустя минуту послышалось новое, еще болѣе сильное рычаніе, и что-то схватило Мелхиседека за ногу. Мелхиседекъ почувствовалъ, что въ его ногу вцѣпились зубы, вскочилъ съ мѣста и крикнулъ. Всѣ умолкли. Въ эту минуту изъ подъ стола вынырнула какая-то страшная, черная и съ рогами голова и легла мордой на столъ. Рога, какъ у вола, морда черная, какъ сажа, зубы бѣлые, какъ снѣгъ, глаза налиты кровью. Голова зарычала. Всѣ вскрикнули. Въ одно мгновенье изъ подъ стола выпрыгнулъ огромный звѣрь и вскочивъ на столъ, сталъ на четырехъ лапахъ. Фигура звѣря походила на медвѣдя, вокругъ висѣла длинная шерсть. На головѣ однако торчали воловьи рога; вокругъ шеи повисли длинныя черныя космы, точно грива у льва. Звѣрь сердито водилъ глазами вокругъ, оскаливалъ зубы и издавалъ ревъ на подобіе медвѣжьяго. Всѣ шарахнулись отъ него и разбѣжались; поднялся крикъ и визгъ. Жиды перестали играть. Звѣрь повернулся два раза на столѣ, заревѣлъ, прыгнулъ со стола и бросился черезъ токъ къ жидамъ. Жи-

ды побросали инструменты, подняли гвалтъ и пустились удирать на другой конецъ клуни, гдѣ столпились гости. Медвѣдь погнался за жидами, поймалъ одного изъ нихъ, повалилъ на земь лапой и сталъ рвать зубами. Ой вей! Гвултъ! Ратуйте! кричалъ безъ памяти жидокъ. Медвѣдь поднялся на заднія лапы въ сторону жидовъ. Раздалось неистовое: гвултъ! Медвѣдь повернулся къ обмершему жидку и поднялъ его передними лапами вверхъ. Жидокъ былъ блѣденъ, какъ смерть, и всѣмъ тѣломъ дрожалъ. Настала мертвая тишина: изрѣдка слышалось: ой вей миръ! Гости сбились въ одну кучу и глядѣли въ недоумѣніи; у болѣе трусливыхъ мигомъ вышелъ хмѣль изъ головы...

Мгновенно звѣрь принялъ позу человѣка, сорвалъ рога и покрышку съ головы, сбросилъ вывернутый шерстью тулубъ: предъ глазами зрителей очутился исполинскій дьякъ. Хохоту, удивленію не было конца. Дьячекъ пошелъ обмывать лице, а жидки еще не скоро пришли въ себя, чтобы быть въ состояніи опять играть.

Удовлетворенные искуснымъ представленіемъ гости принялись доканчивать варенуху.

Запѣли вновь молодицы, къ нимъ примкнули матушки, а потомъ на долго загудѣло все священство и почтенное дьяковство. Пѣли сперва церковныя и просто набожныя пѣсни: *Съ небесныхъ круговъ, Преукрашенная, Дивное имя Твое, Стань Давиде зъ гуслями* и пр. и пр., при чемъ матушки и бабки то вздыхали, то набожно крестились; но потомъ пошли свѣтовыя пѣсни, козацкія, чумацкія и просто народныя: *А вже козакъ та й докозакувався, Козакъ душа правдива, А я чумакъ несчастливый, Ой на гори та женци жнуть, Ой за гаемъ, гаемъ* и пр. под. Пѣли хоровыя, пѣли въ одиночку: *Ходить гоминъ по диброви, Ой оре Семенъ* и пр. Не смотря на то, что поющіе были подпивши, въ общемъ выходило удивительно мелодичное пѣніе, глубоко дѣйствовавшее на всѣхъ; то пѣла простая, безхитростная жизнь, веселящаяся во всю свою широту. При хоровомъ пѣніи жидки подлаживались своими инструментами и вторили поющимъ. Выходило восхитительно. До полночи вся клуня пѣла и играла. Пѣли, казалось, ворота, пѣли сохи и присошки, кроквы и латы, даже самые снопки на покрышкѣ. Только въ полночь изнуренные цѣлодневнымъ весельемъ гости разбрелись по угламъ и уснули, гдѣ кому пришлось.

Во вторникъ утромъ, проснувшаяся свадебная компанія чувствовала уже потребность опохмелиться. Опять снѣдали до обѣда, обѣдали до полудня, полдничали до вечери, а вечеряли до полночи, и уже въ среду предъ вечеромъ *перезва*, состоявшая изъ болѣе близкихъ лицъ, поѣхала въ Ольшаницу къ молодому.

Ольшаницкія молодицы еще предъ свадьбою привели въ порядокъ домъ и дворъ Моссаковскаго: выбѣлили внутри, тщательно обмазали и побѣлили снаружи, помыли окна, вычистили дворъ, почистили и подмели дорожки въ саду. Родички Моссаковскаго, уѣхавъ раньше со свадьбы, наготовили всего и ждали гостей. Пока перезва доѣхала до Ольшаницы, на дворѣ совсѣмъ смерклось. Люди со всего села сбѣгались посмотрѣть на молодыхъ, на перезву и якъ »смалитимуть молоду«. На всей широкой улицѣ, которая вела чрезъ плотину ко двору Моссаковскаго, господари порастворяли ворота и на воротахъ поставили столы съ хлѣбомъ и солью. По всей улицѣ у каждаго двора лежали кучи соломы и обмолоченныхъ споповъ. Перезва въѣхала въ село. Соломенные костры загорались одинъ за другимъ и скоро вся улица была залита огнемъ. Огонь освѣтилъ бѣлыя хаты, застланные столы, освѣтилъ группы людей около каждаго двора. Моссаковскій и Онися останавливались у воротъ и слѣзали съ повозки. Господари кланялись и поздравляли, молодые цѣловались съ поздравителями, оставляя по нѣскольку грошей на столѣ. Перезва медленно двигалась по улицѣ и уже поздненько доѣхала до плотины. Тутъ по всей плотинѣ надъ водою стояли горящіе кули соломы. Хлопцы разложили костры вездѣ: по надъ прудомъ, въ саду у берега, вокругъ церкви и по обѣ стороны воротъ у Моссаковскаго двора. Пламя освѣтило прудъ; вода блестѣла огнемъ. Церковь, домъ, садъ были видны, какъ среди дня. У двора и на дворѣ стояла масса народа и ждала молодыхъ. Еще разъ остановили лошадей подлѣ церкви, гдѣ за столомъ стояли староста съ старостихой, привѣтствуя молодыхъ хлѣбомъ-солью. Между двухъ горящихъ костровъ перезва въѣхала во дворъ. У крыльца выстроились молодицы »приданки«. Они встрѣтили молодыхъ свадебною пѣснью и съ пѣснью провели ихъ въ покои. »Приданки«, тутъ-же при себѣ держали дары, которыхъ молодые такъ много уже набрали въ Чайкахъ. »Музыки« заиграли на крыльцѣ и веселыя »приданки«, едва успѣвъ отдать дары, живо пустились

танцовать. Половина двора разомъ заплясала. Дѣвчата и молодицы стали въ большой кругъ и парами пустились въ метелицу. Костры пылали и обливали дворъ яркимъ свѣтомъ. Звонкіе голоса поющихъ перемѣшивались зъ звуками музыки. Парубки и хлопцы то и дѣло подбрасывали солому въ костры. Огненный свѣтъ среди темной ночи, ярко освѣщенная кроваваго цвѣту вода, изступленные танцы, массы молодицъ, музыка и пѣсни давали картинѣ видъ чего-то дивнаго, миѳическаго, вакханальнаго.

Весь свадебный поѣздъ вышелъ на крыльце и долго любовался необычайной картиной, пока не потухли костры, пока не истомились молодицы въ непрерывныхъ танцахъ. Музыки и гости вошли въ комнаты, а за ними и »приданки«. Въ просторной свѣтлицѣ вновь начались танцы, но танцовали уже молодыя матушки, дьяконицы и дьячихи.

На накрытыхъ нѣсколькихъ столахъ поставлены были закуски и напитки. Онися потчивала »приданокъ«, а Моссаковскій господарей. До поздней ночи выпивали и танцовали, пока совсѣмъ не изморились и хозяева и гости.

Еще два дня тѣже и новые гости здѣсь, какъ и въ Чайкахъ, снѣдали до обѣда, обѣдали до полудня, полдничали до вечери. Только въ субботу разъѣхались по домамъ и то потому, что священникамъ надо было служить вечерню.

Въ воскресенье послѣ обѣдни собрались почетнѣйшіе хозяева, сдѣлали складку на постригъ Моссаковскому и проводили его въ Кіевъ. Староста припрегъ свою лошадь и отправился съ Моссаковскимъ въ путь. И родня Моссаковскаго и будущіе его духовныя и словесныя чада проводили Харитона за село; тамъ за цариною, подъ грушею усѣлись на травѣ, выпили, закусили и распрощались. Харитонъ поѣхалъ въ Кіевъ, а Онися съ отцемъ и матерью вернулись въ Чайки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографія.

(Живописная Россія. Т. III. Спб. 1883.[1]*) (Литва и Бѣлоруссія— соч. Киркора).*

Въ типографскомъ отношеніи эта книга представляетъ собой едва-ли не единственное популярное историческое изданіе въ Россіи: разнообразіе иллюстрацій, чистота бумаги и отчетливость шрифта заставляютъ желать весьма не многаго. Точно также и со стороны содержанія она представляетъ громадный трудъ по части собранія и разработки историко-статистическаго и этнографическаго матеріала. Но къ сожалѣнію въ ней помѣщено нѣсколько очерковъ, составленныхъ и иллюстрированныхъ крайне тенденціозно. Таковы очерки: *народности литовскаго польсья, историческія судьбы, просвѣщеніе, народный трудъ и наконецъ названіе г. Вильны.*

Откровенно говоря, мы до сихъ поръ не можемъ дать себѣ яснаго отчета, для кого собственно и съ какою цѣлью они составлены и внесены въ эту книгу. Судя по языку, они очевидно предназначаются для русскихъ; но судя по направленію и тенденціямъ—для поляковъ. Можетъ быть еще третье предположеніе, но неблаговидное: они предназначаются для ослѣпленія русскихъ посредствомъ тонкаго и искуснаго преслѣдованія цѣлей польскихъ.

---

[1]) Заимствуемъ эту весьма любопытную библіографическую замѣтку съ нѣкоторыми сокращеніями изъ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Въ недавно полученномъ нами № 13 газеты »Русь« помѣщена какъ самая эта замѣтка, такъ еще болѣе любопытная статья проф. Кояловича, разъясняющая происхожденіе и характеръ изданія: *Живописная Россія.* Оказывается, что еще въ 50-хъ годахъ

Общее впечатлѣніе, оставшееся у насъ отъ чтенія этихъ очерковъ таково, что авторъ ихъ по чему-то ограничился только польскими источниками; на русскіе-же, особенно позднѣйшіе обратилъ весьма мало вниманія. Мы нигдѣ не встрѣтили даже намековъ на изданія виленской археографической коммисіи, Археографическій сборникъ виленскаго учеб. округа, Акты кіевской коммисіи, Акты витебскіе, спеціальныя сочиненія по исторіи церкви митрополита Макарія, по исторіи уніи профессора Кояловича, Памятники з.-русской старины П. Н. Батюшкова, Историческій очеркъ Вильны профессора Васильевскаго и многія другія. Исключеніе въ этомъ смыслѣ сдѣлано было только для Туровскаго Евангелія, Бѣлорусскихъ пѣсенъ гг. Гильдебрандта, Безсонова, Шейна и одного акта с. п. археографической коммисіи, въ которомъ городъ Вильна называется В-и-л-н-о, и нѣкоторыхъ другихъ изданій, не касающихся политической стороны западно-русской жизни. Такое игнорированіе массы трудовъ и изслѣдованій русскихъ людей не можетъ быть не поставлено въ укоръ историческому изслѣдованію, появляющемуся на свѣтъ въ наши дни. Съ такимъ-же пристрастіемъ составлена и иллюстрація этихъ очерковъ, или вѣрнѣе этой части изданія. Вильна изображена съ той стороны, откуда видны только костелы и не видно православныхъ храмовъ; представлены выдающіеся дѣятели стороны польской и вовсе не представлены соотвѣтственные имъ дѣятели стороны русской.

М. О. Вольфомъ, о которомъ извѣстно, что это былъ выкрещенный польскій еврей, задумано было съобща съ польскими писателями издать *Живописную Польшу* въ старыхъ ея предѣлахъ, со включеніемъ Бѣлоруссіи, Литвы, Украйны, Волыни, Подоліи и Галиціи съ цѣлію удержать въ памяти поляковъ образъ ихъ отчизны. Предпріятіе это тогда не состоялось, а послѣ возстанія 1863 г. стало совсѣмъ неудобнымъ. Въ 1878 г. тотъ-же Вольфъ придумалъ достигнуть той-же цѣли изданіемъ *Живописной Россіи*, которое начато съ описанія указанныхъ, нѣкогда польскихъ провинцій, причемъ рѣшено было поручить эту работу польскимъ патріотамъ, а по выходѣ оной въ русскомъ текстѣ перевести и издать въ текстѣ польскомъ, чтобы за одно просвѣтить и русскихъ и поляковъ относительно польскаго характера тѣхъ провинцій. Для отвода глазъ къ описанію коренныхъ частей Россіи приглашены русскіе писатели и художники, а главная редакція поручена выдающемуся дѣятелю русской науки, предсѣдателю русскаго географическаго общества П. П. Семенову. Не дурной планъ и поистинѣ великая русская простота! Начало этой удивительной польской затѣѣ положено именно этимъ III томомъ *Живописной Россіи*, но за смертію Вольфа въ 1883 г. дальнѣйшая работа пріостановилась.—Ред.

Мы съ большимъ интересомъ разсматривали изображеніе бракосочетанія Ягеллы съ польской королевой Ядвигой; но не нашли соотвѣтственныхъ изображеній бракосочетанія литовскихъ князей съ княжнами русскими; разсматривали католическія процессіи на Жмуди, но не нашли соотвѣтственныхъ процессій другихъ вѣроисповѣданій; разсматривали высокомѣрную фигуру знаменитаго іезуитскаго проповѣдника Скарги, но не нашли соотвѣтственныхъ изображеній ни борцовъ сильныхъ (кн. Острожскаго, Льва Сапѣги, Волоничей, Огинскихъ и др.), ни борцовъ скромныхъ (Смотрицкаго, братьевъ Зизаніевъ, Симеона Полоцкаго и др.), которые съ одинаковой энергіей и самоотверженіемъ защищали интересы родные, православно-русскіе; мы нигдѣ не нашли даже такихъ личностей, какъ первые издатели литовско-русскаго законодательства, первые основатели западно-русскихъ типографій, первые дѣятели западно-русскихъ братствъ... На страницѣ 117 мы нашли цѣлую плеяду польскихъ писателей и ученыхъ и нигдѣ не нашли изображеній ни Георгія Конисскаго, ни митрополита Макарія, ни проф. Кояловича, ни П. Н. Батюшкова, ни Носовича, ни многихъ другихъ, не мало поработавшихъ на поприщѣ западно-русской исторіи. Словомъ сказать: мы нашли въ иллюстраціяхъ тоже самое освѣщеніе западно-русской жизни, которое слишкомъ ярко блистало въ 60-хъ годахъ въ Виленскомъ Музеѣ древностей, снимокъ съ котораго авторъ не забылъ однакоже помѣстить на стр. 108. Уже-ли авторъ, вносящій въ свой трудъ такое направленіе, думаетъ, что западно-русскій край и до сихъ поръ находится еще въ положеніи нравственно и политически закрѣпощеннаго хлопа, котораго можно гнуть въ какую угодно сторону и насиловать его политическія убѣжденія въ пользу какой угодно политической партіи? Est modus in rebus...

I.

Но перейдемъ къ частностямъ. Къ литовскому Полѣсью авторъ очерковъ относитъ цѣлыхъ три губерніи: ковенскую, виленскую и гродненскую; но тутъ-же оговаривается, что литва живетъ только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ виленской губерніи и одномъ уѣздѣ гродненской. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ-же литвѣ отдавать цѣлыхъ три губерніи? Гораздо проще и раціональнѣе провести настоящую этнографическую границу между тѣмъ и другимъ племенемъ и каждому отдать свое. Нельзя не упрекнуть по этому поводу Географическаго Общества, которое часто посылаетъ ученыя экспедиціи на дальній востокъ и мало обращаетъ вни-

манія на близкій западъ, въ которомъ до сихъ поръ еще ведется племенной споръ о границѣ. Передъ нами лежитъ этнографическая карта г. Мирковича, изданная славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ. Мы провѣрили ее по очерку »Живописной Россіи« и нашли довольно сходной, но только съ очеркомъ, а не съ дѣйствительностію. Мы позволяемъ себѣ остановиться на этомъ важномъ вопросѣ и высказать нѣсколько предположеній, основанныхъ на изученіи мѣстнаго народонаселенія.

По картѣ Мирковича отъ крайняго пункта литовскихъ населеній въ вилейскомъ уѣздѣ, съ востока на западъ до станціи Евье (троцкаго уѣзда), по масштабу нужно полагать до 70 верстъ; на этомъ значительномъ пространствѣ отмѣчены сплошныя литовскія поселенія; въ дѣйствительности-же это далеко не вѣрно. Отъ станціи Евье на сѣверъ и югъ встрѣчается еще смѣшанное народонаселеніе: есть деревни, говорящія на томъ и другомъ языкѣ безразлично. Намъ кажется, что эти послѣднія деревни слѣдуетъ считать настоящей этнографической границей между Литвой и Бѣлоруссіей, потому что въ нихъ до сихъ поръ представляется скрещеніе двухъ племенъ. Другія-же объясненія намъ кажутся очень гадательными. Если существуетъ ученое предположеніе, что западно-руссы врѣзались въ средину литовцевъ подъ ударами татаръ, то ему можно противопоставить другое, совершенно равносильное предположеніе, что литовцы еще раньше врѣзались въ середину бѣлоруссовъ подъ ударами меченосцевъ. Съ другой же стороны русскія лѣтописи говорятъ, что еще при Ярославѣ литва платила ему дань лыками и вѣниками. Положимъ, что дань была не важная, но важно было подчиненіе дикаго и воинственнаго народа русской власти. На чемъ же, спрашивается, опиралась эта власть? Очевидно на русскихъ поселеніяхъ. Отсюда понятно, почему Русь была первою, по сказанію одного изъ болѣе безпристрастныхъ польскихъ историковъ, Ярошевича, которая внесла въ это дикое племя свѣтъ христіанской вѣры и гражданственности безъ насилій и кровопролитій. Мы не можемъ отвергать, что литовцы и бѣлоруссы могли въ пограничныхъ осѣдлостяхъ передвигаться на ту, или другую сторону: мы даже скажемъ болѣе—въ такихъ случаяхъ они могли удерживать и свой преимущественный племенной обликъ; но мы утверждаемъ, что пограничныя поселенія, *на крайнемъ западѣ*, усвоившія себѣ тотъ и другой языкъ должны считаться дѣйствительными граничными поселеніями двухъ племенъ. Намъ помнится, что еще въ 1877 или 78 году мы говорили объ этомъ съ г. Кузнецовымъ, предпринимавшимъ этнографическую поѣздку на Жмудь; но что имъ сдѣлано въ эту поѣздку, мы до сихъ поръ не знаемъ, потому что въ Вильнѣ нѣтъ

даже въ публичной библіотекѣ тѣхъ номеровъ извѣстій географическаго общества, въ которыхъ должны были опубликоваться его труды. Допустивши такое предположеніе, мы должны будемъ совершено изъѣнить этнографическую границу и въ составъ Литовскаго Полѣсья включить только губернію ковенскую и извѣстную часть уѣздовъ свенцянскаго, троцкаго и виленскаго. Тѣже литовскія поселенія, которыя встрѣчаются въ уѣздахъ: лидскомъ, ошмянскомъ, вилейскомъ и гродненскомъ, считать или позднѣйшими, или случайными. Вѣдь находились же литовскія поселенія еще въ XVI ст. въ староствѣ пинскомъ, экономіяхъ гродненской, кобринской: но эти поселенія отмѣчались въ актахъ, какъ *литва кн. Чарторыйскаго*, или другаго вельможи, т. е. какъ поселенія недобровольныя, и онѣ не могутъ приниматься въ разсчетъ при опредѣленіи этнографической границы. Во всякомъ случаѣ этотъ пограничный вопросъ слѣдуетъ считать спорнымъ: этого требуетъ существованіе 12 православныхъ приходовъ въ троцкомъ и виленскомъ уѣздахъ, о насажденіи и поддержаніи которыхъ не заботились ни прежнее польское правительство, ни католическое, духовенство, ни крещеная въ католичество литва, а только исконое бѣлорусское племя этихъ уѣздовъ: а пока этотъ вопросъ не разрѣшится, не слѣдуетъ отдавать литвѣ трехъ губерній, а то, что слѣдуетъ.

II.

Къ *кореннымъ жителямъ* Литовскаго Полѣсья авторъ очерка причисляетъ и *поляковъ*. На стр. 11 онъ говоритъ: „польскихъ выходцевъ, переселенцевъ изъ собственной Польши здѣсь не много; но коль скоро многіе бѣлоруссы и литовцы усвоили себѣ польскую національность, польскій языкъ и во многомъ (хотя и не во всемъ) польскіе нравы и обычаи, наконецъ коль скоро сами себя называютъ поляками, то не только съ этнографической, но и съ нравственной точки зрѣнія мы не имѣемъ никакого права называть ихъ иначе“.

Эту новую теорію происхожденія коренныхъ національностей мы относимъ къ числу счастливыхъ историческихъ афоризмовъ.

До сихъ поръ право натурализаціи принадлежало или правительству, или народнымъ представителямъ, или же племеннымъ массамъ; но мы никогда не слыхали, чтобы это право принадлежало доброй волѣ отдѣльныхъ лицъ. Никто, конечно, не можетъ запретить извѣстнымъ людямъ, усвоившимъ себѣ чужлую ихъ племени національность, языкъ, нравы, обѣчаи, порвавшимъ съ своими предками всякую нравственную связь, считать себя тѣмъ, кѣмъ они хотятъ быть; но никто также не можетъ отнять права у правительства, или извѣстнаго племени считать

такихъ людей тѣмъ, кѣмъ они есть въ дѣйствительности. А дѣйствительность ясно показываетъ, что такіе люди, съ точки зрѣнія остальной племенной массы, если хотятъ считать себя чужеземцами, то должны переселиться въ чужую землю, если же хотятъ оставаться среди ея, то должны считаться *„тубыльцами“*, отступившими отъ національности своихъ предковъ; но считаться *коренными чужеземцами* никакъ не могутъ, потому что такое соединеніе несоединимыхъ понятій противорѣчило бы законамъ человѣческой логики. Допустивши такую теорію происхожденія коренныхъ національностей, мы должны будемъ допустить, что могутъ на свѣтѣ возродиться коренные негры изъ парижанъ въ Парижѣ, коренные англичане изъ москвичей въ Москвѣ же и т. д.; словомъ мы должны будемъ допустить смѣшной абсурдъ и ничего больше..

Мы не говоримъ уже о томъ, что вопросъ: всѣ ли бѣлоруссы и литовцы, усвоившіе себѣ польскій языкъ и польскую цивилизацію, дѣйствительно считаютъ себя коренными литовско-русскими *поляками*, слѣдуетъ считать гадательнымъ и нерѣшеннымъ уже потому самому, что не можетъ же не поражать многихъ изъ нихъ своею очевидностію тотъ фактъ, что имъ гораздо выгоднѣе и легче войти въ соглашеніе со своими одноземцами *родичами*, хотя-бы и различными по вѣрѣ, и устроить съ ними извѣстный modus vivendi, нежели съ чуждыми имъ по происхожденію поляками, хотябы и одновѣрцами.

Но дѣло еще не въ томъ. Эти *коренные чужеземцы* позволяютъ себѣ насиловать политическія убѣжденія остальной массы народонаселенія и тащить ее за собой по волнамъ политическихъ приключеній. И по какому праву? Мы знаемъ, что во времена существованія Рѣчи-Посполитой мѣстная интеллигенція, духовенство и горожане (о простомъ народѣ мы не можемъ говорить, потому что онъ былъ тогда безгласенъ) никогда не считали себя поляками, хотя многіе изъ нихъ были фанатическими католиками и усердными подражателями польской цивилизаціи. Изъ многочисленныхъ депутатскихъ инструкцій мы знаемъ, что западно-русское и литовское дворянство очень ревниво охраняло свою политическую автономію и также настойчиво протестовало при малѣйшемъ ея нарушеніи со стороны короны: засидится-ли коронное войско въ какой-либо литовско-русской крѣпости—протестъ; заберетъ ли корона изъ литовскаго скарба деньги—протестъ; получилъ-ли какой-либо »короняжъ« на Литвѣ должность или имѣніе, хотя-бы на основаніи королевской привилегіи—протестъ, а привилегія объявляется подложной »*ad male narrata*«; нарушится ли очередное собраніе сейма—протестъ и т. д. Даже въ позднѣйшіе годы существованія Рѣчи-Посполитой, почти наканунѣ раздѣла Польши, дворяне пограничнаго съ Короной брестскаго воеводства чрезъ

своихъ пословъ требовали, 1) чтобы составлена была особая коммиссія для собранія древнѣйшихъ лит.-русскихъ законоположеній, которыя были или уничтожены позднѣйшими, или замѣнены въ пользу Рѣчи-Посполитой; 2) чтобы на сеймѣ не было постановлено ничего такого, что нарушало-бы права в. княжества литовско-русскаго, полученныя имъ на основаніи уніи и 3) чтобы исполненіе даже такой мелочи, какъ содержаніе двухъ татарскихъ пословъ въ предѣлахъ княжества, было поровну распредѣлено между Короной и Литвой [1]). Эти факты занесены въ актовыя книги бывшаго в. кн. литовскаго, хранящіяся частію въ Вильнѣ, частію въ Кіевѣ и частію въ Витебскѣ. Они ясно говорятъ, что не смотря на всѣ стремленія латино-польскаго правительства—подчинить себѣ литовско-русское княжество, не смотря на всѣ тайныя и явныя преслѣдованія православной вѣры и русской народности, этотъ край не утратилъ сознанія ни своей политической автономіи, ни національной самобытности, хотя эти послѣднія и были уже разшатаны и надломаны. Съ какого времени нѣкоторые мѣстные уроженцы стали титуловать себя *поляками*, объ этомъ мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

III.

Между народностями Литовскаго Полѣсья авторъ очерка находитъ и *черноруссовъ*; онъ помѣщаетъ ихъ въ 3-хъ приходахъ лидскаго уѣзда. Считаемъ долгомъ замѣтить, что такого названія мы нигдѣ не встрѣчали въ западно-русскихъ виленскихъ актахъ; оно существуетъ только въ польской исторической литературѣ. Насъ удивляетъ главнымъ образомъ то обстоятельство, что авторъ сократилъ это племя до самаго ограниченнаго minimum'а въ то время, когда въ 1766 г. составитель географическаго словаря *Карпинскій* находилъ это племя въ губерніяхъ виленской, гродненской и во всей губерніи минской; учебникъ географіи 1770 г., изданный въ Варшавѣ для школъ, указываетъ на Черную Русь въ новогородскомъ воеводствѣ (ostatnie to woiewodstwo (новгородское) nazywa się pospolicie Rusią Czarną, стр. 257, Gieographia powszechna, Warszawa, 1770 г.); а Encyklopedya Powszechna 1866 г. находитъ эту Русь и въ московскомъ княжествѣ Ивана III, и царствѣ польскомъ, козачизнѣ и еще Богъ знаетъ гдѣ (Ст. Бартошевича). Ужели все это племя такъ быстро вымерло, что осталось только въ трехъ приходахъ?

О евреяхъ авторъ очерка отзывается съ рѣдкимъ сочувствіемъ. Онъ выводитъ ихъ не изъ Польши, какъ объ этомъ говорятъ еврейскія же привилегіи и акты, а изъ Кіева. Должно быть, это были дѣти еврей-

---

[1]) Акты Вил. Арх. ком., т. IV и др.

скихъ миссіонеровъ, дурно принятыхъ св. Владиміромъ? О серьезной сторонѣ исторической и бытовой жизни этого племени авторъ умалчиваетъ, хотя касательно этого вопроса имѣются уже довольно значительные историческіе матерьялы и спеціальныя изслѣдованія. Таковы, напр., V т. Актовъ виленской археографической коммиссіи, акты, изданные проф. Бершадскимъ, его же спеціальное изслѣдованіе о древнѣйшихъ судьбахъ евреевъ и другіе, кромѣ изслѣдованій польскихъ.

Намеки на сеймъ 1788 года, когда Рѣчь-Посполитая проэктировала даровать евреямъ полныя права гражданства, слишкомъ неумѣстны Мало-ли что могло обѣщать капиталистамъ евреямъ польское государство, стоявшее на краю гибели? Но мы лучше раскроемъ Volumina Legum и посмотримъ, чѣмъ владѣли евреи въ цвѣтущую пору этого государства? Въ это время евреямъ воспрещено было взимать пошлины, выдавать подъ росписки и векселя деньги, держать христіанскую прислугу, заниматься торговлей безъ опредѣленныхъ договоровъ съ христіанами, выходить на улицы во время христіанскихъ процессій, заниматься перекупничествомъ, запрещено было даже носить обыкновенныя шапки, кромѣ жолтыхъ. Кажется, въ настоящее время не существуетъ такихъ ограниченій!? Единственное, что разрѣшила и узаконила для евреевъ Рѣчь Посполитая – это *кагалъ*; онъ складывался подъ ея легкомысленнымъ владычествомъ, не смотря на продолжительные протесты со стороны самихъ же евреевъ, легъ тяжелымъ бременемъ на экономическую жизнь края и стоитъ теперь предъ христіанскимъ міромъ во всеоружіи *еврейскаго всемірнаго союза*. Съ этой точки зрѣнія Рѣчь-Посполитая оказала евреямъ величайшую услугу; но поработивши имъ всѣ остальныя племена края, положившія неизмѣримое количество своего труда и своихъ костей на культурное его развитіе, она совершила одну изъ величайшихъ несправедливостей.

Никто не можетъ отнять у автора очерковъ права высказывать къ еврейскому племени свои задушевныя симпатіи; но чтобы доказать его гуманность и безкорыстіе по отношенію къ другимъ племенамъ края, намъ кажется нужно представить болѣе вѣскія доказательства, нежели разсказъ объ отношеніяхъ одного фактора къ одному хорошему знакомому автора помѣщику, которые не могли обойтись другъ безъ друга. Вѣдь оба они были полновластные распорядители крестьянскаго труда и капитала? Въ серьозномъ историческомъ очеркѣ такіе разсказы отзываются балагурствомъ добраго прошлаго.

Во всѣхъ трехъ губерніяхъ авторъ находитъ шляхетскія околицы и приводитъ подробности ихъ прежнихъ политическихъ правъ и отношеній къ магнатамъ, ихъ современные нравы и обычаи; но при этомъ

забываетъ пояснить, что эти околицы въ большинствѣ случаевъ представляютъ собой обломки древняго путнаго и панцырнаго боярства, частію превращеннаго въ хлоповъ, а частію облеченнаго въ шляхетство. Между такой шляхтой на Полѣсьи есть цѣлыя селенія, ни слова не горящія по-польски. Авторъ вспоминаетъ о центральной ревизіонной коммисіи 1843 года, превратившей многія тысячи шляхтичей въ однодворцевъ и гражданъ, но забываетъ сказать, что на мѣста ихъ были созданы такія-же другія тысячи путемъ подкуповъ и фальсификаціи документовъ.

IV.

Въ VII очеркѣ, озаглавленномъ, »Просвѣщеніе и народное творчество«, на 101 стр. читаемъ: »мы уже говорили, что первыя училища заведены были при монастыряхъ (православныхъ или католическихъ?). При виленскомъ р.-католическомъ соборѣ, а также при костелѣ св. Іоанна заведены были школы одновременно съ основаніемъ этихъ храмовъ (несомнѣнно школы римско-католическія). *По всей вѣроятности, такія же школы могли существовать также съ XIV ст. при православномъ соборѣ и другихъ церквахъ* (а въ дѣйствительности могли, пожалуй, и несуществовать?).

Можно-ли выразиться по поводу этого важнаго предмета злѣе и насмѣшливѣе? Вѣдь самъ-же авторъ въ началѣ 100 стр. говоритъ, что польская типографія была открыта спустя 22 года послѣ появленія русской письменности (т. е. печати?), »что эта письменность указываетъ на извѣстную степень нравственнаго развитія народа, для котораго потребовались печатныя книги духовнаго содержанія въ то время, когда печать еще такъ мало была распространена у другихъ народовъ«. Только духовнаго содержанія!? Но я обращаюсь къ вамъ, величавыя тѣни гедиминовичей, ольгердовичей, какъ владѣтельныхъ князей; къ вамъ, первые издатели письменнаго литовско-русскаго законодательства, какъ современникамъ этой эпохи! разрѣшите намъ, своимъ потомкамъ это оскорбительное подозрѣніе: въ какихъ школахъ воспитывались ваши секретари, ваши юридическіе дѣльцы, творившіе судъ и расправу на языкѣ русскомъ во всѣхъ предѣлахъ л. р. княжества,—въ школахъ православныхъ или католическихъ? И вы, достойные представители и поборники западно русскаго просвѣщенія, скажите намъ, для кого вы открывали въ своихъ городахъ и помѣстьяхъ типографіи,—для своихъ одноземцевъ, или »*коренныхъ чужеземцевъ*«? Мы обезпокоили могильныя тѣни этихъ первыхъ проводниковъ и защитниковъ западно-русской гражданственности и религіозно-нравственнаго просвѣщенія, потому что дѣятельность

ихъ чисто-русская, патріотическая, подвергается не только сомнѣнію, но и умышленному извращенію.

Какъ обширна и вмѣстѣ съ тѣмъ страшна была русская школа и письменность для католическо-польской пропаганды, объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные документы и Volumina Legum, указывающіе на неуклонное стремленіе ея не только подавить ихъ, но и совершенно уничтожить. Прочное, серьезное начало этимъ преслѣдованіямъ было положено тѣмъ самымъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, который говорилъ о себѣ, что *онъ властвуетъ надъ людьми, а Господь надъ ихъ совѣстію*. Вотъ, напримѣръ, мандатъ этого толерантнаго короля виленскому старостѣ, въ которомъ онъ, *по жалобѣ р.-католическаго епископа*, строго предписываетъ запретить диссидентамъ скупать дома и плацы для постройки храмовъ, устройства школъ и братствъ подъ страхомъ конфискаціи имущества и уплаты 10,000 копъ литовскихъ грошей пени. Все это староста долженъ былъ исполнять подъ маской доброжелательства: »*сохраняя миръ между диссидентами по вѣрѣ, тѣмъ не менѣе* nullam novam scholam, vel delubrum, vel domum ad supra memorata exercitia et conventicula vel constitui permittat, pro gratia nostra regia aliter non facturus [1]).

Вотъ напримѣръ привилегія короля Яна Казиміра виленскимъ переплетчикамъ, выданная по ходатайству *виленскаго р.-католическаго епископа*. Въ этой привилегіи король предоставляетъ имъ право слѣдить, »чтобы никто изъ *диссидентовъ или еретиковъ не ввозилъ и не продавалъ въ Вильнѣ никакихъ книгъ, а также не открывалъ библіотекъ*«, въ противномъ случаѣ книги должны были подвергаться конфискаціи и поступать въ собственность переплетчикамъ по выморочному отъ короля праву [2]).

Въ 1794 году на основаніи конституціи гродненскаго сейма была составлена особая цензурная коммисія, состоявшая изъ *35 ксендзовъ* (для литовскаго полѣсья), на которую возложена была полицейская обязанность уничтожать всѣ книги, какія только находились въ библіотекахъ-книжныхъ складахъ, если онѣ заключали въ себѣ *ядъ противъ обычаевъ и римско-католической вѣры* [3]).

Сколько было уничтожено въ это время памятниковъ западно-русской письменности и печати, въ которыхъ находился диссидентскій ядъ противъ католицизма? Но ихъ было такъ много, что осталось еще

---

[1]) Акты Вил. Арх. ком., т. VIII.

[2]) Акты Вил. Арх. ком., т. X

[3]) Акты Вил. Арх. ком., т X.

значительное количество для истребленія и въ позднѣйшее время. Мы бы зашли слишкомъ далеко, еслибы вздумали покороче познакомить читателя съ правительственною дѣятельностію въ этомъ родѣ бывшей Рѣчи Посполитой; но передъ нами стоитъ XIX столѣтіе и мы торопимся приблизиться къ весьма важной эпохѣ западно-русскаго просвѣщенія.

Выдающимся дѣятелемъ этой эпохи былъ князь Адамъ Чарторыйскій—сначала русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, потомъ попечитель виленскаго учеб. округа, наконецъ основатель Ламберова отеля и родоначальникъ королей несуществующаго королевства. Свою фамильную программу онъ развивалъ въ своемъ же помѣстьи Пулавахъ. По выраженію одного современнаго польскаго писателя Козмяна, »Пулавы сдѣлались польскимъ Эпиромъ, въ которомъ Геленъ, по разрушеніи большой Трои, основалъ Трою малую«. Отсюда стали развиваться новыя національно-польскія стремленія по всѣмъ предѣламъ бывшей Рѣчи-Посполитой.

Въ 1802 г. кн. Чарторыйскому было поручено проэктировать уставъ для виленскаго университета и учебнаго округа. Въ 1803 году въ помощники къ нему прикомандированъ былъ, въ качествѣ визитатора училищъ, Ѳаддей Чацкій. Первый пригласилъ къ себѣ въ сотрудники ректора виленской академіи Стройковскаго, второй—Гуго Колонтая. Образовалось два центра просвѣтительной польской дѣятельности: одинъ въ Вильнѣ, другой въ Кременцѣ. Работа закипѣла. На нее обращены были невольные взоры польскихъ патріотовъ. »Подъ русскимъ владычествомъ, писалъ по этому поводу Фр. Дмоховскій Колонтаю, намъ открываются самые благопріятные виды. Вмѣстѣ съ тѣмъ *организація публичной инструкціи въ выборѣ способныхъ соотечественниковъ на мѣсто учителей произведетъ то, чего только ожидать можно въ данномъ случаѣ*. Но если учительскія мѣста заняты будутъ чужеземцами, тогда придется попрощаться съ отечественными науками, и въ особенности пострадаетъ отъ этого образованіе. Излагая науки на чужомъ языкѣ, можно приготовить извѣстное число ученыхъ, но безъ польскаго языка нельзя распространять образованія въ массѣ. Въ данномъ случаѣ цѣли Императора таковы [1]), что позволяютъ надѣяться получить отъ него гораздо больше, нежели сколько можетъ дать намъ какое бы то ни было »правительство«. Но каково было ихъ разочарованіе, когда

[1]) Изъ записки гр. Огинскаго, поданной въ 1811 году Императору Александру I, видно, что Государь соглашался образовать изъ литовско-русскаго княжества—литовское герцогство съ мѣстной администраціей на польскомъ языкѣ. Русск. Архивъ, 1874 г.

Стройковскій долженъ былъ допустить въ своемъ уставѣ (составленномъ на основаніи общаго устава Россійскихъ университетовъ) §, по которому университетскій совѣтъ могъ приглашать на ученую службу и иностранцевъ. Противъ этого поднялась буря. »Виленскій университетъ, писалъ по этому-же дѣлу Дмоховскій Колонтаю, наполняется чужеземцами; тамъ будутъ нѣмцы, французы, итальянцы, англичане—словомъ вавилонское столпотвореніе. Принято за систему ни къ чему не допускать поляковъ, какъ неспособныхъ. Послѣ паденія народа трудно наносить ему большее оскорбленіе, какъ смотрѣть на него такими глазами, и виленская академія, никогда не пользовавшаяся хорошей репутаціей, теперь окончательно покрылась позоромъ. И что тамъ были за профессора? Они не умѣли воспитать себѣ преемниковъ, а это преемство не сопряжено съ большими затрудненіями. Объ этомъ можно только сожалѣть, но исправить трудно. *Гдѣ мы закладывали гнѣзда польскаго языка и польской литературы, тамъ будетъ сѣдалище нѣмецкихъ трансцедентталистовъ, и Вильна сдѣлается колоніей чужеземцевъ*«.. Колонтай по этомуже поводу писалъ Снядецкому: »въ своемъ проэктѣ онъ (Стройновскій) призналъ необходимымъ обратиться къ вызову иностранцевъ и этимъ отдалилъ отъ себя достойныхъ поляковъ. Теперь онъ твердитъ, что трудно найти поляковъ, и въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ найдетъ ихъ, поставивши на одну доску съ чужеземцами и подчинивъ суду недоучившихся виленскихъ ученыхъ?«. Но крутыя мѣры были несогласны съ политикой кн. Чарторыйскаго и дѣло обошлось въ пользу преобладанія польскаго направленія гораздо успѣшнѣе, нежели какъ опасались рьяные патріоты.

Нельзя здѣсь не замѣтить, что намѣренія М. Н. Просвѣщенія были иныя. Графъ Завадовскій былъ противъ учрежденія округа въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, хотѣлъ отдѣлить юго-западныя губерніи и образовать особый округъ подъ главенствомъ университета кіевскаго. Съ этою цѣлью онъ нарочно ѣздилъ туда въ 1805 году; но Чарторыйскій не дремалъ и выслалъ къ нему на встрѣчу Чацкаго съ слѣдующимъ представленіемъ: »открывать новый университетъ въ Кіевѣ чрезвычайно неудобно во 1-хъ потому, что Кіевъ стоитъ въ сторонѣ отъ с. з. края и занимаетъ невыгодное мѣстоположеніе для такого заведенія; во 2-хъ потому, что недалеко отъ Кіева уже открытъ университетъ въ Харьковѣ; въ 3-хъ потому, что желанія обывателей, несущихъ свои пожертвованія на пользу образованія таковы, чтобы преподаваніе шло на языкѣ польскомъ, чего нельзя достигнуть въ Кіевѣ, какъ въ древнѣйшемъ русскомъ городѣ, гдѣ гражданское право должно преподаваться на основаніи права русскаго—*не здѣшняго*, а право цер-

ковное на основаніи права восточнаго, и богословіе въ духѣ благочестія. Такія затрудненія не имѣли бы большого значенія, еслибы русское духовенство было болѣе или менѣе сносно образовано; но до тѣхъ поръ, пока не устранится это послѣднее неудобство, учрежденіе въ Кіевѣ университета останется дѣломъ очень спорнымъ, тѣмъ болѣе, что школьное образованіе унаслѣдовало здѣсь нѣмецкій уставъ, допускающій только четыре факультета«. Истинныя же причины нежеланія кн. Чарторыйскаго открывать университетъ и учебный округъ въ Кіевѣ были совершенно другія. »Какъ полякъ, писалъ по этому поводу Колонтай Снядецкому, князь Чарторыйскій не желаетъ открытія университета въ Кіевѣ, гдѣ можно предвидѣть неминуемый упадокъ нашей рѣчи и неминуемыя препятствія въ мѣстной суперстиціи. Не желаетъ онъ открытія и новаго округа оттого, чтобы не нарушить того объединенія края, которое выражается въ настоящее время въ единствѣ образованія«. По-русски это значитъ: князь Чарторыйскій не желаетъ открытія кіевскаго университета и округа оттого, чтобы не выпустить изъ-подъ своего полонизаторскаго вліянія нѣсколькихъ губерній и не нарушать традиціонной цѣлости границъ в. княжества литовскаго, въ которыхъ оно подчинялось Рѣчи Посполитой.

Опасность миновала, желанія Чарторыйскаго увѣнчались полнымъ успѣхомъ и бывшее великое княжество литовско-русское сдѣлалось поприщемъ для развитія въ немъ политики національно-польской. Протеста со стороны мѣстной интеллигенціи, не раздѣлявшей этого направленія, не только не послѣдовало, какъ это постоянно бывало во времена Рѣчи Посполитой, но и не могло послѣдовать, частію вслѣдствіе новыхъ политическихъ условій, измѣнившихъ отношенія новыхъ подданныхъ къ новому правительству. Съ этой поры с.-западной и юго-западной Руси суждено было безропотно и надолго подчиниться политическимъ проискамъ незначительной части людей, объявившихъ себя чужеземцами, и выносить на своихъ плечахъ всѣ послѣдствія продолжительныхъ революціонныхъ движеній. Съ этой точки зрѣнія заслуги покойнаго митрополита Сѣмашки и архіеп. Антонія, примирившихъ уніатовъ съ православными, въ глазахъ потомства неоцѣненны. И ихъ то мы не нашли въ иллюстраціи живописной Россіи!

Какъ успѣшно велись дѣла ополяченія молодежи въ школахъ виленскаго учебнаго окуга, видно изъ слѣдственныхъ дѣлъ коммисіи Новосильцова, проливающихъ яркій свѣтъ на это темное пятно западно-русской исторической жизни.

Изъ этихъ дѣлъ видно, что въ 1805 году еще *нужно* было вербовать учениковъ въ польскіе легіоны; въ 1818 году они уже *добровольно*

обрекали себя на жертву отечеству, а въ 1824 году во имя Польши *совершали уже уголовно-политическія преступленія.*

Самымъ довѣреннымъ лицемъ кн. Чарторыйскаго въ распространеніи его идей былъ Контримъ. »Подъ скромнымъ названіемъ адъюнкта, писалъ объ немъ Новосильцовъ цесаревичу Константину Павловичу, »котораго онъ никогда не искалъ перемѣнять, сей хитрый и скрытный человѣкъ управлялъ очень долгое время самымъ непримѣтнымъ образомъ какъ университетомъ, такъ, можно сказать, и мнѣніемъ большей части публики. Всѣ сіи, собранныя мною на его счетъ свѣдѣнія, были поводомъ, что я внутренно почиталъ его одною изъ главнѣйшихъ пружинъ возмутительной системы, но по разнымъ причинамъ не прежде могъ приступить къ рѣшительной мѣрѣ, какъ по возвращеніи моемъ въ Вильну«.

При содѣйствіи этого человѣка и многихъ другихъ, были основаны въ Вильнѣ многочисленныя тайныя общества, а по примѣру Вильны и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ края. Таковы были общества: Шубравцевъ, Лучезарныхъ, Филоматовъ, Филаретовъ—въ Вильнѣ, Науковое и Моральное, Черныхъ братьевъ и Зорянъ—въ другихъ мѣстностяхъ края. Устраивались эти общества чуть ли не съ вѣдома самого университета. Такъ, по поводу визитацій Ходзько, Новосильцевъ доносилъ цесаревичу, что »этотъ дворянинъ былъ посылаемъ отъ университета въ качествѣ визитатора училищъ виленскаго учебнаго округа и производилъ свои визитаціи съ извѣстнымъ Заномъ (основателемъ общества Филаретовъ), состоявшимъ при немъ письмоводителемъ и такимъ образомъ распространилъ духъ сего общества не только между учениками, но и между учителями«.

Въ своихъ засѣданіяхъ мальчики—политиканы произносили патріотическія—польскія рѣчи и стихотворенія, боготворили Наполеона и угрожали смертію сѣверной тиранніи; даже въ загородныхъ играхъ изображали изъ себя разныхъ чиновъ Рѣчи Посполитой: воеводъ, старостъ, чашихъ, хоружихъ и т. д.

Вотъ откуда пошло къ западной Руси новое племя »коренныхъ поляковъ«. Впрочемъ это политическое броженіе, сдѣлавшее такой переворотъ въ жизни и національномъ сознаніи нѣкоторой части ея интеллигентнаго общества, авторъ очерка называетъ скромнымъ именемъ *романтизма.* Хорошъ былъ романтизмъ, когда выдающихся представителей его пришлось присудить къ смертной казни; мы разумѣемъ кн. Чарторыйскаго и профессора Лелевеля.

Нельзя сказать, чтобы русское правительство не предпринимало никакихъ мѣръ къ искорененію такого крупнаго зла; съ этою цѣлью составленъ былъ даже спеціальный верховный комитетъ—изъ графа

Аракчеева, адмирала Шишкова и сенатора Новосильцова; но мѣры указанныя ими, были чисто внѣшнія, палліативныя, и не выходили изъ предѣловъ строгаго надзора по средствамъ удвоеннаго количества инспекціи. Болѣе серьезныя мѣры были рекомендованы бѣлорусскимъ губернаторомъ кн. Хованскимъ, часть которыхъ и была осуществлена. Но мы не имѣемъ надобности входить здѣсь въ подробное изслѣдованіе этого предмета, потому что это внѣ нашей задачи[1]). А изъ приведенныхъ фактовъ, кажется, довольно ясно, что потеря сознанія національной самобытности нѣкоторой частью западно-русской интеллигенціи обязана преимущественно школамъ кн. Чарторыйскаго. Слѣдовавшіе за тѣмъ мятежи и общія карательныя мѣры наравнѣ съ политическими преступниками поляками, допущеніе польскаго языка въ школы, нѣкоторыя періодическія изданія и мѣстную литературу—не только закрѣпили эту связь съ польскими стремленіями, но, что всего печальнѣе, на долгое время сбили съ толку народныя массы на счетъ яснаго пониманія истиннаго положенія въ здѣшнемъ краѣ полонизма. Эта сбивчивость будетъ имѣть подъ собой твердую почву до тѣхъ поръ, пока польскій языкъ не будетъ замѣненъ другимъ языкомъ въ католическомъ богослуженіи.

V.

Основанія, по которымъ авторъ очерковъ старается сохранить орфографію названія города Вильны чрезъ о (Вильн-о), мы считаемъ слишкомъ недостаточными. Разберемъ это дѣло.

По литовски Вильна называется *Вильнюя* и происходитъ отъ древняго русскаго названія рѣки *Виліи* или *Веліи*; ибо литовское названіе этой рѣки есть *Нерисъ*. Вотъ почему Вигандъ весьма основательно Вильну считаетъ городомъ русскимъ: »*civitas Ruthenica*«.

За тѣмъ во всѣхъ древнихъ актахъ, которые намъ приходилось читать, городъ этотъ называется Вильн-а или Вильня. Такихъ названій мы видѣли по мѣньшей мѣрѣ тысячъ 60. Свою же орѳографію авторъ очерковъ основываетъ главнымъ образомъ на одномъ актѣ изданія с.-петербургской археографической коммисіи. Этотъ актъ есть списокъ ордынщины съ западно-русскихъ городовъ, которые имѣютъ слѣдующую орѳографію: Вильна называется Вилн-о; Ковно—*Ковенъ;* Гродно—*Городень;* Новогрудокъ—*Новогородокъ;* Брестъ—*Берестье*; Минскъ—*Монескъ* и др.; эти послѣднія названія, кромѣ Вильны, встрѣчаются и въ актахъ

---

[1]) Лицъ, желающихъ познакомиться съ подробностями этого дѣла, мы просимъ заглянуть въ Русскій архивъ 1874 г., гдѣ была напечатана нами статья объ этомъ-же предметѣ.

позднѣйшаго времени. Въ этомъ же самомъ томѣ названіе Вильны съ окончаніемъ *а* и *я* встрѣчается разъ 15; такъ Иванъ III отправляетъ свою грамоту въ *Вильну*, а князь литовскій Александръ пишетъ свои грамоты у *Вильни* и т. д. Принимая во вниманіе, что единичные случаи правописанія какого либо слова должны считаться не правиломъ, а исключеніемъ, мы утверждаемъ, что Вильна должна писаться съ окончаніемъ *а*, или *я*, но отнюдь не съ окончаніемъ *о*, хотя это послѣднее и принято употреблять въ польской литературѣ, вѣроятно по аналогіи съ названіями городовъ Гнѣзн*о*, Лѣшн*о*, Сѣнн*о*, не имѣющими впрочемъ никакого значенія актовъ. Съ другой же стороны, если авторъ во что бы то ни стало желаетъ сохранить для Вильны названіе по вышеприведенному документу, то почему онъ не возстановляетъ актовыхъ названій и для другихъ городовъ, встрѣчающихся въ ордынскомъ спискѣ? Въ томъ и другомъ случаѣ здѣсь очевидное пристрастіе.

Вообще говоря, давно бы уже слѣдовало возстановить настоящія древнія названія западно-русскихъ городовъ, измѣненныя польской орѳографіей, чуждой для языка русскаго и вовсе не обязательной. Если поляки стремятся всего имѣть въ этомъ краѣ больше, нежели сколько могутъ *получить*, то почему же русскимъ не отдать того, что имъ *должно слѣдовать*.

Въ заключеніе мы не можемъ пройти молчаніемъ желанія автора набросить тѣнь подозрѣнія на виленскихъ мучениковъ, происхожденіе которыхъ онъ очень прозрачно приписываетъ тенденціознымъ дѣйствіямъ духовенства и св. синода.

Намъ извѣстно изъ церковной исторіи, что жизнеописаніе виленскихъ мучениковъ помѣщено въ *Четьихъ Минеяхъ* московскаго митрополита Макарія, когда на Руси не существовало еще и патріаршества. Обстоятельство это ясно опровергаетъ мнѣніе автора, что съ 1347 года по 1826-й никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о мученикахъ не имѣется. Интересно знать, какое авторъ можетъ представить болѣе достовѣрное извѣстіе, нежели то, что память ихъ ежегодно чествовалась всей православной русской церковью? Согласіе св. синода съ заключеніемъ іерарховъ, осматривавшихъ святыя мощи, указываетъ только на формальную сторону дѣла, т. е. признаніе въ открытыхъ мощахъ тѣхъ именно мучениковъ, которые пострадали во времена Ольгерда; но происхожденіе мучениковъ не можетъ быть подвержено никакому сомнѣнію, потому что оно относится ко временамъ старины глубокой, освятившей бытіе и память ихъ, наравнѣ съ другими поборниками христіанства на Руси, въ своей церковной лѣтописи.

Вообще въ сужденіяхъ автора часто встрѣчаются явныя натяжки, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что признавая за безспорный фактъ избіеніе въ Вильнѣ францишкановъ, во времена Ольгерда, относительно избіенія православныхъ мучениковъ онъ выражается болѣе, нежели двусмысленно, говоря: »въ царствованіе Ольгерда произошло событіе, котораго историческая критика не можетъ объяснить съ положительною ясностію«. Но почему-же для автора совершенно ясно избіеніе францишкановъ во времена этого-же Ольгерда? Такъ привыкла относиться къ событіямъ западно-русской жизни не *историческая критика*, а *тенденціозно-польская*, для которой только то истинно, что соотвѣтствуетъ ея интересамъ. Масштабъ этотъ всегда слѣдуетъ имѣть въ виду при разсмотрѣніи польскихъ историческихъ сочиненій, касающихся преимуществу здѣшняго края. Одно думать, другое говорить, третье дѣлать никогда не было чуждо критикамъ этой школы. Мы не злоупотребимъ терпѣніемъ читателя, если припомнимъ здѣсь, что говорилось этими людьми въ 1856 году при открытіи въ Вильнѣ музея древностей. »Не всѣмъ еще доступно, говорено было однимъ изъ выдающихся членовъ археологическаго общества, что археологія чуждается мелкихъ побужденій, современныхъ страстей, не обязана льстить народному самолюбію, и скопляя въ музеумъ памятники всего, что было живо и интересно въ минувшемъ, предоставляетъ исторіи изъ нагроможденныхъ данныхъ произносить приговоры, хвалить или осуждать. Она ищетъ не красоты въ лицахъ предковъ, но сходства... Да будутъ же девизомъ всѣхъ нашихъ дѣйствій и стремленій слова апостола Павла: Павелъ ли, или Аполлосъ, или Кифа, или міръ, или жизнь или смерть, или настоящее или будущее, все наше: мы же Христовы, а Христосъ Божій«[1]) (I Кор. III, 22—23.

Но не прошло 5—6 лѣтъ, Виленскій Музей представилъ собой самое блистательное освѣщеніе жизни польской; спрятанъ былъ гдѣ-то въ витринѣ даже Литовскій Статутъ, принесенный въ даръ митрополитомъ Сѣмашкой, а сапѣжинскія старинныя русскія рукописи—въ нишѣ за шкафами были обречены на гніеніе.

VI.

Очень серьезнаго вниманія заслуживаютъ еще нѣкоторыя мѣста X очерка, носящаго названіе »*Народный трудъ*«.

На страницахъ этого очерка авторъ устанавливаетъ свои взгляды на отсутствіе въ краѣ купцовъ, торговцовъ и отчасти ремесленниковъ

---

[1]) Записки Вил. Арх. ком., ч. I. 1856 г., стр. 38—39.

изъ среды народа; высказываетъ сожалѣніе по поводу закрытія обществъ трезвости, хотя слѣды ея находитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по настоящее время; указываетъ на злоупотребленія волостныхъ чиновъ, безнравственность молодаго поколѣнія, занимающагося грабительствомъ и конокрадствомъ и, наконецъ, указываетъ на недовѣріе народа къ своему духовенству. Эти послѣднія строки такъ поучительны, что мы считаемъ необходимымъ привести ихъ въ подлинникѣ:

»Трудно, говоритъ авторъ, съ увѣренностію сказать, улучшается-ли нравственность крестьянъ. Конечно, это зависитъ отъ мѣстности и вліянія духовенства (?). Въ ковенской губерніи, гдѣ почти сплошное населеніе римско-католическаго исповѣданія, вліяніе духовенства очень сильно и благотворно. Тамъ и въ числѣ духовенства много лицъ изъ крестьянскаго сословія, хорошо знающихъ его бытъ, характеръ, нравы и обычаи. Въ виленской-же и гродненской губерніяхъ, вслѣдствіе политическихъ причинъ, многіе изъ прежнихъ приходскихъ священниковъ удалены, а на ихъ мѣста назначены, *большею частію по выбору административныхъ свѣтскихъ властей, люди недостойные, не сознающіе своего долга и высокаго призванія. Народъ не довѣряетъ имъ и видитъ въ нихъ только чиновниковъ въ родѣ пристава, или окружнаго начальника.* Понятно, что мы не имѣемъ въ виду всего духовенства, какъ православнаго, такъ и католическаго, но указываемъ только на исключенія, къ сожалѣнію, весьма нерѣдкія« (стр. 215).

Мы не имѣемъ подъ рукой необходимыхъ данныхъ, чтобы поставить автора на документальную почву и показать крайнюю его односторонность; но двадцатилѣтняя наша жизнь въ краѣ все таки даетъ намъ возможность высказать нѣсколько замѣчаній, не лишенныхъ знанія условій мѣстной жизни, которыя въ случаѣ надобности могутъ быть подтверждены и фактами.

Отсутствіе въ краѣ купцовъ, торговцевъ и отчасти ремесленниковъ изъ мѣстной народной среды нельзя объяснять *преимущественною ролью земли* въ экономическомъ развитіи края, какъ это думаетъ авторъ. Разсмотрите акты, изданные въ Петербургѣ, въ Вильнѣ, Кіевѣ, Витебскѣ, и вы увидите, что лѣтъ 200 тому назадъ промышленность и торговля били очень сильнымъ ключемъ въ средѣ кореннаго литовскаго и бѣлорусскаго племени: здѣсь были купцы—христіане, торговцы—христіане, ремесленники—христіане, непришлые, а туземные; они имѣли свои братскіе уставы; многіе изъ нихъ отличались глубокимъ образованіемъ, богатствомъ и широкою благотворительностію, распространявшеюся на многія мѣста великаго княжества литовско-русскаго; многіе изъ нихъ вели обширную заграничную торговлю на собственныхъ »витинахъ«; но противъ

нихъ велась упорная, продолжительная и двойная борьба. Сверху вело эту борьбу дворянство, которое на каждомъ почти сеймѣ »*острило*« противъ нихъ ограничительный законъ, извѣстный въ Volumina'хъ Legum подъ названіемъ »lex sumptuaria«, снизу—кагальное еврейство, захватившее въ свои руки, при содѣйствіи этогоже дворянства, всѣ почти промыслы и торговлю края. Поговорите съ болѣе развитыми крестьянами и вы увидите, что они и теперь рады бы заняться торговлей и промыслами, но не могутъ вступить въ конкурренцію съ капиталистами евреями, дѣйствующими *одинъ за всѣхъ и всѣ за одного*. Что-же имъ остается, кромѣ *земли*? Ничего! Но это вовсе не значитъ, что земля тутъ виновата.

Общества трезвости дѣйствительно имѣли политическую подкладку и преслѣдовали не столько нравственныя цѣли, сколько исключительныя, направленныя къ упроченію вліянія надъ народомъ римско-католическаго духовенства, часто увлекавшаго его своими проповѣдями о трезвости въ ту сторону, куда народу идти не слѣдовало. Замѣнить *водку пивомъ*, какъ это и теперь еще практикуется нѣкоторыми старыми членами обществъ трезвости,—это не значило еще выучить народъ бережливости; а заставить членовъ пѣть разныя кантычки, отличавшіяся иногда духомъ нетерпимости и вражды къ Россіи,—это не значило учить народъ нравственности. Мы не желаемъ входить въ подробности этого предмета, потому что по нѣкоторымъ причинамъ признаемъ это неудобнымъ. Также точно находимъ неудобнымъ и со стороны автора упрекать правительство въ томъ, будто оно могло ставить преграды своимъ подданнымъ въ развитіи ихъ нравственнаго и экономическаго благосостоянія.

Злоупотребленія волостныхъ чиновъ по существу своему весьма прискорбны, какъ и всякія злоупотребленія; но должно быть они не повсемѣстны и не производятъ особенно дурнаго вліянія на благосостояніе народныхъ массъ, потому что въ XI очеркѣ »Живописной Россіи«, принадлежащемъ П. П. Семенову, представлены поразительные результаты увеличенія въ этомъ краѣ народонаселенія, которое за послѣднее 20-лѣтіе возрасло до 32%. Кто знакомъ съ законами статистики, тотъ пойметъ, что значитъ 32% увеличенія народонаселенія въ странѣ отъ природы не богатой и подверженной давленію еврейской эксплоатаціи.

Обвиненіе авторомъ молодаго поколѣнія въ безнравственности, не подтверждено никакими данными и можетъ имѣть значеніе чистаго предположенія. Можно думать, что онъ приписываетъ это печальное явленіе непосредственному вліянію правительственной школы, или-же отсутствію обществъ трезвости, или же ослабленію вліянія римско-католическаго духовенства... Во всякомъ случаѣ авторъ заявляетъ только личное свое мнѣніе, и не подтверждаетъ его ни фактами, ни ссылками, ни докумен-

тами, такъ что читатель по неволѣ долженъ теряться въ предположеніяхъ и догадкахъ, въ то время, когда дѣло это, по нашему разумѣнію, объясняется хоть съ одной стороны очень просто. Въ нашемъ краѣ до чрезвычайности развиты корчемные и кабачные притоны. Эти темныя гнѣзда всевозможныхъ преступленій всегда представляли и представляютъ собой легкую возможность сбыта награбленнаго добра и такое-же легкое укрывательство и подстрекательство къ занятіямъ подобнаго рода. Объ нихъ нельзя умалчивать, когда дѣло идетъ о грабительствѣ и конокрадствѣ, какого-бы то ни было поколѣнія—стараго или молодаго. Съ другой-же стороны гласный судъ обнаруживаетъ теперь самыя незначительныя преступленія, которыя въ доброе старое время отпечатлѣвались на спинѣ преступниковъ сельскими старостами, или экономами и покрывались мракомъ неизвѣстности. При такихъ условіяхъ и количество преступленій должно казаться значительно больше. Закройте корчемные притоны—и преступленія уменьшатся; закройте гласные суды—и вы ничего о преступленіяхъ не услышите.

Строки, выписанныя нами изъ очерка въ подлинникѣ, касательно народной нравственности и положенія въ краѣ римско-католическаго духовенства, отличаются крайней двусмысленностію, хотя и обставлены нѣкоторыми громоотводами, въ родѣ »мѣстности« и »православнаго духовенства«.

Смыслъ этихъ строкъ слѣдующій: народная нравственность уцѣлѣла только въ губерніи ковенской, гдѣ преобладаетъ вѣра римско-католическая и гдѣ духовенство сохранило свое прежнее вліяніе надъ народомъ; въ губерніяхъ-же виленской и гродненской, гдѣ вѣроисповѣданіе или смѣшанное, или-же по преимуществу православное, нравственныя добродѣтели народа изсякли. Изъ этого основанія можно вывести только одно слѣдствіе, что народныя добродѣтели существуютъ только тамъ, гдѣ исключительно господствуетъ вѣра римско-католическая. Чтобы не ослаблять въ читателяхъ всей силы впечатлѣнія такого вывода, мы только слегка замѣтимъ, что таможенное вѣдомство очень жалуется на контрабандистовъ, кровныхъ жмудиновъ, увлекающихся по преимуществу прусскимъ спиртомъ, о конокрадствѣ-же и другихъ преступленіяхъ должны умолчать...

Но по причинамъ политическимъ, толкуетъ дальше авторъ, въ дѣла этой вѣры вмѣшались административныя свѣтскія власти, прежнихъ достойныхъ пастырей удалили, а на ихъ мѣста назначили людей недостойныхъ, въ которыхъ народъ видитъ только чиновниковъ въ родѣ пристава, или окружнаго начальника.

Изъ этого основанія слѣдуетъ вывести уже два заключенія: *первое*, что правительство своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла римско-католической вѣры виленской и гродненской губерніи роковымъ образомъ повліяло не только на народную нравственность, но и на личныя добродѣтели самаго духовенства, которое вслѣдствіе этого упало до низкаго нравственнаго уровня правительственныхъ чиновниковъ; *второе*, что нравственность правительственныхъ чиновниковъ ниже всякой критики. Что касается православнаго духовенства, то авторъ хотя и упомянулъ о немъ вскользь, но не высказываетъ о немъ ничего опредѣленнаго, такъ что читатель опять остается въ недоумѣніи—лучше-ли оно правительственныхъ чиновниковъ, или хуже?

Мы не беремъ на себя труда судить о нравственности римско-католическаго духовенства, хотя и знаемъ, что она не подчиняется вліянію свѣтскихъ властей; не беремъ также труда судить и о нравственности правительственныхъ чиновниковъ, хотя и знаемъ, что они не ангелы, а люди, не избавленные отъ слабостей, заблужденій и увлеченій: для этого нужны факты, которыхъ мы не имѣемъ, а авторъ, къ сожалѣнію, ихъ не представляетъ; но не можемъ не отмѣтить здѣсь страннаго совпаденія взглядовъ автора на этотъ предметъ съ отзывами иностранныхъ польскихъ газетъ о нѣкоторыхъ римско-католическихъ пастыряхъ, принужденныхъ оставить нашъ край вслѣдствіе особенныхъ давленій нѣкоторыхъ властей не свѣтскихъ. Такіе, напримѣръ, отзывы были помѣщены о бывшемъ законоучителѣ одной классической гимназіи, достопочтенномъ о. С..... Въ этихъ органахъ онъ провозглашенъ воспитателемъ цѣлаго поколѣнія ксендзовъ-грабителей, ксендзовъ-развратителей... Но, скажетъ читатель, вѣдь этотъ законоучитель служилъ въ гимназіи, а не римско-католической семинаріи, и не могъ имѣть на нее вліянія, потому что она находилась въ Вильнѣ, имѣла своихъ спеціальныхъ наставниковъ и была внѣ сферы его деморализующей дѣятельности? Да, все это совершенно вѣрно; но тутъ »нужно знать, какъ вещи есть«, а онѣ очень незамысловаты: этотъ человѣкъ совершалъ по-русски римско-католическое дополнительное богослуженіе!... »Басню эту можно-бы и болѣе пояснить«, но она не касается прямо »Живописной Россіи« и потому мы оканчиваемъ свои замѣчанія, предоставляя самому читателю судить о томъ, съ какою цѣлью составлены разобранные нами очерки и какую пользу они могутъ принести русской читающей публикѣ.

Сборникъ судебныхъ рѣшеній, состязательныхъ бумагъ, грамотъ, указовъ и другихъ документовъ, относящихся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей слободской Украйны. Составилъ В. В. Гуровъ, при участіи Е. К. Бродскаго. Харьковъ 1884 г., XVII, IV. 705.

Передъ нами объемистая книга въ 700 слишкомъ страницъ, посвященная старозаимочному землевладѣнію б. Слободской Украйны. Въ прошломъ году въ Харьковѣ-же вышла другая книга, принадлежащая г. Чижевскому и посвященная тому же вопросу. Тогда же на страницахъ »Кіевской Старины« появилась объемистая монографія г. Шиманова и моя статья, посвященная все тому же старозаимочному землевладѣнію въ предѣлахъ Слободской и лѣвобережной Украйны. Такое обиліе трудовъ объясняется прежде всего практическою важностью даннаго вопроса. Въ своей рецензіи на книгу г. Чижевскаго и брошюру гг. Гурова и Бродскаго мы постарались опредѣлить практическую важность старозаимочныхъ процессовъ, въ которыхъ заинтересованы десятки тысячъ потомковъ слободскихъ козаковъ, нынѣшнихъ крестьянъ харьковской губерніи. Неудивительно, что во всѣхъ названныхъ изслѣдованіяхъ (исключая одного) главное вниманіе обращено на *старозаимочные процессы*. Но ни одному изъ изслѣдователей не удалось ограничиться юридическими вопросами матеріальнаго права и судопроизводства. Въ рецензіи на книгу г. Чижевскаго мы указали, что затронутый вопросъ не ограничивается одною сферою юриспруденціи, а имѣетъ самое близкое отношеніе къ исторіи и даже народной экономіи. Нельзя не согласиться поэтому съ мнѣніемъ высказаннымъ авторомъ разбираемаго нами Сборника, когда онъ говоритъ: ». . . . эти спорныя положенія представляютъ собою тѣмъ большій интересъ, что онѣ выдвигаютъ на сцену не одни только чисто спеціальные юридическіе вопросы изъ области права и судопроизводства, но въ равной, если не въ большей степени затрогиваютъ собою цѣлый рядъ вопросовъ изъ области исторіи, что объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что въ основаніи старозаимочныхъ процессовъ легли права, которыя первоначально пріобрѣтены были, 200 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, предками настоящихъ истцовъ— крестьянъ, малороссійскими выходцами, на земли, занятыя ими при первоначальномъ заселеніи мѣстности бывшей слободской Украйны (нынѣшней харьковской и части курской и воронежской губ.), путемъ заимки дикихъ, никому не принадлежащихъ земель«... вслѣдствіе этого »волею не волею пришлось поближе ознакомиться какъ съ общею исторіей той мѣстности, которая извѣстна была въ XVII и XVIII столѣтіяхъ

подъ названіемъ слободской Украйны, такъ въ особенности съ исторіей возникновенія и образованія поземельной собственности въ этомъ краѣ...; все это, при отсутствіи вполнѣ обстоятельныхъ изслѣдованій по указаннымъ вопросамъ, побудило тяжущихся обратиться къ разсмотрѣнію и изученію значительнаго количества историческихъ и законодательныхъ памятниковъ, относящихся къ періоду съ половины XVII в. до настоящаго времени«. И дѣйствительно въ своемъ объясненіи на апелляціонную жалобу г. Гуровъ очень часто обращается къ исторіи слободской Украйны вообще и ея землевладѣнію въ частности.

Обратимся теперь къ самому содержанію »Сборника« г. Гурова и посмотримъ, что онъ даетъ для уясненія вопроса о старозаимочномъ землевладѣніи«. Сборникъ состоитъ изъ 5 отдѣловъ: 1-й отдѣлъ—судебныя состязательныя бумаги по искамъ крестьянскихъ обществъ къ казнѣ о правѣ собственности на старозаимочныя земли, 2 й—рѣшенія судебныхъ мѣстъ по этимъ искамъ, 3-й—жалованныя грамоты, 4-й—выписи изъ межевыхъ и писцовыхъ книгъ, 5-й—разные документы, относящіеся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи.

Въ 1-й отдѣлъ входятъ: 1) прошеніе по иску крестьянъ города Лебедина съ хуторами, слободами и деревнями, поданное присяжнымъ повѣреннымъ г. Гуровымъ, 2) отвѣтъ на него уполномоченнаго харьк. казенной палаты, 3) апелляціонная жалоба того-же уполномоченнаго, поданная въ харьковскую судебную палату, 4) объясненіе на эту апелляціонную жалобу; послѣднее представляетъ блестящую критику основныхъ положеній уполномоченнаго казны, который, какъ извѣстно, признаетъ старозаимочныя земли казенною собственностью; вмѣстѣ съ тѣмъ это объясненіе заключаетъ въ себѣ много цѣнныхъ положительныхъ указаній на исторію старозаимочнаго землевладѣнія въ харьковской губерніи. Мы не будемъ останавливаться на изложеніи и разборѣ этого цѣннаго изслѣдованія, потому что сдѣлали это раньше; а теперь перейдемъ къ другимъ отдѣламъ сборника.

Въ 2-мъ отдѣлѣ г. Гуровъ приводитъ 5 положительныхъ рѣшеній окружнаго суда и палаты, дополняя такимъ образомъ пробѣлы сборника г. Чижевскаго, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ ни одного положительнаго рѣшенія; какъ видно изъ этихъ рѣшеній, судъ призналъ, что черкасы, колонизовавшіе слободскую Украйну, занимали пустопорожнія земли на правѣ полной собственности, которое не было ограничено и въ послѣдующее время разнаго рода административными распоряженіями, слѣдовательно, нынѣшніе крестьяне харьковской губерніи владѣютъ своими старозаимками точно также на правѣ полной собственности. Но не огра-

ничиваясь одними положительными рѣшеніями, г. Гуровъ приводитъ въ приложеніи и одно отрицательное (харьк. окруж. суда).

Въ 3-мъ отдѣлѣ помѣщено 15 жалованныхъ грамотъ козакамъ слободскихъ полковъ; всѣ онѣ, кромѣ одной, какъ видно изъ примѣчаній г. Гурова, разысканы имъ въ разныхъ архивахъ (въ общемъ архивѣ главнаго штаба, въ писцовомъ архивѣ межевой канцеляріи и харьковскомъ архивѣ губернскаго правленія).

Нужно впрочемъ замѣтить, что не всѣ онѣ являются въ печати въ первый разъ. Такъ грамота отъ 31 марта 7196 (1688) года козакамъ ахтырскаго слободскаго полка раньше была напечатана г. Чижевскимъ; для читателя, конечно, не имѣетъ никакого значенія тотъ фактъ, что грамота г. Гурова найдена въ архивѣ главнаго штаба, а грамота г. Чижевскаго—въ архивѣ харьковскаго губернскаго правленія. Грамота, данная слободскимъ полкамъ 22 ноября 1743 г., раньше была приведена у г. Чижевскаго, Квитки и Филарета. Нѣкоторыя грамоты, хотя и являются въ печати впервые, однако по содержанію своему вполнѣ подходятъ къ тѣмъ, которыя напечатаны были раньше. Такова напр. грамота, выданная харьковскимъ черкасамъ 23 сентября 1659 г.; она вполнѣ идентична съ грамотой, выданной острогожскому полку и приведенной у Головинскаго. Тоже самое нужно сказать и о грамотѣ, данной 28 февраля 1700 г. козакамъ сумскаго слободскаго полка; она вполнѣ соотвѣтствуетъ грамотамъ, даннымъ другимъ полкамъ и приведеннымъ у Квитки, Филарета и Чижевскаго. Грамота 1669 г., данная сумскому полку, сходна съ жалованной грамотой, выданной острогожскому полку въ 1670 году и приведенной у Филарета и Головинскаго; грамота 19 февраля 1684 г. козакамъ изюмскаго слободскаго полка представляетъ, собственно говоря, подтвержденіе и дополненіе грамоты 17 февраля 1682 года. Изъ остальныхъ 9 грамотъ наиболѣе интересны слѣдующія: 4 ноября 1636 г. козакамъ слободскихъ полковъ, представляющая полную санкцію козацкихъ занмокъ; 25 февраля 1695 г. сумскому полку, подтверждающая освобожденіе отъ оброковъ; 20 декабря 1717 г. изюмскому полку, утверждающая высылку изъ предѣловъ полка пришлыхъ великороссійскихъ людей, поселившихся здѣсь безъ указа, и въ особенности 14 октября 1704 г. изюмскому полку, заключающая въ себѣ богатыя данныя для характеристики колонизаціи слободской Украйны. Остальныя пять гораздо менѣе интересны: одна изъ нихъ (10 іюня 1686 г.) говоритъ о мирѣ съ Польшей и не заключаетъ въ себѣ ровно никакихъ данныхъ не только для исторіи землевладѣнія, но даже для исторіи слободской Украйны вообще; вторая, третья и четвертая (28 февр. 1688, 7 мар. 1705, 1 сент. 1705 г.) освобождаютъ отъ оброчныхъ денегъ за мельницы,

борты и др. статьи; 5-я (12 декабря 1708 г.) похваляетъ за вѣрность во время измѣны Мазепы.

Замѣтимъ еще одну мелочь по поводу приведенныхъ грамотъ. Текстъ первой грамоты (1659 г.) напечатанъ неисправно или по винѣ корректора, или лица, переписывавшаго грамоту съ подлинника. Въ 5-й строчкѣ сверху 459 страницы напечатано: »и по святой Господней евангельской заповѣди«, а нужно читать: »и Его святыя Господня евангельскія заповѣди«, такъ по крайней мѣрѣ напечатано у Головинскаго и того-же требуетъ смыслъ рѣчи; въ 4-й строчкѣ снизу на той-же страницѣ вмѣсто »оное лично« нужно читать »одно лично«; въ 1-й строчкѣ снизу на той страницѣ вмѣсто »сыску« нужно читать »ссылки«.

Всѣ грамоты занимаютъ 63 страницы.

За тѣмъ слѣдуетъ 4-й отдѣлъ, гдѣ помѣщено 9 выписей изъ межевыхъ и писцовыхъ книгъ; въ числѣ ихъ мы находимъ описаніе нѣсколькихъ граней полковыхъ и сотенныхъ земель (харьковскаго и изюмскаго полковъ, липецкой и лебединской сотни), а также одного частнаго владѣльца—полковника Квитки. Почти всѣ онѣ извлечены изъ архива московской межевой канцеляріи.

Относительно этихъ документовъ нужно вообще замѣтить слѣдующее: они заключаютъ въ себѣ массу скучныхъ и безполезныхъ подробностей о граняхъ по урочищамъ и только въ промежуткѣ между ними попадаются цѣнныя указанія на характеръ владѣнія. Къ числу ихъ нужно отнести нѣкоторыя данныя объ общевладѣемыхъ полковыхъ и сотенныхъ земляхъ, общественныхъ лѣсахъ и т. д. Всѣ эти выписи занимаютъ 54 страницы.

Наконецъ 5-й отдѣлъ заключаетъ въ себѣ разные документы, относящіеся къ старозаимочному землевладѣнію. Содержаніе ихъ самое разнообразное; здѣсь мы найдемъ и указы, и доношенія, и рапорты, и ордера, и приказы, и вѣдомости, и купчія. Большинство ихъ имѣетъ немаловажное значеніе для историка, а въ особенности для юриста. Таково, напримѣръ, доношеніе полковника Евстафія Данилевскаго въ правительствующій сенатъ 1742 года, заключающее тяжбу о землѣ изюмскаго полка съ ландмилицкимъ, или указъ государственной военной коллегіи гр. Салтыкову 18 марта 1754 г., рѣшающій споръ того-же изюмскаго полка съ бахмутской конторой за земли, или ордеръ харьковской полковой канцеляріи 17 февраля 1762 года, заключающій данныя о купленныхъ въ предѣлахъ полка старшиною и козаками земляхъ, или наконецъ выдержки изъ коммисарскихъ вѣдомостей о земляхъ слободы Хухры, города Лебедина съ слободами и селами. Въ особенности любопытны коммисарскія вѣдомости, составленныя въ концѣ прошлаго столѣтія по

всѣмъ селамъ харьковской губерніи и хранящіеся въ архивѣ харьковскаго управленія государственными имуществами; въ нихъ находятся самыя обстоятельныя вѣдомости о количествѣ населенія въ разныхъ слободахъ и принадлежащей каждому обывателю поземельной собственности; это нѣчто въ родѣ Румянцевской описи Малороссіи. Желательно было-бы, чтобы эти вѣдомости могли быть переданы въ архивъ, состоящій при историко-филологическомъ обществѣ харьковскаго университета: архивъ можетъ сдѣлаться центральнымъ для харьковской губерніи хранилищемъ всѣхъ цѣнныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи слободской и лѣвобережной Украины. Не даромъ въ послѣднее время рѣшено ходатайствомъ о присоединеніи къ архиву малороссійской коллегіи старыхъ дѣлъ харьковскаго губернскаго правленія.

Изъ документовъ нынѣшняго столѣтія весьма поучителенъ приказъ слободско-украинской казенной палаты хорошевскому волостному правленію отъ 24 января 1830 г., показывающій, какъ въ харьковской губерніи путемъ административнаго воздѣйствія насаждалась община. Мы приведемъ вкратцѣ содержаніе этого документа. Сенаторъ Горголій, ревизовавшій харьковскую губернію, замѣтилъ одинъ *важнѣйшій непорядокъ*, состоящій въ томъ, что »казенные обыватели владѣютъ общественными землями *не уравнительно* по числу душъ, въ семействѣ состоящихъ, и количеству платимой каждымъ обывателемъ подати«, и поручилъ губернскому прокурору обратить на это дѣло серьезное вниманіе въ виду того, что отъ этого, кромѣ общественной пользы казенныхъ обывателей, *зависитъ сохраненіе самаго казеннаго интереса*«. »Вслѣдствіе чего нынѣ-же дано отъ него г. прокурора здѣшнему губернскому правленію предложеніе, дабы не оставило сдѣлать со стороны своей *строжайшія предписанія* всѣмъ здѣшней губерніи, какъ градскимъ и земскимъ полиціямъ обще съ г.г. городничими и земскими исправниками, такъ равно уѣзднымъ судамъ и стряпчимъ, дабы изъ нихъ градскія и земскія полиціи и уѣздные стряпчіе удостовѣрились, во всѣхъ ли трехъ поляхъ и сѣнокосныхъ мѣстахъ раздѣлены земли по числу душъ уравнительно, а буде въ которой волости еще таковаго уравнительнаго раздѣла не сдѣлано, то *строжайше понудивъ къ тому волостныхъ начальниковъ*, имѣть неослабное попеченіе, чтобы такое уравненіе было сдѣлано непремѣнно въ самой скорости,— и что въ каждой волости откроется, т. е. раздѣлены-ли гдѣ земли или нѣтъ, донесли губернскому правленію и казенной палатѣ безъ замедленія«... »Независимо отъ всего выше изъясненнаго, предлагаетъ казенной палатѣ, не благоугодно-ли будетъ сколь возможно поспѣшнѣе *строжайше предписать* отъ себя всѣмъ волостнымъ правлені-

ямъ о непремѣнномъ уравненія волостныхъ жителей землями по числу ревизскихъ душъ«.

Въ данномъ случаѣ радѣтели казеннаго интереса прикрывались еще идеей общественнаго блага опекуемыхъ ими казенныхъ крестьянъ; но эти-же казенные интересы вскорѣ потребовали того, чтобы земли б. войсковыхъ обывателей были признаны казенной, а не ихъ собственностью...

Подведемъ теперь итоги.

Рѣшаетъ-ли »Сборникъ« г. Гурова окончательно старозаимочный вопросъ? Во всей широтѣ его нѣтъ.

Вопросъ этотъ можетъ быть расчлененъ на три другіе: 1) происхожденіе старозаимочныхъ земель, 2) сущность и внутренняя организація землевладѣнія и земледѣлія въ старозаимочныхъ земляхъ и 3) судьба старозаимочныхъ земель въ харьковской губерніи до послѣдняго времени.

Матеріалы и статья г. Гурова даютъ намъ отвѣты на 1-й и 3-й вопросы, а 2-го вовсе не затрогиваютъ; впрочемъ и относительно перваго вопроса многое остается еще не выясненнымъ. Интересно было-бы знать, въ какомъ отношеніи была мелкая заимка простыхъ козаковъ къ крупной заимкѣ туземной старшины и пришлаго дворянства,—считалась ли эта послѣдняя дѣломъ законнымъ, или подвергалась какимъ нибудь ограниченіямъ; желательно было-бы знать, чѣмъ отличалась заимка слободскихъ козаковъ отъ заимки, имѣвшей мѣсто въ сосѣднихъ однодворческихъ селеніяхъ, а также другихъ мѣстахъ Россіи и т. д.

Что касается 3-го вопроса, то здѣсь желательно было-бы имѣть свѣдѣнія о количествѣ старозаимочныхъ дачъ въ концѣ прошлаго столѣтія (по коммисарскихъ вѣдомостямъ) и въ настоящее время и т. д.

Такимъ образомъ главнѣйшая и весьма цѣнная услуга »Сборника« г. Гурова заключается въ томъ, что онъ рядомъ документальныхъ свидѣтельствъ и серьезныхъ соображеній доказываетъ принадлежность старозаимочныхъ земель крестьянамъ на правѣ полной собственности и опровергаетъ принадлежность ихъ казнѣ. Въ этомъ отношеніи »Сборникъ« г. Гурова даетъ несравненно болѣе, чѣмъ монографія г. Шиманова, который обратилъ главное вниманіе на *судьбу* старозаимочныхъ земель и въ особенности на тѣ административные эксперименты, которымъ онѣ подвергались, а вопросъ объ организаціи землевладѣнія въ старозаимочныхъ дачахъ *оставилъ совершенно открытымъ*. Г. Шимановъ отождествляетъ старозаимочное землевладѣніе съ наслѣдственно участковымъ; но если и признать, что большая часть нынѣ существующихъ общинъ харьковской губерніи возникла путемъ административнаго воздѣйствія, то этимъ все-таки не рѣшается вопросъ *о первоначальной* формѣ земле-

владѣнія у слободскихъ козаковъ; положительныя доказательства г. Шиманова въ пользу существованія подворно-участковаго землевладѣнія въ XVII и XVIII в. не вполнѣ убѣдительны.

Такимъ образомъ старозаимочный вопросъ требуетъ еще новыхъ матеріаловъ и новыхъ изслѣдованій.

На этомъ мы и закончимъ разборъ интереснаго »Сборника« г. Гурова и отложимъ дальнѣйшія подробности для изслѣдованія о старозаимочномъ землевладѣніи, которое нами приготовлено къ предстоящему археологическому съѣзду въ Одессѣ.

Д. Багалѣй.

Александеръ Барвѣньскій.—Исторія Руси. Часть V. Львовъ. 1884. 16°. 96 стр.

Львовское Общество »Просвѣта«, продолжая свою полезную издательскую дѣятельность серьезныхъ популярныхъ книгъ для народнаго чтенія, издало новую книжку »Исторіи Руси«. О предъидущихъ изданіяхъ этой серіи мы въ свое время дали отчетъ въ библіографическомъ отдѣлѣ »Кіевской Старины«. Новый выпускъ, составленный г. Александромъ Барвѣнскимъ, не только не уступаетъ прежнимъ по достоинствамъ содержанія и изложенія, но еще болѣе доказываетъ неоспоримый талантъ автора къ популяризаціи серьезнаго знанія въ средѣ своего народа.

Пятый выпускъ »Исторіи Руси« посвященъ исключительно очерку внутренняго быта западной Руси отъ времени династическаго соединенія Литвы съ Польшею (въ концѣ XIV столѣтія) до слiянія обоихъ государствъ въ одно политическое тѣло, т. е. до люблинскаго сейма 1569 года. Несомнѣнно, что очеркъ такой труднѣе всего составить для публики мало привыкшей къ серьезному чтенію. Не смотря на живой интересъ фактовъ внутренняго быта, на ихъ рѣшительное значеніе для судьбы всякаго народа, уразумѣніе ихъ требуетъ нѣкоторой привычки къ отвлеченному мышленію, къ обобщеніямъ и историко-философскимъ выводамъ; авторъ рѣдко только можетъ илюстрировать всѣ положенія рѣдкими примѣрами и драмматическими эпизодами и потому лишенъ возможности пользоваться возбужденіемъ чувства и воображенія у своего читателя, т. е. лишенъ самаго цѣннаго орудія для всякой популяризаціи знанія. Не смотря на эти трудности, г. Барвѣнскій исполнилъ прекрасно свою задачу, благодаря своему методу: онъ строго логически обдумалъ сюжетъ, развилъ каждую его часть ясно, логично и просто, особенно-же умѣлъ устранить все второстепенное, не важное и сосредоточилъ вниманіе читателя исключительно на существенныхъ чертахъ изо-

браженной имъ картины; онъ не затемнилъ ни разу главныхъ чертъ исторической картины и передалъ ихъ на столько рельефно и наглядно, на сколько ясно и отчетливо понялъ ихъ самъ, извлекши положенія свои изъ весьма численной и разнообразной исторической литературы, которою пользовался при составленіи своей книги.

Общій планъ сочиненія г. Барвѣнскаго построенъ слѣдующимъ образомъ: онъ разсматриваетъ вначалѣ вліяніе польскаго государства на тѣ области Руси, которыя раньше были покорены Польшею, т. е. на Русь Галицкую, Белзскую, Холмскую и Подольскую, и затѣмъ переходитъ къ очерку внутренняго быта Руси литовской. Въ каждой изъ этихъ двухъ областей западной Руси онъ разсматриваетъ бытъ отдѣльныхъ сословій: рыцарскаго, городскаго и сельскаго и затѣмъ состояніе православной церкви. Онъ съ полнымъ безпристрастіемъ констатируетъ на всѣхъ пунктахъ стремленіе со стороны польскаго правительства и общества къ подавленію русской народности, то удаленіемъ русиновъ отъ пользованія гражданскими правами, то льготами, которыя расточались исключительно только для католиковъ, то просто мѣрами весьма рѣзкаго и ничѣмъ не вызваннаго насилія.

Въ рельефномъ очеркѣ г. Барвѣнскаго мы наглядно можемъ наблюдать патологическій фактъ государства, которое упускаетъ совершенно изъ виду существенныя цѣли и обязанности всякаго государственнаго организма: удовлетвореніе законнымъ стремленіямъ своихъ жителей къ возможному матеріальному и моральному благоденствію и къ лучшему и всестороннему развитію своихъ силъ и вмѣсто того поставляетъ своею цѣлью неосуществимую въ антропологическомъ и культурномъ отношеніяхъ задачу—передѣлать національное начало части своихъ гражданъ или по меньшей мѣрѣ сдѣлать ихъ вѣчно пассивными слугами другой половины обывателей того-же государства. Помимо нелѣпости и безнравственности такой задачи, весьма рельефно, хотя вполнѣ безстрастно и объективно, представленной г. Барвѣнскимъ, всякій читатель, знакомый съ общими историческими законами чувствуетъ, что многовѣковая историческая неправда неминуемо должна вызвать историческую Немезиду, которая покараетъ тотъ политическій организмъ, который вмѣсто цѣлей благосостоянія и прогресса преслѣдовалъ въ теченіи трехъ столѣтій лишь несбыточныя затѣи самодурства и фанатизма. Въ минуту предшествовавшую первому появленію этой исторической Немезиды, послѣднимъ актомъ польской политической нетерпимости, т. е. люблинскимъ сеймомъ 1569 года и его ближайшими результатами заканчивается 5-й выпускъ »Исторіи Руси«.—Не трудно отгадать, что слѣдующій выпускъ будетъ посвященъ козацкимъ возстаніямъ, и содержанія этого мы

ждемъ не только вслѣдствіе хронологической послѣдовательности, но и потому, что авторъ въ 5-мъ выпускѣ возбудилъ въ насъ сильное желаніе увидѣть картину возстановленія права и правды, попиравшихся столь долго и настойчиво и взывавшихъ столь долго и напрасно о справедливости.

Искренно желаемъ продолженія полезнаго труда г. Барвѣнскаго и глубоко убѣждены, что подобныя его сочиненію популярныя книги не только сообщаютъ своимъ читателямъ фактическія свѣдѣнія, но имѣютъ для нихъ серьезное нравственно-воспитательное культурное значеніе.

В. А.

Темнѣ мѣстця въ »Словѣ о Плъку Игоревѣ«. Пояснивъ Ом. Партыцкій. Часть перша. У Львовѣ. 1883 г.

Достаточно просмотрѣть »Критическій очеркъ литературы Слова о полку Игоревѣ«, г. Барсова, или »Литературу Слова« со времени открытія его до 1876 г.«, чтобы убѣдиться, на сколько сильно интересовало и до сихъ поръ интересуетъ русскихъ ученыхъ это замѣчательное произведеніе русской письменности до-татарской эпохи. Да и какъ не интересоваться имъ? Изъ того отдаленнаго времени дошло до насъ весьма мало литературныхъ памятниковъ. Мы имѣемъ лѣтописи, но онѣ искажены въ своемъ языкѣ позднѣйшими переписчиками; притомъ всякій, занимавшійся ихъ изученіемъ, согласится, что онѣ рисуютъ намъ одну внѣшнюю жизнь и что въ нихъ выражаются взгляды, стремленія, умственное богатство людей, которыхъ было немного на Руси въ то время, людей книжныхъ, большею частью монаховъ. Даже въ тѣхъ, иногда довольно большихъ отрывкахъ лѣтописей, которые видимо писаны рукою міряпина, излагаются факты внѣшней жизни: усобицы князей, ихъ счеты за столы, борьба съ сосѣдями и пр. Бытовыя извѣстія приходится собирать, какъ крупинки. Сохранившіеся въ весьма незначительномъ количествѣ юридическіе памятники не даютъ намъ также никакого матерьяла для характеристики современнаго имъ русскаго человѣка. Слова и поученія рисуютъ современное общество со стороны религіозной и нравственной, рѣдко общественно-бытовой. Въ »Словѣ о Полку Игоревѣ«, независимо красотъ поэзіи, рисуется жизнь тогдашняго общества, даются меткія характеристики современныхъ политическихъ дѣятелей, выступаютъ ясно временныя отношенія ихъ, выражаются взгляды на ходъ политическихъ событій того времени и политическіе идеалы княжескихъ дружинниковъ. Кромѣ указаннаго, въ авторѣ этого

художественнаго произведенія ясно сказывается человѣкъ по тогдашнему образованный: типъ дружинника съ его воззрѣніями на проходящую передъ нимъ жизнь, съ его вѣрованіями и предразсудками, съ его удалью и вѣрою, съ любовью къ родной землѣ и народной старинѣ, къ ея вѣрованьямъ и поэзіи.

»Слово о Полку Игоревѣ« имѣетъ обще-русскій интересъ, какъ единственный памятникъ поэзіи до-татарскаго періода; въ частности на немъ лежатъ слѣды южно-русской жизни. Этимъ памятникомъ одинако интересуются и историки, и изслѣдователи литературы, и лингвисты.

Но не смотря на общія усилія, въ этомъ памятникѣ остается еще много темныхъ, трудно объяснимыхъ мѣстъ. Являются постоянно новыя коньектуры. Трудъ, заглавіе котораго мы выставили, также посвященъ всецѣло разбору темныхъ мѣстъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

Нѣкоторыя догадки автора весьма остроумны, но нельзя сказать, чтобы онѣ не были всегда натянутыми. Ограниченные размѣромъ краткой замѣтки, мы приведемъ только два мѣста, отличающіяся, по нашему разумѣнію, особой натяжкой. »Се бо Готскія красныя дѣвы, говоритъ Слово о Полку Игоревѣ, въспѣша на брезѣ синему морю; звоня Русскымъ златомъ, поютъ время Гусово«.... Готскія красныя дѣвы, говоритъ авторъ, что имѣютъ лебединыя крылья и тѣшатся »златомъ« непріятельской земли,—то извѣстныя въ миѳологіи германскихъ народовъ Валькиріи, также дѣвицы-войницы (Schlachtjungfrauen), или дѣвицы-лебедки (Schwanenjungfrauen) и т. д. (28—29). Дива авторъ считаетъ нужнымъ искать также въ скандинавской миѳологіи (стр. 36). Авторъ не допускаетъ возможности, чтобы готы сохранили свою народность до XII в.; онъ даже сомнѣвается, осталась-ли хоть часть ихъ въ южной Руси послѣ общаго выселенія въ V в. подъ напоромъ гунновъ. Между тѣмъ готы сохранили свой языкъ и позже. Буздекъ, посланный въ 1565 г. римскимъ императоромъ въ Константинополь, передалъ исторіи списки готскихъ словъ. Въ IX в. богослуженіе совершалось у готовъ на родномъ языкѣ, и только въ XVIII ст. оно стало совершаться на татарскомъ. Русскіе поселенцы въ Крыму разсказываютъ о кладбищѣ при селеніи Біа-Салы: »нѣтъ, это не греческое кладбище. Старики наши сказывали, что слыхали отъ грековъ, будто это готвейское кладбище; сказываютъ, готва какая то еще прежде грека тутъ находилась«. Такъ долго держалось воспоминаніе о готахъ на Крымскомъ полуостровѣ. Оставшаяся часть готовъ занимала также Таманскій полуостровъ, и, по остроумной догадкѣ г. Васильевскаго, имя города Тмутаракани имѣетъ связь съ названіемъ тетрокситовъ, какъ именовались здѣшніе готы. Все, что получали половцы путемъ грабежа въ Руси, вымѣнивалось ими на пред-

меты роскоши въ черноморскихъ торговыхъ городахъ. Туда шло и русское награбленное золото, переходило въ руки торговцевъ, въ числѣ которыхъ были несомнѣнно и готы. И вотъ готскія дѣвы радуются русскому золоту, полученному ими отъ ихъ отцовъ и братьевъ. Чѣмъ больше была добыча, тѣмъ оживленнѣе торговля, тѣмъ больше прибыли черноморскимъ торговцамъ, тѣмъ больше радости готскимъ дѣвамъ. — Вотъ, по нашему мнѣнію, простой смыслъ этого мѣста Слова.

»Въ Словѣ о полку Игоревѣ«, говоритъ авторъ, »замѣтны три религіозныя стихіи: боги готовъ (Дѣвы, Готскія дѣвы, Стрибогъ, Бусъ) стоятъ на сторонѣ половцевъ; боги славянскіе (Дажбогъ, Хорсъ) выступаютъ больше нейтрально, пассивно...« и т. д. Почему именно готскіе боги стоятъ на сторонѣ половцевъ? Пѣвецъ Игоря хотѣлъ искуственнымъ образомъ увеличить поэтичность своего произведенія? Онъ уже не могъ помнить скандинавской миѳологіи, ибо никакихъ слѣдовъ скандинавизма не осталось на Руси въ XII в., какъ исчезъ онъ уже и въ X ст. Достаточно толковали о норманскомъ происхожденіи Велеса, Перуна, и пора-бы перестать отнимать природныхъ боговъ у славянъ.

Но г. Партыцкій идетъ еще далѣе. Онъ видитъ норманновъ—бояръ даже въ XII в. Князь Святославъ Всеволодовичъ разсказываетъ свой извѣстный сонъ боярамъ. Г. Партыцкій, объясняя это мѣсто »Слова«, говоритъ слѣдующее: »Князь говоритъ и думаетъ по русски, у него »моутенъ« значитъ неясный; а бояре въ этомъ »моутенъ« слышатъ скандинавское выраженіе: »muot-енъ—отъ muot-a—походячій, Божій. Въ сѣверной миѳологіи Muot означало тоже, что Воданъ (61). Князь говоритъ: »въ Кыевѣ«, а боярамъ чудится въ Skialf'ѣ, т. е. Wala-skialf'ѣ, палатѣ Водана«. Словомъ выходитъ, будто кіевскіе и черниговскіе бояре XII в. плохо понимали русскій языкъ и были пропитаны скандинавскими вѣрованіями и преданіями. Съ такими объясненіями никто, конечно, не согласится.

Впрочемъ нѣкоторыя толкованія автора, на нашъ взглядъ, кажутся очень интересными. Напр. слово »папорзи« г. Партыцкій объясняетъ словомъ »папоротникъ«, какъ талисманъ противъ непріятельскихъ ударовъ (13—15). »Длъго ночь мркнетъ; заря свѣтъ запала; мъгла поля покрыла«. »Запала«, по автору, есть аористъ отъ глагола »запалати«, а »заря« есть родительный падежъ единственнаго числа. Все это мѣсто передается такъ: долго ночь меркнетъ: свѣтъ зари заблисталъ, мгла степи покрыла. Нельзя не согласиться съ г. Партыцкимъ, что пѣвецъ мастерски выясняетъ понятіе »меркнетъ« двумя послѣдующими предложеніями. Прекрасно, по нашему мнѣнію, у г. Партыцкаго и объясненіе другого мѣста въ Словѣ: »прысноу море полоунощи: идоуть съморчи мьглами«. Авторъ соединяетъ его

съ молитвой Ярославны къ вѣтру, Днѣпру и Солнцу. Такая же образность выраженія есть у Шевченка въ его »Гамаліи«. Днѣпръ неустрашимо пронесъ слезы Ярославны къ морю. Море, замѣтивши слезы княгини, сейчасъ зашевелилось; изъ него поднялись безчисленные туманы, которыхъ оно посылаетъ въ помощь Игорю. Вѣтеръ понесъ ихъ на поля половецкія и покрылъ ими землю. Солнце уже не свѣтитъ такъ ярко: его лучи скрываются за туманами.

Въ концѣ своего труда г. Партыцкій проводитъ мысль, что пѣвецъ былъ родомъ галичанинъ, перешедшій въ число бояръ князя Новгорода-Сѣверскаго вмѣстѣ съ женой послѣдняго, дочерью галицкаго князя Ярослава. Мы не можемъ сказать, какъ сильны филологическія доказательства автора, но историческія не имѣютъ никакого значенія. Если пѣвецъ знаетъ Плѣсенскъ и Исканскую дуброву, находящіяся, по словамъ автора, въ Галиціи, то онъ также хорошо знакомъ и съ другими мѣстностями земли русской. Попытки, сдѣланныя г. Партыцкимъ (хотя мы и не можемъ согласиться съ многими изъ нихъ) для разъясненія темныхъ мѣстъ этого замѣчательнаго памятника литературы древней Руси во всякомъ случаѣ весьма интересны и явились плодомъ долгаго обдумыванія и тщательной работы. Трудъ г. Партыцкаго стоитъ того, чтобы на него было обращено вниманіе нашихъ филологовъ и историковъ.

По общности предмета не можемъ не сказать здѣсь нѣсколько словъ по поводу статьи г. Гонсіоровскаго, напечатанной въ февральской книжкѣ Журнала Министерства Народ. Просвѣщенія за нынѣшній годъ, подъ заглавіемъ: *Замѣтки о Словѣ о полку Игоревѣ*. Главный интересъ этой статьи въ попыткѣ разрѣшить вопросъ о языкѣ этого памятника. По мнѣнію г. Гонсіоровскаго, языкъ Слова о полку Игоревѣ представляетъ смѣсь древняго великорусскаго съ языкомъ вятиче-польскимъ. Чтобы дойти до этого положенія, авторъ долженъ былъ представить много изысканій и соображеній относительно развѣтвленія древне-русскаго языка и выдѣленія изъ него нарѣчій великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго, при чемъ первое изъ нихъ онъ считаетъ прямымъ потомкомъ того языка, а въ вятичахъ и радимичахъ видитъ слѣды польскаго типа и происхожденія. Изъ всѣхъ общихъ и частныхъ соображеній г. Гонсіоровскаго основательнымъ и правдоподобнымъ можно считать лишь то, что образованія малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій нельзя объяснять позднѣйшимъ вліяніемъ на языкъ южно-русскихъ славянъ языка польскаго и что начало образованія этихъ нарѣчій надо искать въ эпохѣ до-татарской. Затѣмъ польское происхожденіе вятичей и радимичей есть не болѣе, какъ лѣтописная легенда, и фактъ переселенія этихъ племенъ изъ Польши къ берегамъ Днѣпра ничѣмъ не можетъ быть подтвержденъ;

съ другой стороны, считать великорусскій языкъ *прямымъ* потомкомъ древне-русскаго значило бы противорѣчить всей исторіи колонизаціи сѣверо-восточной Руси славянскими племенами, претворенія ими аборигеновъ финскаго племени и образованія изъ этой смѣси особаго типа населенія и его языка. Поэтому и самая попытка г. Гонсіоровскаго разрѣшить вопросъ о языкѣ Слова о полку Игоревѣ, какъ построенная на столь шаткихъ и невѣрныхъ основаніяхъ, не выдерживаетъ критики и лишена серьезнаго научнаго значенія.

П. Голубовскій.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

РАЗСКАЗЫ СТАРЫХЪ ЛЮДЕЙ О СТАРЫХЪ ВРЕМЕНАХЪ.

Въ теченіи долгой моей службы, нѣсколько лѣтъ, именно въ 50-хъ годахъ, пришлось мнѣ прожить въ мѣстечкѣ Бѣлой-Церкви кіевской губерніи.

Не смотря на свое скромное названіе и положеніе, Бѣлая-Церковь имѣетъ свою исторію, при томъ очень древнюю. Существуетъ мнѣніе, хотя и мало доказанное, что на этомъ мѣстѣ былъ древній Юрьевъ на Руси и каѳедра поросскихъ или юрьевскихъ епископовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи пр. Нестора. Какъ населенное мѣсто, освобожденное въ концѣ XIV в., при великомъ князѣ литовскомъ Олгердѣ отъ власти татаръ, Бѣлая-Церковь упоминается въ хроникѣ Стрыйковскаго. Болѣе опредѣленная ея исторія начинается съ половины XVI в., со времени постройки здѣсь замка воеводою кіевскимъ, княземъ Семеномъ Глѣбовичемъ Проискимъ. Съ этихъ поръ Бѣлая-Церковь, съ именемъ города, играетъ видную роль въ исторіи Польши и козачества, какъ важный стратегическій укрѣпленный пунктъ и какъ административный пунктъ одного изъ богатѣйшихъ староствъ, или такихъ имѣній, доходы съ которыхъ, по усмотрѣнію польскихъ королей, давались знатнѣйшимъ сановникамъ въ государствѣ—русскимъ и польскимъ. Бѣлоцерковскіе мѣщане владѣли обширными земельными пространствами и угодьями, пользовались магдебургскимъ правомъ, т. е. имѣли

свой собственный судъ и управленіе. Какъ укрѣпленный замокъ съ гарнизономъ, Бѣлая-Церковь составляла предметъ постоянныхъ споровъ и захватовъ со стороны польскаго правительства и козаковъ и переходила изъ рукъ въ руки, въ особенности при Хмельницкомъ и Паліѣ, пока прутскимъ договоромъ не былъ положенъ конецъ правобережному козачеству и сегобочная Украйна не стала достояніемъ Польши до возвращенія ея снова къ Россіи въ 1794 г. Когда вскорѣ послѣ перваго раздѣла Польши, именно въ 1774 г. Станиславъ Понятовскій раздаривалъ польскимъ магнатамъ предоставленныя сеймомъ въ личную его собственность украинскія староства, Бѣлая-Церковь съ ея обширнѣйшимъ округомъ, при населеніи свыше 100,000 душъ, досталась участнику дебошей короля, толерантному во времена расправы съ гайдамаками региментарю польскихъ войскъ, нынѣ коронному гетману, Ксаверію Браницкому, а Екатерина, чтобы еще болѣе склонить этого послѣдняго на сторону Россіи, женила его на одной изъ пяти племянницъ князя Потемкина, Александрѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, по смерти дяди своего увеличившей бѣлоцерковское староство полученными по наслѣдству обширными имѣніями въ черкасскомъ и звенигородскомъ уѣздахъ. Польскіе магнаты, вторя какъ-бы объявленному Екатериною въ 1783 г. закрѣпощенію лѣвобережной Украйны, закрѣпостили въ правобережной Украйнѣ всѣхъ вольныхъ людей, отбросивъ въ сторону грамоты королей и великихъ князей литовскихъ раньше, чѣмъ наступило окончательное распаденіе Польши и Украйна возвращена Россіи. Такъ и Бѣлая-Церковь пришла подъ скипетръ россійскій не свободною, а рабскою и новый скипетръ только закрѣпилъ и усилилъ ея рабство. Съ тѣхъ поръ Бѣлая-Церковь стала извѣстна какъ резиденція богатѣйшихъ польскихъ пановъ въ Россіи, владѣвшихъ болѣе нежели 300,000 душъ и не рѣдко осчастливливаемыхъ высочайшими посѣщеніями. Устроенный здѣсь Браницкими, съ громадными затратами, великолѣпный садъ, подъ именемъ Александріи, придалъ Бѣлой-Церкви новую извѣстность въ глазахъ туристовъ.

Въ такомъ видѣ нашелъ я Бѣлую-Церковь въ 50-хъ годахъ, и странное, гнетущее впечатлѣніе производила она на меня во все время пребыванія моего въ ней. Проѣзжему человѣку эта древняя козачья твердыня не могла показаться чѣмъ либо другимъ,

какъ польско-жидовскимъ мѣстечкомъ. Памятниковъ, слѣдовъ прежней русской жизни не осталось никакихъ. Гдѣ была, по преданію, первая русская церковь, тамъ красовался теперь костелъ; на мѣстѣ другой православной церкви красовался панскій палацъ; отъ замка, много разъ перестраивавшагося, едва виднѣлись остатки валовъ и рвовъ. Графини А. В. Браницкой, оставившей послѣ себя двѣ каменныя церкви вмѣсто семи прежнихъ деревянныхъ, не было уже въ живыхъ; вся экономическая интеллигенція состояла исключительно изъ поляковъ, подъ различными наименованіями: главноуправляющаго, просто управляющаго, маршалковъ и инспекторовъ: двора, сада, мельницъ, псовъ и пр. и пр., а также массы писарей и подписарей; польская рѣчь слышалась въ палацѣ и костелѣ, садахъ и павильонахъ, въ экономическихъ канцеляріяхъ и другихъ учрежденіяхъ, въ лавкахъ, заѣздахъ, на базарныхъ площадяхъ и улицахъ. Картину довершали съ одной стороны несмѣтныя богатства, роскошь, великолѣпіе, наслажденіе безъ мѣры, покой и праздность безъ конца, а съ другой покосившіяся хатки, загорѣлыя лица и руки и вѣчный нескончаемый трудъ. Общее населеніе Бѣлой-Церкви простиралось тогда до 20,000; изъ нихъ половина жидовъ, горсть поляковъ, остальное православное крестьянство.

Но въ средѣ закабаленнаго люда были старики, помнившіе времена златой вольности, едва начинавшейся панщины, большаго простора и довольства. Вызывать ихъ на воспоминанія не представлялись надобности; при моихъ частыхъ съ ними сношеніяхъ они сами вызывались на разсказы о своей прежней долѣ и многомъ другомъ. Я слушалъ ихъ съ вниманіемъ, любопытствомъ и невольнымъ участіемъ, а придя домой, иногдажъ и на мѣстѣ записывалъ ихъ разсказы слово въ слово. Тому минуло 30 лѣтъ; разсказчики давно въ могилѣ, отъ ихъ словъ вѣетъ замогильной давностью. Тутъ своя исторія, не связная, не полная, не точная, но въ короткихъ простыхъ словахъ слышится иногда больше присутствія угасшей жизни, чѣмъ въ десяткахъ страницъ положительной исторіи.

Подаю эти разсказы въ печать, раздѣливъ ихъ по именамъ повѣствователей, отчасти самому содержанію. Начну съ разсказа Бучинскаго, которому въ 1854 г. было уже 70 лѣтъ. Онъ служилъ въ русской арміи при Александрѣ Благословенномъ и Нико-

лаѣ I и дослужился чина прапорщика, а выйдя въ отставку, возвратился на родину и доживалъ свой вѣкъ на отцовскомъ пепелищѣ. У него хранился реестръ правъ и привилегій, данныхъ мѣщанамъ Бѣлой-Церкви польскими королями; у него-же была какая-то тетрадка съ записью объ основаніи Бѣлой-Церкви и замка. Тетрадку эту, по его словамъ, онъ получилъ отъ стараго польскаго жолнѣра, который, не имѣя нигдѣ пристанища, жилъ въ развалинахъ Палѣевой церкви и питался подаяніемъ. Изъ этой-то тетрадки и почерпнуты имъ переданныя мнѣ свѣдѣнія.

---

1) Разсказъ прапорщика Бучинскаго.

Основаніе Бѣлой Церкви. Прибѣгъ воинъ, изъ *бояръ*, и сталъ на скалѣ, гдѣ теперь костелъ, а мѣсто вокругъ было пусто, не заселено. Со скалы увидалъ онъ дымъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Шкаровка, а тамъ въ яру жила вдова *Била*, жена Матвія Бѣлаго, атамана разбойничьяго; она держала сотъ до семи разбойниковъ, б. товарищей своего мужа и хранила у себя ихъ добычу. Воинъ съ своей дружиной своевалъ бабу *Билу*, захватилъ въ полонъ всю ватагу и все добро ея и заставилъ плѣнныхъ разбойниковъ строить крѣпость, а на счетъ добытой казны соорудить здѣсь церковь, которую назвали *церковью билою, Бѣлою Церквою.*

Основаніе бѣлоцерковскаго замка. Когда начинали строить бѣлоцерковскій замокъ, изъ ольхъ, росшихъ на берегу р. Роси, выбѣжала, неизвѣстно чья, лошадь; лошадь поймали и живую закопали на сѣверо-западномъ углу крѣпости. На сѣверо-восточномъ углу закопали живаго пѣтуха. На юго-восточномъ углу закопали живою дѣвку; она несла воду ведрами, ее схватили и закопали. На юго-западномъ углу закопали какое-то животное—кошку или собаку. Ровъ крѣпостной шелъ отъ р. Роси, начинаясь между усадьбою доктора Познанскаго и Барановой, огибалъ графскія конюшни и церковную площадь и спускался къ рѣкѣ Роси за мясными лавками. По рву стоялъ палисадъ изъ огромнаго дубоваго частокола. Изъ палисада вели двое воротъ, однѣ были къ востоку отъ Палѣевой-Церкви, гдѣ смолу продаютъ на поворотѣ дороги, у горба, на которомъ стояла Андреевская церковь, а другими воротами, стоявшими близъ двора Осмоловскаго, выѣзжали на бердичевскую улицу.

На берегу, у нынѣшней мельницы была хатка, въ которой помѣщалась стража для надзора за проѣзжающими. Лавки дрянныя находились на мѣстѣ нынѣшней становой квартиры. Въ самую крѣпость или замокъ въѣзжали подземными воротами, устроенными въ валу, на дворѣ нынѣшняго мельника—нѣмца, а подлѣ нихъ была маленькая церковь. Къ берегу рѣки изъ замка былъ подземный ходъ, а въ замокъ изъ города вела крутая лѣстница, которая сначала шла прямо, а потомъ поворачивала на право. На сѣверо-западномъ углу крѣпости стояла большая пушка, которая упала въ воду и тамъ осталась; ее было видятъ мальчики, ныряя въ воду при купаньѣ. Изъ замка чрезъ рѣку шла каменная плотина, которая въ засуху выступала наружу.

---

2) Разсказъ Андрея Мосципана.

Була колись *Коліивщина*, десь воно взялось зъ Чигиринщины; въ Жаботинѣ, въ манастыри якійсь то прійшовъ ажъ зъ Запорожья, а другій зъ Басарабіи. Були вони и коло Билои-Церкви, тутъ ихъ розигнали. Вони стали якъ разъ, де теперъ коминотрусы, на горбочку; але якъ выпалили зъ пушки зъ замку, то такъ и убили самого старшого межъ ними предводителя, що бувъ таки зъ Билои-Церкви. Тоди вони утикать, геть туды къ Сквири потянулись, а въ руди покинули цилу бочку серебра на побережини, у Троцька, де и теперь Троцьки сидять. Такъ росказуе було батько, а ёму въ очаковську зиму було 18 литъ. Дидъ звався Сербинъ Иванъ, а батько Мусій Масципанъ.

Я ще памятаю, якъ Суворовъ сей край забиравъ. Прійшли москали—цилый полкъ, та и стали на выгони. Тутъ де Навроцькій сидитъ, була полкова церква. Насъ послали на ничъ за синомъ; вернулись зъ синомъ, ажъ нема ни москаливъ, ни церкви. Ажъ на другій день якъ показалась уже вся сила на Шкаровски гори, та стали зъ пушокъ стрилять холостыми, то за тимъ ввишли въ мисто, та польске тутешне висько и роспустили—такъ козаки (надворни) и розійшлись по домамъ господароватъ. Отже Степура, Шитковскій и Навроцкій, батьки нынишнихъ, служили въ тимъ виську.

Старый Браницкій заихавъ до Билои-Церкви въ саму очакивську зиму. Поля тоди були не миряни; уже въ три годы по

смерти Браницького помиряли—за комисара Липомана; отъ ще за Бурковського не миряни були: де хто хотивъ, тамъ и оравъ.

Церковь стару (каменну), кажуть, збудувавъ Семенъ Палій; винъ бувъ лыцарь, алежъ чиномъ меньшій одъ Мазепы; Мазепа зиславъ ёго кудысь.

Въ очаковську зиму (1788 г.) на Ивана Купала обвалилась гора, що одъ Шкаровки (сосѣдняго села). Тоди саме й я родився. Троицькои церкви попъ, отець Петро не схотивъ хрестить мене дома; сказавъ—пидемо съ процессіею на криныцю, що явилась на гори, то тамъ и охрещу ёго; тамъ мене и хрестили коло криныци. Обвалилась гора такъ: хлопци пасли скотъ на Шкаровській гори, бо тамъ бувъ чагаръ. Отъ прыйшовъ до ихъ якійсь старичокъ, тай каже: хлопци, втикайте! Тильки що одійшли, а вона и обвалилась, а тамъ въ провальи проявилась криныця. Вода іи була така помична, тяжко помична, якъ хто на очи слабіе; але-жъ прокляти нечысти (черти) и вбрались туды купатьця, тай спаскудили воду.

---

3) Разсказъ Авксентія Голяка.

О татарскихъ набѣгахъ. Худе время було колись; гирко було народови. Було, кажуть, стережись въ господи, стережись и на поли. Татаринъ було наниже на дрючокъ народу, сырицею позавязуе, та и жене. Отъ за магазиномъ [1]), въ Александріи [2]) есть могила Стрижовка (сторожевая); на тій могили було чоловикъ стоить зъ вихою, та и выгляда татаръ. То отъ куды виха похилилась, туды и народъ втикае. Або ось влизе було чоловикъ въ купину по шыю, голову накладе грязью, та и выгляда звидтиль на татаръ. На колинцяхъ було и дитей годують. А добро де хто мае, то було ховають то въ лиси, то въ яру, що и теперь зовеця »Добролеживкою«. Закопае було добро въ ямы, та хащемъ прикидае, та и втика въ лисъ, а въ ту пору коло Таращи [3]) лиса були таки не проходыми. А колись, росказували то ще стари люди, що чули отъ батькивъ, 40 литъ пусто було въ Билій-Церкви, народъ порозбигався. Ще про

---

[1]) Хлѣбный складъ гр. Браницкихъ.

[2]) Садъ гр. Браницкихъ.

[3]) Уѣздный городъ кіевской губерніи въ 40 верстахъ отъ Бѣлой-Церкви.

дида сихъ Ярмоливъ було росказують. Прыйшлы два татарины, та и застали ёго, що топивъ пичъ. Отъ же одинъ каже: побижу ще до другои хаты, та и побигъ, а ты, каже, бери цёго. Ось заразъ, каже Ярмола татаринови,—загорну тилки пичъ; та нибы загортать, сунувся до печи, та якъ ухватить зъ печи горшокъ зъ окропомъ, та въ татарина, татаринъ такъ и впавъ, якъ порося опарене, ажъ очи ёму вылизли. Тоди Ярема ухвативъ татарина, озволикъ ёго зъ синей въ комору, въ засикъ и вкинувъ, тай давай утикать. Прибигъ зъ другои хаты татарюга, ажъ нема татарина, нема и Ярмолы. То уже не швыдко до господы довидався, ажъ той татаринъ засмердився, що и до коморы не навернутьця, ледви выкидали зъ коморы те татарьске падло.

---

4) Разсказъ Романа Валентого.

О гайдамакахъ. Було колись розбійство—гайдамащина така, нибъ то зъ Чигиринщины вона взялась. Прыйшли гайдамаки пидъ Билу Церкву, та и стали тутъ за броваромъ, за цегельнею, коло могилы. Тамъ бувъ пидварокъ (фольваркъ),—вони ёго спалили. Та отъ спаливши пидварокъ, взяли човенъ, насыпали сребромъ, та и закопали тамъ коло могилы. Отъ же и доси никто не потрапить, де те сребро лежить; це вже шукали де яки, та не найдуть. Найстаршій межъ гайдамаками бувъ Швачка, чибъ то ни—Бондаренко, отакъ здаеця. Та кажуть, що бувъ межъ гайдамаками якійсь и генералъ, тильки убрався чумакомъ. Вони тильки постояли за мистомъ, ихъ одигнали. Звидтиль пишли вони въ Фастовъ, та тамъ ихъ и заарештовали. Людямъ вони ничого не робили, тилько ризали панивъ, та жидивъ, та грабили. Ось росказують було саливонци: [1]) ѣхавъ разъ ляшокъ зъ Кіева, по мужицьки убраный; зострили ёго гайдамаки и стали роспитувать, чи не ляхъ. Довго говоривъ, не пизнають, таки не пизнають; зусимъ уже бувъ выкрутився, тильки сказавъ якось: »допиро« (теперь), по цёму одному слову гайдамаки и пизнали, що ляхъ, заразъ и вбили ёго на тимъ мисти.

О возвращеніи Украины отъ Польши къ Россіи. Суворовъ прыйшовъ пидъ Билу Церкву въ саму Петривку. Москали такъ

---

[1]) Саливонки—предмѣстье Бѣлой-Церкви.

скрытно пидійшли Добролеживкою; ничого не було, а то заразъ на Заричьи стало війска, такъ якъ хмары. А самъ Суворовъ выйшовъ зъ козаками. Пидійшли до замку, до брамы; отступи, кричить польске військо, та и штыки попаставляли. »Штыки кидай«, закричавъ Суворовъ; тоди наше військо покидало все, та и пропустили Суворова съ козаками. А не було въ Билій Церкви польского війська бильшъ якъ одинъ шкадронъ, бо була змина. Тоди якъ стали москали пидходить, та бьють въ таки велики барабаны, та музыки грають; оттаке, що весь свитъ гуде, такъ весь выгонъ и заняли. Суворовъ чоловикъ соби не величкій бувъ, сухенькій, та жвавый; було ходить до Успенія въ церковь на службу, та и самъ на крыласи спивавъ, якъ росказуе було покійный Владиміръ, що дякувавъ. Владиміръ хотивъ и попомъ буть, та спизнывся, уже не можна було. А першъ, за уніи то и зъ мужыкивъ були попы, дасть 100 рублей, та и попъ.

О Бѣлой-Церкви. Людей въ Билій Церкви було дуже мало, якъ зазнаю. И не знаю, на щожъ було 7 церковъ на таке мале мисто; мабуть давнише ще було бильшъ народу въ Билій Церкви. Тильки и мисця було, що коло старои церкви мурованои. А де Жулчинскій сидить, була церковь Петра и Павла, а де смолу теперъ продають жиды, тамъ була сама столична брама, въ неи було и грапъ (Браницкій) йде. А за брамою була церква съ трёма верхами, здаеця, звана Андрея Первозваннаго. Де крамныци теперь, то тамъ мы волы пасли. Бувъ ще старый будинокъ тамъ, де теперь скарбець, а цей уже за графини (А. В. Браницкой) построили; кухни то ще за Мнишка, стародавни.

По Суворови було ще симъ пятакивъ подушного, а изъ трёхъ хатъ одинъ ходивъ на панщину на шисть днивъ, та ще и 6 грывень дають ему на смолу, по грывни за день, а пишому за два дни плата—золотый.—Потимъ зайхавъ до насъ грапъ, йхавъ отъ зъ Гребинокъ; старый уже бувъ чоловикъ, а вона молоденька. Та ще и за грапа не робили панщины. Першъ грапъ завивъ контрагенты заводами, та ставками. Потимъ якъ стали принужать людей до роботы, тоди найшлись три чоловики: Бучинській, Самко и Августиновичъ; пойхали вони до Варшавы, та тамъ сидили пивтора роки, а звидсиль громадою все гроши имъ высылали, щобъ старались. Отъ и выходили вони тамъ право такс, що мы вольни.

Колижъ якъ дочувся графъ, запригъ кони, та за ными. Колижъ розминувся, а винъ бы ихъ тамъ и на смерть позабивавъ. Поки винъ ихъ шукавъ по сторонахъ, а вони въ Житомири те право и облятували (занесли въ книги апелляціоннаго суда). Тоди вернувся графъ, зъихали и судови, приказують: давайте права, а вони бояця подавать. Та вже Бучиньскій на вколишкахъ лизъ, та на шапци подавъ [1]). Тоди графъ, ничого робить, сказавъ: »Нехай уже тилки селяне роблять панщину«, и давъ таку бумагу, що написавъ золотыми литерами: »Оддаю мисце подобровольне«. Отже якъ потимъ взяли молодого Бучиньского въ рекруты, баба—жинка старого Бучинського—за папиры, та до Кіева, думала, що по тымъ папирамъ вызволять сына. Де тамъ? Бумагу ту, що золотыми литерами, взявъ губернаторъ, та и заславъ до графа: тамъ вона и счезла. Баба и сына не вызволила и право запропастила. А то те само право, ще и теперь есть у Бучинського прапорщика.

Ще до Липпомана (управляющаго) не робили панщины въ Билій Церкви. Хоть робили було що, то ото въ субботу по реестрамъ и выплачують всимъ. А то уже стало за Липпомана: робили мы тыждень, не ма платы,—другій, третій, четвертый и пятый, не ма платы. Въ недилю по пятимъ тыжни приходимо до комисара, писарь каже: »заждить, пишовъ панъ до косціола«. Коли ось прыйшовъ зъ косціола; тоди писарь закликавъ насъ въ хату, та и каже: »ото добри люди, на паньскій земли вы сидите, робить же панщину, а платы бильшъ уже не мае«. Тоди взявъ, та и порвавъ передъ нами ти реестры, що пять недиль робили на плату. Отоди вже началась панщина.

Алексáндріи ще не було, якъ графъ зайхавъ. Мали садъ заводитъ за старымъ блихомъ и ямы уже покопали; ото тилки липа одна въ дворку за чугуннымъ заводомъ осталась съ того саду.

---

[1]) Отецъ упомянутаго прапорщика Бучинскаго, исхлопотавшій въ Варшавѣ урядовую выпись правъ и привиллегій, бѣлоцерковскихъ мѣщанъ. Опираясь на эти привиллегіи, онъ съ двумя другими уполномоченными добивался свободы отъ барщины, подобно жителямъ Черкасъ, Таращи и Звенигородки; но трудно было имъ отстоять это право, хотя Бѣлая-Церковь была дана Браницкому не на крѣпостномъ, а на старостинскомъ правѣ—*salvis juribus*, которыми пользовались мѣщане.

Бувъ у насъ колись то давно, кажуть, священникъ чи протопопъ Ковтунъ, Ковтуновскій: то то, де Александрія, бувъ ёго хуторъ колись.

Унія и благочестіе. Якъ графъ зайхавъ, то була ще унія. Графиня блогочестива була, и не ходила въ Успенську церкву до уніата. Скоро потимъ настало благочестіе, Успенська церква на самый передъ стала благочестивою.

Памятаю, якъ прыихали до насъ базиляне, чоловикъ шисть, а въ Успеньскій церкви зробили три престолы, такъ якъ въ косціоли; то кожный день було три службы мають и казань кажуть— народъ научають и держять въ церкви до двападцятого часу. Ото, зайхавши, базиляне взяли бумагу таку, якъ рядно, та й пишли съ процессіею по мисту, та й приказують: »посылайте дитей до церкви учиться!« То оце було сходимось вечеромъ до церкви, то три учать дитей виры, а три учать спивать писни. Якъ скоро котора дитина выучить, то було дають образки тому чи Варвары, чи Спасителя. То оце приходить до дому, та и хвалиться: »ось мыни стилки и стилки образкивъ дали«. Окроме учили хлопчикивъ, окроме дивчатокъ. Оце було пытаеця: »хлопци, скилько у васъ богивъ?« то хто скаже *одинъ*, а хто *три*, та зновъ за Тройцю пытае, та научае. Ото такъ чотыри недили учили насъ и службу отправовали. Ти сами писни и теперь знаю; я бувъ хлопець спрытный, було и образкивъ съ пять принесу отъ базилянъ. Народъ зъ силъ до церкви зганяли, та говорили, та приказували: »кайтесь люди, бо земля трясеця одъ вашихъ грихивъ«! Богу молиться учили насъ поповичи и дяки. Було дякъ не дасть квитка передъ сповидью, поки Богу не помолишься.

Петро Вошкунъ бувъ старый священникъ у Покровы. Высвятившись десь, не приставъ на унію; отъ же не правивъ, на бурку сидивъ у Покровы, ажъ поки зновъ не настало благочестіе. Було говорить: слава Тоби, Господи! що я виры своеи, якъ други, не поломавъ и дождавъ сёго часу, що зновъ благочестіе настало. Але жъ недовго и правивъ потимъ, скоро вмеръ, бо дуже старый бувъ. И попадя ёго старенька, низького росту, була. Вона було говорить до насъ: »жиночки, голубоньки мои, ходить до мене, выкачайте мою памитоньку! такъ мыни Богъ прививъ, а я колись

шостирикомъ ûздила. То мы було и покои повымазуемо и намитку выкачаемъ. А намитка у неи була гарна, заднипрянська, била, та тонка и очипокъ золотый; бо тоди вси попади въ намиткахъ ходили и Духнѣвичка въ намитци ходила. Сообщ. **П. Л—въ.**

ДВИЖЕНІЕ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Жизнь творитъ исторію, каждый прошедшій ея моментъ—достояніе исторіи. Выдающіеся моменты недавней жизни не мѣшаетъ отмѣчать изданію историческому; въ массѣ текущихъ газетныхъ извѣстій они быстро забываются и не скоро потомъ извлекаются изъ пыли архивной.

Эти нѣсколько словъ мы сочли нужнымъ предпослать сообщаемой замѣткѣ въ предъупрежденіе недоумѣнія читателя, привыкшаго видѣть на страницахъ историческаго журнала »дѣла давно минувшихъ дней, преданія старины глубокой«.

Въ послѣднее время вниманіе печати и общества привлекло къ себѣ школьное дѣло въ сѣверо-западномъ краѣ, благодаря обнаруженнымъ тамъ политическимъ тенденціямъ польской партіи. Раскрыто до очевидности, что оно не отвѣчаетъ нашему политическому положенію и задачамъ, равно какъ и потребностямъ населенія: обнаруженъ застой, скудное приращеніе въ числѣ училищъ, уменьшеніе числа учащихся и другіе недостатки. Личные счеты корреспондентовъ, писавшихъ объ этомъ дѣлѣ, съ мѣстною учебною администраціею долгое время держали положеніе этого дѣла въ запутанномъ видѣ, пока даровитый и опытный корреспондентъ »Нов. Времени« г. Молчановъ не снялъ не заслуженныхъ упрековъ съ представителя тамошней учебной власти и не выставилъ съ полною рельефностію, что предъ нашею школою въ сѣверо-западномъ краѣ стоитъ во всеоружіи недоступныхъ намъ средствъ грозная сила противной партіи, съ которою мы тщетно боремся цѣлые вѣка, благодаря нашему-же непостоянству.

Но когда такая случайная и скорбная извѣстность выпала на долю школьнаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ, школа юго-западнаго края остается въ неизвѣстности и лишь изрѣдка обращаетъ на себя вниманіе мѣстной только печати и мѣстнаго общества. Въ

этомъ отношеніи мы остановились на прежде сложившемся мнѣніи, что и тутъ дѣло затормозилось, застыло и не имѣетъ движенія, соотвѣтственно пространству и населенію края. Но оно не застыло, оно движется,—вотъ что мы хотимъ сказать и подтвердить настоящею замѣткою.

Предъ нами офиціальная вѣдомость объ открытіи народныхъ училищъ за послѣдніе три года въ юго-западномъ краѣ, т. е. губерніяхъ кіевской, подольской и волынской. По этой вѣдомости вновь открытыхъ за это время училищъ значится 125. По губерніямъ это число распредѣляется не равно: на долю кіевской приходится лишь 24, волынской 31 и подольской 70. Общая сумма по содержанію этихъ училищъ составляетъ 72,751 р. 75 к., или 582 р. на каждое изъ нихъ. Самую большую часть этой суммы, именно 45,059 р. 75 к. даютъ крестьянскія общества, 27,322 р. отпускается изъ казны, 150 р. идетъ изъ фундушевыхъ записей и 250 р. отъ частныхъ лицъ. Жалованье учителя колеблется между 300 и 400 руб., въ рѣдкихъ случаяхъ опускаясь ниже 300; жалованье законоучителя между 50 и 150 р., средняя-жъ норма его 100 р. Если принять въ разсчетъ, что ученіе въ сельской школѣ идетъ 4—5 мѣсяцевъ, а уроковъ Закона Божія бываетъ обыкновенно въ недѣлю два и не свыше 8 въ мѣсяцъ, то плата за каждый такой урокъ можетъ простираться отъ полутора до трехъ и нѣсколько болѣе рублей. Такимъ образомъ и содержаніе учителей можно считать обезпеченнымъ и вознагражденіе законоучителей достаточнымъ даже и для большаго числа уроковъ, гдѣ таковое могло бы случиться.

Но не объ устройствѣ и положеніи школъ наша главная рѣчь; мы хотимъ сказать, что дѣло школьное въ юго-западномъ краѣ движется и число новыхъ школъ увеличивается съ значительнымъ успѣхомъ. Кому цифра 125 для трехъ губерній съ свыше 5-ти милліоннымъ населеніемъ, покажется недостаточною, тому мы вспомнимъ, что тѣже препятствія, которыя служатъ главнымъ тормазомъ школьнаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ, имѣютъ отчасти мѣсто и здѣсь, и что сверхъ того здѣсь сохраняютъ всю свою силу другія причины, которыя не имѣютъ мѣста тамъ. Школы у насъ были, начиная съ временъ Владиміра и Ярослава, существовали при всѣхъ превратностяхъ въ политической судьбѣ края, существовали въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія въ большемъ, чѣмъ

теперь числѣ и закрылись на нашихъ глазахъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Съ наступленіемъ освобожденія крестьянъ, духовенство первое принялось за учрежденіе вновь школъ и мы можемъ указать здѣсь мѣста и лица, гдѣ первыя школы были открыты, именно священниками по собственному ихъ почину. Но что доступно было однимъ, оказывалось не по силамъ многимъ другимъ, а между тѣмъ епархіальная власть, увлекшись первымъ легкимъ успѣхомъ и общею мыслью, что главная обязанность священника *учить*, сдѣлала учрежденіе школъ въ приходахъ обязательнымъ для всѣхъ священниковъ и поддерживала свое требованіе весьма энергично и настойчиво. Такъ было въ кіевской епархіи, ей старались подражать епархіальныя власти Подоліи и Волыни. Почти въ каждомъ приходѣ явились школы: явились энергическіе и умные пастыри, которые обставили школу хорошо и повели дѣло ученья умѣло и съ жаромъ, но большинство не имѣло ни того, ни другаго, дѣйствовало по подражанію и что еще хуже по приказу. Самое-же главное—никто почти не подумалъ о прочномъ матеріальномъ обезпеченіи школы: священники и прихожане, дѣйствуя съ горяча, вели дѣло на вѣру, на словахъ, кто сколько дастъ; потомъ охладѣвали либо одна, либо другая сторона, подъ часъ и давать стало нечего. Громадное зданіе оказалось построеннымъ на пескѣ; возвѣяли вѣтры и оно стало разрушаться. Таже школьная горячка охватила въ слѣдъ за духовенствомъ учебные кружки и долгое время дремавшее наше общество. Отъ школъ воскресныхъ, блеснувшихъ метеоромъ, перешли въ Кіевѣ къ школамъ постояннымъ, смастерили на скоро временные педагогическіе курсы, съ горяча, между людьми дѣльными, напустили туда всякаго хламу, кромѣ самаго дѣла, напичкали новыхъ педагоговъ разнымъ вздоромъ и пустили ихъ учить и благовѣстить... Но свободныхъ мѣстъ для новыхъ школъ почти уже не было. Свѣже испеченнымъ педагогамъ приходилось входить въ готовыя уже, духовенствомъ заведенныя школы; но тутъ обнаружилась разность взглядовъ, направленій и пріемовъ учредителей и новыхъ руководителей школъ. Шли состязанія, словопренія, выступалъ вопросъ о правѣ, преимуществѣ и пр. Отъ учрежденія не многихъ, не приходскихъ школъ перешли къ мысли обезпечить и перестроить кой-гдѣ плохія приходскія школы. Завязалось соперничество, препирательство двухъ

вѣдомствъ—епархіальнаго и учебнаго, изъ которыхъ на сторонѣ одного были *jus primi*, на сторонѣ другаго денежныя средства. Соглашенія не послѣдовало; загорѣлась борьба. Въ пауськиваніяхъ, подстрекательствахъ недостатка не оказалось. Педагоги корили духовенство незнаніемъ »новѣйшихъ методовъ«, духовенство упрекало ихъ въ пустозвонствѣ, верхоглядствѣ. Тамъ и здѣсь была своя доля правды, которой не признавали однако стороны враждующія. Споръ перешелъ въ новый фазисъ, когда на сторону учебнаго вѣдомства стала гражданская администрація. Борьба кипѣла: разъѣзжали чиновники, допрашивавшіе крестьянъ, желаютъ-ли они имѣть школу *министерскую*, или *церковно-приходскую*. Обѣ стороны въ запальчивости и раздраженіи не рѣдко скандализировали себя и профанировали школу въ глазахъ ничего не вѣдавшаго народа. Дѣло само собою затормозилось; споръ перешелъ въ высшія сферы и Высочайшею властію разрѣшенъ былъ въ смыслѣ *statu quo*, иначе говоря: школы, учрежденныя духовенствомъ, должны были остаться въ его завѣдываніи, а школы, устроенныя учебнымъ вѣдомствомъ, подлежать вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія. Въ послѣдствіи, какъ *modus vivendi*, установлено было, что вѣдомство учебное съ одной стороны даетъ изъ собственныхъ суммъ пособія церковно-приходскимъ школамъ, по усмотрѣніи ихъ успѣховъ и нуждъ, а для сего послѣдняго получаетъ право осмотра ихъ, съ другой, при учрежденіи вновь школы его вѣдѣнія, въ такомъ пунктѣ, гдѣ существуетъ школа церковно-приходская, испрашиваетъ согласія епархіальной власти.

Хотя такимъ образомъ положеніе двухъ стоящихъ другъ противъ друга вѣдомствъ и выяснилось, но нельзя сказать, что-бы оно точно опредѣлилось и не оставляло мѣста недоразумѣніямъ и соблазну для низшихъ ихъ органовъ при случаѣ подставить другъ другу ножку. Послѣ всего происходившаго оба вѣдомства не могутъ не считать себя двумя противными, по меньшей-же мѣрѣ отдѣльными лагерями. Горячая когда-то схватка ихъ, ожесточенная полемика, продолжавшаяся свыше десяти лѣтъ, не могла не оставить по себѣ глубокихъ слѣдовъ. Примиреніе не уничтожило охлажденія ихъ какъ между собою, такъ отчасти и въ самому дѣлу; охладѣло къ дѣлу и само населеніе, извѣрившись въ тѣхъ и другихъ руководителяхъ своего образованія. А время шло; пора об-

щаго увлеченія школою давно миновала. Каждое общественное дѣло имѣетъ такую пору: когда оно ново, когда оно предметъ впервые сознанной потребности, вопросъ дня, просто моды,—на него набрасываются разомъ всѣ, другъ друга возбуждаютъ, другъ другу помогаютъ; тогда многое можно сдѣлать. Кто пропустилъ эту пору, тому наверстывать послѣ бываетъ очень трудно. Такъ случилось и съ школьнымъ здѣсь дѣломъ: послѣ длинной пертурбаціи и общей реакціи оно совсѣмъ пришло было въ застой. Не помогло и учрежденіе инспекціи. Прибавилась одна лишняя ко многимъ другимъ инстанція въ такомъ простомъ дѣлѣ, какъ учрежденіе сельской школы. Между тѣмъ народъ не терпитъ волокиты и иногда со всѣмъ отказывается отъ дѣла, когда увидитъ, что оно затянулось, а тутъ оно невольно затягивается вслѣдствіе самой процедуры, установленной закономъ.

Если строго и безпристрастно взвѣсить всѣ условія, въ какихъ стояло и стоитъ школьное дѣло въ юго-западномъ краѣ, то приведенную выше цифру 125 школъ, учрежденныхъ за послѣднее трехлѣтіе, нельзя не признать весьма почтенною. Когда въ обстоятельствахъ дѣла нѣтъ ничего возбуждающаго и воспособляющаго, напротивъ есть много препятствующаго, объясненія успѣха дѣла надо искать въ личныхъ качествахъ руководителей онаго. Что и здѣсь, какъ говорится, дѣло мастера боится, на это прямо указываетъ число школъ, открытыхъ въ послѣдніе три года въ подольской губерніи, болѣе чѣмъ вдвое превышающее число школъ, открытыхъ за тотъ-же срокъ въ губерніяхъ кіевской и волынской. Сельскія общества, какъ извѣстно, не обладаютъ собственною иниціативою: въ дѣлѣ учрежденія школы, какъ и во всемъ другомъ, онѣ требуютъ внѣшняго толчка, напоминанія, возбужденія и еще болѣе соглашенія. Недостатка ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ нѣтъ: у сельскихъ обществъ много, даже слишкомъ много пестуновъ, руководителей и охранителей въ лицѣ исправниковъ, мировыхъ посредниковъ, священниковъ, помѣщиковъ, волостныхъ старшинъ и писарей; но что начинаетъ одинъ, тому рѣдко помогаетъ, но чаще препятствуетъ другой. Положеніе инспектора народныхъ школъ, не имѣющаго и тѣни какой-либо власти и значенія въ средѣ названныхъ дѣятелей и въ виду ничѣмъ не связанныхъ съ нимъ сельскихъ обществъ, по истинѣ трудное. Требуется много ума,

также, энергіи, терпѣнія, миролюбія, иногда очень осторожнаго и искуснаго обращенія, чтобы согласить всѣхъ и все, не задѣть ни чьего самолюбія, расположить, заохотить и въ концѣ концовъ создать, хорошо обставить и поставить на ноги такое простое и миньятюрное учрежденіе, какъ сельская школа. Но тотъ же трудъ, тѣ-же качества, въ той-же, если не въ большей степени должны быть присущи центральному управленію народнымъ образованіемъ въ краѣ, ибо своими верхушками достигаютъ его тѣ-же разнородные элементы, среди которыхъ находятся его посредствующіе органы, и ему приходится дѣйствовать и сверху и снизу, чтобы поддерживать ихъ самихъ и создаваемое ими по частямъ дѣло, поддерживать то соглашеніе, котораго тѣ успѣваютъ достигнуть, охранять устроенное ими отъ весьма частыхъ попытокъ пошатнуть и повернуть въ ту или другую сторону, направлять и руководить дѣло начальнаго образованія, которое въ массѣ дѣлъ средняго и высшаго образованія, составляетъ слишкомъ тяжелый и ощутительный придатокъ. Говоримъ такъ потому, что напр. въ привислинскомъ краѣ съ средины, а въ сѣверо-западномъ съ конца 70-хъ годовъ существуютъ дирекціи училищъ, въ непосредственномъ вѣдѣніи которыхъ находятся начальныя училища, и что въ послѣднемъ существуетъ кромѣ того изрядное число инспекторовъ народныхъ школъ, а въ первомъ учреждается, какъ сообщено не давно въ газетахъ, должность помощниковъ начальниковъ учебныхъ дирекцій; въ юго-западномъ-же краѣ дѣло управленія народными школами, при незначительномъ числѣ однихъ лишь инспекторовъ, лежитъ всею почти тяжестію на учебномъ округѣ. Если за всѣмъ тѣмъ число начальныхъ школъ, какъ мы уже видѣли, растетъ здѣсь съ несомнѣннымъ успѣхомъ, то нельзя не считать этого особою заслугою администраціи учебнаго округа и не приписать ея опытности, энергіи и особому умѣнью соглашать самые разнородные элементы и теченія и обходить тысячи препятствій. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не радоваться такому успѣху школьнаго дѣла: если гдѣ, то именно здѣсь, по сравненію съ окраинами, въ слѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, мы сильно поотстали, и благо, что хотя теперь наверстываемъ. Надѣяться можно, что съ учрежденіемъ для юго-западнаго края дирекцій народныхъ училищъ, которое можетъ наступить къ концу нынѣшняго даже года, дѣло народнаго здѣсь образованія

относительно рабочихъ силъ придетъ въ равновѣсіе съ другими мѣстностями и не только число школъ будетъ возрастать, но и самое обученіе въ нихъ развиваться, совершенствоваться и давать желаемый плодъ. Ожидать значительнаго увеличенія церковно-приходскихъ школъ едва-ли возможно, такъ какъ, не смотря на обнародованныя не давно новыя объ нихъ правила, ихъ учрежденіе и содержаніе, организація и завѣдываніе остались въ прежнемъ положеніи. Разсуждавшая болѣе года объ устройствѣ ихъ коммисія, не придумала ничего болѣе, кромѣ предоставленія духовенству права открывать эти школы, т. е. того права, котораго никто у него не оспаривалъ и которымъ оно пользовалось болѣе 20 лѣтъ. Облыгаемое въ этомъ отношеніи духовенство наше сдѣлало уже, что могло, въ лицѣ тѣхъ своихъ членовъ, которымъ школьное дѣло доступно по дарованіямъ и призванію, личнымъ и семейнымъ обстоятельствамъ и по многому другому; но никому не доказать, что это сословіе исключительно педагогическое, а тѣмъ болѣе сдѣлать его такимъ. Что въ правѣ и обязанностяхъ, когда для осуществленія ихъ не изыскано никакихъ средствъ? *Ex nihilo nihil fit.* Что до духовенства юго-западнаго и мѣстнаго учебнаго округа, они лишились теперь и тѣхъ средствъ, какими доселѣ располагали: расходовавшіяся доселѣ *тридцать* тысячъ рублей на пособія лучшимъ церковно-приходскимъ школамъ, по усмотрѣнію учебнаго начальства, перечислены теперь въ общій фондъ для церковно-приходскихъ школъ всей Россіи.

К. Ц.

ОЧАКОВСКАЯ ЗИМА ПО СОВРЕМЕННОМУ ОПИСАНІЮ.

Очаковская зима, т. е. та, въ которую взятъ Очаковъ (1788), памятна народу до сихъ поръ своей необыкновенной жестокостью. Намъ удалось получить въ копіи описаніе этой зимы, принадлежащее современнику ея, Семену Кущинскому, жителю Новоархангельска— нынѣ елисаветградскаго, а тогда новомиргородскаго уѣзда херсонской губерніи. Описаніе сдѣлано на первомъ листѣ библіи, теперь составляющей собственность крестьянина с. Тишковки елисаветград-

скаго уѣзда Мурашкина, и доставлено намъ сыномъ его, обучающимся въ одномъ изъ учебныхъ заведеній города Елисаветграда. Оно интересно, какъ показаніе современника.

Жительствовавшему мнѣ новомиргородскаго уѣзда селенія архангельскаго (т. е. Новоархангельска), ѧѱпи (1788) года бысть допущеніемъ Божіимъ грѣхъ нашихъ ради на насъ зима. Октября гі҃ (13) дня, ѣхавъ я въ Елисаветъ (Елисаветградъ), выпавъ снѣгъ такій великъ, что въ силу возомъ до дому вернувся, а ноября з҃ (7) впавъ снѣгъ и лягла настоящая зима. Сего-же года Очаковъ бралъ декабря ѕ҃ (6) Потемкинъ о зимномъ Николаи: и начали вѣтры превеличайшія замети крѣпкіе и нарочито замитало, когда дней к҃ (2) или г҃ (3), а зачальне была метель недѣль к҃ или и болѣе. Продолжалась лютость до самаго свѣтлаго воскресенія и тако помалу роставало, что по балкамъ былъ снѣгъ, которій випавъ прежде фелиповаго поста. Можно было безъ нужды взискать снѣгъ по балкамъ мая ѕі҃ (16) дня; еще-жъ и се помяну, что замѣтами снѣгъ лѣси обыкновенно поломавъ, сади, дерево родючое, тоже и лѣсъ немилостиво повимерзавъ и посохъ, вижнѣ (вишни) и сливи въ пень порубили, а заземки отростати стали въ петровъ постъ. Предъ Онуфріемъ [1]) морозъ былъ великъ, что мѣстами хвасоля, огурци, дыни, пшеничка вовсе померзла, жито солома весма хороша, а зерна ничего нема, ярина весма хороша.

Сообщ. **В. Ястребовъ.**

ЗАГАДОЧНЫЕ ПОРТРЕТЫ.

Въ черниговской губерніи, стародубскомъ уѣздѣ, близъ села Сытыя-Буды и мѣстечка Ропска, на берегу рѣки Сновы находится каменскій, нѣкогда мужескій, теперь женскій монастырь съ церковью во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. Этотъ монастырь, окруженный и до нынѣ лѣсомъ, расположенъ на горѣ и получилъ названіе каменскаго отъ того, что вся площадь, имъ занимаемая, представляетъ сплошный камень, красный песчаникъ, а за оградою

) Празднуется 12 іюня.

обители торчатъ тамъ и здѣсь дикія скалы, разорванныя провалами. Каменскій монастырь основанъ »старцемъ Іоною Болховскимъ« (или Полховскимъ), который и былъ потомъ игуменомъ этой обители, бывшей первоначально общежитною. На столбахъ западнаго входа въ начальный храмъ обители была подпись: »Бога Отца изволеніемъ, Бога Сына благословеніемъ, Бога Духа Святаго поспѣшествомъ Пресвятой Богородицы Успенія храмъ сооруженъ 1687 г. [1])« Въ этомъ-же году памятный Малороссіи Иванъ Степановичъ Мазепа, въ благодарность Богу за свое избраніе въ гетманы, »для устроенія и содержанія каменской обители, утвердилъ универсаломъ за нею земли на рѣкѣ Сновѣ отъ рѣки Рясни по рѣчку Трубежъ съ сушаковскою отчиною« [2]), »а въ 1694 г. дозволилъ этому монастырю »въ кутку бучковскомъ«, подлѣ рѣчки Трубежа и подлѣ урочища Городища, осадить слободку тридцатью хатами. Преемникъ его Скоропадскій, въ 1713 г., »не только утвердилъ права каменскаго монастыря на село Шумиловку, слободку и половину села Бровничъ, но еще придалъ ей и мельницу на рѣкѣ Ревнѣ«. Кромѣ этихъ лицъ, въ числѣ благодѣтелей каменскаго монастыря былъ и Павелъ Полуботокъ, черниговскій полковникъ, нѣкоторое время наказный гетманъ, извѣстный своею неудачною попыткою отстоять прежнія права Малороссіи. Свѣдѣнія о фундаторахъ и благодѣтеляхъ каменскаго монастыря имѣютъ непосредственную связь съ тѣмъ происшествіемъ, о которомъ хотимъ разсказать.

Спустя полстолѣтія отъ основанія каменской обители, мирная ея жизнь нарушена была такимъ казуснымъ дѣломъ, котораго никто не могъ предполагать, которое привело въ трепетъ всѣхъ живущихъ въ ней и оставило по себѣ скорбныя воспоминанія.

Въ 1737 г., въ началѣ іюля, изъ черниговской каѳедры каѳедральнымъ писаремъ, іеромонахомъ Иракліемъ Комаровскимъ былъ посланъ для сбору штрафныхъ денегъ съ тѣхъ, кто на исповѣди не бывалъ, священникъ села Сытыхъ-Будъ Иванъ Ромацкевичъ; вмѣстѣ съ нимъ ѣздилъ и дьячекъ того-же села Ефимъ Ѳедоряченко. Порученіе, данное Ромацкевичу, было не изъ лестныхъ; это былъ

[1]) Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи (Архіепископъ черниговскій Филаретъ), кн. 4 стр. 55.

[2]) Тамъ-же, стр. 56—66.

родъ подводной, или постойной повинности. Ѣздить на свой счетъ, подвергаться всѣмъ трудностямъ пути, развозить указы о правежѣ денегъ, добиваться денегъ, когда ихъ нѣтъ, или дать не хотятъ, провѣрять наличность по вѣдомостямъ каѳедры, вести счетъ получкамъ и недоплатамъ, беречь деньги и отчитываться предъ каѳедрою было и хлопотно, и убыточно, тяжело и досадно. Ромацкевичъ прежде сего судился за какое-то дѣло въ консисторіи и едва-ли не въ наказаніе дано было ему столь тягостное порученіе, отрывавшее его отъ хозяйства въ самую горячую пору уборки хлѣба. Ромацкевичъ былъ кромѣ того человѣкъ неспокойный и, по обычаю всѣхъ людей того времени, любилъ выпить. Въ какихъ отношеніяхъ стоялъ онъ къ каѳедральному писарю,—неизвѣстно.

Среднихъ чиселъ іюля, Ромацкевичъ и Ѳедоряченко прибыли въ каменскій монастырь и остановились въ немъ. Игумена въ ту пору въ монастырѣ не было: игуменомъ считался самъ катедральный писарь Ираклій Комаровскій, но жилъ въ Черниговѣ при консисторіи. Пока Ромацкевичъ трактовалъ съ монастырскими властями и съ дороги подкрѣплялся, дьячекъ Ефимъ, въ сопровожденіи монастырскаго пономаря монаха Тита, пошелъ посмотрѣть монастырскую церковь, которой никогда прежде не видалъ. Титъ показывалъ Ефиму достопримѣчательности церкви, а первое мѣсто между ними имѣла икона Успенія Пресвятыя Богородицы,—не столько самое »существо« иконы, сколько »намулеванныя на ней персоны«. Монахъ Титъ говорилъ дьячку Ефиму:

— Гляди! вотъ свыше того образа намулеваны четыре персоны: первая царь Петръ I, вторая Петръ II, третья гетмана Мазепы, а четвертая полковника Полуботка.

Дьячекъ съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ, а придя въ комнату, гдѣ помѣщался Ромацкевичъ, сообщилъ ему о видѣнномъ. Подстрекаемый любопытствомъ, Ромацкевичъ отправился и самъ посмотрѣть необычную икону. Тотъ-же монахъ Титъ пояснилъ и ему, что за персоны нарисованы на томъ образѣ, когда-же Ромацкевичъ спросилъ его, зачѣмъ тѣ персоны на образѣ и выразилъ не одобреніе образу, старый чернецъ безцеремонно отвѣтилъ ему:

— Жаль, что тебя не было въ ту пору, когда писался образъ и ты не указалъ, какъ малевать здѣсь иконы; а впрочемъ нѣтъ тебѣ до того и дѣла.

Сконфуженный Ромацкевичъ не нашелся, что отвѣтить пономарю, вышелъ изъ церкви и отправился домой. Оставаясь въ монастырѣ, Ромацкевичъ успѣлъ повздорить съ монахами и одного изъ нихъ, іеромонаха Самуила Грудницкаго, монастырскаго писаря, жестоко избилъ. Полагать надо, что досталось при этомъ отъ братіи и самому Ромацкевичу, а іеромонахъ Самуилъ подалъ на него жалобу архіерею.

Продолжая исполнять свою не легкую коммисію, Ромацкевичъ перекочевалъ въ Стародубъ, гдѣ была полковая канцелярія. Тутъ пришло ему на мысль воспользоваться видѣннымъ имъ образомъ съ намулеванными на немъ персонами, чтобы разомъ насолить и монахамъ, намявшимъ ему бока, и самому катедральному писарю, давшему столь тягостное и убыточное порученіе. Не долго думая, Ромацкевичъ, подаетъ донесеніе въ стародубовскую полковую канцелярію, что въ каменскомъ монастырѣ на храмовомъ образѣ Успенія Божіей Матери написаны, въ числѣ другихъ, портретъ измѣнника Мазепы и Полуботка. И Ромацкевичъ и его спутникъ дьячекъ Ефимъ тутъ-же были допрошены и отпущены домой.

Началось страшное политическое дѣло: кто, съ какимъ злымъ умысломъ, для каковыхъ причинъ и пр.? Это было время бироновщины, полное политическихъ доносовъ, конфискацій, ссылокъ, казней и пр. Ромацкевичъ продолжалъ свою экспедицію, злобно радуясь, что затѣялъ такое дѣло, которое приведетъ въ трепетъ и всѣхъ чернцовъ каменскихъ и самую катедру. Вдругъ, когда онъ возвратился уже домой и не спѣша съ отчетомъ, отдыхалъ отъ трудовъ, схватываютъ его самого, отбираютъ у него пожитки, заковываютъ въ кандалы, отправляютъ въ Черниговъ и сажаютъ въ тюрьму при катедрѣ. До катедры дошло уже извѣстіе о сдѣланномъ Ромацкевичемъ въ полковую канцелярію донесеніи и какъ онъ косвенно хотѣлъ упечь каменскую братію и катедру, такъ теперь катедра косвенно донимала его. На вопросъ Ромацкевича, почему берутъ его подъ караулъ и заключаютъ въ тюрьму, ему отвѣчаютъ: за то, что изъ катедры указы не скоро розвозилъ. Но этимъ не ограничилось дониманье Ромацкевича: въ тюрьмѣ даютъ ему пятьсотъ розогъ, а когда онъ спросилъ: за что? отвѣчаютъ уже съ большею откровенностью: »а чтобы, будучи въ чужихъ церквахъ,

всего не разсматривалъ«. Ромацкевича продержали въ архіерейской тюрьмѣ съ 9 августа до 24 сентября.

Изъ найденнаго нами въ архивѣ министерства юстиціи краткаго »экстракта« этого дѣла, по которому воспроизводится настоящій разсказъ, мы не видимъ, какой первоначальный ходъ возъимѣло извѣстное уже донесеніе Ромацкевича. Полагать надо, что оно на первыхъ порахъ было замято, такъ какъ на взглядъ мѣстныхъ властей содержаніе въ церкви каменскаго монастыря иконы Успенія Божіей Матери съ портретами на ней царей и правителей не представляло не только ничего преступнаго, но даже выходящаго изъ круга обыкновеннаго. Въ Малороссіи всегда было въ обычаѣ не только имѣть въ церкви на стѣнахъ отдѣльные портреты основателей и благодѣтелей монастырей и церквей, но писать ихъ изображенія на иконахъ. Въ Переяславѣ въ успенской церкви и теперь хранится икона Успенія Божіей Матери, на которой изображены Петръ I, его жена и двѣ дочери, а также нѣсколько придворныхъ, въ томъ числѣ и гетманъ, всего вѣроятнѣе Скоропадскій. Но Ромацкевичъ, высидѣвъ въ тюрьмѣ и получивъ нѣсколько сотъ розогъ, не унимался и если въ экстрактѣ сего дѣла мы находимъ указаніе на сдѣланный имъ въ св. синодъ доносъ, то нельзя не предположить, что онъ слалъ доносы и другимъ свѣтскимъ командамъ. Объ иконѣ съ намулеванными персонами узнали въ синодѣ, въ сенатѣ и въ канцеляріи министерскаго правленія. Въ Петербургѣ иначе, конечно, смотрѣли на дѣло столь обыкновенное въ Малороссіи; достаточно было тамъ одного имени Мазепы, чтобы придать дѣлу характеръ чрезвычайнаго, политическаго. Для разслѣдованія на мѣстѣ командированъ былъ по сенатскому указу лейбъ-гвардіи маіоръ Шиповъ; слѣдствіе сосредоточено было въ »канцеляріи министерскаго правленія«. Къ дѣлу привлечены, кромѣ доносчика попа Ромацкевича, дьячка Ефима Ѳедоряченка и пономаря Тита, всѣ безъ исключенія монахи каменскаго монастыря, въ томъ числѣ и бывшій короткое время игуменомъ этого монастыря, каѳедральный писарь, теперь уже архимандритъ троицко-ильинскаго черниговскаго монастыря Праклій Комаровскій и жена давно умершаго Полуботка, а въ качествѣ экспертовъ и свидѣтелей генеральная старшина. Суть всего разслѣдованія сосредоточивалась на томъ, были-ль на иконѣ портреты Мазепы и Полуботка, которые въ вопро-

сахъ и отвѣтахъ не разъ обзываются измѣнниками. Ясно, что слѣдствіе доискивалось въ написаніи ихъ портретовъ политическаго замысла и намѣренія, а для разъясненія этого ставились добавочные вопросы о томъ, кѣмъ, когда, по чьему желанію и заказу и на чей счетъ написана икона и на ней портреты четырехъ персонъ. Большинство привлеченныхъ къ допросу давали уклончивыя показанія, или отговаривались невѣдѣніемъ, въ слѣдствіе-ли дѣйствительнаго незнанія обстоятельствъ дѣла, или подъ вліяніемъ весьма понятнаго страха и не желанія навлечь на монастырь или на кого нибудь бѣду. Лишь не многіе выяснили въ своихъ показаніяхъ происхожденіе иконы, заказчиковъ оной, писавшаго ее и время написанія; но вопросъ о »намулеванныхъ персонахъ« и была-ли въ числѣ ихъ картина измѣнника Мазепы остался затертымъ; никто не отважился сказать, что таковъ былъ обычай въ странѣ, что въ особенности портреты фундаторовъ монастырей и церквей можно было найти почти повсюду (въ гамалѣевскомъ гетмана Скоропадскаго, въ максаковскомъ воеводы Киселя и т. д. и т. д.) и что гетманъ Мазепа былъ фундаторомъ именно этого каменскаго монастыря, а Скоропадскій и Полуботокъ его благодѣтелями. Передадимъ сущность показаній каждаго изъ допрошенныхъ.

Попъ Ромацкевичъ и дьячекъ Ефимъ Ѳедоряченко ничего къ своимъ первымъ показаніямъ не прибавили и ничего въ нихъ не измѣнили. Бывшій въ началѣ дѣла игуменомъ каменскаго монастыря Ираклій Комаровскій заявилъ, что онъ хотя и числился игуменомъ, но оставался въ Черниговѣ при дѣлахъ, посѣтилъ лишь однажды свой монастырь и будучи въ церкви, того образа и написанныхъ на немъ персонъ совсѣмъ не замѣтилъ и ни отъ кого объ нихъ дотолѣ не слыхалъ, что-же касается попа Ромацкевича, то плетьми его за то, что-бы онъ, будучи въ чужихъ церквахъ, ничего не смотрѣлъ, не наказывалъ и пожитковъ его не бралъ, а все это дѣлалось по волѣ архіепископа, за *непостоянство* Ромацкевича, за *побой*, учиненный имъ каменского монастыря іеромонаху Грудницкому, и многое другое.

Пономарь Титъ призналъ, что сперва дьячку Ѳедоряченку, а потомъ попу Ромацкевичу показывалъ »намулеванныя на иконѣ Успенія Божіей Матери четыре персоны«, поясняя, что первыя двѣ означаютъ царей Петра Великаго и Петра Алексѣевича, что относи-

тельно третьей, »представляетъ-ли она гетмана Мазепу или Скоропадскаго, подлинно сказать не можетъ, ибо *писать* не умѣетъ, а подъ картинами подписей нѣтъ, что на четвертой несомнѣнно изображенъ полковникъ Полуботокъ и что какъ самая икона, такъ и всѣ эти четыре персоны мулеваны въ городѣ Черниговѣ, черниговскимъ мѣщаниномъ, тогда уже умершимъ, Якимомъ, а въ какомъ году, не припомнитъ«.

Назначенный въ генварѣ 1738 г. игуменомъ каменскаго монастыря, іеромонахъ Патрикій Лисянскій передалъ лишь то, что успѣлъ узнать при пріемѣ монастыря, а именно, что на обратной сторонѣ образа Успенія Богородицы значится 1716 г., т. е. годъ написанія иконы, что, по показаніямъ монаховъ того монастыря, образъ писанъ черниговскимъ мѣщаниномъ, маляромъ Якимомъ, а чьимъ тщаніемъ, неизвѣстно, и что нарисованныя на томъ образѣ двѣ персоны означаютъ покойнаго гетмана Скоропадскаго да полковника Полуботка, а другіе чьи, безъ подписи знать не можетъ.

Намѣстникъ іеромонахъ Савва Любичъ показалъ, что самъ онъ находится при каменскомъ монастырѣ съ 1728 года, что образъ Успенія Богородицы писанъ въ 1716 году, что »писалъ тотъ образъ черниговскій маляръ Якимъ, по заказу монастыря и деньги ему за то плочены монастырскіе и что намулеваны тамъ кругомъ Успенія, по признанію старыхъ людей,—Петръ Великій, покойникъ гетманъ Скоропадскій и полковникъ Полуботокъ, а четвертая персона кого именно выражаетъ, того онъ, Савва, не знаетъ, но измѣнника Мазепы персоны на томъ образѣ не написано«.

Іеромонахъ Іоакимъ Хоминскій говорилъ, что монахомъ онъ въ каменскомъ монастырѣ живетъ съ 1712 года и что образъ Успенія Богородицы рисовалъ черниговскій маляръ Якимъ при бытности его, по заказу игумена Гедеона, который умеръ въ 1724 году, но »чьи именно персоны на томъ образѣ написаны, не знаетъ, а подлинно знаетъ, что измѣнника Мазепы на томъ образѣ не писано и игуменъ Гедеонъ, подряжая маляра Якима писать тотъ образъ, приказывалъ ему изобразить лишь одно *существо* Успенія Богородицы, писать-же притомъ какія персоны не повелѣвалъ, и написалъ ихъ тотъ маляръ самъ собою, безъ всякаго повелѣнія, ради украшенія, а съ прежняго-ли какого образа, или отъ себя издалъ, того онъ Хоминскій не знаетъ«.

Допрошенные порознь іеромонахи: казначей Тихонъ Козелецкій, уставщикъ Инокентій Червинскій, писарь Самуилъ Грудницкій, іеродіаконы: Дмитрій Глизовый, Трифилій Козельскій и монахи: Матѳей Березовскій, Ѳеофилъ Бѣляевъ, Тихонъ Могилевецъ и Аѳанасій Мелецкій, поступившіе въ каменскій монастырь разновременно между 1720 и 1732 г., въ одинъ голосъ отозвались въ большей части невѣдѣніемъ относительно происхожденія образа и написанныхъ на немъ персонъ, передавая лишь какъ слухъ, полученный ими отъ другихъ, что образъ написанъ при игуменѣ Гедеонѣ черниговскимъ маляромъ Якимомъ. Существенно въ ихъ, какъ и во всѣхъ другихъ показаніяхъ то, что говоря объ изображенныхъ персонахъ, они особо утверждаютъ свое невѣдѣніе въ томъ, находятся-ли на иконѣ изображенія Мазепы и Полуботка. Лишь монахи Трифилій Стародубецъ и Титъ Шкурчевскій, проживавшіе въ каменскомъ монастырѣ съ 1713 года, прибавили нѣчто новое къ прежнимъ показаніямъ: первый слышалъ отъ самаго игумена Гедеона, а второй отъ другихъ, что »къ написанію того образа тщаніе имѣла и деньги за работу Якиму маляру платила жена умершаго полковника Полуботка«, но какъ первый, такъ и второй отозвались невѣдѣніемъ ни имени ея, ни того, были-ли на иконѣ изображенія »Полуботка измѣнника и измѣнника Мазепы«.

Прошло много свидѣтелей, потрудились не мало слѣдователи; но то, чего доискивались послѣдніе, именно—есть-ли на иконѣ портреты Мазепы и Полуботка, никакъ не давалось. А иконы и портреты были на лицо. Оставалось допросить людей, которые лично и притомъ близко знали и Мазепу и Скоропадскаго и Полуботка, не признаютъ-ли они ихъ въ »намулеванныхъ персонахъ«. Призваны были: генералый подскарбій Андрей Марковичъ, генеральный войсковой судья Забѣла и генеральный эсаулъ Ѳеодоръ Лысенко съ тѣмъ, чтобы дали вѣрныя показанія, дѣйствительно-ли при томъ образѣ Успенія Богородицы нарисованы Мазепа, Скоропадскій и Полуботокъ; но и они объявили, »что при этомъ образѣ никто изъ написанныхъ персонъ на гетмановъ Скоропадскаго и измѣнника Мазепу и полковника Полуботка нимало не похожи, ибо де гетманъ Скоропадскій былъ сухъ, а измѣнникъ Мазепа волосомъ рудявъ, долголикъ и съ бородою, а полковникъ Полуботокъ былъ дороденъ и волосомъ русявъ«. Вѣрность своихъ показаній генеральная стар-

шина подтверждала своими подписями, заявляя, что показываетъ по чистой совѣсти.

Была послѣдняя надежда у слѣдователей—допросить жену Полуботка, на которую столь прямую ссылку сдѣлали послѣдніе два свидѣтеля. Она находилась въ живыхъ; но, будучи привлечена къ допросу, заявила, что никакого отношенія къ рисованію образа Успенія Богородицы не имѣла. Провѣряя ея показанія, навели справку въ генеральной канцеляріи и узнали, что Полуботокъ былъ женатъ два раза, что первую его жену звали »Ефимьей, а какой она фамиліи и въ какомъ году умерла, неизвѣстно«, и что оставшаяся въ живыхъ вторая его жена Анна Романовна, вышла за него замужъ лишь въ 1719 году, между тѣмъ образъ съ четырьмя персонами, какъ доселѣ несомнѣнно выяснилось, былъ писанъ въ 1716 году.

Принялись въ третій разъ допрашивать пономаря монаха Тита: надо было узнать, откуда онъ получилъ тѣ свѣдѣнія о названіяхъ »намулеванныхъ персонъ,« изъ-за которыхъ возникло все дѣло, но которыя не подтверждались теперь никѣмъ почти изъ свидѣтелей. Монахъ Титъ, чтобы окончательно выгородить себя изъ столь опаснаго дѣла и отстранить отъ себя всякія ссылки на него другихъ свидѣтелей, рѣшительно заявилъ, что »съ игуменомъ Патрикіемъ и ни съ кѣмъ изъ монаховъ о томъ образѣ и написанныхъ на немъ персонахъ никогда ничего не говорилъ и по чьему приказу онъ писанъ, ни съ кѣмъ въ розговорѣ о томъ не упоминалъ«, священнику-жъ Ромацкевичу передалъ то, что слышалъ отъ другихъ, ибо, находясь издавна при той церкви, много разъ видѣлъ, какъ »при томъ образѣ Успенія Б. Матери всякіе проѣзжающіе малороссіяне останавливались, а нѣкоторые изъ тѣхъ, смотря на тотъ образъ, между собою разговаривали: на семъ-де образѣ имѣются персоны ихъ императорскихъ величествъ Петра I и Петра II, гетмана Мазепы или Скоропадскаго (а котораго именно, онъ Титъ прислушать не могъ), да полковника Полуботка; но кто именно изъ проѣзжающихъ и когда такъ разговаривали, онъ Титъ за давностью не помнитъ«.

Тѣмъ кончилось слѣдствіе на мѣстѣ; какія затѣмъ инстанціи проходило это дѣло, было-ли переслѣдованіе, новые допросы, дополнительныя показанія и свѣдѣнія, изъ имѣющагося у насъ экстракта не видно. Слѣдствіе кончено въ іюлѣ 1738 г. и болѣе, нежели чрезъ годъ, именно 12 сентября 1739 г., на имя слѣдователя по сему

дѣлу лейбъ-гвардіи маіора Шипова данъ изъ правительствующаго сената указъ, которымъ давалось ему знать, что его слѣдственное донесеніе и приложенный къ нему экстрактъ изъ дѣла »по доносу попа Ивана Романкевича на чернеца Тита и архимандрита каменскаго монастыря объ усмотренномъ имъ въ томъ монастырѣ образѣ Успенія Богородицы, вмѣстѣ съ *копіею* съ того образа, на которомъ написаны персоны государей Петра Великаго, Петра Втораго, да измѣнника Мазепы и полковника Полуботка, постановлено отослать для разсмотрѣнія и подлежащаго рѣшенія въ святѣйшій правительствующій синодъ, понеже оно подлежитъ до разсмотрѣнія того святѣйшаго синода[1])«.

Изъ приведеннаго указа и рѣшенія сената очевидно, что, во 1-хъ, по совокупности всѣхъ свидѣтельскихъ показаній, а быть можетъ и съ помощію новыхъ какихъ-либо данныхъ, сенатъ призналъ, что на иконѣ между другими изображеніями былъ портретъ Мазепы, во 2-хъ, что за смертію сооружавшихъ икону съ портретами, именно: маляра Якима, игумена Гедеона и первой жены Полуботка, политическая сторона дѣла оставлялась безъ вниманія и въ 3-хъ, что сенатъ ставилъ вопросъ лишь объ умѣстности храненія въ монастырской церкви иконы съ портретомъ между прочимъ измѣнника Мазепы, но самый вопросъ считалъ подлежащимъ рѣшенію святѣйшаго синода, куда и передалъ все дѣло. Какъ разрѣшилъ это дѣло святѣйшій Синодъ и изъялъ-ли онъ изъ употребленія икону, бывшую причиною столькихъ тревогъ,—неизвѣстно. Будемъ надѣяться, что кто-либо изъ лицъ близкихъ къ синодальному архиву наведетъ въ немъ справку и откроетъ любопытный конецъ этого дѣла.

Возвращаясь къ самому дѣлу, не можемъ не замѣтить, что въ добытыхъ нами изъ его экстракта свѣдѣніяхъ многаго еще не достаетъ для разрѣшенія вопроса о бывшихъ на иконѣ Успенія Божіей Матери въ каменскомъ монастырѣ портретахъ, что многое въ этомъ дѣлѣ кажется намъ то не полнымъ, то не точнымъ, то просто загадочнымъ. Такъ въ выпискѣ изъ сенатскаго указа значится, что при дѣлѣ находилась и въ синодъ препровождена *копія* образа, а не самый образъ. Трудно согласить это съ обычаями того, да и

---

[1]) Моск. арх. министерства юстиціи. Дѣла сената по синоду, кн. 28 – 790, стр. 1001.

нашего времени; но если-бы и такъ, то подлинная икона должна была остаться въ монастырѣ, и не находится-ли она тамъ и теперь, или копія его въ синодальныхъ складахъ? Въ той-же выпискѣ въ числѣ портретовъ на иконѣ значится портретъ императора Петра II, а между тѣмъ въ 1716 г., когда писалась икона, ему могло быть лишь нѣсколько мѣсяцевъ отъ рожденія. Генеральная старшина: Марковичъ, Забѣла и Лысенко даютъ показанія о внѣшнемъ видѣ Скоропадскаго, Мазепы и Полуботка не сходныя во многомъ съ извѣстными доселѣ ихъ портретами. Одно изъ двухъ: или показанія ихъ не вѣрны, или мы не имѣемъ вѣрныхъ портретовъ названныхъ лицъ, особливо Мазепы. Наконецъ игумена Гедеона не находимъ ни въ какихъ общихъ и частныхъ спискахъ настоятелей монастырей.

Тѣмъ не менѣе, сводя всѣ свѣдѣнія, даваемыя экстрактомъ сего дѣла, мы готовы признать, что жена ли Полуботка, или игуменъ Гедеонъ, или та и другой вмѣстѣ могли для увѣковѣченія памяти объ основателяхъ и благодѣтеляхъ каменскаго монастыря, по обычаю того времени, изобразить на храмовой иконѣ портреты гетмана Мазепы, Скоропадскаго и полковника Полуботка, а къ нимъ прибавить и портретъ царствовавшаго тогда государя Петра I.

Д. Сапожниковъ.

ПАНСКАЯ БЛАЖЬ, ХЛОПСКАЯ НАПАСТЬ, А ЧИНОВНИЧЬЯ ПОЖИВА.

Что паны чудили, это всякому извѣстно; но такъ чудить, какъ нашъ панъ Винцентій, едва-ли и въ голову кому либо приходило, да и повѣрить тому было-бы трудно, если-бы произшествіе, о которомъ хотимъ тутъ разсказать, не совершилось на нашей памяти и такъ сказать на нашихъ глазахъ.

Когда панъ начнетъ было чудить, хлопу неминуемая напасть,—отъ пана-ли самого или отъ кого другаго, все равно. Паны-магнаты расплачивались щедро и совершенно добровольно за свои причуды; съ пановъ средней руки взимали приличную дань блюстители порядка, даже и въ то время, когда они вовсе того не желали и не предполагали. Между этими послѣдними выдавались люди съ удивительно тонкимъ чутьемъ на счетъ того,

гдѣ и чѣмъ можно было поживиться. Любимымъ конькомъ ихъ въ послѣдніе годы крѣпостнаго права было тоже, что и у самихъ пановъ — неповиновеніе и бунты крестьянъ, и они открывали это зло даже тамъ, гдѣ его не могли заподозрѣть самые паны. Выигрывали въ такихъ случаяхъ или паны, или полицейскія власти и суды, проигрывали одни лишь крестьяне, расплачиваясь имуществомъ и спинами, или-же отдѣлываясь страхомъ, какъ въ данномъ случаѣ. Но не будемъ забѣгать впередъ.

Нашъ панъ Винцентій былъ помѣщикъ хотя средней руки, но все-же очень богатый и жилъ не вдалекѣ отъ славнаго города Бердичева. Любилъ онъ поддерживать свой древній шляхетскій родъ, жилъ въ пышной и богатой обстановкѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ необычайно набоженъ и велъ строго-цѣломудренную жизнь. Въ 50-хъ годахъ, къ которымъ относится нашъ разсказъ, пану Винцентію было около тридцати лѣтъ, и не смотря на всю роскошь панскую, на богатство, на частые соблазны, онъ былъ строгій дѣвстеенникъ, избѣгалъ и даже боялся женскаго общества; каждое воскресенье посѣщалъ бѣлопольскій костелъ, почти ежемѣсячно говѣлъ и исповѣдывался у бѣлопольскаго пробоща, ежедневно часа по три, по четыре выстаивалъ въ своей домашней каплицѣ на молитвѣ, часто ударяя себя въ грудь и преклоняя колѣна. Когда наступала жатва, онъ ежедневно отправлялся съ любимымъ лакеемъ на свои поля, собственноручно нажиналъ по двадцати сноповъ пшеницы и нажатое дарилъ бѣднымъ; съ крестьянами своими обращался ласково, человѣколюбиво и милостиво; будучи добрымъ католикомъ и полякомъ, онъ помогалъ православному священнику и даже подарилъ ему нѣсколько морговъ земли. Любилъ нашъ панъ Винцентій посѣщать по временамъ бердичевскій кляшторъ, гдѣ ксендзы-монахи съ особеннымъ торжествомъ совершали богослуженіе и произносили весьма трогающія польскую душу казанья; въ кляшторѣ притомъ былъ отличный органъ, превосходные музыканты и хорошіе пѣвцы и пѣвицы. Въ Бердичевъ привлекала по временамъ пана Винцентія и славная во всемъ краѣ онуфріевская ярмаркарка, на которой совершались всевозможныя хозяйственныя и коммерческія сдѣлки и на которую еще въ пятидесятыхъ годахъ съѣзжалось все окружное польское панство, какъ на нѣкоторое торжество, стараясь превзойти другъ друга блескомъ,

и роскошью поѣзда и нарядовъ. Вотъ на одну изъ этихъ ярмарокъ отправился однажды и нашъ панъ Винцентій: ѣдетъ онъ цугомъ въ каретѣ, на четверкѣ прекрасныхъ лошадей, за нимъ слѣдуетъ также на четверкѣ, но уже не въ каретѣ, а въ рессорной бричкѣ управляющій, а тамъ парой на бричкѣ экономъ, а далѣе на простой подводѣ, но четверкой ѣдутъ гуменный и поваръ съ запасами для кухни и овсомъ для лошадей, да еще сверхъ этого идутъ двѣ подводы съ сѣномъ, а за ними гонятъ батраки лошадей, быковъ, коровъ и воловъ для продажи или въ обмѣнъ на другихъ. Заѣзжій жидовскій дворъ напередъ договоренъ на время ярмарки, и огромный поѣздъ съ гикомъ и шумомъ вваливается туда и располагается на двухнедѣльное житье. Панъ Винцентій тщательно окуриваетъ комнаты, чтобъ истребить жидовскій духъ, вынимаетъ изъ шкатулки Распятіе и ставитъ его въ углу, падаетъ предъ нимъ на колѣни и возноситъ благодарственную молитву Богу за благополучное прибытіе въ г. Бердичевъ.

На утро онъ устремляется въ кляшторъ и старается пробраться въ одинъ изъ угловъ вблизи престола, чтобы, ничѣмъ не развлекаясь, предаться молитвѣ; но костелъ уже полонъ, протиснуться впередъ нельзя, да и назадъ податься трудно, и онъ волей-неволей остановился. Спереди и сзади его стояла масса молящихся; онъ машинально повелъ глазами вокругъ, чтобы опредѣлить свою позицію, и видитъ, что рядомъ съ нимъ стоитъ паненка необычайной красоты. Взглянулъ панъ Винцентій еще разъ и пришелъ въ неописанное смущеніе, но уже не могъ глазъ оторвать отъ прекрасной паненки. Кровь жгла ему лице, бушевала во всемъ тѣлѣ; онъ пробовалъ молиться, но глаза его не поднимались къ алтарю. Наконецъ сила воли взяла свое и панъ Винцентій пустился опрометью изъ костела. Пріѣзжаетъ домой, распростирается крестомъ предъ Распятіемъ, исповѣдуетъ свой грѣхъ; но угрызенія совѣсти растутъ съ каждымъ часомъ: ничто ему не мило, ничто не интересуетъ и онъ, предоставивъ своему жондцѣ вести всѣ дѣла на ярмаркѣ, самъ отдается молитвѣ. Но еще съ большей силой преслѣдуютъ его тѣже угрызенія совѣсти; онъ молится, но видитъ, что никакой молитвой не искупить ему своего грѣха. Вспомнилъ панъ Винцентій, какъ бичевали себя многіе святые и грѣшные монахи, изнуряя плоть свою, и рѣшился самъ подвергнуть себя

такому же истязанію: зоветъ лакеевъ и велитъ дать себѣ 50 розогъ. »Змилуйся, панъ, надъ самимъ собою!« говорили лакеи; но онъ слушать не хотѣлъ и грозилъ каждому отпустить по 50 нагаекъ. »Отъ же вдуривъ панъ!« перешептывались между собою слуги, но наконецъ рѣшились произвести надъ нимъ требуемую экзекуцію. Не пожалѣли, правда, рукъ, и панъ Винцентій остался вполнѣ доволенъ, благодарилъ всѣхъ, далъ каждому по червонцу и совершенно успокоился. Объ одномъ онъ просилъ своихъ слугъ и строго имъ наказывалъ—не болтать и никому о случившемся не разсказывать. Но какъ умолчать о такомъ необычайномъ дѣлѣ? Пана Винцентія его простые хлопы и прежде считали »придурковатымъ«, а теперь и просто признали »божевильнымъ« и не считали нужнымъ молчать о томъ. Пошло отъ одного къ другому; къ вечеру о панской секуціи знали чуть не всѣ на ярмаркѣ. Отъ лакеевъ пана Винцентія узнали лакеи сосѣдей-пановъ, отъ нихъ самые паны. Пошли толки по всему Бердичеву и дошли до помощника исправника П. Тотъ сначала посмѣялся, но потомъ задумался...

Въ то время онъ приторговалъ для себя домъ въ Бердичевѣ, очень выгодный и довольно дешево, но ему не хватало тысячи рублей серебромъ для покупки. П. занятъ былъ думою, гдѣ и какъ раздобыть эту недостающую тысячу, а тутъ какъ разъ вѣсть о секуціи, произведенной надъ паномъ Винцентіемъ его собственной прислугой... Дѣльце подходящее, подумалъ про себя П. и мгновенно летитъ къ своему пріятелю уѣздному врачу, сообщаетъ ему свой планъ, увлекаетъ его съ собой, беретъ пристава, разсыльныхъ, понятыхъ и катитъ въ резиденцію пана Винцентія учинить дознаніе о бунтѣ и насиліи, произведенномъ его дворовыми людьми.

— У васъ, я слышалъ, бунтъ, заговорилъ П., явившись съ цѣлой коммисіей предъ очами изумленнаго пана. Ваши дворовые вышли изъ повиновенія вамъ, учинили надъ вами...

— Никакого бунта, отвѣчалъ смѣшавшись панъ; то добрые, спокойные люди.

— Да; но дошло до моего свѣдѣнія, получено секретное донесеніе... Необходимо дознать, начальству донести.

— Мой паніе! началъ было панъ Винцентій; но П. не далъ ему говорить и мгновенно потребовалъ всю дворню.

— Какъ! накинулся онъ съ яростію на входящихъ лакеевъ и другихъ дворовыхъ. Такъ вы бунтъ затѣяли? Пана своего убить, замучить хотѣли! Неблагодарные, изверги. Законной власти не покоряетесь? Я васъ...

И дворовые и панъ рѣшительно растерялись. П. шумѣлъ, кричалъ, топалъ ногами.

— Сознавайтесь, подлецы, сѣкли пана? закричалъ онъ вновь, глядя въ упоръ стоявшимъ впереди дворовымъ.

— Та вжежъ выбили, коли... заикнулся было одинъ; но П. тотъ часъ перебилъ его:

— Коли?! Такъ вы еще колоть думаете? Вы это все свою Коліивщину вспоминаете... Бунтовщики, разбойники! Вязать ихъ, забрать всѣхъ въ тюрьму! Тамъ допросимъ всѣхъ и каждаго по косточкамъ переберемъ.

— Змилуйтесь, пане! кричали дворовые; но караульные и понятые бросились забирать и выводить ихъ.

— Змилуй-сіе, паніе! вопилъ въ свою очередь панъ Винцентій; но П. вновь огорошилъ его:

— Какъ! и вы за бунтовщиковъ? Укрывательство... потакательство! Хотите общій бунтъ въ краѣ произвести? Мало этихъ бунтовъ? Нѣтъ; я этого не допущу. Протоколъ, актъ! въ тюрьму ихъ, на кобылу ихъ! А васъ, ясневельможный, попрошу раздѣться, показать знаки насилія. Вотъ докторъ; надо освидѣтельствованіе произвести, протоколъ дополнить, чтобы все въ порядкѣ было.

— Змилуй-сіе, паніе! только и можетъ говорить растерявшійся панъ. Не хочется ему раздѣваться; но П. не отстаетъ, требуетъ, грозитъ, а письмоводитель скрипитъ перомъ, протоколъ доканчиваетъ.

— Да надо, я думаю, говоритъ П., обращаясь къ доктору, упомянуть, сколько ударовъ дано, какимъ орудіемъ, по какой части тѣла и какіе слѣды отъ ударовъ остались.

— Непремѣнно, непремѣнно! произнесъ докторъ. — Но надо все видѣть. Панъ позволитъ? обратился онъ къ пану Винцентію.

Тотъ не выдержалъ и метнулся на минуту въ спальню. Врачъ и П. многозначительно переглянулись. Выбѣгаетъ панъ Винцентій и съ словами: мой паніе! суетъ П. въ руку свертокъ бумажекъ. Тотъ взялъ, измѣрилъ пачку своимъ опытнымъ глазомъ и безъ обиня-

ковъ сказалъ: мало, панъ! Панъ Винцентій полѣзъ опять въ шкатулку и когда вынулъ и вручилъ П. другой подобный первому свертокъ, то перестали и актъ писать, и спину пана свидѣтельствовать, и дворовыхъ въ тюрьму вести.

Наскоро и безъ особой неловкости распрощался П. съ паномъ Винцентіемъ, сдѣлалъ на выходѣ должное внушеніе его дворовымъ и укатилъ съ своею импровизированною коммисіею. Въ карманѣ у него оказалось ровно столько, сколько не доставало для покупки дома. Дворовые только перекрестились и въ недоумѣніи вздохнули; а панъ Винцентій съ этой поры сталъ считать себя совершенно очищеннымъ отъ своего грѣха и на другой день очень рано поѣхалъ въ кляшторъ благодарить Бога за избавленіе отъ искупленія.

К. Ц.

ГРАМОТА ПЕТРА I ЧЕРНИГОВСКОМУ АРХІЕПИСКОПУ ІОАННУ МАКСИМОВИЧУ [1]).

(Объ измѣнѣ Мазепы и избраніи новаго гетмана).

Поспѣшествующею милостію мы пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и государь, и обладатель, наше царское величество, объявляемъ богомольцу нашему, преосвященному Іоанну Максимовичу, архіепископу черниговскому и новгородскому: извѣстно намъ великому государю учинилося, что гетманъ Мазепа забылъ страхъ Божій и свое крестное и намъ великому государю цѣлованіе, и измѣнилъ, и переѣхалъ къ непріятелю нашему королю

---

[1]) Извѣстіе объ измѣнѣ Мазепы застигло Петра въ расплохъ въ лагерѣ надъ Десной въ виду приближающагося непріятеля. Петръ былъ въ большой тревогѣ и при первой вѣсти отправилъ въ Кіевъ князя Б. О. Куракина доставить къ нему въ лагерь кіевскаго митрополита и знатнѣйшее духовенство. Очевидно, въ туже пору писана настоящая грамота и вѣроятно такая-же грамота послана была съ Куракинымъ кіевскому митрополиту. Помѣщаемую грамоту мы нашли въ ризницѣ архіерейскаго дома при черниговскомъ ильинскомъ монастырѣ и приводимъ здѣсь отъ слова до слова.—Гр. М.

шведскому, по договору съ нимъ и Лещинскимъ, отъ шведа выбраннымъ на королевство польское, дабы съ общаго согласія съ ними Малороссійскую землю поработить по прежнему во владѣніе польское, и церкви Божіи и святые монастыри отдать во унію, и понеже намъ, яко государю и оборонителю малороссійскаго края, належитъ отеческое попеченіе о васъ имѣти, дабы въ то порабощеніе и разореніе Малой Россіи, такожъ и церквей Божіихъ во оскверненіе не отдать, того ради повелѣваемъ: вамъ богомольцу нашему, и всей генеральной старшинѣ, и полковникамъ, и прочимъ чинамъ войска запорожскаго, дабы на прелесть и измѣну сего измѣнника, бывшаго гетмана не смотрѣли, но при оборонѣ нашихъ великороссійскихъ войскъ противъ тѣхъ непріятелей стояли, и для лучшаго упрежденія всякого зла и возмущенія въ малороссійскомъ народѣ отъ него бывшаго гетмана, вы богомолецъ нашъ и вся старшина генеральная и полковая сбѣжались немедленно въ обозъ нашъ къ Деснѣ, для *обраня* по правамъ и вольностямъ своимъ вольными голосами новаго гетмана, въ чемъ крайняя нужда и спасеніе всея Малыя Россіи состоитъ. Данъ сей нашъ царского величества указъ въ обозѣ при Деснѣ, за приписаніемъ власныя нашея руки и приложеніемъ печати. Октября въ 28 день 1708 году. *Петръ.*

Сообщ. графъ **Милорадовичъ.**

---

3. Послѣ обѣда были въ банѣ у отца архимандрита іпатского Платона Малиновского, где изъ отцами Нероновичемъ префектомъ и Лукою Конопшевичемъ проповѣдникомъ, съ коллегіума московскаго прибывшими, видѣлися, изъ которыхъ отецъ Нероновичъ назначенъ епископомъ въ іркутскую епархію, а отецъ Конопшевичъ въ кадетскій корпусъ учителемъ.

4. Получилъ письмо отъ п. тетки изъ Риги, чрезъ нѣкоторого маіора іноземца привезенное. На перевозъ пошло 8 к., на проч. 6 к. Сегодня послѣ обѣда пошелъ въ монастырь невскій и тамъ, передъ вечернями пришедши, ночовалъ у отца Василія, священника тамошнего.

5. Послѣ утрени исповѣдалъся у духовника отца Герасима и причащалъся на службѣ Божой въ деревянной церкви; потомъ былъ у отца архимандрита и обѣдалъ у отца намѣстника Симона; по обѣдѣ былъ у отца економа и у господина Василія Кириловича Тредіаковского. Тандем побувавши у отца Василія священника, отъехалъ на колясках, отъ отца намѣстника и економа данныхъ. Отцу духовнику данъ 1 р. Розышлось на розницю 26 к. Ея імператорское величество изволила прибыть изъ Петергофа въ С. П. Бурхъ коло вечерень, и на пріѣздъ изъ многихъ пушокъ палено.

6. Были рано у графа Головкина, а панич былъ и во дворцѣ, где послѣ службы Божой пожалованъ господинъ Потоцкій кавалеріею Андрея Первозваного и офицери всѣ преображенского полку звапы къ столу, ради праздника ихъ полку. На медъ пошло $37\frac{1}{2}$ к.

7. Будучи рано у господина Курбатова, засталъ тутъ и графа Сапу Владиславовича, который за мною причинялся, толкожъ ни чего не успѣло. На перевозъ пошло 4 к.

8. Обѣдалъ у пана Полуботка, и потомъ заходилъ и до отца Малиновского, тамо оного въ домѣ не получилъ. На перевозъ пошло 8 к., на проч. 8 к.

9. Просилъ графа Головкина въ своемъ дѣлѣ, который сказалъ просить о вѣтницѣ, чтобъ зъ нами обще пріѣхали слушать моего дѣла. Рано былъ у насъ панъ Полуботокъ, по обѣдѣ господинъ Новоторжцовъ, деньги кормовіи паничу привозилъ. Книгу Телемака прислалъ установщикъ посаревнинъ Іванъ Петровичъ.

10. Vacat. 11. Рано былъ у Петра Василіевича, который казалъ мнѣ у себе и обѣдать, где и по обѣдѣ даже до 7-го часу забавлялись картами и разными розговорами. На перевозъ и проч. пошло 8 к. Сегодня сказалъ мнѣ Федоръ Дмитріевичъ Максимовичъ въ коллегіи иностранной, что братъ его двоюродный Іванъ Петровъ сынъ Максимовичъ, который обрѣтался въ Москвѣ, преставился тамъ въ недавнихъ числахъ: и именно сего августа 1-го числа[149]).

12. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного, до пана Скоропадского и до канцеляриста пана Юркевича, а въ Стародубъ до пана тестя, до жены и до Стефана чрезъ райтара кіевского Александра Бершова. За чолки и носки полотняные 14 к.

13. Получены листы отъ ясневелможного 5 въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ: 1) о неизманія лишнихъ рацій и порцій сверхъ опредѣленнаго, 2) о мекленбурцахъ[150]), 3) о селѣтранныхъ и рудокопныхъ заводахъ, 4) о селѣ п. Холодовичу опредѣленномъ, 5) о видахъ Богу (?), да до мене писма отъ ясневелможного, отъ сотника воронежского п. Холодовича и отъ п. Юркевича.

14. Подалъ листы гетманскіе въ коллегію и вручилъ оные Петру Василіевичу. За мите платя 10 к., еще пошло 2 к.

15. Рано были у графа Головкина, службы Божои слушали въ Тройци. По обѣдѣ были у Петра Василіевича, одтоль былъ я у Івана Александровича Дурова, сына полковника нашого, въ дворѣ его, и у пана Полуботка. Розышлось на перевозъ и проч. 15 к.

16. Рано былъ у Петра Василіевича Курбатова и просилъ о дѣлахъ, о которыхъ писано теперь недавно отъ ясневелможного, и о своемъ дѣлѣ. Получилъ писмо отъ сотника голтвянского пана Федора Остроградского[151]). Былъ у Павла Івановича Апостола ліокай дворцовый Артемъ Івановичъ надъ вечери.

---

[149]) Ив. Петр. Максимовичъ въ 1708 г. поѣхалъ за Мазепою (вмѣстѣ съ дядею Дмитріемъ) и по смерти Мазепы назначенъ былъ Орликомъ—генеральнымъ писаремъ; возвратился въ Малороссію въ 1715 году, поселенъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ.

[150]) О стоявшихъ въ Малороссіи полкахъ, называвшихся мекленбургскими.

[151]) Федоръ Матвѣевичъ Остроградскій былъ впослѣдствіи, въ 1752 г., полковникомъ миргородскимъ. Онъ былъ праправнукъ извѣстнаго математика Михаила Васильевича Остроградскаго.

17. Были у графа Гаврила Головкина и отдано писмо отъ всевелможного благодарственное за прибавку паничевѣ жалованя. По обѣдѣ были у насъ господинъ Яворскій, камеръ-юнкеръ, князь Гагаринъ, камеръ-пажъ, и п. Пузировскій, смолянинъ, а рано панъ Андрей Полуботокъ. Розыплось на огурцы, хлѣбъ и проч. 14 к.

18. Пану Армашенку даны 30 к. Пополудни были зъ учителемъ Балталаромъ Бемомъ у Федора Дмитр. Максимовича, семеновского полку сержанта, въ квартерѣ его, въ Малой Морской. На перевозъ пошло 5 к.

19. Рано былъ паничъ у Андрея Ів. Ушакова, поздравляючи его тезоименитствомъ. Ея імператорское величество изволила быть у тогожъ господина Ушакова на обѣдѣ, где палено на пріездъ ея величества перве з 31, потомъ зъ 25, таже зъ 17. Послѣ мунтровалать рота семеноьского полку гренадерская, которая партіами палила зъ оружя и гранати бросала на воду болше годины дзигаровой, а между тѣмъ изъ пушокъ палено. Въ исходѣ-же 5-го часа по полудни изволила ея імператорское величество отехать зъ дому помянутого господина генерала Ушакова водою на лилюбкѣ въ дворецъ свой лѣтный, а на отездѣ ея величества выпалено зъ 45 пушокъ и музика камерная играла. Хлопцу Андрійду іменинику даны 25 к. Купленъ ключикъ до дзигарка, даны за оный 35 к., за фронціеръ 35 к., за карандашъ 15 к., на перевозъ 5 к. Графъ Головкинъ отехалъ зъ своей мизы, называемой Гоша.

20. Рано былъ паничъ у графа Остермана. Послѣ полдня прислана отъ отца М. книжка латинская моя, а къ нему я его книжку отпустилъ: Iosephi Binghami de antiquitatibus Ecclesiasticis.

21. Писалъ писмо въ отвѣтъ до сотника голтвянского пана Остроградского въ Москву и послано оное писмо къ подканцеляристу Уріилу. Данъ реестръ книгъ латинскихъ господину учителю Крафту, которіе надобно за моремъ покупить, а именно: 1., Cluverii introductio in univerzam geographiam—12, 2., Cellarii Geographia antiqua et nova—12, 3., Matthiae theatrum Histor.—4, 4. Cluverii epitome historiae totius mundi—4, 5., Puffendorphi introductio ad histor. Europ.—8, 6., Buddei Historia eccles. V. T.—4., 7., Veysmani Histor. eccles. N. T.—4, 8., Pistorii Florus Polonicus 12, 9., Iosephi Binghami Angli origines sive antiquitates eccles. 4, 10., Sulpitii Severi hist. sacra 8, 11., Nic. Bergius de statu eccles.

religionis Moschoviticae, 12., Ortodoxa confessio Catholicae atque Apostolicae Ecclesiae orientalis. Lipsiae. 1695. — 8, 13., Genius Stephani Iavorskii quondam Metropolitae Rezanensis et Muromiensis ex ejus opere posthumo Theosophico »Petra fidei« dicto in epistola familiari revelatus 1730—4. 14., Grammatica Latinogallica. 15., De logarythmis, tangentibus et secantibus. На перевозъ пошло 6 к.

22. Отослалъ писмо въ домъ графа Савы Владиславича для отсылки на почтѣ въ Ригу, до пана тестя писанное, которое намѣренъ былъ послать чрезъ маіора, зъ Риги пріездившого, господина Кезерлинга. На перевозъ 2 к.

23. Въ началѣ 9-го часа предъ полуднемъ изволила ся і. величество восприять маршъ до каналу Ладожского сухимъ путемъ и при віездѣ ся величества изъ С.-Пітербурха випалено зъ крѣпости зъ пушекъ 101, а въ адмиралтействѣ зъ 80. Былъ въ коллегіи, а одтоль возвратившись, засталъ у себе Івана Ісаева Іскуса, пѣвчого государини імператрицы, да Іакова Воробевского, пасынка Словинского, стародубскихъ. Пошло на перевозъ, на хлѣбъ и на медъ 19 к.

24. Обѣдалъ я у Івана Іскуса, у которого и другій пѣвчій Іванъ Максимовъ зъ женою обѣдалъ-же. За карти даны 7 к., на перевозъ 4 к. Николаю козаку 29 к.

25. Въ коллегіи Петръ Василіевичъ имѣлъ разговоръ о ігумену пустынно-николскомъ кіевскомъ отцу Іосифу Волчанскомъ, который назначенъ на епископію могилевскую. Розышлось на перевозъ и хлѣбъ французкій 11 к.

26. Vacat. Князь Шахонскій возвратился изъ Риги.

27. Полученъ пакетъ и листъ зъ Глухова о учиненномъ на писарей, асауловъ и прочіихъ служителей полковыхъ и сотенныхъ опредѣленія. Ея і. величество изволила возвратиться изъ Ладожского каналу въ С.-Пітербурхъ и прибыла въ исходѣ пятого часа по полудни и ради прибытія ся і. величества зъ многихъ палено пушекъ въ крѣпости и въ адмиралтействѣ. Пашичъ рано былъ у государини цесаревны и отдалъ листъ ясневелможного о обидахъ подданныхъ панскихъ, отъ полуриначъ [152]і дѣючихся. Послѣ обѣда

[152]) Жестечко Новорица, кролевецкого уѣзда, принадлежало въ значную с бственность Елисаветѣ Петровнѣ, когда она была цесаревною. Рядомъ находились имѣнія гетмана Апостола—Шабалтаевка, Хлепяевки и Лузина.

были въ квартерѣ нашей ея-жъ высочества пѣвчые и долго гуляли. Козаку Николаю Евдокименкову данъ еще 1 р. 50 к., а прежде подробицею видалось ему-жъ 2 р. 50 к., итого всего видано ему на его нужды ровно 4 р., а именно на дорогу ему сложенные 3 р. да отъ мене свой данъ 1 р. Алексію данъ 1 р. на его нужды. Розышлось на медъ, вино и проч. 1 р. 6 к.

28. За побѣляне ковша и кандѣйки мѣдныхъ дано 17 к., на перевозъ 4 к. Обѣдалъ у сержанта семеновского полку Федора Макеимовича, и весь день на той сторонѣ пробавилъ, а рано подалъ пакетъ въ коллегію отъ ясневельможного вора принесенный о служителяхъ. Видѣлъся зъ Гудовичемъ [153]) коло адмиралтейства.

29. Рано былъ у князя Шаховского, но за многолюдствомъ тамъ бывшимъ не получилъ времени ничего говорить. На перевозъ пошло 2 к.

30. Зрана были обще зъ паничемъ у князя Шаховского и поздравляли его возвращеніемъ и кавалерскимъ святого Александра Невского праздникомъ. Вручилъ я и письмо отъ Богаевского зъ Ошоцкаго до его сіятелства писанное, на которое злоцилъ мнѣ описать. Потомъ былъ въ домѣ графа Саваы Владиславича и вручилъ Алексію Николаевичу Требинскому, Славуя брату [154]), меморіалъ о нуждахъ моихъ для объявленія графу Савѣ Владиславичу. На перевозъ 4 к. Въ исходѣ 11 часа предъ полуднемъ палено зъ пушекъ въ крѣпости зъ 31, въ адмиралтействѣ зъ 30, ради поздрав-

---

[153]) Вѣроятно говорится объ Андреѣ Гудовичѣ, бывшемъ сотникѣ бакланскомъ, который потомъ сдѣлался почетнымъ »вожденгехъ« Меншикова и однихъ изъ усерднѣйшихъ его слугъ. Когда, по жалобамъ на Гудовича Апостолъ вызывалъ его въ Глуховъ, то онъ, отказываясь ѣхать, говорилъ: »лучше кланятся мнѣ въ гавосъ, нежели въ *посполитъ*«. Черниг. Листокъ 1863 г., № 8.

[154]) Три брата Славуй, Алексѣй и Максимъ вышли изъ Сербіи въ Малороссію при Петрѣ В. и получили здѣсь прозваніе Требинскихъ. О старшемъ изъ нихъ Славуѣ въ грамотѣ 1726 г. говорится, что онъ »былъ воеводою у венеціянъ у Конель-сонъ« и что »во время съ турки войны, служилъ онъ царскому величеству вѣрно въ Монтенегринахъ и Герцоговинѣ съ потераніемъ воеводства, отчизны и имѣнія своего«. За эту службу Славуй сдѣланъ былъ прилѣвскимъ сотникомъ. Около 1720 г. Славуй женился на вдовѣ лубенскаго сотника Василія Пиковяка (Еленѣ Лизогубъ), и думалъ было, пользуясь малолѣтствомъ пасынковъ, завладѣть маетностями ихъ отца (Лащовка, Мозолѣевка и Матвѣевка), которыя и утверждены были за нимъ Скоропадскимъ. Но старшій пасынокъ Иванъ Пико-

ленія кавалеровъ ордена святого Александра Невского и въ сее-жъ время пожалованъ кавалерією ордина святого Александра Невского генералъ полицемейстеръ Василій Федоровичъ Солтиковъ. Обѣдали у панича Николай Ивановичъ Пузиревскій, смоленскій шляхтичъ, управитель волостей дворцовыхъ, смоленскихъ, да Михайло І. Новоторжцовъ, которій привезъ паничу за двѣ трети года на квартеру и дрова 200 р., а послѣ пришелъ и стряпчій графа Г. І. Головкина Евфимъ Василіевичъ. За направу чоботъ дано 8 к.

31. Писанные писма подъ датою сего августа 29 дня одправлены сего числа до ясневелможного, до п. Скоропадского и до п. Юркевича на почтѣ. Послѣ полдня три полки салдацкіе, на лугу, подлѣ дворца лѣтного, одправовали екзерцицію, при которой и ея імператорское величество изволила присутствовать, а онкми полками комендировали генералъ-фелдъмаршалъ графъ фонъ-Миніхъ, генералъ-лейтенантъ и преображенского полку маіоръ лантъграфъ гессенъ-гамбургскій Людовикъ и генералъ-маіоръ и подполковникъ полной гвардіи князь Алексій І. Шаховскій. На перевозъ пошло 4 к. За вино 20 к. Сего-жъ числа былъ у Василія Федоровича Иворского, камеръ-юнкера, где имѣлъ честь видѣть и сожителницу его княжну Марію Семеновну. До дому пришедши, имѣлъ розговоръ зъ п. Андреемъ Горленкомъ.

Септеврій.

1. Зрана и за полдень былъ день весма свѣтлый и погодный. Былъ сегодня у отца Іосифа Федоровича, священника на Василевскомъ острову Воскресенского. Потомъ у отца префекта московского коллегіума, законоспасского, Іпокентія Нероновича, таже у

вецъ (впослѣдствіи писарь генеральнаго суда) успѣлъ въ 1731 г. выпросить у Апостола отцовскія имѣнія обратно. По этому случаю Алексѣй Требинскій и отправился въ Спб. хлопотать о наділеніи его съ братьями другими имѣніями, указывая на сс. Круподеринцы и Савинки. Коллегія иностранныхъ дѣлъ нашла, что «за прежнюю и нынѣшнюю службу Требинскихъ и для предбудущаго таковаго потребнаго случая и лучшаго утвержденія и ласканія всего тамошняго (сербскаго) благочестиваго народа, потребно ихъ, Требинскихъ, не въ скудости, но въ пристойномъ довольствѣ содержать», почему именнымъ указомъ и предписано было князю Шаховскому дать Требинскихъ въ лубенскомъ полку 70 дворовъ. Вслѣдствіе этого указа Требинскіе получили въ 1734 г. м. Оржицу и с. Плеховъ (лубенскаго уѣзда).

госп. Вишневского, полковника лантъ-милицкихъ полковъ, у которого и обѣдалъ. На перевозъ и хлѣбъ французкій бѣлій пошло 11 к.

2. Рано былъ у князя Шаховского, потомъ въ коллегіи. Уже совсѣмъ окончена и другая виниска зъ Корсаковымъ челобитьемъ сочиненная. Таже былъ у п. Полуботка, по которого требованію и копій двѣ зъ листовъ гетманскихъ, въ коллегію і. дѣлъ присланныхъ, о требованіи лишнихъ порцій и рацій и о мекленбурцахъ послалъ къ нему-жъ чрезъ Бяловского. На перевозъ пошло 4 к. Графъ Головкинъ пріехалъ зъ мизи (Ропши).

3. Обѣдали у панича гг. Курбатовъ совѣтникъ, переводчики Сенявинъ и Бялошицкій, да Новоторжцевъ и Леонтевъ канцеляристы, тако-жъ протопопъ петропавловскій Петръ Григоріевичъ и трактованы ради именинъ паничевыхъ, бывшихъ августа 30, а на водкѣ толко былъ оберсекретаръ Іванъ Юрьевичъ. Рано были у графа и въ его домовой церкви слушали службы Божой. Subebrii fuimus cum hospitibus per totam diem potati.

4. Послѣ полдня былъ на Василевскомъ острову у господина Бялошицкаго, а потомъ былъ у бандуриста дворцового Ермолая Санкевича, у котораго и вечеряли зъ паномъ Грифскимъ. На перевозъ пошло 16½ к.

5. Въ 9-мъ часу предъ полуднемъ ездили къ государыни цесаревнѣ Елисавефъ Петровнѣ поздравлять ея высочество тезоименитствомъ и тотъ часъ были допущены къ ручкѣ ея высочества, а въ 11-мъ часу послѣ молебствія, въ Троицы архіереемъ вологодскимъ Афанасіемъ Кондоиди отправленного, палено зъ крѣпости и въ адмиралитействѣ зъ пушекъ, а именно зъ 49 випалено. Подалъ письмо его превосходительству, господину генералу Андрею Ивановичу Ушакову отъ сотника голвянского п. Федора Остроградского и объ отвѣтѣ сказанномъ къ томужъ сотнику писалъ, включивъ писмо до Урінла. Розышлось на разницы 4½ к.

6. За мите рубашокъ прачцѣ 10 к., на перевозъ 3 к. Пріехалъ Козма Якимовичъ Кричевецъ и Павелъ Войничъ, бурмистры кіевскіе, въ С. П. Бурхъ.

7. Видѣлься рано на Василіевскомъ острову зъ оными прибывшими и писма чрезъ нихъ получилъ. На перевозъ пошло 2 к. Тіе жъ бурмистри и у насъ были. За книжку латинскую, называемую Hugo Grotius de veritate religionis Christianae, дано 64 к.

8. Весь день въ домѣ былъ +.

9. Былъ у меня рано Григорій Кременецкій и принесъ писмо отъ п. Михайла Забѣлы, судіи войск. енер., былъ же и п. Полуботокъ на водкѣ. За хлѣбъ французкій бѣлый 4 к. Сегожъ числа видѣлся зъ стряпчимъ графскимъ Ефимомъ Василіевымъ и розговоръ имѣлъ стороны порученого ему отъ Корсака челобитя о деревняхъ. Тутъ же въ домѣ графскомъ видѣлъ мене графъ Сава Владиславичъ +. Корабль с. Александръ на Неву канатами стягнули, который, когда спущано въ адмиралитействѣ сего сентяв. 3-го числа, остановился на берегу и не пошелъ на воду. Послано писмо графское на почтѣ о поездѣ непевелможного въ Сорочинцы.

10. Слушалъ обѣдни на Василіевскомъ, где имѣлъ и первую проповѣдь отецъ Лука Конашевичъ: потомъ былъ въ квартерѣ бурмистровъ кіевскихъ Войнича и Кричевця и у нихъ обѣдалъ. Послѣ былъ въ домѣ преосвященного новгородского. Розышлось на перевозы 9½ к.

11. Ночю разломалъ мостъ на Василіевскомъ острову корабль, недавно спущенный. Я рано былъ въ коллегіи, потомъ до пѣвчихъ цесаревнинныхъ зашедъ, тутъ и обѣдалъ. Розышлось на перевозъ 9 к., за хлѣбъ бѣлій французкій 4 к.

12. Обѣдали зъ нами бурмистры кіевскіе, по обѣдѣ былъ у преосвященного новгородского, подалъ чрезъ келейника Илію Борисова писма отъ ігумена глуховского, да отъ п. Лисаневича. Ночовалъ на Василевскомъ Острову у тихъ же бурмистровъ. Розышлось на перевозъ и щроч. 23 к.

13. Рано подалъ Петру Васил. Курбатову письмо отъ себе стороны дѣлъ моихъ, въ вечеру смужъ поданы писма чрезъ Григорія Кременецкого гетманское и отъ п. Забѣлы судіи енер. и листъ гетманскій же въ коллегію надлежащый, стороны относительно того жъ нашы судіи дѣла о Райгородку и Царовцѣ [155].

14. Кременецкій подалъ графу Головкину писмо гетманское о томъ же дѣлѣ.

[155]) Село Райгородокъ и деревня Царовка, пролевенкого уѣзда, принадлежали «на войсковую артилерію». Забѣла должно быть хлопоталъ получить ихъ «на урядъ».

15. Сездились къ графу Головкину, для слушанія дѣлъ, тайныя канцеляріи совѣтники господа Степановъ и Курбатовъ, куда являлись и п. п. Полуботокъ да Алексій, Славуевъ братъ, которымъ сказано, что дѣла ихъ слушаны. Зъ ночи до полдня была жестокая верховая погода, а по полднѣ обратилась изъ моря и превеликую воду погнала, такъ что пристани всѣ потопились, много отъ воду бревенъ рознесло и иныхъ шкодъ отъ оной же погоды здѣлалось не мало. На перевозъ Алексію 2 к., котораго посылалъ къ Якимовичу и къ Іліи Борисову на В. островъ. Наводненіе было великое и прибувала вода чрезъ 6 часовъ ровно, которой прибыло на полтрета аршина зъ вершкомъ: начала прибывать въ 1-мъ часу пополудни, а убывать въ 7-мъ, а погода и до ночи продолжалась такъ, что к пересадить было весма невозможно, чего ради и ночовали у насъ п. п. Полуботокъ и Алексій, Славуя братъ.

16. Былъ у насъ Кузма Кричевецъ и обѣдалъ тутъ, которому обявлены всѣ мои дѣла, въ коллегіи іностранной имѣючіеся.

17. Графъ Мойсей Ивановичъ, графа Савы Владиславича племѣнникъ, прислалъ водки анкерокъ. Сегожъ числа Гротъ, лікаръ, зъ Глухова прибывшій, былъ у насъ по обѣдѣ. Служителямъ, что принесли водку, даны 20 к.

18. Писаны писма до ясновельможного, до пана Скоропадского, до судіи енер. пана Забѣлы, до пана Юркевича, до сотника воронежского П. Холодовича, да подъ 13-мъ числомъ до жены и до Стефана, такожъ до Косача писара судового и въ одинъ пакетъ включенные: подписанный на имя канцеляриста старшого войскового пана Юркевича, а въ небытность его, кто зъ канцеляристъ при одправленіи дѣлъ оной енер. канцеляріи оставленъ, тотъ же пакетъ включенъ въ писмѣ до подканцеляриста Урила Ларіоновича въ Москву и одправленъ на почтѣ. Сего числа обѣдалъ у бурмистровъ, а ночовалъ у пана Полуботка.

19. Розмѣнялъ 4 червонные у Новоторжцева, за которые взялъ 8 р. 80 к. Дано за каламарь и песочницю 25 к. На перевозъ розошлось 11 ½ к. Рано былъ у Петра Василіевича и слышалъ отъ него, что на дѣло мое есть резолюція: потомъ былъ у князя Шаховского, который команды своей, полку конной гвардіи, два шквадроны, презрядно въ новое плате убранной и на изрядныхъ нѣмецкихъ коняхъ вороныхъ, презентовалъ передъ ея і. величествомъ на лугу

подлѣ лѣтного дворця, въ часу 12-мъ предъ полуднемъ. Послѣ обѣда зъ паничемъ былъ разговоръ о томъ, что не учится и поступаетъ не по приличію своему зъ учителемъ и въ прочемъ. Інехову дано водки. Графу Мойсею Івановичу вчора благодарилъ въ коллегіи за обсилку водки. Помѣнялъся зъ Балтазаромъ Бемомъ учителемъ на пуздерка (фляшки для водки).

20. Получилъ писма зъ Глухова, изъ дому, въ пакетѣ до пана Горленка подписанномъ, который привезъ на нашу квартеру графъ Мойсей Івановичъ Владиславичъ. Подячому Михаилу Годостамову дано водки. Писалъ писма къ графу Гаврилу Владиславичу, да до пана тестя, до жены и до Стефана въ Перегонъ, и посланы тіе писма чрезъ курієра, зъ дому графа Савы Владиславича на почтѣ одправленого. На перевозъ пошло 4 к., на мило до платя 2 к.

21. Писмо до пана сотника голтвянского, подъ 19-мъ числомъ писанное о томъ, что говорилъ панъ Федоръ Максимовичъ и чтобъ отобралъ два дикгарки у Анны Івановны, съ роспискою пана полковника миргородского [156], заплатя 6 р. данныхъ за направу, послалъ на почтѣ въ писмѣ до Урікла Ларіонова въ Москву. Обѣдалъ у бурмистровъ. Розыплюсь на перевозъ 11 к. Армашенку послана бутелка водки.

22. Козма Якимовичъ о моемъ дѣлѣ говорилъ мнѣ въ коллегіи; тутъ же видѣлъ князя Щербатого, который былъ посломъ къ султану турецкому.

23. Послѣ обѣда былъ у Петра Василіевича, который de legibus nostris discurrebat, quasi въ нихъ написано о видачи людей переходячихъ зъ мѣста на другое и о взиманіи хоча малого пожилого. Розыплюсь на перевозъ и проч. 3 к.

24. Послѣ обѣда былъ у насъ старый Гудовичъ [157], потомъ Іскусъ и Плешкового зятя пасынокъ Іаковъ, служащій при архимандриту троецкомъ. Въ 10-мъ часу по полдни были разные знаки на небѣ, бѣліе и черные, и многообразно перемѣнялись въ великой

[156]) Анна Ивановна Апостолъ, сестра паничка Апостола, о которомъ такъ часто упоминается въ дневникѣ Ханенка. — См. примѣч. 136. — Полковникъ миргородскій, Павелъ Даниловичъ Апостолъ, ея дядя.

[157]) См. примѣч. 153. — Старымъ онъ называется потому, что въ это время старшій его сынъ Василій былъ уже бунчуковымъ товарищемъ. Этотъ Василій впослѣдствіи былъ генеральнымъ подскарбіемъ и тайнымъ совѣтникомъ († 1764).

скорости и перебѣгалы отъ одной стороны на другую. На медъ пошло 8 к.

25. Рано былъ у князя Шаховского, который сказовалъ, что говорилъ о моемъ дѣлѣ Петру Василіевичу и еще говорить обѣщалъся. Обѣдалъ я у отца префекта Іннокентія Нероновича. За бумагу гербовую 6 к. На перевозъ пошло 7 к.

26. Послѣ обѣда былъ въ лазнѣ у Г. и тамъ почовалъ. На перевозъ пошлю 4 к. Обѣдалъ у насъ панъ Іванъ Івановичъ Косаговъ, капитанъ семеновского полку гвардіи [158]).

27. Былъ рано въ коллегіи, а одтоль чрезъ крѣпость ишолъ и бывъ въ церквѣ Петропавловской, видѣлъ тамъ костяное бѣлое паникадило, которое сдѣлано отъ самого блаженныя памяти Петра I. імператора. На перевозъ пошло 7 к., за бѣлій хлѣбъ 3 к. Послѣ полдня въ 7-мъ часу званые отъ Николая Івановича Пузыровского были первей у него на квартерѣ, а послѣ у нѣкоторого дворцового келлеймейстера Михайла Дмитріевича Колошина великого дворця и тамъ въ обоихъ мѣстахъ очинь много трактованы разными винами, и жестоко былъ пянъ, чего для и почовать принужденъ былъ у пѣвчихъ цесаревнипыхъ; тутъ же зъ нами былъ и нѣкоторый Іванъ Федоровичъ Маменсъ мушшенкъ.

28. Михайлу Михайлову Родостамову подячему кол. іное. за переписку трехъ листовъ далъ 25 к. За полтора ведра меду 38 к. На перевозъ 4 к. Послѣ обѣда былъ и вечерялъ у насъ Іванъ Петровичъ уставщикъ, чрезъ которого и книжку разговоровъ Паткуля зъ Герцомъ отослалъ.

29. Былъ въ коллегіи, где сказано, будто уже дѣло мое сдѣлано. На перевозъ пошлю 9 к., за голову цукру 53 к., шевцю 2 к. Алексію за чолки вовняніе 11 к. Кирилу іменинику 30 к. Вчорашного числа пополудни въ 11-мъ часу преставился священникъ церкви Воскресенія Христова, что на Василевскомъ острову, отецъ Іосифъ Федоровичъ.

---

[158]) Этотъ Косаговъ приходился племянникомъ женѣ гадяцкаго обознаго Максима Михайловича Ворозовича, которая овдовѣвъ слѣдовавшую ея часть мужниного имѣнія, мѣстечка Лютеньки (гадяцкаго уѣзда), передала въ 1726 г. этому своему племяннику. Косаговъ владѣлъ Лютенькою и въ 1760 г., будучи тогда генералъ-лейтенантомъ.

30. Писалъ писма до жены и до служителя Степана и оные отправлены чрезъ Гудовича. Сегожъ числа писано писмо къ ясневелможному и въ ономъ включенъ пакетъ отъ капитана поручика гвардіи семеновского полку Івана Івановича Косогова. Къ томужъ господину Косогову поехавши, званный ради тезоимелитства сына его Григорія, обѣдали у него: где послѣ обѣда напавши на мене адютантъ семеновского полку Іванъ, съ братами своими, Андріевы дѣти Воейковы, побили мене жъ, кунтушъ сѣбѣрковый разодрали, и табакерка срѣбная пропала. Тамъ я будучи, подарилъ іменинику молитовникъ печерскій въ пергаминѣ бѣломъ подъ маршесами позолочеными. Розыплось на перевозъ 10 к.

Октоврый.

1. Рано принесенъ пакетъ зъ коллегіи, который туда пришолъ на почтѣ зъ Глухова, и въ ономъ пакетѣ было гетманскихъ листовъ 6, въ разныхъ дѣлахъ въ коллегію іностранную, и до мене были отъ гетмана изъ дому писма. Весь же день сей пролежалъ въ дому боленъ. На вино ренское 10 к.

2. Посѣщалъ мене Алексій Славусевъ братъ и вышеупомянутый до гетмана пакетъ подъ датою 30-го сентеврія одправленъ на почтѣ. За конфору 4 к. Алексію, посиланному до Кричевця, на перевозъ 2 к. Зъ сочиненною челобитною ездилъ панъ Горленко до Петра Василіевича, просячи совѣту, токмо оного въ домѣ не получилъ.

3. Отослалъ помянутые 6 листовъ гетманскихъ чрезъ Григорія Кременецкого до рукъ Козмы Іакимовича, чтобъ подалъ въ коллегіи іностранной. И сего числа оный же Горленко ездилъ зъ челобитною моею до Петра Василіевича, которую совѣтовалъ обявить князю Шаховскому. За переписане оной челобитной далъ 10 к. Государыня изволила переехать въ зимній дворецъ.

4. Рано пани и панъ Горленко зъ челобитною моею ездили первей до князя Шаховского, который велѣлъ подать генералу Ушакову, а послѣ опижъ были и у Стефана Федоровича Апракесина, который просилъ зъ челобитемъ удержатися до утра. По обѣдѣ пріездили ко мнѣ адютантъ и подпоручикъ Іванъ и Василій Андріевы сини Воейковы просить прошенія, а потомъ былъ у менежъ и капитанъ поручикъ господинъ Косоговъ зъ женою о томъ же просячи. За мите плати портомои 10 к. Алексію на перевозъ 2 к.

5. Рано были собрались отъ нашей стороны ради примиренія Алексій Славуевъ братъ да бурмистры кіевскіе Кричевець и Войнич, но толко одинъ приходинъ адютантъ Воейковъ, просячи прощенія, что сегодня зъ пріятелми не собрались ради куртака. За хлѣбъ бѣлій дано 4 к.

6. И сегодня были бурмистры для тогожъ миротворенія, толкожъ отъ изобидившей стороны никто не бывалъ. Дано Грифскому 5 к.

7. Отвезъ паничъ зъ паномъ Горленкомъ челобитную и подалъ генералу Ушакову, а скоро оттоль пріехали, то господинъ Косоговъ присылалъ сержанта семеновского полку зъ прошеніемъ, чтобъ челобитя не производили. Господинъ Новоторжковъ просилъ панича и пана Горленка на завтра къ себѣ на обѣдъ, ради крестинъ дочери его предъ симъ бывшихъ. За бѣлій хлѣбъ дано 5 к. Послѣ полдня пріездили господинъ Косоговъ и Воейковы, такожъ панъ Полуботокъ, паки просячи о миротвореніе, которому назначили день прійдучій понеделковый, т. е. 9 числа сего мѣсяца. Подарилъ я паничу компасъ мосенжный (мѣдный).

8. Обѣдали паничъ и панъ Горленко у Новоторжцова и поздно уже оттоль прибыли.

9. Въ 5-мъ часу пополудни прибылъ господинъ Косоговъ зъ Воейковыми и Полуботкомъ и, по многихъ разговорахъ, помирилися я зъ оными на томъ уговорѣ, чтобъ табакерку и кунтушъ нагородили, а въ прочемъ всемъ зъ ними простилъся, на которомъ примиреніи были Іванъ Ивановичъ Косоговъ, капитанъ поручикъ семеновского полку и панъ Полуботокъ, а зъ моей стороны Николай Ивановичъ Пузировскій, бурмистры два кіевскіе, да наши домовіе. Пошло на вино и проч. 62 к. На мило до вимитя кунтуша 2 к.

10. Былъ панъ Горленко у Стефана Федоровича Ираксина, капитана гвардіи семеновского полку, зъ объявленіемъ, что помирились.

11. Писаны писма въ Глуховъ къ всевеможному, до пана Скоропадского и до пана Юркевича, до пана Іакова Марковича да въ домъ до пана тестя, до жены, до старшого Галецкого подъ числомъ 4, до Стефана Максимовича, до писаря судового Косача и до Стефана въ Переговъ, зъ цедулами до атамана город. погарского Белая и до Леонтія Галецкого, также писалъ до пана Скорупы

подъ числомъ 20 S—bris стороны пана Андрея Горленка. На нитки до дитинного платя 2 к.

12. Оные писма одправлены на почтѣ. Сего числа въ лазнѣ мылься и кровъ банками пущалъ зашкурную. На перевозъ и проч. розышлось 24 к.

13. Посилалъ Каленика до господина Косогова, упоминаючись о награжденіе школы, Воейковыми учиненной, которій обнадежилъ, что то исполнено будетъ. Александръ Г. обѣдалъ у насъ. За бутылку вина дано 20 к. Василю, который кровъ пущалъ, 25 к. На перевозъ и проч. 5 к.

14. Послѣ обѣда былъ у Петра Василіевича и подалъ писмо гетманское о резолюціи на дѣла, о которыхъ велѣлъ Петръ Василіевичъ подать себѣ меморіалъ. На перевозъ пошло 4 к. Бабѣ за мите кунтуша 4 к.

15. Подячіе і. коллегіи Інеховъ, Сисоевъ, Родостамовъ и Герасимовъ обѣдали у насъ и весь день пробавили. За французскій хлѣбъ бѣлый 5 к.

16. Былъ въ коллегіи, а послѣ въ академической камерѣ, где книги продаютъ. На перевозъ и проч. пошло 17 коп.

17. Въ коллегію подалъ меморіалъ о дѣлахъ, на которые надобна къ ясневелможному резолюція. Пошло на перевозъ 3 к. Послѣ обѣда былъ у мене Василій Андреевичъ Воейковъ, гвардіи семеновского полку подпоручикъ и привезъ срѣбную табакерку за мою, которая чрезъ нихъ въ домѣ господина Косогова пропала, а о сукнѣ братамъ имѣлъ говорить.

18. Писалъ писма въ Глуховъ до пана Забѣлы судіи енер., до пана Юркевича, да до жены въ Стародубъ и до писаря судового Косача зъ посилкою писемъ отъ Никиты Косача до матки и дяди его, а въ Москву до Урінла подканцеляриста, прося о пересилку оныхъ писемъ въ Глуховъ, да въ Москву жъ до сотника голтвянского пана Федора Остроградского и тудажъ послано писмо отъ преосвященнаго Іиноконтія Нероновича, епископа іркутского, до отца Феофилакта Журовского. За гаплики (крючки) до юпки 2 к.

19. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного и до пана Скоропадского и оные, такожъ вчора писанные, одправлены на почтѣ зъ коллегіи іностранной. За полтора ведра меду 37 ½ к. На тафту до шлафрочка дитяного 28 к., за пуговки и на юпкъ 22 к.

20. Купилены 3 книги латинскія: Virgilii omnia opera 46 к., Ciceronis epistola de officiis 30 к., Vocabula latino-slavono-germanica 25 к. За мите платя прачцѣ 10 к.

21. Подана челобитная въ коллегіи іностранной о селѣ на рангъ судейскій, а доношеніе велѣлъ Петръ Василіевичъ подать графу о опредѣленіи на кормъ и квартеру. Писано писмо до пана Скоропадского чрезъ райтара кіевского Николая. На перевозъ 2 к.

22. Обѣдали у графа Савы Владиславича, где былъ и полковникъ Вишневскій. Потомъ были у господина камеръ-юнкера и шталъ-мейстера ея высочества, государыни цесаревны Елисаветъ Петровны, Александра Івановича Шувалова и забавились въ ночъ до часа осмого. На перевозъ и проч. пошло 8 ½ к.

23. Подалъ доношеніе его сіятелству графу Головкину о опредѣленіи мнѣ зъ 2-мя козаками на кормъ и квартеру жалованя; за переписку оного доношенія и протчего писцу дани 10 к., на перевозъ 2 к. Ночовалъ у бурмистровъ кіевскихъ на Василевскомъ острову и выигралъ въ карти 39 ½ к.

24. Рано былъ у Петра Василіевича и просилъ такъ стороны мелницъ на Ворѣ (рѣчкѣ) до Перегона подлежащыхъ, яко и о ранговомъ селѣ, такожъ и о доношеніи поданномъ графу обявлялъ. На перевозъ и проч. пошло 8 к. За хлѣбъ французкій 5 к.

25. Послѣ полдня былъ у князя Шаховского и подалъ писмо отъ ясневелможного стороны дѣлъ, въ коллегіи іностранной имѣючихъся. За лебру паперу 8 к., на перевозъ 8 к., за вино 15 к., на шовкъ до шлафрока дитячого 9 к. Въ ночѣ посланъ въ ссылку Петръ Мировичъ.[159]).

26. Весь день пробавилъ въ квартерѣ и никуда не ходилъ.

27. Былъ въ коллегіи и унѣверсалу на урядъ мнѣ даннаго, такожъ и унѣверсалу Семіона гетманича на Найпутовичи, данного судіи полковому Самойлу Іванову, справлены копіи къ дѣлу [160]). На перевозъ пошло 7 к.

---

[159]) См. примѣч. 142.

[160]) Ханенко, какъ видно, старался выхлопотать себѣ какую нибудь частность «на рангъ» своего судейства и дознавъ, что одинъ изъ его предмѣстниковъ по судейству Самойло Ивановъ, владѣлъ селомъ Найпотовичами «на рангъ», т. е. лишь на время занятія должности, сталъ хлопотать объ этомъ селѣ и, какъ видно, успѣлъ. См. 20 дек. 732 г.

28. За шите у шлафрочка Василкового петель даны 5 к., за футро до тогожъ шлафрочка 45 к., за хлѣбъ французкій бѣлый и ржаный 8 к. Послѣ полдня ходилъ до князя Шаховского, да не засталъ. На перевозъ 10 к. За стелки 2 к. Писалъ писмо въ Москву до сотника голтвянского, по словамъ пана Максимовича, сержанта.

29. Ради рожденія ея высочества государини цесаревны Екатерины Ивановны палено зъ многихъ пушокъ въ 12-мъ часу и ея імператорское величество изволила обѣдать у ея жъ высочества государини царевны. У насъ обѣдали бурмистры кіевскіе и пробавили до позна. На вино пошло 20 к.

30. Выповши зъ коллегіи іностранной, былъ у преосвященного іркутского и у полковника Вишневского. На перевозъ пошло 9 к. Писмо до сотника голтвянского въ писмѣ до подканцеляриста Урила одправлено на почтѣ. Шевцю даны для подшитя сапоги и смужъ задатку дано 25 к., а отъ отдѣлки за сапоги всего уговорено 50 к.

31. За поланкерка меду 38 к. Подячому Іванову даны чорные шолковые чолки; отдалъ должныхъ Кирилу 70 к., занявши у пана Андрея Горленка 2 р.

Ноеврій.

1. Обѣдалъ зъ другими гостми у Кузми Іакимовича Кричевця, бурмистра кіевского, ради тезоименитства его и у нихъ же ночовалъ, factus ebriatus.

2. Зъ Василевского острова мимоходомъ вступилъ къ вотчинной коллегіи секретарю Епифану Мартиновичу и у него зъ часъ и болшъ просидѣвъ, пришолъ до квартери прямо. На перевозъ пошло 7 к.

3. Никуда зъ квартери не ходилъ. Салдату, что принесъ писма изъ Москви отъ Урила, даны 3 к.

4. Былъ въ коллегіи и выписку досмотрѣлъ о жалованѣ на кормъ и на квартеру. На мясо пошло 12 к., на перевозъ 4 к. Спрашовалъ Петръ Василіевичъ о сыну Стефана Корсупа, которій въ Гданску учится [163]).

5. Были рано у графа и тутъ обѣдне слушали. За хлѣбъ бѣлый французкій 4 к. Отослано писмо къ сержанту Максимовичу

[163]) Степанъ Корсунъ — сначала сотникъ сеймскій (мѣстечко Сейма, лозвинскаго уѣзда), а потомъ — лубенскій полковой хорунжій (1720 г.) и есаулъ (1732 г.).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ IX томѣ «Кіевской Старины» [1]).

А.

Абрамовичъ, Варшавскій оберъ-полиціймейстеръ временъ кн. Паскевича, 614.

Аджамка, р., 43.

Александра Павловна, в. кн., 533.

Александра Ѳедоровна, имп-ца, 621.

Александрія, г., 53.

Александровскъ, г. екат. губ., 52, 179, 181, 183, 189—190.

Александръ, в. кн. лит., 591, 696.

Александръ I Павловичъ, имп.; пребываніе его въ Кіевѣ въ 1816 г., 459—461; упом., 215, 450, 691.

Александръ II Николаевичъ, имп., 351.

Алексѣй Михайловичъ, царь и в. кн., 151.

Алешки, г., 40, 46—47, 197.

Альта, р., 566.

Анатолій, (Мартыновскій) архіеп. могилевскій; его посмертныя бумаги, 210—240.

Англія въ описаніи П. Д. Селецкаго, 261—262.

Андріевскій, А., сообщ. «письмо къ 3 діаволамъ», 340—342; разб. 6 выпуска издаваемыхъ имъ «историч. матеріаловъ», 523—524.

Андріевскій, М. А.; разборъ его книги: «козацкая дума о 3 азовскихъ братьяхъ», 130—138.

Анна Ярославна, дочь в. кн. Ярослава М., жена Генриха I, франц. короля; ея портретъ съ поясненіемъ, 555—560.

Антоновичъ, В. Б., проф. у-та св. Влад.; его рецензія на книги: a) «Богданъ Хмельницкій», Н. Костомарова, 315—320, b) «Печенѣги, Торки» и пр., В. Голубовскаго, 505—508, c) «Исторію Руси», А. Барвѣньскаго, 708—710; упом., 525.

Антоній (Амфитеатровъ), архіеп. смол., 234.

Антоній (Зубко), архіеп. могилевскій, 518, 643.

Антоній, архіеп. подольскій, 464.

Аполлосъ, еп. харьковскій, 456.

Аракчеевъ, графъ А. А., 451, 466, 694—695.

Арсеній (Москвинъ), митр. кіев., 347—348.

Аршеневскій, И. И., сен., 448.

Атаки, г. бес. губ., 369, 382, 387.

Аталыкова, р., 393.

Аѳанасій (Корчановъ), еп. пензенскій, 447.

Б.

Бабина, р., 393.

Багалѣй, Д. И., доц. харьк. у-та, авт. разб. книги гг. Гурова и Бродскаго:

---

[1]) Цифры означаютъ стр. тома.

«Сборникъ судеб. рѣшеній» и пр., 702—708.
Бадовскій, старшій козацкій, (1572 г.) 602.
Базавлукъ, р., 45, 179, 392—395, 398, 400, 410.
Балабино - Петровское, с. ал - дров. у., 52.
Барабашъ, Демьянъ, атаманъ кош., 40.
Барвѣньскій, А.; разборъ его «Исторіи Руси», 708—710.
Барсанъ, козацкій предв. (1574 г.), 606, 608.
Баръ, г. 583.
Басанка, р., 393.
Бахмутъ, р., 42—44.
Безбородко, графъ, гос. канцлеръ, 327.
— графъ И. Я., 437.
Бельгія 40-хъ гг. наст. ст. въ описаніи П. Д. Селецкаго, 263.
Берда, р., 41, 45, 399.
Бердянскъ, г., 42—43.
Береза, К.; сообщ. посмертныя бумаги архіеп. Анатолія (Мартыновскаго), 210—240.
Березняговатая, р., 399.
Березовка, р., 43, 392.
Беретти, строитель соб. св. Влад. въ Кіевѣ, 323—326, 344—353.
Бернгардтъ, архит., одинъ изъ строит. собора св. Влад., 350—351.
Бешка, р., 43.
Бибиковъ, Д. Г., кіев. ген.-губ., 353, 615—617.
Богодаръ, с. ал-дров. у., 52.
Божеряновъ, авт. статьи о В. А. Боровиковскомъ, 327—332, 538—541.
Боксетъ-де, полк., составитель ландкарты Запорожья, 42.
Бонякъ, половецкій ханъ, 14.
Бопланъ, франц. инж., авт. изв. «Описанія Украйны», 49—50, 179, 191, 417—418.
Боровиковскій, В. Л., рус художникъ XVIII ст.; замѣтка о немъ Божеринова, 327—332, 538—541.
Брага, с. под. губ.; его описаніе и исторія, 384—387; упом. 319, 369—371, 373.
Браницкая, Ал-дра В., жена гр. Кс. Браницкого, 20, 717, 724.
Браницкій, графъ Ксаверій, 716, 719—720, 723—724.
Брассенъ, Луи, академикъ, 559.
Брацлавъ, г., 583.
Бристана, р., 393.
Бродскій, Е К; разборъ его книги: «Судебныя рѣшенія» и пр., 702—708.
Брунъ, соврем. историкъ, 57—58.
Брюловъ, изв. рус. художникъ, 621.
Бугъ-Западный, р., 564.
Бугъ-Южный, р., 37, 39—45, 50, 392, 395—397, 399, 400, 410, 579.
Бурганка, р., 392.
Быстрый-Перевалъ, р., 393.
Бѣлая, р., 392.
Бѣлая-Церковь, м.; разсказы о ней, 715—725; упом. 583, 598.
Бѣлицкій, Алексѣй, кошевой атаманъ, 416.
Бѣлобрежскій, Мартынъ, катол. еписк. каменецкій, 20.
Бѣлозерка, р., 392.
Бѣлозерскій, Н. М., авт. «добавокъ и поправокъ читателя Кіев. Старины», 146—151.
Бѣлоруссія, см. Литва.
Бѣльскій, пол. хроникеръ XVI ст., 582, 591, 592, 594—595, 604—607.

В.

Вагнеръ, Рихардъ, изв. комп.; отзывъ о немъ П. Д. Селецкаго, 78—79.
Валкевичъ, Зосима, архим. К.-печ. лавры, 542.
Вамбери, венгерскій ученый, 59—60.
Василько Романовичъ, кн., 18.
Васильковка, с. ал-дров. у., 52.
Велисела, р., 393.
Величко, Самуилъ, малорос. лѣтописецъ, 306—308.
Вепржъ, р., 564.
Веровчина, р., 392.
Веселовскій, Н., акад., 60, 61.
Вилія, р., 576.
Вильна, г., 681, 695—696.
Вильшанка, р., 372.
Винница, г., 583.
Висла, р., 564.
Висунь, р., 40, 41, 44, 399.

Виталій (Гречулевичъ), еписк. могилевскій, 238.
Витовтъ, в. кн. литов., 10, 30, 583, 585.
Вишенскій, Іоаннъ, южно-рус. уч. XVII ст., 652.
Вишневецкій, кн. Д. И., 194, 593—594, 605, 607, 608.
Вишневецкій, кн. Іеремія, польскій магнатъ и полководецъ XVII ст., 147.
— , кн. М. И., староста черкас. и канев., 593, 601, 607—608.
Владиславъ IV, кор. пол., 374.
Воеводская см. Полковничья.
Воланъ-де, инженеръ, регулировалъ Днѣпров. пороги при Екатеринѣ II, 181.
Волнянка, р., 393.
Волчьи-Воды, р., 44, 45, 52, 132, 399.
Вороная, р., 393.
Воронково, м., 308—309, 311.
Воронцовъ, кн. Сем. Мих., 475.
Ворскла, р., 566.
Вуяхевичъ, Михаилъ, генер. судья, 311, 654.
Высь, р., 53.
Вятлинскій перевалъ, р., 392.

Г.

Гавриловцы, с. под. губ., 362—363.
Гайворонка, с. хотмыж. у., нынѣ Грайворонъ, г. курской губ., 544, 545.
Галаганъ, Петръ Григ., 622—623, 625.
Ганчулъ, р., 52, 399.
Гарбузянка, р., 41, 44.
Гарда, р., 45.
Гедеонъ Балабанъ, епископъ львовскій, 648.
Генрихъ I, кор. франц., супругъ княжны Анны Ярославны, 555—557.
Германія 40-хъ гг. наст. ст., въ описаніи П. Д. Селецкаго, 77—88, 239—242.
Геродотъ, изв. греч. ист., 45—49, 56—76, 177, 393, 400.
Герцикъ, И., полк. полтавскій, 342.
Гика, господарь молдавскій, 321.
Гиры, р., 392.
Глинка, М. Н., изв. комп.; отзывъ о немъ П. Д. Селецкаго, 625—626.
Говорскій, К., изд. журнала: «Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи», 213, 220.
Гоголь, Н. В., его рукописный журналъ «Метеоръ», 143—146.
Голицынъ, кн., об.-прок. св. сунода, 448.
Голландія 40-хъ гг. наст. ст. въ описаніи П. Д. Селецкаго, 262—263.
Головченко, Іоакимъ, полк. переяслав., 311.
Голубовскій, П. В., его рецензія на книгу О. Партыцкаго: «Темныя мѣстця въ Словѣ о Плъку Игоревѣ», 710—714.
Гонта, Ив., изв. коз. предв., 170—172.
Горголя, сенаторъ, 706.
Гордѣенко, Конст., кошевой атаманъ, 41, 343.
Горленко, В. П., авт. зам. о В. Л. Боровиковскомъ, 538, 541; упом. 327—328, 331—332.
Грайворонъ см. Гайворонка.
Григорій, митр. С.-Пет., 236, 238.
Григоровичъ, Вас. Ив., конференцъ-секретарь акад. художествъ, 330.
Громоклея, р., 41, 44, 45, 50, 52.
Грушевка, р., 392.
Грушевка, с. херсонск. у., 52.
Гудовичъ, Ив. Вас., фельдм., 465.
Гуровъ; разб. его книги «Сборникъ судеб. рѣшеній» и пр., 702—708.

Д.

Даналевскій, Григ. Петр., изв. пис., 327—328, 532.
Даніилъ (Мирдановъ), еп. могилев., 456.
Даніилъ Романовичъ, кор. Галицкій, 17—18, 579.
Дашкевичъ, запорож. атаманъ, 37.
Дашковичъ, Остафій, староста черкасскій, 592, 595, 596, 607.
Десна, р., 569, 577.
Димитрій (Муретовъ), архіеп. херсон., 238.
Димитрій (Сулима), архіеп. кишинев., 466.
Дмоховскій, Францъ, 691—692.
Днѣприще, р., 392
Днѣприще Чортомлыцкое, р., 392.

Днѣпръ, р.; острова, заставы на немъ, пороги и рукава, 37—54, 171—200, 392—422, 564, 569, 571, 572, 578, 601.
Днѣстръ, р., 45, 53, 368, 391, 570, 578.
Добрая, р., 399.
Должокъ, с. под. губ., 360—361.
Домонтово, м. золотонош. у., 308.
Домоткань, р., 392, 404.
Дондуковъ-Корсаковъ, кіев. ген.-губ., 351.
Донецъ Сѣв., р., 37, 42, 399.
Донъ, р., 39, 571.
Дорошенко, гетманъ, 376.
Дотцауэръ, изв. віолончелистъ 40-хъ гг. наст. ст., 78—79, 81.
Дрезденъ 40-хъ гг. наст. ст. въ описаніи П. Д. Селецкаго, 78—87.
Дримайловка, р., 392.
Дублянскіе, двор. родъ, 342—344.
Дурная, р., 392.

Е.

Екатерина II, имп-ца, 181, 186, 321—322, 327—329, 342, 471—472, 538, 716.
— Павловна, в. княжна, 456, 463.
Екатеринославъ, г., 52, 179—180, 183.
Еланецъ, р. 44.
Еланецъ Гнилой, р., 399.
Еланчикъ, р., 45.
Елизавета Петровна, имп-ца, 542.
Елисаветы св. крѣпость (Елисаветградъ), 43, 53.
Елпидифоръ, еписк. кам.-под., 238.
Ескевичъ, Михаилъ, атаманъ козачій, 593, 594, 608.
Ефименко, П. С., авт. зам.: а) «Присяга духовенства», 151—153, и b) «Способы возвращать нѣмому языкъ», 353—354.

Ж.

Жабинцы, с. под. губ., 361.
Жванецъ, м. той-же губ.; его исторія и описаніе, 365—388; упом., 319, 359—360, 363.
Жванчикъ, р., 368—372, 378.
Ждановъ, художникъ XVIII ст., 329.
Жеребецъ, р., 399.
Жеребило, старшина с. Гайворонки, (1709 г.), 544.
Житецкій, И., авт. ст. «Смѣна народ. въ южн. Руси», 561—579.
Жолкевскій, гетманъ, 385.
Жуковскій, В. А., изв. поэтъ, 621.

З.

Забѣло, генер. судья, 739.
Завадовскій, графъ П. В., мин. нар. просв., 430, 692.
Замойскій, Янъ, коронный канцлеръ, 385.
Запорожье; топографическій его очеркъ Д. И. Эварницкаго, 33—54, 177—200, 392—422; происх. запорож. козачества, 590—608.
Збручъ, р., 382.
Золотая, р., 392.
Зотовъ, Никита, моск. дьякъ, путеш. по Украйнѣ, 50.
Зыгровичъ, Янъ, уч. XVI ст., 25—26.
Зелинскій, митр. римско-кат. церквей въ Россіи, 234.

И.

Ивановъ, П. В.; сообщ. драму XVII ст. «Судъ Божій надъ душою грѣшника», 289—305.
Ивоня, господ. молдав., 603, 604, 608.
Идеромля, р., 392.
Иконниковъ, В. С., проф. у-та св. Влад.; его рецензія на кн. Михалевича: «кам.-подольская гимназія», 323.
Иларіонъ, митр. кіевскій, 558.
Иловайскій, Д. И., изв. историкъ, 47, 58, 61.
Ингулъ Большой и Малый, рр., 40, 41, 43—45, 52—59, 392, 394—395, 399—410.
Иннокентій, архіеп. херсонскій, 321, 548—549.
Игнатій Поцѣй, еп. владиміро-волынскій, пропагаторъ уніи, 153.
Исиланти, Конст., господарь молдав., 438, 458—459.
Ирина, кн., супруга в. кн. Ярослава Мудраго, 558.
Иринѣй, (Фальковскій) коадъюторъ кіев. митрополіи, 423, 432—433, 443, 449—450, 457, 465.

Исаковцы, с. под. губ., 372, 378.
Испанія 40-хъ гг. наст. ст. въ описаніи П. Д. Селецкаго, 485—504.
Италія 40-хъ гг. наст. ст. въ описаніи П. Д. Селецкаго, 249—255.

I.

Іероѳей, митр. кіев., 441.
Іоаннъ IV, царь и в. кн., 593—594.
Іосифъ II, имп. австрійскій, 322.
Іосифъ (Симашко), митр. литовскій; «матеріалы для его біографіи», 332—340; рецензія на его «Записки», 511—523; упом. 552, 693.

К.

Кавказъ; малорус. колонисты на Кавказѣ, 467—484.
Кагарлыкъ, р., 43.
Казивитъ-Чейндорфъ, генералъ, 429.
Казиміръ Ягайловичъ, в. кн. лит., 10.
Каиръ, a) Сухая-Широкая, b) Мечетная, c) Западная, d) Крутая, e). Турецкая, рр., 393.
Кайдаки Старые и Новые, с., 41.
Калиновскіе, двор. родъ, 372—373.
Калиновскій, Валентій, ген. подольскій, 373—374.
Калміусъ, р., 42—45, 132, 133, 399—400.
Кальчикъ, р., 45, 399.
Каменецъ-Подольскій, г., 17—19, 22, 359—361.
Каменка, р., 40, 44—45, 50, 146, 312, 399.
Каменка Мокрая, р., 393.
— Сухая, р., 393.
Каневъ, г., 583, 593, 597, 607.
Кантемиръ, мурза буджацкій, 31.
Капнистъ, полковникъ, сост. ландкарты Запорожья, 42.
Капуливка, с. екат. у., 52, 695.
Карачикракъ, р., 399.
Касмаха, р., 390.
Карачковцы, с., 11, 14—19.
Карлъ XII, кор. швед., 41, 543—544.
Карпенко, С. Д.; пис., 556—557.
Карташевскій, дир. деп. иностр. исповѣданій, (1827 г.) 514, 519.
Катеринничъ, кіев. вице губ. наст. ст., 453.
Катериновка (Малая), с. ал-дров. у., 52.
Катрухинъ, А., авт. зам. «Изъ временъ нашествія шведовъ на Россію».
Качорскіе, двор. родъ, 30.
Каширскій, кн. Андрей, маршалокъ, 599.
Квитка-Основьяненко, Г. Ѳ., изв. пис.; статья о немъ Н. Ѳ. Сумцова, 201—209.
Кизякирмень, г., (нынѣ Бериславль) 40. 41, 44, 50, 179, 196, 199, 415.
Кильчень, р., 398.
Кинбурнъ, г., 181.
Кинертъ, уч., ист., 57—58.
Киркоръ, авт. III тома «Живописной Россіи»; разборъ этой книги, 681—701.
Кисель, Адамъ, воевода кіев., 737.
Китаевская близъ Кіева пустынь, 542.
Китицынъ, П.; сообщ. зам. «Малоизв. историч. родъ», 342—344.
Кіевскій соборъ св. Влад.; исторія его сооруженія, 323—326, 344—353.
— у-тъ св. Влад.; приглашеніе къ его открытію и правила его, 529—537; упом., 549—551.
Козацкая, р., 394.
Козловскій, скульпторъ XVIII ст., 539.
Коловоротъ, р., 392.
Колонтай, Гуго, 692, 693.
Колотовская, р., 393.
Кольбергъ, Оскаръ; разборъ II тома его «Покутья», 126—130.
Коповницынъ, графъ П. И., военный мин., 464.
Конка, р., 37, 40—46, 50, 52, 194, 197, 199, 393—394, 398—399.
Константинъ Багрянородный, имп. Виз., хроникеръ, 179, 183, 184, 193.
Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, 427, 694.
Корабельня, р., 45, 399.
Коріятовичи, князья подольскіе, племянники Ольгерда.
Косинскій, гетманъ, 316.
Костомаровъ, Н. И., изв. ист.; разборъ 4 изд. его «Богдана Хмельн», 315—320; упом., 131.
Котляревскій, И. П., малорос. пис., 342.
Кочъ-Мегметъ, турец. паша, постанов. межевую запись 1705 г., 40.
Кошевая, р., 197, 394.

Кременецкій, Гавріилъ, митр. кіев., 542.
Кременчугъ, г., 179.
Кринитскій, Арсеній, протопопъ кіево-владимірскій, 444, 447.
Крутые Берега, с. полтав. у., 342.
Крыловъ, г., 53.
Крымка или Кринка, р., 132, 133.
Ксенофонтъ, архіеп. под., 465.
Кулишъ, П. А., пис., 143—144.
Куммеръ, віолончелистъ, 78—79, 81.
Куракинъ, кн. Б. Ѳ., 747.
— кн., рус. посланникъ въ Вѣнѣ (1813 г.), 455.
Кутузовъ-Голенищевъ-Смоленскій, кн. М. И., 432, 435, 455.
Кушумъ, р., 52.

Л.

Ладожскій каналъ; донесеніе о работахъ на немъ козаковъ, 117—122.
Лазаревскій, А. М., ист., 149—150.
Лазня, р., 197.
Лампи, президентъ акад. художествъ, 329.
Ланской, кіев. гражд. губ., 444.
Лапинка, р., 392.
Ласси, фельдмаршалъ, 4.
Лашкевичи, двор. родъ, 541.
Лашкевичъ, А.; сообщ. зам. «Кіевскій пещерникъ XVIII ст.», 541—543.
Лебединецъ, Г. С.; сообщ. пѣсню о попадьѣ, 356—358.
Лебединцевъ, А. Г., одес. кас. протоіерей, 321—322.
— И. Г., кіев. кас. протоіерей; сообщ. зам. «Многолѣтіе въ Кіевѣ нач. XVIII ст.»; письмо къ нему протоіерея Мацкевича, 545—548, 332—340.
Леванда, проповѣдн., кіев. кас. прот., 425, 429, 433, 442, 447.
Левицкій, портретистъ прошлаго в., 539—540.
— И. С., авт. повѣсти: «Старосвѣт. Батюшки и Матушки», 88—116, 267—285, 655—680.
— О. И., авт. статьи: «Основныя черты внутр. строя зап.-рус. церкви XVI и XVII ст.», 627—654; рецензія его на «Указатель» И. П. Новицкаго, 509—511.
Лелевель, изв. ист., проф. виленскаго у-та, 694.
Ленорманъ, соврем. французъ. ист., 68—69.
Леонтьевъ, бригадиръ, завѣд. работами на Ладож. каналѣ, 119—121.
— Семенъ, сост. снимка запорож. земель, 43.
Липинскій, скрипачъ 40-хъ гг. наст. ст., 78—79, 81, 623.
Лисенко, Н. В., соврем. композ., 154.
Литва и Бѣлоруссія; разборъ монографіи о ней Кяркора, 681—701.
Лобановъ-Ростовскій, кн.—біографъ королевы Анны Ярославны, 560.
Логановскій, Іоакимъ, ректоръ к. дух. академіи (1805 г.), 428, 440.
Лозановскій, прот., наст. кіево-андреевской церкви (1805 г.), 428.
Лопатиха, р., 393.
Лопухинъ, Ив. Влад., сенаторъ, 430.
— Ив. Влад., мин. юстиціи нач. нын. ст., 437.
Лугань, р., 44.
Лучицкій, Ив. В., проф. у-та св. Влад.; сообщ. 3 документа къ исторіи бунта 1687 г., 306—314.
Лысенко, Ѳедоръ, ген. есаулъ, 739.
Любомірскій, кн., гетманъ, 374.
Лянцкоронскіе, двор. родъ, 373—374.
— Предславъ, гетманъ запорожскій, 38—39, 591—592.
Лясота, Эрихъ, посолъ имп. Рудольфа II, 179, 191.

М.

Магницкій, 451.
Мазепа, Ив. Степ., гетманъ, 306, 309, 543—544, 720, 733—742, 747—748.
Макарій (Булгаковъ), митр. московскій, 236—237.
Маковскій, Е; сообщ. зам. «Загадочное преданіе», 170—172.
Максимовичъ, Іоаннъ, архіеп. черниг.; грамота къ нему имп. Петра I, 747—748.
Максимъ, митр. кіевскій (1299 г.), 577.
Мамай-Сурка, р., 54, 393.
Марія Ѳеодоровна, имп-ца, супруга имп. Павла, 448.
Маркевичъ, А., авт. зам. «Средство противъ конокрадства», 546—547 и «Загадочная пѣсня», 554.

Марковичъ, Андрей, генер. подскарбій, 739.
— Яковъ, авт. «Днев. записокъ», 146—147.
Мартуссевичъ, Іаковъ, еписк. луцкій - нач. XIX ст., 518.
Мартыновъ, пейзажистъ конца XVIII ст., 539.
Масловъ-Кутъ, урочище на р. Курѣ; исторія его заселенія, 470—484.
Масси, кіев. комендантъ, 462.
Мацкевичъ, Ал-дръ, протоіерей; письмо его о м. Іосифѣ Сижашкѣ, 332—340.
Мезеръ, франц. уч. XVII ст., 558, 560.
Мендельсонъ, композиторъ; отзывъ о немъ П. Д. Селецкаго, 77—78. 83.
Менестріэ, уч. іезуитъ XVII ст., 558.
Меншиковъ, кн. А. Д., фаворитъ Петра I, 117, 119, 122.
Мертвыя воды, р., 40—45, 200, 399.
Миллеръ, кіевскій вице-губ., (1804 г.), 425.
Милорадовичъ, графъ Г. А.; сообщ. «Приглашеніе къ открытію университета св. Владиміра», 529—537, и грамоту Петра В. объ измѣнѣ Мазепы, 747—48.
— графъ М. А., воен. кіев. губ., впослѣдствіи СПБ. ген. губ., 443—444, 446, 449—453, 455, 457, 460.
Минихъ, фельдмаршалъ, 41—344.
Михалевичъ; рецензія на его соч. «Каменецъ-под. гимназія», 323.
Михаилъ, еп. минскій, 237.
— (Рагоза), митр. кіевскій, 648, 653.
— митр. спб., 461.
Мищенко, О. Г., авт. ст. о царскихъ скиѳахъ, 55—76.
Мнинскій, козачій атаманъ, 594.
Могила, Іеремія, господарь молдавскій, 385.
— двор. родъ, 30.
Мокрая Маковка, р., 41.
Монтесъ, Лола, изв. танцовщица, 614.
Московка, р., 45, 179, 181.
Московка Сухая, р., 393.
— Мокрая, р., 393.
Муравьевъ, графъ М. Н., вилен. ген.-губ., 213.
Мусинъ-Пушкинъ, графъ, президентъ академіи художествъ, 329.
Мышковскій, первый дир. кіев. гимназіи (1812 г.), 449.
Мюлленгоферъ, академикъ, соврем. герм. ученый, 57—58, 69.
Мюллеръ, Францъ, соврем. этнографъ, 59.

Н.

Назимовъ, кіевскій губернаторъ, 462.
Напосоковка Мокрая и Сухая, рр., 392.
Наревъ, р., 564.
Нейманъ, Карлъ, соврем. нѣм. ист., 58—60, 66.
— Ц. Г., авторъ слѣд. рецензій: а) на II томъ «Покутья», О. Кольберга, 126—130; б) на «Козацкую думу о 3 братьяхъ», М. А. Андріевскаго, 130—138 и в) «Историч. матеріалы», А. А. Андріевскаго, 523—524; его-же зам.: а) «Малорус. пѣсенникъ XVIII ст.», 153—158, б) Предисловіе къ драмѣ XVIII ст. «Судъ Божій надъ душою грѣшника», 288—292, и в) «Любопытная книжица XVIII ст.», 525—529.
Непажора, р., 392.
Николаевъ, архит., одинъ изъ строит. собора св. Влад. въ Кіевѣ, 351—352.
Николай I, имп., 458, 474, 514, 515, 520, 521, 619.
Никополь, м. екатер. у., 191, 199.
Новицкій, Н. П.; разборъ его «Указателя къ изд. кіев. археограф. коммисіи», 509—511.
— Парѳеносъ Марк., житом. каѳедр. протоіерей, 548.
— Орестъ М., проф. у—та св. Влад.; некрологъ о немъ, 547—554.
— Ѳеофилъ М., варш. каѳедр. протоіерей, 548.
Ново-Архангельскъ, г., 53.
Новомиргородъ, г., 53.
Новосильцевъ, сенаторъ, 693—695.
Нѣжинъ, с. под. губ.; его исторія и описаніе, 20—23.

О.

Овечья воды, р., 50.
Огинскій, графъ, 691.
Окопы св. Троицы, с. под. губ.; его исторія и описаніе, 382—384; упом., 369, 377.
Олешина, р., 392.
Ольгердъ, в. кн. лит., 10, 696—697, 715.
Омельникъ, р., 132.
Омельникъ Большой и Сухой, рр., 392.
Омельниха, р., 393.
Опалинскій, польск. пис., 34.
Орель, р., 37, 39, 42, 45, 50, 392, 404, 566, 584.
Орловъ, И., авторъ зам. «Мелочи изъ нар. преданій», 355—356.
Освѣцимъ, авторъ изв. дневника, 316—318.
Осетровка, р. 392.
Османъ, султанъ турецкій; осада Паневецъ, 27.
Осокоровка, р., 392—393.
Острожскій, кн. Конст. Ив., 591, 592, 600, 601, 638, 644.
Очаковская зима 1788 г. по соврем. описанію, 731—732.

П.

Павелъ Петровичъ, имп., 330.
Павловка, с. липов. у., родина митр. Іосифа Сѣмашки, 516.
Павлюкъ, р., 196, 392.
Палій, Семенъ, изв. коз. предв., 716, 720.
Паневцы, с. под. губ.; его исторія и опис., 24—29; упом., 383.
Панкратьевъ, кіев. гражд. губ., 438, 440—442, 454, 458.
Парадэнъ, франц. уч. XVII ст., 558.
Партыцкій, О.; разборъ его книги: «Темни мѣстци въ Словѣ о плъку Игоревѣ», 710—714.
Паскевичъ, кн., намѣст. Царства Польскаго, 614.
Переставка, р., 392.
Петровъ, Н. И., проф. кіев. дух. академіи, 147.
Петръ I Алексѣевичъ, имп., его грамота архіеп. черниг. Іоанну Максимовичу, 747—748; зам. о его портретѣ, 736—742; упом., 41, 151, 182, 309, 310, 342—343, 543, 545, 559, 621.
Петръ II Алексѣевичъ, имп., 734, 737, 740—742.
Пина, р., 563.
Платонъ, (Левшинъ), митроп. москов.; пребываніе его въ Кіевѣ въ 1804 г., 424—426.
Подзамчье, предмѣстье Каменца Под., 360.
Подолье (Путевые очерки), 1—32, 359—391.
Подпольная, р., 45, 392—394.
Покровское, с. екат. у., 52.
Покутье; разборъ соч. о немъ О. Кольберга, 126—130.
Полковничья, д. херсон. у., 52.
Полуботокъ, Павелъ, полк. черниг., 343, 733—742.
Пономаровъ, С. И.; его замѣтка о журналѣ Н. В. Гоголя, 143—146.
Потебня, А. А., академикъ, 134, 136.
Потемкинъ, кн. Григ. Ал—дровичъ, 321, 322, 343, 467, 468, 716, 732.
— Пав. Серг., ген.-поручикъ, 468, 470.
Потоцкій, графъ, маршалокъ кіевскій, (1812 г.), 449.
— Николай, генералъ подольскій (1589 г.), 25.
— Янъ, воев. брацлавскій, 25—26.
— Стан., (Реверча) его племянникъ, 27—28.
Претфицъ, Бернатъ, полк., староста, 592.
Припеть, р., 564.
Прогной, р., 394.
Пронскій, кн. Сем. Глѣб., воев. кіевскій, 715.
Протасовъ, графъ, обер-прок. св. синода, 237.
Протовчанка, р., 392, 398.
Иселлъ, р., 566.
Пулавскій, Казиміръ, конфедератъ, 383.

Р.

Радзивиллъ, Николай, воев. виленскій, 640.
Раздоровка, с. херсон. у., 52, 196, 199.

Разумовскій, графъ Кир. Григ., гетманъ, 340—341, 622.
Ребелинка, р., 392.
Ревня, р., 753.
Резвой, Д. М.; сообщ. портретъ кн. Анны Ярославны (портретъ при томѣ).
Репнинъ, кн. Вас. Ник., 618.
— кн. Ник. Григ., малорос. ген.-губ., 618—619.
Ржевусскій, графъ, кіевскій дворян. маршалъ (1808 г.), 437, 449—450, 460.
Рогачикъ, р., 393.
Родіонъ Несторовичъ, вельможа кіевскій XIV ст., 577.
Розенъ, баронъ, либреттистъ «Жизни за царя», 625.
Ролле, І. І., истор. польск. пис., 379.
Рось, р., 718—719.
Румянцевъ, графъ П. А., 148, 321, 353—354
— графъ Н. П., гос. канцлеръ, 457.
— графъ С. П., 463.
Русинова балка, р., 393.
Рыбальскій, Ю. И., кіевскій войтъ (1809 г.), 440, 455.
Рѣчище, р., 392.
Рясня, р., 733.

С.

Савченко, И., авт. разсказа «Дѣдушкинъ вексель», 158—168.
Сагайдачный-Конашевичъ, Петръ, гетманъ, 194, 373, 386.
Саксагань, р., 45, 399, 410.
Самара, р., 37, 41, 43—45, 49—54, 132—134, 138, 179, 181, 393, 397, 399—401, 404.
Самойловичъ, гетманъ, 306.
Самоткань, р., 49, 392.
Сапожниковъ, Д. И., авт. ст. «Загадочные портреты», 732—742.
Свирчовскій, предв. шляхет. вольницы (1574 г.), 606, 608.
Свѣчинъ, ген.-маіоръ, 425.
Святая, р., 393.
Селецкій, П. Д.; его записки, 77—87, 239—266, 485—504, 609—626.
Сельчинъ, р., 392.
Семь (Сеймъ), р., 577.
Семеновъ, П. П., през. имп. геогр. общ., 699.
Серапіонъ (Александровскій), митр. кіев.; хроника кіевской жизни по его дневнику, 423—466.
Сигизмундъ I, кор. польскій, 10, 11, 37, 38, 629, 636—638.
— II, кор. польскій, 38, 383, 593, 594, 597—603, 607, 638, 640, 649.
Синюха, р., 39, 42, 43, 45, 53, 395, 399, 410, 584.
Скарбная, р., 392, 393.
Скопцы, с., 308, 309, 311, 313.
Скоропадскій, Ив., гетманъ, 310, 343. 736—742.
Случъ, р., 45.
Смотрицкій, Мелетій, архіеп. полоцк. XVII ст., 653.
Смотричъ, р., 8—30, 361.
— м.; его исторія и опис., 10—13.
Снигиревичъ, прот. кіево-соф. собора, 427, 447, 466.
Снова, р., 732—733.
Снядецкій, польск. писатель, 693.
Сокилъ-гора, (Соколья), ея описаніе, 13, 19.
Солона, р., 44, 398.
Софья Алексѣевна, царевна, 309, 310.
Спарро, кіев. архитекторъ, 346—347.
Сперанскій, графъ М. М., 451, 466.
Станиславъ (Поняговскій), кор. польскій, 716.
Старжинскіе, двор. родъ, 28—29.
Старуха, р., 393.
Стефанъ Баторій, кор. польскій, 20, 39—40, 690.
— , еп. житомирскій, 456.
Страбонъ, древ. географъ, 57, 61—70.
Строгановъ, графъ А. Г., 619.
Стройковскій, ректоръ виленск. академіи (1808 г.), 691, 692.
Суворовъ, А. В., свѣтл. кн. Италійскій, 719, 721—722.
Сугаклея-Каменоватая, р., 43.
Сула, р., 566, 577.
Сулима, Иванъ, воронковскій сотникъ, 308—314.
Сумцовъ, Н. Ѳ., доц. харьк. у-та, авт. ст. «Слоб.-украин. дворянство въ произв. Квитки», 201—209.
Сура, р., 392.

Сура Мокрая, р., 410.
Сытыя-Буды, с., 732—733.
Сѣрко, Ив. Дм., кошевой атаманъ, 196.

Т.

Танскій, полк. кіевскій, 342.
Тарасовка, р., 392.
Тармань, р., 392.
Тарновскій, Григ. Ст., помѣщикъ полт. губ., 623—626.
— , Янъ, гетманъ, 596, 597.
Татарка, р., 393.
Ташлыкъ Черный, р., 40, 41, 44, 399.
Тереневка Большая и Сухая, рр., 392.
Терехтеміровъ, 39, 40.
Терновскій, Ф. А., проф. у-та св. Влад.; его ст. «Хроника кіев. общ. жизни», 423—466; разб. «Слав. Ежегодника», 123—126; некрологъ о Ф. А. Терновскомъ, 358.
Терса, Верхняя, Сред. и Нижняя, р., 399.
Томаковка, р., 392.
Томара, Стефанъ, полк. переяславскій, 308—310, 314.
Торецъ, р., 399.
Тормасовъ, кіев. ген.-губ., 427, 429, 455.
Тотлебенъ, графъ Э. И., вилен. ген.-губ., 344, 345.
Тоттъ, баронъ, авт. записокъ объ Украйнѣ, 47.
Трощинскій, Д. П., мин. юстиціи, 444, 622.
Трубежъ, р., 566, 733.
Турчанинова, А. А., 451, 452, 458.
Туръ, р., 43.
Тягинка, р., 392.
Тялкинъ, Вас., путешеств. по Украйнѣ, 50.
Тясьминъ, р., 42, 45, 53, 584, 599.

У.

Угрюмовъ, художникъ XVIII ст., 329.
Устье, с. под. губ., 24, 29—32.
Украинцевъ, Ем., рус. посолъ (1705 г.), 40.

Фалѣевъ, инженеръ, регулировавшій днѣпров. пороги при Екатеринѣ II, 181—182.
Филаретъ (Амфитеатровъ), митр. кіевскій, 213, 324, 346.
Франція 40 хъ гг. въ описаніи П. Д. Селецкаго, 263—266.
Фундуклей, И. И., кіев. губ., 322.

Х.

Хвольсонъ, проф. пет. у-та, 60—62.
Херсонъ, г., 179, 181.
Хмелецкій, Стефанъ, сенаторъ и воевода, 31.
Хмельникъ, г., 583, 596, 597.
Хмельницкій, Богданъ, гетманъ, 27, 40, 195, 306, 315—320, 374, 376, 716.
Хованскій, кн., бѣлорус. губ., 695.
Хортица, Верхняя, Средняя и Нижняя, рр., 392.
Хотинъ, г., 360, 362, 369, 376—377, 385—391.
Хресна, р., 392.

Ц.

Царева, р., 393.
Царицынъ-Кутъ, с. ал-дров. у., 52.
Цыбульникъ, р., 392.

Ч.

Чайка, р., 41.
Чаплыва, р., 393.
Чарнышъ, И., полков. гадяцкій, 342—343.
Чарторыйскій, кн. Адамъ, 221, 691—694.
Чацкій, Ѳаддей, его сотрудникъ, 691—692.
Червонная, р., 392.
Черкасы, г., 40, 583, 589, 593, 598, 607.
Чернышевка, с., 52, 194.
Чернявскій, проф. вилен. у-та, 518.
— , Вас., пис. XVIII ст., 50, 51,
Чернякъ, полковникъ, 117—122.
Черче, м. под. губ., 20.
Чигиринъ, г., 39, 40.
Чижевскій, Сигизмундъ, еписк. камен., 380.
Чичиклея, р., 395—396.
Чобручи, с., 320.
Чортомлыкъ, р., 45, 52, 195, 392.

Ш.

Шагинъ Гирей, послѣд. крым. ханъ, 321.

Шарай, р., 392.
Швейцарія 40 хъ гг. въ описаніи П. Д. Селецкаго, 255—261.
Шебалина, р., 392.
Шевченко, Т. Г. въ воспом. П. Д. Селецкаго, 620—622.
Шишковъ, А. С., мин. нар. просв., 514, 695.
Штромъ, архитекторъ, 346.
Шубертъ, композиторъ, 78 79.

Э.

Эварницкій, Д. И., доц. харьк. у-та; его статья: «Топографич. очеркъ Запорожья», 33—54, 177—200, 392—422.

Я.

Яблоновскій, кн. Стан., гетманъ коронный, 382—383.
Ягайло, в. кн. лит., 63, 372, 682.
Язловецкій, Юрій, гетманъ коронный, 602.
Янчикракъ, р., 399.
Янчулъ, р., 399.
Янъ-Казиміръ, кор. польскій, 374—376, 382, 690.
Янъ Собѣсскій, кор. польскій, 147.
Яромірка, р., 10.
Ярославъ Мудрый, в. кн. кіевскій, 555—559, 684.
Ястребовъ, В.; сообщ. зам.: «Очаковская зима 1788 г. по соврем. описанію», 731—732.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ КІЕВА

продаются слѣдующіе учебники

ДЛЯ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ:

Иллюстрированная Хрестоматія, составленная *изъ сочиненій лучшихъ писателей, съ 25 портрет.,* 3-е изданіе Павленкова, сост. А. Тарнавскій, ц. 1 руб. Допущена къ употребленію въ городскихъ училищахъ юго-западнаго края.

Практическая грамматика. Небольшія статьи.—Примѣры.—Правила.—Объясненія ихъ.—Образцы систематической диктовки. 3-е изданіе Южно-русскаго книжнаго магазина, составилъ Ал. Тарнавскій, ц. 50 к.

— 1-е изд. допущено въ библіотеки, городск. и сельск. учил. юго-западнаго края, новороссійскаго и привислянскаго.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА IX. 1883 г.

Май, 1884 г.

стр.

I. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. **К. .М** 1

II. ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. **Д. Эварницкаго.** . 33

III. КЪ ВОПРОСУ О ЦАРСКИХЪ СКИѲАХЪ. **Ѳ. Мищенка** 55

IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. Часть первая. 1821—1846 годъ. *(Продолженіе)*. 77

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). *(Продолженіе)*. **И. Левицкаго.** 88

VI. ОБЪЯСНЕНІЕ ПОЛКОВНИКА И. ЧЕРНЯКА О РАБОТАХЪ КОЗАКОВЪ НА ЛАДОЖСКОМЪ КАНАЛѢ 117

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Славянскій Ежегодникъ. Изданіе кіевскаго славянскаго общества. Выпускъ шестой. Сост. подъ редакціею Т. Д. Флоринскаго, доцента имп. университета св. Владиміра. Кіевъ. 1884 г.—*Т. Ф.*—б) Кольбергъ, Оскаръ. Покутье. Этнографическій этюдъ. Т. II. Краковъ. 1884 г.—*Ц. Неймана.*—б) Андріевскій, М. А. Козацкая дума о трехъ Азовскихъ братьяхъ съ объясненіями и картой. Одесса. 1884 г.—*Его-же.*—в) Библіографическій указатель трудовъ П. П. Чубинскаго.—*П. Ефименка* 123

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Нѣжинскій журналъ Н. В. Гоголя.—*С. Пономарева*—б) Добавки и поправки постояннаго читателя »Кіевской Старины«. — *Н. Бѣлозерскаго.*—в) Присяга духовенства.—*Н. Ефименка.*—г) Малорусскій пѣсенникъ XVIII вѣка.—*Ц. Неймана.*—д) Дѣдушкинъ вексель (Изъ дѣтскихъ воспоминаній).—Кресть-

стр.

нина *Ивана Савченка.*—е) Ребяческая забава въ серьезную минуту.—*В. О.*—ж) Загадочное преданіе.—*Е. Маковскаго*—з) Изъ народныхъ устъ (Одна пѣсня и два разсказа).—Сообщ. *Д. Т.* 143

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (*Продолженіе*) 33—48

Іюнь, 1884 г.

I. ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. (*Продолженіе*). **Д. Эварницкаго** 177

II. СЛОБОДСКО-УКРАИНСКОЕ ДВОРЯНСТВО ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ Г. Ѳ. КВИТКИ. **Н. Ѳ. Сумцова**. 201

III. ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ БУМАГЪ МОГИЛЕВСКАГО АРХІЕПИСКОПА АНАТОЛІЯ МАРТЫНОВСКАГО. Сообщ. **К. Береза** 210

IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая). 1821—1846 г. (*Продолженіе*) 241

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст. (*Продолженіе*). **И. Левицкаго** 267

VI. СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ДУШОЙ ГРѢШНИКА. (Южно-русская драма конца XVII ст.) съ предисловіемъ **Ц. Г. Неймана**. 286

VII. ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРІИ БУНТА ВЪ МАЛОРОССІИ ВЪ 1687 ГОДУ. Съ предисловіемъ **И. Лучицкаго**. 306

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Николай Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Историческая монографія. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ. 1884. Томъ 1—3.—*В. Л.*—б) Записки Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. XIII. Съ VI литограф. листами. Одесса, 1883 г.—*И. Л.*—в) Каменецъ-Подольская гимназія—*В. И.*—г) О строющемся соборѣ во имя св. Владиміра въ Кіевѣ. А. Беретти. Кіевъ. 1884 г.—*А. К.* 315

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ біографіи художника В. Л. Боровиковскаго.—*И. Н. Божерянова.*—б) О митрополитѣ Іосифѣ Симашкѣ. (Изъ письма, писаннаго вскорѣ послѣ его смерти).—Протоіерея *Александра Мацкевича.*—в) Письмо къ тремъ діаволамъ.—Сообщ. *А. Андріевскимъ*—г) Малоизвѣстный историческій родъ.—*П. Китицына.*—д) Судьба одного кіевскаго сооруженія. — *А. К.* — Старинные способы возвратить языкъ нѣмому и разсѣять ложные слухи. — Сообщ. *П. Е—ко.*—е) Нѣкоторыя мелочи изъ народныхъ преданій.—

стр.

И. Орлова.—ж) Еще пѣсня о попадьѣ, не взлюбившей бороды. Сообщ. *Г. С. Лебединецъ.*—Некрологъ. 327

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями *А. М. Лазаревскаго.* (Приложеніе) . . . . . .49—46

Іюль, 1884 г.

I. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. *(Продолженіе).* **К. М** 359

II. ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. *(Окончаніе).* **Д. И. Эварницкаго** 392

III. ХРОНИКА КІЕВСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПО ДНЕВНИКУ МИТРОПОЛИТА СЕРАПІОНА. (1804—18024 г) 423

IV. ИЗЪ ЖИЗНИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЛОНИСТОВЪ НА СѢВЕРНОМЪ КАВКАЗѢ. **И. С—р—а** 467

V. ЗАПИСКИ ПЕТРА ДИМИТРІЕВИЧА СЕЛЕЦКАГО. Часть первая 1821—1856 годъ. *(Продолженіе)* 485

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Голубовскій.—Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ.—Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в. Кіевъ. 1884 г.—*В. А.*—б) Указатель къ изданіямъ Кіевской Коммисіи для разбора древнихъ актовъ. Т. II. Имена географическія. Кіевъ, 1883 г. И. П. Новицкій.—*О. Л.*—в) Записки Іосифа, митрополита литовскаго, изданныя императорскою академіею наукъ, по завѣщанію автора. Т. I, II и III. Спб. 1883 г. — *А. К.* — г) Андріевскій, Ал. — Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 6-й. Кіевъ. 1884 года.—*Ц. Н.* 505

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Любопытная книжица конца XVIII ст. *Ц. Г. Неймана.*—б) Приглашеніе къ открытію университета св. Владиміра и правила поступленія въ оный.—Графа *Милорадовича.*—в) Еще о Боровиковскомъ. —*В. Горленка.*—г) Кіевскій пещерникъ XVIII ст.—Сообщ. *Ал. Лашкевичъ.*—д) Изъ временъ нашествія шведовъ на Россію.—*А. Катрухина.*—е) Многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII в.—Сообщ. *П. Л—въ.*—ж) Историческое средство противъ конокрадства.—Сообщ. *А. Маркевичъ.*—з) Орестъ Марковичъ Новицкій. (Некрологъ).—и) Загадочная пѣсня.—Сообщ. *А. Маркевичъ.*—і) Къ потрету Анны Ярославны 525

VIII. ПРИЛОЖЕНІЕ.—Портретъ Анны Ярославны.

стр.

Августъ, 1884 г.

I СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). *(Продолженіе)*. **Ир. Житецкаго**. 561
II. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА. 580
III. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая) 1821—1846 г. *(Продолженіе)*. 609
IV. ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ВНУТРЕННЯГО СТРОЯ ЗАПАДНО РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ XVI И XVII ВВ. **О. И. Левицкаго**. 627
V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст. *(Продолженіе)*. . 655
VI. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Живописная Россія. Т. III. Спб. 1883. (Литва и Бѣлоруссія—соч. Киркора).—б) Сборникъ судебныхъ рѣшеній и проч., относящихся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣнія въ мѣстности бывшей слободской Украйны. Сост. В. В. Гуровъ, при участіи Е. К. Бродскаго. Харьковъ 1884 г., XVII, IV. 705.—*Д. Багалья.*—в) Александръ Барвѣнскій.—Исторія Руси. Часть V. Львовъ. 1884.—*В. А.*—г) Темнй мѣстця въ »Словѣ о Полъку Игоревѣ«. Пояснивъ Ом. Партыцкій. Часть перша. У Львовѣ. 1883 г.—*П. Голубовскаго*. 681
VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Разсказы старыхъ людей о старыхъ временахъ.—Сообщ. *П. Л—въ.*—б) Движеніе народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ—*К. Ц.*—в) Очаковская зима по современному описанію.—Сообщ. *В. Ястребовъ.*—г) Загадочные портреты.—*Д. Сапожникова.*—д) Панская блажь, хлопская напасть, а чиновничья пожива.—*К. Ц.*—е) Грамота Петра I черниговскому архіепископу Іоанну Максимовичу (объ измѣнѣ Мазепы и избраніи новаго гетмана).—Сообщ. графъ *Милорадовичъ* 715
VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями *А. М. Лазаревскаго*. (Приложеніе) . . . . 65—80
IX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени" и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Динтера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно сверять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ редакціи, кромѣ полныхъ экземпляровъ журнала за 1882, 1883 и 1884 г., есть также экземпляры разрозненные, образовавшіеся отъ высылки отдѣльныхъ книжекъ въ замѣнъ утраченныхъ при пересылкѣ. Гг. подписчики, у которыхъ случайно затерялись какія либо книжки »Кіевской Старины« предъидущихъ или нынѣшняго года, могутъ въ замѣнъ ихъ получить новыя, обращаясь въ редакцію съ приложеніемъ *одного рубля* за каждую вновь требуемую книжку; особой платы за пересылку не требуется.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,"

1884 г. (Третій годъ изданія). 1884 г.

Журналъ „**Кіевская Старина**", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**", *Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины" принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, газету „ДѢЛО". Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель **Ѳ. Г. Лебединцевъ.**

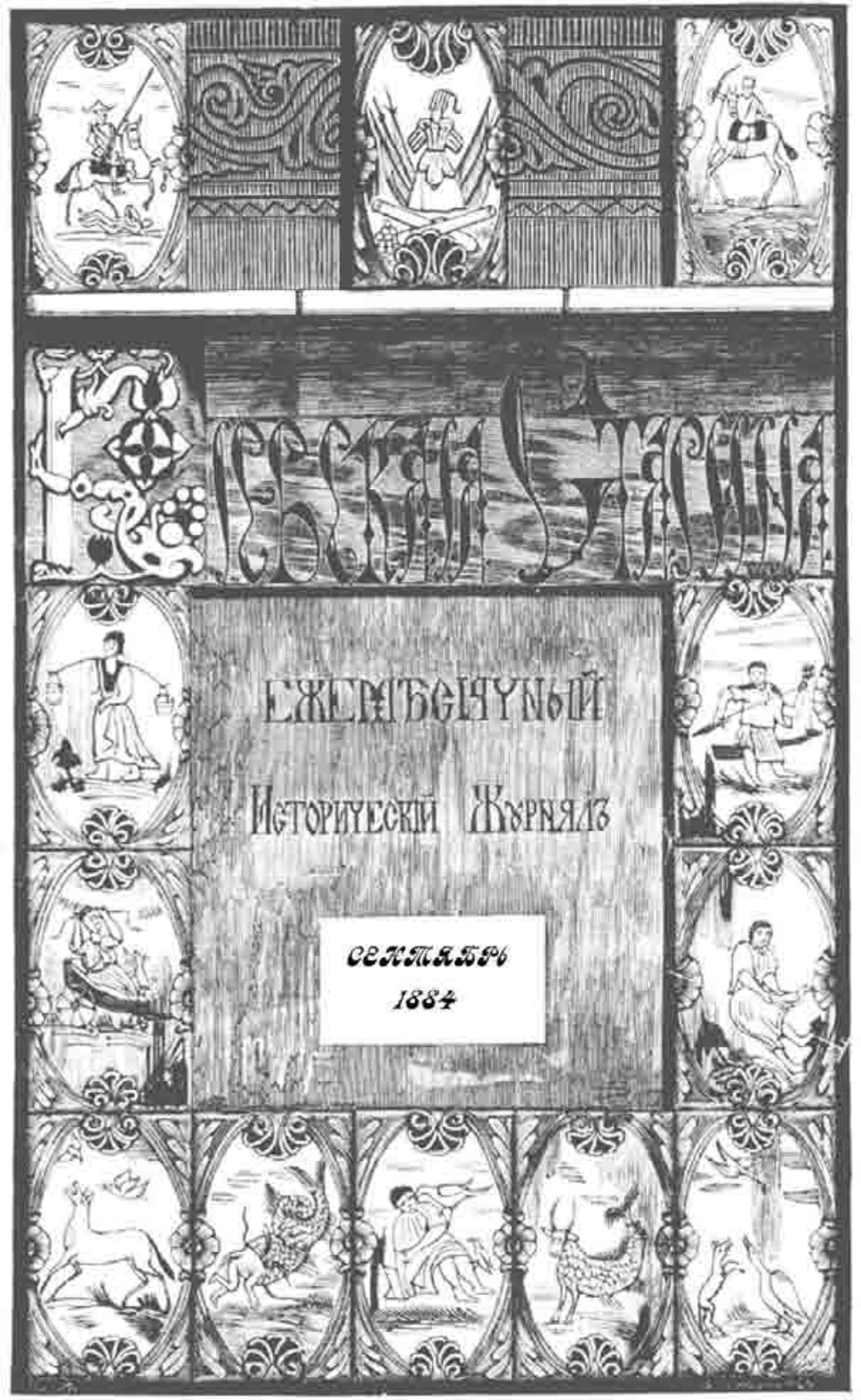
Русская Старина
ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Сентябрь
1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Сентябрь, 1884 г.

стр.

I СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). *(Продолженіе).* **Ир. Житецкаго.** 1

II. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА. (*Окончаніе*). П—ки. 27

III. ПУТЕБЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. **К. М.** 53

IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая) 1821—1846 г. *(Конецъ XVI главы и 1-й части)* 82

V. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА. (Род. 1676 г. ум. 1727 г.). Съ предисловіемъ ум. проф. **Ф. А. Терновскаго** 104

VI. ЗАПОРОЖСКАЯ РЕЛЯЦІЯ О ПОБѢДѢ НАДЪ ТУРЕЦКИМЪ ФЛОТОМЪ ВЪ ДНѢПРОВСКИХЪ ГИРЛАХЪ. 129

VII. ПРЕДЛОЖЕНІЕ ГЕТМАНА МАЗЕПЫ КІЕВСКОМУ ВОЙТУ И МАГИСТРАТУ 1703 ГОДА. (О не утѣсненіи причта и прихожанъ успенской церкви г. Кіева). Сообщ. **М. А. Андреевскій** 132

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Н. И. Костомаровъ. Эллины Тавриды. Историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ. Спб. 1884 г.—*В. Г—ко.*—б) Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII в. (полтавской губерніи). И. Лучицкій. Кіевъ. 1884 г.—*Дм. Багалѣя.*—в) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 40-й. Спб. 1884 г.—*П. Голубовскаго.*—г) Фундуши и стипендіи виленскаго учебнаго округа. Справочное пособіе. Сост. Н. Юшкій. Ч. 1. Выпускъ первый, Вильна. 1884 г. . 137

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Краткія свѣдѣнія къ біографіи Владиміра Лукича Боровиковскаго.—*Ив. Боровиковскаго.*—б) Открытіе древнихъ мозаикъ въ главномъ куполѣ кіево-софійскаго собора.—*П. Л—ва.*—в) Отрывочныя замѣтки о запорожской старинѣ.—*А—ва.*—Изъ воспоминаній священника о жизни и службѣ въ военномъ поселеніи.—Св. *Пр. Павловича.*—г) Великій грѣшникъ. (Сказка).—Сообщ. *Мих. Васильевъ.*—д) Поправка къ надписи на иконѣ въ селѣ Жукахъ.—Сообщ. *В. Е. Бучневичъ.*—е) Мѣры противъ вечерницъ и кулачныхъ боевъ въ Малороссіи.—Сообщ. *А. Маркевичъ.*—ж) Къ портрету Ипатія Потѣя, кіевскаго уніатскаго митрополита 155

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями *А. М. Лазаревскаго.* (Приложеніе) . . . . 81—96

ПРИЛОЖЕНІЕ.—Портретъ Ипатія Потѣя, кіевскаго уніатскаго митрополита.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ

ТОМЪ X.

СЕНТЯБРЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 11-го августа 1884 года.

Hypacyusz Pociey
Syn Adama Brzeskiego Litewskiego Biskup Włodzimierski i Brzeski poźniey
Metropolita Kijowski i Halicki Delegowany w R. 1595. do Rzymu za Klemensa
III. Papieża dla odnowienia zerwanej iedności z Kościołem Rzymskim
Katolickim. spoczął w Panu Roku 1615. dnia 8 Lipca

Смѣна народностей въ южной Россіи.

(Историко-этнографическія замѣтки).

(Продолженіе).

ГЛАВА 4-я.

Литовско-польскій періодъ въ исторіи южной Россіи.

Со второй четверти XIV ст. начался поворотъ въ жизни южнорусскаго населенія подъ вліяніемъ завладѣнія страной литовцами. Окрѣпшіе въ политической борьбѣ съ прибалтійскими нѣмцами и оттѣсняемые послѣдними все болѣе и болѣе отъ морскаго прибрежья, литовцы обратились на *востокъ*—въ области древнихъ кривичей, и на югъ—въ предѣлы южной Руси, и скоро сравнительно завладѣли ея территоріей: къ концу XIV в. вся обитаемая южно-руссами территорія была уже въ политической зависимости отъ нихъ. Первое слѣдствіе подчиненія южно-русской территоріи литовцамъ выразилось въ изолированіи ея: съ XIV ст. *южная Русь окончательно отдѣлилась отъ сѣверной* и начала существовать, какъ провинція »Великаго Княжества Литовскаго«. Благодаря измѣнившейся политической судьбѣ страны, создается опять иная обстановка для этнологическаго роста кореннаго населенія. Вліянію ея должно приписать: 1) феодализацію землевладѣнія въ южной Руси въ литовскій періодъ, 2) преобладаніе милитарныхъ мотивовъ въ политической ея жизни это время, 3) направленіе колонизаціи южнорусской въ этотъ-же періодъ и 4) *сословное распредѣленіе кореннаго населенія.*

Въ разсматриваемый нами періодъ территорія южной Руси дѣлается достояніемъ »великаго литовскаго князя«, какъ представителя завоевателей, и въ идеѣ это право на всѣ земли сохраняется даже до второй половины XVI ст. Часть земель непосредственно отъ князей передавалась въ распоряженіе эксплуатирующаго ихъ населенія, главнымъ образомъ *сельскихъ жителей*, которые, проживая на княжескихъ земляхъ, назывались »люди господарскіе«: »волостные« или »тяглые«, а также »служилые люди«, »замковые«, и за владѣніе поземельною собственностью обязаны были натуральною службою: поставляли для княжескихъ пословъ и гонцовъ лошадей, производили издѣльную повинность »на потребу князя«), кромѣ того вносили условный чиншъ княжескимъ намѣстникамъ: »воеводамъ, старостамъ, державцамъ, ключникамъ или тивунамъ«, въ видѣ »серебщизны«, »поволовщины«, »дякла«, »подымщины« и пр. Другая часть земель попадала въ распоряженіе эксплуатирующаго личнымъ трудомъ сельскаго или городскаго населенія, переходя предварительно черезъ цѣлые разряды посредниковъ, начиная владѣтельнымъ княземъ и кончая живущимъ на чужой землѣ сельскимъ обывателемъ, при чемъ отношенія между сопредѣльными разрядами были почти тождественны съ тѣми, въ какихъ стояли »люди господарскіе« къ князьямъ: каждый низшій разрядъ за пользованіе частью земельной собственности высшаго обязывался, какъ-бы въ замѣнъ послѣдняго, нести по отношенію къ государству условную долю повинностей. Въ концѣ концовъ сельскіе обыватели на владѣльческихъ земляхъ, »люди панскіе« или »земянскіе« по своему соціальному положенію уравнивались съ »людьми господарскими«, съ тѣмъ различіемъ, что, получая фактически земельный участокъ отъ частнаго лица, они, кромѣ отбыванія натурою, вмѣсто хозяина участка, по отношенію къ князю, извѣстныхъ повинностей на равнѣ съ »господарскими людьми«, вносили денежный чиншъ непосредственно владѣльцу участка [1]). Въ свою очередь тѣ разряды населенія, черезъ посредство которыхъ земля доходила къ крестьянамъ и въ пользу которыхъ

[1]) Новицкій, »Очерки исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV—XVIII ст., стр. 7—15; Бершадскій, »Литовскіе евреи, исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до люблинской уніи, стр., 268, 279 и 294.

отъ послѣднихъ поступалъ чиншъ, несли тоже часть повинностей, прежде всего и главнѣе всего *военную*, самую тяжелую въ то безпокойное время. Такимъ образомъ въ литовскій періодъ уже въ XIV ст. устроилась феодальная лѣстница отношеній разныхъ разрядовъ населенія, на верху которой стоялъ князь, а внизу помѣщались сельскіе обыватели двухъ разрядовъ: одни на княжескихъ земляхъ, а другіе на владѣльческихъ. Землевладѣніе, будучи одинаково условнымъ для всѣхъ частныхъ лицъ безъ исключенія, не составляло вмѣстѣ съ тѣмъ ничьей привилегіи [1]); не было сначала привилегій и въ другихъ областяхъ: въ политической [2]), судебной, въ отбываніи повинностей [3]), по роду занятій [4]) и пр. Сельскіе обыватели или крестьяне, какъ господарскіе, такъ и владѣльческіе, на равнѣ съ князьями, боярами и горожанами, имѣли право отчужденія своего земельнаго участка въ пользу другого лица съ перенесеніемъ на это лице и отбыванія условныхъ повинностей и даже права имѣть экономически зависимыхъ отъ себя людей, или »закладней« [5]). Различіе между разными разрядами населенія, за исключеніемъ немногочисленнаго сословія вполнѣ безправныхъ рабовъ [6]), сводилось преимущественно къ различію *экономической состоятельности*. Такихъ разрядовъ въ XIV ст., кромѣ удѣльныхъ князей, обыкновенно признаютъ пять: 1) *земяне* — это крупный землевладѣльческій классъ, который получалъ участокъ какъ отъ князей, такъ и отъ частныхъ владѣльцевъ и былъ въ непосредственной зависимости отъ князей; 2) *бояре* — землевладѣльческій классъ, составлявшій по незначительности своихъ земельныхъ участковъ переходъ къ мѣщанскому и крестьянскому разрядамъ; они приписывались по отбыванію повинностей къ господарскимъ замкамъ; 3) *мѣщане*—жители городовъ, въ разрядѣ которыхъ числились и бояре, и дворяне, и собственно мѣщане и посполитство; 4) кре-

[1]) Новицкій, стр. 15.

[2]) Бершадскій, стр. 289.

[3]) Такъ, для всѣхъ разрядовъ были напр. такія общія повинности: постройка замковъ, исправленіе мостовъ, подводная повинность, »поволовщина« и пр.—Бершадскій. стр. 289.

[4]) Землевладѣніе, земледѣліе, торговля, ремесла, ссуда денегъ и пр. отправляются каждымъ свободнымъ человѣкомъ по усмотрѣнію. Ibid., стр. 289—291.

[5]) Новицкій, стр. 13—15.

[6]) Ibid., стр. 3.

стьяне или »люди господарскіе« и »земянскіе«[1]) и 5) безправные или рабы—весьма малочисленный классъ населенія[2]). Но тѣ, сравнительно небольшіе зачатки сословной раздѣльности, которые въ XIV в. видны лишь въ неравенствѣ экономическомъ, въ неоднородности государственныхъ службъ, въ феодальномъ экономическомъ подчиненіи одного разряда населенія другому, а отчасти въ мѣстѣ жительства и въ происхожденіи, постепенно въ теченіи XV в., подъ вліяніемъ политическихъ событій, особенно безпрестанныхъ войнъ, торгово-промышленной жизни, а также благодаря инороднымъ элементамъ, выросли до привилегіи и до сословнаго расчлененія южно-русской народности. Прежде другихъ выдѣлились въ особую сословную группу *горожане*, которые, въ силу распространившагося на всѣ главные города южной Россіи магдебургскаго права, объединились изъ прежнихъ отдѣльныхъ разрядовъ городскихъ жителей—мѣщанъ, городскихъ дворянъ и посольства—въ одно »мѣщанское сословіе«[3]) съ особою административною и судебною юрисдикціей. Затѣмъ повсюду стали выдѣляться земяне въ привилегированный классъ, въ *высшее служилое сословіе*. Начало такому выдѣленію можно усмотрѣть въ пожалованіи князьями за особыя заслуги земель отдѣльнымъ лицамъ въ потомственное владѣніе, черезъ что образовались *вотчинныя имѣнія* (»дѣдина«, »дѣдичина«). Хотя сначала и владѣніе вотчиною ограничивалось правомъ князя запрещать переходъ ея въ другія руки, но со временемъ это ограниченіе исчезло; постепенно число вотчинныхъ имѣній возрастало съ одной стороны на счетъ уменьшенія земель, пожалованныхъ во временное пользованіе, а съ другой и на счетъ земель, находившихся въ распоряженіи князя. При той широкой раздачѣ земель, какая практиковалась въ XIV и XV в., значительное число послѣднихъ отъ князя переходило во владѣніе крупныхъ собственниковъ; явилась необходимость въ ограниченіи права на земельную собственность[4]), и землевладѣніе такимъ образомъ сдѣлалось сос-

[1]) Проф. Антоновичъ признаетъ еще третій классъ крестьянъ—»данниковъ«, жившихъ на собственной землѣ.—»Кіев. Старина« 1882 г., янв., стр. 29—35.

[2]) Новицкій, стр. 3.

[3]) Ibid., стр. 18.

[4]) Въ концѣ XV в. послѣдовало ограниченіе правъ мѣщанъ на землевладѣніе.—Ibid., стр. 10—11.

ловной привилегіей. Понятно, что классъ населенія, къ которому шагъ за шагомъ переходила главная масса поземельной собственности, стремился обѣлить свою землю отъ всякихъ платежей, и это достигнуто было къ началу XVI в., когда была уничтожена »воловщина«, »подымщина« и государственное право на подать перешло къ частнымъ владѣльцамъ [1]), что, понятно, поставило »панскихъ« или »земянскихъ« людей въ большую зависимость отъ послѣднихъ. Къ тому же времени жители на земляхъ частныхъ владѣльцевъ выключены отъ суда княжескихъ урядниковъ переходомъ права суда къ тому же сословію, которому досталась и большая часть княжескихъ земель [2]).

Такимъ образомъ къ началу XVI в. южно-русское населеніе раскололось на три довольно рѣзко очерченныхъ сословія: 1) привилегированное землевладѣльческое и вмѣстѣ служилое сословіе, которое заключало въ себѣ двѣ группы: князей и пановъ рады и бояръ или шляхту [3]), 2) мѣщане и 3) крестьяне двухъ категорій: на княжескихъ земляхъ и на частныхъ. Послѣдніе представляли уже полусвободное населеніе, зависѣвшее въ экономическомъ и въ судебно-административномъ отношеніи отъ землевладѣльческаго класса; сословное повышеніе ихъ было ограничено [4]) и свобода перехода отъ одного участка на другой затруднена [5]). Наконецъ былъ еще классъ духовенства, который пополнялся изъ всѣхъ другихъ сословій.

Отмѣчая тѣ особенности этнографическаго характера, какими окрасилась жизнь южно-руссовъ въ періодъ съ XIII по XVI ст., нельзя оставить безъ вниманія *милитаризма населенія*. Южно-русская страна за указанное время представляла арену безпрерывной войны: татары рѣдкій годъ не посѣщали южной Россіи своими грабительскими набѣгами, при которыхъ сжигались поселенія, захватывался скотъ, уводились въ плѣнъ жители; борьба поляковъ и литовцевъ

---

[1]) Новицкій, стр. 19—22.

[2]) Ibid., стр. 19—22.

[3]) Бершадскій, стр. 294.

[4]) Въ земской привилегіи в. кн. Александра отъ 1492 г. установлено было уже, что »*плебеи* не будутъ повышаемы надъ шляхтой«.—Ibid., стр. 279).

[5]) По земской привилегіи Казиміра Ягеллоновича въ 1457 г. »за выводъ людей у помѣщиковъ всякаго ожидала висѣлица«.—Бершадскій, стр. 273.

изъ-за обладанія тѣмъ или другимъ клочкомъ южно-русской территоріи съ малыми перерывами велась около двухъ столѣтій; далѣе молдаво-валахи, какъ только объединились въ одно политическое государство, не упускали случая выпускать свои войска на территорію южно-русскую; наконецъ не безопаснѣе было и съ восточными сосѣдями—московскимъ государствомъ и пр. Рѣдкій годъ обходился, чтобы южно-русская страна то въ томъ, то въ другомъ концѣ не должна была или отражать врага, или защищаться; не только развитіе промышленное, торговое и культурное, но и самое существованіе населенія находилось въ постоянной опасности. Въ виду этого значительная часть населенія: »земяне«, бояре и даже горожане принимаютъ военную организацію и даже обязываются въ той или другой формѣ нести военную службу. Такъ »земяне«, получая участокъ земли или службу, »обязаны были по каждому призыву князя или его намѣстника доставлять съ каждой »службы« одного вооруженнаго воина [1]); »бояре«, будучи приписаны къ господарскому замку, за свои участки должны были прежде всего нести военную службу не только полевую, но и гарнизонную въ самой крѣпости [2]); мѣщане или несли также всякую полевую и гарнизонную службу (»отправляли оборону и сторожу«), или должны были кромѣ того спеціально, по призыву воеводы, ѣздить въ погоню за татарами, держать полевую сторожу на татарскихъ шляхахъ [3]) (послѣднее, конечно, относилось къ пограничнымъ городамъ, какъ Кіевъ), такъ что три слоя населенія, уже въ силу требованій власти, принимали характеръ иррегулярнаго войска. Но жизнь шла дальше и дѣлала воинами и значительную часть крестьянства, особенно обитавшаго въ степной полосѣ и въ сосѣдствѣ съ татарами—это были козаки.

Съ козачествомъ, самымъ важнымъ этнографическимъ явленіемъ временъ литовцевъ, связанъ вопросъ о колонизаціи. Въ началѣ XIV ст., въ періодъ подчиненія южной Руси литовцамъ, область поселенія южно-руссовъ значительно съуживается, сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ. На лѣвой сторонѣ Днѣпра

---

[1]) Антоновичъ, »Кіевъ, его значеніе« и пр., стр. 29.

[2]) Ibid., стр. 32.

[3]) Ibid., стр. 31.

южно-русская страна отъ самаго Днѣпра и нижняго теченія Сулы и Сейма, приняла степной характеръ [1]) и такою оставалась и въ XV еще вѣкѣ [2]). Кромѣ части харьковской и полтавской губ.—бассейновъ Псла, Ворсклы и Сейма, все остальное пространство до XV и даже до XVI ст. служило мѣстомъ временныхъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ стоянокъ кочевниковъ [3]); весь курскій край, за выключеніемъ Курска и Рыльска, уцѣлѣвшихъ въ татарщину и позже потомъ явившихся колонизаторами края, оставался въ запустѣніи въ теченіе трехъ столѣтій [4]). На правой сторонѣ Днѣпра южно-русское населеніе не шло дальше Роси [5]): пустыя мѣста граничили съ Каневомъ, Черкасами и Бѣлою-Церковью, даже въ послѣднее время періода [6]). Херсонская губернія и прилегающія части кіевской и подольской губерніи были въ полномъ запустѣніи до конца XIV в.; никакихъ поселеній не было и на побережьѣ моря. Венеціанскіе и генуэзскіе купцы, плававшіе вдоль сѣвернаго берега Чернаго моря, изъ Константинополя въ Крымъ и къ устью Дона, не встрѣчали никакихъ поселеній на побережьѣ между Днѣстромъ и Днѣпромъ и далѣе до Дона [7]). Далѣе за Днѣ-

[1]) Въ 1389 г. въ путешествіи Пимена Воронежскаго край этотъ рисуется такъ: »бяше бо пустыня зѣло; не бяше бо видѣти тамъ ни града, ни села,... не бѣ бо видѣти человѣка, точію пустыня велія и звѣрей множество.—Германовъ, стр. 2.

[2]) Въ XV в. послы венеціанской республики и великаго князя московскаго Іоанна III, ѣздившіе въ Персію, проѣзжая донскія и воронежскія степи, »не видѣли ничего, кромѣ неба и земли, часто имѣли недостатокъ въ водѣ, не находили ни вѣрныхъ дорогъ, ни мостовъ«.—Ibid.

[3]) »Списки населенныхъ мѣстъ «харьковской и полтавской губерніи.

[4]) »Списки населенныхъ мѣстъ« курской губерніи.

[5]) Антоновичъ, »Кіевъ, его значеніе« и пр., стр. 6.

[6]) Житецкій, стр. 287.

[7]) Этимъ и объясняется, почему они даютъ названія нѣкоторымъ пунктамъ по оригинальности флоры.—Брунъ, »Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи«. Ч. 1, стр. 78, 80—81 и др.—Въ 1425 г. бургундскій рыцарь Гильберъ де Лануа проѣхалъ сухимъ путемъ отъ Бѣлгорода (Аккермана) до низовьевъ Днѣпра и въ теченіи этого переѣзда встрѣтилъ только одно татарское поселеніе, неоднократно подвергаясь въ тоже время нападеніямъ то отъ кочующихъ шаекъ, то отъ дикихъ животныхъ, блуждавшихъ въ степи« (»Списки населенныхъ мѣстъ« харьковской губерніи). Тоже самое представляла и лѣвобережная Новороссія (Риттихъ, 176 стр.).

стромъ, въ теперешней Бессарабіи и Буковинѣ, южно-руссы вытѣсняются въ XIV ст. молдаво-валахами [1]). Даже на сѣверо-западѣ около XIV в. южно-руссы потеряли часть территоріи, которую заняло польское населеніе, именно »ляшское племя подвинулось немного на востокъ, въ ущербъ русскому« [2]). Съ водвореніемъ литовцевъ въ предѣлахъ южно-руссовъ политическія границы южной Руси быстро расширяются, именно на югъ: въ XV в. политическія границы литовскаго княжества достигли Чернаго моря, именно граница шла отъ впаденія Мурахвы въ Днѣстръ, мимо Тегиня къ устью Днѣстра, лиманомъ мимо Очакова къ устью Днѣпра, оттуда до Тавани, потомъ къ Овечьимъ Водамъ до верховья, оттуда къ верховьямъ Самары и Оргѣева, до самаго Донца, и отъ Донца по Тихую Сосну [3]). Конечно, южная Русь въ указанныхъ предѣлахъ не пополнилась населеніемъ въ татаро-литовскій періодъ, и до конца XVI в. значительная часть новороссійскихъ степей, юридически входившая въ составъ литовской Руси, представляла »дикія поля«, оставалась безплодной и предоставлена была фактически татарскимъ кочевникамъ; но увеличеніе территоріи имѣло вліяніе на интенсивность южно-русской колонизаціи и на измѣненіе ея направленія. Въ это время можно различить три типа колонизаціи: 1) *дворянско-крестьянскую*, 2) *правительственную (или замковую)* и 3) *свободно-крестьянскую*. Первая имѣла мѣсто главнымъ образомъ съ начала періода (въ XIV в.), хотя и потомъ продолжалась; послѣдняя усиливается къ концу. Общее направленіе колонизаціи въ литовскій періодъ было съ сѣвера на югъ, въ степное пространство, хотя такое направленіе рельефно выразилось лишь въ послѣднемъ типѣ. Дворянская колонизація преобладала въ сѣверной лѣсной полосѣ: въ Черниговщинѣ, Волыни и въ лѣсной части Кіевщины; свободная крестьянская—вообще въ степной полосѣ; то же можно сказать и относительно второй. Первая колонизація шла путемъ раздачи земельныхъ участковъ земянамъ и боярамъ. Обыкновенно ленники, получая отъ удѣльныхъ князей, а позже отъ великихъ князей ли-

[1]) Шараневичъ, стр. 185

[2]) Первольфъ, стр. 205.

[3]) Такое обозначеніе границъ было произведено въ началѣ второй половины XV в., при кіевскомъ князѣ Семенѣ Александровичѣ (1454—1471г.). —Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. II, 1540 г., № 199, стр. 362.

тевскихъ земельный участокъ »въ службу« или »вотчину«, вмѣстѣ съ тѣмъ получали дозволеніе »устроить новое село«[1]), а иногда прямо съ обязательствомъ, »посадить людъ волный, прихожій«[2]). Границы земельныхъ участковъ, при тогдашнемъ отсутствіи оффиціальныхъ свѣдѣній, обыкновенно обозначались общими мѣстами—рѣками, лѣсомъ, урочищами и т. п., напр. Василію Корочевскому князь жалуетъ »Княжую Луку у Подольской земли, у каменецкомъ повѣтѣ, межи рѣками Морошками до берега Морошки Сенковской, зъ лѣсомъ, что зовутъ Стрыковъ Рогъ, и съ Куликовыми лѣски, аже потоля, гдѣ упадаетъ Морошка Сенковская у Морохву Великую[3])«. Получившій земли ставилъ большіе столбы (или кресты) на своемъ участкѣ съ приглашеніемъ поселиться на указанномъ мѣстѣ подъ извѣстнымъ условіемъ, что называлось тогда »зазывать на слободу«[4]). При свободѣ передвиженія въ ту эпоху крестьянъ, при ихъ безземельи новыя поселенія быстро наполнялись пришлымъ населеніемъ съ разныхъ краевъ, разростались и нѣкоторыя потомъ переименовывались въ города, хотя нерѣдко были случаи и запустѣнія такихъ поселеній, или въ силу раззоренія набѣгами татаръ или же благодаря возникшимъ, по минованіи льготныхъ лѣтъ, платежнымъ тягостямъ отъ владѣльцевъ. Прежде всего были розданы земельные участки въ болѣе спокойной по отношенію внѣшнихъ враговъ и болѣе цѣнной сѣверной лѣсной полосѣ. Земли на Волыни, въ кіево-пинскомъ Полѣсьѣ и Сѣверщинѣ были розданы уже въ началѣ литовскаго владычества и эти области отмѣчены многочисленнымъ бояро-земянскимъ классомъ[5]); чѣмъ область южнѣе, тѣмъ въ ней позже начинаютъ раз-

---

[1]) Въ 1383 г. великій князь Александръ Витовтъ Кейстутіевичъ далъ »жалованную грамоту« Василію Корочевскому о дозволеніи ему въ подольской землѣ устроить *новое село* Княжую Луку.—Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. I., стр. 21.

[2]) Въ 1496 г. пожалованы были отчины въ стародубскомъ и черниговскомъ повѣтахъ Ивану Глинскому съ условіемъ »посадилъ былъ людъ волный прихожій«.—Ibid., стр. 153—154.

[3]) Ibid., стр. 22.

[4]) Антоновичъ, »Кіевъ, его значеніе« и пр., стр. 22.

[5]) Напримѣръ, болѣе выдающіеся земянскіе роды, въ *мозырскомъ повѣтѣ*: Обухи, Балакиры, Еськовичи, Лозки, Костюшковичи, Леньковичи, Служки; въ чер-

даваться земли, но тѣмъ землевладѣльческое населеніе малочисленнѣе[1]); но все таки земяне проникли до самыхъ крайнихъ предѣловъ литовскихъ владѣній[2]).

Колонизація государственная сопровождала по пятамъ расширеніе владѣній литовскаго государства и выражалась въ постройкѣ замковъ, гдѣ поселялся староста или воевода княжескій и гарнизонъ; къ нему-же, какъ уже мы видѣли, приписывались окольные бояре, и въ зависимости отъ замка господарскаго былъ цѣлый повѣтъ; около замка иногда постепенно образовывался городъ. Каждый шагъ завоеванія литовскаго правительства отмѣчался постройкою замковъ. Такъ въ Подоліи, которая въ 1351 г. была отнята у татаръ литовцами и въ которой »въ тотъ часъ не бѣ ни одинъ городъ ни деревомъ рубленый, ни каменемъ будованый«[3]), послѣдніе построили три замка: Смотричъ, Бакоту и Каменецъ, заселили ихъ и стали управлять[4]). Замки литовскіе были во всей литовской Руси. До половины XV в. замки или староства были слѣдующіе: Лоевъ, Любечъ, Остеръ, Кіевъ, Чернобыль, Овручъ, Житоміръ, Хмѣльникъ, Брацлавъ, Баръ и Каменецъ. Со второй половины XV в. новою тесьмою расширяются на югъ литовскія владѣнія и являются замки: Переяславль, Бѣлая-Церковь, Каневъ, Черкассы, Кременчугъ, Мишуринъ-Рогъ и Винница. Во второй половинѣ пытаются устроить третью линію: Чигиринъ, Звенигородъ и Лысянка. При Витовтѣ литовскіе замки появились и на черноморскомъ прибрежьѣ: построена была

нобыльскомъ и кіевскомъ: Княтичи, Проскуры, Горностаи, Сурины, Заморенки, Полозовичи, Дашковичи, Тыши, Воловичи, Лемеши, въ овручскомъ и житомірскомъ: Немировичи, Дедовичи, Кльцы, князья Сенскіе, Халецкіе, Щеневскіе, князья Капусты, Тышковичи, Стрыбели, Вороны, Прежовскіе, Корчевскіе и т. д.—Антоновичъ, »Кіевская Старина«, 1882 г., янв., стр. 30.

[1]) Напримѣръ, въ черкасскомъ, каневскомъ, въ южныхъ частяхъ кіевскаго и житомірскаго земянъ было мало, всего два-три рода, а въ повѣтахъ звенигородскомъ, переяславскомъ земянъ вовсе не было (ibid.).

[2]) Язловецкіе, напримѣръ, были владѣльцами гавани Хаджибей, гдѣ Одесса (Новицкій, стр. 30); Бучацкимъ принадлежали поселенія по берегамъ р. Синюхи (»Сп. нас. м. херс. губ.).

[3]) Смирновъ, »Споръ между Литвою и Польшею о правахъ на Волынь и Подолію«, стр. 40.

[4]) Ibid.

крѣпость Дашевъ (Очаковъ) и устроена гавань на отнятой у татаръ стоянкѣ Хаджибей; при устьѣ Днѣстра противъ генуэзской крѣпости Монкастро (Аккерманъ) воздвигнутъ новый литовскій замокъ, а нѣсколько выше по Днѣстру замокъ Тягинь (Бендеры). Сверхъ того упоминаются въ степи замки и крѣпости: Караулъ, Гербедевъ, Упскъ, слѣды которыхъ и мѣсто не опредѣлены еще[1]). Но послѣ крымцы почти все это уничтожили: литовскія замковыя поселенія были отобраны назадъ до Хмѣльника и Винницы[2]). Въ нѣкоторомъ отношеніи литовскіе замки имѣли значеніе древне-русскихъ городовъ: окольное населеніе въ нихъ укрывалось въ случаѣ набѣговъ татаръ и они служили своими военными средствами для этого населенія и опорными пунктами въ борьбѣ съ кочевниками. Отчасти подъ защитою замковъ происходитъ и крестьянская колонизація въ степяхъ. Въ литовскомъ государствѣ, гдѣ особенно съ XV в., въ силу военной организаціи администраціи и отчасти населенія и въ виду выдѣленія высшаго землевладѣльческаго класса, выступилъ уже на сцену принципъ правительственнаго урегулированія поселеній, ярко выразившійся въ перенесеніи съ правительства на землевладѣльческій классъ правъ по отношенію къ сельскому населенію и въ первыхъ попыткахъ уничтоженія свободы передвиженія,— крестьянская колонизація представлялась своевольной, незаконной, такъ какъ во 1-хъ крестьяне занимали земли, de jure принадлежащія правительству, и во 2-хъ ускользали отъ обязательныхъ отношеній къ правительству, или его ленника—землевладѣльцу. Но кромѣ послѣдняго обстоятельства, неблагопріятствовавшаго разселенію крестьянъ, колонизація имѣла еще болѣе невыгодныя условія, это сосѣдство съ кочевниками-татарами. Какъ уже мы говорили, сѣверныя части литовской Руси были фактически во владѣніи дворянско-земледѣльческаго населенія, и крестьяне здѣсь, даже при свободѣ передвиженія, въ концѣ концовъ должны были поселиться на частныхъ земляхъ и стать въ обязательныя отношенія, которыя, чѣмъ болѣе уплотнялось населеніе, тѣмъ болѣе становились тягостными; избѣжать этого было можно переселеніемъ въ степную полосу, гдѣ землевладѣльческое населеніе было

---

[1]) Антоновичъ, »Кіевская Старина« 1882 г., янв., стр. 26.

[2]) Житецкій, стр. 257.

еще незначительно. Но здѣсь оно должно было выдерживать постоянную борьбу съ кочевниками, защищая свое имущество, свой скотъ, жизнь своей семьи и свою собственную. Однако соціально-политическія условія внутри южной Россіи на столько измѣнились въ невыгодную сторону для сельскаго населенія, особенно для жившаго на частныхъ владѣльческихъ земляхъ, что и степи предпочитаются. Въ движеніи на югъ играютъ значеніе, конечно, и рѣки, а также и традиція. Свободная крестьянская колонизація идетъ внизъ по Днѣпру до пороговъ, также по Орели, Самарѣ, Ворсклѣ, Тясмину, обоимъ Пигуламъ и далѣе на западъ до Днѣстра. Кромѣ прежде всего занятыхъ староствъ каневскаго и черкасскаго, заселяется приднѣпровская часть бывшаго переяславскаго княжества, пустыри между Тясминомъ, Синюхою и Росью, обширныя пространства, такъ называемые »грунты уманскій и звенигородскій«, области, позже названныя »Брацлавщиной« [1]). Сюда стекалось населеніе не только съ прилегающихъ и гуще заселенныхъ мѣстностей, но и со всѣхъ концовъ южно-русской страны: изъ Подлясья, съ береговъ Стыри, Горыня, Зап. Буга, Десны, верховьевъ Днѣпра [2]), съ польской Руси [3]). Населеніе разселялось хуторами по прибрежьямъ рѣкъ и рѣчекъ и ютилось въ степныхъ балкахъ; занятіями его были земледѣліе, пчеловодство (пасѣки), охота, рыболовство; въ число промысловъ входили »угонъ лошадей и захватъ добычи у татаръ«; велась также торговля продуктами этихъ промысловъ [4]). Южнорусское крестьянство, начавшее жизнь въ степной полосѣ самостоятельно, безъ культурнаго, государственнаго и соціальнаго давленія правящихъ классовъ, возродило въ своей организаціи старыя общинно-вѣчевыя привычки, еще не атрофировавшіяся до конца, даже въ бытѣ сельскаго населенія внутри страны [5]), и теперь здѣсь, въ степяхъ, въ виду грознаго врага закладывалась основа новой жизни на старыхъ

[1]) Антоновичъ, »Кіевская Старина« 1882 г., янв., стр. 34.

[2]) Житецкій П., стр. 287; »Сп. нас. м.« екатеринославской губерніи.

[3]) Szaraniewicz, »Rys wewnętrznych stosunków Galicyi Wschodniéj w drugiéj połowie XV wieku«, Lwów, 1869 г., стр. 75.

[4]) Антоновичъ, »Кіевская Старина« 1882 г., янв., стр. 34.

[5]) Иванишевъ, »О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи«, »Сочиненія Иванишева«. Кіевъ: 1876 г., стр. 231—299.

началахъ вѣчевой свободы »въ формѣ товариства«[1]). По спеціальныя условія народной колонизаціи, т. е. жизнь въ виду постоянной опасности отъ татаръ, наложили на нее своеобразный отпечатокъ, образовавъ изъ крестьянскаго населенія, сбѣжавшагося сюда съ разныхъ концовъ южно-русской земли, *родъ военнаго сословія*, иниціативу въ боевой организаціи котораго принимали на себя сосѣдніе литовскіе замки. Крестьянская колонизація, которая сначала была терпима[2]), въ силу безсилія прекратить ее, потомъ уже признавалась, какъ совершившійся фактъ, и населеніемъ данной мѣстности правительство спѣшило воспользоваться въ борьбѣ съ татарами и въ огражденіи границъ отъ послѣднихъ[3]). Организаторская роль по отношенію поселенцевъ принадлежала старостамъ хмельникскимъ, брацлавскимъ, винницкимъ, каневскимъ и черкасскимъ[4]). Такимъ образомъ въ литовскій періодъ въ мѣстностяхъ, гдѣ были литовско-русскіе дворяне и мѣщане, они пріобрѣли характеръ военно-служилыхъ людей, хотя и съ значительнымъ личнымъ имущественнымъ правомъ[5]), въ степной-же полосѣ такую военную окраску получило само русское крестьянство, въ видѣ южнорусскаго »*козачества*«. Вольное козацкое населеніе сдѣлалось передовой стѣной отъ набѣговъ татаръ. Подъ его охраною отчасти и дворянскіе роды переселялись изъ внутреннихъ провинцій, основывали здѣсь свои слободы и наполняли ихъ »подданными людьми«[6]).

Трудно, по бѣдности источниковъ, сказать что нибудь опредѣленное объ этнографическомъ составѣ и этнологическихъ измѣненіяхъ въ южно-русскомъ населеніи за время съ XIII по XVI в. Несомнѣнно только, что высшее сословіе страны болѣе другихъ

[1]) Житецкій П., стр. 284.

[2]) Объ этомъ говорятъ, напримѣръ, жалоба каневцевъ, что переселенцы »пашутъ, гдѣ хотятъ и сколько хотятъ«, или что они »въ каневскихъ уходахъ живутъ на мясѣ, на рыбѣ, на меду и сытятъ себѣ, яко дома«. Антоновичъ, »Кіевская Старина« 1882 г., янв., стр. 33.

[3]) Ibid., стр. 33—34.

[4]) Idid.

[5]) Ефименко, »Изъ исторіи борьбы малорусскаго народа съ поляками«. »Слово« 1879 г. № 9, стр. 31.

[6]) »Паденіе шляхетскаго господства въ Украйнѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра, въ XVII ст.«. Вѣстникъ юго-зап. и запад. Россіи, 1862, іюль, стр. 31.

измѣнилось: приняло въ себя значительное количество инородныхъ элементовъ, получило постепенно узко-сословный характеръ и измѣнило свои типическія особенности.

Литовцы въ завоеванной территоріи южной Руси застали, кромѣ рядоваго сельско-городскаго населенія, еще довольно численное потомство русскихъ удѣльныхъ князей и бояръ,—послѣднихъ какъ въ видѣ остатковъ дружиннаго войска, съ которымъ русскіе князья ходили по распоряженію монгольскихъ владыкъ [1]), такъ и въ видѣ земскихъ бояръ [2]), т. е. осѣвшихъ на опредѣленныхъ, пожалованныхъ князьями земляхъ, напр. въ Болоховской землѣ. И та и другая группа были представители экономически-состоятельнаго разряда южно-русскаго населенія, къ тому же отличены были отъ прочей массы своими военными занятіями и, понятное дѣло, сдѣлались землевладѣльцами при литовскихъ князьяхъ на правахъ ленниковъ, получая то подтвержденіе на свои прежнія вотчины, то новые земельные участки [3]). Нерѣдко было, что южно-руссы переселялись въ предѣлы Литвы и сѣверо-западнаго края и тамъ получали службы [4]). Обратно въ южной Руси, рядомъ съ мѣстными земянами, поселялись (вѣроятнѣе всего, въ преобладающемъ количествѣ) и новые завоеватели изъ литовцевъ — это

---

[1]) Въ 1274 г. *Менгутимерь* (же) далъ ему (Льву) рать, и Ягурчина съ ними воеводу и залѣшрескыи князиви да ему въ помочь, Романа *Дьбряньского* (т. е. »Брянскаго«) и сынимь Олгимъ, и Глѣба князя смоленьскаго, иныхъ князей много, тогда бо бяху вси князи въ воли въ татарьский«... идоша-же съ ними князи ниньсции и туровсции«, и »съ ними князи мнози«, и всѣ съ »ратью«. Ипатск. лѣт., стр. 568, 575—577; такъ же было въ 1282 года, стр. 585; 1287 г., стр. 591 и др.

[2]) Костомаровъ, т. XII, стр. 56—57; Сергѣевъ, »Вѣче и князь«. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей, стр. 411—412.

[3]) Такъ князья Острожскіе, потомки велико-княжескаго дома Владиміра св., владѣли съ 1386 г. княжествами Острожскимъ, Заславскимъ и Корецкимъ.—Антоновичъ, »Кіевская Старина«, 1882 г., янв., стр. 46.

[4]) Въ 1438 г. перешелъ въ Литву Язловецкій и пожалованъ тамъ рыцарскимъ достоинствомъ (Акты, относящіеся къ исторіи западно-русскаго края, т. I. № 57, стр. 80): »Соболевскіе, родомъ изъ кіевскаго воеводства, во время смутъ здѣсь перешли въ городенскій повѣтъ, гдѣ они пріобрѣли себѣ имѣнія, а въ 1480 г. ихъ потомки получили дворъ близъ Пущи Супральской на Подляшьѣ отъ

князья Гедиминова рода[1]), администраторы княжескихъ земель (воеводы, »державцы«, »старосты«, »тивуны« и пр.) и разнаго рода ленники, которые получали удѣлы, округи, повѣты или земельныя февды, какъ временныя, такъ и вотчинныя въ разныхъ концахъ южно-русской территоріи[2]): въ Сѣверщинѣ, въ Кіевщинѣ, на Волыни, въ Подоліи и въ Галицкой Руси[3]), до присоединенія ихъ къ Польшѣ. Совмѣстное проживаніе подъ одинакими политическими, соціальными и географическими условіями повело ко взаимному сближенію литовскаго и русскаго элементовъ, что выразилось въ принятіи литовцами христіанства, въ установленіи родственныхъ связей черезъ браки и пр. Преимущества южно-руссовъ, прожившихъ уже нѣсколько вѣковъ культурною жизнью, создавшихъ свою литературу, выдѣлившихъ изъ себя образованное духовенство и княжеско-боярскій классъ, сказались въ постепенномъ утрачиваніи своихъ національныхъ оригинальностей[4]) литовцами, народомъ, едва выбившимся изъ формъ первобытнаго проживанія: литовцевъ-завоевателей постигла судьба, аналогичная съ лѣтописными варяжскими

Ходкевича (Археографическій сборникъ, т. VII, стр. 57). »При Гедиминѣ, говоритъ Шараневичъ, »многіе русскіе духовніи, учителѣ, художники переселялись до Лятвы и ширили греческую вѣру, языкъ русскій, просвѣщеніе и искусство«. — Шараневичъ, стр. 134.

[1]) »Такъ родъ Любартовичей, имѣвшій удѣлы въ Сѣверщинѣ и въ галицкой Руси — Теодоръ, Деметрій, Агриппина и Анастасія — далъ отъ себя численное потомство, изъ котораго, между прочимъ, произошли роды князей Сангушко, Ковельскихъ и Канирскихъ; родъ Олигмунтовича (Олельковичей?) оставилъ также поколѣніе; въ Черниговщинѣ князья Чарторыйскіе представляются потомками отъ Константина Ольгердовича, получившіе земельную собственность »на Черниговѣ и Черторыску«. На Волыни князья Корецкіе — потомки Деметрія (иначе Бориса) Ольгердовича, надѣленнаго Корцемъ; въ Подоліи князья Хованскіе — поколѣніе »Теодора, сына Патрицкого Наримунтовича; такого-же литовско-княжескаго происхожденія князья Смоленскіе, владѣтели Смоленска, князья Збаражскіе и Вишневецкіе, владѣтели Збаража и Вишневецъ и пр. (Шараневичъ, стр. 305—306); — родъ Олельковичей, считавшій своею вотчиною кіевскія земли, копыльскій удѣлъ на Волыни и слуцкій. — Антоновичъ, »Кіевская Старина«, 1882 г., янв., стр. 12—18.

[2]) Шараневичъ, стр. 306—307.

[3]) Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи, т. I, стр. 48, 67, 151, 196 т.; II стр. 28, 154 и др.

[4]) Максимовичъ, т. 1, стр. 125.

князьями и дружиною [1]). Рельефно, шагъ за шагомъ, ассимилированіе литовцевъ со славяно-руссами видно на княжеской семьѣ, но это лишь потому, что о князьяхъ литовскихъ сохранилось болѣе историческихъ документовъ, чѣмъ объ остальномъ литовскомъ населеніи, ибо несомнѣнно, что то-же происходило и во всѣхъ литовскихъ слояхъ [2]), которые, поселившись въ странѣ, пришли въ соприкосновеніе съ южно-руссами. Въ результатѣ получился *высшій классъ населенія* (князья, земяне, бояре) въ южной Россіи, въ который прежде всего вошли элементы двухъ народностей: литовской и славяно-русской, и для котораго сдѣлались общими православная религія, русскій языкъ и русское право [3]). Но если славяно-руссы дали этому этнографически сплавному высшему классу населенія указанные признаки, то несомнѣнно, что туда же внесли долю своихъ этнологическихъ свойствъ и литовцы хотя-бы путемъ физіологическаго воздѣйствія на перемѣну физическихъ и нравственныхъ чертъ въ типѣ. Кромѣ этого не нужно забывать-еще и другихъ этнографическихъ элементовъ, всосавшихся въ организмъ высшаго южно-русскаго сословія, именно: западно-русскихъ, сѣверно-русскихъ, татарскихъ, нѣмецкихъ, еврейскихъ и пр. Литовцы были завоевателями не одной южной Руси, но вмѣстѣ, и даже прежде западной—кривичско-дреговичской страны; западно-русскія области первыми подчинились литовцамъ и стояли въ ближайшемъ соприкосновеніи съ центральными литовскими областями. Не слѣдуетъ также забывать и того обстоятельства, что западно-русскія области, особенно-же псковскія и новгородскія, менѣе всѣхъ пострадали отъ монгольскаго владычества и болѣе сохранили свое населеніе на старыхъ мѣстахъ, и, можно думать, съ менѣе измѣненными своими бытовыми формами [4]). Въ стираніи особенностей

[1]) Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ«. Спб. 1865 г., стр. XXXIV.

[2]) Первольфъ, стр. 17.

[3]) Аотоновичъ, »Исторія велик. литов. княжества«, *стр. 156*; Житецкій П., стр. 279—280; »Документы« и пр., стр. XXVIII—XXIX.

[4]) Извѣстно, напр., что черты новгороскаго говора и до нашего времени сохранили болѣе сходства съ южно-русскимъ языкомъ и съ древне-русскимъ, чѣмъ какой-нибудь другой говоръ или языкъ въ Россіи.—Лавровскій, »Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго«.

литовскаго народа, въ видѣ-ли проведенія въ среду его христіянства, или въ видѣ пріученія его къ славяно-русскому языку, принимало участіе и западно-русское населеніе, и такимъ образомъ на вновь формировавшійся литовско-русскій типъ накладывало и свои западно-русскія особенности. Вліяніе западно-русскаго населенія, какъ и обратно южной Россіи на литовцевъ, не могло ограничиваться своею территоріей: какъ князья, такъ и разнаго національнаго типа ленники получали удѣлы земельные, »службы« и »вотчины« на разныхъ концахъ великаго княжества литовскаго и постоянно такимъ путемъ перемѣщались изъ южной Россіи въ сѣверо-западную и обратно [1]). Такимъ образомъ время нахожденія южной Руси подъ властью литовцевъ было періодомъ этнографическаго сближенія южно-русскаго населенія съ западно-русскимъ, по крайней мѣрѣ въ княжеско-землевладѣльческомъ классѣ; это отразилось рельефно на государственномъ и литературномъ языкѣ литовскаго княжества, который, по мнѣнію г. П. Житецкаго, »не есть цѣлый языкъ съ основными чертами одного какого-либо нарѣчія, а діалектическая смѣсь особенностей южно-русскихъ и бѣлорусскихъ [2]). Но и *сѣверно-русская народность*, хотя въ это время и оформилась уже въ отдѣльное московское государство, не осталась безъ вліянія на высшій литовско-русскій классъ. Вліяніе этнологическое сѣверно-руссовъ проникало между прочимъ путемъ взаимныхъ браковъ: такъ извѣстно, что »16 русскихъ княженъ были въ замужествѣ за князьями литовскими и 15 литовскихъ княженъ были выданы за кня-

---

[1]) Напримѣръ Свидригайло имѣлъ группу преданныхъ себѣ и интересамъ Руси лицъ въ сѣверской и волынской земляхъ и въ своихъ вотчинныхъ удѣлахъ— Витебскѣ и Полоцкѣ (Антоновичъ, »Кіевская Старина,« 1882 г., янв. стр. 15). Князь Михаилъ Олельковичъ находился въ Великомъ Новгородѣ въ качествѣ намѣстника Казиміра, куда вызванъ былъ партіей Борецкихъ для противодѣйствія политикѣ Іоанна III; въ 1482 г. онъ является оттуда претендентомъ на Кіевъ, какъ вотчину фамиліи Олельковичей, и, не успѣвши здѣсь, поселяется въ своемъ копыльскомъ удѣлѣ (ibid. стр. 20). Такое-же перемѣщеніе несомнѣнно происходило въ средѣ земянъ и бояръ.

[2]) П. Житецкій, стр. 279—280. По наблюденіямъ того же автора, »бѣлорусскіе элементы рѣзче выступаютъ въ XV в., малорусскихъ больше въ XIV в., не смотря на сравнительно меньшее количество дошедшихъ до насъ актовъ XIV. в.«.

зей русскихъ [1]), а въ числѣ браковъ между семействами литовскаго князя съ одной стороны и съ другой стороны князей южно-русскихъ, западно-русскихъ и сѣверно-русскихъ, преобладаютъ браки съ послѣдними, т. е. съ сѣверно-русскими. Извѣстій о сближеніи литовско-русскихъ земянъ и бояръ съ сѣверно-русскими черезъ браки у насъ нѣтъ, но существуютъ косвенныя указанія, что этнографическое взаимодѣйствіе и близость между высшими сословіями сѣверно-руссовъ и литово-руссовъ несомнѣнно существовали: мы разумѣемъ здѣсь обратившіяся въ обычай, въ силу политическихъ обстоятельствъ, переселенія литово-русскихъ дворянъ въ предѣлы московскаго государства и обратно. Не говоримъ уже о Сѣверщинѣ, гдѣ по нѣскольку разъ перебывали князья Можайскіе, Воротынскіе, Шемяки и пр., то подчиняясь власти великаго княжества литовскаго, то удаляясь въ предѣлы московскаго государства; но подобное явленіе замѣчается и въ центральныхъ мѣстахъ южно-русскихъ: кіевскій вотчинникъ князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, по предкамъ обрусѣвшій въ южной Руси татаринъ, послѣ неудавшейся попытки въ союзѣ съ московскимъ княземъ отторгнуть отъ Литвы нѣкоторыя русскія области, переселился въ предѣлы великаго княжества московскаго вмѣстѣ съ братьями и нѣкоторыми своими сторонниками [2]); аналогична и исторія переселенія въ московское государство фамиліи Бѣльскихъ. Обратно, изъ сѣверно русскихъ предѣловъ мы имѣемъ рѣзкіе примѣры переселеній въ южную Русь фамиліи кн. Курб-

[1]) Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи 1862 г., № 8, стр. 26. Между прочимъ у Ольгерда Гедеминовича первая супруга была Марья Ярославовна, княжна витебская, а вторая Юліанія Александровна, княжна тверская (стр. 19); Любартъ Гедеминовичъ имѣлъ въ первомъ супружествѣ дочь князя владимірскаго на Волыни, во второмъ-же дочь Константина Острожскаго (стр. 20); Корибутъ Ольгердовичъ—дочь князя рязанскаго Александра (стр. 21); Лингвеній Ольгердовичъ женатъ былъ на Маріи Васильевнѣ, дочери Дмитрія Іоанновича Донскаго, великаго князя московскаго; Свидригайло Ольгердовичъ на дочери князя тверскаго. Александръ Коріатовичъ на дочери Семіона Іоановича Гордаго, великаго князя московскаго (21); Олелько (Александръ) Владиміровичъ, князь копыльскій и вотчинникъ кіевскій былъ женатъ на Анастасіи, дочери великаго князя московскаго Василія Дмитріевича (Антоновичъ, »Кіевская Старина«, стр. 17). И обратно: литовскія княжны были за князьями: тверскимъ Дмитріемъ Михайловичемъ Грозныя Очи, звенигородскимъ—Андріаномъ Титовичемъ, за московскимъ—Симеономъ Ивановичемъ, суздальскими—Борисомъ и Константиномъ и т. д. (ibid., стр. 23—25).

[2]) Антоновичъ, »Кіевская Старина«, 1882 г., янв., стр. 22—25.

скихъ и др. Еще болѣе до насъ дошло случаевъ ассимилированія съ литовско-русскимъ высшимъ классомъ татарскихъ элементовъ. Кромѣ уже упомянутой фамиліи Глинскихъ, потомки которой переселились въ литовскую Русь и приняли православное крещеніе еще при Витовтѣ [1]), можно указать и другіе аналогичные факты: такъ, »въ началѣ XVI в. среди бояръ, приписанныхъ къ мозырскому замку, жила семья Кобызевичей. Родъ Кобызевичей былъ татарскаго происхожденія: предокъ ихъ Кобызъ находился въ числѣ татарскихъ плѣнниковъ, поселенныхъ Витовтомъ въ окрестностяхъ Мозыря и приписанныхъ имъ къ числу замковыхъ слугъ. Съ теченіемъ времени Кобызевичи крестились и вошли въ составъ мозырскаго боярства, пріобрѣтя незначительную боярскую землю [2]). Такова-же исторія происхожденія фамиліи Шабловскихъ и др. Извѣстны факты и болѣе массового включенія татаръ въ составъ литово-русскаго военно-землевладѣльческаго класса, но мы ограничимся здѣсь ссылкою на Литовскіе Статуты 1566 и 1588 г., въ которыхъ постановляется, что тѣ татарскіе князья, мурзы (уланы), которые владѣютъ земскими владѣніями по пожалованію великихъ князей литовскихъ, уравнены въ правахъ со шляхтичами [3]), а такого рода татарскихъ земянъ мы встрѣчаемъ какъ въ западной Россіи, такъ и въ южной, напр. въ повѣтѣ острожскомъ. Въ архивныхъ документахъ встрѣчаются указанія, что въ среду литовско-русскаго землевладѣльческаго класса входили и евреи, какъ землевладѣльцы, и сливались съ нимъ: Авраамъ Іозефовичъ былъ старостою ковенскимъ и солецкимъ, и подскарбіемъ великаго княжества литовскаго, а его братъ, Михаилъ Іозефовичъ возведенъ былъ »со всѣмъ его законнымъ потомствомъ« въ шляхетское достоинство [4]). Съ момента федеральнаго соединенія

---

[1]) Ibid., стр. 21.

[2]) Антоновичъ, »Паны Ходыки«, воротилы городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI—XVII ст. »Кіевская Старина«, 1882 г., февр., стр. 236.

[3]) Бершадскій, стр. 292—293.

[4]) Возводя, по случаю ленной присяги маркграфа Бранденбургскаго, нѣкоторыхъ лицъ въ дворянское достоинство, король литовско-польскій говоритъ въ актѣ, изданномъ по этому поводу: »припомнили мы достохвальную и давно признанную доблесть и разнообразныя услуги, многократно оказанныя намъ преславнымъ нѣкогда Авраамомъ Іозефовичемъ, старостою ковенскимъ и солецкимъ, подскарбіемъ великаго князя литовскаго; припоминая сіе, а также не менѣе важныя и цѣнныя услуги

Литвы съ Польшей въ среду земянъ и бояръ литовско-русскихъ началъ проникать польскій элементъ, сначала черезъ брачное родство, а позже и путемъ прямаго полученія земельныхъ участковъ. Съ XVI в. польскіе дворяне уже преобладаютъ въ южно-русской странѣ и литовско-русскій высшій классъ стоитъ на пути къ рѣшительной ассимиляціи съ поляками. Сословность въ XIV—XV вв. въ южной Руси хотя уже и пріобрѣла довольно рѣзкія формы, но былъ еще возможенъ и даже сравнительно легокъ переходъ какъ снизу вверхъ, такъ и обратно. Напр., по словамъ проф. Антоновича, земяне кіевской области тяготѣютъ къ городу, пріобрѣтаютъ въ его чертѣ дома, роднятся съ знатными мѣщанскими семействами и нерѣдко переходятъ въ мѣщанское сословіе, и обратно—встрѣчаемъ частые случаи, когда богатые мѣщане пріобрѣтаютъ куплею или на основаніи княжеской жалованной грамоты земли и »службы« и становятся въ ряды земянъ; встрѣчаются такіе роды: Крикуновичи, Криницкіе, Шувалы, Мелешковичи, которые появляются поочередно, то въ качествѣ земянъ, то въ рядахъ кіевскаго мѣщанства. Аналогичное сословное смѣшеніе было и въ другихъ областяхъ литовской Руси: такъ напр., въ 1438 г., выходя изъ Сѣверской земли, Тимоѳей Богунъ причисленъ къ »хоруговой шляхтѣ«[1]), и обратно, нѣкоторые изъ фамилій Кобозычей, бояръ мозырскихъ, спустились въ ряды мѣщанъ подъ фамиліей Фець и Ходыковъ[2]). Такимъ путемъ взаимной, между-сословной диффузіи литовскіе элементы попадали и въ среду южно-русскаго мѣщанства; были и прямыя поселенія литовцевъ въ городахъ среди мѣщанъ, даже въ селахъ среди южно-русскаго крестьянства; поселившіеся слились потомъ съ туземцами[3]); также слились и другіе инородческіе элементы.

Слѣдовательно, мы чужды мысли, что литовско-русскій высшій классъ, по своей этнографической организаціи, окончательно выдѣ-

достойнаго мужа Михаила Іозефовича, еврея, нашего брестскаго мытника, роднаго брата оного Авраама Іозефовича, властью нашею возводимъ въ шляхетское достоинство со всѣмъ его законнымъ потомствомъ. Бершадскій, стр. 368.

[1]) Антоновичъ, »Кіевская Старина«, 1882 г., февр., стр. 38.

[2]) Акты, относящіеся къ исторіи западной Руси, т. I, № 37, стр. 50.

[3]) Антоновичъ »Кіевская Старина«, 1882 г., февр., стр. 236 и пр.

[4]) Шараневичъ, стр. 253.

лился изъ остального населенія: мы признаемъ только за несомнѣнный фактъ, что этотъ разрядъ южно-русскаго населенія въ разсматриваемое время заключалъ въ себѣ разнородные этнографическіе элементы, что эти послѣдніе не стояли изолированно, а объединялись религіей, языкомъ, правомъ и бытовымъ устройствомъ, что наконецъ разнородныхъ этнографическихъ элементовъ въ литовско-русскомъ высшемъ классѣ было въ процентномъ отношеніи гораздо болѣе, чѣмъ въ прочемъ населеніи того времени. Нужно также принять во вниманіе и то, что неодинаковые элементы преобладали въ литовско-русскомъ высшемъ классѣ и въ прочемъ южно-русскомъ населеніи. Такъ въ первомъ, кромѣ западно-руссовъ, преобладали литовцы, а съ XVI в. поляки, именно тѣ этнографическіе элементы, какихъ менѣе всего ассимилировалось съ сельскимъ и городскимъ населеніемъ южно-руссовъ обѣихъ половинъ. Въ подобныхъ свойствахъ этнографической розни, вмѣстѣ съ политико-экономическою ролью литовско-русскаго (земяно-боярскаго) высшаго сословія, нельзя не видѣть уже начала этнографическаго отпаденія его отъ рядовой южно-русской массы.

Указанная группировка южно-русскихъ обитателей не относится ко всей заселенной территоріи южной Руси, потому что часть ея со второй половины XV в. уже не входила въ составъ великаго княжества литовскаго, именно: Галиція, южная Подолія и Подлясье составляли провинцію польскаго королевства [1]) и сословная группировка въ нихъ утвердилась на иныхъ началахъ. Непродолжительное господство литовцевъ надъ Подольей и частью Галиціи не оставило слѣдовъ своего вліянія на сословную организацію славяно-русскаго населенія этихъ областей, и такимъ образомъ переходъ къ польскимъ порядкамъ былъ непосредственно отъ удѣльнаго періода. Особенность галицкой области, сравнительно съ другими частями южной Руси въ XIII ст., заключается въ развитіи боярскаго разряда населенія, т. е. своего рода аристократіи. Въ силу малочисленности княжеской фамиліи въ Галиціи бояре усиливаются до того, что принимаютъ участіе въ верховномъ правленіи страною: ихъ подписи, печати находятся на грамотахъ вмѣстѣ съ княжескими; въ повѣшеніи двухъ Игоревичей бояре простираютъ

---

[1]) Смирновъ, стр. 181, 182.

свою силу до суда надъ князьями и т. д. Въ рукахъ галицкихъ бояръ сосредоточивается власть военная, административная и финансовая. Но галицкая боярская аристократія имѣла то существенное отличіе, что она не владѣла земельною собственностью на правѣ захвата, какъ это было у западно-европейской аристократіи. Остальное населеніе галицко-подольскихъ областей имѣло общіе признаки съ населеніемъ всей южно-русской территоріи: люди различались »по состоянію и по степени того вліянія, какое по своему положенію оказывали одни на другихъ[1]), а также по занятіямъ: были, кромѣ бояръ, купцы, духовенство и крестьяне, которые составляли »весь нижній классъ народонаселенія, т. е. всѣ не бояре, не духовенство и не купцы« [2]).

Съ появленія польской власти и польскаго населенія въ предѣлахъ Галиціи начались измѣненія въ соціально-бытовомъ устройствѣ южно-русскаго населенія и быстрыми шагами пошло сословное расчлененіе населенія: въ отношеніи склонности къ нивелированію инороднаго населенія по своему уровню поляки представляютъ рѣзкій образецъ, какъ по настойчивости, такъ и по цѣлесообразности выбираемыхъ средствъ и по послѣдовательности ихъ примѣненія. Прежде всего вся территорія была распредѣлена между польскими дворянами и русскими боярами съ одной стороны и городами, получившими магдебургскія права съ другой.

Короли обыкновенно раздавали отдѣльныя села и цѣлые повѣты; землевладѣльцы, вмѣстѣ съ правомъ основать новыя села и города, строить замки, получали въ свое владѣніе и всѣ угодья: лѣса цѣлыхъ повѣтовъ, пущи, поля, рѣки, птицъ, рыбу, звѣрей [3]). Населеніе, не получившее земельныхъ угодій, понятно, стало въ экономическую зависимость отъ землевладѣльческаго класса, который удержалъ на южно-русской территоріи тѣ привилегіи и черты сословной обособленности, какими онъ харктеризуется въ Польшѣ уже въ XIV ст., т. е. въ періодъ завладѣнія поляками южной Русью, когда въ Польшѣ были строго отграниченные классы населенія:

---

[1]) Костомаровъ, »Моногр.«, т. II, стр. 55.

[2]) Бѣляевъ, »Крестьяне на Руси«, второе изданіе, стр. 32; Шараневичъ, стр. 143—145.

[3]) Szaraniewicz, »Rys« et caet., стр. 57.

дворяне, мѣщане и крестьяне [1]). Кромѣ того, съ присоединеніемъ южно-русскихъ областей, польская территорія значительно расширилась, потребовалось больше рабочей силы, а между тѣмъ явилась сильная эмиграція польскихъ крестьянъ въ южно-русскіе предѣлы [2]); для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ для землевладѣльческаго класса явились мѣры прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, чего и достигло дворянство, вырвавшее послѣдовательно изъ власти короля законодательство, администрацію, судъ и войско: уже по кошуцкому договору изъ 12 грошей королевской подати 10 брали себѣ дворяне, а со времени статута Альбрехта (1497 г.) въ теченіи 80 лѣтъ крестьян-

[1]) *Дворяне* подраздѣлялись на знатныхъ дворянъ или рыцарей, мелкое дворянство и простолюдиновъ, возведенныхъ въ дворянское достоинство королемъ или какимъ-нибудь знатнымъ рыцаремъ, были свободны отъ всякихъ государственныхъ повинностей, кромѣ военной службы, которая со времени кошуцкаго договора (1374 г.) сдѣлалась исключительной привилегіей дворянъ; *мѣщане*, въ числѣ которыхъ преобладали численно и составляли богатый классъ инородцы, обязаны были только защищать свои города; *крестьяне* раздѣлялись на 4 разряда: *кметы, солтысы, вольные люди и крѣпостные или рабы. Солтысы*—это по преимуществу инородные колонисты, жившіе внѣ городовъ, но пользовавшіеся особымъ »нѣмецкимъ правомъ«, въ силу котораго каждое солтыское поселеніе имѣло изъ среды своей непосредственнаго начальника »солтыса« съ властью административною, судебною и полицейскою; солтысы черезъ своего представителя платили десятину на церковь и оброкъ или чиншъ землевладѣльцу, а также участвовали въ военной службѣ, съ освобожденіемъ отъ другихъ государственныхъ повинностей; но постепенно, особенно со времени кошуцкаго договора, сливаются съ кметами. *Кметы* жили на чужихъ земляхъ (королевскихъ, церковныхъ, монастырскихъ и владѣльческихъ) съ обязательствомъ, по праву вѣчной аренды, платить чиншъ въ пользу владѣльца земли или деньгами, или чаще натурою, а иногда и барщиной. На кметахъ кромѣ того лежали всѣ государственныя тягости; переходъ ихъ съ участка былъ чрезмѣрно ограниченъ. *Свободные или вольные люди* жили тоже на чужихъ земляхъ съ платою оброка, но только по временнымъ договорамъ, и занимались преимущественно промыслами по деревнямъ и городамъ—это огородники, мельники, корчмари, пчеловоды (бортники) и пр. Наконецъ г) *невольники или рабы* были въ полномъ распоряженіи своихъ владѣльцевъ.—Рахневскій, »Крестьянское сословіе въ Польшѣ«, »Русскій Вѣстникъ«, 1858 г., № 57.

[2]) Въ XV в. королевскіе сборщики, пріѣзжая за сборомъ податей, находили только не обработанными оставленныя жителями земли.—Ibidem.

ское сословіе приводится постепенно къ подданству, такъ что уже напр. въ 1520 г. для всѣхъ крестьянъ и колонистовъ сдѣланъ обязательнымъ одинъ день барщины. Сословныя прерогативы и рамки, созданныя для Польши, цѣликомъ потомъ перенесены были въ польскую Русь, гдѣ завоеватели поляки не только были экономическими владыками, но и стремились насадить свою культуру въ видѣ сословныхъ порядковъ, католической религіи, польскаго языка и пр. При посредствѣ привилегій и собственно-культурнаго вліянія въ теченіи какихъ нибудь 100 лѣтъ южно-русская галицкая аристократія (бояре) слилась съ польскою, и такимъ образомъ въ русскихъ провинціяхъ Польше еще до XVI в. образуется изъ древнерусскихъ князей и бояръ, съ одной стороны, и изъ польскихъ дворянъ съ другой, особое сословіе—»шляхта«, которая захватываетъ, въ свои руки всю политическую власть и собирается, по словамъ г. Первольфа, на вѣче не вмѣстѣ съ остальнымъ народомъ, а приходитъ одна только на сеймики и на сеймы, постановляетъ законы, выбираетъ судей и другихъ чиновниковъ, наконецъ вмѣстѣ съ польской шляхтой и короля польскаго [1]).

Одновременно южно-русскіе города польскихъ провинцій наполняются иностранцами, которые устраиваются, какъ и въ Польшѣ, по магдебургскому праву, *славяно-русское-же населеніе вытѣсняется въ предмѣстья городовъ и въ большинствѣ исключается отъ пользованія городскими привилегіями* [2]). Кромѣ послѣдней части населенія, южно-руссы образовали изъ себя *крестьянское сословіе*, которое приписывается къ помѣщикамъ, несетъ тяжелыя повинности и становится почти въ крѣпостныя отношенія [3]); не приписанной

---

[1]) Первольфъ, »Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVII в.«. Спб. 1874 г., стр. 207.

[2]) Въ однихъ городахъ выключеніе произошло на томъ основаніи, что магдебургское право дается живущимъ внутри городскихъ стѣнъ (intra parietas), а южно-руссы жили въ предмѣстьяхъ (Шараневичъ, стр. 197); въ другихъ же городахъ магдебургское право давалось прямо съ оговоркою: »за выключеніемъ схизматиковъ«.—Ibid., стр. 383 и 384; »Rys stosunk.« et caet., стр 110 и 111.

[3]) Scharaniewicz, »Rys« et caet., стр. 117. По Вислицкому статуту крестьянамъ дозволялось выходить изъ земель ихъ помѣщика только въ четырехъ случаяхъ: 1) если помѣщикъ ихъ подвергалъ церковному проклятію; 2) если помѣщикъ выгонялъ ихъ во время голода, 3) если онъ насильно бралъ ихъ женщинъ и 4) если бы за вину помѣщика крестьяне подверглись юридическимъ взысканіямъ и грабежамъ.

къ землѣ помѣщиковъ осталась незначительная часть крестьянъ-солтысовъ, хотя и здѣсь большинство составляли иноземцы колонисты и сверхъ того дѣлалось различіе между католиками и схизматиками. Такимъ образомъ въ XVI ст. съ этнографическими особенностями славяно-руссовъ въ польскихъ частяхъ южной Россіи находились только *крестьяне* и *мѣщане* въ незначительныхъ городахъ и въ предмѣстьяхъ большихъ городовъ, а также *духовенство* (paraves ruthinicalles) [1]). Все это коренное населеніе занимало въ краѣ зависимое, подчиненное положеніе [2]), хотя количественно и преобладало.

Политико-географическія обстоятельства поставили польское королевство и великое княжество литовское, два смежныя государства съ разными правящими народностями, польскою и литовскою, и съ одинаковымъ славяно-русскимъ подданнымъ населеніемъ въ южныхъ своихъ частяхъ, въ непосредственныя близкія соотношенія, то въ формѣ соединенной борьбы противъ ихъ общаго врага—нѣмецкихъ рыцарей [3]), тѣснившихъ ихъ съ сѣвера и тѣмъ направлявшихъ ихъ силы на югъ, то въ видѣ взаимной борьбы [4]) за преобладаніе на территоріи южной Руси. Въ результатѣ получилось прежде всего расчлененіе однородной въ этнографическомъ отношеніи южно-русской территоріи на двѣ части; это было *первое раздѣленіе южно-русскаго населенія,* потомъ съ 1386 г. *политическая федерація Литвы и Польши,* какъ первый ясный шагъ сближенія двухъ народностей. Внѣшнія обстоятельства: Москва, татары, а затѣмъ и турки, угрожавшіе независимости Литвы, играли здѣсь не бо̀льшую роль, чѣмъ соціально-экономическія и религіозно-культурныя причины: обладаніе великимъ культурно-торговымъ днѣпровскимъ путемъ, особенно въ то время, когда днѣстровскій путь, благодаря завоеваніямъ турокъ, терялъ свое торговое значеніе, хозяйничанье въ странѣ, обладающей такими первостепенными тогда

---

[1]) Szaraniew., »Rys« et caet., стр. 33.

[2]) Русскіе духовные стояли въ зависимости отъ старостъ, когда они жили на королевскихъ земляхъ, или отъ *дѣдичей*, когда жили на частныхъ земляхъ: они наравнѣ съ кметами платили повинности (ibid.. стр. 69) и иногда подлежали суду дѣдичей и изгонялись послѣдними (ibid., 16).

[3]) Первольфъ, стр. 13.

[4]) Смирновъ, стр. 155 и др.

предметами торговли и промышленности, какъ лѣсъ, дающій кромѣ дерева, звѣрей, кожи, медъ, воскъ и т. д., и наконецъ расширеніе области католичества, что составляло какъ-бы миссію для Польши на востокѣ. Литва отстаивала свою и русскую самостоятельность политическую и этнографическую: противилась соединенію и черезъ то потерѣ политической власти, боролась противъ польскаго землевладѣнія въ краѣ [1]), крѣпко стояла за православіе противъ католичества [2]) и т. д.; но при тогдашнихъ преимуществахъ поляковъ въ стройности политической системы, въ большемъ развитіи торгово-промышленномъ, въ превосходствѣ культурномъ, какъ носителей западно-европейскаго образованія, подчиненіе Литвы, какъ политическое, культурное, такъ и этнографическое было вопросомъ лишь времени. И прежде чѣмъ люблинская унія (1569 г.) положила конецъ политическому господству литовцевъ въ южной Руси и погубила литовскую національность, слѣды польскаго вліянія въ литовской половинѣ южной Руси были уже несомнѣнны въ видѣ присутствія въ краѣ польскихъ землевладѣльцевъ (о чемъ будемъ еще говорить), въ проведеніи сословнаго принципа въ среду литовско-русскаго дворянства и *въ нѣкоторой долѣ ополяченія его.*

Ир. Житецкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Изъ права имѣть поземельную собственность въ Литвѣ и юго-западной Россіи изъяты были наравнѣ съ другими иноземцами и поляки.—Смирновъ, стр. 64.

[2]) Антоновичъ, »Кіевская Старина«, 1882 г., янв., стр. 10 и слѣд.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА.

(Окончаніе) [1]).

Еще въ начальномъ развитіи украиннаго козачества можно прослѣдить особое теченіе, которое привело впослѣдствіи къ образованію запорожскаго товариства.—Въ 1536 году въ украинныхъ городахъ Черкассахъ и Каневѣ произошелъ бунтъ мѣстняго населенія противъ старосты тамошняго Василія Тишкевича, назначеннаго въ томъ же году на мѣсто Остафія Дашковича [2]). Причиной бунта было угнетеніе черкасцевъ и каневцевъ старостой Тишкевичемъ. Свѣдѣній о подробностяхъ этого бунта не сохранилось. Изъ подробностей такихъ можно указать лишь на одинъ фактъ, не лишенный нѣкотораго значенія. Отъ 1546 года сохранилась грамота Сигизмунда-Августа, »освобождающая нѣкоторыхъ бояръ черкасскихъ отъ признаннаго судомъ безчестья« [3]). Изъ этой грамоты видно, что шестеро изъ жителей города Черкасъ, не участвовавшихъ въ бунтѣ 1536 года, просили и получили оффиціальное признаніе ихъ невинности. Если обратимъ вниманіе на имена этихъ шести черкасцевъ, то увидимъ, что только двое изъ нихъ могли быть русскими, остальные четверо—явно инонаціональный элементъ: Берендѣй, Янъ Меликъ-баша, »жидокъ« [4]) Семашко-

---

[1]) См. »Кіевская Старина«, 1884 г., август. кн., стр. 580—613.

[2]) Максимовичъ, т. I-й, 286 стр.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 127.

[4]) Подлинное выраженіе грамоты.

вичъ съ братомъ Позднякомъ, Васька Ремень и Иванъ Зубринъ [1]). Чѣмъ окончился этотъ первый бунтъ украинскаго населенія, неизвѣстно. Есть только указаніе мелькомъ, что черкасцевъ и каневцевъ »его королевская милость знашолъ виновныхъ и велѣлъ ихъ за то скарати« [2]). Тѣмъ не менѣе Тишкевичъ былъ устраненъ, а на его мѣсто назначенъ нѣкій Янъ Пенько. Но и на новаго старосту черкасцы и каневцы жаловались, что онъ »кривды великіе и утиски чинитъ и новины вводитъ«. По этому случаю пріѣзжалъ въ Черкасы въ 1539 году кіевскій воевода Немировичъ и пытался уладить дѣло уставною грамотою; она даетъ возможность опредѣлить размѣры угнетенія черкасцевъ и каневцевъ. Эти послѣдніе жаловались, что Пенько обязывалъ ихъ поставлять городовую стражу, каковую повинность, по ихъ заявленію, исполняли прежде »башники«. Жаловались на то, что Пенько принуждалъ ихъ сѣно косить и дрова возить въ его пользу, чего прежде »они не робливали«. Жаловались также на то, что запрещалъ Пенько медъ возить въ Кіевъ на продажу и бобровъ ловить »заборонялъ«, обязывая ихъ половину улова давать ему, тогда какъ прежде каждая партія бобровыхъ промышленниковъ изъ всего улова только одного бобра »давала на городъ«. Отнялъ Пенько, по жалобѣ, тѣ ловы (рыбные), которые имъ »панъ кіевскій« далъ, запрещалъ безъ его вѣдома и безъ предварительно-условленной съ нимъ »выти« рыбу ловить и продавать. Жаловались черкасцы еще на то, что староста, если кто нибудь изъ нихъ умиралъ или попадалъ въ полонъ къ татарамъ, половину имущества выбывшаго бралъ »на себя и порогъ

---

[1]) Безотносительно неважный фактъ изолированнаго положенія этихъ шестерыхъ бояръ черкасскихъ, изъ которыхъ четверо несомнѣнно были пришлецами, оттѣняется и получаетъ особый смыслъ, если обратить вниманіе на рознь, проявлявшуюся впослѣдствіи между украиннымъ населеніемъ, и во время козачьихъ войнъ съ Польшею, и въ пору гетманщины. Эта рознь своихъ между своими, красною нитью прошедшая черезъ всю исторію Украйны, началась очень давно; присутствіе инонаціональныхъ элементовъ, не переработанныхъ еще народною жизнью и такъ замѣтно выдѣляющихся въ указанномъ фактѣ, по всей вѣроятности и было органическимъ основаніемъ этой розни и въ ряду другихъ причинъ обусловливало отсутствіе системы какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ воззрѣніяхъ былой Украйны.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. II-й, № 127.

ихъ звѣчный мещанскій, на имя Звонецъ, на Днѣпрѣ, отнялъ«. Тяготились черкасцы тѣмъ, что староста коляды бралъ съ нихъ по 12 грошей, вмѣсто прежнихъ 6-ти, что подводы забиралъ у нихъ »подъ слуги и подъ речи свои«; стѣснены они были наконецъ тѣмъ, что нѣкоторые мѣщане за старосту »позакладывались« и никакихъ повинностей »стародавныхъ« не хотѣли нести съ ними[1]).

Весьма любопытно рѣшеніе Немировича, постановленное имъ по поводу жалобы черкасцевъ. Оно характеризуетъ нѣкоторыя стороны экономическаго быта украиннаго населенія въ ту пору, когда среди него начало развиваться козачество; а между тѣмъ извѣстно, что экономическій въ Украйнѣ гнетъ, содѣйствуя развитію козачества, послужилъ однимъ изъ главнѣйшихъ стимуловъ къ грянувшимъ черезъ полъ столѣтія съ небольшимъ кровавымъ козацкимъ войнамъ. Приведемъ послѣдовательно одинъ за другимъ пункты рѣшенія Немировича.

1) Стража города должна была быть наемная. »Мѣщане и все посполство, и вдовы мѣста черкасскаго, и люди князскіе и панскіе, и духовенство должны были дѣлать взносъ на содержаніе городской стражи хлѣбомъ, количество котораго зависѣло отъ числа людей во дворѣ; сверхъ этого всякій, который »ѣлъ свой хлѣбъ«, долженъ былъ давать по два гроша.

2) Мѣщане должны были поставлять денную сторожу »на свирню« (?), а ночную къ городскимъ воротамъ во всѣ времена года, за исключеніемъ зимы, когда они были свободны отъ этой повинности.

3) »Сѣна косить, дровъ возить (мѣщане) не маютъ; одно маютъ—по возу старшинѣ сѣна давати«.

4) »Меду возить (для продажи) не маютъ«. Весь медъ они должны были продавать старостѣ по 75 грошей за кадь, безъ отношенія къ существующимъ цѣнамъ. За то пасѣки были изъяты отъ всякаго налога.

5) »Кануновъ маютъ въ каждый годъ осмъ сытити«, по двѣ кади каждый. Это питье черкасскіе горожане могли приготовлять въ восемь сроковъ, совпадающихъ съ особенно чтимыми праздниками, какъ Рождество, Пасха, день Николая Ильи и т. д.

---

[1]) Акты западной Россіи, т. II, № 195.

6) За черкасскими горожанами было признано право ходить и ѣздить на ловы по Днѣпру рыбные и бобровые »водлугъ стародавняго обычая«. Но въ »уходы«, принадлежащіе городу, черкасцы могли отправляться, во первыхъ, съ разрѣшенія старосты, и, во вторыхъ, предварительно условившись выдѣлять въ его пользу извѣстную часть улова (выть). Осенью, когда на бобровъ колодки ставились, каждая партія бобровыхъ промышленниковъ кромѣ этого должна была давать по бобру »на городъ«.

7) »А который козакъ умретъ, або татарове возьмутъ, а жоны и дѣтей не будетъ, ино половину статковъ его маеть староста на городъ взяти, и половину по души дати тому, кому ся онъ поручитъ«.

8) До звонецкаго порога старостѣ не касатыся.

9) Колядка (податной взносъ передъ Рождествомъ) опредѣлялась въ 6 грошей; деньги могли быть замѣнены лисьимъ или куньимъ мѣхомъ.

10) »Подводу до Канева пану старостѣ мѣщане по два человѣка давати мають«.

11) Татарскимъ гонцамъ обязаны были давать квартиру (стацію поднимати).

12) Повинности сторожи польной, водяной и переѣзживанья шляховъ татарскихъ мѣщане, »водлугъ стародавняго обычая«, должны были отбывать на ряду съ служебниками старостиными.

Затѣмъ въ уставной грамотѣ по многимъ вѣдимостямъ говорится о части тогдашняго (1539 году) сословія козаковъ, о черкасскихъ служебникахъ, т. е. лицахъ, несущихъ военную службу, изъ которыхъ одни имѣли »вызволенные листы« отъ короля, а другіе отъ кіевскаго воеводы. И тѣ и другіе »не повинны зъ мѣстомъ (т. е. жителями города) тягнути, а ни платовъ мѣстскихъ платити«. Обязанностію ихъ было только »служить конную службу« при старостѣ да ремонтировать городскія укрѣпленія. На содержаніе городской стражи они обязаны были давать только по грошу и по четверти ржи. Если же кто изъ этихъ служебниковъ держалъ пасѣки и пользовался городскими землями (»уходы местскіе), тотъ долженъ былъ участвовать въ городскихъ повинностяхъ.—Въ соціальномъ положеніи этихъ служебниковъ и козаковъ, о которыхъ говорено раньше, на основаніи данныхъ и

»описаній украинныхъ замковъ«, сходно то, что какъ эти служебники, такъ и козаки состоятъ при старостѣ. Эти конно служатъ при немъ, а тѣ даже рыбу ловятъ въ его пользу въ городскихъ озерахъ. Еще болѣе сближаетъ служебниковъ »Уставной грамоты« и козаковъ »Описанія украинныхъ замковъ« то обстоятельство, что какъ служебники отбываютъ всякія городскія повинности только въ томъ случаѣ, если они пользуются городскими уходами, такъ и козаки не были свободны отъ этихъ повинностей только тогда, когда отправлялись »въ козацтво на поле« или внизъ по Днѣпру, т. е. другими словами, если пользовались тѣми-же уходами. Если и есть пункты различія между служебниками 1539 года и козаками 1552, то нужно принимать въ разсчетъ промежутокъ времени въ 13 лѣтъ,—промежутокъ, правда, не большой, но тѣмъ не менѣе достаточнымъ оказавшійся, что бы за это время положеніе мѣщанъ, какъ увидимъ ниже, въ значительной степени измѣнилось. Такое измѣненіе можно допускать и въ положеніи служебниковъ »Уставной грамоты«. Эти служебники, въ числѣ которыхъ есть пріѣзжіе изъ другихъ мѣстъ, конно служатъ при старостѣ, ремонтируютъ городскія укрѣпленія, даютъ налогъ для городской стражи. Козаки »Описанія украинныхъ замковъ«, также не осѣдлый элементъ, состоятъ и при старостѣ (они для старосты ловили рыбу въ городскихъ озерахъ), но служатъ также мѣщанамъ и боярамъ; объ обязанности козаковъ ремонтировать городскія укрѣпленія и платить налогъ для содержанія городской стражи въ »Описаніи украинныхъ замковъ« уже не говорится, но говорится, что козаки платятъ »колядку« и косятъ сѣно въ пользу старосты. Это такіе пункты, которые какъ будто различаютъ служебниковъ и козаковъ, но различіе это касается только статей повинности и потому не существенно. Служебники »Уставной грамоты«, очень можетъ быть, и есть тотъ »почетъ служебниковъ старостинныхъ« изъ 50 пріѣзжихъ молодцевъ и 11 служащихъ старостѣ »съ дѣтку«, о которыхъ говорится въ »Описаніи черкасскаго замка и которыхъ, на основаніи указанныхъ выше соображеній, мы склонны также относить къ числу козаковъ.

Хотя въ концѣ концевъ уставная грамота и давала ручательство, что служебники старостины ни сѣна у нихъ не будутъ брать, ни другихъ какихъ нибудь »кривдъ и шкодъ чинить«, и хотя самые

пункты уставной грамоты» яко панъ староста черкасскій, такъ тежъ мѣщане черкасскіе и ихъ потомки зволили на вѣчные часы промежду себя держати«, однако около 1552 г. отношеніе мѣщанъ къ старостѣ регулировалось совсѣмъ не этими пунктами. Изъ описанія черкасскаго замка видно, что тамошніе мѣщане вмѣстѣ съ боярами »повинни служить конно, збройно и ѣздить съ старостою или съ его служебниками противъ людей непріятельскихъ и въ погоню за ними«. Даже, еслибы и слуху не было о татарахъ, то для осторожности »повинни ѣздить съ старостою, або съ слугами (его) разъ, два и три на лѣто«. Тѣ мѣщане, которые дѣлали взносы на замокъ и »на подыймованье« (т. е. для снаряженія отрядовъ, отправляющихся въ степь), обязаны были выступать въ походъ только съ самимъ старостою. Кромѣ отбыванія воинской повинности въ такомъ видѣ, мѣщане черкасскіе обязаны были давать »подводы и стацью посламъ государевымъ и татарскимъ«; сверхъ этого они платили »колядки« по 6 грошей и »сторожовщины« по 2 гроша и давали по возу сѣна »съ дыму« [1]). Въ числѣ повинностей черкасскихъ мѣщанъ были еще слѣдующія: »присудъ«, »куница« и повежное«. При всякомъ судебномъ разбирательствѣ въ пользу старосты »присуду« шло 4 гроша, отъ всякой суммы безразлично. Отъ каждой выходящей замужъ дѣвицы »куница« взималась въ размѣрѣ 12 грошей; отъ вдовы, выходящей замужъ, куница требовалась въ 30 грошей. Повежная плата, взимаемая при лишеніи свободы, возрасла съ одного гроша до 12 грошей. Бралось у черкасскихъ мѣщанъ »одно што лешное« и изъ бутынковъ, т. е. добычи, захваченной въ татарскихъ земляхъ. Платили наконецъ черкасскіе мѣщане такъ называемыя »мыто и обестку«, если торговали какимъ-нибудь продуктомъ, главнымъ образомъ солью. Мыто—торговая пошлина въ пользу замка была опредѣлена въ 3 гроша, а обестка, плата взимаемая съ торговцевъ, когда они объявляли о своемъ прибытіи въ городъ, шла въ пользу старосты въ размѣрѣ 1-го гроша. Въ наибольшей степени подверглись измѣненію вольности черкасскихъ

---

[1]) Сторожа польная черкасская содержалась при Тясмени, на урочищѣ Чигиринъ, въ 8 миляхъ отъ замка, на Голомъ Тясмени въ 5 миляхъ, у Сугарева кургана, также въ 5 миляхъ, на Мостищахъ и у Великаго кургана, въ трехъ миляхъ, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ оказывалась надобность.

мѣщанъ. Изъ 32 уходовъ, принадлежавшихъ черкасцамъ по Ворсклѣ, Орели, Тясмени, Самарѣ, Ингулахъ, Базавлукѣ и инымъ рѣкамъ, въ прежнее время (до 1552 г.) только 5 были въ непосредственномъ обладаніи черкаскаго старосты; остальными уходами совершенно свободно пользовались черкаскіе мѣщане и бояре, давая только незначительную часть лова (рыбой и бобрами) старостѣ отъ каждой ватаги. Но потомъ черкаскіе старосты стали отдавать «уходы» въ пользованіе насельникамъ, тянувшимъ къ замкамъ кіевскому, чернобыльскому, мозырскому, петриковскому, быховскому, могилевскому «и инымъ чужогородцамъ», надѣясь получать съ нихъ большіе сравнительно съ прежнимъ датки, «бо уходники одны передъ другими, опережаючи, повышаютъ, укупаючися». Въ прежнее время каждая ватага уходниковъ, «большая или малая, давала по 30 рыбъ да по осетру, а изъ боброваго улова одного бобра *поклону*, а другого *городового*, но потомъ старосты начали брать датки за уходы овсомъ, крупою, колесами, медомъ, «або якося уможить, то пенязьми», а изъ бобровыхъ улововъ уходники, кромѣ двухъ бобровъ отъ ватаги: поклону и городового «водлугъ обычая», должны были давать каждаго седьмого бобра, причемъ староста дѣлилъ самъ, выбиралъ, что хотѣлъ, а остатокъ покупалъ у нихъ по цѣнѣ имъ-же назначаемой, «зъ замку ихъ не выпускаючи». Чтобы стѣснить черкасцевъ и привлечь чужегородцевъ, онъ изъ пойманныхъ на Поднѣпровьи осетровъ бралъ отъ чужегородцевъ восьмаго осетра, а отъ черкасцевъ третьяго. Ограничены были также и права послѣднихъ относительно охоты: прежде «когда по первое поропи староста три дни половить, тогда вже вольно тамъ черкасцамъ, боярамъ и мѣщанамъ, зверь бити ажъ до Дмитріева-жъ дня, а выти жадное съ нихъ не бирано, нижли теперешный староста беретъ тамъ отъ нихъ третее звера».

Эти повинности черкасцевъ, съ ихъ сословнымъ распредѣленіемъ, можно принять за основу при опредѣленіи отношеній насельниковъ Украйны къ старостамъ и въ остальныхъ украинныхъ городахъ. Существовали, правда, въ этомъ отношеніи нѣкоторыя отличія, зависѣвшія отъ мѣстныхъ условій, но они были незначительны. Норма отношеній насельниковъ при украинныхъ замкахъ къ старостамъ, какъ представителямъ центральной власти въ своихъ районахъ, была одна и таже: вездѣ въ основѣ ея лежала воинская

повинность и постепенно все больше и больше возраставшіе датки въ пользу мѣстной администраціи [1]).

Дополняющимъ основной типъ общественныхъ отношеній въ Украйнѣ начала второй половины XVI вѣка можетъ служить подстароство каневское; оно подвѣдомственно было также черкаскому старостѣ, но лежало нѣсколько дальше отъ татарской границы и потому не такъ часто подвергалось татарскимъ нападеніямъ. Единственно благодаря этому обстоятельству, въ каневскомъ подстароствѣ встрѣчаются села и сельца; но, имѣя населеніе въ 15, 9, 7, 6 и даже 5 семей, они были жилыми только въ лѣтнее время, на зиму-же обитатели ихъ переходили въ каневское укрѣпленіе [2]). Жители этихъ селъ отбывали всякія городскія повинности на равнѣ съ мѣщанами и »за часовъ потребы противъ людей непріятельскихъ и въ погоню за ними ходили«, если только на этотъ предметъ не давали« податковъ панамъ своимъ«. Будучи въ большей части выселенцами изъ нынѣшней полтавщины, они пользовались на правахъ »уходниковъ« землями, которыя составляли нѣкогда собственность ихъ предковъ. Наравнѣ съ ними землями каневскаго подстароства въ лѣтнюю пору пользовались каневскіе мѣщане, бояре и козаки, а также выходцы кіевскіе, могилевскіе и др., смотря по тому, кому отдавалъ староста «уходы съ выти».

Всѣ вообще уходники въ каневскихъ земляхъ исключительно занимались пчеловодствомъ, промысломъ бобровымъ и рыбнымъ, звѣриною охотою и ловлею дикихъ коней, а землевладѣніе было лишь въ зачаткѣ и причиною сего было, между прочимъ, установленіе десятины съ урожая, ибо раньше этого времени запашки мѣщанамъ каневскимъ можно было, по старинному обычаю, производить, гдѣ кто хотѣлъ [3]).

Въ положеніи украиннаго населенія вообще и украиннаго козачества въ частности со времени соединенія Литвы съ Польшею или такъ называемой люблинской уніи (1569 г.) произошла значительная перемѣна. По мѣрѣ примѣненія къ степной полосѣ въ быв-

---

[1]) Рукопись литовской метрики. Описаніе замка мозырскаго.

[2]) Такія временныя поселенія были на земляхъ землянъ (село, напримѣръ, Мщя) и на земляхъ монастырскихъ (селищье напримѣръ Телектимирово, »данина государева« Остафію Дашковичу, переданное отъ него печерскому монастырю.

[3]) Рукопись литовской метрики. Описаніе каневскаго замка.

шемъ великомъ княжествѣ литовскомъ польскаго государственнаго и общественнаго строя и слѣдовавшаго за нимъ ограниченія земельныхъ правъ и свободы украиннаго населенія, оно съ удвоенною силою устремляется въ ряды козачества; въ свою очередь козачество, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ и вслѣдствіе накопленія собственной энергіи, вступаетъ въ новую фазу своего развитія и проявляетъ себя съ большею силою внутри и внѣ государства.

Указанная перемѣна произошла довольно скоро и была прямымъ послѣдствіемъ сліянія двухъ государствъ въ одинъ политическій и общественный организмъ. Плодородныя украинскія земли привлекли къ себѣ новыхъ насельниковъ изъ-внутри Польши. Въ ряду другихъ отраслей мѣстнаго хозяйства земледѣліе вскорѣ пріобрѣло преобладающее значеніе, и ближайшей причиной сего было то, что въ польскихъ гаваняхъ при Балтійскомъ морѣ открытъ былъ сбытъ для продуктовъ земледѣлія. Черноземныя украинныя земли быстро поднялись въ цѣнѣ, и шляхтичи Рѣчи Посполитой одинъ передъ другимъ выкрашиваютъ для себя у короля обширныя земельныя пространства въ Украйнѣ, тѣмъ болѣе привлекательныя, что они уже были до нѣкоторой степени населены и защищены какъ городскимъ украиннымъ населеніемъ, такъ и козаками. Но эти новые колонизаторы привносили съ собою такіе соціальные и экономическіе распорядки, которыхъ не знало дотолѣ мѣстное населеніе. Жившіе доселѣ на волѣ украинные мѣщане, бояре и козаки за право пользованія землями новыхъ владѣльцевъ должны были нести чрезмѣрныя натуральныя повинности и становиться въ положеніе крѣпостныхъ. Украинное населеніе естественно не хочетъ помириться съ новымъ порядкомъ вещей и избѣгая закрѣпощенія, интенсивнѣе прежняго стремится на низовья Днѣпра для промысловъ въ луговыхъ пространствахъ и поисковъ, съ цѣлію добычи, въ татарскихъ и турецкихъ владѣніяхъ.

Эту все съ большимъ и большимъ напоромъ прибивающую волну украинныхъ насельниковъ на низовья Днѣпра легко прослѣдить по частымъ указаніямъ на козачьи вторженія въ сосѣднія турецкія и татарскія земли и по жалобамъ, предъявляемымъ правительству Рѣчи Посполитой по поводу этихъ вторженій.

Рядъ такихъ вторженій начинается смѣлою попыткою козаковъ посадить претендента изъ своей среды на молдавскій престолъ, судьбою котораго распоряжался могущественный турецкій султанъ. Попытка эта начата въ 1577 году, а искателемъ молдавскаго престола оказался козаковавшій около этого времени на низовьяхъ Днѣпра Иванъ Подкова, по отзыву однихъ [1]) родственникъ одного изъ молдавскихъ господарей, а по другимъ [2]) простой хлопъ.

Поводъ къ такому отважному предпріятію данъ былъ постоянною тогда внутри Молдавіи борьбою партій. Нѣсколько молдавскихъ вельможъ, недовольныхъ своимъ господаремъ Петромъ, по прозванію Хромымъ, предложили молдавскій престолъ Подковѣ, а за содѣйствіемъ ему обратились къ кн. Константину Острожскому, воеводѣ кіевскому и старостѣ барскому. Но прежде, чѣмъ этотъ послѣдній, могъ снестись по этому дѣлу съ королемъ, немедленную помощь оказалъ Подковѣ нѣкто Коницкій, популярный между козаками, съ которыми, какъ говоритъ Бѣльскій, онъ обращался около 20 лѣтъ. Сформированный имъ отрядъ козаковъ подъ начальствомъ Шаха вмѣстѣ съ Подковою вторгнулся въ Молдавію; но въ виду несоразмѣрности своихъ силъ съ войскомъ господаря Петра козаки отступили. Когда-же число приверженцевъ Подковы въ Молдавіи увеличилось, тотъ-же Шахъ, усиливъ свой отрядъ до 1000 человѣкъ, проникъ снова въ Молдавію и разбилъ войско Петра; народъ привѣтствовалъ Подкову, какъ своего господаря, а преданные ему вельможи объявили его правителемъ Молдавіи. Утвердившись на престолѣ, Подкова роздалъ важныя должности Шаху, Чапѣ и Коницкому; захваченные татарами и проданные туркамъ подданные Рѣчи Посполитой безъ выкупа были отпущены на волю. Петръ опять было собралъ значительное войско, но былъ снова разбитъ козаками. Между тѣмъ поступокъ Подковы не могъ не поселить неудовольствія между Турціею и Польшею. На своевольство козаковъ еще прежде втораго ихъ похода въ Молдавію жаловался польскому королю Стефану Баторію турецкій чаушъ и Баторій тогда-

---

[1]) Bielskiego kronika, стр. 753.

[2]) Heidenstein. Dzieje Polskiod 1512 do 1597. Переводъ Глицинскаго, С.-Петербургъ. 1857 г., т. I, стр. 285.

же отдалъ приказъ схватить Подкову, какъ бунтовщика, теперь-же рѣшился помочь его сопернику Петру. Узнавъ объ этомъ, Подкова счелъ за лучшее оставить такъ легко доставшійся ему престолъ и возвратился вновь на днѣпровскіе пороги. Но коронный гетманъ и воевода брацлавскій имѣли новое приказаніе отъ Баторія, во что бы то ни стало, захватить Подкову. Гетманъ готовился сдѣлать нападеніе на Подкову; но у послѣдняго было много людей и достаточно оружія: изъ одной Молдавіи Подкова вывезъ 14 пушекъ; предстояла кровопролитная схватка, за успѣхъ которой поручиться было трудно. Но брацлавскому воеводѣ, при посредствѣ сподвижниковъ Подковы въ Молдавіи, прибывшихъ въ Немировъ вмѣстѣ съ Шахомъ, удалось убѣдить Подкову ѣхать къ королю для объясненій по своему дѣлу; его обнадежили, что съ нимъ, какъ человѣкомъ рыцарскимъ, король не долженъ обойтись сурово. Подкова раздарилъ свои свои пушки и безоружный, съ провожатыми отъ гетмана, отправился въ Варшаву; но тутъ былъ заключенъ въ оковы и посаженъ подъ крѣпкую стражу [1]), а въ слѣдующемъ 1578 году казненъ въ Львовѣ, по настоянію турецкаго султана. Баторій не могъ противиться султану, такъ какъ по поводу похода въ Молдавію Польшѣ угрожали серьезныя недоразумѣнія съ Турціей, а въ это время онъ готовился къ войнѣ съ Москвою. Между тѣмъ, пока Подкова томился въ заключеніи, козаки съ братомъ его Александромъ снова вторглись въ Молдавію и выгнали Петра изъ господарства. Султанъ послалъ въ Молдавію новаго господаря и сильный отрядъ войска; козаки были разбиты, и тѣ изъ нихъ, которые попали въ плѣнъ, были отправлены въ Константинополь [2]).

Такая рѣшительная неудача не могла остановить козацкихъ походовъ въ турецкія и татарскія земли: набѣги ихъ повторяются изъ года въ годъ и вызываютъ настоятельныя жалобы на нихъ татарскаго и турецкаго правительствъ. Король Стефанъ Баторій перепробываетъ всѣ мѣры къ обузданію козаковъ, но съ теченіемъ времени убѣждается въ полной несостоятельности этихъ мѣръ и не желая навлекать на свое государство жестокую месть со стороны

---

[1]) Kronika Bielskiego, стр. 753—756.

[2]) Тамъ-же, стр. 758.

турокъ и татаръ, подобно своему предшественнику, въ отношеніи этихъ послѣднихъ дѣйствуетъ примѣнительно къ общему теченію политическихъ дѣлъ, то давая имъ возможное удовлетвореніе, то вовсе отказываясь отъ отвѣтственности за дѣйствія своевольныхъ козаковъ и откровенно заявляя, что ничего съ ними подѣлать не можетъ. И дѣйствительно козацкое движеніе усиливалось съ каждымъ годомъ; къ нему примыкало все украинное населеніе, къ нему тянулись люди всѣхъ сосѣднихъ націй, не рѣдко изъ среды татаръ, ему покровительствовали, а иногда и прямое въ немъ участіе принимали украинныя правительственныя власти и лица привилегированныхъ классовъ, русской и польской національности.

Въ 1578 году чаушъ турецкій, жалуясь на козаковъ, жаловался также на брацлавскаго воеводу Яна Збаражскаго и дворянина Филона Кмиту, что они въ своихъ владѣніяхъ даютъ пріютъ козакамъ, опустошающимъ турецкія и татарскія земли. Король велѣлъ произвести обыскъ въ поселеніяхъ, подвѣдомственныхъ Збаражскому и Кмитѣ; но королевскіе коммисары ни того, ни другого не признали виновнымъ и ограничились донесеніемъ, что нашли тамъ лишь нѣсколькихъ бѣдняковъ («nędze»), которыхъ сразу и отпустили, «такъ какъ не надъ чѣмъ было и мститься» [1]). Около этого времени, по сообщенію Бѣльскаго, съ цѣлію подобнаго изслѣдованія, была отправлена Баторіемъ цѣлая судная коммисія и на низовья Днѣпра; но о результатахъ ея трудовъ ничего неизвѣстно. Вѣроятно подъ вліяніемъ этой неудачи, Баторій въ слѣдующемъ 1578 году, требуя черезъ посла своего, чтобы крымскій ханъ Махметъ Гирей обязался удерживать отъ вторженій въ предѣлы Рѣчи Посполитой «татаръ перекопскихъ, бѣлгородскихъ, царскихъ, ногайскихъ, очаковскихъ и всѣхъ другихъ», хотя заявлялъ хану, что кіевскому воеводѣ поручено отъ него разогнать вольныхъ людей («łotry»), собравшихся на низу, но не выражалъ увѣренности, чтобы по удаленіи воеводы съ низовьевъ Днѣпра низовцы снова не собрались тамъ, прибавляя, что нѣтъ возможности устеречь ихъ въ тѣхъ «дикихъ мѣстахъ» и что освободить низовья Днѣпра отъ козаковъ тѣмъ менѣе возможно, что козаки въ случаѣ надобности находятъ

[1]) Kronika Bielskiego, стр. 758.

пріютъ въ московскихъ владѣніяхъ, гдѣ покровительствуютъ имъ.

И дѣйствительно, козаки продолжали дѣйствовать за порогами. Татарскій посолъ жаловался на нихъ въ 1579 году и требовалъ обуздать ихъ; Баторій заявлялъ, что низовцы—люди своволные и наказывать ихъ трудно[1]), и ограничился приказомъ урядникамъ и шляхтѣ воеводствъ кіевскаго, брацлавскаго, подольскаго и волынскаго предотвращать вторженія козаковъ въ татарскіе и турецкіе предѣлы, а украиннымъ старостамъ—не давать козакамъ провизіи и военныхъ снарядовъ; но уже изъ самаго универсала къ шляхтѣ видно, что въ этихъ вторженіяхъ участвовали, кромѣ козаковъ, «не осѣдлые дворяне» и мѣщане и что Баторій, не довѣряя шляхтѣ, не предоставляетъ ей наказывать виновныхъ въ набѣгахъ, а велитъ держать ихъ подъ стражей и ожидать его распоряженій[2]).

Въ 1582 г. татарскій посолъ снова жаловался на козаковъ и въ виду похода турецкаго войска въ Персію, добивался удаленія ихъ съ низовьевъ Днѣпра. Баторій опять отвѣчалъ, что козаки—люди своволные и что онъ уже давно обуздалъ-бы ихъ, если-бы могъ. Посолъ грозилъ войною; Баторій отправилъ въ Подолію 22 роты конпаго войсоа[3]) въ предупрежденіе вторженія татаръ. Въ томъ-же году низовые козаки ограбили татарскихъ пословъ, возвращавшихся изъ Москвы. Ханъ жаловался и требовалъ удовлетворенія; его посолъ говорилъ, что «ханъ уже сидитъ на конѣ», чтобы, въ случаѣ отказа, вторгнуться въ Польшу и что на помощь ему готовы 40 тысячъ турокъ. Баторій отвѣчалъ, что не считаетъ себя обязаннымъ обуздывать козаковъ, людей разныхъ націй, въ числѣ которыхъ есть и татары, а угрозъ не боится. И дѣйствительно онъ поручилъ коронному гетману Замойскому собирать войско; къ Замойскому присоединился князь Константинъ Острожскій во главѣ собственныхъ значительныхъ полковъ. Татары пришли было уже къ Днѣпру и частью своихъ ополченій переправились на другую его сторону; но, узнавъ, что ихъ готово встрѣтить сильное войско,

---

[1]) Kronika Bielskego, стр. 760

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, № 5; Albertrandy. Panowanie H. W. Steph. Bat., стр. 410.

[3]) Kronika Bielskiego, стр. 790.

возвратились назадъ[1]) и лишь немного спустя ворвались въ Подолію и сильно опустошили ее[2]).

Расплатившись на этотъ разъ за своевольство козаковъ опустошеніемъ одной области, правительство удвоило надъ ними своеобдительность: король разослалъ письма къ старостамъ и пограничнымъ дворянамъ, королевскіе посланцы прибыли въ Украйну, чтобы не допустить новаго похода козаковъ; но удержать ихъ никто не могъ. Въ 1583 г., сговорившись съ пограничною шляхтою, козаки опустошили молдавское пограничье и вторглись въ турецкія владѣнія. Сперва они разрушили Ягорлыкъ, недавно выстроенную близъ польской границы турецкую крѣпость, а потомъ направились подъ давній и богатый турецкій городъ Тегинъ (Бендеры), ограбили и сожгли его и вывезли оттуда много добычи и оружія. Встревоженное польское правительство приказало пограничнымъ своимъ войскамъ ловить возвращающихся изъ похода козаковъ; но козаки, бросая пушки, уходили кіевскимъ краемъ за московскую границу и лишь нѣкоторые изъ нихъ были схвачены и закованы въ кайданы. Турецкому правительству между тѣмъ дано было знать, что «своевольные» люди будутъ строго судимы и что сразу могутъ быть возвращены по принадлежности отбитыя у козаковъ пушки и отнятая у нихъ турецкая добыча. Султанъ удовольствовался такою предъупредительностію польскаго правительства, потребовалъ лишь жестокаго наказанія «бендерскимъ злочинцамъ», но при этомъ прибавилъ, что если подобныя нападенія повторятся, то пусть польское правительство прямо готовится къ войнѣ.[3]).

Походъ подъ Бендеры обнаружилъ вскорѣ, что косвеннымъ его участникомъ былъ одинъ изъ родовитыхъ и вліятельныхъ польскихъ дворянъ, Самуилъ Зборовскій. Открыта его переписка, не оставлявшая сомнѣнія въ соотношеніи его къ бендерскому походу. Королю готовились новыя затрудненія, самой Рѣчи Посполитой грозилъ большой скандалъ: одинъ изъ видныхъ магнатовъ, родственники котораго занимали важныя должности въ государствѣ, имѣлъ быть казненъ по требованію турецкаго правительства. Бато-

[1]) Albertrandy. Panowanie, стр. 222; Kronika Bielskiego, стр. 793.
[2]) Belskij, тамъ-же.
[3]) Albertrandy. Panowanie, стр. 237—239; Bielsk. kr., стр. 795.

рій поспѣшилъ замять это дѣло, а Зборовскій, чтобы избѣжать смертной казни, самъ отправился въ добровольное изгнаніе [1]).

Выяснялось годъ за годомъ, что въ лицѣ козачества правительство польское имѣетъ дѣло съ такимъ сложнымъ и сильнымъ жизненнымъ теченіемъ, котораго не могли остановить никакія запретительныя и карательныя мѣры. Вызванное къ жизни внѣшними условіями страны, опредѣлившимися на безконечное время и постоянно его поддерживавшими, козачество въ самомъ себѣ нашло жизненные соки и сильнѣйшіе стимулы для своего дальнѣйшаго развитія. Его свободный строй, его завѣтное стремленіе стоять на стражѣ родной страны и мстить врагамъ, его жизнь полная приключеній и тревогъ и занимаемыя имъ обширныя, ни для кого недоступныя пространства влекутъ къ нему людей со всѣхъ сторонъ, и тѣ-же интересы защиты страны и родныхъ пепелищъ склоняютъ на сторону его и привилегированные классы государства, и новыхъ колонизаторовъ Украйны, и ея воеводъ и старостъ, и само правительство польское, не разъ поддерживавшее его и сквозь пальцы смотрѣвшее на его «своволъства», когда отъ нихъ не грозила серьезная опасность странѣ. Но эта опасность, какъ мы видѣли, росла вмѣстѣ съ увеличеніемъ силы и отваги козаковъ. Обуздать ихъ правительство было столь-же безсильно, какъ и остановить постепенный ростъ козачества. Въ послѣднемъ отношеніи оно само связало себѣ навсегда руки вводимыми въ Украйнѣ новыми экономическими и соціальными порядками и затянуло такой жизненный узелъ, который могла впослѣдствіи разсѣчь только козачья сабля. Теперь ряды козачества должны были увеличиваться по мѣрѣ того, какъ увеличивалась тягость жизни украиннаго населенія, наступившая съ новыми земельными и общественными порядками. Усиленное стремленіе этого населенія въ ряды козачества и увеличеніе численности этого послѣдняго примѣчается въ особенности въ началѣ 80-хъ годовъ XVI ст., когда, по окончаніи войнъ Рѣчи Посполитой съ московскимъ государствомъ (1582 г.), въ Украйнѣ оказалась масса лицъ, которымъ некуда было пристроиться. Это были организованныя подъ московскую войну роты изъ украинныхъ насельниковъ, по окончаніи войны возвратившіяся въ Украйну: съ возвра-

---

[1]) Albertrandy. Panowanie. стр. 249.

щеніемъ изъ похода имъ предстояло обратиться къ мирнымъ занятіямъ, т. е. стать въ зависимое положеніе отъ украинной шляхты, и они прежде другихъ устремлялись на низовья Днѣпра [1]). Положеніе правительства становилось безвыходнымъ. Съ одной стороны уходившее населеніе разстраивало правильное теченіе экономической жизни страны и мѣшало ея развитію, съ другой всѣ убѣгавшіе на промыслы ставили все государство въ непрерывное тревожное состояніе и могли вовлечь Рѣчь Посполитую въ войну съ сильной тогда Турціей. Такое положеніе дѣлъ на Украйнѣ вызвало Баторіеву реформу украиннаго козачества.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ изложенію свѣдѣній относительно этой реформы, отмѣтимъ тѣ неточности, какія касательно ея допущены въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ по исторіи запорожскаго козачества. Неточности эти касаются самой сущности и времени реформы. Подлинной грамоты Баторія козакамъ, опредѣляющей реформу, не сохранилось, но сохранился въ трехъ копіяхъ универсалъ Богдана Хмельницкаго, въ которомъ между прочимъ цитируется содержаніе жалованной грамоты Баторія, данной будтобы въ 1576 году на имя козачьяго гетмана Якова Богдана и низоваго кошеваго атамана Павлюка [2]).

---

[1]) Heidenstein, т. II, стр. 361.

[2]) Вотъ содержаніе этой грамоты, какъ оно приводится по одному изъ списковъ универсала Хмельницкаго въ «Исторіи Новой Сѣчи» Скальковскаго, 1841 г. ч. III, № 1-й. «Его королевская мосць, видячи козаковъ запорожскихъ до его королевского маестату зичливую прихильность и рыцарскіе одважные службы, которыми завжды великіе бусурманскіе погромляючы силы, гордое ихъ прагнене (жажду) на кровь христіанскую до конца затлумили и пащоку ихъ, на корону польскую и на народъ благочестивый украинскій рыкающую, замкнули и въходъ въ Польшу и Украину заступили, всѣ ихъ непщетніе силы и нагліе на народъ христіанскій набѣги грудмы своими сперли; — якіе ихъ службы нагорожаючы и дабы имъ войска запорожского козакамъ для зѣмовыхъ станцій гдѣ было прихильность мѣти, также отъ непріятеля раненныхъ своихъ заховуваты и лѣчиты, въ другихъ долѣгаючихъ нуждахъ отпочинокъ маты и всякой пожитокъ ку волѣ своей забираты, а чтобъ также и напередъ заохочени были зичливо въ войску служиты и противъ непріятелей отчизны своей охоче и неомилно отпоръ чиниты, — надаетъ его королевская мосць козакамъ низовымъ запорожскимъ вѣкунисте городъ Тересхтемировъ зъ монастыремъ и перевозомъ, опрочь складового старинного ихъ запорожского города Чигирина и запорожскихъ степовъ, ку землямъ чигринскимъ подой-

Прежде всего замѣтимъ, что эту грамоту нужно относить не къ козакамъ низовымъ, запорожскимъ, въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова, а къ козакамъ называвшимся запорожскими при Баторіи, т. е. къ козакамъ украиннымъ вообще, ибо извѣстно, что городъ Трехтемировъ былъ опредѣленъ Баторіемъ, какъ центръ для организованнаго на Украйнѣ козачьяго войска изъ 6,000 человѣкъ. Помимо этого въ текстѣ грамоты есть позднѣйшія добавленія: такъ въ ней значится Чигиринъ, какъ давній складочный запорожскій городъ, а между тѣмъ городъ этотъ вовсе не существовалъ при Баторіи [1]). Грамота упоминаетъ еще и о другомъ не существовавшемъ при Баторіи запорожскомъ городкѣ Самарѣ [2]). Грамота говоритъ о зимовникахъ, но зимовники на Запорожьи въ пору Предцлава Ланц-

---

нилихъ, всѣ земли со всѣма на тихъ землихъ насаженными мѣстечками, селами и футорами, рыбными по тому берегу въ Днѣпрѣ доклями и иными угодіи; а вширъ отъ Днѣпра на степъ, якъ тыхъ мѣстечокъ, селъ и футоровъ земли здавна находились, и теперъ такъ ся тое въ ихъ завѣданьи маетъ заховаты. Городокъ старинный-же запорожскій Самаръ съ перевозомъ и землямы въ гору Днѣпра по рѣчку Орель, а внизъ до самыхъ степовъ ногайскихъ и крымскихъ, а черезъ Днѣпръ и лиманы Днѣпровый и Буговый, якъ изъ вѣковъ бувало по Очаковскіе улусы, и въ гору рѣки Богу по рѣчку Синюху; отъ самарскихъ-же земель черезъ степъ до самой рѣки Дону, гдѣ еще за гетмана козацкого Предлава Ланцкорунского козаки запорожскіе свои зѣмовныки мѣвалы. И же бы тое все непорушно во вѣкы при козакахъ запорожскихъ найдовалось, его королевская мосць тоею грамотою своею козакамъ запорожскимъ укрѣпилъ и утвердилъ«.

[1]) Архивъ юго западной Россіи, V ч., I т., № 24. Сохранилась подлинная грамота Сигизмунда III, разрѣшающая «черкасскому старостѣ, князю Александру Вишневецкому, основать городъ на пустомъ урочищѣ, называемомъ Чигринъ». Эта послѣдняя грамота помѣчена 1589 годомъ, значитъ, выдана была уже три года спустя послѣ смерти Баторія.

[2]) Эрихъ Ляссота, ѣздившій въ 1594 г., по порученію Рудольфа, австрійскаго императора на Запорожье, описывая подробно поселенія не только по Днѣпру, но и по его притокамъ, ни слова не говоритъ о Самарѣ и тѣмъ прямо исключаетъ всякую возможность существованія городка Самаръ не только около 1576 года, которымъ помѣчается жалованная козакамъ Баторіева грамота, но и въ 1594 году. Былъ впослѣдствіи запорожскій паланочный городъ подъ этимъ названіемъ при впаденіи рѣки Самары въ Днѣпръ; въ данное же время всѣмъ краемъ по лѣвой сторонѣ Днѣпра до самой рѣки Самары обладали татары, и потому запорожскій городокъ не могъ имѣть тутъ мѣста. Самъ Ляссота, на пути къ запорожцамъ высаживающійся и проводящій ночь не далеко отъ устья Самары, не упоминаетъ ни о какомъ поселеніи здѣсь (Tagebuch des Erich von Steblau, стр. 208).

коронскаго, какъ видно изъ всего хода развитія украиннаго козачества, также не могли существовать, и въ этомъ случаѣ то, что имѣло мѣсто на Запорожьи въ позднѣйшее время, перенесено на время гораздо болѣе раннее. Наконецъ въ грамотѣ есть прямое противорѣчіе: сначала говорится въ ней, что Баторій жалуетъ козакамъ тѣ земли по Днѣпру, на которыхъ ихъ поселенія издавна находились, а затѣмъ сразу земли эти опредѣляются позднѣйшими границами, въ которыхъ во время Баторія кочевали еще татары [1]).

Что означенная грамота не могла быть выдана Баторіемъ козакамъ въ 1576 году, объ этомъ говоритъ еще слѣдующее обстоятельство. Въ 1577 году Баторій разослалъ 11-ть писемъ брацлавскому воеводѣ и нѣкоторымъ изъ украинныхъ старостъ и пановъ, съ предложеніемъ организовать стоконные отряды изъ мѣстныхъ жителей для защиты края отъ татарскихъ вторженій. Король обѣщалъ плату этимъ милиціямъ и отдавалъ на волю организаторовъ устраивать свои отряды или какъ легкую кавалерію, или какъ гусаровъ [2]). Само собою разумѣется, что если Баторій въ 1577 году принимался за такія средства для защиты отъ татаръ, то козачество въ Украйнѣ, какъ особое сословіе съ своимъ гетманомъ, или старшимъ, еще не существовало и по этому жалованной грамоты отъ Баторія въ 1576 году имѣть не могло.

Когда собственно произведена Баторіемъ реформа украиннаго козачества, трудно сказать, за неимѣніемъ на этотъ счетъ опредѣленныхъ указаній. Даже въ 1581 году украинные козаки не имѣли, кажется, собственной организаціи: поймавъ въ этомъ году на низовьяхъ Днѣпра двухъ крымскихъ царевичей, бѣжавшихъ изъ Крыма отъ преслѣдованія хана Махметъ Гирея, они препроводили ихъ къ Михаилу Вишневецкому, старостѣ черкасскому и каневскому [3]). Если-бы въ это время у козаковъ былъ свой урядъ, то плѣнные царевичи были-бы препровождены ими къ своему начальству, а не къ одному изъ украинныхъ старостъ.

Есть нѣкоторыя данныя заключать, что Баторій не въ одинъ разъ реформировалъ украинное козачество, а постепенно. Бѣльскій

---

[1]) Миллеръ, историческія сочиненія о Малороссіи. Разсужденіе о запорожцахъ, стр. 43—44.

[2]) Albertrandy. H. W. Stephana Batorego, стр. 402.

[3]) Kronika Bielskego, стр. 780.

въ своей хроникѣ замѣчаетъ, что въ 1578 году Баторій нѣсколько подтянулъ козаковъ (troche powciągnąwszy...) и назначилъ надъ ними гетманомъ Орнишевскаго [1]), подъ предводительствомъ котораго они въ 1580 г., во время московской войны, опустошали Стародубъ [2]). Самъ Баторій былъ вполнѣ доволенъ ихъ службою въ эту войну и въ инструкціяхъ посламъ на сеймики 1583 г. рекомендовалъ радымъ панамъ козаковъ, какъ людей показавшихъ такія доблести, которымъ и грядущія поколѣнія должны удивляться. Нужно, заключалъ король, чтобы на нихъ было обращено вниманіе [3]). Кажется, что къ 1583 году и нужно отнести окончательное устройство украиннаго козачества.

Данная Баторіемъ козачеству организація находилась въ связи съ тогдашнимъ строемъ управленія Украйны и послужила къ радикальному измѣненію онаго. До люблинской уніи Украйна раздѣлялась на 8 староствъ; каждый староста въ своемъ районѣ былъ представителемъ власти судебной, административной и военной. Со времени-же люблинской уніи значеніе украинныхъ старостъ начало падать,—власть военная перешла отъ нихъ къ гетманамъ, административная къ воеводамъ, у старостъ осталась только судебная власть. Такой распорядокъ въ управленіи Украйной далъ возможность поставить организуемое козачество внѣ вѣдѣнія воеводъ и старостъ и подчинить его одному гетману.

По реформѣ Баторія, принадлежащими къ свободному козачьему сословію были признаны изъ всего украиннаго населенія только 6 тысячъ семействъ. Семейства эти, записанныя въ особый реестръ, были раздѣлены на 6 равныхъ частей по численности полковъ. На правомъ берегу Днѣпра было 5 полковъ: черкасскій, каневскій, бѣлоцерковскій, корсунскій и чигиринскій, на лѣвомъ берегу Днѣпра одинъ переяславскій. Каждый полкъ раздѣлялся на сотни, а эти послѣднія на курени, или околицы. Каждая околица, занимая опредѣленную часть земли, должна была поставлять военный отрядъ подъ названіемъ роты. Рота—старинная форма въ украинномъ

---

[1]) Kronika Bielskiego, стр. 759.

[2]) Тамъ-же, стр. 777.

[3]) Albertrandy, Panowanie H. W. Steph. Bat., стр. 387.

козачьемъ быту: еще въ 1503 году значится Щурова козачья рота въ Черкасахъ [1]).

Цѣль Баторіевой реформы была двоякая. Во первыхъ, съ точки зрѣнія польскаго правительства необходимо было установить прочный порядокъ въ общественныхъ отношеніяхъ на Украйнѣ. Порядокъ этотъ, естественно, предполагался такимъ, какой былъ и въ другихъ частяхъ Рѣчи Посполитой, т. е. прежде свободное украинное населеніе, состоявшее изъ мѣщанъ, бояръ и козаковъ, должно было стать въ зависимое, крѣпостное отношеніе къ шляхетству, которое становилось единственнымъ собственникомъ земли. Но осуществить цѣликомъ такую мѣру въ Украйнѣ было очень затруднительно вслѣдствіе энергическаго стремленія украиннаго населенія къ козачеству. Правительство польское, не разсчитывая закрѣпостить все украинное населеніе, пыталось сдѣлать это съ значительною его частью; признавъ свободнымъ часть украиннаго населенія, оно тѣмъ легче разсчитывало справиться съ остальными, считая возможнымъ всѣхъ не вошедшихъ въ 6-ти тысячный реестръ низвести на степень крѣпостныхъ.

Но была и другая цѣль Баторіевой реформы. Татары продолжали быть сосѣдями Польши и въ будущемъ предвидѣлись ихъ опустошительныя вторженія въ предѣлы государства. Мы видѣли, что польское правительство измышляло всякія мѣры, чтобы защитить страну отъ этихъ вторженій. Организуемое Баторіемъ козачество и предполагалось служить такою защитою.

Въ силу важности козачества для обѣихъ указанныхъ цѣлей, ему предоставляются значительныя права и вольности. Козацкіе полки, кромѣ земельной собственности, получили право выбирать своихъ военныхъ начальниковъ,—старшинъ, полковниковъ и другихъ; собраніе всего козацкаго войска выбирало одного общаго начальника, утверждаемаго только центральною властью, котораго козаки называли гетманомъ, а правительство признавало только старшимъ [2]). Этотъ старшій получилъ верховную власть надъ козаками. Мѣстомъ жительства старшаго и центромъ его управленія былъ городъ Трехтемировъ съ замкомъ и монастыремъ. При гетманѣ, или стар-

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, № 1-й.

[2]) Пясецкій, Kronika. Краковъ. Изд. 1870 г., стр. 52.

шемъ были чины генеральные: эсаулъ (помощникъ гетмана), судья и писарь. Послѣ Баторій къ прежнимъ привиллегіямъ прибавилъ еще одну: онъ освободилъ козаковъ отъ апелляціи по судебнымъ дѣламъ въ высшіе польскіе трибуналы и разрѣшилъ имъ учредить въ Батуринѣ свой козацкій трибуналъ [1]). Въ Трехтемировѣ долженъ былъ находиться значительный гарнизонъ изъ козаковъ. Двѣ тысячи козаковъ должны были содержать караулы за порогами; остальные-же козаки жили въ своихъ домахъ, обязанные, по первому требованію, безъ проволочки и въ полномъ вооруженіи собираться въ назначенное мѣсто [2]).

Реформа Баторія, имѣвшая одною изъ главныхъ цѣлей установить въ Украйнѣ прочный порядокъ, не привела однако къ желанной для польскаго правительства цѣли. Уже въ 1585 году на варшавскомъ сеймѣ разсуждалось о внутреннихъ безпокойствахъ, происходящихъ отъ своевольныхъ козаковъ [3]). Не вошедшіе въ 6-ти тысячный реестръ украинные насельники, не желая подчиниться помѣщичьей власти, вступили теперь на путь открытаго непризнанія надъ собою власти Польши. Энергичнѣйшіе изъ нихъ, устремляясь за днѣпровскіе пороги, продолжали жить здѣсь вольно, по прежнему занимаясь промыслами и вторженіями въ турецкія и татарскія владѣнія, а когда Баторій около 1585 года отправилъ на низовья Днѣпра нѣкоего Глубоцкаго съ рѣшительнымъ запрещеніемъ находящимся здѣсь козакамъ нападать на турецкія и татарскія владѣнія, то казаки убили Глубоцкаго и бросили его въ Днѣпръ [4]).

Со времени Баторіевой реформы для тѣхъ изъ украинныхъ насельниковъ, которые избѣгали закрѣпощенія, пребываніе «въ пустыхъ мѣстахъ» за порогами сдѣлалось необходимымъ. Теперь имъ уже нельзя было, какъ прежде, возвращаться въ Украйну, потому что тутъ на нихъ естественно должны были смотрѣть, какъ на ослушниковъ правительственныхъ распоряженій. Такимъ образомъ,

---

[1]) Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи. Изд. 1830 г., т. I, стр. 139—140.

[2]) Пясецкій. Kronika (изд. краковское 1870), стр. 52.

[3]) Kronika Bielskiego, стр. 798.

[4]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, № 4: Heidenstein, т. II, стр. 362.

Баторіева реформа, разбившая украинныхъ козаковъ на признанныхъ, реестровыхъ, и непризнанныхъ, не вошедшихъ въ реестръ, послужила рѣшительнымъ толкомъ для дальнѣйшаго развитія и развѣтвленія козачества.

Всѣ непризнанные, какъ протестанты противъ существующаго порядка, были поставлены внѣ государства, внѣ закона,—естественно, они должны были организоваться самостоятельно и удалившись туда, куда не достигала государственная власть, создать собственную, ни отъ кого независимую общину. Уходившіе прежде на низовья Днѣпра украинные насельники, соединяясь лишь временно въ извѣстныхъ случаяхъ въ отдѣльныя группы, не связывали себя на долго или на всегда единствомъ цѣли и плана дѣйствій, а также мѣста постояннаго жительства; для нихъ не былъ отрѣзанъ путь въ населенную Украйну, гдѣ нерѣдко оставались ихъ жилища и семьи, и гдѣ общественныя отношенія были урегулированы извѣстнымъ образомъ. Теперь не попавшіе въ реестры и уходившіе изъ закрѣпощаемой Украйны козаковать на Запорожье оставались тамъ на всегда, а потому должны были объединиться въ одну постоянную группу, устроить извѣстнымъ образомъ свой бытъ, установить свои нормы для общественныхъ отношеній, составить правильно организованное общество. Такимъ путемъ и при такихъ условіяхъ возникло военное запорожское товариство, не признавшая надъ собой власти Польши, вольная запорожская община.

Замѣчательно, что запорожскіе курени, отдѣльныя козачьи группы въ запорожской общинѣ, носили названіе различныхъ поселеній въ западно-русскомъ и южно-русскомъ краѣ. Это обстоятельство въ свою очередь показываетъ, какъ сложилась запорожская община. Группы земляковъ черкасскихъ, каневскихъ, стеблевскихъ и другихъ, уходившихъ за пороги для промысловъ, а иногда и для вторженій въ турецкія и татарскія земли, вслѣдствіе новыхъ распорядковъ на Украйнѣ, соединялись, какъ отдѣльные курени, въ необходимую по новымъ условіямъ быта форму одного коша запорожскаго.

Появленіе постоянной козачьей общины за порогами—новая эпоха въ развитіи украиннаго козачества. Съ этого времени оно представляетъ два типа: козачество собственно украинное, городовое, реестровое и козачество низовое, запорожское, состоящее изъ

непризнанныхъ козаковъ. Послѣднее, возникшее въ видѣ постоянной общины, отдѣльной со времени Баторіевой реформы, пополняется выходцами не только изъ Украйны, но и изъ другихъ южно-русскихъ и западно-русскихъ земель, гдѣ русское населеніе не уживалось съ распорядками польскаго государства. Протестъ противъ этихъ распорядковъ, обнаруживавшійся то въ формѣ движенія населенія изъ русскихъ областей польскаго государства на Запорожье, то въ формѣ бунтовъ противъ помѣщиковъ, разразился потомъ цѣлымъ рядомъ козачьихъ возстаній, начавшихся съ возстанія Косинскаго въ 1592 г. Уже въ этомъ первомъ козачьемъ возстаніи козачество въ южныхъ предѣлахъ польскаго государства является дѣломъ общенароднымъ и такимъ оно выступаетъ во все послѣдующее время козацкихъ возстаній.

Хотя реформа Баторія окрестила именемъ запорожскаго все вообще козачество, но отдѣльной запорожской общины до нея не было; реформа Баторія признаетъ лишь 6 тысячъ козаковъ, полки ихъ распредѣлены по территоріи Украйны и 2000 изъ нихъ предназначались содержать сторожу отъ татаръ. Не было запорожской общины и вскорѣ послѣ реформы Баторія: самъ гетманъ козачій Михаилъ Ружинскій, трактовавшій въ 1585 году съ однимъ венеціанцемъ, пріѣзжавшимъ отъ своего правительства въ Польшу по дѣламъ католической церкви, о войнѣ съ турками, перечисляя всѣхъ, кого онъ разсчитывалъ поднять противъ турокъ: донцевъ, волоховъ, болгаръ и сербовъ, ни слова не говорилъ о запорожцахъ, а объ нихъ онъ упомянулъ бы непремѣнно, если бы къ этому времени существовала организованная, обособившаяся отъ остальнаго козачества, запорожская община.

Баторіева реформа, послужившая ближайшимъ стимуломъ къ образованію запорожской общины, послѣдствіями своими опредѣлила и тотъ типъ, по которому должна была сложиться запорожская община. Въ источникахъ, относящихся къ начальной порѣ украиннаго козачества, замѣчается, что на низовьяхъ Днѣпра, за порогами, козаковали люди изъ всѣхъ сосѣднихъ государствъ. Извѣстенъ фактъ козакованья Подковы между низовцами. Пясецкій въ своей хроникѣ замѣчаетъ, что козаки низовые были люди изъ разныхъ націй[1]). Баторій въ переговорахъ съ крымскимъ ханомъ

[1]) Albertrandy, Panow. H. W. Steph. Bat., стр. 342.

упоминалъ также, что въ числѣ козаковавшихъ за порогами были татары [1]). Особенно обстоятельныя свѣдѣнія относительно племеннаго состава козаковавшихъ за порогами даетъ Гейденштейнъ. Онъ говоритъ, что «такъ какъ къ низовьямъ Днѣпра прилегали владѣнія разныхъ народовъ: татаръ, турокъ, волоховъ и «земли русско-польскія», то здѣсь вслѣдствіе столкновенія столькихъ враждебныхъ другъ другу народовъ издавна не могло быть спокойно. Неизмѣримая степь по нижнему теченію Днѣпра лежала незанятою вслѣдствіе непрерывныхъ грабительствъ и тревоги. Слетались сюда для добычи непріятельской всѣ, которымъ плохо жилось въ отечествѣ или вслѣдствіе бѣдности, или вслѣдствіе несогласій; бѣжали туда и преслѣдуемые закономъ. Прежде, скучая безъ войны, и шляхетная молодежь проникала сюда, ища случая испробовать свое мужество. Собравшіеся на низу жили главнымъ образомъ рыбною ловлею и грабежемъ. Нападали на того, съ кого надѣялись побольше взять. А такъ какъ значительное большинство ихъ были христіане, то они наибольше живились съ татаръ и турецкихъ купцовъ [2]); Польшѣ же неоднократно были сподручны. Вслѣдствіе того, что они занимали низовья Днѣпра, ихъ называли низовцами. Назывались они также и козаками, потому что такъ въ тѣхъ мѣстахъ называютъ и пѣшихъ, и конныхъ, которые собираются на границѣ для грабежа и вторженій въ сосѣднія земли» [3]).

Но разноплеменность жившихъ на низовьяхъ Днѣпра, за порогами, преобладала лишь до люблинской уніи; съ этого же времени русскій элементъ здѣсь значительно усилился притокомъ южнорусскаго населенія, преимущественно простаго народа,—какъ говоритъ Бѣльскій, «посполитыхъ людей изъ Черкасъ, Канева, Кіева и др. мѣстъ». Баторіева реформа еще болѣе усилила этотъ притокъ на Запорожье и какъ теперь дѣло шло не только о томъ, чтобы временно пользоваться здѣсь промыслами и военною добычей, но и о томъ, чтобы установить опредѣленныя устойчивыя нормы для жизни, то теперь всѣ козаковавшіе за порогами должны были подчиниться извѣстному порядку, при чемъ не русскіе элементы, со-

[1]) Тамъ же, стр. 222.
[2]) Heidenstein, т. II, стр. 361.
[3]) Тамъ-же, т. 1, стр. 285.

ставлявшіе незначительное меньшинство, не могли оказать существеннаго вліянія на возникавшій въ Запорожьи общественный строй. Запорожская община должна была сложиться по типу, какой вытекалъ изъ убѣжденій, стремленій и привычекъ русскаго поселенія на Запорожьи. Украинскіе выходцы составляли здѣсь значительное большинство и, естественно, въ устанавливающемся строѣ примѣняли свои взгляды, руководились своими народными идеалами.

Такимъ образомъ, запорожское козачество возникло подъ совокупнымъ воздѣйствіемъ тѣхъ самихъ факторовъ, которые создавали и украинное козачество и хотя вторичность формаціи, сопровождавшаяся нѣкоторыми частными условіями, о которыхъ мы говорили выше, сообщила запорожской общинѣ особый характеръ, но въ общемъ запорожское козачество было продуктомъ тѣхъ-же самыхъ первичныхъ причинъ, что и козачество украинное.

Привнесенный люблинской уніею въ южно-русскія области новый общественный строй, возвышеніе однихъ классовъ населенія надъ другими, приниженіе и порабощеніе свободнаго населенія степной полосы, заставили это послѣднее искать выхода въ бѣгствѣ; пустыя мѣста за порогами дали пріютъ этимъ бѣглецамъ, а близость татаръ сдѣлала возможнымъ ихъ независимое существованіе здѣсь, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ брать земельные участки, вслѣдствіе опасности отъ татаръ, лицамъ шляхетнаго сословія не было разсчета.—Условія мѣста распространенія и сосѣдства татаръ еще частнѣе опредѣлили бытъ запорожскаго козачества. Покидавшихъ населенныя мѣста, главнымъ образомъ, въ степной полосѣ и являющихся въ степи за Синюхой и Орелью въ качествѣ колонизаторовъ приходило сравнительно съ обширностью края не много, а татары были непосредственными сосѣдями. Въ силу приспособленія къ условіямъ мѣста, за порогами должно было найти примѣненіе своеобразное полукочевое колонизаторство. Такими именно колонизаторами-полукочевниками мы и видимъ запорожскихъ козаковъ въ первое время существованія запорожской общины. Но самымъ первичнымъ факторомъ въ образованіи запорожскаго козачества было сосѣдство татаръ. Запорожское козачество является преимущественнымъ результатомъ столкновенія двухъ различныхъ племенъ, двухъ несходныхъ культуръ: съ одной стороны племени и культуры славянъ и въ частности южно-руссовъ, съ другой пле-

мени и культуры тюркской и въ частности кочевыхъ татарскихъ ордъ. Эти племена, пройдя каждое вдали другъ отъ друга свою историческую судьбу и очутившись теперь сосѣдями, но будучи различны по расѣ, по внутреннему складу, по образу жизни, неминуемо должны были стать во враждебное другъ къ другу отношеніе. Крымскія орды систематически годъ за годомъ производятъ набѣги на южно-русскія земли. Грабежи и опустошенія въ этихъ земляхъ, естественно, вызываютъ раздраженіе, побуждавшее отплачивать своимъ угнѣтителямъ тѣмъ-же. Встрѣтились двѣ враждебныя другъ другу силы: народъ славянскаго корня, осѣдлый и прошедшій уже нѣсколько ступеней культуры, и народъ тюркскаго корня, полукочевой, находящійся на ступени примитивной культуры. Каждая изъ силъ, сильная на свой ладъ, въ борьбѣ другъ съ другомъ пускала въ ходъ тѣ средства, какія были въ ея распоряженіи. Татары ордами набѣгаютъ на южную Русь,—осѣдлая Русь выдвигаетъ для борьбы воиновъ-козаковъ; набѣги татаръ продолжаются и отпоръ, приспособленный къ культурѣ, быту и внутреннимъ распорядкамъ, существующимъ въ данное время въ государствѣ, усложняется: въ южно-русской козаччинѣ, въ процессѣ дальнѣйшаго ея развитія, выдѣляется и складывается въ особый типъ козачество запорожское.

Сосѣдство татаръ и необходимость вести съ ними постоянную борьбу и отражать ихъ нападенія окончательно формировали бытъ и строй запорожскаго козачества. Въ основѣ ихъ конечно должны были лечь тѣ идеалы и привычки, съ какими приходили украинные насельники на низовья Днѣпра,—отсюда у запорожцевъ свобода и равноправность въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. Но не всѣ сложившіеся идеалы могли найти здѣсь примѣненіе, не всѣ склонности и привычки ихъ получать удовлетвореніе при новыхъ условіяхъ мѣста, при непосредственномъ сосѣдствѣ татаръ. Идеалъ семейной жизни, самый дорогой и завѣтный для украинца, безъусловно не могъ быть удержанъ запорожцами и они долго и всегда почти представляли собою общество или совсѣмъ безбрачныхъ или оставившихъ женъ и дѣтей удальцовъ. Другая, вытекающая изъ предшествующаго осѣдлаго быта, склонность къ земледѣлію, также и по той-же самой причинѣ не находила себѣ мѣста. Запорожскій козакъ, какъ и татаринъ, долженъ былъ жить добычей и промысломъ, охотой и войной, а эти занятія опредѣляли весь складъ и всю обстановку ихъ жизни.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

(Продолженіе) [1].

VI.

Внизъ по Днѣстру.—Плотъ и его устройство.—Извилины рѣки.—Характеръ береговъ.—Побережныя села.—Студеница.—Пристань; положеніе и наружность мѣстечка.—Рынокъ; народное гулянье, ярмарокъ.—Историческія свѣдѣнія о Студеницѣ. Занятія жителей.—Пещеры и древности.

Кто хочетъ увидѣть самую живописную часть русскаго поднѣстровья, тому слѣдуетъ спуститься внизъ по рѣкѣ отъ Жванца до мѣстечка Студеницы. За отсутствіемъ пароходства, или какого бы то ни было правильнаго судоходства, остается одно средство сообщенія—»идти на сплавъ«, по мѣстному выраженію, т. е. спускаться на плотахъ или галярахъ, на которыхъ сплавляется лѣсъ и другіе товары. При посредствѣ хозяина заѣзда намъ скоро удалось найти купца еврея, согласившагося за нѣсколько рублей доставить насъ въ Студеницу на плоту, который онъ отправлялъ въ Могилевъ.

Въ условленный часъ мы явились на пристань съ пожитками, прихвативши достаточное количество соломы для ночлега. Плотъ еще не былъ готовъ къ отъѣзду; впрочемъ мы не были этимъ удивлены, привыкши уже къ обычной подольской медлительности: здѣсь каждый откладываетъ до послѣдней возможности всякое дѣло, но уже разъ принявшись за работу, дѣлаетъ ее хорошо, хотя и не торопясь. Даже евреи повидимому утратили здѣсь свою обычную

[1]) См. »Кіевская Старина«, 1884 г., іюльск. кн., стр. 359—391.

торопливость, составляющую одну изъ характерныхъ особенностей ихъ племени; такъ напримѣръ иногда приходится ждать по часу и больше, пока хозяинъ или мишуресъ явится за разсчетомъ. Здѣсь уже каждый привыкъ къ тому, что если срокъ назначенъ положимъ въ 12 часовъ, то часа въ три или четыре какъ разъ будетъ пора.

Пока пришелъ хозяинъ, пока оканчивали нагрузку плота, можно было разсмотрѣть его устройство до малѣйшихъ подробностей. Нашъ плотъ былъ меньше всѣхъ другихъ, стоявшихъ на пристани, но совершенно одинаковой конструкціи. Онъ состоялъ изъ тонкихъ сосновыхъ стволовъ, связанныхъ лыкомъ въ три ряда, одинъ надъ другимъ; посрединѣ положены въ нѣсколько рядовъ тонкія доски, предназначенныя для помѣщенія пассажировъ. На двухъ противуположныхъ сторонахъ плота находится *стерно*-длинное весло, укрѣпленное на столбикѣ такъ, что можетъ поворачиваться вправо и влѣво, какъ на днѣпровскихъ баркахъ; такое приспособленіе значительно облегчаетъ трудъ для тѣхъ, кто правитъ плотомъ, избавляя отъ необходимости поворачивать его при постоянныхъ извилинахъ рѣки. Не смотря на такое первобытное устройство, плоты изъ легкаго сосноваго или буковаго дерева не слишкомъ глубоко сидятъ въ водѣ, даже съ полнымъ грузомъ, и сплавляются съ неимовѣрною скоростью сравнительно съ нашими днѣпровскими плотами.

Наконецъ явился хозяинъ судна съ другимъ евреемъ прикащикомъ, который занялъ должность капитана, и молодымъ парубкомъ—подоляниномъ, замѣнявшимъ собою весь экипажъ. Мы расплатились съ хозяиномъ, кормчій поднялъ якорь, т. е. отвязалъ плотъ отъ столбика, вбитаго въ землю, и плотъ, тихо покачиваясь, вышелъ изъ пристани по направленію къ Хотину. Онъ очень быстро двигался по теченію и вскорѣ прошелъ у подножія хотинской крѣпости; солнце приближалось къ закату и мы нѣсколько залюбовались прекраснымъ бессарабскимъ берегомъ.

Позади, на фонѣ ярко-голубаго неба, обрисовывалась грандіозная крѣпость, вся залитая солнечными лучами; за нею виднѣлся весь старый городъ съ предмѣстьями, раскинувшимися на двухъ горахъ; русскаго города не видно съ Днѣстра. Высокій правый берегъ представляетъ рядъ обнаженныхъ скалъ, выдѣляющихся среди темной зелени кустарниковъ и болѣе свѣтлой зелени травы, покры-

вающихъ крутой склонъ рѣчной долины. Подольскій берегъ въ этомъ мѣстѣ представляетъ очень пологій спускъ къ рѣкѣ, но уже начиная отъ Хотина, оба берега замѣтно повышаются и становятся обрывистѣе.

Въ силу особыхъ геологическихъ причинъ, Днѣстръ въ своемъ теченіи прорвалъ громадныя каменныя массы и вырылъ для своего русла узкія, но очень глубокія долины съ крутыми, иногда совсѣмъ отвѣсными берегами. Только изрѣдка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка случайно встрѣтила на пути мягкую почву, берега весьма пологи и горы дальше отходятъ отъ берега. Вслѣдствіе этихъ причинъ теченіе Днѣстра чрезвычайно извилисто; не говоря уже о томъ, что оба берега представляютъ сплошной рядъ мысовъ, раздѣленныхъ болѣе или менѣе глубокими заливами, рѣка часто дѣлаетъ такіе крутые повороты, что приходится плыть водою верстъ 30 и больше, тогда какъ скалистый перешеекъ, раздѣляющій двѣ луки, имѣетъ не больше трехъ-четырехъ верстъ въ поперечникѣ. Такъ напримѣръ отъ Жванца до Студеницы сухимъ путемъ отъ 40 до 50 верстъ; между тѣмъ Днѣстръ дѣлаетъ пять такихъ извилинъ, которыя увеличиваютъ это разстояніе почти втрое.—Чтобы не повторяться и избѣжать скучныхъ, растянутыхъ описаній природы, зачастую сходной въ различныхъ мѣстностяхъ поднѣстровья, постараюсь по возможности короче очертить характеръ береговъ.

Чѣмъ дальше внизъ отъ Жванца, тѣмъ долина Днѣстра становится глубже, такъ что во многихъ мѣстахъ берега достигаютъ болѣе 120 и 150 саженъ въ вышину; это продолжается до Могилева; отсюда они нѣсколько понижаются; начиная отъ Ямполя, горы все дальше удаляются отъ рѣки и берега мало по малу принимаютъ степной характеръ.—Иногда одинъ изъ береговъ образуетъ пологій склонъ къ рѣкѣ; здѣсь большею частью среди зелени садовъ и огородовъ живописно выглядываетъ небольшая сельская церковь, окруженная группою привѣтливыхъ, бѣлыхъ хатъ; обыкновенно село расположено у впаденія въ Днѣстръ какой нибудь рѣчки или просто крупнаго ручья. Но такія мѣста встрѣчаются сравнительно рѣдко: берега по большей части скалисты и представляютъ обнаженіе различныхъ каменныхъ породъ: то разныхъ видовъ третичнаго известняка, то разноцвѣтныхъ породъ глинистыхъ известковыхъ сланцевъ, переходящихъ отъ бѣлаго и желтоватаго цвѣта до

темно-зеленаго или фіолетоваго. Вдоль берега тянется низменная полоса, по которой идетъ проѣзжая дорога; за нею возвышается огромная каменная стѣна, иногда совсѣмъ отвѣсная, представляющая въ верхней своей части ряды отвѣсныхъ скалъ съ поперечными бороздами, которыя придаютъ имъ видъ колоннъ съ карнизами; по временамъ на вершинахъ горъ виднѣются скалы, чрезвычайно напоминающія своими очертаніями развалины огромныхъ крѣпостей или замковъ съ башнями, бойницами и т. д. Иногда совершенно отвѣсная стѣна, увѣнчанная такими замками и колоннами, подходитъ прямо къ рѣкѣ и тогда дорога, идущая вдоль берега, обрывается, затѣмъ рѣка дѣлаетъ поворотъ и такія-же точно скалы появляются на противоположномъ берегу. Очень часто горы прорѣзываются глубокими оврагами, увѣнчанными такими-же нависшими каменными карнизами; подъ ними внизу оврага нагромождены пологія осыпи мелкаго камня изъ вывѣтривающихся скалъ, а на днѣ протекаетъ чистый, кристальный источникъ. Иногда группы скалъ представляютъ подобіе гротовъ, воротъ или входа въ пещеру, жертвенника и т. п.; разумѣется по мѣрѣ приближенія къ нимъ прежнее очарованіе исчезаетъ и остается только чувство подавленности передъ этими громадами.

Наконецъ картина постоянно разнообразится огромнымъ количествомъ источниковъ, которыми такъ богаты горы Подолья; иные вырыли себѣ очень глубокую долину среди каменной почвы и выдаютъ въ Днѣстръ, образуя при устьи небольшіе заливы; другіе прорываются изъ отвѣсной скалы и прямо спадаютъ въ рѣку. Часто случается видѣть по два и по три такихъ водопада, одинъ надъ другимъ, въ различныхъ пластахъ горы отъ основанія до вершины.— Вообще берега Днѣстра въ высокой степени живописны, но они ждутъ еще своего художника или по крайней мѣрѣ фотографа, который-бы перенесъ ихъ красоты на бумагу. Съ теченіемъ времени горы подольскія мало по малу измѣняютъ свой видъ, какъ вслѣдствіе чрезвычайно быстраго вывѣтриванія мѣстныхъ каменныхъ породъ, такъ и вслѣдствіе еще болѣе быстраго повсемѣстнаго истребленія лѣсовъ, составляющаго одну изъ самыхъ крупныхъ экономическихъ ошибокъ нашего времени и нашего края. Побережье Днѣстра весьма замѣтно страдаетъ отсутствіемъ лѣса, отчего много теряетъ и въ эстетическомъ отношеніи, такъ какъ обнаженныя

скалы, едва перемѣшанныя тощею растительностью, представляютъ хотя живописный и разнообразный, но мало оживленный пейзажъ.

По словамъ мѣстныхъ жителей лѣса существовали по всюду еще очень недавно и подверглись истребленію только въ послѣднее время, при чемъ нужно замѣтить, что больше пострадалъ подольскій берегъ,—на бессарабскомъ уцѣлѣли еще мѣстами довольно значительные лѣса, но ихъ вскорѣ ожидаетъ таже участь.

Выше я говорилъ уже объ устройствѣ плота, остается сказать нѣсколько словъ о способѣ его хода. Благодаря чрезвычайно быстрому теченію Днѣстра, вполнѣ сохраняющаго въ Подольи характеръ горной рѣки, плоты сплавляются очень скоро, такъ что въ тихую погоду или при попутномъ вѣтрѣ отъ Жванца до Студеницы, т. е. около 150 верстъ, можно проѣхать въ одни сутки. Такъ мы и разсчитывали, выѣзжая изъ Жванца въ прекрасную погоду; но случилось иначе. При постоянныхъ извилинахъ рѣки, вѣтеръ на каждомъ поворотѣ мѣняетъ направленіе и прибиваетъ плотъ то къ одному, то къ другому берегу; требуется много вниманія и усилій со стороны двухъ кормчихъ, чтобы удержать его на серединѣ рѣки. Ни хозяинъ, ни капитанъ нашего судна повидимому не отличались предусмотрительностью—качествомъ, столь необходимымъ при судоходствѣ. Здѣсь все дѣлается по пословицѣ: «якось-то воно буде», поэтому не были осмотрѣны спасти и исправлены бывшія на плоту неисправности раньше его выхода изъ жванецкаго порта. За то на каждомъ изгибѣ рѣки, когда теченіе становилось сильнѣе и требовалось нѣкоторое усиліе при поворотѣ, то одно, то другое *стерно*, замѣнявшее руль, ломалось въ мѣстѣ своего прикрѣпленія. Нужно было останавливать плотъ или кое-какъ управляться однимъ весломъ, пока другое наскоро прибивалось деревяннымъ гвоздемъ; конечно, такой способъ подчинки очень не прочень и при новомъ поворотѣ повторяется таже исторія. Разумѣется, все это отымаетъ много времени и сильно замедляетъ ходъ плота.

Довольно часто на пути встрѣчаются села, расположенныя большею частью при устьи какой нибудь рѣчки или ручья, то на зеленѣющемъ склонѣ горы, окруженныя густыми садами, огородами и нивами, то въ глухомъ ущельи, лишенномъ всякой растительности, отчего село, не смотря на свои чистенькія, бѣлыя хаты, имѣетъ грустный, угрюмый видъ. Въ большинствѣ случаевъ въ виду

каждаго подольскаго села на противоположномъ берегу расположено молдованское съ другимъ названіемъ; въ каждомъ своя церковь, у берега стоятъ двѣ-три душегубки, а иногда даже паромъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что подольскій берегъ повидимому гуще населенъ, по крайней мѣрѣ на своемъ пути мы насчитали на немъ 16 селеній на одинадцать бессарабскихъ; сверхъ того подольскія села отличаются болѣе опрятной и привлекательной наружностью, чѣмъ молдованскіе. Не знаю, чѣмъ это объяснить: большею-ли степенью зажиточности или племеннымъ характеромъ жителей, или же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Къ вечеру вѣтеръ началъ усиливаться и перемѣнилъ направленіе,—изъ попутнаго сдѣлался боковымъ, поднялись большія волны съ бѣлыми гребнями и плотъ стало заливать водою; оставалась сухою только небольшая площадка изъ досокъ посреди плота, предназначенная для помѣщенія пассажировъ съ ихъ багажемъ. Пришлось сидѣть почти неподвижно, такъ какъ ходить на площадкѣ было тѣсно, да и страшно, чтобы не залило единственнаго сухого пространства, оставшагося для ночлега. Съ заходомъ солнца вся рѣка, на сколько можно глазомъ окинуть, покрылась густымъ облакомъ бѣлыхъ эфемеридъ, представлявшихъ весьма оживленное зрѣлище. Чрезвычайно интересно было наблюдать, какъ эти полупрозрачныя, граціозныя насѣкомыя, легкія и блестящія, какъ снѣжинки, кружились въ воздухѣ, гонялись другъ за другомъ и чрезъ какія нибудь четверть часа падали мертвыми, а на ихъ мѣсто, неизвѣстно откуда, появлялись новыя и продолжали ту-же пляску, прекратившуюся только ночью. Пока совсѣмъ стемнѣло, плотъ нашъ покрылся сплошнымъ слоемъ мертвыхъ тѣлъ, а какое огромное количество ихъ потонуло въ рѣкѣ. По словамъ нашего кормчаго, мертвыя эфемериды составляютъ прекрасный кормъ для днѣстровской рыбы, которая отъ него быстро жирѣетъ. Къ сожалѣнію поднявшіяся волны помѣшали намъ увидѣть это интересное зрѣлище, такъ какъ съ наступленіемъ сумерекъ рыба цѣлыми стаями выплываетъ на поверхность воды и, подпрыгивая на воздухъ, на лету ловитъ падающіе трупы.

Наконецъ наступила ночь, вѣтеръ не утихалъ, но капитанъ нашъ рѣшился продолжать путь, не останавливаясь. Становилось холодно, никакихъ видовъ, кромѣ темной ночи, не было и пассажирамъ оставалось только расположиться на ночлегъ. Между тѣмъ

кормчій началъ пѣть прекрасныя украинскія пѣсни, одна другой лучше, которыхъ грустные, хотя и чрезвычайно гармоничные мотивы нѣсколько отличаются отъ тѣхъ, какіе мы привыкли слышать на Украйнѣ. Не могу сказать, чтобы мотивы подольскихъ пѣсенъ были лучше остальныхъ украинскихъ напѣвовъ, но въ нихъ есть что-то своеобразное и оригинальное, какой-то особенный оттѣнокъ, составляющій одну изъ этнографическихъ особенностей потомковъ древнихъ Тиверцевъ и Уличей. По своему содержанію пѣсни почти не отличаются отъ тѣхъ, какія сохранились еще у насъ вдали отъ городовъ, въ глухихъ селахъ, куда не проникла еще солдатско-мѣщанская цивилизація. Особенно обратилъ наше вниманіе прекрасный варіантъ извѣстной пѣсни про Петруся, который сохранился безъ всякихъ искаженій въ текстѣ и кончается иначе, нежели всѣ извѣстные въ печати варіанты.

Наконецъ парубокъ усталъ пѣть. »Теперъ роскажи мени яку небудь байку, або казку, попросилъ еврей; я дуже люблю ваши казки«, и кормчій началъ разсказывать малорусскія сказки и басни, очень занимательныя и оригинальныя, исполненные того юмора и тонкой наблюдательности, какими по преимуществу отличается малорусское племя среди другихъ родственныхъ племенъ. Разсказъ затянулся далеко за полночь; наконецъ, не задолго передъ разсвѣтомъ плотъ остановили у берега подъ вѣтромъ и экипажъ расположился на отдыхъ.

На утро оказалось, что идти дальше нѣтъ возможности по причинѣ сильнаго вѣтра снизу; раза два капитанъ пробовалъ отчалить, но плотъ отказывался повиноваться рулю и шелъ противъ теченія, или кружился на одномъ мѣстѣ, вмѣсто того, чтобы плыть внизъ. Среди безплодныхъ усилій снова были сломаны оба *стерна* и пришлось остановиться на неопредѣленный срокъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли ночью; это было въ глубинѣ небольшаго залива при впаденіи рѣчки Мукши, противъ незначительнаго села Мукаровки, расположеннаго на бессарабскомъ берегу. Въ полу-верстѣ ниже насъ остановился другой плотъ съ нѣсколькими, ѣхавшими на немъ евреями, а нѣсколько выше противъ Мукаровки двѣ галяры, нагруженныя бочками со спиртомъ, употребляли большія усилія, чтобы удержаться на срединѣ рѣки.

Въ этомъ мѣстѣ, при устьи р. Мукши, съ правой ея стороны, упирается въ Днѣстръ высокій горный кряжъ, самый значительный въ юго-западномъ углу Подолья, извѣстный въ польской литературѣ подъ именемъ Медоборскихъ горъ; отсюда онъ направляется къ сѣверо-западу и у города Сатанова, надъ р. Збручемъ, входитъ въ предѣлы русинской Галиціи. Высокія горы, увѣнчанныя въ верхней своей части грандіозными, закругленными скалами, напоминающими огромныя колонны съ выступающими впередъ карнизами, очень близко подходятъ къ рѣкѣ и спускаются почти отвѣсно къ узкой береговой полосѣ. Во многихъ мѣстахъ гора изрѣзана болѣе или менѣе глубокими оврагами, на днѣ которыхъ протекаетъ чистый источникъ, или-же возвышаются огромныя скалы, еще не успѣвшія скатиться внизъ; по этимъ оврагамъ только и можно взобраться до половины горы, цѣпляясь за камни и тощіе кустарники; выше тянется сплошная, отвѣсная стѣна.

«Одна бида иде и другу за собою веде», говоритъ пословица, такъ случилось и съ нами на этотъ разъ: началось съ того, что снасти были изломаны, вѣтеръ мѣшалъ плыть и предстояла невольная и, что самое непріятное, неопредѣленная остановка. Затѣмъ оказалось, что нашихъ дорожныхъ припасовъ, разсчитанныхъ на однѣ сутки, не хватитъ до Студеницы; нужно было позаботиться о будущемъ и мы отправились за покупками въ ближайшее село Тарасовку, расположенное въ глухомъ ущельи на правомъ берегу р. Мукши, верстахъ въ пяти отъ ея устья. Понадѣявшись на свои компасы, мы не захватили съ собою карты, скоро сбились съ пути и послѣ трехчасоваго странствованія попали въ какое-то другое село, очень бѣдной и непривѣтливой наружности. По счастью въ немъ нашелся шинокъ, куда мы тотчасъ-же направили свои усталыя стопы; здѣсь разыгралась любопытная сцена, какія намъ не разъ приходилось видѣть въ найболѣе глухихъ подольскихъ селахъ. Если есть въ селѣ шинокъ, его всегда содержитъ еврей, но иногда, въ силу особыхъ условій онъ не хочетъ показаться хозяиномъ заведенія передъ проѣзжими посѣтителями. Вы входите въ шинокъ и требуете водки; еврейка, занимающаяся тутъ-же какой нибудь домашней работой, отвѣчаетъ, что она здѣсь не хозяйка, а квартирантка, и посылаетъ мальчика позвать хозяина; вскорѣ является крестьянинъ, наливаетъ водку, получаетъ деньги и тутъ-же вру-

частъ еврейкѣ, которая даетъ сдачу въ случаѣ надобности. Если нужны какіе нибудь припасы, еврейка охотно удовлетворитъ всѣ ваши требованія въ предѣлахъ возможнаго и даже за довольно умѣренную цѣну. Пока вы остаетесь въ шинкѣ, хозяева и всѣ присутствующіе заводятъ разговоръ и весьма деликатно косвенными вопросами стараются узнать цѣль вашего прибытія въ село. Если въ отвѣтахъ и въ поведеніи посѣтителя не усматривается ничего подозрительнаго, что заставило-бы предполагать переодѣтаго чиновника или ревизора, къ нему скоро привыкаютъ и послѣ двухъ-трехъ визитовъ хозяйка уже, не стѣсняясь, вступаетъ во всѣ свои права и обязанности.

Нѣчто подобное случилось и съ нами на этотъ разъ. Небольшое, пустынное село, затерянное въ глухомъ ущельи между скалъ, очевидно не привыкло къ посѣщеніямъ сюртучныхъ людей; въ корчмѣ встрѣтили насъ очень недовѣрчиво и только послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ удалось купить небольшое количество самыхъ скромныхъ припасовъ. Правду сказавши, не стоило за ними ходить въ такую даль и въ такую жару и вѣтеръ по ужасной горной тропинкѣ вдоль ущелья, но à la guerre comme à la guerre.

Передъ заходомъ солнца вѣтеръ нѣсколько утихъ и перемѣнилъ направленіе, плотъ кое-какъ исправили и можно было пуститься въ путь. Вечеромъ повторилось тоже, что и накапунѣ: тѣже эфемериды цѣлыми миріадами кружились въ воздухѣ и падали мертвыми, тѣже самыя пѣсни пѣлъ кормчій, но сказокъ уже не разсказывалъ. Наступилъ шабасъ,—дѣло было въ пятницу,—нашъ капитанъ, помолясь Богу, передалъ свою должность кормчему, поручая ему зорко слѣдить за теченіемъ и держаться середины рѣки, а самъ вскорѣ уснулъ и мы не замедлили послѣдовать его примѣру. Одинъ только бѣдный парубокъ долженъ былъ бодрствовать и работать за двоихъ; къ счастью ночь наступила очень тихая, такъ что ему не слишкомъ тяжело было управляться самому, плотъ быстро несло по теченію и на разсвѣтѣ, миновавъ небольшой островъ, кажется, изъ наносной земли, поросшій лозою и кустарникомъ,—первый островъ, какой намъ встрѣтился на Днѣстрѣ, мы пристали къ Студеницѣ.

Пристань, въ которой стояло нѣсколько лодокъ, плотовъ и галяръ, находилась въ разстояніи около двухъ верстъ ниже мѣстечка, противъ молдаванскаго села Отакъ (испорченное Атаки). Здѣсь мы

и остановились. Плотъ долженъ былъ сплавляться дальше и въ назначенный срокъ прибыть въ Калюсъ или въ Могилевъ, но прикащикъ, предчувствуя вознагражденіе, согласился обождать, пока намъ удастся найти подводу, чтобы перевезти нашъ багажъ въ мѣстечко. Маринчукъ оставилъ меня спящаго на плоту, а самъ пошелъ въ мѣстечко отыскивать подводу и квартиру, гдѣ-бы можно было остановиться, такъ какъ мы разсчитывали пробыть въ Студеницѣ нѣсколько дней. На бѣду въ этотъ день случился двойной праздникъ: Преображеніе и суббота; православные жители спѣшили въ церковь, еврейское населеніе собиралось въ синагогу,—никакого толку добиться нельзя: «хочъ сидай та плачъ». Послѣ долгихъ поисковъ удалось наконецъ найти еврея, который согласился указать квартиру въ домѣ одного изъ своихъ знакомыхъ; оставалось отыскать подводу, но это оказалось еще труднѣе, такъ какъ по еврейскому закону всѣ домашнія животныя должны отдыхать въ субботу, а крестьянскія лошади еще съ вечера угнаны были въ поле, сами крестьяне спѣшили въ церковь и это послѣднее обстоятельство, вмѣстѣ съ свойственной подолянамъ благодушной медлительностью, почти совсѣмъ лишало возможности вести переговоры о подводѣ. Наконецъ удалось кое какъ преодолѣть и это послѣднее препятствіе и условиться съ однимъ изъ крестьянъ, который обѣщалъ въ непродолжительномъ времени выслать на пристань подводу, какъ только лошади воротятся съ поля.

Успокоенный обѣщаніемъ, Маринчукъ далъ задатокъ, воротился на пристань и разбудилъ меня; послѣ чаю, распрощавшись съ плотовщиками, мы остались съ багажемъ на берегу, а плотъ снялся съ якоря или вѣрнѣе съ небольшаго колка, вбитаго въ землю, и, тихо покачиваясь, вышелъ изъ гавани и скоро скрылся изъ вида.

Наученные горькимъ опытомъ въ продолженіи нашего пребыванія въ Подольи, мы уже привыкли къ тому, что значитъ ожиданіе въ этой благословенной странѣ, и ждали терпѣливо, расположившись на пристани среди чемодановъ и представляя зрѣлище для прохожихъ. Мимо насъ безпрестанно шли люди: то группы крестьянъ подольскихъ и бессарабскихъ, одѣтыхъ въ свои лучшіе костюмы, поспѣшали съ узелками въ рукахъ на храмовой праздникъ въ Студеницу; то евреи въ своихъ бѣлыхъ мантіяхъ переправлялись на лодкахъ изъ Отакъ и тоже спѣшили въ синагогу.

Каждый смотрѣлъ на насъ съ любопытствомъ и въ полголоса дѣлалъ свои замѣчанія. Уже пастушки, верхомъ на лошадяхъ, пригнали весь скотъ въ мѣстечко, уже евреи стали возвращаться изъ синагоги, а подводы все нѣтъ, какъ нѣтъ. Наконецъ около полудня Маринчукъ соскучился ожиданіемъ и пошелъ узнать о причинѣ такого замедленія. Дѣло объяснилось просто: хозяинъ ушелъ въ церковь, работнику невѣрно передали распоряженіе на нашъ счетъ и онъ не зналъ, куда и зачѣмъ онъ долженъ ѣхать. Въ скоромъ времени появился мой другъ на огромномъ возу, на какихъ здѣсь возятъ снопы, запряженномъ парой очень малыхъ, но крѣпкихъ лошадокъ; мы живо сложили свои вещи, сами усѣлись сверху и минутъ черезъ двадцать торжественно въѣзжали въ Студеницу.

Мѣстечко расположено въ глубокой долинѣ, имѣющей видъ продолговатаго четырехъ-угольника, окаймленнаго съ юга р. Днѣстромъ и замкнутаго со всѣхъ остальныхъ сторонъ тремя высокими горами. Съ востока возвышается крутая, совершенно лишенная растительности *Бѣлая гора*, самая высокая и обрывистая изъ трехъ горъ. На сѣверъ отъ мѣстечка зеленѣетъ болѣе пологая гора *Монастырисько* или *Ганусисько*, отдѣленная отъ *Бѣлой* глубокимъ оврагомъ. На западѣ тянется гора *Горошковатая*, отрѣзанная отъ *Монастыриська* глубокой долиной, на днѣ которой протекаетъ горная рѣчка Студеница, впадающая въ Днѣстръ въ самомъ мѣстечкѣ.

Внѣшнимъ своимъ видомъ м. Студеница ничѣмъ не отличается отъ другихъ подольскихъ мѣстечекъ. Въѣзжая улица проходитъ сперва чрезъ предмѣстье, состоящее изъ большихъ крестьянскихъ хатъ, окруженныхъ густыми, тѣнистыми садами. Предмѣстье отдѣляется отъ самаго мѣстечка рѣчкой Студеницей, настоящей горной рѣчкой, которая въ сухую погоду скорѣе похожа на широкій и быстрый, но не глубокій ручей; только въ случаѣ дождя наполняется водою и тогда течетъ съ невѣроятною быстротою, но чрезъ день-два вода спадаетъ и рѣчка становится опять, какъ говорится, курамъ по колѣни. Черезъ рѣчку перекинутъ деревянный мостикъ, за которымъ начинается самое мѣстечко.

На лѣво по главной улицѣ—домъ священника и рядомъ съ нимъ училище, на право приходская церковь, откуда выходили группами крестьяне въ живописныхъ праздничныхъ нарядахъ и расходились въ разныя стороны съ узелками въ рукахъ. Наконецъ

мы въѣхали на рынокъ, застроенный въ два ряда еврейскими домами; въ одномъ изъ нихъ мы остановились *на станцію*, какъ здѣсь говорятъ, т. е. на квартиру и, отдохнувши немного, пошли осматривать мѣстечко.

На срединѣ обширной, продолговатой площади вмѣсто ратуши возвышается каменная корчма, въ противоположность другимъ домамъ, снабженная обширнымъ дворомъ, съ каменной оградой; рядомъ съ корчмой расположены нѣсколько маленькихъ деревянныхъ лавочекъ. На наше счастье день выпалъ праздничный и площадь, переполненная народомъ, представляла весьма оригинальное зрѣлище: по одну сторону, подальше отъ корчмы важно расхаживали нарядные пожилые евреи съ женами и дочерьми, между тѣмъ какъ молодые собрались въ домъ, гдѣ помѣщалось еврейское училище, и пѣли сначала свои національныя пѣсни, а затѣмъ солдатскія. Вокругъ корчмы размѣстились группами крестьяне, пришедшіе на храмъ изъ сосѣднихъ селъ, каждый со своими припасами; тутъ поминутно слышались веселыя шутки и остроты, каждый угощалъ пріятеля своимъ обѣдомъ и только водку брали въ корчмѣ. Тутъ мы замѣтили неизвѣстный намъ прежде обычай: у насъ на Украйнѣ существуетъ обыкновеніе освящать на Спаса первыя яблоки и медъ, между тѣмъ въ Студеницѣ крестьяне приносятъ для посвященія хлѣбъ и жареную рыбу, не смотря на чрезвычайное обиліе фруктовъ въ этой мѣстности. Не знаю, мѣстный-ли это обычай, или распространенный во всемъ Подольи.

Подъ вечеръ публика у корчмы порядочно выпила и совсѣмъ развеселилась, даже торжественное настроеніе стариковъ исчезло; тутъ и тамъ на площади стали раздаваться рѣзкіе, крикливые женскіе голоса, возлѣ корчмы начались пѣсни и драки. Между тѣмъ какъ евреи послѣ вечерней молитвы сняли праздничныя платья и принялись за домашнія работы, вся площадь была еще покрыта небольшими кучками крестьянъ, переходившихъ отъ корчмы къ винному погребу и обратно; тотъ шелъ съ пріятелемъ выпить литру вина, другой велъ жену *почастувать* и заботливо держалъ на рукахъ ребенка. Въ толпѣ съ трудомъ можно было отличить подолянъ отъ молдаванъ, до такой степени оба типа смѣшались между собою. Въ ближайшихъ къ Днѣстру селахъ, гдѣ населеніе находится въ постоянныхъ сношеніяхъ, подоляне по наружности не

многимъ разнятся отъ румыновъ: тѣ же длинные волосы по плечамъ, только у послѣднихъ преобладаетъ черный цвѣтъ, а у подолянъ болѣе свѣтлый; тотъ-же костюмъ—длинная сорочка на выпускъ, часто доходящая до колѣнъ, красный шерстяной поясъ очень широкій, иногда до полуаршина въ ширину, поверхъ котораго надѣвается другой кожаный поясъ вершка въ два-три шириною, украшенный рядомъ большихъ мѣдныхъ пуговицъ по срединѣ; въ этомъ поясѣ крестьянинъ носитъ деньги, охотничьи заряды и другія мелкія вещи, которыми особенно дорожитъ; на ремешкахъ у пояса привѣшены: трубка, ножъ, *кресало*, мѣшочекъ для кремней и трута и т. п. Подобный поясъ составляетъ, кажется, самый драгоцѣнный предметъ роскоши для подольскаго мальчика пастуха, и товарищи съ завистью смотрятъ на счастливца, обладающаго такимъ сокровищемъ. Вообще въ наружности и одеждѣ подольскихъ и бессарабскихъ поднѣстрянскихъ крестьянъ очень много общаго; къ довершенію сходства нужно замѣтить, что многіе жители лѣваго берега Днѣстра хорошо говорятъ по румынски, а молдаване по украински. На сколько я могъ замѣтить, подоляне отличаются только болѣе оживленнымъ и осмысленнымъ видомъ, болѣе высокимъ ростомъ и стройной осанкой и вообще показываются развитѣе молдаванъ.

Что касается женщинъ, то онѣ сохранили во всей чистотѣ особенности типа и одежды. Подолянки также гораздо красивѣе, выше и стройнѣе молдаванокъ; одежду ихъ составляетъ длинная рубаха съ *полками* и рукавами, расшитыми въ поперечныя полосы чернымъ, желтымъ, краснымъ и др. гарусомъ, *«заполочью»* и шелкомъ; поверхъ узора нашиты рядками блестки и рыбья чешуя. Отличительную черту поднѣстровскаго орнамента представляетъ чрезвычайно густой и сложный узоръ изъ ломанныхъ линій[1]), вполнѣ тожественный въ своихъ основныхъ элементахъ съ орнаментикою придунайскихъ славянъ, отъ которой онъ отличается большимъ развитіемъ формъ и однообразіемъ окраски; каждая полоса шьется *занизуваннямъ*[1]) и однимъ только цвѣтомъ, иногда съ примѣсью

[1]) Особый родъ шитья, при которомъ цвѣтная нитка пронизываетъ полотно параллельно нитямъ ткани, отъ чего узоръ выходитъ какъ-бы вытканымъ.

золота или серебра; кромѣ рукавовъ и *комира* въ женскихъ сорочкахъ вышиваютъ еще двѣ продольныя полоски на пазухѣ и на спинѣ, за то внизу совсѣмъ нѣтъ вышивокъ. Мѣстные этнографы говорятъ, что различныя комбинаціи цвѣтовъ и узоровъ присвоены различнымъ семейнымъ состояніямъ женщины, такъ что опытный этнографъ, не зависимо отъ головного убора, только по вышивкѣ сорочки можетъ отличить дѣвушку отъ *«молодыци»*, вдовы и т. д. Подобно нашимъ селянкамъ здѣсь носятъ чорную *«запаску»* только изъ одного куска и съ красной каймой вокругъ, подвязанную узорчатой гарусной *«крайкой»*, вмѣсто передника шерстяной платокъ, сложенный въ косынку, на шеѣ множество коралловъ, а у дѣвушекъ шнурки, вынизанные изъ разноцвѣтнаго мелкаго бисера,— *«сѣлянки»* по мѣстному названію (отъ слова *селяти*—низать). Головной уборъ у дѣвушекъ состоитъ изъ цвѣтовъ и лентъ, у *«молодыци»* изъ *«хустки»*, которую повязываютъ очень просто и изящно; пожилыя женщины надѣваютъ *«намитку»*, вышитую золотомъ или серебромъ. Между тѣмъ одежда молдаванокъ отличается отсутствіемъ изящества и въ особенности національнаго оттѣнка: онѣ одѣваются въ темную ситцевую юбку и кофту, на головѣ ситцевый московскаго издѣлія платокъ и только; впрочемъ нѣкоторыя по примѣру подолянокъ носятъ рубаху, вышитую чернымъ шелкомъ. Не знаю, чѣмъ объяснить такой упадокъ національнаго вкуса у здѣшнихъ молдаванокъ. Такъ какъ у насъ къ сожалѣнію нѣтъ еще ни одного полнаго собранія народныхъ орнаментовъ и существуетъ понынѣ только двѣ-три болѣе или менѣе удачныя попытки къ изученію народной орнаментики, и то большею частью ограниченныя весьма узкимъ райономъ, то я не имѣю возможности обставить научными доказательствами свои заключенія. На основаніи личнаго наблюденія народныхъ орнаментовъ среди малороссовъ и румынскихъ колонистовъ новороссійскаго края и затѣмъ среди подолянъ, я увѣренъ, что названный мною подольскимъ орнаментъ, т. е. какъ самый способъ шитья, такъ и рисунки, цѣликомъ перешелъ къ намъ отъ молдаванъ, а къ этимъ послѣднимъ, кажется, отъ придунайскихъ славянъ. Мы знаемъ, что въ самой Бессарабіи коренные жители вполнѣ удержали свои этнографическія особенности, между тѣмъ какъ молдаване въ Поднѣстровьи почти совсѣмъ оставили свою орнаментику. Неужели и въ такой глуши сказывается уже вліяніе

городскихъ модъ? Впрочемъ я уже слишкомъ увлекся этнографическими подробностями и злоупотребляю терпѣніемъ читателя; но будь что будетъ, «мы же на предняя возвратимся», какъ говоритъ почтенный южно-русскій лѣтописецъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ гуляющіе мало по малу разошлись по домамъ, на площади остались только еврейскія дѣти, игравшія на пескѣ, и долго еще раздавался ихъ веселый смѣхъ и своеобразный гортанный говоръ.

Вечеромъ квартира наша наполнилась посѣтителями—сюда явилось почти все еврейское населеніе Студеницы съ женами и дѣтьми; болѣе почетные, или тѣ, кто посмѣлѣе, пробрались въ комнаты и безъ церемоніи принялись перебирать и разсматривать всѣ наши вещи до послѣдней мелочи, но не съ любопытствомъ дикарей, а напротивъ съ видомъ знатоковъ. Другіе вылѣзли на завалинку передъ окнами и засыпали насъ вопросами: каждый интересовался узнать, зачѣмъ прибыли двое неизвѣстныхъ людей, расхаживавшихъ по мѣстечку безъ опредѣленной цѣли. Какъ ни старались мы объяснить, что путешествуемъ для собственнаго удовольствія, съ цѣлью познакомиться съ краемъ, посѣтители не могли повѣрить такому простому отвѣту, и мнѣнія раздѣлились: одни думали, что мы собираемъ свѣдѣнія относительно судоходства, и разсказывали о томъ, какъ прошедшею весною въ половодье проѣзжалъ по Днѣстру на пароходѣ адмиралъ Чихачевъ, измѣрявшій глубину рѣки; другіе принимали насъ за купцовъ, которые нарочно скрываются, желая выгоднѣе купить, что нужно; иные подозрѣвали въ насъ агентовъ какой нибудь фирмы, явившихся для закупки фосфоритовъ по примѣру австрійскихъ агентовъ, которые два года назадъ проѣхали съ этою цѣлью по всему Днѣстру. Наконецъ одинъ молодой, красивый еврей, выдѣлявшійся между всѣми остальными особенно умнымъ и выразительнымъ лицемъ и интелигентными вопросами, учитель мѣстной еврейской школы, рѣшилъ, что мы—люди науки, пріѣхавшіе сюда для собиранія какихъ-то научныхъ матеріаловъ, *«для практики»*, какъ онъ выразился, и большинство согласилось съ его мнѣніемъ.

Подъ конецъ намъ уже сильно надоѣли всѣ распросы и безцеремонное поведеніе посѣтителей, изъ которыхъ каждый считалъ

своимъ долгомъ пересмотрѣть всѣ лежавшія на столѣ вещи: компасы, карты, книги и др. и взять хоть по одной папироскѣ, такъ что оба мы сильно обрадовались, когда разошлись незванные гости и можно было отдохнуть. Въ слѣдующіе дни такія посѣщенія почти прекратились, только учитель да еще три-четыре еврея приходили каждый вечеръ побесѣдовать на часокъ.

На слѣдующее утро мы предполагали идти въ горы осматривать находящіяся въ нихъ пещеры, но оказалось, что на площади передъ нашими окнами собирается ярмарокъ. Хотя для студеницкихъ жителей это самый обыкновенный ярмарокъ, повторяющійся черезъ двѣ недѣли въ воскресенье, но для насъ онъ представлялъ возможность увидѣть мѣстные продукты, узнать цѣны, а главное—наблюдать нравы и составить себѣ представленіе о производительности округа, для котораго мѣстечко служитъ центромъ.

Площадь, залитая массой народа, двигающагося во всѣхъ направленіяхъ, представляла очень оригинальное зрѣлище. Вокругъ рынка размѣстились въ нѣсколько рядовъ крестьянки, въ лучшихъ праздничныхъ костюмахъ, съ мѣшками яицъ, фруктовъ, чесноку, съ вѣнками цыбули и другими овощами, иныя продавали живую птицу,—вообще главными продуктами сельскаго производства были разнаго рода съѣстные припасы; только двѣ-три крестьянки между прочимъ вынесли на продажу нѣсколько запасокъ и поясовъ. Особенно бросается въ глаза огромное количество фруктовъ: яблокъ, грушъ, сливъ и арбузовъ, занявшихъ почти половину площади, и необыкновенная ихъ дешевизна: я покупалъ прекрасныя, большія груши и яблоки самыхъ лучшихъ сортовъ по копѣйкѣ десятокъ, не торгуясь, и еще давали одну штуку въ придачу, а мѣстные евреи все покупаютъ въ половину дешевле. Не даромъ Студеница, по количеству производимыхъ въ ней фруктовъ, считается садомъ цѣлаго Подолья; все мѣстечко, исключая еврейской квартиры, утопаетъ въ садахъ, изъ которыхъ сухіе плоды расходятся чуть не по всѣмъ городамъ южной Руси.

Посреди площади расположились евреи со своими товарами: дешевыми платками, ситцами, лентами, сережками, грошевыми пряниками и т. д.; продавали молоденькія еврейки, между тѣмъ какъ отцы и матери разсѣялись по площади и ближайшимъ улицамъ между во-

зами, гдѣ стоялъ приведенный для продажи скотъ, и покупали рѣшительно все, что только можно купить. Мущины метались какъ угорѣлые между группами расположившихся съ товарами крестьянъ, торгуясь самымъ безбожнымъ образомъ, между тѣмъ какъ старыя *балабусты* съ важнымъ видомъ подходили къ продающимъ, спокойно прицѣнивались къ товарамъ, предлагали невозможную цѣну, уходили, встрѣтивши отказъ, снова возвращались, набавляя полъ гроша, и такъ до безконечности, пока не успѣвали купить желаемаго за безцѣнокъ.

Среди оживленной толпы, разумѣется, не было недостатка въ меткихъ, остроумныхъ выраженіяхъ и самыхъ отборныхъ ругательствахъ—безконечно разнообразныхъ варіантахъ на одну и ту-же тему, которыми поминутно пересыпался разговоръ на языкахъ: украинскомъ, румынскомъ и даже еврейскомъ, такъ какъ евреи всегда примѣшиваютъ въ свою рѣчь слова и даже цѣлыя фразы изъ мѣстныхъ нарѣчій. Въ густой толпѣ, покрывавшей площадь, сразу замѣчается одна особенность, отсутствіе одного изъ необходимыхъ элементовъ всѣхъ базаровъ и ярмарокъ на Украинѣ—полнѣйшее отсутствіе кобзарей, лирниковъ и даже обыкновенныхъ нищихъ. По словамъ Аѳанасьева-Чужбинскаго и въ его время, т. е. двадцать лѣтъ назадъ, въ Поднѣстровьи не замѣтно было ни лирниковъ, ни кобзарей, но все таки существовали правильно организованныя артели нищихъ, переходившія съ мѣста на мѣсто, теперь-же намъ пришлось видѣть ярмарки въ разныхъ мѣстахъ: въ Ярмолинцахъ, Жванцѣ, Студеницѣ, Старой-Ушицѣ и др., и нигдѣ не встрѣтилось ни одного нищаго. Не знаю, чѣмъ это объяснить; можетъ быть въ лѣтній сезонъ они уходятъ на заработки въ другія мѣста, какъ Почаевъ, Кіевъ и т. п.—Какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ всѣ видѣнныя нами въ Подольи ярмарки совершенно сходны между собою; поэтому я останавливаюсь на одномъ изъ нихъ, чтобы впредь не повторяться.

Около трехъ часовъ по полудни ярмарокъ перемѣнилъ характеръ: крестьяне распродали все привезенное и удалились въ корчму запивать *могорычи*, а женщины съ дѣтьми расхаживали между лотками, возлѣ которыхъ сидѣли евреи, успѣвшіе уже расположить только что купленные припасы вмѣстѣ съ своими товарами и про-

дававшіе ихъ вдвое дороже. Матери покупали дѣтямъ лакомства, дивчатамъ украшенія, торговля шла такъ бойко, что до вечера евреи, вѣроятно, успѣли возвратить съ процентами большую часть денегъ, истраченныхъ ими въ этотъ день.

Часовъ въ пять ярмарокъ началъ разъѣзжаться, возлѣ корчмы и винярни остались только студеницкіе граждане, которые гуляли до ночи, при чемъ произошло нѣсколько ссоръ, окончившихся дракою. Прибывшій на этотъ день урядникъ, которому подвѣдомственно мѣстечко, объяснилъ намъ, что молдаване въ пьяномъ видѣ большіе охотники до дракъ, иногда оканчивающихся смертью одного изъ спорящихъ. Потомки храбрыхъ Даковъ повидимому еще не совсѣмъ утратили воинственный характеръ своихъ предковъ. Я не имѣю достаточно матеріаловъ для того, чтобы представить полную исторію Студеницы, поэтому ограничусь нѣсколькими отрывочными свѣдѣніями, встрѣтившимися мнѣ въ историческихъ источникахъ относительно минувшей судьбы мѣстечка. О времени возникновенія мѣстечка Студеницы мнѣ не удалось найти точныхъ свѣдѣній ни въ польскихъ, ни въ русскихъ источникахъ; правдоподобно, возникло оно одновременно съ другими селами и мѣстечками во время колонизаціи XVI вѣка, а можетъ быть и того раньше. Во всякомъ случаѣ ни въ удѣльный, ни въ литовскій періодъ мы не встрѣчаемъ этого названія. Расположенное въ очень выгодной мѣстности, въ глубокой долинѣ, съ трехъ сторонъ защищенной высокими горами, на берегу судоходной рѣки, образующей здѣсь очень удобную пристань, по срединѣ между главнѣйшими промышленными и торговыми центрами западнаго Подолья, мѣстечко должно было заселиться очень быстро и сдѣлаться торговымъ центромъ для цѣлаго округа. Это значеніе оно удерживаетъ и до настоящаго времени.

Въ первый разъ Студеница упоминается въ источникахъ подъ 1633 г., какъ многолюдное и хорошо укрѣпленное мѣстечко, принадлежавшее брацлавскому воеводѣ, Станиславу Потоцкому. Въ 1633 г. Абассъ-паша съ сильною турецкою арміею вторгнулся въ предѣлы Подолья, но потерпѣлъ пораженіе отъ Конецпольскаго между Каменцемъ и Паневцами (въ концѣ октября), послѣ чего отступилъ обратно въ Молдавію, но на пути осадилъ Студеницу. Городъ защищали сами жители безъ помощи войска; при совер-

шенномъ почти отсутствіи боевыхъ припасовъ они въ теченіи трехъ дней отражали натискъ всей турецкой арміи. Наконецъ, потерявъ въ штурмахъ болѣе 1000 человѣкъ, турки сожгли и разграбили городъ и замокъ и удалились за Днѣстръ [1]). Въ награду за стойкое сопротивленіе непріятелю сеймъ, конституціею 1635 г., освободилъ жителей отъ всѣхъ податей и повинностей въ теченіи восьми лѣтъ, чтобы облегчить имъ возможность поправиться послѣ погрома и возстановить разрушенные дома. Съ своей стороны владѣлецъ также надѣлилъ жителей важными льготами. Въ силу полученныхъ привиллегій городъ быстро оправился, въ немъ поселились богатые купцы: армяне, греки и валахи, сильно поднявшіе его торговое значеніе. Они застроили рынокъ двухъ-этажными каменными домами въ восточномъ стилѣ, съ балконами, лавками и подвалами, какіе еще сохранились въ Каменцѣ, Могилевѣ и другихъ подольскихъ городахъ, въ которыхъ существовали колоніи восточныхъ купцевъ. Представители всѣхъ этихъ національностей имѣли здѣсь свои церкви, двое хорошо укрѣпленныхъ каменныхъ воротъ охраняли въѣздъ въ мѣстечко; сверхъ того здѣсь существовала переправа черезъ Днѣстръ, состоявшая изъ двухъ паромовъ и облегчавшая сообщеніе съ Молдавіей. Однимъ словомъ жизнь торговая и промышленная процвѣтала въ мѣстечкѣ, и Студеница славилась своими ярмарками, на которыя издалека пріѣзжали купцы съ товарами и собиралось дворянство изъ цѣлаго края [2]). Далѣе всѣ свѣдѣнія о Студеницѣ обрываются въ продолженіи болѣе 40 лѣтъ. Въ перечнѣ подымной подати подольскаго воеводства за 1678 г. здѣсь значится 20 дымовъ; въ это время мѣстечко принадлежало кіевскому воеводѣ Андрею Потоцкому.

Въ 1684 г. въ Могилевѣ приговоренъ козацкою радою и казненъ за бѣгство изъ табора, находившагося въ опасномъ положеніи въ буджацкой степи, гетманъ правобережной Украины, Куницкій. На мѣсто его выбранъ Могиленко, признанный и польскимъ правительствомъ и устроившій свою резиденцію въ Немировѣ. Гетманъ этотъ принималъ участіе въ борьбѣ поляковъ съ турками за обла-

---

[1]) Львовская лѣтопись, стр. 275. Kwiatkowski, Dzieje Władisława III, стр. 96.

[2]) Baliński i Lipiński—Starożytna Polska, т. II, стр. 953, 954.

даніе Подольемъ. Въ 1684 г. онъ во главѣ подвластныхъ ему козаковъ занялъ Студеницу, которая была снабжена укрѣпленіями; но Могиленко извѣстенъ былъ своею нерасторопностью и потому потерпѣлъ неудачу, которую описываетъ такими словами современникъ его гетманъ Самойловичъ въ письмѣ къ полковнику Новицкому: «волочаи оные, которые позабѣгали были на затяги ляцкіе, натрафили на честь подъ Студеницею зъ дурнымъ Могиленкомъ, гдѣ ихъ всѣхъ зъ мѣстечка въ поле турки каменецкіе зъ татарами и черемисами выманивши, до килька тысячей вытяли; тылько Могиленко зъ трыдцатьма или большей человѣками въ лѣсъ нѣкоторый удризавши, пришелъ живо до Немирова». Раздраженные этой неудачей, козаки чуть было не убили Могиленка, а затѣмъ четыре тысячи изъ нихъ оставили польскую службу и ушли на лѣвый берегъ Днѣпра [2]).

Не смотря на разноплеменный составъ своего населенія, Студеница всегда живетъ одними интересами съ народонаселеніемъ цѣлаго края. Такъ, во время возстанія крестьянъ, вспыхнувшаго въ Подоліи въ 1702 г. по призыву Самуся и Палія, жители Студеницы приняли въ немъ дѣятельное участіе; узнавъ, что козаки заняли Баръ, студеничане отправили къ нимъ депутацію съ изъявленіемъ готовности примкнуть къ движенію. Депутацію составляли: студеницкій православный священникъ Азва (вѣроятно молдованъ по происхожденію) и представители мѣщанъ: Шафранникъ и Михайло Лысый. По призыву этихъ нотаблей отрядъ козаковъ отправился изъ Бара въ Студеницу; къ нему примкнули многіе жители какъ самой Студеницы, такъ и сосѣдняго мѣстечка Китайгорода, а равно и окрестныхъ селъ; мѣстные шляхтичи и евреи были перебиты или изгнаны, имущество ихъ разграблено. Одинъ изъ евреевъ, Шлёма Ирхимовичъ, жаловался впослѣдствіи, что возставшіе студеничане разорили его винокуренный заводъ, ограбили имущество и убили сына, трупъ котораго бросили на съѣденіе собакамъ [3]).

Въ то время Студеница съ прилегавшимъ къ ней округомъ принадлежала кіевскому воеводѣ Іосифу Потоцкому, который пріоб-

[1]) Книга гродская Каменецкая (рукопись кіевскаго центральнаго архива) № 3637, листъ 42.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. V, стр. 177.

[3]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. II, стр. 535, 536.

рѣлъ громкую извѣстность среди современниковъ необыкновенною жестокостью въ усмиреніи помянутаго крестьянскаго возстанія; зная нравъ своего владѣльца и справедливо опасаясь съ его стороны кровавыхъ репрессалій, принимавшіе участіе въ возстаніи жители Студеницы спаслись бѣгствомъ въ Бессарабію. Сеймикъ подольскій требовалъ неоднократно отъ молдавскаго господаря выдачи этихъ бѣглецовъ, а также возвращенія скота, угнаннаго ими въ Молдавію изъ экономіи Потоцкаго, но всѣ его представленія остались безъ успѣха[1]).

Вскорѣ послѣ усмиренія возстанія Студеницѣ пришлось испытать новое общественное бѣдствіе, поразившее цѣлый край. Послѣ перехода въ унію каменецкаго епископа Іосифа Шумлянскаго, когда началось насильственное обращеніе въ унію всѣхъ православныхъ жителей Подолья, студеницкая церковь, подобно всѣмъ другимъ, была обращена въ уніатскую; священникъ Азва ушелъ въ Молдавію, а на его мѣсто назначенъ уніатъ Ѳедоръ Буцко. Но религіозное отступничество не гарантировало отъ шляхетскаго насилія ни церкви, ни священника. 17 мая 1704 г. священникъ Ѳедоръ Буцко заявилъ передъ урядомъ жалобу на то, что управляющій имѣніемъ Потоцкаго, шляхтичъ Валентинъ Залескій, по неизвѣстной причинѣ опечаталъ церковь, разогналъ собравшихся для молитвы прихожанъ, а самаго священника осыпалъ бранными словами и угрозами лишить его жизни[2]).

Отношеніе польскаго дворянства къ уніи не измѣнилось въ теченіи всего XVIII ст.; считая эту вѣру только переходною ступенью для перевода жителей въ католичество, шляхтичи не переставали при каждой возможности оскорблять и унижать эту вѣру и насмѣхаться надъ русско-уніятскимъ духовенствомъ. Перечисляя многочисленные факты такого рода, случившіеся между 1758 и 1765 гг., уніятскій каменецкій епископъ между прочимъ говоритъ: «Господинъ Окульскій, управляющій студеницкимъ имѣніемъ, безпрестанно ругается надъ русскими священниками; онъ позоритъ ихъ, заявляя публично, что они схизматики и что вѣра ихъ хуже еврейской. Онъ, между прочимъ, приказалъ слугамъ своимъ отнять

---

[1]) Ibid., стр., 560.

[2]) Ibid., ч. I, т. IV, стр. 237.

лошадь у приходскаго священника села Теремецъ[1]); паходки его, вскакивая на эту лошадь, гоняли ее то туда, то сюда мимо священника, насмѣхаясь надъ нимъ, пока не искалечили коня»[2]). Правдоподобно, такое положеніе продолжалось до возстановленія православія въ своихъ правахъ во всемъ юго-западномъ краѣ.

Во второй половинѣ XVIII ст. Студеницѣ пришлось испытать послѣднее общественное бѣдствіе, постигшее край. Моровая язва, опустошавшая все Подоліе въ 1770 г., и политическія волненія въ краѣ, случившіяся въ тоже время, посѣтили и Студеницу и уничтожили значительную часть ея населенія. Мѣстечко пришло въ упадокъ; этимъ воспользовались евреи и въ большомъ количествѣ начали селиться здѣсь на мѣсто восточныхъ купцевъ, частью погибшихъ отъ чумы, частью оставившихъ мѣстечко, отъ чего крупная торговля все больше исчезала и замѣнялась мелкими оборотами. Новый владѣлецъ, ушицкій староста Станиславъ Садовскій, которому досталась Студеница, сдѣлалъ попытку оживить мѣстную торговлю, исхлопотавши у сейма въ 1774 г. привиллегію на три ярмарки въ году[3]). О дальнѣйшей судьбѣ мѣстечка мы не имѣемъ свѣдѣній,— относящіеся къ нему документы должны храниться въ общественныхъ и частныхъ архивахъ. Кажется, оно никогда не пользовалось самоуправленіемъ, по крайней мѣрѣ неизвѣстно, чтобы когда нибудь сеймъ выдалъ ему привиллегію на магдебургское право.

Вотъ и все, что удалось мнѣ собрать о бытѣ студеничанъ въ старое, но не совсѣмъ доброе время.

Студеница и въ настоящее время считается самымъ значительнымъ торговымъ центромъ между Жванцемъ и Могилевомъ, но уже отъ армянъ, грековъ и валаховъ не осталось и слѣда: они или выселились отсюда послѣ 1770 года въ другія мѣста, или, можетъ быть, ассимилировались съ мѣстными жителями—украинцами, утративши свой языкъ, обычаи и весь свой этнографическій типъ, подобно тому, какъ это случилось въ Каменцѣ, Могилевѣ и т. д. Отъ старины уцѣлѣли только два-три дома съ балконами и мезо-

---

[1]) Село на рѣкѣ того-же имени, верстахъ въ пяти къ сѣверо-востоку отъ Студеницы.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. IV, стр. 543.

[3]) Baliński i Lipiński—loc. cit.

винами, которые уже не поддерживаются жителями и мало по малу разрушаются.

Въ настоящее время населеніе Студеницы состоитъ изъ евреевъ, которые составляютъ меньшинство и всѣ безъ исключенія занимаются какою нибудь торговлею (сколько мнѣ удалось замѣтить, большой спеціализаціи въ этомъ случаѣ нѣтъ: каждый покупаетъ все, что попадется подъ руку и продаетъ, кодда представится выгодный случай), и крестьянъ, занимающихся хлѣбопашествомъ и отчасти другими сельскими промыслами. Изъ нихъ наиболѣе доходнымъ является садоводство, такъ какъ при каждой хатѣ находится обширный садъ, съ котораго выручаются порядочныя деньги, не смотря на чрезвычайную дешевизну фруктовъ; сверхъ того многіе изъ крестьянъ имѣютъ еще сады въ горахъ. Другое занятіе, также довольно выгодное, представляетъ разведеніе аниса; почти при каждой хатѣ значительную часть огорода засѣваютъ этимъ растеніемъ, отъ котораго по всей улицѣ разносится сильный, одуряющій запахъ. Зерна аниса закупаются австрійскими винокурами, при посредствѣ мѣстныхъ евреевъ, отъ шести до десяти рублей за корецъ. Впрочемъ крестьяне находятъ, что въ прежнее время промыселъ этотъ приносилъ больше дохода: теперь всѣ занялись разведеніемъ аниса, а между тѣмъ спросъ на него за послѣдніе годы уменьшился, и приходится продавать зерно по болѣе низкой цѣнѣ, такъ что едва окупаются расходы и трудъ. Анисъ, по мѣстному произношенію *ганыш*, требуетъ большаго ухода: его нужно часто поливать въ первое время послѣ всходовъ и выпалывать раза три-четыре за лѣто. Намъ приходилось еще видѣть на огородахъ небольшія плантаціи табаку, простаго и турецкаго, но здѣсь повидимому его разводятъ больше для собственнаго употребленія, чѣмъ для продажи. Чѣмъ ниже по Днѣстру, тѣмъ чаще попадаются табачныя плантаціи, иногда занимающія довольно значительныя пространства, но вообще эта отрасль промышленности болѣе развита на бессарабскомъ берегу; тутъ сѣются лучшіе сорта турецкаго табаку, который потомъ расходится по всей Россіи и въ продажѣ выдается за турецкій.

Наконецъ изъ мѣстныхъ промысловъ можно еще отмѣтить рыболовство. Впрочемъ въ Студеницѣ, какъ и по всему теченію Днѣстра до самаго лимана, занятіе это не представляетъ правильно

организованнаго промысла и носитъ больше случайный характеръ. Въ Днѣстрѣ водятся хорошіе сорта рыбъ: щука, марена, судакъ, сомъ, даже стерлядь и др.; при многочисленности евреевъ въ городахъ и мѣстечкахъ спросъ на рыбу весьма значительный и главное постоянный, а между тѣмъ рыбная ловля производится самымъ первобытнымъ образомъ. Нѣтъ настоящихъ рыбаковъ, которые бы ловили рыбу въ надлежащее время и заготовляли на зиму; каждый желающій изъ крестьянъ, запасшись лодкою, можетъ отправиться на рѣку и ловить сколько угодно, въ пятницу вся рыба раскупается евреями и на слѣдующую недѣлю снова нужно отправляться на ловлю. При такихъ порядкахъ рыбная ловля производится во всѣ времена года; рыба не имѣетъ возможности спокойно расти и размножаться, поэтому количество ея изъ года въ годъ уменьшается. Намъ вездѣ приходилось выслушивать жалобы жителей на то, что рыбы становится все меньше, что она уходитъ въ море; одни объясняютъ это тѣмъ, что въ прошедшемъ году по Днѣстру прошелъ пароходъ и напугалъ рыбу, хотя пароходъ прошелъ всего одинъ разъ во время самаго сильнаго разлива, а между тѣмъ галяры и плоты ходятъ цѣлое лѣто, и никто не думаетъ, что они могутъ тревожить водяное населеніе; по мнѣнію другихъ причиною тому являются попытки къ уничтоженію пороговъ, которые будто-бы задерживали огромную массу воды, а съ нею вмѣстѣ и рыбу.—Разумѣется, такія мнѣнія слишкомъ наивны: дѣло не въ пароходахъ или порогахъ, которые такъ незначительны, что совсѣмъ не могутъ задерживать воду, а въ слишкомъ примитивномъ способѣ рыболовства, которое и двадцать лѣтъ назадъ было въ такомъ-же точно состояніи, судя по описанію Аѳанасьева-Чужбинскаго. Почти въ такомъ-же состояніи находится этотъ промыселъ и въ нашихъ рѣкахъ, и уже не далеко то время, когда нужно будетъ искусственно разводить рыбу въ садкахъ, какъ это дѣлается уже за границей.—Впрочемъ, часть жалобъ на уменьшеніе количества рыбы можно отнести на счетъ повсемѣстно господствующаго убѣжденія, будто въ старину все было лучше и обильнѣе, чѣмъ теперь.

Просматривая различные источники, относящіеся къ Студеницѣ, мы узнали, что въ *Бѣлой горѣ* существуетъ огромная пещера, въ которой могли помѣститься 15,000 человѣкъ. Разумѣется нужно было осмотрѣть ее; хотя авторъ «Очерковъ Днѣстра» не

нашелъ въ ней ничего замѣчательнаго и рѣшилъ, что пещерк не заслуживаетъ вниманія; но вѣдь въ такихъ случаяхъ все зависитъ отъ субъективнаго впечатлѣнія, поэтому мы взяли проводника и отправились.

Тотчасъ по выходѣ изъ мѣстечка начинается подъемъ на гору, по которому проходитъ дорога въ с. Бакоту; на право отъ дороги возвышается *Бѣлая* гора, поросшая съ этой стороны дерномъ и усѣянная известковыми скалами, выходящими прямо изъ земли; мало по малу земля сползаетъ въ долину и обнажаетъ залегающія подъ нею каменныя породы. Гора съ этой стороны на столько крута, что подыматься прямо слишкомъ тяжело, нужно идти по тропинкѣ, проложенной пастухами, которая вьется зигзагами по склону горы. Южная сторона *Бѣлой* горы, обращенная къ рѣкѣ, представляетъ въ верхней своей части почти отвѣсный обрывъ са двумя карнизами, сажень около тридцати въ вышину; нижняя часть имѣетъ болѣе пологій склонъ, образовавшійся изъ осыпи земли и камней съ вершины горы, но стоя на вершинѣ, кажется, будто подъ вами совершенно отвѣсная стѣна, опускающаяся прямо въ Днѣстръ. Со стороны рѣки гора достигаетъ болѣе 70 сажень въ вышину; на всемъ ея протяженіи вдоль берега обнажаются пласты бѣловатаго известняка, залегающаго до самаго основанія горы, отъ котораго она и получила свое названіе.

Въ верхней части горы находится не одна, а цѣлыхъ пять или шесть пещеръ, расположенныхъ въ два ряда другъ подъ другомъ, съ обращенными на югъ выходами. Поднявшись на самую вершину, надо снова спускаться съ обрыва, цѣпляясь за скалы, рискуя при первомъ неосторожномъ шагѣ скатиться въ пропасть и сломать шею; съ каждымъ шагомъ подъ ногами осыпаются мелкіе камни и случается, что скала, за которую хочешь удержаться, начинаетъ очень подозрительно пошатываться, надо скорѣе искать другой опоры; стараешься ступать какъ можно легче и выходитъ еще хуже. Отъ непривычки ходить по такимъ крутизнамъ, дѣйствующимъ на нервы самымъ непріятнымъ образомъ, у обоихъ насъ закружилась голова и безъ помощи проводника мы легко могли очутиться внизу раньше и не въ такомъ видѣ, какъ-бы хотѣлось; проводникъ нашъ, мѣстный крестьянинъ, шелъ спокойно, какъ по ровному, по самымъ невѣроятнымъ стремнинамъ, уступая намъ луч-

шія мѣста, и разсказывалъ въ видахъ успокоенія, какъ онъ зимою гоняется за лисицами по этимъ горамъ.

Наконецъ, обогнувъ послѣдній и самый опасный утесъ, мы у входа въ пещеру. Это обширный гротъ, или вѣрнѣе рядъ гротовъ, надъ которыми расположенъ другой рядъ пещеръ. Ихъ входъ, обращенный къ югу, большею частью такъ низокъ, что войти въ пещеру можно только ползкомъ; спустя три-четыре аршина своды постепенно повышаются, такъ что можно уже выпрямиться во весь ростъ, затѣмъ идутъ болѣе или менѣе обширныя камеры и развѣтвляющіеся, извилистые корридоры; средняя высота ихъ отъ 1,30 до 2,50 метровъ; величина пещеръ отъ 6,35 до 15 метровъ въ длину на 2,50—6,50 метровъ въ ширину, корридоры еще длиннѣе, но гораздо уже. Вообще размѣры гротовъ и пещеръ незначительны; если даже допустить, что часть ихъ могла обрушиться, то все таки нельзя повѣрить, чтобы въ нихъ могли помѣститься 15,000 человѣкъ.

Въ настоящее время они служатъ убѣжищемъ для пастуховъ и овецъ, застигнутыхъ непогодою, чѣмъ и объясняется присутствіе въ нихъ угля, золы, остатковъ кукурузы, костей и т. д.,—это пастухи готовили себѣ пищу. Въ зимнее время пещеры служатъ пріютомъ для лисицъ, зайцевъ и другихъ звѣрей, за которыми охотятся мѣстные жители.

Дно пещеръ покрываетъ толстый слой мусора и камней, иногда весьма крупныхъ, обрушившихся изъ сводовъ, и по мѣстамъ мягкая почва и щебень, происшедшіе отъ вывѣтрыванія той же скальной породы. Раскапывая этотъ наносной слой, намъ удалось отыскать на днѣ десятка два кремневыхъ орудій, довольдо грубой отдѣлки; между ними заслуживаютъ вниманія: ножи, скребки и острія, которыя могли служить наконечниками для стрѣлъ. Находка эта чрезвычайно заинтересовала насъ—становилось ясно, что мы попали въ жилище людей каменнаго вѣка; оставалось только продолжать изслѣдованіе. Принявшись со вниманіемъ осматривать всѣ склоны горы, мы собрали въ короткое время до двухсотъ кремневыхъ отбитыхъ орудій палеолитической эпохи, въ числѣ ихъ наибольшее количество экземпляровъ представляли ножи и скребки—орудіе мирныхъ жителей; боевыхъ орудій—копій, стрѣлъ и т. п. почти не оказалось, но украшеніемъ коллекціи было прекрасно

отполированное кремневое долото, несомнѣнно относящееся къ послѣднему періоду каменнаго вѣка.

Итакъ мы изъ туристовъ случайно сдѣлались археологами и моя завѣтная мечта дѣлать открытія могла наконецъ до нѣкоторой степени осуществиться: можно заняться открытіями въ области археологіи, благо Подолье почти совсѣмъ не обслѣдовано въ этомъ отношеніи. Это занятіе, вносившее новый интересъ въ нашу богатую впечатлѣніями жизнь, такъ понравилось, что мы рѣшились раскопать группу кургановъ, расположенныхъ у самаго обрыва на вершинѣ той-же горы, прямо надъ пещерами. По словамъ старожиловъ, лѣтъ сорокъ назадъ вся гора была покрыта дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ находился огромный могильникъ; въ настоящее время отъ лѣса и слѣда не осталось, а большая часть могилъ раскопана; уцѣлѣла только небольшая группа надъ обрывомъ по причинѣ каменистаго грунта.

Препятствій для раскопки не встрѣтилось и можно было приняться за работу. Впрочемъ на этотъ разъ открытіе было незначительное: всѣ курганы обложены въ нѣсколько рядовъ неотесанными кусками того камня, изъ котораго состоитъ гора; въ каждомъ найдено по два скелета, обращенные головою на западъ, въ склепахъ изъ дубовыхъ брусьевъ, на рукахъ у каждаго бронзовыя кольца, на ногахъ сафьянные башмаки съ острыми носками, совершенно аналогичные съ тѣми, какіе теперь носятъ татары; другихъ предметовъ не оказалось. Одинъ изъ скелетовъ каждой могилы былъ мужескій, другой принадлежалъ повидимому молодой женщинѣ. Если не считать положенія скелетовъ, то мы не имѣемъ вѣскихъ доказательствъ въ пользу языческаго или христіанскаго погребенія въ курганахъ. Правдоподобно мы имѣли дѣло съ могилами не слишкомъ древними, относящимися, вѣроятно, ко времени турецкаго господства въ Подоліи (въ концѣ XVII ст.), или можетъ быть къ тому времени, когда послѣ Батыева нашествія въ южномъ Подоліи кочевала татарская орда, которой поручено было наблюденіе надъ галицкимъ княжествомъ и съ которою прекрасно уладились мѣстные жители. Разъ заинтересовавшись древностями, мы осмотрѣли глубокій оврагъ, который отрѣзываетъ *Бѣлую* гору отъ *Монастыриська* и въ которомъ, какъ сообщили крестьяне, находятъ кости *велетня* (великана); дѣйствительно въ одной изъ стѣнъ

оврага мы замѣтили инкрустированныя въ желтой глинѣ кости мамонта: клыкъ и нѣсколько реберъ, но вынуть ихъ не было возможности, такъ какъ глина сдѣлалась отъ засухи крѣпкою, какъ камень и даже съ трудомъ поддавалась лому. Во время сильныхъ дождей эти кости въ большомъ количествѣ вымываетъ водою изъ оврага. Вокругъ мамонтовыхъ реберъ разбросано множество кремневыхъ осколковъ, изъ нихъ нѣкоторыя также напоминали отбивныя орудія.

При малочисленности историческихъ извѣстій о Студеницѣ, археологія какъ нельзя болѣе кстати явилась на помощь, чтобы пополнить собою пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ относительно минувшей жизни мѣстечка: теперь, на основаніи случайныхъ находокъ, мы можемъ сказать съ достовѣрностью, что на территоріи нынѣшней Студеницы жили люди еще въ самое отдаленное время, т. е. въ оба періода каменнаго вѣка, и затѣмъ въ удѣльно-вѣчевой или ближайшій послѣ него періодъ. Можетъ быть съ той поры поселеніе существовало непрерывно до того времени, когда начинаются о немъ документальныя свѣдѣнія; но лучше воздержимся отъ легкихъ гипотезъ, которыми и безъ того страдаетъ наша литература, и воротимся къ нашему мамонту.

По другую сторону оврага тянется полукруглая гора *Монастырисько*, получившая свое названіе отъ бывшаго здѣсь нѣкогда монастыря, въ которомъ хранился чудотворный образъ Богородицы, пользовавшійся большимъ почетомъ не только въ Подоліи, но и въ румынскихъ господарствахъ. Теперь не осталось и слѣда какихъ нибудь развалинъ на мѣстѣ древняго монастыря, разрушеннаго, правдоподобно, во время турецкаго погрома въ концѣ XVII вѣка. У вершины горы беретъ начало источникъ, не замерзающій въ самые сильные морозы; чистая, прозрачная, какъ самый воздухъ, *кирниця*, пробѣгая по скальному грунту, весьма живописно спадаетъ съ уступа на уступъ, тихо журча и напоминая небольшой водопадъ, вырывшій въ одномъ мѣстѣ нѣчто въ родѣ резервуара въ скалѣ. Вода этого источника, свѣжая и чрезвычайно пріятная на вкусъ, проведена въ еврейскую *горальню* (винокурню), гдѣ она приводитъ въ движеніе механизмъ.

Разставаясь съ м. Студеницею, оставившею въ насъ самое пріятное воспоминаніе, можно еще упомянуть о томъ, съ какимъ живымъ интересомъ относилось населеніе къ нашимъ археологи-

ческимъ изысканіямъ. Особенно занимали они евреевъ; едва только мы воротимся изъ экскурсіи, какъ въ ту-же минуту комната наполняется евреями, всѣ съ любопытствомъ разсматриваютъ каждую принесенную древность и, пока мы съ товарищемъ дѣлаемъ необходимые комментаріи одной группѣ, нашъ хозяинъ и его хорошенькая сестра, уже успѣвшіе выспросить все, что нужно, объясняютъ по своему другимъ тоже самое и почти всегда вѣрно. Особенно приводили въ недоумѣніе нашихъ посѣтителей каменныя орудія; многіе не хотѣли видѣть въ нихъ ничего, кромѣ простыхъ осколковъ кремня, и для доказательства рѣзали стекло и высѣкали огонь; другіе думали, что мы будемъ добывать изъ нихъ золото. Наконецъ большинство согласилось признать истину только послѣ того, какъ я замѣтилъ, что подобныя орудія упоминаются въ библіи, и учитель подтвердилъ мои слова. Тогда одинъ изъ евреевъ пресерьезно началъ распрашивать, по чемъ можно продать тотъ или другой осколокъ, и ни за что не хотѣлъ повѣрить, что отдѣльные экземпляры не имѣютъ цѣны. «Аже вы збираете кременчики и за провозъ заплатите, то вже-жъ воно на щось потрибне».—Понимая, что мы интересуемся древностями, учитель сообщилъ, что вблизи мѣстечка существуетъ древнее кладбище, на которомъ сохранились каменные памятники съ еврейскими надписями X ст. Къ сожалѣнію мы не могли провѣрить это интересное сообщеніе по незнанію еврейскаго языка и могли только указать адресы гг. Гаркави и Хвольсона, занимающихся изслѣдованіемъ подобныхъ памятниковъ.

К. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
1821—1846 годъ.

(Конецъ XVI главы и 1-й части)[1].

Въ Кіевъ я пріѣхалъ въ самый разгаръ контрактовъ и по затрудненію найти постоянное удобное помѣщеніе остановился у дяди въ Кинь-грусти. Мнѣ тамъ было очень хорошо, каждый день утромъ ѣздилъ я въ городъ, къ обѣду возвращался къ дядѣ, разсказывалъ ему мои путешествія, новости, читалъ газеты.

Бибиковъ принялъ меня весьма любезно и остался очень доволенъ моей просьбой принять на службу подъ его начальствомъ по административному вѣдомству; на прошеніи написалъ: опредѣлить немедленно, и сказалъ, чтобы я съѣздилъ къ правителю канцеляріи Писареву и съ нимъ переговорилъ бы о занятіяхъ на первое время въ канцеляріи до открытія вакансіи на штатную должность.

Писаревъ былъ тогда всемогущимъ человѣкомъ въ администраціи генералъ-губернатора; хотя и ходили довольно неблагопріятные слухи о причинахъ его вліянія и на счетъ нравственныхъ его качествъ, тѣмъ не менѣе, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ Бибикова, Писаревъ пользовался въ Кіевѣ большимъ почетомъ и игралъ не послѣднюю роль. Писаревъ былъ очень радъ меня видѣть, наговорилъ мнѣ много любезностей, съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ о матушкѣ, съ которой познакомился въ деревнѣ, посѣщая родичей своей супруги, и въ за-

[1]) См. „Кіевская Старина", 1884 г., августовск. кн., стр. 609—626.

ключеніе сказалъ: «не вамъ къ намъ проситься, а намъ васъ просить на службу. Потрудитесь заѣхать завтра, опредѣленіе ваше будетъ подписано, а для знакомства съ дѣлами я бы вамъ совѣтовалъ поступить въ секретное отдѣленіе канцеляріи, гдѣ сосредоточены всѣ важныя дѣла подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ».

Въ тотъ же день я былъ у Софіи Гавриловны Писаревой съ визитомъ; она приняла меня, какъ стараго знакомаго и близкаго роднаго: братъ ея былъ женатъ на моей старшей сестрѣ. Добрая, превосходная Софія Гавриловна сдѣлала на меня самое благопріятное впечатлѣніе, и съ перваго свиданія мы стали друзьями. Она не отличалась особеннымъ умомъ, воспитаніе ея было также довольно посредственное— институтское прежнихъ лѣтъ, но добродушіе, привѣтливость, чисто женская сердечность и замѣчательно красивая наружность дѣлали ее въ высшей степени симпатичною.

Писаревъ, получившій воспитаніе въ московскомъ благородномъ пансіонѣ, былъ мнѣ не по сердцу; въ его маленькой фигурѣ, въ его свѣтло голубыхъ, стеклянныхъ глазахъ, свѣтившихъ умомъ и фальшью, было что-то отталкивающее, антипатичное, но первое впечатлѣніе бываетъ иногда обманчиво, думалъ я.

31 января 1844 года я былъ зачисленъ на службу въ секретное отдѣленіе канцеляріи генералъ-губернатора и для ознакомленія со служебными порядками поступилъ въ распоряженіе М. А. Андреевскаго, завѣдывавшаго политическими дѣлами.

Славный человѣкъ былъ этотъ Андреевскій. Не получившій высшаго образованія, онъ служилъ еще при Левашовѣ и Гурьевѣ, отлично зналъ канцелярскій порядокъ, писалъ дѣловыя бумаги кратко, ясно, отчетливо, быстро изучалъ дѣло и давалъ ему вполнѣ законное и справедливое направленіе. Это былъ настоящій труженикъ и главный дѣятель секретнаго отдѣленія. Писаревъ читалъ черновые доклады, исправлялъ редакцію, а иногда и совершенно измѣнялъ проэктированныя Андреевскимъ распоряженія и всегда самъ отправлялся съ докладами къ Бибикову.

Какъ я уже сказалъ, въ секретномъ отдѣленіи Писаревъ сосредоточилъ всѣ важныя и интересныя дѣла; для многочисленныхъ текущихъ

дѣлъ, не представлявшихъ особенной важности, существовала общая канцелярія генералъ-губернатора; управляющимъ былъ номинально дежурный штабъ-офицеръ полковникъ Стоговъ, производили дѣла и докладывали Бибикову секретари отдѣленій: хозяйственнаго, суднаго и полицейскаго.

Общая канцелярія помѣщалась въ городскомъ домѣ, противъ дома генералъ-губернатора, секретная въ верхнемъ этажѣ занимаемой Писаревымъ квартиры, въ институтскомъ домѣ, такъ какъ Писаревъ состоялъ и правителемъ дѣлъ совѣта института благородныхъ дѣвицъ и потому пользовался обширнымъ казеннымъ помѣщеніемъ.

Послѣ контрактовъ я нанялъ флигель въ три комнаты съ передней, при домѣ г-жи Марковичевой, въ Линкахъ. Моя прислуга состояла изъ лакея, повара и кучера; я держалъ дрожки и пару лошадей. Сдѣлалъ нѣсколько оффиціальныхъ визитовъ, но съ обществомъ не знакомился. Ходилъ каждый день въ канцелярію, просиживалъ въ ней до трехъ часовъ и возвращался домой, захвативъ для просмотра и изученія нѣсколько дѣлъ. Вечера всегда проводилъ дома и, окончивъ служебныя занятія, посвящалъ остальное время музыкѣ. У меня былъ хорошій вѣнскій рояль и много музыкальныхъ идей; я занялся окончаніемъ начатой мною въ Малагѣ фантазіи на еврейскій мотивъ. Изъ нея вышла небольшая, но оригинальная и трогательная по своему грустному колориту увертюра, которую я назвалъ Noëmi; она была посвящена памяти моей незабвенной Наимы.

Насталъ вскорѣ великій постъ, я говѣлъ въ лаврѣ, въ церкви на покояхъ. Митрополитъ Филаретъ обласкалъ меня; я заходилъ къ нему часто послѣ обѣдни. Простой, на видъ нѣсколько суровый, Филаретъ былъ человѣкомъ правды и добра, іерархомъ благодушнымъ и мягкосерднымъ, христіаниномъ въ лучшемъ, самомъ высокомъ значеніи этого слова. Его безъискуственная, задушевная рѣчь, его теплая вѣра, твердое упованіе на благость Провидѣнія и устроеніе Господомъ всего ко благу неотъемлемому, къ жизни вѣчной, были такъ убѣдительны, такъ глубоко проникали въ разбитое мое сердце, что я съ истиннымъ наслажденіемъ проводилъ часъ, другой въ бесѣдѣ съ добродѣтельнымъ представителемъ нашей церкви. Въ немъ видѣлъ я не митрополита, а по истинѣ пастыря добраго.

Въ частной жизни своей Филаретъ отличался первобытной христіанской простотой: получая весьма значительное содержаніе, раздавалъ все нищимъ.

Исповѣдывался я у схимника Пароенія; онъ былъ схимонахомъ, жилъ въ лаврѣ, пользовался большимъ уваженіемъ какъ митрополита, такъ и всѣхъ кіевлянъ. Самой строгой жизни, чисто затворнической, Пароеній принималъ иногда приношенія, но въ тотъ-же день отдавалъ всѣ полученныя деньги и вещи бѣднымъ.

Доброе сѣмя, посѣянное въ сердцѣ человѣка, приноситъ всегда свой плодъ. Такъ было и со мною. Религіозное чувство, взлелѣянное съ дѣтства во мнѣ несравненной моей матушкой, не уступило критическому взгляду на дѣло вѣры и чтенію антирелигіозныхъ книгъ, не поддалось наплыву идеи невѣрія.

Въ молитвѣ—утоленіе печали, въ вѣрѣ—надежда и утѣшеніе.

Настала весна, природа оживилась, а съ нею и я какъ-бы ожилъ. Въ дни свободные отъ служебныхъ занятій, я ѣздилъ въ Кинь-грусть или отправлялся пѣшкомъ въ отдаленныя окрестности города. Любимымъ моимъ мѣстомъ сдѣлался выдубицкій монастырь, расположенный на высокой горѣ надъ Днѣпромъ; кругомъ густой, тѣнистый лѣсъ, въ оградѣ монастырской кельи настоятеля и монаховъ, двѣ церкви, третья въ трапезѣ, и кладбище. Изъ бесѣдки, построенной надъ обрывомъ, чудный видъ на Днѣпръ и на теряющіеся въ отдаленномъ горизонтѣ сосновые лѣса черниговской губерніи, между ними кое-гдѣ мелькаютъ деревушки и хутора съ бѣлыми домиками и колокольнями сельскихъ церквей.

Бывало, придешь въ Выдубицкій и нѣсколько часовъ просидишь въ бесѣдкѣ, или на одной изъ окрестныхъ горъ; съ послѣдней видъ еще лучше, въ чертѣ Днѣпра и синей дали, въ другую сторону разстилается предъ вами Кіевъ, съ его золочеными куполами церквей и высокой лаврской колокольней.

Ѣзжалъ я также въ Голосѣевъ, лѣтнее мѣстопребываніе митрополита. Тамъ Филаретъ велъ жизнь отшельническую и не принималъ почти никого. Я имѣлъ дозволеніе бывать въ его церкви и заходить къ нему послѣ обѣдни. Нерѣдко митрополитъ водилъ меня по саду и въ лѣсу,

изъ котораго въ одномъ мѣстѣ открывался чудный видъ на Кіевъ. Посѣщалъ я иногда и китаевскую пустынь, замѣчательную своимъ мѣстоположеніемъ, необыкновенно роскошной растительностью вѣковыхъ деревьевъ въ обширномъ и дремучемъ лѣсу и прудами изъ ключевой воды. Здѣсь пробѣливаютъ воскъ для церковныхъ свѣчей, а внѣ монастырской ограды около церкви хоронятъ лаврскихъ монаховъ.

На охоту я не ходилъ, исполняя обѣтъ, данный мною не употреблять оружія безъ настоятельной въ немъ надобности.

Личныя мои отношенія съ Писаревыми были очень хороши. Софія Гавриловна въ особенности благоволила ко мнѣ, часто приглашала обѣдать. У Писарева проводилъ изрѣдка вечера; въ его кабинетѣ собиралось пять, шесть человѣкъ, говорили о разныхъ предметахъ часовъ до 10-ти, а въ 10-ть, когда садились за карточный столъ, я уходилъ домой. На путешественника, изъѣздившаго всю Европу, въ то время смотрѣли съ уваженіемъ и нѣкотораго рода завистью. Разсказъ мой слушали охотно и съ вниманіемъ, болѣе всего интересовались Парижемъ; объ Испаніи никто не имѣлъ никакого понятія, и заставляли меня часто возвращаться къ этой странѣ.

По службѣ сначала все шло хорошо, я быстро постигъ канцелярскую премудрость и былъ въ состояніи вести и отписывать дѣла вполнѣ удовлетворительно. Мой способъ изложенія очень нравился Писареву, но въ сущности дѣлъ, въ ихъ направленіи и разрѣшеніи мы отчасти расходились, и вскорѣ я убѣдился, что на этомъ пути мы никогда не сойдемся. И неудивительно, въ каждомъ дѣлѣ Писаревъ искалъ личной пользы и находилъ ее. Коль скоро дѣло представляло извѣстный интересъ, можно было быть увѣреннымъ, что оно получитъ направленіе, согласное съ большей или меньшей степенью ходатайства у всемогущаго правителя канцеляріи. Андреевскій смотрѣлъ на это равнодушно и привыкъ исполнять всѣ приказанія Писарева, я же не могъ не возражать, не приходить въ негодованіе въ виду несправедливыхъ послабленій съ одной и ни чѣмъ небъяснимой строгости съ другой стороны.

И говорить нечего, что главную роль въ то время играла политика; обращено было особое вниманіе на ослабленіе и подавленіе польскаго элемента въ краѣ. Общія мѣры въ этомъ отношеніи вездѣ

строго исполнялись, но вмѣстѣ съ тѣмъ бывали исключенія въ пользу нѣкоторыхъ личностей, которыя трудно было объяснить. Полиція получила значеніе, какого никогда она не имѣла. Всѣ ея члены, начиная отъ исправника и кончая помощникомъ становаго или засѣдателемъ полицейскаго управленія, были назначаемы властью генералъ-губернатора, мимо губернаторовъ; опредѣленіе и увольненіе чиновниковъ въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ составляло главное занятіе полицейскаго отдѣленія канцеляріи, но высшія должности давались не иначе, какъ съ соизволенія Писарева. Въ уѣздахъ полиція была всемогуща: ей былъ предоставленъ обширный кругъ дѣятельности и въ вопросахъ политическаго характера совершенный произволъ. Все было на откупу, полицейскіе чиновники составляли значительныя состоянія, и ежели находились личности, которыя, чувствуя себя ни въ чемъ не виновными, не платили полиціи извѣстной дани, то рано или поздно должны были раскаиваться въ этомъ. Посылался доносъ въ Кіевъ, помѣщика вызывали, сажали подъ арестъ, иногда въ крѣпость, допрашивали по нѣскольку мѣсяцевъ въ Кіевѣ, и въ концѣ концовъ все-же приходилось платить, но платили гораздо больше, чѣмъ платили обыкновенно мѣстной полиціи.

При поверхностномъ взглядѣ на администрацію, въ сторонѣ отъ подробностей и тайныхъ причинъ, приводившихъ въ дѣйствіе тѣ или другія мѣры, меня брало крѣпкое раздумье, и я готовъ былъ неоднократно оставить службу въ Кіевѣ, но увѣщанія и просьбы моей матери заставляли меня оставаться.

Бибикова я видѣлъ очень рѣдко, но онъ зналъ, что я занимаюсь, и, встрѣчая меня всегда очень любезно, говорилъ, что мною доволенъ, совѣтовалъ продолжать мои занятія. Иногда мнѣ казалось, что непріятный миражъ разсѣется и получивъ болѣе или менѣе самостоятельное назначеніе, я буду имѣть возможность принести извѣстную пользу. Нерѣдко канцелярская обстановка представлялась мнѣ искусно сплетенной паутиной, которою главный дѣятель опутывалъ главнаго начальника края; но съ другой стороны, зная твердый характеръ, непреклонную волю и замѣчательный умъ Бибикова, я не могъ объяснить себѣ возможности дать себя опутать до такой степени. Разсказывали, что однажды Бибиковъ сказалъ П—ву: «носятся слухи, что вы берете взятки.»

«Не всякому слуху слѣдуетъ вѣрить,» отвѣтилъ П—въ, «говорятъ также, будто ваше вы—ство въ связи съ моей женою. Я этому не вѣрю.» Повѣрялъ и я слухи, носившіеся въ городѣ объ отношеніяхъ Дмитрія Гавриловича къ Софіи Гавриловнѣ, но въ этомъ отношеніи факты совершенно противорѣчили слухамъ: Бибиковъ ухаживалъ тогда за дѣвицей Ш., дочерью начальника арсенала, которая вскорѣ вышла замужъ за какого-то пріѣзжаго чиновника и получивъ въ приданное тридцать тысячъ, уѣхала изъ Кіева. На счетъ приданаго дѣлали разныя предположенія, иные говорили, что арсеналъ давалъ большія средства, другіе увѣряли, что приданное шло изъ иного источника.

Передъ выходомъ дѣвицы Ш. замужъ, въ Кіевѣ поселилась графиня П., рожденная О—ва, съ двумя незамужними дочерьми. Младшая Елена, брюнетка, была очень хороша собою, и Дмитрій Гавриловичъ сталъ за нею ухаживать, каждый вечеръ отправлялся къ графинѣ на карты виста и любезничалъ съ Еленой Павловной. Старшая сестра Екатерина, блондинка, по подстриженнымъ волосамъ и развязнымъ манерамъ прозывалась козачкомъ, была очень не глупа, ловка и симпатична.

Чѣмъ больше знакомился я съ дѣлами, тѣмъ безвыходнѣе становилось мое положеніе, проэкты моихъ докладовъ были передѣлываемы. Оставалось или подчиниться вполнѣ требованіямъ Писарева, что по правиламъ моимъ было не мыслимо, или оставить занятія въ секретномъ отдѣленіи. Я рѣшился на послѣднее, когда случай доставилъ мнѣ возможность выйдти изъ затруднительнаго положенія. Открылась вакансія переводчика при управленіи генералъ-губернатора. Мнѣ ее предложили, я съ охотой принялъ.

Начавъ съ обратной стороны медали, такъ какъ она близко меня касалась, я ничего не сказалъ еще о лицевой. Въ короткое время Бибиковъ внушилъ къ себѣ такой страхъ въ польскомъ населеніи края, что тишина и спокойствіе вполнѣ были обезпечены, всѣ распоряженія правительства исполнялись безпрекословно, о враждебныхъ политическихъ проявленіяхъ не могло быть и рѣчи, польскіе помѣщики сидѣли у себя въ деревняхъ, занимаясь хозяйствомъ, пріѣзжали въ Кіевъ на контракты и выборы, вели себя прилично, самые благонадежные изрѣдка получали позволеніе ѣздить заграницу, произволъ крѣпостнаго права былъ факти-

чески ограниченъ строгими взысканіями за злоупотребленія власти и нѣсколькими благодѣтельными для крестьянъ распоряженіями.

Въ городѣ порядокъ и чистота небывалые, но и здѣсь полиціи предоставленъ такой просторъ, какимъ она не пользовалась въ другихъ городахъ. Старшій полиціймейстеръ пользовался властью почти неограниченною въ сферѣ своей дѣятельности. Разъѣзжая на тройкѣ, въ сопровожденіи двухъ конныхъ полицейскихъ съ нагайками, онъ чинилъ судъ и расправу непосредственно и имѣлъ сильную поддержку въ генералъ-губернаторѣ. По ночамъ постоянно ходилъ обходъ, разъѣзжали конные патрули. Воровство и разбой были явленіями чрезвычайно рѣдкими, можно сказать небывалыми. Жители пользовались полною безопасностью. Цѣны на всѣ предметы потребленія были самыя умѣренныя, монополія преслѣдовалась, базаръ и торговыя помѣщенія содержались превосходно.

Предъ полученіемъ новой должности я ѣздилъ въ деревню и провелъ тамъ двѣ недѣли въ искренной задушевной бесѣдѣ съ матушкой. Она вставала рано и обыкновенно отправлялась съ кускомъ хлѣба завтракать въ садъ фруктами. Я всегда сопровождалъ ее въ этихъ утреннихъ прогулкахъ, затѣмъ пили всѣ вмѣстѣ чай на балконѣ, обѣдали въ липовой вѣковой аллеѣ, дѣлали прогулки пѣшкомъ по хозяйству, въ старый садъ, расположенный у села, заходили въ церковную ограду поклониться гробу дѣдушки и бабушки, вечернія молитвы читали также въ саду; цѣлый почти день проводили на воздухѣ. Говорилъ я матушкѣ о моемъ желаніи перемѣнить службу, она упросила меня остаться въ Кіевѣ, въ полной увѣренности, что трудъ и добросовѣстность рано или поздно будутъ оцѣнены и приведутъ къ хорошимъ результатамъ. Мною и моимъ положеніемъ въ Кіевѣ она была довольна.

Должность переводчика, на которую я былъ назначенъ въ іюнѣ 1844 года, въ то время давала много занятій. Постоянная переписка съ президентомъ Галиціи по политическимъ дѣламъ и объ обоюдной выдачѣ русскихъ и австрійскихъ подданныхъ, занимала много времени. По принятому обычаю президентъ писалъ генералъ-губернатору по нѣмецки, нужно было дѣлать переводъ и передать въ канцелярію для дальнѣйшихъ распоряженій. Отвѣты писались по французски, къ нимъ

присоединялись допросы, показанія и свѣдѣнія также на французскомъ языкѣ. Сверхъ этого на переводчикѣ лежала обязанность вести всю частную корреспонденцію генералъ-губернатора, какъ по русски, такъ и на другихъ языкахъ. Это поставило меня въ непосредственныя отношенія къ Бибикову. Каждый день я долженъ былъ являться къ нему за полученными бумагами и письмами и къ двумъ часамъ изготовлять отвѣты; изъ всѣхъ чиновниковъ я одинъ имѣлъ доступъ въ кабинетъ генералъ-губернатора во всякое время, безъ доклада.

Бибиковъ хорошо говорилъ и читалъ по французски и по нѣмецки, но правильно писать не могъ ни на одномъ языкѣ. »Не удивляйтесь этому«, сказалъ онъ мнѣ однажды, »меня вѣдь учили на мѣдный грошъ«. Въ отпискѣ не было большого затрудненія: спросишь бывало, что отвѣтить, и получивъ опредѣлительное указаніе, дѣло сдѣлаешь скоро и удовлетворительно. — Но въ большомъ затрудненіи бывалъ я на первыхъ порахъ, когда Дмитрій Гавриловичъ желалъ писать собственноручный отвѣтъ.—Какъ извѣстно, онъ лишился подъ Бородинымъ лѣвой руки и писалъ правой крайне неразборчиво; неправильность орѳографіи еще болѣе усложняла трудность разбирать его почеркъ. Напишетъ бывало черновую, прикажетъ исправить и переписать и потомъ уже пишетъ на бѣло. Мѣсяца три долженъ былъ я употребить на то, чтобы разбирать черновыя его письма. Затѣмъ все пошло хорошо, и Бибиковъ былъ очень доволенъ моею редакціею и скромностью, довѣрялъ часто самыя важныя корреспонденціи, которыхъ нельзя было вести путемъ оффиціальнымъ.

По прежнему я нигдѣ почти не бывалъ, съ обществомъ не знакомился и слылъ загадочною личностью. Иные считали меня разочарованнымъ, разыгрывающимъ роль Чайлдъ-Гарольда, другіе просто ипохондрикомъ, нелюдимымъ, знававшіе меня прежде думали, что я напускалъ на себя особенную серьозность и важность, чтобы слыть человѣкомъ дѣловымъ и заставить позабыть увлеченія молодости.

Въ Кіевѣ жила тогда графиня Меллина, вдова лѣтъ пятидесяти; у ней была падчерица, очень умная, любезная и развязная дѣвица не первой молодости и не красивой наружности, и сынъ, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, готовившійся къ поступленію въ университетъ, полуидіотъ.

Побывавъ въ Одессѣ, графиня привезла нѣкоторыя свѣдѣнія обо мнѣ. Откуда она уже почерпнула, не знаю, но дѣло въ томъ, что въ ея салонѣ меня возвели въ герои какого-то романа. Въ немъ, если хотите, была доля правды, но все было такъ увеличено и разукрашено въ мою пользу, что я не мало дивился изобрѣтательному воображенію графини. Чрезъ одного изъ молодыхъ людей она изъявила желаніе со мною познакомиться. Трудно было отказаться отъ любезнаго приглашенія, я ей сдѣлалъ визитъ, познакомился у ней съ нѣкоторыми дамами, къ нимъ долженъ былъ также поѣхать изъ приличія. Наконецъ Бибиковъ спросилъ меня, отъ чего я нигдѣ не бываю, и совѣтовалъ познакомиться съ графиней П., у которой собирались по вечерамъ. Въ короткое время я былъ уже знакомъ со всѣмъ кіевскимъ обществомъ, не многочисленнымъ, но довольно пріятнымъ. По вечерамъ выходилъ впрочемъ рѣдко изъ дому, предпочитая чтеніе и музыку вечерамъ, на которыхъ болтали о вещахъ мало интересныхъ или играли въ карты. Къ картамъ я никогда не имѣлъ особеннаго расположенія, но провинціальная жизнь у насъ такъ сложилась, что трудно было обойтись безъ этого скучнаго занятія; чтобы составлять партію въ исключительныхъ случаяхъ, когда не доставало партнеровъ, нужно было выучиться преферансу и возобновить мои свѣдѣнія въ вистѣ, и въ этомъ дѣлѣ учителемъ моимъ былъ Андреевскій: послѣ вечернихъ занятій въ канцеляріи онъ обыкновенно заходилъ къ брату П., жившему рядомъ съ канцеляріею, и въ короткое время я постигъ всю премудрость игры въ преферансъ. Сдержанный и хладнокровный я никогда не увлекался, не рисковалъ и былъ всегда почти въ выигрышѣ. Игрывали по маленькой, и проигрышъ или выигрышъ не составлялъ большой разницы въ кошелькѣ.

Въ это время поселился въ Кіевѣ богатый помѣщикъ черниговской губерніи М. О. Судіенко, сынъ Судіенка, бывшаго главноуправляющаго дѣлами и имѣніями князя Безбородко. Умный, хорошо образованный, онъ былъ очень пріятнымъ собесѣдникомъ. Жена его, рожденная Миклашевская, слыла когда-то красавицей и теперь была еще очень недурна собою, высокая, стройная, добрая и симпатичная женщина. У нихъ было многочисленное се-

мейство; для воспитанія дѣтей они переѣхали въ Кіевъ, и я вскорѣ сталъ ежедневнымъ ихъ посѣтителемъ. Но по вечерамъ и здѣсь нельзя было обойтись безъ карть. Тотъ-же преферансъ, но уже по большой, по четверти рубля. Мнѣ очень везло, и игра значительно увеличила мои средства; когда узнали, что я играю, не было возможности отказываться отъ партіи, и почти каждый день отъ 10 до 12 часовъ вечера я игралъ. То у П., то у Судіенка, а наконецъ чаще всего у Фундуклея, назначеннаго гражданскимъ губернаторомъ въ Кіевъ. Вицегубернаторомъ былъ Николай Петровичъ Бибяковъ, тоже любитель зеленаго стола. Губернскимъ предводителемъ издавна состоялъ графъ Тышкевичъ, весьма ловкій и уживчивый человѣкъ. Домъ его содержался на барскую ногу, и онъ жилъ весьма прилично. Открытый домъ составляло семейство Маршицкихъ. Старикъ Маршицкій былъ глупъ, но искателенъ и пользовался расположеніемъ Бибикова, жена его имѣла страсть говорить по французски, но такимъ языкомъ, что слушая ее, всѣ помирали со смѣху. Дмитрій Гавриловичъ часто любилъ забавляться ея слабостью въ этомъ отношеніи и заставлялъ произносить такія фразы, которыя изъ приличія не могутъ быть повторены здѣсь. Дочь ихъ Наталія была довольно простенькая, но видная и любезная дѣвица. Довольно пріятное семейство Проскуры, состоявшее изъ отца и очень умной матери, и двухъ взрослыхъ дочерей. Старшая была замужемъ за Шишкевичемъ, развелась и вышла впослѣдствіи за Мартынова Николая Соломоновича, сосланнаго въ Кіевъ за убійство на дуэли Лермонтова. Меньшая, очень красивая брюнетка, вышла замужъ за Грабянку, тоже не надолго. Комендантомъ былъ назначенъ А. Л. Пенхержевскій, отличный человѣкъ; старшая дочь его была замужемъ за И. В. Синельниковымъ, дальнимъ моимъ родственникомъ. Вотъ и все кіевское общество тогдашняго времени, исключая военныхъ, ученыхъ и чиновниковъ.

Вскорѣ отдѣленіе иностранной переписки значительно увеличилось молодыми людьми, поступавшими на службу къ генералъ-губернатору. Всѣхъ порядочныхъ и образованныхъ отдавали въ мое распоряженіе, и изъ нихъ составилась маленькая канцелярія, къ обязанностямъ которой отнесли, сверхъ обыкновенныхъ занятій, чтеніе иностранныхъ

газетъ, запрещенныхъ цензурой, и выписки изъ наиболѣе интересныхъ статей для генералъ-губернатора. Между этими молодыми людьми особеннымъ расположеніемъ моимъ пользовался графъ Эмиль Олизаръ. Сынъ бывшаго богатаго польскаго сенатора, приговореннаго къ смертной казни и конфискаціи имущества за мятежъ 1830 года, но ушедшаго переодѣтымъ изъ тюрьмы и эмигрировавшаго во Францію, молодой Олизаръ былъ очень недуренъ собою, хорошо образованъ и очень остроуменъ. Воспитанный съ братомъ Адольфомъ роднымъ дядею, Густавомъ Олизаромъ, бывшимъ кіевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, Эмиль, кромѣ самого ограниченнаго содержанія отъ дяди, едва достаточнаго для пополненія туалета, не имѣлъ никакихъ средствъ. Желая быть ему повозможности полезнымъ, я пригласилъ его нанять комнату во флигелѣ, мною занимаемомъ и пользоваться моей прислугой и столомъ. Между нами установились самыя дружескія отношенія, онъ развлекалъ меня своею болтовнею, я заставлялъ его работать серьезно.

Съ января 1845 года я перемѣнилъ квартиру и перешелъ въ домъ Бѣлоградскаго въ Липкахъ около дворцоваго сада. У меня былъ въ бель-этажѣ большой залъ, спальня, передняя и буфетъ, Олизаръ помѣстился въ одной изъ комнатъ верхняго этажа. Онъ мнѣ рекомендовалъ въ камердинеры долго служившаго у его родственника, князя Четвертинскаго, негра Франца. Францу было лѣтъ подъ сорокъ; вывезенный въ Турцію изъ Дарфура, онъ попалъ въ Одессу, гдѣ Четвертинскій взялъ его къ себѣ, окрестилъ въ католическую религію и женилъ на дочери одного изъ своихъ экономовъ, православнаго исповѣданія. Францъ мнѣ очень понравился, былъ особенно внимателенъ, услужливъ и честенъ. Я его искренно полюбилъ, а онъ привязался ко мнѣ тою привязанностью, которая характеризуетъ негровъ. Пришлось только учить его русскому языку, такъ какъ Францъ плохо объяснялся по русски, живя постоянно въ домѣ польскаго магната.

Я отправился въ началѣ января на нѣсколько дней въ деревню къ матушкѣ съ тѣмъ, чтобы 12 января быть у Волховской. Дмитрій Гавриловичъ отпустилъ меня съ условіемъ, чтобы 13-го я непремѣнно возвратился къ его балу.

Свиданье съ матушкой было для меня въ высшей степени пріятно. Она была вполнѣ довольна мною, зная, что я занимаюсь прилежно службой и что Бибиковъ хорошо расположенъ ко мнѣ. Отъ П. я привезъ ей письмо. Вообразите мое удивленіе, когда матушка прочла мнѣ это письмо. Въ немъ отдавалась полная справедливость моимъ способностямъ и познаніямъ, но направленіе настоящей молодежи и мое въ особенности крайне не нравились П.; онъ называлъ насъ утопистами, мечтателями, проводителями новыхъ началъ, не свойственныхъ русской природѣ и нашему общественному строю. Въ заключеніе давалъ совѣтъ женить меня поскорѣе и предлагалъ въ невѣсты дѣвицу К., недавно поселившуюся въ Кіевѣ съ матерью, вдовой генерала отъ инфантеріи.

Не менѣе моего матушка была удивлена этимъ письмомъ; считая П. человѣкомъ очень умнымъ и хорошо къ намъ расположеннымъ, она не знала, что думать о его предложеніи. Я объяснилъ матушкѣ, что П. утопіей называлъ абсолютную честность новаго поколѣнія служащихъ и желаніе искоренить вошедшій въ кровь обычай брать взятки, и что въ этомъ вопросѣ мы никогда не сойдемся съ П. Что касается дѣвицы К., то я очень мало былъ знакомъ съ нею и всего раза три былъ у ея матери. Дѣвицѣ К. едва минуло шестнадцать лѣтъ, воспитывалась она въ лучшемъ частномъ пансіонѣ въ Москвѣ, была мала ростомъ, имѣла великолѣпные темно-сѣрые глаза, роскошные темно-каштановые волосы и прехорошенькій ротикъ; вообще была недурна собой, очень неглупа, разговорчива и любезна. За старшей ея сестрой Екатериной начиналъ ухаживать Бибиковъ послѣ отъѣзда изъ Кіева графини П. Вотъ и всѣ мои отношенія къ дѣвицѣ К., но предложеніе П. имѣло причину, которая объяснилась позже. Къ этому господину я относился недовѣрчиво, и не смотря на его заискиванія, старался держать себя подальше; какое то инстинктивное чувство отталкивало меня отъ него; не могъ дружить я съ отъявленнымъ взяточникомъ; послѣ письма къ матушкѣ, онъ сталъ мнѣ еще болѣе ненавистенъ. Матушка любезно, но уклончиво отвѣчала на письмо П.

Я возвратился въ Кіевъ къ балу Дмитрія Гавриловича, и Бибиковъ былъ очень доволенъ моею аккуратностью.

Графиня П., уѣзжая, купила мѣстечко Чернобыль, значительное

вершеніи акта пятьдесятъ тысячъ, а остальныя должна была уплачивать чрезъ каждые два года въ извѣстные сроки, до полной выплаты всего капитала. О сдѣлкѣ этой много говорили въ Кіевѣ: увѣряли, что дѣла графини П. въ такомъ положеніи, что она никогда не могла располагать наличною суммою въ пятьдесятъ тысячъ и что деньги эти пріобрѣтены какимъ-то темнымъ путемъ; разсказывали, что П. изъ угожденія свему начальнику устроилъ это дѣло.

Catherine К. вскорѣ вышла замужъ за генерала Л., Бибиковъ сталъ ухаживать за ея сестрой.

Ближайшіе мои сотрудники по дѣламъ служебнымъ и другіе молодые люди собирались часто въ моей залѣ и проводили время довольно весело; иногда я угощалъ ихъ обѣдомъ, приготовленнымъ весьма недурно моимъ поваромъ, воспитанникомъ главнаго повара моего отца, изучившаго поваренное искусство на лучшихъ кухняхъ Петербурга, въ томъ числѣ и на Нессельродовской. Въ большой залѣ, которую я занималъ, было много тепличныхъ растеній, до которыхъ я былъ большой охотникъ: между растеніями, на колоннахъ подъ мраморъ, стояли гипсовые бюсты государя и императрицы. 1-го мая, предъ поѣздкой въ Шулявскую рощу на гулянье, у меня былъ большой обѣдъ; когда онъ кончился, подали шампанское, я всталъ, чтобы предложить тостъ за отсутствовавшихъ дамъ—и мысленно обратился къ матушкѣ. Раздался трескъ, и къ удивленію нашему бюстъ императрицы, расколотый въ длину, свалился на полъ, колонна осталась неповрежденною. Меня словно кольнуло въ сердце, едва устоялъ я на ногахъ. Бросились къ колоннѣ, старались объяснить причину паденія бюста, но она осталась необъяснимою, тѣмъ болѣе, что никто къ нему не подходилъ, и лакеи, разливавшіе вино, находились у противоположнаго конца стола; перешли потомъ къ шуткамъ: болѣе всѣхъ шутилъ Олизаръ, но я былъ не въ духѣ и отказался отъ поѣздки за городъ, предоставивъ мой экипажъ въ распоряженіе Олизара. Когда всѣ разъѣхались, подходитъ ко мнѣ мой негръ, котораго я очень полюбилъ, и говоритъ: нехорошо, господинъ, можетъ быть несчастіе. Эти слова врѣзались въ мою память, но прошло нѣсколько дней, занятія, развлеченіе, прогулки за городомъ разсѣяли грустное настроеніе духа, поговорили о разбившемся бюстѣ,

какъ о вещи очень обыкновенной, предполагая, что онъ былъ надломленъ, и забыли. 3-го мая получилъ я письмо отъ матушки и совершенно успокоился.

8-го мая передъ вечеромъ приносятъ письмо изъ деревни, адресъ былъ написанъ рукою моего отца. Вскрывши, читаю извѣщеніе о серьезной болѣзни матушки. Опрометью побѣжалъ я къ Бибикову, получилъ разрѣшеніе уѣхать, и ночью въ дорожной коляскѣ, не смотря на бурю и сильный дождь, мчался на почтовыхъ въ деревню. Взялъ съ собою Франца и неразлучнаго моего Мезора, великолѣпнаго кингчальса, подареннаго мнѣ дядей Олизара.

Въ 7 часовъ утра я подъѣзжалъ уже къ нашей усадьбѣ Отрадѣ; у аллеи, усаженной гигантскими итальянскими тополями, я всталъ и отправился пѣшкомъ въ домъ, отправивъ экипажъ на черный дворъ, чтобы утреннимъ пріѣздомъ не обезпокоить матушку.

Была ранняя весна, въ большемъ подъѣздномъ дворѣ цвѣли сирени, левкои, розы и воздушные жасмины. Солнце свѣтило ярко; послѣ дождя воздухъ былъ необыкновенно чистъ и прозраченъ, благоуханіе распустившихся кустарниковъ заставляло съ наслажденіемъ вдыхать въ себя ароматическую атмосферу майскаго утра. Никогда дворъ этотъ не казался мнѣ такимъ красивымъ, никогда чудный бархатистый деревенскій воздухъ не представлялся мнѣ такимъ пріятнымъ: дышалось легко, но на сердцѣ было тяжело: недоброе предчувствіе овладѣло мною. У крыльца меня встрѣтилъ старый слуга, бывшій моимъ дядькой еще въ пансіонѣ, шестидесятилѣтній Марко. На вопросъ о здоровьи матушки, онъ покачалъ своей сѣдой головой и отвѣтилъ: нехорошо.

Въ домѣ всѣ еще спали, одна сестра Софія встрѣтила меня въ залѣ. Блѣдное ея лице, заплаканные глаза служили дурнымъ предзнаменованіемъ. Она мнѣ разсказала, что матушка лечила на селѣ, что случалось постоянно, больную тифомъ крестьянку, и посѣщала ее ежедневно. Тифозная начала выздоравливать, но матушка заразилась этою опасною болѣзнію; съ первыхъ чиселъ мая чувствовала себя нехорошо, но перемогалась и разсчитывая на свое здоровье (матушка никогда не была больна), употребляла домашнія средства и не хотѣла прибѣгать къ помощи доктора. Когда сдѣлалось

хуже, послали за Фишеромъ въ Яготинъ и за уѣзднымъ врачемъ въ П., но надежды мало. Фишеръ живетъ постоянно въ Отрадѣ, и не скрываетъ опаснаго положенія матушки: болѣзнь приняла дурной оборотъ, показались пятна.

Нѣтъ словъ выразить то грустное, потрясающее впечатлѣніе, которое испыталъ я при первомъ взглядѣ на тяжко больную мать мою. Въ нѣсколько дней болѣзнь до того измѣнила ея черты, что она была почти неузнаваема: не было и тѣни дышавшей здоровьемъ, жизненной силой и душевной энергіей женщины. Я осыпалъ поцѣлуями ея исхудалыя, горѣвшія лихорадочнымъ жаромъ руки; какъ ни крѣпился, не могъ выдержать и тихо зарыдалъ. Матушка поцѣловала меня въ лобъ. То было прикосновеніе раскаленнаго желѣза. Сухія, горячечныя губы, тяжелое дыханіе, мутный, неподвижный взглядъ, невнятное произношеніе, не позволяли сомнѣваться въ печальной дѣйствительности. Болѣе часу однако мы разговаривали съ матушкой о моемъ житьѣ-бытьѣ; все ее интересовало до малѣйшихъ подробностей [1]).

Въ 9 часовъ насъ позвали къ утреннему чаю въ столовую. Отецъ былъ очень радъ моему пріѣзду; въ немъ я не нашелъ никакой перемѣны. Фишеръ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку и на вопросъ о положеніи матушки съ грустью покачалъ головой. Сестра Маріе разливала чай и казалась совершенно спокойною. Sophie не отходила отъ матушки, проводила всѣ ночи у ея постели, и съ трудомъ можно было увести ее изъ спальни на нѣсколько мгновеній.

Мы разговаривали довольно долго, я упросилъ Sophie пойдти отдохнуть немного послѣ ночи безъ сна, проведенной у матушки; ее замѣнила сестра Маріе. Къ двумъ часамъ матушка забылась, я вышелъ: доложили о пріѣздѣ старшей моей сестры Аделаиды съ мужемъ В. Сѣли обѣдать. Обѣдъ прошелъ скучный, грустный. Къ вечеру матушкѣ стало хуже, жаръ усилился, она была въ полномъ безпамятствѣ, но утромъ слѣдующаго дня матушка пришла въ память, горячечное состояніе исчезло и взглядъ ея просвѣтлѣлъ.

---

[1]) Опускаемъ подробности описанія смерти матери автора «Записокъ» и изліянія его скорбныхъ чувствъ.—Ред.

Послѣ полудня матушка значительно ослабѣла, а предъ вечеромъ ей стало еще хуже, упадокъ силъ былъ такъ великъ, что она съ трудомъ могла произнести нѣсколько невнятныхъ словъ. Часовъ въ восемь, матушка шопотомъ, обращаясь ко мнѣ взорами, сказала: подойди ближе Pierre. Я сталъ на колѣни у ея изголовья, она съ трудомъ положила руку свою на мою голову, уста ея шевелились; произносили-ли они молитву или благословеніе, не знаю; нельзя было разслышать. Но когда я приподнялся, она взглянула на меня такъ жалостно, такъ грустно, что невольно слезы кавнули изъ глазъ моихъ. Послѣ меня подходили по очереди мои сестры и цѣловали руку матушки, приблизился и отецъ. Видно было, что матушка желала что-то сказать, но слова замирали на ея устахъ, она продолжала смотрѣть съ сожалѣніемъ на всѣхъ; потомъ взглядъ ея упалъ на сестру Sophie, едва слышнымъ голосомъ проговорила она: бѣдныя дѣти! Эти слова были послѣдними словами матушки. Она впала въ безпамятство; началась агонія. Раннимъ утромъ 11-го мая матушка тихо скончалась.

Выносъ въ церковь послѣдовалъ на второй день, похороны на третій.

13-го мая заупокойная обѣдня началась въ 10 часовъ утра; и церковь, и паперть, и окружающая мѣстность какъ въ оградѣ, такъ и внѣ ея полны были народу. Къ печальной церемоніи съѣхались всѣ родные, всѣ знакомые, всѣ близкіе и дальніе сосѣди, сошлись крестьяне нашей деревни и окрестныхъ сёлъ; я никого не видѣлъ, ничего не слышалъ; не могъ оторвать взоровъ отъ драгоцѣннаго праха обожаемой матери и молился, просилъ у Бога чуда воскрешенія усопшей. Тщетно. По временамъ когда одинъ изъ священниковъ возглашалъ: объ упокоеніи рабы Божіей боярыни Маріи, я выходилъ изъ моего забытья и словно подверженный гальваническому удару, опускался на колѣни. Какъ происходило отпѣваніе, какъ понесли гробъ на семейное кладбище и опустили въ могилу, не помню. Припоминаю, что бросивъ горсть земли на гробъ стоявшій въ могилѣ, я долго еще молился и возвратился къ себѣ во флигель пѣшкомъ.

Къ обѣду я не пошелъ, это было выше силъ моихъ. Послѣ обѣда явились ко мнѣ непрошенные гости; я сидѣлъ на балконѣ и не могъ

отъ нихъ скрыться. Слышались слова участія, утѣшенія, слова доброй памяти о покойницѣ и все, что говорится въ подобныхъ случаяхъ; но вообразите мое негодованіе, когда сосѣдъ З., мой дрезденскій товарищъ по квартирѣ подошелъ ко мнѣ съ слѣдующей фразой: «ну, что горевать? все проходитъ; вспомните, что теперь Отрада ваша»! Во взглядѣ брошенномъ мною З. было столько презрѣнія, что онъ видимо сконфузился и растерялся. Я раскланялся съ посѣтителями и удалился въ свои комнаты, приказавъ Францу никого комнѣ не впускать. Съ тѣхъ поръ З. сталъ мнѣ противенъ, я его возненавидѣлъ.

Вскорѣ всѣ разъѣхались, къ вечеру мы остались одни и по обыкновенію къ чаю собрались въ столовую.

Воспоминанія, проникнутыя глубокою привязанностью къ матушкѣ, оживили нашу бесѣду, и сквозь слезы проговорили мы въ троемъ до поздней ночи. И дѣйствительно было о чемъ вспоминать.

Начиная съ крестьянъ, не было помѣщицы болѣе благодѣтельной и доброй, какъ матушка. Огромные надѣлы землею, издавна розданные крестьянамъ дѣдушкой, оставались неприкосновенными, единственно по настоянію покойницы; разныя угодья, левадки, предоставленныя въ ихъ пользованіе, никогда не отбирались въ пользу экономіи; строго наблюдалась равномѣрность барщины: никогда не работали болѣе трехъ дней въ недѣлю, когда-же требовалась усиленная работа во время сѣнокоса или жатвы, переработанные дни засчитывались въ льготные, или оплачивались; подати платила за крестьянъ матушка, ничего съ нихъ не взыскивая, частью процентами съ капитала, оставленнаго на этотъ предметъ дѣдушкой, частью изъ доходовъ имѣнія; лѣсной матеріалъ, кирпичъ и другія принадлежности отпускались безвозмездно для крестьянскихъ построекъ; въ неурожайные годы раздавался хлѣбъ крестьянамъ безвозвратно изъ значительныхъ всегда запасовъ экономіи; были разведены особенные разсадники фруктовыхъ деревьевъ для насажденія садовъ въ крестьянскихъ усадьбахъ и привитые хорошіе сорта отдавались безплатно; заведены улучшенныя породы рабочихъ лошадей и скота, производителей крестьянамъ дарили и лишнимъ приплодомъ въ имѣніи они пользовались за самые ничтожные отработки или услуги. Постигнетъ кого семейное горе или болѣзнь, бывало идутъ къ матушкѣ за

совѣтомъ и помощью, въ полной увѣренности, что ни въ томъ, ни въ другомъ отказа не будетъ; провинится-ли кто, прибѣгаютъ къ ея защитѣ, къ ея милосердію, и не было примѣра, чтобы благодѣтельная помѣщица не отмѣнила, или не смягчила значительно взысканія.

Прислуга, или такъ называемые въ то время дворовые люди, пользовались такими удобствами и довольствомъ, что, безъ преувеличенія можно сказать, составляли какъ бы часть семьи помѣщицы. Превосходныя отдѣльныя помѣщенія для семейныхъ, общія для холостыхъ, обильный, сытный столъ, пробу котораго ежедневно приносили матушкѣ, болѣе чѣмъ приличная, барская одежда и ежемѣсячное денежное вознагражденіе были неотъемлемыми принадлежностями каждаго двороваго. Всѣхъ дѣтей многочисленной дворни учили грамотѣ, молитвамъ и матушка каждую недѣлю повѣряла успѣхи учащихся, поощряя лучшихъ ласками и подарками.

И говорить нечего, что крестьяне и дворовые боготворили матушку; какъ не упрекали нашъ народъ въ неблагодарности, малютенскіе крестьяне и отрадская прислуга служили живымъ протестомъ этому обвиненію, въ то время, когда господство крѣпостного права всею тяжестью лежало еще на народѣ; и то правда, что не много находилось такихъ помѣщицъ, какъ моя мать.

Что касается семейныхъ отношеній, то матушка всею душей была привязана къ моему отцу и глубоко его любила, но все не была счастлива въ этомъ отношеніи. Подчиняясь вполнѣ волѣ и желаніямъ моего отца по мѣрѣ возможности, въ нѣкоторой степени доходившей до самопожертвованія, она часто сдерживала вспыльчивость его характера и строгость чисто-военнаго закона. Уступая во всемъ, что не составляло особенной важности, она имѣла твердость проводить свои убѣжденія и правила, не оскорбляя самолюбія главы семейства.—Дѣтьми матушка распоряжалась самостоятельно, наше домашнее воспитаніе и направленіе принадлежали ей вполнѣ, она была главною, можно сказать, единственною руководительницею нашею. Матушка была очень образованною по своему времени женщиной, очень много читала, превосходно писала на двухъ языкахъ. Независимо отъ наукъ, особенно ея вниманіе было обращено на религіозное и нравственное наше развитіе;

кромѣ постоянныхъ занятій и наставленій, живой примѣръ истинной христіанки и добродѣтельной женщины, какою была матушка, имѣлъ самое благотворное на насъ вліяніе. Правила религіи, нравственности и высокой добродѣтели примѣнялись къ дѣлу постоянно, входили въ обычаи, въ жизнь семейную.

Содержаніемъ дома, передѣланнаго и значительно увеличеннаго моимъ отцемъ дворовыми принадлежностями и постройками, главнымъ хозяйствомъ во всемъ его объемѣ и декоративной частью сада завѣдывалъ батюшка. Но во всемъ видно было благодѣтельное участіе матушки, ея заботливости, ея ума. Усадьба и домъ содержались въ порядкѣ и чистотѣ, почти нигдѣ небывалой въ то время въ Малороссіи. Домъ былъ какъ полная чаша, ни въ чемъ не было недостатка, но благоразумная разсчетливость матушки не допускала ничего лишняго; женское хозяйство и малютенская часть садовъ были предметами ея особыхъ заботъ. Малютенское имѣніе, доставшееся ей отъ отца, было образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Не говоря о значительныхъ и красивыхъ постройкахъ и насажденіяхъ усадьбы, хозяйство имѣнія доведено было до той степени совершенства и разнообразія, на которой врядъ-ли стояли другія помѣстья полтавской губерніи. Заводы: селитряный, винокуренный, маслобойный, конный, рогатаго скота превосходной породы, тонкорунное овцеводство въ довольно большихъ размѣрахъ, улучшенное хлѣбопашество составляли главныя статьи. Пчеловодство по системѣ Прокоповича, огородничество, тканіе ковровъ и холста и другія мелкія отрасли хозяйства также не были упущены изъ виду. Однимъ словомъ все, что могло приносить пользу, постепенно вводилось въ систему хозяйства и достигало надлежащаго развитія и совершенства.

Ближайшихъ родственниковъ у матушки не было, къ дальнимъ она относилась всегда съ сердечнымъ участіемъ и помогала имъ, чѣмъ могла.

Съ посторонними, съ сосѣдями, съ добрыми знакомыми, матушка находилась всегда въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Всѣ обращались къ ней за совѣтомъ, за покровительствомъ. Никому, никогда и ни въ чемъ не было отказа. Матушка была общею ходатайницею и пользуясь глубокимъ уваженіемъ лицъ власть имѣвшихъ, всегда почти достигала

исполненія своихъ просьбъ о другихъ. При этомъ необыкновенная снисходительность къ чужимъ недостаткамъ, желаніе и въ дурномъ найдти хорошую сторону, объяснить все добрымъ намѣреніемъ, всегдашняя готовность помочь въ случаѣ надобности ставили матушку въ исключительное положеніе. Въ самомъ тѣсномъ семейномъ кругу матушка не допускала насмѣшекъ надъ другими, никогда, ни о комъ не отзывалась дурно. При жизни ея, любви къ ней всѣхъ знавшихъ ее не было границъ; по кончинѣ чувства эти высказались единодушно: неожиданная, преждевременная утрата этой добродѣтельной женщины считалась невознаградимою, носила характеръ общественнаго бѣдствія.

Послѣ девятого дня, со времени кончины матушки, мы разъѣхались. Отецъ съ Sophie и Marie отправился въ П. за сестрою Надею, я въ Кіевъ.

Бибиковъ принялъ большое участіе въ постигшемъ меня несчастіи, разспрашивалъ о батюшкѣ, о семействѣ и предложилъ мнѣ съѣздить лѣтомъ къ сестрамъ на нѣсколько недѣль. Это вниманіе глубоко тронуло меня.

Съ особеннымъ прилежаніемъ принялся я за служебныя дѣла, много читалъ, много занимался музыкой, и часто, по вечерамъ, отправлялся за городъ.

Митрополитъ Филаретъ жилъ въ Голосѣевѣ, я посѣтилъ его нѣсколько разъ, и простыя, но проникнутыя высокимъ чувствомъ вѣры рѣчи его, если не утѣшали, то значительно успокаивали меня.

Кончина матушки имѣла большое вліяніе на меня: я крѣпко упалъ духомъ и сильно измѣнился физически. Не забуду, какъ однажды, гуляя въ отдаленной аллеѣ городскаго сада, я встрѣтилъ добраго моего знакомаго Б., у котораго часто обѣдывалъ.

Что съ вами, сказалъ онъ мнѣ, на васъ лица нѣтъ, вы постарѣли нѣсколькими годами, здоровы ли?

Я ему отвѣтилъ, что имѣлъ несчастіе лишиться матери. Онъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ, казалось, не понималъ, что горестное событіе это могло имѣть на меня такое сильное вліяніе. Не смотря на ежедневное усиленное движеніе при посѣщеніи загородныхъ мѣстностей пѣшкомъ, всѣ ночи я проводилъ почти безъ сна. Съ вечера

бывало клонитъ ко сну, ляжешь, и чрезъ полчаса просыпаешься. Въ одну изъ безсонныхъ ночей надумался я написать симфонію на кончину матушки.

Въ первой части: Allegro furioso я предположилъ въ видѣ интродукціи изобразить ходъ болѣзни; во второй Adagio агонію и кончину; въ третьей Marche funebre похороны, въ четвертой Lamentose Alla-breve сѣтованіе, переходящее въ молитву: Andante religioso.

Въ теченіи шести недѣль усидчиво трудился я по ночамъ надъ симфоніей. Всѣ части были вполнѣ разработаны, для главныхъ инструментовъ оставалось пополнить оркестровку въ партитурѣ. Композиціей моей я остался совершенно доволенъ, но мотивы были такъ печальны, въ нихъ сказывалась такая глубокая грусть и душевная невзгода, что исполняя на фортепьяно отрывокъ изъ симфоніи, я растравлялъ незажившія еще раны моего сердца. Съ другой стороны, музыка эта возносила меня въ міръ духовный, ставила въ общеніе съ матушкой и подъ часъ, какъ молитва безъ словъ, какъ изліяніе религіознаго чувства въ формѣ музыкальныхъ идей, успокоивала, умиротворяла меня.

Вскорѣ я окончилъ партитуру симфоніи для оркестра, сдѣлалъ извлеченіе для фортепьяно въ четыре руки и послалъ въ Лейпцигъ для напечатанія. На заглавномъ листѣ, въ вѣнкѣ изъ безсмертниковъ стояло посвященіе: A toi, âme cherie. Симфонія озаглавлена: La mort d'une Sainte, кончина праведницы.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА.

(Род. 1676 г. ум. 1727 г.).

Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ происходилъ изъ знатной и родословной фамиліи, производившей свое начало отъ литовскихъ князей Гедиминовичей. Начатки этой фамиліи роднятся съ Гедиминомъ такимъ образомъ:

○ Гедиминъ

○ Наримонтъ.

○ Патрикій, дѣти коего, братья Патрикѣевы, Феодоръ и Юрій, выѣхали изъ Литвы въ Москву, при Василіѣ Темномъ.

○ Феодоръ Хованскій, родоначальникъ князей Хованскихъ.

○ Юрій, женатъ на Маріи, сестрѣ Темнаго.

○ Василій.

○ Иванъ.

○ Иванъ Булгакъ.

○ Данило Щеня, отъ коего князья Щенятевы.

○ Василій Косой Патрикѣевъ, въ монаш. Кассіанъ.

○ Михайло Голица, родоначальникъ князей Голицыныхъ.

○ Андрей Курака, родоначальникъ князей Куракиныхъ.

Занявъ въ лицѣ своихъ предковъ, съ самаго начала ихъ поселенія въ Москвѣ, видное положеніе при дворѣ, князья Куракины крѣпко поддерживали свою фамильную честь. Особенными подвигами ни военными, ни гражданскими, князья Куракины не отличались, но не принадлежали и къ числу фамилій захудалыхъ; если не шли впередъ, но не уступали ни шагу на поприщѣ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя

были захвачены ихъ предками. Поэтому въ мѣстническихъ счетахъ имя Куракиныхъ встрѣчается очень часто, и отличаются они замѣчательнымъ упорствомъ. Такъ въ 1640 г. князь Ѳедоръ Семеновичъ Куракинъ мѣстничался съ княземъ Ал. И. Трубецкимъ, не желая быть младшимъ воеводою на южной границѣ московскаго государства для обереганія ея отъ крымскихъ татаръ. Узнавъ о претензіяхъ Куракина, Трубецкой билъ челомъ государю о безчестьи, приводя основанія и случаи, почему ему можно быть больше князя Куракина. Трубецкой аргументировалъ такъ: «Куракины уступаютъ Голицынымъ, а Голицыны уступаютъ Трубецкимъ, тѣмъ паче Куракины должны уступить Трубецкимъ. *«Да и большіе ваши родители Голицыны съ ихъ родителями съ Трубецкими бывали безсловно: а вы-де Куракины съ Голицыными всегда безсловны»*. Аргументамъ Трубецкаго Ѳедоръ Куракинъ противопоставлялъ свои аргументы, заявляя, что Трубецкіе потеряли свое старшинство измѣною, и ссылаясь на недошедшій до насъ указъ царя Ивана Грознаго, состоявшійся послѣ отъѣзда князя Андрея Курбскаго и понижавшій на 12 мѣстъ цѣлую фамилію за измѣну одного члена. *«А князья Трубецкіе*, заявлялъ Ѳ. Куракинъ, *государямъ измѣняли, именно при дѣдѣ дѣда государева великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ отъѣхали въ Литву, а князья Куракины какъ пріѣхали къ великому князю Василію Васильевичу, съ тѣхъ поръ работали и служили государямъ честно и въ измѣнѣ никогда не бывали»*.

Заявленіе князя Ѳ. Куракина не осталось безъ отвѣта, который на этотъ разъ былъ данъ уже отъ имени государя. Въ царской грамотѣ выставлялись на видъ два обстоятельства: первое, что въ тяжелое смутное время не остались совсѣмъ чистыми и князья Куракины, второе, что по воцареніи дома Романовыхъ, дана полная амнистія за всѣ прошлыя вины. *«Дядя твой И. Куракинъ,*—гласила царская грамота, *съ польскими и литовскими людьми на разореніе московскому государству совѣтникъ былъ, и съ польскими и литовскими людьми по его совѣту многія святыя Божьи церкви обрували и московское государство жили, и многихъ православныхъ христіанъ побили, и многую христіанскую кровь пролили, а иныхъ православныхъ христіанъ и съ сущими младенцы въ литовскую сторону отвели... А какъ Божіею милостію московское государство отъ литовскихъ людей очистилось, и по волѣ Божіей на московскомъ государствѣ учинились мы, великій государь,... и мы для обновленія нашего государства и для нашего царскаго вѣнца всѣхъ пожаловали, прежнія ихъ вины велѣли имъ вѣдать и впредь тѣ ихъ вины никому не вспомянуть. А что пишешь къ намъ въ своей отпискѣ про измѣну князя Андрея Курбскаго и про приговоръ, что которые измѣняютъ, что тѣ измѣною своею многіе мѣсты теряютъ, и тебѣ было о*

томъ къ намъ, великому государю, писать непригоже: прежнихъ великихъ государей указы и приговоры вѣдомы больше твоихъ вычетовъ, и знаемъ мы, хого съ кѣмъ ровнять и кому съ кѣмъ быть». Далѣе слѣдуютъ угрозы выдать князя Куракина головою; въ случаѣ же порухи военному дѣлу, царь грозитъ Куракину смертною казнію. Чѣмъ кончилось это длинное мѣстническое дѣло, неизвѣстно; мы привели его только для того, чтобы показать, какъ князья Куракины блюли свою родовую честь [1]).

Родословіе князей Куракиныхъ въ прямой нисходящей линіи отъ родоначальника князя Андрея Кураки до нашего автора представляется намъ въ такомъ видѣ:

1) Князь Андрей Ивановичъ Куракинъ, сынъ Ивана Булгака, жившій въ первой половинѣ XVI в.

2) Князь Петръ Андреевичъ Куракинъ, современникъ Ивана Грознаго.

3) Князь Андрей Петровичъ Куракинъ, многолѣтній старецъ, бывшій бояриномъ 25 лѣтъ при пяти царяхъ, отъ 1590 по 1615 годъ (*Карамз.* X, пр. 61).

4) Князь Семенъ Андреевичъ Куракинъ, бывшій нѣсколько лѣтъ бояриномъ одновременно съ отцомъ.

5) Князь Григорій Семеновичъ Куракинъ, дѣдъ нашего автора, скончавшійся великимъ постомъ 1682 г.

6) Князь Иванъ Григорьевичъ Куракинъ, отецъ нашего автора, скончавшійся еще не въ старыхъ годахъ, въ смоленскомъ воеводствѣ, въ концѣ того-же 1682 года.

7) Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, авторъ предлагаемыхъ записокъ, впослѣдствіи русскій посланникъ въ Голландіи, Франціи и Англіи, дѣйствительный тайный совѣтникъ и ордена св. Андрея Первозваннаго кавалеръ, родился въ Москвѣ 20 іюля 1676 г., скончался въ Парижѣ 17 октября 1727 г., на 52 году отъ рожденія.

Такимъ образомъ 6 поколѣній отдѣляютъ нашего князя Бориса отъ родоначальника Андрея Кураки и 12 поколѣній отъ Гедимина (1338 г.) до рожденія князя Бориса, что даетъ въ среднемъ выводѣ по 30 лѣтъ на каждое поколѣніе.

Обращая вниманіе на отличительныя свойства фамиліи Куракиныхъ, кромѣ родовой гордости, трудно указать на что нибудь выдающееся. Быть можетъ это въ нѣкоторой степени зависитъ отъ недостатка источниковъ. Но если у каждаго рода, считающаго вѣками свою генеало-

---

[1]) Маркевича. О мѣстничествѣ 470—477. Помнится, князь Куракинъ, какъ герой мѣстничества, выводится въ романѣ Загоскина: *Брынскій лѣсъ*.

гію, есть фамильный типъ, есть свои политическія преданія, то конечно были таковые и въ родѣ Куракиныхъ. Принимая во вниманіе фамильную гордость, по которой князья Куракины никогда не забывали своего происхожденія отъ владѣтельныхъ князей литовскихъ, припоминая, что изъ этого-же литовскаго княжескаго рода происходилъ знаменитый врагъ «іосифлянъ», князь—инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ, мы склонны думать, что князья Куракины принадлежали къ числу такихъ московскихъ политиковъ, которые желали, чтобы государь совѣщался о всѣхъ правительственныхъ дѣлахъ съ боярами и любилъ *встрѣчу*, то есть противорѣчіе,—чтобы проявленіе онаго со стороны боярскихъ родовъ было ограничено не закономъ, а неписаннымъ обычаемъ. Политическіе идеалы Куракиныхъ восходили къ тому давнему періоду, когда при дворѣ господствовало еще дружинное начало, когда государь былъ если не primus inter pares, то по крайней мѣрѣ не обижался, если бояре, въ качествѣ участниковъ въ управленіи, ему противорѣчили. Конечно этимъ гордымъ преданіямъ не было мѣста среди суроваго абсолютнаго московскаго двора, но они сохранялись и при случаѣ давали себѣ знать даже у такого вѣрноподданнаго человѣка, какимъ былъ нашъ авторъ. Особенною какою либо правительственною спеціальностію Куракины себя не заявляли: впрочемъ въ московской Руси всякій служилый человѣкъ, по требованію обстоятельствъ, бывалъ и воиномъ, и администраторомъ, и дипломатомъ и т. д. Изъ боярскихъ родовъ Куракины питали постоянное сочувствіе къ Голицынымъ и вражду къ Трубецкимъ, и отчасти къ Долгорукимъ.

Происходя по отцу изъ роду Куракиныхъ (Гедиминовичей), князь Борисъ по матери происходилъ изъ другаго не менѣе славнаго дома князей Одоевскихъ (Рюриковичей). Мать его Ѳеодосья Алексѣевна, урожденная Одоевская, была дочь князя Алексѣя и внука князя Никиты Одоевскаго, людей родословныхъ и близкихъ къ царскому семейству. Самъ князь Борисъ въ своемъ двукратномъ бракѣ, равно его братья, сестры и дѣти роднились съ самыми знатными русскими фамиліями: Лопухиными, Урусовыми, Стрѣшневыми, Салтыковыми, Апраксиными, Голицыными, Бутурлиными, и т. д.

Составъ семьи нашего автора былъ таковъ:

Отецъ князь Иванъ † 1682 году.

Дѣти его отъ перваго брака съ Ѳеодосіею Алексѣевною, урожд. Одоевскою († 1676 г.):			Отъ 2-го брака съ Марьею Петровною †1687 г.
Михаилъ, б. женатъ на МарьѣДмитріевнѣ, †1693 г., оставилъ трехъ дѣтей: Василія, †1605, Марью, съ 1707 г. въ замужествѣ за Ал. Апраксинымъ, Прасковью.	Марья, въ супружествѣ съ 1592 г. за Иваномъ Степановичемъ Салтыковымъ (уб. въ 1700 г. подъ Нарвой).	Борисъ (р. 1676 г. † 1927 г.)	Иванъ р. 1682 г., женатъ 1699 г. на Еленѣ Тихоновнѣ Стрѣшневой, ум. съ женою и сыномъ въ одномъ 1703 году.

Авторъ Записокъ князь Борисъ въ первомъ бракѣ съ 6 іюля 1690 г. имѣлъ Ксенію Ѳеодоровну Лопухину, родную сестру царицы Евдокіи Ѳеодоровны, умершую въ февралѣ 1698 г.; во второмъ бракѣ съ ноября 1689 г. имѣлъ кн. Марью Ѳеодоровну Урусову, съ которою жилъ не очень ладно.

Дѣти князя Бориса отъ 1-го брака:

Александръ, род. 1691 г. іюля 31, впослѣдствіи былъ посланникъ во Франціи † 1749 г.

Татьяна, род. 1794. генваря 1, была впослѣдствіи въ замужествѣ за фельдмаршаломъ княземъ Голицынымъ.

Дѣти князя Бориса отъ 2-го брака:

Сергѣй, род. въ 1760, умеръ 1½ году.

Екатерина, род. 25 окт. 1701 г., была впослѣдствіи въ замужествѣ за фельдмаршаломъ графомъ Бутурлинымъ.

Изъ этого перечня видно съ одной стороны, съ какими знатными фамиліями родилась семья Куракиныхъ, а съ другой стороны видно и то, что братья князя Бориса были очень не долговѣчны и умирали безъ потомковъ мужескаго пола; почему родовое имѣніе, раздѣленное сначала между тремя братьями, скоро опять сосредоточилось въ рукахъ одного князя Бориса.

Авторъ записокъ князь Борисъ былъ человѣкъ, одаренный отъ природы хорошими способностями, но болѣзненный, часто страдавшій золотухою и меланхоліею. Быть можетъ, эта самая болѣзненность развила въ немъ наблюдательность и вдумчивость, качества довольно рѣдкія въ то время, сдѣлала его мало-способнымъ къ поприщу военному, но за то предрасположила къ дѣятельности дипломатической. Плодомъ этой наблюдательности и вдумчивости и служатъ печатаемыя нынѣ Записки, веденныя кн. Куракинымъ безъ всякой практической цѣли, исключительно въ интересахъ самопознанія. Въ этомъ отношеніи князь Куракинъ, быть можетъ, единственный человѣкъ петровскаго времени, который жилъ не день за день, а старался давать себѣ отчетъ въ текущей жизни, какъ своей личной, такъ и общественной.

Записки князя Куракина можно обозначить заглавіемъ: *Семейная хроника и воспоминанія*, хотя конечно онѣ далеко не имѣютъ той полноты и художественности, какими отличается сочиненіе С. Т. Аксакова, извѣстное подъ тѣмъ-же заглавіемъ. Тѣмъ не менѣе это заглавіе очень идетъ къ содержанію записокъ князя Б. Куракина. Много свѣдѣній,

особенно на первыхъ страницахъ Записокъ, посвящено семейнымъ отношеніямъ. Князь Борисъ, какъ видно, былъ вовсе не чуждъ родовой куракинской гордости. Описывая подъ 1707 – 8 г., какъ его хорошо принимали въ Римѣ и въ Венеціи, Куракинъ заключаетъ: «Истинно похвалюсь, что націи московской никто чести и славы прежде бытія моего не принесъ; правда, что себѣ раззореніе въ нждивеніи томъ понесъ, однако въ честь и славу государства россійскаго, *и патри имени своего дому* Caributoff Kurakinigh *князей наслѣдственныхъ литовскихъ*». Таже фамильная гордость князя Бориса слышится въ его сѣтованіи по поводу того, что его родная племянница Марья Михайловна вышла замужъ въ 1707 г. за Александра Апраксина и этимъ, по выраженію князя Бориса, *фамиліи своей уничтоженіе великое сдѣлала, что за такъ низкую фамилію выдана.* Между тѣмъ Апраксины происходили изъ знатнаго, хотя и изъ татарскаго роду, и Александръ Апраксинъ былъ племянникъ царицы Марѳы Матвѣевны, второй супруги царя Ѳеодора Алексѣевича.

По *семейной хроникѣ* отведено сравнительно небольшое мѣсто въ запискахъ князя Бориса; болѣе мѣста занимаютъ *воспоминанія.* Воспоминанія эти двухъ родовъ: они касаются частію общественной жизни Россіи, частію личной жизни князя Бориса.

На общественную жизнь Россіи князь Борисъ смотрѣлъ съ той-же точки зрѣнія, съ какой испоконъ вѣка смотрѣлъ и доселѣ смотритъ простой подначальный русскій человѣкъ, и которая довольно характерно высказывается въ народномъ сказаніи *о Юрикѣ Новоселѣ* [1]).

Вся многовѣковая жизнь русскаго народа представляется съ этой точки зрѣнія исторіею умноженія податей, налоговъ, оброковъ, сборовъ, пошлинъ и повинностей, начиная съ бѣличьяго хвоста при Юрикѣ Новоселѣ до даней съ живаго и съ мертваго при Петрѣ Великомъ. Время Петра Великаго особенно обильно было измышленіемъ разныхъ способовъ къ собиранію доходовъ въ казну, которая крайне нуждалась въ деньгахъ для шведской войны и для другихъ предпріятій государя. Поэтому и князь Куракинъ, хотя лично былъ очень богатымъ человѣкомъ, особенно получивъ наслѣдство послѣ двухъ умершихъ братьевъ, тѣмъ не менѣе съ любопытствомъ слѣдитъ за финансовою политикою государя, которая тяжело ложилась не на немъ самомъ, а развѣ на его крестьянахъ. Развитіе финансовой политики Петра Великаго представлялось Куракину очень просто: появились *прибыльщики,* люди дворовые изъ крѣпостной интеллигенціи, бывалые, смышленные и догадливые, и стали

---

[1]) Сказаніе *о Юрикѣ-Новоселѣ* сообщено Е. В. Барсовымъ *въ Древней и Новой Россіи* 1879 г., № 9.

выдумывать разныя *прибыли*, т. е. способы, откуда-бы получить доходы; иной изобрѣтаетъ источники доходовъ въ орленой бумагѣ, иной въ сборѣ съ инородцевъ, иной въ подати съ бань, ульевъ, квартиръ, постоялыхъ дворовъ и т. д. Прибыльщики, люди извѣстные по своимъ господамъ: Алексѣй Курбатовъ, человѣкъ Бориса Шереметева, Парамонъ Скворцовъ, человѣкъ Ивана Головина, Степанъ Варакинъ, человѣкъ князя Бориса А. Голицына, Алексѣй Нестеровъ, человѣкъ Хрущова и др., иной не разъ, быть можетъ, стоялъ во время обѣда за стуломъ князя Куракина, или помогалъ ему садиться въ экипажъ; поэтому къ ихъ изобрѣтеніямъ князь Куракинъ не могъ относиться съ особымъ благоговѣніемъ. Тѣмъ не менѣе онъ очень тщательно отмѣчаетъ, какая въ томъ или другомъ году выдумана новая статья доходовъ, сколько собирается по этой статьѣ, и иногда при маломъ доходѣ какъ будто между строкъ высказывается сомнѣніе, стоитъ-ли доходъ издержекъ взиманія. Какъ видно, реформы Петра Великаго были настолько проникнуты экономическимъ характеромъ и настолько обусловливались состояніемъ русскихъ финансовъ, что друзья реформы, сознательно смотрѣвшіе на современную жизнь и оставившіе свои записки, каковы были князь Куракинъ и Посошковъ, на вопросѣ о казенныхъ прибыляхъ сосредоточиваютъ почти все свое вниманіе.

Но для всякаго человѣка наиболѣе дорога и интересна своя личная жизнь. Князь Куракинъ въ этомъ случаѣ не составляетъ исключенія. Онъ сообщаетъ и объ умноженіи государственныхъ доходовъ, и о другихъ распоряженіяхъ и приключеніяхъ, которыя были въ свое время предметомъ толковъ (напр. о дѣлѣ Талицкаго), но все-таки главнымъ центромъ записокъ князя Куракина остается его собственная личность. Сообщая довольно кратко о своихъ семейныхъ дѣлахъ, князь Куракинъ наиболѣе распространяется о своемъ здоровьѣ и о лѣченьи своихъ недуговъ, а еще болѣе о своей служебной карьерѣ. Такой составъ Записокъ совершенно сообразенъ съ жизнію князя Бориса. Ему некогда было быть хорошимъ семьяниномъ; всю жизнь онъ проводилъ на царской службѣ въ Россіи, или за границею, а домой пріѣзжалъ только на побывку. Но отъ себя самого никуда нельзя уйти: князь Борисъ всюду возилъ съ собою недуги,—золотуху и меланхолію, которые и лѣчилъ при всякой возможности. Лѣчился онъ и въ Москвѣ у дохтура Симона, и дохтура Лаврентія Блументита, и у Евдокима Помка, и у Карбонарія, и у Бидно, и у царского лейбъ-медика Арескина, и въ Венеціи у Александра грека, и въ Падуѣ у Калафатія, и въ Римѣ у Грецельта, и въ Карлсбадѣ у Бехера, и въ Амстердамѣ у доктора Хана, и у цирюльника Бонавента жида, и въ Ахенѣ у Олива и многихъ другихъ врачей, и,

какъ человѣкъ болѣзненный, любилъ толковать и писать о своихъ недугахъ [1]).

Не менѣе, если не болѣе князь Борисъ былъ занятъ своею служебною карьерою. Это и естественно. Если царская служба отрывала его отъ семьи, отъ дому, отъ удобствъ жизни, заставляла его при слабомъ здоровьѣ мыкаться по свѣту, то естественно было желать, чтобы всѣ эти труды и лишенія не пропадали даромъ, а чѣмъ-нибудь вознаграждались.

Карьера князя Бориса шла не ровно. При самомъ рожденіи счастье улыбнулось князю Борису. Онъ былъ крестникомъ царя Ѳеодора Алексѣевича и всѣ надѣялись, что изъ него выйдетъ впослѣдствіи царскій фаворитъ. Но царь Ѳеодоръ скоро умеръ, а князь Борисъ росъ хилымъ, болѣзненнымъ мальчикомъ, котораго всѣ считали глупымъ или по крайней мѣрѣ думали, что изъ него пути не будетъ. Съ дѣтства князь Борисъ поступилъ на царскую службу, былъ сначала стольникомъ при царѣ Петрѣ, участвовалъ въ его потѣхахъ и экзерциціяхъ, былъ въ азовскомъ походѣ и наконецъ на 20 году жизни отправленъ былъ въ Италію, для обученія математикѣ и кораблестроенію, гдѣ и пробылъ болѣе года. При хорошихъ способностяхъ князь Борисъ выучился хорошо итальянскому языку и математикѣ съ ея прикладными науками, и удачно выдержалъ экзаменъ предъ царемъ *въ наукахъ навтичныхъ*, въ Воронежѣ, 1697 г. Съ тѣхъ поръ карьера князя Бориса стала выправляться, *и стало происходить слово о немъ доброе*. Впрочемъ не вдругъ еще онъ напалъ на настоящую дорогу. При тогдашнихъ обстоятельствахъ военная служба была неизбѣжною для знатнаго и молодаго россіянина. И князь Куракинъ волею-неволею состоялъ въ военной службѣ. Онъ былъ и подъ Нарвою, и при взятіи Нотебурга и Ніеншанца, и при штурмѣ Нарвы, и при полтавской баталіи, бывалъ и въ опасныхъ случаяхъ, командирилъ и надъ ротами и надъ цѣлыми полками. Но военная служба не была профессіею князя Бориса. Онъ былъ слишкомъ болѣзненъ и слишкомъ много заботился о своемъ здоровьѣ для того, чтобы быть хорошимъ воиномъ. Проницательный Петръ замѣтилъ это и предъ полтавской баталіей жестоко бранилъ князя Бориса за то, что онъ не хочетъ служить въ военной службѣ, а старается попасть въ министерство (т. е. въ посланники) и грозилъ ему висѣлицею, если онъ не исполнитъ своего долга при встрѣчѣ съ непріятелемъ. Царскій гнѣвъ

[1]) Въ концѣ издаваемой рукописи приложено *«а парте для ведѣнія»* поденное описаніе карлсбадскаго леченія, а также отзывъ о болѣзни князя — падуанскаго доктора Калафатія, исторія болѣзни, составленная самимъ княземъ Борисомъ для консиліума московскихъ докторовъ въ 1706 г., описаніе амстердамскаго и ахенскаго лѣченья и проч.

до такой степени огорчилъ князя Бориса, что онъ заболѣлъ и впалъ почти въ отчаяніе. «Уже теперь напишу», писалъ князь Борисъ впослѣдствіи, «что истинно радощенъ былъ смерти, такъ десператъ былъ, и хотя видѣвъ себя всегда болѣзненно, былъ воздерженъ во всемъ, но тѣхъ часовъ уже нарочно всего вольно во всемъ себя допустилъ, не храня и не жалѣя своего здоровья». За полтавскую баталію, когда всѣ получали чины, деревни, кавалеріи, князь Борисъ не получилъ никакой награды [1]). Вообще средину 1709 г. князь Борисъ считалъ самымъ несчастнымъ временемъ своей службы и въ день своихъ именинъ 24 іюля 1709 г., стоя у ранней обѣдни въ кіевскомъ братскомъ монастырѣ, горько плакалъ, «вспоминая злости дней своихъ житіе».

Свое злоключеніе князь Борисъ приписывалъ навѣтамъ своего врага, князя Василія Владиміровича Долгорукова, но кажется справедливѣе думать, что самъ государь замѣтилъ, что князь Борисъ вовсе не военный человѣкъ, и на нѣкоторое время опалился на него, полагая, что его невоинственность происходитъ отъ лѣности и нерадѣнія. Но не надолго. Проницательный и разсудительный государь убѣдился, что нельзя требовать отъ человѣка того, чего онъ не можетъ дать, и что лучше отправить его на поприще, сообразное съ его природою. Пріурочивая князя Бориса къ дипломатическому поприщу, Петръ великій высказалъ не только свое обычное умѣнье распознавать людей, но также и свою разсчетливость. Государь соображалъ, что богатый князь Куракинъ въ состояніи будетъ поддержать при иностранныхъ дворахъ блескъ и достоинство русскаго двора, приплачивая къ царскому жалованью не малый процентъ изъ своихъ личныхъ доходовъ. «Послѣ знаменитой полтавской битвы», говоритъ Бергманъ въ исторіи Петра В. (VI, 183 и слѣд.), «жизнь князя Куракина была посвящена дѣламъ дипломатическимъ. Въ томъ-же году Петръ Великій послалъ Куракина въ Ганноверъ къ курфирсту Георгу Людвигу для склоненія его вступить въ союзъ съ Россіею, и потомъ въ Брауншвейгъ къ герцогу Антону Ульриху для окончательныхъ переговоровъ о бракѣ царевича Алексѣя Петровича съ принцессою Шарлоттою Христиною Софіею».

На ганноверскомъ посольствѣ, т. е. на половинѣ 1710 г. обрываются мемуары князя Куракина.

Для насъ мемуары эти имѣютъ двойной интересъ: общій и такъ сказать спеціальный. Общій интересъ заключается въ томъ, что онѣ

---

[1]) Поэтому совершенно несправедливо сообщается въ исторіи Петра В. Бергмана (т. VI, стр. 182), «что въ 1709 г. за оказанное въ полтавской битвѣ мужество князь Борисъ Ивановичъ произведенъ въ генералъ-маіоры».

показываютъ, какъ вырабатывался въ петровское время типъ русскаго западника и абсентеиста, любившаго болѣе жить въ западной Европѣ, нежели пребывать въ нѣдрахъ любезнаго отечества. Не обошлось при этомъ и безъ знаменитаго: Cherchez la femme!

Какъ самъ Петръ, такъ и его сподвижники церемонной монотонности московскихъ красавицъ предпочитали свободное обхожденіе западныхъ женщинъ *со всякимъ сладкимъ и человѣколюбнымъ пріемствомъ*. «Въ ту свою бытность (въ Венеціи), пишетъ князь Куракинъ подъ 1707—8 г., былъ наморатъ (влюбленъ) въ славную хорошествомъ оную читиденку,— называлась Signora Francesca Rotta, которую имѣлъ за метресу, во всю ту свою бытность такъ былъ inamorato, что не могъ ни часу безъ нее быть, которая коштовала мнѣ въ тѣ два мѣсяца 1000 червонныхъ [1]). И разстался съ великою плачью и печалью, ажь до сѣхъ поръ съ сердца моего тотъ амог не можетъ выдти, и чаю не выдетъ. И взялъ на меморію ея персону, и обѣщалъ къ ней опять возвратиться. «Между тѣмъ съ своею второю женою Марьею Ѳеодоровною Урусовою князь Борисъ жилъ неладно и даже сбирался отправить ее въ монастырь.

Далѣе: вообще заграничные люди, какъ болѣе проникнутые цивилизаціею, казались Борису Куракину гораздо симпатичнѣе, чѣмъ свои земляки и соотечественники. «Къ сему объявлю», писалъ князь Борисъ, «особливую любовь и пріемность въ чужихъ отъ всѣхъ имѣлъ, нежели въ своихъ кралхъ». О своихъ-же русскихъ сослуживцахъ князь Борисъ, обойденный наградою послѣ полтавской баталіи, отзывался такъ: «хотя и гордо о семъ напишу, однако натура моя силуетъ объявить, что нѣкоторые взысканы именъ рангу генералъ-маіора, но о тѣхъ объявлю предъ собою глупыхъ, худыхъ, безъ показанія всякаго добра и заслуги, и незнаемыхъ не токмо въ другихъ, но и въ томъ дѣлѣ, въ которое и призваны и донынѣ обрѣтаются, токмо наполненныхъ злости ко всѣмъ, пьянства и завидости, и губленія какъ ближнихъ, такъ и дальнихъ. Охъ моего плача, охъ моего воздыханія!» и проч.

Наконецъ, какъ человѣкъ очень богатый, князь Борисъ за границею могъ пользоваться всѣми удобствами для леченія и житейскаго комфорта, какихъ не находилъ внутри Россіи.—Иностранными-же языками, особенно итальянскимъ и французскимъ, князь Борисъ владѣлъ совершенно свободно.

[1]) Слѣдовательно вдвое болѣе, чѣмъ сколько за этотъ-же періодъ собиралось квартирной подати со всего московскаго государства. Квартирной подати, по счету Бориса Куракина, собиралось въ годъ 4,000 р. с., слѣдовало въ два мѣсяца 666 р. с., по тогдашнему курсу 444 червонца.

Болѣе 20 лѣтъ своей жизни князь Борисъ прожилъ за границею и притомъ не по неволѣ, а по своей охотѣ. Печатаемые мемуары, объемлющіе едва 4 года разновременной заграничной жизни князя Бориса, показываютъ, какъ зародилась въ немъ эта охота.

Спеціальный для *Кіевской Старины* интересъ записокъ князя Бориса опредѣляется тѣмъ, что онъ нѣсколько разъ бывалъ въ Кіевѣ около времени полтавской баталіи и между прочимъ въ ноябрѣ 1708 г. послѣ измѣны Мазепы нарочито былъ посланъ въ Кіевъ, чтобы привезти изъ Кіева въ Глуховъ митрополита Іосифа Кроковскаго, печерскаго архимандрита и другихъ важнѣйшихъ духовныхъ лицъ, для участія въ избранія новаго гетмана,—обстоятельство доселѣ неизвѣстное въ мѣстной исторіи. Въ Кіевѣ-же послѣ полтавской баталіи князь Борисъ оплакивалъ «злости дней своихъ житіе».

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о литературномъ характерѣ записокъ князя Бориса. Они ведены по годамъ жизни автора; отъ 20 іюля (дня рожденія автора) извѣстнаго года до 20 іюля слѣдующаго года. Въ каждомъ году сначала идутъ личныя приключенія автора, затѣмъ замѣтки объ общественной жизни, замѣтки большія частію краткія и отрывочныя; но въ архитектурномъ, такъ сказать, отношеніи построеніе записокъ стройное, однообразное и правильное. Часто дѣлаются ссылки на особыя записи автора (о вояжахъ, о дипломатическихъ дѣлахъ, о болѣзняхъ) [1]).

Упоминая о стрѣлецкихъ бунтахъ, авторъ замѣчаетъ, что для полнаго описанія ихъ потребна была-бы особая книга. Языкъ мемуаровъ—неправильный, испещренный множествомъ иностранныхъ словъ, иногда исковерканныхъ; напримѣръ *ребелліоны, акордъ, афронтъ, персона, конфузіи, аліансъ* и т. д. Грамматическое построеніе рѣчи также часто невѣрное и неправильное, да и въ самомъ изложеніи часто недостаетъ ясности, связности и толковитости. Вотъ образчикъ:

Того года сдѣлана ближняя канцелярія подъ судомъ думнаго дворянина Никиты Зотова. То умно и похвально. О всякихъ дѣлъ, что со всѣхъ приказовъ по вся недѣли вѣдомость, что́, гдѣ чего въ приходѣ денегъ и прочаго, такожде и въ расходѣ, и кому что должно на что расходъ держать, и всего государства весь расходъ въ оклады и приходы и всѣ расходы съ оклады и безъ окладовъ. Что хотѣлъ сказать авторъ этою тирадою?—Не смотря на несвязность изложенія,

---

[1]) Послѣднія приложены *a parte* при издаваемой рукописи, вторые хранятся вѣроятно при архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

въ рѣчи автора все-таки кое-гдѣ прорывается бойкое и животрепещущее русское слово. Что касается орѳографіи подлинника, то въ немъ, кромѣ особенностей правописанія того времени, есть не мало прямыхъ ошибокъ: удерживаемъ при печатаніи существенное, постоянное, опускаемъ колеблющееся, случайное, примѣняясь въ послѣднемъ случаѣ къ современному русскому правописанію.

Такъ какъ первые источники имѣютъ то свойство, что открываютъ для каждаго изслѣдователя новыя и различныя стороны предмета, то, оставляя дальнѣйшій анализъ записокъ князя Куракина, приглашаемъ любителей русской исторіи непосредственно ознакомиться съ этимъ совершенно новымъ, доселѣ неизвѣстнымъ, литературнымъ памятникомъ петровскаго времени. **Ф. А. Терновскій.**

Записки князя Бориса Ивановича Куракина съ собственноручными приписками и поправками автора, обнимающія періодъ времени съ 1676 г. по 1710 г. Источникъ для исторіи петровскаго времени, совершенно новый, въ нашей литературѣ неизвѣстный. Рукопись покойнаго А. Е. Викторова, завѣдывавшаго отдѣломъ рукописей въ Румянцевскомъ музеѣ.

Отъ сотворенія 7184, отъ воплощенія 1676 г. іюля 20, въ началѣ 7 часу дня, а по астрономически 11-го рожденіе.

Р. В. І. К. К. (Prince Boris Iwanowicz Koribut-Kourakin?)

(Далѣе слѣдуетъ кругообразный рисунокъ, должно полагать гороскопъ, обозначающій положеніе планетъ при рожденіи князя Бориса).

Въ царство царя Ѳеодора Алексѣевича, которой былъ мнѣ воспріемникомъ [2]), также и сестра его царевна Екатерина Алексѣевна [3]). И по рожденіи мать моя [4]) скончалась въ пяти недѣлѣхъ, которую болѣзнь получила отъ самого моего рожденія. При томъ случьѣ по крещенію имѣлъ щастье немалое: какъ бы сподѣвалися быть фаворитомъ, только не допустила его смерть, понеже царя Ѳеодора Алексѣе-

---

[1]) Царю было тогда 15 лѣтъ и 2 мѣсяца, а отъ воцаренія его (1676 года января 30) прошло только около $^1/_2$ года. Причиною царевой милости къ роду Куракиныхъ было конечно то, что дядькою молодаго царя былъ ближній бояринъ князь Ѳеодоръ Куракинъ.

[2]) Дочь царя Алексѣя Михайловича отъ 1-го брака, по счету 4-я, тогда 19-лѣтняя.

[3]) Княгиня Ѳеодосія Алексѣевна Куракина, урожденная Одоевская.

вича 90 годъ не стало [1]). И отъ того времени въ возрастѣ младенчества всегда имѣлъ щастье отъ всѣхъ людей, всегда сподѣваючись во снѣ нѣкоторого впредь состоянія доброго. Токмо всегда зоставалъ въ болѣзнехъ; первая имѣлъ великую грыжю, и оттого трехъ лѣтъ отъ Симона дохтура рѣзанъ былъ; и потомъ на четвертомъ году на плюснѣ лѣвой ноги также рѣзанъ былъ, гдѣ наростало мясо дикое, отъ того-жъ дохтура.

Житія моего годъ 1-й.

Отъ 1677 года іюля 20 по 1678 годъ іюля 20.

Годъ 2-й.

Отъ 1678 года іюля 20 по 1679 годъ іюля 20.

Годъ 3-й.

Отъ 1679 года іюля 20 по 1680 годъ іюля 20.

Годъ 4-й.

Отъ 1680 года іюля 20 по 1681 годъ іюля 20.

Годъ 5-й.

Отъ 1681 года іюля 20 по 1682 годъ іюля 20.

Годъ 6-й.

Отъ 1682 года іюля 20 по 1683 года іюля 20 [2]).

Того года не стало царя Ѳеодора Алексѣевича послѣ святой недѣли [3]), и былъ бунтъ отъ стрѣльцовъ. А прежде того бунту въ великой постъ не стало дѣда князь Григорья Семеновича. Тогожь году въ бунтъ были въ великомъ страхованіи, и нѣкоторые дни были въ похоронкахъ, для того что отца князь Ивана Григорьевича тѣ бунтовщики хотѣли убить. Тогожь году отцу князь Ивану Григорьевичу сказано на воеводство въ Смоленскъ. И на выѣздѣ въ тотъ походъ изъ

[1]) Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ скончался 27 апрѣля 1682 г., слѣдовательно тогда нашему автору было 5 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ.

[2]) Во всѣхъ предъидущихъ цифрахъ есть ошибка на одинъ годъ; авторъ поправляетъ ее, начиная съ слѣдующаго 7-го года своего житія, но именно вслѣдствіе этой поправки одинъ 1682—83 годъ выходитъ въ дублетѣ, т. е. считается и 6-мъ и 7-мъ годомъ житія князя Бориса Куракина.

[3]) Государь скончался 27 апрѣля 1682 г., въ четвергъ на Ѳоминой недѣлѣ, а стрѣлецкіе бунты были 15—17 мая.

Москвы у креста по Троицкой дорогѣ мнѣ прилало великое несчастье: упалъ на скоку съ инаходца, который мнѣ данъ съ конюшни государевой. Съ которого спадчи, а одна нога въ стремени завязла. И скакала, ажь пока сама стала, и такъ всю спину ободрала; ажь тотъ убой мнѣ не пришелъ къ самой смерти. И того году на царство выбрали царя Петра Алексѣевича [1]), и потомъ нѣкоторое малое время спустя тогожъ году выбрали на царство брата Іоанна Алексѣевича [2]). И съ того за малолѣтствомъ ихъ начела въ управленіи государства царевна Софья Алексѣевна [3]).—Во всѣ тѣ годы великую тягость имѣлъ отъ каменной болѣзни (т. е. отецъ автора записокъ).

Годъ 7-й.

Отъ 1682 года іюля 20 по 1683 годъ іюля 20.

Того году отца князь Ивана Григорьевича не стало въ Смоленску каменною болѣзнью. Имѣлъ я у отца бо́льшую любовь предъ другими дѣтьми. И на память той милости при концѣ живота благословилъ образъ Спасителевъ нерукотворенного, которымъ его благословилъ также отецъ, а мой дѣдъ. Тогожъ году, по возвращеніи изъ Смоленска съ тѣломъ ево, и погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ. И мачиха княгиня Марья Петровна съ полгода спустя родила сына, брата князь Ивана Ивановича, которому день тезоименитства его ноября 13 дня, Іоанна Златоустого. А по смерти отца нашего зосталися братъ князь Михайло Ивановичь, и сестра княгиня Марья Ивановна, и я князь Борисъ. И съ того году въ нашемъ томъ сиротствѣ не оставила насъ и домъ нашъ бабка наша княгиня Ульяна Ивановна Одоевска, супруга князь Алексѣя Никитича, сына князь Никиты Ивановича Одоевскаго, а мать нашей матери княгини Ѳедосьи Алексѣевны. Могу объ ней описать, что оная жена была великого разума и въ почтеніи отъ всѣхъ.

Тогожъ году пожалованъ я въ спальники къ царю Петру Алексѣевичу, и началъ того году учиться грамотѣ по словенскій.

Годъ 8-й.

Отъ 1684 года іюля 20 по 1685 годъ іюля 20.

---

[1]) 27 апрѣля 1682 года.

[2]) 23 мая 1682 года.

[3]) 29 мая 1682 года.

Годъ 9-й.

Отъ 1684 года іюля 20 по 1685 годъ іюля 20.

Того году не стало мачихи нашей, а погребена въ Чудовѣ-жъ монастырѣ. А братъ князь Иванъ Ивановичъ въ сиротствѣ томъ остался въ той же опекѣ бабки княгини Ульяны Ивановны. И того года окончалъ грамотѣ учитца. По смерти своей мачиха наша княгиня Марья Петровна оставила духовную, въ которой написала, что деревни ее приданые всѣ сыну еѣ-жъ, а нашему брату князь Ивану, а ежели сына еѣ не станетъ, а нашего брата, тѣ всѣ деревни намъ брату князю Михайлу Ивановичу, и мнѣ, и сестрѣ княжнѣ Марьѣ. И та духовная засвидѣтельствована.

Годъ 10-й.

Отъ 1685 года іюля 20 по 1686 годъ іюля 20.

Того году ходилъ у полатъ своихъ по подвезямъ и съ тѣхъ подвезей упалъ съ самого верху, такъ расшибся, что съ два часа замертво лежалъ, и отъ тѣхъ побой знакъ имѣлъ, на исподней губѣ шишку.

Годъ 11-й.

Отъ 1687 года іюля 20 по 1688 годъ іюля 20 [1]).

Того году первой крымской походъ [2]); и гетмана перемѣнили Ивана Самойловича [3]).

Годъ 12-й.

Отъ 1688 года іюля 20 по 1689 годъ іюля 20.

Того году другой крымской походъ [4]).

Годъ 13-й [5]).

Того году царь Петръ Алексѣевичъ женился на царицѣ Авдотьѣ Ѳедоровнѣ, фамиліи Лопухиныхъ.

---

[1]) Ошибка. Пропущенъ 1686—87 г., соотвѣтствующій 11 году жизни автора. Слѣдовательно 1687—88 годъ соотвѣтствуетъ 13-му году жизни автора. Эта ошибка исправится нижеслѣдующимъ выставленіемъ 12 года жизни, безъ соотвѣтственной хронологической даты.

[2]) Отъ мая по августъ 1687 г.

[3]) 22 іюля 1687 года.

[4]) Отъ 18 сентября 1688 г. по іюль 1689 г.

[5]) См. примѣчаніе къ 11 году жизни.

Того году весь нашъ домъ погорѣлъ, той ночи, что́ было на новоселье и просили всѣхъ кушать. И въ томъ пожарѣ великій убытокъ былъ. И такъ великъ пожаръ былъ, что нашихъ три двора сгорѣло: тотъ дворъ, гдѣ мы жили, другой—Сицкой, третей—загородной Сицкой.

Въ томъ году царь Петръ Алексѣевичь тайно изъ Преображенскаго со всѣмъ дворомъ пошелъ къ Троицѣ отъ ребелліоновъ стрельцовъ, и былъ тамъ до осени, для того покамѣстъ Щегловитова привезли и голову отсѣкли. А царевна Софья Алексѣевна пошла жить въ дѣвичей монастырь. И того времени имѣли страхъ великій отъ бунтовъ; ся требуетъ большого вѣденія особую книгу.

Годъ 14 й.

Отъ 1689 года іюля 20 по 1690 годъ іюля 20.

Того году родился царевичъ Алексѣй Петровичь передъ масляницею или въ великій постъ [2]); тезоименитство его Алексѣя человѣка Божія.

Годъ 15 й.

Отъ 1690 года іюля 20 по 1691 годъ іюля 20.

Того года царевичъ Александро Петровичь родился, и жилъ съ полгода или съ годъ, и не стало.

Того году была потѣха подъ Семеновскимъ. И всѣ тѣ годы отъ 9 или 10 году и по сей годъ, имѣлъ великое несчастіе: по вся годы лежалъ огневою лихорадкою многое время такъ, же уже и въ людяхъ зоставалъ въ такомъ словѣ: come quasi matto (какъ дурака). И непріеменъ былъ отъ всѣхъ, а найпаче всего a unto gran satisfazione di bere, отъ чего получилъ великие болѣзни, кровь свою испортилъ и былъ гораздо толстъ. Тогожъ году пришла ко мнѣ болѣзнь въ осень самую—месеца ноября или октября—чечуйная, которую лѣчилъ Евдокимъ полякъ, сажалъ на кадку паровъ, которая болѣзнь мнѣ была вельми трудна.—И того года передъ масляницею зговорилъ я женитца на дочери Ѳеодора Абрамовича Лопухина. Уже мнѣ была супругою кня-

[2]) Дворы, такъ называемые Сицкіе, вѣроятно достались фамиліи Куракиныхъ послѣ вымершаго дому князей Сицкихъ.

[2]) 18 февраля 1686 года, во вторникъ въ недѣлю, предшествующую масляницѣ.

гиня Ксенія Ѳедоровна. И передъ маслиницею былъ зговоръ публичный, на которомъ зговорѣ всѣ бояре были, и другія персоны, и дарили. И въѣздъ былъ осмью саньми: первые—братъ князь Михайло Ивановичь, да изъ Одоевскихъ князь Юрья; другіе—князь Петръ Голицынъ, да князь Дмитрей Голицынъ; третьи—князь Петръ Долгорукой, да Матвѣй Пушкинъ; пятые—князь Борисъ Голицынъ, да Петръ Салтыковъ; шестые—князь Петръ Прозоровской, да Василей Салтыковъ; седьмые—князь Михайло Яковлевичъ Черкасской, да Одоевской князь Михайло; осьмые—князь Яковъ Никитичъ Одоевской со мною; на которой церемоніи многіе дары были отъ всѣхъ.

И тогожь году сестра моя Марья Ивановна зговорена за Ивана Степановича Салтыкова.

И тогожь году я женился лѣтомъ послѣ Петрова дня, и помнится мнѣ—6 іюля, а вѣнчался въ Преображенскомъ.

И того лѣта послѣ Петрова дня его величество пошелъ въ Переславль со всѣмъ дворомъ. И сентября съ Переславля возвратился, и была потѣха подъ Семеновскимъ. И я былъ въ ту пору въ рейтарахъ въ ротѣ генерала Гордона.

Того году (Іоакима) патріарха не стало, а на его мѣсто поставили Адріана патріарха.

Годъ 16-й.

Отъ 1691 года іюля 20 по 1692 годъ іюля 20.

Того году сестра Марья Ивановна выдана замужъ въ осень за Ивана Степанова сына Салтыкова; а за нею въ приданое дано деревень: Васисино въ кашинскомъ уѣздѣ, Уварова на Коломне, да вологоцкая—Богородское, въ Суздалѣ Носково, въ Володимерѣ Подмосковная, Афонасково, Жирятино въ Кромахъ, всего будетъ 500 дворовъ, да приданаго на 10 тысячъ. И рядная подписана.

Тогожь году въ осень до самого Рождества Христова бабка княгиня Ульяна Ивановна насъ изволила подѣлить всѣхъ трехъ братей, и треть Курская съ вотчинами другими досталась брату князь Михайло Ивановичу, а треть Приимнова съ вотчинами другими досталася брату князь Ивану Ивановичу, а треть Порзная съ вотчинами другими досталася мнѣ, которая была всѣхъ хуже и бѣднѣе. И такъ было

бѣдно, ажь хлѣбъ два годы и ветчину покупалъ, и иное многое; также и во всемъ домовныхъ вещей все мнѣ худое съ жеребья доставалося. А дворы московскіе, что́ большой на Месницкой съ каменными палаты и что́ на Срѣтенкѣ называется Сицкой, всѣ тѣ оба по третямъ имѣлъ; обоихъ дворовъ свои трети я продалъ брату князь Михайлу Ивановичу за 3110 рублевъ, и половину двора спозняго загородного, для того что загородной дворъ тотъ намъ обѣимъ достался зъ братомъ князь Михайломъ Ивановичемъ, а брату князь Ивану загородной дворъ достался, что́ называется Сицкой.

И того году послѣ Рождества Христова бабки княгини Ульяны Ивановны не стало, генваря 4 дня въ ночи, и погребена въ Чудовѣ монастырѣ. И потомъ жили вмѣстѣ только до великого поста. И я переѣхалъ въ Китай жить на дворъ свой, который мнѣ пожаловала бабка княгиня Ульяна Ивановна; а переѣхалъ на 1-й недѣлѣ и жилъ на Вологоцкомъ подворьѣ, для того что полаты были не здѣланы. И въ то время жена моя была болна, княгиня Ксенья Ѳедоровна, и лечилъ въ тотъ великой постъ думный дьякъ Митрофанъ Тугариновъ, и сажалъ въ пары, и никакой получила себѣ свободу. И на свѣтлое воскресенье на новоселье въ полаты свое жить, и съ того времени началъ своимъ домомъ жить, а братъ князь Михайло Ивановичь и братъ князь Иванъ остались жить въ домехъ своихъ, на старомъ дворѣ, и въ управленіи братня дому князь Ивана почалъ управлять князь Петръ Ивановичь Прозоровской.

Годъ 17-й.

Отъ 1692 года іюля 20 по 1693 годъ іюля 20.

Того году потѣха была подъ Семеновскимъ послѣдняя.

И тогожъ году царицы Наталіи Кириловны не стало въ генварѣ мѣсяцѣ.

И на весну того года его величество былъ у города Архангелского вдругоретъ; а прежде того при матери одинъ разъ былъ. А я въ ту пору былъ въ градусѣ со спальниками, а не съ начальными людьми.

Годъ 18-й.

Отъ 1693 годъ іюля 20 по 1694 годъ іюля 20.

Того году 202 подъ Кожуховымъ была, пришедъ отъ города, потѣха, гдѣ были взяты и спальники въ ту потѣху комнаты царя Ивана Алексѣевича первой разъ.

И той зимы объявлена публично война съ туркомъ; и здѣлались итить водою на весну. И апрѣля послѣ святой недѣли пошли водою, Москвою рѣкою, и Окою, и Волгою, ажь до самого Царицына. И въ тотъ походъ я пошелъ въ Семеновскомъ полку въ первой ротѣ прапорщикомъ, а написанъ прежде того толко за два мѣсяца.

И того году, бывъ подъ Азовымъ, въ командѣ трехъ генераловъ Лефорта, Гордова, Артамона Головина, да князь Борисъ Алексѣевичъ съ низовою конницею, да съ атаманы Фролъ Минаевъ съ козаками, и всего было до 30 тысячъ, и стояли по октябрь первое число, и съ того числа отставили, и не взели.

Въ которомъ походѣ великое было несчастье на всѣхъ людей отъ турковъ вылазками на шанцы, и всѣхъ побивали, а также болѣзнями, а по отходѣ, какъ степью шли, отъ великой стужи многіе помирали. А мнѣ особливо было несчастье: мѣсяца іюля, или иного, не упомню, турки вышли на вылазку въ самые полдни на генеральство Гордонова стрѣльцевъ, гдѣ работа, было всѣхъ ихъ 4,000, и всѣ шанцы генерала Гордона вырубили и ажь до самово обозу, и артиллерію тягостную заклепали, а 9 пушекъ полковыхъ повезли въ городъ. И на выручку того посланы были полки отъ генерала Головина стрѣлецкіе, въ томъ же числѣ и нашего Семеновского половина полку; въ которыхъ ротахъ и я знаменемъ бѣлымъ былъ отъ 1-й роты своего регименту, на которой вылазкѣ въ бою, ажь до самого вечера, то у мене въ рукахъ знамя пробили зъ города два разы изъ пушки, и мнѣ кафтанъ подъ лѣвую пазуху прострѣлили и рубашку, только что мало тѣла не захватило. И на той вылазкѣ Семеновской полкъ первое слово зажили, что добрые салдаты.

А въ томъ-же походѣ тогожь полку братъ князь Михайло Ивановичъ былъ въ 5 ротѣ поручикомъ. И какъ поѣхалъ къ Москвѣ, и на дорогѣ на Сѣверскомъ Донцу брата князь Михайла Ивановича не стало, октября 23 въ ночи съ вечера. И съ тѣломъ его оставленъ былъ Антонъ Болотовъ до зимнего пути; и въ ноябрѣ привезли къ Москвѣ; и погребенъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ. А послѣ его осталась супруга княгиня Мавра Дмитріевна, да сынъ князь Василій, да двѣ дочери—княжна Марья, да княжна Прасковья.

И какъ пріѣхали, перешедъ степь, на Валуйки, и отъѣхалъ отъ Валуекъ верстъ съ 15, припала мнѣ горячка вельми зла; и до Старого Оскола довезли больново, и тутъ лежалъ. И по трехъ днихъ метали кровь исъ правой руки, ничимъ же получилъ способу и отчаенъ былъ къ смерти. Токмо въ 7-й день въ самомъ безпамятствѣ людямъ своимъ велѣлъ принесть воды самой холодной со льдомъ ушатъ, а самъ легъ на постелю и велѣлъ себя поливать въ такомъ самомъ жару, ажъ покамѣстъ пришолъ въ безпамятство и заснулъ; и заснувъ пробудился отъ великого холоду, и озябъ; и потомъ велѣлъ себя положить къ печи и окутать, и пришелъ въ великой потъ, и спалъ чуть не цѣлые сутки. И по томъ сну пробудясь, пришелъ въ великую тощету и слабость; а жару и ознобу или какъ лихорадки и огневой больше не послышалъ въ себѣ, только въ великой слабости былъ, такъ что не могъ ходить дни съ четыре; и потомъ имѣлъ великій опетитъ до яденья. И по осени къ Николину дни пріѣхалъ въ домъ свой.

И въ прошедшемъ 203 году то все было, возвращеніе изъ подъ Азова съ 1 числа.

Того году почали брать подводы со всего государства для повозокъ съ Москвы полковъ и артиллеріи и другихъ рѣчей.

Годъ 19-й.

Отъ 1694 года іюля 20 по 1695 года іюля 20.

Того года въ зимѣ генваря царя Іоанна Алексѣевича не стало.

Той же зимы родилась дочь княжна Татьяна Борисовна, генваря первого часа, а тезоименитство генваря 12.

И ту зиму жили до самого марта, а въ мартѣ пошли на Воронежъ съ полками подъ командою всѣ генерала Алексѣя Шеина. И съ Воронежа послѣ святой недѣли пошли водою подъ Азовъ рѣкою Дономъ стругами. И въ тотъ походъ другой Азовской былъ въ поручикахъ у 1-й роты въ командѣ полковника Чамберса. И потомъ стояли и взяли Азовъ іюля мѣсяца на окортъ, а турокъ всѣхъ выпустили. И потомъ взявъ наши полки, отпустили вверхъ Дономъ до Донецкого; и шли лодками и стругами 6 недѣль.

И того лѣта домъ мой весь погорѣлъ въ мѣсяцѣ маѣ или іюнѣ.

И племянника моего князь Василья не стало апрѣля мѣсяца.

Годъ 20-й.

Отъ 1695 года іюля 20 по 1696 годъ іюля 20.

Того года взявъ Азовъ, пришедъ изъ подъ Азова, октября первыхъ чиселъ, шли строемъ въ тріумфальные ворота на Каменной мостъ. И въ томъ строю въ Семеновскомъ полку везли измѣнника Яшку на телегѣ роскована, и кругомъ его стояли палачи, который измѣнилъ подъ Азовомъ въ первой походъ и учинилъ вылазку большую, о которой выше описалъ, противъ Гордона. А былъ народу галандского, а служилъ въ бомбардирахъ. А передъ тою телѣгою шли за поручиковъ мы, князь Михайло Голицынъ да я; а позади насъ приставомъ у того измѣнника Василій Соковнинъ, у котораго отъ всѣхъ тѣхъ замковъ ключи были. А господинъ Шеинъ ѣхалъ, убравшись со всѣмъ дворомъ верхомъ, и знамена волокли предъ нимъ всѣ шведскіе (турецкія?).

И той осени въ приходѣ изъ подъ Азова получилъ я себѣ великую болѣзнь, мѣсяца ноября имѣлъ гипохондрію и меленхолію. Такъ былъ въ домѣ своемъ, что николи радощенъ зоставалъ и всегда плакалъ, а причины той ни мало не зналъ, для чего такъ. Также и въ затылкѣ самомъ мозгъ мнѣ тѣснило, и великую мнѣ во всемъ слабость и тощету придавало; такъ было, что чуть живъ ходилъ и до ѣды опетиту ни мало не имѣлъ. И того ноября дохтуръ Канбонарій началъ лѣчить и ни мало пользы учинилъ, которой металъ руду изъ лѣвой руки отъ мизинца самаго изъ жилы. И послѣ Рождества Христова найпаче припала мнѣ болѣзнь и тѣснила голову и такъ мозгъ слышно было, какъ бы всего сжато было. И отъ Лаврентія я свободы не получилъ.

И генваря мѣсяца обѣ комнаты спальники выбраны на двѣ партія; одна въ Голландію, а другая въ Италію, сказано ѣхать для наукъ навигатичныхъ; въ тѣхъ же и мнѣ. И ту зиму збирались. И такъ я зоставалъ въ болѣзни своей той ажь по самый февраль. И февраля начелъ лечить Спиридонъ грекъ, отъ котораго въ квасу принялъ кислые капли трижды, и отъ той меленхоліи получилъ свободу, такъ что къ тому уже не помянулося. А отъ чахотной болѣзни ниже что́ получилъ, и съ тѣмъ поѣхалъ въ Италію, о которомъ пользованіи тамъ покажу ниже.

Того года въ ребеліи Соковнина, Циклера, Пушкина казнили, которые умышляли бунтъ.

И марта мѣсяца въ первыхъ числѣ поѣхали въ Италію, а путь свой имѣли на Смоленскъ и Литвою, на Могилевъ, на Минскъ, на Варшаву, на Ченстоховъ, на Слезію и на Муравію, на Ульмницъ, на Вѣну, столицу цесарскую и чрезъ горы въ Венецію. А подъемъ того мнѣ сталъ 1500 червонныхъ, а червонной купилъ по 40 алт. и съ алтыномъ и съ полугривною; и такъ кладу на деньги 1900 рублевъ. А проѣзду нашего до Венеціи было мартъ, апрѣль, май и въ іюнѣ пріѣхали.

Годъ 21-й.

Отъ 1696 года іюля 20 по 1697 годъ іюля 20.

И того мѣсяца та мнѣ припала лихорадка, которуя тримала больше шести недѣль, и потомъ свободился отъ дохтора Александра грека, который живетъ въ Венеціи.

И въ ту бытность мою въ Венеціи по отъѣздѣ моемъ родился сынъ князь Александръ мѣсяца іюля 31 день, а тезоименитство его августа 30 день.

И сентября въ послѣднихъ числахъ поѣхали на кораблѣ по морю, и были въ Далмаціи и доѣхали до Рагужи. Изъ Рагужи въ филегѣ поѣхали чрезъ голфу Венецкую въ Баръ градъ, гдѣ мощи чудотворца Николая, и имѣли въ томъ проѣздѣ великой страхъ, и такъ были въ страхѣ, ажъ не потонули. И за противностію вѣтровъ, отъѣхавъ отъ Рагужи съ 30 верстъ, стояли 12 дней и такъ пришли до такой трудности, что чуть было что стало ѣсть. И бывъ въ Барѣ у чудотворцовыхъ мощей, потомъ были въ Неаполю и въ Римѣ и возвратились въ Венецію, жили до другова лѣта. И на лѣто опять были на морѣ. И возвратясь во осень мѣсяца октября изъ Венеціи, поѣхали къ Москвѣ чрезъ Вѣну и на Краковъ, а съ Кракова на Киевъ, и въ Киевѣ сподобились видѣть мощи чудотворцевъ печерскихъ.

И въ бытность свою тамъ учился наукъ математическихъ, и выучился ареометики, гиометры, теорики 5 книгъ Евклидеса, гиометры практики, тригонометры пляны, остронoміи часть да навтики, навтики механики, фортификаціи оффенсивы и дефенсивы. И въ свидѣтельство всѣхъ тѣхъ моихъ наукъ отъ мастера и за Венецкого князя рукою сви-

дѣтельствованной листъ (получилъ). И также нѣкоторую часть въ разговорѣ и читать и писать итальянского языку научась доволенъ.

И то все прешедшее было, и возвратились сихъ годовъ[1]).

Того году табакъ велено публично продавать и отдать на откупъ Мартину Орлонку, отставному стрѣльцу, который уже былъ въ посадцкихъ, и потомъ нѣкоторое время былъ и сосланъ въ ссылку въ Азовъ. А тотъ табакъ былъ отданъ аглинской компаніи на годъ за 80,000 рублевъ.

Того году на Воронежѣ зачели строить корабли и флотъ морской завелся, которая команда была вручена окольничему Александру Протасьеву, а послѣ Ѳедору Алексѣевичу, которые назывались адмираллтейцы; и сначала вдругъ завели съ 40 кораблей, и сдѣлали нѣсколько галеръ, также и нѣсколько судовъ малыхъ, которые потребны для провіанту.

Тогожъ году начались отъ людей боярскихъ и отъ другихъ многіе доводы, и многіе стали сказывать за собою государево слово, которые дѣла были вѣдомы подъ судомъ его милости князь Ѳеодора Юрьевича Ромодановского.

Годъ 22-й.

Отъ 1697 года іюля 20 по 1698 годъ іюля 20.

И потомъ 206 г. февраля мѣсяца возвратились, рожденія моего 22 г.

И по пріѣздѣ моемъ къ Москвѣ на 3-й день жены моей княгини Ксеніи Ѳедоровны не стало. А болѣзнь ея скорбудина и примала салеваціонъ и не поднела натура, и такъ мокротою пришла въ горло и задавила. И погребена въ Чудовѣ монастырѣ. И потомъ жилъ на Москвѣ только четыре недѣли и поѣхалъ на Воронежъ для свидѣтельства своихъ наукъ.

И того году его величество поворотился изъ Вѣны за бунтовщиками стрѣльцами, которые хотѣли, пришедъ къ Москвѣ, всѣхъ вырубить. И той осени кругомъ Москвы перевѣшали болѣе 2000 человѣкъ.

---

[1]) Вѣроятно ко времени пребыванія князя Бориса въ Италіи относится письмо доктора медицины падуанской академіи Калафатія грека о комплексіи князя Бориса и о потребной для него діэтѣ. Письмо это приложено особо въ русскомъ переводѣ и начинается такъ: *Пречестнѣйшему мужу, бывшу 22-хъ лѣтъ и содержащу сложеніе до всего жаркое и мокрое, обаче съ преизобиліемъ жару и проч.*

И пріѣхавъ на Воронежъ свидѣтельствовался въ наукахъ навтичныхъ, и при томъ свидѣтельствѣ нѣкоторое счастье себѣ видѣлъ отъ его величества и отъ всѣхъ, и не такъ сталъ быть пріменъ, какъ прежде того, о чемъ выше явилъ. И отъ нѣкоторыхъ стало происходить слово о мнѣ доброе и не причитаючи cwiakonom или невоздержнымъ, но ко всѣмъ благимъ. И съ Воронежа всѣхъ по свидѣтельству отпустили, а мнѣ и Василью Толочанову велѣно ѣхать подъ Азовъ, въ керченской походъ.

Того-жъ году сдѣлана ближняя канцелярія подъ судомъ думного дворянина Никиты Зотова. То умно и похвально; отъ всякихъ дѣлъ, что́ со всѣхъ приказовъ по вся недѣли вѣдомость, что́, гдѣ, чево въ приходѣ денегъ и протчего, также и въ росходѣ, и кому что́ должно на что росходъ держать; и всего государства весь росходъ съ оклады и приходы, и всѣ расходы съ оклады и безъ окладовъ.

Того году началась въ нашемъ государствѣ кавалерія св. Андрея; и первая дана Ѳедору Головину, другому гетману Мазепѣ.

Тогожъ году состоялся указъ носить платье венгерское, и потомъ спустя съ полгода состоялся указъ носить всѣмъ платье мужеское и женское немецкое. И для того были выбраны по воротамъ цѣловальники, чтобъ смотрѣть того, и съ противниковъ указу брали пошлину деньгами, также рѣзали и драли. Однакожъ чрезъ три года насилу уставились.

Годъ 23-й.

Отъ 1698 годо іюля 20 по 1699 годъ іюля 20.

Изъ подъ Азова ходили со всѣми судами на Таганрогъ, и съ Таганарога ходили моремъ въ Керчь, для провожанія нашего посла Украинцова, которой былъ въ Царѣградѣ. А то мѣсто Керчь въ самомъ въ Крыму. И потомъ возвратясь подъ осень, пришли къ Москвѣ октября мѣсяца. А въ томъ морскомъ походѣ былъ я за валентера на галерѣ Шаутбейнагта (Штаубеказа?).

И того лѣта безъ меня домъ мой погорѣлъ; а дѣти были больны оспою и корью чуть не къ самой смерти. И въ октябрѣ возвратясь, и того года зимою предъ маслиницею брата князь Ивана князь Петръ

Прозоровской безъ меня сговорилъ его на дочери у Тихона Никитича Стрѣшнева. И того лѣта послѣ святой недѣли женился.

Тогожь году [1]) былъ пожаръ на Москвѣ великой, какъ шли послы шведцкіе, такъ что весь Китай выгорѣлъ и другіе мѣста въ Бѣломъ городѣ по Неглинну, и въ Кремлѣ весь домъ государевъ погорѣлъ; и на другой день и колокольня большая, и большой колоколъ подгорѣлъ и упалъ, и роскололся, также и Успенской розбился, и другіе колокола попадали, такъ что николи таковаго пожара слышать. И всю святость изъ собору принципальные вынесли вонъ. И такъ было, что земля горѣла. А изъ собору несли все то пѣшкомъ архіерей, и архимандриты, и священники, а посохъ Петра митрополита несъ Тихонъ Стрѣшневъ въ Никитской монастырь. И казенный дворецъ весь погорѣлъ, и письма всѣ сгорѣли старинные; только тѣ остались, которые были въ ящикахъ у подьячихъ. А другіе приказы всѣ цѣлы.

Того году флотъ морской выступилъ на море Азовское, и ходили подъ Керчь, откуду однемъ кораблемъ посолъ Украинцовъ въ Царьгородъ. И тотъ корабль на другое лѣто возвратился въ Азовъ, а посолъ сухимъ путемъ пришелъ. А на томъ кораблѣ былъ капитаномъ Петръ Бамбурхъ, голандецъ.

Того году начались прибыли. Первая выдана человѣкомъ боярскимъ Бориса Шереметева Алексѣемъ Курбатовымъ, которой нынѣ въ дьякахъ и регентомъ въ бурмизской полатѣ или въ ратушѣ, а прежде того сидѣлъ въ Оружейной полатѣ, которой вымыслилъ на Ивановской площади продавать бумагу за розными величествомъ гербами, и всякія приказныя письма между челобитчиковъ и крѣпости писать, какъ о томъ показано въ указѣ. И съ того збору збиралося во всемъ государствѣ съ той бумаги тысячъ по 300. И съ того числа почели умножатца прибыли.

И того году въ Москвѣ ночью ворота стали запиратца въ часъ ночи, а отпиратца за часъ до свѣту, также и въ набатъ бить всегда непремѣнно за часъ до свѣту, а съ вечера въ часъ ночи, а не такъ, какъ прежде обычай былъ въ малыя ночи въ часъ ночи, а въ большія въ два часа ночи. А будетъ кто въ ночи похочетъ пройти, съ человѣка, съ лошади—по копѣйкѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) 19 іюня.

ЗАПОРОЖСКАЯ РЕЛЯЦІЯ О ПОБѢДѢ НАДЪ ТУРЕЦКИМЪ ФЛОТОМЪ ВЪ ДНѢПРОВСКИХЪ ГИРЛАХЪ[1]).

Въ Кошъ.

Репортъ отъ войскового старшины Стегайла, которой на низу Днепра съ командою.

Сего теченія 7 д., по посланному къ велможности вашей отъ мене съ Камянки репорту, начали по учрежденнымъ, какъ въ ономъ репортѣ значится, станамъ распредѣлятся, и оставивъ съ командою господина полковника уманского Маляту въ Камянке, я-жъ зъ Давыдомъ Логвиновымъ и Тымошемъ Сукуремъ полковникомъ при нашихъ командахъ вмѣстѣ внизъ Днепра отпустились, гдѣ было надлежало намъ расположится, и не доездя Конныpской плавлѣ, противу широкой плавлѣ, заночевали. Рано-жъ, по утру, 8 числа, попался намъ встрѣчь непріятель на двадцяты корабляхъ, пришедшихъ зъ Цариграда до Очакова,

[1]) Помѣщаемая реляція относится къ началу первой войны нашей съ Турціею въ царствованіе Екатерины II и, кромѣ неизвѣстнаго отдѣльнаго факта, представляетъ любопытный образчикъ запорожскаго военнаго слога. Запорожье всего менѣе страдало канцеляризмомъ; тамъ не любили бумаго-маранья, а только дѣло. Въ періодъ самостоятельныхъ своихъ дѣйствій запорожцы не отчитывались письменно предъ своимъ начальствомъ и лишь въ крайнихъ случаяхъ давали вѣсть чрезъ нарочитыхъ гонцевъ, но теперь они дѣйствовали въ составѣ и по общему плану русской арміи и должны были подчиняться ея порядкамъ. Настоящее донесеніе просто, кратко и вмѣстѣ обстоятельно, а самый фактъ донесенія ясно говоритъ, что духъ военной отваги не оставлялъ запорожцевъ и въ послѣдніе годы ихъ существованія.—Реляція заимствуется изъ собранія бумагъ А. М. Лазаревскаго. Копія списана кѣмъ-либо изъ слѣдившихъ тогда за ходомъ войны и носитъ на себѣ всѣ признаки документа того времени.

а оттуда слѣдовавшихъ прямо къ Сѣчи, якобы для взятія языка, гдѣ имъ не вступно учиня въ слѣдованію препятствіе, крепкою пушечною баталіею и зъ дробного ружя съ нами сразилися; и въ оной баталіи, очень дивною всемогущаго Творца провыденціею, укрѣпившаго насъ Божественнимъ своимъ милосердіемъ въ отважной воинской храбросты и счастіемъ нашей всеавгустѣйшей монархинѣ и вашей велможносты, турецкихъ три кораблѣ и очаковской тамбаръ въ негодность розбили: турковъ же имѣвшихся въ оныхъ до двухъ-сотъ смерты предали, а протчихъ водою вытопылы и четыре знамя и нерначь турецкіе, съ протчою корыстю, взяли; въ оныхъ же судахъ турецкихъ пушекъ меднихъ до нѣсколько въ водѣ и со всѣмъ запасомъ при баталіи затопили, и хотя было надлежало оные пушки по возможносты при всемъ забрать, однако за частою и великою непріятелскою пушечною, зъ состоящихъ по близу насъ и протчихъ турецкихъ кораблей, палбою, намъ же оскудѣвшимъ въ запасѣ пороховомъ и пуляхъ, такъ что уже пришло было нечимъ и себя защищать во водѣ, затопленіе оставили, самяжъ, взявъ десять турчиновъ въ полонъ, яко болше грозило намъ имѣющоеся близь Очакова непріятелское вскорѣ нападеніе землею и водою, по показанію взятого нами турецкого языка (которое имѣетъ следовать) для разоренія Сѣчи, за неименіемъ для обороны и пораженія врага разного запасу, отъ широкой баталіи ближе къ своимъ мѣстамъ одержать побѣду надъ врагомъ возвратилися, и находимся со всѣмъ войскомъ въ Косеницкой плавлѣ, откудова велможносты вашей турецкого языка десять человѣкъ, съ турецкими привилегіями, отсылаю; насъ же порохомъ и пуліовымъ запасомъ, такожъ и гарматы чауные зъ станками, безъ которыхъ крайне обойтыся не можемъ, ктому жъ еще и прибавленіемъ войска снабдѣть прошу. При сраженіи жъ непріятелскомъ козаковъ нашихъ убыто не болше, какъ 11 человѣкъ, раненыхъ же сколько имѣется, при семъ представляется.

1769 году іюня 12 д. съ плѣненныхъ командою запорожского войска на низу реки Днепра на судахъ турковъ, единъ турчинъ Утайцелго-Усейлъ показалъ: онъ Усейлъ прибылъ съ протчимъ турецкимъ войскомъ подъ командою сераскера-султана на сту малыхъ и великихъ судахъ да два галіота, на коихъ по 60 пушекъ, въ Очаковъ, и се

будетъ назадъ третой мѣсяцъ, какъ на судахъ, четирѣ затопили-жъ такіе, коихъ всехъ было двадцять, войскажъ турецкіе командированни сераскеръ-султаномъ Исмайломъ отъ Очакова въ Днѣпровіе ǵирла подъ командою капитана Кизиха для поимки отъ стороны войска запорожского языка, съ темъ, чтобы если они могли того языка подхватить, то прямо-жъ съ приготовленнымъ при Очаковѣ на такихъ же сту суднахъ войскомъ итить Днѣпромъ прамо къ Сѣчи и учинить нападеніе на запорожскую Сѣчь; и уже для того пришедшіе до Днѣпра татаре тысячь до двухъ конніе на сю сторону хотѣли перевезтись, но перевезлися ли, или нѣтъ, не знаетъ, а между тѣмъ до самихъ Днепровыхъ ǵирлъ чрезъ лиманъ онъ Сераскеръ самъ ихъ перепроваживалъ и знайдовался при нихъ до тѣхъ поръ, покудова сошлися съ запорожскою командою, а какъ у прошедшій понедѣльникъ запорожская команда на идущіе впереди Днѣпромъ суда напала и произвела на ихъ съ ружя и пушечную палбу и затопила ихъ четири суда, то онъ Сераскеръ, увидя свой невозмогъ, тотъ-часъ приказалъ всѣмъ судамъ, которыхъ еще запорожская команда не захватила, возвратится въ Очаковъ, а самъ скоропостижно, страшася упереди произшедшей надъ ними победи, побежалъ въ Очаковъ одною санджалкою, и такъ оніе при четирехъ судахъ на мѣстѣ томъ запорожскою командою разбити и у полонъ взяти, а протчіе вытоплени и вырѣзанни, гдѣ и капитана, что называется Кизихъ, зарезанно; на коихъ судахъ было по 50 и по 60 человѣкъ войска и по две пушки съ запасомъ. У въ Очаковѣ, кромѣ сихъ ста судовъ, да двухъ галіотовъ, которые пристать до Очакова по большинѣ своей не могутъ и стоятъ на морѣ, войска еще пѣхоти до десяти тысячей, да на караулѣ у башѣ толко 300 человѣкъ арнаутъ-конницѣ. Войско анадолское ниже Очакова на Жабинскую пристань перевозится многочисленное, которое маршировать будетъ къ Хотину въ состоящемъ противъ Очакова городѣ; отъ крымской стороны на морѣ пехоти турецкой 6 полковъ.

Предложеніе гетмана Мазепы кіевскому войту и магистрату 1703 года.

(О не утѣсненіи причта и прихожанъ успенской церкви г. Кіева).

Настоящее предложеніе малороссійскаго гетмана Ивана Степановича Мазепы кіевскому магистрату принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ уцѣлѣвшихъ документовъ прежняго времени, которые показываютъ отношенія главнаго правителя Малороссіи къ такому общественному учрежденію, которое грамотами польскихъ королей и великихъ князей литовскихъ, подтвержденными потомъ грамотами царскими, въ силу такъ называемаго магдебургскаго права, поставлено было внѣ всякаго контроля какой-бы то ни было власти и въ эпоху польскаго господства изъято было изъ вѣдѣнія воеводъ и старостъ и даже королевскихъ комиссаровъ. Но главный интересъ предложенія не въ этомъ: оно рисуетъ намъ немногими, но весьма крупными чертами положеніе одной церкви и прихода въ Кіевѣ въ началѣ XVIII ст. и отношеніе къ нимъ городскаго самоуправленія, точнѣе злоупотребленія и самоуправство кіевскаго того времени войта, имени котораго къ сожалѣнію назвать не можемъ. Картина крайне неприглядная, особливо для того набожнаго времени!

Церковь Успенія пр. Богородицы на Подолѣ, въ рынкѣ, это та самая, которую сто лѣтъ предъ тѣмъ кіевскіе мѣщане, угнетаемые также войтомъ, тянувшимъ въ сторону Польши, съ такимъ тщаніемъ и поспѣшностію возстановили изъ развалинъ, отдѣлали съ подобающимъ благолѣпіемъ и превратили въ соборъ градской въ замѣнъ отнятаго тогда уніатами собора св. Софіи [1]). Теперь не преслѣдуютъ православія католики и уніаты, но соборная церковь безъ оконъ, двери ея повреждены, птицы влетаютъ въ отверстія и нарушаютъ благоговѣйный покой молящихся, мѣшаютъ священнодѣйствію. Погостъ церковный, гдѣ кладбище, стиснутъ со всѣхъ сторонъ лавками, и негдѣ уже хоронить мертвыхъ; по три и четыре гроба одинъ надъ другимъ ставятъ въ одной ямѣ, а иныхъ умершихъ тѣла псы вытребаютъ и кости ихъ разносятъ.

---

[1]) См. «Кіевская Старина», 1882 г., январь, стр. 413—417.

Старосты церковные не блюдутъ интересовъ церкви, не заботятся о ней, не даютъ ничего на ея починки, украшенія, но удерживаютъ ея доходы, распоряжаются ими самопроизвольно, безъ вѣдома и согласія причта, церковныя деньги хранятъ не въ церкви, а у себя на дому и употребляютъ ихъ на собственныя нужды и торговые обороты. А поступаютъ такъ старосты потому, что они не выборные отъ прихода, а поставлены отъ магистрата и злоупотребляютъ, находя въ немъ защиту и поддержку. Церковь, какъ мы знаемъ, соборъ городской и кромѣ прихода пользуется по давнимъ постановленіямъ содержаніемъ изъ городской кассы: при ней настоятель, два викарія и діаконъ, и имъ слѣдуетъ отъ города по сту талярей въ годъ и сукно на одежду, а прислужникамъ церковнымъ особое вознагражденіе для поддержанія между прочимъ хорошаго пѣнія; но войтъ и магистратъ ничего священникамъ и діакону не даютъ, а старосты обсчитываютъ причетниковъ и пѣвцовъ, и церковь остается «въ спѣваніи скудна». Много набожныхъ прихожанъ, видя такое запустѣніе церкви, желали для поддержанія въ ней порядка и благолѣпія учредить при ней по повсюдному въ то время обычаю *братство* и испросили на это благословеніе митрополита, но войтъ и магистратъ такому доброму намѣренію ихъ воспрепятствовали и учрежденія братства не допустили, грозя начинателямъ этого дѣла заключеніемъ въ тюрьму и утратою имущества. Настоятель собора протоіерей Григорій Софоновичъ тщетно домогался слѣдуемаго церкви и причту; у него самого отняты грунтъ на предмѣстьи Преваркѣ, который онъ получилъ за свою службу при магистратѣ, и мѣсто для лавки въ рынкѣ; въ замѣнъ ихъ онъ домогался отвода ему близъ церкви мѣста для постройки дома, за арендную плату, но и въ этомъ ему отказано. Видно, что войтъ и магистратъ не уважили требованій самаго митрополита, если этотъ послѣдній не только согласился на принесеніе Софоновичемъ жалобы гетману, но при отправкѣ Софоновича въ Батуринъ снабдилъ его ходатайственнымъ къ гетману письмомъ. Гетманъ не приказываетъ «строго», какъ въ другихъ случаяхъ, а только предлагаетъ войту и магистрату удовлетворить Софоновича по всѣмъ пунктамъ его жалобы, и не только не грозитъ имъ какими либо карами за неисполненіе его гетманской воли, но желаетъ имъ «доброго здоровья и щасливого поведенія». Таковы на этотъ случай отношенія гетмана къ полновластному и независимому кіевскому магистрату! Но злоупотребленія этого послѣдняго слишкомъ очевидны и мягкій тонъ гетманскаго распоряженія, помимо установленныхъ между ними закономъ и обычаемъ отношеній, можно объяснять частью свойственною Мазепѣ искусною политикою, частью, быть можетъ, недостаточнымъ довѣріемъ къ жалобѣ Софоновича: послѣдній

самъ до принятія священства служилъ въ магистратѣ и, быть можетъ, многія изъ выставленныхъ имъ «долегливостей и обидъ» были послѣдствіемъ личныхъ его столкновеній и счетовъ съ членами магистрата.

Въ приводимомъ документѣ, кромѣ мелкихъ бытовыхъ чертъ, особое вниманіе обращаютъ еще стройность изложенія, правильность и относительная чистота рѣчи и орѳографіи.

Мой ласкавый пане войте кіевскій зо всѣмъ майстратомъ тамошнимъ!

Прибывши тутъ до васъ зъ инстанціональнымъ отъ ясне въ Богу преосвященного его милости отца архіепископа митрополиты кіевского, пана и пастыра нашого, листомъ за собою писанымъ, пречестный отецъ Григорий Сафоновичъ, протопопа Острицкій, подалъ намъ суплику въ разныхъ церковныхъ и своихъ долегливостяхъ и обидахъ, а именно въ тымъ: ижъ ктитори не такъ, якъ по иншихъ парохіяхъ, за вѣдомомъ и согласіемъ священническимъ, лечъ безъ согласія и вѣдома его отца Софоновича до церкви свято-успенской ринковой кіевской, въ ратушу по власной вашей милости волѣ и хотенію избираются и настановляются, которыи скринку зъ приходами розными церковными не въ церкви и не за ключемъ священническимъ, лечъ приватне въ дому, любъ на крамницѣ держатъ и оными якъ хотятъ по своей воли, безъ соизволенія настоящого священика диспонуютъ, жадного не справляючи до церкви божественной украшенія; ижъ цминтаръ церковный такъ далеце коморами стиснули, же згола за великою тѣснотою цминтарною не маютъ где и мертвыхъ погрѣбати, поневажъ въ одну яму по три и по чотыри трунны вмѣщаютъ, а инные мертвые тѣла псы вытребаютъ, ижъ глыбоко копати за трунами отнюдь не возможно, и любо просилъ онъ у вашихъ милостей кількокротне о отведене мѣстца на страннопогребательницу, еднакъ прошенію своему не получилъ отъ вашихъ милостей скутечного совершенства; ижъ юркгелтъ дорочный по сто талярей и сукно на одежду, по давныхъ установахъ для повседневного литургисанія, а ни зъ ратуша отъ вашихъ милостей, а ни зъ приходовъ церковныхъ не доходитъ ему отцу Сафоновичу зъ двома викаріами и третимъ діакономъ со служащими. Ижъ за нераденіемъ и оспалымъ недозоромъ непослушныхъ и несогласныхъ ктиторовъ, зъ ратуша установленыхъ, такъ далеце отъ церкви штаство докучаетъ, же зъ великою трудностю

божественная литургія отправуется, а то за ненаправою оконъ и дверей церковныхъ дѣется. Ижъ многіи побожныи люде желали себѣ за благословеніемъ ясне въ Богу преосвященного его милости отца архіепископа митрополиты кіевского, ку болшому хвалы Божой умноженію, при той святоуспенской церквѣ братство уфундувать, а ваша милость зъ майстратовыми особами тому доброму намѣренію перешкодилесь и исполнить оного не допустилесь, страшачи тыхъ людей вязенемъ и утратою худобы. Ижъ ктитори въ юргелтѣ слугъ церковныхъ кривдятъ, для чого завше церковь божественная въ снѣвави вскудна. Ижъ за салѣтру на церковь туюжъ святоуспенскую отъ его отца Софоновича, еще въ свѣцкомъ станѣ зостаючого, офѣрованую, не хочетъ ваша милость ани грошей, а ни самой салѣтри выдавати, любо онъ за соизволеніемъ самого вашей милости и всего майстрату, будучи рочнымъ господаремъ, тую салѣтру церкви Божой обѣщалъ. Ижъ любо ваша милость за значные его отца Софоновича свѣцкіе услуги отвели были ему кгрунтъ до пахання и мѣстце для комори въ ринку, еднакъ кгды онъ званіемъ Божіимъ зосталъ священникомъ, теды ваша милость оного отъ того заслуженого и отъ вашихъ милостей наданого кгрунту на Преварцѣ и мѣстца на комору отдалили, на которые кгрунта ложилъ онъ своихъ грошей на килкодесятъ золотыхъ. Въ якихъ то своихъ и церковныхъ кривдахъ просилъ себѣ тотъ же отецъ Софоновичъ гетманского заступленія. За чимъ мы, поважаючи высоце поважную ясне въ Богу преосвященного архипастыра нашою инстанцію, а до того видячи явные ему отцу Софоновичу и церквѣ его дѣлаючіеся долегливости, рейментарско по вашихъ милостехъ жадаемъ и вилно приказуемъ, абысте ваша милость въ обираню и постановленю ктиторовъ не чинили ему насилія, якожъ абы не въ ратушу, лечъ на мѣстцу обыкломъ, такъ якъ по нашихъ парохіахъ, за согласіемъ его отца Софоновича избирано, которіи бы скринку зъ приходами церковными не по домахъ, а ни по коморахъ своихъ, лечъ въ церквѣ за еднымъ ключемъ своимъ, а другимъ священическимъ держали и грошми церковными безъ вѣдома его отца Софоновича не диспоновали, абысте ваша милость на странноопгрѣбателницу для спасенія своеи-жъ души и для порядку мѣского мѣстце где способное отвели, жебы за таковымъ вашмостинымъ нераденіемъ мертвыхъ тѣлъ псы не пожирали зъ значною Божою образою; абысте вашмость належитыхъ юргелтовыхъ доходъ сто талярей и сукно на одежду ему отцу Софоновичу и сослужащимъ ему викаріямъ и діякону, по давныхъ

установахъ, на рокъ зъ ратуша, любъ зъ доходовъ церковныхъ давали; абысте вашмость приказали и пригрозили ктиторамъ, отъ вашихъ милостей установленымъ, двери и окна церковныи понаправляти, жебы чрезъ тое входу птаство до церкви не имѣло и перешкоды до церковного набоженства не было; абысте вашмость, Богу и архипастыреви своему противными не будучи, не претили въ заложеню при той церквѣ святоуспенской братства, поневажъ тое дѣло не до вашмостиной, лечъ до архипастырской власти належитъ; абысте вашмость любъ салѣтру самую, любъ гроши за оную отложивши, отдали на церковь святоуспенскую ринковую, кгды не безгрѣшно то будетъ Богови по согласномъ и вашихъ милостей сонзволенію обѣщанное удержовати; абысте вашмость отведеныхъ собою ему отцу Софоновичу за заслуги его свѣцкіе въ майстратѣ вашмостиномъ на урядѣ радецкомъ роненые кгрунтъ на Преварцѣ и мѣстце на комору, якъ не слушне отдалили, такъ знову въ посессію ему привернули, поневажъ онъ тое себѣ у вашмостей заслужилъ, а до того и кошту на килкодесятъ золотыхъ выложилъ въ тотъ помянутый кгрунтъ. При таковомъ теды своихъ и церковныхъ обидъ и долегливостей предложеню, просилъ насъ тотъ же отецъ Софоновичъ о рейментарское до вашихъ милостей вложенеся, за которымъ бы могъ у вашихъ милостей таковый получити респектъ, абысте вашмость по близу церкви отвели ему який колвекъ церковный пляцъ, на якомъ бы моглъ домъ себѣ построити и въ ономъ близко церкви живучи, належитую церковную куницу за тотъ пляцъ давати до рукъ ктиторскихъ, которому его прошенію, иле слушности не противному, благоисполнителной нашой не одмовляючи учинности, пилно по вашмостехъ жадаемъ, абысте вашмость ему отцу Софоновичу приказали где не подалеку церкви для построенія дому удобный пляцъ одвести, а онъ долженъ будетъ, якъ и самъ обѣщается, належитую въ годъ на церковъ Божую отдавати куницу.

Що все рейментарско вашмостемъ предложивши, зычимъ самимъ же вашмостемъ доброго отъ Господа Бога здоровя и щасливого поведенія.—Зъ Батурина. Року ҂аѱг҃. Юня а҃ дня.

Вашмостемъ всего добра зычливый Иванъ Мазепа, гетманъ и кавалеръ его царского пресвѣтлого величества войска запорожского.

Сообщ. **М. А. Андреевскій.**

Библіографія.

Н. И. Костомаровъ. Эллины Тавриды. Историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ. Спб. 1884 г.

Въ обширной серіи трудовъ знаменитаго ученаго эта недавно вышедшая пьеса далеко не первый драматическій опытъ. Еще въ началѣ своей дѣятельности Н. И. Костомаровъ написалъ трагедію изъ украинской исторіи—«Переяславска Ничъ». Въ этомъ юношескомъ опытѣ онъ рисовалъ страданія и героическіе подвиги своего народа и торжество всепрощающей христіанской любви. Въ «Саввѣ Чаломъ» онъ изобразилъ прославленнаго народной пѣсней честолюбца, горько наказаннаго за измѣну родинѣ. Третья малорусская пьеса его «Загадка»—остроумный эскизъ на основѣ народной бытовой поэзіи, гдѣ типы, намѣченные творческимъ инстинктомъ народа, получили полноту, какая дается пріемами культурной поэзіи и единичнымъ творчествомъ. Но ближе всего къ драмѣ, вышедшей теперь, подходятъ его сцены изъ римской исторіи «Кремуцій Кордъ». Справедливо находя, что бываютъ обильныя борьбою страстей историческія эпохи, представленія о коихъ лучше всего укладываются въ формы драмы, онъ въ такихъ именно очеркахъ рисовалъ время Тиверія и положеніе честнаго гражданина и мыслителя среди общества павшаго и развращеннаго. Въ такой-же формѣ изображаетъ онъ теперь одинъ изъ уголковъ исторической жизни далекаго эллинскаго міра.

О жизни крымскихъ эллиновъ исторія знаетъ немного. Отрывки древнихъ писателей и случайныя археологическія находки—одни говорятъ о былой жизни, кипѣвшей на крымскихъ побережьяхъ. Взаимныя отношенія двухъ важнѣйшихъ изъ греческихъ колоній въ Крыму—Пантикапеи, впослѣдствіи Воспора, колоніи іонійцевъ, и Херсонеса гераклейскаго, колоніи дорійцевъ, послужили матеріаломъ для драмы. Въ этомъ

историческомъ эпизодѣ, разсказъ о которомъ сохранился въ сочиненіи императора Константина Порфиророднаго «объ управленіи государствомъ», какъ въ фокусѣ отразились слабыя стороны древне-эллинской политической жизни: эгоизмъ общинъ, бывшихъ независимыми политическими единицами, и отсутствіе между ними прочной связи, слѣдовательно и силы. Идея федераціи на національныхъ основахъ была чужда эллинскому міру. Борьбу вели между собой не только государства двухъ различныхъ вѣтвей эллинской націи, какъ Аѳины и Спарта, но и единокровные лакедемоняне и мессенцы, изъ которыхъ первые обратили послѣднихъ въ рабство.

Многочисленные историческіе факты подтверждаютъ эти общія замѣчанія историка. Греческія общины на протяженіи всей своей жизни враждуютъ другъ съ другомъ и подкапываются другъ подъ друга. Даже когда Дарій и Ксерксъ наводняютъ страну своими полчищами, греки соединяются съ трудомъ. Сиракузы отказываютъ въ помощи, потому что не имъ предоставлено главенство въ союзѣ. Ѳивы становятся на сторону мидянъ. Когда Александръ соединяетъ силою грековъ для покоренія Азіи, лакедемоняне не идутъ на призывъ. Ни одной общинѣ не удается сгруппировать вокругъ себя федераціи другихъ. Спарта, Аѳины, Ѳивы терпятъ по очереди неудачи въ такихъ попыткахъ. Раздѣленную такимъ образомъ Грецію покоряютъ полу-варварскіе народы и независимость отдѣльныхъ общинъ приводитъ къ порабощенію цѣлой страны. Эллинскія колоніи были политическими тѣлами вполнѣ самостоятельными. Обычаи, вѣрованія, культура,—все это у нихъ общее съ метрополіей, но общи были также и пороки. Эгоистическая борьба общинъ, приведшая къ слабости и порабощенію,—такова сущность исторіи крымскихъ грековъ. На этихъ данныхъ построена и драма «Эллины Тавриды».

Между Воспоромъ и Херсонесомъ—старинная, постоянная вражда. Херсонесскій сенатъ въ награду за доблести протевона Ламаха объявляетъ дочь его Гиккію наслѣдницей отцовскаго сана и послѣ смерти Ламаха назначаетъ протевономъ будущаго супруга Гиккіи. Воспориты, узнавъ объ этомъ, рѣшаются воспользоваться случаемъ для порабощенія Херсонеса и дать Гиккіи въ супруги своего царевича. Для рѣшенія давнишняго спора они предлагаютъ сначала поединокъ между выбранными съ той и съ другой стороны. Такой способъ рѣшенія распри кажется невозможнымъ херсонитамъ, и они посылаютъ спросить совѣта дельфійскаго оракула. Получается отвѣтъ: «бракъ лучше дракъ». Херсонесскій сенатъ обсуждаетъ дѣло. Предъявляются возраженія противъ опасности вступать въ союзъ съ стариннымъ врагомъ и предоставить воспориту власть въ Херсонесѣ. Но большинство склоняется къ прекращенію вра-

жды и рѣшаетъ спросить мнѣніе самой Гиккіи. Она высказываетъ готовность принести свои интересы въ жертву интересамъ страны и предлагаетъ предъявить воспоритамъ условія, ограничивающія и парализующія вліяніе ихъ и ихъ царевича въ Херсонесѣ. Съ этими предложеніями послы ѣдутъ въ Воспоръ, гдѣ въ сенатѣ ихъ предложенія принимаютъ сначала недружелюбно. Но претендентъ на руку Гиккіи, воспорскій царевичъ Николай, смотритъ на дѣло иначе. Онъ готовъ принять всѣ условія, какія ему предложатъ, увѣренный, что при помощи хитрости и ума устроитъ въ Херсонесѣ все по своему желанію, лишь-бы только добраться до власти. Намѣренія его—уничтожить въ Херсонесѣ народоправство и независимость, стать полноправнымъ правителемъ и сдѣлать изъ Херсонеса пригородъ Пантикапеи. Тутъ-же у одного изъ херсонесскихъ пословъ онъ вывытываетъ хитростью нужныя ему свѣдѣнія о Херсонесѣ. Прибывши въ Херсонесъ онъ слѣдуетъ той-же тактикѣ: соглашается съ тѣми, которые противятся наслѣдственности званія протевона и проситъ позволенія принять херсонесское гражданство, съ тѣмъ, чтобы быть выбраннымъ въ протевоны только тогда, когда заслужитъ того своими дѣлами. Вмѣстѣ съ нимъ принимаютъ херсонеское гражданство два его пособника: Эрвстоклей и Стираксъ. Чтобы овладѣть Херсономъ, Николай придумываетъ слѣдующій планъ: онъ отправляетъ обратно воспоритовъ, привезшихъ свадебные дары, но велитъ имъ, выѣхавши за городъ, отправить дары съ однимъ, а остальнымъ вернуться тайно въ городъ. Этихъ воиновъ онъ прячетъ въ подземелье, находящееся подъ домомъ протевона, куда покорившій нѣкогда Херсонесъ тавро-скиѳъ сажалъ непокорныхъ гражданъ. Стираксъ предлагаетъ ввести воспорское войско въ Херсонесъ подъ видомъ торговаго обоза, а Эристоклей приставляется къ Ламаху въ качествѣ опытнаго врача, чтобы скорѣе съ нимъ покончить. Ламахъ умираетъ въ тотъ день, когда къ Херсонесу приближается второй караванъ съ дарами. Новыхъ пословъ Николай убѣждаетъ также остаться въ подземельи, а пособникъ его Стираксъ, прикинувшись врагомъ Николая, входитъ въ дружбу съ протестующими херсонитами, во главѣ которыхъ стоитъ Зеѳонъ, племянникъ Ламаха, и убѣждаетъ ихъ идти къ Николаю и, какъ тайнаго врага, изгнать его изъ Херсонеса. Спрятанные воспориты нападутъ на пришедшихъ херсонесскихъ сенаторовъ и перебьютъ ихъ, а покореніе города и борьбу съ народомъ возьметъ на себя войско, пришедшее въ качествѣ торговаго обоза. Этотъ хитрый планъ разстраиваетъ однако случайность. Николай, вѣроломный во всемъ, преслѣдуетъ случайно служанку Гиккіи, Эригонію, увѣряя ее въ своей любви. Гиккія нечаянно становится свидѣтельницей этой сцены и, пылая местью, засаживаетъ Эригонію въ подземную комнату дворца. Эта

комната сообщается съ подземельемъ, въ которомъ сидятъ воспорскіе воины. Эригонія подслушиваетъ тайну заговора и, воспользовавшись минутой, умоляетъ Гиккію выпустить ее на волю, такъ какъ она имѣетъ сообщить ей нѣчто важное. Она открываетъ все Гиккіи, а Гиккія, уже имѣющая доказательства предательства Николая, сообщаетъ все Зеѳону и сенаторамъ. Когда Стираксъ приходитъ къ Зеѳону, чтобъ вести херсонесцевъ во дворецъ,—они убиваютъ его. Дворецъ, гдѣ находится Николай и воины, со всѣхъ сторонъ окружаетъ народъ. Зданіе поджигаютъ, Николай защищается, но выданъ своими, сама Гиккія закалываетъ его кинжаломъ. Всѣ бывшіе въ дворцѣ воспориты погибаютъ, также какъ и большая часть воиновъ, спрятанныхъ въ обозѣ. Эригонія, за услугу оказанную отечеству, изъ рабыни дѣлается гражданкой. Гиккія отдаетъ свою руку Зеѳону, котораго народъ избираетъ протевономъ и, предвидя месть Воспора, убѣждаетъ херсонесцевъ отдаться подъ покровительство уже всемогущаго Рима.

По психологической обрисовкѣ выдѣляются въ драмѣ три лица: Николай, Стираксъ и Гиккія.

Характеръ Николая задуманъ и выдержанъ превосходно. Это вѣчный умный человѣкъ и интриганъ исторіи, имя которому то Николай, то Августъ, то Наполеонъ III. Это обманщикъ тѣмъ болѣе опасный, что очень умный. Онъ все понимаетъ—значеніе такихъ или иныхъ правъ, возможныя послѣдствія такого или иного ихъ измѣненія, но у него въ душѣ одинъ кумиръ—собственная выгода. Онъ будетъ говорить убѣдительно и разумно, даже съ тѣмъ жаромъ, который можетъ увлечь и очаровать толпу и ложь котораго разгадаетъ только очень чуткое ухо. Онъ готовъ на всѣ уступки, такъ какъ умъ его ихъ предвидитъ. Ему нужна только извѣстная позиція, ставши на которую онъ все измѣнитъ по своему. Энергія, проявляемая имъ въ послѣднихъ сценахъ, не нарушаетъ цѣлостности типа. Люди подобнаго сорта лицемѣрятъ до послѣдней минуты, пока разсчитываютъ хоть на малѣйшую возможность успѣха. Таковъ Стираксъ, который, будучи взятъ врасплохъ, все-таки силится провести херсонесцевъ и Гиккію. Но когда гибель неизбѣжна, когда никакая хитрость, никакая клятва не разубѣдятъ въ очевидности предательства, тогда эти люди дѣйствуютъ сообразно своему темпераменту. Ихъ охватываетъ или отвага отчаянія, какъ Николая, или припадки панической трусости. Это черты, психологическую вѣрность которыхъ можно прослѣдить, какъ въ лицахъ, замѣченныхъ исторіей, такъ и въ поэтическихъ фикціяхъ. Стираксъ—приспѣшникъ, какіе всегда встрѣчаются при людяхъ типа Николая. Они добровольно берутъ на себя починъ въ преступленіи, досказываютъ и приводятъ въ дѣйствіе то, о

чемъ думаютъ ихъ патроны и что суфлируютъ имъ, но чего они сами не сдѣлаютъ или по разсчету, или по недостатку отваги. «Ты дополняешь меня, ты поправляешь меня», говоритъ ему Николай. Образъ Гиккін носитъ отблескъ античной красоты. Она слишкомъ благородна и не допускаетъ сначала возможности измѣны, но она честная женщина и гражданка и, когда измѣна обнаруживается, она жертвуетъ всѣмъ и своею любовью прежде всего. Какъ въ обманутой женщинѣ, эта любовь переходитъ у нея въ месть и ненависть тѣмъ съ большею силой, что она вѣрила и любила искренно.

Глубокое знаніе эллинской поэзіи и проникновеніе духомъ древности даютъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Этотъ духъ,—лучшее наслѣдіе античнаго міра,—скажемъ между прочимъ, чуждъ нашей образованности, несмотря на господствующую классическую систему. Гдѣ драматическое дѣйствіе подымается до лиризма, проза въ драмѣ смѣняется стихами. Сцена въ храмѣ Діаны, съ ея гимнами съ строфахъ и антистрофахъ, полныхъ, сложныхъ, живописныхъ прилагательныхъ, какъ у древнихъ поэтовъ, свѣжа и поэтична.

Въ стихотвореніяхъ Іереміи Галки (малорусскій псевдонимъ нашего историка) есть набросокъ молодыхъ лѣтъ, озаглавленный «Пантикапея»; тамъ тѣнь какого-то воспорскаго царя жалуется на то, что тревожатъ ея могильный сонъ, разрывая могилу, и умоляетъ пытливаго путника удалиться подальше и не заглядывать во внутренность могильнаго холма. Мы скажемъ совсѣмъ иное. Мы благословимъ эту историческую пытливость и пожелаемъ долгой дѣятельности славному путнику исторіи, вся жизнь котораго полна такого разносторонняго, благодѣтельнаго и плодотворнаго труда.

В. Г—го.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII в. (полтавской губерніи). И. Лучицкій. Кіевъ. 1884 г.

Судьбы Малороссіи о чень давно стали интересовать какъ присяжныхъ ученыхъ, такъ и публику. Двѣ исторіи Малороссіи—Бантышъ-Каменскаго и Маркевича появились раньше, чѣмъ было собрано потребное количество матеріаловъ. Неудивительно, что теперь онѣ имѣютъ почти исключительно библіографическій интересъ, и только приложенные къ нимъ документы не утратили своего значенія и въ настоящее время. Тогда-же извѣстный Бодянскій въ редактированныхъ имъ «Чтеніяхъ

моск. общ. исторіи и древн. рос.» издалъ массу цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи Малороссіи. Еще болѣе въ этомъ отношеніи сдѣлали правительственныя учрежденія—археографическая коммиссія въ Петербургѣ и временная коммиссія въ Кіевѣ, которыя предприняли рядъ спеціальныхъ изданій, заключающихъ въ себѣ множество новыхъ матеріаловъ. Таковы были «Акты западной Россіи», «Памятники» и «Архивъ юго-западной Россіи». Больше всѣхъ потрудились надъ изданіемъ памятниковъ Н. И. Костомаровъ въ Петербургѣ и В. Б. Антоновичъ въ Кіевѣ. Изданные ими матеріалы, можно сказать, впервые показали намъ въ истинномъ свѣтѣ судьбы южной Руси. Н. И. Костомаровъ обратилъ особенное вниманіе на судьбы малороссійскаго козачества, а В. Б. Антоновичъ по плану, принятому кіевской временной коммиссіей, выбиралъ и издавалъ однородные документы, относившіеся къ тому или иному вопросу внутренней жизни малороссійскаго общества (быту духовенства, городовъ, крестьянства и т. д.).

Нужно впрочемъ замѣтить, что акты южной и западной Россіи не восходятъ никогда къ XVIII вѣку, а архивъ юго-западной Россіи хотя и доставляетъ намъ матеріалы XVIII вѣка, но они относятся исключительно къ юго-западной Руси, т. е. правобережной Украйнѣ. Такимъ образомъ судьбы лѣвобережной Украйны въ XVIII вѣкѣ оставались для насъ по прежнему темными. Такой пробѣлъ въ южно-русской исторіографіи нужно поставить въ связь съ судьбами русской исторической науки вообще, которая въ первой половинѣ текущаго столѣтія въ силу независящихъ отъ нея обстоятельствъ почти вовсе не касалась событій недавняго прошлаго. Но вотъ въ 60-хъ и особенно 70-хъ годахъ спала завѣса и съ XVIII вѣка; немедленно появилась масса новыхъ матеріаловъ и изслѣдованій, относящихся къ царствованію первыхъ преемниковъ Петра,—Екатерины, Павла, Александра. Теперь были изданы и нѣкоторые документы для исторіи Малороссіи за это время Судіенкомъ и Лазаревскимъ; этому послѣднему принадлежитъ цѣлый рядъ очерковъ по исторіи малороссійскихъ дворянскихъ родовъ въ связи съ исторіей происхожденія крупной поземельной собственности въ Малороссіи. Онъ же открылъ знаменитую Румянцевскую опись Малороссіи, изъ которой потомъ были изданы незначительные отрывки; къ несчастью такой драгоцѣнный памятникъ, какъ Румянцевская опись, имѣлъ очень печальную судьбу: добрая половина его, лежавшая въ полтавской казенной палатѣ и обнимавшая почти всю нынѣшнюю полтавскую губернію, сгорѣла во время бывшаго тамъ пожара. Черниговскій статистическій комитетъ, въ вѣдѣніе котораго поступила сохранившаяся Румянцевская опись, очевидно не располагалъ въ достаточной степени ни матеріалами, ни

научными для ея изданія средствами. Такъ дѣло продолжалось до 1882 г., когда этотъ памятникъ снова привлекъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Въ библіотекѣ кіевскаго университета отыскалась часть Румянцевской описи, обнимающая нѣкоторые уѣзды полтавской и черниговской губерніи. На нее то и обратилъ вниманіе проф. И. В. Лучицкій. Золотоношское земское собраніе поручило ему составить статистическія таблицы по золотоношскому уѣзду на основаніи данныхъ Румянцевской описи, для сравненія ихъ съ современными статистическими цифрами. Таблицы эти, какъ кажется, еще не вышли въ свѣтъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ проф. Лучицкій натолкнулся на документы, которыя свидѣтельствовали о существованіи въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII вѣка общинныхъ земель и угодій. Это было интересное открытіе. Конечно, нельзя сказать, чтобы раньше до изслѣдованій Лучицкаго никто ничего не зналъ о малорусскихъ общинахъ; всѣмъ было извѣстно, что большая половина нынѣшнихъ селеній харьковской губерніи владѣетъ теперь землей на общинномъ правѣ; описаніе одной изъ такихъ общинъ попало даже въ извѣстный «Сборникъ свѣдѣній о сельской общинѣ», но во всякомъ случаѣ И. В. Лучицкій первый заговорилъ о малорусской общинѣ въ XVII и XVIII вв. Въ своей статьѣ, помѣщенной въ «Отеч. Зап.», (1882 г., ноябрь) онъ доказывалъ, что во время заселенія южной части лѣвобережной Украйны въ XVII в., въ ней утверждались на первыхъ порахъ общинные распорядки, остатки которыхъ сохранились и въ XVII в. Это была община первобытнаго типа, безъ передѣловъ и безъ опредѣленнаго срока владѣнія землями; данными для такого вывода послужили И. В. Лучицкому матеріалы Румянцевской описи Малороссіи, хранившіеся въ библіотекѣ кіевскаго университета. Послѣ этого И. В. Лучицкій продолжалъ дѣлать извлеченія изъ Румянцевской описи, и въ результатѣ явился тотъ сборникъ матеріаловъ, заглавіе котораго мы привели въ началѣ. На основаніи этихъ матеріаловъ, а также массы другихъ данныхъ, неизвѣстныхъ публикѣ, И. В. Лучицкій составилъ изслѣдованіе объ общинѣ, общественныхъ земляхъ и тѣхъ способахъ пользованія ими, какіе существовали въ лѣвобережной Украйнѣ, начиная съ XVIII вѣка. Это изслѣдованіе появится въ печати послѣ сообщенія его на предстоящемъ археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ.

Въ ожиданіи этого реферата мы въ свою очередь не будемъ разбирать изданныхъ документовъ по существу, а ограничимся только нѣкоторыми общими указаніями.

Почти всѣ документы извлечены изъ связокъ Румянцевской описи Малороссіи, относящихся къ разнымъ сотнямъ переяславскаго пол-

ка [1]), и только одинъ документъ взятъ изъ бумагъ пустынно-николаевскаго монастыря, хранящихся въ полтавской казенной палатѣ. Все это—земельные акты, купчія крѣпости, уступочныя и дарственныя записи, межевые акты, мировыя сдѣлки, обмѣнные листы, судебныя дѣла, жалобы; кромѣ ихъ видное мѣсто еще занимаетъ особая серія документовъ—донесенія смотрителей и сотенныхъ правленій объ общественныхъ земляхъ, принадлежащихъ разнымъ селеніямъ. Всѣхъ документовъ 87; изъ нихъ только два относятся къ XVII в., всѣ остальные къ XVIII вѣку.

Изъ 15 уѣздовъ полтавской губерніи изданные документы обнимаютъ только три: переяславскій, пирятинскій и золотоношскій. Это объясняется тѣмъ, что опись лубенскаго, полтавскаго, миргородскаго, гадяцкаго и прилуцкаго полковъ погибла, а вмѣстѣ съ нею и данныя объ остальныхъ уѣздахъ.

По содержанію своему напечатанные документы крайне любопытны, ибо захватываютъ малоизвѣстную и совершенно почти не изслѣдованную сторону прошлой жизни малорусскаго народа—общинную земельную организацію въ XVIII вѣкѣ. Каждый изъ приведенныхъ документовъ свидѣтельствуетъ о существованіи въ лѣвобережной Украйнѣ общественныхъ земель [2]).

Правда уже въ «Обозрѣніи румянцевской описи Малороссіи» Лазаревскаго и Константиновича можно было найти нѣкоторые документы, свидѣтельствовавшіе о существованіи общественныхъ земель и угодій въ той-же лѣвобережной Украйнѣ (именно въ сѣверной ея части—черниговской губ.); правда, никто не сомнѣвался въ существованіи и значительномъ распространеніи такъ называемыхъ «малороссійскихъ вольницъ», т. е. свободныхъ, никому лично не принадлежавшихъ земель и угодій, или такъ называемыхъ въѣзжихъ лѣсовъ, куда всякій имѣлъ право безпрепятственнаго въѣзда. Но въ сборникѣ И. В. Лучицкаго эти матеріалы собраны въ такомъ значительномъ количествѣ, что даютъ полную возможность опредѣлить значеніе ихъ въ прошлой жизни малорусскаго села. Здѣсь мы встрѣчаемъ всѣ виды общественныхъ земель и

---

[1]) Кромѣ связокъ переяславскаго полка тамъ-же помѣщается значительная часть связокъ кіевскаго полка, обнимающая часть уѣздовъ черниговской губерніи.

[2]) Намъ только кажется, что въ документѣ подъ № 8 (стр. 7) идетъ дѣло не объ *общественной* землѣ, а о владѣніи нѣсколькихъ сосѣдей, которые выдали *совмѣстную* купчую на свои *личные* участки; образцы такихъ купчихъ намъ попадались въ рукописныхъ актахъ на земли въ слободской Украйнѣ; да и по формѣ этотъ документъ отличается отъ всѣхъ другихъ.

угодій—степь, пахатное поле, выгонъ и толоку, лугъ, дворовыя мѣста, дубровы, озера, чагарники, лозы и болота; мало того, приведены даже вѣдомости[1]) о количествѣ земель и угодій, принадлежащихъ къ отдѣльнымъ селеніямъ; но вѣдомости эти требуютъ спеціальнаго разсмотрѣнія, которое, конечно, будетъ сдѣлано въ изслѣдованіи И. В. Лучицкаго.

Чрезвычайно интересенъ вопросъ о *происхожденіи* всѣхъ этихъ общинныхъ земель. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ самихъ документахъ. Всѣ онѣ почти такого-же *заимочнаго* или старозаимочнаго происхожденія, какъ и большинство козачьихъ земель Слободской Украйны. При многихъ вѣдомостяхъ мы встрѣчаемъ такого рода приписки: «та сѣнокосная земля (каневской сотни) принадлежитъ онимъ козакамъ *по давней займѣ волностей козачихъ* и по стародавнему безспорному владѣнію; пользуются оною сѣнокосною землею, службу козачую отправуютъ и повинность къ ползе государевой несли и нинѣ несутъ». Въ своей статьѣ (Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVII и XVIII в.), помѣщенной въ одной изъ книжекъ «Кіевской Старины» за прошлый годъ, мы привели нѣкоторыя указанія на подобный способъ происхожденія поземельной собственности въ гетманщинѣ; теперь «Сборникъ» И. В. Лучицкаго еще болѣе рельефно подтверждаетъ эту мысль и дѣлаетъ ее еще болѣе убѣдительной. Такого же замѣчательнаго происхожденія была въ большинствѣ случаевъ и личная поземельная собственность, какъ это видно изъ цѣлаго ряда документовъ, приведенныхъ въ «Сборникѣ».

Роль *громады* по отношенію къ общиннымъ землямъ и угодьямъ была очень велика. Сюда принадлежитъ цѣлая серія едва ли не самыхъ интересныхъ документовъ. Мы ихъ считаемъ таковыми потому, что они открываютъ дѣйствительно *новую* сторону народной самодѣятельности. Громада дозволяетъ строить гребли, устраивать хутора на общественной землѣ, отводитъ въ частное владѣніе общественныя земли, отводитъ участки земли своимъ членамъ, покупаетъ и продаетъ общественныя

[1]) Происхожденіе этихъ вѣдомостей довольно любопытно. Въ первоначальныхъ инструкціяхъ Румянцева не дано было вопроса о количествѣ общевладѣемыхъ земель; очевидно Румянцевъ, знавшій вообще довольно хорошо ввѣренный ему край, считалъ Малороссію страною личнаго участковаго землевладѣнія; да оно во второй половинѣ XVIII в., какъ видно изъ связокъ Румянцевской описи, почти такъ и было. Тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстахъ, кромѣ государевыхъ свободныхъ земель, отыскались еще и мірскія, которыми владѣли всѣ члены селенія съ общества, и пришлось поставить вопросъ объ этихъ земляхъ; полученные отвѣты и приведены въ «Сборникѣ» И. В. Лучицкаго.

земли, снимаетъ и сдаетъ ихъ въ аренду, уступаетъ и даритъ ихъ и наконецъ разрѣшаетъ ихъ заимку. Все это такія функціи, которыя могутъ принадлежать только настоящему владѣльцу, а таковымъ владѣльцемъ является въ данномъ случаѣ *юридическая* единица, т. е. *община*.

Нѣсколько менѣе интересны приведенныя въ «Сборникѣ» данныя о способахъ пользованія общественными землями и угодьями. Онѣ, собственно говоря, даютъ намъ очень мало новаго сравнительно съ тѣми фактами, которые были приведены раньше хотя бы въ статьѣ самаго И. В. Лучицкаго, помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ». Способъ владѣнія какъ пахатью, такъ и сѣнокосомъ, лѣсами, рыбными ловлями, былъ въ существѣ дѣла одинъ, къ которому болѣе всего, кажется, подходитъ опредѣленіе «захватный». Приведемъ наиболѣе характерныя указанія. Горишинское сотенное правленіе доноситъ: «Въ сотнѣ же горишинской, при селѣ Буромцѣ, поле пахатное, тамъ же вмѣстѣ зъ онимъ и сѣнокосное, по древнему тамо установленію, обще всѣми жителми, козаками и посполитыми ранговыми господина полковника лубенскаго Ивана Петровича Кулябки, употребляются, *сколко кому якого лѣта къ паханию и сѣнокосу надобность укажетъ, и гдѣ кто себѣ застигнетъ*, тамо оретъ либо коситъ, а собственного нѣякого не имѣется». Въ слѣдственномъ дѣлѣ о захватѣ общественныхъ земель березанской сотни говорится: «въ сотнѣ березанской никакихъ ограниченій въ свободномъ степу не бывало, но свободно было, якъ козакамъ, такъ мужикамъ, тотъ волній войсковой степъ, *где хотя, кому косить*»; въ жалобѣ козаковъ Памфиленковъ на сотника Гулака читаемъ: «... поле пооралъ и гай порубалъ насъ истцовъ Памфиленковъ, поволное, *где всякому обивателю* поля пахать и *лѣсъ рубить не возбранно*.

Особенное мѣсто занимаютъ среди общественныхъ земель церковныя; ими также распоряжается громада, вмѣстѣ съ братствомъ и титаремъ. Всѣ относящіеся сюда документы довольно однообразны по своему содержанію: громада для церковныхъ нуждъ продастъ кому нибудь часть церковной земли. Земли эти были пожертвованы на церковь или отдѣльными доброхотами, или цѣлымъ обществомъ. Для уясненія вопроса о происхожденіи церковныхъ земель мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи одинъ любопытный документъ, который охотно сообщаемъ при этомъ случаѣ; это «дѣло о прилеглихъ къ селамъ Ольшаной и Волинки свободнихъ лапахъ и сѣнокосахъ, которіе называются и мирскими», хранящееся въ архивѣ малороссійской коллегіи при харьковскомъ университетѣ, подъ № 3316 (по новому каталогу).

«Къ селамъ Волинки и Ольшаной никакихъ прилеглихъ лановъ и сѣнокосовъ, кои называются мирскими, издревле не бывало и нинѣ

не находится, а хотя имѣются при тѣхъ селахъ Волинки и Ольшаной пахатніе лани и сѣнокоси, но оніи, какъ совершенно сами, сколко память наша засягаетъ, вѣдаемъ, что едни такіе лани, когда, по давнимъ старинниимъ у Малой Россіи бывшимъ волностямъ, села Волинка и Олшаное поселялись, тогда и козаки *какъ и во всей Малой Россіи займи въ земляхъ для себе чинили*, по той же волности тогдашніе волинскіе и олшанскіе старшини и козаки *заняли для снабдѣнія церквей въ Волинки лани, а въ Волшаной сѣнокоси, при своихъ парахвіяхъ*, отъ тѣхъ поръ даже досель во владѣніи церквей ни отъ кого безъпрепятственно находятся; чтожъ на тѣ занятіе землѣ никакихъ писменнихъ документовъ не имѣютъ, потому—что займа къ церквамъ; ибо въ то время еще дачъ, по отшествіи отъ Полщи, гетманскихъ и полковничьихъ не бывало, и козаки по грамотамъ многимъ государевимъ своими волностями козачіими владѣли и владѣютъ, потому что во всѣхъ грамотахъ, которіе даются на маетности въ Малой Россіи владѣлцомъ, точно сіе докладается—владѣлцу владѣть маетностми съ людми и угодіями, кроми займъ и волностей козачихъ; означенніе-жъ землѣ церковніе изстарѣ на церковъ заняты и во время владѣнія тѣхъ селъ ратушами до ратушъ тогдашнихъ владѣлцовъ не подлежали и нѣкимъ не владѣлись и свободними тѣ земле, лани и сѣнокоси не находились, другіе-жъ поля и сѣнокоси, при тѣхъ-же церквахъ находячіесь, въ давнихъ годахъ на церкви волинскіе, михайловскую и николскую, отъ доброхотнихъ дателей ледованіе, точію каковы были на тѣ поля и сѣнокоси ледаціи, оніе во время сгорѣнія въ 738 году николской олшанской церкви погорѣли, а сколко села Олшанного, какъ зъ насъ мы нижайшіе олшанскіе козаки знать совершенно можемъ, что тѣ поля и сѣнокоси въ недавнихъ временахъ села Олшаного козаками и жителми Олшанки на церковъ олшанскую живоначалнія Тройци ледованнія, а отного оніе ледованніе и въ какихъ годахъ, имѣются при церкви олшанской въ зашнурной книги записи, о коихъ всѣхъ занятихъ ланахъ и сѣнокосахъ, яко и отъ доброхотныхъ подателей наданнихъ полахъ и сѣнокосахъ при томъ доношеніи подъ великое вашей ясновельможности усмотрѣніе сообщенъ обстоятельный реестръ... А сверхъ того и по правамъ малороссійскимъ, кто за прежнихъ королей какова добра владѣлъ, таковихъ, *хотя бы крѣпостей никакихъ не имѣлъ, силенъ вѣчно владѣть*, такъ и по тому резону навсегда во вѣчномъ церковномъ владѣніи оніе добра должни оставаться, ибо не толко при тѣхъ волинской и олшанской, но и *по Малороссіи въ разнихъ владѣніяхъ при многихъ церквахъ, по*

прежнимъ займамъ и по разнымъ доброхотнихъ дателей подачамъ, грунти имѣются и по нинѣ въ спокойномъ владѣніи безборонно находятся» ...

Изъ предложенной краткой характеристики Сборника г. Лучицкаго читатель можетъ убѣдиться, на сколько интересенъ и важенъ матеріалъ, имъ опубликованный. Остается желать, чтобы скорѣе явилось продолженіе матеріаловъ изъ Румянцевской описи хотя-бы, напримѣръ, для исторіи происхожденія крупной поземельной собственности, безъ чего самая роль общины останется неясною. Козацкая община въ Малороссіи, едва только народившись, стала уже разрушаться.

Въ заключеніе остается замѣтить, что матеріалы изданы сообразно научнымъ требованіямъ и снабжены тремя указателями—личнымъ, географическимъ и предметнымъ. **Дм. Багалѣй.**

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 40-й. Спб. 1884 года.

Ни одно, кажется, изъ нашихъ ученыхъ обществъ не расширило такъ своей дѣятельности и не ведетъ ее съ такою быстротою, какъ названное историческое общество. Въ громадной массѣ изданныхъ имъ историческихъ матеріаловъ видное мѣсто принадлежитъ дипломатическимъ документамъ, а въ числѣ ихъ нерѣдко попадаются такіе, въ которыхъ содержатся любопытныя свѣдѣнія по исторіи Малороссіи. Только что вышедшій 40-й томъ изданій этого общества даетъ намъ такія свѣдѣнія въ донесеніяхъ французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона съ 1719 по 1722 годъ.

Не касаясь всего богатаго содержанія вышедшаго тома изданій императорскаго русскаго историческаго общества, мы ограничимся ознакомленіемъ читателей съ тѣми немногими данными по исторіи Малороссіи, которыя заключаются въ донесеніяхъ упомянутаго дипломата. Сообщаемыя имъ о Малороссіи свѣдѣнія тѣмъ большую должны имѣть для насъ цѣну, что Кампредонъ могъ совершенно безпристрастно относиться къ наблюдаемымъ фактамъ, такъ какъ послѣдніе совершенно не касались политическихъ комбинацій и дипломатическихъ интригъ. Правда, его свѣдѣнія довольно сбивчивы, неточны и обнаруживаютъ малое знакомство съ страною, о которой онъ писалъ,—послу французскому ничего напр. не стоитъ смѣшать Хмельницкаго съ Дорошенкомъ и поставить одного на мѣсто другаго; но такія погрѣшности легко отличить всякому, кто сколько нибудь знакомъ съ общимъ ходомъ событій въ исторіи Малороссіи, а между тѣмъ то, что сообщается Кампредономъ о Малороссіи

находится нерѣдко въ полномъ соотвѣтствіи съ другими данными нашей исторіи и съ общей политикой Петра В. относительно подчиненія Малороссіи общему государственному строю.

Сущность передаваемыхъ Кампредономъ о Малороссіи свѣдѣній сводится къ тѣмъ денежнымъ и натуральнымъ налогамъ и повинностямъ, которыми обремененъ былъ новоприсоединенный край, той эксплуатаціи, какой онъ подвергался со стороны жадныхъ бояръ, и тѣмъ ограничительнымъ мѣрамъ, какія принимались Петромъ въ видахъ ослабленія автономіи Малороссіи и прикрѣпленія ея къ Россіи. Прежде всего въ его «Запискѣ о доходахъ царской казны» находимъ слѣдующія цифровыя данныя о тѣхъ постоянныхъ налогахъ, какіе уплачивало крестьянское населеніе Великой и Малой Россіи за свои жилища и землю:

На военный совѣтъ	25 к.
» адмиралтейство	10 »
» рекрутъ	6 »
» коневодство во всѣхъ губерніяхъ	11 »
» черепичныя фабрики	3 »
» известковыя печи	3 »
» строительные матеріалы	4 »
» почтовыхъ лошадей	5 »
» содержаніе канцелярій	1 »
» экстраординарные расходы	½ »
	68½ к. [1]

Сказавъ, что царь приказалъ въ 1715 г. сдѣлать новую ревизію для правильнаго взиманія этихъ податей, посолъ замѣчаетъ, что налогъ на избы въ Великороссіи взимается по переписи 1679 г., между тѣмъ какъ въ кіевской губерніи (такъ онъ называетъ Малороссію или гетманщину) за основу сборовъ принята перепись 1710 г. Изъ приложенной къ «Запискѣ» росписи доходовъ, сдѣланной, по словамъ Кампредона, въ счетной палатѣ (въ камеръ-коллегіи) въ концѣ 1722 г., узнаемъ, что въ Малороссіи (по Кампредону въ кіевской губерніи) числилось 56 городовъ, 1864 мѣщанскихъ дома, 25,815 крестьянскихъ домовъ, и сумма, платимая въ казну, равнялась 114,857 р. въ годъ [2]).

Пропорція крестьянскихъ избъ, замѣчаетъ посолъ, здѣсь слишкомъ мала сравнительно съ количествомъ городовъ. Причина сего заключается въ томъ, что кіевская губернія (т. е. Малороссія) населена боль-

---

[1]) Сборникъ, стр. 429.

[2]) Сборникъ, стр. 430—141.

шимъ количествомъ козаковъ, а этотъ народъ, какъ я изложу это ниже, свободенъ отъ постоянныхъ повинностей, такъ что въ приведенной росписи означены лишь тѣ избы, которыя въ настоящее время обложены податями [1]).

Продолжая говорить о доходахъ казны отъ монопольной продажи питей и табаку, привиллегіяхъ, какими пользовалась въ этомъ отношеніи Малороссія и о томъ, «какъ жадные къ наживѣ бояре и другія частныя лица совершали безконечное множество мошенничествъ, тайно торгуя черкасскимъ и украинскимъ табакомъ, разводимымъ въ большомъ количествѣ», [2]) а равно о подушной подати, посолъ переходитъ къ натуральнымъ доходамъ и тутъ съ особою подробностью распространяется о Малороссіи, касаясь, хотя и не совсѣмъ удачно, ея исторіи и современнаго состоянія. «Царь, говоритъ онъ, извлекаетъ изъ своихъ подданныхъ еще другія выгоды, не менѣе значительныя и вполнѣ замѣняющія ему наличные капиталы, такъ какъ въ Россіи изъ нихъ дѣлается тоже употребленіе, на которое въ другихъ странахъ требуются денежные капиталы. Сюда относится прежде всего такъ называемая здѣсь контрибуція, т. е. поставка подданными его царскаго величества людей, въ особенности казаками и черкесами. Они прежде состояли подъ владычествомъ Польши, но потомъ, будучи недовольны ею, перешли подъ власть турокъ и наконецъ отдались, впрочемъ на извѣстныхъ условіяхъ, въ подданство царя Алексѣя, отца нынѣ царствующаго государя Петра I. Эти народы, живущіе между Дономъ и Днѣпромъ, называются запорожцами отъ двухъ русскихъ словъ: *за*, обозначающаго «по ту сторону» и *пороги*, т. е. катаракты. Дорошенко, ихъ гетманъ или генералъ, фамилія котораго еще весьма значительна, но родъ угасъ недавно со смертью послѣдняго гетмана, отдался подъ покровительство Россіи на слѣдующихъ условіяхъ: Украйна будетъ свободна отъ всякаго рода налоговъ, согласно дѣйствующему въ ней магдебургскому праву (какъ видно, смутное понятіе имѣлъ французъ о нѣмецкомъ правѣ), казаки будутъ по прежнему пользоваться всѣми своими старинными привиллегіями и полной свободой торговли, въ особенности водкой, пивомъ и медомъ, оптовой и розничной; наконецъ управлять ими будутъ всегда ихъ собственные генералы, но никогда и ни въ какомъ случаѣ не русскіе. На этихъ условіяхъ они съ своей стороны обязывались доставлять царю 60-тысячный корпусъ конницы каждый разъ, какъ онъ потребуетъ таковой».

[1]) Сборникъ, стр. 435—5.

[2]) Сборникъ, стр. 436.

«Это условіе представляло значительную выгоду въ то время, когда въ Россіи не было еще своихъ регулярныхъ войскъ, козаковъ-же и русскіе и поляки считали за лучшую конницу въ мірѣ. Но теперь, когда царь организовалъ свои собственныя войска и, слѣдовательно, козаки приносятъ ему мало выгоды, у нихъ стараются незамѣтно отнять всѣ привиллегіи. И этого достигнутъ непремѣнно, какъ только перестанутъ бояться, что народъ переселится за Днѣпръ и соединится съ своими сосѣдями татарами. Такое переселеніе не только могло-бы имѣть опасныя послѣдствія для владѣній царя, но и обезлюдитъ, обратитъ въ дикую пустыню одну изъ плодороднѣйшихъ странъ Европы. Пастбища тамъ превосходны, и на нихъ содержится болѣе половины воловъ и барановъ, потребляемыхъ Москвою и Петербургомъ. Тамъ производится изумительное количество пшеницы и ржи, а земля такъ хороша, что ее никогда не удобряютъ, пашутъ же и засѣваютъ только разъ въ три года, ибо для обсѣмененія бываетъ достаточно того зерна, что падаетъ на землю при жатвѣ. Спаржа растетъ во множествѣ несаженная и безъ всякой культуры. Вообще удивительно, что царь прилагаетъ такъ мало заботъ о населеніи страны, такъ счастливо надѣленной природою, какъ превосходнымъ климатомъ, такъ и плодородіемъ почвы; она могла-бы, при хорошей обработкѣ, производить болѣе хлѣба, чѣмъ нужно для всего остальнаго его государства. Но онъ поставилъ себѣ цѣлью, не истребляя козаковъ, ослабить ихъ. Теперь они уже не въ состояніи выставить болѣе тридцати тысячъ конницы, да и въ ту назначили русскихъ полковниковъ, имѣющихъ подъ своей командой по четыре, по шести и до десяти тысячъ человѣкъ. Назначеніе на этотъ постъ представляетъ довѣріе и милость, такъ какъ каждый полковникъ можетъ нажиться съ козаковъ въ годъ до десяти тысячъ рублей, и тѣ не смѣютъ жаловаться, потому что въ ихъ странѣ выстроено теперь двѣ крѣпости и размѣщена въ гарнизонахъ почти вся русская кавалерія. Козаки обязаны также безвозмездно доставлять почтовыхъ лошадей всѣмъ лицамъ, ѣдущимъ съ паспортами, а скоро у нихъ собираются ввести существующіе уже во всемъ остальномъ государствѣ казенные кабаки. Это значительно увеличитъ доходы казны, но разоритъ Украйну, первоначальное населеніе которой и безъ того уже уменьшилось на половину вслѣдствіе того, что его принудили, вмѣсто солдатъ, поставлять людей на работы въ Петербургѣ и на Ладожскомъ озерѣ, гдѣ ихъ погибло великое множество» [1]).

П. Голубовскій.

---

[1]) Сборникъ, стр. 449—452.

Фундуши и стипендіи виленскаго учебнаго округа. Справочное пособіе. Сост. Н. Юницкій. Ч. 1. Выпускъ первый. Вильна. 1884 г.

Названная книга является въ нашей исторіографіи совершенною новинкою и по основной мысли своей и задачѣ заслуживаетъ полнаго вниманія и уваженія.

Въ предисловіи къ своей довольно объемистой книгѣ г. Юницкій объясняетъ побудительныя причины къ составленію оной и опредѣляетъ двоякое—историческое и практическое значеніе своего труда. «Количество, говоритъ онъ, всѣхъ фундушевыхъ и стипендіальныхъ капиталовъ въ виленскомъ учебномъ округѣ простирается до 900 тысячъ руб. сереб. Судьба нѣкоторыхъ изъ пожертвованій и содержаніе духовныхъ записей фундаторовъ небезынтересны; они имѣютъ свое историческое значеніе, характеризуя духъ времени, направленіе общества и его потребности, рисуютъ намъ задачи воспитателей, требованія ихъ отъ учащихся и самый способъ обученія и содержанія послѣднихъ... Нѣкоторыя изъ пожертвованій сдѣланы еще въ прошедшемъ или въ началѣ настоящаго столѣтія, а переписка о нихъ или подлинные документы такихъ фундушевыхъ записей (и при томъ до 1832 г. преимущественно на польскомъ языкѣ) находятся въ разныхъ учрежденіяхъ; вслѣдствіе этого справки по дѣламъ о пожертвованіяхъ для всѣхъ лицъ, имѣющихъ къ нимъ то или другое отношеніе, т. е. для служащихъ въ управленіи округа и въ учебныхъ заведеніяхъ, для родителей, опредѣляющихъ своихъ дѣтей въ конвикты или ищущихъ стипендій для учащихся, весьма затруднительны, особенно въ виду того, что нѣкоторыя учрежденія и заведенія, для которыхъ предназначены первоначально фундуши, нынѣ упразднены или переведены въ другія мѣстности, и наконецъ самыя положенія о пожертвованіяхъ съ теченіемъ времени въ силу разныхъ требованій подвергались преобразованіямъ».

Г. Юницкому пришла счастливая мысль «собрать данныя по каждому фундушу, разбросанныя по разнымъ дѣламъ управленія округа и учебныхъ заведеній, въ одно цѣлое, т. е. составить краткія историческія свѣдѣнія о всѣхъ пожертвованіяхъ на воспитаніе юношества, состоящихъ въ распоряженіи виленскаго учебнаго округа, съ указаніемъ въ нихъ главныхъ положеній о каждомъ фундушевомъ капиталѣ», при чемъ, какъ само собою разумѣется, недостатка въ источникахъ для такихъ свѣдѣній быть не могло: они находились и въ дѣлахъ округа, и въ архивахъ учебныхъ заведеній, получались изъ архива министерства народнаго просвѣщенія и изъ печатныхъ сборниковъ того же министерства и учебнаго округа.

Книга г. Юницкаго подраздѣляется на два главные отдѣла. 1) Стипендіи, правительственные и частные капиталы, состоящіе въ распоряженіи управленія учебнаго округа, и 2) фундуши гимназій, начинающіеся съ разнообразныхъ и многочисленныхъ фундушей гимназіи виленской, съ подраздѣленіемъ ихъ на предметы ихъ предназначенія по источникамъ и именамъ жертвователей, преимущественно польскихъ вановъ недавняго и весьма отдаленнаго времени.

Къ чести г. Юницкаго сказать должно, что онъ справился съ своею задачею и огромнымъ матеріаломъ, бывшимъ въ его распоряженіи, какъ нельзя лучше: каждый изъ фундушей имѣетъ у него свою обстоятельную исторію; свѣдѣнія о немъ сгруппированы самымъ тщательнымъ образомъ, изложены сжато и ясно, а положенія о нихъ—языкомъ офиціальныхъ актовъ, устраняющимъ всякую неточность и проистекающія отсюда недоразумѣнія. Г. Юницкій преслѣдуетъ въ своемъ сборникѣ пока одну лишь практическую цѣль—дать необходимыя справки тѣмъ, кто въ нихъ можетъ имѣть нужду. «Историческія данныя, говоритъ онъ, не могутъ быть тутъ поставлены на первомъ планѣ и должны быть отложены до послѣдней заключительной главы и сгруппированы, какъ конечный результатъ разсмотрѣнной судьбы всѣхъ фундушей». Мы имѣемъ предъ глазами лишь первый выпускъ труда Юницкаго; плана дальнѣйшихъ работъ тутъ нѣтъ; сколько можетъ быть дальнѣйшихъ выпусковъ, когда они выйдутъ, чего будутъ касаться и когда появится упомянутая сейчасъ заключительная глава, остается неизвѣстнымъ. Мы съ нетерпѣніемъ будемъ ждать именно этой главы, такъ какъ въ ней главный историческій интересъ и она, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, «въ извѣстной степени можетъ способствовать поясненію исторіи сѣверо-западнаго края, особенно первой половины текущаго столѣтія», точнѣе исторіи образованія въ немъ, которое въ рукахъ анти-правительственной партіи служило самымъ могучимъ факторомъ въ направленіи общей жизни края.

Настоящая попытка привести въ ясность и общую извѣстность многозначительныя средства общественнаго образованія въ краѣ и положенія о нихъ, предпринятая, какъ можно догадываться, по мысли и при поддержкѣ администраціи виленскаго учебнаго округа, по самой практической своей цѣли, должна-бы вызвать подражаніе въ другихъ учебныхъ округахъ, особливо кіевскомъ и варшавскомъ, по многочисленности въ нихъ фундушевыхъ и иныхъ записей и запутанности нѣкоторыхъ изъ

нихъ. Историческій интересъ положительныхъ о нихъ свѣдѣній понятенъ самъ собой; но кто знаетъ, съ какими трудностями сопряжено бываетъ разысканіе иного капитала и пользованіе имъ, особливо при необходимости видоизмѣнить его употребленіе сообразно обстоятельствамъ времени, тотъ пойметъ всю важность сборника, въ родѣ настоящаго, и отдастъ справедливую дань уваженія труду г. Юницкаго и тѣмъ, по чьей мысли онъ задуманъ и при чьей поддержкѣ выполненъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ КЪ БІОГРАФІИ ВЛАДИМІРА ЛУКИЧА БОРОВИКОВСКАГО.

«Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка».
Гнѣдичъ.

Въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ была помѣщена весьма любопытная статья г. Горленка: *Художникъ В. Л. Боровиковскій*—«самый крупный талантъ, какой дала Малороссія русской школѣ живописи». Въ концѣ статьи выражено желаніе, чтобы собранный однимъ изъ потомковъ художника по линіи его брата біографическій о немъ матеріалъ былъ сообщенъ печати. На такой, обращенный ко мнѣ, нижеподписавшемуся, вызовъ почтеннаго автора статьи скажу прежде всего, что еще въ 1868 году представлены мною академіи художествъ, по сообщенному мнѣ на то ея желанію, собранныя мною *Краткія свѣдѣнія къ біографіи академіи художествъ совѣтника Влад. Лук. Боровиковскаго*,—какъ матеріалъ къ предположенному изданію біографій знаменитыхъ ея художниковъ. За симъ, такъ какъ мнѣ доселѣ неизвѣстно, какое сдѣлано употребленіе изъ этого матеріала, то, пополнивъ теперь мои *Свѣдѣнія*, дѣлюсь ими съ читателями «Кіевской Старины».

В. Л. Боровиковскій родился въ Миргородѣ, въ 1757 году. Отецъ его, значковый товарищъ *Лука Боровикъ* († 1775), былъ между прочимъ въ числѣ членовъ коммиссіи для составленія новаго уложенія, неудовлетворившей ожиданіямъ императрицы. Князь Эри-

стовъ, въ статьѣ «Боровиковскій, В. Л.» въ энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара, говоритъ, что неизвѣстно, кто былъ его учителемъ въ живописи. Мнѣ положительно извѣстно, что дѣдъ мой, Лука Боровикъ, былъ самъ хорошимъ живописцемъ: я сохраняю икону его работы «св. Димитрій, митрополитъ ростовскій», замѣчательную и по живописи, и по тому обстоятельству, какъ передавалъ мнѣ покойный мой отецъ, что она составляетъ вмѣстѣ икону и портретъ святителя (любопытно-бы было сравнить ее съ дѣйствительнымъ портретомъ). Слѣдовательно, Владиміръ Лукичъ могъ получить основательныя начала въ живописи еще отъ отца своего, у котораго онъ выучился также играть на гусляхъ. Живописное искусство было какъ-бы наслѣдственнымъ въ фамиліи Боровиковскихъ, занесенной въ дворянскую родословную книгу бывшаго екатеринославскаго намѣстничества. Братъ Луки, Иванъ, и двоюродный, Деньянъ, были также живописцы. Четыре сына Луки всѣ были живописцы. Владиміръ былъ старшимъ изъ нихъ, а мой отецъ, Иванъ, младшимъ. Владиміръ, по обыкновенію тогдашняго времени, поступилъ въ военную службу, но вскорѣ выйдя въ отставку въ чинѣ поручика и поселясь въ отцовскомъ домѣ, предался любимому своему искусству. Онъ былъ необыкновенно трудолюбивъ. Многія церкви въ Малороссіи имѣютъ или имѣли иконы и цѣлые иконостасы его работы. Весь иконостасъ троицкой миргородской церкви его кисти. Есть его подпись на иконахъ: «писалъ 1784 г. Владиміръ Боровиковскій». Не смотря на протекшія уже сто лѣтъ, иконы отличаются прочностью и свѣжестью красокъ, не говоря уже объ искусной живописи: тѣло ангеловъ какъ будто просвѣчиваетъ, воздушное, безплотное; особенно возбуждаютъ удивленіе, на боковыхъ вратахъ алтаря, первосвященники Мелхиседекъ и Ааронъ. Въ приходскую воскресенскую церковь своей родины прислалъ онъ изъ Петербурга превосходную, до сихъ поръ хранимую, плащаницу съ херувимскою пѣснію великой субботы: *Да молчитъ всяка плоть человѣча...*; а въ соборную миргородскую церковь прислалъ двѣ намѣстныя иконы: къ сожалѣнію, слѣпая *ревность не по разуму* въ послѣднее время испортила ихъ *подновкою* лицъ! Жаль, если таже участь ожидаетъ и прекрасныя иконы троицкой церкви! *Habent sua fata libelli* и иконы! Во многихъ семействахъ здѣшнихъ помѣщиковъ иконы или портреты работы Боровиковского передаются по наслѣд-

ству отъ поколѣнія къ поколѣнію. Живопись считалъ онъ своимъ призваніемъ, а повиноваться ему—своимъ долгомъ, пока, наконецъ, дѣйствительное Божіе призваніе въ лицѣ великой императрицы не указало ему мѣста въ академіи художествъ. Во время путешествія Екатерины въ Крымъ (1787 года) миргородскій предводитель дворянства, извѣстный *Капнистъ*, поручилъ ему написать нѣсколько картинъ, чтобы украсить ими домъ, назначенный для пріема государыни. Двѣ изъ нихъ были особенно примѣчательны: на одной изобразилъ онъ семь мудрецовъ Греціи предъ книгою «Наказа» и Екатерину, въ видѣ Минервы, объясняющую имъ свое твореніе; на другой картинѣ представленъ былъ Петръ I, вспахивающій землю, а вслѣдъ за нимъ Екатерина II, сѣющая сѣмена; два генія, изображавшіе Александра и Константина, боронили эту вспаханную и засѣянную землю. Мысль этихъ картинъ понравилась императрицѣ. Она желала узнать художника и предложила ему ѣхать въ Петербургъ, къ Ламнію (слѣдовательно, ему было тогда не болѣе 30 лѣтъ). Въ столицѣ въ скорое время ученикъ сдѣлался соперникомъ своего учителя Ламнія въ живописи; подружась съ Левицкимъ, заимствовалъ у этого художника все, что казалось ему согласнымъ съ собственнымъ его вкусомъ [1]).

Уѣзжая въ Петербургъ, онъ взялъ съ собою малолѣтняго племянника своего, сына единственной сестры своей, бывшей въ замужествѣ за священникомъ, *Антона Горковскаго*, и воспиталъ его въ кадетскомъ корпусѣ: впослѣдствіи Горковскій былъ артиллерійскимъ полковникомъ, начальникомъ крѣпостной артиллеріи въ Эривани и умеръ въ Петербургѣ. Благодарный племянникъ сохранилъ письма его къ нему, мнѣ потомъ доставшіяся: они рисуютъ Владиміра Лукича человѣкомъ души доброй и христіанскихъ убѣжденій. Похваляя племянника, что умѣетъ цѣнить благодѣянія, онъ проситъ благодарить за нихъ не его, но Виновника *всякаго даянія блага*. Икона, нерукотворенный образъ Спасителя, которою благословилъ онъ любимаго своего «Антошу», отпуская его на службу, и которая сопутствовала ему во всѣхъ его походахъ, въ Россіи, въ Турціи, на Черномъ и Средиземномъ моряхъ, на Корфу и у береговъ Далмаціи, на Кавказѣ и за Кавказомъ, хранится теперь у меня, и я

[1]) Энциклопедич. Лексиконъ Плюшара, т. VI.

дорожу ею не менѣе Горковскаго. Владиміръ Лукичъ вызвалъ было къ себѣ въ Петербургъ и меньшаго своего брата, отца моего, который и продолжалъ у него занятія свои въ живописи; но черезъ годъ, по домашнимъ обстоятельствамъ остальныхъ братьевъ, долженъ былъ возвратить его на родину. Онъ разсказывалъ, что въ мастерской брата нерѣдко видѣлъ Капниста и Державина, который, «замѣтивъ мою близорукость, подарилъ мнѣ свои очки», ими отецъ дорожилъ во всю свою жизнь. Приступая къ какой нибудь важной или серьезной работѣ, Владиміръ Лукичъ прежде всего отправлялся въ церковь и слушалъ молебенъ. Приготовивъ полотно или доску для иконы, онъ заставлялъ читать вслухъ Евангеліе или житіе святаго, котораго изобразить предположилъ, и остановясь на какомъ-либо текстѣ или мѣстѣ читаемаго, прерывалъ чтеніе, набрасывалъ рисунокъ и затѣмъ давалъ своей идеѣ дальнѣйшее осуществленіе. Онъ имѣлъ обыкновеніе каждую субботу по утру раздавать посильную милостыню нищимъ, которые обыкновенно и ожидали такой раздачи на лѣстницѣ его квартиры, и если онъ не видѣлъ кого-либо изъ такихъ обычныхъ своихъ гостей, то поручалъ другому передать подаяніе, предваряя, что онъ-же спроситъ того— получилъ-ли?

По свидѣтельству знавшихъ Владиміра Лукича и посѣщавшихъ его мастерскую онъ былъ «трудолюбивъ до невѣроятности», «Я посидѣлъ у него съ часъ, писалъ о немъ одинъ знакомый, посѣтившій его въ Петербургѣ, и между разговорами онъ не переставалъ заниматься работою». «Мнѣ потерять часъ», писалъ Владиміръ Лукичъ къ роднымъ, извиняясь, что не пишетъ къ нимъ особо, «ей, составляетъ великое въ занятіяхъ моихъ разстройство!» Посылая племяннику своему билетъ на полученіе «Сына Отечества», онъ пишетъ: «а я не имѣю времени читать его». Любимымъ его чтеніемъ въ немногіе часы досуга были книги духовнаго содержанія, таковы: *О подражаніи Іисусу Христу, Путь ко спасенію, Бесѣды Макарія Египетскаго, сочиненія Димитрія Ростовскаго* и *объ истинномъ христіанствѣ Тихона Воронежскаго;* этими книгами снабдилъ онъ и отца моего, отъ котораго перешли они ко мнѣ. Владиміръ Лукичъ писалъ много для церквей, но извѣстенъ особенно портретами. Онъ писалъ всю императорскую фамилію. Лучшія его иконы находятся въ казанскомъ

соборѣ, *Благовѣщеніе* и *Евангелисты*, на царскихъ вратахъ. Извѣстны прекрасные стихи *Бенедиктова* къ его Благовѣщенію:

Кто сей юный?.....
Кто сія?.....
Этотъ юноша крылатый,
Искупленія глашатай.
Ангелъ, вѣстникъ торжества,
Вѣстникъ тайны воплощенья.
А предъ нимъ, полна смущенья,
Дѣва—матерь Божества!

Въ лицѣ ангела видятъ неземнаго вѣстника неземнаго благовѣстія, а въ лицѣ Маріи читаютъ и ея смущенье, и глубочайшее ея смиреніе и совершенную покорность волѣ Божіей... Простоявъ долго предъ его Благовѣщеніемъ, передавалъ мнѣ почтенный отецъ архимандритъ, и отойдя отъ него, вновь возвращаешься, чтобъ *дочитать* остальное...: такъ многозначительно его выраженіе!

Скончался Владиміръ Лукичъ въ 1825 году, въ Петербургѣ, на 68 году своей жизни, не бывъ никогда женатъ. Онъ «очень боялся, какъ самъ писалъ, оставить свои вещи, картины и иконы, изъ коихъ есть и очень полезныя, на распутіи». Въ завѣщаніи все движимое имущество свое указалъ продать и деньги употребить на бѣдныхъ и на поминовеніе по церквамъ. Погребенъ на смоленскомъ кладбищѣ, въ троицкой церкви котораго весь иконостасъ верхней церкви—его работы. На скромномъ памятникѣ его высѣчены стихи:

Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви
Изъ мертвыхъ воскресенья.
Творецъ! се тварь твоя
Ждетъ отъ Тебя спасенья!

Послѣдній стихъ очень гармонировалъ благочестивому настроенію души художника, какимъ отличался онъ въ жизни. Въ послѣдніе его годы былъ слухъ, что Боровиковскій, вмѣстѣ съ однимъ изъ друзей своихъ, поступаетъ въ монахи въ Кіево-печерскую лавру; но, какъ друга его почему-то принять туда не согласились, то и онъ не привелъ въ исполненіе своего предположенія. Выдаю это только, какъ слухъ. Вообще, и какъ художникъ несравненный, и какъ человѣкъ хри-

стіанскихъ убѣжденій и самихъ скромныхъ желаній, Владиміръ Лукичъ представляетъ собою замѣчательную личность.

Таковы краткія, добытыя мною, свѣдѣнія о дядѣ моемъ, художникѣ В. Л. Боровиковскомъ. Свѣдѣнія эти, какъ я сказалъ въ началѣ, еще 16 лѣтъ тому назадъ представлены были мною академіи художествъ; къ нимъ я присоединилъ тогда, какъ миніатюрный портретъ художника, имъ самимъ карандашомъ рисованный и на камнѣ отпечатанный, такъ, въ видѣ особаго приложенія, и *Выписки изъ сохранившихся писемъ его къ роднымъ:* изъ нихъ можно было видѣть, какихъ онъ былъ мыслей, чувствованій и убѣжденій, а слѣдовательно и какого образа жизни, на основаніи того, что talis hominibus fuit oratio, qualis vita, по выраженію Сенеки.

Въ письмахъ своихъ къ роднымъ Владиміръ Лукичъ повторяетъ, что занятія свои живописью считаетъ Божіимъ призваніемъ, а повиноваться оному «съ вѣрностію», какъ выражался онъ, т. е. рачительно и неуклонно, святою своею обязанностію. Такимъ образомъ самыя счастливыя условія: природное дарованіе и основательныя начала, прекрасное убѣжденіе и неустанный трудъ, соединились въ немъ, чтобы произвести изъ него замѣчательнаго художника, неподражаемаго портретиста и вдохновеннаго иконописца, что и выражено мною, полагаю не преувеличенно, на прилагаемой при семъ, снятой мною копіи съ упомянутаго его портрета [1]), стихомъ Горація:

... liquidis ille coloribus
Solers nunc hominem ponere, nunc deum.
Hor. od. IV, 7.

Ив. Боровиковскій.

Въ концѣ любопытной статьи г. Горленка: *Художникъ В. Л. Боровиковскій* («Кіевской Старины», апрѣль текущаго года) помѣщенъ *Списокъ извѣстныхъ работъ Боровиковскаго.* Его можно пополнить еще слѣдующими, какія встрѣчались мнѣ въ газетныхъ извѣстіяхъ:

1. Соборъ въ Могилевѣ на Днѣпрѣ во имя праведнаго Іосифа, Обручника Божіей Матери, построенный въ память свиданія Ека-

[1]) Къ сожалѣнію, мы не можемъ теперь приложить этого портрета, но надѣемся воспользоваться имъ впослѣдствіи.—Ред.

терины въ семъ городѣ съ Іосифомъ II, «украшенъ превосходными иконами работы знаменитаго Боровиковскаго». *Современный Листокъ, 1867 г., № 22.*

2. Въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ (Торжокъ, тверской губерніи) «замѣчательна живопись на иконостасѣ: всѣ иконы его, въ количествѣ 37, написаны въ 1795 году на казенный счетъ съ высочайшаго разрѣшенія академикомъ Боровиковскимъ за 1,600 руб.». *Сынъ Отечества, 1874 г.*

3. «Бабушка съ котикомъ», гдѣ и чей портретъ, мнѣ не извѣстно. «Вѣдь это Боровиковскаго! Chef d'oeuvre, можно сказать». Изъ статьи *Кохановской*: «Провинціальная галлерея портретовъ» въ *Хрестоматіи Галахова, Т. II.*

4. Замѣчательная икона Божіей Матери съ Младенцемъ и ангелами, которую нѣкогда (подписано: «1786 г. писалъ Влад. Боровиковскій») художникъ принесъ одному «высокопросвѣщенному и именитому лицу (вѣроятно, Трощинскому) въ даръ любви, — для вдохновеннаго поклоненія». Икону эту недавно г. Лѣсковъ нашелъ гдѣ-то уже въ сараѣ расколотою и буравомъ въ верхней части просверленною, чтобъ надѣвать на гвоздь! Онъ повезъ ее въ Петербургъ для реставраціи *(Харьковскія Губернскія Вѣдомости 1881 г. № 203).*

Къ сожалѣнію я немногимъ чѣмъ могу похвалиться изъ произведеній кисти моего дяди, а именно:

1. Упомянутый уже Нерукотворенный образъ Спасителя.

2. Пять небольшихъ иконъ на желѣзныхъ листахъ: Деисусъ и 12 апостоловъ,—прекрасные образцы для иконостасныхъ иконъ.

3. Портретъ императрицы Маріи Ѳеодоровны въ молодыхъ лѣтахъ.

4. Портретъ цесаревича Константина въ молодыхъ лѣтахъ.

Вмѣстѣ съ этими иконами и портретами отецъ мой привезъ отъ брата изъ Петербурга и прекрасную икону работы *Лампія старшаго*, Богоматерь съ Младенцемъ у столика, на холстѣ.

Гравюры:

1. *Благовѣщеніе*, съ иконъ Казанскаго собора, *Робенсона*, въ книгѣ Кукольника: «Картины Русской Живописи».

2. *А. Б. Куракинъ*, съ портрета, *Клаубера*.

Рисунки:

1. *Евангелисты*, карандашемъ, отпечатанные на камнѣ. образцы, съ которыхъ и писаны Евангелисты для Казанскаго собора, въ 1808 году.

2. *Равноапостольный Владиміръ*, бѣглый рисунокъ перомъ и тушью, но съ нагляднымъ выраженіемъ величія и твердой власти.

Ст. Сов. **Ив. Боровиковскій.**

7 іюля 1884 г.
Хоронъ, с. Милюшки.

ОТКРЫТІЕ ДРЕВНИХЪ МОЗАИКЪ КЪ ГЛАВНОМЪ КУПОЛѢ КІЕВО-СОФІЙСКАГО СОБОРА.

Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, при м. Евгеніѣ, какъ значится въ составленномъ имъ описаніи кіево-софійскаго собора, главный куполъ этого собора былъ росписанъ новою живописью. Она представляла слѣдующія изображенія: въ самомъ днѣ купола Спаситель, благословляющій обѣими руками, и въ облакѣ отъ него исходящій Св. Духъ; ниже этого образа, по стѣнкамъ купола, 7 архангеловъ: Михаилъ съ мечемъ въ одной рукѣ и знаменемъ въ другой, Гавріилъ съ вѣтвію лиліи, Рафаилъ съ алавастромъ, Уріилъ съ зажженною свѣчей, Салаѳіилъ съ четками и Іегудіилъ съ вѣнцемъ; между архангелами огненные языки, ниже архангеловъ—соборъ девяти чиновъ ангельскихъ, окружающихъ и поддерживающихъ престолъ Вседержителя, еще ниже между 12 окнами на простѣнкахъ 12 апостоловъ, стоящіе на 12 ветхозавѣтныхъ и апокалипсическихъ камняхъ (Исх. XXVIII, Апокал. гл. 21). Надъ каждымъ изъ апостоловъ были золотыя звѣзды, въ срединѣ ихъ огненные языки, а надъ ними надпись: *на главѣ ея вѣнецъ отъ двѣнадесяти звѣздъ* (Апокал. гл. 12).

При возобновленіи кіево-софійскаго собора въ 1843—1853 г., каменный куполъ вновь росписанъ іеромонахомъ Иринархомъ по рисунку академика Ѳ. Г. Солнцева, которому Высочайше вѣрено было руководство работами по возобновленію собора. Въ это время изображены: въ днѣ купола, вмѣсто Вседержителя, Богъ Отецъ въ видѣ ветхаго деньми, подъ нимъ 4 шестокрылатыхъ серафима, 2 ангела, держащихъ нерукотворенный образъ Спасителя, и 2 ангела,

держащихъ земной шаръ; ниже ихъ архангелы: Гавріилъ, Рафаилъ, Уріилъ, Салаѳіилъ, Іегудіилъ, Варахіилъ и Іереміилъ; изображенія 12 апостоловъ между окнами фонаря переписаны на-ново.

Между тѣмъ изъ описанія путешествія антіохійскаго патріарха Іоакима, посѣщавшаго Кіевъ въ 1653 году, извѣстнымъ стало, что весь куполъ кіево-софійскаго собора былъ мозаическій, и что въ половинѣ XVII вѣка въ немъ были изображены: Господь Вседержитель съ ангелами и 12 апостолами и по угламъ (на парусахъ) 4 евангелиста. «Все это, пишетъ спутникъ патріарха діаконъ Павелъ, украшено царственною мозаикой, золотистой, съ удивительными узорами, съ греческими надписями, точно также, какъ и 4 арки, на которыхъ лежитъ куполъ» [1]).

Когда и кѣмъ въ первый разъ замалеваны эти мозаики, нѣтъ извѣстій; князь Голицынъ въ своемъ путешествіи по южной Россіи въ 1807-мъ году пишетъ, что онъ ихъ видѣлъ и ими восхищался. Къ сожалѣнію онъ не поименовалъ изображеній, видѣнныхъ имъ въ куполѣ, такъ что остается сомнѣніе, не относятся-ли его слова только къ мозаическимъ изображеніямъ евангелистовъ на парусахъ и мучениковъ на алтарныхъ аркахъ, между тѣмъ какъ въ куполѣ могли быть уже живописныя изображенія, сдѣланныя раньше, быть можетъ, еще въ 1718 г., при росписаніи стѣнъ собора масляными изображеніями на мѣстахъ бывшихъ здѣсь, но забѣленныхъ фресокъ.

При высотѣ соборнаго купола до 12 саженей, отъ церковнаго пола трудно было разсмотрѣть, что скрывается подъ масляной живописью купола; видна была только шероховатая поверхность этой живописи и шляпки гвоздей, которыми прикрѣплена древняя штукатурка; но изъ этого можно было заключать только о томъ, что древній куполъ уцѣлѣлъ, а не устроенъ вновь м. Петромъ Могилою, какъ полагали нѣкоторые. Случайное обстоятельство не только утвердило съ несомнѣнностію это предположеніе, но удостовѣрило, что подъ нѣсколькими слоями позднѣйшей живописи сохранились первоначальныя мозаическія изображенія временъ Ярослава. Въ на-

[1]) Это мѣсто въ описаніи путешествія патріарха Макарія, оставленное англійскимъ издателемъ въ арабскомъ подлинникѣ, безъ перевода на англійскій языкъ, переведено для насъ съ арабскаго, при посредствѣ А. Н. Муравьева, первымъ драгоманомъ русскаго посольства въ Константинополѣ г. Ону, въ бытность его въ Кіевѣ.

стоящее лѣто, въ первый разъ со времени обновленія собора въ 1843—45 г., приступлено было къ промывкѣ стѣнной живописи. Устроенные для этой цѣли подмостки дали возможность осмотрѣть ближе внутренность главнаго соборнаго купола. Первымъ проникъ туда завѣдывающій въ настоящее время обновленіемъ фресковой живописи въ главной церкви б. кіево-кириловскаго монастыря, профессоръ изящныхъ искусствъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ А. В. Праховъ, и его сколько просвѣщенный, столько и опытный глазъ привелъ къ предположенію, что подъ малярской живописью этого купола и его позолотой должны скрываться остатки древней мозаики. Дальнѣйшее тщательное изслѣдованіе купола и осторожная прочистка позднѣйшихъ наслоеній въ разныхъ частяхъ нынѣшнихъ изображеній вполнѣ подтвердили первоначальную догадку г. Прахова. Древнія мозаическія изображенія оказались во всемъ почти куполѣ, а именно: въ центрѣ купола, въ кругѣ, Господь Вседержитель, поясное изображеніе съ сохранившимися по сторонамъ буквами *С* и *Х*; ниже его одинъ цѣльный ангелъ, правѣе его часть другаго ангела; ниже ихъ въ двухъ пролетахъ между окнами два апостола, сохранившіеся приблизительно отъ пояса вверхъ, и надъ однимъ изъ нихъ явственная надпись. Замѣчено притомъ, что новѣйшая живопись не слѣдуетъ древней мозаической. Въ виду столь богатаго неожиданнаго открытія, произведенъ вновь осмотръ купола членами церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи, совмѣстно съ г. Праховымъ и архитекторами—губернскимъ и епархіальнымъ. Церковно-археологическое общество не нашло никакихъ препятствій къ очисткѣ древнихъ мозаическихъ изображеній отъ слоевъ масляной живописи и къ росписанію прочихъ частей согласно съ сохранившимися мозаическими. Постановленіе о семъ общества утверждено высокопреосв. митрополитомъ кіевскимъ Платономъ 20 іюля, и тогда приступлено къ полной очисткѣ древней мозаики подъ руководствомъ проф. Прахова. Открыто уже вполнѣ изображеніе Господа Вседержителя и ангела, съ величественными, идущими до самыхъ ногъ крыльями; оказалось, что оно сохранилось какъ нельзя лучше, во всей цѣльности и свѣжести цвѣтовъ. Сверхъ того, когда очищено отъ слоевъ масляной живописи цѣльное изображеніе пророка Софоніи выше линіи иконостаса, на лѣвой отъ зрителя стѣнѣ алтарной дуги, поддерживающей куполъ, то подъ

нимъ оказалось мозаическое изображеніе ветхозавѣтнаго Аарона въ первосвященнической одеждѣ, убранной камнями, съ мозаическою надписью: ὁ ἅγιος Ἀαρών. Такимъ образомъ вскорѣ можно будетъ видѣть главный куполъ древнѣйшаго нашего собора въ томъ видѣ, какъ оставилъ его приснопамятный храмоздатель Ярославъ.

П. Л—въ.

ОТРЫВОЧНЫЯ ЗАМѢТКИ О ЗАПОРОЖСКОЙ СТАРИНѢ.

Встрѣчая въ «Кіевской Старинѣ» время отъ времени снимки старыхъ рисунковъ нашихъ маляровъ прошлаго столѣтія, не можемъ не выразить желанія, чтобы на ея страницы какъ нибудь попали дорогія изображенія, находящіяся въ запорожской покровской церкви, что въ Никополѣ (Микитиномъ перевозѣ).

Церковь эта стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани и конторы агентства россійскаго общества пароходства и торговли. Когда пароходъ дѣлаетъ здѣсь стоянку, путешественнику нельзя отказать себѣ въ удовольствіи любопытства увидѣть своими глазами то, что сохранила церковь изъ запорожской древности. О евангеліи, въ одной серебряной оправѣ котораго 28 фунтовъ и внѣшность котораго вмѣстѣ съ другими вещами была описана священникомъ церкви въ «Запискахъ общества исторіи и древностей» 1865 г., всѣ знаютъ и говорятъ, какъ о восьмомъ чудѣ; громадныя буквы печати этого евангелія также извѣстны всѣмъ никопольскимъ жителямъ. Меньше или совсѣмъ ничего не говорятъ они о другихъ рѣдкостяхъ, о которыхъ (увидѣвши ихъ благодаря любезности священника) спѣшу сообщить читателямъ «Кіевской старины». Интересна тутъ и плащаница съ надписью: «Сія плащаница раба Божія Іоанна Гаркуши, куреня Тимошевскагѣ»; интересна и кружка, обклеенная монетами 1592, 1593, 1594, 1595, 1596, 1598 и 1600 годовъ; интересна и большая золотая медаль, пожалованная императрицею Екатериною II «войска запорожскаго полковнику Коленкѣ за отлично храбрые противу непріятеля поступки», какъ отчеканено на ней; интересна, наконецъ, и «таблица» изъ серебра съ крестомъ по срединѣ и съ надписями: «у семъ крестѣ животворящее древо», а также: «сия таблица до храму Покрова

Пресвятыя Богородицы сооружена коштомъ всего войска запорожского, а стараніемъ ктитора Павла за атамана кошового Павла Козлицкого 1747 (?) году, мця октоврія 2 дня. Вѣсу во всей 8 фу: 70 зо: 57».

Но наше вниманіе больше всего привлекала икона Покрова Божіей Матери, въ верхней части которой налѣво отъ Божіей Матери изображенъ святитель Христовъ Николай, а направо архангелъ Михаилъ. Подъ послѣдними двумя фигурами внизу изображены двѣ группы запорожцевъ въ полной ихъ парадной одеждѣ. Глаза ихъ по правиламъ средневѣковой иконописи обращены къ Божіей Матери; отъ устъ одного изъ нихъ тянется лента вверхъ къ изображенію Богородицы, и на этой лентѣ написано: «молимъ, покрій насъ честнимъ твоимъ покровомъ и избави насъ отъ всякого зла». Если не вся эта икона во всемъ цѣломъ, то по крайней мѣрѣ группы запорожцевъ могли бы быть сфотографированы для ознакомленія любителей старины или съ одеждою запорожцевъ, или со способомъ иконописи на Запорожьи.

Также стоило бы распространить между любителями мѣстныхъ древностей портреты двухъ братьевъ ктиторовъ никольской покровской церкви, оригиналы которыхъ, кажется, находятся въ одесскомъ музеѣ древностей, и на которыхъ двѣ одинаковыя надписи (съ перемѣною только именъ) гласятъ: «сей патретъ снято съ ктитора Ивана Шыяна и поставленъ здѣсь при томъ мѣстѣ, гдѣ труда его всему сообществу на иконостасѣ видни. 1784 года, января 9 числа».

Ничто лучше не переноситъ насъ въ эпоху минувшую, какъ вѣрное изображеніе рисунка тогдашняго времени, и намъ кажется, желаніе наше о воспроизведеніи нѣкоторыхъ изъ никопольскихъ древностей заслуживаетъ вниманія нашихъ мѣстныхъ художниковъ.

Запорожскія церкви по большей части воздвигнуты во имя Покрова Пресвятыя Богородицы; въ екатеринославской и херсонской губерніяхъ есть много мѣстечекъ и селъ, носящихъ имя покровскихъ: во всѣхъ ихъ найдете церковь Покрова Божіей Матери, по главной иконѣ которой смѣло можно опредѣлить, кто былъ строителемъ церкви, а слѣдовательно и основателемъ поселенія. Интересно то, что нѣкоторыя церкви замаскировали свое происхожденіе, измѣнивъ свой храмовой праздникъ и названіе. Такъ

единственная[1]) до сихъ поръ церковь въ г. Ольвіополѣ (по народному—Орликѣ, а по старымъ документамъ—Орловскомъ шанцѣ) носитъ названіе варваринской. Перебирая старыя книги архива этой церкви, намъ случилось замѣтить на метрической книгѣ 1772 года надпись о томъ, что эта церковь—покровская. Метрики же 90-хъ годовъ уже называютъ ее варваринскою; священникъ, недавно поступившій на приходъ въ эту церковь, не могъ объяснить, когда она была переименована изъ покровской въ честь св. великомученицы Варвары. Такъ называемая «церковная лѣтопись», по обыкновенію, состояла изъ книги съ чистыми листами, на первой страницѣ которой написано лишь оглавленіе того содержанія, какое должно бы было попасть въ эту книгу. Но вѣрность записи въ метрической книгѣ подтверждаетъ еще и то обстоятельство, что самая верхняя икона надъ царскими вратами, и, кажется, самая ветхая, есть икона Покрова Пресвятыя Богородицы съ типическими зеленымъ и краснымъ цвѣтомъ одѣянія.

Такую же икону намъ пришлось видѣть въ старой (предназначенной къ закрытію) церкви, построенной Аѳанасіемъ Колпакомъ въ с. Аѳанасьевкѣ, новомосковскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Эта церковь, замѣчательная по своей архитектурѣ, напоминающей новомосковскій соборъ того-же строителя, позже уже называлась церковью Успенія. Что она давно была переименована, показываетъ надпись на одной изъ старыхъ, сохранившихся въ ризѣ чашъ: «1780 году мѣсяца октября $\overline{\text{к}}$ дня сия чаша сооружена рабомъ Божиимъ Василиемъ Бѣлимъ в слободу Аѳанасьевку до храму Успѣнія».

Намъ кажется, что еслибы кто нибудь занялся разборомъ названій церквей по описаніямъ епархій екатеринославской и херсонской, то уже изъ самыхъ названій могъ бы извлечь довольно указаній относительно того, гдѣ живали какіе запорожцы; труды гг. Скальковскаго и Эварницкаго по исторіи Запорожья могли бы служить путеводною нитью при такомъ сводѣ пунктовъ, населенныхъ запорожцами. Если мало осталось письменныхъ документовъ отъ жизни и быта запорожцевъ, то и другіе памятники, указывающіе на ихъ присутствіе, также слѣдовало бы привести въ извѣст-

[1]) Другая церковь въ этомъ городѣ теперь лишь строится.

ность. Ниже Вознесенска напр., неподалеку отъ м. Покровскаго, Ананьевскаго уѣзда, на кладбищѣ с. Михайловки надъ Бугомъ находится каменный крестъ съ надписью: «Здѣ опочиваетъ рабъ Божій козакъ війска бывшого запорожского нызового, курыня уманьского, Антонъ Кременецкій: преставися 1723 года, апрѣля дня 2. Сей крестъ сооружилъ сынъ его, подполковникъ Кременецкій».

Такихъ памятниковъ тоже слѣдовало бы поискать и составить и имъ списокъ по мѣстности, гдѣ они находятся.

А—въ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СВЯЩЕННИКА О ЖИЗНИ И СЛУЖБѢ ВЪ ВОЕННОМЪ ПОСЕЛЕНІИ.

Мудреное измышленіе приснопамятнаго Аракчеева, въ предѣлахъ великаго Нова-города извѣстное подъ названіемъ поселенія пахатныхъ солдатъ, а у насъ—на югѣ процвѣтавшее, подъ водительствомъ графа отъ поселеній Никитина, подъ наименованіемъ военнаго поселенія, мрачнымъ пятномъ легло на страницахъ бытовой исторіи нашего народа, и исчезло, какъ и появилось, мало для кого примѣтно, какъ явленіе исключительное, оставивъ въ близко знавшихъ оное одни тяжкія думы да грустныя воспоминанія.

Мнѣ Господь судилъ близко познакомиться съ поселеніемъ еще съ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣтства. Отецъ мой священствовалъ въ поселеніи. Поселеніе и заѣло его,—тихаго, безотвѣтнаго; умеръ онъ, когда ему исполнилось едва 54 года отъ роду, осиротивъ семью безпомощную, безпріютную.

Относиться ко всѣмъ и ко всему безсердечно и безучастно, жить въ свое удовольствіе, да власть свою являть, не стѣсняясь, было неотъемлемою доблестію большей части дѣятелей поселенія. Впрочемъ чего и ждать отъ такихъ лицъ, какими въ большинствѣ запружалось это, воистину несчастное, поселеніе, и гдѣ разумные и добрые дѣятели являлись какъ-то нечаянно, точно по ошибкѣ, и изрѣдка, какъ счастливые дни въ жизни человѣка. Кто-то сказалъ, и не думаемъ, чтобы правду сказалъ: «негодится человѣкъ никуда,—въ попы его». Вотъ о множествѣ служившихъ въ поселеніи со всею справедливостію можно было сказать: непригоденъ человѣкъ ни къ чему въ военной службѣ,—въ поселеніе его.

И кого только не видѣло въ своемъ начальствѣ покойное поселеніе! Тутъ были и генералы отъ тевтоновъ, которымъ-бы въ пору поварами быть въ родномъ фатерландѣ; тутъ и маіоры и ротмистры или изъ той-же, всюду проказящей, нѣмецкой фракціи, или же отъ бурбоновъ, выросшихъ и воспитавшихся на палкахъ, и жившихъ и дышавшихъ только палками и палками; тутъ и вахмистры и ефрейторы часто отъ *нашихъ*, успѣвавшіе и командирамъ угождать и себя не забывать. Точно въ калейдоскопѣ проходятъ въ воспоминаніяхъ эти лица, часто и совсѣмъ неумѣвшія различать православія отъ кривославія, а то и прямые ненавистники православія, гордые своимъ свободомысліемъ лютеране, съ презрѣніемъ относившіеся къ православной церкви и духовенству, и однакоже не только имѣвшіе вліяніе на ту и другое, но и бывшіе прямыми, непосредственными отцами-командирами церквей и духовенства военно-поселенскаго. Архипастыри православнаго, господствующимъ называемаго, исповѣданія въ отношеніи поселенія были въ роли только страдательной. Они должны были лишь рукополагать сюда тѣхъ, кого имъ укажутъ, назначать на мѣсто, кого представятъ, удалять, не разсуждая, кого скажутъ удалить. Не только вся отчетность церковная въ поселеніи шла исключительно въ округа и штабы поселеній, но даже клировыхъ вѣдомостей о служащихъ въ поселеніи причтахъ нельзя было найти у преосвященныхъ архипастырей. Говорю это по личному опыту. Священно и церковно служители, по взгляду и порядкамъ военно-поселенскаго начальства, были тѣже пахатные солдаты, также на смотры являлись, также, какъ и солдаты, солдатскій паекъ и жалованье въ солдатскомъ размѣрѣ отъ окружныхъ казначеевъ получали. Случалось иной разъ годоваго оклада священнику поселенія 9 рублей! Выше и ниже сего дать зависѣло вполнѣ отъ отцевъ-командировъ, не только снабжавшихъ церкви свѣчами по счету, а не по вѣсу, но и забиравшихъ въ свои руки всѣ рѣшительно церковные доходы. Церковь могла удержать у себя всего три-шесть рублей, да и тѣ на уплату за выдаваемыя счетомъ свѣчи для продажи. Въ предотвращеніе закупки старостами свѣчъ на сторонѣ, каждая церковь снабжена была образцами свѣчъ разной величины, изъ коихъ каждая была прошнурована, и ярлыкъ на шнуркѣ скрѣпленъ казенной печатью и подписью отца-командира. Безъ его воли нельзя было ничего ни

сдѣлать, ни предпринять по церкви и приходу. Мнѣ однажды сдѣланъ былъ строжайшій выговоръ за то, что я осмѣлился безъ воли начальства употребить 9 руб. церковныхъ денегъ на устройство жестяной купели для крещенія младенцевъ, и о моей необычайной дерзости публиковалось по всему мѣстному военному поселенію.

Самою главною тяжестію для насъ священниковъ, источникомъ всѣхъ нашихъ болѣзней и трудовъ была обширность приходовъ. Проэктъ соединенія приходовъ, проведенный въ позднѣйшее время повсемѣстно, какъ нѣчто новое, благодѣтельное, давно уже зрѣлъ въ мозгахъ учредителей приходовъ, на военномъ положеніи состоявшихъ, и пока созрѣлъ въ головахъ позднѣйшихъ благодѣтелей русской церкви и православнаго народа, уже успѣлъ здѣсь и плоды горькіе принести, плоды, истребить которые такъ трудно нынѣ бѣднымъ и безпомощнымъ дѣлателямъ на духовной нивѣ бывшихъ военныхъ поселеній.

Чего только не приходилось перенесть, чтобы удовлетворить всѣмъ нуждамъ многочисленныхъ прихожанъ въ самостоятельномъ и приписномъ приходѣ и не подавать повода къ какимъ либо замѣчаніямъ и выговорамъ со стороны взыскательнаго и придирчиваго начальства!

Случалось, отправляясь въ приписной приходъ, не разъ вываливаться изъ саней на окаменѣвшія отъ сильнаго мороза громадныя кочки, разбивать грудь и бока и потомъ приступать къ совершенію литургіи; случалось цѣлый день ѣхать туда и обратно только ради напутствованія больной женщины и въ вознагражденіе за это получать три копѣйки, половину изъ которыхъ слѣдовало выдѣлить сиротамъ; случалось до поздняго вечера тянуться медленнымъ шагомъ, съ постоянными остановками, по невылазной грязи для отпѣванія умершаго, родные котораго, отчаявшись въ моемъ пріѣздѣ, рѣшились покойника сами погребсти. Помню, однажды въ воскресный день, совершивъ литургію, я, не отдыхая и не подкрѣпляя себя пищею, цѣлый день до сумерекъ переходилъ изъ дома въ домъ, тамъ напутствуя умирающаго, тамъ елеосвященіе совершая, тамъ воду освящая и под. Крестьяне привыкли жить по командѣ и всѣ свои нужды духовныя пріурочивать къ праздникамъ, а въ приходахъ, куда священникъ только наѣзжаетъ, поневолѣ все собирается къ его пріѣзду. По силѣ-ли священника все одновременно понести

и всѣхъ удовлетворить, о томъ и разсужденій не бывало; отцы командиры задолбили себѣ, что приходы должны быть по возможности равномѣрны и непремѣнно не меньше 1000 душъ мужскаго пола. Нужно къ тому-же въ шеренгу, по военной выправкѣ, дома перестроить, чтобы, какъ солдаты, нога въ ногу стояли, а тутъ иное древнее село растянулось по какимъ то невозможнымъ крутоярамъ. И вотъ, частію по этой причинѣ, а частію ради уравненія приходовъ, пошла пришска, а то и ломка селъ. И согнаны бѣдные крестьяне съ роднаго пепелища, бросили дорогія могилы, оставили среди пустыря родной храмъ, при которомъ родились и крестились, въ которомъ изливали скорбь свою въ молитвѣ къ Господу. Еще есть, надѣюсь, многіе, живо помнящіе, какими горькими слезами орошалось тогда родное пепелище. Найдутся и такіе, которымъ проѣздомъ случалось встрѣчать одинокую почернѣвшую церковь, странно какъ то и сиротливо стоявшую среди кругомъ распаханнаго поля. Точно ураганъ пролетѣлъ тутъ и снесъ все село, или орда татаръ пронеслась вокругъ пустыря: церковь ободрана, окна выбиты, иконостасъ испачканъ пріютившеюся въ бывшемъ святилищѣ птицей. Я живо помню одну такую церковь и съ натуры пишу. Вчужѣ болью сжимается сердце, а каково-же было тѣмъ, кому церковь такая родною и близкою была?

Чтобы не быть голословнымъ въ томъ, что я говорилъ выше о крайней зависимости священниковъ въ военныхъ поселеніяхъ отъ ихъ командировъ, и показать, до какой мелочности доходили притязанія этихъ послѣднихъ къ церкви и духовенству, приведу въ заключеніе не нарочно выисканный, но случайно попавшій подъ руку документъ позднѣйшаго времени. Вотъ онъ отъ слова до слова.

Волостная Расправа 5-й волости 1-го округа кіево-подольскаго военнаго поселенія.

Приходскому священнику м. Соколовки Виктору Мервинскому.

Въ послѣдствіе отзывовъ сей расправы отъ 16-го марта и 10-го апрѣля за № 214 и 302, оная вновь проситъ ваше преподобіе сообщить ей слѣдующія свѣдѣнія о церковныхъ деньгахъ, поступившихъ въ семъ году въ пользу соколовской церкви, именно: въ январѣ о приходѣ 2 руб.—списокъ пожертвователямъ; о расходѣ этихъ денегъ на покупку одного пуда крупичестой муки 1-го сорта, для

просфиръ—приговоръ общества; въ февралѣ о приходѣ 1 руб. и о расходѣ его на покупку 20 фунтовъ 1-го сорта муки для просфиръ—приговоръ общества; въ мартѣ о приходѣ 36 руб.—списокъ пожертвователямъ и о расходѣ изъ нихъ 1 руб. на муку 20 фунтовъ 1-го сорта—приговоръ общества; въ апрѣлѣ о приходѣ 2 руб. списокъ и о расходѣ ихъ на покупку муки одного пуда приговоръ общества; въ маѣ о приходѣ 1 руб. списокъ и о расходѣ его на 20 фунтовъ муки 1-го сорта приговоръ общества.—Свѣдѣнія эти, т. е. списки и приговоры препроводить въ двухъ экземплярахъ; списки за вашимъ подписомъ, а приговоры—вашимъ, сельскаго и церковнаго старостъ; свѣдѣнія выше поясненныя крайне необходимы: одинъ экземпляръ для представленія начальнику округа, а одинъ расправѣ для приложенія документами къ книгамъ окружнаго управленія и расправы, на этотъ предметъ заведеннымъ.

8 іюня 1861 г., № 565.

С. Маньковка.

Начальникъ волости маіоръ Шевченко.
Волостный голова Иванъ Хованъ.
Волостный писарь Яненко.

И это было послѣ 1858 г., когда военныя поселенія считались въ принципѣ упраздненными и доживали свой вѣкъ въ состояніи переходномъ, когда прежніе порядки измѣнялись и дисциплина военная совсѣмъ ослабѣла. Что же могло быть во время самаго такъ сказать террора военно-поселенской власти?

Св. **Пр. Павловичъ.**

ВЕЛИКІЙ ГРѢШНИКЪ.

(Сказка).

Іерархическая лѣстница угнетателей народныхъ въ періодъ крѣпостнаго права имѣла много степеней. Вершину ея занималъ ясневельможный и просто вельможный панъ—помѣщикъ, или дѣдичъ, средину—масса пановъ и подпанковъ въ разныхъ чинахъ и должностяхъ, начиная отъ жондцы и кончая подписаремъ, на самыхъ низшихъ ступеняхъ стояли: *отаманы, осаулы* и *сипаки*. Это были полицейскіе слуги помѣщиковъ и довѣренныхъ отъ нихъ лицъ; они

объявляли распоряженія пана, дѣлали наряды на ту или другую работу, наблюдали надъ выполненіемъ ихъ и исправностью рабочихъ, производили секуцію, по распоряженію пана, а иногда и личную расправу надъ провинившимся. Спеціальность «сипакъ» состояла въ томъ, что они каждый день съ вечера, а повторительно и раннимъ утромъ обходили все село и подъ окнами каждой крестьянской хаты объявляли заказъ на работу слѣдующаго дня, выкликая громко имя рабочаго, названіе и мѣсто работы. Въ глухую полночь, когда все село объято было мертвымъ сномъ, и съ ранней утренней зарей до восхода солнца раздавались то въ томъ, то въ другомъ концѣ села ихъ свирѣпые голоса: «Грицько, Иване, Степане, Палажко, Оксано, или: молодыци, парубки, хлопьята, выходьте завтра на панщину» туда-то, то-то и то-то дѣлать, съ такими-то инструментами и принадлежностями. «Та рано выходьте, прибавлялъ иной, бо будете быти». Сипаки-же, вмѣстѣ съ сотскими, были исполнителями всевозможныхъ истязаній и наказаній, какимъ подвергали паны и подпанки неустанно работавшихъ людей за всякія неисправности, промедленія, упущенія и другіе проступки и вины. Отаманы, осаулы и сипаки набирались всегда изъ крестьянъ: освобождаемые за свою службу отъ всякихъ другихъ работъ, получая провизію, иногда и жалованье и отвѣчая собственною спиною за всякое послабленіе и недосмотръ, они волей или неволей становились сторонниками пановъ и ближайшими непосредственными гонителями и мучителями народными. Такъ и смотрѣлъ на нихъ народъ, осыпая ихъ проклятіями; въ глазахъ народа они являлись измѣнниками общимъ интересамъ, людьми отверженными. Онъ выразилъ это въ многочисленныхъ своихъ пѣсняхъ, сказкахъ и присказкахъ. Нѣкоторыя пѣсни цѣликомъ посвящены тому или другому изъ этихъ мучителей народныхъ, какъ извѣстная пѣсня: *Никто-жъ мени не докучивъ, якъ той осаула*. Въ помѣщаемой сказкѣ воспроизведенъ *сипака*. Въ народномъ языкѣ не было и нѣтъ презрѣннѣе этого имени, какъ и самой профессіи; это извергъ, кровопійца, палачъ. Производимыя имъ ежедневно истязанія въ народномъ представленіи кажутся преступленіемъ болѣе тяжкимъ, нежели разбойничество по профессіи, сопровождаемое цѣлымъ рядомъ убійствъ. Такой именно разбойникъ въ сказкѣ осуждается духовникомъ носить на себѣ двѣнадцать тяжелыхъ камней, которыхъ онъ ника-

кими силами не можетъ снять съ себя, доколѣ какимъ либо особымъ подвигомъ не загладитъ своихъ грѣховъ. Переходя съ мѣста на мѣсто въ теченіи лѣтъ пяти, онъ попадаетъ ночью на кладбище. Туда-же съ пьяныхъ глазъ, по окончаніи дневныхъ истязаній и жестоко напившись, забрелъ «сипака» и сталъ нарушать покой мертвыхъ, воображая, что выгоняетъ спящихъ крестьянъ на панщину. Разбойникъ, который и въ самомъ злодѣйствѣ своемъ не отдѣляется отъ народа и является мстителемъ за его страданія, возмущается такимъ наругательствомъ сипаки надъ мертвыми и убиваетъ его; мгновенно спадаютъ съ него камни, и духовникъ объявляетъ ему, что грѣхи его отпущены, тяжкія вины его заглажены предъ Богомъ убійствомъ народнаго палача. Палачъ неповиннаго народа по народному представленію и есть тотъ великій, точнѣе величайшій грѣшникъ, котораго именемъ озаглавлена предлагаемая сказка; ибо призывая мертвыхъ изъ гробовъ на панскую работу, онъ переноситъ земныя его страданія въ загробную жизнь, лишаетъ его послѣдняго утѣшенія, подаваемаго религіею, надежды вѣчнаго упокоенія за временныя скорби и мученія.

V Великій грѣшникъ.

Бувъ соби розбийникъ—розбивавъ все людей. Бивъ, бивъ вже, може, годивъ дванадцать. Отто иде разъ полемъ; дивиться, блищить огонь. «Мабуть чумаки, дума; пиду, повбиваю ихъ, заберу рыбу, силь». Приходить, ажъ дивиться, мала дитина скака черезъ огонь и говоре: «Це тоби Боже, а це мени Боже, це тоби Боже, а це мени Боже». Винъ и пита: «Хто ты такій»? Мовчить. «Отзывайся, каже, бо вбью». Воно за третимъ разомъ и каже: «Не бий мене, я великий грышникъ». «Що-жъ ты тутъ робишь?» «Богу молюсь». »Який же ты великий грышникъ»? Я зъ вечера уродився, о пивночи хрестився, до свита вмеръ и поховали». «Чимъ же ты грышный, якъ ты зъ вечера уродився, въ пивночи хрестився, а до свиту вмеръ и поховали»? пита розбийникъ, а воно ему каже: «Мати, каже, родила и кровь проливала, черезъ то я великий грышникъ». «Ну, якъ же ты такий великий грышникъ, то, значить, я тысячу на тысячъ разъ грышнишій отъ тебе; скачи-жъ ты тутъ и молись соби Богу, а я пиду до батюшки, нехай покуту накине, щобъ я спокутовавъ грихи».

Прыйшовъ до батюшки, поздрастувався. «Хочу, говоритъ, открыть вамъ, батюшко, грихи: такъ и такъ—я двянадцать годивъ убивавъ людей, розбивавъ, а теперъ прыйшовъ, щобъ вы спасли мою душу отъ грихивъ». Отъ батюшка взявъ и поначеплювавъ ему двнадцять камнивъ. «Носи-жъ, каже, ци камни, поки не отпадуть, а якъ отпадуть, то тоди и грихи твои отпадуть». Носе тай носе, носе тай носе винъ ти камни—годивъ вже може съ пьять; вже отто мотузки повризувались въ тило, бо скризь поначеплявъ впоперекъ и скризь. Вже не здужае розбийникъ ходить. «Мабуть, каже, умру зъ цыми каминнями». Ходе винъ день и ничь, все ходе; каже: «або вмру, або спокутую грихъ, пиду въ ночи, куды очи; може ще ноччу отпадуть». Иде, ажъ чуе, десь гамъ и крикъ: «пиду туды, дума, подивлюсь: все одно вмирать, разъ мати народила, разъ и вмирать». Приходить на кладовище, ажъ тамъ сипака пьяный: напився, ганявъ, ганявъ людей на сели на напщину, прыйшовъ ще и мертвихъ каланматить. «А вставайте, кричить, таки-сяки души, доки лежать будете, идить на роботу!» та палицею стукъ, стукъ. «А ты чого? заганявъ жывихъ, та ще и мертвихъ прыйшовъ!» Та давай биться; завелись—той того бье, той того, той того, а той того. Цей того якъ жарне каминнямъ, тай убивъ, а каминня й поотпадало. «Що мени теперъ робить?» дума соби розбийникъ; чипляе камни, отпадають. «Що его робить? пиду, дума, до батюшки; винъ мени скаже, що робить». Приходе. Такъ и такъ каже: «що мени робить?» «Ну, оттожъ», каже батюшка, «отпали отъ тебе твои грихи, та перешли на его; винъ ще гриннійшій отъ тебе».

Читринскій уѣздъ,
с. Лебединъ. Мих. Васильевъ.

ПОПРАВКА КЪ НАДПИСИ НА ИКОНѢ ВЪ СЕЛѢ ЖУКАХЪ.

Въ «Кіевской Старинѣ» 1883 года, за мартъ мѣсяцъ, была помѣщена замѣтка подъ заглавіемъ: «*Стихотворный памятникъ нашествія шведовъ на Украйну*» (стр. 688—689). Не имѣя никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что стихи эти дѣйствительно сняты покойнымъ профессоромъ Ставровскимъ, какъ свидѣтельствуетъ его сынъ, замѣчу однако, что они воспроизведены не съ

палеографическою точностью; нѣкоторые даже совсѣмъ выпущены, а другіе хотя и существуютъ, но во многомъ не сходны съ подлинными. Имѣвъ случай побывать недавно въ с. Жукахъ (въ разстояніи 10 верстъ отъ Полтавы), я снялъ точную копію этихъ стиховъ (разставивъ лишь знаки препинанія), которую и прошу помѣстить на страницахъ «Кіевской Старины».

Въ пепелѣ забвенія все часъ погребаетъ,
О чесомъ намъ писаніе не возвѣщаетъ.
Сего ради судихомъ въ память написати,
Кто и когда сей образъ дерзнулъ обругати?
Недостоинъ имени добраго Мазепа,
Ивашко пришедъ отъ адскаго заклепа.
Той, оставивъ Господня христа всероссійска,
Петра Великаго, той самъ короля Свѣйска
Приведе съ оружіемъ въ Россію малую,
Имѣя въ сердцѣ своемъ, коварный, мысль злую.
О кто исповѣсть тогда пролитія крови,
Бѣды. страхъ, гоненія и ужасъ суровый!
Лютры церкви святыя въ турмы превращаху,
Подножіе и дамы съ иконъ сочиняху;
Съ иконъ подъгнѣти котламъ и до грубъ иконы,
Съ иконъ, увы, помости дѣлали подъ кони.
Тогда и та икона пострада святая,
Юже въ дамы пречерта рука проклятая.
Ликуй убо, стадо красно Христово,
Имѣя другихъ святыхъ начертанныхъ ново,
Патріарха съ пророкомъ: тіи своя раны
Предлагающе Богу, сохранятъ отъ брани
Благочестиво царство, а императору
Всероссійскому Петру, на земли и морю,
Способствовать будутъ во всяческомъ дѣлѣ,
Соблюдая здравіе его всегда въ цѣлѣ.
Того врагамъ каменемъ пророкъ сотретъ главу,
Лѣствицею Іаковъ возведетъ и въ славу.

На дерзость проклятую еретическую эпиграмма.

Звѣри устыдѣшася въ ровѣ Даніила,
Ісавля патріарху ярость уступила.
Надъ звѣрей лютѣйши и паче Ісава
На образѣ семъ зрится еретиковъ справа.

На другой сторонѣ этой иконы есть надпись тѣмъ же почеркомъ, которымъ писаны и стихи: «сія икона святая пострада начертаніе отъ лютровъ и еретиковъ свѣйскихъ року 1709».

Икона эта деревянная, овальной формы, длинною 12, шириною 9 вершковъ, въ настоящее время прибита въ стѣнѣ подлѣ праваго клироса жуковской покровской церкви, а подъ нею на холстѣ въ рамкѣ находятся вышеприведенная надпись и эпиграмма.

Сообщ. **В. Е. Бучневичъ.**

МѢРЫ ПРОТИВЪ ВЕЧЕРНИЦЪ И КУЛАЧНЫХЪ БОЕВЪ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Въ архивѣ одной изъ сельскихъ церквей полтавской губерніи найденъ нами указъ кіевской духовной консисторіи (1719 г.) подвѣдомственному ей духовенству, показывающій, какія мѣры принимались тогда къ исправленію народной нравственности въ Малороссіи, а придуманы онѣ главнымъ образомъ въ видахъ отвращенія приближавшейся и потомъ дѣйствительно появившейся моровой язвы, какъ показываетъ другой найденный нами тамъ-же и подъ тою-же почти датою указъ, спеціально направленный противъ мороваго повѣтрія. Набожные люди того времени ставили въ непосредственную зависимость общественныя бѣдствія отъ общественныхъ пороковъ и первыя считали прямымъ наказаніемъ за послѣднія. Въ настоящемъ указѣ достойно особаго вниманія то, что къ числу общественныхъ и самыхъ тяжкихъ пороковъ отнесены извѣстныя всякому малороссіянину *вечерницы*, т. е. устраиваемые испоконъ вѣка по селамъ собранія молодыхъ людей обоего пола, на которыхъ проводятъ они время въ веселыхъ разговорахъ, преимущественно-же въ пѣніи пѣсенъ. Тогдашніе правители духовные и свѣтскіе были плохіе этнографы и видѣли въ вечерницахъ величайшее зло, гнѣздилище и источникъ нравственной заразы и преступленій. Позднѣйшія изслѣдованія удостовѣрили до очевидности, что *вечерницы* самыя невинныя собранія, замѣняющія для сельской молодежи все, что придумано для лицъ другихъ классовъ подъ названіемъ всякаго рода собраній, баловъ и вечеровъ, что даже оставаясь ночевать вдвоемъ, малорусскій парубокъ и дивчина не нарушаютъ границъ невиннаго и дозволеннаго и что всякіе «блудніе грѣхи», упо-

минаемые въ указѣ, происходятъ здѣсь, какъ и въ другихъ классахъ, независимо и помимо собраній. Указъ любопытенъ и по многимъ другимъ бытовымъ особенностямъ и мы приводимъ его цѣликомъ.

Въ року 1719. Всѣмъ обще духовного и мирского чина людемъ, началствующимъ и подначалнимъ, а особливе пречестнимъ отцемъ протопопамъ миргородскому, гадяцкому, опошанскому, полтавскому, кобеляцкому, честнимъ отцемъ намѣсникамъ, иереамъ и всему причту освященому, где кому о томъ вѣдати надлежитъ, Божія благословенія отъ превысочайшого архипастыря, прошедшаго небеса Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа узичивши, извѣстно творимъ, ижъ зашолъ къ намъ въ сей консисторіумъ митрополитанской власти духовной премощной ясне велможного его млти пана гетмана, по указу его священнѣйшаго царского величества унѣверсалъ, повелѣваючій, даби везде по городахъ, мѣстечкахъ, и селахъ малороссійскихъ попрестали богомерзскихъ молодыхъ людей зборища на вкулачки, Богу и человѣкомъ ненавистние гулянія, прозиваемия вечурницы, на которые многие люде молодие и неповстягливие отъ родителей своихъ, мужеска и женска полу, дѣти по ночамъ купами собираючися, неисповѣдимия безчинія и мерзския безаконія творять, справуючи себѣ игри, танци и всякие пиятики скверная и воздухъ оскверняючая пѣсней восклицанія и козлогласованія, откуду походятъ галаси, зачепки до сваровъ и заводовъ, почему найбарзѣй послѣдуютъ и забойства, а найпаче подъ часъ такихъ нечестивыхъ зборовъ разние дѣлаются ексцесса, яко то блудніе грѣхи, дѣвства растлѣнія, беззаконное дѣтей прижитіе, отчого презъ тихъ-же беззаконниковъ, уставуючихъ свое беззаконіе и мерзкія дѣла, частие стаются дѣтогубства, за каковыя умножившаяся нечестивия беззаконія явственно праведнаго гнѣва Божія чаша на всѣхъ насъ изливаеться, якоже и теперь, коликолѣтніи неурожаи хлѣбние, бездождевная суша, многие падежи скотовъ, въ людехъ тяжкие болѣзни, еще больше моровие губительния язви и страшное повѣтряное время понесла Малая Россия и прочая поноситъ многая злоключенія; сего ради ми таковому богомерзскому чинячемуся беззаконію ввесь освященний соборъ духовний заповѣдаючи и по должности нашей премощному ясневелможного добро-

дѣя нашего рейментарскому согласуючи унѣверсалу, якоже по всѣхъ малоросийскихъ полкахъ уже суть розислани, пилно упоминаемъ всѣхъ васъ пречестнихъ отцевъ протопоповъ, со всѣмъ духовенствомъ, и властию консисториумъ митрополитанского кіевского приказуемъ, абисте пречестности вашп всему духовному чину, власти своей протопопской подсуствующему, поприказовази и накрѣпко пригрозили вишь спецѣфѣкованимъ богомерзскимъ зборомъ вечорничимъ отъ сего часу не собиратися и непотребнихъ, шкодячихъ здоровю человѣческому, кулачнихъ боевъ не заводити и нѣгдѣ на оные не сходитися, зъ чого не толко множайшіи здравия своего повреждаютъ, лечь и души своя часто на той безчинной бойцѣ извергаютъ злѣ, чого ради и християнского таковии лишаются належитого погребенія; аще же бы кто учинился противнимъ заповѣдемъ Божіимъ, премощному указу монаршому, рейментарскому ясневелможного добродѣя унѣверсалу и сему отъ всего духовенства нашего консисторскому виданому патенту, такового, за первимъ и вторымъ духовнымъ наказаниемъ, повелѣваемъ пречесностямъ вашимъ властию духовною отлучати отъ церкви и отъ сообщения вѣрнихъ, грядетъ бо гнѣвъ Господень на сыны противния и не коснитъ пагуба ихъ, отъ которой всѣхъ православнихъ християнъ, церквѣ святой православной восточной покаряющихся и хранящихъ заповѣди Божія, да сохранитъ Господь, усердствуемъ. При семъ-же еще упоминаемъ пречестности вашой, даби прежде зъ катедри митрополитанской разослание патенти по премногомоцнѣйшему монаршому указу о хожденіи людемъ до церкви и о належитой християнской исповѣди въ церквахъ прочитовани были, а не покаряючихся укарать, яко преступниковъ монаршого повелѣния, по написанной винѣ, дается власть пречестности вашой.

Тутъ-же докладаемъ еще и подъ неблагословениемъ консисторіискимъ приказуемъ и грозимъ, аби въ понеделокъ, въ среду, въ пятокъ дотоль горѣлки и жадного напитку не давали, доколь набоженство въ церквахъ, Божіихъ не отправиться, и жебы кождий парохіанинъ мужеского и женского полу до церкви божественной безъ всякого откладу и домовихъ забавъ шолъ на набоженство и всѣ соборне молялися Господу Богу, жебы Господь Богъ отвратилъ праведный свой гнѣвъ отъ насъ. А сие зась повинни урядовие перестерегати, жебы въ

пятокъ на торгахъ молокъ не тягли и туремнимъ наказаніемъ карати, а для совершенного достовѣрия приказуемъ пречестностямъ вашимъ сей нашъ патентъ въ церквахъ прочитать, а списки по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ до дверей церковнихъ прибивать вездѣ. Данъ съ катедри свято софѣйской митрополитанской киевской 1719-го року, іануария 30 дня. Сообщ. **А. Маркевичъ.**

КЪ ПОРТРЕТУ ИПАТІЯ ПОТѢЯ, КІЕВСКАГО УНІАТСКАГО МИТРОПОЛИТА.

Ипатій (въ мірѣ Адамъ) Потѣй родился въ 1541 году отъ православныхъ родителей. Отецъ его, Левъ, былъ подскарбіемъ и писаремъ при королѣ Сигизмундѣ I. Въ молодости Адамъ учился въ кальвинской школѣ извѣстнаго въ Литвѣ покровителя протестантовъ, князя Николая Радзивила, а послѣ въ краковской академіи. Окончивъ свое образованіе, Адамъ Потѣй поступилъ на службу къ тому же князю Радзивилу и въ это время измѣнилъ отеческой вѣрѣ, сдѣлавшись прозелитомъ, каковымъ и оставался приблизительно до 35-лѣтняго возраста своего; но затѣмъ снова возвратился въ православіе, оставивъ службу протестантскому папу. Далѣе онъ былъ писаремъ у короля Сигизмунда-Августа, затѣмъ судьею въ Брестѣ и наконецъ достигъ высокаго достоинства—каштелянства (брестскаго), съ которымъ обыкновенно соединялось званіе сенатора. Женатъ былъ Потѣй на дочери князя Ѳедора Острожецкаго, жившаго на Волыни, и имѣлъ отъ нея дѣтей. Благодаря своей учености и знатному положенію, Адамъ Потѣй находился въ дружественномъ отношеніи съ княземъ Константиномъ Острожскимъ, и вотъ, когда въ генварѣ 1593 г. умеръ владимірскій и брестскій епископъ Мелетій Хребтовичъ-Богуринскій, князь Острожскій убѣдилъ Потѣя, тогда уже вдоваго, принять духовное званіе и выхлопоталъ для него королевскую грамоту на вакантную епископскую каѳедру. Въ томъ же 1593 г. въ соборной успенской церкви г. Владиміра луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій, въ присутствіи князя Острожскаго и другихъ знатныхъ волынскихъ дворянъ, торжественно посвятилъ Адама Потѣя въ монашество и далъ ему новое имя *Ипатія*, а вслѣдъ затѣмъ король писалъ къ тогдашнему кіев-

скому митрополиту Михаилу Рогозѣ, чтобы онъ немедленно посвятилъ брестскаго каштеляна, »человѣка фамиліи старожитной, способнаго, искуснаго въ греческомъ законѣ и благочестиваго«, въ санъ епископа владимірскаго.

Сдѣлавшись епископомъ, Ипатій Потѣй сразу сталъ душею существовавшей уже тогда среди высшаго западно-русскаго духовенства партіи, которая стремилась путемъ подчиненія православной церкви римскому престолу достигнуть такого же почетнаго и вліятельнаго положенія, въ какомъ находились тогда въ Польшѣ католическіе бискупы и прелаты. Когда дѣло замышляемой ими уніи было готово къ практическому осуществленію, Потѣй, совмѣстно съ Терлецкимъ, былъ отправленъ въ 1595 г. въ Римъ и здѣсь, предъ лицемъ самаго папы, оба южно-русскіе владыки отъ себя и отъ имени остальныхъ западно-русскихъ епископовъ торжественно приняли унію или соединеніе западно-русской православной церкви съ римскимъ костеломъ, а по возвращеніи ихъ въ отечество, въ октябрѣ 1596 г., былъ созванъ въ Брестѣ соборъ, на которомъ огромнымъ большинствомъ присутствующихъ унія эта была отвергнута, а ея виновники—архіереи были осуждены на низложеніе.

Не смотря на это, владыки-уніаты, опираясь на дѣятельную поддержку католическаго духовенства и общества, преимущественно же правительства польскаго, стали насильственно водворять унію и преслѣдовать своихъ противниковъ, православныхъ. Наибольшею жестокостью въ этихъ преслѣдованіяхъ отличался именно Ипатій Потѣй, занявшій по смерти Михаила Рогозы каѳедру кіевской митрополіи, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ епархіальнымъ владимірскимъ и брестскимъ архіереемъ: онъ схватывалъ непокорявшихся ему православныхъ священниковъ и заключалъ ихъ въ тюрьмы, другимъ непокорнымъ брилъ бороды и головы, третьихъ выгонялъ изъ приходовъ и подвергалъ разнымъ истязаніямъ. Съ особенною яростью Потѣй преслѣдовалъ членовъ православныхъ братствъ виленскаго и брестскаго и ихъ священниковъ и учителей.

Кромѣ преслѣдованій, Ипатій Потѣй дѣятельно пользовался и другими средствами для водворенія въ юго-западной Руси уніи. Въ 1597 г. онъ отнялъ заведенную незадолго предъ тѣмъ въ г. Брестѣ братскую православную школу и преобразовалъ ее въ уніатскую, а учителемъ къ ней опредѣлилъ привезеннаго имъ изъ

Рима извѣстнаго ученаго уніата, доктора богословія Петра Аркудія, родомъ грека, воспитывавшагося въ римской коллегіи. Это было первое уніатское училище въ западно-русскомъ краѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, по отнятіи имъ у виленскаго православнаго братства троицкаго монастыря, Потѣй основалъ при немъ въ 1601 г. уніатскій коллегіумъ или семинарію, первымъ ректоромъ которой былъ нѣкто Петръ Ѳедоровичъ Суреметниковичъ, издавшій въ 1604 г., по порученію Потѣя, книгу подъ заглавіемъ: »Оборона собору осьмаго, флорентійскаго«, направленную противъ изданнаго въ 1598 г. въ г. Острогѣ православнаго сочиненія о томъ-же соборѣ. Наконецъ въ 1609 г. Потѣй основалъ въ г. Владимірѣ при сборной Успенской церкви небольшую уніатскую школу, записавъ на ея содержаніе по 250 злотыхъ ежегодно.

Портретъ Ипатія Потѣя интересенъ, какъ типъ западно-русскаго владыки, магната или пана, отъѣвшагося на мірскихъ »лакомствахъ« и вкусившаго обильныхъ тогда »хлѣбовъ духовныхъ«. Мы не видимъ здѣсь ни одной изъ тѣхъ чертъ смиренія, кротости, пощенія и подвиговъ, которыя привыкли соединять съ образомъ святителя русской церкви; видимъ напротивъ слѣды пресыщенія, напыщенности, нѣкоторой даже свирѣпости. Во внѣшнемъ видѣ и одеждѣ перваго уніатскаго владыки, не смотря на нѣсколько лѣтъ отступничества, не видно еще тѣхъ перемѣнъ, на которыя посягнули его преемники: тотъ-же древне-русскій, низенькій, нѣсколько закругленный клобукъ, таже архіерейская съ скрыжалями мантія, отрощенные волосы на головѣ, усы и борода, и лишь густой рядъ мелкихъ пуговицъ на нижнемъ платьѣ, котораго покрой опредѣлить трудно, даетъ поводъ заключать, что какая-то перемѣна въ костюмѣ уже начиналась; по крайней мѣрѣ такого платья, похожаго на тогдашній кунтушъ, не замѣтно на современномъ портретѣ епископа Кирилла Терлецкаго, который будетъ приложенъ къ слѣдующей книжкѣ. Оба портрета воспроизводятся по оригиналамъ, писаннымъ масляными красками и хранящимся въ портретной залѣ архіерейскаго дома въ г. Холмѣ люблинской губерніи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

отъ сотника голтвянского зъ Москвы полученное. По обѣдѣ были у Василія Федоровича Яворского камеръ юнкера, и уже одтоль пріехали въ 7-мъ часу пополдни.

6. За оправу двохъ книжокъ: Hugonis Grotii de veritate Religionis Christianae 36 к., Arithmeticae Lambergii 20 к. На перевозъ пошло 11 к. Подалъ сего числа въ вечеру князю Шаховскому меморіалъ о дѣлахъ гетманскихъ, въ коллегіи иностранной имѣючихся, и о своемъ дѣлѣ прошеніе.

7. Былъ у насъ изъ дворца ея высочества государини царевны Екатерины Іоанновны камеръ юнкеръ Василій Федоровичъ Яворскій, гофъ юнкеръ Василій Ивановичъ Толстой, камеръ пажъ князь Петръ Ивановичъ Гагаринъ, мушкенкъ Федоръ Кириловичъ Белецкій, да Иванъ Алексіевичъ, бандуристъ бывшій Петра II імператора, зъ которыми доволно гуляли и подпили были. На мило до платя даны 2 к.

8. Ради тезоименитства Михаила Ивановича Новоторжцова у него обѣдали многіе, въ томъ числѣ и я, да уже позно одтоль повернулся до квартери, пріехалъ зъ Василевского острова на графскомъ буярѣ зъ графскимъ же стряпчимъ Ефимомъ Василевимъ, у которого такожъ по пріездѣ немного посидѣлъ. На перевозъ пошло 8 к. Писма получены сегожъ числа зъ Глухова отъ ясневелможного и отъ прочихъ.

9. Отосланы писма до пана Полуботка и до пана Якимовича, зъ Глухова жъ принесенные. На перевозъ Алексію даны 3 к.

10. Отдалъ писмо въ коллегіи Василію Василіевичу Степанову, тайному совѣтнику, отъ господина полковника Афанасія Прокофіевича Родищева зъ Глухова присланное. Розышлось на перевозъ и проч. 16 к. Послѣ полдня былъ у сина полковника въ домѣ его въ морской пушкарской, зъ Егоромъ Тимофіевичомъ Борисовымъ, поддячимъ коллегіи иностранной, который содержитъ рейстратуру, и оній синъ полковничій обѣщалъ мнѣ сдѣлать лѣнію, да въ 2 аршина квадратную мѣру.

11. Устиму, графскому квартермейстеру, даны 15 к. на подошвы до чоботъ моихъ красныхъ, подъ которіе имѣетъ онъ дѣлать подошвы и подборъ.

12. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного подъ числомъ 9-мъ и до п. Юкевича о пересылкѣ писем[illegible]

до п. тестя, до жены и до Стефана въ Перегонъ, да другіе писма подъ числомъ 12-мъ до ясневелможного о обидѣ мнѣ, одъ Соболевского дѣючойся, до п. Скоропадского и до п. Юркевича о одсилцѣ еще писемъ въ Стародубъ и о исправленіи унѣверсалу,—въ Стародубъ до полковника, до обозного полкового п. Есимонтовского, до п. Андрея Миклашевского, до п. Валкевича, до п. Скоруппиной, до п. тещи, до жены, до п. Григорія Гамаліи, до Стефана въ Перегонъ и до писара судового Стефана Косача, включа всѣ оные писма къ нему въ подписанный пакетъ.

13. За зроблене чоботъ пришовъ осталные денги заплачены 25 к.; на подбой до тихъ-же чоботъ, на сѣрку, на хлѣбъ бѣлій французкій и проч. 8 к., за поланкирка меду питного 37 к. Вышеобявленные писма одправлены на почтѣ зъ коллегіи іностранной. Въ вечеру были у духовника государыни цесаревны и у пѣвчихъ; потомъ у Григорія Михайлова, слѣпого бандуриста, где доволно пѣто и пито, и позно уже одтоль пяніе пріехали въ квартеру.

14. Послѣ полдня были у насъ камеръ-юнкеръ государыни цесаревны Петръ Ивановичъ Шуваловъ, да Пименъ Василіевичъ и человѣка чотіры пѣвчыхъ. Послѣ прибылъ и мунпенкъ царевни государини Федоръ Кириловичъ Бѣлецкой, зъ которыми доволно пили и были жестоко пяны.

15. За хлѣбъ французкій бѣлій 4 к. Снѣгъ випалъ и морозить стало гораздъ.

16. Зъ поранку превеликій былъ туманъ отъ морозу и на водѣ и на землѣ. Въ коллегіи видѣлъся зъ п. Полуботкомъ. Розышлось на розницю 12 к.

17. Крига (ледъ) по Невѣ велми ишла и весь день и прошлую ночь снѣгъ ишолъ; зъ квартери никуда не ходилъ я сегодня.

18. Въ ночѣ малая Невка, що отъ митного двора, а другая, що отъ выборгской стороны, въ день по полдни въ 2-мъ часу стали. Алексію на его нужды 10 к., да у Козми Якимъ взялъ 20 к.

19. Сего числа чрезъ оные малые Невки люди переходили, а мы за негодою никуда зъ квартери не ходили, кромѣ что службы въ графской церквѣ слушали. За подшите подошовъ подъ червоные чоботы даны 16 к.

20. По полуночи въ 2-мъ часу Большая Нева стала, чрезъ которую и начали коло обѣдень люде ходити. Я чрезъ Малую Неву

переходилъ отъ митного двора и бывъ въ коллегіи, писалъ до Уріила и до сотника голтвянского въ Москву. Розышлось на розницю 9 к. За бутилку меду 4 к.

21. Послѣ службы Божой его сіятелство, графъ Головкинъ изволилъ мнѣ говорить, что дѣло мое о деревнѣ подписано и жаловане велено дать. По обѣдѣ былъ у Петра Василіевича и у него просидѣлъ до 10-го часа по полдни зъ Козмою Якимовичемъ, у которого на Василевскомъ острову и ночовалъ. Вигралъ въ карти у бурмистровъ 17 к. За поланкирка меду дано 37 к.

22. Весь день пробавилъ въ коллегіи, дожидаючись Полуботка, которій вчора говорилъ мнѣ, что князь Шаховскій требуетъ, чтобъ я былъ у него. Кремезницкому далъ 10 к. Обѣдалъ у тихъ-же бурмистровъ кіевскихъ. Извощику даны 3 к.

23. Писанъ листъ до ясневелможного и одправленъ на ординарной почтѣ. Извощику даны 3 к.

24. Ради тезоименитства государини царевны Екатерины Іоанновны палено зъ пушокъ въ крѣпости и въ адмиралтействѣ и всего выпалено зъ 69. Въ вечеру была везде по домамъ въ окошкахъ чрезъ выставлене свѣчъ иллюминація. Я былъ за болшою Невою, а послѣ въ коллегіи; одтоль-же пришедши, засталъ въ квартерѣ нашей Новоторжцова.

25. Грицку, п. Горленка служителю, за поднесенный хлѣбъ отъ него, 30 к., на извощика 4 к., на оселедцѣ 3 к.

26. Слушали обѣднѣ въ церкви троецкой, где пѣвчіе архирея новгородского спѣвали и посвященъ архимандритомъ невского монастыря намѣстникъ отецъ Симонъ. За хлѣбъ французкій и за кавяръ 8 к.

27. Рано былъ въ коллегіи. Послѣ обѣда заездилъ до князя Шаховского, но не засталъ, потомъ былъ у графа Мойсея Івановича Владиславича. На извощика пошло 4 к. Въ вечеру были у панича ездовые саржанты государыни царевны да Николай Івановичъ Пузыровскій. Писано писмо до п. Скоропадского зъ посилкою писма К. Б. За пять яблокъ 3 к.

28. За хвостики колошеи 4 к., на извощика 8 к. Посѣщалъ Алексія, Славуевого брата, который передъ симъ недомогалъ. Полковника нашего Дурова синъ прислалъ лѣнію и въ два аршина

29. За поланкирка меду 37 к., на извощика 5 к., на кавяръ 4 к. Петръ Василіевичъ мимоездомъ отъ графа былъ въ квартерѣ нашей. Посилалъ Григорія Кремезницкого къ Косогову и велѣлъ ему обявить прошеніе, написанное на Воейковыхъ, ежели за сукно награжденія не учинятъ.

30. Въ сей день торжествовали праздникъ кавалеріи россійской Андрея Первозваннаго и для того всѣ присутствующіе въ С. П. Бурхѣ того ордина кавалеры сездились въ дворецъ імператорскій, где послѣ обѣдни пили въ большую салу парами, а за ними и сама государыня въ церемоніалномъ кавалерскомъ плате, и у одного стола зъ ониими изволила кушать. Кавалеры-же именно были сіи: графъ Головкинъ—государственный канцлеръ, графъ Остерманъ—вице-канцлеръ, князь Черкаской, графъ Біронъ—оберъ-камеръ-геръ, генералъ-фелдмаршалъ графъ Христофоръ фонъ-Минихъ и графъ Левенволдъ—оберъ гофъ-маршалъ, а у другого стола кушали цесаревна и принцесса зъ разныхъ чиновъ дамами, у третого-же генерали и другихъ чиновъ мужескъ полъ. До столу играла камеръ музика, и дамы спѣвали, и 5 разъ палили зъ пушокъ, кромѣ того что заразъ послѣ обѣдни зъ многихъ пушокъ на поздоровленіе кавалерамъ палено. Въ вечеру везде въ окошкахъ свѣчи горѣли. Я обѣдалъ у бурмистровъ кіевскихъ и одъ нихъ вечеромъ уже пріехалъ. За хлѣбъ французкій 4 к., извощикамъ 8 к., прачцѣ 10 к.

Декабрь.

1. Былъ въ коллегіи, послѣ у князя Шаховского, токмо оного въ домѣ не получилъ. Розышлось на розницю 6 к.

2. Послѣ полдня въ 3-мъ часу былъ у князя Шаховского и писма отдалъ, передъ симъ отъ Косача писара судового присланныя, где изволилъ сказать, что и стороны дѣла моего графу Головкину и Петру Василіевичу говорилъ.

3. Рано были у графа Головкина и тамъ обѣдни слушали, одтоль пришедши обѣдали у насъ бурмистры и весь день мы въ домѣ пробавили. Былъ у панича Адодуровъ, а у мене Іскусъ зъ женою своею, да и Федоръ Максимовичъ въ вечеру былъ же.

4. Ввечерѣ были у бурмистровъ и доволно подпили, а одъ нихъ заехали до господина Сенявина и у него позабавились до позна. Писаны писма къ Глуховъ до ясневелможного, до пана Скоро-

падского, до Юркевича, въ Стародубъ до жены, до Стефана и до Косача.

5. Положилъ у Новоторжцова въ закладъ три червонихъ и взялъ мѣлкими 6 р. Были зъ Козмою Якимовичемъ у Сенявина, у Яна воскового майстера и у почтъ-мейстера Аша, где взялъ я и боченокъ мѣноговъ, токмо еще за оные не платилъ. На розницю розышлось 11 к.

6. Гостей принималъ у себе ради именинъ, на которое принятіе розышлось за вино, за рибу и прочое, до столу купованное, 8 р., и зъ тими жъ гостми весь день прогуляли и до пяна попили. На извожчика 8 к.

7. Ради рожденія государини принцессы Анны молебствовано и палено зъ крѣпости и въ адмиралитействѣ зъ пушокъ. Сей день никуда зъ квартери не ходилъ. Чрезъ Григорія Кремезницкого, который сего числа изъ С. П. Бурха одправился до Глухова, писалъ я до Уріила въ Москву, чтобъ ему исправилъ подорожную на одну почтовую подводу; ему жъ Григорію даны 10 к.

8. Алексій на свою потребу взялъ 27 к., на извощика пошло 3 к. Читалъ въ коллегіи сочиненіе грамоты на Перегонъ зъ Дешковичами.

9. Тезоименитство государини принцессы Анны праздновано и по молебствіи палено зъ пушокъ. Сегожъ числа пришли писма зъ Глухова отъ ясневелможного при двохъ листахъ въ коллегію иностранную и при писмахъ до канцлера и вице-канцлера и до князя Шаховского. Вечеромъ были зъ паномъ Горленкомъ у профессора его математического Крафта.

10. Рано вручилъ я два писма графу Головкину отъ гетмана о сербскомъ капитану Колатайчу и о резолюціи на присланные въ коллегію иностранную зъ прошеніемъ. Алексію для покупки потребностей къ поезду даны 22 к. По полднѣ вручилъ писма отъ ясневелможного и одъ пана Скоропадского князю Шаховскому, который обѣщалъся еще къ графу Головкину и господину Курбатову за мною инстанціовать (предстательствовать) въ дѣлахъ моихъ; потомъ былъ у бурмистровъ кіевскихъ. Поданы доношенія гетманскіе въ коллегію.

11. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного, до пана Скоропадского, до пана Юркевича и до пана Забѣлы, судіи енер.,

подъ числомъ 7-мъ; въ Москву до Кремезніцкого и до Урінла, чтобъ оному Кремезницкому всѣ помянутые писма, такожъ и пакетъ, отъ пана судіи зъ Глухова къ нему принесенный, тамъ въ Москвѣ вручилъ, и оные писма одправлены въ Москву на почтѣ зъ коллегіи іностранной. Обѣдалъ у бурмистровъ. Розышлось на извощика и проч. 14 к.

12. Рано былъ у князя Шаховского, въ дворцѣ, въ дежурной, где и Петра Василіевича Курбатова засталъ и говорилъ мнѣ князь, что половина дѣла моего сдѣлана. Да князь же посылалъ офицера въ Сенатъ, чтобъ одправлено изъ Сената указъ въ коллегію іностранную о рудокопныхъ и салѣтранныхъ въ Малой Россіи заводахъ, чтобъ 10-й долѣ не взымала. Сего числа было погребеніе генералу лейтенанту князю Семену Федоровичу Мещерскому въ монастырѣ невскомъ, куда ишли и 4 полки салдацкихъ пѣхотныхъ, и за тѣломъ ишли генералъ фелдмаршалъ графъ Христофоръ фонъ Миних и другіе генерали и штаны, и при томъ ходѣ руже несли всѣ солдаты обыкновенною погребалною церемоніею, а музыка жалобно играла и въ барабаны чрезъ сукно бито. За бутилку меду 4 к.

13. Былъ рано въ домѣ графа Остермана, но не получилъ отдать писма гетманского. На извощика пошло 4 к. Подарилъ Василію М. Леонтіеву каламарь (чернильницу) и пѣсочницю стеклянные, за которые дано 23 к. Послѣ полдня былъ у графа Мойсея Ивановича, который мене своими санями и отослалъ на квартеру.

14. Рано подалъ писмо гетмана графу Остерману и въ своемъ дѣлѣ просилъ. Раножъ отвезъ книжку Полуставецъ Новоторжцову, обѣщанный передъ симъ. Обѣдалъ у бурмистровъ. Розышлось 6 к.

15. Никуда зъ квартери не віездилъ. Былъ у насъ Алексій, Славуевъ братъ, и обѣдалъ.

16. Былъ въ коллегіи и читалъ сочиненіе грамоты на купленные грунта.

17. Праздновалисмо тезоименитство ясневелможного, а между тѣмъ пришелъ къ намъ господинъ поруччикъ Федоръ Ивановичъ Наковалнинъ, на почтѣ одправившійся въ Кіевъ, чрезъ которого писалъ я къ ясневелможному и до пана Скоропадского.

18. Рано были у ея высочества государини цесаревны Елисаветъ Петровны зъ поздравленіемъ рожденіемъ ея высочества и къ ручкѣ пожалованы. Послѣ полдня изволила ея імператорское

величество визитовать высокою своею особою ея высочество государыню цесаревну, а послѣ и у государынѣ царевни ея жъ величество быть изволила. Я у бурмистровъ снѣдалъ (завтракалъ). Розышлось 6 к.

19. На рогожи до обиваня оконъ, на гвоздки и проч. пошло 23 к. Былъ у князя Шаховского, где послѣ полдня былъ и Петр. Вас. Курбатовъ.

20. Пріймовалъ панъ Горленко слѣпого зъ пѣвчими меншими цесаревни. Рано былъ я въ коллегіи, где обявилъ мнѣ Петръ Вас., что грамоту о маетности на рангъ и приговоръ о жаловапю закрѣпилъ графъ Головкинъ. Былъ я у полковниченка нашого Дурова въ домѣ, а одтоль ездилъ въ домъ полковничій на Василевскомъ острову, будучій въ 21 линіи.

21. Куплено гарусу на лиштвы до опанчи лѣтной за 25 к., да на нитки и мило 2 к. При писмѣ до Урінла одправленъ пакетъ до пана Юркевича зъ листомъ отъ Полуботка. Сего числа званніи обѣдалисмо у Петра Василіевича Курбатова, ради тезоименитства его, и тамъ доволно удоволствованы.

22. Сей день весь въ квартерѣ пробавилъ, толко передъ вечеромъ ездили для осмотреня квартери, надъ Мойкою, князя Федора Григоріевича Волконского, да на Василевскомъ острову князя Мещерского умершого.

23. Обявленъ мнѣ приговоръ, подписанный о Перегонѣ руками графа Головкина, дѣйствительного тайного совѣтника Х. В. Миниха, тайного совѣтника Василія Василіевича Степанова и канцеляріи совѣтника П. В. Курбатова, который приговоръ и записанъ въ рейстратуру подъ симъ числомъ. Сегожъ числа панъ Андрей Полуботокъ отобралъ грамоты до гетмана и до генерала Наришкина о возвращеніи себѣ селъ Орловки, Казиловки и Коровинецъ [161]) и зъ нами пожегналъся. Розышлось 4 к.

[161]) Села Орловка (новгородъ-сѣверскаго уѣзда) и Казиловка (сосницкаго уѣзда) отданы были Мазепою генеральному обозному Дунину-Борковскому, по смерти котораго Мазепа эти села отнялъ у его вдовы для себя. Послѣ измѣны Мазепы, Павелъ Полуботокъ успѣлъ эти села выпросить себѣ, назвавъ ихъ »измѣничьими«. Черезъ 15—16 лѣтъ дѣти Борковскаго пожаловались Вельяминову, который и возвратилъ имъ эти села. Здѣсь, какъ видимъ, иностранная коллегія вновь отбираетъ ихъ у Борковскихъ для Полуботковъ. Село Коровинцы (роменскаго уѣзда) отдано было Мазепою въ 1689 г. лубенскому полковнику Иляшенку, по смерти

24 Розышлось на штофъ водки гданской 1 р. 50 к., за боченокъ міноговъ передъ симъ взятыхъ 1 р. 50 к., за хлѣбъ французкій и на извощика 13 к., за мите рубашокъ 10 к. Сего числа панъ Полуботокъ отехалъ къ Москвѣ.

25. Въ сей день Рождества Христова всенощное и утреню правили въ квартерѣ, а службы Божой слушали въ церквѣ домовой графа Головкина, и послѣ его и другихъ тутъ случившихъся поздравляли; потомъ графъ отехалъ въ дворецъ къ государынѣ, куда такожде и паничъ зъ паномъ Горленкомъ ездили. Послѣ обѣда были у господина Курбатова и у господина Стефанова. Писанные писма подъ завтрашнимъ числомъ до ясневелможного зъ привѣтствіемъ и зъ 2 цедулами о поздравителныхъ писмахъ и объ отвѣтѣ противъ посланной грамоты, взглядомъ требованія на генералъ фелдмаршала и проч., да до пана Скоропадского и Юркевича одправлены на почтѣ въ Москву къ Уріилу въ писмѣ до него подписанномъ. На извощика розышлось 7 к.

26. Рано ездили до князя Черкаского, до господина генерала Ушакова и до Стефана Федоровича Апраксина, а послѣ были зранажъ у вице канцлера графа Остермана. Розышлось зрана 9 к.

27. Были рано у князя Шаховского, а потомъ я былъ у графа Савы Владиславича и у Мойсея Івановича, одтоль заездилъ къ Алексѣю, Славуевому брату, и въ коллегію. На извощика пошло 4 к. Въ коллегіи видѣлъ подписанный приговоръ о видачи мнѣ жалованя подъ числомъ сего мѣсяца 22-мъ.

28. Ради рожденія жены моей были у мене гостѣ, для которыхъ принятія обѣдъ былъ готованъ. Пошло на мясо, медъ, пиво, вино и проч. 4 р. 65 к. Писалъ писмо въ Глуховъ до пана Скоропадского зъ цедулою о пол. и оное одправлено зъ писмами пана

котораго Мазепа отобралъ у дѣтей его Коровинцы для племянника Обидовскаго. Послѣ измѣны Мазепы село это выпросилъ себѣ Павелъ Полуботокъ, съ дѣтьми котораго одинъ изъ потомковъ Иляшенка, роменскій сотникъ Семенъ Остаповъ (родоначальникъ Ласкевичей) началъ за Коровинцы тяжбу, которую, какъ мы видимъ здѣсь, проигралъ. Это не помѣшало мужу внуки Остапова, Андрею Политикѣ предъявить къ Полуботкамъ, въ 1742 г., новый искъ за Коровинцы и въ 1749 году искъ этотъ выигранъ. Наслѣдники Полуботокъ—Милорадовичи пытались было возобновить тяжбу за Коровинцы, но по совѣту опытныхъ людей отказались отъ этого, и Коровинцы остались у потомковъ Иляшенка.

Андрея Горленка на почтѣ, чрезъ которую и до ясневелможного зъ коллегіи иностранной одправлена грамота о опредѣленіи на мѣсто Львова, въ судъ енералный, Івана Сенявина.

29. Рано ездили къ Архіерею новгородскому, но не получили его видѣть; потомъ заехали до бурмистровъ и у оныхъ снѣдали. Послѣ былъ я въ коллегіи и въ квартерѣ у Егора Тимофеева Борисова, который рейстратуру содержитъ. Купилъ пару запонокъ за 80 к. На извощика 5 к. Зъ сего числа въ ночѣ віехалъ зъ Санктъ Пітербурха князь А. І. Шаховскій въ указную себѣ до слободскихъ полковъ дорогу.

30. Получены писма зъ Глухова отъ ясневелможного, одъ пана Скоропадского и протчихъ, а при оныхъ и доношенія въ коллегію иностранную надлежащые.

31. Дано мнѣ жаловане зъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ 30 р. денегъ и косякъ лудану [162]) блакитного въ 14 р. Розышлось на извощиковъ 14 к. Въ вечеру былъ у Петра Василіевича и подалъ доношенія гетманскіе въ коллегію надлежащые.

Конецъ 1732 году.

Съ Богомъ годъ 1733.

Генварь.

1. Рано поздравляли графа Головкина и потомъ паничъ зъ п. Горленкомъ отехали во дворецъ, а я слушалъ обѣдни въ церкви троецкой, где архіерей новгородскій зъ прочіими служилъ молебствіе, по которого окончаніи палено зъ многихъ пушокъ въ крѣпости и въ адмиралтействѣ. Столъ былъ для господъ первѣйшихъ и дамъ во дворцѣ государини, при которого одправленіи палено многажды зъ 15 пушокъ; а въ 8-мъ часу по полудни былъ передъ дворцемъ на Невѣ фейерверкъ и везде по домамъ, а особливо все адмиралтейство убрано было фонарями преизрядно для иллюминаціи. Я послѣ того былъ у Петра Василіевича зъ бурмистрами кіевскими до 12 часа. Сегодня посѣщалъ мене нашего полковника сынъ Іванъ Александровичъ Дуровъ, зъ которымъ я и во дворцѣ былъ въ салѣ.

---

[162]) Шерстяная ткань.

Сего-жъ числа розышлось—дано Алексію и козаку Николаю по 50 к., итого 1 р., Петру хлопцю, слугамъ и проч. 50 к., людямъ Петра Василіевича 30 к., Алексію Войничовому 20 к. На хлѣбъ французкій 6 к. Паничу подарилъ купленные передъ симъ запонки.

2. За два календаря петербургскіе 24 к., за два трактаты зъ персидскимъ государствомъ россійской імперіи 24 к. На извощика 4 к.

3. Былъ въ коллегіи и видѣлъ сочиненіе грамоты на Перегонъ и протоколы въ моихъ дѣлахъ, тако-жъ грамоту сочиненную до гетмана о присягахъ. На извощика пошло 10 к., на мясо 12 к. Въ вечеру былъ у преосвященного іркуцкого Нероновича, а послѣ у уставщика государини цесаревны Івана Петровича.

4. Писано писмо къ Урілу подканцеляристу въ Москву, зъ одправою писма-жъ одъ мене до п. Полуботка, зъ листами къ немуже одъ енерала графа фонъ-Вейзбаха и одъ п. Турковского, писара енералного. Взялъ позыкою для переписаня книгу, зовемую »Літописецъ Келейній« покойного преосвященного Димитрія, ростовского митрополита,—у Івана Петровича, уставщика надъ пѣвчими государыни цесаревны, и къ нему о визыченю тоей книги писалъ карту, что по переписаню оную отдать я долженъ. Розышлось на извощика 7 к., на хлѣбъ бѣлій французкій и свѣчи 9 к.

5. Возили грамоту до подписи къ графу Головкину на Перегонъ написанную, но оная сего числа не подписана. Отецъ Адамъ въ 3-мъ часу по полудни въ домѣ архіерея новгородского на Василевскомъ острову умре. Куплено мяса за 20 к., на извощика 3 к. Былъ въ квартерѣ нашей Александръ Гудовичъ, до которого отъ отца чрезъ прапорщика Арсеніева присланы писма, но со мною не видѣлъся.

6. Въ 12-мъ часу по полуночи одправлено водосвятіе на Невѣ, противъ зимняго дворца, у мѣста нарочно для того устроенного, где и полки квадратами были устроены, и когда водосвятіе окончалось, то по учиненню ракетою сигналу випалено въ крѣпости и въ адмиралтействѣ зъ 41 пушки, а послѣ на ліоду зъ 21 пушки поставленыхъ палено-жъ, а потомъ полки бѣглымъ огнемъ и знову зъ тихъ-же пушокъ, а послѣ полки, тако-жъ и третій разъ зъ оныхъ же пушокъ и полки випалили; и тако оная церемонія благополучно окончалась. Паничъ (П. Апостолъ) обѣдалъ у графа Савы Влади-

славича, а у мене обѣдалъ Іниховъ и принесъ мнѣ копію протоколу о Перегонѣ зъ Демковичами. Извощику даны 3.

7. Обѣдни слушали въ церквѣ св. апостола Андрея Первозваннаго на Василевскомъ острову и обѣдалъ у бурмистровъ кіевскихъ, купно зъ Новоторжцовымъ и Леонтьевымъ и ихъ женами. Потомъ былъ у сина полковника нашего старод. Івана Александровича Дурова и отъ него вышедъ, заходилъ къ Алексѣ, Славуевому брату. Послѣ пришелъ на квартеру уже поздно. На извощика розышлось 10 к. Отца Адама, що у преосвященного новгородского былъ (Зерникава?), поховано въ невскомъ монастырѣ.

8. Писаны писма одъ мене до ясневелможного, до п. Скоропадского и до п. Юркевича въ Глуховъ и одправлены на ординарной почтѣ. На хлѣбъ французкій 8 к., на извощика 3 к.

9. Былъ рано у Петра Василевича, а послѣ въ коллегіи и зъ Кричевцемъ ходилъ по гостинному двору. Розышлось на розницю 11 к.

10. Грамоту открытую на Перегонъ закрѣпилъ государственный канцлеръ графъ Головкинъ. Сего числа пожегнались зъ преосвященнымъ епископомъ іркуцкимъ отцемъ Іннокентіемъ Нероновичемъ, у котораго до поздна гуляли, и уже въ 9-мъ часу по полдни пріехали въ домъ. Розышлось 12 к.

11. Отобралъ въ коллегіи грамоты 4, отворчатую на Перегонъ, да запечатанные до гетмана о опредѣленіи села на рангъ, о присягахъ и о селѣтрѣ, тако-жъ о томъ всемъ и до генерала Нарышкина три грамоты. Былъ рано у Александра Гудовича и у него обѣдалъ. Розышлось на розницю 17 к. Сторожу коллежскому 10 к. Сего числа посланы къ гетману и къ генералу Нарышкину на почтѣ грамоты о вистатченю 800 людей для рубки лѣсу и отведеню лѣсу въ полку чернѣговскомъ, албо о найму таковогo-жъ лѣсу у поляковъ.

12. Обѣдалъ у капитана гвардіи Івана Івановича Косогова и зъ нимъ простившись, былъ у другихъ зъ пожегнаніемъ (для прощанья). Былъ также и въ домѣ преосвященного новгородского за интересомъ пана Лисаневича, но ничего не получилъ. Вечеромъ былъ зъ п. Андр. Горленкомъ у духовника государини цесаревны, зъ нимъ и зъ другими того дому для пожегнаня, где въ квартерѣ слѣпого бандористы (Любистка) жестоко, при жегнаню, попили; тутъ-же былъ и Александръ Івановичъ Шуваловъ камеръ-юнкеръ.

13. Отобралъ въ коллегіи на пять ямскихъ подводъ прогоновъ до самого Глухова 18 руб. 15 коп., а о дачи зъ ямской канцеляріи подорожной на тые подводы послана въ ту канцелярію изъ коллегіи іностранной промеморіа, токмо-жъ написано въ подорожной двойные проговы и для того я нанялъ къ Москвѣ подводы двѣ пары за 7 р. 50 к. Далъ за труды Іпихову 4 р., Стражеву 1 р., Борисову 1 р., Новоторжцову 2 р., салдатамъ коллежскимъ 1 р., сторожу коллежскому старому 20 к., салдату посиланному за подорожною 10 к., копіистамъ коллежскимъ на общину ихъ 1 р. Розышлось 5 к. Обѣдалъ сего числа у его сіят. графа Савы Владиславича, который приказалъ отослать мнѣ на дорогу 6 бутелокъ вина красного, да поланкерка водки, а самъ изъ своихъ рукъ пожаловалъ чаю фунтъ. Графъ Мойсей Івановичъ далъ мнѣ вексель въ Москву на 50 р., и потомъ я у оныхъ отобравши писма, пожегнался и отойшовши былъ въ разныхъ мѣстахъ для отобранія писемъ и пожегнаня, въ томъ числѣ и у Івана Юркевича оберсекретаря, долго въ ночь просидѣлъ. Хлопцю его 10 к.

14. Обѣдни слушалъ въ графской церквѣ, а послѣ обѣда одклонился Василію Вас. Степанову, въ которого домъ московскій пріобѣщалъ прислать куфу горѣлки, потомъ сидѣлъ не мало у Петра Василіевича.

15. Рано взялъ другую подорожную зъ коллегіи іностранной на проездъ, которую и послалъ чрезъ салдата коллежского въ полицію, которому дано 22 к. для запечатованя. Покуплено—голову цукру 75 к., чолки валеніи 1 р. 10 к., на золото и кистѣ до грамоты маліованя 75 к., за кусокъ арапа табаку для пана Івана Марковича 1 р., для егожъ картузногожъ табаку 1 р., папѣръ 70 к., да два паніры подлѣйшого 42 к., за мелинчку для пана Скоропадского 1 р. 32 к., за два платки блакитные 90 к., за 500 оселедцовъ копченыхъ 50 к. Для покупки потребностей для дороги 2 р. Въ коллегіи со всѣми пожегнане учинивши, обѣдалъ у бурмистровъ кіевскихъ, а израна отклонился графу Головкину, въ вечеру же Петру Василіевичу, которому и поднесъ за труды 4 кубки срѣбные, а онъ мнѣ подарилъ кошулю (рубаху) колмицкую баранковъ бѣлыхъ. Радіону 50 к.

16. За поланкирка канарсенту 6 р., за два штофа гданской водки 3 р. Зоставилъ при писмѣ меморіалъ пану Горленку о дѣ-

лахъ, оставшихся въ коллегіи иностранной. Козмѣ Якимовичу вручилъ челобите пана Чернолуского и свой интересъ. Обѣдалъ у панича въ квартерѣ, а прежде обѣданя подписалисмо контрактъ. Послѣ, пожекгнавшись со всѣми, віехалъ въ 3-мъ часу по полудни и заездилъ къ Гудовичу, которому и писмо отъ себе вручилъ о доправцѣ 10 р. денегъ или 5 аршинъ сукна тонкого па адютанту семеновского полку Воейкову; потомъ заездили до отца Василія Щербацкого священника, что въ невскомъ монастырѣ, а отъ него прямо прибыли въ ямскую, гдѣ зъ паномъ А. Горленкомъ по доволныхъ розговорахъ пожекгнались и розехались въ полъ 8-го часа по полудни. Пану Грифскому позичилъ 2 р. При віездѣ зъ С. П. Бурской квартери Василю маляру, которій робилъ коло грамоты, да и обѣцалъ портретъ государыни, за роботу 1 р. Капралу коллежскому Пет. В. Соболеву 10 к., Дмитру хлопцю 20 к., Петру 10 к., молодикамъ Павла Івановича Апостола 40 к., на пиво въ ямской 3 к. Віехавши зъ ямской, прибыли до Іжоры въ началѣ 12-го часу, одтоль поехали въ полъ 4-го часа по полуночи о 30 верстъ.

17. Прибыли въ деревню Болотное, где спочивали, а одтуду въ деревню Чудово помѣщика Путилова въ 110 верстъ одъ Пітера, и тутъ ночовали; одтоль віехали по полуночи въ 3-мъ часу и прибыли

18. Въ исходѣ 7-го часа въ деревню Пудицу и тутъ обѣдали, о 25 верстъ отъ Сосниной пристаны и отъ ночлегу въ 34 версты; одтоль віехавши, прибыли въ 12 часу до Новгорода, о 45 верстъ, въ началѣ 5-го пополуднѣ, где на квартерѣ посѣщали мене Василій Федоровичъ Кудримонтовскій да отецъ Ефремъ. На пиво 3 к.

19. Былъ въ церквѣ соборной и видѣлъ тутъ лежащихъ нетленныхъ матку и сына князей фундаторовъ с. Софіи, той соборной церкви. Розышлось на розные покупки 98 к. Тамъ-же въ Новгородѣ пообѣдавши купно зъ Василемъ Федоровичемъ на моей квартерѣ, взялъ росписку у ямщиковъ и одехалъ одтоль по полдни во 2-мъ часу, а прибылъ въ Бронницы въ 4-мъ и тутъ стали на ночь о 25 верстъ; тутъ-же на пиво и проч. 5 к. Одтоль въ 11-мъ часу передъ полуночю поехали и прибыли.

20. Въ концѣ 8 часа до яму Крестцовъ, о 63 версти, где и обѣдали; тутъ на хлѣбъ, пиво и проч. розышлось 30 к.; тутъ-же зехалися зъ княгинею Хованскою, которой служитель Іванъ Івановъ

Сафдюковъ далъ намъ карты, да тутъ перелили карнасентъ въ другое бариляце не безъ убытку. Одтоль віехали въ 1-мъ часу по полудни и прибыли на ночь въ деревню Родвино помѣщика Лва Семіоновича Зіновіева, о 23 версты одъ Крестцовъ; тутъ въ Родвинѣ у крестятина Ефима Василіева куплено блюдцо и талѣрка цѣновые за 40 к. На хлѣбъ розышлось 3 к.

21. Въ 12 часу одтоль віехавши, прибыли въ 6-мъ по полуночи до Волдаи, о 36 верстъ, и тутъ обѣдали. На хлѣбъ и мясо пошло 13 к.; одтоль віехали въ 1-мъ часу по полудни и прибыли въ село Іодрово, о 24 версты, и тутъ ночовали; за постоялее дано 2 к.

22. Зъ Едрова віехавши въ 4 часу по полуночи, прибыли въ деревню Куженкину, о 27 верстъ, и тутъ обѣдали. Розышлось на пиво и проч. $6^{1}/_{2}$ к. Одтоль віехали въ 11 часу и прибыли въ Вышный Волочокъ 5-го часа по полудни; тутъ ночовали, о 47 верстъ одъ попасу. Розышлось $6^{1}/_{2}$ к.

23. Зъ Волочка въ 1-мъ часу по полуночи віехавши, прибыли на обѣдъ въ 8-мъ часу въ деревню Каменку князя Якова Василіевича Сибѣрского, о 47 верстъ; тутъ розышлось на мясо, квасъ и проч. 14 к. Одтоль віехавши въ исходѣ 12 часа, прибыли по полудни въ 5 часу до деревни Марьина князя Івана Алексіевича Долгорукова, о 41 версту отъ попасу обѣдного; тутъ розышлось на пиво и проч. 4 к.

24. Во 2-мъ часу віехавши зъ ночлегу, прибыли въ Тверь, о 38 верстъ, и тутъ обѣдали; тутъ-же розышлось на хлѣбъ и проч. $24^{1}/_{2}$ к. Одтоль віехали въ 2 часу и прибыли до Городнѣ въ 5-мъ часу, о 31 версту, и тутъ ночовали. Розышлось 3 к.

25. Въ 12 часу ночи віехавши зъ Городнѣ, прибыли до Клину въ полъ 8 часа по полуночи, о 55 верстъ; тутъ на мясо 14 к., тутъ-же обѣдалъ я у воеводы здешного Глѣба Прокофіевича Родищева, одъ которого и письмо къ брату его Афанасію Прокофіевичу въ Глуховъ отобралъ, такожъ и чолки валеные; жена оного воеводы именемъ Назаріевна. На пиво $2^{1}/_{2}$ к. Зъ Клину віехавши въ 2 часу по полудни, прибыли до Пешокъ въ полъ 6-го часа, за 31 версту.

26. Въ исходѣ 1-го часа по полуночи віехавъ зъ Пешокъ, прибыли до Чорной въ полнята часа, о 25 верстъ. Тутъ розышлось 4 к. Одтоль віехавши въ 8-мъ часу, прибыли въ Москву въ исходѣ 11 часа, и тутъ сталъ я квартерою на Мясницкой, на [illegible]

логодского и каширского архіерея, преосвященного Веніамина Сахновского; тутъ-же засталъ отца Іова, который былъ діакономъ при покойномъ Кролику. Ездилъ въ домъ графа Савы Владиславича, отдалъ писмо и ключѣ зъ С. П. Бурха присланные до Линда, потомъ былъ въ монастырѣ Богоявленскомъ у грека Савы Петровича и отобралъ у него по векселю графа Мойсея Ивановича Владиславича 50 руб. денегъ. Отъ него ездилъ до купчина Дементія Прохоровича и до невѣстки полковничей Катерины Андреевны въ домъ полковничій-же, за Пречистенскіми вороты, у Ілiи Обыденного будущій. На извощика пошло 4 к., Алексію дано 4 к., цилюрику 4 к. Зъ извощиками, нанятыми изъ С. П. Бурха, росплатка учинена, на которыхъ пошло всѣхъ денегъ 7 р. 85 к.

27. Рано ездилъ до Урінла подканцеляриста и зъ нимъ пріехавъ въ коллегію; тутъ кланявся ассесору Семену Ивановичу и писмо подалъ секретарю Івану Тимофіевичу Аврамову отъ Новоторжцова. Писана въ Ямскую промеморія о видачи мнѣ на двѣ почтовыя, а подъ люде на 3 ямскія подводы. На извощика пошло 6½ к. Подячему Емской канцеляріи 8 к., Миколаю Евдокимову 1 р. Куплены три футра, завойковое и шлямовое, лисіи да попеличое, дано за оные 36 р. Куплены 12 талѣрокъ, 8 полумисковъ (а до нихъ придано двѣ талѣрки старыхъ и полумисочокъ въ замѣнъ, и въ нихъ вѣсу пудъ, а въ придаточныхъ было 4⅓ фунта), дано за то 7 р. 48 к. За двѣ штучки івановского полотна 2 р. 6 к., за полотна сѣтчаного 30 аршинъ 90 к., за штуку полотна ровного 98½ коп. За осятра въ полтора пуда 1 р. 35 к. За двое дверецъ желѣзныхъ до печей 90 к., за заслонку желѣзную 45 к., за 17 фунтовъ кавяру 1 р. 36 к.

28. Обѣдалъ у полковника Василія Степановича Батурина, где и зъ сыномъ его Сергіемъ, салдатомъ ізмайловского полку, розговаривали по латинѣ; тутъ же обѣдалъ съ нимъ и сѣвчанинъ Іванъ Ивановъ Драній. На извощиковъ пошло 15 к. Вечерялъ у графа Ефима Ивановича Владиславича, купно зъ Николаемъ Павловичемъ Кристичемъ, и позабавилися разными розговорами до 12-го часа.

29. Куплены сани зъ козиркомъ, дугою и оглоблями за 5 р., за дровни подъ колиску дано 30 к., извощикамъ 26 к. Взялъ писмо у Николая Павловича заимное Трусевичево о доправкѣ на немъ десяти рублевъ. Вчера занялъ денегъ 30 р. у Савы Петровича

Діахра грека. За стонжки и тясму до шабли 2 р. 71 к., за цвѣтную тріодь 90 к., на росходъ харчевый и дрова и проч. розышлось 1 р. 50 к. Алексію до росчоту за службу его дано 4 р., за кошелки 2½ к. Павелъ Якимовичъ Якумопло далъ мнѣ на дорогу сира, закусокъ и чотиры рубли денегъ. За канчукъ 5½ к. Писалъ писма до пана Горленка и до Козми Якимовича въ Санктъ-Пітербурхъ и отправилъ оные на почтѣ зъ коллегіи іностранной. За пудъ мила 1 р. 40 к., за 3 золотники кокцинелли 20 к., за 25 аршинъ цвѣлиху пасистого 2 р. 50 к. Ввечеру былъ у ассесора Семена Іваповича и отобралъ у него писмо къ ясневелможному.

30. Салдатамъ, що привели почту, дано 15 к., за двѣ жестянки табаку 80 к., извощикамъ 12 к. Бувъ у генералши Фамипциной Софіи Казимировны и видѣлъся зъ дѣтми ея Андресмъ Юревичемъ и Евдокіею Юревною въ домѣ ихъ за Пречистенскими вороты; бувъ же и у отца Мины Григоріевича, ключара успенского, который мнѣ и полсіомти подарилъ; у него же видѣлъся зъ секретаремъ Семеномъ Перфиліевымъ и бывшимъ генерала Кортчина адютантомъ Іваномъ Даниловымъ Докторовымъ. За пиво на дорогѣ 20 к., за тюмъ китаю 7 р., за двѣ куницы 3 р. Сего числа віехалъ изъ Москви на почтѣ и переехалъ до свѣта три станы почтовые.

31. Свѣтомъ зъ Ликова, где станъ почтовый, выехавъ, прибылъ до Добрыхъ, а одтоль до Калуги; зъ Калуги около вечерень віехавъ и обехавъ обозъ пана Полуботка, приехалъ ночю Лихвинъ и прибылъ свѣтомъ до Беліова.

Февраль.

1. Зъ Беліова рано віехавъ, прибылъ около полдня до Болхова; одтоль, ради того, что пяный случился почтарь и что стала быть метель, принужденъ, заехавши въ сторону до села Локны помѣщиковъ графа Платона Мусина Пушкина и князя Григорія Волконского, тутъ ночовать, и уже одтоль

2. Свѣтомъ віехавъ, прибылъ до Глотова, а одтоль до Карачева въ 12-мъ часу пополудни; тутъ розышлось 4 к. Зъ Карачева въ началѣ 3-го часа выехавъ, прибылъ до Сомова смеркомъ, а одтоль до Чаепки, и тутъ ради метелицы принужденъ ночовать.

3. Зъ Чаепки въ 6-мъ часу пополуночи прибылъ на почту Любошскую въ 2-мъ часу по полдни, а одтоль до Сѣвска въ 8-мъ

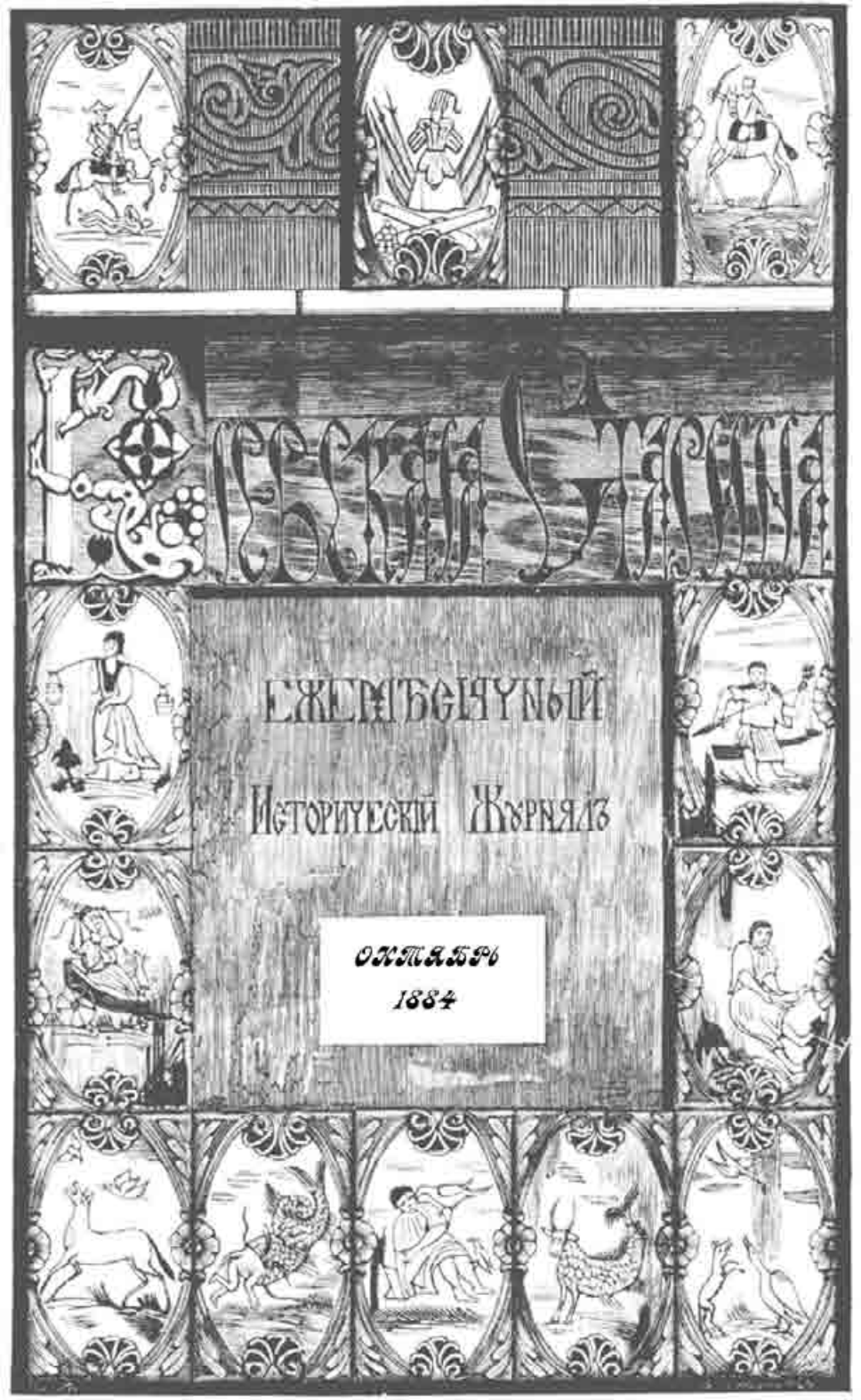
Русская Старина
ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Октябрь
1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Октябрь, 1884 г.

стр.

О продолженіи изданія «Кіевской Старины» въ 1885 г.

I. ИННОКЕНТІЙ ГИЗЕЛЬ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). **Н. Ѳ. Сумцова.** 183

II. ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О КІЕВѢ. **П. Л—ва.** 227

III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІИ. *(Продолженіе).* **Н. М.** 254

VI. СОФРОНІЙ ДОБРАШЕВИЧЪ, АРХИМАНДРИТЪ НОВОЙ СЕРБІИ. **Архимандрита Арсенія** 276

V. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ВОЗНИКНОВЕНІЯ И РАСПРОСТРАНЕНІЯ ШТУНДЫ НА ЮГѢ РОССІИ 305

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Извѣстіе о покореніи Смоленска Степановича Пшчеславча. 1731—1785 г. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей росс. при московскомъ университетѣ, подъ ред. дѣйств. члена Нила Попова. Москва. 1884 г. IV+561.—*В. Я.*—б) Русская историческая библіотека, издаваемая археографическою коммиссіею, томъ осьмой. С.-Петербургъ, 1884 г.—*О. Л.*—в) О родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. 1871 г., 8°. 157 стр. Сказаніе о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. Кіевъ 1884 г., 8°. 131 стр.—*А. Лазаревскаго.*—г) Сулимовскій Архивъ—фамильныя бумаги Сулимъ, Скоропъ и Войцеховичей. Кіевъ 1884 г. Издатель А. Лазаревскій.—*В. А.* 321

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) VI Археологическій съѣздъ въ Одессѣ.—б) Два случая изъ борьбы крестьянъ съ евреями за аренду казенныхъ земель.—*С—.—ва.*—в) Нѣсколько словъ о домикѣ Котляревскаго въ г. Полтавѣ.—Сообщ. *В. Е. Бучневичъ.*—г) Ламентація кіевобратскихъ монаховъ конца XVII в. д) Дополнительное свѣдѣніе о бывшихъ на ладожскомъ каналѣ козакахъ.—Сообщ. *Дм. Багалѣй.*—е) Распродажа въ Вишневецкомъ замкѣ.—*В. Горленка.*—ж) Къ портрету Кирилла Терлецкаго. з) Поправка и объясненіе. 337

VIII. ДѢВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . . 97—113

XI. ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Кирилла Терлецкаго.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

ПОДПИСКА

на ежемѣсячный историческій журналъ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,"

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ КІЕВѢ.

1884-й годъ.

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ «**Кіевская Старина**», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1885 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ, при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ и подъ тою-же редакціею.

По трехъ-лѣтнему опыту нашего изданія, наши постоянные читатели могли удостовѣряться, что оно остается вѣрнымъ той скромной задачѣ, которую намѣтило для себя при самомъ началѣ, т. е. разработкѣ мѣстной исторіи. Но самая мысль о необходимости спеціальной разработки южно-русской исторіи для пополненія и расширенія нашей общей исторической науки возникла сравнительно недавно и прививается въ обществѣ, да и въ самой наукѣ туго и медленно. Успѣхъ нашего изданія стоитъ въ тѣсной связи съ развитіемъ и укрѣпленіемъ этой мысли въ сознаніи общества и дѣятелей науки. Въ какой мѣрѣ способствовало этому само наше изданіе, судить не намъ; но мы не могли не видѣть въ теченіи трехъ

лѣтъ возрастающаго сочувствія и довѣрія къ нашему труду, обогащавшихъ портфель редакціи новыми статьями и матеріалами, а отсюда заключаемъ, что и самый трудъ нашъ не безъуспѣшенъ. Успѣхъ этотъ идетъ, правда, медленно, въ размѣрахъ скромныхъ; но успѣха быстраго мы и не ищемъ, а въ самой постепенности его усматриваемъ залогъ его прочности.

Съ такими мыслями мы приступаемъ къ началу новаго, четвертаго года изданія, выражая живѣйшую нашу благодарность всѣмъ постояннымъ и случайнымъ нашимъ сотрудникамъ и надежду, что они не оставятъ насъ своимъ сочувствіемъ и поддержкою и въ наступающемъ году.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10** руб., на мѣстѣ **8** р. **50** к. На заграничную пересылку прибавляется **1** р.

Гг. иногородные обращаются исключительно въ *редакцію* **«Кіевской Старины»**, *Кіевъ, Трехъ-святительская ул., д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 г. высылаются редакціею по той-же цѣнѣ.

Типографія Фесф
Редакт. Ф. Ф. 9—63 ин

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ X.

ОКТЯБРЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го сентября 1884 года.

Кириллъ Терлецкій,

ЕПИСКОПЪ ЛУЦКІЙ И ОСТРОЖСКІЙ † 1607 Г.

ИННОКЕНТІЙ ГИЗЕЛЬ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

Въ Малороссіи въ XVII столѣтіи весьма немногія лица пользовались столь обширной и почетной извѣстностью, какъ кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель. Ему писали письма московскій царь и патріархъ, гетманы искали у него совѣта и посредничества. Высшія духовныя лица, кіевскій митрополитъ и черниговскій архіепископъ, дорожили его расположеніемъ. Ученые иностранцы являлись къ нему съ поклономъ или вступали съ нимъ въ дѣловую переписку. Безъ преувеличенія, Гизель долгое время былъ въ Малороссіи духовнымъ свѣточемъ, общепризнаннымъ руководителемъ по пути истины, правды, любви къ ближнему. Историкъ южно-русской церкви и историкъ южно-русской литературы съ одинаковымъ интересомъ останавливаются на Гизелѣ, первый, потому что Гизель участвовалъ во многихъ важныхъ церковныхъ событіяхъ XVII столѣтія, второй потому, что «Синопсисъ» Гизеля имѣлъ вліяніе на развитіе русской исторіографіи, потому еще, что въ «Мирѣ» Гизеля до нѣкоторой степени обнаруживаются умонастроеніе и нравственный характеръ эпохи.

Гизель принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ въ нашей исторіи иностранцевъ, которые, поселившись въ Россіи, отдали ей весь свой умственный трудъ, всю свою энергію посвятили на пользу своего новаго отечества. Въ Малороссіи въ XVII ст. было два такихъ иностранца, Иннокентій Гизель и Адамъ Зернихавъ; оба нѣмцы, оба приняли православіе, и тотъ и другой писали въ защиту православія.

Иннокентій Гизель родился въ Пруссіи, въ реформатскомъ исповѣданіи, и тамъ-же получилъ первоначальное образованіе. Въ молодые годы онъ пришелъ въ Кіевъ и здѣсь принялъ православіе. Какія обстоятельства привели Гизеля въ Украйну, что побудило его принять православіе, когда произошла перемѣна вѣроисповѣданія,—все это вопросы открытые, на которые древніе акты и лѣтописи не даютъ никакого отвѣта. Молодость Гизеля покрыта такимъ-же густымъ мракомъ неизвѣстности, какъ молодость знаменитыхъ его современниковъ, Барановича и Галятовскаго. Гизеля могла привести въ Малороссію жажда познаній, стремленіе ознакомиться съ православіемъ среди прямыхъ его послѣдователей и исповѣдниковъ, стремленіе ознакомиться вообще съ религіозными исповѣданіями въ южной и западной Россіи, исповѣданіями разнообразными и многочисленными, съ разными сектантскими оттѣнками. Могъ Гизель явиться въ Украйну, какъ простой, мирный поселенецъ. Что нѣмецкія поселенія были въ Малороссіи уже въ XVI и XVII ст., доказываетъ современный малорусскій языкъ, въ лексическомъ составѣ котораго нѣмецкія слова составляютъ значительный процентъ. Какія-бы однако обстоятельства ни привели Гизеля въ Малороссію, для Малороссіи человѣкъ этотъ оказался дорогимъ пріобрѣтеніемъ. Онъ слился душей съ пріютившимъ его народомъ, принялъ его вѣру и сталъ служить своему новому отечеству честно и усердно.

Въ столь бурную эпоху, какъ XVII вѣкъ въ Малороссіи, въ періодъ военной и религіозной борьбы, можно было выдвинуться или подвигами военными или трудами богословскими. Неизвѣстныя намъ обстоятельства, а можетъ быть личныя наклонности и душевныя свойства Гизеля привели его на этотъ послѣдній путь, доставившій ему впослѣдствіи столь славную извѣстность: онъ принялъ монашество, получивъ, вѣроятно, при этомъ имя Иннокентія, вмѣсто имени, полученнаго при крещеніи, которое осталось неизвѣстнымъ, и пошелъ въ науку.

Особеннымъ счастьемъ для Гизеля было то, что онъ пришелъ въ Малороссію въ эпоху наибольшаго религіозно-умственнаго ея возбужденія и когда судьбы южно-русской церкви находились въ рукахъ такого высоко-даровитаго, энергическаго и просвѣщеннаго дѣятеля, какимъ былъ Петръ Могила, сперва печерскій архиман-

дритъ, потомъ кіевскій митрополитъ. Имѣя въ виду учредить въ Кіевѣ коллегію и нуждаясь въ знающихъ и способныхъ учителяхъ, Петръ Могила избралъ нѣсколько способныхъ молодыхъ людей и послалъ ихъ на свой счетъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ и приготовленія къ учительству. Къ числу этихъ людей принадлежалъ Иннокентій Гизель, на что имѣется цѣнное документальное указаніе. Гавріилъ Домецкій, который самъ учился въ кіево-братскомъ училищѣ, въ концѣ семнадцатаго вѣка писалъ къ новгородскому митрополиту Іову: «Пославъ Петръ Могила отъ всея капитулы кіевскія въ Царьградъ къ св. патріарху, испроси отъ него благословеніе завести школы въ Кіевѣ латинскихъ и польскихъ училищъ и прежде избравъ монаховъ угодныхъ, разослалъ въ разные государства ради наукъ, между которыми былъ покойникъ Иннокентій Гизель». Неизвѣстно, кто были товарищи Гизеля по заграничному путешествію; митрополитъ Макарій полагаетъ, довольно гадательно, что, кромѣ Гизеля, за границу были отправлены Софроній Почаскій, Игнатій Оксеновичъ Старушичъ и Іосифъ Кононовичъ Горбацкій [1]). Это были «люди, испытанные въ святомъ восточномъ православіи, искусные въ знаніи свободныхъ наукъ и благочестивые», какъ засвидѣтельствовалъ самъ митрополитъ Исаія Копинскій, со всѣмъ духовенствомъ, въ своемъ письменномъ удостовѣреніи отъ 5 января 1632 г. Неизвѣстно, въ какихъ заграничныхъ университетахъ учился Гизель, сколько времени онъ провелъ на западѣ и какія познанія вынесъ отсюда [2]). По его «Синопсису», въ которомъ онъ обнаружилъ наклонность къ дѣятельности исторіографа, и «Миру», въ которомъ онъ трактуетъ о правахъ и обязанностяхъ христіанина, можно заключить, что Гизель, кромѣ богословія, слушалъ за границей исторію и юриспруденцію. Понятно, что пройденная имъ въ молодости школа по тому времени не могла быть иною, какъ только схоластическою, и Гизель во всю жизнь не могъ отрѣшиться отъ вынесеннаго изъ нея доктринерства, формализма, неумѣренной наклонности къ мелочнымъ де-

[1]) Макарій, Ист. рус. ц., т. XI, стр. 409.

[2]) Св. Димитрій Ростовскій замѣтилъ въ своей «Пирамидѣ», что Гизель учился «въ разныхъ школахъ, до которыхъ и черезъ моря путешествовалъ». (Сочин. III. 626). Можно думать, что Гизель былъ въ Англіи.

фиціямъ. Весьма возможно, что схоластическая западно-европейская школа, гдѣ преобладало полемическое богословіе, содѣйствовала развитію въ Гизелѣ наклонности къ бранной и рѣзкой полемикѣ. Если однимъ южно-русскимъ ученымъ, напримѣръ, скромному Барановичу, не нравилась рѣзкость полемическаго тона и діалектическій задоръ Гизеля, то другимъ, напр., Петру Могилѣ, эти свойства Гизеля пришлись по вкусу. Самъ Петръ Могила любилъ сильное и крѣпкое слово въ спорѣ съ латино-уніатами, любилъ выбранить своего противника по вѣрѣ «дурнемъ» или «толстобрюхимъ», какъ видно изъ его «Лиѳоса». Петръ Могила оцѣнилъ въ Иннокентіѣ Гизелѣ его богословскія познанія, его литературную бойкость, его ревность о православіи и предоставилъ ему мѣсто сначала учителя, потомъ профессора, наконецъ ректора коллегіи. Въ званіи ректора кіевской коллегіи Гизель долженъ былъ принять дѣятельное участіе въ ученой борьбѣ съ католиками и уніатами. Еще при жизни Петра Могилы іезуитъ Николай Цихович вызвалъ Гизеля на публичныя религіозныя пренія, которыя продолжались три дня [1]). Во время кончины Петра Могилы и избранія Сильвестра Коссова въ кіевскіе митрополиты, т. е. въ началѣ 1647 г., Иннокентій Гизель состоялъ игуменомъ братскаго монастыря и ректоромъ кіевской коллегіи, какъ видно изъ его подписи подъ актомъ избранія митрополита Сильвестра Коссова [2]). Петръ Могила передъ кончиной своей смотрѣлъ на Гизеля, какъ на главнаго покровителя коллегіи и не задолго до смерти поручилъ ему употребить всѣ старанія на улучшеніе этого дорогаго учрежденія. Гизель свято исполнялъ завѣтъ своего знаменитаго покровителя. Онъ пользовался всякимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы поднять значеніе коллегіи въ педагогическомъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Такъ, онъ привлекъ въ число ея преподавателей талантливаго Барановича; при немъ здѣсь учились Галятовскій, Славинецкій, Сатановскій, вѣроятно, Симеонъ Полоцкій. Въ 1649 г. царь вызвалъ на службу въ Москву ученыхъ кіевскихъ иноковъ, Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатановскаго. По этому поводу Гизель писалъ царю 8 іюня 1649 г.: «По желанію нашему приличное время

---

[1]) Страдомскій, «Лазарь Баранович» въ Ж. М. Н. Пр., т. LXXV, стр. 55.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, II, 346.

обрѣтаемъ, егда царское ваше величество отъ нашего собора учителей себѣ на богоугодную службу призываетъ». Онъ писалъ царю, что на содержаніе коллегіи средства давалъ сначала ея учредитель Петръ Могила, а послѣ его смерти нѣкоторые благородные и благочестивые люди; такъ какъ во время начавшихся войнъ Хмельницкаго одни благотворители были убиты, другіе обѣднѣли, то братія братскаго монастыря обращается къ общему благодѣтелю царю съ просьбой о помощи [1]). Такъ началъ свои сношенія съ Москвой Гизель; впослѣдствіи эти сношенія были очень часты, по разнымъ поводамъ, монастырско-хозяйственнымъ и политическимъ. Близкое знакомство Гизеля съ царемъ произошло въ іюлѣ 1654 г. Въ этомъ году Гизель состоялъ игуменомъ никольскаго монастыря и былъ посланъ къ царю отъ митрополита и всего малорусскаго духовенства съ просьбой объ утвержденіи и правъ привиллегій, данныхъ монастырямъ и архіерейскимъ домамъ отъ польскихъ королей. Онъ представилъ царю грамоты митрополита Сильвестра Косова, печерскаго архимандрита Іосифа Тризны, черниговскаго епископа Зосимы Прокоповича, игумена кіево-архангельскаго златоверхаго монастыря Ѳеодосія Василевича, намѣстника кіевскаго братскаго монастыря Ѳеодосія Софоновича, съ рекомендательными и одобрительными письмами Богдана Хмельницкаго и Ив. Выговскаго. Въ грамотахъ заключались большею частью просьбы объ утвержденіи правъ на маетности, о выдачѣ жалованья, иконъ, ризъ, книгъ. Эта высокая миссія Гизеля показываетъ, какимъ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ онъ пользовался среди малорусскаго духовенства. Что гетманъ Богданъ Хмельницкій и генеральный писарь Выговскій также съ большимъ уваженіемъ относились къ никольскому игумену, видно изъ данныхъ ими Гизелю одобрительныхъ грамотъ: «Пречестный господинъ отецъ Иннокентій Кгизель, писалъ Богданъ Хмельницкій царю, игуменъ никольскій, бывши учителемъ монастыря братскаго училищъ кіевскихъ, послужилъ много церкви Божіей ученіемъ и за вѣру много пострадалъ, и много имѣнія монастырскаго ляхи и литва разграбили» [2]).

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. III., № 323.

[2]) Акты южной и западной Россіи, X., 717, 755, 756.

Въ чемъ состояли главныя желанія малорусскаго духовенства и его уполномоченнаго Гизеля, видно изъ статей, которыя представилъ Гизель царю отъ имени митрополита Сильвестра. Въ статьяхъ излагались просьбы: 1) чтобы государь изволилъ утвердить вольности и привиллегіи малорусскаго духовенства, дарованныя великими князьями кіевскими и польскими королями; 2) чтобы малорусское духовенство не было отдалено отъ послушанія константинопольскому патріарху; 3) чтобы кіевскій митрополитъ, епископы, архимандриты, игумены пребывали до смерти каждый при своей должности, а преемники на мѣста ихъ поступали по вольному избранію духовныхъ и міряиъ, и чтобы московскихъ духовныхъ на ревизію и на всякія начальства въ Малороссію государь не присылалъ; 4) чтобы признано было за кіевскимъ митрополитомъ право безапелляціоннаго суда надъ духовными лицами и виноватое духовенство не отсылалось въ Великороссію; 5) чтобы православные въ Литвѣ и на Волыни свободно могли сноситься съ кіевскимъ митрополитомъ, какъ своимъ пастыремъ; 6) чтобы церквамъ и монастырямъ были возвращены неправильно отнятыя у нихъ имѣнія и въ замѣнъ имѣній, оставшихся въ Литвѣ и на Волыни, даны были другія имѣнія вблизи Кіева; 7) чтобы никого изъ малорусскихъ духовныхъ лицъ насильно не тягали въ Москву, а если кому изъ нихъ случится по дѣламъ быть въ Великороссіи, то чтобы они не были тамъ задерживаемы.

Представляя государю всѣ эти статьи въ русскомъ станѣ подъ Смоленскомъ, Гизель говорилъ: «кіевскій митрополитъ бьетъ съ нами челомъ нашему царскому величеству о всѣхъ вольностяхъ и правахъ, но наиболѣе о первой вольности, которая служитъ корнемъ всѣхъ нашихъ вольностей и правъ, о послушаніи нашему верховнѣйшему пастырю константинопольскому, до котораго насъ и право Божіе чрезъ св. ап. Андрея и каноны св. отецъ прилучили и совокупили»...

Московскому правительству именно эта «первая» вольность малорусскаго духовенства особенно не нравилась. Вполнѣ забрать въ руки малорусское духовенство, устранить малорусскія особенности религіознаго быта можно было не иначе, какъ перешагнувъ или ниспровергнувъ эту «первую» вольность. Малорусское посольство предстало передъ царемъ въ іюлѣ 1654 г.; но уже въ

мартѣ этого года царемъ было объявлено роковое для малорусскаго духовенства рѣшеніе: «а митрополиту кіевскому, также и инымъ духовнымъ Малыя Россіи быть подъ благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго»[1]. Практическое осуществленіе этого рѣшенія было лишь вопросомъ времени; московское правительство могло его отложить до поры до времени, но не могло и не хотѣло отмѣнить: этого требовалъ самый ходъ церковно-историческихъ событій, это истекало изъ всего политическаго строя московскаго государства. Для московскихъ людей XVII ст. просьба малороссіянъ о сохраненіи вольностей должна была звучать очень странно, и самое слово «вольность» должно было представляться чѣмъ то еретическимъ.

Посольство малорусское къ царю не имѣло успѣха. Главныя статьи были отклонены. Царь обѣщалъ Гизелю обсудить ихъ, по возвращеніи въ Москву. Кіевскому воеводѣ была послана царская грамота, чтобы онъ не вступалъ въ духовныя дѣла. Государь пожаловалъ Гизеля и вмѣстѣ съ нимъ прибывшаго подъ Смоленскъ Климентія Старушича (игумена выдубицкаго монастыря) соболями и деньгами. Кромѣ того, съ Гизелемъ отправлены были въ Кіевъ митрополиту Сильвестру сорокъ соболей во сто рублей, епископу Іоснмѣ и печерскому архимандриту Іосифу по сороку соболей, въ семьдесятъ рублей каждый сорокъ, да въ монастыри златоверхомихайловскій и выдубицкій на церковное строеніе по сороку соболей, въ пятьдесятъ рублей каждый[2]).

Въ 1656 году Иннокентій Гизель получилъ высокій санъ архимандрита кіево-печерской лавры,[3]) въ которомъ пробылъ двадцать семь лѣтъ, до самой своей кончины. Печерская лавра, какъ ставропигія константинопольскаго патріарха, не зависѣла отъ кіевскаго митрополита; ея настоятель былъ властнымъ, вліятельнымъ, ни отъ кого въ Малороссіи независимымъ лицомъ; въ его рукахъ находились громадныя монастырскія маетности; печерскій архимандритъ участвовалъ во всѣхъ важныхъ церковныхъ событіяхъ въ Малороссіи. Московское и польское правительства одинаково соз-

---

[1]) Макарій. Ист. рус. ц., т. XII, стр. 83.

[2]) Тамъ-же., т. XII, стр. 82.

[3]) Архивъ юго-западной Россіи. II. 346.

давали его нравственную силу въ краѣ и въ смутныя эпохи склоняли его на свою сторону посылкой тайныхъ агентовъ или подарками, причемъ успѣхъ имѣло лишь правительство московское. На высокій постъ печерскаго архимандрита возводились люди всегда достойные, соединявшіе благочестіе съ образованностью. Необходимость серіознаго научнаго и литературнаго развитія печерскаго архимандрита обусловливалась тѣмъ, что ему часто приходилось вести литературную борьбу съ католиками и уніатами, давать одобреніе и разрѣшеніе на печатаніе въ лаврской типографіи книгъ, послѣ предварительнаго просмотра рукописи, удовлетворять любознательности пріѣзжавшихъ въ Кіевъ ученыхъ иностранцевъ. При избраніи архимандрита печерскаго имѣли также въ виду, чтобы кандидатъ на это высокое званіе былъ человѣкъ дѣятельный, хозяйственный, разсчетливый, съ яснымъ практическимъ умомъ, такъ какъ только такой человѣкъ могъ достаточно хорошо завѣдывать обширнымъ лаврскимъ имуществомъ и отстаивать его неприкосновенность отъ многочисленныхъ сосѣдей. Всѣми этими качествами Гизель обладалъ вполнѣ. Это былъ человѣкъ умный, хорошо образованный и въ добавокъ «письменный». Онъ могъ выдержать ученый диспутъ съ католиками, могъ составить богословское полемическое сочиненіе. Кромѣ того, это былъ человѣкъ яснаго практическаго ума. Свободный отъ унизительнаго корыстолюбія, ни разу не обнаруживъ желанія захватить чужую собственность, какъ-бы плохо она ни лежала на лаврскихъ земельныхъ границахъ, Гизель твердо и энергично отстаивалъ неприкосновенность и цѣлость лаврскихъ маетностей и отстаивалъ тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что сносился непосредственно съ царемъ и съумѣлъ обратить его вниманіе и благотворительность на лавру.

Въ XVII и отчасти въ XVIII ст. печерская архимандрія считалась ближайшей ступенью къ кіевской митрополичьей каѳедрѣ. Многіе печерскіе архимандриты удостоены были званія митрополита кіевскаго; напримѣръ, Петръ Могила, Варлаамъ Ясинскій, Іосифъ Кроковскій, Тимоѳей Щербацкій. Черезъ годъ послѣ избранія Гизеля архимандритомъ печерской лавры, онъ выставленъ былъ кіевскимъ духовенствомъ, какъ самый достойный кандидатъ на мѣсто кіевскаго митрополита, послѣ смерти Сильвестра Косова. Заявляя объ этомъ царскому послу Кикину, кіевское духовенство высказа-

лось въ томъ смыслѣ, чтобы Гизель, по избраніи, былъ рукоположенъ московскимъ патріархомъ и состоялъ подъ властью послѣдняго. Трудно судить, насколько искренно было послѣднее заявленіе. Подъ Смоленскомъ въ 1654 г., въ Кіевѣ въ 1666 г., вообще неоднократно Гизель выражалъ свое и всего духовенства желаніе остаться въ зависимости исключительно отъ константинопольскаго патріарха. Какъ-бы ни было, 18 ноября 1657 г. состоялся предварительный съѣздъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для избранія митрополита. На съѣздъ прибылъ только-что избранный въ гетманы Выговскій, затѣмъ черниговскій епископъ Лазарь Барановичъ, виленскій архимандритъ Іосифъ Тукальскій, черниговскій архимандритъ Іосифъ Мецериновъ и намѣстники львовскаго и перемышльскаго епископовъ. На съѣздѣ не было многихъ духовныхъ лицъ, не было епископовъ,—Арсенія Желиборскаго, Діонисія Балабана, ни самаго Гизеля, не было ни одного кіевскаго архимандрита, ни одного кіевскаго игумена. Не явились на съѣздъ и царскіе воеводы. По мнѣнію митрополита Макарія, кіевское духовенство потому уклонилось отъ участія въ съѣздѣ, что не разсчитывало на избраніе въ митрополиты Гизеля [1]). На съѣздѣ выбирали на кіевскую митрополію Діонисія Балабана, Іосифа Тукальскаго и Арсенія Желиборскаго, но ни на комъ окончательно не остановились и отложили выборы до 6 декабря. Весьма возможно, что Гизель самъ не пожелалъ конкуррировать съ малорусскими іерархами въ достиженіе митрополичьяго сана и добровольно уклонился отъ избранія на постъ митрополита, чтобы сохранить расположеніе духовенства и правительства. Ему нельзя было не видѣть, какъ съ одной стороны все южно-русское духовенство усиливалось остаться подъ духовнымъ главенствомъ константинопольскаго патріарха и какъ съ другой правительство московское неуклонно стремилось къ подчиненію малорусскаго духовенства московскому патріарху, и ничего нѣтъ удивительнаго, если Гизель не пожелалъ попасть между наковальней и молотомъ и благоразумно предпочелъ ограничиться печерской архимандріей, которая въ матеріальномъ отношеніи была лучше обставлена, чѣмъ самая митрополія. На съѣздѣ 6 декабря въ кіевскіе митрополиты избранъ былъ луцкій епископъ Діонисій Балабанъ.

---

[1]) Макарій, Ист. рус. ц., т. XII, стр. 541.

Что Гизель добровольно могъ уклониться отъ кандидатуры въ митрополиты, на это указываетъ еще и то, что онъ остался въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Лазаремъ Барановичемъ, главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ созваніи съѣздовъ, а при избраніи митрополитомъ Діонисія не сталъ въ враждебныя или холодныя отношенія и къ этому послѣднему, чего не могло-бы случиться, если-бы Гизель имѣлъ серьезныя домогательства занять митрополичій столъ и былъ кѣмъ либо отстраненъ отъ того, на что онъ имѣлъ весьма солидное право по своему іерархическому положенію и образовательному цензу.

Новоизбранный митрополитъ Діонисій скоро оставилъ Кіевъ, передавшись вмѣстѣ съ гетманомъ Выговскимъ Польшѣ, по гадяцкому договору. Какъ извѣстно, договоръ этотъ сулилъ Малороссіи великія и богатыя милости: свободу вѣроисповѣданія, свободу печати, административную и политическую автономію. Осторожный и благоразумный Гизель не повѣрилъ широкимъ польскимъ обѣщаніямъ. «Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, писалъ кіевскій воевода къ царю, тебѣ, великому государю, служитъ вѣрно, и гетману и полковникамъ говоритъ, не боясь отъ нихъ ничего». Нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновъ въ письмѣ своемъ отъ 25 мая 1659 г. къ боярину князю А. Н. Трубецкому, командовавшему московскими войсками въ Малороссіи, между прочимъ извѣщалъ его: «митрополитъ кіевскій и всѣ владыки и архимандриты, какъ Тукальскій, Василевичъ (игуменъ слуцкій) и протополы нѣкоторые до Варшавы къ королю на сеймъ поѣхали, на нечестивое сборище. Только отецъ Гизель, игуменъ межигорскій отецъ Варнава и отецъ Клементій Старушичъ, игуменъ выдубицкій, непоколебимо стоятъ; а отецъ Барановичъ тако-жъ въ печерскомъ монастырѣ немощенъ» [1].

Не смотря на очевидную готовность Гизеля служить московскому государству, его обитель и принадлежавшія ей обширныя маетности много страдали отъ великорусскихъ ратныхъ людей. Стоявшее въ г. Кіевѣ и Малороссіи московское войско поступало здѣсь какъ-бы въ непріятельской странѣ: недостатокъ дисциплины и крайняя бѣдность влекли его къ грабежу и кражамъ, а отъ нихъ доставалось нерѣдко и управляемой Гизелемъ обители печерской.

---

[1]) Макарій. Ист. рус. ц., т. XII. стр. 553.

«Обидъ и насилій нашихъ, писалъ Гизель 16 іюня 1661 г. къ царю, яже ратные люди кіевскіе разными времяны обители святой печерской починили, и описати намъ невозможно. Сіе есть многимъ извѣстно, что многіе прежде вотчины и хуторы пресвятой Богородицы отъ нихъ есть разорены, церкви разрушены, престолы опровержены, тайны святыя съ сосудовъ помстаны, священники обнажены, иноки за выю связаны, біены, порублены, а иные и на смерть побиты, и подданные наши отъ убожества и пожитковъ своихъ разорены, а иные помучены и попечены, а инымъ руки и ноги отсѣчены, прочіи-же на смерть побиты. Также и въ самой святой обители и въ больницѣ хлѣбные запасы, которыхъ себѣ на 2400 рублевъ рещи смѣемъ, сильно потравлены, кромѣ запасовъ съ нашего мѣстечка поманы. Отселѣ намъ вѣдомо есть, что по изволенію начальныхъ своихъ ратные люди то чинятъ, и по нашему челобитью ихъ не наказуютъ и управы святой не чинятъ»[1]).

И тѣмъ не менѣе Гизель искренно и усердно служилъ интересамъ московскаго государства и былъ вѣренъ царю. Своимъ авторитетнымъ словомъ онъ склонялъ малороссіянъ на сторону Москвы, упрашивалъ и убѣждалъ самаго Дорошенка «не мыслить о подданствѣ бусурманамъ, которые истребленіе христіанъ по закону своему во спасеніе себѣ вмѣняютъ, и уговаривалъ его покориться православному монарху московскому»[2]). Когда московскія войска терпѣли недостатокъ въ провіантѣ или долгое время не получали жалованья, что случалось нерѣдко и доводило ратныхъ людей до нищенскаго состоянія, Гизель оказывалъ имъ пособіе или давалъ взаймы деньги царскимъ воеводамъ, которыя потомъ уплачивались царской казной[3]). При благопріятномъ случаѣ, Гизель оберегалъ честь и доброе имя Москвы. Такъ въ 1669 г. онъ, по просьбѣ царя, выслалъ въ Москву пасквиль, составленный въ Польшѣ на московское государство. Вручая пасквиль подъячему Максиму Алексѣеву для доставки въ Москву, онъ не сказалъ ему, что это за книга, чтобы, какъ онъ писалъ въ Москву, «о той книгѣ не было явно». Когда по этому дѣлу пріѣхалъ въ Кіевъ подъячій Михаилъ Савинъ.

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. V, № 69.

[2]) Соловьевъ, Ист. Рос., т. XII, стр. 15.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. XII, № 119.

то Гизель сказалъ ему, что онъ давно хотѣлъ отослать пасквиль къ царю, но не посмѣлъ отправить, чтобы въ Москвѣ его, Гизеля, не сочли авторомъ пасквиля [1]). Гизель увѣдомлялъ московское правительство объ интригахъ поляковъ, отсылалъ въ Москву польскіе «прелестные» листы, знакомилъ царя и воеводъ съ внутреннимъ состояніемъ Малороссіи.

Расположеніе къ Москвѣ вліятельнаго и популярнаго Иннокентія Гизеля имѣло большое значеніе, и наиболѣе опытные московскіе политики понимали это значеніе и старались закрѣпить московскія симпатіи печерскаго архимандрита царскимъ жалованьемъ. «Да будетъ извѣстно, писалъ Тяпкинъ Нащокину въ 1667 г., что печерскій архимандритъ съ Тукальскимъ великую любовь между собою и въ народѣ силу имѣютъ. Хорошо было-бы обвеселить архимандрита милостивою государевою грамотою и твоимъ боярскимъ писаніемъ, котораго онъ безмѣрно желаетъ; также-бы отписать и къ прочимъ игуменамъ и братіи кіевскихъ монастырей, потому что черезъ нихъ можетъ всякое дѣло состояться, согласнее и развратное» [2]).

Но услужливость Гизеля Москвѣ имѣла строго опредѣленныя границы. Она кончалась тамъ, гдѣ начинались крупные малорусскіе національные интересы. Въ сохраненіи вольностей малорусскаго духовенства Гизель былъ твердъ. Въ 1666 г. онъ рѣшительно заявилъ московскому послу Іонѣ Леонтьевичу, что, въ случаѣ назначенія въ Кіевъ митрополитомъ великороса, о чемъ просилъ въ Москвѣ гетманъ Брюховецкій, онъ, собравъ старцевъ, запрется въ монастырѣ [3]). Въ томъ-же году, 3 мая, въ печерской лаврѣ былъ обѣдъ; обѣдали московскій посолъ Фроловъ, епископъ Меѳодій, Иннокентій Гизель, много другихъ духовныхъ лицъ, кіевскій полковникъ Дворецкій. Послѣ обѣда пошли въ архимандричью келью и здѣсь пили здоровье бояръ и окольничьихъ. На предложеніе Фролова выпить за здоровье гетмана, духовенство крикнуло: «онъ намъ злодѣй, а не доброхотъ; бывши въ Москвѣ, онъ великому государю билъ челомъ и въ статьяхъ подалъ, чтобы въ Кіевѣ быть москов-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 39.

[2]) Соловьевъ, Ист. Россіи, т. XII, стр. 17.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, № 147.

скому митрополиту, и этимъ онъ насъ ставитъ передъ великимъ государемъ какъ-бы невѣрными» [1]).

Отношеніе московскаго правительства къ Гизелю опредѣлялось степенью услужливости послѣдняго. Въ Москвѣ знали, что Гизель вовсе не расположенъ подчиняться московскому патріарху, знали, что онъ не продастъ малорусскія вольности ни за какія сороки соболей, и потому не совсѣмъ ему довѣряли и не выдвигали его на первое іерархическое мѣсто въ Малороссіи, кіевскую митрополію. Московское правительство не могло однако не цѣнить въ лицѣ Гизеля своего полезнаго и вліятельнаго сторонника. Гизель получалъ большія награды и подарки отъ царя. Такъ въ 1669 г. царь прислалъ печерской лаврѣ черезъ боярина Козловскаго пять сороковъ соболей и пятьсотъ червонныхъ золотыхъ [2]). Московское правительство обѣщало Гизелю безопасное убѣжище, въ случаѣ турецкаго нашествія. Такъ въ августѣ 1674 г. Гизель просилъ царя позволить ему, въ случаѣ турецкаго нападенія на Кіевъ, перевезти лаврскія драгоцѣнности въ Путиль или въ другое безопасное мѣсто, по указанію царя. Въ отвѣтной грамотѣ царь разрѣшилъ перевезти лаврское золото и серебро, въ случаѣ турецкаго нашествія, изъ печерскаго монастыря въ г. Кіевъ. Кіевскому воеводѣ князю Трубецкому былъ посланъ при этомъ приказъ «печерскаго архимандрита принять съ учтивостью» [3]). Повидимому, печерскій архимандритъ разсчитывалъ, что царь дастъ лаврѣ одинъ изъ близкихъ къ малорусской границѣ великорусскихъ монастырей. 8 марта 1680 г. Гизель отправилъ въ Москву посольство изъ старцевъ Паисія, Варлаама Ясинскаго и писаря Ивана Армашенка съ просьбой къ царю пожаловать лаврѣ какой-либо монастырь въ Брянскѣ или въ Трубчевскѣ, гдѣ-бы печерскій архимандритъ могъ-бы поселиться, въ случаѣ непріятельскаго нашествія [4]). Въ 1681 г. царь Феодоръ Алексѣевичъ почтилъ Гизеля тѣмъ, что выслалъ ему въ подарокъ «Обѣдъ душевный», книгу Симеона Полоцкаго, которая одновременно была послана гетману

---

[1]) Соловьевъ, т. XI, стр. 216; Акты южн. и запад. Россіи, т. VI, № 103.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VIII, № 71.

[3]) Тамъ-же, т. XI, № 169.

[4]) Моск. Архивъ Мин. Ин. Д., Малор. дѣло, связка 52.

Самойловичу, Лазарю Барановичу и Варлааму Ясинскому [1]. Послѣ смерти царя Ѳеодора, молодые цари Іоаннъ и Петръ (вѣрнѣе, правительница царевна Софья) были благосклонны къ Гизелю. Такъ, въ 1683 г. они выслали въ кіево-печерскую лавру священныя одежды, чтобы здѣсь поминали царя Ѳеодора, и Гизель въ письмѣ отъ 20 августа 1683 г. благодарилъ царей за ихъ подарокъ лаврѣ [2].

Бывъ открытымъ сторонникомъ Москвы, хотя въ извѣстныхъ границахъ, и пользуясь ея расположеніемъ, Гизель тѣмъ самымъ затруднялъ и усложнялъ свои мѣстныя отношенія къ выдающимся лицамъ малорусской старшины и духовенства, но поддерживалъ оныя, если не всегда съ успѣхомъ, то всегда съ достоинствомъ и искусствомъ.

Къ несчастному митрополиту Іосифу Тукальскому Гизель питалъ дружеское расположеніе и по мѣрѣ своихъ силъ поддерживалъ его. «Изъ давнихъ лѣтъ мнѣ и всѣмъ есть се достовѣрно, писалъ Гизель къ царю 20 марта 1669 г., что преосвященный Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, иже отъ православныхъ прежде лѣтъ пяти въ архіепископа и митрополита кіевскаго избранъ, а сего году святѣйшимъ Меѳодіемъ, патріархомъ константинопольскимъ присланною сакрою и экзаршествомъ благословенъ, мужъ мудрый, благочестивый, во всемъ искусный, православія преславный ревнитель, вѣры святыя восточныя столбъ непоколебимый, вашему же ц.-п. величеству отъ всего сердца временныхъ и вѣчныхъ благъ желатель и работати вѣчно доброхотенъ... А преосвященнаго митрополита Іосифа за его ревность по православію и весь чинъ здѣшній благоволитъ... Никому онъ ни въ чемъ не виноватъ, развѣ что твердый охраненія православія тщатель; во всемъ-бо своемъ вѣку за сіе до-нынѣ гонимъ бывалъ много отъ иновѣрныхъ и враждою Тетериною страдалъ, отъ престола своего епископіи бѣлорусской и отъ прочихъ монастырей православныхъ, аще и привилія на нь отъ королевскаго величества имѣлъ, отторженъ безъ вины, и его монастыри и церкви на унію и римскую вѣру насиліемъ взяты и на самого тяжкія грозы были и для чего здѣ на Украйнѣ, идѣ-же еще православіе не искоренилось, отъѣхати понужденъ, и

---

[1]) Моск. Архивъ Мин. Ин. Д., Малорос. д., связка 56 и 57.

[2]) Тамъ-же, связка 60.

не согласуя инымъ на унію соизволяющимъ за тѣсноту... Достовѣрно-бо есть намъ его по Бозѣ житіе и надѣемся, что и тѣмъ козаки шатости и съ турки соединятися не похотятъ, сгда сей митрополитъ въ Кіевѣ по своему сану сидѣть будетъ, который и вашему царскому величеству не безпотребенъ обрящется: зѣло-бо мужъ сей въ ученіяхъ и подвигахъ изъ древнихъ лѣтъ честенъ и знаемъ, во всякихъ гоненіяхъ и иновѣрныхъ правахъ искусенъ и разсудителенъ» [1]). О любви Гизеля къ Тукальскому писали и воеводы кіевскіе въ Москву. Въ томъ-же 1669 г., въ апрѣлѣ Гизель снова просилъ царя признать Тукальскаго кіевскимъ митрополитомъ [2]). Но ходатайства Гизеля не имѣли успѣха. Въ Москвѣ не знали ни прощенія, ни снисхожденія. Здѣсь признавали только наличную услугу и расплачивались за нее соболями.

При гетманѣ Брюховецкомъ блюстителемъ митрополичьей каѳедры былъ свѣже-посвященный въ Москвѣ изъ протопопа нѣжинскаго въ епископы мстиславскіе Меѳодій Филимоновичъ, человѣкъ умный, но крайне пронырливый, насквозь пропитанный ложью, честолюбецъ и интриганъ первой руки. Между Гизелемъ съ одной стороны и Меѳодіемъ и Брюховецкимъ съ другой существовали враждебныя отношенія. Гизель сильно недолюбливалъ выскочку Меѳодія и старался посадить на его блюстительское мѣсто своего талантливаго друга Лазаря Барановича; но направленныя къ тому попытки кіевскаго духовенства не имѣли успѣха. Епископъ Меѳодій, по своему обыкновенію, постарался повредить Гизелю путемъ доноса и обвиненія его въ сношеніи съ Дорошенкомъ. На допросъ боярина Шереметева, Гизель съ достоинствомъ отвѣтилъ, что дѣйствительно писалъ чигиринскому гетману, но лишь о томъ, чтобы онъ воспретилъ козакамъ грабить имѣнія печерскаго монастыря. Брюховецкій притѣснялъ Гизеля грубымъ образомъ. Съ его вѣдома и соизволенія козаки грабили лаврскія села, били монастырскихъ крестьянъ, уводили коней и воловъ, безчестили монаховъ. Архимандритъ просилъ у него защиты; но просьбы его были пренебрежены, и потому онъ пересталъ молиться за гетмана. Но когда Брюховецкому понадобилось помириться съ епископомъ

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VIII, № 30.

[2]) Тамъ-же, т. IX, № 41.

Меѳодіемъ, онъ съ просьбой о посредничествѣ обратился къ Иннокентію Гизелю [1]). Съ паденіемъ Брюховецкаго и Меѳодія, въ характерѣ которыхъ было много сходныхъ чертъ холопства и жестокости, съ устраненіемъ съ историческаго поприща этихъ худородныхъ дѣятелей, Гизель вздохнулъ свободно. Новый мѣстоблюститель кіевской митрополіи Лазарь Барановичъ былъ искренній другъ Гизеля; замѣнившій въ гетманствѣ Брюховецкаго Демьянъ Многогрѣшный нравственно зависѣлъ отъ архіепископа Лазаря и въ значительной степени слѣдовалъ его указаніямъ, а слѣдующій затѣмъ гетманъ Самойловичъ самъ происходилъ изъ духовнаго званія, уважалъ духовенство и покровительствовалъ монастырямъ.

Многолѣтняя дружба Гизеля и Барановича ни разу не была нарушена. Былъ одинъ моментъ, когда Барановичъ, подбиваемый совѣтами новгородъ-сѣверскаго архимандрита Михаила Лежайскаго, хотѣлъ отнять у лавры нѣкоторыя села. Это было въ концѣ 1670 г. Гизель въ письмѣ отъ 10 января 1671 г. жаловался по этому поводу А. С. Матвѣеву на Лежайскаго [2]). Но это недоразумѣніе кончилось благополучно и нисколько не повредило дружбѣ Гизеля и Барановича. Гизель, отстаивая права лавры на разныя маетности, очень осторожно обходилъ тѣ пункты, гдѣ можно было столкнуться съ Барановичемъ. Такъ, въ 1669 г. 15 апрѣля Гизель просилъ царя признать за печерской лаврой ея древнее право владѣнія черниговской успенской церковью и новгородъ-сѣверскимъ спаскимъ монастыремъ съ относящимися къ нимъ угодьями. «Тѣ предѣлы, писалъ Гизель въ своей челобитной, отъ печерскаго монастыря отняли ляхи, а нынѣ владѣетъ имъ отецъ архіепископъ Лазарь Барановичъ и отъ него архимандритъ (т. е. онъ Гизель) не хочетъ тѣхъ предѣловъ отнимать до смерти его, для его любви, а по его смерти, чтобы никому не отдавано, только монастырю печерскому и чтобы ц. и. величество граматою подтвердилъ» [3]). Между Гизелемъ и Барановичемъ шла частая переписка. Барановичъ сообщалъ ему всѣ свои задушевныя желанія и мысли. Въ печати извѣстно 25 его писемъ къ печерскому архимандриту, и это лишь незначи-

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Рос., т. XII, стр. 22. 41.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 85.

[3]) Тамъ-же, т. VIII, № 48, стр. 148.

тельная часть того, что было написано архіепископомъ Лазаремъ Гизелю. Есть основаніе думать, что Иннокентій Гизель благотворилъ Барановичу еще въ то время, когда завѣдывалъ коллегіей, а Барановичъ былъ здѣсь преподавателемъ. Барановичъ смотрѣлъ на печерскаго архимандрита, какъ на своего благодѣтеля. «Къ вамъ особенно, писалъ онъ Гизелю въ іюлѣ 1669 г., какъ къ давнишнему и единственному моему благодѣтелю, съ покорнѣйшею моею просьбою и со слезами обращаюсь»[1]... «Въ знакъ благодарности моей его милости отцу архимандриту, писалъ Барановичъ Варлааму Исикскому, а паче во славу св. мученика Иннокентія, я написалъ житіе его, изобразивъ въ общихъ чертахъ обстоятельства его мученичества»[2]... Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ столкновеніи Гизеля съ игуменомъ выдубицкимъ Ѳеодосіемъ Углицкимъ изъ-за маетностей, архіепископъ Лазарь рѣшительно сталъ на сторону печерскаго архимандрита. «Сильно жалуется на васъ и жалобу изливаетъ на бумагу, писалъ Барановичъ Углицкому, преподобный отецъ нашъ архимандритъ печерскій, будто вы на лаврскихъ поляхъ приказываете бить до крови, обирать и истязать поселянъ, не довольствуясь тѣмъ, чѣмъ довольствовались наши предшественники... Не нужно говорить вамъ, вы и сами знаете хорошо, какая особа въ церкви Божіей отецъ архимандритъ и сколько оказалъ онъ ей услугъ. Не прибавляйте къ скорбямъ его новыхъ скорбей, но, имѣя, по Апостолу, *миръ со всѣми*, имѣйте его особенно съ лицемъ, заслуженнымъ въ церкви Божіей. Отецъ архимандритъ пишетъ, что онъ не желаетъ чужаго. Давно сказано: уступи старшему»[3]. Въ другомъ письмѣ отъ 2 октября 1674 г. Барановичъ писалъ Углицкому: «Сводилъ я васъ на святой миръ съ отцомъ архимандритомъ печерскимъ, думая, что вы смиритесь предъ нимъ, какъ предъ старшимъ и заслуженнѣйшимъ въ церкви Божіей; и хотя вы отчасти смирились было, но теперь изъ этого вина такой вышелъ крѣпкій уксусъ, что если вы и пейте его вдоволь для отца архимандрита[1], то онъ, не хотя пить его, раз-

[1] Письма Лазаря Барановича, стр. 93.

[2] Такъ-же, стр. 94.

[3] Намекъ на библейскій обычай, состоящій въ томъ, что помазанникъ уступа-ет своего предшественника или какого-нибудь старца ради его заслугъ.

судилъ писать ко мнѣ, омочивши перо въ слезы, что славу его, достойно имъ снисканную своею ученостью, благочестіемъ и заслугами въ святой церкви, вы предъ знатными лицами рубите въ клочки. Безъ сожалѣнія я не могъ читать столь жалостнаго письма; да кто-бы изъ насъ православныхъ не почтилъ такую знаменитую и высокую въ церкви Божіей особу?»... Корыстолюбивыя замашки Углицкаго вывели наконецъ изъ терпѣнія архіепископа Лазаря, который въ званіи блюстителя митрополичьей каѳедры былъ духовнымъ начальникомъ выдубицкаго игумена и отъ совѣтовъ и наставленія могъ перейти къ приказанію и даже наказанію. Лазарь послалъ Углицкому рѣзкое письмо, въ которомъ говорилъ: «принадлежащее (по завѣщанію) печерской обители вы забираете себѣ. Не знаю, угоденъ-ли будетъ при этомъ постъ вашъ?... Защищать собственность вашего монастыря вы можете невозбранно, но не обижая никого», и въ добавокъ къ письму наложилъ на Углицкаго запрещеніе. Углицкій смирился [1]).

Барановичъ цѣнилъ въ Гизелѣ главнымъ образомъ его ученость. «Безъ лести скажу, милостивый благодѣтель мой, писалъ онъ Гизелю, что кромѣ пречестности твоей нѣтъ у насъ другаго для этого дѣла (т. е. борьбы съ католиками) Аристотеля»... Архіепископъ Лазарь охотно отдавалъ свои литературныя произведенія Иннокентію Гизелю на разсмотрѣніе и исправленіе. Такъ, посылая «Трубы», а потомъ «Лютню» въ лаврскую типографію, Барановичъ просилъ печерскаго архимандрита на досугѣ пересмотрѣть тетрадки. «Если, по усмотрѣнію вашему, писалъ онъ, угодно будетъ что выбросить, то я охотно готовъ повиноваться и очень благодаренъ буду за ваше предостереженіе». Съ подобнаго рода просьбой Барановичъ обращался и къ другимъ кіевскимъ игуменамъ. Что Иннокентій Гизель, печатая въ лаврской типографіи «Трубы» Барановича, предварительно ихъ просматривалъ и исправлялъ, свидѣтельствуетъ самъ Барановичъ. «За орошеніе евангельскаго сѣмени, писалъ онъ Гизелю, и истребленіе куколя премного благодаренъ вамъ; покорнѣйше прошу и впредь не оставлять, потому что трудъ мой долженъ подлежать суду церкви, и за то я буду вамъ весьма признателенъ» [2]).

---

[1]) Письма Лазаря Барановича, стр. 178, 193, 194, 197.

[2]) Тамъ-же, стр. 74—75.

Пользуясь благоразумными совѣтами печерскаго архимандрита, архіепископъ Лазарь давалъ въ свою очередь ему весьма полезные совѣты, побуждалъ его къ литературной дѣятельности и отчасти даже дѣйствовалъ на ея направленіе. Барановичъ былъ человѣкъ въ высшей степени дѣятельный и энергическій. Въ его слабомъ тѣлѣ скрывалась большая сила воли. Работая перомъ и живымъ словомъ, онъ призывалъ къ научной и литературной дѣятельности Гизеля, Галятовскаго, Софоновича, Зеринкава. Такъ, Барановичъ убѣдилъ Гизеля составить возраженіе на сочиненіе Боймы «Stara wiara», направленное противъ православія. «Дерзайте, благодѣтель мой, писалъ онъ Гизелю 31 августа 1668 г., совѣтую вамъ выдрюковать [1]) Бойму, хотя-бы изъ Кіева, безъ кія; побьютъ его порядочно и кій порфиріанскаго дерева [2]); вдоволь испортится у него крови; пусть только благополучно дѣло кончится». Гизель составилъ свое возраженіе Боймѣ при неустанномъ побужденіи со стороны архіепископа Лазаря. Тотъ-же Барановичъ побудилъ Гизеля издать въ свѣтъ главное его сочиненіе «Миръ съ Богомъ» и затѣмъ расположилъ въ пользу этого сочиненія московскаго царя и патріарха. Узнавъ о томъ, что Гизель готовитъ къ печати «Миръ», Барановичъ писалъ ему: «Будемъ раскаеваться, если книга о покаяніи не будетъ издана. Теперь во Израилѣ немного учителей... У васъ есть своя типографія и, по настоящему бѣдственному времени, дѣло это полезное... Теперь, когда открывается случай, пречестность ваша по предусмотрительности своей не оставьте воспользоваться имъ, чтобы предупредить народъ отъ ошибокъ. А намъ, прежде нежели ляжемъ въ могилу, дай Богъ радоваться о первенцахъ печерской типографіи. Пусть себѣ завистники терзаются, а я вижу, что Россія подвигается впередъ. Мое мнѣніе о русскихъ такое, что настанетъ время, когда они не будутъ нуждаться въ сторонней помощи и даже будутъ пренебрегать ею» [3]). Когда «Миръ» былъ напечатанъ и отправленъ въ Мо-

---

[1]) Выдрюковать—побить палками, отъ слова дрюкъ; выдруковать—напечатать, отъ слова друкарня; у Барановича выходитъ каламбуръ, въ смыслѣ побить Бойму сочиненіемъ, какъ палкой.

[2]) Въ діалектикѣ порфиріанскимъ деревомъ назывался рядъ доказательствъ.

[3]) Письма Лазаря Барановича, стр. 30 и 49.

ску через печерскаго старца Кирилла, Барановичъ писалъ къ царю 31 марта 1669 г.: «Ю-же книгу душеполезную отъ писма и святыхъ учителей собранную отъ мироточецъ съ милостію пріяти изволь». 4-го іюня были посланы Барановичу и Гизелю царскія граматы съ извѣщеніемъ, что «Миръ» государемъ принятъ милостиво. «И мы, великій государь, наше царское величество, писалъ царь къ Барановичу, тому блюстителю (Антоніевыхъ пещеръ) Кириллу велѣли видѣть нашего ц. и. величества пресвѣтлыя очи и книгу у него приняли и, пожаловавъ его нашего) царскаго величества жалованьемъ, велѣли отпустить въ кіево-печерскій монастырь къ Иннокентію Гизелю, не задерживавъ». Гизелю даны 200 руб., 200 четверкой ржи и утвердительная грамота на нѣсколько вновь пріобрѣтенныхъ монастырскихъ маетностей. Гизель благодарилъ царя за его милостивое принятіе «Мира» и за жалованье. 28 октября 1669 г. послана въ Кіевъ къ Гизелю царская грамота, съ обѣщаніемъ царскаго покровительства относительно лавры, посланы были при этомъ и деньги на сооруженіе монастырской колокольни [1]).

Свѣтлымъ и отраднымъ проявленіемъ общественной жизни въ Малороссіи въ XVII вѣкѣ, преимущественно во второй его половинѣ, было взаимное ученое и литературное содѣйствіе писателей, напр., Лазаря Барановича, Иннокентія Гизеля и Іоанникія Галятовскаго, Лазаря Барановича и Ѳеодосія Сафоновича, Димитрія Туптала и Стефана Яворскаго. Литературная сообщительность отчасти обусловливалась тѣмъ, что всѣ эти писатели, со включеніемъ сюда и бѣлоруссa Симеона Полоцкаго, были питомцами одного и того-же высшаго учебнаго заведенія, кіевской коллегіи, учились здѣсь почти въ одно и то-же время и, по выходѣ ихъ въ свѣтъ, іерархическое ихъ положеніе было довольно сходно. Другая причина ихъ духовнаго единенія и взаимной поддержки кроется въ томъ, что главный врагъ ихъ былъ одинъ и тотъ-же,— господствующій католицизмъ. Что въ особенности должно было вызывать духовное единеніе между южно-русскими писателями второй половины XVII ст.,—это непогасшая еще искра національнаго малорусскаго самосознанія. Они отдѣлялись довольно рѣзкой

---

[1]) Акты изданныя Археогр. ком., т. VII, № 33 и 82; т. IX, № 26.

черной самобытности отъ великорусскихъ того времени людей. Въ духовномъ отношеніи они ничего не заимствовали отъ нихъ, напротивъ, по причинѣ крайняго культурнаго ихъ убожества, сами удѣляли имъ часть своихъ познаній и служили для нихъ учителями. Естественно, они имѣли поводъ и основаніе гордиться своей украинской наукой и литературой, и каждый изъ нихъ долженъ былъ дорожать представителями этой науки, разъ самъ причислялъ себя къ таковымъ; отсюда главнымъ образомъ проистекала нравственная солидарность южно-русскихъ писателей, обмѣнъ мысли и взаимная поддержка. Какъ ни слабо было національное ихъ самосознаніе, все таки оно въ нихъ теплилось, согрѣвало ихъ, укрѣпляло ихъ въ духовно-нравственномъ отношеніи, удваяло ихъ силы въ борьбѣ съ врагами православной вѣры, обеспечивало за ними значительную степень научнаго и литературнаго вліянія на современниковъ и приводило къ литературному побратимству.

Обращаясь за симъ къ общественной дѣятельности Иннокентія Гизеля въ многоразличныхъ ея проявленіяхъ и опредѣленію ея относительно пріютившаго его народа, мы должны сказать, что можемъ судить объ этомъ лишь приблизительно вѣрно. Ни одинъ соціологъ не открылъ еще точныхъ способовъ измѣрять историческое значеніе общественнаго дѣятеля. Историку приходится старательно собирать разнообразные обрывки и обломки минувшаго, тщательно ихъ сопоставлять, сравнивать, углубляться въ минувшее мыслью, согрѣвать мертвую старину своимъ чувствомъ, искать поддержки въ своемъ собственномъ, дисциплинированномъ въ научномъ смыслѣ воображеніи и отгадывать то, что скрыто документальными памятниками, и такимъ путемъ, на основаніи старинныхъ актовъ, продуманныхъ и прочувствованныхъ, создавать вѣрную дѣйствительности картину прошлой жизни, по крайней мѣрѣ, установить рядъ бытовыхъ фактовъ въ ихъ послѣдовательной органической связи. Такъ и въ данномъ случаѣ. Тѣмъ не менѣе, слѣдуя и этимъ труднымъ и не всегда вѣрнымъ путемъ въ уясненіи мало извѣстной доселѣ личности Иннокентія Гизеля, нельзя не видѣть, какія великія и существенныя услуги оказалъ онъ Малороссіи своею дѣятельностью политическою, просвѣтительною, литературною и филантропическою.

Услуги Гизеля, какъ политическаго дѣятеля, весьма разнообразны: въ этомъ отношеніи онъ широко пользовался своимъ высокимъ положеніемъ и близостію къ царю и возвышалъ свой голосъ за страну, которую считалъ родною, каждый разъ, когда къ этому представлялся поводъ или случай. Вмѣстѣ съ другомъ своимъ Барановичемъ и недругомъ Меѳодіемъ Филимоновичемъ, Гизель ходатайствовалъ передъ царемъ, чтобы Кіевъ не былъ возвращенъ Польшѣ по андрусовскому договору и чтобы великорусскіе ратные люди не опустошали малорусскихъ селъ и монастырей [1]). Ходатайствовалъ онъ и о томъ, чтобы на «съѣздахъ и договорахъ (москвичей съ поляками) Украйна не была забыта». Такому ходатайству Гизеля въ Москвѣ былъ приданъ частный характеръ, и царь отвѣтилъ ему, что боярину Аѳанасію Нащокину предписано «съ прилежаніемъ о всемъ говорити (съ королевскими послами) и вся требованія св. лавры исполнити» [2]); но Гизелю совсѣмъ не того хотѣлось. Какъ Барановичъ и Многогрѣшный, и онъ, прибѣгая къ такой просьбѣ, имѣлъ въ виду, чтобы на московско-польскіе съѣзды о заключеніи мирнаго договора были допущены малорусскіе послы; но такое допущеніе не нравилось москвичамъ и въ особенности было нежелательно говористымъ полякамъ; поляки рѣшительно отклоняли вопросъ объ участіи малорусскихъ пословъ. Въ 1669 г. Гизель просилъ царя, чтобы малорусскихъ «духовныхъ людей воеводы не судили, въ чѣпь и въ тюрьму не сажали» [3]). 30 ноября 1679 г. онъ обращается къ царю Ѳедору Алексѣевичу по поводу универсала польскаго короля, приглашавшаго православныхъ въ Люблинъ для «нѣкотораго съ уніатами разговора» [4]). Какъ извѣстно, православные очень недовѣрчиво отнеслись къ устроенному уніатами люблинскому собору и уклонились отъ участія въ немъ.

Не менѣе почтенна просвѣтительная дѣятельность Гизеля, хотя объ ней мы имѣемъ болѣе общія, нежели фактическія свѣдѣнія.

Димитрій Туптало въ рѣчи своей, сказанной въ память и похвалу Иннокентія Гизеля, годъ спустя послѣ его смерти, замѣ-

---

[1]) Соловьевъ, т. XII, 141.; моск. Арх. Мин. Ин. Д. Малорос. д., св. 50.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 26.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VIII, № 43, стр. 148.

[4]) Моск. Архивъ М. Ин. Дѣлъ. Малорос. дѣла, связка 53.

тилъ, что «его учительныхъ словесъ послушающи немощные, яко лекарствомъ подкрѣплялись». Гизель, какъ всѣ современные ему выдающіяся духовныя лица, говорилъ проповѣди. Проповѣдываніе слова Божія одно время даже было для него служебной обязанностью, какъ профессора, потомъ ректора коллегіи. По словамъ св. Димитрія Ростовскаго, Гизель «съ каѳедры простиралъ цѣлый неводъ проповѣди слова Божія о царствіи Божіи и тѣмъ ловилъ людей въ смиреніе и набожность» [1]). Кажется впрочемъ, что Гизель не чувствовалъ въ себѣ расположенія къ дѣятельности проповѣдника и, съ переходомъ на высокую степень печерскаго архимандрита, совсѣмъ бросилъ проповѣдь. «Пусть кто речетъ, говоритъ Димитрій Туптало, что въ Бозѣ усопшій пастырь, взойдя на властительствы, а особливо въ сей святой высокой обители (т. е. лаврѣ), честь, не восходилъ уже на каѳедру, не сказывалъ проповѣдей; таковому отвѣтствую: больше тотъ ловецъ премудрый Христовъ уловилъ самымъ своимъ добрымъ дѣломъ, нежели кто словомъ; больше тотъ научилъ набожнымъ своимъ житіемъ, нежели кто мудрою проповѣдью» [2])... Что Гизель не дорожилъ своими проповѣдями, видно изъ того, что онъ не напечаталъ ни одной проповѣди. Такъ какъ и въ рукописи не сохранилось ни одной его проповѣди, то нѣтъ возможности опредѣлить характера его проповѣдей, ихъ составъ, къ кому онѣ были обращены, сколько ихъ было, по какимъ образцамъ были составлены и насколько были понятны народу,—были-ли это схоластическія казанья, сухія и безцвѣтныя, какъ казанья Лазаря Барановича, или въ нихъ пробивалась живая струя современности, и онѣ по содержанію и изложенію подходили къ тѣмъ сильнымъ проповѣдямъ, драгоцѣннымъ остаткомъ которыхъ представляется превосходное «Слово во время бездождія и глада» [3]). Если принять во вниманіе, что Гизель получилъ образованіе въ схоластическихъ академіяхъ, то вѣроятнѣе будетъ предположить, что его проповѣди болѣе походили на проповѣди Барановича, чѣмъ на единственное въ своемъ родѣ «Слово о бездождіи».

---

[1]) Св. Димитрій, м. ростовскій, сочиненія. Изд. 5, т. III, стр. 627.

[2]) Тамъ же, стр. 628.

[3]) Бѣлозерскій, южно-русскія лѣтописи, стр. 141.

Завѣдывая лучшей въ Малороссіи типографіей и лаврской библіотекой, архимандритъ Иннокентій содѣйствовалъ современнымъ ему малорусскимъ писателямъ, Радивиловскому, Барановичу, Зерникаву въ ихъ литературныхъ и научныхъ работахъ; онъ снабжалъ ихъ нужными книгами и облегчалъ наборъ и печатаніе ихъ сочиненій. Нужно сказать, что типографія лаврская работала весьма медленно, и безъ содѣйствія Гизеля печатаніе сочиненія, особенно объемистаго, въ родѣ «Огородка» Радивиловскаго, «Меча» и «Трубъ» Барановича, могло затянуться на многіе годы. Медленность въ наборѣ и печатаніи происходила отъ малаго числа типографскихъ станковъ и отъ того, что въ смутное время козацкихъ войнъ наборщики часто разбѣгались [1]. Что Гизель снабжалъ людей науки книгами, видно изъ автобіографіи Адама Зерникава.

Адамъ Зерникавъ, родомъ нѣмецъ, по вѣроисповѣданію лютеранинъ, въ молодыхъ лѣтахъ объѣхалъ Германію, Англію, Голландію, Францію, Италію, Австрію, повсемѣстно занимался въ библіотекахъ и слушалъ лекціи знаменитыхъ профессоровъ. Онъ пріобрѣлъ большія свѣдѣнія по богословію, исторіи и фортификаціи. Натура крайне подвижная, благородный идеалистъ съ чистымъ религіознымъ чувствомъ, съ стремленіемъ принести пользу своими познаніями, въ добавокъ человѣкъ довольно честолюбивый, Зерникавъ пробрался въ Польшу, потомъ въ Литву, наконецъ въ Малороссію. Здѣсь онъ былъ обласканъ черниговскимъ архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ, принялъ, по его совѣту, православіе и поступилъ на службу въ гетману. Принявъ православіе въ Черниговѣ въ 1680 г., Зерникавъ отправился въ Кіевъ съ цѣлью познакомиться съ Иннокентіемъ Гизелемъ, «объ учености и добротѣ котораго онъ много слышалъ», какъ отмѣчено въ его автобіографіи. Что по ознакомленіи съ Гизелемъ Зерникавъ убѣдился въ его учености и добротѣ, видно изъ того, что, по возвращеніи въ Черниговъ, онъ началъ писать для Гизеля сочиненіе объ исхожденіи св. Духа, «De processione Spiritus S.» [2]. Когда Зерникавъ чувствовалъ недостатокъ въ книжныхъ пособіяхъ, не могъ отыскать необходимыхъ книгъ въ Батуринѣ или Черниговѣ, онъ находилъ

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 38.

[2]) Труды кіев. дух. акад. 1860 г., т. III, стр. 187.

ихъ въ Кіевъ, куда ѣздилъ за книгами, прочитывалъ здѣсь то, что ему было нужно, и даже забиралъ съ собою книги въ Батурынъ [1], гдѣ постоянно жилъ при гетманскомъ дворѣ. Можно думать, что Зерницава снабжалъ книгами не кто другой, какъ просвѣщенный архимандритъ печерскій.

Въ исторіи южно-русской литературы Гизелю нельзя отвести много мѣста. Онъ немного писалъ, и его литературное вліяніе на современниковъ и на послѣдующія поколѣнія незначительно. Вскорѣ по вступленіи его на печерскую архимандрію, въ 1661 году, съ его благословенія и подъ его наблюденіемъ изданъ былъ Печерскій Патерикъ. По замѣчанію архіепископа Филарета, въ этомъ изданіи патерика сильно испорченъ текстъ древнихъ повѣствователей [2]. Вторично Патерикъ Печерскій изданъ былъ при Гизелѣ въ 1678 г. [3]. Главнымъ произведеніемъ Гизеля, по объему книги и степени самостоятельности въ ея обработкѣ, представляется «Миръ съ Богомъ человѣку», изданный въ Кіевѣ въ 1669 г., вторично тамъ-же въ 1671 г. «Сочиненіе не сильное», говоритъ о «Мирѣ» архіепископъ Филаретъ [4], вѣроятно, съ догматической точки зрѣнія. Нельзя однако не признать за нимъ значительнаго интереса въ историко-литературномъ и историко-бытовомъ отношеніяхъ.

«Миръ съ Богомъ человѣку» (въ л., 666 стран.) [5] посвященъ царю Алексѣю Михайловичу. Въ началѣ книги находится вирша въ честь царя, царскій гербъ и прозаическое посвященіе книги царю. Любопытная особенность въ изображеніи царскаго герба состоитъ въ томъ, что подъ двуглавымъ орломъ изображенъ царь въ рыцарскомъ костюмѣ, за царемъ войско; передъ царемъ бѣгущіе поляки и татары въ ихъ національномъ вооруженіи. Замѣтивъ въ посвященіи о томъ, что царь защищаетъ печерскую лавру, Гизель въ особенности хвалитъ его за благотворительность. «Твоего царскаго

[1] Труды кіев. дух. акад. 1860. III. 195.

[2] Филаретъ. Обзоръ р. дух. литер. I. 285.

[3] Wiszniewski. Hist. liter. polski., т. VIII, стр. 273.

[4] Филаретъ. Обзоръ рус. дух. литер. I, стр. 285.

[5] Мы пользовались экземпляромъ «Мира», находящимся въ библіотекѣ тверской духовной семинаріи. Экземпляръ этотъ принадлежалъ нѣкогда Стефану Яворскому и заключаетъ въ себѣ нѣсколько отмѣтокъ, сдѣланныхъ рукой митрополита.

пресвѣтлаго величества всещедрыхъ даяній безчисленные суть свидѣтели, всякаго чина утѣсненные люди, иже изобильную милостыню отъ твоея десницы пріемше, веселымъ лицемъ возвращаются».

Въ предисловіи къ читателю Иннокентій Гизель говоритъ: «Извѣстно есть то всѣмъ, яко сія лютая многолѣтняя въ Малой Россіи брань праведнымъ судомъ Божіимъ за наши грѣхи на насъ наведена есть... Егда Господу Богу примиримся, абіе и брани сице отъ иноплеменныхъ на насъ напесенныя, яко-же и междособныя престанутъ, и вся тварь, яже за обиду Божію мстящися на насъ воевала, ко примиренію съ нами преклонится. Во вся мимошедшая лютая времена воевало на насъ небо, еже вредящими своими планетами многіи болѣзни и пагубы на насъ ниспущало; воевала и земля обычныхъ намъ плодовъ возбраненіемъ и сѣмени умаленіемъ; воевала и вода преизлишнимъ своимъ изліяніемъ и всякихъ плодовъ рыбныхъ недаяніемъ; воевалъ и воздухъ овогда сушами, овогда градами, бурями и безмѣрными мокротами; воевалъ и огнь частымъ градовъ и странъ пожженіемъ. Нынѣ-же егда къ Господу Богу обратимся, вся стихія въ пользу намъ и въ успѣхъ пособствовати будутъ, и будетъ во всей твари тишина велія и миръ многъ любящимъ законъ Божій возсіяетъ... Сихъ блаженствъ дабы удобнѣе всякъ человѣкъ достигнути могъ, се мы... предлагаемъ сію книгу, яже поучаетъ всякого чину человѣка къ искорененію грѣховъ и очищенію совѣсти»... Иннокентій Гизель, составлявшій свой трудъ, между прочимъ, и по латинскимъ источникамъ, предусмотрѣлъ то обстоятельство, что его произведеніе можетъ быть принято православными не совсѣмъ благосклонно. Чтобы не смущать читателя, авторъ не дѣлаетъ въ своемъ сочиненіи указаній и ссылокъ на латинскихъ авторовъ и въ предисловіи къ читателю прибѣгаетъ къ слѣдующей оговоркѣ: «А зде остаетъ намъ съ таковымъ читателемъ слово имѣти, иже-бы восхотѣлъ, отъ коего либо подвиженія, въ чесомъ-ли буди, сему ученію прекословити. Сицеваго читателя молимъ, дабы аще что ново и странно въ сей книзѣ мнѣтися ему будетъ, не абіе ся того ради отвращалъ и противленіемъ церкви святой то напрасно именовалъ...; ибо аще что и новое здѣ обрѣталося, съ вѣрою православною соглашается... Аще-же что и отъ внѣшнихъ учителей взято быти обрящется, молимъ, да того ради никто-же сего ученія возгнушается; ибо не токмо въ

иновѣрныхъ, но и въ еллинскихъ ученіяхъ иногда истинныя и здравому разуму служащія повѣсти, яко злато посредѣ блата, обрѣтаются». Оговорка эта, можно думать, сдѣлана не столько относительно малороссіянъ, которые давно уже привыкли пользоваться «внѣшними учителями» для своихъ ученыхъ и литературныхъ цѣлей, а главнымъ образомъ, если не исключительно, сдѣлана авторомъ изъ вниманія къ великорусскимъ читателямъ, для которыхъ все «внѣшнее», все католическое и протестанское, тѣмъ болѣе языческое греко-римское, было полно ереси и потому считалось ни къ чему не пригоднымъ. Оговорку эту въ Москвѣ не долго признавали правильной, и въ 1690 г. патріархъ Іоакимъ отнесъ «Миръ съ Богомъ человѣку» въ число зловредныхъ кіевскихъ «новотворныхъ» книгъ.

Нельзя сказать, чтобы московская точка зрѣнія на «Миръ» Гизеля была ошибочной. Нужно было имѣть свѣтлый философскій умъ и глубокія богословскія свѣдѣнія, нужно было имѣть опору, такъ сказать, въ мѣстной строго-ортодоксальной богословской литературѣ, каковой, какъ извѣстно, не было ни въ сѣверной, ни въ южной Россіи, чтобы не подчиниться «внѣшнимъ учителямъ» въ толкованіи религіозныхъ предметовъ и въ рѣшеніи спорныхъ церковныхъ вопросовъ, и Гизель значительно имъ подчинился, въ ущербъ даже чистотѣ православнаго греко-восточнаго вѣроученія. Подчиненіе Гизеля латинскимъ писателямъ обнаруживается уже на первыхъ страницахъ его объемистаго труда, въ разсужденіи о покаяніи.

Восточная церковь всегда учила, что благодать Божія дѣйствуетъ въ таинствахъ непостижимо для ума человѣческаго и независимо отъ воли священнослужителя, отъ какого-либо обряда или изреченія. Она не замыкала благодатную силу таинства въ томъ или другомъ обрядовомъ явленіи, давая остальнымъ, съ нимъ соприкасающимся явленіямъ значеніе только украшеній и распространеній его. Далѣе, по ученію восточной церкви, священнослужитель не отдѣляется отъ тѣхъ, надъ которыми таинство совершается; онъ не «распорядитель и не хозяинъ въ домѣ благодати, но слуга ея» [1]). Римская церковь и въ ученіе о совершеніи та-

[1]) Руководство для сельскихъ пастырей, 1864 г., стр. 245.

ниствъ внесла начало единой абсолютной силы и власти. По мудрованіямъ латинскихъ схоластиковъ, каждый обрядъ, какъ опредѣленное дѣло, долженъ возникать и логически развиваться изъ одной мысли, изъ одного положенія. Въ каждой строгой системѣ существенное—это положеніе, опредѣленіе; все остальное только поясненіе, доводы, доказательства или упраженіе главнаго положенія; то же самое и въ обрядѣ; вся сущность его и вся сила благодати должна заключаться въ одномъ главномъ дѣйствіи его. Такимъ образомъ свобода и непостижимость благодати уничтожены схоластикой; божественная сила прикована, по произволу ея, къ одному только дѣйствію въ обрядѣ; цѣлый обрядъ пересталъ быть таинственнымъ божественнымъ учрежденіемъ и сталъ въ подчиненіе разуму. Что-же именно служитъ сущностью въ обрядахъ таинствъ? Въ каждый обрядъ, говорили схоластики, входитъ непремѣнно опредѣленное, ему только принадлежащее вещество, *матерія*, и слова, равно и дѣйствія, которыя даютъ матеріи опредѣленное употребленіе, *форму*. Напр., въ таинствѣ крещенія матерія—вода, а форма—обливаніе съ произнесеніемъ извѣстныхъ словъ; въ таинствѣ евхаристіи матерія—хлѣбъ и вино, а форма—произносимыя священникомъ слова Спасителя: *«пріимите, ядите..., пійте отъ сея»*... Въ стремленіи найти въ каждомъ таинствѣ матерію и форму схоластики доходили до смѣшнаго; такъ въ таинствѣ брака одни схоластики матеріей считали взаимное расположеніе жениха и невѣсты, другіе—тѣла ихъ.

Южно-русская церковь приняла схоластическое толкованіе религіозныхъ обрядовъ и таинствъ, преимущественно въ то время, когда исполненіе православныхъ церковныхъ обрядовъ поступило въ руки питомцевъ западной схоластики, Петра Могилы и его помощниковъ и сотрудниковъ. Положенія о матеріи и формѣ таинствъ впервые въ южно-русской церковной литературѣ появляются въ сочиненіи С. Коссова «О мистеріяхъ албо тайнахъ» 1635 года; но вполнѣ они развиты въ приложеніи къ чинамъ южно-русской церкви Петромъ Могилою въ «Лѣосѣ» 1644 г. Положенія о матеріи и формѣ таинствъ вошли въ «Требникъ» Петра Могилы и получили общее признаніе. Положенія эти принималъ Барановичъ и Галятовскій. Галятовскій изложилъ ихъ въ «Ключѣ Разумѣнія», въ казаньѣ на Богоявленіе Господне.

Иннокентій Гизель начинаетъ свое сочиненіе тѣмъ, что различаетъ въ таинствѣ покаянія матерію и форму. На страницѣ 104 читаемъ: «вѣдати подобаетъ, яко до коейждо тайны святой церковной потребны суть сія четыри: *матерія*, или вещь, предложенная къ святынѣ, *форма*, или образъ совершенія тоя святыни, *служитель*, или дѣйствующій св. тайну и *пріемлющій*». Вообще Гизель крайне дробитъ церковныя установленія на части, напримѣръ, усматриваетъ въ исповѣданіи грѣховъ 12 свойствъ: таинственность, смиреніе, простоту, вѣрность, послушаніе и проч.

«Миръ» раздѣляется на три большія части: 1) о покаяніи вообще, 2) о кающемся и 3) о духовникѣ.

Въ первой части Гизель говоритъ о грѣхѣ вообще, о раздѣленіи грѣха на смертный и простительный, о согрѣшеніи вслѣдствіе ненадлежащаго соизволенія, похваленія, незаявленія о грѣхѣ другаго лица и т. п., о такъ называемыхъ «окрестностяхъ» грѣха: кто? что? гдѣ? когда? какимъ образомъ? Въ этомъ отдѣлѣ есть небольшая глава: «како грѣхъ иногда можетъ и грѣхомъ не быти». «Шесть винъ есть, ихъ-же ради грѣхъ не почитается за грѣхъ: неможеніе, невѣдѣніе, скудость разсужденія, вина благословная, разрѣшеніе и нужда. Неможеніе освобождаетъ отъ грѣха: не возвращающихъ вещи чуждая, егда нѣтъ доволства; не чтущихъ обычнаго правила во время веліяго недуга; не постящихъ во время слабости; не слушающихъ въ праздникъ божественной литургіи, егда нѣтъ священника, и проч. Невѣдѣніе разумѣется здѣсь недолѣкое,... яко аще-бы кто у варваръ сый дѣлати хотѣлъ въ праздникъ, не могій вѣдати о празницѣ. Скудость разсужденія освобождаетъ отъ грѣха дѣло злое отрочатъ, изумленныхъ, спящихъ, иногда же и зѣло пьяныхъ малое нѣкое нестроеніе. Вина благословная освобождаетъ отъ грѣха тогда, егда кто въ коемъ случаѣ творитъ противу заповѣди или уставленія человѣческаго, толкуючи той уставъ по разуму, яко въ такомъ случаѣ не обовязуетъ; яко-же егда бы кто противу уставу церковнаго ялъ рыбу въ пость великій, ради недуга къ тому принуждающаго. Разрѣшеніе-же знаменуетъ здѣ благословеніе архіерейское, данное въ коемъ случаѣ на твореніе безъ грѣха, противу уставу человѣческаго церковнаго, таковаго, яковый уставъ толкованіе-бы имѣлъ по недоумѣнію, аще обовязуетъ или не обовязуетъ въ таковомъ случаи. Послѣди нужда

свобождаетъ отъ грѣха въ дѣлехъ смертныхъ сихъ: въ неправедномъ взятіи и удержаніи вещей чуждыхъ, еже бываетъ въ послѣдней нищетѣ, ея-же ради не моглъ-бы кто отнюдь живота соблюсти, аще-бы чуждаго у себѣ не имѣлъ и тѣмъ себя не живилъ. Понеже въ послѣдней нуждѣ вся суть обща, по разумѣнію учителей. И въ убійствѣ, еже бываетъ въ праведномъ защищеніи живота или своего ближняго; но и въ защищеніи имѣній: любо сихъ самихъ лучше есть отщетитися, неже убити». Иннокентій Гизель смотрѣлъ на человѣка глазами истиннаго христіанина, проникнутаго евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему. При всей строгости требованій относительно исполненія нравственныхъ правилъ, обнаруживаемой въ «Мірѣ», живой человѣкъ не принесенъ въ жертву отвлеченной идеѣ религіозно-нравственнаго долга и приняты во вниманіе экономическія и въ тѣсномъ смыслѣ слова физическія условія его существованія, которыя, разумѣется, могутъ быть подчасъ такъ тяжки, что человѣкъ невольно впадаетъ въ проступокъ или въ прегрѣшеніе. Весьма характерны слова Гизеля, что «въ послѣдней нуждѣ вся суть обща». Изъ какихъ-бы «учителей» онъ не почерпнулъ свой христіанско-юридическій взглядъ на значеніе и происхожденіе преступленія, взглядъ этотъ дѣлаетъ честь южно-русскому ученому. Нужно замѣтить, что мягкое, гуманное отношеніе къ человѣку вообще, къ бѣдняку въ частности проявляется во многихъ мѣстахъ «Мира»,—доказательство, что человѣколюбіе Иннокентія Гизеля не было явленіемъ случайнымъ, напускнымъ, вызваннымъ только-что прочитанной хорошей книгой.

При перечисленіи грѣховъ противъ богословскихъ добродѣтелей (вѣры, надежды и любви), противъ десяти заповѣдей Божіихъ и противъ церковныхъ заповѣдей, Гизель преимущественно говоритъ о послѣдней категоріи грѣховъ. Противъ церковныхъ правилъ погрѣшаютъ тѣ, которые не слушаютъ литургіи въ дни святыхъ, не соблюдаютъ постовъ, не почитаютъ духовныхъ, не даютъ священникамъ «парохіальныхъ рочныхъ доходовъ», уклоняются отъ исповѣди и причастія, не молятся за властей, бракосочетаются въ запрещенные дни, отнимаютъ у церквей и монастырей ихъ имущество. Не всегда, однако, нарушеніе церковныхъ правилъ является грѣхомъ. Такъ по словамъ Гизеля, «вѣдати подобаетъ, яко отъ обовязку сея первыя заповѣди церковныя (посѣщеніе цер-

ковной службы) свободны суть... слуги, стрегущіе общія цѣлости (т. е. казенное и общественное имущество), служащіи больнымъ и питающіи отрочатъ, ихъ-же безбѣднѣ въ дому оставити не могутъ; такожде, иже сами слабости ради здравія своего къ церкви прійти не могутъ, или не идутъ ради убѣжанія отъ смертоноснаго воздуха; любъ ради далекаго разстоянія мѣста, вкупѣ-же и ради великаго и долгаго неугодія воздушнаго, яко-же ради дождя долгаго и зѣлнаго, снѣга, вихра и проч.; не повинны-же суть и тыи рабы, иже повелѣніемъ господій своихъ принуждени бываютъ во время божественной литургіи работати что веліе, или аще и малое, но въ чесомъ повинуются, да избудутъ сваровъ и наказаній жестокихъ; тогда-же согрѣшаютъ господіе, яко о спасеніи рабъ своихъ не брегутъ: свободни суть послѣди и таковыи убогіи, иже не имутъ одѣянія, въ немъ-же бы изъ дому возмогли ити къ церкви»... Въ особенности характеризуютъ гуманную и просвѣщенную личность Гизеля слѣдующія его слова: «Вѣдати подобаетъ, яко изряднѣйшія вины, яже непостящихъ освобождаютъ отъ грѣха, суть сія: лѣта, немощь, должность или трудъ, скудость, любовь и благословеніе. Лѣта освобождаютъ отъ поста дѣтей, ибо дѣтямъ, по отлученіи отъ сосецъ, предъ седмымъ лѣтомъ (т. е. до семи лѣтъ) ослаба въ постѣ бываетъ; по седьмомъ-же лѣтѣ не тако; обаче къ яденію единою на день не зѣло обовязуются даже до коликонадесять лѣтъ, занеже требуютъ часто, а немного ясти, ради стяжанія подобающаго возраста... Лѣта такожде свобождаютъ отъ поста и старыхъ, занеже старыи прислушающаго ко посту брашна не возмогаютъ единою пріятаго, слабости ради стомаха своего, во утробѣ истити и претерпѣти, но требуютъ часто и мало ясти (старость начинается съ 70 лѣтняго возраста). Немощь, сіе есть недугъ, и слабое здравіе свобождаютъ отъ поста: и того ради, иже болѣзнь главы или стомаха терпятъ, свободными суть... Здѣ-же ослаба въ постѣ бываетъ женамъ непраздным и доящимъ сосцы своими отрочатъ, яже требуютъ пищи не токмо ради себе, но и ради отрочатъ. Должность належащая свобождаетъ такожде отъ поста; яковыя должности суть учителей труждающихся въ словѣ и ученіи, крылошанъ усердствующихъ и проч.; о нихъ-же, егда-бы извѣстно было, яко не возмогли-бы своея должности по достоянію исполнити, храняще постъ, тогда дѣла ради настоящаго могутъ мало пости-

тися и дважды на день». Паридне-же трудъ явѣ тяжекъ отъ поста свобождаетъ, а таковый есть художниковъ, сице въ дѣлѣ древа, якоже желѣза и камене, труждающихся; такожде земледѣльцевъ, скудельниковъ, златарей, ткателей, сапожниковъ, усмарей и тѣмъ подобныхъ; но убо не кроителей, ни иконописцевъ, ни книжныхъ писателей и инихъ таковыхъ, легкій трудъ имущихъ... Скудость свобождаетъ отъ поста тогда, егда во время постное инаго брашна, кромѣ непостнаго, не мощно-бы обрѣсти; безъ брашна-же стерпѣти того часа отнюдь не удобно-бы было, развѣ съ нечаяніемъ живота или здравія; такожде аще-бы кто у еретиковъ или невѣрныхъ нужду имѣлъ черезъ храненіе поста изъявитися, яко есть православный или христіанинъ, и было-бы то съ бѣдою узъ, мученій, смерти или пагубы имѣній; тогда яко-же церковь не обязуетъ до таковая бѣды, сице не обовязуетъ и до поста... Здѣ-же разумѣется и скудость убогихъ таковыхъ, иже, по дворахъ брашна просяще, единымъ малымъ пріятіемъ насытитися не могутъ; сицевымъ не возбраняется удвоити свое укрѣпленіе, дондеже насытятся... Любовь... аще-бы пришлецъ былъ издалече, утружденный и укрѣпленія тѣлеснаго зѣло требующъ, но не смѣлъ-бы подкрѣпитися въ пость, да же бы самъ дому господинъ съ нимъ ялъ, тогда-бо господинъ и дважды на день могъ-бы пищу пріяти; до любвѣ-же прислушаетъ поста иногда не хранити и ради убѣжанія домашнія крамолы и распри, якова бываетъ между мужемъ и женой, аще-бы единъ отъ нихъ постилъ, другому не соизволяющу. Наконецъ благословеніе, испрошенное у старѣйшины духовнаго (архіерея или священника) можетъ кося ради вины свободити отъ поста сопротивнаго... аще вина есть сомнительная и неизвѣстная»... Въ разсужденіи о постѣ Гизель требуетъ, чтобы лица, имѣющія слугъ и рабовъ, давали имъ во время поста «брашно угодное и прислушающее, дабы ся укрѣпили и пость понести могли» и чтобы насильно не принуждали ихъ поститься, но склоняли ихъ къ тому добрымъ и ласковымъ словомъ. Въ объясненіи священникамъ, чего должны они требовать отъ кающагося грѣшника, также проводится, такъ сказать, практически гуманный взглядъ на человѣка. Такъ въ случаѣ членовредительства виновный долженъ лѣчить на свой счетъ пострадавшаго и затѣмъ вознаградить его деньгами или землями или обезпечить его на всю жизнь, если нанесенный ему

редъ лишилъ его возможности трудомъ добывать средства къ жизни; въ случаѣ насилія дѣвушки виновный или долженъ взять ее себѣ въ жены или дать ей приданое, съ которымъ она могла-бы выйти за другаго мужчину.

Въ разнообразныхъ религіозно-нравственныхъ наставленіяхъ, наполняющихъ «Миръ», открываются нѣкоторыя черты нравовъ и обычаевъ южно-русскаго народа въ XVII ст. Въ историко-бытовомъ отношеніи интересъ представляютъ заключающіяся во второй части «Мира» перечисленія грѣховъ духовныхъ лицъ, пановъ, крестьянъ, судей, купцовъ, ремесленниковъ, врачей, учителей и проч. т. и. Архіереи согрѣшаютъ, когда смотрятъ на епископское званіе, какъ на средство для достиженія корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ цѣлей, когда «не суть учительны ни сами черезъ себе, ниже черезъ иныхъ умныхъ и богобоязливыхъ учителей и проповѣдниковъ слова Божія», если не созываютъ мѣстныхъ епархіальныхъ соборовъ для обсужденія церковныхъ дѣлъ, «чесого ради потреба нижъ-бы на всяко лѣто соборъ помѣстный имѣти», если не объѣзжаютъ епархіи, рукополагаютъ недостойныхъ лицъ въ священники, пишутъ «безмолвнаго себе гдѣ на единѣ жилія,... еже есть противу естественнаго закона, иже обовязуетъ предпочитати добро общее надъ уединенное». Главными грѣхами священниковъ поставлены рѣдкое и небрежное исполненіе церковныхъ службъ и церковныхъ требъ. Проповѣдники согрѣшаютъ, когда не обличаютъ въ грѣхахъ (безъ именованія лицъ) тѣхъ, преступки которыхъ ясно обнаружились, когда въ угоду мірскимъ людямъ сурово обличаютъ духовенство, когда говорятъ о ложныхъ чудесахъ. Вообще, духовныя лица согрѣшаютъ, когда церковное имущество расточаютъ, употребляя его «на сласти или преизбытокъ въ пищѣ и одеждѣ», когда вмѣшиваются въ мірскія дѣла, предаются пьянству и пляскѣ. Родители согрѣшаютъ, когда для лѣченія большихъ дѣтей приглашаютъ бабъ чарующихъ или шепчущихъ, не обуздываютъ въ дѣтяхъ дурныхъ наклонностей, не обучаютъ дѣтей грамотѣ или ремеслу, насильно заставляютъ вступить въ бракъ, принуждаютъ къ постриженію въ иночество, отказываются содержать и воспитывать дѣтей, прижитыхъ внѣ законнаго брака («отъ любодѣянія рожденныхъ»). Грѣхи государственныхъ правителей: обложеніе народа большими налогами и податями съ

своекорыстной цѣлью, отягощеніе народа подводной и постойными повинностями, стѣсненіе свободы въ куплѣ и продажѣ, присвоеніе имущества церковнаго, вдовъ, сиротъ, больницъ, небрежность относительно безопасности путешественниковъ отъ разбойниковъ и исправности мостовъ, насиліе въ заключеніи браковъ, присужденіе смертной казни безъ суда и проч. т. п. Грѣхи царскихъ совѣтниковъ: небрежность въ защитѣ отечества отъ враговъ, растрата общественныхъ денегъ, нарушеніе народныхъ вольностей и старинныхъ крѣпостныхъ актовъ безъ изволенія высшей власти, неправильное установленіе цѣнъ на съѣстные продукты, постановленіе въ чиновники людей льстивыхъ и корыстолюбивыхъ и проч. т. п. Въ пространномъ перечисленіи грѣховъ судей, писарей, воиновъ, купцовъ, ремесленниковъ, учителей и проч. можно остановиться на слѣдующемъ: плѣнникамъ запрещается проклинать день своего рожденія и своихъ родителей; запрещается, въ случаѣ женитьбы на чужбинѣ, бросать жену и дѣтей въ невѣрной странѣ; воины согрѣшаютъ, причиняя народу насиліе, когда «бьютъ, мучатъ, взимаютъ нуждою повозниковъ и труждаютъ ихъ долго; когда военачальники изъ корыстныхъ цѣлей удерживаютъ солдатское жалованье, уменьшаютъ продовольствіе». Купцы согрѣшаютъ, между прочимъ, въ томъ случаѣ, когда продаютъ еретическія книги, иконы «блудническія, натиранія къ украшенію лицъ женамъ» и проч. т. п. и когда снабжаютъ чужеземцевъ оружіемъ. Плотники и каменьщики согрѣшаютъ, когда берутся строить еврейскій или языческій храмъ. Врачи согрѣшаютъ, когда прибѣгаютъ къ волхованіямъ или заговорамъ во время болѣзни зубовъ и кровотеченія, когда вытравляютъ плодъ или даютъ средства къ возбужденію половой дѣятельности; аптекаря согрѣшаютъ, когда ошибаются въ приготовленіи лѣкарства, держатъ испорченный товаръ, продаютъ его выше надлежащей стоимости, по предварительному соглашенію съ врачами. На 426 страницѣ Гизель говоритъ, что «простые», т. е. неграмотные должны знать символъ вѣры, молитву Господню и десять заповѣдей. «Мнози-же обрѣтаются, замѣчаетъ онъ, иже и состарѣшася уже, а не умѣютъ положити на себѣ креста святаго». Это—слишкомъ рѣзкое и не основательное замѣчаніе. По свидѣтельству Павла алепскаго, посѣтившаго Россію въ половинѣ XVII ст., въ Малороссіи большинство народа, за исключеніемъ весьма немногихъ лицъ, знало на

память не только молитвы, но даже церковный порядокъ службы и пѣнія, и не только мужчины, но даже женщины и дѣвочки. Священники брали на себя обученіе сиротъ и не позволяли имъ оставаться въ невѣжествѣ [1]).

Изъ отдѣльныхъ церковно-бытовыхъ мелочей, отмѣченныхъ въ «Мирѣ», не лишено интереса высказанное на 154 страницѣ требованіе, чтобы женихъ при бракосочетаніи имѣлъ не менѣе 14 лѣтъ, а невѣста 12 лѣтъ. Этотъ возрастъ признанъ достаточнымъ и по половой зрѣлости.

Направленное противъ іезуита Боймы сочиненіе Гизеля «О истинной вѣрѣ» написано по настоянію Лазаря Барановича. Въ ряду сочиненій противъ католиковъ трудъ Гизеля принадлежитъ къ позднимъ по времени и повидимому къ слабымъ по внутреннему достоинству. Древнѣйшимъ юго и западно-русскимъ сочиненіемъ противъ католиковъ считается «На обличеніе и на посрамленіе ляхамъ и латынамъ» XV вѣка [2]), если не считать противо-латинскихъ сочиненій русскихъ митрополитовъ до-монгольскаго періода. Къ 1578—1580 годамъ относится сборникъ полемическихъ сочиненій противъ жидовъ, протестантовъ и магометанъ, составленный въ супрасльскомъ монастырѣ, а нынѣ хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, въ древлехранилищѣ Погодина [3]). Съ возникновеніемъ въ южной Россіи уніи, т. е. съ конца шестнадцатаго столѣтія, южно-русская противо-латинская литература сильно разростается. Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія противъ католичества писали священникъ острожскій Василій, наставникъ львовской братской школы, потомъ энергическій виленскій проповѣдникъ Стефанъ Зизаній, затѣмъ Христофоръ Бронскій,—человѣкъ глубокаго ума, типичный малороссіянинъ по языку Іоаннъ Вышенскій, талантливый Мелетій Смотрицкій, труженикъ науки Захарія Копыстенскій. Въ половинѣ XVII в. главнымъ литературнымъ противникомъ латино-уніатовъ выступилъ Петръ Могила. Для позднѣйшихъ писателей, Барановича, Галятов-

---

[1]) Рушинскій, Религіозный бытъ русскихъ, стр. 177.

[2]) А. Пыпинъ, «Обзоръ древне-русскаго полемическаго сочиненія противъ латинянъ XI—XV в.», 1875 г., стр. 153—175.

[3]) А. Пыпинъ, въ «Чтеніяхъ въ Общ. ист. и древ. рос.» 1879, I, стр. 41.

скаго и Гизеля поле обличительнаго богословія было достаточно расчищено, и они съ успѣхомъ трудились на немъ. Главнымъ дѣятелемъ въ области религіозной полемики во второй половинѣ XVII ст. былъ Барановичъ, который и самъ работалъ въ этой области, и привлекъ къ полемикѣ Галятовскаго и Гизеля. Сочиненіе «О истинной вѣрѣ» было готово въ 1671 г. Барановичъ ознакомился съ нимъ въ рукописи, и оно ему не совсѣмъ понравилось. Не нравилась ему именно рѣзкость полемическаго тона. «Сочиненіе предостойное! писалъ Барановичъ Гизелю 13 мая 1671 г. Не стыдно пречестности твоей и подписаться своимъ именемъ подъ произведеніемъ своимъ. Надобно только слогъ смягчить, тѣмъ болѣе, что самый предметъ настоятельно этого требуетъ; пусть себѣ они сердятся на авторовъ, откуда это заимствовано, а колкостей не примѣшиваютъ; самый предметъ доведетъ до безсилія противника; нѣсколько рѣзкій слогъ можетъ повредить нашимъ православнымъ въ тамошнихъ краяхъ». Въ письмѣ отъ 13 августа 1671 г. Барановичъ замѣтилъ Гизелю: «хорошо заключеніе (т. е. сочиненіе), но оскорбительно; лучше подражать Христу: научитесь отъ Меня, ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ (Матѳ. II, 29)». Гизель хотѣлъ присоединить свое сочиненіе къ «Новой Мѣрѣ» Барановича и издать ихъ вмѣстѣ; но Барановичъ этому воспротивился. «Мнѣ никакъ невозможно трудъ пречестности твоей соединить съ моимъ трудомъ, писалъ онъ Гизелю. Если-бы это была часть, то можно-бы было и присоединить; но такое превосходное полное сочиненіе, по всей справедливости, достойно и праведно, прилично и для церкви полезно издать въ свѣтъ во всемъ его составѣ» [1]. Изъ того обстоятельства, что Гизель свое сочиненіе желалъ присоединить къ «Новой Мѣрѣ» Барановича, видно, что оно также было написано на польскомъ языкѣ. О сочиненіи Гизеля упоминаетъ архіепископъ Филаретъ и Винигетскій, причемъ первый называетъ его сочиненіемъ слабымъ [2]. Не видно однако, чтобы кто либо въ дѣйствительности прочиталъ это сочиненіе. Такъ Филаретъ не приводитъ ни полнаго заглавія, ни года изданія, не указываетъ на величину книги, не касается ея

[1] Переписка Лазаря Барановича, стр. 144, 153.

[2] Филаретъ, Обзоръ р. дух. лит. т. I, стр. 285.

содержанія. Сколько намъ извѣстно по каталогамъ и по личнымъ и письменнымъ справкамъ, сочиненіе Гизеля «Объ истинной вѣрѣ» не оказывается ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Кіевѣ, ни въ Харьковѣ. То обстоятельство, что изъ современниковъ Гизеля никто не упоминаетъ «Объ истинной вѣрѣ», какъ о сочиненіи вышедшемъ уже въ свѣтъ, что неизвѣстно ни одного латинскаго возраженія на это сочиненіе, ни одной ссылки на него православнаго автора, въ связи съ тѣмъ, что новѣйшіе изслѣдователи польской и малорусской литературъ упоминаютъ лишь названіе этой книги, и самой книги не находится въ такихъ богатыхъ южно-русскими старопечатными книгами библіотекахъ, какъ библіотека Румянцевскаго музея, кіевской духовной академіи и харьковской духовной семинаріи, все это въ совокупности можетъ привести къ той мысли, что Гизель призналъ слабость своего сочиненія или излишнюю рѣзкость полемическаго тона и не далъ ему хода. Разумѣется, предположеніе это остается только предположеніемъ, вѣроятнымъ до нѣкоторой степени, по изложеннымъ выше соображеніямъ. Нельзя, напримѣръ, отрицать возможности того, что сочиненіе Гизеля благополучно появилось на свѣтъ, быть можетъ, въ весьма маломъ количествѣ экземпляровъ, и, какъ сочиненіе ничѣмъ особеннымъ не выдающееся въ ряду религіозно-полемическихъ сочиненій, не было читаемо, было забыто, и потому могло сохраниться въ одномъ, двухъ, трехъ экземплярахъ, покоящихся въ какихъ нибудь старинныхъ польскихъ библіотекахъ. Разнообразный и обширный составъ южно-русской библіографіи прежнихъ временъ до сихъ поръ, какъ извѣстно, не опредѣленъ даже простымъ перечнемъ названій.

Въ исторіи русской исторической литературы имя Иннокентія Гизеля не можетъ быть пройдено молчаніемъ. Трудъ его «Синопсисъ» былъ въ старинное время единственнымъ учебникомъ исторіи. Въ основаніе «Синопсиса» легла хроника Ѳеодосія Софоновича о событіяхъ въ Россіи до 1290 г., составленная по кіевской и волынской лѣтописямъ; къ хроникѣ этой прибавлены краткія извѣстія о послѣдующихъ событіяхъ Россіи и потомъ краткая хроника Польши и Литвы, взятая изъ Стрыйковскаго [1]. Послѣднее

[1]) Филаретъ, Обзоръ р. д. литер., т. I. стр. 284.

добавленіе сохранилось въ рукописи въ библіотекѣ московскаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ. Въ рукописи этой находится 1) «кроника о земли польской» (отъ Леха до 1673 г.), составленная большею частью по Бѣльскому и 2) «кроника о початку и назвиску Литвы», составленная главнымъ образомъ по Стрыйковскому; событія здѣсь доведены до 1529 г. «Синопсисъ» Гизеля есть передѣлка хроники Софоновича, съ дополненіями. До исторіи Ломоносова «Синопсисъ» Гизеля, за неимѣніемъ другихъ, былъ классическимъ сочиненіемъ. Было много изданій «Синопсиса», въ 1674, 1676, 1680, 1718, 1810 годахъ. Послѣднее изданіе (1810) сдѣлано академіей наукъ [1]. Св. Димитрій ростовскій приложилъ «Синопсисъ» Гизеля къ своей лѣтописи, въ концѣ ея, безъ измѣненій [2].

Въ началѣ «Синопсиса» говорится о Ноѣ и трехъ его сыновьяхъ, Симѣ, Хамѣ и Іафетѣ, о происхожденіи славянъ отъ Іафета, а самаго названія ихъ отъ славы, потому что съ древнихъ временъ прославились своими военными подвигами; затѣмъ слѣдуетъ глава о вольности славянской, гдѣ говорится, что славяне помогали Филиппу Македонскому и сыну его Александру Великому и отъ послѣдняго получили «привилегія или грамату, на пергаминѣ златомъ написанную, въ Александріи, вольности и земли имъ утверждающу, въ 310 г. до Рождества Христова». Затѣмъ говорится, что Октавіанъ Августъ уважалъ славянъ за ихъ храбрость и впослѣдствіи «князь нѣкій славенороссійскій Одопацеръ войною доставъ Рима, держаше его подъ властью своею 30 лѣтъ»... Въ слѣдъ затѣмъ идетъ краткое сообщеніе объ Азіи, Африкѣ и Европѣ. «Еще есть, говорится здѣсь, и четвертая часть вселенныя Америка, яже нарицается новый свѣтъ; но яко сія послѣди прочихъ новоизобрѣтена, сего ради безъ описанія оставляется». Послѣ этой небольшой вставки слѣдуетъ краткая глава о происхожденіи названія Россія: русскіе, по мнѣнію однихъ, отъ г. Русы, что близъ Новгорода, по мнѣнію другихъ, отъ рѣки Роси, отъ русыхъ волосъ, по мнѣнію Стрыйковскаго, принятому авторомъ Синопсиса, отъ слова «разсѣяніе», потому что они поселились на обширномъ пространствѣ, далѣе глава о народѣ сарматскомъ (поляки, русскіе, литовцы), глава

[1]) Wisznewski, Hist. liter. polsk., т. VIII, стр. 401.

[2]) Св. Димитрій Ростовскій, Сочиненія, т. III, въ концѣ, стр. 1—143.

о народѣ роксоланскомъ (то же русскіе), съ производствомъ козаковъ отъ полководца Козака, побѣдившаго татаръ, татаръ отъ Тартара, Литвы отъ царскаго сына Литвоса, Москвы отъ сына Іафетова Мосоха, глава о мѣстоположеніи и величіи Москвы, краткія главы о хазарахъ и кимврахъ. Замѣтивъ далѣе о преславномъ, верховномъ и всего народа россійскаго главномъ градѣ Кіевѣ, Гизель говоритъ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, призваніи варяжскихъ князей въ Новгородъ, покореніи ими южной Россіи, о княженіи Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Ярополка, Владиміра, о крещеніи послѣдняго. Въ исторію княженія Владиміра вставлены двѣ любопытныя главы, составленныя по Кромеру и Стрыйковскому, глава объ идолахъ (Перунъ, Волосъ, Похвистъ, Ладо, Лель, Полель, Купало, Коляда, Слядь или Ослядь, Корша или Хорсъ, Дашубъ или Дажбъ, Стриб(огъ), Семарглъ, Макошь), и глава объ обливаніи водою въ Великъ-день. Главы эти интересны для миѳолога. Основываясь на Кромерѣ, Гизель прибавляетъ кое-что и отъ себя. Любопытно, наприм., подробное описаніе купальскихъ огней и обливанія водой въ Свѣтлое Воскресеніе. Любопытно указаніе, что колядки начинали пѣть наканунѣ праздника Рождества Христова, 24 декабря, и при этомъ кереряживались. Отдѣлъ Синопсиса о Владимірѣ одинъ изъ самыхъ обширныхъ въ книгѣ. Здѣсь, между прочимъ, насчитывается пять крещеній русскихъ; пятое совершено Владиміромъ. Здѣсь-же говорится о Десятинной церкви въ Кіевѣ. Затѣмъ слѣдуютъ главы о княженіи Святополка, Ярослава, Изяслава, Всеволода, Святополка II, Владиміра Мономаха, Мстислава и др., до нашествія Батыя. Замѣтивъ о нашествіи татаръ и разореніи печерской лавры, Гизель вскорѣ переходитъ къ Димитрію Донскому и подробно говоритъ о Куликовской битвѣ. Повѣствованіе о княженіи Димитрія составляетъ почти треть книги. Сказавъ о гибели Мамая, Гизель переходитъ къ исторіи кіевскаго княжества, сначала подъ турецкимъ игомъ, потомъ подъ властью Литвы. Гизель говоритъ, что «грѣхъ ради человѣческихъ», по попущенію Божію, кіевское княженіе было обращено въ воеводства, перечисляетъ въ хронологическомъ порядкѣ воеводъ кіевскихъ, поставленныхъ польскими королями, витіевато и мимоходомъ замѣчаетъ о присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ въ 1654 г., о кончинѣ царя Алексѣя Михайловича и затѣмъ сразу переходитъ къ турецкимъ походамъ подъ Чи-

гиринъ, которые излагаетъ самостоятельно, какъ современникъ. «Синопсисъ» заканчивается подробнымъ сообщеніемъ о силѣ московскихъ и козацкихъ войскъ, прибывшихъ къ Кіеву въ 1679 г., на оборону святыхъ мѣстъ кіевскихъ отъ грозившаго турецкаго нашествія.

Разсмотрѣніе «Синопсиса» приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Малороссіи отведено въ немъ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ Великороссіи, причемъ въ исторіи московскаго государства пройдены молчаніемъ цѣлыя великія княженія и царствованія, напр., правленіе Ивана III, правленіе Ивана IV, умолчано о такихъ событіяхъ, какъ покореніе Новгорода, исправленіе богослужебныхъ книгъ при Иконѣ. 2) Историческія событія въ московскомъ государствѣ поставлены въ «Синопсисѣ» такъ, что должны дополнять собой или разъяснять событія малорусской исторіи. 3) Авторъ «Синопсиса» любитъ малороссіянъ и уважаетъ великороссіянъ; онъ гордится силой Москвы и съ большимъ почтеніемъ отзывается о московскихъ царяхъ; въ то же время онъ питаетъ вражду къ бусурманамъ татарамъ. 4) Авторъ «Синопсиса» очень рѣдко говоритъ о Польшѣ и полякахъ, не обнаруживая враждебнаго къ нимъ отношенія. 5) Съ внѣшней стороны «Синопсисъ», за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Гизель говоритъ о царѣ, отличается обиліемъ фактовъ и изложеніемъ спокойнымъ, простымъ и яснымъ.

Общій выводъ о «Синопсисѣ» тотъ, что въ Малороссіи въ XVII и XVIII ст. это была полезная книга. Относительно развитія и укрѣпленія національнаго чувства, «Синопсисъ», разумѣется, не могъ спорить съ козацкой кроничкой, въ родѣ «Черниговской лѣтописи»; но такія кронички были рѣдкостью, составляли фамильное достояніе и очень немногіе могли читать ихъ. Синопсисъ-же былъ общедоступной книгой. Его можно было найти въ монастырской библіотекѣ, можно было купить у странствующаго книжнаго торговца. Въ Великороссіи «Синопсисъ» долженъ былъ представляться книгой менѣе интересной и менѣе полезной, чѣмъ въ Малороссіи, и нужно только удивляться его продолжительной популярности въ Москвѣ. Въ немъ было мало московскаго содержанія. «Синопсисъ», какъ учебникъ, въ Великороссіи представляется явленіемъ настолько-же неудовлетворительнымъ, какъ, напримѣръ, учебникъ Иловайскаго по русской исторіи нынѣ въ Малороссіи. Въ этомъ учебникѣ, какъ

извѣстно, о Болотниковѣ говорится болѣе, чѣмъ о Конашевичѣ Сагайдачномъ, о великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ рѣчь идетъ на нѣсколькихъ страницахъ крупнымъ шрифтомъ, а о Петрѣ Могилѣ въ нѣсколькихъ строкахъ скромнымъ петитомъ. Какъ великороссіяне въ началѣ XVIII ст. не усматривали въ «Синопсисѣ» ни единаго слова о патріархѣ Никонѣ, такъ современное южно-русское учащееся юношество, одолѣвъ объемистую русскую исторію Иловайскаго, остается въ полномъ невѣдѣніи того, что въ южной Россіи въ XVII ст. былъ, напр., такой энергическій и честный защитникъ православія, какъ Іоаннъ Вишенскій, такой филологъ, какъ Памво Берында, такіе крупные политическіе и литературные дѣятели, какъ Барановичъ, Галятовскій. Гизель, была такая героическая личность, какъ запорожскій кошевой Иванъ Сѣрко, остается въ невѣдѣніи того, что такое историческая дума народная. Не будемъ-же строго осуждать «Синопсисъ» за односторонность, тѣмъ болѣе, что не знаемъ, для кого собственно предназначалась эта книга, какъ великъ долженъ былъ быть районъ ея распространенія, въ первоначальной мысли автора. Можетъ быть, Синопсисъ предназначался авторомъ только для Малороссіи: въ такомъ случаѣ вопросъ о неполнотѣ и односторонности устраняется самъ собой.

О добротѣ сердца и благотворительности Гизеля сохранились весьма похвальные отзывы его современниковъ. Зерникава, Радивиловскаго и Туптала. Зерникавъ свидѣтельствуетъ, что о добротѣ Гизеля много говорили въ обществѣ [1]. Антоній Радивиловскій сборникъ своихъ проповѣдей «Огородъ Маріи Богородицы» (1676 г.) посвятилъ Гизелю. Въ предисловіи къ Гизелю онъ говоритъ: «Мыслячому мнѣ, кому бы-мъ сей начатокъ працы моей по преблагословенной Маріи Богородици, патронци нашей, мѣлъ приписати и офѣровати, высоце въ Богу превелебный отче архимандрита печерскій, отче, пастыру, патроне и добродѣю мой великій, прийшла на память єдна сентенція римского красомовцы, который такъ мовитъ: невдячный есть, который, взявши добродѣйство, не признавается до онаго, же взялъ... А такъ во первыхъ, абымъ ся не показалъ невдячнымъ зъ непризнаваня взятыхъ добродѣйствъ, признаваю, жемъ досыть великихъ въ сей святой печерской обители дозналъ отъ пре-

[1] Труды кіевской духовной академіи 1860, т. III, стр. 187.

велебности твоей благодѣяній. Если уважаю мешканя моего въ обители сей святой печерской початокъ, той ни на чомъ иншомъ не былъ заложенъ, тылко на щегульной по преблагословенной Дѣвѣ Маріи Богородици ласцѣ и добродѣйствѣ превелебности твоей, который мене непотребного раба въ злыи военныи небезпечныи часы, якъ ласкавый отецъ сына своего, до себе пригорнувши, завшесь мнѣ гойные при любвѣ своей отеческой высвѣдчати рачилъ доброчинности... Если припомню себѣ, презъ лѣтъ уже то подъ двадцать, въ обители св. печерской мешкане мое, признаваю, же не было того дня, которого бымъ твоей отеческой не доспалъ ку себѣ любови и ласки. Что справовало, жесь мене недостойнаго раба своего межи честную св. великой обители печерской полничивши братію, напередъ учинилъ проповѣдникомъ слова Божого и братомъ соборнымъ, а потомъ намѣстникомъ?—Особливая любовь и ласка превелебности твоей. Что справовало приномъ, жесь не хотѣлъ, абы и сія моя подлая праца была въ пѣску невѣдомости людской загребена, але которые-мъ словеса, якъ тутъ при бытности твоей въ святой великой чудотворной обители печерской, такъ и въ иншихъ кіевскихъ обителехъ святыхъ съ катедры до людей проповѣдалъ, абы тое типомъ изображенное свѣту оказало было? Справовала то особливая ку мнѣ любовь и ласка превелебности твоей; бо гдѣ-бы въ томъ любви и ласки отеческои твоей ко мнѣ не было, я бымъ ся самъ, будучи подлои науки, нѣколи того не важилъ, чого и высокои науки люде заледво ея важатъ... Правдать хотячому мнѣ сей Огородокъ маріанскій превелебности твоей, добродѣеви моему, приписати, стануло въ очи великое превелебности твоей смиреніе, которое съ великими твоими добродѣйствы ку мнѣ оказанными валчачи, чинило мнѣ встрентъ, приводячи на память тое, же отъ людей на семъ свѣтѣ жадной не потребуешь славы, памятуючи на слова Господни: «славы отъ человѣкъ не пріемлю»; але по долгой спорцѣ смиренія твоего съ добродѣйствами, тріумфуютъ великія твои ку мнѣ освѣдченыи добродѣйства... Пишетъ Аристотелесъ, же есть въ Сициліи жродло *пакистинъ зиру*, въ которомъ гды будетъ погружено птаство умерлое оживетъ, и кто-жъ не признаетъ, же естесь такимъ жродломъ превелебность твоя? бо якъ въ ономъ жродлѣ вода птаство умерлое оживляетъ, такъ милосердіе твое неидзныхъ и утрапленыхъ людей, яко то вдовъ, сиротъ, пришельцовъ, неволь-

никовъ, недостаткомъ и гладомъ зморенныхъ власне оживляетъ... Не единъ бо зъ людей утрапленныхъ, отъ непріятеля зъ добръ власныхъ вигнаный и зъ всего обнаженный, не маючи гдѣ приклонити главы, въ кіевской области отъ зимна, наготы и гладу умерты мусѣлъ, гды бы его превелебность твоя добродѣйствомъ своимъ не притулилъ, не препиталъ, не пріодѣлъ и не надарилъ» [1]). По словамъ св. Димитрія Ростовскаго, Иннокентій Гизель «крины имѣлія насаждалъ обильно въ полѣ, въ рукахъ убогихъ, плодовитый былъ милостыни раздаватель...: такъ былъ милостивъ къ убогимъ, что его другимъ Іоанномъ Милостивымъ называли. То его было украшеніе—нищаго упщедрити; то его была утѣха—алчущаго напоити; то его крины—нагаго одѣти... Сей то былъ отецъ сиротамъ, что и наименьшаго не презрѣлъ, но ласковымъ своимъ нанькомъ призрѣлъ; сей то былъ пастырь овцамъ, что и найподлѣйшей овечкѣ промышлялъ довольное прокормленіе; сей то былъ благодѣтель, отъ котораго никто тщима не отошелъ рукама» [2]).

18 ноября 1683 года скончался Гизель [3]). Самуилъ Величко въ своей Лѣтописи замѣтилъ: «нарочитый и знаменитый Иннокентій Гизель, архимандритъ кіево-печерскій, мужъ премудрый, столпъ благочестія святаго непоколебимъ, свѣтило церковное, чрезъ наитіе смертное стасную» [4]). 28 ноября 1683 г. гетманъ Самойловичъ увѣдомилъ московское правительство о кончинѣ Иннокентія Гизеля и просилъ разрѣшить избрать для лавры новаго архимандрита [5]). Въ концѣ того-же 1683 г. патріархъ Іоакимъ писалъ

---

[1]) Антоній Радивиловскій, «Огородокъ Марія Богородицы». Второе посвященіе (первое обращено къ Богородицѣ). Одинъ экземпляръ «Огородка» находится въ фундаментальной библіотекѣ харьковскаго университета; одинъ экземпляръ въ харьковской духовной семинаріи.

[2]) Св. Димитрій, митрополитъ ростовскій, Сочиненія. изд. 5, т. III. стр. 651.

[3]) Похвальное слово Димитрія Туптала Гизелю, произнесенное годъ спустя послѣ его кончины, помѣчено 24 февраля 1685 г. Вѣроятно по этой причинѣ въ нѣкоторыхъ исторіяхъ литературы, напр. въ «Обзорѣ» Филарета, годомъ смерти Гизеля поставленъ 1684. Но цифра эта невѣрна. По многочисленнымъ и достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, Гизель скончался въ ноябрѣ 1683 г.; свидѣтельства эта: «Лѣтопись» С. Величко, «Черниговская лѣтопись» Бѣлозерскаго, грамоты гетмана и патріарха.

[4]) С. Величко, Лѣтопись, т. II, стр. 530.

[5]) Московскій Архивъ Мин. Ин. Д. Малорос. дѣла, связки 60—61.

гетману: «Егда наша мѣрность писаніе любве твоея пріятъ, кое намъ извѣстное вѣдѣніе сотворило о отшествіи ко Богу жизни сея Иннокентія Гизеля, кіево-печерскаго архимандрита, иже добродѣтельный мужъ и нашей мѣрности любезенъ бѣ, абіе жалѣніемъ по немъ содержахомся» [1]). Патріархъ послалъ свое благословеніе на избраніе новаго архимандрита. Избранія удостоился игуменъ кіево-никольскаго манастыря, Варлаамъ Ясинскій.

Годъ спустя послѣ кончины Иннокентія Гизеля, Димитрій Туптало въ кіево-печерской лаврѣ сказалъ въ память его похвальное слово, или «Пирамиду», весьма пространное, обильное текстами изъ св. писанія и разными схоластическими сравненіями и уподобленіями. «Такому человѣку, говорилъ проповѣдникъ, въ Бозѣ усопшему господину отцу Иннокентію Гизелю..., отцу и пастырю нашему годопую нынѣ отправляемъ память, котораго память не отъидетъ, а имя его и въ послѣдующіе вѣки жити будетъ, котораго мудрость и постороннимъ извѣстна, а за добрыя свои дѣла въ устахъ всѣхъ имѣетъ хвалу. Тутъ и ты, смерть, не бересь, ибо «упованіе его безсмертія исполнено». И ты, время, своими забвенія зубами такого человѣка не изгрызешь памяти, ибо «въ память вѣчную будетъ праведникъ»...

Н. Ѳ. Сумцовъ.

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи. Ч. I, т. V. стр. 211.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О КІЕВѢ.

1. О началѣ богоявленскаго братскаго монастыря и кіевской духовной академіи.

Исторіографъ Миллеръ и В. Рубанъ въ «Старинѣ и Новизнѣ» 1773 года заявили, что константинопольскій патріархъ Іеремія II во время путешествія своего изъ Москвы чрезъ Кіевъ благословилъ кіевскую школу, существовавшую при кіево-подольской богоявленской церкви и возвысилъ ее, что школа эта въ 1614 году сгорѣла, а въ 1615 году перешла во дворъ, подаренный ей Анной Лозкиной-Гулѣвичной, женой маршала мозырскаго. Основываясь на этомъ свидѣтельствѣ, митрополитъ Евгеній начало кіевской духовной академіи положилъ въ 1589 году. Ему послѣдовали іеромонахъ (въ послѣдствіи московскій митрополитъ) Макарій и В. Аскоченскій, каждый въ своей исторіи кіевской академіи. Но Михаилъ А. Максимовичъ въ «Запискахъ о первыхъ временахъ кіевскаго богоявленскаго братства», изданныхъ въ 1865 году, не призналъ достовѣрнымъ существованіе ни кіевскаго братства съ его церковью, ни кіевской школы до 1615 г., т. е. до записи Лозкиной-Гулевичевой, которою она свой собственный дворъ и землю въ Кіевѣ записала и на вѣкъ отказала подъ монастырь *ставропигіи патріаршеской*, подъ школу дѣтей какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ и сверхъ того подъ гостинницу. Свое заключеніе М. А. Максимовичъ основывалъ на томъ, что въ того-временной письменности не видно богоявленской въ Кіевѣ церкви, при которой находилась-бы братская школа, и что купчая крѣпость 1594 г. на проданный братскому монастырю кіевскимъ земяниномъ Андреемъ Обуховымъ Сверщовскій дворъ на

Подолѣ и сѣножать на Оболонѣ не сохранились въ подлинникѣ, а только упоминаются въ царской грамотѣ 1694 года. Въ слѣдъ за тѣмъ преосвященный м. Макарій въ X томѣ «Исторіи Русской Церкви» отказался отъ прежняго мнѣнія о началѣ кіевской академіи, высказаннаго имъ въ юношескомъ его трудѣ—исторіи этой академіи, согласившись съ мнѣніемъ Максимовича. Мнѣніе Максимовича принялъ и С. Т. Голубевъ въ своемъ изслѣдованіи о Петрѣ Могилѣ. Пріурочивая основаніе кіевской школы къ 1615 году, Максимовичъ и м. Макарій относятъ къ тому-же году и заложеніе первой богоявленской церкви братскаго монастыря, а строителемъ ея признаютъ гетмана Петра Сагайдачнаго, основываясь на Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ 1799 г., заимствовавшемъ это свѣдѣніе изъ не сохранившагося стараго братскаго синодика. Но при всемъ уваженіи къ памяти такого точнаго изслѣдователя старины, какимъ былъ покойный М. А. Максимовичъ, мы позволяемъ себѣ усомниться въ вѣрности его выводовъ по сему предмету, въ особенности въ виду нѣкоторыхъ указаній, бывшихъ неизвѣстными ему.

Начнемъ съ вопроса о началѣ богоявленской церкви. Съ мнѣніемъ Максимовича о построеніи первой богоявленской церкви Сагайдачнымъ надлежало бы согласиться тѣмъ болѣе, что создателемъ не только этой церкви, но и обители кіево-братской богоявленской, призналъ того-же Сагайдачнаго и антіохійскій патріархъ Паисій въ своей грамотѣ, данной послѣ посѣщенія Кіева въ 1649 году [1]. Но «письмо духовныхъ и мірскихъ братій» къ царю Михаилу Федоровичу отъ 10 апрѣля 1625 г., сохраняющееся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, приводитъ къ нѣсколько иному рѣшенію. Въ этомъ письмѣ кіевскіе братчики просятъ царя «о милостыни на украшеніе своей церкви Богоявленія Господня, Благовѣщенія и преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, возведенной уже до верха съ *помощію его царскихъ даровъ*, но пребывающей еще безъ покрова и иконнаго украшенія». Изъ этого документа прежде всего слѣдуетъ, что сооруженная при Сагайдачномъ богоявленская церковь окончена не задолго до его кончины, послѣдовавшей въ 1622 году, и что Сагайдачный былъ не единственнымъ, а только однимъ изъ главныхъ жертвователей на со-

---

[1]) Памят. кіевской коммисіи. Т. II, стр. 189.

оруженіе этой церкви. Если-же кіево-братская богоявленская церковь въ 1625 году была еще безъ покрова и верха, то во вторыхъ слѣдуетъ, что ее нужно отличать отъ той богоявленской церкви, которую посѣщалъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ въ 1620 г. и въ которой онъ совершилъ посвященіе Исаіи Копинскаго въ санъ епископа перемышльскаго, а Іова Борецкаго въ санъ митрополита кіевскаго. Наконецъ естественно возникаетъ вопросъ, когда же построена первая богоявленская церковь, старѣйшая сооруженной при Сагайдачномъ? Безъ сомнѣнія не въ 1615 году, ибо не могла же она обветшать такъ скоро, что менѣе чѣмъ въ 10 лѣтъ потребовалось замѣнить ее новою церковью. По всей вѣроятности это была та богоявленская церковь, о священникѣ которой упомянуто въ описи кіевскаго замка, составленной въ 1555 году. При сей же церкви могла существовать въ концѣ XVI вѣка и та школа, которую благословилъ въ 1589 году патріархъ константинопольскій Іеремія. А что патріархъ Іеремія II дѣйствительно былъ въ Кіевѣ, какъ свидѣтельствуетъ исторіографъ Миллеръ, подтвержденіе сему находимъ въ описаніи путешествія антіохійскаго патріарха Макарія, составленнаго спутникомъ его діакономъ Павломъ. Послѣдній пишетъ, что въ 1654 году, бывши въ софійскомъ домѣ кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова вмѣстѣ съ патріархомъ, онъ видѣлъ здѣсь портретъ константинопольскаго патріарха *Іереміи* во весь ростъ, съ красивымъ лицемъ и бородою, между портретами александрійскаго патріарха Мелетія и іерусалимскаго Ѳеофана. При этомъ онъ говоритъ, что всѣ эти четыре патріарха пріѣзжали въ Кіевъ непосредственно одинъ за другимъ и что въ Кіевѣ издревле ведется обычай списывать портретъ всякаго патріарха, посѣтившаго эту страну, для того чтобы сохранить память о немъ на вѣчныя времена. Да и трудно представить, чтобы патріархъ Іеремія II, путешествовавшій въ Россію преимущественно для сбора милостыни въ пользу своей патріархіи, не посѣтилъ Кіева, главнаго города богатой козацкой страны, между тѣмъ какъ останавливался въ Вильнѣ и Брестѣ и 4 мѣсяца прожилъ въ Замостьѣ. Нельзя также отвергать и свидѣтельства выписи изъ кіевскихъ гродскихъ книгъ о существованіи кіево-братскаго монастыря въ 1594 году, приведенной на справку въ царской грамотѣ 1694 года, потому только, что выпись эта не дошла до насъ въ подлинникѣ. Доста-

точно и того, что до насъ дошла въ подлинникѣ царская грамота, въ которой приведена эта выпись, такъ какъ безъ подлежащей провѣрки выпись не могла быть помѣщена въ царской грамотѣ. Во всякомъ случаѣ грамота эта болѣе заслуживаетъ вѣроятія, чѣмъ свидѣтельство утраченнаго братскаго синодика о создателѣ богоявленской церкви, переданное въ Кіевскомъ Мѣсяцословѣ 1799 года, которому всѣ вѣрили, не исключая и М. А. Максимовича. Наконецъ въ самой записи Гальшки Лозкиной-Гулевичевой 1615 года находятся довольно ясные намеки на существованіе и братской школы и патріаршеской при ней ставропигіи раньше этого времени. Въ записи этой сама жертвовательница пишетъ, что она свой собственный дворъ отказала подъ монастырь *ставропигіи патріаршеской* и что она *тотчасъ* ввела въ этотъ дворъ іеромонаха Исаію Купинскаго и другихъ монашествующихъ, взела и школу. Спрашивается, о какой патріаршеской ставропигіи говорится здѣсь? Неужели о той, которая дана братской обители іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ спустя пять лѣтъ послѣ сего? Но прибытіе его въ Россію не могли предугадывать ни Гулевичева-Лозкина, ни кто-либо изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ г. Кіевѣ. Гдѣ были доселѣ и откуда явились здѣсь цѣлой корпораціей Исаія Купинскій и прочіе монашествующіе, чтобы принять въ свое вѣдѣніе жертвуемый Лозкиной-Гулевичевой дворъ? Лозкина-Гулевичева не открываетъ школу, не собираетъ дѣтей желающихъ только учиться, а тотчасъ, по учиненіи записи, *ввела* въ свой дворъ *школу*. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ не объ имѣющей еще составиться школѣ, а о школѣ готовой, существующей уже съ наличнымъ составомъ учащихъ и учащихся, которые только переводятся изъ одного помѣщенія въ другое. Итакъ хотя въ записи Гальшки Гулевичевой-Лозкиной не упоминается о братской или богоявленской церкви и существовавшей при ней обители, но такъ какъ школы въ то время существовали и могли открываться только при церквахъ, а равно и монашествующіе, въ составѣ братства, могли имѣть пребываніе также только при церквахъ; то слѣдуетъ признать вполнѣ достовѣрнымъ сообщенное исторіографомъ Миллеромъ и принятое митрополитомъ Евгеніемъ извѣстіе, что кіево-братская обитель, съ братскою при ней школой, существовала раньше 1615 года, что зданіе этой школы дѣйствительно сгорѣло въ 1614 году и что Лозкина-

Гулевичева своею записью не создала что нибудь новое относительно братской обители и школы, а только поддержала ихъ существованіе и усилила ихъ средства, пожертвовавъ въ ихъ собственность свой дворъ съ готовыми помѣщеніями, замѣнившими собою прежнія уничтоженныя пожаромъ. Самое умолчаніе о церкви въ этой записи уже предполагаетъ ея существованіе; иначе надлежало-бы сказать, что церковь строится или будетъ построена вслѣдъ за открытіемъ школы и переселеніемъ монашествующихъ, которые не могли существовать безъ церкви. Относя затѣмъ первое историческое извѣстіе о существованіи кіевской братской школы къ 1589 году, когда ее благословилъ и возвысилъ константинопольскій патріархъ Іеремія, слѣдуетъ въ этомъ-же 1589 году положить и начало кіевской академіи, возникшей изъ этой школы. Слѣдовательно въ 1889 г., въ сентябрѣ или въ октябрѣ, кіевская духовная академія можетъ праздновать 300-лѣтіе своего существованія.

Не совсѣмъ ясна исторія и нынѣ существующей каменной богоявленской церкви кіево-братскаго монастыря. По общепринятому мнѣнію она сооружена въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII вѣка бывшимъ малороссійскимъ гетманомъ Иваномъ Мазепою; но это мнѣніе основывается болѣе на преданіи. Единственное письменное свѣдѣніе, на которое ссылались описатели Кіева, заключается въ Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ 1799 года, гдѣ сказано, что огромная, каменная, богоявленская церковь братскаго монастыря построена въ 1693 году. Имя создателя этого храма не упомянуто ни здѣсь, ни въ другихъ сочиненіяхъ, касавшихся Кіева. Похилѣвичъ первый безъ всякаго назвалъ Мазепу строителемъ братской богоявленской церкви въ «Описаніи церквей и монастырей г. Кіева», означивъ временемъ построенія ея 1693 годъ, показанный въ Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ, но сдѣлалъ это голословно. Костомаровъ въ своей монографіи о «Мазепѣ», сославшись на Кіевскій Мѣсяцесловъ 1799 года и на Похилѣвича, сказалъ, что братская богоявленская церковь и большая церковь кіево-николаевскаго монастыря построены Иваномъ Мазепою въ 1690 году. Такимъ образомъ строеніе братской богоявленской церкви приписывается Мазепѣ лишь по преданію, а годъ означается приблизительно. Также по преданію, безъ современныхъ письменныхъ указаній, приписывалось ему и построеніе нижняго этажа стараго академическаго корпуса, въ которомъ нынѣ помѣ-

щается музей академіи. Но что приписывалось Мазепѣ однимъ преданіемъ, то можно теперь подтвердить и письменными, современными документами. Въ моск. архивѣ министерства иностр. дѣлъ (Малор. д. 1693 г. № $\frac{901}{886}$) хранится письмо Мазепы къ царямъ Іоанну и Петру отъ 21 мая 1693 года, относящееся къ построенію церквей братской и кіево-николаевской, въ которомъ указаны и строитель и мастеръ этихъ церквей. Въ письмѣ этомъ Мазепа пишетъ, что «москвичъ, каменнаго дѣла мастеръ, Іосифъ Димитріевъ обязался выставить ему двѣ каменныя церкви—одну въ монастырѣ братскомъ, а другую въ пустынскомъ св. Николая и получилъ по условію всѣ деньги 5000 рублей, боронно и солонину, а дѣло церквей еще не окончено и много не приведено до своего совершенства, и потому просилъ выслать сего мастера въ Кіевъ, такъ какъ по слухамъ онъ хочетъ ѣхать на работу въ Смоленскъ». Изъ этого письма видно, что каменная богоявленская церковь кіево-братскаго монастыря строителемъ своимъ имѣла несомнѣнно Ивана Мазепу и что она окончена около 1693 года. Единственное свидѣтельство изъ прошлаго столѣтія о построеніи Мазепой нижняго этажа стараго академическаго корпуса находится въ старой описи кіево-михайловскаго монастыря, гдѣ сказано, что «митрополитъ кіевскій Рафаилъ Заборовскій истощи имѣніе свое на созиданіе кіевскихъ училищъ, яже на *древнемъ Мазепы гетмана основаніи* красно архитекторомъ иноземцемъ соверши». Изъ сличенія-же стараго академическаго корпуса въ нынѣшнемъ его состояніи съ первоначальнымъ его видомъ, сохранившимся въ библіотекѣ кіево-софійскаго собора, на гравюрѣ 1700—1703 г., изданной при ректорѣ Колачинскомъ, можно усмотрѣть, что Мазепой устроенъ для академіи не одноэтажный, а двухъ-этажный корпусъ, и что митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ преобразована только средняя часть верхняго этажа, въ которой устроенъ залъ, съ хорами на двухъ сторонахъ, и пристроена конгрегоціонная церковь съ куполомъ, а двѣ комнаты между церковью и заломъ и двѣ комнаты съ западной стороны, изъ коихъ въ одной въ 1837 году помѣщена лѣстница, служившія до 1869 года классными аудиторіями, остались въ первобытномъ своемъ состояніи, кромѣ задѣлки окошекъ въ южной стѣнѣ, сдѣланной въ 1868 году, при ректорѣ, архимандритѣ Филаретѣ.

2. О преобразованія бывшаго въ Кіевѣ на Подолѣ доминиканскаго костела св. Николая въ православную церковь во имя св. апостолъ Петра и Павла.

Изъ «Описанія кіево-софійскаго собора» митрополита Евгенія и изъ «Историческаго извѣстія о мѣстности, занимаемой нынѣ кіевскою духовною семинаріей» Е. М. Крыжановскаго извѣстно, что зданіе нынѣшней петро-павловской церкви кіевской духовной семинаріи, бывшій доминиканскій костелъ св. Николая, отдано въ 1691 году, со всѣми принадлежавшими къ нему угодіями, митрополиту кіевскому Варлааму Ясинскому, по его просьбѣ; съ пособіемъ отъ казны запустѣлое костельное зданіе преобразовано въ церковь св. апостоловъ Петра и Павла, съ придѣломъ во имя Алексія, человѣка Божія, но въ окончательно совершенный видъ оно приведено только въ половинѣ XVIII вѣка, когда въ 1744 году императрица Елисавета Петровна пожаловала 2,500 рублей для устройства въ этой церкви новаго придѣла во имя св. Захаріи и Елизаветы и для построенія двухэтажной каменной колокольни. Свѣдѣнія эти можно еще пополнить сохранившимся въ моск. архивѣ министерства иностран. дѣлъ (Книга дѣлъ, до кіев. митрополіи относящихся 1681—1690 г.) письмомъ митрополита Варлаама Ясинскаго къ царю Петру Алексѣевичу по сему предмету. Въ этомъ письмѣ митрополитъ просилъ царя отдать «ему находящійся въ нижнемъ Кіевѣ, посредѣ града, доминиканскій костелъ каменный, запустѣлый и по многу разоренный, который у ляховъ былъ заложенъ во имя св. Николая». «А понеже, пишетъ онъ, въ Кіевѣ есть много церквей св. Николая, а нѣтъ церкви ангела монаршаго, первоверховнаго апостола Петра, тоже нѣтъ церкви Алексѣя, Божія человѣка, ангела благовѣрнаго царевича и великаго князя Алексѣя Петровича, того ради бью челомъ, да по изволенью монаршему будетъ съ того костела церковь Петра и Павла съ придѣломъ Алексѣя человѣка Божія». Къ сему митрополитъ Варлаамъ добавилъ, что «ниже безчестно и ниже неправедно есть, дабы съ того костела построена церковь, понеже тотъ костелъ созданъ весь изъ церковнаго каменія и кирпича отъ ляховъ, разбирающихъ въ Вышгородѣ церковь каменную св. Бориса и Глѣба». Въ 1695 г. іюля 3 дня, указомъ на имя гетмана Ма-

зены, велѣно къ прежней дачѣ 500 рублей прибавить изъ казны 200 рублей «на совершеніе церкви каменной св. верховныхъ апостоловъ Петра и Павла и придѣла Алексѣя человѣка Божія и на иконостасъ въ туже церковь». Такимъ образомъ превращеніе зданія доминиканскаго костела въ православную церковь не было присвоеніемъ чужой собственности, а дѣломъ справедливости, возвращеніемъ зданія тѣмъ, кому принадлежалъ древній его матеріалъ. Нынѣ придѣлъ св. Захаріи и Елисаветы не существуетъ уже въ семинарской петро-павловской церкви: въ 1860 году онъ пересвященъ во имя св. Алексѣя человѣка Божія, а придѣлъ алексѣевскій, составлявшій отдѣльную, малую и теплую церковь въ сѣверо-восточномъ углу, упраздненъ по устройствѣ печей въ большой петро-павловской церкви.

---

3. Возобновленіе кіево-софійскаго собора въ концѣ XVII в. и судьба кіевскихъ церквей св. Василія и Екатерины.

Приведеніе кіево-софійскаго собора въ настоящій внѣшній видъ, съ постройкою 2-го этажа на низкихъ папертяхъ съ сѣверной и южной стороны и 6-ти новыхъ куполовъ въ дополненіе къ 5-ти древнимъ, долгое время приписывалось митрополиту Петру Могилѣ. Не давно открытый видъ софійскаго собора въ гравюрѣ 1657 года наглядно убѣдилъ, что переформировка наружной его части совершилась уже послѣ митрополита Петра Могилы, умершаго въ 1647 г. Въ свое время, именно на кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ, въ нашемъ рефератѣ о кіево-софійскомъ соборѣ разъяснено и доказано, что преобразованіе это состоялось въ концѣ XVII вѣка, на средства царей Іоанна и Петра и при участіи гетмана И. Мазепы. Еще болѣе уяснится это дѣло документами, находящимися въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Изъ нихъ видно, что митрополитъ Гедеонъ, князь Четвертинскій первый началъ хлопотать о приведеніи своего каѳедральнаго храма въ лучшій видъ послѣ его запустѣнія въ небытность въ Кіевѣ митрополитовъ съ 1651 по 1685 годъ. Воспользовавшись значительными царскими милостями лично для себя при поставленіи своемъ въ санъ митрополита, совершившемся въ Москвѣ, онъ не мало получилъ ихъ и для кіево-софійскаго собора по при-

бытія изъ Москвы въ Кіевъ. Такъ въ 1686 г., по его просьбѣ, чрезъ намѣстника софійскаго Страховскаго, царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами пожалованы: 1) священные сосуды къ жертвеннику—потиръ, дискосъ, два блюда, звѣзда и лжица серебряные, рѣзные, вызолоченные, вѣсомъ 4 фунта, съ изображеніями евангелистовъ на днѣ дискоса; къ нимъ даны воздухъ и покровы бархатные алые съ четвероконечными крестами, нанизанными на нихъ жемчугомъ, обитые по краямъ золотистымъ кружевомъ и подшитые атласомъ; 2) бархатный покровъ на гробъ великаго князя Ярослава Владиміровича, длиною 3 аршина и шириной 1½ аршина, съ нашитымъ по срединѣ крестомъ изъ серебрянаго кружева; 3) два серебряные вызолоченые дикирій и трикирій, вѣсомъ 2 фунта 5 золотниковъ; 4) мѣдное паникадило вѣсомъ 23 пуда и 5) одежда червчатаго атласу, съ крестомъ изъ серебрянаго кружева, на престолъ великаго олтаря. Въ 1688 году по царскому указу отправленъ былъ изъ Москвы въ Кіевъ колокольнаго дѣла мастеръ Федоръ Леонтьевъ для перелитія разбитаго софійскаго колокола съ добавленіемъ къ нему 55 пудовъ мѣди къ 172 пудамъ, оказавшимся въ разбитомъ колоколѣ. Когда отлитый колоколъ оказался тонкимъ и вновь разбился, то посланный вновь изъ Москвы мастеръ вылилъ колоколъ уже въ 406 пудовъ съ употребленіемъ на это добавочной казенной мѣди изъ разорванныхъ пушекъ и пищалей. Въ тоже время митрополитъ Гедеонъ просилъ у царей пособія на возобновленіе самаго храма св. Софіи и разрѣшенія разобрать и употребить на починку его «двѣ церкви каменныя, гораздо худыя, что стоятъ пусти въ городѣ, св. Екатерины и св. Василія», а по царскому указу отъ 12 октября 1688 года повелѣно было «боярину Бутурлину съ товарищи осмотрѣть церковь св. Софіи, измѣрить длиною и шириною, и поперекъ и въ вышину, и двери и окна и въ немъ всякое строенье и худые и опалые мѣста въ немъ описать именно и учинить той церкви и всему строенью и худымъ мѣстамъ чертежъ и на чертежѣ подписать, да той прислать къ нимъ великимъ государямъ въ приказъ Малыя Россіи безъ мотчанья» (М. арх. м. ин. т. Дѣла кіев. митр., л. 40, 56, 84, 179 и 214).

Спустя три года послѣ сего игуменья кіево-михайловскаго дѣвичьяго монастыря просила (ibid., л. 215—219) объ отдачѣ подъ свой монастырь каменной трехсвятительской церкви. По этому поводу но-

вымъ царскимъ указомъ подтверждено было о доставленіи описи и чертежей св. Софіи; но были-ли онѣ доставлены тогда, остается неизвѣстнымъ. Преемникъ м. Гедеона, митрополитъ Варлаамъ Ясинскій въ 1691 г. испрашивая себѣ *помѣщную* дань, шедшую прежде на бискупскій костелъ св. Николая, называетъ себя еще «долженствующимъ строити свято-софійскую церковь». Но въ 1699 г. грамотою государевою попеченіе о строеніи церкви св. Софіи поручено кіевской ратушѣ. Бывшій въ 1701 г. въ Кіевѣ, проѣздомъ въ Іерусалимъ, московскій священникъ Лукьяновъ не упоминаетъ о какихъ либо работахъ въ софійскомъ соборѣ, а говоритъ, что «церковь св. Софіи зѣло хороша и образцовата, да въ ней строенья ничего нѣтъ, пусто, иконъ нѣтъ, а старое въ ней письмо митрополитъ известью замазалъ». Въ 1706 году митрополитъ Варлаамъ Ясинскій въ грамотѣ своей, данной выдубицкому монастырю, свидѣтельствовалъ уже, что «благодатію Божіею, по милости его царскаго величества и призрѣніемъ патронскимъ рейментарскимъ ясневельможного, его милости, пана гетмана и кавалера обитель свято-софійская есть значно обновлена въ своемъ украшеніи сими часы, такъ церковномъ, яко и господарскомъ». Итакъ можно полагать, что наружное обновленіе софійскаго нашего храма началось въ 1690 году и окончено въ 1701 году, а внутреннее его украшеніе продолжалось за тѣмъ до 1706 года [1]).

Что касается церквей трехсвятительской и екатерининской, разобрать которыя, съ употребленіемъ ихъ матеріала на подѣлки въ софійскомъ соборѣ, просилъ разрѣшенія митрополитъ Гедеонъ, то ихъ миновала эта участь, такъ какъ митрополитъ Варлаамъ Ясинскій, вскорѣ по вступленіи своемъ на кіевскую каѳедру, хлопоталъ уже не о разобраніи, а о возстановленіи этихъ церквей. Въ 3-мъ пунктѣ своей просьбы онъ просилъ у царей дать ему «къ досмот-

---

[1]) Производителемъ работъ по преобразованію софійскаго собора въ настоящій его наружный видъ былъ вѣроятно тотъ-же московскій каменнаго дѣла мастеръ, который строилъ на счетъ Мазепы церкви въ братскомъ и школьскомъ монастыряхъ, что подтверждается и самимъ характеромъ ихъ архитектуры. Онъ то заложилъ арки въ нижнихъ папертяхъ собора, наставилъ верхній этажъ на сѣверной и южной папертяхъ, поставилъ щиты на западной и восточной стѣнахъ, соорудилъ контрфорсы и возвелъ 6 новыхъ куполовъ, по 3 на сѣверной и южной сторонахъ.

рѣніе и въ строенье въ верхнемъ Кіевѣ церковь каменную запустѣлую и по много разоренную, идѣже св. Владиміръ три начальныхъ идолы сокруши, созданную во имя ангела его св. Василія и равноапостольныхъ Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, заступниковъ всѣмъ россомъ; и чтобы таможде въ верхнемъ градѣ Кіевѣ разваленную церковь каменную св. великомученицы Екатерины благоволили тщаніемъ и иждиваніемъ царскимъ *возстановити* и *обновити* въ тезоименитство той святой царевны, дѣвицы Екатерины, благовѣрной царевны и великой княжны Екатерины Алексѣевны». При этомъ прописано, что «церковь трехъ святителей стоитъ пуста, обвицала и утиснена житними анбарами: анбары эти съ западной стороны церкви, да анбаръ въ 11 саженъ отъ олтаря 3 сажени съ аршиномъ; съ лѣвой стороны анбаръ подлѣ самой церкви, а отъ полуденныхъ дверей до анбара 17 саженъ» (ibid. л. 4). Въ прошеніи игуменіи кіево-михайловскаго монастыря Агаѳіи— 1688 г. значится, что «трехсвятительская церковь стоитъ безъ главъ, которыя порушились». Просьба митрополита Варлаама относительно трехсвятительской церкви[1]) была удовлетворена и церковь ему отдана съ очищеніемъ ея отъ житныхъ анбаровъ по грамотѣ отъ 28 сентября 1691 года, а Варлаамъ, возобновивши ее, устроилъ при ней мужской монастырь, который въ 1787 году упраздненъ съ обращеніемъ церкви въ приходскую, каковою она считается и нынѣ. Что касается церкви св. великомученицы Екатерины, то дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна, но по всей вѣроятности остатки ея стѣнъ и фундаментовъ скрывались подъ валомъ до 1832 года, а въ этомъ году они открыты Лохвицкимъ и стали извѣстны подъ именемъ остатковъ церкви св. *Ирины*. Впрочемъ слѣды древней каменной церкви можно было примѣтить въ недавнее время еще ближе къ софійскому собору, при самомъ выходѣ

---

[1]) На мѣстѣ этой церкви, гдѣ стоялъ Перунъ, при св. Владиміръ была срублена деревянная церковь во имя св. Василія: въ 1184 г. эта церковь замѣнена новою каменною въ тоже имя, сооруженною Святополкомъ II Всеволодовичемъ. По челобитью игумена кіево-богоявленскаго монастыря, церковь василіевская въ 1638 г. приписана къ сему монастырю съ дворами, купчими людьми и землями, пожалованными ей еще отъ великихъ князей около нынѣшней Братской Горшаговки. Въ 1651 годѣ она обгорѣла и въ 1682 г. обращена въ дворъ воеводы съ 9-ю житными анбарами.

изъ южныхъ воротъ его ограды, что подъ башней; теперь они закрыты мостовою. Могла быть и здѣсь обгалиашаяся церковь св. Екатерины. Лиссота въ 1594 г. видѣлъ церковь св. Екатерины въ развалинахъ, близъ св. Софіи; а діаконъ Павелъ, сопутствовавшій антіохійскому патріарху Іоакиму, въ 1655 г. видѣлъ вокругъ софійскаго собора развалины многихъ церквей. Вѣроятно это были еще развалины церквей Богородицы Пирогощей, Симеона въ Копыревѣ концѣ, Андреевской или Янчина монастыря, Вотчей-Ѳедоровской, св. Іоанна, св. Спаса и св. Никиты.

---

4. О дѣвичьемъ монастырѣ при кіево-михайловскомъ мужскомъ монастырѣ.

Что женскій или дѣвичій монастырь былъ въ XVII вѣкѣ при кіево-михайловскомъ монастырѣ и что въ 1712 году онъ по указу Петра I-го перемѣщенъ на Подолъ—въ іорданскій богословскій монастырь, это не подлежитъ сомнѣнію. Описатели Кіева къ сему добавляютъ, что онъ находился по лѣвую сторону соборной михайловской церкви, гдѣ теперь братскій корпусъ, и назывался Богословскимъ, имѣя особую деревянную церковь, вмѣсто которой, по упраздненіи женскаго здѣсь монастыря, построена каменная церковь во имя св. Іоанна Богослова по правую сторону михайловской соборной. О женскомъ или павенскомъ монастырѣ при михайловскомъ монастырѣ, въ которомъ жили дочь и племянница митрополита Іова Борецкаго, упоминается въ его завѣщаніи 1631 года, но монастырь этотъ здѣсь называется женскимъ михайловскимъ, а не *Богословскимъ*. Изъ хранящейся-же въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ просьбы игуменіи Агаѳіи становится извѣстнымъ, что до 1688 г. въ злато-верхо-михайловскомъ монастырѣ не было даже особой церкви для монахинь, а ходили онѣ для слушанія богослуженія въ общую михайловскую церковь, что конечно было не удобно во многихъ отношеніяхъ. Посему игуменія кіево-михайловскаго дѣвичьяго монастыря Агаѳія, прибывши въ Москву

---

[4]) Въ завѣщаніи митрополита Гедеона Четвертинскаго 1689 г. михайловскому дѣвичьему монастырю, въ числѣ прочихъ 4-хъ, назначено 100 золотыхъ.

съ 3 старицами и 20-ю служками, просила царей о переселеніи своего монастыря на иное мѣсто. Прописывая, что онѣ терпятъ большое угнѣтенье отъ игумена Сильвестра и братіи 15 человѣкъ, ходя въ михайловскую церковь и работая въ огородахъ и на поляхъ монастырскихъ, монахини просили дать имъ опустѣлую церковь трехъ-святителей (Малор. дѣла 1683 г. № 584). Въ отвѣтъ на эту просьбу было затребовано отъ кіевскаго воеводы свѣдѣніе о состояніи этой церкви, но была-ли окончательна просьба удовлетворена, изъ дѣла не видно. Между тѣмъ изъ уцѣлѣвшихъ въ архивѣ кіев. консисторіи нѣкоторыхъ бумагъ видно, что спустя еще около 20-ти лѣтъ шло дѣло лишь о перенесеніи михайловскаго дѣвичьяго монастыря на иное мѣсто. Въ 1706 году Петръ I-й, будучи въ Кіевѣ по пути въ Польшу, и въ день Рождества Христова слѣдуя изъ Печерска въ Старый Городъ, усмотрѣлъ значительное количество лѣснаго матеріала, приготовленнаго на горѣ, между Печерскомъ и городомъ, для устройства михайловскаго дѣвичьяго монастыря, имѣвшаго переселиться на ту гору. На какой именно горѣ предположено было устроить этотъ монастырь, изъ бумагъ не видно, но по всей вѣроятности это была мѣстность имѣвшаго института благородныхъ дѣвицъ, ибо другой горы между Печерскомъ и Старымъ Городомъ нѣтъ, а въ государевомъ саду монахинямъ безъ указу конечно невозможно было селиться. Государь, пріѣхавши къ генералу Андрею Гульцу, б. губернатору, призвалъ вечеромъ къ себѣ переяславскаго епископа (вѣроятно Захарію Корнилонича, викарія кіевскаго митрополита), софійскаго намѣстника Іоанникія Сенютовича и другихъ лицъ, въ томъ числѣ и бѣлорусскаго епископа Сильвестра, при всѣхъ великороссійскихъ полковникахъ приказалъ не строить тамъ монастыря, а монахинь размѣстить по прочимъ монастырямъ, повелѣвъ тогда-же не постригать молодыхъ женщинъ въ монахини. Когда послѣ полтавской баталіи государь прибылъ во второй разъ въ Кіевъ, Іоанникій Сенютовичъ, въ то время уже игуменъ михайловскаго златоверхаго монастыря, съ вѣдома и благословенія митрополита, подалъ государю по дѣлу о женскомъ монастырѣ челобитную, на обѣдѣ въ архіерейскомъ домѣ; государь, принявъ челобитную, удивился, что доселѣ не приведенъ въ исполненіе его указъ объ упраздненіи михайловскаго дѣвичьяго монастыря и приказалъ князю Дмитрію (Голицыну), согласясь съ пре-

освященнымъ, исполнить Высочайшее о семъ повелѣніе. За тѣмъ предъ праздникомъ Рождества Христова полученъ изъ Курска отъ того-же князя приказъ кіевскому коменданту, чтобы онъ немедленно, до праздника, всѣхъ черницъ михайловскихъ вывелъ въ іорданскій монастырь. Приказъ былъ исполненъ, монахини переведены, при чемъ имъ даны келіи въ замѣнъ ихъ прежнихъ келій съ тѣмъ, чтобы жили онѣ здѣсь подъ вѣдѣніемъ одной начальницы. Переселяясь, монахини вывезли съ собою всю церковную утварь и взяли сундучекъ съ немалою суммою монастырской казны, а монастырь, по словамъ игумена, оставили впустѣ въ разореніе, не заявивши даже архипастырю о своемъ переселеніи. Чрезъ нѣсколько дней, игуменъ Іоанникій, освѣдомясь какъ о семъ, такъ и о расхищеніи разными лицами оставшагося въ монастырѣ строенія, просилъ коменданта приставить къ монастырскимъ зданіямъ караулъ; за тѣмъ въ теченіи всего дальнѣйшаго времени зимы «черницы безпрепятственно вывозили изъ своихъ келій все свое, разбирая даже бывшія свои келіи, а иніи продавали то солдатамъ, то въ михайловскій мужской монастырь, а отъ келій, отказанныхъ монастырю по умершихъ монахиняхъ отрывали окна, двери и замки». По наступленіи весны игуменъ Іоанникій, съ дозволенія князя, присоединилъ мѣстность дѣвичьяго монастыря къ своему мужскому михайловскому монастырю, снявши ограду, раздѣлявшую оба эти монастыри. Оказалась теперь и церковь въ дѣвичьемъ монастырѣ, которая съ благословенія митрополита взята въ полкъ печерскаго коменданта Николая Кринка; за это обѣщано доставить въ монастырь полтретя-ста осмакъ вапны, но обѣщаніе не исполнено подъ предлогомъ, что это была церковь не монашеская, а государева[1]). «Звоничка, бывшая на брамѣ, разобрана и звонцы перевезены на михайловскую монастырскую звоницу. Гетманскіе деньги отецъ епископъ (Захарія Корниловичъ) упросилъ отдать въ михайловскій мужской монастырь на томъ основаніи, что бывшій гетманъ (Мазепа) имѣлъ дать для этого монастыря на *деисусъ* (иконостасъ) тысячъ десять». Такъ объяснялъ игуменъ михайловскаго монастыря Іоанникій Сенютовичъ въ 1714 году въ отвѣтѣ своемъ на

[1]) Вѣроятно это была домовая церковь, устроенная при келіяхъ игуменіи изъ какой-либо военно-походной церкви.

челобитье, поданное митрополиту Іоасафу Кроковскому монахинями бывшаго михайловскаго монастыря. Послѣднія, какъ видно изъ ихъ челобитья, переселились въ іорданскій монастырь въ числѣ 20-ти старицъ, а ихъ начальницы (намѣстница Ѳеодосія и госпожа Анастасія) [1]), забравши книги, серебро и всю церковную утварь, перешли на жительство въ кіево-флоровскій монастырь и кромѣ того взяли съ собою 200 золотыхъ, оставшихся отъ надѣлу. Коренныя монахини іорданскаго монастыря попрекали переселенныхъ тѣмъ, что они заняли у нихъ 15 келій и не принесли съ собою ничего изъ имущества бывшаго михайловскаго монастыря; почему эти послѣднія просили или отдать утварь бывшей ихъ обители іорданскому монастырю или всѣхъ ихъ перемѣстить въ кіево-флоровскій монастырь, а кромѣ того, чтобы михайловскій намѣстникъ уплатилъ имъ 500 золотыхъ за келіи умершихъ инокинь. Просительницамъ дано 300 золотыхъ, 9 червонцевъ, богослужебныя книги и священнослужительскія обличенія; но они вновь просили объ отдачѣ имъ и 5-ти бывшихъ въ ихъ монастырѣ колоколовъ, заявляя, что всѣ эти колокола, кромѣ одного государскаго, пріобрѣтены ихъ собственнымъ стараніемъ. Результатъ послѣдней просьбы неизвѣстенъ; но самая просьба о колоколахъ, въ числѣ которыхъ упоминается одинъ государскій, и то, что богослужебныя книги были московскаго изданія, показываетъ, что у монахинь михайловскихъ была послѣ 1688 г. своя особая церковь, устроенная игуменьею Агаѳіею съ помощію жертвъ изъ Москвы отъ царскихъ щедротъ. Церковь была устроена въ честь царевны Софіи и посвящена имени св. мученицъ Софіи, Вѣры, Надежды и Любви.

Іорданскій богословскій монастырь, въ который переселены монахини михайловскаго дѣвичьяго монастыря, нѣкоторые смѣшиваютъ съ іорданскимъ николаевскимъ женскимъ монастыремъ, признавая два эти монастыря за одинъ то богословскій, то николаевскій. Но въ Плоской части Кіево-Подола, подъ горою, не доѣзжая

---

[1]) По реестру значится, что въ флоровскомъ монастырѣ поселились съ намѣстницей Ѳеодосіей 2 послушницы, а за монастыремъ 5-ть. Въ флоровскій монастырь изъ утвари поступило, кромѣ богослужебныхъ книгъ, 3 серебренные кресты, серебренное кадило, 3 Евангелія, 3 серебренныя чаши съ принадлежностями, 16 ризъ священническихъ, 13 стихарей, хоругви, подризники, воздухи и проч.

кирилловскаго монастыря, въ прошломъ столѣтіи существовалъ не одинъ, а два монастыря женскіе—николаевскій и богословскій. Николаевскій дѣлается извѣстнымъ гораздо раньше богословскаго. Первое упоминаніе о церкви св. Николая іорданскаго встрѣчается въ грамотѣ Сигизмунда III, по которой въ 1605 г. церковь св. Николая іорданскаго съ угодіями приписана къ кирилловскому монастырю по просьбѣ игумена Василія Красовскаго; затѣмъ о ней-же говорится въ выписи изъ трибунальскихъ книгъ кіевскаго воеводства 1618 г. и въ выписи изъ земскихъ книгъ кіевскаго воеводства 1626 г., по случаю разграниченія земель печерскаго монастыря и притисо-николаевской церкви отъ угодій кирилловскаго монастыря, гдѣ сказано, что добро и земли св. Николая іорданскаго во время запустѣнія захвачены безправно. Іорданскому женскому монастырю, въ числѣ прочихъ четырехъ кіевскихъ монастырей, митрополитъ Гедеонъ, князь Четвертинскій въ 1689 г. завѣщалъ 100 золотыхъ. Въ іорданскомъ николаевскомъ женскомъ монастырѣ жили сестры святителя Дмитрія ростовскаго, бывшаго прежде игуменомъ кіево-кирилловскаго монастыря: *Панфилія*, *Февронія* и *Параскева*, преемствуя одна другой въ санѣ игуменіи; послѣдняя изъ нихъ скончалась здѣсь въ 1710 году. Въ первой четверти XVIII вѣка дѣлается извѣстнымъ, кромѣ іорданскаго николаевскаго, и богословскій, также женскій монастырь[1]). Онъ значится и въ вѣдомости о монастыряхъ кіевской епархіи за 1756 годъ.

По всей вѣроятности онъ основанъ монахинями кіево-михайловскаго женскаго монастыря, когда онѣ, по его упраздненіи, испросили себѣ возвращеніе церковной утвари и капитала; а въ такомъ случаѣ начало его нужно полагать около 1710 года. По свидѣтельству Новгородцева бывшая въ немъ деревянная церковь во имя св. Іоанна Богослова устроена казеннымъ коштомъ. Монастыри іорданскій и богословскій показаны на планѣ Кіева 1745 г. съ 2-мя церквами въ каждомъ изъ нихъ: іорданскій въ сторону Подола, а богословскій въ сторону кирилловскаго монастыря, рядомъ одинъ подлѣ другаго; по преданію ихъ раздѣлялъ только

---

[1]) Въ первый разъ упоминаютъ онъ въ циркулярѣ архіепископа кіевскаго Варлаама Ванатовича въ 1724 году, которымъ настоятельницы монастырей и протопопій кіевской епархіи извѣщались о совершившемся коронованіи императрицы Екатерины I-й.

ручей, текущій изъ горы. Іорданскій богословскій монастырь по указу св. синода отъ 10 декабря 1789 года переведенъ въ золотоношскій монастырь нынѣшней полтавской епархіи, а иконостасъ церкви этого монастыря поступилъ въ кіево-софійскій соборъ въ особый на его хорахъ богословскій придѣлъ. Николаевскій женскій монастырь просуществовалъ до 1808 года и въ этомъ году упраздненъ. Въ немъ была деревянная церковь во имя св. Николая о 3-хъ куполахъ, на каменномъ фундаментѣ, достаточно украшенная внутри и снаружи. Она обращена въ приходскую, но въ 1821 г. сгорѣла отъ сосѣдняго кирпичнаго завода, а вмѣсто ея сдѣлана приходскою Дмитріевская церковь, служившая трапезною монастырскою, существующая и нынѣ въ ветхомъ видѣ. На мѣстности николаевскаго монастыря уцѣлѣли доселѣ фундаменты древней кирпичной кладки, сходной съ кладкой XI и XII вѣка; они большею частію завалены глиной обвалившейся горы. Вѣроятно, это остатки церкви св. Николая, существовавшей до XVII вѣка. Можетъ-быть, при ней-то существовалъ и тотъ женскій монастырь св. Николая, въ которомъ постриглась мать преподобнаго Ѳеодосія печерскаго. Наименованіе іорданскаго усвоено бывшему здѣсь женскому монастырю по всей вѣроятности отъ того, что, по свидѣтельству мерщаго недавно на 97 году протоіерея о. Іоакима Игнатовича, въ день Богоявленія изъ этого монастыря совершался, при участіи мовашествующихъ кирилловскаго монастыря, крестный ходъ, для освященія воды, на лежавшее противъ сего монастыря на Оболонѣ озеро, которое и теперь называется также іорданскимъ.

---

5. О церкви св. Симеона въ Копыревѣ концѣ.

Въ XII вѣкѣ существовала въ Кіевѣ церковь св. Симеона въ *Копыревѣ концѣ*, при которой былъ и мужескій монастырь. Созданіе этого монастыря и его церкви въ лѣтописи приписывается *Олегу Святославичу* и *Святославу Ярославичу* — черниговскимъ князьямъ. Стараясь указать его мѣстность, одни изъ описателей кіевскихъ древностей ставятъ прямо вопросъ о мѣстѣ церкви св. Симеона и разрѣшаютъ его на основаніи историческимъ свидѣтельствъ объ этой церкви; другіе рѣшаютъ прежде вопросъ о томъ, гдѣ былъ Копыревъ конецъ Кіева и уже мѣстностью Копырева конца

опредѣляютъ мѣсто церкви св. Симеона, бывшей въ Копыревѣ концѣ. Къ послѣднимъ принадлежатъ покойный Закревскій, издавшій описаніе Кіева въ 2-хъ большихъ томахъ, и П. А. Лашкаревъ, помѣстившій въ Трудахъ кіев. дух. академіи за 1879 годъ статью: *Развалины церкви св. Симеона и Копыревъ конецъ древняго Кіева.* Закревскій, полагая, что Копыревъ конецъ былъ тамъ, гдѣ Глубочица соединяется съ Кожемяками, ставилъ Подольскія ворота на житнемъ базарѣ, въ промежуткѣ между горами Киселевой и Скавлкой, а церковь св. Симеона на мѣстѣ нынѣшней кресто-воздвиженской, что на Кожемякахъ церкви, хотя чрезъ нѣсколько страницъ сказалъ, что монастырь св. Симеона могъ быть ниже андреевской церкви, гдѣ Берлинскій въ началѣ нынѣшняго вѣка видѣлъ остатки древняго щебня. Такимъ образомъ у него вышло два Копыревыхъ конца— одинъ на Кожемякахъ, а другой на андреевской горѣ. П. А. Лашкаревъ утверждаетъ, что Копыревъ конецъ былъ не на Подолѣ, а на Кудреевской горѣ, которая составляетъ сѣверо-западную часть старокіевской возвышенности, и отсюда заключаетъ, будто здѣсь, на этой-же горѣ, не вдалекѣ отъ жидовскихъ или львовскихъ воротъ, находилась церковь св. Симеона.

Не смотря на разность выводовъ, основанія у Закревскаго и Лашкарева одни и тѣже. Сказанія ипатской лѣтописи о томъ, что Всеволодъ Ольговичъ, прибывши изъ Вышгорода къ Кіеву въ 1140 г., сталъ зажигать дворы въ Копыревѣ концѣ; что при наступленіи Юрія Долгорукаго на Кіевъ въ 1151 году, участвовавшіе въ защитѣ Кіева берендѣи стояли съ своими вежами и стадами «межи дебрьми отъ Олеговой могилы въ огородъ св. Іоанна», котораго церковь была въ Копыревѣ концѣ; что въ 1162 году раненнаго въ борку у Кіева Изяслава Давидовича отвезли въ монастырь св. Симеона, иже есть въ Копыревѣ концѣ; что тѣло убитаго кіевлянами въ 1147 году Игоря Ольговича отвезено изъ церкви св. Михаила на конецъ града, въ монастырь св. Симеона, и наконецъ что подольскія ворота, которыми Романъ Галицкій въ 1202 году въѣхалъ въ Кіевъ, были въ Копыреви концы. Но Всеволодъ Ольговичъ, слѣдуя изъ Вышгорода, могъ подойти къ Кіеву и чрезъ Подолъ у горы Взлыхальницы и Крещатикомъ у бывшихъ лядскихъ воротъ, какъ подошелъ Батый, и всего меньше «дебрьми у Кудреевской горы», куда почти не было путей и гдѣ ихъ не указы-

вастъ лѣтопись. Церковь св. Іоанна была въ Копыревѣ концѣ, но огородъ св. Іоанна могъ быть и въ другомъ мѣстѣ, какъ и теперь огороды церквей и монастырей не всегда бываютъ при самихъ церквахъ и монастыряхъ: огородъ не погостъ церковный, который всегда въ одной мѣстности съ церковью. Игоря Ольговича отвезли въ монастырь св. Симеона—въ Копыревъ конецъ потому, что это былъ монастырь *отній* черниговскихъ князей, къ роду коихъ принадлежалъ Игорь Ольговичъ; по той-же самой причинѣ отвезли туда и раненнаго на р. Лыбеди Изяслава Давидовича, происходившаго изъ того-же рода, а не потому, будто этотъ монастырь былъ ближе прочихъ къ р. Лыбеди. Наконецъ, чтобы правильно понимать смыслъ словъ лѣтописи о вступленіи Романа Галицкаго въ Кіевъ подольскими воротами, бывшими въ Копыревѣ концѣ, не нужно забывать, что въ древности городомъ назывался не весь нынѣшній Кіевъ, а только Старый Кіевъ, который находился на срединной, старокіевской возвышенности и былъ укрѣпленъ валами, что въ валахъ этихъ было нѣсколько воротъ и что подольскими воротами назывались не тѣ ворота, которыя будто вели въ Подолье изъ Глубочицы, Оболоня или Крещатика, а тѣ, которыми съѣзжали въ Подолье изъ Стараго города или выѣзжали изъ Подола на Старый Городъ. Потому разрѣшеніе вопроса о томъ, въ какой части Стараго Кіева Романъ Галицкій въѣхалъ въ Кіевъ въ 1202 г., зависитъ въ свою очередь отъ разрѣшенія того, гдѣ былъ Копыревъ конецъ Кіева, а это-то пока остается неизвѣстнымъ. И такъ всѣ приведенныя у Закревскаго и повторенныя г. Лашкаревымъ свидѣтельства лѣтописи не рѣшаютъ вопроса о томъ, гдѣ былъ Копыревъ конецъ Кіева. Изъ нихъ нисколько не слѣдуетъ, чтобы Копыревымъ концемъ называлась сѣверо-западная часть старокіевской возвышенности, извѣстная теперь подъ именемъ Кудряевской горы; изъ нихъ видно только, что Копыревъ конецъ былъ на одной изъ оконечностей Стараго Кіева и что въ Копыревѣ концѣ были подольскія ворота и церковь св. Симеона.

Гораздо яснѣе историческія указанія на то, гдѣ стояла церковь св. Симеона и гдѣ были подольскія ворота. Изъ нихъ важнѣе всего свидѣтельство Калиѳойскаго въ его «Тератургимѣ». Упомянувъ о древнихъ старокіевскихъ церквахъ св. Михаила златоверхого, св. Ѳеодора, св. Василія и Десятинной, онъ говоритъ: *Cerkiew s.*

Symeona nad samym Kijowem (т. е. надъ Подоломъ, который въ XVII вѣкѣ носилъ названіе города, когда Старый Кіевъ былъ почти безлюденъ), a drugie mogiłami leżą podolnie na wieki przywalone. *Z tych bramą*, mimo zamek na wysokiey górze erigowany, *spuscić sie do opłakanego Kijowa*, ponieważ starego teraznieyszy zaledwie imienia godzien (т. е. церковь св. Симеона надъ самымъ Кіевомъ, а прочія церкви лежатъ могилами прикрытыя, кажись, на вѣки. Отсюду чрезъ ворота, мимо замка, устроеннаго на высокой горѣ, спуститься въ Кіеву, достойному плача, ибо настоящій едва-ли достоинъ имени прежняго). Соотвѣтственно сему указанію мѣстности церкви св. Симеона, она такъ означена и на приложенномъ къ Тератургимѣ чертежѣ Кіева—подлѣ Десятинной церкви, правѣй отъ нея, т. е. на сѣверной окраинѣ нынѣшней андреевской церкви. Съ неменьшею точностью здѣсь-же, а не въ другомъ какомъ либо мѣстѣ, указана церковь св. Симеона въ выписи изъ кіевскихъ гродскихъ книгъ 1633 года и въ житіи св. Владиміра, помѣщенномъ въ «Пчелѣ» по списку, сдѣланному въ Кричевъ-Полѣ 1679 года. Въ выписи сказано: «дня 17 іюля его милость отецъ Могила церковь св. Софіи въ слобожаны, а также въ местечку церквей три—першую св. Николы, названную Десятинною, другую *св. Симеона водле брамы меншое, на горе лежачую*, а третю св. Василія, названнаго нагорнаго, подъ себе загорнулъ». Въ житіи Владиміра говорится: «св. Андрей первозванный, пришедши на горы кіевскія, благословилъ ихъ и крестъ святый на нихъ, идѣже теперь церковь св. Симеона стоитъ, поставилъ». А самое мѣсто, гдѣ по преданію св. Андрей поставилъ крестъ, опредѣляется въ густынской лѣтописи 1670 года, въ которой сказано: «св. Андрей, пришедъ идѣже нынѣ горы кіевскія, ихъ же благословивъ и крестъ на нихъ водрузи, *недалече нынѣшней брамы, отъ полудня*».—Кажется, что и положеніе подольскихъ воротъ или брамы, которою проѣзжали изъ Стараго Кіева на Подолъ, достаточно опредѣлено въ вышеприведенныхъ свидѣтельствахъ Кальнофойскаго, кіевскихъ гродскихъ книгъ и густынской лѣтописи: ворота эти стояли подлѣ Десятинной церкви и того мѣста, гдѣ по преданію св. Андрей водрузилъ крестъ, а дорога отъ нихъ шла на Подолъ мимо литовскаго замка, стоявшаго на нынѣшней флоровской горѣ. Но желающихъ еще точнѣе, наглядно знать ихъ мѣсто отсылаемъ къ хранящемуся въ главномъ

московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ плану Кіева, составленному въ 1693 году въ обширномъ размѣрѣ. На этомъ планѣ ворота кіевскія не только означены, но даже нарисованы съ восточной стороны Десятинной церкви. Онѣ значатся тамъ-же и на планѣ Кіева 1744 года, находящемся въ С.-Петербургѣ, въ главномъ инженерномъ управленіи. Оба эти плана составлены военными инженерами по всѣмъ правиламъ съемки и не даютъ никакого повода смѣшивать Вздыхальницу съ Кудрявской горой и Андреевскій спускъ на Подолъ выдавать за Кудрявскій взвозъ, что можно было дѣлать, толкуя такъ и иначе чертежъ монаха Кальнофойскаго. Впрочемъ такія толкованія плана Кальнофойскаго можно было дѣлать только повѣривъ Закревскому, будто по расказамъ старыхъ кіевлянъ, слышанныхъ имъ въ дѣтствѣ, Андреевскаго спуска на Подолъ не было до построенія андреевской церкви въ 1744 году и будто до того времени ѣздили съ Стараго Кіева на Подолъ только по одному Кудрявскому взвозу. Мало-ли чего не написалъ Закревскій въ своемъ описаніи Кіева? Онъ и горы преставлялъ, соединивши Киселевку и Вздыхальницу въ одну гору, тогда какъ онѣ стояли отдѣльно одна отъ другой уже въ половинѣ XVI вѣка, во время составленія описи кіевскаго замка королевскими комиссарами.

Итакъ изъ историческихъ свидѣтельствъ и плановъ г. Кіева ясно до очевидности, что церковь св. Симеона стояла не надъ Кожемяками, а надъ Подоломъ, на югъ отъ Десятинной церкви, подлѣ такъ называемыхъ кіевскихъ воротъ, которыми съѣзжали на Подолъ изъ Стараго Кіева и выѣзжали въ оный изъ Подола. Здѣсь еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, ниже андреевской церкви, по свидѣтельству Берлинскаго, видны были остатки древняго кирпичнаго щебня; здѣсь-же, при пониженіи горы Вздыхальницы съемкой земли на 5½ саженъ въ 1616 году, открыта пещера въ 3 сажени длины и 1 сажень ширины съ надписью на стѣнѣ «Павелъ», какъ значится о семъ въ современной записи въ рукописной книгѣ: *Хроника Кромера* въ русскомъ переводѣ. Эта пещера подвижника не сомнѣнно свидѣтельствуетъ, что близъ нея существовалъ монастырь, который и дѣйствительно былъ при церкви св. Симеона въ Копыревѣ концѣ.

Съ разрѣшеніемъ вопроса о мѣстѣ церкви св. Симеона самъ собою разрѣшается и вопросъ о томъ, гдѣ былъ Копыревъ конецъ и что имъ называлось въ древности. Копыревъ конецъ, въ которомъ находилась церковь св. Симеона съ монастыремъ при ней, былъ не на сѣверо-западной, а на сѣверо-восточной сторонѣ Стараго Города; имъ называлась не Кудрявская покатая гора, а высокая и крутая сѣверо-восточная оконечность старо-кіевской возвышенности, которая въ XVI еще вѣкѣ носила названіе горы «Вздыхальницы». Это гора, выдающаяся въ видѣ мыса между Подоломъ и Гончарами какъ разъ противъ Киселевки; отъ послѣдней она отдѣляется такъ называемымъ теперь Андреевскимъ спускомъ. Заканчивавшій ее бугоръ, какъ замѣтили въ 1555-мъ году королевскіе комисары, высотой своей превосходилъ гору Киселевку, на которой стоялъ литовскій замокъ, а такая высота бугра вполнѣ соотвѣтствовала названію «Копыревъ конецъ», т. е. конецъ копырчащійся, поднявшійся, вздувшійся. Въ этомъ смыслѣ и теперь понимается слово «копыриться» въ малороссійскомъ нарѣчіи, напр. въ пословицѣ: «копырчиця, якъ шкуратъ на огни», т. е. вздувается, какъ баранья кожа на огнѣ.

Если-же церковь св. Симеона находилась на горѣ Вздыхальницѣ, а не на Кудрявской горѣ; то въ чье имя на этой послѣдней создана была церковь, древніе фундаменты которой открыты въ 1878 году искателями кладовъ? На Старомъ Кіевѣ, кромѣ церквей, которыхъ мѣста болѣе или менѣе извѣстны, были еще церкви св. Спаса, Никиты, св. Іоанна, Екатерины, св. Ѳеодора и Воздвиженія честнаго Креста, коихъ мѣстности еще не опредѣлены. Послѣдняя изъ нихъ, церковь Воздвиженія Креста Господня, построена, какъ извѣстно изъ лѣтописей, около 1215 года княземъ Мстиславомъ Мстиславичемъ, который и погребенъ въ ней въ 1228 году. Свидѣтельства о мѣстѣ, гдѣ она находилась, различны и не сходятся между собою. Церковь съ этимъ именемъ упоминается въ южно-русскомъ лѣтописцѣ, принадлежавшемъ М. А. Максимовичу; тамъ сказано, что она «стоитъ отъ полудня, влезши (съ Подола) на гору, подлѣ которой брама кіевская». Съ этимъ согласно свидѣтельство Синопсиса, что св. Андрей водрузилъ крестъ на мѣстѣ, «идѣже нынѣ (1674 г.) церковь Воздвиженія Креста Господня». Въ грамотѣ Владислава IV, данной игумену кіево-братскаго монастыря

Оксеновичу въ 1638 году, церковь Воздвиженія честнаго Креста называется стоящею «на горной фундаціи». На основаніи этихъ свидѣтельствъ слѣдовало-бы признать, что Мстиславова воздвиженская церковь стояла близъ Десятинной церкви, гдѣ назначалъ ей мѣсто и Берлинскій, выше колодца, бывшаго еще въ недавнее время предъ андреевскою церковью. Но изъ «протестаціи» 1616 г. (Кіев. Ен. Вѣд. 1873 г., стр. 357) видимъ, что церковь Воздвиженія честнаго Креста была въ софійской *слободѣ*, что когда она обвалилась, то священникъ перешелъ на гору и послѣ него жилъ тамже на горѣ, при церкви св. Василія, другой священникъ—Филиппъ, а въ 1616 г. уже не было и слѣда церкви Воздвиженія. Изъ сопоставленія этого свидѣтельства съ приведенными выше необходимо заключить, что 1) упоминаемая въ нихъ и существовавшая въ XVII вѣкѣ подлѣ Десятинной церкви церковь Воздвиженія была не первоначальная воздвиженская церковь, а какая-то вновь сооруженная и по всей вѣроятности деревянная, какъ можно видѣть изъ путешествія священника Лукьянова въ 1700 году; 2) что каменная, отъ времени обвалившаяся, воздвиженская церковь находилась не на горѣ, а вдали отъ церкви св. Василія (нынѣ трехсвятительской), именно въ софійской слободѣ, хотя на нѣсколько возвышенной мѣстности. Въ какой-же части Стараго Кіева могла быть эта мѣстность? Земельныя угодія кресто-воздвиженской церкви, присоединенныя къ церкви св. Василія, въ 1638 году переданы братскому монастырю по грамотѣ Владислава IV, а въ этой грамотѣ приводится выпись изъ гродскихъ книгъ кіевскаго воеводства за 1593 г., изъ которой видно, что эти угодія находились съ западной стороны Кіева — отъ р. Бобрицы къ Кіеву, простираясь «къ валу, гдѣ стояла *старая* церковь Воздвиженія честнаго Креста», и шли по обѣ стороны дороги, «по *Яцкову* межу», т. е. граничили съ землями Яцкова доминиканскаго монастыря, основаннаго въ Кіевѣ Яцкомъ Одровонжомъ (Памятники Кіев. Ком. Т. II, стр. 292). Изъ грамоты Сигизмунда I-го, данной кіево-михайловскому монастырю, видно, что за львовскими воротами, между ними и Кудрявцемъ, шелъ такъ называемый *пробитый* валъ. Остатки вала на Кудрявской горѣ видны и теперь вблизи той мѣстности, на которой въ 1878 году открыты остатки фундаментовъ древней церкви. По соображенію этихъ историческихъ указаній и того, что Кудрявская гора отдалена отъ трехсвятитель-

ской церкви, что она не составляетъ особой какой-либо горы, а есть только склонъ старокіевской возвышенности, что уровень ея значительно ниже той мѣстности, на которой стоитъ трехсвятительская церковь и въ XVII вѣкѣ эта мѣстность дѣйствительно входила въ составъ софійской слободы, нужно признать, что открытые въ 1878 году на кудряской митрополичьей усадьбѣ фундаменты принадлежатъ церкви Воздвиженія честнаго Креста, созданной въ началѣ XIII вѣка галицкимъ княземъ Мстиславомъ Мстиславовичемъ Удалымъ, убитымъ на р. Калкѣ въ 1228 году.

---

6. О мѣстности р. Почайны.

Почайной называется нынѣ небольшой ручей, протекающій по кіевскому Оболонью въ направленіи отъ запада къ востоку; въ половинѣ своего теченія онъ образуетъ, въ видѣ озера, бассейнъ воды около 20 саженъ длины и ширины и по выходѣ изъ него впадаетъ въ заливъ Днѣпра, между его косой и набережной улицей Кіево-Подола. Каково было направленіе Почайны въ древности и какова была ея длина, мнѣнія о семъ не одинаковы. Одни полагаютъ, что Почайна нѣкогда протекала по самому Подолу и впадала въ Днѣпръ близъ рождественской церкви; другіе думаютъ, что Днѣпръ нынѣ течетъ у Кіева по древнему руслу Почайны, оставивши свое старое русло, которое находилось ближе къ черниговскому берегу; иные наконецъ того мнѣнія, что Почайна не простиралась дальше нынѣшняго своего впаденія въ Днѣпръ выше Турца. Которое-же мнѣніе ближе къ истинѣ?

Изъ древней нашей лѣтописи видно, что во времена княгини Ольги Почайна служила пристанью для судовъ, приходящихъ по Днѣпру къ Кіеву, чѣмъ то въ родѣ константинопольскаго Золотаго Рога, съ которымъ сравнила его сама Ольга, сказавши посламъ греческаго императора, что она пошлетъ ему дары только тогда, если онъ постоитъ у нея въ Почайнѣ столько времени, сколько она простояла у него въ Судѣ (Золотомъ Рогѣ). По свидѣтельству тойже лѣтописи у Подола—на ручаѣ стояла церковь св. Иліи, въ которой присягали крещеные кіевляне при Игорѣ, заключая договоръ съ греками, и ручай, по которому влекли

въ Днѣпръ низверженнаго при Владимірѣ Перуна, протекалъ противъ Боричева взвоза, т. е. противъ рождественской и трехсвятительской церквей, изъ коихъ одна была началомъ, а другая концемъ Боричева взвоза. Безъ сомнѣнія въ обоихъ случаяхъ въ лѣтописи идетъ рѣчь о Почайнѣ, такъ какъ никакой другой ручей здѣсь не извѣстенъ ни въ древнее, ни въ новое время. Крещеніе кіевлянъ по древней лѣтописи совершилось въ Днѣпрѣ, по хроникамъ XIV и XVII вѣка въ Почайнѣ, близь того мѣста, гдѣ въ XIV вѣкѣ стояла на Старомъ Кіевѣ церковь св. Петра, а въ XV церковь св. мучениковъ (Бориса и Глѣба) у Турова. Берлинскій, умершій въ 1840 году и прожившій въ Кіевѣ 60 лѣтъ, въ своемъ описаніи Кіева говоритъ, что Почайна еще въ началѣ XVIII вѣка составляла довольно глубокую рѣчку, которая, отдѣляясь отъ Днѣпра узкою косой, соединялась съ Днѣпромъ ниже Крещатика. Закревскій, позднѣйшій описатель Кіева, родившійся въ 1805 г. и прожившій въ Кіевѣ 30 лѣтъ, слышалъ тоже отъ старожиловъ Кіева и самъ, какъ очевидецъ, удостовѣряетъ, что коса, отдѣлявшая Почайну отъ Днѣпра, въ 1814 году начиналась противъ кузницъ, стоявшихъ по днѣпровскому берегу, ниже рождественской церкви, что коса эта имѣла въ длину до 60, а въ ширину около 7 саженей, отъ Подола-же отстояла на 40 саженей и что остатокъ этой косы совершенно снесенъ во время разлива Днѣпра въ 1829 году. Такія, довольно сходныя между собою, свидѣтельства двухъ кіевскихъ старожиловъ вполнѣ подтверждаются планомъ г. Кіева 1693 г., хранящимся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

На этомъ планѣ, на который нанесенъ Днѣпръ со всѣми его рукавами и притоками у Кіева, Почайна представлена протекающею по восточной окраинѣ Подола, отдѣляясь отъ Днѣпра песчаною косой, которая начиналась противъ нынѣшней борисоглѣбской улицы и оканчивалась нѣсколько ниже крещатицкаго источника. Въ концѣ борисоглѣбской улицы, противъ стоявшей здѣсь Духовской церкви, былъ перекинутъ мостъ съ набережной черезъ Почайну на косу, а путь по косѣ противъ рождественской церкви сворачивалъ на другой мостъ, устроенный съ косы чрезъ Днѣпръ къ противоположному черниговскому берегу.

Причины исчезновенія Почайны можно видѣть изъ «Описанія Кіева» Берлинскаго. Основываясь на бывшемъ въ его рукахъ предписаніи кіевской губернской канцеляріи кіевскому магистрату около 1710—1718 года, онъ говоритъ, что во время турецкой войны этого времени барки съ грузами, приходившія изъ Брянска рѣкою Десной, для предохраненія отъ льдинъ заводились на зимовье въ вершину Почайны и тамъ причаливались къ деревяннымъ клѣтямъ, сдѣланнымъ для укрѣпленія береговъ, почему мѣсто ихъ стоянки названо «*Притыкой*». Для сокращенія прохода изъ Десны чрезъ Днѣпръ въ Почайну, прокопанъ былъ тогда-же противъ Оболоня каналъ въ материкѣ, отдѣлявшемъ Почайну отъ Днѣпра: между тѣмъ въ этотъ каналъ устремилось главное теченіе Днѣпра, такъ что срѣзало большую часть косы, находившейся между двумя рѣками, оставивъ отъ нея лишь верхнюю часть, прилегающую къ сѣверной сторонѣ Оболонья, и нижнюю у устья Почайны, отъ Духовской церкви до крещатицкаго источника. Смывши постепенно и нижнюю часть косы, Днѣпръ совершенно поглотилъ Почайну, и за тѣмъ сталъ напоромъ своимъ отмывать материкъ самаго Подола: уничтожено такимъ образомъ до 300 домовъ постепеннымъ отмываньемъ берега Подола, пока не положенъ этому предѣлъ по всему его протяженію отъ канавы до крещатицкаго источника устройствомъ около 1840 г. набережной изъ туровъ и фашинника.

Представленное Берлинскимъ объясненіе убавленія и наконецъ совершеннаго поглощенія Почайны Днѣпромъ подтверждается сохраняющимся въ С.-Петербургѣ въ главномъ инженерномъ управленіи планомъ г. Кіева 1745 г., составленнымъ въ огромномъ размѣрѣ при кіевской инженерной командѣ. На этомъ планѣ означены подъ № 64 Духовскія ворота противъ борисоглѣбской улицы, съ поясненіемъ, что здѣсь переправляются въ Подолъ чрезъ Днѣпръ, а на особой наклейкѣ подъ № 100 означено мѣсто въ верховьѣ Почайны, гдѣ затоплены байдаки для отвода стремленія Днѣпра отъ кіевскаго берега на противоположную (черниговскую) луговую сторону. При этомъ отмѣчено, что гдѣ нѣтъ мельницъ, тамъ вода пробѣгаетъ 40 саженей въ 3 минуты, а вблизи мельницъ отъ 80 до 90 саженей въ тотъ-же промежутокъ и что рѣка у этого берега годъ отъ году становится глубже.

Но не помогли и затопленные байдаки. Тогда инженеры придумали для отвода Днѣпра отъ кіевскаго берега прорыть материкъ, отдѣлявшій отъ Днѣпра рѣчку Чарторыю: но вышла отъ сего новая бѣда: Днѣпръ устремился съ такою силою по каналу въ Чарторыю, что явилось опасеніе, какъ-бы Днѣпръ совсѣмъ не ушелъ отъ Кіева къ черниговскому берегу. Вотъ съ этого-то времени и началось пруженіе прохода въ Чарторыю, которое продолжается до нынѣ съ слабымъ успѣхомъ для дѣла и съ большими затратами для казны, хотя не безъ выгоды для производителей работъ, съ поводу которыхъ образовалась въ Кіевѣ поговорка, будто самая лучшая рыбка ловится въ Чарторыѣ.

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ становится довольно яснымъ и опредѣленнымъ положеніе р. Почайны въ древности: она, выходя изъ Оболонья, протекала не посреди Подола, а по восточной его окраинѣ и впадала въ Днѣпръ ниже Крещатика; у рождественской церкви устье ея представляло собою какъ-бы заливъ Днѣпра, весьма удобный для судоходной пристани. Хотя Почайна была ближе къ городу, чѣмъ Днѣпръ; но какъ она была всегда наполнена большими и малыми судами, приходившими по Днѣпру; то естественно, что крещеніе кіевлянъ съ большимъ удобствомъ могло совершиться въ Днѣпрѣ, гдѣ оно и дѣйствительно происходило по сказанію нашей лѣтописи.

П. Л—въ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

(Продолженіе) [1]).

VII.

Дорога въ г. Бакоту.—Расположеніе села.—Манастырськи; вещеры.—Вѣдьмы и знахарки.—Преданіе о панѣ Фармазонѣ.—Мѣстные промыслы.—Историческія свѣдѣнія о Бакотѣ.—Вѣдьмы и знахарки.

Подвигаясь дальше внизъ по Днѣстру, верстахъ въ 5—6 къ сѣверо-востоку отъ Студеницы встрѣчаемъ древнюю столицу галицкаго Понизья, теперь село Бакоту.

Ближайшая дорога изъ Студеницы въ Бакоту идетъ сухимъ путемъ, поэтому мы вошли въ согласіе съ однимъ изъ крестьянъ, съ которымъ успѣли познакомиться и который подрядился доставить насъ вмѣстѣ съ пожитками въ Бакоту, а затѣмъ въ Старую Уницу. Въ назначенное время, часовъ около шести утра, хозяинъ подводы зашелъ освѣдомиться, собираемся-ли мы въ путь и, увидѣвъ, что мы уже совсѣмъ готовы, отправился домой запрягать лошадей. Такая акуратность, разумѣется, удивила насъ несказанно, давая поводъ надѣяться, что на этотъ разъ по крайней мѣрѣ намъ не придется имѣть дѣло съ традиціонной подольской медлительностію. Не тутъ-то было! Проходитъ часъ, другой, а подводы все нѣтъ какъ нѣтъ; мы ждемъ съ минуты на минуту, стараясь какъ-нибудь убить время. Наконецъ часовъ въ одиннадцать, потерявъ терпѣніе, рѣшаемся идти пѣшкомъ въ Бакоту, оставивъ вещи на квартирѣ. На улицѣ встрѣтила насъ мать нашего возницы, весьма благодушно

---

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., сентябрск. кн., стр. 53—81.

объяснившая промедленіе своего сына тѣмъ, что онъ «доварює мамалыгу и черезъ те нибы грохи й спизнився»; сверхъ того онъ долженъ у всѣхъ мѣстныхъ евреевъ забрать письма и порученія къ бакотскимъ и ушицкимъ купцамъ. При этомъ съ особенной ясностью припомнилась намъ трагическая судьба Подольской земли въ удѣльное до-литовское время, когда здѣшній народъ пропустилъ собственное историческое развитіе, доваривая мамалыгу. Уже за мѣстечкомъ догнала насъ подвода, запряженная парой неимовѣрно малыхъ лошадокъ, съ ясной примѣсью турецкой породы (слѣды турецкой культуры XVIII в.), по наружному виду чрезвычайно похожихъ на крысъ, и мы уже спокойно могли пуститься въ путь.

Тотъ-часъ по выходѣ изъ мѣстечка, миновавъ «*горальню*», дорога сначала довольно круто подымается въ гору вдоль оврага, въ которомъ найдены мамонтовыя кости, затѣмъ извивается по сѣвернымъ, болѣе пологимъ склонамъ *Бѣлой горы* и наконецъ выходитъ на довольно возвышенную, слегка волнистую равнину. Вправо отъ дороги тянется высокій днѣстровскій берегъ, влѣво все дальше и дальше отходятъ зеленѣющія горы и дорога вьется среди свѣже вспаханныхъ полей, на которыхъ при солнечномъ свѣтѣ блестятъ тысячи кремневыхъ осколковъ; послѣ особенно удачнаго сбора кремневыхъ орудій на вспаханныхъ поляхъ *Бѣлой горы*, любопытство наше, какъ археологовъ, было сильно возбуждено; въ каждомъ кремнѣ намъ чудилось орудіе и мы ежеминутно жалѣли, что время не дозволяетъ намъ встать съ воза и обойти всѣ нивы, хотя для осмотра ихъ потребовалось-бы нѣсколько дней. По мѣрѣ приближенія къ Бакотѣ мѣстность постепенно понижается и по обѣ стороны дороги, на сколько глазъ захватитъ, тянутся сплошныя, необозримыя плантаціи кукурузы почти въ человѣческій ростъ, при чемъ отдѣльныя нивы едва раздѣляются между собою самыми узкими тропинками.

Наконецъ дорогу пересѣкаетъ маленькая горная рѣчка, или скорѣе ручей, Теремка, которую свободно переѣзжаютъ и переходятъ въ бродъ; по другую сторону ея начинается самое село Бакота. Кажется, ручей получилъ свое названіе отъ села Теремецъ, расположеннаго по его теченію нѣсколько выше Бакоты; здѣсь, правдоподобно, находился загородный княжескій теремъ въ то время, какъ Бакота была стольнымъ городомъ; по крайней мѣрѣ существуетъ

въ южной Руси нѣсколько селъ съ такимъ именемъ, расположенныхъ вблизи древнихъ княжескихъ столицъ.

Нынѣшняя Бакота расположена, подобно Студеницѣ, при впаденіи р. Теремки въ Днѣстръ въ глубинѣ весьма значительнаго днѣстровскаго залива; глубокая долина, по которой раскинулось село, окаймлена съ запада пологими склонами и ручьемъ Теремкой; на сѣверѣ тянется амфитеатромъ довольно крутая, поросшая тощимъ дерномъ гора, на вершинѣ которой, вѣроятно, находилась древняя Бакота. У подножія этой горы, среди густыхъ садовъ и огородовъ раскинулось небольшое село, состоящее изъ двухъ-трехъ рядовъ хатъ, вытянутыхъ вдоль днѣстровскаго берега; посреди селя выглядываютъ изъ зелени три купола маленькой деревянной церкви настоящей украинской архитектуры; противъ церкви усадьба мѣстнаго помѣщика съ огромнымъ фруктовымъ садомъ. Глубокій оврагъ отдѣляетъ село и окаймляющую его гору отъ третей горы, защищающей Бакоту съ востока, и подходитъ къ самому берегу Днѣстра. Послѣдняя гора представляетъ большое сходство съ *Бѣлою горою* въ Студеницѣ, какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по другимъ особенностямъ; это самая высокая изъ окрестныхъ горъ (по недавно сдѣланнымъ измѣреніямъ она достигаетъ 72 саженъ надъ уровнемъ Днѣстра); она состоитъ изъ той-же самой известковой породы, что и студеницкія горы, и такъ-же называется *Бѣлою горою*. Югозападный склонъ, обращенный къ Днѣстру, чрезвычайно обрывистый; верхняя его половина представляетъ почти отвѣсную стѣну, съ нависшими по мѣстамъ скалами, которыя вскорѣ должны обрушиться; ближе къ основанію горы спускъ становится болѣе отлогимъ, благодаря осыпямъ вывѣтривающагося камня сверху. Вершина и остальные склоны *Бѣлой горы*, такъ-же какъ и въ Студеницѣ, покрыты неглубокимъ слоемъ наносной земли, поросшимъ травою или воздѣлываемымъ подъ пахать, при чемъ каменная подпочва зачастую обнажается на поверхности земли. Чтобы взойти на *Бѣлую гору*, приходится сначала подыматься по оврагу, вырытому въ скальномъ грунтѣ дождевою водою; его русло, представляющее рядъ уступовъ, даетъ въ общемъ естественныя ступеньки, значительно облегчающія довольно крутой подъемъ; дальше въ гору зигзагами вьются тропинки, проложенныя пастухами. На вершинѣ горы виднѣется курганъ, еще издали привлекшій наше вниманіе; тотчасъ

явилось желаніе его раскопать и вмѣстѣ съ тѣмъ невольная надежда, что это могила какого-нибудь князя, похороненнаго примѣрно въ такомъ костюмѣ, въ какомъ лѣтопись рисуетъ Даніила Галицкаго, въ гостяхъ у венгерскаго короля или, можетъ быть, здѣсь погребенъ самъ Милѣй, народный предводитель, которому признательные галичане насыпали высокую могилу на самомъ видномъ и неприступномъ мѣстѣ Баколы... Какъ-бы то ни было, курганъ надо было раскопать.

Зная изъ русскихъ и польскихъ источниковъ кое-что о минувшей жизни Баколы, мы знали такъ-же, что въ Бѣлой горѣ находится довольно извѣстная пещера; были сверхъ того указанія на существованіе похороннаго поля близъ села. Въ виду высокаго историко-археологическаго интереса, заключающагося въ этихъ свѣдѣніяхъ, рѣшено было обратиться къ мѣстному помѣщику, г. Шиманскому съ просьбой о содѣйствіи и указаніяхъ при осмотрѣ названныхъ памятниковъ древности.

Г. Шиманскій, не смотря на свои занятія хозяйствомъ, съ величайшей любезностью дозволилъ намъ произвести на его землѣ какія угодно раскопки, самъ помогъ отыскать проводника и рабочихъ и весьма обязательно сообщилъ все, что зналъ о мѣстныхъ древностяхъ и достопримѣчательностяхъ, о бытѣ, характерѣ и занятіяхъ населенія и т. д. Оказалось, что въ селѣ и на поляхъ довольно часто встрѣчаются старинныя, большею частью польскія монеты; почти при каждой постройкѣ находятся человѣческія кости и черепа, но о похоронномъ полѣ въ собственномъ его смыслѣ ничего неизвѣстно. Вмѣсто него г. Ш. указалъ намъ на окраинѣ села камень, повидимому искусственно здѣсь положенный и пользующійся у жителей суевѣрнымъ уваженіемъ. Подъ этимъ камнемъ, по разсказамъ селянъ, долженъ находиться кладъ, заклятый своимъ владѣльцемъ; съ своей стороны, пріученные къ преданіямъ о кладахъ, мы разсчитывали найти здѣсь слѣды древняго, быть можетъ языческаго погребенія.

Проводникъ и рабочіе весьма неохотно указывали дорогу, нѣсколько разъ останавливались, увѣряя, что ничего особеннаго мы не увидимъ, камень самый обыкновенный и т. д. Тоже самое повторяли встрѣчные селяне, узнавъ отъ нашихъ людей, куда мы идемъ; наконецъ, видя наше упрямство, публика рѣшилась подѣй-

ствовать на насъ страхомъ: принялись разсказывать, какъ нѣсколько времени назадъ одинъ изъ крестьянъ, жившій вблизи отъ таинственнаго камня, задумалъ открыть спрятанный подъ нимъ кладъ. Какъ принято въ такихъ случаяхъ, темною ночью принялся онъ за работу, но едва только поднялъ камень и скатилъ съ мѣста, какъ его поразила невидимая сила: судорога свела всѣ его члены, такъ что онъ едва ползкомъ добрался до хаты и тотчасъ заболѣлъ: около года оставался онъ безъ движенія и почти безъ пищи и сталъ уже готовиться къ смерти. Наконецъ одинъ знахарь посовѣтовалъ больному положить обратно заклятый камень, бывшій причиною несчастья. Будучи слишкомъ слабъ, чтобы самому выполнить приказаніе, крестьянинъ пригласилъ на помощь нѣсколькихъ пріятелей, которые привели его къ роковому мѣсту и принялись поднимать камень. Тутъ-же присутствовалъ упомянутый знахарь и распоряжался церемоніею; когда камень былъ поднятъ и оставалось только поставить его на старомъ мѣстѣ и въ прежнемъ положеніи, знахарь приказалъ больному помогать по мѣрѣ силъ, или хоть держаться за камень рукою. Едва окончилось водруженіе святыни, какъ силы возвратились къ больному—онъ могъ расправиться и уже безъ посторонней помощи воротился въ хату, а вскорѣ и совсѣмъ выздоровѣлъ. Съ тѣхъ поръ камень пользуется религіознымъ уваженіемъ и никто не рѣшается его тронуть съ мѣста.

Разсказъ этотъ, съ незначительными варіантами, повторялся всѣми встрѣчными крестьянами; мало по малу общественное мнѣніе стало враждебно настраиваться противъ невѣдомыхъ пришельцевъ, рѣшившихся нарушить неприкосновенность святыни; въ публикѣ громко начали раздаваться замѣчанія въ родѣ слѣдующаго: «отъ-таке и вамъ буде, що ноги до головы притягне». Мы пробовали отшучиваться въ отвѣтъ на подобныя замѣчанія и кое какъ, черезъ чужіе дворы и перелазы, вышли на край села близъ устья Теремки; здѣсь на открытомъ мѣстѣ, на склонѣ небольшаго холма, среди поля или выгона увидѣли мы наконецъ чудесный камень. Видъ его дѣйствительно не представлялъ ничего замѣчательнаго—просто глыба мѣстнаго известняка, весьма неправильной формы и безъ малѣйшихъ слѣдовъ отдѣлки; положеніе его мало подавало надежды на какую нибудь находку, но желаніе открыть похоронное поле было слишкомъ велико и мы рѣшились приступить къ раскопкѣ.

Между тѣмъ вышелъ хозяинъ сосѣдней хаты—тотъ самый крестьянинъ, который поплатился за покушеніе на неприкосновенность камня, и самъ началъ разсказывать извѣстную уже намъ исторію. Подъ вліяніемъ-ли суевѣрнаго страха, или неодобрительнаго шопота окружающей публики, рабочіе на отрѣзъ отказались копать. Въ первый разъ еще намъ пришлось столкнуться съ такимъ глубокимъ суевѣріемъ и нужно было-бы оставить свое намѣреніе, если-бы Маричукъ, съ свойственной ему находчивостью, не побѣдилъ сопротивленія, побожившись, что мы принимаемъ на себя весь грѣхъ и отвѣтственность за него. Только тогда рабочіе, хотя и неохотно, принялись за дѣло, вѣроятно съ тайной надеждой, что невидимая сила покараетъ дерзкихъ пришельцевъ. Впрочемъ раскопка не увѣнчалась успѣхомъ. Подняли ломами грозный камень, оказавшійся довольно значительнаго объема, такъ что нужно было удивляться, какъ, не смотря на большую легкость известняка, одинъ человѣкъ могъ сдвинуть его съ мѣста; вѣроятно нашъ кладоискатель просто подорвался и это и была поразившая его невидимая сила. Подъ означеннымъ камнемъ оказалось нѣсколько другихъ поменьше и затѣмъ, на глубинѣ около аршина, во всѣ стороны пошла скальная подпочва,—дальше вести раскопку не было нужды. Такимъ образомъ похоронное поле оказалось фикціею; видя, что мы остались нередимы, публика нѣсколько ободрилась, но все таки насмѣшливо посматривала, радуясь нашей неудачѣ и вѣроятно соображая, что кладъ, не для насъ положенный, по мѣрѣ приближенія къ нему, глубже уходилъ въ землю.

Какъ-бы то ни было, не отчаяваясь послѣ первой неудачи, мы рѣшились попытать счастья въ другомъ мѣстѣ и отправились раскапывать курганъ, видѣвшійся на вершинѣ *Бѣлой горы*.

Нужно было снова пройти село во всю его длину и затѣмъ подыматься по стѣнкамъ оврага. Взобравшись на гору, намъ удалось найти вблизи кургана два-три кремневые ножа и такое-же отбивное долото, ясно палеолитической эпохи. Эта, по видимому, незначительная находка сразу подняла упавшій духъ бѣдныхъ археологовъ и они съ новой энергіей приступили къ предварительному осмотру и промѣркѣ кургана. Хотя величина его незначительна—всего около аршина въ вышину, но видѣнъ онъ издали, благодаря своему положенію на самой вершинѣ горы, почти на краю обрыва;

курганъ выложенъ въ два яруса довольно большими камнями неправильной формы.

Въ самой насыпи кургана, за исключеніемъ скелета въ сидячемъ положеніи и разбитаго глинянаго сосуда, по величинѣ и формѣ чрезвычайно похожаго на нашу «покрышку», ничего больше не найдено. Ниже скелета начинался скальный грунтъ; такимъ образомъ и на этотъ разъ надежды наши не оправдались: могила не могла принадлежать лицу богатому или съ высокимъ общественнымъ положеніемъ и, за исключеніемъ черепа и нѣкоторыхъ костей, не давала матеріала для сколько нибудь точнаго опредѣленія эпохи.

Одновременно съ этимъ насъ ожидало еще одно разочарованіе. Пока Маринчукъ слѣдилъ за раскопкой, его вѣрный спутникъ, мучимый страстью къ колекціонерству, отправился на поиски каменныхъ орудій, но и въ этомъ отношеніи жатва была не велика— мнѣ попались всего три-четыре обломка кремневыхъ ножей и скребковъ, и только. Блуждая по горѣ, я замѣтилъ невдалекѣ отъ кургана многочисленную группу маленькихъ, продолговатыхъ холмиковъ, сложенныхъ изъ камня и поросшихъ сверху травою; раскинутые на большое пространство, холмики чрезвычайно напоминали могилы, сходство довершала покрывавшая ихъ растительность— трава и полевые цвѣты, встрѣчающіеся по преимуществу на кладбищахъ.—Вотъ это и есть настоящее похоронное поле, подумалъ я и съ восторгомъ принялся раскапывать одинъ изъ курганчиковъ, не смотря на убѣжденія рабочихъ, что никакихъ могилъ здѣсь нѣтъ. Однако и на этотъ разъ рабочіе были правы: дѣйствительно, раскопавши въ разныхъ мѣстахъ три-четыре насыпи, мы не нашли ничего похожаго на могилы, просто кучи камней, набросанныя на поверхности земли, и ничего больше; правда, въ землѣ, наполнявшей промежутки между камнями, попадались изрѣдка обломки костей и кремневыхъ осколковъ, но было ясно, что они попали сюда случайно или вмѣстѣ съ землей.

Происхожденіе этихъ насыпей объясняется весьма просто: въ прежнее время вершина горы распахивалась для посѣвовъ, при чемъ крестьяне сбрасывали въ сторону всѣ попадавшіеся подъ плугъ камни, какъ это дѣлается повсюду въ горныхъ мѣстностяхъ; теперь эти поля оставлены подъ пастбища и курганчики начинаютъ по-

крываться землей, что придаетъ имъ еще больше сходства съ могилами.

Я позволяю себѣ остановиться на этихъ неинтересныхъ подробностяхъ единственно изъ желанія предостеречь отъ ошибки археолога, который захотѣлъ-бы искать похоронныхъ полей въ окрестности Бакоты: если такія поля существуютъ здѣсь, то ихъ надо искать въ другомъ направленіи, дальше отъ днѣстровскаго берега. Мы-же, послѣ всѣхъ понесенныхъ неудачъ, рѣшили покончить съ этими поисками, тѣмъ болѣе, что оставшееся время едва дозволяло осмотрѣть пещеру и прилегающее къ ней древнее урочище Монастырисько.

Пещера находится шагахъ въ пятидесяти къ югу отъ кургана, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ горы. Ея корридоры, очевидно искусственно вырубленные въ скалѣ, или по крайней мѣрѣ поддѣланные, винтообразно спускаются внизъ въ видѣ громадной спирали въ два оборота, расширяющейся къ низу на подобіе улитки, при чемъ и самый ходъ становится шире. Входъ въ пещеру открывается въ видѣ колодца въ нагорной площадкѣ, на которой въ этомъ мѣстѣ незначительный слой чернозема покрываетъ скалу. Вышина всей пещеры достигаетъ до десяти саженъ въ обоихъ оборотахъ; значительная часть поля въ верхнемъ оборотѣ провалилась, поэтому крестьянскіе мальчики, которые часто лазятъ въ пещеру, набросали здѣсь противъ входа кучу камней, на которую прыгаютъ сверху: взрослый человѣкъ можетъ достать до нея, ухватившись обѣими руками за края входнаго отверстія, или-же долженъ спуститься сюда по канату и дальше продолжать путь по крутому спуску, держась руками за противоположныя стѣны корридора. Вообще спускаться по канату удобнѣе и безопаснѣе для человѣка непривычнаго или не обладающаго особенно крѣпкими нервами, такъ какъ широкій нижній конецъ выходитъ прямо въ отвѣсной скалѣ на Днѣстръ, надъ урочищемъ Монастырськомъ, и сверхъ того боковая стѣнка въ началѣ второго оборота выпала и представляетъ открытое отверстіе надъ пропастью. Здѣсь уже канатъ необходимъ для человѣка непривычнаго, потому что можно держаться только за одну стѣнку, а между тѣмъ достаточно только слегка оступиться, чтобы потерять равновѣсіе и очутиться внизу. Глядя сверху въ отверстіе, прямо подъ вами на страшной глубинѣ виднѣется Днѣстръ—

земли не видно, такъ какъ береговая полоса и осыпи у подножія горы слишкомъ незначительны,—подобный видъ, разумѣется, не можетъ придать храбрости зрителю. Несомнѣнно, что въ древности пещера была обширнѣе и представляла больше удобствъ для жилья, но съ теченіемъ времени она мало по малу обрушивается, по причинѣ вывѣтриванія известковой скальной породы и, подобно всѣмъ подольскимъ пещерамъ, становится все меньше и неприступнѣе.

Мы можемъ только догадываться съ большей или меньшей вѣроятностью о происхожденіи и первоначальномъ назначеніи бакотской пещеры въ древнѣйшую пору, но извѣстно, что въ послѣдствіи, уже въ историческія времена, она составляла часть христіанскаго монастыря, лежавшаго вѣроятно у подошвы горы и соединявшагося нѣкогда съ пещерою ступеньками, вырубленными въ скалѣ; этимъ объясняется ея внутреннее расположеніе. Въ нижнемъ оборотѣ спирали замѣчаются двѣ небольшія келіи съ нѣсколько выпуклыми сводами, высѣченныя въ скалѣ одна надъ другою съ правой и съ лѣвой стороны; размѣры келій весьма незначительны: около девяти футовъ длины, четыре фута ширины и около шести вышины; сверхъ того онѣ наполнены до половины занесенной сверху рыхлой наносной землею. При самомъ концѣ послѣдняго оборота, нѣсколько ниже означенныхъ келій, замѣчаются съ каждой стороны пещеры по двѣ глубокія зарубки въ стѣнѣ, расположенныя другъ противъ друга, которыя очевидно закладывались досками, представляя возможность постройки третей келіи на половину деревянной, на половину каменной; въ серединѣ ея, въ лѣвой стѣнѣ вырубленная небольшая ниша, которая могла служить изголовьемъ, правда не очень мягкимъ, но для отшельника другаго и не полагается.

Отверстіе пещеры выходитъ прямо на урочище «Монастырисько», съ которымъ она, очевидно, находилась въ связи въ прежнее время, теперь-же по причинѣ сильныхъ обваловъ прекратилась возможность сообщенія между двумя частями древняго монастыря. Прямо спуститься съ горы нѣтъ никакой возможности; чтобы попасть на «Монастырисько», нужно возвращаться прежнею дорогою въ село, отъ котораго урочище отдѣляется топкимъ, болотистымъ лугомъ.

Спускаясь вдоль оврага, крестьяне разсказали намъ связанное съ нимъ преданіе о прежнемъ панѣ, которому принадлежала Ба-

кота, въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія; къ сожалѣнію, я забылъ его имя. Панъ этотъ былъ медикъ, большой оригиналъ, одаренный какою-то сверхъестественной силой, по мнѣнію современниковъ, которыхъ онъ поражалъ своими оригинальными выходками. Такъ напримѣръ, не желая жить въ селѣ среди людей, панъ поселился въ оврагѣ, при началѣ *Бѣлой горы*; къ одной изъ стѣнъ оврага онъ пристроилъ домъ, такъ что нависшій утесъ образовалъ плоскую крышу, на которой онъ насадилъ виноградникъ. Вокругъ дома, къ удивленію всѣхъ окрестныхъ жителей, панъ развелъ огромный фруктовый садъ изъ самыхъ лучшихъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ на обнаженномъ почти известковомъ грунтѣ; это предпріятіе потребовало, конечно, много знанія, терпѣнія и самаго упорнаго труда; неудивительно поэтому, что суевѣрное населеніе Бакоты приписывало успѣхъ сверхъестественнымъ силамъ. Изъ разныхъ мѣстъ пріѣзжали къ доктору больные, прогуливались въ его висячихъ садахъ и часто жили здѣсь во все время лѣченія.

Память народная сохранила много разсказовъ, въ которыхъ бывшій панъ является лицемъ полумиѳическимъ. Такъ напримѣръ разсказываютъ, что панъ всегда ходилъ пѣшкомъ, не стѣсняясь разстояніемъ, и ходилъ съ неимовѣрной быстротой; напримѣръ, если ему нужно было отправиться въ Каменецъ, онъ посылалъ кучера съ лошадьми и экипажемъ почтовой дорогой, а самъ шелъ напрямикъ, черезъ горы и рѣки, и пѣшкомъ поспѣвалъ всегда раньше кучера, и т. п. Въ одну изъ такихъ экскурсій зимою, его захватила вьюга и онъ замерзъ на пути. Какъ-бы то ни было, это повидимому была на столько выдающаяся личность для своего времени и окружающей среды, что какъ современники, такъ и потомки не могли считать его обыкновеннымъ человѣкомъ и видѣли въ немъ нѣчто въ родѣ волшебника или «характерника», какъ у насъ называетъ народъ, — «фармазонъ бувъ покійний панъ», прибавилъ разсказчикъ.

По смерти *пана фармазона* его оригинальное жилище было оставлено наслѣдниками и мало по малу приходило въ разрушеніе; садъ и виноградникъ, разведенные съ такимъ трудомъ, тоже не многимъ пережили своего владѣльца—вскорѣ они были вырублены бакотскими жителями на разныя хозяйственныя нужды. Показываютъ еще мѣсто, гдѣ стоялъ домъ и садъ, но отъ нихъ уже не со-

хранилось и слѣда: чего не успѣли разрушить люди, то докончила дождевая вода, унесшая даже наносную почву изъ оврага, такъ что теперь остался только чистый скальной грунтъ.

Минуя оврагъ и болото, подходимъ къ самому берегу Днѣстра; у подножія *Бѣлой горы* берегъ на столько возвышенъ, что не заливается даже весною,—это и есть «Монастырисько». Урочище занимаетъ пространство до двухъ десятинъ, поросшее густымъ бурьяномъ почти въ человѣческій ростъ и заваленное глыбами камней, которыя въ продолженіи столѣтій обрушивались съ горы. Противъ пещеры сохранились слѣды стѣны, явно циклопической постройки; стѣна тянется по прямой линіи отъ огромнаго утеса, лежащаго уже въ водѣ, почти до самаго подножія горы. Не вдалекѣ отъ стѣны расположены горизонтально въ разныхъ мѣстахъ три плоскія продолговатыя плиты изъ того-же известняка, похожія на надгробныя плиты, но безъ всякихъ слѣдовъ надписей, очень толстыя и плохо отесанныя. Вмѣстѣ съ пещерой и остатками стѣны это все, что осталось отъ древняго монастыря.

Но осматривая со вниманіемъ разсѣянные на полянѣ камни, мы встрѣтили нѣчто несравненно болѣе интересное и неожиданное,—цѣлое открытіе въ археологическомъ отношеніи. Среди множества скалъ разной величины и самой неправильной формы, скатившихся съ горы, вниманіе мое привлекли попадавшіяся мѣстами группы камней, какъ будто бы искусственно расположенныя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ монастырской стѣны. Расположенныя на самомъ берегу рѣки, противъ пещеры, обращенной выходомъ на юго-западъ (характерный признакъ жилищъ каменнаго вѣка), вблизи которой вдобавокъ попадаются каменныя орудія, подобныя группы невольно наводили на мысль о мегалитахъ.

Правда, этого рода сооруженій еще мало извѣстно въ Россіи; но если существуютъ ясные мегалитическіе памятники въ Херсонщинѣ, то еще вѣроятнѣе встрѣтить ихъ въ Подоліи. Вѣдь отрытія и толковаго описанія двухъ-трехъ подобныхъ памятниковъ достаточно, чтобы пролить яркій свѣтъ на состояніе этого вопроса въ наукѣ, а при этомъ удобномъ случаѣ и самому прославиться и получить извѣстность въ археологическомъ мірѣ—перспектива, конечно слишкомъ заманчивая для нашего брата, но въ тоже время требующая большой осторожности при оцѣнкѣ и опредѣленіи па-

мятниковъ. Такъ думалъ я, сидя въ нерѣшительности на одномъ изъ камней и соображая, слѣдуетъ-ли его промѣрить и опредѣлить его отношеніе къ другимъ, или не стоитъ.

Восклицаніе моего друга вызвало меня изъ задумчивости. Не смотря на свой скептицизмъ по вопросу о мегалитахъ, Маричукъ въ этомъ отношеніи оказался счастливѣе меня. Я нашелъ его въ почтительномъ созерцаніи передъ скалой около сажени въ вышину, очень явственно описанной въ видѣ не совсѣмъ правильной пирамиды, стоящей на основаніи; на ея фасѣ, обращенномъ къ рѣкѣ, глубоками и весьма грубыми чертами вырѣзанъ рисунокъ, изображающій двѣ человѣческія фигуры. Одна, около аршина вышины, представляетъ человѣка, идущаго на лѣво,—ступни обѣихъ ногъ обращены въ эту сторону, но голова и туловище представлены *en face*, руки разставлены въ обѣ стороны, грудь и животъ очерчены одной линіей,—очевидно первобытный художникъ не совладалъ съ трудной задачей представить цѣлую человѣческую фигуру въ профиль. Впрочемъ нужно отдать ему справедливость, фигура эта отдѣлана съ нѣкоторыми подробностями: на рукахъ сдѣланы пальцы, шеи нѣтъ, за-то на головѣ волосы на подобіе лучей или сіянія. Рядомъ съ этой стоитъ другая фигура болѣе грубой отдѣлки и значительно меньше первой: головы ихъ на одномъ уровнѣ, а ноги второй какъ-бы стоятъ на протянутой лѣвой рукѣ первой: второй человѣкъ весь представленъ *en face*, руки безъ пальцевъ, ноги загнуты врозь на подобіе полозьевъ; онъ какъ будто издали слѣдуетъ за первымъ. Между головами вырѣзанъ маленькій крестъ, сдѣланный, повидимому, другой рукой и въ позднѣйшее время, вѣроятно жившими здѣсь монахами.

Какъ по положенію фигуръ, такъ и по характеру выполненія эта картинка должна быть отнесена къ древнѣйшей порѣ человѣческой культуры, къ разряду рисунковъ на скалахъ, причисляемыхъ нѣкоторыми археологами къ числу украшеній мегалитическихъ памятниковъ. Итакъ, не оставалось больше сомнѣнія, сдѣлано наконецъ открытіе, вознаграждавшее насъ за неудачи цѣлаго дня; оставалось только продолжать изслѣдованіе терена. На той-же полянѣ замѣтны еще три пирамиды, подобныя первой, но опрокинутыя и безъ рисунковъ, по крайней мѣрѣ на трехъ открытыхъ сторонахъ не замѣчено никакихъ изображеній, а поднять камень, чтобы осмо-

трѣть обращенную къ землѣ грань, мы не могли по причинѣ ихъ огромности. Наконецъ къ тому-же разряду памятниковъ можно отнести громадный утесъ, упирающійся острымъ концемъ въ дно рѣки, а другимъ краемъ прилегающій къ берегу; его окружаетъ и поддерживаетъ группа камней меньшихъ размѣровъ, такъ что можно на него вылѣзть, не замочивши ногъ. Положеніе этой скалы ясно указываетъ на то, что она не могла, оборвавшись съ горы, сама докатиться сюда и стать такъ безъ посторонней помощи; очевидно, здѣсь дѣло искусственной постановки. Поверхность утеса покрыта множествомъ круглыхъ углубленій, на подобіе чашекъ разной величины; одно изъ нихъ продолговатое имѣетъ видъ какъ-бы человѣческой стопы. Эти чашки, выдолбленныя повидимому человѣческими руками, еще болѣе подтверждаютъ догадку объ отдѣлкѣ и постановкѣ утеса еще въ доисторическія времена. Позже, во время существованія здѣсь монастыря, онъ могъ исполнять другое назначеніе, чѣмъ служить алтаремъ для принесенія жертвъ душамъ умершихъ; можетъ быть онъ составлялъ передовой выступъ монастырской ограды, такъ какъ къ нему прямо примыкаетъ конецъ фундамента древней стѣны.

Какъ бы то ни было, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ остатками двухъ различныхъ эпохъ. Правдоподобно, естественная скальная пещера могла служить жилищемъ для людей каменнаго вѣка, оставившихъ слѣды своего пребыванія въ видѣ каменныхъ орудій, разсѣянныхъ на поверхности *Бѣлой горы*[1]; чашечный камень, пирамиду съ рисункомъ и другіе искусственно отдѣланные и поставленные камни можно, кажется, съ достовѣрностью признать памятниками искусства и религіи этихъ людей. Много вѣковъ протекло съ того времени, пока христіанскіе монахи воспользовались готовой пещерой, поддѣлали ее и приспособили сообразно своимъ потребностямъ, такимъ образомъ она вошла въ составъ православнаго монастыря: что же касается памятниковъ язычества, то они частью уцѣлѣли, частью, вѣроятно, употреблены на хозяйственныя

[1]) Кромѣ отбитыхъ кремневыхъ орудій здѣсь попадаются иногда и полированныя,—г. Шманскій показывалъ намъ найденный на поляхъ Бакоты фрагментъ прекрасно отполированной булавы изъ зеленоватаго изумрудистаго сланца, залегающаго въ горахъ вблизи села.

нужды монаховъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы вспомнимъ, что началомъ для огромнаго большинства нашихъ скальныхъ монастырей и монастырскихъ пещеръ послужили уже готовыя пещеры, служившія пріютомъ первобытному человѣку въ доисторическую пору.

Наслоеніе позднѣйшаго времени предоставляютъ основаніе циклопической[1]) стѣны и келіи—это несомнѣнно остатки христіанскаго монастыря, существовавшаго здѣсь въ средніе вѣка, но мы не можемъ опредѣлить время его основанія по недостатку точныхъ историческихъ свидѣтельствъ.

Что касается кургана, то судя по характеру погребенія и по отдѣлкѣ найденнаго при скелетѣ сосуда, его нужно отнести къ концу языческаго курганнаго періода, прямо предшествовавшаго введенію христіанства въ юго-западной Руси.

Вотъ и все, что удалось намъ собрать о древнѣйшей, до-исторической Бакотѣ,—немногимъ полнѣе будутъ наши свѣдѣнія о ней и въ позднѣйшую пору по малочисленности историческихъ данныхъ. До насъ дошло такъ мало документальныхъ свидѣтельствъ о Бакотѣ и между ними встрѣчаются такіе огромные пробѣлы, иногда въ цѣлое столѣтіе и больше, что нѣтъ возможности составить сколько нибудь цѣльную картину жизни этого города. Поэтому ограничусь только нѣсколькими характерными эпизодами, которые сохранили намъ лѣтописи.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о времени возникновенія и первоначальной судьбѣ Бакоты. Первое лѣтописное извѣстіе о ней встрѣчается довольно поздно, въ 1240 году, когда Бакота является уже однимъ изъ важныхъ центровъ Галицкаго княжества, едва-ли не самымъ значительнымъ городомъ Галицкаго Понизья, нынѣшняго Подолія. Поэтому можно предполагать, что городъ этотъ возникъ гораздо раньше, если къ половинѣ

---

[1]) Считаю необходимымъ оговориться относительно термина *циклопическій*, который я принимаю въ смыслѣ архитектурномъ, безъ хронологическаго оттѣнка. Дѣло въ томъ, что въ южной и западной Европѣ циклопическія постройки относятся къ весьма глубокой древности, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ, сравнительно недавнимъ. И въ настоящее время крестьяне въ подольскихъ селахъ обносятъ свои усадьбы циклопическими стѣнами (т. е. сложенными изъ крупныхъ и мелкихъ камней безъ цемента).

XIII в. успѣлъ достигнуть выдающагося значенія. Впрочемъ столицы часто мѣнялись въ Галицкомъ княжествѣ.

Первая половина XIII вѣка и совпадающая съ нею первая половина княженія Даніила Романовича была едва-ли не самымъ тяжелымъ и смутнымъ временемъ въ исторіи Галицкой земли за весь удѣльный періодъ. Между тѣмъ какъ другія южно-русскія области успѣли ко времени татарскаго нашествія болѣе или менѣе уложиться въ тѣ или другія рамки, выработать извѣстныя формы внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній, въ Галицкой землѣ все еще шла упорная борьба между различными общественными элементами,—то глухая и скрытая, то ясно прорывавшаяся наружу въ формѣ борьбы княжеской власти съ различными партіями: народной, боярской, иноземной и т. д. То могущественнымъ князьямъ, какъ Владиміръ Володаревичъ и Романъ Мстиславичъ, удавалось, устранивши всѣхъ соперниковъ, подавить всѣ протестующіе элементы, или, выражаясь словами лѣтописца, «погнетши пчелъ, вкусити меду», то при малѣйшемъ ослабленіи центральной власти партіи эти снова оживали. Болѣе сильная брала перевѣсъ надъ остальными, изгоняла несимпатичныхъ ей князей и правителей, а иногда даже казнила ихъ и призывала другихъ по своему выбору; бояре захватывали власть въ свои руки и распоряжались краемъ по своему усмотрѣнію. Во время одной изъ такихъ смутъ, самой продолжительной, случившейся по смерти Романа, въ малолѣтство его сыновей, главнѣйшими заправилами были представители боярской партіи: Володиславъ, Судиславъ, Жирославъ и другіе—всѣ, кому удавалось на время создать себѣ сильную партію. Молодые Романовичи принуждены были воспитываться за предѣлами своего княжества и затѣмъ, съ помощью иноземныхъ покровителей, завоевывать обратно отцевское наслѣдство.

Василько Романовичъ скоро сжился съ мирнымъ волынскимъ населеніемъ, но Даніилу пришлось очень тяжело со своими галичанами. Съ неутомимой энергіей и настойчивостью этотъ предпріимчивый князь долженъ былъ по мелочамъ,—городъ за городомъ, округъ за округомъ, приводить подъ свою власть наслѣдственныя отцевскія владѣнія. Большая половина его жизни ушла на то, чтобы округлить свой удѣлъ, но такъ какъ Даніилъ дѣйствовалъ репрессивными мѣрами и не дѣлалъ уступокъ ни одной изъ партій,

то при малѣйшемъ удобномъ случаѣ все шло врозь и приходилось снова обращаться къ иноземной помощи и наемной дружинѣ. Повидимому спокойствіе уже начинало водворяться въ Галицкой землѣ, какъ вдругъ татарское нашествіе 1240 года сразу разрушило плоды многолѣтнихъ усилій и ясно доказало всю непрочность вынужденнаго наружнаго спокойствія среди подавленныхъ элементовъ. Нужно было начинать все дѣло сначала.

Съ приближеніемъ Батыя, какъ извѣстно, страшная паника распространялась въ русскихъ земляхъ: всѣ, кто только могъ, бѣжали, куда глаза глядятъ, отъ грознаго завоевателя; это было общее sauve qui peux. Ничего еще не зная о погромѣ сѣверо-западной Руси, Даніилъ отправился по дѣламъ въ Венгрію. Здѣсь уже онъ услышалъ отъ бѣглецовъ вѣсть о приближеніи татаръ, но не возвратился въ свою землю, чтобы приготовить средства къ ея защитѣ, а напротивъ удалился въ Польшу, гдѣ и оставался со всѣмъ своимъ семействомъ, пока татары не вышли изъ русскихъ предѣловъ. Галицкая земля была спасена отъ конечнаго разоренія только благодаря находчивости тысяцкаго Димитрія. Общественное мнѣніе не могло простить этого галицкому князю и при его возвращеніи нѣкоторыя вѣча отказывались открыть передъ нимъ ворота своихъ городовъ. Но несомнѣнно всѣми этими обстоятельствами лучше всего съумѣла воспользоваться боярская партія.

Пользуясь отсутствіемъ князя, бояре по удаленіи татаръ захватили власть въ свои руки и попытались овладѣть въ свою пользу разными областями Галицкой земли: «Данила княземъ собѣ називаху, а самѣ всю землю держаху». При этомъ львиную часть захватили по взаимному соглашенію двое самыхъ сильныхъ въ то время бояръ: Григорій Васильевичъ вокняжился въ горной Перемышльской области, а другой, Доброславъ «вшедъ въ Бакоту, все Понизье прия, безъ княжа повеленія». Всѣмъ остальнымъ на братію досталось только Подгорье. Изъ лѣтописнаго текста можно, кажется, заключить, что въ данное время Бакота была центромъ Понизья, если Доброславъ избралъ ее своею резиденціей и отсюда «все Понизье прия». Занявши край, названные бояре съ группою своихъ приверженцевъ начинаютъ въ немъ хозяйничать по своему усмотрѣнію: «и бысть мятежь великъ въ землѣ и грабежь отъ нихъ», замѣчаетъ лѣтописецъ. Такъ Доброславъ раздаетъ цѣлые округи

людямъ незнатнаго происхожденія и черниговскимъ боярамъ, очевидно разсчитывая найти въ нихъ поддержку противъ мѣстнаго боярства, и смѣется надъ приказаніями возвратившагося князя. Простой народъ повидимому больше симпатизировалъ новымъ правителямъ, нежели своимъ князьямъ и устраивалъ имъ торжественныя встрѣчи.

Вскорѣ однако между ними произошло столкновеніе, такъ какъ Доброславъ, не довольствуясь Подольемъ, пожелалъ овладѣть и Горами. Даніилъ Романовичъ воспользовался раздоромъ своихъ правителей—оба они въ одиночку были схвачены и заточены.

Послѣ того въ 1241 г., Даніилъ послалъ въ Бакоту своего печатника Курила для разслѣдованія боярской интриги—«исписати грабительства нечестивыхъ бояръ»; посланный успѣлъ «утишити землю», неизвѣстно впрочемъ какими мѣрами. Въ это самое время къ Бакотѣ подступилъ одинъ изъ претендентовъ на Галицкій столъ, Ростиславъ Михайловичъ черниговскій, со своими союзниками Болоховскими князьями и съ горстью принявшихъ его сторону галичанъ. Ростиславъ пытался склонить на свою сторону и Курила, но послѣдній сперва отвѣчалъ ему укорами, а затѣмъ выступилъ съ пѣхотою изъ города и, обративъ въ бѣгство черниговскаго претендента, удержалъ Бакоту за своимъ княземъ. Даніилъ въ томъже году опустошилъ Болоховскую землю, въ наказаніе за оказанную Ростиславу поддержку, послѣ чего поѣхалъ въ Бакоту и Колюсъ, «хотя уставити землю»; очевидно эти города были главными центрами внутренняго броженія, охватившаго все Понизье.

Вѣроятно ему удалось административными мѣрами на нѣкоторое время водворить порядокъ въ краѣ; но спокойствіе было непрочно, потому что уже въ 1255 г., когда татары, пользуясь отсутствіемъ великаго князя, вторглись въ Подолье и подошли къ Бакотѣ, Милѣй (вѣроятно, представитель городскаго вѣча) тотчасъ «приложися къ нимъ», за что татары назначили его своимъ баскакомъ въ той-же Бакотѣ. Узнавъ о случившемся, Даніилъ, занятый походомъ на Литву, послалъ въ Бакоту своего сына Льва съ отрядомъ войска. Левъ занялъ Бакоту гарнизономъ, самаго Милѣя, захвативъ въ расплохъ, взялъ въ плѣнъ и привелъ къ отцу; но очевидно онъ имѣлъ дѣло съ ловкимъ противникомъ. Милѣй въ самое непродол-

жительное время успѣлъ войти въ довѣренность молодаго, энергичнаго князя и такъ расположилъ его въ свою пользу, что, не смотря на компроментирующія его обстоятельства, Левъ Даниловичъ поручился передъ отцемъ въ его вѣрности. Самъ Данилъ, не привыкшій стѣсняться съ боярами, пошелъ на уступку: онъ не только далъ свободу Милѣю, но и возвратилъ ему его прежнее положеніе, разсчитывая вѣроятно милостью расположить его къ себѣ и пріобрѣсть въ его лицѣ вѣрнаго слугу и проводника своихъ интересовъ. Милѣй возвратился въ Бакоту, но не оправдалъ довѣрія великаго князя, а напротивъ, при новомъ приближеніи татаръ, измѣнилъ своей клятвѣ и сдалъ имъ Бакоту.

Правдоподобно бакотскихъ жителей и ихъ представителя прельщала участь болоховцевъ, которые платили татарамъ дань хлѣбомъ, но за то пользовались полнѣйшей свободой и покоемъ и не имѣли надъ собою никакихъ бояръ и князей, кромѣ выборныхъ атамановъ.

На этомъ обрываются наши свѣдѣнія о Бакотѣ и наступаетъ продолжительный пробѣлъ почти въ цѣлое столѣтіе.

Въ шестидесятыхъ годахъ XIV вѣка, завоевавши юго-западную Русь у татаръ, (послѣ 1362 года) великій князь литовскій Ольгердъ, по своему обыкновенію, началъ раздавать на ленныхъ правахъ удѣлы своимъ родственникамъ, въ томъ числѣ подольская земля отдана во владѣніе четыремъ его племянникамъ, братьямъ Корiятовичамъ. При занятіи края новыми владѣльцами оказалось, что въ цѣломъ Подоліи не осталось ни одного укрѣпленнаго города: «а въ тотъ часъ въ подольской землѣ не былъ ни одинъ городъ, ни деревомъ рубленый, ани каменемъ будованый», такъ какъ всѣ укрѣпленія еще раньше были срыты и уничтожены татарскими темниками. Поэтому Корiятовичи прежде всего занялись постройкой новыхъ укрѣпленій для обороны края. Первыми были укрѣплены наиболѣе важные центры Подолія: Смотричъ и Каменецъ на рѣкѣ Смотричѣ и Бакота на Днѣстрѣ. «И на первое (Корiятовичи) нашли собѣ тверду на рѣцѣ Смотричи и тутъ собі нарядили городъ Смотричъ. Въ другомъ мѣстѣ были черицы въ горѣ и въ томъ мѣстѣ нарядили городъ Бакоту», т. е. оградили фортификаціями существовавшіе еще раньше города. Такимъ образомъ Бакота является однимъ изъ трехъ главнѣйшихъ центровъ Подолія при Корiятовичахъ.

Вслѣдъ за тѣмъ князья, по соглашенію съ народонаселеніемъ, перестали платить татарамъ собираемую съ жителей дань и стали взымать ее въ свою пользу, за что обязывались охранять ихъ отъ нападенія непріятеля. Осѣвшись въ краѣ, новые князья по литовскому обычаю начинаютъ раздавать земли разнымъ лицамъ на условіяхъ ленной зависимости; при этомъ Бакота въ 1388 г. отдана во владѣніе нѣкоему Немирѣ.

При послѣднемъ изъ четырехъ братьевъ, князѣ Ѳеодорѣ Коріятовичѣ, подольская земля перестала было повиноваться великому князю Витовту и пыталась даже совсѣмъ отдѣлиться отъ Литвы, чего конечно Витовтъ не могъ спокойно допустить. Узнавъ о приближеніи великаго князя съ литовскими силами, Коріятовичъ поставилъ въ городахъ гарнизоны изъ волоховъ, а самъ отправился за помощью въ Венгрію; между тѣмъ Витовтъ успѣлъ захватить воеводу Нестака, которому князь Ѳедоръ поручилъ защиту края, овладѣлъ всѣми укрѣпленными городами и посадилъ въ нихъ своихъ старостъ. Вскорѣ всѣ эти города, въ томъ числѣ и Бакоту, Витовтъ уступилъ королю Ягайлу за двадцать тысячъ, а король въ свою очередь, вѣроятно нуждаясь въ деньгахъ, заложилъ ихъ за ту-же сумму пану Спытку изъ Мельштына, съ обязательствомъ отбывать военную службу въ пользу Витовта, а не короля.

Вскорѣ Спытко погибъ въ одномъ изъ походовъ великаго князя противъ татаръ. Такъ какъ его вдова и малолѣтніе наслѣдники не могли надлежащимъ образомъ защищать край отъ татарскихъ вторженій, то великій князь литовскій, по предложенію короля, выкупилъ обратно проданную имъ юго-западную половину подольской земли и образовалъ изъ нея особое староство, которое отдалъ въ управленіе дворянину Грановскому. Вскорѣ однако Грановскій былъ смѣщенъ и послѣ него въ непродолжительное время смѣнялись одинъ за другимъ четыре старосты литовскаго происхожденія. Послѣдній изъ нихъ, панъ Долгирдъ, до смерти Витовта управлялъ подольскими городами, имѣя резиденцію въ Каменцѣ; но по смерти великаго князя, когда польскій элементъ получилъ перевѣсъ во внутренней политикѣ, польскіе паны, давно уже съ завистью смотрѣвшіе на богатыя подольскія земли, хитростью схватили Долгирда, разграбили его имущество и забрали въ свои руки всѣ города, составлявшіе подольское староство.

Послѣ того Бакота вмѣстѣ съ другими городами, кажется, вошла въ составъ королевскихъ имѣній; это можно заключить изъ различныхъ люстрацій, которыя впрочемъ ни однимъ словомъ не упоминаютъ о замкѣ или какихъ-бы то ни было укрѣпленіяхъ въ Бакотѣ. Вѣроятно укрѣпленіе, воздвигнутое здѣсь при Коріятовичахъ, просуществовало недолго.

Во второй половинѣ XVIII ст. Бакота, уже какъ село, входила въ составъ Ушицкаго староства и нѣкоторое время находилась во владѣніи каменецкихъ базиліанъ, но около 1774 года она обращена въ отдѣльное староство, приносившее чистаго дохода 1900 золотыхъ польскихъ.

Вотъ и все, что удалось собрать по мелочамъ объ одномъ изъ древнѣйшихъ и самыхъ важныхъ центровъ Подолья въ былыя времена.

Въ настоящее время это—небольшое и повидимому не слишкомъ богатое село съ маленькой, старинной церковью, мало отличающееся своею наружностью отъ прочихъ подольскихъ селъ; только недостатокъ лѣса въ окрестностяхъ Бакоты, не смотря на присутствіе садовъ при каждой хатѣ, сообщаетъ селу грустный, какъ-бы сосредоточенный видъ—точно оно склонилось надъ рѣкою у подножія горъ и задумалось надъ превратностями судьбы, припоминая, сколько важныхъ историческихъ событій видѣли эти горы, сколько поколѣній самыхъ различныхъ племенъ и эпохъ прошли по нимъ; каждая эпоха приносила поочередно свои интересы и свою культуру, но отъ иныхъ не сохранилось и слѣда ни на поляхъ бакотскихъ, ни въ народной памяти, ни въ историческихъ матеріалахъ.

Впрочемъ все пережитое не могло не оставить слѣда въ характерѣ и физіономіи мѣстнаго населенія. Дѣйствительно постороннему человѣку сразу бросается въ глаза чрезвычайная сдержанность и осторожность, даже недовѣрчивость въ отношеніи ко всему чужому. Подобное настроеніе является, вѣроятно, отголоскомъ вѣковыхъ традицій; выражается оно чрезвычайнымъ развитіемъ въ народѣ суевѣрія, находящаго поддержку въ многочисленномъ классѣ всевозможныхъ знахарей и знахарокъ, вѣдьмъ, ворожекъ и т. п., которые на всѣ лады эксплуатируютъ довѣріе и благосостояніе населенія не только на мѣстѣ, но и далеко за предѣлами своего уѣзда. По словамъ г. Шиманскаго, едва-ли не половина бакотскихъ жителей, кромѣ обычныхъ крестьянскихъ промысловъ, занимаются въ

большей или меньшей степени некромантіей; особенно крупный процентъ въ этомъ отношеніи падаетъ на женскую половину населенія, при чемъ занятія, кажется, строго дѣлятся по спеціальностямъ: однѣ гадаютъ на картахъ, другія иными способами; есть спеціалистки, которыя лѣчатъ и заговариваютъ болѣзни, открываютъ воровъ, насылаютъ и отгоняютъ всевозможныя несчастья, разлучаютъ супруговъ и влюбленныхъ и наоборотъ возвращаютъ любовь посредствомъ приворотнаго зелья; иныя промышляютъ и ядами, въ особенности чрезвычайно сильными наркотиками изъ мѣстной флоры, тщательно скрывая свой секретъ. Особенно многочисленную практику имѣютъ двѣ послѣднія категоріи,—очевидно родъ человѣческій страдаетъ сильною потребностью жить лирической жизнью и въ тоже время наносить вредъ своимъ подругамъ; наиболѣе обширной и, какъ говорятъ, заслуженной извѣстностью пользуется за свои приворотныя средства одна изъ самыхъ старыхъ знахарокъ, которую всѣ считаютъ вѣдьмой; она даетъ какой-то цвѣтокъ, который сразу возвращаетъ своему обладателю утраченную любовь или поселяетъ новое чувство въ симпатичной ему особѣ, и другой цвѣтокъ, уничтожающій немедленно всякую симпатію. Къ этой женщинѣ пріѣзжаютъ въ большомъ количествѣ даже изъ другихъ уѣздовъ не только люди изъ необразованныхъ классовъ, но зачастую даже представители интеллигенціи въ краѣ; вѣра въ могущество бакотской «вѣдьмы» такъ сильна, что напримѣръ жена, оставившая мужа для кого нибудь другаго, узнавъ, что мужъ ея побывалъ въ Бакотѣ, спѣшитъ возвратиться къ нему сама, не дожидаясь неизбѣжнаго дѣйствія зачарованнаго цвѣтка. Но случаются также весьма трагическіе эпизоды, происходящіе изъ личной вражды. Такъ напримѣръ одна крестьянка, желая отомстить за что-то своему знакомому, запаслась у знахарки зельемъ и поднесла его въ чаркѣ горѣлки, отъ которой несчастный крестьянинъ упалъ замертво и затѣмъ на всю жизнь остался помѣшаннымъ. Не удивительно, что такія ловкія особы успѣваютъ собрать себѣ порядочное состояніе на счетъ чужаго легковѣрія; однако суевѣрный страхъ обезпечиваетъ ихъ имущество отъ всякихъ покушеній среди мѣстнаго населенія. Впрочемъ нѣсколько лѣтъ назадъ случилось происшествіе, сильно взволновавшее всю Бакоту. Вблизи села проживали нѣсколько человѣкъ великороссовъ, кажется, артель рабочихъ или огородниковъ, что-то въ этомъ

родѣ. Не успѣвъ еще проникнуться мѣстными суевѣріями и провѣдавъ о богатствѣ знахарокъ, русскіе неоднократно похвалялись передъ ними и однажды ночью явились къ одной изъ самыхъ состоятельныхъ, и связавши ее, ограбили на весьма крупную сумму. Участники преступленія вскорѣ были открыты и задержаны, правда при содѣйствіи полицейской власти, а не сверхъ-естественныхъ силъ, и хотя ихъ не постигло никакое сверхъ-естественное наказаніе, однако послѣднее обстоятельство ни мало не поколебало въ крестьянахъ увѣренности въ могуществѣ ихъ вѣдьмъ.

Подобная возведенная въ систему эксплуатація народнаго невѣжества съ одной стороны и такое глубокое суевѣріе съ другой, разумѣется, не могутъ быть дѣломъ одного дня, они создаются весьма продолжительнымъ временемъ, можетъ быть цѣлыми вѣками. При этомъ нельзя обойти молчаніемъ существующее въ польской исторической литературѣ мнѣніе, будто для отравленія Варвары Радзивиловны, жены короля Сигизмунда Августа, была вызвана знахарка изъ подольской земли; нѣкоторыя лица изъ мѣстной польской интеллигенціи увѣряютъ даже, что такая отравительница не могла быть вызвана изъ инаго мѣста, кромѣ Бакоты. Конечно, фактъ этотъ не доказанъ и его можно оспаривать въ частностяхъ, но во всякомъ случаѣ онъ можетъ служить яснымъ доказательствомъ тому, что и въ старину въ подольской землѣ было чрезвычайно развито «видемство» и знахарство во всѣхъ его видахъ и что главнымъ ихъ центромъ считается Бакота.

К. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОФРОНІЙ ДОБРАШЕВИЧЪ,

АРХИМАНДРИТЪ НОВОЙ СЕРБІИ.

Мы намѣрены сообщить свѣдѣнія объ этой личности и въ связи съ тѣмъ о судьбѣ новосербскаго преображенскаго монастыря на основаніи просмотрѣнныхъ нами подлинныхъ документовъ въ архивѣ святѣйшаго синода.

Новою Сербіею, какъ извѣстно, названо въ указѣ императрицы Елисаветы Петровны отъ декабря 1751 года пространство мало до того населенной земли, такъ называемаго «Дикаго Поля»; оно предназначено было для поселенія сербскихъ выходцевъ изъ Венгріи, жившихъ тамъ на турецкомъ пограничьи, съ обязательствомъ военной службы, но уже съ 1740 годовъ постепенно преобразуемыхъ въ мирныхъ поселянъ. Новая Сербія простиралась на востокѣ отъ праваго берега Днѣпра до Синюхи, на сѣверѣ граничила съ Польшею, на югѣ соприкасалась съ владѣніями Запорожской Сѣчи. Хотя по смыслу указа бывшіе тамъ до сего жители должны были выселиться въ другія мѣста (не указано, какія), но они остались [1]) и включены были въ составъ военныхъ сербскихъ поселеній. И самыя эти поселенія были *сербскими* только по преобладающему въ нихъ начальственному элементу изъ сер-

---

[1]) Изъ справки синодальной канцеляріи, съ отъѣзжаго инженеръ-подполковника де-Боскета на запросъ синода въ февралѣ 1752 г., видно, что въ 1745 г. тамъ были церкви—одна въ Казанкѣ Потоцкой, одна въ Мошуринѣ Рогѣ, въ Крыловѣ двѣ, въ Стецовкѣ одна, въ Нестеровкѣ одна, въ мѣстечкѣ Цибулевѣ одна, въ селѣ Уховкѣ одна, въ селѣ Глинскомъ одна, въ селѣ Табурешѣ одна и Крюковѣ одна. Всѣ эти и другія поселенія зависѣли тогда отъ малороссійскаго

бовъ; на самомъ-же дѣлѣ, какъ и въ указѣ обозначалось, этотъ округъ данъ «приходящимъ народамъ—сербскому, македонскому, болгарскому и волосскому».

Австрійской службы полковникъ, теперь русскій генералъ маіоръ Иванъ Самойловичъ Хорватъ въ 1752 году съ своими единоземцами занялъ отведенныя мѣста, какъ главный начальникъ всего новозаводимаго поселенія, и при рѣкѣ Большой Выси, близь польской границы, устроилъ шанецъ, родъ крѣпости, съ поселеніемъ, кои и составили Новомиргородъ, названный такъ потому, что мѣстность причислялась прежде къ малороссійскому миргородскому полку. Новомиргородъ сдѣлался резиденціею Хорвата и центромъ управленія всего поселенія. Сербовъ и «другихъ единовѣрныхъ народовъ», то есть болгаръ и волоховъ, недостаточно оказалось для заселенія; но права и льготы, какъ и «вольности», восполняли этотъ недостатокъ привлеченіемъ жителей изъ малороссіянъ русскаго и польскаго государствъ, польскихъ шляхтичей, раскольниковъ, евреевъ и проч.

23 марта 1753 года правительствующій сенатъ сообщилъ въ синодъ вѣдѣніемъ слѣдующее.

«Правительствующему сенату генералъ маіоръ Хорватъ поданнымъ доношеніемъ представлялъ: понеже де намѣреніе сво предпринято въ Новой Сербіи при поселеніи первой роты, гдѣ и онъ свое жилище съ фамиліею взялъ, по обѣщанію своему изъ собственного ево кошту построить монастырь каменный во имя Николая Чудотворца, къ чему еще прошедшей осени архитекторъ подраженъ, и матеріалами потребными чрезъ проходящую зиму, дабы въ работу зъ ближающеюсь весною вступить, заготовляется, въ которомъ монастырѣ къ ревности православного извѣстного, подъ высочайшее ея императорскаго величества милосердіе и вѣчное подданство изъ другихъ державъ прибѣгающаго народа, кой

гетманскаго управленія... «Выше показанныя же церкви уповательно состоятъ въ епархіи кіевскаго митрополита. А понеже де отъ 1745 году повинѣ уповательно въ тѣхъ заднѣпровскихъ мѣстахъ церквей еще нѣсколько построено, но какое число, о томъ у него подполковника де-Баскета извѣстія не имѣется». О мѣстности и распредѣленіи ротъ Новой Сербіи см. статью священника *Василія Панфорова* «Очерка александрійскаго уѣзда, херонской губерніи» (въ Херонск. Епарх. Вѣдомостяхъ, за 1876 годъ).—А.

чрезъ то со всѣмъ своимъ усердіемъ поощренъ въ православное отечество къ выѣзду еще лучше будетъ, не инымъ-бы, какъ токмо изъ того православного націона, монахомъ, іеромонахомъ и духовнымъ начальнымъ властямъ и управителямъ быть: на что потребно отъ святѣйшаго правительствующаго синода благословеніе и указъ получить, чтобъ быть во ономъ архимандріи. И нынѣ на первый случай изъ того-жъ народа предъ недавнимъ временемъ выѣхавшаго изъ святой афонской горы Іоанна Предотечева монастыря, называемаго Діонисиюго, греческой націи, архимандрита Іоакима Ралова учредить, который къ тому желаніе свое имѣетъ и притомъ еще пользу высокому интересу учинить въ приглашеніи и подзовѣ на поселеніе въ Новую Сербію скрытымъ и искуснымъ въ томъ образомъ изъ потребныхъ мѣстъ надобного православного народа (отбывши подъ секретомъ въ прежній свой монастырь) дѣйствительно обѣщаетъ. А пока онъ съ святыхъ горъ прибудетъ, чтобъ смотрѣніе кому около вновь того заводимого монастыря имѣть, и то на кого положить можно, сербославенской націи находящагось здѣсь, въ Москвѣ, предъ нѣсколькимъ временемъ выѣхавшаго въ Россію игумена Афонасія Милутиновича опредѣлить-бы. Того ради правительствующаго сената онъ генералъ маіоръ Хорватъ просилъ въ начатіи того дѣла и реченнаго архимандрита въ оной монастырь о благословеніи, и что дѣйствительно онъ уже увѣреннымъ остался, въ томъ безъ разглашенія о немъ подъ секретомъ къ присягѣ привесть; о опредѣленіи-жъ въ тотъ монастырь и реченнаго игумена, который-бы въ строеніи того смотрѣніе свое и прилѣжность имѣлъ, и выѣзжающихъ изъ тѣхъ націей для пребыванія въ тотъ монастырь монаховъ содержать до прибытія архимандрита (о которомъ-бы ему игумену знать не дано было) могъ, святѣйшему правительствующему синоду сообщить. А какъ-бы оной монастырь при новости и началѣ еще въ тѣхъ мѣстахъ поселенія и въ недостаточествѣ чтобъ милостынею содержать отъ вновь выѣзжающаго народа, и чтобъ въ неимущемъ себе пропитаніи и нуждѣ при собраніи въ ономъ братіи въ первомъ случаѣ не признавали, и хочай малое къ содержанію себе удовольствіемъ помилованіе имѣли, милостивое разсужденіе и разсмотрѣніе учинить, и какъ вновь начинающійся къ прибѣжищу иностраннаго православного

народа духовнымъ чинамъ монастырь всѣми потребными церковными книгами опредѣлить снабдѣть.

Правительствующій сенатъ приказали сообщить вѣдѣніемъ въ святѣйшій правительствующій синодъ, что предписанное генерала-маіора Хорвата представленіе признаваетъ за весьма полезное и угодное дѣло. Для того святѣйшій правительствующій синодъ да благоволитъ по тому ево генерала-маіора Хорвата представленію какъ о построеніи того монастыря и о бытіи въ ономъ архимандріи и о учрежденіи на первой случай выѣхавшаго изъ афонской горы архимандрита Іоакима Ралова, такъ и о порученіи нынѣ въ смотрѣніе того монастыря игумену Афонасію Милутиновичу, на объявленномъ отъ него Хорвата основаніи, надлежащее разсмотрѣніе и опредѣленіе учинить, и ево генерала-маіора, и еще кого по духовной командѣ слѣдовать будетъ, указами снабдѣть непродолжительно. Притомъ же тотъ монастырь и церковными книгами, сколько какихъ потребно, отъ святѣйшаго правительствующаго синода снабдить, и означеннаго игумена указомъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода безъ умедленія туда отправить. А что касается содержанія того монастыря хотя малымъ чѣмъ, дабы по новости тамошняго мѣста въ неимущемъ пропитаніи и нуждѣ при собраніи во ономъ братіи въ первомъ случаѣ не признавалъ: того ради какъ оному игумену, такъ и по начатіи прибытія во оной монастырь монаховъ на содержаніе ихъ надлежащею ругою за высочайшее ея императорскаго величества здравіе отпускать денежной казны изъ опредѣленной къ генералу-маіору Глебову на сербовъ суммы до тысячи рублевъ въ годъ. И святѣйшій правительствующій синодъ да благоволитъ о томъ вѣдать учинить; а Хорвату посланы указы. Марта 23 дня 1753 года».

Игуменъ Аѳанасій Милутиновичъ былъ уже извѣстенъ синоду и по сообщеніямъ военной коллегіи, и по собственнымъ касательно его распоряженіямъ. Еще 7-го генваря 1752 года коллегія сообщила, на основаніи прошенія Милутиновичева, что «онъ по усердію своему ко всероссійской имперіи, будучи въ введенскомъ славеносербскомъ монастырѣ въ афонскихъ горахъ, въ 1741 году вышедшихъ изъ турецкого плѣну россійскихъ солдатъ трехъ человѣкъ своимъ немалымъ коштомъ въ Константинополь къ бывшему тогда посломъ графу Румянцеву отпезъ, но за то себѣ никакого награж-

денія не получалъ; да и сверхъ того еще онъ между сербскимъ народомъ своими ревностными внушеніями къ пользѣ и славѣ Россійскія имперіи услуги показывалъ. И хотя де онъ потомъ сербскими офицерами на имѣющее между сербскимъ и валахейскимъ народомъ въ Арадѣ порозжее архіерейское мѣсто и выбранъ былъ, однакожъ со стороны римскаго императорскаго двора въ томъ подъ разными претекстами отказано. И тако де онъ, видя православной христіанской вѣры развращеніе, принялъ свое желаніе прибѣгнуть въ здѣшнюю имперію, дабы вѣчно іеромонашескую жизнь свою въ покойномъ благочестіи окончить. И коллегія рекомендуетъ его прилежно святѣйшему синоду».

Въ канцеляріи синода Милутиновичъ показалъ о себѣ, что «онъ— сербянинъ, родился въ цесарской области, въ губерніи темяшварской, гдѣ по желанію своему преосвященнымъ Викентіемъ митрополитомъ постриженъ въ монашество и рукоположенъ въ іеродіакона, и жительствовалъ при немъ по 725 годъ, а въ томъ году по смерти его преосвященства пришелъ во аѳонскую гору, гдѣ и принятъ въ братство во введенскій хиландарскій монастырь, и тамъ 732 года преосвященнымъ Стефаномъ, митрополитомъ іерійскимъ, посвященъ въ іеромонаха, а въ 741 году пришедшихъ въ тотъ монастырь изъ турецкого полону россійскихъ солдатъ трехъ человѣкъ своимъ немалымъ коштомъ вывезъ въ Константинополь къ бывшему послу, графу Румянцеву. И послѣ того и самъ онъ въ 742 году былъ въ Россіи для собранія милостыни на тотъ монастырь, и собрано было 600 рублевъ и отослано съ оказіею въ тотъ монастырь. Самъ же за несносными безпокойствы отъ турокъ въ монастырь не возвратился, а остался въ Сербіи при патріархѣ Арсеніи, и между тѣмъ сербскими господами избранъ былъ на архіерейство, но со стороны римскаго императорскаго двора отказано, а вступилъ въ то достоинство уніатъ»... По распоряженію синода былъ онъ 22 генваря 1753 года отправленъ въ московскую епархію къ митрополиту Платону, который помѣстилъ его сперва въ Чудовѣ монастырѣ, потомъ въ троицкой лаврѣ «съ нѣкоторымъ респектомъ» въ пищѣ и содержаніи. Когда же 8 марта Иванъ Шевичъ съ штабъ и оберъ-офицерами своими, бывши въ Москвѣ, подалъ синоду доносъ, что Милутиновичъ «чинитъ непристойныя разглашенія и пришедшимъ

съ Шевичемъ въ Россію офицерамъ развращенія», то синодъ перевелъ его въ Петербургъ на троицкое подворье (отъ 18 марта).

5 апрѣля 1753 года синодъ сообщилъ сенату, что онъ «представленіе генерала-маіора Хорвата о построеніи въ Новой Сербіи по обѣщанію ево собственнымъ коштомъ, для пребыванія выѣзжающихъ изъ повелѣнныхъ нацей монаховъ и ради лучшаго выѣзду тамошняго народа, каменнаго монастыря признаваетъ за весьма полезное и угодное дѣло, а посему опредѣлилъ поднесть ея императорскому величеству всеподданнѣйшій докладъ». Самый докладъ есть повтореніе прошенія Хорвата и справки съ отношенія коллегіи.

Тогда же, должно быть, и Милутиновичъ отправленъ былъ въ Новую Сербію въ распоряженіе Хорвата; но послѣдній, какъ видно, изъ случайнаго въ 1759 году упоминанія «за непостоянное житіе и подозрительное обращеніе съ гайдамаками» выслалъ его очень скоро (не позже 1755 года). Затѣмъ имѣется сообщеніе сената синоду: «отъ 6 мая 1756 года Хорватъ донесъ, что «пока не получая дозволенія о монастырѣ, онъ началъ каменную соборную церковь въ Новомиргородѣ, но что если выйдетъ дозволеніе, то немедленно приступитъ къ постройкѣ монастыря, а между тѣмъ настоятелемъ будущаго монастыря желаетъ имѣть архимандрита Софронія, который и отправленъ имъ въ Петербургъ. А генералъ-лейтенантъ Глебовъ присланнымъ же отъ 27 марта репортомъ объявилъ, что оной архимандритъ Софроній сербской націи выѣхалъ въ 755 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ изъ турецкой области митрополіи валевской [1]) свято-николаевскаго монастыря, желая въ вѣчномъ ея императорскаго величества подданствѣ въ Новой Сербіи остаться и поэтому генералъ-лейтенантъ Хорватъ требовалъ привесть его къ присягѣ и поручить ему устройство въ новомиргородскомъ шанцѣ монастыря»... Но какъ уже предположено было имѣть архимандрита Іоакима Ралова, да и о монастырѣ рѣшенія не было, то рѣшили отправить его въ Петербургъ. Сенатъ проситъ привести его къ присягѣ и впредь до рѣшенія дѣла о монастырѣ, позволить ему, по возвращеніи въ Новую Сербію, служить въ приходскихъ

---

[1]) Валево — городъ въ нынѣшнемъ королевствѣ Сербскомъ, на сѣверъ отъ Ужица, на рѣкѣ Верхней Колубарѣ.

церквахъ, считаясь архимандритомъ монастыря, который Хорватъ намѣрился устроить.

Въ журналѣ синода отъ 1 іюля 1756 года записано опредѣленіе: 1) привесть означеннаго архимандрита Софронія къ присягѣ на вѣрность; 2) взять съ него сказку, сколько есть монаховъ въ Новой Сербіи; 3) отпустить его въ Новую Сербію и дозволить служить въ приходскихъ церквахъ; 4) въ желаемомъ монастырѣ на первый случай довольно судится быть архимандритъ одинъ, іеромонаховъ четыре, іеродіакона три, монашествующихъ и другихъ чиновъ до пятнадцати человѣкъ; а на содержаніе тысячу рублевъ.

Требуемая сказка подана Софроніемъ 3 іюля 1756 г. и въ ней показано слѣдующее: «Во оной новонаселенной въ Россіи Сербіи, коя поселеніе имѣетъ близъ Миргорода, состоящаго въ кіевской губерніи, прибывшихъ изъ сербянъ монашествующихъ нынѣ находится іеромонаховъ: изъ монастырей крушедольскаго Прохоръ, изъ Ораховицы Исаія, Леонтій, Захарія, Арсеній, Димитрій, да изъ сербской деревни Даля[1]) бѣлый діаконъ Павелъ. И изъ оныхъ нынѣ обываютъ іеромонахъ Прохоръ да діаконъ Павелъ въ Миргородѣ для ученія дѣтей въ школахъ магистрами, іеромонахи-жъ Исаія въ кіево-братскомъ, Леонтій въ кіево-межигорскомъ, Захарія въ кіево-греческомъ, Димитрій въ заднѣпровскомъ городищномъ монастыряхъ для пропитанія по позволенію преосвященнаго Тимоѳея, митрополита кіевскаго, Арсеній въ Миргородѣ при пандурскомъ полку, и Іезекіиль въ Миргородѣ-жъ при полковомъ священникѣ Петрѣ, который имѣется у Хорвата».

Послѣ сего синодъ положилъ привесть въ исполненіе свое опредѣленіе отъ 1 іюля и вмѣстѣ отчислить Новую Сербію отъ кіевской епархіи въ переяславскую. Указомъ 5 іюля 1756 года дано знать Іоанну, епископу переяславскому и борисполскому, что ему подчинена Новая Сербія, то есть крѣпость св. Елисаветы съ двадцатью тремя слободами Новой Сербіи.

Того-же числа опредѣлено «выдать Софронію изъ синодальной ризницы въ Москвѣ архимандричью шапку изъ находящихся въ ношиткахъ послѣ духовныхъ персонъ, коя бы не превосходила цѣною свыше ста рублей», а 25 іюля: «въ разсужденіи его иностран-

---

[1]) Даля—нѣсколько при Дунаѣ, въ Сліавіи.

ства дать наперстный крестъ сребряный съ цѣпочкою, и на покупку онаго употребить до тридцати рублевъ», равно выдать для предполагаемаго монастыря десять паръ облаченій священническихъ и діаконскихъ и тридцать четыре богослужебныя книги, кои и поименованы.

Предъ выѣздомъ Софроній просилъ синодъ подтвердительной себѣ грамоты на архимандрію и согласно требованію подалъ о себѣ 2 августа 1756 года сказку, въ которой изъяснялъ: «природою де онъ Софроній обрѣтающагося въ Цесаріи города Осека [1]), въ монашество постриженъ въ Цесаріи жъ, въ монастырѣ называемомъ Крушедолѣ, въ 1740 году; въ бытность въ томъ монастырѣ произведенъ во іеродіакона Георгіемъ Поповичемъ, митрополитомъ темешварскимъ, въ томъ-же году, и во іеромонаха Павломъ Ненадовичемъ, епископомъ плашскимъ [2]), а въ коемъ году, о томъ де онъ архимандритъ Софроній отъ того епископа, да и о постриженіи де въ монашество отъ духовника своего, означеннаго монастыря Крушедола архимандрита Аѳанасія Величкова письменныя аттестаціи имѣетъ, на іеродіаконскій-же чинъ аттестаціи тамо не дается. И въ томъ де монастырѣ Крушедолѣ обывалъ онъ Софроній до 747 г., а во ономъ взятъ онъ ко Іоанну Георгіевичу, епископу осекскому, у коего де бывши въ священнослуженіи чрезъ четыре года по своему желанію, а по увольненію онаго епископа Іоанна, отлучася отъ него, пріѣхалъ въ турецкую область, въ вышеупомяненной валевской епархіи свято-николаевскій монастырь, гдѣ де такожъ въ священнослуженіи іеромонахомъ пребывалъ до 753 года, а въ томъ де году декабря 25 числа произведенъ онъ Софроній въ тотъ свято-николаевскій монастырь архимандритомъ преосвященнымъ Паисіемъ, митрополитомъ валевскимъ, о чемъ де отъ того митрополита за рукою его и свидѣтельствующая о томъ его Софронія во архимандрита произведенія грамота дана, кою де такожъ и вышеупомянутыя аттестаціи оригинальныя имѣетъ при себѣ, и ежели де повелѣно будетъ, то де онъ архимандритъ Софроній святѣйшему правительствующему синоду объявить имѣетъ неотмѣнно».

---

[1]) Осекъ, это городъ Ессекъ, древняя Mursia. Осекъ передѣланъ нѣмцами.

[2]) Плашка, по нѣмецки Карльштадтъ, въ Кроаціи.

18 августа св. синодъ выдалъ ему грамоту, сущность которой въ слѣдующихъ начальныхъ строкахъ:

«Благословили мы свят. прав. всероссійскій синодъ выѣхавшему въ Россію изъ турецкой области, митрополіи валевской святоникольскаго монастыря архимандриту Софронію въ Новой Сербіи, состоящей въ кіевской губерніи, до воспослѣдованія о построеніи тамо монастыря высочайшаго ея императорскаго величества указа въ приходскихъ находящихся во оной церквахъ священнослуженіе по чиноположенію святыя восточныя греко-россійскія церкви отправлять, наружный на перекѣхъ крестъ носить, архимандричью шапку и палицу въ служеніи, также и мантію и жезлъ, по обычаю малороссійскихъ архимандритовъ, употреблять, нижеслѣдующаго ради о немъ Софроніѣ обстоятельства. Сего 1756 года іюня 21 дня сообщено, что онъ присланъ отъ Хорвата»... и проч. Въ заключеніи грамоты внушается Софронію покорность епархіальному архіерею. Подписали грамоту: «смиренный Сильвестръ, архіепископъ санктпетербургскій и шлюшенбургскій и архимандритъ александро-невскаго троицкаго монастыря. Смиренный Димитрій, епископъ рязанскій и муромскій. Смиренный Веніаминъ, епископъ тверскій и кашинскій. Аѳанасій, архимандритъ свято-троицкія лавры. Варлаамъ, архимандритъ донской».

По предположенію епископа Іоанна изъ тысячи рублей ежегодной милостыни на монастырь архимандритъ имѣлъ получать 350 р., 4 іеромонаха по 35 р., 3 діакона по 26 р., 15 человѣкамъ «служальскимъ» довольно было по 14 р., «предая прочее на разсужденіе его архимандрита». Донося объ этомъ синоду, преосвященный увѣдомилъ, что Хорватъ выдалъ Софронію причитающуюся сумму, какъ на сентябрскую треть 1756, такъ и на весь 1757 г.

При семъ сообщенъ былъ и планъ новомиргородскаго поселенія и отводимой монастырю земли съ поясненіемъ, что монастырь отъ шанца будетъ въ трехъ верстахъ; земли пахатной и сѣнокосной 370 десятинъ, да къ тому изъ лѣсныхъ угодьевъ для пасѣки монастырю изъ полкового лѣсу изъ Чуты 200 десятинъ. Планъ:

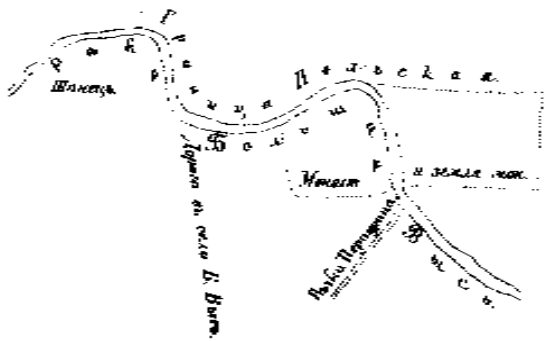

Отъ 27 генваря 1759 года епископъ Гервасій, преемникъ Іоанна, донесъ синоду, что 11 генваря настоящаго года архимандритъ Софроній Добрашевичъ доложилъ ему о намѣреніи своемъ «для проживающихъ въ Новой Сербіи и приходящихъ монаховъ къ приличнѣйшему имъ житію въ избранномъ имъ архимандритомъ Софроніемъ въ лѣсѣ прозываемомъ Чутою до состроенія предбудущаго въ Новой Сербіи монастыря подворье, въ которомъ и церковь во имя Преображенія Господня, построить, о чемъ имѣетъ благословеніе и покойнаго антецессора моего, преосвященнаго Іоанна, епископа переяславскаго, и дозволеніе состоящаго при гусарскихъ полкахъ главнаго командира генералъ-лейтенанта Ивана Самойловича Хорвата». Гервасій говоритъ, что далъ свое благословеніе особенно въ виду непристойности жить монахамъ въ Миргородѣ среди свѣтскихъ персонъ.

Дозволеніе Хорвата выражено было въ двухъ письменныхъ *салвогардіяхъ*: одною, выданною 20 генваря 1757 года на имя іеромонаха Исаака съ тремя другими монахами, дозволялось построить «скитокъ» въ Черномъ лѣсѣ, при рѣчкѣ Рудой, въ дачахъ гусарскаго хорватова полка семнадцать роты, въ шанцѣ дмитровскомъ, и ради служенія церковь; другою, отъ 8 марта того-же 1757 года, выданною монаху Іакинеу съ другими, позволялось пользоваться лѣсомъ и землею по отводу командировъ роты и строиться въ Чутѣ, если найдутъ способное къ тому мѣсто.

И вотъ монахи, предположивъ сначала строиться въ Черномъ лѣсѣ, перешли въ Чуту и задумали основаться на мѣстѣ бывшей пасѣки николаевскаго пустынно-медвѣдовскаго монастыря (въ 20

верстахъ отъ Чигирина), неизвѣстно когда заведенной, но теперь (можетъ быть изъ боязни гайдамакъ или по приказу начальства при основаніи Новой Сербіи) брошенной и запустѣлой. Найдя тутъ препятствіе, о которомъ будетъ рѣчь далѣе, они воротились къ Черному лѣсу.

Строить долго впрочемъ не пришлось; уже въ іюлѣ 1759 г. Софроній донесъ преосвященному Герасію о воспослѣдовавшемъ отъ Хорвата запрещеніи строиться и разореніи построекъ. Герасій написалъ сгорача нѣсколько рѣзкое письмо къ Хорвату, на которое получилъ (отъ 5 октября) отвѣтъ. Въ послѣднемъ Хорватъ жалѣетъ, что «такъ безразсмотрительно, не учиня напередъ сношенія», преосвященный нанесъ ему огорченіе. Далѣе онъ пишетъ: «строеніе какъ было, такъ и остается; да и можно-ли думать такъ, когда самъ я о построеніи монастыря того испросилъ благословеніе отъ антецессора вашего и въ отведенной по высочайшему соизволенію и узаконенію изъ капитанской сына моего дачи землю опредѣлилъ, и къ зачатію того деньгами, къ продовольствію монашества мельницею [1], а къ тому и данными сальвогардіями и къ помощи оного вызванными съ Польши нѣсколькими семьями снабдилъ, гдѣ то подворье въ обзаводствѣ своемъ и начало взяло: но за препорученіемъ оного помянутому архимандриту Софронію, по неспокойному ево жительству, какъ монахи за крайнимъ отъ него притѣсненіемъ и побоями неоднократно разогнаны, такъ и сколько пчелы и прочаго, что до ихъ пропитанія и отъ доброхотныхъ дателей присовокуплено, истреблено и распродано. Не можете-ль ваше преосвященство изъ той ево безвинной жалобы постигнуть напосимыхъ и лживыхъ клеветъ? Какая-жъ ему причина быть могла изъ опредѣленнаго столь выгоднаго мѣста то подворье переносить на другое, гдѣ для многихъ причинъ и опасностей, чего до откровенности духовенству и не слѣдуетъ [2], тѣмъ монахамъ и людямъ быть отнюдь невозможно, и въ то мое въ Санктпетербургъ отбытіе воспользоваться у нашего преосвященства? И ваше преосвященство въ то мое отбытіе, учиня

---

[1] Мельница, данная монастырю, находилась на р. Ингулкѣ, при нынѣшней деревнѣ Христофоровкѣ.

[2] Т. е. чего, откровенно говоря, духовенству и не подобаетъ; разумѣетъ дружбу съ гайдамаками, коихъ еще не мало находилось въ Чутѣ.

будьто не зная оного, только за извѣстіе ко мнѣ письмо въ Новую Сербію отправили, а онъ съ того учинился было здѣсь самовластнымъ, а потому и удержанъ офицерами [1]) отъ самоуправства въ выборѣ земель и дачъ, кои точно разграничены между полками и ротами до послѣдняго человѣка. Ссылаюсь на совѣсть самого архимандрита Софронія, не чрезъ меня ли онъ высочайшею милостію пользуется, и могъ ли бы онъ по своему въ прежнихъ мѣстахъ обдержанію здѣсь то получить?... Елико жъ принадлежитъ до его жалованья, оное ему на первый годъ 400 рублевъ, а на другой 500 рублевъ выдано, а на нынѣшній годъ не произведено по причинѣ неимѣнія въ новосербской суммѣ денегъ, почему и воинскіе въ корпусѣ чины за два и за три года жалованья не получили». Въ этомъ же письмѣ Хорватъ тонко намекнулъ, что забота о гражданскомъ благосостояніи края лежитъ на немъ, Хорватѣ, а не на его преосвященствѣ.

При обоюдномъ раздраженіи оба правителя, свѣтскій и духовный, не пришли къ соглашенію. Хорватъ еще разъ (9 декабря) писалъ преосв. Гервасію, съ поясненіемъ, что первая салвогардія дана малороссійскимъ монахамъ, коихъ архимандритъ разогналъ, что «въ Чутѣ никакъ удержаться не можно отъ гайдамакъ», что и въ Черномъ лѣсѣ монахи укрывали гайдамакъ и оружіе, что Софроній такой же ненадежный и непостоянный человѣкъ, какъ и бывшій тутъ прежде игуменъ Мылутиновичъ, и просилъ отправить его куда нибудь въ глубь Россіи. Не получивъ отвѣта, Хорватъ послалъ жалобу въ сенатъ, а послѣдній въ началѣ февраля 1760 г., сообщилъ синоду вѣдѣніемъ о донесеніи Хорвата, что «преосвященный Гервасій, епископъ переяславскій, письмомъ своимъ, по напрасныхъ и ложныхъ взаѣтамъ архимандрита Софронія, безъ всякого перво спошенія и усмотрѣнія справедливости, почитаетъ его генерал-лейтенанта противникомъ противу Бога и огорчителемъ Его, и другіе ко обеславленію имени его Хорвата термины включилъ, и разорителемъ храма Божія почелъ и подвелъ правило [2]), служащее

[1]) Именно, предположивъ Алексѣй Константиновъ далъ Софронію знать чрезъ письмо, отъ 6 апрѣля 1759 г., что до пріѣзда Хорвата изъ С.-Петербурга онъ не долженъ предпринимать перестроекъ.

[2]) Преосвященный въ длинномъ своемъ письмѣ привелъ 24 правило IV вселенскаго собора и 13 пр. VII всел., по которымъ разорители церквей, если они духовные, подлежатъ низложенію, а если міряне, то отлученію.

ко отлученію за то отъ церкви: съ котораго ево преосвященного и съ отвѣтного на то отъ него генерала писемъ на разсмотрѣніе приложилъ при томъ доношеніи копіи и просилъ по онымъ рѣшенія. Приказали: о томъ въ святѣйшій правительствующій синодъ сообщить вѣдѣніе, показавъ во ономъ, что, по данной реченному генералу-лейтенанту Хорвату, за подписаніемъ собственныя ея имп. величества руки, привилегіи, подъ Новую Сербію отведенная земля, съ поселяемымъ на оной повелѣнныхъ нацей народомъ, въ вѣдомствѣ ево генерала-лейтенанта состоитъ, кой о умноженіи тамъ народа стараніе свое прилагать долженъ, и прилагаетъ; для котораго поселяемаго народа онъ о построеніи тамъ и монастыря представлялъ и выбралъ удобное мѣсто, а между тѣмъ монастырь теперь начатъ строиться на новомъ мѣстѣ въ Черномъ лѣсѣ, и потому, предупреждая непорядки, воспретилъ то дѣлать».

Въ этомъ донесеніи Хорватъ позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторую неточность, сказавши, что архимандритъ вмѣсто избраннаго мѣста, то есть близъ Новомиргорода, началъ самовольно строиться въ Черномъ лѣсѣ, и вовсе умолчавши о своихъ салвогардіяхъ.

Отъ 14 февраля 1760 года синодъ потребовалъ отъ Гервасія разслѣдовать, точно-ли на новомъ мѣстѣ строится монастырь. Но еще 6-го февраля отпущенъ Софроній въ Петербургъ «для лучшаго изъясненія о своихъ обидахъ отъ генерала Хорвата и доставленія обстоятельнѣйшихъ резоновъ по тому своему дѣлу»; и отъ тогоже числа епископомъ Гервасіемъ послано донесеніе синоду такого содержанія.

«Епархіи моей переяславской, Новой Сербіи архимандритъ Софроній Добрашевичъ, минувшаго 1759 года генваря 14 дня, поданнымъ мнѣ доношеніемъ представилъ: минувшаго 1757 года находившіяся въ Новой Сербіи при лѣсѣ Чорномъ монахи даннымъ генералу лейтенанту Хорватову доношеніемъ просили для приличнѣйшаго приходящихъ и проживающихъ при лѣсѣ, называемомъ Чутѣ, монаховъ прожитія подворье, до будущаго въ Новой Сербіи монастыря, и въ томъ подворьи церковь во имя Преображенія Спасова состроить; по которому де доношенію отъ него генерала Хорватова въ Чутѣ либо въ Чорномъ лѣсахъ подворье и церковь состроить и дозволено, якожде о дозволеніи и двѣ салвогардіи за его-жъ генерала рукою даны. А въ дополненіи де къ состроенію

того подворья и церкви въ лѣсѣ Чорномъ о выдачѣ грамматы на испрошеніе милостыни къ моему антецессору, преосьященному Іоанну, отъ него-жъ писано, съ прошеніемъ выдачи книги; да и самъ де онъ генералъ пятдесятъ рублевъ на заложеніе церкви зъ казначейства и мельницу поблизу того подворья, имѣвшагося быть, находившуюся дать. И понеже де ему архимандритѣ съ монахами при немъ имѣющимися въ Новомъ Миргородѣ жить между мірскими незапристойно, указомъ-же де ея императорскаго величества, изъ святѣйшаго правительствующаго синода ко мнѣ прошлаго 757 г. отъ ноября 17 состоявшимся, между прочимъ велѣно, что касается до имѣемаго быть въ Новой Сербіи ему архимандритѣ зъ братіею жительства, о томъ надлежащее разсмотрѣніе и приличное къ монашескому обращенію распоряженіе мнѣ учинить: того ради, представивъ онъ салвогардіи генерала Хорвата, дозволяющіи на состроеніе подворья и въ немъ церкви, просилъ моего на то благословенія. На основаніи таковыхъ обстоятельствъ благословеніе на заложеніе воспоминаемой церкви отъ мене дано ему архимандритѣ того-жъ 759 года генваря, и о томъ тогда-жъ какъ и вашему святѣйшеству отрепортовано, такъ и къ воспоминаемому генералу лейтенанту Хорватову о вспоможеніи въ состроеніи оной церкви писано. Истекшаго-же 1758 года іюля 20 онъ-же архимандритъ Софроній чрезъ поданное мнѣ доношеніе объявилъ: въ томъ де 759 г. доношеніемъ, поданнымъ мнѣ, онъ архимандритъ просилъ благословенія на заложеніе церкви подъ Чорнымъ лѣсомъ при рѣчкѣ Рудой [1]), и хотя де, по тому доношенію получивъ онъ отъ мене благословеніе, церковь Спасова Преображенія заложилъ было, къ состроенію оной уконтрактовавъ обыкновенно майстеровъ [2]) и по надлежащему ихъ деньгами и харчью снабдивъ; но предпомянутый де генералъ Хорватъ, возвратися того-жъ года изъ Санктпетербурга, не только заложеніе оное разорилъ чрезъ капитана Христа

---

[1]) Мѣстность не при самой рѣчкѣ, а верстахъ въ семи отъ нея, и въ верстѣ отъ р. Ингульца. Руда упомянута для опредѣленности, какъ имѣющая всего теченія не больше десяти верстъ, тогда какъ Ингулецъ — больше 250. Руда впадаетъ въ Ингулецъ.

[2]) Это «бывый житель Цибулева Ярёма съ помощниками». На подворьѣ еще жили хаты Іосифъ и Романъ Солозячи и Трохимъ Ганчаръ.

Геринча [1]), майстеровъ его архимандрита съ монахами и жившихъ при томъ подворьи до шести и болѣе хатъ людей разогналъ, луку [2]), принадлежавшую къ тому подворью, отнявъ, священнику шанца Дмитровскаго на хуторъ опредѣлилъ [3]), но уничтожая уже свои салвогардіи и свое въ высоко правительствующій сенатъ представленіе, коимъ просилъ о бытіи въ Новой Сербіи монастырю и въ немъ архимандритѣ зъ братіею опредѣленія, чтобъ ни единаго въ томъ подворьи монаха не было, приказалъ, чѣмъ де въ такое онъ архимандритъ приведенъ зъ монахами своими разореніе, что и насѣянный тамо хлѣбъ до двадцати дней въ пустошъ и спашъ оставить принуждены. Наконецъ-же де, не довольствуясь и толикими приключеніями обидъ, за собственные его архимандрита деньги наемнаго человѣка для присмотрѣнія и настьбы скота къ пропитанію его архимандриты и братіи имѣющагося, въ услуженіе свое онъ генералъ насильно взялъ, и что безъ надлежащаго смотрѣнія скотъ оставленъ, сомнительно, чтобъ въ цѣлости доселѣ быть могъ. И понеже де, чтобъ по благословенію моему заложенной имъ архимандритомъ церкви строеніе привесть въ совершеніе, при коей до пребудущаго монастыря состроенія можно-бъ съ монахами въ согласія монашескія регулы прожить, препятствуется отъ генерала Хорвата; того ради онъ архимандритъ просилъ моего ему зъ братіею въ приключаемыхъ отъ него генерала Хорвата обидахъ защищенія, а о прекращеніи тѣхъ обидъ и о состроеніи къ прожитію ему зъ братіею церкви, которая зъ благословенія моего уже и заложена, къ вашему святѣйшеству отъ мене представленія. По которому архимандриты доношенію за должность мою въ томъ-же

---

[1]) Христо (Христофоръ) Геричъ есть основатель деревни Христофоровки, нынѣ существующей. Софроній послѣ (въ синодѣ) показалъ, что Геричъ позволилъ Солошичамъ и Ганчару оставаться въ своихъ хатахъ «за хорову и обязательство робыть панщину ему капитану».

[2]) Лука — малороссійское названіе луга, весною заливаемаго водою; эта лука находилась близъ самаго подворья.

[3]) Въ послѣдствіи въ своихъ неоднократныхъ показаніяхъ на запросы зъ канцеляріи синода, Софроній сознавался, что «сторонностію о томъ заувѣдомлено его». Можетъ быть священникъ Даніилъ и простиралъ свои виды на монастырскую дачу и по примѣру Геричча, отнявшаго мельницу, думалъ овладѣть тѣмъ мѣстомъ для своего хутора, но не видно, чтобы Хорватъ даралъ ему или обѣщалъ подарить монастырскую землю и постройки.

759 годѣ іюля дня хотя къ предвоспомяненному генералу Хорвату съ прописаніемъ предвосписанныхъ приключаемыхъ отъ его генерала архимандритѣ обидъ и съ объявленіемъ недобраго за то преслѣдованія и писалъ, зъ совѣтованіемъ и о имени нашего Спасителя прошеніемъ какъ о томъ, чтобъ онъ генералъ отъ приключенія обидъ попресталъ, такъ и заложенной церкви къ прожитію архимандриты зъ братіею строенію не препятствовалъ; но что тогожъ года октября 12 присланнымъ онъ генералъ Хорватъ ко мнѣ письмомъ объявилъ, якобы архимандритъ на его представилъ мнѣ неправедно. Съ опредѣленія моего въ моей консисторіи архимандритъ противъ того письма отвѣты далъ, и яко отъ его архимандриты Софронія отвѣтовъ виновенъ онъ Софроній не оказался, напротивужъ того, каковы ему обиды приключены отъ генерала Хорвата, совершенно изъяснилъ: то по такимъ обстоятельствамъ, хотя объ той жалобѣ архимандриты Софронія вашему святѣйшеству и надлежало отъ мене представить, но и еще я предпринялъ въ разсужденіе себѣ, не пріметъ-ли онъ генералъ въ раскаяніе себѣ того, сколь онъ безвинно архимандрита и братію изобыждаетъ, и не оставитъ-ли ихъ въ покоѣ? И въ такомъ будучи я разсужденіи, вторично къ нему генералу писалъ съ приличнымъ его чести совѣтованіемъ и о имени Спасителя нашего прошеніемъ объ томъже чрезъ него архимандрита Софронія. А понеже онъ архимандритъ Софроній, за возвращеніемъ своимъ въ катедру, настоящаго 1760 г. января 9 дня чрезъ поданное мнѣ доношеніе объявилъ: 1) Когда де онъ минувшаго 759 года декабря 1 въ Новую Сербію отъ моей катедры къ дому [1]) своему прибылъ и приказалъ бывшему при немъ монаху Исаіи ворота къ уѣзду отворить, то въ томъ дворѣ его учрежденные караульные три гарнизонные гранодеры Лазарь Марковичъ, Илія Николичъ и Сладое Стефановичъ, выскочивъ съ избы его съ ружьемъ, къ тому уѣзду въ дворъ его архимандриту не допустили, а сказали, что предписанный генералъ пущать ево въ дворъ не велѣлъ. Потомъ де выйшовъ съ тоей-же избы къ нему на улицу капитанъ Алексій Звика, потому-жъ сказалъ, и пошолъ о пріѣздѣ его къ дому своему генералу доложить. А онъ де архи-

---

[1]) То есть въ Новохиргородъ, гдѣ архимандритъ изъ своего жалованья пріобрѣлъ мѣсто за 100 р. и готовую избу за 120 рублей.

мандритъ, дожидаяся извѣстія, чрезъ немалое время на улицѣ холодъ претерпѣвалъ; а потомъ де чрезъ посланнаго отъ него архимандриты въ главную тамошнюю канцелярію іеромонаха Захарію полковой канцеляріи премеръ маіоръ Николай Цветиповичъ сказалъ, чтобъ онъ архимандритъ на какой ни есть квартерѣ, пока отрепортовано будетъ генералу, сталъ, для чего принужденъ онъ архимандритъ стоять съ прошенія своего въ дворѣ тамо жительствующаго гусарина Михаила Кишляды, дожидаясь резолюціи чрезъ дней девять. 2) Понеже де чрезъ показанное время никакой резолюціи не было ему, то того-жъ декабря 9 онъ самъ къ генералу за полученіемъ извѣстія, съ какой причины ему въ домъ свой уѣздъ караульными возбраненъ, явиться принужденъ; и когда де явился, то генералъ съ строгостію точно ему сказалъ, что въ Новой Сербіи монастырю быть вовсе отказано, и заложенной имъ архимандритомъ въ подворьѣ церкви быть крайне нельзя, понеже де тамо лежащая земля вся отведена на роты; пущай де архіерей въ Малой Россіи отведетъ землю и состроитъ ему монастырь: онъ-же генералъ въ Новой Сербіи ничего дать не имѣетъ. 3) Когда онъ архимандритъ іеродіакона Геннадія спросилъ о данной ему по указу ея императорского величества изъ святѣйшаго правительствующаго синода архимандричей ризницѣ, которая имъ въ домѣ его оставлена, гдѣ она находится, то онъ Геннадій сказалъ, что въ дому его архимандриты, а съ приказу генерала, въ церковь [1]) шанца новомиргородскаго еще до пріѣзду его въ Новую Сербію отсюда забрата. 4) Въ оной-же де архимандричей ризницѣ, изъ святѣйшаго правительствующаго синода данной, каковы и его собственныя [2]) книги находились, и тѣ тогдажъ съ тою ризницею забраны въ коспиcанную шанца миргородскаго церковь». Выясняя, что Хорватъ «безвинно вытѣснилъ» архимандрита изъ Новой Сербіи, преосвященный проситъ защиты.

Въ журналѣ св. Синода отъ 7 апрѣля 1760 года записано предположенное имъ опредѣленіе: «какъ Софроній высланъ Хорва-

[1]) Это церковь Рождества Пресвятой Богородицы, заложенная въ 1752 г., деревянная; упразднена въ 1825 году по распоряженію военнаго начальства.

[2]) Изъ собственныхъ книгъ его нашущему эти строки довелось видѣть «Розыскъ о Греческой Вѣрѣ» Димитрія ростовскаго, съ записью, что «сія книга принадлежитъ Софронію Добрашевичу, архимандриту Новой Сербіи».

томъ, то дабы ему по иностранству своему не претерпѣвать нужды здѣсь, впредь до разсмотрѣнія имѣетъ пребываніе въ ставропигіальномъ новоспасскомъ монастырѣ въ Москвѣ съ приличнымъ по его иностранству респектомъ». А по сказкѣ 11 апрѣля Софроній показалъ: «изъ Санктпетербурга по отправленіи своемъ въ Новую Сербію выѣхалъ онъ архимандритъ 1756 году въ августѣ мѣсяцѣ, а пріѣхалъ туда въ октябрѣ мѣсяцѣ того-жъ 1756 года, и явясь находящемусь тамо генералу-лейтенанту Хорвату, жительство сталъ имѣть въ Миргородѣ, и потомъ по силѣ данныхъ отъ помянутого генерала-лейтенанта Хорвата о построеніи церкви и для жительства ему архимандриту съ монашествующими скитковъ дву салвогардій, по первой въ седмойнадесятъ ротѣ въ шанцѣ дмитровскомъ, по второй въ лѣсѣ Чутѣ, гдѣ способное мѣсто изберутъ, ѣздилъ онъ архимандритъ въ Переяславль для полученія отъ бывшаго преосвященнаго Іоанна, епископа переяславскаго, на то благословенія, но, за послѣдовавшею его преосвященства тогда кончиною, того благословенія отъ него не получилъ, а просилъ де о томъ уже нынѣшняго преосвященнаго Гервасія епископа, который де и благословилъ ему архимандриту то церковное строеніе начинать по второй салвогардіи въ лѣсѣ Чутѣ, для того, что де онъ архимандритъ увѣдомился, что то, по первой салвогардіи подъ церковное строеніе назначенное, мѣсто означенный Хорватъ, при отъѣздѣ своемъ въ Санктпетербургъ въ 1758 году, отдалъ той седмойнадесятъ роты шанца дмитровскаго попу Данилѣ на хуторъ, почему де онъ архимандритъ по пріѣздѣ своемъ изъ Переяслава въ Новую Сербію по означенной второй салвогардіи въ тотъ лѣсъ Чуту ѣздилъ и къ строенію церковному способное мѣсто смотрѣлъ. А какъ потомъ де для закладыванія церкви съ подкалинами пріѣхалъ, то нестеровской роты капитанъ Мержанъ, объявя ему, что въ той Чутѣ послѣ уже данной отъ Хорвата салвогардіи поселена ихъ рота, съ стоявшею тамо командою той церкви заложить не допустилъ. Чего де ради онъ архимандритъ по первой салвогардіи, не обтявя помяненному Хорвату, за отбытіемъ его въ Санктпетербургъ, а помянаемой дмитровской роты отъ командировъ, по силѣ данной салвогардіи, вспоможенія не требуя, за небывшею въ томъ тогда нуждою, заложилъ церковь въ дачѣ дмитровской подъ Чорнымъ лѣсомъ, на Уховкѣ, за рѣчкою Рудою, въ разстояніи отъ дмитровской роты въ пяти верстахъ, которое де

мѣсто самъ онъ Хорватъ на подворье имъ опредѣлилъ. И хотя де помяненный попъ Данила въ томъ ему препятствовалъ и его архимандрита бранилъ, однако онъ архимандритъ нанялъ работныхъ людей оное строеніе производить; точію за разогнаніемъ, по приказанію Хорватову, работныхъ людей то строеніе нынѣ оставлено. Итакъ по первой салвогардіи зачатая подъ Чорнымъ лѣсомъ церковь строеніемъ оставлена, а по второй въ Чутѣ за означеннымъ недопущеніемъ и не зачата».

Изъ выставленныхъ документовъ все-таки не уясняется надлежащимъ образомъ причина разлада Хорвата въ новосербскимъ архимандритомъ, имъ-же Хорватомъ, можно сказать, созданнымъ; въ связи съ этимъ разладомъ стоитъ стремленіе Хорвата основать въ Новой Сербіи отдѣльную епископскую каѳедру и имѣть «своего единонаціональнаго епископа». Самая поѣздка его въ Санктпетербургъ въ 1758 году предпринята была, между прочимъ, съ цѣлію достигнуть учрежденія новосербской епархіи и предоставленія каѳедры вызванному имъ для того бывшему далматскому епископу Симеону Концаревичу [1]), и онъ имѣлъ въ томъ успѣхъ по крайней мѣрѣ въ сенатѣ. Ибо правительствующій сенатъ вѣдѣніемъ отъ 30 марта 1759 года сообщилъ синоду, что «по доношенію генералъ-лейтенанта Хорвата, коимъ представлялъ о прибывшемъ сюда изъ Венгріи, княженія Славоніи, епархіи пакрачко славонской, экзархѣ Геннадіѣ Васичѣ, который объявилъ письменное прошеніе, что онъ желаетъ остаться въ вѣчномъ ея имп. величества подданствѣ въ Новой Сербіи при выѣхавшемъ сюда изъ Далмаціи епископѣ Симеонѣ Концаревичѣ... При чемъ Хорватъ, по нѣкоторымъ въ пользу ея имп. величества интереса причинамъ, представлялъ за нужное означеннаго экзарха въ Новой Сербіи удержать, и для того его при означенномъ епископѣ Концаревичѣ оставить, дабы онъ иногда во время отлучки онаго епископа изъ Новой Сербіи, а притомъ, и по старости лѣтъ его, въ правленіи духовенства и надсмотрѣніи церквей быть могъ. Приказали: означеннаго экзарха Геннадія, по представленію Хорвата и по собственному его желанію, отправить въ Новую Сербію и до будущаго объ немъ опредѣленія быть ему тамо при вышес-

---

[1]) О немъ см. статью Попова въ «Православномъ Обозрѣніи» 1872 года, за мартъ мѣсяцъ. Ср. о немъ-же въ «Странникѣ» 1872 года, за сентябрь.

помянутомъ епископѣ Концаревичѣ, а для его содержанія за выѣздъ сюда въ награжденіе выдать ему сто рублей изъ штатсъ-конторы [1]. А чтобъ онъ Геннадій въ бытность въ Новой Сербіи, за отлучкою иногда епископа Концаревича или и по старости его, исправлять могъ по званію своему должность, о томъ на разсмотрѣніе сообщить въ святѣйшій правительствующій синодъ. И святѣйшій правительствующій синодъ да благоволитъ учинить о томъ по ея имп. величества указу».

Итакъ въ сенатѣ не усматривалось препятствій къ исполненію предположенія Хорвата; но синодъ вѣдѣніемъ отъ 3 мая 1759 г. сообщилъ сенату, что «въ показанной Новой Сербіи епархіи не учреждено, и оной безъ имянного ея имп. величества указу учредить не возможно, а поселенныя въ той Новой Сербіи слободы и священно-церковно-служители святѣйшимъ синодомъ въ 1756 году, по близости мѣсторазстоянія, по духовнымъ дѣламъ въ вѣдомство и управленіе переяславскаго преосвященнаго архіерея поручены. Чего для, также и что помянутый епископъ Концаревичъ самъ отъ бытія тамо отрекся и другихъ ради вивословій, ему Концаревичу не во оной Новой Сербіи, но до имѣемаго разсмотрѣнія... въ кіево-печерской лаврѣ [2]) быть опредѣлено, и слѣдственно и тому экзарху быть въ той Новой Сербіи несходственно».

Хорватъ съ своей стороны не ослабѣвалъ, и вотъ состоялся формальный приговоръ офицеровъ новосербскаго корпуса въ такой силѣ.

«1760 года февраля 28 дня новосербскаго корпуса гусарскаго Хорватова и учрежденнаго отъ того новомиргородскаго гарнизона и пандурскаго пѣхотнаго полковъ штабъ и оберъ-офицеры, будучи въ собраніи въ главномъ отъ новосербского корпуса мѣстѣ, въ шанцѣ новомиргородскомъ, и имѣя всякъ въ ротахъ учиненныя, въ силу всевысочайшей ея имп. величества имянной привилегіи и указомъ, командующимъ новосербскимъ корпусомъ, господиномъ генералъ-лейтенантомъ Иваномъ Самойловичемъ Хорватомъ о основаніи

[1]) Выражаясь по нынѣшнему—изъ государственного казначейства.

[2]) Но жилъ въ петропавловскомъ монастырѣ, гдѣ и умеръ 26 августа 1769 года; погребенъ въ монастырской церкви (нынѣ семинарской, гдѣ и понынѣ видѣется надгробіе ему).

въ здѣшнихъ заднѣпрскихъ мѣстахъ сего, по вызову съ иностранныхъ государствъ, въ Новую Сербію въ службу и вѣчное ея имп. величества подданство вышедшаго вольнаго народа и духовенства и въ строенія Божіихъ церквей довольныи наставленіи и распоряженіи, разсуждая силу оныхъ и нужность поселившемусь народу и духовенству, согласно приговорили:

1) Понеже съ какою силою и основаніемъ сей православной иностранной вольной народъ издавна, по вызову римскихъ императоровъ и по снабдѣнію привилегіею подданнымъ и фазаламъ [1]), въ первой службѣ съ отца, дѣда и прадѣда находился и своихъ единонаціональныхъ епископовъ имѣть, а наконецъ, за притѣсненіемъ народа и епископовъ къ уніи и другими въ отмѣну привилегіи приключеніи, какъ въ 1749 году, по окончаніи тогда всѣхъ воинскихъ дѣйствъ, отъ римскаго двора реинкорпорація [2]) объявлена и народъ вольнымъ остался [3]), то въ началѣ означенной господинъ генералъ-лейтенантъ, а съ нимъ, ево-же предводительствомъ и стараніемъ, и протчей народъ, по единовѣрію, во всеславную ея имп. величества россійскую имперію, при немъ-же господинѣ генералъ-лейтенантѣ, оставляя свои иждивеніи и съ какою крайнею нуждою и разореніемъ выѣхали, а другія, подражая тому, опослѣ прибыли и прибываютъ, и въ вѣчное ея имп. величества подданство подверглись, и въ сыны отечества приняты, и въ здѣшнихъ степныхъ мѣстахъ, по той всевысочайшей ея имп. величества имянной привилегіи, поселены, и какъ тоею-же привилегіею и особыми ея имп. величества указами о содержаніи въ корпусѣ новосербскихъ церквей и духовенства по произволу народа подтверждено, о томъ и на какомъ оному основаніи оставаться конфирмовано, высшимъ правительствамъ извѣстно.

---

[1]) Вѣроятно вассаламъ, то есть дворянству.

[2]) То есть расформированіе военнаго корпуса и приведеніе устройства страны въ общій видъ гражданскаго управленія; въ австрійскомъ оффиціальномъ говорѣ это называлось «Provinzialisirung, Incorporations—Geschaft». Ясно и безпристрастно изложено все это дѣло, какъ и обстоятельства выселенія сербовъ Марошско-тисскихъ въ Россію, въ сочиненіи *Schwicker's*: Politische Geschichte der Serben in Ungarn. Budapest, 1880.

[3]) То есть народу позволено было вѣнскимъ правительствомъ выселиться, если не хотятъ подчиняться новому устройству своего быта.

2) За помощію-жъ Всевышняго, въ какомъ въ новосербскомъ корпусѣ, къ славѣ и пользѣ отечества, видимомъ вѣчномъ плодѣ процвѣтаемъ и во обширности по-ротно поселеніемъ, зачавъ отъ Днѣпра болѣе двуcотъ верстъ по-надъ польскою границею и отъ турецкой стороны не въ дальнемъ разстояніи, во всегдашней службѣ въ защищеніи и обдержаніи границы остаемся; изъ коего [1]) хоть по новости, однакъ и при арміи немалое число предъ непріятелемъ въ службѣ находится. А къ тому господиномъ генералъ-лейтенантомъ Хорватомъ съ корпуса и вновь два полевые гусарскіе, македонской и болгарской, полки формируются. И во всемъ новосербскомъ корпусѣ всѣ сорокъ шанцовъ офундованы и во оныхъ Божіихъ церквей, въ коихъ и служеніе есть, двадцать девять имѣется, и къ тому и прочіе строеніемъ начаты, а и къ другимъ принадлежащіе матеріалы заготовлены. А сверхъ тѣхъ означеннымъ господиномъ генералъ-лейтенантомъ къ строенію въ шанцѣ новомиргородскомъ изъ собственного кошта каменной соборной церкви всѣ принадлежащіе матеріалы заготовлены и мастеровые люди подряжены, и въ наступающее лѣто конечно строеніемъ начнется.

3) Намъ-же всѣмъ и до послѣдняго служащаго съ фамиліями и поселенцами чувствительно остается, сколько тѣмъ командующимъ господиномъ генералъ-лейтенантомъ Хорватомъ о выгодахъ и полезныхъ ко умноженію сего вѣчного плода произходствахъ, и въ вызовѣ и умноженіи народа и духовенства, есть трудовъ и прилежанія, а напротиву того и въ просимомъ отъ народа, съ представленія ево къ той выгодности и обдержанію, съ высочайшаго ея императорскаго величества матерняго милосердія, и полезными отъ высокаго правительства резолюціями снабдѣвались: такъ и нынѣ весь сей иностранный народъ имѣетъ такую горячность и истинное желаніе, чтобъ въ Новой Сербіи, въ началѣ, къ прославленію величества Божія и къ распространенію всемилостивѣйшей монархіи славы, быть особой епархіи и при ней единонаціональному, по всевысочайшей привиллегіи, епископу (какіе и въ прежнихъ мѣстахъ всегда изъ такихъ единонаціональныхъ имѣлъ), какъ для лучшаго поощренія къ выходу народа, такъ и къ одержанію въ корпусѣ

[1]) Разумѣется новосербскій корпусъ. «Хоть по новости» — хотя съ недавняго времени.

духовенства и наблюденія церквей и догматовъ, тѣмъ паче, что выходящее духовенство, лишаясь въ прежнихъ мѣстахъ, за несвободнымъ опять[1]) отпускомъ, всего своего имущества, только для единовѣрія, сколько при проходѣ чрезъ два и три государства претерпѣваютъ разоренія и въ крайней нищетѣ и бѣдности сюда прибываютъ, то и отсель принужденными остаются ѣздить, по неблизкому отъ Новой Сербіи разстоянію, къ епархіальнымъ епископамъ къ полученію къ священнодѣйствію благословенія и другихъ усыновительныхъ наставленій... И за нескорымъ, по тому дальному растоянію, надобного полученіемъ всегдашнія священникамъ, кои только отъ народа и содержатся, въ епархіальныя консисторіи бываютъ отлучки, излишніе въ проѣздахъ убытки и волокиты, а за отлучками и что рота отъ роты въ неблизкихъ разстояніяхъ, часто случается народу и въ преподаяніи по христіанской должности требъ и во исправленіи надобного упущеніе.

4) По вызову-жъ означеннаго господина генералъ-лейтенанта Хорвата и въ бытность его въ прошломъ 1759 году въ Санктпетербургѣ прибылъ въ Новую Сербію съ Цесарія, съ княженія Славоніи, бывшій тамо при покойномъ преосвященномъ Софроніи[2]), епископѣ епархіи пакрачко-славонійской, первымъ по немъ къ произведенію въ чинъ епископства, экзархъ Геннадій Васильевичъ (которой въ равномъ чинѣ противъ здѣшнихъ архимандритовъ состоитъ), и отсель отправленъ былъ въ Санктпетербургъ ко оному господину генералъ-лейтенанту Хорвату, а по возвращеніи оттоль для извѣстнаго дѣла[3]) посыланъ былъ въ Цесарію, гдѣ хоть ему

---

[1]) Уже въ августѣ 1752 года императрица Марія Терезія издала указъ (Pönal-Patent) противъ тайныхъ перебѣжчиковъ и эмигрантовъ, при коемъ предложенъ былъ списокъ лицъ, коимъ дано дозволеніе перейти въ русскую службу... Въ 1754 году, на просьбу русскаго посла о непрепятствованіи желающимъ выселиться, отвѣчено, что позволяется выйти только женамъ и неженатымъ сыновьямъ уже переселившихся, а необходимые для нихъ услугъ крѣпостные люди (Knechten) могутъ сопровождать ихъ до пельской границы, откуда будутъ возвращаемы. *Schwicker*, стр. 134—143.

[2]) Софроній умеръ въ 1757 г., такъ видно изъ данной Геннадіемъ сказки о себѣ въ Синодѣ.

[3]) Именно—добыть документы и засвидѣтельствованія о своемъ званіи, какіе послѣ и представлены при сказкѣ, и въ копіяхъ имѣются при дѣлѣ (дѣ-

епископскій чинъ даванъ былъ, но онъ, не хотя своего бытія въ Новосербіи, въ вѣчномъ ея императорскаго величества подданствѣ, желанія оставить, сюда возвратился и нынѣ здѣсь находится, и собственное желаніе имѣетъ оставаться въ Новой Сербіи при церквахъ и духовенствѣ въ епископскомъ чинѣ.

5) Посему для описанныхъ тяжестныхъ народу, а паче духовенству обстоятельствъ... какъ всѣ военнослужащіе чины, такъ и поселенцы и ихъ фамиліи искренно просятъ о бытіи тому, остающемуся нынѣ въ чинѣ архимандритьемъ экзарху, всечестному отцу Геннадію (какъ онъ единонаціональный), при новосербскихъ церквахъ и духовенствѣ епископомъ, и по немъ другимъ...

6) До предбудущого-жъ монастыря построенія (къ чему и онъ экзархъ Геннадій, за полученіемъ по всевысочайшему ея императорскаго величества матернему милосердію того епископского чина, прилежные труды, старательство и попеченіе прилагать обязуется) можетъ онъ епископскимъ чиномъ и въ показанной, въ шанцѣ новомиргородскомъ, каменной соборной церкви или и въ другихъ при корпусѣ церквахъ все потребное исполнять, понеже и монастырь въ самой близости того шанца форштата построенъ будетъ... подъ которой, тожъ и на подворье и хуторъ къ содержанію для монастыря и братіи надлежащей экономіи, изъ опредѣленныхъ народу общественныхъ земель дать... (а подворье уже начато и фундуется), а кому дозволить имъ при подворьи и хуторѣ, на опредѣленныхъ отъ народа земляхъ, вызываемыхъ изъ Польши, позашедшихъ [1]) туда въ прошлыхъ годѣхъ, бѣглыхъ россійскихъ подданныхъ, малороссіянъ, кои тамъ въ услугахъ у поляковъ напрасно пропадаютъ, для всякихъ монастырьскихъ нуждъ, хотя до пятидесяти дворовъ населить.

7) На содержаніе-жъ онаго монастыря епископа, братіи послушниковъ и другихъ служителей, также ево епархіальной консисторіи всѣмъ къ исправности оной потребнымъ, ко опредѣленной,

которыя—въ переводѣ съ нѣмецкихъ подлинниковъ). Это—грамота Софронія Геннадію и свидѣтельства сѣльскихъ чиновъ о Геннадіѣ.

[1]) Господамъ офицерамъ новосербскаго корпуса простительно было не знать, что тѣ малороссіяне не зашли въ кіевскую, волынскую и подольскую земли изъ русскаго государства «въ прошлыхъ годѣхъ», а были тамъ коренными жителями.

по ея императорскому величеству указамъ, въ ежегодную дачу на содержаніе монашествующаго здѣсь духовенства, къ тысячѣ рублямъ, по резону, что при епископѣ ево сану многіе духовные чины прибавятся и что сей монастырь противъ другихъ въ Россіи монастырей ни съ какихъ деревень и маетностей, кромѣ доброхотныхъ дателей, доходовъ имѣть не будетъ, съ высочайшей ея императорскаго величества милости и за многолѣтнее ея императорскаго величества здравіе, по крайней необходимости, къ той тысячѣ еще тысячу рублевъ опредѣлить и ту дачу по двѣ тысячи рублевъ ежегодно имъ производить изъ новосербской суммы.

8) Приговоръ къ представленію, куда надлежитъ, и ко испрошенію по оному высочайшей конфирмаціи подать вышереченному господину генералъ лейтенанту Хорвату; а какъ и самъ Геннадій слѣдуетъ въ Санктпетербургъ, то депутатомъ при немъ опредѣлить быть находящемуся нынѣ въ Санктпетербургѣ по другимъ по корпусу дѣламъ поручика Константина Вайду.

Прапорщики:

Андреяшъ Никорлцъ
Василій Тотовичъ
Андронатей Доше
Лазарь Іовичъ
Степанъ Вуичъ
Николай Константиновъ
Василій Ристичъ
Михаилъ Барпатичъ
Иванъ Стоянъ
Петръ Германъ
Георгій Юрьевъ
Николай Тыка
Константинъ Турубжанъ
Сидоръ Якшичъ
Дмитрій Софроніевичъ
Гаврилъ Богдановичъ
Михайла Цветиновичъ.

Поручики:

Павезъ Ердели
Михаилъ Бабикъ
Иванъ Карачунъ
Іосифъ Адлешовской
Константинъ Пахаловичъ
Марко Николичъ
Максимъ Чорба
Самоилъ Хорватъ
Сава Барьямовичъ
Константинъ Георгіевъ
Еремей Горвасій
Сава Станосвичъ
Иванъ Пиваровичъ
Капитанъ лейтенантъ Арсеній Чарноевичъ.

Капитаны:

Стефанъ Пишчевичъ
Георгие Пишчевичъ
Георгій Поповичъ
Дмитрей Мержанъ
Павелъ Здрохлей

Петръ Божичъ
Алекса Сфика
Григорій Булацелъ
Симонъ Вуковичъ
Иванъ Радковичъ.

Примеръ Маіоры:

Лазарь Сербулъ
Николай Шветиновичъ
Федоръ Чорба
Подполковникъ Алексій Константиновъ.

Приговоръ этотъ сообщенъ былъ изъ сената синоду, которому представилъ и Геннадій свои документы. Изъ синода отъ 6 іюня 1760 послѣдовалъ преосвященному Герасію запросъ: «подлинно-ли съ двадцать девять церквей въ Новой Сербіи имѣется, и оныя съ надлежащаго-ль архіерейскаго благословенія строены?»—Епископъ Герасій отъ 8 ноября тогожъ года донесъ, что «въ Новой Сербіи, въ двухъ протопопіяхъ пандурского и гусарского полковъ церквей, съ надлежащаго архіерейскаго благословенія строенныхъ и въ коихъ священнослуженіе производится, двадцать шесть имѣется; кромѣ того въ протопопіи гусарского полку три съ моего благословенія заложены, а на заложеніе двоихъ благословеніе дано. Кромѣ того въ протопопіи гусарского полку въ шанцѣ Федварь безъ надлежащаго архіерейскаго благословенія въ 1757 году якобы тамо бывшимъ ротнымъ командиромъ, кой въ Пруссіи при арміи умре (а какъ ему имя и рангъ и прозваніе—неизвѣстно), будъто по незнанію и иностранству, церковь во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла заложена и уже теперь въ окончаніе приходитъ».

Святѣйшій синодъ, не считая нужнымъ учреждать особой епархіи для столь малаго числа церквей, опредѣлилъ: «когда ко учрежденію тамо новой епархіи совершенная потреба будетъ настоять, тогда св. синодъ безъ дальняго разсмотрѣнія не оставитъ поступить, какъ святыми правилами и духовнымъ регламентомъ узаконено». Въ связи съ этимъ постановлено именующагося экзархомъ Геннадія Васича «по важнымъ резонамъ» изъ Россіи удалить, архимандрита Софронія вновь отправить въ Новую Сербію и поручить ему достроить заложенную имъ церковъ на ежегодный остатокъ въ 232 рубля изъ отпускаемой на монастырь съ братіею суммы въ тысячу рублей, а генералъ-лейтенанту Хорвату дать знать, чтобъ онъ не вмѣшивался въ духовныя дѣла и не отрѣшалъ духовенства своею властію.

Софроній въ августѣ 1760 поѣхалъ на прежнее мѣсто, но что дѣло у него съ Хорватомъ не ладилось, видно изъ донесенія преосвященнаго Гервасія отъ 8 февраля 1761 года. Гервасій писалъ въ синодъ: «извѣты Хорвата о Софроніѣ о неуживчивости неосновательны, а о переведеніи его на другое, по требованію господина генералъ-лейтенанта, внутрь Россіи мѣсто не нахожу резоннымъ и предаю то почтеннѣйше на высокое вашего святѣйшества благоусмотрѣніе и волю».

Хорватъ удержалъ при себѣ Геннадія Васича и, по личному донесенію новомиргородскаго протопопа Петра Булича Гервасію, военное начальство отговаривалось разными резонами отъ высылки его. Преосвященный Гервасій представилъ объ этомъ въ синодъ, который въ іюлѣ 1762 года повелѣлъ преосвященному «не допускать Геннадія до священнослуженія».

У Софронія продолжались распри съ военнымъ начальствомъ, особенно на счетъ получки опредѣленныхъ на постройку денегъ, которыя и послѣ удаленія Хорвата въ 1763 году и преобразованія Новой Сербіи не выдавались исправно или и вовсе не выдавались отъ коменданта крѣпости св. Елисаветы, отзывавшагося неполученіемъ указовъ. Софроній строилъ не только келліи, но и церковь на свое жалованье, и въ февралѣ 1766 года преосвященный Гервасій донесъ Синоду, что та церковь, не смотря на притѣсненія архимандриту и задержки въ полученіи денегъ, сверхъ ожиданія вышла «велика и коштовна, строеніемъ докончена, кромѣ только, что гонтою глава не побита».—Вѣроятно въ этомъ-же году и освящена церковь самимъ преосвященнымъ Гервасіемъ; но письменныхъ документовъ объ этомъ не имѣется. Церковь, кромѣ главнаго престола во имя Преображенія Господня, имѣла и придѣльный—въ честь св. Николая.

Но вотъ къ осени того-же года получается оффиціальное увѣдомленіе, что коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ, вслѣдствіе сношенія съ комендантомъ крѣпости св. Елисаветы, рѣшила «монастырю въ Новой Сербіи быть надобности не предвидится»... Послѣ обычной переписки епархіальнаго архіерея съ синодомъ, въ мартѣ 1767 года состоялось опредѣленіе: «архимандрита Софронія, по его иностранству, сравнить съ грузинскими архимандритами и выдавать ему ежегодно по семидесяти рублей изъ доходовъ коллегіи экономіи,

а застроенной церкви быть приходскою; если-же ей быть не для кого, то упразднить; монаховъ распредѣлить по монастырямъ кіевской епархіи, а архимандритъ можетъ избрать жительство въ какомъ либо монастырѣ въ Кіевѣ или Москвѣ, по желанію».

Между тѣмъ надъ архимандритомъ стряслась новая бѣда. Преосвященный Гервасій получилъ отъ него (отъ 12 мая 1767) донесеніе о постигшемъ его несчастіи и самъ представилъ синоду, что «марта 31 дня противъ 1 апрѣля, нападши на дворъ его, ночью какъ-бы въ третьемъ часу, пять человѣкъ неизвѣстные разбойники съ ружьемъ и набѣжавъ въ избу, его архимандриту подхватили и обнажа до нага, завернувши назадъ руки, завязали, а потомъ, взявъ стоявшій въ избѣ его архимандриты собственный обухъ, начали бить немилосердно по головѣ, по плечамъ и по рукамъ, и тѣмъ попробивали ему до крови во многихъ мѣстахъ голову, и лѣвую руку перебили такъ, что оною и дѣйствовать вовся не можетъ; а на ноги надѣвъ сапоги мужицкіе, жаръ за голенища сыпали и по келіи его въ тѣхъ сапогахъ водили, и тѣмъ ноги жгли, спрашиваясь денегъ. Но какъ де въ его не было болѣе трехъ рублей, то и тѣ послѣдніе и все въ него имѣвшееся бѣдное имущество до рубашки забравъ и не увѣряясь, еще и горше мучили, сѣрку на плечи сыпали и палили. Отъ котораго де бою и мученія онъ изнемогая, принужденъ былъ зъ нечувственности сказать невинно на другую вдову старуху, не подалъ его подворья жительствующую, якобы въ нее его деньги, въ разсужденіи, не оставятъ-ли его мучить. Но оные безчеловѣчные мучители и тутъ его не оставя, нага водили къ той женщинѣ и тамо какъ его, такъ и оную женщину мучили. И ежели-бы не очувствовавсь человѣкъ, тамо случившійся, и не устрашилъ гвалтовнымъ на нихъ нападеніемъ, то бы и въ смерть его архимандрита и оную старуху умучили».

А отъ 30 іюня того-же года, увѣдомясь изъ указа о рѣшеніи синода касательно его, архимандрита, Софроній прислалъ преосвященному Гервасію такое прошеніе: «молю представить въ синодъ... учинить со мною милосердіе, чтобъ по прежнему повелѣно было мнѣ оставаться при состроенной здѣсь въ новороссійской губерніи моимъ трудомъ, за полученное на себе жалованье, церкви и подворьи по смерть мою, и вмѣстѣ продолжить то трех-

сотрублевое прежнее жалованье». Въ представленіи отъ себя Гервасій слезно ходатайствовалъ за добраго старца, страдальца и калѣку. Просьба и ходатайство уважены; указомъ отъ 25 ноября 1768 года дано знать преосвященному Гервасію, что архимандритъ Софроній имѣетъ получать свое жалованье изъ кіевской губернской канцеляріи, о чемъ и посланы туда указы изъ коллегіи.

О дальнѣйшей судьбѣ Софронія можетъ быть и есть какія письменныя указанія, но мы ихъ не знаемъ; слышали только, что помонастырская церковь сдѣлалась приходскою с. Уховки, ставшей 1770 года станицею бутскаго козачьяго войска, что придѣлъ св. Николая въ 1781 году проданъ обществомъ уховскимъ въ Дмитровку за 200 рублей и тамъ передѣланъ въ кладбищенскую церковь, во имя тогоже святителя, что стекавшіеся «въ монастырь» окрестные жители на праздникъ Преображенія видали архимандрита, котораго на носилкахъ провожали въ церковь, и что по смерти архимандрита домъ его, построенный изъ крѣпкаго и толстаго дубового и липового лѣсу, проданъ въ деревню Константиновку помѣщику Константину Харитонову. Самая церковь стояла на мѣстѣ до 1831 года, хотя Уховка еще въ 1825 году, по случаю устройства военныхъ поселеній, переведена въ алешковскій уѣздъ; при церкви оставался священникъ (Несторъ Пазаревскій), къ которому, какъ-бы нѣкоему пустыннику, стекались окрестные жители на исповѣдь и для духовныхъ наставленій. Въ 1831 году онъ переведенъ въ село Знаменку, а церковь разобрана по распоряженію военнаго начальства.

Архимандритъ **Арсеній.**

МАТЕРІАЛЫ

для исторіи возникновенія и распространенія штунды на югѣ Россіи.

Въ весьма недавнее время, благодаря счастливой случайности, намъ пришлось ознакомиться съ офиціальною перепиской, производившуюся между низшими и высшими, духовными и свѣтскими властями по дѣлу возникновенія и распространенія въ 60-хъ и 70-хъ годахъ на югѣ Россіи, сперва между нѣмецкими колонистами, а потомъ и въ православномъ малорусскомъ населеніи, религіознаго ученія, ставшаго извѣстнымъ подъ именемъ штунды.

Переписка эта довольно ясно и послѣдовательно представляетъ намъ обстоятельства первоначальнаго появленія и распространенія штундистскаго ученія и притомъ далеко не въ томъ видѣ, какъ излагались они доселѣ въ нашей печати. Возникновеніе штунды считалось у насъ доселѣ явленіемъ мѣстнымъ, самороднымъ и приписывалось обыкновенно то пробужденію религіознаго сознанія въ нашемъ народѣ послѣ освобожденія его изъ крѣпостной зависимости и при соприкосновеніи его съ протестантизмомъ, то нерадѣнію или невѣжеству нашихъ священниковъ и ихъ вымогательствамъ за исправленіе требъ, то другимъ менѣе важнымъ и также домашнимъ, такъ сказать, причинамъ. Но никто не догадывался, что причинъ отступленія нѣкоторыхъ изъ среды малорусскаго народа отъ вѣры ихъ отцевъ нужно искать внѣ этого народа, вѣковою кровавою борьбою доказавшаго свою непоколебимую преданность ей, и внѣ ея пастырей

съ которыми никогда не было у него разрыва, доводящаго до отступленія отъ церкви. Между тѣмъ бывшая у насъ въ рукахъ переписка до очевидности удостовѣряетъ, что штунда занесена къ намъ извнѣ, что первоначально она появилась въ средѣ нѣмецкихъ колонистовъ херсонской губерніи, что и тамъ она была явленіемъ новымъ, притомъ заноснымъ и что послѣдователи этой секты изъ нѣмцевъ не менѣе чуждаются своихъ кирхъ и пасторовъ, какъ и принявшіе ея ученіе православные чуждаются своей церкви и духовенства. Переписка уясняетъ также, что штунда есть собственно баптизмъ, что въ духѣ этой секты—прозелитизмъ, что послѣдователи этой секты имѣли въ Гамбургѣ особую школу для приготовленія проповѣдниковъ баптизма и что первые миссіонеры этого ученія, принесшіе оное на югъ Россіи, вышли отсюда. Они явились въ херсонскія нѣмецкія колоніи, бывъ посланы туда съ спеціальною цѣлію распространенія своей ереси. Переписка указываетъ имена первыхъ проповѣдниковъ штунды. Это были: Онкенъ, берлинскій книгопродавецъ, и его сотрудники: Ондра, Прицкау, фонъ-Шульцъ, Либигъ и совращенные ими изъ херсонскихъ колонистовъ: Вилеръ, Гибнеръ, Эйдингеръ, Майеръ и другіе. Изъ этихъ послѣднихъ Гибнеръ и Эйдингеръ, съ помощію Прицкау, увлекли въ свою секту изъ среды бывшихъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ малороссіянъ первыхъ послѣдователей и ярыхъ проповѣдниковъ новаго ученія: Ратушнаго, Болобана и Рябошапку, отъ которыхъ штунда стала распространяться въ губерніяхъ херсонской, таврической и кіевской.

Въ виду совершенной новости свѣдѣній, даваемыхъ просмотрѣнною нами перепискою, и несомнѣнной важности ихъ для правильнаго пониманія штунды, мы предлагаемъ эти свѣдѣнія здѣсь—въ сжатомъ, но точномъ извлеченіи, не подвергая ихъ обработкѣ, но расположивъ по времени появленія тѣхъ бумагъ, изъ которыхъ они извлечены, и лишь немногими словами устанавливая внѣшнюю между ними связь.

П. Л—въ.

По свѣдѣніямъ, которыя излагаетъ благочинный херсонской епархіи, священникъ Киріаковъ, въ своемъ донесеніи преосвященному Димитрію, архіепископу херсонскому отъ 22 октября 1867 г., штунда открылась первоначально между колонистами лютеранскаго исповѣданія. «Во всѣхъ лютеранскихъ колоніяхъ, пишетъ о. Киріаковъ, существуетъ обычай въ послѣобѣденное время воскресныхъ дней собираться для чтенія св. писанія и для разсужденія о дѣлахъ благочестія. Болѣе 10 лѣтъ тому назадъ въ эти частныя собранія, называемыя штунде—stunden, вкралось заблужденіе. Стали утверждать, что Богу можно угодить духомъ, а духъ свободенъ и потому молитва должна быть свободна. Молитва-же (богослуженіе) лютеранской церкви заключается въ извѣстныхъ границахъ, совершается по извѣстному чиноположенію и при томъ только пасторомъ, которому одному предоставлено и право проповѣдывать, чѣмъ стѣснена самая молитва, не имѣетъ свободы. Напротивъ, въ нашихъ собраніяхъ, говорятъ они, существуетъ полная свобода. Здѣсь молитва, чтеніе, пѣніе и проповѣдь не заключаются въ извѣстныхъ границахъ, не совершаются по одному и тому-же чиноположенію, а дѣйствующимъ лицемъ можетъ быть каждый членъ общества и даже женщины, за исключеніемъ проповѣди, которая не дозволяется женщинамъ. На основаніи такого умствованія сектанты придаютъ болѣе важности и святости своимъ собраніямъ въ домахъ, нежели собраніямъ для молитвы и богослуженія въ кирхахъ. Члены этого общества могутъ бывать и не бывать въ кирхѣ, но если кто изъ нихъ пропуститъ собраніе нѣсколько разъ сряду, безъ уважительныхъ причинъ, то таковый исключается изъ общества».

«Нѣсколько позже стали прибавлять, что члены ихъ общества получаютъ просвѣщеніе свыше и сопричастны св. Духу. Всѣхъ же находящихся внѣ сего общества, какъ лютеранъ, такъ и лицъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, эти сектанты считаютъ непросвѣщенными свыше и непричастными св. Духа, а потому смотрятъ на нихъ свысока и съ презрѣніемъ. Между сектантами сего рода нѣтъ ни старшихъ, ни младшихъ, а всѣ другъ другу равны и именуются братьями, и самое общество называется братствомъ. На каждомъ изъ членовъ братства лежитъ обязанность привлекать въ свое общество какъ люте-

ранъ, такъ и лицъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, чего вовсе нѣтъ ни въ характерѣ, ни въ правилахъ мѣстнаго лютеранства. Однимъ изъ главныхъ требованій отъ сектанта—воздержаніе отъ употребленія горячихъ напитковъ внѣ своего дома».

«Это ученіе въ 40 годахъ существовало уже въ нѣмецкихъ колоніяхъ Бессарабіи, а въ херсонской губерніи первоначально появилось въ колоніи Рорбахъ, сосѣдней съ деревнями Основой и близкой къ мѣстностямъ с. Игнатовки и с. Ряснополя: оттуда оно стало быстро распространяться между лютеранскими колоніями такъ, что въ настоящее время (въ 1867 г.) почти нѣтъ ни одной колоніи въ губерніи, гдѣ не было-бы послѣдователей этой секты. Лютеранскіе пасторы принимаютъ мѣры къ прекращенію раскола, но старанія ихъ остаются безуспѣшными».

Свѣдѣнія эти, какъ проясываетъ въ своемъ рапортѣ о. Киріаковъ, сообщены ему однимъ лютеранскимъ пасторомъ, котораго онъ не называетъ (но не Бонекемиферомъ, пасторомъ колоніи Рорбахъ, которому обыкновенно приписываютъ участіе въ распространеніи штунды).

Болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о мѣстѣ, въ которомъ впервые обнаружена штунда и изъ котораго была занесена, а также о первыхъ ея проповѣдникахъ, находимъ въ протоколѣ, составленномъ приставомъ 5-го стана херсонскаго уѣзда Тарасѣвичемъ, 22 іюля 1872 г. По свѣдѣніямъ этого протокола, копія котораго въ свое время была представлена новороссійскому генералъ-губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ, новая секта лютеранская появилась въ 1864 году—въ колоніи Новый-Данцигъ, а сюда занесена изъ менонитскихъ колоній молочанскаго округа, екатеринославской губерніи. Въ томъ-же году для склоненія совратившихся къ возвращенію въ лютеранскую и въ римско-католическую вѣру и для производства о нихъ дознанія были командированы въ колоніи дѣйств. стат. сов. Брунъ и адъютантъ новороссійскаго генералъ-губернатора, подполковникъ баронъ фонъ-деръ-остенъ-Сакенъ. Въ сентябрѣ того-же года главные распространители и тайные руководители штунды, въ числѣ 5-ти человѣкъ колонистовъ Новаго-Данцига, и между ними Карлъ Эдинтеръ и Францъ Липовскій, были высланы за границу безвозвратно, но послѣдніе два 1-го декабря того-же года прибыли

опять въ Новый-Данцигъ съ турецкими паспортами. По полученіи объ этомъ свѣдѣній Эдингеръ и Липовскій, по распоряженію гражданскаго начальства, были представлены въ херсонское губернское правленіе для ссылки въ Сибирь. Въ тоже время вновь обнаруженные въ колоніи Новый-Данцигъ распространители новой секты—8 человѣкъ мѣстныхъ колонистовъ, и въ числѣ ихъ Георгій Клундъ, по Высочайшему повелѣнію 4-го января 1865 года, были высланы за границу, но предъ отправленіемъ туда они, а также Михель Филкъ, дали подписку въ томъ, что чистосердечно сознаютъ свое заблужденіе, съ полнымъ раскаяніемъ возвращаются къ настоящей своей религіи, обязываясь не только не переходить вновь въ расколъ, но еще споспѣшествовать искорененію таковаго и потому просятъ о помилованіи ихъ и объ оставленіи на жительствѣ въ Новомъ-Данцигѣ. Такую-же подписку дали Эдингеръ и Липовскій при слѣдованіи чрезъ Новый-Данцигъ въ Сибирь. Почему общество колонистовъ Новаго-Данцига, составивъ приговоръ объ этомъ, вошло съ ходатайствомъ о помилованіи совратившихся и, въ слѣдствіе ходатайства высшаго начальства, Государь Императоръ въ 19 день мая 1865 года Всемилостивѣйше соизволилъ на прощеніе и оставленіе на прежнемъ жительствѣ всѣхъ отрекшихся отъ анабаптизма. Такимъ образомъ всѣ названные колонисты были возвращены съ пути своего слѣдованія за границу и въ Сибирь. Изъ нихъ Эдингеръ и другіе потомъ выселились за границу добровольно, а Францъ Липовскій, Михель Филкъ и Георгій Клундъ остались на жительствѣ въ Новомъ-Данцигѣ. Нѣсколько лѣтъ въ образѣ ихъ жизни не замѣчалось ничего подозрительнаго; но въ послѣдніе два года (1871 и 1872 г.) ихъ стали вновь подозрѣвать въ принадлежности къ анабаптизму и въ тотъ-же періодъ времени анабаптистское ученіе стало распространяться между православными крестьянами въ д. Константиновкѣ гуряевской волости, въ с. Пескахъ балицковской волости и въ с. Полтавкѣ. Наконецъ Францъ Липовскій, Михель Филкъ и Георгъ Клундъ торжественно заявили себя самыми рьяными послѣдователями анабаптизма. Такъ, напримѣръ, Липовскій открыто ходитъ по домамъ въ Новомъ-Данцигѣ и совращаетъ въ расколъ, а Филкъ также открыто принимаетъ у себя на дому раскольниковъ изъ

нѣмцевъ и православныхъ. 8 мая 1872 года староста колоніи Новый-Данцигъ, Филиппъ Диктаутъ, освѣдомясь, что на хуторъ Штейнгутъ прибылъ къ Михелю Филку какой-то неизвѣстный иностранецъ, намѣревающійся совершить въ р. Ингулѣ перекрещиваніе присоединившихся къ расколу,—совмѣстно съ сотскимъ Андреемъ Метомъ и понятыми изъ поселянъ нѣмцевъ, съ приглашеннымъ старостою сосѣдней деревни Потапомъ Самолюкомъ и съ православными крестьянами отправились на хуторъ къ дому Филка, гдѣ оказалось много сектантовъ и среди ихъ прусскій подданный Вильгельмъ Шульцъ что-то проповѣдывалъ. Отправивъ Шульца, какъ неизвѣстную личность, въ богдановскую сельскую расправу, Диктаутъ и Самолюкъ пошли къ дому Липовскаго, чтобы узнать, не скрывается-ли у него какой-либо иностранецъ, но дочь Липовскаго Доротея, 21 года, заперши дверь на замокъ, въ домъ не пустила. Послѣ того хотя отперли дверь, но въ домѣ никого не оказалось, кромѣ самаго Липовскаго. Въ первыхъ числахъ іюня пріѣхалъ къ Липовскому какой-то неизвѣстный нѣмецъ, который вмѣстѣ съ Шульцемъ совершилъ 11 и 13 іюня перекрещеніе 16 душъ колонистовъ Новаго-Данцига, а затѣмъ этотъ неизвѣстный нѣмецъ, вмѣстѣ съ Шульцемъ, отвезенъ въ г. Николаевъ. Францъ Липовскій объявилъ, что совершавшій перекрещиваніе нѣмецъ былъ анабаптистъ Карлъ Ундра, жительствующій въ одной изъ западныхъ губерній, что онъ давно уже въ с. Раштадтѣ ананьевскаго уѣзда избранъ сектантами въ званіе проповѣдника и еще за два года предъ симъ былъ въ Новомъ-Данцигѣ. Въ началѣ іюня Липовскій, вмѣстѣ съ односельцами Христіаномъ Клюкъ и Іоанномъ Пудвилемъ, бывъ въ с. Старомъ-Данцигѣ одесскаго уѣзда и встрѣтивъ тамъ у анабаптистовъ Карла Ундру, пригласили его въ хуторъ Штейнгутъ и привезли его туда. При этомъ Липовскій заявилъ станоовому приставу, что въ с. Старомъ-Данцигѣ имѣется распоряженіе новороссійскаго генералъ-губернатора, чтобы послѣдователей этой секты не трогать и предоставить ихъ свободу дѣйствій.

Въ февралѣ 1868 г. проживавшій близъ Николаева въ колоніи Ландау, березанской волости, колонистъ Христофоръ Фишеръ принесъ новороссійскому генералъ-губернатору жалобу, что его односельцы, об-

винивъ его въ отступленіи отъ вѣры, въ генварѣ того года, въ числѣ около 20 человѣкъ напали на него въ дорогѣ, потащили къ сельскому старостѣ Шульцу на допросъ, отняли Новый Завѣтъ, осмѣяли, обругали и повели къ мѣстному священнику (Pfarrer), который сказалъ, что мірянамъ воспрещается читать св. писаніе. Когда-же онъ Фишеръ объявилъ, что обѣдню и крестъ не считаетъ заповѣдію, то Шульцъ отвѣтилъ, что прикажетъ сѣчь его дотолѣ, пока онъ не оставитъ своихъ глупостей. Потомъ посадили его на телѣгу и повезли къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ крестъ; тамъ стали бить его палками по головѣ, затѣмъ понесли въ отцовскій домъ и требовали, чтобы отецъ билъ его. Когда-же отецъ отказался бить, то, поставивъ сына подъ крестомъ, сказали, что будутъ выгонять изъ него діавола, облили съ головы до ногъ водою и поднимая вверхъ, ударяли нѣсколько разъ о земь и били кулаками, при чемъ осыпали насмѣшками и ругательствами въ теченіи 3-хъ часовъ. Затѣмъ отнесли въ холодную комнату, гдѣ мокрая одежда обмерзла на немъ, хотѣли потомъ привязать къ столбу и снова колотили, пока онъ не опустился на землю. Когда-же онъ, Фишеръ попросилъ пить, то насильно влили водки въ ротъ и били веревками такъ, что онъ въ теченіи 10 часовъ оставался безъ чувствъ. Затѣмъ повели къ священнику и заставили насильно принять причастіе. По дознанію, произведенному смотрителемъ колоній, оказалось, что колонистами дѣйствительно нанесены Фишеру побои за чтеніе Новаго Завѣта, но не въ такой степени, какъ значилось въ его жалобѣ. Окружной и сельской власти колоніи сдѣлано по сему случаю внушеніе.

Въ 1869 г. херсонскій губернаторъ доносилъ новороссійскому генералъ-губернатору, что иностранецъ изъ Гамбурга Оакенъ проѣзжалъ по херсонскому уѣзду съ цѣлію поддержать баптизмъ въ колоніяхъ и отправился въ таврическую губернію, но отъ таврическаго губернатора свѣдѣній о проѣздѣ Оакена не доставлено. Впослѣдствіи 3-мъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи получено свѣдѣніе, что Карлъ Оакеръ распространяетъ ученіе баптистовъ между православными жителями южной Россіи, а главный настоятель секты баптистовъ въ Гамбургѣ Оакенъ издаетъ миссіонерскую газету, въ которой напечатано извлеченіе изъ отчета баптиста,

дѣйствующаго въ южной Россіи, гдѣ подтверждаются успѣхи пропаганды въ средѣ южно-русскаго православнаго населенія и говорится, что совращенные устраиваютъ свою баплицу и что крещеніе и богослуженіе по обряду баптистовъ совершается открыто.

13 іюня 1870 г. либентальскій окружный приказъ представилъ въ комитетъ колоній иностранца Ондру, анабаптистскаго проповѣдника, съ заявленіемъ, что онъ проповѣдывалъ въ колоніи Гофнунсбургъ, основанной колонистами на собственной землѣ, и что въ слѣдствіе его проповѣди нѣсколько душъ колонистовъ 10-го іюня присоединились къ этой сектѣ и пожелали креститься. Комитетъ препроводилъ Ондру въ одесское полицейское управленіе для поступленія съ нимъ по законамъ; но полицейское управленіе, ссылаясь на то, что предварительное слѣдствіе по дѣламъ о совращеніи изъ христіанской вѣры начинается не иначе, какъ по требованію духовнаго начальства (ст. 1006 устав. уголов. судоп.), возвратило Ондру комитету, а комитетъ отдалъ его на поручительство двумъ жителямъ г. Одессы—хортицкому меннониту Вилеру и австрійскому подданному Клюеру и сообщилъ прибету евангелическо-лютеранскихъ церквей южной Россіи Беннигу о пропагандѣ Ондры, какъ составляющей отступленіе отъ лютеранской вѣры. Но какъ въ предложеніи г. исправляющаго должность новороссійскаго генералъ-губернатора Бутурлина отъ 10 іюня 1870 г. было сказано, что «иностранцу Ондрѣ, если-бы онъ пожелалъ выѣхать за границу, можетъ быть это дозволено, буде не предвидится препятствій»: то комитетъ не препятствовалъ Ондрѣ удалиться изъ г. Одессы на мѣсто его жительства въ с. Роговку, волынской губерніи [1]...

Александрійскій исправникъ донесъ Коцебу, что въ селахъ близкихъ колонистовъ лютеранскаго исповѣданія, грунадской волости, появился прусско-подданный Отто-Вильгельмъ Шульцъ съ цѣлію распространять ученіе баптистовъ между поселянами, для чего принималъ въ своей квартирѣ всѣхъ желающихъ слушать его проповѣдь, объявляя, что онъ намѣренъ распространять это ученіе со всею энергіею и сожалѣетъ только о томъ, что не знанію русскаго языка не можетъ

[1] Донес. попечит. комитета по стр. колоній юж. Россіи генералъ-губернатора Коцебу отъ 30 апрѣля 1871 г., № 2,913.

начать пропаганду и между русскими. А въ письмѣ пастора евангелическо-лютеранскаго прихода Штрауса къ екатеринославскому губернатору отъ 22 февраля 1873 года прописано, что «около 3-хъ недѣль назадъ тому старшина с. Вицкера доставилъ къ нему, пастору Штраусу, странствующаго проповѣдника, который, собравъ всѣхъ жителей этой деревни, проповѣдывалъ изъ евангеліе. Проповѣдникъ этотъ показалъ паспортъ, въ которомъ значилось, что онъ прусско-подданный пасторъ Шульцъ, самъ-же онъ говорилъ, что онъ не пасторъ, а эмиссаръ секты баптистовъ и прибылъ въ Россію именно за тѣмъ, чтобы упражнять прозелитизмъ въ пользу своей секты, утверждая, что каждому дано право проповѣдывать. На вопросъ Штрауса: относится-ли его миссія и къ православной церкви, Шульцъ отвѣтилъ, что въ окрестностяхъ г. Одессы онъ проповѣдывалъ и въ собраніи православныхъ. Въ билетѣ Шульца значилось, что онъ выданъ 8 февраля 1869 г. волынскимъ губернаторомъ на свободное прожитіе въ россійской имперіи въ теченіи сего года, на основаніи оставленнаго при немъ правительственнаго акта, выданнаго прусскимъ консуломъ въ Аккерманѣ 5-го сентября 1868 г., мѣсто рожденія его Кенигсбергъ, женатъ, 38 лѣтъ, средняго роста, волосы темные, глаза голубые, носъ обыкновенный. Хотя пасторъ Штраусъ чрезъ волостного старшину предложилъ всѣмъ деревенскимъ старостамъ наблюдать, чтобы проповѣдь Шульца не повторялась въ районѣ его прихода, но Шульцъ все таки проповѣдывалъ въ селѣ Бѣлорошъ—въ молитвенномъ домѣ и успѣлъ причастить нѣсколько лицъ въ частномъ домѣ. Потомъ онъ перешелъ въ землю донскихъ казаковъ, гдѣ проповѣдывалъ нѣсколько двѣ недѣли. Своимъ ученіемъ онъ нарушилъ согласіе многихъ семействъ въ разныхъ мѣстахъ и снова появился въ грушевскомъ приходѣ, гдѣ былъ тотчасъ арестованъ. Отвѣты его были дерзки, по его словамъ и «Его Величество принадлежитъ къ сектѣ баптистовъ» и «надо въ семъ дѣлѣ слушаться только Бога, не обращая вниманія на порядки, установленные людьми». Въ ученіи своемъ онъ допускалъ пренебрежительное отношеніе къ существующимъ порядкамъ и насмѣшки надъ церковнымъ ученіемъ и таинствами.—Министръ внутреннихъ дѣлъ, признавъ дѣятельность Шульца вредною, нашелъ необходимымъ выслать его изъ Россіи. «Чехъ далъ

знать новороссійскому генералъ-губернатору отъ 5-го іюля 1873 года. Въ слѣдствіе чего Шульцъ препровожденъ херсонскимъ губернаторомъ къ одесскому градоначальнику на дальнѣйшее распоряженіе.

Въ 1871 г. въ мартѣ с.-петербургская евангелическо-лютеранская консисторія донесла министру внутреннихъ дѣлъ, что въ колоніи Альтъ-Данцигъ баптисты завладѣли домомъ, выстроеннымъ для лютеранской школы и слушаютъ здѣсь проповѣди баптистскаго проповѣдника Прицкау, обучавшагося въ Гамбургѣ, а въ ноябрѣ того-же года евангелическо-лютеранская консисторія сообщила новороссійскому генералъ-губернатору Коцебу, что въ колоніи Альтъ-Данцигъ баптисты увлекли въ свою секту жену колониста Якова Ворнебахера и окрестили ее, для чего призванъ былъ изъ Одессы нѣкто Шульцъ, которому главнымъ образомъ содѣйствовалъ учитель Прицкау.—22 октября 1872 г. поселянинъ с. Альтъ-Данцигъ елисаветградскаго уѣзда Іоганъ Прицкау совершилъ крещеніе надъ лѣтными колонистами Людвикомъ Вагнеромъ, Іосифомъ Энгелемъ и его женой Агатой, а становому приставу Прицкау объявилъ, что ему положительно извѣстно, что въ старо-данцигскомъ сельскомъ управленіи имѣется распоряженіе генералъ-губернатора о томъ, чтобы баптистовъ не преслѣдовать. Поводъ такъ думать возымѣлъ Прицкау изъ того, что когда нѣсколько поселянъ колоніи Ландау одесскаго уѣзда, совратившихся изъ католичества въ баптизмъ, обратились къ ген. Коцебу съ жалобой на преслѣдованія, коимъ они подвергаются со стороны духовенства и поселянъ римско-католическаго исповѣданія, то Коцебу отъ 6-го мая 1872 г. далъ знать херсонскому губернатору, что секта баптистовъ можетъ быть терпима и не должна быть преслѣдуема, доколѣ послѣдователи ея будутъ исполнять гражданскія обязанности, а жалобщикамъ въ тоже время была дана выписка о семъ изъ канцеляріи генералъ-губернатора [1]. Въ 1873 г. Іоганъ Прицкау подалъ прошеніе херсонскому губернатору, въ которомъ утверждалъ, что братство баптистовъ не есть какая нибудь вредная секта, и представляя письменное изложеніе вѣроисповѣданія баптистовъ,

---

[1] Херсонскій губернаторъ разъяснилъ *Прицкау* и *Лиловскому*, что все такъ: они не имѣютъ права проповѣдывать.

просилъ исходатайствовать свободу ихъ религіи и предохранить ихъ отъ притѣсненій.

По донесенію русскаго вице-консула въ г. Тульчѣ министерству иностранныхъ исповѣданій въ 1870 году, баптисты, изгнанные изъ Россіи за прозелитизмъ, поселились въ Добруджѣ. Устроивъ здѣсь колонію Каталуй, они не перестаютъ вести дѣятельныя сношенія съ своими единомышленниками въ Россіи. Въ колоніяхъ южнаго края они въ особенности хлопочутъ о пропагандѣ между русскимъ населеніемъ, толкуя имъ евангеліе. Изъ колоній они перешли въ Одессу, гдѣ образовали общину. Главные баптистскіе дѣятели: Вилеръ, Овдра и другіе. Характеръ ихъ дѣятельности довольно видѣнъ изъ нижеслѣдующей переписки ихъ между собою, сообщенной г. вице-консуломъ Юзефовичемъ новороссійскому генералъ-губернатору Коцебу въ 1870 году.

Письмо № 1 [1]. Вилера къ Клундту.

Одесса, 20 мая 1870 г.

Дорогой братъ во І. Христѣ Клундтъ!

Нынѣ былъ у меня братъ *Ланіе* изъ Плоцка, посланный братомъ *Ленромъ* частью для передачи мнѣ одного сообщенія, а частью для того, чтобы получить отъ меня совѣтъ въ весьма важномъ обстоятельствѣ, а именно, когда вы съ *Израилемъ* [1] вновь перешли изъ заграницы въ Россію, то послѣдній безъ всякаго повода чистосердечно открылъ одному врагу нашего общества, притворившемуся собратомъ, кто онъ, что съ нимъ случилось и какимъ способомъ онъ перешелъ за границу. Я не постигаю, что побудило этого молодого человѣка разсказать свою исторію этому человѣку, чужому для меня и для тебя. Послѣдствіемъ сего было то, что этотъ человѣкъ вездѣ говоритъ о семъ и всѣ колоніи это знаютъ, такъ что неминуемо будетъ слѣдствіе. Тогда братьямъ придется давать ложныя показанія, и каковъ будетъ конецъ?—Сибирь.—Сколько я не уговаривалъ молодого человѣка держать языкъ за зубами и никому не сообщать ни о чемъ, но онъ вездѣ проболтался, и мы теперь подвергнемся чрезъ него не только стыду, но и изгнанію.

---

[1] Рѣчь идетъ о молодомъ евреѣ, совращенномъ Рябошапкою въ баптизмъ и увезенномъ имъ-баптистами въ Добруджу.

Въ случаѣ производства дознанія мы поплатили-бы устроить дѣло такъ: тотчасъ по полученіи сего письма вашей колоніи слѣдуетъ постановить общественный приговоръ, будто мальчуганъ, бывшій въ Плоцкѣ и т. д., есть турецко-подданный и колонистъ вашей колоніи (желательно, чтобы на всякій случай онъ перемѣнилъ свою фамилію). Этотъ общественный приговоръ долженъ быть засвидѣтельствованъ нашей—россійскимъ консуломъ. Когда-же здѣшній инспекторъ потребуетъ отъ турецкихъ властей, то этотъ документъ можетъ быть высланъ въ оправданіе собратій, иначе дѣло можетъ выйти плохо. Сообщите мнѣ по полученіи сего, снабженъ-ли Израиль турецкимъ паспортомъ и принялъ-ли другую фамилію. Въ *Любомірѣ*, гдѣ Израиль находился сначала у *Рябошинки*, уже былъ произведенъ строгій допросъ и будетъ слѣдствіе. Всѣмъ намъ придется плохо; но кто могъ предполагать, что имѣемъ дѣло съ такимъ легкомысленнымъ болтуномъ? Пожалуй, его потребуютъ обратно и съ нимъ поступлено будетъ строжайше по закону, что конечно ему не понравится. Онъ вообще любитъ говорить много, отъ чего нужно его отучить.

Я просилъ васъ писать также и *Лейеру*, чтобы успокоить людей, которые слишкомъ уже тревожатся. Такъ какъ братъ *Августъ-Либихъ* не находится тамъ, то я прошу васъ о слѣдующемъ: сестра *Шлисеръ* мнѣ сказала, что тамъ есть еще много нѣмецкихъ трактатовъ, которые не были прочтены или, лучше сказать, не были распространены. Если таковыхъ есть довольно, то не можете-ли мнѣ ихъ доставить? Еще одно: *Флоренъ* проситъ меня распространить его русскія пѣсни. Но здѣсь вотъ препятствіе—цензура не пропускаетъ; однако не можете-ли доставить мнѣ около 400 экзем.? Увѣдомьте меня относительно этихъ пунктовъ. Адресуйте нѣмецкіе трактаты купцу *Карлу Шуцу* въ Одессѣ для передачи *I. W.* Кланяйтесь всѣмъ дѣтямъ о Господѣ, которые меня знаютъ. Съ самой Пасхи я нездоровъ и вѣроятно отправлюсь въ госпиталь. Съ вами во І. Христѣ соединенный

Н. Вилеръ (Wieler).

Письмо № 2. Либера къ Либиту.

Одесса, 13 іюля 1870 г.

Миръ вамъ дорогой братъ о І. Христѣ!

Только что получилъ для васъ письмо отъ брата *Прицкау*, доставить которое онъ проситъ. Я намѣренъ былъ самъ пріѣхать въ *Каталуй*, но дѣла все еще не позволяютъ мнѣ этого, и потому, не имѣя воз-

можности лично вручить вамъ письмо, я принужденъ доставить его вамъ обыкновеннымъ путемъ. Братъ *Циммермонъ* опять у насъ и я еще не знаю, что выйдетъ изъ всего этого дѣла. *Плоцкіе* въ недоумѣніи, такъ какъ пасторы будто угрожаютъ доносомъ, направленнымъ въ особенности на брата *Лейера*, который своей оппозиціей для нихъ бѣльмо на глазу и теперь они думаютъ, что настало время разъ навсегда ему отомстить. Пасторъ *Велькеръ* объявлялъ его во всѣхъ колоніяхъ дурнымъ человѣкомъ и не будь Оберъ-Шульцъ собратомъ и не поддержи его инспекторъ, вышло-бы дурно. Я тоже долженъ осторожно держаться въ этомъ дѣлѣ, но я вѣряю себя Богу.

Отъ гомеопатической аптеки мнѣ придется потерять 25 рублей, потому что она была назначена другому, отъ котораго я получилъ деньги, чтобы заплатить за нее. Теперь я имѣю возвратить эти деньги, а таможня не выдаетъ ему этой аптеки и не высылаетъ ее.

Здѣсь въ Одессѣ дѣло идетъ печально. *Мейеръ* состоитъ старшиною у братьевъ и меня преслѣдуетъ. Писать вамъ обстоятельнѣе о ходѣ спора не хочу пачкать бумагу. Очень желательно, чтобы вы прибыли сюда, разсмотрѣли дѣло и ввели, гдѣ нужно, измѣненія. Неприязнь *Шлика* я навлекъ на себя тѣмъ, что не хотѣлъ съ нимъ принять причастія прежде, чѣмъ его дѣло будетъ рѣшено общественнымъ приговоромъ, хотя я не подавалъ голоса за его исключеніе. Словомъ здѣсь *баптистское* движеніе принимаетъ очень неудовлетворительный видъ и очень пора-бы что нибудь сдѣлать. Если только имѣете возможность прибыть сюда, то поставьте это себѣ непремѣннымъ долгомъ. Какъ-бы желательно, чтобы оттуда я получилъ русскія книги пѣсней отъ *Флокена*. Онъ полагалъ, что я могъ-бы получить ихъ отъ васъ. Прислать-ли вамъ прежде деньги? Сколько стоитъ тамъ 100 экземпляровъ, считая по 10 коп. за экземпляръ? Сколько прислать денегъ? Отправлены-ли для меня нѣмецкіе трактаты. Кланяйтесь всѣмъ сестрамъ, меня знающимъ и незнающимъ. Съ вами въ Богѣ соединенный

І. Вилеръ.

Адресъ: Г-ну Вилеру, на углу Прохоровской и Степной улицъ, домъ Ткаченковой, № 46. Одесса.

P. S. Поклонъ брату *Клундту*. Русскія книги пѣсней не должны быть отправлены пароходомъ потому, что здѣсь цензура не пропускаетъ русскихъ книгъ религіознаго содержанія, отпечатанныхъ заграницей.

Письмо № 3. Приншу къ Либигу.

Альтъ-Давидъ. 2 іюля 1870 г.

Добрый братъ Либигъ!

По пріѣздѣ въ Одессу я получилъ твое и брата *Фрица* письма. Я полагалъ, что письмо мое къ Фрицу было потеряно, такъ какъ столько времени я тщетно ждалъ отвѣта. Тебѣ-же съ тѣхъ поръ, какъ я былъ у тебя, я нѣсколько разъ писалъ, но, какъ видно изъ твоего письма, этихъ писемъ ты не получилъ. Что касается семейства *Шлимъ*, то я напомнилъ имъ отдать свои билеты на званіе членовъ; но они говорятъ, что таковыхъ не получали. О случившемся съ нимъ было совѣщаніе въ засѣданіи общины и рѣшено его не исключать, я-же одинъ былъ противъ этого рѣшенія. Что ты думаешь, дорогой братъ, о подобномъ случаѣ? Насколько мнѣ извѣстно, въ Германіи такой грѣхъ строго наказывается. Впрочемъ здѣсь это былъ особенный случай. Братъ *Шлимъ* объявилъ, что онъ имѣлъ уже раскаяніе а такъ какъ въ Одессѣ не было общины, то онъ открылъ это своей женѣ, и они вмѣстѣ молились о прощеніи грѣха. Это поощрило его и другихъ, имѣющихъ съ нимъ связи. Если-бы его не исключили, то спрашивается, на сколько времени? Такъ какъ мы исключаемъ до тѣхъ поръ, пока послѣдуетъ раскаяніе, а всѣ ему вѣрили, что онъ имѣлъ уже раскаяніе, потому исключить его было-бы напрасно. При всемъ томъ я нахожу, что слишкомъ легко такъ дѣлать, и сознаюсь, что это во 1-хъ произведетъ дурное вліяніе, а во 2-хъ что многіе на будущее время будутъ на это ссылаться. Я право не зналъ, что дѣлать и предложилъ отсрочить дѣло, пока у кого нибудь найдемъ совѣтъ, но собратія желали кончить это дѣло и такъ сдѣлали.

Тебѣ конечно неизвѣстно, что теперь въ Одессѣ есть самостоятельная община. Во время моего проѣзда здѣсь (въ Одессѣ) были крещены 4 брата, а въ *Анненталѣ* близъ Одессы еще нѣсколько. Затѣмъ братъ *Онфра*, который былъ у насъ о Троицѣ, при проѣздѣ еще нѣсколькихъ крестилъ, такъ что тамъ есть уже порядочное число и они избрали пресвитеромъ (Hovstedev) своимъ брата *Майера* (Mayer), который также живетъ въ Одессѣ и двухъ діаконовъ—брата *Вунна* и нѣкоего *Бильбруть*. Мы здѣсь имѣли пышное празднество въ праздникъ Троицы, подробности коего ты узнаешь изъ «Миссіоннаго Листка». Много братій изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ прибыли сюда и между прочими и

братъ *Ондра*. Собраніе имѣло мѣсто въ церкви, такъ какъ это всегда бываетъ теперь; поющіе стояли у олтаря и подъ конецъ пропѣли еще нѣсколько пѣсней. На второй день Тройцы я праздновалъ свой бракъ въ школѣ и въ молитвенномъ домѣ. Обрядъ былъ совершенъ братомъ *Ондрой* въ присутствіи многихъ свидѣтелей. Слѣдовательно съ Тройцы я женатый человѣкъ и имѣю сожительство съ моею женою *Доротеею Гидесъ*, дочерью здѣшняго брата Гидса, въ домѣ школы.

Наша *русская община* уже порядочно увеличилась и мы насчитываемъ до 70 членовъ.

Получилъ-ли братъ *Клундтъ* мое письмо? Кланяюсь тебѣ, твоей женѣ и всей общинѣ. Присовокупляю, что ты обрадуешь отвѣтнымъ письмомъ твоего собрата.

І. Прицкау (Pritzkau).

Письмо № 4. Клундта къ Вилеру.

Каталуй, 4 августа 1870 г.

Дорогой во Христѣ братъ Вилеръ!

Только что получилъ ваше письмо съ мнѣніемъ, чтобы братъ *Израиль* остался здѣсь, но получилъ очень поздо: уже три недѣли назадъ тому онъ взятъ отсюда. *Плоцкіе* братья отправили сюда человѣка, снабженнаго нужными деньгами, который взялъ его, чтобы доставить въ ваши руки въ Одессу. Я полагалъ, что выслать его въ Россію по общественному приговору не идетъ, потому что здѣсь не существуетъ общественныхъ приговоровъ, здѣсь сельская община не имѣетъ никакихъ правъ. А принять *Израиля* было бы очень легко потому, что здѣсь въ Турціи для этого не нужно никакого общественнаго приговора. Надѣюсь скоро выѣхать въ *Молдавію* и оттуда вышлю вамъ въ *Плоцкъ* русскія книги пѣсней, которыя вы доставите въ Одессу. Такимъ способомъ я уже ввезъ въ Россію книги. Затѣмъ я вамъ сообщу, какъ вы должны высылать деньги.

О братѣ Б. А. *Либиѣ* я не могу писать вамъ многаго, такъ какъ отъ него уже 6 недѣль не имѣемъ свѣдѣній.

При семъ посылаю вамъ маленькій ящикъ съ трактатами. Въ случаѣ понадобятся вамъ еще такевые, пишите сюда; мы можемъ выслать сколько угодно. Сообщите намъ поскорѣе, какъ вышло дѣло съ *Израсилемъ*. Кланяйтесь всѣмъ дѣтямъ Господнимъ и особенно брату *Мейеру*. Затѣмъ желаемъ вамъ Божіей помощи. Вамъ преданный братъ

І. Клуйтъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Библіографія.

Извѣстіе о похожденіи Симеона Степановича Пищевича. 1731—1785 г. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей росс. при московскомъ университетѣ, подъ ред. дѣйств. члена Ивана Новик. Москва. 1884 г. IV+561.

Важность вопроса о колонизаціи въ русской исторіи достаточно опредѣлена появленіемъ въ свѣтъ ряда серьезныхъ изслѣдованій, касающихся разныхъ областей нашего отечества, и лишь по отношенію къ новороссійскому краю онъ не дождался еще разностороннаго разсмотрѣнія. Только въ самое послѣднее время обращено вниманіе на народную колонизацію Новороссіи и только теперь эта сторона дѣла стала на очереди; болѣе разработана колонизація иностранная, но и тутъ найдется не мало пробѣловъ, на столько существенно-важныхъ, что самая оцѣнка колонизаціоннаго движенія можетъ довольно круто измѣниться, когда явятся дополненія фактическія. Прежніе изслѣдователи не охотно изходили изъ круга матеріаловъ оффиціальныхъ, не всегда и они даже пользуясь въ ихъ настоящей полнотѣ и съ желательной тщательностью, матеріалы же частнаго характера совсѣмъ почти не затронуты. Тѣмъ цѣннѣе книга, заглавіе которой выписано нами въ началѣ статьи, и тѣмъ важнѣе для юга Россіи заслуга московскаго общества исторіи и древностей, изданнаго ее. «Извѣстіе о похожденіи С. С. Пищевича» заключаетъ въ себѣ автобіографію одного изъ участниковъ сербской колонизаціи прошлаго столѣтія и по своимъ достоинствамъ представляетъ матеріалъ большой поизны. Напрасно было бы требовать достоинствъ литературныхъ отъ автора, въ зрѣломъ уже возрастѣ научившагося русскому языку и совсѣмъ не подготовленнаго къ литературнымъ занятіямъ: разсказъ многорѣчивъ и останавливается слишкомъ долго на личныхъ

обстоятельствахъ жизни повѣствователя, но тамъ, гдѣ рѣчь касается Новой Сербіи, Хорвата и его отношеній и дѣлъ, словомъ фактовъ и личностей историческихъ, именно эта словоохотливость обращается въ достоинство: съ полной откровенностью раскрываетъ авторъ нашъ домашнюю сторону выселенія и быта колонистовъ и показываетъ руководителей дѣла во всей ихъ природной наготѣ, а при случаѣ и про свои «похожденія» повѣствуетъ съ такою святою простотой, которой хотя и нельзя завидовать, но за которую надо быть благодарнымъ ему. Честность и добросовѣстность—качества, несомнѣнно отличающія трудъ Пишчевича, и даже въ неблагопріятныхъ отзывахъ его о Хорватѣ, съ которымъ водились у него личныя неудовольствія, трудно заподозрить правдивость его: онъ не умѣетъ сойти съ фактической почвы и никогда не покидаетъ того наивнаго отношенія къ своему труду, которымъ запечатлѣна вся его книга.

Допросимъ же нашего автора—колонизатора о томъ, какія побужденія заставили его оставить австрійскую службу и перебраться въ Россію? На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ категорически—ясно: «болѣе ничто не побудило во мнѣ желанность просить аншита, какъ что только хочу еще свѣтъ выдетъ и свое счастие далѣ пробовагъ» (91 стр.). О побужденіяхъ другаго порядка и рѣчи быть не можетъ. Впрочемъ, Пишчевичъ говоритъ о своей любви къ новому отечеству, Россіи, но какъ своеобразно понималъ онъ эту любовь, показываетъ передаваемая имъ исторія «черногорской коммиссіи». Дѣло было вотъ въ чемъ. Черногорскій владыка Василій Петровичъ, прибывшій за милостыней въ Москву, соблазнялся выгодностью славянской колонизаціи въ Россіи и, не думая долго, подалъ въ сенатъ проэктъ о переселеніи въ Россію черногорцевъ, увѣряя, что своимъ призывомъ къ выходу въ Россію можетъ поднять весь народъ черногорскій, подъ однимъ лишь условіемъ—казенной ассигновки. По этому заявленію и составлена была черногорская коммиссія, въ составъ которой вошелъ также Пишчевичъ. Какъ же выполнилъ свое обѣщаніе черногорскій владыка и какъ дѣйствовала его коммиссія? Вызовъ владыки на мѣстѣ встрѣченъ былъ чрезвычайно недоброжелательно. «Владыка, разсказываетъ Пишчевичъ, ...видя, что его никто не послушалъ, а дѣло такое безъ согласия народа самъ собою зачалъ, которое исполнить должно, то и зачалъ приглашать своихъ свойственыковъ и некоторыхъ поповъ, что вдозцами были, давъ имъ благословение обрить бороды, награда деньгами и назначивъ ихъ чинамы офицерскимы и тѣмъ пригласилъ на свою сторону». И членовъ оппозиціи старался онъ привлечь разными средствами: одному обѣщалъ небывалый чинъ и огромную власть, другому сосваталъ сестру; однаго,

успѣхъ оказался плохой. Между тѣмъ члены коммиссіи поджидали черногорцевъ на австрійскихъ карантинахъ. Глава ея, маіоръ Степанъ Петровичъ, убѣдившись въ безуспѣшности дѣла, завелъ сношенія съ синдикомъ города Карловицъ, Иваномъ Балевичемъ, и вмѣстѣ съ нимъ соорудилъ такой проэктъ: въ Карловицѣ и окрестностяхъ его проживало довольное число такъ называемыхъ бетяровъ, т. е. людей, пришедшихъ изъ разныхъ мѣстъ на заработки и остававшихся здѣсь подолгу, иногда по цѣлому году; рѣшено было тайно уговорить ихъ выселиться въ Россію подъ именемъ черногорцевъ, а Балевичъ, какъ синдикъ, обѣщалъ выдать имъ свидѣтельства, что они—выходцы изъ Черногоріи. Сказано—сдѣлано. Набралось человѣкъ пятьдесятъ. Петровичъ хотѣлъ объ этихъ черногорцахъ представилъ русскому послу въ Вѣнѣ и выхлопоталъ для нихъ паспорты; но на бѣду двое бетяровъ съ дороги бѣжали, явились въ Петроварденъ и объявили, какъ дѣло было; тогда пришла очередь Балевича выселиться и колонизовать наши степи; спасая голову, явился онъ къ Пишчевичу и со слезами, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, просилъ помочь ему; тотъ сначала отказалъ, не желая вмѣшиваться въ дѣло столь деликатнаго свойства, но потомъ, слышась на ходатайство какого-то важнаго лица, которое по имени не называетъ, послалъ Балевича въ Вѣну, откуда тотъ, переодѣвшись купцомъ—грекомъ, успѣлъ бѣжать въ Россію. Но и самъ Пишчевичъ дѣйствовалъ въ Митровицѣ въ томъ же направленіи и съ подобнымъ успѣхомъ. «Мнѣ, говоритъ онъ, вся та пограничность довольно была еще прежде извѣстна, а при томъ были на некоторыхъ местахъ по границе кесарской люде такие, кои доводилысь мнѣ несколко въ свойстве, а кому и другие знакомые добрые приятелы, и своихъ я зналъ на ково положитца можно, то и наполъ я таковыхъ, что по приятелеви мнѣ въ моемъ предприятіи учинилы помочь. Я чрезъ оныхъ (продолжаетъ онъ) секретно на ту сторону (р. Савы) въ турецкую сторону, въ лежащие по границе на реке Саве места далъ о себѣ знать, что нахожусь я въ городѣ Митровице, дожидаясь для приему приходящихъ черногорцевъ, и что въ томъ числѣ будетъ можно подъ именемъ тѣхъ черногорцевъ принять и другихъ людей, вышедшихъ изъ турецкой области къ себе въ команду, для чего ежелы кто желаетъ, то чтобы выходили и являлисбы на учрежденомъ по границе кесарскомъ карауле, где кому способно, откуда приведены будутъ въ карантинъ и тамъ всю содержаные будетъ отъ меня имъ давано. Меня, замѣчаетъ Пишчевичъ, къ сему предприятью ничто болше не побудыло, какъ толко одна ревность и усердые къ моей присяге, и темъ оказать услугу Россіи (кою уже я своимъ отечествомъ называю и потомковъ своихъ въ ономъ въ пользу оставить намеренъ), то

для того приложилъ я свой трудъ и стараніе, чтобы сей случай учинить полезнымъ и вывесть людей въ Россію» (стр. 257—258). Такимъ способомъ набралось у Ивичевича 62 человѣка, кромѣ того ему прислано изъ Тріеста 27 лже-черногорцевъ, а что это были за люди, видно изъ слѣдующихъ его словъ: «...всѣ воръ наголо и пьяницы прегорбіе; наволочь то такая была, что хуже сыскать нигде не можно: между имижь были оружейные лѣсовые пастолціи разбойники» и т. д. (стр. 261).

Познакомившись со способами переселенія славянъ въ Россію, посмотримъ теперь на ихъ житье-бытье на новыхъ мѣстахъ. Появившись въ Россіи, руководители движенія первымъ дѣломъ перессорились: ни Шевичъ, ни Райко-Прерадовичъ не соглашались поступить подъ начальство Хорвата, ссылаясь на то, что въ австрійской службѣ было выше его по службѣ, и въ этомъ смыслѣ сдѣлали представленіе начальству. Хорватъ, желая удержать первенство за собою, самъ указываетъ на свои заслуги, какъ зачинщика переселенія, и порочитъ соотечественниковъ, утверждая, напр., что Райко вывелъ въ Россію только одну свою семью... Судили—рядили о сербахъ въ сенатѣ, и рѣшили разселить ихъ особо. Тогда Хорватъ подсылаетъ въ Кіевъ своихъ офицеровъ, подъ предлогомъ закупки сукна на полкъ, а на дѣлѣ для того, чтобы стороною подговаривать людей Шевича и Прерадовича переходить къ нему, Хорвату; опытъ удался отчасти, но Хорвату помѣшало то, что имъ была не довольна военная коллегія, въ подчиненіи у которой не пожелалъ онъ быть.

Сочиненіе Ивичевича знакомитъ съ Хорватомъ ближе, чѣмъ съ другими руководителями сербскаго движенія, такъ какъ съ нимъ авторъ нашъ входитъ въ разнообразныя отношенія—служебныя и частныя. Послѣ поѣздки въ Вентрію для закупки лошадей русскому двору, Ивичевичъ, исполнивъ порученіе, проживалъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, въ ожиданіи наградъ, мысль о коихъ занимала его вообще болѣе всего другаго, и велъ праздную, хотя и веселую для него жизнь: посѣщалъ придворные балы, навѣдывался къ сильнымъ міра, разъѣзжалъ въ придворной каретѣ. Хорватъ, бывшій также въ Петербургѣ, узналъ о Ивичевичѣ и постарался привлечь его на службу къ себѣ, и тотъ, послѣ продолжительнаго упорства, соблазнившись обѣщаніемъ ему подполковничьимъ чиномъ, сдался наконецъ на капитуляцію. Выпросивъ у Ивичевича 400 р. на дорогу, Хорватъ выѣхалъ въ Новую Сербію, оставивъ Ивичевича хлопотать по своимъ дѣламъ. Проживъ въ Петербургѣ еще два мѣсяца, Ивичевичъ также отправился въ путь, въ сопровожденіи одного вахмистра Хорвата. И вотъ что разсказывалъ ему вахмистръ дорогою о своемъ начальникѣ: «ви де сударь отъ Хорвата обмануты,

ибо онъ, какъ пріехалъ въ Новую Сербію, смѣялся, и я слышилъ часто, гдѣ онъ за столомъ объ васъ говорить, какъ онъ васъ умѣлъ словомы привесть на свою руку, и какъ еще завидовалъ тому, что вы на придворной каретѣ съ людмы къ нему пріежали и что вскоре вы того екипажа лышилысь и принуждены были на свои денги карету волную себѣ нанымать, и денги изтерживать, да и о денгахъ упомывалъ и говорилъ часто съ капитаномъ Булацеломъ и поручикомъ Вайдою, какъ хитро оны умѣлы выманить взаймы у васъ денги на дорогу, какие имъ ни мало не надобни были, а толко де для того здѣлалы, чтобъ васъ лышить оныхъ» (стр. 397). Узналъ Пишчевичъ и о судьбѣ «черногорцевъ»: Хорвату удалось добыть указъ о поступленіи подъ свою команду «черногорцевъ» и вмѣстѣ съ ними Пишчевича, а такъ какъ многіе изъ нихъ не рѣшались отправиться въ Новую Сербію безъ Пишчевича, то Хорватъ «штрафовалъ ихъ палками, и въ колодки забивъ привезъ въ Новую Сербію» (ibid.); другіе не захотѣли совсѣмъ оставаться въ Россіи и оставили ее. Приведенныхъ же съ собою Хорватъ опредѣлилъ частію въ македонскій гусарскій полкъ, частію въ такъ называемый миргородскій гарнизонъ, представивъ въ сенатъ, что послѣдній сформированъ изъ людей, выведенныхъ изъ Венгріи «дворяниномъ Иваномъ Хорватомъ», которому, въ награду за то, выпрашивалъ подполковничій чинъ; этотъ «дворянинъ» былъ никто иной, какъ шестилѣтній сынъ самаго Хорвата; тотъ же чинъ за такой же выводъ нѣсколькихъ сотъ сербовъ получили и два другихъ сына его, старшему изъ коихъ считалось всего 12 лѣтъ. По пріѣздѣ въ резиденцію Хорвата, Новомиргородъ, Пишчевичу никакими средствами не удалось получить своего долга. Подъ рукой, отъ одного служащаго онъ узналъ, что Хорватъ вообще имѣетъ обыкновеніе вытягивать деньги у тѣхъ изъ подчиненныхъ, у кого они водятся, и дѣлаетъ это за тѣмъ, что безденежные люди покорнѣе и ужичивѣе; выходя изъ той же мысли, онъ завелъ агентовъ для доставки вещей на обмундировку: всѣ принадлежности аммуниціи доставлялись изъ Австріи въ три дорога, и самъ начальникъ Новой Сербіи не оставался въ убыткѣ. Все это разсказывалъ Пишчевичу нѣкто маіоръ Шмитъ, начальникъ «разсчетной коммиссіи», въ которую поступали всѣ суммы—какъ на выводъ полныхъ переселенцевъ, такъ и на содержаніе поселенія: «она де то есть самая преисподняя глубина Хорвата вороватса», объяснилъ Шмитъ.

Пишчевичу очень хотѣлось назначенія въ дѣйствующую армію, но Хорватъ поручилъ ему формированіе новаго болгарскаго полка и за этимъ отправилъ за Кременчугъ, въ мѣстечко Манжелео. Полкъ формировался никѣмъ инымъ, какъ австрійскими и прусскими дезертирами

на польской Украйнѣ. «Я съ сими людми съ перваго зачала превеликое мученіе и трудъ имѣлъ», разсказываетъ Пшичевичъ; «всяко то было строптиво, развращено, пияно и всякой денъ происходилы между имы и съ обывателямы драки и сори, и такое то сборище людей было, каторые по несколько разъ изъ одного государства въ другое преходилы и служилы и потомъ уходилы, а на послѣдокъ дошлы въ Россию и ко мнѣ въ команду» (стр. 416). Не лучше былъ и недавно сформированный македонскій полкъ: «а въ македонскомъ полку слишу я», повѣствуетъ Пшичевичъ, «что происходить очень дурно и здѣлалысь тои зимы чрезъвичайно великие побеги, къ чему оны способъ имѣлы, какъ Днѣпръ замерзъ, и уводилы лошадей, а другие пѣшкомъ уносилы мундиры и амуницию съ собою въ Полшу за границу» (стр. 428). Такимъ образомъ бѣжало въ Польшу изъ одного македонскаго полка болѣе 200 человѣкъ, съ амуницией и съ ружьями (стр. 424).

Вотъ картинка, представляющая обращеніе Хорвата съ подвластными. Миргородскій гарнизонъ, сформированный, какъ мы видѣли, шестилѣтнимъ Иваномъ Хорватомъ, не получалъ ни жалованья, ни провіанта. Истощивъ терпѣніе, голодные и полунагіе, «черногорцы» рѣшились обратиться лично къ Хорвату съ просьбою облегчить существованіе ихъ, и съ этою цѣлью собрались всѣ передъ городомъ. Хорватъ узналъ объ этомъ и велѣлъ стрѣлять въ толпу изъ пушки картечью: нѣсколько человѣкъ остались убитыми, остальные бѣжали; одинъ изъ труповъ, по приказу Хорвата, выставленъ былъ возлѣ большой дороги, на колесѣ; «другихъ-же изъ тѣхъ людей содержалъ иныхъ въ железахъ, а иныхъ публично безъ милосердія сѣкъ батожѣмъ, а одного, бивъ кнутомъ, сослалъ въ ссылку въ Сибирь, и тѣмъ ихъ застрашилъ, что они ужъ остались, яко рабы, подъ его властию, и довелъ до того и въ такой страхъ, что никто ни вчемъ и ни о какой своей нужде говорить не смѣлы и повиновался всякъ его власты зъ великимъ раболѣпствиемъ» (стр. 425). Другая сцена: Хорватъ послалъ подъ караулъ одного прапорщика, Чаки: спустя нѣкоторое время послѣ арестованія его, Хорватъ проходилъ мимо караульни по улицѣ, Чаки вышелъ къ нему и просилъ освободить его; въ отвѣтъ на просьбу, Хорватъ нанесъ ему нѣсколько пощечинъ, потомъ схватилъ за волосы, таскалъ по землѣ, топталъ ногами и наконецъ недовольный и всѣмъ этимъ, приказалъ барабанщикамъ принести палокъ и, раздѣвъ офицера, немилосердно наказалъ его палками (ibid.). Передадимъ еще исторію съ дипломатическимъ оттѣнкомъ: быть можетъ, она напомнитъ читателю упреки, дѣлаемые запорожцамъ, въ непониманіи и неуваженіи международнаго права. Услыхавъ, что вдоль границы, какъ не разъ это бывало и прежде, небольшой польскій отрядъ дѣлаетъ

объѣздъ. Хорватъ снаряжаетъ сотню гусаръ въ пограничный шанецъ и приказываетъ, при первомъ его распоряженіи, напасть на поляковъ; отправляется туда и самъ онъ, велитъ готовить обѣдъ, на который приглашаетъ и польскаго полковника, начальствовавшаго этимъ отрядомъ; когда тотъ явился, люди его пустили лошадей на траву, а сами—кто легъ спать, кто дожидался начальника; вдругъ, по приказанію Хорвата, нападаютъ на нихъ гусары и открываютъ пальбу. Разумѣется, сраженіе кончилось побѣдоносно для Хорвата: многіе изъ поляковъ убиты, другіе, кто успѣлъ, бѣжали, гость-полковникъ арестованъ и отвезенъ въ Новомиргородъ. Хорватъ донесъ сенату (онъ подчинялся непосредственно сенату), что поляки напали на гусаръ, что тѣ вынуждены были обороняться и—одолѣли.

Изложеннаго считаемъ достаточнымъ для того, чтобы поставить на очередь вопросъ о значеніи иностранной колонизаціи въ Новороссіи или, вѣрнѣе, военныхъ поселеній Хорвата, Шевича и Прерадовича. Мы видѣли, что сербскіе колонизаторы, въ томъ числѣ и самъ Иншевичъ, были ничѣмъ инымъ, какъ авантюристами въ самомъ грубомъ смыслѣ слова. Для того чтобы показать, какъ они ловили фортуну, разскажемъ въ заключеніе еще слѣдующую исторію, передаваемую нашимъ авторомъ. Когда пришелъ въ Новую Сербію манифестъ о кончинѣ императрицы Елисаветы Петровны, Хорватъ не медля отправляется въ Петербургъ и тамъ, разузнавъ, кто у новаго государя въ силѣ, начинаетъ дѣлать визиты; кончается тѣмъ, что онъ вручаетъ по мѣшечку золота камердинеру государя и адъютанту его Гудовичу; къ душевному его прискорбію, оба они въ тотъ-же день передали все золото самому государю: государь приказалъ сдѣлать Хорвату публичный выговоръ, возвратить ему деньги и выслать изъ Петербурга. Три года спустя наряжено было надъ нимъ слѣдствіе и Хорватъ, какъ извѣстно, сосланъ. Но думаемъ, что въ данномъ случаѣ исторія могла-бы не ограничивать своего суда только личностями, руководившими дѣломъ. Дѣйствительно, что сдѣлано военными поселеніями для обереженія границъ—главной цѣли, ради которой учреждались они? Что добраго внесли сербы, черногорцы и пр. въ соціальный бытъ Новороссіи? Какіе слѣды ихъ уцѣлѣли до насъ, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ разорившихся и разоряющихся потомковъ ихъ? Наконецъ, гдѣ слѣды этнографическихъ особенностей сербовъ въ населеніи юга Россіи? Все потонуло въ русскомъ населеніи, все забыто имъ. Поселеніе Хорвата и его товарищей просуществовало какой-нибудь десятокъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ переформировано и скоро потомъ

ствто вполнѣ съ общими порядками имперіи. Спрашивается, не была-ли простымъ недоразумѣніемъ славянская и вообще иностранная колонизація въ Новороссіи? Пора-бы отвѣчать уже на эти вопросы.

В. Я.

Русская историческая библіотека, издаваемая археографическою коммиссіею, томъ осьмый. С.-Петербургъ, 1884 г.

Новый томъ Исторической Библіотеки заключаетъ въ себѣ памятники самаго разнообразнаго содержанія. На первомъ планѣ помѣщены весьма интересные документы, извлеченные профессоромъ новороссійскаго университета Ѳ. Н. Успенскимъ изъ разныхъ архивовъ и библіотекъ италіанскихъ: римскихъ, флорентійскихъ, венеціанскихъ и др. Изъ нихъ всего болѣе заслуживаютъ вниманія письма и донесенія о первомъ самозванцѣ и вообще о событіяхъ смутной эпохи въ московскомъ государствѣ. Далѣе слѣдуютъ матеріалы, добытые въ русскихъ государственныхъ архивахъ: акты о выѣздахъ въ Россію иноземцевъ купцевъ, врачей, аптекарей, мастеровъ и т. под. (1600—1640 гг.); акты относящіеся къ исторіи Сибири съ 1625 по 1630 г., а также вѣдомость о ясачныхъ, десятинныхъ, денежныхъ, хлѣбныхъ и соляныхъ доходахъ и расходахъ въ сибирскихъ городахъ за 1698 и 1699 гг.; акты о возобновленіи г. Олонца, истребленнаго пожаромъ 1668 г.; челобитныя разныхъ московскихъ дворянъ (конца XVII в.) о дозволеніи имъ писаться двойными прозвищами. Кромѣ того новый томъ Исторической Библіотеки заключаетъ въ себѣ нѣсколько драгоцѣнныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи, о которыхъ скажемъ подробнѣе. Подъ № 13 помѣщено производившееся въ Малороссійскомъ Приказѣ въ 1676—1677 гг. дѣло объ убіеніи одного новгородсѣверскаго мѣщанина Ивана Мосваленка стрѣльцемъ Останкой Кузьминымъ, ѣхавшимъ въ Москву гонцомъ изъ Кіева. Убійство произошло вслѣдствіе ссоры изъ-за подводъ, которыхъ Кузьминъ требовалъ въ большемъ противъ положеннаго количества. Этотъ случай подалъ новгородсѣвескому сотнику и тамошнимъ мѣщанамъ и козакамъ поводъ жаловаться царю Ѳедору Алексѣевичу о безчинствахъ, производимыхъ въ малороссійскихъ городахъ московскими гонцами. «Отъ многихъ гонцовъ (жаловались они) и отъ всякихъ проѣзжихъ народы московской людей милости намъ нѣтъ. Они высокоуміемъ своимъ насъ, холопей и сиротъ твоихъ, ни во что ставя, дворишки наши разоряютъ и насъ въ городѣ и на дорогѣ, въ провожатыхъ взявъ, до смерти убиваютъ». За новгородсѣверскихъ козаковъ и мѣщанъ

вступился также гетманъ Самойловичъ и, препроводивъ въ Москву стрѣльца Кузьмина, просилъ, чтобы послѣдній не былъ оставленъ безъ «достойнаго наказанія за свое безчинное дѣло». Московское правительство и само не мирволило своевольцамъ: по приговору бояръ и по указу великаго государя, стрѣлецъ Останка Кузминъ, за убійство въ пьяномъ видѣ «черкашенина», битъ кнутомъ на козлѣ и данъ на поруки. А въ гетману извѣстительной о семъ грамоты посылать не приказано: «велѣно пообождать, что гетманъ учинитъ у себя убойцѣ-жъ Глухова города черкашенину Давыдку Наврецкому, что онъ убилъ московскаго емщика, и что о томъ отпишетъ». Вообще дѣло это представляетъ любопытный образецъ тѣхъ столкновеній, какія часто происходили въ Малороссіи въ XVII в. между мѣстнымъ населеніемъ и людьми «породы московской».

№ 15-й заключаетъ въ себѣ полную опись движимаго имущества, принадлежавшаго гетману Ивану Самойловичу и его сыновьямъ Григорію и Якову и конфискованнаго послѣ низложенія гетмана по случаю обвиненія его съ сыновьями якобы въ государственной измѣнѣ. Чтобы судить о томъ, какъ велико было это имущество достаточно сказать, что настоящая его опись занимаетъ цѣлыхъ *восемь* печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Размѣрамъ этого имущества соотвѣтствовала его громадная цѣнность. Это тѣ знаменитые «*скарбы*» Самойловича, которые, по выраженію малороссійскаго лѣтописца, онъ «зтырялъ вшеликими способами», которыми онъ никакъ «не могъ насытитися» и «маючи надѣю» на нихъ, «о жадной южъ перемѣнѣ панства своего не помышлялъ» [1]). И точно, нѣтъ числа и мѣры различнымъ драгоцѣнностямъ, какими владѣли когда-то пышный гетманъ—поповичъ и его сыновья: золотые и серебряные кубки, кружки, четвертины, братины, чарки, достоканы, чаши, блюда, поясы, цѣпи, жемчугъ, клейноты и перстни со множествомъ драгоцѣнныхъ камней—все это въ описи исчисляется сотнями отдѣльныхъ предметовъ, а общій вѣсъ опредѣляется десятками пудовъ. Въ числѣ этихъ драгоцѣнностей было не мало образцовыхъ произведеній тогдашняго художества: таковъ напр. кубокъ—«корабль, зъ лица и зъ серединѣ, и поддонокъ, и щосла золоченые сплошъ, парусъ окрашенъ красною да зеленою красками, въ серединѣ семъ перстунъ человѣчьихъ зъ ружьемъ, а въ кормѣ 2 пушечки на колесахъ» и много, много другихъ металлическихъ издѣлій «зъ личинами» человѣческими. Укажемъ и на другіе предметы, свидѣтельствующіе объ извѣстномъ, чисто европейскомъ комфортѣ гетмана-роскошника и его дѣтей. Въ числѣ

1) Лѣтопись Самов., изданіе 1878 г., стр. 169—170.

ихъ имущества часто упоминаются часы серебряные (карманные), часы мѣдные стѣнные, часы серебряные столовые и часы желѣзные боевые; зеркала разной величины и отдѣлки, мыла турецкія и греческія: гребни черепаховые; шахматы костяные; ящики «зъ оптекою» и коробки «зъ розными лѣкарствами»; кружева нѣмецкія и какое-то «перо заморское зъ зеркаломъ, что по нѣмецки называютъ вогоръ»; не есть-ли это der Facher, вѣеръ?) картины нѣмецкія и другія, портреты самихъ Самойловичей; многочисленныя кареты, колясы, сани писанныя золотомъ (Сравн. отзывъ лѣтописца: «зъ великою помпою (гетманъ) ѣздилъ: безъ кареты и за мѣсто не поѣхалъ, а ни самъ, а ни сыноие его, и у войску усе въ каретѣ») и пр. Къ чести павшаго гетмана и его сыновей полковниковъ нужно сказать, что имъ не чужды были интересы науки и книжнаго знанія: въ числѣ ихъ имущества находимъ болѣе 200 томовъ книгъ, изъ коихъ было 89 книгъ славянской и русской печати и письма, а остальное число (132) составляли книги польскія, латинскія. Не чужды имъ были и высшія эстетическія развлеченія, напр. музыка. И лѣтописецъ упоминаетъ, что гетманъ съ сыновьями любили забавляться «музыкою—позитивами» [1]). И подлинно, въ числѣ ихъ имущества мы находимъ нѣсколько различныхъ музыкальныхъ инструментовъ: 6 *клавикордовъ*, 2 *органи*, *цымбалы нѣмецкіе* и наконецъ національный малороссійскій инструментъ—«*бандуру* зъ розныхъ деревъ, волосами составную, съ костми, о семи струнахъ». Вообще замѣтимъ, что опись имущества Самойловичей представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія домашняго быта и всего житейскаго обихода богатой малороссійской семьи XVII столѣтія.

Наконецъ, послѣдній (179) № новаго тома «Исторической Библіотеки» составляютъ акты о посольствѣ царскаго дворянина Ив. Желябужскаго, отправленнаго въ 1657 г. къ седмиградскому князю Георгію Ракочію и кіевскому козацкому полковнику Антону Ждановичу. Они содержатъ въ себѣ нѣсколько новыхъ данныхъ о дѣятельности Богдана Хмельницкаго въ послѣдній годъ его жизни и въ особенности выясняютъ характеръ его отношеній къ седмиградскому князю и общіе ихъ замыслы уничтожить польское государство и раздѣлить между собою его земли. Этотъ-же документъ подтверждаетъ извѣстіе письма Выговскаго къ воеводѣ Зозину о днѣ смерти Богдана Хмельницкаго 27 іюля, а не въ половинѣ августа, какъ о томъ сообщаютъ позднѣйшія козацкія лѣтописи.

О. Л.

---

[1]) *Позитивы*, польск. pozytywy—малые переносные органы.

О родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. Кіевъ, 1871 г., 8° 157 стр. Сказаніе о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. Кіевъ, 1884 г., 8° 131 стр.

Обѣ книжки изданы гр. Гр. А. Милорадовичемъ, владѣльцемъ одного изъ значительныхъ частныхъ архивовъ въ Малороссіи. Въ этихъ книжкахъ на ряду съ біографическими очерками дѣятельныхъ лицъ, принадлежащихъ къ роду Милорадовичей, напечатано не мало и фамильныхъ бумагъ, въ полномъ ихъ видѣ.—Милорадовичи вышли изъ Сербіи при Петрѣ В. и тогда-же два брата изъ нихъ, Михаилъ и Гавріилъ, были назначены, послѣдовательно одинъ за другимъ, гадяцкими полковниками. Въ названныхъ книжкахъ напечатаны біографическіе очерки и бумаги Михаила Милорадовича и его потомковъ. Матеріаловъ для бытовой исторіи Малороссіи по настоящее время издано такъ мало, что всякое изданіе фамильныхъ бумагъ, представляющихъ собою наиболѣе цѣнный матеріалъ для изданія общественнаго и частнаго быта нашихъ предковъ, заслуживаетъ полной благодарности. Напечатанныя въ книжкахъ графа Милорадовича бумаги относятся впрочемъ преимущественно къ концу XVIII в. и поэтому мѣстный интересъ ихъ не особенно великъ; бумагъ, относящихся къ первой половинѣ того-же вѣка, не много; но за то нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ драгоцѣнныя черты изъ тогдашняго быта. Въ этомъ отношеніи особенно интересна записка бунчуковаго товарища Степана Милорадовича о томъ, какое онъ далъ приданное за своею дочерью Софьей, при выдачѣ ея замужъ за Якима Каневскаго. Записка эта относится къ 1739 г., когда Малороссіей правилъ А. И. Румянцевъ, а его фактическимъ соправителемъ былъ генеральный писарь Безбородко. Значеніе послѣдняго такъ велико было въ это время, что всѣ искавшіе милостей у Румянцева, должны были въ то-же время кланяться и Безбородкѣ.—Перечисляя движимость, данную Каневскому, Степанъ Милорадовичъ замѣчаетъ, что «прочышляя» зятю какое-нибудь мѣстечко, онъ далъ Румянцеву «пару верховыхъ коней, одинъ сивояблововатый, а другой—гнѣдой, цѣною въ 70 рублей; а пану А. Безбородку далъ соболій мѣхъ, купленный у Федора Гамалѣи за 75 руб.». Выходитъ, что Безбородкѣ за ходатайство о мѣстѣ нужно было поднести подарокъ такой-же цѣнности, какъ и самому Румянцеву.

Кромѣ бумагъ, напечатанныхъ въ названныхъ двухъ книжкахъ, въ архивѣ гр. Милорадовича сохраняется еще значительное количество юридическихъ актовъ, преимущественно относящихся къ тѣмъ мѣст-

ностямъ Малороссіи, гдѣ находились имѣнія извѣстнаго Павла Полуботка, значительная часть которыхъ перешла потомъ, по браку, къ Милорадовичамъ. Особенно много актовъ сохраняется въ архивѣ графа Милорадовича, относящихся къ м. Любечу и тѣмъ поселеніямъ, которыя при польскомъ владычествѣ принадлежали къ любецкому староству, а потомъ входили въ составъ любецкой сотни, самой обширной въ черниговскомъ полку. Многіе изъ этихъ актовъ относятся къ XVI в. и уже поэтому составляютъ дорогой матеріалъ для исторіи малороссійскаго землевладѣнія, такъ какъ бумагъ, относящихся къ исторіи Малороссіи лѣваго берега Днѣпра за время предшествовавшее эпохѣ Хмѣльницкаго, сохранилось очень мало. Нѣкоторые изъ этихъ актовъ уже напечатаны въ монографіи гр. Милорадовича о Любечѣ (Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и др. 1871 г., кн. 2), но гораздо большая ихъ часть хранится еще въ рукописяхъ. Нельзя не пожелать, чтобы владѣлецъ ихъ, извѣстный своею любовью къ мѣстной старинѣ, продолжалъ-бы изданіе хранящихся у него историческихъ и юридическихъ актовъ и при томъ не въ отрывочномъ видѣ, а систематическими сборниками, матеріаловъ для которыхъ у него найдется не на одинъ томъ.

А. Лазаревскій.

Сулимовскій Архивъ—фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей. Кіевъ, 1884 г. Издатель А. Лазаревскій.

Въ составъ этаго изданія вошли фамильные документы трехъ названныхъ въ заглавіи малороссійскихъ дворянскихъ родовъ. Самая многочисленная группа (109 номеровъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ самая интересная какъ по времени (она восходитъ до первой половины XVII столѣтія), такъ и по полнотѣ—это документы рода Сулимъ, члены котораго занимали важныя должности въ козацкомъ войскѣ и находились въ семейныхъ и личныхъ связяхъ съ многочисленными знатными, современными имъ родами малороссійскихъ старшинъ. Документы Скорупъ (63 номера) и Войцеховичей (11 номеровъ) хотя обнимаютъ нѣсколько менѣе значительный промежутокъ времени и относятся къ менѣе выдававшимся родамъ, представляютъ однако матеріалъ исполненный весьма цѣнныхъ данныхъ для внутренней бытовой исторіи Малороссіи во второй половинѣ XVII и въ XVIII столѣтіи.

Выборъ документовъ для изданія произведенъ весьма умѣло—нѣтъ номера, который-бы не представлялъ той или другой существенной черты для обрисовки бытовой исторіи страны; иначе конечно и не могло случиться, такъ какъ издатель А. М. Лазаревскій, извѣстный многочисленными трудами по исторіи Малороссіи, по всей справедливости долженъ быть признанъ лучшимъ знатокомъ малороссійской исторіи и древностей XVII и XVIII столѣтій.

Не ограничиваясь матеріаломъ сулимовскаго архива, издатель пополнялъ коллекцію нѣкоторыми документами, заимствованными частью изъ собственной богатой коллекціи актовъ, частью изъ малоизвѣстныхъ археографическихъ изданій (напримѣръ «Ukrainne sprawy» Иржыленскаго. Львовъ. 1842). Затѣмъ въ началѣ изданія приложена весьма цѣнная моногрaфія, въ которой разсказана генеалогія и сведены біографіи лицъ, принадлежавшихъ ко всѣмъ тремъ названнымъ родамъ. Изданіе иллюстрировано пятью фамильными портретами, сохранившимися вмѣстѣ съ архивомъ въ домѣ Войцеховичей, наслѣдниковъ Сулимъ.

Документы къ генеалогіи Сулимъ начинаются съ перваго извѣстнаго ихъ предка, запорожскаго гетмана, Ивана Сулимы (1628—1635); сыновья его и дальнѣйшіе потомки умѣютъ среди всѣхъ смутъ и превратностей, которымъ подвергалась судьба страны въ XVII столѣтіи, не только сохранить выдающееся положеніе въ козачествѣ, но и значительно упрочить его какъ пріобрѣтеніемъ многочисленныхъ земель и помѣстій, такъ и родственными связями съ большинствомъ мѣстныхъ знатныхъ родовъ. Когда въ XVIII столѣтіи Малороссія достигла наконецъ умиротворенія и общество стало слагаться въ болѣе правильныя нормальныя формы, Сулимы заняли выдающееся положеніе среди дворянской знати и въ концѣ столѣтія весьма отзывчиво вступили на новый путь служебной карьеры, къ которому умѣли во время подготовиться должнымъ образомъ. Въ числѣ послѣднихъ представителей рода, упоминаемыхъ въ документахъ, мы встрѣчаемъ: генералъ-маіора Акима Семеновича, его сыновей: Павла Акимовича, доктора философіи геттингенскаго университета и Акима Акимовича, получившаго образованіе въ московскомъ университетѣ, наконецъ харьковскаго епископа Христофора Сулиму.

Данныя, относящіяся къ роду Скорупъ, обнимаютъ собственно только 2 поколѣнія, жившія въ XVIII столѣтіи—документы относятся къ родоначальнику Григорію Скорупѣ, выходцу изъ Бѣлоруссіи, составившему огромное состояніе удачными торговыми оборотами въ Стародубѣ и по-

томъ скупкою земель, и къ его сыну Павлу, занимавшему уже почетное мѣсто среди козацкой старшины.

Кромѣ данныхъ генеалогическихъ въ сулимовскомъ архивѣ мы находимъ многочисленныя данныя для возстановленія внутренняго быта въ Малороссіи и для обрисовки общественныхъ отношеній, особенно того сословія, которое, пробившись въ началѣ въ ряды козацкой старшины, составило потомъ малороссійское дворянство. Мы встрѣчаемъ многочисленные документы, указывающіе на постепенное скопленіе поземельной собственности въ рукахъ знатныхъ фамилій.—Это жалованные и подтвердительные гетманскіе универсалы, купчія крѣпости, вѣновыя записи, акты раздѣльные и т. д. Затѣмъ встрѣчаемъ рядъ документовъ, свидѣтельствующихъ о постоянныхъ и усиленныхъ заботахъ старшинъ о томъ, чтобы добыть для своего рода признаніе въ дворянствѣ: объ этомъ хлопочутъ не только Сулимы, происходившіе правдоподобно отъ бояръ любечскаго замка, но и Скорупы, дворянское происхожденіе которыхъ болѣе чѣмъ сомнительно; тѣ и другіе прибѣгаютъ ко всевозможнымъ связямъ и сношеніямъ для того, чтобы добыть себѣ дворянство. Сулимы пытаются связать свой родъ съ гербовною легендою польскаго герба «Сулима» и такимъ путемъ вывести свой родъ отъ предполагаемыхъ предковъ—германскихъ рыцарей, затѣмъ они ссылаются на кобилитацію польскимъ сеймомъ 1659 года и даже совершаютъ попытку переименовать своего предка запорожскаго гетмана—въ канцлеры польскаго королевства. Въ свою очередь Павелъ Скоруба предпринимаетъ продолжительные; хотя и безплодные поиски въ книгахъ люблинскаго трибунала съ цѣлью отъискать дворянскіе документы своего рода, подаетъ челобитную русскому правительству объ утвержденіи его въ дворянствѣ и наконецъ добивается заѣтной цѣли путемъ долговременной службы.

Весьма интересны документы, свидѣтельствующіе о семейныхъ отношеніяхъ въ средѣ малороссійскихъ старшинъ XVIII столѣтія; онѣ болѣе всего явствуютъ изъ многочисленной переписки между родственниками и указываютъ тѣ отношенія, которыя слагались между супругами, старшимъ и младшимъ поколѣніями, а также между родственниками во всѣхъ степеняхъ родства. Вообще семейныя узы являются довольно крѣпкими, хотя нѣсколько формальными; проявленія болѣе глубокаго, задушевнаго чувства весьма рѣдко встрѣчаются въ перепискѣ, но большей

части она носитъ характеръ исключительно дѣловой и ограничивается взаимнымъ сообщеніемъ новостей, порученіями и т. п. Браки заключаются, какъ кажется, главнымъ образомъ изъ побужденій экономическихъ и не всегда бываютъ удачны; какъ примѣръ распри между супругами мы встрѣчаемъ скандалёзную тяжбу бунчуковаго товарища Заборовскаго съ женою (№ 177).—Распри братьевъ между собою составляютъ довольно частое явленіе; образцомъ такого семейнаго раздора можетъ служить жалоба вдовы Ивана Сулимы на сына ея Ивана за притѣсненія, испытываемыя отъ него какъ матерью, такъ и другими членами семейства (№ 41).

Весьма интересную группу данныхъ представляютъ документы, относящіеся къ исторіи просвѣщенія: мы видимъ постоянныя заботы родителей о томъ, чтобы быть дѣтямъ возможно хорошее по своему времени воспитаніе. Не щадя средствъ, зажиточные люди пріискиваютъ домашнихъ воспитателей и учителей, отдаютъ дочерей въ пансіоны, основанные въ Малороссіи иностранцами, отсылаютъ сыновей учиться въ столицы и за границу, зорко слѣдятъ за ходомъ ихъ воспитанія и гордятся ихъ успѣхами. Слѣдуя духу времени, подъ конецъ XVIII столѣтія они стараются замнить преосходство своего образованія пристрастіемъ къ французскому языку, который употребляютъ для переписки, даже въ интимныхъ сношеніяхъ между ближайшими родственниками и въ дневникахъ, которые ведутъ по видимому исключительно для себя. Такое пристрастіе является тѣмъ болѣе страннымъ, что вообще авторы писемъ и записокъ не владѣютъ свободно французскимъ языкомъ, дѣлаютъ грубыя ошибки какъ въ оборотахъ рѣчи, такъ и въ правописаніи, иногда, за недостаткомъ словъ и выраженій, испещряютъ свой текстъ самыми странными комбинаціями словъ французскихъ, русскихъ, малороссійскихъ и латинскихъ или подаютъ поводъ къ самымъ комическимъ невольнымъ каламбурамъ. Лучшій примѣръ такого рода галломаніи представляетъ дневникъ Акима Семеновича Сулимы, напечатанный подъ 109 номеромъ.

Вообще затруднительно было-бы перечислить многочисленныя бытовыя черты, разсѣянныя въ документахъ «Сулимовскаго архива»: документы эти читаются съ большимъ интересомъ и въ значительной мѣрѣ дополняютъ скудный запасъ свѣдѣній, изданный понынѣ относительно внутренней бытовой исторіи Малороссіи XVII—XIII столѣтій; они воз-

становляютъ живо и съ полною историческою правдою картину жизни столь еще недавней и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ исчезнувшей и мало извѣстной.—Въ этомъ отношеніи «Сулимовскій Архивъ» стоитъ на равнѣ съ лучшими, доселѣ извѣстными намъ источниками, каковы «Записки Якова Марковича» и «Матеріалы для отечественной исторіи Судіенка».

В. А.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

VI АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ ОДЕССѢ.

Съ 15 по 30 августа настоящаго года, какъ извѣстно, происходили въ Одессѣ занятія VI археологическаго съѣзда. Каждый изъ такихъ съѣздовъ безспорно имѣетъ большое значеніе для русской науки и слѣдовательно въ полной мѣрѣ заслуживаетъ вниманіе всего просвѣщеннаго общества. Но одесскій съѣздъ для насъ, жителей южной Россіи, имѣетъ преимущественное значеніе, такъ какъ большинство работъ этого, какъ и другихъ съѣздовъ, въ силу установившагося обычая, посвящается мѣстной археологіи и исторіи. Этой частью своихъ занятій закончившійся съѣздъ въ то-же время совпадаетъ съ программою нашего журнала, а потому мы считаемъ умѣстнымъ хотя въ общихъ чертахъ ознакомить читателей съ его занятіями.

Прежде всего мы позволимъ себѣ высказать нѣсколько критическихъ замѣчаній, побуждаемые къ тому единственно желаніемъ всевозможнаго успѣха будущимъ съѣздамъ. Не касаясь формальной и декоративной, такъ сказать, стороны съѣзда,—церемоніи открытія и закрытія съѣзда, числа и званія съѣхавшихся, взаимныхъ привѣтствій, чествованій, развлеченій и т. д., скажемъ сначала нѣсколько словъ о программѣ съѣзда. Еще на третьемъ съѣздѣ въ Кіевѣ, ровно десять лѣтъ тому назадъ, нѣсколько первыхъ засѣданій было посвящено обсужденію вопросовъ: что такое археологія, каковы ея задачи, какова должна быть программа преподаванія этой науки

въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и проч. Г. Забѣлинъ и гр. Уваровъ читали объ этомъ отдѣльные рефераты, нѣсколько другихъ лицъ принимали участіе въ преніяхъ. Мнѣнія оказались самыя различныя, ни къ какимъ выводамъ не пришли, а съѣзды и по сіе время блуждаютъ въ безграничномъ морѣ «древностей» и «памятниковъ». Между тѣмъ такой хаосъ въ пониманіи объема археологіи весьма невыгодно отражается, какъ на успѣхахъ самой науки, такъ и съ практической стороны—на занятіяхъ съѣздовъ. На одесскомъ напр. съѣздѣ читалось, какъ увидимъ ниже, нѣсколько такихъ рефератовъ, которые не имѣютъ ровно никакого отношенія ни къ археологіи, ни къ съѣзду. Если гг. члены ученаго комитета съѣзда допустили эти рефераты къ чтенію, то сдѣлали это, вѣроятно, изъ нежеланія показаться узкими въ пониманіи объема археологической науки. Приведемъ дѣленіе VI съѣзда по секціямъ. Онъ состоялъ изъ слѣдующихъ отдѣленій: 1) обще-археологическіе вопросы, 2) памятники первобытные, 3) памятники языческіе, 4) памятники классическіе, 5) памятники общественнаго и домашняго быта, 6) памятники юридическіе, 7) памятники искусствъ и художествъ, 8) памятники письменности и языка, 9) памятники исторической географіи и этнографіи, 10) памятники византійскіе, 11) памятники восточные. Посмотримъ теперь, какіе рефераты иногда слѣдовали надъ именами разныхъ «памятниковъ». Выпишемъ нѣсколько заглавій: «Историческій очеркъ г. Одессы отъ 1794—1803 г.»; «Матеріалы къ исторіи землевладѣнія въ прилукскомъ уѣздѣ», «О каллипидахъ по Геродоту», «О неизданномъ греческомъ текстѣ, имѣющемъ отношеніе къ русской исторіи», «О ереси мнимо-жидовствующихъ», «Къ хронологіи войнъ Святослава», «О происхожденіи современнаго общиннаго землевладѣнія въ Россіи», «О заселеніи оренбургскаго края» и т. д. и т. д. Если все это археологія, то что-же останется на долю исторіи?...

Намъ кажется, что необходимо прежде всего заняться выработкой яснаго представленія объ объемѣ и задачахъ археологіи,—по крайней мѣрѣ отнюдь не игнорировать какой-бы то ни было работы по этому предмету [1]),—затѣмъ одно изъ двухъ: или съузить

---

[1]) На VI съѣздѣ почему-то не состоялось чтеніе реф. г. Грота: о положеніи археологіи въ ряду другихъ наукъ (заглавіе приблизительное). Поговаривали,

занятія съѣздовъ до предѣловъ этого объема, или измѣнить названіе, а вслѣдствіе этого вѣроятно и организацію съѣздовъ.

Помимо неопредѣленности въ пониманіи объема археологіи весьма неблагопріятно отзывается на серьезности занятій съѣзда и то особое отношеніе къ нему нѣкоторыхъ его членовъ, которое стало проглядывать въ послѣднее время. Не приготовивъ для съѣзда чего либо новаго и цѣннаго въ научномъ отношеніи и пускаясь на съѣздъ, быть можетъ, въ виду пріятныхъ встрѣчъ, свиданій, свободнаго и вмѣстѣ полезнаго время-провожденія, пріѣхавшіе какъ-бы для прогулки депутаты и недепутаты почему-то считаютъ для себя дѣломъ неподходящимъ быть только слушателями и судьями читаемыхъ докладовъ, а стараются во что-бы то ни стало сами что нибудь сообщить. И вотъ одинъ напр. *докладываетъ со словъ знакомаго доктора, родомъ эста*, о нѣкоторыхъ архаическихъ обычаяхъ эстовъ, при чемъ на всѣ вопросы, клонившіеся къ выясненію значенія обычаевъ, отвѣчаетъ крайне спутанно; другой читаетъ *по корректурнымъ листамъ главу изъ имѣющаго выйти въ свѣтъ третьяго тома своей исторіи*, — какъ знаменитый романистъ читаетъ гдѣ либо въ салонѣ главу изъ приготовляемой повѣсти, позволяя избранной публикѣ предвкусить, такъ сказать, наслажденіе, но вызываетъ лишь выраженіе недоумѣнія и справедливое замѣчаніе, что не только ничего новаго и самостоятельнаго въ прочитанномъ не находятся, но упущены и добытыя другими историческія данныя по избранному сюжету; третій *повторяетъ напечатанную раньше статью*, точнѣе лекцію о славянскихъ переводахъ евангелія; четвертый *около часу излагаетъ «краткую біографію Готфрида Велькера», нѣмца филолога*, и вызываетъ замѣчаніе одного изъ оппонентовъ, что Велькеръ—филологъ и что самое имя археологіи было ему ненавистно. Если все это позволительно гг. депутатамъ, то разумѣется необходимо допустить и г. Троицкаго читать «о символикѣ на епископской палицѣ», г-ну Будде доказывать, что церковно-славянскій языкъ есть кабинетное измышленіе «великаго филолога» св. Кирилла, г-ну Селиванову дѣлать веселыя «дополненія», г. Добро-

---

что ученый комитетъ именно убоялся отрицательнаго взгляда г. Греча на археологію; отъ-куда-же онъ во причинѣ отвлеченности его воззрѣній.

скому предлагать такія туманныя замѣчанія о славянскомъ языкѣ въ которыхъ и самъ онъ едва-ли что видѣлъ, г-ну А. Иванову опять распинаться за извѣстныя «ѳеоріи» правописанія «грѣческихъ» словъ, г-ну Пренделю впродолженіе получаса разсказывать о томъ, что по изслѣдованіи острова Березани тамъ ничего не найдено и пр. и пр. Вообще можно сказать, что если-бы профильтровать все прочитанное, то не менѣе половины рефератовъ отошло-бы къ осадкамъ.

А между тѣмъ масса подобнаго рода чтеній (не допущено свыше 30) беретъ непроизводительно весьма много времени; съѣзды наши тянутся чрезвычайно долго, чего нигдѣ, кромѣ Россіи, не дѣлается. Многіе члены одесскаго съѣзда, не будучи въ состояніи бросать своихъ обычныхъ занятій на столь продолжительное время, принуждены были уѣхать, не дождавшись конца.

Все сказанное, понятно, не исключаетъ и большихъ заслугъ бывшаго съѣзда для отечественной археологіи и исторіи. Размѣры настоящей замѣтки не позволяютъ намъ разсмотрѣть подробнѣе работъ съѣзда, поэтому мы ограничимся только перечнемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя относятся къ югу Россіи.

Всѣхъ рефератовъ этого рода было прочитано около тридцати. Изъ нихъ около третьей части относилось къ «памятникамъ классическимъ», т. е. къ исторіи греческихъ колоній на сѣверныхъ побережьяхъ Чернаго и Азовскаго морей. Работы эти касались большею частію того или другаго частнаго вопроса изъ жизни эллиноскифскаго міра. Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ нихъ: проф. *Юргевича* «Замѣчанія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края, заслуживающихъ археологическаго изслѣдованія», *Люперсольскаго* «О каллипидахъ по Геродоту», *Латышева* «Государственное устройство Херсонеса» и «О календаряхъ Ольвіи, Тираса и Херсонеса», *Подшивалова* «Нѣкоторыя данныя для историческаго изслѣдованія о правителяхъ Босфора Киммерійскаго по лапидарнымъ и нумизматическимъ памятникамъ», *Мищенка* «Легенды о царскихъ скиѳахъ у Геродота» и *Андріевскаго М.* «О приповтійской Скиѳіи».

Несравненно болѣе интересны тѣ рефераты, которые относятся къ доисторической эпохѣ нашего края. Первое мѣсто между ними можно отвести докладамъ В. Б. Антоновича. Одинъ изъ докладовъ касался изслѣдованныхъ авторомъ скальныхъ пещеръ въ бассейнѣ р. Днѣстра. Пещеры оказались двухъ родовъ—естественныя

и искусственныя; первыя, судя по открытымъ внутри ихъ костямъ и отбивнымъ каменнымъ орудіямъ, найденнымъ близъ нихъ, служили, по мнѣнію референта, жилищемъ человѣку еще въ палеолитическій періодъ; такія пещеры состоятъ или изъ извилистыхъ коррiдоровъ, идущихъ то горизонтально, то вверхъ и внизъ, какъ въ пещерѣ между селами Нѣгинымъ и Заруднымъ, или изъ ряда камеръ, соединенныхъ короткими переходами, какова напр. пещера у м. Студеницы [1]); близъ послѣдней, въ промоинѣ, вмѣстѣ съ кремневыми отбивными орудіями найдены и кости мамонта, что еще болѣе подтверждаетъ мнѣніе референта. Втораго типа пещеры представляли изъ себя цѣлые монастыри и свидѣтельствуютъ о развитіи въ этой мѣстности пустынножительства уже въ первые вѣка по принятіи христіанства. На стѣнахъ камеръ попадаются рисунки, барельефы и надписи разныхъ временъ. Второй рефератъ проф. Антоновича относился къ раскопкамъ кургановъ, произведеннымъ имъ въ порѣчьяхъ Днѣстра, Буга и Ингула. Ни одинъ изъ типовъ могилъ не былъ древнѣе желѣзнаго вѣка. По даннымъ, добытымъ изъ этихъ раскопокъ, есть возможность прибавить къ извѣстнымъ доселѣ нѣкоторые новые виды погребенныхъ типовъ.

Въ связи съ рефератами профессора Антоновича стоятъ доклады члена краковской академіи наукъ, польскаго археолога г. Оссовскаго. Г. Оссовскій извѣстенъ своими изслѣдованіями въ разныхъ мѣстахъ; онъ дѣлалъ раскопки въ верхнемъ бассейнѣ Днѣстра и въ окрестностяхъ Кракова, въ Галиціи, а также у насъ на Волыни и въ кѣлецкой губерніи. На основаніи раскопокъ по верхнему Днѣстру онъ оспаривалъ мнѣніе профессора Антоновича о слѣдахъ жизни человѣческой, въ изслѣдованныхъ послѣднимъ пещерахъ, въ палеолитическій періодъ; изслѣдованныя-же имъ пещеры около с. Ойцова и г. Кракова дали ему возможность представить вниманію археологовъ весьма остроумный «опытъ хронологической классификаціи каменнаго вѣка». Изслѣдованныя г. Оссовскимъ пещеры имѣли въ себѣ на днѣ напластованія въ три слоя; каждый изъ слоевъ былъ особаго состава и заключалъ соотвѣтственныя издѣлія рукъ человѣческихъ, при чемъ по всѣмъ признакамъ нижній слой былъ самый древній, затѣмъ слѣдовалъ средній

[1]) Объ этомъ см. между прочимъ «Путевые очерки Подолія», «Кіевская Старина», 1884 г., сентябр. кн., стр.

и наконецъ верхній. Г. Оссовскій предложилъ первый слой назвать *мацинскимъ* (по имени пещеры), второй *сѣверно-краковскимъ* и третій *мнаховскимъ*, и найденныя въ каждомъ слоѣ вещи принять за типы для трехъ различныхъ по древности эпохъ каменнаго вѣка въ восточной Европѣ. Прочитанный г. Оссовскимъ рефератъ по основной мысли своей, научнымъ пріемамъ и ясности изложенія представлялъ высокій интересъ, а работы его по изслѣдованію верхняго Днѣстра, дополняя развѣдки В. Б. Антоновича, помогутъ составить полную картину доисторическаго быта искони нераздѣльнаго русскаго края.

Непосредственно за изслѣдованіями профессора Антоновича, по важности затронутаго вопроса, слѣдуетъ поставить рефератъ г-жи Мельникъ: «Слѣды мегалитическихъ построекъ на сѣверѣ херсонской губерніи». До сихъ поръ существованіе этихъ построекъ констатировано въ западной Европѣ, въ Крыму, на Кавказѣ и въ Малой Азіи. Если поэтому г-жѣ Мельникъ удастся доказать, что ею были наблюдаемы дѣйствительно остатки мегалитическихъ сооруженій, то область нахожденія ихъ расширится, присоединивъ къ себѣ югъ Россіи; а такое расширеніе дастъ новыя данныя для теоріи разселенія племенъ. Референтка представила сначала географическій обзоръ наблюдаемой мѣстности. Карпатская каменная гряда, простираясь на востокъ, то залегаетъ подъ поверхностью земли, то высовывается изъ подъ нея, образуя пороги на рр. Днѣстрѣ, Бугѣ и Днѣпрѣ. Въ бассейнѣ р. Ингульца, между гранитными обнаженіями, г-жа Мельникъ замѣтила нѣсколько группъ громадныхъ камней, которые повидимому носятъ въ своемъ расположеніи слѣды рукъ человѣческихъ; такія группы ей попались на сѣверѣ херсонской губерніи возлѣ селеній: Спасова, Канцуровки, Пироговки, Дубовой, Лещенки, Чечелѣевки, Лядова и Пагорянъ. Референтка не настаиваетъ на своемъ открытіи, предоставляя будущимъ изслѣдованіямъ подтвердить или отвергнуть ея мнѣніе; тѣмъ не менѣе вопросъ, затронутый ею, весьма важенъ въ наукѣ русской археологіи. Вотъ почему къ реферату г-жи Мельникъ весьма сочувственно отнеслись столь уважаемые ученые, какъ г. Анучинъ и графъ Уваровъ.

Кромѣ приведенныхъ работъ, по тому-же отдѣлу было представлено на съѣздъ и еще нѣсколько докладовъ. Изъ нихъ достойны

упоминанія рефераты: г. *Залѣскаго* «о древностяхъ кубанской области (авторъ нашелъ слѣды дольменовъ и на Кубани), гр. Бобринскаго «о курганахъ близь м. Смѣлы» и нѣсколько докладовъ г. Самоквасова о произведенныхъ имъ раскопкахъ въ разныхъ мѣстахъ. Почтенный Д. Я. Самоквасовъ прочелъ и еще рефератъ, подъ заглавіемъ: «Простѣйшія формы общественныхъ отношеній», которому однако лучше было-бы остаться въ его портфелѣ.

Къ городу Одессѣ относилось два реферата: г. Орлова, депутата отъ московскаго архива министерства юстиціи, подъ заглавіемъ: «Историческій очеркъ г. Одессы отъ 1794—1803 г.г.» и г. Маркевича—«Одесса въ народной поэзіи». Первый рефератъ представлялъ сухой экстрактъ весьма обстоятельнаго и вмѣстѣ весьма сыраго труда, ближе подходящаго къ лѣтописи, чѣмъ къ исторіи. Авторъ шагъ за шагомъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, слѣдитъ за смѣною разныхъ должностныхъ лицъ, за застройкой отдѣльныхъ частей города, отмѣчаетъ появленіе церквей, молитвенныхъ домовъ и проч., словомъ, много матеріала и никакой обработки.

Болѣе живой характеръ носилъ рефератъ г. Маркевича. Изъ него оказывается, что Одесса только по мимолетному впечатлѣнію международный городъ, что предмѣстья ея, которыя несравненно болѣе самаго города, населены сплошь русскимъ народомъ, и именно въ значительномъ большинствѣ малороссами, какъ и вся Новороссія. Извѣстно, что область нынѣшней Новороссіи весьма знакома малорусскому племени, которое и въ XVIII вѣкѣ составляло преобладающій элементъ въ колонизаціи края. Естественно, что народная поэзія Новороссіи имѣетъ основный характеръ южно-русскій, потому что всегда была въ тѣснѣйшей связи съ остальнымъ народно-поэтическимъ міромъ остальной части малорусскаго племени; вотъ почему пѣсни, сложенныя въ Новороссіи, разошлись по всей Украинѣ и даже Галиціи. Авторъ пользовался какъ печатнымъ, такъ и рукописнымъ пѣсеннымъ матеріаломъ и извлекъ изъ него все, что только заключало въ себѣ указанія или хоть намеки на Одессу.

Собственно взглядъ народа на Одессу не представляетъ ничего неожиданнаго. Это, по пѣснямъ, городъ бойкій, разгульный, гдѣ такъ-же легко прокутиться, какъ и обогатиться. Отмѣтимъ любопытную мелочь, свидѣтельствующую о мѣрахъ, какія принимались властями для усвоенія народомъ имени Одессы, вмѣсто мѣстечка Хаджи-

бея, изъ котораго она возникла; при въѣздѣ мужика въ городъ его спрашивали у заставы: куда ѣдетъ? и если ѣхавшій отвѣчалъ: въ Хаджибей, то его сѣкли, приговаривая: въ Одессу, въ Одессу.

Остаются наконецъ рефераты, относящіеся къ болѣе поздней исторіи южной Россіи. Непосредственно къ этому предмету относились чтенія г.г. Лучицкаго, Багалѣя, Эварницкаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Г. Лучицкимъ было прочитано два реферата. Одинъ имѣлъ цѣлью ознакомить публику съ современными формами общиннаго землевладѣнія въ районѣ непосредственнаго наблюденія автора, именно въ уѣздахъ: золотоношскомъ, части кременчугскаго, части лубенскаго и переяславскаго; другой былъ направленъ къ доказательству существованія общины въ Малороссіи въ XVII и XVIII вѣкахъ. Вѣроятно оба эти реферата появятся въ печати раньше выхода въ свѣтъ «Трудовъ» VI съѣзда, а потому мы не будемъ передавать ихъ содержанія; скажемъ только, что ими видимо интересовались многіе изъ членовъ съѣзда.

Не меньше интереса возбудилъ собою и рефератъ г. Багалѣя о колонизаціи слободской Украины въ XVII и XVIII вѣкахъ. Авторъ давно занимается этимъ вопросомъ и, какъ извѣстно читателямъ «Кіевской Старины», не упускаетъ изъ виду ни одного труда, имѣющаго съ нимъ какую-бы то ни было связь. Въ настоящемъ случаѣ чтеніе г. Багалѣя представляло итоги его занятій. Очертивъ кратко состояніе края въ періодъ до и послѣ татарскій, вплоть до XVIII-го вѣка, въ каковому времени изъ этого края исчезло почти все населеніе, референтъ затѣмъ показалъ, какимъ способомъ край былъ населенъ. Черкасы приходили по приглашенію правительства партіями и строили соединенными силами городъ, который и служилъ потомъ центромъ извѣстной мѣстности. Вокругъ города росли маленькія поселенія подъ именемъ слободъ, откуда и названіе Слободской Украины. Слободы окружались хуторами. Свободная занимка земель была главнымъ стимуломъ колонизаціи. Занимка имѣла или общинный, или личный характеръ. Часто попадается занимка полковая, сотенная и т. д.; сотня, полкъ, какъ юридическая единица, получаетъ жалованныя грамоты на занятыя земли и потомъ дѣлитъ ихъ между слободами, деревнями, хуторами и проч. На ряду съ общинной очень рано появляется личная поземельная собственность, ро-

дившаяся изъ частной занимки, изъ раздѣла общественной земли, по покупкѣ, захвату; послѣднимъ путемъ образовалась крупная собственность дворянъ и монастырей.

Г. Эварницкій явился на съѣздъ, вооруженный громадной коллекціей, составленной имъ впродолженіе трехъ-лѣтняго изученія Запорожья. Онъ нѣсколько разъ предпринималъ туда долгія поѣздки, разными способами переправлялся черезъ пороги и прекрасно изучилъ топографію края. Въ нѣсколькихъ книжкахъ «Кіевской Старины» за текущій годъ печатались его статьи объ этомъ предметѣ. На съѣздѣ г. Эварницкій демонстрировалъ свою коллекцію и въ видѣ комментарій къ ней или разсказывалъ разные эпизоды изъ своихъ путешествій, или «напоминалъ» нѣкоторые моменты изъ исторіи запорожскаго козачества. Публика съ живѣйшимъ интересомъ слушала сообщенія г. Эварницкаго и осматривала его коллекціи.

Если прибавить наконецъ рефератъ г. Перетятковича о переселеніи малорусскихъ громадъ въ оренбургскій край и рефератъ г. Крылова «о старинѣ Донской Области», то будутъ исчерпаны всѣ важнѣйшіе труды, такъ или иначе относившіеся къ южной Россіи. Что касается многихъ другихъ рефератовъ, то, оставаясь въ предѣлахъ намѣченнаго для этой замѣтки плана, мы можемъ сказать только, что съ особеннымъ интересомъ съѣздъ относился къ рефератамъ гр. Уварова, гг. Анучина, Ковалевскаго, Леонтовича, Головацкаго, Кондакова, Прахова и весьма немногихъ другихъ.

Въ заключеніе не можемъ не сказать нѣсколько словъ объ археологической выставкѣ, бывшей при съѣздѣ: цѣлыхъ двѣ залы были заняты снимками съ фресокъ кіевскихъ,—св. Софіи, кирилловскаго и михайловскаго монастырей, доставленныхъ г. Праховымъ. Умѣлое расположеніе копій, безукоризненное ихъ исполненіе, важность предмета и занимательность объясненій почтеннаго экспонента дѣлали эту часть выставки весьма любопытной. Третья, самая большая зала, вмѣщала въ себѣ множество въ высшей степени интересныхъ вещей. Особенное вниманіе публики обращали на себя коллекціи Эварницкаго, Поля и ученой коммисіи, ѣздившей въ Константинополь. Коллекціи г. Эварницкаго, какъ и г. Поля страдали нѣкоторой безсистемностью, что затрудняло знакомство съ ними; тотъ же недостатокъ имѣла и богатая коллекція князя Путятина. Коллекція константинопольской коммисіи, состоявшая въ большинствѣ

изъ разнаго рода снимковъ, фотографій и проч. отличалась особеннымъ обиліемъ и интересомъ. Остальное содержаніе выставки состояло изъ мелкихъ коллекцій разныхъ лицъ, представившихъ ихъ въ подкрѣпленіе къ своимъ рефератамъ.

ДВА СЛУЧАЯ ИЗЪ БОРЬБЫ КРЕСТЬЯНЪ СЪ ЕВРЕЯМИ ЗА АРЕНДУ КАЗЕННЫХЪ ЗЕМЕЛЬ.

За послѣдніе 10—15 лѣтъ евреи все болѣе и болѣе стали наводнять южно-русскую деревню и, конечно, жить на ея счетъ. Здѣсь они захватили въ свои руки торговлю и присосались къ самому корню крестьянскаго благосостоянія—къ землѣ. Послѣднюю еврей особенно полюбилъ и потому всемѣрно старается какъ можно цѣпче, прочнѣе прикрѣпиться къ крестьянской «кормилицѣ». Способъ-же для этого—аренда некрестьянскихъ земель, лежащихъ вблизи того села, гдѣ еврей ведетъ свою торговлю, гдѣ онъ отлично уже знаетъ каждаго обывателя, его семью, его нужду, его слабости, словомъ гдѣ онъ видитъ все насквозь. Чтобы заарендовать такую землю, еврей не стоитъ за цѣной, увѣренный заранѣе въ томъ, что всякая надбавка въ цѣнѣ будетъ вдвое и втрое оплачена нуждающимися въ землѣ крестьянами. Конкурренція съ евреемъ въ такихъ дѣлахъ не только для каждаго въ частности крестьянина, но и для цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ была физически невозможна и всегда почти и вездѣ оканчивалась въ пользу еврея. На сторонѣ его были наличный капиталъ, всегда готовый кредитъ, ловкость, изворотливость, знаніе законовъ и всякихъ формальностей, невѣдомыхъ обыкновенно крестьянамъ. Если въ аренду сдавались земли частныя, владѣльцы ихъ предпочитали еврея крестьянину, какъ болѣе состоятельнаго плательщика, могущаго притомъ быть полезнымъ имъ во многихъ другихъ хозяйственныхъ операціяхъ; при отдачѣ-же казенныхъ земель распорядители ихъ вовсе не имѣли побужденій и даже возможности поддерживать крестьянъ и, исполнивъ разныя формальности, считали свое дѣло законченнымъ.

Ни тѣмъ, ни другимъ дѣла не было до того, а инымъ въ голову не приходило, что еврей-съемщикъ чужой земли въ сущности не арендаторъ-земледѣлецъ, что система его аренды основана не на землѣ и земледѣльческихъ выгодахъ, а на эксплуатаціи че-

ловѣка и человѣческихъ отношеній, что еврей по двойной и тройной цѣнѣ отдаетъ по частямъ заарендованную землю тѣмъ-же крестьянамъ, у которыхъ отбилъ аренду, опутывая ихъ разнаго года обязательствами въ свою пользу, и что практикуемыя имъ при этомъ средства въ одной стороны усиливаютъ мѣру разоренія деревни, сокращаютъ процессъ обѣдненія ея, а съ другой—разжигаютъ ненависть къ нему-же, еврею, среди населенія, неспособнаго тѣмъ-же оружіемъ бороться съ нимъ.

Что оставалось дѣлать крестьянамъ, для которыхъ земля была единственнымъ источникомъ и содержанія и оплаты казенныхъ налоговъ и повинностей? Не будучи въ состояніи конкурировать съ евреями на торгахъ, при отдачѣ въ аренду казенныхъ земель, крестьяне хотя и знали, что казенныя земли безъ торговъ арендовать нельзя,—тѣмъ не менѣе были убѣждены, что начальство можетъ и должно оградить ихъ отъ еврейской эксплуатаціи въ этомъ дѣлѣ, измѣнивъ для этого законъ. Много жалобъ и просьбъ въ этомъ родѣ подавалось крестьянами, куда слѣдовало, пока онѣ достигли своей цѣли; о двухъ изъ нихъ мы хотимъ привести здѣсь архивную справку, рисующую недавнее положеніе нашего крестьянства на югѣ Россіи въ борьбѣ съ еврейскою эксплуатаціею.

2-го октября 1872 года повѣренные крестьянъ с. Калиновки александрійскаго уѣзда, херсонской губерніи, подали новороссійскому и бессарабскому генералъ-губератору прошеніе, въ которомъ объясняли, что арендаторъ лежащей близъ ихъ села казенной земли, еврей Янкель Бромбергъ, «привелъ крестьянъ въ крайнее стѣсненіе». Крестьянская земля, писали они, постояннымъ употребленіемъ въ пахоть «пришла уже въ совершенное истощеніе», и крестьяне вынуждены снимать подъ посѣвы землю у Бромберга, а онъ назначаетъ плату весьма возвышенную и несоразмѣрную противъ арендной. Чтобы избавиться отъ этого, «наше общество, заключали просители, за лучшее почло обратиться къ правительственнымъ властямъ съ просьбою объ оставленіи той земли за нами, съ уплатою казнѣ суммы вдвое большей противъ платимой Бромбергомъ аренды, но съ тѣмъ, дабы помянутая земля оставлена была за обществомъ безъ торговъ»; если-же сдѣлать этого нельзя, то «покорнѣйше и усиленнѣйше» просимъ по крайней мѣрѣ назначить новые торги.

Нужно замѣтить, что въ участкѣ оброчной статьи, о которой хлопотали крестьяне, заключалось 1580 десятинъ земли, и Бромбергъ арендовалъ ее по 1 р. 17 к. за десятину, крестьяне-же предлагали по 2 р. 50 коп.

Получивъ упомянутое прошеніе, генералъ-губернаторъ (Коцебу) тотъ-часъ препроводилъ его къ министру государственныхъ имуществъ (Валуеву), замолвивъ и съ своей стороны слово въ пользу крестьянъ. Но въ министерствѣ взглянули на дѣло иначе и въ просьбѣ крестьянамъ отказали. Казенныя земли, отвѣчало министерство, по закону отдаются не иначе, какъ съ торговъ; кромѣ того оно подвело справку, что калиновцамъ отведенъ надѣлъ по 5,26 десятинъ на душу, тогда какъ норма надѣла въ александрійскомъ уѣздѣ въ 3½—4½ десятинъ на душу, и пришло къ заключенію, что калиновскіе крестьяне не могутъ нуждаться въ землѣ. Хотя срокъ аренды Бромберга, писало въ заключеніе министерство, кончается въ 1874 г., и можно-бы назначить тогда торги; но статья должна быть оставлена за Бромбергомъ вновь на 12 лѣтъ, такъ какъ онъ устроилъ на землѣ хозяйственныя и промышленныя заведенія, что по контракту даетъ ему право оставить статью за собою.

Отвѣтъ этотъ, для объявленія крестьянамъ, генералъ-губернаторъ Коцебу препроводилъ херсонскому губернатору Абазѣ. Между тѣмъ послѣдній не нашелъ возможнымъ покончить на томъ дѣло и 19 іюня 1873 г. за № 2899 писалъ генералъ-губернатору, что не смотря на отказъ министерства, онъ считаетъ своею обязанностью въ данномъ случаѣ помочь крестьянамъ избавиться отъ тяжелой зависимости Бромберга. Вотъ какъ мотивировалъ Абаза свое заступничество за крестьянъ. Душевые надѣлы въ 5,26 десятинъ не такъ значительны, чтобы, за обезпеченіемъ самыхъ насущныхъ потребностей крестьянина и уплатою лежащихъ на немъ повинностей, могли предоставить ему средство распространить свое хозяйство и улучшить свой бытъ. Поэтому крестьяне вездѣ, гдѣ только представляется возможность, снимаютъ земли у частныхъ владѣльцевъ и арендаторовъ казенныхъ земель, платя за это высокія цѣны. Предоставленіе казенныхъ земель прежнимъ оброкосодержателямъ на дальнѣйшіе и притомъ продолжительные сроки обусловливается случаемъ, если оброкосодержатель устроитъ на арендуемой землѣ хозяйственныя и промышленныя заведенія, и если предложенныя

имъ условія будутъ признаны выгодными. Правда, купецъ Бромбергъ, за которымъ предполагается оставить статью на 12 лѣтъ, съ платою по 3 р. 60 к. за десятину, оставляетъ въ пользу казны небольшой домъ съ загономъ, сараемъ, амбаромъ, клунею и молотилкою, оцѣненными въ 2500 р., въ томъ числѣ молотилка 600 р.; но если принять въ соображеніе, что постройки эти въ теченіи 12-ти лѣтъ прійдутъ въ ветхость, что молотилка вещь совершенно для казны ненужная и что стоимость всѣхъ построекъ (1900 руб., за исключеніемъ молотилки) почти покроется въ теченіи 12 лѣтъ разностью между платою, объявленною Бромбергомъ и предлагаемою крестьянами (послѣдніе уже давали по 3 р. 70 коп. за десятину), то предложенныя Бромбергомъ условія не могутъ быть признаны для казны выгодными, и съ большею вѣроятностью можно допустить, что при торгахъ была-бы достигнута цѣна гораздо выше объявленной Бромбергомъ, тѣмъ болѣе, что крестьяне селенія Калиновки, для которыхъ земля крайне необходима, не допустили-бы искуственнаго установленія цѣнъ, что, какъ извѣстно, на торгахъ бываетъ.

Назначеніе при такихъ обстоятельствахъ торговъ не нарушило-бы, даже по буквѣ, обязательства казны предъ арендаторомъ, обусловленнаго признаніемъ со стороны министерства предложенія его выгоднымъ.

Имѣя въ виду все это и необходимость дать калиновскимъ крестьянамъ возможность выйти изъ разорительной для нихъ зависимости отъ оброкосодержателя Бромберга, я, заключалъ губернаторъ, позволяю себѣ возобновить ходатайство мое въ пользу сихъ крестьянъ, покорнѣйше прося ваше превосходительство поддержать и съ своей стороны ходатайство это предъ министерствомъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Абаза представилъ просьбу крестьянъ другаго села—Покровскаго, одинаковаго характера съ просьбою калиновцевъ, и просилъ дать и ей законный ходъ.

По обѣимъ просьбамъ г.-г. Коцебу не замедлилъ снестись съ министромъ государственныхъ имуществъ.

Послѣ отказа въ просьбѣ калиновцевъ, писалъ Коцебу министру, «я не считалъ-бы себя вправѣ вновь возвращаться къ этому вопросу, если-бы не былъ къ тому побуждаемъ необходимостью ограждать поселянъ по мѣрѣ имѣющихся во власти правительства спосо-

бовъ отъ безпощадной эксплуатаціи, которой они нынѣ подвергаются со стороны евреевъ—арендаторовъ.

Не только калиновскіе, но и многіе другіе крестьяне неоднократно обращались къ генералъ-губернатору съ жалобами на евреевъ арендаторовъ земель, требующихъ съ нихъ плату за пахатную землю почти вдвое противъ платимой ими въ казну. Калиновскіе и другіе крестьяне хотя и надѣлены по 5 и болѣе десятинъ на душу, но, съ возрастаніемъ населенія и съ развитіемъ ихъ хозяйства, этотъ надѣлъ оказывается недостаточнымъ, и потому большая часть ихъ по необходимости арендуетъ сосѣднія казенныя или частныя земли. Видя подобное положеніе крестьянъ, евреи перехватываютъ въ аренду съ торговъ казенные участки и отдаютъ ихъ потомъ поселянамъ по возвышенной цѣнѣ, крайне для нихъ обременительной. Сами-же поселяне, за весьма рѣдкими исключеніями, не могутъ конкурировать съ евреями на торгахъ, главнѣйшимъ образомъ потому, что евреи возвышаютъ цѣны до чрезвычайной степени—въ расчетѣ, что такъ или иначе они выручатъ ихъ потомъ съ поселянъ, которымъ земли эти необходимы».

Въ виду изложеннаго генералъ-губернаторъ вновь просилъ или отдать оброчную калиновскую статью безъ торговъ крестьянамъ, или-же въ крайнемъ случаѣ назначить на нее торги, но не отдавать безъ оныхъ Бромбергу.

Другая представленная въ министерство ген. губ. Коцебу просьба представляла слѣдующее дѣло. Близь села Покровскаго находилось казенной земли 756 десятинъ, которую арендовалъ купецъ Хаимъ Слободской съ платою по 84 коп. за десятину въ годъ. Въ контрактѣ, заключенномъ имъ съ казною, было также оговорено, что если онъ устроитъ на означенной землѣ хозяйственныя и промышленныя заведенія, то земля эта можетъ быть предоставлена ему на дальнѣйшій 12-ти лѣтній срокъ.

Слободской дѣйствительно сдѣлалъ нѣкоторыя постройки и, опираясь на букву контракта, желалъ оставить статью за собою безъ торговъ на новый срокъ, съ платою по 2 р. 48 к. за десятину. На это уже согласилось мѣстное управленіе государственныхъ имуществъ; но крестьяне села Покровскаго просили оставить ту статью за ними, съ платою по 2 р. 60 коп. отъ десятины.

По собраннымъ губернаторомъ Абазою справкамъ оказалось, что покровскіе крестьяне арендовали землю у Слободскаго на слѣдующихъ условіяхъ: они должны были вспахать, посѣять, снять, сложить и свезти третью часть урожая Слободскому и, кромѣ того, за каждую десятину вспахать для него по 3 сажени. По цѣнѣ всей работы крестьянъ и по стоимости затрачиваемаго зерна выходило, что они платили Слободскому за десятину *minimum* 7 р. 50 коп.!

Конечно, Коцебу имѣлъ полное право назвать такой способъ аренды безпощаднымъ, жидовскимъ. И вотъ, чтобы пособить крестьянамъ, онъ проситъ назначить торги и отрицаетъ право Слободскаго оставить статью за собою безъ торговъ, такъ какъ постройки его, какъ малоцѣнныя (на 226 р. 80 к.), не могли быть приняты въ расчетъ, да къ тому-же они и не соотвѣтствовали тѣмъ хозяйственнымъ и промышленнымъ заведеніямъ, возведеніе которыхъ давало-бы ему право, по смыслу контракта, оставлять статью за собою безъ торговъ.

Въ концѣ 1873 года отъ министерства получено было распоряженіе о назначеніи торговъ на калиновскую и покровскую статьи, и обѣ они остались за крестьянскими обществами. Но мы видѣли, что крестьяне могли добиться этого результата только благодаря дружному и энергичному заступничеству за интересы ихъ такихъ сильныхъ лицъ, какъ губернаторъ и генералъ-губернаторъ, видѣли также, что даже само министерство тормозило это дѣло... Къ счастью подобные случаи не мыслимы теперь, когда, наоборотъ, то-же министерство заявило, что казенныя земли, служа однимъ изъ источниковъ государственнаго дохода, должны составлять вмѣстѣ съ тѣмъ и одно изъ средствъ къ увеличенію земледѣльческой производительности страны и доставлять возможность устройства или расширенія своего хозяйства лицамъ, имѣющимъ недостаточное количество земли [1]).

С—ъ.

---

[1]) Циркуляръ министра государственныхъ имуществъ, статсъ-секретаря Островскаго, отъ 20 іюля 1881 г., о порядкѣ отдачи въ аренду оброчныхъ статей.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ДОМИКѢ КОТЛЯРЕВСКАГО ВЪ Г. ПОЛТАВѢ.

Въ статьѣ: «Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго», помѣщенной въ «Кіевской Старинѣ» за май мѣсяцъ 1883 года (стр. 146—154), авторъ ея, В. Горленко, въ заключеніи своей статьи, по поводу разсказа С. П. Катранова о томъ, что «домикъ Котляревскаго, далеко измѣненный, давно уже перешедшій въ десятыя руки, и теперь еще существуетъ»,—говоритъ о немъ слѣдующее: «этотъ восхитительный lapsus linguae теперь двойная ложь: домикъ сломанъ, а на мѣстѣ его стоитъ полнивная уродливой новой постройки».

Сообщеніе г. Горленка въ свою очередь невѣрно: очевидно, онъ довѣрился кому-либо изъ мѣстныхъ разсказчиковъ и передаетъ чужое, столько-же невѣрное, сколько и голословное извѣстіе. Смѣемъ увѣрить г. Горленка, что на томъ мѣстѣ, гдѣ находился прежде и находится въ настоящее время домикъ Котляревскаго, никогда пивной не было и быть не могло, что видно изъ нижеслѣдующей краткой исторіи этого домика.

Домикъ этотъ, какъ извѣстно, находится за соборомъ, надъ самымъ обрывомъ, идущимъ на Подолъ, противъ такъ называемаго *раската* и существовавшей во время полтавской битвы крѣпости. Во времена Петра I онъ принадлежалъ купцу Панченку, потомъ г-жѣ Куровой, отъ которой достался дѣду Котляревскаго. Въ этомъ домѣ Котляревскій родился (29 августа 1769 года) и тамъ-же умеръ (29 октября 1838 года [1]). Такъ какъ Котляревскій не имѣлъ особенно близкихъ родственниковъ, то, по духовному завѣщанію, самый домъ перешелъ въ руки его экономки, вдовы унтеръ-офицера Веклевичевой. Послѣ ея смерти, онъ отдавался подъ постой, и въ немъ помѣщалась часть солдатъ мѣстной гарнизонной команды. Въ настоящее время домикъ Котляревскаго, нѣсколько разъ уже перепроданный, принадлежитъ отставному подполковнику Алексѣю Кузнецову, купленъ имъ въ августѣ 1880 года у жены губер. секретаря Авдотьи Михайловны Салимовской и совершенно передѣланъ въ 1881 году. Домикъ, гдѣ жилъ Котляревскій, заключалъ въ себѣ

---

[1]) «Воскресный Досугъ» 1869 года, № 313, стр. 796.

пять комнатъ съ кухней. На *сволокѣ* этого дома и доселѣ сохранилась надпись, вырѣзанная церковными буквами: «Создася домъ сей во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, 1705 року, 30 августа».

Сообщ. **В. Е. Бучневичъ.**

ЛЯМЕНТАЦІЯ КІЕВО-БРАТСКИХЪ МОНАХОВЪ КОНЦА XVII В.

Въ рукописяхъ сборникахъ нашихъ прежняго времени нерѣдко можно встрѣтить то краткія замѣтки, то болѣе или менѣе пространныя изложенія мыслей и чувствъ по поводу какого либо общественнаго или частнаго бѣдствія или порока. Замѣтки такого рода писались въ прозѣ и въ стихахъ и не всегда въ видѣ сатиры для общаго употребленія; иногда онѣ писались какъ-бы для памяти, являлись, какъ потребность философствующаго ума или-же лирическаго изліянія. Замѣтки краткія можно находить на поляхъ и обложкахъ книгъ, не только домашнихъ, но и церковныхъ, на оборотѣ иконъ и на отдѣльныхъ листахъ, закладываемыхъ въ книгу. Въ нихъ сказывъ всегда наблюдательная мысль, возбужденное такъ или иначе чувство и не рѣдко отмѣчаются то крупныя общественныя, то мелкіе факты частной жизни, характеризующіе нравы и обычаи извѣстнаго времени и извѣстной среды. Случайно оброненныя на поляхъ и обложкахъ книгъ замѣтки бываютъ подъ часъ цѣннѣе самыхъ книгъ. Много интересныхъ замѣтокъ, иногда въ двѣ-три строки, находили мы на книгахъ библіотеки кіево-печерской лавры.

Къ числу такихъ замѣтокъ относится и та, произвольное заглавіе которой мы привели въ началѣ. Это не жалоба, не памфлетъ или сатира, предназначенная для обращенія въ публикѣ; это такъ сказать замѣтка про себя, или скорбное изліяніе наболѣвшей души. На языкѣ современномъ трудно даже прибрать для нея подходящее названіе, и мы по необходимости прибѣгли къ тому термину, который часто употреблялся въ южно-русскомъ книжномъ языкѣ прежняго времени именно въ смыслѣ изліянія душевной скорби.

Цѣнная въ историческомъ отношеніи, эта замѣтка, какъ видно изъ ея содержанія, писана кѣмъ-то изъ монаховъ кіево-братскаго монастыря, а тогдашніе монахи были по большей части учителями кіево-могилянской коллегіи. Она найдена нами въ обрывкахъ бумагъ архива кіевской консисторіи, на отдѣльномъ листѣ, въ видѣ черновика. Замѣтка имѣетъ очень опредѣленное содержаніе, по которому легко угадать приблизительно время ея составленія. Въ ней упоминается о разореніи полковникомъ польской службы Пивомъ имѣнія кіевской коллегіи Новоселокъ, а это имѣло мѣсто въ 1671 г. (Памятники кіевской коммиссіи, т. II, стр. 268) и падаетъ на послѣдніе годы ректорства въ коллегіи и настоятельства въ кіево-братскомъ монастырѣ архимандрита Варлаама Ясинскаго, впослѣдствіи кіевскаго

митрополита. Замѣтка рисуетъ непригляднoе состояніе, преимущественно въ матеріальномъ отношеніи, и коллегіи, и монастыря и составляетъ какъ-бы обвинительный актъ противъ ректора и вмѣстѣ архимандрита. Обвиненіе изложено по пунктамъ, а ему предшествуетъ общее патетическое выраженіе скорби и плача, хоть тѣмъ-же духомъ проникнуты и нѣкоторые отдѣльные пункты. Къ сожалѣнію, замѣтка не уцѣлѣла вполнѣ и обрывается на 18-мъ пунктѣ. Конечно, замѣтка была читана въ тѣсномъ кружкѣ братіи. Быть можетъ, она была потомъ оформлена и получила дѣловое назначеніе и, если это случилось спустя годъ или болѣе послѣ упоминаемаго въ ней разоренія Новоселокъ, то не въ этомъ-ли лежитъ разгадка того, что Варлаамъ Ясинскій въ 1673 г. отказался отъ ректорства и настоятельства и избралъ скромное положеніе проповѣдника въ кіево-печерской лаврѣ [1]? Насколько Варлаамъ Ясинскій былъ виновенъ въ тѣхъ непорядкахъ, какіе изложены въ замѣткѣ, судить объ этомъ трудно. Извѣстны труды его по возстановленію коллегіи, разрушенной въ 1665 г., извѣстно его окружное посланіе, которымъ онъ призывалъ всю страну поддержать матеріальное существованіе дорогого училища послѣ того, какъ главный источникъ его содержанія—м. Новоселки было разорено полковникомъ Пивомъ [2]. Но самое это разореніе, вѣрно или не вѣрно, пунктомъ 7-мъ предлагаемой замѣтки ставится въ вину непредусмотрительности ректора-архимандрита. Въ то страшное время, окрещенное именемъ Великой Руины, трудно было разобрать, кто правъ, кто виновать; страна была возмущена и поколеблена въ самыхъ основахъ своихъ, возставалъ братъ на брата, отецъ на сына, сосѣди разжигали страсти, ловили рыбу въ мутной водѣ. Шла ожесточенная борьба изъ-за митрополіи, было два и три митрополита, и Кіевъ все таки въ это время и долго спустя не имѣлъ главы въ дѣлахъ церковныхъ. Не въ силахъ Ясинскаго было управить утлую ладью кіево-могилянской коллегіи среди бушевавшихъ вокругъ волнъ политической и церковной бури. Приводимая ламентація, давая фактическія данныя о бѣдственномъ состояніи коллегіи и братства того времени, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ намъ тогдашняго ректора Варлаама Ясинскаго совсѣмъ не такимъ, какимъ представляютъ намъ его историки кіевской академіи.

Ламентація написана на польскомъ языкѣ съ примѣсью фразъ латинскихъ; мы приводимъ ее въ русскомъ переводѣ. Извѣстно преобладаніе въ то время польскаго языка въ школѣ и жизни на всемъ пространствѣ южно-русскихъ областей; польщизна и латынь мало оставляли мѣста рѣчи родной.

«Кажется что сама земля вопи, камни нашего монастыря готовы возвать съ однимъ польскимъ поэтомъ: говорить или молчать? Но пусть молчатъ камни и земля, чтобы не явились они предъ Богомъ

[1]) См. Описаніе кіево-софійскаго собора митр. Евгенія, стр. 268.

[2]) Кіевъ съ его древ. уч., Аскоченскаго, ч. I, стр. 202.

человѣчнѣе насъ. Заговоримъ мы кровавыми слезами, чтобы небо не сказало намъ: псы безгласные, что-же вы молчите? Говоримъ по этому, или лучше наша скорбь тяжкая говоритъ за насъ».

ПУНКТЫ:

1) Даютъ отцу ректору деньги на молебны и сорокоусты, но ни молебновъ, ни сорокоустовъ не бываетъ. Будетъ-ли Богъ благословлять за то монастырь нашъ?

2) Подвачальная братія не имѣетъ добраго примѣра.

3) Вымышляетъ (ректоръ-настоятель) крайнее убожество и говоритъ: потому я умалчиваю о деньгахъ, чтобы люди давали жертвы на монастырь. А деньги, какъ во всякомъ общежитномъ монастырѣ, должны-бы быть въ *палатѣ;* но ихъ тамъ нѣтъ и братія не имѣетъ необходимыхъ на время зимы шубъ или кожуховъ, а есть такіе, что и сапогъ не имѣютъ.

4) Въ школахъ порядка, да и науки мало, а это потому, что забнетъ Паллада безъ вина (friget sine cerere Pallas), какъ читаемъ въ письмѣ его милости отца Архипастыря [1]). Порціи [2]) учителямъ для ихъ подкрѣпленія нѣтъ, столъ часто бываетъ плохой (trapeza blaba), учителя не имѣютъ самаго необходимаго, а это возбуждаетъ въ нихъ болѣе скорбь, нежели рвеніе къ наукѣ.

5) Нѣкоторые изъ братіи, глядя на старшаго, не часто обиваютъ церковные пороги, а все это дѣлается за отсутствіемъ порядка, который есть душа всего.

6) Въ общинахъ соборы бываютъ, а у насъ ихъ нѣтъ. Но и короли имѣютъ своихъ совѣтниковъ.

7) Что Новоселки погибли, не удивляйся: ибо отецъ ректоръ, разгнѣвавшись и удаливши хорошаго намѣстника, который хорошо обходился съ паномъ Пивомъ, послалъ въ Новоселки на городничество какого-то забіяку съ другими, которые, въ пьяномъ видѣ гоняясь по полю съ ружьями, вызывали на войну людей Пива, а по ихъ примѣру и ихъ «подданные» однажды тѣхъ побили.

---

[1]) Вѣроятно Лазаря Барановича, управлявшаго тогда кіевскою митрополіею.

[2]) Конечно водочной, давать которую въ трапезѣ было общимъ обычаемъ въ монастыряхъ.

8) Братія на общей радѣ совѣтовала оставить разоренные Новоселки до наступленія покоя, но онъ (т. е. ректоръ), какъ всегда, отвергая совѣты другихъ, возстановлялъ ихъ точно въ огнѣ (въ самый разгаръ войны), и не удивительно, что во время этой реставраціи погибли и подданные и волы.

9) Тамъ въ Новоселкахъ устроилъ онъ какое-то *заточеніе* и разсердившись на монаховъ, туда ихъ посылалъ. Такъ, въ гнѣвѣ послалъ онъ туда діакона, а намѣстника и другаго священника посылалъ по какимъ-то потребамъ, и они тамъ убиты [1]).

10) Родственники его продажею питей и скупщинами владѣютъ.

11) Студенты и родственники что либо утратятъ,—ничего; пусть же чернецъ утратитъ, готовъ камнями его побить.

12) Студентовъ монастырскимъ коштомъ въ Польшу отправляетъ (для высшаго образованія?), а о тѣхъ, что трудятся (учителяхъ), забываетъ; между тѣмъ философы говорятъ, что прежде о себѣ надо заботиться, чѣмъ о чужомъ (prius est ad se, quam ad aliud) и, конечно, иной и здѣсь научился-бы, если-бы учителя были поощряемы.

13) Богослуженіе, а за тѣмъ и обѣдъ бываютъ иногда подъ вечеръ, а это никакъ не можетъ согласоваться съ порядками школы.

14) Митра Могилы заложена еще въ то время, когда Новоселки не были разорены; но братскій монастырь не покупалъ въ то время хлѣба, какъ прочіе монастыри.

15) Медомъ пинкуютъ въ самомъ монастырѣ и сюда приходятъ пить мірскіе люди обоего пола.

16) Колодезь среди монастыря, и къ нему по воду также ходитъ разный полъ.

17) Міряне рядятъ всѣмъ въ монастырѣ, а хорошо-бы то дѣлать, не мѣшая праведнаго съ грѣшнымъ.

18) Которые учились, тѣхъ хочетъ искоренить въ братствѣ, а хочетъ двѣ szkoltry (?).

---

[1]) Не это-ли были намѣстникъ Мелетій Николаевичъ, іером. Иннокентій Мужиловскій и іерод. Лазарь, которые убиты за Бѣлогородкой и надъ которыми Ясинскій говорилъ проповѣдь?—Кіевъ съ его зр. уч., ч. I, стр. 262.

Записей для прихода и расхода, которыя ведутся въ другихъ монастыряхъ, мы никогда не видали. За прошлый годъ считалось двѣ тысячи (?), но никакого регистрика на тѣ деньги не было. *Права* (грамоты, универсалы, купчія и пр.), которые тщательно сберегали многіе ректора, въ его управленіе...

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ СВѢДѢНІЕ О БЫВШИХЪ НА ЛАДОЖСКОМЪ КАНАЛѢ КОЗАКАХЪ [1].

Спецификація полку гадяцкаго сотнѣ полковой гадяцкой Ивана Пѣрятинскою сотника, коликое число, по указу его императорскаго величества, посылано въ первый каналный ладозскій походъ на роботу козаковъ самихъ господарей, сколко наемныхъ и въ этомъ походѣ сколко и хто и въ которыхъ мѣстахъ на пути и при работѣ волею Божею померло, а сколько по отпуску въ доми своя пришло, о томъ ниже сего значитъ.

Року 1721 въ мѣсяцѣ февралѣ 3 дня въ походъ ладозкый выходило всѣхъ козаковъ сотнѣ полковой годяцкой Ивана Пѣрятинского господарей и наемныхъ	122
Туда идучи, всѣ въ цѣлости дойшли на каналъ, ни единъ зъ нихъ не умеръ, а дошедши на означонное мѣстце, на самой работѣ въ сей сотнѣ полковой гадяцкой померло самыхъ господарей на мѣстцу . .	25
Той-же сотнѣ, повернувшися ку домамъ, померло на путы самыхъ господарей	10
Повернувшихся къ домамъ той-же сотнѣ козаковъ самыхъ наемныхъ на пути померло	11
Той-же сотнѣ полковой гадяцкой господарѣ саміе за мертвыхъ	
Оставшіеся на пути болніе.	6
и того	52

---

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., майск. кн., стр. 117—122. «Объясненіе полковника Черняка о работахъ козаковъ на ладожскомъ каналѣ».

Сотникъ полковой гадяцкій Иванъ Пѣрятинскій.

Спецьфикація полку гадяцкого сотнѣ полковой гадяцкой Ивана Пѣрятинского сотника, коликое число по указу его императорскаго высочества послано было другого походу въ Ладогу до каналной работы козаковъ самыхъ господарей, а сколко наемныхъ козаковъ и въ томъ походѣ сколко и хто въ которыхъ мѣстахъ на пути и при работѣ волею Божіею померло, а сколко по отпуску въ домы своя пришло, въ томъ нижей значить.

Въ року 1722 вийшло было козаковъ въ походъ ладозскій зо всей сотнѣ полковой гадяцкой Ивана Пѣрятинского господарей зъ наемными 129

На работѣ умерло господарей 10
— — — наемныхъ 4
На пути умерло господарей 4
— — — наемныхъ 7
За болѣзнью на пути осталось господарей 3
— — — — наемныхъ 2

30

1-й походъ 1721 февраля 3 дня, послано было козаковъ господарей и наемныхъ 82

Умерло при канальной работѣ господарей 6
— — — — наемныхъ. 1
На обратномъ пути умерло господарей 11
— — — — наемныхъ 11
На пути безвѣстно где дѣлись господари 3

32

2-й походъ 1722 г. февраля 15 дня. Всего господарей и наемныхъ отправилось 148

На пути до канала умерло господарей 2
— — — — наемныхъ 1
При работѣ умерло господарей 19
— — — наемныхъ 9
На обратномъ пути умерло господарей 2

— — — — наемныхъ 3
Безвѣстно пропавшихъ господарей. 2

38

Сотня опошанская.

Въ 1-й походъ всѣхъ вышло 232
На пути умерло господарей 2
На работѣ умерло господарей 26
— — — наемныхъ 5
На обратномъ пути господарей. 14
— — — наемныхъ 7
За болѣзнію осталось на пути господарей. 6
— — — — — наемныхъ 6

62

2-я сотня сотника Василія Селецкаго.

2-й походъ всѣхъ вышло 266.
На пути безвѣстно пропавшихъ наемныхъ. 1
На работѣ умерло господарей 16
— — — наемныхъ 12
На обратномъ пути умерло господарей 2
— — — — наемныхъ. 8
За болѣзнію осталось въ дорогѣ господарей 11
— — — — — наемныхъ 9

59

1-я сотня зенковская.

Въ 1-й походъ ладожскій вышло 90.
На пути умерло наемныхъ 1
На работѣ умерло господарей 20
На пути умерло господарей. 12
— — — наемныхъ 2

35

Во 2-й походъ всѣхъ вышло 79.
На работѣ умерло господарей 9
— — — наемныхъ 15

На возвратномъ пути умерло господарей	2
— — — — наемныхъ	2
За болѣзнію на пути осталось наемныхъ	1
	29

2-я сотня зенковская.

Въ 1-й ладожскій походъ вышло 137.

Умерло на работѣ господарей	24
— — — наемныхъ	10
На пути умершихъ господарей	13
— — — наемныхъ	8
Безвѣстно пропавшихъ на пути господарей	2
	57

Во 2-й походъ вышло 172.

Умершихъ на работѣ господарей	18
— — — наемныхъ	8
На пути умерло господарей	20
— — — наемныхъ	1
Больныхъ на пути осталось господарей	3
	50

Сотня рашавская.

Въ 1-й походъ вышло 20, а возвратилось 13.
Во 1-й — — 35 — — 30.

Сотня груньская.

Въ 1-й походъ вышло 105, а возвратилось 79.
Во 2-й — — 111 — — 91.

Веприцкая сотня.

Въ 1-й походъ вышло 32, а возвратилось 25.
Во 2-й — — 39 — — 31.

Сотня куземинская.

Въ 1-й походъ вышло 98, а возвратилось 54.
Во 2-й — — 68 — — 52.

Сотня лютенская.

Въ 1-й походъ вышло 70, а возвратилось 42.
Во 2-й — — 107 — — 86.

Сотня коваляовская.

Въ 1-й походъ вышло 100, а возвратилось 67.
Во 2-й — — 100 — — 85.

Сотня новишанская.

Въ 1-й походъ вышло 96, а возвратилось 72.
Во 2-2 — — 146 — — 99.

Сообщ. **Дм. Багалѣй.**

РАСПРОДАЖА ВЪ ВИШНЕВЕЦКОМЪ ЗАМКѢ.

(Корреспонденція «Кіевской Старины»).

Назначенная на 11 сентября распродажа древностей Вишневецкаго замка была остановлена неисполненіемъ какихъ-то формальностей и началась только 13-го. Пріѣхавши въ Вишневецъ на другой день, я засталъ ее еще въ самомъ началѣ.

Мѣстечко Вишневецъ находится въ 20 верстахъ отъ Кременца и въ 40 отъ послѣдней къ Радзивилову станціи юго-западной желѣзной дороги Рудни. Дорога къ нему чрезъ живописный Кременецъ. Почаевъ лежитъ отсюда верстъ на 20 въ сторонѣ.

Вишневецкій замокъ стоитъ на возвышенности. Одною стороною онъ потонулъ въ зелени парка, а съ другой закрытъ развалинами католическаго монастыря, стоящими близъ него. Мѣстечко расположено внизу и по склонамъ возвышенности.

Зданіе замка носитъ чисто царственный характеръ. Выстроенное въ 2½ этажа покоемъ, оно занимаетъ сплошь одну сторону двора и часть двухъ другихъ. Противъ фасада замка, по другую сторону, дворъ окаймленъ одноэтажнымъ хозяйственнымъ корпусомъ. Вкопанныя въ земли мортиры и пушки окружаютъ дворъ. Фронтонъ сѣрой громады замка украшенъ гербомъ. Шумъ деревьевъ парка одинъ нарушаетъ тишину и покой обширнаго зеленаго двора.

Дворецъ построенъ во вкусѣ новаго Лувра и Версаля. Его изящныя, строгія линіи напоминаютъ планы законодателя архитектурнаго вкуса начала XVIII вѣка Мансара; онъ выстроенъ послѣднимъ изъ князей Вишневецкихъ Михаиломъ Серваціемъ въ 1720 г. на мѣсто стараго замка, сожженнаго татарами въ концѣ XVII столѣтія. Этотъ князь былъ самъ хорошій архитекторъ и по собственному плану строилъ свой замокъ, также какъ и нѣсколько другихъ, воздвигнутыхъ имъ на Волыни.

По другую сторону замка, выходящую въ садъ, лежитъ терраса, кончающаяся обрывомъ и укрѣпленная контрфорсами. Внизу ея—массы зелени нижняго сада, среди котораго пріютилась маленькая деревянная церковь. Въ просвѣты видны дома обширнаго мѣстечка, длинная усаженная деревьями плотина, рѣка Горынь, извивающаяся узкой лентой, и холмы противуположной стороны, покрытые уходящими за горизонтъ лѣсами. Въ паркѣ—вѣковые липы и дубы, каштановыя чащи, купы елей, стройныя аллеи тополей, все заглохшее и заросшее и сливающееся съ безконечнымъ лѣсомъ. Зелень деревьевъ поникла подъ мелкимъ, «какъ сквозь сито», дождемъ. На всемъ умирающія краски осени. Только высокія чайныя розы на террасѣ храбро борятся съ наступающимъ холодомъ и бодро повернули къ свѣту головки своихъ очаровательныхъ, крупныхъ цвѣтковъ.

Первая комната при входѣ въ замокъ—сѣни колоссальной вышины. Стѣны ихъ покрыты сплошь маленькими изразцами съ синими рисунками по бѣлому фону. Анфилады залъ и комнатъ нижняго и верхняго этажа тянутся по обѣимъ сторонамъ.

Внутри дворецъ носитъ нежилой видъ. Послѣдніе годы онъ былъ необитаемъ, а нѣкоторое опустѣніе его объясняется его исторіей. Въ прежнемъ видѣ можно было видѣть замокъ въ концѣ 50-хъ годовъ, когда онъ принадлежалъ Мнишкамъ. Въ это время два брата Мнишки раздѣлились имѣніями, и одинъ изъ нихъ, живущій и теперь въ Парижѣ, вывезъ изъ Вишневца массу произведеній искусствъ. Тамъ были мраморы и бронзы, старинный, драгоцѣнный фарфоръ, серебряные и золотые сервизы и, что безконечно цѣннѣе, произведенія высокаго искусства: картины кисти Гольбейна, Ванъ-Дика, Рембрандта и 2000 томовъ библіотеки.

Мнишекъ былъ тонкій знатокъ и самъ рисовалъ прекрасно, судя по копіямъ его съ Верне—старшаго, сохранившимся въ замкѣ. Онъ выбралъ вещи умѣло. Слѣдующая владѣлица Вишневца, княгиня Абамелекъ вывезла также не мало, продавая имѣніе графу Плятеру. Отъ него, лѣтъ семь назадъ, Вишневецъ перешелъ къ нынѣшнему владѣльцу г. Толли.

Несмотря на разсказанную исторію, замокъ былъ на столько переполненъ предметами искусства, что не мало ихъ осталось и до сихъ поръ. Много старинной, художественной мебели, представляющей такой контрастъ съ современнымъ безвкусіемъ и шаблонностью, не мало интересной «утвари», и главное—обширныя собранія фамильныхъ портретовъ, къ которымъ остались равнодушны всѣ смѣнившіеся владѣльцы Вишневца.

Важнѣйшую часть ихъ, кромѣ уродливаго собранія портретовъ польскихъ королей и еще болѣе безобразной галлереи изображеній монаховъ какого-то монастыря, составляютъ портреты князей Вишневецкихъ и Мнишковъ. Галлерея Мнишковъ составилась разновременно и въ нѣкоторыхъ экземплярахъ представляетъ копіи, часто очень плохія. Многія лица этой фамиліи были рисованы великими художниками, какъ Гольбейнъ и Ванъ-Дикъ, но эти портреты вывезены изъ Вишневца. Упоминаніе о нихъ сохранилось въ спискѣ предметовъ, вывезенныхъ Мнишкомъ. Къ этой-же коллекціи примыкаютъ портреты лицъ, трагическая судьба которыхъ сообщила такую громкую извѣстность фамиліи Мнишковъ: Марины, ея отца и матери и Самозванца, проживавшаго когда-то въ Вишневцѣ. Оригиналы этихъ портретовъ отданы г. Толли въ московскій музей наслѣдника Цесаревича. Изображенія, находящіяся теперь въ Вишневцѣ, суть копіи, но копіи современныя портретамъ. Въ «зеркальной залѣ Мнишковъ» сохранилась еще любопытная картина, изображающая вѣнчанье Марины и Самозванца.

На второмъ этажѣ замка, за королевскими комнатами, есть зала, лежащая въ самой срединѣ зданія. Изъ оконъ ея открывается далекій видъ на лѣса и паркъ, а одною изъ дверей она примыкаетъ къ библіотекѣ. Это зала князей Вишневецкихъ.

Стѣны залы увѣшаны портретами лицъ этой фамиліи. Всѣ портреты одинаковыхъ размѣра и формы (удлиненный овалъ) боль-

шая часть изображенныхъ лицъ писана въ ростъ. Всѣхъ портретовъ около 20.

Нельзя сказать съ достовѣрностью, которые изъ нихъ писаны съ натуры. Многіе носятъ отпечатокъ какъ-бы одной и той-же кисти и можетъ быть сдѣланы по заказу одного изъ князей Вишневецкихъ, по какимъ-нибудь исчезнувшимъ оригиналамъ. Но если-бы это было и такъ,—они не теряютъ своей исторической цѣнности, такъ какъ это единственныя сохранившіяся изображенія лицъ этого рода.

Здѣсь люди, носившіе всѣ титулы и почести: воеводы волынскіе, кіевскіе, послы въ Турцію, воины и полководцы, до короля включительно. Вотъ православный князь Дмитрій Вишневецкій, черкасскій и каневскій староста, строитель Сѣчи и «повелитель островов запорожскихъ». Онъ изображенъ такимъ-же юнымъ, какъ вѣчно юною будетъ въ народной пѣснѣ его память, память полумиѳическаго Байды, героя и мученика... Михаилъ, отецъ Іеремія, Константинъ, воевода русскій, совращенный проповѣдью іезуита Нагаюса и,—на ряду съ другими, но кого ищешь прежде всѣхъ,—«пышный» Іеремія. Знаменитый противникъ Хмельницкаго, талантливый и храбрый защитникъ неправаго дѣла, сынъ, проклятый матерью, неистовый мучитель возставшихъ хлоповъ, онъ смотритъ спокойно и гордо. Лицо его не носитъ слѣдовъ отличавшей его жестокости. Это человѣкъ принципа, безобразнаго шляхетскаго принципа, а не страсти. Рядомъ съ нимъ энергическая фигура нѣжно любимой имъ жены Грызельды, дочери Ѳомы Замойскаго. Изъ женскихъ портретовъ обращаетъ на себя еще вниманіе портретъ дочери австрійскаго императора Генріетты, бывшей въ замужествѣ за Вишневецкимъ. Наружность короля Михаила безцвѣтна, какъ и его царствованіе. Послѣдній изъ Вишневецкихъ, тоже Михаилъ, изображенъ въ нѣсколькихъ видахъ. Въ залѣ Вишневецкихъ два большихъ его портрета, но самый лучшій, носящій всѣ признаки письма съ натуры, висить въ другой залѣ.

Нѣсколько портретовъ и картинъ, имѣющихъ интересъ для южно-русской исторіи, встрѣтилось еще въ Вишневцѣ. Таковы портреты крымскаго хана Керимъ-Гирея и молдаванскаго господаря Іереміи Могилы (1593—1607), дяди Петра Могилы и отца матери Іереміи Вишневецкаго, Регины или Равны. Изъ картинъ отмѣтимъ

картину—планъ битвы подъ Хотиномъ и двѣ сцены изъ поѣздки Екатерины II по Днѣпру: встрѣча съ Францомъ австрійскимъ и Станиславомъ-Августомъ и иллюминація Канева. Обѣ—оригиналы Перлиля.

Изъ предметовъ чисто художественнаго значенія въ Вишневцѣ осталась картина Пальмы—старшаго «Три граціи», сильно вытертая, и гдѣ живопись затмѣвается великолѣпной рѣзной рамой, и портретъ Станислава-Августа, работы венеціанской художницы Розальды, переселившейся въ Парижъ и соперничавшей съ «Латуромъ. Что касается до «Рубенса» (портретъ старика, писанный, якобы, съ Іоанна Скарги, во время пріѣзда художника въ Краковъ), то это то, что на техническомъ языкѣ любителей, называется чистѣйшей *croute*.

Но истиннымъ перломъ вишневецкихъ коллекцій слѣдуетъ признать четыре фрески, названныя въ каталогѣ и объявленіи «китайскими картинами». Это,—скажемъ на ухо составителю каталога,—фрески въ китайской манерѣ Франсуа Буше, его Chinoiseries, сводившія съ ума XVIII вѣкъ. Двѣ изъ нихъ изображаютъ бытовыя сцены: семья китайцевъ у костра, китайскій концертъ, двѣ другія—птицъ домашнихъ, лѣсныхъ и тропическихъ. Необыкновенная изящность рисунка, ажурные переплеты блѣдной зелени, деревья и цвѣты, не встрѣчающіеся въ природѣ, но правдоподобные въ изысканныхъ краскахъ «живописца грацій», китайскія бесѣдки, сообщающія глубину картинамъ и все непередаваемое кокетство манеры—выдаютъ Буше. «Китай, фантастическая область, о которой грезилъ XVIII вѣкъ, былъ страною химеръ, въ которую Буше любилъ переноситься воображеніемъ. Онъ наслаждался своей мечтой, забывался въ ней и подъ кистью придворнаго живописца г-жи Помпадуръ, Китай превращался въ одинъ изъ уголковъ страны Рококо» [1]).

Изъ предметовъ, имѣющихъ спеціально польскій интересъ, есть въ замкѣ портретъ диктатора 1831 г. Хлопицкаго, работы Родаковскаго. Нѣсколько акварельныхъ видовъ Варшавы, пользующагося большой извѣстностью польскаго акварелиста Фогеля, обманули наши ожиданія.

---

[1]) Edm. de Goncourt. L'Art du XVIII siecle.

Библіотека и архивъ замка еще запечатаны и недоступны къ осмотру. Одна изъ залъ въ замкѣ называется залою Форгача. Въ ней умеръ венгерскій графъ Форгачъ, пользовавшійся гостепріимствомъ князей Вишневецкихъ. По завѣщанію его сюда перенесенъ изъ его венгерскаго замка его портретъ, камин съ стоявшимъ на немъ фарфоромъ и большая изразцовая печь.

Пробывъ въ Вишневцѣ всего два дня, я былъ свидѣтелемъ только начала распродажи. Вслѣдствіе выраженной г. Толли готовности уступить предметы, имѣющіе историческое значеніе, какому нибудь общественному кіевскому хранилищу, я предпринялъ поѣздку, чтобъ отмѣтить эти предметы. Указаны мною портреты и картины историческаго значенія, о которыхъ говорено выше.

Въ Вишневцѣ я засталъ нѣсколько антикваріевъ варшавскихъ и вѣнскихъ. Въ еврейской корчмѣ «у Хаима Чернаго», гдѣ мы всѣ ютились, по вечерамъ происходили бесѣды о стиляхъ и школахъ, не совсѣмъ обычныя для обиталища Хаима. При мнѣ куплена была какимъ-то польскимъ помѣщикомъ королевская мебель,— бронзы и часы антикваріями и шли переговоры о драгоцѣнныхъ стѣнныхъ вышивкахъ и картинахъ. Какой-то «знатокъ» изъ Кіева бережно упаковывалъ купленные предметы. Заглянувъ въ ящикъ, я увидѣлъ «портфель неизвѣстнаго гетмана» въ андреевской лентѣ (!) и «закалывающуюся Лукрецію», смотря на которую невольно приходило на умъ—отчего это закалывается она, а не написавшій ее художникъ?

В. Горленко.

КЪ ПОРТРЕТУ КИРИЛЛА ТЕРЛЕЦКАГО.

Въ генварской книгѣ нашего журнала за 1882 г. была помѣщена подробная статья о Терлецкомъ; здѣсь-же напомнимъ читателямъ лишь главнѣйшія біографическія его черты.

Кириллъ Семеновичъ Терлецкій происходилъ изъ обѣднѣвшей отрасли нѣкогда знатнаго русско-шляхетскаго рода, имѣвшаго свои помѣстья въ перемышльскомъ повѣтѣ въ Галиціи (с. Терло, Любоховъ и др.). Правдоподобно, родиной Терлецкаго можно считать пинскую область въ Полѣсьи, гдѣ онъ въ г. Пинскѣ первоначально

былъ священникомъ замковой церкви св. Димитрія, при чемъ, по свидѣтельству Іоанна Вишенскаго, былъ такъ небогатъ, что въ качествѣ слуги «только дьячка за собою волочилъ, которому кермашами пирожными заплату чинилъ». О предшествовавшемъ періодѣ жизни Терлецкаго, главное же о его образованіи не имѣется никакихъ свѣдѣній; то лишь достовѣрно извѣстно, что онъ не былъ обученъ латинскому языку, на которомъ исключительно преподавались науки въ тогдашнихъ школахъ. Въ всякомъ случаѣ онъ видимо былъ человѣкъ весьма способный и обладалъ кое-какими богословскими и юридическими познаніями, пріобрѣтенными путемъ начитанности. Что-же касается нравственной характеристики личности Терлецкаго, то наиболѣе выдающимися чертами его характера нужно признать: хитрость, изворотливость и склонность къ интригамъ и проискамъ: не даромъ тогдашній кіевскій митрополитъ Михаилъ Ратоза въ одномъ письмѣ даетъ ему мѣткое прозвище *«райскаго змія»* и *«коварной лисицы»*; кромѣ того, это былъ человѣкъ безмѣрно честолюбивый, злопамятный и мстительный до жестокости.

Въ 1572—73 гг. Терлецкій изъ протопопа прямо возводится въ санъ епископа пинскаго и туровскаго, при чемъ онъ получаетъ эту каѳедру не по избранію пасомыхъ, какъ то бывало до того времени въ юго-западной Руси, а по назначенію со стороны «пановъ радъ», правившихъ тогда польскимъ государствомъ въ междуцарствіе послѣ смерти Сигизмунда-Августа и бѣгства изъ Польши короля Генриха. Но пинская архіерейская каѳедра была довольно бѣдна, и потому Терлецкій, при первой-же открывшейся возможности, выпросилъ себѣ (въ 1585 г.) у короля Стефана Баторія одну изъ самыхъ богатыхъ южно-русскихъ епархій, именно луцкую и острожскую. И въ Пинскѣ, и въ Луцкѣ Терлецкій ознаменовалъ свое управленіе преимущественно заботами о своихъ архіерейскихъ правахъ и неприкосновенности епископскихъ имѣній, разоренныхъ и даже нерѣдко отчужденныхъ его предшественниками. Для возстановленія своихъ владѣльческихъ правъ, Кириллъ Терлецкій велъ безпрестанныя судебныя тяжбы и кромѣ того весьма часто предпринималъ вооруженные наѣзды на имѣнія противниковъ, осаждалъ ихъ замки, разорялъ села, при чемъ нерѣдко лично предводительствовалъ своими гайдуками и дозволялъ имъ совершать разныя жестокости и насилія. Пользуясь богатыми доходами своей

епархіи, Кириллъ Терлецкій жилъ не какъ духовное лице, а какъ жили магнаты того времени, въ полномъ довольствѣ и роскоши, держалъ въ епископскомъ замкѣ многочисленную толпу слугъ, имѣлъ собственныя пушки и отрядъ вооруженныхъ гайдуковъ, всегда готовыхъ на войну съ врагами своего владыки. Въ короткое время онъ скопилъ большія богатства, занималъ деньги знатнѣйшимъ сановникамъ, въ родѣ, напр., князя Константина Острожскаго, имѣлъ сильную протекцію при королевскомъ дворѣ и пользовался особеннымъ покровительствомъ самого короля Стефана Баторія. Всецѣло преданный мірскимъ благамъ, Терлецкій былъ совершенно равнодушенъ къ своему архипастырскому долгу, предавался излишествамъ богатаго пана и не считалъ нужнымъ сдерживать прихоти и увлеченія своей широкой натуры: современники обвиняли его въ цѣломъ рядѣ позорныхъ преступленій—невоздержаніи, чужеложествѣ, тайныхъ убійствахъ и отравахъ, а въ 1594 г. владыка публично, на судѣ, былъ обвиняемъ въ изнасилованіи крестьянской дѣвушки, хотя обвиненіе это признано было недоказаннымъ.

Когда въ польскихъ правительственныхъ сферахъ и въ средѣ высшаго западно-русскаго духовенства созрѣла мысль о церковной уніи, Терлецкій немедленно примкнулъ къ уніятской партіи и повидимому былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ ея сторонниковъ. Онъ велъ тайные переговоры съ польскимъ правительствомъ и высшимъ католическимъ духовенствомъ объ условіяхъ введенія на Руси уніи и вмѣстѣ съ владимірскимъ владыкою Ипатіемъ Потѣемъ ѣздилъ въ 1595 г. въ Римъ къ папѣ (откуда вывезъ, между прочимъ, коллекцію картинъ соблазнительнаго содержанія). Но во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ Терлецкаго не видно и тѣни искренняго убѣжденія въ истинности уніи и пользѣ ея для западно-русской церкви, а проглядываютъ одни лишь своекорыстные расчеты о личныхъ выгодахъ, сопряженныхъ съ церковнымъ переворотомъ. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то, что когда унія была наконецъ провозглашена на Брестскомъ соборѣ и оффиціально признана со стороны правительства, Терлецкій, равно какъ и другіе архіереи, принявшіе унію вмѣстѣ съ Рагозой и Потѣемъ и въ началѣ по видимому ревновавшіе о ней, скоро какъ-бы забыли о ея существованіи, не проявляли никакой заботливости объ ея упроченіи и спо-

войно проживали въ своихъ епархіяхъ, пользуясь церковными имѣніями, какія на всю ихъ жизнь обезпечилъ за ними король.

Всю остальную часть своей жизни Кириллъ Терлецкій провелъ, предаваясь прежнимъ излюбленнымъ занятіямъ: тяжбамъ, наѣздамъ на сосѣдскія имѣнія и заботамъ о личномъ обогащеніи. Онъ умеръ въ маѣ 1607 г. и былъ похороненъ въ луцкой соборной церкви св. Іоанна Богослова.

ПОПРАВКА И ОБЪЯСНЕНІЕ.

Въ сентябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ въ «Запискахъ князя Б. И. Куракина», на стр. 127, въ строкѣ 5-й снизу напечатано: «А въ томъ морскомъ походѣ былъ я за валантера на галерѣ Шаутбейнагта», при чемъ редактировавшимъ эти «Записки» покойнымъ профессоромъ Ф. А. Терновскимъ, рядомъ съ этимъ послѣднимъ словомъ въ скобкахъ поставлены съ вопросительнымъ знакомъ слова: *фамилія Шаубената?*

Считаемъ нужнымъ поэтому поводу сдѣлать необходимую поправку и объясненіе. Слово: *шаубенахтъ* означало чинъ младшаго морскаго генерала, соотвѣтствующій нынѣшнему чину контръ-адмирала. Чинъ шаубенахта взятъ былъ съ голландскаго флота, принятаго Петромъ В. въ образецъ. По голландски *Shaut bis nact* значитъ: *смотри ночью*; названіе это присвоено шаубенахту потому, что онъ всегда почти находился на передовомъ кораблѣ флота и долженъ былъ бдительно смотрѣть впередъ, особенно ночью. Петръ В. самъ имѣлъ этотъ чинъ, бывшій въ нашемъ флотѣ до начала царствованія Елисаветы Петровны.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступили въ продажу вновь вышедшія книги:

Сулимовскій Архивъ. Фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей XVII—XVIII в., съ пятью портретами. Изд. *А. М. Лазаревскій.* Кіевъ. 1884 г. Ц. 2 р.—Выписывающіе изъ редакціи «Кіевской Старины», за пересылку не платятъ.

Исторія южно-русской литературы въ XVII ст. Вып. I-й. Лазарь Барановичъ. *Н. Ѳ. Сумцова.* Харьковъ. 1884. Ц. 1 р. 50 к. — Продается въ книжныхъ магазинахъ «Вѣстника Европы» и «Новаго Времени», въ Петербургѣ и Хавкина и Ив. Куколевскаго въ Харьковѣ.

Очерки исторіи украинской литературы XIX ст. *Н. И. Петрова.* Кіевъ. 1884. Ц. 3 р., на пересылку за 2 ф. Складъ изданія у автора, проф. Н. И. Петрова (Кіевъ, Ильинская улица, д. № 4). Выписывающіе отъ автора за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Очеркъ исторіи западно-русской церкви. *М. Чистовича.* Ч. II-я. Спб. 1884 г.

Вышелъ № 8 (августъ) «Извѣстій Спб. Слав. благотвор. Общества». Подписка на «Извѣстія» принимается въ помѣщеніи Общества, площадь Александринскаго театра, № 7-й. Подписная цѣна на годъ за 12 кн. два руб. съ доставкой и пересылкой.

Учреждается въ Харьковѣ Общественная Библіотека по уставу, утвержденному Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 16 іюня с. г. Желающіе содѣйствовать этому учрежденію приглашаются свои пожертвованія деньгами и книжками адресовать на имя Бориса Ивановича Филонова. Харьковъ. Благовѣщенская ул., собств. д. № 15.

часу. Зъ Сѣвска віехавъ въ 9 часу, прибылъ до Товстодубовской почты въ часу 5-мъ пополуночи, а одтоль въ 8-мъ до Есмани.

4. Въ Есмани службы Божой выслушавъ и пообѣдавъ (где розышлось на розницю 12 к.), прибылъ до Глухова въ 1-мъ часу по полдни и тутъ заразъ пошолъ до двора ясневелможного, где засталъ еще при концу обѣда; тутъ же засталъ ихъ милостей: пана Павла Апостола, полковника миргородского (который недавно оженившись въ Смоленску на дочерѣ тамошнего шляхтича Никола Юръевича Анделярта (Энгельгардта) именемъ Федорѣ, сюда въ сихъ дняхъ прибылъ), пана Петра Апостола, полковника лубенского зъ панею, пана Скоропадского, Богдана Івановича Пасека и прочіихъ многихъ; вручилъ ясневелможному 2 грамоты о присягахъ и о селѣтрѣ и партикулярныя писма, такожъ и другимъ, до которыхъ писма поотдавалъ. Вечеряли въ домѣ ясневелможного многіе, въ томъ числѣ и я. Тутъ же получилъ я вѣдомость, что синъ мой Петръ преставилъся въ Стародубѣ прошлого генваря 18, болѣзнію на болячку подъ горломъ.

5. Рано былъ у господина генерала Нарышкина и вручилъ его превосходительству грамоты 2, о томъ же, что и гетману. Сегожъ числа писаны писма до архидіакона катедры кіевской и до отца-брата въ Козелецъ и посланъ чай одъ преосвященного іркутского; одправлены писма и до Славуя.

6. Былъ у господина Пасека, потомъ у полковника лубенского на Бѣлополовцѣ [162]) и у пана обозного генералного; вечеромъ— у пана Бороздны, судіи генералного. Сегожъ числа вручилъ писма господину Мякинину и господину полковнику Радищеву отдалъ чолки, отъ брата его Глѣба Прокофіевича, воеводы клинского, присланные.

7. При суплѣцѣ моей ясневелможному презентовалъ грамоту, данную мнѣ на Перегонъ для записаня оной въ войск. енер. канцеляріи и для видачи мнѣ подлугъ оной унѣверсалу. Обѣдалъ у пана полковника лубенского. Розышлось 7 к.

8. Подалъ суплѣку на опредѣленіе мнѣ деревень удостоеныхъ о унѣверсалѣ, чтобъ владѣть оними до полученія указу и подтверженія противъ посланного въ коллегію іностранную удостоенія.

---

[162]) Предмѣстье г. Глухова.

Въ Москвѣ за притупей лосиній 40 к., за перчатки 60 к., за тертушку мушкатовой галки 4 к.

9. Писалъ писмо до пана дядка въ Козелецъ за жителемъ кіевского полку села Борокъ Юскомъ Слѣпченкомъ. Отъ Москви до Глухова на двѣ почтовые лошадѣ розышлось 5 р. 46 к. Сего числа прибылъ панъ Ігнатъ Данченко зъ возками моими зъ Москви до Глухова. Панеи полковниковой лубенской дана жестянка табаку.

10. Зоставлена у ясневелможного книжка рукописная моя разговоровъ генерала Паткуля зъ министромъ Герцомъ въ царствіи мертвыхъ, а поручена въ диспозицію пана Скоропадского, чтобъ не завалилась. Отобралъ у пана Скоропадского дукатъ и облѣкгъ, а ему надлежитъ переслать реверсъ его. Былъ въ банѣ пана Федора Савича [164]). Розышлось 8 к.

11. Вручилъ господину генералу Нарышкину грамоту въ дѣлѣ моемъ о ранговой маетности и у господина генерала обѣдалъ. Писалъ писма до жены и до Стефана и одправилъ передомъ чрезъ Алексія при двоихъ саняхъ. Емужъ Алексію даны на дорогу 20 к. Асауленку, що когдась ратовалъ мене, 10 к. Розышлось еще 9 к.

12. Отобралъ унѣверсалъ на маетности зъ канцеляріи, виданный на Перегонъ зъ Дешковичами. Обѣдалъ у пана Якова Марковича зъ панею его и дѣтми [165]). На припряжи до саней и проч. пошло 8 к. Отецъ Пясецкій, намѣстникъ братскій, былъ рано у мене въ квартерѣ. Писано писмо до господина Курбатова въ С. П. Бурхъ зъ обявленіемъ о женитбѣ пана полковника миргородского и зъ благодарствіемъ за показованную мнѣ тамъ милость и благодѣяніе. Левасоду даны 10 к. и платокъ.

13. Писаны писма въ С. П. Бурхъ до пана Павла Апостола, до пана Андрея Горленка, до Козми Якимовича Кричевця, зъ включеніемъ ему и писма до Петра Василієвича Курбатова; писаножъ до Каленика локая, зъ включеніемъ писма отъ Андрея Гудовича до сина его Александра, а всѣ подъ датою 6 числа сего мѣсяца. Писано въ Москву до Уріила, до Николая Павловича о доправленныхъ на Трусевичу 10 р. и до Якумоила, а тые писма одправлены на почтѣ чрезъ Ігната Данченка, въ Москву послан-

---

[164]) Сынъ генеральнаго писаря Семена Савича.

[165]) Авторъ »Дневныхъ Записокъ«.

ного. Емужъ писмо до графа Гаврила Владиславича належное вручено. Обѣдалъ я у ясневелможного и по обѣдѣ пожекгнавшись его ясневелможности и прочіимъ отклонившись, віехалъ зъ Глухова въ началѣ 5-го часа пополудни и прибылъ въ Новгородокъ

14, въ шестомъ часу пополуночи; тутъ засталъ я одного пана сотника толко. Тутъ же отданы 20 р. вдовѣ Новгородского, одъ сына еи отца Іова, съ С. П. Бурха присланные. Зъ Новгородка віехавъ въ 11-мъ часу предъ полуднемъ, прибылъ до Гримячого въ полъ 5 часа, а одтоль до Перегону въ 8 часу пополдни и тутъ засталъ жену зъ синомъ Василкомъ.

15. Весь день прожилъ въ Перегонѣ и передъ обѣдомъ ездилъ для осмотреня построенного на Бѣлявицѣ млина, а по обѣдѣ былъ на футорѣ Василювцѣ. На пиво и медъ 9 к.

16. Одъ шинкаря чаусовского Ноздри отобралъ денегъ рублей 19 и ему въ оныхъ до парахупку далъ росписку.

17. Віехалъ зъ Перегону и обѣдалъ у пана Григорія Гамаліи въ Борщовѣ, где изъ поруччикомъ інгермоландского полку Яковомъ Любимичомъ Полянскимъ позналяся. По обѣдѣ былъ въ банѣ и позно уже одтоль віехавши, прибылъ о полночи до Стародуба.

18. Подъ часъ обѣденъ былъ у полковника и по службѣ у негожъ былъ, а обѣдалъ у пана тестя; у мене зась въ домѣ вечеряли панъ тесть и Романъ Яненко глуховскій [166]).

19. У мене были многіе, чего для весь день пробавилъ въ домѣ, толко вечеромъ былъ у полковника и подалъ листъ ясневелможного въ моемъ інтересѣ о ранговой маетности и о Куровѣ и Чубаровѣ.

20. Первый разъ заездилъ въ канцелярію новопостроенную и тутъ засталъ полковника зъ всею старшиною; одтоль былъ у капи-

[166]) Романъ Яненко—глуховской мѣщанинъ, который женившись на дочери Петра Демьяновича Уманца (сынъ глуховскаго протопопа и внукъ нѣжинскаго полковника Филиппа Уманца) и получивъ часть тестевскихъ земель около села Есмани, поселилъ здѣсь слободу (теперешнее село Яновка), и разбогатѣвъ, при Апостолѣ былъ уже бунчуковымъ товарищемъ. У Яненка было двѣ дочери, изъ которыхъ одну, Прасковью, онъ выдалъ за Осипа Григоровича Туманскаго, а другую, Евфимію, за польскаго шляхтича Василія Романовскаго, который въ 1756 г. былъ »келеймейстеромъ гетманскаго двора«. Сынъ этого Романовскаго—Николай имѣлъ чинъ уже ротмистра; отъ отца онъ получилъ глуховское село Студенокъ (часть имѣній Петра Уманца), да женившись на дочери Кирилла Осиповича Закревскаго

тана надъ салдатами городъ содержащими команду имѣющого, потомъ у пана Стефана Ширая [167]). Матцѣ Аннушкиной даны 20 к.

21. Былъ въ канцеляріи, а первей у полковника; потомъ въ домѣ былъ у мене присланный отъ пана Андрея Миклашевского панъ Колленскій и отобралъ у мене денги 300 р., а 100 р. себѣ позыкою удержалъ, а на оные далъ облѣкгъ во отдачи тихъ денегъ въ априлѣ мѣсяцѣ остатныхъ чиселъ; о томъ же писалъ и писмо до пана Андрея Миклашевского, на что соизволеніе отъ него получилъ.

22. Музиканту отданы осталные за дворъ купленный денги 18 р. 32 к., а прежде дано ему 20 р. и осмачку жита въ 1 р. 68 к. Итакъ уже ему все уплачено. Посланы при писмѣ до его мил. п. Скоропадского купчая на грунта глуховскіе, отъ дочерей пана Андрея Миклашевского данная, и двѣ раздѣлочные писма чрезъ козака значкового Афанаса Десятовского; чрезъ тогожъ писалъ и до пана Юркевича и послалъ пашпортъ. Розышлось на розницю 4 к.

23. Отправлены плотники, присланные отъ пана Скоропадского для осмотреня будинковъ пана Федора Ширая, и чрезъ нихъ же дано отвѣтное писмо. Алексію кухару данъ 1 р. 50 к. на его нужды, да двѣ штучки китаю блакитного въ ценѣ 1 р. 40 к.

24. Получилъ писма двѣ отъ пана Скоропадского чрезъ служителя госпожи Толстой, да до пана Скоропадского жъ писалъ інстанціалное писмо за асауломъ. Писалъ чрезъ него жъ и до пана сотника глуховского. Розышлось сими днями на розницю 18 к. Господинъ полковникъ далъ мнѣ два стоги сѣна, которые на степу показаны чрезъ армаша.

25. Были въ обѣдни у Вознесенія Господня; тамъ же и молебенъ правили, где полковникъ обявилъ мнѣ о поездѣ своемъ до Глухова, куда и отехалъ онъ послѣ обѣда. Розышлось на розницю 75 к.

26. Параскевія Александровна полковниковна дала денги для заплаты за табакерку 1 р. 95 к., которую дѣлалъ чеканщикъ въ Глуховѣ.

Еленѣ, купилъ на деньги послѣдней, въ м. Салтыковой Дѣвицѣ и въ д. Крачковкѣ—1311 крестьянъ обоего пола. Всего у него было крестьянъ 1644 обоего пола.

[167]) Степанъ Спиридоновичъ Ширай—отецъ Федора. См. примѣч. 133.

27. Писалъ писмо до п. Горленка въ С.П.Бурхъ о попу перелюбскомъ, который содержится въ канцеляріи полковой стародубовской. Данъ 1 р. на галіонокъ панеи. За 4 безмены лою 80 к. Віехалъ по полдни зъ Стародуба до Перегону, куда прибылъ въ 9-мъ часу. Даны въ дворѣ на потребы 10 к., Василевѣ 10 к.

28. Вчора надъ отцемъ Стефаномъ Филиповичемъ, священникомъ городискимъ (села Городища) было маслосвятіе. Къ нему сего числа послалъ чаю и сахару. Десять свѣчъ прислалъ Іванъ, погарскій шафаръ (сборщикъ податей) гребелный. Были у мене войты куровскій и чубаровскій зъ громадами.

Мартъ.

1. Присылалъ п. Григорій Гамалія, просячи на именины жены своей до Борщова, куда отпустилъ жену, а самъ остался въ Перегонѣ.

2. Ездилъ до монастыря чолнского и тамъ ночовалъ. Розышлось на розницю 14 к. Писаны писма до п. сотника ічанского (Стороженка) и до Лисаневича, въ Ічню.

5. Зъ монастыря чолнского пріехалъ на обѣдъ въ Перегонъ, где засталъ Круковскую. У Івана Цілогузенка отобралъ за пенку денегъ 5 р. Сего числа по полдни преставился священникъ церкви Воздвиженія Честного Креста городиской отецъ Стефанъ Ігнатіевъ Филимоновичъ осмдесятолѣтный, который былъ родомъ зъ Уманѣ и священствовалъ при помянутой церкви болѣе сорока лѣтъ. Для поминокъ въ домъ того умершого священника станъ горѣлки и денегъ 1 р.

4. Погребали тогожъ отца Стефана въ церкви городиской, на которомъ погребеніи былъ протопопъ погарскій отецъ Петръ Кибалчичъ зъ другими священниками. У мене обѣдали п. Григорій Гамалія, п. Дзевулскій съ сожителницею, п. Григорій Антоновъ Гамалія и п. Косачъ, сотникъ бакланскій. За медъ и пиво у Івана шафара дано 96 к. Въ Перегонѣ-жъ у мене былъ и поруччикъ інгермоланского полку г. Полянскій.

5. Данъ 1 р. матерѣ Наума Евдокименка до рощоту, за взятые у тихъ казанъ и трубы мѣдные. Подрядилъ на цѣлый годъ жителей села Любца за десять возъ для воженя зъ ихъ лѣсу дровъ на футоръ мой, а одъ всякаго воза давать по 30 к.; и того въ

годъ винесетъ 3 р., которымъ любецкимъ жителямъ и даны 1 р. 50 к., а другіе такіе-жъ денги должны имъ отдатися въ полгода, и сей контрактъ здѣланъ зъ цѣлою околицею и отъ нихъ взято писмо. Да сего-жъ числа даны 3 р. того-жъ села Любца жителямъ Кондрату Степанову, Андрею Іванову Протченку и Данилѣ Подорожному на сто дубовъ на шулы, которіе должни оны выстачить, на что дали отъ сего и карту. Покроенъ мнѣ кунтишъ зъ сукна французскаго кравцами погарскими, до которого дано на шовкъ 5 к. За 20 локотъ полотна дано 26 к. для подбойки слугамъ.

6. Вісхалъ зъ Перегону и прибывъ въ Борщевъ, первей былъ у поруччика Полянского, потомъ зъ нимъ вмѣстѣ обѣдали у п. Григорія Гамаліи, куда прибылъ и п. Дзевулскій, и по обѣдѣ гуляли тамъ-же, а послѣ въ ночь до позна у поруччика при стрелбѣ, и жестоко были пяны.

7. Мойсею Оршавѣ шевцю даны сафянъ и козелъ для шитя чоботъ мнѣ, а панеи черевиковъ, да и старые сапоги червоные даны ему-жъ для переробленя. Въ Борщовѣ у п. Григорія-жъ, поснѣданю, послѣ знову были у поруччика и у него помирили драгуна зъ атаманомъ чаусовскимъ Сосновскимъ, за которого въ доплатку положилъ я своихъ 1 р. 33⅓ к., а онъ заплатилъ своихъ 3 р., потомъ одтоль отехалъ, жестоко подпившый и прибыли въ Случокъ, гдѣ и ночовали у Антона Хоменка.

8. Прибылъ коло обѣдень въ Стародубъ и сегодня вечеромъ, послѣ лазнѣ, посѣщали мы обое невѣстку полковничую Катерину Андріевну, прибывшую изъ Москвы позавчора. Целюрику 3 к., на потребы до жупановъ челядпихъ и дѣвкамъ 10 к.

9. За офарбоване сукна чезяди на черкески, да за 29 аршинъ крашенины дано фарбейнику 1 р. 40 к., пикляру за направу де чого 5 к. Жорову Мойсею случковскому въ задатокъ на грунтъ 2 р. да Рубану 1 р. Писана челобитная и писма до отца архимандрита Романа, до отца Іларіона Негребецкого, типографіи начальника, и до отца Іоиля Савицкого, писаря кіево-печерской лавры, подъ датою сего мѣсяца 5 числа о обидѣ мнѣ показанной отъ Гавріила, намѣстника монастыря чолнского; также писалъ и до Козми Іакимовича Кричевця.

10. Заплачены цехмистру ткацкому за полотно передъ симъ панеи тканное ровно 2 р. Бондарямъ, що направляли бочки до пива,

меду и до лазнѣ дано 60 к. Сего числа зъ челобитною и писмомъ отправленъ Семенъ Діоминъ до Кіева, чрезъ которого и до сотника козелецкого Алексія о дачи ему козака до Кіева писано; да ему-жъ Семену данъ и пашпортъ. Полковникъ пріѣхалъ въ Стародубъ зъ Глухова ввечерѣ.

11. Былъ рано у маіора інгермоландского драгунского полку Михаила Петровича Пущина, а потомъ у полковника нашего; послѣ-же обѣднѣ обѣдали у полковника обще зъ маіоромъ. У мене-жъ въ вечеру были п.п. Іванъ Миклашевскій, Скорупа, Ширай, Марко Марковичъ, Горленко и проч.

12. Посланы до Перегона къ Стефану на росходъ дворовый 2 р. Кравцямъ за роботу дано 10 к., слѣсарю 4 к., за 2 штуки крашеныны 42 к. На розницю пошло 15 к.

13. За 18 локотъ шнурка штучкового дано 72 к., Алексію на его потребы 22 к., Крашенинику 10 к. На розницю пошло 12 к. Куплено сукна зеленого 11 локотъ по 18 шаговъ, и того дано 3 р. 96 к. За крашенину и за фарбоване двохъ матерій крашенинику еще 82 к.

14. За пудъ соли бѣлой 40 к. За медъ и пиво у Ляшихи набранное 42 к.

15. Івану Данченку за вино, братое у него прошлого году 1731 на крестины Петрусевы, заплатилъ 6 р.

16. За 18 локотъ полотна лняного дано 36 к. За возъ лучины 12 к. Писано писмо до сотника варвинского п. Себастіановича[168]) о стадниннѣ.

17. За 20 штучокъ вялой рыбы Лавріну дано 30 к. Ему-жъ за набранные безъ мене панею розные вещи 2 р. 49 к. Золотаревѣ Антону въ позыку даны 30 к.

18. Обѣдали мы у панеи матки, а послѣ обѣда у мене былъ

---

[168]) Матвѣй Андреевичъ Себастіановичъ, внукъ прилуцкаго обозного Василія Севастьяновича (1674 г.) родоначальника Себастіановичей, въ настоящее время уже вымершихъ. Себастіановичамъ принадлежали слѣдующія имѣнія въ прилуцкомъ уѣздѣ: село Гурбинцы и деревня Игнатовка (съ 1674 г.), село Грицовка (съ 1709 г.) и село Брагенцы, поселенное въ началѣ XVIII в. отцомъ Матвѣя Себастіановича—Андреемъ, бывшимъ полковымъ писаремъ. Имѣнія Себастіановичей перешли въ большей части къ Брежинскимъ, по женитьбѣ одного изъ нихъ на дочери Ивана Андреевича Себастіановича.

первей отецъ Патермуфій, городничій лищицкій [169]) и подарилъ мнѣ книжечку Полуставецъ, а послѣ были маіоръ Пущинъ зъ женою и поруччикъ Полянскій и вечеряли у мене-жъ. За судацкого вина 2 гарцы 80 к.

19. За двѣ шапки молодецкіе Василю и Іванцю 70 к. За простій шнурокъ да на нитки и на шовкъ 20 к. Кравцямъ стародубовскимъ 12 к.

20. Писано въ одвѣтъ до п. Пасека [170]) о его дѣлахъ въ судѣ полковомъ имѣючихся, о Гойскомъ и мелнику печеницкомъ. Розышлось на розницю 19 к. Панюй даны 1 р. 40 к.

21. Макринѣ на серпанки и на чоботы 30 к. За зроблене свѣчъ и ставниковъ до Городища до двора нашого 62 к. На нитки, свѣчки и проч. 18 к. На медъ и пиво 6 к. За оправу книжки Тестаменту 20 к. За пудъ лою 90 к.

22. За полсть до ризъ 7 к. За бантайровій пузиментъ до ризъ-же за 26 локоть 1 р. 4 к. За три штучки крашенины 47½ к. Сего числа исповѣдались и причащались обое. Розышлось на розницю 1 р. 20 к. Зъ Ляшихою росплата учинена за дуклю, бранную на погребеніе Петрусевѣ, и за хустку, да за шнурокъ до куптуша молодецкого 2 р. 98 к. На корку и шовкъ 4 к.

23. Кравцямъ стародубовскимъ 12 к. Росплата учинена зъ кравцемъ Евтушкомъ; за розную прежнюю роботу дано ему 43 к. да за Алексія ему-жъ заплачено 40 к. За зроблене мнѣ двохъ шапокъ и третей паняи дано Максиму шапошнику 1 р. 5 к. На шовкъ, шнурокъ и свѣчки 11 к.

24. Свѣчарцѣ, що лоіовіи свѣчи дѣлала, 12 к. Отецъ Патермуфій, городничій лищицкій прислалъ куфу пива чрезъ своего служителя, которому и подводчикамъ дано 36 к. Сотники волоскіи, гарцовскій и пятовскій [171]) принесли 3 гусей, 4 курей и полтори копи

---

[169]) Лыщицкая волость (села Лыщичи—суражскаго уѣзда) принадлежала кіевской лаврѣ и управлялась, какъ и другія, монахами-городничими.

[170]) Богданъ Ивановичъ Пассекъ—одинъ изъ членовъ генеральнаго суда, отецъ извѣстнаго бѣлорусскаго генералъ-губернатора Петра Б. Пассека.

[171]) Села Гарцовъ и Пятовскъ—стародубскаго уѣзда. Какъ видно, въ это время еще существовали особые сотники »волоскіе«, вѣдавшіе тѣхъ »волоховъ«, которые, заходя въ Малороссію съ конца XVI в. съ военными отрядами, оставались здѣсь и селились частью между мѣстнымъ народомъ, а частью отдѣльными селами.

яецъ. Панъ сотникъ топальскій 5 паръ оробковъ. Писалъ до п. обозного, полковника стародубовскаго и послалъ указъ ясневелможного, присланный по челобитю п. Валкевича на полковника Дурова Розышлось на розницю 20 к.

25. Въ сей день Свѣтлого Воскресенія и Благовѣщенія на всенощномъ были въ церквѣ нашей приходской; службы Божой слушалъ въ соборѣ и былъ у полковника, обѣдали у панеи матки. Послѣ обѣда были у полковника-жъ, да у маіора Пущина, а послѣ знову у панеи матки.

26. Кравцямъ погарскимъ за роботу двохъ кунтушовъ панеи да мнѣ кунтуша и кафтана и за пошите кунтуша-жъ, да за ризы 2 р. 10 к. Сего числа весь день гуляли у полковника, а послѣ вечеромъ были у п. Федора Ширая, где капитанъ гварнѣзонный зъ офѣцерами інгермоландского полку поссорился. Сего-жъ числа привезенъ мнѣ одъ п. Борковского, при писмѣ, казанъ мѣдный зъ трубами, въ которомъ со всѣмъ вѣсу 53 фунта. Майстратовые и цехы приходили зъ хлѣбомъ святочнимъ, въ томъ числѣ одъ двохъ цеховъ положено 45 к.

27. Весь день были въ домѣ и обѣдали у мене поручникъ и прапорщикъ гварнѣзонные. Ввечеру былъ у п. Стефана Ширая зъ хлѣбомъ.

28. Обѣдали и весь день гуляли у п. Григорія Скорупы. Чрезъ прошедшіе святочные дни розышлось священникамъ, дякамъ и прочіимъ поздравителямъ 3 р. 50 к. Сего-жъ числа присланы чрезъ козака Козла отъ шинкара чаусовского Ноздри шинковыхъ денегъ 5 р.

29. Стефанъ зъ войтами перегоновскимъ и чубаровскимъ пріездилъ зъ поклономъ святочнымъ и положили мнѣ 1 р. 20 к. Да Стефанъ привезъ осѣнныхъ денегъ 3 р. 50 к. и зъ шинку перегонского 1 р. Тимохъ коваль за побой сина его положилъ 50 к. Заплочено за два гарци вина кримского, що передъ симъ на вѣру брали, 80 к. Сего-жъ числа отехалъ до Лищичъ и конѣ здѣлали причину подъ Кустичами, а потомъ прибылъ въ Лищичи и тамъ

› Волохами ‹ поселено въ первой половинѣ XVII село Волосковичи въ Сосницкомъ уѣздѣ; ими-же должно быть поселено и стародубское село Кустичи Волокитины, т. е. Кустичи волошскіе, названное такъ въ отличіе отъ другаго стародубскаго села—Кустичъ Бряновыхъ, поселеннаго должно быть выходцами изъ Брянска.

ночовалъ, да туда-жъ прибыли п.п. Якимовичъ, асаулъ полковый и Михайло Голембіовскій зъ женами.

30. Тамъ-же въ Лиличахъ обѣдали, а по обѣдѣ возвратилъся въ Стародубъ.

31. Рано былъ у полковника и видѣлъся въ первый разъ зъ полковницею, прибывшею зъ Москвы сего мѣсяца 29 дня позно.

Априль.

1. Были на крестинахъ въ домѣ панеи Березовской, у пана Марка Марковича, сина подскарбіевого, которому синъ родилъся Іванъ, 28 числа прошедшого мѣсяца, а оному воспріемниками были панъ Федоръ Ширай и панѣ Скоруппина; тамъ дано бабѣ 10 к. Сегожъ числа возвратившійся зъ Кіева Семенъ привезъ ко мнѣ писма отъ отца Негребецкого и писаря печерского отвѣтніе въ дѣлѣ о намѣстнику чолнскомъ, такожъ отъ архидіакона софѣйского.

2. Писаны писма въ Глуховъ за п. Лисаневичемъ до п. Скоропадского и до п. Юркевича зъ комплементомъ. Емужъ данъ 1 р. За возъ уголя дано 14 к. Да взято у Федора Янченка железа 3 каменѣ и 5 фунтовъ.

3. Писаны писма до Уріила подканцеляриста въ Москву, да до Николая Павловича Кристича; при писмѣ посланы 10 р. денегъ, у Трусевича доправленныхъ и одправлены для пересылки до п. Юркевича; такожъ и до п. Скоропадского писалъ зъ посылкою листа одъ п. Валкевича. Сегожъ числа дано срѣбро Антону золотарю на роблене килѣха (чаши) вѣсомъ 21 лотъ и 3 золотника. Да емужъ до прежде данныхъ въ позику 30-ти копѣекъ дано 20 к. въ заработокъ.

4. Писано до графини въ Топаль о видачи циганки и зъ тимъ писмомъ посланъ Антонъ Донъ. Вчора вечеромъ былъ я на квартерѣ у поручника інгермонландского полку Ігната Михайловича, зъ которымъ доволно посидѣлъ и розговоровалъ, а сего числа былъ у п. Андрея Миклашевского. За медъ, у Ляшихи передъ симъ братый, 17 к.

5. Віехалъ зъ Стародуба къ Архиповцѣ [172]) для розыску въ дѣлѣ о млинѣ козаковъ Рубаленковъ и прибылъ въ 9 часу до Буды, маетности п. Корецкого тестя моего. Въ домѣ при отездѣ дано

---

[172]) Село новгородъ-сѣверскаго уѣзда.

25 к. Одтоль віехавъ въ 2 часу по полдни, прибылъ въ Архиповку въ 7-мъ часу и тутъ первей заехалъ до п. Пекаліцкого, потомъ сталъ квартерою у священника архиповского отца Григорія Холинского.

6. Начали производить слѣдствіе и ездили для осмотру греблѣ Рубайленковъ и подтопленныхъ грунтовъ архиповскихъ. Обѣдалъ въ квартерѣ.

7. Обѣдали у п. Пекаліцкого, да сегожъ числа и Мовчанъ допрашиванъ по дѣлу Рубайленковъ о унѣверсалахъ и о протчемъ.

8. По службѣ окончили и подписали слѣдствіе и обѣдали у п. Косовича, где подарено мене и хусткою, потомъ отехали до п. Славуцкого въ Леоновку [173]), у которого и ночовалъ.

9. Рано одтоль віехавши, немного позабавился въ Курковичахъ, а оттуду поехавши, заездилъ въ дворъ п. Миклашевского понуровский, да и въ Буду, и пріехалъ надъ вечери въ Стародубъ; въ той поездцѣ розышлось 36 к.

10. До Стефана писано о Петроку и о протчемъ и до егожъ послалъ денегъ 1 р. на росходъ дворовый. Получилъ писма зъ С. П. Бурха одъ п. Горленка, при которыхъ и одъ графа Гаврила Владиславича до жены его присланное вручилъ п. Кровніцкому, при своемъ особливомъ писмѣ.

11. Розышлось на розницю 23 к.

12. Куплено свитъ двѣ для Параски и для баби, и запаску, дано 94 к.

13. Розышлось на розницю 50 к.

14. За зроблене ключика до клевікорда, которій подарилъ мнѣ п. Іскрицкій, дано 6 к. Данъ до оковки ящикъ на каламаръ, за которого роботу заплачено снѣцарю 8 к., на желѣзо 2 к.

15. Принималъ у себе гварнізонныхъ капитана, поручника и прапорщика зъ женами. Розышлось на мясо 26 к., на вино 86 к., за медъ 38 к., на мило до платя и на проч. 5 к. Ввечерѣ были зъ поручникомъ Полянскимъ у кума Никифора на крестинахъ и дано одъ панен 30 к., одъ мене 50 к.

16. Писано до п. Юркевича подъ вчерашнимъ числомъ, о томъ, чтобъ далъ вѣдомость, кто зъ Печерского былъ зъ святочнымъ при-

[173]) Деревня стародубскаго уѣзда.

вѣтствіемъ въ Глуховѣ, и включенъ пакетикъ для отсылки къ Москвѣ одъ маіора Пущина. Дано снѣцарю въ зароботокъ 20 к. Умовленъ слюсаръ дѣлать карабиновъ пару за 6 р., а особливо на мосіонзъ давать же коштъ; которому взадатокъ и данъ 1 р.

17. За 9 мѣховъ сѣчки 13 к., за курицю 3 к., на медъ 2 к., Макринѣ на полотно 24 к.

18. Были у мене на обѣдѣ невѣстка полковничая и дочка, такожъ князь Яковъ Александровичъ Щетинъ, капралъ ризского драгунского полку. Розышлось на розницю 5 к. Привезено зъ Перегону денегъ шинковыхъ 6 р., одъ шинкарки перегонской Марьи Олейницы рублей 3, а прежде о святкахъ отъ еижъ привезенъ 1 р. отъ куровского шинкаря Харитона паламаря 2 р. отъ чубаровского шинкаря Степана Клесунового 1 р.

19. Шевчисѣ, що у пана тестя въ дворѣ живетъ, дано 24 к., на мясо 10 к., на медъ 4 к.

20. Даны въ направу Евдашки, слюсара погарского, сыну, шабля, круцички, замковъ 2 нѣмецкихъ отъ дверей, замковъ одъ скринь; и емужъ дано до заработку 50 к., кромѣ зайшлихъ прежде за него 1 р. 30 к. За пошите свиты Парасцѣ 6 к. Даны ткатись цехмистру ткацкому обруси, за которые одъ локтя по 8 к., полотна—одно по 2 осмаки въ 20 пасомъ, другое въ 18 пасомъ, по 1-й к. одъ локтя. Дана отцу Алексію цукру голова и чаю. Маляру за обмаліоване доски до карети 4 к.

21. На мясо и проч. 19 к. Ковалямъ, що оковали коляску открытую, 50 к. Обѣдалъ у насъ сотникъ полковый Галецкій, а послѣ я мился въ лазнѣ у отца Алексія Халкидонского, потомъ у панеи тещи былъ. На медъ 9 к.

22. Обѣдали у полковника нашого зъ маіоромъ Пущинымъ и другими офицерами інгермонландского полку. На мясо дано 10 к. Одправленъ въ Перегонъ мелникъ печениковскій Іванъ, чрезъ которого писалъ я до Стефана.

23. Обѣдали у мене панея матка, да три поруччика інгермоландского полку Полянскій, Толбузинъ и Порошинъ и весь день у мене пробавили, а вечеромъ былъ я на Березовщинѣ [174]) и тамъ видѣлъся зъ п. Андреемъ Миклашевскимъ и панею его, зъ Корса-

---

[174]) Хуторъ около г. Стародуба, принадлежавшій Миклашевскимъ.

комъ и сестрою его, и велми пяный оттуду пріехалъ. Розышлось на мясо и проч. 29 к. На пиво и медъ 25 к. На вино 20 к.

24. Весь день пролежалъ зъ похмеля и никуда не виходилъ зъ дому, толко заездилъ ко мнѣ пожегнатся поруччикъ Полянскій.

25. Былъ въ канцеляріи и на майстратѣ, а обѣдалъ въ домѣ купно зъ панею маткою.

26. Панѣ Іванова Борозниня была у мене въ домѣ и Пузириха за своими дѣлами. Дано за три барки (вальки) до колясокъ 6 к. Антону Дону данъ 1 р. за псалтиръ и на дорогу.

27. Данъ рубль 1 Василю на покупку его нуждъ, да куплено 4 колеса и двѣ оглоблѣ, дано 14 к.

28. По одправленію въ соборѣ молебствія благодарственного о коронаціи ея імператорскаго величества, обѣдали приватно у полковника, а послѣ былъ я зъ женою у маіора господина Пущина и у п. Федора Ширая. На мясо дано 12 к., на пиво 4 к.

29. Панъ Федоръ Ширай, отезжая въ Глуховъ, заездилъ ко мнѣ и простилъся. Послѣ обѣда былъ у мене маіоръ Пущинъ зъ маіоршею, поруччики Бунаковъ и Бурдаковъ да прапорщикъ Скорятинъ и п. Скоруппа и долго пробавились. На вино пошло 40 к.

30. Рано былъ у мене Василь Романовичъ, зъ которымъ доволно розговоровали о скупленныхъ въ Случку мужикахъ и о прочемъ; онъ же подалъ мнѣ и писма одъ п. Покорского старого. Прибылъ въ Стародубъ г. генералъ квартермѣйстеръ лейтенантъ фонъ Штофель для заниманія лагеровъ для войскъ въ полку старод. Отъ отца Варсонофія, намѣстника свѣнского, принеслъ мнѣ служитель его, финжалъ фарфуровый и мисочку болшіе, гостинця. Розышлось на розницю 5 к., за виправу лисицѣ 3 к.

Май.

1. Писано писмо подъ вчерашнею датою до г. Пасека въ Глуховъ, зъ благодарствіемъ за неоставленіе корреспонденціею. За обмаліоване клевикорда 12 к.; еще 3 к. Писаны писма въ Глуховъ подъ датою прошлою апр. 27, до п. Скоропадского, до п. Юркевича, и подъ нынѣшнею—до п. Лисаневича.

2. Обѣдали у мене п. тесть и поруччикъ Бунаковъ, а послѣ обѣда былъ я у г. фонъ Штофеля, потомъ у капитана Петровского. Одправлено писмо до отца Варсонофія, намѣсника свѣнского, чрезъ

служителя его зъ благодарствіемъ за неоставленіе въ візитѣ и за присилку чашокъ.

3. Въ обѣднѣ были у праздника въ церквѣ Вознесенія Господня, а потомъ заездили до п. Скорупны, а обѣдалъ у мене капитанъ Петровскій зъ женою, послѣ обѣдажъ былъ у менежъ г. генералъ лейтнантъ квартермейстеръ фонъ Штофель. На мясо и проч. пошло 19 к., на вино 20, на пиво и медъ 19 к. Сего числа противъ завтрашнего, по полуночи въ 1-мъ часу, учинилъся пожаръ въ городѣ Стародубѣ, одъ которого многіе домы, въ томъ числѣ и войсковый дворъ и ратушъ згорѣли, а иные, отбороняючи одъ пожара, поломали.

4. У насъ обѣдали п. Валкевичъ и панѣ Тимофіева Жоравкова, которая изъ своими пожитками одъ пожару въ домъ нашъ ввезлася.

5. На мясо пошло 16 к. Кровь пущалъ зашкурную. Дано цѣлюрику 4 к. Посланы писма и крѣпости до п. Скоропадского такожъ писма до п. Юркевича чрезъ Гриневича, сторожа полкового.

6. Нигдѣ зъ дому не бывалъ, ради случившейся слабости. На мясо 6 к.

7. Хлопцю полотна на кошулю 9, к. на діоготь 5 к.

8. Послѣ раннего обѣда отехалъ къ Каташинскому манастиру и по дорозѣ былъ въ Нижніомъ и видѣлись зъ панею Андріевою, потомъ у графинѣ въ Топалѣ и тамъ одвѣвши, полдень поехали до манастыря и прибыли туда позно, где дали намъ келію у отца Дружины и вечеромъ видѣлъся зъ отцомъ архимандритомъ тамошнимъ—Давидомъ.

9. По одслушанной позной службѣ, обѣдали въ трапезѣ, а потомъ гуляли въ келіяхъ архимандричихъ, послѣ же и за монастыремъ надъ ліодовнею, а далѣе пожегнавшись, отехали я зъ женою до п. Василія Велинского въ Манюки [175]), а прочіе на Топаль. Въ переездѣ до манастыря и въ манастырѣ розышлось 1 р. 50 к.

---

[175]) Село Манюки, новозыбковскаго уѣзда, въ 1708 г., отдано было съ разрѣшенія Мазепы, стародубскому хоружему Федору Скоробогатому, по смерти котораго вдова его продала Манюки генеральному писарю Савичу. Племянникъ Скоробогатаго Василій Велинскій, получивъ урядъ стародубскаго хоружества, сталъ оспаривать Манюки у Савича, но послѣдній не обращалъ вниманія на этотъ споръ, пока не попалъ, по Полуботковскому дѣлу, въ петропавловскую крѣпость; восполь-

10. Въ Манюкахъ обѣдалъ, где хозяинъ подарилъ сину моему лисицю, а тудажъ по обѣдѣ прибыли отецъ архимандритъ Давидъ и панѣ Скоруппина зъ п. Іскрицкимъ и сожительницею его. Отецъ же архимандритъ подарилъ мнѣ и сину двѣ книжки латинскіе. Одтоль одехавши, ночовали въ Кривцѣ, въ дворѣ п. Федора Савича.

11. По ранномъ обѣдѣ зъ Кривца віехали и прибыли коло обѣда въ Топаль и тамъ позабавились годинъ нѣсколко, отехали до Медведова, где такожъ забавлявшись нѣсколко часовъ, поехали прямо до Стародуба и прибыли въ домъ о 12-мъ часу по полунощномъ. Умовленъ столъ робить и дано въ задатокъ 20 к.

12. Весь день пробавилъ въ домѣ маляра, уговоренного маліовать тарадайку, и дано ему въ задатокъ 50 к.

13. Въ сей день Пентикостіи (пятидесятницы) набоженства слушали въ церквѣ Святого Духа и обѣдали у панеи-матки, а вечеромъ въ домѣ и прибѣрались для принятія гостей.

14. Послѣ набоженства были въ домѣ моемъ на обѣдѣ полковникъ зъ женою своею, п. Скоруппа зъ женою же и протчіе мужеска и женска полу. Пошло на мясо 75 к., кухару 60 к. За пол-ока бѣлого соку 15 к., за сулейку чорного соку 20 к. Капитану Петровскому даны 2 р. За лой Бразкупу давный 40 к.

15, 16, 17—пробавили канцелярскими дѣлами.

18. Вибравшись послѣ полдня, віехалъ зъ Стародуба до Перегону и заехалъ первей до Левенки, а послѣ прибылъ о полночи въ Перегонъ.

19. Весь день пробавилъ въ Перегонѣ и былъ на Белявицѣ и на футорѣ Василювскомъ.

20. Обѣдали и весь день пробавили въ Борщевѣ у п. Григорія Гамаліи, а одтоль отехавши были за Ворою и осматривали грунту зъ Лукинцями розеханного, тамъ же и жита посѣяннаго осматривали; а ввечеру были у мене Леонтій Галецкій зъ женою и вечеряли.

21. Обѣдали мы у Леонтія Галецкого, а послѣ обѣда пріехалъ ко мнѣ атаманъ погарскій и другіе. На нитки фарбованные дано

зовавшись этимъ моментомъ, Велинскій поѣхалъ за Манюками въ Петербургъ и здѣсь по мировой съ Савичемъ, писанной 25 сентября 1725 г., въ крѣпости, добился, что Манюки были отданы ему, какъ наслѣдство его дяди.

6 к. Сего числа отобралъ я у Ноздры, шинкаря чаусовского, шинковыхъ грошей рублей 12, и квитанція ему дана. Да у Стефана старосты перегонского 3 р. за коня Триносенкомъ приведенного, злодѣйского.

22. Пріездилъ ко мнѣ Петко зъ женою въ Перегонъ, и принесъ сома свѣжого, такожъ былъ попъ николаевскій села Любца, волости дворцовой Артемонъ Федосіевъ о пропажи 28 брусовъ его дубовыхъ. П. Леонтій Галецкій далъ на 26 осмачокъ жита облѣкгъ. Сего числа Мойсея Жорова побилъ Романовичъ въ Случку. Віехалъ зъ Перегону послѣ полдня и тамъ при віездѣ дано 20 к. Ночовалъ въ Случку у бурмистра Хоменка.

23. Одтоль рано віехавъ, прибылъ въ Стародубъ рано и былъ у полковника, которій поехалъ на встрѣчу генерала маіора Артемія Григоріевича Загряжского. Дано маляру, малюючому таратайку, еще 60 к., да слюсару, которій штурмаки дѣлаетъ, еще 1 р. Студентамъ 10 к. Отобрано у ткацкого цехмистра полотно, которое ткалось въ 20 пасомъ локотъ 71½. Писано писмо до Константія, брата сотника золотоношского, сторони г. генерала лейтнанта квартермейстра Федора фонъ Штофеля.

24. Петру Триносенку данъ въ заплату службы его годовой, що наняли его до двора Куровци, 1 р., а передъ симъ даны емужъ дворовые чоботы. Сего числа заведенъ караулъ въ дворъ п. Миклашевского, где полковникъ стоялъ, и оттоль полковникъ віехалъ въ Андріенковъ дворъ за городъ, а оный дворъ очищенъ и занятъ въ квартеру г. генералу Загряжскому.

25. Отданы 15 р. п. Федору Шираю, которые онъ давалъ мнѣ въ С. П. Бурхъ на покупки, а панеи Скоруппиной отданыжъ 2 р. У Федора Янченка взялъ 5 р. въ задатокъ на пенку. Нанялъ роботниковъ до направки коморы, которымъ давать на день по 8 к. и харчъ, и уже даны имъ 16 к. По полдни въ 4-мъ часу пріехалъ въ Стародубъ г. генералъ маіоръ и кавалеръ и воинскій інспекторъ Артемій Григоріевичъ Загряжскій и сталъ въ дворѣ п. Андрея Миклашевского. Отдана моя пенка въ важницю, которой заважено 7 берковцевъ и два пуды, и отдана на руки Федору Янченку по 5 р. берковецъ, итого за 36 р.

26. Получилъ вчорайшого числа указъ зъ суда войскового енералного о поездѣ въ села монастыря новгородского. Даны маляру

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени" и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Дмитера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, присылающимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно четкой перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ редакціи, кромѣ полныхъ экземпляровъ журнала за 1882, 1883 и 1884 г., есть также экземпляры разрозненные, образовавшіеся отъ высылки отдѣльныхъ книжекъ въ замѣнъ утраченныхъ при пересылкѣ. Гг. подписчики, у которыхъ случайно затерялись какія либо книжки »Кіевской Старины« предъидущихъ или нынѣшняго года, могутъ въ замѣнъ ихъ получить новыя, обращаясь въ редакцію съ приложеніемъ *одного рубля* за каждую вновь требуемую книжку; особой платы за пересылку не требуется.

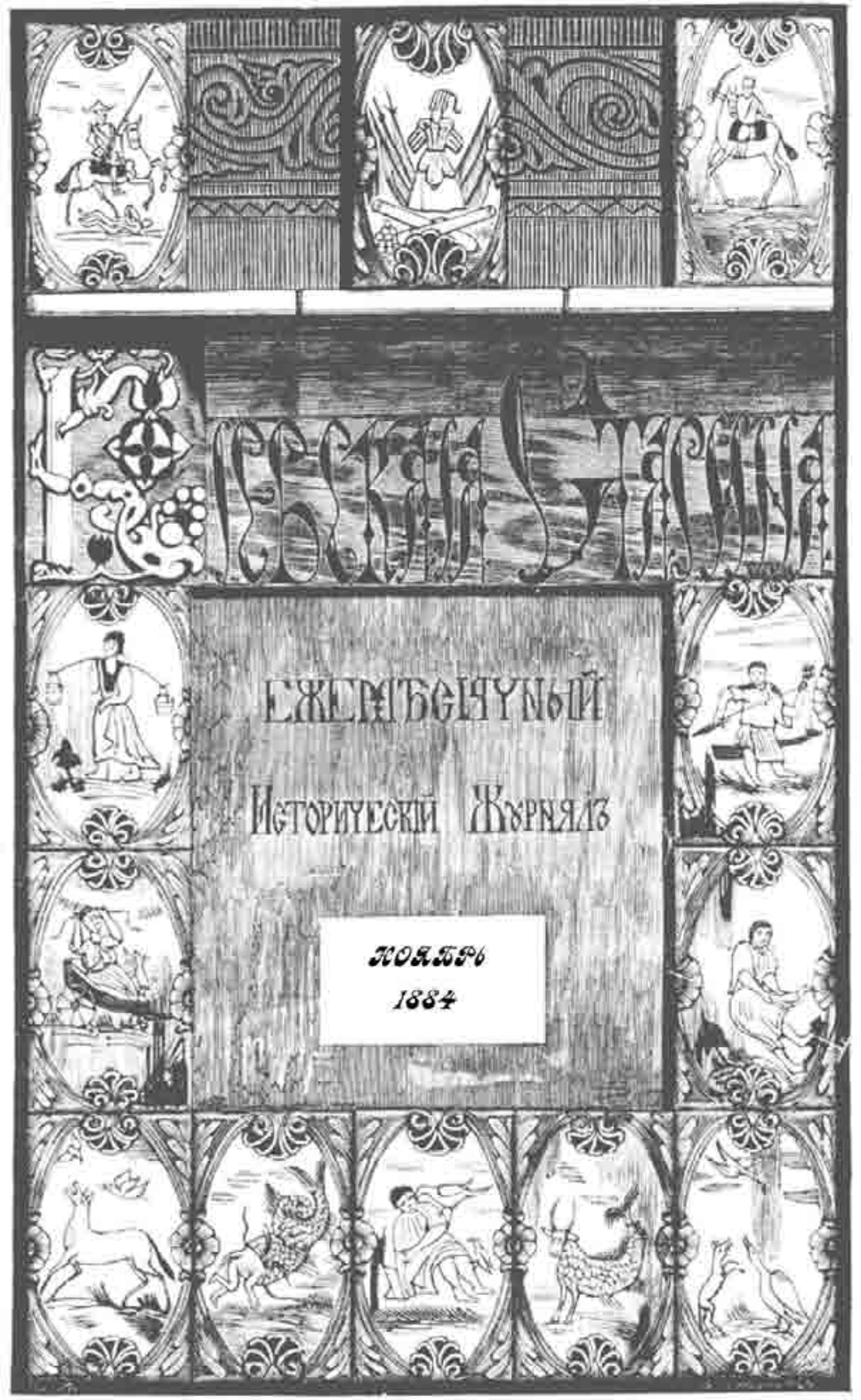
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Ноябрь
1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1884 г.

стр.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ. (Историко-этнографическія замѣтки). *(Продолженіе)*. **И. Житецкаго** 371

II. ЦЕРКОВЬ И ВИЗАНТІЙСТВО. **Ор. Миллера** 419

III. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА А. Я. СТОРОЖЕНКА 447

IV. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА. (Род. 1676 г. ум. 1727 г.). *(Продолженіе)* . 478

V. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ВОЗНИКНОВЕНІЯ И РАСПРОСТРАНЕНІЯ ИТУНДЫ НА ЮГѢ РОССІИ. *(Продолженіе)*. **П. Л—ва** . . 499

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Д. Я. Самоквасовъ. Исторія русскаго права. Вып. II. Происхожденіе славянъ. Происхожденіе русскихъ славянъ. Варшава. 1884 г.—*М.*—б) Исторія университета св. Владиміра. Сост. орд. проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Т. 1. Кіевъ. 1884 г.—*К. Цыбульскаго.*—в) Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть вторая. С.-Петербургъ. 1884 г.—*И. Малышевскаго.*—г) Къ исторіи южно-русской литературы семнадцатаго столѣтія. Выпускъ I. Лазарь Барановичъ. Н. О. Сумцова. Харьковъ. 1885 г.—*О. Н.* 509

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи газетно-журнальнаго дѣла въ Кіевѣ.—*В. Науменка.*—б) Давно забытая древнѣйшая кіевская святыня.—в) Сосѣдственно-пріятельское письмо Богдана Хмельницкаго къ царю Алексѣю Михайловичу.—г) Изъ письма въ редакцію о нѣмецко-хохлацкой итундѣ.—*Бориса П—скаго.*—д) Еще объ одномъ портретѣ кисти Боровиковскаго.—*В. Чевижевскаго.*—е) Изъ народныхъ разсказовъ о кладѣ.—*О. Р. К—аго*—ж) Отвѣтъ малороссійскихъ козаковъ украинскимъ слобожанамъ.—з) Саврадимка. (Пѣсня).—Сообщ. *Алексѣй Грабина* 529

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) *(Продолженіе)*. . . . . 113—128

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ. Открыта подписка на 1885 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ X.

НОЯБРЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ПОДПИСКА

на ежемѣсячный историческій

ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,“

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ КІЕВѢ.

1885-й годъ.

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ «**Кіевская Старина**», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1885 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ, при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ и подъ тою-же редакціею.

По трехъ-лѣтнему опыту нашего изданія наши постоянные читатели могли удостовѣриться, что оно остается вѣрнымъ той скромной задачѣ, которую намѣтило для себя при самомъ началѣ, т. е. разработкѣ мѣстной исторіи. Но самая мысль о необходимости спеціальной разработки южно-русской исторіи для пополненія и расширенія нашей общей исторической науки возникла сравнительно недавно и прививается въ обществѣ, да и въ самой наукѣ туго и медленно. Успѣхъ нашего изданія стоитъ въ тѣсной связи съ развитіемъ и укрѣпленіемъ этой мысли въ сознаніи общества и дѣятелей науки. Въ какой мѣрѣ способствовало этому само наше изданіе, судить не намъ; но мы не могли не видѣть въ теченіи трехъ

лѣтъ возрастающаго сочувствія и довѣрія къ нашему труду, обогащавшихъ портфель редакціи новыми статьями и матеріалами, а отсюда заключаемъ, что и самый трудъ нашъ не безъуспѣшенъ. Успѣхъ этотъ идетъ, правда, медленно, въ размѣрахъ скромныхъ; но успѣха быстраго мы и не ищемъ, а въ самой постепенности его усматриваемъ залогъ его прочности.

Съ такими мыслями мы приступаемъ къ началу новаго, четвертаго года изданія, выражая живѣйшую нашу благодарность всѣмъ постояннымъ и случайнымъ нашимъ сотрудникамъ и надежду, что они не оставятъ насъ своимъ сочувствіемъ и поддержкою и въ наступающемъ году.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10** руб., на мѣстѣ **8** р. **50** к. На заграничную пересылку прибавляется **1** р.

Гг. иногородные обращаются исключительно въ *редакцію* **«Кіевской Старины»**, *Кіевъ Трехъ-святительская ул., д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 г. высылаются редакціею по той-же цѣнѣ.

Смѣна народностей въ южной Россіи.

(Историко-этнографическія замѣтки).

(Продолженіе) [1]).

ГЛАВА 5-я.

Иностранцы въ южной Россіи XII — XVI в.

Литово-польское завладѣніе южно-русской страной, вліяніе котораго на соціально-бытовыя формы кореннаго населенія мы уже видѣли, имѣло и другое, не менѣе важное значеніе: *при подчиненіи южной Руси иноземной власти усилилась инородческая колонизація на ея территоріи.* Кромѣ представителей политико-административной власти въ краѣ — литовцевъ-поляковъ, въ предѣлы южной Руси началось переселеніе и другихъ инородцевъ: нѣмцевъ, евреевъ, молдаво-валаховъ и пр. Особенно сильна была такая колонизація въ польской половинѣ. Хотя въ эпоху татарщины Галиція, какъ провинція болѣе отдаленная отъ татаръ и болѣе самостоятельная (особенно при Даніилѣ Галицкомъ), потеряла туземнаго населенія менѣе другихъ южно-русскихъ областей и въ то-же время вознаграждала эти потери привлеченіемъ населенія изъ другихъ сосѣднихъ странъ; но много мѣстъ даже и здѣсь обезлюдѣло и оставалось впустѣ [2]), благодаря тому, что татары не переставали

[1]) См. «Кіевскую Старину» 1884 г., сентябрск. кн., стр. 1—26.

[2]) Съ водвореніемъ поляковъ въ краѣ во второй половинѣ XIV, даже въ XV в. «пустыя мѣста находились» напр. въ долинѣ Суходаль на Свижѣ, окрестно-

врываться отдѣльными группами въ край и дѣлать опустошенія. Польша, въ интересахъ прежде всего экономическихъ (что формулировалось тогда словами: «ижъ бы люди осѣдали и платы бы наши намъ ся повышали» [1]), стремилась всегда повысить плотность населенія и потому открывала двери въ свою страну для иноземныхъ поселеній, вслѣдствіе чего иноземная колонизація землевладѣльческая, торгово-промышленная и даже земледѣльческая, широкою волною вливалась въ теченіи всего польскаго періода въ западную половину южной Россіи въ видѣ поляковъ, нѣмцевъ, молдованъ и пр. Однако собственно соціально-политическія причины имѣли сравнительно малое значеніе на ростъ иноземной колонизаціи въ литовской половинѣ: этимъ путемъ въ первое время поселились на южнорусской территоріи лишь литовцы и татары, и только во вторую половину періода, когда вліяніе Польши сдѣлалось ощутительно для политической судьбы края, увеличивается инородческая колонизація, какъ въ разнообразіи представляемыхъ народностей, такъ и въ количествѣ самыхъ переселенцевъ.

Но въ дѣлѣ инородческой колонизаціи литовско-польскаго періода рядомъ съ политическими причинами стояли и другія, не менѣе важныя; главныя изъ нихъ: *религіозная пропаганда* и *торговля страны*. Оставляя пока разборъ первой [2]) изъ этихъ двухъ причинъ, мы скажемъ, и то только нѣсколько словъ, о второй.

Какъ извѣстно, южную Русь въ то время пересѣкали два главныхъ торговыхъ пути: одинъ по Березинѣ и Днѣпру, а другой

сти Вербижа до устья Щирки (въ Днѣстръ) и по этой рѣкѣ цѣлыя мили, окрестности р. Созань, впадающей въ Днѣстръ ок. Самбора, околицы ок. Пистрыня и надъ р. Утеранъ ажъ по Коломыю... Также на Подольѣ вездѣ опустѣвшія села, корчмы и дворы». Szaran., «Rys» et cact., стр. 52—53.

[1]) Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи, т. II, стр. 72.

[2]) Какъ въ «литовско-польскій», такъ и въ предшествовавшій «лѣтописный» періодъ немаловажнымъ условіемъ вообще въ этнологической жизни южнорусовъ было *вліяніе религіозное*, какъ по самому своему ученію, духу, такъ и по многочисленнымъ представителямъ различныхъ религіозныхъ пропагаторовъ; но мы, въ интересахъ цѣльности и единства вопроса, религіозную сторону южнорусской жизни (за все время съ IX и по XVIII в.) разсмотримъ въ той главѣ, когда религія получаетъ въ краѣ политическую роль и представляется не отдѣльными лицами или сословнымъ разрядомъ, а цѣлымъ народомъ, и когда она является однимъ изъ главныхъ мотивовъ борьбы за національную самостоятельность.

по Бугу и Днѣстру [1]). Сѣверныя оконечности обоихъ путей, находясь въ непосредственномъ владѣніи нѣмецкихъ рыцарей, сливались съ Балтійскимъ моремъ, тогда охваченнымъ торговлей ганзейскихъ городовъ, а южныя, проходя черезъ область кочевыхъ татаръ Новороссіи, примыкали къ Черному морю, на которомъ торговыми монополистами были тогда итальянцы—генуэзцы и венеціане. Взаимное перемѣщеніе товаровъ ганзейскихъ городовъ и балтійскихъ нѣмцевъ съ сѣвера на югъ и татарскихъ и итальянскихъ съ юга на сѣверъ—представляетъ преобладающій видъ торговли. Къ березинно-днѣпровскому и днѣстровско-бугскому торговымъ путямъ примыкали въ роли подвозныхъ дорогъ болѣе второстепенные рѣчные или сухопутные пути—изъ Венгріи, Седмиградіи, изъ Польши, Великаго Новгорода, Москвы и пр. Кромѣ того проходила еще черезъ страну съ запада на востокъ большая торговая дорога изъ Азіи въ Европу. Такимъ образомъ, указанные пути дѣлали южную Русь торговою страною для всѣхъ окружающихъ ее народностей: на югѣ, кромѣ итальянцевъ и татаръ—греки (позже турки), молдаво-валахи и венгры, а на сѣверѣ, помимо нѣмцевъ, поляки, западно и сѣверно-руссы (новгородцы и москвичи). Каждая изъ странъ перечисленныхъ народностей принимала участіе, какъ въ лицѣ своихъ торговыхъ представителей, такъ и пуская въ торговый оборотъ предметы производства своей страны [2]).

Значительная часть товаровъ переходила черезъ страну, но часть оставалась на пути, какъ въ виду существованія въ средѣ обитателей запроса на привозимые предметы, такъ отчасти благодаря искусственнымъ мѣрамъ. Правительство южной Руси, глав-

---

[1]) Шаран., стр 146, 196.

[2]) Изъ Молдавіи шли: рогатый скотъ, лошади, овцы, бѣлки, кожи; изъ Седмиградіи серебро въ оправѣ, воскъ и куньи мѣха; изъ Венгріи вина, изъ Греціи рыба и «грѣцкій квасъ»; изъ Азіи и Татаріи—хлопокъ, ладанъ, лимоны, малвазія (родъ вина), шелковыя матеріи, конская сбруя, ковры и вообще такъ называемые *татарскіе товары* (Szaran., стр. 104—106); оттуда-же, а позже изъ Азіи, черезъ посредство Цареграда—восточныя издѣлія изъ кожи: сафьянъ, «тижмы и тебенки» и восточныя пряности: перецъ, дзиндзиваръ и шафранъ (Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи, т. I, 1407); изъ Москвы «коштовные товары», отъ Балтійскихъ нѣмцевъ сукна и проч. товары (Шаран., стр. 196); изъ Польши—соль.

нымъ образомъ польское, видѣло въ торговлѣ не только средство удовлетворенія потребностей населенія и обогащенія городскихъ классовъ, но и одну изъ прибыльныхъ статей фиска, поэтому не переставало заботиться о ходѣ торговли. Заботы правительства касались удобствъ передвиженія [1]) и безопасности провозимыхъ товаровъ [2]), привлеченія внутрь страны иностранныхъ торговцевъ [3]) и *регулированія торговли*. Послѣдняя мѣра выражалась въ опредѣленіи торговыхъ путей [4]), по которымъ должны были двигаться торговые караваны, и въ обозначеніи торговыхъ пунктовъ, гдѣ перевозимые черезъ страну товары обязательно должны были продаваться въ теченіи опредѣленнаго срока и лишь по истеченіи его передвигаться дальше [5]). Вся торговля находилась въ рукахъ иностранцевъ [6]): нѣмцевъ, армянъ, евреевъ, молдованъ, татаръ и пр.

Туземное населеніе въ это время часть своихъ силъ, остававшихся болѣе или менѣе свободными отъ производства предметовъ

---

[1]) Такъ, въ видахъ безпрепятственнаго сообщенія по рѣкамъ, большія рѣки на Руси и въ Польшѣ, наприм. Днѣстръ, Бугъ, Санъ, Вислокъ и т. д. исключались изъ частнаго владѣнія; на рѣкахъ, протекающихъ черезъ частныя земли, запрещалось, подъ угрозою потери всего имущества, частнымъ владѣльцамъ устраивать безъ разрѣшенія короля заставы и ставилось необходимымъ условіемъ оставленіе прохода для судовъ.—Szaran. «Rys» et caet., стр. 42.

[2]) Ibid., стр. 147.

[3]) Ibid., стр. 145—146.

[4]) Въ 1345 г. кор. Казиміръ опредѣлилъ, напр., дороги, которыми купцы изъ нѣмецкихъ городовъ могли-бы ѣздить безопасно и безпрепятственно въ Русь и въ Польшу, именно такая дорога шла черезъ Казиміръ и Люблинъ до Владиміра, черезъ Брестъ до Судоміра, также обозначена дорога изъ Торуня въ Венгрію и обратно.—Шаран., стр. 197.

[5]) Со времени русскихъ князей дано было такое исключительное право на склады товаровъ: Львову, Луцку, Володиміру. Польскіе короли подтверждаютъ эти привилегіи. Въ 1365 г. издана была привилегія, чтобы купцы, перевозящіе товары изъ Венгріи, не миновали Кросна, города на галицкомъ Подгорьѣ.

[6]) На сколько торговлей въ южной Руси овладѣли иностранцы, видно изъ того, что на Руси ходила монета польская, русская, чешская и даже венгерская, какъ равнозначущія деньги. (Szaran. «Rys», стр. 108—109). Пошлина (мыто) собиралась: отъ нѣмецкаго веза—четыре гроша», отъ «армѣнскаго воза» шесть грошей.—Акты относящіеся къ исторіи южной Руси, т. I, стр. 30—32.

первой необходимости, должно было отдавать съ одной стороны на самоохраненіе отъ внѣшнихъ враговъ (татаръ, поляковъ, нѣмцевъ, молдаво-валаховъ и пр.), которые постоянно врывались во внутрь страны,—съ другой на борьбу (правда, пассивную, въ видѣ безпрестанныхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто) съ высшими классами противъ ихъ стремленій къ экономическому, политическому и соціальному порабощенію низшихъ слоевъ. Производительность страны понизилась, даже сравнительно съ до-татарскимъ періодомъ, и внѣшняя *вывозная* торговля, которая преобладала въ лѣтописный періодъ, пришла въ упадокъ. Особенно это можно сказать о времени непосредственно слѣдующемъ за татарскимъ нашествіемъ; но чѣмъ дальше отъ начала періода, тѣмъ ростъ производительности страны увеличивается и предметами вывоза являются уже не только сырые продукты, какъ кожи, мѣха, воскъ, медъ, сало, масло, лѣсъ и т. п., но и предметы ремесленнаго производства: такъ изъ г. Львова вывозились косы, ножи, плуги, пояса, сукна, полотно [1]); изъ Кіева: луки, стрѣлы, сагайдаки, сѣдла, разныя металлическія издѣлія [2]) и пр. Производящимъ населеніемъ въ странѣ являлись какъ иностранцы, особенно нѣмцы [3]), такъ и южно-руссы; первые преобладали въ западной-польской половинѣ, вторые въ восточной-литовской.

Торговля транзитная, а равно и вывозная и внутренняя привлекала въ южную Русь многочисленныхъ иноземцевъ, которые, само собою разумѣется, скоплялись главнымъ образомъ въ тѣхъ городахъ, которые служили центромъ торговой дѣятельности. Такими городами можно назвать Львовъ, Кросно, Черновицы, Каменецъ-Подольскій, Брестъ, Владиміръ, Луцкъ, Кіевъ и др. Въ этихъ городахъ существовали цѣлыя колоніи нѣмцевъ, армянъ, евреевъ и пр.

Такимъ образомъ, путемъ политическаго завладѣнія страной, путемъ торговой предпріимчивости и промышленной дѣятельности въ южной Руси въ литовско-польскій періодъ скопилось множество инородческихъ элементовъ; здѣсь проживали: татары, литовцы, поляки, молдаво-валахи, венгры, нѣмцы, армяне, евреи, итальянцы, турки, греки, цыгане, сарацины, чехи, западно и сѣверно-руссы.

---

[1]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 104.

[2]) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., Кіевъ и пр., стр. 35—37.

[3]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 104—105.

Одни изъ этихъ инородцевъ явились въ край преимущественно по политическимъ тенденціямъ—это татары, литовцы и поляки; другихъ привлекла сюда торгово-промышленная дѣятельность, таковы: нѣмцы, армяне, евреи, итальянцы, греки, западно и сѣверно-руссы; въ поселеніи третьихъ можно отмѣтить тѣ и другіе мотивы, напр. у молдаво-валаховъ, венгровъ и турокъ. Распредѣленіе иноземнаго населенія по территоріи южной Руси было далеко неравномѣрно: польская половина болѣе обильна была иностранцами, чѣмъ литовская; города включали въ число своего населенія болѣе значительный °/₀ иноземцевъ, чѣмъ села: въ послѣднихъ находились главнымъ образомъ поселенія только нѣмцевъ и поляковъ и лишь въ незначительномъ числѣ другія народности. Наконецъ, отношеніе различныхъ инородцевъ къ туземцамъ было не одинаково: тогда какъ одни поддавались вліянію кореннаго населенія, ассимилировались съ нимъ, какъ сѣверно и западно-руссы, литовцы и отчасти татары,—другіе, напротивъ, подчиняли своему вліянію южно-руссовъ, какъ поляки и нѣмцы; третьи наконецъ нейтрализировались во взаимныхъ этнологическихъ воздѣйствіяхъ,—армяне, евреи. Но помимо такихъ, болѣе или менѣе однородныхъ особенностей, каждая народность имѣла свои индивидуальныя оригинальности—во времени вселенія въ край, въ самыхъ поселеніяхъ, въ этнологическихъ отношеніяхъ къ коренному населенію, что мы и укажемъ при разсмотрѣніи каждой народности отдѣльно.

Съ XIII ст. въ южной Россіи, какъ извѣстно, поселились *татаро-монголы*. Самое близкое къ истинѣ мнѣніе о происхожденіи татаро-монголовъ—мнѣніе тѣхъ, которые видятъ въ нихъ этнографическій конгломератъ, въ основу котораго легли монголы, какъ господствующая родовая орда, а массу составили разные подчиненные народы тюркскаго племени. Сами монголы принадлежатъ къ алтайской группѣ народовъ, представителей которой мы видимъ съ одной стороны въ финскомъ племени, съ другой—въ китайцахъ. Первоначальное мѣсто ихъ жительства было въ центральной монгольской возвышенности отъ южныхъ сибирскихъ горъ до границъ Китая. Въ извѣстномъ отношеніи монголы были народъ цивилизованный, именно съ замѣтнымъ отпечаткомъ китайской культуры. Въ XIII ст. движеніе монгольской орды, захватывавшее на пути изъ Азіи разныя народности, достигло предѣловъ южной Руси, гдѣ смѣшалось и

поглотило половцевъ и остатки печенѣговъ [1]). Кромѣ воинственныхъ отрядовъ, которые (съ 1237 по 1243 г.) опустошали южную Русь, значительная масса татарскихъ кочевниковъ поселилась въ степяхъ по восточной и южной окраинамъ, въ теперешнихъ малорусскихъ губерніяхъ: херсонской екатеринославской, таврической, воронежской, Области войска донскаго, почти во всей харьковской, и отчасти курской, полтавской, черниговской, въ южныхъ частяхъ кіевской, подольской губерній и вѣроятно въ аккерманскомъ уѣздѣ бессарабской (въ Буджакѣ).

Послѣ такъ называемаго паденія Золотой Орды образовались между другими двѣ орды: ногайская и крымская. Первая возникла въ 1260 г. на лѣвой сторонѣ Днѣпра, вторая гораздо позже (между 1407 и 1411 гг.)—на правой [2]). Но ранѣе этого здѣсь существовало съ перваго времени нѣсколько отдѣльныхъ ордъ, подъ начальствомъ особыхъ темниковъ, которые наблюдали за покорностью завоеванныхъ странъ [3]). Такъ въ Понизьѣ образовался обширный улусъ, извѣстный съ XIV ст. подъ именемъ Подольскаго, темники котораго представляли собою верховную власть надъ южно-русской страной [4]). Отсюда-же, изъ степей, выходили конные отряды татаръ и опустошали изъ года въ годъ то ту, то другую часть южно-русской страны до конца разсматриваемаго періода. Власть татаръ, какъ извѣстно, опредѣлилась не одинаково для всей страны: такъ болоховскіе города, извѣстные подъ именемъ городовъ, «сидящихъ за татарами» или «людей татарскихъ» [5]), были въ непосредственномъ управленіи татаръ; прочія-же области управлялись черезъ посредство русскихъ князей, и ихъ зависимость реально выражалась въ посылкѣ военной помощи татарамъ [6]) и въ платѣ дани, называвшейся «татарщина» [7]) или «ордынщина». Всѣ эти внѣшнія условія связи татаръ-[illegible]ковъ съ южно-руссами сближали ихъ

[1]) Иловайскій, стр. 393.
[2]) Германовъ, см. выше.
[3]) Иловайскій, стр. 398
[4]) Антоновичъ, «Исторія Велико-Литовскаго княжества», стр. 146—147
[5]) Ипатск. лѣтоп., стр. 555.
[6]) Ипатск. лѣт., стр. 578, 585, 588 и др.
[7]) Акты, относящіеся къ исторіи южной Руси, т. I, 1501 г., стр. 343.

взаимно: частые набѣги татарскихъ шаекъ, при которыхъ неизбѣжно было взятіе туземнаго населенія въ плѣнъ, перемѣщали часть населенія изъ внутреннихъ областей страны въ среду кочевниковъ, особенно послѣдняя участь постигала женщинъ и ремесленниковъ [1]), а собираніе дани обратно вызывало первыя поселенія татаръ внутри страны, среди южно-руссовъ; это были баскаки, которые проживали во всѣхъ областяхъ южной Руси, напр. въ Кіевѣ, въ Давыдъ-Городѣ минской губерніи [2]), въ подольскихъ городахъ и пр. Другой путь для сближенія и потомъ для поселенія татаръ среди южно-руссовъ были совмѣстныя войны: кромѣ указанныхъ уже случаевъ соединенія южно-русскихъ военныхъ силъ съ татарскими, по требованію послѣднихъ, было и обратное явленіе, что татары приглашались на помощь русскими и литовскими князьями [3]). Обычай приглашенія татаръ для временной помощи перешелъ рано въ содержаніе постоянной стражи изъ татаръ въ городахъ; такъ полки татарскіе служили на дворѣ Льва и въ столичномъ городѣ: «того князя яко прибочная стражь поселилася около замку» [4]). Аналогичное положеніе занимали частію и военно-плѣнные татары: такъ часть татаръ, плѣненныхъ Витовтомъ, образовала изъ себя военные отряды, которые исполняли опредѣленныя военныя обязанности [5]), почему начальники ихъ надѣлены были землями наравнѣ съ прочими земянами страны [6]), а въ XVI ст. они были уравнены въ

---

[1]) *Шараневичъ*, стр. 172, 326.—Рубрикисъ, посолъ франц. короля, и его товарищи (1255 г.) слышали, что татары «тѣхъ жителей, которые не въ состояніи болѣе давать золото и серебро, угоняли въ неволю со всѣми ихъ семействами и заставляли пасти свои стада. Татарскія кочевья наполнялись подобными толпами плѣнниковъ изъ разныхъ народовъ, по видимому болѣе всего русскими людьми».—Илов., стр. 402.

[2]) Арх. Анатолій, «Воспоминаніе о древнемъ православіи западной Руси», 1867 г., стр. 25.

[3]) Ипастк. лѣт., 1280 г., стр. 581. *Шараневичъ*, 1352 г., стр. 100, 119, 172.—*Chodeniecki*, «Historija stołecznego Królewstwa Galicyi i Lodomeryi miasta Lwowa. Lwów, 1865 г., стр. 43. Акты, относ. къ ист. южной Россіи, т. 2, 1533 г., стр. 327.

[4]) *Шараневичъ*, стр. 119.

[5]) Ibid., стр. 326.

[6]) Акты южной Россіи, т. II. № 113, стр. 142. т. V, № 3, стр. 360—363

правахъ со шляхетствомъ [1]); но другая часть изъ тѣхъ-же татаръ по мѣсту поселенія и по своимъ занятіямъ (извозъ, огородничество, красильство) [2]) по отношенію къ администраціи сравнялась съ городскими или сельскими жителями южной Россіи [3]). Поселялись татары внутри страны и по инымъ мотивамъ, напр. какъ непосредственные участники въ тогдашней южно-русской торговлѣ; этого типа татаръ мы находимъ въ Кіевѣ [4]), Львовѣ, Кременцѣ [5]) и другихъ городахъ, лежащихъ на пути транзита товаровъ изъ Азіи въ Европу. Районъ поселеній татаръ на территоріи южной Руси не опредѣлялся какими нибудь областями; ихъ можно было встрѣтить вездѣ: кромѣ указанныхъ уже выше мѣстъ, поселенія татаръ были въ землѣ берестейской [6]), на Волыни (въ Острогѣ), а также въ Подоліи [7]). Число внутри живущихъ татаръ въ литовско-польскій періодъ было довольно значительно: такъ однихъ потомковъ татаръ поселенныхъ Витовтомъ въ XVI в. было болѣе 10,000 семействъ. На значительность контингента татаръ указываютъ и неоднократныя упоминанія въ актовомъ матеріалѣ о проживавшихъ внутри литовскаго княжества татарахъ [8]) и между прочимъ актъ о воспрещеніи женщинамъ вступать въ сожитіе съ жидами, турками и татарами [9]), о томъ-же говоритъ и фактъ возмущенія кіевлянъ въ 1455 г. противъ проживающихъ въ городѣ татаръ [10]). Совмѣстная вѣковая жизнь татаръ съ южно-руссами вела, само собою разумѣется, къ ихъ взаимному вліянію, выразившемуся между прочимъ въ ассимиляціи первыхъ. Свидѣтелями послѣдняго явленія между прочимъ служатъ нѣкоторыя южно-русскія фамиліи, родоначальниками которыхъ были татары. Кромѣ фамилій Шаблов-

---

1) Акты южн. Россіи, т. 1, стр. 178; Бершадскій, стр. 292, 293.
2) Бершадскій, стр. 392—3.
3) Антоновичъ, Исторія Великаго княжества Литовскаго, стр. 111.
4) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв. кн., стр. 37.
5) Шараневичъ, стр. 198, 385.
6) Ibid., стр. 288, Кукольникъ, стр. 44.
7) Антоновичъ, Исторія Великаго княжества Литовскаго, стр. 111.
8) Акты южн. Россіи, т. I, стр. 142; т. III, стр. 125.
9) Ibid., т. III, стр. 20.
10) Шараневичъ, стр. 441.

скихъ [1]), Глинскихъ [2]), Кобизычей, Фыцовъ, о татарскомъ происхожденіи которыхъ мы уже говорили, можно указать еще обрусѣвшихъ татаръ среди городскаго и сельскаго сословій: напр. мѣщане г. Бреста—Щасные-Богушевичи [3]), Иванъ Татарчанинъ въ г. Пинскѣ [4]), Марко Татаринъ въ селѣ Бобровичахъ пинскаго повѣта [5]). Извѣстно также, что часть Витовтовыхъ татаръ приняла христіанство и слилась съ туземцами [6]). Сближеніе между южноруссами и татарами приняло послѣ вѣковаго сосѣдства и болѣе широкое вліяніе: оно коснулось и татарскаго населенія, кочевавшаго по южной границѣ страны, что рельефно замѣтно на такъ называемой «Подольской Ордѣ»: проживавши здѣсь до 1362 г., когда остатки ихъ удалились въ Крымъ, подольскіе татары зажили осѣдлою жизнью, стали заниматься земледѣліемъ, а главное—приняли славяно-русскій языкъ [7]). Нѣтъ основанія предполагать аналогичнаго вліянія на татаръ, кочевавшихъ на границахъ съ Кіевщиной, въ южныхъ и юго-восточныхъ предѣлахъ древней Сѣверской земли, гдѣ кочевыя орды были перемѣнныя, но въ извѣстномъ вліяніи осѣдлаго населенія нельзя отказать и здѣсь, тѣмъ болѣе, что татары ко 2-й половинѣ XV в. начали не только возвращаться къ пастушескому быту, но среди нихъ появились даже задатки гражданскихъ стремленій [8]). Дальнѣйшему сближенію южно-руссовъ съ татарами поставили препятствіе турки, которые, подчинивъ своей верховной власти южно-русскихъ татаръ, сдѣлали ихъ въ тоже время ревностными послѣдователями Магомета.

[1]) Акты, т. V, № 5, стр. 350—363.

[2]) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв., стр. 21—22.

[3]) Акты, изд. въ Вильнѣ, т. VI. стр. 272—3.

[4]) «Писцов. кн.», ч. 1, стр. 69.

[5]) Ibid., ч. 2, стр. 121.

[6]) Антоновичъ, «Исторія Велико-Литовскаго княжества», стр. 111.

[7]) Стрыйковскій, путешествуя спустя 200 лѣтъ послѣ удаленія татаръ изъ Подоліи по берегамъ Дуная, встрѣтилъ въ Добруджѣ и около Силистріи татарское осѣдлое и земледѣльческое населеніе, большинство котораго говорило еще на славянскомъ языкѣ. И вотъ между этими татарами сохранилось преданіе, которое объясняетъ причину своихъ бытовыхъ особенностей тѣмъ, что предки ихъ жили нѣкогда долго въ Подоліи. — Антоновичъ, «Исторія Велико-Литовскаго княжества, стр. 144—149.

[8]) Житецкій П., стр. 286.

Далеко глубже и шире, чѣмъ у татаръ, произошло сближеніе съ южно-руссами *литовцевъ*. По выводамъ сравнительной филологіи изъ всѣхъ неславянскихъ народовъ Европы литовцы ближе всѣхъ стоятъ къ славянскому племени [1]): они принадлежатъ не только къ одной съ славянами индо-европейской семьѣ, но даже и къ одной вѣтви—«славяно-литовской». Первоначальная исторія жизни литовскаго племени темна еще болѣе, чѣмъ славянъ, и сравнительная филологія утверждаетъ только, что періодъ европейской жизни его никакъ не меньше, чѣмъ послѣднихъ, и что, по всей вѣроятности, и самое отдѣленіе славянъ отъ литовцевъ произошло уже на европейской территоріи. Съ давняго времени литовцы жили въ той-же приблизительно области [2]), что и въ историческое время, сосѣдя такимъ образомъ постоянно съ славяно-руссами, и хотя по скуднымъ свѣдѣніямъ византійцевъ-римлянъ за ними можно прослѣдить до временъ Геродота, но историческимъ народомъ они дѣлаются лишь съ X в., когда съ ними начинаютъ сталкиваться южно-русскіе славяне. Сначала литовцы выступаютъ въ страдательной роли, что мы уже и видѣли въ «лѣтописномъ періодѣ», но XIII—XIV в. роль ихъ измѣняется: ихъ власти подпадаютъ всѣ осѣдлые народы сѣверо-западной и южной Россіи. Около этого времени литовцы подраздѣлялись на 8 этнографическихъ группъ: эстовъ, ливовъ (летголовъ), жемгалу (semigalia), корсь (куроны), жмудь, литву, пруссовъ и ятвяговъ [3]). Для южной

---

[1]) Близость литовцевъ къ славянамъ обыкновенно представляется при пособіи слѣдующей таблицы:

Европ. отдѣлъ арійск. (индо-европ.) племен.
- А) Первая половина, заселившая с.-в. Европы
  - 1-я вѣтвь — германцы.
  - 2-я в. — славяне. / литовцы.
- Б) Вторая половина, занявшая юго-з. Европы
  - 1-я в. — пелазги. / кельты.
  - 2-я вѣтвь — греки.

[2]) Напр. у Птоломея галинды и судены, эти два колѣна пруссовъ, помѣщены въ сосѣдствѣ съ венедами.

[3]) Антоновичъ, «Исторія Велико-Литовскаго княжества», стр. 5; Ипатск. лѣт., стр. 492, 503, 526, 531, 540, 544, 537—8, 549, 551—[illegible], 561, 574, 577, 579, 580, 590 и др.

Россіи имѣли значеніе главнымъ образомъ три вѣтви: жмудь, литва и ятвяги. Жмудь и литва обитали въ центрѣ поселеній литовскаго племени, именно первая на нижнемъ теченіи Нѣмана и на его притокахъ: Дубиссѣ и Невяжѣ и на поморіи, у его устья, а вторая на среднемъ теченіи Нѣмана и на его притокѣ Виліи [1]); поселенія-же ятвяговъ, примыкая къ южнымъ окраинамъ собственной Литвы, врѣзывались узкимъ клиномъ между славянскими племенами: мазовшанами и дреговичами, достигая до западнаго Буга, вверхъ по теченію этой рѣки, до сѣверныхъ предѣловъ волынскаго княжества [2]); именно они занимали пространство между двумя большими рѣками—на сѣверѣ Нѣманомъ, на югѣ Наревомъ, на с.-з. до верховьевъ Ленки и Нетты, на востокъ до верховья Нарева и полосы лѣсовъ, идущей на югъ и сѣверъ отъ истоковъ этой рѣки [3]). Всѣ свѣдѣнія о литовцахъ показываютъ, что они находились въ періодѣ первобытнаго проживанія, подчиняясь въ своихъ бытовыхъ особенностяхъ исключительно вліянію природы: у нихъ не оказывается даже и зародыша государственности [4]), отмѣчаемаго, между прочимъ, возникновеніемъ городовъ. Какъ мы уже видѣли раньше, съ самаго начала объединенія русско-славянскихъ племенъ, южныя пограничныя поселенія литовцевъ начинаютъ посѣщаться русскимъ войскомъ; посѣщенія эти постепенно усиливаются, а вслѣдъ за войскомъ сюда стремится и русская колонизація изъ южно-русскихъ предѣловъ. Отъ столкновеній съ южно-руссами терпятъ прежде всего ятвяги: они уступаютъ часть своей территоріи побѣдителямъ, идутъ въ глубь страны въ область лѣсовъ и болотъ и, видимо, количественно уменьшаются. Съ конца XII ст. литовцы начинаютъ терпѣть давленіе и въ своихъ сѣверныхъ предѣлахъ новыхъ сосѣдей—нѣмцевъ, которые устремились сюда съ неудержимой энергіей религіозныхъ неофитовъ [5]) и къ концу XIII ст. успѣли подчинить себѣ съ одной стороны—пруссовъ, съ другой—латышей и жемга-

[1]) Антоновичъ, ib.

[2]) Антоновичъ, стр. 6.

[3]) «Этнографическій сборникъ», 1858 г., вып. III; «Замѣтки о западной части гродненской губерніи, стр. 73.

[4]) Антоновичъ, стр. 7—8.

[5]) Ibid., стр. 15.

ловъ [1]). Но центральныя племена—литва и жмудь, находившіяся внѣ района завоевательныхъ опустошеній славяно-руссовъ и нѣмцевъ, успѣли создать за это время вокругъ себя болѣе или менѣе прочный государственный строй [2]), благодаря которому, они не только даютъ отпоръ нѣмцамъ, но и начинаютъ нападать на южно-руссовъ. Являясь сюда сначала въ качествѣ союзниковъ при междоусобныхъ войнахъ князей, они со второй половины XII ст. начинаютъ занимать то положеніе относительно южной Руси, какое на юго-востокѣ принадлежало половцамъ [3]). Нашествіе монголовъ послужило на пользу литовцамъ: сосѣди славяно-руссы заслонили собой ихъ отъ опустошенія монголовъ, которымъ препятствіе къ тому-же ставила еще и природа страны—лѣса и болота, а обезсиленные въ это время южно-руссы не могли уже ставить препятствій для движенія литовцевъ на югъ [4]). Такимъ путемъ литовцы выступили изъ понѣманскихъ земель и подчинили себѣ въ теченіи одного вѣка (1250—1350) всю сѣверо и юго-западную Русь, такъ что Литва въ это время простиралась отъ моря Балтійскаго до Чернаго, отъ Буга до Смоленска [5]). Основнымъ ядромъ литовскаго государства съ первой половины XIII ст. служила Черная Русь съ городами: Новгородкомъ, Гродномъ, Слонимомъ, Волковыйскомъ, т. е. земли кривичей, и къ нему уже съ XIV в. стали приставать разныя южно-русскія области, и около 1340 или 1341 г. вся южная Русь соединилась подъ властію литовскихъ князей [6]), со второй половины XIV ст. за Литвой укрѣплены: княжества туровское, брянское, черниговo-сѣверское, волынское, кіевское съ частью Подоліи [7]), а около XV в. границы раздвинулись до устьевъ Днѣпра

---

[1]) Ibid., стр. 17.

[2]) Дашкевичъ, стр. 113.

[3]) Ibid.

[4]) Плано-Карпини утверждаетъ, что на пути изъ Волыни въ Кіевъ (1245 г.) онъ находился въ постоянной опасности отъ литовцевъ, которые часто нападаютъ на русскую землю. Антоновичъ. стр. 25.

[5]) Первольфъ, стр. 17, «Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ», Спб. 1865 г., стр. XXVI.

[6]) Смирновъ, «Споръ Литвы съ Польшей», стр. 21.

[7]) Антоновичъ, «Истор. Вел. кн. Лит.», стр. 7; Соловьевъ, Исторія Россіи, т. V, стр. 29.

и Днѣстра [1]). Но въ обширномъ районѣ великаго княжества литовскаго собственно литовцы занимали земли только на верхнемъ Нѣманѣ [2]), именно оба берега нижней Виліи и нижняго Нѣмана до Юрбурга, а оттуда правый берегъ послѣдняго, иначе часть нынѣшней виленской, ковенской и сувалкской губерній [3]); въ подчиненной-же южной Руси изъ литовцевъ находились по городамъ литовскіе намѣстники (князья, воеводы, старосты) [4]) и литовскіе гарнизоны [5]), и вообще большая часть должностей въ русскихъ областяхъ была замѣщена природными литовцами [6]). Трудно на основаніи отрывочныхъ данныхъ установить фактъ колонизаціи южно-русской страны литовской народной массой; но по всѣмъ видимостямъ такая колонизація была, хотя и не въ широкихъ размѣрахъ; на это, между прочимъ, указываютъ такія названія поселеній, какъ Jadvigi, Прусье, Литовка, Прусаны, Старый Литвиновъ—въ Галиціи; Пруски, Литовщиновъ кременецкаго уѣзда, Пруски въ острожскомъ, Жмудча въ ковельскомъ, Литва въ луцкомъ, Жмудь въ холмскомъ [7]) и пр.; и очень возможно, что значительная часть изъ нихъ была поселеніями плѣнныхъ литовцевъ, что нерѣдко было въ началѣ періода. Кромѣ плѣна, были и другіе пути переселенія въ южную Русь: такъ напр. Тройденъ во второй половинѣ XIII в., ограждая границы своихъ земель со стороны Волыни, по-

[1]) Антоновичъ, «Исторія Велико-Литовскаго княжества, стр. 150.

[2]) Перольфъ, стр. 17, Антоновичъ, 156.

[3]) Кукольникъ, стр. 25.

[4]) Такъ въ Кіевѣ ок. 1470 г. былъ первымъ кіевскимъ воеводою литвинъ католикъ Мартынъ Яневичъ Гаштольдъ (Антоновичъ, «Кіевская Старина», стр. 25); Черниговомъ и Трубчевскомъ управлялъ при Ольгердѣ Дмитрій Ольгердовичъ старшій, другой Дмитрій Корибутъ Ольгердъ младшій получилъ Брянскъ и Новгородъ-Сѣверскъ, въ качествѣ князя Стародуба сѣверскаго, упоминается племянникъ Ольгердъ Патрикій Нарамунтовичъ (Голубьевъ стр. 201). Около этого же времени вся Подоль перешла въ руки братьевъ Коріатовичей.

[5]) Въ XIV ст. Лобартъ, завоевавши часть Галиціи, «засадилъ въ литовскіе городы свои залоги» (Шараневичъ, стр. 425); логично предполагать, что когда Витовтъ послалъ Ивана Ольгимунтовича въ Кіевъ и далъ ему «держати Кіевъ» въ 1396 г., то вѣроятно при немъ была и литовская «залога», на которую онъ и опирался въ своемъ правленіи.

[6]) Документы при книгѣ Шараневича, LXXVI, стр. 283.

[7]) Дашкевичъ, стр. 89.

селилъ въ русскихъ пограничныхъ городахъ колонистовъ прусско-литовскаго племени [1]); въ пинскомъ староствѣ были литовскія поселенія: литва князя Чарторыйскаго [2]) это очевидно, были поселенцы на земянскомъ участкѣ, а г. Мозырь нѣкоторое время служилъ своего рода Сибирью литовскою, куда ссылали всѣхъ преступниковъ [3]). Но главный путь для колонизаціи южной Россіи литовцами было вселеніе въ край литовскаго дворянства. Распредѣляясь по странѣ неравномѣрно, какъ мы уже говорили выше, литовско-дворянская колонизація захватывала не только заселенные пункты, но она быстро подвигалась и въ области, опустошенныя татарами и вновь заселенныя южно-русскимъ населеніемъ [4]). При феодально-аристократическомъ строѣ литовскаго общества въ ту эпоху, пребываніе въ южной Россіи литовскихъ представителей въ видѣ князей, старостъ, а также поземельныхъ владѣльцевъ сопровождались поселеніемъ здѣсь значительнаго контингента литовскаго простонародья, въ видѣ двора, слугъ, земледѣльцевъ и т. п. Такъ съ поселеніемъ въ Подоліи братьевъ Коріатовичей сюда направились толпы колонистовъ изъ сѣверныхъ областей Литвы [5]), и весьма вѣроятно предположеніе, что литовское населеніе размѣстилось въ подольскихъ городахъ, которые были построены Коріатовичами, какъ Смотричъ, Бакота, Каменецъ [6]); аналогичное-же происхожденіе, можно думать, имѣли и тѣ литовцы, которые въ XVI в. оказываются въ кіевской землѣ [7]). Скудость указаній на поселенія литовцевъ среди южно-руссовъ объясняется еще тѣмъ, что они рано теряютъ свои рѣзкія національныя оригинальности и сливаются съ кореннымъ населеніемъ. Ранѣе другихъ исчезаютъ *ятвяги*, какъ ближайшіе сосѣди южно-руссовъ, съ которыми больше всего происходило враждебныхъ и дружескихъ столкновеній; именно ятвяги

---

[1]) Антоновичъ, «Исторія Великаго княжества Литовскаго», стр. 36; Ипатск. лѣт., стр. 577—579.

[2]) «Писцовая книга», т. 1, стр. X.

[3]) Анатолій арх., «Воспоминаніе», стр. 12.

[4]) Житецкій, стр. 285—286.

[5]) Ibid.

[6]) Смирновъ, стр. 41.

[7]) Акты, относящіеся къ западной Россіи т. II, 1507, № 30, стр. 34.

сходятъ со страницъ источниковъ уже въ 1282 г. [1]); они частію переселились въ глубь литовской страны, а частію расплылись въ средѣ новыхъ на Подлясьѣ польскихъ и южно-русскихъ колонистовъ. Та-же судьба постигла, только позже, и всѣ другіе литовскіе элементы, обитавшіе между южно-руссами. Долгія взаимныя военныя отношенія то враждебныя [2]), то союзныя [3]), торговыя сношенія [4]), и главнымъ образомъ вѣковая совмѣстная жизнь, вызвавшая семейныя связи [4]), и принятіе христіанства [5]) отъ русскихъ, сблизило литовцевъ и южно-руссовъ. Сближеніе это состояло въ культурномъ подчиненіи первыхъ послѣднимъ, что выразилось ярко въ принятіи литовцами русскаго языка, который вошелъ во всеобщее употребленіе отъ княжескаго дворца до хижины земледѣльца; русскій языкъ для литовцевъ сдѣлался языкомъ дипломатическимъ, судебнымъ, а главное семейнымъ [6]). Къ концу разсматриваемаго періода литовскій этнологическій элементъ теряетъ свое индивидуальное существованіе въ южной Россіи.

Совершенно иная судьба сложилась для *поляковъ*. Въ началѣ разсматриваемаго періода поляки обитаютъ какъ сосѣди внѣ внутренней жизни южной Россіи, потомъ получаютъ вліяніе въ западной половинѣ края, а къ концу періода расширяютъ свое значеніе до крайнихъ восточныхъ и южныхъ предѣловъ южной Руси. Самымъ сосѣднимъ мѣстомъ къ поселеніямъ поляковъ (ляховъ) было такъ

---

[1]) Исчезновеніе ятвяговъ въ періодъ выступленія на историческую сцену другихъ литовскихъ отраслей было главнымъ поводомъ къ появленію мнѣнія, что они народъ отличный отъ литовцевъ: такъ ихъ считали за отрасль сарматовъ, тождественную съ ясоматами (или яцыгами), которая забрела съ Дона въ Полѣсье до IV в. по Р. Х.— «Этнографическій сборникъ», т. II и «Замѣтки о западной части гродненской губерніи, стр. 73.

[2]) Напр., годы войнъ южно-руссовъ съ литовцами по Ипатск. лѣт., 1227, 1241, 1248, 1251, 1252, 1253, 1276, 12, 77 и др.

[3]) Ипатск. лѣт., 1249, 1252 и т. д.

[4]) «Литва въ отношеніи къ Россіи и Польшѣ», «Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи», 1862 г., стр. 181.

[5]) Извѣстно, напр., что 16 русскихъ княженъ были въ замужествѣ за князьями Литовскими и 15 литовскихъ княженъ были выданы за князей русскихъ. Ibid., августъ, стр. 25.

[6]) Ibid., стр. 181.

[7]) Ibid., стр. 128—188.

называемое Подлясье, что теперь сѣдлецкая губернія и часть гродненской, и эта область южно-руссовъ естественно раньше другихъ частей увидѣла польскую власть и польское населеніе, затѣмъ подчинялся польской власти Галиція и позже другихъ (въ 1434 г.) Подолія. Послѣднія двѣ области южной Руси, принадлежа къ польскимъ владѣніямъ, входили въ составъ Малой Польши подъ именемъ трехъ воеводствъ: белзскаго, русскаго и подольскаго. Волынь въ теченіи всего періода переходила нѣсколько разъ отъ литовцевъ къ полякамъ и обратно, то по частямъ, то цѣликомъ, пока наконецъ не произошло въ концѣ періода окончательнаго политическо-административнаго сліянія Литвы съ Польшей, когда политическая власть Польши охватила и всѣ прочія части южной Руси. Политическое завладѣніе у поляковъ шло параллельно съ этнографическимъ воздѣйствіемъ. Дѣло въ томъ, что тогда Польша по интеллектуальному и политическому развитію стояла выше южно-русскихъ провинцій, ослабленныхъ духовно-историческими невзгодами; въ то-же время она была, сравнительно съ южно-русскими и литовскими областями, густо населена, и въ обществѣ польскомъ произошло уже то сословно-экономическое неравенство, которое выражается въ обѣдненіи массы населенія, и потому въ Польшѣ уже назрѣли соціально-экономическія потребности выселенія части своего населенія безъ ослабленія своего политическаго строя и этнографическаго единства. Но съ запада, сѣвера и даже съ сѣверо-востока Польшу окружало крѣпкое кольцо тевтонскихъ поселеній, могущественныхъ нравственною и политическою силою, и потому естественно, что у нея явилась политическая миссія въ подчиненіи себѣ ослабленныхъ предшествовавшими событіями южно-русскихъ, богатыхъ природными дарами областей, куда она могла постоянно и постепенно съ пользою для центральной страны сбывать часть своего населенія. И послѣднее дѣйствительно сразу хлынуло значительною волною въ южно-русскій край въ разнообразныхъ видахъ: сюда стремились польскіе дворяне (шляхта), сюда везли свои товары польскіе торговцы, шли мѣщане, переселялись и бѣжали польскіе крестьяне, сюда-же направлялось и польское войско. Польское населеніе наполняло замки, переполняло города и примѣшивалось къ кореннымъ обитателямъ въ сельскихъ поселеніяхъ. Политическая, административная и даже экономическая сила переходила къ польскому населенію. Прежде всѣхъ, конечно,

являлось въ край польское войско: оно окружало польскихъ князей [1]) и позже польскихъ намѣстниковъ [2]) въ странѣ. Вслѣдъ за войскомъ является въ странѣ польское шляхетство: короли польскіе съ цѣлью обезпеченія границъ и увеличенія дохода короны отъ увеличенія населенія раздавали въ награду за военныя заслуги земли, и въ числѣ получавшихъ земельныя награды были, конечно, польскіе шляхтичи [3]). Сначала раздавались и цѣлые повѣты и отдѣльныя села на лепномъ правѣ [4]) (которые, впрочемъ, скоро переходили въ потомственное «дѣдичное» владѣніе), подъ условіемъ, чтобы лица, получившія лены, служили на войнѣ съ условленнымъ числомъ «лучниковъ», «копейниковъ» или «рыцарей конныхъ» [5]). При этомъ нерѣдко земли отбирались отъ прежнихъ русскихъ владѣльцевъ и раздавались полякамъ [6]). Другимъ побужденіемъ при раздачѣ земель была временная нужда королей въ деньгахъ, когда послѣдніе подъ

---

[1]) Въ 1327 г. Болеславъ Тройденовичъ, первый князь польскій въ Галиціи, окружилъ себя иноземнымъ войскомъ, въ составъ котораго входили главнымъ образомъ поляки; въ 1366 г. Казиміръ, «ико знами своей верховной власти», по словамъ Шараневича, «оставилъ засаду *польскую* въ Владимірѣ, а подля где которыхъ жерелъ и въ Луцку» (Шараневичъ, 123); въ 1385 г. въ г. Дрогичинѣ была «залога» Мазовецкая. Ibid., 241.

[2]) Въ 1446 г. Теодоръ Бучацкій, староста подольскій, занялъ замки литовскіе на Подольѣ: Меджибожье и Хмѣльникъ и засадилъ ихъ *коронными полками*. Ibid., стр. 416.

[3]) *Szaran.* «Rys» стр. 45—47. Такъ Казиміръ «какому-то Пакославу и его потомкамъ въ мужской и женской линіи отдалъ городъ Решавъ съ цѣлымъ его повѣтомъ, какъ онъ былъ обозначенъ еще при русскихъ князьяхъ, со всѣми селами, «свободами», «ужитками» и пр.

[4]) На такомъ правѣ «rzeszowski obwód» вмѣстѣ съ городомъ отданъ былъ Якову Пакославу, дѣдичу изъ Стожискъ; самборскій повѣтъ Спитку изъ Мелштина, пчебрешинскій повѣтъ братьямъ Горайскимъ, жидачевскія земли роду Ходоровскихъ, перемысльскій повѣтъ роду Быбельскихъ и проч.—Szaranewicz, «Rys», стр. 56—57.

[6]) Въ XV в. на Подольѣ осѣло много рыцарей польскаго происхожденія, «надѣлени добрами». Шараневичъ, 132, 347.

[5]) Шараневичъ, 367. Напримѣръ, при Ягеллѣ, по смерти волынскаго намѣстника Ѳедушка, по происхожденію русскаго князя, его русскія «дѣдичныя» области были раздѣлены и достались польскимъ войтамъ и «русская земля пріобрѣла нѣсколько крупныхъ, принадлежащихъ польской народности дѣдичей». Ibid., стр. 368.

залогъ за занятыя деньги отдавали цѣлые города [1]), въ которые и переселялись польскіе владѣльцы [2]).

Третій путь для вселенія въ страну шляхты представлялся въ полученіи разныхъ должностей, съ которыми связывалось также владѣніе землями, селами и разными доходами [3]). Помимо указанныхъ путей польское шляхетство по личнымъ экономическимъ побужденіямъ стремилось въ край южно-русскій, который манилъ ихъ своими природными богатствами [4]), особенно такіе благодатные уголки, какъ Подолье и Поднѣстровье, гдѣ польскіе шляхтичи стремились пріобрѣсть не одни должности, но и недвижимыя имѣнія. Въ числѣ средствъ для реализированія своихъ стремленій были браки поляковъ съ дочерьми коренныхъ владѣльцевъ или владѣтельныхъ шляхтичей [5]).

Въ XV в. въ предѣлахъ польской Руси обитало уже много фамилій польскихъ и частію ополяченныхъ туземцевъ [6]), изъ нихъ болѣе крупные были дворяне мало-польскіе, а мелко-помѣстные мазовецкіе; послѣдніе концентрируются на меньшихъ участкахъ, главнымъ образомъ въ белзскомъ воеводствѣ (въ древнихъ червен-

---

[1]) Такимъ образомъ, былъ отданъ во владѣніе Петру изъ Шамотулъ г. Яворовъ; замки Львова, Галича и Жидачева находились въ залоговомъ владѣніи до выкупа въ рукахъ Одровонжей, а Каменца-Под. въ рукахъ Бучацкихъ и т. д. Szaran. «Rys.», стр. 48.

[2]) Въ 1393 г. Ягайло за 20,000 грошей города Подоліи передалъ пану Спиткови, воеводѣ краковскому, который и переселился въ Подолье въ числѣ первыхъ польскихъ владѣльцевъ. Шараневичъ, стр. 286.

[3]) Въ 1390 г. Ягайло, взявши города Витольда—Городно, Бресть, Каменецъ полѣсскій и пр., поручилъ управленіе ими польскимъ шляхтичамъ; Брестъ отданъ былъ Гинцъ-Роговскому, Каменецъ Зиморату Москаржовскому (Шараневичъ, стр. 277). Тоже повторялось и въ Подоліи. Ibid., стр. 327.

[4]) Симашкевичъ, стр. 12.

[5]) Такъ князья Рациборскіе изъ Силезіи сдѣлались владѣльцами Яворова, получивъ въ приданое за дочерью Винцента изъ Шамотулъ; такое-же происхожденіе владѣній въ краѣ Мышковскихъ и др. Szaran., «Rys», стр. 20, 21 и 22.

[6]) Напримѣръ фамиліи: Chodecz, Тарлы, Сѣнинскіе, Гербурты, Гадуцки, Ходоровскіе, Кердѣевичи, Лопатки, Гольшанскіе (Szaran. «Rys», 10—11), Одровонжи, Струси, Ланцкоронскіе, Гумѣцкіе, Кожуховскіе, Дыяковскіе, Замойскіе, Каменецкіе, Бучацкіе, Бржескіе, Язловецкіе, Лянцкоронскіе, Ходецкіе, Мелецкіе, Претвичи, Потоцкіе, Шафранцы, Фирлеи, Синявскіе, Олесницкіе и мн. др.—Симашкевичъ, стр. 12, 76, 111, 118.

скихъ городахъ); польское дворянство, особенно знатное, являлось въ край, по обыкновенію со своимъ дворомъ, нерѣдко весьма многочисленнымъ [1]).

Второй слой польскаго населенія, явившійся въ край въ этомъ періодѣ, представляли *польскіе горожане*. Города, какъ торгово-промышленные центры, въ то время представляли главныя доходныя статьи государства и потому они обратили на себя преимущественное вниманіе польскихъ властей: старые города расширялись, населялись новымъ, болѣе активнымъ населеніемъ, многія села обращались въ города, основывались также и новые города, и всѣ они надѣлялись льготами и правами; добиваясь роста городовъ и городскаго населенія, польская власть предоставляла непосредственныя заботы, подъ условіемъ разныхъ льготъ (магдеб. права) и экономическихъ выгодъ, своимъ намѣстникамъ, частнымъ владѣльцамъ, монастырямъ и пр. Естественно, что быстро ростущіе города колонизировались новымъ пришлымъ населеніемъ, среди котораго численное превосходство принадлежало полякамъ. Кромѣ городовъ Львова, Галича, Каменца, въ которомъ польское населеніе было несомнѣнно, его нужно предполагать и во всѣхъ тѣхъ городахъ, которые въ разсматриваемый періодъ получили магдебургское право или вновь основались [2]).

Польское населеніе жило въ самыхъ городахъ, а также селилось вокругъ городовъ—въ предмѣстьяхъ, потому что вмѣстѣ съ магдебургскимъ правомъ города надѣлялись разными угодьями: лѣсами, полями, водами и пр., и войты поселяли на дарованныхъ пустошахъ колонистовъ, по большей части прибывшихъ изъ Польши [3]).

---

[1]) Напримѣръ, *Спитки* сопровождалъ на Подолье великолѣпный дворъ; при немъ состояли дворяне: маршалокъ Бернаръ, Прокопъ писарь (notarius), Преслалъ скарбникъ (Thesaurarius), Николай чашникъ (pincerna) и много иныхъ пановъ польскихъ на его дворѣ, помимо многочисленной польской прислуги. Шараневичъ, стр. 287; Симашкевичъ, стр. 17.

[2]) Это города: Жидачевъ, Новый Самборъ, Дрогобичъ, Красно, Стрый, Снятынъ, Червоногродокъ, Холмъ, Бужескъ, Теребовль, Белзъ, Куликовъ, Дунаевъ, Глиняны, Краснополье, Радымно, Дубезко, Тирова, Грубѣшовъ, Красноставъ, Сокоть (Шараневичъ, стр. 352, 383—384), Смотричъ, Брацлавъ (Симашкевичъ, стр. 36, 77) и т. д.

[3]) Шараневичъ, стр. 385.

Въ городахъ-же поселялись и польскіе торговцы, хотя они въ числѣ и въ богатствѣ уступали другимъ иноземцамъ, какъ нѣмцы и армяне.

Существовало въ предѣлахъ южной Руси и польское *сельское населеніе*. Дѣло въ томъ, что съ присоединеніемъ къ Польшѣ обширныхъ и богатѣйшихъ земель южно-русскихъ и съ переходомъ большинства этихъ земель въ частное владѣніе, потребовалось и большее количество рабочихъ рукъ для ихъ эксплуатаціи, между тѣмъ этой потребности не могли удовлетворить коренные обитатели— южноруссы, такъ какъ южно-русская страна была менѣе густо населена, чѣмъ Польша, къ тому-же населеніе постоянно рѣдѣло вслѣдствіе войнъ и татарскихъ набѣговъ, и потому естественно, что въ южную Русь явился запросъ на иноземныя рабочія силы и этимъ открылся доступъ для польскихъ крестьянъ: «сюда тянуло польское крестьянство, привлекаемое обѣщаніемъ широкихъ льготъ, свободы и такъ называемой *воли*» [1]).

Не удивительно поэтому, что во второй половинѣ XV в., когда рабочее населеніе съ распростертыми объятіями принималось землевладѣльцами въ южно-русскихъ предѣлахъ, польскіе крестьяне охотно бросали свои старыя мѣста и стремились въ южную Русь искать новыхъ поселеній и свободы. Эмиграція эта принимаетъ такіе широкіе размѣры, что въ «Велико-Польшѣ» пустѣли цѣлыя села: «оставался только помѣщикъ и халупникъ, кмети шли на Подолье и Украину. Даже солтысы, корчмари, млынари, крестьяне-собственники брели искать счастья на южныхъ земляхъ Руси» [2]). Особенно богато было польскимъ сельскимъ населеніемъ Подлясье, которое врѣзывалось въ среду польскихъ поселеній и естественно постоянно и ранѣе другихъ областей (съ первой половины XIV ст.) населялось польскими крестьянами [3]); были также

[1]) Przyborowskiego, «Włościanie u nas i gdzie indziej. Szkice historyczne, 1881 r. Wilno. стр. 94.

[2]) Ibid.

[3]) Жители польскихъ областей, говоритъ г. Шараневичъ, а именно люблинской и сурмірской... ужитковали отъ тогды (съ первой половины XIV ст.) глубокимъ супокоемъ. Выкореняючи лѣсы, посѣлялись тутъ, трудилися земледѣліемъ и привели тіи околицы въ цвѣтучее состояніе. Такъ поляки обочь руссиновъ

польскіе крестьяне и въ галицкой области и въ Подоліи [1]), и даже внѣ польскихъ владѣній въ Литвѣ, на Волыни и Украинѣ [2]). Въ литовской половинѣ южной Руси находимъ мы значительное количество поляковъ и въ числѣ горожанъ, особенно на Волыни. Какъ въ городахъ польско-русскихъ провинцій поляки имѣли отдѣльно отъ южно-руссовъ и другихъ народностей своего особаго бургомистра и радцевъ, такъ было и въ нѣкоторыхъ городахъ Волыни, напримѣръ въ Брестѣ [3]), въ Луцкѣ [4]); были поляки также въ Кременцѣ [5]), Ровно [6]), въ Кіевѣ, хотя въ послѣднемъ городѣ, кажется, одни польскіе купцы [7]). Поселенію какъ польскихъ крестьянъ, такъ и польскихъ ремесленниковъ и купцовъ въ литовской половинѣ южной Руси едва-ли встрѣчались какія-нибудь формальныя препятствія. Нѣсколько иныя обстоятельства сопровождали здѣсь поселеніе дворянскаго класса—шляхты. Проникать въ предѣлы Литовскаго Княжества польско-шляхетскій элементъ началъ главнымъ образомъ со времени политическаго соединенія литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ при Ягайлѣ. Сюда явилось польско-католическое духовенство во вновь учрежденныя «парахвіи», тогда-же поляки начали получать должности и велико-княжескіе уряды [8]), хотя еще и при Витовтѣ въ литовскую Русь переселялись поляки съ разными привиллегіями [9]). Но какъ польское духовенство, такъ и польскіе дворяне являлись въ край со своими политико-религіозными и соціальными

вникали чимъ разъ глубше въ стороны Надбужанскъ». Шараневичъ, стр. 138; П. Житецкій, стр. 274—275, Антоновичъ «Исторія Великаго Княжества Литовскаго», стр. 110.

[1]) Przyborowski, стр. 94, П. Житецкій, стр. 278, Szaran. «Rys», стр. 55—59.

[2]) Ibid.

[3]) Акты, изданныя виленской коммиссіей, т. VI, стр. 26—27, 47—48.

[4]) Многіе судебные акты изъ этого города начинаются словами: «жаловалися намъ войтъ мѣста Луцкаго и вси мѣщане—ляхове и «русь».—Акты, относящіеся къ Западной Россіи, т. I, стр. 110.

[5]) Шараневичъ, стр 395.

[6]) Szaran., стр. 600.

[7]) Антоновичъ, Ист. Вел. кн. Лит., стр. 37.

[8]) Шараневичъ, стр. 271, 348.

[9]) Бобровскій, Часть 1-я. «Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края, стр. XLVIII.

традиціями, которыя противорѣчили порядкамъ южной Руси, а потому скоро явился протестъ противъ этого класса поляковъ, слѣды котораго отчетливо видны въ ограниченіи поземельныхъ польскихъ владѣній и административныхъ должностей. При самомъ заключеніи политической уніи въ 1386 г. было, между прочимъ, условлено, чтобы житель Литовскаго Княжества не имѣлъ права занимать должности и селиться въ Польшѣ, а поляки въ Литовскомъ Княжествѣ [1]); потомъ аналогичныя ограниченія съ литовской стороны постановлялись постоянно въ теченіи всего періода [2]) и даже занесены въ позднѣйшіе статуты послѣ люблинской уніи [3]). Но это нѣсколько только сдерживало поселенія въ южной Руси поляковъ: польское землевладѣніе въ краѣ могло утверждаться путемъ браковъ, а потомъ и въ тѣ промежутки, когда части литовско-русскихъ областей подпадали полякамъ, что случалось нерѣдко въ предѣлахъ Волыни; здѣсь прежде всего и больше всего появился польскій дворянско-землевладѣльческій классъ, отсюда уже польско-дворянская колонизація шла и далѣе на востокъ—въ области Кіевщины, лѣво-бережной Украины и пр. Интенсивность вообще польской колонизаціи въ странѣ въ общихъ чертахъ можетъ быть измѣрена расширеніемъ католицизма, увеличеніемъ католическихъ епархій и монастырей, такъ какъ католицизмъ шелъ въ странѣ рядомъ съ разселеніемъ поляковъ, и въ этомъ отношеніи мы находимъ довольно вѣрныя указанія. Напримѣръ въ Подоліи уже около 1375 г., по мнѣнію г. Симашкевича, была католическая епископія [4]), ибо въ это время достаточно увеличилось число католиковъ пере-

[1]) Ibid., стр. XL.

[2]) Въ 1457 г. Казиміръ подтвердилъ, что во всѣхъ земляхъ Литовскаго Княжества ни должностей и достоинствъ, ни имѣній не будутъ получать чужеземцы, а только природные жители здѣшнихъ областей—русинъ да литвинъ. Потомъ это подтверждено въ 1569 г.—Максимовичъ, т. I, стр. 153, въ 1507 г. Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. II, стр. 34.

[3]) Въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г., раздѣлъ 3-й, въ артикулѣ 12 постановлено, чтобы не раздавать достоинствъ, имѣній и староствъ чужеземцамъ, заграничникамъ и сосѣдямъ великихъ князей литовскихъ, но все это давать «только Литвѣ, Руси, Жмуди, родичамъ старожитнымъ».—Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ города Вильна, Трокъ и пр., стр. XVIII—XIX.

[4]) Симашкевичъ, стр. 20.

селившимися сюда польскими семействами, и было уже тогда въ подольской епископіи «три парахвіи»: въ Каменцѣ, Смотричѣ и Червоногродѣ [1]); въ 1450 г. возникла парахвія въ м. Зиньковѣ летичевскаго повѣта, на самомъ сѣверо-восточномъ концѣ Подоліи [2]); около половины XVI в. въ Подоліи уже было восемь католическихъ парафій [3]) и самый отдаленный брацлавскій повѣтъ имѣлъ католическій костелъ: католицизмъ и его епископіи въ тоже время показываютъ, что польское населеніе было и въ тѣхъ областяхъ, которыя не подчинились еще непосредственно польской коронѣ, именно за предѣлами Галиціи и Подоліи: такъ мы знаемъ, что въ XVI в., кромѣ львовской, галицкой и каменецкой епископіи, были еще луцкая, перемышльская, холмская и кіевская [4]).

Такимъ образомъ, въ литово-польскій періодъ поляки несомнѣнно жили на всей обитаемой тогда южно-руссами территоріи, но только не въ одинаковомъ количествѣ: % поляковъ чувствительно понижался съ запада на востокъ.

Аналогичное, въ смыслѣ сохраненія своей національной оригинальности съ поляками, положеніе заняли въ литовско-польскій періодъ *нѣмцы*. Съ концомъ XII и началомъ XIII ст. на сѣверо-западныхъ окраинахъ земли литовской поселились нѣмцы и немедленно проявили завоевательную тенденцію подъ видомъ религіозной пропаганды католицизма. Но эти религіозные нѣмецкіе рыцари-воины по профессіи, имѣя связь и поддержку себѣ во всемъ католическомъ мірѣ и живя у прибрежьевъ Балтійскаго моря, естественно оказались хозяевами балтійской торговли. И потому понятно, что устремляясь въ страну язычниковъ литовцевъ съ оружіемъ въ рукахъ, они являлись въ христіанскія области сначала поляковъ, а потомъ литовцевъ и южно-руссовъ вмѣстѣ съ товарами и коммерческими счетами. Сношенія южно-русскихъ областей мирнаго торговаго характера съ нѣмецкимъ орденомъ завязываются очень рано, особенно съ городомъ Торунемъ, и эти связи идутъ параллельно съ сношеніями съ ганзейскими городами [5]). Этимъ путемъ

---

[1]) Ibid., стр. 36.
[2]) Ibid., стр. 63.
[3]) Ibid., стр. 93.
[4]) Ibid., стр. 25.
[5]) Шараневичъ, стр. 121, 149

прежде всего нѣмецкое населеніе переходило въ южную Русь, и можно думать, что приливъ нѣмцевъ торговцевъ былъ значителенъ, ибо помимо того, что южная Русь лежала на торговой дорогѣ отъ нѣмцевъ къ Черноморью и въ Татарію и представляла естественный рынокъ, здѣсь еще искусственно создавались условія для увеличенія этого вида населенія: и русскіе князья до татаръ и въ періодъ татарскій, и особенно польскіе короли, а частію и литовскіе великіе князья приглашали нѣмецкихъ торговцевъ въ южнорусскія владѣнія, обезпечивали имъ безопасность личную и имущественную, учреждали для нихъ разныя привилегіи [1]). Нѣмецкіе торговцы появились за этотъ періодъ во всѣхъ болѣе или менѣе участвующихъ въ торговлѣ южно-русскихъ городахъ, а въ нѣкоторыхъ, напр. во Львовѣ, совершенно монополизировали торговлю [2]). Тогда-же въ городахъ усилился и другой типъ нѣмцевъ ремесленниковъ. Началось поселеніе ихъ, какъ мы уже знаемъ, еще въ лѣтописный періодъ, теперь же оно, съ подчиненіемъ Галицкой Руси Польшѣ усилилось [3]), и скоро главная роль въ промышленности края стала принадлежать имъ [4]). Рядомъ съ торгово-промышленнымъ населеніемъ по южно-русскимъ городамъ жили еще нѣмцы въ видѣ войска. Какъ прежде въ войскахъ галицко-русскихъ князей, такъ еще больше въ войскахъ польскихъ королей всегда было много нѣмецкаго элемента [5])—это между прочимъ наемное войско, извѣстное

[1]) Ibid., стр. 135, 145—146, 219.

[2]) Смирновъ, стр. 107; Шараневичъ, стр. 152. Съ 1496 году въ многихъ привилегіяхъ на магдебургское право южно-русскимъ (литовскимъ) городамъ говорится о новыхъ колонистахъ (advenae), очевидно нѣмцахъ, такъ какъ войтами такихъ городовъ, напр. Бѣльска, назначаются нѣмцы; они-же вмѣстѣ съ шведами оказываются откупщиками таможенныхъ пошлинъ, и въ руки нѣмцевъ поступаютъ нѣкоторые изъ конфискованныхъ домовъ и дворовъ еврейскихъ. Бершадскій стр. 400.

[3]) Вызывали ремесленниковъ нѣмецкихъ въ край какъ южно-русскіе князья, такъ и польскіе короли.—Смирновъ, стр. 107; Шараневичъ, стр. 152. Chodeniecki, стр. 45.

[4]) Szaran., «Rys», стр., 104—106.

[5]) Такъ въ войскѣ перваго князя польскаго Болеслава Тройденовича было много нѣмцевъ, которыхъ мы находимъ подъ двумя именами «Нѣмцевъ» и «Силезанцевъ» (Шараневичъ, стр. 158). Въ 1497 г. въ войскѣ короля Яна, когда онъ ходилъ на молдаванъ, находились пруссаки.—Szaran., стр. 66.

подъ именемъ жолнеровъ. Оставляя въ завоеванныхъ на Руси городахъ свои гарнизоны, короли польскіе часто поселяли тамъ именно *нѣмецкое войско*[1]). Большинство изъ нѣмецкаго гарнизона, по миновании надобности въ немъ, удалялось, но нѣкоторая часть оставалась здѣсь навсегда. Такъ существуетъ мнѣніе, что «нѣмцы во Львовѣ суть потомками королевскихъ жолдаковъ, которымъ будтобы король по первомъ уже завоеваніи Львова повѣрилъ стражу городскую»[2]). Указаннаго типа нѣмецкое населеніе проживало во всѣхъ городахъ западной половины южной Руси, а также въ значительной части восточной, напр. въ г. Бѣльскѣ[3]), Луцкѣ[4]), Кременцѣ[5]), Ровно[6]) и пр. Не находимъ въ этотъ періодъ нѣмцевъ только въ поднѣпровскихъ городахъ, хотя направленіе торговли заставляетъ предполагать ихъ и въ такихъ торговыхъ центрахъ, какъ Кіевъ. Нѣмцы-горожане, кромѣ отправленія военныхъ обязанностей и помимо занятій торговлею и ремеслами, занимались еще земледѣліемъ, такъ какъ города, надѣленные правомъ магдебургскимъ, всегда владѣли внѣ городскихъ поселеній «ленами», «пустошами», лѣсами и пр. Сверхъ того нѣмцы, въ качествѣ частныхъ лицъ, рано начали пріобрѣтать земельную собственность, и во второй половинѣ XV в. въ земляхъ русскихъ было уже много внѣ городскихъ поселеній осѣдлыхъ нѣмцевъ, которые покупкою или черезъ закладъ владѣли земельными имуществами[7]); въ восточ-

---

[1]) Въ 1340 г. Казиміръ въ русскихъ городахъ (Перемышлѣ, Любачевѣ, Тустанѣ, Галичѣ, Теребовлѣ и Львовѣ) «оставилъ для обезпеченія новаго порядка *нѣмецку засаду*»; во время Владислава Опольскаго «залога, зложена съ Силезановъ, всажена была по головныхъ городахъ русскихъ» (Szaran., стр. 158, 252). Въ 1342 г. Казиміръ Великій «zaprowadził do Lwowa osadę niemców, którzy woyskowo pod chorągwiami iego służyli» (Chodeniecky, стр. 38); по Зиморовичу нѣмецкое войско, въ это время поселенное, равнялось 1200 лицамъ мужскаго пола.—Шараневичъ, стр. 152.

[2]) Ibid., стр. 199. Казиміръ многихъ нѣмцевъ изъ львовскаго войска... «jako wysłużonych żołnierzy na żyzne pola zaprowadził.—Chodeniecky, стр. 42, 70.

[3]) Акты западной Россіи, т. III, 1563 г., стр. 127.

[4]) Шараневичъ, стр. 340.

[5]) Ibid., стр. 345.

[6]) Szaranewicz, «Rys», стр. 100.

[7]) Ibid., стр. 38. Напримѣръ, въ Ходоровѣ есть ланъ нѣмца Kotha въ «Kąkolnikach», упоминается «słodownia» нѣмца Альберта; также были нѣмцы въ

ной Галиціи въ разныхъ краяхъ поселились нѣмцы, рядомъ съ шляхтою, на мелкихъ грунтахъ (лапахъ) и нѣмцамъ-же тогда отдавали нерѣдко въ аренду опустѣвшіе дворы давнихъ бояръ русскихъ, превративши ихъ въ фольварки [1]). Скоро въ польской Руси нѣмцы появляются и въ числѣ крупныхъ земельныхъ собственниковъ [2]). Но важнѣе всего, что въ литовско-польскій періодъ положено было начало той *сельской* нѣмецкой колонизаціи, которая въ южной Россіи практиковалась особенно въ XVIII в. и которая была главнымъ путемъ для нѣмецкой здѣсь колонизаціи. Желая увеличить народонаселеніе, заселить пустопорожнія и оставленныя (благодаря набѣгамъ татаръ, литвы и молдаво-валаховъ) жителями земли и развить государственное богатство, короли, равно какъ и монастыри и богатая шляхта старались привлечь въ польскія владѣнія иностранцевъ колонистовъ, издавая въ то-же время для нихъ совершенно-отдѣльное льготное положеніе. Нѣмецкіе крестьяне и мѣщане, страдавшіе въ западной Европѣ подъ феодальнымъ гнетомъ, цѣлыми массами устремлялись въ сосѣднія богато-одаренныя природою земли. Главнымъ образомъ переселялись въ южную Русь нѣмцы изъ Силезіи или изъ земель Нѣмецкаго Ордена [3]). Особенно богато было переселенцами время Казиміра Великаго. Заселеніе шло въ двухъ видахъ: или выдавалась частному лицу привилегія на заселеніе села или на устройство замка [4]), или колонисты приглашались непосредственно къ поселенію на томъ или другомъ

селахъ около Галича—Ульрихъ изъ Лидуни, Дитрихъ Кромеровскій, былъ фольваркъ въ Жидачахъ Эрнеста изъ Срокъ и его-же наяния въ Лапахъ. Ibid., стр. 77,

[1]) Ibid., стр. 78.

[2]) Такими были, напр., дѣдичи или тенетаріи—Николай Клайнъ изъ Бабчица, Штекеръ изъ Срокъ, Конрадъ изъ Вратиславицы, Гунтеръ изъ Букачевки, Тобіашъ Куната изъ Семенова, Мартинъ Майзель изъ Старой Бобрки, Эрнестъ изъ Лашки, Павелъ Шаврака, Гратъ и т. д. «Rys» Szaran., стр. 38.

[3]) Шараневичъ, стр. 199.

[4]) Напр. Казиміръ выдалъ въ 1336 г. привилегію нѣмцу Бертольду Шенвальдъ на основаніе села Родимо на 40 лапахъ. Аналогично-же происхожденіе въ самборскомъ округѣ мѣстечка Фельштинъ, заложенное въ 1382 г., при королѣ венгро-польскомъ Людовикѣ фамиліей Гербуртовъ изъ Силезіи. Ibid., стр. 119, 234.

участкѣ [1]). Въ послѣднемъ случаѣ различались поселенцы на обрабатываемыхъ уже земляхъ («przaśnym gruncie»), или на земляхъ, которыя нужно было еще выкорчевывать: различіе заключалось въ числѣ льготныхъ годовъ отъ повинностей, которыя давались вообще на 8—20 лѣтъ [2]). Отдѣльныя нѣмецкія колоніи были разбросаны по всей области польской Руси, но особенное обиліе ихъ было на Подгорьѣ, на склонахъ и равнинахъ прикарпатскихъ. Сельская, нѣмецкая колонизація въ это время существовала въ южной Руси исключительно въ ея польской половинѣ; въ литовской-же части можно предполагать нѣмецкія колоніи развѣ по сѣверной границѣ [3]).

Конечно, въ то смутное время, когда страна страдала отъ нападеній и въ краѣ не хватало средства для обезпеченія мирной дѣятельности, страдало на ряду съ прочимъ населеніемъ и нѣмецкое [4]), почему иногда по частямъ и оставляло южно-русскіе предѣлы,—особенно это можно сказать о торговомъ классѣ; но скоро выгоды соціально-экономическія, а равно и разныя льготы и привилегіи съ избыткомъ пополняли убыль [5]). Кромѣ торговыхъ при-

[1]) Такъ Казиміръ призывалъ нѣмецкихъ колонистовъ нарочито, а тѣхъ, которые добровольно приходили, благосклонно принималъ, надѣлялъ ихъ «ланами» и «обшарами» и заохочивалъ разными способами до корчеванья лѣсовъ, высушиванья болотъ и основанія новыхъ селъ или обновленію запустѣлыхъ. Шаран., ibid., стр. 199.

[2]) Szaran., «Rys», стр. 84.

[3]) Антоновичъ, «Исторія великаго княжества литовскаго», стр. 110.

[4]) Такъ въ 1376 г. войска литовскія, жмудскія и русскія соединились съ волынцами и подѣлившись на загоны, перешли Санъ, опустошили цѣлое Подгорье и въ длину и въ ширь, города и села, а прежде всего костелы были сожжены, мирные жители—туземцы и колонисты, которые въ великомъ числѣ поселились на Подгорьи... были плѣнены. Шараневичъ, стр. 218.

[5]) Напр., въ 1343 г. Димитрій Детко, намѣстникъ русскихъ краевъ, даетъ знать о томъ купцамъ города Торуня, что страна успокоена и чтобы какъ прежде за русскихъ князей, такъ и теперь приходили въ русскія области и ничего не опасались. Ссылаясь на давнишнія права, данныя имъ нѣмецкимъ купцамъ еще предшественниками его русскими князьями, обезпечиваетъ Димитрій тѣмъ торунскимъ жителямъ, которые-бы захотѣли поселиться во Львовѣ съ обычною годовою платою, «дѣдичество» (hereditatem liberam) давнихъ, за русскихъ князей пріобрѣтенныхъ и пріобрѣтаемыхъ имуществъ, съ изъятіемъ однако тѣхъ потерь, которыя купцы нѣмецкихъ городовъ... во время внутреннихъ неурядицъ понесли. Шараневичъ, стр. 162.

виллегій, нѣмцы, поселяясь въ южно-русскихъ владѣніяхъ, распоряжались на основаніи своего нѣмецкаго права и дѣлались полными хозяевами земли. Такимъ образомъ нѣмецкое населеніе росло и пріобрѣтало силу въ странѣ, особенно-же въ большихъ городахъ, какъ во Львовѣ [1]) и Галичѣ, которые за это время совершенно онѣмечились [2]). Значеніе нѣмцевъ не ограничилось торгово-промышленною областью, гдѣ они были главными хозяевами, но коснулось и сферъ административно-юридической и религіозной. Изъ среды нѣмцевъ очень часто попадаются лица въ средѣ краевой администраціи [3]); юридическіе акты писались также на половину по нѣмецки [4]); даже проповѣди въ костелахъ шли на двухъ языкахъ— польскомъ и нѣмецкомъ [5]). Однако и господствовавшая въ польской Руси нѣмецкая стихія въ теченіи всего литовско-польскаго періода, къ концу періода начала уступать мѣсто польской, и эта уступка зависѣла не отъ одного численнаго возрастанія поляковъ, но и отъ этнографическаго подчиненія послѣдними нѣмцевъ; если въ началѣ періода, пока еще въ западной половинѣ южной Руси, были этнологически, политически и культурно сильны южно-русскіе элемен-

---

[1]) Во Львовѣ, по выраженію г. Шараневича, «нѣмецкія родины множились въ теченіи времени и надавали житію горожанъ львовскихъ черезъ многія лѣта характеръ нѣмецкой стихіи» (Шараневичъ, стр. 199). Нѣмцамъ Львовъ обязанъ учрежденіемъ «ustanowień gminnych, składów handlowych i cechów rzemieślniczych» (Chodenecki, стр. 40).

[2]) Зиморовичъ, писатель XVIII в., дѣлитъ исторію Галича на 3 періода: русскій до 1340 г., *нѣмецкій* до 1548 и потомъ уже польскій до присоединенія къ Австріи.

[3]) Такъ въ XV в. судьею былъ Петръ Голомбекъ изъ Земноводы или Доброводы; послѣ него и судьи Яна земскимъ судьею былъ тоже нѣмецъ Гунтеръ изъ Сенявы, потомъ видимъ нѣмцевъ въ числѣ должностныхъ лицъ городскихъ во Львовѣ: Конрада Стенькера, Бартоломея Гакеля, Петра и Матвѣя Голдаста, Мартына Вассердъ-Брода, Николая Чомберга, Станислава Кларреча и т. д. Szaran., «Rys», стр. 38, Chodenecki, стр. 27.

[4]) Chodenecki, стр. 83. Великій князь волынскій Дмитрій Любартовичъ пишетъ грамоту на нѣмецкомъ языкѣ.—Шараневичъ, стр. 152.

[5]) Ibid., стр. 83.

ты, можно замѣтить сближеніе нѣмецкое черезъ брачные союзы съ послѣдними[1]), то позже аналогичное сближеніе произошло съ поляками: совмѣстное жительство, аналогичность привилегированнаго положенія и идентичность религіозная (католичество) у нѣмцевъ съ поляками сближали эти двѣ народности, а политическія преимущества поляковъ давали имъ силу надъ нѣмцами и подчиняли ихъ: послѣдовали, какъ всегда, семейныя связи, а вслѣдъ затѣмъ принятіе нѣмцами польскихъ обычаевъ, одежды и пр. и численность нѣмцевъ черезъ это ассимилированіе съ поляками видимо уменьшилась[2]). Впрочемъ такое сліяніе можно отмѣтить лишь въ городахъ, можно его еще предполагать въ земледѣльческомъ классѣ, но въ сельской массѣ нѣмцы стояли изолированно по своимъ бытовымъ оригинальностямъ.

По соціальному положенію въ южной Руси къ нѣмцамъ близко стояли *армяне*. Хотя послѣдніе могли являться, какъ отдѣльныя лица въ краѣ рано, уже въ XI в., когда они были между сосѣдними румынами[3]); но собственно переселеніе армянъ въ южную Русь началось въ концѣ XIII в., когда, по завоеваніи Арменіи татарами, значительная часть ихъ перешла въ Старый Крымъ (Эски-Крымъ) и оттуда въ Червонную Русь[4]); сюда-же они проникли черезъ Константинополь и Молдаво-Валахію. Переселеніе шло постоянно и незамѣтно, но были и переселенія большими группами: такъ значительныя переселенія армянъ въ южную Русь можно предполагать около 1342 и 1418 гг., и хотя есть мнѣніе, что въ первое время они могли поселиться отдѣльными самостоятельными поселеніями, какими напр. въ Подоліи могли быть деревни «Ормяне» и «Ормянки», лежащія недалеко отъ г. Каменца[5]); но вѣроятнѣе всего, что армяне непосредственно прежде всего появились

---

[1]) Шараневичъ, стр. 39.

[2]) Ibid., стр. 83.

[3]) Палаузовъ, «Румынскія господарства—Валахія и Молдавія». Спб. 1859 г. стр. 20.

[4]) Смирновъ. «Исторія Галицкаго», стр. III.

[5]) Палаузовъ, Румын. господ., стр. 20.

[6]) Сманкевичъ, «Римское католичество и его іерархія въ Подоліи». Кам. Под. 1872 г. стр., 227.

въ городахъ, куда тянуло ихъ преобладающее занятіе—торговля. Въ литовско-польскій періодъ армяне находились въ Галиціи въ гг. Львовѣ[1]), въ Галичѣ, Язловцѣ и въ Снятынѣ[2]); на Волыни въ Кременцѣ, Луцкѣ, Ровно и пр. [3]); въ Подоліи въ Каменцѣ, въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, Балтѣ[4]); въ Кіевщинѣ—именно въ Кіевѣ[5]). Въ городахъ армянскія поселенія тогда составляли отдѣльныя колоніи или кварталы, напр. во Львовѣ[6]), но часто они жили вмѣстѣ съ южно-руссами. Судя по количеству церквей, число армянъ было значительно; такъ армянскія церкви въ предѣлахъ только Подоліи были въ Каменцѣ, въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, Балтѣ[7]); съ 1363 г. армяне имѣли своего епископа, который жилъ во Львовѣ[8]). Благодаря особенному характеру того времени, когда постоянная борьба дѣлала почти всѣхъ обитателей воинами, часть и армянъ находилась въ войскахъ русскихъ князей и позже—польскихъ королей[9]); но преобладающее и даже исключительное ихъ занятіе была торговля внутри русскихъ городовъ и съ разными странами: такъ черезъ нихъ происходила связь съ восточными землями[10]); имъ тоже можно приписать торговыя сношенія Россіи съ Крымомъ, а также съ Константинополемъ. Скоро армяне въ городахъ Галиціи и польскихъ провинціяхъ Волыни и Подоліи, а можетъ быть и въ Кіевщинѣ стали представлять большую и вліятельную часть торговаго населенія, скопили въ своихъ рукахъ большія богатства и пріобрѣли значительныя привилегіи, и на ряду съ нѣмцами явились владѣль-

---

[1]) Шараневичъ, стр. 138.

[2]) Ibid., стр. 198.

[3]) Акты западной Россіи, т. III, 1563 г., стр 127; Шараневичъ, стр. 100, 340, 395.

[4]) Симашкевичъ, Римск. католичество и пр, стр. 227.

[5]) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв. кн., стр. 37.

[6]) Szaran. «Rys», стр. 41—32. По словамъ Ходевецкаго Львовъ раздѣлялся на три части, изъ которыхъ восточную занимали русскіе, южную жиды, а сѣверную татары и армяне. Chod., стр. 23.

[7]) Симашкевичъ, ibid.

[8]) Шараневичъ, стр. 198.

[9]) Chodeniecki, стр. 26, 32.

[10]) Шараневичъ, стр. 145.

цами земельныхъ угодій и селъ[1]); съ тѣмъ вмѣстѣ они достигли довольно высокаго значенія въ краѣ[2]). Нѣтъ у насъ данныхъ, указывающихъ на этнографическое смѣшеніе армянъ съ *краевыми* народностями южной Россіи, но есть факты, наводящіе на мысль объ изолированномъ ихъ положеніи: кромѣ самостоятельной церковной іерархіи и отдѣльности поселеній въ нѣкоторыхъ городахъ, армяне имѣли въ большихъ городахъ свой отдѣльный судъ[3]) и составляли изъ себя отдѣльное высшее городское общество; такъ напр. во Львовѣ армяне самостоятельно принимали французскаго посла де-Лануа, давали для него балъ съ танцами и поднесли ему цѣнные подарки[4]).

Упадокъ общей жизни въ странѣ въ эпоху татарщины пропорціонально ослабилъ *еврейское населеніе*, и хотя нѣтъ данныхъ для утвержденія, что еврейское населеніе въ періодъ грозной татарщины исчезло совершенно на территоріи южной Руси, но несомнѣнно, что новое и болѣе обильное заселеніе евреями южной Руси произошло въ періодъ литовско-польскій и сопровождалось переходомъ этого края подъ власть Польши и что какъ густота населенія, такъ и значеніе здѣсь евреевъ было гораздо ощутительнѣе, чѣмъ въ предшествовавшій періодъ. Въ составѣ еврейскаго населенія теперь различаются рельефно двѣ этнографическія группы: евреи-караимы и евреи-талмудисты, или раввинисты. Первые переселялись постепенно, отдѣльными единицами въ южную Русь, изъ Крыма въ XIII, XIV в.[5]), а въ 1363 г., послѣ похода Ольгерда въ Крымъ, караимы въ значительномъ числѣ семей вышли изъ Крыма, были гостепріимно приняты литовскими князьями и поселились сначала въ Трокахъ, а оттуда уже перешли въ волынскіе города, главнымъ образомъ въ Луцкъ[6]), откуда еще позже расселились на западъ—въ Галицію, и на востокъ—въ Приднѣпровье.

[1]) Szaran., «Rys», стр. 37. Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв. кн., стр. 37.

[2]) Такъ армянинъ Иванко изъ Львова «dostępuje godności królewskiego powiernika». Szaran. «Rys», стр. 37.

[3]) Смирновъ, стр. III.

[4]) «Путешествіе де Лануа». «Вѣстникъ зап. Россіи» 1861 г., стр. 44.

[5]) «Славянскій Сборникъ», т. II, стр. 74—75.

[6]) Шараневичъ, стр. 230.

Главное занятіе евреевъ-караимовъ была торговля, но ни своею численностью, ни своимъ вліяніемъ караимы не имѣли для страны того значенія, какое пріобрѣли евреи-талмудисты, переселившіеся въ страну изъ западной Европы, главнымъ образомъ изъ Германіи [1]). Съ начала и до конца періода шло переселеніе евреевъ, хотя и не съ равной силой; замѣтно, что оно увеличивается съ XIV в. во время усиленія и расширенія литовскаго государства на востокѣ и польскаго—на западѣ южной Руси. Особеннымъ покровительствомъ еврейской колонизаціи отмѣчены въ польскомъ королевствѣ Казиміръ Великій, а въ литовскомъ—Витовтъ и Ягелло [2]). Общее направленіе колонизаціи съ запада на востокъ: чѣмъ восточнѣе область южной Руси, тѣмъ позже появляются въ ней евреи, такъ что напр. во Владимірѣ-Галицкомъ евреи уже были въ 1288 г. [3]), тогда какъ въ Пинскѣ они появляются лишь въ началѣ XVI ст. [4]). Прежде всего евреи поселялись въ городахъ, особенно замѣтныхъ торгово-промышленной дѣятельностью, изъ нихъ потомъ переходили въ менѣе населенныя и богатыя поселенія, пока наконецъ не достигали и деревень. Въ XIV в. евреи были во многихъ городахъ галицкой Руси: во Львовѣ [5]), Володимірѣ [6]), Галичѣ и пр.; на Волыни въ Брестѣ, Луцкѣ [7]), Кобринѣ [8]) и пр.; въ XIV в. находимъ уже ихъ въ Подоліи: въ Каменцѣ [9]), Смотричѣ и пр., въ Кіевщинѣ, именно въ г. Кіевѣ [10]), а въ XVI в. и въ Пинскѣ, Клецкѣ и пр.; такъ что къ началу XVI в. можно указать еврейскія поселенія даже по лѣвую сторону Днѣпра, напр. въ Путивлѣ [11]). Что касается общей численности евреевъ, то сравнительно она была не велика: напр. въ г. Кобринѣ, принадлежавшемъ къ берестейскому воеводству, особенно обильномъ тогда евреями, послѣднихъ въ 1563 г. было

[1]) «Славянскій Сборникъ», т. II, стр. 74—75.
[2]) Ibid.
[3]) «Ипатск. Лѣт.», стр. 606.
[4]) Бершадскій, стр. 347.
[5]) Шараневичъ, стр. 198.
[6]) «Ипатск. Лѣт.», стр. 606.
[7]) Бершадскій, стр. 200.
[8]) Акты, изданные виленской коммисіей, т. V, 1388 г., стр. 153. 157.
[9]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 37.
[10]) Бершадскій, стр. 261, 345, 408.
[11]) Ibid., стр, 254.

всего 30 семействъ, да за рѣкою Муховцомъ еще 4 семьи[1]); въ мѣстечкѣ Дубочинѣ 19 семей[2]), въ м. Городцѣ, въ 20 верстахъ отъ Кобрина, 3 семьи[3]); около того-же времени въ г. Пинскѣ мужчинъ евреевъ было всего 39 человѣкъ[4]). По разсчету г. Бершадскаго въ предѣлахъ литовскаго княжества во второй половинѣ XV в. было евреевъ всѣхъ половъ и возрастовъ отъ 10 до 12,000 человѣкъ[5]); немногимъ гуще еврейское населеніе было и въ южно-русскихъ провинціяхъ Польши. Какъ горожане, евреи несомнѣнно принимали участіе въ торговлѣ[6]), но видно, что въ то время сильная конкуренція нѣмцевъ, армянъ, венеціанъ и пр. инородцевъ не давала простора еврейству, и оно спеціализировало свою дѣятельность на *арендаторствѣ* или откупахъ и *ростовщичествѣ;* по крайней мѣрѣ актовой матеріалъ особенно оттѣняетъ въ еврействѣ эти занятія. Евреи были арендаторами *мельницъ*[7]), *таможенъ* («мыто») и *кабаковъ* («капщина»[8]), «*соляныхъ пошлинъ*»[9]), перевозовъ[10]) и т. п. доходныхъ статей. Еще многочисленнѣе указанія на ростовщическую дѣятельность евреевъ съ XIV по XVI в.[11]). Однако, одновременно мы видимъ евреевъ въ качествѣ владѣльцевъ поземельной собственности[12]) и даже болѣе—занимающихся земледѣліемъ[13]).

---

[1]) «Ревизія кобринской экономіи», стр. 14.

[2]) Ibid., стр. 136—145.

[3]) Ibid., стр. 261—263.

[4]) «Писцовая книга», стр. III.

[5]) Бершадскій, стр. 331—335.

[6]) Ibid., стр. 283, 408; Chodenecki, стр. 26.

[7]) «Археографическій Сборникъ» 1582 г., стр. 56; Акты, изданные виленской коммис., т. V, стр. 153; т. VI, стр. 33.

[8]) «Ревизія кобринской экономіи, стр. IV, 14, 135—145; Акты, изданные виленской коммис., т. VI, стр. 67; т. V, стр. 12—14, 153; Szaran., стр. 35—36.

) Акты, изданные виленской коммис., т. III, стр. 157, 114, 419.

[10]) Бершадскій, стр. 245—246, 402—404.

[11]) Въ статутѣ польскаго короля Казиміра III, данномъ въ Вислицѣ въ 1347 г., стр. 82, находится спеціальная статья о «Лихвѣ жидовской». Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. I. Спб. № 2, стр. 13; тоже самое стр. 20, № 27; Бершадскій, стр. 238, 408—409.

[12]) Бершадскій, стр. 239, 404—406.

) Такъ въ 1563 г. изъ 130 уволокъ пахатной городской земли въ г. Кобринѣ «евреи обрабатываютъ 8 уволокъ». «Ревизія кобринской экономіи,

Землевладѣльцами евреи дѣлались или благодаря пожалованію за личныя услуги королю и князьямъ[1]), или по праву мѣщанъ[2]), или черезъ покупку[3]), но чаще земля дѣлалась ихъ собственностью за долги. Есть указанія, что евреи занимались и ремеслами[4]), хотя по мнѣнію г. Бершадскаго послѣднее занятіе можно найти главнымъ образомъ у литовскихъ евреевъ, такъ какъ польскіе евреи «пашни, ани ремества жадного не робять, только торгують»[5]). Но въ общемъ евреи въ то время представляли *денежную аристократію* въ странѣ, изъ среды которой уже тогда выдѣлялись видные капиталисты; напр. во Львовѣ жидъ Шахно, Волчко, Нотко, жидъ и жидовка Іорданы[6]); въ Луцкѣ—Цѣхапъ Леваноновичъ, Ленько Глухій; въ Брестѣ—братья Янковичи, Рабиновичи; въ Кіевѣ—Насакъ, Шимиичъ, Рижко и т. д.[7]). Скопленія металлическихъ богатствъ въ рукахъ евреевъ вызывали правительство, какъ польское, такъ и литовское, въ періоды финансовыхъ затрудненій облагать евреевъ денежными повинностями въ значительно большемъ размѣрѣ, чѣмъ прочее населеніе[8]). Съ другой стороны къ евреямъ нерѣдко при-

---

стр. IV. Около того же времени пинскіе жиды—Лейзаръ Марковичъ съ братьями имѣли свою землю въ селѣ Посвинцахъ, полученную ими отъ бояръ... Воловичей *въ золовъ*. При новомъ измѣреніи земли ихъ были отобраны, и жиды получили наравнѣ съ остальными мѣщанами съ чиншевой платой уволоки. «Писцовая книга», т. I, стр. 103. Тоже самое повторилось и въ селѣ Качахъ.—Ibid., стр. 127; Бершадскій, стр. 239, 407.

[1]) Бершадскій, стр. 367, 404, 406.

[2]) «Писцовая книга», т. I, стр. 103.

[3]) Ibid., стр. 103, 127, 406.

[4]) Бершадскій, стр. 238, 409.

[5]) Ibid., стр. 407.

[6]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 351, 361.

[7]) Бершадскій, стр. 398.

[8]) Напр. въ 1456 г. и въ 1472 г. въ польской Руси, въ виду укрѣпленія крѣпостей, былъ сдѣланъ чрезвычайный сборъ по два гроша отъ каждой гривны стоимости объявленныхъ капиталовъ, а съ евреевъ по 4 гроша (Szaran. «Rys», стр. 36); или въ 1568 г. собрана была спеціальная денежная подать со всѣхъ «жидовъ», въ панствѣ Великаго Княжества Литовскаго живущихъ... съ мужчинъ, женскаго пола и дѣтей». Собраніе грам. и актовъ городовъ Вильны, Трокъ и

бѣгали при денежныхъ затрудненіяхъ, какъ государственные сановники, такъ и князья и короли [1]). Послѣднее обстоятельство въ связи съ развивающеюся замкнутостью еврейской общины [2]) помогало къ созданію среди самого еврейства меньшинства аристократіи и рядовой бѣдноты [3]). Такая организація еврейства препятствуетъ уясненію соціально-политическаго положенія евреевъ въ южно-русскомъ обществѣ въ литовско-польскій періодъ: евреевъ въ этотъ періодъ то призывали и надѣляли особыми привилегіями, сравнительно съ кореннымъ населеніемъ [4]), то ограничивали въ мѣстахъ поселенія [5]), то поголовно изгоняли изъ страны [6]). Нужно замѣтить, что изъ всѣхъ инородцевъ въ литовско-польскій періодъ евреи болѣе другихъ органически слились съ страной, хотя и не повсюду и не во все время они занимали одинаковое положеніе: многое въ ихъ соціальномъ положеніи зависѣло отъ общихъ сословныхъ распорядковъ, а равно и отъ мѣстныхъ (напр. городскихъ) привилегій. Съ начала періода, когда еще въ южной Руси не организовалось сословное распредѣленіе и когда сами евреи не выставили еще рѣзко своихъ этнографическихъ и соціальныхъ оригинальностей,—они, какъ и прочіе инородцы, являются въ краѣ людьми вольными, свободными подданными великокняжескими и подчиняются непосредственно князьямъ или королю и установленнымъ отъ него властямъ; но потомъ постепенно евреи по мѣсту жительства и по занятіямъ примыкаютъ къ мѣщанамъ, но въ личныхъ правахъ сравниваются со шляхтою [7]) и кромѣ того пользуются нѣкоторыми отдѣль-

---

вр., стр. 171, а въ 1577 г. объявлено о взносѣ евреями податей исключительно золотою монетою». Акты, относящіеся къ исторіи западнаго края, т. III, стр. 221.

[1]) Бершадскій, стр. 254, 261

[2]) Бершадскій, стр. 230, 264, 336—337, 343, 345—348, 383.

[3]) Ibid., стр. 396—401.

[4]) Акты, относящіеся къ исторіи западнаго края, т. 2-й, стр. 221. Акты, изданные вил. ком., т. V, стр. 151.

[5]) Акты, относящіеся къ исторіи западнаго края, т. 3-й, стр. 296.

[6]) Ibid., т. 2, стр. 30; Бершадскій, стр. 250—264.

[7]) Акты, относящіеся къ исторіи западнаго края, т. 2, стр. 4; т. 1,

ными привилегіями, какъ подсудность евреевъ земскому праву [1]), отдѣльность налагаемыхъ повинностей [2]), автономность еврейскихъ общинъ и пр. Въ польскихъ провинціяхъ южной Руси положеніе евреевъ было менѣе благопріятно: тамъ существовало гордое шляхетство, которое дѣлило власть административно-политическую съ королемъ, а потому евреи, какъ сильные конкурренты по богатству, поддерживая королей, пользовались въ это время ненавистью шляхты, которая на своихъ сеймахъ выражала ее въ видѣ разныхъ, нерѣдко оскорбительныхъ ограниченій еврейскихъ правъ, напр. относительно костюма, украшеній и пр. Къ концу періода враждебность къ евреямъ замѣчается и въ литовской половинѣ [3]) не только въ высшемъ классѣ, но и въ мелкомъ мѣщанствѣ [4]), замѣтны даже слѣды и этнографическаго сближенія съ южно-русскимъ населеніемъ, выражавшагося въ перемѣнѣ іудейства на православіе и на католицизмъ. Случаевъ этого рода указывается значительное количество, но всѣ они относятся не къ рядовому еврейству, а къ богатой группѣ откупщиковъ [5]), которые получали черезъ это преимущества, сравнительно со своими единовѣрцами. Видно, что и здѣсь побуждали ассимилироваться привилегіи и матеріальныя выгоды; особенно это замѣтно въ періодъ изгнанія евреевъ изъ Литвы (1495—1503), когда въ южной Руси появилось множество откупщиковъ изъ «*новокрещеныхъ*» [6]). Такого типа евреи, конечно, сливались съ высшими классами южно-русскаго общества. Что касается еврейской массы, то вліяніе южно-русовъ коснулось ея со стороны оффиціальнаго языка, который у евреевъ, по крайней мѣрѣ въ Литвѣ, былъ русскій [7]) и фамильныхъ прозвищъ; фамиліи Зубецъ, Рыбчикъ, Глухій, Мономлинный, Кравчикъ, Самотыка, Рижко,

---

[1]) Ibid., т. II, стр. 221.

[2]) Акты, изд. вил. ком., т. V, стр. 137—138.

[3]) Бершадскій, стр. 415.

[4]) Ibid., стр. 416.

[5]) Ibid., стр. 254, 260; были впрочемъ переходы въ христіанство евреевъ и среди землевладѣльцевъ, но не крупныхъ. Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. 1, стр. 174.

[6]) Ibid., стр. 261.

[7]) Ibid., стр. 394—395.

Сирота, Козакъ и т. д. были весьма распространены между евреями и носятъ несомнѣнныя черты южно-русской народности.

Къ народамъ, посѣщавшимъ южную Русь и поселявшимся здѣсь по торговымъ мотивамъ, принадлежали *итальянцы*, именно генуэзцы и венеціанцы, до появленія турокъ въ Европѣ овладѣвшіе морскою торговлею на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Монголо-татары не поставили имъ преграды: они прежде другихъ завязали торговыя сношенія съ кочевыми властителями и проникли со своими товарами и съ художниками-мастерами въ глубь европейской Татаріи, въ столицу на Ахтубѣ, г. Сарай, гдѣ въ 40 — 50 годахъ находили, да и теперь еще находятъ монеты и разныя издѣлія итальянцевъ и гдѣ остатки построекъ носятъ несомнѣнные слѣды работы итальянскихъ ремесленниковъ. Но центральною областью торговой дѣятельности итальянцевъ оставалось по прежнему сѣверное побережье Азовскаго и Чернаго морей. Въ XIV ст., по договору (1313 г.) съ ханомъ Узбекомъ, венеціанцы утвердились окончательно въ г. Танѣ (гдѣ теперь Азовъ); но раньше ихъ на сѣверо-восточныя оконечности Азовскаго моря проникли генуэзцы, которые имѣли свои факторіи и поселенія, какъ по восточному берегу Азовскаго моря [1]) (Тамань), такъ и по всему сѣверному побережью Чернаго моря, главнымъ образомъ у устьевъ рѣкъ, а также на Крымскомъ полуостровѣ [2]). Указанные пункты постоянно были заняты колоніями итальянскими, которыя безпрестанно находились въ сообщеніи со своей метрополіею [3]). Торговый обмѣнъ итальянцы, конечно, вели и съ прибрежными татарами, но это не ставило имъ препятствія подниматься вверхъ по рѣкамъ и проникать въ глубь южной Руси. Скудные источники изъ интересующей насъ эпохи указываютъ на пребываніе генуэзцевъ и венеціанцевъ (или просто «Влаховъ») какъ въ восточной, такъ и въ западной половинѣ страны. Такъ въ Кіевѣ,

[1]) *Брунъ*, стр. 205—206, 213, 223.

[2]) «Путешествіе де-Ланнуа», «Вѣстникъ Западной Россіи», стр. 47.

[3]) На пребываніе итальянцевъ въ значительномъ числѣ на побережьяхъ Азовскаго и Чернаго морей указываетъ между прочимъ обиліе морскихъ картъ съ этихъ мѣстахъ, которыя находятся въ наше время въ итальянскихъ библіоте-

напр., генуэзцы имѣли на Подолѣ свой торговый дворъ [1]); такіе-же дворы находились и по всему Днѣстру—въ гг. Аккерманѣ, Бендерахъ, Сорокахъ, Хотинѣ [2]) и, конечно, въ Подоліи и Галиціи [3]); можно предполагать итальянцевъ и въ городахъ сѣверной Волыни, такъ какъ есть указанія, что они проживали въ центральныхъ областяхъ литовскаго княжества, напр. въ г. Вильнѣ [4]). Какъ видно по судебнымъ актамъ, итальянцы, по крайней мѣрѣ въ Галиціи, являются не только въ видѣ торговцевъ, но и какъ арендаторы соляныхъ копей русскихъ или заставъ, и даже хозяевами земельныхъ участковъ. Такъ Христофоръ Wlach de S-to Romulo арендовалъ заставу львовскую и русскія соляныя копи въ Дрогобичу; Nicolaj de Stradom арендовалъ заставу гродскую, а Wlach Samys пріобрѣлъ «тенутное» село Лубны, которое прежде было отчиною фамиліи Ходечъ [5]) и т. д. Но приливъ населенія изъ Италіи въ южную Россію и самыя сношенія между этими странами прекратились съ завоеваніемъ турками Константинополя, а съ подчиненіемъ крымской орды турецкимъ султанамъ при Менгли-Гиреѣ положенъ былъ конецъ итальянскимъ поселеніямъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ: Менгли-Гирей съ помощью турокъ овладѣлъ всѣми итальянскими колоніями и постройками; укрѣпленія ихъ частію были разрушены, а частію заняты татарами [6]).

Молдаво-валахи съ XIII в. [7]) сосѣдятъ съ южно-руссами; они занимаютъ съ этого времени область отъ Днѣстра и далѣе на западъ до венгерскихъ поселеній и на югѣ отъ южныхъ предѣловъ галицкихъ южно-руссовъ до Чернаго моря. Эта территорія пережила всѣ перипетіи той этнографической сутолоки, какую мы очертили

кахъ: у Бруна такихъ картъ отмѣчено 8 въ промежуткѣ съ 1518—1497 г.; Брунъ, стр. 74—77).

[1]) *Антоновичъ*, «Кіевская Старина», стр. 37—42.

[2]) Ibid., 32.

[3]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 35.

[4]) Акты, относящіеся къ исторіи зап. Россіи, т. III, 1563 г., стр. 127.

[5]) *Szaran.* «Rys» et caet., стр. 38—39.

[6]) *Антоновичъ*, «Исторія В. Кн. Лит., стр. 22.

[7]) Существуетъ однако мнѣніе, что «волохи» еще до татаръ обитали внутри страны между южно-руссами, что напримѣръ «Белоховскіе князья»

по отношенію къ южно-руссамъ въ доисторическій и лѣтописный періоды со своими, конечно, особенностями. Въ завоевательный періодъ Рима страна молдаво-валаховъ входила въ составъ римской имперіи подъ именемъ Дакіи, и сюда направлена была римская колонизація; позже здѣсь мы видимъ и готовъ, гунновъ, обровъ, болгаръ, венгровъ, а равно печенѣговъ и половцевъ,—въ лѣтописный періодъ въ Поднѣстровьѣ являются поселенія южныхъ славяно-руссовъ, которыя доходятъ до Чернаго моря; съ нашествія монголовъ и сюда проникаютъ татары, а вслѣдъ за тѣмъ во второй половинѣ XIII ст. поселяются и теперешніе обитатели—валахи и молдаване. Они вышли сюда изъ прикарпатскихъ горъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ валахи обитали гораздо ранѣе IX в.[1]) Валахи переселились изъ закарпатскаго удѣла Венгріи во время нашествія монголовъ на Венгрію[2]), а молдаване полустолѣтіемъ позже изъ мармарошскаго удѣла[3]) и заняли прилегающія къ южной Россіи пространства, такъ что въ непосредственномъ соприкосновеніи съ южно-руссами находились только поселенія молдаванъ. При отмѣченной нами выше смѣнѣ народностей, изъ которыхъ каждая оставляла послѣ себя несомнѣнно часть своего населенія и слѣды своей этнологической оригинальности, дожившихъ до нашей эпохи обитателей Молдаво-Валахіи нужно представлять не цѣльною въ генеалогическомъ отношеніи народностью, а этнографическимъ конгломератомъ, въ которомъ видное мѣсто занимало романское наслѣдіе, сохранившееся въ названіи румыновъ, общемъ для молдаванъ и валаховъ. Ошибочно было бы предполагать, что переселеніе двухъ народностей совершалось въ одинъ разъ: отмѣченные факты указываютъ вѣроятнѣе всего на переселеніе правящихъ классовъ и утвержденіе политико-административной власти молдаво-валаховъ въ по-днѣстровской области, гдѣ существовали уже румынскія поселенія. Роскошные луга должны всегда быть привлекательны для этого народа, который велъ въ то

были волошскаго происхожденія.— *А. С. Петрушевичъ.* «Краткое историческое извѣстіе о введеніи христіанства въ предкарпатскихъ странахъ во времена св. Кирилла и Меѳодія», Львовъ, 1882 г., стр. 50 и д.

1) Ibid., стр. 45—46.

2) Палауzовъ, стр. 22.

3) Ibid., стр. 63.

время скотоводо-пастушескую жизнь [1]) въ горахъ Трансильваніи и Марморошу, и совершенно естественно, что они спускались въ богатыя растительностью долины и разселялись здѣсь въ теченіи многихъ лѣтъ. Сначала «валахи» обитали между южно-руссами, пока, размножившись, не вытѣснили давнихъ господъ [2]), отбросивъ ихъ поселенія на сѣверъ и сѣверо-востокъ, и не основали самостоятельнаго «государства» Молдавіи, которое въ первое время, имѣя своихъ отдѣльныхъ воеводъ, признавало верховную власть венгерскаго короля. Окрѣпши на новомъ мѣстѣ, валахо-молдавы, или сами, а не то и въ союзѣ съ татарами, дѣлали частые набѣги на сосѣднія южно-русскія поселенія [3]). Но это не мѣшало однако существованію мирныхъ отношеній между южно-руссами и молдаво-валахами, а съ тѣмъ вмѣстѣ прибыванію поселеній послѣднихъ въ южной Россіи. Между прочимъ молдаво-валаховъ мы находимъ въ войскѣ литово-русскихъ князей: такъ Коріятовичи, переходя въ Венгрію, оборону своихъ городовъ въ Подоліи оставили южно-руссамъ и «валахамъ» [4]), а въ 1432 г. литовское войско противъ поляковъ, предводительствуемое Ѳедоромъ Острожскимъ, состояло изъ южно-руссовъ, *«валаховъ»*, бессарабовъ и татаръ [5]). Въ 1422 г. изъ г. Каменца литовскаго въ числѣ провожатыхъ де-Лануа находились 2 татарина, 16 россіянъ и «валаховъ» [6]). Однако, гораздо большій приливъ волошскаго населенія въ страну происходилъ черезъ торговыя сношенія. Молдаво-Валахія съ XIV ст. была посред-

[1]) Шараневичъ, стр. 185.

[2]) Сознаніе о томъ, что «волохи» заняли территорію, прежде заселенную южно-русскими, видно, жило въ населеніи и перешло къ польской власти: такъ въ 1424 г. Ягайло, убѣждая Сигизмунда идти въ Молдавію и Бессарабію, говоритъ: «волохи вторглися въ край и вытиснувши давнихъ и правовитыхъ жителей русиновъ), поселились въ урожайной и плодоносной землѣ». Шараневичъ, стр. 341.

[3]) Въ 1436 г. Брацлавъ былъ взятъ молдаванами (Шараневичъ, стр. 392); въ 1448 г. молдаване и татары напали на подольскую землю (стр. 420). въ 1475 г. молдаване нападаютъ на южную Русь вмѣстѣ съ татарами и турками. Szaran. «Rys» et caet., стр. 45 и т. д., стр. 109; Сигизмунд. стр. 369; Chodenecki, стр. 68, 78.

[4]) Шараневичъ, стр. 282.

[5]) Ibid., стр. 376.

[6]) Путешествіе де-Лануа, стр. 46.

ницею въ торговлѣ южной Россіи съ Чернымъ моремъ и Венгріей [1]), при чемъ въ передвиженіи товаровъ принимали участіе и валахо-молдаване, которые и проживали въ южной Руси по своимъ торговымъ дѣламъ. Такихъ торговцевъ изъ валаховъ мы находимъ во Львовѣ [2]), Кіевѣ [3]), въ Кременцѣ и въ другихъ городахъ [4]); здѣсь молдаво-валахскіе купцы поселялись надолго и выстраивали на городскихъ земляхъ свои дома [5]). Кромѣ того были поселенія въ южной Руси молдаво-валаховъ не торговцевъ: напримѣръ въ 1388 г., по грамотѣ польскаго короля Владислава-Ягелла Ольгердовича, г. Галичъ съ волостью былъ отданъ молдавскому воеводѣ Петру [6]) въ обезпеченіе денежнаго займа [7]); около 1456 г. молдавскій канцлеръ (logothet) Михаилъ съ братьями Давидомъ и Думой «z całą rodziną swą i z dworom» вышелъ изъ Молдавіи, а Казиміръ выдалъ ему привиллегію на поселеніе въ г. Каменцѣ или въ городахъ Коломыѣ и Дрогобичѣ на Покутьи, на пріобрѣтеніе собственности, веденіе торговли и пр. [7]). Вообще въ польскій періодъ молдавскіе дворяне (бояре) получали отъ правительства земельныя владѣнія въ южной Россіи, и поселенія ихъ въ ту пору можно предполагать на территоріи теперешней южной Руси въ хотинскомъ уѣздѣ Бессарабіи, въ Буковинѣ, Галиціи и отчасти въ юго-западной части подольской губерніи, хотя отдѣльные случаи поселенія ихъ видны и въ восточной части южной Руси, напримѣръ фамилія «Влахи» встрѣчается въ XVI ст. среди горожанъ пинскихъ [8]). Съ XIV ст. выходцы изъ Молдавіи и Валахіи стали селиться значительными

[1]) «Купцѣ спроваджали вырабы нѣмецкихъ по-балтицкихъ городовъ на Русь и черезъ Русь въ Молдавію до Сучавы, а оттолѣ въ землю угорскую и татарскую и наоборотъ гандель съ Татаріей и съ угорскими краями шолъ такожь черезъ Молдавію до Львова, а оттолѣ до нѣмецкихъ прибалтицкихъ городовъ». — Шараневичъ, стр. 322.

[2]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 106.

[3]) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв., стр. 27—37.

[4]) Шараневичъ, стр. 395.

[5]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 106.

[6]) Акты, относящіеся къ ист. западной Россіи, т. I, стр. 22.

[7]) Szaran. «Rys» et caet, стр. 45. Въ 1396 г. въ с. Ступницѣ около Самбора жилъ воевода молдавскій. Ibid., стр. 58.

[8]) «Писцовая кн.», т. I.

поселеніями въ южной части галицкихъ Карпатъ, гдѣ они пользовались особымъ *волошскимъ правомъ*.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ народностей другія націи имѣли незначительное количество своихъ представителей въ южной Россіи, и о нихъ сохранилось немного свѣдѣній. Къ такимъ народностямъ принадлежатъ: сарацины, венгры, турки, греки, сѣверо и западно-руссы, чехи, сербы, цыгане и остатки прежнихъ южно-русскихъ кочевниковъ, какъ половцы, «черкасы» и печенѣги. Поселенія послѣднихъ можно предполагать въ карпатскихъ горахъ, на Покутьѣ и въ Буковинѣ, именно тамъ, гдѣ теперь обитаютъ *гуцулы*. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ мнѣніи, что гуцулы—потомки древнихъ *узовъ* или лѣтописныхъ торковъ [1]) въ смыслѣ этнографическаго сліянія ихъ съ давно обитавшими южными славяно-руссами. Если въ теперешнемъ названіи карпатскихъ горцевъ трудно узнать лѣтописныхъ узовъ (печенѣговъ), то слѣды поселенія другаго сроднаго съ ними народа—«черкасъ» (т. е. одного изъ прикавказскихъ полукочевыхъ народовъ) сохранились прежде всего, какъ въ названіи южно-руссовъ, которыхъ москвичи именовали до конца XVIII в. «черкассами», такъ и въ г. Черкассахъ (кіевск. губ.), гдѣ по преданію при Витовтѣ были поселены плѣненные «пятигорскіе черкасы» [2]). Что касается *половцевъ*, то мы ихъ встрѣчаемъ въ началѣ этого періода въ средѣ войска южно-русскихъ князей [3]). Кромѣ половцевъ, еще прежде, до монголовъ, служившихъ въ войскахъ князей, можно предполагать, что часть ихъ переселилась въ періодъ самаго нашествія въ галицкую область [4]), гдѣ они постепенно какъ

---

[1]) *Винлевичъ*, «Гуцулы, обитатели восточной отрасли Карп. горъ», стр. 18—23.

[2]) Въ 1545 г. жители г. Канева объявили чиновникамъ, описывавшимъ украинскіе замки такое преданіе: «отъ початку Черкасъ и Канева, уходы по всимъ тымъ рѣкамъ вольни были каневцамъ, бо яко князь великій литовскій Гедыминъ (сѣвшанъ съ Витовтомъ), завоевавши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ, и *Черкасы Пятигорскіе*, и приведши черкасовъ часть съ княгинею ихъ, посадилъ ихъ на Снѣпорадѣ (въ бассейнѣ р. Сулы), а иныхъ на Днѣпрѣ, гдѣ теперь Черкасы сидятъ».—*Антоновичъ*, «Исторія В. Кн. Лит., стр. 65.

[3]) «Ипатск. лѣт.», 1243 г., стр. 528, 1249 г., стр. 535, 1251 г., стр. 538, 1252 г., стр. 542, 1253 г., стр. 543.

[4]) Г. Шараневичъ видитъ половцевъ въ болоховскихъ князьяхъ: «Болоховскіе князи, говоритъ онъ, были и всего половецкаго племени, которіи зрушившися зостали въ областяхъ межи Днѣпромъ и Богомъ».—Шараневичъ, стр. 104.

бы растворились въ средѣ окружающаго населенія. Позже, въ эпоху польско-литовскаго владычества мы уже не встрѣчаемъ половцевъ. Наоборотъ, другой народъ кочеваго типа—*цыгане* появились въ предѣлахъ южно-русскихъ именно во второй половинѣ періода. Они прикочевали къ намъ изъ Молдавіи, гдѣ они появились въ началѣ XV в. [1]) изъ Турціи и тогда-же перешли и въ южную Русь.

Кромѣ указанныхъ народностей азіатско-восточнаго происхожденія (печенѣги, черкесы, половцы и цыгане), къ этому циклу нужно отнести еще *сарацинъ* (или суражцевъ). Хотя мы встрѣчаемся съ этимъ народомъ еще въ лѣтописный періодъ, однако трудно опредѣленно сказать, какой изъ восточныхъ народовъ нужно разумѣть подъ этимъ именемъ. Въ одномъ случаѣ сарацинами называются татары [2]), въ другомъ—арабскіе купцы [3]); г. Смирновъ сарацинъ отождествляетъ съ суражцами и считаетъ ихъ жителями торговаго города Судака (Sugdaja) или древне-русскаго Суража близь г. Балаклавы въ Крыму [4]), а Ходенецкій сарацинъ отождествляетъ съ турками [5]). Кажется, названіе «сарацины» по южно-русскимъ источникамъ литовско-польскаго періода носитъ то неопредѣленное содержаніе, какое въ наше время названіе нѣмцы въ устахъ южно-русскаго простонародія; сарацинами назывались тогда едва-ли не разные представители восточныхъ народовъ. Извѣстія о сарацинахъ, а равно и о суражцахъ относятся къ XIII и XIV вв., въ позднѣйшихъ-же источникахъ они или скрываются подъ другими

[1]) Палаузовъ, стр. 19—20.

[2]) Курфирстъ бранденбургскій Людовикъ въ письмѣ къ магистру нѣмецкаго ордена 1556 г. говоритъ, что литовцы вмѣстѣ съ сарацинами (т. е. татарами) и русинами напали на землю короля польскаго (Шараневичъ, стр. 179). Де-Лапуа въ своемъ путешествіи называлъ сарацинами татаръ. Вѣстникъ юго-западной Россіи, стр. 45.

[3]) «Левъ, обновивши городъ Львовъ, населилъ его купцами изъ востока—сарацинами и изъ ганзейскихъ городовъ прибывшими нѣмцами», и г. Шараневичъ считаетъ этихъ сарацинъ арабами... «Сарацинѣ, т. е. *арабы* купцѣ, прибывшіе зъ востока».—Шараневичъ, стр. 145.

[4]) По Смирнову Судакъ въ то время былъ складомъ товаровъ, шедшихъ изъ Азіи въ Европу, а потому естественно, что суражане проживали тогда во Львовѣ, Владимірѣ, Луцкѣ—городахъ, которые принимали участіе въ азіатской торговлѣ.—Смирновъ. «Исторія галицкаго княжества».

[5]) Chodenecki, стр. 27.

названіями, или-же дѣйствительно болѣе не проникаютъ въ предѣлы южной Руси, благодаря туркамъ и подчиненнымъ имъ крымцамъ, порвавшимъ сношенія Востока съ Европою. Хотя сарацинъ (подъ которыми въ этомъ случаѣ разумѣются татары) мы видимъ и въ южно-русскихъ войскахъ [1]), но исключительное занятіе ихъ была торговая дѣятельность. Съ этою цѣлью они проживали въ Луцкѣ, Владимірѣ, Львовѣ и другихъ торговыхъ городахъ. Въ послѣднемъ городѣ ихъ именемъ называлась долго улица, теперешняя Заравенская; здѣсь они жили вмѣстѣ съ евреями и разомъ съ послѣдними изгнаны были за городъ «за хульныя рѣчи противъ Христа и похищеніе христіанскихъ дѣтей [2]). Численность ихъ была невелика въ южной Руси, да едва-ли сарацины въ большинствѣ случаевъ не были временными обитателями.

Сарацинъ смѣнили нѣкоторымъ образомъ *турки*, которые со второй половины XV в. начинаютъ вліять на судьбы южной Руси. Около 1475 г. они завоевали Кафу, Килію, Бѣлгородъ, почти всю Бессарабію и подчинили себѣ крымскихъ татаръ [3]), и съ того времени съобща съ татарами и молдаванами стали дѣлать набѣги или наѣзды на Галицію и Подолію. Но почти одновременно съ турецкими солдатами въ южной Руси являются турецкіе купцы, которыхъ мы встрѣчаемъ въ Кіевѣ [4]) и въ другихъ литовско-русскихъ городахъ княжества [5]), а равно и въ польско-русскихъ.

Изъ западно-европейскихъ народовъ, кромѣ разсмотрѣнныхъ уже выше, продолжали обитать въ южной Россіи прежде всего *венгры*. Знакомые намъ уже по лѣтописному періоду *венгры* или *угры* теперь имѣли вліяніе на судьбы южно-русскаго населенія, и то только на Галицію, въ теченіе весьма непродолжительнаго времени: именно, къ концу XIV в. (1374) они на нѣкоторое время политически соединялись съ Польшей и завладѣли черезъ нее Галиціей [6]). Съ момента политическаго завладѣнія венграми галицкой

[1]) Шараневичъ, стр. 179; Chodenecki, стр. 32.

[2]) Chodenecki, стр. 27.

[3]) Szaran. «Rys», стр. 45; Chodenecki, стр. 60.

[4]) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., кн. I, стр. 37.

[5]) Акты, относ. къ з. Р., т. III, стр. 20; Акты вил. ком., т. V, стр. 12—14.

[6]) Еще ранѣе черезъ династическій бракъ между 5-ти-лѣтнимъ сыномъ венгерскаго короля Андрея и 2-хъ-лѣтней дочерью краковскаго князя Лешко, Гали-

Русью при Людовикѣ венгерскомъ, войска угорскія, состоявшія изъ венгровъ и силезцевъ, смѣнили въ городахъ и замкахъ польскіе гарнизоны, именно въ Кременцѣ, Олескѣ, Лопатынѣ, Снятынѣ, Рогожинѣ, въ Перемышлѣ, Ярославлѣ, Городкѣ, Теребовлѣ, Галичѣ и обоихъ замкахъ г. Львова [1]). Тогда-же много городовъ и областей, а также мѣстечекъ и селъ на Руси роздано было угорскимъ панамъ [2]), и такимъ образомъ явились здѣсь венгерскіе землевладѣльцы; позже, въ 1383 г., Ядвига, въ качествѣ королевы Венгріи, Галиціи и Лодомеріи, выдала грамоту одному изъ венгерскихъ воиновъ на владѣніе селомъ въ саноцкой землѣ [3]), такъ что венгерскіе этнографическіе элементы мы должны предполагать, хотя и въ незначительномъ количествѣ, въ галицкомъ высшемъ землевладѣльческомъ классѣ и, какъ остатки венгерскихъ гарнизоновъ, между горожанами.

Въ литовско-польскій періодъ продолжали посѣщать южную Русь *греки;* они проникали, между прочимъ, въ Кіевъ [4]); были несомнѣнно и во Львовѣ, гдѣ искали себѣ убѣжища многіе жители Константинополя по разрушеніи его турками [5]). Появленіе въ южныхъ степяхъ монголовъ и процвѣтаніе на Черномъ морѣ итальянской торговли ослабили значеніе грековъ въ южно-русской торговлѣ; одновременно съ этимъ ослабѣло вліяніе ихъ на религіозно-культурную жизнь южно-руссовъ: здѣсь ихъ смѣнили католики—нѣмцы и православные—*сербы.* Послѣднихъ мы встрѣчаемъ въ польскій періодъ въ числѣ землевладѣльцевъ южной Руси; но главный контингентъ сербы, какъ раньше болгары, дали въ среду русскаго духо-

---

ція составляла въ теченіи 2—3 лѣтъ часть венгерскаго королевства; въ XIV в. при Людовикѣ Венгерскомъ повторилось политическое господство венгровъ. Указанные историческіе моменты въ жизни Галиціи имѣютъ то значеніе, что на нихъ венгры основывали всегда свои политическія притязанія на эту горно-русскую область и какъ увидимъ, предъявили ихъ и въ концѣ XVIII в., чѣмъ и облегчили легализированіе отпаденія этой части южной Руси отъ ея восточной половины присоединеніемъ Галиціи къ австрійской монархіи.

[1]) Шараневичъ, стр. 233.

[2]) Ibid., стр. 234.

[3]) Сапруновъ, II т.

[4]) Антоновичъ, «Кіевская Старина», стр. 37.

[5]) Szaran. «Rys» et caet., стр. 95, 105; Chodenecki, стр. 56.

венства, и потому вліяніе сербовъ въ этотъ періодъ ограничилось областью церкви и богослужебнаго языка [1]). Гораздо шире было вліяніе въ южной Руси другаго славянскаго народа—*чеховъ*. Этотъ славянскій народъ въ разсматриваемое время игралъ въ западной Европѣ роль весьма аналогичную съ тою, какая въ XVIII в. стала принадлежать швейцарцамъ, именно, чехи доставляли своимъ сосѣдямъ, нѣмцамъ, уграмъ, полякамъ и южно-руссамъ наемныя войска. Чешскія «роты» встрѣчаются, какъ въ польской, такъ и въ литовской половинѣ южной Руси и являются здѣсь, такъ сказать, организаторами регулярнаго войска [2]). Но здѣсь, въ южно-русскомъ войскѣ, чехи, какъ и другіе воины, принимали участіе и въ администраціи страны: такъ въ 1327 г. при Болеславѣ въ г. Львовѣ разныя должности отданы были полякамъ, нѣмцамъ и чехамъ [3]), а также, вѣроятно, получали изъ рукъ королей и земельные участки. Къ концу періода вліяніе чеховъ расширяется: они принимаютъ участіе въ культурно-религіозной жизни страны, и слѣды этого остались какъ въ духовной литературѣ южной Руси, такъ и въ языкѣ юридическо-административномъ.

Гораздо труднѣе, чѣмъ по отношенію ко всѣмъ другимъ народностямъ, указать элементы *сѣверо-западныхъ* и *сѣверо-восточныхъ славянъ* въ средѣ южно-руссовъ, что зависитъ какъ отъ бѣдности письменныхъ памятниковъ у этихъ народовъ, такъ еще болѣе отъ родственной близости ихъ съ туземцами, которая мѣшаетъ ихъ выдѣленію. Еще раньше (см. гл. IV), при разсмотрѣніи этнографическаго состава высшаго землевладѣльческаго сословія литовской Руси, мы уже указали на присутствіе западно и сѣверно-руссовъ между земянами, но они несомнѣнно были и внѣ этой сферы; такъ встрѣчаемъ новгородскихъ купцовъ въ галицкихъ и волынскихъ городахъ [5]), московскихъ купцовъ—въ Кіевѣ [6]) (черезъ который шла

---

[1]) Первольфъ, стр. 277—282.

[2]) «Ипатск. лѣт.», стр. 488; Первольфъ, стр. 163; Шараневичъ, стр. 152, 234

[3]) Chodenecki, стр. 53.

[4]) Первольфъ, стр. 251—252.

[5]) Шараневичъ, стр. 115.

[6]) Антоновичъ, «Кіевская Старина», стр. 37; *Соловьевъ*, «Исторія Россія, т. V, стр. 223.

дорога изъ Москвы въ Константинополь) и въ другихъ литовскихъ городахъ [1]). Но самое сильное общеніе южно-руссовъ съ сѣверно-руссами было на сѣверо-восточныхъ границахъ, гдѣ поселеніе тѣхъ и другихъ соприкасалось и гдѣ происходили безпрерывныя взаимныя сношенія [2]), чего мы и коснемся въ слѣдующей главѣ.

И. Житецкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) Кукольникъ, стр. 65; Соловьевъ, т. V, стр. 219—220.

[2]) Акты относящ. къ ист. западной Россіи, т. I, гг. 1456, 1486, 1492, стр. 71 и слѣд.; т. II, г. 1509, стр. 60, 62, 66, 143; 1534 г., стр. 327.

ЦЕРКОВЬ и ВИЗАНТІЙСТВО [1]).

Одно только невѣжество можетъ смѣшивать церковь, т. е. строгое и логическое развитіе начала христіанскаго, съ обществами, признающими, но не воплощающими его. *Хомяковъ.*

(Памяти Ф. А. Терновскаго и по адресу В. С. Соловьева).

Кто не помнитъ того единодушнаго горестнаго участія, какимъ ознаменовались въ Кіевѣ проводы въ безвременную могилу ученаго, имя котораго до тѣхъ поръ оставалось едва-ли не для большинства нашего общества если и не совсѣмъ незнакомымъ, то мало и смутно извѣстнымъ. На профессоровъ духовныхъ академій привыкли у насъ смотрѣть, какъ на такихъ спеціалистовъ особаго покроя, которые рѣшительно составляютъ для общества отрѣзанный ломоть. Правда, покойный Терновскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и профессоромъ университета, но вѣдь онъ читалъ и въ немъ опять такую «мертвую спеціальность», какъ церковная исторія! Вѣдь и для большинства тѣхъ, которые, казалось-бы, такъ единодушно—осмысленно провожали въ могилу Достоевскаго, остается вовсе неяснымъ, какую

[1]) Извѣстный нашъ мыслитель, Вс. С. Соловьевъ своею эксцентрическою, хотя искренно проводимою и поддерживаемою мыслію о необходимости для насъ новой уніи съ Римомъ, въ видахъ оживленія и упорядоченія нашей церкви, давно вызывалъ и насъ на отвѣтъ, такъ какъ этою мыслію онъ рѣшительно подрывалъ значеніе той вѣковой борьбы нашего народа съ папствомъ, которая составляетъ самый жизненный нервъ его исторіи и въ большей части ее наполняетъ. Трудно

громадную силу не только составляла въ прошедшемъ, но и должна будетъ составлять въ будущемъ именно *церковь* во всей чистотѣ ея кореннаго отличія отъ *государства*, хотя авторъ «Братьевъ Карамазовыхъ» усиленно налегалъ на это въ самыхъ зрѣлыхъ своихъ трудахъ. Большинство читателей видѣло въ этомъ у знаменитаго романиста-психолога только болѣзненную причуду, которая должна быть просто устранена изъ его произведеній. Но если вопросъ *о церкви* непосредственно связанъ съ оффиціальнымъ положеніемъ автора, то ему окончательно трудно дождаться вниманія большинства. Вниманіе это можетъ быть возбуждено только какимъ-нибудь слухомъ о разладѣ автора съ оффиціальнымъ его положеніемъ, о внесеніи имъ въ свой трудъ чего-то будто совсѣмъ посторонняго, тѣмъ только и способнаго возбудить общественный интересъ. Покойный Ф. А. Терновскій, независимо отъ офиціальнаго своего положенія и обстоятельствъ своей служебной карьеры, заслуживаетъ полнаго вниманія общества какъ ученый, который живѣйшимъ образомъ принималъ къ сердцу вопросъ о церкви во всей его чистотѣ.

Въ некрологѣ Ф. А. Терновскаго въ «Новомъ Времени» оказалась важная опечатка—пропускъ: въ перечнѣ трудовъ покойнаго не приведенъ послѣдній и самый важный его трудъ: «Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ», трудъ, появившійся, какъ извѣстно, въ Кіевѣ въ 1883 г., и на обложкѣ коего мы чита-

---

однакожъ было-бы намъ, стоя на строго исторической, притомъ ограниченной почвѣ, возражать г. Соловьеву, витающему въ широкой области отвлеченныхъ умствованій. Тѣмъ охотнѣе даемъ мы мѣсто настоящей статьѣ уважаемаго. О. О. Миллера, какъ попыткѣ принципіальнаго разрѣшенія того вопроса о свободѣ и независимости церкви, ея цѣльности и единствѣ, который ходомъ событій выдвинутъ былъ съ особою силою въ исторіи западно-русской церкви и категорически, вопреки толкованію г. Соловьева, разрѣшенъ въ памятную эпоху введенія уніи (См. въ август. кн. Кіев. Стар. 1884 г. ст. О. П. Левицкаго: Основныя черты внутренняго строя западно-русской церкви въ XVI и XVII ст.). Не смотря на подборъ фактовъ, ограниченный лишь излюбленною идеею автора, не смотря на узкія рамки, въ какихъ представляется истинный союзъ церкви съ государствомъ, и неточность нѣкоторыхъ его выводовъ, напр. объ участіи кіево-могилянской коллегіи въ развитіи идеи цезарео-папизма, статья эта послужитъ, надѣемся, новымъ опроверженіемъ той искусственно созданной мысли объ уніи съ Римомъ, примѣненіе которой въ исторіи нашего народа стоило ему такой тяжкой борьбы, страданій и цѣлыхъ потоковъ крови.

Ред.

емъ: приготовляется къ печати *синхронистическое изложеніе византійской и славяно-русской церковной исторіи отъ 842 по 1453 г.* Неожиданная смерть на 46 году жизни помѣшала автору издать это продолженіе своего труда. Если оно сохранилось, какъ надобно думать, въ его бумагахъ, то рано или поздно оно появится на свѣтъ Божій. А пока лучшею данью покойному будетъ—постараться выяснить существенныя черты той капитальной части его труда, которая появилась еще при его жизни. Это очень кстати и потому, что трудъ покойнаго дастъ основаніе отвѣтить на вопросъ, недавно поднятый В. С. Соловьевымъ въ «Извѣстіяхъ Славянскаго Общества», съ такой стороны, которой, кажется, не касался никто изъ его возражателей.

Какъ видно изъ посмертныхъ отзывовъ о Терновскомъ и какъ не трудно заключить изъ его собственнаго труда, покойный былъ *человѣкъ* въ настоящемъ смыслѣ этого слова. По мнѣнію нѣкоторыхъ, слово *человѣкъ* должно быть устранено, какъ опасный соблазнъ, изъ государственной сферы, по мнѣнію другихъ, едва-ли не такимъ-же соблазномъ служитъ оно и въ сферѣ церковной. Прочтите напримѣръ сочиненія—неоспоримо талантливаго г. Леонтьева: «Византизмъ и Славянство» и «Наши новые христіане», и вы убѣдитесь въ послѣднемъ (набросокъ отвѣта г. Леонтьеву можно найти въ записной книжкѣ Достоевскаго) [1]). Терновскій былъ другаго мнѣнія—и, встрѣчая въ строѣ восточной имперіи черты, носившія на себѣ отпечатокъ нечеловѣческій, прямо признавалъ ихъ нехристіанскими, хотя-бы тѣ, въ комъ онѣ проявлялись, оффиціально числились въ свое время «благовѣрными» и «благочестивѣйшими». Какъ поборникъ человѣчества въ его христіанскомъ, *обожествленномъ* смыслѣ, покойный не могъ быть причастенъ тому фарисейству, тому религіозному лицемѣрію, которое каждогодно осуждается въ церкви за заутреню великаго вторника чтеніемъ евангелія отъ Матѳея: «горе вамъ книжники и фарисеи лицемѣры» (гл. XXIII). Онъ понимаетъ, что фарисейство ведетъ къ тому, что прямо надо назвать, horribile dictu, религіозной безнравственностью. Въ этомъ отношеніи онъ прямо сходится съ Хомяковымъ въ его

[1]) Въ 1 т. Полнаго Собранія его сочиненій.

такъ мало у насъ оцѣненныхъ «Запискахъ о всемірной исторіи» (т. III и IV полнаго собранія сочиненій Хомякова).

«Язычество признало побѣду христіанства, но не умерло, говоритъ Терновскій; напротивъ того оно вошло въ христіанское общество со всѣми своими страстями и пороками. При наплывѣ въ христіанское общество людей, которые принимали новую вѣру только потому, что это было выгодно, нравственные идеалы христіанства помутились. Не было мучителей, не было костровъ и лютыхъ звѣрей, къ которымъ можно было-бы броситься, чтобы стяжать вѣнецъ мученическій, но за то не было и вѣнца» (стр. 62—63).

О томъ, какимъ образомъ переходъ въ христіанство могъ стать *выгоднымъ*, и о пагубномъ дѣйствіи обращенія христіанства въ государственную религію такъ убѣдительно говорилъ Хомяковъ, и остается только удивляться, что Терновскій не ссылался на него.

«Признаніе ученія апостольскаго, читаемъ мы въ «Запискахъ» Хомякова, вѣрою государственною имѣло важныя послѣдствія, мало и даже едва-ли замѣченныя историческою критикою. Древній Римъ назначалъ себѣ боговъ, признавая себя дѣйствительно единственнымъ богомъ для всѣхъ гражданъ. Такова причина, почему не было возмущенія противъ введенія христіанства императорами... Императоръ, какъ представитель имперіи, имѣлъ законное право назначить новаго и отставить старыхъ боговъ. Ѳеодосій пользовался тѣмъ-же правомъ и дѣйствовалъ, самъ того не замѣчая, въ томъ-же нехристіанскомъ смыслѣ. Высокое понятіе о личной вѣрѣ, свободно образующей святую общину, исчезло въ понятіи государственной религіи, обязательной извнѣ... Не то государство есть христіанское, которое признаетъ христіанство, но то, которое признается христіанствомъ; ибо не церковь благословляется государствомъ, но государство церковью... Имперія, объявляя себя христіанскою, присвоила себѣ право, не принадлежащее ей, и давала себѣ безъ согласія церкви (т. е. не только епископовъ, но и внутренняго смысла церкви) мнимое освященіе церковное. Такимъ образомъ вѣра выступала какъ видимая порука за весь государственный строй, чуждый вѣрѣ и завѣщанный міромъ языческимъ... глубокія требованія христіанина отъ міра гражданскаго были усыплены императорскою властію и идея государства истинно христіанскаго исчезала изъ

сознанія, изъ воображенія, изъ надеждъ и, такъ сказать, изъ инстинктовъ человѣческихъ» (487—48).

«Уши, закрытыя для проповѣди евангельской, открылись убѣжденію императорскаго голоса, и прежніе христіане—мученики исчезли въ толпѣ новыхъ христіанъ льстецовъ... Обращеніе Константина продлило на многіе вѣка существованіе византійской имперіи, но имперія не спаслась отъ гибели, потому что сама (т. е. какъ государство) она не приняла христіанства (479). Мертвое тѣло эллино-римлянина давило христіанина» (564).

Сначала церковь усиленно заботилась о томъ, чтобы христіанство принималось вполнѣ свободно, по внутреннему убѣжденію, чтобы переходъ въ него не соединялся ни съ какими житейскими выгодами. Объ этомъ обстоятельно говорится въ недавно напечатанномъ прекрасномъ трудѣ одного изъ питомцевъ московской духовной академіи, г. Кипарисова: «О свободѣ совѣсти въ древней церкви». Авторъ только нѣсколько увлекается, стараясь взвалить всю вину развитія поощрительнаго начала на свѣтскую власть, тогда какъ и сама церковная іерархія мало по малу стала выказывать готовность прибѣгать не только къ поощреніямъ, но и къ преслѣдованіямъ за вѣру. «Христіанскій міръ (говоритъ Терновскій) заботился не столько объ очищеніи себя отъ моральной языческой порчи, сколько о расширеніи своихъ предѣловъ на счетъ языческаго міра и объ окончательномъ, хотя-бы даже насильственномъ, подавленіи сего послѣдняго» (102). Не долго продолжалась та пора, памятникомъ которой остались золотыя слова «христіанскаго Цицерона»—Лактанція: «къ религіи нельзя принуждать. Ничего нѣтъ столь добровольнаго, какъ религія. Религія—дѣло по преимуществу добровольное, и нѣтъ никакой необходимости, которая заставила-бы кого либо чтить то, чего онъ не хочетъ. Можно только притвориться, но нельзя въ самомъ дѣлѣ захотѣть насильно» (103). Въ томъ-же духѣ высказывался и св. Григорій Богословъ: «я признаю законнымъ не принуждать, а убѣждать, и нахожу это болѣе полезнымъ, какъ для насъ самихъ, такъ и для тѣхъ, кого приводимъ къ Богу. Невольное, сдерживаемое силою, какъ стрѣла, остановленная тетивою и могучей рукою... при первомъ удобномъ случаѣ презираетъ сдерживающую силу. А добровольное всегда твердо, потому что связано неразрѣшимыми узами любви». Но образъ мыс-

лей св. Григорія, по замѣчанію Терновскаго, далеко не всѣми православными былъ раздѣляемъ (125). Такіе, согласные съ ними и съ Лактанціемъ, настоящіе церковные дѣятели, какъ Василій Великіе и Іоанны Златоусты, все болѣе и болѣе становились рѣдкими. Христіанскій призывъ человѣчества къ свободному, внутреннему единству находилъ слишкомъ сильный отпоръ въ томъ началѣ единства внѣшняго, принудительнаго, которое воплотилось въ міродержавномъ Римѣ, этомъ увѣнчаніи зданія, возведеннаго классическою древностью. Какъ богатымъ, по слову Христову, трудно войти въ царство небесное, такъ и истые сыны классической культуры не легко попадали въ тѣ спасительныя сѣти, которыми смиреннымъ галилейскимъ ловцамъ предстояло уловить вселенную. Но не даромъ совершилось чудо Пятидесятницы, не даромъ всяческіе, пренебрегаемые греко-римскимъ міромъ, варвары услышали апостоловъ проповѣдующими на всевозможныхъ, отвергнутыхъ имъ языкахъ. Эти-то варвары главнымъ образомъ и воспринялн то новое вино, которое трудно-бы было вмѣстить мѣхамъ старымъ.

«Если мы припомнимъ, говоритъ Терновскій, изъ какихъ сложныхъ элементовъ слагалась іерархія и церковная литература въ своемъ золотомъ вѣкѣ, если мы припомнимъ, что Оригенъ, Аѳанасій, Кириллъ, Антоній, Пахомій и др. были египтяне, Саисій—уроженецъ Киринеи, Ефремъ, Ѳеодоръ, Іоаннъ Златоустъ, Ѳеодоритъ—сирійцы, Василій Великій, Григорій Кесарійскій—армяне, Григорій Богословъ—армяно-каппадокіецъ, то мы поймемъ, какимъ оскудѣніемъ въ церковной литературѣ и жизни должна была отозваться монополія іерархическаго и богословскаго авторитета, усвоеннаго себѣ греками съ VII ст. Благодаря этой узкой національной исключительности (такъ знакомой намъ изъ исторіи болгарскаго вопроса и такъ несообразной съ универсальнымъ характеромъ христіанства) церковная жизнь византійской имперіи стояла ниже гражданской, которая постоянно освѣжалась отъ притока другихъ національностей, болѣе грубыхъ, но менѣе изжившихся» (406). Ради этой-то узкой національной исключительности покойный митрополитъ Макарій въ своей исторіи русской церкви и назвалъ грековъ «нѣмцами древней Руси». Съ этой національною исключительностью Византіи вовсе не согласовалось великое дѣло славянскихъ первоучителей, потому-то едва-ли и истыхъ грековъ, во всякомъ случаѣ

находившихся подъ сильнымъ вліяніемъ мѣстной славянской стихіи. Если дѣло это и допущено было Византіею въ политическихъ видахъ, какъ средство отвлечь славянъ отъ церковнаго подчиненія западу, то не даромъ уже въ X вѣкѣ Черноризцу Храбру пришлось защищать это дѣло отъ предубѣжденныхъ въ своей исключительности грековъ. Но вѣдь эти византійскіе греки сами себя величали *Ромеями*, вѣдь государственнымъ языкомъ Византіи была латынь: обѣ стихіи классическаго міра сливались въ имперіи, не даромъ называвшейся восточною *римскою*. На это давно уже обращено вниманіе В. И. Ламанскимъ, хотя нашъ многоуважаемый славистъ и не выводитъ отсюда всего того, что, казалось-бы, должно быть выведено. Дѣло въ томъ, что хотя недавно насъ приглашали «призвать къ себѣ Рюрика изъ Рима», но на самомъ дѣлѣ подобнаго рода «Рюрикъ» давно уже проникъ къ намъ чрезъ Византію, и намъ не только не нужно обзаводиться новыми, а нужно напротивъ того совершенно раздѣлаться съ прежнимъ—съ римскою стихіею византійства. Эта римская стихія сказалась уже, какъ положительно утверждалъ Хомяковъ, въ самомъ провозглашеніи христіанства государственною религіею со всѣми его неудобными для церкви слѣдствіями. Въ этомъ провозглашеніи, какъ и въ дальнѣйшемъ вмѣшательствѣ въ дѣла церкви, слышался императоръ—понтифексъ, и не даромъ такой ловкій оппортунистъ, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, счелъ полезнымъ указать на это Петру, обзаводившемуся съ другой стороны графами римской имперіи [1]). Между тѣмъ считавшіе себя опекунами и покровителями церкви византійскіе императоры плохо вслушивались въ богослужебный стихъ: «слицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся». Можно-ли признать «облекшимся во Христа» Ѳеодосія Великаго, если въ силу его приказанія (можетъ быть слишкомъ усердно выполненнаго) убито было въ ипподромѣ нѣсколько тысячъ солунянъ, и Амвросій Медіоланскій, какъ прямой представитель церкви, долженъ былъ

[1]) Крайне тяжелое впечатлѣніе произвелъ на насъ газетный отчетъ о диспутѣ въ петербургской духовной академіи, на которомъ будто-бы проводилась мысль о *народности* въ направленіи Ѳеофана. Ужь *не народенъ-ли* послѣ этого и Ст. Яворскій, котораго «Камень Вѣры» приняли подъ защиту прямые іезуиты?! Или не къ еретическимъ-ли трудамъ должно отнести диссертацію Ю. О. Самарина?!

воспретить ему входъ во храмъ. Но тотъ-же Ѳеодосій съ другой стороны, по замѣчанію Терновскаго, обнародовалъ свое исповѣданіе вѣры, какъ обязательное для всѣхъ подданныхъ, въ указѣ, имѣвшемъ тонъ военнаго деспотизма: «мы желаемъ, чтобы всѣ подвластные намъ народы, содержали вѣру, преданную римлянамъ св. апостоломъ Петромъ» (121). Послѣднее-же слово его было: «я на враговъ Іисуса Христа смотрю, какъ на своихъ собственныхъ» (129), другими-же словами, онъ готовъ былъ и ихъ избивать, какъ тѣхъ, которыхъ велѣлъ избить въ циркѣ. За это-то у нѣкоторыхъ духовныхъ писателей, допускавшихъ такое смѣшеніе Божьяго съ кесаревымъ, Ѳеодосій величается царемъ всехвальнымъ, оставившимъ по себѣ приснопамятную славу (134).

Можно-ли считать «облекшимся во Христа» Юстиніана, если при усмиреніи бунта въ Константинополѣ воины его избили до 30,000 византійцевъ, виноватыхъ и правыхъ (269), а для отлученія императора отъ церкви только не нашлось втораго Амвросія?

Можно-ли признать «облекшимся во Христа» Льва Ораківнина, возведеннаго на престолъ Аспаромъ и приказавшаго потомъ умертвить этого самаго Аспара вмѣстѣ съ двумя его сыновьями? Между тѣмъ, такъ какъ Аспаръ былъ аріанинъ, а Левъ строго православный и другъ духовенства, то исторія воцаренія Льва и его отношеній къ Аспару излагается у церковныхъ писателей въ благопріятномъ для императора видѣ (237).

Дѣло въ томъ, что духъ Амвросія Медіоланскаго и Василія Великаго, какъ и духъ Лактанція и Григорія Богослова, этихъ прямыхъ дѣятелей *церкви* или настоящаго *православія*, постепенно оскудѣвалъ не только на римскомъ западѣ, но и на греко-римскомъ востокѣ. Между тѣмъ съ кровавою памятью Льва Ораківнина связанъ установленный при немъ въ пятницу Пасхи праздникъ Живоноснаго источника, подобно тому, какъ съ неменѣе кровавою памятью болѣе поздняго и политически знаменитаго государя связанъ праздникъ всемірнаго Воздвиженія Животворящаго Креста съ его умилительнымъ богослуженіемъ. Когда церковь оглашается пѣніемъ тропаря: «спаси Господи люди твоя и благослови достояніе твое, побѣды благовѣрному императору нашему на сопротивныя даруя», невольно приходитъ на память, что тропарь этотъ пѣлся предъ Иракліемъ, который освободилъ изъ персидскаго плѣна и снова во-

друзилъ на поклоненіе вѣрнымъ крестъ Господень (при немъ и установленъ праздникъ Воздвиженія), но царствованіе котораго началось съ того, что онъ велѣлъ отсѣчь своему предшественнику Фокѣ руки и ноги, а затѣмъ изрѣзать его живымъ на куски! Говорить-ли о томъ, какъ вдова Ираклія и его сынъ, по опредѣленію благовѣрнаго синклита, отправлены были въ ссылку—она съ урѣзаньемъ языка, а онъ съ урѣзаньемъ носа? Вспоминать-ли о Константинѣ Погонатѣ, урѣзавшемъ носы своимъ двумъ братьямъ и послѣ этого продолжавшемъ, какъ-бы въ насмѣшку, въ теченіи 12 лѣтъ титуловать ихъ августами, или о послѣднемъ Ираклидѣ Юстиніанѣ, по прозвищу Ринотметѣ, снова водворившемся послѣ своего сверженія съ престола и искалѣченія и оставившемъ по себѣ такую память, что каждый разъ, когда онъ снималъ золотой покровъ съ своего изувѣченнаго носа для того, чтобы омыть и провѣтрить его,—это было предвѣстіемъ казни кого-либо изъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ царскихъ лиходѣевъ (398). Греческій историкъ Панарригопуло увѣряетъ, будто греки заимствовали обычай членоотсѣченія у сѣверныхъ варваровъ. «Напротивъ, замѣчаетъ Терновскій, мы, сѣверные варвары, учились у грековъ жестокой казни ослѣпленія,—и притомъ если въ русской исторіи и были отдѣльные случаи ослѣпленія, то они ничтожны сравнительно съ тѣми ослѣпленіями въ громадномъ размѣрѣ, какія были совершаемы греческими императорами[1]). Василій Болгаробойца ослѣпилъ 20,000 болгаръ, а Константинъ Мономахъ 800 русскихъ (408).

Какъ-бы ни-было, но всѣ эти отступники духа вѣры и благочестія величались «благовѣрными» и «благочестивѣйшими». Ихъ изображенія торжественно носились по улицамъ для народнаго поклоненія. Когда изображенія императора Фоки и его жены принесены были въ Римъ, то папа Григорій поставилъ ихъ въ церкви св. Кесарія въ латеранскомъ дворцѣ. Сохранились два письма папы къ Фокѣ, въ которыхъ онъ осыпаетъ его льстивыми похвалами, жалуясь на грубое обращеніе императора Маврикія—того самаго, котораго Фока, свергнувъ съ престола, казнилъ, предварительно-же заставилъ быть очевидцемъ казни родныхъ сыновей (356). Тотъ-же Фока особеннымъ образомъ увѣчилъ и выставилъ на поруганіе отсѣченные

[1]) Это еще ранѣе замѣчено было Н. И. Костомаровымъ.

члены подданныхъ, упрекавшихъ царя въ пьянствѣ, кончилъ-же тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, что самъ разрѣзанъ былъ на куски и преданъ такому-же поруганію Иракліемъ.

Что-же поддерживало обаяніе власти и положенія въ сферѣ церковной этихъ прямыхъ подражателей Тиверія и Нерона, какъ не сохраненіе за ними стараго языческаго апоѳеоза?

Въ одной диссертаціи, недавно защищенной въ петербургской духовной академіи, говорится: «языческій Римъ оставилъ въ наслѣдство Риму христіанскому культъ императоровъ, который былъ обставленъ внѣшними пріемами, заимствованными отъ персовъ» (стало быть пріемами также нехристіанскаго происхожденія). Но авторъ счелъ себя обязаннымъ прибавить, что «культъ былъ смягченъ и видоизмѣненъ подъ вліяніемъ христіанскихъ идей». «Христіанство, продолжаетъ онъ, въ лицѣ Тертулліана и др., возставало противъ такого культа до тѣхъ поръ, пока онъ выражался въ апоѳеозѣ императоровъ. Но какъ скоро рѣшено было, что культъ есть только способъ почтенія верховной власти, отцы церкви не могли противъ него возражать». Почему-же? и какъ будто-бы вовсе не возражали? Какъ-же тогда Василій Великій на угрозы префекта Модеста за то, что онъ *не держится одной вѣры съ царемъ*, возражалъ: «для меня важно быть въ общеніи съ вами правителями (почему и не такъ? и вы—Божія тварь), впрочемъ не важнѣе, чѣмъ быть въ общеніи со всякимъ другимъ изъ подчиненныхъ вамъ, потому что христіанство опредѣляется не достоинствомъ лицъ, а вѣрою» (см. у Терновскаго стр. 114). «Христіанами, утверждаетъ г. Скабалановичъ, допущенъ былъ взглядъ, что императоръ есть человѣкъ, стоящій непосредственно за Богомъ, который получилъ отъ Бога то, чѣмъ владѣетъ, и который ниже одного Бога». Но какъ-же тогда церковь приглашала и императоровъ на ряду со всѣми вѣрующими обращаться къ предстательству передъ Богомъ угодниковъ, хотя-бы эти угодники были *юродствующіе простолюдины?* Но одно дѣло—церковь, другое—византійствующіе іерархи, имя-же имъ было легіонъ. «На императора, говоритъ далѣе г. Скабалановичъ, перенесена была извѣстная степень божественнаго величія, выразившаяся во внѣшнихъ формахъ и наименованіяхъ, остатки которыхъ замѣчаются и въ XI вѣкѣ. Къ императору прилагаются эпитеты, указывающіе на его святость и божественность... Императору отдава-

лось почитаніе богоравное (ἰσόθεος), выражавшееся въ поклоненіи (προσκύνησις) и въ славословіяхъ (εὐφήμιαι)... Поклоненіе состояло въ наклоненіи головы до самой земли и цѣлованія руки, славословія заключались въ многолѣтіяхъ, къ которымъ присовокуплялись хвалебные эпитеты; въ этихъ славословіяхъ даже въ XI в., по свидѣтельству папы Льва IV, удерживалась отчасти латинская терминологія... Царь при торжественныхъ пріемахъ возсѣдалъ на серебряномъ тронѣ, отдѣленномъ отъ пространства, предназначавшагося для публики, завѣсой, которая, когда нужно было, поднималась и опускалась... Открытіе и закрытіе завѣси сопровождалось славословіями» [1]).

Книга, изъ которой приведены эти выдержки, своею фактическою стороною вполнѣ подтверждаетъ воззрѣнія Терновскаго, хотя авторъ и не позволяетъ себѣ отзываться, подобно покойному кіевскому профессору, съ прямымъ осужденіемъ о томъ, съ чѣмъ никакъ не мирится живое христіанское чувство.

Мы слышали угрозы свѣтской власти Василію Великому за то, что онъ «держится не одной вѣры съ царемъ». Св. Василій побѣдоносно устоялъ противъ угрозъ царя—аріанина. Но была пора, когда и самъ Константинъ Великій, считая православныхъ уже достаточно удовлетворенными постановленіями никейскаго собора, ждалъ отъ нихъ нѣкоторыхъ уступокъ аріанамъ (не даромъ же и историкъ его былъ въ душѣ аріанинъ), но встрѣтивъ сопротивленіе православныхъ принятію въ общеніе аріанъ, онъ прибѣгъ къ репрессивнымъ мѣрамъ, имѣвшимъ цѣлію научить, что опредѣленіямъ самодержца, направленнымъ къ защитѣ истины, противиться не должно (24).

Когда-же императоры пропагандировали своими декретами не ересь, а православіе, и соединяли такую пропаганду съ угрозами, то едва-ли не большинство духовенства уже не считало такого подкрѣпленія вѣры государственнымъ авторитетомъ ни дерзновеннымъ, ни хотя-бы только излишнимъ.

«Къ законамъ противъ еретиковъ, говоритъ безъ всякаго порицанія Созоменъ, Осодосій Великій присовокупилъ и тяжкія наказанія, не приводя ихъ однакоже въ исполненіе, потому что хо-

[1]) Скабалановича, Виз. госуд. и церковь въ XI в., стр. 144—147.

тѣлъ не наказывать подданныхъ, а только постращать ихъ, чтобы они одинаково съ нимъ мыслили о Богѣ» (129—130).

Самъ патріархъ въ лицѣ впослѣдствіи ставшаго еретикомъ (странная иронія рока!) Несторія такимъ образомъ обратился въ 428 г. къ императору: «Дай мнѣ землю, очищенную отъ еретиковъ, и я тебѣ дамъ за это небо. Помоги мнѣ истребить еретиковъ, и я помогу тебѣ истребить персовъ» (157).

Это была, говоритъ Терновскій, обратная сторона или, лучше сказать, неудачное примѣненіе той высокой идеи о *единствѣ человѣчества*, которой не знало язычество и которая была принесена христіанствомъ» (234).

Но если язычество не знало единства въ смыслѣ всечеловѣческаго братства, то оно вѣдь завершилось единой римской державой. По распаденіи ея на двѣ части и сокрушеніи ея такъ называемыми варварами на западѣ, она вездѣ завѣщала новому Риму въ лицѣ его христіанскихъ первосвященниковъ свои преданія міроваго владычества, какъ будто теперь духовнаго, въ сущности-же снабженнаго всѣми принудительными аттрибутами стараго государственнаго начала, а потому и доходившаго до всевозможныхъ ужасовъ и преступленій. На востокѣ-же уцѣлѣло само государство во всей полнотѣ своего римскаго строя, и въ силу міродержавныхъ преданій Рима византійскіе государи смотрѣли на свою имперію, какъ на единое тѣло для единаго христіанскаго духа, а на себя, какъ на единыхъ царей всего христіанства, съ принятіемъ котораго должна была соединяться зависимость отъ ихъ верховной власти всякихъ другихъ «такъ называемыхъ» царей. Такъ смотрѣлъ на дѣло тотъ цареградскій патріархъ, который упрекалъ великаго князя Василія Дмитріевича, что при немъ перестали у насъ поминать на ектеніяхъ византійскаго императора. «Какъ будто можно признавать церковь и не признавать царя», писалъ онъ въ своемъ любопытномъ посланіи, на которое обратилъ вниманіе В. И. Ламанскій, не сдѣлавшій однако и тутъ, какъ мнѣ кажется, всѣхъ тѣхъ выводовъ, которые слѣдовало-бы сдѣлать. Выводы эти привели-бы опять къ тому, что къ намъ черезъ Византію давно уже проникалъ Римъ, что хотя мы порою старались раздѣлаться съ нимъ, но окончательно раздѣлаться не могли, такъ что въ новомъ усиленномъ признаніи Рима не представляется намъ ни малѣйшей надобности.

«Бога бойтеся, царя чтите», приводилъ патріархъ нашему великому князю слова апостола Петра, приводилъ, толкуя: не сказалъ «*царей*, а *царя*»—въ томъ будто-бы смыслѣ, что всего и можетъ и долженъ быть одинъ царь на весь крещеный міръ. Выходило, значитъ, что какъ Богъ одинъ, такъ и царь одинъ, т. е. исключительное право на царскую власть имѣетъ тотъ византійскій царь, который, по словамъ г. Скабалановича, «стоялъ непосредственно за Богомъ», на котораго «перенесена была извѣстная (и, какъ видно, не малая) степень божественнаго величія». Вѣдь это своего рода противень папы, какъ намѣстника Іисуса Христа! Но *pontifex maximus* не сразу воскресъ въ лицѣ епископовъ римскихъ. Терновскій указывалъ на то, что папа Григорій Великій, по поводу притязаній константинопольскаго патріарха Іоанна Постника величаться вселенскимъ, въ письмахъ къ императору Маврикію старался показать, какая опасность угрожаетъ церкви отъ главенства одного епископа надъ всѣми прочими. «Прочь всѣ титла, питающія тщеславіе и нарушающія любовь», писалъ онъ александрійскому патріарху, когда тотъ обратился къ нему съ тѣмъ-же титуломъ вселенскаго. Долго многіе изъ папъ представляли только смѣлый отпоръ императорамъ въ ихъ стремленіи «наскакивать на церковь Божію». Употребляю позднѣйшее выраженіе западно-русскихъ епископовъ въ ихъ посланіи къ патріарху цареградскому по поводу независимаго отъ него избранія въ митрополиты Григорія Цимвлака. Этимъ «наскакиваніемъ» всегда тяготились лучшіе церковные дѣятели въ самой Византіи. И вотъ, можетъ быть, главная причина того уваженія на востокѣ къ каѳедрѣ римской, на которое указывалъ въ своихъ статьяхъ В. С. Соловьевъ. Но если цареградскіе патріархи, каѳедра которыхъ находилась прямо на глазахъ у престола царскаго, рѣдко отваживались самостоятельнымъ образомъ дѣйствій навлекать на себя гнѣвъ «святыхъ» по своему положенію царей, то и римскіе папы не всегда-же пользовались тѣмъ удобствомъ, какое имъ представляло отсутствіе вблизѣ ихъ каѳедры императорскаго престола. Тотъ-же папа Григорій, какъ видѣли мы, счелъ-же возможнымъ и нужнымъ внести въ храмъ изображенія императора Фоки и его супруги. Съ другой стороны они издавна уже стали пользоваться тѣмъ-же удобствомъ своего положенія съ цѣлью мало по малу развить свою собственную власть до такого-же міродержавнаго и принудительнаго значенія, какимъ

запечатлѣна была власть императорская. Выйдя на этотъ путь, папство ознаменовало себя такими дѣйствіями, которыя при идеѣ происхожденія папской власти чрезъ апостола Петра отъ самаго Христа представляются окончательною мерзостью запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Кончилось-же тѣмъ, что Западъ дошелъ до возведенія въ догматъ папской непогрѣшимости, тогда какъ на христіанскомъ востокѣ постоянно оставалось только непобѣжденнымъ церковью *фактомъ* такъ называемое *цезареопапство*.

«Юстиніанъ, говоритъ Терновскій, былъ самымъ крупнымъ представителемъ того отношенія государства къ церкви, которое извѣстно подъ характернымъ именемъ *цезареопапства*... Если царь есть помазанникъ Божій, избранный и вдохновляемый самимъ Богомъ, то понятно, что царскія полномочія простираются и на область дѣлъ религіозныхъ. 1) Царь можетъ и долженъ покровительствовать церкви въ лицѣ ея служителей. 2) Царю принадлежало право.... замѣщать высшія іерархическія должности.—Духовныя лица иногда возставали противъ такого участія императора въ дѣлахъ церковныхъ, но неудачно и неосновательно, ибо это былъ другой логическій выводъ изъ того-же принципа, въ силу котораго императоръ покровительствовалъ церкви и ущедрялъ ея служителей (т. е. допустивъ одно, логически пришлось допустить и другое). 3) Іерархія господствующей церкви всегда стремилась направлять царскій мечъ на враговъ и противниковъ церкви и на непослушныхъ овецъ, не хотѣвшихъ войти *во дворъ овчій*... Но такъ какъ царь... *не безъ ума мечь носитъ*, то понятно, что онъ долженъ былъ... опредѣлить законность притязаній іерархіи и установить надлежащую имъ мѣру. Это по необходимости вовлекало царя въ участіе въ догматическихъ спорахъ. Онъ долженъ былъ становиться такъ сказать третейскимъ судьею между іерархіею господствующей церкви и еретиками... За царемъ оставалось право обнародовать своими указами обязательную для всѣхъ подданныхъ норму православнаго выраженія и заключительное рѣшеніе по догматическому вопросу» (282—284).

Желая сдѣлать уступку монофизитамъ и державшему ихъ сторону папѣ, Юстиніанъ потребовалъ осужденія трехъ умершихъ церковныхъ писателей, устоявшихъ однако-же передъ судомъ халкидонскаго собора.

... «Въ средѣ православныхъ, говоритъ Терновскій, *осужденіе трехъ главъ* было принято съ большимъ неудовольствіемъ, какъ выраженіе личнаго произвола императора». «Къ чему послужитъ осужденіе наше, говорили западные богословы, если умершіе не могутъ исправиться въ своихъ заблужденіяхъ? Но и къ чему намъ вести войну съ умершими?»... Въ восточной половинѣ имперіи Юстиніанъ нашелъ болѣе сочувствія или по крайней мѣрѣ меньше противоборства своимъ планамъ. Право царской власти вмѣшиваться въ догматическіе споры закрѣплено было тамъ долговременною практикою. Но и папа было сдался, а потомъ опять отказался отъ своего согласія. Оставалось созвать вселенскій соборъ, въ Италіи, какъ желалъ папа; но императоръ настоялъ на болѣе сподручномъ Константинополѣ. «Соборъ состоялся безъ папы и разумѣется велъ свои совѣщанія безъ разногласія и затрудненій по программѣ изложенной въ грамотѣ императора». *Три главы* были осуждены, а равно и знаменитый Оригенъ. Императоръ сталъ ссылать епископовъ, не согласившихся на осужденіе трехъ главъ; онъ издалъ эдиктъ въ монофизитскомъ духѣ, а патріарха Евтихія, возставшаго противъ этого, отправилъ въ ссылку (299—300).

Евтихій поплатился за то, что не хотѣлъ признать «союза государства съ церковью» въ томъ смыслѣ, какъ понималъ императоръ Юстиніанъ. Въ томъ-же смыслѣ понималъ этотъ «союзъ» и императоръ Конста, когда издалъ типъ: «воспрещаемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ каѳоликамъ спорить впредь какимъ-бы то ни было образомъ объ одной волѣ или одномъ дѣйствіи, двухъ дѣйствіяхъ или двухъ хотѣніяхъ». Горячо возсталъ противъ типа римскій папа Ѳеодоръ. На соборѣ въ Римѣ онъ отлучилъ отъ церкви константинопольскаго патріарха Павла, по совѣту котораго изданъ былъ типъ (393—384). Но папа при этомъ уже выказалъ всю полноту притязаній римскаго престола на непосредственное и исключительное общеніе со Христомъ, дерзнувъ подписать актъ отлученія Кровію Христовою! За папу Ѳеодора поплатился преемникъ его Мартинъ Исповѣдникъ, раздѣлившій участь другаго исповѣдника, св. Максима, принадлежавшаго уже не западу, а востоку. То были возставшіе съ разныхъ концовъ христіанскаго міра дружные исповѣдники истинной церковности, не мирившіеся съ Юстиніановскимъ пониманіемъ союза между церковью и государствомъ.

Но вотъ въ силу того-же союза новый Юстиніанъ, такъ называемый Ринотметъ, потребовалъ отъ патріарха, чтобы онъ совершилъ молитвословіе на разрушеніе храма Богоматери, на мѣстѣ котораго императору захотѣлось соорудить фонтанъ. Патріархъ сперва отказался, но потомъ прочелъ молитву, оканчивающуюся словами: «Слава Богу терпящему всегда нынѣ и присно» и т. д. (393).

Надо думать, что въ «силу юстиніановскаго союза» случилось и то, что хотя бракъ императора Ираклія съ Мартиною былъ незаконенъ по причинѣ близкаго родства, и патріархъ Сергій настойчиво умолялъ царя отказаться отъ этого брака, дѣло кончилось тѣмъ, что, видя непреклонность императора, тотъ-же патріархъ самъ перевѣнчалъ его съ Мартиною (380); позже Константинъ VI возненавидѣлъ жену свою Марію по навѣту своей матери Ирины, желавшей привесть сына во всеобщую ненависть, и принудилъ жену постричься, самъ-же беззаконно женился на Ѳеодотѣ кубикуларіи (фрейлинѣ Ирины) и вѣнчалъ ее на царство. Придворный іерей Іосифъ совершилъ царское браковѣнчаніе, а патріархъ Тарасій заблагоразсудилъ покрыть снисхожденіемъ и молчаніемъ совершившійся фактъ... Въ концѣ концовъ приверженцы Ирины (монахи) достигли своего желанія: царь по милости матери потерялъ власть и зрѣніе, а Ирина осталась единодержавною...

Проявленіемъ того-же нечестиваго союза церкви служитъ съ государствомъ наконецъ и то, что при руководствѣ евнуха монаха Іоанна престарѣлая Зоя могла вступить въ бракъ съ молодымъ красавцемъ Михаиломъ Пафлагономъ и возвести его на престолъ императорскій, погубивъ съ его вѣдома своего супруга Романа Аргира, а патріархъ Алексій могъ рѣшиться ихъ обвѣнчать «послѣ того какъ пропѣты были страсти Господни», т. е. послѣ утрени великой Пятницы! Разсказавъ объ этомъ, даже осторожный и уклончивый г. Скабалановичъ выразился такимъ образомъ: «вступленіе на престолъ Михаила Пафлагона было большимъ скандаломъ даже для византійцевъ». Тѣмъ не менѣе онъ нашелъ возможнымъ, объясняя союзничество патріарха съ Зоей въ ея позднѣйшіе черные дни, утверждать, что «и по сану, и по *характеру* онъ былъ защитникомъ справедливости и законности».

---

[1]) Византійское государство и церковь въ XI в., стр. 31 и 372.

«Союзъ церкви и государства» понимался, еще и въ иномъ смыслѣ, именно томъ, что церковь нуждается въ государевой защитѣ отъ своихъ враговъ и что государи обязаны удовлетворять эту ея нужду. Левъ III (иконоборецъ) началъ съ того, что сталъ принуждать ко крещенію евреевъ и монтанистовъ; первые крестились лицемѣрно, вторые спасались отъ принужденія самосожженіемъ. Быть можетъ, замѣчаетъ Терновскій, этими дѣйствіями Левъ III хотѣлъ упрочить за собою репутацію государя православнѣйшаго и благочестивѣйшаго, которая нужна была ему для проведенія церковной реформы (439).

При Михаилѣ I (противникѣ иконоборства) иноки возобладали при царскомъ дворѣ... по ихъ внушенію еретикамъ павликіанамъ законоположена смертная казнь, какому-то Николаю Ексоціониту за хуленіе противъ св. иконъ отрѣзанъ языкъ (489). Не менѣе характерно и то, что монахи обвиняли отставленнаго патріарха Іоанна Грамматика, яко-бы онъ выкололъ глаза у нѣкоего иконнаго изображенія, и требовали, чтобы онъ самъ былъ ослѣпленъ. Императрица Ѳеодора смягчила казнь въ томъ смыслѣ, что онъ получилъ 200 ударовъ бича. Затѣмъ при Ѳеодорѣ послѣдовало кровавое гоненіе на павликіанъ, во время котораго истреблено было различными родами смерти до 100,000 сихъ еретиковъ (498).

По замѣчанію Терновскаго, вѣкъ иконоборцевъ былъ сравнительно легче для павликіанъ. Иконоборцы, занятые борьбою съ православными, мало обращали вниманія на еретиковъ, а ревнители православія, извѣдавъ собственнымъ опытомъ, что они сами могутъ попасть въ число преслѣдуемыхъ, припоминали евангельское изреченіе о томъ, что не должно восторгать плевелъ, чтобы вмѣстѣ съ ними не восторгнуть и пшеницы. Такъ разсуждали по крайней мѣрѣ разумнѣйшіе изъ ревнителей православія, напримѣръ Ѳеодоръ Студитъ, говорившій, что не должно убивать еретиковъ (525). Но онъ-же высказался въ иномъ духѣ по поводу смерти иконоборца Льва V-го, убитаго въ дворцовомъ храмѣ во время утренняго богослуженія въ самый день Рождества Христова 820 г. (Заговорщики вошли подъ видомъ священниковъ и разсѣкли императора по частямъ). «Отступнику надлежало именно такимъ образомъ лишиться жизни, писалъ Ѳеодоръ Студитъ... обнажавшему божественные храмы надлежало въ храмѣ Господнемъ увидѣть обнаженные

противъ него мечи; разрушавшему божественный жертвенникъ слѣдовало не получить пощады у жертвенника» (484).

Были на греко-римскомъ востокѣ и кандидаты въ Равальяки— въ родѣ того монаха, который въ 871 г. бросился съ ножемъ на императора Никифора, какъ на друга еретиковъ (476). Тотъ-же духъ проявлялся по временамъ и въ самой массѣ народной. Такъ при императорѣ Анастасіѣ Диррахитѣ въ Константинополѣ было народное возмущеніе по поводу того, что императоръ будто-бы хотѣлъ, согласно обычаю восточныхъ городовъ, присоединить къ трисвятой пѣсни слова: *распныйся за ны, помилуй насъ*... Бунтовщики *требовали другаго царя римской имперіи*... сожгли домъ эксъэнарха Марина (предполагаемаго совѣтчика императора), разграбили его казну... въ домѣ Марина нашли какого-то восточнаго монаха и, схвативъ его, убили и носили голову его на копьѣ съ крикомъ: «*вотъ навѣтникъ противъ св. Тройцы*» (253).

Послѣ всего этого, кажется, ясно, что Іосифъ Волоцкій имѣлъ основаніе въ своемъ ратованіи противъ «жидовствующихъ» ссылаться на ту кровавую практику византійскую, которая вовсе однакоже не убѣждала его противниковъ, проникнутыхъ истиннымъ духомъ Христовымъ заволжскихъ старцевъ. Своего рода историческое основаніе Волоцкій игуменъ пожалуй имѣлъ и на то, чтобы въ своемъ «Просвѣтителѣ» признавать «градскій законъ» византійскихъ государей столь-же «боговдохновеннымъ», какъ каноны церковные, хотя при этомъ онъ и перетолковывалъ—искажалъ того, на кого ссылался, Никона Черногорца. Но если Іосифъ имѣлъ основанія въ *византійствѣ*, то вовсе не имѣлъ ихъ въ *церкви*, какъ исповѣдывалась она Василіями Великими, Григоріями Богословами, Іоаннами Златоустами, и продолжала исповѣдываться у насъ на Руси Ниломъ Сорскимъ, его послѣдователями заволжскими старцами и троицкимъ игуменомъ Артеміемъ.

Когда Геннадій новгородскій помогъ Іосифу тѣмъ, что сослался еще и на испанскую инквизицію, то онъ только подпустилъ въ давно намъ знакомый восточно-римскій, т. е. византійскій источникъ еще подкрѣпительную струю изъ источника западно-римскаго или папскаго. Впослѣдствіи-же изъ этого послѣдняго влились къ намъ еще и новыя струи чрезъ нѣкоторыхъ питомцевъ позднѣйшей кіево-могилянской школы, позднѣйшей Академіи. Какъ-бы искупленіемъ

этого ея грѣха и является отчасти трудъ ея современнаго намъ профессора, такъ преждевременно ею утраченнаго, трудъ, находящійся въ связи съ тою здоровою струею церковной жизни юго-западной Руси, которая сказалась тамъ въ дѣятельности церковныхъ братствъ и ея литературной защитѣ Христофоромъ Бронскимъ. Другая струя сказалась въ «Папежскомъ духѣ» Симеона Полоцкаго, даже и пробавлявшагося одною латынью, сказалась и въ написанномъ имъ отъ имени патріарха Іоакима «Жезлѣ Правленія» и въ уставѣ московской славяно-греко-латинской академіи съ ея курсами «de contractibus diabolicis» (т. е. объ истребленіи колдуновъ огнемъ и мечемъ), а равно и съ учрежденнымъ при ней инквизиціоннымъ трибуналомъ, съ его *«да сожжется»* за измѣну православію, и наказаніемъ меньшей степени, но все-же государственнымъ наказаніемъ за измѣну *латинству* (что̀ особенно замѣчательно). Не ясно-ли, что мы уже призывали къ себѣ духовныхъ Варяговъ не только чрезъ Византію, но даже и прямо изъ Ватикана. Этотъ прямой призывъ совершился на самомъ рубежѣ древней и новой Руси и въ силу его, какъ разъ передъ петровской реформой, мы стали наконецъ причастны, хотя и въ сравнительно слабой степени, такимъ мерзостямъ западной жизни, какъ кровавое истребленіе предполагаемыхъ колдуновъ и вѣдьмъ и св. инквизиція. Говорю: западной жизни вообще, такъ какъ процессы колдуновъ процвѣтали и у протестантовъ, да и инквизиціонные костры, какъ недавно напомнилъ въ своемъ отвѣтѣ В. С. Соловьеву почтенный А. А. Кирѣевъ, соблазнили-же самаго Кальвина, вслѣдствіе чего игуменъ Артемій и имѣлъ полнѣйшее основаніе проповѣдывать религіозную терпимость и лютерамъ.

Указывая намъ на необходимость живительнаго общенія съ западной церковью, насъ вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряли, будто-бы наша русская церковь была совершенно безплодна—произвела лишь одинъ расколъ. Это самая легкомысленная напраслина про нашу святую церковь. Въ нашей церкви сохранялось такъ долго, и было заглушено только при усиленномъ приливѣ вліяній римскихъ, древнее церковное начало вѣротерпимости, издавна подавленное въ Византіи римскою-же закваскою ея государственной жизни, то начало вѣротерпимости, которое на западѣ вытекало изъ философскаго индиферентизма. Въ нашей церкви крѣпко держались преданія проповѣди

Кирилло-Меѳодіевской съ ея прямо апостольскими пріемами, которые еще такъ недавно сказались у насъ на глазахъ, въ лицѣ такого преемника цѣлаго рода святыхъ предшественниковъ, какимъ былъ въ Сибири покойный московскій митрополитъ Иннокентій. Въ нашей церкви раздался еще въ XIII в. горячій голосъ противъ избіенія колдуновъ и вѣдьмъ, во имя не какихъ нибудь доводовъ разума, а во имя человѣколюбивой боязни напрасной крови, тогда какъ на Западѣ юридическая систематизація этого дѣла оставалась предметомъ самаго человѣкоубійственнаго соревнованія между католиками и протестантами. Самъ увлекающійся виновникъ направленія на нашу церковную жизнь и радѣтель ея обновленья при помощи Запада высказался, какъ извѣстно, однажды въ публичной лекціи противъ смертной казни—и высказался не какъ философъ, а какъ вѣрующій человѣкъ. Но вѣдь онъ въ этомъ случаѣ, на зло столь многимъ ученымъ защитникамъ смертной казни, не переводящимся и до сихъ поръ на Западѣ, только вторилъ старо-русскому князю. Этотъ старо-русскій князь, на зло византійскому праву и благодаря св. Кириллу и Меѳодію, давшимъ ему вмѣстѣ съ его народомъ непосредственный доступъ къ евангелію, умудрился сердцемъ въ свой варварскій вѣкъ до великихъ словъ: «ни права, ни крива не убивайте и не повелѣвайте убити; аще будетъ и повиненъ смерти, души-же не погубляете ни на коя-же христіаны».

Вмѣсто того, чтобы указывать нашей церкви на политическіе примѣры Гостомысла и Петра I-го, нужно только оживить въ ней ея-же собственный древній духъ—духъ, противный развившемуся въ ней отъ византійско-римской прививки «презлому осифлянству» (какъ выразился князь Курбскій). Предстоящій въ будущемъ году тысячелѣтній юбилей св. Меѳодія, скорѣе всего другаго, слѣдовало бы ознаменовать оживленіемъ духа кирилло-меѳодіевскаго, онъ-же и духъ настоящаго православія, или просто *церкви*, какъ говорилъ Хомяковъ, т. е. церкви во всей ея чистотѣ и безпримѣсности. Только на почвѣ древней соборной церкви, чуждой и папства, и цезареопапства, можетъ произойти настоящее соединеніе церквей. Всякое стремленіе согласить съ соборнымъ началомъ единоличную верховную власть надъ церковью является только возобновленіемъ тѣхъ противоестественныхъ сдѣлокъ между духовнымъ единствомъ христіанскаго міра и языческимъ началомъ міродержавства, во главѣ

которыхъ надо поставить Юстиніановскій, такъ называемый «союзъ между государствомъ и церковью».

Что такое на самомъ дѣлѣ этотъ пресловутый «союзъ», окончательно выясняется у Терновскаго во главѣ объ иконоборцахъ. Приводя мнѣніе о нихъ современнаго греческаго историка, сочувственное противодѣйствію иконоборныхъ императоровъ клерикаламъ, покойный авторъ замѣчаетъ: «старинные русскіе государи Папаррригопуло не читали... тѣмъ не менѣе и они становились иногда на точку зрѣнія иконоборныхъ императоровъ. «Нигдѣ-же обрящеши, еже не раззоритися царству отъ поповъ владому», разсуждаетъ Иванъ Грозный (514). Уже въ наше время самъ Хомяковъ признавалъ императоровъ иконоборцевъ сильными ревностью и духомъ, признавалъ, что на ихъ сторонѣ были не только войско и вещественныя силы, но «едва-ли также и не чистота намѣреній». Только Хомяковъ былъ дальновиднѣе, а потому и справедливѣе современнаго греческаго историка и лично заинтересованнаго въ дѣлѣ царя Ивана Васильевича, указывая на то, что иконоборцы возставали не только противъ такъ называемыхъ «клерикаловъ», но и противъ самаго народа церковнаго, для котораго издавна «икона сдѣлалась предметомъ любви, уваженія и почтительнаго поклоненія», а въ темной массѣ и предметомъ идолопоклонства, въ чемъ справедливо и усмотрѣно было императорами иконоборцами уклоненіе отъ христіанства. Но ихъ ошибка, по замѣчанію Хомякова, заключалась въ томъ, что «вмѣсто убѣжденія и ученія они въ дѣлѣ исправленія духовнаго вооружились властью... Духовенство возстало противъ незаконнаго употребленія свѣтской власти, къ которой (безпристрастно оговаривается Хомяковъ) оно само часто беззаконно прибѣгало»... «Во всемъ движеніи иконоборства, продолжаетъ нашъ неумытный въ своемъ судѣ историкъ, выражалось стремленіе императоровъ сдѣлаться судьями церкви и занять мѣсто, принадлежавшее по праву императорамъ древняго Рима, поставивъ святыню государства выше святыни церкви» (Соч. Хомякова IV, 605). Въ такомъ-же духѣ, какъ видѣли мы, императоры нерѣдко поступали и прежде не безъ своего рода поощренія со стороны самаго искавшаго въ нихъ духовенства; но въ вопросѣ о почитаніи иконъ, они—и къ тому-же самые энергичные и талантливые изъ нихъ, зашли уже такъ далеко, что вызвали наконецъ отпоръ духовенства, сильнаго

тѣмъ, что оно опиралось на церковный народъ. Въ сущности и Терновскій смотрѣлъ совершенно также, не соглашаясь съ греческимъ историкомъ во мнѣніи, будто-бы окончательная побѣда государственной власти надъ церковною обезпечила-бы Византіи долгое и счастливое будущее. «Мы русскіе, говоритъ онъ, пережившіе реформу Петра, знаемъ, что и превращеніе церкви въ *вѣдомство православнаго исповѣданія* имѣетъ тоже нѣкоторыя неудобства». (507). Взаимныя «наскакиванія» —кто кого перетянетъ—вотъ къ чему всегда сводился и не могъ не сводиться такъ называемый только «*союзъ государства съ церковью*».

Между тѣмъ его, повидимому, принимаетъ за чистую монету и ставитъ это выраженіе безъ кавычекъ, вовсе не ссылаясь на его изобрѣтателя Юстиніана, авторъ той диссертаціи, недавно защищавшейся въ петербургской духовной академіи, о которой уже говорено было выше. Но въ ней-же и оказывается, что «способъ обнаруженія вліянія какъ съ той, такъ и съ другой стороны во многихъ случаяхъ шелъ въ разрѣзъ съ каноническими правилами, неканоничность его признавалась и высказывалась современниками, тѣмъ не менѣе фактъ продолжалъ существовать». Но если такъ, то зачѣмъ же и называть «союзомъ» то, что на самомъ дѣлѣ заключалось во взаимныхъ *наскакиваніяхъ*, въ силу чего этотъ фактъ и являлся не каноничнымъ, тогда какъ настоящій *союзъ* или *миръ*, въ смыслѣ воздаванія *божьяго Богу и кесарева Кесарю*, признанъ и узаконенъ самимъ Христомъ.

До особаго рода *союза*, яко-бы способнаго водворить въ христіанствѣ миръ, договорился В. С. Соловьевъ въ одной изъ своихъ статей въ «Извѣстіяхъ Славянскаго Общества» (Іюнь). Это союзъ между императоромъ и самимъ папою, иначе между Византіей и Римомъ. Пріемъ, придуманный для этого г. Соловьевымъ, заключается въ томъ, что какъ папа, такъ и императоръ, производятся имъ непосредственно отъ самаго Христа—папа отъ его первосвященническаго, императоръ отъ его царственнаго значенія. Но вѣдь подобнаго рода мірской дѣлежъ духовныхъ функцій Спасителя міра на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ безсознательное, но тѣмъ не менѣе возмутительное кощунство. Впрочемъ со стороны г. Соловьева это вполнѣ логично: признавая необходимость единоначалія съ точки зрѣнія римской, онъ долженъ его признать и съ точки зрѣнія

византійской—потому что она та-же римская, одинаковымъ образомъ унаслѣдованная отъ *Рима языческаго*. Безсознательно г. Соловьевъ, подъ вліяніемъ, надо думать, ловко напущеннаго на него со стороны тумана, святотатственно совершаетъ подмѣнъ языческаго Рима Христомъ, какъ мнимымъ источникомъ того мірскаго единовластія, безъ котораго будто-бы не можетъ обойтись церковь. Нашъ вѣрующій философъ, къ великому прискорбію своихъ искреннихъ почитателей, обнаруживаетъ жалкое невѣріе въ то единство возрожденнаго во Христѣ человѣчества, котораго, по словамъ Терновскаго, не зналъ языческій міръ—единство духовное, братское, единство свободной вселенской общины, крѣпкою связью которой является непосредственно самъ Христосъ. Бѣдный В. С. Соловьевъ, все болѣе и болѣе увлекается какою-то злою силою по пути Чаадаева [1]). Онъ никакъ не хочетъ понять, что столь справедливо огорчающее его раздѣленіе во вселенской церкви именно тѣмъ-то и причинено, что она издавна уже перестала полагаться на силу самаго духа Христова, а захотѣла матеріализовать эту силу въ унаслѣдованныхъ отъ языческаго міра двухъ видахъ единоначалія—папѣ и императорѣ, которые такъ долго тягались между собою изъ за власти, но нашли наконецъ своего миротворца въ лицѣ г. Соловьева. Не желая понять, что вся бѣда церкви въ неосиленномъ ею до конца *язычествѣ*, г. Соловьевъ при всемъ своемъ ратоборствѣ за христіанство въ средѣ философовъ, *язычествуетъ*. Нѣчто подобное произошло въ свое время съ Іосифомъ Волоцкимъ. Онъ, какъ извѣстно, всю свою дѣятельность направлялъ противъ *жидовствующихъ*, а заволжскіе старцы, видя, что онъ не только ихъ обличаетъ, но и стремится ихъ истребить, какъ Илья истребилъ жрецовъ Бааловыхъ, указывали ему на то, что чуждый духу новозавѣтной любви онъ и самъ *субботствуетъ*. Не худо-бы г. Соловьеву, вмѣсто того, чтобы къ удовольствію многихъ чужанъ принижать нашу церковь,—вспомнить этотъ поучительный примѣръ изъ ея исторіи.

Кое чему могъ-бы онъ научиться и у раскола—этого, по его словамъ, единственнаго плода нашей многовѣковой церковной жизни. Онъ могъ-бы научиться у его послѣдователей цѣнить соборное на-

---

[1]) Наконецъ-то появился въ «Русскомъ Архивѣ» отвѣтное письмо къ нему Пушкина, объ открытіи котораго въ бумагахъ ходилъ уже слухъ.

чало, «вѣрить въ которое, по словамъ г. Соловьева, никто не обязанъ» Дѣло въ томъ, что соборъ для него—это только епископскій сонмъ или синодъ, и онъ не хочетъ знать о служащемъ окончательною санкціею для соборовъ единодушномъ признаніи ихъ міромъ—народомъ церковнымъ. Въ этомъ-то церковномъ единомысліи—порожденіи братскаго согласія и любви и заключается, какъ училъ Хомяковъ, то «непремѣнное ручательство истины», которое вовсе уже не нуждается въ единоличной санкціи христіанскаго первосвященника или христіанскаго царя.

Въ письмѣ своемъ въ редакцію «Извѣстій славянскаго общества» въ отвѣтъ на возраженія г. Кирѣева (въ іюльскомъ №) г. Соловьевъ уже прямо становится на противоположную точку зрѣнія, находя «страннымъ» то понятіе, по которому «существованіе церкви обусловлено, какъ онъ выражается, правомъ всѣхъ мірянъ подавать свой рѣшающій голосъ въ церковныхъ дѣлахъ». Это нѣсколько напоминаетъ то, что было замѣчено покойнымъ митрополитомъ Макаріемъ въ его «Исторіи русской церкви» относительно защиты Христофоромъ Бронскимъ широкаго значенія юго-западныхъ братствъ. Только покойный церковный историкъ все-же не рѣшился признать участіе въ дѣлахъ вѣры мірянъ за «прямое отрицаніе церкви», какъ выразился г. Соловьевъ въ своей послѣдней статьѣ. Употребивъ слово *право*, онъ придалъ всему дѣлу особый юридическій оттѣнокъ, вовсе не существующій у Хомякова. Это смущающее г. Соловьева *право* всѣхъ мірянъ, по дальнѣйшему ложному толкованію имъ того «страннаго» понятія, на которое онъ возстаетъ, заключается въ томъ, что они могли подавать свой рѣшающій голосъ на вселенскихъ соборахъ чрезъ епископовъ, какъ своихъ уполномоченныхъ». Между тѣмъ у Хомякова (которому въ сущности и возражаетъ г. Соловьевъ, только не рѣшается возражать прямо) дѣло представляется далеко не такъ. «Соборъ, говоритъ онъ, былъ не власть, а голосъ... Общее мнѣніе было судьею самаго собора, а соборъ только выраженіемъ духовнаго и нравственнаго единства»[1]). То есть такъ оно было *въ принципѣ* на христіанскомъ востокѣ. Чистота принципа на дѣлѣ могла нарушаться принудительнымъ вмѣшательствомъ въ область соборной жизни ви-

[1]) Соч. Хомякова, т. IV, стр. 552 и 555.

зантійскихъ императоровъ, но такое вмѣшательство церковью никогда не признавалось за *право*. На западѣ дѣло вообще представлялось въ иномъ видѣ—съ тою примѣсью *юридическихъ* понятій, которая сказалась и въ образѣ выраженія западничествующаго г. Соловьева. «На западѣ, говоритъ Хомяковъ, тѣ-же соборы облечены были общимъ мнѣніемъ въ правительственныя права, не подлежащія никакому суду, и рѣшенія ихъ имѣли силу сами по себѣ, независимо отъ повѣрки общины. На востокѣ слово соборовъ было свидѣтельствомъ, на западѣ приговоромъ» (стр. 707). И это-то и имѣло тѣ послѣдствія, которыми соблазняется г. Соловьевъ. «Западъ, договариваетъ тотъ-же Хомяковъ, предположивъ сначала законодательное право въ собраніяхъ совѣщательныхъ, передалъ это право одному епископу—владыкѣ древнѣйшаго и почетнѣйшаго изъ западныхъ престоловъ»... (957). Вотъ какимъ образомъ выражается по поводу этого г. Соловьевъ въ своей послѣдней статьѣ: «Католики, признающіе въ папѣ видимаго главу своей церкви, не могутъ отдѣлять его отъ этой церкви, ибо это по ихъ понятіямъ значилобы обезглавить церковное тѣло». Но онъ въ своемъ качествѣ вселенскаго миротворца держится правила: «suum cuique». Сочувствуя папѣ, онъ готовъ сочувствовать и императору. Въ этомъ послѣднемъ, по словамъ В. С. Соловьева, «восточное христіанство сосредоточило свое единство, его единовластію оно предоставило внѣшнее представительство церкви, признавъ императора «наружнымъ архіереемъ», какъ называлъ себя Константинъ Великій». Г. Соловьевъ считаетъ необходимымъ этотъ принципъ, говоря: «въ области церковно-политической мы стоимъ за самостоятельную власть христіанскаго царя и его особое значеніе въ церкви. Но у него не видно, чтобы этотъ принципъ былъ единодушно признанный церковью догматъ; г. Соловьеву какъ будто-бы хочется обратить его въ догматъ—тогда-бы вышло совсѣмъ ужъ по римски—императоръ окончательно сталъ-бы противнемъ папы. И тутъ опять тому, кто корилъ нашу церковь порожденнымъ ею расколомъ, не худо-бы вслушаться въ отзвукъ древне церковныхъ воззрѣній, уцѣлѣвшій въ тѣхъ словахъ, съ какими обратился протопопъ Аввакумъ къ царю Ѳеодору Алексѣевичу: «дитятко красное церковное». Настоящія христіанскія отношенія царя къ церкви—отношенія сыновнія: царь въ ея глазахъ тотъ старшій сынъ, на котораго воз-

лагаетъ она усиленныя заботы о благополучіи прочихъ своихъ дѣтей. Въ первоначальной церкви общее благополучіе достигалось тѣмъ, что у многочисленнаго общества вѣрующихъ было одно сердце и одна душа, никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все было у нихъ общее... Не было между ними никого бѣднаго, ибо всѣ владѣльцы помѣстьевъ или домовъ, продавая оные, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ, и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду» [1]). Такимъ образомъ постоянно творилось, такъ сказать, чудо умноженія хлѣбовъ—въ томъ иносказательномъ смыслѣ, въ какомъ обобщаетъ его гр. Л. Н. Толстой [2]). Количество достоянія въ христіанской общинѣ оставалось тоже, что и до крещенія ея членовъ, но этого достоянія хватало теперь на всѣхъ. Но по мѣрѣ того, какъ христіанская община все болѣе и болѣе обращалась въ цѣлый христіанскій міръ при помощи тѣхъ государственныхъ поощрительныхъ преимуществъ, на пагубность которыхъ указываетъ Терновскій, то тѣмъ самымъ стала поддерживаться въ новокрещенныхъ мѣшающее имъ вполнѣ возлюбить ближняго старое языческое стремленіе къ большому куску для себя—и то нравственное чудо, въ силу котораго наличнаго хлѣба всегда достаетъ на всѣхъ, становилось опять не возможнымъ. Но тутъ-то и открывалось передъ христіанскимъ царемъ, если онъ дѣйствительно былъ сыномъ церкви, задача возможнаго исправленія, при помощи государственной власти, того общественнаго зла, которое вызвано было въ христіанскомъ мірѣ вмѣшательствомъ того-же государственнаго начала. И нѣкоторые изъ византійскихъ царей въ самомъ дѣлѣ являлись «красными дитятками церковными», когда заглаживали грѣхи своихъ предшественниковъ тѣмъ, что умѣряли и ограничивали рабство, развивали и ограждали крестьянскую собственность, благопріятно встрѣчали ту «варвар-

---

[1]) Дѣяній апост. гл. IV, стр. 32, 34 и 35.

[2]) Ссылаясь на неизданное, но столь многимъ уже извѣстное сочиненіе нашего знаменитаго писателя, я далекъ отъ того, чтобы соглашаться съ его чисто произвольными отношеніями къ Евангелію. Мнѣ только кстати припомнилось его глубокомысленное символизированіе чуда умноженія хлѣбовъ. Символизированіе евангельскихъ фактовъ само по себѣ, какъ извѣстно, составляетъ пріемъ далеко не новый и нерѣдко употреблявшійся церковными писателями. Намъ русскимъ достаточно вспомнить при этомъ Кирилла Туровскаго.

скую», съ классической точки зрѣнія, стихію славянскую, отъ притока которой въ восточной имперіи завелось и поддерживалось тѣми-же императорами противодѣйствующее общественному неравенству общинное устройство. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые изъ иконоборцевъ оказали болѣе услугъ церкви, чѣмъ цѣлое множество императоровъ, строго православныхъ въ своемъ догматствованіи. «Дитяткомъ краснымъ церковнымъ» былъ и нашъ Мономахъ, когда внушалъ своимъ дѣтямъ: «вдову и сироту оправдите сами и не вдавайте сильнымъ погубити человѣка». Преимущественно передъ всѣми византійскими государями «дитяткомъ краснымъ церковнымъ» былъ тотъ-же старорусскій князь, когда тѣмъ-же своимъ дѣтямъ внушалъ: «ни права, ни крива не убивайте», не смотря на то, что пришлое къ намъ изъ Греціи духовенство старалось убѣдить еще равноапостольнаго Владиміра, что вовсе не грѣхъ казнить смертью разбойниковъ. Въ этомъ случаѣ духовенство руководилось византійскими государственными воззрѣніями, а князья Владиміръ святой и Владиміръ Мономахъ въ своемъ страхѣ пролитія всякой крови руководились тѣмъ чистымъ церковнымъ началомъ, которымъ руководился еще и царь Иванъ Васильевичъ III, такъ долго колеблясь казнить смертью еретиковъ, не смотря на внушенія Волоцкаго игумена съ его мнимой «боговдохновенностью» гражданскаго закона, и новгородскаго архіепископа съ его примѣромъ «испанскаго короля». «Дитятками красными церковными» были московскіе государи и тогда, когда сами выступали истцами за загубленнаго господиномъ крестьянина, если у него не оказывалось близкой родни, вообще допускали право жалобы крестьянъ на своихъ господъ, отмѣненное только при либеральной ученицѣ французскихъ энциклопедистовъ Екатеринѣ II [1]). «Дитяткомъ краснымъ церковнымъ» былъ наконецъ и государь Александръ Николаевичъ, являясь, по многосказавшимъ словамъ своего воспитателя-христіанина, «человѣкомъ на

---

[1]) Намъ между тѣмъ недавно опять прожужжали уши о томъ, какъ мы имъ обязаны, по поводу юбилея Дидро! Впрочемъ нѣкоторые утверждаютъ, будто право жалобы отнято еще уложеніемъ Алексѣя Михайловича (перетолковывая его), тогда какъ на это право указываетъ самъ враждебный московскимъ порядкамъ Котошихинъ.

тронѣ», потому-то и рѣшившимъ заставить господъ отказаться отъ человѣкоубійственнаго крѣпостнаго права, тогда какъ по философскимъ воззрѣніямъ Вольтера, ихъ можно было только *пригласить* это сдѣлать, но никакъ *не заставить*.

Такіе высокіе образцы воплощенія истиннаго союза церкви съ государствомъ, въ томъ смыслѣ, какъ понимался онъ вселенскими учителями церкви, даетъ намъ наша собственная исторія. Какъ далеко отступаютъ отъ нихъ всякіе нынѣшніе ученые толки о «союзѣ государства съ церковью» въ юстиніановскомъ смыслѣ и необходимости окончательнаго сочетанія Византіи съ Римомъ! Мы впрочемъ не сомнѣваемся, что если-бы этимъ толкамъ суждено было перейти когда-либо въ дѣло, они могли-бы развѣ обратить насъ въ повальное бѣгство—но не окольнымъ путемъ въ папскій Римъ, со всѣми его мірскими скверпами, а прямымъ возвратнымъ путемъ въ лоно древней апостольской церкви.

Ор. Миллеръ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА А. Я. СТОРОЖЕНКА.

ВОЕННОЕ ПОСЕЛЕНІЕ КАВАЛЕРІИ ВЪ ХЕРСОНСКОЙ И ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІЯХЪ.

Помѣщаемый ниже краткій очеркъ исторіи военныхъ поселеній въ Новороссіи имѣетъ извѣстную цѣну, какъ историческій матеріалъ, представляя воспоминанія человѣка, десять лѣтъ прослужившаго подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Витта, командира 3-го резервнаго поселеннаго кавалерійскаго корпуса. Первоначально артиллеристъ, Андрей Яковлевичъ Стороженко въ 1818 г. былъ зачисленъ по кавалеріи съ назначеніемъ въ 3-й резервный корпусъ во фронтъ; въ 1823 году графъ Аракчеевъ, главный начальникъ по военнымъ поселеніямъ, назначилъ Андрея Яковлевича въ штабъ начальника военнаго поселенія въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ, на мѣсто маіора Гончарова, удаленнаго отъ должности за злоупотребленія по службѣ и въ особенности казенными суммами. Одновременно съ назначеніемъ Андрей Яковлевичъ получилъ отъ графа Аракчеева инструкцію, указывавшую ему, съ чего онъ долженъ былъ начать исполненіе новой его должности, и характеризующую до нѣкоторой степени самаго Аракчеева и его отношенія къ излюбленному его дѣтищу—военнымъ поселеніямъ. Инструкція начинается слѣдующимъ рядомъ вопросовъ, на которые Аракчеевъ обращаетъ вниманіе вновь назначеннаго штабъ-офицера.

«1) Всѣ-ли дѣла въ сохранности и нѣтъ-ли утерянныхъ бумагъ?

2) Учрежденъ-ли Архивъ, сданы-ли дѣла прежнихъ лѣтъ въ оный и въ должномъ ли порядкѣ?

3) Со времени утвержденія образованія дивизіоннаго штаба, исполняется-ли порядокъ въ ономъ предписанный по всѣмъ частямъ управленія?

4) Чиновники, утвержденнымъ штатомъ назначенные, при тѣхъ-ли должностяхъ, кои имъ опредѣлены?

5) Какія именно дѣла остаются не исполненными, разумѣя, какъ предписанія мои, такъ и представленія къ генералъ-лейтенанту графу Витту сдѣланныя и по какой причинѣ?

6) Въ какомъ положеніи типографія и наблюдается-ли тотъ порядокъ, который для нея въ образованіи предписанъ?

7) Нѣтъ-ли какихъ безпорядковъ вообще по управленію штаба, въ чемъ именно они заключаются и кто онымъ виновенъ?»

«Приведя все въ извѣстность, продолжаетъ Аракчеевъ, извольте мнѣ донести по каждому вопросу здѣсь предложенному, имѣя въ виду, что я требую ясность и прямое изложеніе истины безъ всякихъ лишнихъ оговорокъ. При чемъ приложите реестръ не рѣшеннымъ дѣламъ съ означеніемъ, пріемлете-ли вы на себя окончаніе оныхъ, и къ какому именно времени, и вообще приведеніе въ порядокъ упущеній, ежели бы таковыя существовали».

«Маіору-же Гончарову, заключалъ строгій начальникъ, исправляющему нынѣ должность дежурнаго штабъ-офицера, вы обязаны дать въ пріемѣ штаба письменное свидѣтельство, и въ свидѣтельствѣ семъ означить всѣ неисправности, какія окажутся по дѣламъ штаба, а мнѣ представить съ онаго конію.—Послѣ сего все то, что означено будетъ въ выданномъ вами свидѣтельствѣ, останется уже на вашей отвѣтственности и взыщется съ васъ однихъ по законамъ».

Инструкція дана въ Харьковѣ.

Однимъ изъ первыхъ приказаній графа Витта его новому штабъ офицеру было арестовать маіора Гончарова и отправить его въ Петербургъ на судъ. Гончаровъ обвинялся главнымъ образомъ въ растратѣ или лучше сказать въ присвоеніи 229,695 руб. казенныхъ денегъ. Въ сохранившейся по этому дѣлу перепискѣ между имъ и графомъ Виттомъ оба они взаимно уличаютъ другъ друга въ злоупотребленіяхъ. Въ одномъ изъ писемъ Гончаровъ утверждаетъ, что отчетъ о суммѣ на одинъ милліонъ пятсотъ семьдесятъ три тысячи рублей, находившейся въ распоряженіи графа Витта, сдѣланъ неправильно, безъ доказательствъ и «нѣтъ полныхъ на расходъ сей документовъ». «Я оный подписалъ, пишетъ онъ Витту, изъ одного только къ вамъ уваженія, хотя и зналъ всю сего отчета слабую силу къ увѣренію начальства въ истинномъ расходованіи столь значительной суммы; поступокъ таковой должно почитать уже свыше погрѣшности... и я полагаю, что вы не были-бы изъяты отъ отвѣтственности, предписанной воинскимъ уставомъ, если-бы я оффиціально довелъ это до свѣдѣнія начальства».

Въ 1830 г. Андрей Яковлевичъ Стороженко былъ назначенъ членомъ аудиторіата главнаго штаба по военному поселенію и въ концѣ того-же года за «усердіе къ службѣ» получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени. Въ 1831 г. онъ былъ назначенъ членомъ комитета составленія штатовъ. Начальникъ главнаго штаба военныхъ поселеній Клейнмихель поручилъ Андрею Яковлевичу разсмотрѣть, исправить и дополнить сочиненіе полковника Бобинскаго: «Искусство верховой

ѣзды». Это порученіе было выполнено съ успѣхомъ и доставило исполнителю похвалу и награду.

Въ «Запискахъ» своихъ Андрей Яковлевичъ нѣсколько рѣзко говоритъ о дѣятельности графа Аракчеева, но, какъ онъ самъ оговаривается въ концѣ Записокъ, это не «желчь человѣка, котораго онъ (Аракчеевъ) гналъ, а безпристрастное отношеніе лица, близко знавшаго дѣятельность Аракчеева по отношенію къ военныхъ поселеніямъ». Къ сожалѣнію, до насъ не дошли собственноручныя письма Аракчеева, о которыхъ упоминаетъ авторъ помѣщаемыхъ за симъ «Запискахъ».

Н. С—ко.

Я не пишу исторіи военныхъ поселеній вообще, ни отдѣльно такъ называвшагося военнаго поселенія херсонской и екатеринославской губерній при началѣ его; но излагаю о послѣднемъ то, что врѣзалось въ моей памяти.

Мысль императора Александра о военныхъ поселеніяхъ въ Россіи имѣла основаніями сбереженіе расходовъ на войско и водвореніе воиновъ въ нѣдрахъ семействъ своихъ.

Примѣры этому мы читаемъ въ исторіи Рима; видимъ въ австрійскихъ провинціяхъ, на границахъ имперіи отъ востока. Были военныя поселенія также и у насъ въ новороссійскомъ краѣ, обращенныя потомъ въ крестьянскій бытъ. Въ послѣдствіи-же, еще предъ 1812 годомъ вновь поселенъ у насъ, въ видѣ опыта, баталіонъ елецкаго пѣхотнаго полка уже въ могилевской губерніи, въ мстиславскомъ уѣздѣ.

По какой причинѣ избрана для сего Бѣлоруссія, страна бѣдная во всемъ,—мнѣ неизвѣстно. Знаю только, что при всѣхъ иждивеніяхъ правительства, при всѣхъ усиліяхъ поселеннаго начальства завести тамъ хлѣбопашество, разчистить и удобрить для этого поля, завести скотоводство, не удавалось. Знаю также и то, что военные въ Бѣлоруссіи поселяне всегда нуждались въ пропитаніи и не могли-бы даже существовать безъ казенной помощи, между тѣмъ какъ дома для нихъ и необходимыя для управленій помѣщенія дорого стоили, не говоря уже о напрасныхъ издержкахъ, происходившихъ отъ перемѣнъ въ распоряженіяхъ.

Почти во всей Бѣлоруссіи тощая, песчаная почва земли покрыта камнями. Чтобы очистить отъ нихъ пашни для военныхъ поселянъ,

приказано было собирать и отвозить камни въ довольно отдаленныя мѣста; — дѣлалось это наймомъ. Въ послѣдствіи, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ предполагалось развить хлѣбопашество, вздумалось выстроить всѣ штабные строенія. Для фундаментовъ потребовались камни; а какъ они были свезены какъ выше сказано, то опять нанимались и люди и подводы, перевозить ихъ на прежнее мѣсто.

Такія и подобныя симъ перевозки и переноски строеній обходились дорого; за всѣмъ тѣмъ, однакожъ, главный надъ военными поселеніями начальникъ графъ Аракчеевъ, въ годовыхъ отчетахъ, объявляемыхъ печатными приказами, всегда хвалился сбереженіемъ казны и дѣлаемою имъ экономіею противу смѣтъ, имъ-же самимъ утверждаемыхъ.

О такаго рода сбереженіяхъ, или капиталахъ я скажу ниже; теперь-же, чтобы не прерывать предпринятаго мною разсказа о кавалерійскихъ поселеніяхъ въ ново-россійскомъ краѣ, коснусь только о поселеніяхъ вообще.

Нашествіе французовъ разрушило поселеніе елецкаго баталіона.

Послѣ Вѣнскаго конгреса, 1815 года, Государь снова обратился къ рѣшительной дѣятельности по водворенію войскъ на постоянныхъ жилищахъ въ опредѣленныхъ для сего округахъ.

Говорятъ, что бывшій наставникомъ его, извѣстный Лагарпъ, первый подалъ ему идею столь обширнаго и благодѣтельнаго во многихъ видахъ предпріятія. Миръ Европы дозволялъ начать, или лучше продолжать оное.

Выполненіе задуманнаго плана поручено было всесильному довѣріемъ Государя, крутому дикою волею, неутомимому графу Аракчееву, и поселеніе въ новогородской губерніи началось пѣхотнымъ полкомъ его имени.

У меня есть печатная тетрадка, на заглавномъ листѣ коей вытиснено: „Положеніе о поселеніи одного пѣхотнаго баталіона.— *Здѣлано въ селѣ Грузинѣ;—на рѣкѣ Волховѣ*". Тетрадка эта начинается знакомъ параграфа съ № 1-мъ тако:

§ 1-й. »Военный поселянинъ есть хозяинъ дома и земли; а да«бы отличить прилежнаго отъ нерадиваго, послѣдній, по удостовѣренію

«главнаго надъ военными поселеніями начальника, лишается всей на-«житой имъ собственности и ссылается въ Сибирь на поселеніе».

Это написано самимъ графомъ Аракчеевымъ; изъ сего можно заключить какъ о степени образованія его, такъ и о мѣрахъ, какія онъ принималъ по данной ему неограниченной власти.

Дѣянія графа Аракчеева описаны мною особо, при чемъ приложены какъ упоминаемая здѣсь тетрадка, такъ и другіе факты, а сверхъ того весьма любопытный литературный журналъ, издававшійся при новогородскомъ военномъ поселеніи, подъ непосредственнымъ вліяніемъ графа Аракчеева.

Журналъ этотъ по статьямъ своимъ, безграмотности писавшихъ ихъ, есть диво дивное въ современную намъ эпоху, и еслибъ онъ не былъ печатный, подобно тетрадкѣ, сдѣланной въ селѣ Грузинѣ, на рѣкѣ Волховѣ, то конечно никто-бы не повѣрилъ существованію его.

Приступимъ теперь къ предмету, который я намѣренъ представить въ краткихъ очеркахъ.

Военное поселеніе въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ началось двумя уланскими дивизіями, украинскою и бугскою, состоявшими подъ командою генералъ-лейтенанта графа Вита, и тотчасъ поступило подъ главное начальство графа Аракчеева.

Полки украинской дивизіи были до того козачьими, сформированными по проэкту графа Вита на Украйнѣ въ войну 1812 года.

Въ составъ полковъ бугской дивизіи поступило по три эскадрона изъ этихъ полковъ украинскихъ, другая-же половина пополнена бугскими козаками, издавна обитающими по рѣкѣ Бугу, кои имѣли своего войсковаго атамана и правленіе, подобное установленному въ донскомъ войскѣ.

Въ украинскіе полки также поступили для приведенія ихъ въ комплетное состояніе часть бугскихъ козаковъ, жившихъ на границѣ кіевской губерніи, въ Черноліѣсѣ, по рѣкамъ Тясминѣ и Синюхѣ, и жители поселенныхъ прежде бывшихъ гусарскихъ полковъ, нерегулярныхъ, обращенныхъ потомъ въ регулярные.

Бугскіе козаки, служившіе въ войны турецкую и французскую и привыкшіе къ вольной козацкой жизни, бунтовались при переименованіи

ихъ въ уланы; не были довольны тѣмъ и свободные поселяне, помнившіе свое гусарство.

Надобно было укротить неповиновеніе доказывающихъ древнія права свои и привилегіи, выслуженныя ими на войнахъ, для чего необходимы были строгія мѣры, коими укрощено наконецъ буйство этой вольницы. Такія мѣры всегда бываютъ неразлучны съ примѣрными наказаніями виновныхъ.

Признаваемыхъ зачинщиками неповиновенія гоняли сквозь строй; многіе, въ томъ числѣ штабъ и оберъ-офицеры бывшаго бугскаго войска сосланы въ Сибирь, что хотя прекратило сопротивленіе явное, но не могло расположить умы въ пользу военныхъ поселеній. Смуты, страхъ, недовѣрчивость изображались на физіономіяхъ мрачныхъ, проклинавшихъ въ тайнѣ уланщину.

Новое поселеніе раздѣлялось на округи полковъ, коимъ даны были Высочайшія грамоты, заключающія въ себѣ благодѣтельную мысль Государя: что округу военныхъ поселянъ даются земли имъ занимаемыя со всѣми угодіями; что жители округа не будутъ платить никакихъ государственныхъ податей, а только содержать будутъ водворяемый въ ономъ полкъ, который укомплектовываться будетъ впредь изъ жителей округа, и со временемъ въ составъ его войдутъ сыны и внуки поселянъ настоящихъ хозяевъ; слѣдовательно, состоящіе на службѣ не будутъ разлучаться съ семействами своими, среди коихъ пріобрѣтутъ успокоеніе и призрѣніе въ старости.

Эти простыя основанія военныхъ поселеній требовали благоразумнаго развитія ихъ; требовали отъ мѣстнаго начальства самоотверженія, постоянныхъ трудовъ, добра нравственнаго, совѣстливой отчетливости въ дѣйствіяхъ и твердой воли на пути ведущемъ къ прямой цѣли; начальникъ долженъ былъ подавать собою примѣръ подчиненнымъ, начинавшимъ новое для каждаго изъ нихъ дѣло.

У насъ едва-ли не всё зависитъ отъ командира; честность и благодушіе его разливаются на помощниковъ и нисходятъ до вахмистра поселеннаго эскадрона.

Въ исполненіи службы военной необходимъ строгій порядокъ, дисциплина и точность; въ исполненіи-же семейныхъ и хозяйственныхъ

обязанностей сверхъ того нужна еще и снисходительность управляющаго поселянами, хотя они и называются военными.—Хозяйство не фрунтъ. Послѣдній имѣетъ на все установленныя правила, а первое можно подчинить имъ только приблизительно.

Хлѣбопашецъ пріобрѣтаетъ нужныя ему свѣдѣнія изъ преданій, изъ собственныхъ опытовъ, коихъ строевые офицеры, вышедшіе съ полками на поселеніе, имѣть не могли, равно какъ не имѣло ихъ и высшее начальство; слѣдовательно все относящееся къ хозяйству шло на обумъ. Поелику же наружный порядокъ и устройство гораздо легче, нежели внутреннее распоряженіе, то и начали рыть каналы, проводить дороги, дѣлать мостики, красить ворота, устраивать по одному образцу плуги, воловую упряжь, бороны и проч.

Работы эти производились военными поселянами, хозяевами, кои отрывались отъ хлѣбопашества, теряли охоту къ домоводству, ожидали безпрестанныхъ перемѣнъ и не были увѣрены въ своей собственности.

Выгоды военнаго поселенія кавалерія весьма просты. Положимъ, какъ это и предполагалось, что полковой округъ военнаго поселенія заключалъ въ себѣ 7,000 душъ мужескаго пола. Казенныя подати, по 10 руб. съ души, составляютъ 70,000 руб., продовольствіе людей и лошадей въ полку, по сложнымъ справочнымъ цѣнамъ, стоитъ казнѣ 160,000 р.; а какъ округъ продовольствуетъ полкъ, то, по простому разсчету, казна имѣетъ выгоды 90,000 р. въ годъ отъ округа.

Въ послѣдствіи времени признано нужнымъ имѣть въ округѣ 10,000 мужескаго пола, дабы онъ могъ снабжать полкъ и людьми для укомплетовыванія его. И тутъ казна имѣетъ выгоды 60,000 р. отъ округа, не говоря о другихъ оброчныхъ статьяхъ, напримѣръ о рыбныхъ ловляхъ, перевозахъ, мельницахъ и проч.—Дѣло кажется ясное; но вышло иначе.

Тотчасъ по вводѣ полковъ въ округи предписано было составить изъ осѣдлыхъ поселянъ три поселенные эскадрона, въ кои поступили хозяева, три резервные эскадрона изъ помощниковъ ихъ, и

устроить кантонистскіе эскадроны изъ мальчиковъ отъ 10-ти до 18-ти лѣтъ.

Всѣхъ этихъ людей приказано обмундировать и вооружить, что повело къ издержкамъ. Сверхъ того предписано было строить полковые штабы и комитеты, манежи, цейхаузы и тому подобныя строенія; это усугубило иждивеніе, конечно далеко превышающее сбереженіе отъ продовольствія полковъ. Нужны-ли были такія постройки или нѣтъ, тутъ дѣло условное; но обмундировывать и вооружать цѣлую популяцію,—кажется, нужды не было, въ чемъ черезъ 10 лѣтъ само правительство удостовѣрилось. Между тѣмъ сколько горя, сколько палокъ перенесли бѣдные люди, на коихъ натянули узкіе мундиры и давъ имъ сабли, пики и пистолеты, учили стойкѣ, маршированію и какъ употреблять оружіе, могшее обратиться въ послѣдствіи и для собственной ихъ защиты.

Впрочемъ люди привыкаютъ ко всему; самыя невыгоды усвоиваются до того, что, какъ говорятъ старо-служивые, когда у гусаръ отмѣняли длинные, по большей части прививаемые на вискахъ локоны, они обрѣзывали ихъ со слезами. Такъ было, если вѣрить разсказамъ, и съ пудрою; подобное тому я самъ видѣлъ и въ военномъ поселеніи.

Послѣ отмѣны обмундированія и вооруженія, объѣзжая округи, я перемѣнялъ лошадей въ Ровномъ. Селеніе это имѣетъ болѣе 2,000 душъ; оно состоитъ въ округѣ бывшаго 1-го украинскаго уланскаго полка. Пока закладывали мнѣ лошадей близъ эскадроннаго комитета, собралось туда много поселянъ-хозяевъ; я разспрашивалъ ихъ съ обыкновеннымъ моимъ участіемъ о хозяйствѣ, объ урожаяхъ; спрашивалъ, довольны-ли они своимъ положеніемъ, нѣтъ ли жалобъ, просьбъ, и всѣ они единогласно просили меня объ одной милости: оставить молодымъ парнямъ мундиры, ибо въ мужицкомъ де платьи и потанцовать какъ-то не ловко, да и дѣвки не такъ то любятъ.

Я сказалъ выше, что все зависитъ отъ начальника. Если-бы графъ Витъ, введя полки въ свои округи и нашедши изобиліе во всемъ, пріобрѣтенное въ привольной ихъ жизни, устремилъ вниманіе на часть хозяйственную, то она пошла-бы самымъ удовлетворитель-

нѣйшимъ образомъ. Но поселеніе казалось ему забавою, наружное устройство—дѣломъ.

Напримѣръ: велѣно было бѣлить не только избы, обмываемыя безпрестанно дождемъ, но даже заборы и хлѣвы; велѣно было по сигнальной трубѣ, чтобы каждый хозяинъ, его помощникъ и кантонисты становились во фрунтъ передъ своими домами при проѣздѣ начальника.

Предписано было устроить полковыя и эскадронныя школы для обученія кантонистовъ, то есть всѣхъ мальчиковъ безъ изъятія: читать, писать, арифметическимъ правиламъ и вытверживать на память такое множество пунктовъ, относящихся къ субординаціи, въ томъ числѣ всѣ Суворовскія поговорки, что дѣти были совершенно отрываемы отъ хозяйства, ни въ чемъ не помогали родителямъ, отвыкали отъ самыхъ необходимыхъ трудовъ хлѣбопашества.

Наконецъ заведены были женскія школы. Дѣвчонокъ одѣли въ круглыя платья полковаго цвѣта, и военныя дамы сдѣлались директрисами этихъ институтовъ.—Матери плакали, посылая дѣвокъ въ школу; и было чего, ибо кончившая ученіе приносила въ домъ не помощь, а развратъ и непослушаніе власти родительской.

Полковые командиры изъ угожденія высшему начальству выдумывали разныя продѣлки съ кантонистами. Учили ихъ карусельной ѣздѣ, на маленькихъ лошадяхъ, для сего именно покупаемыхъ; а бригадный генералъ, управлявшій потомъ округами кирасирскихъ полковъ, Степанъ Семеновичъ Храповицкій простеръ угожденіе себѣ и туманеніе начальства до такой степени, что его кантонистская школа въ Елисаветградѣ знала не только всѣ стихотворенія, а особенно басни, написанныя нашими писателями, но могла состязаться съ любымъ кадетскимъ корпусомъ въ свѣдѣніяхъ математическихъ, кои самому Храповицкому извѣстны были только какъ номенклатура наукъ, о которыхъ онъ читалъ въ журналахъ.

Графъ Витъ восхищался всѣмъ этимъ. Храповицкій, въ видѣ нечесаннаго сибарита, въ халатѣ и порткахъ, встрѣчалъ его кантонистскою поэзіею, и не вылазя изъ костюма, представлявшаго лѣнь олицетворенную въ немъ, получалъ награды за отличіе по службѣ. Правда, иногда надѣвалъ онъ предъ графомъ Витомъ мундирный сюртукъ,

когда сей послѣдній пріѣзжалъ къ нему съ Собанскою (?); но предъ фрунтомъ я никогда его не видывалъ.

Графъ Витъ производилъ самъ баталіонныя ученія кантонистамъ, подкомандным Храповицкому, коими командовали тѣ же кантонисты. Прошу-же заставить послѣ того 14-лѣтняго баталіоннаго командира работать въ полѣ, а математика пасти скотъ!

Въ 1827 году мнѣ случилось ѣхать въ Одессу. Физіономія везшаго меня на одной станціи поселянина показалась мнѣ весьма знакомою. Спрашиваю: кто онъ? и получаю въ отвѣтъ, что онъ прозваніемъ Баланъ, учившій алгебры въ школѣ Храповицкаго, и что теперь, не разумѣя хозяйства, принужденъ наняться на почтовой станціи за ямщика. Изъ пріемовъ его тотчасъ можно было замѣтить, что онъ взялся не за свое дѣло, ибо на 4-ой верстѣ отъ станціи, вѣрно укладывая въ умѣ Невтонову формулу, опрокинулъ меня въ буеракъ.

Въ мысли, что полки должны и ремонтироваться лошадьми изъ конскихъ заводовъ, заведенныхъ и содержащихся во всякомъ округѣ, постановлено было искупить для каждаго округа 345 кобылъ матокъ и 27 жеребцовъ. Числомъ этимъ опредѣлялся полковой лошадный заводъ. 115 молодыхъ лошадей изъ ежегоднаго приплода должны были поступать въ полковой ремонтъ; остальной-же затѣмъ приплодъ долженъ былъ обращаться въ матки, или въ продажу, за излишествомъ отъ укомплектованія полка и завода.

За дѣло это принялись съ жаромъ. Казна денегъ не жалѣла. Болѣе 1,000 кобылъ, называемыхъ матками, куплено было въ одно лѣто, равно болѣе 100 жеребцовъ.

Всякій вообразитъ себѣ, можно-ли было искупить вдругъ такое число кобылъ годныхъ для приплода. Жеребцовъ купили преимущественно въ заводѣ графини Орловой. Покупали ихъ также въ Англіи и Даніи, и думали, что заводы въ первый годъ покажутъ результатъ самый удовлетворительнѣйшій, ибо херсонскія степи, удобныя строенія для зимовли заводовъ, изобиліе сѣна и овса, представляли всѣ удобства въ исполненіи этого плана. При томъ-же напечатана была инструкція дивизіоннымъ и полковымъ комитетамъ, какихъ жеребцовъ и матокъ они принимать должны отъ поставлявшихъ ихъ по формаль-

нымъ контрактамъ. Въ инструкціи этой опредѣлялась и отвѣтственность, какъ за годность заводскихъ лошадей, такъ и за число приплода, установленное въ ономъ.

Коннозаводство вообще трудно и въ маломъ размѣрѣ. Степной помѣщикъ, охотникъ къ лошадямъ, знатокъ и рачительный хозяинъ, не щадя ничего ни на жеребцовъ, ни на пріобрѣтеніе породистыхъ матокъ, едва и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ доводитъ конный заводъ до того, что ремонтъ свой продаетъ ежегодно кавалерійскимъ ремонтерамъ для гвардіи и арміи, цѣною отъ 250 до 500 руб. ассигн. Комплетъ такихъ заводовъ рѣдко бываетъ выше 50 матокъ;—какимъ-же образомъ можно требовать всѣхъ этихъ условій отъ полковаго командира, или отъ комитетовъ, дивизіоннаго, бригадныхъ и полковыхъ, когда между членами ихъ никто не бывалъ заводчикомъ и когда ввѣряемый заводъ полковому командиру состоитъ изъ 345 кобылъ, купленныхъ, какъ случилось? Но, вмѣстѣ съ укомплектованіемъ заводовъ военнаго поселенія, на другой годъ потребовался и сообразный съ видами приплодъ. Въ случаѣ-же неудовлетворительности онаго, полковый командиръ и свидѣтельствовавшіе приведенныхъ кобылъ и жеребцовъ постановленіемъ графа Аракчеева подвергались отвѣтственности.

Хотя въ отвращеніе сего полковые командиры недостающее число жеребятъ и покупали для комплекта мужичьихъ жеребенковъ, рублей по 15, за всѣмъ тѣмъ однакожъ, по истеченіи 4-хъ лѣтъ, когда пришлось пополнять своими ремонтами строевыхъ лошадей въ полкахъ, число лошадей своихъ заводовъ оказалось недостаточнымъ, не говоря уже о томъ, что купленные мужичіе жеребята не выросли выше одного аршина, 14 вершковъ.

Тутъ пошла разборка, а какъ притомъ полки у насъ сформированы по шерстямъ лошадей, то нужно было, чтобы отъ гнѣдыхъ кобылъ непремѣнно родились гнѣдыя лошади, отъ сѣрыхъ сѣрыя, и такъ далѣе. Этого не случалось. Начали передавать изъ полка въ полкъ ремонты по шерстямъ. Полковые командиры лошадей другъ отъ друга не принимали. Начались изслѣдованія, медіаторства, повѣрки; но все было напрасно. Полки лошадьми своихъ заводовъ не укомплектовыва-

лись; графъ-же Аракчеевъ, предвидѣвшій уже вину въ подобныхъ случаяхъ, предписалъ остановить жалованье у полковыхъ командировъ и у всѣхъ членовъ комитетовъ. Мѣра эта однакожъ не пособила дѣлу, а только научила разнымъ хитростямъ.

Правда, что весьма красивъ полкъ во фрунтѣ, посаженный на одношерстныхъ лошадяхъ; еще красивѣе дивизія въ массѣ, сформированная по положенію изъ полковъ на лошадяхъ гнѣдыхъ, сѣрыхъ, рыжихъ и вороныхъ; но роскошь эта возможна не въ полкахъ поселенныхъ, кои должны ремонтироваться изъ своихъ заводовъ. Тутъ надобно имѣть въ виду одну главнѣйшую выгоду,—сбереженіе казны и чтобы полки имѣли лошадей добрыхъ, не по шерстямъ, ибо нельзя ничѣмъ пособить тому, что въ заводѣ гнѣдой масти будутъ родиться разношерстные жеребята, что будетъ происходить и въ другихъ, хотя тоже одномастныхъ заводахъ.

Въ мѣстахъ, гдѣ поселены были украинская и бугская дивизіи, были города и мѣстечки. Въ нихъ преимущественно расположили дивизіонные и полковые штабы. Это оживило скудную впрочемъ торговлю въ краю недавно заселенномъ; но графу Аракчееву, видящему вещи съ своей точки зрѣнія, имѣвшему основаніе въ воображаемомъ имъ порядкѣ второй кадетскій корпусъ, гдѣ онъ былъ офицеромъ и учителемъ, и Стрѣльную мызу, откуда началось его возвышеніе, вздумалось выгнать купечество и мѣщанство изъ городовъ и мѣстечекъ, дабы выстроить въ нихъ по плану поселянскіе домы и помѣщенія для лицъ и управленій военнаго поселенія.

Не знаю, въ чемъ мѣшали ему люди торгующіе;—изгнаніе-же ихъ сопряжено было съ большими расходами, ибо казна заплатила за всѣ ихъ строенія, кои потомъ сломаны и уничтожены.

Планированіе городовъ также стоило не мало. Положено было въ дивизіонныхъ штабахъ устроить обширныя площади, и напримѣръ: городъ Миргородъ, бывшій нѣкогда губернскимъ, дивизіонный начальникъ Трощинскій до того доплaнировалъ, что по пустырямъ и по огромному плацу, среди бѣлаго дня, бѣгали волки. Нивеляція плаца представляла тутъ насыпь, коей одна сторона была выше крыши дома полковаго командира.

Правда, что открылись виды необъятной пустыни, и одинъ только деревянный замокъ славнаго нѣкогда Текели, въ которомъ онъ пировалъ съ старшиною Запорожья, имъ-же въ послѣдствіи уничтоженнаго, являя опальный видъ, напоминалъ старину и тѣ времена, когда земляки Текели, словаки, сербы, болгары, молдаване и русины поселились въ обширномъ новороссійскомъ краю, изъ коихъ составились воинскіе полки гусарскіе, не требовавшіе никакихъ казенныхъ издержекъ (?!), а воевавшіе со славою въ арміяхъ нашихъ противу турокъ и татаръ. Они, какъ выше сказано, обратились потомъ въ полки регулярной кавалеріи, а жители, содержавшіе и укомплектовывавшіе ихъ, въ хлѣбопашцевъ; и теперь осталась только на память мѣстная пѣсня:

«Ой сербяне, гусарине, годи сербовати;
«Озьми серпъ, иди въ степъ пшеничеку жати.

Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, извѣстный генералъ Хорватъ вывелъ изъ австрійскихъ владѣній и изъ Сербіи славянскихъ поселенцевъ и водворилъ ихъ на жительство между Кременчугомъ и Елисаветградомъ. Около Миргорода и Елисаветграда понынѣ многія селенія, гдѣ поселилась украинская уланская дивизія, называются ротами; другія-же носятъ тѣ самыя названія, какія даны имъ переселившимися изъ Венгріи и Славоніи по мѣсту жительствъ своихъ оставленной ими родины; напримѣръ вышедшіе изъ селъ Вуковаря, Федоваря, назвали и тутъ тѣми-же именами занятыя ими мѣста подъ жилища свои. Обстоятельство это наводитъ на мысль, что одинокія названія селъ и городовъ, въ разныхъ мѣстахъ, обитаемыхъ славянскими племенами, вѣроятно произошли отъ подобнаго рода переселеній.

Не излишнимъ считаю здѣсь также замѣтить, что и во второй еще половинѣ 18-го столѣтія крымская татарская орда жгла и грабила окрестности Елисаветграда.

Стремясь къ своего рода порядку, графъ Аракчеевъ постановилъ: ограничить число корчемъ поселенія, для прекращенія, какъ думалъ онъ, пьянства. По его волѣ винные откупщики при торгахъ въ Петербургѣ ограничивались въ условіяхъ своихъ имѣть по одному только шинку въ каждомъ селеніи военно-поселянскаго вѣдомства. Этимъ уменьшились казенные доходы, но нисколько не уменьшилось воображаемое

имъ пьянство,—ибо въ херсонской губерніи существуетъ особая привиллегія на продажу питей; откупамъ подлежатъ только города и бывшія казенныя селенія; а какъ послѣднія бываютъ въ самой тѣсной смежности съ помѣщичьими деревнями, то мѣра имѣть одну только корчму или шинокъ въ военно-поселянскихъ деревняхъ не повела ни къ чему. Помѣщики умножили во владѣніяхъ своихъ число шинковъ, и только увеличились слѣдствія и суды за корчемство поселянъ военныхъ, такъ что не было округа, въ которомъ-бы было менѣе 500 человѣкъ подсудимыхъ за тайный переносъ, или перевозъ горячихъ напитковъ.

Этого графу Аракчееву растолковать было невозможно; онъ мѣрялъ все на свой новгородскій аршинъ, не внимая тому, что всѣ великороссійскія губерніи съ незапамятныхъ временъ подчинены монополіи и казенной продажѣ горячаго вина, тогда какъ въ южной Россіи на вольнокуреніе и на продажу водки существуютъ особыя привиллегіи.

По водвореніи полковъ въ округахъ военныхъ поселеній оказалось невозможнымъ, чтобы каждый хозяинъ кормилъ и состоящаго на службѣ улана и лошадь его изъ собственныхъ своихъ запасовъ. Оказались также необходимыми и запасные хлѣбные магазины. Объ этомъ начали думать, начали писать разные проэкты; но какъ ни кружились въ области невѣденія, должны были обратиться къ роду барщины, то есть установили общественные посѣвы, и чтобы каждый округъ военнаго поселенія накашивалъ полную годовую пропорцію сѣна для полка, на удобнѣйшихъ сѣнокосныхъ степяхъ, общимъ нарядомъ косарей и гребцовъ.

Мѣра сія и мнѣ кажется самою лучшею, но она измѣнила основаніе царской грамоты, по которой поселяне хозяева увольнялись отъ всѣхъ податей и казенныхъ работъ.

Въ нѣсколько лѣтъ дознано опытомъ, что осьмая часть хлѣбныхъ запасовъ истребляется мышами; а потому осьмою частью должно было увеличить и ежегодный сборъ ихъ, что увеличило и самыя работы. Все-бы это ничего при урожаѣ, но съ 1823-го года начались неурожаи въ новороссійскомъ краѣ; налетѣла съ Азіи всеистребляющая саранча, и съ 1824 на 1825 годъ поселяне такъ оскудѣли въ продовольствіи

себя и своего скота, что послѣдній погибалъ тысячами. Дѣлать подвозы сѣна или соломы изъ другихъ сосѣднихъ губерній было невозможно, ибо въ степныхъ мѣстахъ въ сухія лѣта степи выгораютъ до того, что на нихъ нельзя пасти скота, какъ невозможно возить сѣна, ибо покамѣсть его довезешь за 200 верстъ, употребленные для перевозки волы съѣдятъ все везомое ими.

Въ такомъ бѣдственномъ положеніи весь оставшійся поселянскій скотъ и овецъ начальство принуждено было перегнать въ кіевскую и подольскую губерніи. Половина скота отошла за кормъ; сверхъ того казна понесла весьма значительныя издержки на продовольствіе людей, и черезъ такое бѣдствіе поселяне обѣднѣли.

Долго графъ Аракчеевъ называлъ саранчу коникамн; долго упорствовалъ въ томъ, что она съѣстъ нѣсколько травинокъ, а пишутъ, что все истребила. Наконецъ лично удостовѣрился, что эти коники пожрали даже солдатскія шинели одного егерскаго баталіона, наряженнаго для истребленія ихъ.

Не взирая на столь неблагопріятныя обстоятельства, Государь настаивалъ, чтобы и третью кирасирскую дивизію ввести въ опредѣленныя для нея округи. Здѣсь я однакожъ долженъ сказать, что будучи въ селѣ Грузинѣ съ отчетами у графа Аракчеева, я самъ слышалъ отъ него, что по проэктамъ графа Вита Государь торопиться изволитъ поселять тяжелую кавалерію; что онъ (графъ Аракчеевъ) всегда противился этому и что ему кажется,—надобно-бы прежде осмотрѣться, сдѣлать огромные запасы фуража и тогда уже, пожалуй, пусть себѣ селитъ кирасировъ графъ Витъ. «Я только слѣпой исполнитель монаршей воли, говорилъ графъ Аракчеевъ, но скажу по совѣсти, что всякое дѣло требуетъ опытовъ въ малыхъ размѣрахъ; впрочемъ по мнѣ хоть волкъ траву ешъ, лишь-бы мое новогородское поселеніе шло хорошо». Тутъ оказывается уже явное недоброхотство его къ графу Виту, что подтверждается и самыми дѣйствіями.

Въ началѣ 1824-года графъ Аракчеевъ предварилъ графа Вита, что осенью 1825 года, согласно съ представленіемъ сего послѣдняго, онъ долженъ ввести непремѣнно кирасировъ въ свои округи, не взирая на то, что запасы хлѣба и сѣна были весьма скудны. Другой на мѣстѣ

графа Вита представилъ-бы рѣшительно о совершенной невозможности выполнить проэктъ свой, въ чемъ встрѣтились препятствія, отъ него вовсе не зависящія; но онъ, не углубляясь въ дѣло, не думая о послѣдствіяхъ, надѣясь на авось, ждалъ 1825 года съ обыкновенною своею беззаботливостію, не читалъ вовсе предварительныхъ напоминаній графа Аракчеева о приготовленіи всего къ принятію въ округа кирасирскихъ полковъ; а скакалъ изъ Одесса въ Крымъ, или въ Петербургъ, по подорожной *по высочайшему повелѣнію изъ курьерскихъ*, которую не показывалъ на петербургской заставѣ, замѣняя ее другою, въ коей не было уже высочайшаго повелѣнія, имъ самимъ присвоеннаго, и проѣздомъ черезъ кирасирскіе округи любовался возводимыми въ оныхъ генераломъ Храповицкимъ, не безъ пользы для себя, строеніями. О графѣ Витѣ можно сказать, что онъ проводилъ жизнь въ коляскѣ, со счастіемъ сопутствующимъ вездѣ легкія головы.

Съ 1824 года на 1825 сдѣланы были между тѣмъ въ херсонскомъ военномъ поселеніи вообще огромные посѣвы озимаго хлѣба. Самая благопріятная весна позволила сдѣлать такіе-же посѣвы овса; травы росли, какихъ и старожилы не запомнятъ; лѣто было самое прекрасное, и къ осени 1825 года, ко времени предназначеннаго вступленія кирасирскихъ полковъ въ свои округи, въ послѣднихъ собраны были такіе запасы фуража и хлѣба, для какихъ нужны-бы были въ другихъ мѣстахъ нѣсколько-лѣтніе урожаи.

Въ новороссійскомъ краѣ всегда бываетъ: если неурожай, то по неимѣнію запасовъ голодъ и безкормица для скота вдругъ нагрянутъ на безпечныхъ жителей, изобиліе-же всего въ годы урожайные превосходитъ всякое вѣроятіе. Напримѣръ: въ 1825 году въ нѣкоторыхъ округахъ кирасирскихъ овесъ выдалъ 20-ое зерно, а скирда сѣна въ 1,000 пудовъ накашивалась на 8-ми десятинахъ.

Графъ Аракчеевъ, судя по новогородской губерніи, не вѣрилъ сдѣланнымъ въ одинъ годъ запасамъ для кирасиръ, какъ прежде не вѣрилъ саранчѣ, но далъ между тѣмъ повелѣніе 3-й кирасирской дивизіи идти на свое поселеніе. Этимъ хотѣлъ уничтожить графа Вита; когда-же кирасирскіе полки вступили въ свои округи, предписалъ дивизіонному, бригаднымъ и полковымъ командирамъ принять запасы

фуража и донести прямо себѣ, будетъ-ли ихъ достаточно на два года, подъ строгою отвѣтственностію за всякую неаккуратность въ донесеніи. Сверхъ того прислалъ чиновниковъ и архитекторовъ освидѣтельствовать запасы и постройки и обо всемъ также донести ему лично.

Все это и всѣми было выполнено. Графныя вѣдомости о хлѣбѣ и сѣнѣ, равно свидѣтельство о постройкахъ, поразили ожидавшаго совсѣмъ другихъ донесеній, всесильнаго, злаго временщика.

Графъ Витъ торжествовалъ, не участвовавши во всемъ этомъ ни чѣмъ, кромѣ счастія; и государь императоръ изъявилъ обѣимъ имъ особенную свою признательность.

Нужнымъ считаю вспомнить здѣсь мимоходомъ о катастрофѣ, при объявленіи въ 1821-мъ году высочайшихъ грамотъ въ округахъ, назначенныхъ для поселенія кирасиръ.

Многія селенія этихъ округовъ заключали въ себѣ старообрядцевъ, вышедшихъ изъ Великороссіи отъ преслѣдованія раскола ихъ. Въ послѣдствіи они несли козачью службу, подъ именемъ новодонцевъ.

Вмѣстѣ съ паденіемъ Крыма и распространеніемъ границы нашей въ турецкихъ владѣніяхъ, бывшее прежде пограничнымъ разнаго наименованія войско содѣлалось не нужнымъ и обращено, какъ сказано мною выше, въ поселянъ хлѣбопашцевъ.

Помянутыя старообрядческія селенія, узнавши, что ихъ дѣлаютъ кирасирами, просили оставить имъ прежнее наименованіе новодонцевъ и одѣть пожалуй хоть по кирасирски. Графъ Аракчеевъ, не внимая просьбамъ ихъ, предписалъ объявить поселеніямъ высочайшія грамоты и привести ихъ къ присягѣ. Раскольники возопили противу сего, не принимали грамотъ и противились всему съ дикимъ изступленіемъ. Объ этомъ донесено было графу Аракчееву, равномѣрно какъ и о томъ, что названіе людей этихъ новодонцами отвратитъ бунтъ. Съ мѣсяцъ ожидался отвѣтъ его, какъ между тѣмъ раскольники снеслись съ единовѣрцами своими, поселившимися въ черниговской губерніи, въ Бѣлоруссіи, въ Литвѣ и даже въ Пруссіи. Съ разныхъ мѣстъ прибывали къ нимъ на почтовыхъ ихъ апостолы, кои еще болѣе утвердили между ними рѣшительное неповиновеніе. Наконецъ полученъ от-

вѣтъ графа Аракчеева, коимъ предписывалось употребить всѣ мѣры къ понужденію раскольниковъ повиноваться высочайшей волѣ.

Въ исполненіе сего въ главнѣйшемъ селеніи ихъ, *Зыбкой*, собрано было 6 пѣхотныхъ баталіоновъ, дабы устрашить неповинующихся; но это не произвело на нихъ никакого вліянія; они не внимали, ни угрозамъ, ни увѣщаніямъ. Бѣглые и укрываемые ими попы ихъ, по большей части розстриги, напрасно были употреблены начальствомъ для вразумленія фанатиковъ.

Надобно было наконецъ приступить къ мѣрамъ дѣйствительнѣйшимъ. Въ половинѣ генваря мѣсяца 1822 года, по длинной улицѣ селенія Зыбкой выстроили въ двѣ шеренги пѣхотные баталіоны, приготовленные къ экзекуціи надъ неповинующимися поселянами. Послѣдніе собраны были за шеренгами солдатъ; ихъ уговаривали повиноваться. Одинъ баталіонный командиръ вошелъ въ толпу ихъ и когда началъ говорить, старикъ съ четками, прибывшій въ Зыбкую въ видѣ апостола съ черниговской губерніи, ударилъ его палкою по головѣ такъ, что штабъ-офицера этого вынесли изъ толпы замертво.

Пробовалъ говорить къ нимъ съ далека и генералъ-маіоръ Храповицкій, начальствовавшій экзекуціею, но слышны были только крики: «не примамъ, не примамъ грамоты».

Послѣ сего объявлено было бунтующимъ, что кто изъ нихъ не хочетъ повиноваться, пусть идетъ сквозь строй. Вдругъ всѣ почти начали раздѣваться и кидались въ шеренги; палочные удары сыпались, многіе не могли уже ходить, нѣкоторые, стиснувъ зубами мѣдный крестъ свой, съ дикимъ самоотверженіемъ переносили удары и отъ изнеможенія падали почти мертвыми. Смотрѣвшія на это бабы кричали смѣло идущимъ сквозь строй: «иди родимой! будешъ святымъ мученикомъ». Когда-же человѣкъ 9 умерло въ шеренгахъ, начало темнѣть, у меня душа замерла отъ ужаса; я бросился въ толпу, сталъ на колѣни въ грязи и умолялъ безумныхъ о повиновеніи. Не помню, что говорилъ я, но меня никто пальцемъ не тронулъ; помню только, что вошедшіе за мною штабъ и оберъ-офицеры ставили насильно колеблющихся на право и такимъ образомъ успѣли спасти готовыхъ уже погибнуть.

Ночь прекратила экзекуцію. Болѣе 200 человѣкамъ избитымъ пустили кровь; зачинщикамъ, кои прежде взяты были подъ арестъ, обрили бороды, что исполнили и надъ другими, болѣе кричащими. Ночью начали приходить нѣкоторые къ генералу Храповицкому съ повинными головами, поутру-же всѣ выполнили присягу, и везшіе насъ въ Кременчугъ пѣли пѣсни, какъ будто ничего не было. Таковъ народъ русскій! Малороссійскія селенія присягали со смиреніемъ и покорностію. Катастрофа эта останется на всегда въ моей памяти.

Съ этихъ поръ округи военнаго поселенія кирасиръ приготовлялись принять свои полки. Запасы, какъ выше сказано, были до избытка, конскіе заводы учредились, какъ и въ уланскихъ округахъ.

Мнѣ кажется, что не стоило гонять людей сквозь строй за то, что они хотѣли имѣть прежнее названіе новодонцевъ, и что носившіе бороды, не поступавшіе ни въ эскадроны хозяевъ, ни въ резервные, просили о сохраненіи имъ бородъ, въ коихъ они видѣли что то религіозное.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что когда въ послѣдствіи поручено мнѣ было объѣхать мѣста, лежащія по рѣкѣ Орели, въ полтавской губерніи, гдѣ предполагалось также военное поселніе, и представить мнѣніе мое по сему предмету, я написалъ между прочимъ, подъ вліяніемъ зыбковской катастрофы, что хотя и можно было-бы поселить по Орели пѣхоту, ибо для кавалеріи тамъ нѣтъ никакихъ удобствъ, но, во избѣжаніе бунтовъ и смутъ, нужно-бы дать названіе поселяемымъ тамъ полкамъ: пѣшихъ малороссійскихъ стрѣлковъ, въ воспоминаніе носившихъ такое наименованіе стрѣлковъ, сформированныхъ въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II-ой въ кіевской губерніи генералъ-поручикомъ Андреемъ Яковлевичемъ Леванидовымъ. Въ полки эти, какъ говорятъ, малороссіяне поступали охотно, и съ плачемъ оставляли службу, когда расформировали ихъ по возшествіи на престолъ императора Павла. Народныя названія, народныя повѣрья въ подобныхъ случаяхъ имѣли магическую силу и вліяніе на людей всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ, не испорченныхъ космополитизмомъ.

Въ первые годы поселенія кирасиръ, когда начали укомплектовывать полки людьми изъ своихъ округовъ, оказалось, что ростъ кирасира не производится по заказу; что въ округахъ не было столько молодыхъ людей семи-вершковыхъ, коими можно-бы было укомплектовывать кирасиръ, равномѣрно, какъ произошло это и съ конскими заводами, въ коихъ отъ огромныхъ жеребцовъ и большихъ матокъ родилось болѣе третьей части недомѣрковъ. Одни эти два предмета служили уже очевиднымъ доказательствомъ необдуманности въ предпріятіи селить тяжелую кавалерію, когда и уланскія поселенія, относительно ремонтированія полковъ изъ своихъ заводовъ, при соблюденіи одноперстности въ лошадяхъ, потребовали измѣненій въ порядкѣ таковаго ремонтированія.

Въ прежнее время не только въ иррегулярной кавалеріи, но и въ регулярной не было полковъ одномастныхъ; слѣдовательно и ремонтированіе, изъ своихъ-ли заводовъ или покупкою, не представляло настоящихъ неудобствъ и затрудненій. Притомъ-же поселенные полки были подобны козацкимъ; служили въ нихъ люди всякаго росту, какіе гдѣ родились, лишь-бы только были здороваго тѣлосложенія; поэтому затѣянныя вновь военныя поселенія были идеальными, не прочными въ первоначальныхъ своихъ основаніяхъ, отъ чего по истеченіи 10 лѣтъ все въ нихъ такъ измѣнилось, что не осталось и тѣни первоначальныхъ предположеній.

Они однакожъ въ новороссійскомъ краѣ принесли ту пользу, что открыли почти третью часть народонаселенія не записанную въ ревизскія сказки, слѣдовательно и не платившую никакихъ податей; что бродяжество уничтожилось и что по перемѣреніи земель оказалось во всѣхъ военно-поселянскихъ усадьбахъ едва по десяти десятинъ земли на мужескую ревизскую душу, когда до того считалось земли далеко болѣе нужной пропорціи. Напримѣръ: въ осадѣ Петриковкѣ, нынѣшней Новой Прагѣ съ окрестными деревнями, при объявленіи оной штабомъ малороссійскаго кирасирскаго полка, показано было гражданскимъ вѣдомствомъ только 2,000 душъ мужескаго пола и слишкомъ 20,000 десятинъ земли, а вышло мужескаго пола болѣе 4,000 душъ, земли-же менѣе 20,000 десятинъ.

Какъ-бы то ни было, все-же поселеніе на югѣ въ степныхъ мѣстахъ было похоже на дѣло, ибо изобиліе хлѣба, а тѣмъ болѣе сѣна, коего сбытъ невозможенъ, представляло возможность кормить людей и лошадей въ поселяемыхъ полкахъ; но въ новогородскомъ и могилевскомъ поселеніяхъ даже и прокормить людей было нечѣмъ. При томъ же поселенные тамъ пѣхотные полки заключали въ себѣ людей поступившихъ въ рекруты изъ разныхъ губерній; многіе изъ нихъ обращены потомъ въ хозяева, оставленныя нѣкоторыми жены на мѣстахъ родины были выписаны къ мужьямъ своимъ, и уроженцы полтавской, херсонской и екатеринославской губерній сдѣлались хлѣбопашцами на новогородскихъ тундрахъ и болотахъ.

Есть-ли тутъ какое нибудь соображеніе и можно-ли требовать отъ оравшаго плугомъ въ восемь воловъ жирную, тучную землю, чтобы онъ вдругъ научился или привыкъ орать одноконною сошкою и удабривать землю навозомъ, безъ котораго сѣверная, песчаная почва совсѣмъ не родитъ?

По возшествіи на престолъ нынѣ царствующаго государя императора Николая Павловича сперва отмѣнили обмундированіе и вооруженіе военныхъ поселянъ; потомъ полки начали укомплектовываться рекрутами изъ разныхъ губерній обширной Россіи; потомъ полковые ремонты начали покупаться, а наконецъ округи военныхъ поселеній совершенно отдѣлились отъ полковъ своихъ. Поселяне сдѣлались по прежнему простыми хлѣбопашцами и кормили только постояльцевъ—приходящіе на квартиры въ округи полки армейской кавалеріи

Съ симъ раздѣлилось также и начальствованіе, то есть полковый командиръ не управляетъ уже вмѣстѣ и округомъ, какъ было сперва; дивизіонный и бригадные начальники не вмѣшиваются въ хозяйственное распоряженіе по поселеніямъ, которое управляется особыми властями, и стало зависѣть только отъ корпуснаго командира.

Такія и въ столь короткое время перемѣны разительны для наблюдающаго ходъ дѣлъ въ эпоху, въ которую намъ жить пришлось.

Въ Австріи въ 250 лѣтъ поселенія все тѣ-же; у насъ они и 10 лѣтъ не удержались.

Напрасно графъ Аракчеевъ издалъ 27 книгъ законоположеній для военнаго поселенія; напрасно даны были Высочайшія грамоты, коими постановлялось водворять войско на постоянныхъ жилищахъ; напрасно гоняли сквозь строй домагавшихся носить бороды; напрасны были иждивенія на обмундированіе и вооруженіе всѣхъ военныхъ поселянъ безъ изъятія; все это уничтожено, и аракчеевскія законоположенія содѣлались едва-ли къ чему нибудь пригодными.

Онъ повторялъ, что первѣйшимъ условіемъ въ каждомъ дѣлѣ должно быть постоянство и сколь возможно твердыя правила. Онъ-же всегда говаривалъ, что Австрія одѣла большую часть войскъ своихъ въ красные штаны, что и неудобно и дорого; но протекли столѣтія и цвѣтъ штановъ остался все тотъ-же, поелику на фабрикахъ выдѣлывается красное сукно и съ отмѣною этого фабриканты понесли-бы убытки.

Послѣ сего, какъ онъ смотрѣлъ на Россію, знало-ли правительство, коего онъ былъ главнѣйшимъ двигателемъ во все почти царствованіе императора Александра? И каково было ему видѣть, сидя въ своемъ Грузинѣ, смежномъ съ ожесточенными имъ противу себя военными поселянами, что 27 томовъ пандектовъ его, кои онъ считалъ также прочными, какъ Юстиніяновы, обречены были на съѣденіе молью въ архивахъ, называемыхъ имъ библіотеками! Каково было потомъ въ 1831 году, то есть спустя 5 лѣтъ послѣ удаленія своего отъ дѣлъ государственныхъ по названію, бѣжать отъ ярости взбунтовавшихся тѣхъ-же военныхъ поселянъ, кои не могши далѣе сносить заведенныхъ имъ порядковъ, или лучше сказать стѣсненій, предавали смерти имъ же установленныхъ начальниковъ! Каково было наконецъ видѣть себя оставленнымъ даже своими приближенными!

Впрочемъ должно сказать здѣсь нѣчто и въ похвалу его страннаго характера, какъ выдержаннаго имъ до конца жизни.—Бывавшіе у него и жившіе съ нимъ въ Грузинѣ никогда не слыхали ни одного слова ни о военныхъ поселеніяхъ, ни о какихъ либо дѣлахъ, ни управленіяхъ, кои отъ него нѣкогда проистекали, ни о правительствѣ, ни о Петербургѣ; такъ, какъ будто-бы онъ вѣчно былъ не болѣе простаго новогородскаго помѣщика.

Не излишнимъ считаю сказать здѣсь и то, что австрійскія поселенія учреждены для сокращенія государственныхъ расходовъ, и правительство смотритъ на нихъ съ этой точки зрѣнія. У насъ была та-же самая цѣль, но наши военныя поселенія и начались уже расходами. А сколько между тѣмъ писано было о сбереженіяхъ!

Тутъ я долженъ поговорить нѣсколько подробнѣе о выше сказанныхъ мною вскользь сбереженіяхъ и капиталахъ: графъ Аракчеевъ считалъ ввѣренныя ему поселенія какою-то какъ-бы отдѣльною частью въ государствѣ; велъ разсчеты съ правительствомъ и ежегодно требовалъ отъ государственнаго контролера барона Камкенгаузена очистительной квитанціи въ правильности расходовъ и движеніи суммъ. О квитанціяхъ объявляемо было имъ въ печатныхъ приказахъ по военнымъ поселеніямъ. Трудно отгадать, кому онъ не вѣрилъ, пользуясь полнымъ довѣріемъ Государя, а еще труднѣе сказать, кого онъ желалъ обмануть, себя-ли, или правительство, слѣдующаго образа экономіею.

Выше объяснено, что военные поселяне, вмѣсто платежа казенныхъ податей, продовольствовали людей и лошадей поселенныхъ полковъ. Графъ Аракчеевъ требовалъ изъ казны за это продовольствіе ежегодно полной суммы по существовавшимъ справочнымъ цѣнамъ на провіантъ и фуражъ. Изъ этого производились имъ расходы, остаточныя-же суммы зачислялись въ экономическій капиталъ военныхъ поселеній, иначе: суммы перекладывались такъ сказать изъ одного кармана въ другой.

Правительство предполагавшее сдѣлать сбереженіе на продовольствіи, возложивъ оное на военныхъ поселянъ, платившихъ прежде въ годъ отъ души по 10-ти руб. податей, увидѣло не только ущербъ въ общихъ государственныхъ подушныхъ доходахъ, но еще отдѣляло и по военному министерству забираемыя графомъ Аракчеевымъ деньги на выше означенное продовольствіе поселенныхъ войскъ, на которое онъ старался возвысить цѣны, чтобы увеличить поступающіе въ распоряженіе его капиталы.

Можно-ли въ подобной операціи добраться какого нибудь толку? Можно-ли объяснить цѣль въ этихъ, можно сказать, частныхъ видахъ человѣка первѣйшаго въ государствѣ, по силѣ и вѣрѣ въ него монаршей, и можно-ли не расходуемыя имъ деньги назвать экономіею?

Сверхъ того онъ испросилъ Высочайшее соизволеніе, дабы еще и подати съ малороссійскихъ козаковъ, простиравшіяся въ годъ выше 7 руб. асс., обращаемы были также на военныя поселенія, изъ коихъ были также значительные остатки отъ расходовъ, что равномѣрно почиталось имъ экономіею-же. Изъ такихъ и подобныхъ тому суммъ, зависѣвшихъ совершенно отъ его воли, онъ скопилъ 32 милліона, кои отданы имъ въ кредитныя установленія для приращенія процентами. Если-бы онъ совсѣмъ ничего не издерживалъ, что собственно отъ него зависѣло, то означенный капиталъ могъ бы быть и въ двое большимъ. Есть-ли тутъ какая либо заслуга?

Къ сему надобно еще прибавить расходъ по бюджету военнаго министерства: на обмундированіе и вооруженіе военныхъ поселянъ, на жалованье и другія довольствія генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ поселенныхъ войскъ на ремонтированіе полковъ лошадьми, на содержаніе въ округахъ госпиталей и на прочія подобныя симъ иждивенія, изъ чего выйдетъ, что вмѣсто всякихъ сбереженій военныя поселенія поглощали милліоны, коихъ произвольная часть считалась какимъ то не прикосновеннымъ экономическимъ капиталомъ, отданнымъ въ руки графу Аракчееву. Сверхъ того онъ постановилъ, дабы всѣ артельныя деньги изъ полковъ и всякаго рода командъ, равномѣрно какъ всѣ неопредѣленные доходы съ округовъ военныхъ поселеній, присылались въ штабъ его для причисленія къ суммамъ военныхъ поселеній. Какая арбитральность въ дѣйствіяхъ и даже въ распоряженіи бѣдною собственностію солдата, скопляемою лишеніемъ его и безъ того весьма скуднаго жалованья! Прежде солдатъ, прослуживший 25 лѣтъ и скопившій артельныхъ денегъ нѣсколько десятковъ рублей, выходя въ чистую отставку, имѣлъ право взять ихъ какъ свою собственность, на которую онъ или сыскалъ себѣ пріютъ, или принесъ вспомоществованіе въ свою семью сложенными имъ деньгами; въ военномъ-же поселеніи всѣ нижніе чины, выходя изъ округа, лишались артельныхъ своихъ денегъ.

Къ стати упомянуть здѣсь о госпиталяхъ по округамъ и объ издержкахъ коммисаріатскаго департамента на больныхъ въ военныхъ поселеніяхъ, коихъ число, а слѣдовательно и расходъ, ничѣмъ не ограничивались. Итакъ бугской уланской дивизіи полковые командиры нѣ-

сколько лѣтъ сряду показывали множество больныхъ и требовали, согласно постановленію графа Аракчеева, по 50 коп. ас. на каждаго больнаго. Расходы эти сдѣлались наконецъ весьма значительными; объ этомъ поступили доносы, и въ 1827 году дивизіонный, бригадный и всѣ 4 полковыхъ командира преданы военному суду. Счастье ихъ, что бывшій дивизіонный начальникъ, человѣкъ истинно честный, скопивши бережливостію въ теченіи 50-лѣтней своей службы значительный капиталъ, умеръ и что казна забрала оставшееся послѣ его имущество на пополненіе вышесказанныхъ перетребованныхъ денегъ; иначе всѣ эти генералы и полковые командиры за злоупотребленіе, указанное постановленіемъ графа Аракчеева, которое совсѣмъ не почиталось ими противузаконнымъ, были-бы наказаны, какъ виновные въ растратѣ казенныхъ суммъ.

Вмѣстѣ съ чрезвычайною строгостію возникаетъ и поползновеніе ко злу. Когда я вступилъ въ управленіе штабомъ военныхъ поселеній херсонской и екатеринославской губерній, то нашелъ, что однихъ денегъ, долженствовавшихъ храниться въ штабѣ, недоставало до 400,000 руб. асс. Ихъ забралъ и издержалъ графъ Витъ и частью разстратилъ управлявшій штабомъ адъютантъ его маіоръ Гончаровъ. Подобныя разстраты оказались и въ нѣкоторыхъ полкахъ, гдѣ порожніе казенные ящики были однакожъ подъ часами, то есть, часовой стоялъ у выкрашенныхъ фургоновъ.

Всѣ эти недостатки однакожъ въ мое управленіе пополнены. Я вовсе не доносилъ объ нихъ; мнѣ казалось ужаснымъ быть причиною несчастія многихъ; но каково было мое положеніе!—Одинъ Богъ знаетъ. Онъ и помогъ мнѣ привести все въ порядокъ. Я сдалъ штабъ и всѣ суммы въ три дни въ совершенной исправности; но не прошло и года, какъ заведенная мною машина по прежнему разстроилась, и послѣдствіемъ того были военные суды, коимъ во время мое, благодаря пекущемуся обо мнѣ Провидѣнію, никто не подвергся. Вотъ самая лучшая для меня награда за труды и самоотверженіе; другой-же я никакой не получалъ, не желалъ и не жалѣю о томъ

Нѣкоторые аракчеевскіе распорядки были однако-же и полезны; напримѣръ: составленіе въ поселенныхъ полкахъ офицерскаго вспомогатель-

наго капитала, отчетливость суммъ, подчиненная правиламъ, въ возведеніяхъ казенныхъ строеній, улучшеніе оброчныхъ статей и тѣмъ подобныя мѣлочи; но за симъ тотчасъ слѣдовала фискальность денежная, простертая имъ до того, что по его смѣнѣ оказалось, что, начиная съ корпуснаго командира графа Вита до поселенныхъ эскадронныхъ командировъ, почти у всѣхъ остановлено было жалованье и столовыя деньги за разныя упущенія, часто совсѣмъ невинныя.

Въ теченіи 5-ти лѣтъ въ военномъ поселеніи херсонской и екатеринославской губерній никто не получалъ никакихъ награжденій, что доказывается печатными приказами по военнымъ поселеніямъ, въ коихъ графъ Аракчеевъ торжественно объявлялъ о наградахъ, полученныхъ служащими подъ его начальствомъ; касательно-же херсонскаго поселенія въ одномъ только такомъ приказѣ 1824 г. значится, что изъ перваго бугскаго уланскаго полка корнетъ Курисъ назначенъ къ главному начальнику надъ военными поселеніями въ должность адъютанта.

Это графъ Аракчеевъ почиталъ наградою, каковой конечно едвали желалъ кто.

Вотъ какъ зазнаются временщики! Между тѣмъ у рѣдкихъ не были замараны кондуитные списки, ибо всякая вина была виновата, и слѣдствіямъ не было конца. Довольно упомянуть для примѣра одинъ, или два случая въ этомъ родѣ.

Одинъ изъ командировъ поселенныхъ и резервныхъ въ полку эскадроновъ помѣстилъ въ двунедѣльномъ донесеніи о происшествіяхъ, что жена дьячка изъ сосѣдняго помѣщичьяго селенія, будучи на сватьбѣ во ввѣренномъ ему округѣ, возвращаясь съ оной домой пьяная, упала съ крутаго берега въ рѣку Синюху и утонула. Графъ Аракчеевъ предписалъ: посадить означеннаго командира на 3 дни подъ арестъ на гауптвахтѣ, со внесеніемъ штрафа сего въ формулярный его списокъ за то, какъ значилось въ печатномъ приказѣ, что въ округѣ опасныя мѣста не были обгорожены.

Прошу обгородить берегъ рѣки, протекающей почти по цѣлому округу!

А это какъ покажется?

Графъ Аракчеевъ, по маштабу новогородскихъ своихъ поселеній, предписалъ производить между деревнями херсонскаго военнаго поселенія конные патрули. На это ему представляли, что деревни, разсѣянныя въ степяхъ, лежатъ одна отъ другой, часто слишкомъ въ дальнемъ разстояніи и что въ зимнее время могутъ случаться съ патрулями весьма несчастныя произшествія, а особенно во время степныхъ вьюгъ и мятелей. Отвѣта отъ него на таковое представленіе не было; между тѣмъ въ одномъ округѣ два патрульные пропали безъ вѣсти; были-ли они съѣдены волками, или занесены снѣгомъ въ какой нибудь глубокой балкѣ (оврагѣ), слѣдствіемъ не открыто; но за это произшествіе онъ предписалъ арестовать полковаго, дивизіоннаго и эскадроннаго командировъ, также со внесеніемъ штрафа въ формуляры ихъ. Такая ни съ чѣмъ несообразная строгость отнимала охоту у всѣхъ служить въ поселенныхъ войскахъ. Графъ Аракчеевъ зналъ это и испросилъ имянный Высочайшій указъ, чтобы штабъ и оберъ-офицеры, вышедшіе въ отставку изъ поселенныхъ полковъ, не иначе были-бы вновь принимаемы на службу, какъ въ тѣ-же самые полки, въ коихъ служили.

Такая мѣра не могла привлечь порядочныхъ людей къ обѣщанному успокоенію. Всѣ лучшіе офицеры, а особенно тѣ, кои имѣли какой нибудь кусокъ насущнаго хлѣба, оставили службу на всегда; остающіеся-же въ оной по необходимости были жалкіе, слѣпые исполнители дикой воли. Истинное честолюбіе и благородство исчезало; не было никакого соревнованія и во всемъ проявлялся обманъ требуемою наружностью мнимаго порядка. Преслѣдованія сближаютъ и безнравственныхъ. Трудно было видѣть истину. Всѣ, начиная съ графа Вита, тщательно старались укрывать и произшествія, и недостатки суммъ въ полкахъ, не рѣдко случавшіеся (какъ видно изъ сказаннаго мною выше объ оказавшихся недостаткахъ при пріемѣ моемъ штаба), и даже злоупотребленія, ибо каждый видѣлъ въ высшемъ начальникѣ одно желаніе карать за самыя неумышленныя ошибки.

Относительно графа Вита я долженъ сказать, что онъ былъ человѣкъ сердца добраго, способностей ума необыкновенныхъ; былъ вѣжливъ и ласковъ въ обхожденіи съ подчиненными; никогда не выходилъ изъ себя и даже рѣдко сердился; но былъ вѣтренъ, невѣренъ ни въ

словахъ, ни въ дѣйствіяхъ; впрочемъ онъ зналъ кавалерійскій фронтъ, умѣлъ дать образованіе и направленіе кавалерійскимъ полкамъ, а всего болѣе умѣлъ представить ввѣренныя ему части въ прекрасномъ видѣ; умѣлъ, какъ говорится, продать товаръ лицомъ. Наука въ настоящую эпоху не бездѣльная. Государь всегда имъ былъ доволенъ, а поелику сверхъ того онъ употреблялся и для наблюденія за духомъ въ войскахъ, и между помѣщиками, особенно въ польскихъ губерніяхъ, то казался весьма быть нужнымъ государю, что отвращало отъ него грозу и желаніе уничтожить его, выказывавшееся въ прицѣпкахъ и придиркахъ къ нему со стороны графа Аракчеева. Тутъ можно еще прибавить, вспомнивши о графѣ Витѣ, что есть люди, кои охотнѣе и лучше занимаются тѣмъ, что не относится къ прямой ихъ обязанности, нежели тѣмъ, что въ сущности составляетъ ее.

Страшно вспомнить аракчеевское время! Кто не служилъ подъ непосредственнымъ его начальствомъ, кто не испыталъ такихъ безпрерывныхъ опасеній, какія окружали обреченныхъ въ жертву злой несправедливости, тотъ не можетъ себѣ вообразить страха, доводящаго до отчаянія. Помню я, какъ пріѣздъ фельдъегера, а они скакали безпрестанно, приводилъ меня въ трепетъ, ибо каждая аракчеевская бумага заключала въ себѣ штрафы, выговоры и угрозы. Восемь лѣтъ я не зналъ никакихъ радостей, да едва-ли кто зналъ ихъ и во всемъ херсонскомъ военномъ поселеніи; не было никакого отдыха, вѣчное многодѣліе и неувѣренность, какъ будетъ принята и самая правда. Штабъ главнаго надъ военными поселеніями начальника съ начальникомъ его были орудіями нравственной пытки. Мнѣ кажется, что главнѣйшія занятія чиновниковъ этого штаба были—искать упущеній, дабы прислужиться тѣмъ графу Аракчееву. Онъ до того былъ ненавидимъ у насъ, что когда присягали на вѣрность нынѣ царствующему государю императору, то военные поселяне и солдаты въ полкахъ кричали: Господи, избавитъ-ли насъ новый царь отъ лютаго этаго главнаго начальника! Не льзя описать всеобщей радости, когда получено извѣстіе, что онъ уволенъ въ безсрочный отпускъ за границу. Объ этомъ онъ объявилъ въ печатномъ своемъ приказѣ по военнымъ поселеніямъ въ началѣ 1826 года; и хотя написалъ въ ономъ съ дерзостію, что го-

сударь императоръ пожаловалъ ему 40,000 руб. асс. на дорогу, но что онъ, заложивши серебро свое, можетъ обойтиться и безъ этой милости, но это не обратило на себя у насъ ничьего вниманія. Такъ было подавлено всякое разсужденіе. Потомъ уже начали говорить о такомъ неслыханномъ дерзновеніи.

Послѣ Аракчеева херсонское военное поселеніе начало отдыхать. Если-бы графъ Витъ въ 1827 году не предложилъ снабдить армію, шедшую противу турокъ, провіантомъ изъ запасовъ военно-поселянскихъ и если-бы отяготительная перевозка хлѣба этого не разорила военныхъ поселянъ,—они пошли-бы быстрымъ шагомъ къ истинному улучшенію своего матеріальнаго быта.

Давно уже не проѣзжалъ я военными поселеніями херсонской губерніи и не знаю, что тамъ дѣлается; но слыша, что тамъ заводятъ казенныхъ испанскихъ овецъ, сѣютъ цѣлыми округами, или барщиной, пшеницу для продажи въ Одессѣ, не могу не удивляться, какъ далека еще у насъ мысль объ общей пользѣ даже въ высшихъ сановникахъ. Во первыхъ: подобнаго рода монополія стѣсняетъ херсонскихъ помѣщиковъ въ продажѣ ими въ одесскомъ портѣ пшеницы и шерсти, а это и составляетъ единственный ихъ доходъ, единственное средство уплачивать казенныя подати, ибо крестьянинъ въ весьма рѣдкихъ имѣніяхъ въ состояніи вносить оныя; во вторыхъ сами военные поселяне могли-бы продавать означенные продукты по мѣрѣ хозяйства каждаго, если-бы вмѣсто казенныхъ засѣвовъ мѣстныя власти заохотили ихъ сѣять пшеницы болѣе обыкновеннаго и убѣдили-бы ихъ въ попечительности своей поданіемъ и облегченіемъ средствъ для удобнѣйшей продажи въ Одессѣ-же.

Самою важнѣйшею задачею есть улучшеніе частныхъ хозяйствъ хлѣбопашцевъ;—тутъ нужно поощреніе, пособіе, направленіе и наблюденіе за ходомъ и развитіемъ сельской промышленности со стороны управляющихъ, чего ни какъ не льзя согласить съ монополіею, ясно выказывающеюся въ сѣяніи огромнаго количества пшеницы и заведеніи казеннаго-же овцеводства.

Но, не говоря уже о военныхъ поселянахъ, представимъ себѣ провинцію, въ которой было-бы 12 богачей помѣщиковъ, имѣющихъ по

10,000 душъ, какъ это существуетъ приблизительно въ 12 округахъ военныхъ поселеній херсонской губерніи. Не были-ли бы они 12-ью монополистами въ отношенія къ 1,000 мѣлкопомѣстныхъ владѣльцевъ, и могли-ли бы сіи послѣдніе состязаться съ ними въ продажѣ своихъ продуктовъ въ одномъ и томъ-же пунктѣ? А подобный взглядъ на общую пользу не убѣждаетъ-ли въ томъ, что при такомъ неравенствѣ средствъ одной половины производителей хлѣбопашества къ другой общее благосостояніе или улучшеніе въ краю будетъ идти весьма медленно, что доказывается и самою продажею пшеницы въ Одессѣ, которой количество, при настоящемъ требованіи едва-ли не всей Европы, нуждающейся въ хлѣбѣ, не превышаетъ нѣсколькихъ милліоновъ четвертей. Правда, что такой привозъ весьма значителенъ, но большая часть его привезена съ подольской и кіевской губерній; судя-же по пространству земель въ губерніяхъ херсонской и екатеринославской, можно-бы ожидать изъ нихъ только самыхъ больше означенной пропорціи, если-бы частные земледѣльцы удостовѣрились, что богатство ихъ заключается въ сколь можно большихъ пшеничныхъ засѣвахъ зерномъ лучшаго качества, и если-бы это не было въ рукахъ однихъ помѣщиковъ и военно-поселянскаго начальства, понимающаго превратно богатство округовъ военнаго поселенія и заботящагося преимущественно о посѣвахъ общественныхъ. Напрасно мы начали воображать Одессу житницею Европы. Она дѣйствительно могла-бы быть таковою, еслибы годовой вывозъ пшеницы за границу былъ не 3,000,000, а 30 милліоновъ четвертей, ибо въ одной Франціи можно считать до 10 милліоновъ народа не имѣющаго хлѣба, не говоря уже объ Англіи и Ирландіи, гдѣ тысячи умираютъ съ голоду.

Дабы все упомянутое мною въ этихъ краткихъ очеркахъ военнаго поселенія херсонской и екатеринославской губерній о графѣ Аракчеевѣ не показалось желчью человѣка, котораго онъ гналъ, я долженъ сказать, что напротивъ онъ всегда благоволилъ ко мнѣ, удостоивалъ и продолжительными разговорами и собственноручными письмами, хранящимися у меня. Онъ избралъ меня въ управляющіе штабомъ военныхъ поселеній херсонской и екатеринославской губерній, съ назначеніемъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ, съ тѣмъ, какъ написано въ повелѣніи мнѣ

его по сему предмету, чтобы я привелъ въ порядокъ дѣла, денежную отчетность, и далъ-бы соотвѣтственное направленіе по всѣмъ частямъ, доведеннымъ до крайнаго разстройства. Что я оправдывалъ его выборъ, свидѣтельствуютъ въ томъ и письма его и многія формальныя бумаги.

Правда, что кромѣ денежныхъ пособій и опредѣленія дѣтей моихъ на казенное содержаніе: сына въ пажескій корпусъ, а дочери въ патріотическій институтъ, онъ не испрашивалъ мнѣ никакихъ наградъ, но это происходило не отъ того, чтобы онъ не желалъ награждать меня, а изъ упорства его—не давать ничего служащимъ подъ командою графа Вита, дабы выставить въ глазахъ государя, что у насъ не дѣлается ничего добраго.

Повторяю, страшно вспомнить времена Аракчеевскія; но если въ послѣдствіи мнѣ казалось все легкимъ по службѣ, это было по сравненію тяжкихъ трудовъ и испытаній, перенесенныхъ мною подъ его начальствомъ. Какъ непомѣрная строгость, такъ и послабленіе едвали не равно портятъ дѣло; первая однакожъ производитъ дѣловыхъ людей, а послѣдняя трутней, кои бываютъ терпимы однимъ пріучившимъ ихъ къ лѣни начальникомъ, и негодными для другаго. Правила служебнаго воспитанія видны въ человѣкѣ на всякомъ занимаемомъ имъ мѣстѣ, и если свыкшійся съ строгимъ порядкомъ не озлобленъ несправедливостями, или по свойству своего характера, или по великодушію, то онъ всегда останется нужнымъ и полезнымъ во всякомъ положеніи; служившіе-же при невнимательныхъ начальникахъ сами не будутъ знать, къ чему они способны, хотя-бы и много лѣтъ слышали похвалы его своимъ способностямъ. Истинная вѣра въ мнѣніе проистекаетъ только изъ порядка строгаго и вмѣстѣ съ тѣмъ снисходительно соблюдаемаго высшимъ начальникомъ, умѣющимъ избирать людей и слѣдить за ихъ занятіями. Такой начальникъ, можно сказать, даритъ правительству полезныхъ чиновниковъ.

Варшава.

$\frac{26 \text{ марта}}{7 \text{ апрѣля}}$ 1842 г.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА.

(Род. 1676 г. ум. 1727 г.).

(*Продолженіе*) [1]).

Годъ 24-й.

Отъ 1699 года іюля 20 по 1700 годъ іюля 20.

Октября сговорилъ жениться у княгини Ѳеклы Семеновны Урусовой на дочери, которая нынѣ мнѣ супругою княгиня Марья Ѳедоровна, и въ ноябрѣ предъ заговѣньемъ женился.. И той зимы написанъ былъ въ полкъ семеновскій въ поручики въ 5-ю роту. И въ августѣ мѣсяцѣ предъ походомъ Ругодивскимъ написали въ 4-ю роту капитаномъ. И того августа мѣсяца пошли подъ Нарву.

Того году царедворцевъ всѣхъ смотрѣли, и взяли, которые молодые, къ пѣхотнымъ полкамъ въ офицеры, и всѣхъ лучшихъ фамилій тутъ написали.

Того году князь Никита Репнинъ посланъ въ Казань и во весь низъ набирать вольницу въ солдаты, также и даточныхъ, которые начаты брать и на Москвѣ, съ 50 дворовъ человѣкъ. И тамъ бывъ, набралъ 15,000 человѣкъ и привелъ къ Москвѣ; и какъ пріѣхалъ, того времени пожалованъ въ генералы.

---

[1]) См. сентябрск. кн. «Кіевской Старины» 1884 г., стр. 104—129.

Того году въ зимѣ брали даточныхъ съ 50 дворовъ человѣкъ, дворовыхъ людей, а не крестьянъ; и сказана всякому чину воля въ солдаты идти,—коли хочетъ, тогда поди, и многіе изъ домовъ шли.

Того году заведены школы математическіе.

Того году завели школы латинскія, которые мастеры взяты чернецъ изъ Кіева.

Годъ 25-й.

Отъ 1700 года іюля 20 по 1701 годъ іюля 20.

И того году въ сентябрѣ стояли подъ Нарвою. И съ приходу я имѣлъ великое несчастіе; какъ перебрались за рѣку, и въ ту пору за нѣкоторой лѣсъ, взятый на дрова, заповѣдной знакомца моего Мещерского били кнутомъ, да двухъ поваровъ, и себѣ видѣлъ великій афронтъ, и сидѣлъ за арестомъ сутки.

И того года сынъ родился князь Сергѣй. И умре полутора году.

И ноября 20 числа несчастье великое было, гдѣ весь обозъ потеряли, и пришедъ шведскій всѣхъ отбилъ и артиллерію и обозъ и все взялъ. Въ томъ числѣ зятя Ивана Степановича [1]) убили. И пришедъ къ Москвѣ жили до весны, а весною пошли въ Новгородъ.

Того года Адріана патріарха не стало [2]); и на его мѣсто выбранъ архіерей рязанскій, родомъ полякъ, Яворскій, который только вмѣсто патріарха церковь соборную правилъ. И правитъ по се число.

Тогожъ году у всѣхъ монастырей отписаны вотчины и всякіе доходы, кромѣ того, что отъ церкви въ монастырской приказъ, который подъ судомъ Ивана Мусина-Пушкина. А чернцамъ велѣно давать равную часть всѣмъ, какъ архимандриту, такъ и простымъ, денегъ и хлѣба и иной пищи. И той казны всей сбиралось тысячь по сту и по двѣсти государю за расходами монастырскими [3]).

Того года начали брать запросной хлѣбъ; брали по вся годы, какъ службы были.

---

[1]) Салтыкова, мужа сестры князя Бориса, Марьи Ивановны, урожденной Куракиной.

[2]) † 15 октября 1700.

[3]) Указы отъ 31 января и 11 марта 1701 г.

Годъ 26-й.

Отъ 1701 года іюля 20 по 1702 годъ іюля 20.

Того лѣта пошли въ Новгородъ и жили по великій постъ. А я былъ отпущенъ въ осень на время къ Москвѣ, и пріѣхавъ занемогъ, и былъ чирей большой подъ пазухою, который прорѣзали, и тамъ въ болѣзни своей зоставалъ ажъ по самое Рождество. И въ ту зиму въ нѣкоторомъ несчастьи былъ *деля міо корте*, сподѣваюсь—отъ той причины зоставаючи въ меланхоліи и болѣзнь получилъ. И потомъ предъ масляницею поѣхалъ въ Новгородъ. И въ великій постъ наши полки взяли къ Москвѣ къ празднику. И поживъ съ мѣсяцъ пошли пополамъ полки: одной половины полка къ городу Архангельскому съ его величествомъ, а другой половины полки съ майорами въ Новгородъ съ Ильина дня, въ которой половинѣ и я былъ. И потомъ изъ Новгорода мы пошли водою въ Ладогу подъ командою генералъ-майора Брюса. И пришедъ съ артиллеріею, дожидалися его величества съ половиною съ тѣми полками. А онъ шелъ отъ города Архангельскаго прямо на Олонецкое озеро, и Олонецкимъ озеромъ въ Свирь рѣку, и Свирью въ Ладожское озеро, а съ устья Ладожскаго озера сухимъ путемъ въ Ладогу; а нѣкоторые судны и озеромъ прошли. Изъ Ладоги пошли сухимъ путемъ и озеромъ подъ Орѣшекъ или подъ Нотебурхъ по шведски.

Того году былъ одинъ дьячекъ или-бы писецъ, Талицкій звался, который сдѣлалъ пасквиль или книгу поносную его величеству и государству, и хотѣлъ напечатать. И сказывали про него, что человѣкъ гораздо былъ уменъ и читатель книгъ. И въ то время по нѣкоторомъ долгомъ времени держанъ и четвертованъ. А прежде былъ сдѣланъ столпъ на площади, на которомъ онъ сидѣлъ и его курили, и потомъ снявъ четвертовали; также и другихъ товарищевъ. Въ томъ ему согласьи былъ архіерей тамбовскій, и съ того санъ архіерейскій сняли и послали въ заключенье; а снимали всѣмъ соборомъ. И въ то мѣсто иного архіерея не поставляли, а отдали оное епарху воронежскому [1]).

---

[1]) Ошибка: тамбовская епархія причислена къ рязанской и отдана въ управленіе м. Степану Яворскому.

Того году князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ разбиралъ все государство, рейтарскихъ полковъ и недорослей, и набралъ 16 полковъ тысячныхъ драгунъ. И къ нимъ изъ стольниковъ, изъ стряпчихъ, изъ жильцовъ, изъ дворянъ изъ разряду выбрано въ полковники и во всѣ офицеры начальныхъ людей и отданы въ команду фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметьеву. Того году первое сталъ писаться фельдмаршалъ въ нашемъ государствѣ и первый малтійскій кавалоръ.

Того году были во всю Европу патенты напечатаны за позволеніемъ его величества, объявляя всѣмъ народамъ христіанскимъ коеждой ни есть вѣры, какъ офицерамъ для службы и всякому шляхетству, такъ и всѣмъ чинамъ и даже до купцовъ и ремесленниковъ, кто похочетъ быть въ государство московское въ службу, а другіе для промысловъ жить, —свободно ѣхать и въѣхать волѣстно, и какъ и въ другихъ окрестныхъ и коея нибудь вѣры для себя похотятъ строить школы и кирхи, будетъ позволено; а офицерамъ, которые будутъ въ службу, нѣкоторыми пунктами со удовольствомъ объявлено.

Того году кликали въ матросы малыхъ ребятъ, и набрано съ 3,000 человѣкъ.

Годъ 27-й.

Отъ 1702 года іюля 20 по 1703 годъ іюля 20.

Того году въ нашемъ государствѣ первой чинъ воспріялъ графъ римскій Александръ Даниловичъ Меншиковъ, другой—Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, графъ цезарскій, а не римскаго государства.

И въ семъ году по указу со всего государства велено четвертую часть отъ вѣсу колоколовъ отъ всѣхъ церквей и монастырей, гдѣ собрано было многое число тысячь мѣди, отъ которой учинено чаю съ 300 пушекъ, и со 100 мортировъ всякихъ рукъ, и еще въ остаткѣ не малое число.

И того году заказано большихъ колоколовъ лить и ни малыхъ безъ указу; отъ того времени и колокольный рядъ запустѣлъ.

Того году слюзы почато дѣлать отъ Воронежа, чтобъ въ Оку проходу водяному быть чрезъ Иванъ—озеро; и было въ годъ работниковъ по 10,000 и больше, а дѣлали съ семь лѣтъ, не знаю, ежели совершилося. Было то дѣло подъ командою князя Матвѣя Гагарина.

Того года начато слюзы дѣлать въ торжковскомъ уѣздѣ, чтобъ изъ Волги Тверцою вверхъ, а изъ Тверцы во Мсту, а Мстою въ Новгородъ и въ самое море Балтійское,—отъ моря Каспійскаго въ море Балтійское. Дѣлали съ четыре года работниковъ 20,000. Все то подъ командою князя Матвѣя Гагарина.

Сего года начался орденъ давать за услуги отъ царскаго величества,—крестъ св. Андрея съ черною финифтью на голубой лентѣ; также и на платьѣ на лѣвомъ плечѣ тѣ кавалеріи начали носить шитыя всяки,—гдѣ надпись кругомъ того: *за вѣру и вѣрность.*

Того года вольно почали отпущать въ европейскія государства для науки.

И того года въ осень октября мѣсяца взяли на аккордъ [1]). Въ ту пору ѣхалъ озеромъ въ баталіи съ майоромъ Мейромъ, и были въ великомъ страхѣ отъ погоды водяной на озерѣ. И какъ пріѣхали къ Переволокѣ, и въ ту пору команда у Мейра отнята и приказана мнѣ вмѣсто майора; и командирилъ двѣ недѣли. И перетаща лодку, въ ту ночь ходили на другую сторону рѣки съ его величествомъ, стояла гдѣ въ городкѣ шведовъ цѣлая компанія инфантеріи. И въ той партіи я ходилъ за майора, и потомъ какъ былъ приступъ въ вечеру къ генералъ-майору Чамберсу съ лѣстницами приступными, и съ тѣми лѣстницами пробылъ у него ажъ до самаго приступу, и въ переѣздахъ въ день съ берегу на берегъ въ лодкѣ видѣлъ нѣкоторый не малый страхъ. И взявъ на акордъ Шлюссельбургъ, по нашему названный, всѣ полки пошли въ Новгородъ и во Псковъ; и изъ Новгорода тѣ отпущены съ артилеріею, которые были на приступѣ, а которые не были, тѣ всѣ оставлены зимовать; только жъ однако отпущали къ Москвѣ. И я также былъ отпущенъ къ Москвѣ, и жилъ всю зиму на Москвѣ. И былъ въ несчастьѣ отъ болѣзни на лѣвой ногѣ великаго чирья, и также въ секретномъ своемъ несчастьѣ и въ меланхоліи зоставалъ всегда, отъ чего видѣлъ великую болѣзнь. И на шестой недѣлѣ пріѣхалъ въ Новгородъ. И той весны пошли на святой недѣлѣ въ Шлюссельбургъ въ самую водополь; и пришли въ Шлюссельбургъ, а его величество былъ тутъ задолго до праздника. И потомъ изъ

[1]) Нотебургъ, переименованный Шлюссельбургомъ, 14 октября.

Шлюссельбурга пошли подъ Нотебургъ [1]), нынѣ сдѣланъ пониже Санктъ-Петербурга. И апрѣля или мая мѣсяца того-жъ года въ три дня взяли на акордъ. И первые шанцы подъ тотъ городъ былъ я посланъ заводить отъ семеновского полку, и въ томъ случаѣ видѣлъ нѣкоторой великій случай и страшливой: какъ заводили шанцы, стрѣльба была великая и многихъ побивали, инженера того, которой былъ посланъ съ нами для той работы, передъ свѣтомъ убили. И въ томъ-же походѣ еще городъ не сдался, царское величество самъ пошелъ на лодкахъ, и при немъ 4 компаніи преображенскихъ, 4 — семеновскихъ; и шли на лодкахъ мимо города, а плыли ночью, и отъ города была по насъ стрѣльба. И въ томъ походѣ были первой разъ на морѣ; и на островахъ побрали много скотины. А надъ четырьмя ротами я командирилъ майоромъ наказнымъ. И по взятіи того города на акордъ начали дѣлать Санктъ-Петербургъ [2]), и того-же лѣта къ осени сдѣлали, и сдѣлавъ тутъ, оставя гарнизонъ, а сами всѣ пошли къ Москвѣ.

Того году заведена канцелярія ингермоландская подъ судомъ губернатора Александра Даниловича Меншикова, на дворѣ его въ Семеновскомъ. А къ той канцеляріи подсудны розные канцеляріи, отъ людей боярскихъ вымышлены. Первая канцелярія рыбная,—всѣ воды, которые ни были во дворцѣ, у патріарха, у властей, у монастырей, у помѣщиковъ и всѣхъ, что ни есть, взяты на государя; также и которые рѣчки и малые, и тѣ всѣ взяты и даны на откупъ; а нигдѣ никому во всемъ государствѣ безъ откупу ловить рыбы не велѣно, кромѣ саженыхъ прудовъ. Съ которыхъ сбиралось промысловъ и со откуповъ тысячь по сту.

Того году взяли даточныхъ другихъ со ста дворовъ по человѣку, изъ дворовыхъ-же.

Того году дочь княжна Катерина родилась октября 25 дня послѣ вечеренъ, а тезоименитство ноября 24 Екатерины мученицы.

Того году заведена въ оружейной полатѣ цѣна; и начали дѣлать монету, полтинники, полуполтинники, гривенники, полугривенники. А

---

[1]) Ошибка. Нужно было сказать: *Ніеншанцъ*.

[2]) 16 мая.

на денежномъ дворѣ почали дѣлать мелкія деньги, серебренныя копѣйки, какъ старинныя денежки и меньше, — такъ вѣсомъ во 100 руб. всего по полъ сема фунта; также нѣкоторую часть и мѣди подмѣшивать. Также былъ сказанъ указъ, чтобъ старыя деньги приносить въ казну, а вмѣсто того давали новыми деньгами на сто рублевъ по 10 рублевъ, а потомъ давали и по 12 рублевъ. И того-же времени денежки завели дѣлать мѣдные красной мѣди, какъ шолди венецкіе. Только-же вскорѣ потомъ въ товарахъ чужестранныхъ начала прибывать цѣна, а въ своихъ по прежнему все стояла. И указъ былъ записанъ: будетъ кто станетъ деньги въ землю хоронить, а кто про то доведетъ, — деньги вынетъ, и тѣхъ денегъ доводчику треть, а достальныя на государя.

Въ семъ году по дѣлу славного противника къ имени царскому величеству Талецкого, который написалъ великія книги противъ его величества, тутъ-же приличенъ былъ бискупъ тамбовскій, который былъ позволенъ взять къ суду въ Преображенское и къ розыску. Однакожъ всѣмъ коллежіемъ духовнымъ учинить того воспретили [1]). Для чего былъ соборъ по прошенію царского величества, чтобъ санъ съ оного снять; токмо оное не учинилося. И его величество и на остатокъ просилъ, чтобъ того епископа подъ запрещеніе послать, и посланъ въ одинъ монастырь.

Того году начали брать работниковъ къ дѣламъ городовымъ со всего государства, которыхъ нанимали рублевъ по 20. А были они на работѣ въ Шлюссельбургѣ, въ Санктъ-Петербургѣ, въ Нарвѣ. И донынѣ берутъ по вся годы съ 10 дворовъ, и также не ровно, и болше имѣть, которыхъ половина поворачиваются въ домы.

Того году заведены школы розныхъ языковъ учиться и, просто назвать, академія и кавалерскихъ наукъ, на лошадяхъ и на шпагахъ и балдирѣ, и музыкѣ, инженерству.

Годъ 28 й.

Отъ 1703 года іюля 20 по 1704 годъ іюля 20.

И того году въ осень пришли къ Москвѣ и шли строемъ, а я въ ту пору ногами заболѣлъ и остался, ѣхалъ все позади одинъ и до

[1]) Обстоятельство, доселѣ совершенно неизвѣстное въ русской церковной исторіи.

самой Москвы. И той зимы между всѣми видѣлъ себѣ нѣкоторое счастье, а наипаче десусмаезта [1]). И на Стрѣтеньевъ день мнѣ сказали въ преображенскомъ въ майоры въ семеновской полкъ. На второй недѣлѣ пошли въ Новгородъ и въ С.-Петербургъ, а въ С.-Петербургъ пришли къ вербному воскресенью.

И пришла ко мнѣ вѣдомость о братѣ князь Иванѣ Ивановичѣ, что марта 25 числа не стало въ пути, не доѣхавъ троицкого монастыря, за сколько верстъ не могу знать; и погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ, и потомъ апрѣля мѣсяца жены его княгини Алены Тихоновны не стало-жъ; и послѣ-жъ ея спустя съ 10 дней, чаю мая первыхъ чиселъ—сына братня, а моего племянника князь Александра Ивановича не стало, который былъ взятъ жить въ домъ къ Тихону Никитичу, для того что ему былъ дѣдъ.—И въ наслѣдствіяхъ деревень и всего дому остался я во всемъ; и того лѣта все то за мною справлено.

И изъ подъ Петербурга пошли той весны подъ Нарву. И пришелъ подъ Нарву были ажъ до самого августа. И августа мѣсяца 9 числа ходили на приступъ. И я былъ посланъ и ходилъ майоромъ на тотъ приступъ. И въ ту пору былъ приступъ въ самой полдень, и взяли городъ однѣми шпагами въ 3/4 часа. И предъ тѣмъ приступомъ исповѣдывался и причастился св. Таинъ, въ которой заповѣди отъ отца духовного долженствовалъ быть всегда памятовать и исполнять; и нынѣ Господа Бога прошу въ томъ зостать воздержаніи и заповѣди исполнить. И въ ту пору видѣлъ себѣ нѣкоторое счастье, хотя и при смертномъ часу былъ, и отъ его величества нѣкоторую аморъ видѣлъ, также и отъ губернатора. И въ ноябрѣ съ половину полкомъ семеновскимъ былъ я отпущенъ,—и съ артиллеріею въ командѣ моей, что было дано, отпущенъ къ Москвѣ.

Того году весь разрядъ разбиралъ его величество, и молодыхъ, которые годились, въ офицеры, а другихъ всѣхъ молодыхъ въ кадеты, а изъ кадетовъ въ драгуны; а знатныхъ всѣхъ къ дѣламъ для сбора новыхъ прибылей, а другихъ оставили въ службѣ для розыскокъ, которыхъ сподѣвалися остаться съ 2,000 человѣкъ. И потомъ разбиралъ

---

[1]) Со стороны его величества.

его величество недорослей знатныхъ самыхъ персонъ, которыхъ выбрали съ 500 или съ 600 человѣкъ, и написали въ салдаты въ преображенской полкъ и семеновской,—и служатъ, съ которыхъ объявлю фамилій знатныхъ: князь Голицынъ, князь Черкаской, князь Хованской, князь Лобановъ, Шереметевъ, также и иные фамилій знатныхъ, князей Урусовыхъ, изъ которыхъ одного подъ Нарвою убили.

Тогожъ года выдалъ прибыль человѣкъ боярской Ивана Головина, Парамонъ Скворцовъ: объ ульяхъ, мостахъ, о перевозахъ, и о свадьбахъ съ некрещеныхъ, какъ съ мордвы, съ черемисы, съ татаръ, съ уфимцовъ, и съ другихъ такихъ низовыхъ подобныхъ тѣмъ жителей. И по его доношенію та канцелярія учинена и отдана ему, только медовой сборъ: которые были въ дворцѣ, тѣ всѣ взяты въ ту канцелярію, также изъ монастырей, также и которые борты были откупные, тѣ всѣ взяты въ ту канцелярію; а у помѣщиковъ, у вотчинниковъ, и у ихъ крестьянъ, и во всемъ низу, у которыхъ есть бортные ухожи или во дворѣхъ ульи, со всякаго улья или борта пошлинъ государю по 5 копѣекъ, а будетъ кому нечѣмъ такъ платить деньгами, дай медомъ по цѣнѣ вмѣсто денегъ. Тѣхъ денегъ сбирается въ годъ тысячь по 10.

Тогожъ году канцелярія уставлена съ постоялыхъ дворовъ, съ угловъ наемныхъ жителей мастеровыхъ, какъ на Москвѣ, такъ и въ городѣхъ со всего пошлины, также-бы и на Москвѣ и по дорогамъ и въ городѣхъ нигдѣ никому не становиться кромѣ постоялыхъ дворовъ или по заморскому, въ корчмѣ; а тѣ-бъ дворы всѣ были подъ именемъ государевымъ, и съ того всѣ пошлины. И тѣхъ сборовъ въ годъ 4,000 рублевъ, а что впредь будетъ, знать не можемъ.

Тогожъ году канцелярія уставлена банная съ московскихъ жителей, и въ государствѣ во всемъ, съ бояръ и съ полатныхъ людей съ бани по 3 рубли; а съ стольниковъ и со всякаго шляхетства съ бани по 1 рублю, и съ поповыхъ, и съ посадскихъ, и со всѣхъ городовыхъ вездѣ жителей, и по деревнямъ, и прикащиковыхъ и съ крестьянскихъ и бобыльскихъ съ бани по 5 алтынъ. И той казны сбирается въ годъ 40,000 рублевъ.

Канцелярія тогожъ году уставлена мытная: конскія площадки, съ мостовъ, съ перевозовъ, съ позему съ пролубного, съ ледокольного, съ

погребного, съ трубного или съ печи, и съ иныхъ мелочей сбирается въ годъ 50,000 рублевъ.

Тогожъ году начали монеты дѣлать рублевыя, полтинники, полуполтинники, гривенники, полугривенники, алтынники, также копѣйки мѣдныя и деньги мѣдныя.

Того году начались школы математическія и другихъ наукъ и артеи: какъ шляпы дѣлать, сукна, кожи на лосинную стать, штукартныя фигуры изъ гипсу, архитектурою полаты строить.

Того году матросы посланы въ Голландію учиться, гдѣ оттуда ѣздили въ Индію, въ Турки, въ Ост-Индію и въ другія государства; по всему свѣту разсѣены были.

Тогожъ году въ канцеляріи посольской, какъ въ титлахъ государевыхъ, такъ и въ другихъ, премѣнность учинилась; также гарма съ прибавкою учинена, при которой почали крестъ св. Андрея ставить.

Того года торговые корабли отъ города государства россійского начали ходить, и изъ тѣхъ два были взяты въ полонъ отъ француза, о чемъ прошено отъ Андрея Матвѣева, токмо того не учинилося.

Того году начата играть комедія нѣмецкая, и комедіанты были привезены изъ Гамбурга.

Того году брали въ матросы или въ солдаты каравану морского изъ ямщиковъ; и набрано было всѣхъ 12,000.

Канцелярія низовая, судъ весь казанского дворца взятъ, всѣхъ уѣздовъ мордва, и черемиса, и татары, и всѣ оброчные статьи взяты изъ прибыли, которыя то выдали человѣкъ князя Бориса Алексѣевича Голицына Степанъ Вараксинъ, да Хрущова Алексѣй Нестеровъ; а въ Казани въ правленіи всѣхъ тѣхъ другіе тые ихъ браты, и по другимъ низовымъ мѣстамъ.

И того году лѣтомъ царевны Софьи Алексѣевны не стало въ дѣвичьѣ монастырѣ монахою. А потомъ изъ монастыря всѣхъ взяли; только оставили Екатерину.

Годъ 29-й.

Отъ 1704 года іюля 20 по 1705 года іюля 20.

И въ декабрѣ за пять дней до Рождества пришли къ Москвѣ и шли въ Москву строемъ. А я шелъ и велъ семеновской полкъ. И

жили ту зиму благополучно, только внутренній секретъ и печаль мнѣ умножалася, которая стала быть публична, и ктому во многой меланхоліи зоставалъ и въ болѣзни. И отъ того явно мнѣ показалася отъ печали болѣзнь: прежде масляницы въ февралѣ мѣсяцѣ объявилися по лбу и по всему тѣлу болѣзни скорбутики пятна такія, какъ были на ногахъ.

И того времени по прошенію его величество меня оставилъ на Москвѣ; и жилъ на Москвѣ великій постъ и послѣ св. недѣли по самой постъ Петровъ. И лечился весь великой постъ и по самой свой отъѣздъ отъ Лаврентья дохтура[1]); и больше 30 разъ принималъ проносное лѣкарство и также всѣ 8 недѣль пилъ декоктъ; и кромѣ того мало что пилъ, развѣ мало чаю и чтобъ не съ сахаромъ и горячій. И сидѣлъ въ банькѣ 18 разъ отъ лекаря рыбника. И тѣ 8 недѣль такъ былъ въ заперти, что ни мало слышалъ воздуху. И предъ праздникомъ въ субботу великую пускалъ кровь изъ правой руки такъ много, что дважды меня оморокъ ошибалъ; и въ самой былъ тощатѣ и худобѣ такъ, что николи въ такой худобѣ и безмочствѣ не бывалъ. И іюля первыхъ чиселъ поѣхалъ; и какъ выѣхалъ изъ Москвы верстъ съ пять, и ночевалъ тутъ, также и другой день до обѣда стоялъ, а смотрѣлъ того, чтобъ поворотиться назадъ въ домъ, для того что при томъ выѣздѣ была великая калторація, какъ-бы начала лихорадка, и въ той опасности былъ.

И въ томъ своемъ лѣченьи непрестанно былъ запоръ на низъ; одинъ разъ такъ случилось, что съ пятеры сутки операціи не было, и на 5-й день съ позволенія медика поставили клистиръ, и первый разъ то учинилъ отъ рожденія своего, который такъ сильно дѣйствовалъ, что николи такъ ни отъ какихъ проносныхъ лѣкарствъ видѣлъ и всю такъ матерію выметало, что безъ всякого труда и тощеты, не такъ какъ въ проносномъ лекарствѣ.

---

[1]) Къ этому времени относится письмо на латинскомъ языкѣ, датированное 5 февраля 1705 г. на Москвѣ, каковое «подано было въ консиліѣ докторской на Москвѣ дохтурамъ Лаврентію Блюментросту, Арескину, Бидлоо». Копія съ этого письма въ русскомъ переводѣ a parte.

И потомъ пріѣхалъ въ Полоцкъ и въ Вилню. И изъ Вильни іюля мѣсяца, въ навечеріи ангела своего, получилъ указъ ѣхать за море для леченья отъ своей болѣзни цынготной. И того мѣсяца поѣхалъ моремъ въ Кенигсбергъ, гдѣ видѣлъ себѣ великое несчастіе, и чуть назадъ не поворотился, и много случаевъ такихъ мнѣ тутъ было, что неутѣшно плакалъ и непрестанно въ великой меланхоліи зоставалъ и не радъ былъ, что самовольно такъ поѣхалъ; а бытности моей на Москвѣ царское величество мнѣ позволилъ хотя-бы годъ жить, только я такъ рано пріѣхалъ для отъѣзда заморского своею волею.

Особливо жь отъ Кенигсберга до Кольберга въ томъ моемъ проѣздѣ была великая причина страшливая, для того что на томъ Балтицкомъ морѣ тутъ на проѣздѣ всегда ходило два военныхъ корабля шведскихъ и осматривали. И для того страхованія отъ непріятеля имѣлъ я надѣяніе ни что иное, токмо отъ реентовъ въ Кенигсбергѣ данъ мнѣ для проѣзду пашпортъ, въ которомъ написанъ италіанцомъ, а не русскимъ; и ѣхалъ будто изъ Венгеръ, а имя Францышка Даміяти. И при Божіей помощи тотъ свой путь отправилъ, хотя и въ страхѣ и въ задержаніи великихъ противныхъ вѣтровъ 12 днями. И пріѣхалъ до Кольберга, а съ Кольберга до Берлина, а отъ Берлина до Дрездена, а отъ Дрездена до Карлсбада, гдѣ пріѣхавъ и лечился въ водахъ горячихъ.

И о той бытности во всемъ моемъ вояжѣ покажетъ особливою книгою, которая названа *Вояжъ и объ леченьѣ въ Карлсбадѣ*, при семъ особливымъ-же описаніемъ. А какъ та моя болѣзнь съ начатку началась и умножилась, обо всемъ здѣсь покажетъ описаніемъ моимъ дискрету моему, которыя были подаваемы господамъ дохтурамъ, придаючи имъ въ консилле, съ которого письма видѣвъ о мнѣ и разсуждали и придали въ разсужденіи, что та болѣзнь моя скорбудика или похондрія и меленхолія и ближится къ лепрѣ, которая называется по словенски проказа. А въ Карсбадѣ докторъ лечилъ, которой назывался Бейхеръ [1]).

---

[1]) Описаніе карлсбадскаго лѣченія у дохтура Бехера приложено особливо *апарте*. Мы не будемъ выписывать всего журнала лѣченья князя Куракина, такъ какъ это было интересно только для самаго больнаго, и то въ свое время. Вы-

Того году начали наши торговые ѣздить въ Голландію, въ Гамбургъ и другіе мѣста отъ городу Архангельского.

Того года отданы на откупъ карты, тавлеи, шахматы, юла, кости и всякіе игры денежные, что не явя тѣхъ инструментовъ и заплатя пошлину не играли, а заплатя пошлину, вольно играть. На откупу первой годъ дано 10,000 рублевъ.

Тогожъ году дворецъ взятъ весь въ банную канцелярію; а взялъ на себя Василій Ершовъ, человѣкъ князь Михайло Яковлевича Черкаского, да Яковъ Акиншинъ, человѣкъ князь Петра Голицына, а взяли всѣ дворцовыя волости изъ прибыли въ полтора, что плачивали прежде сего. Также и по всѣмъ волостямъ, гдѣ бывали прикащики, послали людей болрскихъ, побравъ изъ домовъ, для лучшей прибыли и собранія казны. Тутъ-же въ одну канцелярію всѣ взяты и конскіе заводы и конюшенной дворъ.

А на дворецъ по комнатамъ на пищу роздано деньгами и сами на себя закупали и справляли столъ. Также и его величества столъ отданъ за 60,000 ординаріи, кромѣ публичныхъ столовъ.

Того году Паткуль патенты печатные выдалъ во всей Германіи о вольности во въѣздѣ и отъѣздѣ форестеромъ въ государство россійское, также и всѣхъ религій вольною экзерциціею. Только вскорѣ, какъ былъ въ Саксоніи, напротивъ отзывалъ, чтобъ онымъ патентамъ не вѣрили.

Того году со всего государства сдѣлали... салдатъ, съ 25 дворовъ человѣка, которымъ жить въ тѣхъ городахъ, и тамъ отставнымъ начальнымъ людемъ, которые за ранами, за болѣзнями, и съ ними всѣхъ полковъ отставные салдаты, и тѣхъ они учатъ. А будетъ и тѣхъ салдатъ возмутъ на службу, и на то мѣсто повинно тому помѣщику дать другихъ своихъ крестьянъ.

пишемъ только общій итогъ лѣченія. «Всего во всѣ куры пилъ воды 17 дней, воды 514 стакановъ, а понозъ было 182 раза. И на брюхѣ, и на рукахъ, и на спинѣ были пятна, только убыло мало. А въ себѣ видѣлъ легость, и въ персонѣ хорошъ, не сухъ; и также апетитъ до ѣжи». — «Особливе объявляю какъ ту воду пьешь, не должно сидѣть, а все должно ходить, потомѣсть, покамѣстъ операцію сдѣлаетъ».

Тогожъ году отъ прибылей состоялся указъ о соли: а велено соль всю продавать на государя, а промышленникамъ солянымъ давать за пудъ—Строгонову и другимъ, которые варятъ,—въ Нижнемъ по гривнѣ, а изъ Нижняго все станутъ продавать и по разнымъ мѣстамъ раздавать на государя.

И первый годъ въ Москвѣ стали продавать по полуполтинѣ, а въ Новѣгородѣ, на прикладъ, и въ другихъ дальныхъ мѣстахъ по 10 алтынъ и больше. А та соль также была вѣдома канцеляріею особою или столомъ въ помѣстномъ приказѣ подъ судомъ Автамона Иванова думного дьяка.

Того году выдана прибыль: у города Архангельскова велено быть реенту одному, который осматриваетъ всѣ товары на лицо, вынимаючи изъ кораблей по обычаю заморскому, и даетъ свидѣтельствованные листы; а не такъ, какъ прежде до сего бывало, кто что напишетъ по росписи, тому и вѣрили, и пошлины на Москвѣ съ купца и съ продавца цѣльного товару, а то, что врознь продастъ, по 5 копѣекъ, и съ обоихъ будетъ по гривнѣ.

Того году брали въ салдаты изъ крестьянъ съ московского уѣзду не съ дворовъ, всѣхъ поголовно молодыхъ. Также на другой годъ тѣмъ-же обычаемъ изъ другихъ уѣздовъ, которые отъ Москвы въ разстояніи за 120 верстъ.

Того года взяли къ польскому походу двои лошади со всего государства, первые съ 90 дворовъ лошади, въ другорядь съ 85 дворовъ лошадь съ хомутами и съ телѣгами. А цѣна была положена въ 9 рублевъ, а выше что можно. И воеводы со всѣхъ городовъ сами въ полкъ приводили.

Того году указъ состоялся брить бороды. И почали брить всѣ во всемъ государствѣ. А будетъ кто не похочетъ брить, на годъ платитъ по 30 рублевъ въ казну.

И тогожъ году начато камни возить для мостовъ каменныхъ съ дворовъ крестьянскихъ. И арсеналъ большой артиллеріи къ совершенію не приведенъ, только вымурованъ. И большой успенскій колоколъ поставленъ.

Годъ 30-й.

Отъ 1705 года іюля 20 по 1706 годъ іюля 20.

Того году три дня спустя получилъ указъ отъ его величества объ отъѣздѣ моемъ за море для леченія въ Карлсбадъ. И пріѣхавъ лечился, о чемъ всемъ томъ выше описалъ. Только въ пріѣздѣ того времени въ Польшу видѣлъ милость его величества, также и отъ губернатора; а отъ людей всѣхъ и отъ народу не такъ.

Особливе тутъ объявлю въ сей описанной моей книжкѣ явлены вновь прибыли, которыя въ царство его величества учинены съ 900,000, которыхъ николи сборовъ бывало. А особливе вновь по приказамъ судьи многія вновь учинили прибыли, какъ въ печатномъ приказѣ лишнія пошлины положены; также и въ помѣстномъ и въ судномъ приказѣ, коли не бывало того;—также и въ розряду вся Украйна въ окладъ и слободы на оброкъ положены, только нѣкоторыя для службы береговой оставлены; также и въ земскомъ приказѣ мостовые съ загородныхъ дворовъ, также и стрѣлецкихъ земель. Которыхъ всѣхъ новыхъ сборовъ сподѣвалось всѣхъ на все милліонъ, албо съ $1^1/_2$. На что прошу мнѣ въ томъ неподозрѣнія, что не подлинно описалъ: однако каждый можетъ выразумѣть, что се мое описаніе было въ отлученіи отъ своихъ краевъ. И ктому долженствую и то явно положить, каждый доходъ подъ статьями своими. А о сборѣ салдатъ явно о томъ кладу, что всѣхъ съ начала войны шведской съ вольницею и съ даточными 15,000 человѣкъ, кромѣ нынѣшнихъ салдатъ отправнанихъ, которые называются безмѣнные...

Сего лѣта дѣтей своихъ посадилъ учиться грамотѣ нѣмецкого языка, которому мастеру плата была со всѣмъ 100 рублевъ.

А изъ Карлсбада въ октябрѣ мѣсяцѣ послѣднихъ чиселъ поѣхалъ чрезъ Лейпцигъ въ Амстердамъ, гдѣ пріѣхавъ жилъ во всей Голландіи ноябрь, декабрь, генварь, февраль, мартъ, апрѣль, май, іюнь.

И въ апрѣлѣ началъ лечиться еще отъ доктора Хика въ Амстердамѣ и цилюрика Боновента жида, у которого и жилъ въ домѣ 5 недѣль. А за леченье 100 червонныхъ. А лечилъ оный—сажалъ 24 раза въ пары, и пилъ декоктъ, ни что другое, а паче всѣхъ учинилъ

способъ, больше нежели другіе [1]). И вышедъ изъ того леченья, въ іюнѣ мѣсяцѣ поѣхалъ, возвращаючись до Москвы. И въ томъ проѣздѣ былъ въ Дюссельдорфѣ при Рейнѣ, гдѣ резидуетъ пфальцграфъ Палатинскій. И оттоль прямою почтою до Лейпцига, которою ѣхалъ сперва, а потомъ въ Бреславль, и жилъ тутъ недѣль съ 6.

Сего году царевичъ въ бомбардирскую роту взятъ въ салдаты.

Тогожъ году печерскій монастырь въ Кіевѣ фортификованъ, также и Брянскъ.

Того году изъ Польши изъ войскъ въ Гроднѣ Андрей Виніусъ поѣхалъ въ Голландію, и живетъ тамъ безъ позволенія государева, и безъ пашпорта, оставя домъ и дѣтей; а голландцы не выдаютъ.

Того году король французскій далъ царскому величеству маста въ бытность Андрея Матвѣева. И грамота чрезъ того посланника прислана.

Въ томъ году костелъ езувитской построенъ каменной.

Тогожъ году съ Москвы многихъ фамилій знатныхъ перевезли жить въ С.-Петербургъ и въ Нарву.

Годъ 31-й.

Отъ 1706 года іюля 20 по 1707 годъ іюля 20.

А изъ Бреславля въ августѣ чрезъ Франкфуртъ, на Гданскъ и на Кенигсбергъ, и чрезъ Литву на Гродно, на Новогродокъ, на Слуцкъ, на Петроковъ, на Черниговъ, а съ Чернигова на Глуховъ, на Рыльскъ, на орловскую деревню, и прямо къ Москвѣ, гдѣ пріѣхалъ въ октябрѣ мѣсяцѣ и жилъ въ Ильинѣ 10 дней. Поворотясь къ Москвѣ, объявился Петру Шафирову, который сказалъ, что указъ есть о мнѣ, когда явлюсь, чтобы явиться царскому величеству, или въ Польшѣ князю Меншикову. И вскорѣ по трехъ дняхъ на почтѣ поѣхалъ въ С.-Петербургъ до царского величества.

Несчастливой свой пріѣздъ видѣлъ. По пріѣздѣ моемъ тотчасъ мнѣ объявлено comecho molti spropositi sono stati della me [2]), которые

[1]) Журналъ лѣченья въ Амстердамѣ также записанъ особо въ концѣ рукописе, апарте.

[2]) Сколь многія глупыя рѣчи говорены были обо мнѣ.

были мнѣ поносны и стыдны; на все государство dicenono: qualche cosa extraordinaria! [1]).

И отъ того произошли съ тещею великія ссоры и на дворъ къ себѣ жить не принялъ и отдалъ къ матери. И чрезъ отца духовного Наума много въ томъ было интригъ всякихъ, весьма былъ въ томъ намѣренія pregar il suo M. dimetter in monasterio [2]).

Однакожъ все то понесъ съ великою противностію себѣ всякій поносъ и стыдъ и управилъ себя въ путь свой, а ее оставилъ della sua madre [3]). И палецъ оставилъ отъ своего владѣнія, и прикащику ни о какихъ дѣлахъ въ домъ мой не писать и отписокъ не примать.

Того году сговорена въ февралѣ мѣсяцѣ племянница моя, братня дочь князь Михайла Ивановича, княжна Марья Михайловна за Петрова сына за Апраксина за Александра, за племянника Ѳедора Апраксина. А приданное ей дано деревень въ саранскомъ уѣздѣ Куря, въ тверскомъ 1/3 Никулина и съ другими, половина Чернышова, Троицкое въ саранскомъ-же уѣздѣ; только всего будетъ съ 1,000 дворовъ (сельцо Гурьево и 1/3 села Никулина Городища, въ московскомъ уѣздѣ и 1/2 сельца Чернышова; въ саранскомъ уѣздѣ село Куря, Алада тожъ, село Ивановское, село Троицкое). И все то отдала вдругъ во владѣніе, а непорядку всему тому учинилась чрезъ царевича сибирского, и то учинила невѣстка княгиня Мавра Дмитревна въ моемъ отлученіи, безъ всякого совѣту всѣхъ своихъ сродниковъ. Первое фамиліи своей уничтоженіе великое сдѣлала, что за такъ низкую фамилію выдана; второе— что всѣ такъ деревни вдругъ отдала, то паче всего непорядочно учинено, а конецъ въ томъ противность показала, что прежде того времени ничего о томъ не объявила. А женился въ маѣ мѣсяцѣ.

Того году король шведскій, которыхъ солдатъ и драгунъ московскихъ побралъ въ полонъ, увеселя ихъ много и давъ денегъ, послалъ въ россійское государство съ 200 человѣкъ, и при нихъ своихъ шведовъ для увѣренія нѣсколько человѣкъ, жечь городы многіе. И того году отъ тѣхъ вызженъ Бѣлгородъ, Сумы, и на Москвѣ не малое число,

---

[1]) Говорили: какое дѣло необыкновенное!

[2]) Просилъ свою жену стойти въ монастырь.

[3]) У ея матери.

по многихъ городамъ хватали тѣхъ русскихъ солдатъ и шведовъ; и были казнены. Также въ бытность въ Польшѣ той войны слышалъ, что многіе отъѣхали изъ офицеровъ служить, иные подъ польскіе хоругвіи, а другіе подъ шведа; а именно кто, знать не могъ о томъ.

Того году князь Меншиковъ учиненъ дукомъ Ингріею, сувраномъ во своемъ владѣтельствѣ.

Головкинъ Гаврило учиненъ отъ цезаря графомъ и дипломату взялъ.

Ѳедоръ Апраксинъ—адмираломъ первымъ надъ всѣмъ флотомъ морскимъ.

Петръ Шафировъ—президентомъ государственной канцеляріи.

Князь Матвѣй Гагаринъ—въ сибирскомъ приказѣ.

Тогожъ года велено министру нашему Урбаху при дворѣ венецкомъ искать того случая, что тогожъ года отъ цезаря учиненъ княземъ имперскимъ и дипломата дана.

Сего году король Августъ отсталъ и учинилъ миръ съ королемъ шведскимъ, а корону польскую отдалъ Лещинскому Станиславу. И потомъ вся Рѣчь Посполита пришла подъ протекцію къ царскому величеству.

Того году часы перемѣнены на Москвѣ ходить по астрономецки, 12 съ половины дня и до полуночи; также и часы игрательные на церкви того году поставлены на Чистомъ Прудѣ.

Того году царское величество самъ учиненъ полковникомъ отъ преображенского полку гвардіи первой въ Кіевѣ.

Того году флотъ морской выступилъ въ море Балтійское.

И по пріѣздѣ порядочную пріемность видѣлъ, токмо уже по томъ пріемѣ и былъ, и въ ту свою бытность подарилъ его ланцетомъ, который купилъ въ Берлинѣ. И пріѣхавъ жилъ только до Рождества, то есть 4 недѣли, а потомъ вскорѣ чрезъ почту поѣхалъ въ Жолкву, гдѣ станъ зимній былъ царского величества. (Осенью царское величество ходилъ изъ подъ С.-Петербурга подъ Выборгъ и раззоря назадъ возвратились, людей немного потеряли, только лошадей переморили довольно: и того году на Москвѣ царское величество не былъ). И поѣхалъ съ Москвы на вечеръ въ самое Рождество Христово, и

ѣхалъ на почтѣ чрезъ Кіевъ ажъ до самой Жолквы, гдѣ пріѣхавъ получилъ великую милость царского величества и отъ князя Меншикова, и отъ всѣхъ прочихъ министровъ, что николи того не видалъ. И жилъ три недѣли. Вскорѣ былъ отправленъ въ Римъ къ панежскому двору министромъ безъ всякого характеру, только въ грамотѣ крилдеціальной написано: *комнатный господинъ и подполковникъ отъ гвардіи.* И въ ту мою бытность въ Жолквѣ сказанъ въ подполковники къ гвардіи Семеновского полку; а окладъ жалованья учиненъ близко 10,000 рублевъ, выше полковника другихъ полковъ. А въ посылку римскую дано мнѣ 1000 червонныхъ, да на переводчика 100 червонныхъ Веселовскому Абраму, которого взялъ изъ Вѣны отъ Гезина. И поѣхалъ отъ полку своего въ Римъ, взявъ зъ собою только одного человѣка Ѳедора Агаркова. И ѣхалъ на Краковъ, на Вѣну, на Венецію, на Болонью, на Флоренцію, гдѣ былъ въ томъ проѣздѣ у Гранъдука, отдавалъ визиту. Гдѣ былъ принятъ съ великимъ почтеніемъ отъ него самаго, и что̀ имѣлъ съ нимъ разговоръ, то писано въ писаніи дѣлъ римскихъ; а стоялъ и съ нимъ говорилъ въ шляпахъ; и потомъ имѣлъ великіе рыгалы винъ и цукровъ, какъ обыкновенно всѣмъ князьямъ отъ крови такъ чинить. И потомъ пріѣхалъ въ Римъ по ихъ календарю апрѣля первое число; и въ Римѣ былъ апрѣль, май, іюнь, іюль, августъ, сентябрь, а въ октябрѣ 20 числа поѣхалъ, возвращающеся во отечество.

Теперь буду описывать римскую свою бытность, которую похвально напишу, что никогда никто московской націи въ пріемности такого гонору и порядкомъ не былъ принятъ. Гдѣ во всѣхъ церемоніяхъ такъ установилъ, какъ къ чести царскому величеству, такъ и къ своей персонѣ, какъ и другихъ прочихъ министровъ европскихъ и князей осанки принимаютъ. И былъ на аудіенціи, цѣловалъ у папы ногу, также и на всѣхъ аудіенціяхъ ногу цѣловалъ [1]). И потомъ кардина-

---

[1]) Папою былъ тогда Климентъ XI. Въ *Исторіи Петра В.* Бергмана (т. II, стр. 205 русскаго перевода) читаемъ: въ «Римѣ князь Куракинъ возбуждалъ папу Климента XI бросить громы свои на побѣдоноснаго короля еретика. Но что значили всѣ подобныя попытки противъ такого монарха, какимъ былъ Карлъ XII!»

ламъ отдавалъ визиты, гдѣ и мнѣ всѣ оные отдали визиты, всѣхъ съ 18 человѣкъ. И потомъ имѣлъ рыгалы цукорами и другими галантеріями (и о всемъ томъ пространно писалъ въ писаніи моей книги вояжу италіанского, также и дѣлъ римскихъ). А по отъѣздѣ самомъ папа послалъ со мною крестъ съ мощми до государя царевича, также въ ту свою бытность получилъ письмо за рукою самою царскому величеству. И всѣ тѣ свои дѣла отправилъ со всякимъ порядкомъ, и, чаю, выгодность своему патрону, на что было..... не призналъ Станислава за короля польского, то все удержалъ, хотя много себѣ и противниковъ видѣлъ. Также великую пріемность и склонность самого папы видѣлъ, гдѣ на остатку экстраординарную честь видѣлъ, что остатній вечеръ прислалъ брата своего родного отдать визиту и дать отъ своей партіи визиту,—которой персону себѣ презентуетъ дукъ или князь... Во всю свою бытность ту римскую и въ проѣздъ италіанскій по самый пріѣздъ въ Гамбургъ прожилъ самыхъ своихъ денегъ съ 4,000 ефимковъ, то будетъ 3,600 рублевъ,—по 30 алтынъ ефимокъ былъ; и для того того году 1707 продалъ деревню въ Суздалѣ село Глинища; взято 2,000 рублевъ.

Въ ту свою бытность въ Римѣ и во всю италіанскую бытность при помощи Божіей не имѣлъ никакой болѣзни. Только имѣлъ всякія пятна по лицу и для того лечился отъ дохтура въ Римѣ, которого имя Грецельтъ (въ книгѣ описанія вояжу моего), который пурговалъ. И потомъ пилъ броды свиперовъ, для чего увидѣлъ не малую пользу, и всѣ тѣ пятна гораздо были умалены; и матерію худую выбило въ голову, гдѣ были великія шишки, чрезъ которые шла матерія, была и кровь. И во всемъ себѣ видѣлъ великую легость и апетитъ до здоровья (sic).

О податяхъ долженъ-бы былъ писать, которого году сколько взято съ крестьянъ деньгами, хлѣбомъ, работниками, извощиками, лошадьми, даточными какъ съ дворовыхъ, такъ и съ крестьянъ. Только о всемъ семъ забылъ писать; чтобъ еще вдвое количествомъ сей книги написаты, то оставляю. Генерально можно сказать: со всякого письменного двора крестьянского сходилося слишкомъ по 16 рублевъ. Кто о томъ хочетъ вѣдать, можетъ увѣдать съ указовъ въ канцеляріяхъ.

Сего лѣта начали Москву фортификовать вокругъ господиномъ инженеромъ московскимъ Васильемъ Корчминымъ. Гдѣ было со всѣхъ уѣздовъ многое число работниковъ собрано. И въ то лѣто все то окончали. И попы, и посадскіе работали. И все будетъ подлиннѣе описано впредь.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

МАТЕРІАЛЫ

для исторіи возникновенія и распространенія штунды на югѣ Россіи.

(Продолженіе) [1]).

Распространеніе штунды между православнымъ населеніемъ новороссійскаго края.

Первое свѣдѣніе о появленіи баптизма подъ именемъ штунды между православнымъ сельскимъ населеніемъ херсонской губерніи относится къ 1865 году. Въ январѣ сего года преосвященному Димитрію было доложено благочиннымъ словесно, что въ деревнѣ Основѣ рясконольскаго прихода нѣкоторые православные подозрѣваются въ принадлежности къ нѣмецкой сектѣ. Въ февралѣ 1865 г. волостное правленіе дознало, что въ домѣ Ратушнаго уже 4 года собираются для чтенія священнаго писанія и пѣнія духовныхъ пѣсней, и что въ послѣднемъ собраніи было 26 мужчинъ и 6 женщинъ. Въ февралѣ 1866 г. получено преосвященнымъ Димитріемъ уже формальное донесеніе благочиннаго о существованіи нѣмецкой секты между православными. Совратившіеся были до того скрытны, что говѣли прежде другихъ въ великій постъ, имѣли въ домахъ иконы и не нарушали постовъ открыто. Въ 1867 г. сектанты выступили открыто и въ Ряснополѣ ихъ, по донесенію благочиннаго, было уже мужчинъ 33, женщинъ 21. По донесенію одесскаго исправника отъ 16 февраля 1867 г. въ мѣстечкѣ Игнатовкѣ одесскаго уѣзда, въ мѣ-

---

[1]) См. «Кіевская Старина» 1884 г, октябрь, стр. 305—321.

стечкѣ Ряснополѣ и въ деревнѣ Основѣ того-же уѣзда начали собираться общества въ первой мѣстности изъ 15 лицъ, кромѣ малолѣтнихъ, во второй изъ 5 семействъ и въ третьей изъ 14 семействъ, читая и толкуя въ своихъ собраніяхъ евангеліе подъ руководствомъ лютеранскихъ раскольниковъ изъ нѣмецкихъ колонистовъ сосѣдней колоніи Рорбахъ. Посѣщающіе эти собранія крестьяне перестали ходить въ православную церковь, не почитаютъ св. иконъ и не исполняютъ никакихъ обрядовъ православной церкви. Виновниками распространенія этого раскола между православными признаны крестьяне деревни Основы Ратушные, которые и арестованы. Мѣстнымъ священникомъ въ мѣстечкѣ Ряснополѣ въ это время былъ грекъ, который, не умѣя выражаться по русски, не рѣшался употребить мѣры увѣщанія для вразумленія совращенныхъ. На его мѣсто въ мѣстечко Ряснополь, по распоряженію преосвященнаго Димитрія, назначенъ священникъ Промысловъ, обучавшійся только въ низшихъ духовныхъ училищахъ, и ему вмѣнено въ обязанность вести воскресныя чтенія и бесѣды. Хотя братья Ратушные были подвергнуты аресту, но собранія совращенныхъ въ такъ называемый штундизмъ тѣмъ не менѣе продолжались и въ 1868 г. въ домѣ Михаила Ратушнаго, куда приходили и нѣмцы-колонисты[1]). Тотъ-же Ратушный, въ сообществѣ съ жителями мѣстечка Игнатовки, крестьянами Герасимомъ Витенкомъ (Болобаномъ) и Александромъ Капустянымъ пропагандировали баптистское ученіе, подражая колонистамъ не только въ способѣ ученія, но также въ походкѣ, жестахъ и въ одеждѣ. Въ томъ-же 1867 г. секта такъ называемыхъ штундистовъ появилась еще въ хуторѣ Николаевскомъ ананьевскаго уѣзда, принадлежащемъ полковнику Казаринову. Насадителемъ этой секты здѣсь былъ мѣщанинъ Адамъ Войсаровскій, къ которому присоединились или правильнѣе сказать имъ совращены: причисляющійся въ ананьевскіе мѣщане Даніилъ Кондрацкій римско-католическаго исповѣданія, причисляющіеся въ одесскіе мѣщане Андрей Войсаровскій и Сильвестръ Войсаровскій, одесскіе мѣщане—Григорій Яворскій, Илія Бондерскій,

---

[1]) Донесеніе одесскаго исправника херсонскому губернатору отъ 16 февраля 1867 года, № 27. Отношеніе преосвященнаго Димитрія къ новороссійскому генералъ-губернатору отъ 14 марта 1868 г.

Илія Долженко, Михей Зайченко, Яковъ Меншинъ, рядовой, обучавшій дѣтей—Левъ Поповъ, бывшій дворовый человѣкъ Василій Ивановъ, николаевскій мѣщанинъ Иванъ Гавриловъ и крестьяне Яковъ Осипняжскій, Яковъ Ткаченко, Аѳанасій Черепъ. У каждаго изъ нихъ при обыскѣ въ домахъ найдено евангеліе въ русскомъ переводѣ и псалмы, не посвидѣтельствованные къ печати русской цензурой. Сектанты собирались въ домѣ Аѳанасія Войсаровскаго, отвергали обряды церковные, таинства, почитаніе мощей и иконъ. Становой приставъ запретилъ собранія и воспретилъ рядовому Попову обучать дѣтей[1]).

Не менѣе дѣятельнымъ, чѣмъ Ратушный, пропагаторомъ баптизма явился въ елисаветградскомъ уѣздѣ херсонской губерніи Рябошапка, крестьянинъ д. Любомірки. Даровитый отъ природы, онъ самъ выучился читать и сдѣлался отличнымъ мельникомъ, кузнецомъ и слѣсаремъ. Первоначально и долго служилъ при любомірской экономіи; съ 1865 по 1867 годъ онъ и крестьянинъ Максимъ Кравченко были на заработкахъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ ананьевскаго уѣзда и въ теченіи этого времени не соблюдали никакихъ обрядовъ православной церкви. По возвращеніи въ Любомірку въ 1867 году они застали въ мѣстной экономіи колонистовъ елисаветградскаго уѣзда, Мартина Гюбнера лютеранскаго исповѣданія и Христофора Эндингера реформатскаго исповѣданія, которые посѣщали домъ Рябошапки будто для сличенія русскаго перевода съ нѣмецкимъ, сему-же содѣйствовалъ и Іоганъ Прицкау, пріѣзжавшій изъ колоніи Альтъ-Данцигъ. Съ тѣхъ поръ Рябошапка самъ сталъ проповѣдникомъ баптистскихъ убѣжденій, собирал тайно въ своемъ домѣ православныхъ крестьянъ сначала въ маломъ количествѣ, а въ послѣдствіи въ числѣ 75 душъ обоего пола. Въ 1867 году Рябошапка былъ арестованъ за толкованіе евангелія въ превратномъ смыслѣ въ своемъ домѣ при народномъ собраніи и отправленъ въ становую квартиру, а оттуда сперва въ Елисаветградъ, а потомъ въ г. Вознесенскъ, гдѣ освобожденъ судебнымъ слѣдователемъ. Въ 1868 году за тоже вновь былъ арестованъ и отправленъ къ священнику для увѣщанія, а

---

[1]) Донесеніе ананьевскаго исправника херсонскому губернатору 14 іюля 1867 года № 2,289.

потомъ доставленъ въ ольшанское волостное правленіе и здѣсь, по выдержаніи въ теченіи 7-ми недѣль подъ арестомъ, освобожденъ по просьбѣ ольшанскаго священника Лобачевскаго, у котораго предъ своимъ освобожденіемъ исповѣдывался и причащался. На вопросъ, почему онъ не исповѣдывается у своего любомірскаго священника, Рябошапка отвѣчалъ: «Ольшанскій священникъ дуже розумный, а тамъ еще пошло на перекоръ, а по слову Божію не нужно исповѣдываться у священника».—Въ декабрѣ 1869 г. Иваномъ Рябошапкой обращенъ въ секту баптистовъ изъ іудейства житель м. Криваго-Рога балтскаго уѣзда Сруль (Израиль) Циммерманъ 16-ти лѣтъ, работавшій вмѣстѣ съ Рябошапкою у бобринецкаго мѣщанина Іося Глинсберга. Проживши у Рябошапки около 2 недѣль, онъ отвезенъ былъ въ д. Глиняную къ нѣмцу, а оттуда неизвѣстно куда. На жалобу отца и брата Циммермана Рябошапка отвѣчалъ незнаніемъ о томъ, гдѣ находится Сруль Циммерманъ. Между тѣмъ этотъ еврей очутился въ Добруджѣ, и тамошніе сектанты хотѣли снабдить его турецкимъ паспортомъ (Донесеніе херсонскаго губернатора генералъ-губернатору отъ 7 іюля 1870 года). Помощникомъ Рябошапкѣ въ пропагандѣ былъ Михаилъ Кравченко, который двукратно,—въ 1867 и 1868 г., былъ арестованъ за толкованіе евангелія въ собраніяхъ и послѣ увѣщанія, сдѣланнаго священникомъ, былъ посылаемъ лысогорскимъ волостнымъ правленіемъ копать канавы. Пропаганда Рябошапки въ 1869 и 1870 г. развилась уже такъ, что онъ имѣлъ послѣдователей своего ученія не въ одной Любоміркѣ, но и въ другихъ селахъ елисаветградскаго уѣзда, а именно: въ д. Карловкѣ, Обозовкѣ, Игнатовкѣ, Яслековкѣ, Лысой Горѣ, Николаевкѣ, Помошной, Песчаномъ Бродѣ и Глиняной и образовалъ новыхъ себѣ сотрудниковъ въ крестьянинѣ д. Карловки Ефимѣ Цымбалѣ, который принялъ крещеніе отъ Абрама Унгера и разъѣзжалъ по деревнямъ вмѣстѣ съ совратившимъ его Яномъ Прицкау (изъ колоніи Альтъ-Данцигъ), и въ крестьянахъ деревни Обозовки—Вѣтряченкѣ и Марченкѣ [1]). Въ ноябрѣ 1870 года Рябошапка обращался къ г. генералъ-губернатору Коцебу съ просьбой о дозволеніи ему съ 45 душами

[1]) Донесеніе полковника Дембровскаго новороссійскому генералъ-губернатору Коцебу отъ 17 декабря 1870 г.

своихъ послѣдователей выселиться куда нибудь въ степи и построить тамъ свою школу; но прошеніе это оставлено безъ удовлетворенія. Предположеніе ген. Коцебу выселить малорусскихъ баптистовъ изъ херсонской губерніи на Кавказъ, согласно новому прошенію Рябошапки, не имѣло успѣха, такъ какъ Его Императорское Высочество, бывшій кавказскій намѣстникъ не соизволилъ на сіе, не желая умножать и безъ того большое число сектантовъ на Кавказѣ.—Рябошапка, отвергнувъ крещеніе дѣтей, ввелъ и въ своей общинѣ крещеніе въ совершенномъ возрастѣ и раздаяніе хлѣба и вина въ замѣнъ таинства причащенія. Для успѣха пропаганды было распространено мнѣніе, будто всякій поступающій въ «братство друзей Божіихъ», какъ называли себя новые баптисты, долженъ скоро разбогатѣть, и притомъ увѣряли, что если онъ положитъ въ школѣ или въ молитвенномъ домѣ извѣстную сумму денегъ съ вечера, то къ утру она непремѣнно удвоится. Достиженіемъ этого чрезъ добавленіе къ положеннымъ деньгамъ денегъ жертвуемыхъ отъ общины привлечено въ это братство нѣсколько простодушныхъ крестьянъ [1]).

Въ с. Игнатовкѣ и д. Основѣ одесскаго уѣзда секта баптистовъ или штундистовъ въ теченіе 1870 года возросла съ 48 до 219 душъ. Главными руководителями секты оставались тотъ-же Михаилъ Ратушный, проживающій въ с. Игнатовкѣ Герасимъ Винтанъ, онъ-же Болобанъ, и Александръ Капустянъ. Изъ нихъ Болобанъ оказался крестьяниномъ с. Чаплинки, таращанскаго уѣзда, кіевской губерніи, проживающимъ безъ письменнаго вида. Женившись на вдовѣ мѣстнаго крестьянина, онъ и ея дѣтей совратилъ въ свою секту. Въ ряснопольскомъ волостномъ правленіи оказался отзывъ чаплинскаго волостнаго правленія, въ которомъ значилось, что Болобанъ считается на поручительствѣ до рѣшенія дѣла о выпускѣ фальшиваго 10-рублеваго кредитнаго билета, и чаплинское волостное правленіе просило не стѣснять Болобана въ проживательствѣ его въ ряснопольской волости. Хотя уже было предположено выслать Болобана въ кіевскую губернію и сообщено было кіевскому губернатору объ учрежденіи надъ нимъ надзора относительно его религіозныхъ мыслей, но онъ, испросивъ себѣ у исправника

[1]) Донесеніе г. Коцебу отъ того-же полковника.

дозволеніе остаться на 4 дня въ с. Игнатовкѣ, тайно ушелъ въ кіевскую губернію для испрошенія себѣ паспорта. Въ то-же время въ д. Основѣ въ числѣ арестованныхъ на молитвенномъ собраніи оказались: одинъ крестьянинъ таврической губерніи, одинъ черниговской губерніи, значительное число крестьянъ изъ херсонскаго уѣзда, изъ с. Николаева, г. Аккермана и другихъ мѣстъ. Штундисты одесскаго уѣзда вынесли иконы изъ своихъ домовъ и отдали въ приходскую церковь, къ православной церкви стали относиться съ пренебреженіемъ и дошли до такой дерзости, что стали свистать при крестныхъ ходахъ и нарушать благоговѣніе [1]). Еще болѣе дерзкое отношеніе къ православной церкви проявилось въ 1872 г. между совращенными, изъ коихъ крестьянинъ с. Гладосъ Петръ, по фамиліи Французъ, изрубилъ топоромъ икону Николая Чудотворца, а крестьяне д. Константиновки херсонскаго уѣзда въ числѣ 6 человѣкъ открыто глумились надъ православною похоронною процессіею и другими обрядами православной церкви, за что впрочемъ были наказаны розгами по рѣшенію сельскаго схода. Въ Константиновкѣ въ этомъ году было уже до 60 штундистовъ; они-же совратили и нѣсколько крестьянъ с. Покровскаго, которые, собираясь въ домѣ крестьянина Лукьяна Гайдамаки, читали между прочимъ книгу: «Приношеніе православнымъ христіанамъ», переведенную съ нѣмецкаго языка и изданную съ дозволенія цензуры.

Пропаганда баптистскихъ эмиссаровъ въ свою очередь не прекращалась какъ между нѣмецкими колонистами, такъ и между православнымъ сельскимъ населеніемъ. Такъ въ январѣ 1872 года въ д. Ландау одесскаго уѣзда были задержаны Христіанъ Фишеръ и саксонскій подданный Карлъ Кенегъ, проживавшій въ колоніи Новый-Данцигъ херсонскаго уѣзда, которые совращали мѣстныхъ колонистовъ въ баптизмъ, а въ февралѣ 1872 г. Христіанъ и Михаилъ Фишеры съ колонистомъ с. Хортицы, екатеринославской губерніи, Вилеромъ, прибыли въ с. Рорбахъ одесскаго уѣзда, гдѣ Вилеръ въ домахъ Якова Губера и Генриха Штоллера толковалъ св. писаніе на русскомъ языкѣ, при чемъ находились и крестьяне православнаго исповѣданія, съ ко-

---

[1]) Донесеніе херсонскаго губернатора г. министру внутреннихъ дѣлъ въ іюнѣ 1870 года.

торыми Вилеръ входилъ въ объясненіе и давалъ имъ причастіе. Это были крестьяне изъ д. Основы и м. Игнатовки, которые въ числѣ 12 человѣкъ пріѣхали сюда съ женами и между которыми находились Михаилъ Ратушный и Александръ Капустянъ, привлеченные еще въ 1871 году къ предварительному слѣдствію судебнымъ слѣдователемъ 2 участка одесскаго уѣзда за распространеніе ереси. При задержаніи Вилера въ колоніи Рорбахъ у него найдены: записная книжка, дневникъ, *брошюра объ ученіи баптистовъ* и прошеніе на имя министра внутреннихъ дѣлъ о дозволеніи ему и его единомышленникамъ собираться для чтенія слова Божія и образовать братство. Ратушный и Капустянъ сознались, что они и 48 человѣкъ изъ с. Игнатовки и д. Основы приняли второе крещеніе отъ крестьянина д. Любомірки Ивана Рябошапки 8 іюля 1871 года[1]).

Такимъ образомъ ученіе сектантовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «штундистовъ», образовалось не на русской почвѣ и принесено въ Россію изъ Германіи, именно изъ Гамбурга, въ которомъ, по частнымъ свѣдѣніямъ бывшаго новороссійскаго генералъ-губернатора П. Е. Коцебу, подтвердившимся теперь вполнѣ наведенными нами въ Берлинѣ справками, берлинскій купецъ Онкенъ устроилъ даже семинарію для образованія миссіонеровъ баптизма. Насадителями этого ученія сперва между нѣмецкими колонистами на Волыни и въ новороссійскомъ краѣ, а потомъ и между православнымъ русскимъ населеніемъ были иностранцы, вышедшіе изъ Гамбурга: Ондра, Прицкау, Отто-Вильгельмъ Шульцъ, Карлъ Эпдингеръ, Францъ Липовскій, Михель Филкъ и наконецъ самъ Онкенъ, который проѣхалъ херсонскую и таврическую губерніи. Ихъ дѣятельными сотрудниками оказались изъ мѣстныхъ колонистовъ Георгій Клундтъ, Майеръ, Либигъ и болѣе всего хортицкій менонитъ Вилеръ.

Противъ заносного характера появившейся у насъ штунды возражаетъ авторъ рецензіи на октябрскую книжку «Кіевской Старины» въ № 224 «Кіевлянина», приписывая такой взглядъ нашъ малому знакомству нашему съ литературой настоящаго предмета. Мы бы просили автора сказать, изъ чего-же состоитъ у насъ литература этого пред-

[1]) Донесеніе херсонскаго губернатора новороссійскому генералъ-губернатору 15 марта 1842 г. № 69.

мета? Неужели изъ указанныхъ имъ статей въ № 56 и послѣдующихъ «Кіевлянина» за 1884 г., по видимому принадлежащихъ его-же перу и заключающихъ въ себѣ лишь перебалтываніе того, что содержится въ появившейся около того-же времени брошюрѣ г. Ушинскаго «О причинахъ появленія ученій штундистовъ»? Но самъ Ушинскій ученіе т. наз. русскихъ штундистовъ смѣшалъ съ ученіемъ лютеранъ, совращеніе православныхъ въ секту приписываетъ позаимствованію лютеранскихъ мнѣній въ собраніяхъ т. н. *штунде,* какъ будто малороссы могли тутъ что либо понимать, не зная ни слова по нѣмецки. Правда Ушинскій въ своей брошюрѣ упомянулъ о появленіи въ нѣмецкихъ колоніяхъ херсонской губерніи баптистскихъ эмиссаровъ и административной высылкѣ ихъ, но сказалъ это голословно, безъ указанія, откуда они вышли и куда ушли, чему и кого учили и въ какихъ именно колоніяхъ, онъ не назвалъ даже ни одного изъ нихъ по имени. Причиной сего то, что ему было сказано нами не больше этого. Не могъ дальше пойти и черпавшій свои свѣдѣнія изъ Ушинскаго авторъ статей «Кіевлянина» въ № 56 и слѣдующихъ. И тотъ и другой причину распространенія у насъ баптизма хотятъ видѣть въ крайне неудовлетворительныхъ отношеніяхъ между сельскимъ духовенствомъ и крестьянами. Мы-бы просили ихъ сказать, какой процентъ приходовъ съ такими отношеніями въ общемъ числѣ приходовъ кіевской епархіи и дѣйствительно-ли эти отношенія были неудовлетворительны въ тѣхъ именно приходахъ, въ которыхъ первѣе всего появилась секта, т. е. въ с. Чаплинкѣ, Косяковкѣ и Плосскомъ? Мы съ своей стороны заявляемъ, что ни прежде, ни послѣ ни на одного изъ священниковъ этихъ приходовъ не поступило никакой жалобы ни къ духовному, ни къ гражданскому начальствамъ. Если полагать причину болѣзни лишь въ мѣстности, гдѣ она появляется, то пришлось бы сказать, что холера появилась въ Ліонѣ, въ Марсели, Парижѣ, въ Римѣ потому только, что она нашла тамъ для себя почву, а не потому, что она занесена туда людьми и вещами изъ за моря. Раньше, чѣмъ у насъ, баптизмъ распространился въ другихъ странахъ и въ Соединенныхъ Американскихъ штатахъ баптистовъ нынѣ до 1,009,000, въ Великобританіи и Ирландіи до 280,000, въ Западной Индіи до 36,000, въ Германіи до 31,000; неужели и тамъ причиною этого только болѣе или менѣе не удовлетворительныя отношенія духовенства къ прихожанамъ?

П. Л—въ.

Библіографія.

Д. Я. Самоквасовъ. Исторія русскаго права. Вып. II. Происхожденіе славянъ. Происхожденіе русскихъ славянъ. Варшава. 1884 г. Стр. X, 145.

Два вышедшихъ въ свѣтъ выпуска «Исторіи русскаго права» составляютъ собственно введеніе въ «Исторію», такъ какъ они посвящены общимъ вопросамъ славяно-русской исторіи, оцѣнкѣ различныхъ мнѣній и теорій о началахъ славянскихъ народовъ и въ частности русскаго, объоснованію собственныхъ воззрѣній автора. Раскопки и другіе способы изслѣдованія русской и славянской старины привели автора еще въ первомъ выпускѣ его «Исторіи» къ тому убѣжденію, что господствующее въ исторической литературѣ направленіе крайне неблагопріятно для разъясненія началъ русской исторіи вообще и древнѣйшаго политико-юридическаго быта русскихъ въ частности. Точно также и во II выпускѣ авторъ пытается исправить основныя положенія русской исторической науки касательно начальныхъ моментовъ славянской и русской исторіи. Онъ ни за что не соглашается начинать славянскую исторію сказаніями Іорнанда и Прокопія о славянахъ и антахъ, старается отодвинуть возможно глубже въ древность начатки историческаго существованія славянскихъ народовъ. Занимавшіе въ VI в. по Рождествѣ Христовомъ обширныя земли славянскіе народы—венеты, анты, славяне—должны были имѣть здѣсь своихъ предковъ; предками этими были, по его убѣжденію, не кто иные, какъ геродотовы скиѳы и сарматы. Многолюдное скифское населеніе нашего юга не могло-же исчезнуть безслѣдно; оно, по мнѣнію г. Самоквасова, только мѣняло свое имя на протяженіи десятка вѣковъ, пока не появилось на исторической аренѣ подъ именемъ славянъ. Скиѳы-сарматы, геты, даки, роксолапы, аланы, гунны,

болгары, козары, венеты, славяне, анты,—все это представители одного и того же этнографическаго типа, скиѳскаго, или славянскаго. Многократно геродотовыхъ скиѳовъ авторъ называетъ то предками славянъ, то праславянами. Туранство скиѳовъ авторъ отрицаетъ рѣшительно, равно какъ и смѣшанный этнографическій характеръ скиѳскаго населенія южной Россіи. Понятіе скифовъ онъ сравнительно съ Геродотомъ расширяетъ; къ скиѳскому типу принадлежали, по его словамъ, кромѣ авхатовъ, катіаровъ, трасніесовъ и паралатовъ, «еще слѣдующія племена: тавры, сарматы, вудины, скиѳы приуральскіе, невры, агаѳирсы и геты».

Окончательному рѣшенію вопроса о происхожденіи славянъ и русскихъ славянъ авторъ придаетъ большое значеніе. По его мнѣнію, безъ рѣшенія этого вопроса нельзя шагу сдѣлать въ области исторіи русскаго права. «Пока основные вопросы славяно-русской исторіи не рѣшены наукою положительно, до тѣхъ поръ научная разработка древнѣйшаго періода исторіи русскаго права, по нашему мнѣнію, невозможна. Возможность научной разработки въ положительномъ направленіи славяно-русскаго права, какъ вопроса годнаго въ славяно-русской исторіи, тѣсно связана съ отвѣтомъ на общій, исходный вопросъ науки о происхожденіи славяно-руссовъ, положительнымъ рѣшеніемъ котораго обусловливается начало (sic) русской исторіи, средства ея познанія и направленіе изысканій по частнымъ вопросамъ».

Такимъ образомъ вопросъ о народности геродотовыхъ скиѳовъ, или, что тоже, объ этнографическомъ единствѣ скиѳовъ и славянъ составляетъ для автора исходный пунктъ въ историческихъ изысканіяхъ русскаго права; съ этимъ вопросомъ ему необходимо порѣшить окончательно, прежде чѣмъ вступить собственно на почву русскаго права.

Дѣйствительно, авторъ высказываетъ свои заключенія въ самомъ рѣшительномъ, категорическомъ тонѣ, какъ будто-бы послѣ II выпуска его «Исторіи русскаго права» всѣ подобные вопросы должны быть сданы въ архивъ, и изслѣдователи обязаны отправляться отъ воззрѣній автора, какъ отъ несомнѣнной истины. «Сравнивая этнографическіе признаки славянъ языческой эпохи съ такими-же признаками скиѳовъ эпохи Геродота, мы *нашли* между ними очень много общаго, мы *убѣдились*, что въ этнографическомъ отношеніи славяне языческой эпохи стоятъ *несравненно* ближе къ европейскимъ скиѳамъ эпохи Геродота, нежели къ древнимъ грекамъ, римлянамъ, кельтамъ, германцамъ и даже литовцамъ. Мы *встрѣтили* также въ сказаніяхъ древнихъ историковъ и географовъ *прямыя* свидѣтельства о единствѣ происхожденія скиѳовъ и славянъ... Такимъ образомъ сравнительная этнографія, свидѣтельства древнихъ

историковъ и географовъ и содержаніе скиѳскихъ и славянскихъ могилъ *доказали* намъ ближайшее, непосредственное родство между скиѳами и славянами. Скиѳы эпохи Геродота по отношенію къ позднѣйшимъ славянскимъ народностямъ являются праславянами». На стр. 51—52 таже мысль выражена еще рѣшительнѣе. На всемъ протяженіи отъ Геродота до перваго русскаго лѣтописца авторъ находитъ «*несомнѣнныя* доказательства ближайшаго родства европейскихъ скиѳовъ эпохи Геродота съ позднѣйшими славянами. Но если такъ, если *дѣйствительно* европейская Скиѳія эпохи Геродота была прародиною славянскихъ народовъ, а скиѳы того времени были *прямыми* предками славянъ, то и пр. и пр.». Первоначально единая скиѳская народность выдѣлила изъ себя, по мнѣнію г. Самоквасова, мало по малу, подъ вліяніемъ окружающихъ условій, отдѣльныя этнографическія группы, или новыя народности; терминъ *скиѳы* теряетъ съ этого времени прежній этнографическій смыслъ, хотя подъ нимъ продолжаютъ подразумѣваться все-же народы родственные, происходящіе отъ одного предка. «Племена каждой новой народности», замѣчаетъ авторъ (стр. 62), «въ отличіе другъ отъ друга и отъ общаго предка называются новыми именами. Эти новыя общія (?) народныя названія: кимвры, тевтоны, германцы, эсты, литовцы, даки, венеты, анты, славяне и пр., замѣняютъ собою древнее имя ихъ общаго предка, скиѳовъ, теряющее опредѣленный этнографическій смыслъ и въ новой исторіи выходящее изъ употребленія».

Къ сожалѣнію, аргументація автора далеко не отвѣчаетъ аподиктическому тону изложенія. Чего либо новаго для доказательства родства славянъ съ Геродотовыми скиѳами мы не находимъ у г. Самоквасова; за то встрѣчаемся здѣсь съ очень старыми ошибками, съ недостаточнымъ усвоеніемъ литературы предмета, съ совершенно бездоказательными увѣреніями.

Прежде всего замѣтимъ, что въ ученомъ изслѣдованіи не совсѣмъ умѣстно обращеніе съ главнѣйшимъ источникомъ, съ Геродотомъ, черезъ устарѣвшій и далеко не безгрѣшный переводъ Мартынова. Не говоря уже объ отдѣльныхъ неточностяхъ стараго перевода, достаточно замѣтить, что со времени Мартынова критика сдѣлала значительные успѣхи въ возстановленіи текста. Разумѣется, еще менѣе удовлетворительны примѣчанія Мартынова, которыми также авторъ не прочь воспользоваться[1]). Вслѣдъ за Мартыновымъ г. Самоквасовъ повторяетъ неправильное чтеніе τοὺς βασιλέας (IV, 6, стр. 29) вмѣсто τοῦ βασιλέος и противопо-

[1]) *Географію* Страбона авторъ цитируетъ всегда въ переводѣ г. Мищенка (М. 1879 г.), хотя нигдѣ на это не указываетъ.

ставляетъ паралатовъ, какъ особый народъ, остальнымъ скиѳамъ; паралаты для него только другое имя царскихъ скиѳовъ; самое это названіе обозначаетъ будто бы *приморское* племя: авторъ неправильно смѣшиваетъ это имя съ греческими формами *paraliotai*, *paraloi*, *paralioi*. IV, 60 (а не 55, какъ у г. Самоквасова) «по всѣмъ святынямъ» вмѣсто «для всѣхъ боговъ»; начало 5 главы (стр. 29), главы 99 и 100 (стр. 25, 26) переводятся неточно и др.

Вопреки Геродоту авторъ причисляетъ къ одному съ скиѳами этнографическому типу тавровъ, сарматовъ, вудиновъ и др. (см. *выше*). Вѣдь меланхлены—не скиѳы, равно какъ и невры (IV, 105—107), хотя и имѣютъ скиѳскіе обычаи; не скиѳы также тавры; человѣческія жертвы у тавровъ (IV, 59) авторъ (стр. 63) невѣрно производитъ отъ грековъ. Вопреки Геродоту помѣщаетъ почему-то переселеніе паралатовъ въ черноморскія степи въ VII в. до Рождества Христова (стр. 18, 28), тогда какъ у историка паралаты нигдѣ отдѣльно отъ катіаровъ и др. не упоминаются. На стр. 14 Геродоту приписывается представленіе о *верхней* Азіи, какого на самомъ дѣлѣ у историка не находится. Равнымъ образомъ у насъ нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы раздѣлять увѣренность автора, будто «за пять вѣковъ до Рождества Христова всѣ племена *Царской Скиѳіи* (?) за исключеніемъ грековъ и греко-скиѳовъ имѣли *одинъ* языкъ, *одну* религію *(а поклоненіе ѳамимасадасъ у царскихъ скиѳовъ?!)*, одинаковые нравы и обычаи *(развѣ Геродотъ не отличаетъ ясно въ этомъ отношеніи, наприм., тавровъ или массагетовъ отъ скиѳовъ?)*, одинаковую домашнюю и общественную обстановку» *(какую же?)*.

Географическія, лингвистическія, археологическія и др. доказательства, какими пользуется г. Самоквасовъ, весьма сомнительной убѣдительности. Въ Борисѳенѣ автору слышится русская Березина; скиѳскій *papayos* звучитъ для него въ славянскомъ *papa*. Казалось, съ большимъ-бы основаніемъ Борисѳенесъ можно разложить на греческія слова *boreios* и *sthenos;* въ греческомъ-же языкѣ есть цѣлый рядъ словъ, общихъ по корню съ *papa: pappas*, *pappos*, *papparo* и мн. др.

Причемъ-же въ обоихъ случаяхъ непремѣнно славянскій языкъ? Этнографическими данными по способу г. Самоквасова можно доказать родство геродотовыхъ скиѳовъ съ какимъ угодно народомъ. Боннель, трудъ котораго вовсе не упоминается, сближаетъ скиѳовъ съ древними германцами, Нейманъ съ монголами и т. п. Авторитетъ въ области краніологіи, К. Е. Беръ находитъ наиболѣе близкими къ такъ называемымъ скиѳскимъ черепамъ башкирскіе. Г. Самоквасовъ ничего не говоритъ о географическихъ объясненіяхъ Киперта, о сближеніяхъ Вс. Миллера

между скиѳами и осетинами. Относительно народности гунновъ онъ ограничивается упоминаніемъ статей г. Иловайскаго, сторонника славянства гунновъ, обходя молчаніемъ критику профессора В. Г. Васильевскаго, по нашему мнѣнію, окончательно сокрушающаго выводы профессора Иловайскаго. Г. Васильевскій имѣетъ въ этомъ вопросѣ авторитетнаго союзника въ лицѣ Вамбери, извѣстнаго знатока турецко-татарскихъ языковъ; вопросомъ о народности гунновъ онъ занимается въ своемъ новомъ трудѣ: *Der Ursprung d. Magyaren.* (Leipz. 1882).

Надѣемся, читатель согласится съ нами, что подобными пріемами нельзя доказать что либо, хотя доказывать можно все. Выводы автора имѣютъ значеніе гипотезы, обставленной весьма недостаточно. Между тѣмъ вторая глава труда *(Происхожденіе русскихъ славянъ)* исходитъ изъ этихъ положеній, какъ безусловно вѣрныхъ, съ прибавкою впрочемъ новаго предположенія, что лѣтописные волохи не кто иные, какъ римляне, потѣснившіе славянъ на Дунаѣ во II в. по Р. Х. На стр. 121 авторъ замѣчаетъ: «если мы, соотвѣтственно изложеннымъ выше свидѣтельствамъ древней исторіи, географіи и этнографіи, допустимъ происхожденіе славянъ отъ скиѳовъ, искони занимавшихъ припонтійскія и придунайскія области, и признаемъ историческую достовѣрность свидѣтельства русской лѣтописи о колонизаціи славянъ изъ областей придунайскихъ въ центральныя области Европы, вслѣдствіе завоеванія древней Дакіи римлянами, то фактъ присутствія римскихъ монетъ въ славянской землѣ центральной Европы можетъ быть объясненъ не такъ, какъ его объясняютъ сказанные изслѣдователи: римскія монеты могли быть занесены туда не римлянами, а гето-дакійскими племенами, въ эпоху владычества римлянъ въ Дакіи выселившимися за Карпаты въ центральныя области Европы и получившими тамъ имена польскихъ и русскихъ славянъ». Понятно, разъ главная посылка умозаключенія не болѣе, какъ субъективное предположеніе,— а таковымъ она является у автора,—окончательный выводъ не имѣетъ серьезнаго значенія. Поэтому существующее теперь въ наукѣ объясненіе присутствія римскихъ монетъ въ различныхъ славянскихъ земляхъ торговыми сношеніями римлянъ съ этими пунктами остается не поколебленнымъ увѣреніями автора, что монеты эти занесены самими славянами въ ихъ позднѣйшія мѣста жительства. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что критическая оцѣнка трудовъ Садовскаго и др., предлагаемая авторомъ, содержитъ въ себѣ не мало остроумныхъ замѣчаній.

Слѣдовательно та простая схема образованія славянъ и русскихъ славянъ, какую рисуетъ себѣ г. Самоквасовъ, оказывается на самомъ дѣлѣ весьма проблематической, а состоитъ она въ слѣдующемъ: могуществу

скиѳовъ нанесенъ смертельный ударъ Филиппомъ Македонскимъ (399 г. до Р. Х). Овладѣніе скиѳовъ повело за собою передвиженіе сарматовъ по сю сторону Дона; послѣ Митридата сарматы подъ именами бастарновъ, роксоланъ, ячиговъ, перешедши черезъ Днѣпръ, соединяются съ скиѳскими племенами, гетами и даками и во II в. до Р. Х. образуютъ сильное скиѳское государство. Но столкновенія съ римскимъ могуществомъ кончаются во II в. по Р. Хр (106 г.) паденіемъ скиѳскаго царства и превращеніемъ его въ провинцію Дакію. Подъ давленіемъ римлянъ скиѳо-сармато-гето-дакійскія племена покинули свою прародину, разселились по рѣкамъ Вислѣ съ притоками, Днѣпру съ притоками, Окѣ, Западной Двинѣ и Волхову. Эти-то племена и являются въ позднѣйшей исторіи подъ именемъ славянъ.

Такова простая по построенію, но вовсе не доказанная гипотеза г. Самоквасова.

М.

Исторія университета св. Владиміра. Сост. орд. проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Т. 1. Университетъ св. Владиміра въ царствованіе Императора Николая I. Кіевъ. 1884 г.

Эта объемистая книга, свыше 700 страницъ въ большую осьмуху, плодъ двухлѣтней усидчивой работы даровитѣйшаго профессора, открываетъ собою длинный рядъ тѣхъ изданій, которыя задуманы и приготовлены университетомъ св. Владиміра къ знаменательному дню празднованія 50-лѣтняго его существованія, 8-му сентября сего года. Едва-ли чѣмъ либо другимъ университетъ св. Владиміра могъ такъ осязательно и прочно отмѣтить пятидесятилѣтній періодъ своей просвѣтительной дѣятельности, какъ рядомъ такихъ солидныхъ изданій, въ которыхъ эта дѣятельность разработана всесторонне, выяснена до мельчайшихъ подробностей. Это богатое приращеніе въ исторіи нашего просвѣщенія, драгоцѣнный вкладъ въ науку отъ того учрежденія, которое носитъ названіе святилища наукъ. Сколько можемъ припомнить, ни одно изъ нашихъ ученыхъ и учебныхъ учрежденій не потрудилось столько на пользу науки, празднуя юбилей болѣе или менѣе продолжительнаго своего существованія.

Составленная профессоромъ Владимірскимъ-Будановымъ исторія университета св. Владиміра въ ряду юбилейныхъ изданій занимаетъ безспорно самое видное мѣсто какъ по предмету труда, такъ и по научной его обработкѣ. Слѣдующій за нею «Біографическій Словарь» про-

фессоровъ есть трудъ такъ сказать коллективный, прочія изданія даютъ болѣе или менѣе обстоятельную исторію вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ св. Владиміра.

Переходя къ обзору этого труда, начнемъ съ выраженія нашего искренняго сожалѣнія, что такой даровитый профессоръ, обладающій столь свѣтлымъ умомъ и такимъ глубокимъ критическимъ талантомъ, не начерталъ полной исторіи юнаго еще университета за все время 50-лѣтняго его существованія, а лишь одну ея часть, не обнимающую и половины пятидесятилѣтія. Свѣтъ брошенный на весь пройденный университетомъ путь могъ-бы отразиться и на ту, по крайней мѣрѣ ближайшую часть пути, которая лежитъ предъ нимъ впереди, и это помогло-бы ему ходить *во свѣтѣ истины, а не якоже зерцаломъ въ гаданіи. Но творити книги мнози нѣсть конца*... могъ-бы сказать почтенный профессоръ и указать на свою внушительную по объему и содержанію книгу.

Это 1-й томъ исторіи университета св. Владиміра, обнимающій собою время его существованія съ 1833 по 1855 г. Авторъ заканчиваетъ этотъ 1-й томъ исторіи университета царствованіемъ императора Николая Павловича, конечно, потому, что новое царствованіе началось новыми вѣяніями, рѣшительнымъ образомъ отразившимися на жизни университета прежде, чѣмъ онъ получилъ новый уставъ. Изданный томъ подраздѣляется на три *эпохи*... Названіе, можетъ быть, нѣсколько громкое хотя-бы и для святилища наукъ, но вѣдь-не въ названіи сила. Эпоха I обнимаетъ время 1833—1842 г. и начиная съ открытія университета трактуетъ о первоначальномъ его устройствѣ по особому спеціальному его уставу и первыхъ годахъ его жизни, включая временный перерывъ 1839 г., возстановленіе университета и постройку его зданій. Эпоха II отъ 1842 до 1849 г., гдѣ авторъ излагаетъ примѣненіе къ университету «германскаго университетскаго строя» на основаніи новаго обще-университетскаго устава 1842 г. и жизнь университета по началамъ этого устава. Эпоха III отъ 1849 до 1855 г., носящая общее заглавіе *реакціи*, представляетъ рѣзкое отклоненіе въ жизни университета отъ его первоначальнаго и послѣдующаго строя, вызванное цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ узаконеній и особенно мѣстныхъ распоряженій, при наличности прежняго устава, и отмѣченное пониженіемъ уровня университетской науки вообще и въ частности научнаго и нравственнаго уровня въ воспитывающемся юношествѣ. Эпохи подраздѣляются на главы, эти въ свою очередь на отдѣльные, часто обширные трактаты, рисующіе формальное внѣшнее построеніе университетской жизни по извѣстному, законодательною властію опредѣленному плану, внутреннее

ея теченіе и развитіе въ извѣстныхъ рамкахъ, съ подробнымъ изображеніемъ ихъ въ общемъ ходѣ управленія, въ строѣ и составѣ факультетовъ, въ служебной и частной научной дѣятельности профессоровъ, въ нормальномъ положеніи студентовъ, ихъ составѣ и числѣ, учебныхъ ихъ занятіяхъ, въ надзорѣ за ними, образѣ ихъ жизни и поведеніи. Обширному тому своей исторіи авторъ предпосылаетъ пространное, на 57 страницахъ, введеніе, въ которомъ излагаетъ состояніе общественнаго образованія въ юго-западной Руси до открытія университета св. Владиміра, начиная свой обзоръ съ той системы образованія, которая установлена была въ этомъ краѣ еще въ періодъ польскаго въ немъ владычества 1773—1793 г., и слѣдя ея развитіе и усиленіе здѣсь подъ русскимъ владычествомъ съ 1793 и до 1831 г. Томъ заканчивается восемью приложеніями, по объему равняющимися введенію и заключающими въ себѣ документальное перечисленіе финансовыхъ средствъ университета и цифровыя данныя о срокахъ службы ректоровъ, проректоровъ и декановъ, о числѣ получившихъ степени доктора и магистра и пр., заканчивающіяся двумя общими таблицами всѣхъ студентовъ 1834—1862 г. и 1862—1884 г.

Надо отдать полную справедливость автору этаго обширнаго и замѣчательнаго по своимъ ученымъ и литературнымъ достоинствамъ труда. Г. Владимірскій-Будановъ выполнилъ данное ему совѣтомъ университета св. Владиміра порученіе, можно сказать, блестящимъ образомъ, и университетъ имѣетъ теперь если далеко не за все время своего существованія, то за половину его полную, проникнутую глубокимъ пониманіемъ цѣлаго и частей, солидную и вмѣстѣ живую, правдивую и безпристрастную свою исторію. Мы не можемъ, конечно, въ предѣлахъ библіографической замѣтки ознакомить нашихъ читателей съ частнѣйшимъ содержаніемъ такой объемистой исторіи, да и нѣтъ, кажется, въ томъ особой надобности. Масса свѣдѣній извлечена изъ нея мѣстными газетами по поводу праздновавшагося пятидесятилѣтія университета; читатели находили въ нихъ множество отрывковъ большихъ и малыхъ, перепечатанныхъ цѣликомъ и этимъ путемъ отчасти ознакомились и со многими добытыми авторомъ свѣдѣніями и съ его взглядами и способомъ изложенія. Намъ остается сказать о достоинствахъ этого труда въ цѣломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать тѣ желанія, вызываемыя существомъ избраннаго авторомъ предмета удовлетворенія которымъ мы, къ сожалѣнію нашему, не нашли въ его трудѣ.

Первымъ выдающимся достоинствомъ составленной г. Владимірскимъ-Будановымъ Исторіи Университета св. Владиміра надо считать то, что, приступая къ объясненію факта возникновенія университета въ

въ данную пору въ здѣшней мѣстности, онъ не началъ такъ сказать съ самаго факта, не остановился на обстоятельствахъ, его сопровождавшихъ, не ограничился и изложеніемъ обстоятельствъ ближайшихъ, вызвавшихъ его появленіе, но углубился въ ту отдаленную эпоху общественнаго образованія въ здѣшнемъ краѣ, о которой, по справедливому его замѣчанію, мы имѣемъ болѣе смутныя представленія, чѣмъ о временахъ Владиміра Мономаха. Иначе, конечно, нельзя было-бы ни уяснить ту цѣль, какая указывалась университету св. Владиміра правительственнымъ актомъ о его учрежденіи, ни имѣть точный критерій для сужденія о послѣдующей судьбѣ и жизни университета. Изслѣдовать положеніе народнаго образованія въ краѣ въ эпоху предшествовавшую учрежденію университета въ Кіевѣ было тѣмъ болѣе необходимо, что съ этимъ послѣднимъ фактомъ связана была отмѣна господствовавшей дотолѣ системы общественнаго воспитанія и замѣна оной новою, во главѣ которой ставился учреждаемый университетъ. Г. Владимірскій-Будановъ тщательно собралъ данныя о положеніи образованія въ краѣ, разбросанныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, пополнилъ ихъ свѣдѣніями изъ архива главнаго дѣятеля той эпохи гр. Ѳ. Чацкаго, архива кременецкаго лицея и визитаторскаго, провѣрилъ все критически, сопоставилъ съ отзывами своего предшественника по исторіи университета В. Я. Шульгина и далъ впервые довольно полную и строго обдуманную картину общественнаго воспитанія въ томъ краѣ, для котораго предназначался ново-учреждаемый университетъ. Открывается нѣчто невѣроятное, но тѣмъ не менѣе дѣйствительное и совершавшееся едва не на нашихъ глазахъ: на всемъ пространствѣ древнѣйшихъ русскихъ областей, съ 1793 г. возвращенныхъ отъ Польши къ Россіи, до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, дѣйствовала безъ малѣйшаго воспрещенія, напротивъ открыто признаваемая и поддерживаемая русскимъ правительствомъ того времени система польскаго образованія, установленная правительствомъ Рѣчи Посполитой въ періодъ раздѣловъ Польши,—польская по духу и цѣли, по составу главныхъ и ближайшихъ руководителей, по языку обученія, по всему строю, постановкѣ и обстановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла; русскій языкъ, въ качествѣ необязательнаго, едва былъ терпимъ въ учебныхъ заведеніяхъ того времени, преподаваніе его поручалось учителямъ другихъ предметовъ—полякамъ и уніатамъ и даже отставному прусскому солдату; православные ученики слушали Законъ Божій у ксендзовъ, дѣти русскихъ не могли подать прошенія иначе, какъ на польскомъ языкѣ. Полонизація края шла быстрыми шагами, унаслѣдованная отъ Польши система общественнаго образованія, руководимая такими замѣчательными дѣятелями александровской эпохи, какъ князь Чарто-

рыжскій и графъ Чацкій, достигла полнаго своего развитія въ завершеніи цѣлаго рядъ польскихъ школъ созданіемъ кременецкаго лицея, привлекшаго къ себѣ громадныя денежныя жертвы и симпатіи всего польскаго шляхетства въ предѣлахъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Конечная цѣль ея была воскрешеніе Польши въ ея прежнихъ конституціонныхъ формахъ и предѣлахъ и эта цѣль была уже такъ близко. Но возстаніе 1831 г. все разрушило. Ученики такъ нѣжно лелѣемыхъ школъ ушли въ повстанье, опустѣвшія школы, по распоряженію правительства, закрыты, вмѣсто ихъ созданъ рядъ другихъ школъ на новыхъ началахъ, а изъ кременецкаго лицея образованъ кіевскій университетъ. Этотъ послѣдній является такимъ образомъ не продуктомъ прежней, но началомъ новой жизни въ краѣ, новой политики прозрѣвшаго правительства, новой системы народнаго образованія, совершенно противоположной прежней польской. Замѣчанію прежняго историка университета, что новое зданіе начали съ крыши, г. Владимірскій-Будановъ противупоставляетъ, что иначе нельзя было-бы приготовить учителей и воспитателей въ духѣ новой системы. Каждый въ своемъ родѣ правъ. Послѣдній прибавляетъ: «открытіемъ университета въ Кіевѣ мы не поспѣшили, а скорѣе опоздали на четверть вѣка». Не гораздо-ли болѣе? Мысль о необходимости университета созрѣла въ населеніи лѣвой стороны Днѣпра еще въ концѣ 1-й половины прошлаго столѣтія и ходатайства объ учрежденіи онаго возбуждаемы были много разъ, хотя мѣстомъ для него указывался не одинъ Кіевъ, но иногда Глуховъ, Батуринъ, даже Новгородъ-Сѣверскъ. Нѣтъ сомнѣнія, что будь такое ходатайство во время удовлетворено, кіевскій университетъ имѣлъ-бы другой характеръ, другую роль, пришедшая къ намъ отъ Польши система образованія не нашла бы для себя мѣста, польскіе просвѣтители и польское юношество въ окрѣпшемъ русскомъ университетѣ очутились-бы въ иной роли и самый этотъ университетъ не былъ-бы обреченъ на ту Сизифову въ нѣкоторомъ смыслѣ работу, какая указана ему при учрежденіи его въ 1834 г. Во всякомъ случаѣ можно пожалѣть о томъ, что авторъ не углубилъ свою экскурсію въ область прошлаго, не расширилъ сферы предварительныхъ своихъ изслѣдованій. Безъ этого вступительная часть его труда, едва-ли не наиболѣе важная, кажется какъ-бы страничкою, вырванною изъ исторіи нашего просвѣщенія, нашей государственной и общественной жизни, и не понятными представляются въ ней и наша близорукость и равнодушіе къ дѣлу народнаго образованія въ возвращенныхъ отъ Польши русскихъ областяхъ, и это широкое хозяйничанье въ русскомъ краѣ польско-шляхетскаго элемента, равно какъ и наше внезапное просвѣтлѣніе послѣ событій 1831 г. и болѣе инстинктивное, чѣмъ

сознательное стремленіе поставить здѣсь просвѣщеніе на новыхъ началахъ.

Весь дальнѣйшій трудъ г. Владимірскаго-Буданова представляетъ собою стройное, послѣдовательное, разработанное всесторонне и во всѣхъ подробностяхъ изложеніе постепеннаго устройства университета св. Владиміра и развитія его внутренней жизни съ тѣми неизбѣжными колебаніями, какія вызываемы были въ ней то мѣстными условіями, въ какія онъ поставленъ былъ при самомъ учрежденіи, то общимъ ходомъ нашей жизни и распоряженіями высшаго правительства, своеобразно примѣняемыми на мѣстѣ. Спокойный тонъ изложенія, не доходящій до сухости и не возвышающійся до паѳоса, кропотливый подборъ данныхъ, строгая ихъ провѣрка и искусная группировка, наконецъ безпристрастная, чуждая преувеличенія и рѣзкости оцѣнка фактовъ—таковы главныя достоинства труда почтеннаго профессора. Въ каждой изъ трехъ очерченныхъ эпохъ, онъ отъ изображенія формальнаго строя и дѣятельности университета переходитъ къ характеристикѣ его дѣятелей, оцѣнкѣ ихъ трудовъ, занятій самихъ студентовъ, опредѣленію научнаго уровня тѣхъ и другихъ, знакомитъ съ ихъ частнымъ, домашнимъ бытомъ. Много прекрасныхъ страницъ посвящено имъ въ особенности первымъ годамъ университетской жизни и такимъ свѣтлымъ ея дѣятелямъ, какъ Брадке, Максимовичъ, Новицкій, Неволинъ, Богородскій и пр., много мѣткихъ словъ удѣлено другимъ второстепеннымъ дѣятелямъ. Послѣдняя эпоха,—періодъ реакціи, очерчена авторомъ съ замѣчательною правдивостью и безпристрастіемъ. Эта глава въ трудѣ историка въ особенности поучительна. Правда, она оставляетъ въ читателѣ тяжелое впечатлѣніе, что чувствовалъ и самъ авторъ, стараясь оговориться въ концѣ; но не слѣдуетъ, конечно, закрывать глазъ предъ печальною ошибкою весьма недавняго времени.

Закончимъ нашъ бѣглый обзоръ вышедшаго I тома Исторіи университета св. Владиміра краткимъ замѣчаніемъ о томъ, что почтенный авторъ, какъ намъ кажется, не достаточно удѣлилъ вниманія связи университета св. Владиміра съ общею и мѣстною жизнію и въ частности той спеціальной задачѣ, какая указана ему при самомъ его возникновеніи, не выяснивъ, въ какой мѣрѣ достигалась эта задача и въ чемъ выразилось вліяніе университета на мѣстную жизнь. Этому помѣшала, конечно, не одна обширность труда, но и то, что самая эта задача скоро затерялась въ общемъ ходѣ нашихъ дѣлъ и университетъ св. Владиміра долженъ былъ войти въ общую съ другими своими собратами колею, отличаясь отъ нихъ лишь однимъ названіемъ. **Н. Цыбульскій.**

Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть вторая. С.-Петербургъ. 1884 г.

Въ свое время мы привѣтствовали появленіе первой части «Очерка западно-русской церкви», изд. въ 1882 г. Вторая часть, отличаясь тѣми же, какъ и первая, достоинствами ученаго труда, представляетъ еще болѣе интереса по обилію содержанія, по возрастающему жизненному значенію обнимаемыхъ ею явленій и событій, по богатству, разнообразію, отчасти и новости источниковъ. Она обнимаетъ время съ конца XVI в., когда въ западно-русской церкви зачалось раздѣленіе, произведенное уніею, началась непрерывная, напряженная борьба этой церкви съ уніатскою и латино-польскою пропагандою,—до 60-хъ годовъ XVIII в., на которыхъ кончается торжество пропаганды и съ которыхъ для западно-русской церкви настаетъ лучшее время—время возврата утратъ, понесенныхъ ею въ двухъ-вѣковой почти борьбѣ за свое существованіе.

Первая глава настоящаго труда представляетъ очеркъ главныхъ явленій и событій въ жизни западно-русской церкви, вмѣстѣ съ характеристикою главныхъ историческихъ дѣятелей, постепенно выступавшихъ на борьбу за свое дѣло съ той и другой стороны, а также съ обзоромъ литературной полемики православной и латино-уніатской. За время съ конца XVI до начала XVIII в., въ этой общей части «Очерка» резюмируется почти только то, что уже довольно извѣстно по этому предмету, но резюмируется съ такою полнотою и отчетливостію, какія только и возможны въ трудѣ, основанномъ на самостоятельномъ и глубокомъ изученіи источниковъ, памятниковъ и ученыхъ изслѣдованій другихъ по тому-же предмету. Не останавливаясь на частныхъ фактахъ, мѣстами требовавшихъ, кажется, большаго разъясненія, позволимъ себѣ высказать, что могъ-бы быть полнѣе выясненъ и такой общаго значенія фактъ, что Кіевъ *съ первыхъ-же годовъ* борьбы западно-русской церкви съ латино-уніатскою пропагандою оказывается пунктомъ, наименѣе доступнымъ этой послѣдней, а вслѣдъ затѣмъ и наиболѣе сильнымъ, въ смыслѣ опорнаго пункта для всей западно-русской церкви въ ея борьбѣ съ пропагандою. Въ одномъ мѣстѣ историкъ замѣчаетъ, что опорою Кіеву въ начальное время уніи служило то, что кіевскимъ воеводой былъ Константинъ Острожскій; это, конечно, справедливо. Но думаемъ, что главнѣйшею опорою Кіеву служило не воеводство Острожскаго, который и не бывалъ тогда въ Кіевѣ, и живя на Волыни, не могъ помѣшать захватамъ и безчиніямъ Поцѣя и Терлецкаго,—въ

его собственныхъ княжескихъ владѣніяхъ. Несравненно болѣе могучія опоры имѣлъ Кіевъ съ одной стороны въ своемъ прошломъ, какого не имѣли ни Вильна, ни другой какой-либо пунктъ во всей западной Россіи, съ другой стороны—въ живой, наличной силѣ народа, уже слагавшейся для Кіева и южной Руси подъ знаменемъ козачества. Вотъ почему Поцѣй и Рутскій, самоуправствовавшіе повсюду, не смѣли показать глазъ въ Кіевъ, хотя и помышляли о томъ. Въ 1610 году оффиціалъ Поцѣя Антоній Грековичъ вышелъ полупобѣдителемъ изъ столкновенія съ кіевскимъ духовенствомъ, не нашедшимъ достаточно сильной защиты отъ дерзкаго оффиціала ни въ кіевскомъ магистратѣ, ни въ дворянахъ кіевской земли, собравшихся тогда на съѣздъ. Не то ждало его по угрозамъ отъ Запорожья, откуда гетманъ Тискиневичъ писалъ отъ имени козаковъ кіевскому подвоеводѣ, что «мы за нашу восточную церковь и за нашу вѣру готовы голову положить», а относительно самаго Грековича предупреждалъ, что уже дано распоряженіе «гдѣ кольвекъ его зрубати,—такъ убити, якъ пса» (Арх. ю.-з. и зап. Россіи, т. II, № 36, 37, 41).

Затѣмъ не нужно идти къ событіямъ 1620 г. и слѣдующихъ эпохъ, выдвигающимъ значеніе народной силы, какъ преобладающей надъ всею совокупностію другихъ силъ западно-русской церкви въ ея борьбѣ съ латино-уніатскою пропагандою и ея союзницею Рѣчью Посполитой. Признается эта сила и авторомъ «Очерка», но, кажется намъ, не во всей полнотѣ ея значенія. Новымъ и существенно важнымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ въ первомъ отдѣлѣ «Очерка» слѣдуетъ признать ту часть отдѣла, гдѣ сообщаются во многомъ новыя данныя о мѣрахъ и дѣйствіяхъ русскаго правительства на защиту православныхъ западной Россіи послѣ-петровскаго времени. Особенно интересны сообщенія объ этихъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ за время Елисаветы Петровны, принявшей дѣла о зарубежныхъ православныхъ подъ свое особое покровительство. Въ это время настойчивѣе становится и участіе въ этихъ дѣлахъ св. синода, во главѣ котораго находился Амвросій Юшкевичъ, не только уроженецъ западно-русскій, но и бывшій страдалецъ отъ уніатовъ. Тамъ не менѣе характеръ русской политики въ этихъ дѣлахъ представляетъ довольно печальныя черты, выступающія въ обстоятельномъ обзорѣ ея, сдѣланномъ авторомъ по документальнымъ источникамъ, которые вновь именуются или прилагаются въ извлеченіяхъ [1]). Достаточно упомянуть, что защитникомъ обидимыхъ православныхъ былъ долгое время резидентъ отъ русскаго правительства полякъ и католикъ Голембіовскій, симпатія котораго была почти всегда на сторонѣ обидчиковъ, а не защищаемыхъ.

---

[1]) Изъ архивовъ синодальнаго и бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ.

Не менѣе интересна въ новыхъ сообщеніяхъ г. Чистовича картина внутреннихъ нестроеній въ средѣ самой западно-русской церкви даннаго времени, напоминающихъ тѣ нестроенія, въ какихъ она застигнута была при началѣ уніи и отъ какихъ не успѣла излечиться въ цѣлые вѣка страданій. Тяжесть впечатлѣнія, производимаго этою картиною, уравновѣшивается впрочемъ еще болѣе печальною картиною деморализаціи въ средѣ латино-уніатской, латино-польской, наиболѣе яркимъ выраженіемъ которой служитъ поощреніе фанатиками пропаганды, особенно іезуитами, всякаго безчинія и неистовства учащейся во всѣхъ школахъ молодежи по отношенію къ схизматикамъ. Фанатики пропаганды, болѣе и болѣе проникаясь, по собственному выраженію ихъ, «страхомъ отъ схизматической державы», заступающейся за схизматиковъ, подвластныхъ Польшѣ, спѣшили, не разбирая средствъ, кончать дѣло пропаганды, чтобы окончить его, пока эта держава не проявитъ новой силы, пока держится надъ западною Русью власть Польши, ея сеймовъ, прелатовъ и пановъ. Но они не успѣли окончить своего дѣла. При видимомъ торжествѣ пропаганды, успѣвшей отнять у православія всѣ епископскія каѳедры, кромѣ одной бѣлорусской, отнять сотни церквей и монастырей и т. под., въ представителяхъ пропаганды не разъ сказывается тяжелое сознаніе, что успѣхи ея непрочны и призрачны, что если паны русскіе въ значительной части олатинены и ополячены, то народъ и въ уніи не любитъ латинства, да и самую унію держитъ болѣе наружно, уступая принужденію, но въ тайнѣ хранитъ преданія своего «благочестія» и надежду на возвращеніе къ нему. Оно началось съ 60-хъ годовъ XVIII в., а съ тѣмъ вмѣстѣ начался и новый послѣдній періодъ отдѣльнаго существованія западно-русской церкви.

Во второй главѣ «Очерка» излагается частная исторія епархій западно-русской церкви, начиная съ кіевской митрополіи и ея епархіи, простиравшейся на разныя участки Литвы, Бѣлоруссіи и польской Украйны, далѣе епархій: смоленской и черниговской, бѣлорусской, владиміро-брестской, луцкой, холмской, львовской и перемышльской. Исторія каѳедръ и епархій повсюду иллюстрируется замѣтками о городахъ и областяхъ, составлявшихъ епархіи; авторъ даетъ краткія біографіи и характеристики лицъ, занимавшихъ каѳедры, свѣдѣнія о монастыряхъ, церквахъ, братствахъ, школахъ, болѣе замѣчательныхъ настоятеляхъ монастырей и инокахъ, также строителяхъ и благотворителяхъ монастырей и цѣлыхъ фамиліяхъ изъ высшей аристократіи и дворянства русскаго, бывшихъ православными и потомъ отпадшихъ въ латинство. Эта глава «Очерка» представляетъ первый опытъ сжатаго, но достаточно полнаго свода данныхъ мѣстной исторіи епархіальныхъ областей западно-

русской церкви, составленнаго съ помощію большаго запаса источниковъ и пособій. Зависимость отъ послѣднихъ отражается мѣстами на повтореніи чужихъ ошибокъ или предположеній, еще недоказанныхъ [1]). Борьба съ уніею и латинствомъ, составляющая наиболѣе общее и характеристическое явленіе въ судьбѣ всей западно-русской церкви въ данный періодъ, составляетъ такое-же явленіе и въ судьбѣ каждой изъ частей ея, представляемыхъ епархіями. Почти вездѣ одни и тѣ-же пріемы атаки со стороны уніи и латинства на достояніе православной церкви и способъ самообороны со стороны послѣдней; почти вездѣ одинъ и тотъ-же исходъ борьбы. Какъ при началѣ описываемаго періода первыми поддавшимися на унію изъ среды православнаго клира были іерархи, а первыми принявшими унію и латинство изъ среды мірянъ были паны и дворяне, такъ было это и потомъ въ большинствѣ епархій. Православіе тверже и долѣе держится тамъ, гдѣ существовали братства, органы церковнаго представительства въ среднемъ сословіи, и гдѣ сильнѣе были союзы народнаго представительства въ формѣ тѣхъ же братствъ, сельскихъ общинъ и военно-союзнаго бытоваго учрежденія, какъ козачество. Этими обстоятельствами, въ связи съ политическою судьбою края, объясняются и различія въ частной судьбѣ той или другой епархіи, при аналогическихъ чертахъ общей судьбы ихъ, какъ судьбы всей западно-русской церкви.

Такъ кіевская митрополія, пользуясь сравнительно независимымъ положеніемъ подъ охраною козачества еще и до присоединенія къ Малороссіи и послѣ того, успѣла сохранить достояніе православія не только въ полосахъ лѣвобережной Украины, принадлежавшихъ къ ея епархіи, но и на всей пограничной полосѣ правобережной или польской Украины, памятниками чего и служатъ монастыри кіевской епархія, сохранившіеся доселѣ только въ этой полосѣ ея. Въ этомъ-то маломъ останкѣ православныхъ въ польской Украинѣ завязался, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ «Очерка», въ царствованіе Екатерины II узелъ возсоединенія уніатовъ Малороссіи съ православною церковію». Всецѣло устояли въ православіи епархіи черниговская, какъ вся принадлежавшая восточной Украинѣ, и большая часть смоленской, какъ сперва пограничной, потомъ отошедшей къ Россіи. Пограничностію положенія, большею сплошностію русскаго населенія и живучестію могилевскаго братства

---

[1]) Такъ напр. въ одномъ листѣ къ учителямъ кіево-братской школы домогилянскаго времени причисляется Мелетій Смотрицкій и Исаія Копинскій. Ниже говорится о будто-бы данномъ въ 1588 г. патріархомъ Іереміею Константину Острожскому благословеніи завести типографію въ Кіево-Печерской Лаврѣ.

обусловливалась сохранность и могилевской православной каѳедры. Иная была судьба остальныхъ семи каѳедръ и епархій западно-русской церкви, представляющая однакоже въ частнѣйшихъ отличіяхъ этой судьбы по каждой изъ епархій вліяніе особенныхъ мѣстныхъ условій, какъ особеннаго отраженія общихъ условій исторической жизни всей западно-русской церкви. Для примѣра напомнимъ судьбу луцкой епархіи, въ которой существованіе православной каѳедры было насильственно прервано, по отсутствію защиты для нея. Такою защитою для нея и вообще для православія въ краѣ имѣло быть волынское дворянство, которое въ первое десятилѣтіе уніи чаще и энергичнѣе дворянствъ другихъ областей возвышаетъ голосъ за право церкви православной, которое обѣщало особенную свою опеку и новооснованному луцкому братству и даже представляло болѣе численную часть въ общемъ составѣ братствъ. И однакоже это братство довольно скоро и безслѣдно исчезло, не найдя въ дворянствѣ такой искренней и твердой опоры, какое имѣло братство львовское и виленское въ среднемъ сословіи и кіевское въ козачествѣ со времени Сагайдачнаго, и не будучи въ состояніи держаться силами средняго сословія, очень слабаго въ Луцкѣ, въ сравненіи съ городскими сословіями Львова, Перемышля и Вильны. Впрочемъ лучшій и всецѣло искренній поборникъ православія изъ волынскихъ дворянъ Лаврентій Древинскій понималъ, что сильнѣйшую опору православія представляютъ именно братства, какъ союзы лицъ средняго и болѣе близкаго къ народу сословія, посему и самъ вписывался въ число членовъ почти всѣхъ важнѣйшихъ братствъ, понималъ онъ и то, что за всѣми другими охранительными силами церкви остается въ запасѣ наиболѣе общая и несокрушимая сила народа, организующаяся въ силу могучую и грозную подъ знаменемъ козачества. Для Луцка и сосѣдней Волыни оскудѣла сила братства, сложившаяся здѣсь не столько изъ средняго сословія, сколько изъ дворянскаго, а общенародная сила, организованная въ козачествѣ, имѣла свои центры далеко отсюда. Поэтому-то пало безвременно и братство, упала за нимъ и православная каѳедра. Въ Львовѣ-же и Перемышлѣ братства, хотя на короткое время, а все таки пережили отпаденіе въ унію іерархіи и іерархическихъ каѳедръ, а главное—и перейдя въ унію, братства эти (особенно львовское) остались хранителями началъ народно церковной самобытности, не смотря на то, что дворянство и тамъ, какъ на Волыни, постепенно поотпадало въ латинство и ополячилось.

Въ очеркѣ исторіи монастырей и монашества по епархіямъ слѣдуетъ отмѣтить одно общее явленіе, отчетливѣе характеризуемое авторомъ въ слѣдующей III-й главѣ подъ рубрикой: «Западно-русскіе монастыри» (стр. 355—359). Въ первыя десятилѣтія борьбы западно-рус-

ской церкви съ нововозникшею уніею и латинскою пропагандою, возстановлявшей общежитіе во многихъ изъ прежнихъ монастырей, основалось немало новыхъ монастырей и общежитій въ нихъ. Эти-же десятилѣтія довольно богаты именами знаменитыхъ иноковъ, учителей иночества, какъ Іовъ княгининскій, Іовъ почаевскій и др. Но такой возбужденный духъ истиннаго монашества держится не особенно долго, и самыя имена примѣрныхъ иноковъ и руководителей иночества становятся все рѣже и рѣже. Это поворотное движеніе къ упадку иноческаго духа, оскудѣнію истиннаго монашества замѣчается уже къ концу XVIII вѣка, а еще болѣе въ XVIII вѣкѣ до самаго конца періода, обнимаемаго «Очеркомъ». Чѣмъ объяснить это явленіе? Естественно, что новость опасностей, съ уніею наставшихъ для церкви, способствовала возбужденію и подъему духовныхъ силъ въ церкви, въ лицѣ болѣе воспріимчивыхъ и преданныхъ членовъ ея, облекавшихся въ иночество и глубоко проникшихся общимъ высшимъ интересомъ церкви—интересомъ защиты ея, св. вѣры, преданій, уставовъ. Этотъ интересъ и указывается обыкновенно, какъ высшій интересъ, во имя котораго основываются новые монастыри и получаютъ богатыя «наданья» отъ создателей и патроновъ. Но почему-же этотъ интересъ, продолжавшій существовать во весь описываемый періодъ, не продолжалъ удерживать свое начальное воспитательное вліяніе на западно-русское монашество, а съ тѣмъ вмѣстѣ удерживать послѣднее на прежнемъ подъемѣ духовномъ и даже вліять на дальнѣйшее возвышеніе нравственнаго духа его?.. Не вдаваясь въ болѣе общее сужденіе по этому вопросу, можемъ до нѣкоторой степени объяснить нравственный упадокъ западно-русскаго монашества, примѣтный особенно къ половинѣ XVIII вѣка, такими обстоятельствами временнаго характера, какъ отливъ очень многихъ и часто наилучшихъ силъ его въ сѣверную Русь, усилившійся особенно съ начала XVIII вѣка, разстройство общаго порядка въ западно-русской церкви, причиненное ей бѣдствіями времени, затруднявшее надзоръ, дисциплину, поощрявшее распущенность, бродяжничество, при усиленіи, въ ущербъ началамъ монастырскаго общежитія, интересовъ личнаго стяжанія, находившихъ теперь деморализующее поощреніе съ одной стороны въ безнаказанности отъ далекой или совсѣмъ отсутствующей власти іерархической, съ другой стороны въ самой неувѣренности, что принадлежащее монастырю сегодня не будетъ завтра захвачено врагами православія изъ уніатовъ, польскихъ пановъ и т. п.

Въ третьей главѣ «Очерка» изображается *внутреннее состояніе западно-русской церкви*. Начиная общею характеристикою внутренняго состоянія западно-русской церкви въ данный періодъ, авторъ справед-

ливо утверждаетъ, что не смотря на крайнія замѣшательства и стѣсненія, порожденныя для нея уніей, православіе еще прочно держалось въ ней во все продолженіе XVII вѣка, и что болѣе рѣшительный поворотъ къ уніи и усиленіе въ русскихъ областяхъ польскаго элемента произошли въ концѣ XVII вѣка, послѣ такъ называемаго вѣчнаго мира съ Польшею и, прибавимъ мы, послѣ прутскаго договора 1712 года. Ибо если вѣчный миръ 1686 г., крайне непріятный полякамъ, пробудилъ въ нихъ страшный фанатизмъ; то прутскій договоръ оставлялъ просторъ дѣйствіямъ этого фанатизма, встрѣчавшимъ постоянный и сильный отпоръ только въ тѣсно связанной съ Кіевомъ полосѣ польской Украйны по Днѣпру, гдѣ поэтому унія, торжествующая на всемъ пространствѣ западной Россіи, не успѣла пустить глубокихъ корней. Въ связи съ такою судьбою православія въ борьбѣ его съ уніею и латинскою пропагандою опредѣлилось и все внутреннее состояніе западно-русской церкви. Очеркъ этого состоянія, при всей сжатости (на 43 страницахъ) обнимаетъ все наиболѣе великое и существенное, начиная съ высшаго управленія до приходскихъ церквей и бѣлаго духовенства. Особенно назидательное явленіе времени представляютъ соборы, какъ общіе, такъ и мѣстные или епархіальные. Тѣ и другіе прекратились впрочемъ уже съ конца XVII вѣка, потому что вскорѣ затѣмъ уже некому было созывать соборы въ подвластныхъ Польшѣ предѣлахъ западно-русской церкви, а съ учрежденіемъ святѣйшаго синода прекратилась возможность созывать соборы и для кіевской митрополіи. Обстоятельствами времени обусловливалось также широкое участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви. Міряне участвовали въ соборныхъ совѣщаніяхъ: кіевское духовенство и шляхетство вольными голосами избирали митрополита, какой порядокъ прекратился съ 1722 года, когда архіепископъ Кіева избранъ былъ святѣйшимъ синодомъ. Братства выбирали настоятелей братскихъ монастырей; братія кіево-печерскаго монастыря и прочихъ ставропигіальныхъ монастырей выбирали себѣ архимандритовъ. Но послѣ того, какъ дворянство мало по малу перешло въ латинство, участіе мірянъ въ духовныхъ дѣлахъ ограничивалось патронатствомъ пановъ надъ церквями и духовенствомъ, которое стало очень тяжкимъ для послѣднихъ при патронахъ полякахъ или ополячившихся русскихъ. Въ слѣдующей затѣмъ рѣчи о братствахъ выясняются особенно отношенія ихъ къ іерархіи. Полнѣе говорится далѣе о духовномъ просвѣщеніи, братскихъ школахъ, кіевской академіи, кіевскихъ ученыхъ и проч. Обычно повторяемыя свѣдѣнія о школахъ, учителяхъ и ученыхъ западно-русской церкви съ конца XVI вѣка могли-бы быть въ настоящее время пополнены указаніемъ на Венецію, откуда, вслѣдъ за греками, выносили образованіе и русскіе, особенно галицкіе.

Заслуживала бы упоминанія мысль *о духовныхъ семинаріяхъ* при каѳедрахъ и монастыряхъ, не одинъ разъ заявленная волынскими дворянами на съѣздахъ ихъ еще въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVI вѣка, хотя и оставшаяся безъ осуществленія, если впрочемъ не признать вліянія этой мысли на школьныя учрежденія Елисаветы Гулевичъ и самаго Петра Могилы. Достойна также памяти забытая въ «Очеркѣ» мысль Петра Могилы объ учрежденіи (въ никольскомъ монастырѣ) особаго братства ученыхъ иноковъ, не разъ поднимаемая потомъ и въ сѣверной Руси, но потомъ заглохшая. Въ общей судьбѣ просвѣщенія долженъ быть отмѣченнымъ стоящій въ связи съ общею судьбою западно-русской церкви фактъ оскудѣнія въ ея предѣлахъ ученыхъ иноковъ къ половинѣ XVIII в., вслѣдствіе упадка братскихъ школъ и монастырей, а потомъ сильнаго отлива кіевскихъ ученыхъ иноковъ въ сѣверную Русь. Не останавливаясь на другихъ вообще интересныхъ статьяхъ этой главы, прибавимъ только, что въ рѣчи объ управленіи она могла-бы быть пополнена замѣчаніями о консисторіяхъ и протопопіяхъ, а въ рѣчи о приходскихъ церквахъ и духовенствѣ замѣчаніями объ обычаѣ выбора приходскихъ священниковъ приходскими общинами, мѣстами еще державшемся и въ подвластныхъ Польшѣ областяхъ западно-русской церкви.

Въ послѣдней главѣ, подъ заглавіемъ: *западно-русская церковная унія*, представленъ сперва общій очеркъ внутренняго устройства уніатской церкви и ея отношеній къ латинству въ историческомъ развитіи ихъ, а затѣмъ очеркъ исторіи уніатской митрополіи и уніатскихъ епархій съ каталогами уніатскихъ іерарховъ. Въ русской церковно-исторической литературѣ это есть именно *первый* опытъ цѣльнаго историческаго очерка уніатской церкви, составленнаго весьма основательно, съ вѣрными и выразительными характеристиками возникавшихъ явленій въ быту и судьбѣ уніатской церкви. Свѣдѣнія, заимствованныя изъ печатныхъ изданій русскихъ и особенно галицко-русскихъ и другихъ, пополнены во многомъ съ помощію архива уніатскихъ митрополитовъ. Особенное вниманіе удѣлено историкомъ освѣщенію отношеній латинства къ уніи, сперва какъ будто только дружескихъ, потомъ пренебрежительныхъ, даже угнетательныхъ, разсчитанныхъ на поглощеніе уніи латинствомъ, что, какъ извѣстно, было сообразно еще съ печальною мыслію о ней іезуита Поссевина, называвшаго проэктируемую имъ унію «мостомъ къ латинству», еще болѣе сообразовалось съ польскими видами на полонизацію Руси и наконецъ просто съ эгоистически-корыстными видами латино-польскихъ прелатовъ и ксендзовъ, лакомившихся на уцѣлѣвшія въ уніатской церкви имѣнія, десятины и проч. За то такое отношеніе

польскаго латинства къ уніи помогло потомъ и дѣлу возсоединенія уніатовъ съ православною церковію.

Краткими замѣчаніями нашими объ «Очеркѣ исторіи западно-русской церкви» мы хотѣли дать только общее представленіе объ этомъ въ высокой степени почтенномъ и полезномъ трудѣ, обработанномъ съ богатымъ запасомъ знанія и таланта, сказывающагося въ самомъ умѣньи — въ сжатомъ очеркѣ обнять, опредѣлить и выяснить все главное и существенное.

И. Малышевскій.

Къ исторіи южно-русской литературы семнадцатаго столѣтія. Выпускъ I. Лазарь Барановичъ. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ, 1884 г. 183 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Выписанное заглавіе принадлежитъ книгѣ молодаго харьковскаго ученаго, съ трудами котораго по исторіи южнорусской литературы знакомы читатели «Кіевской Старины». Авторъ задался цѣлью подготовить почву для полной, систематической исторіи южнорусской литературы XVII в., которая въ настоящее время невозможна еще по малоизвѣстности и незначительной обработкѣ матеріала. «Имѣя въ виду упростить ходъ научной работы посредствомъ раздѣленія ея на части, я рѣшился, говоритъ авторъ въ предисловіи, издавать свое сочиненіе по исторіи южно-русской литературы XVII в. выпусками различной величины, отъ 3 до 14 печатныхъ листовъ, смотря по историко-культурной важности писателя и по количеству и качеству научныхъ источниковъ и пособій. Каждый выпускъ долженъ заключать въ себѣ полную и цѣльную характеристику того или другаго южнорусскаго писателя XVII в., съ разъясненіемъ современной ему литературной и бытовой обстановки». Первый выпускъ посвященъ дѣятельности Лазаря Барановича, второй и третій составятъ статьи объ Іоанникіи Галятовскомъ и Иннокентіи Гизелѣ, напечатанныя въ нашемъ журналѣ.

Нельзя не одобрить выбора автора, обратившагося съ своими изслѣдованіями именно къ XVII в., времени въ высшей степени замѣчательному, какъ въ исторіи южнорусской литературы, такъ и вообще въ жизни Малороссіи. Для литературы южнорусской 2-я половина XVII столѣтія была временемъ полнаго разцвѣта, о чемъ свидѣтельствуетъ рядъ такихъ именъ, какъ Барановичъ, Галятовскій, Радивиловскій, Гизель, св. Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій и проч. Со стороны внутренняго состоянія Малороссіи это былъ періодъ, когда борьба политическая перестала

быть удѣломъ народныхъ массъ и перешла въ высшіе классы населенія. Вышедши вслѣдствіе разныхъ причинъ изъ состоянія броженія, народъ равнодушно смотрѣлъ на то, кому онъ будетъ принадлежать de jure, лишь-бы не были задѣваемы самыя насущныя его нужды; онъ поэтому какъ-бы не замѣтилъ разлома Украины по Андрусовскому миру и оставался инертнымъ при всѣхъ возбужденіяхъ сверху. Для высшаго класса, старшины и духовенства, напротивъ, это было время разочарованія въ московской опекѣ и напряженной борьбы за основы малорусской жизни въ виду правительственныхъ ограниченій. Въ этой борьбѣ принималъ участіе каждый сознававшій положеніе дѣлъ, тѣмъ болѣе человѣкъ образованный. Вотъ почему разсматривать малорусскаго писателя XVII вѣка только со стороны его литературной дѣятельности значитъ совершенно обезоруживать его и отказываться отъ пониманія его личности и значенія. Тѣмъ болѣе это справедливо относительно такихъ высокихъ въ тогдашней общественной іерархіи лицъ, какъ черниговскій архіепископъ, печерскій архимандритъ и т. п. Правъ по этому г. Сумцовъ, излагая біографіи избранныхъ имъ писателей «съ разъясненіемъ современной имъ литературной и бытовой обстановки».

Обратимся теперь къ характеристикѣ Лазаря Барановича, какъ она представляется въ книгѣ г. Сумцова. По принятому авторомъ мнѣнію покойнаго протоіерея Страдомскаго, весьма вѣроятному, Барановичъ родился въ 1593 г. (по черниговской лѣтописи въ 1620), т. е. прожилъ ровно сто лѣтъ (умеръ въ сентябрѣ 1693 г.). Невольное благоговѣніе возбуждаетъ эта долгая жизнь, свидѣтельница и участница столькихъ бѣдъ и радостей роднаго края! Барановичъ вполнѣ сознательно пережилъ время пробужденія малорусскаго народа при Сагайдачномъ, его борьбу и торжество при Хмельницкомъ, видѣлъ во очію и испыталъ результаты этой борьбы при рядѣ преемниковъ Хмельницкаго до Мазепы включительно и умеръ съ яснымъ сознаніемъ того, куда направляется дальнѣйшій путь народной жизни. Нельзя не дорожить всѣмъ, что передумалъ и высказалъ такой человѣкъ, а высказалъ онъ много, потому что имѣлъ возможность многое видѣть и знать. Лазарь Барановичъ родился въ Черниговщинѣ, воспитаніе получилъ въ кіевской школѣ богоявленскаго братства, хотя въ «Старомъ костелѣ» Галятовскаго говорится, что Барановичъ развилъ свой умъ въ виленской, кіевской и калишской академіяхъ. Въ сороковыхъ гг. XVII столѣтія онъ состоялъ преподавателемъ въ могилянской академіи, а съ 1650 года ея ректоромъ, хотя не долго. Въ 1652—57 г. Барановичъ былъ по очереди игуменомъ купятицкаго, кіево-кирилловскаго и дятеловскаго монастырей. По одобрительнымъ грамотамъ митрополита Сильвестра Коссова и гетмана Бог-

дана Хмельницкаго онъ весною 1657 г. былъ хиротонисанъ въ Яссахъ во епископа черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго и въ этомъ санѣ оставался до смерти, при чемъ два раза былъ блюстителемъ митрополичьей кіевской каѳедры, а въ 1666 году на извѣстномъ никоновскомъ соборѣ въ Москвѣ получилъ отъ трехъ патріарховъ и царя грамоту, именовавшую его архіепископомъ. Вотъ curriculum vitae арх. Лазаря. Занимая важный постъ архіепископа черниговскаго, Барановичъ естественно долженъ былъ имѣть большое вліяніе на дѣла лѣвобережной Малороссіи; особенно выдающуюся роль онъ игралъ при гетманѣ Д. Многогрѣшномъ, который былъ его креатурой. И надо отдать справедливость такту и патріотизму, съ которымъ Барановичъ умѣлъ держаться честно и стойко между двумя противоположными элементами—современнымъ малорусскимъ обществомъ и московскимъ правительствомъ. Покорность московской власти безъ излишняго униженія, стремленіе и умѣнье лаской и заискиваніемъ оградить не только свои личные, но и общественно-народные интересы,—вотъ сущность его отношенія къ Москвѣ. Но не въ этомъ центръ тяжести дѣятельности Барановича, гораздо важнѣе его внутренняя дѣятельность, какъ администратора епархіи и духовнаго писателя. Какъ литераторъ, онъ былъ душою патріотическаго кружка писателей и ученыхъ, иниціаторомъ, энергическимъ дѣятелемъ и практикомъ; кромѣ разнаго рода сочиненій, онъ велъ переписку со многими современными учеными и политическими дѣятелями, основалъ и поддерживалъ собственную типографію сначала въ Новгородѣ Сѣверскѣ, потомъ въ Черниговѣ. Г. Сумцовъ приводитъ любопытный перечень книгъ, изданныхъ въ этихъ двухъ типографіяхъ за все время ихъ существованія; оказывается, что при жизни Барановича онѣ выпустили до 50 изданій и болѣе сотни послѣ его смерти. Что касается общераспространеннаго мнѣнія (между прочими и Н. И. Костомарова), что писанія Барановича, особенно его проповѣди, представляютъ схоластическій наборъ словъ, безъ внутренняго смысла и содержанія, то съ нимъ соглашается отчасти и авторъ разбираемой книги. Особенная-же заслуга г. Сумцова состоитъ въ томъ, что онъ всесторонне изслѣдовалъ сочиненія Барановича на польскомъ языкѣ, которыя до сего времени незаслуженно игнорировались. «Лютня» Барановича несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что онъ былъ далеко не чуждъ поэтическаго таланта, хотя весьма часто зерна истинной поэзіи пересыпались массою пустаго рѣмоплетства, что однако оправдывается отчасти духомъ времени. Вообще въ книгѣ г. Сумцова личность Лазаря Барановича выступаетъ рельефно, со всѣми ея достоинствами и недостатками. **Ѳ. Н.**

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

КЪ ИСТОРІИ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНАГО ДѢЛА ВЪ КІЕВѢ.

Останавливаясь надъ протекшей культурной жизнью Кіева, не разъ задаешься вопросомъ: отъ чего Кіевъ, въ которомъ такъ много традицій широкой культурной дѣятельности съ самыхъ отдаленныхъ временъ, даже въ нынѣшнемъ столѣтіи столь долгое время не имѣлъ ни одного печатнаго органа, который служилъ-бы выразителемъ его культурной жизни, умственной и нравственной его физіономіи, когда Харьковъ, этотъ сравнительно очень юный братъ Кіева, имѣлъ такого выразителя еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ видѣ журнала «Украинскій Вѣстникъ» (основаннаго въ 1817 г.). Какъ извѣстно, первыми печатными органами въ Кіевѣ были: духовно-нравственный журналъ «Воскресное Чтеніе», основанный при кіевской духовной академіи въ 1837 г., и «Кіевскія Губернскія Вѣдомости», появившіяся спустя лѣтъ десять; но и спустя еще болѣе десяти лѣтъ къ нимъ не прибавилось ни одного какого бы то ни было періодическаго изданія. Невольно является при этомъ вопросъ: неужели даже такое крупное событіе, какъ основаніе университета, несомнѣнно измѣнившее и конечно къ лучшему условія культурной жизни города и всего края, не вызвало въ обществѣ потребности въ созданіи мѣстнаго учено-литературнаго органа? Вѣдь съ открытіемъ университета въ Кіевѣ, не говоря уже объ общемъ

подъемѣ умственныхъ силъ въ краѣ, долженъ былъ сказаться наплывъ учено-литературныхъ элементовъ, для которыхъ въ такомъ органѣ не могъ не чувствоваться недостатокъ.

На этотъ вопросъ, котораго, на сколько намъ извѣстно, никто не затронулъ ни въ рѣчахъ, ни въ статьяхъ по случаю пятидесятилѣтняго юбилея кіевскаго университета, между тѣмъ какъ для указанія значенія открытія университета въ краѣ былъ, помимо другихъ, еще и этотъ поводъ, нѣкоторый отвѣтъ мы нашли въ доставшейся намъ части бумагъ М. А. Максимовича, перваго ректора кіевскаго университета. Изъ нихъ мы узнаемъ, что попытка основать въ Кіевѣ нѣчто въ родѣ журнала была сдѣлана сейчасъ-же послѣ открытія университета. Принадлежала-ли инициатива этого дѣла университету, былъ-ли онъ приглашенъ къ участію въ немъ, или только принятъ въ разсчетъ какъ рабочая сила и какъ подписчикъ, отвѣта на это въ нашихъ бумагахъ не находимъ. Тѣмъ не менѣе мы ознакомимъ съ ними читателей «Кіевской Старины», въ надеждѣ вызвать болѣе подробныя разъясненія названной попытки у лицъ, а главное учрежденій, въ которыхъ должны храниться обстоятельныя данныя по этому дѣлу.

2-го мая 1835 года, за № 10,378, М. А. Максимовичъ получилъ отъ исправлявшаго должность гражданскаго губернатора *Пенкина* слѣдующее приглашеніе на печатномъ бланкѣ.

Милостивый государь

Михаилъ Александровичъ!

Г. кіевскій военный, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, убѣждаясь пользами и потребностями высочайше ввѣренныхъ управленію его сіятельства губерній, предполагаетъ испросить соизволеніе государя императора на изданіе въ Кіевѣ журнала. Журналъ сей, кромѣ сообщенія жителямъ ввѣренныхъ его сіятельству губерній необходимыхъ для быта каждаго мѣстныхъ свѣдѣній, предполагаетъ извѣщать ихъ, сколь возможно поспѣшнѣе, о всѣхъ распоряженіяхъ правительства, въ особенности ко ввѣреннымъ его сіятельству губерніямъ относящихся, о замѣчательныхъ произведеніяхъ отечественной литературы, о новѣйшихъ событіяхъ вѣка, направленіи современнаго просвѣщенія и открытіяхъ, совершающихся въ области наукъ, искусствъ и промышленности».

«Журналъ сей, издаваясь въ пользу кіевскаго общества для помощи бѣднымъ, имѣетъ вмѣстѣ цѣль и благотворенія».

«Но какъ изданіе, при заведеніи для сего типографіи, требуетъ значительныхъ издержекъ, которыя должны покрываться подпискою суммою, то г. военный губернаторъ о таковомъ своемъ предположеніи предложить изволилъ предварительно мнѣ о приглашеніи подписчиковъ на сей предметъ».

«Бывъ увѣренъ, что ваше высокородіе не откажетесь отъ принятія участія въ семъ общеполезномъ предпріятіи, а равно и пригласить подвѣдомственныхъ вамъ чиновниковъ къ подпискѣ на сей журналъ, я обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою почтить меня скорѣйшимъ увѣдомленіемъ, съ приложеніемъ и самого листа о числѣ подписчиковъ на сей журналъ, для представленія о томъ его сіятельству».

«Для лучшаго-же усмотрѣнія предметовъ, имѣющихъ помѣщаться въ журналѣ, прилагая при семъ одинъ экземпляръ конспекта сего изданія, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ».....

Въ бумагахъ М. А. Максимовича сохранился и самый конспектъ этого журнала въ двухъ экземплярахъ; изъ нихъ одинъ печатный, за подписью правителя канцеляріи А. Покровскаго, а другой рукописный, неизвѣстно, ранѣе или позже печатнаго составленный, но имѣющій нѣкоторыя характерныя отличія въ содержаніи. Изъ этого рукописнаго конспекта мы узнаемъ, что предполагавшійся журналъ долженъ былъ называться «Кіевскія Новости». Приводимъ текстъ печатнаго конспекта съ добавками по рукописному.

КОНСПЕКТЪ ЖУРНАЛА, ПРЕДПОЛАГАЕМАГО ИЗДАВАТЬ ВЪ КІЕВѢ.

Журналъ сей предполагается издавать въ пользу кіевскаго общества для помощи бѣднымъ.

Содержаніе: 1-е) Краткія извѣстія о высочайшихъ повелѣніяхъ и указахъ, и о распоряженіяхъ правительства въ отношеніи къ 3-мъ губерніямъ: кіевской, волынской и подольской.

2) Извѣстія о награжденіяхъ и опредѣленіяхъ на мѣста первыхъ 4-хъ классовъ и о награжденіяхъ и опредѣленіяхъ по 3-мъ означеннымъ губернімъ чиновниковъ, классныя мѣста занимающихъ.

3) Извѣстія о замѣчательныхъ происшествіяхъ въ Россіи и особенно въ означенныхъ губерніяхъ.

4) Извѣстія о контрактахъ, ярмаркахъ и вообще статистическія свѣдѣнія о помянутыхъ губерніяхъ.

5) Историческія, археологическія открытія и современныя статистическія замѣчанія собственно о Кіевѣ.

6) Извѣстія о кіевскомъ учебномъ округѣ и объ университетѣ св. Владиміра съ конспектами читаемыхъ въ ономъ лекцій.

7) Новости политическія изъ лучшихъ иностранныхъ газетъ и журналовъ (въ рукописномъ конспектѣ прибавлено еще: «монархическаго направленія)», точно такъ, какъ новости сіи печатаются въ С.-Петербургскихъ газетахъ и журналахъ.

8) Извѣстія о замѣчательнѣйшихъ книгахъ, вновь выходящихъ, какъ россійскихъ, такъ и иностранныхъ, въ особенности, если оныя относятся къ губерніямъ кіевской, подольской и волынской.

9) Извѣстія о новыхъ открытіяхъ, сколько нибудь замѣчательныхъ, по части наукъ, искусствъ и промышленности».

(Въ рукописномъ конспектѣ вслѣдъ за симъ прибавлено: «Фельетонъ журнала»).

Журналъ сей будетъ выходить два раза въ недѣлю на большихъ листахъ, въ три колонны такой печати, какъ «Сѣверная Пчела». Цѣна за годовое изданіе 25 рублей ассигнаціями; съ пересылкою въ другія города и разноскою по домамъ въ Кіевѣ—30 руб. ассигнаціями».

Далѣе указывается, что къ журналу будутъ издаваться приложенія со всякими объясненіями и извѣстіями, а въ рукописномъ конспектѣ, сверхъ того, сказано, что «черезъ каждыя двѣ недѣли предполагается издавать къ сему журналу литературныя прибавленія книжками». Содержаніе этихъ послѣднихъ слѣдующее: «Разныя статьи въ прозѣ и стихахъ во всѣхъ родахъ отечественной литературы, статьи переводныя изъ лучшихъ иностранныхъ книгъ и журналовъ, разныя литературныя извѣстія и пр.».

И такъ, вотъ въ какомъ видѣ и вотъ по какой программѣ предполагалось первое періодически-литературное изданіе въ Кіевѣ. Если даже предположить, что починъ въ этомъ дѣлѣ исключительно принадлежалъ бывшему тогда генералъ-губернатору графу Вас. Вас. Левашову, то и въ такомъ случаѣ нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что самая мысль у графа появилась подъ вліяніемъ недавно совершившагося факта открытія университета св. Владиміра, учено-литературныя силы котораго могли служить залогомъ успѣха сего предпріятія. Что мысль объ основаніи журнала не была плодомъ мимолетной фантазіи графа, доказывается другимъ документомъ, сохранившимся въ бумагахъ М. А. Максимовича, а именно: мѣсяцъ спустя, 4-го іюня 1835 года за № 13,405, Максимовичъ опять получилъ отъ того-же исправляющаго должность гражданскаго губернатора Пенкина отношеніе слѣдующаго содержанія:

«Отъ 2-го минувшаго мая, № 10,378, я имѣлъ честь извѣстить ваше высокородіе о предположеніи г. кіевскаго военнаго губернатора испросить соизволеніе государя императора на изданіе въ Кіевѣ журнала и вмѣстѣ съ тѣмъ просить васъ извѣстить меня о числѣ подписчиковъ на сей журналъ изъ подвѣдомственныхъ вамъ чиновниковъ. Бывъ обязанъ представить въ скоромъ времени его сіятельству, г. военному губернатору свѣдѣніе объ успѣхѣ дѣйствій въ семъ общеполезномъ предпріятіи, я вновь обращаюсь къ вашему высокородію съ покорнѣйшею просьбою почтить меня увѣдомленіемъ о числѣ подвисчиковъ на упомянутый журналъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ»... и проч.

Мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобъ опредѣлить, каковъ былъ результатъ подписки вообще, но по университету въ частности его нельзя назвать блистательнымъ: на сохранившемся въ бумагахъ Максимовича подлинномъ подписномъ листѣ красуется всего восемь подписчиковъ: М. Максимовичъ, А. Петровъ, Ф. Лепцъ (3 экземпляра, изъ которыхъ два для благороднаго пансіона и для кіевской гимназіи), С. Выжевскій, Фр. Моховичъ и К. Неволинъ.

Какой былъ дальнѣйшій ходъ этого литературнаго предпріятія, неизвѣстно. Что оно не осуществилось, объ этомъ во всякомъ случаѣ можно пожалѣть. При хорошей и правильной постановкѣ дѣла изъ проэктировавшагося тогда изданія въ теченіи полустолѣтія могъ-бы выработаться такой солидный органъ, до котораго Кіеву и теперь

еще далеко. Но кажется, что именно такой постановки не имѣло это дѣло въ самомъ началѣ; и едвали не въ этомъ была причина постигшей его неудачи. Какъ видѣли уже мы изъ приведенной переписки, журналъ предназначался «въ пользу кіевскаго общества для помощи бѣднымъ», а подписчики привлекались посредствомъ оффиціальныхъ сношеній и подписныхъ листовъ; отсюда не трудно заключить, что и сотрудники вербовались тѣмъ-же путемъ, и что имъ предоставлялась благородная роль быть благотворителями бѣдныхъ. Не мудрено, что такое изданіе не могло осуществиться. Если мысль объ немъ принадлежала тогдашнему генералъ-губернатору графу Левашеву, то съ выходомъ его въ 1836 г. она должна была заглохнуть, ибо послѣ него на короткое время былъ генералъ-губернаторомъ графъ Гурьевъ, не задававшійся такими высокими цѣлями, а за тѣмъ въ управленіе краемъ вступилъ Д. Г. Бибиковъ, предпочитавшій другія средства для регулированія жизни края. Кажется, что единственнымъ слѣдомъ этой литературной попытки было изданіе Максимовичемъ трехъ книжекъ «Кіевлянина» съ промежутками въ два-три года и болѣе. По крайней мѣрѣ въ содержаніи этого Альманаха есть значительное сходство съ тѣми приложеніями, какія проэктировались къ журналу «Кіевскія Новости».

Во всякомъ случаѣ для исторіи просвѣщенія Кіева мы можемъ отмѣтить тотъ фактъ, что сейчасъ-же послѣ открытія университета въ Кіевѣ явилась въ немъ попытка основать литературный органъ «*Кіевскія Новости*», и что объ этой неудавшейся попыткѣ теперь, черезъ 50 лѣтъ, приходится сообщить «*Кіевской Старинѣ*».

В. Науменко.

ДАВНО ЗАБЫТАЯ ДРЕВНѢЙШАЯ КІЕВСКАЯ СВЯТЫНЯ.

Это глава св. Климента, епископа римскаго, принесенная Владиміромъ изъ Херсонеса въ Кіевъ. Сохранилась-ли она и гдѣ именно теперь находится? Ставимъ этотъ вопросъ безъ надежды дать на него сколько нибудь удовлетворительный отвѣтъ, ставимъ для того, чтобы привлечь къ нему вниманіе нашихъ археологовъ и историковъ и вызвать со стороны ихъ попытки если не къ положительному разрѣшенію этого вопроса, то по крайней мѣрѣ къ

открытію какихъ либо слѣдовъ нахожденія гдѣ либо, въ то или другое время, этой древнѣйшей христіанской и въ частности нашей кіевской святыни. Утрачена-ли она навсегда безвозвратно, когда именно утрачена или хранится гдѣ нибудь безъ имени, никѣмъ не признаваемая—вотъ сущность вопроса, который мы ставимъ теперь.

Вопросъ этотъ, какъ намъ положительно извѣстно, предлагалъ въ послѣдніе годы своей жизни святитель Филаретъ, митрополитъ московскій, митрополиту кіевскому Арсенію, но не получилъ желаемаго отвѣта. Вопросомъ этимъ болѣе двухъ лѣтъ занятъ профессоръ оксфордскаго университета *Тозеръ* (H. I. Tozer), тщетно пока напрягая всѣ средства своей учености къ его разрѣшенію. Этотъ вопросъ поставленъ намъ лицами, близко стоящими къ почтенному профессору и желающими помочь разрѣшенію принятой имъ на себя задачи. Гдѣ-же и спрашивать о главѣ св. Климента, какъ не тамъ, куда она была перенесена и гдѣ хранилась въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ? Но—увы!—мы, отдаленные потомки хранившихъ и чтившихъ эту первую христіанскую святыню на русской землѣ менѣе, быть можетъ, знаемъ о судьбѣ ея, чѣмъ почтенный изыскатель, живущій отъ насъ за морями.

Сгруппируемъ доступныя намъ скудныя историческія данныя о св. Климентѣ и его главѣ, чтобы яснѣе былъ вопросъ, который мы ставимъ на разрѣшеніе спеціалистовъ.

Св. Климентъ, папа римскій, во время гоненія на христіанъ въ самомъ Римѣ, при императорѣ Троянѣ, въ 94 г. по Р. Хр. былъ сосланъ въ древній Херсонесъ Таврическій, въ находившіяся тамъ римскія каменоломни и, найдя здѣсь до 2000 христіанъ, въ большинствѣ, вѣроятно, сосланныхъ, какъ и онъ, съ такимъ успѣхомъ и ревностію распространялъ здѣсь христіанство, что привлекъ сюда новое гоненіе со стороны языческаго Рима, во время котораго и самъ брошенъ былъ (въ 100 г.) въ море съ навязаннымъ на шею тяжелымъ камнемъ. Тѣло его волнами моря выброшено на берегъ и, бывъ погребено въ Херсонесѣ, въ гробницѣ изъ бѣлаго мрамора, стало предметомъ благоговѣйнаго поклоненія мѣстныхъ и другихъ христіанъ, во множествѣ стекавшихся ко гробу св. Климента 25 ноября, въ день его кончины, а имя его

вскорѣ стало чествоваться во всей христіанской церкви Запада и Востока.

Но протекло семь столѣтій, Херсонесъ переиспыталъ много превратностей, смѣнились его владѣтели и населеніе, самая церковь, въ которой погребены его останки, была подмыта волнами моря, и когда св. Кириллъ, первоучитель славянскій, въ 861 г., по пути къ хозарямъ, прибылъ въ Херсонесъ, никто изъ тамошнихъ жителей не могъ отвѣтить на его вопросъ о мѣстѣ погребенія св. Климента. Только послѣ долгихъ распросовъ, съ помощію архіепископа херсонскаго, удалось ему отыскать мощи священно-мученика. Онъ выпросилъ ихъ для себя, оставивъ на мѣстѣ главу Климентову, долго странствовалъ съ ними для проповѣди Христовой вѣры и только по прибытіи въ Римъ въ концѣ 867 или началѣ слѣдующаго года принесъ ихъ въ даръ папѣ Адріану II.

Когда спустя около 130 лѣтъ Херсонесомъ овладѣлъ князь кіевскій Владиміръ, принявшій здѣсь св. крещеніе, глава св. Климента, сохранявшаяся здѣсь до того времени въ подобающемъ чествованіи, была взята имъ въ числѣ прочей христіанской святыни и по принесеніи ея въ Кіевъ положена въ новосооруженной Владиміромъ Десятинной церкви [1]). Она хранилась здѣсь при Ярославѣ Мудромъ, съ именемъ котораго связаны нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія о погребеніи Климента и перенесеніи главы его въ Кіевъ, подтверждающія и дополняющія краткое упоминаніе объ этомъ нашей лѣтописи. Дѣло въ томъ, что на дочери Ярослава Аннѣ въ сороковыхъ годахъ XI ст. сватался король французскій Генрихъ, и для переговоровъ по этому дѣлу ко двору Ярослава было отправлено изъ Франціи посольство, во главѣ котораго находился епископъ шалонскій *Рогерій*, первый суффраганъ реймской митрополіи. При отправленіи этого послѣдняго въ Россію, нѣкто Ольдерикъ, настоятель церкви св. Маріи въ Реймсѣ, просилъ его развѣдать, въ тѣхъ-ли странахъ находится Херсонъ, въ которомъ,

---

[1]) Лѣтописецъ въ такихъ словахъ говоритъ объ этомъ: «Володимеръ-же, поимъ царицю и Настаса, и попы корсунскія, мощи св. Климента и Фива, ученика его, и поима сосуды церковныя и иконы на благословенье себѣ» (Ипатск. лѣтоп., стр. 79). Очевидно слово *мощи* употреблено здѣсь вм. головы, какъ цѣлое вм. своей части.

какъ извѣстно было ему по слуху, почивали мощи св. Климента (Ист. госуд. рос. Карамзина, т. III, гл. 2, примѣч. 42). Любопытство Ольдерика было удовлетворено больше, чѣмъ онъ могъ того ожидать. Возвратившійся Рогерій передалъ ему, что, будучи въ Кіевѣ, онъ самъ видѣлъ тамъ главу св. Климента и ученика его Фива, которыя показывалъ ему великій князь кіевскій Ярославъ. Показывая эту святыню, Ярославъ, по словамъ Рогерія, произнесъ: «Мы сами нѣкогда были тамъ (въ Херсонесѣ) на богомоленіи и принесли ихъ оттуда», изъ чего можно заключать, что Ярославъ былъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ Владиміромъ въ Херсонесѣ, во время его крещенія (ему могло быть тогда 12—14 лѣтъ). При этомъ Ярославъ пояснилъ, что во 1-хъ брошенное въ море тѣло св. Климента ежегодно въ день его рожденія чудесно всплывало въ гробницѣ на поверхность моря и привлекало массы молящихся, во 2-хъ что оно было вынуто изъ моря папою *Юліемъ*, бывшимъ въ Херсонесѣ для подавленія проникшей туда аріанской ереси,—вынуто по повелѣнію Божію, для чего и самое море на ту пору разверзлось и открыло чудесную гробницу, въ 3-хъ что похоронивъ въ особо построенной на берегу церкви нетлѣнные останки, папа Юлій часть ихъ принесъ въ Римъ и что въ то время, когда эту часть торжественно встрѣчали въ Римѣ, на морѣ у Херсонеса всплыла самая гробница, а подъ нею открылся островъ, на которомъ жители устроили церковь въ честь св. Климента и подплывали къ ней на лодкѣ [1]).

Въ обширной Десятинной церкви, въ которой хранилась глава св. Климента, самимъ-ли Владиміромъ или сыномъ его Ярославомъ былъ, кажется, устроенъ придѣлъ во имя священно-мученика, ибо Дитмаръ, писатель XI в., говоря о Десятинной церкви, называетъ ее церковью св. Климента; а быть можетъ церковь называлась такъ и по преобладающему значенію хранившейся въ ней святыни и

[1]) Разсказъ этотъ приводится въ жизнеописаніи Кирилла и Меѳодія, въ изданіи Болландистовъ *Acta Sanctorum*, причемъ замѣчается, что онъ изложенъ Ольдерикомъ въ видѣ замѣтки на поляхъ рукописнаго сборника сказаній о страданіяхъ мучениковъ (въ томъ числѣ св. Климента), присланнаго издателямъ изъ *С. Омера*. Быть можетъ, эта рукопись и доселѣ хранится въ музеѣ Болландистовъ въ Бельгіи, и любопытный текстъ приписки, сдѣланной на ней Ольдерикомъ, могъ бы быть возстановленъ во всей точности.

тогда это названіе говоритъ объ особомъ чествованіи этой святыни кіевлянами.

Что мощи св. Климента, въ видѣ его главы, не были забыты здѣсь, какъ нѣкогда въ Херсонесѣ, и что глава эта была въ памяти не однихъ кіевлянъ, видно изъ слѣдующаго памятнаго въ лѣтописяхъ нашей церкви событія. Въ 1145 г., въ правленіе великаго князя Изяслава, кіевскій митрополитъ Михаилъ II, родомъ грекъ, какъ и всѣ его предшественники, за исключеніемъ одного лишь Иларіона, самовольно оставилъ Кіевъ и удалился въ Грецію, гдѣ и умеръ спустя два года. Великій князь созвалъ 6 русскихъ епископовъ и предложилъ имъ избрать митрополита изъ русскихъ и посвятить его на мѣстѣ, не обращаясь въ Царьградъ, откуда, конечно, прислали бы опять грека. Со стороны Нифонта новгородскаго предъявленъ былъ протестъ, что этимъ нарушается связь съ церковію константинопольскою; прочіе епископы недоумѣвали, достаточенъ-ли ихъ соборъ для посвященія митрополита. Тогда «Онофрій черниговскій рече: Азъ свѣде, достоить ны поставити, а глава у насъ есть св. Климента, якоже ставять греци рукою святого Ивана». Епископы, конечно, разсуждали, что глава важнѣе руки, «и тако сгадавше, главою св. Климента поставиша митрополитомъ» игумена зарубскаго монастыря Клима (Ипатск. лѣтоп., стр. 241 и 242).

Но посвященный такимъ образомъ митрополитъ, спустя 9 лѣтъ, низложенъ присланнымъ изъ Цареграда грекомъ Константиномъ, и затѣмъ идутъ опять митрополиты исключительно почти греки вплоть до раздѣленія русской церкви на двѣ митрополіи въ началѣ XV ст. Вскорѣ начались тѣ памятныя для Кіева опустошенія и разоренія отъ своихъ и чужихъ, которыя лишили его прежняго величія и значенія. Въ 1169 г. онъ понесъ жесточайшее разореніе отъ полчищъ Андрея Боголюбскаго, котораго сынъ Мстиславъ забралъ при этомъ драгоцѣнныя иконы, ризы, книги и даже колокола. Въ 1204 г. тоже произвелъ Рюрикъ Ростиславичъ съ черниговскими князьями Ольговичами; они забрали, кромѣ драгоцѣнностей церковныхъ, самыя одежды великихъ князей, висѣвшія въ храмахъ. Въ 1240 г. Кіевъ до тла разоренъ былъ Батыемъ, причемъ Десятинная церковь, въ которой хранилась глава Климента, была разрушена совершенно, за исключеніемъ одного южнаго придѣла. Въ началѣ XIV в. Кіевъ подпалъ подъ власть великихъ князей литовскихъ, а въ концѣ

XV в. вновь разоренъ Эдигеемъ, послѣ чего совершенно уже опустѣлъ. Между тѣмъ еще послѣ нашествія Батыя великіе князья русскіе избрали своею резиденціею сперва Владиміръ на Клязьмѣ, а потомъ Москву. Митрополиты греки потянулись за ними. Продолжая называться кіевскими, они мало жили въ Кіевѣ и если навѣщали оный, то больше для того, чтобы захватить уцѣлѣвшіе тамъ священные и цѣнные предметы и увезти ихъ во Владиміръ или Москву.

Среди такихъ политическихъ потрясеній и церковныхъ нестроеній, постигавшихъ Кіевъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, утратилась древнѣйшая христіанская и первая его святыня—глава св. Климента, и съ половины XII в. мы не встрѣчаемъ уже нигдѣ и никакихъ объ ней упоминаній. Теперь, по прошествіи столькихъ вѣковъ, трудно даже найти какую либо руководящую нить для новыхъ попытокъ къ ея отысканію. Не могла она затеряться отъ небреженія, ибо это была святыня такъ сказать первостепенной важности. Не могла она подвергнуться уничтоженію при разореніи Кіева русскими князьями, ибо такіе разорители чтили святыню и старались лишь захватить ее съ собою, а если-бы это случилось, оно было-бы отмѣчено въ лѣтописи. Едва-ли также она подверглась уничтоженію при нападеніи татаръ. Ихъ набѣги не были совершенною нечаянностію и давали возможность скрывать все наиболѣе цѣнное и священное; притомъ татаръ и вовсе не интересовали такіе предметы, какъ черепа и кости. Сохранились-же, какъ увидимъ сейчасъ, и послѣ татаръ многіе, еще болѣе древніе и священные предметы. Гораздо вѣроятнѣе поэтому, что глава св. Климента, наравнѣ съ этими предметами, стала жертвою той мирной и тайной экспропріаціи, которую въ широкихъ размѣрахъ практиковали послѣдніе митрополиты—греки, странствовавшіе лишь чрезъ Кіевъ по обширной своей паствѣ до Галича и Львова, но жившіе всегда въ Москвѣ. Въ этой экспропріаціи особенное усердіе показалъ послѣдній митрополитъ изъ грековъ—Фотій, присланный изъ Царьграда для всей Россіи, а не собственно для Кіева, какъ того домогался великій князь литовскій Витовтъ. Рѣшившись положить предѣлъ тому нестроенію въ церковныхъ дѣлахъ княжества, которыя причинялись этими странствованіями митрополитовъ, Витовтъ потребовалъ отъ собора подвластныхъ ему епископовъ низложенія Фотія и по-

ставленія на мѣсто его особаго митрополита для Кіева, помимо цареградскаго патріарха и независимо отъ Москвы, и вотъ что между прочимъ писалъ онъ по этому поводу о Фотіѣ и его предмѣстникахъ: «и въ наше время нѣкоторые митрополиты чужеземцы... разграбляли имущество церковное и въ чужія страны вывозили и отчуждали; они расхитили и въ чужую землю вывезли драгоцѣнности нашей церкви и святыя мощи, какъ то: орудія страданій Христовыхъ, жезлъ пр. Богородицы, ея хламиду и сандаліи, разныя иконы въ золотыхъ ризахъ, яшмовыя чаши, обдѣланныя золотомъ и украшенныя драгоцѣнными камнями и великое множество другихъ великой цѣны и даже выше всякой цѣны сокровищъ, которыя стяжали и въ даръ Богу и Матери Божіей принесли когда-то великіе князья земли русской»[1]). Какъ извѣстно, Витовтъ настоялъ на своемъ, и новый митрополитъ собственно для Кіева былъ избранъ, но этого можно было опасаться и гораздо раньше, съ тѣхъ поръ, какъ послѣдовало политическое раздѣленіе Россіи на двѣ половины. Чужеземные представители русской церкви могли заранѣе предпринимать противъ этого мѣры; для нихъ безразлично, можетъ быть, было, гдѣ-бы ни жить: въ Кіевѣ, или Москвѣ, но вовсе не безразлично было, пользоваться-ли доходами всей русской церкви, или только половины оной. Между тѣмъ въ вопросѣ о поставленіи особаго митрополита для Кіева глава св. Климента, какъ мы уже видѣли, послужила однажды самымъ рѣшительнымъ образомъ. Кто знаетъ, не въ предупрежденіе-ли именно случая, бывшаго при Изяславѣ, глава св. Климента тайно вывезена кѣмъ либо изъ послѣднихъ митрополитовъ въ Москву? Вывезшій въ такихъ видахъ долженъ былъ и хранить ее въ секретѣ отъ другихъ, а за смертію или выбытіемъ его она могла остаться навсегда безъ имени и названія.

Итакъ, если гдѣ можно еще искать главы св. Климента, то развѣ въ Москвѣ, въ числѣ тѣхъ безъименныхъ главъ, которыя хранятся въ кремлевскихъ соборахъ. Если-бы нашлись хотя слабыя историческія указанія на принадлежность которой нибудь изъ нихъ св. Клименту, они могли-бы быть подкрѣплены другимъ путемъ.

---

[1]) Specimen Ecclesiae Ruthenicae etc. Appendix, pag. 50.

Съ помощію исторіи можетъ быть опредѣлена національность Климента (его считаютъ обыкновенно грекомъ) и возрастъ, въ которомъ онъ умеръ, а съ помощію краніологіи по черепу можно опредѣлить хотя общія расовыя черты и уже съ большею опредѣленностію возрастъ того, кому принадлежалъ изслѣдуемый черепъ. Трудно, конечно, поручиться, что поиски въ указанномъ направленіи приведутъ къ какому либо положительному результату; но должны-же мы наконецъ побѣдить наше вѣковое равнодушіе къ судьбѣ первой нашей святыни,—она заслуживаетъ самыхъ усердныхъ и тщательныхъ поисковъ.

СОСѢДСТВЕННО-ПРІЯТЕЛЬСКОЕ ПИСЬМО БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО КЪ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ [1]).

Божею милостию великого господара великого князя Іоанна Казимера, короля полского, великого князя литовского, руского, пруского, мазовецкого, жомоитского, инъфлянтского, сивѣрского, черъниговского, шведского, вандалского и иныхъ многихъ господарствъ господаря, обладателя, его королевского величества, Богданъ Хмелницкий, гетманъ зо всѣмъ войскомъ запорозскимъ.

Божию милостию великому господару цару и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Русъсией самодержъцу, владимирскому, московскому, новогородскому, цару казанскому, цару астраханскому, цару сибирскому, господару псковскому и великому князю твѣрскому, югорскому, пермскому, вятскому, болгарскому и иныхъ господарствъ, великому князю Новагорода, низовскія земли, резанскому, ростовскому, ярославъскому, белоозерскому, удорскому, обдорскому, конъдийскому и всея сивѣрныя страны повелителю и господару,

---

[1]) На выставкѣ VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ, въ одной изъ витринъ, въ коллекціи, если не ошибаемся, г. Курнса мы видѣли подлинникъ письма, текстъ котораго воспроизводимъ здѣсь по копіи, сообщенной намъ В. Б. Антоновичемъ. По содержанію своему письмо это не представляетъ иного интереса, кромѣ краткаго упоминанія о какомъ-то движеніи козаковъ, обезпокоившемъ московскаго царя; но любопытна форма письменнаго сношенія будущаго подданнаго съ владѣтелемъ сосѣдней страны, этотъ такъ сказать дипломатическій этикетъ полунеза-

иверския земли, карталинскихъ и грузинскихъ царей и кабардинския земли, черкаскихъ, игорскихъ князей и иныхъ многихъ господарствъ господару и обладателю, вашему царскому величеству чоломъ бемъ.

Маючи потребы свои въ панствахъ вашого царского величества, Іоанъ Тафралий, мужъ значный, до оддання низкого чоломъ битя вашому царскому величеству идетъ, за которимъ причину нашу вносимъ, кгды будетъ поворочать зъ государства вашого царского величества, безпѣчный здоровя своего будучи доброволне всюды пропусчоный. Дано намъ ведомости, яко-бы ваше царское величество мѣлъ разумѣти о неприязни нашой, о которой мы не мыслили и теперъ не мыслимо и ведлугъ давъныхъ часовъ въ приязни зостаемъ, а на тотъ часъ любосмо и войска наши были порушили, теды толко для потребы хана его милости татарского, а не на иншый який замыслъ. На тотъ часъ съ поклономъ нашимъ въ ласку вашого царского величества пилно се оддаемъ. Данъ въ Чигирине дня ҃а҃ юля ҂ах҃н.

Вашому царскому величеству приятели зичливы и служити готовы: Богданъ Хмелницкій, гетманъ, зъ войскомъ его королевскои милости запорозкимъ.

Божею милостию великому господару, цару и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея России самодержцу, владимирскому, московскому, новогородскому, цару казанскому, цару астраханскому, цару сибирскому, господару исковскому, великому князю тверскому, югорскому, пермскому, вятскому, болгарскому и иныхъ господарствъ, и великому князю Новагорода, низовские земли, рязанскому, ростовскому, ярославскому, белоозерскому, кодорскому, обдорскому, кундийскому и всея сивѣрныя страны повелителю и господару иверския земли, карталинскихъ и грузинскихъ царей и кабардинския земли, черкаскихъ, игорскихъ князей и иныхъ многихъ господарствъ господару и обладателю, вашому царскому величеству сия грамота до рукъ належитъ.

висимаго, связаннаго лишь династически и особымъ договоромъ, повелителя Малороссіи съ окрѣпшимъ въ своемъ державствѣ, многотитульнымъ московскимъ царемъ. Хмельницкій выписываетъ полный его титулъ, какъ на томъ настаивали всегда московскіе послы, и не только въ началѣ письма, но и на адресѣ, противупоставляя ему менѣе пространный титулъ своего суверена.—Ред.

ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ О НѢМЕЦКО-ХОХЛАЦКОЙ ШТУНДѢ.

По прочтеніи напечатанной въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» сего года статьи «Матеріалы для исторіи возникновенія и распространенія штунды на югѣ Россіи» мнѣ вспомнилось слѣдующее:

Въ 1865 году, проживая въ г. Екатеринославѣ, я былъ знакомъ съ бывшимъ тогда судебнымъ слѣдователемъ, покойнымъ Мих. Вас. Жученкомъ. Онъ мнѣ тогда, помню, показывалъ дѣло о совращеніи какихъ-то двухъ парубковъ малороссовъ какимъ-то нѣмцемъ-колонистомъ въ «евангельскую» вѣру. Мнѣ теперь припоминается, что этотъ совратитель назывался не то Миллеръ, не то Виллеръ.

Я тогда впервые натолкнулся на сектантовъ-малороссовъ, и въ общихъ чертахъ мнѣ памятно читанное мною дознаніе какого-то становаго пристава о семъ «совращеніи», находившееся подъ дѣломъ у судебнаго слѣдователя. Вотъ сущность дознанія объ одномъ изъ совращенныхъ:

Какой-то молодой (18—20 л.) парень малороссъ, служа въ наймахъ у нѣмцевъ колонистовъ, выучился грамотѣ, сталъ читать евангеліе, воздерживаться отъ сквернословія, отъ употребленія вина, куренія табаку, отъ всякихъ игрищъ, пересталъ ходить въ церковь, сталъ отрицать святость иконъ и наконецъ *нѣмцемъ* (Миллеромъ или Виллеромъ—не припомню хорошо) *окрещенъ въ р. Днѣпрѣ, противъ острова Хортицы, около колоніи Нидерхортицкъ, въ евангельскую вѣру.* Эту часть дознанія, или, лучше сказать, сознанія я хорошо помню. Помню еще такія слова допрашиваемаго, записанныя въ дознаніе: «былъ вѣры православной, а теперь евангельской, въ которую вступилъ добровольно, и никакія мученія не заставятъ меня перемѣнить эту вѣру».

Что случилось съ этимъ и еще другимъ совращеннымъ и ихъ совратителемъ, я не знаю.

Настоящая моя замѣтка не будетъ лишнею для исторіи штунды, какъ указаніе неизвѣстнаго матеріала—судебнаго дѣла въ Екатеринославѣ въ 1865 г. Фактъ, разсказанный мною, доказываетъ, что въ 1865 году это новое вѣроученіе—*штунда* прививалось не только

къ нѣмцамъ, херсонскимъ колонистамъ, но имѣло послѣдователей и между потомками запорожцевъ, изъ коихъ одного «*мудрый нимець*», що «*на Сичи картопельку садыть*», крестилъ въ р. Днѣпрѣ около той-же Хортицы, первой запорожской Сѣчи, въ новую вѣру.

Съ той поры, когда я впервые натолкнулся въ выше разсказанномъ случаѣ на сектантовъ малороссовъ, это самое сектантство приняло широкіе размѣры: на Днѣпро-днѣстрянскомъ югѣ Россіи распространилась *штунда;* на Дону, куда меня забросила судьба, я нашелъ хохловъ хлыстовъ, шалопутовъ и наконецъ еще какую то секту, извѣстную здѣсь подъ названіемъ «сухая любовь».

Случайный, а вовсе не спеціальный наблюдатель различныхъ явленій окружающей меня жизни, я тѣмъ не менѣе сочту своимъ долгомъ подѣлиться съ читателями «Кіевской Старины» тѣмъ, что узнаю объ этихъ по-донскихъ сектантахъ хохлахъ.

Борисъ П—скій.

Г. Павловскъ-воронежскій.
9 октября 1884 г.

ЕЩЕ ОБЪ ОДНОМЪ ПОРТРЕТѢ КИСТИ БОРОВИКОВСКАГО.

Въ апрѣльской книгѣ «Кіевской Старины», къ статьѣ объ извѣстномъ малороссійскомъ художникѣ Боровиковскомъ, приложенъ списокъ его картинъ, находящихся у разныхъ лицъ и преимущественно мужскихъ портретовъ. Въ этомъ перечнѣ, какъ и въ свѣдѣніяхъ о картинахъ Боровиковскаго, помѣщенныхъ въ послѣдующихъ книгахъ почтеннаго журнала, мы не встрѣтили извѣстнаго намъ портрета, безспорно принадлежащаго кисти Боровиковскаго. О принадлежности видѣннаго нами портрета кисти Боровиковскаго высказали свое заключеніе и наши мѣстные художники гг. В. П. Андріевскій и въ особенности Н. Л. Скадовскій, произведенія котораго на послѣдней художественной выставкѣ въ С.-Петербургѣ такъ счастливо выдѣлялись; подтверждается это и временемъ его написанія и свидѣтельствомъ собственника его; надпись автора отъ времени испортилась.

Портретъ, о которомъ мы нашли нужнымъ сообщить въ дополненіе къ имѣющимся уже свѣдѣніямъ о произведеніяхъ Боровиковскаго, принадлежитъ къ числу портретовъ женскихъ и есть портретъ матери проживающаго въ г. Херсонѣ отставного генералъ-лейтенанта г. Калагеорги. Портретъ написанъ въ 1797 году, размѣръ его — въ натуральную величину; почти до колѣнъ портретъ представляетъ собою женщину, въ расцвѣтѣ молодости, блондинку, съ пышными, красиво сложенными на головѣ волосами; большіе голубые глаза глядятъ, точно живые: черты лица мягкія, правильныя, замѣчательно тонкія и въ общемъ типъ лица— поразительной красоты. Костюмъ крайне простъ; но съ богатымъ жемчужнымъ уборомъ на рукахъ и шеѣ. Детали рисунка удивительны; колоритъ картины въ общемъ и въ частностяхъ поражаетъ своей жизненностью выраженія и мягкостью кисти, если можно такъ выразиться. Словомъ, чѣмъ больше всматриваешься въ портретъ, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, производимое картиной. Портретъ г-жи Калагеорги написанъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ она и проживала. Какъ извѣстно, у Боровиковскаго встрѣчается очень мало женскихъ потретовъ, а между тѣмъ они-то болѣе всего подходятъ къ его мягкой кисти, если судить объ этомъ по знакомому намъ женскому его портрету. Въ настоящее время описанный портретъ отправленъ г. Калагеорги въ Москву въ извѣстную картинную галлерею Третьякова, такъ какъ назначается въ продажу. Для почитателей таланта малоросса-художника Боровиковскаго указанный нами портретъ— цѣнная и высоко-художественная вещь.

Херсонъ,
11 октября 1884 г.

В. Чеважевскій.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ О КЛАДѢ [1]).

Въ октябрьской книгѣ «Кіевской Старины» г. К. М. разсказываетъ про «заклятый» кладъ, который, по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, находится возлѣ с. Бакоты, подольской губерніи. Читая эту статью, мы припомнили два разсказа, касающіеся того-же «заклятія», которые мы слышали въ новоградволынскомъ уѣздѣ, во-

---

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ сводимъ однородныя сообщенія трехъ различныхъ корреспондентовъ. — Ред.

лынской губерніи. Вообще, малороссы, по непонятной причинѣ, весьма любятъ говорить о кладахъ; они даже точно указываютъ на ихъ мѣсто нахожденія, но при этомъ прибавляютъ, что нечего даже пытаться найти который нибудь изъ нихъ, потому что всѣ они «замовлены». При этомъ непремѣнно, для поясненія, будетъ приведенъ разсказъ, отзывающійся небывальщиною. Вотъ двѣ изъ такихъ небывальщинъ.

«Була тутай недалечко богата удова, а у неи тры сыны; тилько вона жадного зъ нихъ не любила. Отъ якось вона й заслабла, чуе, що вже пора вмирати. Оце вона й думае: «не стане мене на свити, усе мое добро достанется сынамъ; нехай-же никому, лишъ, якъ имъ не достанется». Въ ночи узяла вона котелъ, де були гроши, понесла у лёхъ, да й «замовила» двери, щобъ не можна було никому туда войти. Пишла зновъ у хату, застогнала, да на другій день и вмерла. А сыны заразъ до котла. Бачать на томъ мисти нема ничого. Шукали, шукали—ни, такъ-таки й нема, якъ у води згинуло. Отъ вони й забули про нёго. Тилько щось треба було до лёху; еденъ сынъ и пишовъ. Отчинивъ винъ двери; а щось якъ штовхане ёго, то винъ ажъ впавъ, мало що не вмеръ. Видъ того часу не можна, навить, подступитися до лёху, бо треба натрапити таку «мову», щобъ заразъ двери одчинились. А якъ ты ёго натрапишь?

А то ще такъ було у насъ. Оравъ еденъ чоловяга поле. Йде, да й гукае на коней. Тилько—цвягъ! Що це таке? Глянувъ винъ, ажъ тамъ цила скрыня, мабуть зъ грошима. Отъ винъ нахилився; самъ трясется—хоче вхопити. Тилько що винъ руку до нёго—то заразъ у землю. Мучився винъ, мучився; зновъ пиднявся, скрыня зновъ на верси. А, бисово навожденіе! Постоявъ винъ трохи, а потимъ якъ не грохне на землю, а самъ хапае. Де тамъ!! Скрыня ще лише пишла до низу. Пишовъ винъ до села, росказавъ людямъ, що діется. Уси ходили й бачили тую скрыню, а не еденъ не вхопивъ: 'бо е така мова».

Аналогичны разсказы о запорожскихъ кладахъ. Вотъ два слышанные нами отъ двухъ женщинъ въ Екатеринославѣ.

— Запорожськи клады скризь закляти: скильки-бъ людей ихъ не копало,—не даються! Мій чоловикъ самъ ходивъ. Отъ выкопали

вони такъ якъ великій погребъ,—увійшли; ну, а взять ничого не можна! Треба одмолиться стильки рокивъ, на скильки винъ заклятый.

Отъ и у Потёмкину саду е, саме тамъ, де каминня велике: и що-празника *вони* й выходять,—саме пидъ Великъ-день!

Зъ нашихъ одинъ разъ одважилось чоловика чотыри; меня тоди ще литъ 12 було (теперь разсказчицѣ лѣтъ 40), я у Ковалихи служила: отъ и пишли вони, одинъ жонатый, трое холостыхъ, зъ ломами, зъ лопатами, саме у Велику Ничъ. Отъ зачали бить ломами; що стукнуть, то *воно* й гуде! Вони дали копають: отъ-отъ чують,—вже близько, добре чують, що зализна скрыня. Ажъ коли *воно* выходить, та й сило на другому каменю недалеко одъ ихъ, та й дивиться, а дали й заговорило:

— Копаете, каже: а чи-жъ вы принесли голову, щобъ туды покласти?» (Значить, щобъ замисть кладу та голову чоловичу ёму покласти, тоди *воно* й дасть; а безъ того зроду не визьмуть!).

Вони й полякались на смерть,—покидали й ломы й лопаты, та й повтикали. Звистно, дурни: треба було-бъ розпитати: яку то *ёму* треба голову,—чи христіянську, чи яку другу?...

— Та вжежъ звычайно имъ христіянську треба! (сурово перебиваетъ другая).

— Може *воно* такъ и думало (продолжаетъ первая), щобъ одинъ зъ ихъ чотырёхъ лигъ туды, а щобъ трёмъ скрыня досталася; а вони й полякалися! Та й позаганяло-жъ ихъ: чи то зъ переляку, чи такъ, а до дому тильки одинъ добрався; другихъ ледве одшукали: хто пидъ тыномъ, а хто й по за тыномъ! Та й тяжко вси переболили,—такъ покаличило ихъ *воно!*

Рядомъ съ такими-же, но со всѣмъ въ иномъ родѣ можно слышать разсказы въ населеніи кіевской губерніи. Въ теперешнихъ уѣздахъ звенигородскомъ, уманскомъ, каневскомъ и другихъ, бывшихъ театромъ кровавыхъ событій «Уманщины», «Коліивщины», разсказы о кладахъ пріурочиваются къ могиламъ, во множествѣ разбросаннымъ по полямъ и съ которыми связаны въ народѣ преданія о дѣйствительныхъ лицахъ и происшествіяхъ, въ большей части уже затемнившіяся и совсѣмъ вымирающія. Могилы эти трак-

туются и какъ хранилища кладовъ, которые въ болѣе или менѣе близкое время дѣйствительно были въ нихъ находимы.

Про одну изъ такихъ могилъ, стоящую и теперь на поляхъ м. Рыжановки, звенигородскаго уѣзда, намъ пришлось слышать слѣдующій разсказъ, не заключающій уже въ себѣ ничего невѣроятнаго, отзывающійся напротивъ полною реальностію, съ примѣсью неизбѣжной ироніи надъ польскимъ паномъ. На этой могилѣ, разсказывали намъ, стоялъ когда-то простой, деревяный, совсѣмъ уже старый крестъ, и стоялъ онъ какъ-то необыкновенно: нѣсколько сбоку, на скатѣ могилы.

— Глупые хлопы! воскликнулъ новый панъ рыжановскій Д., увидя этотъ крестъ при объѣздѣ полей; не умѣли даже креста поставить. На такомъ мѣстѣ стоитъ добрую фигуру выставить. И рѣшилъ поставить новый большой крестъ уже на верхушкѣ могилы.

Скоро къ работѣ приступили и уже снесли старый крестъ. А вокругъ той могилы все поле было засѣяно бураками и на «вартѣ» ходилъ ночью сторожъ, на тотъ разъ молодой, здоровый парень изъ м. же Рыжановки. Въ ночь послѣ того, какъ старый крестъ сняли, обходя поля своего пана, натолкнулся онъ на стоявшій на дорогѣ, не вдалекѣ отъ могилы, возъ, запряженый парою большихъ круторогихъ воловъ; возъ-же былъ кованный, крѣпкій, настоящій чумацкій, а на немъ сидѣло трое людей: бѣлый, какъ мѣсяцъ, старикъ, другой человѣкъ среднихъ лѣтъ и молодая женщина.

— Здорови були! А що це вы за люди? спросилъ сторожъ.

— Поздоровъ Боже и тебе! отвѣчали неизвѣстные. Та мы оце ідемо здалека, волы притомились, такъ отъ мы й стали соби трохи попасти скотину...

— Ну, то пасить-же, люди добри, добродушно сказалъ имъ сторожъ, та напасши и ідьте соби зъ Богомъ, бо панъ нашъ лютый, такъ щобъ мени часомъ чого не було, якъ дочуеця, що я позволивъ комусь отутъ попасати межъ бураками.

— Не бійся, чоловиче. Мы тутечки трохи постоимо, та й пойдемъ соби, а буракивъ а ни трошки не зачепимъ.

— Ну, то щасливо зоставатця, сказалъ сторожъ и пошелъ дальше обходить поля.

Ночь была «глупая», еще съ вечера дождикъ «накрапавъ». Пока сторожъ, обойдя поля, вернулся къ мѣсту, гдѣ «попасали»

проѣзжіе люди, воза уже не было; но и въ темнотѣ сторожъ разглядѣлъ двѣ глубокія борозды, шедшія по засѣянному полю отъ дороги къ могилѣ. Что за диво? Взглянулъ сторожъ на могилу, а тамъ чуть-чуть блеститъ огонекъ. Приходитъ туда и что-же видитъ? Мѣсто, гдѣ стоялъ крестъ, разрыто, а старикъ и другой, что былъ съ нимъ, человѣкъ берутъ шапками изъ ямы что-то блестящее и несутъ на возъ...

— А що це вы, люди добри? Казали, що тилько попасете, тай поидете, а вы ось що поробили? Та же мене панъ прибье, якъ побачить оци слиды на буракахъ.

— Мовчи, чоловиче, отвѣтилъ ему старикъ, и николи никому не кажи, що ты тутъ бачивъ.

Съ этими словами онъ вытянулъ изъ за голенища длинный ножъ....

— А якъ будешъ мовчати, то отъ тоби: пидставляй жмени, продолжалъ старикъ и далъ парню три добрыхъ пригорщни золота... Парень обѣщалъ молчать и дѣйствительно сдержалъ свое слово.

На другой день, объѣзжая свои поля, рыжановскій панъ замѣтилъ слѣды врѣзавшихся въ мягкую землю колесъ, поѣхалъ по нимъ къ могилѣ, но увидѣлъ лишь яму, пустой казанъ и нѣсколько золотыхъ монетъ, случайно покинутыхъ «добрыми людьми». Панъ понялъ, что тутъ вырытъ кѣмъ-то кладъ.

Кинулись къ сторожу. Тотъ: «ничого не знаю, никого не бачивъ»... Что ни дѣлалъ съ нимъ панъ—и просилъ и грозилъ, и жестоко дралъ, такъ ничего и не узналъ.—Долго послѣ этого панъ, разсказывая кому нибудь про этотъ случай, обыкновенно прибавлялъ: «покусилъ міе дябелъ кшижа поставиць!»

А сторожъ скоро послѣ того тайкомъ удралъ куда-то на Кавказъ, на вольныя мѣста; тамъ на деньги, данныя ему старикомъ (ихъ было тысячъ три) построилъ домъ, завелъ хозяйство, женился и зажилъ припѣваючи. Спустя-же нѣкоторое время онъ снова вернулся въ Рыжановку, явился къ священнику, разсказалъ ему всю эту исторію, далъ 100 руб. на церковь, по 50 р. священникамъ (ихъ въ м. Рыжановкѣ было и есть двое), взялъ съ собою свою старуху мать и снова уѣхалъ на свое новое мѣстожительство.

— Такъ-то, заключилъ разскащикъ, панъ нашъ выставивъ свою фигуру замисть святого хреста! А хрестъ той ще добрый бувъ, тилько що зъ боку поставленый бувъ. Ставивъ, кажуть, козакъ якійсь, зпорожець, чи що.

О. Р. К—й.

ОТВѢТЪ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ УКРАИНСКИМЪ СЛОБОЖАНАМЪ [1]).

(Найденный въ глуховскомъ Архивѣ).

Дѣялось за гетмана Павлюка
1638 года мая дня...

Що тамъ за бисъ гарчить?... курнявкать, гавкать ставъ,
Гуде мовъ рій джмеливъ, мовъ гедзъ теля напавъ...
Крычить, мовъ за жывитъ завина ухватыла,
Або объ землю бье когось нечиста сыла?...

Эге! сежъ изъ степивъ украинскихъ сей гулъ!
Завився тамъ якійсь зъ дощу въ болоти мулъ...
Мовъ чайки въ осоци, мовъ жабы при болоти,
Знай—квакають: ква, ква!—нема имъ більшъ роботы.

Що жъ се?... яка тамъ тваръ мемекае: мы, мы!...
Ахъ трясця жъ въ ёго ма!—ривняютця зъ людьми!...
Не тилько жъ бо зъ людьми, а наветь зъ козаками.
Ахъ, племя гаспидське! та мыжъ васъ нагаями!
Що вы швергочете? по якому сей крикъ?
Нимота бисова! Чи е у васъ языкъ?

«Мы, кажуть, мы, мы, мы,—мы Малороссіяне,
«Украинци зъ степивъ, и славни Слобожане.
«Зъ суплікою идемъ до васъ своихъ батькивъ,
«Козацькои старшины и зацныхъ козакивъ;

[1]) Помѣщаемое стихотвореніе по своему складу и языку принадлежитъ концу XVIII ст. и представляетъ большое сходство съ тѣми виршами на Пасху и Рождество, которыя будто были говорены черноморцами Нетежину. Это памфлетъ, написанный кѣмъ-то изъ гетманцевъ по адресу слобожанъ и характеризуетъ отношенія, какія въ послѣднее время существовали между умиравшею метрополіею и реформированною на иной ладъ ея колоніею, т. е. Гетманщиною и Слободскою

«Щобъ вы таки дали и намъ якую раду;
«Безъ пастуха жъ не буть и намъ таки, якъ стаду.
«Не мало жъ насъ такихъ,—изъ нашихъ хуторивъ,
«Що зъ вамижъ ризали и туркивъ и ляхивъ.
«Чимъ мы не козаки?—Мы носимъ оселедьци,
«И цюкнемъ шаблею, коли де доведетця,
«Ни шабель, ни рушниць не впустимо изъ рукъ;
«Намъ тилько покажить,, де тихъ шукать гадюкъ,
«Що хочуть скоштовать козацькои одваги?...
«А вже мы зваримъ имъ густои дуже браги...
«Мы щиро служимъ вамъ, не такъ якъ наймиты;
«Вы жъ зъ насъ глузуете: мы все въ васъ хамуты.
«Що все бачь возимъ вамъ, и гинемъ при обози,
«Въ снигахъ, и въ болотахъ, на сонци й на морози.
«Вы живитесь соби, де на войни грабижъ,
«А намъ же що зъ того?—Все ûжъ одинъ кулишъ!
«Не докижъ намъ ходить и голимъ всимъ и босымъ:
«Пышить насъ въ козаки,—вельможность вашу просимъ!».

Глянь, погань що верзе!—Плюгавци! вонъ, азась!...
До козакивъ вашъ братъ николи не ривняйсь!
Такъ чванилась, и дулась жабалуха,
Хотила стать воломъ, та й триснула псяюха.
Одъ жабалухи сей соби-бъ вамъ прикладъ взять,
Та й билшъ до козакивъ себе бъ вамъ не ривнять.

Чимъ же вы чваннтесь?—«Отъ! мы то слобожаны!»
Вы—такъ соби щось—атъ!... не хрещени цыганы!...
Кортить ихъ въ козаки!... Чи зъ розумомъ ся ричь?...
Не ривня вамъ козакъ, не ривня вамъ и Сичь.

Украйною. Происходившіе между ними съ половины XVIII ст. поземельные споры и могли, какъ кажется, быть поводомъ къ написанію этого памфлета, построенъ-же онъ на канвѣ прошлаго той и другой стороны, сущность котораго въ томъ, что слобожане со времени своего выселенія въ степи отстали отъ предковскаго военнаго ремесла и стали *хлѣборобами* и *гречкосѣями*, между тѣмъ какъ гетманцы продолжали еще *козаковать*. Въ этомъ весь букетъ памфлета, составленіе котораго авторъ переноситъ ко временамъ Павлюка, т. е. выселенія слобожанъ. Рукопись, съ которой печатается стихотвореніе, начала нынѣшняго столѣтія и мы удерживаемъ ея заглавіе, принадлежащее, конечно, переписчику, а не автору.—Ред.

Паскудство, пастухи, бездомни волоцюги!
Якои зъ васъ намъ ждать противъ поганъ услуги?
Васъ заразъ нападе перерва й перелякъ,
Якъ тилько де спотка васъ видьма, вовкулакъ.
А якъ де на кони побачите вы ляха,
То прудче всихъ зайцивъ розбижытесь одъ страха.
На що вамъ на себе ждать туркивъ и татаръ?
Жыдивскій наймитъ васъ потре всихъ на сухаръ...
Васъ баба помеломъ звоюе, кочергою;
Батигъ здаетця вамъ громóвою стрѣлою.

Отъ, бачите сами, вамъ не приставъ сей гамъ.
Не горло треба драть, а вгамоватьця вамъ.
Пасить соби овець, орите, чумакуйте;
А лизты въ козаки и думать не турбуйтесь.
Селите слободы,—але платитъ намъ чиншъ!
А ни?—дакъ изъ степивъ позгонимъ васъ: кишъ, кишъ!...
Коли жъ вы хочете у насъ буть наймитами,
То справимъ всимъ штаны зъ широкими матнями,
Ремиини очкури, ремиини й постолы,
И пришвы на зиму,—щобъ боси не були...
. . . . . А що тамъ дали пише,
. . . . . Конець одъили мыши.

САВРАДИМКА [1]).

(*Пѣсня*).

Ой поїхавъ Саврадимъ
У поле орати
Ёго жинка, Саврадимка,
До корчмы гуляти.
Гуляла, гуляла
Тай нагулялася,
Наварила борщу, каши,
У поле попхалася.

[1]) Записана въ балаклеевскомъ сахарномъ заводѣ, черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи, отъ двухъ крестьянскихъ дѣвушекъ.

Ходила, блукала,
Милого шукала;
Подивися, Саврадиме
Яка мила стала!
А ни жива, ни здорова,
И зъ личенька спала.
Ой прыихавъ Саврадимъ,
Изъ поля до дому,
Та поставивъ свою милу
На житню солому.
Ила вона, ûла,
Захотила пити,
Запрягае въ борону
Иде волочити.
Выпрягае зъ бороны,
Запрягае въ рало:
Гей, собъ! моя мила,
Щежъ до дому рано.
Выпрягае зъ рала,
Запрягае въ биду:
Гей, собъ! моя мила,
Я до дому ûду.
Выпрягае зъ биды,
Запряга въ колясу:
Гей, собъ! моя мила,
Поидемъ до лясу.
Поидемъ до лясу,
Та наберемъ лому;
Та наберемъ лому
Поидемъ до дому.
А прыихавъ до дому,
А въ двори дощова калюжа,
Розсердилася жена
Та на свого мужа.
Полизла на пичъ,
Лягла та й нездужа.
«Ой увставай, мила,
Прывизъ тоби пива».
—«Ой не встану, Саврадиме;
Я не твоя мила!»

—«Ой уставай, моя мила,
Я прывизъ горилки».
—«Ой не встану, Саврадиме,
Шукай соби жинки»
—«Ой уставай, мила,
Прывизъ тоби меду».
—«Ой не встану, Саврадиме,
Головки не зведу».
—«Ой уставай, моя мила,
Я прывизъ дубины,
Ни товстои, ни тонкои,
До билои спины».
Ой устала Саврадимка,
Наче не лежала,
Та й обняла Саврадима
Та й поцилувала.
«Ой дай тоби, Боже,
Здоровьячка зъ неба,
Ой, що ты догадався,
Чого мени треба».
Ой дай тоби, Боже,
Здоровьячка зъ неба,
Що придбавъ дитину,
Та носити треба.
Ой умеръ Саврадимъ
Та й на лавци лежить,
Ёго жинка, Саврадимка,
По горилку бижить.
И горилку несе,
И музыки веде;
Ой теперъ я, Саврадиме,
Не боюся тебе!
Заграйте музыки,
А я окрутнуся.
Ой теперъ я сама,
Саврадима не боюся.

Сообщ. **Алексѣй Грабина.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1885 г.** НА СЛѢДУЮЩІЕ ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

ДѢТСКІЙ „РОДНИКЪ.“ ЖУРНАЛЪ

Въ 1885 году *(4-й годъ изданія)* «Родникъ» будетъ выходить, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками **въ 100 и болѣе** страницъ большаго формата, со многими рисунками, съ музыкальными приложеніями и съ отдѣломъ смѣси, въ которомъ помѣщаются мелкія статьи, загадки, задачи, игры и проч. и проч.

Выборъ статей въ «Родникѣ» приноровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Редакція даетъ главнымъ образомъ **оригинальныя** статьи изъ русской жизни и природы. Всѣ, даже мелкія статьи научнаго содержанія редактируются спеціалистами.

Приложеніе къ «Роднику», педагогическій сборникъ «*Воспитаніе и Обученіе*» выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ нихъ помѣщаются статьи по вопросамъ воспитанія и обученія и библіографія по дѣтской, учебной и педагогической литературѣ.

Премія къ „РОДНИКУ“ 1885 года

будетъ заключаться въ альбомѣ, 12 оригинальныхъ картинъ по русской исторіи художника А. Земцова, исполненныхъ геліотипіей въ Вѣнѣ, у Ангерера и Гешля. *Картины эти будутъ разосланы г. подписчикамъ* отдѣльно отъ журнала, всѣ сразу, въ красивомъ конвертѣ, съ первымъ № «Родника» 1885 г.

Кромѣ того, въ видѣ даровaго приложенія къ «Роднику» 1885 г., будетъ данъ «*Литературный альбомъ*» изъ 12 оригинальныхъ картинъ художника *Н. Н. Каразина* къ стихотвореніямъ русскихъ классиковъ. Къ каждому № будетъ прилагаться по одной такой картинкѣ.

Журналъ «Родникъ» Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ **Императрицы Маріи** рекомендованъ, какъ весьма полезный для женскихъ институтовъ и гимназій.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Особымъ Отдѣломъ сего Комитета допущенъ для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также городскихъ и народныхъ училищъ.

Условія подписки на 1885 г. остаются прежнія:

На годъ, съ доставкою и пересылкою, за 12 книгъ «Родника» съ отдѣльною преміею—**5 рублей.**

Тоже, съ приложеніемъ 3-хъ книгъ педагогическаго сборника «Воспитаніе и Обученіе»—**6 рублей.**

Адресъ главной конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Никольская площадь, № 4.

Большой ежемѣсячный научно-литературн. журналъ

ГОДЪ 2-й. „КОЛОСЬЯ" 2-й ГОДЪ.

Журналъ **выходитъ безъ предварительной цензуры**, въ объемѣ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ *каждый мѣсяцъ* (12 книгъ въ годъ).

Въ изданіи до сихъ поръ принимали участіе около 70 сотрудниковъ, имена которыхъ болѣе или менѣе извѣстны публикѣ.

Въ истекшемъ году было помѣщено нѣсколько большихъ оригинальныхъ романовъ («Погасшая искра», «Гдѣ счастье»? и др.), болѣе десяти большихъ повѣстей («Актриса Уранова-Сандунова», «На ложной дорогѣ», «Невѣста Бѣлаго Генерала», «Неудавшаяся королева», «Невмѣняемая грѣшница» и др.), болѣе пяти драмъ и комедій («Графъ Чалинскій», «Разбитая жизнь», «Роковая клятва», «Северо Торелли», и др.), нѣсколько большихъ поэмъ въ стихахъ «Буреломъ», «Сергѣй Лярскій», «Смертоносная гора» и пр., и около 25 небольшихъ разсказовъ и очерковъ. По отдѣламъ: научному, историческому и критическому и по текущимъ вопросамъ публицистики было помѣщаемо нѣсколько статей въ каждой книжкѣ.

Въ будущемъ году редакція намѣрена продолжать свое дѣло въ томъ-же духѣ, какъ и теперь, стремясь дать публикѣ самый обширный, разнообразный и полезный матеріалъ для чтенія. Изъ всѣхъ большихъ журналовъ за нынѣшній годъ ни одинъ не далъ такъ много оригинальной беллетристики, какъ **«Колосья»** которые вообще избѣгаютъ переводнаго балласта. При всемъ этомъ **«Колосья»** остаются *самымъ доступнымъ по цѣнѣ* журналомъ изъ всѣхъ другихъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій.

Подписная цѣна на журналъ «Колосья» въ 1885 году:

На годъ (съ пересылкою и доставкою) . . . . . **8** р.
На полгода . . . . . **5** »

ОТЪ КОНТОРЫ. Принимая во вниманіе желаніе многихъ новыхъ подписчиковъ имѣть въ своей домашней библіотекѣ журналъ съ самаго его основанія, редакція рѣшилась отпечатать *второе изданіе* 12 книгъ перваго (1884) года, которыя и будутъ высланы подписчикамъ немедленно по полученіи подписныхъ

денегъ, при чемъ цѣна за эти 12 книгъ назначается значительно уменьшенная, а именно 3 руб. Льгота эта допускается только для годовыхъ подписчиковъ, прилагающихъ *ТРИ РУБ.* къ годовой платѣ 8 руб. (всего 11 руб.).

Подписка принимается въ Петербургѣ, въ конторѣ журнала **«Колосья»** (уголъ Б. Садовой и Большой Итальянской, домъ Крафта), куда адресуются и письма иногородныхъ.

Редакторъ-издатель **И. А. Баталинъ.**

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА."

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ **Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны** и рекомендованъ начальствами подлежащихъ вѣдомствъ для гимназій, уѣздныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ, для женскихъ учебныхъ заведеній **Императрицы Маріи**, для духовныхъ семинарій и училищъ и для библіотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Годовое изданіе «Семейныхъ Вечеровъ» будетъ состоять изъ 24 книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) Стихотворенія, повѣсти и разсказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей; 2) Біографія замѣчательныхъ людей; 3) Очерки народныхъ обычаевъ, преданія разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разныя эпохи. 4) Путешествія. 5) Статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей. 6) Статьи по естественнымъ наукамъ. 7) Разборы замѣчательныхъ сочиненій. 8) Извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинками, распадался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила-бы вполнѣ пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14 лѣтъ, а вторая—для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ. Другой же отдѣлъ заключалъ бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленныя для семейнаго чтенія такъ, чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочлись-бы съ одинаковымъ интересомъ и пользой.

Къ отдѣлу для **Семейнаго чтенія**, какъ и въ 1884 году, будутъ разсылаться приложенія рисунковъ *новѣйшихъ рукодѣлій*, а къ отдѣлу **для дѣтей**—*рисунки техническихъ искусствъ и различныя игры и занятія*, а также награды подписчикамъ, приславшимъ опредѣленное редакціей количество задачъ и рѣшеній.

Кромѣ того, *всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла* **«Семейныхъ Вечеровъ»** будетъ разослана въ видѣ *преміи олеграфія*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Полный журналъ (24 книжки).	безъ доставки	10 р.	съ доставкою	11 р. — к.
Отдѣлъ для дѣтей (12 книжекъ)	„ „	5 р.	„ „	5 р. 50 к.
Отдѣлъ для семейнаго чтенія и юнош. (12кн.)	„ „	5 р.	„ „	5 р. 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію, уступается 1 руб.

Для земскихъ школъ, подписавшихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экз., уступается 2 руб.

Разсрочка допускается: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ учрежденіяхъ за ручательствомъ гг. казначеевъ, для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній за ручательствомъ ихъ начальствъ. А для прочихъ подписчиковъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ редакціи «Семейные Вечера», **С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) улица, домъ № 14, кварт. № 9.**

За всѣ года, начиная съ 1874, имѣются въ немногомъ количествѣ полные экземпляры съ хромолитографированной картиной.

Редакторъ-Издательница **С. Кашпирева.**

„ВОКРУГЪ СВѢТА".

Журналъ „*ВОКРУГЪ СВѢТА*" будетъ выходить съ 1-го января 1885 г. въ размѣрѣ 2-хъ печатныхъ листовъ, со многими роскошными гравюрами, рисунками и иллюстраціями, исполненными лучшими русскими и иностранными художниками и гравированными въ Парижѣ, Римѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ. 50 №№ годоваго изданія составятъ два объемистыхъ тома, могущіе служить украшеніемъ гостиной и вмѣщающіе въ себѣ около 300 большихъ рисунковъ и портретовъ и нѣсколько законченныхъ иллюстрированныхъ романовъ.

Въ журналѣ примутъ участіе: 1) въ художественномъ отдѣлѣ: Ріу, Морели, Монкетти, Кастели, Фера, Каразинъ, Рачковъ и Вадимовъ; 2) въ литературномъ: Э. Бусенаръ, Макъ-Гаханъ, Н. Н. Каразинъ, В. И. Немировичъ-Данченко. С. В. Максимовъ, Ф. Н. Пржевальскій, Рада-Бай, Пясецкій, М. Вернъ и многіе другіе.

ТЕКСТЪ ЖУРНАЛА

будетъ состоять: изъ **интересныхъ романовъ, изображающихъ приключенія** въ разныхъ частяхъ свѣта, съ роскошными иллюстраціями; повѣстей и разсказовъ, рисующихъ жизнь различныхъ народовъ и племенъ; небольшихъ, законченныхъ, беллетристическихъ очерковъ съ рисунками; исторіи знаменитыхъ путешествій и открытій, мореходства, кораблекрушеній, экспедицій, морскихъ сраженій; популярно-научныхъ статей, разсказанныхъ живымъ языкомъ, раскрывающихъ тайны природы,

подземнаго міра, небеснаго пространства, нѣдръ земли и океановъ. Кромѣ того журналъ будетъ давать интересныя свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ всего свѣта, описанія городовъ, корреспонденціи изъ отдаленныхъ окраинъ; отчеты объ экспедиціяхъ, путешествіяхъ, научныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; извѣстія о судахъ, находящихся въ плаваніи; всѣ виды спорта и смѣсь.

Подписная цѣна: **3** р. с. въ годъ съ перес. и доставкою; **2** р. въ 1/2 г. съ пр. и дос.

Иногородные подписчики адресуютъ исключительно въ редакцію журнала „*ВОКРУГЪ СВѢТА*": Москва, Каретный рядъ, д. Шикъ. Для городскихъ: въ конторѣ объявленій Печковской (Петровскія линіи) и въ редакціи. Для учащихся допускается разсрочка: 1 руб. въ 3 мѣсяца.

Редакторъ-издатель **М. Вернеръ**.

1885 г. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ **г. 1885.**

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ."

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Редакторъ-издатель П. Н. ПОЛЕВОЙ.

Въ 1885 году годовые подписчики „Живописнаго Обозрѣнія" получатъ:

I. **52 еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ нумера**, каждый не менѣе двухъ большихъ листовъ печати, съ 5—6 рис. въ текстѣ.

II. **12 ежемѣсячныхъ книжекъ**, въ 8 д., объемомъ 10—11 печатныхъ листовъ, убористаго шрифта.

III. **12 ежемѣсячныхъ нумеровъ «Парижскихъ модъ»**.

IV. **Безплатную премію**—художественно исполненную олеографію, на выборъ изъ трехъ различныхъ сюжетовъ (одинъ пейзажъ и два жанра;—подробности въ № 1). Желающіе получить всѣ три картины доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ еще 2 р.

Примѣчаніе. Во избѣжаніе порчи картинъ въ дорогѣ, предлагается гг. подписчикамъ пересылка ихъ *страховыми посылками*—прочно упакованными и зашитыми въ холстъ, на полной отвѣтственности конторы, для чего за пересылку одной картины слѣдуетъ добавить 60 к., двухъ—80 к. и трехъ—1 руб.—Всѣмъ подписчикамъ, которые не сдѣлаютъ этого добавочнаго взноса, премія будетъ отправлена обыкновеннымъ бандерольнымъ способомъ, но, въ случаѣ пропажи или порчи ея въ дорогѣ, контора не можетъ принять за это на себя никакой отвѣтственности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкою и пересылкою.		безъ доставки и пересылки.	
За годъ	**8** р. — к.	За годъ	**6** р. **50** к.
За полгода.	**4** р. **50** к.	За полгода.	**4** р. — к.

Подписка заграницею: за годъ—**12** руб., за полгода—**6** руб.

Адресъ Конторы Редакціи: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 19.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТДѢЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ СЛѢДУЮЩІЕ ЛИТЕРАТОРЫ:

П. А. Ахшарумовъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, К. С. Баранцевичъ, И. Ф. Василевскій (Буква), П. П. Васильевъ, П. И. Вейнбергъ, П. А. Висковатовъ (профессоръ), С. И. Воскресенская, И. Ѳ. Горбуновъ, Г. С. Деступисъ (профессоръ), Л. Звонаревъ, А. А. Иностранцевъ (профессоръ), В. А. Крыловъ (Викторъ Александровъ), В. Крестовскій (псевдонимъ), А. В. Кругловъ, П. И. Красновъ, Б. Левинъ, Александра Львова, Н. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ. М. Н. Малаховъ, Е. Л. Марковъ, Д. Д. Минаевъ, А. П. Митуричъ, Д. Л. Михаловскій, Д. Н. Островскій, А. Н. Плещеевъ, Е. П. Пономаревъ, Л. Рускинъ, А. Соковнинъ, А. Г. Сахарова, Н. И. Северинъ, Л. Х. Симонова, К. И. Соборный (псевдонимъ), С. Н. Терпигоревъ (Сергѣй Атава), П. Тройницкій, М. К. Цебрикова, Дм. Чертковъ, В. В. Чуйко, М. Н. Шелгуновъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), В. Н. Шишонко, В. Ю. Юрьевъ, А. П. Яхонтовъ и многіе другіе.

„РУССКІЙ АРХИВЪ."

1885 года.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ).

Русскій Архивъ, историческое изданіе преимущественно XVIII и XIX столѣтій, будетъ выходить въ 1885 году **двѣнадцать разъ** въ годъ, книжками отъ 7 до 10 листовъ вполнѣ четкаго шрифта, съ приложеніями, портретами и рисунками.

Русскій Архивъ, выходя уже третье десятилѣтіе, не прибѣгаетъ къ особымъ заявленіямъ и многообѣщающимъ посуламъ. Основанный въ 1863 году, въ эпоху возбужденія народныхъ силъ, онъ остается вѣренъ основной своей мысли—служить Русскому самосознанію посредствомъ ближайшаго знакомства съ недавнопрошедшими событіями и въ отечественной старинѣ отыскивать корни нынѣшней дѣйствительности; но при этомъ въ Русскомъ Архивѣ не допускается пристрастнаго освѣщенія историческихъ лицъ и событій, въ угоду господствующему направленію современности, такъ какъ содержаніемъ своимъ онъ долженъ имѣть цѣну и для времени будущаго.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1885 году съ пересылкою и доставкою на домъ—**ДЕВЯТЬ** рублей. Для Германіи—**ОДИННАДЦАТЬ** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**ДВѢНАДЦАТЬ** рублей.

Подписка принимается **ВЪ МОСКВѢ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, куда обращаются иногородные подписчики; **ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ**—на Невскомъ Проспектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и «Новаго Времени» и на Васильевскомъ островѣ, 2 л., д. 2-й, въ книжномъ складѣ Стасюлевича.

Лица подписавшіяся на Русскій Архивъ 1885 года въ главной его конторѣ до 15 ноября 1884 года получаютъ безплатно книжку новаго изданія Стихотвореній О. И. Тютчева. Тѣмъ изъ новыхъ подписчиковъ, которые желаютъ познакомиться съ содержаніемъ Русскаго Архива за прошлые годы, выдается особая книжка: *Предметная роспись Русскаго Архива за двадцать лѣтъ 1863—1882.*

Полное собраніе Русскаго Архива за первые двадцать два года изданія можно имѣть не иначе, какъ собирая его отдѣльными книгами. Полнаго экземпляра всѣхъ годовыхъ изданій нѣтъ на продажу и въ конторѣ Русскаго Архива. Въ особенности трудно находимы первые годы.

Контора Русскаго Архива можетъ принять на себя отысканіе и составленіе полной коллекціи всѣхъ годовъ по цѣнѣ

полтораста руб. съ пересылкою.

Въ настоящее время въ запасѣ имѣются только слѣдующія годовыя изданія: 1874, 1877, 1878, 1879, 1880 и 1881 г., продаются по 6 р. за полный годъ (кромѣ 1881 года, который продается по 8 р.). За пересылку каждаго годоваго изданія прилагается 50 коп.

Главная контора Русскаго Архива находится въ Москвѣ, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175 мъ.

Составитель и издатель Русскаго Архива **П. Бартеневъ.**

Въ книжномъ магазинѣ А. Л. Васильева,

КОММИСІОНЕРА МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА МИН. ИН. ДѢЛЪ.

Москва, Страст. бульваръ, д. Мусина-Пушкина

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

1) **Изъ Исторіи брачныхъ дѣлъ** въ царской семьѣ Московскаго періода, Д. Цвѣтаева. М. 1884. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

2) **Макіавелли,** какъ политическій мыслитель. Ч. I: систематическое изложеніе политич. ученія Макіавелли; ч. II: какъ и при какихъ условіяхъ сложились философскія и политическія воззрѣнія Макіавелли; ч. III: мѣсто, занимаемое Макіавелли въ исторіи политическ. ученій. А. С. Алексѣева. М. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.

3) **Причитанія сѣвернаго края,** собранныя Е. В. Барсовымъ, 2 ч. Ч. 1: плачи похоронные, надгробные и надмогильные; ч. 2: плачи завоенные, рекрутскіе и солдацкіе. М. 1872 и 1882 г. Ц. 4 р. 50 к. съ пер. 5 р. 50 к.

4) **Переписка Государствен. Канцлера Гр. Н. П. Румянцева съ московскими учеными,** съ предисловіемъ, примѣчаніями и указателемъ Е. В. Барсова. М. 1882 г. Ц. 3 р.

5) **Біографическій словарь** профессоровъ и преподавателей московскаго университета 1755—1855 гг. 2 ч. М. 1855 г. Ц. 7 р.

6) **Народныя пѣсни** Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ. Ч. 1: Думы и думки; ч. 2: обрядныя пѣсни; ч. 3: два отд. разночтенія и дополненія. М. 1878 г. Ц. 12 р., съ пер. 13 р.

7) **Сочиненія Д. И. Иловайскаго** съ портретомъ автора. Исторія рязанскаго княжества съ картой, Екатерина Романовна Дашкова, графъ Яковъ Сиверсъ. М. 1884 г. Ц. 3 р. 50 к.

8) **Свѣтскіе Архіерейскіе чиновники** въ древней Руси, Н. Каптерева. М. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к.

9) **Общественный строй Англіи** въ концѣ среднихъ вѣковъ, М. Ковалевскаго. М. 1880 г. Ц. 3 р.

10) **Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ,** В. Миллера. М. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к.

11) **Осетинскіе этюды,** В. Миллера, 2 ч. Ч. 1: осетинскіе тексты; ч. 2: Изслѣдованія. М. 1882 г. Ц. 5 р.

12) **Лѣтописи русской литературы** и древности, Н. Тихонравова; 5 т. М. 1859—63 г. Ц. 15 р.

13) **Памятники** отреченной русской литературы, Н. Тихонравова; 2 т. М. 1863 г. Ц. 8 р.

ПРИЛОЖЕНИЯ

еще 40 к., золотару 4 к., снѣцару 2 к. Розышлось 5 к. Сего числа первый разъ были въ новой за городомъ канцеляріи. Зъ Федоромъ Янченкомъ сошлись на пенку по 5 р. и уже по порахунку отошло къ намъ за медъ покупній и железо 20 р., а на немъ еще осталось 16 р. Писаны писма до сотника новгородского и до сотника воронежского п. Івана Холодовича, подлугъ указу суда енералного присланного. За обшите пасковъ зелнихъ Карноуху 4 к.

27. Обѣдалъ вмѣстѣ зъ п.п. Гамаліями у п. тестя, а по обѣдѣ былъ у полковника нашого. Рано послѣ службы былъ у енерала зъ прочіими. Розышлось на розницю 14 к.

28. До коморы куплено тертиць за 30 к. Пошло дранѣ.... За роботу поденщикамъ еще въ доплату дано 32 к. Обѣдали у отца Патермуфія, городничого лищицкого, и сегожъ числа прибылъ панъ Юркевичъ въ Стародубъ.

29. Енералу отнеслъ рыбы щукъ 20. Куплено діотю до Перегону за 20 к. Бабѣ досмотруючой дитины 20 к. На розницю пошло 10 к. Віехалъ зъ Стародуба около вечерень и прибувши до Левенки, тутъ и ночовалъ.

30. Віехалъ зъ Левенки рано и прибылъ предъ полуднемъ до Борщова, где и обѣдалъ, а одтоль о полдни прибылъ въ Перегонъ, а дитину Галю привезли вечеромъ.

31. Данъ въ Случокъ на шинкъ станъ горѣлки Ісаку Мигаліонку. Петру, маляру стародубскому, сину Михайла Лисого маляра, на покупку фарбъ до маліованя фурманокъ, колясокъ и протч. даны 2 р. Писано писмо до п. сотника варвинского о видачи стаднины моей моимъ же посланнымъ, которымъ и подорожная дана.

Мѣсяцъ іюнь.

1. Послѣ обѣда віехалъ зъ Перегону и попасовалъ коло Ковпинки, а потомъ прибылъ позно до Новгородка и сталъ квартерою у сотника.

2. Писалъ до полковника и до п. тестя о порушеню зъ Глухова п. обозного енералного. Далъ гончару задатку на поливаніе миски 20 к. Розышлось на розницю 5 к. За 13 фунтовъ желѣза 20 к. Ковалямъ и стелмаху 8 к.

3. За рибу 6 к., на зеля, перецъ и оливу 6 к. Розышлось на розницю $10^1/_2$ к. Михайлу Нестеренку, п. тестя родному брату, зъ

Бабы [176]), сотнѣ полку чернѣговского менской козаку, даны 20 к. Писалъ писма до полковника о Мархаленку, до жены, до тестя о роботникахъ, бывшихъ въ Брянску, и до Стефана, такожъ до атамана погарского, чтобъ зраховалъ (посчиталъ) старосту и обехавши грунтъ, здѣлалъ мапу (чертежъ).

4. Куплены въ Новгородку 20 мисокъ за 10 к., талѣрокъ 50 за 20 к., даны Гаевичу зъ Нѣжина 10 к., за 6 ящиковъ 15 к. Писано писмо до п. Чуйкевича о присилцѣ писемъ на футоръ Михайловского, въ Пекаровѣ [177]) мнѣ записанный. Мужикамъ левенскимъ Халимону Жайворонку и Данилу Кистереву зятю, которые были на работѣ въ Брянску и пошли на плитахъ до Переволочнои, дано въ займы 20 к.

5. Въ Новгородку за рибу карасѣ 3 к. Писано писмо до п. обозного енералного зъ прошеніемъ прощенія, что не моглъ его дождатися въ Новгородку. Тамъ же вручилъ сотнику наказному Демяну Нестеренку облѣкги Литвинковы на Івана Василенка, значкового товарища въ Богдановцѣ. Віехали зъ Новгородка и переѣхавъ Десну, обѣдали въ полѣ о 7 верстъ, а по полдни одтоль віехавши, прибыли завременно въ дворъ Дмитровскій спаского новгородского монастыря и тутъ сыскавши Дмитровского и зъ Вовны [178]) войтовъ допрашовали.

6. Посилали по войтовъ глазовского, пигаревского и жиховского и допрашивали ихъ по силѣ указу суда енералного, и опись въ дворцѣ Дмитровскомъ чинена всѣхъ движимостей.

7. Писаны писма до жены и до Стефана въ домъ, и до сотника наказного новгородского о присилцѣ выписки зъ ревизіялныхъ книгъ о селахъ монастирскихъ, да до Данила Зіневича посланъ отвѣтъ. Поехалъ Егоръ Андріевъ Немчиновъ, графскій прикащикъ, въ Глуховъ.

8. По полдни одправленъ Антонъ Донъ въ Глуховъ зъ писмами, а писма писаны въ С. П. Бурхъ до п. Горленка подъ числомъ іюня 5, до Новоторжцева и Маркелловича Леонтева подъ числомъ іюля 2, до Івана Александровича Дурова подъ числомъ апр. 18, до Киріака Андріевича Кондратовича подъ числомъ мая 30, до графовъ Гаврила и Мойсея Владиславичовъ мая 30, въ Москву до

---

[176]) Село сосницкаго уѣзда.

[177]) С. Пекаревъ, сосницкаго уѣзда. См. слѣд. стран., стр. 4 и 5.

[178]) С. Вовна новгородсѣверскаго уѣзда.

Уріила Іванова мая 30, въ Глуховъ до п. Скоропадского, до п. Пасека и Лукомского подъ числомъ іюня 7, да чрезъ тогожъ Дона посланы писма до подскарбія п. Маркевича и обозного зъ пунктами и до сотника новомлинского о футорѣ Михайловского, записанномъ мнѣ за долгъ въ Пекаровѣ. Дано Антону Дону 25 к.

9. Писано въ Новгородокъ по Маджугу и по Захарченка, да о цѣнѣ, почему теперь продается на торгахъ збоже. Віехали зъ Дмитровки послѣ полдня и не доежжая Жихова, ось зломалась, чего для въ Жиховѣ и заночовали въ дворѣ Петра ткача; тутъ подробили двѣ оси, за которые дано 3 к.

10. Прибыли въ Пироговку и тутъ обѣдни слушали, а пополдни ездили къ мелници Ігната Котляра, а сами стояли въ домѣ сина его Василя Котляренка.

11. Обявленъ указъ пироговцямъ и приказано, чтобъ надлежали и всякое послушенство отдавали графу Головкину. Зъ Пироговки о полдни віехали и заездили въ футоръ, который у монастиря одкуповуетъ путивецъ Борошновъ; послѣ въ слободку Красѣчну Юркевичовъ и въ Гуту [178]) ихъ же, потомъ прибыли въ Жиховъ и тутъ ночовали. Вечеромъ прибылъ зъ Глухова Е[illegible] Немчиновъ.

12. Обявленъ указъ жиховцямъ, чтобъ надлежали и всякое послушенство отдавали графу его сіятелству Головкину. И сего дня прибыли воспять до Дмитровки.

13. Пантелеймонъ Юркевичъ привезъ мнѣ шила штукъ разныхъ числомъ 23, да кубокъ стекляный, зъ которыхъ три штучки п. Холодовичу сотнику воронежскому даны.

14. Село монастырское Вовну отказали отъ монастыря и отдали во владѣніе графу Головкину.

15. Послано чрезъ новгородціовъ писмо писанное до Стефана Чорновского, старости поповского, о прибытіи его въ Новгородокъ. Сего числа совсѣмъ окончивши порученную намъ коммисію, розехались зъ Дмитровки, а одправа дѣла зъ доношеніемъ въ судъ енералный вручена канцеляристѣ войсковому Григорію Лизаневичу. Прибыли мы зъ п. сотникомъ воронежскимъ въ Новгородокъ.

---

[178]) Красична и Гута деревня новгородсѣверскаго уѣзда. Д. Гута возникла изъ стеклянаго завода (=гута), гдѣ и выдѣлывалось то стекло, о которомъ говорится подъ числомъ 13-мъ.

16. Обѣдали у Стефана Маджуги, а послѣ обѣда были и въ монастырѣ, одкуду и одехалъ сотникъ воронежскій. За рибу 8 к., за миски поливаные въ доплатку прежде данного задатку еще дано 10 к. Цилюрику 3 к.

17. Писано до Стефана и одправлена на подводѣ въ Перегонъ посуда, а именно мисокъ деревяныхъ 20, талѣрокъ 50, мисокъ поливаныхъ 14, приставокъ чотыри, горшикъ одинъ зъ кришкою, шила снопковъ 21, ящиковъ 5, рибы язиновъ 3, лящовъ 2, судакъ 1. Писаны писма до п. Скоропадского и до писаря Черняховского въ Глуховъ, а въ Стародубъ до писаря судового и до Семперовича. За шугалію въ Новгородку купленную дано 70 к., за сущики 12 к. Яковъ Литвишко уступилъ мнѣ пудъ мѣди, за которую доплачено 4 р. Віехалъ я зъ Новгородка послѣ вечерень и ночовалъ въ полѣ за Мамикиномъ о милю.

18. Передъ обѣдомъ прибылъ въ Перегонъ и писалъ въ Новгородокъ и до панеи въ Стародубъ, чтобъ пріездила до Перегону.

19. Былъ на футорѣ и одтоль поворочаючомуся, пришло извѣстіе, что Остапъ Косикъ жену свою убилъ, о которого сиску и о убитой осмотръ посланъ ордеръ до сотника погарского зъ урядомъ. Привезена мѣдь зъ Новгородка, у Литвишка купленная, 40 фунтовъ, такожъ и сущики. Дано маляру еще 10 к.

20. Осматривали тѣло убитой и велѣли описать пожитки, да и церкви осматривали жъ и иконостасу, чтобъ иконостасъ дѣлать, а церкву поправить. Взялъ у Ноздры за станъ горѣлки 2 р. 20 к. Сего числа зъ лукинцями розехали поле за Ворою и онымъ перегонского часть грунта уступлена за Могилою Дѣвкою, при бытности атамана городового погарского.

21. Тіежъ лучинци подали мнѣ прошеніе о томъ грунтѣ, на который обѣщано имъ отъ мене и писмо. Врученъ домъ въ опеку Косиковъ Якову Козлу, козаку городискому, и емужъ вручены облѣги всѣ и давные и сего-годные Косиковые для доправки денегъ.

22. Віехалъ рано зъ Перегону и въ Борщовѣ задержалъ мене п. Григорій (Гамалѣя), ради прибытія къ сему п. Яна Квитки, полковниченка харковского, а одтоль поехавъ послѣ полдня и прибылъ въ Случокъ, видѣлъся зъ Романовичомъ и розговоръ зъ нимъ имѣлъ; послѣ прибылъ еще завременно до Левенки и тутъ ночовалъ.

23. Пообѣдавши, зъ Левенки віехалъ и прибылъ до Стародуба; подано доношеніе въ канцелярію полковую о коняхъ, у Романовича взятыхъ въ спаши пшеници.

24. Прибылъ въ Стародубъ п. Іванъ Квитка и обѣдали вмѣстѣ у панеи тещи купно зъ п. Іваномъ Гамаліею. Обослано насъ узваромъ отъ п. Іскрицкого ради рожденія дочери его Татіаны. Розышлось на розницю 27 к. Снѣцару дано 6 к. Одехалъ п. Григорій Юркевичъ, писарь полковой стародубскій, въ Глуховъ.

25. По полученной вѣдомости о слабости дочери Ганны, отехала жена до Перегону. Дано за вичинку вовка и лисици 13 к. Розышлось 5 к. Лукирцѣ за мите кафтана бѣлого 10 к.

26. Обѣдали у мене п. Іванъ Квитка, обозный полку харковского и п. Іванъ Гамалія юдиновскій, зъ которымъ доволно пили, послѣ были у генерала квартермейстера фонъ Штофеля. Розышлось на покупку травы и проч. 27 к. На вино пошло 1 р. 40 к. За зроблене канчука на тростѣ Пищолцѣ дано 10 к.

27. Было молебствіе зъ пушечною стрѣлбою и при обѣду генерала стрѣляно зъ пушекъ и мѣлкого оружія. Былъ у мене п. Яковъ Полуботокъ и синъ полковника полку олонецкого драгунского, Лесли Юрія Федоровича, Давидъ.

28. Были крестины у п. Іскрицкого дочери новорожденной Татіаны. Воспріемниками были полковникъ Гаврило Ивановичъ Давидовъ зъ панею тещею моею, и п. Іванъ Миклашевскій зъ полковницею Дуровою. Розышлось на крестинахъ 30 к.

29. Обѣдни слушали у церкви Петра и Павла, а обѣдали въ домѣ. Розышлось 9 к. Алексію на его потребы даны 10 к.

30. Обѣдали дома, где и п. Федоръ Ширай обѣдалъ же. На мясо и проч. пошло 14 к. Снѣцару 3 к. за направу стула. Отехалъ п. обозный нашъ въ домъ свой.

Мѣсяцъ юль.

1. Слушали обѣдни въ церкви вознесенской. Послѣ былъ я у полковника. На мясо пошло 13 к. Сего числа г. генералъ Загряжской подъ Лищичи для смотренія полковъ отехалъ. Принесъ ткачъ серветъ 80 локотъ, локоть отъ роботы по 2 к., да полотна семдесятъ 1 локоть, отъ роботы за локоть по копѣйкѣ, и того 2 р. 31 к. Сего числа отдана мѣдь въ роботу Карпу Савеліеву котляру, а

именно ломаной разной мѣди 57 ф., да казанокъ зъ желѣзомъ чотиры фунта, и того 61 фунтъ зъ желѣзомъ. Посланы чрезъ Осипа Булахова два рубли до Степана въ Перегонъ на дворовые росходы и пять сотъ цвяшковъ. За вичинку чотырохъ габелковъ 16 к. Отехали обое мы до Левенки и тамъ ночовали.

2). За стіонжку чорную для жены, за шнурокъ до запасокъ, за шовку лотъ и на стручки дано 30½ к. Присланъ столъ и ложкоодъ п. Мануила Зиневича, дозорци (смотрителя) ропского. Былъ у мене г. генералъ лейтнантъ квартермейстеръ фонъ Штофель и позабавилъся чрезъ нѣсколко годинъ. Въ Перегонъ посланы пара шоръ, два столики, ослонъ и старая таратайка зъ двома колесами, 3 хомуты зъ 3-мя дугами.

3. Розышлось на розницю 15 к., за мясную руру зъ печенею...

4. Маляру на золото 8 к., за вичинку 10 овчипокъ бѣлыхъ полковника Веревкина 10 к. Обѣдалъ у полковника. Вчора по полдни отехала полковничая невѣстка Катерина Андріевна зъ Стародуба. Вчорашняго числа обѣдалъ у мене п. Іванъ Булавка бунчуковый и коммисаръ полку чернѣговского.

5. Былъ зъ рана у мене п. Селецкій, сотника полку нѣжинского дѣвицкого братъ, такожъ отецъ Іванъ, священникъ духовскій, которому дано 10 к., паламару 2 к., крашенинику за офарбоване полотна на крашенину 44 аршинъ дано 44 к., за крашенины 7 аршинъ 20 к.

6. Лучанѣ послѣ обѣда одправилися, которымъ дано на 2 кунтушы сукна да двѣ штучки китаю и штучку крашенины; Дацку Никитенку за Степана Кочержинского 80 к. На дорогу имъ 20 к., да ему жъ Дацку коня сивого лубенского дано.

7. Vacat. 8 числа отехалъ въ Семіоновку и едучи чрезъ Янжуловку, былъ тамъ въ дворѣ Шпетенковомъ. Бабѣ даны 10 к. Прибылъ до Семіоновки позно.

9. Былъ въ обозѣ его м. п. обозного войскового енералного и тамъ обѣдалъ, и по обѣдѣ п. обозный отехалъ до Курознова, а я позабавилъ у разныхъ п.п. бунчуковыхъ до смерку и уже позно прибылъ на квартеру до атамана семіоновского.

10. Рано пріехалъ ко мнѣ п. Борковскій, которому и тестаментъ меншій я отдалъ, а онъ мнѣ свой далъ же и провожалъ менежъ онъ и п. Полуботокъ. Отехавши зъ Семіоновки по полдни,

заездилъ до Желѣзного Мосту [180]) и тамъ Григорія Яворского велѣлъ наказать за матку, потомъ прибылъ въ Курковичи.

11. Прибылъ тудажъ п. Пекалицкій и отецъ Григорій Хоминскій, священникъ архиповскій, въ которого дѣлѣ писано писмо до асаулиной Яворской.

12. Тамъ въ Архиповичахъ мешкаючіи расколщики, называючіесь Неклюдовы и Россріи, Фома 1 р., Андрей 50 к., да зъ Лужка мужикъ 32 к., да еще другіе 22 к. Сторговалъ дворъ тамъ же у Архипа Ломаки зъ двома сѣножатми за 20 р.; даны ему тогдажъ 2 р., а послѣ въ Стародубѣ 4 р. Сегожъ числа прибылъ въ Стародубъ.

13. За траву 6 к., за 12 дощокъ липовковыхъ 29 к., крашенинику 20 к. Розышлось на розницю 4 к.

14. Ткачу за роботу 3 р., за канчукъ 12 к., за вино 40 к.

15. Былъ у полковника олонецкого полку Юрія Федоровича Лесли. Дано бандуристамъ 20 к. Даровалъ канчукъ на тростинѣ капитану олонецкогожъ полку Семену Федоровичу Лесли.

16. За мясо 16 к., за траву 10 к. Косику Остапу дробнихъ 1 р.

17. Его м. п. обозный енералный зъ ассистенціею былъ у мене въ домѣ. Сего числа Петрошу даны 20 к., которому родился синъ Іванъ. Взято вина 3½ gарца. Віехалъ я зъ Стародуба и прибылъ въ Случокъ, тамъ и ночовалъ.

18. Обѣдалъ у п. Григорія въ Борщовѣ; послѣ прибыли въ Перегонъ.

19. Былъ на футорѣ.

20. Одправлена экспедиція въ Глуховъ въ дѣлѣ Рубайленковъ чрезъ ихъ же и писалъ до п. Юркевича. Івану Храпковскому погарскому за Павлика заплочено 1 р. 30 к.

21. Получилъ писмо чрезъ войта бозкого [181]) Ничипора Черняіова одъ п. Федора Марковича и къ немужъ отвѣтовалъ. Обѣдали у мене въ Перегонѣ п. Іванъ Квітка, обозный полку харковского, зъ сотникомъ ізюмского полку города Царя Борисова, да п. Григорій Гамалія зъ панею. На мясо пошло 30 к., на муку 10 к., за калачи 4 к. Бабѣ дитячой даны 50 к.

---

[180]) Село новгородсѣверскаго уѣзда.

[181]) Д. Бозская стародубскаго уѣзда.

22. Тіежъ обѣдали, що и вчора. За вино въ Погарѣ купленное 1 р. Прясцѣ господинѣ 25 к. и на запаску, за медъ 60 к., на мясо въ Погарѣ 28 к., за медъ 60 к., на калачи 5 к., на свѣчи 5 к. Сегожъ числа вечеромъ прибылъ на футоръ Василіовку,

23. Обѣдали сегожъ числа на Василіовцѣ у мене Федоръ Марковичъ, Якимъ Троцкій и Лука Марковичъ и розговаровали о разныхъ рѣчахъ и грунтахъ, а по обѣдѣ и я ихъ провожалъ до Бозкои.

24. Обездили грунта и по разныхъ контроверсіяхъ обѣдали у менежъ.

25. Приходили къ помирковаию и не заключа розехались. Прошлой ночѣ побрали сѣно, на моей сѣножати купленное. Обѣдалъ я у Марковичовъ зъ товарищи, отъ нихъ прибылъ въ Перегонъ, где засталъ сотника бакланского п. Косача.

26. Одписовалъ до п. Корсака о сѣножати дарневской Москаленка. При віездѣ зъ Перегону далъ Мойсею Оршавѣ на расплатку за вино и на другие потребы 3 р. Самъ по обѣдѣ прибылъ до Стародуба, а жена отехала до Левенки.

27. На траву и проч. 6 к. Отвѣтное писмо послано до сотника погарского о курѣнчикахъ. Василю Янджулу далъ реестръ о покупкахъ въ Густинѣ [162]), а до Стефана писалъ о висилки чотирохъ куфъ горилки въ Семіоновку.

28. Карпу кухару далъ 1 р. и чвертку жита. Архипу Ломацѣ еще даны чотири рубли за дворъ купленный. На мясо 12 к.

29. У отца Івана духовского была свадба, которого и зятя его обослано зъ дому моего дробыною, хлѣбомъ и водкою. На мясо 18 к., на другую розницю розышлось 14 к. За столъ зъ Кривця привезенный дано 30 к. сверхъ прежнихъ 20 копѣекъ.

30. Данъ квитъ індуктовый одъ Павла Каленикова на пять куфъ. Прибылъ на ночъ въ Левенку. На чаплики и мило 3 к.

31. Обѣдалъ и дніовалъ и ночовалъ въ Левенци.

Мѣсяцъ августъ.

1. Пріехалъ зъ Левенки въ Стародубъ и одправилъ въ Семіоновку куфу горилки при писмѣ до Василя Янджула и къ немужъ квитъ на 5 куфъ індуктовій и подорожную людямъ при горѣлцѣ

[162]) Въ густынскомъ монастырѣ, прилуцкаго уѣзда, гдѣ въ это время была ярмарка.

одправленнимъ. Да посланы писма до п. обозного енералного и Борковского. Дано кравцямъ 15. Розышлось 5 к.

2. Спѣцару дано 10 к. Розышлось 6 к. Въ Случокъ Жорову дано барило горилки въ 66 квартъ цеховыхъ.

3. Писаны писма въ Глуховъ до п. Скоропадского и Юркевича зъ посылкою челобитной о млинахъ на Ворѣ. Послано до Перегона желѣза 18 фунтовъ, у Янченка взятого. Взято 40 фунтовъ лою у Брезкуна. Дано на gноти 3 к. Евдашцѣному сыну на желѣзо до столовъ 5 копѣекъ. Панеи 20 к., за роблене свѣчъ 10 к.

4. Дано до панеи шапки на повсть, на баволну и шовкъ 10 к. Розышлось 12 к. За вино Рибнику 40 к.

5. Степану рымару 1 р.

6. Прислано отъ одного чоловика 2 лящи, отъ Василя Котляревича 10 лящовъ, одъ хоружого Данченка щукъ 9. Розышлось на розницю 64 копѣйки. Сповѣдался и коммунѣковалъ. Обѣдали у полковника и отехали на ночъ въ Левенку. Максиму шапочнику за зроблене шапки панеи и Василковѣ 20 копѣекъ, за лучину и проч. 14 копѣекъ.

7. Обѣдали въ Левенцѣ, а по обѣдѣ віехали наши п. тесть и теща и жена къ Кіеву. Женѣ на дорогу даны 8 р. Я возвратилъся въ Стародубъ. Посланы козаки за нашими вслѣдъ.

8. Обѣдали у мене Данченко хоружій да Хомѣнскій и Багинскій. Куплена да неплачена фляша вина у п. Середи бурмистра. Розышлось на розницю 12 копѣекъ.

9. Розисковали по дѣлу Соколова. Былъ у маіора корпусу меклембурского Лепела. Куріеръ прибѣгъ до п. обозного съ походу отъ генерала Загряжского.

10. За роботу цѣны корпуса меклембурского драгуну 50 копѣекъ. За два фунты корки лимонной 24 копѣйки. За сѣно 5 к.

11. Петру маляру 40 копѣекъ. Розышлось на розницю 21 к. Полученъ указъ о виступленіи въ походъ до Мигновичъ.

12. Позичилъ п. Івану Квитцѣ, обозному полковому харковскому 30 р. За прироблене дишля до коляски 15 копѣекъ.

13. Даны цехмистру ткацкому Минѣ Григоріеву 4 основы на полотна, а платить за роботу отъ локтя по осмаку, да не достало втоку пяти фунтовъ. Пріехалъ енералъ Кейтъ... Дано на потребы до кафтана перешиваючогось 13 к.

14. Писано до п. Івана Гамалѣи въ Юдиновъ и послано цукру голова, да за негожъ перенялся за gарнецъ вина платити копу Греку. Пріехалъ п. обозный енералный. Розышлось на медъ и прочее 13 к. Алексію 4 к.

15. П. обозный енералный зъ командою своею переходилъ черезъ городъ. Обѣдалъ одинъ, а вечеряли два Гамаліи лохвицкіи.

16. Обѣдали Гамаліи, а послѣ обѣда Троцкій и Лука Марковичъ были, и другіе гостѣ гуляли зъ музикою. Алексѣй Алексіевичъ Мажаевъ изъ московского полку поручикъ былъ у менежъ и долго въ ночъ трактовали о грунтахъ Доболской (?) зъ Троцкимъ.

17. За брусницѣ 90 к., за соль 14 к. Лукирцѣ 12 к., на мило 2 к.

18. За Ярмолу п. Григорія Гамаліи заплатилъ 8 р. П. Александру (Корецкому) швагру своему позичилъ въ дорогу въ войско 30 р. Розышлось 9 к.

19. За виписѣ подписку (помощнику писаря) ратушному 50 к., за мясо 36 к. Офѣцери обѣдали; маляра Петра сестрѣ дѣвчинѣ 20 к. Цехмистру ткацкому за роботу скатертей 3 р.

20. Самому маляру Петру 40 к. Розышлось на розницю 27 к.

21. Данъ Янченку цукоръ 51¾ фунта за долгъ 10 р., и за желѣзо отойшло 35 к. За мясо и кури 12 к.

22. Ничего. Числа 33. За мясо и на другій росходъ 25 к. Спѣцару дано 10 к., передъ симъ емужъ 10 к.

24. За пару стременъ 30 к., за роботу отъ направы лихтаровъ мосенжнихъ мекленбурцю 20 к. Договорилъ расколщика оправлять книги до церкви левенскои пять, давать 1 р. 80 к., а дано задатку 50 к. За медъ Ляшисѣ заплачено 30 к., за пудъ соли 40 к.

25. Обѣдалъ у полковника, а послѣ отехалъ въ Левенку и тамъ въ лазнѣ мился, а одтоль прибыли въ Случокъ на ночъ до п. Коменка.

26. Слушали обѣднѣ въ Суходолѣ, а одтоль прибыли на обѣдъ до Борщова, зъ Борщова въ Перегонъ зъ п. Федоромъ (Шираемъ) швагромъ.

27. Былъ въ Городищѣ и за Ворою и на Бѣлявицѣ. На мясо 24 к.

28. Писаны писма въ Глуховъ чрезъ Коменка до п. Скоропадского, до судіи енералного Борозны и до Юркевича, и въ Почепъ за Кобузикомъ ковалемъ до поруччика Полянского, до Лукина и до сотника наказного Губчица.

29. Ездилъ до Курова и тутъ приходила до мене громада.

30. Былъ въ Василювцѣ.

31. Сими днями розышлось на розницю 45 к. Обослала Галецкая родинами за внука Петра.

Мѣсяцъ septеврій.

1. На вечерню отехалъ до Погари, и тамъ ночовалъ въ домѣ Панюшки.

2. По службѣ заходилъ до п. Григорія Черняка, а послѣ ко мнѣ и онъ и канцеляристъ Ливандовскій, да поруччикъ Козма Савватіевичъ Глотовъ пришли и обѣдали и долго гуляли, потомъ были у войта и ночовалъ въ Погарѣ на той же квартерѣ. На мясо и кури 10 к.

3. Получилъ писма зъ С. П. Бурха. На мясо пошло 17 к. Отехалъ зъ Погарѣ передъ обѣдомъ и пообѣдавши въ Перегонѣ, отехали на ночъ до Василіовки.

4. Въ Василіовцѣ обездили грунтъ между Чубаровомъ и Суворовомъ и въ Ісаевцѣ были.

5. Надъ вечери віехали зъ Василіовки въ Перегонъ. Дано на мясо 10 к.

6. Въ вечерѣ пришла вѣдомость о пріездѣ нашихъ зъ Кіева въ Буду.

7. Рано отехалъ п. Федоръ швагеръ, чрезъ которого и до жены о пріездѣ ея сюда въ Перегонъ писалъ, да писалъ противъ писма полковничого, что развѣ завтра віеду до Стародуба. Сего числа зъ Ровницкимъ да старостою евдоконскимъ да изъ лукинцями о спорнихъ грунтахъ договоръ заключили.

8. Пріехала панѣ въ Перегонъ; ездили въ Суворовъ до церкви, я по обѣдѣ былъ въ Чубаровѣ, послѣ въ Погарѣ и приказовалъ, якъ дворъ купленный у Сороки строити.

9. Надъ вечери віехалъ зъ Перегону и прибылъ коло полночи въ Левепку и тутъ ночовалъ.

10. Рано віехавъ оттуду, прибылъ въ Стародубъ, а послѣ обѣда у полковника своего былъ и отъ него къ генералу ходилъ.

11. Генералъ Кейтъ и два полки пѣхотни, первый московскій и бутирскій, вышли въ походъ до Переясловля. На мясо 21 к.

Слюсару за подѣлане муштука и проч. 16 к. Вечерялъ у маіора чернѣговского полку Петра Івановича Стрешнева зъ п. тестемъ.

12. Тогожъ маіора обослали водкою, вишніовкою и хлѣбомъ и двое картъ ему подарилъ, а послѣ обѣда онъ же былъ въ домѣ моемъ, которому сиръ и два кавуна поднесъ, а онъ мнѣ далъ часть »Розговоровъ въ государствѣ мертвыхъ«. Простясь, отехалъ въ Буду п. тестя, где и ночовалъ. Сего числа два полки пѣхотныхъ, чернѣговскій и суздалскій, пошли зъ Стародуба.

13. Данъ рондзикъ до переправи Пищолцѣ и емужъ дано 20 к. За мясо росплаченось 12 к., за медъ 12 к., за лихтарнѣ 2 к., за рогожи 12 к.

14. Петрошъ отпущенъ на время въ Перегонъ, которому дано на его нужду 20 к.

15. За мясо 6 к.

16. За мясо 7 к.

17. Отобрано у ткацкаго цехмистра двѣ штуки полотна, въ которихъ по 77 локотъ. За мясо 12 к. Обѣдали у мене панѣ теща, капитанъ Корнилий Трофимовичъ Шалигинъ зъ женою своею Василисою Андреяновною и асаулъ зъ асаулкою. За медъ 8 к.

18. За мясо 6 к. Золотарю 56 к. за вичищене сребра отъ евангелія.

19. На рибу 10 к. Шевцю 9 к. Кравцю 9 к., за Часловець 40 к. Аксамиту до евангеліи левенскои 3 чвертки, за который надлежитъ 1 р. 20 к. У Федора Янченка взято пудъ желѣза и 3 фунти.

20. На мясо 12 к., за медъ 8 к. Золотарю, которому данъ рондзикъ до передѣлования, дано 10 к. На крашенину до юпки 4 к., молодикамъ на баню 2 к., Алексію на его нужды 15 к.

21. На розницю 4 к. Костантій пріехалъ въ Стародубъ.

22. Розышлось на розницю 16 к.

23. Обѣдали у мене меклембурского корпуса пѣхотный маіоръ Лепелъ и отъ кавалеріи капитанъ Цибетъ. На мясо еще 23 к.

24. Прибылъ капитанъ Максимовичъ. На мясо и кури пошло 17 к. Дано кравцю на шовкъ 10 к. Дано еще інтролѣgатору 1 р.

25. Взято у Федора Янченка 500 грибовъ, которіе отосланы Славую по 7 к., за полтретя локтя штамету 55 к. На нитки до епанчи 3 к. За подшите вовками епанчи 25 к., на нитки 5 к.

26. Бондарю 16 к. Взято у Осипа Булахова 4 р., должные имъ Яружному за нитѣ. Былъ у капитана Цибета и у поручника Ліоне. Програлъ 50 к. Розышлось на розницю 11 к.

27. Рубайленки лубку меду принесли. Розышлось на розницѣ 18 к. Дано Карноуху за перешиване епанчи 22 к. До сего числа у Серединомъ дворѣ набрали 21 фляшу вина. Отехалъ Максимовичъ и я віехалъ зъ Стародуба до Перегону.

28. По обѣдѣ зъ Левенки віехавши, прибылъ въ Перегонъ на ночъ.

29. Позно віехали къ Мглину, ночовали въ Погарѣ; тутъ писано писмо до сотника погарского о визиченню деревнѣ. За медъ и пиво 49 к., на свѣчи и діоготь 6 к.

30. Обѣдали у Гетуна. На стенжки пянеи 30 к. Назадъ прибыли въ Перегонъ на ночъ.

Мѣсяцъ октоврій.

1. Отехалъ въ монастыръ чолнскій и видѣлся въ Погарѣ зъ маіоромъ Віттеномъ.

2. Учинено рѣшеніе о намѣстнику чолнскомъ Гавріилу за мою обиду. Помѣнялся я табакерками зъ отцемъ Варсонофіемъ, которій зъ другими черницями былъ у мене въ наметѣ (палаткѣ).

3. Розехалися зъ монастыря чолнского и обѣдалъ въ Романовцѣ. Одтоль заездилъ до Стечни и видѣлся зъ тамошнимъ ігуменомъ Гавріиломъ Великошапкою, куда надехали и отецъ Варсонофій зъ товарищи, а я заразъ отехалъ и прибылъ ночю въ Перегонъ.

4. Былъ на Василіовцѣ и возвратился на ночъ въ Перегонъ.

5. Пришло извѣстіе, что отецъ Варсонофій зъ товарищи прибылъ въ Ісаевку и для того отехалъ на Василіовку и тамъ ночовалъ.

6. Рано прибылъ въ дворецъ ісаевскій и тамъ послѣ чаю ездили по спорныхъ грунтахъ по-надъ Бозкою и Черемошною, тамъ же пообѣдавши отехали ко мнѣ всѣ въ Перегонъ, где и ночовали.

7. Ездили къ обѣднѣ въ Городище, а послѣ того обѣдали у мене-жъ въ Перегонѣ, а по обѣдѣ подарили отца Варсонофія хусткою и кошелкомъ и они коло вечерень отехали.

8. Дніовалъ въ Перегонѣ.

9. Віехалъ зъ Перегону и прибылъ до Стародуба.

10. Росплатка учинена зъ Федоромъ Янченкомъ за покупки, на ярмарку десятовскомъ [185]) справованные и за проч. 30 р. 48 к.

11. Остапу Качану на покупку дерева для робленя полукаретки дано 30 к.

12. Въ 11 часу по полуднѣ пожаръ былъ, згорѣлъ дворъ Черняковъ. По сее число на розную подробицю розышлось 1 р. 70 к.

13. За два кожухи мужеский и женский даны 80 к. Прислалъ Валкевичъ возовъ 10 сѣна, а ему позычено пять копъ дранѣ. Былъ я у маіора Лепела и долго сидѣлъ въ ночъ.

14. Ездилъ до Левенки, заплатилъ за 20 кафель 40 к., да за мясо прошлыми часы и за лой взиманный у Брезкуна 1 рубль 35 к. За 5 бочокъ солянихъ 10 к., на рогожи 12 к. Розышлось на розницю 7 к.

16. Розышлось на розницю 21 к., за пудъ салакуму 86 к. Пришолъ указъ всѣмъ въ походъ.

17. Писаны писма до отца Варсонофія, свинского намѣстника и отца городничого лищицкого зъ кгазетами. Алексію даны 3 к. За подкурене пари соболей 20 к. Максиму. Взялъ у Федора Янченка 50 р. Дано за сто оселедцовъ 35 к.

18. Дано Алексію 3 р. Розышлось на розницю 7 к.

19. Івану лучанскому на чоботы 22 к., на рукавицѣ 10 к., на розницю 7 к.

20. Кравцямъ 20 к., на розницю 8 к.

21. Крестили дитя служителя полковничого Микиты, сина Андрея. Данъ кумѣ 1 р. Попу, бабцѣ, дякону и паламару 41 к. Въ доплату покойному Стефану римару за роботу 32 к. Вечеромъ былъ у капитана Цибетъ и лейтинанта Ліоне. Сего числа снѣгъ випавъ.

22. Заплатилъ графу Гаврилу 50 р. и послалъ чрезъ Данила, писара его. За два чопы до винницѣ Качановскому данъ 1 р., у Жорова за горилку взятій. Привезены книги зъ Санктпитербурха. Послано писмо до Лишня о покупцѣ 20 пудъ меду.

23. Взялъ 100 р. у Михайла Словинского на жито, подрядившись чвертку по 50 к. Панъ Екимовичъ, асаулъ полковый стародубовскій, пожекгнался, въ походъ отходя. Програлъ въ карты 37 к., да еще пошло 3 к.

---

[185]) Ярмарка въ г. Стародубѣ въ десятую послѣ Паски пятницу.

24. Далъ Робаковскому на покупку жита 24 р., служителю, родинный хлѣбъ одъ панѣи Чернолузской привозившему, 10 к., а родилъся у еи синъ Петръ сего 21 числа.

25. Данъ рубль інтролѣgатору (переплетчику) до порахунку. На мясо 4 к. Одехалъ зъ Стародуба Василій Федоровичъ Милниковъ. Вечеряли у насъ Іскрицкій зъ женою.

26. Подметное писмо на полковника сискано и спалено. На рибу дано 10 к. Былъ капитанъ Блюхеръ у мене и панъ тесть, и обѣдали, также капитанъ Ленку.

27. Полковнику черезъ Якова цилюрика позыченъ Военный Уставъ, а п. Іскрицкому мовца полскій. Розышлось на розницю 45 к., на мясо 15 к. Былъ у мене капитанъ Ленку въ вечери.

28. Остапу Кочану дано на деревню для дѣланя колясви 30 к., черницю зъ Святыхъ Горъ 1 р. На мясо и на розницю пошло 28 к. Даны Брезкуну двѣ яловицѣ.

29. Далъ інтролѣgатору 50 к. Далъ Балдовскому на жито 20 осмачокъ 32 руб. Максиму шапочнику 20 к. Петрошу данъ 1 р.

30. Взято у Ляшихи полрубля. Панѣи дано на стенжки 40 к. Дано за коня капитану Цибету 15 р.

31. Взято у Ноздри 10 р. Дано за направу парика 50 к. Війшли меклембурци.

Мѣсяцъ ноеврій.

1. Послалъ въ Мглинъ на медъ чрезъ Дениса Лишня 10 р. Дано крашенинику за фарбоване крашенины 45 к., за мясо 8 к.

2. Писару судовому Косачу за дворъ сорокинскій погарскій ad interim 20 р. Взялъ у погарцовъ на коней до порахунку: у куровского Грицка Пахоменка 8 р. 57 к., перегонского Сидора Сѣдкового 10 р., чубаровского Василя Кизенка 4 р. Дано за медъ и пиво 15 к. Кравцямъ на нитки 5 к.

3. Писаны писма въ Глуховъ до п. дядка и до п.п. Пасека и Скоропадского за нихъ же и отправлены чрезъ козака одъ п. дядка присиланного, которому на дорогу дано 5 к.

4. Золотару Івану за позолоту до рондзика и шаблѣ данъ червонецъ и еще часть золота, томужъ золотару на живое срѣбро 30 к. Вчера и сего дня за мясо 20 к. Антону Дону, посланному

въ дѣлѣ п. Іана Миклашевского зъ інструкціею по Сейновича даны 50 к. На розницю розышлось 15 к.

5. vacat. 6. Писалъ писмо зъ газетами до отца Варсонофія, намѣстника свинского, и о одсилцѣ оного писма къ атаману. Дано Чубѣ за чинбу зайцовъ и куницѣ 9 к. На нитки до подшиваня шлямового кунтуша 3 к. Обѣдалъ у полковника, а послѣ былъ у г. совѣтника адмиралтейского, скуповуючого пепку, Андрея Федоровича Хрущова, которого сожителница Анна Александровна зъ Колтовска, а потомъ были у Спасибенка на весѣлѣ.

7. Рано былъ у капитана меклембурского Ланку. Золотару Івану за камушокъ, въ перстень вправленный, дано 10 к. Розышлось на розницю 6 к. Семенко, сынъ п. Івана Гамаліи юдиновского умре. Въ вечерѣ былъ у мене помянутый г. Хрущовъ зъ жоною.

8. На куры 16 к. Дякону почепскому Петровскому позичены 40 к. Пугачевскому даны 10 к. Обѣдалъ у полковника для воспоминанія принятія имъ полковои команды.

9. Шевскому цехмистру за роботу 4 паръ чоботъ 16 к. Івану Лучанскому на рукавици 10 к. Лаврину за рибу 9 к.

10. Алексію даны 2 р. За падло живодерамъ 5 к. За панчошки мнѣ и Василковѣ 17 к. Евтуху кравцю за роботу 20 к. Золотару Сергию до порахунку за роботу данъ 1 р. Взято у Парфененка 20 пудовъ меду въ 12 локошкахъ, которые и посланы въ Перегонъ.

11. Обѣдали у насъ полковникъ панъ, г. Хрущовъ зъ женою и прочіи, а послѣ обѣда были на весеелю у Гомяници. За пошите кунтуша—шубы дано 23 к.

12. Вечеромъ былъ купно зъ Василевичемъ у капитана Ланка и вигравъ тамъ въ карты 1 р. 60 к.

13. Обѣдали и весь день пробавили у п. Демяновичевой, а вечеряли дома. Прошлими днями розишлось на мясо и прочее.

14. Весь день пролежавъ, до сего-жъ дня былъ у меня Гомяниця зъ женою своею и зъ новобрачными зъ хлѣбомъ и подарками, которимъ дано 1 р., да былъ-же Никита Андріановичъ. Музикамъ 20 к.

15. Весь день пролежалъ дома; обѣдалъ зъ нами Іскритскій и взялъ книгу Пуфендорфъ, а у п. тестя Вадоменумъ медікумъ.

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся къ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени" и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Динтера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, присылавшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ Конторѣ редакціи журнала „Кіевская Старина" принимается подписка на 1885 г. на издающуюся во Львовѣ газету „ДѢЛО". Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

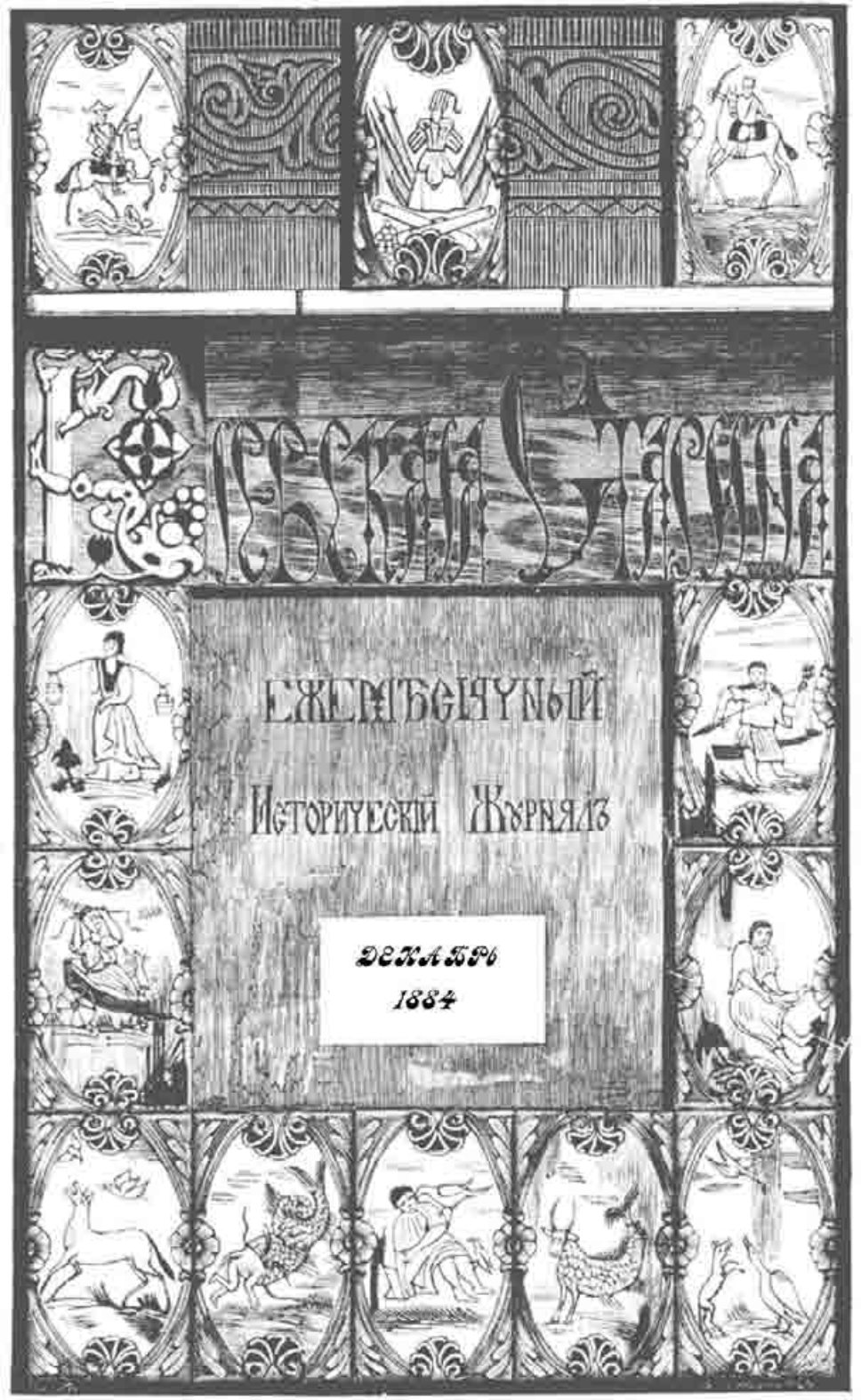
Русская Старина
ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Декабрь
1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Декабрь, 1884 г.

I. СОФІЯ—ПРЕМУДРОСТЬ БОЖІЯ ВЪ ИКОНОГРАФІИ СѢВЕРА И ЮГА РОССІИ. **П. Л—ва** . . . . . стр. 555

II. ЕВРЕЙСКІЙ ДОКУМЕНТЪ О ПОСОЛЬСТВАХЪ СВ. ВЛАДИМІРА ДЛЯ ИСПЫТАНІЯ ВѢРЪ. **Іоны Берхина** 585

III. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. *(Продолженіе)*. **И. Левицкаго** 586

IV. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА. *(Окончаніе)*. 621

V. КОБЗАРИ И ЛИРНИКИ. *(Окончаніе)*. **В. Горленка** 639

VI. БОПЛЬ МАЗЕПЫ. Сообщ. **С. Н. И.** 658

VII. ПИСЬМА ГРАФА АРАКЧЕЕВА КЪ Г. И. ЛИСАНЕВИЧУ 673

VIII. ДОКЛАДЪ ГРАФА П. А. РУМЯНЦЕВА ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II 1781 ГОДА. Сообщ. **А. Ѳ. Кистяковскій** 693

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Французскій этюдъ о Мазепѣ.—*В. Горленка.*—б) Архивъ юго-зап. Россіи, изд. врем. коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Часть первая Томъ VI. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси (1322—1648). Кіевъ, 1883.—*И. Каманина.*—в) А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій. Акты греческаго нѣжинскаго братства. Кіевъ, 1884 года.—*В. А.*—г) Историч. матеріалы изъ архива кіев. губ правленія. Выпускъ 7-й. Сост. ред. К. Г. Вѣдомостей, А. Андріевскій. Кіевъ. 1884 годъ.—*К. Цыбульскаго* . . 704

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Два эпизода изъ слѣдовательской дѣятельности А. П. Стороженка.—*Н. Стороженка.*—б) Изъ дѣлъ объ оскорбленіи гетманской чести.—*Ал. Андр.*—в) Любопытный сборникъ документовъ въ Гадячѣ.—*Николая Бакая.*—г) Еще нѣсколько словъ объ имуществѣ пр. Иринея Фальковскаго.—*А. Титова.*—д) Эпизодъ изъ авторско-издательской дѣятельности Т. Г. Шевченка.—е) Памятникъ прежнихъ отношеній пасомыхъ къ своему архипастырю.—*В. А.*—ж) Заговоры на просо и пшеницу.—Сообщ. *Н. И.*—з) Ура безъ двухъ буквъ.—*Ивана П. Савченка.*—и) Б. М. Маркевичъ въ роли сельскаго педагога.—*Б. Д—ра.*—і) Пѣсня о сербѣ.—Сообщ. *В. Ястребовъ*. 724

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ. ОБЪЯВЛЕНІЯ. БИБЛІОГР. ИЗВѢЩЕНІЕ.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ. Открыта подписка на 1885 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ X.

ДЕКАБРЬ.

1884

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1884 года.

О ПОДПИСКѢ
на ежемѣсячный историческій журналъ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,
НА 1885 Г. (IV ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ «**Кіевская Старина**», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1885 году, **ежемѣсячно**, 1-го числа, книжками въ **12 листовъ**, въ трехъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Для будущаго 1885 г. имѣются, между прочими, слѣдующіе матеріалы и статьи: Комитетъ изысканія кіевскихъ древностей, проф. *В. Б. Антоновича*, Историко-критическій разборъ польскаго романа Сенькевича: «Богданъ Хмельницкій», *его-же*, Прилуцкій асаулъ Мовчанъ и его записная книжка, *его-же*, Записки львовскаго каноника XVII ст. Юзефовича, переводъ съ латинскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями *проф. Антоновича*, Андрей Яковлевичъ Стороженко (біо-

фическій очеркъ), *Н. В. Стороженка*, Очеркъ исторіи юго-западной Руси по соч. о. С. Качалы, *К. М.*, Романовское староство и судьба его жителей (переводъ съ польскаго), *его-же*, Характеристика южнорусской литературы XVII ст., *П. Ѳ. Сумцова*, Поѣздка на Запорожье, съ 17 снимками запорожскихъ древностей, *Д. И. Эварницкаго*, Этнографическіе очерки, *В. П. Горленка*, Дунайцы, *А. А. Скальковскаго*, Козацкій полковникъ Богунъ, сподвижникъ Хмельницкаго, историческая повѣсть д-ра *А. І.* (переводъ съ польскаго), Малороссія послѣ 1654 г., историческій очеркъ, *Я. И. Ш.*, Матеріалы для исторіи штунды на юго-западѣ Россіи, *П. Л—ва*, и проч. Сверхъ того окончены будутъ: Путевые очерки Подолія, *К. М.*, Старосвѣтскіе батюшки и матушки, пов. *И. С. Левицкаго*, Смѣна народностей въ южной Руси, *И. Житецкаго*, и Дневникъ *П. Ханенка*.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* «**Кіевской Старины**», *Кіевъ, Трехъсвятительская ул., д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА X. 1884 г.

Сентябрь, 1884 г.

стр.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). *(Продолженіе)*. **Ир. Житецкаго**. 1

II. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА. (*Окончаніе*). **П—ки.** 27

III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. **К. М.** 53

IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая) 1821—1846 г. *(Конецъ XVI главы и 1-й части)* 82

V. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА. (Род. 1676 г., ум. 1727 г.). Съ предисловіемъ ум. проф. **Ф. А. Терновскаго** 104

VI. ЗАПОРОЖСКАЯ РЕЛЯЦІЯ О ПОБѢДѢ НАДЪ ТУРЕЦКИМЪ ФЛОТОМЪ ВЪ ДНѢПРОВСКИХЪ ГИРЛАХЪ. 129

VII. ПРЕДЛОЖЕНІЕ ГЕТМАНА МАЗЕПЫ КІЕВСКОМУ ВОЙТУ И МАГИСТРАТУ 1703 ГОДА. (О не утѣсненіи причта и прихожанъ успенской церкви г. Кіева). Сообщ. **М. А. Андреевскій** 132

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Н. И. Костомаровъ. Эллины Тавриды. Историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ. Спб. 1884 г.—*В. Г—ко.*—б) Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. (полтавской губерніи). И. Лучицкій. Кіевъ. 1884 г.—*Дм. Багалѣя.*—в) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 40-й. Спб. 1884 г.—*П. Голубовскаго.*—г) Фундуши и стипендіи виленскаго учебнаго округа. Справочное пособіе. Сост. Н. Юницкій. Ч. 1. Выпускъ первый, Вильна. 1884 г. . 137

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Краткія свѣдѣнія къ біографіи Владиміра Лукича Боровиковскаго.—*Ив. Боровиковскаго.*—б) Открытіе древ-

стр.

нихъ мозаикъ въ главномъ куполѣ кіево-софійскаго собора.—*П. Л—ва.*—в) Отрывочныя замѣтки о запорожской старинѣ.—*А—ва.*—Изъ воспоминаній священника о жизни и службѣ въ военномъ поселеніи.—Св. *Пр. Павловича.*—г) Великій грѣшникъ. (Сказка).—Сообщ. *Мих. Васильевъ.*—д) Поправка къ надписи на иконѣ въ селѣ Жукахъ.—Сообщ. *В. Е. Бучневичъ.*—е) Мѣры противъ вечерницъ и кулачныхъ боевъ въ Малороссіи.—Сообщ. *А. Маркевичъ.*—ж) Къ портрету Ипатія Потѣя, кіевскаго уніатскаго митрополита 155

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями *А. М. Лазаревскаго.* (Приложеніе) . . . . 81—96

ПРИЛОЖЕНІЕ.—Портретъ Ипатія Потѣя, кіевскаго уніатскаго митрополита.

Октябрь, 1884 г.

О продолженіи изданія «Кіевской Старины» въ 1885 г.

I. ИННОКЕНТІЙ ГИЗЕЛЬ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). **Н. Ѳ. Сумцова.** 183

II. ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О КІЕВѢ. **П. Л—ва.** 227

III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. *(Продолженіе).* **К. М.** 254

IV. СОФРОНІЙ ДОБРАШЕВИЧЪ, АРХИМАНДРИТЪ НОВОЙ СЕРБІИ. Архимандрита **Арсенія** 276

V. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ВОЗНИКНОВЕНІЯ И РАСПРОСТРАНЕНІЯ ШТУНДЫ НА ЮГѢ РОССІИ 305

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Извѣстіе о похожденіи Симеона Степановича Пишчевича. 1731—1785 г. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей росс. при московскомъ университетѣ, подъ ред. дѣйств. члена Нила Попова. Москва. 1884 г. IV+561.—*В. Я.*—б) Русская историческая библіотека, издаваемая археографическою коммисіею, томъ осьмый. С.-Петербургъ, 1884 г.—*О. Л.*—в) О родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. 1871 г., 8°. 157 стр. Сказаніе о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. Кіевъ, 1884 г., 8°. 131 стр.—*А. Лазаревскаго.*—г) Сулимовскій Архивъ—фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей. Кіевъ, 1884 г. Издатель А. Лазаревскій.—*В. А.* 321

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) VI Археологическій съѣздъ въ Одессѣ.—б) Два случая изъ борьбы крестьянъ съ евреями за аренду казенныхъ земель.—*С—ва.*—в) Нѣсколько словъ о домикѣ Котляревскаго въ г. Полтавѣ.—Сообщ. *В. Е. Бучневичъ.*—г) Лиментація кіево-братскихъ монаховъ конца XVII в. д) Дополнительное свѣдѣніе о

стр.

бывшихъ на ладожскомъ каналѣ козакахъ.—Сообщ. *Дм. Багалѣй.*—е) Распродажа въ Вишневецкомъ замкѣ.—*В. Горленка.*—ж) Къ портрету Кирилла Терлецкаго. з) Поправка и объясненіе. 337

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (*Продолженіе*). . . . . .97—113

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Кирилла Терлецкаго.

Ноябрь, 1884 г.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ. (Историко-этнографическія замѣтки). (*Продолженіе*). **И. Житецкаго** 371

II. ЦЕРКОВЬ И ВИЗАНТІЙСТВО. **Ор. Миллера** 419

III. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА А. Я. СТОРОЖЕНКА 447

IV. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА. (Род. 1676 г. ум. 1727 г.). (*Продолженіе*) . 478

V. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ВОЗНИКНОВЕНІЯ И РАСПРОСТРАНЕНІЯ ШТУНДЫ НА ЮГѢ РОССІИ. (*Продолженіе*). **П. Л—ва** . . 499

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Д. Я. Самоквасовъ. Исторія русскаго права. Вып. II. Происхожденіе славянъ. Происхожденіе русскихъ славянъ. Варшава. 1884 г.—*М.*—б) Исторія университета св. Владиміра. Сост. орд. проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Т. 1. Кіевъ. 1884 г.—*К. Цыбульскаго.*—в) Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть вторая. С.-Петербургъ. 1884 г.—*Н. Малышевскаго.*—г) Къ исторіи южно-русской литературы семнадцатаго столѣтія. Выпускъ I. Лазарь Барановичъ. Н. О. Сумцова. Харьковъ. 1885 г.—*Ѳ. Н.* 509

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи газетно-журнальнаго дѣла въ Кіевѣ.—*В. Науменка.*—б) Давно забытая древнѣйшая кіевская святыня.—в) Сосѣдственно-пріятельское письмо Богдана Хмельницкаго къ царю Алексѣю Михайловичу.—г) Изъ письма въ редакцію о нѣмецко-хохлацкой штундѣ.—*Бориса П—скаго.*—д) Еще объ одномъ портретѣ кисти Боровиковскаго.—*В. Чеважевскаго.*—е) Изъ народныхъ разсказовъ о кладѣ.—*О. Р. К—аго*—ж) Отвѣтъ малороссійскихъ козаковъ украинскимъ слобожанамъ.—з) Саврадимка. (Пѣсня).—Сообщ. *Алексѣй Грабина* 529

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) (*Продолженіе*). . . . . 113—128

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Декабрь, 1884 г.

стр.

I. СОФІЯ—ПРЕМУДРОСТЬ БОЖІЯ ВЪ ИКОНОГРАФІИ СѢВЕРА И ЮГА РОССІИ. **П. Л—ва** 555

II. ЕВРЕЙСКІЙ ДОКУМЕНТЪ О ПОСОЛЬСТВАХЪ СВ. ВЛАДИМІРА ДЛЯ ИСПЫТАНІЯ ВѢРЪ. **Іоны Берхина**. 585

III. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). *(Продолженіе)*. **И. Левицкаго** 586

IV. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА. *(Окончаніе)*. 621

V. КОБЗАРИ И ЛИРНИКИ. *(Окончаніе)*. **В. Горленка**. 639

VI. ВОПЛЬ МАЗЕПЫ. Сообщ. **С. Н. И.** 658

VII. ПИСЬМА ГРАФА АРАКЧЕЕВА КЪ Г. И. ЛИСАНЕВИЧУ. 673

VIII. ДОКЛАДЪ ГРАФА П. А. РУМЯНЦЕВА ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II 1781 ГОДА. Сообщ. **А. Ѳ. Кистяковскій**. 693

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Французскій этюдъ о Мазепѣ.—*В. Горленка.*—б) Архивъ юго-зап. Россіи, изд. врем. коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Часть первая. Томъ VI. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси (1322—1648). Кіевъ, 1883.—*П. Каманина.*—в) А. А. Осдотовъ-Чеховскій. Акты греческаго нѣжинскаго братства. Кіевъ, 1884 года.—*В. А.*—г) Историч. матеріалы изъ архива кіев. губ. правленія. Выпускъ 7-й. Сост. ред. К. Г. Вѣдомостей, А. Андріевскій. Кіевъ. 1884 годъ.—*К. Цыбульскаго* . . 704

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Два эпизода изъ слѣдовательской дѣятельности А. П. Стороженка.—*Н. Стороженка.*—б) Изъ дѣлъ объ оскорбленіи гетманской чести.—*Ал. Андр.*—в) Любопытный сборникъ документовъ въ Гадячѣ.—*Николая Бакая.*—г) Еще нѣсколько словъ объ имуществѣ пр. Иринея Фальковскаго.—*А. Тихова.*—д) Эпизодъ изъ авторско-издательской дѣятельности Т. Г. Шевченка.—е) Памятникъ прежнихъ отношеній пасомыхъ къ своему архипастырю.—*В. А.*—ж) Заговоры на просо и пшеницу.—Сообщ. *Н. Н.*—з) Ура безъ двухъ буквъ.—*Ивана П. Савченка.*—и) Б. М. Маркевичъ въ роли сельскаго педагога.—*Б. Д—ра.*—і) Пѣсня о сербѣ.—Сообщ. *В. Ястребовъ*. 724

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ. ОБЪЯВЛЕНІЯ. БИБЛІОГР. ИЗВѢЩЕНІЕ.

СОФІЯ—ПРЕМУДРОСТЬ БОЖІЯ
ВЪ ИКОНОГРАФІИ СѢВЕРА И ЮГА РОССІИ.

Икона Софіи-премудрости Божіей, не встрѣчающаяся на православномъ востокѣ и неизвѣстная неправославному западу, существуетъ во многихъ церквахъ Россіи, а преимущественно въ тѣхъ, которыя посвящены имени Софіи-премудрости Божіей. Отличаясь нѣкоторыми частностями въ своемъ составѣ, она имѣетъ два главныхъ вида или типа, въ иконахъ *новгородской* и *кіевской*.

Съ *новгородской* иконой Софіи-премудрости Божіей сходны иконы того же имени, находящіяся въ архангельскомъ и вологодскомъ софійскихъ соборахъ. Съ кіевской иконой сего имени сходна храмовая икона тобольскаго софійскаго собора. Всѣ прочія иконы Софіи-премудрости Божіей, находящіяся въ различныхъ храмахъ Новгорода, Москвы и другихъ великороссійскихъ городовъ, представляютъ собою варіанты храмовой иконы новгородскаго софійскаго собора съ разными добавленіями, иногда довольно неудачными. Находя излишнимъ вдаваться въ исчисленіе оттѣнковъ иконы Софіи-премудрости Божіей, измышленныхъ нашими иконниками XVI и XVII вѣка, остановимъ вниманіе на двухъ главныхъ ея видахъ: на храмовыхъ иконахъ новгородскаго и кіевскаго каѳедральныхъ соборовъ.

Въ новгородской иконѣ Софіи-премудрости Божіей на первомъ планѣ представляется человѣкообразная фигура юношескаго возраста, подобная ангелу, съ длинными, раздѣленными на двое волосами, спускающимися до плечъ въ видѣ локоновъ, и съ большими крыльями. Вся фигура и ея крылья краснаго или огненнаго цвѣта. Одѣта

она въ царскій хитонъ или саккосъ, съ омофоромъ и бармами поверхъ саккоса; на головѣ ея вѣнецъ съ городами, въ правой рукѣ длинный жезлъ съ крестомъ вверху, а въ лѣвой—свитокъ. Она возсѣдаетъ на византійской подушкѣ золотаго престола, который поддерживается 7-ю столбиками и 4 ножками, ноги ея покоятся на малой круглой подушкѣ. По сторонамъ огнезрачной фигуры, на отдѣльныхъ квадратныхъ подставкахъ, предстоятъ въ наклонномъ положеніи: справа св. Дѣва съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на кругломъ дискѣ, держимомъ у груди обѣими руками; съ лѣвой стороны—св. Іоаннъ Предтеча въ власяницѣ и хламидѣ, съ поднятой для моленія правой и съ опущенной внизъ лѣвой рукой, которою онъ держитъ развернутый свитокъ. Надъ головой огнезрачной фигуры, въ маломъ кругѣ, на лучезарной звѣздѣ, поясной образъ Спасителя, который благословляетъ обѣими руками на обѣ стороны. Выше Спасителя, во всю ширину иконы, радуга украшенная рядомъ звѣздъ, а посреди ея—престолъ, на которомъ лежитъ книга; предъ престоломъ скамейка съ приклоненными къ престолу восьми-конечнымъ крестомъ и копьемъ — орудіями Христовыхъ страданій.

Кіевская икона Софіи-премудрости Божіей изображаетъ св. Дѣву съ воздѣтыми горѣ руками и съ младенцемъ Іисусомъ въ ея лонѣ. Св. Дѣва стоитъ подъ 7-столпною сѣнью или ротондою на серповидной лунѣ, поддерживаемой облакомъ, подъ коимъ большой амвонъ о 7-ступеняхъ. На первой, нижней ступени амвона написало Вѣра, на 2-й Надежда, 3-й Любовь, 4-й Чистота, 5-й Смиреніе, 6-й Благодать, на 7-й Слава. По ступенямъ того-же амвона стоятъ праотцы и пророки: справа—Моусей, Ааронъ и царь Давидъ; слѣва—Исаія, Іеремія, Іезекіиль и Даніилъ, каждый съ символическимъ знакомъ и хартіей въ рукѣ. На 7-столбахъ ротонды, въ кругахъ подъ капителями коринѳскаго ордена, изображены въ вѣнкахъ эмблемы 7 даровъ св. Духа съ соотвѣтствующими надписями изъ Апокалипсиса. По карнизу сѣни строчная надпись: «*Премудрость созда себѣ домъ и утверди столбовъ седмь*». Надъ сѣнію или ротондою изображены въ лучахъ: Богъ Отецъ благословляющій и подъ нимъ св. Духъ, въ видѣ голубя, въ свѣтозарномъ облакѣ. По сторонамъ отъ Бога Отца 7 крылатыхъ ангеловъ, поддерживаемыхъ облаками, справа: Михаилъ, Уріилъ и Рафаилъ; слѣва—

Гавріилъ, Салафіилъ, Іегудіилъ и Варахіилъ съ символическими знаками въ рукахъ.

О новгородской иконѣ Софіи-премудрости Божіей имѣется уже довольно полное изслѣдованіе г. Филимонова, помѣщенное въ Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства за 1874 годъ. Г. Филимоновъ въ своемъ изслѣдованіи 1) говоритъ, что существованіе иконографическихъ элементовъ этой иконы усматривается еще въ XI вѣкѣ и полагаетъ, что новгородская икона Софіи есть одна изъ древнѣйшихъ по составу иконъ въ Россіи и сама собою древнѣйшая редакція иконъ этого имени; 2) признавая эту икону символическою, онъ утверждаетъ, что въ ней олицетворена премудрость въ видѣ *женоподобной фигуры*, иначе сказать богини, а все прочее въ этой иконѣ составляетъ дополненіе, сдѣланное уже въ смыслѣ христіанской церкви для выраженія того, что Христосъ есть божественная премудрость. Что въ составъ новгородской Софіи вошли элементы иконописи XI вѣка, это очевидно для всякаго сколько нибудь знакомаго съ иконописными формами восточной церкви, но гдѣ именно взяты эти элементы и когда изъ нихъ образовалась икона, получившая въ Новгородѣ названіе Софіи-премудрости Божіей,—на этотъ естественный вопросъ у г. Филимонова нѣтъ хотя сколько нибудь близкаго отвѣта. Если-бы эта икона произошла въ XI вѣкѣ или раньше XI вѣка, то по всей вѣроятности она могла бы сохраниться и въ церквахъ восточныхъ, по крайней мѣрѣ могли бы сохраниться о ней какія-нибудь извѣстія у греческихъ или у нашихъ писателей. Но ни иконъ сего рода, ни извѣстій о нихъ не было и нѣтъ до XVI вѣка. Очевидно, что новгородская икона Софіи-премудрости Божіей не изъ древнѣйшихъ иконъ въ Россіи. Что касается происхожденія центральной фигуры на новгородской иконѣ Софіи-премудрости Божіей, то, намъ кажется, трудно представить, чтобы кто нибудь изъ христіанъ XI вѣка дерзнулъ изображеніе какой нибудь музы или языческой богини выдавать за ликъ святой, достойный имѣть мѣсто въ храмѣ христіанскомъ. Всякая попытка въ этомъ смыслѣ была-бы отвергнута на востокѣ, такъ какъ символическія изображенія воспрещены VI вселенскимъ соборомъ, почему воспрещено было даже символическое изображеніе Христа въ видѣ агнца. Несомнѣнно, что икона Софіи-премудрости Божіей впервые стала извѣстной только у насъ въ Россіи,

и первое извѣстіе о ней относится къ 1528 году, когда новгородскій архіепископъ, въ послѣдствіи московскій митрополитъ, Макарій расположилъ въ новомъ порядкѣ иконы иконостаса въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ. Въ Москвѣ центральная фигура новгородской иконы Софіи, изображающая Спасителя въ видѣ ангела съ крыльями, появляется въ половинѣ XVI вѣка, когда послѣ пожара, опустошившаго московскія церкви, иконники, вызванные митрополитомъ Макаріемъ изъ Новгорода, стали писать въ московскихъ церквахъ иконы въ такъ называемыхъ притчахъ, олицетворяя въ нихъ содержаніе нѣкоторыхъ церковныхъ стиховъ. Таковыми были изображенія: 1) *Богъ Отецъ въ видѣ ветхаго деньми,* 2) *Троецкое дѣяніе,* 3) *Почи Богъ отъ дѣлъ своихъ,* 4) *Совѣтъ превѣчный,* гдѣ Господь Іисусъ Христосъ изображенъ восѣдящимъ на херувимахъ съ крестомъ въ лонѣ Отца; 5) Богъ Саваоѳъ, изливающій изъ сосуда на Христа, стоящаго въ херувимѣхъ на крылѣхъ, 6) *Духъ святый въ видѣ голубя* и 7) о Адамовомъ сотвореніи, гдѣ *Сынъ Божій* представленъ *въ видѣ ангела съ крыльями.* Появленіе такихъ изображеній было новостію для Москвы и произвело даже волненіе въ народѣ подъ вліяніемъ рѣчей дьяка Висковатого. Висковатый «о тѣхъ иконахъ сомнѣніе имѣлъ и вопилъ и возмущалъ народъ православныхъ крестьянъ, въ соблазнъ и попощеніе многимъ», утверждая, что иконники «поставили свои мудрованія, толкующе отъ притчъ». Особенно ему казалось несообразнымъ изображеніе Сына Божія въ видѣ ангела съ крыльями. Онъ думалъ даже, не скрывается ли въ изображеніи Сына Божія *въ видѣ ангела съ крыльями* еретическая мысль, будто Сынъ Божій принадлежитъ къ числу служебныхъ духовъ. Митрополитъ отвѣчалъ Висковатому, что живописцы изображаютъ Сына Божія въ видѣ ангела по пророчеству о немъ Исаіи, который называетъ Его *Ангеломъ велика совѣта, Богомъ крѣпкимъ* и проч., и что они писали по древнимъ образцамъ Аѳона, Греціи, Новгорода.

Ссылка м. Макарія на новгородскіе образцы показываетъ, что онъ разумѣлъ здѣсь новгородскую икону Софіи-премудрости Божіей, которой не могъ не знать, бывши предъ тѣмъ новгородскимъ архіепископомъ. Если изображеніе Сына Божія въ видѣ крылатаго ангела, которое составляетъ главную фигуру въ новгородской иконѣ Софіи, не было извѣстно въ московской Руси до половины XVI в.,

если появленіемъ своимъ въ Москвѣ оно возбудило даже толки и недоумѣнія; то нѣтъ сомнѣнія, что икона эта не особенно древняго происхожденія. Откуда-же взяты и какъ перешли къ намъ тѣ византійскіе элементы, изъ которыхъ составлена новгородская икона Софіи-премудрости Божіей?

Въ этой иконѣ можно различать двѣ главныхъ части: 1) центральную фигуру въ видѣ огненнаго ангела съ крыльями и 2) дополненія къ ней, состоящія изъ дуги, престола, книги на немъ и изъ двухъ фигуръ, находящихся вправо и влѣво отъ центральной фигуры—Божіей Матери и св. Іоанна Предтечи. То, что составляетъ въ этой иконѣ дополненіе, мы встрѣтили въ описаніи мозаикъ константинопольской Софіи, сдѣланномъ при послѣдней ея реставраціи Зальценбергомъ. Здѣсь сказано: если идти съ запада къ востоку внутри храма св. Софіи, то на дугѣ 2-й пары главныхъ устоевъ представляется медальонъ въ 6-вершковой рамѣ изъ радужныхъ цвѣтовъ, а въ медальонѣ золотой, на низкихъ ножкахъ, столъ подъ синимъ покровомъ, отороченнымъ бѣлой бахромой; на столѣ—золотая книга въ красноватомъ переплетѣ, а поверхъ книги золотой крестъ изъ трехъ перекладинъ, изъ коихъ средняя длиннѣе прочихъ двухъ. По спускамъ дуги, вправо—цѣльная фигура Іоанна Предтечи съ длинными, спускающимися по плечамъ волосами и съ раздвоенной бородой, въ одеждѣ изъ бурой косматой кожи, прикрытой платомъ свѣтлаго цвѣта, перекинутымъ чрезъ плечо; влѣво, на сѣверномъ устоѣ, противъ Іоанна Предтечи—Дѣва Марія съ простертыми впередъ дланьми. Обѣ фигуры представлены въ движеніи къ центру». И такъ здѣсь, на одной изъ аркъ константинопольской Софіи, почти все, чѣмъ обставленъ ликъ огнезрачной крылатой фигуры на иконѣ новгородской Софіи. Недостаетъ только медальона съ ликомъ благословляющаго Спасителя. Но какъ извѣстно, что Спаситель въ этомъ видѣ всегда, въ древности, помѣщался на плафонѣ свода, между дугой конхи и дугой восточной пары устоевъ, и по всей вѣроятности былъ также изображенъ и на плафонѣ константинопольскаго Софійскаго храма, то для цареградскаго иконника интересно было скопировать и этотъ ликъ, чтобы помѣстить его подъ радужной дугой медальона, измѣнивъ только положеніе фигуры Спасителя изъ горизонтальнаго въ прямое. Перенеся все это на доску или на полотно, оставалось еще чѣмъ-

нибудь наполнить пустое пространство въ срединѣ арки. Естественно, въ престолѣ съ книгой на немъ усматривалось изображеніе премудрости Божіей, но златый престолъ и разноцвѣтная дуга вмѣстѣ могли воспроизвести въ воображеніи иконника символическій ликъ, описанный въ 4-й главѣ Апокалипсиса такъ: «*и видѣхъ иного ангела крѣпка, сходяща съ небесе, и дуга надъ главою его яко солнце, и нозѣ его яко столпы огненны* (гл. 10, ст. 1.); *се престолъ стояше на небеси и на престолѣ сѣдящъ. И сидяй бѣ подобенъ видѣніемъ камени іаспису и сардинови, и бѣ дуга окрестъ престола подобна видѣніемъ смарагдови* (гл. 4, ст. 2). Видѣніе Даніила могло напомнить изографу видѣнный пророкомъ престолъ Ветхаго деньми, *аки пламень огненный* (7, 9), и припомнить ему сродное видѣніе тайновидца Іоанна, которому видѣлся *на облацѣхъ сѣдяй — подобенъ Сыну человѣческому, имѣяй на главѣ своей вѣнецъ златъ* (Апок. 14, 14). Если изографъ знакомъ былъ съ памятниками христіанской древности, то ему могло быть небезъизвѣстнымъ, что на древнихъ христіанскихъ саркофагахъ между фигурами трехъ отроковъ, брошенныхъ въ вавилонскую пещь, помѣщалось четвертое лице, одной рукой благословляющее, а въ другой держащее свитокъ, которое при иллюстраціи красками должно было представляться огненнымъ, какъ отражавшее на себѣ лучи пылавшаго въ пещи пламени. Изографъ стараго времени, безъ сомнѣнія, зналъ церковныя службы, поэтому ему, конечно, также извѣстна была церковная пѣснь праздника Срѣтенія Господня: «На престолѣ *огнезрачнѣмъ сѣдяй* со Отцемъ и божественнымъ Духомъ благоволилъ еси родитися на земли отъ отроковицы, неискусомужныя твоея Матере». Нельзя также думать, чтобы знакомый съ востокомъ и съ иконографіей св. Софіи константинопольской изографъ не зналъ, что Софія, которой посвященъ знаменитый Юстиніановъ храмъ, есть воплощенная премудрость, Сынъ Божій, Іисусъ Христосъ, предвозвѣщенный у пророковъ подъ именемъ *ангела велика совѣта, властелина, Его-же начальство на раменѣхъ Его.* (Иса. 9, 6. 7). Такимъ образомъ у церковнаго изографа могли быть въ виду всѣ элементы, усматриваемые въ деталяхъ центральной огнезрачной фигуры на новгородской иконѣ Софіи—премудрости Божіей, а потому не было ему никакой надобности обращаться къ античнымъ, языческимъ элементамъ для представленія воплощенной премудрости Божіей въ образѣ болѣе выразительномъ, чѣмъ книга на златомъ престолѣ,

находившаяся вверху арки Софійскаго храма. Желая представить эту премудрость въ живомъ, воодушевленномъ образѣ, онъ пользовался не языческими, а библейскими элементами и олицетворилъ ее въ видѣ ангела съ жезломъ въ одной и съ свиткомъ въ другой рукѣ. Такъ какъ чудное отроча, сынъ будущаго вѣка, у пророка называется не только ангеломъ велика совѣта, но и *властелиномъ, княземъ мира, владычество коего на раменахъ Его* (Иса. IX, 6—7) и коего царствованію на престолѣ Давида нѣтъ предѣла; то изографъ, соотвѣтственно сему, облекъ его въ царскую одежду, возложилъ на главу его вѣнецъ, а на плечи царскія бармы и посадилъ на царскомъ, огнезрачномъ престолѣ. Отъ огнезрачнаго престола огненный отблескъ долженъ былъ отразиться не только на фигурѣ возсѣдящаго ангела, но и на близкихъ къ нему ликахъ Божіей Матери и св. Іоанна Предтечи. Шесть ангеловъ, благоговѣйно преклоненныхъ по обѣ стороны стола, на которомъ вверху арки лежитъ книга, обычный символъ премудрости, составляютъ дополненіе картины, которое, вѣроятно, было нѣкогда на той-же аркѣ въ храмѣ Софіи, но не уцѣлѣло до нашего времени. Таково по нашему мнѣнію происхожденіе и таковъ смыслъ новгородской иконы Софіи—премудрости Божіей. Въ центрѣ ея находится не античное, а библейское олицетвореніе премудрости. Это не женское, но и не мужеское лице; это не св. Дѣва, а воплощенная премудрость, Господь Іисусъ Христосъ въ видѣ ангела новаго завѣта, облеченный аттрибутами царской власти, а рамой этой картинѣ служатъ изображенія, скопированныя съ одной изъ аркъ константинопольскаго храма св. Софіи.—Вопросъ о томъ, когда составлена новгородская икона Софіи, разрѣшается отчасти временемъ самыхъ мозаикъ на 2-й парѣ устоевъ цареградской Софіи. Мозаики эти принадлежатъ императору Іоанну Палеологу (1355—1424 г.). Онъ исправлялъ ветхости Юстиніанова храма и добавилъ въ немъ нѣсколько мозаическихъ изображеній, которыя отличаются отъ древнѣйшихъ VI вѣка мозаикъ менѣе строгими позами фигуръ, меньшимъ совершенствомъ въ ихъ выполненіи и характеромъ самаго шрифта подписей на фигурахъ Божіей Матери и Іоанна, переходящихъ въ скоропись. Подъ фигурой Божіей Матери здѣсь—на спускѣ арки изображенъ и самъ императоръ Іоаннъ Палеологъ. Слѣдовательно новгородская икона Софіи могла быть составлена не раньше 2-й

половины XIV в. и не позже 1-й половины XV вѣка, въ которомъ Константинополь взятъ турками. Этимъ временемъ, довольно позднимъ въ иконографіи византійской, объясняется и *осьмиконечіе* креста, приклоненнаго къ книгѣ, лежащей поверхъ престола на аркѣ. Изображеніе такого креста имѣется въ Аѳонскомъ Ватопедскомъ монастырѣ на иконѣ св. апостоловъ Петра и Павла, съ подписью, что икона эта есть приношеніе Андроника, благочестиваго царя Палеолога (1282—1341 г.). Тамъ-же находится большой запрестольный осьми-конечный крестъ, бывшій у насъ въ Россіи не малое время при Иванѣ Васильевичѣ IV и слывшій подъ именемъ креста Константинова, но никакъ не принадлежащій его времени, и который по всей вѣроятности послужилъ поводомъ къ особенному чествованію осьми-конечнаго креста въ сѣверо-восточной Руси, дошедшему у раскольниковъ до порицанія древнѣйшаго креста, четвероконечнаго. Изображеніе апостола Петра съ ключами на андрониковой иконѣ показываетъ достаточно, что какъ эта икона, такъ и изображенный на ней 8-конечный крестъ не чисто византійскаго происхожденія, а составлены подъ вліяніемъ западнаго, италіанскаго искусства. Въ Новгородѣ икона Софіи, какъ сказано выше, была уже въ 1528 году, когда новгородскимъ архіепископомъ Макаріемъ сдѣлано переформированіе иконостаса новгородскаго софійскаго собора и новое размѣщеніе въ немъ иконъ. Но замѣчательно, что новгородская лѣтопись, передавая извѣстіе объ этомъ, не причисляетъ икону Софія къ цареградскимъ иконамъ. Установленіе новгородскимъ архіепископомъ Геннадіемъ въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ нарочитаго праздненства только въ день Успенія Божія Матери, съ крестнымъ ходомъ изъ всѣхъ новгородскихъ церквей и отмѣной подобныхъ торжествъ съ крестными ходами, бывшихъ дотолѣ во всѣ двунадесятые праздники, послужило въ XVI вѣкѣ основаніемъ считать день Успенія Божіей Матери храмовымъ праздникомъ новгородскаго софійскаго собора и дало поводъ видѣть уже на иконѣ Софіи-премудрости Божіей не ангела, а женскій идеалъ приснодѣвства Божіей Матери. Затѣмъ являются въ Новгородѣ и толкованія Софіи-премудрости Божіей, въ которыхъ говорится, что образъ премудрости Божіей Софіи «проявляетъ собою Пресвятыя Богородицы не изглаголаннаго дѣвства чистоту; имать же дѣвство лице дѣвиче огненно... и надъ главою имѣетъ Христа

и на высотѣ простерты небеса». Детали огневидной фигуры, сидящей на престолѣ, какъ то: царскій вѣнецъ, огненныя крылья, свитокъ, препоясаніе, семь столповъ престола, подножный камень толкуются также въ примѣненіи къ дѣвству вообще и къ дѣвству Пресвятыя Богородицы въ частности. Но въ службѣ Успенію Божіей Матери, совершаемой въ новгородскомъ софійскомъ храмѣ въ этотъ праздникъ, между пѣснями въ честь Успенію Богородицы помѣщено немало стихиръ, въ которыхъ понятіе о Софіи-премудрости Божіей двоится: подъ нею разумѣется то Іисусъ Христосъ— Ѵпостасное Слово Божіе, то Богоматерь въ отношеніи къ тайнѣ воплощенія и своему приснодѣвству.

Кіевской иконѣ Софіи-премудрости Божіей г. Филимоновъ усвояетъ позднѣйшее происхожденіе, относя составъ ея лишь къ XVIII в. Положимъ, что древнихъ иконъ, совершенно сходныхъ съ кіево-софійскою, не сохранилось у насъ въ Россіи, и находящаяся нынѣ въ числѣ намѣстныхъ иконъ храмовая икона кіево-софійскаго собора дѣйствительно принадлежитъ половинѣ XVIII вѣка. Но въ московской Благовѣщенской церкви на Бережкахъ, по сообщенію самаго-же г. Филимонова, до 1849 года была замѣчательная икона Софіи-премудрости Божіей кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго не позже 1707 года, въ которомъ онъ умеръ, сгорѣвшая въ Гуслицкомъ монастырѣ вмѣстѣ съ другими древними иконами, собранными туда изъ московскихъ церквей. Совершенно сходная съ кіевскою, храмовая икона Тобольскаго софійскаго собора принадлежитъ XVII вѣку. Сопровождавшій антіохійскаго патріарха Макарія въ 1654 г. діаконъ Павелъ видѣлъ въ кіево-софійскомъ соборѣ храмовую икону Софіи-премудрости Божіей, которая по его описанію, въ главномъ совершенно сходна съ нынѣ находящеюся на томъ-же мѣстѣ. Извѣстно также, что еще раньше сего митрополитъ кіевскій Петръ Могила посылалъ царю Михаилу Ѳедоровичу на благословеніе икону Софіи-премудрости Божіей. Наконецъ, авторъ синодальной рукописи, приводимой г. Филимоновымъ, монахъ Ефимій XVII вѣка, сказавши, что приличнѣе писать св. Софію воплощеннаго Христа Бога, добавилъ: *«якоже и видится пишемый образъ св. Софіи*, по пророчеству мудраго [illegible] *имущь внутрь Христа и столпы седмь и надъ столпами Духъ [illegible]ный въ голубинѣ образѣ»*. Хотя монахъ Ефимій конечно, [illegible] при

этомъ въ виду не кіевскую икону, а новгородскія такъ называемыя крестныя иконы Софіи-премудрости Божіей, изъ коихъ одна находится въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ, а другая въ крестовоздвиженской церкви Юрьева монастыря, а также новгородскую софійскую икону, извѣстную подъ названіемъ «Отрыгну сердце мое»; но замѣчаніе его въ равной мѣрѣ можно относить и къ кіевской иконѣ Софіи. Кромѣ того, архитектурная часть вышеупомянутыхъ новгородскихъ иконъ, а въ особенности крестной, таже, что и въ кіевской иконѣ Софіи; почему эти иконы можно считать особыми редакціями кіевской. Новгородскія иконы отличаются отъ кіевской иконы Софіи только тѣмъ, что на нихъ Спаситель изображенъ не въ лонѣ Богоматери, а на крестѣ, изображеніе Бога Отца вверху св. Духа замѣняется образомъ благословляющаго обѣими руками Спасителя и святые стоятъ группами не по ступенямъ семи-столпной сѣни, а по ея бокамъ, однѣ надъ другими [1]). На иконѣ «Отрыгну сердце мое» есть почти все, что и въ кіевской: только Спаситель представленъ не въ видѣ младенца, а въ совершенномъ возрастѣ, возсѣдающимъ на тронѣ между двумя архангелами, подобно Богоматери на Влахернской иконѣ, и нѣтъ 7-столпной сѣни. Въ особенности замѣчательно, что на послѣдней иконѣ изъ устъ Спасителя ниспадаютъ внизъ на пораженныхъ людей лучи, которые оканчиваются надписью: «людіе предъ тобою падутъ въ сердце врагъ царевыхъ»; ибо нѣчто подобное сему, по описанію діакона антіохійскаго Павла, въ XVII в. было и на кіевской иконѣ св. Софіи, именно: на ней, подъ семи-столпною сѣнію, былъ изображенъ «драконъ, держащій лукъ и стрѣлы, а вокругъ его персіане съ луками и стрѣлами и группа франковъ съ пушками и мушкетами», т. е. было изображено сатанино воинство, воинствующее на церковь. По его же описанію на одной изъ сѣверныхъ дверей кіево-софійскаго собора были изображены Софія и св. Духъ, отъ котораго падаютъ лучи на церковь, и представлена борьба персіанъ съ франками, которые стрѣляютъ изъ пушекъ и мушкетовъ противъ франковъ, вооруженныхъ луками. При такомъ сходствѣ съ кіевской иконой Софіи новгородскихъ иконъ тогоже имени, которыя г. Филимо-

---

[1]) На иконѣ новгородскаго Юрьева монастыря есть и символы 7-ми даровъ св. Духа, и Вѣра, Надежда, Любовь.

новъ относитъ къ XVI в., надлежало-бы къ тому-же XVI в. причислить и первую изъ нихъ, т. е. кіевскую. Но есть основаніе думать, что кіевская икона Софіи-премудрости Божіей еще древнѣе, потому что входящіе въ составъ ея элементы находятся на иконахъ того-же имени древнѣйшихъ XVI вѣка. Такъ храмъ, украшенный 7 колоннами, съ Богоматерью и Предвѣчнымъ при ней Младенцемъ въ кругѣ, изображенъ на иконѣ Премудрости, принадлежащей графу Уварову [1]) и относящейся къ XV в.; все отличіе ея отъ кіевской иконы состоитъ въ томъ, что храмъ этотъ не въ видѣ сѣни, а въ формѣ древней базилики; въ семи кругахъ, выше главы Богоматери, не 7 даровъ св. Духа, а 7 духовъ въ три ряда, одинъ надъ другимъ, и Богоматерь не стоитъ, а сидитъ на тронѣ, вправо отъ колоннады. Такъ графу Банти во Франціи принадлежитъ русская икона XV вѣка, содержаніе коей «*Премудрость созда себѣ домъ*», «зробленная», какъ гласитъ надпись на ней, повелѣніемъ благовѣрнаго князя Ѳеодора Ивановича Ярославича, пинскаго князя, за которымъ была дочь кіевскаго князя Симеона Олельковича († 1471 г.) [2]). Въ константинопольской патріаршей церкви, на 2-й колоннѣ отъ алтаря, находится поступившая сюда съ Аѳона или изъ константинопольской сербской церкви 1521 года, икона Премудрости, на коей Божія Матерь изображена съ младенцемъ Іисусомъ на рукахъ, съ предстоящими ей по правую сторону Соломономъ и Даніиломъ, а по лѣвую Давидомъ и Исаіею, изъ коихъ у каждаго въ рукѣ свитокъ и на свиткѣ Соломона слова: *Премудрость созда себѣ домъ* и проч. Изображеніе Божіей Матери съ младенцемъ Іисусомъ, не держимымъ на рукахъ, а только предъявляемымъ міру въ ея лонѣ, было въ употребленіи и на печатяхъ константинопольскихъ патріарховъ, какъ символъ каѳедральнаго ихъ храма Премудрости Божіей, въ центрѣ котораго, на запрестольной стѣнѣ, находилось такое-же мозаическое изображеніе, уцѣлѣвшее до нынѣшняго времени. Такое-же изображеніе употреблялось и употребляется нынѣ на печатяхъ кіевскихъ митрополитовъ, съ добавленіемъ семи-столпной сѣни.

---

[1]) Древности, изд. Моск. археол. общ. Москва 1867 г. сент.—окт.

[2]) Melanges d'Archéologie въ статьѣ г. Филимонова о Софіи-премудрости Божіей.—Вѣстн. древне-рус. искусства, 1874 г. 1—3.

Послѣ этихъ историческихъ указаній на древность главныхъ составныхъ частей кіевской иконы Софіи-премудрости Божіей еще остается открытымъ вопросъ, которая икона этого имени древнѣе, кіевская или новгородская.

На кіевской иконѣ, изображающей Іисуса Христа въ лонѣ св. Дѣвы, выражено воплощеніе Сына Божія. Но, всмотрѣвшись внимательнѣе въ составъ этой иконы въ томъ видѣ, какъ она была въ XVII вѣкѣ, нужно признать, что въ ней вмѣстѣ съ тайной премудрости, явленной въ воплощеніи Сына Божія отъ Дѣвы, представлено и апокалипсическое видѣніе о борьбѣ сѣмени жены съ дракономъ. Въ Апокалипсисѣ тайновидецъ пишетъ, что въ видѣніи ему показалась на небѣ «*жена облеченная въ солнце, подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ 12 звѣздъ. Предъ этой женой, которой надлежало родить, былъ драконъ съ 7 головами и съ 9 рогами. Жена родила Сына, которому надлежало пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ. Драконъ преслѣдуетъ жену, которая родила Сына, и даны женѣ два крыла, чтобы она летѣла въ пустыню. И вступилъ драконъ въ брань съ прочими отъ сѣмени жены, сохраняющими заповѣди Божія и имѣющими свидѣтельство Христово*» (Апок. XII, 1, 3, 5, 13, 14, 17).

Все сказанное въ этихъ стихахъ 12 главы Апокалипсиса дѣйствительно было на кіево-софійской иконѣ Софіи-премудрости Божіей. Хотя въ нынѣ существующей иконѣ сего имени недостаетъ вѣнца изъ 12 звѣздъ вокругъ главы Богоматери, нѣтъ уже и 7-главаго дракона, но такой вѣнецъ сохранился на древнѣйшей ея копіи—храмовой иконѣ тобольскаго софійскаго собора и въ рельефномъ изображеніи той-же Софіи-премудрости Божіей на окладѣ евангелія, подареннаго кіево-софійскому собору преосвященнымъ Стефаномъ, митрополитомъ рязанскимъ, въ 1703 году. Седмиглавый драконъ, какъ выше упомянуто, былъ на кіево-софійской иконѣ ниже 7-столпной сѣни, при обозрѣніи кіево-софійскаго собора въ 1653 г. діакономъ Павломъ. Тотъ-же 7-главый драконъ находился подъ ногами Божіей Матери, изображенной въ видѣ крылатой жены съ младенцемъ въ лонѣ, на кіевской иконѣ Софіи конца XVII в., бывшей въ московской церкви на Бережкахъ.

Итакъ мы приходимъ къ слѣд. заключеніямъ: 1) Ни въ новгородской, ни въ кіевской иконѣ Софіи-премудрости Божіей нѣтъ

никакихъ античныхъ элементовъ, заимствованныхъ изъ греческаго или римскаго языческаго міра, и потому отвергаемъ предположеніе, будто центральная фигура въ иконѣ Софіи-премудрости Божіей первоначально была олицетвореніемъ идеи мудрости вообще, въ видѣ дѣвы или музы. 2) Въ новгородской и въ кіевской иконѣ Софіи главное лице есть Сынъ Божій Іисусъ Христосъ, воплощенная премудрость Божія, второе лице св. Тройцы; разность лишь въ томъ, что на новгородской иконѣ Онъ представленъ въ видѣ ангела велика совѣта, а на кіевской—въ видѣ младенца, покоющагося въ лонѣ св. Дѣвы. 3) Составъ той и другой иконы XVI вѣка, а ихъ элементы принадлежатъ болѣе древнему времени. 4) Кіевская икона Софіи съ младенцемъ Іисусомъ въ лонѣ Божіей матери, стоящей посреди седмистолпной сѣни, образовалась не подъ западнымъ, а подъ библейскимъ вліяніемъ. 5) Сличеніе новгородской иконы Софіи премудрости Божіей съ кіевскою иконою того-же имени нисколько не даетъ повода согласиться съ г. Филимоновымъ, что во время появленія этихъ иконъ, въ XVI вѣкѣ, преобладало православіе на сѣверѣ болѣе, чѣмъ на югѣ Россіи.

П. Л—въ.

ЕВРЕЙСКІЙ ДОКУМЕНТЪ
О ПОСОЛЬСТВАХЪ СВ. ВЛАДИМІРА ДЛЯ ИСПЫТАНІЯ ВѢРЪ.

Бывшій одесскій генералъ-губернаторъ и предсѣдатель одесскаго археологическаго общества князь Воронцовъ предложилъ въ 1839 г. евпаторійскимъ караимамъ (черезъ симферопольскаго губернатора Муромцева) нѣсколько вопросовъ, касавшихся ихъ происхожденія, времени переселенія въ Крымъ и пр. Евпаторійскіе караимы обратились къ своему общественному учителю Аврааму Фирковичу, изучавшему караимскія древности и долго путешествовавшему по Востоку, съ просьбой отыскать у древнѣйшихъ караимскихъ общинъ Крыма рукописи, надгробныя надписи и другіе документы, могущіе служить отвѣтомъ на предложенные вопросы.

Согласно съ этой просьбой, Фирковичъ предпринялъ тогда свое первое путешествіе по Крыму и Кавказу, во время котораго онъ собралъ коллекцію изъ 110 различныхъ документовъ. Въ 1856 году Авраамъ Фирковичъ, вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Гавріиломъ Фирковичемъ, совершилъ второе путешествіе по Крыму, а въ 1863 году одинъ старшій Фирковичъ—по Востоку.

Плодомъ всѣхъ этихъ путешествій, неутомимыхъ трудовъ, стараній и расходовъ было огромное собраніе рукописей священныхъ книгъ, разныхъ караимскихъ и раввинскахъ писателей, масса приписокъ и снимковъ съ надгробныхъ памятниковъ — неоцѣнимый матеріалъ для исторіи еврейской литературы, библейской хронологіи, семитической палеографіи и древней этнографіи южной Рос-

сіи [1]). Большая часть этого собранія составляетъ теперь собственность С.-Петербургской Императорской Публичной Библіотеки и одно изъ лучшихъ ея сокровищъ, особенно восточнаго отдѣла [2]).

Въ бытность свою на Кавказѣ, въ 1840—41 г., А. Фирковичъ узналъ отъ стараго раввина въ Дербентѣ, что евреи близь-лежащаго села Маржелисъ съ давняго времени скрыли въ южной стѣнѣ своей старой синагоги нѣкоторые историческіе документы; послѣ долгихъ поисковъ, Фирковичу наконецъ удалось открыть въ ноябрѣ 1840 г. пергаменный свитокъ въ 13 вершковъ длины и 3 $^1/_2$ ширины [3]); на этомъ свиткѣ, составляющемъ теперь собственность Императорской Публичной Библіотеки, находится слѣдующая приписка: [4])

«Когда я пришелъ въ село Тагъ-Базаръ, вблизи Дербента, то нашелъ у Маръ-Іосифа [5]), сына Бахши, текстъ путешествій Іегуды, сына Моисея Мизрахи, скопированный Авраамомъ, сыномъ Симхи Гасфарди, съ приписки къ древнему свитку пятикнижія въ Гамаданѣ. Я скопировалъ (это) для себя въ 5273 г. по сотвореніи (1513 по Р. Х.) во вторникъ, 5-го числа мѣсяца Сиванъ» [6])

Затѣмъ слѣдуетъ приписка вышеупомянутаго Авраама, сына Симхи Гасфарди, слѣдующаго содержанія:

«Я—одинъ изъ вѣрно преданныхъ Израилю [7]) Авраамъ, сынъ Маръ-Симхи изъ города Сафарадъ (; Босфоръ, Керчь; см. ниже) въ царствѣ братьевъ нашихъ, благочестивыхъ прозелитовъ Хазаръ, былъ въ 1682 г. послѣ изгнанія нашего, т. е. 4746 г. по сотворе-

---

[1]) 18 еврейскихъ надгробныхъ надписей изъ Крыма проф. Хвольсона (въ I томѣ Сборника статей по еврейской исторіи и литературы), Спб. 1866 г., стр. 1—2; см. также отчетъ д—ра Штерна.—Записки одес. об. ист. и древ. ч. I, стр. 640—49. Одесса. 1844 г.

[2]) Прилож. къ «Гакармелю». 1863 г., № 24; «День». 1870 г., № 8.

[3]) Хвольсонъ, ibid., стр. 68.

[4]) Обычай писцовъ дѣлать приписки къ переписываемымъ ими книгамъ, какъ извѣстно, существовалъ и у насъ; см. напр. Опис. рук. Румян. муз., л. 721, 725 и 727; Описаніе слав. рук. мос. синод. биб., л. 184.; Опис. рук. Рус. муз., л. 465 и друг. Щаповъ, Рус. расколъ старообряд. Казань, 1859 г., стр. 16, прим. 2; архіеп. Макарія, Истор. рус. церкви, IV, 269.

[5]) Титулъ у евреевъ.

[6]) Хвольсонъ, ibid., стр. 69.

[7]) Подражаніе II книгѣ царствъ, стр. 20, 19.

ніи, по эрѣ, по которой считаютъ братья наши, евреи города Матархи (986 г. по Р. Х.) въ то время, когда послѣ князя Рошъ Мешехъ ([illegible]) изъ города Ціовъ (Кіевъ [1]) пришли къ государю нашему, хазарскому князю Давыду, развѣдывать о дѣлахъ религіи—отправленъ имъ (Давыдомъ) въ Персію и Мидію купить для хазарскихъ общинъ старыя ([illegible]) пятикнижія, книги пророковъ и агіографовъ. Въ Эламѣ, т. е. ([illegible]) Испагани, слыхалъ я, что въ Шушанѣ, т. е. Гамаданѣ, находится старый свитокъ пятикнижія; и когда я туда пришелъ, то братья наши, сыны Израиля, показали мнѣ его среди большаго собранія. Въ концѣ свитка написанъ былъ разсказъ о путешествіяхъ почтеннаго Іегуды корректора. Они говорили мнѣ, что отецъ его первый изобрѣлъ (еврейскіе) гласные знаки и акценты, чтобы облегчить обученіе питомцевъ чтенію писанія (св.). Я просилъ ихъ продать мнѣ этотъ свитокъ, но они на это не согласились. Я скопировалъ упомянутый разсказъ слово въ слово,—такъ какъ я глубоко цѣнилъ слова корректора... Его благочестивыя заслуги да сохранятъ меня, дабы Богъ привелъ меня живаго и благополучно домой, аминь» [2]).

---

[1]) Нужно замѣтить, что другіе древнѣйшіе писатели иностранцы, упоминающіе Кіевъ, еще болѣе коверкаютъ это имя; такъ напр. Cinamus пишетъ Kiamá, Дитмаръ—Cuienwa, Kitawa и Kitana; Адамъ Бремен.—Chiva; другіе пишутъ: Chios, Kiawos, Kujawah, Kuah. (Закревскій. Описаніе Кіева. М. 1868 г., стр. 8).

[2]) Хвольсонъ, ibid., текстъ и переводъ, стр. 69—71, нѣмец. изданіе, стр. 54; Orient, 1841 г., № 33 (по неточному списку; еврейскій журналъ Гакармель ч. II, № 40, стр. 329 (не вся переписка).

Какъ извѣстно, Святославъ одержалъ рядъ побѣдъ надъ хозарами (Лѣтопись по Лаврен. списку, изд. 1872 г. стр. 83—4) и, какъ обыкновенно выражаются, уничтожилъ хозарское царство. Но это вѣрно только отчасти. На сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, особенно въ Крыму, отдѣленномъ отъ Кіева, степями и кочевыми народами, хозаре и долго послѣ Святослава существовали, какъ отдѣльный народъ (Гретцъ. Исторія евреевъ, V, 290, изд. 1883 года); Бестужевъ—Рюминъ, Рус. исторія. I, от. II, 79; Карамзинъ, II, 21, прим. 24); это подтверждается словами Нестора: «Жидове хозарстии пріидоша», а также однимъ еврейскимъ источникомъ, приведеннымъ у Гретца (ibid, V, 455); Гретцъ не безъ основанія говоритъ, что хозарскій царственный домъ съ высшей аристократіей бѣжали въ Испанію только въ 1016 (ibid), а можетъ быть еще позже. Это независимое положеніе хозаръ продолжалось даже и послѣ Мстислава Тмутараканскаго, на что есть ясныя доказательства въ нашей лѣтописи (Соловьевъ, II,

Затѣмъ въ свиткѣ слѣдуетъ приписка самаго Іегуды корректора, которая уже не относится къ предмету нашей статьи, и потому мы ее и не приведемъ; замѣтимъ только, что самый подлинникъ, съ котораго Авраамъ, сынъ Симхи, скопировалъ разсказъ Іегуды, тоже отысканъ (въ Дербентѣ) и съ 1864 года составляетъ собственность императорской публичной библіотеки. Противъ подлинности вышеприведенной приписки Авраама, ясно говорящей, что Владиміръ святой отправилъ пословъ къ хозарамъ для испытанія ихъ вѣры, особенно вооружается д—ръ А. Гаркави [1]). Мы намѣрены въ настоящей статьѣ подвергнуть критической оцѣнкѣ *главныя* возраженія Гаркави противъ подлинности этого документа. Мы не беремся окончательно опровергнуть ихъ: вопросъ на столько сложенъ, доказательства неподлинности документа, благодаря замѣчательной эрудиціи Гаркави, такъ хорошо обставлены, что это врядъ ли и возможно сдѣлать въ одной небольшой статьѣ. Мы только желаемъ такъ сказать пошатнуть безусловную *якобы* вѣрность возраженій Гаркави, его будто-бы неопровержимыя доказательства подложности документа [2]).

Главныя возраженія Гаркавы сводятся къ слѣдующему:

1) Всѣ еврейскіе писатели, какъ раввинскіе, такъ и караимскіе, всегда подразумѣвали подъ именемъ Сафарадъ (ספרד) только Испанію [3]).

29; Костомаровъ, Рус. исторія, I, 42) и имѣли самостоятельныя политическія сношенія съ Византіей (Соловьевъ, ibid; Карам. II, 96, прим. 145). Плано-Карпини упоминаетъ еще нѣсколько разъ о хозарахъ (Карам. IV, 44, прим. 4). Объ упоминаемомъ въ нашемъ документѣ князѣ Давыдѣ говорится еще въ одной изъ приписокъ коллекціи Фирковича, приведенной у Хвольсона (ibid., стр. 75), на основаніи которой мы можемъ заключить, что онъ былъ хазарскимъ княземъ еще во время второго похода Святослава (969г.).

[1]) Въ Извѣстіяхъ императорскаго русскаго археологическаго общества, т. VIII, стр. 499—516 и отдѣльно: по поводу извѣстія Авраама Керченскаго; «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», ч. CXCII, іюль 1877 г., стр. 98—121; «Разсвѣтъ», 1880 г., стр. 379—380, 417—420 и въ нѣсколькихъ мѣстахъ сочиненія его Altjudische denkmäler aus der Krim. Спб., 1876 г.

[2]) «Если документъ этотъ (Авраама Керченскаго) былъ-бы подлиненъ, то... но мы *неопровержимо* доказали его подложность» (Гаркави, Русь и русское въ средневѣковой еврейской литературѣ, Восходъ 1882 года, кн. I, стр. 241).

[3]) Гаркави однакожъ допускаетъ, что Сафарадъ пророка Абадія (20) означаетъ Сперь, одну изъ областей Великой Арменіи. Это мнѣніе принадлежитъ Ибнъ-

2) Слова «[illegible]» Гаркави переводитъ: послы Руси и Москвы, что, по его мнѣнію, уже доказываетъ подложность документа, такъ какъ Аврааму-маръ-Симха въ 986 году не могла быть извѣстна гораздо позже построенная Москва [1]).

3) Въ Кіевѣ и вообще въ южной Руси жили уже тогда евреи и въ отправленіи посольства для ознакомленія съ іудействомъ не было никакой надобности, такъ какъ это было возможно и въ самомъ Кіевѣ [2]).

4) Первоначальный русскій лѣтописецъ, перечисляя народы, къ которымъ были отправлены послы для испытанія вѣръ, не упоминаетъ хозаръ;

5) Такъ, по мнѣнію Гаркави, и должно было быть, такъ какъ евреи получили отъ Владиміра рѣшительный отказъ, когда другіе проповѣдники—только сомнительные отвѣты.

сенъ-де-сенъ-Мартеву, и только какъ существующее предположеніе было приведено въ нашей статьѣ «Родъ Багратуни». Восходъ, 1883 г., кн. XI—XII, стр. 135, примѣч. 2.

[1]) Москва въ первый разъ упоминается въ 1147 г. (Лѣтоп. по ипатск. списку 240, 407). Первый князь московскій—Михаилъ Ярославичъ († 1248 г.); хотя еще въ 1213 г. упоминается въ Москвѣ Владиміръ Всеволодовичъ, а подъ 1237 г. Владиміръ Юрьевичъ, но это скорѣе были временные князья-правители; линія-же московскихъ князей начинается съ Даніила Александровича († 1303 г.). Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія, т. I, отд. II, стр. 392; Карамзинъ, IV, стр. 66.

[2]) Мы собственно не имѣемъ на это прямыхъ указаній источниковъ, исключая развѣ Татищева (II, прим. 176), который говоритъ: «что же написано (у Нестора) пришли (еврейскіе проповѣдники въ 966 г.), то не можно за то почитать, что они нарочно для этого изъ хозаровъ пришли, но разумѣй тѣхъ, которые были *Святославомъ* плѣнены, въ Кіевѣ... поселены, которыхъ много было». Это извѣстіе, какъ находящееся *только* у Татищева, конечно требуетъ повѣрки, хотя есть вѣскія доказательства въ пользу его достовѣрности. Къ числу сомнительныхъ доказательствъ существованія еврейскаго населенія въ Кіевѣ въ X в. принадлежитъ такъ-же предположеніе, что Лука Жидята, епископъ новгородскій (1035—1059 г.), былъ еврейскаго происхожденія (Малышевскій. «Труды кіевской духовной академіи», 1878 г. III, 427 и слѣд.), хотя это мнѣніе имѣетъ нѣкоторое основаніе. Несомнѣнныя доказательства существованія евреевъ въ Кіевѣ относятся къ половинѣ XI в. «Слово о благодати», Иларіона, епископа кіевскаго (1051—1054 г.), очевидно направлено противъ іудейства, какъ силы, пріобрѣвшей въ Кіевѣ значительное вліяніе (см. ниже); сюда-же относится извѣстіе о

У евреевъ старые свитки, какъ *посулъ*[1]), не употребляются уже болѣе для ученія, поэтому сомнительно, чтобы хозарскій князь очень интересовался таковыми, тѣмъ болѣе *древними*—какъ Гаркави (и Хвольсонъ) переводитъ слово подлинника: [illegible]—понятіе, свойственное нашему вѣку съ его музеями и археологическими обществами[2]).

Остановимся на каждомъ изъ этихъ возраженій.

Относительно того, что городъ Керчь въ древности[3]) дѣйствительно назывался: *Сафарадъ*, противъ чего главнѣйшимъ образомъ возстаетъ Гаркави, мы имѣемъ свидѣтельство блаженнаго Іеронима, въ его переводѣ пророка Абадія (20): «плѣненіе-же Іерусалимское, что въ Сафарадѣ наслѣдуетъ города юга»; Іеронимъ слово Сафарадъ переводитъ—Босфоръ (Керчь), прибавляя при этомъ, что такъ ему говорилъ его еврейскій учитель (баръ-Хнина)[4]).

еврейскомъ кварталѣ, особенной части города Кіева, и о спорахъ съ евреями Ѳеодосія Печерскаго (см. ниже), а также о жидовскихъ воротахъ, вѣроятно прилегавшихъ къ еврейскому кварталу (Ипатск. списокъ, стр. 24, 60); они теперь называются львовскими (Закревскій, Описаніе Кіева, стр. 436).

Извѣстіе Татищева (II, прим. 213), будто Владиміръ Мономахъ изгналъ въ 1113 г. евреевъ изъ Кіева, не имѣетъ основанія (Закревскій, ibid., стр. 314: Карамзинъ, II, прим. 219; Соловьевъ, II, прим. 157; Бестужевъ-Рюминъ, ibid., стр. 262, Иловайскій, Русская исторія, кіевскій періодъ, стр. 191; см. еще Гаркави въ журналѣ Гакармель, V, стр. 22—24; Гатцукъ, Сіонъ 1861 г., № 5 и Б. Р. Ц. Матеріалы для исторіи водворенія евреевъ въ Кіевѣ, День, 1870 г., № 21). Костомаровъ, хотя и говоритъ подробно о событіяхъ 1113 года, совершенно игнорируетъ это извѣстіе (Русская исторія въ жизн. ея главныхъ дѣятелей, I, стр. 62—64). Хозарскіе-же евреи безъ сомнѣнія жили въ Кіевѣ гораздо раньше, по всей вѣроятности съ того времени, какъ поляне «съдумавше, вдаша (хозарамъ) отъ дыма мечь» (Лавр. списокъ, стр. 7; Забѣлинъ, Исторія русской жизни, Москва, 1879 г., т. II, стр. 103, 80—81).

[1]) Испортившіеся, со стертыми буквами.

[2]) Остальныя возраженія Гаркави направлены противъ *языка* документа и въ сущности весьма слабы и бездоказательны.

[3]) Я не разсматриваю документа съ его положительной стороны, т. е. кому и для чего нужна была эта подѣлка и возможна-ли она вообще, а такъ-же, для чего фальсификаторъ, человѣкъ во всякомъ случаѣ хорошо изучившій эпоху, вставилъ столько мѣстъ, могущихъ вызвать сомнѣніе.

[4]) Et transmigratio Hierusalem quae in Bosphoro possidebit civitates austri. «Ubi nos posuimus Bosphorum, in Hebraeo habet: quod nescio,

Кромѣ вышеприведеннаго документа (приписки), Сафарадъ въ смыслѣ Керчь встрѣчается еще во многихъ припискахъ, найденныхъ и обнародованныхъ Фирковичемъ [1]).

Вообще мнѣніе, что Керчь былъ еще прежде извѣстенъ евреямъ подъ названіемъ Сафарадъ, высказано уже неоднократно (о разныхъ названіяхъ Керчи, академика Бруна. Одесса, 1877 г. ст. II) и съ этимъ мнѣніемъ согласны многіе ученые знатоки еврейской исторіи: Хвольсонъ (Ibid. 70, 75), Финъ (Гакармель, II, 341), а извѣстный еврейскій историкъ, профессоръ Гретцъ говоритъ вообще обо всемъ нашемъ документѣ, что «каждое слово его носитъ на себѣ печать неподдѣльности» [2]); наконецъ самъ Гаркави въ своихъ прежнихъ трудахъ вполнѣ согласился съ этимъ мнѣніемъ и даже защищалъ его [3]).

Все это даетъ намъ полное право заключить, что городъ Керчь дѣйствительно когда-то былъ извѣстенъ евреямъ подъ именемъ Сафарадъ; названіе это могло быть не очень распространено, но безъ сомнѣнія существовало.

Замѣтить надо, что вышеприведенное мнѣніе, будто пророкъ Абадія (20) подразумѣвалъ область Сперъ, очень сомнительно, потому что, хотя она составляла нахарарство еврейскаго рода Багратуни (отъ котораго происходятъ князья Багратіоны), однакожъ не здѣсь, а сѣвернѣе, главнымъ образомъ въ теперешней тифлисской

cur LXX (отсюда въ славянской библіи «Сарепта») Ephrata transferre voluerint. Nos autem ab Hebraeo, qui nos in scripturis erudivit, didicimus Bosphorum sic vocari, et quasi, Iudaeus ista inquit, est Regio, ad quam Hadrianus captivos transtulerit» (Opera Hieronymi, ed. Francof. ad Moen. et Lipsiae, apud Christ. Genschium, T. VI, p. 96).

[1]) Еврейскій журналъ Гакармель, годъ III, стр. 6, 53, 61; годъ II, стр. 317, 329 (3 раза, въ документахъ №№ 4, 5 и 6); Хвольсонъ, ibid., стр. 77, 70, примѣч. 2, и друг.

[2]) Geschichte der Iuden, V, стр. 499; русское изданіе, 1883 г., стр. 455; такъ-же отдѣльно о Сафарадѣ-Керчи, ibid., 175.

[3]) «Босфоръ — городъ, развалины котораго лежатъ около Керчи (Босфоръ)... У евреевъ этотъ городъ уже изъ давнихъ поръ былъ извѣстенъ подъ именемъ Сафарадъ».—Гаркави. Объ языкѣ евреевъ. Вильна, 1867 г. (на еврейскомъ языкѣ), стр. 109, такъ-же 86, 111—112 (въ приложеніяхъ); см. еще его статью въ Гакармелѣ, годъ V, № 31 (IV, № 43).

губерніи была сосредоточена масса еврейскихъ колоній Кавказа [1]). Такъ-же невѣрна догадка, въ настоящее время, впрочемъ, совершенно оставленная, что пророкъ подразумѣвалъ Испанію, древнѣйшія еврейскія колоніи которой, вообще говоря, болѣе принадлежатъ легендѣ, чѣмъ исторіи. Объ отдаленной-же древности еврейскихъ поселеній сѣвернаго берега Чернаго моря вообще, Крыма въ особенности, мы напротивъ имѣемъ историческія и вполнѣ достовѣрныя извѣстія. Впрочемъ, это только предположеніе.

Теперь перейдемъ къ слѣдующему аргументу Гаркави, къ аргументу, что одни слова ܪܫ ܡܫܟ ܬܒܠ будто неопровержимо доказываютъ подложность документа: онъ, какъ мы уже сказали выше, переводитъ это мѣсто: послы князя Руси и *Москвы*.

Прежде, чѣмъ приведемъ наше объясненіе этого мѣста документа, остановимся на переводѣ Гаркави. Извѣстно, что выраженіе: ܪܫ ܡܫܟ ܬܒܠ встрѣчается нѣсколько разъ у Іезекіиля (XXXVIII, 2, 3; XXXIX, 1) и всегда ставило въ большое затрудненіе разныхъ комментаторовъ, экзегетовъ и новѣйшихъ ученыхъ гебраистовъ. Затрудненіе главнымъ образомъ состоитъ въ словѣ «рошъ»— ܪܫ, означающее по еврейски: глава, но могущее быть также и собственнымъ именемъ; принимая первое значеніе, получимъ плеоназмъ (князь глава Мешеха); а если примемъ второе, то гдѣ-же этотъ Рошъ? [2]) Не меньшее затрудненіе представляетъ такъ-же слово «Мешехъ»—ܡܫܟ, хотя въ этомъ случаѣ не можетъ быть сомнѣнія, что это собственное имя, и въ этомъ смыслѣ встрѣчается въ библіи еще нѣсколько разъ: въ книгѣ Бытія (X, 2), у пророка Іезекіиля (XXVII, 13; XXXII, 26) и въ 6 стихѣ 119 псалма (120 еврейскаго текста) [3]); также у Геродота, III, 94; VII, 78.

Многіе изъ старыхъ комментаторовъ библіи перевели слово Мешехъ—Харасанъ [4]); напримѣръ Ибнъ-Баруиъ (VIII вѣка) (еврейск.

---

[1]) См. нашу статью «Родъ Багратуни», Восходъ, 1883 г., кн. XI—XII, стр. 128—129, 135.

[2]) Сравни Гаркави, Русь и рус. въ средн. евр. лит., Восходъ, 1881 г., кн. I.

[3]) Мы не остановимся на различныхъ толкованіяхъ слова Рошъ, какъ не относящихся къ предмету нашей статьи, такъ какъ Рошъ нашего документа безъ сомнѣнія означаетъ Русь, съ чѣмъ согласенъ и Гаркави.

[4]) Въ настоящее время провинція Персіи; когда-то составлялъ независимое владѣніе; династія изъ потомковъ Тамерлана. Подъ 1490 г. встрѣчаемъ извѣстіе

журналъ Гамелицъ 1879 г. стр. 500; календарь Гурляндa, годъ 5, стр. 102); Абу-Али-Яфетъ (по арабски Хасанъ, въ X вѣкѣ) (Гамелицъ, Ibid, стр. 22; календарь Гурляндa, Ibid, 104; Восходъ 1882 г. кн. I, 240); Яковъ-бенъ-Реувимъ въ рукописномъ комментаріи къ пророку Іезекіилю, составляющемъ собственность Императорской Публичной Библіотеки (Гаркави Altjudische Denkmäler aus der Crim 280; Гамелицъ, 1879 г., стр. 22) и многіе другіе [1]).

Такимъ образомъ названіе Мешехъ далеко не новость въ научной литературѣ исторіи и въ историческихъ памятникахъ, но никогда, разумѣется, никто и не думалъ объяснить его Москвою. На какомъ-же основаніи г. Гаркави, которому все это было хорошо извѣстно, переводитъ «Мешехъ» нашего документа словомъ Москва, не стараясь даже доказать, что здѣсь не можетъ подразумѣваться что либо другое? [2]) Это, конечно, болѣе чѣмъ странно со стороны такого компетентнаго и осторожнаго ученаго, и должно полагать, что у него были на то свои причины; но тѣмъ не менѣе ничто не даетъ намъ возможности удовольствоваться такимъ переводомъ, напротивъ требуется внимательное его разсмотрѣніе, въ результатѣ котораго получимъ, если не столь рѣшительное, то, по крайнему разумѣнію нашему, болѣе близкое къ истинѣ толкованіе [3]).

Г. Хвольсонъ (Ibid, 70 прим.) и Гретцъ (Geschichte der Juden V, 499; рус. изд. 83 г., 455) высказываютъ мнѣніе, что Рошъ

о послахъ хорасанскаго (Чагатайскаго) владѣтеля Гусейна къ Іоанну III (Полн. Соб. русск. лѣт., VI, 38; Соловьевъ, V, стр. 128). Основаніемъ такого перевода должно быть служило то, что главный городъ этой провинціи, когда-то знаменитый, называется *Мешедь*.

[1]) Они сгруппированы въ вышеуказанномъ сочиненіи Гаркави: Altjudische Denkmäler.

[2]) Говоря объ отправленіи Владиміромъ пословъ въ тѣ страны, откуда явились къ нему проповѣдники, Бестужевъ-Рюминъ (Русская исторія, т. I, стр. 128) прибавляетъ: подтвержденіемъ этого посольства можно считать слѣдующее мѣсто въ свиткѣ, найденномъ г. Фирковичемъ: «я, одинъ изъ вѣрнопреданныхъ Израилю» и т. д. (Ibid., примѣч. 16); но видимо находясь подъ вліяніемъ Гаркави, Бестужевъ-Рюминъ вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ, что это мѣсто можетъ возбудить *нѣкоторое* сомнѣніе прибавкою слова «Мешехъ», сильно напоминающее Москву.

[3]) Переводъ: Мешехъ—Москва поразительно напоминаетъ нашихъ старыхъ книжниковъ, которые, во славу первопрестольной, всѣ были того мнѣнія, что на

документа нашего означаетъ Русь, Мешехъ-же прибавлено для подражанія извѣстнымъ уже намъ мѣстамъ св. писанія и никакого значенія не имѣетъ [1]).

Гипотеза эта пожалуй и имѣетъ нѣкоторое основаніе, но остается и всегда останется гипотезой, такъ какъ у насъ нѣтъ и быть не можетъ болѣе или менѣе осязательныхъ доказательствъ ея достовѣрности [2]).

По нашему мнѣнію это мѣсто имѣетъ совершенно другой смыслъ.

I. Всѣ почти грузинскіе географы и хроникеры сохранили намъ извѣстіе о грузинскомъ Мешехѣ (Мосохѣ [3]); сравненіе ихъ привело изслѣдователей къ заключенію, что здѣсь подразумѣвается сѣверная провинція древней Арменіи, Тайкъ или Мцхетъ (Ахалцыхскій уѣздъ) [4]). Какъ эта, такъ и прилежащія области, и вообще вся Грузія были когда-то густо населены евреями, [5]) и сюда-то, какъ

Москву-то пророкъ Іезекіиль намекалъ своимъ Мосохомъ, и что начало ея относится ко временамъ Мосоха, сына Іафеѳова, противъ чего впослѣдствіи споритъ Татищевъ (Соловьевъ, XII, стр. 260; Карамзинъ II, прим. 301; Забѣлинъ, древности Москвы. Вѣстникъ Европы, 1867 г., I, стр. 385); этотъ способъ толкованія слова Мешехъ встрѣчается и у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ еврейскихъ комментаторовъ. Меасефъ Ниддахимъ, №№ 7, 10, 11, 13, 18, 22 и друг.; Объ языкѣ евреевъ, Вильна, 1867 г. Евреи и славянскіе языки, стр. 68—69).

[1]) У старыхъ еврейскихъ писателей (отчасти и у новыхъ) наблюдается вообще манія изукрасить слогъ подражаніями и цѣлыми стихами библіи; мы видѣли, что Маръ Сиха начинаетъ приписку подражаніемъ II кн. Царствъ, стр. 20, 21.

[2]) С. Раппортъ предложилъ какую-то поправку въ нашемъ документѣ (Гашахаръ, 1882 г., книга II), но я ничего не могу сказать о ней, такъ какъ у меня теперь нѣтъ этой книжки.

[3]) Картлисъ Цховреба. Новыя замѣтки на древнія исторіи Кавказа и его обит. Шопена, Спб. 1866 г., стр. 197, 225, 250, 237; Страбонъ, XI, стр. 2 и 19; Исторія Агванъ Моисея Каганкатваци, кн. I, глава 29 и 30, переводъ Патканьяна, Спб. 1861 г., стр. 73 и 76 (сравни Паткань. Ibid., стр. 312 и Шопенъ, ibid., стр. 433).

[4]) Положеніе этой провинціи опредѣляется, главнымъ образомъ, по Географіи Моисея Хоренскаго (V столѣтія), см. Исторію Арменіи, Моисея Хоренскаго, переводъ Эмина, Москва, 1853 г., приложеніе, стр. 338.

[5]) Шопенъ, ibid., стр. 160—161, 199, 229, 252, прим. 129; *Хоренскій*, Исторія Арменіи, ibid., стр. 61, 92, 93, 96 (кн. I, гл. 23; кн. II, 14, 16, 19 и 23); ср. также нашу вышеупомян. статью, стр. 128—129, прим.

кажется, относится возгласъ псалмопѣвца (позднѣйшаго, конечно): «горе мнѣ, что живу я въ Мешехѣ» (120, 6).

II. Въ путешествіи рабби Петахіи Регенсбургскаго (во второй половинѣ XII в.) находимъ слѣдующее мѣсто: «цари Мешеха— מלכי משך, по принятіи ими еврейства, обратились къ главѣ еврейскихъ школъ въ Вавилоніи съ просьбой прислать имъ (еврейскихъ) ученыхъ» (Три еврейскихъ путешественника, текстъ и переводъ, Марголина, Спб. 1881 г., стр. 43).

С. Раппортъ, останавливаясь на этомъ извѣстіи Петахія Регенсбургскаго, замѣчаетъ (евр. журналъ Керемъ-Хемедъ, V, 206), что подъ словами «цари Мешеха» подразумѣвается какой нибудь вассальный хозарскій князь [1]). Тоже самое высказываетъ и Хвольсонъ (18 надгроб. памят., 153 и прим. 3), а такъ-же Гаркави (вышеупомянутое изданіе: Евреи и слав. языки, стр. 116) [2]) и англійскій издатель Петахія Регенсбургскаго, А Бенишъ.

Если мы теперь допустимъ маленькую поправку въ документѣ, т. е. прибавимъ одну букву—іодъ, которая имѣетъ въ еврейскомъ письмѣ видъ *точки* и слѣдовательно очень легко могла стереться, то вмѣсто единственнаго—מלך—«князя», получимъ множественное—מלכי—«князей», что будетъ означать, что послы изъ Руси *и Мешеха* пришли узнать о дѣлахъ вѣры къ хозарскому князю Давыду случайно въ одно время, когда Авраамъ-маръ-Симха былъ отправленъ на востокъ.

Самый фактъ прибытія пословъ изъ Мешеха насъ нисколько не долженъ удивлять, о какомъ-бы Мешехѣ здѣсь ни шла рѣчь— о грузинскомъ-ли, или же о Мешехѣ, о которомъ говоритъ рабби Петахія (если уже допустить, что они не тождественны). Къ хозарамъ, сравнительно недавнимъ прозелитамъ, стекалось много еврейскихъ ученыхъ разныхъ странъ, отчасти по своей охотѣ, для распространенія слова Божія и укрѣпленія вѣры (не всѣ хозары,

---

[1]) Р. Петахія говоритъ объ этомъ не какъ очевидецъ, потому что, какъ извѣстно, хозаре приняли іудейство гораздо раньше (VIII в.) времени его путешествія (XII в.), во время котораго врядъ-ли могли существовать даже остатки независимыхъ хозаръ (см. выше, прим.). Существованіе подвластныхъ хозарскому князю племенъ безспорный фактъ.

[2]) Врядъ-ли, впрочемъ, можно согласиться съ мнѣніемъ Гаркави (ibid.), что Мешехъ грузинскихъ географовъ и хроникеровъ и Мешехъ р. Петахіи тождественны.

какъ извѣстно, были евреями), а отчасти по приглашенію Кагана (князя), на что имѣются несомнѣнныя указанія, какъ еврейскихъ, такъ и нѣкоторыхъ арабскихъ писателей [1]).

Но въ Кіевѣ тогда (во время крещенія Владиміра) уже жили евреи, такъ что въ отправленіи «мужей добрыхъ» къ хозарскому царю не было никакой надобности: съ еврействомъ можно было познакомиться въ самомъ Кіевѣ—таково одно изъ возраженій Гаркави противъ подлинности нашего документа. Это возраженіе можно съ такой-же силой направить и противъ подлинности такъ называемой лѣтописи Нестора.

Извѣстно, что еще задолго до принятія христіанства Владиміромъ святымъ оно уже было значительно распространено на югѣ Руси вообще и въ Кіевѣ въ особенности. Есть достаточное основаніе—главнымъ образомъ грамота патріарха Фотія отъ 866 г. къ восточнымъ епископамъ—предполагать, что Аскольдъ и Диръ приняли христіанство, что подтверждается преданіемъ о первомъ митрополитѣ кіевскомъ Михаилѣ [2]). Еще во время Олега греки полагали въ Россіи особую епархію (Соловьевъ, I, 290). При Игорѣ въ Кіевѣ уже была православная церковь св. Иліи (Соловьевъ, I, примѣчаніе 109; Закревскій, ibid., 328—332); описывая присягу Игоря исполнить договорную грамоту съ императоромъ Романомъ Лаканиномъ, лѣтописецъ говоритъ: «за утра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кдѣ стояше Перунъ... а хрестеяную Русь водиша ротѣ въ церкви святаго Ильи..., се бо сборная церкви; мнози бо бѣша Варязи хрестеяни» (Лаврент. спис., 22). Святая Ольга, а съ нею еще многіе [3]), принявъ крещеніе, конечно старалась распространить въ Кіевѣ христіанство и строила церкви [4]).

---

[1]) Сгруппированы у Хвольсона (ibid., стр. 147—161).

[2]) Закревскій, Описаніе Кіева, Москва, 1868 г., стр. 9, 193—194; Карамз. I, стр. 119, прим. 286; Соловьевъ, I, стр. 119, прим. 173; архіеп. Макарія, Исторія христіанства въ Россіи до Владиміра, стр. 261 и слѣд. «Христіанство начало проникать на Русь еще за долго до призванія князей... До призванія князей существовали въ Кіевѣ православныя церкви и приходили христіанскіе проповѣдники (Борисовъ. Нищенство по русскому законодательству. Слово, 1879 г. Апрѣль, стр. 159). Нельзя не замѣтить, что авторъ, какъ говорится, пересолилъ.

[3]) Племян., знатныя женщины, послы, гостя и служанки, Соловьевъ, I, стр. 148.

[4]) Масуди (писавшій отъ 20 или 30 годовъ до 50 года X вѣка) говоритъ: «славяне раздѣляются на многіе народы; нѣкоторые изъ нихъ *суть христіане*,

Послѣ всего этого не имѣемъ-ли мы права спросить: для чего Владиміръ отправилъ пословъ въ Грецію, когда онъ могъ увидѣть христіанское богослуженіе въ самомъ Кіевѣ?

Отвѣтомъ служатъ слова самого первоначальнаго лѣтописца нашего: «и рѣша бояре и старци: вѣси, княже, яко своего никто-же не хулить, но хвалить; аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: *пославъ* и испытай когождо ихъ службу, и како кто служитъ Богу» (Полное собраніе русскихъ лѣтописей, I, 37). Нѣтъ сомнѣнія, что «мужи добры и мыслены» были посланы ко дворамъ всѣхъ народовъ, предложившихъ свою вѣру Владиміру святому, чтобы на мѣстѣ испытать, «како кто служитъ Богу», чья вѣра лучше.

Что-же касается того, что Несторъ не упоминаетъ въ числѣ прочихъ народовъ, къ которымъ были отправлены послы, и евреевъ, то, не говоря уже о томъ, что это доводъ вообще слабый, что *молчаніе* его не можетъ служить доказательствомъ невѣрности самаго факта, мы можемъ объяснить себѣ иначе самый фактъ молчанія нашего первоначальнаго лѣтописца.

Уже въ первое время послѣ принятія христіанства Владиміромъ святымъ, у насъ рѣзко выдѣлилась изъ всей остальной сѣрой массы группа духовенства, монаховъ. Оставаясь русскими (мы не говоримъ, конечно, о пришельцахъ изъ Греціи), всѣми силами стремясь распространить и укрѣпить христіанство на родной почвѣ, они, однакожъ, во всемъ остальномъ мало заботились о Россіи и были въ сущности привязаны болѣе къ Греціи, къ источнику православія и мудрости книжной; эту теплую привязанность наше духовенство, какъ извѣстно, сохранило въ теченіи вѣковъ; оно прониклось византійскимъ духомъ, переняло все міровоззрѣніе ея духовенства и было у насъ главнымъ, почти единственнымъ проводникомъ такъ называемаго «византійскаго вліянія»; этотъ оттѣнокъ византизма легъ на всю нашу древнюю письменность, на всѣ эти поученія, посланія и проповѣди, лѣтописи и патерики (см. изслѣдованіе профессора Иконникова). Извѣстно, что во время борьбы

между ними находятся также язычники (Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. Докторская дессертація Гаркави. Спб., 1870 г., стр. 125 и 144).

за иконоборство въ византійскомъ духовенствѣ до крайности развился духъ нетерпимости вообще и вражды къ іудейству въ особенности[1]). Эта-то вражда, вмѣстѣ со всѣмъ византійскимъ міровоззрѣніемъ, перешла и къ нашему первоначальному духовенству. Отсюда—его вражда къ іудейству, о которой мы сейчасъ и будемъ говорить. Но была еще одна причина особеннаго развитія этой вражды; мы говоримъ о соперничествѣ іудейства съ христіанствомъ въ древнемъ Кіевѣ, *о еврейскомъ прозелитизмѣ и іудействующихъ*, что ясно доказывается словомъ «о благодати» епископа кіевскаго Иларіона (Филаретъ, обзоръ русской духовной литературы, 8; Соловьевъ, I, въ концѣ и друг.).

Авторъ нашей первоначальной лѣтописи—кто бы онъ ни былъ: игуменъ-ли выдубицкій (Сильвестръ) или даже совсѣмъ не одно лицо, какъ утверждаетъ новѣйшая критика, или-же преподобный Несторъ, какъ изъ давнихъ поръ укоренилось у насъ мнѣніе, нашъ, говоримъ, первоначальный лѣтописецъ во всякомъ случаѣ былъ монахъ, нравственное чадо духовенства своей эпохи, пользовался для своей лѣтописи произведеніями византійской литературы, и вражда, о которой мы упомянули выше, должна была перейти и къ нему. Если только авторомъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», или по крайней мѣрѣ разсказа о крещеніи Владиміра, былъ Несторъ, ученикъ Ѳеодосія Печерскаго, то его вражда къ іудейству еще болѣе понятна и такъ сказать естественна. Въ Несторовомъ житіи преподобнаго старца печерскаго мы находимъ слѣдующее мѣсто: «се бо сиць обычаи имяше блаженыи, якоже многажды въ нощи въстая и отай въсѣхъ исхожаше къ жидомъ (въ еврейскую часть г. Кіева; см. выше, примѣчаніе), и тѣхъ, еже о Христѣ, прѣпирая, коря и досажая тѣмъ» и т. д. На вопросъ великаго князя Изяслава, слѣдуетъ-ли въ день воскресный закалать животныхъ и употреблять ихъ мясо, Ѳеодосій отвѣтилъ, что послѣ того, какъ Господь сошелъ на землю, жидовское все умолкло... если будемъ колоть въ субботу, а ѣсть въ воскресенье, то это будетъ явное жидовство (см. Закревскій въ вышеупомянутомъ сочиненіи, 312, Соловьевъ, III, 74, 87; ср. также

[1]) На это были свои особенныя причины, о которыхъ считаю лишнимъ говорить здѣсь. См. Гретцъ, т. V, стр. 174 и слѣд.; Дреперъ, Исторія умственнаго развитія Европы, переводъ Пыпина, I, стр. 346.

Соловьевъ VIII, стр. 480, изданіе 1858 г.). Мы впрочемъ находимъ ясныя указанія на эту вражду и въ самой «повѣсти», въ сказаніи о принятіи христіанства Владиміромъ и проповѣди греческаго монаха. Послы отъ хозаръ, напримѣръ, говорятъ: «хрестяне-бо вѣруютъ, его-же мы распяхомъ»; греческій философъ кончаетъ свою проповѣдь разсказомъ о причинахъ сошествія Бога на землю и противупоставляетъ христіанство іудейству; въ картинѣ страшнаго суда языческіе народы и особенно *евреи* идутъ на муку вѣчную. Все это сообщаетъ сказанію характеръ свѣжей вражды къ іудейству, характеръ опроверженія, полемики съ евреями, современными не Владиміру, а самому автору сказанія.

Но если мы должны признать, какъ фактъ, вражду нашего первоначальнаго лѣтописца къ евреямъ, то не удивительно, что, описывая давнымъ давно бывшее событіе, онъ могъ опустить такой незначительный фактъ, какъ отправку пословъ къ евреямъ. Если ему было все подробно извѣстно[1]) о посольствахъ, онъ могъ обойти эту мелочь, не допуская мысли, чтобы іудейство, въ борьбѣ своей съ христіанствомъ, могло имѣть хоть надежду на успѣхъ, что «жидовское несчастіе «заслужило отправленіе людей добрыхъ для испытанія ея[2]); можетъ быть, наконецъ, что отвѣтъ пословъ заключалъ что-нибудь благопріятное для іудейства, чего авторъ, конечно, ужъ никакъ не могъ сообщить. Гаркави говоритъ: Владиміръ, давая другимъ проповѣдникамъ отвѣты полуутвердительные, полуотрицательные, совершенно отказалъ евреямъ и поэтому мы не можемъ допустить, что и къ нимъ были отправлены послы. Намъ не извѣстно, на какихъ новыхъ источникахъ основано это мнѣніе: но оно

---

[1]) Что врядъ-ли возможно, особенно относительно хозаръ, царство которыхъ давно (см. слѣд. прим.) пало и понемногу изглаживалось изъ памяти русскаго народа; передавшіе сказаніе Нестору легко поэтому могли забыть о посольствѣ къ хозарамъ. См. Гатцукъ. Евреи въ русской исторіи и поэзіи. Сіонъ, № 39.

[2]) Что лѣтописный разсказъ, ктобы его не писалъ, хотя-бы даже и Несторъ, написанъ не ранѣе первой четверти XII в., яснѣе всего доказывается тѣмъ мѣстомъ его, гдѣ евреи отвѣчаютъ Владиміру: «разъгнѣвася Богъ на отци наши и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ и предана бысть земля наша *хрестеяномъ*»,—слѣдовательно преданіе составлено по крайней мѣрѣ, когда Палестина была уже покорена христіанами. См. Соловьевъ, I, прим. 241; Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, I, стр. 65.

опровергается прямо текстомъ лѣтописи. Евреямъ Владиміръ отвѣтилъ: «како инѣхъ учите, сами отвержени отъ Бога и расточени? Аще-бы Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ; еда намъ тоже мыслите пріяти?» Болгарамъ, какъ извѣстно, Владиміръ отвѣтилъ: «Руси есть веселіе пити, *не можетъ* безъ того быти»; нѣмцамъ: «идите опять, яко отци наши сего не пріяли суть»... Достаточно сравненія этихъ мѣстъ, чтобы убѣдиться въ неосновательности возраженія Гаркави. Нужно впрочемъ замѣтить, что нельзя вообще ссылаться на первоначальную лѣтопись, какъ на документъ, записанный съ стенографической точностью, особенно относительно, напр., нашего сказанія, записаннаго послѣ такого промежутка времени, когда даже не было надлежащихъ хранителей его.

Переходимъ къ послѣднему возраженію Гаркави: для чего нужны были хазарскому царю *древніе* свитки [1]), когда даже старые, только какъ посулъ (см. выше), не употребляются у евреевъ больше въ дѣло, теряютъ свою цѣнность и значеніе?

Отвѣтъ и на этотъ послѣдній вопросъ совсѣмъ не труденъ. Еврейскій древній языкъ есть языкъ мертвый; по еврейски только пишутъ, но не говорятъ, потому языкъ этотъ не можетъ органически развиваться; для выраженія посредствомъ его вновь народившихся понятій необходимо или принять иностранныя слова, что весьма нежелательно съ точки зрѣнія чистоты языка, или-же составить новыя слова изъ сочетаній старыхъ, что рѣдко удается; прибѣгаютъ еще къ 3-му средству: если для одного, или почти одного и того-же понятія существуютъ въ языкѣ два слова, то одно изъ нихъ употребляется для выраженія вновь народившагося понятія, въ извѣстной степени близкаго къ прежнему. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Для выраженія понятія старый (прежде бывшій) въ еврейскомъ языкѣ есть два слова: «ישן» и «קדמון»; и вотъ, когда въ новѣйшее время народилось понятіе о *древности* въ историко-научномъ смыслѣ, еврейскіе ученые ввели въ употребленіе для выраженія этого понятія одно изъ этихъ словъ—קדמון. Очевидно, что Авраамъ-маръ-Симха, жившій въ Крыму въ X столѣтіи, не имѣлъ понятія о древности и слово קדמונים онъ не

[1]) Библейскія книги на пергаментѣ.

могъ употребить въ смыслѣ, который приданъ ему въ новѣйшее время; такимъ образомъ здѣсь рѣчь не идетъ о древности, и мы поэтому и перевели это слово: *старый*, т. е. въ томъ смыслѣ, въ которомъ Авраамъ и могъ его только употребить. Что-же касается того, что интересъ хозарскаго царя Давыда къ старымъ рукописямъ подлежитъ сомнѣнію по причинѣ, упомянутой выше, то и здѣсь нужно взять во вниманіе особыя обстоятельства, бывшія причиной (и это по нашему внѣ всякаго сомнѣнія) поѣздки Авраама-маръ-Симхи на Востокъ [1]). Къ IX—X вв. относится продолжавшаяся три столѣтія, окончательная выработка еврейской пунктаціонной системы (гласныхъ и другихъ знаковъ), очень важная въ исторіи развитія языка, значительно облегчавшая его изученіе послѣ того, какъ онъ пересталъ быть языкомъ разговорнымъ, живымъ. Если даже согласиться, что извѣстіе о такъ называемыхъ «іерусалимскихъ миссіонерахъ» подлежитъ сильному сомнѣнію, то во всякомъ случаѣ должно допустить, что пунктаціонная система проникла въ Крымъ долго послѣ ея изобрѣтенія, и что значительные успѣхи пунктаціи въ концѣ IX в. и первой половинѣ X (Бенъ-Ашеръ) должны были сильно интересовать благочестиваго царя хозарскаго; и вотъ онъ посылаетъ на Востокъ, въ тогдашніе центры еврейской учености, куда не разъ обращались хозарскіе цари [2]),—чтобы «собрать свѣдѣнія о пунктированіи и корректурѣ еврейскаго текста» (Хвольсонъ, ibid, 74), а также пріобрѣсти свитки, написанные болѣе компетентными знатоками дѣла и хорошими пунктаторами. На это указываетъ также одно мѣсто нашего документа:... «И слыхалъ, что въ Гамаданѣ находится старый свитокъ пятикнижія... Въ концѣ

[1]) Нужно, впрочемъ замѣтить, что еврей очень высоко цѣнитъ свитки пятикнижія, хотя даже очень старые, но писанные какимъ-нибудь извѣстнымъ, по своему таланту и благочестію, писцомъ, особенно же, если они пересмотрѣны извѣстнымъ корректоромъ и написаны на кожѣ оленя.

[2]) См. Хвольсонъ, ibid., стр. 148—158; Три еврейскихъ путешествен. Спб. 1881 г., стр. 43, а также извѣстное письмо хозарскаго царя Іосифа къ Хасдаю-ибнъ-Шапруту (около 960 года), гдѣ сказано «наши взоры обращены (относительно мессіанскаго освобожденія, о которомъ ни онъ, царь Іосифъ, ни евреи его страны ничего не знаютъ) на Іерусалимъ и на *вавилонскія* академіи». Еврейская библіотека, т. VII, стр. 126; Мехефъ Пиддохимъ, № 8; Гретцъ, Исторія евреевъ, V, русское изданіе, 1883 г., стр. 289.

его написанъ былъ разсказъ о путешествіяхъ почтеннаго Іегуды корректора. Они (евреи Гамадана) говорили мнѣ, что отецъ его первый изобрѣлъ (еврейскіе) гласные знаки и акценты. Я просилъ ихъ продать мнѣ этотъ свитокъ» и т. д. (см. выше).

Мы глубоко уважаемъ научную дѣятельность Гаркави, особенно его солидные труды по разработкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ древней исторіи южной Россіи; но мы не можемъ согласиться съ его мнѣніемъ о припискѣ Авраама-маръ-Симхи [1]). Повторяемъ: мы, пожалуй, не считаемъ его доводы совершенно уничтоженными, но по-крайней мѣрѣ значительно поколебленными, и если намъ удастся вызвать посредствомъ этой статьи безпристрастныя мнѣнія людей компетентныхъ, такъ сказать, вторичную провѣрку документа—наша цѣль будетъ вполнѣ достигнута.

Мы считаемъ необходимымъ приложить всѣ средства критики для опредѣленія подлинности документа. Документъ этотъ очень важенъ съ точки зрѣнія критики нашей первоначальной лѣтописи; какъ извѣстно, было высказано мнѣніе, и кажется даже неоднократно, что все сказаніе о принятіи христіанства Владиміромъ, т. е. проповѣдь представителей разныхъ религій, отвѣты Владиміра и, наконецъ, его посольства,—все это одна легенда; при этомъ выставлялось на видъ, что существуютъ подобныя-же легенды о принятіи новой религіи другими народами, напримѣръ хозарами. Нашъ документъ—лучшее опроверженіе этого мнѣнія. Вотъ почему мы надѣемся, что редакція «Кіевской Старины» откроетъ страницы уважаемаго изданія для компетентнаго и добросовѣстнаго слова по этому интересному вопросу [2]).

Іона Берхинъ.

---

[1]) Обработкой матеріаловъ, относящихся къ этому предмету, мы, какъ читатель могъ замѣтить, много обязаны г. Гаркави.

[2]) Мы тѣмъ охотнѣе готовы это сдѣлать, что, насколько намъ извѣстно, доселѣ ни одинъ спеціалистъ по русской исторіи не высказалъ своего мнѣнія объ изслѣдуемомъ почтеннымъ авторомъ документѣ; мы конечно говоримъ не о голословномъ мнѣніи.—Ред.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1]).

V.

Спустя двѣ недѣли Моссаковскій вернулся изъ Кіева въ Чайки священникомъ. О. Степанъ сталъ снаряжать дочь къ переѣзду на новое хозяйство въ Ольшаницу. Сложили на возы всякое добро, запрягли воловъ и лошадей; тяжело нагруженныя подводы тронулись со двора. Въ послѣдній разъ помолилась Онися предъ отцовскими образами и со слезами оставляла родительскій дворъ. Отецъ плакалъ, плакала мать, плакали «наймички», прощаясь съ Онисей. Онися какъ-бы забыла о томъ, что отправляется на собственное хозяйство. Она вся прониклась грустью и скорбью; ей жаль было матери, отца, дома, въ которомъ она родилась и взросла, жаль было садка, чайковскихъ людей, всего-же больше жаль было матери.

— Теперъ, дочко, безъ тебе и хата стане неначе пустка, говорила мать: отъ такъ, выкохай, вырости дитей, а вони, якъ ти пташенята, порозлитаються и покинуть тебе саму на старисть, якъ сироту.

Выѣхали со двора. Отецъ и мать проводили дѣтей за дворъ, стали на горѣ и долго смотрѣли, пока они перевозились на паромѣ черезъ Рось, пока послѣдній возъ не скрылся въ зеленыхъ

[1]) См. «Кіевская Старина» 1884 г., августовск. кн., стр. 655—680.

вербахъ и ольхахъ. А Онися долго оглядывалась на гору, на отца, на мать, пока не закрыли ихъ зеленыя вербы.

Скоро показалась Ольшаница. Вотъ и широкая улица, гдѣ когда-то пылали костры, вотъ и плотина, и прудъ, и церковь, и собственный домъ. Онися вошла въ домъ, будто пріѣхала въ гости.

Но это было на одну лишь минуту; именно не больше минуты сидѣла Онися въ раздумьѣ у стола; отерла слезы, встрепенулась какъ птица и принялась хозяйничать: разставила мебель, повѣсила привезенные изъ дому образа, попрятала посуду, заглянула въ кладовую, сбѣгала въ «комору», вездѣ устанавливала порядокъ, указывала помогавшимъ ей молодицамъ, гдѣ что ставить и класть, распоряжалась возчиками, вносившими бочки, дѣжки, сыпанки. Окончивъ все въ домѣ, Онися не вытерпѣла и сбѣгала посмотрѣть, гдѣ и какъ помѣщаются овцы, свиньи, коровы, волы. Не прошло часу, какъ она забыла уже о Чайкахъ и чувствовала себя полною хозяйкою въ своемъ уже домѣ.

Просторная свѣтлица быстро преобразилась: стѣны отъ самаго потолка увѣшаны были образами въ два ряда; черно покрашенные деревянные стулья, оставшіеся послѣ покойнаго о. Моссаковскаго, перемѣшались съ некрашеными деревянными-же, привезенными изъ отцевскаго дому; двѣ дощатыя канапки Онися прикрыла большими домашней работы коврами, за зеркаломъ красовались пучки васильковъ и барвинку, на образахъ бѣлѣли большія съ вышитыми концами полотенца. Въ свѣтлицѣ сразу стало опрятно, привѣтливо, по хозяйски. До поздняго вечера суетилась Онися, прибирая и очищая комнаты, кухню, кладовую, комору, и вечеромъ всюду уже былъ порядокъ и чистота. Моссаковскій смотрѣлъ только, какъ она распоряжалась и бѣгала, и долженъ былъ больше слушаться ея, чѣмъ самъ распоряжаться.

— Отъ теперъ мы и у себе дома! сказала Онися, садясь съ Харитономъ за ужинъ: що то поробляе теперъ мати? що то думае тато? Мабуть и доси плачуть за мною?

— Слава Богу, що вы, Онисю, не плачете, тихо отозвался Харитонъ.

— На що ты на мене кажешъ *вы?* Хиба-жъ я не твоя жинка? Аже-жъ чоловики на жинокъ кажуть *ты!*

— Коли-жъ вы Онисю таки.... розумни, таки проворни, що й сказати не можна, промолвилъ Харитонъ сладкимъ голоскомъ.

— Голово зъ ухами! Хочъ при людяхъ кажи на мене *ты!* сказала Онися, ударивъ слегка Харитона по рукѣ.

— Нехай уже при людяхъ... буду казати *вы*,... чи то правда *ты*.

— Якъ тильки будешъ *выкати*, то я тебе буду за уха скубти! Чуешъ, чоловиче!

— Скубить, Онисю, скубить... Воля ваша, а все таки якось мени ніяково *тыкати*. Може потимъ привыкну.

Но Моссаковскій и во всю жизнь свою не пріучился говорить женѣ *ты* и до самой смерти говорилъ ей вы, а она ему ты.

Поужинавъ и убравъ со стола, Онися открыла большой сундукъ, стоявшій рядомъ съ кроватью, поставила свѣчку на стулѣ и начала разбирать и складывать рубахи, наволки, простыни, сувои полотна, полученныя отъ матери и тѣ, что въ огромномъ числѣ подарены ей во время свадьбы. Моссаковскій глядѣлъ, какъ ея тонкія руки перебирали кучи полотна, любовался ея длинными тонкими бровями и все ждалъ, что жена вотъ-вотъ окончитъ работу, сядетъ возлѣ него и подаритъ его лаской... Но Онися все считала и считала то полотенца, то рубахи, то платки. Моссаковскій соскучился наконецъ и почувствовалъ, что его одолѣваетъ дремота.

— Кидайте, серце, Онисю! заговорилъ онъ къ женѣ; ходить лишь та сядьте зо мною та поговоримо въ двохъ...

— Заразъ, заразъ, мое серденько! Ось тильки поличу твои сорочки: разъ, два, три, чотыри... Ты мабуть спати хочешъ?

Онися бросила рубашки, подбѣжала къ мужу, обвила его шею руками, три раза поцѣловала и опять бросилась къ сундуку.

— Одже мама не розибрала до ладу сорочокъ: все помишала до купы. Оце мои сорочки, а це твои: пять, шисть. симъ...

И тонкіе пальцы Ониси вновь складывали кучи рубахъ. По комнатѣ пошелъ запахъ свѣже вымытаго бѣлья. Среди ночной тишины отчетливо слышался голосъ Ониси: десять, одинадцять, двнадцять.

— Але часъ, серденько, спати! Кидайте, моя доле! Завтра поличите, говорилъ Моссаковскій.

— Лягай, голубчику, спати, коли тебе сонъ змигъ; лягай мое сердце, а я ось заразъ доличу.

Въ Онисѣ боролась привычка къ порядку и труду съ привязанностію къ мужу. Она вновь бросила работу, подлетѣла къ мужу, осыпала его поцѣлуями и опять принялась считать и складывать. Моссаковскій не выдержалъ: легъ въ постель и заснулъ. Но и засыпая, онъ все еще слышалъ, какъ Онися складывала и шептала: разъ, два, три, четыре.

— Чи ты, Харитоне, вже спишъ? спросила между счетомъ Онися.

— Га! вскрикнулъ Моссаковскій сквозь сонъ: вже сплю.

Около полуночи Онися заперла сундукъ, вышла въ сѣни посмотрѣть, заперты-ли двери, и потушила огонь.

Прошло немного часовъ, въ которые весь домъ объятъ былъ мертвымъ сномъ. Моссаковскій не успѣлъ еще, что называется, повернуться на другой бокъ, какъ сквозь сонъ услыхалъ, что въ сѣняхъ что-то ходитъ и стучитъ. Онъ силился проснуться, но никакъ не могъ. Ему снилось, что въ сѣняхъ толкутся воры, что они ломаютъ уже дверь въ комнату; вотъ уже и дверь выломали, разбили сундукъ, вытаскиваютъ полотна и бѣлье, складываютъ и все считаютъ: разъ, два, три, четыре. Ему мерещились во снѣ ихъ свирѣпыя лица, кудлатыя головы и бороды, дикіе глаза, мохнатыя руки съ длинными загнутыми когтями. Онъ хотѣлъ крикнуть, вскочить съ постели, но его самаго будто что-то давило. Съ великимъ усиліемъ онъ наконецъ проснулся и открылъ глаза. Въ комнатѣ было такъ темно, что не видно было даже окна. Въ сѣняхъ дѣйствительно что-то происходило: скрипнула дверь, послышались чьи то шаги, упало полѣно, въ кадкѣ плеснула вода, кто-то наливалъ воду въ горшокъ, изъ кухни доносились голоса. На минуту прислушавшись, Моссаковскій догадался, что наступаетъ утро и что прислуга уже встала.

Ему однако сдавалось, что онъ лишь немного вздремнулъ и вовсе, какъ слѣдуетъ, не заснулъ. Очнувшись, онъ окликнулъ Онисю.

— Онисе! чи вы спите?

Въ комнатѣ была мертвая тишина. Моссаковскій повторилъ вопросъ; но даже дыханія Ониси не слышно было. Онъ провелъ рукой около себя по кровати,—Ониси не было.

— Не вже оце моя жинка встала и пораеться въ пекарни? Ну, та й господиня-жъ буде зъ моеи жинки! Билше, якъ треба. Середъ ночи товчется въ пекарни и не дае выспатись гараздъ.

Моссаковскій повернулся на другой бокъ и заснулъ. Когда онъ проснулся, въ комнатѣ уже сѣрѣли стѣны, а предъ нимъ стояла Онися, умытая, одѣтая и причесанная.

— Чи ты й доси спишъ, ледащо? А я встала, ще якъ други пивни проспивали, побудила наймичокъ и твоихъ наймитивъ, вже й снидання тоби зварила.

— Вы мене, Онисіе Степановно, таки добре налякали. Мени здалось, що въ синяхъ пораються злодіи. Чого вы такъ рано встаете, та себе мордуете? И моя покійна мати такъ рано не вставала.

— Хто рано встае, тому й Богъ дае. Будемо рано вставати, надбаемо добра багато, а якъ будемъ спати до обида, то не буде ладу въ господи, говорила Онися.

— Йди лишъ, хазяине, та подивись на худобу, та на копи, чи добре доглядають наймиты худобы, сказала Онися Степановна, помолившись Богу.

— Заразъ, заразъ Онисіе Степановно! Ось тильки вмыюсь, та трохи причепурюсь.

Пока Моссаковскій обошелъ загороды и копары и вернулся въ комнаты, Онися уже и снѣданье поставила на столъ.

— Ну та й рання птиця оця молода матушка, говорили наймички и наймиты въ пекарнѣ: будить насъ ще до третихъ пивнивъ. Не дала й выспатись гараздъ.

Онися Степановна и въ самомъ дѣлѣ не давала заспаться слугамъ. Она сама ложилась поздно, вставала рано и слугъ пріучала къ тому-же. Изо дня въ день она поднимала ихъ съ пѣтухами, садилась сама съ наймичками за гребень, напрядала больше каждой изъ нихъ и въ добавокъ заставляла ихъ пѣсни пѣть, такъ какъ и сама любила попѣть.

Не прошло нѣсколькихъ недѣль, какъ служанки говорили межъ собой:

— Ой, трудно служити въ цеси матушки! Колибъ, Господи, добути до року, зъ роду, зъ вику не стану на другій рикъ.

А Онися, входя болѣе и болѣе въ роль предпріимчивой хозяйки, однажды такъ говорила своему Харитону:

— Знаешъ що? Теперъ настае зима. Скажи ты въ церкви, щобъ молодыци напряли мени за Пилипивку хочъ по пивмитку. Ты

тильки подумай: скильки молодиць, стильки буде й пивмиткивъ. Выроблю полотно та продамъ, отъ и гроши будуть.

— Може буде завчасу. Треба трохи пидождати. Я тильки що ставъ на парахвію. Щобъ часомъ люде не гомонили.

— Оце лихо! Якъ не схотять, нихто й не силуватиме. А ты скажи въ церкви писля службы, на царскихъ вратахъ, якъ звычайно священныки говорять: якій зъ тебе пипъ, коли ты до сёго часу й слова не промовивъ до своихъ парафіанъ?

Крохотное самолюбіе Моссаковскаго было задѣто, и онъ рѣшился сказать нѣчто въ родѣ проповѣди, а мимоходомъ и о «пивмиткахъ» предложить.

Въ первое-же воскресенье, раздавъ антидоръ и окончивъ отпустъ, о. Харитонъ обратился къ своимъ прихожанамъ съ такими словами:

— На сій недили въ четвергъ маете, люди добри, пущиння, чи то заговины, на святаго апостола Пилипа. Одъ сёго дня почнеця вже пистъ, святая Пилиповочка. Отъ-же треба, люди добри, сей святый пистъ по христіяньски проводить, щобъ Богъ помигъ намъ и св. Риздва диждать.

— Дай-то, Боже! Поможи, Боже, святого праздника диждать! проговорило со вздохомъ нѣсколько голосовъ.—О. Харитонъ продолжалъ:

— Памятайте-жъ, люди добри, щобъ вы до церкви ходили, Богу молились, дитей своихъ на все добре навчали та й сами для всякого добрыми були, бо добримъ людямъ Богъ дае спасеніе, а грешнихъ будуть чорты мучити въ пекли огнемъ та ростопляною смолою.

— Охъ, охъ! послышались глубокіе вздохи въ «бабинцѣ» и вообще на женской половинѣ.—О. Харитонъ развивалъ свою мысль.

— Въ Пилипивку святую до шинку не вдавайтесь и тамъ не випивайтесь; ни зъ кимъ не сварицця, не лайтесь, не быйтесь; старого, слипого, калику доглядайте, бидному, убогому помагайте. А найпаче въ недиленьку святую до храму Божого поспишайте, Господа благайте, тай того, хто молиться за васъ, не забувайте... И вы старики молодшихъ научайте. И вы молодіи старикивъ, а найбильшъ отця и неньку поважайте. И вы дивчата й парубки на музыки не ходить и по вечерницямъ не гуляйте.

О. Харитонъ перевелъ духъ и, возвысивъ голосъ, не безъ смущенія закончилъ свое нехитрое слово:

— А вы, живочки, Божи бджилочки, працюйте для неба, працюйте й для того, що на цимъ свити треба. Напрядить моій молоди матушци по пивмитку, бо вона молода и до роботы не звыкла та й не дуже зугарна. Настане Пилипивочка, то не гуляйте, молитеся та й у скрыню добре дбайте.—Аминь.

— А це вчора приблудилась до моеи левады чіясь чорна корова! Панове громадо! роспитайте та й мени звистку дайте, добавилъ отецъ Харитонъ, затворяя царскія врата.

Молодицы усмѣхнулись и, выходя изъ церкви, говорили: ну цей батюшка, дарма, що въ школахъ не бувавъ, вміє сказати ще й приказати! Напрядимо таки для молодои матушки по пивмитку.

И на другой-же день молодицы явились къ матушкѣ и разобрали у нея все прядево изъ конопли и льну, какъ ни великъ былъ его запасъ.

Первый успѣхъ разъохотилъ Онисю къ дальнѣйшимъ попыткамъ и спустя нѣсколько дней она говорила мужу:

— Знаешъ що, паноче? Чи не прибилшивъ-бы ты свій дохидъ одъ парафіянъ?

— Якъ же то прибилшити? спросилъ Харитонъ, недоумѣвая, что собственно хочетъ сказать ему жена.

— Якъ? Не знаешъ? Треба правити билше, то билше и даватимуть. А то дають тоби неначе старцеви; все пятаки та гривни, часомъ и шага, коли не коли попадеться злотый. Съ пятакивъ та гривень не забагатіемо.

— Ни, мое серце! Въ чому иншому тебе послухаю, а въ цёму не послухаю. Народъ бидный, панщанный, подушне платить: де ёму тихъ грошей узяти?

— А де-жъ и намъ ихъ узяти?

— А на що вони намъ? Хлибъ святый маемо, одежины у насъ доволи, а про обихидку все-таки копійка перепадае.

— Отъ чудный, питае, на що гроши? Та жежъ треба для дитей, якъ Богъ пошле, тай на старисть щось придбать.

— Де ще ти дити, де та старисть!

— Та не тоди-жъ хортивъ годують, якъ на вловы идуть... Якъ зъ молоду не складемо, то на старисть нычого сподиватись.—Накинь ще по гривни хочъ на винчанни.

— Не можна. Боюся Бога,—люди убоги: якъ платили, такъ нехай и платять, по старому звычаю. Не слидъ дратувати людей, коли вони добри та прихильни до насъ. Вони-жъ мене й на парафію обрали, вони й предъ владыкою за мене заступились, и Балабухи до себе не пустили.

Доводы Харитона, особливо послѣдній, были такъ сильны, что Онися оставила его въ покоѣ, однакожъ не на долго.

Насталъ какой-то маленькій праздникъ, когда въ церкви и службы не бываетъ.

— Паноче! дзвони до церкви, говорила Онися.

— А навищо? Сёгодня мале свято.

— А на те, що все-таки якась копійка перепаде.

— А Богъ нимъ, Онисіе Степановно. Не вже за пятака дзвоны ворушити.

— Але бо дзвони. Хиба пятакъ не гроши? Зъ пятакивъ будуть рубли. Дзвони бо, дзвони, не линуйся! Бачишъ, якъ я бигаю по господарстви.

— Добре вамъ бигати, коли въ васъ ноги проворни.—Однако, сказавъ это, Моссаковскій послалъ къ церкви сторожа съ ключами и велѣлъ звонить къ вечернѣ. На утро отслуживъ обѣдню, онъ принесъ изъ церкви всего доходу одинъ пятакъ. Онися взяла изъ рукъ его пятакъ и бережно спрятала его въ сундукъ.

— Якій ты, паноче, не ласый на гроши! Поживешъ,—побачишъ, якъ станутъ въ пригоди гроши.

Минула осень. Работы въ хозяйствѣ стало меньше, Онися рада была-бы посуститься, да не было около чего, хозяйство было еще не большое, да и мать, навѣщая часто свою дочь, понавезла для нея всего, что только требовалось по новости. Отецъ Харитонъ любилъ послѣ обѣда полежать и даже книжку почитать. Онися все вертѣлась въ кухнѣ, и его брала тоска, когда онъ оставался одинъ въ комнатахъ.

— Онисіе Степановно! берить панчоху та сідайте коло мене та побалакайте зо мною, а коли не хочете балакати, то я вамъ святу книжку прочитаю, говорилъ однажды Харитонъ, поворачиваясь на горячей лежанкѣ.

— А щожъ ты мени будешъ читати? спросила его Онися.

— Та хочъ про царя Ирода, або про святу Варвару.

— Пекъ ёму, тому Иродови! Читайте хиба про святу Варвару.

Онися взяла чулокъ и сѣла на стулѣ подлѣ лежанки. Харитонъ развернулъ большущую книжку и, уставивъ ее на собственномъ животѣ, сталъ читать про святую Варвару. Онися повидимому внимательно слушала, работая вмѣстѣ съ тѣмъ надъ чулкомъ. Но она лишь слухомъ внимала чтенію, а мысль ея летала и въ кухнѣ, и въ кладовой, и въ коморѣ, заглядывала и на печь, и подъ печь, и въ дѣжу, и въ ночвы.

— Потрывай трошки! Треба заглянути въ пичъ, чи выпикся хлибъ, говорила Онися и съ этими словами схватывалась со стула, бѣжала въ кухню и, открывъ заслонку, пристально глядѣла въ печь. Отецъ Харитонъ отмѣчалъ въ книгѣ ногтемъ, до какихъ поръ прочитано, и глядѣлъ чрезъ книжку въ окно. Онися влетала, какъ вихрь.

— Ну, то якъ дали? що звеливъ батько збудувати для святои Варвары? какъ-то торопливо спрашивала она мужа.

И Харитонъ продолжалъ читать тихимъ ровнымъ голосомъ, а мысли Онисины вновь отрывались отъ читаемаго и летали по двору, у конаръ, хлѣвовъ, повѣтей, у гусей, куръ, индюковъ.

— Ой пожди годиночку! А же мабудь дивчата й доси не выносили кабанови ѝсти.

Онися вновь, какъ мотылекъ, схватилась со стула, стрѣлой пронеслась въ кухню, крикнула, что слѣдовало, дѣвчатамъ и опять очутилась на стулѣ подлѣ Харитона.

Харитонъ зѣвнулъ и вновь началъ читать. Онися совсѣмъ уже не слушала, а свою думу думала.

— А що такъ твои наймиты, чи будуть завтра робити? неожиданно перебила она чтеца.

Отецъ Харитонъ выпучилъ на нее глаза.

— Але вы мени перебиваете читати, сказалъ онъ.

— Та я бачъ тильки спитала. Такъ набигло на думку. Чи наймиты гній вывозитимуть, чи повезуть пашню до млина. Въ насъ уже житнёго борошна мало.

— Якъ вы скажете, такъ и буде. До васъ треба йти разуму позычати, говорилъ отецъ Харитонъ, держа палецъ среди строчки.

— Нехай везуть до млина. Гній можна й посли вывезти.

Отецъ Харитонъ вновь началъ чтеніе, но Онися давно потеряла всякую связь въ читаемомъ и ничего не разбирала.

— Та хто то бувъ Діоскоръ? Варваринъ чоловикъ, чи братъ? спросила она.

— Отецъ св. Варвары! Вы бо, Онисіе Степановно, не дуже добре слухаете.

— Ну, ну читай! Теперъ уже все розумію.

Отецъ Харитонъ читалъ, но въ головѣ Онисиі такъ перемѣшались Діоскоръ и игемонъ съ наймитами и Варвара съ наймичками, что она ничего не понимала.

— Знаешъ що, Харитоне, опять перебила его Онися: отъ ты береншъ до своеи роботы моихъ наймичокъ тоди, якъ и мени ихъ треба.

Я думавъ, що вы питаете про святу Варвару.

— Въ мене вже все повыпадало зъ головы, що ты читавъ. Отъ и вчора ты забравъ до току наймичокъ, а я хотила на ричку посылать. Якъ тоби треба наймичокъ, то ты зъ вечера мене спитай.

— Але-жъ, Онисіе Степановно, и вы берете до своеи роботы моихъ наймитивъ, якъ мени ихъ треба, робко замѣтилъ Харитонъ.

— Знаешъ що, паноче? Подилимось мы слугами. Ты роспоряжайся своими наймитами, а я моими наймичками. А якъ тоби треба буде наймичокъ, то спитай у мене, а я тебе питатиму, якъ мени треба буде наймитивъ.

— Добре, Онисіе Степановно, добре. Що вы скажете, то все выходить добре. Ось слухайте-жъ, а я буду дали читати. И онъ, сдвинувъ ноготь съ того мѣста въ книгѣ, на которомъ оборвалось чтеніе, началъ вновь читать: но Онися Степановна совсѣмъ уже не слушала. Отецъ Харитонъ примѣтилъ это и спросилъ:

— Чи вы слухаете?

— Та слухаю, слухаю. Не питай мене та читай дали.

— Коли вы щось думаете, сказалъ отецъ Харитонъ, всматриваясь въ задумчивое, умное лице своей жены.

— Читай-бо, читай! Я думаю й слухаю.

— Нуте, а якъ звали отця св. Варвары?

— А хиба-жъ ты про ёго читавъ?

— А вже-жъ читавъ, та тильки вы не слухали.

— А, правда, правда! То якійсь бувъ игуменъ; тильки де-жъ-бы въ ёго дочка взялась...

— Якій тамъ игуменъ! Діоскоръ, такъ звали отця св. Варвары.

— Ну, а хто-жъ той игуменъ бувъ? Чи якій родичъ св. Варвары, чи що?

— Не игуменъ, а игемонъ! Це той, що мучивъ святу Варвару.

— Ото проклятый. Въ якому-жъ винъ манастыри бувъ игемономъ? И якъ-же то ченци та святу Варвару мучили?

— Яки тамъ ченци! Игемонъ-то такъ звався начальникъ, якъ отъ у насъ губернаторъ, або становый.

— Ну, ну, читай дали.

Отецъ Харитонъ пробовалъ читать, но Онися опять свое.

— Чи ты знаешъ, паноче, що у насъ картопли мало?

— Але яки-бо вы! Вамъ усе въ голови господарство. Чи вы хочете зразу забагатити, чи що?

— А чомъ-бы й не забагатити? Добре, якъ Богъ благословить намъ въ пари до самои смерти жити; а якъ-бы, борони Боже, ты попереду вмеръ и я зосталась вдовою, та ще може зъ дитьми? Де-бъ я тоди безъ грошей подилась?

— Богъ зъ вами, Онисю! Мы тильки що побрались, а вы вже й смерть нагадали.

— О, треба, мій голубе, живучи въ свити, на вси боки оглядатись.

— Сидишь ты соби теперь въ Вильшаници и гадки не маешъ, а борони Боже, зъиде митрополитъ, або благочинный прибижить, а въ тебе церква якъ стояла за батька твого кількадесять литъ, то такъ и теперъ стоить, ажъ почорнила въ середини и зъ-на двору. Мабуть, спасиби тоби не скажуть. Отъ и оглядайся, паноче! Справди, опоряди ты свою церкву, якъ мій батько свою опорядивъ.

— Оце вы правду кажете, Онисіе Степановно! Треба церкву опорядити, треба ще й маляра зъ Богуслава закликати, щобъ намаловавъ таки образы, якъ въ чайкивськи церкви.

— Эге; та ще щобъ Балабуху намалювавъ у пекли на самому дни.

— Про мене, нехай намалюе и Балааухy, тильки щобъ часомъ зъ цёго що не вийшло.

Пока отецъ Харитонъ толковалъ съ громадою о починкѣ церкви и договаривался съ маляромъ о покраскѣ оной внутри и написаніи нѣсколькихъ картинъ, въ томъ числѣ и неопалимой купины и страшнаго суда, Онисѣ пришлось какъ-то побывать въ Богуславѣ на ярмаркѣ. Она вернулась домой съ недоброю вѣстью. Не смотря на свой замѣчательно твердый характеръ, она была очень

смущена и это отражалось на ея блѣдномъ лицѣ и судорожно сжатыхъ губахъ. Не вдругъ она собралась передать мужу тяжелую вѣсть, которая не столько ее пугала, сколько волновала. Дѣло въ томъ, что на мѣсто старшаго священника въ Богуславѣ и вмѣстѣ благочиннаго ближайшихъ церквей, въ томъ числѣ и ольшаницкой, былъ назначенъ не кто иной, какъ естественный врагъ Онисиа и Харитона Балабуха, который становился такимъ образомъ непосредственнымъ ихъ начальникомъ и могъ вымещать теперь на нихъ свою злобу, къ которой имѣлъ достаточно причинъ.

Вѣсть эта какъ громомъ поразила о. Харитона. Отъ природы тихій и боязливый, онъ совершенно растерялся и послѣ первыхъ словъ изумленія и страха сталъ говорить женѣ такія колкости, которыхъ онъ никогда-бы сказать не рѣшился и которыя только и можно было объяснять полною его растерянностью.

— А що, Онисіе Степановно, говорилъ онъ, совсѣмъ уже не владѣя собой, чи будемо малювати Балабуху въ пекли, та ще на самому дни?

— Малюй уже ты, отвѣчала Онися, не глядя на мужа.

— А пригадае вамъ Балабуха, продолжалъ о. Харитонъ, якъ вы давали ёму гарбузы.

— Куды-жъ пакъ велике цабе! Що мени благочинный! На мени не попивська ряса, а плахта. Зъ мене чина не здіймуть. На тоби то все окошиця: пригадае винъ тоби и мене, и вильшаницьку парахвію, и вильшаницьку громаду; винъ конечне думае, що не громада выгнала ёго зъ Вильшаныци, а ты.

— Та же-жъ мужъ и жена, то плоть одна, замѣтилъ отъ писанія о. Харитонъ, въ видѣ какъ-бы возраженія Онисѣ; но та молчала, стиснувъ зубы. Подавляемый страхомъ и отчаяніемъ, онъ, бѣгая по комнатѣ, безсознательно твердилъ:

— Охъ лишечко! Що-жъ теперъ мени робити? Та винъ-же мене зъзисть безъ соли. Ой Боже мій! Ой лишечко! Що-жъ мени робити?

Но даже изобрѣтательная Онися не находила никакого выхода изъ нежданной бѣды. Потолковали, поговорили не одинъ разъ и рѣшили ждать, что Богъ пошлетъ.

Между тѣмъ Балабуха, не скоро дождавшійся указа о своемъ назначеніи, не торопливо перевозился въ Богуславъ и устраивался на новомъ хозяйствѣ. Подошли рождественскіе праздники, насту-

пила годовая отчетность, потомъ какія-то слѣдствія и дѣла,—Балабуха надолго отвлеченъ былъ отъ объѣздовъ по благочинію.

Минула зима, прошла весна, наступало лѣто. Въ Ольшаницѣ совсѣмъ опорядили церковь снаружи и внутри, выкрасили стѣны, повѣсили образъ и огромную картину страшнаго суда, но Балабухѣ не суждено было попасть въ «пекло», да еще на самое дно, какъ того хотѣла раньше Онися Степановна. Тѣмъ временемъ заѣхавшій сосѣдъ-священникъ передалъ о. Харитону, что благочинный, какъ слышалъ онъ, получилъ указъ произвести самую строгую ревизію церквей, что новый митрополитъ приказываетъ благочиннымъ испытывать прихожанъ, особенно малыхъ дѣтей въ знаніи молитвъ, дознавать, читаютъ-ли священники проповѣди, служатъ-ли неопустительно, крестятъ-ли дѣтей въ церкви чрезъ погруженіе и имѣютъ-ли крещальни, хранятъ-ли въ надлежащемъ мѣстѣ, порядкѣ и чистотѣ св. антиминсы, запасные дары и св. муро, не держатъ-ли подризниковъ полотняныхъ, чашъ деревянныхъ, вѣнцевъ бумажныхъ, требниковъ уніатскихъ, не упиваются-ли на свадьбахъ, крестинахъ и поминкахъ, не вымогаютъ-ли у прихожанъ за исполненіе требъ, а главное ведутъ-ли своевременно и исправно записи метрикъ, приходо-расходныхъ книгъ и пр. и пр. О. Харитонъ совсѣмъ потерялся; въ его воображеніи воскресли и еще съ большею силою первые страхи. Даже Онися, въ виду нависшей грозы, рѣшила, что надо чѣмъ нибудь задобрить Балабуху.

— Але що ёму послати зъ нашого убогого господарства? недоумѣвала она. Пашни шкода, теличку або бузимка шкода, полотна ще билше шкода...

— Всёго шкода, тильки мене не шкода, сказалъ, сморщившись, отецъ Харитонъ.

Онися продолжала, какъ-бы вовсе не слышала сказаннаго мужемъ.

— Копопель у насъ мало, бо молодыци попряли; лёну зовсимъ мало. Гуси, индыки та качки ще не повыростали, а решта стары. Меду-бъ послать, такъ ще бджолы мабуть не наносили.

— А може-бъ Онисіе Степановно, одислати того кабанчика, що въ сажи?

— Саме такъ! Це якъ-разъ для благочинного годую. На писля Петра самимъ здастця; зъ молоденькимъ часнычкомъ та свиже салце—самый смакъ.

— Такъ що-жъ одначе поплете?

— Знаешъ що? Нашъ староста добрый гончаръ. Нехай винъ одвезе хуру своихъ горшкивъ.

— Та й розумни-жъ вы, Онисіе Степановно! Ей Богу, добра ваша ричъ. А же-жъ надъ старостами благочинный такъ само начальникъ, якъ и надъ нами. Треба послати за старостою.

Отецъ Харитонъ послалъ за старостою и безъ особаго труда убѣдилъ его свезти благочинному въ подарокъ нѣсколько десятковъ, а то и цѣлую сотню его гончарныхъ издѣлій на всякія кухонныя потребы.

— Але, Онисіе Степановно, треба все таки одъ себе прикинути щось, добавилъ о. Харитонъ, обращаясь къ женѣ.

— Одъ мене прикинь дулю отцю благочинному, а другу госпожи благочинни, отвѣтила Онися.—Отецъ Харитонъ только носомъ повертѣлъ и не рѣшился больше говорить.

На второй или третій послѣ этого день, староста отобралъ лучшую, какая была въ его гончарнѣ, и самую разнообразную по суду, бережно уложилъ ее на возу и отправился къ благочинному на поклонъ.

Усадьба Балабухи расположена была на возвышенной части Богуслава, почти на краю онаго. Многовѣковый этотъ городъ, въ ту пору еще уѣздный, не отличался ни многолюдствомъ, ни богатствомъ. Главную, верхнюю часть города занимали жиды: тутъ стояла старинная синагога, тѣснились скученныя ихъ лавки и жилища, съ узкими и кривыми улицами. Отсюда городъ неправильными группами бѣдныхъ построекъ, безъ улицъ и и дорогъ, и даже одиночными хатами, разбросанными между скалъ и камней, спускался къ рѣкѣ по скату горъ, прорѣзанныхъ нѣсколькими глубокими взвозами. Внизу шумѣла Рось, по обѣимъ сторонамъ которой нагромождены были груды огромныхъ камней, а кой-гдѣ угрюмо стояли высокія отвѣсныя скалы. Все русло рѣки у самаго города завалено было грудами камней, и вода, прорываясь поверхъ и вокругъ ихъ, пѣнилась, шумѣла, клокотала и лишь на самомъ концѣ города выходила на широкій роздолъ, прегражденный узкой извилистой плотиной.

Вдоль праваго берега Роси тянулось исключительно почти христіанское поселеніе, заканчивавшееся монастыремъ, расположен-

нымъ на совершенно отдѣльной горѣ, окруженной когда-то со всѣхъ сторонъ водою. Вдали за монастыремъ зеленѣли широкія левады и сѣрѣли скалы, выступавшія грозными стѣнами вдоль высокаго берега.

Староста въѣхалъ въ дворъ благочиннаго. Ворота стояли настежь, подвору шныряли жидовскія козы, щипля кой-гдѣ торчавшій бурьянъ или силясь достать выглядывавшую изъ-за плетня кое-какую огородную зелень. По срединѣ двора стоялъ не старый еще, но какой-то ободранный домъ, съ почернѣвшею, мѣстами продранною соломенною крышею. Съ правой отъ въѣзда стороны расположены были въ безпорядкѣ также обветшавшія и неисправленныя хозяйственныя службы; съ лѣва узкой полосой тянулся, огибая домъ, небольшой, скудно засаженный огородъ съ торчавшими кое-гдѣ старыми грушами и черешнями. Нигдѣ не видно было и слѣда заботливой хозяйской руки; отовсюду несло неумѣлостію, небрежностію и запустѣніемъ. Даже невзыскательный ольшаницкій староста, окинувъ постройки и дворъ своимъ опытнымъ хозяйскимъ глазомъ, сплюнулъ на бокъ и подумалъ про себя: «поганый господарь зъ нашого благочинного»! «А про те тутъ моимъ горшкамъ ради будуть», сказалъ онъ уже почти въ слухъ, останавливая среди двора своихъ воловъ. Оглядѣвшись по сторонамъ, нѣтъ-ли гдѣ собакъ, староста отряхнулъ полы своей свиты, взялъ шапку подъ мышку и нетвердыми шагами направился къ дому благочиннаго.

Балабуху дѣйствительно мало интересовало хозяйство, еще менѣе расположена была къ нему его жена Олеся. Онъ отличался нѣсколько философскимъ настроеніемъ на манеръ гоголевскаго Ѳомы Брута, она—поэтическимъ, точнѣе романтическимъ. При такихъ наклонностяхъ хата какъ разъ безъ крыши будетъ. Къ тому-же Балабуха немного обчелся на приданомъ. Не помогли тутъ ему ни сватъ, Мелхиседекъ, ни сваха Марта. Терлецкій далъ своему зятю едва четвертую часть того, что обѣщалъ. Онъ не далъ Балабухѣ даже той бабы, которую обѣщалъ, но въ замѣнъ ея далъ парубка Прокопа, у котораго, какъ говорили, «не вси були дома».

Балабуха только что пообѣдалъ, нѣсколько поздненько по городскому обычаю, и прилегъ въ свѣтлицѣ на канапѣ, чтобы, какъ говорилъ онъ, *сало завязалось*. Олеся одѣтая въ чистенькое ситце-

вое платье, сидѣла около него на полу и наигрывала на гитарѣ какой-то жестокій романсъ. Жилище ихъ представляло смѣсь какого-то убожества и скудости съ претензіями на панство. Въ переднемъ углу висѣли двѣ-три иконы—родительское благословеніе; по стѣнамъ развѣшаны были плохія литографіи, представлявшія разныя сцены изъ войны съ французами и за независимость грековъ, равно портреты Кутузова и Барклая-де-Толли. Среди нихъ рѣзко выдѣлялись купленныя въ Кіевѣ на контрактахъ два раскрашенныя, но также бумажныя изображенія: на одномъ изъ нихъ дѣвица съ голыми плечами держала на рукахъ кота, на другомъ дѣвица съ закрытыми плечами, но съ голыми руками держала на пальцѣ канарейку и кормила ее изъ своихъ коралловыхъ устъ. На окнахъ стояли горшки съ цвѣтами, закрытые на половину кисейными занавѣсками, перехваченными розовыми ленточками. Простой некрашенный полъ былъ чисто вымытъ. Цѣльный гарнитуръ незатѣйливой, но свѣже-купленной мебели достаточно заполнялъ пустоту обширной залы.

Староста робко пріотворилъ дверь и нерѣшительно подался назадъ; Балабуха поднялся съ канапы. Олеся перестала играть.

— А що скажешъ, чоловиче? спросилъ Балабуха.

— Прыихавъ до вашои милости зъ гостинцемъ одъ вильшаницького батюшки.

— Зъ якимъ гостинцемъ? спросилъ Балабуха.

— Та тутъ прислали де якои посудины вамъ на господарство. У насъ, вважаете, свои ганчари. Чи звелите куды перенести? спросилъ староста, искоса поглядывая на «простоволосую» благочинную, т. е. не покрывавшую головы ни «намиткою», ни платкомъ, ни чепцемъ.

Балабуха съ Онисею вышли на крыльце. Староста подвернулъ къ крыльцу воловый возъ и бережно сталъ снимать съ него посуду, высвобождая ее изъ соломы и разставляя у крыльца. На помощь ему были призваны Олесею горбатая Килина и Прокопъ—«не вси дома». При видѣ раскладываемаго добра, Олеся не могла скрыть своего удовольствія и съ улыбкою глядя на мужа, шепнула ему въ полголоса:

— Пиддобрюються, бояться тебе.

— Добри горшки у васъ въ Вильшанци, сказалъ Балабуха, окинувъ глазами разставленные горшки съ поливою внутри.

— А це що таке? спросила Олеся, шевеля кончикомъ башмака какую-то особой формы посудину.

— Це, выбачайте, госпоже, поросятники, щобъ смалити цили поросята чи къ Великодню, чи й такъ на свою обыхидку.

Благочинная ласково улыбнулась.

— Це матушка особливе переслали вамъ, добавилъ староста. Олеся совсѣмъ просіяла; ей особенно по сердцу было это вниманіе ея соперницы, съ которою однако ей доселѣ еще не пришлось ни разу встрѣтиться.

За все доставленное отъ имени батюшки и матушки старостѣ не пришлось однако получить и спасибо, а только выпить рюмку водки, и то маленькую, да закусить ломтикомъ черстваго хлѣба.

— Кланяйся батюшци й матушци, говорилъ Балабуха отъѣзжавшему старостѣ, та накажи, щобъ прыихали до насъ въ гости.—Та не забудь подякувати за горшки, крикнулъ онъ въ догонку, когда староста былъ уже у воротъ.

Пока Килина и Прокопъ сносили въ кухню посуду, Балабуха и Олеся, сидя на крыльцѣ, вели разговоръ по поводу нежданнаго подарка.

— Мосаковськи йдуть на миръ, сказалъ Балабуха.

— Добре роблять, що йдуть, замѣтила Олеся: намъ горшкивъ треба, Килина товче ихъ такъ, що не стае одъ ярмарку до ярмарку.

— Щожъ казавъ благочинный? спрашивали Харитонъ и Онися возвратившагося старосту.

— Дякувавъ и прохавъ, щобъ вы прыихали до ихъ въ гости, отвѣчалъ староста.

— А благочинну бачивъ?

— Выходили обое.

— Яка-жъ, привитна?

— Та, выбачайте, простоволосою ходить! Нема iи стыда й сорома, волосомъ свитыть.

— То, старосто, звычай такій, на панивъ дивляця, тай сами такъ роблять.

Между тѣмъ Балабухи, по отъѣздѣ ольшаницкаго старосты возвратясь въ комнаты, не находили, за что приняться и какъ убить

досужее праздничное время. Балабуху тянуло ко сну, Олеся принималась вновь за гитару и романсы, порядочно уже прискучившіе ему. Чтобы отдѣлаться отъ того и другаго, Балабуха досталъ изъ шкафа толстѣйшую въ кожаномъ переплетѣ книгу и принялся читать. Называлась эта книга «Ѳеатронъ или позоръ историческій». Балабуха углубился въ чтеніе, Олеся сидѣла и скучала.

— Господи, яка нудьга! сказала она, зѣвая изо всѣхъ силъ. Хоть бы хто прійшовъ.—Видя однако, что мужъ не обращаетъ вниманія на ея слова, она достала любимую свою книгу: «Волшебница Раги-Муина и принцъ Ибрагимъ» и принялась въ свою очередь читать.

Прошло добрыхъ полчаса. Балабуха, дойдя до раздѣленія народовъ послѣ потопа и происхожденія Москвы отъ Мосоха, закрылъ книгу и отодвигая ее, сказалъ какъ бы про себя:

— Добра книжка, та якось одъ неи сонъ змагае.

— Що ты тамъ не знать що читаешь. На, лучше читай оцю «Волшебницю», то и я послухаю; одъ сеи не заснешь, а хоть-бы и спавъ, то прокинешься, сказала Олеся, суя Балабухѣ книгу въ руки.

— Дай уже, дай. Я тоби прочитаю и «Волшебницю».

Балабуха сталъ читать: онъ часто останавливался, щурилъ глаза, морщился, насмѣшливо улыбался и наконецъ дойдя до того, какъ волшебница повела Ибрагима въ глубокую пещеру и стала выкликать тамъ какого-то страшнаго духа, неся при этомъ высокимъ стилемъ невообразимую чепуху, расхохотался и бросивъ книгу на столъ, сказалъ:

— Одчепись, Олесю, зъ своими волшебницями! Послухай лучше, я тоби почитаю зъ моеи батькивськои книжки, ще мабуть одъ прадида зосталась.

И онъ досталъ изъ шкафа какую-то старую, крайне невзрачную книжку, не только потертую и засаленную, но даже нѣсколько объѣденную мышами.

— Отъ выдравъ якусь старовину! Це навить жидамъ на тютюнъ не згодится, а не то, щобъ ёго читати.

— Ге, не въ тимъ сила, що кобыла сива, а якъ вона везе.

— Щожъ то за книжка? цикава-бъ я знати.

— Се бачъ зовеця «Краткій Лѣтописецъ», а росказуе винъ, коли якъ и що діялось на Украини и коли хто бувъ гетманомъ.

— А то що таке Украина? Може велика яка посессія? А гетманомъ—то значиться экономомъ, або жондцею...

— Тай чудна-жъ ты, Олесю! Украина—тожъ наша родина, а гетманъ—то батько козацькій бувъ.

Олеся вскинула на мужа глаза полные недоумѣнія. Минуту помолчавъ, она со смѣхомъ сказала:

— Щожъ мени до того, хто тамъ чіимъ батькомъ бувъ?

— Та не объ тимъ бо ричь, съ неудовольствіемъ замѣтилъ Балабуха; винъ, бачъ, описуе тутъ, якъ козаки бились зъ панами.

Олеся громко захохотала. Балабуха нервно вздрогнулъ и повернулся на канапѣ.

— Бились зъ панами?! Та же-жъ и теперъ козаки у панивъ по дворахъ служать, отъ хоть-бы и въ нашого жондци. А нехай-же который, не то щобъ биться, а хоть-бы въ однимъ слови не послухавъ, то заразъ его на стайню та нагаями.

— Дитино моя! съ болью въ сердцѣ произнесъ Балабуха. Тожъ теперъ такъ сталось, а колись то вси козаками були и зъ панами бились, и навить ихъ били, та ще якъ били. Ось колибъ ты почитала тутъ, якъ Хмельницкій бивъ ихъ на Жовтихъ Водахъ, пидъ Кумейками, отутъ недалечко пидъ Корсуномъ,—геть отъ Корсуна коло Яблунивки ажъ до Стеблева гнали ихъ та били.

Олеся въ недоумѣніи раскрыла ротъ. Ни отъ кого никогда ничего подобнаго она не слыхала и въ книгахъ не читала. Балабуха не разъ прочелъ своего «Лѣтописца» и зналъ его чуть не наизусть. Въ немъ разгорѣлась теперь кровь и воодушевляясь все больше, онъ продолжалъ: Чи-жъ мало ихъ били! А пидъ Пилявцями, пидъ Збаражомъ, пидъ Зборовымъ. Отъ тильки пидъ Берестечкомъ... Але я-бъ того Тугай-бея на шматки розирвавъ.

Все это было и ново и дико для Олеси, и она никакъ не могла понять, что сталось съ ея мужемъ и отъ чего онъ волнуется и кричитъ. А Балабуха входилъ все въ большій азартъ, припоминалъ многіе другіе факты, пускался въ подробности, поднимался съ мѣста, размахивалъ руками, ударялъ по столу кулакомъ.

— А то отъ ще въ одни таки книжци читавъ, якъ Хмельницкій оравъ панами. Запригъ панивъ въ плугъ та й оре... Балабуха громко захохоталъ и обращаясь съ улыбкой къ женѣ, добавилъ:

— Отъ якъ-бы того Баньковского запрягти въ плугъ, мабуть самъ одинъ-бы потягъ.

— Одчепись ты съ своими козаками! сказала съ досадой Олеся и вырвавъ у мужа книгу изъ рукъ, швырнула ее на шкафъ.

— Не сердься бо, голубко, Олесю! съ нѣжностію сказалъ Балабуха, обнимая и цѣлуя жену.—Це я не противъ тебе, а такъ згадавъ, якъ колись-то було... Знаешь що, мое сердце? Пиди ты до пекарни! та скажи Килини, щобъ зготувала намъ що на вечерю.

— Иди вже самъ, я ненавижу ту пекарню. Колибъ ты добрый бувъ, то кухара напявъ-бы.

— Э! на кухаря треба багато грошей. Пиди бо, та роспорядись!

Олеся отворила дверь въ сѣни, кликнула Килину, сказала, что приготовить на ужинъ, но сама въ кухню не пошла. Она чувствовала себя не въ духѣ по поводу его остроты надъ Баньковскимъ.

Насталъ длинный и скучный вечеръ. Олеся не хотѣла говорить, она достала свою «Волшебницу» и начала читать въ слухъ. Балабуха не слушалъ и только зѣвалъ. За ужиномъ онъ сказалъ еще нѣсколько ѣдкихъ словъ женѣ по поводу не вкусно изготовленнаго кушанья. Это окончательно разстроило Олесю.

— Господи, яка нудьга!—говорила она, принявшись послѣ ужина ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.—И гость тоби ніякій не пріиде. Колибъ хочъ жидъ якій зъ мистечка пришовъ, всебъ таки було съ кимъ поговорити.

Балабуха не обращалъ вниманія на слова жены, брошенныя, очевидно, въ его сторону. Онъ курилъ трубку изъ длиннаго чубука и упорно молчалъ. Олеся продолжала безцѣльно сновать по комнатѣ. Ея думы летали въ родной Хохитвѣ, въ кругу шляхтичей-панковъ, среди которыхъ она выросла, понятія, взгляды и привычки которыхъ усвоила, въ обществѣ которыхъ она столько веселилась и чувствовала себя пріятно и легко. Она припоминала часы и дни, проведенные въ веселой компаніи всегда любезныхъ кавалеровъ. Фантазія ея разыгрывалась; ей тѣсно и душно становилось въ этомъ сумрачномъ, мертвомъ домѣ; ея думы уносились куда-то далеко, рвались, какъ птицы въ облака, кружились въ какомъ-то безконеч-

номъ пространствѣ, не зная, гдѣ остановиться. Утомленная мечтами и ходьбой, Олеся опустилась на канапку, откинула голову назадъ и уперлась глазами въ потолокъ, какъ-бы читая что-то написанное на немъ.

Послѣ долгаго раздумыванія, Олеся не нашла ничего лучшаго, какъ попросить мужа, чтобы онъ сшилъ ей новое шелковое платье. Балабуха охотно обѣщалъ, и это послужило къ загражденію того непріятнаго впечатлѣнія, какое произведено на ихъ обоихъ всѣмъ предшествовавшимъ разговоромъ.

На другой день послѣ ранняго обѣда Балабуха отправился въ объѣздъ по благочинію, и началъ съ Ольшаницы. Когда онъ подъѣхалъ къ дому Моссаковскаго, тотъ, завидѣвъ его въ окно, вышелъ къ нему на встрѣчу и почтительно его привѣтствовалъ. Балабуха ласково поздоровался съ хозяиномъ и трижды облобызался. Вошли въ комнату, усѣлись и повели рѣчь о семъ, о томъ. Балабуха держалъ себя нѣсколько холодно, распрашивалъ о церкви и приходѣ и избѣгалъ всего, что могло-бы напомнить его прежнія отношенія къ хозяйкѣ дома. Моссаковскій усиливался быть внимательнымъ, радушнымъ, старался даже льстить. Разговоръ не имѣлъ искренняго, непринужденнаго характера. Онися, стоя за дверью въ сосѣдней комнатѣ, притаила духъ и внимательно прислушивалась къ разговору. Она ни за что не рѣшалась выйти къ гостю, но въ тоже время ей очень хотѣлось взглянуть на бывшаго своего жениха, такъ презрительно ею отвергнутаго, и она поднялась на стулъ и пристально глядѣла сквозь широкую щель надъ дверью. Балабуха имѣлъ небольшую складистую черную бороду, въ мѣру отросшіе на головѣ волосы вились вокругъ лоснящимися кудрями, густые черные усы закрыли его некрасивыя губы. Вообще Балабуха казался теперь Онисѣ гораздо лучшимъ, чѣмъ прежде, и это мирило ее съ необходимостью сносить присутствіе въ домѣ лица, которое теперь, въ качествѣ начальника, могло вымещать свое прежнее оскорбленіе.

Моссаковскій, разговаривая съ благочиннымъ, сидѣлъ какъ на иголкахъ: онъ все ждалъ, что вотъ-вотъ начнется та строгая ревизія, о которой ему столько наговорили, что благочинный потребуетъ записи, книги, до всего станетъ докапываться, закажетъ созвать прихожанъ, ихъ дѣтей, останется служить обѣдню. Ничего

такого не случилось. Балабуха осмотрѣлъ лишь церковь, ризницу, антиминсъ, дарохранительницу и заставилъ старосту показать скудную наличность кошельковыхъ и свѣчныхъ денегъ.

Все похвалилъ, всѣмъ остался доволенъ, особенно покраскою церкви и новыми образами. Моссаковскій благословлялъ судьбу, что успѣлъ во время остановить нетерпѣливое желаніе Ониси изобразить Балабуху въ «неклѣ», да еще на самомъ днѣ.

Пока производился осмотръ церкви, Онися хотя-не хотя приготовила закуску для гостя и уставила столъ всѣмъ, что можно было схватить на скорую руку. Возвращаясь изъ церкви, Балабуха полюбопытствовалъ взглянуть на хозяйство своего сосѣда и счастливаго соперника.

Усадьба была въ найлучшемъ порядкѣ. Прихожане позаботились обнести новыми плетнями огородъ и дворъ, поправить крышу на хозяйственныхъ службахъ, а иныя и вновь покрыть. Вездѣ видѣнъ былъ порядокъ, все было исправно и чисто, словомъ: по хозяйски.

— Видно, що громада васъ любить, сказалъ Балабуха, у васъ и церква и господа опоряжени, якъ слидъ. А мои богуславци, що имъ не кажи, и ухомъ не ведуть. У мене не тильки все стоить обидране, роскрыте,—ворить навить не поставлять, такъ поламани й стоять.

Моссаковскій самодовольно осклабился и попросилъ Балабуху «до господы». Усѣвшись за столъ, и хозяинъ и гость закусывали съ такимъ аппетитомъ, какъ-бы много предъ тѣмъ потрудились. Моссаковскій усердно потчивалъ, часто наливалъ, подобострастно припрашивалъ. Балабуха ни отъ чего не отказывался, принималъ все, какъ должное, и очень былъ доволенъ радушіемъ и почтительностію хозяина. Ублажившись довольно, онъ вспомнилъ свою Олесю и его потянуло домой. Онъ какъ будто видѣлъ рядомъ съ собою ея гибкую, подвижную фигуру, ея румяное, свѣжее лице, будто слышалъ ея нѣжный голосъ, звонкій смѣхъ. Вдругъ въ комнатѣ за стѣной чуть замѣтно послышался сдержанный голосъ Ониси. Балабуха замеръ... То былъ очень знакомый ему голосъ. Балабухѣ крѣпко хотѣлось хотя мелькомъ взглянуть на Онисю, полюбоваться острыми тонкими бровями, ея чудными блестящими глазами, и онъ не безъ внутренняго волненія спросилъ у Моссаковскаго:

— Чи здорова ваша пани-матка?

— Спасиби вамъ! Не здужае трохи. Десь мабуть витромъ прохопило, вже давненько кашляе, отвѣтилъ Моссаковскій.

— Жаль, жаль, тихо промолвилъ Балабуха, и онъ опять перенесся мыслью къ себѣ въ домъ, и опять увидѣлъ предъ собою свѣжее лице Олеси.

Балабуха поспѣшилъ окончить закусываніе и велѣлъ подавать лошадей. Уѣзжая изъ дому, онъ разсчитывалъ проѣздить нѣсколько дней, но теперь передумалъ и уже съ пути въ другое село велѣлъ кучеру повернуть домой.

Была уже совсѣмъ ночь, когда Балабуха подъѣхалъ къ крыльцу своего дома.

Изъ оконъ кухни на темный дворъ лился яркій свѣтъ. Широкимъ пламенемъ горѣли дрова въ печи; сквозь окна можно было видѣть приставленные къ огню горшки, большой поросятникъ и неуклюжую Килину, возившуюся у печи, съ подвязаннымъ напереди полотенцемъ взамѣнъ фартуха. Не трудно было догадаться, что готовится не простой домашній ужинъ. А изъ оконъ свѣтлицы сквозь неплотно притворенныя ставни прорывался длинными полосами свѣтъ и падалъ на плетень. Новый знакъ для Балабухи, что въ домѣ у него гости. Пробираясь осторожно чрезъ темныя сѣни, онъ слышалъ доносившіеся изъ свѣтлицы голоса, а когда отворилъ дверь, то сквозь густые облака табачнаго дыма едва могъ примѣтить свѣжее личико Олеси, какъ розу, прикрытую газомъ, и большую курчавую голову Баньковскаго. Они сидѣли на канапѣ; Олеся держала на колѣняхъ гитару, въ рукахъ Баньковскаго торчалъ длинный чубукъ. Балабуха совсѣмъ не замѣтилъ того, что одна рука Баньковскаго огибала станъ Олеси.

— Хто тамъ? крикнулъ Баньковскій, заслышавъ скрипъ двери.

— Свои, прогудѣлъ густымъ басомъ Балабуха, вступая въ свѣтлицу.

Баньковскій бросился къ нему на встрѣчу, Олеся даже не шевельнулась на мѣстѣ и только положила гитару на канапу.

— Го, якъ ся масте, шановный ойче! восклицалъ Баньковскій, обнимая и цѣлуя Балабуху.

Балабуха холодно, съ явнымъ даже неудовольствіемъ отвѣтилъ на привѣтствіе Баньковскаго и не поздоровавшись съ женою,

прошелъ въ боковую комнату, чтобы снять съ себя верхнее платье.

И Олеся и Баньковскій не могли не чувствовать неловкости своего положенія, хотя оно вышло совсѣмъ просто и случайно. По отъѣздѣ мужа Олеся вышла въ городъ пройтись и встрѣтивъ Баньковскаго, пригласила его зайти къ ней вечеромъ, никакъ не разсчитывая, что мужъ возвратится въ тотъ-же день. Балабуха думалъ, конечно, совсѣмъ иначе. Выйдя въ залу, онъ набилъ трубку, закурилъ и молча усѣлся на стулъ. Лишь искоса взглянулъ онъ на жену, та покраснѣла, какъ маковка. Настало общее молчаніе. Баньковскій подумалъ было встать и распрощаться, но сообразилъ, что выйдетъ еще хуже, къ тому-же и поужинать хотѣлось, и потому рѣшившись остаться, онъ, ни мало не стѣсняясь, началъ разговоръ.

— Якъ же вамъ, отець благочинный, ѣздилось? Чи далеко були? смѣло спросилъ Баньковскій.

— Недалеко, въ Вильшаныци, отозвался Балабуха, и снова взялъ въ губы чубукъ и такъ потянулъ изъ него, что весь табакъ вспыхнулъ и поверхъ трубки показалось пламя, которое онъ поспѣшилъ задуть.

— О, я знаю Вильшаныцю и не разъ тамъ бувавъ у покойника старого батюшки. Що за добра, що за мила душа бувъ покійникъ, царство ему небесне! Якій щирый, якій привитный. А господарь якій! Такого трудно де знайти,—распустилъ рѣчь панъ Баньковскій, чтобы занять время, пока поспѣетъ ужинъ.

— Добрый бувъ чоловикъ, неохотно добавилъ Балабуха и вновь со злости такъ потянулъ изъ трубки, что въ ней послышался трескъ какъ-бы поджариваемаго на сковородѣ сала.

— Чи бачивъ-же Онисію Степановну? спросила Олеся слегка дрожавшимъ голосомъ.

— Ни, коротко отрѣзалъ Балабуха.

На минуту всѣ смолкли; слышался только глухой трескъ въ трубкѣ и дымъ густыми клубьями поднимался къ потолку.

— Я знавъ Онисію Степановну ще панною, поспѣшилъ вставить свое слово панъ Баньковскій. Ото була цяця! Ну, тай цяця! Якъ крашанка! Якъ писанка! Якъ золото!

— Шкода тильки, що въ плахти ходила, замѣтила Олеся. Мабуть теперъ завертилась намиткою, якъ сильска баба. Не люблю я тихъ намитокъ, запасокъ та плахтъ.

— Часомъ ти намитки та плахты бувають лучши одъ сукопь, грубо отозвался на это Балабуха, не глядя на жену.

— Вже сердься, не сердься, а вечери таки я диждусь, подумалъ Баньковскій и развелъ длинную исторію объ отцѣ Описи, о самой Ольшаницѣ, о тамошнихъ лѣсахъ, о бывшихъ тамъ облавахъ на волковъ и полеваньяхъ на зайцевъ и лисицъ, перебралъ всѣхъ бывшихъ тамъ помѣщиковъ, экономовъ и другихъ шляхтичей, о каждомъ почти изъ нихъ разсказалъ какой нибудь забавный анекдотъ. Баньковскій незамѣтно для себя увлекся разсказами объ охотѣ, говорилъ съ жаромъ и одушевленіемъ, сыпалъ шутками и остротами. Олеся хохотала отъ души, Балабуха выходилъ изъ себя, пока Килина не застлала столъ и не подала ужинъ.

Баньковскій съ одинаковымъ увлеченіемъ уписывалъ лапшу съ курицею и курицу съ соусомъ, какъ и жаренаго поросенка. Хотя ужинъ приготовленъ былъ неискусною рукою Килины, Баньковскій не скупился на похвалы, чтобы польстить хозяйкѣ.

— Якъ-то смачно, якъ-то чудово зготовано! то и дѣло напѣвалъ онъ Олесѣ. Балабуха только вскидывалъ на него сердитыми глазами и молча ѣлъ.

Поужинавъ, Баньковскій безъ церемоніи схватилъ шапку, попрощался и поѣхалъ домой. Килина убрала со стола. Балабуха сосалъ трубку и молчалъ.

— Ты на мене сердишься? спросила его Олеся, подойдя къ нему и положивъ руку на плечо.

Балабуха молчалъ и глядѣлъ на стѣну.

— Може ты думаешъ, що я умысне запросила до себе Баньковского? Я ёго й не думала просити: бувъ на ярмарку и заихавъ. Балабуха тяпулъ изъ трубки и молчалъ.

— Чого це ты мовчишъ? Чи ты справди сердишся на мене? допытывалась Олеся.

Балабуха молчалъ и курилъ.

— Слухай! Ты сердишся на мене? вновь спросила его Олеся и слегка ударила его по плечу; та покинь-бо люльку та говори зо мною.

Балабуха глазомъ не мигнулъ, не шевельнулъ усомъ.

Олеся пробовала вырвать изъ рукъ его трубку; онъ не допустилъ и слегка оттолкнулъ ея руку на бокъ.

— Ото не люблю, якъ чоловикъ мовчить. Говори що нибудь! чи хвали мене, чи гудь, але говори.

Балабуха молчалъ и молча вновь набилъ трубку и продолжалъ курить.

— Та й запеклый-же ты чоловикъ! Здаеться, зъ креминя легче добути слова, якъ одъ тебе. Кидай люльку та поговори зо мною.

Олеся рванула чубукъ изъ рукъ мужа такъ, что искры посыпались изъ трубки на полъ. Балабуха всталъ и молча вышелъ на дворъ, не надѣвъ даже шапки.

Была темная ночь. По темному, какъ черное сукно, небу, блестѣли звѣзды, какъ изумрудныя капли. Богуславъ будто вымеръ; нигдѣ не видно было огней, нигдѣ не слышно было ни малѣйшаго звука, и лишь снизу отъ рѣки доносился монотонный шумъ воды, переливавшейся по камнямъ. Балабуха вышелъ за дворъ и машинально побрелъ внизъ къ рѣкѣ. Шумъ воды становился слышнѣе; можно было разслышать въ общемъ шумѣ, какъ вода клокочетъ, рвется и бурлитъ, то тихо плещется о камни и переливается по нимъ. Балабуха остановился на обрывистой скалѣ и неподвижно устремилъ глаза въ темную даль. Въ глубинѣ ночнаго мрака, какъ въ облакахъ густаго дыма, предъ его глазами вырисовывались два свѣжія лица, одно около другаго, оба веселыя и румяныя. Въ шумѣ воды онъ какъ-бы слышалъ ихъ веселый говоръ. Вотъ набѣжавшая волна ударилась о камень, раздался плескъ, и ему почуялся въ немъ тихій аккордъ гитары... Балабуха долго стоялъ на скалѣ, кругомъ его царила тьма ночи и лишь огонь въ трубкѣ то вспыхивалъ, то опять погасалъ.

Измученный думами, Балабуха вернулся домой и, не промолвивъ слова къ женѣ, поспѣшно раздѣлся и легъ спать.

Проснувшись рано, Олеся весело заговорила къ мужу. Онъ молчалъ; молча одѣлся и помолившись Богу, сѣлъ за чай.

— Чи ты й доси на мене сердишся? спросила Олеся.

Балабуха пилъ чай и словомъ не отозвался къ женѣ.

— Та ну, не выгадуй ка-зна чого! Чи ты граешъ въ якись играшки, чи що? говорила Олеся.

Балабуха даже не взглянулъ на нее.

— Забере соби щось у голову та й дметься. Отъ уже не люблю. Ты може думаешъ, що я люблю того гидкого Баньковського? Я тебе люблю и билшъ никого, сй же Богу! весело говорила Олеся.

А Балабуха молчалъ и смотрѣлъ на самоваръ. Олеся подговорила Килину, чтобы та вошла и спросила у батюшки, что готовить на обѣдъ. Килина вошла и стала спрашивать, но при этомъ глупо ухмылялась. Балабуха, взглянувъ на нее, понялъ, въ чемъ штука и не сказалъ ни слова. Олеся была тутъ-же; она стояла у окна и тихо смѣялась.

Уже и пообѣдали. Уже и день минулъ. Даже слуги замѣтили, что батюшка не говоритъ.

— Пани! може нашому батюшци пороблано, що вони цилый день не говорять, обратилась къ матушкѣ Килина съ своимъ мудрымъ словомъ: нехай Богъ милуе кожного хрещеного, це на людяхъ бувае. Побижу я въ Хохитву до знахарки. Въ насъ е така баба, що одробить.

— Ты казна-що верзешъ, сказала Олеся, а сама едва держится отъ смѣха. Батюшка не зовсимъ здоровый, то й не говоритъ.

Но прошелъ и второй день, а батюшка молчалъ, будто онѣмѣлъ. Проникся и Прокопъ сожалѣніемъ и подступилъ къ матушкѣ съ такими словами:

— Пани! ось слухайте, що я маю вамъ казати: нашому батюшци й справди пороблено. Треба бигти до Хохитвы. Тамъ у насъ е така дженджеляста баба... Вона якъ пидкурить батюшку зиллямъ, то три дни говоритимуть и не переставатимуть. Мене разъ якъ пидкурила...

— Я тоби дамъ такои дженджелястои, що ты не втрапишъ, куды втякати, сказала Олеся.

Только третьяго дня вечеромъ батюшка заговорилъ.

— Слава тоби, Хрестителю! Ажъ коли вернувся языкъ. Тай наровы-жъ у тебе! говорила сердито Олеся.—Це якъ буде Баньковській разъ у тыждень заходити до мене, то мій панотець по три дни на тыждень буде пимый... Не дуже пріятна ричь! Що тутъ ёго робити? думала Олеся, посматривая на свого батюшку.

— А признайся теперъ, правда ты на мене сердився за того пыкатого Баньковського? спросила Олеся мужа, подсѣвши къ нему.

— Ну, сердився, сказалъ Балабуха.

— А теперъ вже не сердишся?

— Теперъ вже не сержусь.

— Ты дурнисинько на мене сердився. Помиркуй ты своимъ трибомъ: ты отъ поидешъ, або пидешъ куды,—чи е въ мене до кого хочъ слово промовити? Все сама, все сама,—це хочъ кого нудьга визьме. Хотила-бъ и я зъ людьми бути, зъ ними веселитися, бо я молода. Що-жъ? одколи мы въ Богуславі, чи бувъ у насъ хто, чи мы въ кого? Це-жъ и люди судитимуть! Закличъ хочъ разъ гостей,—отъ справника, станового, ёго помичника зъ жинкою та зъ дочками, та доктора, та музыкъ покличъ. Нехай я потанцюю, то мени й веселише буде. Добре я кажу?

— Добре. Що-жъ, треба покликати, але може за однимъ заходомъ кого зъ своихъ сусидивъ запросить?

— Э, ну ихъ—тыхъ сусидивъ... Таки вони прости, та чудни якись, особливе матушки. Посидають та й мовчать, и не знаешъ, чи ихъ слухати, чи питати ихъ. А батюшки—ти тильки пьють, та сопуть. Этъ! тильки пидлогу мини запаскудять своими чоботищами. Не проси ихъ! Не люблю я коло ихъ панькатись.

— Ну, ну, добре. Не буду ихъ просити.

— Отъ за це ты въ мене гарный! Знаешъ що: якъ будешъ въ Кіеви, купи мени зо два перстни. Въ мене мало перстнивъ.

— Добре, добре, куплю и три, хочъ у тебе ихъ здаетця не мало. Олеся подняла два пальца правой руки и приставивъ къ свѣчкѣ, любовалась блескомъ камней въ кольцахъ.

Богуславской уѣздной аристократіи не долго пришлось ждать приглашенія на вечеръ къ о. благочинному. Подготовивъ кое-что къ пріему гостей, Олеся воспользовалась первымъ воскресеньемъ, когда послѣ обѣдни многіе изъ служащихъ зашли къ батюшкѣ, по старому обычаю, на *Отче нашъ*, и не спросивъ прежде мужа, пригласила всѣхъ на вечеръ въ тотъ-же день съ женами и дѣтьми. Ей очень хотѣлось показать шелковое зеленое свое платье, только что сшитое.

Насталъ вечеръ; пришли три жидка—музыканты; стали собираться гости. Раньше другихъ явился становой приставъ,—«марцовый», какъ звали его, кавалеръ, т. е. состарѣвшійся женихъ, пришелъ сосѣдъ-докторъ, пріѣхалъ помощникъ становаго, старый полякъ, съ женою и пятью дочерьми; прибылъ и городничій съ семьею.

Мелкое чиновничество, канцеляристы и писцы разныхъ присутствій, да офиціалисты богуславской экономіи, заслышавъ музыку, явились и сами безъ приглашенія. Набралась цѣлая куча гостей. Олеся надѣла свое новое платье свѣтло-зеленаго шелку, насажала на пальцы какія только были у ней кольца и вышла къ гостямъ. Чтобы не хлопотать самой объ ужинѣ, она заранѣе позвала славившуюся въ городѣ своимъ кухарствомъ мѣщанку и предоставила ей готовить ужинъ по своему вкусу и усмотрѣнію, сама-же ни разу и не заглянула въ кухню.

Предоставивъ мужу занимать гостей, Олеся расхаживала по залѣ и любезничала съ кавалерами. Дамы сидѣли вокругъ стола и о семъ, о томъ толковали между собою. Олеся присѣла къ нимъ лишь на минуту и за тѣмъ не обращалась больше къ нимъ и не промолвила во весь вечеръ ни одного слова. Она не любила дамскаго общества.—Жидки заиграли. Становой, большой любезникъ и шутникъ, пригласилъ Олесю на кадриль. Олеся танцовала съ большими, какъ говорили кавалеры, «выкрутасами», стараясь въ особенности выставить на показъ свои дорогія кольца. Не весело однако-жъ ей танцовалось: ея думы неслись къ Баньковскому... Какъ вдругъ нежданно въ дверяхъ залы показалась его роскошная кудрявая голова и широкія богатырскія плечи. Онъ на лету поклонился Олесѣ, поздоровался съ Балабухою и присѣлъ около него. Балабуха нахмурился и молчалъ. Олеся кинула глазами на румяное лице Баньковскаго и мгновенно почувствовала въ себѣ какое-то необъяснимое волненіе: ея молодое лице разгорѣлось, глаза блестѣли, руки и ноги дрожали; скоро она совсѣмъ не владѣла собой и, продолжая начатую кадриль, выдѣлывала такіе «выкрутасы», отъ которыхъ диву дались богуславскіе кавалеры и наблюдавшія за танцами дамы; она то откидывала голову назадъ и закатывала глаза подъ лобъ, будто считала доски на потолкѣ, то шла тихо, выпрямивъ станъ, то мгновенно мѣняла позу, начинала какъ-бы бѣгать и наклонивъ нѣсколько внизъ голову, точно разрѣзывала ею густые облака дыму, то рѣзвилась и шалила, какъ дитя, уходила отъ своего кавалера, кружилась, вертѣлась, сбивалась

тактѣ, перепутывала фигуры, забывала подать во время кавалеру руку, и опять впадала въ солидный тонъ, поднимала глаза вверхъ и плыла, точно лебедь по водѣ... Ея фантазія разгоралась и рисовала ей волшебныя залы съ зеркальными стѣнами, залитыми свѣтомъ, съ массою движущихся паръ въ роскошныхъ и блестящихъ нарядахъ. Ея глаза искали красивыхъ лицъ, пламенныхъ очей, горячихъ огненныхъ устъ. Стучало въ вискахъ, трепетало сердце въ груди; что-то сладкое, теплое приливало къ нему и оно просило счастья, наслажденья безъ мѣры, безъ конца...

Дамы переглядывались, перемигивались и усмѣхались одна къ другой. Кавалеры увивались около Олеси. Балабуха сидѣлъ съ трубкой въ зубахъ за стаканомъ пуншу и не сводилъ съ Олеси глазъ. Онъ забылъ даже о Баньковскомъ. Олеся чаровала его танцами, своими эксцентричными позами, неуловимымъ кокетствомъ.

— Тисно мени, душно мени! Здается, летила-бъ пидъ саме небо, летила и не переставала, думала Олеся, опьянененная танцами, вилася-бъ птицею въ широкому простори и кохалабъ, кохалабъ усимъ серцемъ, докибъ стало силы и миры.

Перевалило уже заполночь, а танцы не прекращались. Балабуха усѣлся играть въ карты, а Олеся, не вспомнивъ даже объ ужинѣ, забывъ совершенно о гостяхъ, до изнеможенія кружилась въ вальсѣ съ чиновниками и офиціалистами, летала въ мазуркѣ съ Баньковскимъ. Только уже самъ Балабуха, хорошенько проголодавшись, приказалъ накрывать на столъ.

— Ну, що, Олесю, добре натанцювалась? спрашивалъ Балабуха Олесю, когда совсѣмъ разъѣхались гости.

— Такъ натанцювалась, що й сонъ мене небере. Оце пишлабъ надъ Рось та й гуляла бъ до самого свита.

Олеся долго еще ходила по залѣ, а мысли ея летали гдѣ-то далеко. Балабуха спалъ и храпѣлъ на весь домъ, Олеся не спѣшила раздѣваться; стоя предъ зеркаломъ, она любовалась собой, съ дѣтскимъ наслажденіемъ глядѣла, какъ горятъ золотые перстни на ея пальцахъ, какъ сіяетъ свѣтло-зеленое ея платье, какъ бле-

стятъ ея черныя брови на юномъ челѣ. Но сонъ неожиданно налетѣлъ на нее, глаза ея слипались, она едва видѣла себя въ зеркалѣ.

— Чи люблю я свого чоловика щиро, гаряче? спрашивала сама селя Олеся, собираясь раздѣваться: ни, люблю такъ соби, трошки, ледви, ледви люблю. Якъ-бы хотилось полюбити щиро, горяче, безъ кинця, полюбити, хочъ умерти!

И. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ

КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА.

(Род. 1676 г. ум. 1727 г.).

(*Окончаніе*) [1]).

Годъ 32-й.

Отъ 1707 года іюля 20 по 1708 годъ іюля 20.

И по возвращеніи изъ Риму пріѣхалъ до Венеціи, гдѣ жилъ по генваря 10 число 1708 году въ великихъ роскошахъ и въ весельѣ, и нашелъ старыхъ друзей, Францишку Морузику и прочихъ, великія отъ нихъ пріязни получилъ и былъ отъ него одаренъ при отъѣздѣ двумя шкатулами флоренскими. Въ тотъ мой пріѣздъ отъ Речи Посполитой венецкой чрезъ оного господина былъ спрашиванъ, какъ хочу жить, публично или приватно,—гдѣ хотѣли приставить двухъ лакеевъ, которые для моего предводительства,—также и болѣтовали, что дарить-ли или нѣтъ отъ Речи Посполитой чѣмъ. И въ ту свою бытность былъ инаморатъ славную хорошествомъ одною читиденку,—называлася Sig-га Francesia Rotta,—которую имѣлъ за медресу; во всю ту свою бытность такъ былъ inomarato, что не могъ ни часу безъ нея быть, которая коштовала мнѣ въ тѣ два мѣсяца 1,000 червонныхъ. И разстался съ великою плачью и печалью, ажъ до сихъ поръ изъ сердца моего тотъ amor не можетъ выдти и, чаю, не выдетъ. И взялъ на

---

[1]) См. ноябрск. кн. «Кіевской Старины» 1884 г., стр. 478—498.

меморію ея персону, и обѣщалъ къ ней опять возвратиться и въ Помераніи всякими мѣрами искать того случая, чтобъ въ Венецію на нѣсколькое время возвратиться жить.

Въ ту свою бытность двѣ немалыя причины видѣлъ съ маркизомъ Паловучиномъ и съ Пцовелемъ, жентильомомъ венецкимъ; близко было duella со мною.

Въ ту мою бытность Serenessima Respublica di Venezia чрезъ господина Morozini объявили мнѣ, чтобъ писать до царского величества, что хотятъ послать своего министра публичнаго, или какъ изволитъ, до царского величества для обязанія доброй корреспонденціи и коммерціи. И о томъ ко двору писалъ. И напротивъ велѣно объявить Речи Посполитой, что то будетъ пріемно царскому величеству; и объявлено. То все дѣло велѣно дѣлать барону Урбаху въ Вѣнѣ съ посломъ венецкимъ.

И оттуль пріѣхалъ февраля первыхъ чиселъ въ Вѣну и жилъ три недѣли, гдѣ видѣлъ не малую пріемность и почтеніе при всѣхъ министровъ и князей многихъ.

И получилъ указъ и грамоту отъ двора къ министрамъ въ Гамбургъ; и велѣно мнѣ ѣхать въ Гамбургъ для его дѣлъ и жить до указу. А на проѣздъ взялъ только 309 ефимковъ и шпеціи (?) талеръ. И при отъѣздѣ своемъ изъ Вѣны былъ у Цезаря на аудіенціи, и какимъ порядкомъ, о всемъ томъ явно въ описаніи книги вояжу италіанскому. И потомъ въ февралѣ поѣхалъ изъ Вѣны въ Гамбургъ, гдѣ пріѣхавъ жилъ: ту мою бытность покажетъ тутъ-же въ описаніи книги перегринаціи и дѣлъ гамбургскихъ. Не хочу много трудить читающаго сего моего описанія о бытностяхъ своихъ въ Италіи, какъ въ Римѣ, такъ и въ Венеціи, истинно похвалясь, что націи московской никто чести и славы прежде моего бытія не принесъ. Правда, что себѣ раззореніе въ иждивеніи томъ понесъ, однакожъ въ честь и славу государства россійскаго и патри имени своего дому Caributoff Karakinigh, князей наслѣдственныхъ литовскихъ. Къ семужъ объявлю: особливую пріемность и любовь въ чужихъ отъ всѣхъ имѣлъ, нежели въ своихъ краяхъ. А въ Вѣну по пріѣздѣ своемъ возвращаючись изъ Италіи, былъ въ великой меланхоліи, что не имѣлъ ажъ 50 червонныхъ незабытно; однакожъ, счастье, получилъ указомъ его величества на проѣздъ

до Гамоурга велѣно дать барону Урбаху, у котораго взялъ 150 червонныхъ, и тѣмъ доѣхалъ.

Во все мое то отлученіе не былъ оставленъ въ призрѣніи дѣтей моихъ и дому моего пріязнію Абрама Ѳедоровича Лопухина.

Сего года сынъ мой князь Александръ началъ по латынѣ учиться, а дочь по французски танцовать.

Годъ 33-й.

Отъ 1708 года іюля 20 по 1709 годъ іюля 20.

Іюля мѣсяца бывъ въ Брабантѣ, поворотясь изъ Голландіи, поѣхалъ до Шлезіи въ Бреславль, управляя путь свой до Москвы. И ѣхалъ чрезъ провинціи многія обычайнымъ почтовымъ трактомъ ажь до самаго Лейпцига въ Саксоніи; и тутъ принужденъ былъ забавиться, для болѣзни своего человѣка Фредрика, недѣлю и оставя его у купца Брейшпракта съ награжденіемъ нѣсколько червонныхъ, и поѣхалъ до Бреславля. И въ Дрезденѣ былъ 4 дня и оттуль до Бреславля, и въ Бреславлѣ забавившись три дня у графа Нейтарта, не могъ ѣхать за великимъ повѣтріемъ чрезъ Польшу. Поѣхалъ до Вѣны и, тутъ сыскавъ способъ ѣхать чрезъ Унгарію, поѣхалъ на Лейпцигъ. Однакожъ въ Вѣнѣ забавленъ былъ мѣсяцъ, ожидая изъ Венеціи князя Трубецкого, а въ проѣздѣ изъ Вѣны чрезъ Ольмюцъ былъ удержанъ три дня у примаса польского Шембека, также и подканцлера Шембека и всей его фамиліи.

Въ Вѣнѣ бытность моя была приватная и никто не видалъ. И отъ Пресбурга ѣхалъ чрезъ нѣкоторые городы цезарскіе, всѣ возлѣ рѣки Дуная, ажь до самаго Раабъ называется, гдѣ при войскахъ нашелъ фельдмаршала генерала Гейстера. И отъ того съ конвоемъ и съ пашпортомъ отъѣхалъ въ сторону городовъ венгерскихъ принца Рагочи, Неугезиль называется, и тутъ былъ только обѣдъ и тотъ свободно отобѣдать не могли для того, что партія цезарская вскорѣ отправлена была ажъ подъ самый городъ, а въ городу, сподѣваючися приходу осады, въ великой были конфузіи. Того времени обѣдалъ я у комисара, который называется Слушко, больше природы горватской, нежели венгерской, и способно говорилъ по словенску. И поѣхалъ съ конвоемъ оттуль до Агріи, гдѣ обрѣтался князь

Рагоціа, и проѣхавъ два дня, доѣхали въ одномъ урочищѣ запольномъ войска венгерского, подъ командою графа Бречини, которого видѣлъ не сподѣваюся больше быть осми тысячь или девяти. И бывъ у Бречини инкогнитъ за шляхтича московского съ конвоемъ, поѣхалъ до Агріи въ путь свой съ конвоемъ однимъ полковникомъ. Въ пути былъ 3 дня, и пріѣхавъ до Агріи, сталъ на дворѣ, гдѣ стоялъ посолъ нашего двора Украинцевъ. И тутъ былъ 3 дня, и по пріѣздѣ къ себѣ получилъ присланнаго съ поздравленіемъ отъ князя Рагочи одного кавалера его двора; а на другой день былъ его присланъ дворецкій съ каретою его цугомъ къ обѣду звать; и бывъ у него на обѣдѣ, отъѣхалъ въ той-же каретѣ. Потомъ на другой день отъѣхалъ съ его конвоемъ въ путь свой чрезъ Токай и Мульячь до Львова, гдѣ пробавился въ пути чого 10 дней.

И пріѣхавъ до Львова, бавился недѣлю. Весь тотъ свой путь правилъ на почтѣ, которого кошту могу написать какъ въ Италіи, такъ въ Германіи, и въ венгерской землѣ, въ Польшѣ, съ полторы тысячи ефимковъ самой одной заплаты за почту.

И отъ Львова мѣсяца сентября остатнихъ чиселъ пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ наѣхалъ губернаторомъ князя Голицына, и тутъ забавился недѣлю. И потомъ поѣхалъ въ армію и нашелъ отъ Стародуба не далеко—называется то мѣсто Погары—только одного фельдмаршала и министровъ, Головкина, Долгорукова и Шафирова, а его величество былъ тѣхъ часовъ послѣ баталіи левенгопской [1]) въ Смоленску, а король шведскій былъ того времени подъ Стародубомъ.

И изъ Погаровъ при арміи пришли въ Новгородъ-сѣверскій въ деревню Погребки, и тутъ дожидались приходу царского величества изъ Смоленска. На другой день получили вѣдомость о Мазепиной измѣнѣ [2]), а на третій день князь Меньшиковъ пришелъ въ Погребки съ тѣмъ-же извѣстіемъ. Потомъ на другой день князь Меншиковъ посланъ доставать городъ Батуринъ резиденцію [3]), а меня его величество послалъ почтою въ Кіевъ для митрополита Кроковского и епис-

---

[1]) Сраженіе съ Левенгауптомъ подъ Лѣснымъ было 28 сентября 1708 г.

[2]) Измѣна Мазепы обозначилась 28 октября 1708 г.

[3]) Т. е. гетмана. Батуринъ былъ взятъ Меншиковымъ 2 ноября 1708 г.

копа переяславскаго Захарія и другихъ персонъ духовныхъ першихъ изъ печерского и изъ другихъ монастырей, чтобъ привезть въ Глуховъ для изобранія новаго гетмана.

Могу приписать себѣ сіе въ немалой страхъ ѣзды моей, что съ трудомъ и страхомъ потерянія живота могъ проѣхать до Кіева, понеже во всѣхъ мѣстахъ малороссійскихъ и селахъ были бунты и бургомистровъ и другихъ старшихъ побивали. Но при помощи всесильнаго Бога въ четырехъ персонахъ проѣхалъ до Кіева тайнымъ образомъ. И пріѣхавъ того часу объявилъ митрополиту и прочимъ измѣну бывшаго гетмана Мазепы и указъ объ ихъ отъѣздѣ въ Глуховъ. И на утріе прибравшись поѣхали въ путь на Нѣжинъ. И не доѣзжая Нѣжина, получили вѣдомость, что король шведскій перешелъ Десну рѣку, но съ великимъ страхомъ проѣхали отъ Нѣжина до Путивля. И не доѣзжая Нѣжина за двѣ мили сельцо гетманское, въ которомъ поймали его двухъ дворовыхъ конюховъ и съ лошадьми, которыхъ забравъ съ собою съ дороги отпустилъ, а лошадей взялъ къ себѣ. И пріѣхавъ до Путивля, митрополита со всѣми отправилъ до Глухова, а самъ остался въ Путивлѣ за болѣзнью, что припала лихорадка. И потомъ 4 дня спустя пріѣхалъ до Глухова, и отпущенъ былъ до Москвы словомъ не надолгое время. И ноября 19 пріѣхалъ чрезъ почту къ Москвѣ, и былъ на Москвѣ по 19 декабря. И оттоль поѣхалъ въ армію; и пріѣхавъ къ Рождеству Христову въ мѣстечко Лебединъ, гдѣ принялъ полкъ лейбъ-гвардіи семеновскій, и командировалъ тѣмъ регументомъ и полкомъ астраханскимъ ажь до самого чрезъ всю зиму и весну (?). А князь Голицынъ генералъ-лейтенантъ былъ посланъ въ Польшу съ полками... и подъ Полтаву пріѣхавъ принялъ команду.

Теперь буду писать всѣ обстоятельства своей бытности фортунъ.

Съ пріѣзду своего изъ Италіи въ армію, какъ молвилъ выше, въ Погары, принятъ былъ пріемно отъ всѣхъ, какъ министровъ, такъ и прочихъ; и присовокупляли словомъ, что мнѣ быть..., на что многократно мнѣ свое намѣреніе объявляли, что хотятъ просить его царского величества о мнѣ. Но бывъ я въ томъ надѣяніи, токмо того не постигъ... А какъ его величество пришелъ въ Погребки изъ Смоленска, то изъ происканіемъ злобы или погубленія сіе учинено отъ оного

министра вышеупомянутого, что посланъ былъ въ Кіевъ для привозу архіерея, понеже того времени сіе такъ дѣло было причиною, что къ потерянію живота такъ какъ отъ непріятеля и ребелизантовъ съ Мазепою, такъ и другой стороны, что оной архіерей признанъ былъ какъ бы согласникъ оному Мазепѣ, и опасаючись того, чтобъ и другіе духовные персонально съ народомъ противности какой не показали. Однакожъ оная мнѣ трудность съ Божіею помощію съ вымыслу ихъ злого произошла безтрудно, ктомужъ, правда, безъ всякой вмѣнюючи заслуги и заплаты.

Но съ самаго того перваго свиданія con sua maesta non mi ben guardato e non havuto gran discursi meco come ordinariamente parlano con quelli che vengono di paese forestieri [1]). Однако я въ своемъ намѣреніи былъ, которые привезъ подарки презентовалъ, токмо tutta in nulla [2]).

Пріѣздъ до Москвы ставлю себѣ за счастіе, отъ всѣхъ былъ въ пріемности особливой всего моего вѣку. На остатнѣ покажу то, что при отъѣздѣ моемъ самомъ имѣлъ столько въ домѣ своемъ персонъ знаменитыхъ, какъ князя Гагарина, московского коменданта, такъ и другихъ прочихъ.

И того году съ зимы въ здоровьѣ своемъ былъ свободенъ, токмо уже нѣкоторые знаки видѣлъ на вискахъ и мало на лбу.

Въ ту бытность имѣлъ услужить бискупу львовскому и нѣкоторое число далъ ему денегъ, и въ домѣ своемъ чествовалъ, желая себѣ доброго корреспондента имѣть въ Польшѣ; токмо по отъѣздѣ моемъ нѣсколько времени на Москвѣ скончался меланхоліею.

И той-же бытности своей хотя съ противленіемъ, только жену взялъ въ домъ и съ дочерью; и оставя тутъ, поѣхалъ.

А когда, по пріѣздѣ своемъ въ Сумы, пошелъ въ командѣ семеновского и астраханского полковъ съ княземъ Меншиковымъ, тогда пришелъ въ Ахтырку; были тутъ и всю ту зиму, ажъ до слученья весною всей арміи подъ Полтавою; былъ въ поведеніи добромъ и въ

---

[1]) Его величество не былъ ко мнѣ благосклоненъ и не имѣлъ длинной бесѣды, какъ обыкновенно это бывало со всѣми возвращавшимися изъ за границы.

[2]) Все ни во что.

мѣрѣ изрядной отъ его свѣтлости княжеской. А особливе то себѣ видѣлъ, что тою пріѣздностію имѣлъ команду по его волѣ въ Котельвѣ, когда былъ оставленъ надъ шестью полками драгунскими, да надъ двумя пѣхотными, и полковниковъ именно почту Кропотовыхъ двухъ, Шамардикъ; а другихъ полковниковъ также. И пароль присланъ, и отдавалъ многимъ полкамъ.

А въ квартирѣ зимней въ Харьковѣ уже предъ многими имѣлъ любовь и пріемность партикулярную, а особливе когда поднесъ бархатъ и другія вещи римскія. По квартерѣ той въ Богодуховѣ, собравшимся по баталіи въ городъ нашъ, вскорѣ имѣли разобраться по разнымъ городамъ на квартерахъ. Потомъ вскорѣ слабость себѣ послышалъ здоровья своего, а особливе на лицѣ болѣзнь объявилась прежняя, также и по тѣлу почало выкидываться. И мѣсяца марта отъ доктора двора его величества Ареескина англійского чрезъ селеваціи; и по начинаніи 4 дня только преставъ для того, что вскорѣ получили вѣдомость объ измѣнѣ козаковъ запорожскихъ. И для того преставъ вскорѣ, что намѣреніе было его царского величества,—ежели та измѣна произошла въ добрый имъ порядокъ, чтобъ другіе козаки пристали къ нимъ,—тобъ конечно дать баталію генеральную.

И во весь тотъ зимній походъ имѣли съ шведскимъ королемъ многіе акціи, а особливе знатные въ Городномъ, гдѣ и нашего гвардіи полку семеновского часть была спѣшена, да подъ Сокольниками,—обѣ тѣ акціи подъ командою генерала Рена,—да подъ Опошнею, гдѣ взяли нѣсколько полону и двѣ пушки, подъ командою князя Меншикова.

Потомъ приходъ изъ Троицкого или съ Таганрогу царскаго величества.

La mia fortuna tutta caduta del mio inimico P. Dolgoruky Vasilei Volodimeroff; lo quale cercava sino adesso la mia testa per invidia, perche vedendo favori del P. Menscikoff, come mi amato, e'di piu havuto poura di non haver la grazia di S. M.

Все мое счастье было разрушено недругомъ кн. Василіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ, который искалъ случая подкопаться подъ меня (буки: до сихъ поръ искалъ моей головы), съ завистью смотря на расположеніе и любовь ко мнѣ кн. Меншикова, а болѣе

всего огорченный тѣмъ, что самъ онъ имѣлъ несчастье не пользоваться благоволеніемъ его величества.

Una volte succede doppo che arivato sua maesta trei giorni habbiamo cenato in casa del P. Menscikoff, ed discorendo S. M. meco comincio essere con mi in collera et dicendo come che io non voglio servir nel militare e che cerco l'occasione nel ministerio. Cosi posso dir di quel tempo sfortunato che mi a promesso la forca, si non faro il mio dovere nella occasione di battersi contro l'inimico é doquel tempo sino adesso non le potutto haver la grazia di s. m.

Однажды случилось, что на третій день по пріѣздѣ его величества мы ужинали въ домѣ кн. Меншикова. Здѣсь его величество, бесѣдуя со мною, началъ гнѣвно выговаривать мнѣ, что я де не хочу служить въ военной службѣ, а ищу де случая попасть въ министерію. Могу сказать, что въ этотъ день мнѣ такъ не посчастливилось, что мнѣ была обѣщана висѣлица, если я не исполню своего долга въ случаѣ борьбы съ непріятелями. И съ того времени до сихъ поръ я не могъ возвратить себѣ благоволенія его величества.

Questo succede sotto la citta di Poltava nel mese di gucgno nei primi giorni da quel tempo ho perso la memoria guidizio sanita civilta. Solecitu di ne in tutti li cosi di impurare che solamente stote sempre melencolico é pogno.

А это произошло подъ городомъ Полтавой въ первыхъ числахъ мѣсяца іюня.

Съ той поры я потерялъ память, разсудокъ, здоровье, обходительность (вѣжливость); сталъ тревожиться по всякимъ пустякамъ, постоянно чувствовалъ себя въ состояніи меланхоліи и душевнаго разстройства.

Теперь опишу: видѣвъ премѣну отъ главного человѣка, и другіе премѣняются во всемъ. Когда до сего случая видѣлъ всѣхъ, какъ министровъ, такъ и другихъ прочихъ доброе привѣтствованіе и почита-

ніе, а особливе предъ другими всячески увеселеніе; когда то вышеявленное случилось, то такъ оныхъ ласка или склонность отмѣнилась,— не могу такую примѣлить,—яко погода въ Голландіи; однимъ днемъ многократно премѣняется. Во истину благодарю оную милость—назвавъ, а не пріязнь—князя Меншикова въ оное несчастья моего время; въ ужинѣ такъ имѣлъ за меня стараніе, хотябъ за присного своего. Однакожь вскорѣ отмѣнилась и его предъ прежнимъ склонность, видѣвъ уничтоженіе Вышняго.

И когда перебравшись рѣку Ворсклу, уже ища баталіи съ непріятелемъ генеральной,—и 23, въ ночи на 24 іюня, схватило такъ ажъ не къ самому концу, и принужденъ исповѣдаться и причаститься. Сіе мнѣ припало конечно отъ печали, понеже отъ того случая несчастливого не могъ и забавы отнюдь не имѣлъ; но уже теперь напишу, что уже истинно радощенъ былъ смерти, такъ десператъ былъ. И хотя видѣлъ себя всегда болѣзненна, былъ воздерженъ во всемъ, но тѣхъ часовъ ужъ нарочно всего вольно во всемъ себя допустилъ, не храня и не жалѣя своего здоровья.

И потомъ хотя не твердо, однакожъ въ бодрость малую пришелъ, и былъ на баталіи генеральной съ королемъ шведскимъ подъ Полтавою, командируючи полкъ лейбъ-гвардіи семеновской, и во всемъ томъ случаѣ неотступно былъ ажъ до самого конца баталіи.

По той баталіи всѣ взысканы тріумфомъ подарковъ, чинами, орденами, крестами и кавалеріями; только за несчастіе я одинъ остался.

Такъ пишу: какъ родился, только никогда отъ его лица di S. M. видѣвъ гнѣвъ и не зоставалъ въ несчастьи. Для того-то время себѣ причитаю троякое несчастье. Первое, отъ Вышняго ни за что, только по возмущенію непріятельскому, получилъ гнѣвъ. Второе, подъ такой случай, гдѣ всѣ имѣли за заслуги свои воздаяніе, того отлученъ. Третіе, той зимы и по ту бытность имѣлъ всегда отъ сердца прилѣжаніе и трудился, себя хотя показать; но оное ни во что вмѣнено и загашено. Еще-жъ имѣю паче всѣхъ, хотя и гордо въ семъ напишу, однакожъ натура моя силуетъ объявить,—что нѣкоторые взысканы именъ рангу генералъ-майора, которые были въ моемъ равномъ градусѣ, но о тѣхъ объявлю предъ собою глупыхъ, худыхъ, безъ показанія всякого дара

и заслуги, и не знаемыхъ не токмо въ другихъ, но и въ томъ дѣлѣ, въ которое и призваны и донынѣ обрѣтаются,—токмо наполненъ злости ко всѣмъ, пьянства и завидости, и глумленія какъ ближнихъ, такъ и дальнихъ.

Охъ моего плача! охъ моего воздыханія! Но все сіе оставихъ и вдахся въ волю Творца моего и его Богоматере, да не оставятъ мя въ сиротствѣ моемъ. Такъ въ несчастливомъ поведеніи оконченъ сей 33 годъ отъ роду моего въ году 1709.

Того году прежде случившагося несчастія имѣлъ къ себѣ слово отъ нѣкоторыхъ приказовъ отъ графа Головкина свататься сыномъ его Александромъ за дочь мою княжну Татьяну.

Годъ 34-й.

Отъ 1709 года іюля 20 по 1710 годъ іюля 20.

Теперь буду описывать, вступаючи въ новый годъ рожденія моего, роду моего 34-й г.

Былъ въ пути, по дорогѣ ѣдучи взялъ день Ильи пророка безъ всякого публикованія праздника, токмо съ почтеніемъ Богу и хвалы того дня святому Иліи. И такъ доѣхалъ до Кіева. Въ Кіевѣ бывши, ничто лишняго видѣлъ, токмо посредственно было, и къ нѣкоторымъ словамъ уже началъ приставать. Особливе себѣ примѣтилъ только, что въ публиченію сего года уже началось отъ него самого di sua maesta въ дѣло производить.

Буду-же смотрѣть ажъ до самого сего году окончанія.

Болѣзни моей умножается; пятенъ отъ дня ко дню больше, а паче всего на спинѣ и на лицѣ, а на головѣ почало малиться. Къ сему-жъ объявляю: замкнулъ въ сердцѣ моемъ, политически приходитъ искать себѣ какихъ добрыхъ способовъ, видя-жъ какъ и другіе. И положихся въ волю Создателя моего и его заступленіе; тѣ мя да управятъ и произведутъ.

Такъ дня тезоименитства моего былъ печаленъ, что, стоя въ церкви братской у ранней обѣдни, не могъ удержаться, чтобъ не плакать, воспоминая злости дней моихъ житія.

Получилъ вѣдомость съ Москвы августа мѣсяца, что Дорожаево сгорѣло,—крестьянскихъ 52 двора.

Въ Кіевѣ его царское величество былъ боленъ лихорадкою, которая продолжалась 4 недѣли; и въ Успеньевъ день пошелъ въ Польшу, гдѣ и я его указомъ послѣдствовалъ до Люблина. Въ Люблинѣ назначено мнѣ было ѣхать до Венеціи для учиненія аліансу съ венеціяны, но по моему доношенію оставлено. А послана къ речи посполитой венецкой грамота съ объявленіемъ викторіи полтавской; при отданіи-же оной послу венецкому въ Вѣнѣ велѣно барону Урбаху объявить, что его царское величество охотно хочетъ принять министра ихъ публичного, которого они уже объявили прошлого году чрезъ господина князя Куракина.

И въ Люблинѣ его величество былъ нѣкоторое время, гдѣ гетманъ великій коронный и литовскіе сенаторы пріѣхавъ были на аудіенціи. Также принцесса Рагоци была, которая принята какимъ порядкомъ, о томъ покажетъ въ исторіи войны нашей.

И потомъ царское величество путь взялъ внизъ водою рѣкою Вислою до Торуня, гдѣ съѣхались съ королемъ Августомъ, и бывъ тутъ ѣздили до Маріенвердера, гдѣ видѣлись съ королемъ прусскимъ. И первый день король прусскій просилъ обѣдать его величество и другихъ всѣхъ вмѣстѣ. И на завтрѣе того дня былъ я посыланъ поздравить короля и благодарить за добрую компанію отъ лица его величества, который говорилъ на французскомъ языкѣ.

По отъѣздѣ его величества отправленъ я въ Англію полномочнымъ министромъ, и въ проѣздѣ того велѣно быть въ Ганноверѣ и подать приватную грамоту кредитиву, въ которой я написалъ, что посланъ инкогнито. А что при обѣихъ тѣхъ дѣлъ дворѣхъ, о томъ покажетъ въ инструкціяхъ.

И пріѣхавъ въ Ганноверъ, умедлился житьемъ своимъ для той негоціи, въ которомъ житьѣ такъ неблагодаренъ былъ, что истинно едва ума не лишился [1]). Ту свою бытность причитаю за афронтъ не малый, особливе что при томъ дворѣ и не удоволенъ былъ отъ того двора, а эстимованъ, какъ самый простой жентиломъ. Которого случая

---

[1]) Объ аудіенціи Куракина у ганноверскаго курфирста Георга Лудвига см. въ *Исторіи Россіи*, Соловьева, т. XVI, стр. 61—62.

много себѣ вѣку убавилъ. Воистину могу такъ написать, что николи въ такой не былъ меланхоліи, какъ въ сю свою бытность.

И для отправленія той ѣзды дано изъ канцеляріи 2,000 червоныхъ, и тѣ всѣ въ 1/2 года въ Ганноверѣ прожилъ, и потомъ жилъ своими, которыхъ прожилъ больше 3,000 [1]).

И апрѣля мѣсяца былъ въ Агинѣ для леченья болѣзни своей, чего для такъ умножилось пятенъ на лицѣ и по тѣлу, что николи не могу запомнить, а паче-же на лицѣ, что съ великимъ стыдомъ могъ ко двору ѣздить. И пріѣхавъ въ Агинъ [2]), какимъ способомъ лечился отъ дохтура Алива, о томъ на концѣ въ реестрахъ леченья покажетъ [3]). Токмо тотъ дохтуръ горячихъ водъ весьма пить не велѣлъ, а паче всего великихъ пургъ не примать. И всей бытности моей и съ проѣздомъ было 7 недѣль. И 11 мая возвратился до Ганновера, гдѣ сталъ резидовать, ожидая указу отъ двора.

А въ проѣздѣ моемъ случилось мнѣ несчастіе: отъѣхавъ отъ Колоніи 3 часа, былъ ограбленъ отъ французовъ, которые взяли одними червонными 82, да платья и другихъ рѣчей на 4,000 ефимковъ.—Правда-жъ, что въ сего карнавалу свою бытность въ Ганноверѣ обходился всегда съ тѣми принцы имперскими, хотя не такъ какъ другіе, однакожъ давалъ имъ правую руку, токмо не всѣмъ;—о которыхъ явлю теперь.

Дукъ Волфенбютельскій.

Принцъ наслѣдственный, сынъ его.

---

[1]) Тѣмъ не менѣе какой-то русскій доносилъ изъ Голландіи, что русскіе вельможи, въ томъ числѣ и Куракинъ, кладутъ деньги въ чужестранные банки. См. подметное письмо у Соловьева, т. XVI, стр. 406.

[2]) Т. е. Ахенъ.

[3]) Въ особомъ приложеніи къ рукописи подъ 5—10 апрѣля 1710 г. помѣщена какъ запись діэты, предписанная Куракину въ Ахенѣ, тамъ и журналъ ахенскаго лѣченья. «Сіе мнѣ лѣченіе», — писалъ Куракинъ, — «стало 500 талеровъ; и что пропало отъ партизановъ, то совсѣмъ будетъ 1000 ефимковъ». И по пріѣздѣ своемъ изъ Ахена въ Ганноверъ еще къ пользѣ своего здоровья началъ пить воду пирмонъ, которой на пробу пилъ только два дня, и видѣвъ себѣ не малую тягость въ головѣ и во всемъ корпусѣ, того дня принужденъ откинуть и пить воду минеральную, называется швалбахтъ 2/22 мая—іюня».

Дукъ Луи, меньшой сынъ, отецъ принцессы, которую намѣренъ за царевича сватать принцессу вольфенбютельскую.

Принцъ де-Беверн.

Принцъ де-Фризинъ, молодой человѣкъ.

Принцъ Гольштейнскій, горбунчикъ.

Два принца меньшіе Гессенъ-кассельскіе, и собою хороши, и умны, и добрые солдаты.

Царское величество, поворотясь изъ Маріенвердена подъ Ригу, гдѣ почавъ при себѣ бомбардировать, и оставя въ командѣ фельдмаршала Шереметева, которому велѣно блокировать Ригу чрезъ всю зиму до весны, и такъ уже не... (?); но блокадъ оный состоялся въ 30,000 пѣхоты, да кавалеріи 8,000. А его царское величество пошелъ къ Москвѣ и въ Москву входъ учинилъ съ великимъ тріумфомъ и магнифиценціею, гдѣ всѣ шведскіе генералы и министръ графъ Пиперъ и другіе всѣ вышніе и нижніе офицеры и рядовые, всего полону съ 28,000, ведены чрезъ Москву. И учинено 8 воротъ тріумфальныхъ не малымъ иждивеніемъ.

Той-же зимы были всѣ губернаторы и росписаны губерніи, а именно: губернаторство московское, с.-петербургское, тожъ ижерское, кіевское, азовское, казанское и всего низу ажъ по самый Терекъ, сибирское, смоленское, архангельское или тожъ двинское. И губернаторы еще писаться не велѣно, а велѣно имъ вѣдать: московскую Тихону Стрѣшневу, петербургскую князь Меншикову, кіевскую князь Дмитрію Голицыну, смоленскую Петру Салтыкову, азовскую адмиралу Апраксину, казанскую Петру Апраксину, сибирскую князь Матвѣю Гагарину, двинскую князь Петру Голицыну.

И того году въ зимѣ начались балы публичные, гдѣ указомъ начали возить дочерей первыхъ фамилій, въ которой оказіи первой дочь моя княжна Татьяна Борисовна танцовала и была всѣхъ больше эстимована.

Въ ту зиму означена была милость его величества князь Василью Лукину сыну за его службу дать 300 дворовъ деревню, что учинилъ трактатъ съ датскимъ королемъ.

Тогожъ года указъ состоялся изъ Кремля и изъ Китая все что есть деревянное строеніе выломать; и выломано въ маѣ мѣсяцѣ. И

того для дѣти мои и всѣ домовные служители, сломавъ, съ китайского двора принуждены переѣхать на дворъ старый, гдѣ братня треть, и тамъ поставя на полатяхъ деревянные хоромы, начали жить.

Указъ состоялся, чтобъ вина никому ни въ домѣ, ни по деревнямъ не сидѣть, а всѣмъ покупать.

На Москвѣ-жъ того году былъ присланный инкогнито жентильомъ венецкой, который учинилъ поздравленіе со стороны республики, и отправленъ честно, и подаренъ портретъ его царского величества и соболей на 600 рублевъ. Также и посланникъ цесарской, который уже въ С.-Петербургъ пріѣхалъ. И другихъ дворовъ отъ многихъ.

И по приходѣ царского величества въ С.-Петербургъ, осадилъ шведской въ Финляндіи Выборгъ, которую осаду командировалъ адмиралъ Апраксинъ, и 13 іюня 1710 г. оное мѣсто чрезъ акордъ взято. А на веснѣ подъ Ригою хотя и промыслу не чинили, токмо помощію Вышняго губернаторъ рижскій того мѣста генералъ графъ [1]) на акордъ оное мѣсто 12 іюля 1710 году сдалъ со многими артикулы, которыхъ объявляютъ 32, а другіе 62 [2]), изъ которыхъ настоящій самый, что всѣмъ лифляндомъ природнымъ, имѣвшимъ свои добры и не имѣющимъ, возвратиться изъ службы шведской во отечество, а ежели которые въ терминъ постановленный не возвратятся, то оные публикованы будутъ за измѣнниковъ, и добры ихъ и маетности будутъ взяты на его царское величество и розданы другимъ. И помощію Вышняго вся счастливо кампанія окончилась.

Его высокость царевичъ по пріѣздѣ своемъ въ Саксонію былъ въ Карлсбадѣ, и при немъ князь Юрій Трубецкой, графъ Александра Головкинъ и учитель Никифоръ, которому назначено нѣкоторое время быть въ Саксоніи для наученія языку и другихъ экзерцицій.

Съ туркомъ той-же зимы подтвержденіе миру учинилось, и хотя король шведскій трудился, чтобъ Порту Оттоману привести въ войну съ его царскимъ величествомъ, однакожъ ни во что произойти не могло. И ратификація отъ салтана до его царского величества въ апрѣлѣ

---

[1]) Стромбергъ.

[2]) Пункты эти, въ количествѣ 65, напечатаны въ книгѣ *Письма графа П. Шереметьева.* Москва 1778 г., ч. 2, стр. 283—366.

прислана. А король шведскій и по се 20 іюля 1710 года все былъ въ Бендерѣ. И на остатокъ сего мѣсяца получили вѣдомость, что салтанъ, по доказательству короля шведского и министра французского Десилора, визира ссадили, который былъ въ нашъ фаворъ, и выбрали изъ знатной фамиліи одного, однакожъ который весьма противенъ нашимъ интересамъ и всегда охотникъ былъ до войны.

Той-же зимы былъ посолъ экстраординарный господинъ Вистфордъ просить прощенія у его царского величества, и то присланіе принято за сатисфакцію въ афронтѣ посла Андрея Матвѣева.

Князь Александру сыну моему позволено ѣхать ко мнѣ за море съ воли его царского величества.

Я получа указъ въ іюлѣ мѣсяцѣ первыхъ чиселъ, чтобъ трактатъ союзный при ганноверскомъ дворѣ заключить и ратификаціею размѣняться, и взявъ отвѣтственную на вѣрющую самому ѣхать въ Англію по данной инструкціи и во всемъ все управлять. И тотъ трактатъ союзный его царского величества съ курфирстомъ ганноверскимъ, съ его министры, тайнымъ совѣтникомъ господиномъ Беренсдорфомъ и господиномъ тайнымъ совѣтникомъ и президентомъ камеры барономъ Герицомъ, оной трактатъ 3 іюля по новому штилю заключили [1]). И особливую милость и гоноръ къ себѣ имѣлъ, что его царское величество прислалъ до меня съ курьеромъ, аки-бы плангитъ, на которомъ съ приписаніемъ многимъ опая ратификація справлена. И написана и размѣнена 13 іюля по новому. И оное пожеланіе его царского величества все счастливо окончилося [2]).

Сей годъ, воздавъ хвалу Вышнему и Его Матери и всѣмъ святымъ, хотя болѣзненно многими припадки и несчастіемъ и счастіемъ, особливе-жъ въ прибытіи моемъ при Ганноверѣ имѣлъ отъ всѣхъ эстиму, окончанъ. И начинается въ Ганноверѣ 1710 г. день рожденія моего 20 іюля святаго славнаго пророка Иліи, патрона моего. Уже въ себѣ не малую слабость во всемъ послышалъ, особливе-жъ въ памяти великую перемѣну вижду.

---

[1]) Этотъ трактатъ, состоящій въ 7 пунктахъ, напечатанъ въ *Исторіи Россіи, Соловьева*, т. XVI, стр. 62--63.

[2]) Договоръ съ курфирстомъ Ганноверскимъ въ сокращенномъ видѣ напечатанъ у Соловьева въ *Исторіи Россіи*, т. XVI, стр. 63.

Годъ 35 й.

Отъ 1710 года іюля 20 по 1711 годъ іюля 20.

По начинаніи сего года начало вижду доброе, что отъ вѣку своего никогда видѣлъ. Не токмо великихъ и малыхъ подарковъ, какъ-то: при отъѣздѣ своемъ въ Ганноверѣ: отъ електора ганноверскаго подарки (на память?) 14 большіе, да два меньшіе, всего его дому портретовъ, цѣною на 740 червонныхъ, то есть на 3,000 талеровъ, а на нашу монету 1,480 руб.

И оное дѣло въ Ганноверѣ такъ честно оному дающему и въ интересъ его величества, о чемъ пространнѣе покажется въ протоколѣ моей бытности въ Ганноверѣ съ пространнымъ описаніемъ.

На этомъ записки обрываются. И мы не имѣемъ возможности понять, почему князь Борисъ не продолжалъ своихъ мемуаровъ. Быть можетъ дипломатическая переписка поглощала все вниманіе человѣка, начинавшаго склоняться къ старости, и не оставляла досуга и охоты для личныхъ и, такъ сказать, келейныхъ записокъ. Но жизнь князя Куракина не скоро еще закончилась послѣ того, какъ онъ поставилъ послѣднюю точку своихъ мемуаровъ. Онъ жилъ послѣ того еще 17 лѣтъ, и эти годы были самыми блестящими по отношенію къ его карьерѣ. Воспроизведемъ ихъ пользуясь свѣдѣніями, заключающимися въ *исторіи Соловьева и Бермана.*

Князь Куракинъ былъ полномочнымъ посломъ сперва въ Лондонѣ, потомъ въ Гагѣ, на мѣсто отозваннаго оттуда Андрея Артамоновича Матвѣева. Въ 1713 году князь Борисъ Ивановичъ изъ комнатныхъ стольниковъ (?) произведенъ въ тайные совѣтники и въ слѣдующемъ году былъ посланъ на брауншвейгскій конгрессъ, но, пробывъ здѣсь не болѣе двухъ недѣль, передалъ занятія свои ганноверскому министру барону Шлейницу и возвратился въ Гагу.

Свѣдѣніе о дипломатической дѣятельности князя Куракина за это время, а равно и выдержки изъ его донесеній можно читать у Соловьева, томъ XVII, стр. 4, 9, 23—27, 35—37.

Кончина британской королевы Анны (12 авг. 1714 г.) предоставила англійскій тронъ ганноверской династіи, и Куракинъ, предоставляя Георгу I изъ шведскихъ владѣній въ Германіи Бре-

менъ и Верденъ, заключилъ въ Грейсфальдѣ (28 октября 1715 г.) трактатъ съ Англіею, долженствовавшій обезпечить для Россіи завоеванныя ею у Швеціи провинціи. Георгъ впрочемъ оказался невѣрнымъ союзникомъ русскаго государя.

О дипломатической дѣятельности Куракина за это время можно читать у Соловьева, т. XVII, стр. 48, 52, 57, 61, 62.

Въ 1717 г. во время пребыванія своего въ Амстердамѣ (съ 7 дек. 1717 по 24 мар. 1718 г.) Петръ собственноручно возложилъ на Куракина орденъ св. Андрея первозваннаго. Отправляясь изъ Голландіи во Францію, Петръ взялъ съ собою и Куракина, который и служилъ царю переводчикомъ во время получасоваго свиданія съ регентомъ Франціи 27 апрѣля 1718 г. Гость и хозяинъ сидѣли въ креслахъ, Куракинъ стоялъ на ногахъ.

По возвращеніи Петра изъ Парижа, Куракинъ въ іюнѣ и августѣ 1717 г. велъ переговоры съ Понятовскимъ и Герцомъ о мирѣ съ Швеціею (см. у Соловьева, т. XVII, 77—79).

1718 годъ, годъ суда надъ царевичемъ Алексѣемъ, былъ конечно тяжелъ для Куракина, который по первой женѣ своей Ксеніи Ѳедоровнѣ, урожденной Лопухиной, былъ родной дядя царевича. Но мы не имѣемъ положительныхъ извѣстій о чувствахъ и отношеніяхъ Куракина за это время.

Куракину Петръ I обязанъ возстановленіемъ дипломатическихъ сношеній съ испанскимъ дворомъ, куда въ 1722 г. отправленъ полномочнымъ министромъ князь С. Д. Голицынъ. (См. у Соловьева, т. XVII, 314—323).

Въ 1723 г. Куракинъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ былъ отправленъ въ Парижъ по двумъ дѣламъ, въ коихъ не имѣлъ однако успѣха; въ 19 ему поручено было склонить французскій дворъ ссудить Россію деньгами, а въ 24 стараться о бракосочетаніи короля Людовика XV съ в. кн. Елисаветою Петровною. (См. у Соловьева, т. XVIII, 122—129).

Императрица Екатерина I пожаловала Куракина въ дѣйствительные тайные совѣтники, хотя изъ переписки Куракина видно, что при русскомъ дворѣ какіе-то недоброжелатели вели противъ него интриги, приписывая ему честолюбивые замыслы, имѣвшіе видъ правдоподобія по причинѣ близкаго родства Куракина съ покойнымъ царевичемъ Алексѣемъ (См. у Соловьева, т. XIX, 21—28).

При Петрѣ II Куракинъ былъ назначенъ полномочнымъ посломъ на саксонскій конгрессъ, но въ это время именно 17 окт. 1727 г. Куракинъ скончался въ Парижѣ. Тѣло покойнаго привезено въ Москву и погребено въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ покоится прахъ его предковъ. Находясь на смертномъ одрѣ, князь Борисъ завѣщалъ сыну своему Александру построить въ Москвѣ богадѣльню съ церковью для 15 заслуженныхъ офицеровъ. Богадѣльня эта существуетъ и понынѣ.

Берманъ называетъ князя Бориса Куракина мужемъ любезнымъ и богатымъ познаніями, а Соловьевъ старымъ опытнымъ дипломатомъ.

КОБЗАРИ и ЛИРНИКИ.

(*Окончаніе*) [1]).

IV.

Сатирическая дума.—Ѳедоръ Баша.—Легенда и псальма о Евладіи.—Музыкальные инструменты кобзарей и лирниковъ.—Подробности ремесла.

Собирателю произведеній историческаго народнаго творчества приходится сѣтовать не разъ на скудость жатвы, считать свой трудъ потеряннымъ и поиски безплодными. Но принявъ въ расчетъ всю ломку, которая произошла и происходитъ въ окружающемъ, взвѣсивши значеніе тѣхъ новыхъ явленій, которыя неотразимыми факторами вторгаются въ жизнь, сглаживая память о прошломъ, удивляешься еще, благодаря какому чуду удержалось и дожило до нашего времени то, что еще встрѣчается теперь? Это чудо—необыкновенный консерватизмъ деревенскаго склада жизни, та монументальная устойчивость ея строя, которая сохраняетъ въ себѣ живыми черты эпохъ самыхъ отдаленныхъ, наблюдать и судить о которыхъ нерѣдко безошибочно можно по современности.

Самый упадокъ эпическаго творчества совершился давно. По общимъ для народной поэзіи законамъ, это творчество жило только на протяженіи героическаго періода жизни народа. А по свойству племени, ее создавшаго, малорусская историческая пѣсня жила и слагалась въ народѣ только о тѣхъ событіяхъ, которыхъ народъ былъ непосредственнымъ участникомъ, или которыя сильно возбуж-

---

[1]) См. январск. кн. «Кіевск. Стар.», 1884 г., стр. 20--50.

дали его чувство. Таковъ фактъ, засвидѣтельствованный всѣмъ содержаніемъ этой поэзіи. Эпоха руины, послѣдовавшій рядъ гетманствъ въ народной пѣснѣ не отразились ничѣмъ. Политическая исторія перестала быть народной исторіей, и симпатіи народа отъ дѣятелей той эпохи были далеко. Въ концѣ XVIII вѣка пробуждается еще разъ народная историческая муза и воспѣваетъ событія гайдамачины и конецъ Запорожья. Но пѣсни этой эпохи остались пѣснями «мѣстными». Ихъ услышите теперь надъ Днѣпромъ, въ южной Кіевщинѣ. Причина этому можетъ быть та, что къ тому времени наступилъ конецъ кобзарства, главнаго фактора въ распространеніи такихъ пѣсенъ. Оно жило еще, но жило по инерціи, какъ явленіе уже отходящее въ вѣчность. Оно повторяло старыя думы иного типа, тѣ думы, которыя создали и вызвали къ жизни самый классъ бродячихъ рапсодовъ. Эти-то отголоски далекой старины, въ клочкахъ и обрывкахъ, оно донесло кое гдѣ и до нашихъ дней, благодаря тому удивительному консерватизму деревни, о которомъ говорено выше.

Странное чувство испытываешь, проникая, при помощи памяти слѣпаго пѣвца, такъ наглядно, въ этотъ исчезнувшій міръ. Кажется, что стоишь на кладбищѣ, надъ вскрытыми могилами. Окружающая жизнь, съ ея новыми нуждами и интересами, новымъ строемъ, такъ далека отъ того своеобразнаго, особаго міра, что услышавъ опять ея голоса, какъ бы пробуждаешься отъ сна. Но доведется вновь услышать какъ бы доносящіеся изъ вѣчности, эти отклики былаго, и опять нѣсколько часовъ грезишь на яву, подъ заунывные звуки лиры. Вотъ еще одна изъ такихъ малыхъ находокъ. Въ печати она называется «Думою о козацкой жизни». Лирникъ, сообщившій ее мнѣ, называлъ ее просто «Козакъ и козачка».

1. Не единъ соби козакъ нкодить,
Который у війско ходить,
Ни кого не наймае,
Тильки молодую козачку въ господи покидае:
—Покидаю тебе, козачко, дома,
Да прошу покорно, содержи худобу:
У комини клоччя смуга,
А въ запичку кішка муруга...

Эй, прошу покорно, содержи,
Поки мене Богъ износить
Изъ цёго великого походу!...

Козакъ на коня сидае,
Козачка кляне, проклинае:
—Шобъ тоби, козаче, кинь приставъ,
Шобъ ты козакивъ не пагнавъ,
Шобъ тебе козаки не влюбили
И отаманомъ не постановили!

Козакъ на коня сидае,
Жоночу клятьбу канчукомъ одбивае,
Козакивъ пагаяе.
Ёго козаки влюбили—
Отаманомъ постановили,

А козачка по козаку вельми зажурилась:
Четыри недили хаты не топила,
Вона зъ шинку не выходила;
На пьяту недилю:—сестрички-козачки! щось на моему серцю гадить,
Мабуть мій козакъ изъ Дону до дому выходить!
Пійду-жъ я хоть пьятои недили хату протоплю,
Кислого и перекислого, третъеголитнёго, мартового борщу звару,
А зъ дороги, здороги здоровои козаку живитъ покреплю!»

Козакъ и къ двору прыизжае,
Козачка проти ёго выбигае...
Коло его двора нема и коли!
Уже жинка горшкомъ воду носить,
Ополоникомъ диты напувае—
Бо кухля шельмивъ батько мае...
Уже я по-за лавою
Побралися ложки зураною,
На полыци
Сидять цилый мисяць паляныци...

Да козачка ще проти козака выбигае
И чоломъ ему руку подавае,
Козакъ буцимъ-то чоломъ руку прыймае,
Синятыми обухомъ видъ очи покладае...

Выйшла козачка за ворота,—
Ажъ тамъ стоить жинокъ цила рота.
Одна подумала, друга погадала,
Третя була заричена, не втерпяла—словами сказала:
—Козачко-сетричко! Мабуть ты сниило робяла
Да по правди й придалося,
50. То по-видъ очима у тебе одъ речи взялося!
А козачка козака изъ сорому выкупляла:
—Жиночки-матиночки, сему не подивуйте,
То я ходила познёи ночи по лучину
Та видбила карп очи на кручину!

Дай же Боже, щобъ козаки пили та гуляли
И козацькои славы не теряли!
Хочъ козакъ помре-поляже—
Его слава на викъ не пропаде,
На многія лита,
60. До конця вику!

Дума эта принадлежитъ къ мало распространеннымъ. Она извѣстна по тексту, записанному въ харьковской губерніи г. Пѣговскимъ, и по выдержкамъ, записаннымъ въ той же мѣстности Н. И. Костомаровымъ и приведеннымъ имъ въ изслѣдованіи «Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго пѣсеннаго творчества». Помѣщая ее въ «Запискахъ о Южной Руси», П. А. Кулишъ сопроводилъ толкованіемъ, съ которымъ нельзя согласиться. Онъ говоритъ, что эта дума сложена козакомъ, рано покинувшимъ семью и хозяйство для походовъ, какъ печальная оглядка на то, къ чему привела его боевая жизнь. Намъ кажется, что это взглядъ не козака, а человѣка посторонняго. Скорѣе можно видѣть здѣсь возведенное въ шаржъ изображеніе нерѣдкихъ примѣровъ безъурядицы и неустройства семейнаго быта украинскаго воина. Эта сатира могла быть сложена по образцу козацкихъ думъ въ угоду посполитымъ и пѣлась въ ихъ средѣ. Лирникъ, сообщившій мнѣ думу, называлъ ее «шуточною», хотя пѣлъ на голоса другихъ козацкихъ думъ. Обличеніе едва ли было искреннимъ, и изображенную картину несправедливо принимать за типичную и общую. Въ козаки стремились всѣ, и эти насмѣшливыя и рѣзкія строки внушены, можетъ быть, завистливымъ чувствомъ осѣдлаго хлопа къ счастливцу «лесстровику». Значительная часть обвиненія тяготѣетъ къ тому-

же на женщинѣ—козачкѣ. По ея винѣ падаетъ хозяйство, она бросаетъ домъ для разгульной жизни. Кромѣ этого, весьма вѣроятнаго источника обличенія, надо брать въ соображеніе и неизбѣжную долю преувеличенія, какое вообще свойственно сатирѣ. Въ статьѣ «О козакахъ по отношенію къ государству и обществу» (Русск. Арх., 1877 г.), представляющей позднѣйшій фазисъ воззрѣній издателя «Записокъ о Южной Руси», онъ взялъ эту думу въ подкрѣпленіе своихъ новыхъ взглядовъ. Здѣсь онъ смотритъ на сатирическое изображеніе козацкой семьи и хаты въ отсутствіи хозяина, какъ на обычную и нормальную обстановку разбойничьей жизни и семьи, какими онъ призналъ козацкую жизнь и семью на всемъ протяженіи историческаго существованія козачества. По этому воззрѣнію разбойничья козацкая жизнь стояла отдѣльно отъ народной жизни, составляя на народномъ тѣлѣ какую то уродливую гангрену. Открытымъ остается вопросъ: кто же былъ дѣятелемъ великихъ общественныхъ движеній, которыя не могли совершаться безъ участія всего народа, и какою хитростью, какимъ заговоромъ съумѣли эти разбойники козаки такъ глубоко врѣзать въ народный умъ Память о себѣ, что эта память въ живой пѣснѣ дошла до нашихъ дней? Не наворожили ли тутъ старые чудодѣи, запорожскіе «характерники?» Общность стремленій народа и козачества подкрѣплена фактами исторіи. Изслѣдованы также и факторы, направлявшіе теченіе жизни не по руслу народныхъ стремленій. Нынѣшній обличитель козачества вѣрилъ прежде, что бѣдность и неустройство козацкой домашней жизни того тревожнаго времени не мѣшали развитію добрыхъ семейныхъ чувствъ, благородныхъ движеній сердца. И мы вѣрили вмѣстѣ съ нимъ правдѣ той прекрасной сцены «Черной Рады», сцены такъ схожей по сюжету съ этою думою, гдѣ Кирило Туръ, типичный козацкій воинъ, среди передрягъ своей боевой жизни, заворачиваетъ какъ-то подъ кровъ родной хаты... Въ ироніи этой думы можно только видѣть отраженіе борьбы мнѣній и общественныхъ разногласій, безъ которыхъ не обходится никакая жизнь.

Въ нашемъ спискѣ, очень отличающемся отъ списка г. Нѣговскаго, замѣтно вліяніе времени. Дума утратила свой архаическій колоритъ. Есть наклонность пріурочить сатиру отъ стараго козацкаго класса воиновъ къ позднѣйшему понятію сословія. Въ

обличеніи боеваго быта встрѣчается невыдержанность: козакъ возвращается «изъ Дону до дому», какъ въ бытовыхъ пѣсняхъ. Но этотъ списокъ подтверждаетъ значеніе думы, какъ сатирическаго шаржа. А то обстоятельство, что дума записана на совершенно противуположномъ углу лѣвобережья, говоритъ въ пользу ея распространенности. Нашъ лирникъ заучилъ ее въ молодости отъ своего учителя кобзаря Лантуха, а къ этому, въ свою очередь по преданію, она перешла отъ болѣе старыхъ кобзарей.

Ѳедоръ Баша, старый лирникъ, живущій въ с. Тамаровой, пирятинскаго уѣзда, стоитъ любого кобзаря. Кромѣ этой думы онъ знаетъ четыре еще (Черноморская буря, Азовскіе братья, Конивченко, Сестра и братъ) и множество псальмъ. Въ этомъ уголкѣ онъ еще находитъ слушателей. Его любятъ въ той мѣстности, зовутъ играть на свадьбы. Условія его жизни разнятся впрочемъ отъ обычной доли слѣпца и нищаго. Онъ «хозяйскій сынъ» и ослѣпъ взрослымъ. Это человѣкъ, постигнутый несчастіемъ, а не жалкій калѣка. Его знали въ селѣ, какъ сверстника, какъ равнаго, какъ товарища. Здѣсь прошло его «парубоцтво», его «молодый викъ».—Якій хороший бувъ парубкомъ! говорила про него сверстница его, старуха хозяйка хаты, гдѣ мы съ нимъ сидѣли. И, глядя на «темнаго», но еще статнаго и бодраго старика, этому можно было вѣрить. Хорошій работникъ, знавшій разныя ремесла, онъ, по его словамъ «на Покривнаго Ивана и на Покрову робивъ. Дивлюсь, що руськи роблять, то и я робивъ!» За то его и наказалъ Богъ. По словамъ другихъ, онъ былъ непочтителенъ къ роднымъ и потерпѣлъ за то. Какъ «Невольникъ» Шевченка, ослѣпнувъ, онъ не потерялъ расположенія бывшей своей невѣсты и женился на ней. Такимъ образомъ переходъ къ новому состоянію не былъ такъ рѣзокъ. Взрослымъ онъ пошелъ въ с. Смотрики, «въ науку», не разрывая связь съ своимъ селомъ. Помогали сначала родные, а потомъ дѣти, и теперь, когда онъ поженилъ дѣтей, жизнь и обстановка его ничѣмъ не отличаются отъ жизни хозяевъ средней руки. Всѣ сельскія работы умудряется онъ производить наравнѣ съ зрячими.

Мы въ хатѣ у Радченка, «кравця». Этотъ искусникъ тутъ-же, на столѣ мастеритъ заказанную свиту. За пошитье свиты—двадцать пять копѣекъ, за кожухъ—рубль. Старуха, мать портного, прядетъ, сидя на «полу». Хозяинъ вдовецъ. Парубокъ сынъ во-

зится на дворѣ «биля скоту», дочь—возлѣ жарко натопленной печи. Молодежь мало занята лирникомъ, у нея иныя думки. Дивчина поминутно выскакиваетъ изъ хаты, вгоняя дверью съ надвора волны холоднаго воздуха. Она пересмѣивается съ женщинами, постоянно приходящими за водою къ колодцу, что стоитъ надъ самой улицей. Сидя у окна, я слышу разговоръ обо мнѣ и лирникѣ и смѣхъ надъ моимъ чудачествомъ. На стариковъ давнія пѣсни Баши наводятъ серьезное настроеніе. Ихъ мысли обращаются къ старинѣ.

Все измѣнилось теперь, все не такъ, какъ было: обычаи, порядки... Да что, даже одежа!...

— Прежде у насъ священныкъ бувъ, отець Олексій, говорить старуха. То оце бувало, якъ жинка прыйде до церкви безъ памятки; то винъ кричить: щобъ не смила такъ приходить, бо то законъ велить. А теперъ завьяжетця платкомъ, та ище зверху покрыетця, то воно чортъ ёго и зна, чи жинка, чи дивка, що воно и є!—У мене свекоръ бувъ такій, що оце якъ бувало яка молодиця прыйде до колодця безъ платка, у самому очипку, то винъ кричить: иди геть, надинь платокъ, бо и видра побью...

— Старовину згадали, отозвался лирникъ. То намъ здается, що лучче було, бо мы були молоди! А якъ-бы теперъ на панщину ити, якъ я колись у Яготинъ ходивъ, шовку учився дилать? Теперъ скупо, такъ скупо на все стало! А що наше братанья—то бильшъ шанували: нагодують було добре, ще й у торбу наложать.

— Старця нагодуешъ, а торбу его николи! вмѣшался хозяинъ, вызвавъ улыбку лирника.

Баша самъ учился два года. За ученье старые кобзари ничего не брали: «то що по миру ходивъ два года,—то звисно ёго». У него самого уже перебывало въ наукѣ человѣкъ пятнадцать.

— О, вони ще якъ въ силахъ були, говорилъ хозяинъ, то якъ заграють було на лири, та заспивають, то ажъ волосья вьяне!—Ану дядьку утнить: «Не журь мене, моя мати».

— О, дакъ це-жъ прости, дрянни, не стоить!.. Спивай теперъ!.. За копійку або дви штиховъ пьятдесятъ, чи й бильшъ! А якъ скажешъ—три, або пьять, то каже дорого. Та ще, яки загадае спивать, то и наказуе: «гляди-жъ, не выкидай словъ»! Такъ наче воно и зна!

Хозяйская дочка вбѣжала въ хату, хлопнувъ дверью и топчась босыми ногами.

— Ой змерзла, витеръ такій, Господи!

— Ще може и снигъ выпаде, сказала старуха. Шо я того холоду боюсь! Чобитъ немае! Якъ холодъ—не знаешъ, де и дитьця. Ще якъ тепленько, то такъ-сякъ...

— У литку и старець каже: «на ката и хата—и на двори тепло»! замѣтилъ Баша.

Былъ постъ, ранняя весна, это критическое время, котораго особенно боятся старые деревенскіе люди. Въ окно виднѣлось поле, зелень прошлогоднихъ посѣвовъ, какъ-бы уже новая и молодая, за ней отталыя, черныя оранныя поля съ изрѣдка бѣлѣющими пятнами почерпѣлаго по краямъ снѣга. Воздухъ былъ прозраченъ и легокъ, блѣдное небо изжелта-ясное румянилось на закатѣ. Еще обнаженныя деревья какъ-то живѣе трепетали вѣтвями при набѣжавшемъ вѣтрѣ. Веселое кудахтанье куръ у окошка, чириканье домосѣдовъ-воробьевъ подъ стрихою, всѣ эти неуловимые голоса природы говорили о пробуждающейся жизни. А старики, понурясь, думали, можетъ быть о томъ, переживутъ-ли они эту весну...

Нашу бесѣду прервали прозвучавшіе въ тишинѣ деревенскаго вечера протяжные, мѣрные удары постоваго колокола.

Записавши отъ Баши и четыре остальныя его думы, я еще болѣе убѣдился въ справедливости наблюденія, сдѣланнаго раньше: что въ послѣднее время,—а это время, можетъ быть, надо считать съ начала этого вѣка, если не ранѣе,—думы удерживались въ памяти кобзарей *по районамъ*. Иначе сказать, были какъ-бы извѣстныя школы кобзарей, которыя удерживали въ памяти и передавали ученикамъ извѣстные циклы думы. Большее накопленіе матеріаловъ поможетъ впослѣдствіи опредѣлить даже границы такихъ районовъ. Варіантъ «Азовскихъ братьевъ», записанный отъ Баши, оказался чрезвычайно близкимъ къ варіанту Крячковскаго кобзаря, записанному также возлѣ Яготина. (См. «Историческія пѣсни малорусскаго народа»). Новыми оказались только два стиха, проклинающіе «турчина-камьяничина», добывающаго серебро и золото,—стихи, являющіеся свидѣтельствомъ того, что украинскіе плѣнники въ турецкой неволѣ употреблялись на работы въ рудникахъ. Варіанты «Конивченка» и «Черноморской бури» явились очень близкимъ подобіемъ

списковъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ Лукашевича, записанныхъ также по-близу. Кстати: старѣйшій нынѣ изъ собирателей произведеній украинской народной поэзіи, П. А. Лукашевичъ, здравствуетъ донынѣ и даже, въ своемъ деревенскомъ уединеніи, продолжаетъ собирать думы и пѣсни, какъ собиралъ для своего сборника полвѣка назадъ. Баша хорошо знаетъ «старого Лукаша», какъ онъ назвалъ почтеннаго этнографа. Онъ и самъ диктовалъ ему думы, причемъ уже теперь записываетъ не самъ г. Лукашевичъ, а кто нибудь по его порученію, а онъ только, по выраженію лирника, «у переплеты кладе».

Среди всякой всячины, которую припоминалъ Баша, онъ откопалъ между прочимъ псальму, сильно искаженную. Смыслъ ея можно было возстановить съ помощью легенды, разсказанной имъ-же вслѣдъ за ней. Самый духовный стихъ онъ назвалъ «Псальмою св. Василію».

Одъ злихъ еси благодать, о святителю—отче,
Дивенъ еси пастырь добрый и Василію святый!
Отрезъ сладость Кесарія (?) и вельмя просить Василія, шобъ одъ биды одигнавъ:
— «Василію, святителю вельми щедрославный!
Измилуйся надо мною, пастыръ милостивый.
Шо записав'я мій мужъ врагу, Ипциперу пекельному кровію своєю!...»
Замкнувъ святый Василій Евладія въ церковъ,
А самъ пишовъ къ святому Богу молытьця...
—Помилуй мя, Боже-Отче
И отъ свита ты мій Творче
По щедрій души!...
Демонъ рече: «Василію, не твори намъ капости,
Бо винъ-же намъ записався сладкои сладости,
А теперъ одбираешъ
И руци нози одризаешъ
Слуги нашого.
Недостоинъ буть слугою,
И отверзи себе рукою
Одъ лиця своего хрещеного,
И одъ Господа небесного,
Троицею единою...

Ангелъ писню воспивае,
И кругомъ церкви облитае,
На Кесарію нарикае
И Евладія вгрущае:
«Кайся, чоловиче, гриховъ покуты держися,
И своему Спасителю слезами молися,
Шобъ тебе вразя не вловили
И въ огонь вичный не вкинули,
Тамъ будешъ горити...»
Демонъ церкву облитае
И запись въ окно укидае;
Ангелъ запись принимае,
Василій хрестомъ охрещае
Слугу своего...

«Бувъ соби бидный чоловикъ—говорить легенда—и насъ вивця на степу. А Кесарія царевна произдила мимо. Винъ нагледивъ ін и влюбився, та й каже: «Боже мій, шобъ я зробивъ, щобъ мени сюю царевну Кесарію за себе взяти: я-бъ сатани лукавому свою душу отдавъ!...»

Диждавъ ночи, являетця якъ ёму сатана.

— Евладій, пробудися сна! Шо ты казавъ у день?

— А шо-жъ я, каже, казавъ? То, шо бачивъ Кесарію и шо я-бъ сатани душу отдавъ, шобъ ін за себе взяти.

Сатана и каже:—ну, постій-же, Евладій, я пійду до свого правительства, роспитаюсь, бо и зъ вашого брата багацько насъ надувають.

Роспитавсь та й обративсь назадъ.

— Шо-жъ ты, каже, согласенъ, Евладій?

— Абы вона була за мною, то я согласенъ.

— Ну, пидпишися-жъ. Урижъ мизиного перста правои руки и притули печать. Я тебе запишу.

Записавсь винъ кровію своею.

— Диждавъ ночи, йдуть вони вси, поубирани!... Де тамъ, якъ панычи, якъ царевичи! Изъ ихъ бояре и поиздъ весь. Той ступеньки одкида, той у коляску сажае, и повезли его до царевны, до Кесаріи. Пидвеселили ихъ, пиръ одбули, гуляють... Догулялись до того, шо кончено дило. Живуть...

Воскресного дня вона одъизжае до церкви, а винъ за рушницю, та у садъ. Вона пита его:—чому це други жинки идуть до церкви зъ мужьями, а ты не ходишъ николи?

Винъ каже, що я за васъ свою душу продавъ!

Отъ ій нараяли пійти до святого Василія. Винъ заперъ Евладія у келію. Сидивъ винъ тамъ три ночи. Перву ничъ Василій питае: якъ тоби? Не втерплю, каже. Другу ничъ—трохи полехше, третю—ще лехше.

Зибравъ Василій миръ, а жона мужа спасла»...

Легенда эта—народный варіантъ разсказа, извѣстнаго какъ печатно, такъ и въ видѣ рукописныхъ мистическихъ сказаній. Это одинъ изъ самыхъ начальныхъ типовъ легендъ изъ безчисленнаго цикла о союзѣ съ чортомъ и запродажи ему души. Развиваясь и видоизмѣняясь въ средніе вѣка, идея этой легенды дойдетъ до сказаній о Фаустѣ и Твардовскомъ. Первообразъ ея находится въ житіи св. Василія, архіепископа Кесаріи Каппадокійской, откуда, съ различными апокрифическими украшеніями, она попадаетъ въ сборникъ чудесныхъ сказаній Vincent de Bové,—одну изъ первопечатныхъ книгъ. Въ рукописной передачѣ она обратила на себя вниманіе изслѣдователей и въ двухъ редакціяхъ включена въ изданные графомъ Кушелевымъ «Памятники старинной русской литературы» (Вып. 1.). Въ первоначальномъ своемъ видѣ легенда такова:

У сенатора Протерія (при императорѣ Юліанѣ) была дочь, которую онъ предназначалъ къ монастырской жизни; одинъ изъ его домашнихъ рабовъ воспылалъ къ ней страстною любовью и отправился къ волшебнику, чтобъ тотъ своимъ искусствомъ доставилъ удовлетвореніе его страсти. Волшебникъ далъ ему рекомендательное письмо къ дьяволу. Это письмо надо было поднять къ верху на могилѣ какого нибудь язычника, чтобы явились слуги сатаны и отвели къ своему господину. Такъ рабъ и сдѣлалъ, вслѣдствіе чего былъ приведенъ въ то мѣсто, гдѣ возсѣдалъ на тронѣ сатана, окруженный своими духами. Сначала духъ тьмы прикрикнулъ на новичка; но когда тотъ письменно отказался отъ крещенія, добровольно произнесъ хвалу новому господину и вызвался раздѣлить съ нимъ въ вѣчности приготовленную ему участь, то дьяволъ смилостивился и принялъ его благосклонно. Затѣмъ послалъ демоновъ страсти воспламенить въ дѣвушкѣ любовь къ этому погибшему чело-

вѣку, что имъ и удалось. Грѣшникъ раскаивается потомъ и получаетъ прощеніе отъ Бога. Рабъ сенатора Протерія прибѣгаетъ къ помощи св. Василія и, послѣ долгихъ общественныхъ молитвъ, падаетъ рукопись съ высоты въ руки святаго, который разрываетъ ее, затаптываетъ въ грязь, а спасеннаго возвращаетъ женѣ.

Одинъ изъ осколковъ средневѣковыхъ воззрѣній, гдѣ восточныя вѣрованія въ волшебство перепутаны съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ, повѣсть эта, какъ уже сказано, входитъ и въ рукописную старинную литературу. Въ кушелевскихъ «Памятникахъ» одинъ изъ варіантовъ ея доставленъ изъ Малороссіи. Въ нашей псальмѣ попадаются цѣлыя фразы, буквально заимствованныя изъ этой «страха и ужаса исполненной и неизреченнаго удивленія достойной» повѣсти. Въ приведенной малорусской передачѣ идея сказанія является въ своемъ первоначальномъ видѣ. Она далека ещё отъ тѣхъ умственныхъ процессовъ, которые отъ этихъ союзовъ съ чортомъ для удовлетворенія эгоистическихъ стремленій приходятъ къ союзу для удовлетворенія жажды знанія и въ легендѣ о Фаустѣ являются отождествленіемъ философскихъ стремленій цѣлой эпохи,— эпохи возрожденія.

Псальма, приведенная выше, любопытна, какъ одинъ изъ немногихъ образцовъ малорусскихъ духовныхъ стиховъ, имѣющихъ источникомъ мистическія повѣсти или апокрифы. Подобными суевѣрными и темными сказаніями полны великорусскіе сборники Безсонова и Варенцова, съ ихъ огромными отдѣлами раскольничьихъ стиховъ. Въ малорусской духовной пѣсенности это явленіе случайное, какъ можно убѣдиться изъ приводимой ниже возможно полной библіографіи разсѣянныхъ по разнымъ сборникамъ псальмъ и лирницкихъ пѣсень [1]).

---

[1]) *Утренняя Звѣзда*, альманахъ 1835 г. Въ статьѣ Срезневскаго о Сковородѣ приведена пѣсня „Всякому городу нравъ и право", въ передѣлкѣ бандуристовъ и въ подлинникѣ, стр. 82—88.

Метлинскій, Народныя южно-русскія пѣсни. Кіевъ, 1854 г.—Олексій, стр. 365. Доля, стр. 371. Вдова.—Смерть.—Судъ.—Шуточныя, стр. 467—72.

Записки о Южной Руси, Спб., 1856—1857 гг., томъ II. Баллада изъ временъ уніи, стр. 83. Пѣсня о Правдѣ, стр. 101—102.

Малорусскій литературный сборникъ, Саратовъ, 1859 г.,—1. Ишовъ Божокъ дорогою. 2. Веселая свиту новина. 3. Двѣ почаевскихъ псальмы (Въ собраніи пѣсень, записанныхъ на Волыни Н. И. Костомаровымъ).

Пѣсни малорусскихъ лирниковъ можно раздѣлить на: *псальмы* (двухъ родовъ: а) о духовныхъ лицахъ, событіяхъ и святыхъ и б) нравоучительно піэтическія), *морализирующіе стихи*, *стихи сатирическіе* и пѣсни *шуточныя*. Псальмы перваго рода—о духовныхъ лицахъ и событіяхъ, псальмы такому или иному святому или навѣянные житіями святыхъ,—самые темные и слабые. Здѣсь чуждый книжный элементъ держитъ въ оковахъ умъ пѣвца и, боясь перепутать мало вѣдомые имена и факты, пѣвецъ механически удерживаетъ ихъ, хоть и въ искаженномъ до неузнаваемости видѣ. Слагались онѣ подъ вліяніемъ духовныхъ школъ, иногда заимствовались у монаховъ, странниковъ и, въ пограничныхъ мѣстностяхъ, гдѣ нищая братія сталкивается часто,—у каликъ. Много такихъ псальмъ идетъ изъ юго-западнаго края, преимущественно изъ Почаева, близъ котораго существовали, говорятъ, даже лирницкія школы. Псальмы Сковороды,—также странствующія въ народѣ, всѣ отличить трудно, такъ какъ не всѣ сочиненія его этого рода напечатаны. Но съ достовѣрностію можно указать съ десятокъ сковородинскихъ псальмъ. Иногда, если сюжетъ псальмы, хотя и книжный, глубоко затроги-

Варенцовъ, Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, Спб. 1860 г. 1) О началѣ свѣта. 2) О Христовомъ рожденіи. 3) Въ четвергъ зъ вечора жиды сотворили... (эти три изъ сочиненія Костомарова „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“). 4) А въ недилю по обиди. 5) О свентый Антонію (изъ „Пинскихъ пѣсень, изданныхъ Зенькевичемъ. Ковно, 1851 г.) 6) Святый Михаилъ. 7) Алексѣй Божій человѣкъ. 8) Лазарь (пѣсн. варіантовъ).

Основа, 1861 г., № 10. Статья Жемчужникова „Полтавщина“. Псальмы Вересая, стр. 92. 1) Ой горе, горе на симъ свити жити. 2) Правда. 3) Пресвятая Дево-Мати, помощнице наша... 1862 г., № 6. „Зъ народнихъ устъ“, В. Коховскаго, стр. 44. Вирши. 1. Рождву. 2. Великодню.

Ужинокъ рідного поля, Москва, 1857 г.—Смерть, стр. 233.—Благаніе, стр. 238. По обыкновенію издателя обѣ пьесы искажены передѣлкой.

Чубинскій, Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, Спб., 1872—1877. Т. I. Вып. I (стр. 147—149; 151, 160, 182—220). 1. Пѣсня объ Адамѣ и Евѣ. 2. Пѣсня о душѣ. 3. Пѣснь почаевской Божіей Матери (Пасли пастыри...) 4. Вторая пѣснь почаевской Бого-матери („Вийшла зоря вечирова...“) Варіанты: а) Изъ Борисполя. в) Изъ книги Стецкого „Volyń“. 5. Богоизбранній Диво. 6. Пресвятой Богородицѣ бердичевской. 7. Охтирьскій Божій Матери (Харьковъ)—2-й варіантъ (оттуда-же). 8. Св. Михаилу. 9. Св. Миколаю.—Варіанты а) Изъ Берестечка. b) Изъ Мліева, черкасскаго уѣзда. c) Изъ Сборника Кулиша, безъ отмѣтки мѣста записи. d) Изъ Ростова на Дону. e) Второй изъ Берестечка. 10. Ивану Хрестителю. 11. Олексію Божому чоловику.—Варіанты а) Изъ козелецкаго уѣзда. в) Изъ переяславскаго уѣзда. с) Безъ означенія мѣста. 12. Преподобному Онопрею.—Варіанты

ваетъ народную жизнь, вдохновеніе оживаетъ, и получается пѣсня, полная украинской тоски. Таковъ популярнѣйшій «Лазуръ», таковъ оригинальный и поэтичный разсказъ объ «Олексіѣ». Когда изъ книжныхъ рамокъ лирницкая пѣсня вырывается на вольный воздухъ народнаго творчества, тогда хоть и все въ ней мрачно, но все просто и ясно, иногда образно, а подчасъ звучитъ высокой энергіей народной поэзіи. Во главѣ морально-философскихъ пьесъ (внѣ церковнаго элемента) стоитъ «Правда»,—одно изъ характернѣйшихъ для опредѣленія народнаго міровоззрѣнія произведеній, пьеса чисто рефлективная и въ тоже время отмѣченная поэзіей. Сатирическія пѣсни касаются общественныхъ анормальностей и уродливыхъ явленій, непріятныхъ сторонъ семейной жизни и т. п. Шуточныя пѣсни бываютъ просто потѣшныя,—одно зубоскальство и балагурство, иногда съ сильной примѣсью гривуазнаго элемента, какой требуется въ пьяномъ веселіи, иногда-же рисующія, хоть и съ пья-

---

изъ черкасскаго уѣзда. 13. Ивану Богослову. 14. Ивану Златоусту. 15. Архидіакону Степану. 16. Святой Варварѣ. 17. Пѣснь о страшномъ судѣ (изъ книги Стецкаго Volyń). Т. III (стр. 11, 15—21 и 25). 1. Псальма Благовѣщенію. 2. Псальма Великой Субботѣ (онародленные стихи Сковороды; см. Сочиненія Сковороды. Спб. 1860 г., стр. 21). 3. Семь псальмъ о распятіи и погребеніи Христа (изъ Харькова. Сборникъ Кулиша). О воскресеніи Христовомъ (Ibid). Т. V (стр. 1073—1074, 1163). Бида.—Мищанка.—Дворянка.—Чечотка.

Записки юго-западнаго отдѣленія географическаго общества, Кіевъ, 1874—1875. Т. I. Приложеніе.—Думы и пѣсни Остапа Вересая; стр. 22, пѣсни религіозно-нравственнаго содержанія. 1) Правда. 2) Ой горе, горе на симъ свити жити... 3) Про страшный судъ. 4) Сынъ блудницій. 5) До часнёго живого чоловика. 6) Муки Христа. 7) Великій мій жалю. 8) Миколай. 9) Про страшный часъ. 10) Розставаннє души съ тиломъ. 11) Пустельникъ и пьятныця. Пѣсни сатирическія: 1. Щиголь. 2. Дворянка. 3. Про Хому и Ярему. 4. Кисиль. 5) Бугай. Причитанія Вересая.—Ноты къ его пѣснямъ, стр. 64. Лирницкая пѣсня про панщину и ея отмѣну.

Т. II (стр. 116. Статья „Кобзари Братица и Дубъ"). 1) Про двенадцать пьятниць. 2) Теща.

Лисенко, Украински писни. Выпускъ I. Почаевская псальма (Ой зийшла зоря вечирова...) текстъ и ноты.

Кіевская Старина, 1882 г., № 8.—1883 г., № 2. 1884 г., № 1.

Безсоновъ, Калики перехожіе. Москва, 1861—1864 г. Вып. I, стр. 65—67. Пѣсня о Лазарѣ, стр. 151—152, о св. Алексіи, Вып. III, стр. 680—690 о Почаевѣ и почаевской Божіей Матери. Вып. IV, стр. 21—25. Псальмы Р. Хр. Вып. V, стр. 15—18. Стихи на св. Пасху.

Головацкій, Пѣсни угорской и галицкой Руси. М. 1878 г. Ч. II, стр. 732—738; ч. III. Отд. I, стр. 263—288; ч. III. Отд. II, 521—524.

ныхъ глазъ, силуэты этой жизни или шутливыми штрихами обрисовывающія ея типы. Тутъ сквозь пьяный хмѣль нѣтъ нѣтъ да и проскользнетъ трезвая мысль, насмѣшка надъ другими и надъ собой и вездѣ, хоть гдѣ-то на дальнемъ планѣ, сквозитъ тотъ строгій, земледѣльческій идеалъ, какимъ дышетъ вся народная поэзія, идеалъ, выросшій на основѣ трудовой жизни.

Псальмы, духовные стихи и шуточныя пѣсни поются съ лирой, но поются они также и кобзарями, точно также какъ съ лирою поются думы.—Скажемъ нѣсколько словъ объ инструментахъ лирниковъ и кобзарей. Типичная бандура была описана на страницахъ «Кіевской Старины». Кромѣ нея существуетъ типъ *панской* бандуры, представляющей попытку соединить гитару съ кобзой. Въ народѣ она не встрѣчается, а существуетъ, какъ остатокъ старины. Любопытно было-бы рѣшить вопросъ о времени появленія бандуры въ Малороссіи. Изображеніе этого инструмента встрѣчается на картинахъ европейскихъ художниковъ XV и XVI вѣка. Занесенъ ли онъ на Украину изъ Польши или изъ «Волоховъ» и когда? Время его появленія помогло-бы опредѣлить время появленія въ народной поэзіи формы *думы*, которая по всѣмъ старымъ свидѣтельствамъ всегда соединялась съ бандурнымъ сопровожденіемъ. Помѣщая ниже рисунокъ типической лиры и народныя названія составныхъ ея частей, заимствуемъ изъ интереснаго труда г. Пѣтухова «Народные инструменты музея петербургской консерваторіи» описаніе конструкціи этого инструмента: «Инструментъ этотъ одинъ изъ тѣхъ, струны которыхъ приводятся въ колебаніе треніемъ. Это не что иное, какъ одинъ изъ видовъ рыли (vielle) [1]). Онъ состоитъ изъ кузова, почти такого-же объема, какъ кузовъ альта, а по размѣрамъ почти прямо пропорціональнаго кузову контра-баса и по виду съ нимъ схожаго; непосредственно къ кузову въ томъ мѣстѣ, гдѣ у скрипки придѣланъ грифъ, прикрѣплена небольшая коробка съ крышкою. Въ одной изъ боковыхъ дощечекъ коробки сдѣланы три отверстія для колковъ, на которые намотаны три кишечныя струны, изъ которыхъ средняя направлена сквозь большую удлиненную коробку, помѣщающуюся на верхней декѣ, черезъ колесо и

[1]) Въ простонародіи она извѣстна подъ именемъ реля. Лирою зовутъ ее сами лирники.

подставку къ выступу, лежащему у ручки, а двѣ боковыя поверхъ верхней деки къ колесу и къ мѣсту ихъ закрѣпленія; на противоположной сторонѣ мѣста расположенія малой коробки находится рукоятка, имѣющая назначеніемъ приводить въ вращательное движеніе колесо, замѣняющее въ малороссійской лирѣ смычокъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ съ колесомъ соприкасаются струны, на нихъ намотана овечья шерсть для предохраненія ихъ отъ преждевременнаго разрыва. Необходимый запасъ этой шерсти помѣщается обыкновенно въ малой коробкѣ. Колесо закрывается выпуклою крышкою, напоминающую крышку кибитки, на верхней декѣ вырѣзаны на манеръ скрипичныхъ эсовъ два голосника и помѣщается большая коробка съ одинадцатью нажимателями, имѣющими назначеніе укорачивать на желаемую ступень посредствомъ гребешковъ среднюю струну. Коробка эта закрывается плоскою крышкою.

При вращаніи колеса всѣ три струны звучатъ въ униссонъ, послѣдовательнымъ нажатіемъ нажимателей высота тона средней струны измѣняется».

Въ обращеніи появились лиры и послѣдовательно стали вытѣснять бандуры, если вѣрить разсказамъ кобзарей, лѣтъ шестьдесятъ назадъ. Съ лирою пѣніе гораздо медленнѣе. Это инструментъ крикливый, неповоротливый. Съ бандурою дума, напр. «Азовскіе Братья», поется быстро, какъ речитативный разсказъ, оттѣняемый только переливами голоса и струнными аккордами. Съ лирой она выкрикивается медленно, причемъ, между нѣкоторымъ количествомъ строкъ, играется «пригрышъ». По этимъ музыкальнымъ дѣленіямъ происходитъ и заучиванье думъ, которыя поэтому лирники дѣлятъ на *стихи*. Въ варіантахъ Баши въ «Азовскихъ Братьяхъ» или въ «Коновченкѣ», по его счету, стиховъ по пятьдесятъ. Эти стихи соотвѣтствуютъ законченной мысли, напримѣръ:

Ой не туманы вставали,
Якъ изъ города Озова зъ тяжкои неволи
Три браты утикали.

Это одинъ стихъ.—«Це, бачъ, одводъ; нада робить, якъ скончу», говорилъ Баша. Мнѣніе, которое встрѣчалось въ печати, что на лирѣ не играются танцы, совершенно несправедливо. Козачки, напротивъ, входятъ обязательно въ кругъ лирницкой науки и въ

глухихъ уголкахъ лирники очень часто еще играютъ на досвиткахъ и свадьбахъ.

Что касается распространенности лирницкаго промысла, то можно сказать, что, благодаря условіямъ деревенской жизни, гдѣ къ несчастью немало слѣпыхъ, онъ довольно распространенъ. По крайней мѣрѣ у насъ на лѣвомъ берегу лирниковъ много. Въ кіевской губерніи, по свѣдѣніямъ кіевскаго попечительства для призрѣнія слѣпыхъ («Заря» 1883 г., № 281), ихъ напротивъ очень мало. На все огромное число 4221 слѣпыхъ, бывшихъ въ губерніи въ 1881 году, «занимающихся игрой на лирѣ» было тринадцать. Цифра эта конечно достовѣрна настолько, насколько вообще явленія подобнаго рода поддаются оффиціальной отчетности. Мнѣ всегда казалось ужаснымъ, что эти несчастные, живущіе подаяніемъ, несутъ подати и повинности наравнѣ съ зрячими. Общества освобождаютъ ихъ въ рѣдкихъ случаяхъ, и отъ всѣхъ лирниковъ, какихъ мнѣ приходилось встрѣчать, я слышалъ по этому поводу горькія жалобы.

Какъ во всякомъ ремеслѣ, а особенно такъ близко соприкасающемся съ искусствомъ, тутъ бываютъ свои таланты. Я помню, какъ поразилъ меня своимъ пѣніемъ одинъ лирникъ на ярмаркѣ въ м. Сребномъ прилуцкаго уѣзда. Его молодой и свѣжій голосъ дышалъ такимъ выраженіемъ, что въ его пѣніи избитые стихи «Лазура» показались мнѣ совершенно новыми.

Ой бувъ собі бідный Лазуръ, по світу скитавсь,
А ёго братъ, сильный богачъ зъ міру наживавсь...

Онъ пѣлъ это съ болѣзненнымъ стономъ страданія, и въ постоянно окружавшей его толпѣ не одинъ человѣкъ утиралъ слезы. Самая наружность его носила какой-то трагическій отпечатокъ. Такой типъ мѣтко схваченъ талантливымъ художникомъ—этнографомъ шестидесятыхъ годовъ Л. М. Жемчужниковымъ на картинѣ его «Бандуристъ», находящейся въ с. Сокирницахъ у Г. П. Галагана.

Лирники ходятъ по міру преимущественно осенью, послѣ окончанія полевыхъ работъ, когда у людей есть хлѣбъ. Они какъ-бы избѣгаютъ раздражать просьбою о милостынѣ въ то время, когда на хлѣбъ скупо, ходятъ всю осень, до снѣгу, когда можно, ходятъ и зимой и, по стаяніи снѣга, раннею весною. Поводырями бываютъ

или свои дѣти, если есть, или безпріютные сироты. Если бываютъ взрослые поводыри, то развѣ только калѣки. По домамъ, на свои мѣста, возвращаются къ большимъ праздникамъ, Рождеству, Пасхѣ и обязательно къ храму своей церкви. Лѣто, самое удобное для странствованій время, они проводятъ дома. Тутъ они занимаются преимущественно издѣліями изъ конопли: витьемъ веревокъ и веревочной упряжи. Заработокъ на этомъ бываетъ такой: за работу веревки средней величины изъ матерьяла заказчика—20 копѣекъ, на его харчахъ—15. Работа занимаетъ больше дня. Но и эти заказы были бы очень желанными, если-бъ были постоянны. Что касается «науки», то ее кончаютъ въ отрочествѣ. Въ прежнее время выучивались всѣмъ тѣмъ пѣснямъ, которыя зналъ учитель. Цифра ихъ доходила до шестидесяти. Въ этомъ числѣ было 5—6 думъ. Таковы познанія старыхъ кобзарей и лирниковъ, лѣтъ по 60, которыхъ я знаю. Болѣе молодые,—лѣтъ по сорока, знаютъ только по двѣ-три думы. Молодые лирники думъ уже не знаютъ. Въ послѣдніе два десятка лѣтъ ихъ перестали заучивать совсѣмъ.

В. Горленко.

Приложеніе къ статьѣ „Кобзари и Лирники".

Лира, ея составныя части и ихъ народныя названія.

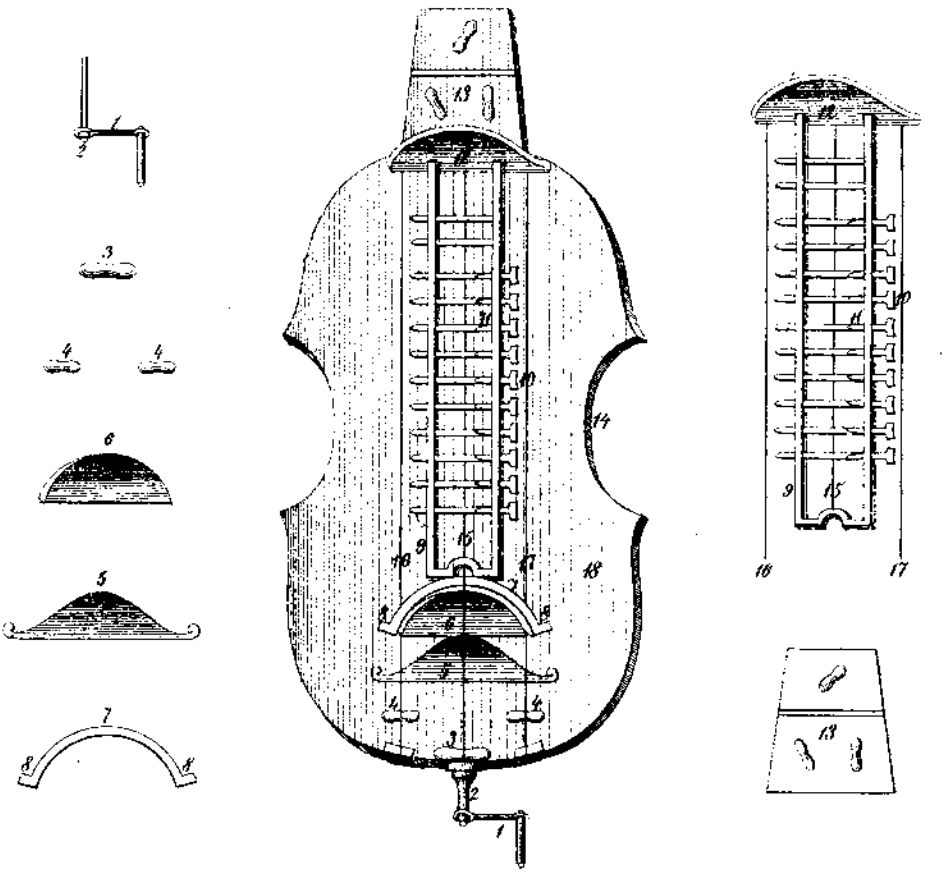

1. **Корба**.
2. **Воюкъ** або троникъ.
3. **Затвнъ** (на ёму килочки подставци).
4. **Коники**.
5. **Кобылка**.
6. **Колесо**.
7. **Лубнинъ** —крышка.
8. **Порòсини**.
9. **Кливитура**.
10. **Кливиши** (зубчики, внизу ихъ ноты).
11. **Ноты**.
12. **Блумирь**.
13. **Накильникъ** (Досточка, возлѣ него застáвка одъ накильника).
14. **Обручи** (боковыя стѣнки лиры).
15. **Ринка** (або перва).
16. **Басъ** (большая струна).
17. **Пидбасокъ** (тоньшая струна).

} Всѣ три по тальянски.

18. **Дейка** (верхн. и нижняя стѣнки лиры)

Вырѣзки въ верхней дейкѣ —голосняки.

ВОПЛЬ МАЗЕПЫ.

Лѣтъ десять—пятнадцать назадъ за литургіей въ 1-ю недѣлю великаго поста въ любомъ каѳедральномъ соборѣ можно было еще слышать протодьякона, громовымъ голосомъ возглашавшаго между прочимъ слѣдующія слова: «Глаголющимъ, яко цари возводятся на престолъ не по особому благоволенію Божію и тако дерзающимъ на бунтъ и измѣну, аки Гришкѣ Отрепьеву и Ивану Мазепѣ и прочимъ подобнымъ—анаѳема!» Обрядъ проклятія Мазепы и другихъ виновныхъ въ измѣнѣ получилъ свое начало при Петрѣ В. и внесенъ, по его повелѣнію, въ церковный «чинъ православія», направленный, какъ извѣстно, противъ иконоборцевъ и другихъ еретиковъ. Нечего и объяснять, что поводомъ къ сему послужила измѣна Мазепы Петру въ войнѣ съ Карломъ XII и переходъ его на сторону этого послѣдняго. Получивъ объ этомъ вѣсть въ лагерѣ надъ Десной, Петръ посредствомъ нарочитыхъ манифестовъ и грамотъ[1]) стянулъ къ себѣ сюда всю козачую старшину и знатнѣйшее духовенство и передвинувшись въ Глуховъ, приказалъ избрать здѣсь гетманомъ Скоропадскаго, а Мазепу предать всенародному проклятію. Сюда былъ привезенъ къ тому времени кіевскій митрополитъ Іоасафъ Кроковскій, съ знатнѣйшимъ духовенствомъ кіевскихъ монастырей, и переяславскій епископъ Захарія Корниловичъ, чрезъ нарочно посланнаго въ Кіевъ князя Б. И. Куракина[2]). На

---

[1]) См. грамоту о семъ на имя черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича въ августовск. книжкѣ «Кіевской Старины» за нынѣшній годъ.

[2]) См. въ этой-же книжкѣ въ «Запискахъ кн. Куракина» на стр. 624.

митрополита успѣли уже набросить подозрѣніе въ соучастіи въ измѣнѣ Мазепы и онъ долженъ былъ доказать свою преданность Государю торжественнымъ анаѳематствованіемъ Мазепы по особо придуманному неизвѣстно кѣмъ обряду. Вотъ какъ описываетъ этотъ мрачный обрядъ неизвѣстный авторъ «Исторіи Руссовъ», писавшій по свѣжему преданію.

«По окончаніи краткихъ торжествъ выбора и утвержденія гетманскаго, открылось тамъ-же, въ Глуховѣ, новое явленіе, до того еще въ Малороссіи не бывалое, явленіе страшное, названное сопутницею Мазепѣ въ адъ. Многочисленное духовенство малороссійское и ближайшее къ границамъ здѣшнимъ великороссійское, нарочито собранное въ Глуховъ и составившее изъ себя такъ названный помѣстный соборъ, въ 9-й день того-же ноября, предало Мазепу вѣчному проклятію или анаѳемѣ. Мрачное торжество сіе совершалось въ каменной николаевской церкви, въ присутствіи Государя и при многочисленномъ собраніи чиновниковъ и народа. Духовенство и клирики были въ черномъ одѣяніи и всѣ со свѣщами чернаго цвѣту. Портретъ Мазепы, висѣвшій до того среди города на шибеницѣ, влеченъ былъ по городу палачами и втянутъ внутрь церкви. Духовенство, окружа его, прочитывало и воспѣвало нѣкоторые псалмы изъ священнаго писанія, потомъ провозгласивъ и нѣсколько разъ повторивъ: «да будетъ такой-то Мазепа проклятъ!» оборотило на портретъ его возженныя свѣчи, а клирики, повторяя тоже самое пѣніемъ, оборачивали и они свои свѣчи ничкомъ. Начальствующій епископъ ударилъ притомъ концемъ жезла своего въ грудь портрета, съ изрѣченіемъ: «анаѳема!» И тогда повлекли обратно портретъ изъ церкви и пѣли сей стихъ церковный: «Днесь Іуда оставляетъ учителя и пріемлетъ діавола», и тѣмъ обрядъ тотъ кончился»[1]).

Въ тотъ-же день, по повелѣнію Петра, грозная анаѳема Мазепѣ возглашена была Стефаномъ Яворскимъ въ Москвѣ въ успенскомъ соборѣ, а затѣмъ и во всѣхъ церквяхъ русскаго государства. Впослѣдствіи проклятіе Мазепы внесено было въ церковный

[1]) Исторія Руссовъ или Малой Россіи. Сочиненіе Георгія Конисскаго, архіепископа бѣлорусскаго. Москва. 1846 г. стр. 211 и 212.—Упоминаніе о присутствіи здѣсь Ѳеофана Прокоповича есть анахронизмъ; онъ не былъ тогда не только епископомъ, но даже архимандритомъ и вовсе не былъ извѣстенъ Петру.

«чинъ православія», составлена сверхъ того особая служба церковная на день полтавской викторіи 27 іюня, съ примѣненіемъ къ Мазепѣ и Петру той пѣсни: *Днесь Іуда оставляетъ учителя и пріемлетъ діавола,* которая заимствована изъ службы Страстямъ Христовымъ и пѣта была при первоначальномъ анаѳемствованіи Мазепы.

Обрядъ именнаго проклятія Мазепы удерживался до нашихъ дней и лишь въ недавнее время отмѣненъ св. синодомъ, какъ дѣйствіе, утратившее даже историческій свой смыслъ, никому и ни для чего уже не нужное. Въ немъ рѣзко бросалось въ глаза это несогласимое противорѣчіе изрекаемаго устами церкви проклятія и возвѣщаемаго ею мира и любви, ученія ея о загробной жизни, судѣ Божіемъ, воздаяніи въ послѣдній день и это предвосхищеніе суда у Того, кто самъ сказалъ: *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ.* Являлось кромѣ того новое, еще болѣе поражающее противорѣчіе: ежедневно, въ теченіи всего года, въ многочисленныхъ, Мазепою построенныхъ церквахъ, поминалось имя Мазепы, какъ создателя и благодѣтеля, и однажды въ годъ это-же имя предавалось вѣчному проклятію.

На это послѣднее противорѣчіе натолкнулся случайно императоръ Николай Павловичъ въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ въ Кіевъ. Посѣтивъ военный соборъ, онъ уже предъ выходомъ изъ церкви, окинувъ взоромъ ея своды и всю внутренность и любуясь ея архитектурой, спросилъ настоятеля собора:

— Кѣмъ построена церковь?

— Мазепою, робко отвѣтилъ настоятель, и—слово замерло на его устахъ.

— Что-же, вы молитесь объ немъ? спросилъ вновь Государь.

— Молимся, когда по уставу церкви возглашаемъ: о создателяхъ и благотворителяхъ святаго храма сего, отвѣтилъ настоятель, ободренный ласковымъ видомъ Государя.

— Молитесь, молитесь! съ легкимъ вздохомъ произнесъ Государь и быстро вышелъ изъ церкви.

Это-то противорѣчіе повторявшееся изъ году въ годъ, людей вѣрующихъ, людей съ живымъ христіанскимъ чувствомъ наводило на мысль о неестественности анаѳемы, съ точки зрѣнія чистой идеи церкви, прежде окончательнаго суда Божія.

Такая именно мысль положена въ основу помѣщаемаго здѣсь рукописнаго произведенія, подъ заглавіемъ: *Вопль Мазепы.* По почерку, бумагѣ, языку и другимъ признакамъ оно принадлежитъ несомнѣнно началу нынѣшняго столѣтія. Неизвѣстный авторъ онаго безспорно малороссъ, но не мѣстный патріотизмъ его одолѣваетъ; его произведеніе чуждо всякой политической тенденціи, но его смущаетъ эта несообразность одной изъ торжественнѣйшихъ службъ церкви съ ея основнымъ духомъ и характеромъ, это противорѣчіе между возвѣщаемымъ ею ученіемъ мира и любви и изрекаемымъ ея-же устами проклятіемъ, подчиненіе высшаго авторитета церкви цѣлямъ земнымъ, предвосхищеніе вѣчнаго суда Божія. Не оправдать Мазепу въ его политической винѣ, но снять съ него тяготѣющее надъ нимъ проклятіе во имя высшей идеи христіанства, показать, что право окончательнаго суда надъ всѣми дѣяніями людей принадлежитъ одному лишь Богу и что судъ этотъ будетъ произнесенъ имъ лишь въ послѣдній день міра—такова цѣль автора и его основная мысль.

Но, выражая эту мысль прямо въ отвлеченной формѣ, нельзя было заинтересовать ею и убѣдить въ ней, а высказывая ее публично, можно было навлечь на себя серьезную опасность. И вотъ авторъ избираетъ для нея оригинальную форму всеподданнѣйшаго отъ лица Мазепы прошенія на высочайшее императора Александра I имя въ 7-ми пунктахъ; но это лишь рамка для другой, распространенной въ то время литературной формы «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ». Соединивъ обѣ эти формы, авторъ изображаетъ различныя состоянія души Мазепы, ищущей освободиться отъ тяготѣющаго надъ ней проклятія,—начиная съ перехода ея въ адъ по смерти и оканчивая воплемъ, обращеннымъ къ императору Александра о прекращеніи ежегоднаго публичнаго анаѳемствованія.

Слѣдя за развитіемъ основной мысли помѣщаемаго произведенія, нельзя не примѣтить въ авторѣ онаго наклонности къ мистицизму и сосредоточенія его вниманія на идеѣ безконечнаго величія, всемогущества и милосердія Божія, а это даетъ намъ поводъ къ предположенію, не принадлежалъ-ли авторъ къ разряду нашихъ мистиковъ первой четверти нынѣшняго столѣтія, группировавшихся въ значительно распространенномъ у насъ тогда обществѣ франкъ-масоновъ. На это указываютъ и мистическія названія для означенія

времени написанія, разгадать которыя мы не беремся. Филантропическимъ идеямъ и тенденціямъ этихъ мистиковъ въ особенности должны были претить не только мрачная обстановка, но и самая идея всенароднаго проклинанія Мазепы. Какъ-бы ни было, помѣщаемое произведеніе представляетъ характерное для того времени явленіе и значительный интересъ какъ по замыслу, такъ по оригинальности формы и художественности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сценъ. Къ сожалѣнію, списокъ, въ какомъ оно намъ досталось [1]), въ такой степени неисправенъ и поврежденъ безграмотностію переписчика, что мы съ трудомъ могли возстановить смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ, а иныя, правда, весьма не многія оставляютъ мѣсто для догадокъ. «Вопль Мазепы» по языку мало обработанъ, но мысль его вполнѣ согласная съ ученіемъ православной церкви, хотя и очень смѣлая для того времени. Читая его, невольно задумываешься надъ тѣмъ, какъ много соблазна и смущенія производилъ отмѣненный такъ недавно страшный обрядъ проклятія Мазепы и какъ много нужно было времени для того, чтобы онъ не омрачалъ болѣе свѣтлаго лика нашей церкви, никогда не посягавшей на то, яже суть Кесарева.

Пресловутый старѣйшина скиѳовъ, вожделѣнный повелитель славянъ, могущественный обладатель сарматъ, знаменитый монархъ варягъ и различныхъ языкъ, велелѣпный царь, въ подсолнечной великой вождь, святѣйшей картины зодчій, щастіе многихъ племенъ и народовъ, владыка россовъ и чадо неба, Александръ Павловичъ, скромнѣйшій вседержавнаго Бога рабъ!

Божіею милостію мы Іоанъ Мазепа, значный козакъ запорожского Коша, малороссійскихъ войскъ и обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ, приносимъ наше прискорбнѣйшее слово о проклятіи-анаѳемѣ.

1-е.

Бурный вѣкъ предпріимчиваго монарха Петра I-го, примѣрнаго предка вашего священнѣйшаго великодушія,—сей вѣкъ, гремѣвшій ве-

---

[1]) Списокъ этотъ найденъ въ бумагахъ моего дѣда, служившаго безсмѣннымъ ординарцемъ у фельдмаршала гр. Гудовича.—*С. Н. П.*

ликолѣпными трофеями, славный премудростію и коловратами, былъ страшнымъ каменемъ претыканія для тѣхъ сановитыхъ мужей, кои гордый духъ неустрашимаго Скиѳа, надменное невѣжество блаженныхъ предковъ, по грубымъ обычаямъ всечтимой древности, дерзнули побороть своею важною упругостью: зане презрѣніе вводимыхъ обрядовъ, кунно и приверженность къ прародительскимъ, тяжки были для того мощнаго Волхва, который все напредки по новому чаровалъ. Да будетъ Сынъ Единородный доводомъ сея истины!

2-е.

Обязанъ остаюсь моимъ достоинствамъ, что на высокую степень гетманства возведенъ. Народъ вольный, избранный, принуждавшій нѣкогда трепетать саму столицу эллинъ, найпаче во времена славныхъ князей Аскольда и Олега, наконецъ самъ своею силою исторгшійся изъ власти полякъ, какъ славный гетманъ Хмельницкій подвизался,—сей народъ избралъ меня своимъ домовладыкою, почтилъ блюстителемъ его вольности и вождемъ. Зри чадо неба, Александръ! яко гетманъ знаменитѣе былъ искони, нежели конечные булавы пріемники. Однакожъ чары готовились для отравы уставовъ націи; уже три грозніе мечи висѣли надъ нещастною Палестиною, угрожая трескомъ и бурею все опрокинуть. Дѣйствительно, невовремень учинился гетманомъ, по крайней мѣрѣ совѣсть меня не угрызаетъ—возненцевалъ соблюсть мой долгъ къ отечеству! О любезное отечество! ты еще не погибло. Въ это смутное время роковой опалы право сильнѣйшаго доказано лезвіемъ меча, и жизнь моя, всѣхъ бѣдствій наполненная, влачилась, какъ жизнь самого неключимаго смертнаго. Уже въ нѣдрахъ смерти и въ хладномъ гробѣ чая найти свое спасеніе, приближился я къ непостижимому гнѣву. Не какой ужасный призракъ возмутилъ мою душу! Увы; се демонъ геенны, поражаяй гремящею анаѳемою, низвергъ меня мгновенно въ преисподнюю бездну тартара. Обрушиваясь, подобно камню, съ вершины крутой горы въ пропасть низверженному, и какъ-бы непомѣрною силою бросаемый и ударяемый, низринулся я наконецъ въ ту страшную пучину ада, гдѣ чорныхъ тѣней смутный шорохъ, гдѣ рѣзкій свистъ кромѣшныхъ духовъ, гдѣ мракъ густой, гдѣ звукъ глухой раздавался... Дрожащая моя душа оцѣпенѣла, повергаясь изъ трепета въ ужасъ.

3-е.

Но не должно представлять тартара въ такомъ состояніи, какъ преданіе черноризцовъ корапуловъ завѣщаетъ. Точно,—путь труденъ; найначе-же то вѣрно, что быть не можетъ иначе, какъ только такъ, какъ оно есть;—князь тьмы, вельзевулъ, преугрюмое и звѣрообразное чудовище есть; однакожъ самый разсудительнѣйшій духъ, какова только желать можно въ преисподней. Принявши меня съ княжескою гордостію, какъ я къ нему представленъ былъ, тотъ часъ просмотрѣлъ бумаги моего дѣла, проникъ во все дѣйствіе и причины моральнаго и политическаго вкуса, наконецъ все рѣшилъ безъ всякаго пристрастія, даже безъ волокитъ и убытковъ.—Почтеннѣйшіе государи, мудрѣйшіе философы, знатнѣйшія особы, всѣ проклятіемъ анаѳемы сюда низверженные токмо за несоблюденіе правилъ сухоядѣнія, на коихъ будтобы всѣ грѣхи глупой черни висятъ, въ минуту, по моемъ оправданіи, окружили меня; тѣни самыхъ лучшихъ людей, предлагая мнѣ свою дружбу, свои свѣтлые сѣни и мѣсто на мой собственно выборъ.

«Пребудьте съ нами, говорили они мнѣ, вамъ тутъ не случится ни малѣйшаго неудовольствія,—въ учрежденіи здѣшняго предѣла царствуетъ преудивительный порядокъ и свѣтъ, кои должны-бы служить спасительными средствами для всѣхъ страждущихъ болѣзнію законорожденія; вы съ нами будете веселиться вѣрнѣйшими наблюденіями, восхищаться красотою истины, для препровожденія времени смѣяться надъ худымъ вкусомъ духовныхъ.

Потомъ спросили: что слышно въ большомъ кругѣ? нѣтъ-ли чего новаго? Есть-ли прибыль въ людяхъ? Есть-ли хорошіе вожди, министры, судіи, словомъ: сыны отечества, или только слѣпіе рабы распутныхъ женщинъ, безмѣрнаго корыстолюбія и роскоши?

Нѣтъ, отвѣчалъ я; нынѣ все течетъ по правиламъ самаго новѣйшаго просвѣщенія: министръ, напримѣръ, самую малость дѣлаетъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ и—прожахъ дастъ, а кто всего желаетъ и ничего не дѣлаетъ, кто много получаетъ и недоволенъ, тотъ есть всеученнѣйшій мудрецъ и членъ всѣхъ факультетовъ, и тотъ слыветъ преблагополучнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, кто, бывъ отъ кого кругомъ облагодѣтельствованъ, содѣлается первымъ злодѣемъ своему бла-

годѣтелю, какъ и я на своихъ ближнихъ испыталъ.—Вообще должно говорить о порокахъ всѣхъ и каждаго порознь, превозносить свои достоинства, хотя-бы ихъ совсѣмъ и не было, притомъ дойти къ искуству безъ языка продолжать рѣчь, не слушать разумныхъ.

Сей часъ спросили меня къ его темнѣйшей свѣтлости. Князь вельзевулъ, который, препоруча мнѣ дѣло вольности прокладныя (?), попадѣясь на замѣченныя имъ во мнѣ способности, требовалъ представить ему изъ многихъ бумажныхъ книгъ одинъ краткій экстрактъ. Не нужно писать здѣсь причинъ, почему дѣло сіе не досталось другимъ дѣльцамъ; довольно напомянуть и объ однихъ его предметахъ, кои заключали: взялъ откупы, подряды и таможни, гдѣ тьма тѣней замѣшаны. . Мытарь треблаженній не закроетъ ни кучами золота, высосаннаго изъ жилъ народа, и тѣхъ улыбкою сопровождаемыхъ ужимокъ, которые никакъ несносны! Но при семъ случаѣ толикое показалъ я безпристрастіе, что его темнѣйшая свѣтлость князь вельзевулъ не могъ не отдать мнѣ всей справедливости, ко удивленію всего ада и духовъ, смякнувши въ мигъ важности моей услуги. Я тотъ часъ палъ на колѣни предъ княземъ тьмы, вопія:

— Всесильный тартара духъ! воззри на мою сердечную горесть и виждь, съ коликимъ поношеніемъ влачатъ мое имя по стогнамъ градскимъ и божницамъ! Подай мнѣ жезлъ твоей непреоборимой помощи, да моя упилая душа потечетъ къ вседержавному Богу боговъ, дабы пролить предъ нимъ свое теплое моленіе, да никто не поучится во адѣ тщетнымъ!

— Егоже силы трепещутъ! возгласилъ князь тьмы вельзевулъ —Стремись къ нему со страхомъ и любовію, понеже онъ есть общій Богъ и Зиждитель. Се ввѣрено тебѣ носить тайну непостижимыхъ судебъ, могущую тебя на самомъ небѣ спасти. Шествуй ужъ, когда рокъ твой тебя влечетъ.

Рекъ и двинулъ отъ запада къ востоку, гдѣ лазуревая денница златымъ свѣтомъ возблистала.

4-е.

— Разруши крѣпкіе заклены суемудрія, Богъ боговъ! Къ тебѣ весь душею моею стремлюся, подобно орлу, на высотѣ въ полной свободѣ

парящему. Распростри мысленныя крылья моего смятеннаго разсудка!

Мню зрѣть самую средоточность, однакожъ въ тускломъ свѣтѣ; но предпринимая противъ буйнаго недоумѣнія брань, облекшись въ доспѣхи моего разженнаго воображенія, спѣшу подвизаться на открытое поприще, явиться предъ небомъ, тамъ въ жертву воскурить чувства благочестія, отсель превыше небеснаго круга вознестися, превыше висящаго надъ самымъ небомъ океана, стремлюсь въ тѣ превиспренніе страны міра, паря въ тѣхъ солнечныхъ предѣлахъ немерцаемаго свѣта, гряду въ тѣ самые чертоги лучезарніи, гдѣ свѣта тьма не объемлетъ, гдѣ живетъ всевышній Богъ...

— Стой, дерзновенный духъ! претя, грозно кликнулъ Архистратигъ вышнихъ силъ въ багропервагомъ шлемѣ, блестящей бронѣ, съ пламеннымъ мечемъ блящій: здѣсь со страхомъ благоговѣй, или тебя огнь поястъ!

— Страшусь и трепещу, возгласилъ я предъ нимъ, воззвать къ ветхому деньми Владыкѣ: Отче, разсуди боги въ ихъ суетномъ сонмѣ! се мятутся о твоемъ бытіи, се тварь на тварь посягается, прейдя уставы святыя вѣчности, — ужель въ самой урнѣ смертной тѣнь и прахъ не почіетъ? Суди строго и наказуй, но предѣлы въ вѣрѣ положи...

Вдругъ пламенные врата горняго града разверзлись, куда мнѣ звѣздный путь открылся.

— Богъ есть сей, возлюбленный пришлецъ, вѣщалъ мнѣ единъ отъ старецъ, во свѣтоносную ризу облеченный; почто всуе мятешься? Богъ есть существо непостижимое, невещественное, все объемлетъ, все живитъ, духъ никѣмъ невидимъ, неудобъ созерцаемъ свѣтъ, умъ, Онъ былъ и будетъ вѣчно, въ небесахъ ли пребывая, въ дѣяніяхъ ли видимаго міра пресмыкаясь, или паче въ нѣдрахъ ада водворяясь, есть едино и тожъ, зане адскій огнь Его не опалитъ, ни въ единой клѣтѣ не можетъ заключиться, сюже вы умудряетесь, — занеже отъ мнѣнія все зависитъ, — святость не отъ мѣста почерпаетъ, ни мѣсту оную сообщаетъ, вси-же предѣли Его суть, не можетъ Онъ покориться вашимъ желаніямъ и чувствамъ. Не Онъ-ли низложилъ жертвы, навѣтами обуреваемые? Не можетъ убо взирать и на лживія блага; но ни гнѣву непричастенъ, ниже въ тѣхъ завѣтахъ обитаетъ, кои зловоніемъ курятся; о

неотметающихъ Его бытія столь-же много сѣтуетъ, сколь много ихъ вѣрами гнушается. Не можетъ онъ изъ Бога боговъ учиниться рабомъ пристрастныхъ душъ, нижайшія должности на Него возлагающихъ? Онъ всемѣрно мужъ, пребываетъ много выше всего, чтобъ мѣлочей не презирать. Почто вы праваго сердца чувства отметаете? Почто умерщвляете совѣсть? Гласъ разумнѣйшей твари—гласъ природы и истины, дарованніе вамъ свыше, виждь въ умѣ.

— Свѣтъ во тьмѣ свѣтящійся, егоже зря не вижу, возвалъ я къ свѣтоносному собесѣднику; но небесный старецъ, златымъ перстомъ помавая, скрылся въ свѣтло-огненныхъ облакахъ, а духъ буренъ промчался, разливая блескъ молненосныхъ лучей. Вдругъ съ ужаснымъ трескомъ громы грянули, то вселенная вышнему Богу, мню, *Осанна* рекла.

5-е.

Гроза престала, молнія утишилась, буря утихла, возсіялъ новый свѣтъ въ возобновившемся естествѣ. Вотъ гдѣ воля сильнаго не могла никакъ доказать своего права! Духъ движетъ, промыслъ распоряжаетъ. О, душа мудраго, чувствительнаго душа! продолжай смятеніемъ и ужасомъ при видѣ сихъ страшныхъ перемѣнъ и явленій. Пускай ихъ возчувствуютъ свою бренность, свое ничтожество!

По семъ простиралъ я взоръ мой по водамъ превыше небесъ разливающимся. Зрю нечаянно новую красоту естества: уже всѣ брежи морскихъ зыбей суть гладкіе, отъ сіянія лучей сребристо блестящіе; весь погружаюсь въ сію прозрачную матерію; повергаюсь въ самую пучину сей жидкой стихіи; протекаю глубину всей бездны волнъ, тщусь предолѣвать невозможности и препоны, чтобъ, сошедъ въ средній небесный ярусъ, устремить на ту область вожделѣнную свое око, съ коей малымъ лишь клубомъ представляется кичливая земля,—гдѣ святую жизнь въ садахъ имѣть всѣ чаютъ, гдѣ процвѣтаетъ прекрасный рай! Я шествовалъ по пути уже, къ райскимъ святилищамъ ведущему, которой усаженъ былъ ароматными деревьями, уже готовился шагнуть чрезъ прагъ, какъ стражъ сихъ мѣстъ воззвалъ ко мнѣ.

— Печать судебъ, на персѣхъ твоихъ зримая, являетъ въ тебѣ дивнаго пришельца и странника; но гдѣ едины блаженны водворяются,

кои точію гряды гредятъ въ вертоградахъ, въ чаяніи будущихъ благъ, грядущаго никто не вѣдаетъ. Когда земля огнемъ или вдругъ вся вселенная обрушится для блаженныхъ возмездія, что послѣ и какъ сбудется, никто того или ничего не знаетъ, ни стихотворцы, ни философы, ни богословы, ниже политики, Ангелъ только велика совѣта съ возлюбленнымъ своимъ напе стникомъ разсуждаетъ о началѣ и концѣ...

— Персть мнитъ быть тѣнію, продолжалъ старецъ, тѣнь чистымъ духомъ, духъ пріятнѣйшимъ ангеломъ, ангелу остается Богомъ быть: никто своею частію не доволенъ, всеобщее зрится послгательство на законъ вещей. Содѣтель міра! самый порядокъ насилуется смятеніемъ: яко хлѣба недородъ, зима и лѣто не во время, весна осенью, а осень весною случается...

Еще по нѣкоторой бесѣдѣ съ симъ древностью лѣтъ согбеннимъ мужемъ о величіи зла и безсиліи добра, наконецъ предпринялъ я въ крайнее небо продолжать путь, ступая уже по хребтамъ вѣтровъ и облакамъ.

6-е.

Ряды длинные шатровъ, украшенныхъ развѣвающимися хоругвями, множество превысокихъ ледяныхъ обелисковъ и колоссовъ мгновенно представилися моему взору на томъ небесномъ сводѣ, который праведнымъ небомъ смертными нарицается, который съ небреженіемъ разбросанными по немъ звѣздами самихъ умнѣйшихъ въ безуміе повергаетъ пышнымъ великолѣпіемъ. Но, прошедъ стражу сего стана, по вопросѣ и отвѣтѣ, какъ уставъ рыцарей гласитъ, спѣшилъ я въ отличный, узорочными цвѣтами и знаменами наметъ, на косогорѣ сѣдыхъ облаковъ гордившійся. Внутри онъ украшенъ былъ дивно составленными изъ дождевыхъ капель колоннами, въ коихъ свѣтились искры, никакому примѣру не подобны. Въ шатрѣ Владиміръ съ Борисомъ-Переяславомъ смѣялся надъ печенѣгами, Мономахъ разсуждалъ съ угрожаемымъ совѣстію Юріемъ, Грозный думалъ, опершись на долбню, Мининъ обличалъ Пожарскаго въ притворной болѣзни, Годуновъ нѣчто разсказывалъ Андрею, пріятно Алексѣй съ Хмельницкимъ разговаривалъ, Федоръ окруженъ былъ многими слушавшими его съ почтеніемъ, Петръ держалъ въ рукѣ чертежъ, бесѣдуя съ Ярославомъ и другими, какъ я

могъ замѣтить, о бывшей власти еллинскихъ патріарховъ надъ Великою Скифою. Во истину въ такомъ состояніи было все собраніе, когда вошелъ я въ сей большой шатеръ, въ коемъ были на многихъ мѣстахъ поставленны софы, изъ самого мягкого инея здѣланніе, на которыхъ Матвѣевъ и протчіе сидѣли и разговаривали каждый въ своемъ кругу! Петръ, увидя меня, удивился и громко захохоталъ.

— Мазепа! какими судьбами? сказалъ и—съ распростертыми руками приближался, охотно желая меня обнять.

Я также спѣшилъ къ нему подойти ближе, однакожъ мое проклятіе соединиться въ семъ препятствовало. Мы тутъ болѣе напрягаемъ свои силы, но тѣмъ только всѣхъ привели во удивленіе. Я горько возрыдалъ; самъ Петръ прослезился.

— О, ты мой сильный побѣдитель и герой! съ плачемъ и слезами молвилъ я; виждь слѣдствія твоего жестокаго мщенія. Ужели тотъ вѣчнымъ врагомъ почитаться долженъ, кто не успѣлъ тебѣ зла произвесть? Не долженъ-ли Карлъ сугубо быть проклинаемъ, когда разсѣялъ твои силы горстію своихъ воевъ? Или одинъ только слабый долженъ всякую гибель влачить? О, Петръ! подлинно буди такъ великодушенъ, какъ ты великъ! Ежели мало хилились вѣсы нещастныхъ обитателей моихъ мѣстъ? Ежели мало проклинали меня сіи злополучныи семейства, которыя долго терпѣли саміе убійственніе издѣвки?

— Какъ? прервалъ Петръ мою рѣчь; неужели и самое просвѣщеніе, въ новую эпоху разлившееся, не расторгло веригъ бывшаго заблужденія?

— Заблужденіе дѣйствуетъ въ умахъ равно, какъ и прежде,—со вздохомъ продолжалъ я.—Увы! куда-бы духъ мой не обратился, вездѣ преслѣдуетъ его проклятіе и адъ: тѣнь-ли моя пренесется въ тѣ мѣста, въ которыхъ я свою злополучную жизнь провождалъ, вездѣ видитъ пустыню, развалины и печаль; душа-ли моя проникаетъ въ храмы, обители и олтари, моимъ собственнымъ попеченіемъ, моимъ иждивеніемъ сооруженніе, по любви къ вѣрѣ и Богу, вездѣ моя имя находитъ въ мрачномъ закоснѣніи,—вездѣ по немъ молитъ іерей *о создателѣ храма* въ приносимыхъ Богу жертвахъ и служеніяхъ, но потомъ ругательствомъ и поношеніемъ уже въ самомъ ничтожествѣ убиваетъ; воспаритъ-ли мой умъ къ своей силѣ бытія въ мірѣ, тутъ

узы меня связующія не позволяютъ предстать и приближиться... ахъ! къ источнику моего начала приближиться не позволяютъ. Глухая, мрачная могила трясется, самый хладный гробъ трепещетъ, самая бездушная персть дрожитъ и цѣпенѣетъ при тяжкомъ гласѣ безчеловѣчной анафемы. Уже и время своею желѣзною рукою все изгладило; только сія безбожная месть существуетъ. О, Богъ боговъ..

Весь станъ поколебался при воззваніи сего имени, всѣ вздрогнули и смутились, многіе воздыхали и плакали.

Прокоповичъ, проливающій слезы, Петръ! воззвалъ, зри укоризну отъ дѣйствія, въ первомъ движеніи гнѣва исторгшагося! Какъ политика моя, на правотѣ моей души основаная, и слава великихъ дѣлъ съ совѣстью о гнѣвѣ и мщеніи пойдутъ неразлучно. Боже, твое всевидящее око зрѣло мое сердце, что я никогда не простиралъ моего права на преставльшіяся души! Какой свѣтъ о семъ здѣлаетъ заключеніе! Какая польза для монарха въ раболѣпныхъ восклицаніяхъ безъ разума истины! Такъ единая черта справедливости столь-же разительна, сколь убѣдительна капля слезъ чувствительностію изліянная. О, сколь драгоцѣнна любовь къ ближнему! Но сіе не удивительно, ибо любовь къ недругамъ есть милліонъ разъ величественнѣе. Вотъ что рѣдко!

— О, нещастный Мазепа! продолжалъ Петръ, съ видомъ, свое прискорбіе изъявляющимъ, я хотѣлъ, всею душею желалъ тебѣ нынѣ пособить, однакожъ никакой возможности не имѣю. О, сколь раскаяніе справедливо быть можетъ, яко единъ Богъ есть судія умершихъ! Но, заклинаю тебя святѣйшою истиною, предстань ты къ младому вѣнценосцу въ моемъ градѣ, предайся во всемъ на его волю! Онъ такъ здравымъ разсудкомъ старъ и своимъ благоразуміемъ удивляетъ, что безъ сомнѣнія приметъ и сіе дѣло безъ всякаго предубѣжденія.

По семъ бросился Петръ на софу и погрузился въ глубокое размышленіе, а прочіе объяты были волненіемъ, сокрушеніемъ и печалью. Константинъ мудрый, видя мое изнеможеніе, подошелъ и возпомоществовалъ моему выходу изъ шатра, ибо сила отражательно не дѣйствуетъ между не имѣвшими вражды существами.

— Рыдая, знаменитый потомокъ пресловутого монарха! вѣщалъ я ему: жизнь твоя на земли угасла, какъ свѣча, среди рыданія и слезъ

самыхъ почтеннѣйшихъ мужей и старѣйшихъ всѣхъ градовъ, тобою предъ кончиною для наставленія и увѣщанія созванныхъ; и ты на семъ почитаешъ свое повелѣніе взять изъ дому при своихъ глазахъ все то, что было кому назначено тобою, дабы между ими и послѣ твоей смерти никакихъ споровъ не произошло.

— О, другъ мой! ты глубокомысліемъ своимъ простерся очень...

Мгновенно громогласнія трубы возтрубили, кимвалы, тимпаны, литавры, свирѣли, рожки, флейты, барабанный бой—все вдругъ возгремѣло, и славные легіоны съ Сѣвера двигнулись, хоругви радужнія, взводы странныхъ вой, шагъ разомъ сдѣланный воздухъ колеблетъ, небо въ удивленіи, тристаты, грозно повелѣвающія, цвѣтъ мужества и юности составляютъ; предшествуетъ имъ Павелъ на рьяномъ конѣ, конь гордо выступающій, главою крутитъ, брождами звучитъ, брозды бурно опеняя, ржетъ и гарцуетъ. Тотъ часъ предсталъ на рыцарскую площадь Румянцевъ, приглашая Павла въ предъреченный шатеръ на вечеръ. Онъ, узря меня, спросилъ: кто и за чѣмъ? Я началъ рѣчь о томъ свѣтѣ и прошелъ къ героямъ въ сонмъ. Тутъ жаднымъ окомъ обозря легіоны, направилъ мой путь къ одному предмету, который горняя небесъ и преисподняя вмѣстѣ соединяетъ, отколь зрится сводъ небесный, важно долу нависящій, гдѣ нерѣдко сѣверное сіяніе блещетъ, гдѣ столпы огненные рдѣлись, разливая на полѣ неба яркій свѣтъ. О, великая дщерь Вышняго, непостижимаго—природа! дисъ видя сіе величественное знаменіе, дабы снити на кругъ земный, помоги мнѣ въ твои таинства углубиться, на лоно вселенныя возлегши.

7-е.

Рокъ гетманства нашего болѣе влечетъ къ себѣ соболѣзнованіе, нежели мщеніе, проклятіемъ сопровождаемое; производимое симъ дѣйствіемъ политики впечатлѣніе, оскорбляющее Бога и гетманство, волнующее чувства и предосуждающее просвѣщенія монархіи, равно было не совсѣмъ убѣдительно для буйхъ, какъ-то время показало. Провидѣніе въ свою чреду повергается въ затрудненіе: карать-ли проклинаемыхъ торжественнымъ восклицаніемъ, или миловать ихъ, внимая мольбамъ тѣхъ-же устъ. Единой только слѣпоты потребно, чтобъ не видѣть соблазна и дерзновенія предъ всего святѣйшимъ предметомъ. Блаженъ, кто не-

возгордится въ семъ мірѣ; но тотъ сто кратъ счастливѣе, кто можетъ сдѣлать добро и дѣлаетъ! *(Пропускъ)*... и дабы всечтимаго вашего святѣйшаго великодушія мгновеніемъ, пройдя выше сего слабо изображенные сильные доводы, повелѣно было храмы и олтари изъ вертепа и казни обратить въ домъ молитвы и жертвы. *(Пропускъ)*... Яко тайное повелѣлъ содѣлать явное, яко уже и тоосты (sic) скоропись ніе благоволилъ всѣмъ великодушно разрѣшить, дабы безъ ужаса каждый открылъ предъ тобою своихъ талантовъ кивотъ, яко стыдъ и укоризну напосящую, притворяую гидру указалъ изгладить изъ памяти человѣческой, яко древніе грѣхи завѣщалъ омыть въ новой купелѣ избраннаго Силоама, дабы всѣ вновь погрузились въ святость нелицепріятную, дабы вновь явились, омывшись, въ твой вѣкъ. О, жрецъ Бога вышняго! О, ты защита мужественная человѣчества! молю тебя всѣми святѣйшими обѣтами, такъ мнѣ вдохни своими свѣтлыми и непомраченными, вдохни своими зрѣлыми мыслями, яко вдохнулъ въ изгнаніи забвенному человѣчеству добрый духъ. Духъ горящей любви тебя великимъ нарицаетъ: воскреси, мню, Лазаря столѣтняго! Охъ, да сей убѣдительный вздохъ, сей вздохъ человѣчества, да проникнетъ въ глубину твоей души, да сія слава сострадательная канетъ на твое нѣжное сердце. Воззри на судъ прозорливымъ окомъ; прорцы глаголъ и гласъ твой будетъ услышанъ въ вѣчности, подобно шуму водъ многихъ.

Велелѣпнѣйшій царь! просимъ вашего святѣйшаго великодушія наше сіе гетманское слово судить, какъ пастырю подобаетъ. Разсуди убо его, какъ монархъ; разсуди, какъ чувствительнѣйшій человѣкъ; разсуди, какъ благословенный сынъ отечества; суди еще, какъ ангелъ благодатный, коего въ изступленія обожающій міръ, щитомъ твое имя воспріемля, славу, яко рогъ, вознесетъ!

Къ подачѣ надлежитъ въ нелицепріятный синклитъ, соглядающій образъ мыслей давно прошедшаго времени, основанный на святѣйшихъ правилахъ добродѣтели и благоразумія. Вѣка девятаго, въ лѣто третое надесять отъ возстановленія свѣта послѣ потопа, подъ небеснымъ знакомъ Полкана, въ день луны.

Сообщ. **С. Н. И.**

ПИСЬМА ГРАФА АРАКЧЕЕВА КЪ Г. И. ЛИСАНЕВИЧУ.

(1817—1820).

Предлагаемыя вниманію читателей «Кіевской Старины» письма гр. Аракчеева найдены нами въ семейныхъ бумагахъ Н. И. Хорвата, жительствующаго въ селѣ Шамовкѣ александрійскаго уѣзда херсонской губерніи. Григорій Ивановичъ Лисаневичъ, на имя коего адресованы всѣ 23 письма, находился въ какомъ-то родствѣ съ Хорватами, чѣмъ и объясняется настоящая находка. Лисаневичъ, впослѣдствіи одинъ изъ помощниковъ графа Аракчеева въ дѣлѣ заведенія и поддержанія военныхъ поселеній на югѣ Россіи, происходилъ (род. 1758 г.) изъ шляхетскаго рода, вышедшаго изъ Польши, принявшаго православіе и поступившаго въ русское подданство. Служебную карьеру свою началъ онъ въ елисаветградскомъ пикинерномъ полку, въ 1808 г. назначенъ шефомъ чугуевскаго уланскаго полка, а въ 1814 г. командиромъ 3-ей (послѣ 2-й) уланской дивизіи, которая въ 1817 году водворена въ районѣ бывшей слободской Украины. За разныя военныя дѣла Лисаневичъ неоднократно жалованъ былъ знаками Высочайшей милости, также арендами и имѣніями. Земельныя владѣнія его находились въ александрійскомъ и елисаветградскомъ уѣздахъ херсонской губерніи; но въ 1820 году въ нихъ считалось всего 38 душъ крестьянъ, хотя одно елисаветградское имѣніе на р. Сугаклеи Камышеватой, при оврагѣ Вербовомъ, было мѣрою въ 760 десятинъ. Въ 1820 году, января 21-го, Лисаневичъ получилъ по прошенію отставку съ мундиромъ, пенсіей въ 2,160 р. въ годъ и наградою въ 10,000 р.

В. Я.

I.

С.-Петербургъ, 18 декабря 1817 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Я долго не отвѣчалъ вашему превосходительству на письмо ваше отъ 25 октября, потому что былъ боленъ и все хотѣлъ послать къ вамъ по дѣламъ службы особаго фельдъ-егеря, коего при семъ къ вамъ и посылаю. Я никогда не лгу никому, слѣдовательно и вашему превосходительству: буду писать истинную правду;—честность ваша, доброе сердце и почтенные лѣта ваши всякаго обязываютъ васъ почитать, а кольми паче меня, который имѣлъ честь служить съ вами, милостивый государь, то будте спокойны, что естли и надобно будетъ вамъ перемена изъ нынешняго вашего места, то конечно всемилостивѣйшій вашъ государь уважитъ вашу службу и вы будетѣ уволены смилостью, которую вы заслуживаетѣ, но теперь я ничего еще вамъ по оному не могу сказать.

Съ истиннымъ почитаніемъ, дружбою и чистосердечною привязанностью пребуду навсегда вашего превосходительства покорный слуга.

Гр. Аракчеевъ.

II.

Москва, 4 февраля 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Ваше превосходительство согрешитѣ объ насъ съ государемъ, естли вы будетѣ недовольны посылаемымъ особымъ слѣдователемъ отъ государя г. майора Ильина и подполковника Кочубея, ибо государю угодно вывести присланные кнему прозьбы формальнымъ образомъ, и послѣ уже положить навсегда преграду пустымъ прозьбамъ. Государь императоръ приказалъ мнѣ написать къ вашему превосходительству, дабы вы изволили и сами, естли вамъ угодно, находится при разборѣ сего дела, и что отъ васъ ничего не можетъ быть скрыто. Но государю хочется уверится въ сихъ делахъ, что точно ли онѣ идутъ надлежащимъ порядкомъ и ему непременно желательно, дабы новые военные поселянѣ не были ни откого телесно наказываемы. Потомъ уведомляю васъ, милостивый государь, что я располагаю послѣ 25 марта выехать изъ Москвы, и

ехать чрезъ Харьковъ прямо къ вамъ; почему и прошу уже ваши дела съ 1 марта остановить присылкою ко мнѣ до моего въ вамъ пріезда. Двухъ-недельные-же государю рапорты извольтѣ послѣ 20 февраля надписывать въ Варшаву и надобно на оныхъ конвертахъ надписывать во первыхъ *въ собственные руки*, а во вторыхъ *по поселенію войскъ*, что и наблюдать при всякомъ отправленіи къ государю конвертовъ.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

III.

Москва, 15 февраля 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Его императорское величество изволилъ также проговариваться объ отпускѣ вами полкового командира борисоглебскаго уланскаго полка полковника кн. Абамелика, что сіе такъ-же кажется зделано не во время, потому что при новомъ устройствѣ полковъ и по возникшимъ безпорядкамъ полковымъ командирамъ не по отпускамъ и столицамъ следуетъ разъезжать, а заниматся более въ своемъ округѣ поселенія распорядкомъ, а господинъ кн. Абамеликъ, уехавъ въ отпускъ, доказываетъ, что онъ очень мало думаетъ о устройствѣ полка, а таковыхъ командировъ и терпеть вашему превосходительству не следуетъ, да еще онъ госп. кн. Абамеликъ и въ проездъ свой чрезъ Москву не явился ко мнѣ. За отпускомъ-же кн. Абамелика остался въ полку старшимъ полковникомъ Бистромъ [1]), о коемъ вы известны отъ его высочества цесаревича, что онъ такъ-же служить не охотникъ, следовательно все оные соображенія и даютъ дурной видъ управленію нашего поселенія. Я надеюсь, что къ моему пріезду все господа штабъ и оберъ офицеры будутъ уже при полкахъ. Да прошу ваше превосходительство надписывать на всехъ вашихъ пакетахъ какъ къ государю императору, такъ даже и ко мнѣ *по поселенію войскъ*, ибо ваша канцелярія сего не наблюдаетъ и государь онымъ недоволенъ. Какъ вы нынѣ будетѣ

---

[1]) Не разборчиво.

полумесячные свои рапорты отправлять къ государю въ Варшаву, то въ оное-же время прошу присылать ко мнѣ копіи, дабы я могъ знать въ одно-же время, что у васъ происходитъ. Я вамъ откровенно скажу, что государь недоволенъ, что у васъ начались такіе беспорядки и вамъ и гг. бригаднымъ командирамъ надобно старатся скорее оные прекратить.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ

IV.

Москва, 25 февраля 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Письма вашего превосходительства отъ 9, 15 и 20 февраля мною получены, изъ коихъ первые два представлены были въ оригиналѣ государю императору, изъ коихъ его величество усмотревъ ваше опасеніе въ спокойствіи жителей, приказалъ мнѣ отвечать вамъ, милостивый государь, что имея четырѣ вооруженные регулярные полка и двѣ роты артиллеріи, лехко можно удерживать порядокъ между крестьянами не вооруженными, а потому и не находитъ надобности располагать пехоту, а должно старатся не допускать до первоначальныхъ причинъ къ беспокойствамъ и не приступать ни къ какимъ переменамъ и учрежденіямъ, не принявъ прежде предостерегательныхъ меръ, а въ противномъ случае лутчѣ оное предоставлять времени, нежели делать оное на удачу, какъ и самое возмущеніе жителей таганрогскаго полка последовало отъ привода ко вторичной присяги выбранныхъ членовъ ескадронныхъ комитетовъ, что-бы самое могло быть еще отложено впредь до удобнаго времени, чрезъ что самое бы и не последовало сихъ беспорядковъ. Все-же перемены и распорядки должно въ водить не въ другъ во всехъ полкахъ, а исподволь въ одномъ полку или еще въ одномъ эскадронѣ, а потомъ въ другомъ и далее, тогда, при производствѣ онаго, всегда можно иметь въ близи и готовые эскадроны на случай какого либо беспорядка, чемъ самымъ и самой беспорядокъ предупредится. Я надеюсь быть у вашего превосходительства въ первыхъ числахъ апреля и все затрудненія объяснить общимъ нашимъ съ вами разсужденіемъ

на мѣстѣ. До этаго-же времени я надеюсь, что вы изволитѣ принять такіе меры, чтобы было покойно въ округахъ военнаго поселенія и дабы жители занимались своими домашними работами, имея строгой присмотръ за теми людьми, кои-бы вздумали подстрекать жителей къ какимъ либо возмущеніямъ, коихъ следуетъ брать подъ караулъ и содержать въ г. Зміевѣ, или даже и въ г. Харьковѣ. Его императорское величество очень занимается положеніемъ нашихъ делъ, то и прошу покорно 13 числа марта отправить нарочнымъ курьеромъ донесеніе ваше о состояніи военныхъ округовъ на имя государя, а равно и меня подробно обо всемъ уведомить, что будетъ происходить съ дня отъезда г. м. Ильина до отправленія курьера, коего прислать ко мнѣ непременно къ 20 марту въ село мое Грузино (Далѣе гр. Аракчеевъ проситъ выслать на встрѣчу себѣ въ г. Орелъ генералъ-майора Александрова и заготовить квартиры въ Зміевѣ и прочихъ мѣстахъ, въ каждомъ округѣ поселенія. Слѣдуетъ подпись)

V.

Станція Бронницы. 26 марта 1818 г.

Господину генералъ-лейтенанту Лисаневичу!

Донесеніе ваше отъ 14 марта я сего числа на дорогѣ изъ Новагорода въ Москву чрезъ курьера, присланнаго отъ гражданскаго харьковскаго губернатора, получилъ, и рапорты вашъ и его губернатора, на высочайшее имя ко мнѣ присланные, отправилъ къ государю императору въ Варшаву, самъ-же я продолжаю дорогу въ Москву, гдѣ не остановлюсь нисколько, а поеду далее къ вамъ въ Харьковъ. На счотъ случившагося непослушанія въ економической волости савинской, то сто дело обыкновенное и часто случающееся въ другихъ местахъ, но только я прошу покорно вашего превосходительства иметь у себя въ виду округи военнаго поселенія, дабы изъ оныхъ не вывести много действующихъ ескадроновъ и темъ самымъ не дать способа и нашимъ военнымъ поселянамъ присоединится къ симъ савинскимъ бунтовщикамъ, ибо лехко статся можетъ, что нарочно сіе постороннее беспокойство начато, дабы разделить военные силы и потомъ вездѣ произвесть беспорядокъ;— гражданскій-же губернаторъ можетъ требовать войска особые отъ по-

селенныхъ въ сію волость, почему и прошу васъ сію бумагу мою дать прочитать господину гражданскому губернатору, потому что я особо кнему не имею способа писать по нахожденію моему въ дорогѣ. Самую же мою бумагу по протченіи прошу въ канцелярію вашу не оддавать а убрать ее у себя, дабы она никому не была известна.

Г. Аракчеевъ.

VI.

Вознесенскъ, 6 мая 1818 г.

(Послѣ обычныхъ словъ обращенія, благодаритъ Лисаневича за ласковый пріемъ, упоминаетъ о вновь купленной лошади).

Здѣсь у графа Витта государь императоръ отмѣнно былъ доволенъ, что вамъ на словахъ раскажетъ вашъ адъютантъ, надобно и вамъ до онаго доходить непременно, ибо теперь государь, видя здесь, что все идетъ хорошо, будетъ у васъ еще строже требовать; прошу меня чаще уведомлять и старатся держать въ рукахъ вашихъ строже господъ командировъ и взыскивать снихъ, а кому неугодно, то могутъ итти прочь, и здесь несколько полковыхъ командировъ гр. Виттъ переменяетъ, то есть всехъ техъ, которые не любятъ поселенія, а любятъ свою економію.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

VII.

Воронежъ, 27 мая 1818 г.

Пріѣхалъ нарочно ранѣе въ Воронежъ, дабы имѣть время отвѣчать вамъ, милостивый государь, на собственноручное ваше письмо отъ 20 мая, что симъ и исполняю. Письмо ваше я представлялъ государю императору въ оригиналѣ и его императорское величество изволилъ утвердить все представленные вами перемены въ штабъ и оберъ офицерахъ, почему о гг. полковникахъ Пановѣ и Энгельгардѣ и подполковникахъ Изюмовѣ и Траскинѣ будетъ оддано въ высочайшемъ приказѣ, а о протчихъ офицерахъ прилагаю мое утвержденіе. Следовательно, ваше превосходительство, государь изволитъ все утверждать, о чемъ вы

къ нему представляетъ, то онъ изволитъ надеятся, что и вы употребитъ все ваше стараніе, дабы полки въ вверенной вамъ дивизіи не отстали отъ протчей кавалеріи, о чемъ государь приказалъ мнѣ именно сіе поставить на видъ какъ симъ письмомъ, такъ и особымъ прилагаемымъ предписаніемъ [1]), съ дополненіемъ еще того, что ваши полки не будучи никому подчинены и вы оставаяся такъ сказать единственнымъ начальникомъ и получивъ въ полки лутчихъ людей, должны поетому и представить ихъ государю императору еще отличнее другихъ кавалерійскихъ полковъ. Я васъ прошу по дружбѣ вашей ко мнѣ обратить ваше вниманіе на полковыхъ командировъ, дабы онѣ занимали выездкою людей въ манежахъ, право будетъ стыдно, ибо вездѣ, и теперь въ Вознесенскѣ, въ Павловскѣ, въ Воронежѣ показываютъ государю учебные команды въ самомъ лутчемъ видѣ и совершенномъ знаніи всехъ правилъ выездки въ манеже. Государь повелелъ вамъ еще написать, что отъ г. подполковника Изюмова и Траскина зависеть будетъ производство ихъ: когда онѣ вверенные имъ нынѣ полки устроютъ, то и чины получатъ. Г. полковникъ Енгельгардъ не можетъ ехать въ отпускъ до техъ поръ, пока здастъ полкъ на законномъ основаніи, а тогда и можетъ ехать, куда ему угодно будетъ. Я знаю чрезъ верное известіе, что господа ваши штабъ-офицеры недовольны мною, для чего я защищаю поселянъ и не даю ихъ грабить, и сіе государю извѣстно, но я на оное не смотрю, онѣ посердятся да такіе-же будутъ, а я уже 30 летъ служу отечеству, то знаю, что делаю, и делаю по правдѣ и совести своей, не боясь ничего того, что обо мнѣ господа сіи скажутъ. Вашему превосходительству два дела теперь: одно учить действующіе эскадроны, а другое устраивать поселеніе исподволь; право, у графа Витта очень много и скоро сдѣлано. На докладную записку вашу я зделалъ мою резолюцію и возвращаю при семъ, но надобно только еще прежде здѣлать общее положеніе о дорогахъ и представить оное ко мнѣ.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

---

[1]) Предписанія этого въ бумагахъ не нашлось.—В. Я.

VIII.

С.-Петербургъ, 7 августа 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Рапортъ вашего превосходительства отъ 16 іюля я получилъ и признаюсь вамъ, что мнѣ очень непріятно еще получать отъ васъ подобные рапорты; пора-бы быть у васъ вездѣ порядку, тишинѣ и охотѣ, а не буйству. А при томъ вы очень глухо и коротко пишетѣ, что въ таганрогскомъ округѣ поселянѣ по прежнему виноповиновеніи, а необъясняетѣ, вчемъ именно. Касательно возвращенія ко мнѣ отправленныхъ двухъ хозяевъ, то вы имеетѣ мое отношеніе, что не только сіи два хозяина, но и вновь мною требуемые останутся здѣсь до техъ поръ, пока въ округѣ будетъ все исполнятся по вашему желанію, что я думаю должно подействовать на нихъ сильно, и очень государь желаетъ иметь отъ васъ сведеніе почему прежде его отъезда за границу, которое положено 26 августа. Почему я и ожидаю непременно присылки людей и донесенія вашего.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

IX [1]).

С.-Петербургъ, 29 августа 1818 г.

Милостивый государь мой Григорій Ивановичъ!

Я весьма чувствителенъ къ благодарности, которую ваше превосходительство приноситѣ мнѣ въ письмѣ отъ 10 августа, но признаюсь, что не считаю поступка моего заслуживающимъ оную, а напротивъ скажу откровенно, что непростительно-бы вамъ было, если-бы вы полагали, чтобы столь ничтожный извѣтъ, какой позволилъ себѣ адъютантъ Тирѣевъ, могъ поколебать меня въ моей къ вамъ пріязнѣ и уваженіи. Вы можете быть увѣренными, что всегда и во всякомъ случаѣ найдете меня съ такимъ-же относительно васъ расположеніемъ и готовностью быть вамъ полезнымъ, какія и теперь во мнѣ видитѣ.

---

[1]) Это письмо писано не извѣстно кому принадлежащимъ почеркомъ; подписано гр. Аракчеевымъ собственноручно.—В. Я.

Я совершенно согласенъ съ вами, что Тирѣеву неприлично оставаться при васъ долѣе, тѣмъ не менѣе однакоже къ переводу его нельзя приступить безъ формальнаго представленія, которое отъ васъ зависитъ прислать и оно получитъ свое дѣйствіе.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

X.

С.-Петербургъ, 29 августа 1818 г.

Все письма ваши получилъ, за которые и приношу вамъ, милостивому государю, мою благодарность. Я и самъ сожалею, что проклятые неченеги по сю пору не очувствуются, но что делать? надобно взять терпеніе и довести непременно до настоящаго исполненія начатого дѣла. Все ваши и собственноручные письма я представлялъ государю императору, и его величество изволилъ приказать, что непремѣнно должно всехъ ихъ одеть въ мундиры, какъ должно; то я-бы и думалъ во первыхъ въ поселенные ескадроны 2 и 3 усилить постой действующихъ ескадроновъ, поставя даже и чужихъ полковъ ескадроны, освободя техъ хозяевъ, кои уже обмундировается (sic), что должно кажется на нихъ подействовать; и по мерѣ которые будутъ одеватся, то у техъ и выводить постой, увеличивая оной у протчихъ, изъ перваго-же ескадрона поселеннаго остальныхъ 10 человекъ хозяевъ, еще не обмундированныхъ, потребовать къ себѣ въ Зміевъ и тутъ въ присутствіи своемъ обмундировать и оставить на некоторое время въ учебномъ ескадронѣ. Присланные отъ васъ люди привезены въ округъ поселенія моего полка, но отпускать изъ оныхъ я не нахожу нужнымъ, пока весь полкъ будетъ обмундированъ. Скрывшихся двухъ хозяевъ, коихъ следовало-бы отправить ко мнѣ, по поимкѣ взять подъ караулъ и судить военнымъ судомъ, а по окончаніи представить оное (?) ко мнѣ на рѣшеніе. Естли кто изъ необмундированныхъ коренныхъ жителей изобличенъ будетъ въ какихъ грубостяхъ или возмущеніяхъ, таковыхъ присылать скарочнымъ въ округъ моего поселенія, приславъ вместѣ снимъ и мундиръ инфалидный, что и следуетъ наблюдать въ точности. Изъ онаго полка много коренныхъ жителей не отпускать по промысламъ

изъ округа своего поселенія, пока все не будутъ обмундированы. Естли кого вы будетѣ ко мнѣ присылать, то уведомлять меня о особо замеченныхъ вами буянахъ, дабы я таковыхъ отъ себя могъ отъ сылать въ Оренбургъ, ибо на все оное я имею высочайшее разрешеніе, окромѣ наказанія телеснаго, и сіе кажется для нихъ важнее. Завтрѣ оддано будетъ въ высочайшемъ приказѣ, что полковникъ князь Абамеликъ производится въ генералъ-маіоры, и онъ назначенъ бригаднымъ вмѣсто генералъ-маіора Аргамакова, а генералъ-маіоръ Аргамаковъ поступаетъ въ бригаду вместо генералъ-маіора Александрова, а генералъ Александровъ по вашему желанію и его собственному назначается состоять при дивизіонномъ начальникѣ. Вотъ государь какъ награждаетъ усердно служащихъ ему; а господину полковнику Изюмову прошу сказать, чтобы онъ менее находилъ затрудненія въ своемъ полку, а более-бы действовалъ къ успешному окончанію проекта поселенія кавалеріи; а безъ онаго не только онъ чина не получитъ, но можетъ полкъ потерять; а охотниковъ въ оной полкъ уже много является; но я когда-то (только?) буду доволенъ, то никакъ не думаю его сменять, а еще скорее выведу въ чины.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XI.

17 сентября 1818 г. Округа поселенія гренадерскаго моего имени полка штабъ квартира.

Господину генералъ-лейтенанту Лисаневичу!

Расматривая присланные ко мнѣ отъ веренной вашему превосходительству 2 уланской дивизіи месячные рапорты за іюль мѣсяцъ, нахожусь въ необходимости просить васъ въ предь наблюсти следующіе: 1-е уравнять во всѣхъ полкахъ оные рапорты, дабы онѣ были писаны одинаково, ибо всякой рапортъ имеетъ въ составѣ и изъясненіяхъ разницу; 2. рапорты такъ дурно и не ясно въ полкахъ пишутъ, что съ трудомъ оные можно разобрать, а какъ рапорты пишутся для усмотренія о состояніи полковъ высшимъ начальствомъ, то и должны быть хорошо и ясно писаны; 3. въ серпуховскомъ полку худо писано квар-

тирное расписаніе и много бегныхъ изъ действующихъ ескадроновъ, о чемъ и слѣдуетъ обратить ваше вниманіе, а мнѣ донести о притчинѣ онаго; 4. какъ полки показываютъ въ своихъ рапортахъ объ отосланныхъ къ вашему превосходительству деньгахъ, собранныхъ за недоимку прежнюю, то и донести мнѣ, сколько оныхъ у васъ состоитъ; 5. въ чугуевскомъ полку по оконченной переписи показывается очень мало поступившихъ людей въ поселенные и резерфные ескадроны, что я нахожу упущеніемъ бригаднаго командира и полковаго, почему и на сіе прошу васъ обратить ваше вниманіе и донести мнѣ о притчинѣ онаго; 6. наконецъ прошу васъ занятся собрать отъ полковъ о неспособныхъ кантонистахъ списки и разсмотреть оные, которые изъ оныхъ могутъ быть оддапы въ ученье мастерствамъ безъ разстройства собственнаго хозяйства и отцовъ ихъ, то о таковыхъ доставить ко мнѣ списки послѣ личнаго вашего освидетельствованія, съ показаніемъ летъ отроду, меры и неспособности (sic!), и сіе не теряя время исполнить, дабы я могъ вамъ предписать сихъ кантонистовъ отправить въ разные ученья; 7. я не сумневаюсь что ваше превосходительство послѣ уборки полей прикажитѣ зачать учить вполкахъ резерфные ескадроны, но безъ отягощенія людей, и въ порядкѣ и въ присудствіи самихъ ескадронныхъ командировъ.

Пріездъ мой къ вамъ въ будущемъ октябрѣ месяцѣ конечно мнѣ уже подастъ случай господъ полковыхъ командировъ благодарить, а не выговоры имъ дѣлать, зная вашу заботливость по службѣ.

Гр. Аракчеевъ.

XII.

Штабъ-квартира въ округѣ военнаго поселенія гренадерскаго графа Аракчеева полка. 18 сентября, 1818 года.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Вы конечно уже теперь известны чрезъ вашего адъютанта и ескадронныхъ командировъ о нашихъ здесь занятіяхъ, а господинъ Мачульской, какъ умной человѣкъ, то онъ вамъ и еще более все пересказетъ, какъ мы здѣсь трудимся, не дремлемъ и работаемъ всеми силами. Господину Мачульскому я все препоручилъ вамъ объяснить, то

и прошу васъ, милостиваго государя, ему верить, употреблять его въ делахъ и споспешествовать начальническимъ вашимъ взысканіемъ съ ленивыхъ, нерадивыхъ, или делающихъ исполненіе вяло и беспечно. Я бы просилъ вашего превосходительства строже приказывать господамъ полковымъ командирамъ и не принимать отнихъ отговорокъ; а кто не хочетъ служить, тотъ имеетъ волю нынѣ службу оставить, святое мѣсто не будетъ пусто; трудно государю найти другово Лисаневича, а полковыхъ командировъ найти не мудрено. Убеждаясь несколькими вашими отношеніями о возвращеніи одного улана изъ прежде присланныхъ вами ко мнѣ, я одного изъ нихъ Михайлу Руденка съ господиномъ Мочульскимъ отправляю на степи [1]), чтобы ваше превосходительство немедленно всехъ упрямыхъ одели въ мундиры, обстригли и выбрили въ присудствіи вашемъ, и мне бы донесли чрезъ нарочнаго, естли же заметитѣ изъ стариковъ грубіяновъ, то таковыхъ отправтѣ сюда на жительство и смундирами; я равномѣрно прошу вашего превосходительства старатся всехъ людей одеть въ мундиры, ибо донесесенія полковыхъ командировъ были совершенно пустые, онѣ одели людей въ поселенныхъ и резерфныхъ ескадронахъ не всехъ, а только половину, симъ делаютъ худое они вліяніе на ихъ умы и разсужденіе [2]). Равномерно прошу приказать, дабы я по пріездѣ моемъ не нашелъ уже во всехъ округахъ въ собственномъ старинномъ платье ни одного коренного жителя хозяина и резерфнаго и кантониста, а должно все ихъ платье перешито быть въ куртки и шенели, что я строго взыщу за невыполненіе онаго. Адьютантъ мой Кожинъ пріехалъ ко мнѣ, онъ мнѣ именно докладывалъ, что въ таганрогскомъ полку не одетые коренные жители сами говорили ему лично, что какъ одеватся не приказываютъ, то мы и не одеваемся, а если-бы насъ принудили, то мы бы немедленно одетись, а какъ теперь я объявляю объ ономъ волю нашего государя императора, то я и надеюсь, что ваше превосходительство поедетѣ сами и при собраніи действующихъ ескадрононъ немедленно всехъ

---

[1]) Не разборчиво.

[2]) На полѣ: «не обмундированные же старики должны остаться въ прежнихъ ихъ кафтанахъ».

оденетѣ и обстрижетѣ и объ ономъ мнѣ донесетѣ чрезъ нарочнаго.

Съ истинной дружбою и почтеніемъ непременнымъ пребуду вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XIII.

Штабъ-квартира поселенія гренадерскаго графа Аракчеева полка. 18 сентября 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Прежде полученія донесенія вашего отъ 28 августа писалъ я уже къ вашему превосходительству отъ 8 сентября о высочайшей и непременной волѣ, дабы упрямые военные поселянѣ таганрогскаго полка второго поселеннаго и резерфнаго баталіоновъ, жительствующіе въ селеніяхъ Великихъ и Малыхъ Крынкахъ, Катречкинѣ и Песочномъ были въ присудствіи вашемъ непременно все одеты въ военные мундиры, то и не остается мнѣ нынѣ более отвѣчать на вышеписанный вашего превосходительства рапортъ, какъ повторить туже высочайшую волю, не находя кажется нужнымъ объяснять вамъ и то, что вы все оное конечно исполнитѣ неиначѣ, какъ въ присудствіи своемъ, изготовя прежде всего по числу людей нитые мундиры, которые распорядитѣ въ означенные селеніи привести въ одинъ день, вто самое время, когда будетѣ находится сами при собранныхъ вами на смотръ дѣйствующихъ ескадроновъ. Для лутчаго же выполненія сей монаршей воли я сходно съ желаніемъ вашимъ отправилъ къ вамъ обратно съ господиномъ Мачульскимъ военнаго поселянина хозяина Михайлу Руденка. О исполненіи сего высочайшаго повеленія я буду ожидать вашего донесенія, присылкою съ окымъ нарочнаго отъ васъ въ округъ поселенія моего имени полка.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XIV.

С.-Петербургъ, 27 сентября 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

На письмо ваше отъ 17 сентября присланное съ нарочнымъ я имѣю честь ответствовать, что естли вы приметѣ деятельные меры и постоянно будетѣ строго взыскивать съ упрямыхъ, отправляя оныхъ ко мнѣ въ поселеніе, то все пойдетъ своимъ порядкомъ, чему давно пора окончится. Я надеюсь, что отъ васъ послѣ сего получу донесеніе объ окончательномъ обмундированіи таганрогскаго полка поселенныхъ и резерфныхъ ескадроновъ. При семъ случае я не могу утерпеть, чтобъ не обратится опять къ упущеніямъ полковыхъ командировъ: беглой хозяинъ Панченко живетъ въ своемъ домѣ и объ ономъ не знаетъ полковое начальство,—право я долженъ буду сменить господина Степанова, естли онъ не будетъ деятеленъ; напротиву же того я беспрестанно получаю жалобы отъ военнаго министра, что господа полковые командиры делаютъ провіантскому комисаріату [1]) разные притесненія, зделайтѣ одолженіе прикажитѣ перестать оное делать и уверьтѣ господъ полковыхъ командировъ, что я продовольствія, ни овса, ни муки имъ не оддамъ, пора отвыкнуть отъ расчотовъ, или оставить службу, ибо святое место не будетъ пусто. Я не понимаю, почему вы ко мнѣ опять пишетѣ о соединеніи семействъ, я объ ономъ не думалъ, а естли я приказываю истреблять бобылей и помещать ихъ или въ инфалиды, или въ богадельню, или въ семейство къ роднымъ своимъ, то я оное и теперь тоже повторяю, и обо всемъ ономъ подробно истолковалъ господину Мачульскому, и сей распорядокъ я требую зделать только въ борисоглебскомъ полку, въ 1 поселенномъ и резерфномъ ескадронѣ, а более въ другихъ местахъ онаго еще не делать. По предписываю вамъ ныне же оддать въ приказѣ, дабы послѣ окончанія работъ во всехъ полкахъ начать учить резерфные ескадроны по три дня въ неделю пешему строю, а 50 человекъ въ каждомъ ескадронѣ къ 1 маю будущаго года должны быть обучены и верховой езды непременно.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имею быть вашего превосходительства покорный слуга *Гр. Аракчеевъ.*

---

[1]) Не разборчиво.

XV.

Грузино, 22 октября 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Получа ваше письмо отъ 1 октября съ поручикомъ Повалишинымъ 2-мъ, я отправляю находящихся здесь военныхъ поселянъ таганрогскаго уланскаго полка, окромѣ одного грубіана Барабаша, коего еще надобно здесь подержать и выучить; равномерно прошу и техъ двоихъ прислать сюда, которые во время отправленія сихъ возвращаемыхъ сокрылись, дабы показать имъ примеръ, что побегъ и укрывательство ихъ отъ назначеннаго наказанія не избавляетъ, естли онѣ не состоятъ подъ судомъ. Вы, милостивый государь, ясно изволитѣ видеть, что безъ драки и телеснаго наказанія все можно зделать, но надобно только твердость въ намереніяхъ и непеременчивость въ исполненіяхъ, дабы они видели, что командиръ, единожды определивъ какое дѣло, никогда отъ онаго не отступитъ; а посему самому и прошу вашего превосходительства исполнить все предписанное съ господиномъ Мачульскимъ и мнѣ доносить, препроводивъ сюда и техъ двоихъ, кои скрылись во время отправленія сюда протчихъ. Возвращаемыхъ къ вамъ военныхъ поселянъ стариковъ, одетыхъ въ инфалидные мундиры, зачислить въ полку инфалидидами, и отнюдь не позволять иначѣ ходить, какъ въ формѣ, инфалидамъ присвоенной, подъ строгою ответственностью полкового командира. Ваше превосходительство равномерно видитѣ, что возвращаемые къ вамъ люди довольно выправлены и похожи на военныхъ поселянъ, почему я и должонъ требовать, чтобы и все люди въ округахъ военныхъ поселеній отъ оныхъ не отставали. Прошу ваше превосходительство предписать во все полки, дабы платье прежнее мужицкое было все перешито и дабы я по пріездѣ моемъ не нашелъ уже онаго, окромѣ необмундированныхъ стариковъ; прогоны выданы на три пары, полагая трехъ человекъ на парѣ, ибо спешить имъ не для чего.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XVI.

С.-Петербургъ, 17 марта 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Соглашаясь съ распоряженіями вашего превосходительства, здѣланными къ приготовленію въ городѣ Чугуевѣ квартиры для государя императора, я прошу васъ, милостивый государь мой, по приведеніи онаго къ окончанію, доставить ко мнѣ планъ сему дому и вмѣстѣ съ тѣмъ счетъ о суммѣ, какая издержится.

Отвѣтствуя симъ на письмо ко мнѣ ваше превосходительства отъ 30 минувшаго генваря, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XVII.

12 мая 1819 г. Военное поселеніе.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Присланный вами ундеръ-офицеръ Набережной оказался совсемъ незнающимъ верховой ездѣ, и онъ совсемъ ленивый и дурной человекъ; видно, васъ господинъ полковой командиръ обманулъ, ибо я не полагаю, чтобы вы захотели мнѣ таково прислать человека изъ целой дивизіи; по его милости я недавно едва не убился до смерти, упавъ съ верховой лошади, что все вамъ раскажетъ господинъ полковникъ Саловъ [1]), который удивился, что вы такого человека ко мнѣ прислали; окончивъ сіе, я хочу еще просить зделать мнѣ ваше одоженіе купить мнѣ выезженную лошадь верховую, естли можно англизированную, а естли не можно, то хотя и съ хвостомъ; но только хорошо выезженную и смирную, собственно для моего собственнаго седла, не дорогую, и доставить ко мнѣ въ военное поселеніе сюда вновгородъ, деньги я съ благодарностью моею вамъ заплачу, и вы мнѣ онымъ зделаетѣ большое одолженіе.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

---

[1]) Не разборчиво.

XVIII.

Округъ поселенія Гр. Аракчеева. 30 мая 1819 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Отправляю къ вамъ обратно присланнаго вами ундеръ-офицера Аникіева, я зделалъ вамъ на ваше представленіе все должное разрешеніе, согласно желанію вашему,—въ сентябрѣ месяцѣ я располагаю у васъ быть, и мое пребываніе будетъ въ Чугуевѣ, гдѣ и прошу приказать мой домъ отделать, а равномерно приготовить квартеру хорошую и начальнику штаба, который также со мною будетъ съ вами знакомится. При семъ прилагаю вамъ повеленіе о покупкѣ еще 20 паръ воловъ, способныхъ работать въ плугахъ, по четырѣ вола въ плугу, и оныхъ воловъ немедленно отправить въ мой полкъ къ подполковнику Фрикену [1]), оныхъ воловъ отправить гономъ . . . . . [2]) ибо мы не умеемъ здесь оныхъ зделать, и сними прислать 4 человекъ, знающихъ пахать плугомъ землю и управлять волами; естли не можно ранее, то прошу оныхъ воловъ доставить къ 1 сентябрю на место.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XIX.

Г. Валдай, 10 іюля 1819 г.

Генералъ-лейтенанту Лисаневичу!

Бывъ уволенъ въ одпускъ, на дорогѣ моего следованія получилъ я донесеніе ваше съ адьютантомъ Бакомъ [1]) отъ 3 іюля о непріятномъ сумасбродствѣ и беспорядкѣ въ чугуевскомъ уланскомъ полку. Оно непріятно должно быть государю императору, потому что въ семъ полку менее протчихъ должно было ожидать таковаго происшествія, по давнему въ немъ устройству военнаго поселенія. Не желая ни мало удерживать присланнаго отъ васъ адьютанта, я возвращаю его къ вамъ обратно; надеюсь, что благоразуміе ваше и опытность ваша въ службѣ

---

[1]) Не разборчиво.

[2]) Слово не разобрано.

[2]) Не разборчиво.

покажутъ вамъ на местѣ способъ, какими лутчими средствами сей беспорядокъ прекратить, наблюдая необходимо въ таковыхъ случаяхъ твердость характера въ вашихъ предпріятіяхъ, дабы неповинующіися могли оное ясно видеть и темъ самымъ бы убедились въ своемъ заблужденіи. Въ заключеніе сего я не излишнимъ считаю поставить вамъ на видъ и мое одно замечаніе, что преждѣ всего должно прекратить безпорядокъ и водворить спокойствіе, а потомъ приступить уже къ открытію зачинщиковъ, ибо отыскивая сихъ послѣднихъ во время сего беспорядка, могутъ быть въ беспрестанномъ опасеніи и боязни все протчіе жители чугуевскаго полка. Естли ваше превосходительство не отправили еще ка мнѣ донесенія вашего о последствіи сего произшествія, то предписываю отправить оное по эштафетѣ, и продолжать оные чрезъ каждые три дни эштафетами же, адресуя пакеты въ собственные руки въ С.-Петербургъ, а съ окончательнымъ донесеніемъ прислать нарочнаго съ офицеромъ чугуевскаго полка.

Гр. Аракчеевъ.

XX.

С.-Петербургъ, 23 іюля 1819 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Письмо ваше отъ 13 іюля съ корнетомъ Павскимъ я получилъ и имелъ счастіе продставить оное въ оригиналѣ государю императору. Его величество приказалъ мнѣ отписать къ вашему превосходительству, что онъ ни мало не сумневается въ вашемъ усердіи къ службѣ и что сей беспорядокъ, случившейся въ городѣ Чугуевѣ, ни мало не касается до какого либо неудовольствія на васъ, ваше же дѣло будетъ усмирить, наказать примерно зачинщиковъ и виновныхъ и найтить наконецъ притчину, отчего сіе первоначально последовало и кто были учители въ семъ дѣлѣ, ибо такое глупое упрямство не можетъ быть безъ участія поскорониихъ въ семъ дѣлѣ. Но государь императоръ, читая ваше письмо, очень видитъ ваше беспокойство въ ономъ дѣлѣ, а потому и угодно ему, дабы вы, милостивый государь, не принимали такъ горестно сего дела, ибо въ светѣ семъ могутъ быть всегда разные слухи, коихъ не можно предупредить, но предвидеть сей беспорядокъ

кажется полковому командиру можно бы было, а предвидя оное, можно бы прежде советоватся съ вашимъ превосходительствомъ, чемъ наряжать людей на работу готовыхъ къ непослушанію, отчего и произошло все беспокойство. Государь повелеваетъ зачинщиковъ по всей строгости законовъ наказать для примеру другимъ, и кажется теперь имея ваше превосходительство такой знатной корпусъ пехоты, кавалеріи и артиллеріи, не можетѣ ничего опасатся, а должно пехоту и артиллерію расположить въ одномъ чугуевскомъ округѣ, дабы онѣ почувствовали, какъ имъ невыгодно делать глупости. Я отправляюсь 2 августа къ вамъ въ Харьковъ, и по прибытіи моемъ будемъ старатся окончить сіе дело добрымъ порядкомъ, но со строгостью примерною, безъ чего никакъ обойтись нельзя, и что государь императоръ позволяетъ. Но я уверенъ, что вы, съ Божіей помощію, и до моего пріезда сіе дело окончитѣ, ибо кажется самые глупые уже у васъ забраны, изъ коихъ зачинщиковъ и грубіяновъ прикажитѣ судить военнымъ судомъ. Естли что нужно вамъ ка мнѣ написать, то можетѣ прислать на встрѣчу нарочнаго, а дорога моя будетъ обыкновенная, то есть черезъ Москву, Тулу, Орелъ, Курскъ и Белгородъ.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XXI.

С. Грузино, 11 сентября 1819 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Отправляю къ вамъ съ симъ фельдъ-егеремъ повеленіе объ отправленіи въ Оренбургъ и къ графу Витту людей; прошу и надеюсь на васъ, что все оное будетъ выполнено хорошо, тихо и смирно, и о всякомъ отправленіи уведомлять меня по почтѣ въ тотъ же день; а съ симъ фельдъ-егеремъ прислать государю рапортъ за первую половину сентября.

Позвольтѣ при ономъ случае благодарить васъ, милостивый государь, за ваше дружеское угощеніе и верить, что я съ истиннымъ почтеніемъ пребуду навсегда вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XXII.

Грузино, 12 сентября 1819 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Наказанныхъ въ Чугуевѣ и бывшихъ при отъездѣ моемъ въ гошпиталѣ, всехъ, по совершенномъ выздоровленіи, отправить на почтовыхъ въ Оренбургъ къ генералу Ессену и донести мнѣ о именахъ ихъ, дабы я вто время могъ объявить генералу Ессену высочайшее объ нихъ повеленіе, съ означеніемъ, кто именно вами будутъ отправлены.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчееевъ.

XXIII.

С.-Петербургъ, 27 генваря 1820 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Мнѣ весьма больно раставатся съ вашимъ превосходительствомъ, но какъ на увольненіе ваше отъ службы было собственное ваше желаніе, то я оное и долженъ былъ исполнить, и ваше превосходительство сего генваря 24 числа [1]) уволены отъ службы съ полнымъ пансіономъ и сверхъ того государь императоръ жалуетъ вамъ благоволительный рескриптъ и единовременно 10,000 руб., что вы и изволитѣ отъ меня получить, съ одданіемъ должной моей вамъ, милостивый государь, благодарности.

Гр. Аракчеевъ.

---

[1]) Въ формулярномъ спискѣ Гр. И. Лисаневича, видѣнномъ нами у П. И. Хорвата, днемъ отставки показано 1 января. — В. Я.

ДОКЛАДЪ ГРАФА П. А. РУМЯНЦЕВА

Императрицѣ Екатеринѣ II 1781 года [1]).

(О согласованіи нѣкоторыхъ особенностей внутренняго строя Малороссіи съ порядками новаго намѣстническаго правленія).

Ея Императорскому Величеству

всеподданнѣйшій докладъ.

1-е.

Древность не оставила здѣсь никакихъ слѣдовъ, какимъ образомъ Малая Россія управляема была, кромѣ, что за польскаго владѣнія присвоенъ ей законъ, называемый Статутомъ, и что, по соединеніи ея съ Россіею, оной ей былъ подтвержденъ. Но въ разсужденіи учрежденія судовъ не слѣдовано точности сего закона, а всякаго рода и состоянія люди, безъ различія степеней, имѣя совмѣстныя грунта и владѣнія, по обращенію военному, судились образомъ военнымъ и смѣшаннымъ, въ полковыхъ и сотенныхъ канцеляріяхъ и ратушахъ, войсковомъ генеральномъ судѣ и войсковой генеральной канцеляріи, до высочайшаго отъ вашего императорскаго величества учрежденія въ 1763 годѣ зем-

[1]) Печатается съ копіи, заимствованной изъ архива князя Н. В. Репнина и написанной на синей бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1807 года.—Настоящій документъ во многомъ дополняетъ тѣ свѣдѣнія объ особенностяхъ исторически сложившагося внутренняго строя Малороссіи, которыя въ большемъ числѣ проскользнули въ прошеніи малороссійской шляхты, поданномъ гетманомъ Разумовскимъ императрицѣ Екатеринѣ II въ началѣ ея царствованія и имѣвшемъ

скихъ, подкоморскихъ и гродскихъ судовъ. Съ сего времени, хотя производство и теченіе дѣлъ возъимѣло лучшій порядокъ, но выборъ и опредѣленіе въ земскіе чины не могъ соотвѣтствовать статутовому праву, по содержанію коего должны выбираеми быть въ тѣ чины шляхетство, ни какими должностями необязанные. А въ Малой Россіи, по давнимъ обыкновеніямъ, всѣ безъ изъятія находятся въ воинскихъ чинахъ и должностяхъ; слѣдовательно изъ тѣхъ-же служащихъ по способностямъ всегда выбирались и опредѣлялись въ чины земскіе. Въ семъ выборѣ и опредѣленіи хотя не было въ обыкновеніи участвовать козакамъ, но всегда они употреблялись въ иныя земскія дѣла, особливо при возныхъ, по статуту на нихъ возложенныя, въ мѣсто шляхты. Судились-же они козаки и судятся, по высочайшему нашего императорскаго величества 1768 года декабря 20-го указу, въ малороссійскую коллегію состоявшемусь, во всѣхъ земскихъ дѣлахъ однимъ съ шляхетствомъ правомъ книги Статута и въ однихъ судахъ; поелику, по содержанію онаго, нѣтъ разныхъ судовъ по разности состояній. И ду-

---

своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе гетманскаго достоинства и подчиненіе Малороссіи военному режиму Румянцева (См. Кіев. Стар. 1883 г., іюнь, стр. 316—245). Въ виду скудости свѣдѣній этого рода, Румянцевскій докладъ пріобрѣтаетъ особое значеніе для мѣстной исторіи. Считаемъ излишнимъ касаться частностей его содержанія, но не можемъ не отмѣтить одной его особенности. Всесильный правитель Малороссіи, управлявшій ею около 20 лѣтъ и нивеллировавшій ее по всѣмъ направленіямъ (довольно вспомнить его Опись, составлявшуюся лѣтъ пять), начинаетъ настоящій свой докладъ словами: «Древность не оставила здѣсь никакихъ слѣдовъ, какимъ образомъ Малая Россія управляема была». Тогда-ли мало было этихъ слѣдовъ? Но екатерининскихъ вельможъ въ ихъ смѣлыхъ и широкихъ затѣяхъ всего менѣе озабочивала исторія ввѣряемыхъ ихъ попеченію областей. Довольно вспомнить грандіозные проэкты Потемкина о заселеніи новороссійскаго края, уничтоженіи Запорожья, введенія штатовъ для малороссійскаго духовенства и пр. Переписка того-же Румянцева объ украинскомъ возстаніи 1768 г., помѣщенная въ нашемъ изданіи за первые два года, до очевидности удостовѣрила, что не только онъ, но и все правительство Екатерины II о судьбѣ другой части южно-русскаго народа, стонавшей еще въ польскомъ ярмѣ, знали не болѣе того, что этотъ народъ имѣетъ «простую ревность о своемъ благочестіи» и, «по своему единовѣрію, въ пограничныхъ замѣшательствахъ можетъ быть полезенъ нашей сторонѣ». Неудивительно поэтому, что и настоящій докладъ Румянцева въ главныхъ своихъ пунктахъ направленъ къ отмѣнѣ послѣднихъ особенностей вѣковаго общественнаго строя въ управляемомъ имъ краѣ.—Ред.

ховные, монашествующіе и свѣтскіе, имѣющіе свои владѣнія, имѣли право быть при выборахъ въ земскіе чины. А за учрежденіемъ здѣсь намѣстничествъ выбирать-ли по прежнему обыкновенію изъ дѣйствительно служащихъ и по крайней мѣрѣ изъ бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей въ земскіе чины? — потому, что здѣсь отставныхъ отъ службы или весьма мало, или почти ихъ не бывало и нѣтъ. И имѣть-ли право духовнымъ и козакамъ быть въ собраніяхъ, по случаю выборовъ въ земскіе должности и при иныхъ земскихъ распоряженіяхъ? или предоставить то шляхетству и особливо заслужившимъ офицерскія достоинства?

2-е.

Выше въ 1-мъ пунктѣ донесено, что козаки судились и нынѣ, по высочайшему вашего императорскаго величества указу, судятся въ земскихъ дѣлахъ въ однихъ судахъ и однимъ правомъ съ шляхетствомъ и имѣютъ съ онымъ грунта, большою частію совмѣстныя, и потому, что многіе изъ козачихъ дѣтей, служа въ войскѣ и по земству, дослужились знатныхъ чиновъ; слѣдовательно, въ сходство помянутаго высочайшаго указа и статутоваго права, за учрежденіемъ здѣсь намѣстниковъ, подлежатъ и козаки въ уѣздные суды. Естьли-жъ имъ судиться въ нижнихъ расправахъ: то, кромѣ выше донесеннаго обстоятельства, что грунта казачіе то-же, что и шляхетскіе, мало останется такихъ, коимъ судимимъ быть въ уѣздныхъ судахъ. Что-жъ лежитъ до нижнихъ расправъ: то въ разсужденіи, что монастырскія владѣнія остаются и по нынѣ въ безпосредственномъ своихъ властей управленіи, ранговые-жъ владѣнія тѣхъ чиновъ, коимъ, по ихъ рангамъ, принадлежатъ, а за тѣмъ коронныхъ, называемыхъ здѣсь свободными войсковыми, за выключеніемъ въ уѣздныхъ городахъ мѣщанъ, числившихся между оными, такъ малое количество остается, что по учрежденіямъ, гдѣ установлено нижней расправѣ быть отъ десяти до тритцати тысячъ душъ, и на учрежденіе одной въ каждомъ намѣстничествѣ таковой расправы будетъ ихъ недостаточно.

3-е.

Въ теченіе прошедшихъ лѣтъ, по разнымъ случаямъ, были запрещенія козакамъ, то частями, то вовся продавать и у нихъ покупать

ихъ имѣнія. А выше во 2-мъ пунктѣ объяснено, что они происходятъ изъ чина въ чинъ до вышнихъ здѣсь степеней, да и въ разсужденіи ихъ по хозяйству домоваго и по самой службѣ положенія, запрещеніе въ томъ ни въ какую имъ пользу служить не можетъ, потому что многіе одинокіе козаки, имѣвъ достаточные грунта и не могучи ихъ, по одиночеству, обработывать, принуждены оставлять безполезными; а семянистые, но въ грунтахъ недостаточные, пріобрѣвъ оныя, могутъ ихъ обращать и для службы и для своей пользы. Право собственности козаковъ весьма утверждаетъ послѣдній вашего императорскаго величества вышепомянутый высочайшій указъ, 1768 года декабря 20-го дня состоявшійся, коимъ повелѣно: козакамъ судится во всѣхъ ихъ земскихъ дѣлахъ Статутомъ; а по содержанію онаго свободно имъ распоряжать своимъ имѣніемъ по ихъ волѣ. *Другое* обстоятельство не меньше есть важно, въ разсужденіи своевольнаго здѣшнихъ крестьянъ и въ конецъ ихъ разоряющаго съ мѣста на мѣсто перехода и искательства козачества; къ чему они, по одному малому отъ владѣльца настоянію, или мнимымъ для себя невыгодамъ, легко и безъ всякаго размышленія обращаются и подъ предлогомъ исканія козачества дѣлаютъ себя и отъ владѣльцовъ своихъ и отъ всякихъ по казачьему званію повинностей совершенно независящими бродягами, о чемъ отъ меня въ представленныхъ мнѣніяхъ обстоятельно описано. *Третіе:* что земли здѣсь не межеваны и многія потому владѣнія не только по куплямъ, замѣнамъ и инымъ законнымъ здѣлкамъ, но и по грамотамъ, въ разсужденіи разныхъ, по временамъ и обстоятельствамъ, опредѣленій, подвергаются толкамъ, которые причинствуютъ множайшимъ непріятнымъ произшествіямъ, даже и смертноубійствамъ, обременяющимъ здѣшнія суда паче иныхъ всѣхъ дѣлъ. Всѣ вышеописанныя, соединенныя одно съ другимъ, обстоятельства дѣлаютъ здѣшнія владѣнія и не надежными и безполезными. Ваше императорское величество при настоящихъ благоустроеніяхъ изволите оказать всему здѣшнему краю величайшее благодѣяніе утвержденіемъ козакамъ права ихъ собственности, разрѣшающимъ козачьи скупли, утвержденіемъ здѣшнихъ крестьянъ, на основаніи статутоваго права, и отставленіемъ вовся исковъ козачества, для содѣланія и тѣхъ и другихъ государству и обществу полезнѣйшими, наконецъ утвержденіемъ такъ-же и оставленіемъ всѣхъ и каж-

даго владѣній, по примѣру иныхъ губерній, жалованныхъ, купленныхъ и иными употребительными здѣсь образы пріобрѣтенныхъ, въ настоящемъ ихъ положеніи, съ тѣмъ подтвержденіемъ, что-бъ до будущаго здѣсь генеральнаго размежеванія никто далѣе своихъ предѣловъ, кромѣ законами позволенныхъ пріобрѣтеній, владѣній не распространяли.

4-е.

Нѣкоторыя изъ здѣшнихъ магистратовъ имѣютъ польскія королевскія привиллегіи и высочайшіе грамоты, утверждающія имъ право нѣмецкаго города *Магдебурга*, съ надачею на всякія градскія потребности и на украшенія города деревень. Таковымъ магистратамъ, за учрежденіемъ намѣстничествъ, на какомъ быть основаніи? И естьли они обращены будутъ, сходственно высочайшимъ учрежденіямъ: то помянутые деревни и ихъ разныхъ статей доходы кому вѣдать? и на какое употребленіе опредѣлить повелѣно будетъ?

5-е.

Положеніе здѣшнихъ городовъ таково, что жительствующія въ нихъ обыватели, то по пожалованіямъ, то по куплямъ, одни совсѣмъ, а иные частію вошли въ приватное владѣніе. Должны-ли они пользоваться преимуществами гражданскими и принадлежать къ обществу мѣщанъ?

6-е.

Обитающихъ въ Малой Россіи раскольниковъ, изъ коихъ, по высочайшей вашего императорскаго величества конфирмаціи, записаны въ купечество и мѣщанство, нѣкоторыя слободы, по ихъ положенію, не инако почесться могутъ, какъ городами. Но я не призналъ ихъ назначить уѣздными, по ихъ разно—и суевѣрію и по неимѣнію господствующей вѣры церквей; а мню имъ быть посадами, и для удержанія въ нихъ порядка и ограниченія въ предѣлахъ, въ разсужденіи ихъ разномыслій, учредить въ тѣхъ слободахъ особливыхъ городничихъ и ратуши, на основаніи высочайшихъ учрежденій.

7-е.

Въ городѣ Нѣжинѣ имѣется учрежденный словесный судъ для купечества, въ которой опредѣляются выборные изъ разныхъ великороссійскихъ городовъ купцовъ погодно. И какъ къ опредѣленію въ

ономъ никого изъ торгующаго здѣсь купечества нѣтъ желающихъ: то большею частію берутся они по городамъ на ярмонкахъ, насильно. А въ разсужденіи, что въ каждомъ городѣ учреждены будутъ магистраты и словесные суды имъ подчинены быть должны, въ семъ одномъ Нѣжинѣ въ особливомъ для великороссійскаго купечества словесномъ судѣ нужды уже не видится.

8-е.

Изъ состоящихъ въ Малой Россіи девяти казачьихъ полковъ, коихъ сотни, по положенію ихъ селеній, теперь, по новому учрежденію, подходятъ подъ розные губерніи и уѣзды, для лучшаго ихъ на первой случай урегулированія и отъ земскаго правленія, по ихъ воинскому званію и самой службѣ, отдѣленія, и поелику нынѣ и количество ихъ, какъ по полкамъ, такъ и по сотнямъ, есть не ровное,—не соблаговолите-ли, ваше императорское величество, указать учредить десять полковъ изъ настоящихъ выборныхъ козаковъ, съ уравненіемъ по эскадронамъ или ротамъ, не взирая, что они не въ одномъ намѣстничествѣ, по ихъ земскому управленію, находиться будутъ, и дать ихъ старшинамъ въ уравненіе съ регулярными войсками чины и степени, дабы симъ предъуготовленіемъ можно постановить сіе войско на такой ногѣ, чтобы оно и для службы вашего императорскаго величества способнѣе быть, и свою пользу отъ оной взаимствовать могло.

9-е.

Настоящее здѣшнее положеніе таково: что какъ при войскѣ малороссійскомъ находящіеся генеральные и полковые старшины и сотники, такъ и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ опредѣленные чины, въ сходство законовъ, суть непремѣнные, до повышенія или отставки; и одни по опредѣленіямъ имѣютъ на рангъ деревни и жалованье, а другіе такъ, какъ и тѣ, кои по выборамъ у дѣлъ находятся, правные свои доходы. А какъ одни изъ генеральныхъ старшинъ, при опредѣленіи къ присутствію въ малороссійскую коллегію, будучи уравнены чинами, дошли и генералитетскихъ степеней, а другіе остались по нынѣ при своихъ земскихъ, и кромѣ сихъ, у статскихъ дѣлъ находящихся, военные, такъ и нѣкоторые полковники малороссійскіе воинской службы несть уже не въ состояніи: то не соблаговолите-ли, ваше император-

ское величество, при учрежденіи намѣстничествъ, опредѣлить ихъ по подносимому списку къ мѣстамъ, по ихъ чинамъ и степенямъ, съ уравненіемъ и послѣднихъ примѣрно первымъ. А кои изъ земскихъ чиновъ, за распредѣленіемъ въ разныя должности и за выборами, въ недостаткѣ мѣстъ, останутся не у дѣлъ, должности-жъ свои исправляли съ надлежащимъ раченіемъ, и къ симъ, дабы они безъ пропитанія оставаться не могли, явить всемилостивѣйшее призрѣніе.

10-е.

При малороссійской коллегіи находятся: докторъ Паульсонъ, штабъ-лѣкарь Риттеръ и лекарь Данилевскій, такъ-же аптека въ Глуховѣ на содержаніи малороссійскаго скарба. Первый, при учрежденіи оной коллегіи и опредѣленіи къ ней, по высочайшему имянному вашего императорскаго величества указу, за долговременную его службу и въ бывшемъ прусскомъ походѣ здоровье его изнурившую, пожалованный въ надворные совѣтники, и о награжденіи коего повышеніемъ чина, въ разсужденіи понесенныхъ имъ и за тѣмъ въ службѣ многихъ трудовъ и по моему признанію, неоднократно отъ меня въ правительствующій сенатъ представливано. А другой, такъ какъ и находящійся въ Нѣжинѣ штабъ-лѣкарь Саньковскій, по признанію государственной медицинской коллегіи, за таковые въ походахъ службы и понесенные труды, къ мѣстамъ опредѣленные,—получаютъ жалованье не по городовому окладу, но по введенному за гетмановъ обыкновенію, а Саньковскій, примѣрно служащимъ въ войскѣ, въ мѣсто пансіона; и съ нихъ штабъ-лѣкарь Риттеръ, находящійся въ службѣ съ 1726 года, бывшій въ четырехъ походахъ и который, за несостояніемъ его служить болѣе, по семидесятивосьми-лѣтней старости, соединенной съ слабостію и изнеможеніемъ, проситъ о увольненіи его изъ службы въ рижскую губернію, и объ опредѣленіи, въ награжденіе за долговременную и долго-трудную его службу, въ пенсіонъ получаемаго имъ нынѣ пяти сотъ рублей жалованья. Не благоугодно-ли будетъ вашему императорскому величеству, при настоящихъ въ семъ краѣ благоустроеніяхъ, оказать и симъ высочайшую милость, увольнивъ штабъ-лѣкаря Риттера изъ службы съ просимымъ имъ пансіономъ по смерть его и оставя доктора Паульсона съ повышеніемъ чина, штабъ-лекаря Саньковскаго и лекаря Данилевскаго въ тѣхъ-же городахъ на прежнемъ основаніи такъ-же по конецъ ихъ жизни, съ тѣмъ, что они, по неудобности къ отысканію желающихъ медицинскихъ чиновъ для наполненія здѣшнихъ

всѣхъ городовъ, какъ извѣстно то по инымъ губерніямъ, должны будутъ служить пользованіемъ и для иныхъ городовъ, получая настоящее свое полное жалованье изъ той суммы, которая по учрежденіямъ на медицинскихъ чиновъ опредѣлена и за не наполненіемъ ими городовъ будетъ числиться остаточною. А о глуховской аптекѣ что повелѣно будетъ?

11-е.

Въ Малой Россіи есть генеральная артиллерія съ принадлежащими ей полковыми,—изъ коей въ минувшую турецкую войну, по разборѣ, часть отправлена въ Кіевъ, гдѣ и нынѣ остается, а сверхъ того снабдѣны оною многіе полевые полки. Оставшуюсь-же на лицо не благоволите-ли, ваше императорское величество, указать распредѣлить по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ? а состоящіе въ вѣдѣніи сей генеральной артиллеріи и полковыхъ деревни, съ ихъ экономіею и разныхъ статей доходами, кому вѣдать и на какое употребленіе опредѣлить повелѣно будетъ?

12-е.

По высочайше конфирмованному отъ вашего императорскаго величества плану состроенъ въ городѣ Глуховѣ казеннымъ иждивеніемъ пространный каменный домъ для обитанія генералъ-губернатора, такъ для помѣщенія находящихся въ Глуховѣ правительствъ и принадлежащихъ къ тамошней округѣ земскихъ урядовъ. При составленіи-жъ здѣсь трехъ намѣстничествъ сей городъ назначенъ въ число уѣздныхъ. А какъ въ Малой Россіи никакихъ училищъ для наученія юношества въ воинскихъ и гражданскихъ знаніяхъ, кромѣ духовенству приличныхъ, нѣтъ, а потому здѣшнее шляхетство, желающее дать своимъ дѣтямъ хорошее воспитаніе, посылаютъ ихъ въ иностранныя училища, а нѣкоторые принуждены брать пріѣзжихъ иностранныхъ, одно только названіе учителей носящихъ, съ потеряніемъ иждивенія всуе и безъ всякой пользы: то неблагоугодно-ли будетъ вашему императорскому величеству явить для сего края величайшее въ безсмертную память благодѣяніе, указавъ тотъ казенный глуховскій домъ, по его пространству и способности, обратить на училище, подъ титломъ коллегіи? А дабы незабвенно на само-позднѣйшія времена оставалась въ потомствѣ за таковое вашего императорскаго величества промышленіе о пользѣ и благѣ здѣшняго народа благодарность, удостоить почтить оную высочайшимъ вашего императорскаго величества именемъ; и въ которой-бы юношеству всѣхъ трехъ здѣшнихъ намѣстничествъ разныя по способностямъ науки пре-

подаваемы были, и часть точно по чину воинскихъ академій. А для содержанія сей коллегіи, оной учителей и учениковъ, кои отъ своихъ домовъ, по бѣдности, снабдѣны быть не могутъ, кромѣ положенной въ высочайшихъ учрежденіяхъ главы XXV статьи 378-й на подобныя установленія суммы, опредѣлить извѣстную изъ артиллерійскихъ доходовъ по высочайшему благоусмотрѣнію.

13-е.

При малороссійской коллегіи находится фузилерная рота, изъ двухъ таковыхъ, за бывшихъ гетмановъ, опредѣленныхъ послѣ учрежденія оной коллегіи, формированная съ нѣкоторою противъ прежнихъ въ содержаніи и жалованьи убавкою, и компанѣйская конная команда въ числѣ 24-хъ рядовыхъ съ ихъ старшинами, изъ бывшей за гетмановъ надворной корогвы, за отправленіемъ прочихъ къ пополненію въ легкоконные полки, для случающихся употребленій оставленная. А какъ содержаніе оныхъ нѣсколько превосходитъ опредѣленное по штату, при высочайшихъ учрежденіяхъ приложенному: то не благоугодно-ли будетъ вашему императорскому величеству оныя роту и команду до отставки, или куда индѣ помѣщенія въ нихъ служащихъ, указать оставить на прежнемъ основаніи, съ тѣмъ, чтобы впредь убылыя мѣста въ нихъ наполняемы уже были въ разсужденіи сходственно приложенному при учрежденіяхъ штату.

14-е.

Въ Малой Россіи есть колонія, заведенная изъ иностранцовъ, которые съ начала ея заведенія, по неразумѣнію здѣшняго языка, никогда отъ здѣшнихъ земскихъ правительствъ не зависѣли, а для случающихся у нихъ расправъ выбирались самими ими изъ межъ себя выборные; для лучшаго ихъ управленія и утвержденія у нихъ полиціи опредѣляемы были туда коммиссары, съ жалованьемъ,—гдѣ нынѣ находится отставный маіоръ Грибелингъ. При настоящемъ учрежденіи намѣстничествъ быть-ли симъ колонистамъ вѣдомымъ судомъ и расправою, въ числѣ иныхъ обывателей, нижней расправѣ? или, по взаимному языковъ незнанію, оставаться имъ на прежнемъ основаніи подъ управленіемъ коммиссара въ безпосредственномъ вѣдѣніи экономіи директора.

15-е.

Изъ таможень, въ Малой Россіи находящихся, входятъ въ губерніи: *кіевскую* васильковская, съ ея заставами: межигорскою, переяславскою, секиринскою и стайковскою, и сорокошицкая, а вѣдѣнія сей по-

слѣдней застава каменская одна, въ *черниговскую*. А какъ отъ 16-го числа минувшаго февраля, при всенижайшемъ моемъ представленіи вашему императорскому величеству объясненія васильковской таможни о примѣченномъ съ 1770 года въ зборахъ умаленіи донесено, колико смотръ таможнямъ, по предположенію вашего императорскаго величества, необходимо потребный, долженъ быть и весьма полезнымъ для того, что по стеченію многихъ обстоятельствъ и по тому генеральному заключенію, что таможни и пошлинной сборъ должны по уваженіямъ къ своимъ фабрикамъ, торговли и удобности къ вывозу своихъ и ввозу надобныхъ иностранныхъ товаровъ учреждаемы, и въ нихъ служители, не по знатности чиновъ, но по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, лучшихъ качествъ, отъ коихъ тутъ все и зависитъ, опредѣляемы быть, многіе изъ настоящихъ таможень не въ сходственномъ находятся положеніи; то я за тѣмъ и за здѣланнымъ уже отъ статскаго совѣтника Даля таможнимъ осмотромъ, и что и строенія ихъ уже обветшали, буду ожидать высочайшаго вашего императорскаго величества рѣшенія.

16-е.

Въ Малой Россіи имѣются двѣ почты: одна для пересылки всякаго рода писемъ въ Малороссіи и коммуникаціи съ околичными губерніями, съ опредѣленными почтмейстерами и почталіонами, въ 1765 г. мною учрежденная; другая для возки курьеровъ и иныхъ переѣзжающихъ, по введенному за бывшихъ гетмановъ обыкновенію, держится отъ малороссійскаго скарба, по главному московскому тракту, отъ Глухова до Кіева въ 14-ти станціяхъ, на каждой по 12-ти лошадей, на глуховскій-же по 17, а на батуринскій по 15, по контрактамъ съ рядчиками; но издревле при станціяхъ никогда почтовыхъ домовъ не было и нынѣ нѣтъ, кромѣ для почтарей избъ. А какъ въ новоучрежденныхъ губерніяхъ, при иныхъ благоустроеніяхъ, здѣланы дороги по положенію и установлены почты, почтовые домы, съ опредѣленнымъ отъ обывателей или инаковымъ образомъ содержаніемъ, равно и въ Малой Россіи, за учрежденіемъ намѣстничествъ по положенію оныхъ, все то устроено быть должно: то и о семъ буду ожидать высочайшаго повелѣнія, тѣмъ паче, что всякіе новые сборы и наряды пресѣчены.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ,

Графъ *Петръ Румянцовъ-Задунайскій.*

23 числа августа 1781 года
Черешеньки.

Сообщ. **А. Ѳ. Кистяковскій.**

Библіографія.

Французскій этюдъ о Мазепѣ.

Графъ Евг. Мельхіоръ де-Вогюе, своей статьей о Л. Толстомъ заставившій недавно говорить о себѣ русскую печать, издалъ книгу очерковъ изъ русской исторіи («Le fils de Pierre le grand.—Mazeppa.—Un Changement de regne».—Paris, 1884). Включенный въ нее этюдъ о Мазепѣ появился раньше въ «Revue des deux mondes». Популярность этого журнала и общая распространенность французскихъ книгъ обращаютъ вниманіе на эту небольшую работу.

Автору знакомы близко труды русскихъ ученыхъ. Во вступленіи къ очерку онъ ссылается на историковъ Малороссіи: Костомарова, Соловьева и Бантышъ-Каменскаго. Имена эти названы не всуе. Въ своей исторической части очеркъ гр. Вогюе является, собственно говоря, миніатюрнымъ осколкомъ монографіи Н. И. Костомарова. Въ этомъ случаѣ авторъ послѣдовалъ примѣру Мериме, давшаго въ книгѣ «Les Cosaques d'autrefois» сокращенное изложеніе «Богдана Хмельницкаго». Мериме въ своей компиляціи не обошелся безъ оригинальныхъ «добавленій». Онъ замѣчалъ, напримѣръ, что Хмельницкому для европейской славы не доставало только «менѣе труднаго къ произношенію имени» (un nom moins difficile a prononcer). Отъ подобныхъ словечекъ французскаго журнализма не свободенъ и очеркъ гр. Вогюе.

Сообразно своей задачѣ—разсмотрѣть «легенду и исторію» Мазепы, авторъ и дѣлитъ разсказъ: онъ говоритъ сперва о Мазепѣ легендарномъ, Мазепѣ поэтовъ, потомъ, переходя къ историческому лицу, въ нѣсколькихъ чертахъ рисуетъ исторію края, гдѣ ему пришлось жить и дѣйствовать, даетъ очеркъ личности гетмана, разсказываетъ его романъ

съ Матреной Кочубей, переходъ на сторону Карла, полтавскую битву и бѣгство.

Еслибъ въ началѣ нашего вѣка, говоритъ гр. Вогюе, спросили объ этомъ имени въ собраніи сорока французскихъ академиковъ, то весьма вѣроятно поставили-бы «безсмертныхъ» въ большое затрудненіе. Популярность дала ему поэма Байрона. Однажды поэту попалась на глаза страница Вольтера. Нѣсколько бѣглыхъ строкъ о Мазепѣ въ стихахъ англійскаго генія облеклись въ образы и краски. Въ поэмѣ не было исторической правды, но была правда душевной жизни и мощь пламеннаго воображенія. Современное поколѣніе французскихъ читателей, замѣчаетъ авторъ, не знаетъ Байрона. Знаютъ-ли его читатели русскіе? Напрасно стали-бы они судить, напримѣръ, о байроновскомъ «Мазепѣ» по виршамъ г. Михаловскаго. Большая часть русскихъ переводовъ европейскихъ классиковъ заставляетъ людей незнакомыхъ съ подлинниками недоумѣвать, отчего этихъ писателей считаютъ великими.

Мазепа Виктора Гюго — не болѣе какъ маріонетка, посаженная на пресловутую дикую лошадь. Ея поэма изображаетъ изъ себя географическій кошмаръ. Неукротимый конь, уносящій въ степь Мазепу, «вскормленъ морскими травами» (nourri d'herbes marines). Онъ несется по «движущимся пескамъ» и, какъ въ хаосѣ, мелькаютъ передъ всадникомъ «города съ башнями и длинныя цѣпи мрачныхъ горъ» (villes et tours, monts noirs, liés en longues chaines).. Излюбленному французскому поэту, какъ вообще его соотечественникамъ, не мѣшаетъ помнить слова Вольтера: «Изъ всѣхъ наукъ географія нуждается всего болѣе въ обработкѣ. А до сихъ поръ въ людяхъ замѣтно болѣе склонности опустошать землю, чѣмъ изслѣдовать» [1]).

Послѣднимъ является Мазепа Пушкина. Гр. Вогюе подробно пересказываетъ содержаніе «Полтавы» и прекрасно передаетъ прозой выдержки изъ нея.

Историческій Мазепа, по мнѣнію автора, интересенъ не менѣе, чѣмъ Мазепа легендарный. Но изображеніе этого сложнаго характера, скажемъ мы, прочитавши очеркъ гр. Вогюе, очевидно труднѣе. Писатель останавливается преимущественно на анекдотической сторонѣ жизни Мазепы и для уразумѣнія его личности даетъ слишкомъ мало. Для этого надо-бы нарисовать картину того времени, переполненнаго въ южномъ краѣ внутренней борьбой. Но авторъ знаетъ своихъ читателей: «они не послѣдовали-бы за мной, еслибъ я на этомъ остановился», говоритъ онъ прямо. Поэтому онъ едва затрогиваетъ политику двадцатилѣтняго

---

[1]) «Histoire de l'empire de Russie». Tome I.

періода гетманства Мазепы, для характеристики которой трудъ Н. И. Костомарова давалъ такой богатый, готовый матеріалъ. Два другіе историческіе очерка гр. Вогюе обработаны въ этомъ отношеніи гораздо больше. Въ «Сынѣ Петра Великаго» онъ группируетъ донесенія резидентовъ и искусно пользуется такимъ источникомъ, какъ «Сборникъ историческаго общества». Въ исторіи воцаренія Павла Петровича онъ черпаетъ изъ современныхъ мемуаровъ и «Архива князя Воронцова». Тамъ меньше легенды, но больше исторіи. Владѣя искусствомъ легкаго и образнаго разсказа, авторъ даетъ увлекательные въ чтеніи очерки.

Въ общихъ чертахъ характеристика дѣятельности и личности Мазепы сходна у гр. Вогюе съ наблюденіями русскихъ историковъ. Подобно имъ, онъ признаетъ эгоизмъ господствующей чертой его натуры, въ его политикѣ видитъ стремленіе къ созданію «Новой Польши», въ его образѣ дѣйствій—постоянное вѣроломство. Онъ не щадитъ словъ для порицанія этого человѣка, но, помня, что онъ изслѣдователь отдаленной старины, а не взволнованный событіями современникъ, не закрываетъ глазъ и на характеръ самой эпохи. «О глухое и ужасное время, восклицаетъ онъ. Слава Петра не должна намъ мѣшать его видѣть! Когда знакомишься съ подробностями той жизни, когда вдыхаешь этотъ отравленный насиліемъ и низостью воздухъ, спрашиваешь себя, былъ-ли человѣкъ когда нибудь болѣе свирѣпымъ и отвратительнымъ, чѣмъ въ этомъ обществѣ инквизиторовъ и шпіоновъ. Венеція въ сравненіи съ Москвой XVII вѣка кажется довѣрчивой. Чтобы встрѣтить подобные нравы, надо вернуться къ Риму временъ Сеяна».

Какъ писанный по русскимъ источникамъ, трудъ гр. Вогюе не имѣетъ конечно для насъ самостоятельнаго значенія. Не можетъ онъ также идти въ сравненіи съ такими попытками ознакомленія съ природой и исторіей юга Россіи, какъ труды Элизе Реклю и Рамбо. Но значителенъ самый фактъ внесенія въ популярную французскую литературу непосредственнаго знакомства съ русскими учеными источниками. Такой пріемъ, утвердившись въ европейскихъ литературахъ, можетъ дать благіе результаты.

Пользуясь случаемъ, скажемъ нѣсколько словъ о произведеніяхъ западныхъ литературъ, какъ источникахъ южно-русской исторіи. Кажется въ этомъ отношеніи исчерпано не все. Капитальныя сочиненія, какъ Бопланъ, Шереръ, Энгель и т. п., конечно вошли въ источники этой исторіи обязательно. Но многое ускользаетъ еще отъ вниманія изслѣдователей. Просматривая, напримѣръ, французско-голландскіе антикварные

каталоги Мюллера [1]) (такъ назыв. Catalogues raisonés), встрѣчаемъ свѣдѣнія о такихъ вещахъ, о которыхъ ни словомъ не упоминается въ наиболѣе авторитетныхъ трудахъ по исторіи южной Руси.

Прежде всего газеты, обозрѣнія или «Меркуріи» той эпохи. Не забудемъ разницы, какую представляла въ то время восточная и западная Европа. Вспомнимъ, что въ то время, какъ Самойло Кошка, вырвавшись изъ турецкаго плѣна, носился по волнамъ Чернаго моря, въ то время, какъ за густыми днѣпровскими лозами цвѣло Запорожье, въ западной Европѣ уже существовали формы цивилизаціи, свойственныя нашему времени. Газетный отчетъ голландскаго «Меркурія» разсказывалъ о битвѣ Хмельницкаго подъ Збаражемъ.

Сорокъ томовъ «Mercurius Hollantze» обнимаютъ время съ 1650 по 1690 г. Уже въ первые годы встрѣчаются свѣдѣнія о козацкихъ дѣлахъ. Такъ въ 1651 году есть описаніе битвы поляковъ съ козаками и т. д.

Сборникъ Вассенера (Wassenaer, Historich Verlael. 1621—32), говоритъ Мюллеръ, былъ историческимъ обозрѣніемъ, выходившимъ два раза въ годъ. Какъ большая часть газетъ того времени, онъ обращалъ преимущественно вниманіе на страны отдаленныя. Много мѣста удѣлено восточной Европѣ. По южно-русской исторіи встрѣчаются свѣдѣнія въ т. IV, за 1622 г.— «Отступленіе козаковъ отъ польскихъ границъ» подъ 1625 г — «Козаки покидаютъ службу германскаго императора» и т. под. Изъ отдѣльныхъ трудовъ должна представлять интересъ книга нѣкоего Іостена Толька (Ioosten Tolck), озаглавленная въ французскомъ указателѣ такъ: «Origines et continuation des la guerre des cosaques, des Polonais, des Russes et des Suedois, depuis 1650 jusqu'en mai 1656, avec des descriptions des villes, des pays, des peuples e ct., par un amateur, temoin oculaire des evenements principaux». Amsterdam. 1657. По отмѣткѣ указателя, авторъ былъ очевидцемъ большинства описываемыхъ событій. Онъ былъ вѣроятно еврей и, въ качествѣ переводчика, сопровождалъ какого нибудь голландскаго дипломата, одного изъ тѣхъ, которые старались водворить вездѣ миръ, выгодный для ихъ торговой страны. Въ «Исторіи Яна Собѣскаго» Ванъ-деръ-Линде (Amsterd. 1685) есть очеркъ исторіи козачества. Слѣдующихъ книгъ указатели Мюллера даютъ только названія:

Lasitzki Ioz. De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificis, nuptiarum et funerarum ritu. Lipsiae. 1572.

---

[1]) *Friderie Muller*. Essai d'une bibliographie neerlando-russe. Amsterdam. 1859.—Catalogue de livres, atlas, portraits et planches sur la Russie. Amsterdam. 1870.

Herbinii Religiosae Kyovienses Cryptae sive Kyovia subteranea et in eo mortua a 600 annis, Divorum atque Heroum Graeco-Ruthenorum et nec dum corrupta corpora. Ienae. 1657.

Histoire de Pologne et du grand duché de Lithuanie, depuis la fondation de la monarchie jusqu'a present. Amsterd. 1698.

Neuville Relation curieuse de Moscovie, contenant l'etat present de cet empire, *les expeditions des Moscovites en Crimeé en 1689* ect. La Haye 1699.

Relation exacte de la bataille entre l'armée de Czar et celle de roi de Suede a l'heureuse journée de Poltava le 27 juin 1709.

De la Motraye Voyage en Europ', Asie, Afrique avec des relations fideles des evenements... *Des affaire et de la conduite du feu roi de Suede a Bender*. La Haye. 1727. Противъ этого сочиненія, гдѣ могутъ встрѣтиться свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ Мазепы, предостерегаетъ впрочемъ Вольтеръ въ своей «Histoire de l'empire de Russie».

Lesur. Histoire des Cosaques. Paris, 1814.

Kohe I. De Ukraine en Kleine-Russland, Groon. 1844.

Neumann K. F. Die Fölker d. sudl. Russlands in ihrer geschichtlische Entwickelung. Leipzig. 1847.

Pissot. Precis historique sur les Cosaques. Paris. 1812.

Нѣсколько иныхъ названій относятся къ книгамъ меньшаго значенія. Встрѣчаются и курьезы. Такъ существуетъ голландско-козацкій словарь и историческій романъ Чинскаго «Козакъ», вышедшій въ 1837 г. на голландскомъ языкѣ въ Гагѣ. Богатое собраніе старо-голландскихъ картъ и атласовъ возбуждаетъ особенно любопытство въ изданіяхъ Янсоніуса (1639 г.) и Блау (1649—64), гдѣ находятся отдѣльныя карты Украины, Покутья, Подоліи и т. д. У Блау, кромѣ того, есть четыре отдѣльныхъ карты Днѣпра, изъ которыхъ одна снята съ образца древняго. При этихъ картахъ находится описаніе Запорожья, мѣстности, нравовъ и обычаевъ запорожцевъ, которое сопровождается *рѣзанными на деревѣ изображеніями типовъ, одеждъ* и т. п.

Въ испанскомъ изданіи этого атласа, заманчиво прибавляетъ указатель, фигуры эти рѣзаны на мѣди. Атласъ Блау считался классическимъ, и кто знаетъ, до какого совершенства картографія и гравюра доведены были въ Голландіи въ старое время, у того еще болѣе явится желаніе съ нимъ познакомиться. Но для провинціальнаго любителя такія рѣдкости недостижимы! Не обратятъ-ли вниманіе на указанныя изданія и книги тѣ изъ нашихъ ученыхъ, кому доступны книжныя сокровищницы европейскихъ центровъ?

В. Горленко.

Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Часть первая. Томъ VI. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси (1322—1648). Кіевъ, 1883.

Не болѣе мѣсяца назадъ выпущено въ свѣтъ это изданіе кіевской Коммиссіи, помѣченное на обложкѣ 1883 годомъ. Коммиссія не объясняетъ ни этого страннаго на посторонній взглядъ, хотя и не значительнаго обстоятельства, ни того, почему столь долгое время, около пяти лѣтъ, не являлись ея изданія, при наличности рабочихъ силъ и достаткѣ денежныхъ средствъ. Оставляя отвѣтъ на это самой Коммиссіи, мы тѣмъ не менѣе съ живѣйшимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ это новое изданіе, какъ новый цѣнный вкладъ въ науку южно-русской исторіи. Редакція вышедшаго теперь тома актовъ принадлежитъ г. Оресту Левицкому, заявившему уже себя нѣсколькими прекрасными изслѣдованіями по наиболѣе важнымъ вопросамъ мѣстной исторіи. Изданный томъ актовъ представляетъ собою весьма объемистую книгу, въ которой 182 страницы составляютъ самостоятельный трудъ почтеннаго редактора подъ скромнымъ заглавіемъ «Предисловія», а 938 страницъ заняты самыми актами, личнымъ и географическимъ указателями и оглавленіемъ.

Настоящій томъ служитъ связующимъ звеномъ между двумя другими томами, изъ которыхъ одинъ вышелъ въ 1859 году подъ редакціей И. Д. Иванишева и заключаетъ въ себѣ собраніе актовъ, объясняющихъ состояніе западно-русской церкви въ періодъ предшествовавшій уніи 1596 года, а второй изданъ въ 1868 году подъ редакціей В. Б. Антоновича, собравшаго акты относящіеся къ исторіи уніи отъ 1648 по 1798 г. Но, кромѣ этихъ, коммиссіею разновременно изданы еще три тома однородныхъ актовъ и мы имѣемъ такое огромное собраніе матеріаловъ по исторіи уніи въ юго-западномъ краѣ, что для людей знакомыхъ съ общимъ планомъ работъ коммиссіи является самъ собою вопросъ о томъ, отъ чего коммиссія такъ много удѣлила мѣста для матеріаловъ по южно-русской церковной исторіи сравнительно съ исторіей политической и бытовой. Г. Левицкій, говоря отъ имени коммиссіи, начинаетъ свое «Предисловіе» именно отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Вотъ сущность его объясненія.

«Исторія юго-западной Россіи въ періодъ съ XVI по XVIII вѣкъ, есть попреимуществу исторія религіозныхъ волненій; борьба религій составляетъ главное содержаніе ея общественной, политической и культурной жизни». «Трудно найти, въ тогдашней жизни такое явленіе, которое не стояло-бы ни въ какой связи съ религіознымъ вопросомъ; напротивъ

можно сказать, что все, что случалось въ данный періодъ великаго и малаго, славнаго и позорнаго, полезнаго и гибельнаго—все это находится въ той или другой зависимости отъ религіозныхъ отношеній времени. Этимъ отношеніямъ южная Русь обязана, съ одной стороны, такими свѣтлыми явленіями, каковы: умственное и просвѣтительное движеніе XVI и XVII вв., дѣятельность церковныхъ братствъ, а съ другой такими крупными потерями, какъ денаціонализація ея высшихъ сословій и, наконецъ, такими тяжкими общественными катастрофами, какъ войны козацкія и гайдамацкое возстаніе. Отсюда понятно, почему вопросъ о религіозныхъ отношеніяхъ въ южной Руси ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесенъ къ спеціальной области церковной исторіи, но по всей справедливости долженъ составлять одинъ изъ главнѣйшихъ отдѣловъ общей исторіи края, ибо безъ предварительнаго всесторонняго изученія этого вопроса невозможно, строго говоря, ни общее уразумѣніе характера изучаемой эпохи, ни ясное и цѣлостное пониманіе отдѣльныхъ явленій и событій изъ различныхъ сферъ тогдашней политической и общественной жизни».

Мы съ намѣреніемъ сдѣлали эту длинную выписку изъ объясненія г. Левицкаго; она можетъ пригодиться и для читателей «Кіевской Старины», встрѣчающихъ въ нашемъ журналѣ не мало страницъ, посвященныхъ церковно-историческимъ изслѣдованіямъ и характеристикѣ дѣятелей «духовного стану».

Обратимся теперь къ самому изслѣдованію г. Левицкаго, которое онъ предпосылаетъ обработанному имъ тому актовъ. Оно слагается изъ двухъ частей: первая посвящена разъясненію вопроса о происхожденіи уніи, вторая трактуетъ о появленіи и распространеніи въ юго-западной Руси социніанскаго ученія. По видимому эти части ничѣмъ не соединены между собою; но существенная связь изслѣдуемыхъ авторомъ явленій заключается въ томъ, что социніанство, поражая боровшійся съ православіемъ католицизмъ и нанося ущербъ самому православію, тѣмъ самымъ облегчило введеніе уніи, обезсиливъ ряды защитниковъ православія.

Въ изслѣдованіи вопроса о происхожденіи уніи авторъ выступаетъ изъ той мысли, что перевороты, подобные уніи, не совершаются одною волею правительствъ, въ особенности столь безсильныхъ, какими на дѣлѣ всегда были правительства Польши и Литвы, а являются обыкновенно результатомъ какихъ-нибудь внутреннихъ, органическихъ поврежденій, нарушающихъ нормальный ходъ жизни даннаго общества. Указавъ за симъ на неудачныя попытки польскихъ королей Казимира и Александра ввести унію, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію причинъ,

сдѣлавшихъ введеніе ея возможнымъ въ правленіе Сигизмунда III и притомъ въ то время, когда латиняне были заняты борьбой съ протестанствомъ, сильно поколебавшимъ положеніе католицизма въ Польшѣ. Съ этой цѣлью онъ изслѣдуетъ церковно-общественныя отношенія въ предшествующіе уніи вѣка и изъ изслѣдованія этихъ отношеній дѣлаетъ выводъ, что основными чертами внутренняго строя западно-русской православной церкви въ періодъ приблизительно до половины XVI вѣка должно считать: а) избирательное начало въ замѣщеніи церковно-іерархическихъ должностей и б) широкое участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви.

Это счастливое единеніе церковно-общественныхъ силъ было источникомъ той внутренней крѣпости, какую обнаружила Русь въ тяжкую годину своей исторіи: благодаря ему, послѣ татарскаго разгрома, она оказалась въ состояніи подчинить даже своему вліянію литовское государство, а затѣмъ въ немъ-же она нашла силы для борьбы въ XV вѣкѣ противъ попытокъ польскихъ королей навязать ей флорентинскую унію. Но единеніе это подъ вліяніемъ польско-литовскаго государства рано или поздно должно было слабѣть, не смотря на полную вѣротерпимость польскихъ королей, оказывавшихъ покровительство даже православію: въ ихъ рукахъ было одно опасное орудіе, это — право «подаванья столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ», т. е. право пожалованія архіерейскихъ каѳедръ, монастырей и церквей. «Подаванье» не было собственно раздачей церковно-іерархическихъ должностей, а лишь пожалованіемъ новоизбранному кандидату права распоряженія церковными имѣніями, съ которыхъ отбывались въ пользу государства военная служба и другія повинности. По мѣрѣ безпрестанной передачи польско-литовскими государями служилымъ людямъ земельныхъ участковъ и перехода леновъ въ частную собственность право «подаванья» (jus patronatus) раздробилось впослѣдствіи между огромнымъ множествомъ лицъ. Нечего и говорить, что это право противорѣчило выработанному исторіей выборному началу въ русской церкви и необходимо должно было привести къ злоупотребленію имъ. Какъ извѣстно, избирательное начало было чуждо римско-католической церкви, основанной на строгомъ единовластіи; духовныя лица часто обращались къ римскому двору съ подкупами и искательствами для пріобрѣтенія духовныхъ сановъ, бенефицій и проч. Польскіе короли, подобно другимъ западно европейскимъ государямъ, вели борьбу противъ этихъ искательствъ и добились того, что взяли исключительно въ свои руки назначеніе духовныхъ сановниковъ и раздачу церковныхъ имѣній. Этотъ порядокъ они примѣнили и къ русской церкви и въ результатѣ получилось то, что замѣщеніе высшихъ церковныхъ должностей путемъ избранія почти совсѣмъ выходитъ изъ употребленія: среди православнаго

высшаго духовенства началась погоня за «духовными хлѣбами» и развилась въ сложную систему подкуповъ, происковъ и выпрашиванія епископій и архимандрій. Понятно само собой, что при такомъ способѣ раздачи высшихъ церковныхъ должностей не было вовсе обращаемо вниманіе на нравственныя качества претендента, слѣдствіемъ чего явилась нравственная распущенность и паденіе высшаго духовенства. Что касается до сельскаго населенія, то оно находилось въ полной зависимости отъ помѣщика, и потому ряды его пополнялись, по словамъ современника, «сметьемъ людскимъ, голодными и неуками». Въ лучшихъ сравнительно условіяхъ находились города, гдѣ мѣщане, пользуясь самоуправленіемъ удержали за собой право завѣдыванія церквями и выбора къ нимъ священниковъ. Поэтому-то, съ умноженіемъ злоупотребленій въ іерархической средѣ, когда въ обществѣ росло и зрѣло сознаніе ненормальности существовавшихъ церковныхъ порядковъ и отношеній и необходимости положить, наконецъ, предѣлъ дальнѣйшимъ злоупотребленіямъ, когда мысль о церковной реформѣ сдѣлалась общею, мѣщане, соединяясь въ братства съ лицами другихъ сословій, приняли на себя починъ въ дѣлѣ обновленія православной церкви. Авторъ не ставитъ своей задачей разрѣшеніе вопроса о происхожденіи южно-русскихъ братствъ и только мимоходомъ касается ихъ первоначальной исторіи; онъ обращаетъ на нихъ вниманіе, главнымъ образомъ, съ того времени, когда они вступаютъ въ борьбу съ іерархіей за цѣлость древнихъ церковныхъ порядковъ и обычаевъ. При этомъ г. Левицкій, вопреки общепринятому мнѣнію, будто именно борьба противъ католичества была главною причиною, вызвавшею быстрое размноженіе братствъ въ концѣ XVI вѣка, предполагаетъ, что и это явленіе, подобно многимъ другимъ, было вызвано къ жизни не внѣшними, а внутренними условіями тогдашняго состоянія западно-русской церкви. Въ виду требованій времени, напримѣръ, львовскимъ братствомъ былъ выработанъ уставъ, утвержденный антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ 1-го января 1586 года; въ силу этого устава братство получило право суда надъ своими свѣтскими и духовными членами и даже право церковнаго отлученія, братчики могли участвовать въ епископскомъ судѣ и сдерживать произволъ своего владыки; въ случаѣ злоупотребленій послѣдняго они освобождались отъ подчиненія ему. Немного позже, константинопольскій патріархъ совершенно освободилъ львовское и виленское братство отъ власти архіереевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ члены братства могли непосредственно приносить жалобы на епископовъ самому патріарху. Слѣдствіемъ этого было то, что братства постепенно и настойчиво стараются простереть свое вліяніе на высшее управленіе дѣлами всей западно-русской церкви, входятъ поэтому въ столкновеніе

съ іерархіей, стремившейся къ самовластію, по образцу католической іерархіи, вызываютъ въ русскомъ духовенствѣ вражду къ себѣ и ведутъ съ нимъ борьбу, окончившуюся расколомъ и отпаденіемъ высшей іерархіи отъ православія. Въ борьбѣ своей съ братствами, епископы находили себѣ поддержку въ католическомъ духовенствѣ и іезуитахъ; между тѣми и другими существовали дружескія отношенія, приведшія русскихъ іерарховъ къ подчиненію Риму, которое и было объявлено на Брестскомъ соборѣ въ 1596 году. На Брестскій соборъ г. Левицкій смотритъ поэтому, какъ на актъ окончательнаго разрыва между двумя направленіями, давно уже обозначавшимися внутри западно-русской церкви: клерикально іерархическимъ и соборнымъ. Первое изъ этихъ направленій, какъ несогласное съ духомъ православія, выдѣлилось теперь изъ него и примкнуло къ своему естественному союзнику—латинству, разсчитывая при его помощи рано или поздно достигнуть преобладанія надъ направленіемъ ему противоположнымъ. Ближайшимъ-же поводомъ къ этому разрыву, повторяетъ въ заключеніи авторъ, послужило церковно-преобразовательное движеніе, предпринятое по иниціативѣ братствъ и, вообще міранъ, а далѣе борьба, возникшая вслѣдствіе упорнаго противодѣйствія такому движенію со стороны высшей іерархіи.

Таково мнѣніе г. Левицкаго по вопросу о происхожденіи уніи. Онъ иллюстрируетъ свои положенія многочисленными историческими примѣрами и такимъ образомъ рисуетъ живую картину церковно-общественныхъ отношеній въ эпоху, предшествовавшую уніи, когда для послѣдней подготовлялась только почва. Это мнѣніе, основанное на всестороннемъ изученіи государственной, общественной и частной жизни того времени, обнаруживаетъ односторонность и несостоятельность господствовавшаго до сихъ поръ взгляда на унію, какъ на политическую мѣру, принятую правительствомъ съ цѣлью ассимиляціи русскаго населенія съ польскимъ. Мы въ свою очередь готовы были-бы назвать мнѣніе г. Левицкаго одностороннимъ, если-бы онъ и за прежнимъ взглядомъ не признавалъ извѣстной доли истины; намъ кажется однако, что авторъ умаляетъ его значеніе, допуская лишь, что польскіе короли впослѣдствіи уже воспользовались уніей, какъ средствомъ для ополяченія края и введенія въ немъ католичества. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣлѣ возникновенія уніи существовали два теченія—внѣшнее и внутреннее и оба вели къ одному и тому-же результату. Тѣмъ не менѣе г. Левицкій представленнымъ имъ теперь рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи уніи оказываетъ существенную услугу наукѣ: своимъ изслѣдованіемъ онъ какъ-бы приподнялъ завѣсу, за которой скрывались главныя дѣйствующія пружины, самый механизмъ тогдашней жизни и мы увидѣли, какъ все было просто, естественно и послѣдовательно.

Вторая часть «предисловія» г. Левицкаго касается другаго, не менѣе важнаго для исторіи возникновенія уніи вопроса—судьбы одной изъ протестантскихъ сектъ, именно социніанства, въ южной Россіи, судьбы, ни разу до селѣ не подвергавшейся научной разработкѣ. Изслѣдованіе о социніанахъ пріобрѣтаетъ тѣмъ большую важность, что оно основано на документахъ, впервые появляющихся въ свѣтъ, и на такихъ, хотя и печатныхъ, сочиненіяхъ, которыя въ настоящее время составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость. Однимъ словомъ, мы смотримъ на эту часть работы г. Левицкаго, какъ на цѣльную новую главу въ общей исторіи религіознаго и умственнаго движенія въ юго-западной Россіи; въ этой части авторъ наблюдаетъ сначала зарожденіе социніанства въ Швейцаріи, слѣдитъ за его распространеніемъ въ Западной Европѣ и переходомъ въ Польшу, Литву и Южную Россію, анализируетъ социніанскую доктрину, указываетъ на труды социніанъ по организаціи своихъ общинъ, увеличенію ихъ числа и заведенію академій и школъ, обращаетъ вниманіе на сочувствіе и поддержку секты многими знатными южнорусскими родами, на принятіе послѣдними социніанскаго вѣроученія и на борьбу соединенными силами социніанства и православія противъ гоненій господствующей католической церкви, борьбу, окончившуюся наконецъ гибельно для сектантовъ во время казацкихъ войнъ. Мы не будемъ оставливаться долѣе на содержаніи исторіи южно-русскихъ социніанъ, такъ какъ изслѣдованіе объ этомъ было помѣщено въ «Кіевской Старинѣ» за 1882 г. и извѣстно постояннымъ читателямъ нашего журнала; пожелаемъ лишь, чтобы авторъ продолжалъ такъ удачно начатыя имъ розысканія матеріаловъ по исторіи протестанства и чтобы съ его легкой руки было предпринято изданіе такихъ-же матеріаловъ сѣверо-западными археографическими коммисіями, потому что протестантское движеніе шло съ сѣвера на югъ, а не обратно.

Въ разсматриваемомъ нами VI томѣ «Архива юго-западной Руси» заключается 326 актовъ, изъ коихъ $^{9}/_{10}$ заимствованы изъ актовыхъ книгъ Кіевскаго центральнаго архива, этого богатаго древлехранилища нашего края. Изданные акты сообщаютъ данныя о мѣрахъ польскаго правительства къ проведенію въ южной и западной Россіи церковной уніи и о противодѣйствіи этимъ мѣрамъ со стороны православныхъ; о церковной іерархіи, какъ православной, такъ и уніатской, о положеніи южно-русскихъ православныхъ монастырей, ихъ матеріальномъ обезпеченіи и внутреннемъ бытѣ; о православныхъ церковныхъ братствахъ и преимущественно о судьбѣ братства луцкаго; о церковныхъ школахъ и вообще о состояніи просвѣщенія въ юго-западной Руси въ данное время; объ успѣхахъ уніи и религіозныхъ преслѣдованіяхъ православныхъ

со стороны представителей уніатской партіи; о сношенія южно-русскаго духовенства и въ частности кіевскаго братства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Михаила Θеодоровича, о состояніи религіозности въ южно-русскомъ обществѣ въ данное время, о распространеніи въ юго-западной Руси антитринитарской или социніанской секты, возникновеніи социніанскихъ училищъ и вообще объ ея успѣхахъ и тѣхъ гоненіяхъ, какимъ подверглись послѣдователи этой секты со стороны католическаго духовенства и правительства, и наконецъ — документы, характеризующіе внутренній бытъ, общественныя отношенія и нравы южно-русскаго духовенства, какъ низшаго, такъ и особенно высшаго. Сюда-же относятся акты, заключающіе въ себѣ біографическія черты изъ жизни и дѣятельности выдававшихся южно-русскихъ архіереевъ данной эпохи, преимущественно тѣхъ, которые принимали главное участіе въ проведеніи церковной уніи, какъ Кириллъ Терлецкій и Ипатій Потѣй. И этотъ разнообразный и важный матеріалъ изслѣдованъ г. редакторомъ только въ нѣкоторыхъ частяхъ (вопросъ о происхожденіи уніи, исторія социніанства и біографія Кирилла Терлецкаго). Съ интересомъ будемъ ждать и надѣяться, что г. Левицкій не остановится на сдѣланномъ имъ теперь изслѣдованіи и доведетъ разработку изданныхъ актовъ до конца съ такимъ-же успѣхомъ и искусствомъ, какое мы привыкли до сихъ поръ встрѣчать въ его трудахъ.

Что касается до самыхъ актовъ, то мы находимъ, что одно чтеніе ихъ можетъ доставить любителю старины нѣсколько пріятныхъ часовъ, вызывая въ немъ самыя разнообразныя чувства. Акты переносятъ насъ въ то отдаленное время, когда происходили описываемыя событія; въ нихъ мы не только читаемъ полный образности, полурусскій, полупольскій языкъ того времени, но будто слышимъ разговаривающихъ; мы какъ-бы присутствуемъ «на уряде кгродскомъ, въ замку его королевской милости» и готовы, пожалуй, считать себя намѣстникомъ подстаросты «ad hunc solum actum ужитымъ», передъ которымъ «постановляются очевисто ку записованю до книгъ» князья и земяне, бояре и крестьяне, епископы и бискупы, игумены и пріоры, священники и каноники и проч., и проч., «оскаржаючисе велико обтяжливе и вельми плачливе» и со словъ этихъ «протестуючихъ се» въ нашемъ воображеніи воскресаютъ картины наѣздовъ, разбоевъ и всякаго рода насилій «надъ людьми спокойными, никому ничого невинными и правомъ посполитымъ обвароваными»; въ этой сумятицѣ, въ этой борьбѣ «племенъ, нарѣчій, состояній» передъ нашимъ умственнымъ взоромъ проходятъ всѣ сословія того времени: духовныя и свѣтскія, высшія, среднія и низшія, даже дѣти и убогіе; мы живо видимъ разоренные монастыри и храмы, раз-

грабленные и сожженные укрѣпленные замки и дома и беззащитныя жалкія халупы; мы слышимъ стоны раненыхъ и плачъ перепуганныхъ женщинъ и дѣтей . . . . . И все это творилось во имя религіи, требующей любви къ ближнему! Да, тяжелое то было время, и, читая изданные г. Левицкимъ акты, мы какъ-бы переживаемъ это самое время.

Многое можно было-бы сказать еще по поводу изданныхъ теперь матеріаловъ для нашей исторіи; но мы и безъ того не въ мѣру удлинили наше сообщеніе. Для обозначенія ихъ интереса въ самыхъ мелочахъ, укажемъ лишь два-три примѣра.—Кому неизвѣстна горькая доля возныхъ (въ родѣ судебныхъ приставовъ нашего времени), которые обязаны были развозить обвиняемымъ позвы къ суду и совершать вводы во владѣніе? Въ тотъ вѣкъ всеобщаго самоуправства и насилія ихъ гнали и били, надъ ними всячески ругались, чтобы только отбить у нихъ охоту исполнять судебныя рѣшенія и приговоры. И вотъ жалостное заявленіе одного изъ нихъ по такому случаю. Люблинскій воевода поручилъ вручить, кому слѣдуетъ, позвы къ суду по дѣлу объ отравленіи луцкимъ архіереемъ Кирилломъ Терлецкимъ жидичинскаго архимандрита Гедеона Балабана; изъ всѣхъ позвовъ остался не врученнымъ одинъ, и возный пишетъ на немъ... не извиненіе, не объясненіе должностнымъ лицемъ причинъ, почему возложенное на него порученіе не могло быть исполнено имъ, а униженную мольбу: «радъ-бы давалъ (неврученный позовъ), да лихо: у Гуляникахъ есть жолнѣрс; боюся, штобъ мя не шарпнено. Прошу, милый пане, не рачъ мѣти за зле на мене, але рачъ, яко панъ мой милостивый, выбачити на мене убогого служебника» (точно вотъ говоритъ Даніилъ Заточникъ).—А то вотъ картина: жидичинскій архимандритъ сидитъ на церковной крышѣ пять дней въ плѣну у своего противника Кирилла Терлецкаго и оттуда намѣревается сдѣлать вооруженное нападеніе на послѣдняго. Или: житомирскіе мѣщане заявляютъ на судѣ, что они видѣли у священника Федора Безежа книги въ сундукѣ и что съ одной изъ нихъ онъ проходилъ по базару. Ну что, кажется, страннаго въ томъ, что православный священникъ имѣетъ книги? А между тѣмъ объ этомъ доносятъ въ судъ. Ужъ не заподозрили-ли мѣщане въ о. Федорѣ социніана, человѣка образованнаго, тогда какъ ихъ священники были, по большей части, «неукове?»

Въ ряду актовъ настоящаго тома стоитъ особнякомъ, рѣзко выдѣляясь изъ остальныхъ, одинъ документъ, попавшій сюда какъ нельзя болѣе кстати, это апокрифическое сказаніе о нарожденіи въ 1634 году въ Вавилонской землѣ антихриста («Исторія, албо новина о анѣтихристѣ»). Не пускаясь въ подробное изслѣдованіе его, скажемъ только,

что наблюденія надъ исторіей христіанскихъ народовъ показываютъ, что всѣ важные переломы въ общественной жизни сопровождаются толками суевѣрныхъ людей о пришествіи антихриста; эти толки записываются потомъ, или же просто сочиняются начетчиками Апокалипсиса и составляютъ довольно обширную литературу. Таково-же, конечно, происхожденіе и настоящей «новины», явившейся вслѣдъ за церковной реформой 1596 года. Она родилась, можно думать, въ протестантской средѣ, въ которой Вавилономъ считался Римъ и антихристомъ—самъ папа; впослѣдствіи уже сказаніе стало обращаться и между православнымъ населеніемъ Руси. Въ сѣверо-русской апокрифической литературѣ существовала около этого-же времени «Книга о правой вѣрѣ», въ которой появленіе антихриста приводилось въ связь съ этими эпохами: раздѣленіемъ церквей и брестской уніей. Отсюда понятно, почему владимірскій епископъ Иватій Потѣй вооружался противъ отождествленія папы съ антихристомъ и старался доказать, что между папой и апокалипсическимъ антихристомъ нѣтъ ничего общаго.

Въ заключеніе не можемъ не выразить своего удовольствія, вызваннаго въ насъ приличною внѣшностью книги, и не посѣтовать на нѣсколько высокую цѣну послѣдней, въ виду ея интереса и желанія ей большей распространенности и большаго круга читателей.

И. Каманинъ.

А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій. Акты греческаго нѣжинскаго братства. Кіевъ, 1884 года.

Подъ этимъ заглавіемъ почтенный профессоръ Ѳедотовъ-Чеховскій издалъ сборникъ грамотъ и документовъ, подлинники которыхъ хранились до недавняго времени при греческой церкви въ г. Нѣжинѣ. Въ сборникѣ помѣщено 58 документовъ, которые издатель распредѣлилъ на два отдѣла: 1) грамоты греческихъ іерарховъ и кіевскихъ митрополитовъ и 2) универсалы гетмановъ. Документы перваго отдѣла относятся къ исторіи греческой церкви въ Нѣжинѣ и существовавшаго при ней церковнаго греческаго братства, во второмъ-же отдѣлѣ мы встрѣчаемъ документы, относящіеся къ самоуправленію и опредѣляющіе льготы и привиллегіи греческой нѣжинской торговой общины.

Древнѣйшій по времени документъ относится къ 1657 году; это универсалъ Богдана Хмельницкаго, изданный 2 мая, въ которомъ гетманъ «приохочуючи грековъ купцовъ, абы въ сторону нашу зъ разными товарами приѣзжаючи, выгодою людемъ были», освобождаетъ греческихъ

пріѣзжихъ торговцевъ отъ мѣстныхъ полковыхъ и магистратскихъ судовъ и разрѣшаетъ имъ въ дѣлахъ торговыхъ судиться «самимъ межи собою». Мѣсяцъ спустя Хмельницкій издалъ другой универсалъ, которымъ предоставилъ греческимъ пріѣзжимъ купцамъ право безпошлинной торговли во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Украины. Эти двѣ льготы: право самосуда и освобожденіе отъ пошлинъ подтвердили одиннадцатью универсалами преемники Хмельницкаго, гетманы: Иванъ Выговскій, Юрій Хмельницкій, Иванъ Брюховецкій, Павелъ Тетеря и Иванъ Самойловичъ. Изъ нихъ только Тетеря попытался наложить пошлину на нѣкоторые товары: мѣха, шелковыя ткани и драгоцѣнные камни и металлы, привозимые купцами греческими, турецкими и армянскими; но попытка эта очевидно не утвердилась, потому что позднѣйшіе универсалы не повторяютъ распоряженія Тетери. Впрочемъ всѣ эти льготы относились только къ грекамъ пріѣзжимъ. Первое свѣдѣніе о поселеніи въ Нѣжинѣ греческой купеческой общины мы встрѣчаемъ въ универсалѣ гетмана Самойловича отъ 28 ноября 1675 года; документъ этотъ обезпечиваетъ право самосуда «купцамъ чужеземскимъ, грекамъ и волохамъ, на сей часъ въ Украинѣ мешкаючимъ» и запрещаетъ мѣстнымъ магистратамъ, «особливе майстратови нѣжинскому», привлекать ихъ къ своему суду. Въ 1687 году гетманъ Мазепа подтвердилъ греческимъ купцамъ, «въ Нѣжинѣ найдуючимся», право самосуда, за исключеніемъ «справъ трудныхъ и криминаловъ», которые должны были разсматриваться въ генеральномъ войсковомъ судѣ. Затѣмъ встрѣчаемъ семь универсаловъ, изданныхъ гетманами: Мазепою и Апостоломъ, генеральною канцеляріею во время между-гетманства, фельдмаршаломъ Минихомъ и нѣжинскимъ полковникомъ Петромъ Толстымъ, которые подтверждаютъ старыя льготы нѣжинской греческой общины и прибавляютъ къ нимъ новыя: освобожденіе грековъ отъ военнаго постоя, отъ обязанности доставлять подводы и уплачивать подворную подать.

Поселившись въ Нѣжинѣ, греческая община немедленно озаботилась постройкою своей церкви; уже въ 1680 году существовалъ греческій храмъ во имя св. Михаила и Гавріила и константинопольскій патріархъ Іаковъ утвердилъ при этой церкви приходскаго священника Христофора. Въ томъ-же году Христофоръ былъ утвержденъ въ должности приходскаго священника и Лазаремъ Барановичемъ, изъявившимъ въ своей грамотѣ согласіе на то, чтобы служба церковная въ нѣжинской церкви отправлялась на греческомъ языкѣ. Въ 1696 году нѣжинскіе греки устроили при церкви церковное братство и получили на то благословительную грамоту отъ кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго, въ которой митрополитъ передаетъ братчикамъ попеченіе о церкви,

завѣдываніе церковными доходами, разрѣшаетъ братству выбирать и смѣнять священниковъ съ своего благословенія, подчиняетъ нѣжинское братство исключительно своей духовной власти, устраняя всякую его зависимость отъ мѣстныхъ церковныхъ властей и разрѣшаетъ братчикамъ устроить школу «ради ученія отроковъ письмени греческого» и «шпиталь ради пристанища и пропитанія убогихъ и недужихъ». Изъ грамоты митрополита мы узнаемъ, что въ вѣдѣніи братства въ то время, кромѣ первоначальной церкви деревянной во имя св. Михаила и Гавріила, находилась другая каменная церковь «Всѣхъ Святыхъ».

Нѣжинское церковное братство пользовалось постояннымъ покровительствомъ кіевскихъ митрополитовъ; мы встрѣчаемъ въ сборникѣ г. Ѳедотова-Чеховскаго цѣлый рядъ грамотъ митрополитовъ: Іасафа Кроковскаго, Варлаама Ванатовича, Рафаила Заборовскаго, Тимофея Щербацкаго, Арсенія Могилянскаго, Гавріила Кременецкаго и Самуила Миславскаго. Въ грамотахъ этихъ митрополиты подтверждаютъ первоначальныя льготы и привиллегіи братства, прибавляютъ къ нимъ новыя согласно просьбамъ братчиковъ, охраняютъ самоуправленіе братства отъ вмѣшательства нѣжинскихъ протопоповъ и т. п. Наравнѣ съ митрополитами свѣтскія власти также оказываютъ покровительство нѣжинскому церковному братству; гетманы: Мазепа, Скоропадскій, Апостолъ и Разумовскій издаютъ десять универсаловъ подтверждающихъ существованіе братства, а также освобождаютъ братскіе дома, постройки и вообще всякое братское имущество отъ всѣхъ общественныхъ податей и повинностей.

Изъ этого краткаго перечня содержанія актовъ, изданныхъ г. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, видно все историческое значеніе его сборника. Документы эти даютъ возможность прослѣдить образованіе и постепенный ростъ греческой нѣжинской колоніи въ теченіи полутораста лѣтъ и могутъ послужить весьма цѣльнымъ и существеннымъ матеріаломъ для составленія монографіи объ исторіи этой колоніи. Конечно, мы считаемъ долгомъ признать, что почтенный издатель оказалъ цѣнную услугу для разработки отечественной исторіи, издавъ весьма тщательно и вполнѣ научно открытые имъ и собранные документы, которые въ противномъ случаѣ вѣроятно-бы разсѣялись и исчезли для исторической науки, такъ какъ послѣ упраздненія самостоятельнаго греческаго магистрата въ Нѣжинѣ, отдѣльный архивъ его перестадъ также существовать и, пока мы не знаемъ, гдѣ нашла пріютъ его цѣнная коллекція грамотъ, копіи которыхъ изданы г. Ѳедотовымъ Чеховскимъ.

В. А.

Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 7-й. Сост. редакторъ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, А. Андріевскій. Кіевъ. 1884 годъ.

Надо имѣть не просто любовь, но нѣкоторую даже страсть къ архивнымъ изысканіямъ и наукѣ исторической, чтобы вести столь мало привлекательный и матеріально неблагодарный, но весьма полезный для мѣстной исторіи трудъ, какой вотъ уже третій годъ неутомимо ведетъ редакторъ неофиціальной части Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей г. Андріевскій. Въ три года 7-мъ выпусковъ—трудъ для одного лица не маловажный, а если принять во вниманіе, что въ этихъ выпускахъ не цѣльныя дѣла, способныя увлечь богатствомъ своего содержанія, но обрывки дѣлъ, давно обреченныхъ на гніеніе и совершенное уничтоженіе, то цѣна труда г. Андріевскаго еще болѣе возвышается. Будущій историкъ Кіева и края въ изданіяхъ г. Андріевскаго найдетъ много, правда, мелкаго, раздробленнаго, но тѣмъ не менѣе весьма цѣннаго и пригоднаго для общихъ работъ матеріала.

Такимъ матеріаломъ не скуденъ и настоящій 7-й выпускъ. Передадимъ вкратцѣ его содержаніе.

Всѣ свѣдѣнія его относятся къ половинѣ прошлаго столѣтія. Два отрывка изъ дѣлъ о привилегіяхъ кіевскаго магистрата дополняютъ свѣдѣнія 3-го выпуска о борьбѣ, которую велъ магистратъ въ предшествовавшіе вѣка и въ это время за принадлежавшіе ему издавна пригороды Куреневку и Пріорку. При польскомъ владычествѣ земельныя угодья этихъ пригородовъ и смежнаго съ ними Оболонья захватывали латинскіе бискупы и ксендзы, армяне и жиды, теперь-же магистрату приходилось отстаивать ихъ отъ войсковой генеральной канцеляріи, которая притягивала жителей этихъ пригородовъ къ отбыванію общенародныхъ податей и повинностей. Цѣлымъ рядомъ выписокъ изъ грамотъ польскихъ королей, гетманскихъ универсаловъ и царскихъ грамотъ магистрату удается отстоять свое давнее право на владѣніе всѣми землями названныхъ предмѣстій и полученіе доходовъ отъ тамошнихъ обывателей.

Тянувшееся 40 лѣтъ дѣло о вознагражденіи кіево-печерской лавры за взятыя отъ нея подъ крѣпость земли, какъ видно изъ помѣщенной здѣсь переписки, закончено въ 1744 г. пожалованіемъ лаврѣ во владѣніе въ лубенскомъ полку села Хоружевки съ слободками Гамалѣевкою и Антоновкою, принадлежавшими нѣкогда канцлеру Головкину. Отъ лавры, какъ оказывается по выведеннымъ теперь справкамъ, взято подъ крѣпость 70 десятинъ земли, но какой земли? На ней находились лаврскіе сады, виноградники и огороды, помѣщалось чиншевыхъ мѣ-

щанъ 500 дворовъ, крестьянъ черной работы 390 и монастырскихъ слугъ 65, всего 955 дворовъ, торговыхъ лавокъ 121, склады для товаровъ, базарная и ярмарочная площадь и наконецъ такъ называемая Неводницкая пристань съ перевозомъ чрезъ Днѣпръ. Словомъ: тутъ было обширное, многолюдное помѣстье, тянувшее къ лаврѣ и платившее ей богатую дань деньгами и натурою, простиравшуюся и по тогдашнему счету до нѣсколькихъ тысячъ рублей. Тщетно добивалась лавра при Петрѣ и его преемникахъ какого либо вознагражденія за отобранную у нея недвижимость и поступавшіе отъ нея доходы, а когда наконецъ явилась надежда на это вознагражденіе, сама добровольно отказалась отъ возмещенія ея убытковъ за всѣ 40 лѣтъ, что составило-бы громадную по тому времени сумму.

Дѣло о перенесеніи печерскаго рынка съ одной стороны лавры на другую представляетъ образчикъ давняго хозяйничанья инженеровъ и артиллеристовъ въ печерской части Кіева, носившей тогда названіе Печерской слободы. Послѣ сорока лѣтъ отъ заложенія крѣпости инженеры открыли, что печерскій рынокъ находится не въ узаконенномъ разстояніи отъ гласиса оной, и потребовали сломки всѣхъ торговыхъ и жилыхъ помѣщеній и перенесенія ихъ на такое мѣсто, съ котораго рынокъ не закрывалъ-бы вида на крѣпость. Захваченные въ расплохъ торговцы и прочіе поселенцы очутились въ большемъ затрудненіи, такъ какъ, кромѣ расходовъ по переноскѣ домовъ и лавокъ, за новыя избранныя ими на лаврской землѣ мѣста, кіево-печерская лавра потребовала непомѣрно высокую арендную плату. Инженеры напирали, лавра не уступала. Выручилъ изъ бѣды архимандритъ сосѣдняго пустынно-николаевскаго монастыря Назарій Солонина, предложившій на болѣе льготныхъ условіяхъ свободныя мѣста, принадлежавшія его монастырю на главной проѣзжей отъ него улицѣ въ крѣпость и лавру. Перенесеніе рынка состоялось, дома, лавки и лари устроены на новомъ мѣстѣ. Прошелъ годъ. Вдругъ артиллерійскому генералу Беренсу пришла мысль на этой самой землѣ строить цейхгаузъ и онъ потребовалъ сломки только что возведенныхъ строеній и перенесенія рынка на другое отдаленное мѣсто. Возникла жаркая переписка. Генералъ-губернаторъ не желалъ допускать «толь народнаго отягощенія», Беренсъ признавалъ указанное ему новое для цейхгауза мѣсто «за весьма не способное» и грозилъ представить по своей командѣ. Подобная же съ пререканіями переписка загорѣлась и изъ-за лавокъ построенныхъ на лаврской землѣ: съ разрѣшенія генералъ-губернатора онѣ отнесены были на 114 саженъ отъ гласиса, инженеры-жъ добивались отнести на 130 саженъ, «по силѣ указу». Чѣмъ кончилась та и другая, за неполностью дѣлъ осталось неизвѣстнымъ.

Пререканія властей и безплодность переписки выступаютъ въ дѣлахъ слѣдующаго 1745 г. о постройкѣ лавокъ въ старокіевской крѣпости и починкѣ моста на Днѣпрѣ на средства кіевскаго полка, самыя же дѣла даютъ нѣкоторыя данныя для топографіи Кіева.

Значительный интересъ для бытовой исторіи Кіева и края даетъ рядъ дѣлъ о пожарахъ въ Кіевѣ 1769—1774 г. и мѣрахъ противъ нихъ предпринимавшихся. Тогдашній Кіевъ представляетъ собою массу деревянныхъ лачугъ, скученныхъ въ особенности на Подолѣ, а среди нихъ по множествѣ разбросаны кузницы и винокурни. Не мудрено, что при тогдашнемъ безшабашномъ пьянствѣ и небрежномъ обращеніи съ огнемъ пожары то и дѣло возникали. Но искали поджигателей, устраивали караулы, ловили подозрительныхъ людей... Являлись подметныя письма; атаманъ заграничнаго с. Василевщины Кислицкій письменно извѣщалъ вахмистра въ м. Обуховѣ Сороколѣтова, что «изъ Бѣлой Церкви ляхи послали 20 паліевъ, чтобы весь Кіевъ спалить, и просилъ о томъ донести кіево-губернской канцеляріи, чтобы не запропастить Кіева». Охраняли отъ пожаровъ перестройка кузницъ по новому способу, установка лѣстницъ и бочекъ съ водою на домахъ, а главное—большая осторожность въ обращеніи съ огнемъ, вызванная частыми пожарами. Единственное цѣнное въ этихъ дѣлахъ историческое извѣстіе, это то, что на Печерскѣ сгорѣла *древняя* церковь во имя св. Владиміра, которую, «пріемля во уваженіе древность ея», тогда-же велѣно было сенатскимъ указомъ возобновить.

Изъ дѣла 1754 г. о починкѣ Крещатицкаго взвоза случайно узнаемъ, что, кромѣ монастырскихъ и частныхъ виноградниковъ, на михайловской горѣ существовалъ виноградникъ, принадлежавшій казнѣ. Дѣла о продажѣ кіевскимъ грекомъ Кармалѣемъ въ Вроцлавлѣ ревеня, а также о покупкѣ запорожцемъ Чубомъ у кіевскаго мѣщанина Кошубы пороху, показываютъ, какой страхъ и ужасъ производили иногда мелочные случаи нарушенія казенныхъ монополій. Послѣднее дѣло возникло по жалобѣ магистрата на запорожца Мамая, который «днемъ и ночью изъ ружья стрѣлялъ» въ своей квартирѣ.

Но самый большій бытовой интересъ даютъ помѣщенныя въ концѣ «Выпуска» дѣла о корчемствѣ 1737—1763 г. Въ вопросѣ о куреніи и продажѣ водки заключался едва-ли не самый главный жизненный нервъ тогдашняго Кіева. Прежде всего тутъ царилъ царевъ кабакъ и дѣйствовалъ великороссійскій откупъ; по рядомъ съ нимъ дѣйствовали вольныя винокурни и шинки, закрѣпленные привилегіями польскихъ королей и гетманскими универсалами. Если кабакъ мирно конкуррировалъ съ шинкомъ, то владѣтели шинковъ вели жесточайшую борьбу между собою и съ лицами, не имѣющими права шинковать. Главнымъ монополистомъ по части раздробительной продажи питей былъ кіевскій магистратъ; но ему сильный подрывъ дѣлали кіевскіе монастыри, ибо каждый изъ нихъ имѣлъ по нѣскольку шинковъ, а у лавры между многими была знаменитая Самара. Магистратъ издавна оспаривалъ права монастырей и не рѣдко происходили настоящія битвы между его и монастырскими агентами и служителями. Правомъ куренія для оптовой продажи и домашней потребы пользовались козаки кіевскаго полка, а за

чертою Подола жители с. Плоскаго, поселившіеся на земляхъ Кирилловскаго монастыря. Далѣе за Днѣпромъ, въ гетманщинѣ, всюду вольное куреніе и вольная продажа. Вольное-же куреніе и вольная продажа существовали и въ пограничныхъ польскихъ владѣніяхъ. Дешевую водку проносили и провозили въ Кіевъ отовсюду; въ самомъ Кіевѣ она получалась тайкомъ изъ винокурень и складовъ козачихъ. Шинкованье, какъ и выкурка водки, при тогдашнемъ неимовѣрномъ ея потребленіи, составляло статью дохода въ хозяйствѣ каждаго обывателя. Но всякая частная продажа водки и подвозъ оной со стороны шли въ подрывъ доходовъ города. Магистратъ изыскивалъ всѣ возможныя средства къ пресѣченію корчемства: слѣдилъ за провозомъ и проносомъ, производилъ обыски въ частныхъ домахъ, испрашивалъ разрѣшеніе на осмотръ домовъ и складовъ казачей старшины, ставилъ караулы изъ собственной стражи, подкрѣплялъ ихъ солдатами изъ крѣпостныхъ гарнизоновъ, писалъ жалобы, велъ процессы съ нарушителями его монополіи,—ничто не помогало. Каждый шагъ его въ этомъ направленіи вызывалъ отчаянное сопротивленіе со стороны преслѣдуемыхъ, каждая попытка накрыть корчемниковъ, заарестовать провозимое, проносимое или хранимое вино сопровождались отчаянными схватками съ обѣихъ сторонъ и оканчивалась жестокими побоями, ранами, увѣчьями, не рѣдко смертоубійствомъ. Тутъ боролись главнымъ образомъ двѣ силы: съ одной стороны магистратъ, опиравшійся на свои древнія привилегіи и располагавшій для подкрѣпленія своихъ правъ множествомъ урядниковъ и городовою стражею, съ другой козаки кіевскаго полка, разсуждавшіе, что «безъ содержанія горѣлки въ домахъ ихъ обойтиться за совѣсть противно». Соблазняясь привилегіею козаковъ имѣть въ домахъ своихъ горѣлку хотя-бы «барилами и куфами», только-бы не продавать вѣдерками и квартами, многіе изъ кіевскихъ мѣщанъ записывались въ козаки и являлись тогда жесточайшими врагами магистрата и его слугъ. Въ настоящее время трудно даже представить себѣ господствовавшую тогда дикость нравовъ и тѣ ужасы и свирѣпства, какими сопровождались взаимныя столкновенія урядниковъ и слугъ магистратскихъ съ козаками. Помѣщенные г. Андріевскимъ въ его теперешнемъ выпускѣ отрывки дѣлъ этого рода рисуютъ намъ, иногда въ мельчайшихъ чертахъ, будничную жизнь Кіево-Подола и полны сценъ то раздирающаго душу трагизма, то высокаго, не поддѣльнаго комизма. Отсылая любопытныхъ читателей къ самой книгѣ, закончимъ обзоръ оной указаніемъ на заключающіяся въ процессѣ кіевскаго магистрата по питейному вопросу съ Кіево-Кирилловскимъ монастыремъ историческія нѣкоторыя свѣдѣнія о земельныхъ владѣніяхъ этого послѣдняго, привилегіяхъ, которыми онъ пользовался, и основаніи его «благовѣрною княгинею, Маріею, внукою св. равноапостольнаго князя Владиміра, дочерью Казиміра, короля польскаго, супругою благовѣрнаго князя кіевскаго Всеволода».

К. Цыбульскій.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ДВА ЭПИЗОДА ИЗЪ СЛѢДОВАТЕЛЬСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА СТОРОЖЕНКА.

Извѣстный въ свое время нашъ писатель, котораго имя мы сейчасъ назвали, отличался, какъ гласитъ свѣжее о немъ преданіе, большимъ искусствомъ въ раскрываніи самыхъ трудныхъ слѣдственныхъ казусовъ. Въ этомъ помогали ему, конечно, глубокое знаніе народной жизни, тонкій психическій анализъ и мягкая завлекательная рѣчь, которую мы наблюдаемъ въ его литературныхъ произведеніяхъ. Онъ не былъ слѣдователемъ по профессіи, но къ его таланту обращались въ случаяхъ затруднительныхъ и особенно важныхъ. Вотъ два такихъ случая, разсказанные намъ близкимъ къ покойному Алексѣю Петровичу лицемъ и, такъ сказать, съ его словъ.

I.

Императоръ Николай Павловичъ посѣтивъ Кіевъ въ 1839 г., ѣхалъ однажды въ открытомъ экипажѣ по житомирскому тракту. Осматривая прилегавшую къ тракту мѣстность, государь обратилъ вниманіе на человѣка, лежавшаго у одной хаты, стоявшей особнякомъ, недалеко отъ с. Борщаговки, завернувшагося съ головой въ свитку.

— «Что это, пьяный?» спросилъ государь.—«Пойдите, посмотрите!» обратился онъ къ свитѣ, приказавъ кучеру остановиться.

Нѣсколько человѣкъ изъ свиты подошли къ лежавшему и, приподнявъ свитку, къ ужасу своему увидѣли предъ собой трупъ старика-крестьянина съ пробитой тупымъ орудіемъ головой.

Государь видимо былъ взволнованъ такой находкой и, обратясь къ сидѣвшему съ нимъ рядомъ генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову, произвелъ: «чтобы мнѣ было открыто это преступленіе. Назначить особаго слѣдователя и докладывать мнѣ о ходѣ слѣдствія».

Посыпались одно за другимъ предписанія полиціи принять немедленно мѣры къ поимкѣ преступниковъ. Исправникъ, становые обнаружили необычайную энергію, но всѣ ихъ усилія не привели ни къ чему. Прошелъ значительный промежутокъ времени, а слѣдствіе не подвинулось ни на шагъ, и всѣ думали, что преступники не будутъ найдены.

Въ это время при Бибиковѣ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій Алексѣй Петровичъ Стороженко. Бибиковъ зналъ его слѣдовательскія способности и приказалъ ему спеціально заняться разслѣдованіемъ этого загадочнаго преступленія.

Алексѣй Петровичъ отправился въ Борщаговку, навелъ справки о личности убитаго и узналъ слѣдующее: убитый старикъ-крестьянинъ жилъ въ той самой хатѣ, около которой лежалъ его трупъ во время проѣзда государя. Онъ былъ вдовъ, дѣти поумирали, осталась одна внучка, дѣвочка лѣтъ десяти, которая и жила при немъ. Старикъ былъ трезваго поведенія, занимался успѣшно хозяйствомъ, такъ что скопилъ нѣсколько денегъ, которыя и хранилъ въ «скрынѣ» подъ холстомъ и разной одёжой.

Изъ разсказа оставшейся въ живыхъ внучки была выяснена обстановка преступленія.

Когда дѣдъ съ внукой, «повечерявши» нѣсколько позже обыкновеннаго, погасили «свитло» и собрались ложиться спать, кто-то постучался въ окно и громко крикнулъ: «одчинить! та швидче». Пока старикъ слѣзъ съ печи, стукъ повторился и стучавшій выразилъ свое нетерпѣніе словами: «чи довго мени тутъ стояти?» Старикъ опросилъ стучавшаго: кто тамъ, чого тоби треба?—«Свій; дуже треба; одчинить мерщій!»—былъ отвѣтъ съ-на-двору. Старикъ прошелъ въ сѣни, дѣвочка закуталась въ рядно и со страхомъ прислушивалась. Стукнула задвижка, дверь ринула, затѣмъ раздался какой-то неопредѣленный шумъ... хрипѣніе и что-то тяжело рухнуло на землю. Дѣвочка въ ужасѣ забилась въ уголокъ и не шелохнется. Изъ сѣней доносилось еще нѣсколько минутъ шурханье, затѣмъ дверь въ хату отворилась и вошелъ какой-то чело-

вѣкъ, подошелъ къ «скрынѣ», одбилъ замокъ, выложилъ одёжу, холстъ, взялъ «гаманецъ» съ деньгами, положилъ въ карманъ и вышелъ. Дѣвочка въ оцѣпенѣніи просидѣла до утра и только за нѣсколько минутъ до проѣзда государя рѣшилась слѣзть съ печи, чтобы узнать, что случилось и куда дѣвался ея дѣдъ. Увидѣвши въ сѣняхъ лужу крови и лежавшій около хаты трупъ дѣда, она въ ужасѣ бросилась опрометью бѣжать къ селу.

Таковы были первыя добытыя Алексѣемъ Петровичемъ свѣдѣнія о подробностяхъ совершеннаго злодѣйства. Болѣе никто ничего не зналъ, не было ни какихъ слѣдовъ, куда скрылся преступникъ. Только нѣкоторые изъ крестьянъ высказывали подозрѣніе на солдатъ стоявшей въ с. Борщаговкѣ роты пѣхотнаго полка, основанное лишь на томъ, что нѣкоторые изъ солдатъ были замѣчены въ кражѣ сѣна, птицы и т. п.

Алексѣй Петровичъ, рѣшительно не зная, съ чего начать слѣдствіе, ухватился за слова крестьянъ, испросилъ у высшаго начальства разрѣшеніе на допросъ солдатъ и предъявивъ оное ротному командиру, добавилъ, что онъ желаетъ допросить всю роту до послѣдняго человѣка. Въ назначенный для этого день Алексѣй Петровичъ сѣлъ у дверей занимаемой имъ хаты такъ, чтобы самому находиться въ тѣни, а чтобы всякій подошедшій къ нему былъ хорошо освѣщенъ, и приказалъ солдатамъ подходить къ нему поодиночкѣ и смотрѣть ему прямо въ лицо. Алексѣй Петровичъ пристально сталъ смотрѣть на каждаго изъ проходившихъ мимо него солдатъ и ему показалось, что у шести изъ нихъ промелькнула въ глазахъ тѣнь безпокойства и что лица ихъ поблѣднѣли. Къ этимъ шести онъ приказалъ приставить караулъ, объявивъ, что вторично ихъ допроситъ.

На другой день вечеромъ, въ такую именно пору, въ какую совершено было преступленіе, Алексѣй Петровичъ велѣлъ дѣвочкѣ сѣсть въ тотъ самый уголокъ на печи, въ который она забилась въ фатальный вечеръ, самъ расположился въ хатѣ въ роли убитаго старика, арестованныхъ-же солдатъ велѣлъ по очередно подводить къ хатѣ, при чемъ каждый изъ нихъ долженъ былъ стучать въ окно и повторять своимъ обыкновеннымъ голосомъ слова, которыя по разсказу дѣвочки, произносилъ въ свое время неизвѣстный преступникъ. Солдаты подводимы были шесть разъ и всегда въ раз-

личномъ порядкѣ, но каждый разъ дѣвочка указывала на одинъ и тотъ-же знакомый голосъ. Этого было довольно для проницательнаго слѣдователя, и солдатъ, на голосъ котораго указывала дѣвочка, былъ арестованъ и заключенъ подъ стражу.

Алексѣй Петровичъ навелъ справки о поведеніи арестанта. Оказалось, что онъ былъ на замѣчаніи у начальства:—часто попадался въ кражахъ, пьянствовалъ, но въ тотъ вечеръ, въ который совершено преступленіе, находился подъ арестомъ за буйство въ пьяномъ видѣ и несвоевременную отлучку изъ казармы. Пойманная нить, казалось, оборвалась; но Алексѣй Петровичъ не смутился этимъ. Онъ спросилъ, кто были тогда часовыми; оказалось, что это были именно тѣ солдаты, которые теперь арестованы по подозрѣнію. Алексѣй Петровичъ потребовалъ ихъ къ себѣ и обратился къ нимъ съ такими словами: «вы знаете, какая кара грозитъ часовымъ, если они хотя на одну минуту отпустятъ арестанта. Если обнаружится, что вы виновны въ этомъ, вамъ не будетъ пощады. Сознайтесь лучше по чистой совѣсти, я обѣщаю ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о вашемъ помилованіи». Солдаты съ плачемъ упали къ ногамъ Алексѣя Петровича и повинились въ слѣдующемъ: было уже поздно, арестованный истрезвился и все молчалъ, потомъ вдругъ подошелъ къ нимъ и сталъ проситься: «пустите меня на минутку, я перемѣню сорочку, а то на мнѣ ужъ очень грязная». Долго они не соглашались, наконецъ уступили предъ его усиленными просьбами и, дѣйствительно, небольше какъ чрезъ полъ-часа, онъ вернулся обратно въ чистой сорочкѣ и снова погрузился въ молчаніе до самаго окончанія срока, на который былъ посаженъ подъ арестъ. Караульные также не отзывались къ нему и ничто въ немъ не обратило ихъ особеннаго вниманія.

Имѣя въ рукахъ такія явныя улики, Алексѣй Петровичъ приказалъ привести арестанта и, пристально смотря ему въ глаза, сказалъ: «знаю, ты убилъ старика, чтобы воспользоваться его деньгами. Сознавайся, можетъ быть, этимъ смягчишь грозящую тебѣ кару».

Арестантъ вздрогнулъ и тутъ-же повинился во всемъ.

II.

Въ Боровичскомъ уѣздѣ новгородской губерніи владѣлъ нѣсколькими имѣніями извѣстный богачъ графъ Мусинъ-Пушкинъ.

Онъ проживалъ большею частью въ Петербургѣ, но часто наѣзжалъ и въ свои деревни. Такъ какъ Мусинъ-Пушкинъ бралъ постоянно казенные подряды, то ему нужно было имѣть всегда въ своемъ распоряженіи значительныя денежныя суммы. Въ одномъ изъ его имѣній въ боровичскомъ уѣздѣ, въ которомъ онъ найдолѣе проживалъ, хранился большой, окованный желѣзомъ сундукъ, а въ немъ постоянно лежало нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Зимою 1853 г., когда Мусинъ-Пушкинъ жилъ въ Петербургѣ, управляющій его главнаго имѣнія извѣщаетъ его, что, войдя по обыкновенію въ домъ, чтобы осмотрѣть, все-ли въ порядкѣ, онъ прошелъ и въ ту комнату, въ которой стоялъ сундукъ съ деньгами, и къ ужасу своему увидѣлъ, что сундукъ исчезъ. При ближайшемъ осмотрѣ оказалось, что одно окно отворено и подъ окномъ истоптанъ снѣгъ, но слѣды ступней двухъ человѣкъ можно было различать дотолѣ, пока воры не вышли на дорогу. Управляющій далъ знать полиціи, немедленно наряжено было слѣдствіе и временное слѣдственное отдѣленіе пріѣхало уже въ имѣніе. Но графъ, получивъ извѣщеніе о покражѣ 250 т. и мало надѣясь на мѣстную полицію, поспѣшилъ къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибикову съ просьбой принять особыя мѣры къ отысканію преступника и похищенныхъ денегъ.

При Бибиковѣ и въ ту пору состоялъ Алексѣй Петровичъ, котораго дарованія онъ высоко цѣнилъ. Чтобы помочь графу въ случившейся бѣдѣ, Дмитрій Гавриловичъ по обстоятельствамъ дѣла не могъ найти болѣе подходящаго слѣдователя, какъ извѣстнаго ему давно Алексѣя Петровича. Онъ велѣлъ ему немедленно ѣхать въ боровичскій уѣздъ и энергично приняться за слѣдствіе.

Пріѣхавъ на мѣсто, Алексѣй Петровичъ прежде всего обстоятельно распросилъ управляющаго о прежде бывшихъ у графа слугахъ и находившихся тогда на лицо. Оказалось, что недѣли за двѣ до совершенія преступленія былъ разсчитанъ за грубость вольнонаемный слуга Ѳедоръ Ивановъ, исполнявшій должность лакея, и что послѣ того, какъ онъ былъ разсчитанъ, никто не встрѣчалъ его болѣе въ тѣхъ мѣстахъ.

Получивъ это свѣдѣніе, Алексѣй Петровичъ какъ-бы вовсе забылъ о возложенномъ на него важномъ порученіи: равнодушно бродилъ по деревнѣ, толковалъ съ прохожими и проѣзжими, какова

земля, урожаи, чѣмъ люди занимаются и живутъ, какъ сколачиваютъ деньгу, куда ходятъ или ѣздятъ на заработки. Изъ разспросовъ онъ узналъ, что земля плоха, урожаи скудные, что кормятся люди отъ рѣкъ, что по берегамъ ихъ много рабочаго люду—рыболововъ, бурлаковъ и пр., что въ сосѣднихъ уѣздахъ новгородской губерніи и другихъ, прилежащихъ къ ней, толкалась бездомовная голь изъ мѣстъ отдаленныхъ, большею частью «слѣпенькіе». Оріентировавшись этимъ путемъ въ мѣстности совершенно неизвѣстной, Алексѣй Петровичъ подобралъ десятка два мѣстныхъ крестьянъ, которыхъ успѣлъ узнать, пригласилъ исправника, становыхъ и всѣ вмѣстѣ отправились въ с. Окуловку, очень населенное и въ особенности изобиловавшее всякаго рода подозрительнымъ людомъ.

Нагрянувъ нежданно сюда и подкативъ къ одному изъ кабаковъ, гдѣ наиболѣе толпилось всякаго зброду, Алексѣй Петровичъ велѣлъ быстро окружить галдѣвшую толпу и войдя въ ея средину, повелъ къ незнакомцамъ такую рѣчь:

— Ну, ребята! вынимай паспорты.

— Какіе паспорты! Гдѣ намъ ихъ взять? смущенно загудѣла толпа, видя предъ собой начальство, а вокругъ десятскихъ, понятыхъ.

— Знаю, знаю, продолжалъ Алексѣй Петровичъ, всѣ вы безъ паспортовъ, съ вами расправа скорая, какъ съ бродягами; но скажите мнѣ, милые люди, не былъ-ли тутъ недавно одинъ человѣкъ, Ѳедоръ Ивановъ, служившій у гр. Мусина-Пушкина, и если былъ, то куда пошелъ? Говорите правду, а то я васъ всѣхъ прикажу перепороть и запроторю въ Сибирь.

Нѣсколько человѣкъ выступили изъ толпы и объявили, что видѣли этого человѣка, что онъ былъ въ Окуловкѣ недѣли три тому назадъ и хотѣлъ итти въ Вышній Волочокъ, гдѣ у него есть любовница, крестьянка Анна Петрова, живущая за городомъ у лѣса.

Три недѣли прошло и со времени совершенія кражи. Очевидно, что Ѳедоръ, обдѣлавши успѣшно свое дѣло, поспѣшилъ уйти куда нибудь подальше, чтобы невольно не выдать себя. Сообразивши все это, Алексѣй Петровичъ распустилъ задержанныхъ бродягъ, послалъ нѣсколькихъ вѣрныхъ людей по дорогамъ къ Вышнему Волочку и телеграфировалъ тверскому губернатору, чтобы немедленно по полученіи его телеграммы были посланы въ Вышній Волочокъ

опытные жандармы—схватить находящагося у крестьянки Анны Петровой преступника.

Люди, посланные Алексѣемъ Петровичемъ, скоро напали на слѣды вора: трактирщики проговорились, что недѣли три тому назадъ шелъ по направленію къ Вышнему Волочку какой-то человѣкъ, который за все, что ни спрашивалъ у нихъ, расплачивался серіями и, когда они выражали по этому поводу свое удивленіе, хвастался, что у него денегъ куры не клюютъ. Очевидно, это былъ Ѳедоръ Ивановъ.

Жандармы, прибывши въ Вышній Волочокъ, разыскали избу Петровой и въ первый-же вечеръ окружили ее. Подойдя къ избѣ, они увидѣли слѣдующую картину: у стола на лавѣ сидѣли молодые мужчина и женщина, на столѣ была разостлана поддевка, съ отпоротой подкладкой, мужчина бралъ съ лавы кипы депозитокъ и серій, женщина раскладывала ихъ подъ подкладку и постепенно зашивала. Двери были тотчасъ-же, конечно, выломаны, обое немедленно арестованы и отправлены подъ стражей въ Окуловку.

Ѳедоръ сознался въ совершеніи кражи, но этого было мало: при немъ денегъ найдено было всего пять тысячъ, нужно было допытаться, гдѣ спрятаны остальныя. Арестантъ упорно молчалъ, Алексѣй Петровичъ придумалъ способъ развязать ему языкъ. Онъ велѣлъ вечеромъ привести его къ себѣ и повелъ съ нимъ длинную задушевную рѣчь: съ участіемъ распрашивалъ о прежней жизни преступника, его семьи и родныхъ, разсказывалъ самъ разные подходящіе къ разговору случаи изъ жизни бѣднаго люда, толковалъ о томъ, какъ трудно пробиться въ жизни бѣдному человѣку и какъ нерѣдко попадаетъ онъ въ бѣду, въ искушеніе, самъ того не желая и не соображая. Свѣдѣній такого рода у Алексѣя Петровича былъ огромный запасъ, говорилъ онъ живо, увлекательно, сердечно. Слѣдователь въ его лицѣ на эту пору совсѣмъ закрылся, предъ Ѳедоромъ Ивановымъ сидѣлъ умный, рѣчистый, бывалый, душевный человѣкъ. Между тѣмъ подали самоваръ. Алексѣй Петровичъ налилъ арестанту чаю, а скоро прибавилъ ему и себѣ рому. Ѳедоръ заслушался, Алексѣй Петровичъ продолжалъ говорить и все больше и больше подливалъ въ стаканъ своего собесѣдника рому. Тотъ разогрѣлся, оживился и самъ заговорилъ. Видя, что онъ разблажился и готовъ идти на откровенность, Алексѣй Петровичъ вос-

пользовался удобнымъ моментомъ и сказалъ ему прямо въ упоръ: «знаешь что, братъ, все равно ужъ попался—наказаніе будетъ одинаковое, что за кражу пяти тысячъ, что за кражу двухсотъ пятидесяти тысячъ—скажи-ка, гдѣ ты спряталъ сундукъ съ деньгами?» — «Эхъ, баринъ, баринъ, никому не сказалъ-бы, отвѣчалъ подпившій Ѳедоръ, но ужъ вы мнѣ больно по сердцу пришлись. Вотъ вамъ—подъ Окуловкой есть лѣсъ, на опушкѣ стоятъ три старыя ели, между ними закопанъ сундукъ, сверху, чтобы не было замѣтно свѣжей земли, прикрыто мхомъ. Тамъ всѣ деньги, кромѣ семи тысячъ, изъ которыхъ пять здѣсь на лицо, а двѣ протратилъ».

Дѣйствительно, все было такъ, какъ говорилъ арестантъ; деньги были найдены и доставлены Мусину-Пушкину. Анна Петрова оказалась соучастницей въ преступленіи.

Мусинъ-Пушкинъ не зналъ, какъ благодарить Алексѣя Петровича, и предложилъ ему въ вознагражденіе за понесенные труды десять тысячъ; но Алексѣй Петровичъ отказался отъ такого крупнаго гонорара, возвративъ себѣ только расходы по слѣдствію. «Раскрыть преступленіе, говорилъ онъ, доставляетъ мнѣ величайшее наслажденіе; этимъ я и бываю вполнѣ вознагражденъ за свои труды».

Н. Стороженко.

ИЗЪ ДѢЛЪ ОБЪ ОСКОРБЛЕНІИ ГЕТМАНСКОЙ ЧЕСТИ.

Въ рукахъ моихъ находятся три дѣла, относящіяся къ послѣднимъ годамъ гетманщины, объ оскорбленіи гетманской чести «дерзновенными словами»[1]). Дѣла эти, несомнѣнно, являются характерными для своего времени. Надо думать, что эти случайно попавшіяся мнѣ три дѣла—лишь капля въ морѣ того кляузничества, которымъ отличалось новонародившееся «благородное мало-

---

[1]) 1754 г. Дѣло генеральной войсковой канцеляріи по доносу асаула полковаго переяславскаго Пилипенка на асаула того полку Лукашевича о сказываніи имъ дерзновенныхъ словъ.

1757 г. Дѣло полковой кіевской канцеляріи по письму войсковаго товарища и управителя дому Адамовскаго Семена Пустоты о произнесенныхъ с. Козари жи-

россійское шляхетство». Быть можетъ и описаніе этой капли пригодится для картины нашей старины.

Въ 1754 году въ Переяславѣ судились «за грунта» два полковые асаула: Михаилъ Лукашевичъ и Яковъ Пилипенко. Въ присутствіи полковой канцеляріи первый изъ нихъ «дерзновеннымъ словомъ» задѣлъ честь гетмана, о чемъ второй не замедлилъ донести сначала полковнику, а затѣмъ и въ войсковую генеральную канцелярію. «Дерзновеніе» состояло въ указаніи, сдѣланномъ, собственно говоря, весьма кстати, на происхожденіе гетмана изъ простыхъ и бѣдныхъ козаковъ. Когда Пилипенко, указывая на незнатность происхожденія и бѣдность Лукашевича, сказалъ, что «онъ Пилипенко вѣдалъ отца Лукашевичевого еще въ одѣяніи конверистомъ», то Лукашевичъ отвѣчалъ на это: «*спитай ясневельможного, чи давно, якъ ходилъ*»... Вотъ это и были «дерзновенныя слова». Два свидѣтеля передали эти слова Лукашевича въ такой редакціи: «не диковинка де то, что изъ убогихъ людей выслужилъ себѣ шляхетство: пойди де, спросись его ясневельможности». Самъ-же Лукашевичъ, когда подвергнутъ былъ формальному допросу, показалъ, что когда Пилипенко укорилъ его, будто онъ «получилъ чинъ асаульства полковаго «валентировавши», то онъ на это «выговорилъ сіи слова: пойди, спитай ясневельможного; и тое сказалъ не въ иномъ какомъ разумѣ, но токмо къ сему, что де пожалованъ онъ не зъ валентировъ, но за службы и по достоинству къ тому чину; сего жъ въ тѣ пори не успѣлъ объяснить за тѣмъ, что вскорѣ Пилипенко учалъ протестовать о своемъ доносѣ».

Войсковая генеральная канцелярія, «не могучи по тому дѣлу учинить рѣшенія», представила оное на усмотрѣніе самаго графа Разумовскаго: «ежели не соизволено будетъ назначить оному Лушевичу присяги, что точно въ томъ, а не въ другомъ разумѣ онъ говорилъ выше выраженныя рѣчи, то какъ инако по сему дѣлу поступить». Очевидно, генеральная канцелярія не видѣла въ сви-

телемъ Ст. Домонтовичемъ високой ихъ високо графскихъ сіятельствъ господъ Разумовскихъ чести рѣчахъ вредителнихъ.

1764 г. Дѣло войсковой генеральной канцеляріи по рапорту полковой кіевской канцеляріи о наказаніи носовскаго козака Буцона за продерзостніи слова противъ умершей графини Н. Д. Разумовской.

дѣтельскихъ показаніяхъ рѣшительнаго обвиненія Лукашевича; гетманъ-же эти показанія считалъ достаточными и, запретивъ давать Лукашевичу присягу, предложилъ генеральной канцеляріи «учинить окончаніе дѣла по указамъ и правамъ и представить съ мнѣніемъ, чему виновный за то подлежать долженъ».

Неизвѣстно, по какимъ «указамъ и правамъ», но генеральная канцелярія рѣшила дѣло такъ: «асаула полкового переяславского Лукашевича за произнесенные дерзновенные слова, толь еще паче, что въ судебномъ мѣстѣ, гдѣ дѣла его императорского величества отправляются, въ произнесеніи яко онъ чрезъ свидѣтельство трехъ персонъ обличился, *лишить чина и чести вовся и особливо денежно оштрафовать, взыскавъ съ него сто фунтовъ чистою золота*».

Между тѣмъ Лукашевичъ, уже шестой мѣсяцъ содержавшійся подъ арестомъ въ Глуховѣ, подалъ графу Разумовскому слезное прошеніе, въ которомъ просилъ освободить его по крайней мѣрѣ «ради нынѣшняго высочайшаго торжества рожденія его императорского высочества великаго князя Павла Петровича».

Графъ Разумовскій на докладѣ войсковой генеральной канцеляріи положилъ такую резолюцію: «хотя оный Лукашевичъ за его продерзость къ наказанію и штрафу присуждается достойно, однако мы склонность больше къ отпущенію вины падшимъ въ погрѣшность и въ повиновеніе приходящимъ имѣя, нежели ко оштрафованію, а притомъ находясь въ разсужденіи, что оный Лукашевичъ держится уже нѣсколько времени подъ карауломъ, найвящше-же, что отъ ноября 1-го дня, въ который въ Глуховѣ при молебственномъ пѣніи публикованъ экземпляръ высочайшаго именного его императорского величества указа о благополучномъ разрѣшеніи ея императорского высочества отъ имевшого бремени, поднесъ тамо въ Глуховѣ на имя наше прошеніе о прощеніи той его винности, ту его винность и положенный на него штрафъ оставляемъ и предлагаемъ генеральной войсковой канцеляріи оного Лукашевича, освободя изъ-подъ караулу, отпустить въ полкъ и въ домъ его, внушивъ какъ ему, *такъ и асаулу Пилипенку* впредь воздерживаться отъ непристойныхъ словъ, въ чемъ обоихъ обовязать подписками».

Въ 1757 году служившій на мельницѣ графа Разумовскаго «мѣрочникомъ» Максимъ Белмасъ, поссорившись съ односельча-

ниномъ своимъ козакомъ Домонтовичемъ, обвинилъ его въ оскорленіи чести «ихъ высокографскихъ сіятельствъ», о чемъ и подалъ доносъ «приказчику дому ея сіятельства г-жи Разумовской» графу Бѣлопольскому. Въ доносѣ этомъ Белмасъ писалъ, что когда онъ, на вопросъ Домонтовича, назвалъ себя графскимъ мѣрочникомъ, то «онъ Домонтовичъ безъ всякихъ прекословій началъ говорить при людяхъ, тамо будучихъ, тое, что были де господа Везбахъ и фелтмаршалъ, да побралъ ихъ чортъ, то и сихъ побереть Разумовскихъ; въ то время заспорилъ я нижайшій за ихъ сіятельскую честь, сталъ говорить: брани и бій мене, а господской чести такими непотребными речами не понось».

«Управитель дому» Разумовскихъ, войсковой товарищъ Семенъ Пустота, когда представленъ былъ ему этотъ доносъ, собственною своею властію произвелъ слѣдствіе, самъ записалъ показанія свидѣтелей и отправилъ все это къ полковнику кіевскому Дарагану, прося его «поступить съ нимъ лгателемъ въ силѣ указовъ, дабы мнѣ и протчимъ за то подъ отвѣтомъ не быть».

Показанія записаны были въ одной и той-же формѣ: показалъ де такой-то «подъ совѣстію, что Домонтовичъ честь графскую ругалъ и къ черту посылалъ, въ томъ саморучно написалъ святый крестъ». Кресты, дѣйствительно, стоятъ подъ всѣми четырьмя показаніями.

Но полковая старшина не удовлетворилась такимъ «партикулярнымъ» слѣдствіемъ и произвела новое, къ которому доставленъ былъ въ полковую канцелярію обвиняемый Домонтовичъ, давно уже содержайшійся подъ карауломъ. Изъ даннаго имъ здѣсь показанія оказывалось, что ругалъ онъ не графа, а самого Белмаса, который взималъ съ козарскихъ жителей лишніе поборы за помолъ: «ты тотъ мѣрочникъ, говорилъ онъ Белмасу, что отъ всякого четверика берешь по копійки денегъ тринкалю, кромѣ надлежащаго въ млинъ ковша; прежде сего тамошними козарскими мелницями владѣли господа Вейзбахъ и Минихъ, которіе нынѣ достались во владѣніе его сіятельству; были и тогда мѣрочники такіи, какъ и ты, кои обижали, да побралъ ихъ дѣдко, то и тебе озметъ».

Не смотря на заявленный Домонтовичемъ отводъ свидѣтелей, выставленныхъ Белмасомъ, они были приведены къ присягѣ и три человѣка согласно показали, что во время ссоры Домонтовича съ

Белмасомъ, когда они «разными словами бранились за взимаемій онимъ Белмасомъ тринкалъ отъ мѣрочки по копѣйки», то Домонтовичъ дѣйствительно сказалъ такъ: «были Вейзбахъ и Минихъ, да побралъ ихъ чортъ, то и сѣмъ достанется, поздоровъ Боже моего Евфима, г. полковника кіевского»... Полковая канцелярія порѣшила, «какъ самого его Домонтовича подъ карауломъ, такъ и произведенное объ немъ все подлинное дѣло подъ високое разсмотрѣніе отправить прямо въ Глуховъ къ его ясновелможности високоповелительному г. гетману».

Къ сожалѣнію, изъ дѣла не видно, какой результатъ имѣло это «разсмотрѣніе»; но надо думать, что Домонтовичъ не избѣгъ наказанія.

Весьма чувствительному наказанію подвергся напр. въ 1764 году козакъ Буцолъ за такое-же оскорбленіе чести «покойной матушки» гетмана.

Приказчикъ м. Носовки, маетности графини Разумовской, войсковой товарищъ Самойловскій донесъ сотенному правленію, что козакъ Буцолъ, когда отбирали отъ него, по рѣшенію коммисіи, грунтъ во владѣніе Разумовской, «бранилъ ея сіятельство матерно, говоря: нехай де свои забирають и отдають коморы, а не его Буцола». Это было въ 1760 году, но такъ какъ въ сотенномъ правленіи производилось «судное вожденіе съ крайнимъ медленіемъ», то дѣло это рѣшено было только въ концѣ 1763 года, благодаря посланнымъ изъ полковой канцеляріи особымъ слѣдователямъ. Приходилось въ этомъ дѣлѣ положиться лишь на присягу самого Буцола, но онъ на то время не явился, изъ чего, заключили слѣдователи, ясно доказывается, что Буцолъ, чувствуя свою винность, той присяги выконать не похотѣлъ». Войсковая генеральная канцелярія, получивъ донесеніе объ этомъ дѣлѣ въ генварѣ 1764 г., предписала «въ страхъ другимъ учинить наказаніе безпоблажно», каковое «публичное и безпоблажное наказаніе» и было исполнено въ полковой кіевской канцеляріи, куда для присутствія при наказаніи приглашался и войтъ м. Носовки и приказчикъ Самойловскій.

Старшина малороссійская, подобнымъ образомъ оберегавшая честь гетмана отъ «дерзновенныхъ словъ», весьма строго относилась и къ словамъ противъ «пановъ» урядниковъ. Такъ имѣющійся у меня отрывокъ дѣла переяславской полковой канцеляріи

1751 года представляетъ любопытное обвиненіе одной козачки, которая, сопротивляясь исполненію указа полковой канцеляріи, присуждавшаго отобрать отъ нея винокурню, «съ сокирою» въ рукахъ стояла на дверяхъ и кричала, что «то брехня, а не указъ, *чортъ его далъ, а не паны*, и она того указу не слушаетъ, а атаманъ ежели наатамановався, то иновъ-бы въ тую винокурню умазанних тамо казановъ выкидать, ибо она хотя сама душею поляжетъ, а казановъ своихъ съ той спорной винокурни выбросать не допуститъ».

Полковникъ Сулима, предписавши содержать означенную кочачку подъ карауломъ, счелъ нужнымъ донести о «непотребныхъ рѣчахъ ея» въ военную генеральную канцелярію, откуда и получилась было такая резолюція: «ежели подлинно отъ оной Стеценковой непристойніе рѣчи говорены, то оную въ страхъ другимъ наказать плетьми». Но *подлинно-ли* говорила она такія именно слова, за которыя собственно и преслѣдовалась, слѣдствіе убѣдить не могло и козачка была отпущена на «добрые поруки»; но чѣмъ дѣло кончилось и миновали-ли ее плети—неизвѣстно.

Ал. Андр.

ЛЮБОПЫТНЫЙ СБОРНИКЪ ДОКУМЕНТОВЪ ВЪ ГАДЯЧѢ.

Кому неизвѣстно, что письменные памятники нашей исторіи, наполнявшіе когда-то цѣлые архивы и пригодившіеся-бы теперь для уясненія того или иного вопроса прошлой жизни, въ громадномъ числѣ давно уже исчезли, или продолжаютъ быстро исчезать, благодаря невѣжеству однихъ, равнодушію другихъ. Подобная судьба постигаетъ и частные, фамильные архивы и развѣ случайнымъ образомъ гдѣ либо въ захолустной глуши уцѣлѣла одна-другая связка старыхъ документовъ, или какой нибудь старинный сборникъ.

Въ одномъ изъ нашихъ захолустій, именно въ Гадячѣ (полтавской губерніи), пришлось мнѣ случайно найти любопытный старинный сборникъ, съ которымъ хочу познакомить читателей «Кіевской Старины». Но прежде нѣсколько словъ о прошломъ Гадяча и судьбѣ его архивныхъ памятниковъ.

Въ гетманство Богдана Хмельницкаго, гадячскій повѣтъ былъ причисленъ къ полтавскому полку, и составлялъ собою староство (волость), находившееся при гетманской булавѣ.

Но уже съ 1661 года, въ гетманство Юрія Хмельницкаго, гадячская волость дѣлается особымъ полкомъ, отдѣльнымъ отъ полтавскаго [1]). Въ теченіи всего гетманскаго періода (1648—1764 г.). Гадячъ выступаетъ то пунктомъ частыхъ военныхъ столкновеній, то пунктомъ знаменитаго федеративнаго договора Выговскаго съ Польшей, то мѣстопребываніемъ того или иного гетмана.

Былъ въ Гадячѣ и полковой архивъ, хранившійся, по уничтоженіи полка, при городской ратушѣ. О количествѣ находившихся въ немъ дѣлъ можно судить по тому, что когда въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія ратуша переходила на новую квартиру, то для перевозки ея архива, какъ передавала мнѣ бывшая владѣлица новаго помѣщенія ратуши, потребовалось до 15-ти воловыхъ подводъ. Перевезенный тогда архивъ былъ помѣщенъ подъ крышами амбаровъ. Отсюда-то и началось тасканіе разныхъ документовъ: таскали ихъ въ лавки для завертки товаровъ, таскали на растопку печей, таскали къ переплетчикамъ. Мнѣ пришлось видѣть въ мѣстной библіотекѣ переплетъ, сдѣланный несомнѣнно изъ документовъ полковаго архива, заключавшихъ въ себѣ, насколько можно было разобрать, цифры отпускаемыхъ полковой канцеляріей въ сотни разныхъ припасовъ: муки, крупы, пороху и пр.

Такъ и исчезъ безслѣдно огромный гадячскій полковой архивъ.

Побывавъ въ мѣстномъ Успенскомъ соборѣ, я нашелъ здѣсь сборникъ рукописныхъ матеріаловъ, относящихся къ первой половинѣ XVIII вѣка [2]). Сборникъ переплетенъ въ кожанный переплетъ, сильно впрочемъ попорченный. Въ началѣ сборника находится

---

[1]) Сочиненія Максимовича, т. I, стр. 728.

[2]) Этотъ сборникъ перенесенъ въ мѣстный соборъ, по всей вѣроятности, изъ бывшей въ Гадячѣ Богоявленской церкви, выстроенной гетманомъ Брюховецкимъ и послужившей послѣ мѣстомъ для его погребенія (Соловьевъ, т. 12, стр. 36). Но крайней мѣрѣ, при томъ-же соборѣ имѣется образъ Матери Божіей, колоколъ и другія вещи, перенесенныя изъ Богоявленской церкви. Сохранилось мѣстное преданіе, что, при вскрытіи могилы Брюховецкаго, для перевозки остатковъ его въ м. Лютеньку, самый гробъ былъ найденъ висящимъ на толстыхъ же-

онись документовъ, первые два листа которой уничтожены. Всѣхъ документовъ около 400. Нѣкоторые изъ нихъ попорчены (проѣдены), а другіе и совсѣмъ вырваны; такихъ впрочемъ очень не много. Древнѣйшіе по времени документы относятся къ 1708 и 1709. Документы эти слѣдующіе:

1) Указы высокомонарніе о змѣнѣ Мазепы, съ королемъ шведскимъ согласившагося.

2) Продолженіе журнала, бывшаго подъ Переволочною отъ князя Меншикова: о взятю въ полонъ шведского войска со всѣми ихъ припасами военными.

3) О измѣнникуМазепѣ и запорожскомъ кошевому, Гордѣенкѣ, измѣнникуж; и о протчихъ запорожскихъ измѣнникахъ.

Затѣмъ въ сборникѣ слѣдуетъ пропускъ до 1729—30 года. Изъ документовъ этихъ годовъ меня въ особенности заинтересовали тѣ, которые относятся къ характеристикѣ семейной жизни козачества лѣвобережной Украины въ первой половинѣ XVIII вѣка. Это 1) указъ изъ св. синода о прелюбодѣяхъ и прелюбодѣйцахъ (1729 года); 2) о хоружемъ нѣжинскомъ Величковскомъ, который законную жену свою оставилъ, съ другою живетъ (1729 года); 3) указъ пастырскій о Величковскомъ и Дудченкѣ, коимъ они, если не покаются, предаются проклятію (1730 года) и 4) о разрѣшеніи отъ клятвы хоружаго нѣжинскаго Величковскаго.

Названные документы, въ связи съ другими однородными, въ томъ-же сборникѣ заключающимися и мною просмотрѣнными документами, приводятъ къ заключенію, что неудачная семейная жизнь и сопряженные съ нею разрывы браковъ были явленіями заурядными въ ту пору среди козачества лѣвобережной Украины. Св. синодъ въ своемъ указѣ архіепископу кіевскому Варлааму Ванатовичу предлагаетъ ему обратить особенное вниманіе на разрывы браковъ и на незаконное сожительство служивыхъ людей Малороссіи. Въ указѣ по дѣлу Величковскаго прямо говорится: «въ епархіи вашего преосвященства много обрѣтается таковыхъ служивыхъ людей, которые дерзаютъ, оставивши первую или другую законную свою жену, другую беззаконно къ себѣ принимать». И тотъ-же указъ выясняетъ и причину, которая побуждала незаконъ

оставлять законныхъ женъ, когда говоритъ: «такожде и другіе (кромѣ Величковскаго), съ *четверольтняго походу* пришедши, просятъ на женъ своихъ, въ прелюбодѣяніе впавшихъ и беззаконно родившихъ, допустить ихъ другихъ понять». А Величковскій въ своемъ доношеніи св. синоду писалъ: что «онъ (Величковскій) де, лѣтъ 16 тому назадъ, понялъ законнымъ бракомъ дѣвицу Ефимію Заруцковну въ жену. И за отсутствіемъ де его отъ дому, въ частые, по указамъ, войсковіе походы, оная его жена пянствовала и жила непостоянно. И въ такомъ де пянствѣ безчинствовала и прелюбодѣйствовала, да еще и въ чародѣйство стала уклонятися».

И такъ козаки оставляли законныхъ женъ не вслѣдствіе личнаго распутства или стремленія къ разгульной жизни, но въ виду нарушенія ихъ женами супружеской вѣрности въ продолжительное отсутствіе мужей и невозможности возстановить правильное теченіе семейной жизни.

Не смотря на то, высшее духовное начальство, какъ видно изъ перечисленныхъ нами документовъ, строго относилось къ жалобамъ козаковъ, просившихъ развода. Синодъ разсуждалъ, что «ежели мужья то учинятъ (т. е. получатъ право развода), то и жена пущенница востребуетъ благословенія посягнути законнаго мужа. Также другіе, кромѣ словеси прелюбодѣйнаго, возпегодовавши законными женами, начнутъ беззаконовать. А жены, кромѣ всякой вины, возгнушавши мужами своими, тоже начнутъ дѣлать, чтобы беззаконіе ихъ было виною разлученія». А потому, писалъ онъ Варлааму Ванатовичу, «къ разрѣшенію, ваше преосвященство, да не дерзнетъ, чтобы о томъ улинить резолюцію». Въ результатѣ такого строгаго запрещенія, получались браки «по самовольной волѣ», съ участіемъ впрочемъ «совѣта мірской старшины». Но духовная власть расторгала такіе браки, а заключившихъ оные разсылала по монастырямъ, когда-же имъ удавалось ускользнуть изъ заточенія и снова сойтись, отлучала отъ церкви и предавала анафемѣ. Упомянутый уже не разъ хоружій Величковскій въ поданной имъ синоду жалобѣ такъ описываетъ постигшее ею за самовольный бракъ отлученіе: «велѣно прибить къ церквамъ письменныя объявленія: дабы мене и домашнихъ моихъ нигдѣ въ церкви Божія не пускать. А уже тому пять лѣтъ, какъ мы церковнаго входа и святыхъ таинствъ со всѣмъ домомъ лишены. И люди

въ домѣ моемъ помираютъ безъ исповѣданія, и въ землю кладутъ ихъ безъ всякаго церковнаго чинопослѣдованія».

Такія данныя семейной жизни козачества XVIII в. въ лѣвобережной Украйнѣ представляютъ документы найденнаго мною сборника. Въ немъ, кромѣ того, есть еще не мало другихъ историческихъ данныхъ, какъ напр. «запрещеніе священникамъ перевязываться рушниками на свадьбахъ и упиваться»; «приказъ объ отсылкѣ дѣтей въ школы»; о бѣгствѣ монаховъ»; о бѣгствѣ солдатъ изъ Великороссіи въ Малороссію и наконецъ указъ Петра къ Малороссійскому народу о содержаніи овецъ въ Малороссіи по шленскому обыкновенію. Въ этомъ указѣ приводится обвиненіе на Полуботка и Савича за то, что они, получивъ правила, какъ слѣдуетъ содержать овецъ по шленскому обыкновенію, не объявили ихъ народу малороссійскому: «яко, говоритъ Петръ, недоброжелательные своему отечеству и намъ, не хотѣли видѣть въ дѣйствѣ повелѣнія нашего и оное утаили и никому тѣхъ не объявили регулъ». Сборникъ заканчирается на 1742 г. Къ этому году относится списокъ [1]) церквей, священниковъ и діаконовъ, находившихся въ гадячскомъ полку. Въ самомъ Гядячѣ было: 10 священниковъ и 3 діакона при 6-ти церквахъ (теперь 5 священниковъ, 1 діаконъ при 5 церквахъ). Въ селахъ было въ 1742 г. 43 священника при 33 церквахъ.

Изъ этого краткаго описанія сборника можно видѣть, что и въ самой захолустной провинціи уцѣлѣли еще кой-гдѣ нѣкоторыя крупицы историческаго матеріала. Подаю о нихъ во всеобщее свѣдѣніе въ той мысли, что въ дѣлѣ исторіи такъ мало разработанной, какъ наша, и такія незначительныя свѣдѣнія пригодятся кому либо въ общей работѣ и что изъ-за большаго не слѣдуетъ пренебрегать малымъ.

Николай Бакай.

---

[1]) Списокъ составленъ по случаю присяги императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИМУЩЕСТВѢ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ИРИНЕЯ ФАЛЬКОВСКАГО.

Въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины» за минувшій годъ помѣщена была мною краткая замѣтка объ оставшемся послѣ смерти коадъютора кіевской митрополіи, преосвященнаго Иринея Фальковскаго имуществѣ, наслѣдникомъ котораго были три племянника его, братья Бодянскіе, въ томъ числѣ священникъ Максимъ Бодянскій, сынъ извѣстнаго московскаго профессора О. М. Бодянскаго. Въ этой замѣткѣ переданы были мною свѣдѣнія о самомъ имуществѣ и о томъ, какъ производилась и во что обошлась опись онаго. Чѣмъ и когда кончилось дѣло объ этомъ наслѣдствѣ и кому оно досталось, оставалось неизвѣстнымъ.

Нынѣшнею осенью мнѣ случайно пришлось купить въ Москвѣ ворохъ разныхъ бумагъ, въ числѣ которыхъ нашлись и такія, изъ коихъ видна дальнѣйшая судьба оставшагося по смерти преосвященнаго Иринея имущества.—Какъ извѣстно, преосвященный Иринней скончался въ 1823 г., дѣло-же объ оставшемся послѣ него имуществѣ закончено лишь въ 1841 г., слѣдовательно тянулось цѣлыхъ 18 лѣтъ. Когда одинъ изъ наслѣдниковъ, всего менѣе интересовавшійся полученіемъ наслѣдства, именно отецъ профессора Бодянскаго, пожелалъ узнать, въ какомъ положеніи дѣло объ имуществѣ его дяди, то получилъ (вѣроятно въ 40-мъ году) отъ своего повѣреннаго, нѣкоего Павла Кондзеровскаго такой отвѣтъ: «Вмѣсто того, что вы изволили считать оное въ производствѣ по губернскому правленію, едва удалось найти и вытащить изъ съѣзжей 3-й части города. Губернское правленіе передало дѣло сіе въ уѣздный судъ, для рѣшительнаго опредѣленія о вызовѣ родственниковъ и передачѣ имъ всего имущества и денегъ послѣ умершаго чигиринскаго епископа Иринея; но какъ уѣздный судъ встрѣтилъ препятствіе по не назначенію вещамъ и деньгамъ цѣны, то дѣло съ описями отослалъ отъ себя въ кіевскую полицію, съ требованіемъ сдѣлать посредствомъ оцѣнщиковъ оцѣнку тѣмъ вещамъ и книгамъ и потомъ обратить въ уѣздный судъ. Для исполненія сего, полиція отправила все дѣло въ часть, гдѣ оное также около году пролежало, и ничего не дѣлано, кромѣ того, что часть принялась было

нанимать, на счетъ суммы покойнаго-же, описателя книгъ и каталога, составляющихъ самое важное имущество изъ всѣхъ нажитковъ.

По сему предмету епископъ Кириллъ (Куницкій) отозвался, чтй найдутся у него способные люди безъ всякой заплаты сдѣлать переводы книгамъ заславнымъ. За всѣмъ тѣмъ и къ продажѣ вещей полиція еще не приступала по несдѣланной оцѣнкѣ. Вещи сіи, говорятъ, многіе уже приходятъ отъ ветхости въ порчу, и по описѣ значутся не весьма завидными. Сколько могу припомнить, то оные состоятъ: изъ двухъ образовъ безъ оклада, панаѳіи серебряной матеріи съ образомъ Спасителя на фиифтѣ, двое серебряныхъ часовъ, 3-хъ паръ старыхъ ножей, двухъ подсвѣчниковъ, мѣднаго таза, трехъ или четырехъ рясъ старыхъ, старой енотовой рясы, плисомъ покрытой и другихъ весьма мелкихъ вещей,—далѣе: изъ 1000 экземпляровъ книгъ дорогой цѣны, въ числѣ коихъ 411 разныхъ священныхъ и вообще россійскихъ. 389-ть латинскихъ и 200 французскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ, наконецъ денегъ:

Ассигнаціями и мѣдью	1094	54½ к.
Серебромъ цѣлковыхъ.	404	80 к.
Голандскихъ червонцовъ	7	
И полуимперіаловъ.	2.	

Вещи и книги хранятся въ Михайловскомъ монастырѣ, а деньги въ приказѣ общественнаго призрѣнія, о сихъ послѣднихъ я найвѣрнѣе справился, что они существуютъ въ цѣлости, что съ 1830-го года полагается еще на нихъ и процентъ по 3% со ста. Мнѣ кажется, естли ожидать, покудова продадутся съ аукціона вещи и книги, то на это много времени понадобится; тогда вещи придутъ въ совершенную негодность, а книги могутъ быть лучшіе обмѣнены, а другіе и вовсе растрачены, когда только не станетъ нынѣшняго епископа Кирилла; слѣдовательно вамъ-бы поступить такъ, какъ здѣсь совѣтуютъ, чтобы собраться всѣмъ тремъ братамъ вмѣстѣ, имѣя при семъ каждому удостовѣреніе о ближайшемъ родствѣ покойнику, выведя происхожденіе по линіи, да и раздѣлить между собою все, что есть на лицо» [1]).

[1]) Заключеніе уѣзднаго суда есть уже одно, что какъ по опубликованіи чрезъ газеты по узаконенному сроку никто не явился, то родственники или наслѣдники, буди являтся, непремѣнно имѣли-бы выше поясненныя документы; иначе

Въ іюлѣ 1841 г. дѣло о наслѣдствѣ было наконецъ окончено. Рѣшеніемъ кіевскаго уѣзднаго суда наслѣдниками признаны протоіерей Павелъ и Илья Бодянскіе и священникъ Максимъ Бодянскій. Вызовы для явки въ судъ посланы всѣмъ 3-мъ братьямъ чрезъ мѣстныя полиціи, но до о. Максима, какъ жившаго въ деревнѣ, извѣщеніе дошло весьма не скоро, и когда братъ Илья извѣстилъ его о послѣдовавшемъ рѣшеніи, онъ отказывался отъ поѣздки въ Кіевъ и отъ самаго наслѣдства и писалъ между прочимъ слѣдующее.

«Скажу вамъ и совѣтую избрать благую часть и запѣчатлѣть твердо душевнымъ усердіемъ таковую; вы и братъ будучи покойнаго Иринея воспитанниками и наставниками въ извѣстное время, а что вы благодаря Всевышняго, нынѣ имѣете полность во всемъ сей жизни и не нуждаетесь въ тѣхъ частяхъ, что по смерти покойнаго осталось, а опредѣливъ всю свою и мою часть, какъ въ деньгахъ, такъ равно и въ вещахъ и книгахъ, оныя въ кіевскую академію, а деньги и вещи въ монастыри кіевскіе, тѣ, гдѣ онъ при жизни находился, кои вамъ не безъизвѣстны; вотъ какое мое мнѣніе и желаніе, и тѣмъ-бы можно для его покойника души и для вашего вѣчнаго блаженства приготовить. Сего я душевно и истинно желаю.

Твердо васъ увѣряю о непоѣздѣ своемъ въ Кіевъ безъ извѣщенія законнымъ порядкомъ отъ суда, чрезъ кого слѣдуетъ, и что буди и сынъ мой старшій не возвратится съ посланныхъ чежеземныхъ мѣстъ сего года въ домъ и Москву, то все я могу иными средствами получить и на богоугодное дѣло опредѣлить, а не такъ, какъ вы съ братомъ первоначально и теперь мыслите. Совѣтую не прилѣпляться таковой временной части и тяжести».

Къ сему отецъ славнаго нашего профессора добавляетъ слѣдующія строки, рисующія его полное безкорыстіе въ дѣлѣ наслѣдства:

«Давно мое желаніе есть у васъ побувать, но не на чѣмъ и не съ кѣмъ пріѣхать, лошади 3 отобраны тому уже третій годъ, все пѣшкомъ по приходу ѣзжу, и одѣться не чѣмъ по приличнѣе: сему вы вѣрьте».

продажа съ публичнаго торгу и въ 5-ть лѣтъ едва-ли состоится. Да и самыя книги если онымъ дѣлать въ переводѣ каталогъ, то потребуется не менѣе полуглода времени».

Это достойное отца нашего историка письмо писано 3 сентября 1841 г., а при немъ находится снятая имъ 24 сентября копія съ рѣшенія кіевскаго уѣзднаго суда о наслѣдствѣ и въ концѣ оной такой общій разсчетъ: «Всѣхъ денегъ 1,661 руб. 52 коп., употреблено въ расходъ 309 руб. 92 коп., остается 1,351 руб. 60 к. На три части—каждая по 450 руб. 53 коп.». Какое употребленіе сдѣлано братьями Бодянскими изъ доставшихся имъ частей, о томъ свѣдѣній не имѣемъ. Не сомнѣваемся впрочемъ, что почтенный батюшка Осипа Максимовича употребилъ свою часть такъ, какъ писалъ брату своему Ильѣ Гавриловичу въ письмѣ отъ 3-го сентября.

А. Титовъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ АВТОРСКО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Сорокъ лѣтъ назадъ, когда у насъ существовало всего двѣ газеты и два-три журнала, а отдѣльныя книги появлялись лишь изрѣдка и въ маломъ числѣ, увидѣть свое имя въ печати казалось чѣмъ-то необычайнымъ и людямъ наивнымъ доставляло дѣтское наслажденіе. На эту слабость людскую разсчитывали авторы и издатели, помѣщая при своихъ изданіяхъ печатные списки своихъ подписчиковъ и объявляя объ этомъ заранѣе, предъ выходомъ изданія. Выводились титулы подписчиковъ, обозначались мѣста ихъ жительства; сами они выставлялись чрезъ то какъ-бы по преимуществу людьми образованными и любознательными. Само собою разумѣется, что это вліяло на подписку, а числомъ подписавшихся измѣрялись успѣхъ изданія и честь автора.

Существовавшему обычаю подчинился и нашъ поэтъ предъ изданіемъ его перваго произведенія: «Гайдамаки». Гдѣ-то и когда-то онъ пообѣщалъ припечатать такой списокъ; но при самомъ изданіи раздумалъ, потому-ли, что вдумался въ смыслъ обычая, или потому, что подписчиковъ оказалось мало. И вотъ на обложкѣ доставленнаго ему печатнаго экземпляра «Гайдамакъ» онъ пишетъ слѣдующее шуточное объясненіе къ подписчикамъ.

Панове субскрибенты!

«Бачимо, бачимо, що одуривъ, та ще хоче и одбрехацця! Оттакъ вы вслухъ подумаете, якъ прочитаете мои Гайдамаки. Панове громада! далеби не брешу. Ось бачите що. Я думавъ, и дуже хотилось мини надрюковать ваши козацьки имена рядочкомъ гарненько; уже було й найшлось ихъ десяткивъ зо два, чи зо три; слухаю—выходить розномова: одинъ каже треба, другій каже не треба, третій ничого не каже. Я думавъ: «що тутъ робить на свити?» взявъ та й процыидривъ гарненько ти гроши, що треба було заплатить за аркушъ надрюкованого паперу, а до васъ и ну писать оцю цыдулу. Все-бъ то це ничого: чого не трапляеця на вику? все бувае, якъ на довгій пыви; та ось лыхо мини на безголовъя. Есть ще и таки паныч, що соромились свою благородну фамилію (Кырпа—Гнучкопыенко-*въ*) и надрюковать въ мужицькій книзци. Далеби, правда!»

Т. Шевченко.

Не можемъ положительно утверждать, но помнится намъ, будто именно такое объясненіе въ свое время мы читали въ первомъ изданіи «Гайдамакъ». Не разрѣшитъ-ли этого вопроса нашъ извѣстный библіографъ С. И. Пономаревъ?—Теперь это объясненіе сообщено намъ на вырванномъ изъ какой-то записной книжки листочкѣ, писанномъ, очевидно, рукою П. А. Кулиша. Поэтъ не открываетъ прямо причины, почему не исполнено данное имъ обѣщаніе; но добродушно шутитъ съ своими подписчиками, подсмѣивается надъ самимъ собою и не упускаетъ случая посмѣяться надъ тѣми, которые старались закрыть простое свое происхожденіе прибавленіемъ къ выдающимъ ихъ фамиліямъ окончанія *въ*. Выраженіе: «въ мужицькій книзци» характерно для того времени, когда въ диковину были книги съ сюжетами изъ народнаго быта и не употреблялось самое слово «народный».

ПАМЯТНИКЪ ПРЕЖНИХЪ ОТНОШЕНІЙ ПАСОМЫХЪ КЪ СВОЕМУ АРХИПАСТЫРЮ.

(*Жалоба, поданная кіевскому митрополиту крестьянами с. Свиноѣдъ на злоупотребленія державцы Ивана Быковскаго*).

Встрѣтившійся намъ документъ, текстъ котораго приводимъ ниже, представляетъ весьма характеристическій образчикъ отношеній народа къ архипастырю въ XVII ст. Жалуясь на претерпѣваемыя обиды, крестьяне глубоко убѣждены въ томъ, что митрополитъ сочувственно отнесется къ ихъ нуждамъ и что ихъ точка зрѣнія совершенно для него понятна. Они высказываются съ полною дѣтскою откровенностью и убѣждены, что откровенность эта будетъ принята съ отеческою снисходительностью; они поручаютъ къ подачѣ свое прошеніе своимъ атаманамъ и просятъ митрополита, чтобы онъ вполнѣ вѣрилъ словеснымъ объясненіямъ посланныхъ, такъ какъ они «мужи старожитные, вѣры годные»;—крестьяне глубоко убѣждены, что такая аттестація вполнѣ достаточна для того, чтобы митрополитъ отнесся съ вниманіемъ къ ихъ уполномоченнымъ. Мы отмѣчаемъ эти бытовыя подробности, какъ черты свидѣтельствующія о той интимной, патріархальной, глубоко коренившейся въ жизни и далеко не формальной связи, которая соединяла представителей высшей церковной іерархіи съ народомъ въ южной Руси.

Документъ списанъ съ подлинника, который представляетъ полулистъ сѣрой бумаги, исписанный весьма четкимъ почеркомъ половины XVII столѣтія. Къ несчастію, въ документѣ не названо имя митрополита, ни помѣченъ годъ составленія прошенія. Можемъ только предполагать, что онъ относится къ 1678 году, на томъ основаніи, что онъ встрѣтился намъ въ связкѣ документовъ, помѣченныхъ этимъ годомъ. Если принять во вниманіе эту догадку, то можетъ быть окажется не слишкомъ рискованнымъ предположеніе, что «державца» свиноѣдскій было тоже лице, которое въ 1687—1699 упоминается въ различныхъ документахъ въ качествѣ кіевскаго войта, подъ именемъ Ивана Демидовича Быкова, Быковича или Быковскаго (смотря по обстоятельствамъ). Войтъ этотъ очевидно знакомъ былъ съ бытомъ монастырскихъ имѣній, потому что въ 1687 указывалъ гетману Мазепѣ на возможность привлечь монастыр-

скихъ крестьянъ къ «городовой сторожѣ на башняхъ и отправованю онихъ послугъ городови належачихъ» и выхлопоталъ гетманскій универсалъ, согласный съ его заявленіемъ. Въ 1693 онъ, по просьбѣ игумена и ректора братскаго монастыря, описывалъ недвижимое имущество этого монастыря, а въ 1699 скончался въ кіево-печерскомъ монастырѣ, принявъ передъ смертью монашество [1]). Село Свиноѣды, жители котораго составили прилагаемое прошеніе, нынѣ деревня остерскаго уѣзда черниговской губерніи, уже въ началѣ XVII столѣтія принадлежало михайловскому выдубицкому монастырю [2]).

В. А.

Въ Бозе велебный а милостивый пане, отче митрополите, пане а пане нашъ милостивый.

Мы убогие подданные церкви Божое митрополии киевское, монастыра святого Михаила выдубицкого, также села свиноедского, всѣ сполне отъ мала и до велика ускаржаемося Вамъ, нашему милостивому пану, на пана Ивана Быковского, державцю отъ Вашей милости намъ даного, ижъ намъ, милостивый пане, надъ права и волности наши, отъ предковъ святыхъ и славныхъ памети, митрополитовъ бывшихъ и отъ Вашей милости самого даныхъ, великіе и незносные кривды, драпежства въ браню такъ готовыхъ грошей, яко тежъ въ браню невинныхъ куницъ, также насъ самыхъ, мужей вже въ лѣтехъ зошлыхъ, бъетъ, и нехрестянски мордуетъ; ово, милостивый пане, не зышлобы ся то не хрестиянинови, але карацинови чинить, што онъ надъ нами, убогими подданными вашей милости чинитъ. Згола, милостивый пане, волялъ бысь, ваша милость, турчинови насъ въ неволю продати, а нижъ ему насъ врядникови дати, снадней бысьмо отъ Вашей милости то терпѣти мели, а нижъ отъ него терпѣмо. На остатокъ, милостивый пане, же и въ халупахъ своихъ предъ нимъ зъ жонами, зъ детками не можемъ въ покою пробыти: приходечи до халупъ нашихъ, а звлаща подпивши,

---

[1]) Акты относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. V, стр. 213, Памятники изд. кіевск. археографич. коммисіею, томъ II, отд. I, стр. 300. Лѣтопись Величка, т. III, стр. 544.

[2]) Кіевлянинъ на 1841 годъ, стр. 21--22.

якожъ то часто у него естъ, же трезвый никогды не живетъ, насъ самыхъ невинне бьетъ, за жонами и детми гонитъ, росказуючи себе циловати, до везеня насъ сажаючи, мордуетъ, детей—сыновъ нашихъ поневоли до послугъ своихъ примушаетъ, на сторожу незвыклую намъ всѣмъ, зъ пулчаками стеречи примушаетъ, сусѣда нашего Максима Панковича въ Свиноѣдахъ, приежчуючи, килка разъ киемъ немилостиве збилъ, змордовалъ при добрыхъ и зацныхъ людехъ: при пану Хмаре и при пану Масловскомъ, который естъ и теперъ на смертелной постели и ни отъ чинхъ рукъ не зыдетъ, тылко отъ пана Быковского. Всѣхъ кривдъ: у браню пенезей, даней невинныхъ, куницъ, повышенье даней медовыхъ—реестръ по достатку списавши, всѣхъ кривдъ черезъ атамана нашего выдубицкого, старожитного мужа, а атамана свѣноедского—Окулу и Исаю, старожитнихъ мужей, которымъ рачъ Ваша милость милостивый панъ, вѣру во всемъ, яко мужемъ старожитнимъ, вѣры годнымъ додать, насъ зъ неволи и работы египетское отъ пана Быковского выслободити, а намъ, убогимъ подданнымъ своимъ, съ пана Быковского у невинныхъ грабежахъ, у браню незвыклыхъ даней, въ подвышеню куницъ, ведлугъ реестру, яко панъ хрестиянский, справедливость съ пана Быковского учинить, за что Вашу милость, нашого милостивого пана, Господь Богъ у пребываню живота дочасного и въ будущемъ вѣку благословить будетъ рачилъ.

ЗАГОВОРЫ НА ПРОСО И ПШЕНИЦУ.

Не смотря на совокупныя стремленія въ послѣдніе годы правительства, церкви и общества распространить въ народѣ просвѣщеніе, народъ во многомъ продолжаетъ жить прежнею своею жизнію, полною всякаго рода суевѣрій. Въ ряду ихъ заговоры пользуются полнымъ правомъ гражданства и живутъ, благодаря, кажется, своему практическому назначенію.

Заговоры проса и пшеницы, какъ на корню, такъ и въ зернѣ передъ посѣвомъ, до настоящаго времени общеупотребительны въ южной части переяславскаго уѣзда. Въ самомъ Переяславѣ живетъ мѣщанинъ Пиндюръ, который производитъ ихъ слѣдующимъ образомъ: рано утромъ беретъ онъ изъ колодца «непочату» воду,

сыплетъ туда съ таинственными нашептываньями какой-то порошокъ, напоминающій цвѣтомъ обыкновенную печную золу, и кропитъ на четырехъ углахъ нивки этой чудодѣйственной жидкостью. Насколько бываютъ дѣйствительны заговоры, это другое дѣло; но всѣ, чье просо или пшеница посѣяны около селъ, обращаются къ помощи заговорщика.

Вѣру въ заговоръ поддерживаютъ сами-же воробьи: облюбовавъ какую нибудь одну нивку, они громадными стаями собираются на ней и не слетаютъ съ нея, пока все зерно не будетъ выпито; а въ это время просо на сосѣднихъ нивахъ поспѣваетъ и скашивается.

Слава заговорщика у владѣльцевъ не пострадавшихъ упрочена; пострадавшіе-же ниспосылаютъ кары небесныя на голову шарлатана, причемъ иногда не обходится и безъ потасовки. Разсказывали мнѣ слѣдующее: «У одного чоловика було просо посіяне. Посылае винъ по заговорщика, той заговоривъ. Тильки що почало просо наливатись, горобци якъ напали, дакъ тильки цурупье й покинули. Отъ той чоловикъ и проха людей: перекажить, каже, тому бисовому сыну, що у мене сей годъ таке просо уродило, якого я й не зазнаю; дакъ нехай прыйде,—я ему скилькись мирокъ дамъ. Той прыиздить. Пишли на ниву. Чоловикъ той узявъ заговорщика за чуба, дай повивъ по всій ныви показувать, що подіяли просу горобци».—А то вотъ другой разсказъ, показывающій, какую силу, по мнѣнію крестьянъ, имѣетъ заговоренное зерно. «Не стало у мене пшона, пишовъ я позычать. Позычивъ у одного чоловика. Стовкъ. Жинка наварила каши. Посидали обидать, тильки до каши, вси якъ заплачемо,—ймо кашу да плачемо. Диты собаци грудку кинули и у тій слёзы зъ очей такъ и закапотили. Що за бисъ? Пишовъ до того чоловика, той сміется. То я, каже, помилився, давъ вамъ заговореного». Впрочемъ воробьи не пьютъ зерна и въ томъ случаѣ, когда знать, въ какое время его посѣять: если посѣять въ субботу, когда евреи молятся въ школѣ, то «горобци» пить зерна не будутъ; «бо тоди вони (горобци) тежъ збираются до купы, цвиринчать, ажъ плачуть, такъ имъ йсти хочеться, а не займуть, поки жиды зъ школы не выйдуть,—бо вони, бачите, однеси виры, шанують одни одныхъ. Вже зерна, котре посіяне о ту пору, що имъ йсти не можне, не займуть».

Сообщ. **Н. И.**

УРА БЕЗЪ ДВУХЪ БУКВЪ.

(Эпизодъ изъ жизни графа Браницкаго).

Во время послѣдняго польскаго мятежа, польская шляхта, братаясь съ русскими хлопами, старалась всѣми силами внушить имъ ненависть и презрѣніе ко всему русскому. Насмѣшкѣ подвергалось и слышанное крестьянами отъ русскихъ войскъ «ура». Шляхта толковала мужикамъ, что слово это не полное, что въ немъ не достаетъ двухъ литеръ или буквъ: *д* въ началѣ и *к* въ концѣ. Вотъ вамъ москаль! самъ кричитъ о себѣ, что онъ дуракъ.

Извѣстно, что наши мужички по своему понимали всѣ шляхетскія наставленія и когда наконецъ повстанье началось, съумѣли какъ нельзя лучше расплатиться съ своими учителями. При этомъ и урокъ о русскомъ: *ура* не остался безъ слѣда. Въ селѣ Соловьевкѣ, радомысльскаго уѣзда, которое, лежитъ на проѣзжей дорогѣ и въ которомъ не мало было грамотныхъ ребятишекъ и подростковъ, понимавшихъ всю соль этой насмѣшки, она направлена была противъ проѣзжавшихъ чрезъ село паповъ, но уже въ измѣненномъ видѣ: не *ура* безъ двухъ буквъ, но *ура* съ двумя буквами. Соберутся близъ дороги подростки и завидя пана, кричатъ ему на встрѣчу и въ слѣдъ: *ура зъ двома буквами!* Особенно этимъ забавлялись въ воскресенье и праздничные дни, когда возлѣ корчемъ гурьбою собирается крестьянская молодежь. Скоро истинный смыслъ такихъ возгласовъ сталъ извѣстемъ во всемъ околоткѣ и кто изъ проѣзжавшихъ чрезъ Соловьевку зналъ объ этомъ, тотъ при видѣ толпы мальчишекъ приказывалъ кучеру ѣхать шибче, чтобы скорѣе миновать насмѣшниковъ; но были и такіе, которые, услыхавъ ура! то проѣзжали въ недоумѣніи, то даже воображали, что такими возгласами оказывается имъ честь и благодарили толпу.

Случилось на ту пору проѣзжать чрезъ Соловьевку недавно умершему графу Владиславу Владиславовичу Браницкому. День былъ воскресный; невдалекѣ церкви, возлѣ каменной корчмы, стояла группа подростковъ. Завидя карету графа, она начала по обыкновенію горланить.

— Ура! зъ двома буквами! ура!...

Поровнявшись съ кричавшею толпою, графъ велѣлъ остановить лошадей и сталъ выходить изъ кареты. При видѣ важнаго пана

толпа притихла и даже испугалась. Слышались возгласы, произносимые въ полголоса.

— Ой, буде бида! Ну, якъ ще мировый.

Но графъ ласково поздоровался. Его интересовало не столько самое привѣтствіе, сколько полная его неожиданность. Онъ любилъ своихъ хлоповъ, любилъ иной разъ съ ними потолковать и даже обдарить ихъ. Ничего не подозрѣвая въ возгласахъ молодежи и принимая ихъ за простодушное привѣтствіе себѣ, онъ ласково спросилъ.

— А что это *виватъ* мнѣ кричите?

— А такъ, просимо пана, отозвался кто-то изъ толпы. По своему, по руському, ура! кричимо.

— Дзенькуе, дзенькуе, отвѣчалъ графъ; но я слышалъ еще что-то, не одно *ура*.

— Ато бачите пане: *зъ двома буквами*, бойко отвѣтилъ одинъ подростокъ и показалъ рукой на дверцы графской кареты, на которыхъ красовались подъ короной двѣ золоченныя готическія литеры *H.* и *B.*

— А! такъ ты письменный? сказалъ графъ, ласково потрепавъ мальчика по щекѣ, и самъ объяснилъ, что эти двѣ буквы означаютъ *Hrabia Branicki* и что самъ онъ и есть *графъ Браницкій*. Молодежь смутилась; первый страхъ снова прошелъ на толпѣ, но она скоро успокоилась, завидѣвъ, что графъ достаетъ изъ кармана кошелекъ. Графъ еще разъ поблагодарилъ повеселѣвшую компанію и далъ каждому изъ привѣтствовавшихъ его по червонцу.

Обѣ стороны остались довольны. Но золото взяло свое и молодежь почувствовавъ червонцы въ рукахъ, почтительно подсадила графа въ карету и бѣжа за нею далеко въ поле, кричала графу уже по польски:

— Vivat, Hrabia Branicki! Vivat!...

Долго въ Соловьевкѣ помнили про забавный случай *уры съ двумя буквами*.

— Думали, буде лаять, або бить, звичайно, якъ посредникъ; ажъ то самъ Браницькій... и по червиньцю давъ, говорили очевидцы этого казуса, хвалясь предъ другими подаркомъ Браницкаго.

— Бачишь, якій свитлый? Оцежъ отъ самого свитлишого грапа гостинець... толковалъ одинъ хлопецъ другому, показывая червонецъ, полученный отъ графа Браницкаго...

Очевидецъ **Иванъ П. Савченко.**

БОЛЕСЛАВЪ МИХАЙЛОВИЧЪ МАРКЕВИЧЪ ВЪ РОЛИ СЕЛЬСКАГО ПЕДАГОГА.

Немногимъ, можетъ быть, извѣстно, что недавно умершій нашъ романистъ, составившій себѣ извѣстность романами изъ большаго свѣта, служилъ одно время, правда, весьма недолгое, по министерству народнаго просвѣщенія въ званіи чиновника особыхъ порученій по народнымъ школамъ въ Царствѣ Польскомъ. Ни прежде, ни послѣ его должность эта не существовала и учреждена была собственно для него, по одному очень высокому ходатайству, съ жалованьемъ въ 4 тысячи рублей и на разъѣзды, сколько выѣздитъ. Назначенъ онъ былъ на эту должность въ концѣ 1867 или началѣ 1868 года и въ февралѣ этого послѣдняго прибылъ обозрѣвать свою далекую и совсѣмъ неизвѣстную епархію. Хотя въ офиціальномъ извѣщеніи о его прибытіи было сказано, что онъ имѣетъ обозрѣвать одни лишь начальныя училища, но Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ смотрѣлъ заурядъ и всѣ среднія учебныя заведенія. Уже въ мартѣ, по объѣздѣ нѣсколькихъ губерній, Болеславъ Михайловичъ достигъ того пункта въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ пишущему эти строки пришлось служить также по учебному вѣдомству. Въ Маркевичѣ нельзя было подмѣтить ничего ревизорскаго; все въ немъ было изящно просто, или изысканно изящно. Въ учебные часы онъ посѣщалъ уроки, слушалъ, спрашивалъ, иногда пускался въ объясненія по исторіи и литературѣ, говорилъ плавно, изящно, но казался для всѣхъ скорѣе пріятнымъ собесѣдникомъ, нежели ревизоромъ. Въ образцовой школѣ, бывшей при педагогическихъ курсахъ, онъ уже не говорилъ, а только слушалъ и приходилъ въ неописанный восторгъ отъ входившаго тогда въ моду нагляднаго обученія или предметныхъ бесѣдъ, въ существѣ бывшихъ пустою болтовнею или толченіемъ воды въ ступѣ. Учитель дѣйствительно мастерски велъ эту нѣмецкую игру если не съ обезьяной, то съ кошкой, и очарованный ревизоръ то и дѣло носилъ фунтами конфекты ученикамъ-оборвышамъ, которые рады были куску хлѣба. По вечерамъ Болеславъ Михайловичъ въ свою очередь восхищалъ насъ своими мастерскими разсказами, заимствованными не изъ нашихъ сферъ. Разсказчикъ онъ былъ удивительный, передавалъ массу забавныхъ и всякихъ иныхъ случаевъ,

зналъ огромное количество стиховъ и декламировалъ ихъ безподобно. Когда истощался разговоръ и переваливало далеко за полночь, онъ напѣвалъ камаринскую и также весьма успѣшно. По всему видно было, что онъ не тянулъ служебной лямки, не заразился начальственными пріемами, виталъ въ иныхъ сферахъ, словомъ: предъ нами былъ не ревизоръ, а камергеръ, или просто Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ.

Дошла очередь до его спеціальности—сельскихъ школъ, и мы отправились въ ближайшія деревушки.

Первая, лежавшая по пути, школа была открыта не болѣе полутора мѣсяца назадъ. Школы росли тогда, какъ грибы, открывались, какъ только получалось согласіе общества, находилось какое нибудь помѣщеніе и являлся хоть подержанный или совсѣмъ неѣзженный учитель. Устройство, обзаведеніе школъ, подготовка учителей, самое снабженіе учебными принадлежностями и пособіями велись постепенно. Въ мѣстности такъ называемой уніатской, гдѣ все пожиралось ненасытнымъ латинствомъ и польщизной, надо было спѣшить,—ставить русскую школу, какъ вѣху при желѣзнодорожныхъ изысканіяхъ. Препятствія были на каждомъ шагу, русская книжка, русскій языкъ служили пугаломъ. Въ школѣ, лежавшей предъ нами, нечего было ни слушать, ни смотрѣть. Я предупреждалъ объ этомъ своего спутника, но онъ пожелалъ и ее осмотрѣть.

Пріѣзжаемъ въ деревню. Съ трудомъ пробрались къ школѣ по кочкамъ замерзшаго классическаго болота. Вся деревня была разбросана на топкомъ торфяникѣ, пресѣкаемомъ то просачивающеюся лужайками и озерцами, то текущею извилистыми ручейками водою. Школа стояла на маленькомъ пригоркѣ; передъ нею точно днѣпровскія плавни въ миньятюрѣ. Мы вошли въ сѣни; кормившаяся тутъ изъ лохани свинья стремительно шмыгнула между нами и чуть не сшибла съ ногъ столичнаго гостя. Я отворилъ дверь въ классъ; высокій стройный камергеръ долженъ былъ согнуться, чтобы просунуться сквозь узкую и низкую дверь. Классною комнатою и вмѣстѣ квартирою учителя была простая крестьянская халупа съ варистою печью направо отъ входа. Полъ былъ земляной; обмазанныя зимой стѣны не столько просохли, сколько промерзли. По двумъ стѣнамъ тянулись въ два ряда некрашенныя скамьи, сходясь подъ прямымъ угломъ. Въ углу висѣла икона,

между оконъ портретъ Государя, а противъ него на неровномъ земляномъ полу не твердо стояла водруженная на треножникѣ классная доска. Болеславъ Михайловичъ привѣтливо раскланялся съ учителемъ и дѣтьми, которыхъ было на лицѣ не свыше 20. Сидѣть не представлялось удобства, и мы все время стояли предъ дѣтьми. По разспросамъ оказалось, что азбука уже пройдена и дѣти безъ особаго затрудненія читали отдѣльныя слова. Прежній урокъ раньше былъ спрошенъ, ученики читали *надальше*, и учитель не приступалъ еще къ выслушиванію и объясненію читаемаго, будучи занятъ съ младшею группою практическимъ уясненіемъ перваго десятка чиселъ. Прослушавъ нѣсколько утомительное пересчитываніе пальцевъ, картофелинъ и бобовъ и воображаемое съѣденіе яблокъ, грушъ и сливъ, Болеславъ Михайловичъ полюбопытствовалъ послушать чтеніе. Спрошенный ученикъ монотонно читалъ двусложныя слова, отбивая на послѣднемъ слогѣ и подъ часъ спотыкаясь и какъ-бы перегрызая слово.

— А понимаешь-ли ты, что читаешь? спросилъ его ревизоръ.

Хлопецъ въ отцовскомъ кожухѣ вскинулъ на него глазами и произнесъ: *га?*

— Понимаешь-ли, говорю, мой милый, что читаешь? послѣдовалъ опять вопросъ.

— А исти! былъ отвѣтъ.

Маркевичъ глядѣлъ въ недоумѣніи. Я пояснилъ ему, что это польское простонародное слово, вошедшее въ мѣстное малорусское нарѣчіе, и означаетъ утвержденіе, въ родѣ: *а какъ-же*.

— Ну, такъ что-же ты читаешь? обратился опять къ мальчику Маркевичъ.

— Руську ксёнжку, равнодушно произнесъ ученикъ и провелъ пальцемъ у себя подъ носомъ.

— Да, но что ты тутъ въ этой книжкѣ читаешь?

Ученикъ замигалъ глазами. Было очевидно, что онъ не понималъ, чего хочется этому забредшему въ школу пану. Маркевичъ и самъ понялъ это и перемѣнилъ пріемъ. Онъ заставилъ ученика читать тѣже слова, и когда тотъ прочелъ: *островъ*, вдругъ спросилъ его:

— А знаешь-ли, что такое островъ?

Ученикъ молчалъ. Маркевичъ повторилъ тотъ-же вопросъ, обращаясь ко всѣмъ дѣтямъ. Молчали всѣ. Онъ пожалъ плечами и принялся самъ объяснять.

— Какъ? не знаете, что такое островъ?—Островъ...

Но вдругъ изъ угла раздался смѣлый голосъ одного мальчика: «я знаю».

— Ну, ну! скажи, что такое островъ?—спросилъ обрадованный Маркевичъ.

— То щось таке гостре, послѣдовалъ отвѣтъ.

Маркевичъ, повидимому, вовсе не понялъ, какъ мальчикъ додумался до такого отвѣта, и принялся объяснять.

— Островъ, дѣти, это часть земли, окруженная со всѣхъ сторонъ водою. Когда земля окружена со всѣхъ сторонъ водою, то это называется островомъ. Островомъ называется, когда вокругъ вода, а въ серединѣ земля. Острова можно видѣть на моряхъ, океанахъ и на большихъ рѣкахъ. Часть суши, выдавшаяся изъ воды—это и будетъ островъ.

Ученики слушали внимательно, но хлопали почему-то глазами. Маркевичъ окинулъ ихъ однимъ взглядомъ и спросилъ, поняли-ли они сказанное. Отвѣта не послѣдовало. Онъ принялся чертить на доскѣ и повторять на всѣ лады прежнее объясненіе.

— Ну, вотъ видите, дѣти, говорилъ онъ, окончивъ чертежъ. Вотъ это вода, а это земля. Вода вокругъ, земля въ серединѣ. Теперь поняли, что такое островъ?

— Пипялисьмо, отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Ну, хорошо. Скажите-же, что такое островъ?

— Сокира, послышался голосъ изъ угла.

Маркевичъ сконфузился, съ досадою пожалъ плечами и съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на меня. Я не счелъ удобнымъ объяснять ему причину его неудачи, а учитель въ оправданіе свое сказалъ, что читаемыхъ теперь словъ еще не объяснялъ, будучи занятъ другою работою.

Перешли къ другимъ, немногимъ предметамъ. Дѣти разсказывали страшно ломанымъ языкомъ о сотвореніи міра и перваго человѣка, рѣшили на словахъ нѣсколько простыхъ ариѳметическихъ задачъ, показали свое слабое искусство въ письмѣ. Спрашивать

больше было не о чемъ. Собираясь выходить совсѣмъ изъ школы, Маркевичъ обратился къ ученикамъ съ такимъ еще вопросомъ:

— А знаете-ли, дѣти, кто у насъ Государь Императоръ?

Дѣти хлопали глазами.

— Какъ, дѣти, вы не знаете, кто у насъ Государь Императоръ? спросилъ онъ вновь и принялся уяснять самый вопросъ.

— Государь Императоръ—это нашъ отецъ, это самый большій, самый старшій между нами. Онъ всѣми управляетъ, всѣмъ приказываетъ, его всѣ слушаютъ, словомъ: онъ *первый* между нами человѣкъ. А знаете, какъ звать его?

— Первый человѣкъ, отвѣчалъ одинъ изъ учениковъ.

— Ну, да, первый человѣкъ; но какъ его имя и отчество?

Дѣти не отвѣчали, Маркевичъ вмѣсто отвѣта указалъ на висѣвшій надъ ихъ головами портретъ Государя и предложилъ прочесть подпись надъ нимъ. Ученики прочли не безъ труда подпись, хотя на лицахъ совсѣмъ не видно было, чтобы и послѣ этого они понимали, о комъ и о чемъ рѣчь. Маркевичъ продолжалъ:

— Такъ вотъ видите, дѣти, нашъ Государь Императоръ называется Александръ II Николаевичъ. Замѣтьте, называется и проч.— А скажите, кто знаетъ, какъ называется его жена?

— Я знаю, съ увѣренностію сказалъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Ну, ну, скажи: какъ?

— Ева, послѣдовалъ рѣшительный и твердый отвѣтъ.

Импровизированнаго педагога, восхищавшаго своими разсказами и чтеніями великосвѣтскіе салоны, но совершенно незнакомаго съ мозольною работою сельскаго учителя, съ степенью развитія крестьянскихъ дѣтей, съ процессомъ ихъ мышленія, образомъ пониманія, такой неожиданный отвѣтъ совершенно обезкуражилъ. На минуту онъ умолкъ, потомъ кое-какъ докончилъ объясненіе и видимо огорченный, сухо попрощавшись съ дѣтьми и учителемъ, вышелъ изъ школы.

— Однако удивительно, какъ мало развиты ученики въ этой школѣ, говорилъ онъ мнѣ, когда мы совсѣмъ выѣхали изъ деревни.— Видно учитель мало имъ объясняетъ. А кажется, не глупъ. Я рѣшительно не понимаю, какъ возможны подобные отвѣты.

— Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго, отвѣчалъ я ему. Дѣтская мысль, при всей своей подвижности, очень упруга и строго послѣ-

довательна. Отвѣчавшій вамъ мальчикъ по своему правъ. Вы спрашиваете, что такое островъ; такого предмета онъ не видалъ и не слыхалъ, въ его польско-малорусскомъ нарѣчіи этого слова нѣтъ, онъ припоминаетъ близкое, сходное и отвѣчаетъ вамъ: *это ньчто острое*. Вы начинаете объясненіе, но мысль мальчика занята даннымъ отвѣтомъ, онъ подыскиваетъ къ своему опредѣленію реальный предметъ, вашего объясненія не слушаетъ, да и не понимаетъ, и когда вы ставите вновь вопросъ: что такое островъ, отвѣчаетъ вамъ: *сокира*. Еще натуральнѣе второй отвѣтъ: дѣти только что отвѣчали о первомъ человѣкѣ, въ вашемъ объясненіи слышатъ также: первый человѣкъ, и на вопросъ объ имени его жены отвѣчаютъ: *Ева*.

— Но вѣдь я говорилъ о Государѣ Императорѣ? Кажется, ясно.

— Ясно для васъ, но не для этихъ дѣтей природы, живущихъ въ лѣсахъ и болотахъ. Такихъ словъ они здѣсь не слыхали, слышали, можетъ быть, и то не всѣ: найяснѣйшій панъ, цесарь, царь, но до уясненія самаго понятія имъ еще очень далеко. Сумма знаній, представленій, наростающая у насъ вмѣстѣ съ мясомъ и жиромъ, добывается здѣсь тяжелымъ, усидчивымъ трудомъ. Надо войти въ эту сферу, изучить до тонкостей степень и способъ ея пониманія, условія ея жизни, ея обстановку, ея рѣчь, чтобъ быть понятнымъ ей, да и то многое до поры до времени будетъ привито лишь искусственно, принято на вѣру. Самыя простыя вещи надо здѣсь разжевывать много-много разъ, пояснять на десять ладовъ, терпѣливо слѣдить за развитіемъ мысли и рѣчи дитяти, самую рѣчь прививать постепенно и ждать результатовъ не часами и днями, а мѣсяцами и годами.

— Правда, правда, замѣтилъ Болеславъ Михайловичъ; по сегодняшнему опыту я вижу, какъ долженъ быть тяжелъ трудъ здѣшняго учителя. На все нужна наука, все требуетъ навыка, опыта, сноровки, приспособленія.

Въ этотъ и слѣдующій день мы осмотрѣли нѣсколько другихъ школъ, видѣли лучшія помѣщенія, слышали гораздо лучшіе отвѣты; но случайнаго педагога-обозрѣвателя мало интересовалъ мозольный трудъ учителя и медленный успѣхъ сельской школы, его тянуло въ среднія учебныя заведенія, въ сферу городскую, сколько-нибудь подходящую къ той, къ которой онъ привыкъ. Другихъ школъ, кромѣ городскихъ, мы не видали; но и такихъ оригинальныхъ и

поучительныхъ отвѣтовъ, какіе дала первая сельская школа, не слыхали.

Скоро мы разстались съ умершимъ нынѣ романистомъ, скоро и онъ оставилъ несродное ему поприще и не появлялся болѣе для обозрѣнія народныхъ школъ въ Царствѣ Польскомъ.

Б. Д—ръ.

ПѢСНЯ О СЕРБѢ.

Въ ряду немногочисленныхъ фактовъ исторіи Новороссіи не прошла незамѣченною въ южно-русской поэзіи сербская колонизація степей въ прошломъ столѣтіи. Предлагаемъ читателямъ пѣсню о сербѣ, записанную для насъ въ с. Алексѣевкѣ елисаветградскаго уѣзда. Она проникнута тѣмъ снисходительно-юмористическимъ духомъ, который очень характеристиченъ для отношеній между малорусскимъ населеніемъ степей и сербами-пришельцами. Сербъ изображается черноусымъ франтомъ, красивымъ кавалеристомъ, предметомъ слабости прекраснаго пола; у него нѣтъ ни хаты, ни собственности, ни любви къ земледѣльческому труду; живетъ онъ весело, сладко ѣстъ, пьяно пьетъ, но остается чуждымъ и землѣ и народу. Такова замѣчательно интересная характеристика серба въ южно-русской народной пѣснѣ.

Ой сербине чорноусый,
Чого въ тебе кафтанъ куцый?
— Суки дивки пидпоили
И кафтанъ пидкроили.
Сербинъ милый, чорнобривый,
Сербинъ не богатый —
За нымъ дивки стадомъ ходять,
Якъ товаръ рогатый.
За сербиномъ добре жити,
Що ничого не робити,
Горилочку та медъ пити,
Хорошенько походити.
У сербина вечеря:
Що-дня курка печена,
Вареники въ масли,
Черевички красни.

Ой сербине, сербиночку,
Годи сербувати:
Бери серпъ, та йди въ степъ
Пшениченьку жати!
Сербинъ того не злюбивъ,
Тилько усомъ закрутивъ,
Пишовъ, коня осидлавъ,
«Прощай, дивчино», сказавъ.
У сербина чужа хата,
Бо й самъ сербинъ, якъ гармата,
Худибоньки тильки въ ёго
Серпъ, та плахотка картата,
Чомъ сербина не любить,
Чи не подобонька?
Якъ сивъ на коня,
То й вся худобонька.

Сообщ. **В. Ястребовъ.**

Поправка. Въ статьѣ: Софія-премудрость Божія, стран. 561, строк. 21 и 22 напечатано: Это не женское, *но и не* мужеское лице; надо читать: Это не женское, *а* мужеское лице.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ X томѣ «Кіевской Старины» [1]).

А.

Абаза, херсон. губ., 348—351.
Абамелекъ, кн., полковникъ, 675, 682.
Абассъ-паша, тур. предв. (1633 г.), 70.
Абу-Али-Яфетъ, ученый араб. X в., 576.
Авраамъ, сынъ Маръ-Симхи-Гасфарди, 569—572, 578, 583—585.
Адріанъ, патріархъ москов., 120, 479.
— II, папа римскій, 535.
— Титовичъ, кн. звенигород., 18.
Александръ I, имп., 449—450, 460, 464, 661, 673, 690—692.
— II, имп., 445—446.
— Коріатовичъ, кн. литовскій, 18.
Алексѣй Михайловичъ, царь и в. кн., 186—189, 193, 207—208, 221, 445; письмо къ нему Хмельницкаго, 541—542.
— Петровичъ, царевичъ, 119, 634, 637.
— патріархъ константиноп., 434.
Амвросій Медіоланскій, церковн. пис., 425—426.
Анастасій Диррахитъ, имп. виз., 436.
Андреевскій, М. А., сообщ. «Предложеніе Мазепы (1703) кіевскому войту», 132—136; упом., 83, 84, 91.
Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, кн. суздальскій, 538.
Андріевскій, А. А.; разборъ его «Истор. матер. изъ архива кіев. губ. правленія», 719—722.
— В. П., соврем. художникъ, 594.
Анна Ярославна, королева франц., 536.
Антоновичъ, В. Б., проф. у-та св. Влад.; его рецензіи: а) на книгу Лазаревскаго: «фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей, 331—336, б) на изд. А. А. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ «Акты греч. нѣжинскаго братства», 716—718; зам. «Памятникъ прежнихъ отношеній пасомыхъ къ своему архипастырю, 745—747; упом., 141—142, 340—342, 541.
Апостолъ, гетманъ, 717, 718.
Апраксинъ, Ѳедоръ, адмиралъ Петра I, 495.
Аракчеевъ, графъ А. А., разсказы о военныхъ поселеніяхъ, 168—172; воспом. о немъ сенатора А. Я. Стороженка, 447—477; письма его къ Г. И. Лисаневичу, 673—692.
Аргамаковъ, ген.-маіоръ, 682.
Арсеній, архим.; его монографія «Софроній Добрашевичъ, архим. Новой Сербіи», 276—304.
Аскольдъ, кн. кіевскій, 579.

В.

Багалѣй, Д. И., проф. харьков. у-та, сообщ. свѣдѣнія о работахъ козаковъ на ладож. каналѣ, 357—361;

[1]) Цифры означаютъ стр. тома.

его рецензія на книгу И. В. Лучицкаго «Сборникъ матеріаловъ для ист. общины», 141—148; упом., 344—345.
Багратуни, еврейскій родъ, 571.
Бакай, Николай, сообщ. зам. «Сборникъ докум. въ Гадячѣ», 735—739.
Бакота, с. под. губ., его описаніе и исторія, 254—275; упом., 10, 385, 545.
Балабанъ, Діонисій, кіев. митрополитъ, 191—192.
Барановичъ, Лазарь, архіеп. черниговъ, разборъ книги о немъ Н. Ѳ. Сумцова, 525—528; упом., 186, 191—192, 196—202, 204—206, 210, 217—218, 355, 717, 718.
Баръ, литов. замокъ XV ст., 10.
Баторій, Стефанъ, кор. пол., 36—52, 367—368.
Батый, ханъ татарскій, 244, 269, 538—539.
Баша, Ѳедоръ, кобзарь, 644—649, 654.
Берлинскій, авт. «Описанія Кіева», 251—252.
Берхинъ, Іоа, авт. статьи «Еврейскій документъ о посольствѣ св. Владиміра для испыт. вѣръ», 568—585.
Беръ, К. Е., академикъ, изв. краніологъ, 510.
Бестужевъ-Рюминъ, проф. петерб. у-та, изв. ученый, 576.
Бибиковъ, Д. Г., кіев. ген.-губ., 82—84, 87—95, 102, 534, 724, 727.
— П. П., кіев. вице-губ., 92.
Бильдрутъ, штундистъ, 318.
Бистромъ, полков., 675.
Богданъ, Яковъ, гетманъ, 42.
Богуны, дворяне, 20.
Бодянскій, О. М., изв. ученый, 141—142, 740—743.
Бойма, ученый іезуитъ XVII в., 201—217.
Бонекемпферъ, пасторъ въ колоніи Рорбахъ, пропов. штундизма, 308.
Бониель, соврем. герман. филологъ, 570.
Бопланъ, франц. инж., авт. «Описанія Украйны», 705.
Борецкій, Іовъ, митр. кіевскій, 229.
Боровиковскій, В. Л., изв. художникъ, 155—162, 544—545.
Браницкій, графъ В. В., 749—750.
Брацлавъ, г., 10.
Бронскій, Христофоръ, учен. XVII ст., 217, 437, 442.
Брунъ, академикъ, 574.
Брюховецкій, гетманъ, 194, 197, 198, 717, 736.
Будановъ-Владимірскій, М. Ф.; рецензія на I т. его «Исторіи у-та св. Владиміра», 512—517.
Бучацкіе, двор. родъ, 15.
Бучневичъ, В. Е.; сообщ. зам. а) «Поправка къ надписи на иконѣ въ с. Жукахъ», 175—177; и б) «О домикѣ Котляревскаго въ Полтавѣ, 352—353.
Бѣлая-Церковь, м., 10.

В.

Вагнеръ, Людвигъ, штундистъ, 314.
Валуевъ, графъ П. А., членъ госуд. сов., 348.
Вамбери, соврем венгер. ученый, 511.
Ванатовичъ, Варлаамъ, архіеп. кіевскій, 242.
Василевичъ, Ѳеодосій, игуменъ кіево-михайлов. монастыря XVII ст., 187, 192.
Василій Болгаробойца, имп. виз., 427.
— Дмитріевичъ, в. кн. московскій, 18, 430.
— Великій, церк. пис. V в., 424, 428—429.
— Петровичъ, владыка черниговскій, 322—323.
Васильевскій, В. Г., проф. петерб. у-та, 571.
Васильевъ, М.; сообщ. сказку «Великій грѣшникъ», 172—175.
Василько Романовичъ, кн. галицкій, 268.
Вилеръ, проп. штунды; его письма, 315—320; упом., 306, 312, 314, 504—505.
Вянница, г., 10.
Витовтъ, в. кн. лит., 272, 403, 411, 539, 540.
Виттъ, графъ, ген.-лейт., нач. воен. поселеній, 447—448, 451, 454, 455, 471—477, 678, 691.
Вишенскій, Іоаннъ, уч. XVII ст., 217, 367.
Вишневецкіе, князья, 15, 361—366.

Вишневецкій, Михаилъ, староста черкасскій и каневскій, 44.
Владиміра св. университетъ въ Кіевѣ; рецензія на его исторію 512—517; упом., 529—532.
Владиміръ Володаревичъ, кн. галицкій, 268.
— Всеволодовичъ, кн. москов., 572.
— св., в. кн. кіев., 237, 445, 534, 536, 568—585.
— Мономахъ, в. кн. кіев., 445, 573.
— Юрьевичъ, кн. московскій, 572.
Владиславъ IV, король польск., 248—249.
Вогюе де, соврем. франц. пис.; разборъ его очерковъ рус. исторіи, 703—707.
Войсаровскіе, братья, Адамъ, Аѳанасій и Сильвестръ, штундисты, 500—501.
Воронцовъ, кн. С. М., новорос. ген.-губ., 568.
Воротынскіе, кн., 18.
Воспоръ или Пантикапея, колонія іонійцевъ въ Крыму, 137—141.
Всеволодъ Ольговичъ, в. кн. кіевскій, 244.
Вуншъ, штундистъ, 318.
Выговскій, Иванъ, гетманъ, 187, 191, 192, 330, 717.

Г.

Гавриловъ, Иванъ, штундистъ, 501.
Гагаринъ, кн. Матвѣй, 425, 481—482, 626, 633.
Гайдамака, Лукьянъ, штундистъ, 504.
Галаганъ, Г. П., членъ госуд. совѣта, 655.
Галятовскій, Іоанникій, южно-рус. ученый XVII ст., 186, 201, 210, 217—218.
Гаркави, современный евр. ученый, 571—585.
Геннадій, еписк. новгород., 436.
Генрихъ I, кор. франц., 536.
— III, кор. франц. и польскій, 367.
Гербедевъ, крѣп., 11.
Гервасій, еписк. переяслав. XVIII в., 285—304.
Геродотъ, греч. историкъ, 508—510.
Гизель, Иннокентій, архим. кіево-печ. лавры; монографія о немъ П. О. Сумцова, 183—226.
Гиндсъ, штундистъ, 319.
Глинскіе, князья, 380.
— кн. Михаилъ Львовичъ, 18.
Глѣбовъ, ген.-маіоръ, 279, 281.
Глѣбъ, кн. смоленскій (1274 г.) 14.
Голицынъ, кн., авт. «Путешествія по южной Россіи въ 1807 г.», 163.
— кн. Борисъ Алексѣевичъ, 481.
— кн. Дмитрій, первый кіев. губернаторъ, 239—240, 624—633.
Головинъ, Артамонъ, генералъ Петра I, 122.
— графъ Гаврило, 495, 624, 634.
Головкинъ, графъ Ѳед. Алексѣевичъ, 127, 481.
Голубевъ, С. Т., авторъ кн. о Петрѣ Могилѣ, доцентъ к. д. акад., 228.
Голубовскій, П. В.; его рецензія на Сборникъ рус. ист. общ., 148—151.
Горбацкій, Іосифъ Кононовичъ, ученый XVII в., 185.
Гордонъ, генералъ Петра I, 120, 122.
Горленко, В. П.; его статьи: а) «Кобзари и Лирники», 639—657, и б) «Распродажа въ Вишневцѣ, 361—366; рецензіи: а) на «Очерки изъ рус. исторіи» Вогюэ, 703—707, и б) на драму Н. И. Костомарова «Эллины Тавриды», 137—141; упом., 352.
Грабина, Алексѣй; сообщ. пѣсню «Саврадимка», 552—554.
Гретцъ, соврем. еврейскій ученый, 574, 576.
Григорій Великій, папа римскій, 427, 431.
— Богословъ, церк. пис. V в., 423—424.
Гротъ, проф. новорос. у-та, 338.
Губеръ, Яковъ, штундистъ, 505.
Гулевичъ, Елисавета, кіевлянка, пожертв. кіев. академіи дворъ и усадьбу, 227 и слѣд., 525.
Гульцъ, Андрей, генералъ Петра I, 121.
Гурьевъ, кіев. ген.-губ., 534.
Гюбнеръ, штундистъ, 306, 501.

Д.

Давидъ, царь хозарскій, 583—584.
Даніилъ Александровичъ, кн. москов., 572.

Даніилъ Романовичъ, король галицкій, 268—271.
Дашевъ (нынѣ Очаковъ), крѣпость, 11.
Дашковичъ, Остафій, староста черкасскій и канев., 27.
Диръ, князь кіевскій, 579.
Дмитрій Іоанновичъ (Донской), в. кн. 18.
Дмитрій Іоанновичъ, 1-й самозванецъ, 363.
Дмитрій Михайловичъ—Грозныя очи, кн. тверской, 18.
— Ростовскій, митр., св., 204, 205, 220, 223, 225, 226, 242, 367.
Днѣпръ, р., 250—253.
Добрашевичъ, Софроній, архимандритъ Новой Сербіи; монографія о немъ архим. Арсенія, 276—304.
Доброславъ, бояринъ короля Даніила галицкаго, 269—270.
Долгоруковъ, кн. Вас. Влад., 112.
Долженко, Илья, штундистъ, 501.
Домецкій, Гавріилъ, ученый XVII ст., 185.
Дорошенко, гетманъ, 197.
Достоевскій, Ѳ. М., извѣст. писатель, 419—420.

Е.

Евгеній (Болховитиновъ), митр. кіев., 227, 230.
Евдокія Ѳедоровна (Лопухина), царица, 118.
Евтихій, патріархъ константиноп., 433.
Екатерина Алексѣевна, царевна, 115, 237.
— I, имп-ца, 242, 637.
— II, имп-ца, 154—155, 165, 445—465.
Елисавета Петровна, имп-ца, 233, 519, 637.

Ж.

Жванецъ, м. под. губ., 53—57.
Желиборскій, Арсеній, еписк. львовскій, 191.
Жемчужниковъ, Л. М., художникъ-этнографъ, 655.
Житецкій, П. А.; его статья «Смѣна народностей въ южной Руси», 1—26, 371—418.
— П. И., изв. филологъ, 17.
Житомиръ, г., 10.
Жуки, с., 175—177.
Жученко, М. В., 543—544.

З.

Заборовскій, Рафаилъ, митроп. кіев., 232.
Забѣлинъ, изв. археологъ, 338.
Зайченко, Михей, штундистъ, 501.
Закревскій, авт. «Описанія Кіева», 244.
Замойскій, Ѳома, канцлеръ, 39, 364.
Запорожскаго козачества происхожденіе, (статья Л. П.) 27—52.
Запорожская старина; записки о ней, 165—168.
— реляція о побѣдѣ надъ турецкимъ флотомъ, 129—131.
Збаражскіе, князья, 15.
— Янъ, воевода брацлавскій, 38.
Зерникавъ, Адамъ, ученый XVII ст., 183, 201, 206—207, 223.
Зизаній, Стефанъ, уч. XVII ст., 217.
Зотовъ, Никита, дьякъ, путешествен. по Украйнѣ, 127.
Зоя, имп-ца визант., 434.

И.

Ибнъ-Баруцъ, уч. XVII в., 576.
Ивановъ, Василій, штундистъ, 501.
Игорь, князь кіевскій, 579.
— Ольговичъ, в. князь кіев., 244, 245.
Изяславъ Давидовичъ, в. кн. кіевскій, 244, 245.
— Ростиславичъ, в. князь кіевскій, 538.
— Святославичъ, в. кн. кіев., 580.
Иларіонъ, митроп. кіев (1051—1054), 538, 572—573, 578.
Иловайскій, Д. И., соврем. уч., 511.
Ираклій, имп. визант., 426—428.
Ирина, имп-ца визант., мать императора Константина VI, 434.

І.

Іаковъ, патріархъ константиноп. XVII ст., 717.
Іегуда, еврейскій раввинъ, ученый, 569—571, 585.
Іеремія II, патр. константиноп., 227, 229, 231, 521.
Іеронимъ, блаж., церк. пис., 573.

Іоакимъ, патр. московскій, 120, 209; 437.
— патр. антіохійскій XVI ст., 711.
Іоаннъ Грамматикъ, имп. визант., 435.
— Палеологъ, имп. визант., 561.
— Постникъ, патріархъ визант., 431.
— III Васильевичъ, вел. князь, 17, 445.
— IV Васильевичъ, царь и в. князь, 439, 562.
— V Алексѣевичъ, имп., 117, 121, 123, 234, 235.
— Златоустъ, знам. витія, 424.
— епископъ переяслав., (1756) 282, 284.
Іовъ, митроп. новгород. XVII ст., 185.
Іосфовичи, дворяне, 19—20.
Іосифъ, игуменъ волоцкій, 436, 441, 445.
— царь хозарскій, 584.

К.

Казиміръ Великій, король польскій, 403, 410.
Кальнофойскій, авт. «Тератургимы», 245—247.
Каманинъ, его разборъ VI т. Архива югозап. Россіи, 708—716.
Каменецъ-Подольскъ, г., 10, 271, 385.
Каменгаузенъ, баронъ, госуд. контролеръ имп. Ал—дра I, 469.
Каморедонъ, французъ. посолъ при русскомъ дворѣ нач. XVIII ст., 148—151.
Каневъ, г., 10.
Канярскіе, князья, 15.
Капустинъ, Ал—дръ, штундистъ, 500, 503, 505.
Караулъ, крѣпость, 11.
Карлъ XII, король шведскій, 496, 634—635, 658, 704.
Кенигъ, Карлъ, штундистъ, 504.
Керимъ-Гирей, ханъ крымскій, 364.
Кикинъ, посолъ царя Алексѣя Мих. въ Малороссіи, 190.
Кинарисовъ, соврем. духов. писатель, 423.
Кипертъ, изв. нѣм. историкъ, 570.
Кириллъ, еписк. туровскій, (XI в.) 444.
Кирѣевъ, А. А., соврем. мыслитель, 437, 442.
Кистяковскій, А. О., проф. у-та св. Влад.; сообщ. докладъ Румянцева имп—цѣ Екатеринѣ II о внутр. строѣ Малороссіи, 693—702.
Кіевъ; Историческія о немъ замѣтки, статья П. Л—ва, (о кіев. церквахъ и монастыряхъ), 227—253.
Кіево-Соф. соборъ; открытіе мозаикъ въ немъ, 162—165; возобновленіе его въ XVII ст., 234—238; упом., 555—557, 563—567.
Клейнмихель, графъ, 448.
Климентъ св., папа римскій; зам. о его главѣ, 534—541.
— XI, папа римскій, 496.
Климъ, митроп. кіевск. 538.
Клундтъ, Георгій, штундистъ; его письма, 315—316, 319—320; упом., 309, 317, 505.
Клюеръ, штундистъ, 312.
Клюкъ, Христіанъ, штундистъ, 310.
Кобызевичи, дворяне, 19, 318.
Ковельскіе, князья, 15.
Коленко, полков. запорожскій, 165.
Конашевичъ, (Сагайдачный) Петръ, гетманъ, 228—229.
Кондрацкій, Даніилъ, штундистъ, 500,
Константинъ Великій, имп. визант., 429, 443.
— VI, имп. виз., 434.
— Мономахъ, имп. виз., 427.
— Погонатъ, имп. виз., 427.
Копинскій, Исаія, митр. кіевскій, 185, 229, 230, 521.
Копицкій, козацкій предвод. XVI ст., 36.
Копыстенскій, Захарія, южнорус. ученый XVII ст., 217.
Корецкіе, князья, 15.
Корибутъ-Ольгердовичъ, кн. литов., 18.
Коріатовичи, князья, 271—273, 385,
Корниловичъ, Захарія, еписк. переяслав. нач. XVII ст., 239—240; 624—625, 658.
Коссовъ, Сильвестръ, митроп. кіев., 186—190, 210, 229, 527—528.
Костомаровъ, Н. И., изв. историкъ; рецензія на его драму: «Эллины въ Тавридѣ», 137—141; упом., 231, 427, 573, 642.
Котляревскій, перев. «Энеиды», 352—353.
Котошихинъ, рус. писат. XVII в., 445.
Коцебу, графъ П. Е., 314—315, 347—351.

Кравченко, Михаилъ, штундистъ, 501, 502.
Кременчугъ, г., 10.
Крикуневичи, земяне, 20.
Криницкіе, земяне, 20.
Кроковскій, Іосифъ, митр. кіев., 114, 241, 624, 658.
Кулишъ, П. А., соврем. писатель, 642—643, 744.
Купицкій, гетманъ конца XVII ст., 71.
Куракинъ, кн. Б. И.; семейная его хроника, (съ предисловіемъ Ф. А. Терновскаго), 104—128, 478—498, 621—638; поправка, 658; упом., 369.
Курбскіе, князья, 18—19.

Л.

Лазаревскій, А. М; его рецензія на «Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей», 331—332; разборъ его книги «Фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей», 332—336; упом., 143.
Лактанцій, церков. пис. IV в., 423.
Ламанскій, В. И., изв. славистъ, 425, 430
Ланге, штундистъ, 315.
Лашкаревъ, П. А., проф. кіев. духов. акад., 244.
Леванидовъ, А. Я., ген.-поручикъ, 465.
Левашовъ, графъ В. В., кіев. ген.-губ., 530—534.
Левицкій, Ив. Сем.; его повѣсть «Старосвѣт. батюшки и матушки», 586—620.
— О. И.; его рецензія на VIII т. Рус. Истор. Библіотеки, 328—330; разборъ изд. подъ его редакціей VI т. Архива югозап. Россіи 718—719.
Левшинъ, Платонъ, митроп. москов., 280.
Левъ Даниловичъ, кн. Галицкій, 270—271.
— IV, папа римскій, 429.
— III, иконоборецъ, имп. визант., 435.
— V, имп. визант., 435.
— Оракіянинъ, имп. визант., 426.
Лееръ, штундистъ, 315, 317, 319.
Лежайскій, Михаилъ, архим. новгородъ-сѣв. монастыря XVII ст., 198.
Леонтьевъ, проф. моск. у-та, авт. нѣк. философ. сочиненій, 421.
Лефортъ, генералъ Петра I, 122.
Либигъ, проповѣдникъ штунды; письма къ нему Вилера и Прицкау, 316—319; упом., 306, 505.
Лингвеній Ольгердовичъ, кн. литовскій, 18.
Липовскій, Францъ, штундистъ, 308—314, 505.
Лисаневичъ, Г. И., ген.-лейтенантъ, нач. воен. поселеній на югѣ Россіи; письма къ нему графа А. А. Аракчеева, 673—692.
Лука Жидята, епископъ новгород. XI в., 572.
Лучицкій, И. В., проф. у-та св. Влад., рецензія на изд. имъ «Сборникъ матеріаловъ для исторіи общин. землевлад., 141—148; упом., 344.
Лысянка, м., 10.
Любартовичи, дворяне, 15.
Любартъ Гедиминовичъ, кн. литов., 18.
Любечъ, г., 10.
Лянцкоронскій, Предславъ, гетманъ, 43—44.
Ляссота, Эрихъ, посолъ имп. Рудольфа, 43, 238.

М.

Маврикій, имп. визант., 427.
Мазепа, Иванъ, гетманъ; предложеніе его 1703 г. кіевскому войту и магистрату, 132—136; «Вопль Мазепы», 658—672; упом., 127, 231—234, 236, 240, 624—626, 703—704, 707, 717—718, 737, 745.
Майеръ, проповѣдникъ штунды, 306, 317, 318, 320, 505.
Макарій, патріархъ антіохійскій XVII ст., 229, 563.
— митроп. москов. XV в., 558, 562.
— (Булгаковъ), митроп. москов., 227, 424, 442.
Максимовичъ, М. А., изв. ученый, 227—232, 530—534.
Малышевскій, И. И.; его рецензія на «Очеркъ исторіи зап.-русской церкви» И. А. Чистовича, 518—526.
Марина, (Мнишекъ), жена Дмитрія Самозванца, 363.

Марія, имп—ца виз., супруга имп. Константина VI, 434.
Маркевичъ, А.; его зам. «Мѣры противъ вечерницъ и кулач. боевъ», 177—180; упом., 342—343.
— Б. М., 751—757.
Мартина, имп—ца виз., супруга имп. Ираклія, 434.
Мартинъ Исповѣдникъ, папа римскій, 433.
Мартыновъ, переводчикъ и комментаторъ Геродота, 509—510.
— Н. С., убившій на дуэли М. Ю. Лермонтова, 92.
Масуди, пис. X в., 579.
Матвѣевъ, Андрей Артам., посолъ Петра I въ Гагѣ, 636.
— Артамонъ, его отецъ, бояринъ, 198.
Мелетій, патріархъ ал-дрійскій, 229.
Мелешковичи, земяне, 20.
Мельникъ, Е., дѣвица-археологъ, 342.
Менагутимеръ, ханъ монгольскій XIII ст., 18.
Менгли-Гирей, ханъ крымскій, 409.
Меншинъ, Яковъ, штундистъ, 501.
Меньшиковъ, свѣтл. кн. А. Д., изв. временщикъ Петра I, 481, 483, 493, 496, 624, 626, 629, 633, 737.
Меримэ, франц. писатель, 703.
Мехметъ Гирей, ханъ крымскій, 38—39, 44.
Мещеряновъ, Іосифъ, архим. черниговъ. XVII ст., 191.
Миллеръ, исторіографъ прошлаго ст., 227—230.
— О. Ѳ., проф. петерб. у-та; его статья «Церковь и византійство», 419—446.
Милорадовичи, дворяне, 331—332.
Милутиновичъ, Аѳанасій, игуменъ въ Новой-Сербіи, 278—281.
Минихъ, фельдм., 717.
Мишуринъ-рогъ, литов. замокъ XV ст., 10.
Михаилъ I, имп. визант., 435.
— Пафлагонъ, имп. визант., 434.
— Ярославичъ, кн. москов. († 1248 г.), 372.
— Олельковичъ, кіев. кн., (1402 г.), 17.
— Ѳедоровичъ, царь и вел. князь, 228, 563, 714.
Михаилъ, I, митроп. кіевскій, 579.
— II, митроп. кіевскій, 538.
Мишки, дворяне, 362—363.
Многогрѣшный, Демьянъ, гетманъ, 198, 204.
Могила, Іеремія, господ. Молдав., 364.
— Петръ, митроп. кіев., 163, 184—186, 210, 217, 234, 525, 563.
Могиленко, гетманъ, 71—72.
Можайскіе, князья, 18.
Монкастро, (Аккерманъ) генуэз. крѣпость, 11.
Муравьевъ, А. Н., 163.
Мукша, р., 59—60.
Мстиславъ Андреевичъ, князь, сынъ А. Боголюбскаго, 558.
— тмутороканскій князь, 570.
Муромцевъ, таврическій губерн., 538.

Н.

Наталья Кирилловна, (Нарышкина) царица, 120.
Науменко, Влад. Павл.; его зам. «Къ исторіи газет.-журнальнаго дѣла», 529—534.
Нащокинъ, Аѳанасій, бояринъ царя Ѳедора Алекс., 204.
Нейманъ, соврем. нѣм. ученый, 510.
Нелюбовичъ-Тукальскій, Іосифъ, митр. кіев., 191, 192, 194, 196—197.
Немировичъ, воевода кіев. XVI ст., 28—29.
Несторъ, лѣтописецъ, 580—582.
Никифоръ, имп. визант., 436.
Николай I Павловичъ, имп., 467, 513—514, 660, 723—724.
Нифонтъ, еписк. новгород. XII в., 538.

О.

Овручъ, г., 10.
Одровонжъ Яцко, основатель доминик. въ Кіевѣ монаст., 249.
Оксеновичъ, игуменъ брестскаго монаст. XVII в., 248—249.
Олегъ, князь кіевскій, 579.
— Святославичъ, князь черниговъ., 243.
Олелько Владиміровичъ, кн. Копыльскій, 18.
Ольга св., княгиня, 250, 579.
Ольгердъ, в. кн. литовскій, 18, 271.

Ольдерикъ, настоятель реймской церкви св. Маріи, (XI в.), 536—537.
Ондра, Карлъ, пропов. штунды, 306, 310, 312, 314, 505.
Онкенъ, первый пропов. штунды, 306, 311—312, 505.
Ону, драгоманъ рус. посольства въ Константинополѣ, 103.
Оригенъ, церк. писатель III в., 433.
Осипняжскій, Яковъ, штундистъ, 501.
Оссовскій, соврем. польскій археологъ, 341—342.
Остеръ, г., 10.
Острожецкій, кн. Ѳедоръ, 180.
Острожскій, кн. Вас.-Конст. Конст., знам. ревнитель православія, 36, 39, 180, 518—521.
Отаки, с. под. губ., 61—62.

П.

Павелъ I Петровичъ, импер., 465.
— патр. константиноп. IV в. 433.
Павловичъ, П., свящ.; его воспом. о военныхъ поселеніяхъ, 168—172.
Павлюкъ, гетманъ, 42.
Паисій, патр. константиноп. XVII в., 228.
Папарригопуло, греч. историкъ, 427, 439.
Паткуль, генералъ-поручикъ, посолъ при польскомъ дворѣ, 490.
Пенкинъ, кіев. губернаторъ, 530.
Пенхержевскій, А. Л., кіев. комендантъ, 92.
Пенько, Янъ, староста черкас. и канев., 28—29.
Переяславль, г., 10.
Петахія Регенсбургскій, ученый раввинъ XII в., 578.
Петръ I Алексѣевичъ, импер.; воспоминанія о немъ князя Б. И. Куракина, 104—128; 478—498; 621—638, упом., 233—235, 238—240, 369, 425, 658—660, 703—705, 739.
— III Ѳедоровичъ, импер., 327.
Писарева, Софья Гавриловна, 83, 86, 88.
Писаревъ, ея мужъ, правит. канцеляріи Д. Г. Бибикова, 82—84, 86—88, 94.
Пличевичъ, Сем. Степ., 321—338.
Платонъ, (Городецкій) митроп. кіев., 164.
Полкова, Иванъ, претендентъ на молдавскій престолъ, (1577) 36—37.
Подолія, Путевые Очерки, 53—81, 254—275.
Познанскій, Б. С.; сообщ. зам. о штундѣ, 543—544.
Полоцкій, Симеонъ, ученый XVII ст., 186, 437.
Пономаревъ, С. И., изв. библіографъ, 744.
Поповъ, Левъ, штундистъ, 501.
Поссевинъ, Антоній, уч. іезуитъ XVI ст., 525.
Потемкинъ, Г. А., свѣтл. кн. 694.
Потоцкій, Андрей, воевода кіевскій, 71.
— Іосифъ, воев. кіевскій, (1702 г.) 72—73.
— Станиславъ, воев. брацлавскій, 70.
Потѣй, Ипатій, кіев. уніатскій митроп.; его портретъ при I книгѣ тома; замѣтка къ нему, 180—182; упом., 368, 518—519, 714.
Почайна, р.; о ея мѣстности, 250—253.
Почаскій, Софроній, ученый XVII в., 185.
Праховъ, А. В., проф. петерб. у-та, 164.
Прицкау, Іоганъ пропов. штунды; его письмо къ Либигу, 318—319; упом., 306, 314, 317, 501—502, 505.
Прокоповичъ, Зосима, списк. черниговъ. XVII ст., 187, 189.
— Ѳеофанъ, архіеп. псковскій, 425.
Пудвиль, Іоганъ, штундистъ, 310.
Пушкинъ, А. С., знам. поэтъ, 441.

Р.

Рогоза, Михаилъ, митр. кіевскій, 181, 368.
Радзивиллъ, кн. Варвара, супруга короля Сигизмунда-Августа, 275.
— кн. Николай, изв. покровитель протест., 180.
Радивиловскій, Антоній, уч. XVII ст., 206, 223—225.
Разумовскій, графъ К. Г., гетманъ, 693, 718, 730—733.
Раловъ, Іоакимъ, архим. въ Нов. Сербіи, 278—281.
Рамбо, соврем. франц. историкъ, 505.
Ратушные, братья, пропов. штунды, 306, 499, 503, 505.

Реклю, Элизе, изв. географъ, 705.
Репнинъ, кн. Никита, 478.
— кн. Н. В., 693.
Реувимъ-бенъ-Яковъ, евр. ученый, 576.
Рогерій, епископъ шалонскій XI в., 536—537.
Романъ, кн. Брянскій, (1274 г.) 14.
— Мстиславичъ, кн. Галицкій, 244—245, 268.
— Аргиръ, имп. визант., 434.
— Лакапинъ, имп. визант., 579.
Ростиславъ Михайловичъ, кн. черниг., 270.
Рубанъ, ист. прошлаго ст., 227.
Ружинскій, кн. Михаилъ, гетманъ, 49.
Румянцевъ, графъ П. А.; его докладъ имп—цѣ Екатеринѣ II о внутр. строѣ Малороссіи, 538.
Рюрикъ Ростиславичъ, кн., 538.
Рябошапка, проповѣд. штунды, 306, 315—316, 501—505.

С.

Савченко, И. П., сообщ. эпизодъ изъ жизни графа В. В. Браницкаго, 749—750.
Садовскій, Станиславъ, староста ушицкій, 74.
Самара, р., 43.
Самаринъ, Ю. Ѳ., изв. пис., 425.
Самойловичъ, Иванъ, гетманъ, 328—330, 717.
Самоквасовъ, Д. Я., проф. варшав. у-та, историкъ-юристъ, 343, 507—512.
Сангушки, князья, 15.
Сатановскій, Арсеній, ученый XVII в., 186.
Свидригайло Ольгердовичъ, кн. литов., 18.
Святополкъ II Всевлолодовичъ, в. кн., кіев., 237.
Святославъ, кн. кіевскій, 570, 572.
— Ярославичъ, кн. черниговъ., 243.
Селецкій, П. Д.; его записки, 82—103.
Семенъ Ал—дровичъ, кн. кіевскій, 8.
Сенютовичъ, Іоанникій, игуменъ кіево-михайлов. монастыря, 239—241.
Сергій, патріархъ константинопол., 434.
Сигизмундъ I Августъ, кор. польскій, 27, 249, 367.
Сигизмундъ III, кор. польскій, 242.
Симеонъ Іоанновичъ, в. кн. москов., 18.
— Олельковичъ, в. кн. кіевскій, 565.
Скабалановичъ, соврем. духовн. пис., 428—429, 434, 440.
Скадовскій, Н. Л., соврем. художникъ, 544.
Скоропадскій, гетманъ, 658, 718.
Скорупы, дворяне, 334.
Славинецкій, Епифаній, южнорус. уч. XVII ст., 186.
Смоленскіе, князья, 15.
Смотрицкій, Мелетій, учен. XVII в., 217, 521.
Смотричъ, г., 10, 271, 385.
Соболевскіе, дворяне, 14—15.
Созоменъ, церк. пис., 429—430.
Солнцевъ, Ѳ. Г., академикъ, 162.
Соловьевъ, В. С., соврем. мыслитель, 419—448.
Софоновичъ, Григорій, протопопъ острицкій, 134—136.
— Ѳеодосій, намѣстникъ кіево-братск. монаст., 187, 201, 219.
Софія Алексѣевна, царевна-правительница, 117, 119.
Станиславъ (Лещинскій), кор. польскій, 495,
Старушичъ, Игнатій, уч. XVII ст., 185.
— Климентій, игуменъ кіево-выдубицкій, 189, 192.
Стегайло, старшина войсковый козачій; реляція его Кошу о побѣдѣ надъ турецкимъ флотомъ, 120—131.
Стороженко, Алексѣй Петр., писатель; разсказы о его слѣдовательской дѣят., 723—730.
— Андрей Яковл., сенаторъ; воспоминанія его о воен. поселеніяхъ, 447—477.
Студеница, м. под. губ.; его исторія и описаніе, 61—81; упом., 53.
Судіенко, М. О., 91—92.
Сулимы, дворяне, 331—336.
Сумцовъ, Н. Ѳ., проф. харьк. у-та; его монографія «Иннокентій Гизель», 183—226; разборъ его книги о Лазарѣ Барановичѣ, 526—528,
Суреметниковичъ, П. Ѳ., 1-ый ректоръ вилен. коллегіума, 182.

Т.

Тарасій, патріархъ константинопол., 434.
Текели, Савва, ген., 459.
Теремка, р., 255—258.
Теремцы, с. под. губ., 255.
Терлецкій, Кириллъ, епископъ луцкій; его портретъ при II книгѣ тома; замѣтка къ нему, 366—369; упом., 180, 182, 518, 714—715.
Терновскій, Ф. А., проф; его предисловіе къ запискамъ кн. Б. И. Куракина, 104 - 128, 478 — 498, 621—638; упом., 369, 419—446.
Тетеря, Павелъ, гетманъ, 717.
Тискиневичъ, гетманъ, 519.
Титовъ, А. А.; сообщ зам. о судьбѣ имущества Иринея Фальковскаго, 740—743.
Ткаченко, Яковъ, штундистъ, 501.
Тозеръ, соврем. ученый проф. оксфордскаго у-та, 535.
Толли, И. А., кіев. город. голова, владѣтель Вишневца, 363, 366.
Толстой, графъ Левъ Ник., знам. пис., 444.
— Петръ, нѣжин. полков., 717.
Толькъ, Іостенъ, голланд. уч. XVII ст., 706.
Третьяковъ, извѣстный меценатъ, 545.
Тризна, Іосифъ, архимандритъ печерскій XVII ст., 187, 189.
Трубецкой, кн. А. И., 105, 192, 195.
Турецъ, р., 250.
Тышкевичъ, Василій, староста черкас. канев., 27—28.
— графъ, кіев. предводитель дворянства, 92.
Тягинь (Бендеры), крѣпость, 11, 40,

У.

Уваровъ, графъ С. С., археологъ, 338, 342, 365.
Узбекъ, татарскій ханъ, 408.
Унгеръ, Абрамъ, штундистъ, 502.
Унскъ, крѣпость, 11.

Ф.

Фальковскій, Ириней, коадъюторъ кіев. митрополія; судьба его имущества, 740—743.
Феди, мѣщане, 20, 380.
Филаретъ, митроп. кіевскій, 84—85.
— (Филаретовъ), епископъ рижскій, 232.
— (Гумилевскій), архіеп. черниговскій, 207, 218—219.
Филимоновичъ, Меѳодій, еписк. мстиславскій XVII в., 192, 195, 197, 204.
Филимоновъ, 557, 563, 567.
Филькъ, Михель, штундистъ, 309—310, 505.
Финъ, соврем. ученый, 574.
Фирковичъ, Авраамъ, ученый раввинъ, 568—569, 571.
Фишеры, братья, штундисты, 504.
Флокенъ, штундистъ, 317.
Фока, имп. визант., 427—428, 431.
Фотій, митроп. кіевскій, 539—540.
— патріархъ константинопол., 579.
Французъ, Петръ, штундистъ, 504.

Х.

Хвольсонъ, проф. петерб. у-та, 574, 576.
Херсонесъ Гераклейскій, дорійская колонія въ Крыму, 137—141.
Хлопицкій, изв. польскій диктаторъ, 365.
Хмельникъ, м., 10.
Хмельницкій, Богданъ-Зиновій, гетманъ; письмо его къ царю Алексѣю Мих., 541—542; упом., 42, 43, 187, 330, 527—528, 703, 717, 736.
— Юрій, гетманъ, 717, 736.
Хованскіе, князья, 15.
Ходыки, мѣщане, 20.
Хомяковъ, А. С., изв. пис., 421—425, 438—439, 442—443.
Хорватъ, Ив. Сем., ген.-лейт., 277—281; 284—302, 322, 324—327, 459.
Храповицкій, Степ. Сем., генералъ, 455—456, 463, 465.
Хребтовичъ, Мелетій, еп. владим.-брестскій, 180.

Ц.

Цимлакъ, Григорій, митроп. кіевскій, 430.
Циммерманъ, Израиль, еврей-штундистъ, 315—320, 502.

Цих-вичъ, Николай, іезуитъ XVII ст., 186
Цымбала, Ефимъ, штундистъ, 502.

Ч.

Чаадаевъ, 441.
Чацкій, графъ, 516.
Чарторый, р., 253.
Чарторыйскіе, князья, 15.
— кн. Адамъ, 515—516.
Чеважевскій; сообщ. зам. «Еще портретъ кисти Боровиковскаго», 544—545.
Черепъ, Аѳанасій, штундистъ, 501.
Черкасы, г., 10.
Чернобыль, м., 10.
Четвертинскій, кн. Гедеонъ, митроп. кіев., 234—236, 238, 242.
Чигиринъ, г., 10.
Чистовичъ, И. А.; рецензія на его «Очеркъ ист. зап.-рус. церкви» т. II, 518—526.

Ш.

Шабловскіе, дворяне, 19, 379—380.
Шафировъ, баронъ, канцлеръ Петра I, 493, 495, 624.
Шевченко, Т. Г., изв. поэтъ, 743—744.
Шемяки, князья, 18.
Шликъ, штундистъ, 317—318.
Шлиссъ, штундистъ, 316.
Штоллеръ, Генрихъ, штундистъ, 504.
Шувалы, земяне, 20.
Шульцъ фонъ, Отто-Вильгельмъ, проп. штунды, 306, 310—314, 505.
Шумлянскій, Іосифъ, еписк. каменецкій, 73.
Шутцъ, Карлъ, штундистъ, 316.

Щ.

Щасные-Богушевичи, дворяне, 380.

Э.

Эварницкій, Д. И., доц. харьковскаго у-та, 345.
Эдигей, мурза татар., 539.
Энгель, Іосифъ, штундистъ, 314.
Эндингеръ, Карлъ и Христофоръ, проп. штунды, 306, 308—309, 501, 505.

Ю.

Юницкій, И.; рецензія на книгу его «Фундуши и стипендіи вилен. учебнаго округа», 152—154.
Юрій Владиміровичъ (Долгорукій), кн. суздальскій, 244.
Юстиніанъ Великій, имп. визант., 426, 432—433.
— Ринотметъ, имп. визант., 427, 434.
Юшкевичъ, Амвросій, епископъ, 519.

Я.

Яворскій, Григорій, штундистъ, 500.
— Стефанъ, митроп. рязанскій, 425, 479, 659.
Ягайло, в. кн. литов. и кор. польскій, 403, 410.
Язловецкіе, дворяне, 10.
Ярославъ Мудрый, в. кн. кіев, 536, 537.
Ясинскій, Варлаамъ, митроп. кіевскій, 195—196, 226, 236—239, 353—354, 563.
Ястребовъ, В. Н.; сообщ., а) письма графа А. А. Аракчеева къ Г. И. Лисаневичу, 673—692; б) пѣсню о сербѣ, 757—758; его рецензія на изд. Имп. общ. ист. и древн. «Извѣстіе о похожденіи С. С. Пишчевича», 321—328; упом., 70.

Ѳ.

Ѳедотовъ-Чеховскій, А. А.; разборъ изд. имъ «Актовъ греческаго нѣжинскаго братства», 716—718.
Ѳеодора, имп-ца, супруга имп. визант. Михаила I, 428.
Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царь и в. князь, 115—116, 195—196, 198, 202, 204, 328—329.
— папа римскій IV в., 433.
— Ивановичъ, кн. пинскій, 565.
— Коріатовичъ, кн., 272.
— Студитъ, св., 435—436.
Ѳеодосій Великій, императоръ визант., 425—426, 429.
— преподобный печер., 573, 581—582.
Ѳеодота, имп-ца, супруга имп. визант. Константина VI, 434.
Ѳеофанъ, патріархъ іерусалим. XVII ст., 229—230.

Библіографическое извѣщеніе.

ВЫШЕЛЪ И РАЗСЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ

№ 10 (1884 г.)

ИЗВѢСТІЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

Содержаніе: I. *Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.* II. *Славянское Обозрѣніе.* 1) Западники и славянофилы въ ихъ отношеніяхъ къ малорусской народности, профессора *О. Ѳ. Миллера.* 2) Нѣсколько дней во Львовѣ и его окрестностяхъ, *И. П. К—ича.* 3) Забытый уголокъ русской земли—Буковина, *А. Л. Петрова.* 4) Обѣдъ, данный членами Славянскаго Благотворительнаго Общества въ честь галицкихъ гостей, о. І. Г. Наумовича и В. М. Площанскаго. 5) Въ области славянской музыки. Ст. II. *Д. П. Никольскаго.* 6) По поводу посѣщенія Бѣлграда румынскимъ королемъ *(корреспонденція изъ Бѣлграда).* 7) Дмитрій Матичъ, сербскій патріотъ (некрологъ), *П. П.* III. Славянскія библіографическія извѣстія. 1) Къ болгарской этнографической литературѣ, *П. А. Сырку.* 2) О культѣ Яна Непомука въ Чехіи, *Ю. С. Анненкова.* 3) Путешествіе въ страну словаковъ Р. Покорнаго, *рец. П. А. К.* IV. Объявленія.

Подписка на *«Извѣстія»* принимается въ помѣщеніи Славянскаго Общества, площадь Александринскаго театра, 7. Подписная цѣна на годъ за 12 книжекъ *два рубля,* съ доставкой и пересылкой.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 г. НА СЛѢДУЮЩІЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

ДѢТСКІЙ „РОДНИКЪ." ЖУРНАЛЪ

Въ 1885 году *(4-й годъ изданія)* «Родникъ» будетъ выходить, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками **въ 100 и болѣе** страницъ большаго формата, со многими рисунками, съ музыкальными приложеніями и съ отдѣломъ смѣси, въ которомъ помѣщаются мелкія статьи, загадки, задачи, игры и проч. и проч.

Выборъ статей въ «Родникѣ» принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Редакція дастъ главнымъ образомъ **оригинальныя** статьи изъ русской жизни и природы. Всѣ, даже мелкія статьи научнаго содержанія редактируются спеціалистами.

Приложеніе къ «Роднику», педагогическій сборникъ «*Воспитаніе и Обученіе*» выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ нихъ помѣщаются статьи по вопросамъ воспитанія и обученія и библіографія по дѣтской, учебной и педагогической литературѣ.

Премія къ „РОДНИКУ" 1885 года

будетъ заключаться въ альбомѣ 12 оригинальныхъ картинъ по русской исторіи художника А. Земцова, исполненныхъ геліотипіей въ Вѣнѣ, у Ангерера и Гешля. *Картины эти будутъ разосланы г. подписчикамъ* отдѣльно отъ журнала, всѣ сразу, въ красивомъ конвертѣ, съ первымъ № «Родника» 1885 г.

Кромѣ того, въ видѣ даровaго приложенія къ «Роднику» 1885 г., будетъ данъ *«Литературный альбомъ»* изъ 12 оригинальныхъ картинъ художника *Н. Н. Каразина* къ стихотвореніямъ русскихъ классиковъ. Къ каждому № будетъ прилагаться по одной такой картинкѣ.

Журналъ «Родникъ» Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ **Императрицы Маріи** рекомендованъ, какъ весьма полезный для женскихъ институтовъ и гимназій.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Особымъ Отдѣломъ сего Комитета допущенъ для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также городскихъ и народныхъ училищъ.

Условія подписки на 1885 г. остаются прежнія:

На годъ, съ доставкою и пересылкою, за 12 книгъ «Родника» съ отдѣльною премією—**5 рублей.**

Тоже, съ приложеніемъ 3 книгъ педагогическаго сборника «Воспитаніе и Обученіе»—**6 рублей.**

Адресъ главной конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Никольская площадь, № 4.

Большой ежемѣсячный научно-литератури. журналъ

ГОДЪ 2-й. „КОЛОСЬЯ" 2-й ГОДЪ.

Журналъ **выходитъ безъ предварительной цензуры**, въ объемѣ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ *каждый мѣсяцъ* (12 книгъ въ годъ).

Въ изданіи до сихъ поръ принимали участіе около 70 сотрудниковъ, имена которыхъ болѣе или менѣе извѣстны публикѣ.

Въ истекшемъ году было помѣщено нѣсколько большихъ оригинальныхъ романовъ («Погасшая искра», «Гдѣ счастье»? и др.), болѣе десяти большихъ повѣстей («Актриса Уранова-Сандунова», «На ложной дорогѣ», «Невѣста Бѣлаго Генерала», «Неудавшаяся королева», «Невмѣняемая грѣшница» и др.), болѣе пяти драмъ и комедій («Графъ Чалинскій», «Разбитая жизнь», «Роковая клятва», «Северо Торелли», и др.), нѣсколько большихъ поэмъ въ стихахъ «Буреломъ», «Сергѣй Лярскій», «Смертоносная гора» и пр., и около 25 небольшихъ разсказовъ и очерковъ. По отдѣламъ: научному, историческому и критическому и по текущимъ вопросамъ публицистики было помѣщаемо нѣсколько статей въ каждой книжкѣ.

Въ будущемъ году редакція намѣрена продолжать свое дѣло въ томъ-же духѣ, какъ и теперь, стремясь дать публикѣ самый обширный, разнообразный и полезный матеріалъ для чтенія. Изъ всѣхъ большихъ журналовъ за нынѣшній годъ ни одинъ не далъ такъ много оригинальной беллетристики, какъ **«Колосья»**, которые вообще избѣгаютъ переводнаго балласта. При всемъ этомъ **«Колосья»** остаются *самымъ доступнымъ по цѣнѣ* журналомъ изъ всѣхъ другихъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій.

Подписная цѣна на журналъ «Колосья» въ 1885 году:

На годъ (съ пересылкою и доставкою) . . . . . **8** р.
На полгода . . . . . **5** »

ОТЪ КОНТОРЫ.—Принимая во вниманіе желаніе многихъ новыхъ подписчиковъ имѣть въ своей домашней библіотекѣ журналъ съ самаго его основанія, редакція рѣшилась отпечатать *второе изданіе* 12 книгъ перваго (1884) года, которыя и будутъ высланы подписчикамъ немедленно по полученіи подписныхъ

денегъ, при чемъ цѣна за эти 12 книгъ назначается значительно уменьшенная, а именно 3 руб. Льгота эта допускается только для годовыхъ подписчиковъ, прилагающихъ *ТРИ РУБ.* къ годовой платѣ 8 руб. (всего 11 руб.).

Подписка принимается въ Петербургѣ, въ конторѣ журнала **«Колосья»** (уголъ Б. Садовой и Большой Итальянской, домъ Крафта), куда адресуются и письма иногородныхъ.

Редакторъ-издатель **И. А. Баталинъ.**

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА."

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ **Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны** и рекомендованъ начальствами подлежащихъ вѣдомствъ для гимназій, уѣздныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ, для женскихъ учебныхъ заведеній **Императрицы Маріи**, для духовныхъ семинарій и училищъ и для библіотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Годовое изданіе «Семейныхъ Вечеровъ» будетъ состоять изъ 24 книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) Стихотворенія, повѣсти и разсказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей; 2) Біографіи замѣчательныхъ людей; 3) Очерки народныхъ обычаевъ, преданія разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разныя эпохи. 4) Путешествія. 5) Статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей. 6) Статьи по естественнымъ наукамъ. 7) Разборы замѣчательныхъ сочиненій. 8) Извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинками, распадался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила-бы вполнѣ пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14 лѣтъ, а вторая—для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ. Другой же отдѣлъ заключалъ бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленныя для семейнаго чтенія такъ, чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочлись-бы съ одинаковымъ интересомъ и пользой.

Къ отдѣлу для **Семейнаго чтенія**, какъ и въ 1884 году, будутъ разсылаться приложенія рисунковъ *новѣйшихъ рукодѣлій*, а къ отдѣлу **для дѣтей**—*рисунки техническихъ искусствъ и различныя игры и занятія*, а также награды подписчикамъ, приславшимъ опредѣленное редакціей количество задачъ и рѣшеній.

Кромѣ того, *всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла* **«Семейныхъ Вечеровъ»** будетъ разослана въ видѣ *преміи олеографія*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Полный журналъ (24 книжки).	безъ доставки	10 р.	съ доставкою	11 р. — к.
Отдѣлъ для дѣтей (12 книжекъ)	„ „	5 р.	„ „	5 р. 50 к.
Отдѣлъ для семейнаго чтенія юнош. (12кн.)	„ „	5 р.	„ „	5 р. 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію, уступается 1 руб.

Для земскихъ школъ, подписавшихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экз., уступается 2 руб.

Разсрочка допускается: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ учрежденіяхъ за ручательствомъ гг. казначеевъ, для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній за ручательствомъ ихъ начальствъ, а для прочихъ подписчиковъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ редакціи «Семейные Вечера», **С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) улица, домъ № 14, кварт. № 9.**

За всѣ года, начиная съ 1874, имѣются въ немногомъ количествѣ полные экземпляры съ хромолитографированной картиной.

Редакторъ-Издательница **С. Кашпирева.**

„ВОКРУГЪ СВѢТА".

Журналъ „*ВОКРУГЪ СВѢТА*" будетъ выходить съ 1-го января 1885 г. въ размѣрѣ 2-хъ печатныхъ листовъ, со многими роскошными гравюрами, рисунками и иллюстраціями, исполненными лучшими русскими и иностранными художниками и гравированными въ Парижѣ, Римѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ. 50 №№ годоваго изданія составятъ два объемистыхъ тома, могущіе служить украшеніемъ гостиной и вмѣщающіе въ себѣ около 300 большихъ рисунковъ и портретовъ и нѣсколько законченныхъ иллюстрированныхъ романовъ.

Въ журналѣ примутъ участіе: 1) въ художественномъ отдѣлѣ: Ріу, Морели Монкети, Кастели, Фера, Каразинъ, Рачковъ и Вадимовъ; 2) въ литературномъ, Э. Бусеваръ, Макъ-Гаханъ, Н. Н. Каразинъ, В. И. Немировичъ-Данченко. С. В. Максимовъ, Ф. Н. Пржевальскій, Рада-Бай, Пясецкій, М. Вернъ и многіе другіе.

ТЕКСТЪ ЖУРНАЛА

будетъ состоять: изъ **интересныхъ романовъ, изображающихъ приключенія** въ разныхъ частяхъ свѣта, съ роскошными иллюстраціями; повѣстей и разсказовъ, рисующихъ жизнь различныхъ народовъ и племенъ; небольшихъ, законченныхъ, беллетристическихъ очерковъ съ рисунками; исторіи знаменитыхъ путешествій и открытій, мореходства, кораблекрушеній, экспедицій, морскихъ сраженій; популярно-научныхъ статей, разсказанныхъ живымъ языкомъ, раскрывающихъ тайны природы:

подземнаго міра, небеснаго пространства, нѣдръ земли и океановъ. Кромѣ того журналъ будетъ давать интересныя свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ всего свѣта, описанія городовъ, корреспонденціи изъ отдаленныхъ окраинъ; отчеты объ экспедиціяхъ, путешествіяхъ, научныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; извѣстія о судахъ, находящихся въ плаваніи; всѣ виды спорта и смѣсь.

Подписная цѣна: **3** р. с. въ годъ съ перес. и доставкою; **2** р. въ ½ г. съ пер. и дос.

Иногородные подписчики адресуютъ исключительно въ редакцію журнала „*ВОКРУГЪ СВѢТА*“: Москва, Каретный рядъ, д. Шикъ. Для городскихъ: въ конторѣ объявленій Печковской (Петровскія линія) и въ редакціи. Для учащихся допускается разсрочка: 1 руб. въ 3 мѣсяца.

Редакторъ-издатель **М. Вернеръ**.

1885 г. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ **г. 1885.**

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.“

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Редакторъ-издатель П. П. ПОЛЕВОЙ.

Въ 1885 году годовые подписчики „Живописнаго Обозрѣнія“ получатъ:

I. **52 еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ нумера**, каждый не менѣе двухъ большихъ листовъ печати, съ 5—6 рис. въ текстѣ.

II. **12 ежемѣсячныхъ книжекъ**, въ 8 д., объемомъ 10—11 печатныхъ листовъ, убористаго шрифта.

III. **12 ежемѣсячныхъ нумеровъ «Парижскихъ модъ»**.

IV. **Безплатную премію**—художественно исполненную одеографію, на выборъ изъ трехъ различныхъ сюжетовъ (одинъ пейзажъ и два жанра;—подробности въ № 1). Желающіе получить всѣ три картины доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ еще 2 р.

Примѣчаніе. Во избѣжаніе порчи картинъ въ дорогѣ, предлагается гг. подписчикамъ пересылка ихъ *страховыми посылками*—прочно упакованныхъ и зашитыхъ въ холстъ, на полной отвѣтственности конторы, для чего за пересылку одной картины слѣдуетъ добавить 60 к., двухъ—80 к. и трехъ—1 руб.—Всѣмъ подписчикамъ, которые не сдѣлаютъ этого добавочнаго взноса, премія будетъ отправлена обыкновеннымъ бандерольнымъ способомъ, но, въ случаѣ пропажи или порчи ея въ дорогѣ, контора не можетъ принять за это на себя никакой отвѣтственности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ.		БЕЗЪ ДОСТАВКИ И ПЕРЕСЫЛКИ.	
За годъ	**8** р. — к.	За годъ	**6** р. **50** к.
За полгода.	**4** р. **50** к.	За полгода.	**4** р. — к.

Подписка за границею: за годъ—**12** руб., за полгода—**6** руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 19.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТДѢЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ СЛѢДУЮЩІЕ ЛИТЕРАТОРЫ:

Н. А. Ахшарумовъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, К. С. Баранцевичъ, И. Ф. Василевскій (Буква), П. П. Васильевъ, П. И. Вейнбергъ, П. А. Висковатовъ (профессоръ), С. Н. Воскресенская, И. Ѳ. Горбуновъ, Г. С. Деступисъ (профессоръ), Л. Зволаревъ, А. А. Иностранцевъ (профессоръ), В. А. Крыловъ (Викторъ Александровъ), В. Крестовскій (псевдонимъ), А. В. Кругловъ, Н. И. Красновъ, Б. Ленинъ, Александра Львова, Н. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ, М. Н. Малаховъ, Е. Л. Марковъ, Д. Д. Минаевъ, А. П. Митуричъ, Д. Л. Михаловскій, Д. Н. Островскій, А. Н. Плещеевъ, Е. П. Пономаревъ, Л. Рускинъ, А. Сокольнинъ, А. Г. Сахарова, Н. И. Северинъ, Л. Х. Симонова, К. И. Соборный (псевдонимъ), С. Н. Терпигоревъ (Сергѣй Атава), П. Тройницкій, М. К. Цебрикова, Дм. Чертковъ, В. В. Чуйко, М. Н. Шелгуновъ, А. К. Шедлеръ (А. Михайловъ), В. Н. Шишонко, В. Ю. Юрьевъ, А. Н. Яхонтовъ и многіе другіе.

НА 1885 Г. | **Еженедѣльный иллюстрированный журналъ** | НА 1885 Г.

„ЛУЧЪ".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТ. и ПЕРЕС. 6 РУБ.

За пересылку премій прилагается десять семикопѣечн. марокъ (70 к.).

Подписчики получатъ:

1) **Пятьдесятъ два** иллюстрированныхъ еженедѣльныхъ нумера. Въ каждомъ будетъ обязательно помѣщена передовая статья С. С. Окрейца. Остальные отдѣлы журнала въ 1885 году редакція увеличитъ въ объемѣ и дастъ имъ болѣе спеціальную обработку.

2) **Двѣнадцать книгъ приложеній** (ежемѣсячныхъ) будутъ содержать оригинальные и переводные романы, всего числомъ восемь. Каждый будетъ имѣть особую нумерацію и обложку, и всѣ восемь романовъ составятъ цѣнный вкладъ въ библіотеку, *коего стоимость далеко превыситъ всю годовую подписную цѣну за журналъ.*

и 3) кромѣ того, въ 1885 году всѣмъ подписчикамъ будетъ дано **шесть безплатныхъ премій:** *Двѣ картины:* а) Большая *олеографія* и *акварель*, старательно и художественно исполненныя; б) *Второй томъ живописной Россіи*; в) и г) *Исторія завоеванія Мехики*, соч. В. Прескотта (2 большихъ тома) и д) *Третій томъ сочиненій* С. С. Окрейца.

Направленіе журнала „ЛУЧЪ" остается тоже самое.

Покорнѣйше просимъ нашихъ подписчиковъ вѣрить, что все возможное для улучшенія изданія будетъ сдѣлано нами. Что обѣщаемъ—непремѣнно выполнимъ.
Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, Николаевская ул., д. № 41.

Редакторъ *С. С. Окрейцъ.*

1885 ГОДЪ. „ЭХО", ГОДЪ 1885

большая ежедневная, политическая и литературная газета, существ. пятый годъ.

С.-Петербургъ, Невскій просп., домъ № 61.

Изъ большихъ ежедневныхъ газетъ—газета «Эхо» самая дешевая; тогда какъ годовая цѣна другихъ равняется 17 р., газета «Эхо» стоитъ всего лишь съ пересылкою и доставкою 10 р., разница громадная. (Допускается разсрочка платежа: для служащихъ—по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; не-служащимъ—чрезъ главную контору редакціи «ЭХО», уплачивается при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 р., а въ началѣ августа 2 р.).

Значительно увеличившееся число подписчиковъ, явившееся результатомъ сдѣланныхъ улучшеній, даетъ намъ возможность, *сохраняя подписную цѣну въ наступающемъ 1885 году*, сдѣлать содержаніе газеты богаче, открывъ нѣсколько новыхъ отдѣловъ.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОТДѢЛЪ. Въ немъ редакція постарается дать возможно вѣрное выраженіе движенія въ торговлѣ, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, на Кавказѣ и въ другихъ торговыхъ центрахъ Россіи.

ОТДѢЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ. Нѣсколько извѣстныхъ писателей, отправляясь въ послѣднія недѣли великаго поста въ Іерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню, изъявили согласіе дѣлать описанія этого путешествія, которыя и начнутъ печататься въ нашей газетѣ со времени ихъ отъѣзда. Они посѣтятъ Москву, Кіевъ, Крымъ, проѣдутъ весь Кавказъ и Закавказье, предпримутъ восхожденіе на гору Араратъ, побываютъ въ долинѣ Месопотаміи, на развалинахъ Вавилона и Ниневіи, проѣдутъ потомъ всю Палестину и отъ Іерусалима направятся по Аравійской пустынѣ къ горѣ Синай и въ Египетъ въ долину Нила. Это путешествіе будетъ печататься въ нашей газетѣ, затѣмъ будетъ издано отдѣльно съ приложеніемъ *снимковъ* со всѣхъ святыхъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ. Книга эта,

на которую редакція ассигнуетъ значительную сумму денегъ, будетъ издана роскошно, отдѣльнымъ томомъ и предложена подписчикамъ за одну только стоимость бумаги и пересылки.

ОТДѢЛЪ БЕЛЛЕТРИСТИКИ составитъ главную часть содержанія воскресныхъ №№, давая читателю романы, повѣсти, стихотворенія и отдѣльные разсказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей. Составляя такимъ образомъ эти номера, редакція разсчитываетъ дать своему читателю въ буквальномъ смыслѣ «воскресное чтеніе», чтобы каждое семейство, собираясь въ своемъ кругу, могло имѣть полезное и пріятное развлеченіе. Всѣ помѣщенные въ газетѣ романы, повѣсти, стихотворенія и разсказы будутъ изданы отдѣльнымъ томомъ и предложены подписчикамъ точно также—за одну только стоимость бумаги и пересылки.

Придавая громадное значеніе *внутренней жизни* нашего государства, редакція газеты «Эхо» уже имѣетъ въ настоящее время во всѣхъ главныхъ городахъ Россіи *корреспондентовъ*, лично извѣстныхъ редакціи, и на добросовѣстное отношеніе которыхъ къ своей высокой обязанности редакція можетъ положиться.

Изъ всѣхъ столицъ Европы и другихъ странъ редакція также имѣетъ самостоятельныхъ корреспондентовъ, которые, проживая долгое время за границей, прекрасно знаютъ мѣстную политическую и общественную жизнь.

„Церковно-Общественный Вѣстникъ“,

1885 г.

Съ 15-го сего октября открыта подписка на «Церковно-Общественный Вѣстникъ» въ 1885 году, **двѣнадцатомъ** его изданія.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «Церковно Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, мы дадимъ подписчикамъ, годовымъ и полугодовымъ, наше обычное безплатное приложеніе, подъ названіемъ «Календарь для духовенства» на 1885-й годъ. Годовая цѣна на газету съ безплатнымъ приложеніемъ **семь** рублей, полугодовая **четыре** рубля и трехмѣсячная **два** рубля. Для заграничныхъ подписчиковъ цѣна остается прежняя: 10 р. въ годъ.

Подписка принимается: въ редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника» въ С.-Петербургѣ, Троицкій переулокъ, д. № 3, кв. 5.

Редакторъ-издатель **А. И. Поповицкій.**

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

газета политическая, экономическая и литературная.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

1-го января наступающаго 1885 года исполнится ровно **десять лѣтъ** съ той поры, какъ мы приняли на себя изданіе «Новороссійскаго Телеграфа».

Не мало средствъ, труда и энергіи пришлось намъ затратить, чтобы возобновленный нами «Новороссійскій Тел.» поставить на уровень общественныхъ задачъ и требованій; съ каждымъ годомъ мы убѣждались, что эти требованія возрастаютъ, и значеніе печатнаго органа увеличивается, почему ежегодно, расширяя программу газеты, мы успѣли довести ее по пути улучшеній до нынѣшняго ея состоянія.

Сочувствіе общества даетъ намъ силы на дальнѣйшую дѣятельность, а десятилѣтній опытъ научилъ насъ по возможности избѣгать случайныхъ промаховъ и ошибокъ, неизбѣжныхъ во всякомъ дѣлѣ. Мы со свѣтлыми надеждами вступаемъ во второе десятилѣтіе, бодро и смѣло глядимъ впередъ и еще выше подымаемъ наше знамя, во имя котораго трудились десять лѣтъ.

Редакція «Новороссійскаго Телеграфа», не прибѣгая къ обѣщаніямъ и зазываніямъ, всегда стремилась къ увеличенію состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста **Буквы** (г. Василевскаго), украшающаго страницы «Новороссійскаго Телеграфа» въ теченіи шести лѣтъ, мы ежегодно пополняемъ редакцію новыми сотрудниками по отдѣламъ руководящихъ статей и фельетона. Кромѣ того, редакція и въ будущемъ году будетъ пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ, которыя обыкновенно появляются въ «Новор. Телеграфѣ» 1—2 днями ранѣе (иногда одновременно съ телеграммами) появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ, гдѣ онѣ помѣщаются уже въ видѣ перепечатокъ изъ столичныхъ изданій.

Вступая во второе десятилѣтіе, «Нов. Телеграфъ», не увеличивая подписной цѣны, **увеличиваетъ свой форматъ**, сравниваясь такимъ образомъ съ большими столичными газетами. Независимо отъ этого, мы удерживаемъ за собою право изданія **«безплатныхъ премій»**, которыя будутъ выходить не періодически, не въ опредѣленные сроки, а когда того потребуютъ особыя событія, накопленіе матеріяловъ и возможность изготовленія соотвѣтствующихъ рисунковъ.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.		Безъ доставки и пересыл.	Съ доставк. и пересыл.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »

» 4	»	5 »	— »	6 »	— »	» 10	»	11 »	— »	13 »	— »
» 5	»	6 »	30 »	7 »	50 »	» 11	»	11 »	50 »	13 »	50 »
» 6	»	7 »	— »	8 »	— »	» 12	»	12 »	— »	14 »	— »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Для **годовыхъ** подписчиковъ **допускается разсрочка** въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или **полугодовые** (по 7 руб. къ 1 января и къ 1 іюня), или по **четвертямъ** года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1-го марта, 1-го іюня и 1-го сентября), т. е. всегда за **мѣсяцъ впередъ** до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, **допускается подписка въ кредитъ**, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1885 года.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ"

1885 (годъ Большой Литературно-Художественный Журналъ. седьмой) 1885

Выходитъ **еженедѣльно**, т. е. 52 нумера въ годъ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, и каждый нумеръ заключаетъ въ себѣ отъ 16 до 20 страницъ, со множествомъ художественно-выполненныхъ гравюръ; *(въ годъ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ).*

Кромѣ еженедѣльныхъ нумеровъ журнала всѣ подписчики получаютъ БЕЗПЛАТНО:

„ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ", въ которыхъ въ теченія года помѣщаются наиболѣе выдающіяся беллетристическія произведенія всѣхъ корифеевъ иностранной литературы. Къ концу года *«Еженедѣльныя Литературныя Приложенія»* составятъ *нѣсколько томовъ* самаго интереснаго и занимательнаго чтенія.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, представляющія снимки съ новѣйшихъ капитальныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Нѣкоторыя приложенія печатаются съ тономъ. Прекрасная бумага, изящное исполненіе въ гравюрѣ, артистическая печать, все это даетъ возможность составить изъ художественныхъ приложеній «Иллюстрированнаго Міра» роскошный альбомъ.

„НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ", разсылаемыя ежемѣсячно и составляющія полный рукодѣльно-модный журналъ. Въ теченіи года дается: *около 500 политипажныхъ рисунковъ* новѣйшихъ модъ, какъ то: домашнія платья, пріемные туалеты, визитные, костюмы для гулянья, выѣздные туалеты, вечерніе для театровъ, концертовъ, бальные, туалеты для невѣстъ, для причастія, различныя

шубки, пальто, жакетки и пр., а также дѣтскіе костюмы, платье, бѣлье и т. п. *Рукодѣльныя работы: разнообразныя буквы, инициалы, вензеля* и пр. Въ каждомъ модномъ нумерѣ заключаются слѣдующіе отдѣлы: *Модный Курьеръ* (обзоръ модъ), *Описаніе рисунковъ, Хозяйство и кухня, Совѣты и рецепты, отвѣты подписчикамъ, смѣсь* и пр.

Всѣ годовые подписчики получаютъ **главную большую премію**: литературно-художественный

Живописный Альманахъ.

Альманахъ этотъ, украшенный прекрасными картинами, портретами и виньетками, будетъ заключать въ себѣ: стихотворенія, беллетристическія произведенія (оригинальныя и переводныя), біографіи, историческіе очерки, статьи по искусствамъ, путешествія и пр. Въ концѣ альманаха будетъ помѣщенъ юмористическій отдѣлъ съ каррикатурами.— *«Живописный Альманахъ»*, представляющій массу интереснаго чтенія, по своей изящности и богатымъ картинамъ *можетъ служить самымъ лучшимъ настольнымъ украшеніемъ въ каждомъ домѣ.*

(Желающіе получить альманахъ въ роскошномъ штампованномъ, золоченомъ переплетѣ прилагаютъ за переплетъ къ подписной цѣнѣ 1 р.)

Лица, подписавшіеся на годъ до 15-го декабря, получаютъ съ № 1 журнала тщательно составленный и заключающій всѣ необходимыя свѣдѣнія:

„ОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ" на 1885 г.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. . . **4 р.**	Безъ дост. въ Москвѣ, чрезъ кон. Л. Метцля **4 р. 50 к.**	Съ доставк. въ Спб. и въ друг. городахъ и мѣстечкахъ Россіи. **5 р.**

За границу . . . . . 6 руб.

Принимается подписка на 1/4 года—**1 р. 25 к.**; на 1/2 года—**2 р. 50 к.**; и на 3/4 года—**3 р. 75 к.** Желающіе получать журналъ съ разсрочкою платежа подписной суммы, уплачиваютъ: при подпискѣ **2 р.**, къ 1-му марта **1 р.**, къ 1-му іюля **1 р.**, и къ 1-му сентября **1 р.**

Желающіе ознакомиться съ журналомъ, могутъ получить пробный нумеръ, высылая лишь двѣ 7-ми копѣечныя марки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С. Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, Невскій проспектъ, № 76. Въ Москвѣ, въ Центральной Конторѣ объявленій Л. Метцля, Петровка, домъ Солодовникова, № 6.

„ПРОГРЕССИВНОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО",

иллюстрированный журналъ раціональнаго веденія всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства съ цѣлью полученія наибольшаго дохода,

издающійся при постоянномъ сотрудничествѣ профессоровъ высшихъ учебныхъ земледѣльческихъ заведеній и хозяевъ-практиковъ, подъ редакціей Л. А. Черноглазова.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ большаго формата *съ безплатнымъ приложеніемъ* литературно-политическаго журнала **„Еженедѣльный Обзоръ“.**

По примѣру истекающаго года, въ журналѣ «Прогрессивное Сельское Хозяйство» каждая отрасль сельскаго хозяйства будетъ имѣть свой отдѣлъ, который будетъ разрабатываемъ съ возможною полнотою. **Программа**: 1) Полеводство. 2) Лѣсоводство. 3) Скотоводство и птицеводство. 4) Садоводство и огородничество. 5) Пчеловодство. 6) Сельскохозяйственная механика и архитектура. 7) Вопросы и отвѣты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства. 8) Сельско-хозяйственная хроника. 9) Полезныя замѣтки для сельскихъ хозяевъ и хозяекъ. 10) Домашняя медицина, гигіена и санитарное дѣло. 11) Внутренніе и иностранные рынки. При статьяхъ помѣщаются политипажи въ текстѣ и отдѣльные рисунки.—Журналъ «Еженедѣльный Обзоръ» даетъ въ каждомъ номерѣ краткую, но обстоятельную характеристику выдающихся событій русской и иностранной жизни, романы, повѣсти, небольшіе разсказы изъ области наукъ, искусствъ и художествъ и т. п.

Благодаря сочувствію гг. хозяевъ, редакція, несмотря на значительный объемъ своего изданія (не менѣе 200 печатныхъ листовъ въ годъ), множество дорого-стоящихъ рисунковъ и т. п., находитъ возможнымъ оставить прежнюю цѣну, т. е. съ доставкою и пересылкою *тесть руб. въ годъ за оба изданія.* По примѣру прошлаго года, лица, подписавшіяся до 1 го января, получаютъ при одномъ изъ первыхъ четырехъ № журнала разныя огородныя и цвѣточныя сѣмена.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Прогрессивнаго Сель-Хозяйства» за 1884 г. могутъ быть получены изъ редакціи по 6 р. безъ перес.

Открыта подписка на сборникъ

„ПРАКТИЧЕСКІЕ НАСТАВЛЕНІЯ, УКАЗАНІЯ И РЕЦЕПТЫ“,

примѣнимые въ домашнемъ, городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, состоящіе изъ: 1,000 полезныхъ наставленій и указаній относительно приготовленія разнаго рода съѣстныхъ припасовъ и консервовъ, а также и приготовленія мыла, помадъ, душистыхъ водъ, чернилъ, красокъ и проч.; выведенія различныхъ пятенъ, истребленія всякаго рода насѣкомыхъ; 250 домашнихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней; 500 средствъ насчетъ ухода и лѣченія лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней, птицъ и проч., и 250 полезныхъ замѣтокъ [illegible] цвѣтовъ, растеній, плодовъ и проч.

Тутъ-же продаются

1) **Культура пшеницы**, монографія профессора Я. Н. Калиновскаго. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

2) Печатается сочиненіе Гравенгорста **„Практическій пасѣчникъ“** съ 56 рисунками; переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Цѣна съ пересылкою 2 рубля.

Контора редакціи помѣщается въ *С.-Петербургѣ, Троицкій пер.*, д. № 40.

„ТЕХНИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ“,

иллюстрированный журналъ новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ заводско-фабричной промышленности,

СО СПЕЦІАЛЬНЫМИ ОТДѢЛАМИ

электротехники, винокуреннаго, пивовареннаго, сахарнаго, мукомольнаго, писчебумажнаго и кожевеннаго производствъ.

Программа журнала: 1) Узаконенія и распоряженія заводско-фабричныя. 2) Электротехника. 3) Винокуреніе. 4) Пивоваренное произв. 5) Сахарное производ. 6) Мукомольное произв. 7) Писчебумажное произв. 8) Кожевенное произв. 9) Технологія, какъ-то: кирпичное, крахмальное, маслобойное, мыловаренное, прядильное, свѣчное, суконное, ткацкое и проч. производства. 10) Химія. 11) Механика. 12) Горное дѣло и металлургія. 13) Техно-химическіе рецепты и наставленія. 14) Гигіена и санитарное дѣло. 15) Патенты. 16) Привилегіи. 17) Вопросы и отвѣты. 18) Техническая библіографія. 19) Смѣсь. 20) Объявленія.

Журналъ выходитъ 15 и 30 каждаго мѣсяца, въ 4—5 печатныхъ листовъ большаго формата, со многими политипажами въ текстѣ.

Подписная цѣна на **1** годъ съ пересылкою **10** руб.

„Техническій Обзоръ“ за 1882, 1883 и 1884 гг. можно получать по 10 руб., съ пересылкою за каждый годъ.

Контора редакціи «Техническій Обзоръ» въ *С.-Петербургѣ, Троицкій пер., № 40.*

Открыта подписка на сочиненіе инжен. **Тильмана**:

„Подробное руководство къ установкѣ и постройкѣ паровыхъ котловъ“

всѣхъ лучшихъ системъ, съ подробнымъ расчетомъ паровиковъ, дымогарныхъ трубъ, арматуры и проч., *съ указаніемъ надежныхъ предохранительныхъ правилъ противъ взрыва*, а также съ указаніемъ на раціональное *утилизированіе топлива* и на новѣйшія усовершенствованія въ *отопленіи паровыхъ котловъ сжиганіемъ дыма—чистѣйшаго и лучшаго горючаго матеріала.*

1 большой томъ въ 40 печатныхъ листовъ, съ 400 политипажами.

Это замѣчательнѣйшее сочиненіе становится необходимымъ руководствомъ для каждаго *заводчика, фабриканта, владѣльца паровыхъ котловъ, механика, техника, техническаго училища и проч.*

Подписная цѣна **6** рублей.

Вышло уже 1, 2, 3 и 4 выпуска—5 и 6 находятся въ печати.

Подписка на соч. **Тильмана** принимается въ Редакціи **„Техническаго Обзора“**.

Открыта подписка на книгу

„ПРАКТИЧЕСКІЕ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКІЕ РЕЦЕПТЫ“

1500

новѣйшихъ и полезнѣйшихъ открытій, усовершенствованій и патентованныхъ изобрѣтеній въ областяхъ: винокуреннаго, водочнаго, воскобойнаго, горчичнаго, клееваренного, кожевеннаго, косметическаго, краскильнаго, красочнаго, крахмальнаго, лаковаго, маслобойнаго, машиннаго, механическихъ издѣлій, мукомольнаго, мыловаренного, пивовареннаго, писчебумажнаго, сахарнаго, свѣчнаго, ситцепечатнаго, скорняжнаго, слесарнаго, спичечнаго, стеклянного, суконнаго, уксуснаго, табачнаго, фарфороваго, фаянсоваго, шоколаднаго и прочихъ производствъ.

Подписная цѣна **2** рубля, съ пересылкою **2** руб. **50** коп.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Техническій Обзоръ“** въ С-Петербургѣ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“, **1885 г.** ШЕСТОЙ ГОДЪ.

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1885 году на тѣхъ же условіяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія пять лѣтъ (1880—1884).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Для первыхъ книжекъ **„Историческаго Вѣстника“** 1885 года въ распоряженіи редакціи уже имѣются, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Двѣ упраздненныя автономіи. Отрывокъ изъ воспоминаній К. А. Бороздина. *(Съ портретами и иллюстраціями).*—Путешествіе Екатерины II въ Крымъ въ 1787 году. А. Г. Брикнера. *(Съ портретами и иллюстраціями).*—Неронъ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. В. П. Буренина. *(Съ иллюстраціями).*—Солдатскій бытъ въ поговоркахъ и пословицахъ. К. Д. Бѣлова.—Историки прошлаго вѣка. Е. М. Гаршина. *(Съ портретами).*—Записки Казановы и императрица Екатерина II. Изслѣдованіе по вновь открытымъ документамъ г. Шарля Генри, библіотекаря Парижскаго университета. (Статья, написанная исключительно для «Историческаго Вѣстника»). *(Съ портретами).*—Ливенскіе святители. М. И. Городецкаго. *(Съ иллюстраціями).*—Исторія Краснаго Кабачка. Г. В. Есипова.—Два эпизода изъ дѣтства императора Александра II. М. И. Захарьина.—Отрывки изъ литературныхъ воспоминаній В. Р. Зотова.—Культурные очерки Директоріи. Его-же. *(Съ иллюстраціями).*—Цензура временъ императора Павла I. П. П. Каратыгина.—Переполохъ въ Петербургѣ.—Историческая повѣсть Е. Н. Карновича.—Бѣлая дама. Его-же. *(Съ иллюстраціями).*—Забытыя знамени-

тости русской литературы. А. Н. Кировчикова. *(Съ портретами).* Воспоминанія о селѣ Спасскомъ и его обитателяхъ. В. Н. Колонтаевой.—С. Н. Шешковскій. Біографическій очеркъ. А. Н. Корсакова.—Отрывки изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта В. Д. Кренке.—Суды старые и новые. В. С. Кроткова.—Поѣздка въ Переяславль. Н. И Костомарова.—Одинъ изъ трехъ праведниковъ. Н. С. Лѣскова. *(Съ портретомъ).*—Изъ воспоминаній о прошломъ. А. А. Малышева.—Отрывки изъ воспоминаній А. И. Милюкова.—Разсказы объ архимандритѣ Фотіѣ. Н. Г. Мизерецкаго.—Авантюристы. Историческая повѣсть. Д. Л. Мордовцева.—Семейство Скавронскихъ. Страница изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. В. О. Михневича.—Средне-Колымскъ и его округъ. А. В. Оксенова. *(Съ иллюстраціями).*—Эпоха каруселей и маскерадовъ въ Россіи. М. И. Пылаева.—Сумасшедшій художникъ. К. К. Случевскаго *(Съ иллюстраціями).*—Въ горахъ и долинахъ русскаго Тянь-Шаня. Путевыя записки (профес.) Н. В. Сорокина *(Съ иллюстраціями).*—Отрывки изъ воспоминаній стараго редактора. А. В. Старчевскаго.—Педагогическія задачи Пирогова. В. Я. Стоюнина.—Очеркъ изъ литературы прошлаго времени. М. И. Сухомлинова.—Воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ. З. А. Сытиной. *(Съ портретомъ).*—Проконсулъ Кавказа. Ѳ. М. Уманца. *(Съ портретами).*—Мировой судъ въ Петербургѣ въ 1869—1872 годахъ. Отрывокъ изъ автобіографіи Ѳ. Н. Устрялова.—Среди скитницъ.—Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ П. С. Усова. *(Съ иллюстраціями).*—Арматоръ прошлаго вѣка. Его же.—Воспоминанія лазутчика русской арміи въ войну 1877—1878 годовъ. К. П. Фаврикодорова.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году.—С. П. Шубинскаго. *(Съ иллюстраціями).*—Алтай и его инородческое царство Н. М. Ядринцева. *(съ иллюстраціями).*

Для приложеній къ „**Историческому Вѣстнику**" 1885 года редакція пріобрѣла слѣдующія иллюстрированныя сочиненія.

1) **Во льдахъ и снѣгахъ.** Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга; **Уильяма Гильдера**, корреспондента газеты «Нью-Іоркъ Геральдъ». *(Съ 40 иллюстраціями).* Переводъ съ англійскаго В. Н. Майнова.

2) **Мои темницы;** воспоминанія **Сильвіо Пеллико да-Салуцци.** *(Съ 18 иллюстраціями).* Новый переводъ съ итальянскаго подлинника А. Н. Дьяконова.

Главная контора „**Историческаго Вѣстника**" въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**", Невскій проспектъ, д. № 38. Отдѣленіе конторы въ Москвѣ, при московскомъ книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**", Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

„Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ“,

1885 г. (третій годъ изданія).

съ приложеніемъ газеты „ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ“

издаваемый при Императорской академіи Художествъ

подъ редакціей **А. И. СОМОВА.**

Вѣстникъ выходитъ въ свѣтъ шесть разъ въ годъ, т. е. однажды въ два мѣсяца, книжками въ 5—8 печатныхъ листовъ; «Художественныя Новости» появляются 24 раза въ годъ (1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца), въ объемѣ ½—1½ печатныхъ листа.

Къ «Вѣстнику» прилагаются эстампы, исполненные гравюрою на мѣди (рѣзцомъ или крѣпкою водкою) и на стали, фотогравюрою, фототипіею, литографіею и проч. Эти эстампы, которыхъ въ году полагается не менѣе 24-хъ, состоятъ изъ портретовъ художниковъ и изъ снимковъ съ замѣчательныхъ произведеній искусства. Сверхъ того, въ самомъ текстѣ «Вѣстника» помѣщаются въ неопредѣленномъ числѣ политипажи, исполненные ксилографіей и фотоцинкографіей.

Въ числѣ сотрудниковъ того и другаго изданія состоятъ: А. Н. Андреевъ, Н. Д. Ахшарумовъ, Н. М. Благовѣщенскій, бар. Г. Э. Брюннингъ, О. И. Булгаковъ, А. А. Васильчиковъ, М. В. Ватсонъ, М. Вашонъ (въ Парижѣ), А. В. Вышеславцевъ, Д. В. Григоровичъ, Э. Я. Дебберть (въ Берлинѣ), Г. Е. Кизерлицкій, А. И. Кирпичниковъ, Д. О. Кобеко, О. И. Ланцертъ, В. И. Ламбинъ, А. М. Матушинскій (Эмъ) П. В. Павловъ, П. П. Петровъ, Е. Е. Рейгернъ, Е. А. Сабанѣевъ, Н. П. Собко, М. П. Соловьевъ, В. В. Стасовъ, Н. В. Султановъ, Е. Е. Трей (въ Дрезденѣ), С. С. Шайкевичъ, В. П. Шеміотъ, В. О. Эвальдъ и др.

По части гравированія, сотрудниками будутъ: А. А. Бобровъ, В. А. Бобровъ, М. П. Боткинъ, А. Вегеръ, В. Верле, О. Гофманъ, Л. Е. Дмитріевъ-Кавказскій, О. А. Кочетова, Е. З. Краснушкина, Б. Манфельдъ, В. В. Матте, Н. С. Мосоловъ, К. Л. Савицкій, Н. Самокишъ, В. Унгеръ, Н. Н. Шишкинъ, и др.

Подписная цѣна за оба изданія вмѣстѣ: Безъ доставки **10** руб.; съ доставкою въ С.-Петербургѣ или съ пересылкою въ другія мѣста **12** р., за границею **15** руб.

Отдѣльная подписка на «Вѣстникъ» или на «Художественныя Новости» не допускается.

Въ видѣ *безплатной преміи* гг. подписчики получатъ *Альбомъ фототипическихъ снимковъ* большаго формата съ оригинальныхъ рисунковъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ изъ собраній Императорскаго Эрмитажа, Академіи художествъ и изъ другихъ петербургскихъ коллекцій. Альбомъ этотъ появится въ свѣтъ немедленно по его изготовленіи, во всякомъ случаѣ не позже ноября мѣсяца.

Подписываться можно: въ редакціи *«Вѣстника изящныхъ искусствъ»* (Вас. Остр., зданіе Императорской Академіи художествъ, ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, съ 10 час. утра до 4 час. попол.), въ Императорскомъ Обществѣ поощренія художествъ, въ эстампныхъ магазинахъ *А. Беггрова* и *Фельтена*, въ книжномъ магазинѣ *Мелье* и у всѣхъ извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ столицы.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться для подписки преимущественно въ редакцію.

Вѣстникъ и Художественныя Новости за 1883 и 1884 годы, вмѣстѣ съ изданными въ этихъ годахъ преміями, можно получать въ редакціи этихъ изданій. Цѣна за каждый экземпляръ каждаго годоваго изданія **10** руб. Гг. иногородные прибавляютъ къ этой цѣнѣ 2 р. на расходы по пересылкѣ.

Ежемѣсячный журналъ

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА".

1885 годъ.

(Выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 листовъ большаго формата и убористаго шрифта).

Въ составъ журнала входятъ: 1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины; 2) избранныя сочиненія изъ иностранной медицинской литературы преимущественно подъ редакціей профессоровъ-спеціалистовъ; 3) рефераты, обзоры, критическіе очерки, хроника и пр.

Годовая цѣна съ перес. **17** р., безъ перес. **15** р. Студенты, фельдшера и лекарск. помощн. платятъ 14 руб. въ годъ.

Въ журналѣ за прошлые года (1881, 1882, 1883 и 1884) были помѣщены изъ наиболѣе капитальныхъ вещей слѣдующія: 1) *А. Багинскій*. Дѣтскія болѣзни (43 лист.); *Бони. Физіологія* (110 лист.). *Генохъ*. Дѣтскія болѣзни (44 листа). *Зелимюлеръ*. Нервныя болѣзни (23 листа); *Мальгень. Оперативная хирургія* (34 лист.). *Нимейеръ*. Частная патологія и терапія (103 листа). *Рибо*. Болѣзни памяти (10 лист.). *Россбахъ*. Основы физическихъ методовъ леченія (32 листа). *Фритшъ*. Женскія болѣзни (28 лист.). *Шеффъ*. Зубныя болѣзни (17½ лист.). *Эйхгорстъ*. Діагностика (45 лист.). *Эйхгорстъ*. Частная патологія и терапія (140 лист.). *Эриксенъ*. Хирургія (105 лист.). *Ришэ*. Хирургическая анатомія (85 листовъ). *Дюрингъ*. Болѣзни кожи (20 л.). *Гритль* съ рисунками Гейцмана (24 л.). *Никитинъ*. Ларингоскопія (19 л.).

Всѣ сочиненія, помѣщенныя въ «Медицинск. Библіот.», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ извѣстной коллекціи *Вредена* (*Генсмеръ* подъ редакціею проф.

Левшина. Кирхнеръ, ушныя болѣзни, 2-ой отдѣлъ *Зелимюлера* и пр.), психіатрію *Мейнерта* подъ редакціей пр. *Ковалевскаго* и проч.

Редакція имѣетъ въ виду пополнять существующій пробѣлъ въ русской медицинской литературѣ по гигіенѣ и судебной медицинѣ (редакція заручилась обѣщаніемъ профессоровъ печатать ихъ труды по этимъ и другимъ предметамъ въ «Мед. Библ.»).

Отдѣлъ «хроники и новостей» дастъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медиц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Подписчики на 1885 годъ получаютъ безплатно при январьской книжкѣ Медицинскій Календарь (Новый Календарь для врачей).

Адресъ извѣстенъ петербургскому почтамту.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ.*
Издатель *Н. Л. Валькинъ.*

„ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА",

иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная.

Въ 11-й году своего изданія, т. е. въ **1885 году**, газета будетъ выходить на прежнихъ условіяхъ, безъ предварительной цензуры и въ значительно улучшенномъ составѣ, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю.

Ежемѣсячно прилагаются особо *ПАРИЖСКІЯ МОДЫ*, съ рисунками модъ и узоровъ, и 6 разъ въ годъ—по листу модныхъ выкроекъ, заключающему въ себѣ 4—5 выкроекъ полныхъ костюмовъ.

Газета сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія Правительства, новости торговыя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искусствъ и наукъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и разсказы преимущественно историческіе, стихотворенія, статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также *критика, библіографія*. Газета дастъ въ годъ *болѣе 770 рисунковъ* въ текстѣ. Въ ней принимаютъ участіе своими трудами лучшіе наши ученые художники.

Преміи 1885 г. 1) Крестный Календарь на 1886 годъ на веленевой бумагѣ. 2) Повѣсти и романы иностранные (въ приложеніи къ номерамъ). 3) Иллюстрированныя драмы Шекспира (выпускъ 5-й—драма «Макбетъ» въ прекрасномъ переводѣ С. А. Юрьева) и проч.

Новые подписчики могутъ, по особому заявленію съ ихъ стороны, получать безплатно большую олеографическую картину, представляющую точное (съ натуры) изображеніе **Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ** въ 1883 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1885 годъ: безъ доставки на годъ 4 руб.; *съ доставкою и пересылкою* на годъ 5 руб., на полгода съ января и іюля) 3 руб., 1 мѣсяцъ 60 к. За границу 7 руб., на полгода 3 р. 50 к.

«Газету» прежнихъ годовъ, съ 1875 по 1883 (кромѣ 1880 и 1883) можно получать изъ редакціи по 3 руб. за томъ (годъ), съ пересылкою.—Годовъ 1880 и 1883 не имѣется уже ни одного экземпляра.

Адресъ: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

Редакторъ-издатель **А. Гатцукъ.**

„СТРАННИКЪ"

1885 г. (пятый годъ изданія подъ новою редакціей). Г. 1885

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей, по слѣдующей программѣ:

1) Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ общей церковной исторіи и историко-литературнаго знанія,—преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ православной восточной и русской жизни. 2) Статьи, изслѣдованія и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ русской церковной исторіи. 3) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ. 4) Статьи философскаго содержанія по вопросамъ современной богословской мысли. 5) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся явленіямъ церковной жизни. 6) Очерки, разсказы, описанія, знакомящія съ укладомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ исповѣданій, особенно—съ жизнью пастырства и преимущественно у славянъ. 7) Бытовые очерки, разсказы и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простаго народа. 8) Внутреннее церковное обозрѣніе и хроника епархіальной жизни. 9) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, особенно у славянъ. 10) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей. 11) Обзоръ свѣтскихъ журналовъ, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала. 12) Библіографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы. 13) Книжная лѣтопись; ежемѣсячный указатель всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія, краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 14) Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 15) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденціи; объявленія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписная плата: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ *ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.* Адресоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: **А. Висильковъ.—А. Пономаревъ —Е. Прилежаевъ.**

Большой еженедѣльный, художественно-литературный журналъ

„РОССІЯ".

1885 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). г. 1885

Съ 1 января 1885 года будетъ выходить 4 раза въ мѣсяцъ: 1, 8, 15 и 22 числа, въ новомъ **увеличенномъ** объемѣ—2½ печатныхъ листа, съ **четырьмя** отдѣльными большими **оригинальными** рисунками при каждомъ №.

Кромѣ множества другихъ статей и произведеній **въ 1885 году будутъ напечатаны:** 1) Неизданныя письма *И. С. Тургенева*, 2) Новая Золушка, большой романъ, *гр. Е. А. Саліаса*, 3) Историческія повѣсти *Н. А. Чаева*, 4) Очерки изъ народной жизни *П. П. Златовратскаго*, 5) Фантазеръ, большой романъ, *Д. А. Линева*, 6) Тихія воды глубоки, повѣсть, *А. В. Круглова*, 7) Двѣ избранницы, романъ, *К. Н. Леонтьева*, 8) Воспоминанія о П. С. Мочаловѣ, *С. А. Юрьева*. 9) «День византійскаго императора», историч. повѣсть, *Н. П. Аксакова*, 10) «Пасынокъ судьбы», повѣсть, *С. Н. Филиппова*. 11) «Что побудило?» деревенскій разсказъ, *Д. А. Линева*. 12) Разсказы изъ современной уголовной хроники, *В. А. Скрипицына*.

Независимо отъ названныхъ именъ, въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе: *Д. Л. Мордовцевъ*, *Н. С. Лѣсковъ-Стебницкій*, *А. Н. Плещеевъ*, *Я. П. Полонскій*, *Л. П. Пальминъ*, *В. С. Баскинъ*. *В. В. Чуйко*, *М. М. Ивановъ*, г-жа *Евгенія Турь* и многіе другіе.

Художественный отдѣлъ журнала будетъ преслѣдовать въ сущности ту же цѣль, что и отдѣлъ литературный, т. е. представлять собою живописный сводъ иллюстрацій Россіи въ богатомъ многообразіи ея жизни, природы и искусства.

По прежнему къ каждому № будутъ прилагаться четыре отдѣльныхъ оригинальныхъ рисунка, исполненныхъ автографическимъ способомъ. «Россія» въ этомъ отношеніи представляетъ журналъ, рѣзко отличающійся по своему характеру отъ другихъ иллюстрированныхъ изданій, пользующихся зачастую заимствованными, иностранными клише.

Въ будущемъ 1885 году редакціей устанавливается систематизація рисунковъ, такъ-что впослѣдствіи подписчики могутъ образовать изъ нихъ нѣсколько отдѣльныхъ альбомовъ.

Такъ, между прочимъ, будутъ помѣщены въ будущемъ году:

1) 12 портретовъ извѣстныхъ русскихъ представителей литературы, науки и искусства.

2) 30 копій съ картинъ русской живописи или произведеній иностранной школы, находящихся въ Россіи.

3) около 25 отдѣльныхъ иллюстрацій къ беллетристическимъ произведеніямъ,

помѣщеннымъ въ журналѣ, въ томъ числѣ нѣсколько ориг. рис. А. С. Янова къ исторической повѣсти Н. П. Аксакова: «День византійскаго императора».

4) Около 20 видовъ различныхъ живописныхъ мѣстностей Россіи (для собиранія матеріала редакціей командированъ уже художникъ лейпцигской академіи фотографъ Тиннеръ).

5) 12 виньетокъ къ стихотвореніямъ, на подобіе помѣщенныхъ уже въ текущемъ году.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала будутъ помѣщены рисунки:

Н. М. Быковскаго, В. М. Виснецова, С. И. Иванова, Н. Н. Каразина, К. В. Лемохъ, К. Е, И. Е. и В. Е. Маковскихъ, М. О. Микѣшина, В. Д. Поленова, И. Е. Рѣпина, К. А. Савицкаго. К. А. Трутовскаго и мног. друг.

Въ будущемъ 1885 году всѣ годовые подписчики получатъ **роскошную премію акварель** (размѣр. 140 кв. верш.), заказанную по оригиналу, спеціально исполненному для журн. «Россія» академикомъ исторической живописи Н. В. Невревымъ: **«СЦЕНА У ФОНТАНА»** (изъ «Бориса Годунова», Пушкина). Она будетъ исполнена въ знаменитой французской литографіи Лемерсье и К°.

Подписная цѣна 7 р. на мѣстѣ и **8** р. съ доставкой на домъ и пересылкой. Подписка принимается: а) въ Москвѣ, въ редакціи, Тверской бульваръ, д. Эфроса, б) въ магазинахъ: Даціаро, Аванцо, Вольфа, Мамонтова, «Новаго Времени», Васильева (на Страстномъ бульв.) и въ конторѣ объявленій Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ, в) въ С.-Петербургѣ: у Мелье. Вольфа и Суворина и г) въ Кіевѣ: у книгопродавцевъ Столбецова и Корейво. Иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію. **Разсрочка годовой подписной суумы можетъ быть допущена на слѣдающихъ условіяхъ: 5 руб. при подпискѣ и 3 рубля 1 Іюля.**

Редакторъ-издатель **О. М. Уманецъ.**

1885 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). г. 1885

Еженедѣльный „РАДУГА“, иллюстрированный семейный журналъ литературы, изящныхъ искусствъ и общественной жизни.

50 нумеровъ въ годъ. 50.

Въ 1885 году **«Радуга»** дастъ своимъ читателямъ рядъ **романовъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній исключительно изъ русской жизни**, съ участіемъ **выдающихся** современныхъ русскихъ писателей. **ИЛЛЮСТРАЦІИ** извѣстныхъ русскихъ художниковъ будутъ воспроизведены самымъ тщательнымъ образомъ, съ помощью новѣйшихъ открытій въ области графическихъ искусствъ. Гравюры будутъ исполнены въ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ заведеніяхъ.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) **СЦЕНА.** Театральное искусство. Критика. Драматическія пьесы для большой сцены и **для любительскихъ спектаклей**. Комедіи. Трагедіи. Драмы. Воде-

и при участіи извѣстныхъ драматурговъ, какъ Викторъ Александровъ (Крыловъ) Невѣжинъ, князь Сумбатовъ и др. Провинціальная корреспонденція. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщены *ПОРТРЕТЫ* русскихъ драматическихъ писателей и выдающихся артистовъ русской столичной и провинціальной сцены.

2) **АККОРДЪ.** Новости изъ музыкальнаго міра. Портреты выдающихся современныхъ композиторовъ и исполнителей. Отчеты о концертахъ. Критическія замѣтки. Къ каждому нумеру «Аккорда» будутъ приложены **также безплатно** *НОТЫ* для фортепіано и пѣнія: исключительно новыя пьесы, танцы, арранжировки изъ новыхъ оперъ и оперетокъ.

3) **МОДЫ**. Иллюстрированныя парижскія моды. Текстъ и рисунки изъ Парижа, подъ редакціею Тіерри. *Руководство для туалетнаго стола. Косметика. Домашній обиходъ. Домашнее хозяйство. Столъ.*

4) **ГИГІЕНА—новый отдѣлъ.** Какъ жить здоровому и какъ помочь больному человѣку. Совѣты врача. *При этомъ отдѣлѣ открытъ почтовый ящикъ для совѣтовъ.* Пользоваться правомъ этого почтоваго ящика могутъ лишь гг. подписчики.

5) **САЛОНЪ**—новый-же отдѣлъ, иллюстрированныя общественныя увеселенія. 1) Карты. 2) Общественныя игры. 3) Пасьянсы. 4) Хореографія (танцы). 5) Шарады. 6) Ребусы. 7) Задачи. 8) Фокусы. 9) Эксперименты изъ области химіи и физики. 10) Гимнастика. 11) Спиритизмъ. 12) Обширный шахматный отдѣлъ. 13) Стенографическій отдѣлъ. 14) Почтовый ящикъ для гласной корреспонденціи подписчиковъ между собою (право пользованія имѣютъ только подписчики журнала).

Кромѣ всего будетъ дана великолѣпная безплатная премія.

Подписная цѣна на 1885 годъ, со всѣми приложеніями, съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи **только 5 руб.**, за границу—**7 руб**; на ½ года—**3 руб.**, за границу—**4 руб.**

Допускается разсрочка платежа годовой подписной цѣны: при подпискѣ **2 р**, затѣмъ 1 марта **1 р.**, 1 апрѣля **1 р.** и 1 іюля **1 р.**

Подписки принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородныхъ просятъ адресовать: *Въ редакцію журнала «Радуга». Москва.*

Редакторъ **Д. А. Мансфельдъ.** Издатель **Л. Метцль.**

---

5 годъ изданія. (ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО). изданія годъ **5**

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Сѣвернаго телеграфнаго агентства». V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Что дѣ-

лается на югѣ: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. IX. Наука и искусство. X. Внѣшнія корреспонденціи «Южнаго Края». XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVIII. Сторонніе сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе чѣмъ въ 100 губернскихъ, уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ и во многихъ станицахъ, и селахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки.	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою.	12 р. — к.	7 р. — к.	4 р. — к.	1 р. 40 к.
Съ перес. иногороднимъ .	12 р. 50 к.	7 р. 50 к.	4 р. — к.	1 р. 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются: въ **Харьковѣ** — въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Екатеринославской улицѣ, въ домѣ Файнберга, № 44; въ **Петербургѣ** — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Струбинскаго; въ **Москвѣ** — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Петровкѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій Н. Печковской; въ **Варшавѣ** — въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 18; въ **Кіевѣ** — въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ **Одессѣ** — въ книжныхъ магазинахъ В. М. Бѣлаго и Е. П. Распопова; въ **Полтавѣ** — въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойно-Родзевича, въ конторѣ И. А. Дохмана; въ **Кременчугѣ** — въ «Русской книжной торговлѣ» Д. Я. Тартаковскаго.

„Церковный Вѣстникъ“
и „ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,
«СЪ ТОЛКОВАНІЯМИ НА ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ».

«Церковный Вѣстникъ» съ 1-го января будущаго 1885 г. имѣетъ вступить въ **одиннадцатый годъ существованія**. Десять лѣтъ — достаточный періодъ времени для уясненія характера, направленія и цѣлей изданія. Въ офиціальной своей части «Церковный Вѣстникъ» есть офиціальный органъ св. синода и

состоящихъ при немъ центральныхъ учрежденій, въ неофиціальной-же части онъ есть органъ с.-петербургской духовной академіи. Высшее церковное правительство, избравъ официальную часть академической церковной газеты своимъ офиціальнымъ органомъ для помѣщенія въ ней своихъ распоряженій и Высочайшихъ повелѣній по духовному вѣдомству и чрезъ то удостоивъ академическую корпорацію высокой степени своего довѣрія, не лишило въ то же время послѣднюю возможности имѣть *въ собственномъ смыслѣ неофиціальную часть*, въ которой-бы академическая корпорація свободно выражала свои сужденія по церковнымъ вопросамъ, сообщала полезныя для духовенства свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ давала-бы возможность и духовенству высказывать свои нужды и желанія, и такимъ образомъ существовалъ бы взаимный обмѣнъ мыслей между людьми духовной науки и дѣятелями церковной жизни. Высоко цѣня такія истинно-пастырскія, въ духѣ древней церкви, отношенія высшей церковной власти къ высшей духовной школѣ, академическая корпорація, по мѣрѣ силъ въ теченіи десяти лѣтъ, старалась въ неофиціальной части «Церк. Вѣстн.» осуществлять прекрасный идеалъ свободнаго служенія истиннымъ интересамъ православной церкви на поприщѣ духовной публицистики,—идеалъ, глубокіе корни котораго скрываются въ характерѣ восточнаго православія.

Постепенно и свободно развиваясь, неофиціальная часть «Церк. Вѣстн.» получила въ послѣднее время слѣдующій видъ. Въ ней печатаются прежде всего разнообразныя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ, именно: 1) *передовыя статьи*, 2) *корреспонденціи, статьи и сообщенія* внѣшнихъ сотрудниковъ, преимущественно духовныхъ лицъ и 3) *«Мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ»*. Для помѣщенія различныхъ извѣстій имѣются слѣдующіе постоянные отдѣлы: 4) *«Лѣтопись церковная»*, представляющая обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ области религіозной жизни нашей отечественной церкви по всѣмъ ея епархіямъ; 5) *Иностранное обозрѣніе*, сообщающее извѣстія изъ религіозной жизни православнаго востока и римско-католическаго и протестантскаго запада; 6) *«Лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграницей»*, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ и внѣ его; 7) *«Разныя извѣстія и замѣтки»*, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ лѣтописяхъ и обозрѣніяхъ; не послѣднее мѣсто занимаютъ здѣсь сообщенія о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ. Немалое вниманіе обращено также и на отдѣлы библіографическіе, которые суть слѣдующіе: 8) *«Журнальное обозрѣніе»*, представляющее обозрѣніе нашей духовной журналистики (каждый мѣсяцъ разъ); 9) *«Замѣтки читателя епархіальныхъ вѣдомостей»* (два раза въ мѣсяцъ), сообщающія извлеченіе интереснаго, по преимуществу историческаго матеріала изъ всѣхъ 44-хъ существующихъ епархіальныхъ вѣдомостей (это новый, только что организованный отдѣлъ) и 10) *«Библіографическія замѣтки»* или обозрѣніе вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій (нѣсколько разъ въ мѣсяцъ); этотъ отдѣлъ съ новаго года предполагается преобразовать въ смыслѣ полноты и краткости библіографическихъ обозрѣній.

періодъ короткаго времени сдѣлалась интеллектуальнымъ и торговымъ центромъ юга Россіи и первымъ городомъ послѣ обѣихъ столицъ и Варшавы. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ развитіемъ общественнаго самосознанія въ провинціи развивалась и крѣпла провинціальная печать, поставившая себѣ задачею знакомить Россію съ бытомъ, нуждами и потребностями.

«Одесскій Листокъ» въ качествѣ провинціальной газеты, всегда стремился къ осуществленію этой задачи, стараясь дать своимъ читателямъ возможно полное представленіе о всѣхъ событіяхъ дня, имѣющихъ то или другое общественное значеніе, и разработывая матеріалы, доставляемые жизнью провинціи. Но матеріалы эти съ каждымъ днемъ становились обширнѣе, такъ что обыкновенный формат газеты оказался недостаточнымъ для того, чтобы редакція имѣла возможность своевременно знакомить читателей съ выдающимися фактами, заслуживающими общественнаго вниманія. Въ виду этого редакція признала необходимымъ увеличить газету до такихъ размѣровъ, при которыхъ она могла бы помѣщать въ № болѣе подробное обозрѣніе общественной жизни, не затрудняясь при этомъ массою объявленій, являющейся результатомъ распространенности «Одесскаго Листка». Со второй половины ноября 1884 года, газета «Одесскій Листокъ» выходитъ въ форматѣ самыхъ большихъ петербургскихъ газетъ, въ семь столбцевъ вмѣсто шести что, однако, не остановитъ редакцію передъ выпускомъ полуторныхъ номеровъ въ случаѣ скопленія такого матеріала, который будетъ имѣть исключительный интересъ и нуждаться въ подробной разработкѣ. Съ преобразованіемъ газеты, редакціею обращено особенное вниманіе на отдѣлы: политическій, общественный (руководящія статьи какъ по общимъ, такъ и по краевымъ вопросамъ), городской земскій, судебный, отдѣлъ корреспонденцій и вѣстей изъ всѣхъ городовъ Южной Россіи, музыкальный, театральный и фельетонный, въ которомъ, помимо печатанія беллетристическихъ и научныхъ произведеній и участія нашихъ постоянныхъ фельетонистовъ Барона Икса, Черноморца и Осы, будутъ помѣщаться фельетоны нашего даровитаго поэта *Д. Д. Минаева*, въ стихахъ и прозѣ, подъ общимъ заглавіемъ «Чѣмъ хата богата».

Не смотря на вышепоименованныя улучшенія, цѣна на «Одесскій Листокъ» все таки остается значительно ниже другихъ большихъ литературно-политическихъ газетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ городъ:		*Съ пересылкою въ другіе города:*	
на годъ	10 р.	на годъ	12 р.
— полгода	6 р.	— полгода	7 р.
3 мѣсяца	3 р. 50 к.	3 мѣсяца	3 р. 80 к.
1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ «Одесскаго Листка», на углу Ришельевской и Полицейской ул., д. Баржанскаго, въ Одессѣ.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

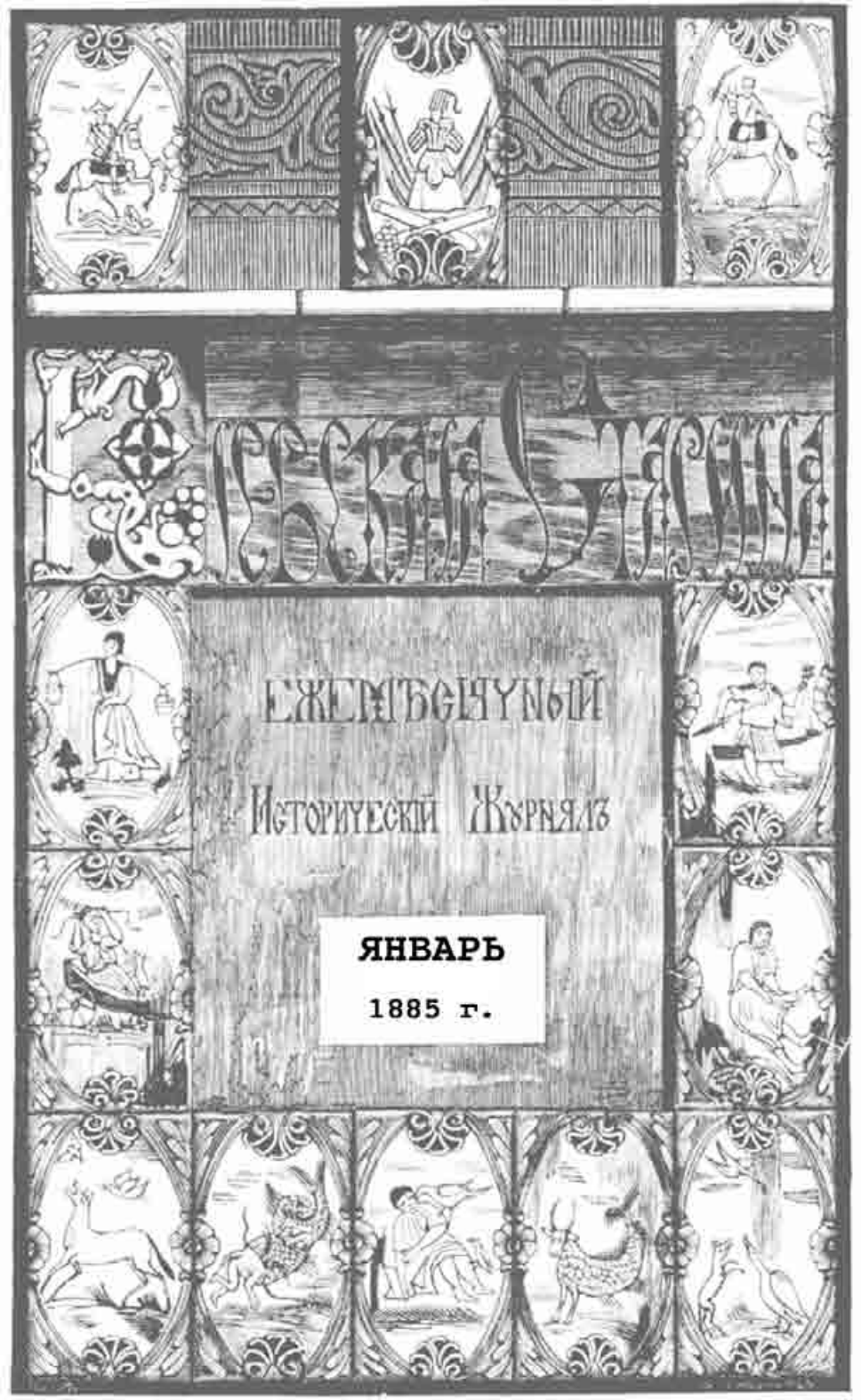
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
ЯНВАРЬ
1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1885 г.

I. ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА. **Н. Ѳ. Сумцова.** 1
II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ 20
III. ПРИЛУЦКІЙ ПОЛКОВОЙ АСАУЛЪ МИХАЙЛО МОВЧАНЪ И ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИГА. **В. Антоновича.** 57
IV. ДРЕВНІЯ И НОВЫЯ СКАЗАНІЯ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Къ вопросу о томъ, можетъ-ли кіевская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія). **С. Голубева.** . . . 85
V. ДУНАЙЦЫ. **А. Скальковскаго.** 117
VI. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. *(Продолженіе).* **И. Левицкаго.** 133
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Пчела почаевская. Изборникъ назидательныхъ поученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ лавры почаевской (1581—1651 г.), изданный въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ, по собственной рукописи преподобнаго, подъ редакціею профессора кіевской духовной академіи П. И. Петрова. Почаевъ. 1884 года.—*С. Голубева.*—б) Археологическое обозрѣніе, органъ ц. к. Музея древностей и львовскаго археологическаго общества. Вып. 1—3. Львовъ. 1882—1883 гг.—*Н. Д.*—в) Рада, украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ. 1884 г.—*Г.* . . 157
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Гдѣ жили первые кіевскіе митрополиты, въ Переяславѣ или въ Кіевѣ.—*П. Л.*—б) Новый варіантъ думы «Алексій Поповичъ».—*Н. Ѳ. Сумцова.*—в) Нѣмецкій трикгельдъ на малорусской почвѣ.—*С. Бѣлинскаго.*—г) Два письма Б. Хмельницкаго къ П. Сапѣгѣ, воеводѣ виленскому, великому гетману литовскому.—Сообщ. *Н. В. С—ко.*—д) Изъ народныхъ разсказовъ о слободско-украинскихъ помѣщикахъ.—*А. Катрушина.*—е) Изъ воспоминаній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ.—*Ф. Н—на.*—ж) Изъ письма въ редакцію.—з) Журнально-газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—*Ѳ. Н.* 177
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1885 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ XI.

ЯНВАРЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го декабря 1884 года.

ХАРАКТЕРИСТИКА
ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА.

Глава I.

Римско-католическая пропаганда, довольно сильная въ западной и южной Россіи въ XIV и въ XV вѣкахъ и почти совсѣмъ прекратившаяся въ XVI ст., въ золотой вѣкъ польской свободы, съ чрезвычайной силой развилась въ послѣднее десятилѣтіе XVI и въ началѣ XVII столѣтія, при королѣ-фанатикѣ Сигизмундѣ III. Пронырливые іезуиты, овладѣвъ королемъ, польскимъ духовенствомъ и частью польской аристократіи, захвативъ въ свои руки высшія учебныя заведенія и цензуру, обнаружили рѣшительное намѣреніе ввести въ западной и южной Россіи церковную унію, какъ переходную ступень къ латинству. замѣнить юліанскій календарь новымъ календаремъ григоріанскимъ и въ замѣнъ церковно-славянскаго языка ввести въ южно-русскую письменность языкъ латинскій. Устроенный посредствомъ козней и интригъ брестскій церковный соборъ разорвалъ южно-и западно-русскій народъ на части, на православное большинство и уніатское меньшинство. Меньшинство это было сильно поддержкой короля и католическаго духовенства, ежегодно усиливалось приливомъ новыхъ уніатовъ.

Отъ южнорусскаго народа прежде всего отпали высшее духовенство и аристократія. Ихъ ослѣпилъ блескъ польской цивилизаціи, польская наука, литература, коллегіи. Въ особенности ихъ обольстила вольная и роскошная жизнь польской аристократіи. Рус-

ская аристократія и высшее русское духовенство, которое, какъ извѣстно, комплектовалось также изъ людей «уроженыхъ», знатныхъ, стали изъ всѣхъ силъ стремиться къ соединенію съ польской аристократіей, стали принимать латинскія вѣрованія, польскій языкъ, польскіе обычаи и нравы.

Гордые своей наукой и литературой, своими коллегіями латино-уніатскіе писатели въ концѣ XVI столѣтія настойчиво указывали православнымъ южно-руссамъ на ничтожество ихъ школъ, невѣжество и бѣдность духовенства, отсутствіе проповѣди, грубость нравовъ. «Во всей столь обширной русской странѣ, писали они, не имѣете и трехъ ученыхъ, а школъ по всей вашей землѣ Господь Богъ не соизволяетъ». Мало того латино-уніатскіе писатели, хорошо сознавая, какое огромное значеніе имѣли въ Рѣчи Посполитой родовитость и старожитность, особенно настойчиво указывали православнымъ, что у нихъ исчезли сильные паны...

Православные превосходно сознавали всю основательность этихъ упрековъ. Князь К. К. Острожскій писалъ Потѣю: «Не отъ чого иншого розмножилося межи людьми такое лѣнивство, оспалство и отступленіе отъ вѣры, яко найбольшей отъ того, ижъ устали учители, устали проповѣдачи слова Божаго, устали науки, устали казанья»... [1]) Мелетій Смотрицкій такъ оплакивалъ потерю лучшихъ русскихъ родовъ въ своемъ сочиненіи «Ѳриносъ» въ 1610 г.: «Гдѣ теперь тотъ неоцѣненный камень, которымъ украшена была православная церковь,—гдѣ теперь домъ князей Острожскихъ, который превосходилъ всѣхъ яркимъ блескомъ своей древней (православной) вѣры? Гдѣ другіе славные роды русскихъ князей, сапфиры и алмазы,—князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчицкіе, Массальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны и другіе безъ числа? Гдѣ вмѣстѣ съ ними и другіе роды,—древніе, именитые, сильные роды славнаго по всему міру народа русскаго,—Ходкевичи, Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Воины, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Ханецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Калиновскіе, Мелешки, Сосновскіе,

---

[1]) Акты западной Россіи, IV, стр. 65.

Скумины, Поцѣи и другіе?...» Отвѣты получились самые печальные. «Вы, злые люди, говоритъ Смотрицкій отъ лица православной церкви, обнажили меня отъ этой дорогой моей ризы и теперь насмѣхаетесь надъ немощнымъ моимъ тѣломъ» [1]). Современникъ князя Острожскаго и Мелетія Смотрицкаго Іоаннъ Вишенскій подтверждаетъ печальный фактъ отступничества аристократіи отъ народа и указываетъ въ то-же время, что твердость религіозныхъ вѣрованій и преданность церковно-славянскому и малорусскому языкамъ сохранилась нерушимо лишь среди тѣхъ, которые «зъ одной мысочки борщикъ хлебчутъ, бицькимъ або муравскимъ кчермачкомъ покрываются и сами соби папове и слуги суть».

Православный южнорусскій народъ созналъ опасность своего національнаго положенія, вѣрно опредѣлилъ свои религіозные интересы, ясно увидѣлъ слабыя стороны своего духовнаго развитія, и съ необыкновенной энергіей принялся за выработку необходимыхъ средствъ самообразованія и самозащиты. Мелкопомѣстное дворянство, низшее духовенство, мѣщане и крестьяне слились въ одномъ стремленіи отстоять православную вѣру, юліанскій календарь, языкъ церковно-славянскій, сохранить главенство константинопольскаго патріарха, удержать за міряпами право участія въ церковныхъ дѣлахъ, вообще отстоять всѣ проявленія національной самобытности.

Результатъ этого стремленія оказался поразительнымъ. Народъ южнорусскій, почти вовсе не находя опоры въ могущественной аристократіи, при временномъ случайномъ содѣйствіи высшаго духовенства, главнымъ образомъ усиліями мелкихъ общественныхъ единицъ, повсемѣстно создаетъ церковныя братства, возстановляетъ разрушенныя церкви, учреждаетъ греко-славянскія училища, библіотеки, типографіи, издаетъ «вшелякія книги» [2])—богослужебныя, нравоучительныя, историческія и даже филологическія, отправляетъ дьячковъ заграницу въ Румынію учиться церковному пѣнію, снаряжаетъ депутаціи къ королю съ жалобами на угнетеніе православныхъ латино-уніатами, покрываетъ всю страну мелкими цер-

---

[1]) Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ, стр. 16.

[2]) Флеровъ, О православныхъ церковныхъ братствахъ, стр. 121.

ковно-приходскими школами, шпиталями, или больницами и, наконецъ, выдвигаетъ изъ своей среды энергичныхъ и талантливыхъ церковныхъ полемистовъ, историковъ и филологовъ. И все это создается въ короткое время, въ нѣсколько десятилѣтій, такъ что у трудолюбиваго и скромнаго Захаріи Копыстенскаго въ 1622 г. вырвалось радостное признаніе: «Оминаютъ, за ласкою Божею; нашу россійскую церковь лѣта грубой простоты; свѣтити ей почала свѣтлостъ умѣетности и правды» [1]).

«Свѣтлость умѣетности и правды» въ половинѣ XVII ст. была настолько уже значительна, что озарила всю западную и южную Россію, проникла даже въ другія православныя страны, въ Румынію, Сербію, Московское государство. Молдавскіе господари пользовались южно-русскими типографіями и оказывали имъ денежное пособіе. Обладая значительными средствами, церковныя братства снабжали даромъ Сербію необходимыми для нея книгами. Въ кіево-могилянской коллегіи училось много сербовъ. Малорусскіе ученые проникли даже въ сербское населеніе южной Австріи и завели здѣсь школы. Сербы охотно пользовались сочиненіями южнорусскихъ писателей. Такъ, въ произведеніяхъ Гавріила Стефановича или Венцловича (1725—1745) находятся отрывки изъ сочиненій Лазаря Барановича [2]). Московское государство стало пользоваться услугами южнорусскихъ и западнорусскихъ ученыхъ съ половины XVII ст. Въ 1649 г. царь Алексѣй Михайловичъ вызвалъ въ Москву кіевскихъ ученыхъ иноковъ Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатановскаго [3]). Вскорѣ приближеннымъ къ царю человѣкомъ, наставникомъ царскихъ дѣтей становится дѣятельный Симеонъ Полоцкій. Петръ Великій въ своей преобразовательной дѣятельности опирался, между прочимъ, на кіевскихъ ученыхъ, переселившихся по вызову царя въ Великороссію. Ученые малороссіяне работали въ Великороссіи въ духѣ и направленіи южнорусской литературы и лишь въ началѣ XVIII ст. стали приспособляться къ великорусскимъ особенностямъ быта, причемъ въ дѣлѣ такого приспособленія болѣе всего пошли

---

[1]) Завитневичъ, Палинодія Зах. Копыстенскаго, стр. 70.

[2]) Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ, стр. 144, 179.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. III, № 323.

и принесли Великой Россіи наибольшую пользу Ѳеофанъ Прокоповичъ и Димитрій Ростовскій. Южнорусскіе ученые, переселившись въ московское государство, создали здѣсь проповѣдь, ввели въ обыкновеніе составленіе мистерій и, удовлетворяя насущной потребности великороссіянъ, приняли самое дѣятельное участіе въ исправленіи богослужебныхъ книгъ отъ накопившихся въ теченіи вѣковъ ошибокъ и неточностей.

Писателямъ малороссамъ нѣтъ никакой надобности преувеличивать культурное вліяніе малороссіянъ въ Москвѣ въ XVII ст., такъ какъ вліяніе это признано и по достоинству оцѣнено московскими учеными. Такъ, профес. П. А. Безсоновъ говоритъ слѣдующее: «всякій знаетъ, какъ были они (т. е. малорусскія и бѣлорусскія вліянія) обильны, сильны и вліятельны, напримѣръ для Великороссіи и особенно Москвы. Пришельцы заняли здѣсь самыя видныя и вліятельныя мѣста, отъ іерарховъ до управленій консисторій, ими устроенныхъ, отъ воспитателей семьи царской до настоятелей монастырскихъ, до ректоровъ, префектовъ и учителей имиже проэктированныхъ школъ, до кабинетныхъ и типографскихъ ученыхъ, дѣлопроизводителей, дьяковъ и секретарей. Все почти подверглось ихъ реформѣ, по крайности неотразимому вліянію: богословское ученіе, исправленіе священнаго и богослужебнаго текста, печатаніе, дѣла раскола, церковная администрація, проповѣдь, храмовое, общественное и домашнее пѣніе, ноты, внѣшность архіерейскихъ домовъ, образъ ихъ жизни, экипажи и упряжь (цугомъ, въ шорахъ, съ бичами, въ трехъуголкахъ), одежда служителей, напримѣръ, пѣвчихъ, видъ и составъ школъ, предметы и способы ученія, содержаніе библіотекъ, правописаніе, выговоръ рѣчи устной и въ чтеніи (церковное мягкое г вмѣсто твердаго), общественныя игры и зрѣлища и т. д., и т. д.[1]).

По словамъ иностранца Вебера, ознакомившагося съ ученой дѣятельностью малороссіянъ въ Великороссіи въ началѣ XVIII ст., малорусскіе учители были «люди острые и разумные»[2]).

---

[1]) Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни. Предисловіе, стр. VI.

[2]) Трегубовъ, Религіозный бытъ русскихъ въ XVIII ст., въ «Трудахъ кіевской духовной академіи, 1884 г., т. X, стр. 205.

Глава II.

Въ исторіи южно-русской науки и литературы XVII ст. можно намѣтить два главныхъ періода, періодъ греко-славянскій и періодъ польско-латинскій.

Быстрое развитіе науки и литературы, послѣ продолжительнаго періода духовнаго застоя, предполагаетъ возникновеніе сильныхъ внѣшнихъ культурныхъ вліяній. Малороссія XVII столѣтія служитъ подтвержденіемъ этого общаго историческаго вывода. Благодаря исключительнымъ географическимъ и историческимъ обстоятельствамъ, малорусскій народъ въ XVI и въ XVII ст. вошелъ въ близкое соприкосновеніе съ южной и западной Европой и воспользовался выработаннымъ здѣсь культурнымъ содержаніемъ жизни для удовлетворенія своихъ насущныхъ духовныхъ потребностей, прежде всего воспользовался тѣмъ, что могла дать греческая и славянская наука XVII вѣка, затѣмъ захватилъ изъ западной латинской науки столько, сколько можно было взять, не нанося большаго ущерба главнымъ краевымъ и національнымъ особенностямъ вѣроисповѣданія и языка.

Греко-славянскій періодъ южно-русской науки и литературы обнимаетъ время отъ восмидесятыхъ годовъ XVI ст. до тридцатыхъ годовъ XVII ст., около тридцати лѣтъ въ совокупности. Очагомъ научнаго движенія являются греко-славянскія братскія училища, возникшія въ концѣ XVI ст., какъ необходимое восполненіе существовавшихъ въ странѣ изстари элементарныхъ церковно-приходскихъ школъ. Въ церковно-приходскихъ школахъ обученіе ограничивалось чтеніемъ и письмомъ. Въ высшихъ братскихъ училищахъ изучались языки греческій, славянскій, латинскій, польскій, грамматика, риторика, піитика, діалектика, богословіе. Научное образованіе состояло главнымъ образомъ въ изученіи греческаго и славянскаго языковъ и въ основательномъ ознакомленіи съ богословіемъ. Главными просвѣтительными центрами были училища острожское, основанное въ 1580 г., львовское, основанное въ 1586 г., виленское и кіевское, основанныя въ 1588 г. Изъ лицъ высшаго сословія, въ концѣ XVI ст. еще не порвавшаго духовныхъ связей съ народомъ, дѣятельными насадителями науки въ юго-западной Руси были извѣстный московскій эмигрантъ князь Андрей Курбскій и

могущественный его другъ князь Константинъ Острожскій, въ особенности послѣдній. Струи латинской цивилизаціи прорываются въ малорусскія науку и литературу и въ первый періодъ ихъ существованія; уже въ началѣ семнадцатаго вѣка появляются православныя полемическія сочиненія на польскомъ языкѣ, напримѣръ, «Ѳриносъ»; появляется искуственная схоластическая проповѣдь, напримѣръ, проповѣди Леонтія Карповича; но все это явленія одиночныя, исключительныя, не нарушающія общаго греко-славянскаго характера южной-русской образованности. Предпочтеніе греческаго языка передъ латинскимъ, церковно-славянскаго и малорусскаго передъ польскимъ выражается во всеобщей наклонности давать сочиненіямъ греческія заглавія (напримѣръ, Апокрисисъ, Антирисисъ, Ѳриносъ, Палинодія), въ составленіи большинства сочиненій на церковно-славянскомъ языкѣ съ весьма значительной примѣсью малорусскаго языка и въ появленіи сочиненій почти вполнѣ народныхъ по содержанію и языку. Характеристическая особенность науки и литературы конца XVI и начала XVII ст. состоитъ въ ихъ тѣсной связи съ народной жизнью, въ томъ, что онѣ исходятъ изъ народной жизни, питаются ею, почерпаютъ въ ней свои главныя силы, выражаютъ преимущественно интересы народа, во всей его вѣроисповѣдной цѣльности и въ совокупности всѣхъ его сословій.

Степень научнаго развитія южно-русскихъ писателей конца XVI ст. различна, равно какъ весьма различно ихъ умѣніе владѣть перомъ. Изъ всѣхъ научныхъ и литературныхъ дѣятелей конца XVI ст. выдается Христофоръ Бронскій, авторъ «Апокрисиса». Это былъ человѣкъ глубокаго ума и обширныхъ свѣдѣній. Быть можетъ, самая глубина его научнаго образованія, притомъ основаннаго на латино-польскихъ школьныхъ началахъ, была причиной, что Бронскій писалъ тяжелымъ искусственнымъ западно-русскимъ языкомъ, съ длинными періодами, съ частыми полонизмами. Другіе южно-русскіе писатели конца XVI ст., напримѣръ, Феодулъ и Іоаннъ Вишенскій, далеко отстали отъ Бронскаго въ научномъ отношеніи, но за то значительно его превзошли по ясности изложенія и простотѣ языка. Писатели послѣдней категоріи не могли въ религіозной полемикѣ дать надлежащаго отпора латинско-уніатскимъ религіознымъ полемистамъ. Сильное латино-уніатское сочиненіе, въ родѣ сочиненія Скарги «О едности церкви Божіей», дол-

гое время оставалось безъ возраженія. Неизвѣстный авторъ «Ключа царства небеснаго» въ опроверженіи латино-уніатскаго сочиненія Гербеста «Выводы вѣры римскаго костела» откровенно сознается въ томъ, что неудобно «плохому и голому за збройнаго рыцеря воевати, а простаку неученому за мудраго оратора отповедати» [1]). Такъ могли говорить только воспитанники элементарныхъ церковно-приходскихъ школъ. Воспитанники греко-славянскихъ братскихъ училищъ выступили на литературное и научное поприще въ первые годы XVII ст. Это были уже «збройные рыцари» въ области полемическаго богословія. Въ то время, какъ православные писатели конца XVI ст., по причинѣ младенческаго состоянія полемической литературы, въ принципѣ отказывались отъ прямой борьбы съ латино-уніатскими писателями и ограничивались лишь простымъ оправданіемъ православной церкви отъ взводимыхъ на нее обвиненій, ученые дѣятели начала XVII ст. относительно своихъ противниковъ занимаютъ твердую оборонительную позицію и по временамъ дѣйствуютъ даже наступательно. Можно сказать, съ каждымъ годомъ въ лагерѣ православныхъ все болѣе и болѣе усиливается «свѣтлость умѣстности». Современники замѣтили, что стремленіе проникнуть въ глубину таинствъ церковныхъ догматовъ овладѣло не только мужчинами, но и «бѣлыми головами, которымъ призволтша-бы куделя зъ веретеномъ, а нижли тое, што писано перомъ» [2]). Начавшись въ концѣ XVI ст. небольшими и суровыми сочиненіями, «зачепкой» Христофора и «краткословнымъ отвѣтомъ» Феодула, южно-русская литература развивалась очень быстро, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Завершеніемъ и лучшимъ выраженіемъ южно-русской литературы, развившейся подъ вліяніемъ греко-славянскихъ братскихъ училищъ, служитъ «Палинодія» Захаріи Копыстенскаго,—огромное религіозно-полемическое сочиненіе, приготовленное для печати въ 1622 г. и не вышедшее въ свѣтъ по неизвѣстнымъ въ точности причинамъ, вѣроятно, по трудности напечатать столь объемистое произведеніе. «Палинодія» въ рукописи была извѣстна южно-русскимъ людямъ и послужила матеріаломъ и пособіемъ для другихъ, болѣе позднихъ

---

[1]) Завитневичъ, Палинодія, стр. 85.

[2]) Тамъ-же, стр. 86.

по времени дѣятельности православныхъ полемистовъ, пособіемъ тѣмъ болѣе драгоцѣннымъ, что тутъ приведены и посредствомъ богословскихъ и историческихъ доводовъ опровергнуты всѣ главныя латино-уніатскія положенія о главенствѣ римскаго папы.

Лучшимъ доказательствомъ высоты и доброкачественности греко-славянскихъ училищъ въ южной Россіи служитъ то обстоятельство, что подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ развилось не только богословіе, что уже само собой истекало изъ общаго строя тогдашнихъ церковныхъ дѣлъ, но, что въ особенности заслуживаетъ вниманія историка южно-русской цивилизаціи XVII ст., развились исторіографія и филологія. Цѣнными историческими актами и свидѣтельствами наполнены «Ектезисъ», «Перестрога», «Палинодія». Достаточно самымъ бѣглымъ взглядомъ пробѣжать по страницамъ Палинодіи, замѣчаетъ г. Завитневичъ, чтобы убѣдиться, что авторъ ея много копался въ разнаго рода древнихъ историческихъ памятникахъ и новѣйшихъ сочиненіяхъ, прежде чѣмъ рѣшился взяться за перо. У него нельзя отыскать ни одного положенія, которое не было-бы закрѣплено болѣе или менѣе длиннымъ рядомъ свидѣтельствъ выдающихся церковныхъ авторитетовъ и вообще большимъ или меньшимъ количествомъ фактическихъ данныхъ» [1]). Извѣстно, что православные писатели въ опроверженіе латино-уніатскихъ доводовъ изъ исторіи въ пользу ученія о главенствѣ папы и существованія уніи въ Малороссіи въ старинное время, доводовъ, часто опиравшихся на подложныхъ историческихъ актахъ, выдвигали цѣнные историческіе документы, отысканные въ братскихъ архивахъ.

Во второе и третье десятилѣтіе семнадцатаго вѣка, время полнаго расцвѣта южнорусской науки и литературы греко-славянскаго характера, появилось два капитальныхъ филологическихъ произведенія: «Славянская грамматика» Мелетія Смотрицкаго и «Лексиконъ славено-россійскій, именъ толкованіе» Памвы Берынды. Грамматика Смотрицкаго, впервые изданная въ Евю, близъ Вильны, въ 1619 г., представляла систематическое изложеніе грамматическихъ правилъ. Смотрицкому принадлежитъ наша грамматическая термино-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 341.

логія, лишь отчасти измѣненная Ломоносовымъ. Смотрицкій устранилъ изъ грамматики членъ, какъ несвойственный славянскому языку, ввелъ ученіе о видахъ, замѣтилъ достигательное наклоненіе, удачно означилъ признаки для спряженій, ввелъ дѣепричастіе. Его грамматика пользовалась большой извѣстностью; нѣсколько разъ она была издана (1629 въ Вильнѣ, 1648 и 1721 г. въ Москвѣ); изъ нея дѣлали извлеченія и сокращенія; долгое время она служила единственнымъ руководствомъ при изученіи славянскаго языка; она, по словамъ Каченовскаго, составляетъ эпоху и въ исторіи образованія нашего языка; она одна была путеводительницею Ломоносова при наблюденіяхъ его надъ свойствами русскаго слова,—словомъ, она имѣла громадное вліяніе на теорію языка и книгопечатаніе не только въ Россіи, но и въ Болгаріи, въ Сербіи и даже у глаголитовъ [1]). Не столь извѣстнымъ, но тѣмъ не менѣе весьма почтеннымъ трудомъ былъ Словарь Берынды. Словарь этотъ представляется любопытнымъ и необходимымъ для всѣхъ изучающихъ основательно русскій языкъ. Архіепископъ Филаретъ замѣтилъ, что «Берында выполнилъ свое дѣло съ честью... Дѣло сочинителя древняго словаря—выставить слова въ такомъ значеніи, въ какомъ принимали ихъ въ старое время, иначе, представить вѣрный сборникъ мыслей стараго времени; это и сдѣлалъ Берында» [2]).

Отмѣтивъ то обстоятельство, что научное развитіе южнорусскихъ писателей конца XVI и начала XVII ст. было весьма различно и что въ этомъ отношеніи одни писатели представляются очень солидными дѣятелями, другіе—скромными литературными тружениками, мы въ заключеніе нашей характеристики греко-славянскаго періода южнорусской литературы должны отмѣтить тотъ замѣчательный въ историко-культурномъ отношеніи фактъ, что почти всѣ писатели южнорусскіе въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія обнаружили отчетливое и ясное политическое самосознаніе. И крупные ученые дѣятели, какъ Христофоръ Броискій, и мелкіе труженики пера, какъ неизвѣстные авторы «Перестроги» и «Ключа царства небеснаго», сходятся по широтѣ политическихъ взглядовъ

---

[1] Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ, стр. 98—99.

[2] Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы, т. I, стр. 266.

на отношенія Малороссіи къ Польшѣ и на взаимныя отношенія различныхъ слоевъ малорусскаго народа.

По силѣ національнаго самосознанія южнорусскіе люди начала XVII ст. стояли очень высоко, выше южнорусскихъ людей конца XVII ст., не говоря уже о болѣе позднемъ времени, о XVIII ст., когда послѣдовало всеобщее духовное оскудѣніе и измельчаніе. Зрѣлость политическихъ взглядовъ южнорусскихъ ученыхъ конца XVI ст. обнаружилась въ ихъ сужденіяхъ объ отношеніяхъ Польши къ Руси и объ отношеніи высшаго русскаго духовенства и аристократіи къ посполитству и горожанамъ. Въ концѣ XVI ст. южнорусскіе политическіе и литературные дѣятели сдѣлали попытку привлечь на сторону угнетаемаго южнорусскаго народа лучшую часть польской интеллигенціи. Князь Острожскій предостерегалъ польскихъ магнатовъ, что ограниченіе свободы вѣроисповѣданія и гражданскихъ правъ южно и западно-руссовъ повлечетъ за собою ограниченіе гражданской свободы польскаго общества. Предостереженіе это повторилъ и разъяснилъ современникъ князя Острожскаго Христофоръ Бронскій. «Вы называете насъ братіей и членами единаго тѣла Рѣчи Посполитой, обращается Бронскій въ Апокрисисѣ къ польскимъ магнатамъ, то просимъ васъ, сжальтесь надъ угнетенною братіею своею; наши страданія пусть тронутъ васъ, какъ собственныя раны и страданія вашихъ милостей! Если-же ваша любовь къ намъ охладилась, то пусть тронетъ ваши милости по крайней мѣрѣ любовь къ собственнымъ правамъ, которыя заключены въ однѣхъ съ нашими доскахъ и укрѣплены однѣми связями. Берегитесь, чтобы сквозь ту дыру, которая продѣлывается въ правахъ, служащихъ намъ, не ускользнули всѣ свободы и у вашихъ милостей. Что постигаетъ теперь насъ, то своимъ примѣромъ и въ своихъ послѣдствіяхъ касается и всѣхъ васъ» [1])... Голосъ Бронскаго не былъ услышанъ. Нельзя сказать, чтобы въ концѣ XVI ст. въ польскомъ обществѣ не было людей съ свѣтлымъ умомъ, гуманныхъ и вѣротерпимыхъ; такіе люди были, только не они вліяли на ходъ историческихъ событій. Главными дѣйствующими лицами въ это время были узкіе религіозные фанатики, слѣпые слуги римской куріи, въ родѣ знаменитаго діалектика и проповѣдника Петра Скарги. Іоаннъ Вишен-

---

[1]) Бронскій, Апокрисисъ, стр. 240 (академич. изд.), 1870 г.

скій, при всей ограниченности своего научнаго образованія, вѣрнымъ національнымъ чутьемъ превосходно опредѣлилъ, что не помогутъ южно-русскому народу польскій король и сенаторы, не помогутъ ему даже его собственные архіереи и паны. «Бѣдные крестьяне, писалъ Вишенскій южно-русскимъ архіереямъ, день и ночь трудятся и мучатся для васъ, а вы, высосавъ изъ нихъ кровь, силы и плоды трудовъ ихъ, обобравъ ихъ до нитки, наряжаете на ихъ счетъ своихъ сорванцовъ слугъ въ дорогія платья. Вы съ поту ихъ наполняете мѣшки золотыми, талярами, полталярами, ортами, четвертаками и трояками, а у этихъ бѣдняковъ нѣтъ и шеляга на покупку соли». Въ посланіи къ православнымъ южно-руссамъ Вишенскій говоритъ: «На пановъ же вашихъ русскаго рода не надѣйтесь; въ нихъ-же нѣтъ спасенія! Вси бо живого Бога и вѣры, аже въ него, отступили, прелести-же еретической, любви духа тщеславнаго, жизнолюбію и лихоимству ся поклонили» [1]... Вишенскій былъ правъ, его суровое осужденіе высшаго духовенства и аристократіи оправдывается всей малорусской исторіей XVII ст.

Глава III.

Второй періодъ южно-русской науки и литературы обнимаетъ время отъ тридцатыхъ годовъ до конца восьмидесятихъ годовъ XVII ст., около пятидесяти лѣтъ въ цѣломъ. Очагомъ научнаго движенія служитъ кіево-могилянскій колегіумъ, построенный по образцу высшихъ іезуитскихъ училищъ, на преобладаніи внѣшней показной стороны обученія, на подавленіи духовной пытливости и скептицизма началами строгой школьной дисциплины и тяжестью церковныхъ авторитетовъ, на развитіи формальной стороны науки. Научное образованіе состоитъ главнымъ образомъ въ изученіи латинскаго языка и въ ознакомленіи съ средневѣковымъ схоластическимъ богословіемъ. Второй періодъ южно-русской литературы характеризуется преобладаніемъ въ полемикѣ богословскаго элемента надъ историческимъ, въ развитіи искусственной схоластической проповѣди

---

[1]) Вишенскій, въ Актахъ южной и западной Россіи, т. II.

или казанья, въ рѣшительномъ перевѣсѣ польскаго языка надъ церковно-славянскимъ. Значительное большинство сочиненій написано на языкѣ польскомъ; краевой южно-русскій элементъ проявляется случайно въ немногихъ сочиненіяхъ; изложеніе тяжелое, обильное макаронизмами. Сильно развивается наклонность къ стихотворству; наклонность эта въ концѣ XVII ст. переходитъ въ манію, въ сумасбродство, исключающее даже самую возможность появленія строго историческихъ или филологическихъ изслѣдованій. Развивается крайній панегиризмъ,—ясное свидѣтельство всеобщаго упадка духовной жизни, явное доказательство потери строгаго нравственнаго критерія въ области политической и научной дѣятельности. Люди науки гордятся своею наукою и отдѣляютъ ее отъ жизни общественной и народнаго быта, какъ нѣчто чрезвычайно высокое, не допускающее прикосновенія низменной дѣйствительности.

По времени дѣятельности, по взаимнымъ личнымъ и литературнымъ связямъ южно-русскіе писатели второй половины XVII ст. раздѣляются на двѣ группы. Въ первую группу входятъ литературные дѣятели тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ XVII ст.: Петръ Могила, Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ Козловскій и нѣсколько второстепенныхъ по значенію. Во вторую группу входятъ дѣятели шестидесятыхъ, семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ: Иннокентій Гизель, Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галятовскій, Антоній Радивиловскій. Наиболѣе вліятельными людьми были Петръ Могила и Лазарь Барановичъ, наиболѣе образованнымъ и плодовитымъ писателемъ Іоанникій Галятовскій. Всѣ эти дѣятели стояли тѣсно другъ около друга, поддерживали другъ друга всячески. Петръ Могила покровительствовалъ и повышалъ Коссова, Козловскаго и Гизеля; Гизель—Барановича и Радивиловскаго, Барановичъ—Галятовскаго. Они соединены были другъ съ другомъ тѣсными узами нравственной солидарности, узами дружбы, и всѣ они въ литературѣ и отчасти въ политикѣ дѣйствовали съобща и въ одномъ направленіи, что обусловлено было сходствомъ ихъ литературныхъ и научныхъ понятій. Хотя Барановичъ и Галятовскій обнаружили значительную зависимость отъ схоластической школы, хотя польско-іезуитскія педагогическія начала вытравили въ нихъ нѣкоторыя характерныя національныя черты, писатели эти, равно какъ писатели первой группы, жили и дѣйствовали подъ непогас-

шими еще вліяніями того строя малорусской жизни, какой созданъ былъ братствами въ началѣ XVII ст. Коллегіумская схоластика имъ повредила во многомъ, но она въ половинѣ XVII ст. была еще настолько парализуема свѣтлыми и чистыми вліяніями старинной украинской школы и литературы, что не могла вполнѣ изуродовать Барановича и Галятовскаго въ духовномъ отношеніи, какъ изуродовала въ самомъ концѣ столѣтія Іоанна Максимовича. Въ общественной, научной и литературной дѣятельности Барановича, Гизеля и Галятовскаго есть много еще цѣннаго; въ сочиненіяхъ ихъ среди разнаго схоластическаго хлама мѣстами, нельзя сказать чтобы часто и отчетливо, пробивается свѣтлая мысль и гуманное чувство, обнаруживается пониманіе общественныхъ потребностей и желаніе потрудиться для ихъ удовлетворенія.

Барановичъ, Галятовскій и Гизель свои мнѣнія объ улучшеніи общественной и семейной жизни, науки и литературы высказали въ видѣ случайныхъ замѣчаній и пожеланій. Эти оброненныя мимоходомъ замѣчанія даютъ изслѣдователю возможность намѣтить лишь главныя черты идеальныхъ стремленій поименованныхъ дѣятелей. Нѣтъ надобности доказывать, что идеалы Барановича, Гизеля и Галятовскаго исходятъ изъ малорусской дѣйствительности; идеалы эти не разрываютъ съ нею связей, они только очищаютъ ее отъ недостатковъ и такимъ образомъ возводятъ на опредѣленную, во всякомъ случаѣ значительную по высотѣ степень внутренняго и внѣшняго совершенства.

По мнѣнію Барановича, Галятовскаго и Гизеля, нужно думать, и всѣхъ лучшихъ людей Малороссіи второй половины XVII в., политическій и гражданскій строй страны долженъ былъ представляться въ слѣдующемъ, для нихъ желательномъ видѣ. Малороссія, лѣвобережная и правобережная въ совокупности, должна находиться подъ покровительствомъ московскаго царя. Православный царь защищаетъ православныхъ малороссіянъ отъ внѣшнихъ и иновѣрныхъ враговъ. Зависимость Малороссіи отъ московскаго государства выражается въ обязанности охранять южныя границы московскаго государства и въ опредѣленной дани, которая не была-бы тягостна для народа, разореннаго продолжительными войнами; южно-руссы оказываютъ великорусскому народу всякаго рода нравственныя услуги, напримѣръ, посылаютъ въ Москву ученыхъ богослововъ и

и проповѣдниковъ, правоучительныя книги, голосистыхъ пѣвчихъ, опытныхъ садовниковъ. Москва, Польша и Малороссія входятъ во взаимныя дружескія связи и заключаютъ наступательный союзъ противъ общаго врага, магометанства. Усилія великоруссовъ, малоруссовъ и поляковъ должны быть направлены къ тому, чтобы уничтожить крымскихъ татаръ, изгнать изъ Европы турокъ, даровать православнымъ народамъ балканскаго полуострова свободу и освободить Іерусалимъ отъ ига невѣрныхъ. Внутри Малороссія пользуется полной административной автономіей. Духовенство зависитъ исключительно отъ константинопольскаго патріарха, какъ велось изстари. Кіевскій митрополитъ избирается соборомъ духовенства и мірянъ, по предварительному соглашенію духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Низшее духовенство избирается громадой и получаетъ отъ нея достаточное матеріальное обезпеченіе. Оно совершаетъ церковныя службы, говоритъ проповѣди, обучаетъ дѣтей въ школахъ и поддерживаетъ шпитали. Гражданское управленіе страной находится въ рукахъ свободно-избранной старшины, во главѣ которой стоитъ гетманъ. Въ большихъ городахъ должны быть коллегіумы и типографіи, въ селахъ школы, повсемѣстно шпитали. Воспитаніе и образованіе юношества основывается на религіозно-нравственныхъ началахъ. Спеціальныя и семейныя отношенія опредѣляются евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему. Посполитые представляются людьми подневольными, и господство надъ ними козацкой старшины и духовенства оправдывается ссылками на Ветхій Завѣтъ. Старшинѣ впрочемъ поставляется въ нравственную обязанность милостиво относиться къ простому народу, не отягощать крестьянъ тяжелой работой или налогами. Въ нравственную обязанность поставлялось «предпочитати добро общее надъ уединенное» (слова Гизеля въ его книгѣ «Миръ»).

Глава IV.

Южно-русская литература семнадцатаго вѣка, богатая по числу памятниковъ, оригинальная по ихъ внутреннему содержанію, изложенію и языку, долгое время являлась своего рода terra incognita. Трудно къ ней приступить по двумъ причинамъ. Во первыхъ,

въ старинной южно-русской литературѣ преобладаютъ богословскія полемическія сочиненія, большею частью темныя по содержанію и изложенію; изслѣдователи литературы не рѣшались опуститься въ пучину схоластическихъ толкованій догматовъ вѣры. Во вторыхъ, важнымъ препятствіемъ для успѣшнаго хода научной разработки старинной украинской литературы представляется почти полное отсутствіе южно-русской библіографіи. Не сдѣлано даже простаго перечня старинныхъ южно-русскихъ литературныхъ памятниковъ; не указано, гдѣ ихъ можно найти. Такого рода указанія представляются тѣмъ болѣе необходимыми, что старинные южно-русскіе памятники разбросаны по разнымъ книгохранилищамъ, причемъ весьма цѣнныя сочиненія попадаются не только въ такихъ громадныхъ книгохранилищахъ, какъ петербургская публичная библіотека и московскія библіотеки Румянцевскаго музея и синодальная, но и въ столь скромныхъ сравнительно съ первыми, какъ библіотека харьковской духовной семинаріи.

Если не считать короткихъ и фразистыхъ статей о Барановичѣ и Максимовичѣ, находящихся въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» сороковыхъ годовъ, то первымъ по времени и превосходнымъ по достоинству спеціальнымъ изслѣдованіемъ южно-русской литературы XVII вѣка была статья Пекарскаго о кіевскихъ ученыхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1862 г. Долгое время никто не шелъ по дорогѣ, указанной Пекарскимъ. Лишь въ 1873 г. появилась магистерская диссертація г. Скабалановича объ «Апокризисѣ». Въ 1875 г. въ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» была помѣщена статья объ Іоаннѣ Вишенскомъ. Въ 1876 г. Строевъ помѣстилъ въ «Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» весьма хорошую статью о проповѣдяхъ Лазаря Барановича. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Петербургская Археографическая Коммисія обратила серьозное вниманіе на старинную западно-русскую литературу, и нѣсколько научныхъ и литературныхъ памятниковъ было издано въ двухъ томахъ «Русской Исторической Библіотеки», при дѣятельномъ содѣйствіи члена коммисіи г. Гильтебрандта. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ вышли XI и XII томы «Исторіи русской церкви» митрополита Макарія, въ которыхъ, между прочимъ, находится нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній о южно-русской литературѣ XVII в. Прошлый 1883 годъ принесъ нѣсколько крупныхъ монографій по исторіи

южно-русской литературы XVII в. Въ Кіевѣ вышелъ огромный первый томъ изслѣдованія г. Голубева о Петрѣ Могилѣ (рецензіи профессора Н. И. Петрова и профессора Е. Е. Голубинскаго), въ Варшавѣ—спеціальное изслѣдованіе г. Завитневича о Палинодіи (рецензія профессора Н. И. Петрова), въ Одессѣ—богатое фактами изслѣдованіе г. Засадкевича о Мелетіи Смотрицкомъ, какъ филологѣ. Съ появленіемъ сочиненій гг. Голубева, Завитневича и Засадкевича, мракъ, покрывавшій южно-русскую литературу XVII ст., въ значительной степени разсѣялся. Небольшія, но цѣнныя замѣтки о памятникахъ южно-русской литературы XVII ст. разбросаны въ 8-мъ томѣ «Historia literat. polsk.» Вишневскаго, въ 1-мъ томѣ «Обзора духовной литературы» архіепископа Филарета, въ концѣ перваго тома «Литовской церковной уніи» г. Кояловича, во второмъ томѣ сочиненія покойнаго Ф. А. Терновскаго «Изученіе византійской исторіи», въ «Русской исторіи въ жизнеописаніи ея главныхъ дѣятелей» Н. И. Костомарова и въ исторіи русской словесности профессора И. Я. Порфирьева. Важные памятники южно-русской литературы изданы въ актахъ западной Россіи, въ актахъ южной и западной Россіи, въ сочиненіи г. Малышевскаго о Мелетіи Пигасѣ, въ «Чтеніяхъ въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей» (при секретарѣ А. Поповѣ).

Въ интересахъ успѣшной научной разработки южно-русской литературы семнадцатаго вѣка желательно

во 1) чтобы составленъ былъ полный библіографическій указатель южно-русскихъ литературныхъ памятниковъ, религіозно-полемическихъ сочиненій, богословскихъ трактатовъ, словарей, писемъ, сочиненій о календарѣ и друг., съ подробнымъ приведеніемъ заглавія, съ указаніемъ, гдѣ находится памятникъ, какихъ изданій, что о немъ писано;

во 2) чтобы составленъ былъ библіографическій указатель изслѣдованій по политической и бытовой исторіи Малороссіи, который могъ-бы послужить изслѣдователю южно-русской литературы пособіемъ при объясненіи литературныхъ памятниковъ общимъ состояніемъ образованности;

и въ 3) чтобы были изданы южно-русскія старопечатныя книги, правоучительныя, религіозно-полемическія и строго научныя, въ родѣ грамматикъ, словарей, сочиненій о календарѣ, во всемъ ихъ

составѣ, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей изложенія и языка, на подобіе того, какъ Обществомъ любителей древней письменности изданы старинные московскіе литературные памятники [1]).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

20 октября 1884 г.

---

[1]) *Примѣчаніе:* Статья эта должна служить предисловіемъ къ первымъ тремъ выпускамъ моего изслѣдованія: «Къ исторіи южно-русской литературы». Первый выпускъ о Лазарѣ Барановичѣ изданъ въ Харьковѣ въ 1884 г., второй объ Іоникіѣ Галятовскомъ и третій о Гизелѣ первоначально были напечатаны въ «Кіевской Старинѣ» 1884 г., потомъ вышли отдѣльно съ дополненіями и поправками.—П. С.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ [1]).

I.

На территоріи между морями Балтійскимъ, Чернымъ и Адріатическимъ жили славяне подъ разными названіями, а въ числѣ ихъ поляки и русь. Жили они отдѣльными родами, т. е. большими семьями. Каждый родъ повиновался своему начальнику. Старшины родовъ собирались въ опредѣленныя мѣста для совѣщанія; такія собранія назывались вѣчами. Кромѣ вѣча славяне имѣли еще князей, которымъ принадлежала высшая судебная власть и предводительство на войнѣ. Вѣча были общинныя, на которыхъ обсуждались дѣла отдѣльной общины, и народныя, которыя рѣшали общія дѣла народа.

Полную картину старославянскаго вѣча сохранила намъ исторія въ извѣстномъ «Судѣ Любуши», дочери Крока изъ Вышеграда; здѣсь собрана для совѣщанія вся народная старшина, состоящая изъ *кметей*, *леховъ* и *владыкъ*. Такъ какъ въ названномъ памятникѣ древне-чешской литературы термины эти повторяются много разъ въ неизмѣнномъ порядкѣ, то отсюда легко заключить, что *кмети*, владѣющіе землею, составляли главное ядро народа, занимая въ то

---

[1]) Предлагаемый очеркъ составленъ по сочиненію галицко-русскаго ученаго о. Стефана Качалы, вышедшему во Львовѣ въ 1879 г. подъ заглавіемъ *Polityka polaków względem Rusi* и представляетъ сжатое извлеченіе изъ него собственно исторической его части. Трудъ о. Качалы, за устраненіемъ изъ него полемической и публицистической части, даетъ весьма хорошій прагматическій очеркъ исторіи юго-западной Руси, какого именно не достаетъ въ скудной южно-русской исторической литературѣ и какого мы тщетно стали-бы искать въ трудахъ Бантышъ-Каменскаго и Н. Маркевича, устарѣвшихъ не только со стороны фактическаго содержанія, но еще болѣе по основному взгляду и пріемамъ изложенія.

время первое мѣсто на вѣчахъ. Рядомъ съ ними стояли *лехи* или воины, правдоподобно, считавшіеся еще въ то время слугами цѣлаго народа, и наконецъ владыки, т. е. предводители родовъ и верховные жрецы, какъ высшіе начальники народа.

Не смотря на то, что славяне по природѣ своей племя отважное и воинственное, они избѣгали наступательныхъ войнъ и тогда только вступали въ битву, когда приходилось отражать нападеніе.

Необходимость обороны связывала свободныя племена въ политическія единицы; защита вѣры предковъ, съ которой соединялась идея независимости славянъ, была ихъ лозунгомъ въ битвахъ, побуждало-же ихъ къ защитѣ язычества распространеніе новой христіанской вѣры, происходившее на юго-восточной и въ особенности на западной границѣ славянщины.

Съ востока христіанство распространялось спокойно, путемъ убѣжденія и проповѣди. Совсѣмъ иначе происходило это на западѣ. Здѣсь вѣру христіанскую распространяли германцы, прикрывавшіе жажду завоеванія и захватовъ проповѣдью любви христіанской, лишая покоренныхъ не только ихъ земель, но языка и обычаевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что христіанство пришло къ славянамъ съ востока, а не на оборотъ, и что въ Польшѣ греческая вѣра съ ея обрядностью проповѣдывалась раньше, чѣмъ латинская.

Въ Великой Моравіи слово Божіе проповѣдывали св. Кириллъ и Меѳодій. Въ Польшѣ вѣра христіанская была насаждена еще до Мечислава I проповѣдниками съ востока, а богослуженіе отправлялось на славянскомъ языкѣ [1]). Случилось такъ потому, что въ большей части своихъ границъ Польша соприкасалась съ славянскими государствами, принявшими вѣру отъ грековъ [2]); поэтому греческій обрядъ сдѣлался славянскимъ. Первымъ христіанскимъ храмомъ въ Краковѣ была церковь св. Креста [3]). Еще въ 1491 г. въ Краковѣ

---

[1]) Мацѣіовскій въ Pamiętnikach, стр. 149, говоритъ; Obrządek łaciński z tychże samych, co i u innych słowian, przyczyn nie przemawiał do serc Polaków, dla tego też bardzo wcześnie znalazł do nich przystęp obrządek słowiański.

[2]) Dzieje królewstwa polskiego przez I. S. Bandkie, 1820 г., t. I, str. 67.

[3]) Лавровскій, «Кириллъ и Меѳодій», Харьковъ, 1863 г.; Захарія Копыстенскій, «Защита вѣры восточной въ Польшѣ», 1620 г.

печатались русско-славянскія книги, а возлѣ Опатова за Вислой жили люди, исповѣдывавшіе греко-восточную вѣру.

Польскій языкъ того времени также немногимъ разнился отъ современнаго ему чешскаго и русскаго, такъ что и языкъ и религія связывали славянъ. Однако еще до Мечислава I противъ объединенія славянъ возстали сильные непріятели.

Начиная отъ Карла Великаго, врага восточной церкви и цѣлой славянщины, сперва франки, а потомъ нѣмцы, подстрекаемые Римомъ, усиленно стремились къ тому, чтобы уничтожить самихъ славянъ, а восточное богослуженіе ихъ замѣнить обрядомъ римской церкви. Устраняя славянскій языкъ изъ храмовъ, старались вмѣстѣ съ тѣмъ вытѣснить его и изъ домашняго обихода, а основаніемъ нѣмецкихъ колоній въ славянскихъ земляхъ старались онѣмечить эти края. Сверхъ того нѣмецкіе императоры старались еще ссорить славянъ между собою. Нѣмцы, эти непрошенные цивилизаторы, называли славянъ язычниками, хотя они были уже христіанами, и считая славянское ученіе языческимъ, вторично крестили исповѣдывающихъ его по латинскому обряду.

Обитавшіе за Эльбою славяне были покорены нѣмцами и, съ теченіемъ времени, мало по малу онѣмечились, другіе хотя и сохранили свою національность, но уже должны были въ своихъ храмахъ принять латинскій языкъ. При Мечиславѣ I въ Польшѣ были христіане какъ греческаго, такъ и латинскаго исповѣданія; первое было насаждено со времени Кирилла и Меѳодія.

Первою женою Мечислава I была Дубравка, чешка славянскаго обряда, отъ чего при дворѣ этого князя господствовало славянское исповѣданіе вѣры. Вторая жена Ода, католическая монахиня, похищенная изъ монастыря, склонила Мечислава къ исповѣданію западной церкви. Примѣру князя послѣдовало рыцарство и такимъ образомъ латинскій обрядъ становится вѣрою *леховъ*, славянскій—вѣрою простаго народа; первый все больше и больше распространялся и бралъ перевѣсъ надъ славянскимъ. Дѣло обращенія въ католичество довершилъ св. Войтѣхъ, окончательно вытѣснившій изъ Польши ученіе восточной церкви [1]). Римская пропаганда съ самаго начала шла объ руку съ религіозной нетерпимостью, которой принципомъ было: прости

[1]) Dzieje I. S. Bandkie, I, str. 174, 175.

ближнему всѣ его прегрѣшенія, но никогда не прощай того, если онъ осмѣлится исповѣдывать неправую вѣру. Русь сохранила греческую вѣру. Не наше дѣло вдаваться въ обсужденіе догматовъ обоихъ исповѣданій; обратимъ только вниманіе на различіе ихъ политическаго характера. Православная церковь стоитъ на принципахъ автономно-федеративныхъ, которыя выработались въ III и IV вв. вселенскою церковью, какъ-то: независимыя епископіи, подлежавшія только власти вселенскихъ соборовъ, далѣе національная церковь, т. е. каждое племя съ богослуженіемъ на своемъ языкѣ и т. д.

Принятіе католической вѣры не освободило однако поляковъ отъ опасностей худаго сосѣдства, и послѣ того они должны были выдерживать упорную вѣковую борьбу съ нѣмцами.

Существованіе западныхъ государствъ и германской имперіи основывалось на томъ завоевательномъ принципѣ, что вся земля цѣлаго края принадлежитъ монарху. Отъ него получали ее владѣтельные князья съ обязательствомъ военной помощи по первому требованію; подъ ихъ начальствомъ сидѣли на меньшихъ участкахъ мелкіе рыцари и еще болѣе мелкіе владѣльцы, оканчивая болѣе всѣхъ ихъ зависимымъ крестьяниномъ. Подобный государственный строй извѣстенъ подъ именемъ феодальнаго.

Зачатки польскаго рыцарства идутъ правда отъ очень отдаленнаго времени, но при такомъ порядкѣ сосѣдскихъ отношеній нужно было подумать объ организаціи военныхъ силъ для защиты края отъ угрожающей ему опасности.

Вѣковая борьба и продолжительное соприкосновеніе съ нѣмцами не осталось безъ послѣдствій. Стоя на защитѣ своей національной независимости, поляки все больше и больше заимствуютъ отъ нѣмцевъ ихъ нравы и обычаи и все быстрѣе теряютъ свой старо-славянскій общественный строй. Тогда старо-славянская равноправность стала колебаться и начало вырабатываться неравенство сословій, такъ какъ рыцарство все больше возвышалось, а крестьянъ постепенно низводили въ состояніе неволи.

Пока однако дѣло дошло до полной неволи, сельскіе жители, притѣсняемые обитателями замковъ, не разъ подымали противъ нихъ возстанія, забирали ихъ имѣнія и женъ, уничтожали привиллегіи, совершенно такъ, какъ то позже дѣлали козаки, съ тою только разницею, что здѣсь папы дѣйствовали заодно съ католическимъ

духовенствомъ, состоявшимъ въ началѣ изъ пришлыхъ нѣмцевъ; это духовенство помогало панамъ подчинить себѣ поселянъ и въ концѣ концовъ рыцарство съ духовенствомъ получило перевѣсъ надъ возстававшими крестьянами. Поэтому неудивительно, что по смерти Мечислава II народъ снова поднялъ реакцію противъ пановъ и истребилъ латинскихъ епископовъ и ксендзовъ; многіе изъ жителей, по словамъ лѣтописцевъ, оставляли христіанскую вѣру и возвращались къ язычеству, при которомъ были свободными; возвращались они, правдоподобно, не къ язычеству, а къ греческому обряду, который латиняне также называли языческимъ. Догадку эту подтверждаетъ замѣчаніе Лелевеля. «Причиною войны между панами и крестьянами, говоритъ онъ, было преслѣдованіе греческаго обряда». Эта реакція, или, какъ ее называли, бунтъ хлоповъ противъ пановъ, окончательно подавлена была рыцарскимъ сословіемъ въ XI вѣкѣ; съ помощью нѣмцевъ и вновь присланныхъ епископовъ и ксендзовъ, панамъ удалось подчинить крестьянъ и принудить ихъ къ латинскому обряду. Такъ какъ противъ греческаго исповѣданія никогда не бывало подобныхъ возстаній, то это доказываетъ, что оно не нарушало свободы и ревенства сословій.

Христіанская вѣра по восточному обряду проповѣдывалась не огнемъ и мечемъ, какъ это дѣлалъ Карлъ Великій съ саксонцами, крестоносцы и рыцари ордена меченосцевъ съ прибалтійскими народами, и вообще нѣмцы,—эта вѣра распространялась путемъ проповѣди; инквизиція и другія подобныя учрежденія въ ней были неизвѣстны. Характеръ греческаго обряда состоялъ въ томъ, что его іерархи не допускали даже той мысли, чтобы церковь нуждалась въ поддержкѣ путемъ мученій и смерти; крестъ былъ единственнымъ оружіемъ греческой церкви.

Въ началѣ Русью въ тѣсномъ смыслѣ называлась въ Несторовой лѣтописи кіевская земля, которая въ IX в. подчинила себѣ Новгородъ и другія областныя единицы, принявшія также съ этого времени общее имя Руси. Червенскіе города (Галиція) принадлежали Польшѣ; они также принимаютъ названіе Руси послѣ того, какъ Владиміръ святой въ 981 г. присоединилъ ихъ къ своимъ владѣніямъ. Люблинская земля до Даніила Романовича, т. е. до половины XIII в., также принадлежала Польшѣ и только со времени этого князя стала называться Русью. Однимъ словомъ все,

что только хоть на время входило въ составъ русскихъ земель, принимало названіе Руси; въ противоположность тому ни червенскіе города, ни люблинская земля, хотя вскорѣ снова возвратились къ Польшѣ, не присвоили себѣ однако имени Лехіи или Польши— мало того, современные польскіе историки не въ состояніи даже указать, какія именно земли и въ какое время начали называться Польшей. Имя это нигдѣ не привилось, и въ настоящее время простой народъ по обѣ стороны Вислы называетъ поляками только шляхту и мѣщанъ, а для себя удерживаетъ старинныя областныя названія: куявянъ, мазуровъ, краковянъ и др.

Русь привлекала къ себѣ тѣмъ, что поддерживала мѣстные порядки, равенство и свободу народа, вѣчевое право и греческое исповѣданіе. Польша напротивъ и равенство, и вѣчевое право присвоила только рыцарскому сословію, ни во что обращала свободу народа и вводила неволю.

Вѣчевое право, общее всѣмъ славянамъ, было свойственно и населенію береговъ Вислы; ограниченное здѣсь, оно удержалось при русскихъ князьяхъ. Вездѣ, гдѣ только нѣкоторое время просуществовало вѣчевое право, уравнивающее всѣхъ гражданъ, тамъ народъ называлъ себя русскимъ; такимъ образомъ слово *русскій* означало тоже, что *славянскій*. Если-бы князь Владиміръ св. Занялъ все пространство земель до Вислы, или далѣе, то можно съ большимъ основаніемъ допустить, что всѣ эти земли приняли-бы названіе Руси, потому что имя Руси было синонимомъ областныхъ учрежденій. Напротивъ того Польша развивалась вопреки народнымъ обычаямъ, поэтому слово *польскій* означало до нѣкоторой степени подчиненіе онѣмеченнымъ и окатоличеннымъ панамъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе принятія католическаго вѣроисповѣданія и отчасти феодальнаго устройства, Польша становится на сторонѣ запада. Уже въ XI столѣтіи польское рыцарство фактически захватило въ свои руки всю политическую власть въ краѣ и положило основаніе тому порядку вещей, который впослѣдствіи развился въ полномъ цвѣтѣ въ шляхетскую Рѣчь Посполитую, какъ это увидимъ дальше. Такое положеніе вещей въ Польшѣ держалось только потому, что народъ былъ бѣденъ и пригнетенъ, а шляхта всегда была вооружена и содержала на жалованьи нѣмецкіе отряды. Польша развилась въ государство по общимъ западно-европейскимъ образцамъ,

и вслѣдствіе того стала въ оппозицію съ прочими славянами. Поляки приняли съ давнихъ временъ принципы прогресса, общаго съ Западомъ; однако это стремленіе, которому они отдались добровольно, часто заводило ихъ слишкомъ далеко, а иногда и просто въ глухой конецъ; они не понимали своего исключительнаго положенія и, что еще хуже, не понимаютъ его и теперь. Польское славянское государство, ставши на сторону Запада, принимало отъ него не только образцы политической жизни, обычаи и права противныя славянству, но даже и языкъ, такъ что народности польской угрожала опасность [1]).

Въ 999 г. Болеславъ Храбрый, сынъ Мечислава I, посылалъ въ Римъ просьбу о королевской коронѣ, но папа отказалъ ему въ ней. Помогъ въ этомъ императоръ германскій.

Не смотря на всю свою силу и вліяніе, германская имперія не была безопасна отъ славянъ и нуждалась въ союзникѣ изъ ихъ среды. Поэтому, императоръ Оттонъ III, которому Болеславъ помогалъ противъ лютичей, прибылъ въ Гнѣзно въ 1000 г., подъ предлогомъ посѣщенія гроба св. Войтѣха, и тутъ возложилъ свою корону на голову Болеслава Храбраго. Однако папа долго еще не давалъ разрѣшенія на религіозный обрядъ коронаціи и Болеславъ только въ 1024 г. приказалъ епископамъ торжественно короновать себя.

Императоръ дѣйствовалъ изъ политическихъ видовъ, желая склонить польскаго князя на свою сторону, чтобы обезопасить себя отъ славянъ, жившихъ за Одеромъ и надъ Эльбою; вмѣстѣ съ короною онъ далъ Болеславу право завоеванія и покоренія западныхъ славянъ и обращенія ихъ въ католичество. Итакъ Болеславъ вмѣстѣ съ нѣмцами покоряетъ славянъ; такимъ образомъ Польша приняла на себя мисію служенія Германіи и Риму, которую выполняетъ и до настоящаго времени.

Польша врѣзывается клиномъ среди славянъ, понынѣ отличаясь сепаратизмомъ отъ славянскаго дѣла, и въ этомъ кроется причина ея собственной слабости и непопулярности среди остальной славянщины. Въ этомъ именно начало того зла, которое

---

[1]) Lelewel.

яркою полосою проходитъ черезъ всю исторію Польши и послужило причиной сперва ея роста, а впослѣдствіи упадка.

Польша не поняла своего призванія охранять западныхъ славянъ отъ онѣмеченія и вмѣсто опоры сдѣлалась для нихъ врагомъ. Послѣдствіями этой исторической ошибки были дальнѣйшіе успѣхи германизаціи и наконецъ упадокъ Польши.

II.

Русь и Польша граничили между собою и находясь въ сосѣдскихъ отношеніяхъ, бились и мирились, воевали и братались, какъ то обыкновенно бываетъ между сосѣдями. Это однако не входитъ въ предметъ настоящаго изслѣдованія. Начнемъ съ того времени, когда Польша и Русь начали входить въ болѣе близкія столкновенія между собою, когда различіе взглядовъ и религіи выступаютъ на сцену.

Въ 1336 г. скончался Юрій II, праправнукъ Даніила, послѣдній князь Галицкой Руси изъ династіи Романовичей. Не желая подчиниться татарамъ, галичане вмѣстѣ съ жителями Волыни признали своимъ княземъ племянника покойнаго Юрія по женской линіи Болеслава Тройденовича, сына мазовецкаго князя. Болеславъ былъ воспитанъ въ грековосточной вѣрѣ, но сдѣлавшись галицкимъ княземъ, онъ измѣняетъ обрядъ и принуждаетъ своихъ подданныхъ обращаться въ латинскую вѣру. Вслѣдствіе такого рода апостольства черезъ три года послѣ избранія (по Длугошу, Анониму Гнѣзненскому и др.) онъ былъ отравленъ и внезапно умеръ. По смерти Болеслава Тройденовича польскій король Казиміръ III по праву сильнаго вошелъ въ Галицкую Русь, осадилъ Львовъ и съ добычею возвратился въ Краковъ. Увидавъ слабость русскихъ, онъ рѣшилъ завоевать Червоную Русь, и, явившись съ новыми силами, занялъ земли: Перемышльскую, Саноцкую и Любачевскую. Русскіе согласились на подданство Казиміру подъ однимъ условіемъ, чтобы ихъ вѣроисповѣданіе и народность оставались неизмѣнными и ненарушимыми. Казиміръ обѣщалъ не стѣснять вѣры русскихъ и уважать ихъ народность, но впослѣдствіи, ободренный своими успѣхами,

началъ преслѣдовать грековосточный обрядъ, притѣснять духовенство и православныя церкви обращать въ латинскіе костёлы [1]).

И такъ польская политика уже съ XIV в. облачилась въ рясу. Поляки дѣйствительно остались побѣдителями, однако имъ не удалось слить оба народа въ одно тѣло. Результатомъ такого обращенія была внутренняя война. Морачевскій (кн. 4, стр. 165) говоритъ: «Только ничтожныхъ людей не оскорбляетъ униженіе ихъ религіи и народности и поэтому перемышльскій князь Дашко условился съ Даніиломъ Острожскимъ и призвалъ татаръ на помощь». Въ древнѣйшее время Польша была абсолютной монархіей; правда, при Болеславѣ Храбромъ выступаетъ рыцарство уже какъ отдѣльное сословіе, однако этотъ король держалъ его въ большой дисциплинѣ. Только со времени Болеслава III, когда государство распалось на удѣлы между его потомками, значеніе монарха все больше начинаетъ падать, а рыцарство съ тѣхъ поръ все больше получаетъ вліянія. Правда по волѣ Болеслава III установленъ сеніоратъ, т. е. право старшинства, за краковскимъ княземъ, однако во внутреннемъ управленіи своими удѣлами младшіе князья признавали себя независимыми владѣльцами и старались во всемъ сравняться съ краковскимъ княземъ. Это послужило источникомъ взаимной зависти, раздоровъ и все большаго ослабленія монархическаго принципа.

Краковскій князь желаетъ возвратить своей власти прежній блескъ, также и младшіе князья стараются уравняться съ нимъ въ значеніи, но не могутъ достигнуть своихъ цѣлей безъ помощи сильнѣйшихъ пановъ. Поэтому князья дѣлаютъ въ ихъ пользу различныя уступки, освобождаютъ ихъ отъ многихъ налоговъ и даже отъ всякихъ податей, которыя поэтому всею тяжестью падали на крестьянъ; позволяютъ панамъ собирать съ своихъ подданныхъ чинши, пошлины на таможняхъ и заставахъ, освобождаютъ отъ обязанности поддерживать дороги и городскіе замки, разрѣшаютъ постройку собственныхъ замковъ, изъятіе отъ судебныхъ инстанцій и т. д. Эти и другія подобныя изъятія изъ общаго права, называемыя привилегіями, подымая значеніе пановъ, понижали въ равной мѣрѣ крестьянское сословіе и съ теченіемъ времени все больше и больше обезсиливали королевскую власть. Еще болѣе тяжелая

---

[1]) Naruczewicz, «Hist. narodu polskiego», t. VI, str. 114.

участь постигла край, когда за обладателями этихъ прерогативъ признано право наслѣдства.

Съ того времени шляхта стремится къ возможно большему расширенію своей власти въ родовыхъ помѣстьяхъ и при Казимірѣ Великомъ достигаетъ уже большаго значенія. Законъ нѣмецкихъ рыцарей требовалъ, чтобы заключенный въ Калишѣ миръ (1343 г.), купленный большими жертвами со стороны Польши, былъ утвержденъ государственными штатами. Съ того времени сословія эти подымаютъ голову, власть законодательная, рѣшеніе всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ переходятъ въ руки рыцарей и шляхты; перевѣсъ шляхты наибольше усилился послѣ того, какъ Казиміръ, минуя близкихъ родственниковъ, пожелалъ послѣ своей смерти упрочить польскій престолъ за своимъ племянникомъ Людовикомъ Венгерскимъ. Эта передача могла состояться только съ согласія шляхты, а такое согласіе въ свою очередь должно было покупаться дарованіемъ новыхъ льготъ. При вступленіи на польскій престолъ Людовикъ долженъ былъ не только подтвердить, но и расширить эти льготы. Чтобы смягчить другихъ претендентовъ на польскую корону, Людовикъ дѣлаетъ имъ уступки, а именно одному изъ нихъ, Владиславу Опольскому, уступаетъ въ удѣльное владѣніе Галицкую Русь, которая около 12 лѣтъ оставалась подъ его властью.

Вступая на престолъ, Людовикъ также обѣщалъ полякамъ возвратить утраченныя раньше земли, однако впослѣдствіи присоединилъ Червоную Русь къ Венгріи, такъ что его дочь Ядвига, сдѣлавшись польскою королевою, принуждена была силою выгонять отсюда венгерскіе гарнизоны. Въ правленіе Владислава Опольскаго папа, вслѣдствіе вліянія Людовика, поставилъ на Руси трехъ латинскихъ епископовъ: перемышльскаго, холмскаго и владимірскаго, а надъ ними архіепископа галицкаго. Учрежденіе латинскихъ епископскихъ каѳедръ, вмѣсто русскихъ, вызывало ропотъ на Руси и вмѣстѣ съ другими аналогическими дѣйствіями польскаго правительства накопляло причины къ вооруженному столкновенію въ восточныхъ областяхъ Польши [1]). Вслѣдствіе того Владиславъ Опольскій, наскучивъ постоянными волненіями въ краѣ, оставилъ Галицкую Русь, которую Людовикъ присоединилъ къ Венгріи. Не имѣя

---

[1]) Moraczewski, ks. 5, str. 205 i 209.

мужескаго потомства, Людовикъ желалъ польскій пристолъ обезпечить въ качествѣ вѣна за одною изъ своихъ дочерей; это обстоятельство снова эксплуатируется для расширенія шляхетскихъ правъ. Съ того времени Польша становится избирательнымъ государствомъ и хотя всегда избирались ближайшіе родственники короля, но все таки они подлежали выборамъ и обязаны были за свое избраніе расплачиваться новыми привилегіями.

Такъ сначала войны съ нѣмцами, дробленіе на удѣлы и раздоры между удѣльными княжьями, затѣмъ угасаніе мужескаго потомства и частыя безкоролевья упрочивали привилегіи шляхты, давали ей средства къ увеличенію этихъ привилегій, пока наконецъ Рѣчь Посполитая сдѣлалась чисто шляхетскимъ правительствомъ съ тѣнью короля во главѣ.

При Ядвигѣ опасность угрожала Польшѣ со всѣхъ сторонъ: отъ чеховъ, нѣмецкихъ рыцарей, венгровъ и литвы. Польшѣ необходима была точка опоры и защита и, когда Ягайло сталъ заискивать брака съ Ядвигою, поляки сообразили, что самой лучшей охраной будетъ объединеніе Польши съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ.

III.

Поступая подъ власть одного государя, Польша и Русь должны были составить одно политическое тѣло, поэтому намъ слѣдуетъ остановиться надъ тѣми различіями, какія существовали между этими двумя народами.

Правда Русь и Польша говорятъ родственными славянскими нарѣчіями, но эти нарѣчія постепенно расходились въ своемъ развитіи и представители ихъ разнятся между собою не только нравами и обычаями, но языкомъ, письменностью и вѣроисповѣданіемъ. Однимъ словомъ эти двѣ славянскія вѣтви становятся отдѣльными народами.

Первое различіе произвели, какъ мы уже видѣли, обряды греческій и латинскій, въ особенности послѣ того, какъ наступило раздѣленіе церквей восточной и западной.

Кромѣ этого различія были и другіе, а именно разница въ строѣ государственномъ и общественномъ. Мы уже говорили выше,

что вслѣдствіе вѣковой борьбы съ германцами въ Польшѣ произошелъ раздѣлъ народонаселенія на сословія: военное и земледѣльческое; въ награду за оборону края рыцари пользовались различными выгодами и преимуществами. Такъ напримѣръ предводительство отрядами, верховное управленіе замками, повѣтами и цѣлыми удѣлами король обыкновенно поручалъ храброму рыцарю, давая ему званіе начальника, кастеляна, воеводы, старосты, надѣляя имѣніями и т. д. Все это подымало значеніе рыцарства и возвышало его въ глазахъ прежде равноправнаго съ нимъ крестьянства. Среди военныхъ занятій рыцарь все больше отвыкалъ отъ земледѣльческаго труда и, возвратившись съ похода, считалъ уже хлѣбопашество дѣломъ недостойнымъ своего военнаго званія. Получивъ перевѣсъ въ краѣ, польское рыцарство, не смотря на безпрестанную борьбу съ нѣмцами, заимствуетъ отъ нихъ германскія понятія о сословіяхъ, еще больше усиливающія его вліяніе. Поэтому нѣмецкія институціи были выгоднымъ образцемъ для польскаго рыцаря, по примѣру нѣмцевъ онъ поселялъ на своей землѣ взятыхъ на войнѣ плѣнниковъ, которые обязаны были на него работать.

И такъ военноплѣнные были первымъ посторонним явленіемъ, нарушавшимъ старославянское равенство. Поселеніе ихъ на земляхъ побѣдителей приготовляло такую-же участь менѣе зажиточнымъ крестьянамъ, подобно тому положенію, въ какомъ нашлись славяне въ земляхъ покоренныхъ нѣмцами. Установленію этого порядка еще больше способствовало надѣленіе шляхты правомъ наслѣдства, отдававшее сельскихъ жителей, т. е. земледѣльцевъ на милость владѣльца, въ особенности съ того времени, какъ шляхта вытребовала у королей право суда въ своихъ наслѣдственныхъ помѣстьяхъ. Сельскія общины несли вооруженному рыцарству подати припасами и подводами, сверхъ того работали надъ укрѣпленіемъ замковъ, въ которыхъ сосредоточивалась оборона края.

Всѣ эти безплатныя приношенія съ теченіемъ времени превратились въ обязательныя повинности уже не по отношенію къ государю, а по отношенію къ владѣльцу. Между тѣмъ какъ въ прежнее время крестьянинъ-землевладѣлецъ уплачивалъ только подать въ королевскую казну, впослѣдствіи онъ вмѣсто того долженъ былъ платить пану чиншъ за землю: со времени кошицкаго съѣзда крестьяне уже плотятъ панамъ и чиншъ, и другія подати; будучи

единственнымъ судьею надъ крестьянами, панъ могъ по желанію увеличивать эти повинности, или замѣнять ихъ работами, могъ отобрать у подданнаго землю и отддать тому, кто больше заплатитъ. Не удивительно поэтому, что чиншевая система постепенно была замѣнена панщиною и права рабочаго класса стѣснялись все больше и больше; когда-же наконецъ было постановлено (податными универсалами 1511, 1520 и 1531 гг.), чтобы владѣлецъ пополамъ съ крестьянами оплачивалъ *лановое* (поземельный налогъ), помѣщики стали утверждать, что по справедливости могутъ требовать отъ крестьянъ работы въ вознагражденіе за расходъ. Съ того времени число рабочихъ дней растетъ съ поразительною быстротою, требованія панщины увеличивались съ каждымъ годомъ, пока наконецъ она не была введена повсемѣстно въ 1520 году.

Первоначально крестьяне находили защиту въ лицѣ короля и духвенства. Еще Казиміръ Великій слѣдилъ за тѣмъ, чтобы земледѣльческій классъ не былъ притѣсненъ работами, за что получилъ насмѣшливый титулъ «*короля хлоповъ*». Въ силу законодательства Казиміра Великаго крестьяне удерживали многочисленные мелкіе земельные участки, обложенные умѣренными налогами. Однако поставленныя имъ преграды не могли устоять передъ своеволіемъ того сословія, которое заботилось только о своихъ правахъ и которому должны были служить суды и всѣ другія власти. Сигизмундъ старый долго сопротивлялся введенію въ королевскихъ имѣніяхъ статута 1520 г. о недѣльной панщинѣ, такъ-же точно и Сигизмундъ-Августъ, гдѣ только могъ, уменьшалъ число рабочихъ дней съ лана; но королевская власть ослабѣвала и крестьяне лишались защиты.

Когда монархическая власть короля уступила свои права аристократіи,—судьба подданныхъ была рѣшена и они нашлись въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, поспѣшившихъ изъять ихъ изъ подъ защиты закона, на мѣсто котораго ставили свой произволъ. Естественнымъ послѣдствіемъ того были побѣги крестьянъ. Часто случалось, что крестьянинъ, не въ состояніи будучи выполнить всѣхъ повинностей и наскучивъ постоянно усиливающимися требованіями панщины, покидалъ свое убогое жилище и въ другомъ округѣ, у лучшаго, какъ онъ думалъ, пана, искалъ облегченія своей участи.

Народонаселеніе западныхъ удѣловъ Рѣчи Посполитой переселялось на востокъ, въ плодородные округи Червоной Руси, Подолія и Украины, гдѣ владѣльцы опустошенныхъ войнами пространствъ предлагали поселенцамъ болѣе легкія условія и обезпечивали болѣе продолжительныя льготы. Отсюда убыль рабочихъ силъ и вмѣстѣ крестьянскихъ земель, а въ тоже время въ равной съ нею прогрессіи увеличивались свободныя отъ податей экономическія земли, увеличивался и недостатокъ рабочихъ рукъ, а вслѣдствіе того росло число рабочихъ дней.

Еще вислицкій статутъ 1347 г., предотвращая будто-бы опустошеніе имѣній черезъ выходъ изъ нихъ крестьянъ, ограничиваетъ личную свободу послѣднихъ прикрѣпленіемъ ихъ къ землѣ [1]), а потому крестьяне уже въ XIV в. утрачиваютъ право свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто. По конституціи краковскаго сейма 1543 г. бѣглаго крестьянина никто не могъ принять или выкупить ни за какія деньги,—онъ долженъ быть возвращенъ своему пану вмѣстѣ съ семействомъ и всѣми унесенными пожитками, а всякій дающій ему пріютъ подвергался штрафу.—Исчезли равнымъ образомъ всѣ вольныя крестьянскія общины и потонули въ рукахъ крупныхъ собственниковъ. Нужно признать однако, что не сами поляки изобрѣли неволю, но съ другой стороны нельзя не признать, что въ то время какъ на Западѣ изъ неволи возродилась свобода, въ Польшѣ свобода обращена въ неволю.

Однако германскія аристократическія понятія не могли цѣликомъ укорениться въ Польшѣ; отдѣляясь отъ равноправной общины, польское рыцарство зорко слѣдило за тѣмъ, чтобы отдѣльные его члены не присваивали себѣ больше выгодъ и привиллегій, чѣмъ всѣ остальные члены военнаго сословія, которое только къ своей средѣ относило старо-славянское равенство и усваивало германскія аристократическія понятія только по отношенію къ невоеннымъ сословіямъ. Такимъ образомъ Польша сложилась въ ту государственную форму, которой польскіе историки даютъ названіе шляхетской демократіи.

Чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ гордость шляхты все больше усиливалась; установилось мнѣніе, что самое рожденіе дѣлаетъ способ-

---

[1]) Vol. leg., I, f. 29.

нымъ къ пользованію правами и освобождаетъ отъ всѣхъ обязанностей; съ тѣхъ поръ не одна военная слава, но и самая изысканная роскошь должны были отличать шляхту отъ низшихъ слоевъ народа.

Итакъ характерными чертами общественной жизни въ Польшѣ были: равенство между членами шляхетскаго сословія, полное ограниченіе власти избирательнаго монарха и безъусловное господство помѣщика надъ подданными.

Теперь обратимся къ Руси.—Здѣсь установились князья и подвластная имъ дружина. Князьямъ принадлежалъ верховный судъ и вмѣстѣ съ своею дружиной они охраняли край отъ нападеній. Поэтому на Руси установилось государство, которое не было королевствомъ, но федераціей многихъ княжествъ, въ которыхъ вліяніе земства брало перевѣсъ надъ значеніемъ князя и не разъ случалось, что князь принужденъ былъ отказываться отъ своего стола, хотя-бы и противъ воли, если не удовлетворялъ требованіямъ земства.

Въ противоположность Польшѣ Русь имѣла демократическое устройство. Эти признаки и понынѣ отличаютъ поляка отъ русскаго и вотъ почему между поляками трудно найти искреннихъ демократовъ.

На Руси не было извѣстно различіе правъ земскихъ и городскихъ, все населеніе было свободно и каждая община имѣла своихъ выборныхъ представителей. Между князьями былъ старшій, великій князь, которому младшіе—удѣльные князья должны были повиноваться. Не всегда однако подчинялись они великому князю, имѣвшему резиденцію въ Кіевѣ, и не одинъ изъ нихъ пытался достигнуть его стола безъ всякихъ правъ на то. Отсюда возникаютъ между князьями несогласія и войны и подъ знаменами этихъ князей русскіе шли противъ русскихъ. Поэтому раздробленная Русь не была въ состояніи оказывать вѣскій отпоръ изнутри при внѣшнихъ столкновеніяхъ. Въ такое-то время вторглись изъ Азіи татары, побѣдившіе князей и ихъ дружину. Правда, при татарскомъ господствѣ все было обложено тяжелыми налогами, но кромѣ даней, собираемыхъ баскаками, народонаселеніе Руси не знало другихъ ограниченій, такъ какъ баскаки не мѣшались въ дѣла внутренняго управленія. Татары п[illegible] также существовавшаго на Руси политическаго строя; в[illegible], какъ и прежде, Русь управлялась потомками

Владиміра св. Православная религія оставалась неприкосновенной и ханы даже освободили русское духовенство отъ подушной подати, а церковныя имущества обезпечивались отъ всякихъ притѣсненій. Придавленное при князьяхъ общинное право снова поднялось и усилилось на столько, что впослѣдствіи могло уже давать отпоръ каждой силѣ. На этомъ правѣ опирается вся исторія нашего народа, на немъ-же должна основываться и его будущность.

Свѣтскія лица, міряне выбирали съобща духовныхъ лицъ для замѣщенія приходовъ, архимандрій и епископскихъ каѳедръ и всѣ важныя церковныя дѣла рѣшались на соборахъ вмѣстѣ съ духовенствомъ по общему совѣту. Поэтому во время татарской неволи русская церковь сдѣлалась не орудіемъ въ рукахъ князей, но святою братскою связью для народонаселенія Руси и общимъ народнымъ достояніемъ.

Въ то время, какъ татары раздѣлились на нѣсколько ордъ и обезсилили вслѣдстіе междоусобныхъ войнъ, Литва подчинила своему господству всю русскую землю отъ Нѣмана до Чернаго моря. Съ этого времени Литовское Княжество слагалось, за малыми исключеніями, изъ чисто русскихъ земель. Сверхъ того между Москвой, Польшей и Турціей простирались неизмѣримыя пустынныя степи, такъ что ни одно изъ этихъ государствъ не знало, гдѣ оканчиваются его границы въ ту сторону. Червоная Русь подверглась завоеванію Польши.

Литва была краемъ малолюднымъ и непросвѣщеннымъ, поэтому побѣдители подчинились вліянію русской культуры въ отношеніи языка, вѣроисповѣданія и обычаевъ. Поселившись между литвинами, русскіе внесли сюда свой языкъ и культуру, такъ что съ теченіемъ времени почти вся Литва безъ принужденія говорила, писала и молилась по русски; языкъ русскій сдѣлался господствующимъ при дворѣ великихъ князей литовскихъ и оффиціально-административнымъ. Литва почти цѣликомъ ассимилировалась съ Русью, весь край отъ Нѣмана до Чернаго моря сталъ русскимъ.

Совсѣмъ инымъ было положеніе вещей въ Польшѣ; сюда не достигали татары и не подавили той силы, исполненной гордости и самомнѣнія, которая оскорбляла исконное общинно-славянское право. Такой силой сдѣлались въ Польшѣ паны, богатая шляхта, поступавшая своевольно по отношенію къ сельскимъ общинамъ.

Польскіе короли, какъ мы уже видѣли, замѣчая перевѣсъ шляхты надъ народомъ, становились сперва на сторону народа и до извѣстнаго времени не давали его во власть пановъ, которые напротивъ добивались того, чтобы въ польской землѣ не было иной воли и иного права, кромѣ панскаго. Эту волю и это право вельможная шляхта распространила и на Червоную Русь.

Польскому шляхетскому сословію соотвѣтствовало вообще на Руси сословіе бояръ. Въ литовской Руси отношенія сложились своеобразно. Великіе князья литовскіе, разсматривая всю территорію какъ свою личную собственность, раздавали земли на ленномъ правѣ то большими удѣлами второстепеннымъ князьямъ литовскимъ и русскимъ, то меньшими участками—земянамъ, потомкамъ дружинниковъ русскихъ князей, или рыцарямъ литовскимъ и чужеземнымъ, состоявшимъ у нихъ въ военной службѣ; наконецъ раздавали землю свободнымъ сельскимъ и городскимъ общинамъ и свободнымъ земледѣльцамъ подъ однимъ и неизмѣннымъ условіемъ военной службы пропорціонально размѣрамъ полученной земли. Въ свою очередь второстепенные князья раздавали полученную землю на такихъ-же точно условіяхъ земянамъ и боярамъ; наконецъ и земяне имѣли своихъ бояръ, обязанныхъ отбывать въ ихъ пользу военную повинность. Такимъ образомъ рыцарское сословіе Великаго Княжества Литовскаго представляло цѣлую градацію ленниковъ, зависѣвшихъ другъ отъ друга и стоявшихъ на различныхъ ступеняхъ феодальныхъ отношеній къ центральной власти.

Форма феодальная не была однако установлена въ Литвѣ въ отношеніяхъ бояръ къ ихъ подданнымъ. Между тѣмъ какъ высшіе слои военнаго сословія по праву рожденія, общественному значенію и размѣрамъ своихъ поземельныхъ владѣній становились почти на равнѣ съ великимъ княземъ, низшіе слои незамѣтно сливались съ свободными земледѣльцами и городскими жителями. Отношенія военнаго сословія къ крестьянскому въ Литвѣ представляли не менѣе рѣзкое отличіе отъ польскаго строя. Подданные Великаго Княжества Литовскаго не были подавлены цѣлымъ рядомъ враждебныхъ для нихъ юридическихъ постановленій, какъ это было въ Польшѣ.

Мы знаемъ изъ исторіи, что крестьяне на Руси въ удѣльный періодъ не сдѣлались собственностью пановъ вмѣстѣ съ землею; они образовали сословіе свободныхъ земледѣльцевъ и по крайней

мѣрѣ имѣли право перехода съ мѣста на мѣсто и могли селиться тамъ, гдѣ находили болѣе выгоднымъ для себя. Строй этотъ удержался и при татарскомъ господствѣ. Литовско-русская аристократія сама еще недавно возникла и поэтому не имѣла времени образовать изъ себя организованное сословіе; ея отношеніе къ подданнымъ, до времени изданія Литовскаго Статута, не было даже опредѣлено закономъ и слагалось подъ вліяніемъ обычаевъ, преданій и мѣстныхъ договоровъ. По первоначальной редакціи Литовскаго Статута подданные князей и бояръ освобождались отъ подушнаго и другихъ податей, за исключеніемъ работъ при укрѣпленіи замковъ, поддержкѣ дорогъ и мостовъ. Вообще, до самой люблинской уніи положеніе крестьянъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ было свободнымъ.

Изъ всѣхъ категорій литовско-русскаго подданства одна только несвободная челядь, образовавшаяся изъ военноплѣнныхъ, находилась въ такомъ безправномъ положеніи, какое въ Польшѣ тяготѣло надъ всею массою земледѣльческаго люда. Но уже послѣ люблинской уніи три раза въ продолженіи шестидесяти лѣтъ измѣнялась редакція Литовскаго Статута, каждый разъ не въ пользу подданныхъ, пока наконецъ они не были совершенно уравнены съ польскими крестьянами.

Сравнивая литовско-русскій строй съ польскимъ, мы видимъ, кромѣ различія въ вѣроисповѣданіи, еще слѣдующія различія между двумя государствами:

1) Неограниченность наслѣдственной монархической власти.

2) Неравенство между боярами.

3) Отсутствіе границъ между сословіемъ бояръ и другими свободными сословіями.

Таковы были отличія между Польшею и Литвою въ моментъ объединенія ихъ подъ властью одного государя; они объясняютъ намъ почему, со времени вступленія Ягайла на польскій престолъ въ 1386 г., потребовалось цѣлыхъ 183 года на подготовленіе люблинской уніи.

Поляки, какъ мы уже видѣли, усвоили цивилизацію Запада, напротивъ того вѣроисповѣданіе, науки и искусства на Руси распространялись съ Востока—изъ Византіи, стоявшей въ то время въ полномъ разцвѣтѣ высокой культуры. Такія разнородныя вліянія на развитіе руси и поляковъ увеличивали все больше и больше

первоначальныя различія во взглядахъ и направленіи этихъ народовъ; чтобы сдѣлать возможнымъ ихъ сліяніе, прежде всего необходимо было всѣ указанныя различія устранить, или сгладить такъ или иначе.

IV.

Посадивши Ягайла на польскій престолъ, поляки замѣтили, что раздробленная Русь держится сама собою вслѣдствіе религіознаго единенія, и думали, что господство ихъ надъ Литвою и Русью не будетъ прочнымъ до тѣхъ поръ, пока литовско-русскій народъ будетъ исповѣдывать одну вѣру съ московскою Русью. Лучшимъ средствомъ къ объединенію польскаго народа съ русскимъ, къ которому стремились всѣ уніи: городельская, люблинская и брестская, польское духовенство считало замѣну православной вѣры католическою, такъ какъ Польша опиралась на католицизмъ. Повсемѣстное распространеніе латинскаго обряда казалось полякамъ и ихъ духовенству самымъ успѣшнымъ средствомъ, чтобы порвать связь между южной и сѣверной Русью.

Ягайло, сынъ Ольгерда и православной княжны Юліаны тверской, былъ окрещенъ въ православіе подъ именемъ Якова, но по желанію поляковъ крестился вторично по латинскому обряду и принялъ имя Владислава, обѣщая при этомъ присоединить къ Польшѣ Литву и Русь и склонить ихъ къ принятію католицизма. Принятая поляками миссія латинизма выступаетъ гораздо рельефнѣе при этомъ монархѣ, теперь сталкиваются два противуположныя теченія: польское аристократическое и демократическое русское и начинаютъ между собою вѣковую борьбу.

Тотчасъ послѣ коронаціи Ягайло поспѣшилъ въ Литву, чтобы тамъ крестить язычниковъ, а когда ихъ не стало (по словамъ Шайнохи, въ изслѣдованіи «Ягелло и Ядвига», ихъ было всего 30 тысячъ, остальные были христіанами по восточному обряду), то старались и православныхъ жителей вторично крестить по латинскому обряду. Въ Литвѣ издавна происходила дѣятельная христіанская пропаганда съ двухъ сторонъ: католическаго Запада и православной Руси; литовскіе князья не запрещали доступа въ страну

ни католическимъ, ни православнымъ проповѣдникамъ; однако суровыя войны съ тевтонами, которые мечемъ водворяли католицизмъ, отталкивали отъ него литовцевъ. Гораздо легче распространялось православіе, тѣмъ болѣе, что самая значительная часть Великаго Княжества Литовскаго состояла изъ русскихъ земель.

Желая доставить перевѣсъ католическому вѣроисповѣданію, Ягайло издаетъ распоряженіе, по которому только тѣ шляхтичи Великаго Княжества Литовскаго, которые принадлежатъ къ римской церкви, могутъ пользоваться правами польской шляхты; запрещаетъ браки между католиками и православными и не допускаетъ послѣднихъ къ государственной службѣ [1]). Возвращаясь въ Польшу, Ягайло назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Литвѣ брата своего Скиргайла въ 1387 г.

Глубоко обиженные преслѣдованіемъ ихъ религіи Ягайломъ, православные жители Великаго Княжества Литовскаго обращаются къ его двоюродному брату Витовту, скрывавшемуся въ Пруссіи. Витовтъ явился въ Литву съ войскомъ прусскихъ рыцарей и осадилъ Вильну. Наконецъ Ягайло, утомленный борьбою, согласился уступить Литву Витовту съ титуломъ великаго князя въ 1392 г. При этомъ однако поляки и литовцы обязывались совѣщаться взаимно при выборѣ правителей, не начинать войны другъ безъ друга и собираться для совмѣстнаго обсужденія общихъ дѣлъ. Тогда сдѣлалось ясно, какое важное значеніе имѣло объединеніе Литвы и Руси съ Польшею, потому что только общими силами имъ удалось уничтожить силы крестоносцевъ подъ Грюнвальдомъ въ 1410 г. и удерживать въ теченіи многихъ лѣтъ нѣмецкое *Drang nach Osten*.

Часто ссылаются на городельскій договоръ 1413 года, которымъ будто-бы вполнѣ обезпечивались русской шляхтѣ тѣ-же самыя права и привиллегіи, какими пользовалась польская шляхта; но объ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ соотвѣтственные параграфы уніи 1413 года:

2) Литовскимъ католическимъ костеламъ сохраняемъ вольности польскихъ костеловъ.

3) Шляхта и бояре католическаго исповѣданія допускаются къ гербамъ польской шляхты, дѣлятъ съ нею ея привиллегіи и вольности.

---

[1]) Długosez, t. XI, str. 338; I. S. Bandke, str. 35, 37.

6) Дочерей своихъ обязаны отдавать замужъ только за католиковъ.

8) Каждый сановникъ или какой-бы то ни было земскій чиновникъ долженъ быть католикомъ; королевскія имѣнія могутъ раздаваться только однимъ католикамъ.

Права и привиллегіи, даваемыя литовцамъ, ставили необходимымъ условіемъ принадлежность къ католической религіи и устраняли русскихъ «схизматиковъ». Поэтому ссылаться на городельскую унію значитъ тоже, что предлагать русскимъ: здѣлайтесь католиками (поляками), инаго примиренія съ вами не можетъ быть.

Будучи самъ католикомъ, Витовтъ не преслѣдовалъ однако восточной церкви; онъ задумалъ создать отдѣльное государство изъ Литвы и Руси и стремился къ тому, чтобы получить его корону, но въ этомъ ему помѣшали поляки.

По смерти Витовта великимъ княземъ литовскимъ сдѣлался Свидригайло, который симпатизировалъ православнымъ, но поляки, составивши противъ него заговоръ, посадили на его мѣсто Сигизмунда Кейстутовича, ревностнаго католика. Этотъ послѣдній, актомъ 15 октября 1432 г., признаетъ себя ленникомъ Ягайла, обезпечиваетъ послѣ свой смерти возвращеніе Литвы королю или его наслѣдникамъ и отрекается отъ своихъ правъ на Подоліе, Луцкъ, Владиміръ, Городло, Ратну, Олескъ и Лопатинъ, какъ принадлежащіе къ Польшѣ. Отсюда продолжительныя пререканія между Польшею и Литвою за Волынь и Подоліе. Легко понять сильную симпатію поляковъ къ литовской Руси—они льнули къ Руси, какъ пчелы къ меду.

Сигизмундъ былъ убитъ русскими за преслѣдованіе ихъ вѣры. Ягайло отбиралъ русскія церкви, которыя обращалъ въ костелы, какъ напримѣръ въ Перемышлѣ [1]); строилъ такъ-же на Руси новые костелы, надѣлялъ ихъ имѣніями, раздавалъ католикамъ земли и уряды, основывалъ на Руси города и села, которыя населялъ поляками, и давалъ имъ привилегіи. Тогда-то появилось на Руси такъ называемое магдебургское право, дававшее различныя льготы, вводившее самосудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣленіе городскихъ купцевъ и ремесленниковъ на цехи; этимъ правомъ надѣлялись по преиму-

[1]) I. Długosz, lib., XI, pag. 334.

ществу новые города, заселенные католиками. Такимъ образомъ жители западной Руси распадались на привилегированныхъ и непривилегированныхъ—послѣдними были православные аборигены русскихъ земель.

Видя свои права попранными, русская шляхта собралась во Львовъ, куда прибылъ Ягайло, и просила его прекратить преслѣдованіе русской церкви и насильственное распространеніе католицизма. Передъ лицемъ русской шляхты король Ягайло обѣщалъ не опустошать церквей и никого насильственнымъ образомъ не привлекать къ латинской вѣрѣ [1]), но не смотря на это православные исключались отъ занятія должностей. Во время пребыванія Ягайла во Львовѣ паны малопольскіе получили обширныя пожалованія въ русской землѣ: такъ Ясько изъ Тарнова получилъ званіе намѣстника Руси вмѣстѣ съ огромными помѣстьями, Спытекъ изъ Мельштына самборскій округъ, Петръ Калита Дубѣцко, Тарло изъ Щекоржевичъ стрыйскій округъ и т. д.; князь мазовецкій получилъ белзскую землю, а Димитрій Горайскій холмскую [2]). Въ тоже время русскіе подъ всякими предлогами вытѣснялись изъ своихъ помѣстій, а имущество ихъ конфисковалось. Такъ напримѣръ всѣхъ русскихъ, не желавшихъ на свой счетъ помогать нѣмецкому императору противъ турокъ, Ягайло приказалъ заключить въ тюрьму и конфисковать ихъ имѣнія [3]). Тоже самое дѣлалось и позже подъ различными предлогами [4]). Много русской шляхты увели въ неволю татары въ 1438 и 1456 годахъ, но еще больше погибло въ войнахъ съ турками и татарами [5]).

Даже измѣны допускались по отношенію къ Руси. Такъ при Казимірѣ IV польская шляхта пригласила русскую на совѣщаніе въ Перемышль и тамъ арестовала русскихъ и причиняла имъ различныя насилія [6]). Не удивительно потому, что среди русской шляхты, часть которой погибла въ войнахъ, а другая обѣднѣла, нашлось значительное число людей слабо-характерныхъ, прини-

[1]) Moraczewski, ks. 9, str. 203.
[2]) Szujski, II, str. 12.
[3]) Kromer, ks. XX, r. 1426, str. 380. Długosz, ks. XI, str. 494
[4]) Długosz, ks. XI, rok. 1441.
[5]) Długocz, ks. XII, str. 706 i 213.
[6]) Kronika lit. Narbuta, Wilno, 1846, str. 57.

мавшихъ католичество для сохраненія жизни и имущества. Такимъ образомъ Червоная Русь колонизовалась польскою шляхтою.

Мы уже упоминали выше, что еще при Владиславѣ Опольскомъ созданы на Руси цѣлыхъ четыре епископства для католиковъ, которыхъ здѣсь почти не было; когда-же при Ягайлѣ упразднена русско-галицкая митрополія въ 1414 году, русскіе этой діоцезіи не получили ни одного епископа до 1539 г. За это время митрополитанскія имѣнія перешли въ руки свѣтскихъ лицъ, которымъ галицкіе старосты повѣряли такъ-же юрисдикцію надъ духовенствомъ греческаго обряда [1]). Мало по малу ополяченіе въ Червоной Руси охватило всѣ высшіе слои народонаселенія. Болѣе вліятельные и зажиточные люди шляхетскаго сословія перешли въ католичество и только почти исключительно простые селяне удерживали вѣру, языкъ и обычаи предковъ. Общинное русское право сохранялось въ теченіи столѣтій только въ нѣкоторыхъ обычаяхъ простаго люда. Распространивши свою цивилизацію далеко вдоль Карпатъ до самаго Покутья, Польша хотѣла такъ-же поступить и съ литовскою Русью.

Щедрый Владиславъ Ягайловичъ, идя по слѣдамъ отца, раздавалъ выпрашивавшимъ у него польскимъ панамъ цѣлыя земли и повѣты русскіе съ титуломъ староствъ, воеводствъ и т. д.—Въ царствованіе этого короля возвратился съ флорентинскаго собора кіевскій православный митрополитъ Исидоръ, принявши тамъ унію. Поляки дѣлаютъ ему торжественный пріемъ въ надеждѣ, что теперь имъ удастся задуманное дѣло сліянія двухъ народовъ въ одинъ. Въ изданной имъ грамотѣ Владиславъ уравниваетъ оба исповѣданія въ правахъ и привилегіяхъ, потому что теперь, какъ онъ выражается, восточная церковь соединилась съ западною. Объединеніе церквей въ то время означало признаніе папы главою вселенской церкви, другаго значенія оно не имѣло; унія въ смыслѣ особаго, средняго католическаго исповѣданія еще не была извѣстна. Однако и въ такомъ видѣ унія не принялась на Руси.

Въ свою очередь Литва настойчиво усиливалась сохранить свою обособленность и своихъ собственныхъ отдѣльныхъ отъ Польши великихъ князей, которые обыкновенно избирались изъ сыновей

---

[1]) Acta terrestria haliciensia.

короля; наоборотъ поляки, желая соединить Литву съ Польшей, выбирали себѣ въ короли великихъ князей литовскихъ. Такимъ образомъ польскій король становился владыкою обоихъ государствъ, отъ чего все больше и больше нарушалось самоуправленіе Руси и русскій народъ терялъ политическое значеніе.

Въ правленіе Казиміра Ягайловича окончательно устроилась на Петроковскомъ сеймѣ 1446 г. репрезентація польскаго народа, т. е. собственно шляхты, которая одна только и признавала себя народомъ.

Католическіе епископы, высшая шляхта и министры образовали первую ступень общественной іерархіи, родъ высшей палаты или сенатъ. Депутаты отъ низшей шляхты представляли вторую ступень, низшую палату. О третьемъ сословіи не было и помину: городовъ было мало, да и тѣ были незначительны; мѣщанинъ въ Польшѣ оставался въ пренебреженіи, а крестьянинъ былъ безправнымъ.

Передъ началомъ сеймовъ собирались повѣтовые сеймики, на которыхъ выбирали депутатовъ и составляли для нихъ инструкціи, такъ что депутатъ уподоблялся мѣшку, который везетъ все, что въ него положено. Весело проводилось время на сеймикахъ: вельможные паны высылали сюда сотни возовъ съ живностью и напитками; «паны братья» ѣли и пили, танцовали при панской музыкѣ, но и дѣлали то, чего хотѣлось пану. Депутаты получали отъ пановъ содержаніе и подарки, за что обязывались вести переговоры и дѣйствовать въ ихъ пользу. Никого это не стѣсняло, хотя всѣ знали о томъ, что все было продажнымъ. Послѣ окончаніи главныхъ сеймовъ наступали реляційные сеймики, на которыхъ послы сдавали отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ.

Что касается шляхты, то шляхетская конституція дѣлала каждаго пана королемъ въ миніатюрѣ. Знатные содержали на своихъ дворахъ многочисленные вооруженные отряды, какъ маленькіе короли, каждый изъ нихъ поступалъ какъ удѣльный князь; вообще паны на Украинѣ не признавали надъ собою никакого контроля; каждый панскій домъ, какъ напримѣръ князя Острожскаго, былъ государствомъ въ государствѣ. Такимъ путемъ образовался рядъ монархій, изъ которыхъ одна съ королемъ во главѣ—раздавателемъ королевскихъ имѣній, называлась Рѣчью Посполитой, остальныя

принадлежали мелкимъ королямъ, которые также окружали себя вассалами, мелкою шляхтой. Сверхъ того каждый городъ, надѣленный магдебурскимъ правомъ, назывался городскою республикой, а козаки даже среди сословій, засѣдавшихъ на сеймѣ, назывались козацкой Рѣчью Посполитой.

Поэтому Рѣчь Посполитая польская не была ни королевствомъ, ни республикой, она была собраніемъ монархій и республикъ, существующихъ другъ подлѣ друга, при чемъ ни одна изъ нихъ не имѣла права вмѣшиваться въ дѣла другой. Такъ напримѣръ, когда въ 1596 г. уніятскіе епископы просили Сигизмунда III, чтобы никто не обращалъ уніятскихъ церквей въ латинскіе костелы, король нашелся вынужденнымъ отвѣтить: «мы запретимъ это въ королевскихъ имѣніяхъ, но не можемъ этого сдѣлать въ имѣніяхъ шляхетскихъ». Среди такихъ отношеній все болѣе и болѣе падало значеніе короля, падалъ угнетенный народъ, слабѣла оборона края, а сама Польша распалась на множество мелкихъ государствъ, которыя всего меньше заботились о цѣлости отечества.

Такъ развивалась при Ягеллонахъ польская конституція и съ теченіемъ времени достигла высшаго своего могущества. Преобладаніе шляхты не знало границъ; въ непрерывной борьбѣ съ королевскою властью шляхта мало по малу отняла у этой власти всѣ права и присвоила ихъ себѣ. Для шляхты была невыносима не только власть, происходившая отъ одной особы (короля), но въ равной мѣрѣ становилась она невыносимою и тогда, когда исходила отъ цѣлаго народа. Реляційные сеймики не разъ отвергали постановленія сеймовъ, а любой повѣтъ считалъ себя въ правѣ не подчиняться закону, установленному по волѣ цѣлаго народа.

Великій князь литовскій Казиміръ Ягайловичъ, воспитанный въ Литвѣ, любилъ этотъ край и въ немъ проживалъ по большей части, поэтому онъ симпатизировалъ русскимъ подданнымъ, уважалъ права и обычаи Руси и пользовался такой популярностью, что даже новгородская республика склонялась къ связи съ Литвой. Случилось это главнымъ образомъ вслѣдствіе того обстоятельства, что Казимиръ дипломомъ, выданнымъ на виленскомъ сеймѣ 1447 года, уничтожилъ несправедливое постановленіе городельскаго съѣзда и призналъ равноправность обоихъ народовъ, какъ литовцевъ, такъ и русскихъ, безъ различія вѣроисповѣданія.

Тотъ-же Казиміръ Ягайловичъ, будучи великимъ княземъ литовскимъ, присягалъ литовцамъ, что не отдастъ полякамъ Волыни и Подолія и даже долгое время медлилъ съ принятіемъ польской короны; однако впослѣдствіи, уже какъ король польскій, онъ низводитъ кіевское удѣльное княжество на степень кіевскаго воеводства.

Слѣдствіемъ перемѣны въ отношеніяхъ Польши къ Литвѣ и и Руси было то, что уже при Казимирѣ IV, правнукѣ Ольгерда, князья Трубецкіе и затѣмъ Ольшанскій, Бѣльскій, Олелькович и потомки Владиміра св. князья Одоевскіе и Воротынскіе, вмѣстѣ со своими удѣлами въ Сѣверской землѣ, добровольно переходятъ въ подданство Москвы. Исторія этого короля весьма поучительна: пока онъ былъ справедливымъ по отношенію къ Руси, до тѣхъ поръ самъ Великій Новгородъ склонялся къ Литвѣ, но съ наступленіемъ польскаго господства начинаютъ отпадать и русско-литовскія земли. Поляки однако не поняли этого урока и непріязненное отношеніе къ этому королю мотивировали тѣмъ предлогомъ, что онъ больше симпатизируетъ Литвѣ, нежели Польшѣ [1]).

Въ правленіе Казиміра IV произошла крупная перемѣна въ католической церкви: право назначенія епископовъ и другихъ церковныхъ сановниковъ переходитъ отъ папы къ королю. Съ того времени должности эти получали не тѣ, которые были болѣе достойны, а приближенные короля, или имѣвшіе покровителей при дворѣ. По словамъ нунція Висконти, въ Польшѣ встрѣчались епископы, не понимавшіе даже значенія слова епископъ. Такіе іерархи занимались свѣтскими дѣлами, предавались развлеченіямъ, содержали вооруженные отряды, съ которыми производили заѣзды на сосѣдей, а исполненіе духовныхъ обязанностей поручали за извѣстное вознагражденіе своимъ намѣстникамъ. Неудивительно поэтому, что подобные епископы оказались впослѣдствіи склонными къ реформаціи. Съ теченіемъ времени право патроната надъ приходами также переходитъ въ руки шляхты.

Послѣ того, какъ церковная унія не удалась при митрополитѣ Исидорѣ, католики возвратились къ прежнему плану распространенія своего исповѣданія въ Литвѣ и на Руси: они прямо начинаютъ принуждать православныхъ къ принятію католичества. Теперь снова,

---

[1]) Bandke, II, str. 75.

какъ и во времена Ягайла, русскихъ принуждаютъ вторично креститься по латинскому обрязу, такъ что даже папа принужденъ былъ удерживать поляковъ, чтобы не прямо крестили въ католичество, а только постепенно склоняли православныхъ къ уніи. Въ этомъ и нужно искать причины, почему въ правленіе короля Александра города: Черниговъ, Гомель, Любечъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Путивль, Мценскъ, Серпейскъ и Рыльскъ, вмѣстѣ съ своими князьями, боярами и остальными жителями, отдѣлились отъ Великаго Княжества Литовскаго и подчинились Москвѣ.

V.

Лучшія времена наступуютъ для Польши въ царствованіе Сигизмунда I. Въ продолженіи всей своей жизни король этотъ не преслѣдовалъ иновѣрцевъ, хотя сторонники папы сильно настаивали на томъ. Противнику Лютера, Эку, желавшему вооружить короля противъ лютеранъ, Сигизмундъ I отвѣчалъ: «Позволь мнѣ быть королемъ овецъ и козлищъ». При раздачѣ наградъ и должностей король не смотрѣлъ на вѣроисповѣданіе, а только на заслуги. Однако отдачею троцкаго воеводства весьма заслуженному князю Константину Ивановичу Острожскому онъ такъ возстановилъ противъ себя польскую шляхту, что въ 1522 издана въ Гроднѣ конституція, въ силу которой такія званія могутъ даваться только литовцамъ, исповѣдывающимъ римско-католическую вѣру. Въ 1507 г. король Сигизмундъ I даетъ католическимъ епископамъ въ Червоной Руси право назначать себѣ намѣстниковъ изъ духовнаго или свѣтскаго званія, которые обязывались осматривать русскія синагоги (такъ названы русскія церкви), наказывать и исправлять священниковъ [1]).

Желая обезпечить спокойствіе со стороны татаръ на время войны съ Москвою, Сигизмундъ I платилъ ежегодно сыновьямъ Менгли-Гирея 15,000 дукатовъ; но когда и это не помогло, онъ заключилъ миръ съ султаномъ Солиманомъ II, который обязался

---

[1]) Liber privilegiorum capituli Leopoliensis, ч. I, № 4. p. 49. Metryka koronna, 23, str. 307.

удерживать татаръ отъ нападеній на Польшу. Въ видахъ болѣе успѣшнаго обезпеченія своихъ границъ, Сигизмундъ I обратилъ вниманіе на козаковъ, составлявшихъ живой оплотъ со стороны Крыма, потому что въ то время козаки еще не безпокоили Польши, не испытывая притѣсненій со стороны ея правительства.

Здѣсь слѣдуетъ прибавить, что старый король дважды возвращалъ городскихъ пословъ, изгнанныхъ изъ сейма въ 1533 и 1545 годахъ... Паны признали за собою права сеніоріальнаго суда надъ крестьянами съ правомъ смертной казни; мы не находимъ этого въ законодательствѣ, но такъ происходило на дѣлѣ въ силу обычнаго права [1]). Король хотѣлъ защитить крестьянъ, но не могъ.

Духъ истинной вѣротерпимости и свободы совѣсти усилился въ царствованіе Сигизмунда-Августа II. То было время реформаціи, когда иновѣрчество такъ быстро распространилось въ Польшѣ, что въ сенатѣ, кромѣ католическихъ епископовъ, всѣ почти сенаторы за малымъ исключеніемъ были диссиденты. Такое положеніе дѣлъ не позволяло и думать о распространеніи католичества на Руси, нужно было заботиться о сохраненіи его въ Польшѣ. Реформація въ Польшѣ возникла изъ принциповъ охраны шляхетскихъ вольностей. Епископы побуждали короля къ изданію эдиктовъ, направленныхъ противъ диссидентовъ; въ тоже время магнаты, объятые духомъ гражданской свободы, брали подъ свое покровительство исповѣдниковъ новаго ученія и даже нѣкоторые епископы открыто становились противъ римской церкви. Диссидентизмъ входитъ въ моду, становится доказательствомъ прогресса; каждый панъ желаетъ принадлежать къ какой нибудь сектѣ, но такъ какъ моды быстро смѣняются, то и не удивительно, что реформація въ Польшѣ такъ же быстро упала, какъ и развилась. Духъ вѣротерпимости благопріятствовалъ соединенію двухъ народовъ, но требовалось еще много времени и продолжительная подготовка, чтобы слить эти два народа въ одно политическое тѣло.

Цѣлью сліянія Литвы съ Польшей было то, чтобы соединенными силами отражать внѣшнихъ непріятелей и своимъ общеніемъ взаимно способствовать политическому значенію обоихъ госу-

---

[1]) Hist. T. Wagi, str. 138, 184.

дарствъ [1]). Морачевскій [2]) идетъ дальше, называя соединеніе Польши съ Литвою и Русью скорѣе номинальнымъ, чѣмъ реальнымъ договоромъ о вѣчномъ мирѣ, направленнымъ противъ преобладанія ордена крестоносцевъ.

На основаніи федеративной связи каждое изъ соединенныхъ государствъ должно было сохранить главныя условія политической независимости, а именно: самостоятельную территорію, особые законодательные органы и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльную судебную и административную власть.

Такъ было и на самомъ дѣлѣ. Литовскія и русскія земли были точно отграничены отъ земель польскаго королевства и, какъ мы уже видѣли, великіе князья литовскіе правили ими самостоятельно.

По смерти Витовта великимъ княземъ сдѣлался братъ его Сигизмундъ, а когда онъ былъ убитъ, на престолъ литовскій вступилъ братъ Владислава III, Казиміръ IV, сдѣлавшійся вскорѣ послѣ того польскимъ королежъ. Послѣ его смерти (1492 г.) Литва и Польша еще разъ получаютъ особыхъ государей; одинъ изъ сыновей Казиміра, Янъ-Альбрехтъ, былъ польскимъ королемъ, другой Александръ великимъ княземъ литовскимъ. Но со времени вступленія Александра на польскій престолъ Литва уже больше не получала отдѣльнаго князя, оба государства съ тѣхъ поръ имѣютъ постоянно только одного властителя.

Отдѣленная отъ Литвы и Руси прочными границами, благодаря усиліямъ литовско-русскихъ пановъ, Польша въ глазахъ литовско-русскаго народа была чужимъ краемъ; поляковъ считали людьми заграничными, чужеземцами, отъ чего они, на равнѣ съ другими иностранцами, не могли получать никакихъ государственныхъ должностей въ Литвѣ и Руси и не имѣли права владѣть здѣсь поземельной собственностью, какъ то было повторено еще на сеймѣ Брестскомъ въ 1544 г. Женщинъ высшаго сословія, выходившихъ замужъ въ Польшу, статутъ литовскій лишалъ права наслѣдства послѣ ихъ родственниковъ. Во время пріѣзда короля въ Литву или Русь, всѣ польскіе чиновники изъ его свиты должны были оставаться на границѣ; если-же вступали въ предѣлы Вели-

---

[1]) Vol. leg., t. I, pag. 60—288.

[2]) Dzieje królevstwa polskiego, II, 181.

каго Княжества, то считались иностранцами и гостями и не имѣли права вмѣшиваться въ политическія дѣла [1]). Эти преграды упали только послѣ люблинской уніи. Отсюда видно, что, заключивши федеративную связь съ Польшей, Литва и Русь сохраняли свою политическую независимость, имѣли свою отдѣльную территорію и особую внутреннюю администрацію.

Предвидя пагубныя послѣдствія болѣе тѣснаго объединенія обоихъ государствъ, паны литовско-русскіе охраняли такое положеніе дѣлъ и старались противодѣйствовать политическимъ видамъ польскаго правительства. Еще въ 1526 г. они просили Сигизмунда I короновать его сына литовскимъ королемъ единственно для того, чтобы поднять это княжество на степень королевства, въ той мысли, что королевство не можетъ слиться съ королевствомъ и между ними останется только федеративная связь. Однакожъ поляки были другаго мнѣнія. Какъ теперь говорятъ они: «нѣтъ Польши безъ Литвы и Руси», такъ и прежде думали и заботились о томъ, чтобы Литва и Русь когда-нибудь не отдѣлились, особенно при бездѣтности Сигизмунда-Августа. Съ нимъ прекратилась династія Ягеллоновъ, служившая политической связью между Литвою и Польшей; въ будущемъ угрожала опасность расторженія этой связи. Польско-католическая партія удвоила свои усилія, чтобы прочно соединить между собою эти два государства [2]). Однако эта партія встрѣтила большія препятствія со стороны литовскаго канцлера князя Николая Радзивила, ревностнаго протестанта. Не смотря на то поляки все болѣе и болѣе стремятся къ достиженію своей цѣли—привлеченію Руси къ Польшѣ съ помощью различныхъ уній политическихъ и церковныхъ.

Со времени объединенія Литвы съ Польшей при Ягайлѣ до люблинской уніи прошло около двухъ столѣтій. Въ теченіи этого времени поляки прилагали всѣ усилія, чтобы на сколько возможно упрочить связь между этими двумя землями и слить ихъ въ одно нераздѣльное политическое тѣло; но усилія эти встрѣчали постоянную реакцію со стороны Литвы и Руси, опиравшуюся какъ на сознаніи племенной и политической обособленности своего госу-

---

[1]) Zbiór praw litewskich, str. 45, 405.

[2]) Ibidem, str. 433.

дарства, такъ и на различіи въ характерѣ общественнаго строя, нравовъ, обычаевъ, религіи и языка. Нужно было сгладить эти различія и создать въ Литвѣ партію, для которой было-бы желательнымъ сліяніе съ Польшей.

Правда, сдѣлавшись польскимъ королемъ, великій князь литовскій могъ отречься отъ своего наслѣдственнаго права, своей неограниченной власти и отъ верховнаго права на всю поземельную собственность, что и сдѣлалъ, наконецъ, послѣдній изъ Ягеллоновъ, Сигизмундъ-Августъ II; но не легко было справиться съ магнатами. Эти послѣдніе смотрѣли на шляхетское равенство, какъ на принципъ, который долженъ былъ уничтожить ихъ вліяніе въ краѣ и поставить наравнѣ съ зависѣвшими отъ нихъ земянами и боярами; эти напротивъ видѣли въ уніи расширеніе своихъ правъ, законное уравниваніе въ правахъ съ высшими сановниками и удѣльными князьями и возможность снискать полную независимость, какъ въ отношеніи земельной собственности, такъ и общественнаго положенія, наконецъ надѣялись такимъ путемъ достигнуть значительнаго политическаго вліянія.

При такомъ несогласіи интересовъ литовскихъ пановъ съ одной стороны и бояръ и земянъ съ другой, поляки естественно обратили особенное вниманіе на послѣднихъ и старались подробно ознакомить ихъ съ правами и привилегіями польской шляхты, при каждомъ удобномъ случаѣ расширять ихъ права и помочь имъ сплотиться и создать сильную партію. Такой способъ дѣйствій приняли поляки, начиная отъ городельскаго съѣзда.

Такимъ образомъ и Ягайло, объявляя свое намѣреніе объединить Литву съ Польшей, говоритъ, что задумалъ снять съ литовскихъ бояръ то служебное иго, какое они носили до того времени, и уравнять въ правахъ съ польской шляхтой. На первый разъ онъ разрѣшаетъ боярамъ распоряжаться своими землями и отдавать замужъ дочерей безъ контроля великаго князя. Такимъ образомъ положенъ первый зародышъ литовской шляхты, которая должна была объединить разнородные слои литовскаго боярства.

И такъ, вслѣдствіе безпрестанной выдачи новыхъ шляхетскихъ дипломовъ, литовская шляхта все болѣе умножается и усиливается, среди нея распространяются польскія шляхетскія понятія, которыя поддерживаются то общими съѣздами, то присоединеніемъ къ Польшѣ

русскихъ земель и поселеніемъ въ нихъ поляковъ и сверхъ того измѣненіемъ литовскаго законодательства на польскій образецъ. Съ того времени Литовскій Статутъ причисляетъ князей, пановъ, шляхту и бояръ къ одному равноправному сословію, точно отдѣляя его отъ крестьянъ.

Между тѣмъ какъ распространялась пропаганда шляхетскаго равенства, представители высшихъ сословій въ Литвѣ заранѣе употребляли мѣры къ тому, чтобы не лишиться своего значенія. Они окружили великихъ князей «Радою», вынудили у Казимира IV обѣщаніе не допускать отторженія земель великаго княжества и не предпринимать ничего важнаго безъ согласія состоявшей при немъ «Рады». Князья Острожскіе, Чарторыйскіе, Глинскіе, Гаштолды, Радзивиллы, Ходкевичи, составляя «Раду», неослабно стоятъ на стражѣ великаго княжества, требуя для Литвы отдѣльнаго князя въ случаѣ избранія предшествующаго князя на польскій престолъ; они предлагаютъ отъ лица земель литовскаго княжества требованія о запрещеніи полякамъ селиться на принадлежащихъ княжеству земляхъ и при каждомъ удобномъ случаѣ оказываютъ стойкое сопротивленіе введенію уніи.

Такимъ образомъ высшіе слои литовскаго народа ведутъ борьбу съ Польшей, однако борьба эта рано или поздно должна была окончиться въ пользу послѣдней. Хотя, вслѣдствіе шляхетскаго равенства, партія эта теряетъ свое преобладающее значеніе, за то съ другой стороны она много выигрываетъ, освобождаясь отъ ленной зависимости по отношенію къ великому князю и сверхъ того получая въ собственность огромныя пространства земель, которыми они до того времени владѣли на основаніи леннаго права. Далѣе, отказываясь отъ права составлять «Раду» великаго князя, партія эта входила въ составъ учрежденія, ограничивавшаго власть монарха, гдѣ получала уже голосъ законодательный вмѣсто совѣщательнаго. Наконецъ, легко было предвидѣть, что равенство для нея останется мертвой буквой, потому что огромныя пространства поземельной собственности и неизмѣримое преобладаніе въ имущественномъ отношеніи должны были дать магнатамъ перевѣсъ надъ массой шляхты; поэтому равенство осталось теперь, какъ и впослѣдствіи не болѣе, какъ пышной фразой.

Послѣ люблинской уніи не вполнѣ ослабѣло вліяніе и значеніе магнатовъ, напротивъ литовскіе княжескіе роды сдѣлались центрами, около которыхъ начинаютъ группироваться знатнѣйшіе роды самой Польши. Толпы равноправной братіи поступали въ ряды слугъ къ богатымъ панамъ, продавая имъ свои голоса на сеймикахъ и сеймахъ, участвуя въ ихъ спорахъ и т. д.

Въ силу этихъ причинъ уменьшалась партія, враждебная уніи. Въ 1569 г. созданъ въ Люблинѣ большой сеймъ изъ представителей обоихъ народовъ. Неохотно однако шли на этотъ сеймъ представители Великаго Княжества Литовскаго, предчувствуя, что тамъ рѣшается дѣло уничтоженія ихъ политической и національной обособленности. Соединеніе Польши и Литвы подъ властью одного государя, какъ мы уже говорили, было федеративнымъ до того времени; поэтому Литва и Русь боролись противъ люблинской уніи, смотря на нее, какъ на централизацію.

Обѣ стороны предложили на сеймѣ свой проэктъ уніи. Поляки требовали полнаго сліянія Литвы съ Польшей въ одно государство, упраздненія выбора отдѣльнаго великаго князя, а также упраздненія отдѣльныхъ сеймовъ, администраціи, монеты и т. п. Правда, сохраненіемъ титула великаго княжества собственной Литвѣ оставлена была какъ-бы тѣнь политической независимости, но за эту мнимую уступку южныя области, т. е. Русь, должны были присоединиться къ Польшѣ.

Съ своей стороны литовцы проэктировали братскій союзъ съ Польшей, свободное избраніе государя для Польши и Литвы, которая, согласно ихъ требованіямъ, должна была удержать свои отдѣльные сеймы, монету, собственное правительство и законодательство, литовцы требовали также, чтобы русскія земли оставались въ составѣ великаго княжества.

Какъ результатъ такихъ противоположныхъ требованій возникаютъ споры между обѣими сторонами, наконецъ литовцы съ протестомъ оставили общій сеймъ.

Чтобы сломить сопротивленіе Литвы, Сигизмундъ - Августъ отрекся отъ своихъ великокняжескихъ правъ надъ нею, а русскія области, до того времени соединенныя съ Литвой, какъ: Подляхія, Волынь, Подоліе, княжество кіевское, черниговское и Украина отторгнуты отъ Литвы и вошли въ составъ Польши въ качествѣ

провинцій. Король грозилъ непокорнымъ отнятіемъ староствъ, а поляки съ своей стороны угрожали, что не будутъ помогать Литвѣ въ войнѣ съ Иваномъ Грознымъ; изъ Подляхіи и Волыни вызваны были урядники, которыхъ противъ воли принудили къ принесенію присяги [1]).

Унія провозглашена въ отсутствіе депутатовъ [2]), и тѣ, которые по принужденію короля соглашались на унію, отталкивали навязанное имъ благодѣяніе уравненія Литвы съ Короной и просили: «оставьте намъ наши права,—вы нашихъ не знаете, а мы вашихъ не понимаемъ и т. д.». Неизвѣстно, чѣмъ-бы кончилось это дѣло, если-бы не вмѣшались два знатнѣйшіе и сильнѣйшіе магната Великаго Княжества Литовскаго или собственно Руси, князь Константинъ Острожскій, кіевскій воевода и главный дѣятель люблинской уніи и волынскій воевода, князь Александръ Чарторыйскій. Они подписали постановленія люблинскаго сейма; за ними подписались ихъ сторонники, а затѣмъ постепенно и всѣ остальные.

Итакъ въ 1569 году преграда, охранявшая Русь отъ ополяченія, была разрушена руками покровителя православія, князя Острожскаго; съ того времени не только Червоная, но и вся остальная Русь подверглась быстрой полонизаціи. Для поляковъ особенно важными были тѣ постановленія уніи, которыя дозволяли имъ пріобрѣтать на Руси земли и занимать государственныя должности.

Такъ закончилось соединеніе Литвы и Руси съ Польшей въ республику на равныхъ правахъ, съ однимъ общимъ сеймомъ и сенатомъ, отчего федеративный характеръ связи между этими государствами замѣнился централизаціоннымъ. Правда, обѣ части сохранили свои правительственные органы: канцлера, подканцлера, маршалковъ, гетмановъ и т. д., однако населеніе Руси требовало для себя такихъ же точно привилегій, какими пользовались поляки, и главными условіями ставило русскій языкъ въ общественныхъ дѣлахъ, свободу православнаго вѣроисповѣданія и полную равноправность. Соединеніе въ смыслѣ централизаціи должно было имѣть пагубныя послѣдствія для обоихъ народовъ. Двѣ сильныя, но въ главныхъ своихъ признакахъ совершенно противоположныя между

---

[1]) Działyński, Dziennik lubelskiego sejmu, pag. 69, 71, 82, 128.

[2]) Józ. Szujski, Dz. P. II, pag. 320.

собою народности, различавшіяся формами управленія, языкомъ и вѣрой, принуждены находиться въ безпрерывныхъ столкновеніяхъ, парализовавшихъ возможное развитіе государства. Съ этого времени ни Русь, ни Польша не знали покоя,—обѣ истощали свои силы во внутренней національной борьбѣ. Достаточно вспомнить, что 20 лѣтъ спустя послѣ люблинской уніи начинаются козацкія возстанія, прекратившіяся только съ паденіемъ Польши.

Каждая централизація есть первый шагъ къ нивелировкѣ обществъ, игнорированіе ихъ историческихъ особенностей. Не подлежитъ сомнѣнію, что извѣстная степень централизаціи военной, финансовой и т. д. необходима для могущества государствъ, но стираніе племенныхъ и областныхъ особенностей подрываетъ его силу, потому что калѣчитъ и связываетъ тѣ народы, которые должны ее двигать и выносить на своихъ плечахъ.

Поучителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ Сигизмунда Августа. Онъ желалъ еще ближе соединить два народа, уже сближенные между собою посредствомъ люблинской уніи; но, прослѣдивъ безпристрастно это дѣло, мы видимъ, что вызывалось оно только антагонизмомъ, проявлявшимся до конца Рѣчи Посполитой, въ особенности потому, что поляки не выполнили условій люблинской уніи. Правда, сцентрализованныя Литва и Русь облечены были въ мундиръ все болѣе и болѣе сходный съ польскимъ, однако это не сохранило Польшу отъ упадка, а напротивъ ускорило и произвело этотъ упадокъ. И хотя король утверждалъ въ своихъ декретахъ, что объединеніе произошло по твердой волѣ и добровольному согласію всѣхъ сословій [1]), однако словамъ этимъ противорѣчатъ позднѣйшія королевскія распоряженія. Такъ по закрытіи люблинскаго сейма король принужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозамъ; въ прибавленіи къ разосланному королевскому универсалу, которымъ предписывалась форма присяги, значится: «А если кто воспротивится выполненію присяги, у того, какъ сопротивляющагося нашей власти, будемъ конфисковать имѣніе».

Приказано было королевскимъ старостамъ составлять списки всѣхъ присягнувшихъ и тѣхъ, кто отказывался отъ присяги, чтобы король могъ подвергать наказанію непослушныхъ. Однако изъ спис-

---

[1]) Vol. leg. II, pag. 754.

ковъ этихъ видно, что очень много лицъ, принадлежавшихъ къ знатнымъ фамиліямъ, не смотря на угрозы короля, не явились для принесенія присяги.

Нужно замѣтить однако, что люблинская унія относилась только къ шляхтѣ, народъ собственно не имѣлъ въ ней голоса и не принималъ участія.

Польша и ея элементы только послѣ люблинской уніи столкнулись съ народомъ, который поэтому тогда только въ лицѣ своихъ представителей съ оружіемъ въ рукахъ начинаетъ протестовать противъ этой уніи.

Федеративная связь Литвы и Руси съ Польшей была достаточна для политическихъ цѣлей общей обороны и для могущества обоихъ государствъ и если поляки стремились къ централизаціи обѣихъ земель, то руководились главнымъ образомъ интересомъ; ихъ привлекали неизмѣримыя пространства Руси и надежда овладѣть огромными имѣніями. Слѣдующій фактъ можетъ служить доказательствомъ неразборчивости въ средствахъ.

Галшка (Елизавета) Острожская, единственная дочь Иліи Острожскаго, оставшаяся подъ опекой своей матери Беаты и дяди Константина Василія, была наслѣдницей огромнаго имѣнія и обширныхъ земель на Волыни и въ Подоліи, принадлежавшихъ въ то время къ Литвѣ, а не къ Польшѣ. Много конкуррентовъ добивались руки Галшки; больше другихъ старался князь Дмитрій Сангушко, но мать и дочь отказали ему. Тогда опекунъ, князь Константинъ Василій, предпочитавшій Сангушка для того, чтобы русскія помѣстья не переходили въ руки поляковъ, заѣхалъ со своимъ женихомъ въ острожскій замокъ и, не смотря на сопротивленіе матери и дочери, повелъ племянницу къ вѣнцу. Беата ѣздила въ Краковъ, требуя правосудія у короля, но Сангушко съ женой удалился въ Чехію, гдѣ и скрывался. Калишскій воевода Мартинъ Зборовскій, сильно заинтересованный въ расторженіи этого брака, съ цѣлью женить на Галшкѣ своего сына Петра, настигъ Сангушка въ Чехіи и убилъ его.

Когда Галшка, по смерти мужа, возвратилась на родину, начались новыя сонскательства ея руки и отсюда новыя смуты. Первѣйшіе литовско-русскіе магнаты желали, чтобы она изъ числа ихъ родственниковъ выбрала себѣ мужа; того-же самаго желали какъ

мать, такъ и дочь и дали слово князю Семену Олельковичу Слуцкому; напротивъ польскіе паны хотѣли, чтобы молодая княгиня отдала свою руку поляку. Паны польскіе, владѣвшіе ничтожными помѣстьями сравнительно съ литовскими магнатами, издавна старались породниться съ послѣдними, чтобы наслѣдовать имѣнія и земли въ Литвѣ и Руси, такъ какъ зачастую имѣнія эти были обширнѣе цѣлыхъ повѣтовъ въ Польшѣ.

Беата симпатизировала Петру Зборовскому, но одинъ изъ конкурентовъ, воевода брестско-куявскій, Лука Гурка, противъ котораго были и мать, и дочь, и опекунъ, обратился за помощью къ королю. Сигизмундъ-Августъ устранилъ Константина Василія Острожскаго отъ опекунства, въ видѣ исключенія отмѣнилъ предписаніе литовскаго статута, по которому женщины, выходившія замужъ въ Польшу, лишались права наслѣдства послѣ своихъ родственниковъ, и приказалъ, не смотря на сопротивленіе матери и дочери, повѣнчать Галшку съ Лукою Гуркою. Опасаясь насилія, Беата вмѣстѣ съ дочерью держалась при особѣ королевы Боны, а по отъѣздѣ послѣдней въ Неаполь, онѣ удалились во Львовъ и здѣсь заперлись въ доминиканскомъ монастырѣ, занявъ его своимъ гарнизономъ. Гурка снова обращается къ королю, который приказываетъ львовскому старостѣ взять Галшку силою и отдать Гуркѣ. Дѣло дошло до формальной осады монастыря.

Не смотря на то, князь Семенъ Слуцкій, переодѣвшись нищимъ, пробрался въ монастырь и перевѣнчался съ княгиней. Однако на это не обратили вниманія.

Староста отрѣзалъ водопроводныя трубы и овладѣлъ монастыремъ. Галшка выдерживала осаду въ высокомъ замкѣ, пока не вышло рѣшеніе короля—отдать ее Гуркѣ, что было исполнено насильственнымъ образомъ: староста отослалъ княгиню къ Гуркѣ, который поселилъ ее въ своемъ замкѣ въ Шаметулахъ. Не смотря на то, Галшка и здѣсь оставалась вѣрною своему убѣжденію, что она жена одного князя Семена; въ то-же время ея мать употребляла всѣ усилія, чтобы освободить свою дочь изъ рукъ Гурки. Она предлагала 100.000 злотыхъ, но Гурка не соглашался отпустить Галшку, хотя она была враждебно противъ него настроена; онъ пытался всѣми мѣрами привлечь ее къ себѣ, но Галшка оставалась непреклонной даже по смерти князя Семена Олельковича. Наконецъ и сама Галшка умерла

отъ помѣшательства, а Гурка не достигъ цѣли, такъ какъ ея имѣнія перешли въ руки Константина Острожскаго.

Такова вкратцѣ исторія Галшки Острожской, открывающая намъ много характеристическихъ чертъ изъ внутреннихъ отношеній того времени. Исторія несчастной княгини является какъ-бы образомъ люблинской уніи въ миніатюрѣ: какъ польскіе женихи старались получить руку Галшки ради ея имѣній, такъ точно и поляки сватали Русь ради ея богатства.

Въ административномъ отношеніи, послѣ присоединенія къ Польшѣ, Литовская Русь была раздѣлена на слѣдующія воеводства: Витебское, Полоцкое, Мстиславское, Минское, Новогродское, Подляшское, Брестско-Литовское, Кіевское, Волынское, Белзское, Люблинское, Брацлавское, Подольское, Русское (т. е. Червонорусское) и Черниговское. Собственно-же Литовская земля обнимала воеводства: Виленское, Троцкое, Ливонское и княжество Жмудское.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПРИЛУЦКІЙ ПОЛКОВОЙ АСАУЛЪ

МИХАЙЛО МОВЧАНЪ и ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИГА.

Каждое общество обладаетъ несомнѣнно стремленіемъ къ саморазвитію и естественною наклонностію къ умственной дѣятельности, но для того, чтобы эта наклонность могла успѣшно найти примѣненіе, необходимо, чтобы данное общество могло пользоваться извѣстными условіями быта, при которыхъ только возможно развитіе его умственныхъ силъ. Такими условіями мы должны признать: внѣшнее спокойствіе, обезпеченность матеріальную и возможность развитія путемъ свойственнымъ характеру даннаго народа. Конечно, среди военной тревоги всеобщее вниманіе занято исключительно заботою о сохраненіи личной и коллективной безопасности, и не остается времени для труда интеллектуальнаго. При отсутствіи матеріальнаго обезпеченія повседневная забота о средствахъ существованія отвлекаетъ всѣ силы на борьбу за эти средства, и народъ не имѣетъ досуга для самообразованія; если немногочисленныя зажиточныя группы и пользуются необходимымъ досугомъ, то онѣ не въ состояніи замѣнить въ дѣлѣ народнаго развитія коллективнаго труда всей народной массы. Если онѣ и не погрязнутъ, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, въ эпикуреизмѣ, если даже обратятся къ литературной дѣятельности, то во всякомъ случаѣ онѣ не будутъ выразителями прогрессивнаго развитія всего народа, онѣ создадутъ литературу кружковую, необходимо проникнутую узкими сословными взглядами и интересами, недоступную и непонятную, а слѣдовательно и безполезную для развитія всего народа.—Наконецъ только развитіе, исходящее изъ своеобразныхъ народныхъ на-

чалъ, можетъ сдѣлаться вполнѣ доступнымъ для всей народной массы, не заставляетъ людей культурныхъ выдѣляться изъ народной среды и становиться ей чуждыми, даетъ полное развитіе всѣмъ сторонамъ народнаго духа и ускоряетъ это развитіе, ведя его по пути, предначертанному самою природою. Конечно, лучшимъ примѣромъ для провѣрки сказаннаго можетъ служить продолжительный застой въ культурѣ западно-европейскихъ народовъ, случившійся въ теченіе среднихъ вѣковъ; между тѣмъ какъ рыцарское сословіе занято было безконечными войнами, крестьяне вели тяжелую борьбу съ нищетою и голодомъ—одни монахи пользовались достаточною безопасностью и досугомъ, необходимымъ для умственнаго развитія; но культура въ монастыряхъ развивалась на чуждой для народовъ западной Европы латинской почвѣ и потому оказалась почти безслѣдною въ исторіи развитія народныхъ массъ.

Если примѣнимъ все сказанное къ исторіи развитія южной Руси, то несомнѣнно лучшія условія для культуры мы встрѣтимъ въ теченіе XVIII столѣтія въ той половинѣ края, которая лежала на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Вѣковая безпрерывная борьба съ Польшею была кончена въ смыслѣ благопріятномъ для народныхъ интересовъ; покровительство Россіи обезпечивало внѣшнюю безопасность и дозволило наконецъ народонаселенію позаботиться о внутреннемъ устройствѣ своего быта. Обезпеченность имущественная достигла значительныхъ размѣровъ и, выражаясь владѣніемъ поземельной собственности, была распредѣлена болѣе равномѣрно и на большее количество лицъ, чѣмъ когда-либо; наконецъ начала умственной жизни, положенныя въ предъидущемъ столѣтіи трудами ученыхъ кіевской академіи, открывали путь для народнаго развитія въ направленіи чисто національномъ, обнимавшемъ всѣ потребности и интересы народа на присущей ему степени развитія; лица всѣхъ сословій могли свободно стремиться къ образованію, переходя безпрепятственно изъ народныхъ церковныхъ школъ на скамьи кіевской академіи, коллегіумовъ черниговскаго, харьковскаго и т. п. Оживленіе умственной жизни въ самомъ обществѣ выразилось въ попыткахъ зарождавшейся литературы и въ томъ живомъ интересѣ, какой возбуждало печатное слово. Не говоря о многочисленныхъ сочиненіяхъ богословскаго содержанія, о мистеріяхъ, панегирикахъ, виршахъ и т. д., историческая литература дѣлается любимымъ за-

нятіемъ многихъ грамотныхъ людей. Восемнадцатый вѣкъ оставилъ намъ цѣлый рядъ козацкихъ лѣтописей, то составленныхъ самостоятельно, то компилированныхъ и все болѣе и болѣе стремившихся перейти отъ формы лѣтописи къ формѣ прагматической исторіи. Лѣтописи впрочемъ составляютъ не единственный отдѣлъ историческихъ памятниковъ XVIII столѣтія въ Малороссіи; люди, получившіе болѣе полное образованіе (какъ Марковичъ, Ханенко), оставляли мемуары, исполненные весьма живаго интереса, въ которыхъ сохранили весьма цѣнный матеріалъ для обрисовки внутренняго быта своей родины, другія лица заводили «*записныя книги*», въ которыя вносили все то, что интересовало ихъ владѣльцевъ, какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни. Всевозможныя замѣтки, попадавшія въ записную книгу, не смотря на свой отрывочный, повидимому безсвязный характеръ, обрисовываютъ вполнѣ цѣльно внутренній бытъ общества, среди котораго жилъ ихъ составитель, и даютъ картину, правда менѣе полную, но за то и менѣе субъективную, чѣмъ записки мемуариста.

Одну изъ такихъ записныхъ книгъ, принадлежавшую асаулу полковому прилуцкому, Михаилу Федоровичу Мовчану, мы имѣемъ въ настоящее время передъ собою. Книга эта сохранилась у потомковъ составителя, и мы получили ее отъ землевладѣльца полтавской губерніи Аркадія Федоровича Мазараки, которому долгомъ считаемъ принести искреннюю благодарность за просвѣщенное и обязательное сообщеніе намъ этого цѣннаго историческаго матеріала.

Записная книга Михаила Мовчана представляетъ томъ in folio въ кожанномъ старинномъ переплетѣ; она содержитъ 164 полулиста сѣрой, желтоватой бумаги; но далеко не всѣ листы ея заняты письмомъ; записанные листы, числомъ 66, разбросаны на протяженіи всей книги и отдѣлены другъ отъ друга значительными промежутками, состоящими изъ бѣлыхъ листовъ; очевидно, что записи вносились въ книгу безъ всякаго порядка, тамъ, гдѣ книга открывалась въ данный моментъ; хронологическій порядокъ записей также не соблюдался: позднѣйшія статьи часто встрѣчаются въ началѣ книги, болѣе-же раннія въ концѣ ея. Книга писана нѣсколькими почерками: два изъ нихъ, очень четкіе и красивые скорописные почерки XVII вѣка, встрѣчаются въ большинствѣ записей, внесен-

ныхъ въ книгу при жизни Михаила Мовчана, два другіе—скорописные почерки второй половины XVIII столѣтія, менѣе красивы, они встрѣчаются въ тѣхъ записяхъ, которыя были внесены при внукѣ Мовчана—Андреѣ Мазараки, къ которому книга перешла по наслѣдству.

Поводъ, по которому книга заведена была Михайломъ Мовчаномъ, а также время ея возникновенія явствуютъ изъ первой записи, помѣщенной на 6 листѣ книги; запись эта гласитъ: «Року 1727 іюня 27 дня. Для всякихъ случаевъ, за помощію Божіею, казалемъ въ сію книгу вписать, сколко имѣетъся въ мене, асаулы полкового прилуцкого, Михайла Мовчана, купчихъ на грунта». Дѣйствительно Мовчанъ приказалъ занести (самъ онъ былъ неграмотенъ, какъ это видно изъ одного документа) въ книгу копіи всѣхъ имѣвшихся у него имущественныхъ документовъ и продолжалъ вносить ихъ въ послѣдствіи въ теченіе 16 лѣтъ до своей смерти (1742 г.); но, не ограничиваясь этимъ первоначальнымъ назначеніемъ книги, онъ заносилъ въ нее копіи всѣхъ тѣхъ документовъ и сочиненій, которые представляли для него какой-бы-то ни было личный или общественный интересъ. Вообще всѣхъ статей записано было по указанію Мовчана 86; онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ по содержанію: 64 купчихъ крѣпости или извлеченій изъ нихъ, 11 другихъ имущественныхъ документовъ: жалованныхъ грамотъ на ранговыя и наградныя земли, мировыхъ сдѣлокъ съ сосѣдями, судебныхъ приговоровъ, перечней движимаго имущества и т. п.; 2) два документа: универсалъ гетмана Самойловича, данный отцу Михайла Федору на званіе прилуцкаго полковника (1678) и копія челобитной, поданной Аннѣ Іоанновнѣ въ 1739 году; 3) наконецъ въ книгѣ Мовчана мы находимъ 9 лѣтописныхъ отрывковъ и замѣтокъ. Отрывки эти частью списаны изъ лѣтописей, ходившихъ въ то время по рукамъ среди козацкаго общества, частью продиктованы самимъ Мовчаномъ по его воспоминаніямъ. Изъ числа 9 отрывковъ 4 оказываются списанными дословно изъ лѣтописи Самовидца; они содержатъ разсказы о событіяхъ, сдѣлавшихъ особенно глубокое впечатлѣніе на малороссійское общество; это эпизоды: о возстаніи Хмельницкаго (1648), о кончинѣ Брюховецкаго (1668), о взятіи турками Чигрина (1678) и о паденіи Самойловича (1687); затѣмъ два отрывка за 1664 и 1664—

1678 списаны изъ какой-то краткой, не дошедшей до насъ козацкой лѣтописи и, наконецъ, три послѣдніе отрывка написаны правдоподобно изъ словъ самаго Мовчана; они представляютъ, повидимому, его личныя воспоминанія о походѣ подъ Вѣну 1683 года и краткія замѣтки о позднѣйшихъ событіяхъ.

На основаніи документовъ и замѣтокъ, внесенныхъ въ записную книгу, мы можемъ возстановить біографію Михаила Мовчана, личности весьма типической и тѣмъ болѣе интересной для характеристики современнаго ему общества, что онъ занималъ второстепенное положеніе въ ряду козацкой старшины, не достигъ сколько нибудь видной общественной роли, и потому біографія его представляетъ намъ типъ заурядный, гораздо болѣе характеризующій бытъ знатнаго козачества первой половины XVIII ст., чѣмъ біографіи лицъ, выдававшихся особенными личными дарованіями или развитіемъ и составлявшихъ вслѣдствіе того болѣе исключительныя явленія въ своей средѣ.

Родъ Мовчановъ выдвинулся изъ рядоваго козачества, благодаря ловкости отца Михаила—Федора Мовчана; послѣдній началъ свою военную карьеру на службѣ у гетмана Дорошенка. Гетманъ этотъ, старавшійся провести съ замѣчательною стойкостью свои политическіе планы, долженъ былъ бороться съ препятствіями, далеко превосходившими его силы. Не находя нужной поддержки въ городовомъ козачествѣ правобережной Украины, предпочитавшемъ эмигрировать на лѣвый берегъ Днѣпра или примыкать къ различнымъ честолюбцамъ, претендовавшимъ на гетманскую булаву, чѣмъ поддерживать патріотическія усилія своего гетмана, Дорошенко попытался замѣнить въ значительной мѣрѣ земскія козацкія ополченія наемными козацкими полками, носившими названіе «охочекомонныхъ» и «серденятъ». Тѣ и другіе, принимая службу у гетмана за жалованье и содержаніе, вполнѣ отъ него зависѣли, повиновались назначеннымъ по его выбору старшинамъ и, конечно, не пользовались правомъ ни составлять рады для обсужденія общественныхъ дѣлъ, ни контролировать политическіе планы и дѣйствія гетмана.

Мы встрѣчаемъ въ 1675 году Федора Мовчана въ должности полковника одного изъ такихъ «серденятскихъ» полковъ Дорошенка.

Но предусмотрительный полковникъ замѣтилъ, что дѣла довѣрившаго ему начальство гетмана принимаютъ весьма невыгодный оборотъ, и сталъ заблаговременно помышлять о себѣ. Весною 1675 года онъ перешелъ съ своимъ полкомъ на лѣвый берегъ Днѣпра и не смотря на ропотъ своихъ «серденятъ», подчинился Самойловичу и поступилъ къ нему на службу. Самойловичъ выпросилъ для Мовчана и его полчанъ царское жалованье [1]) и сталъ опираться на его примѣръ для того, чтобы склонить къ переходу на свою сторону другіе «серденятскіе» полки Дорошенка. Отправляя болѣе или менѣе крупные отряды противъ Дорошенка, Самойловичъ постоянно присоединяетъ къ нимъ полкъ Мовчана и разсчитываетъ на то, что товарищескія связи этого полковника побудятъ и другихъ «серденятскихъ» начальниковъ послѣдовать его примѣру. Такъ въ мартѣ 1676 года Самойловичъ писалъ въ универсалѣ, посланномъ къ наемнымъ полкамъ Дорошенка: «Можете сами слышати, что господинъ Мовчанъ съ своими товарищи и иные компанеи—пѣхотные полки не безъ хлѣба и достойнаго призрѣнія при насъ живутъ; съ которыми и вы, безъ всякаго переченія и поруганія, отъ кого ни есть, равныя милости и призрѣнія отъ насъ, яко единого войска запорожского матери дѣти, узнавати будете—нашимъ словомъ обнадеживаемъ» [2]).

Послѣ сдачи Дорошенка, Самойловичъ рѣшился наградить важныя услуги, оказанныя въ этомъ дѣлѣ Мовчаномъ и возвелъ его въ должность прилуцкаго полковника, отъ которой побудилъ отказаться бывшаго полковника Ивана Маценка. Въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ примѣру своихъ предшественниковъ, которые, начиная съ Брюховецкаго, замѣняли путемъ назначенія полковниковъ, устраняя существовавшее до того времени выборное начало при занятіи этой должности. Каждый новый гетманъ старался смѣнить по возможности большее количество полковниковъ, бывшихъ при его предшественникѣ и замѣстить ихъ людьми, на преданность которыхъ онъ могъ болѣе полагаться.

Такъ въ прилуцкомъ полку Брюховецкій «великимъ шалоумствомъ» заставилъ отказаться отъ должности полковника Лазаря Гор-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. XII, стр. 2, 16.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. XII, стр. 210, 589, 589.

ленка, который «по нуждѣ не для чего иного, только отъ налогу гетмана и злого къ нему намѣренія» выѣхалъ изъ Прилукъ [1]); вмѣсто него Брюховецкій назначилъ полковникомъ Ивана Кошевого, одного изъ запорожцевъ, содѣйствовавшихъ его возведенію въ гетманство и составлявшихъ его ближайшую опору. Послѣ паденія Брюховецкаго, Иванъ Кошевой заявилъ полную готовность подчиниться Многогрѣшному; онъ перебилъ отрядъ татаръ, союзниковъ Дорошенка, и пріѣхавъ къ Многогрѣшному, «со всѣмъ полкомъ добилъ челомъ въ винахъ своихъ царскому величеству» [2]). Тѣмъ не менѣе новый гетманъ смѣнилъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что на него поступили жалобы «за налоги» отъ полковой старшины, и на его мѣсто назначилъ прилуцкимъ полковникомъ мѣстнаго полковаго асаула Ивана Маценка, принадлежавшаго къ числу лицъ недовольныхъ Брюховецкимъ [1]). Преемникъ Многогрѣшнаго Самойловичъ послѣдовалъ примѣру предшественниковъ и, смѣстивъ Маценка, назначилъ на его мѣсто Федора Мовчана.

Изъ универсала, сохранившагося въ записной книгѣ, которымъ гетманъ извѣщалъ жителей прилуцкаго полка объ этомъ распоряженіи, мы видимъ тѣ пріемы, которыми пользовались гетманы при замѣщеніи по своей волѣ полковничьихъ должностей; они старались для виду сохранить хотя формальное уваженіе къ выборному началу. Въ гетманскомъ универсалѣ къ прилуцкому полку отъ 13 апрѣля 1678 года сказано: «Поневажъ панъ Иванъ Маценко, бывшій полковникъ вашъ прилуцкій, доброволне извеняся своего старшинства, и за оное намъ подяковалъ, и старшина вашего полку, тутъ въ Батуринѣ бувшая, зъ товариствомъ певнымъ, за позволенемъ нашимъ, згодливыми голосами своими на той полковницкій урядъ пана Федора Мовчана обволали и надъ себе вынесли, теды и мы его, пана Мовчана, знаючи быти у войску запорожскомъ заслужоного, годного и до дѣлностей рыцарскихъ способного мужа, цале на томъ старшинствѣ потвержаемъ» [3]).

Впрочемъ Федоръ Мовчанъ пользовался не долго полученною должностію: въ томъ-же 1678 году онъ въ качествѣ прилуцкаго

---

[1]) Также, томъ VIII, стр. 182.

[2]) Также, томъ VII, стр. 109 и томъ VIII, стр. 61.

[3]) Записная книга, листъ 95 на оборотѣ.

полковника принималъ участіе въ походѣ Самойловича противъ турокъ подъ Чигиринъ, за что и получилъ похвальную грамоту [1]), а въ слѣдующемъ году былъ уже отставленъ по неизвѣстной намъ причинѣ отъ должности и поселился въ Прилукахъ въ качествѣ частнаго обывателя. Кратковременное исполненіе полковничьяго уряда не дало возможности Федору Мовчану разбогатѣть и пріобрѣсти значительную поземельную собственность; единственное владѣніе, доставшееся Федору Мовчану по наслѣдству отъ отца, это небольшая нивка у города Прилукъ, стоимостью въ 7 копъ грошей литовскихъ [2]).

Въ годъ отставки Федора Мовчана единственный его сынъ Михайло началъ службу въ козацкомъ войскѣ; вмѣстѣ съ прилуцкимъ полкомъ, подъ начальствомъ новаго полковника Дмитрія Черняевскаго онъ ходилъ въ походъ къ Кіеву, гдѣ многочисленныя русскія и козацкія войска были сосредоточены для защиты города отъ ожидавшагося турецкаго нашествія и занимались устройствомъ новыхъ укрѣпленій вокругъ города и печерскаго монастыря [2]). Но отставка отца и скудныя средства семейства Мовчана не предвѣщали Михайлу быстрой и блестящей карьеры въ козацкомъ войскѣ, потому онъ рѣшился искать счастія въ иноземной службѣ: въ 1683 г. польскій король Іоаннъ Собѣсскій, собираясь въ походъ подъ Вѣну противъ турокъ, отправилъ агентовъ въ Малороссію съ порученіемъ вербовать козаковъ въ королевскую службу; не смотря на строгій запретъ Самойловича, многочисленные охотники отправились въ королевскій лагерь; въ числѣ ихъ находился и Михайло Мовчанъ. Послѣ окончанія вѣнскаго похода онъ оставался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ польской службѣ и принималъ участіе въ нѣсколькихъ походахъ польскихъ региментарей противъ турокъ. Затѣмъ онъ переѣхалъ къ бѣлоцерковскому полковнику Семену Палію, устраивавшему, вопреки желанію польскаго правительства, на службѣ котораго онъ числился, на правой сторонѣ Днѣпра новыя козацкія поселенія. Съ Паліемъ Мовчанъ вѣроятно знакомъ былъ еще во время вѣнскаго похода, въ которомъ этотъ полковникъ принималъ участіе въ качествѣ начальника одного изъ козацкихъ отрядовъ;

[1]) Максимовичъ, Собраніе сочиненій, т. I, стр. 733.

[2]) Записная книга, листъ 6.

примкнувши къ Палію, Мовчанъ сопровождалъ его въ многочисленныхъ его военныхъ походахъ и на татаръ подъ Перекопъ и Очаковъ, и на поляковъ подъ Баръ, Паволочь и т. д.[1]). Наконецъ послѣ 1690 года Мовчанъ переѣхалъ въ Запорожье, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Сѣчи въ рядахъ «низоваго товариства».

Только въ 1696 году, послѣ тринадцатилѣтняго отсутствія, Михайло Мовчанъ возвратился на родину въ Прилуки. Отецъ его умеръ во время отсутствія сына, а мать, оставшись въ безпомощномъ состояніи, продала нивку сосѣдямъ; молодой Мовчанъ выкупилъ обратно наслѣдственный участокъ поля и поступилъ вновь на службу въ ряды козаковъ прилуцкаго полка въ званіи войсковаго товарища[2]). Вмѣстѣ съ полкомъ онъ ходилъ въ многочисленные походы во время великой сѣверной войны, находился въ козацкихъ отрядахъ, дѣйствовавшихъ въ Польшѣ, Ливоніи, Бѣлой Руси, и принималъ участіе въ 10 сраженіяхъ[3]). Въ 1708 году, во время измѣны Мазепы, Мовчанъ находился «при боку» стародубскаго полковника Ивана Скоропадскаго и вмѣстѣ съ нимъ остался вѣрнымъ русскому правительству.

Послѣ возведенія Скоропадскаго въ гетманское достоинство, Мовчанъ получилъ награду за вѣрную службу: уже въ концѣ 1708 года гетманъ издалъ универсалъ, которымъ предоставилъ въ его пользованіе войсковую мельницу въ селѣ Городнѣ, иваницкой сотни, прилуцкаго полка, конфискованную у сторонника Мазепы, Григорія Компанѣйца[4]), а годъ или два спустя Мовчану была предоставлена должность полковаго прилуцкаго асаула; чинъ этотъ онъ носитъ уже въ началѣ 1711 года, а въ сентябрѣ того-же года гетманъ отдалъ въ его пользованіе ранговое имѣніе село Талалаевку, назначенное на содержаніе прилуцкихъ полковыхъ асауловъ[5]). Должность эту Михаилъ Мовчанъ занималъ въ теченіи 30 лѣтъ; въ качествѣ асаула онъ сопровождалъ свой полкъ въ походахъ: персидскомъ (1723), польскомъ (1734) и крымскомъ (1736—1738), а также нѣсколько разъ ходилъ «на линію». Но большую часть времени

---

[1]) Тамъ-же, листъ 157.

[2]) Тамъ же, листъ 6.

[3]) Тамъ-же, листъ 157.

[4]) Тамъ-же, листъ 20.

[5]) Тамъ-же, листъ 7 и 66 на оборотѣ.

полковой асаулъ провелъ дома; здѣсь, повидимому избѣгая дѣятельнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, онъ рѣдко появлялся въ гетманской резиденціи и проживалъ большую часть времени въ ранговомъ своемъ имѣніи—Талалаевкѣ; онъ очень энергически занялся увеличеніемъ своего состоянія и сталъ скупать по мелочамъ земли у козаковъ, крестьянъ и духовныхъ лицъ. Изъ многочисленныхъ копій купчихъ крѣпостей, замѣтокъ и перечней, внесенныхъ въ записную книгу, мы имѣемъ свидѣтельства о 77 клочкахъ, пріобрѣтенныхъ разновременно Мовчаномъ; онъ скупалъ поземельную собственность во всевозможныхъ ея видахъ: пивки (41), сады и огороды (5), хаты (9), лѣса и гаи (17) и наконецъ «млынки, ставища и гребли» (5); многія изъ этихъ пріобрѣтеній представляли вѣроятно мельчайшія единицы землевладѣнія, судя по ничтожнымъ суммамъ, за которыя они были куплены. Продажные акты совершались иногда въ видѣ купчихъ крѣпостей, заключенныхъ въ «мѣстскомъ» прилуцкомъ урядѣ, или въ присутствіи сельскаго атамана, болѣе-же мелкія покупки вѣроятно основаны были лишь на словесномъ договорѣ и вносились въ записную книгу въ видѣ короткихъ замѣтокъ или перечней для свѣдѣнія владѣльца. Пріобрѣтенія земельныхъ участковъ, за исключеніемъ 3 статей, купленныхъ близъ города Прилукъ, и 8 угодій, лежавшихъ въ чертѣ земель селъ: Блотницы, Краснянъ и Будъ, сосредоточены были въ Талалаевкѣ, которою Мовчанъ пользовался въ качествѣ рангового имѣнія; здѣсь онъ скупилъ у козаковъ и посполитыхъ болѣе 60 участковъ и, округливъ такимъ образомъ свое личное землевладѣніе, закрѣпилъ свое право на него документомъ, въ которомъ козачье общество Талалаевки, въ благодарность за какую-то «уступку и любовь» къ нимъ полковаго асаула, обязалось признавать навсегда неоспоримое его право на потомственное владѣніе землями, купленными имъ въ чертѣ земельнаго владѣнія ихъ села [1]). Впрочемъ изъ многочисленныхъ купчихъ и записей мы нигдѣ не усматриваемъ, чтобы Мовчанъ прибѣгалъ для увеличенія своей собственности къ насилію или давленію на владѣльцевъ, основанному на его общественномъ положеніи или вліяніи. Постепенныя годъ за годомъ пріобрѣтенія, производимыя на незначительныя суммы, свидѣтельствуютъ лишь о

[1]) Записная книга, листъ 90 на оборотѣ.

бережливости и развитіи нормальныхъ хозяйственныхъ способностей полковаго асаула.

Нѣсколько другой взглядъ существовалъ вѣроятно у Мовчана по отношенію къ «войсковому» имуществу: по крайней мѣрѣ на мнѣніе это наводитъ сличеніе двухъ документовъ, занесенныхъ въ записную книгу: здѣсь мы встрѣчаемъ универсалъ Скоропадскаго отъ 18 сентября 1711 года, въ которомъ сказано, что гетманъ въ виду заслугъ Мовчана «на уряде асаулства полкового, ... для вспартя достоинства его» предоставляетъ ему въ пользованіе село Талалаевку [1]). Затѣмъ, когда при гетманѣ Апостолѣ предприняты были мѣры для точнаго опредѣленія содержанія, выдаваемаго генеральной и полковой старшинѣ, то «по справкѣ съ ескстрактовъ слѣдствія о маетностяхъ полку прилуцкого, въ енеральной канцеляріи имѣючихся, явилося, что .... Михайло Мовчанъ имѣетъ во владѣніи своемъ маетность село Талалаевку не на рангъ, ... но за заслуги войсковыя отъ .... гетмана Скоропадского ему данную универсаломъ року 1711». Въ силу этой «справки» Даніилъ Апостолъ назначилъ универсаломъ отъ 5 ноября 1733 года Мовчану 50 рублей годичнаго жалованія, какъ полковому асаулу, не пользующемуся ранговымъ имѣніемъ и такимъ образомъ призналъ Талалаевку его личнымъ, заслуженнымъ помѣстьемъ [2]).

Должность полковаго асаула Михайло Мовчанъ исполнялъ до глубокой старости. Только въ 1741 году онъ, повидимому, вышелъ въ отставку, по крайней мѣрѣ съ этого только года онъ въ совершаемыхъ имъ сдѣлкахъ упоминается съ титуломъ «абшитованнаго» (отставнаго) полковаго асаула [3]).

Впрочемъ, собираясь выходить въ отставку, Мовчанъ въ началѣ 1739 года подалъ челобитную императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ которой, перечисляя всѣ свои заслуги въ теченіе 60 лѣтней военной службы, просилъ удостоить его при окончаніи ея какою-либо наградою, или, какъ онъ выразился, просилъ «призрѣнія и респекту» [4]). Мы не знаемъ, какого рода резолюція послѣдовала на

---

[1]) Тамъ-же, листъ 66 на оборотѣ.

[2]) Тамъ-же, листъ 153 на оборотѣ.

[3]) Тамъ-же, листъ 10.

[4]) Тамъ-же, листъ 158.

эту челобитную. Вскорѣ послѣ отставки, 7 августа 1742 года Мовчанъ окончилъ свою многолѣтнюю жизнь; онъ не оставилъ потомковъ мужескаго пола; изъ двухъ его дочерей одна—Марія скончалась въ пожиломъ возрастѣ въ дѣвицахъ, другая—Екатерина, умершая еще при жизни отца, была замужемъ за «значнымъ войсковымъ товарищемъ» Даміяномъ Ивановичемъ Мазараки; ея дѣтямъ досталось по наслѣдству довольно значительное имущество, скопленное Михайломъ Мовчаномъ.

Записная книга полковаго асаула перешла къ его любимому внуку, Андрею Даміяновичу Мазараки, жившему послѣднее время при дѣдѣ и въ угодность ему, подписывавшемуся его фамиліею, какъ видно изъ одного документа, занесеннаго въ книгу [1]).

Новый владѣлецъ продолжалъ, хотя изрѣдка, заносить замѣтки въ дѣдовскую книгу, находившуюся въ его владѣніи до самой его смерти, послѣдовавшей послѣ 1787 года; замѣтки эти чисто семейнаго характера, небезъинтересны для характеристики стремленій и круга интересовъ малороссійскаго дворянства второй половины XVIII ст. Статьи, внесенныя въ книгу Андреемъ Мазараки, числомъ 14, по содержанію распадаются слѣдующимъ образомъ: 2 документа представляютъ перечни земель, купленныхъ въ селѣ Талалаевкѣ Даміяномъ Мазараки, отцемъ Андрея; одна записка содержитъ свѣдѣнія, собранныя о генеалогіи рода Мазараки и всѣ попавшіяся Андрею доказательства о дворянскомъ происхожденіи его предковъ, два документа—это договоры, заключенные священниками села Талалаевки съ прихожанами и владѣльцами этого села, опредѣляющіе размѣры вознагражденія за церковныя требы и содержаніе священниковъ и, наконецъ, девять записей посвящены семейнымъ воспоминаніямъ о днѣ смерти и мѣстѣ похоронъ разныхъ членовъ семейства Андрея Мазараки.

Послѣдній очевидно особенно дорожилъ возстановленіемъ своей родословной, слѣдуя общему стремленію болѣе знатныхъ представителей козачества того времени къ отыскиванію дворянскаго происхожденія своихъ родовъ; такъ какъ отецъ Андрея Мазараки умеръ еще во время его малолѣтства, не оставивъ сыновьямъ никакихъ семейныхъ преданій, то онъ занялся очень дѣятельно собра-

---

[1]) Тамъ-же, листъ 158.

ніемъ этихъ преданій изъ другихъ доступныхъ ему источниковъ. Онъ отправился за справками въ войсковую генеральную канцелярію и тамъ отыскалъ въ гербовникѣ Несецкаго, котораго экземпляръ хранился при войсковой канцеляріи для удовлетворенія любознательности козацкихъ старшинъ, три строчки о нобилитаціи своего дѣда и списалъ ихъ цѣликомъ; затѣмъ онъ встрѣтилъ бывшаго мглинскаго сотника Лесаневича, учившагося нѣкогда съ его отцемъ въ кіевской академіи и со словъ старика тщательно списалъ всѣ воспоминанія, переданныя нѣкогда Даміяномъ Мазараки Лесаневичу на школьной скамьѣ, а также воспоминанія самаго Лесаневича о родовомъ домѣ Мазараки, который мглинской сотникъ видѣлъ за сорокъ лѣтъ до встрѣчи съ Андреемъ во время своего путешествія во Львовъ. Къ этимъ скуднымъ свѣдѣніямъ составитель генеалогіи прибавилъ подробныя свѣдѣнія о себѣ, о своихъ братьяхъ и сестрахъ, отмѣтилъ ихъ брачныя связи и имена ихъ дѣтей и такимъ образомъ заготовилъ матеріалъ для своей родословной.

Изъ записки его мы узнаемъ, что предки Мазараки были греческіе купцы, переселившіеся во Львовъ; здѣсь они по видимому сильно разбогатѣли—они владѣли въ львовскомъ рынкѣ большимъ каменнымъ домомъ, построеннымъ «со статуи и протчими украшеніи». По неизвѣстной намъ причинѣ представитель рода Янъ Мазараки переѣхалъ при Хмельницкомъ на службу къ козацкому гетману; здѣсь онъ очевидно занялъ выдающееся положеніе и оказалъ важныя услуги, потому что на сеймѣ 1659 года по представленію гетмана Выговскаго, который по гадячскому договору оставилъ за собою право представлять къ «нобилитаціи» болѣе заслуженныхъ козаковъ, Янъ Мазараки вмѣстѣ съ Сомкомъ, Золотаренкомъ, Лесницкимъ и нѣкоторыми другими знатными старшинами, былъ возведенъ въ дворянское званіе [1]). Объ этомъ Янѣ Мазараки Несецкій сохранилъ свѣдѣніе, что въ 1678 году онъ, по порученію польскаго короля Яна Собѣскаго, ѣздилъ съ дипломатическими порученіями въ Персію; мы знаемъ также, что онъ принадлежалъ къ числу ревностныхъ поборниковъ православія: въ 1666 году онъ за-

[1]) Volumina legum, т. IV, стр. 303—304.

писался въ члены львовскаго православнаго братства [1]). Янъ Мазараки оставилъ двоихъ дѣтей: дочь его Анна была въ замужествѣ за лубенскимъ полковникомъ Василіемъ Свѣчкою, сынъ-же Даміянъ служилъ «значнымъ войсковымъ товарищемъ» въ прилуцкомъ полку и въ 1717 году былъ уже женатъ на дочери Мовчана, Екатеринѣ Михайловнѣ. Въ этомъ году онъ купилъ у одного изъ козаковъ талалаевскихъ «грунтъ, хату, зъ пляцемъ, зъ огородомъ, зъ гребелкою и гаемъ за 200 золотыхъ личбы литовское» и выхлопоталъ у гетмана Скоропадскаго утвержденіе этой покупки универсаломъ отъ 21 января 1719 года [2]).

Вскорѣ потомъ вѣроятно Даміянъ Мазараки скончался, потому что въ записной книгѣ прекращаются всякія о немъ упоминанія; онъ оставилъ четырехъ сыновей: старшій Петръ и младшій, Григорій, человѣкъ болѣзненный, не поступавшій на службу и прожившій всю жизнь при братьяхъ, умерли безпотомно; два средніе сына, Иванъ и Андрей Даміяновичи раздѣлили между собою наслѣдство, доставшееся имъ, какъ отъ отца, такъ и отъ дѣда Мовчана, служили въ прилуцкомъ полку въ званіи бунчуковыхъ товарищей и довольно дружно прожили до глубокой старости. Изъ слѣдующаго поколѣнія рода Мазараки болѣе всего выдается племянникъ Андрея—Григорій Ивановичъ, который сталъ быстро подвигаться въ служебной карьерѣ и, будучи еще молодымъ человѣкомъ, занялъ должность полковаго прилуцкаго асаула, но преждевременная кончина, постигшая его на 26 году жизни, прекратила его служебную дѣятельность.

Остальныя генеалогическія замѣтки Андрея Мазараки не представляютъ особаго интереса и прерываются съ 1787 годомъ, въ которомъ вѣроятно и скончался ихъ составитель. Наслѣдники его не послѣдовали примѣру отца и перестали заносить въ записную книгу факты какъ семейной, такъ и общественной жизни, по крайней мѣрѣ они сохранили свою фамильную записную книгу, за что конечно мы должны выразить имъ искреннюю признательность.

---

[1]) Памятники, изданные кіевскою археографическою Коммисіею, т. III, отд. I, стр. 91.

[2]) Записная книга, листы: 11 и 21 на оборотѣ.

Въ виду значительнаго какъ историческаго, такъ и бытоваго интереса многихъ статей, помѣщенныхъ въ записной книгѣ Михайла Мовчана, мы помѣщаемъ въ приложеніи нѣсколько изъ нихъ, выбравъ тѣ, которыя намъ казались болѣе характеристическими для обрисовки общественныхъ отношеній, сложившихся въ Малороссіи въ прошломъ столѣтіи.

В. Антоновичъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Лѣтописные отрывки, занесенные въ записную книгу Михайла Мовчана.

Року 1664. Павелъ Тетера, гетманъ чигиринскый, козацкий, заднѣпрскый, послалъ пословъ своихъ до короля полского Яна Казимѣра, абы ишолъ за Днѣпръ воевати царскихъ козаковъ. И затягъ король орду, рушилъ самъ король зъ войскомъ полскимъ и татарскимъ мѣсяца августа 17 дня и пришелъ до Бѣлой Церкви на Украину; и тамъ его споткалъ гетманъ Тетера съ войскомъ козацкимъ, съ усѣми полками: полкъ черкаскій, полкъ чигиринскій, каневскій, бѣлоцерковскій, корсуньскій, паволоцкій, уманьскій, могилевскій, браславскій и кальницкій. И совокупившися все войско полское, татарское и козацкое, пойшли за Днѣпръ мѣсяца ноеврія. Переправился король (чрезъ) Днѣпръ въ Іржищевѣ, десятъ миль нижей Кіева, и подъ Воронковъ мѣстечко прійшолъ. И здалися ему: Воронковъ, Борисполе, Козелецъ и Остеръ. И тамъ въ Остре король святковалъ Рождество Христово, а потомъ вышолъ на городи сѣверскія, а гетманъ Павелъ Тетера съ войскомъ своимъ переправилъ Днѣпръ нижей Черкасъ и мѣлъ онъ и татаръ; а ишлы воеваты Украину и государя царя православного Алексѣя Михайловича. Король ишолъ отъ сѣвера, а гетманъ Тетера отъ полудня; и такъ ополчишася на государя российского; въ то-бо время государь опановалъ всю Украину и своими людьми военными всѣ столечнія городы осадилъ; въ Кіевѣ на тотъ часъ былъ воеводою Іванъ Ивановичъ Чагадаевъ зъ людомъ царскимъ военнимъ; о чемъ увѣдавшись, король

полскій обминулъ Кіевъ, столечный городъ украинской. По семъ король рушилъ зъ Остра на городи сѣверскіе и пришолъ до Дѣвици города, и чрезъ мѣчъ досталъ, и всѣхъ людей выстиналъ, и городъ спалилъ. А Чернѣговъ и Березную минулъ. Сосница, Новие Млини и Коронъ здалися. И дойшолъ король Глухова города, на границѣ Московского государства стоячого, людного. Тамже притягъ панъ Пацъ, гетманъ литовскій зъ войскомъ литовскимъ и зъ татарами и Богунъ, наказный гетманъ чигиринскій козацкій. Облегли Глуховъ, и штурмовали, и подкопъ чинили, и всѣми силами военними доставали—и не достали, и зъ стидомъ король назадъ пойшолъ на Кричевъ и прийшолъ до Вихова, и здався Виховъ, и тамъ король святковалъ великъдень свой римский, и былъ въ Могилевѣ, и того часу мѣсто все Могилевъ и крами погорѣли, и вернулся король до Полщи въ томъ же 1664 року.

Листъ 26 на оборотѣ—27.

Въ року 1664 король полскій Казѣмѣръ зъ войскомъ полскимъ и чужоземними силамы Глухова города доставали полтори неделѣ и не досталы.

Въ року 1672 царъ турецкій своими бесурманскими сыламы подолскій Камянецъ опановалъ.

Въ року 1674 также бесурманъ турчинъ Уманъ, Ладижинъ и инне городи звоевалъ и множество народу въ неволю забралъ.

Въ року 1678 Азевъ, визѣръ порты атаманской, вторимъ приходомъ Чигиринъ взялъ.

Року 1683 турки Вѣдень въ Австріи тѣсною окружили осадою. Янъ Собецкій, король полскій, самъ, взявши зъ собою болше двадцяти тисячъ человѣкъ, къ разърѣшенію осади и къ освобожденню осаженнихъ поспѣшилъ; еже, пришедшимъ въкупѣ, на помощъ до своихъ, електорамъ-баварскому и саксонскому и князю лотаринскому, храбро и мужественно сотворылъ. Егда-же послѣ жесточае при Барканѣ нашелъ на неприятеля, нѣмцомъ славы побѣдительной завидящи, которихъ ужидати билъ долженъ, въ великое житія бѣдствіе впалъ; ибо уже нѣкто отъ турковъ, обнаживши мечъ, хотѣлъ ударити короля, и ударилъ-би былъ, аще бы нѣкто воинъ полскій изъ ручной фузеи не убилъ неприя-

теля; утружденнаго-же короля и горячостію воинского сердца тако ослабѣвшаго, яко на конѣ едва сѣдѣты моглъ, полковникъ нѣкто и другіи шляхтичѣ на рамена воспріявшы, зъ собою вынесли.

Листъ 88 на оборотѣ—89.

Первая баталья вѣденская. Року 1683, месеца сентеврия, въ день недельный, на рождество Пресвятой Богородицы, зъ вѣзиремъ турецкымъ Янъ Собецкый, король полскый, съ цесарскими електорами совокупившись и ушковавши полки такъ полскія, яко и нѣмецкія, зъ вѣзеремъ турецкимъ далъ баталѣю. Турки Вѣдень въ Австріи тѣсною окружали осадою, якъ Собецкый, король полскый, самъ, взявши зъ собою болше ста тисячей человѣкъ, къ разрѣшенію осади и ко освобожденію осажденнихъ поспѣшилъ. Еже пришедшимъ напотомъ въ купѣ двочмъ електорамъ: баварскому и сакъсонъскому, князю лотаринскому, храбро и мужественно сотворилъ, вшиковавши полки сполне зъ нѣмецкимы силами, просто пошолъ на вѣзѣра турецкого и далъ баталѣю король полскій. А зачалася тая баталѣя зъ ранку, а предъ вечеромъ за двѣ годинѣ зовсѣмъ турковъ збили и Вѣдень свободили. И въ того-жъ вѣзира турецкого било самихъ мѣднихъ пушокъ вусѣмъ сотъ подъ городомъ Видънею, а всей турецкой сили было въ баталѣи сѣмъ сотъ тисячъ.

Того-жъ року еще двѣ баталѣи было зъ визѣремъ турецкимъ надъ Дунаемъ противъ замъку Остроgону; и далъ баталѣю вѣзѣръ на короля полского Яна Собецкого и билъ короля, потому-же ишолъ, полки не вшиковавши, въ день, імянно четверъ. И въ той баталѣи вырубано поляковъ болѣе пяти тисячъ, а пригнали короля полского ажъ до нѣмецкой пѣхоти, и тамъ, подлѣ оной пѣхоти одержалъ себе король, какъ дали огонь зъ дробного оружя и пушокъ. Король-же полский Янъ Собецкий дневалъ—стоялъ въ пятницю надъ Дунаемъ совокупне зъ пѣхотою и всею арміею. Розярившись-же визѣръ пишетъ листъ до короля полского, а въ листе виражае: «нехъ король полский дасть со мною еще баталѣю». Переночевавши король полский зъ пятницѣ на суботу, ушиковавши полскія полки, оставя пѣхоту нѣмецкую, пошолъ до визѣра турецкого, дати на писаня его баталѣю. Когда-же увидѣлъ визѣръ, же король идетъ прямо къ нему, вийшолъ зъ войскомъ сво-

имъ зъ западной долини, зближаючися до короля зъ силами войска своего, похиливши значки, просто пошолъ. Когда-же припустилъ король вѣзѣра къ себе, далъ на сили его огонь и, добувши шабель, войско вѣзѣрова едно въ томъ-же мѣстѣ вирубалъ, а другихъ зъ нимъ, вѣзѣремъ, на мѣстѣ нагнали. И въ той баталѣи всѣ турки пропали, а зъ малимъ числомъ войска самъ визѣръ въ землю свою утекъ. И поляки такую имъ повѣсть обявляли: «О тожъ, турцѣ, ваша пиха наробила вамъ лиха».

Листъ 39.

Року 1709 государь Петръ первый, императоръ всероссийский, зъ войскомъ своимъ якъ московскимъ, такъ и козацкимъ подъ Полтавою на баталѣи збилъ короля шведского.

Листъ 38.

Року 1736, 1737, 1738 и 1739 за помощию Божиею и щастямъ государинѣ нашой, Анни Іоановни, городи татарскія: Перекопъ, Козловъ и Бакцѣсаръ и весь Кримъ московскимъ и козацкимъ войскомъ взятъ.

Листъ 40.

2. Рѣшеніе прилуцкаго полковаго суда по иску войсковаго товарища Михайла Мовчана на козаковъ Котляренковъ, предъявленному по поводу незаконной покупки Котляренками нивы наслѣдственной Мовчана у его матери въ его отсутствіе. Судъ постановилъ, что Мовчанъ имѣетъ право получить обратно ниву, возвративъ Котляренкамъ деньги, заплаченныя за нее матери Мовчана, 1698 г., сентября 8.

За вѣдомомъ самого добродѣя нашего, пана Димитрія Горленка, полковника войска его царского величества запорожского прилуцкого. Передъ нами: Іваномъ Носомъ, судею полковымъ прилуцкимъ, Тимошемъ Бреской, атаманомъ городовимъ, Давидомъ Давидовичемъ, войтомъ, а Грицькомъ Лихопекою и Юскомъ Чернишемъ, бурмистрами, ставши очевисте панъ Михайло Мовчанъ, товаришъ войсковый, обыватель нашъ прилуцкій, доходилъ добръ своихъ лежачихъ, нывя, по небожчину Федору Мовчану, отцевѣ своемъ на него спадаючихъ, у Кондрата и Гаврила Котляренковъ, жителей нашихъ прилуцкихъ, про-

данныхъ маткою его, Оришкою Мовчанихою, имъ Котляренкамъ, за сѣмъ конъ, безъ битности пана Михайла, кгди онъ найдовался въ Сѣчи Запорожской. Тоди мы, выдячи оного ближшымъ быти до тыхъ добръ, а къ тому еще и давностю не зашли отъ того часу, якъ панъ Михайло пришелъ зъ Сѣчи, къ тому позволяемъ ему, пану Михайлу, абы помененнымъ Котляренкамъ отдалъ гроши конъ сѣмь, за що и они были купили; а що черезъ якій часъ ваковали гроши за нівя данные, то не вотще—за тое Котляренки зъ пашенои десятины пожитки собѣ мѣли. Которимъ то нывямъ, въ Котляренковъ откупленнымъ, волно будетъ пану Михайлу зъ малжонкою своею и дѣтками, яко своимъ власнымъ, купнымъ правомъ набытимъ, владѣти, шафовати, дати, даровати, продати и, куда хотячи, на свой пожитокъ оборочати, не узнаючи нѣ отъ кого нѣякой жадной турбаціи теперь и въ потомніе часы. На що для лѣпшой вѣри и певности и сей записъ, при печати нашой мѣской прилуцкой, пану Михайловѣ казалисмо видати. Данъ въ Прилуцѣ сентаврія 8, 1698 году. Звышъ меновенный урядъ войсковый и мѣскій прилуцкій. (М. П)

Листъ 6.

3. Универсалъ гетмана Скоропадскаго, предписывающій передать во владѣніе знатнаго войсковаго товарища Михаила Мовчана войсковую мельницу, находящуюся въ селѣ Городнѣ, отнятую за измѣну у козака Григорія Компаньйца. 1708 г. декабря 19.

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшаго великого государя его царского величества войска запорожского гетманъ Іоанъ Скоропадскій.

Всей старшинѣ и чернѣ войска его царского пресвѣтлого величества, а особливе пану полковниковѣ на сей часъ наказному, а впредъ совершенному прилуцкому, зо всею старшиною полковою, и пану сотниковѣ Іваницкому, зо всѣмъ товариствомъ и посполствомъ, ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ: Поневажъ Григорій Компанѣецъ, полчанинъ прилуцкій, въ противную сторону непріятельскую за змѣникомъ Мазепою удался, теди млинокъ войсковий въ сотнѣ Іваницкой, въ селѣ Городнѣ найдуючийся, одъ оного Компанѣйца одобравши, надаемъ пану Михайлу Мовчану, тогожъ полку прилуцкого знатному товаришовѣ войсковому, яко въ неизмѣнной вѣрности и въ услугахъ войско-

вихъ при нашомъ боку найдуючомуся. Прето аби ему, пану Михайлу Мовчану въ отнятю помененого млина и въ одбѣраню зъ него належитихъ розмѣровихъ приходовъ нѣхто изъ старшини и чернѣ полку тамошнего не важилъся жадной найменшой чинити перешкоди, симъ унѣверсаломъ нашимъ варуемъ и рейментарско приказуемъ. Данъ въ Лебединѣ декавря 19, року 1708. Звишъ менований гетманъ рукою власною (мѣсто печати рейментарской).

Листъ 20.

4. Мировая запись, по которой козаки Талалаевки обезпечиваютъ полковому прилуцкому асаулу Михайлу Мовчану неоспоримое право на владѣніе землями, пріобрѣтенными имъ въ чертѣ земель Талалаевки. 1729 г. ноября 18.

Року 1729, мѣсяца ноеврія осмогонадцять.

Мы, нижей подписанніе, все товариство куреня Талалаевъского, за тую пана асаулову уступку и любовъ, сами и дѣти-наслѣдники наши нѣ до якихъ его, пана асауловыхъ загоновъ, такожъ и до его подданнихъ, жителей талалаевскихъ, жадною мѣрою интересоватися не мѣемъ и не повинни будемъ подъ штрафомъ рублей ста, но толко въ кого естъ тамже около села Талалаевки пахатное поле, чи то у его, пана асаула, или зъ межи насъ у которого, албо у подданнихъ его пана асауловихъ, жителей талалаевскихъ, то всякъ своимъ пахатнимъ полемъ долженъ владѣти спокойне, не узнаючи ни отъ кого въ томъ жадной и найменшей турбаціи теперъ и въ потомніе часы. Чого ради и сію мировую отъ себе даемъ и на оной подписуемся.

Къ сему мировому писму, по прошенію атамана талалаевского и всего товариства, яко неграмотнихъ, я, іерей Александеръ, священникъ талалаевскій во мѣсто ихъ руку приложилъ.

Я, Дорофей Подоляченко, козакъ куреня талалаевского, по прошенію атамана зъ товариствомъ, во мѣсто ихъ и себе руку приложилъ.

Листъ 90 на оборотѣ.

5. Челобитная Михайла Мовчана императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, заключающая перечень военныхъ заслугъ просителя. 1739 г. марта 28.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая государыня Імператрица

Анна Іоановна самодержца всероссійская!

Бьетъ челомъ вашему императорскому величеству асаулъ полковый прилуцкій Михайло Мовчанъ; а въ чемъ тое челобите, нижей того слѣдуетъ;

Служилъ я нижайшій съ 1679 году продкамъ блаженія и вѣчно достойнія памяти вашего императорского величества по вѣрно присяжной своей рабской должности. Которіе мои службы представляю [1]):

1683 году въ Цесарія подъ городомъ Виднею зъ королемъ полскимъ на баталѣи билъ. Тогожъ года подъ городомъ Острогономъ на баталѣи билъ.

1685 году зъ полскимъ рейментаромъ Ревуцкимъ подъ городомъ Яловцемъ на баталѣи билъ,

1686 году зъ тимже рейментаромъ Ревуцкимъ подъ Каменцомъ подолскимъ на баталѣи билъ.

1687 году зъ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ подъ крымскимъ Перекопомъ въ походѣ билъ.

1688 году зъ полковникомъ охочекомоннимъ Семеномъ Палѣемъ подъ городомъ Баромъ на баталѣи билъ.

1689 году зъ тимъ-же полковникомъ Палѣемъ подъ городомъ Паволочю на баталѣи билъ.

1700 году зъ тимъ-же полковникомъ Палѣемъ подъ городомъ Очаковомъ на баталѣи билъ.

1712 году въ баталѣи и на приступѣ зъ полковникомъ Куликомъ подъ городомъ Гданскомъ билъ.

1714 году другимъ разомъ подъ городомъ Очаковомъ зъ полковникомъ Палѣемъ-же на баталѣи билъ.

---

[1]) Перечень походовъ и сраженій, въ которыхъ принималъ участіе Михайло Мовчанъ, составленъ имъ въ глубокой старости по памяти и потому многіе факты не датированы, года другихъ проставлены ошибочно и хронологическая послѣдовательность фактовъ не соблюдена.

Зъ фелдмаршаломъ Борисомъ Петровичемъ Шереметовимъ въ баталѣи и на приступѣ подъ городомъ Казикерменомъ и Таванню билъ.

Зъ гетманомъ наказнимъ Скоропадскимъ въ баталѣи подъ городомъ полскимъ Кадиномъ посиланъ былъ въ партіи вдарить на короля шведского.

Подъ Ригою, по отходѣ самоблаженія и вѣчно достойнія памяти Петра первого императора и самодержца всероссійского до Полтавы, противъ выпору зъ Риги на баталѣи билъ.

Зъ наказнимъ гетманомъ Даниломъ Апостоломъ въ Печерахъ подъ Мидзою Рантіною въ баталѣи билъ.

Подъ Баромъ на службѣ ея императорскаго величества билъ.

Зъ гетманомъ (наказнымъ) Митлашевскимъ подъ Быховомъ на приступѣ и въ баталѣи билъ.

На службѣ императорскаго величества въ Польщѣ подъ городами: Варшавою и Гродномъ билъ.

Зъ гетманомъ Скоропадскимъ на службѣ императорского величества на Либедѣ билъ.

Зъ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ на службѣ императорского величества, якъ Печерское робили, билъ.

Подъ Сяѣлою (sic) зъ генераломъ Плящиновимъ въ баталѣи билъ.

Зъ наказнимъ гетманомъ Сулимою на службѣ императорскаго величества въ Царичинѣ билъ.

Зъ гетманомъ Скоропадскимъ въ баталѣи подъ Полтавою, когда короля шведского били, бувъ.

Зъ гетманомъ Скоропадскимъ на службѣ императорского величества подъ Камянымъ Затономъ билъ.

Зъ наказнимъ гетманомъ Даниломъ Апостоломъ въ низовомъ походѣ у Дербентѣ на службѣ императорскаго величества билъ.

1731 года на службѣ ея императорскаго величества на линѣи за полковника билъ.

1734 года зъ генераломъ Шаховскимъ въ походѣ въ Полщѣ билъ.

1736 года въ военномъ крымскомъ походѣ на Чорной Долинѣ въ баталѣи подъ городами: Перекопомъ, Козловомъ и Бакцисаромъ на приступѣ билъ за полковника.

1737 года въ военномъ крымскомъ походѣ подъ Карасевомъ въ баталѣи билъ.

1738 года въ военномъ походѣ у Днѣстра билъ.

О вишеписанихъ моихъ службахъ свѣдоми при тогдашнихъ акціяхъ бившіе генералѣтети, гетмани и полковники. За которіе мои вѣрніе служби всемилостивѣйшая государиня императрица прошу вашего императорского величества на мене нижайшого призрѣнія и респекту.

Вашего императорского величества всенижайшій рабъ асаулъ полковій прилуцкій Михайло Мовчанъ. Писана сіа челобитная 1739 году марта 28 дня. Къ сій челобитной подписался асаулъ полковій прилуцкій Михайло Мовчанъ, а вмѣсто его неграмотного, по его веленію унукъ оного Андрей Мовчановъ руку приложилъ.

Къ поданю надлежитъ високопревосходительнѣйшему и високоповелительному господину генералу и кавалеру Александру Ивановичу его високопревосходительству Румянцову, въ походную войсковую енеральную канцелярію.

Листъ 157—158.

6. Записки Андрея Мазараки о смерти и мѣстѣ погребенія его родственниковъ. 1734—1787 г.

1734 года сентеврія 5 числа Екатерина Михайловна Мовчановна, матка наша, умерла, которую похоронили въ обители святой троецкой Густинской подъ церквою на лѣвой сторонѣ. А въ далшую память себѣ записалы.

1742 года, августа 7 дня дѣдъ нашъ полковый прилуцкій асаулъ, Михайло Федоровичъ Мовчанъ Божею волею умре, которого тѣло погребено въ монастиру свято-троецкомъ густинскомъ, въ склепу каменномъ подъ церквою.

1746 года, августа 12 бабка наша Параскевія Леонтіевна Мовчаниха умерла, которой тѣло погребено по обычаю христіанскомъ въ монастиру густинскомъ подъ церквою, на лѣвой сторонѣ, въ дубовомъ склепу.

1766 года, февраля 22 дня Марія Михайловна Мовчановна, тетка наша родная, умерла, которой тѣло погребено по обычаю христіанскому въ селѣ Блотницѣ подъ церквою, близъ дверей паламарныхъ, на лѣвой сторонѣ, въ склепу дубовомъ. Впредъ для памяты записано.

1771 года, февраля 14 родный племенникъ мой, Григорій Ивановичъ Мазаракій, полковой прилуцкій асаулъ, волею Божею заболѣлъ въ 1770 году декабря послѣднихъ числъ, а умре вишеписанних года и числа въ день понеделковый, которого тѣло погребено обычаемъ христіанскимъ, въ дубовомъ склепу, при мѣсту обранномъ на ново строящую церковь въ селѣ Талалаевкѣ. Предвиражений племенникъ, асаулъ полковой, имелъ отъ роду вишше двадцати пяти летъ; осталося по немъ дѣтей малихъ трое, при женѣ его Софѣи Федоровнѣ Богаевсковнѣ. Впредь для памяти записалъ Андрей Мазаракій.

Любезнѣйший братъ мой, бунчуковий товаришъ, Иванъ Демяновичъ Мазаракий, сего 1784 году въ генварѣ мѣсяцѣ заболѣлъ и по волѣ Божей отъ временного жития во вѣчное блаженство преставился, февраля въ 24 день, предъ утреннею, въ день суботний; погребенъ-же въ церковномъ склепу марта 4 числа въ талалаевской успенской церквѣ. И для пребудущого знания записалъ бунчуковий товаришъ Андрей Мазаракий. Отъ роду ему было 66 годъ.

Любезний внукъ мой, Степанъ Семеновичъ Мазаракий 1783 года, іюля 27 дня, преставился, а Мареа Семеновна Мазаракіевна 1787 года, генваря 17 дня, преставилася, коихъ тѣла погребеня въ притворѣ церковномъ, съ правои сторони, въ склепахъ дубовихъ.

Родний братъ мой менший, Григорий Демяновичъ, проживающий отъ молодихъ лѣтъ до старости безженнимъ, волею Божею заболѣлъ въ августѣ мѣсяцѣ, преставился сего 1787 году, ноября противъ 6, въ день пятничний, въ вечеру; погребенъ-же въ день субботи подъ церквою, съ лѣвой стороии отъ притвора женского, въ обикновенной домовинѣ и дубовомъ склепу. Отъ роду ему 65 лѣтъ било.

Листъ 162 на оборотѣ—163.

7. Замѣтки Андрея Мазараки о генеалоіи своего рода, составленныя въ 1764—1765 годахъ.

1764 года для предбудущого ознанія шляхетства фамиліи Мазаракіевъ зъ Гербаріуша, книги третей печатной, при генералной войсковой канцеляріи имѣючогося, виписанно и въ ономъ значить тако:

„Янъ Мазаракій, о которомъ конституція 1678 на листѣ 3, билъ посломъ отъ короля Яна третого до Персіи, имѣлъ за собою Конституцію (sic, вмѣсто «Констанцію») Крузировне ловчанкеи ифлянско“.

Показанній шляхтичъ нобѣлетованъ въ 1658 году, по рекомендаціи гетмана Виговского, отъ короля полского за услуги, оказанніе въ войску запорожскомъ, о чемъ значить въ книги конституціяхъ полскихъ. Вишше означеній Янъ Мазаракій предприписанному въ универсалѣ полку прилуцкого товаришу, Демяну Мазаракію, отцу мене, на семъ своеручно подписавшогося, отецъ, а мой дѣдъ, съ полской области, оставя свой домъ и всѣ угодіи, въ Малороссіи жилъ по смерть свою. По смертижъ оного дочь его старшая, Анна Мазаракіевна была въ замужествѣ за лубенскимъ полковникомъ, Василіемъ Свѣчкою, а синъ Демянъ Мазаракій, женился на дочерѣ полкового прилуцкого асауля, Михайла Мовчана—Екатеринѣ, и отъ нихъ обоихъ половъ я зъ братомъ моимъ, бунчуковимъ товаришомъ Иваномъ Мазаракіемъ сложени; братижъ наши родние: старший Петръ умре безпотоменъ, а менший Григорий, въ болѣзни находяся, проживалъ и проживаетъ при нашихъ домахъ, полку прилуцкого, краснеколядинской сотнѣ, въ селѣ Талалаевци—безпотоменъ. Отъ менежъ и жени моей Анни Кандибовни родилося двое дѣтей: дочь Мареа Миклашевская и сынъ Семенъ Андреевичъ Мазаракій; а отъ брата Ивана и жены его Маріи родился сынъ Григорій, кой умеръ, и остались по немъ жена и дѣти. Про память мною, абшитованимъ бунчуковимъ товаришемъ, Андреемъ Демяновичемъ Мазаракіемъ записано

1765 года, декабря 2 дня, полку стародубовского абшитованій мглинскій сотникъ Иванъ Лѣсаніевичъ въ малороссійской коллегіи въ протоколѣ осмого іюля объявилъ мнѣ, яко онъ въ академіи кіевской обучался, зъ умершимъ отцемъ моимъ, Деміаномъ Мазаракіемъ, содержалъ знаемость, разговаривалъ, что покойной отецъ мой уроженецъ былъ полской націи, предкижъ его были греческого рода, нобѣлѣтованній полскій шляхтичъ Янъ Мазаракій. И имѣли ихъ домовство въ городѣ полскомъ Львовѣ противъ ринку. Въ коемъ городѣ будучи, вишшеименнованій Лѣсаніевичъ въ прошедшомъ 1724 году слихалъ про означенихъ фамилію Мазаракія и видѣлъ показанного Мазаракія кош-

томъ состроенній домъ, которой подъ прописанную реченного Лѣсаніевича бытность назывался вже королевскимъ; а для чего, о томъ не извѣстенъ. Состроенъ-же билъ тотъ домъ Мазаракіемъ со статуями и протчими украшеніи и великокоштовно. И какъ о предпрописанномъ всемъ съ вѣдома моего въ сию книгу уписъ сдѣланъ, такъ рукою моею и подписалъ. Бунчуковий товаришъ Андрей Мазаракій.

Листъ 22—23 на оборотѣ.

8. Росписка, данная владѣльцамъ и прихожанамъ села Талалаевки ставленникомъ Василіемъ Андріевскимъ, содержащая обязательство получать вознагражденіе за труды по оцѣнкѣ, обозначенной въ роспискѣ.

1768 года, февраля 10 дня.

Я, нижей подписавшійся, сеею моею подпискою, данною владѣльцомъ села Талалаевки, господамъ бунчуковимъ товарищамъ Андрею и Ивану Мазаракіямъ и прихожанамъ талалаевскимъ какъ козакамъ, такъ и посполитымъ, обовязуюся въ томъ, что буди ли Богъ мене при церкве Успенія Пресвятой Богородицы въ селѣ Талалаевкѣ удостоитъ быть священникомъ, то я за свои труды не больше, какъ толко по данному мнѣ контракту отъ прихожанъ вышеписанной церквѣ взымать буду; а именно: за крещеніе младенца три копейки, за обвенчаніе первого брака десять копѣекъ, за второй и третой бракъ двадцать копѣекъ, за виводини по брацѣ пять копѣекъ, а когда случится зъ стороны кого вѣнчать, то болше одного рубля не требовать; за похоронъ малій пять копѣекъ, за похоронъ великій десять копѣекъ, за уписъ въ помяновеніе умершихъ, когда будетъ соизволеніе чіе и къ заплатѣ возможность, то за суботний пятьдесятъ копѣекъ, за сорокоустъ два рубли, за молебень десять копѣекъ, за панахиду десять копѣекъ, за освященіе дому двадцать копѣекъ, за обѣдъ, когда случится купно за упокой и за здоровній отправлять, то десять копѣекъ. За роковщину пашнѣ: у кого имѣется хотя до троихъ воловъ—полъ четверика государевой мѣры, а у кого четири, а хотяй и цѣлой плугъ воловъ—единъ четверикъ пашнѣ тоей-же мѣры, и какой не случится пашнѣ, принимать безспорно долженъ; отъ пѣшого—три копѣйки, отъ подсусѣдка двѣ; которыми доходами буду доволенъ и вимагательства чинить не буду, развѣ кто

зъ доброй своей волѣ похощетъ датъ. О томъ имъ, господамъ владѣльцамъ и прихожанамъ талалаевскимъ даю сію росписку и на оной своеручно при печати подписуюся. Умершого іерея талалаевского Свято-Успенской церкви Петра Андреева сынъ, Василь Петровъ Андрѣевскій руку приложилъ.

Листъ 161.

9. Такая-же росписка, данная сшавленникомъ Кирилломъ Александровымъ 1769 года.

1769 года, августа 13 дня. Я, ниже подписавшійся, далъ сію господамъ владѣлцамъ села Талалаевки, бунчуковимъ товарищамъ, Андрею и Ивану Демінновичамъ Мазаракіямъ и ихъ наслѣдникамъ, да тогоже села прихожанамъ, козакамъ и посполитству росписку въ томъ, что долженъ я буду, когда удостоюся къ церкви талалаевской священническаго чина, бить во всемъ впредь показаннымъ господамъ владѣлцамъ и ихъ наслѣдникамъ снисходителенъ и малѣйше не противенъ, а въ служеніи церковномъ не лѣнивъ и послушливъ безъ отмѣни. За моюжъ въ чину іерейскомъ услугу, по давнему установленію, какъ предкамъ моимъ: дѣду и отцу, отъ прихожанъ плачено, такъ и я безъ прибавокъ и вимагательствъ взимати буду: за вѣнець первобрачний десять копѣекъ, а отъ второбрачнихъ и третобрачнихъ зъ своихъ прихожанъ по двадцяти копѣекъ, а отъ стороннихъ смотря по имуществамъ, однакъ не болѣе рубля; за погребеніе великое десять копѣекъ, за малое пять копѣекъ, за крещеніе младенца три копѣйки, за освященіе дому двадцять, а за обѣдъ поминалній десять копѣекъ: за сорокоустъ и суботникъ, буди хто пожелаетъ, съ прихожанъ оной талалаевской церкви мене о отправѣ просити, то за сорокоустъ два рублѣ, а суботникъ пятдесятъ копѣекъ получати имѣю. Роковщина-жъ какъ прежде отъ прихожанъ, имущихъ воли, давалась пашнею, какою хто соизволить, то принимать безъ разбору мѣрою казенною, а не старою Роменскою, то есть: отъ вола по одному четверику; а яко и прихожанинъ имѣтиметь воловъ два и болѣе, тотъ давалъ-бы по два четверика. И буди бы я дерзнулъ напротиву сего господамъ владѣлцамъ отъ мене данного обовязателства здѣлать

отмѣну, или причинять прихожанамъ во взяткахъ каково вимагателство и другую непристойность, за то подвергаю себе неопустному оштрафованію по моей командѣ и отъ прихода отставки. Во увѣреніе предвираженного, на семъ своеручно подписался року и дня вишеписанного. Къ сей росписки іерея талалаевскаго Александра Андреева синъ Кирило Александровъ подписался.

Листъ 116 на оборотѣ—162.

ДРЕВНІЯ и НОВЫЯ СКАЗАНІЯ о НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ.

(Къ вопросу о томъ, можетъ-ли кіевская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія).

(Посвящается П. А. Лашкарову).

Въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за прошлый годъ помѣщены «Историческія замѣтки о Кіевѣ», принадлежащія перу извѣстнаго знатока мѣстной исторіи П. Л—ва. Замѣтки эти, изобилуя новыми данными, извлеченными авторомъ изъ разныхъ архивовъ, или-же представляя новую постановку и освѣщеніе данныхъ уже извѣстныхъ, безспорно важны для исторіи нашего города и напоминаютъ собою чрезвычайно любопытные «Объяснительные параграфы о Кіевѣ» другаго знатока южно-русской исторіи М. А. Максимовича. Тѣмъ не менѣе одна изъ 6-ти замѣтокъ уважаемаго автора, именно *о началѣ богоявленскаго братскаго монастыря и кіевской академіи*, не можетъ не вызывать возраженій относительно сообщаемыхъ въ ней фактовъ и сдѣланныхъ на основаніи ихъ выводовъ.

Дѣло въ томъ, что, по недостатку документальныхъ данныхъ о первыхъ временахъ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ, начальная исторія этихъ учрежденій восполняется историками при помощи преданія и собственныхъ соображеній и догадокъ, а потому въ нее привнесено много неточнаго, съ дѣйствительными фактами несогласнаго и самый вопросъ о времени, къ которому должно пріурочить происхожденіе этихъ учрежденій, не имѣя прочной фактической опоры, подверженъ неизбѣжнымъ коле-

баніямъ, что и отразилось на его давней уже исторіи. Очень долгое время въ нашей исторической литературѣ господствовало мнѣніе, что кіево-богоявленское братство существовало еще въ концѣ XVI стол., что бывшую при немъ школу константинопольскій патріархъ Іеремія въ 1589 г., на возвратномъ пути изъ Москвы чрезъ Кіевъ, благословилъ и возвысилъ на степень первоклассного училища и что затѣмъ она, просуществовавъ четверть столѣтія, въ 1614 году сгорѣла, а въ слѣдующемъ 1615 г. переведена была во дворъ, подаренный для сей цѣли Гальшкою Гулевичевною, женою Стефана Лозки, маршала Мозырскаго. Но сравнительно въ недавнее время это, почти установившееся въ наукѣ, мнѣніе значительно было поколеблено новыми изслѣдованіями и соображеніями покойнаго М. А. Максимовича и проф. П. И. Малышевскаго, которые оба относятъ возникновеніе означенныхъ братства и школы къ 1615 году. Пишущій эти строки, раздѣляя мнѣніе названныхъ изслѣдователей, въ свою очередь старался подкрѣпить оное новыми данными и соображеніями, каковыя и были сообщены имъ въ рефератѣ, читанномъ въ церковно-археологическомъ обществѣ при кіев. дух. академіи и впослѣдствіи напечатанномъ въ мѣстномъ академическомъ журналѣ [1]). По высказанному нами тогда мнѣнію, ученая критика, въ лицѣ Максимовича и Малышевскаго, поколебавъ господствовавшее до нихъ мнѣніе о существованіи кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ въ концѣ XVI стол., потому не могла окончательно подорвать историческое его значеніе, что почти вовсе не коснулась главной опоры, которая преимущественно и даетъ ему жизненные соки, т. е. тѣхъ документальныхъ данныхъ, на которыя принято указывать, какъ на доказательства несомнѣннаго существованія кіевскаго братства не позже 1589 года. Мы коснулись этихъ данныхъ—старались провѣрить, дѣйствительно-ли въ нихъ можно находить указанія на существованіе кіевскаго братства въ концѣ XVI ст. Результатъ получился отрицательный. Мы тогда-же заявили, что мнѣніе о первоначальномъ основаніи кіевскаго братства и школы при немъ не позже 1589 г., какъ не имѣющее никакой прочной опоры для научнаго устоя, неизбѣжно должно быть оставлено. Но заявленію нашему, не суждено было исполниться: въ упо-

---

[1]) Труды кіевской духовной академіи, 1882 г. № 3-й.

мянутыхъ «Историческихъ замѣткахъ о Кіевѣ» П. Л—въ, имѣя въ виду нѣкоторыя новыя данныя, возвращается къ прежнему мнѣнію о существованіи кіево-богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI ст., признавая это мнѣніе *вполнѣ достовѣрнымъ*. Затѣмъ, относя первое историческое извѣстіе о существованіи кіевской братской школы къ 1589 году, когда ее благословилъ и возвысилъ константинопольскій патріархъ Іеремія, авторъ «Историческихъ замѣтокъ о Кіевѣ» въ этомъ же году полагаетъ и начало кіевской академіи, возникшей изъ означенной школы,—прибавляя въ заключеніе, что «въ 1889 году въ сентябрѣ или октябрѣ кіевская духовная академія можетъ праздновать трехсотлѣтіе своего существованія».

Такимъ образомъ, вопросъ о первоначальномъ возникновеніи кіево-богоявленскаго братства снова всплываетъ наружу и требуетъ новаго пересмотра. Такой пересмотръ необходимъ не только потому, что защита древняго преданія о возникновеніи кіевскаго братства въ концѣ XVI ст. принадлежитъ извѣстному спеціалисту, вооружена нѣкоторыми новыми данными и помѣщена въ распространенномъ мѣстномъ органѣ, но и въ виду практическихъ соображеній: 1889-й годъ не за горами и въ нашей академіи начинаютъ уже сильно интересоваться предстоящимъ ей юбилеемъ. Рука объ руку съ чисто научнымъ интересомъ выдвигается житейскій вопросъ: лѣтъ черезъ пять можетъ-ли кіевская духовная академія праздновать трехсотлѣтіе своего существованія?

Вопросъ расширяется и обобщается, если взять во вниманіе, что съ началомъ кіевской академіи связана исторія южно-русскаго и вообще русскаго просвѣщенія, такъ какъ чрезъ пять лѣтъ русская наука, русское просвѣщеніе праздновали-бы трехсотлѣтній юбилей своего древнѣйшаго, доселѣ уцѣлѣвшаго училища, и это былъ-бы не частный академическій, не русскій только, но общій всероссійскій, скажемъ болѣе—всеславянскій юбилей.

По необходимости надо обратиться вновь къ вопросу о началѣ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ, подвергнуть новой критикѣ мнѣніе о возникновеніи братства и школы еще въ концѣ XVI ст., прослѣдить самую исторію этого мнѣнія, провѣрить выдвигаемыя авторомъ «Замѣтокъ о Кіевѣ» новыя данныя и соображенія, обслѣдовать вообще всѣ данныя и предположенія,

имѣющія отношеніе къ этому предмету, чтобы отвѣтъ на поставленный вопросъ былъ упроченъ на твердыхъ устояхъ и не могъ быть поколебленъ вновь.

I.

Изслѣдователи, относившіе первоначальное возникновеніе кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ къ концу XVI ст., обыкновенно въ подкрѣпленіе своего мнѣнія ссылались на *древнее* якобы *преданіе*, гласившее о пріѣздѣ въ 1589 г. въ Кіевъ константинопольскаго патріарха Іереміи и данномъ имъ здѣшнему братству благословеніи завести высшее училище. Но дѣйствительно-ли существовало подобное преданіе и при томъ древнее? Весьма сомнительно. Въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ XVII столѣтія, имѣющихъ отношеніе къ кіево-богоявленскому братству, мы не видимъ ни малѣйшаго намека на такое преданіе. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ означенныхъ памятниковъ мы находимъ прямыя и ясныя указанія на возникновеніе братства въ Кіевѣ только около 1615 года. Въ относимомъ къ этому году «Уписѣ кіевскихъ братчиковъ» опредѣленно говорится: «Мы грѣшные, послѣдуя божественному и спасительному и человѣколюбивому наставленію..... *хотя и поздно*, пробудившись отъ долговременнаго нерадѣнія и лѣности и мрачной суеты мірской, *восхотѣли прозрѣть къ свѣту благоразумія*. И предстательствомъ Пречистыя и Преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, силою честнаго и животворящаго Креста и молитвами всѣхъ святыхъ: *по благословенію и повелѣнію* святѣйшаго вселенскаго константинопольскаго патріарха, господина *Тимоѳея*, главнѣйшаго во Христѣ пастыря нашего и прочихъ святѣйшихъ патріарховъ..... *начинаемъ сей душеспасительный дружелюбный союзъ, братство церковное, въ богоспасаемомъ городѣ Кіевѣ.....*» и пр. [1]). Уніатскій митрополитъ Вельямшъ Рутскій, въ составленномъ имъ около 1619 года проэктѣ относительно введенія уніи въ Кіевѣ, говоритъ, что большимъ препятствіемъ для латино-уніатской пропаганды въ этомъ городѣ служитъ *три года тому назадъ основанное здѣсь схизматиками брат-*

---

[1]) Памятники, изданные Кіевскою Коммисіею, т. II, № 2.

ство [1]). Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, въ 1620 году посѣтившій Кіевъ, въ своихъ грамотахъ кіево-богоявленскому братству [2]) ни однимъ словомъ не упоминаетъ о благословеніи послѣдняго еще патріархомъ Іереміею, между тѣмъ какъ съ этимъ важнымъ и вполнѣ естественнымъ упоминаніемъ мы постоянно встрѣчаемся въ грамотахъ и актахъ тѣхъ братствъ, какія несомнѣнно получили начальное благословеніе отъ Іереміи и другихъ восточныхъ патріарховъ. Равнымъ образомъ другой іерусалимскій патріархъ Паисій, тоже посѣтившій въ 1649 г. Кіевъ, въ своей грамотѣ богоявленскому братству ничего не говоритъ о какихъ-либо отношеніяхъ къ нему Іереміи, между тѣмъ какъ о Ѳеофанѣ упоминаетъ [3]). Нѣтъ указанія на существованіе братства въ Кіевѣ еще въ концѣ XVI ст. ни въ грамотѣ Сигизмунда III, данной кіевскимъ братчикамъ въ 1629 году [4]), ни въ письмахъ самихъ братчиковъ, посланныхъ въ 1625—1626 гг. царю Михаилу Ѳедоровичу и думному дьяку Ивану Грамматину [5]). Словомъ, въ начальныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ письменныхъ памятникахъ, касающихся кіево-богоявленскаго братства, мы не находимъ никакого слѣда того якобы древняго преданія, на основаніи котораго пріурочивается возникновеніе означеннаго братства ко времени не позже 1589 года. Съ подобнымъ преданіемъ, точнѣе историческимъ мнѣніемъ, мы впервые встрѣчаемся лишь во второй половинѣ XVIII ст. Въ январѣ 1765 года въ кіевской академіи полученъ былъ изъ «Духовной митрополіи кіевской консисторіи» указъ съ требованіемъ доставить для адресъ-календаря свѣдѣнія о томъ, «съ какого времени и кѣмъ именно кіево-братскій монастырь основанъ, и кто, и съ какого года, и по какой годъ, были въ ономъ монастырѣ начальники». Въ исторической запискѣ, составленной въ исполненіе означеннаго указа, говорится, что документальныя данныя о кіево-братскомъ училищномъ богоявленскомъ монастырѣ не восходятъ ранѣе 1615 года, «когда вос-

---

[1]) Подлинникъ хранится въ архивѣ греко-уніатскихъ митрополитовъ при св. синодѣ; въ переводѣ напечатанъ въ 8 № «Основы» за 1861 г. и въ «Вѣстникѣ западной Россіи, т. III.

[2]) Памятники кіевской коммисіи, т. II, №№ 3—5.

[3]) Ibid., т. II, № 14.

[4]) Idid., т. II, № 6.

[5]) Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Дѣла малороссійскія.

послѣдовала отъ Гальшки Гулевичевой надача (дома и двора) на монастырь ставропигіи патріаршей, на школу для дѣтей шляхетскихъ и мѣщанскихъ и на гостинницу странныхъ духовныхъ вѣры церкви восточной». «Но—добавляютъ составители означенной записки—*изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ разсуждать можно, что оный монастырь со школою заложенъ въ 1588 году, когда Іеремія, архіепископъ Константина града и вселенскій патріархъ, былъ въ Россіи для поставленія перваго патріарха на Москву*» [1]). Хотя составители записки и не объясняютъ, какія именно обстоятельства навели ихъ на мысль объ основаніи кіево-богоявленскаго монастыря и школы при немъ въ 1588 году, но изъ сохранившихся между академическими рукописями черновиковъ [2]), имѣющихъ отношеніе къ данному предмету, видно, что авторы записки въ этомъ случаѣ исключительно имѣли въ виду тотъ фактъ, что въ означенное время, «именно въ лѣто 1588 за королеванья въ Польшѣ короля Жигмонта третьяго и за митрополита кіевскаго Онисифора Дѣвочки пріѣхалъ въ нашу землю русскую святѣйшій вселенскій патріархъ константинопольскій Іеремія, первый отъ крещенія Руси, посѣтившій свою паству», и что сей патріархъ при своемъ посѣщеніи западно-русскихъ областей, «хотяй здѣсь обновити *любовь апостольскую, устроише по мѣстамъ* (т. е. городамъ) *братства церковные*». Если патріархъ Іеремія устроилъ по разнымъ городамъ церковныя братства, то возникало естественное *предположеніе*, что могъ устроить онъ таковое и въ Кіевѣ. И такъ вотъ гдѣ кроется первый зародышъ такого якобы древняго преданія, которое, пріурочивая основаніе кіево-богоявленскаго братства къ 1588 или 1589 гг., съ теченіемъ времени обставилось новыми подробностями и столь крѣпко укоренилось въ нашей исторической литературѣ!.... Подобнаго-же мнѣнія о первоначальномъ возникновеніи кіево-богоявленскаго братства кіевская духовная академія держалась и въ 1771 г., когда отъ нея требуема была вторичная историческая замѣтка по тому-же самому вопросу. Это мнѣніе въ 1773 г. по всей вѣроятности при посредствѣ адресъ-календарей занесено было Герардомъ Миллеромъ и Василіемъ Рубаномъ въ «Старину и Новизну».

---

[1]) Сборникъ рукопис. актовъ кіевской духовной академіи, т. III, № 13.

[2]) Ibid.

Но въ томъ-же 1773 году, когда изъ св. сѵнода воспослѣдовалъ новый запросъ о древнемъ и современномъ положеніи кіевской академіи, ученая академическая корпорація, составляя историческую записку о семъ учрежденіи, уже съ недовѣріемъ отнеслась къ прежнему предположенію о началѣ богоявленскаго братства и школы при немъ и высказала по этому предмету новое мнѣніе. На вопросъ: «съ коего именно года кіево-братскій монастырь училищнымъ учрежденъ?» —воспослѣдовалъ отвѣтъ, что *не ранѣе 1615 г.*, какъ свидѣтельствуютъ о семъ несомнѣнныя документальныя данныя (дарственная запись Гальшки Гулевичевны). «*Чтожъ нѣкоторые догадкою только утверждаютъ*», объясняютъ составители разсматриваемой записки, «якобы братскій монастырь съ церковію, школою и прочимъ отъ 1588 года, когда патріархъ константинопольскій Іеремія пріѣзжалъ въ россійскую землю, начало свое взялъ, а потомъ, по разнымъ случаямъ разоренъ бывши, паки гетманомъ Петромъ Конашевичемъ возобновленъ, *то о томъ нѣтъ изъ чего увѣриться*, а совершеннѣе можно видѣть такъ по грамотѣ святѣйшаго кѵръ Паисія, патріарха іерусалимскаго, 1649 года, іюля 23 данной [1]), въ которой помянается, что оный гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный съ прочими христолюбцами, по благословенію патріарха іерусалимскаго кѵръ Ѳеофана, не разоренную возобновилъ, но вновь своимъ иждивеніемъ церковь и обитель братскую богоявленскую воздвигъ, яко и изъ грамоты святѣйшаго патріарха кѵръ Ѳеофана 1620 года мая 17 данной, въ которой между прочаго написано слѣдующее: «Сего ради въ благочиннѣйшее исправленіе и вящшее еже о церквахъ Божіихъ попеченіе, и сихъ расширеніе, смиренія нашего благословеніемъ новодруженное братство *(что разумѣется не иначе— новозаложенное или новосооружившееся братство)* богоспасаемаго града Кіева благословихомъ и хартіею нашею благословенною въ вѣчные роды укрѣпихомъ, къ нему-же моленіемъ любоподражательныхъ братій, ко еже во множайшее распространеніе славы имени Господня въ богоспасаемомъ семъ градѣ Кіевѣ, по образу прочихъ благочестивыхъ братствъ во многихъ градовѣхъ государства великаго государя короля польскаго сущихъ, братство *младен-*

[1]) Напечатано въ Памятникахъ кіевской коммисіи, т. II № 14.

ческое, старѣйшему братству единомысльное и повинующееся, о Господѣ заложити изволше, благословихомъ и симъ начертаніемъ нашимъ благословляемъ». Слѣдовательно, хотя, какъ въ продолженіи оной грамоты значится, *и были въ прочихъ Королевства Польскаго городахъ братства, но въ градѣ Кіевѣ прежде сего новоздруженнаго ни старѣйшаго, ни младшаго братства древнѣйшаго не было, да и бытія таковаго ничѣмъ доказать не можно»* [1]).

Это мнѣніе кіевскихъ ученыхъ, по своей обстоятельности заслуживавшее полнаго вниманія, не было однако раздѣляемо почти всѣми послѣдующими изслѣдователями давнихъ судебъ кіевской академіи [2]), хотя какъ можно думать, оно и не оставалось, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ нихъ, безъизвѣстнымъ. Такъ преосвященный Евгеній въ своемъ *Краткомъ извѣстіи о началѣ кіевской академіи* [3]) держится мнѣнія, пріурочивающаго первоначальное основаніе кіево-богоявленской братской школы къ 1589 году, причемъ, сообщая нѣсколько новыхъ подробностей, впервые указываетъ на документальныя данныя, якобы подтверждающія означенное мнѣніе. Онъ говоритъ что патріархъ Іеремія на обратномъ пути изъ Москвы въ 1589 году *посѣтилъ Кіевъ* и въ это время далъ благословеніе завести въ семъ городѣ высшее училище (подобное острожскому, львовскому и виленскому) при знатнѣйшей тогда изъ кіевскихъ русскихъ школъ, находившейся у богоявленской церкви, которая имѣла уже тогда для содержанія оной и особое братство и доходныя маетности, *какъ видно изъ одной купчей отъ кіевскаго жителя Андрея Обухова записи 1594 г. на сверчановскій планъ на Подолѣ, уступленный сему братству.* Но когда богоявленская школа сія сгорѣла, то жена маршала мозырскаго, Анна Гулевичева, отдала подъ школы свой домъ со всею усадьбою и пристройками,

---

[1]) Рукопись кіевской духовной академіи, № 26.

[2]) Не говоримъ всѣми, но *почти всѣми*, потому что въ концѣ прошлаго столѣтія въ самой академіи кіевской ея начало полагали въ 1620 году, когда она была утверждена и благословлена патріархомъ Ѳеофаномъ. Такъ въ *Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ на лѣто 1798 г.*, составленномъ Принесемъ Фальковскимъ, въ *хронологіи вещей достопамятныхъ* обозначено: *отъ заведенія кіевской академіи — 178 годъ.*

[3]) Помѣщено въ приложеніяхъ къ Описанію кіево-софійскаго собора, подъ № 41-мъ.

находившійся на мѣстѣ нынѣшняго братскаго монастыря.—Тоже самое вслѣдъ за преосвященнымъ Евгеніемъ повторяли и послѣдующіе исторіографы нашей академіи: преосвященный Макарій и В. Аскоченскій, а также и другіе писатели, касавшіеся древнихъ судебъ кіево-богоявленскаго братства (Фундуклей, Закревскій и др.), съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями и дополненіями. Такъ Аскоченскій основаніе кіевскаго училища относитъ «къ той эпохѣ, когда конституціею сейма люблинскаго, въ 1569 году, окончательно утверждено начавшееся еще съ 1501 года соединеніе Литвы и Польши и когда Кіевъ съ прочими своими городами причисленъ къ польскому королевству» [1]). По его мнѣнію Іеремія былъ въ Кіевѣ два раза: въ 1588 году, когда отправлялся въ Москву и въ слѣдующемъ 1589 г. на обратномъ пути оттуда. Во время этого вторичнаго посѣщенія Кіева, онъ по просьбѣ здѣшнихъ гражданъ и преобразовалъ существующую при богоявленской церкви школу въ высшее просвѣтительное учрежденіе. «Благословеніе патріарха, по словамъ Аскоченскаго, было первымъ и основнымъ камнемъ того училища, которому суждено было потомъ возвыситься до званія академіи и которое съ того времени рѣзко стало отличаться отъ другихъ совмѣстныхъ и современныхъ ему». Въ подвержденіе несомнѣннаго существованія кіево-богоявленскаго братства еще въ XVI столѣтіи, Аскоченскій, кромѣ упоминаемой преосвященнымъ Евгеніемъ записи Андрея Обуха 1594 года, указываетъ еще на выпись изъ гродскихъ кіевскихъ книгъ 1593 года, изъ коей видно, что въ этомъ году «кіевскій нагорскій священникъ Филиппъ Афанасьевъ положилъ передъ урядомъ королевскимъ листы урядниковъ воеводства кіевскаго для подтвержденія принадлежащихъ къ церкви Трехъ-святительской и Крестовоздвиженской вотчинъ со всѣми ихъ угодьями *и для передачи ихъ потомъ кіево-богоявленскому братству*» [1]).

Указывая на пожаръ 1614 года, якобы истребившій богоявленскую церковь и бывшую при ней школу, исторіографы кіевской академіи печальную пустоту этого пожарища восполняютъ перечнемъ знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ или воинскими подвигами

[1]) Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею, т. I, стр. 57.

лицъ, воспитаніе которыхъ, по ихъ словамъ, «неотъемлемо принадлежитъ древней кіевской школѣ». Къ числу такихъ лицъ преосвященный Макарій относитъ: *Кирилла Транквилліона-Ставровецкаго, Захарію Копыстенскаго, Богдана Хмѣльницкаго,* а Аскоченскій прибавляетъ еще къ нимъ: *Елисея Плетенецкаго, Леонтія Карповича, Кассіана Соковича* и сподвижниковъ Хмѣльницкаго, *Павла Тетерю* и *Якима Сомка.*

Такъ постепенно укоренялось, распространялось и пріумножалось новыми наслоеніями древнее якобы преданіе о возникновеніи кіево-богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI столѣтія.

Сводя все сказанное относительно сего преданія, получаемъ нижеслѣдующія положенія о первомъ якобы 25-лѣтнемъ (1589—1615) существованіи братства и школы при немъ:

1) Братство существовало до 1588—1589 гг., ибо посѣтившій въ это время Кіевъ константинопольскій патріархъ Іеремія уже засталъ его сформировавшимся.

2) Начало кіевской академіи слѣдуетъ полагать въ 1589 году, потому что въ этомъ именно году означенный патріархъ возвысилъ братскую школу, преобразовавъ ее въ высшее православное училище, по образцу другихъ существовавшихъ въ литовско-русскихъ областяхъ.

3) Братская школа за первое 25-лѣтіе своего существованія воспитала многихъ знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ и разнаго рода услугами отечеству лицъ.

4) Братство въ разсматриваемое время владѣло дворомъ въ Кіевѣ, земельными угодьями и вотчинами, какъ это видно изъ двухъ документовъ 1593 и 1594 гг.

5) Въ 1614 году пожаръ истребилъ братскую церковь и бывшую при ней школу; но уже въ слѣдующемъ году братство, благодаря дару Гальшки Гулевичевой, начинаетъ возрождаться и снова преуспѣваетъ на пользу православной церкви и русской народности.

II.

Укрѣпленное и формулируемое такимъ образомъ мнѣніе о существованіи кіево-богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI ст. впервые было поколеблено М. А. Максимовичемъ въ 1865 г. въ его

статьѣ «О первыхъ временахъ кіевскаго богоявленскаго братства» [1]). Вотъ что писалъ онъ тогда по этому предмету. «Къ двумъ съ половиною вѣкамъ исторической жизни кіево-братскаго училища добавляется еще 25-лѣтнее бытіе прежней богоявленской школы, которая съ 1589 года, благословеніемъ патріарха Іереміи, была возвышена предъ прочими приходскими школами кіевскими. Но объ ней еще не открыто, кажется, того-временныхъ извѣстій, ни объ томъ пожарѣ, которымъ она истреблена, какъ полагаютъ, 1614 года. Печальная пустота этого пожарища восполняется нынѣ знаменитыми именами предполагаемыхъ тамъ наставниковъ и питомцевъ (слѣдуетъ перечень тѣхъ и другихъ по исторіямъ кіевской академіи преосвященнаго Макарія и Аскоченскаго). Но для признанія неотъемлемой принадлежности ихъ всѣхъ къ прежней богоявленской школѣ надобно того-временное свидѣтельство о каждомъ, начиная съ Елисея Плетенецкаго, который скончался въ октябрѣ 1624 г., семидесятилѣтнимъ старцемъ, и съ 1595 года былъ уже архимандритомъ»... «Нельзя и подумать, продолжаетъ почтенный изслѣдователь, чтобы въ кіевской школѣ, получившей патріаршее благословеніе 1589 года, не принималъ дѣятельнаго участія свято-памятный князь Константинъ Острожскій, будучи воеводою кіевскимъ до кончины своей въ 1608 году. Но объ этомъ не нашлось еще и намека въ того-временной письменности, такъ же какъ не видно изъ нея и прежней богоявленской церкви, при которой находилась та братская школа. Единственный слѣдъ ихъ—купчая запись 1594 года, данная кіевскимъ земяниномъ Андреемъ Обухомъ и его женою Настасіею Сверщовскою на ихъ сверщовскій домъ на Подолѣ и сѣножать на Оболони. Но и той купчей записи не знаемъ мы въ подлинникѣ; а говорится о ней уже чрезъ сто лѣтъ, въ царской грамотѣ 1694 года».

Спустя четыре года послѣ этого, проф. Малышевскій въ своей «Исторической запискѣ о кіевской академіи», читанной имъ на юбилеѣ академіи 1869 г., еще рѣшительнѣе доказывалъ несостоятельность мнѣнія о началѣ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ со времени пріѣзда въ Россію патріарха Іереміи. Сущность его доказательствъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1) Ни откуда не извѣстно,

---

[1]) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1865 г., №№ 21, 23 и 24.

что Іеремія, на пути-ли въ Москву или обратно, былъ въ Кіевѣ: въ первомъ и другомъ случаѣ онъ ѣхалъ на Замостье, Вильну, Смоленскъ, посѣщая на этомъ пути и другіе города, въ числѣ коихъ ни въ какомъ актѣ не упоминается о Кіевѣ. 2) О грамотѣ и благословеніи Іереміи не упоминается ни въ одномъ изъ начальныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ актовъ кіевскаго братства, что̀—буде таковая грамота и благословеніе даны—представляется дѣломъ необъяснимымъ. 3) Купчая запись Андрея Обуха неизвѣстна намъ ни въ подлинникѣ, ни въ выписи: мы знаемъ о ней только по ссылкѣ въ грамотѣ 1694 года. 4) Мнѣніе о пожарѣ 1614 г., истребившимъ будто-бы братскій монастырь и школу, не могло быть доселѣ подтверждено никакимъ историческимъ документомъ. 5) Самыя выраженія записи Гальшки Гулевичевой 1615 года и братскаго «уписа» начала 1616 г. даютъ прямое заключеніе, что братство со школою только теперь начиналось. Анна Гулевичева говоритъ, что даетъ дворъ съ землею на монастырь ставропигіи патріаршей и школу, т. е. на *будущій* монастырь, *будущую* ставропигію, *будущую* школу, иначе она назвала-бы этотъ монастырь, упомянула-бы объ учрежденіи ставропигіи; далѣе она выражается, что только вводитъ монашествующихъ и школу въ жертвуемый ею для нихъ дворъ съ землею. А члены «уписа» говорятъ еще прямѣе: *начинаемъ* сей душеспасительный союзъ—братство церковное; *начинаемъ* по благословенію святѣйшаго патріарха Тимоѳея и прочихъ патріарховъ и *согласно съ уставами*, которые даны отъ святѣйшихъ патріарховъ братствамъ городовъ: Львова, Вильны, Могилева и церквамъ другихъ городовъ.—Можно-ли было-бы не упомянуть тутъ о братствѣ и школѣ, получившихъ благословеніе отъ патріарха Іереміи, если-бы то и другое дѣйствительно было?» [1])

Но ни Максимовичъ, ни Малышевскій, возражая противъ достовѣрности мнѣнія объ основаніи кіево-богоявленскаго братства въ 1589 г., не касались тѣхъ документовъ, на которыхъ мнѣніе это опирается. Документы эти слѣдующіе: 1) Купчая отъ 1594 г. кіевскаго земянина Андрея Обуха и его жены Наталіи, урожденной Сверщовской, на проданный ими братству кіевскому дворъ ихъ на Подолѣ и сѣножать на Оболони за тридцать копъ грошей литов-

---

[1]) Труды кіевской духовной академіи, 1869 г., т. IV.

скихъ и 2) Листы урядниковъ воеводства кіевскаго отъ 1593 г., подтверждающіе принадлежность трехъ-святительской и крестовоздвиженской церквамъ ихъ вотчинъ и передачу ихъ потомъ со всѣми принадлежностями кіево-богоявленскому братству.

Оба эти документа упоминаются въ царской грамотѣ 1694 г. и съ тою-же датою поименованы въ находящейся и нынѣ въ библіотекѣ кіево-печерской лавры рукописной «Описи» (конца прошлаго столѣтія) документамъ на имѣнія, принадлежавшія кіевскимъ монастырямъ. Въ этой послѣдней подъ рубрикою: «Документы на состоящіе въ городѣ Кіево-Подолѣ, кіево-братскому монастырю принадлежащіе плацы», подъ №№ 1 и 2-мъ, значится: 1) «Выпись съ книгъ гродскихъ воеводства кіевскаго 1593 года марта 20 дня, данная бывшему священнику церкви верхне-кіевской трехъ-святительской Филиппу Афанасьевичу съ упоминкомъ данныхъ ему прежнихъ на оную церковь разныхъ привиллегій, правъ и принадлежностей къ той церкви; оная выпись въ книгу оправлена и во многихъ мѣстахъ подклеивана», и 2) «Купчая жителя кіевскаго Андрея Обуха на состоящій въ городѣ Кіево-Подолѣ плацъ, называемый сверчановскій, *съ уступкою* онаго кіевскому Богоявленія Господня братству; 1594 г., сентября 5 дня, на двухъ листахъ; одинъ изъ коихъ писаный, а другой порожній». Такимъ образомъ въ существованіи этихъ документовъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; но является вопросъ, могутъ-ли эти документы служить доказательствомъ существованія кіево-богоявленскаго братства въ тѣ годы, которыми они означены. На этотъ вопросъ въ свое время мы дали и теперь даемъ отвѣтъ отрицательный.

Начнемъ съ купчей Андрея Обуха 1594 г. Въ приведенномъ нами по лаврской описи заглавіи этого документа слова: *съ уступкою онаго* очевидно находятся въ противорѣчіи какъ съ названіемъ документа *купчею*, такъ и съ выраженіями царской грамоты 1694 г., гдѣ говорится, что «Андрей Обуховъ съ женою своею Наталіею Сверщевскою *продали* въ братскій монастырь дворовое свое мѣсто сверчановское и съ сѣножатью... *за тридцать копъ литовскихъ*». Слово *уступка* заключаетъ въ себѣ понятіе *о подаркѣ, безденежной отдачѣ* какого либо предмета другому лицу и потому въ разсматриваемыхъ нами мѣстахъ является несообразностію, вызывающею недоумѣніе. Если Андрей Обухъ продалъ братству свой дворъ

за тридцать копъ литовскихъ, то могъ-ли составитель описи сказать, что этотъ дворъ перешелъ во владѣніе братства посредствомъ *уступки?*—Думаемъ, что не могъ, тѣмъ болѣе, что во всемъ своемъ обширномъ трудѣ при описаніи документовъ онъ строго различаетъ продажу *отъ уступки*, вездѣ разумѣя подъ послѣднею *пожертвованіе, дарственную запись,* какъ можно, напримѣръ, видѣть изъ слѣдующихъ выписокъ изъ описи: 1) «*уступной листъ,* данный Николаемъ Макаровичемъ пану Пукаловичу на вѣчное владѣніе Совкою»; 2) «*уступка* части мельницъ въ Бѣлгородкѣ кіево-софійскому монастырю отъ Михаила Мисиченка», и т. п.

Чѣмъ-же объяснить указанное нами противорѣчіе?

Думаемъ, что другаго способа для этого нѣтъ, какъ предположить, что въ 1594 г. Андрей Обухъ дѣйствительно продалъ свой сверчсковскій дворъ, но продалъ не кіево-братскому монастырю, а какому либо частному лицу, а это послѣднее, провладѣвъ извѣстное время купленнымъ мѣстомъ, *уступило* (т. е. пожертвовало) оное кіево-богоявленскому братству, въ то время уже существовавшему. Когда судебнымъ порядкомъ закрѣплялось означенное пожертвованіе, братству вручена была съ уступочною надписью и купчая 1594 года, какъ основной документъ на владѣніе означеннымъ мѣстомъ. Можно допустить, что дворъ, принадлежавшій въ 1594 г. Андрею Обуху съ женою, былъ перепроданъ нѣсколько разъ и могъ перейти къ братству чрезъ третьи и четвертыя руки; но очевидно, что сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется. Когда въ 1694 году купчая Андрея Обуха, какъ основной документъ на владѣніе сверчсковскимъ дворомъ, представлена была, вмѣстѣ съ прочими крѣпостными документами кіево-братскаго монастыря, въ Москву для исходатайствованія подтвердительной царской грамоты на всѣ имѣнія и угодія, издавна принадлежавшія этому монастырю, въ Малороссійскомъ Приказѣ, при внесеніи въ грамоту посланныхъ документовъ, въ купчей Андрея Обуха легко могло быть упущено изъ виду слово: *съ уступкою,* которое мы находимъ въ лаврской описи. Для лицъ, служащихъ въ Малороссійскомъ Приказѣ, документъ, написанный на южно-русскомъ нарѣчіи, и при томъ сто лѣтъ назадъ, представлялъ при чтеніи не мало затрудненій. Не мудрено, что какой нибудь малограмотный приказный, обозначая содержаніе разсматриваемаго документа, обошелъ,

быть можетъ по трудности чтенія, уступочную запись, которая могла быть написана кратко гдѣ либо на оборотѣ купчей, а имѣя дѣло лишь съ купчей и выслѣдивъ въ ней имя продавца, названіе продаваемаго мѣста и цѣну онаго, не затруднился самую покупку приписать братскому монастырю, такъ какъ купчая представлена отъ него, какъ одинъ изъ его крѣпостныхъ документовъ. Иначе, т. е. съ большею точностію могъ изложить содержаніе этой купчей составитель упомянутой выше описи, постоянно имѣвшій дѣло съ древними южно-русскими документами и пріобрѣвшій большой навыкъ въ чтеніи ихъ, а потому его изложенію содержанія купчей Андрея Обуха должно отдать предпочтеніе предъ изложеніемъ тогоже документа писцами Малороссійскаго Приказа.

Было-бы однако съ нашей стороны очень смѣло на одномъ предположеніи о возможной ошибкѣ писца утверждать, что сверческовскій дворъ перешелъ къ братству не непосредственно отъ Андрея Обуха съ женою, по запродажной, а отъ втораго и даже третьяго лица и при томъ чрезъ пожертвованіе, если-бы не имѣли на это положительнаго документальнаго свидѣтельства. Въ 1693 году, мая 17-го, т. е. не задолго до отправленія въ Москву крѣпостныхъ документовъ кіево-братскаго монастыря для подтвержденія ихъ царскою грамотою, іеромонахи этого монастыря Рафаилъ Васильевичъ да Парфеній Родовичъ явились въ кіевскую ратушу и просили именемъ своего игумена, ректора Іоасафа съ братіею, чтобы войтъ, бурмистры и лавники назначили коммисію для осмотра и описи земель и дворовъ, издавна, посредствомъ купли или пожертвованій пріобрѣтенныхъ братскимъ монастыремъ. Очень можетъ быть, что это именно была провѣрка недвижимостей по документамъ и самыхъ документовъ предъ отправленіемъ ихъ въ Москву. Назначенные на этотъ разъ отъ ратуши урядники, вмѣстѣ съ братскими старцами, «дворы осматривали и описали ихъ», а въ описаніи ихъ, между прочимъ, находится слѣдующее весьма важное для насъ свѣдѣніе о сверческовскомъ дворовомъ мѣстѣ: «*седьмой* (по счету описи) *дворъ сверческовскій данъ въ монастырь отъ Крестины Легничевой и отъ Агафіи Козачинки*» (слѣдуетъ затѣмъ вычисленіе границъ и размѣровъ этого двора) [1]). И такъ не можетъ подлежать

[1]) Рукопись кіевской духовной академіи: *Выпись размѣренія плацовъ монастыря богоявленскаго братскаго.*

сомнѣнію, что въ 1594 году Андрей Обухъ и его жена продали свой сверческовскій дворъ не кіево-богоявленскому братству, а кому-то другому, можетъ быть родителямъ названныхъ выше жертвовательницъ, или имъ самимъ, и уже отъ этихъ послѣднихъ означенный дворъ перешелъ по дарственной записи во владѣніе братства, а слѣдовательно на принадлежности кіевскому братству крѣпостнаго документа съ датою 1594 г. нельзя основывать заключенія о существованіи въ томъ году самаго братства. Купчая 1594 года передана была братчикамъ жертвовательницами Лешничевою и Козачинкою, какъ основной документъ на владѣніе пожертвованнымъ мѣстомъ, а когда это случилось, неизвѣстно. Но что купчая 1594 года была именно такимъ основнымъ документомъ, это между прочимъ ясно видно изъ дѣвичьей фамиліи жены Андрея Обуха—фамиліи сходной съ названіемъ проданнаго мѣста. Сверчековскій дворъ, очевидно, былъ родовою собственностію Наталіи Сверщовской.

Что касается втораго документа, древняя дата котораго приводится, какъ доказательство существованія кіево-богоявленскаго братства въ концѣ XVI ст., именно «Королевскихъ листовъ...», то какъ въ царской грамотѣ 1694 года, такъ и въ упомянутой лаврской описи документовъ, при изложеніи содержанія этого документа ни однимъ словомъ не упоминается о кіевскомъ братствѣ. Приведенное нами выше полное его оглавленіе или содержаніе съ указаніемъ на братство принадлежитъ историку академіи Аскоченскому и есть не болѣе, какъ его собственное измышленіе. Руководствуясь этою произвольною добавкою или догадкою, сторонники древняго преданія о первоначальномъ основаніи кіевскаго братства еще въ XVI ст., разсуждаютъ такъ: въ 1693 году братскій монастырь, ходатайствуя предъ московскимъ правительствомъ о закрѣпленіи за нимъ находившихся въ его владѣніи помѣстій, представилъ, между прочимъ, для доказательства своихъ правъ на имѣнія, прежде принадлежавшія двумъ кіевскимъ церквамъ и ему уступленныя, документъ отъ 1593 года; слѣдовательно въ означенномъ году братство уже существовало. Но такое разсужденіе столь же основательно, какъ и ссылка на купчую Обуха. Извѣстно, что въ то время частныя лица и общественныя учрежденія, пріобрѣтая (посредствомъ-ли дара или черезъ покупку) какія либо помѣстья, угодья и т. п., всегда старались получить первоначальные, основ-

ные документы на эти помѣстья и когда хлопотали объ утвержденіи своихъ правъ на пріобрѣтенную собственность, то представляли въ судебныя и другія правительственныя мѣста эти документы. Такъ, напримѣръ, кіево-печерская лавра получила въ даръ село Сѣраково отъ князя Воронецкаго въ 1588 году, но когда впослѣдствіи началось тяжебное дѣло по поводу владѣнія лаврою означеннымъ селомъ, то печерскіе повѣренные предъявляли для судебнаго утвержденія документъ отъ 1541 года [1]). Точно также поступалъ и кіево-братскій монастырь. Въ извѣстной царской грамотѣ 1694 года говорится, что у братскихъ иноковъ есть крѣпости на разныя, принадлежащія имъ, угодія еще отъ польскаго короля Генриха [2]), слѣдовательно отъ такого времени, когда даже по мнѣнію сторонниковъ древняго преданія о первоначальномъ возникновеніи кіево-богоявленскаго братства, послѣднее еще не существовало. Такъ поступилъ братскій монастырь и въ данномъ случаѣ: онъ представилъ документъ, который доказывалъ, что земли, которыя перешли къ нему отъ кіевскихъ трехъ-святительской и кресто-воздвиженской церквей, принадлежали этимъ церквамъ на правѣ собственности въ 1593 году. Между тѣмъ по актамъ можно прослѣдить, что имѣнія церквей трехъ-святительской и кресто-воздвиженской перешли въ владѣніе кіево-богоявленскаго братства *не въ 1593 году, а гораздо позже.* Такъ въ 1615 году на владѣніе имѣніями означенныхъ церквей выхлопоталъ привилей священникъ Моисей Ивановичъ [3]). Въ слѣдующему году церковь св. Воздвиженія съ принадлежащими къ ней землями была въ вѣденіи священника Филиппа [4]); но затѣмъ опять перешла къ прежнему владѣльцу. Что-же касается до кіево-богоявленскаго братскаго монастыря, то онъ сталъ пользоваться доходными статьями поименованныхъ церквей только съ 1638 года. Прямое указаніе на это находится въ универсалѣ короля Владислава IV, утвердившаго за братствомъ уступочную запись на имѣнія церквей поименованнаго священника Моисея Ивановича [5]).

[1]) Рукопись лаврской библіотеки, № 205.
[2]) Памятники кіевской коммисіи, т. II, стр. 312.
[3]) Рукопись кіевской академіи, № 26.
[4]) Матеріалы для исторіи кіевской митрополіи, издан. Н. Г. Лебединцевымъ.
[5]) Рукопись духовной академіи, № 26.

Изъ сказаннаго, надѣемся, достаточно ясно видно, что какъ купчая Андрея Обуха 1594 г., такъ и «королевскіе листы» 1593 года первоначально были выдаваемы не кіево-богоявленскому братству и вообще никакого отношенія къ нему въ означенное время не имѣли. Слѣдовательно и ссылка нѣкоторыхъ изслѣдователей на указанные документы, какъ на неопровержимое доказательство существованія братства въ Кіевѣ еще въ концѣ XVI-го столѣтія, теряетъ всякое значеніе.

III.

Перейдемъ теперь къ доводамъ автора «Историческихъ замѣтокъ о Кіевѣ». Какъ мы видѣли, онъ дѣлаетъ рѣшительный поворотъ въ пользу прежняго мнѣнія о возникновеніи кіевскаго братства и школы при немъ еще въ концѣ XVI ст., называя означенное мнѣніе *вполнѣ достовѣрнымъ* и приводя въ подкрѣпленіе его нѣкоторыя новыя указанія, бывшія неизвѣстными предшествовавшимъ изслѣдователямъ кіевской старины. Эти указанія касаются пріѣзда въ Кіевъ въ 1589 г. константинопольскаго патріарха Іереміи, который будто-бы благословилъ кіевское братство и его школу и времени построенія первой богоявленской церкви, которое авторъ относитъ не къ XVII, а къ XVI ст.

«Что патріархъ Іеремія, говоритъ Н. Л—въ, дѣйствительно былъ въ Кіевѣ, подтвержденіе сему находимъ въ описаніи путешествія антіохійскаго патріарха Макарія, составленномъ спутникомъ его діакономъ Павломъ. Послѣдній пишетъ, что въ 1654 г., бывши въ софійскомъ домѣ кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова вмѣстѣ съ патріархомъ, онъ видѣлъ здѣсь портретъ константинопольскаго патріарха Іереміи во весь ростъ, съ красивымъ лицомъ и бородою, между портретами антіохійскаго патріарха Іоакима, александрійскаго Мелетія и іерусалимскаго Ѳеофана. При этомъ онъ говоритъ, что всѣ эти четыре патріарха пріѣзжали въ Кіевъ непосредственно одинъ за другимъ и что въ Кіевѣ издревле ведется обычай списывать портретъ всякаго патріарха, посѣтившаго эту страну, для того, чтобы сохранить память о немъ на вѣчныя времена».

Прежде всего замѣтимъ, что почтенный авторъ, передавая сжато разсказъ Павла Алепскаго, не совсѣмъ точно приводитъ нѣкоторыя выраженія подлинника. У Павла Алепскаго, въ его «Описаніи путешествія антіохійскаго патріарха Макарія», приведенное мѣсто въ полномъ видѣ читается такъ: «Наконецъ мы (патріархъ Макарій съ своею свитою, въ составѣ которой былъ и авторъ записокъ Павелъ Алепскій)... отправились къ св. Софіи съ визитомъ митрополиту. Мы вошли въ его покои и видѣли тамъ изображенія четырехъ прежнихъ патріарховъ на холстѣ во весь ростъ. *Въ этой странѣ* (in this country) издавна ведется такой обычай, что если какой нибудь патріархъ посѣтитъ ихъ, то они снимаютъ съ него портретъ, точно (въ томъ видѣ), какъ онъ появляется среди нихъ, чтобы они могли сохранить память о немъ навсегда. Всѣ четыре патріарха изображены въ св. облаченіи съ жезлами, въ митрахъ, съ панагіями и крестами. Первый изъ нихъ, пріятно поразившій насъ, былъ Іоакимъ, патріархъ антіохійскій, прозванный *Сѣть*. У него смуглое лицо и сѣдая остроконечная борода. На портретѣ имя его подписано по гречески, а по датѣ (времени написанія) мы высчитали, что этому портрету 72 года; рядомъ съ нимъ находится Мелетій, патріархъ александрійскій, съ длинною бѣлою бородою; близъ него Іеремія, патріархъ константинопольскій, съ красивымъ лицомъ и бородою, а тотчасъ за нимъ Ѳеофанъ, патріархъ іерусалимскій, съ длинною черною бородою. Всѣ четверо около одного и того-же времени *пріѣзжали въ эту страну*, непосредственно слѣдуя одинъ за другимъ (All four about the same time came *to this country*, the one immediately following the other)»[1]).

Такимъ образомъ Павелъ Алепскій не говоритъ, что всѣ поименованные патріархи *были въ Кіевѣ*, но заявляетъ только, что *они пріѣзжали въ эту страну*, т. е. литовско-русское государство, въ которомъ находился и Кіевъ. И мы думаемъ, что указанное различіе (замѣна страны городомъ) въ данномъ случаѣ имѣетъ не маловажное значеніе. Правда, портреты четырехъ восточныхъ патріарховъ Павелъ Алепскій видѣлъ въ Кіевѣ, но отсюда еще не слѣдуетъ заключать, чтобы эти портреты и были писаны именно въ

---

[1]) The travels of Macarius, Patriarch of Antioch: изд. въ Лондонѣ 1836 г., т. 2, стр. 308.

этомъ городѣ и притомъ писаны съ оригиналовъ. Въ западно-русскихъ областяхъ дѣйствительно, какъ справедливо замѣчаетъ діаконъ Павелъ, существовалъ обычай списывать портреты посѣщавшихъ Русь восточныхъ патріарховъ, причемъ, добавимъ мы, списываніе производилось въ весьма обширныхъ размѣрахъ и портреты іерарховъ во многихъ экземплярахъ распространялись между разными лицами и учрежденіями на всемъ пространствѣ литовско-русскаго государства. Вслѣдствіе этого, портреты восточныхъ патріарховъ зачастую можно было встрѣчать въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ они никогда не бывали. Когда въ 1620 г. прибылъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, то съ него снято было здѣсь значительное количество портретовъ, которые тогда-же и разсылались по разнымъ литовско-русскимъ городамъ—братствамъ и наиболѣе значительнымъ лицамъ изъ православной южно-русской аристократіи. Латиноуніаты, во время возникшей литературной полемики съ православными по поводу возстановленія означеннымъ патріархомъ южнорусской іерархіи, упрекали виленскихъ братчиковъ, что они воздаютъ турецкому шпіону (такъ уніатскія власти называли патріарха Ѳеофана) чуть не божескія почести: ставятъ около иконъ его портреты, имѣютъ ихъ по церквамъ, носятъ во время крестныхъ ходовъ... Что-же удивительнаго, если у кіевскаго митрополита половины XVII ст. можно было встрѣтить подобные портреты восточныхъ патріарховъ? И неужели можно такое обстоятельство поставлять въ неизбѣжную связь съ пріѣздомъ этихъ іерарховъ въ Кіевъ?

Но если-бы у Павла Алепскаго и дѣйствительно было указаніе на посѣщеніе Кіева четырьмя восточными патріархами, въ томъ числѣ и *Іеремією константинопольскимъ*, то и такому указанію нельзя было-бы придавать серьезнаго историческаго значенія, какъ не согласному (за исключеніемъ одного случая—пріѣзда въ Кіевъ Ѳеофана) съ достовѣрными фактами. Такъ положительно извѣстно, что антіохійскій патріархъ Іоакимъ при своемъ посѣщеніи земли россійской не доѣзжалъ до Кіева, александрійскій—Мелетій Пигасъ не только никогда не былъ въ этомъ городѣ, но и вовсе не посѣщалъ западно-русскія области; что-же касается Іереміи константинопольскаго, то его двухкратный переѣздъ по юго-западной Россіи (въ Москву и обратно) можно прослѣдить со всѣми, иногда довольно

длинными остановками, причемъ до очевидности будетъ ясно, что этотъ іерархъ ни въ 1588 году, когда ѣхалъ въ Москву, ни въ слѣдующемъ 1589 г., когда возвращался изъ нея, *въ Кіевъ не заѣзжалъ* [1]).

Итакъ, и это новое подкрѣпленіе древняго преданія о началѣ кіево-богоявленскаго братства не можетъ дать ему никакой опоры, какъ неточное и несогласное съ положительными историческими данными. Не подкрѣпляютъ этого преданія и соображенія П. Л—ва о времени построенія первой богоявленской церкви, хотя и основанныя на новомъ историческомъ указаніи. Сущность этихъ соображеній и ихъ отношеніе къ данному вопросу слѣдующія.

Извѣстно, что братство кіевское всегда называлось богоявленскимъ по имени церкви, при которой оно было учреждено: если

---

[1]) Путь патріарха Іеремія въ Москву и обратно чрезъ литовско-русскія области, какъ видно изъ положительныхъ документальныхъ данныхъ, былъ слѣдующій:

а) *Путь патріарха въ Москву.* Въ началѣ мая 1588 г. патріархъ Іеремія прибылъ на границу Польши, откуда послалъ письмо къ польскому канцлеру Яну Замойскому, прося у него дозволенія остановиться въ Замостьѣ. Въ половинѣ мая патріархъ былъ уже въ Замостьѣ, въ концѣ этого мѣсяца выѣхалъ оттуда и, быстро проѣхавъ Брестъ, къ 3-му іюня прибылъ въ Вильну. Здѣсь патріархъ пробылъ 12 дней и затѣмъ чрезъ Оршу отправился въ московское государство.

б) *Обратный путь патріарха изъ Москвы.* Испросивъ 7 іюля 1589 года позволеніе у польскаго короля Сигизмунда III обозрѣвать находящуюся въ его владѣніяхъ православную митрополію, патріархъ Іеремія въ половинѣ этого этого мѣсяца былъ уже въ Вильнѣ. Пробывши здѣсь около двухъ недѣль, онъ отправился въ супрасльскій монастырь, гдѣ низложилъ настоятеля архимандрита Тимоѳея Злобу, а къ 6-му августа прибылъ въ Брестъ. Къ половинѣ августа патріархъ былъ уже въ Замостьѣ, гдѣ прогостилъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, принимая въ это время разныхъ представителей западно-русской церкви (епископовъ, братчиковъ) и дѣлая разныя распоряженія по духовнымъ дѣламъ. Изъ Замостья чрезъ Каменецъ-Подольскъ (13 ноября 1589 г.) и затѣмъ Галицію Іеремія направился къ своей патріархіи (*Arsenii Elassonis.* Iter in Moscoviam. Theiner, Vetera Monum. Polon. et Lithuaniae, т. III, № 46. Собраніе грамотъ г. Вильны, Ковно, т. II, № 3 и 4. Акты западной Россіи, т. IV, №№ 5, 18, 20, 149. А. Ю. и З. Россіи, т. I, № 191. Виленскій археол. сборникъ, т. IX, № 28. *Зубрицкій*, Лѣтоп. львовск. братства и др. Сравн. Исторію русской церкви преосв. Макарія, т. IX, стр. 458—460, 479 и слѣд.).

основаніе братства относить къ 1589 году, то надо доказать и существованіе въ то время богоявленской церкви въ Кіево-Подолѣ. Авторъ «Замѣтокъ о Кіевѣ» дѣлаетъ для этого слѣд. сопоставленія. Создателемъ первой богоявленской церкви покойный М. А. Максимовичъ считаетъ жившаго гораздо позже и умершаго, въ 1632 году гетмана Сагайдачнаго, и того-же Сагайдачнаго антіохійскій патріархъ Паисій въ грамотѣ своей, данной послѣ посѣщенія Кіева въ 1649 г., называетъ создателемъ не только этой церкви, но и обители кіево-братской богоявленской. Но о церкви, которая можетъ быть приписываема Сагайдачному, въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ есть документъ, указывающій, что она не была окончена еще и въ 1625 г. Это именно письмо кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Ѳедоровичу отъ 10 апрѣля 1625 г., которымъ они просятъ его о милостынѣ «на украшеніе своей церкви Богоявленія Господня, возведенной уже до верха, но пребывающей еще безъ покрова и иконнаго украшенія». Съ другой стороны извѣстно, что раньше этой существовала другая богоявленская церковь, которую посѣщалъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ въ 1620 г. и въ которой онъ совершилъ посвященіе Исаіи Копинскаго въ санъ епископа перемышльскаго, а Іова Борецкаго въ санъ митрополита кіевскаго. Авторъ «Замѣтокъ» спрашиваетъ: «когда-же построена первая богоявленская церковь, старѣйшая сооруженной при Сагайдачномъ?» и отвѣчаетъ: безъ сомнѣнія, не въ 1615 г. (къ которому по позднѣйшимъ изслѣдованіямъ относится основаніе братства и школы), ибо не могла-же она обветшать такъ скоро, что менѣе, чѣмъ въ десять лѣтъ потребовалось замѣнить ее новою церковію. По всей вѣроятности, это была та богоявленская церковь, о священникѣ которой упомянуто въ описи кіевскаго замка, составленной въ 1555 году. При сей-же церкви могла существовать въ концѣ XVI вѣка и та школа, которую благословилъ въ 1589 году патріархъ константинопольскій Іеремія».

Что сказать противъ этого?

Во 1-хъ почтенный авторъ невѣрно говоритъ, что гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный скончался въ 1632 году,—онъ

умеръ десятилѣтіемъ ранѣе, именно въ 1622 году, апрѣля 10-го, и объ этомъ имѣются несомнѣнныя данныя [1]).

Во 2-хъ, предположеніе автора о существованія какъ въ 1589, такъ и въ 1620 году той богоявленской церкви, о которой упоминается еще въ описи 1555 г., ни чѣмъ другимъ не подтверждается и ему съ большею основательностію можетъ быть противопоставлено другое предположеніе, что богоявленская церковь, въ которой въ 1620 году патріархъ Ѳеофанъ совершилъ посвященіе Исаіи Копинскаго и Іова Борецкаго, построена вслѣдъ за учрежденіемъ братства въ 1615 году. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ допустить, что Анна Гулевичевна, подарившая свой дворъ подъ обитель и уже введшая въ него школу и иноковъ, въ теченіи цѣлыхъ пяти и даже болѣе лѣтъ не озаботилась устройствомъ здѣсь церкви, или, лучше сказать, не озаботилось этимъ кіевское братство, воспользовавшееся фундаціею Гулевичевны? Не слѣдуетъ также удивляться и тому, что братство, имѣя уже церковь и притомъ недавно сооруженную, приступаетъ къ постройкѣ новой: во первыхъ, прежняя церковь, безъ сомнѣнія строенная на скорую руку, могла не удовлетворять духовнымъ нуждамъ братства, а во вторыхъ на фундушъ Гулевичевны, по мысли жертвовательницы, долженъ былъ устроиться монастырь (онъ патріархомъ Ѳеофаномъ и былъ уже благословленъ), въ монастыряхъ же сравнительное обиліе церквей дѣло обычное [2])...

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами «новыхъ указаній», приводимыхъ Н. Л—мъ въ подтвержденіе «полной достовѣрности» древняго преданія о началѣ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ еще въ концѣ XVI стол., онъ въ защиту означеннаго преданія ссылается еще на документъ уже давно извѣстный (запись Гальшки Гулевичевны, 1615 г.) и утверждаетъ, что въ немъ якобы находятся ясные намеки на существованіе братской школы ранѣе

---

[1]) Современная замѣтка въ помянникѣ кіево-михайловскаго монастыря; *Вѣрнїй на жалобный погребъ зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачного, гетмана войска его королевской милости запорожского... 1622 г.*

[2]) Не говоримъ уже о противорѣчіи, въ которое естественно должны впадать защитники мнѣнія о существованіи кіевскаго братства въ XVI ст., утверждая, что Ѳеофанъ совершалъ посвященіе Копинскаго и Борецкаго въ братской церкви, построенной до 1555 года. А страшный пожаръ 1614 года, истребившій якобы всѣ братскія постройки?

1615 года. «Въ своей записи, говоритъ авторъ, жертвовательница (Гальшка Гулевичевна) пишетъ, что она свой собственный дворъ отказала подъ монастырь *ставропигіи патріаршеской* и что она *тотчасъ* ввела въ этотъ дворъ іеромонаха Исаію Копинскаго и другихъ монашествующихъ, ввела и школу. Спрашивается, о какой патріаршей ставропигіи говорится здѣсь? Неужели о той, которая дана братской обители іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ спустя пять лѣтъ послѣ сего? Но прибытіе его въ Россію не могли предугадывать ни Гулевичева-Лозкина, ни кто-либо изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ г. Кіевѣ. Гдѣ были доселѣ и откуда явились здѣсь цѣлой корпораціей Исаія Копинскій и прочіе монашествующіе, чтобы принять въ свое вѣдѣніе жертвуемый Лозкиной-Гулевичевой дворъ? Лозкина-Гулевичева не открываетъ школу, не собираетъ дѣтей желающихъ только учиться, а тотчасъ, по учиненіи записи, ввела въ свой дворъ *школу*. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ не объ имѣющей еще составиться школѣ, а о школѣ готовой, существующей уже съ наличнымъ составомъ учащихъ и учащихся. И такъ хотя въ записи Гальшки Гулевичевой-Лозкиной не упоминается о братской или богоявленской церкви и существовавшей при ней обители, но такъ какъ школы въ то время существовали и могли открываться только при церквахъ, а равно и монашествующіе, въ составѣ братства, могли имѣть пребываніе также только при церквахъ; то слѣдуетъ признать вполнѣ достовѣрнымъ сообщенное исторіографомъ Миллеромъ и принятое митрополитомъ Евгеніемъ извѣстіе, что кіево-братская обитель, съ братскою при ней школой, существовала раньше 1616 года, что зданіе этой школы сгорѣло въ 1614 году и что Лозкина-Гулевичева своею записью не создала что нибудь новое относительно братской обители и школы, а только поддержала ихъ существованіе и усилила ихъ средства, пожертвовавъ въ ихъ собственность свой дворъ съ готовыми помѣщеніями, замѣнившими собою прежнія, уничтоженныя пожаромъ».

Припоминая замѣчаніе проф. Малышевскаго относительно несостоятельности мнѣнія о началѣ кіево-богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI ст. и сопоставляя ихъ съ приведенными сейчасъ разсужденіями объ этомъ предметѣ, мы видимъ, что одинъ и тотъ-же документъ — дарственная запись Гальшки Гулевичевны — по мнѣнію одного изслѣдователя заключаетъ въ себѣ *прямое* указаніе, что

кіевское братство въ 1615 году *только что начиналось,* а по словамъ другаго въ немъ находятся *довольно ясные намеки* на существованіе братской школы и патріаршей при ней ставропигіи *раньше этого времени.*

Обратимся къ разсмотрѣнію самой записи Гальшки Гулевичевны.

Какъ защитники, такъ и противники древняго преданія о началѣ кіево-богоявленскаго братства, различнымъ образомъ истолковывая нѣкоторыя мѣста означенной записи, согласны между собою въ одномъ, именно, что Гальшка Гулевичевна подарила свой дворъ и землю *кіевскому братству.* Только одни изслѣдователи (что непосредственно вытекаетъ изъ ихъ разсужденій) считаютъ запись Гулевичевны *первымъ* по времени документомъ, съ котораго собственно и должно начинать исторію кіевскаго братства, другіе же—документомъ, даннымъ сему братству спустя уже нѣсколько десятилѣтій послѣ его возникновенія. Мы думаемъ, что какъ тѣ, такъ и другіе изслѣдователи ошибаются. Въ дарственной записи Гулевичевны ни единымъ словомъ не упоминается о братствѣ. Здѣсь опредѣленно говорится, что дворъ и земля жертвуются подъ монастырь и школу «правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народу россійскаго, въ повѣтехъ воеводства кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго будучимъ», какого-бы они званія и сословія не были (духовнымъ и свѣтскимъ, дворянамъ и простолюдинамъ). Скажутъ, что въ составъ западно-русскихъ братствъ и входили именно всѣ православные разныхъ званій и состояній и что подъ приведенными названіями лицъ, коимъ жертвуется Гулевичевною дворъ съ землею, и должно разумѣть не кого иного, какъ только братчиковъ. Но подобное умозаключеніе будетъ очевидною натяжкою, въ подтвержденіе которой нельзя подыскать ни одного аналогичнаго примѣра во всей довольно обширной западно-русской письменности того времени (т. е. нельзя найти ни одного документа, касающагося братства, гдѣ-бы составлявшіе его члены не назывались этимъ именемъ). Мыслимо-ли также, чтобы въ записи Гулевичевны ни единымъ словомъ не упоминалось о пожарѣ 1614 г. и вообще о матеріальномъ состояніи братства, если-бы вѣрно было предположеніе, что фундаторша своею жертвою *замѣнила прежнія братскія зданія, уничтоженныя пожаромъ?*

Съ одной стороны, принимая во вниманіе сказанное нами о записи Гулевичевны, какъ не заключающей въ себѣ ни малѣйшаго упоминанія о кіевскомъ братствѣ, а съ другой имѣя въ виду тотъ несомнѣнный фактъ, что вскорѣ послѣ 14 октября 1615 года (дата означенной записи) братчики уже владѣли фундушемъ жертвовательницы, мы думаемъ (какъ имѣли уже случай замѣтить въ одномъ изъ своихъ сочиненій) [1]), что въ то время, когда фундація Гулевичевны приводима была въ исполненіе, братство въ Кіевѣ или еще не сформировалось окончательно, или, что едвали не вѣроятнѣе, нѣкоторое, очень непродолжительное время уже существовало при одной изъ кіево-подольскихъ церквей. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что *на самыхъ первыхъ порахъ* фундація Гулевичевны къ кіевскому братству никакого отношенія не имѣла. Есть довольно твердое основаніе думать, что дарственная запись Гулевичевны состоялась подъ благотворнымъ вліяніемъ кіево-печерской обители: въ числѣ первыхъ лицъ, введенныхъ въ пожертвованный домъ, указывается Исаія Копинскій, *жившій до того въ лаврѣ* [2]); самая школа, введенная Гулевичевною, вѣроятнѣе всего происхожденія лаврскаго, дѣло заботливости кіево-печерскаго архимандрита Елисея Плетенецкаго, «школъ на разныхъ мѣсцахъ зычливаго фундатора». Такимъ образомъ, мы думаемъ, что фундушъ Гулевичевны и братство хотя возникли въ Кіевѣ почти одновременно, но независимо другъ отъ друга. Но такъ какъ цѣли, имѣвшіяся въ виду при фундаціи Гулевичевны, совершенно совпадали съ задачами, намѣченными для своей практической дѣятельности новообразовывавшимся братствомъ [3]), то очевидною представлялась польза соединенія обоихъ учрежденій въ одно, каковое соединеніе дѣйствительно и состоялось въ самомъ концѣ того-же 1615 года, или въ началѣ слѣдующаго года.

Слова дарственной записи Гальшки Гулевичевны: *жертвую все сіе на монастырь патріаршей ставропиіи*, П. Л--въ, какъ мы видѣли, объясняетъ такъ, что здѣсь заключается указаніе на кіево-братскій монастырь, якобы имѣвшій уже патріаршую

[1]) Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, т. I, стр. 294.

[2]) Объ этомъ есть упоминаніе въ собственноручныхъ запискахъ П. Могилы.

[3]) Подробнѣе объ этомъ въ сочиненіи: *Петръ Могила*, т. I, стр. 287 и слѣд.

ставропигію, ибо нельзя-же разумѣть въ данномъ случаѣ *ставропигію*, данную братской обители патріархомъ Ѳеофаномъ, пріѣздъ котораго въ Кіевъ нельзя было предвидѣть.

Относительно такого разсужденія можно замѣтить слѣдующее:

1) Приведенныя выраженія въ записи Гулевичевны вовсе не означаютъ, что она жертвуетъ дворъ съ землею на ставропигіальный монастырь, уже существующій: въ такомъ случаѣ она неизбѣжно должна была-бы поименовать его. Гулевичевна въ своей записи выражаетъ только желаніе, или, точнѣе, ставитъ условіе, чтобы на ея фундушъ устроенъ былъ монастырь, подчиненный непосредственно патріарху, *ставропигіальный*. Большаго вывода изъ разсматриваемой записи сдѣлать нельзя.

2) Если признать за достовѣрный фактъ, что Гулевичевна дѣйствительно пожертвовала свой дворъ съ землею кіевскому братству, а послѣднее въ то время имѣло уже патріаршую ставропигію (отъ Іереміи), то объясненіе дальнѣйшей исторіи означеннаго братства представитъ затрудненія непреодолимыя. А именно: въ 1620 году пріѣзжаетъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ и въ память пребыванія своего въ семъ городѣ, на грунтѣ братскомъ, при церкви святаго Богоявленія и Благовѣщенія, водружаетъ крестъ, *признавая достойнымъ быть здѣсь ставропигіи патріаршей*. Но если кіевское братство съ своимъ монастыремъ имѣло патріаршую ставропигію, то какъ-же объяснить означенное дѣйствіе Ѳеофана? Онъ могъ подтвердить, благословеніемъ своимъ упрочить прежде существовавшую ставропигію: это было-бы естественно; но объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Очевидно, Ѳеофанъ первый изъ патріарховъ водружаетъ крестъ на братскомъ грунтѣ, очевидно, онъ первый даетъ братству ставропигіальныя права... Извѣстно, какъ братства дорожили патріаршими ставропигіями: патріаршее благословеніе они считали «перломъ неоцѣненнымъ, клейнотомъ найдрожайшимъ». Между тѣмъ ни въ одномъ изъ начальныхъ документовъ, дошедшихъ до насъ отъ первой половины XVII стол. и имѣющихъ отношеніе къ кіево-богоявленскому братству, ни единымъ словомъ даже не упоминается объ Іереміи. Возможное-ли это дѣло, если признать справедливымъ пріѣздъ въ Кіевъ этого патріарха и учрежденіе имъ здѣсь патріаршей ставропигіи?.. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ документовъ есть прямыя указанія, что кіевское брат-

ство пріобрѣло ставропигіальныя права именно отъ Ѳеофана. Кромѣ общеизвѣстной, уже указанной нами грамоты послѣдняго, укажемъ здѣсь на извѣстное и нашему автору письмо кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, изъ котораго видно, что главнымъ устроителемъ братства считается именно Ѳеофанъ, что его грамота посылалась къ царю «во свидѣтельство», что эта грамота постоянно пребываетъ въ братствѣ и почитается за «многоцѣнный бисеръ». Не очевидно-ли, что кіевское братство получило ставропигіальныя права не отъ Іереміи константинопольскаго (имени котораго мы и не встрѣчаемъ въ братскихъ документахъ), но отъ Ѳеофана іерусалимскаго?

IV.

Пишущему эти строки, какъ безусловно отвергавшему достовѣрность сказаній о существованіи братства въ Кіевѣ еще въ XVI столѣтіи, не разъ приходилось выслушивать слѣдующее возраженіе: если возникновеніе кіево-богоявленскаго братства со школою при немъ дѣйствительно относится ко времени не ранѣе 1615 года, то какъ объяснить, что Кіевъ, бывшій центромъ просвѣщенія и главною святынею въ юго-западной Россіи, такъ долго не имѣлъ братства и высшаго училища, когда таковыя учрежденія давно уже существовали въ Острогѣ, Львовѣ, Вильнѣ и многихъ другихъ городахъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ не представляетъ затрудненій. Кіевъ сталъ центромъ просвѣщенія въ юго-западной Руси только съ начала XVII столѣтія, благодаря многоплодной и благотворной дѣятельности кіево-печерскихъ архимандритовъ Елисея Плетенецкаго (заведеніе типографіи, изданіе книгъ, фундаціи школъ, вызовы въ лавру ученыхъ мужей), Захаріи Копыстенскаго, въ особенности-же митрополита Петра Могилы; а до того времени, т. е. до самаго конца XVI столѣтія, это былъ городъ, вовсе не могшій хвалиться своими религіозно-просвѣтительными средствами: можно сказать даже болѣе—это былъ городъ въ нравственномъ отношеніи крайне опустившійся. Правда, Кіевъ искони считался главною святынею русской земли, и кіево-печерская обитель всегда привлекала къ себѣ массы

богомольцевъ даже изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ нашего отечества. Пожертвованія на обитель были частыя и щедрыя и она въ матеріальномъ отношеніи занимала одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Но, къ сожалѣнію, кіево-печерскіе архимандриты, въ большинствѣ случаевъ, были люди, не стоявшіе на высотѣ своего положенія: они смотрѣли на занимаемое ими мѣсто не болѣе, какъ на доходную статью. Такого взгляда не чужды были даже лучшіе архимандриты. Естественно, что подобное положеніе дѣлъ мало благопріятствовало вліянію кіево-печерской обители на религіозно-нравственную жизнь южно-русскаго народонаселенія. Неудивительно, что не смотря на громадныя богатства, накопившіяся въ лаврѣ къ концу XVI столѣтія, она въ это время не имѣла еще ни типографіи, ни школы, ни хорошей библіотеки, ни больницы, ни богадѣльни [1])... Чего не дѣлала богатая лавра, того еще труднѣе было ожидать отъ самыхъ кіевлянъ, постоянно опасавшихся (по положенію Кіева, какъ окраины государства) враждебныхъ нападеній. Въ своемъ «уписѣ» кіевскіе братчики прямо заявляютъ, что доселѣ (т. е. до 2-го десятилѣтія XVII стол.) они (т. е. жители города Кіева) пребывали *въ долговременномъ нерадѣніи и лѣности и мрачной суетѣ мірской*. Трудно было ожидать отъ кіевлянъ разсматриваемаго времени заведенія религіозно-просвѣтительныхъ учрежденій, когда они не находили возможнымъ поддерживать благолѣпіе своихъ, уже существовавшихъ, храмовъ. Одинъ католическій бискупъ, посѣтившій въ 1546 году Кіевъ, упрекаетъ мѣстныхъ горожанъ за крайне пренебрежительныя ихъ отношенія къ такой давней святынѣ, какъ кіево-софійскій соборъ. По словамъ бискупа, этотъ храмъ не только лишенъ всякихъ украшеній, но и стоитъ безъ крыши, не имѣетъ дверей; не службы Божіи въ немъ совершаются, а безпрепятственно бродятъ внутри его псы, свиньи и т. п. животныя [2]).

Отзывъ этотъ могутъ найти преувеличеннымъ; въ такомъ случаѣ послушаемъ самихъ кіевлянъ современниковъ. «Писано есть нѣгде, писали въ 1626 году кіевскіе братчики къ царю Михаилу Ѳедоровичу, разсмотри сущихъ прежде тебе и тогда разумѣеши,

---

[1]) Подробно обо всемъ этомъ см. наше сочиненіе *Петръ Могила и его сподвижники*, т. I, стр. 242 и слѣд.

[2]) *Ks. Poz. Wereszczyńskiego*, Osada Kijowa.

иже по тебѣ. Всегда видяще разсмотряемъ древняго благолѣпия созданнии драгоцѣнные храмы, прославленни ради всесильнаго имени единосущныя преестественныя Троицы, отъ прародителей благочестіемъ равноцвѣтущимъ великодержавнаго величества вашея царския милости въ Киевѣ, *нынѣ же точію едва сѣмѣ ихъ обрѣтающихся зримъ, тяжцѣ и неутѣшимѣ жаляще, яко мы послѣдній родъ сихъ зрѣти достиохомъ*; на мѣстѣ, идѣже первѣй начало просвѣщеннемъ родъ россійскій истиннаго Бога позна, отнюду же по всѣмъ странамъ, яко отъ источника благоструйнаго, извѣстное всѣмъ спасение истече и процвѣте, идѣже богодухновеннии отцы пречуднымъ житиемъ и чудесы просияша, ихъ же тѣлеса донынѣ въ нетлѣнии, чудодѣйствуя, пребываютъ: зде нынѣ зримъ изсыхающъ, всякія же бѣды, гонения и укоризны исполненъ, горцѣ рыдающе, слезимъ, съ пророкомъ Іезекеилемъ глаголюще: горе намъ, увы намъ, Аддонаю Господи! сіе отчаяніе ты твориши остаткомъ израилевымъ[1]).

V.

Подводимъ итогъ всему нами изложенному.

1) Сказаніе о посѣщеніи Кіева константинопольскимъ патріархомъ Іереміею въ 1588—1589 гг. и объ учрежденіи имъ здѣсь высшаго училища при богоявленскомъ братствѣ не есть древнее преданіе, а сравнительно недавнее историческое мнѣніе, впервые высказанное профессорами кіевской академіи въ объяснительной запискѣ, составленной въ 1765 году по требованію начальства. Хотя спустя 8 лѣтъ профессорами той-же академіи означенное мнѣніе, какъ несогласное съ документальными данными, и было опровергнуто, тѣмъ не менѣе оно тогда-же перешло въ нашу историческую литературу и пустило въ ней глубокіе корни, съ теченіемъ времени пріукрашаясь новыми легендарными подробностями.

Несостоятельность означеннаго мнѣнія не подлежитъ сомнѣнію; ибо:

---

[1]) Съ подлинника находящагося въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ.

2) Изъ дошедшихъ до насъ достовѣрныхъ документальныхъ данныхъ видно, что патріархъ Іеремія ни въ 1588 году, когда ѣхалъ черезъ западно-русскія области въ Москву, ни въ 1589 г., когда возвращался изъ нея, въ Кіевѣ не былъ: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ путь его лежалъ далеко отъ этого города. Ссылка на описаніе путешествія Павла Алепскаго, гдѣ якобы говорится о посѣщеніи Кіева означеннымъ патріархомъ, оказывается неточною.

3) Относительно созданнаго «догадкою» и украшеннаго легендами перваго якобы 25-тилѣтняго существованія кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ (1589—1615 гг.) не находится ни малѣйшаго указанія во всей тогдашней письменности. Ссылка нѣкоторыхъ изслѣдователей на купчую Андрея Обуха (1594 года) и «королевскіе листы урядниковъ воеводства кіевскаго», какъ на несомнѣнное доказательство существованія въ Кіевѣ братства еще въ концѣ XVI столѣтія, оказывается, при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи дѣла, не состоятельною: поименованные документы въ разсматриваемое время къ кіевскому братству никакого отношенія не имѣли, перешли-же къ нему впослѣдствіи вмѣстѣ съ земельными имуществами, значащимися въ сихъ документахъ.

4) Въ начальныхъ, вполнѣ достовѣрныхъ документахъ, касающихся кіево-богоявленскаго братства, находится довольно прямое и опредѣленное указаніе на то, что означенное братство сформировалось только около 1615 года (Братскій уписъ, Письмо Рутскаго).

5) Ставропигіальныя права кіевское братство получило въ 1620 году, во время пребыванія въ Кіевѣ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, какъ опредѣленно говорится объ этомъ въ грамотѣ послѣдняго. Мнѣніе-же, якобы означенное право братство получило еще отъ патріарха Іереміи, не находитъ подтвержденія въ дарственной записи Гулевичевой (на которую въ данномъ случаѣ ссылаются) и стоитъ въ явномъ противорѣчіи какъ съ поименованною грамотою Ѳеофана, такъ и съ нѣкоторыми другими докумен-

тальными данными (письма братчиковъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу).

6) Наконецъ, сравнительно позднее возникновеніе въ Кіевѣ братства и высшаго училища не представляетъ ничего страннаго и необъяснимаго: напротивъ, означенное явленіе находится въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ ходомъ церковно-исторической жизни этого города.

С. Голубевъ.

ДУНАЙЦЫ [1]).

Въ сентябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» 1884 года (стр. 129—131) помѣщенъ любопытный документъ, подъ заглавіемъ: «Запорожская реляція о побѣдѣ надъ турецкимъ флотомъ въ днѣпровскихъ гирлахъ». Онъ сообщенъ *А. М. Лазаревскимъ*, но откуда имъ заимствованъ, не сказано. Упомянутый въ этомъ документѣ войсковый старшина Филиппъ Стягайло, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и заслуженныхъ молодцовъ запорожскихъ, былъ въ 1769—1770 гг. начальникомъ козачьей флотиліи и имѣлъ въ своей командѣ 3-хъ полковниковъ, 8 полковыхъ старшинъ, 1 іеромонаха, 4-хъ хорунжихъ, 38 канонеровъ и 1690 козаковъ [2]). Служба этой команды была самая трудная и опасная, ибо требовала частыхъ поисковъ внизу Днѣпра, на лиманѣ и въ самыхъ гирлахъ рѣки, тогда сильно укрѣпленныхъ турками въ Очаковѣ, Кинбурнѣ и на Березанскомъ островѣ. 5 января 1771 года доблестный Стягайло награжденъ въ числѣ другихъ 12 старшинъ большою золотою медалью на Андреевской (блакитной) лентѣ.

Въ дополненіе упомянутой реляціи считаю долгомъ сообщить отъ себя нѣсколько документовъ по тому-же предмету.

Въ моемъ архивѣ есть большое дѣло въ 300 слишкомъ страницъ, подъ заглавіемъ, буквально списаннымъ: «2 дѣлъ о командахъ 2-хъ потысячныхъ съ запорожскаго войска, съ Днѣпра Чернымъ моремъ, мимо крѣпости очаковскую и кинбурнскую, въ

---

[1]) Изъ подлинныхъ документовъ моего запорожскаго архива.

[2]) *Исторія Новой Сѣчи* и пр., ч. II, стр. 25—26.

Дунай къ первой россійской арміи командированныхъ въ 1771 и 1772 годахъ». Къ этимъ двумъ дѣламъ мы присовокупили еще многіе документы о походѣ козаковъ въ 1773 и 1774 годахъ, до ихъ возвращенія на родину. Такимъ образомъ мы дополняемъ ими сказаніе наше о «Дунайцахъ», помѣщенное въ книгѣ нашей (стр. 95—99) о походѣ ихъ въ 1771 году и обращаемъ вниманіе читателей «Кіевской Старины» на новыя свѣдѣнія о доблестяхъ «славнаго войска запорожскаго низоваго».

I.

Опытъ экспедиціи «Дунайцевъ» 1771 года былъ такъ удаченъ, что генералъ-прокуроръ князь А. А. Вяземскій обратился къ кошевому П. И. Калнишевскому съ слѣдующимъ, почти дружескимъ письмомъ:

Государь мой Петръ Ивановичъ!

Имѣю честь сообщить вамъ, государь мой, высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе, дабы сею наступающею весною, при первомъ удобномъ случаѣ, отправить такимъ-же образомъ, какъ и въ прошедшемъ году было, на лодкахъ въ Черное море до Дуная, изъ запорожскаго войска казаковъ, ежели можно, двѣ тысячи человѣкъ. Когда-же за какимъ обстоятельствомъ такого числа отправить будетъ не возможно, то по крайней мѣрѣ не менѣе тысячи человѣкъ, съ тѣмъ, чтобъ по пріѣздѣ они въ Дунай, явились тамо у адмирала Нолиса. И хотя я не сумнѣваюсь, чтобы въ произведеніи сей экспедиціи въ дѣйство могли произойти съ стороны войска запорожскаго какія либо затрудненіи; однакожъ поелику не всѣ извѣстны здѣсь могутъ быть настоящіе обстоятельства, то я и прошу васъ, государя моего, съ симъ посланнымъ немедленно меня увѣдомить: къ которому времени и въ какомъ числѣ сіе предпринятіе въ дѣйство произвесть надѣетеся. А дабы въ приуготовленіи судовъ и всего потребнаго не было вамъ остановокъ, то ея императорское величество всемилостивѣйше жалуетъ войску запорожскому на сіе приуготовленіе, естьли отправлено будетъ двѣ тысячи человѣкъ, то десять тысячъ рублей, и послѣднее число нынѣ-же при семъ къ вамъ и посылаю, а достальные, по мѣрѣ вашего отправ-

ленія, по полученіи о томъ отъ васъ извѣстія, немедленно перешлю съ тѣмъ всемилостивѣйшимъ ея величества повелѣніемъ, что сверхъ сего отправляющіеся получатъ тоже самое награжденіе по прибытіи въ Дунай, какое получили дошедшія войска запорожскаго лодки въ прошломъ 1771 году. Стараніе ваше и прилѣжность въ семъ случаѣ, а болѣе точное онаго исполненіе докажетъ собственно ваше и всего войска запорожскаго къ службѣ ея императорскаго величества отличное усердіе и вѣрность, себѣ-же пріобрѣтете тѣмъ незабвенную славу. Въ протчемъ ожидая на сіе благосклоннаго вашего увѣдомленія, съ искреннимъ усердіемъ пребываю вашъ, государя моего, покорный слуга

Князь *Александръ Вяземскій.*

Февраля 17 дня.
1772 года.

Получивъ столь лестный ордеръ государыни, Кошевой донесъ о томъ главнокомандующему князю В. М. Долгорукову и просилъ отпустить на лодочную команду 40 фаньконетовъ [1]) и нужное количество сухарей, такъ какъ на лодкахъ, въ походѣ на морѣ и рѣкахъ, самимъ печь хлѣба невозможно. Собравъ-же на сходку 17 апрѣля 1771 года старшину и куренныхъ атамановъ, 5,000 р. войску дарованныхъ раздѣлилъ по 100 руб. на всякій курень, всего 3,800 руб., а изъ остальныхъ «за деготь заплочено 240 руб., а 960 руб. положено въ скарбъ войсковій, для артиллерійскихъ и протчихъ надобностей [2])».

Въ отвѣтѣ своемъ князь Долгоруковъ (12 марта 1772 года) пишетъ, что на счетъ фаньконетовъ, пороху и пр. распоряженіе имъ уже сдѣлано, и присовокупляетъ:

«Черезъ сіе-же даю знать, что съ присланною отъ ея императорскаго величества всемилостивейшею грамотою отправляю я къ вамъ переводчика иностранной коллегіи *Архипова*, подтверждая вамъ прежнее мое предписаніе о принятіи сей съ глубокимъ благочестіемъ».

Намъ удалось найти одну весьма подробную реляцію о службѣ козаковъ въ 1771 году на водахъ нашего края, которая допол-

---

[1]) Фаньконеты (fauconaut) небольшаго калибра, длины пушки.

[2]) Замѣтимъ кстати, что деньги на курени получали *кухари*, т. е. *повара* куренные; вѣроятно они были, по обычаю, и интендантами своихъ куреней.

няетъ пробѣлъ, указанный въ книгѣ нашей на стр. 98—99. Это рапортъ полковника Сѣдловскаго отъ 24 сентября того года и при немъ:

«Журналъ 1771 года сентября 19-го учиненный, гдѣ я съ командою былъ и въ кого подъ командою и въ какомъ мѣстѣ.

1771 года маія 29 изъ города Аккермана съ командою войшелъ въ усть Дуная; въ Килію мѣсяца іюня 2 числа прибылъ, гдѣ имѣлъ роздохъ дней съ четыре. Послѣ онаго роздоху получилъ я отъ г. генералъ-маіора и разныхъ орденовъ кавалера *фонъ Вейсмана* письменный приказъ о скоромъ слѣдованіи въ мѣстечько Измаилъ.

Въ Измаилъ прибылъ я съ командою іюня 8 и находился въ точной его г. генералъ-маіора фонъ Вейсмана командѣ. Тогожъ мѣсяца со всѣмъ корпусомъ означенный генералъ фонъ Вейсманъ, въ томъ и я съ командою, на ту сторону Дуная, въ мѣстечко Тульчу выступилъ, гдѣ имѣли сраженіе съ непріятелемъ, гдѣ убито генералъ-маіора и кавалера Григорія Ивановича Черешникова, команды моей козаковъ убито въ смерть 7, ранено тяжело и легко 15. Въ добычу получили съ подъ онаго мѣстечка Тульчи, какъ регулярнымъ войскомъ, такъ и козаками кораблей большихъ военныхъ 4, галеръ, бакчебасовъ и полубакчебасовъ, тоже военныхъ, до немалаго числа.

Послѣ оной экспедиціи ежедневно въ розъѣздъ ходили по рѣкѣ Дунаю, въ коемъ розъѣздѣ случились и непріятельскіе розъѣзды и имѣли съ ними частыя перепалки, только безъ всякаго урону возвращались.

Іюля 20 кабардинскаго пѣхотнаго полка полковника *Плисника* вышеупомянутый генералъ Вейсманъ съ 4 баталіонами гренадеръ и со всею моею командою, на нашихъ самихъ лоткахъ, посылалъ на усть Дуная, къ морю, для взятія при селеніяхъ раскольническихъ турецкой батареи и сосженія тѣхъ селеній, что тамо все удачнѣе исполнено. Команды моей козаковъ убито 2, ранено тяжело и легко 5.

Потомъ вышеозначенный генералъ-маіоръ фонъ Вейсманъ, получа отъ его графскаго сіятельства, генералъ-фельдмаршала графа Румянцова ордеръ объ опредѣленіи къ командѣ моей московскаго карабинернаго полка г. подполковника *А. Я. Якубовича* и ротмистра *М. Я. Сах-*

новскаго главными командирами надо мною и козаками[1]) съ оными іюля 26 дня изъ мѣстечка Измаила выступили для препровожденія отправленныхъ изъ Измаила 5 галеръ въ гору Дуная, на коихъ былъ морскаго флота 1-го ранга капитанъ *Ив. Ив. Нагаткинъ* и какъ надъ тѣми галерами, такъ подполковникомъ Якубовичемъ и мною, главнымъ командиромъ былъ. И прибыли въ мѣстечко Галацы августа 1. Получа подполковникъ Якубовичъ отъ графа ордеръ о слѣдованіи мнѣ и ему съ нами въ г. Браиловъ, въ г. Браиловъ прибылъ августа 6. По прибытіи въ оной городъ, получа вышеписанный капитанъ Нагаткинъ отъ его графскаго сіятельства ордеръ объ оставленіи мене тамъ при ономъ городи, для разъѣзду и пресиченія непріятелю коммуникаціи, 6 моего вѣденія лодокъ, а самому съ 13 лодками слѣдовать въ команду г. генералъ-квартирмейстра фонъ Бавра, въ его корпусъ состоящій надъ рѣкою Яловицею, гдѣ и по сію пору нахожусь. По сему я въ Браиловѣ и оставилъ 6 лодокъ, а самъ съ подполковникомъ и ротмистромъ въ корпусъ 9 августа прибылъ.

Тогожъ августа 10-го г. генералъ-квартирмейстеръ фонъ Бавръ, взявъ 2 лотки нашихъ и нѣсколько маленькихъ казаковъ, рекогносцеровалъ на той сторонѣ Дуная города Гирсова; однако состоящій на островѣ неприятельской бекетъ близко подъѣхать не допустилъ; и такъ оной генералъ возвратился назадъ, приказавъ г. подполковнику Якубовичу взять всѣ 12 лотки, збить оной бекетъ и тамошнее селеніе на островѣ сожечь. По якому повеленію все казаками исполнено.

19 августа посыланы отъ оного генерала съ подполковникомъ Якубовичемъ, всѣми 13 лотками, вверхъ по Дунаю въ разъѣздъ, въ которомъ разъѣздѣ будучи, на непріятельскія 2 судна напали и оныя отбили, а супротивлявшихся турокъ до немала побили, а 6 человѣкъ въ плѣнъ взяли и благополучно возвратились, безъ потерянія и едного козака.

26 онаго-же мѣсяца посыланы были тоже съ подполковникомъ и ротмистромъ (Сахновскимъ) отъ генерала Бавра, чтобы подъ самымъ непріятельскимъ городомъ Гирсовомъ и батареями, въ гавани суда

---

[1]) Это вѣроятно по случаю безпорядковъ въ лодочной командѣ по наущенію одного изъ куренныхъ атамановъ.

забрать, но отъ великихъ изъ города батарей и судовъ, пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, и сколько ни усиливались часовъ до 4-хъ, взять не могли и возвратились обратно безъ малѣйшаго вреда.

4-го сентября я безъ подполковника, съ самими козаками посыланъ на низъ рѣки Дуная, на состоящій подъ мѣстечкомъ Дуянъ (Девно), на той сторонѣ, непріятельскій бекетъ, кой велено мнѣ разбить и оное село разорить, что по милости Божей съ козаками я учинилъ, оной бекетъ разбилъ, въ плѣнъ едного Агу, кой назвалъ себя Бѣмъ-пашею, съ другимъ туркомъ, и 6 турецкихъ, при томъ бекетѣ находившихся знаменъ взявъ, съ немалою добычею на свое мѣсто повернулись. При томъ-же сраженіи убито въ смерть 4, тяжко и легко ранено 28 козаковъ. Тѣжъ добытые знамена и турка отдалъ генералу Бавру, за что онъ всему запорожскому войску благодарилъ и обѣщался о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ и графу (Румянцову) и государынѣ писать и рекомендовать.

Тогожъ мѣсяца 16 числа посыланъ я съ командою и при командѣ моей венгерскаго гусарскаго [1]) полка капитанъ *баронъ Эренбергъ* въ гору Дуная, подъ неприятельское село, прозываемое Черноводы, что-бы оное разорить и сжечь; то я съ капитаномъ и со всею командою оное село разграбилъ и всего изжегъ, и возвратился благополучно.

Оставшіеся по ордеру графа Румянцова въ Браиловѣ 6 лодокъ на посту что издѣлали, значится подъ симъ:

Августа 11 дня, съ опредѣленнымъ къ намъ командиромъ секундъ-маіоромъ *Беличемъ*, ходили они подъ неприятельскій берегъ въ разъѣздъ, гдѣ напавъ на 2 судины турецкіе разбили, а 9 турковъ въ плѣнъ взяли и до немало багажу, возвратились, при томъ нападеніи убито козаковъ въ смерть 2, ранено тяжело и легко 5.

20 августа съ тѣмъ-же маіоромъ Беличемъ ходили на низъ рѣки Дуная въ разъѣздъ и подъ неприятельскимъ берегомъ встрѣтились имъ 6 турецкихъ военныхъ галеръ и бакчебасовъ, тожъ военныхъ, 2, на кои напали и отбили отъ турокъ ти судна и на оныхъ 26 пушекъ и мѣлкихъ судовъ до немалаго числа. Кои судна и пушки

---

[1]) Изъ новороссійскихъ поселенныхъ полковъ.

въ Браиловѣ и по ся поры. Съ козаковъ-же не убито и не ранено ни единого. Турокъ 3 человѣка взято.

Оные 6 судовъ теперь стоятъ зъ войскомъ на рѣкѣ Дунаѣ противъ города турецкаго, прозываемаго Мечина (Мачинъ) на бекети, и имѣлъ съ непріятелемъ дважды сраженіе, съ козаковъ-же ранено 1, убито въ смерть 1».

Полковникъ Сидловскій, окончивъ свой журналъ и рапортъ, на записочкѣ (картелюшкѣ), пишетъ по дружески г. Кошевому:

«Вельможности вашей отъ меня и отъ всей команды в поклонъ съ добутыхъ на той сторонѣ Дуная вещей: шаблю, подъ серебромъ ножни, попередникъ конскій съ серебренными жучками, пану писарю войсковому Ив. Я. Глобѣ часы карманные, тоже тамо добуты, серебренны, чрезъ атамана поповичева (куреня) Петра Мовчана посылаю».

За службу козаковъ запорожскихъ въ компаніи 1771 года войско удостоилось слѣдующей монаршей грамоты, о которой упоминаетъ князь Долгоруковъ въ приведенномъ выше ордерѣ отъ 12 мая [1]).

«Божіею милостію мы Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашего императорскаго величества подданному, низоваго войска запорожскаго Кошевому Атаману и всему войску запорожскому, наше императорскаго величества милостивое слово.

Предводительствующій второю нашею арміею генералъ-аншефъ князь Долгоруковъ доношеніями своими засвидѣтельствовалъ намъ, что во всю прошедшую кампанѣю отъ подаваго нашего низоваго войска запорожскаго по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ оное по распоряженіямъ его находилось и упражненно было, возложенная служба исправляема была ревностію и возможнымъ прилѣжаніемъ. Мы, будучи всегда полезнаго мнѣнія одолженнаго къ намъ и къ службѣ нашей усердія низоваго войска запорожскаго, стѣмъ большимъ удовольствіемъ приемлемъ сіе подвержденіе, чемъ сходственное тому наше было и собственное ожида-

[1]) Грамота списана съ копіи и формально засвидѣтельствована слѣдующимъ образомъ: «съ оригинальнаго сводилъ войсковой канцеляристъ *Демко Ремаревъ*; перекопіевана марта 25, 1772 г.».

ніе, и поелику и случай получаемъ предявить сему мужественному и ревности къ вѣрѣ и отечеству преисполненному войску монаршее наше благоволеніе за подъятые имъ подвиги, основанныя на сугубой должности вѣрнаго подъданства и благочестия, такимъ образомъ всемилостивѣйше мы, похваляя сею нашею императорскою грамотою помянутое низовое войско запорожское, совершенно надѣемся, коимъ образомъ оное продолжать службу свою будетъ къ намъ и къ нашей имперіи вѣрно, рачительно и мужественно и впредь, какъ при настоящей противъ врага креста Господня войнѣ, пока в миръ твердой и полезной не преобратимся, такъ и во всякое время, къ чему когда употреблено быть можетъ, и всегда сточностию по тѣмъ повелѣніямъ поступать имѣетъ, кои даванни будутъ отъ насъ и нашимъ высочайшимъ имянемъ отъ начальниковъ, довѣренности нашей удостоенныхъ. Между тѣмъ и монаршая наша милость и призрѣніе ксему нашему подданному войску не только продолжаемы, но, по мѣрѣ оказываемыхъ отъ онаго услугъ, и усугубляемы будутъ.

Пребываемъ мы нынѣ къ вамъ Кошевому Аатаману и всему войску благонамѣренны и благосклонны. Дана въ Санктъ-Питербургѣ февраля 22 дня 1772 года.

Оригинальная собственною ея императорскаго величества рукою подписана тако:

Екатерина[1]).

А вотъ нѣсколько отрывковъ похода Дунайцевъ въ 1772 году.

7-го мая командированный съ пѣшей командою полковникъ Ледо, для привода въ море лодочнаго отряда, доноситъ Кошу, что команда съ полковникомъ *Иваномъ Мандро*, замѣнившимъ больнаго, а вскорѣ и умершаго Сидловскаго, мая 5 благополучно отправилась внизъ по Днѣстровскому Лиману, «а мы леда и козаки по близу Кинбурна чрезъ всю ночь стояли и пальбы съ Очакова, съ города и судовъ не слыхали».

23 іюня полковникъ Мандро доноситъ уже Кошевому:

«Исполняя данное вашей вельможностью, при выкомандированіи меня въ Черное море, даже до Дуная, повелѣніе, съ командою, съ 7 противъ 8 прошлаго маія, мимо крѣпости очаковской и кинбурнской

---

[1]) Конія почти въ клочкахъ, съ трудомъ мною переписана.—А. С.

прошелъ благополучно, а маршируючи онымъ моремъ, первую имѣли пристань при Аджибеѣ (нынѣ Одесса), гдѣ простоявши до полтора дня, приняли путь даже до Акермана, и отъ сихъ обоихъ мѣстъ мая 20 ч. съ Акермана даже до Дунайскаго гирла какъ послѣдовали, то несчастливою фортуною, отъ послѣдовавшаго морскаго не малаго вѣтру, 2 лотки куреней каневскаго и вышестеблевскаго, при косѣ противъ Татаръ-Пупары [1]) лежачой, въ мелкіе части побило и все въ ономъ козачье имѣніе потонуло, и съ тѣхъ лодокъ 3 козаки батуринского куреня втонуло. При которой косѣ мы простояли дней до 5, ожидаючи утишенія погоды. Но сколько не ожидали той тишини, токмо оной не дождавъ, въ Дунай даже до Исмаила прибыли. Откуда въ 28 день мая, по повелѣнію в. в., писарь нашъ Потапенко къ е. п. г. адмиралу Нольсу, кой находился въ Яссахъ, съ представленіемъ, какъ о прибытіи нашемъ, такъ и послѣдовавшей вышеписанной фортуни, былъ отправленъ. По которому представленію былъ полученъ мною отъ е. п. приказъ съ обнадеживаніемъ удовольствовать высочайшею грамотою за проходъ мимо крѣпостей очаковской и кинбурнской, зъ платою и за потопленныя въ морѣ вещи награжденіе, что все нами и получено».

Въ это время начались было переговоры съ турецкими военными властями и даже были надежды на перемиріе; по этому случаю полковникъ Мандро 29 іюня доноситъ Кошевому, что« онъ состоитъ отъ города Смайлова (Измаила) верстъ за 8, при урочищѣ Яссенѣ, и не имѣлъ еще никакого извѣстія, каково будетъ предпріятіе, только часто требуется съ команды его лотокъ и козаковъ для посылки по разнымъ экспедиціямъ».

Видно служба козаковъ на водахъ была довольно тяжела, ибо изъ команды «Дунайцевъ» посланъ былъ списокъ для поминовенія въ сѣчевой церкви, въ которомъ показано, что изъ ихъ отряда 26 убитыхъ въ бою и 74 умершихъ отъ ранъ и болѣзней.

Вскорѣ полученъ былъ отъ главнокомандующаго ордеръ, чтобы козаки съ лодками оставались на мѣстѣ стоянки до дальнѣйшаго распоряженія.

---

[1]) С. *Татаръ-Пупаръ*, акерманскаго уѣзда, въ Бессарабіи, при впаденіи рѣчки Кагильникъ въ Дунай.

Замѣтимъ мимоходомъ, что вѣроятно и въ давно прошедшее время гг. генералъ-интенданты были столь-же любезны къ солдату, какъ и въ минувшія компаніи 1850-хъ и 1870-хъ годовъ. Начальникъ лодочнаго отряда, дѣйствовавшаго столь усердно, по волѣ самой великой государыни, восхваляемый за усердіе гр. Румянцевымъ и княземъ Долгорукимъ [1]), попалъ на время отсутствія адмирала Нольса (въ іюнѣ 1772 г.) въ команду оберъ-интенданта Мих. Ил. *Рябинина*. На просьбу козаковъ помочь имъ въ поискѣ потерпѣвшихъ въ бурѣ лодокъ или пріобрѣтеніи новыхъ, постоянно «проволучая», отвѣтилъ наконецъ: «что козаки пришли сюда уже не подъ военное время и врядъ въ нихъ надобность предлежать будетъ».

Не такъ думало настоящее военное начальство, ближайшій командиръ лодочнаго отряда, полковникъ Якубовичъ. Вотъ часть его письма къ кошевому, отъ 25 октября 1772 года изъ Измаила.

«Честь имѣл сверхъ регулярныхъ войскъ, запорожскими, прибывшими сюда на судахъ, козаками командовать, усматривая въ тѣхъ военныхъ дѣйствъ операціяхъ, въ экспедиціяхъ важныхъ прошлаго года за Дунаемъ: подъ Тульчею, Мачиномъ, Гирсовомъ, Силистрою и другими турецкими городами и мѣстечками, достохвальные, храбрые ихъ дѣла, довольно тогда же его сіятельству, высокоповелительному г. генералъ-фельдмаршалу рекомендовалъ, почему каждый изъ нихъ, кромѣ другихъ награжденій и авантажа, и портреты ея императорскаго величества на медаляхъ получали».

Козаки съ лодками оставались все неотлучно при 1-й арміи, какъ видно изъ рапортовъ новаго ихъ командира, полковника Ивана Дуплича, отъ 14 октября и 8 ноября. «Нахожусь я, пишетъ онъ, съ командою противу города Силистріи при урочищѣ Шикирешли, въ командѣ г. г.-маіора и кав. Григорія Александровича *Потемкина*, гдѣ и повелено пріостановится всей арміи и не производить военнаго дѣйствія до предбудучого 1773 года марта 9 числа перемирія, порядочно и благополучно».

Мы уже упоминали въ книгѣ нашей [2]) о бывшей тогда модѣ или прихоти русской знати и даже простыхъ военныхъ людей

---

[1]) См. ниже ордеръ Румянцева отъ 3 октября 1773 года.

[2]) *Исторія Новой Сѣчи*, ч. I, стр. 126—1828.

записываться въ козачество запорожское «товарищами» по избраннымъ куренямъ. Вотъ полковникъ Дуличь въ письмѣ отъ 8 ноября 1771 года проситъ о зачисленіи въ козаки: черкесскаго князя *Капитанова*, «Кизлярскаго Терека войска: *Ивана и Петра Григорей*, поручика греческой націи *Маргарита Арнаутскаго* и донскаго полковника *Михаила Агеева*», такъ какъ они «очень честные люди», наивно свидѣтельствуетъ нашъ полковникъ.

II.

Но вотъ перемиріе кончилось, война съ турками возобновлена, и «Дунайцы», участвуя въ ней, потеряли уже много своихъ братій и въ томъ числѣ полковника Дулича, умершаго отъ ранъ. На мѣсто его въ Кошѣ обществомъ избранъ атаманъ дядьковскаго куреня *Кондратъ Гукъ*. Здѣсь узнаемъ мы, какъ древнее «братство» куренное до самаго конца свято уважалось въ войскѣ. Полковникъ Мандро августѣ 1773 года просилъ, чтобы козаки вновь прибывшіе—вѣроятно на мѣсто 120 умершихъ и убитыхъ,—непремѣнно совокупились «куренями», ибо таковое желаніе всей лодочной команды.

Первое и весьма тяжкое дѣло имѣли козаки въ іюнѣ 1773 г., какъ видно изъ донесенія Кошу начальника первой команды полковника *Герасима Коленка*.

«Чрезъ сего нарочнаго посланнаго отъ насъ, атамана Пилипа Хорта объявляемъ в. в., что у насъ была съ непріятелемъ баталія, съ начала сего 1773 г. мѣсяца іюня 1 числа, выше Силистріи, за Дунаемъ, въ мѣстечку Вѣтровицы, вторая-же противъ Силистріи, въ островѣ, мая 26 числа баталія была, гдѣ и полковника Дулича поранили, и отъ той раны и померъ. Въ третьи-жъ разъ какъ пошли подъ городъ Силистрію, гдѣ былъ самъ графъ Румянцовъ и генералъ поручикъ Потемкинъ, и нашъ выигрышъ похвалилъ. За что мы, благодаря Бога, и всемилостивѣйшей нашей государинѣ, и вашу вельможность, что мы счастливо находились, и не отказываемся службы своей. Іюля 31, 1773 г.

Объ этихъ «баталіяхъ» писалъ еще Коленко 8 августа того года слѣдующее.

«Сего 1773 года, іюня первыхъ чиселъ, принося мы вѣрно за вѣру и отечество Богу и всемилостивѣйшей нашей государынѣ службу, будучи

подъ городомъ Силистріею, иные смерть пострадали, а иные раны приняли. Прилагаемъ при семъ именной списокъ козаковъ убитыхъ и отъ ранъ умершихъ (какъ оказалось, 43 человѣка).

Списокъ этотъ посланъ въ Сѣчь для поминовенія во всѣхъ церквахъ запорожскихъ.

Вотъ еще донесеніе начальника второй лодочной команды, полковника Мандро, о томъ-же, но писанное вѣроятно какимъ нибудь писаремъ изъ духовнаго званія, изъ котораго молодежь, особенно школьники, частенько уходили козаковать на Запорожье. Это будетъ и образецъ козацкой литературы.

«Зчисляя мы продолженіе нашей къ всероссійскому е. и. в. престолу службы, которая какъ явила свое начало, то въ томъ мы свою храбрость и мужество нервѣе всѣхъ войскъ, не одиножды, на той сторонѣ р. Дуная оказать счастіе имѣли. А съ тѣхъ поръ почти не всякій день въ сраженіи съ непріятелемъ какъ на той-же сторонѣ Дуная, такъ особливо подъ часъ чинимихъ непріятелемъ на сію сторону Дуная переправъ, къ воспрепятствованію его намѣренія, съ усердною ревностью. храбро, якъ долгъ есть воиновъ, поступали, не уступая непріятелю (доколь приказъ не зайдетъ) ни на одинъ сажень мѣста. Въ тихъ-же сраженінхъ урону съ нашей стороны было козаковъ убитыхъ 5, а раненыхъ до 50.

Городъ Силистровъ (Силистрія) какъ былъ россійскими войсками атакованъ, то къ этому командировано было нѣкоторую часть изъ командъ запорожскихъ,—оставляя надлежащее число при судахъ, козаковъ, гдѣ будучи во время сраженія, не только не устрашились силъ въ шанцахъ и рвахъ бывшихъ непріятельскихъ, такожъ многаго числа пушекъ, но еще съ помощью Бога, счастіемъ-же е. и. в. и вашей вельможности, съ усердіемъ и ревностью бросившись на нихъ съ мѣлкимъ оружіемъ, выбыли съ тѣхъ шанцевъ и рвовъ, такожъ и отъ ихъ пушекъ отогнавъ, гнали и убивали многихъ въ самомъ форштатѣ. Урону подъ городомъ въ козакахъ, по волѣ Божіей, явилось убитыхъ 7 человѣкъ, а раненыхъ 22.

Нынѣ состоимъ мы при Гирсову и дѣлаемъ поискъ надъ непріятелемъ во верху Дуная лотками, повелителя-же имѣемъ «арміи дежурства г. м. *Малорадовича*» (Августа 9, 1773 г.).

За симъ слѣдуютъ и военные комплименты запорожцамъ отъ «высокаго» начальства. Начнемъ съ весьма любопытнаго письма Потемкина, и не въ Кошъ, а прямо къ подчиненнымъ лодочнымъ козакамъ [1]):

«Войска запорожскаго обоихъ командъ полковникамъ, старшинамъ и товариству!

«Бывъ свидѣтель ревностной вашей службы, мужественнымъ поступокъ и воинскаго одолѣнія христо-ненавистныхъ враговъ, и потребляемаго вами искусства, пользуясь искреннею благосклонностью съ дружбы вашей, по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, имѣвъ счастіе получить отличный знакъ монаршихъ милостей жалованьемъ меня: генералъ-адъютантомъ, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка подполковникомъ, воинскаго совѣта членомъ и орденовъ: св Александра Невскаго, Бѣлаго Орла и св. Станислава кавалеромъ,—за первый довлѣющій меня долгъ почелъ вновь справедливостью донести о томъ е. и. в., всемилостивѣйшей государинѣ и матери нашей, которая, уважая достойные ваши подвиги, для защищенія отечества предпріемлемыя, въ залогъ высочайшаго къ вамъ своего благоволенія, всемилостивѣйше повелѣла изъ императорской своей казны учинить вамъ награжденія, для полученія коихъ, по донесствіи къ вамъ сего листа, пришлите кого либо изъ своихъ письменныхъ людей, и если живъ *Герасимъ* (*Черный*) писаръ, то и его затѣмъ сюда повелите отправить. А съ нимъ-же, въ знакъ моей къ вамъ любви, одолжаюсь на всѣ курени прислать кашеварныхъ котловъ самой лучшей здѣшней работы. Я надѣюсь, что подарокъ сей приобрящетъ ваше удовольствіе и будетъ служить напоминаніемъ вамъ моей дружбы, которая навсегда пребудетъ съ моей стороны ненарушимо сохраняема во всякое время, съ желаніемъ расширенія вашей славы, неустрашимость вашу велегласно проповѣдущей и повсемѣстно стяжающей вамъ похвалы. Будьте увѣрены, что всѣ случаи въ исходатайствованіи вамъ полезнаго открывающагося не пропустяться мною,—дабы доказать вамъ, что я былъ, и есьмь, и на всегда буду. Вашъ всеохотнѣйшій слуга

Село Царское *Григорій Потемкинъ.*
1774 года, 22 мая.

---

[1]) Къ сожалѣнію списано съ копіи; другія письма Потемкина имѣемъ въ подлинникахъ. Хотя писано и «высокимъ» вельможею, но по слогу мало отличается отъ донесеній запорожской старшины, писанныхъ бѣдными писарями войска.

За этими деньгами и котлами козаки изъ подъ Силистріи послали въ Петербургъ упомянутаго писаря своего Герасима *Чернаго* и козака Демида *Чернаго*.

Но и герой Румянцевъ Задунайскій не отказывалъ «Дунайцамъ» въ своемъ покровительствѣ, какъ видно изъ его ордера отъ 20 октября 1773 года, изъ Фокшанъ, къ Кошевому:

Государь мой Петръ Ивановичъ!

Получа письмо ваше, которымъ вы просите, чтобы я учинилъ представительство о награжденіи старшинъ и козаковъ войска запорожскаго, пришедшихъ (къ Дунаю) 772 года, медальми, по примѣру ихъ товариства, что оніе получили здѣсь за свою службу, не хотѣлъ я упустить, чтобы не обнадежить васъ, что сіи усердные службѣ воины, въ многихъ уже дѣйствіяхъ мужествомъ отличившіеся, обязали меня по должности также ходатайствовать о справедливомъ воздаяніи, чего и не оставлю я учинить, пребывая между тѣмъ съ моимъ почтеніемъ Вашимъ, государя моего, доброжелательнымъ слугою.

Графъ *Румянцевъ*.

А вотъ и финалъ «Дунайской» экспедиціи храбрыхъ запорожскихъ аргонавтовъ, и финалъ, увы, довольно злополучный. Разсказомъ этого финала мы закончимъ нашу правдивую лѣтопись.

Благодаря побѣдамъ Румянцева, война кончилась. Миръ съ турками заключенъ 10 іюля 1774 года, и войску запорожскому повелѣно возвратиться домой. На этомъ основаніи 15 сентября 1774 года, по распоряженію главнокомандующаго, генералъ-поручикъ *М. Каменскій* [1]) уже не ласковымъ тономъ, какъ бывало прежде, а грубымъ казарменнымъ слогомъ предписываетъ полковнику Гуку:

«По полученіи сего слѣдуй со всей запорожской командой къ Сѣчи. А будучи въ пути, встрѣчающимся турецкимъ военнымъ или купеческимъ судамъ и на берегахъ обитающимъ жителямъ обидъ и разореній не чинить; а когда оказаны будутъ отъ васъ обиды и дойдутъ о томъ жалобы, то винные смертью наказаны будутъ; о чемъ во

[1]) Бывшій въ царствованіе императора Павла новороссійскимъ военнымъ губернаторомъ.

всѣ лодки объявите. По прибытіи-же въ Сѣчь, явитесь къ вашей командѣ».

Таково было послѣднее, любезное сношеніе «Дунайцевъ» съ меньшимъ начальствомъ армій. 17 сентября злополучные молодцы пустились къ морю и, счастливые до сихъ поръ въ борьбѣ съ врагами, на пути къ родинѣ подверглись враждебнымъ природнымъ стихіямъ. Вотъ подлинныя донесенія Кошу отъ начальниковъ обѣихъ лодочныхъ командъ:

«Достигши мира въ войнѣ, продолжавшейся съ турками, а потому получа отъ командуемаго позволеніе къ движенію въ обратный путь, за таковое емшись сентября съ 17-го, путешествовали Дунаемъ и Чернымъ моремъ благополучно только до 21 числа. А противъ оного въ ночи, вѣющимъ не обычно вѣтромъ, колебаніе моря продолжавшееся на многіе часы постигло тамъ, гдѣ былъ трудной и почти совсѣмъ не возможный способъ къ избавленію судовъ отъ разбитія. Потому и неожиданной гибели предало 37 лотокъ съ девяти пушекъ и при оныхъ во множествѣ бывшій экипажъ, простирающійся съ готовымиденьгами на 20,000 рублей. Едва мы спаслись наго почти, что артиллерію спасая, къ сему единому попеченію обратились. И такъ съ разбитыхъ лотокъ 2 только, казавшіеся лучшими и удобнѣйшими къ поправкѣ: кущовскую и незамайскую исправивъ, а къ тѣмъ нанявъ въ Аккерманѣ у очаковскихъ турковъ за 107 рублей томбазъ, оной и тѣ 2 лотки подъ оставшуюся артиллерію употребили до *Кизьяго* [1]). А тамъ выгрузя въ суда запорожскіе, на сихъ оттоль въ надлежаще мѣсто поставили при мнѣ полковника Мандрю съ козаками, продолжавшими водою и румомъ (берегомъ) путь. А что былъ оной многотруденъ и бѣдственъ, такъ что могли въ великую силу достигти Сѣчи ноября 14.

Я-же полковникъ Гукъ 30 пароволовыхъ возовъ получивъ отъ аккерманскаго коменданта и склавъ на оные харчи и послѣдню одѣжъ, при томъ-же и не могущихъ по болѣзнямъ идти, двинувшись, слѣдовалъ степью на Бендеры, но надъ Ярликомъ (р. Ягорликъ) и Польщею, гдѣ у обывателей перестоять порядочно, по отводу, нашелся

[1]) *Кизьє. Кизій-мысъ* или Кизыляръ, урочище, гдѣ оканчивается кизельницкое гирло Днѣпра, въ херсонской губерніи и уѣздѣ.

привужденный отъ стужи до времени возможнаго къ ходу. И такъ повольно вступили въ границу нашу, коею слѣдуя, прибыли къ Сѣчи января 27, въ велику зиму, отъ которой, что сильно увеличилась предъ временемъ прибытія, претерпѣли великій холодъ и лишившись здоровья, многіе ощутили калецтво».

Полковникъ *Кондратъ Гукъ. Иванъ Мандро.*

Такъ описывали храбрые и честные «Дунайцы» свое возвращеніе съ послѣдняго, славнаго, какъ и вся ихъ исторія, похода. Иначе объясняли это возвращеніе въ Петербургѣ, гдѣ въ то время рѣшалась участь Запорожья, какъ уже не нужнаго. Вотъ что писалъ оттуда въ Кошъ послѣдній депутатъ войска Антонъ Головатый [1]):

«Мы зъ Велигурою (полковникомъ калмiусской поланки) пили у Потемкина крѣпкій пуншь; нашихъ дунайцевъ оболгалъ какой-то генералъ (Рябининъ): что они отдавали ему свои лодки въ соблюденіе, а самимъ-бы идти пѣшкомъ чрезъ Польшу для грабительства. А когда ему мы сказали, что у нихъ всѣ лодки погода побила, то онъ Потемкинъ не вѣритъ, такъ я ему въ отвѣтъ сказалъ: «какая въ свѣтѣ есть ложь! Они остались бѣдны по причинѣ судьбы своихъ лотокъ, да хотя-бы и пошли пѣшкомъ на грабительство, то что они пѣшіе занесутъ?» А Потемкинъ выговорилъ: «будто я не знаю вашихъ ухватовъ? Пѣшкомъ пойдетъ, а узду за поясомъ одну, либо въ саквахъ двѣ, то на нихъ и коней весьма скоро добуть могутъ, чтобы не пѣшому быть каждому, а навьючить добычь, для облегченія себя».

Это было сказано Потемкинымъ въ началѣ февраля 1775 г., т. е. 8 мѣсяцевъ едва спустя послѣ приведеннаго выше любезнѣйшаго письма тогожъ «Нечосы» [2]) и подарка котловъ кашеварныхъ на всѣ курени.

Вотъ чѣмъ кончились подвиги «Дунайцевъ» въ войну 1770—1773 гг. Потерявъ убитыми и ранеными до 200 челов., потерявъ лодки и все добытое имущество, они увидѣли дорогую Сѣчь на капунѣ ея гибели и, что было не менѣе тяжело для козака, слышали упреки и ругательства отъ коварнаго царедворца, хотя и военнаго человѣка.

А. Скальковскій.

---

[1]) Исторія Новой Сѣчи, ч. III, стр. 171—172.

[2]) «Нечосою» прозвали козаки Потемкина при пріемѣ въ кущовскій курень отвариицемъ. Вѣроятно—за его кудрявую прическу или даже парикъ.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1]).

Чѣмъ долѣе жилъ въ своемъ приходѣ о. Харитонъ, тѣмъ болѣе привязывались къ нему его прихожане: его любили, какъ и прежде, за его тихій нравъ, кроткую и добрую душу, привѣтливое обращеніе, благоговѣйное служеніе, и старались помогать ему во всемъ, предъугадывая его нужды, предупреждая его просьбы. Опорядивъ его дворъ еще великимъ постомъ, руками говѣльщиковъ, громада ждала только времени, чтобы вспахать поле своего батюшки, а потомъ сжать, свезти и перемолотить хлѣбъ.

Настала поздняя, теплая весна. Пришелъ свѣтлый праздникъ— Воскресенье Христово. Въ первый день, разговѣвшись «свяченымъ» и отдохнувъ послѣ ранней и долгой службы, чуть-ли не вся ольшаницкая громада собралась на погостъ провести время вблизи церкви, какъ заведено съ-покопъ вѣку. Староста и братчики, по старому обычаю, наварили къ празднику меду. Медъ продавался въ хаткѣ, которая стояла въ концѣ обширнаго погоста и называлась школой. Въ этой хаткѣ и въ самомъ дѣлѣ была когда-то школа; но это было давно, а теперь никто въ ней не учился, и звалась она школой лишь по преданію. Мущины и женщины разсѣлись кружками по всему погосту. Вездѣ видны были разостланныя въ срединѣ кружковъ на зеленой травѣ чистыя скатерти и полотенца. На нихъ

[1]) См. «Кіевская Старина» 1884 г., декабрск. кн., стр. 586—620.

лежали крашанки, писанки, пироги и куски «паски» для закуски. Къ этому приставляли кружки, фляшки и просто горшечки съ медомъ, кое-гдѣ виднѣлись и бутылки съ водкой. На погостѣ стоялъ говоръ, шумъ, веселье, но не громкое, а сдержанное, какъ подобало святому мѣсту. Мущины и женщины христосовались, обнимались и цѣловались. Одинъ кружокъ запрашивалъ къ себѣ близкихъ сосѣдей и пріятелей изъ другихъ кружковъ. Одни другихъ угощали медомъ или водкой, обмѣнивались крашанками и писанками. Подходившія вновь молодицы развязывали платки со «свяченымъ». А за погостомъ, на выгонѣ, дѣвчата и хлопцы впервые выпли пѣть веснянки и играть въ весенніе игры. Дѣвчата впервые, послѣ продолжительнаго поста, нарядились во всѣ цвѣты и ленты, сколько ихъ лежало въ сундукахъ; одѣлись въ свѣтлыя *юбки* и *сподницы*, въ сафьянные красные сапоги. Зеленый выгонъ будто зацвѣлъ роскошными цвѣтами маку и мальвы. Въ одномъ мѣстѣ дѣвчата, побравшись за руки въ кружокъ, выводили танецъ, распѣвая *перепелки*; въ другомъ бѣгали въ *хрещика*, а тамъ далѣе сидѣли длинными рядами и играли въ *женыпана*. Дѣти сновали по погосту и по выгону, катали крашанки по травѣ, играли *на вбитки* крашанками. А на выгонѣ, на зеленой травѣ паслись гуси съ желтыми гусятами, паслись и весело подпрыгивали ягнята, а крохотные ребятишки изо всѣхъ силъ гонялись за ягнятами. Молодые парни стояли группами вокругъ дѣвчатъ въ новыхъ барашковыхъ шапкахъ, въ черныхъ и бѣлыхъ свиткахъ, подпоясанные красными или зелеными поясами, любовно поглядывая на ихъ разцвѣтшія лица, постукивая каблуками въ тактъ игръ и пѣсенъ, подмигивая бровями, заигрывая словами. Вездѣ раздавалась пѣсня. Хлопцы звонили такъ, что тряслась колокольня. На всѣхъ лицахъ сіяла радость, счастье весны и любви. А солнце съ высокаго синяго неба яснымъ, теплымъ свѣтомъ обливало зеленый выгонъ, цвѣтистыя группы дѣвчатъ и парубковъ. Даже старики принарядились, помолодѣли и похорошѣли. И праздникъ, и весна, и зелень, и золотистое солнце всѣхъ развеселили, всѣхъ наполнили радостью и покоемъ.

— А що, панове громадо,—началъ одинъ старикъ на погостѣ, держа въ рукахъ чарку меду: нашъ молодый батюшка не Богъ-зна съ якими достатками. Въ молодого господаря порожня и кишеня

и комора. Коли мы выбрали ёго соби на парахвію, то треба ёму и помогти.

— А вже-жъ треба,—отозвался староста, сидя на травѣ: давъ Богъ весну, часъ выряжати въ поле плуги. Батюшка самъ не спроможеться выорати поле. Треба выслати въ поле громадськи плуги, та выорати ёму поле пидъ ярину.

— А вже-жъ треба, поки самъ не стане добре на ноги,—отозвались старики: а якъ не мае насиння на посивъ, то треба бъ и засіяти.

— Отъ прийде правити вечерню, то и спитаемо,—сказалъ староста.

Спустя немного вышелъ на погостъ Моссаковскій съ женою. Ихъ окружили люди и стали христосоваться съ ними: и мужчины и женщины христосовались и съ батюшкою и съ матушкою, обмѣниваясь крашанками. Молодицы усадили матушку въ одномъ изъ своихъ кружковъ на камнѣ, батюшка присѣлъ у колокольни на ступенькахъ, окруженный стариками.

Послѣ нѣсколькихъ словъ по поводу праздника и погоды, одинъ изъ почетнѣйшихъ стариковъ заговорилъ къ батюшкѣ отъ лица всѣхъ:

— А що, батюшко, часъ може оце по святахъ и въ поле съ плугами выходити? За теею панщиною та за холодами мы ще не орали, але здаеця и ваше поле не почате лежить;—то може благословитимите по святахъ до ёго попереду зъ плугами зайти.

— Спасиби вамъ, люди добри. Якъ ваша ласка, во й поможить,—ласково благодарилъ Моссаковскій, кланяясь народу.

— Допоможемо, батюшко, отозвался староста. Коли мы вже выбрали васъ, то повинни и въ хазайстви вамъ допомогти.—Выоремо, батюшечко, приговаривался другой старикъ, а якъ Богъ ма чимъ засіяти, то й насиння дамо.

— Ни, спасиби вамъ, сказалъ Моссаковскій: насиння въ мене е, тесть давъ, а коли ваша ласка, то выорить, бо я не спроможусь своими наймитами та волами.

— Выоремо! Чому не выорать?—отозвалось вдругъ нѣсколько голосовъ. Громада сильный чоловикъ: одни пидуть по дню зъ плугами, други зъ ралами, а трети зъ боронами, та и буде кинець. Абы вы до насъ добри були, а мы вамъ поможемо.

Моссаковскій вновь кланялся и благодарилъ. Между тѣмъ староста поставилъ столъ. Принесли меду и «свяченого». Чарка пошла кругомъ стола. Между батюшкой и прихожанами шла искренняя, сердечная бесѣда, какой теперь уже не услышать. Вокругъ церкви, на погостѣ и за погостомъ веселилась, какъ одна душа, убогая паства съ своимъ пастыремъ тихою праздничною радостью.

Зазвонили къ вечернѣ. Говоръ и пѣсни смолкли. Все, что было на погостѣ и выгонѣ, стало на ноги, все двинулось къ церкви. Выгонъ и погостъ опустѣли. Только малые хлопята выглядывали группами изъ оконъ колокольни, выжидая время, когда еще разъ можно будетъ поиграть на колоколахъ.

Прошла Свѣтлая недѣля, минули и проводы. Послѣ проводъ громада выслала плуги на поле Моссаковскаго. Моссаковскій собрался въ поле съ водкой и закуской угощать и подкрѣплять оравшихъ. Онися навязалась ѣхать съ нимъ.

— Одже, Онисіе Степановно, безъ васъ мабуть и вода не освятится,—говорилъ Моссаковскій, ѣдучи въ поле.

— Я, бачъ, и до хаты, и до плуга, и до рала. Куди хочь поверни, скризь найду ладъ. Не дурножъ я въ батька часомъ и кони поганяла,—отвѣчала Онися.

Громадскіе плуги покрыли поле. Вспаханная свѣжая земля чернѣла и лоснилась на солнцѣ. Жаворонки весело распѣвали надъ нивой, высоко подымаясь вверхъ. Плугатари и погоничи выкрикивали на разные лады, погоняя воловъ. Моссаковскіе, подъѣхавъ къ полю, остановились на межѣ и поздоровались съ людьми. Онися соскочила съ воза и побѣжала по межѣ оглядывать поле. Староста и батюшка едва поспѣвали за нею. Моссаковскій совѣтовался со старостой, гдѣ сѣять гречку, гдѣ просо и овесъ, гдѣ коноплю и ленъ. Онися вмѣшивалась въ разговоръ, сама распоряжалась, будто она была хозяиномъ; показывала, гдѣ и что сѣять, и доказала, что она и въ самомъ дѣлѣ многое понимаетъ въ мужскомъ хозяйствѣ. Староста съ батюшкой, глядя на нее, только пожимали плечами.

На межѣ развели огонь, поставили треножникъ, повѣсили чугунный котелокъ. Онися засучила рукава, закуталась платкомъ, чтобы не загорѣло лицо, и принялась готовить для рабочихъ полдникъ.

— Що це наши хлопци не выизджають съ плугомъ? говорилъ Моссаковскій, посматривая на дорогу: яжъ имъ звеливъ заразъ за нами рушати съ двору.

— И не жди, бо не выидуть,—сказала Онися, кроша лукъ и отирая рукавомъ слезы, которыя текли отъ остраго запаху лука.

— А чомъ вони не выидуть? спросилъ удивленный батюшка.

— А тимъ, що я звелила имъ копати зъ дивчатами городъ.

— Алежъ вы, Онисіе Степановно, колись казали, що мы подилимось слугами: щобъ наймички були ваши, а ваймиты мои,—припомнилъ насмѣшливо Моссаковскій прежній уговоръ, который онъ исполнялъ свято.

— Атъ, згадавъ торишне свято, отвѣтила Онися: хиба нема кому поле выорати? Дивись, онъ скильки плугивъ!

— Алежъ, Онисіе Степановно, подумайте, що скаже громада. Скажуть, що я скидаю на нен всю роботу, а своихъ наймитивъ жалую.

— Эт, говори! Вже ты наговоришъ «три мишки гречаной вовны, та ще и уси не повни». Ты лучше не думай. «Индыкъ думавъ та и здохъ», кажуть у приказци,—говорила съ неудовольствіемъ Онися, бросая лукъ въ котелъ.

Батюшка замолчалъ; онъ самъ уже видѣлъ, что жена его забираетъ верхъ въ хозяйствѣ и лишь для формы спрашиваетъ иногда у него позволенія взять къ своей работѣ мужскую прислугу, на самомъ-же дѣлѣ давно сама всѣмъ распоряжается.

Каша закипѣла. Онися вытянула изъ воза мѣшокъ съ сухарями и хлѣбомъ, разостлала по травѣ полотенца, положила ложки, поставила миски и позвала «орачей» на полдникъ. Староста снялъ котелокъ и налилъ каши въ миски. Въ чистомъ воздухѣ расходился запахъ горячей пищи и смѣшался съ тяжелымъ запахомъ дыма и помятой молодой травы. Ароматы луку и сала дразнили нервы и аппетитъ. Отецъ Харитонъ досталъ съ воза боченокъ съ водкой и налилъ въ фляшки. Загорѣлые плугатари и погоничи въ бѣлыхъ рубахахъ и безъ шапокъ подошли къ возу. Моссаковскій выпилъ самъ, попотчивалъ всѣхъ и сѣлъ за полдникъ рядомъ съ «орачами». Онися брала опорожненныя миски, наливала кашу изъ котла, быстро рѣзала и раскладывала предъ рабочими хлѣбъ, чтобы они не тратили много времени за ѣдой и скорѣе вновь прини-

мались за работу. Окончивши полдникъ, орачи выпили еще по чаркѣ водки, перекрестились на востокъ, поблагодарили панотця и матушку и пошли къ плугамъ. Онися мигомъ убрала все, сложила на возъ, еще разъ пробѣжала по полю, указала старостѣ, гдѣ посѣять коноплю и ленъ, наиболѣе необходимые для ея женскаго хозяйства, и торопила мужа ѣхать домой.

— Поганяй, паноче, швидче, бо я знаю, що мои наймички не копають, а граються зъ наймитами, говорила Онися мужу.

— Та нехай трохи пограються! Не велика бида.

— Отъ тоби и невелика бида. Швидче скопають городъ,—будуть иншу роботу робити.

Только что они въѣхали во дворъ, Онися соскочила съ воза и побѣжала на огородъ. Наймички дѣйствительно заигрывали съ наймитами, кидали въ нихъ корнями бурьяна, комъями земли; наймиты гонялись за дѣвчатами по вскопаннымъ грядамъ, а заступа торчали въ землѣ, какъ сироты. Онися крикнула на слугъ, выбранилась на весь огородъ и побѣжала съ жалобой къ Харитону, которому было однакожъ мало нужды и до слугъ и до огорода. Онися взяла заступъ и пошла сама въ палисадникъ копать грядки на цвѣты.

— А ну, паноче, ходи лишень сюди та скородь мени грядки,— крикнула она мужу, который собирался уже залечь на канапкѣ и почитать «житіе».

Съ этими словами Онися ткнула мужу въ руки грабли, и онъ молча сталъ загребать и выравнивать землю на грядкахъ. Потомъ она заставила мужа чистить дорожки, а сама, продолжая копать грядки, все выглядывала изъ-за угла на огородъ и покрикивала на слугъ.

— Та й забисована оце попадя, говорилъ одинъ изъ наймитовъ. Не дасть и въ голову почухаться; стоить якъ те опудало на конопляхъ, та лякае насъ, якъ горобцивъ.

Онися скопала весь палисадникъ и засѣяла его цвѣтами. Надъ самымъ прудомъ былъ крутой, но не высокій зеленый берегъ. Онъ напоминалъ ей возвышенное мѣсто надъ Росью въ отцевскомъ саду, край котораго былъ засѣянъ цвѣтами. Онися скопала цѣлину длинною полоскою, засѣяла цвѣтами и велѣла мужу проложить туда дорожку.

— Алежъ выгадуете вы все що инше; въ мене вже ажъ спина трищить,—замѣтилъ «панотець» и, вздохнувъ, принялся прокладывать дорожку.

Между тѣмъ, Онися кликнула наймичку и полетѣла въ кухню готовить «вечерю», въ ожиданіи съ поля рабочихъ. Моссаковскій поплелся за нею, пользуясь случаемъ хоть немного отъ работы отдохнуть.

Видя, какъ она суетится, перебѣгая изъ кухни въ кладовую и назадъ, Моссаковскій говорилъ:

— Та сядьте, Онисіе Степановно, та спочиньте хочъ трохи.

Сядь уже ты, коли тоби такъ хочеться, тай дивись на мене, а я буду робити, говорила Онися.

— Колижъ-бо вы такъ бигаете, що на васъ и дивитись трудно,— говорилъ о. Харитонъ.

— То бигай и ты за мною, якъ курчя за квочкою, а вже я не сяду, бо мени николи.

— Ей Богу, я васъ колысь привяжу до стильця, щобъ вы одпочили хочъ на годину.

— Ябъ тоби и мотузки порвала, а такибъ утикла.

И Онися опять суетилась и бѣгала то въ комору, то на дворъ, то въ покои, то въ погребъ. Въ ея худощавомъ тѣлѣ, въ ея тонкихъ жилахъ было столько жизни и движенія; ея сухія руки, длинные пальцы постоянно вертѣлись, что-то перебирали, перетряхивали, складывали или раскладывали...

Когда настало лѣто и созрѣли посѣвы, громада толокою сжала своему батюшкѣ весь озимый и яровый хлѣбъ и свезла въ гумно, не смотря на то, что была своя работа и заѣдала тяжелая панщина. О. Харитону чувствовалось легко; лучшихъ отношеній къ прихожанамъ желать было нельзя.

Минулъ годъ, Онися родила дочь; дитя прожило только до вечера: отецъ Харитонъ едва успѣлъ окрестить его. Изъ Чаекъ пріѣхалъ отецъ съ матерью; поплакали и похоронили дитя возлѣ церкви. Онися такъ плакала и горевала, что едва и сама не умерла. Прошелъ другой годъ, Онися родила сына; но и это дитя умерло чрезъ день. Онися съ отчаянія едва разсудка не лишилась. Насталъ третій годъ,—Онися ходила беременною.

— А що, матушко, борони Боже, якъ и се дитя помре? заговорилъ какъ-то Моссаковскій къ женѣ.

— Нехай Богъ милуе, отвѣчала Онися; кажуть люде, якъ не ростуть діти, треба покликати за кума або старця, або першого, хто на улици стринеться.

— Треба справди покликати за кума старця Олексу Шмида, а за куму абы-яку старчиху, або першу молодицю, яку стрину на улици,—сказалъ отецъ Харитонъ.

Послѣ рождественскихъ праздниковъ Онися разрѣшилась дочерью. Моссаковскій самъ сходилъ къ нищему Шмиду и пригласилъ его въ кумовья, а возвращаясь домой, встрѣтилъ одну бѣдную женщину-сосѣдку и ее просилъ быть кумою. Дитя было здоровое, и Онися рѣшила устроить крестины немного спустя. Между тѣмъ прихожанки, заслышавъ о благополучномъ рожденіи, спѣшили провѣдать свою матушку. Привалъ начался съ утра слѣдующаго дня: чуть-ли не со всего села шли старыя и молодыя, богатыя и совсѣмъ убогія хозяйки «пить родины» матушки, и шли не съ пустыми руками, но каждая съ какимъ-либо подаркомъ изъ своего хозяйства. Предвидя это, Онися еще съ вечера пригласила жену старосты и поручила ей приготовить на утро обѣдъ и варенуху. Подходившія одна за другой прихожанки скоро наполнили всѣ углы просторнаго дома; нѣкоторыя изъ нихъ пришли съ маленькими дѣтьми на рукахъ. Во всемъ домѣ съ каждымъ часомъ усиливался говоръ и шумъ, происходила небывалая суета. Гостьи помоложе готовили «купиль» для матушки: однѣ носили воду, другія грѣли ее въ горшкахъ, носили въ комнату, гдѣ лежала Онися, и выливали въ большой ушатъ, поставленный у самой постели родильницы. Всѣ суетились, бѣгали, перегораживали дорогу одна другой, спорили... Простая сельская повитуха, въ чистой сорочкѣ, въ бѣлой чистенькой «памиткѣ», озабоченно переходила изъ свѣтлицы въ комнату и обратно, подъ часъ что-то шепча то и дѣло вбѣгавшимъ молодицамъ.

Уставивъ наконецъ ванну и выкупавъ съ разными причитаньями свою матушку, у которой едва хватило силъ стать на ноги, гостьи-прихожанки усѣлись рядами въ свѣтлицѣ за столы. Старостиха распоряжалась угощеньемъ и сама сѣла за столъ только за послѣднимъ кушаньемъ. Шумъ и говоръ усиливался съ каждой выпитой чаркой, воздухъ сгущался по мѣрѣ потребленія разныхъ горячихъ яствъ.

Старостиха внесла варенуху. Запахъ меду, калины, перцу, гвоздики и водки смѣшался съ запахомъ кушаньевъ, съ дыханьемъ людскимъ,— создавалась атмосфера, невозможная для здороваго человѣка, тѣмъ болѣе для родильницы. Старостиха наливала варенуху въ миски, молодицы черпали изъ мисокъ ложками и пили. Десятки языковъ совсѣмъ развязались, въ свѣтлицѣ кипѣло, какъ въ котлѣ. День клонился уже къ вечеру, когда гости встали изъ-за столовъ и длиннымъ рядомъ потянулись въ комнату, гдѣ лежала Онися, чтобы поблагодарить за хлѣбъ за соль. Молодицы цѣловали Онисю и на радостяхъ обѣщали напрясть матушкѣ каждая по *пиомитку*, а ткачиха и сама не оглядѣлась, какъ съ языка ея слетѣло обѣщаніе выткать матушкѣ даромъ полотно.

Чрезъ недѣлю, въ воскресенье, Моссаковскіе справляли крестины. О. Харитонъ ѣздилъ лично приглашать Балабуху, упросилъ даже и «благочинну». Съѣхались сосѣди священники съ женами, пріѣхали родители Ониси, явились отецъ Мелхиседекъ съ Мартою, пріѣхало нѣсколько семинаристовъ съ своими родителями. «Старець» Шмидъ и его простая, убогая кума пріодѣлись въ чистую одежу. Шмидъ не принадлежалъ къ числу заурядныхъ нищихъ; это былъ сильный плечистый дѣдъ, лѣтъ за 70, подслѣповатый на одинъ глазъ, безъ бороды, съ длинными сѣдыми усами, орлинымъ носомъ, сильнымъ и рѣзкимъ голосомъ, и ходилъ на костылѣ. Родился онъ гдѣ-то подъ Уманью, въ молодые годы попалъ въ Запорожье, былъ свидѣтелемъ его разрушенія, бѣжалъ оттуда за Дунай, тамъ затосковалъ по родинѣ, но когда навѣдался домой, былъ заарестованъ, какъ бѣглый крестьянинъ пана Копычинскаго, взятъ въ надворную его «корогву», ходилъ съ ней подъ Тарговицу, воевалъ, какъ говорилъ онъ, «за дурну Польшу», въ стычкѣ съ русскими войсками лишился правой ноги, попалъ въ плѣнъ и при движеніи Суворова къ Бѣлой Церкви брошенъ гдѣ-то на дорогѣ, какъ ненужный хламъ, но какимъ-то чудомъ выздоровѣлъ и поселился въ окрестностяхъ Богуслава, посвятивъ себя профессіи бандуриста, съ которою ознакомился еще въ дѣтствѣ. Онъ зналъ множество псальмъ, думъ и пѣсень, высоко цѣнилъ свое званіе народнаго рапсода,, на «латану свиту» свою смотрѣлъ, какъ на священную ризу, а въ кобзѣ своей видѣлъ гусли царя Давида и самого себя считалъ призваннымъ возвѣщать людямъ по дорогамъ и на ярмаркахъ слово правды. То былъ гордый,

важный дѣдъ, его знала и чтила не одна Богуславщина, но едва не вся Украина.

Гости собрались въ свѣтлицѣ, Шмидъ съ кумою ожидали въ кухнѣ. Дьячекъ принесъ кадило и свѣчи, о. Харитонъ досталъ съ угла мирницу, принесли новую съ поливой миску и въ ней стаканъ «іорданской» воды для обливанія при крещеніи. Когда все было приготовлено, пригласили кума и куму. Шмидъ гордо вступилъ въ свѣтлицу, какъ-бы древній пророкъ, за нимъ несмѣло вошла и кума. Въ свѣтлицѣ всѣ встали. Повитуха позвала куму въ комнату и подала ей на руки дитя. Ставши рядомъ съ кумою, Шмидъ началъ креститься къ образамъ и тихо шептать молитвы. Благочинный надѣлъ ризы и началъ совершать крещеніе. Свѣтлица сдѣлалась будто церковью. Всѣ стояли чинно, въ молитвенномъ настроеніи. Только Олеся косо посматривала на Шмида и надула губы. Ей очень не нравился этотъ «старецъ» на костылѣ и простая кума. Этотъ простой обычай казался для нея комедіей, очень компрометирующею даже ее—гостью, не только хозяина.

Крещеніе, за обычнымъ пропускомъ водоосвященія, прошло скоро. Въ свѣтлицѣ накрыли столы; отецъ Харитонъ попросилъ гостей садиться. Шмида съ кумою посадили прямо противъ Балабухи и его жены. Олеся не могла смотрѣть на Шмида, на его кривой глазъ, и даже брезгала ѣсть. Шмидъ держалъ себя съ достоинствомъ, въ духовныя рѣчи «батюшекъ» вставлялъ свое слово изъ набожныхъ пѣсень и козацкихъ думъ, а когда подвыпилъ, пустился въ воспоминанія и доставилъ немалое удовольствіе многимъ изъ гостей своими разсказами про Сѣчь, про житье за Дунаемъ и то, какъ онъ воевалъ «за дурну Польшу».

По окончаніи обѣда, бабка-повитуха вынесла большой подносъ, весь заставленный рюмками съ «варенухой». На подносѣ вокругъ рюмокъ были букеты зеленаго *барвинку* съ калиной. Бабка обнесла всѣхъ гостей и дарила всѣмъ букеты. Гости бросали бабкѣ на тарелку деньги.

Вмѣстѣ съ варенухой поданы были на столъ яблоки, груши, орѣхи, пряники и маковники. Варенуха развеселила гостей; матушки шумно заговорили; чувствовалась потребность общаго развлеченія. Отецъ Мелхиседекъ взялъ гитару и, слегка подыгривая, чуть слышно загудѣлъ своимъ густымъ басомъ:

Тече ричка невеличка, ниду перескочу
Отдай мене, моя мати, за кого я схочу...

При звукахъ гитары и голоса Мелхиседека, молодыя матушки затихли. Его длинная, черная борода, широкій лобъ съ густыми черными бровями, орлиный тонкій носъ, темные блестящіе глаза, помимо голоса и умѣнья пѣть, служили для нихъ большимъ магнитомъ. На второмъ куплетѣ его поддержали уже семинаристы своими тоненькими тенорами. Скоро они совсѣмъ сладились; новая, недавно проникшая въ духовную среду пѣсня пошла бойко, все съ большимъ и большимъ оживленіемъ. Молодые тенора звенѣли, какъ колокольчики, ровный чистый голосъ Мелхиседека гудѣлъ среди ихъ, какъ мѣдная большая труба. Окончивъ эту пѣсню и сдѣлавъ переборъ на гитарѣ, Мелхиседекъ началъ другую, также недавнюю, хоровую и на сходный мотивъ пѣсню: *Ой, послала горлиця приплотня по воду.* Пѣли «Петруся», «Василечка» и другія ново-сочиненныя пѣсни; но Мелхиседекъ пѣлъ ихъ для общаго лишь удовольствія, на самомъ дѣлѣ они не нравились ему, и онъ скоро принялся за свои любимыя: «Семена» и «Шума». Пѣлъ онъ ихъ на этотъ разъ съ особымъ воодушевленіемъ и произвелъ поражающее впечатлѣніе. При первыхъ звукахъ «Семена» послышались вздохи, едва не перешедшіе въ плачь подъ вліяніемъ варенухи. Окончивъ «Семена» и «Шума» и переведя немного духъ, Мелхиседекъ съ какою-то особою торжественностію и глубокою задумчивостію запѣлъ:

Ой, ишли наши славни запорожци
По-надъ Бугомъ рикою...

Взоры всѣхъ устремились на него; гости забыли про варенуху, рюмки торчали будто въ омертвѣвшихъ рукахъ. Но эти грустныя потрясающія мелодіи шли въ разладъ съ характеромъ настоящей минуты и компаніи, желавшей и настроенной повеселиться, и вызвали подъ конецъ легкій протестъ. Кое-гдѣ по угламъ послышались голоса нетерпѣливыхъ матушекъ, а сама Марта, жена Мелхиседека, не выдержала и крикнула изъ угла:

— Ану-бо, паноче, якои веселишои! а то мы й поснемо отутъ съ чарками въ рукахъ.

Мелхиседекъ какъ-бы очнулся, встряхнулъ головой, поднялся со стула и, сказавъ по направленію къ женѣ: «на тоби и веселишои:

вставай та танцюй!» со всего размаху гаркнулъ: *Ой, за гаемъ, гаемъ,* да такъ живо и весело, что *паничи* застучали ногами, а благочинная едва удержалась на стулѣ.

— Ой не грай такъ дрибно, бо пиду танцювати! крикнула Марта изъ угла.

Мелхиседекъ на лету отвѣтилъ: «вже тоби не вгодишъ: то дуже смутно, то дуже дрибно», и съ гитарой въ рукахъ, притопывая каблуками, продолжалъ начатую пѣсню. Подхватили семинаристы, присоединились батюшки и матушки. Вся свѣтлица запѣла, только Балабуха сидѣлъ молча съ трубкою въ рукахъ да попивалъ варенуху, а рядомъ съ нимъ, подлѣ Описи сидѣла надутая Олеся.

Долго продолжалось еще пѣніе. Послѣ варенухи, опять поставили на столъ бутылки съ водкою и наливками. Хозяйка вынесла закуску; спустя немного предложила ужинъ.

Гости въ волю напѣлись и напились. Хозяинъ распорядился готовить для гостей постель. Въ свѣтлицѣ постлали на полу батюшкамъ и паничамъ, въ комнатѣ Описи, также на полу, матушкамъ, а благочинной предоставлена была кровать. Но до сна было еще далеко: настоящее веселье, сильная выпивка и разныя потѣхи начинались именно предъ отходомъ ко сну, у изголовья.

О. Мелхиседекъ былъ большой мастеръ на разныя выдумки и, въ ожиданіи угощенія подъ названіемъ: *до подушки*, задумалъ потѣшить хмѣльную уже компанію. Незамѣтно вышелъ онъ въ кухню и послалъ наймичекъ въ погребъ набрать мелкаго картофеля такой величины, какъ орѣхи, наказавъ имъ строго никому о томъ не говорить. Наймички принесли картофель, помыли и вытерли. Мелхиседекъ забралъ картофель въ карманъ. Въ комнатѣ Описи на лежанкѣ стояла большая миска съ волоскими орѣхами. Отецъ Мелхиседекъ незамѣтно положилъ туда мелкій картофель, перемѣшалъ съ орѣхами и присыпалъ еще сверху сѣмячками. Войдя въ свѣтлицу, онъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ, заявилъ, что пора-бы уже и спать. Матушки, пожелавъ доброй ночи батюшкамъ, удалились въ комнату Описи; тѣ и другіе, расположившись на постели на полу, стали уже раздѣваться, какъ въ свѣтлицу подано было особое питье «*до подушки*». Это былъ особаго рода пуншъ, приготовленный изъ спирту «перегнаннаго трихи на алембикъ», настоеннаго на листьяхъ розы. Спиртъ разбавленъ былъ слегка кипят-

комъ лишь настолько, чтобы послѣдній покрывалъ собою сахаръ, и закрашенъ чуть-чуть эссенціею чая, свареннаго въ горшкѣ. Такой пуншъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ «ведмедика» и билъ въ голову сильнѣе варенухи,—какъ лапа медвѣдя; отъ этого напитка нельзя было не заснуть. Онися, заготовивъ «ведмедика» въ кухнѣ, сама внесла въ свѣтлицу большущій подносъ со стаканами, чтобы поднести батюшкамъ пуншъ покрѣпче, матушкамъ полегче. Но ни разносить, ни дѣлать выборъ ей не пришлось: батюшки бережно приняли подносъ изъ ея рукъ, поставили на постели и раположились вокругъ. Онися стояла въ недоумѣніи. По свѣтлицѣ пошелъ сильный запахъ розы и спирту. Матушки заслышали этотъ запахъ и не выдержали.

— Э, панотци, якъ у васъ тамъ гарно пахне! послышался голосъ изъ-за двери. Вы щось дуже смачне пьете.

— Ходите до насъ, то й вамъ дамо,—послѣдовалъ отвѣтъ изъ свѣтлицы.

Продолженіе было настолько заманчиво, что матушки, на половину уже раздѣтыя, оправивши кое-какъ свои костюмы и накинувъ на плечи большіе платки, скоро, одна по другой, перекочевали къ своимъ муженькамъ.

Въ комнатѣ Ониси осталась только благочинная да нѣсколько молодыхъ застѣнчивыхъ матушекъ. Матушки усѣлись съ батюшками вокругъ подноса. Онисѣ оставалось припросить да указать, въ какихъ стаканахъ пуншъ крѣпче, въ какихъ легче.

— А нуте, панотци и пониматки, будемо давить сёго ведмедика; може винъ намъ сонъ легкій дасть,—заговорилъ о. Мелхиседекъ и, наклонившись къ подносу, сталъ раздавать стаканы. Гости съ усердіемъ принялись пробовать и хвалить напитокъ. Напитокъ оживилъ и развеселилъ всѣхъ; поднялся говоръ, пошли шутки. Стаканы опорожнены, нагорѣвшая сальная свѣча давала слабый свѣтъ; у многихъ изъ гостей и безъ того потемнѣло въ глазахъ. Мелхиседекъ сообразилъ, что настала пора продѣлать задуманную имъ шутку, и онъ обратился къ хозяйкѣ съ такимъ вопросомъ:

— А чи нема у васъ, госпожинько, чимъ оцёго ведмедика придушить? Отъ тамъ на лежанци я бачивъ добру миску зъ якимись ласощами, здаеця, орихи та ще й непрости, а турецьки. Тобъ-то попробувать зубы, у кого вони мицни.

Онися, вышедшая раньше въ свою комнату, подала Мелхиседеку черезъ дверь миску съ орѣхами. Матушки набросились на орѣхи, протянулъ руку и благочинный и захватилъ полную горсть. Мелхиседекъ взялъ для отвода глазъ. Первая—его жена вмѣсто орѣха захватила въ ротъ картофелину, раскусила и выплюнула. Тоже повторилось и съ другими. Мелхиседекъ, давая видъ, что онъ ѣстъ орѣхи, приговаривалъ:

— А яки мягки горишки! Це мабуть загрянычни, не прости.

— А справди якись мягки та чудни на смакъ, отозвался благочинный, не разобравъ сперва, что было у него во рту.

— Щось неначе гнили горихи, чи що! И лушпиння чогось мягке, неначе картоп... замѣтила жена Мелхиседека, и она выбросила на ладонь раскушенную картофелину и поднесла къ свѣчкѣ;—на ладони и въ самомъ дѣлѣ была картофелина.

— Ой картопля! Ей Богу, картопля! Що це за диво! Чи може въ туркивъ таки горихи ростуть? крикнула Марта.

— О, въ Турціи не таки горихи, якъ наши, началъ было благочинный; но его перебила другая матушка, удостовѣрившаяся, какъ и Марта, что ей пришлось раскусить также картофель.

— Та це таки справди картопля! Це насъ хтось дурить, громко сказала она, искоса поглядывая на Мелхиседека. Но тотъ, и глазомъ не мигнувъ, добродушно спросилъ:

— Чи таки наша картопля, чи може турецька?

— И що винъ насъ дурить!—крикнула Марта, скорѣе другихъ догадавшаяся, что это продѣлка ея мужа.—Накидавъ въ горихи картопли, та ще й питае: чи наша, чи турецька?

— Отъ и выдумала! Пишовъ-бы я оце въ ночи десь картопли шукати. Це, мабуть, ты сама дуришъ насъ, отозвался съ серьезною миной отецъ Мелхиседекъ: одначе дозволяйтеся, матушки, на здоровьячко, ще и у кишени наховайте, та повезить дитямъ на гостинець. Скажете: це одъ зайчика одняли.

Въ свѣтлицѣ поднялся смѣхъ и гвалтъ. Матушки начали бросать въ Мелхиседека орѣхи и картофель. На его голову посыпались сѣмячки.

— Накладимъ ёму пидъ подушку цихъ турецькихъ горихивъ, нехай у ночи самъ поисть, говорила Марта, подкладывая Мелхиседеку подъ подушку картофель и орѣхи.

Отецъ Мелхиседекъ съ спокойною миною повыбрасывалъ картофель, а орѣхи поѣлъ.

— Оце вамъ пациматки, выпадае молитву одъ оскверненія читать, шутливо замѣтилъ одинъ изъ батюшекъ.

— Ничого тутъ не поможе та молитва, отозвался другой, а треба хиба по другому ведмедику одъ такого оскверненія.

Мысль эта принята была всѣми за самую здравую и ведущую прямо къ цѣли. Онися приготовила по *другому;* но это только охотило гостей къ продолженію обычнаго тогда бражничанья, и Онися долго еще сновала изъ свѣтлицы въ кухню и обратно, унося пустые стаканы и принося полные. Гости расходились такъ, что и сонъ ихъ не бралъ. Всѣмъ хотѣлось говорить. Всѣ разсказывали, кричали, и никто никого не слушалъ. Затѣвали пѣть, но выходило: кто въ лѣсъ по дрова,—одинъ начиналъ, другой кончалъ, тотъ спѣлъ, этотъ храпѣлъ, обрывались на высокихъ и низкихъ нотахъ и выходило какое-то куроглашеніе. Придумали было послать за Шмидомъ, чтобъ на кобзѣ заигралъ: *И по хати ты-ны-ны и по сиияхъ ты-ны-ны,* да хозяева замѣтили, что Шмида и въ селѣ пожалуй нѣтъ, что онъ, какъ вольная птица, перелетаетъ съ мѣста на мѣсто и сегодня здѣсь, завтра на десятомъ селѣ.

Кто-то предложилъ позвать бабу Оришку.

— Оця втне! сказалъ Мелхиседекъ.

— А справди, покличмо! крикнули всѣ.

Семинаристы побѣжали въ кухню и разбудили бабу Оришку. Баба съ просонья упиралась, они взяли ее подъ руки и привели въ свѣтлицу. Отецъ Мелхиседекъ поставилъ въ кругу возлежавшихъ стулъ и усадилъ на немъ бабу Оришку. Она сидѣла въ чорной запаскѣ, повязанная бѣлымъ платочкомъ; сѣдыя косы, выбившіяся изъ-подъ *очипка,* висѣли перовными прядями, сонные глаза блуждали по сторонамъ; но въ этой сгорбленной фигурѣ, напоминавшей вѣдьму съ Лысой горы, таился еще большой запасъ жизни, юмора и игривости.

— Отъ на, бабо, выпый цёго дива, то може швидче прочумаешься, сказалъ отецъ Мелхиседекъ, подавая Оришкѣ стаканъ съ пуншемъ.

Оришка хватила глотокъ и закашлялась по овечьи.

— Ой, цуръ ёму! Якъ ёго попы пьють. Якъ-бы я выпила, то до свита здурила-бъ, сказала веселая баба, большая охотница до шутокъ.

— А ну, бабо, выпійте, мы побачимо, якъ вы здуріете,—говорили паничи.

— Эге, здурійте вы попереду, а я стара за вами, сказала баба, развеселившись.

— А може-бъ ты, бабко, заспивала намъ? бо въ насъ одъ цёго пуншу вже языкъ не повертаеться, сказалъ отецъ Мелхиседекъ.

— Потривайте, выпью для смиливости, щобъ голосу набратись, сказала баба, пропуская пуншъ сквозь зубы. Та и смачну-жъ вы горилочку пьете! добавила Оришка. Ото, коли-бъ намъ таку пипкарь продававъ!

— Ага, розсмакувала! Ну, починай уже та бери тонче, крикнули гости.

— Коли соромлюсь! Ей Богу соромлюсь. Хочъ не дивиться вси на мене, сказала баба.

— А може ты, Оришко, щебъ и замижъ пишла? сказала Марта.

— Пишла-бъ, якъ-бы хто сватавъ; але ни одинъ проклятый дидъ щось не кваниться мене сватати.

— Посылай старостивъ до Шмида: оце буде тоби пара. Ну, починай бо! сказалъ отецъ Харитонъ.

Баба, съ чаркою въ рукахъ, начала тоненькимъ, но еще твердымъ голосомъ «Гриця», спѣла и еще нѣсколько грустныхъ пѣсень. Гости замолкли и слушали. Отецъ Мелхиседекъ зѣвнулъ на всю комнату, а за нимъ благочинный.

— Годи, бабо, смутнихъ! Спивай намъ веселихъ, такихъ щобъ жижки задрижали! сказалъ отецъ Мелхиседекъ.

Оришка засмѣялась и начала:

Пишло дивчя по горишки,
Та не знало, що за гай.
Здибавъ ёго гарный хлопець,
На имення Миколай.

Оришка развеселилась и, продолжая пѣть, кивала да подмигивала черными длинными бровями. Батюшки и паничи хохотали.

— Ябъ бы музыки, ты бъ, Оришко, и потанцювала? спросили паничи.

— А чомъ же! Якъ выпью ще одну чарку, то такъ и пиду по хати метелыци.

Пока Оришка тѣшила гостей, Мелхиседекъ вышелъ на дворъ, разбудилъ двухъ пріѣзжихъ кучеровъ и пообѣщалъ имъ кварту водки, если они добудутъ изъ подъ камня въ рѣкѣ нѣсколько раковъ. Кучера, прельщенные выпивкою, живо исполнили порученіе батюшки и принесли ему пять раковъ. Мелхиседекъ бросилъ ихъ въ кружку, подъ полою внесъ ихъ въ комнату и поставилъ подъ столомъ, прикрывъ голенищемъ собственнаго сапога.

Наслушавшись пѣсенъ и шутокъ Оришки, гости отпустили ее спать. Матушки вышли въ свою комнату, а батюшки и паничи легли «покотомъ» и укрылись, чѣмъ попало.

Потушили огонь. Въ комнатѣ стало темно, хоть глазъ выколи. Матушки долгонько еще щебетали, пересуживая сосѣдей; на мужской половинѣ раздавался свистъ и храпъ, хотя спали далеко не всѣ: о. Мелхиседекъ не переставалъ шутить и тормошить сосѣдей. Наконецъ и онъ замолчалъ и притворился, будто спитъ, хотя на самомъ дѣлѣ и не думалъ спать.

Только что всѣ начали дремать, Мелхиседекъ досталъ изъ кармана картофель и пустилъ ею слегка въ дверь комнаты, гдѣ спали матушки. Картофелина стукнула о дверь, будто пуля.

— Ой, щось стукнуло, зашептали матушки.

— А може то такъ здалось черезъ сонъ,—говорила Марта.

— Ей Богу стукнуло въ двери, неначе хто выстреливъ, сказала одна матушка.

— Та то мабуть двери на морозъ трищать, сказала Марта.

Мелхиседекъ всталъ, на цыпочкахъ пробрался въ комнату матушекъ, подкрался къ окну и тихонько постучалъ.

— Ой, щось стукае въ викно, опять вполголоса заговорили матушки.

Мелхиседекъ зацарапалъ ногтями по стеклу.

— Та то мышь пикребе, хиба не чуете? промолвила Марта.

Мелхиседекъ, прислонясь къ стѣнѣ, снова постучалъ въ окно. Матушки подняли головы и глядѣли на окно. Въ окнѣ показалась черная фигура,—то Мелхиседекъ заслонилъ собою окно и мгновенно отодвинулся къ стѣнѣ.

— Ой, лишенько! Це якась мара, крикнули матушки въ одинъ голосъ.

Не успѣли онѣ придти въ себя, какъ за окномъ появилась уже бѣлая фигура, съ распростертыми руками, съ бѣлыми широкими

рукавами. Матушкамъ показалось, что въ окнѣ стоитъ мертвецъ, съ наброшеннымъ покрываломъ. Отъ испугу онѣ подняли крикъ и визгъ, вскочили съ постелей и сбились въ одну кучу возлѣ лежанки. Проснулась и благочинная, соскочила съ кровати и бросилась къ порогу. Фигура стояла за окномъ, неподвижно разставивъ руки.

Въ свѣтлицѣ также всѣ зашевелились. Проснулся Балабуха, проснулись и старые батюшки.

— Що тамъ таке? чого вы кричите? заговорилъ отецъ Мелхиседекъ, очутившійся уже въ свѣтлицѣ.

— Щось биле стоить за викномъ. Иди сюди та засвити свитло, сказала Марта, болѣе смѣлая, чѣмъ другія.

Мелхиседекъ вошелъ въ комнату, заглянулъ въ окно,—бѣлая фигура исчезла.

— Дежъ той мертвецъ? сказалъ Мелхиседекъ, то мабуть вы черезъ миру хлюснули пуншу до подушки, то вамъ и мерци показуються. Отъ до насъ вони не сміють приступити.

Черезъ минуту въ свѣтлицу съ хохотомъ влетѣлъ мертвецъ съ накинутой простыней, отворилъ дверь къ матушкамъ и низко поклонился имъ. Это былъ семинаристъ, съ которымъ Мелхиседекъ условился попугать матушекъ. Страхъ прошелъ; мужчины смѣялись, матушки бранились, пока опять не улеглись спать.

Страхъ и шутки прогнали сонъ, и на мужской половинѣ долго еще балагурили, перекидывались шутками, бросали другъ въ друга подушками, пока наконецъ не надоѣло это всѣмъ. Чтобы положить конецъ безпутному дурачеству, рѣшили всѣ задать потасовку Мелхиседеку, какъ главному затѣйщику, не дающему никому покою, и всѣ бросились къ нему, но вмѣсто него въ потьмахъ напали на благочиннаго и принялись его тузить. Только гнѣвъ послѣдняго, раздраженнаго неожиданнымъ на его нападеніемъ, заставилъ опомниться опалѣвшую компанію и прекратить перешедшія за предѣлъ шутки.

Покорился и Мелхиседекъ, возлагая еще надежду на раковъ. Въ самомъ дѣлѣ всѣ устали, разговоръ не клеился, шутки не давались. Всѣ притихли и незамѣтно уснули крѣпкимъ, мертвецкимъ сномъ.

Только что на дворѣ стало разсвѣтать, въ комнатѣ зашевелились матушки. Проснулся и Мелхиседекъ: онъ тихонько всталъ, на-

щупалъ кружку съ раками, вынулъ ихъ и подсунулъ подъ кафтаны двумъ старымъ батюшкамъ, которые спали, какъ убитые. Мелхиседекъ поспѣшилъ растолкать другихъ, въ ожиданіи потѣхи.

Не прошло минуты, какъ одинъ изъ старыхъ батюшекъ, быстро схватившись, закричалъ.

— Ой щось щипаеться! Чортъ-зна що выдумавъ! Чого ты отець Мелхиседекъ щипаешься?

— Духъ святый зъ нами! сказалъ Мелхиседекъ. Я лежу одъ васъ за верству, а вы кажете, що я щипаюсь. То може васъ блохи кусають.

— Добри блохи, замѣтилъ батюшка, и снова крикнулъ и вскочилъ съ постели. У него на ногѣ висѣлъ ракъ.

— А бачите, спали такъ довго, що й раки пидъ вами завелись, сказалъ отецъ Мелхиседекъ, потягиваясь: може и пидъ цимъ старымъ завелись раки. Паничи! а идить печерувати ракивъ.

Отець Мелхиседекъ засунулъ руку подъ кафтанъ другаго батюшки и вытянулъ оттуда рака. Семинаристы бросились къ тому мѣсту, гдѣ спалъ старый батюшка, и нашли еще три рака. Старикъ протеръ заспанные глаза, вскочилъ съ постели и началъ ощупывать себя кругомъ, опасаясь, чтобы раки не сдѣлали и ему неожиданнаго сюрприза, какъ его сосѣду.

Въ комнатѣ поднялся хохотъ. Благочинный схватился съ постели, осматриваясь, нѣтъ-ли и подъ нимъ раковъ. Отецъ Мелхиседекъ, отворивъ дверь въ комнату, гдѣ лежали матушки, бросилъ къ нимъ двухъ раковъ, приговаривая:

— Нате, матушки, на спидания навукивъ!

Матушки пришли въ переполохъ, подняли визгъ, посхватывались съ своихъ мѣстъ, но скоро пришли въ себя, увидѣвъ, что то были раки, а не науки.

— И де вони ихъ въ нечистого набрали зимою? говорили матушки. Це все жарты Мелхиседеха. Якъ-же можна такъ жартувати!

— А чого-жъ вы такъ довго спите? отозвался изъ свѣтлицы отецъ Мелхиседекъ: добри хозяйки! сплять до обида. Спасиби ракамъ, що васъ побудили.

Матушки скоро умылись, одѣлись и вышли въ свѣтлицу. На столѣ стояла уже водка и закуска. Благочинный читалъ: *Отче нашъ.*—

Давайте-жъ, говорилъ Мелхиседекъ входившимъ матушкамъ, будемо справлять похристины.

И гости начали пить «похристины». Олеся разсердилась изъ-за раковъ, надулась, велѣла запрягать лошадей и, покинувъ мужа, одна уѣхала домой. Балабуха съ удовольствіемъ остался пить «похристины».

Долго еще гости пили и ѣли и уже послѣ обѣда почувствовали, что пора и честь знать.

Однако всѣ разгулялись: никому не хотѣлось ѣхать домой. Время было зимнее, безработное. Дома брала каждаго тоска за самое сердце.

— А що люде добри! чи розъидемось до дому, чи ще куди гуртомъ заидемо гостювати? предложилъ отецъ Мелхиседекъ.

— Ой не хочеться до дому! Коли-бъ такъ, щобъ проихати тильки прозъ дому та й поминути ii, заговорили матушки.

— Чія дома найблизче, туди йдьмо вси гуртомъ гостювати, подалъ совѣтъ отецъ Мелхиседекъ.

— Добре, добре! крикнули матушки.

Ближе всѣхъ жилъ благочинный и Прокоповичъ, отецъ Описи. Гости начали сосчитывать вёрсты, и оказалось, что Богуславъ на полверсты ближе, чѣмъ Чайки. Приходилось ѣхать къ Балабухѣ. Балабуха зналъ, что его жена станетъ на дыбы, когда увидитъ всю эту компанію; однако не посмѣлъ возражать и запросилъ къ себѣ гостей.

Запрягли лошадей. Гости одѣлись и выпили на дорогу. Посидѣвъ нѣсколько въ шубахъ и выпивъ еще по одной, гости вышли на крыльцо; на крыльцѣ выпили опять на дорогу, выпили «до коней» и «до санокъ», дали выпить и погоничамъ, и тогда уже тронулись въ дорогу. Балабуха сѣлъ въ однѣ санки съ Прокоповичемъ. Они выѣхали со двора позади всѣхъ.

Санная дорога была отличная; снѣгъ лежалъ большой. По обѣ стороны дороги были частые сугробы. На дворѣ было тихо и стояла легкая оттепель. Снѣгъ приставалъ къ полозьямъ и къ копытамъ лошадей. Все небо было покрыто облаками, словно густымъ бѣлымъ дымомъ.

Балабуха закутался въ теплую волчью шубу, надвинулъ на лобъ теплую сѣрую барашковую шапку съ ушами и не оглядѣлся,

какъ заснулъ. Старый Прокоповичъ въ свою очередь погрузился въ сонъ, хорошенько выпивши на дорогу. Противъ духовнаго поѣзда ѣхалъ другой такой-же длинный поѣздъ: то ѣхали польскіе паны, перекочевывавшіе, подобно батюшкамъ, для гулянья отъ сосѣда къ сосѣду. Батюшкамъ пришлось сварачивать въ сугробы. Заднія санки покосились на сугробѣ и сонные Балабуха и Прокоповичъ выпали изъ санокъ на мягкій снѣгъ, будто на перины. У погонича шумѣло въ головѣ; онъ даже не оглянулся назадъ. Лошади сами пустились догонять поѣздъ, и батюшки остались спать на сугробѣ. Прокоповичъ спалъ; ему приснилось даже, что онъ спитъ у себя въ катрагѣ (пчельникѣ), что въ катрагу влетѣлъ рой, покружился надъ нимъ, погудѣлъ и вылетѣлъ на дворъ.

Веселая компанія мчалась безъ оглядки и цѣлымъ поѣздомъ влетѣла во дворъ Балабухи сквозь не затворявшіяся никогда ворота.

— Благочинна жде насъ, выглядае, воритечка поодчиняла, говорили матушки, подъѣзжая къ крыльцу.

— Дежъ це ще одни санки? спросилъ Мелхиседекъ, взойдя на крыльцо и окинувъ глазами поѣздъ: мабуть десь зостались. Це отець благочинный съ Прокоповичемъ опизнились.

Гости вошли въ свѣтлицу. Въ покояхъ было тихо: Олеся по обѣдавши легла отдыхать. Матушки сидѣли, ждали, никто не выходилъ, а хозяина не было съ дороги. Онѣ пересмотрѣли картины, посмотрѣли на изображеніе голаго Геркулеса, поражающаго дракона, и притихли, подмигивая одна другой. Казалось, будто Геркулесъ замахнулся на нихъ долбешкой.

— Ой стережиться, бо такъ и стукне котрусь по голови довбнею, говорила Марта, указывая на Геркулеса.

— Такій, якъ Баньковській, шепнула другая веселая матушка.

— Тильки въ Баньковського велики усы; це мабуть благочинна зумисне почепила на стини, щобъ нагадувавъ іи Баньковського, шептала Марта на ухо сосѣдкѣ.

Перешептывались и батюшки, но потомъ не выдержали и стали громко разговаривать и шутить. Олеся проснулась и догадалась, что къ ней по дорогѣ заѣхала пьянственная компанія. Съ досады, она рѣшила оставаться въ постели.

Тѣмъ временемъ батюшки выглядывали въ окно, не ѣдетъ-ли Балабуха, а Балабухи все нѣтъ и нѣтъ. Кое-кто вспомнилъ уже про чарку и закуску, а хозяинъ не ѣхалъ.

Вдругъ въ отворенныя ворота вскочили сани. Погоничъ остановилъ лошадей возлѣ крыльца, оглянулся и ротъ разинулъ: сани были пустыя.

— Що це за диво! Прыхали сами санки безъ благочинного, промолвилъ отецъ Мелхиседекъ, выглядывая въ окно.

— Може де встали въ мистечку, отозвалась Марта: а побижи, паноче, та спитай въ погонича.

Мелхиседекъ выбѣжалъ на крыльцо. Погоничъ стоялъ, вытаращивъ глаза.

— А де ты подивавъ панотцивъ? спросилъ отецъ Мелхиседекъ.

— Мабуть десь выпали зъ санокъ, бо на санкахъ нема, отвѣчалъ погоничъ, почесывая затылокъ.

— Э ты, роззяво! Выпали... А ты ни разу не оглянувся, чи що? крикнулъ отецъ Мелхиседекъ.

Погоничъ молчалъ; Мелхиседекъ вошелъ въ комнату и разсказалъ всей компаніи, что отецъ благочинный и отецъ Степанъ гдѣ-то вывалились въ дорогѣ. Немедленно посадили на сани одного семинариста и послали искать по дорогѣ вывалившихся гдѣ-то батюшекъ.

Пока ихъ нашли и привезли, Олеся лежала въ кровати и потягивалась. Отъ скуки она достала «Волшебницу Раги-Мунну» и начала читать ее въ третій разъ. Гости сидѣли и томились. Балабуха не возвращался. Отецъ Мелхиседекъ не выдержалъ: пріотворилъ дверь въ комнату, гдѣ лежала Олеся, и крикнулъ: «добрыдень тому, хто въ цёму дому!»

Олеся вздрогнула и выпустила книжку. Ей показалось, что Мелхиседекъ бросилъ въ нее рака.

Мелхиседекъ замѣтилъ, что благочинная лежитъ на кровати, и притворилъ дверь, а Олеся снова взяла «Волшебницу Раги-Мунну» и продолжала читать.

— Коли напросивъ гостей, то нехай самъ и панькается коло ихъ, а я не встану, думала Олеся.

— Лежить на лижку та одночивае, тихонько сказалъ отецъ Мелхиседякъ матушкамъ. Цссс... бо благочинна книжку читае.

Тѣмъ временемъ семинаристъ поднялъ съ сугробовъ спавшихъ рядомъ благочиннаго и отца Степана и привезъ ихъ домой. Балабуха съ Прокоповичемъ вошли въ свѣтлицу; при видѣ ихъ поднялся громкій говоръ и хохотъ.

Балабуха прошелъ къ Олесѣ; та сердито посмотрѣла на него и снова уткнула глаза въ книгу.

— Вставай, сердце, та витай гостей, тихо сказалъ Балабуха, будто виновный въ какомъ-нибудь проступкѣ.

Олеся только взглянула на него и еще пристальнѣе смотрѣла въ книгу.

— Вставай-бо, вставай! Годи качатись. Треба гостямъ подати чай та закуску, просилъ Балабуха.

— Коли напросивъ гостей, то и подавай самъ, а я не выйду до тихъ намитокъ.

— Одначе їздила до намитокъ горишковъ їсты. Треба и намитокъ частувати, сказавъ Балабуха.

— Потривай-же ты, сарано́, я тебе швидко выпроважу съ хаты, подумала Олеся и вздохнула, вспомнивши Баньковскаго.

Пока она встала, Килина подала самоваръ, а Прокопъ принесъ съ базара прошлогоднихъ бубликовъ, черствыхъ да твердыхъ.

Олеся кое-какъ причесала голову и какъ была въ будничномъ плохенькомъ платьѣ, такъ и вышла къ гостямъ. Матушки въ «намиткахъ» и въ синихъ жупанахъ важно и какъ-то грустно сидѣли рядами подъ стѣнками. Олеся поздоровалась съ ними очень холодно и даже пренебрежительно и сѣла возлѣ стола. Она разлила чай, роздала всѣмъ и сидѣла, молча. Матушки попробовали бубликовъ и едва не поломали зубовъ. Голодные батюшки уплетали ихъ, только трещало въ зубахъ. Разговоръ не клеился, всѣ молчали. Олеся сидѣла, опершись на столъ и кисло смотрѣла на Геркулеса. Выпили чай. Килина подала на столъ графинъ съ водкой и черствый ржаной хлѣбъ съ масломъ; только и всего угощенія. Гости выпяли по рюмкѣ, пожевали чернаго хлѣба и, не предвидя ничего лучшаго, стали давать видъ, что хотятъ уѣзжать; но не только Олеся, даже самъ Балабуха не выразилъ особаго желанія ихъ удерживать и только предложилъ пройтись по другой. Выпили по другой, а веселья не прибавилось ни на грошъ. Гости были скучны и хозяева были скучны. Всѣ какъ-то разомъ замолкли; сдѣлалось такъ тихо, будто

въ комнатѣ не было никого. Но пріѣхавшей компаніи стало не въ терпежъ: сколько ей не хотѣлось здѣсь оставаться, столько-же хотѣлось еще погулять и потому, какъ только Олеся вышла изъ свѣтлицы, всѣ стали совѣтываться, куда ѣхать. Приходъ отца Мелхиседека былъ теперь найближе; онъ и запросилъ всѣхъ къ себѣ. Гости снялись и выѣхали со двора. Ни хозяинъ, ни хозяйка ихъ не удерживали.

— Ой сестрице! Я зуба зломила бубликомъ, жаловалась Марта сосѣдкѣ.

— А я трохи не вдавилась черствымъ хлибомъ. Чи вона такъ витае и свого Баньковського? спросила сосѣдка.

— Эге! якъ-разъ такъ! вона Баньковському пече поросята въ вильшаницькихъ поросятникахъ, сказала Марта.

— Тильки трохи переникае, отозвалась сосѣдка; але ничого: въ Баньковського зубы добри, не поламае.

Мелхиседекъ съ женою поѣхали впередъ, чтобы приготовиться къ пріему голодныхъ гостей. Гости ночевали у нихъ, гуляли еще цѣлый день, но чувствовали, что не нагулялись въ волю. Опять рѣшили всѣмъ вмѣстѣ ѣхать къ Прокоповичу въ Чайки, и только въ Чайкахъ, и то на другой день, почувствовали, что нагулялись до сыта. Отсюда всѣ разъѣхались по домамъ и разнесли по околицѣ, какъ благочинная принимаетъ гостей, лежа въ постели съ книжкой.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографія.

Пчела почаевская. Изборникъ назидательныхъ поученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ лавры почаевской (1581—1651 г.), изданный въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ, по собственной рукописи преподобнаго, подъ редакціею профессора кіевской духовной академіи Н. И. Петрова. Почаевъ 1884 года.

«Преподобный Іовъ Желѣзо, игуменъ почаевскій, жившій во второй половинѣ XVI и въ первой половинѣ XVII стол. извѣстенъ въ нашемъ отечествѣ по святости жизни и по нетлѣнію своихъ мощей, почивающихъ въ почаевской лаврѣ, волынской епархіи. Но до послѣдняго времени рѣдко кто зналъ, *что преподобный Іовъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и духовнымъ писателемъ, трудившимся на этомъ поприщѣ въ самый скудный духовными писателями и самый смутный періодъ существованія южно-русской православной церкви*». «Но отселѣ (т. е. со времени выхода въ свѣтъ разсматриваемой нами книги) авторство преподобнаго Іова почаевскаго не подлежитъ сомнѣнію и, открывая новую, доселѣ невѣдомую для насъ сферу его духовной дѣятельности, должно пролить новый свѣтъ на внутреннюю жизнь преподобнаго Іова, на его образъ мыслей и убѣжденій и на его отношенія къ церковнымъ и общественнымъ нуждамъ того времени».

Такимъ заявленіемъ начинаетъ свое предисловіе къ разсматриваемой нами книгѣ профессоръ кіевской духовной академіи Н. И. Петровъ, которому, какъ спеціалисту, духовный соборъ почаевской лавры поручилъ разборъ рукописей преподобнаго Іова.

Авторство преподобнаго Іова почаевскаго, по словамъ профессора Петрова, не можетъ подлежать сомнѣнію на слѣдующихъ основаніяхъ.

Въ «житіи блаженнаго отца нашего Іова Желѣза», списанномъ ученикомъ его іеромонахомъ Досиѳеемъ (изд. въ Почаевѣ, около 1791 г.), говорится, что преподобный Іовъ занимался «списаніемъ книгъ церковныхъ». Между тѣмъ, въ почаевской успенской лаврѣ доселѣ хранится, съ подобающимъ благоговѣніемъ, «книга блаженнаго Іова почаевскаго, власною (собственною) рукою его писанная». Книга эта писана частію уставомъ, частію полууставомъ, который имѣетъ генетическое родство съ тѣмъ курсивнымъ почеркомъ, какимъ подписался преподобный Іовъ почаевскій на завѣщаніи Ирины Ярмолинской 1646 года, доселѣ хранящемся въ почаевской лаврѣ. Нѣкоторыя буквы скорописи, не смотря на разницу ея съ полууставнымъ письмомъ, все-таки значительно сходны между собою въ томъ и другомъ письмѣ, а другія скорописныя буквы, повидимому несходныя съ полууставными, легко могли образоваться изъ послѣднихъ естественнымъ путемъ упрощенія полууставнаго письма въ скорописи. Къ этому нужно присовокупить преданіе о принадлежности этой рукописи перу преподобнаго Іова, восходящее къ XVII вѣку.

Означенная рукопись не дошла до нашего времени въ полномъ видѣ. Въ настоящемъ своемъ составѣ она заключаетъ въ себѣ 123 листка (въ продольную осьмушку). Но остатки прежней, первоначальной пагинаціи показываютъ, что въ ней было болѣе 900 листовъ. Тѣмъ не менѣе и это, сравнительно не многое сохранившееся, имѣетъ, по мнѣнію проф. Петрова, чрезвычайно важное историческое и литературное значеніе.

Все содержаніе книги преподобнаго Іова почаевскаго, насколько позволяетъ судить уцѣлѣвшая часть ея, можетъ быть раздѣлено на слѣдующіе четыре отдѣла: 1) житія, сказанія и слова на неподвижные праздники и нарочитые дни церковнаго года, за августъ, сентябрь и декабрь мѣсяцы; 2) выписки изъ Патериковъ и особенно изъ Лѣствицы преподобнаго Іоанна Синайскаго; 3) слова и бесѣды на страстную и свѣтлую седмицы и нѣкоторые подвижные праздники и нарочитые дни церковнаго года, и 4) выписки изъ разныхъ книгъ, безъ заглавій и указанія источниковъ, замѣтки и краткія поученія заимствованныя, компилятивныя, подражательныя и оригинальныя, не пріуроченныя къ извѣстнымъ днямъ, которыя можно назвать поученіями на разные случаи. Этотъ, послѣдній отдѣлъ особенно важенъ, такъ какъ здѣсь преимущественно находятся самостоятельные опыты учительной дѣятельности преподобнаго Іова.

По мнѣнію проф. Петрова, главное достоинство рукописнаго сборника преподобнаго Іова состоитъ въ томъ, что этотъ сборникъ не есть безцѣльный сводъ выписокъ изъ попадавшихся преподобному Іову книгъ и отражаетъ на себѣ характеръ личности преподобнаго Іова и его эпохи.

И переписанныя, и компилятивныя, и подражательныя статьи книги преподобнаго Іова указываютъ и опредѣляютъ тотъ кругъ воззрѣній и понятій, въ коемъ вращался умъ преподобнаго Іова и воспитывалась его нравственная природа. Съ другой стороны составъ книги преподобнаго Іова предполагаетъ собою извѣстный выборъ изъ различныхъ источниковъ такого назидательнаго матеріала, который, соотвѣтствуя личному настроенію и вкусамъ преподобнаго, имѣетъ съ тѣмъ имѣлъ болѣе или менѣе прямое и близкое отношеніе къ обстоятельствамъ мѣста и времени жизни преподобнаго Іова. Въ этомъ случаѣ, выборъ преподобнымъ Іовомъ назидательныхъ статей для своей книги обнаруживаетъ въ немъ опредѣленныя цѣли, извѣстное направленіе и самостоятельную мысль, ставящую преподобнаго Іова, *даже въ заимствованныхъ имъ статьяхъ, на одинъ уровень съ самостоятельными проповѣдниками слова Божія...*

Въ рукописи преподобнаго Іова почаевскаго находятся поученія и выписки, направленныя противъ евреевъ, католиковъ и разныхъ протестантскихъ сектъ. Впрочемъ противъ евреевъ и католиковъ здѣсь помѣщено только два обличенія, притомъ заимствованныя у Григорія Цимвлака. Главныя усилія преподобнаго Іова направлены были къ обличенію протестантствующихъ сектъ, преимущественно-же быстро распространявшагося въ то время (конецъ XVI и нач. XVII стол.) въ юго-западной Россіи социніанства. Противъ социніанъ преподобный Іовъ ведетъ обширную полемику, апологически защищая важнѣйшіе догматы православной церкви, отрицаемые еретиками. Такъ въ рукописи преподобнаго находится изложеніе ученія (въ противовѣсъ социніанамъ) 1) *о Пресвятой Троицѣ*, 2) *о Божествѣ Іисуса Христа*, 3) *объ истинномъ Божествѣ и человѣчествѣ Іисуса Христа*, 4) *о Пресвятой Богородицѣ*, 5) *о крещеніи;* 6) *о пречистыхъ тайнахъ тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа*, 7) *объ образахъ или иконахъ*, 8) *о хвалѣ и чести святыхъ угодниковъ Божіихъ*, 9) *о постѣ*, 10) *о памяти умершихъ*, 11) *о храмахъ Божіихъ*, 12) *о человѣческихъ страстяхъ и необходимости добрыхъ дѣлъ для человѣка*, 13) *о монашествѣ*, и проч...

По мнѣнію проф. Петрова, полемическіе и апологетическіе опыты преподобнаго Іова противъ сектантовъ протестантскаго характера должны занять почетное мѣсто въ православной противо-лютеранской полемикѣ второй половины XVI вѣка, къ которой они относятся. Перечисливши (хотя и съ немалыми пропусками) [1]) дошедшія до насъ со-

---

[1]) Такъ, кромѣ *повѣсти противъ безбожныхъ еретиковъ* (полов. XVI столѣтія), находящейся въ рукописи и потому естественно автору неизвѣстной, имъ не указаны: 1) Предисловіе къ острожской Библіи, 2) Омилія Копыстенскаго,

чиненія православныхъ писателей, обличавшихъ въ разсматриваемое время антитринитаріанство или социніанство, проф. Петровъ заявляетъ, что по широтѣ круга, захватываемаго полемикой преподобнаго Іова, она можетъ идти въ сравненіе лишь съ наиболѣе капитальными трудами того времени въ этой области, именно: «Показаніемъ истины» Зиновія Отенскаго, «посланіями» старца Артемія и «Книгой о вѣрѣ» 1602 и 1619 гг., отличаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и высокими внутренними достоинствами... Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полемика преподобнаго Іова должна быть поставлена даже выше и этихъ капитальныхъ произведеній. Другіе обличители еретиковъ и защитники православія—говоритъ проф. Петровъ—или пользовались католическими пособіями, какъ напр. авторъ «Книги о вѣрѣ», руководившійся полемическими трудами Вуйка, или-же въ борьбѣ съ еретическимъ раціонализмомъ сами становились на раціональную почву, старались опровергнуть еретиковъ доводами ума, переспорить ихъ и заставить признать истину православія, напр., клирикъ Острожскій Василій и Стефанъ Зизаній; тогда какъ преподобный Іовъ всецѣло стоитъ на почвѣ священнаго писанія, церковнаго преданія и святоотеческихъ твореній, вообще на почвѣ церковности, и не столько доказываетъ, сколько раскрываетъ и уясняетъ истины православія и ихъ свѣтомъ освѣщаетъ еретическія заблужденія. Тѣ, ставши на скользкую почву католическихъ, или-же раціональныхъ доказательствъ, сами могли пошатнуться на этой почвѣ и вдаваться иногда въ противоположныя крайности, выходить за предѣлы строгаго православнаго богословствованія, какъ это и случилось со Стефаномъ Зизаніемъ и нѣкоторыми другими. Напротивъ, преподобный Іовъ почаевскій выражалъ свою богословствующую мысль святоотеческими твореніями, выписками изъ нихъ и ихъ выраженіями и потому твердо стоитъ на православной почвѣ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе существенной части изслѣдованія профессора Петрова, помѣщеннаго въ качествѣ предисловія къ изданной подъ его редакціею рукописи преп. Іова почаевскаго.

Самая рукопись помѣщена въ переводѣ на современный русскій языкъ, а частію и въ подлинникѣ, почти цѣликомъ. Изъ нея исключены только, по словамъ издателя, нѣкоторыя произведенія, или сохранившіяся въ отрывкахъ и не могшія быть возстановленными, или непровѣренныя по другимъ исправнымъ спискамъ и греческимъ подлинникамъ, остаю-

3) два сочиненія С. Коссова, 4) Крестъ Христа Спасителя, П. Могилы, и др. Съ другой стороны, между лицами письменно обличавшими протестантовъ, напрасно авторомъ помѣщенъ кіевскій митрополитъ Сильвестръ Бѣлькевичъ, который считался нѣкоторыми прежними историками писателемъ по недоразумѣнію.

щимся неизданными, или-же не имѣющія особеннаго значенія для характеристики жизни и дѣятельности преп. Іова.

Въ разсматриваемомъ изданіи рукопись преподобнаго Іова систематизирована слѣдующимъ образомъ:

Часть первая. Отдѣлъ первый. Слова и бесѣды на воскресные дни и подвижные праздники и нарочитые дни церковнаго года (79—271 стр.). *Отдѣлъ второй.* Выписки и поученія о разныхъ предметахъ и на разные случаи (273—316).

Часть вторая. Отдѣлъ первый. Житія, сказанія и слова на неподвижные праздники и нарочитые дни церковнаго года (3—172). *Отдѣлъ второй.* Выписки изъ Патериковъ и особенно изъ Лѣствицы Іоанна Синайскаго (173—194).

Бесѣды и поученія преподобнаго и Богоноснаго отца Іова, игумена и чудотворца святыя лавры почаевской (стр. 3—46, въ два столбца, изъ коихъ одинъ занятъ подлиннымъ текстомъ, а другой переводомъ на современный русскій языкъ).

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что проф. Петровъ, редактируя разсматриваемую нами рукопись и составляя изслѣдованіе объ Іовѣ почаевскомъ, какъ духовномъ писателѣ, трудился весьма много и прилагалъ всевозможное стараніе, дабы придать своему труду научную оболочку. Довольно объемистый сборникъ, мелко и не всегда отчетливо написанный, имъ тщательно разобранъ, переписанъ и старательно, почти въ цѣломъ своемъ составѣ, сличенъ съ святоотеческими писаніями въ подлинникахъ или переложеніяхъ, наконецъ переведенъ на современный русскій языкъ и снабженъ тоже немалаго труда стоившимъ предисловіемъ. Но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы результаты, добытые столь большимъ трудомъ, были значительны,—разумѣется въ смыслѣ научномъ. Намъ кажется, что проф. Петровъ при своихъ работахъ надъ почаевскою рукописью сразу-же сдѣлалъ невѣрный шагъ, довѣрчиво, безъ надлежащей критики отнесшись къ позднѣйшему оглавленію, сдѣланному на этой рукописи; а затѣмъ, ставши на невѣрную дорогу, упорно продолжалъ идти по ней до самаго конца.

Проф. Петровъ считаетъ не подлежащимъ сомнѣнію, что разсматриваемая имъ рукопись собственноручно писана преподобнымъ Іовомъ почаевскимъ. Мы-же думаемъ, что едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію *противное.* Разумѣется, свидѣтельство Досиѳея о преподобномъ Іовѣ, какъ о лицѣ, занимавшемся «писаніемъ книгъ *церковныхъ*», нисколько не доказываетъ, чтобы разсматриваемая рукопись была именно рукописью

преподобнаго. Также малоубѣдительна сама по себѣ и *позднѣйшая* приписка, сдѣланная на почаевской рукописи въ концѣ XVII или даже въ XVIII стол. рукою какого-то инока и гласящая, якобы означенная рукопись «власною рукою блаженнаго Іова почаевскаго писана». Знакомые съ древнею нашею письменностію хорошо знаютъ цѣну подобнымъ позднѣйшимъ припискамъ, основаннымъ на преданіи,—знаютъ, какъ иногда и возникаютъ подобныя преданія. Совсѣмъ другое дѣло, когда проф. Петровъ для подтвержденія своей мысли о принадлежности разсматриваемой имъ рукописи Іову почаевскому указываетъ на его собственноручную подпись, находящуюся на одномъ документѣ 1646 года: въ этомъ случаѣ онъ становится на почву положительную, фактическую. Только едва-ли благопріятною для него окажется эта почва. Проф. Петровъ говоритъ, что почеркъ разсматриваемой рукописи, писанный уставомъ и полууставомъ, имѣетъ *генетическое родство* съ курсивнымъ почеркомъ Іова почаевскаго на документѣ 1646 г. Нѣкоторыя буквы *сходны* въ томъ и другомъ письмѣ, а другія скорописныя буквы, повидимому *несходныя* съ полууставными, *легко могли образоваться* изъ послѣднихъ естественнымъ путемъ, и проч. Читаешь и чувствуешь, что экспертиза какъ будто не совсѣмъ надежная. Дѣйствительно, сравнивая почеркъ почаевской рукописи съ указаннымъ автографомъ преподобнаго Іова, сходства между ними и даже генетическаго родства не находишь никакого и жалѣешь, что издатель разсматриваемой книги не приложилъ къ ней снимковъ какъ съ почаевской рукописи, такъ и съ подписей преподобнаго Іова, чтобы дать читателямъ возможность провѣрить его догадку. Скажутъ, что подпись на завѣщаніи сдѣлана была преподобнымъ Іовомъ въ 1646 г., слѣдовательно когда ему было уже 95 лѣтъ, и что неудивительно поэтому, если между почеркомъ его и почеркомъ гораздо ранѣе писанной рукописи не видится сходства? Замѣчаніе не лишено основанія. Но развѣ нѣтъ другихъ болѣе раннихъ автографовъ преподобнаго Іова? Разумѣется есть, и нѣкоторые изъ нихъ находятся даже въ нашей академической библіотекѣ; но почему не упоминаетъ о нихъ проф. Петровъ—недоумѣваемъ. Можетъ быть они неизвѣстны ему; въ такомъ случаѣ весьма жалѣемъ: ознакомленіе съ означенными автографами, надѣемся, во очію убѣдило-бы его въ томъ, что между почеркомъ преподобнаго Іова и почеркомъ разсматриваемой почаевской рукописи *генетическаго сродства нѣтъ*... Независимо отъ сличенія почерковъ въ подписи преподобнаго Іова и почаевской рукописи, въ послѣдней можно находить нѣкоторые и другіе признаки, не дозволяющіе приписывать принадлежность ея преподобному. Такъ извѣстно, что Іовъ почаевскій принадлежалъ къ числу лучшихъ людей своего времени, воспитавшихся на древнихъ традиціяхъ и

не сочувственно смотрѣвшихъ на разныя новшества. Къ числу особенностей этихъ лицъ съ консервативнымъ оттѣнкомъ должно отнести сравнительно хорошее знакомство ихъ съ церковно-славянскимъ языкомъ, въ то время почти забывавшимся въ юго-западной Россіи. Между тѣмъ въ почаевской рукописи, по заявленію самаго составителя предисловія, встрѣчается «смѣшеніе грамматическихъ формъ, напримѣръ, дѣепричастія съ изъявительнымъ наклоненіемъ и втораго лица съ третьимъ»,— вообще по мѣстамъ замѣчается крайне неправильная церковно-славянская рѣчь. Но на это обстоятельство составитель предисловія не обращаетъ надлежащаго вниманія, отдѣлываясь только такими замѣчаніями: «преподобный Іовъ пытался поддержать или возстановить этотъ (церковно-славянскій) языкъ, но его попытка оказалась не совсѣмъ удачною и, можетъ быть, эта неудача была одною изъ побудительныхъ причинъ (?!) къ прекращенію преподобнымъ Іовомъ полемической его дѣятельности противъ еретиковъ и къ оставленію имъ дубенской обители».

За первымъ невѣрнымъ шагомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ: рѣшившись признать разсматриваемую рукопись собственноручною рукописью преподобнаго Іова, профессоръ Петровъ рѣшается во что-бы то ни стало доказать важное ея историческое и литературное значеніе. А такъ какъ на самомъ дѣлѣ такого значенія почаевская рукопись не имѣетъ, то послѣдствіемъ этого является цѣлый рядъ изумительныхъ натяжекъ и превратныхъ сужденій. Такъ, напримѣръ, желая въ болѣе яркомъ свѣтѣ представить литературную дѣятельность преподобнаго Іова почаевскаго, профессоръ Петровъ утверждаетъ, что *преподобный трудился на литературномъ поприщѣ въ самый скудный духовными талантами періодъ существованія южнорусской православной церкви.* Разумѣется, это не болѣе, какъ реторическая фигура, потому что всякому, хотя поверхностно знакомому съ исторіею нашего юго-запада, извѣстно, что вторая половина XVI и первая XVII столѣтія (время жизни и дѣятельности Іова почаевскаго) представляютъ *самый богатый* духовными талантами періодъ въ исторіи южно-русской церкви. Въ это время (приводимъ выдержку изъ своего сочиненія о Петрѣ Могилѣ) религіозное движеніе, вызванное борьбою съ иновѣріемъ, охватываетъ всѣ слои южно-русскаго общества и достигаетъ самыхъ широкихъ размѣровъ. Реформируются и вновь образуются церковныя братства, заводятся школы и типографіи, выпускаются въ свѣтъ сочиненія религіознаго и преимущественно религіозно-полемическаго содержанія, созываются соборы, пишутся и разсылаются призывающія къ единодушію и твердости въ вѣрѣ посланія,—словомъ, южно-

руссы предпринимаютъ всевозможныя мѣры, чтобы отстоять свою вѣру и народность, подвергавшіяся серьезной опасности отъ напора искусно организованной и располагавшей громадными средствами иновѣрной пропаганды». Это-ли крайняя духовная скудость?!

Обращаемся къ содержанію самой почаевской рукописи.

Для непредубѣжденнаго изслѣдователя рукопись эта представляетъ весьма обычное въ то время собраніе разныхъ душеспасительныхъ словъ, бесѣдъ, поученій, наставленій и т. д., принадлежащихъ преимущественно св. отцамъ и учителямъ церкви. Разумѣется, нельзя думать, чтобы собраніе это представляло безцѣльный сводъ выписокъ изъ попадавшихся книгъ, безъ всякой системы и порядка. И цѣль, и система, и порядокъ явственны. Онѣ до извѣстной степени обозначены самимъ издателемъ, систематизировавшимъ рукопись по указаннымъ нами выше отдѣламъ. Очевидно, что писатель, при составленіи своей книги, имѣлъ цѣлію сгруппировать въ ней святоотеческія слова, бесѣды и поученія на всѣ воскресные, праздничные и нарочитые дни, чтобы имѣть подъ руками ежедневное назидательное чтеніе. Выборъ означенныхъ словъ и бесѣдъ могъ зависѣть отчасти отъ личнаго вкуса составителя, но едва-ли не въ значительной степени обусловливался количествомъ и подборомъ находившихся въ его распоряженіи книгъ. Весьма легко могло даже быть, что почаевская рукопись, въ цѣломъ своемъ составѣ, переписана съ *одной только книги*, ранѣе составленной, какъ это въ то время случалось зачастую. Такимъ образомъ, первый вопросъ, естественно возникающій при научномъ изслѣдованіи почаевской рукописи (кѣмъ-бы она ни была писана), долженъ состоять въ томъ, есть-ли это рукопись основная, составлявшаяся изъ разныхъ книгъ лицемъ, ее писавшимъ, или-же представляетъ собою простой списокъ со сборника, ранѣе составленнаго. Между тѣмъ этотъ, безъ сомнѣнія, весьма существенный вопросъ проф. Петровымъ совершенно игнорируется. Всѣ старанія его направлены къ тому, дабы доказать, что почаевская рукопись есть замѣчательный полемическій памятникъ противъ социніанъ.

Пріемы, употребляемые при этомъ проф. Петровымъ, весьма замысловаты и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма просты. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

Около 1602 года издана очень замѣчательная «Книга о вѣрѣ», содержащая въ себѣ полемику противъ антитринитаріевъ. Книга эта раздѣлена на главы, изъ коихъ въ каждой приводится какое либо еретическое мнѣніе и затѣмъ довольно пространно опровергается. Такъ въ одной главѣ говорится, напримѣръ, о *пресвятой Тройцѣ*, въ другой о *Божествѣ Іисуса Христа*, въ третьей о *пресвятой Богородицѣ* и т. д. Такъ какъ *Книга о вѣрѣ* была въ свое время наиболѣе полнымъ и систе-

матическимъ опроверженіемъ антитринитаріанской ереси, то проф. Петровъ кладетъ ее въ основу «апологическаго ученія» преподобнаго Іова противъ еретиковъ, т. е. выписываетъ изъ нея въ указанномъ нами выше порядкѣ важнѣйшіе догматы въ православномъ вѣроученіи, отрицаемые социніанами, и подбираетъ въ почаевской рукописи мѣста, гдѣ раскрывается нужная для него сторона христіанскаго ученія. Напримѣръ, въ *Книгѣ о вѣрѣ* есть глава о *пречистыхъ тайнахъ тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа*, гдѣ сначала излагается мнѣніе еретиковъ, не признававшихъ въ евхаристіи истиннаго тѣла и крови Христовой и вещество сего таинства считавшихъ только подобіями тѣла и крови Христовой. Указавши, на основаніи *Книги о вѣрѣ*, на подобное еретическое мнѣніе, проф. Петровъ находитъ, что и Іовъ почаевскій по данному вопросу велъ полемику съ еретиками; потому что въ рукописи Іова почаевскаго помѣщено слово съ именемъ Іоанна Златоустаго въ великій четвертокъ, а въ этомъ словѣ проповѣдникъ, приглашая своихъ слушателей къ священной трапезѣ, говоритъ: «Нынѣ предстоитъ Христосъ, нынѣ предстоитъ Тотъ, кто учредилъ эту трапезу; Онъ-же теперь устрояетъ и эту. Не человѣкъ претворяетъ предложенное въ тѣло и кровь Христову, но распятый за насъ Христосъ. Стоящій іерей носитъ его образъ, и тѣ слова произноситъ іерей, и дѣйствуетъ сила и благодать Божія». Другой примѣръ. Антитринитаріи отвергали троичность лицъ въ Богѣ. Іовъ почаевскій боролся и противъ этого еретическаго мнѣнія, потому что въ его рукописи приведенъ отрывокъ изъ Шестодневa Северіана Гавальскаго и слова Григорія Цимвлака, а въ этихъ произведеніяхъ говорится о троичности Божіей (слѣдуютъ выдержки). Приведемъ еще одинъ примѣръ, изумительный по своей курьезности. Социніане пренебрежительно отзывались *о хвалѣ и чести святыхъ угодниковъ Божіихъ*. По мнѣнію проф. Петрова, полемика Іова почаевскаго противъ протестантовъ, замѣчательная по широтѣ круга, касалась и этого пункта, что доказывается нижеслѣдующимъ образомъ. Въ рукописи преподобнаго Іова помѣщенъ конецъ слова (замѣтьте конецъ слова, а не все слово) Григорія Цимвлака. *Если все это слово мы возстановимъ*, то тамъ прочтемъ, между прочимъ, *слѣдующія слова:* «И поелику священная память блаженнаго Филогонія зоветъ нашъ языкъ къ воспоминанію, то, оставивъ теперь ваше безстыдство, побесѣдуемъ вкратцѣ о семъ блаженномъ, поелику *память праведныхъ съ похвалами*, какъ сказалъ Соломонъ (Притч. 10, 7). Ибо, когда восхвалятъ праведники, то возвеселятся люди, возвеселятся и воспріимутъ ревность къ добродѣтели».—Не правда-ли, вполнѣ логическое доказательство!

Слѣдуя примѣру проф. Петрова, можно доказать, что почаевская рукопись составлена противъ какой угодно секты—молоканъ, хлыстовъ и т. д. Слѣдуя примѣру проф. Петрова, можно взять любой сборникъ XVI—XVIII в. религіознаго содержанія или любой сборникъ поученій какого либо современнаго проповѣдника и доказать, что онъ составленъ противъ социніанъ,—ибо социніане отрицаютъ Божество Іисуса Христа, а въ какой современной проповѣди, или въ старинной книгѣ вы не встрѣтите, что Іисусъ Христосъ многократно называется Богомъ? .. Гдѣ вы найдете, что пресвятая Дѣва Марія не называется Богородицею, Богъ не признается троичнымъ въ лицахъ и т. д.

Еще нѣсколько словъ. Въ концѣ разсматриваемой рукописи помѣщены (на 44 страницахъ въ два столбца, изъ коихъ одинъ занятъ подлиннымъ текстомъ, а другой переводомъ) якобы не списанныя бесѣды и поученія, а составленныя первоначальнымъ владѣльцемъ рукописи. Послѣднее весьма сомнительно. Самъ издатель почти о всѣхъ изъ нихъ говоритъ, что они составлены въ подражаніе то Златоустому, то Цимвлаку. Не обозначенныя-же, какъ подражательныя, имѣютъ весьма мало значенія. Такъ, напримѣръ, поученія противъ пьянства состоитъ изъ нижеслѣдующихъ строкъ: «Послушаемъ съ особеннымъ вниманіемъ о воздержаніи и Іезоніи и братьевъ его. Они были внуки Іонадава, сына Рихава праведнаго. Ихъ, происходящихъ отъ него, Іеремія искушаетъ. какъ бы отъ имени Божія, повелѣвая имъ пить вино. Они сказали въ отвѣтъ: (приводится нѣсколько строкъ изъ 35 гл. Іереміи, чѣмъ и заканчивается поученіе).

Оканчиваемъ свою замѣтку слѣдующимъ заявленіемъ: мы не отрицаемъ совершенно всякое историческое значеніе разсматриваемой почаевской рукописи, мы только не признаемъ ее принадлежащею Іову почаевскому (точнѣе писанною имъ), не признаемъ за нею *того важнаго историческаго значенія, какое усвояется ей проф. Петровымъ*, какъ выдающемуся памятнику противо-протестантской (социніанской) полемики конца XVI и нач. XVII стол. Мы думаемъ, что историческое и литературное значеніе почаевской рукописи совершенно одинаково съ тѣмъ значеніемъ, какое обыкновенно усвояется однороднымъ съ нею рукописнымъ сборникамъ прежняго времени, во множествѣ находящимся какъ въ общественныхъ, такъ и частныхъ книгохранилищахъ. Идти далѣе—значитъ вступать на ложную дорогу.

Безъ сомнѣнія, издатели и проф. Петровъ добрую имѣли цѣль, выпуская въ свѣтъ разсматриваемую нами книгу—желали возвеличить преподобнаго Іова. Но удостоенный за свою святую и многополезную жизнь

небеснаго вѣнца, преподобный не имѣетъ нужды въ вѣнкахъ, сплетаемыхъ грѣшными руками человѣческими, и тѣмъ паче, если онѣ плетутся по узору, ошибочно нарисованному.

С. Голубевъ.

Przegląd archeologiczny, organ c. k. Konserwatoryum pomników, oraz Towarzystwa archeol. krajow. we Lwowie. Zesz. 1—3. Lwów. 1882—1883. (*Археологическое обозрѣніе, органъ ц. к. Музея древностей и львовскаго археологическаго общества. Выпускъ 1—3. Львовъ. 1882—1883 г.*).

Нельзя не отдать справедливости той старательности, съ которою польская раціональная наука послѣднихъ десятилѣтій занялась изученіемъ и изслѣдованіемъ родной старины. Она не отстаетъ въ этомъ случаѣ отъ того широкаго интереса къ историческому знанію, какой господствуетъ теперь во всѣхъ передовыхъ странахъ Европы. Во всѣхъ частяхъ, на которыя раздѣлена бывшая Польша, видимъ значительное вниманіе къ исторіи.

Польскіе историки не ограничиваютъ своего вниманія собственно предѣлами Польши, но касаются минувшей судьбы тѣхъ русскихъ областей, которыя входили нѣкогда въ составъ Рѣчи Посполитой, интересуются исторіей и этихъ земель въ періодъ польскаго владычества надъ ними.

Разрабатывая исторію этихъ исконно-русскихъ краевъ, хотя-бы и съ своей національной точки зрѣнія, издавая историческіе памятники ихъ, польская исторіографія оказываетъ услугу и намъ. *Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczy Pospolitej polskiej*, которыхъ X-й томъ вышелъ на дняхъ, могутъ быть поставлены вслѣдъ за изданіями нашихъ кіевской и виленской коммисій и собраніемъ «Актовъ западной и южной Россіи»; къ сожалѣнію, львовскіе акты издаются безъ того строго опредѣленнаго плана, который составляетъ одно изъ крупныхъ достоинствъ изданій кіевской коммисіи. Они лишены также предисловій, которыя нерѣдко столь цѣнны въ «Архивѣ юго-западной Россіи».

Нельзя не привѣтствовать тѣхъ польскихъ изданій, которыя проникнуты духомъ истинной науки, чтутъ историческую правду, не вносятъ въ исторію національнаго пристрастія и риторизма, не искажаютъ исторической истины, въ чемъ былъ повиненъ, напримѣръ, покойный краковскій профессоръ Шуйскій, въ особенности въ первое время своей

дѣятельности. На почвѣ болѣе или менѣе чистой научности могутъ протянуть другъ другу руку и русскіе, и польскіе историки.

Къ числу отрадныхъ явленій польско-русской исторической литературы принадлежитъ и то изданіе, заглавіе котораго выписано выше.

Это повременное изданіе составляетъ органъ археологическаго общества во Львовѣ, имѣющаго цѣлью розысканіе, описаніе и сохраненіе всякихъ памятниковъ старины въ Галичинѣ и въ краковскомъ округѣ. Уставъ общества былъ утвержденъ въ 1875 г., но вполнѣ оно организовалось въ 1876 г. Изъ галицко-русскихъ ученыхъ въ составъ археологическаго общества вошли извѣстные изслѣдователи и знатоки галицкой исторіи о. А. С. Петрушевичъ и И. М. Шараневичъ, возведенные недавно университетомъ св. Владиміра въ почетные доктора русской исторіи. Въ 1881 г. они были избраны въ члены «Выдѣла», завѣдывающаго дѣлами общества, и сверхъ того о. Петрушевичу было предложено званіе заступающаго мѣсто президента археологическаго общества. Оба ученые, въ особенности о. Петрушевичъ, приняли весьма дѣятельное участіе въ изданіи «Археологическаго Обозрѣнія», которое общество порѣшило издавать въ послѣднее время.

Общество понимаетъ археологію въ широкомъ смыслѣ слова и старается о правильной постановкѣ дѣла охраненія и изученія памятниковъ старины. Въ указанныхъ выше 3-хъ выпускахъ его трудовъ есть много не лишеннаго интереса и для насъ.

Содержаніе ихъ очень разнообразно: тутъ находимъ и статьи чисто археологическія, заключающія описаніе тѣхъ или иныхъ памятниковъ, и описаніе архивовъ, и акты, и извлеченіе изъ позднѣйшихъ мемуаровъ, и небольшія историческія монографіи по архивнымъ даннымъ, и историко-археологическія розысканія и наконецъ библіографическіе перечни съ критической оцѣнкой. Укажемъ лишь на статьи и сообщенія, могущія представлять интересъ для читателей «Кіевской Старины».

Спеціально по части археологіи заслуживаетъ упоминанія извѣстіе объ открытіи на поляхъ деревни Залуквы около Галича надъ р. Ломницею развалинъ церкви св. Спаса, которая была замковою церковью князя Владимірка и упоминается въ лѣтописи подъ 1152 г. Фундаментъ указываетъ на строеніе XI в. въ чистомъ церковномъ романо-византійскомъ стилѣ. Г. Шараневичъ, сообщившій это извѣстіе, описалъ также археологическія раскопки, произведенныя въ 1883 г. въ мѣстности древняго Галича и начатыя по плану его-же и профессора Захарьевича. Раскопаны *церквище Бляновищеньскé*, валъ около церкви св. Спаса, нѣсколько могилъ, и намѣчены нѣкоторые пункты для дальнѣйшихъ раскопокъ. Эти раскопки, равно и сдѣланныя г. Шараневичемъ, на осно-

ваніи ихъ, выводы вызвали рядъ возраженій въ галицкомъ «Словѣ» и въ «Вѣстникѣ народнаго дома» 1883 и 1884 г. въ неоконченной еще статьѣ о. А. Петрушевича: «О городѣ Галичѣ за Луквою». Тѣмъ не менѣе г. Шараневичъ питаетъ надежды, что предположенныя раскопки могилъ на мѣстѣ древняго Галича приведутъ къ результатамъ подобнымъ тѣмъ, какіе добыты изслѣдованіемъ въ 1881—1882 гг. могилъ стараго города Плѣсньска, упомянутаго лѣтописью подъ 1190 и 1233 гг., а въ этихъ послѣднихъ встрѣчаются рядомъ съ находками, указывающими на христіанство, слѣды языческихъ обычаевъ, ставленія въ могилы пищи и напитковъ, обращеніе покойниковъ головою на западъ, употребленіе колецъ, вложеніе въ уста покойнику золотыхъ бляшекъ и пр.

Изъ статей, относящихся къ вещественнымъ памятникамъ старины, можно отмѣтить живо-написанный очеркъ общаго содержанія, принадлежащій перу графа Дзѣдушицкаго, предсѣдателя археологическаго общества и хранителя памятниковъ. Очеркъ этотъ озаглавленъ: «Деревянныя постройки на Руси». Авторъ обращаетъ вниманіе на необходимость присматриваться къ деревяннымъ церквамъ, изъ которыхъ иныя заслуживаютъ вниманія и являются истинными произведеніями искусства въ своемъ родѣ. Въ подвержденіе отчетливости, съ какою выполнена постройка нѣкоторыхъ изъ нихъ, указывается церковь въ Дрогобычѣ, которая, по преданію, стояла нѣкогда въ Украйнѣ за Днѣпромъ и дрогобычскими мѣщанами, возившими туда для продажи соль, пріобрѣтена за нѣсколько возовъ соли. Церковь была разобрана, каждая изъ частей ея была положена въ отдѣльности на сани, и всѣ онѣ были перевезены на Червонорусское Подгорье. Гр. Дзѣдушицкій описываетъ обычный складъ «русинской церкви» и говоритъ: «Вотъ стародавняя польская (sic!) церковка, которую мы всѣ знаемъ, которую полюбилъ каждый поэтъ и каждый истинный художникъ, и которую теперь неразумно губятъ неумѣлыя руки». Указавъ на живописный видъ такой церкви, соотвѣтствующій нашему небу, авторъ упоминаетъ о *дзвоницѣ* и переходитъ къ старымъ домамъ по мѣстечкамъ. «Не одинъ, замѣчаетъ онъ, удивится тому, что кому либо пришла охота говорить о такихъ убожествахъ; и однако эта архитектура связана со всѣмъ прошлымъ. Въ деревянныхъ неоштукатуренныхъ покояхъ жили наши рыцарственные предки, заслонявшіе грудью Рѣчь Посполитую и христіанство, пока они не опустились подъ вліяніемъ саксонской иноземщины. Въ деревянной церкви молились сотни поколѣній, она является достойнымъ памятникомъ народнаго обычая и свидѣтельницею лучшихъ временъ; деревянная церковка среди дубровы и деревянный домъ въ мѣстечкѣ—то родныя дѣти нашихъ лѣсовъ, нашихъ долинъ и нашей исторіи; не позволимъ, чтобы ихъ выгнали изъ родимой Руси

какіе нибудь безцвѣтные, холодные, гадкіе, бѣленые пришельцы». Помимо тенденціознаго смѣшенія русскаго съ польскимъ, въ статьяхъ сотрудниковъ Przegląd'a, принадлежащихъ къ польской націи, нерѣдко прорывается элегическій тонъ, указывающій на то, что побуждаетъ польскую интелигенцію отдаваться такъ ревностно изученію прошлаго. Тѣже ноты звучатъ и въ такихъ сухихъ статьяхъ, какъ описаніе львовскаго городскаго архива. Въ началѣ этого описанія читаемъ: «*Свое управленіе, свой судъ, своя казна, свое войско* — все это говоритъ намъ, какъ духи, поднимающіеся по заклинанію чародѣя изъ этихъ книгъ, грамотъ, актовъ, историческихъ автографовъ, даже нерѣдко изъ мелкихъ замѣтокъ и частныхъ листковъ».

Гр. Дзѣдушицкому принадлежитъ также описаніе латинскаго костела и церкви св. Юрія въ Дрогобычѣ. Авторъ говоритъ прежде всего о башнѣ романскаго стиля, напоминающей сѣверно-итальянскія и югославянскія сооруженія, восходящей ко времени Володаря Осмомысла (sic) и свидѣтельствующей наравнѣ съ другими памятниками, что и Галицкая Русь не оставалась чуждой вліянія запада. Затѣмъ гр. Дзѣдушицкій переходитъ къ костелу готическаго стиля, построенному краковскими мастерами въ первой половинѣ XV в. и наглядно знакомящему съ костелами времени Ягайла. Этотъ костелъ былъ реставрированъ королевой Боной. Надъ главнымъ кораблемъ явился тогда круглый сводъ, подобный тѣмъ, какіе виднѣются на Сукеннихъ, на луцкомъ замкѣ, въ Люблинѣ и въ Красичинѣ. Когда верхъ костела обрушился отъ тяжести народа, искавшаго на немъ защиты во время татарскаго нашествія при королѣ Михаилѣ, его возстановили въ іезуитскомъ стилѣ или barocco. Теперь костелъ приводится въ первоначальный видъ по ходатайству «Выдѣла» общества предъ краевымъ сеймомъ. Послѣ описанія надгробнаго памятника Рамултовой, находящагося внутри собора и относящагося къ первому времени возрожденія, слѣдуетъ упоминаніе о деревянной церкви св. Юрія, привезенной, какъ сказано, по преданію изъ Украйны и подтверждающей своимъ видомъ это преданіе. По мнѣнію автора, церковь можетъ быть названа прибывшею изъ-за Днѣпра и въ иномъ еще смыслѣ: первообразы ея въ Самаркандѣ, въ Тегеранѣ и въ Бенаресѣ; это «татарское (!) искусство». Такъ далеко шагнулъ авторъ, заключающій замѣчаніемъ, что «дзвоница и церковь характеризуютъ судьбу православія въ Польшѣ, которое становилось постепенно вѣрой хлопской. Но когда высшія сословія ходили въ католическіе костелы, церковь все чаще подпадала вліянію, проникавшему съ востока, изъ-за Днѣпра. Раздвоеніе между востокомъ и западомъ, усматриваемое во всей Рѣчи Посполитой, выступаетъ наиболѣе ясно въ судьбѣ русской церкви: одна

часть ея клонилась къ уніи, другая отвращалась отъ Европы и тоскливо взирала на Москву».

Переходя къ письменнымъ памятникамъ старины, укажемъ на описаніе городскаго львовскаго архива, составленное секретаремъ общества К. Видманомъ.

Г. Садокъ Баронч ъ предпринялъ описаніе доминиканскихъ архивовъ и пока помѣстилъ статьи объ архивахъ въ Ярославлѣ и Бохнѣ.

Въ отдѣлѣ «историческихъ матеріаловъ» встрѣчаемъ рядъ актовъ, сообщенныхъ по большей части гг. Петрушевичемъ и Шараневичемъ Не всѣ документы представляютъ одинаково интересный и цѣнный матеріалъ. Перечислимъ важнѣйшіе. Въ визитѣ 1765 г. церкви и монастыря св. Юрія во Львовѣ есть свѣдѣніе о времени сооруженія этой церкви и о надписи на колоколѣ, отлитомъ въ 1341 года. Интересно примѣчаніе о. Петрушевича къ грамотѣ XIV в. о пожалованіи села двумъ волохамъ и къ двумъ грамотамъ Ѳедора Любартовича (начала XV в.) объ отграниченіи нѣсколькихъ селъ. Грамоты эти свидѣтельствуютъ о поселеніи румунъ въ порѣчьи Ломницы и вообще въ жидачевскомъ повѣтѣ. О. Петрушевичъ излагаетъ по этому поводу кратко свой любимый и интересный тезисъ о румунскомъ вліяніи на юго-западную Русь: онъ говоритъ о румунской колонизаціи въ Галичинѣ, пріурочивая къ румунамъ и болоховцевъ [1]), указываетъ на необходимость изслѣдованія заслугъ румунъ въ исторіи южно-русской образованности. Вліяніе румунъ началось, по мнѣнію о. Петрушевича, съ доисторическаго времени славянъ и объясняетъ начало культуры и христіанства по обѣимъ сторонамъ Карпатъ. Нѣсколько документовъ XVI—XVII в. изображаютъ положеніе православнаго духовенства въ Галичинѣ. Двѣ грамоты начала XVI в. говорятъ объ освобожденіи священника церкви св. Николая во Львовѣ отъ государственныхъ повинностей и отъ подсудности львовскому старостѣ. По ходатайству Константина Острожскаго, Сигизмудъ I освободилъ монаховъ львовскаго онуфріевскаго монастыря отъ государственной подати съ сада. Королевскія и владѣльческія грамоты XVI—XVII вв. предоставляли вносившимъ извѣстную сумму священническія мѣста въ различныхъ мѣстностяхъ Галичины въ *потомственное распоряженіе* съ угодьями и опредѣленною данью по 1 копѣ жита отъ пасомыхъ подданныхъ; коморничьяго и загродничьяго полагалось по одному дню работы, и сверхъ того вносился извѣстный податокъ. Священникъ

[1]) Ср. нашъ разборъ гипотезы г. Петрушевича о Болоховцахъ въ хайской книжкѣ «Универс. Изв.», 1884 г. Въ ноябрьскомъ № «Вѣстника Народнаго дома», 1884 г. о. Петрушевичъ кратко отвѣчаетъ на этотъ разборъ.

долженъ былъ вносить ежегодно чиншъ и затѣмъ освобождался отъ всякихъ повинностей и панщины. Отнять поповство у потомковъ пожалованнаго имъ можно было лишь по уплатѣ суммы, которая была внесена получившимъ жалованную грамоту. Иной разъ священникъ самъ строилъ церковь и затѣмъ получалъ грамоту на поповство при ней. Значительный интересъ представляетъ грамота Сигизмунда III, которою было разрѣшено въ 1596 г. кіево-печерскому архимандриту Никифору Туру основать надъ р. Ирпенемъ на урочищѣ *Дидовомъ* замокъ и при немъ *мѣсто*. Мѣщанамъ того мѣста грамота воспрещала ходить безъ разрѣшенія гетмана на *запороги*, въ *дикія поля* и заграницу и доставлять туда провизію, олово и порохъ. Изъ позднѣйшихъ документовъ особеннаго вниманія заслуживаетъ напечатанное А. С. Петрушевичемъ пространное письмо Филиппа Орлика на латинскомъ языкѣ къ генеральному ассистенту іезуитовъ въ Римѣ, написанное 5 августа 1727 г. въ Фессалоникѣ и заключающее въ себѣ разсказъ объ извѣстныхъ странствованіяхъ этого авантюриста по Европѣ, съ цѣлію добиться у европейскихъ дворовъ освобожденія общими ихъ силами Малороссіи отъ московскаго подданства и возстановленія яко-бы его, Орлика, въ гетманскомъ достоинствѣ. Изъ письма открывается, что Орликъ, преслѣдовавшій свою политическую мечту около 20 лѣтъ, послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ неудачъ, рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ помощи римской куріи. Съ этою цѣлію онъ обратился къ іезуитскому миссіонеру въ Константинополѣ и открылся предъ нимъ, будто его одолѣваетъ ревность о распространеніи католической церкви, и что онъ могъ-бы отдаться этому дѣлу, если-бы ему оказана была помощь въ исполненіи его давнихъ мечтаній. Орликъ далъ миссіонеру записку по этому предмету, которая была сообщена послѣднимъ послу австрійскаго императора. И миссіонеръ, и посолъ обѣщали Орлику позаботиться о немъ. По плану Орлика, папа долженъ былъ похлопотать предъ римскимъ императоромъ о заступничествѣ за него, Орлика, при русскомъ дворѣ, если-же это окажется невозможнымъ, то велѣлъ-ль своему нунцію домогаться у польскаго короля и польской республики, чтобы послѣдняя согласилась исполнить обѣщаніе, данное королемъ Портѣ, именно о предоставленіи Орлику правобережной Украйны съ гетманскимъ достоинствомъ и древними правами, соблюдавшимися до 1712 г. Орликъ ввелъ-бы тогда унію въ Украйнѣ въ теченіи года не насильственными средствами, къ которымъ прибѣгаютъ поляки изъ неумѣренной ревности (ex zelo minus ordinato), но посредствомъ указанія на заблужденія новѣйшей греческой церкви. Тогда Польша могла-бы быть спокойна относительно козаковъ. Къ этому письму Орликъ прило-

жилъ еще письмо къ папѣ и нѣкоторые документы, относившіеся къ перепискѣ его съ различными лицами, съ которыми онъ сносился.

Въ отдѣлѣ историческихъ матеріаловъ весьма интересенъ отрывокъ изъ дневника холмскаго уніатскаго епископа Важинскаго, относящійся къ возстанію Костюшки.

Изъ обработокъ сыраго историческаго матеріала отмѣтимъ нѣсколько датъ для исторіи рода Одровонжей на Руси въ XV в., генеалогическую таблицу потомства Іереміи Могилы и статью о Гозіи, извѣстномъ епископѣ вармійскомъ и кардиналѣ, ратоборцѣ за католичество въ періодъ реформаціи въ Польшѣ.

Упомянемъ въ заключеніе нашего обзора, что въ «Археологическое обозрѣніе» вошла и одна археологическо-лингвистическая замѣтка, вѣроятно—на томъ основаніи, что самымъ важнымъ и старшимъ археологическимъ памятникомъ въ научномъ отношеніи является языкъ «рода людскаго». Замѣтка эта принадлежитъ А. С. Петрушевичу и касается слова *рокошъ*. Приведши различныя мнѣнія объ этомъ словѣ, о. Петрушевичъ присоединяется къ юридическому толкованію Мацѣевскаго, по которому поляки называли рокошемъ «вооруженное выступленіе шляхты противъ короля». О. Петрушевичъ дополняетъ свѣдѣнія, приведенныя у Мацѣевскаго, указаніемъ на то, что венгерскіе *рокоши* или сеймы на полѣ Ракусъ упоминаются уже подъ 1298 г., а въ венгерское право они вошли не ранѣе 1498 г. Окончаніе *ошъ* о. Петрушевичъ считаетъ вопреки Миклошичу не малорусскимъ, а западно-славянскимъ. Въ этой западно-славянской (чешско-польской формѣ) слово проникло въ русскій книжный языкъ уже въ XV в. Изъ языка чеховъ и словаковъ (у послѣднихъ это слово употребляется до сей поры) оно перешло въ языки мадьярскій и румынскій. Въ значеніи бунта слово рокошъ проникло въ московскую Русь отъ западныхъ славянъ чрезъ Литву или Малую Русь. Оно встрѣчается въ судебникахъ Ивана III и Ивана IV. Въ старорусскомъ языкѣ существовала чисто русская форма этого слова, *раюзи*, которая была извѣстна и въ юго-западной Руси. Заключена замѣтка г. Петрушевича этимологическимъ производствомъ слова *рокошъ* и указаніемъ различныхъ видоизмѣненій первоначальнаго корня.—О. Петрушевичъ помѣстилъ также описаніе молитвенника Терезы, урожденной Опалинской, второй жены Стефана Пемирича, воеводы кіевскаго, представляющее нѣсколько данныхъ для исторіи польскаго языка.

Н. Д.

Рада, украинскій альманахъ на 1884 года. Кіевъ. 1884 годъ.

Второй выпускъ кіевскаго альманаха составленъ исключительно изъ белетристики и поэзіи. Капитальною вещью въ немъ, какъ и во всей малорусской словесности послѣднихъ 10—15 лѣтъ, является романъ «Новія», изъ котораго появилась теперь вторая часть. Какъ ни неблагопріятенъ для цѣльности литературнаго произведенія подобный способъ печатанья по части черезъ годъ, но впечатлѣніе производимое романомъ г. Мирнаго такъ глубоко, что лица и событія выплываютъ изъ памяти, какъ только приступишь къ чтенію новой части, какъ знакомые, родные, и читатель входитъ сразу и всецѣло въ ихъ жизнь. Въ этой части героиня этой несложной повѣсти, сдѣлавшись жертвою обмана, отслуживаетъ въ городѣ у мѣщанина Загнибиды за деньги, яко бы оставшіеся должными этому кулаку ея покойнымъ отцемъ. Жена Загнибиды—болѣзненная женщина, и молодая, хорошенькая Христя становится цѣлью его назойливыхъ приставаній. Когда, послѣ многихъ терзаній, Христя урывается на денекъ въ село, къ матери, Загнибыда, возвратясь домой и не заставъ наймички, раздосадованный своимъ неуспѣхомъ и считая всему помѣхою постылую жену, нападаетъ на нее съ такою яростью, что несчастная женщина умираетъ отъ побоевъ. Въ испугѣ и попыхахъ онъ выпроваживаетъ домой наймичку, сунувъ ей пятидесятирублевую бумажку. Эти деньги становятся для Христи источникомъ новаго горя. На допросѣ Загнибида бросаетъ тѣнь на Христю и, какъ улику, указываетъ на деньги. Христю берутъ подъ слѣдствіе, а въ это время тамъ, въ селѣ, сраженная этою послѣднею чашей горя, умираетъ ее мать. Отпущенная за отсутствіемъ всякихъ уликъ, Христя попадаетъ въ село на похороны старухи. Она бросаетъ на вѣкъ непривѣтную родину и уходитъ на новое мѣсто.

Глубина анализа и правда изображеній—таковы отличительныя черты таланта автора «Новіи», который мы пытались уже характеризовать, при появленіи первой части романа. Картина жизни малорусскихъ селъ и городковъ, подъ перомъ г. Мирного, является во всей той широтѣ, какая свойственна крупнѣйшимъ представителямъ современнаго романа, этого послѣдняго слова поэзіи. Если дивишься мощи, съ какою изображаетъ авторъ характеры сильные и жестокіе, то особеннаго вниманія заслуживаетъ искусство, съ какимъ рисуетъ онъ натуры пассивныя, какъ жена Загнибиды, или среднія, какъ Христя. Психологія обыденнаго, средняго человѣка—самая трудная... Скорбнымъ чувствомъ отсутствія правды въ мірѣ дышетъ созданіе поэта. Людей чистыхъ сердцемъ, безкорыстныхъ, высокихъ душею—мало въ мірѣ. Имъ суждено страданіе.

Злоба и эгоизмъ торжествуютъ на свѣтѣ и люди сами устроили свои муки. На его любимое село со всѣхъ сторонъ ложатся тѣни. Ложатся онѣ и отъ этого городка, который, какъ всѣ города въ людскихъ общежитіяхъ—есть представитель хищнаго эгоизма и калѣчитъ и губитъ тѣ свѣжія силы, какія даетъ ему деревня. Украинское мѣщанство и мелкій промышленный классъ нашли въ г. Мирномъ такого-же несравненнаго изобразителя, какъ и сельская жизнь. Сцену праздничной мѣщанской пирушки у Загнибиды надо прочесть, такъ какъ о ея поразительной живости и юморѣ не дадутъ понятія никакія слова.

Очерки «Якъ ведется, такъ и живетця», того-же автора,—также романъ, изъ котораго дано пока только два отрывка. Въ лѣтній зной, подъ палящимъ солнцемъ, три крестьянскихъ мальчика пасутъ скотъ въ степи. Предъ ними, въ отдаленіи, темный силуэтъ Батіевщины, разрушенной панской усадьбы, надъ ними—голубой шатеръ неба. Ихъ дѣтскія рѣчи и составляютъ «содержаніе» очерка «День на пастовнику», а изображеніе ихъ дѣтскихъ натуръ и трехъ различныхъ характеровъ, тонкое и блистательное, составляетъ интересъ этого прелестнаго разсказа. Второй очеркъ «Батьки» ведетъ разсказъ назадъ. Мы предпочитаемъ, когда лица рисуются въ дѣйствіи, параллельно событіямъ, а не такіе ретроспективные очерки. Но когда разсказъ веденъ съ этимъ талантомъ, тогда способъ передачи отходитъ на второй планъ. Мы дѣлаемся очевидцами и участниками жизни цѣлой крестьянской семьи: крутой, но честный старикъ—отецъ, любящая мать, хозяинъ, добрый малый,—старшій братъ, его тихая, покорная жена—всѣ становятся намъ близкими, какъ дѣйствительно видѣнныя лица. Но ярче всѣхъ выступаетъ младшій братъ Ёсипъ, обреченный на солдатчину и его жена Параска, этотъ выродокъ панскихъ усадебъ. Ради любви къ ней онъ обкрадываетъ родныхъ, онъ страдаетъ и мучится. Сценѣ примиренія и ухода Ёсипа въ солдаты, при всей сдержанности и строгости разсказа, суждено имѣть успѣхъ патетизма, успѣхъ слезъ, самый завидный, о какомъ можетъ думать писатель. Надо имѣть очень сильные нервы, чтобъ прочесть ее безъ волненія. Чтобъ покончить съ г. Мирнымъ, скажемъ, что сокровища чувства и слова, внесенныя имъ въ малорусскую литературу, будутъ всегда такимъ-же голосомъ о творческихъ силахъ народа, какъ и самыя созданія народной музы.

Два маленькихъ разсказа въ книгѣ принадлежитъ Ганнѣ Барвинокъ. Это имя давно знакомое въ малорусской летературѣ принадлежитъ писательницѣ, обладающей рѣдкимъ и пріятнымъ свойствомъ: правильнымъ сознаніемъ своихъ силъ. Съ самаго начала своей дѣятельности писательница избрала форму очерка, каждая черта въ которомъ изучена

съ натуры. Выбирая темы съ умомъ и тонкимъ вкусомъ, г-жа Барвинокъ въ формѣ набросковъ, путевыхъ замѣтокъ и т. п. оставила нѣсколько вещицъ, которыя не забудутся. Любители малорусскаго слова помнятъ ея разсказы въ «Хатѣ» и «Основѣ»: «Не було зъ малку, не буде й до станку», «На Волыни», «Жизнь въ одномъ селѣ». Послѣдній разсказъ напримѣръ ничто иное, какъ простое описаніе украинской мѣстности, одного уголка нашей родины. На этомъ пейзажѣ двѣ три обыденныхъ деревенскихъ фигуры. Но все это такъ вѣрно жизни и безъискуственно, разсказано съ такой любовью къ предмету, что отъ этихъ страницъ какъ-бы вѣетъ здоровымъ воздухомъ деревни, ароматомъ цвѣтущаго сада, душистымъ запахомъ полевыхъ травъ... Въ «Основѣ» была цѣлая школа такихъ добросовѣстныхъ писателей: Номисъ, Л. Жемчужниковъ, Ревякинъ, Каховскій. Къ этому типу произведеній принадлежитъ очеркъ «Квитки зъ слезами, слезы зъ квитками», представляющій попытку обрисовки психологіи калѣкъ. Три женщины, въ ней выведенныя, настоящія украинки, съ ихъ душевнымъ изяществомъ и глубиною чувства. Разсказъ «Вирна пара» вдохновленъ Шекспировской «Ромео и Юлія», изъ которой къ нему взятъ эпиграфъ.

Кому не случалось иногда задумываться надъ великими созданіями фантазіи и рисовать въ умѣ, что было-бы, еслибъ измѣнить такъ или иначе ходъ событій въ поэтическихъ фикціяхъ? Представимъ себѣ, что Лоренцій пришелъ минутою раньше и помѣшалъ Ромео выпить ядъ. Джульета просыпается, узнаетъ своего обожателя и безсмертные своею вѣрностью сердца наконецъ соединяются. Въ разсказѣ г-жи Барвинокъ находимъ нѣчто подобное: парубокъ Сергій возвращается домой «съ вокзала», узнаетъ о внезапной смерти своей невѣсты. Она была весела и здорова и, принарядившись, пошла въ послѣдній разъ съ подругами на досвитки. Тамъ парубки хотѣли снять у нее съ руки кольцо, обручальное кольцо Сергія. Чтобы не дать никому кольца, она взяла его въ ротъ и проглотила. Кольцо стало въ горлѣ, что произвело обморокъ, схожій съ летаргіей. Сергій возвращается, когда Онильку только что похоронили. Ночью бѣжитъ онъ на кладбище и въ отчаяніи откапываетъ гробъ, чтобъ взглянуть на свою невѣсту еще разъ. Сильнымъ движеніемъ онъ встряхиваетъ мнимую покойницу. Она просыпается и возвращается къ жизни. Маленькій этотъ разсказъ веденъ очень искусно и неожиданность развязки и интересъ поддерживаются до послѣдняго слова. Послѣдняя прозаическая вещь, сказка «Кладовище»—дебютъ новаго автора г. Алатанченка и, что особенно пріятно, дебютъ удачный. Написанная на шопенгауэровскую тэму, сказка эта обличаетъ нѣкоторую писательскую неопытность: въ ней два разсказа, вставленные одинъ въ другой, отчего двоится впечатлѣніе. Но она умна, довольно образна и написана хорошимъ языкомъ.

Г.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ГДѢ ЖИЛИ ПЕРВЫЕ КІЕВСКІЕ МИТРОПОЛИТЫ: ВЪ ПЕРЕЯСЛАВѢ ИЛИ ВЪ КІЕВѢ?

Лѣтописи и списки церковнаго устава Владимірова говорятъ, что св. Владиміръ принялъ изъ Царьграда митрополита *Кіеву*. Между тѣмъ наши ученые историки: архіепископъ Филаретъ, митрополитъ Макарій Булгаковъ и профессоръ Е. Голубинскій, согласно съ мнѣніемъ составителя Никоновской лѣтописи, утверждаютъ, что до построенія кіево-софійскаго собора кіевскіе митрополиты жили не въ Кіевѣ, а въ приднѣпровскомъ Переяславѣ, находящемся въ 90 в. ниже Кіева по теченію Днѣпра. Митрополитъ Макарій и Голубинскій указываютъ и причину сего въ томъ, будто «въ Кіевѣ съ самаго начала не нашлось удобнаго помѣщенія для митрополита, а въ Переяславѣ, можетъ быть, существовалъ готовый и удобный для нихъ домъ [1]). Съ этимъ мнѣніемъ соглашается и профессоръ И. И. Малышевскій въ своей, только что появившейся статьѣ о кіевскихъ церковныхъ соборахъ (Труды кіевской духовной академіи— декабрь 1884 г.). Митрополитъ кіевскій Евгеній не далъ своего рѣшительнаго заключенія по сему предмету [2]). Нашъ исторіографъ Карамзинъ отвергъ подобное мнѣніе [3]). При всемъ уваженіи къ

---

[1]) Исторія русской церкви, м. Макарія, т. 1, стр. 37 и 38; Исторія русской церкви, Е. Голубинскаго, т. 1, ч. 1-я, стр. 286 и 287.

[2]) Описаніе кіево софійскаго собора, м. Евгенія. Прибавленіе, стр. 65.

[3]) Исторія русскаго государства, ч. 1, примѣч. 160.

ученымъ авторитетамъ названныхъ выше лицъ, позволяемъ себѣ и мы усумниться въ вѣрности ихъ мнѣнія относительно пребыванія кіевскихъ митрополитовъ въ Переяславѣ и на то имѣемъ достаточныя причины, которыя представляемъ на судъ лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ.

Первоначальное жительство кіевскихъ митрополитовъ въ Переяславѣ обстоятельнѣе прочихъ отстаиваютъ митрополитъ Макарій и г. Голубинскій, стараясь доказать это 1) надписью надъ сохранившимся посланіемъ митрополита Леонтія къ латинянамъ, въ которомъ онъ называется митрополитомъ русскаго Переяслава, и 2) замѣткой кіевской лѣтописи подъ 1083 г., гдѣ сказано, что «бѣ преже въ Переяславли митрополья». Переселеніе митрополіи изъ Переяслава въ Кіевъ они полагаютъ не раньше освященія кіево-софійскаго собора, т. е. около 1044 года. Но а) вышеупомянутое посланіе едва-ли принадлежитъ святителю, умершему въ 1008 году, такъ какъ въ немъ въ обличеніе латинянъ говорится объ опрѣснокахъ, о безженствѣ священниковъ, о постѣ въ субботу и прочихъ такихъ предметахъ, которые только спустя сорокъ пять лѣтъ послѣ сего въ первый разъ обличены константинопольскимъ патріархомъ Михаиломъ Керулларіемъ; посланіе такого содержанія могло явиться у насъ уже послѣ освященія кіево-софійскаго собора и не раньше 1054 г., т. е. послѣ мнимаго переселенія русскихъ митрополитовъ изъ Переяслава въ Кіевъ. б) Съ титуломъ переяславскаго митрополита упоминается въ самой лѣтописи Нестора *Ефремъ*, бывшій съ 1089 по 1091 годъ, когда митрополиты кіевскіе несомнѣнно жили въ Кіевѣ, и однако ни митрополитъ Макарій, ни г. Голубинскій не считаютъ его кіевскимъ митрополитомъ, а г. Голубинскій считаетъ этого Ефрема митрополитомъ титулярнымъ и доказываетъ это между прочимъ тѣмъ, что сей Ефремъ подъ 1091 г. и подъ 1124 г. называется въ лѣтописи епископомъ переяславскимъ, а не митрополитомъ, и въ то-же время Леонтія или Леона, автора посланія къ латинянамъ, онъ признаетъ за дѣйствительнаго всероссійскаго или, что то-же, за кіевскаго митрополита, временно жившаго въ Переяславѣ, хотя этотъ Леонтій въ одномъ изъ списковъ его посланія, видѣнныхъ В. И. Григоровичемъ на востокѣ, называется *архіепископомъ* русскимъ, а въ другомъ спискѣ только *епископомъ* [1]).

[1]) Исторія рус. церкви, Е. Голубинскаго, т. 1 й, стр. 230 и 231.

Не скорѣе-ли нужно прійти къ мысли, что у насъ въ XI вѣкѣ было два Леонтія—одинъ митрополитъ кіевскій, управлявшій русскою церковью съ 991 г. по 1008 годъ, а другой епископъ переяславскій, носившій также, какъ и Ефремъ, только титулъ митрополита и жившій въ концѣ княженія Ярослава, когда послѣдовалъ разрывъ между церквами восточною и западною? Это было-бы согласно съ мнѣніемъ и самого Голубинскаго о томъ, что «первые переяславскіе епископы или, по крайней мѣрѣ, *нѣкоторые* изъ нихъ (а не одинъ, значитъ, Ефремъ) носили *титулъ* митрополитовъ, и не противорѣчило-бы его-же мнѣнію о томъ, что «принадлежность Кіева къ области переяславскаго митрополита только вѣроятна, *не болѣе того*» (Исторія русской церкви, стр. 298). Тогда не было-бы для него и необходимости исправленіе обязанностей кіевскаго митрополита по священнослуженію въ Кіевѣ до 1039 г. поручать бѣлгородскимъ епископамъ, которыхъ рядъ начинается только съ 1072 г., если не признавать первымъ бѣлгородскимъ епископомъ Никиту, поставленнаго въ Никоновской лѣтописи, не заслуживающей довѣрія, по мнѣнію г. Голубинскаго. в) Что касается замѣтки, находящейся въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку подъ 1089 г., будто «митрополья бѣ преже въ Переяславли», то она принадлежитъ не преподобному Нестору, а позднѣйшему переписчику лѣтописи, такъ какъ этой приписки нѣтъ въ той-же лѣтописи по Ипатскому списку. Никоновская лѣтопись, говоря, что «живяху множае тамо (въ Переяславѣ) митрополиты кіевскіе и всея Россіи и епископы поставляху тамо», только распространяетъ домысліе переписчика кіевской лѣтописи. Пребываніе кіевскихъ митрополитовъ въ Кіевѣ со временъ св. Владиміра положительно подтверждается слѣдующими обстоятельствами:

1) По мнѣнію преосвященнаго митрополита Макарія и г. Голубинскаго, основанному на свидѣтельствѣ Степенной книги и Никоновской лѣтописи, при св. Владимірѣ было въ Россіи уже 8 епископскихъ каѳедръ. Если-же епископскія каѳедры были тогда не только въ болѣе значительныхъ мѣстахъ, какъ-то: въ Новгородѣ, Черниговѣ, Ростовѣ, Полоцкѣ, но и въ менѣе значительныхъ, каковыми тогда были Владиміръ-Волынскій, Туровъ, Юрьевъ на р. Роси и Бѣлгородъ на р. Ирпенѣ, то нельзя думать, чтобы Кіевъ—столица русскаго государства—оставался 50 лѣтъ безъ епископской каѳедры,

особенно при той любви, какую имѣлъ св. Владиміръ къ духовному чину, и при его уваженіи къ мнѣнію митрополита и епископовъ, съ которыми онъ совѣщался въ важнѣйшихъ, даже государственныхъ дѣлахъ. И почему не быть митрополиту въ Кіевѣ? Неужели потому, какъ думаютъ наши церковные историки, будто не нашлось въ Кіевѣ удобнаго помѣщенія для него? Это болѣе чѣмъ странно предполагать, если находили тогда помѣщенія для архіереевъ даже въ Тмутаракани. Говорятъ, что въ Кіевѣ не было еще тогда митрополичьяго храма. А въ Переяславѣ былъ тогда митрополичій храмъ? Напротивъ, извѣстно, что въ Переяславѣ соборный храмъ освященъ лишь въ 1090 году, а въ Кіевѣ созданный св. Владиміромъ и освященный въ 996 году Десятинный храмъ былъ не меньшихъ размѣровъ, чѣмъ Ярославовъ-софійскій, и былъ украшенъ больше, чѣмъ всякій другой храмъ тогдашнихъ удѣльныхъ городовъ, такъ что весьма прилично въ немъ могло совершаться митрополичье служеніе даже съ соборомъ епископовъ. Хотя лѣтопись не называетъ Десятиннаго храма каѳедральнымъ или митрополичьимъ, хотя въ ней говорится, что св. Владиміръ «вдаде ту церковь Анастасу Корсунянину» и приставилъ къ ней корсунскихъ поповъ для служенія; но въ этомъ можно видѣть только указаніе на штатъ бѣлаго духовенства при Десятинной церкви, подобный которому былъ при Софіи константинопольской, составлявшей патріархію, и какой существуетъ теперь при каѳедральныхъ соборахъ, не исключая ихъ изъ непосредственнаго вѣдѣнія мѣстныхъ митрополитовъ и епископовъ. Но если-бы Десятинная церковь и не была временно митрополичьею церковью подобно тому, какъ въ Петербургѣ казанскій соборъ долгое время замѣнялъ собою каѳедральный храмъ до окончанія исаакіевскаго собора, то отсюда нисколько не слѣдовало-бы заключать, что въ Кіевѣ до Ярослава не жительствовали кіевскіе митрополиты; иначе пришлось-бы утверждать когда-нибудь, что до 1858 г. въ Петербургѣ не имѣли жительства петербургскіе митрополиты. Съ другой стороны извѣстно, что, по примѣру Константинополя, каѳедральными соборами въ Кіевѣ, Новгородѣ и Полоцкѣ были софійскіе храмы, что при св. Владимірѣ былъ уже въ Новгородѣ храмъ во имя св. Софіи,—обширный, о 12 верстахъ, хотя деревянный, въ которомъ служилъ первый новгородскій епископъ Іоакимъ, а въ Кіевѣ деревянный храмъ св. Софіи освященъ еще при св. Ольгѣ

11 мая въ лѣто 952-е, какъ значится въ Апостолѣ 1307 г., и что въ кіевскомъ храмѣ св. Софіи, также деревянномъ, въ 1018 г. кіевскій архіепископъ встрѣчалъ Болеслава, польскаго короля, какъ свидѣтельствуетъ о семъ современникъ Ярослава и очевидецъ сего событія Дитмаръ, присовокупляя, что храмъ того-же имени сгорѣлъ въ предыдущемъ 1017 году. Эта, безъ сомнѣнія, церковь и была митрополичьимъ храмомъ, при ней, конечно, и жили первые кіевскіе митрополиты прежде, чѣмъ построенъ Ярославомъ нынѣ существующій кіево-софійскій соборъ.

2) Первые два кіевскіе митрополиты Михаилъ и Леонтій и не могли жить въ Переяславѣ по той простой причинѣ, что митрополитъ Михаилъ умеръ, а митрополитъ Леонтій прибылъ къ намъ, когда г. Переяславъ еще не существовалъ. Хотя г. Голубинскій отвергаетъ существованіе св. Михаила, перваго кіевскаго митрополита, но, назначая прибытіе митрополита Леонтія въ Русь въ 991 году, онъ поселяетъ его въ Переяславѣ за 3 года до появленія этого города, который, по свидѣтельству Іакова Черноризца, точно опредѣлившаго годами важнѣйшія событія въ жизни св. Владиміра, заложенъ 5 лѣтъ спустя послѣ принятія св. Владиміромъ крещенія, т. е. въ 993 году. По той-же причинѣ напрасно г. Голубинскій утверждаетъ, а г. Малышевскій за нимъ повторяетъ, будто Переяславъ былъ не только резиденціей, но и собственностью первыхъ кіевскихъ митрополитовъ, чѣмъ-то въ родѣ domum Constantini папѣ Сильвестру [1]). Если Переяславъ немалое еще время послѣ своего заложенія былъ не болѣе, какъ сторожевымъ пунктомъ, острогомъ для защиты Кіева отъ нападенія печенѣговъ, то можно-ли было такую боевую станцію, военный форпостъ, назначать для мѣстопребыванія главы русской церкви? Также немыслимо, чтобы Переяславъ, еще ненаселенный и подвергавшійся ежедневнымъ нападеніямъ дикаго народа, могъ быть собственностью и состоять въ распоряженіи духовнаго лица, которое не могло принять на себя обязанностей коменданта крѣпости. Соображенія, приведенія къ противнымъ сего заключеніямъ, свидѣтельствуютъ болѣе о плодовитости воображенія, чѣмъ объ ихъ основательности.

---

[1]) Сличи примѣчаніе къ 489 страницѣ Трудовъ кіевской духовной академіи за декабрь и примѣчаніе къ страницѣ 286 т. I-го Истор. русск. церкви, Голубинскаго.

Наконецъ 3) положительное и неопровержимое доказательство того, что Кіевъ съ самаго учрежденія кіевской митрополіи былъ сѣдалищемъ кіевскихъ митрополитовъ, находится въ соборномъ опредѣленіи патріаршаго константинопольскаго собора (1354 г.) о перенесеніи каѳедры русской митрополіи изъ Кіева въ Владиміръ. Въ этомъ опредѣленіи, извлеченномъ изъ актовъ константинопольской патріархіи, значится, что 1) «въ Кіевѣ *изначала* была соборная церковь митрополіи», и «здѣсь-же имѣли свое жительство и преосвященные русскіе архіереи»; 2) что «преосвященный митрополитъ русскій кѵръ Ѳеогностъ и прежде него двое другихъ, которые посѣщали Кіевъ, оказывали ему подобающую честь, какъ городу, въ которомъ *изначала* находился престолъ митрополіи» [1]). Въ началѣ XIV вѣка, когда еще живо было преданіе и были цѣлы документы XI вѣка, въ Константинополѣ и въ Россіи вѣрно лучше, чѣмъ теперь, знали, гдѣ первоначально жили кіевскіе митрополиты.

П. Л.

НОВЫЙ ВАРІАНТЪ ДУМЫ „АЛЕКСІЙ ПОПОВИЧЪ".

Три съ половиною года тому назадъ въ г. Ахтыркѣ г. Твердохлѣбовъ встрѣтилъ слѣпца бандуриста Илью Журавля изъ с. Пархомовки и записалъ отъ него думу: *Олексій Поповичъ.* Прежде, чѣмъ привести текстъ этого новаго варіанта извѣстной давно думы, скажемъ нѣсколько словъ о нашихъ думахъ, о ихъ пѣвцахъ вообще и въ частности объ одной особенности приводимаго варіанта.

Въ XVI и XVII стол. кобза или бандура играла важную роль въ жизни малорусскаго народа. Она была вѣрной подругой слѣпаго пѣвца нищаго, безстрашнаго наѣздника козака, всего народа безъ различія старшины отъ посполитства. Мелодическіе звуки бандуры, сопровождаемые мужественными словами героической пѣсни, оживляли угнетенный духъ народа и поднимали его на новые подвиги борьбы и терпѣнія. Съ прекращеніемъ татарскихъ набѣговъ и польскихъ притѣсненій, съ перемѣной условій народной жизни, мало-по-малу устарѣла и кобза, почти совсѣмъ смолкли героическія думы бандуристовъ и выдохлись, потеряли внутреннюю силу, красоту и

---

[1]) Русская историческая библіотека, т. VI, ч. 2, стр. 64—66.

свѣжесть ихъ бытовыя пѣсни. Въ концѣ сороковыхъ годовъ П. А. Кулишъ на правой сторонѣ Днѣпра не нашелъ уже бандуристовъ; въ лѣвобережной Украйнѣ онъ познакомился съ весьма немногими бандуристами и, какъ на выдающихся хранителей и выразителей стариннаго народнаго поэтическаго творчества, указалъ на Андрія Шута и Остапа Вересая. Въ 1873 году Андрій Шутъ скончался, и Остапъ Вересай такимъ образомъ остался, если не единственнымъ, то самымъ главнымъ выразителемъ стариннаго народнаго поэтическаго творчества. Въ 1874 году г. Иващенко сообщилъ юго-западному отдѣлу географическаго общества, что въ нѣжинскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи, проживаютъ два замѣчательныхъ кобзаря, Павло Братыця и Прокопъ Дубъ. Подъ звуки бандуры они спѣли г. Иващенку обыкновеннымъ эпическимъ речитативомъ думу про Зиновія Богдана Хмельницкаго и Барабаша, думу о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, думу про козака Голоту и нѣсколько духовныхъ стиховъ и юмористическихъ пѣсенъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ крестьянскомъ населеніи харьковской губерніи находится значительное число кобзарей. Во второмъ томѣ записокъ юго-западнаго отдѣла географическаго общества на 110 стр. есть указаніе, что въ лебединскомъ уѣздѣ, харьковской губерніи, въ недавнее время были кобзари, ученики которыхъ расходились по черниговской губерніи. Лѣтъ тридцать назадъ Н. И. Костомаровъ и покойные Метлинскій и (позднѣе) Нѣговскій знали многихъ харьковскихъ кобзарей и записали отъ нихъ крупныя поэтическія произведенія. Замѣчательно цѣльный и художественно выдержанный варіантъ думы о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова записанъ Нѣговскимъ отъ вильшанскаго кобзаря Кулибабы (Антон., Истор. пѣс. мал. нар., I., 106—113). Одинъ изъ лучшихъ варіантовъ превосходной думы о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ записанъ Н. И. Костомаровымъ въ предѣлахъ харьковской губерніи (Чубинскій, Труды этн.-ст. эксп. въ зап.-рус. кр. V. 747). Весьма хорошій варіантъ думы о Марусѣ Богуславкѣ записанъ П. А. Кулишемъ въ Красномъ Кутѣ богодух. уѣзда, харьковской губерніи (Записки о южн. Руси, I., 210).

Въ «Русск. Филологич. Вѣстникѣ» 1879 г., кн. IV, стр. 268, было высказано сомнѣніе, чтобы теперь можно было найти кого-нибудь изъ тѣхъ кобзарей, которыхъ въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ

пятидесятыхъ годовъ знали въ Харьковѣ покойные А. Л. Метлинскій и М. В. Нѣговскій. Быть можетъ, кобзари эти живы, но затерялись въ народной массѣ и, никѣмъ не отыскиваемые, не находя болѣе сочувствія въ интеллигентномъ обществѣ, гдѣ-нибудь въ глуши кончаютъ дни свои. Послѣ умершихъ кобзарей остались ученики, и нѣкоторые ученики превосходно усвоили поэтическое достояніе своихъ наставниковъ. Въ Харьковъ довольно часто заходитъ слѣпой съ малыхъ лѣтъ кобзарь изъ Вильшаны Игнатъ Гончаренко. Кромѣ значительнаго числа духовныхъ и юмористическихъ пѣсенъ, онъ знаетъ думу о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова и думу о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ. Первую думу онъ поетъ почти буквально сходно съ варіантомъ, записаннымъ Нѣговскимъ отъ Кулибабы,—обстоятельство, указывающее на возможность преемственной связи этихъ двухъ вальшанскихъ кобзарей. Что въ харьковскомъ уѣздѣ не совсѣмъ замерла старая козацкая поэзія, видно изъ того, что въ прошломъ году въ двухъ разныхъ мѣстахъ отъ разныхъ лицъ и различными собирателями записаны художественные, свѣжіе и цѣльные варіанты старинныхъ пѣсенъ и думъ. Весьма подробный, цѣльный и художественно выдержанный варіантъ думы (точнѣе пѣсни) о Саввѣ Чаломъ записанъ Д. П. Эварницкимъ въ волчанскомъ уѣздѣ отъ старика крестьянина. Дума «Олексій Поповичъ» въ новѣйшей редакціи слѣпца Ильи Журавля по полнотѣ и цѣльности могла-бы занять почетное мѣсто въ числѣ 9 варіантовъ, приводимыхъ г. Антоновичемъ въ 1 т. «Историч. пѣсенъ». Дума въ устахъ Ильи Журавля пріобрѣла несвойственную эпическому произведенію мягкость, короткость стиха, наклонность къ риѳмѣ, что однако не повредило ея поэтическому достоинству. Что тлетворное начало упадка и разложенія, искаженія и забвенія носится надъ думой, видно изъ первыхъ ея строкъ, именно изъ новѣйшаго осложненія исконнаго содержанія думы вставкой словъ «на царській громади, громади козацькій». Эта вставка не имѣетъ смысла. Соколъ сидитъ или, по крайней мѣрѣ, согласно лучшимъ варіантамъ думы, долженъ сидѣть на камнѣ. Онъ смотритъ на Черное море, гдѣ начинается буря. Таково начало думы, и ни царской, ни козацкой громадѣ здѣсь нѣтъ мѣста. Пѣвецъ, очевидно, сплошалъ, но сплошалъ лишь на одну минуту, одной чертой, такъ сказать, обмолвился. Начало всегда трудно, и начало сдѣлано съ грѣхомъ пополамъ. Далѣе живая и увлекающая

сила свободнаго отъ нендущихъ къ дѣлу наслоеній пѣснотворчества льется на полномъ просторѣ, и пѣсня дѣлается логически послѣдовательной, цѣльной, вполнѣ художественной. Одна часть думы непосредственно, въ силу поэтической и логической необходимости, вытекаетъ изъ другой части, предыдущей, и обусловливаетъ собой часть послѣдующую. Варіантъ г. Твердохлѣбова не представляетъ, за исключеніемъ обозначенныхъ уже словъ о козацкой и царской громадѣ, ничего новаго, сравнительно съ извѣстными уже въ печати варіантами, но въ немъ есть одно рѣдкое выраженіе, и выраженіе тѣмъ болѣе замѣчательное, что въ варіантѣ г. Твердохлѣбова оно занимаетъ какъ разъ подходящее для себя мѣсто. Въ одномъ или въ двухъ варіантахъ упоминается, что Олексій Поповичъ неумѣренно пилъ вино, и упоминается мимоходомъ, какъ-то случайно. Въ варіантѣ г. Твердохлѣбова въ началѣ перечисленія преступленій Олексія Поповича стоитъ стихъ:

У недаленьку рано порапею (пораненьку?)
Солодкій медъ, винову горилку
До сходъ-сонця пивъ-пидпивавъ.

Черта достойная замѣчанія. Нравственное чувство народа возмущается безобразнымъ обращеніемъ Олексія Поповича съ матерью, отцомъ, братомъ и сестрою. Нѣтъ, говоритъ нравственное чувство народа, Олексій былъ не въ своемъ умѣ, Олексій только въ пьяномъ видѣ могъ такъ обойтись съ матерью, и дума про Олексія Поповича удовлетворяла нравственнымъ понятіямъ народа.

Въ виду того обстоятельства, что скудные остатки кобзарства исчезаютъ съ каждымъ годомъ, желательно приведеніе ихъ въ извѣстность и изслѣдованіе въ подробностяхъ. Для генеалогіи южнорусской кобзы и ознакомленія съ историческимъ типомъ южно-русскаго бандуриста необходимо опредѣлить число кобзарей по мѣстностямъ, села, въ которыхъ они имѣютъ осѣдлость, и села, посѣщаемыя ими временно, главнѣйшія біографическія черты, какъ-то: когда и отчего ослѣпъ, бывалъ-ли въ городѣ, у кого выучился кобзарскому искусству и на какихъ условіяхъ. Существенный интересъ представляетъ обстоятельное разъясненіе современнаго отношенія крестьянъ къ кобзарю, его матеріальнаго житья-бытья и свойства и степени его вліянія на окружающихъ. Само собою разумѣется, что на пер-

вомъ планѣ должно стоять приведеніе въ извѣстность поэтическаго достоянія кобзаря: думъ, духовныхъ стиховъ, юмористическихъ пѣсенъ, преданій, легендъ и проч.,—съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей выговора, всѣхъ темныхъ словъ и всѣхъ поясненій и указаній пѣвца.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Олексій Поповичъ [1]).

Якъ то на Чорному морю,
На билому камени,
На царській громади,
Громади козацькій
Ясній соколъ хвилить-прохвиляє,
Що на Чорному мори
Не добре, не гараздъ починає:
Судно козацькее
Молодецькее
На три части ёго разбиває:
Перву часть ухопило,
На Дунай кинуло—одбило;
Другу часть у турецькую землю
Кинуло—отбило,
Третю часть—въ область
Виры хрестіяньськои
По Чорному морю посило.
Тилько между ними
Старшины козацькои
Молодецькои,
Що бувъ старшиною
Грицько Коломійченко.
Тьманъ запорозьській
До козакивъ словами
Та й промомляє:

---

[1]) Записалъ А. Твердохлѣбовъ со словъ пархомовскаго слѣпца Ильи Журавля, въ г. Ахтыркѣ, 1881 г. іюля 18.

«Вы-жъ, козаки,
Панове-молодци,
Добре вы дбайте:
На Чорному морю
Грихивъ вы не тайте!»
Тилько промижъ ними
Обизветьця
Олексій Поповичъ,
Тьманъ запорозьській:
«Вы-жъ, козаки,
Панове-молодци,
Добре вы вчините:
Самого мене возьмите,
И червоною китайкою
Очи мои козацькіи,
Молодецькіи
Затмійте,
Самого-жъ мене
У Чорне море пустите.
Нехай буду я
Чорне море дарувати,
Нежели я маю за собою
Козакивъ много
Погублятн!»
Козаки тее зачували,—
Вси до Олексія Поповича
Словами промовляли:
«Ты-жъ, Олексію Поповичу,
Ты святе письмо
На день тричи читаешъ,
И насъ, простихъ козакивъ,
Хорошенько научаешъ».
А Олексій тое зачувае,
До козакивъ словами
Промовляе:
«Я святое письмо
На день тричи читаю

И васъ, простихъ козакивъ
Хорошенько поучаю,
Та все-жъ бильше грихивъ
Соби маю,
Що я самъ не добре,
Не гараздъ починаю...
У недиленьку рано поранею
Солодкій медъ, винову горилку
До схидъ сонця
Пивъ—пидпивавъ,
У охотне висько
Волею пидъизжавъ.
За мною отець-мати
За ворота выбигали,
Мене, Олексія Поповича
Прошеніемъ прохали
И благали.
А самъ не добре,
Не гараздъ починавъ—
Отця, матиръ у груди
Стременомъ пробивавъ.
Старшого брата
За брата не мавъ,
Старшу сестру
Зборзе зневажавъ.
Менша сестра
За ворота выбигала,
Коня за стремена хватала
Мене, Олексія Поповича
Прошеніемъ прохала
И благала.
Я самъ не добре,
Не гараздъ починавъ—
И меншу сестру у груди
Стременомъ пробивавъ.
Мимо сорока
Церковъ пробигавъ,

Изъ себе шапки не здіймавъ
И отцовськои-матусиной
Молитвы николи
Не споминавъ.
Ото-жъ вы, козаки,
Найбилше той грихъ
На Чорному морю
Мене искаравъ,
Ще мимо громады
Я пробигавъ,
Старшимъ козакамъ,
Мужикамъ и жинкамъ
Шапки не здіймавъ,
Ще за городъ выбигавъ,
Своимъ копемъ добрымъ
Гравъ-выгрававъ,
Триста душъ маленькихъ
Дитокъ розбивавъ.
Ото-жъ вы, козаки,
Панове-молодци,
И той грихъ на Чорному
Морю мене испиткавъ.
Коли-бъ же мене
Отцевська-матусина молитва
На Чорному морю
Не втопила.
Якъ буде мене Господь
До матушки приношати,
Буду я и знати,
Якъ отця-неньку
У домивци чтити,
Шанувати и поважати».
Якъ ставъ Олексій Поповичъ
По чистій правди
Грихи сповидати,
Ставъ его Господь
На Чорному морю

Прощати:
Стала зла-велешня
Хвиля утихати,
Утихала, упадала,
Будьто вона неначе
Тутъ не бувала,
Усихъ козакивъ
До острова прибивала.
И уси козаки
На острив выхожали,
Великимъ дивомъ дивували,
Що черезъ Олексія Поповича
Ни одного козака
Не втеряли.
Ставъ Олексій выхожати,
Ставъ святое читати:
«Вы козаки, панове-молодци,
Послухайте, якъ оце
Святое письмо высвичуе:
Который чоловикъ буде
Отцевську-матусину молитву
У домивци читати,
И шанувати, и поважати,
Господь ему буде
На поли и на мори,
У купецьтви, у ремесьтви
На мишкавію помагати.
Который чоловикъ буде
Отцевську-матусину молитву
У домивци збарзе зневажати,
Самъ винъ не буде
Щастя и доли
Ни до вику не мати».
А мы довжни есмо
Тое спамъятати,
За которыми молитвами

И хлиба и соли уживати.
Вамъ, Боже, пошли
Всимъ на здоровья
На многи лита спувати (?).

НѢМЕЦКІЙ ТРИНГЕЛЬДЪ НА ЮЖНО-РУССКОЙ ПОЧВѢ.

Ничто не перенимается однимъ народомъ у другаго такъ охотно и легко, какъ хорошіе обычаи. Вездѣ есть бѣдный, трудящійся людъ и всюду онъ составляетъ огромное большинство; а для простаго, бѣднаго рабочаго что можетъ быть пріятнѣе обычая—сверхъ условленной платы за трудъ получить еще приплату, безъ особаго выпрашиванія, просто въ силу обычая, иногда даже безъ всякаго напоминанія? Въ этой формѣ богатый дѣлился своимъ избыткомъ съ бѣднымъ, щадя самолюбіе послѣдняго. Обычай *тринкгельда* шелъ также, какъ просвѣщеніе и цивилизація, съ запада на югъ, оттуда на сѣверъ. Въ Малороссіи онъ издавна извѣстенъ былъ подъ названіемъ *тринкала*[1]), позже измѣнился въ общерусское *на водку* или *на чай*, а въ Польшѣ удержался и доселѣ подъ характернымъ терминомъ: *na piwo*. Методичный нѣмецъ придумалъ для него норму, которую предъявляетъ при договорѣ, независимо отъ платы за проѣздъ или иную работу, а широкая славянская натура не любитъ стѣснять себя никакою нормою и платою. Въ Варшавѣ два богатые офицера держали пари, что если вмѣсто 25 коп. за курсъ дать извощику 25 руб., онъ все-таки попроситъ на пиво. Взяли *дружку* и проѣхали самый краткій курсъ. Предложившій пари офицеръ вынулъ 25 руб. и далъ *дружкаржу;* тотъ нѣжно поблагодарилъ и, осклабившись, прибавилъ: *spodziewałem się od pana ienerała ieszcze coś na piwo*. Офицеръ далъ двугривенный; дружкаржъ принялъ и снова поблагодарилъ.

Нѣчто подобное продѣлалъ простодушный малороссіянинъ-кучеръ и не съ кѣмъ либо изъ простыхъ смертныхъ, а съ строгимъ государемъ Николаемъ Павловичемъ. Вотъ что разсказывалъ мнѣ объ этомъ покойный мой отецъ.

---

[1]) См. «Кіевскую Старину» 1884 г., декабрь стр.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ одномъ изъ уѣздныхъ малороссійскихъ городовъ, получается заблаговременно офиціальное извѣщеніе о предстоящемъ проѣздѣ государя чрезъ уѣздъ по пути въ какой-то городъ для осмотра войскъ или военныхъ поселеній. Извѣстно, что тогда существовалъ единственный способъ скораго передвиженія—ѣзда на почтовыхъ, почтовыя-же станціи содержались по большей части помѣщиками и содержались хорошо. Но для высочайшихъ проѣздовъ собирались всегда и распредѣлялись по почтовымъ станціямъ собственныя лошади помѣщиковъ и другихъ обывателей, имѣвшихъ хорошихъ лошадей. Понятно, каждый поставившій лошадей почиталъ за особую честь и даже старался, чтобы его лошади, попали непремѣнно подъ экипажъ государя, а не свиты, курьеровъ или кухни. Собранныхъ лошадей долго объѣзжали, гоняли мимо костровъ и даже черезъ костры, пріучали къ ровной и полной рыси, которую такъ любилъ покойный государь, пускали ровнымъ шагомъ и во весь карьеръ. Предводитель дворянства того уѣзда, о которомъ рѣчь, богатый помѣщикъ, хлопоталъ, какъ и всякій, чтобы сдѣлать проѣздъ государя безопаснымъ и удобнымъ. Въ его-же домѣ предназначено было, по предварительно составленному росписанію, приготовить для государя вечерній чай. Еще за недѣлю до проѣзда государя, предводитель отправилъ на почтовую станцію четверку своихъ бурыхъ, извѣстныхъ какъ въ этомъ, такъ и въ сосѣднихъ уѣздахъ, со своимъ не менѣе-же извѣстнымъ кучеромъ Самойломъ, строго приказавъ ему: овса не жалѣть, лошадей ежедневно проѣзжать по той именно дорогѣ, по которой предстояло ѣхать государю, мѣстность изучать, чтобы и ночью, не качнувъ экипажа, всюду проѣхать и лошадей пріучить къ дружной ровной ѣздѣ, какъ-бы шибка она ни была. «Государь любитъ шибко ѣздить, говорилъ предводитель, но помни, вези осторожно, знай, кого везешь! Да еще: начальства слушай, что прикажутъ, исполняй».

— Добре пане, коротко на все отвѣчалъ Самойло.

Въ ожиданіи высочайшаго проѣзда предводитель не разъ самъ проѣзжалъ по станціямъ своего уѣзда, летали исправникъ и становые, осматривали, все-ли въ порядкѣ, и тутъ-же на мѣстѣ немедленно исправляли, если что находили нужнымъ. За день до пріѣзда государя прискакалъ фельдъегерь и передалъ, между прочимъ, распоряженіе, чтобы, при проѣздѣ государя ночью, была

соблюдаема всевозможная осторожность и чтобы ямщики не гнали лошадей вскачь. Исправникъ тотчасъ-же поскакалъ по всѣмъ станціямъ своего уѣзда; на каждой изъ нихъ созываетъ кучеровъ и приказываетъ везти государя какъ можно бережно и ночью лошадей отнюдь не гнать. «А если, заключалъ онъ вездѣ, ночью хотя одна лошадь будетъ пущена вскачь, кожу сниму».

Въ назначенный день, на станцію, гдѣ ожидалъ Самойло, пріѣзжаетъ государь, въ сумерки; живо перемѣнили лошадей. Самойло радостно, увѣренно вскочилъ на козлы, лихо, умѣло подобралъ возжи и весь обратился въ слухъ въ ожиданіи традиціоннаго «пошелъ». Съ мѣста тронули ровно. Сейчасъ со станціи дорога пошла въ гору, невысокую—по версты на полторы; лошади энергически, ровно, дружно берутъ; выѣхали на гору, осталось 22 версты по отличной, ровной, обсаженной по обѣ стороны деревьями, дорогѣ, по благодатной степи малороссійской. Взошла луна, ночь чудная, свѣтлая, хоть иголки собирай, какъ говорятъ въ Малороссіи. Самойло тщательно избѣгаетъ всякихъ неровностей, предупреждаетъ малѣйшіе толчки экипажа; лошади идутъ полной, шибкой рысью; впереди скачутъ баринъ его—предводитель дворянства, а за нимъ тутъ-же исправникъ. Проѣхали версты три, государь крикнулъ: «пошелъ». Самойло перевелъ возжи, цмокнулъ, но умѣло держитъ на возжахъ лошадей, чтобы ни одна не пустилась вскачь: впереди летитъ исправникъ, обѣщавшій за это кожу снять.. Немного погодя, государь опять крикнулъ: «пошелъ». Самойло снова повторилъ тоже понужденіе лошадей, но вскачь ни одной не пустилъ. Сидѣвшій съ государемъ въ экипажѣ генералъ, предполагая, что кучеръ не разслыхалъ ц[illegible]ска[illegible]иказанія, повторилъ отъ себя: «пошелъ»; повторилъ за нимъ тоже слово и сидѣвшій на козлахъ рядомъ съ Самойломъ камеръ-козакъ. Самойло за каждымъ повтореніемъ только переводилъ возжами, цмокалъ, но за всю станцію ни одной лошади вскачь не пустилъ.

Подъѣхали къ дому предводителя; государь вошелъ въ домъ, привѣтствовалъ хозяйку дома и гостей-дворянъ, собравшихся здѣсь для встрѣчи его. Послѣ нѣсколькихъ словъ, увидѣвъ съ балкона садъ, онъ пожелалъ пройтись по саду, но вспомнивъ, что кучеръ, не смотря на двукратное его: «пошелъ», все ѣхалъ также рысью, поручилъ флигель-адъютанту узнать причину. Флигель-адъютантъ, выйдя на

крыльцо, потребовалъ къ себѣ Самойла, и когда тотъ явился, произошло слѣдующее объясненіе.

— Ты везъ государя? спросилъ флигель-адъютантъ Самойла.

— А хтожъ-бы мигъ везти царя, якъ не я?—съ гордостію отвѣтилъ Самойло.

— Да, положимъ; но отчего ты тихо ѣхалъ?

— Якъ тыхо? вже кони швидче рысью не побижать.

— Отчего-же рысью? Ты вѣдь слышалъ, какъ государь говорилъ: пошелъ?

— А вжежъ чувъ, обы два разы чувъ: якъ царь казавъ, и якъ казавъ той генералъ, що зъ царемъ сыдивъ, и той ще, що зо мною сыдивъ.

— Отчего ты не гналъ шибко лошадей?

— Бо справныкъ не звеливъ.

— А кто старше: государь или исправникъ?

— А вжежъ царь, сказалъ удивленно Самойло.

— Отчего-же ты не послушалъ царя, а послушалъ исправника?

— Бо царь бувъ тай поихавъ, а справныкъ сказавъ, що шкуру здійме, якъ побачыть, що кони скачуть.

Флигель-адъютантъ, возвратившись и найдя государя гуляющимъ въ саду веселымъ и милостиво бесѣдующимъ съ дворянствомъ, докладываетъ ему подробно объясненіе Самойла. Бывшій при этомъ лейбъ-медикъ объясняетъ государю, что распоряженіе исправника о томъ, чтобы кучера не гнали лошадей ночью, сдѣлано по его предупрежденію, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ. Государь поинтересовался выслушать самого кучера. Является Самойло.

— Разскажи-ка, [illegible] государь, какъ это ты не послушалъ меня, а послушалъ исправника.

— А що-жъ, ваше царськее величество, отвѣчалъ Самойло, низко поклонясь. Истинно такъ було: наказували мени мій панъ и справникъ скильки разъ, щобъ визъ ваше величество бережно, доброю рысью въ ночи и щобъ кони не скакали; мы-жъ съ дытынства пріучени слухать своихъ панивъ и начальства. Воны то вже знають, що приказують, а я якъ-бы смивъ не послухаться ихъ? А борони Боже въ ночи якои оказіи!

Оставшись видимо довольнымъ такимъ отвѣтомъ, государь, подзывая ближе къ себѣ Самойла и подавая ему полуимперіалъ, говоритъ:

— Спасибо тебѣ, что ты такъ заботился обо мнѣ; молодецъ, что слушаешь и точно исполняешь приказаніе своего барина и начальства; я люблю такихъ.

Самойло, приблизился къ государю со сложенными ладонь на ладонь руками, какъ складываютъ ихъ крестьяне въ церкви, при полученіи отъ священника просфоры, принялъ поданный ему полуимперіалъ, поклонился низко до земли и говоритъ:

— Оце-жъ я сёго золотого буду держать, якъ святую дару, поки мого й вику, и дитямъ и внукамъ закажу. Покорниче благодарю ваше величество.

Слова эти сказаны были Самойломъ съ такимъ искреннимъ чувствомъ и такимъ трогательнымъ голосомъ, что невольно привлекли къ нему сочувственный и одобрительный взглядъ какъ самаго государя, такъ и всѣхъ присутствующихъ; но, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ и глядя на государя съ безпредѣльною радостью, Самойло вдругъ сказалъ:

— Ваше величество! пожалуйте кучеру на водку, бо якъ-же не выпить зъ такои радости?

Государь пристально взглянулъ на Самойла и громко сказавъ: «молодецъ!», отъ души расхохотался; потомъ обращаясь къ хозяину дома, сказалъ: «это кажется твой кучеръ? позволь мнѣ съ нимъ проѣхать еще станцію». Хозяинъ отвѣчаетъ, что онъ очень счастливъ тѣмъ, что государю понравился его кучеръ. Тогда государь, подавая Самойлу ассигнацію, говоритъ:

— Вотъ-же тебѣ на водку, но я хочу еще съ тобой проѣхать, если ты не усталъ.

— Ге! отвѣчаетъ забывшійся отъ радости Самойло; съ царемъ та щей съ такимъ, та я й до Кременчуга не замучусь.

— А сколько верстъ до Кременчуга?

— Сто двадцать, отвѣчаетъ Самойло.

— А дорогу ты знаешь?

— А-же въ церкви читаютъ: Господь умудряе слепцивъ; то й мене умудрить довезти свого царя бережно и благополучно ажъ до самаго Кременчуга.

— Хорошо; ступай, поѣдешь! заключилъ государь и, обращаясь къ хозяину дома и присутствующимъ, произнесъ:

— Я весьма радъ былъ выслушать все это; благодарю тебя, что

ты съумѣлъ внушить такія убѣжденія, достойныя похвалы и подражанія дворянамъ, которыхъ ты достойный подражатель. Если-бы такія убѣжденія всѣ проводили, то никакія враги небыли-бы намъ страшны.

Предводитель дворянства и присутствующіе глубоко поклонились. Государь напился чаю, поблагодарилъ хозяевъ и уѣхалъ съ Самойломъ до Кременчуга.

С. Бѣлинскій.

ДВА ПИСЬМА Б. ХМЕЛЬНИЦКАГО КЪ П. САПѢГѢ, ВОЕВОДѢ ВИЛЕНСКОМУ, ГЕТМАНУ ЛИТОВСКОМУ [1]).

1.

Ясневельможный, милостивый панъ воевода виленскій, нашъ весьма милостивый панъ и пріятель!

Хотя мы поддерживали междоусобіе, но и у насъ не было иного твердаго намѣренія, какъ чтобы водворить послѣ продолжительной распри въ Рѣчи Посполитой желанный порядокъ и возвратить и себѣ утраченный во время военныхъ дѣйствій покой и здоровье. Но злорадные и непріязненные люди не могли видѣть такого сильнаго желанія нашего—распря разрослась и причиняла бѣдствія обѣимъ сторонамъ, а враги глумились и радовались. Не дай Богъ, чтобы мы находили удовольствіе въ такомъ тяжеломъ положеніи дѣлъ, потерявши столько рыцарей и состояній; но мы преслѣдуемъ неразумныхъ, тайно слѣдящихъ за нами, и искореняемъ такія вещи петлей. Теперь, когда Всемогущій Богъ направилъ сердца вельможнаго панства къ тому, чтобы объявить намъ свои желанія и узнать обратно наши, мы благодарны

---

[1]) Подлинники сообщаемыхъ писемъ, писанныхъ по польски, хранятся въ Познани, въ публичной библіотекѣ, основанной гр. Эдуардомъ Рачинскимъ. Оба письма отвѣтныя и писаны, какъ видно, по поводу нареканій на Хмельницкаго, вызванныхъ подданствомъ его царю московскому и послѣдовавшею за тѣмъ войною, въ частности разореніемъ Быхова. Хмельницій оправдывается, держится на высотѣ своего положенія, не предвидя, чѣмъ кончатся засѣданія виленской коммиссіи, открытой въ томъ-же 1656 г. Извѣстно, что въ сентябрѣ этого года московскіе послы заключили въ Вильнѣ съ полномочными Рѣчи Посполитой трактатъ, по которому, между прочимъ Рѣчь Посполитая обязывалась, по смерти Яна Казиміра,

за таковыя къ намъ отношенія; но, будучи весьма за это благодарны, объявляемъ однако, что не согласимся и не примемъ ничего, чтобы было сколько нибудь связано съ униженіемъ и пренебреженіемъ вольности нашей. Чтобы соблюсти уваженіе къ его милости царю московскому, мы извѣщаемъ его о всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ для взаимнаго совѣта, такъ и теперь мы не преминемъ дать знать ему съ запросомъ, какого мнѣнія угодно будетъ ему держаться въ настоящемъ дѣлѣ. Мы будемъ ожидать извѣщенія, какого взгляда держится онъ относительно пунктовъ виленской коммиссіи, и съ своей стороны будемъ держаться упомянутаго соглашенія и сдадимся на его милость царя, дабы только не впасть въ рабство, котораго не желаетъ себѣ послѣдній изъ народовъ. О насъ же, вельможный панъ, будьте того убѣжденія, что мы какъ прежде не были причиной бѣдствій государства, такъ и теперь тяжко печалимся о его распаденіи и желаемъ, чтобы Богъ соизволилъ помочь и полѣчить его разумъ. Отецъ Тукальскій хотя не упоминаетъ въ своихъ молитвахъ благодѣяній милостиваго пана, но мы особенно благодаримъ за нихъ и готовы воздать тѣмъ-же при удобномъ случаѣ; что видно милостивому моему пану изъ того, что мы приказываемъ нашимъ воздерживаться. Доброе расположеніе къ войску запорожскому антецессоровъ и самого милостиваго моего пана мы можемъ сами засвидѣтельствовать; однако на мнѣ невинномъ тяготѣетъ жалоба вашей милости, вельможнаго, милостиваго моего пана относительно Быхова, яко-бы онъ былъ нами утѣсненъ и присилованъ поддаться намъ: этимъ самымъ, открывающимъ самое сокровенное въ сердцѣ, свидѣтельствуемъ, что, ей Богу, какъ насъ добровольно просили о покровительствѣ, такъ и были благосклонно приняты, не испытавши, вслѣдствіе той своей добровольности, никакой обиды. А какъ скоро Богъ Всемогущій умиротворитъ распрю и приведетъ къ справедливому окончанію, то меньше будетъ неудовольствія

избрать на польскій престолъ Алексѣя Михайловича, а Алексѣй Михайловичъ, считая уже Польшу какъ бы своимъ достояніемъ, обѣщался защищать ее и обратить оружіе противъ шведовъ, бывшихъ своихъ союзниковъ. Хмельницкій послалъ было на виленскій съѣздъ своихъ пословъ, которые должны были говорить въ пользу южной Руси, но коммиссары царя Алексѣя Михайловича напомнили имъ, что Хмельницкій и козаки — подданные, а потому не должны осмѣливаться подавать голосъ тамъ, гдѣ рѣшаютъ ихъ судьбу посланники государей. Они принуждены были уѣхать, еще до окончанія переговоровъ. — П. С.

и по поводу Быхова. Повторяя, что мы не можемъ быть клятвопреступниками его царской милости, будетъ ожидать его воли. Остальное поручили мы пану Речковскому передать устно, чрезъ котораго поручаемъ себя ласкѣ вашей вельможности, милостиваго моего пана Данъ въ Чигиринѣ 24 апрѣля 1657 г.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго.

2.

Ясневельможный, милостивый панъ воевода виленскій, панъ весьма милостивый панъ и пріятель!

Всегда мы желали того-же, чего и теперь желаемъ, чтобы кровь христіанская не проливалась въ междоусобіяхъ и чтобы процвѣталъ желанный покой послѣ таковыхъ бурныхъ замѣшательствъ и непотребныхъ среди христіанъ распрей, какъ то скромно свидѣтельствуютъ намъ давнія времена. Мы приказали своимъ войскамъ расположиться на той сторонѣ Днѣпра, однако собираніе необходимаго продовольствія не можетъ не быть соединено съ стягощеніемъ обывателей, и мы не можемъ этого устранить до тѣхъ поръ, пока не кончитъ своихъ занятій коммиссія, для участія въ которой и отъ насъ отправлены послы. Мы надѣемся на милосердіе Божіе, что коммиссія устранитъ всѣ причины распри и научитъ и насъ управлять краемъ. Поручаемъ себя вашей памяти и пріязни. Данъ въ Чигиринѣ 7 октября 1656 г.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго.

Сообщ. **Н. В. С—ко.**

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ О СЛОБОДСКО-УКРАИНСКИХЪ ПОМѢЩИКАХЪ.

Все мое дѣтство, до поступленія въ гимназію, провелъ я въ деревнѣ, но и потомъ, пріѣзжая домой на каникулы и помогая отцу въ хозяйничаньи по имѣнію, я имѣлъ постоянное общеніе съ народомъ, отъ котораго приходилось слышать много преданій и разсказовъ о прежней жизни и порядкахъ въ б. Слободской Украинѣ. Воспроизвожу, какъ сохранила моя память, разсказъ о моихъ собственныхъ предкахъ, слышанный мною отъ одного глубокаго старика изъ крестьянъ.

«Дидъ стараго пана, а вашъ бы то прадидъ бувъ чоловикъ соби не абы якій. Винъ, та оце дидъ Квитковскаго [1]), та ще хтось третій, а хто, я й знавъ, та забувъ, держали тутъ по ричци Красний [2]) оборону видъ татарвы. Оце по цей бикъ була земля наша, а ото по той бикъ татарська. Татарва що часу набигала до насъ, тутъ людей було омаль, а хуторивъ и зовсимъ не було,—все степъ, то во вона и чимчикувала до насъ за-для грабування; а що було награблять, то мерщій переправляють на свій бикъ; а дуванять межъ со бою отъ тамъ саме, де теперь Нижня Дуванка и Верхня Дуванка [3]); черезъ то и села ти такъ звутся. Такъ оце вашъ прадидъ Грицько Катруха, та Квитковский, та ще й той панъ, що я ёго забувъ, берегли людей видъ тіеи татарвы, и були вони найстаршими, бо видъ ними були козаки. За те имъ и надано одъ царя земли, скильки за день конемъ объидешь. У вашого дида було, кажуть, вписимнадцать тысячь десятинъ земли. Вашого дида и мій батько не памьятавъ, а зазнавъ тилько его жинку. Дидизна була, каже, людина добра и проста. Земли у еи було, якъ казавъ, багато, а людей, цебъ то крестьянъ, не совсимъ, та ій и байдуже, бо вона жила смирно, ходила и одягалась, якъ отъ и теперъ наши молодици, у очипку та намитци. Жила вона оттамъ видъ горою, де велики горныци и теперъ стоять. Кожна симья, або двиръ повинни були що день приносити ій чого попоисти; оттимъ тилько вона и годувалась. Було у еи коней багато, такъ табунами и ходили безъ лику по степу. Купували цихъ коней до виська. Якъ прыиде було ахфицеръ, та сторгуеця зъ панію, то вона й дасть тамъ яку хустку або що, шобъ винъ показавъ ,табунщикамъ, тай бравъ, скилько ёму треба. Було у неи три сыны, цебъ то вашъ дидъ Олександеръ Григоровичь, та Евтихий Григоровичь и Андрей Григоровичь. Були вони вси въ царськи служби ахвицерами. Якось отписала стара паня до ихъ, щобъ вони кидали службы, та ûхали до дому хазяинувати, бо вона вже стара стала, не здужала. Отъ попрыиздили вони; всего имъ хочеться: и чаю, и тютюньцю, и вина, а въ неи ничого сёго не було та й грошей не дае. Змагались, коились вони

[1]) Квитковскій землевладѣлецъ харьк. губ. купянскаго уѣзда.

[2]) Рѣка Красная—притокъ Оскола, впадающаго въ Донецъ.

[3]) Нижняя Дуванка и верхняя Дуванка большія села купянскаго уѣзда харьковск. губ. лежатъ на правомъ берегу рѣки Красной.

зъ нею, ажъ поки не вмерла, а потимъ якъ зачали хазяинувати, такъ зъ висимнадцати тысячъ десятинъ зосталось тильки шисть тысячъ, а то все попроживали у Харькови.

Олександеръ та Андрій були соби паны ничого, поводились, якъ слидъ, зъ людьми, тай по соби почесно жили. А що вже Евтихій, такъ це бувъ правдивый гайдамака, Позаводивъ злодіивъ зъ своихъ хрестьянъ и нихто було не пронде, не пройде, щобъ вони не ограбували. Оце було, якъ ничь, то винъ уже на великимъ шляху и стереже. Людности не було ни якои, сама степъ, то имъ було и вильно. Не одинъ тилько винъ и розбийникувавъ, було ихъ чимало.

Грабувавъ Евтихій и суду надъ имъ нияко не було, а що зъ хрестьянами робивъ, такъ якъ разсказують, то ажъ волосья до горы лизе. До смерти забивавъ. Було бьють, бьють, та ще розсоломъ, або горилкою зачнуть поливати, поки чоловикъ обомліє, а потимъ одкачають, або пидождуть день—два, поки очуняе, та упъять, та оттакъ ажъ до смерти забивали. А що вже було дивчата, такъ не одна замижъ чесною не выйшла, такій, простить, бувъ катюга. Ну, тай смерть-же соби заробивъ кативську. Терпили, терпили люде, а дали зибрались бабы та дивки, та й задавили его подушками.

Отъ ще, нехай царствуе, ваша ридна таки бабуся Марьяна Ахванасьевна—Боже, яка люта, та немилосердна була до людей. Було роздягнуть дивчину, чи молодыцю, такъ якъ мати породила, обмажуть медомъ, та й привъяжуть у лютку на сонце до стовба, щобъ іи бжолы кусали, або якъ що горнычна зробить не такъ, то возьме голку, або вилку, тай почне колоти пидъ нотти.

Отъ таке то було, та все, хвалити Бога, минуло. Довелось всёго покуштовати».

А. Катрухинъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О МАНЕВРАХЪ ПОДЪ ЕЛИСАВЕТГРАДОМЪ.

На мѣстахъ, гдѣ ютились нѣкогда запорожскіе курени и хутора, гдѣ простота граничила съ дикостію, гдѣ бѣдность лишь по временамъ наряжалась въ золото и серебро, добытыя кровью, гдѣ

не было да и не могло быть, по причинѣ вѣковой, племенной борьбы, никакой гражданственности, гдѣ черныя тучи саранчи смѣнялись такими-же тучами ордъ татарскихъ и люди, какъ насѣкомыя, пожирали другъ друга,—мнѣ, ближайшему и прямому потомку запорожцевъ, пришлось видѣть иные порядки, иныя формы и условія жизни ихъ внуковъ и правнуковъ, глядѣть на вспаханныя дикія поля, наблюдать бытъ военныхъ поселеній, любоваться стройнымъ движеніемъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ и самому въ немъ участвовать.

Елисаветградъ, Вознесенскъ, Чугуевъ памятны всѣмъ военнымъ служакамъ временъ императора Николая Павловича. Не проходило года, чтобы тамъ или здѣсь не собирались громадныя массы военныхъ силъ, не производилось маневровъ, смотровъ и ученій. И всюду на нихъ носилась величавая фигура императора Николая Павловича. Часто объ немъ говорятъ и пишутъ теперь, нерѣдко обращая его въ жертву искупленія, но предъ благородною тѣнью его видится мнѣ исторія со своими скрижалами, а не всхлипывающіе патріоты, желающіе дѣлать исторію... Чѣмъ болѣе собрано будетъ о немъ всякаго рода, подъ часъ мелкихъ, незначительныхъ разсказовъ, тѣмъ болѣе уяснится намъ его грандіозная и во всякомъ случаѣ благородная личность. Вотъ нѣсколько моихъ о немъ воспоминаній изъ времени маневровъ подъ Елисаветградомъ.

Первыя однако впечатлѣнія мои о покойномъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ относятся ко времени воспитанія моего въ 1 кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, въ 30-хъ годахъ. Изъ лагеря подъ Краснымъ Селомъ мы, кадеты, часто ходили гулять въ садъ дворца Александріи, привлекаемые угощеніями, которыя высылались зачастую изъ дворца... Случалось, что государь самъ угощалъ насъ и милостиво съ нами разговаривалъ...

Не далеко портала дворца была утверждена мачта со всѣми морскими принадлежностями; говорили, что тамъ станетъ обучаться будущій генералъ-адмиралъ, котораго тогда еще носили няньки, а пока мы не возбранно лазили по снастямъ.

Однажды императоръ, проходя мимо этихъ гимнастическихъ снарядовъ, вылѣзъ на сѣтку окружающую мачту и кликнувъ насъ, сказалъ: «гг., я лягу, а вы подымите меня»... Цѣлою массою взлетѣли мы на сѣтку и начали тормошить императора... Кончилось

тѣмъ, что онъ пошолъ во дворецъ въ порядочно изорванномъ сюртукѣ...

Въ другой разъ, послѣ изряднаго угощенія въ Александріи, государь поставилъ насъ въ положеніе болѣе трудное, изъ котораго мы вышли, благодаря его крайней снисходительности и любви къ намъ дѣтямъ. Когда онъ вышелъ изъ дворца и поздоровался съ нами, ему подали шляпу и подвели извѣстнаго намъ монументальнаго гнѣдого коня... Государь сѣлъ и прощаясь съ нами, сказалъ:

— Гг.! вы тутъ попиваете чаёкъ, а въ лагеряхъ тревога.

— Ваше величество! мы не поспѣемъ; насъ распустили; ничего не сказали, зажужжала толпа кадетъ...

— Какъ вы можете говорить, что не поспѣете? я васъ предупредилъ... У васъ ноги молодыя, живо добѣгите въ лагерь!...

— Ваше величество! вы изволите ѣхать верхомъ, а мы пѣшіе, у насъ нѣтъ физической возможности поспѣть во время, доказывали мы государю на ходу...

— А я чѣмъ виноватъ?... У меня есть конь,—ѣду верхомъ; у васъ лошадей нѣтъ—бѣгите, говорилъ императоръ серьезнѣйшимъ образомъ...

Между тѣмъ вокругъ государя стояла туча кадетъ, словно высыпавшій рой... Объясняясь съ императомъ, кадеты приблизились къ лошади до того, что стѣснили ее совсѣмъ и она едва могла двигаться. Кто держалъ за поводья мундштука, кто за трензеля, кто за путлища и стремена, даже ноги государя, кто по больше, за хвостъ лошади, и величественная, серьёзная фигура императора двигалась въ этой оригинальной процессіи шагомъ во всю дорогу, чуть-чуть не до линеекъ лагерей... Тамъ кадеты во всю прыть пустились въ разсыпную. Государь подскакалъ къ первому барабанщику, велѣлъ ударить тревогу; подхватили другіе барабанщики, трубачи, хоры, поднялась въ лагерѣ невообразимая сумятица, и благодаря всему этому, мы во время попали въ строй...

Однажды государь пріѣхалъ въ корпусъ съ какимъ-то посланникомъ. Это случилось во время обѣда. Въ столовой находился и нашъ экономъ, извѣстный нѣсколькимъ поколѣніямъ кадетъ, статскій совѣтникъ Андрей Петровичъ Бобровъ. Это былъ старикъ одинокій, непостижимой доброты и терпѣнія человѣкъ, умершій послѣ моего выпуска изъ корпуса. Онъ, по словамъ моихъ послѣ-

дующихъ однокашниковъ, не оставилъ послѣ себя буквально ни гроша и былъ похороненъ на счетъ казны... Государь, увидѣвъ Боброва, сказалъ посланнику по французски: «рекомендую необыкновенную рѣдкость, честнаго эконома»...

Читатель проститъ мнѣ, что, увлекшись воспоминаніями, я отклонился отъ предмета моего разсказа. Выпущенный изъ корпуса офицеромъ, я скоро перешелъ въ кирасиры, чтобы служить ближе къ имѣнью отца. Въ 1842 г. состоялся возлѣ Елисаветграда высочайшій смотръ, на которомъ пришлось мнѣ быть въ качествѣ полковаго адъютанта. То было время такъ называемыхъ «боевыхъ порядковъ кавалеріи»; мы стояли въ «четвертомъ» боевомъ порядкѣ. Государь объѣхалъ корпусъ (2-й резервный кавалер.), и раздалась команда: «стройся въ первый боевой порядокъ третій полкъ (нашъ, малороссійскій, кирасирскій) въ первую линію». Я тотчасъ ускакалъ на линію занимать мѣста. Полки всколыхались и третій дивизіонъ нашего полка (5 и 6 эскадронъ) удвоенною рысью потянулся къ лѣвому флангу линіи. Дивизіею командовалъ генералъ Гринвальдъ, бригадою генералъ Александръ Григорьевичъ Сомовъ. Послѣдній ужасно боялся императора, хотя былъ извѣстенъ ему лично и хорошо: въ 1826 году, вмѣстѣ съ Орловымъ, онъ первый прискакалъ со своимъ эскадрономъ на адмиралтейскую площадь... Генералу Сомову вообразилось, что дивизіонъ движется неправильно и онъ, подскакавъ къ командиру 6-го, фланговаго эскадрона, моему брату, сказалъ, что онъ не туда ведетъ эскадронъ. Братъ сказавъ на скаку: «прошу васъ генералъ оставить все на мою отвѣтственность» и не ожидая отвѣта, полетѣлъ съ своимъ эскадрономъ во весь карьеръ. Когда войска установились и вѣтеръ пронесъ ужасающую пыль, оказалось, что командиръ 6 эскадрона былъ правъ, а 5 эскадронъ, сбитый съ толку генераломъ Сомовымъ, оказался изломаннымъ и стоялъ не на мѣстѣ. Этимъ эскадрономъ командовалъ вѣчно раздушенный, съ манжетами, ротмистръ Б. Ѳ. Скляревичъ, умѣвшій лучше танцовать и любезничать... Увидѣвъ это, императоръ помчался во всю силу великолѣпнаго скакуна и подскакавъ къ командиру, закричалъ: «Куда завелъ эскадронъ? И ты ротмистръ? Ты рохля, а не ротмистръ!»

Другой случай тоже съ нашего полка ротмистромъ Харинскимъ. Не знаю, какую-то чепуху сочинилъ предъ государемъ нашъ ходя-

чій иконостасъ, какъ мы въ шутку называли ротмистра, грудь котораго была увѣшана множествомъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ и медалей... Подскакавшій къ нему государь сказалъ:

— Скажи, ради Бога, гдѣ и за что ты нахваталъ столько наградъ, когда и эскадрона поворотить не умѣешь?

— Я былъ адъютантомъ у генерала Муравьева (впослѣдствіи Амурскаго), отвѣчалъ растерявшійся ротмистръ.

— Это и видно, произнесъ государь и поскакалъ далѣе...

Не далеко отъ злосчастнаго Харнскаго стояла батарея. Какъ на бѣду, при приближеніи императора, подручная дышловая орудійная лошадь стала бить ногами. Напрасно усмирялъ её ѣздовой, лошадь сумашествовала. Довольно сѣдая, высокая фигура командира батареи стояла верхомъ неподвижно передъ батареею. Вся грудь стараго капитана, тоже какъ у Харнскаго, была покрыта крестами, между которыми ясно выдѣлялись два георгіевскіе. Подъѣзжая къ нему, государь строго произнесъ:

— И ты вѣрно былъ адъютантомъ?!...

— У этого единорога (орудія) 25 лѣтъ, ваше величество,—отвѣтилъ суровый артиллеристъ.

Государь посмотрѣлъ на капитана во всѣ, что называется, глаза, и, не сказавъ ни единаго слова, поѣхалъ шагомъ по линіи.

Наконецъ въ послѣдній день назначены маневры около крѣпости. Посланы диспозиціи и—маневры начались. Нашимъ отрядомъ командовалъ извѣстный Ерофеичъ, т. е. гр. Д. Е. Сакенъ. Я служилъ долго, и всегда во фронтѣ, подъ командою этого крайне требовательнаго командира и, не смотря на то, что я не пользовался его расположеніемъ, кажется, за рѣзкіе и своеобразные отвѣты, утверждаю, что графъ былъ и свѣдущій и талантливый генералъ, и рѣшаюсь перечить геніальному писателю и храброму волонтеру, графу Толстому, подшучивавшему надъ безстрашнымъ комендантомъ Севастополя. Въ день маневровъ, начальникъ нашего отряда быстрыми и никѣмъ не предвидѣнными движеніями разстроилъ всѣ предположенія военнаго ареопага, и затѣйливый маневръ долженъ былъ провалиться крайне быстро, за уничтоженіемъ и малѣйшей возможности возстановить ученыя комбинаціи. Осталось одно: трубить отбой! Императоръ потребовалъ къ себѣ графа... Маленькій, худощавый, съ тусклыми, прикрытыми глазами, вертлявый человѣ-

чекъ, съ Георгіемъ на шеѣ, подскакалъ къ нему на своей бѣлой лошадкѣ.

— Сакенъ! сказалъ ему государь; я не могу не отдать справедливости твоему отличному знанію своего дѣла.

При этомъ императоръ сдѣлалъ изъ своихъ рукъ носъ и, обращаясь къ князю Орлову, сказалъ: «Орловъ, приставь свою ногу».

Говорили, что изъ Вознесенска императоръ прислалъ корпусному командиру награду,—табакерку; но графъ Сакенъ что-то не хвалился наградою, хотя я былъ принимаемъ хорошо въ его домѣ во всю службу мою подъ его командою и послѣ—въ помѣстьѣ...

Ф. П—нъ.

ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ дополненіе къ помѣщеннымъ въ майской книжкѣ «Кіевской старины» за 1884 г. разсказамъ о набѣгахъ татаръ, предлагаю сходный разсказъ о томъ-же явленіи въ исторической жизни южной Руси, записанный мною въ этомъ году отъ одной женщины близъ села Лебедина (кіевской губерніи, чигиринскаго уѣзда) и рисующій переполохъ, какой производило въ населеніи извѣстіе о появленіи татаръ.

«Прійде було горда, передавала разсказчица, попалють геть усе, порижуть, побьють тай пидуть; тильки земля чорна останеться. Десь туди до Шполы (мѣст. звенигородскаго уѣзда) и доси есть мисто, а може вже ёго розорали, де стояла высока, высока виха; якъ тильки покажеться горда, заразъ виха и повернеться у той бикъ, куды вона йде—заразъ уси утикають у лисъ, кидають и печене и варене. Цилый день бувало дивляться на виху; позакопують у землю де-що лучче: кожухи, свитки, щобъ потимъ прийти, то хочъ було у що одиться. Звистно, дума соби чоловикъ: прийду, то хочъ усе буде попалено, а всежъ таки по дереву якому небудь знайду мисце. Хлиба вчинить бувало бояться; дидъ мій напикъ три мишки корживъ, та давай зъ бабою складати на визъ де-що саме главне; наклали вони три возы; коли дивляться, а виха у цей бикъ повернулась; дидъ за коржи; баба зъ переляку забула де вона ихъ поклала; дидъ на визъ, давай скидать зъ возу клунки, свитки... геть чисто визъ роскидавъ, ажъ на самимъ споди найшовъ коржи; мерщій бабу

за руку, коржи на плечи, та втикать...; геть усе покидали: и хату, й волы, й коровы—вони були сильно багати. Усе село порозбигалось, а одна жинка тилько що родила, не здужала утикати тай осталась. Вонажъ то и росказувала: якъ прийшли, давай усе палить; повырывали, де що було въ земли позакопувано; щось таке вивьмуть тай запустять, а воно гуде та рые землю; все, що тамъ е, найде; тильки одны ямы поостаються. Пришли до тои жинки у хату, та іи не тронули, бо вони такихъ (що тилько що родили) не трогають, а дитей взяли, поставили коло стинки тай придавили лавою; кровъ ротомъ и носомъ пишла—подавили. Вона бидна сидить ни жива, ни мертва, звистно якъ уже тамъ матери дивиться на дитей; а дали, якъ прошли, вже вбига одинъ: «Марушка», каже, тай показуе, щобъ та дала напиться; вона, вже якъ тамъ здужала, пидвелась и повела его у погрибъ; а тамъ стояла велика дижка, зъ буряками чищо; «нахились», каже, тай показуе—щобъ винъ нахиливси; винъ тильки що нахилився у дижку, а вона его за ноги та туды, тай утопила. Отто черезъ яке тамъ время дидъ зъ бабою вернулись голодни, голисеньки, якъ бубонъ; у дида ни сорочки, ни штанивъ, нычого, пишли у свій погрибъ, знайшли тамъ платы, котрыми вкривають дижки, та баба сшила дидови сорочку, а соби спидницю. Довго, довго довелось имъ бидувати, поки розбагатили. Писля того выбрали люди «членивъ», найрозумнишихъ-чи що; списали бумагу, щобъ помилували, взяли хлибъ, силь и пишли до Шполы, де стоявъ той главный, що гордою заправлявъ; упали на вколишки; заклялись, що нихто не буде трогать. И доси, мабуть, кинець не выбили, що такого и такого году просили замиреніе».

Сообщ. М. Васильевъ.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНЫЯ СТАТЬИ И МАТЕРІАЛЫ ПО ЮЖНО-РУССКОЙ ИСТОРІИ.

При существованіи нашего журнала, спеціально посвященнаго мѣстному, южно-русскому отдѣлу отечественной исторіи и этнографіи, статьи и матеріалы по этому предмету встрѣчаются нерѣдко и въ другихъ журналахъ, особенно историческихъ, и отчасти въ газетахъ. Чтобы дать возможность тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые, интересуясь всѣмъ новымъ по части мѣстной исторіи, не могутъ слѣдить за тѣмъ, что появляется въ другихъ изданіяхъ, мы,

независимо отъ обзора отдѣльно выходящихъ книгъ, признаемъ полезнымъ время отъ времени сообщать краткія свѣдѣнія о тѣхъ статьяхъ и матеріалахъ по южно-русской исторіи, которыя появляются въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, не только русскихъ, но, по возможности, и польскихъ. Такія сообщенія могутъ достигать и другой цѣли— сосредоточивать свѣдѣнія по южно-русской исторіи въ одномъ изданіи, что облегчитъ труды занимающихся этимъ отдѣломъ отечественной исторіи. На этотъ разъ мы остановимся на спеціально-историческихъ журналахъ: «Русской старинѣ», «Историческомъ вѣстникѣ» и «Русскомъ архивѣ». Въ истекшемъ году они дали лишь незначительный матеріалъ по занимающему насъ предмету.

Въ «Русской старинѣ», при ея богатомъ содержаніи вообще, южно-русской исторіи было посвящено нѣсколько случайныхъ замѣтокъ. Таковы статьи: «Иванъ Ѳедоровъ, московскій первопечатникъ. Пребываніе его во Львовѣ, 1573—1583 гг.» (мартовская книжка) и «Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV стол.» (іюльская). Первая написана по поводу 300-лѣтняго юбилея Ѳедорова, исполнившагося въ 1883 году. Авторъ, г. С. Л. Пташицкій, имѣлъ возможность работать во львовскихъ архивахъ и извлекъ изъ нихъ документы, относящіеся ко времени пребыванія Ѳедорова во Львовѣ въ десятилѣтній періодъ отъ 1573—1583 г. Извлеченные и обработанные г. Пташицкимъ документы знакомятъ насъ съ обыденною жизнью и обстановкой русскаго первопечатника: съ кѣмъ и какъ заключалъ онъ сдѣлки по продажѣ книгъ и покупкѣ типографскихъ матеріаловъ, какія препятствія встрѣчалъ въ чужомъ городѣ, на какія суммы велъ свои дѣла и проч. Въ документахъ Ѳедоровъ носитъ названія: *Iwan Fedorowicz Impressor Rutenus, Iwanus Impressor litterarum rutenicalium.* Много затрудненій пришлось перенести Ѳедорову во Львовѣ, прежде чѣмъ дѣло его стало на ноги. Цеховое устройство тамошняго общества дало себя чувствовать печатнику, и именно по случаю найма рабочаго столярл. Пришлось обращаться за разрѣшеніемъ дѣла въ городской совѣтъ, дать разныя обязательства, и все-таки вооружить противъ себя требовательный цехъ. Значительная часть разсматриваемой статьи посвящена описанію мелкихъ денежныхъ сдѣлокъ, которыя приходилось дѣлать Ѳедорову при скудости средствъ. Не смотря на разныя неудачи, Ѳедоровъ оставилъ сыновьямъ значительное по тому времени

состояніе. Можемъ подвести итогъ имущества Ѳедорова, говоритъ авторъ (стр. 475), въ моментъ его смерти. Сумма протестованныхъ и обезпеченныхъ на имуществѣ долговъ равнялась 1,561 зл., сынъ продалъ книгъ на 380 зл., права свои на наслѣдственное имущество уступилъ за 500 зл., отъ бумажнаго фабриканта имѣлъ ко взысканію 100 зл., отъ протопопа Нестора въ Заблудовѣ 15 литовскихъ копъ, т. е. 37½ зл. Такимъ образомъ все имущество Ѳедорова ко дню его смерти можно было оцѣнить въ двѣ съ половиною тысячи злотыхъ. Въ тѣ времена въ окрестностяхъ Львова продавался быкъ за 4 зл., корова стоила 2 зл., свинья 1 зл. и 6 грошей, баранъ 15 гр., курица ½ гр., 10 яицъ ½ гр., возъ сѣна 4 гроша. По этому расчету можемъ составить себѣ понятіе, какую цѣнность въ то время представляли двѣ съ половиною тысячи. За нихъ можно было купить болѣе, чѣмъ 600 быковъ». Статья г. Пташицкаго сдужитъ дополненіемъ къ труду львовскаго ученаго о. Петрушевича, о которомъ упоминалось въ свое время въ «Кіевской Старинѣ».

Въ іюльской книжкѣ того-же журнала помѣщена вступительная рѣчь кіевскаго магистранта г. Линниченка предъ защитой имъ магистерской диссертаціи въ петербургскомъ университетѣ. Тема диссертаціи: «Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV ст.». По отзыву почтенной редакціи, магистрантъ «блистательно» защитилъ свое сочиненіе. Но самъ г. Линниченко въ своей рѣчи говоритъ между прочимъ: «Я положилъ себѣ слѣдующую задачу: опредѣливъ основныя черты сходства и отличія культуръ Руси и Польши, прослѣдить постепенную замѣну русскихъ началъ польскими въ присоединенныхъ Польшей русскихъ областяхъ. Такимъ образомъ центромъ моей работы должна была стать 2-я половина XIV в. и вѣкъ XV. Естественно, однако, у меня должно было явиться желаніе разсмотрѣть отношенія Руси и Польши и до XIV в., т. е. за время самостоятельнаго существованія обоихъ государствъ, особенно въ виду существующаго въ нѣкоторой части польской литературы мнѣнія, что южная Русь въ теченіе XIII и первой половины XIV в. успѣла уже значительно ополячиться, такъ что переходъ ея подъ польское владычество былъ совершенно естественъ. Разборъ отношеній Руси къ Польшѣ за время до половины XIV в.

я предполагалъ предпослать моему основному труду въ качествѣ введенія.

«Однако, съ моей работой произошло то, что обыкновенно бываетъ съ работой каждаго ученаго, вступающаго въ мало разработанную область; пришлось сдѣлать много предварительной работы, массу мелкихъ изслѣдованій, результатомъ чего и было превращеніе моего введенія, которое предполагалось весьма краткимъ, въ цѣлую книгу. Мнѣ не удалось даже издать всего введенія, т. е. разбора русско-польскихъ отношеній до половины XIV в., а пришлось прервать мой трудъ на срединѣ, ибо остальныя части моей работы я еще не считаю достаточно законченными для печати»... (стр. 219).

Выходитъ, что похвала г. магистранту относится къ будущимъ его трудамъ. Но если *часть 1-я введенія* разрослась въ «цѣлую книжку», то можно себѣ представить, каково (при соотвѣтствіи частей) должно выйдти самое сочиненіе. Самъ собою является вопросъ: обдумалъ-ли авторъ свою задачу? Отвѣтъ можетъ быть такой, или иной, но, во всякомъ случаѣ, *взаимныя отношенія* до конца XII в.— дѣло особое, а будущій разборъ этихъ отношеній въ концѣ XIV и въ XV вѣкѣ—тоже дѣло особое.

Изъ остальныхъ статей «Русской Старины», имѣющихъ нѣкоторую связь съ исторіей южной Россіи, можно назвать: «Николай Васильевичъ Гоголь въ письмахъ къ Арк. Ос. Россети, 1843—1847 гг.» (январь), «Письмо Т. Г. Шевченка къ Е. П. Ковалевскому» (май) и «Виленскіе очерки» (январь). Послѣдняя статья интересна не сама по себѣ, а по приложенію къ ней: «Рукопись Сигизмунда Сѣраковскаго, казненнаго въ Вильнѣ въ маѣ 1863 года». Это характеристика взгляда передовыхъ поляковъ начала 60-хъ гг. на польскій вопросъ и на отношеніе къ нему юго-западнаго края.

Въ разнообразное содержаніе «Историческаго Вѣстника» попало въ истекшемъ году нѣсколько библіографическихъ замѣтокъ на книги, разсмотрѣнныя и въ «Кіевской Старинѣ», и кромѣ того двѣ-три отдѣльныя статейки. Въ іюльской книжкѣ помѣщена картинка развалинъ дома Хмельницкаго въ Суботовѣ, которыя существовали еще лѣтъ 20 назадъ; картинка есть снимокъ съ набросска, сдѣланнаго Шевченкомъ во время посѣщенія Суботова, почему собственно и заслуживаетъ вниманія. Въ ноябрьской книжкѣ при двухъ картинкахъ, изображающихъ, одна видъ на Херсонесъ Таврическій

въ настоящее время, другая храмъ св. Владиміра въ Херсонесѣ, приложена замѣтка подъ заглавіемъ: «Храмъ св. Владиміра въ Херсонесѣ Таврическомъ». Въ ней нѣсколькими словами разсказана исторія Херсонеса и изображеннаго храма. Храмъ этотъ, возникшій по мысли Александра I, былъ заложенъ только въ 1861 году, причемъ нѣсколько разъ урѣзывался проектъ и планъ; въ семидесятыхъ годахъ храмъ оконченъ вчернѣ и такъ стоитъ до сихъ поръ. Авторъ замѣтки говоритъ въ заключеніе: «Въ 1888 году Россія вспомнитъ о Херсонесѣ Таврическомъ и о великомъ событіи, совершившемся тамъ за 900 лѣтъ. Неужели и къ тому времени храмъ не будетъ оконченъ?»

Въ «Русскомъ Архивѣ» за истекшій годъ помѣщены двѣ статьи, относящіяся къ юго-западному краю (въ выпускѣ 5-мъ): «Обозрѣніе кіевской, волынской и подольской губерній за двѣнадцать лѣтъ Бибиковскаго управленія (1838—1850), съ послѣсловіемъ издателя» и «Императоръ Александръ Павловичъ въ Кіевѣ 1816». Первая изъ статей имѣетъ высокій интересъ для занимающихся мѣстной исторіей, какъ систематическій обзоръ мѣропріятій правительства въ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ жизни края. Записка написана неизвѣстнымъ лицомъ около 1850 года, какъ можно судить по одному мѣсту въ ней [1]) и—надо отдать честь автору—весьма логично. Въ этой статьѣ сначала излагается краткая исторія юго-западнаго края до 30-хъ годовъ. Констатировавъ печальное положеніе края ко времени генералъ-губернаторства Бибикова, авторъ переходитъ затѣмъ къ мѣрамъ, предпринятымъ правительствомъ для устраненія зла. «Мѣры, предложенныя и принятыя въ теченіе 13 лѣтъ (съ 1838 по 1850), по существу самой цѣли, долженствовали быть двухъ родовъ. Первыя, *отрицательныя*, клонились 1) къ пресѣченію сношеній края съ заграничными врагами Россіи и обезпеченію политической безопасности; 2) къ обезсиленію сословій, которыя были представителями началъ враждебныхъ: мѣстнаго дворянства, латинскаго духовенства и евреевъ; 3) къ уничтоженію преградъ, мѣшавшихъ соединенію края съ Россіею посредствомъ упраздненія слѣдовъ польскаго владычества въ законахъ и судоустройствѣ, и польскаго вліянія въ публичномъ воспитаніи. Мѣры *положительныя*, имѣвшія цѣлью

---

[1]) «Нынѣ коммисія окончила порученное ей дѣло. *Съ 1-го января 1845 г. въ теченіи пяти лѣтъ*, она обревизовала 20,576 дѣлъ».

возбужденіе началъ православныхъ и русскихъ, клонились 1) къ обезпеченію нашего духовенства и возстановленію достоинства господствующей церкви въ ея внѣшности, 2) къ обезпеченію сельскаго сословія и дарованію ему возможности самостоятельнаго развитія; 3) къ распространенію вѣрныхъ понятій объ отношеніи края къ Россіи» (стр. 8). Далѣе авторъ разсматриваетъ каждый изъ отмѣченныхъ пунктовъ отдѣльно.

Чтобы пресѣчь сношенія польскаго населенія съ заграничными врагами Россіи, была закрыта такъ называемая *бердичевская станція польскаго банка*, сосредоточившая въ своихъ рукахъ всѣ мѣстные капиталы и безпрепятственно пересылавшая деньги эмигрантамъ для революціонныхъ цѣлей; она замѣнена была *конторой коммерческаго банка* въ Кіевѣ. Далѣе, была усилена полиція и затруднено сообщеніе съ заграницей строгой выдачей паспортовъ съ прописскою примѣтъ и полнымъ запрещеніемъ выѣзда для лицъ подозрительныхъ.

Мѣры правительства относительно враждебныхъ сословій состояли въ слѣдующемъ. Относительно дворянъ въ 1836 году были учреждены въ губерніяхъ ревизіонныя коммисіи, которыя должны были провѣрить наличныя права шляхты, особенно мелкой, на дворянское званіе, съ цѣлью сократить число этого мятежнаго сословія, такъ какъ извѣстно было всѣмъ, что многіе попали въ него по поддѣльнымъ документамъ. По провѣркѣ оказалось, что внесено въ дворянскіе роды: правильно 581 лицо, по сомнительнымъ доказательствамъ 22,000 лицъ, *совершенно неправильно* 81,121 *л.* (стр. 15). Послѣдняя категорія была введена въ подушный окладъ. Католическое духовенство было весьма сильно своими имѣніями. «Всѣхъ имѣній, принадлежавшихъ римской церкви (монастырямъ и ксендзамъ, не считая личной собственности сихъ послѣднихъ) было до 40,000 душъ въ трехъ губерніяхъ, въ томъ числѣ одно столовое имѣніе луцкаго епископа состояло изъ 6,200 душъ и болѣе 42,000 десятинъ». Имѣнія были отобраны, даже запрещено католическому духовенству держать въ услуженіи лицъ православнаго исповѣданія; изъ Луцка, «какъ-бы Рима той мѣстности», было переведено духовное управленіе, консисторія, семинарія въ Житомиръ, назначенный губернскимъ городомъ. Вслѣдствіе этихъ мѣръ связь латино-польскаго духовенства съ помѣщиками, въ силу единства

интересовъ, прекратилась; оно увидѣло свое благосостояніе въ рукахъ правительства и потому принуждено было измѣнить соотвѣтственно этому и свое политическое поведеніе. Что касается евреевъ, этихъ паразитовъ, всегда игравшихъ въ руку пановъ и ксендзовъ изъ жажды къ наживѣ, то правительство старалось съ одной стороны сократить ихъ подвиги упраздненіемъ кагаловъ, подчиненіемъ земской полиціи и проч., съ другой—распространить въ ихъ массѣ образованіе учрежденіемъ въ Житомирѣ раввинскаго училища. Кромѣ того были употреблены всѣ силы удалить евреевъ отъ шинкарства.

Въ законодательствѣ и воспитаніи реформы состояли въ томъ, что въ первомъ Литовскій Статутъ замѣненъ общероссійскимъ Сводомъ законовъ и такимъ образомъ уничтожена рознь и запутанность въ дѣлахъ, въ послѣднемъ былъ очищенъ отъ польскихъ элементовъ кіевскій университетъ и въ среднихъ заведеніяхъ введена закрытая система.

Переходя затѣмъ къ мѣрамъ положительнымъ, авторъ останавливается прежде всего на русскомъ духовенствѣ. Положеніе его во времена уніи было весьма печально. «Удрученные нуждою, они (священники) были въ необходимости вымаливать у католиковъ-помѣщиковъ и поссесоровъ скудную помощь, цѣловать у нихъ руки по польскому обычаю и переносить безмолвно разныя оскорбленія. Православныя церкви, большею частію ветхія, находились также въ самомъ жалкомъ положеніи; нѣкоторыя изъ нихъ были крыты соломою, въ иныхъ одежда на престолѣ была изъ холста, въ лампадахъ горѣло коровье масло, въ кадилахъ теплился, вмѣсто ладона, мозжевельникъ» (стр. 24). Послѣ возстанія 1830 года вѣрность русскаго духовенства престолу ничѣмъ не была вознаграждена, напротивъ вызвала месть со стороны поляковъ. Положеніе дѣлъ не могло такъ продолжаться, и вотъ въ 1839 году уніаты возсоединены съ православною церковью, храмы приведены въ должное благолѣпіе (въ 1850 году исправлено 2,628 церквей и построено 184 новыхъ), а матеріальное положеніе духовенства обезпечено домами, землями и единовременными пособіями.

Было обращено особое вниманіе на бытъ крестьянъ, которые всегда были опорой русскому правительству и вѣрность свою престолу блистательно доказали въ 1830 году. «Но эта неоцѣненная служба не только не была вознаграждена по достоинству, даже не

было исполнено обѣщаніе, торжественно данное генералъ-фельдмаршаломъ Сакеномъ, по которому поселяне, призванные къ содѣйствію противъ бунтовавшихъ господъ своихъ, не должны впредь оставаться въ ихъ власти» (стр. 26). Между тѣмъ помѣщики послѣ такого случая стали угнетать крестьянъ еще болѣе. «Систематическое раззореніе крестьянъ сопровождалось варварскимъ произволомъ въ наказаніяхъ: за неумышленный проступокъ или неосторожность сѣкли и терзали до полусмерти, забивали въ неподвижныя колодки, томили въ заперти, накладывали на голое тѣло тряпки съ солянымъ растворомъ и сѣкли по нимъ, насиловали женъ и дѣвокъ, подрѣзали у нихъ косы и т. п.» (стр. 29). Положеніе казенныхъ крестьянъ было не лучше: «арендаторы и администраторы употребляли крестьянъ на постороннія работы въ собственныхъ своихъ имѣніяхъ, отбирали у нихъ пахатныя и сѣнокосныя земли, даже самихъ казенныхъ крестьянъ переводили въ свои имѣнія и записывали по ревизіи за собою, насиловали ихъ женъ и дочерей, а за малѣйшее сопротивленіе, за каждую поданную жалобу, безчеловѣчно наказывали, забивали въ неподвижныя колодки, головы брили, обливали водою, засѣкали до смерти» (стр. 27). Правительство дѣятельно изыскивало мѣры къ улучшенію быта какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Относительно казенныхъ крестьянъ, послѣ долгой переписки, 5 апрѣля 1844 года наконецъ послѣдовало высочайшее повелѣніе перевести ихъ на поземельное оброчное положеніе. Для ограниченія-же произвола помѣщиковъ надъ своими подданными были введены извѣстные инвентари. Такъ какъ они весьма памятны еще и въ настоящее время, то излишне распространяться объ нихъ.

Къ управленію Бибикова наконецъ относится учрежденіе временной археографической коммиссіи и кіевскаго центральнаго архива. Какъ велико значеніе этихъ учрежденій для науки, показало время. Въ высшей степени благородную надежду на эти учрежденія высказываетъ авторъ,—надежду, которая еще пока, къ сожалѣнію, далека отъ осуществленія. «Со временемъ, изданные и предназначенные къ изданію документы, изъ тѣснаго круга ученыхъ, перейдутъ въ учебныя книги, пріобрѣтутъ всеобщую извѣстность, и будущія поколѣнія предохранены будутъ основательнымъ изученіемъ нашей исторіи отъ безсознательныхъ вліяній и увлеченій, почти всегда сопровождающихъ невѣжество» (стр. 36).

Статья, какъ видно, составлена по оффиціальнымъ даннымъ, лицомъ близкимъ къ Бибикову, слѣдовательно видѣвшимъ, или хотѣвшимъ видѣть положеніе дѣлъ нѣсколько въ розовомъ свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя не удивляться энергіи и систематичности дѣйствій правительства въ данное время. Если-же при введеніи разныхъ мѣръ дѣло нѣсколько и не шло такъ гладко, какъ пишетъ авторъ *Записки*, то, по замѣчанію почтеннаго редактора «Русскаго Архива», когда возводится зданіе, то не обходится безъ стружекъ и мусору.

Вторая статья «Русскаго Архива» есть извлеченіе изъ письма іеромонаха Антонія Смирнитскаго, впослѣдствіи воронежскаго архіепископа, о посѣщеніи императоромъ Александромъ I въ 1816 году Кіева. Государь пробылъ въ Кіевѣ 5 дней (съ 7—12 сентября), посѣтилъ софійскій соборъ, лавру, академію; вездѣ все внимательно осматривалъ и очаровалъ всѣхъ своею набожностью и добродушіемъ. Вотъ какъ государь посѣтилъ въ лаврѣ слѣпаго схимника Вассіана. Вассіану дано было знать, что у него будетъ кн. Волконскій; вмѣсто него въ назначенное время является государь. Происходитъ разговоръ.

— Здравствуйте батюшка!—Отвѣтъ обыкновенный.—Прошу сѣсть, ваше сіятельство!—И хозяинъ садитъ на первѣйшее мѣсто гостя, а гость отдаетъ первенство хозяину.

— Женаты-ли, ваше сіятельство?—Женатъ.—Давно-ли женаты?—Двадцать лѣтъ.—Имѣете дѣтей?—Имѣю».—Давно-ли служите государю?—Давно.

Вассіанъ, воображая предъ собою кн. Волконскаго, спрашиваетъ о государѣ.—Да онъ здѣсь,—отвѣчаетъ ему гость.—Въ Кіевѣ?—Онъ у васъ.—Гдѣ-же, въ лаврѣ, или еще будетъ?—Я Александръ: сказалъ наконецъ мнимый Волконскій схимнику на ухо; благословите меня! Еще въ Петербургѣ наслышался я о васъ, и пришелъ поговорить съ вами; благословите меня!

— Я (разсказываетъ Вассіянъ) хотѣлъ поклониться, но государь, не допуская, цѣлуетъ только руку, говоря: «Поклоненіе принадлежитъ одному Богу. Я человѣкъ, какъ и прочіе, и христіанинъ; исповѣдуйте меня, какъ всѣхъ вообще духовныхъ сыновъ вашихъ».

«Съ симъ словомъ началось совершеніе исповѣди» (стр. 116).

Ѳ. Н.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 г. НА СЛѢДУЮЩІЕ ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

ДѢТСКІЙ „РОДНИКЪ." ЖУРНАЛЪ

Въ 1885 году *(4-й годъ изданія)* «Родникъ» будетъ выходить, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками **въ 100 и болѣе** страницъ большаго формата, со многими рисунками, съ музыкальными приложеніями и съ отдѣломъ смѣси, въ которомъ помѣщаются мелкія статьи, загадки, задачи, игры и проч. и проч.

Выборъ статей въ «Родникѣ» приноровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Редакція даетъ главнымъ образомъ **оригинальныя** статьи изъ русской жизни и природы. Всѣ, даже мелкія статьи научнаго содержанія редактируются спеціалистами.

Приложеніе къ «Роднику», педагогическій сборникъ «*Воспитаніе и Обученіе*» выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ нихъ помѣщаются статьи по вопросамъ воспитанія и обученія и библіографія по дѣтской, учебной и педагогической литературѣ.

Премія къ „РОДНИКУ" 1885 года

будетъ заключаться въ альбомѣ 12 оригинальныхъ картинъ по русской исторіи художника А. Земцова, исполненныхъ геліотипіей въ Вѣнѣ, у Ангерера и Гешля. *Картины эти будутъ разосланы г. подписчикамъ* отдѣльно отъ журнала, всѣ сразу, въ красивомъ конвертѣ, съ первымъ № «Родника» 1885 г.

Кромѣ того, въ видѣ даровaго приложенія къ «Роднику» 1885 г., будетъ данъ *«Литературный альбомъ»* изъ 12 оригинальныхъ картинъ художника *Н. Н. Каразина* къ стихотвореніямъ русскихъ классиковъ. Къ каждому № будетъ прилагаться по одной такой картинкѣ.

Журналъ «Родникъ» Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ **Императрицы Маріи** рекомендованъ, какъ весьма полезный для женскихъ институтовъ и гимназій.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Особымъ Отдѣломъ сего Комитета допущенъ для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также городскихъ и народныхъ училищъ.

Условія подписки на 1885 г. остаются прежнія:

На годъ, съ доставкою и пересылкою, за 12 книгъ «Родника» съ отдѣльною преміею—**5 рублей.**

Тоже, съ приложеніемъ 3 книгъ педагогическаго сборника «Воспитаніе и Обученіе»—**6 рублей.**

Адресъ главной конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Никольская площадь, № 4.

---

12 книжекъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ" книжекъ 12

Изд. 1884 г. (второе изданіе).

съ портретами: имп. **Елисавета Алексѣевна**; Его Имп. Выс. Вел. Кн. **Константинъ Николаевичъ**; митрополитъ С-Петербургскій **Исидоръ**; гр. **Аракчеевъ** и Н. Ѳ. **Минкина**; гр. И. И. **Дибичъ-Забалканскій**; **Пушкинъ** (отпечатанъ красками); **Лермонтовъ**; Н. А. **Некрасовъ**; Н. И. **Пироговъ**; педагогъ бар. Н. А. **Корфъ**; В. В. **Самойловъ**; портретъ группа: лордъ **Рогланъ**, марш. **Пелисье** и **Омеръ-паша** подъ Севастополемъ въ 1855 г. Рисунки: проектъ памятника на могилѣ **Волынскаго**—академ. М. А. Щурупова; имп. **Александръ II**, рисунокъ со статуи, исполн. академ. П. П. Забѣлло; судъ на Руси, карикатура.

Содержаніе: Записки *Штрандмана*, 1771—1780 гг.;—Записки Мих. *Фонвизина*: очерки русской исторіи IX—XVIII вв;—Мих. Ник. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ, 1816—1821 гг., разск. бар. *А. Е. Розена*; Разсказы кн. Ал. Ник. Голицына: Александръ I и его время, сообщ. *Н. А. Валуевъ*;—Императрица Елисавета Алексѣевна въ воспом. кн. *С. А. Мадатовой*;—Зап. *Д. Н. Ростиславова* о бѣломъ духовенствѣ;—Воспоминанія декабриста *А. Н. Бѣляева*;—Дневникъ декабриста *В. К. Кюхельбекера* въ заключеніи, 1831—1834 гг.;—Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1850 гг., зап. *М. И. Пущина*;—Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1854 гг., зап. *М. Я. Ольшевскаго*;—Моск. воспом. *Н. В. Берга*, 1845—1855 гг.;—Зап. сен. *Я. А. Соловьева* о крест. дѣлѣ 1858—1859 гг.;—Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Русскій губернаторъ въ Ц. Польск., 1866—1868 гг.;—Въ Прибалтійскомъ краѣ, 1856—1876 гг.;—Зап. ст.-секр. *А. Ѳ. Гамбургера*;—Зап. педагога бар. *Н. А. Корфа*;—Посмертныя записки *Николая Ив. Пирогова*;—Зап. крестьянина-поэта *С. Дрожжина*.

Изслѣдованія и очерки: профес. *Д. И. Иловайскаго*,—*Н. А. Линниченко*;—очеркъ *С. Л. Пташицкаго*;—Патр. Никонъ по вновь открытымъ матеріаламъ *Н. А. Гиббенетъ*, 1658 г.;—Екатерина II и Дидро, изсл. *В. А. Бильбасова*;—Настасья Минкина, домоправительница гр. Аракчеева; Ермоловъ и его кебинныя жены, очеркъ *Ад. Н. Берже*;—Гр. Каподистріи и гр. К. В. Несельродъ;—Имп. Елисавета Алексѣевна, очеркъ гр. *С. С. Уварова*;—Польское возстаніе въ 1830—1831 гг., разсказъ *Мохнацкаго* и переписка имп. Николая

I съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Спб. въ 1831 г., очерки и разсказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ *Ад. И. Берже;*—Разсказъ правосл. латыша *Индрика Страумита,* 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ М. Т. Лорисъ Меликову (нынѣ графу), 1852—1857 гг.;—Князь Мих. Дм. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгріи, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-з. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милютинъ въ Ц. Польскомъ,—Вредныя секты, очерки *А. Пругавина;*—19 февраля: чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положенія о крестьянахъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ,—В. А. Жуковскій,—Н. И. Гнѣдичъ,—Д. В. Давыдовъ,—К. Н. Батюшковъ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Н. В. Гоголь,—Сырокомля,—Т. Г. Шевченко,—Н. Г. Помяловскій,—гр. А. К. Толстой,—Ѳ. М. Достоевскій—И. С. Тургеневъ,—В. В. Самойловъ—въ ихъ письмахъ, воспом., очеркахъ жизни и литературной дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Открыта подписка на «Русскую Старину» изд. **1885 г.**

„Одесскій Вѣстникъ",

на 1885 г.

(ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Зо вступленіемъ въ соиздатели «Одесскаго Вѣстника» кандидата правъ *С. Ю. Ломницкаго,* средства газеты усиливаются. Вслѣдствіе этого, не позже первыхъ чиселъ декабря настоящаго 1884 года, послѣдуютъ значительныя улучшенія въ отношеніи содержанія и внѣшности газеты. Въ составъ редакціи приглашены новыя литературныя силы для восполненія бывшихъ пробѣловъ и болѣе чуткаго отношенія къ назрѣвающимъ вопросамъ.

Не смотря на увеличеніе объема газеты и другія улучшенія, требующія затратъ, подписная плата остается прежняя.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки или доставки:		*съ пересылкой или доставкой:*	
За годъ (12 мѣсяцевъ).	12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ).	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ. . . .	7 р. — к.	За 6 мѣсяцевъ. . . .	8 р. — к.
За 3 мѣсяца	3 р. 85 к.	За 3 мѣсяца	4 р. 50 к.
За 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	За 1 мѣсяцъ	1 р. 50 к.

На пересылку за границу *прибавляется 50 коп. въ мѣсяцъ.*

Для годовыхъ подписчиковъ допускается **разсрочка платежа подписной платы** по полугодіямъ и по четвертямъ года. При разсрочкѣ *полугодичной* вно-

сится 1 января 8 р., и 1 іюля 6 руб.; по четвертямъ года: 1 января 4 руб., 1 апрѣля 4 руб.; 1 іюля 3 руб. и 1 сентября 3 руб.

Городскіе подписчики могутъ подписываться съ какого угодно срока; *иногородные-же*—не иначе, какъ съ 1-го или 15 числа каждаго мѣсяца.

Подписка принимается въ **Одессѣ**, въ конторѣ «Одесскаго Вѣстника», по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

1885 г. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ **г. 1885.**

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ."

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Редакторъ-издатель П. Н. ПОЛЕВОЙ.

Въ 1885 году годовые подписчики „Живописнаго Обозрѣнія" получатъ:

I. **52 еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ нумера**, каждый не менѣе двухъ большихъ листовъ печати, съ 5—6 рис. въ текстѣ.

II. **12 ежемѣсячныхъ книжекъ**, въ 8 д., объемомъ 10—11 печатныхъ листовъ, убористаго шрифта.

III. **12 ежемѣсячныхъ нумеровъ «Парижскихъ модъ»**.

IV. **Безплатную премію**—художественно исполненную олеографію, на выборъ изъ трехъ различныхъ сюжетовъ (одинъ пейзажъ и два жанра;—подробности въ № 1). Желающіе получить всѣ три картины доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ еще 2 р.

Примѣчаніе. Во избѣжаніе порчи картинъ въ дорогѣ, предлагается гг. подписчикамъ пересылка ихъ *страховыми посылками*—прочно упакованными и зашитыми въ холстъ, на полной отвѣтственности конторы, для чего за пересылку одной картины слѣдуетъ добавить 60 к., двухъ—80 к. и трехъ—1 руб.—Всѣмъ подписчикамъ, которые не сдѣлаютъ этого добавочнаго взноса, премія будетъ отправлена обыкновеннымъ бандерольнымъ способомъ, но, въ случаѣ пропажи или порчи ея въ дорогѣ, контора не можетъ принять за это на себя никакой отвѣтственности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкою и пересылкою.		безъ доставки и пересылки.	
За годъ	**8** р. — к.	За годъ	**6** р. **50** к.
За полгода	**4** р. **50** к.	За полгода	**4** р. — к.

Подписка за границею: за годъ—**12** руб., за полгода—**6** руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 19.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТДѢЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ СЛѢДУЮЩІЕ ЛИТЕРАТОРЫ:

Н. А. Ахшарумовъ, П. Д. Боборыкинъ, Н. В. Быковъ, К. С. Баранцевичъ, И. Ф. Василевскій (Буква), П. П. Васильевъ, П. И. Вейнбергъ, П. А. Висковатовъ (профессоръ), С. И. Воскресенская, Н. Ѳ. Горбуновъ, Г. С. Дестунисъ (профессоръ), Л. Звонаревъ, А. А. Иностранцевъ (профессоръ), В. А. Крыловъ (Викторъ Александровъ), В. Крестовскій (псевдонимъ), А. В. Кругловъ, Н. И. Красновъ, Б. Левинъ, Александра Львова, Н. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ, М. Н. Малаховъ, Е. Л. Марковъ, Д. Д. Минаевъ, А. П. Митуричъ, Д. Л. Михаловскій, Д. Н. Островскій, А. Н. Плещеевъ, Е. Н. Поповаревъ, Л. Рускинъ, А. Соковнинъ, А. Г. Сахарова, Н. И. Северинъ, Л. Х. Симонова, К. И. Соборный (псевдонимъ), С. Н. Терпигоревъ (Сергѣй Атава), П. Тройницкій, М. К. Цебрикова, Дм. Чертковъ, В. В. Чуйко, М. Н. Шелгуновъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), В. Н. Шипонко, В. Ю. Юрьевъ, А. П. Яхонтовъ и многіе другіе.

1885 г. # „ВОЛЫНЬ“, **г. 1885.**

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вступая въ седьмой годъ своего существованія, съ будущаго 1885 года, газета **„ВОЛЫНЬ“** будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій, и 18) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ конторѣ редакціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Для городскихъ подписчиковъ, безъ доставки и пересылки	3 р. 30 к.	1 р. 80 к.	1 р. — к.
Съ доставкою на домъ	3 р. 50 к.	1 р. 90 к.	1 р. 10 к.
Для иногородныхъ съ пересылк. .	4 р. — к.	2 р. 20 к.	1 р. 20 к.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики при перемѣнѣ адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к.

Редакторъ **К. И. Коровицкій.** Издатель **И. И. Коровицкій.**

1885 г. „КІЕВЛЯНИНЪ“ 1885 г.

21-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ.	12 руб. — к.	На 3 мѣсяца	4 руб. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ. . .	7 руб. — к.	На 1 мѣсяцъ	1 руб. 50 к.

Подписка принимается въ редакціи „Кіевлянина“ (Уголъ Шулявской и Кузнечной у„ д. насл. Шульгина).

1885 г. **„ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“** 1885 г.

ВМѢСТѢ СЪ ГАЗЕТОЮ

„РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“

Съ Высочайшаго соизволенія, въ 1885 году **«Русскій Инвалидъ»**, издаваемый подъ одною общею редакціею съ **«Военнымъ Сборникомъ», будетъ выходить**, по прежнему, **ежедневно**, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, а **«Военный Сборникъ»** — ежемѣсячно, книжками до 20 листовъ каждая.

Оба изданія, **«Русскій Инвалидъ»** и **«Военный Сборникъ»**, служа другъ другу необходимымъ дополненіемъ, будутъ: *ежедневная* газета — сообщать главныя офиціальныя извѣстія и слѣдить за многосторонними текущими событіями въ военномъ мірѣ, а также за явленіями, имѣющими соотношеніе къ военному дѣлу; *ежемѣсячный* журналъ — посвятитъ свои страницы всесторонней разработкѣ собственно военнаго дѣла въ болѣе обширномъ значеніи этой отрасли знаній.

Высочайше утвержденныя программы обоихъ изданій остаются прежнія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписка на **«Военный Сборникъ»** и **«Русскій Инвалидъ»** на 1885 г. принимается въ С.-Петербургѣ, **въ конторѣ редакціи** означенныхъ изданій: на Надеждинской, домъ Трута, № 42.

Подписная цѣна назначается: за годовой экземпляръ журнала **«Военный Сборникъ» 7 р. 50 коп.**, съ пересылкою и доставкою въ Петербургѣ на домъ. Заграничная подписка **10 р.** На мѣсячные сроки подписка на журналъ **«Военный Сборникъ»** не принимается.

Подписная цѣна за годовой экземпляръ газеты **«Русскій Инвалидъ» 7 р. 50 коп.**, съ пересылкою и доставкою въ Петербургѣ на домъ.

Военно-служащіе и войсковыя управленія, подписывающіеся на «Русскій Инвалидъ» и «Военный Сборникъ» *вмѣстѣ* платятъ, съ доставкою и пересылкою ***ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ*** за оба изданія.

1885 ГОДЪ. „ЭХО", ГОДЪ 1885

большая ежедневная, политическая и литературная газета, существ. пятый годъ.

С.-Петербургъ, Невскій просп., домъ № 61.

Изъ большихъ ежедневныхъ газетъ—газета «Эхо» самая дешевая; тогда какъ годовая цѣна другихъ равняется 17 р., газета «Эхо» стоитъ всего лишь съ пересылкою и доставкою 10 р., разница громадная. (Допускается разсрочка платежа: для служащихъ—по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; не-служащимъ—чрезъ главную контору редакціи «ЭХО», уплачивается при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 р., а въ началѣ августа 2 р.).

Значительно увеличившееся число подписчиковъ, явившееся результатомъ сдѣланныхъ улучшеній, даетъ намъ возможность, *сохраняя подписную цѣну въ наступающемъ 1885 году*, сдѣлать содержаніе газеты богаче, открывъ нѣсколько новыхъ отдѣловъ.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОТДѢЛЪ. Въ немъ редакція постарается дать возможно вѣрное выраженіе движенія въ торговлѣ, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, на Кавказѣ и въ другихъ торговыхъ центрахъ Россіи.

ОТДѢЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ. Нѣсколько извѣстныхъ писателей, отправляясь въ послѣднія недѣли великаго поста въ Іерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню, изъявили согласіе дѣлать описанія этого путешествія, которыя и начнутъ печататься въ нашей газетѣ со времени ихъ отъѣзда. Они посѣтятъ Москву, Кіевъ, Крымъ, проѣдутъ весь Кавказъ и Закавказье, предпримутъ восхожденіе на гору Араратъ, побываютъ въ долинѣ Месопотаміи, на развалинахъ Вавилона и Ниневіи, проѣдутъ потомъ всю Палестину и отъ Іерусалима направятся по Аравійской пустынѣ къ горѣ Синай и въ Египетъ въ долину Нила. Это путешествіе будетъ печататься въ нашей газетѣ, затѣмъ будетъ издано отдѣльно съ приложеніемъ *снимковъ* со всѣхъ святыхъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ. Книга эта, на которую редакція ассигнуетъ значительную сумму денегъ, будетъ издана роскошно, отдѣльнымъ томомъ и предложена подписчикамъ за одну только стоимость бумаги и пересылки.

ОТДѢЛЪ БЕЛЛЕТРИСТИКИ составятъ главную часть содержанія воскресныхъ №№, давая читателю романы, повѣсти, стихотворенія и отдѣльные разсказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей. Составляя такимъ образомъ эти номера, редакція разсчитываетъ дать своему читателю въ буквальномъ смыслѣ «воскресное чтеніе», чтобы каждое семейство, собираясь въ своемъ кругу, могло имѣть полезное и пріятное развлеченіе. Всѣ помѣщенные въ газетѣ романы, повѣсти, стихотворенія и разсказы будутъ изданы отдѣльнымъ томомъ и предложены подписчикамъ точно также—за одну только стоимость бумаги и пересылки.

Придавая громадное значеніе *внутренней жизни* нашего государства, редакція газеты «Эхо» уже имѣетъ въ настоящее время во всѣхъ главныхъ горо-

дахъ Россіи *корреспондентовъ*, лично извѣстныхъ редакціи, и на добросовѣстное отношеніе которыхъ къ своей высокой обязанности редакція можетъ положиться.

Изъ всѣхъ столицъ Европы и другихъ странъ редакція также имѣетъ самостоятельныхъ корреспондентовъ, которые, проживая долгое время за границей, прекрасно знаютъ мѣстную политическую и общественную жизнь.

„Церковно-Общественный Вѣстникъ“,

1885 г.

Съ 15-го сего октября открыта подписка на «Церковно-Общественный Вѣстникъ» въ 1885 году, **двѣнадцатомъ** его изданія.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. По этимъ не ограничивается задача «Церковно Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, мы дадимъ подписчикамъ, годовымъ и полугодовымъ, наше обычное безплатное приложеніе, подъ названіемъ «Календарь для духовенства» на 1885-й годъ. Годовая цѣна на газету съ безплатнымъ приложеніемъ **семь** рублей, полугодовая **четыре** рубля и трехмѣсячная **два** рубля. Для заграничныхъ подписчиковъ цѣна остается прежняя: 10 р. въ годъ.

Подписка принимается: въ редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника» въ С.-Петербургѣ, Троицкій переулокъ, д. № 3, кв. 5.

Редакторъ-издатель **А. И. Поповицкій.**

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

Газета политическая, экономическая и литературная.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

1-го января наступающаго 1885 года исполнится ровно **десять лѣтъ** съ той поры, какъ мы приняли на себя изданіе «Новороссійскаго Телеграфа».

Не мало средствъ, труда и энергіи пришлось намъ затратить, чтобы возобновленный нами «Новороссійскій Тел.» поставить на уровень общественныхъ задачъ и требованій; съ каждымъ годомъ мы убѣждались, что эти требованія возрастаютъ, и значеніе печатнаго органа увеличивается, почему ежегодно, расширяя программу газеты, мы успѣли довести ее по пути улучшеній до нынѣшняго ея состоянія.

Сочувствіе общества даетъ намъ силы на дальнѣйшую дѣятельность, а десятилѣтній опытъ научилъ насъ по возможности избѣгать случайныхъ промаховъ

и ошибокъ, неизбѣжныхъ во всякомъ дѣлѣ. Мы со свѣтлыми надеждами вступаемъ во второе десятилѣтіе, бодро и смѣло глядимъ впередъ и еще выше подымаемъ наше знамя, во имя котораго трудились десять лѣтъ.

Редакція «Новороссійскаго Телеграфа», не прибѣгая къ обѣщаніямъ и зазываніямъ, всегда стремилась къ увеличенію состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста **Буквы** (г. Василевскаго), украшающаго страницы «Новороссійскаго Телеграфа» въ теченіи шести лѣтъ, мы ежегодно пополняемъ редакцію новыми сотрудниками по отдѣламъ руководящихъ статей и фельетона. Кромѣ того, редакція и въ будущемъ году будетъ пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ, которыя обыкновенно появляются въ «Новор. Телеграфѣ» 1—2 днями ранѣе (иногда одновременно съ телеграммами) появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ, гдѣ онѣ помѣщаются уже въ видѣ перепечатокъ изъ столичныхъ изданій.

Вступая во второе десятилѣтіе, «Нов. Телеграфъ», не увеличивая подписной цѣны, **увеличиваетъ свой форматъ**, сравниваясь такимъ образомъ съ большими столичными газетами. Независимо отъ этого, мы удерживаемъ за собою право изданія **«безплатныхъ премій»**, которыя будутъ выходить не періодически, не въ опредѣленные сроки, а когда того потребуютъ особыя событія, накопленіе матеріяловъ и возможность изготовленія соотвѣтствующихъ рисунковъ.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.		Безъ доставки и пересыл.	Съ доставк. и пересыл.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »	» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »	» 12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россія слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Для **годовыхъ** подписчиковъ **допускается разсрочка** въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или **полугодовые** (по 7 руб. къ 1 января и къ 1 іюня), или по **четвертямъ** года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1-го марта, 1-го іюня и 1-го сентября), т. е. всегда за **мѣсяцъ впередъ** до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, **допускается подписка въ кредитъ**, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1885 года.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“

1885 (годъ Большой Литературно-Художественный Журналъ. седьмой) **1885**

Выходитъ **еженедѣльно**, т. е. 52 нумера въ годъ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, и каждый нумеръ заключаетъ въ себѣ отъ 16 до 20 страницъ, со множествомъ художественно-выполненныхъ гравюръ; *(въ годъ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ).*

Кромѣ еженедѣльныхъ нумеровъ журнала всѣ подписчики получаютъ БЕЗПЛАТНО:

„ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“, въ которыхъ въ теченіи года помѣщаются наиболѣе выдающіяся беллетристическія произведенія всѣхъ корифеевъ иностранной литературы. Къ концу года *«Еженедѣльныя Литературныя Приложенія»* составятъ *нѣсколько томовъ* самаго интереснаго и занимательнаго чтенія.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, представляющія снимки съ новѣйшихъ капитальныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Нѣкоторыя приложенія печатаются съ тономъ. Прекрасная бумага, изящное исполненіе въ гравюрѣ, артистическая печать, все это даетъ возможность составить изъ художественныхъ приложеній «Иллюстрированнаго Міра» роскошный альбомъ.

„НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, разсылаемыя ежемѣсячно и составляющія полный рукодѣльно-модный журналъ. Въ теченіи года дается: *около 500 политипажныхъ рисунковъ* новѣйшихъ модъ, какъ то: домашнія платья, пріемные туалеты, визитные, костюмы для гулянья, выѣздные туалеты, вечерніе для театровъ, концертовъ, бальные, туалеты для невѣстъ, для причастія, различныя шубки, пальто, жакетки и пр., а также дѣтскіе костюмы, платье, бѣлье и т. п. *Рукодѣльныя работы: разнообразныя буквы, инициалы, вензеля* и пр. Въ каждомъ модномъ нумерѣ заключаются слѣдующіе отдѣлы: *Модный Курьеръ* (обзоръ модъ), *Описаніе рисунковъ*, *Хозяйство и кухня*, *Совѣты и рецепты*, *отвѣты подписчикамъ*, *смѣсь* и пр.

Всѣ годовые подписчики получаютъ **главную большую премію**: литературно-художественный

Живописный Альманахъ.

Альманахъ этотъ, украшенный прекрасными картинами, портретами и виньетками, будетъ заключать въ себѣ: стихотворенія, беллетристическія произведенія (оригинальныя и переводныя), біографіи, историческіе очерки, статьи по искусствамъ, путешествія и пр. Въ концѣ альманаха будетъ помѣщенъ юмористическій отдѣлъ съ каррикатурами.— *«Живописный Альманахъ»*, представляющій массу интереснаго чтенія, по своей изящности и богатымъ картинамъ *можетъ служить самымъ лучшимъ настольнымъ украшеніемъ въ каждомъ домѣ.*

(Желающіе получить альманахъ въ роскошномъ штампованномъ, золоченомъ переплетѣ прилагаютъ за переплетъ къ подписной цѣнѣ 1 р.)

Подписная цѣна журнала на 1885 годъ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. . .	**4 р.**	Безъ дост. въ Москвѣ, чрезъ кон. Л. Метцля	**4 р. 50 к.**	Съ доставк. въ Спб. и въ друг. городахъ и мѣстечкахъ Россіи.	**5 р.**

За границу . . . . . 6 руб.

Принимается подписка на $^1/_4$ года—**1 р. 25 к.**; на $^1/_2$ года—**2 р. 50 к.**; и на $^3/_4$ года—**3 р. 75 к.** Желающіе получать журналъ съ разсрочкою платежа подписной суммы, уплачиваютъ: при подпискѣ **2 р.**, къ 1-му марта **1 р.**, къ 1-му іюля **1 р.**, и къ 1-му сентября **1 р.**

Желающіе ознакомиться съ журналомъ, могутъ получать пробный нумеръ, высылая лишь двѣ 7-ми копѣечныя марки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С. Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, Невскій проспектъ, № 76. Въ Москвѣ, въ Центральной Конторѣ объявленій Л. Метцля, Петровка, домъ Солодовникова, № 6.

„ПРОГРЕССИВНОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО",

иллюстрированный журналъ раціональнаго веденія всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства съ цѣлью полученія наибольшаго дохода,

издающійся при постоянномъ сотрудничествѣ профессоровъ высшихъ учебныхъ земледѣльческихъ заведеній и хозяевъ-практиковъ, подъ редакціей Л. А. Черноглазова.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ большаго формата *съ безплатнымъ приложеніемъ* литературно-политическаго журнала **„Еженедѣльный Обзоръ"**.

По примѣру истекающаго года, въ журналѣ «Прогрессивное Сельское Хозяйство» каждая отрасль сельскаго хозяйства будетъ имѣть свой отдѣлъ, который будетъ разрабатываемъ съ возможною полнотою. **Программа**: 1) Полеводство. 2) Лѣсоводство. 3) Скотоводство и птицеводство. 4) Садоводство и огородничество. 5) Пчеловодство. 6) Сельскохозяйственная механика и архитектура. 7) Вопросы и отвѣты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства. 8) Сельско-хозяйственная хроника. 9) Полезныя замѣтки для сельскихъ хозяевъ и хозяекъ. 10) Домашняя медицина, гигіена и санитарное дѣло. 11) Внутренніе и иностранные рынки. При статьяхъ помѣщаются политипажи въ текстѣ и отдѣльные рисунки.—Журналъ «Еженедѣльный Обзоръ» даетъ въ каждомъ номерѣ краткую, но обстоятельную характеристику выдающихся событій русской и иностранной жизни, романы, повѣсти, небольшіе разсказы изъ области наукъ, искусствъ и художествъ и т. п.

Благодаря сочувствію гг. хозяевъ, редакція, несмотря на значительный объемъ своего изданія (не менѣе 200 печатныхъ листовъ въ годъ), множество до-

рого-стоящихъ рисунковъ и т. п., находитъ возможнымъ оставить прежнюю цѣну т. е. съ доставкою и пересылкою *тесть руб. въ годъ за оба изданія.* По примѣру прошлаго года, лица, подписавшіяся до 1 го января, получаютъ при одномъ изъ первыхъ четырехъ № журнала разныя огородныя и цвѣточныя сѣмена.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Прогрессивнаго Сель-Хозяйства» за 1884 г. могутъ быть получены изъ редакціи по 6 р. безъ перес.

Открыта подписка на сборникъ

„ПРАКТИЧЕСКІЕ НАСТАВЛЕНІЯ, УКАЗАНІЯ И РЕЦЕПТЫ",

примѣнимые въ домашнемъ, городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, состоящіе изъ: 1,000 полезныхъ наставленій и указаній относительно приготовленія разнаго рода съѣстныхъ припасовъ и консервовъ, а также и приготовленія мыла, помадъ, душистыхъ водъ, чернилъ, красокъ и проч.; выведенія различныхъ пятенъ, истребленія всякаго рода насѣкомыхъ; 250 домашнихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней; 500 средствъ насчетъ ухода и лѣченія лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней, птицъ и проч., и 250 полезныхъ замѣтокъ на счетъ разведенія цвѣтовъ, растеній, плодовъ и проч.

Тутъ-же продаются:

1) **Культура пшеницы,** монографія профессора Я. Н. Калиновскаго. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

2) Печатается сочиненіе Гравенгорста **„Практическій пасѣчникъ"** съ 56 рисунками; переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Цѣна съ пересылкою 2 рубля.

Контора редакціи помѣщается въ *С.-Петербургѣ, Троицкій пер.*, д. № 40.

„ТЕХНИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ",

иллюстрированный журналъ новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ заводско-фабричной промышленности,

СО СПЕЦІАЛЬНЫМИ ОТДѢЛАМИ

электротехники, винокуреннаго, пивовареннаго, сахарнаго, мукомольнаго, писчебумажнаго и кожевеннаго производствъ.

Программа журнала: 1) Узаконенія и распоряженія заводско-фабричныя. 2) Электротехника. 3) Винокуреніе. 4) Пивоваренное произв. 5) Сахарное производ. 6) Мукомольное произв. 7) Писчебумажное произв. 8) Кожевенное произв. 9) Технологія, какъ-то: кирпичное, крахмальное, маслобойное, мыловаренное, прядильное, свѣчное, суконное, ткацкое и проч. производства. 10) Химія. 11) Механика. 12) Горное дѣло и металлургія. 13) Техно-химическіе рецепты и наставленія. 14) Гигіена и санитарное дѣло. 15) Патенты. 16) Привилегіи. 17) Вопросы и отвѣты. 18) Техническая библіографія. 19) Смѣсь. 20) Объявленія.

Журналъ выходитъ 15 и 30 каждаго мѣсяца, въ 4—5 печатныхъ листовъ большаго формата, со многими политипажами въ текстѣ.

Подписная цѣна на **1** годъ съ пересылкою **10** руб.

„Техническій Обзоръ" за 1882, 1883 и 1884 гг. можно получать по 10 руб., съ пересылкою за каждый годъ.

Контора редакціи «Техническій Обзоръ» въ *С.-Петербургѣ, Троицкій пер., № 40.*

Открыта подписка на сочиненіе инжен. **Тильмана:**

„Подробное руководство къ установкѣ и постройкѣ паровыхъ котловъ"

всѣхъ лучшихъ системъ, съ подробнымъ расчетомъ паровиковъ, дымогарныхъ трубъ, арматуры и проч., *съ указаніемъ надежныхъ предохранительныхъ правилъ противъ взрыва*, а также съ указаніемъ на раціональное *утилизированіе топлива* и на новѣйшія усовершенствованія въ *отопленіи паровыхъ котловъ сжиганіемъ дыма—чистѣйшаго и лучшаго горючаго матеріала.*

1 большой томъ въ 40 печатныхъ листовъ, съ 400 политипажами.

Это замѣчательнѣйшее сочиненіе становится необходимымъ руководствомъ для каждаго *заводчика, фабриканта, владѣльца паровыхъ котловъ, механика, техника, техническаго училища и проч.*

Подписная цѣна **6** рублей.

Вышло уже 1, 2, 3 и 4 выпуски—5 и 6 находятся въ печати.

Подписка на соч. **Тильмана** принимается въ Редакціи **„Техническаго Обзора"**.

Открыта подписка на книгу

„ПРАКТИЧЕСКІЕ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКІЕ РЕЦЕПТЫ"

1500

новѣйшихъ и полезнѣйшихъ открытій, усовершенствованій и патентованныхъ изобрѣтеній въ областяхъ: винокуреннаго, водочнаго, воскобойнаго, горчичнаго, клеевареннаго, кожевеннаго, косметическаго, краснильнаго, красочнаго, крахмальнаго, лаковаго, маслобойнаго, машиннаго, механическихъ издѣлій, мукомольнаго, мыловареннаго, пивовареннаго, писчебумажнаго, сахарнаго, свѣчнаго, ситцепечатнаго, скорняжнаго, слесарнаго, спичечнаго, стеклянпаго, суконнаго, уксуснаго, табачнаго, фарфороваго, фаянсоваго, шоколаднаго и прочихъ производствъ.

Подписная цѣна **2** рубля, съ пересылкою **2** руб. **50** коп.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Техническій Обзоръ"** въ С-Петербургѣ.

„Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ“,

1885 г. (третій годъ изданія).

съ приложеніемъ газеты „ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ“

издаваемый при Императорской академіи Художествъ

подъ редакціей **А. И. СОМОВА.**

Вѣстникъ выходитъ въ свѣтъ шесть разъ въ годъ, т. е. однажды въ два мѣсяца, книжками въ 5—8 печатныхъ листовъ; «Художественныя Новости» появляются 24 раза въ годъ (1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца), въ объемѣ ½—1½ печатныхъ листа.

Къ «Вѣстнику» прилагаются эстампы, исполненные гравюрою на мѣди (рѣзцомъ или крѣпкою водкою) и на стали, фотогравюрою, фототипіею, литографіею и проч. Эти эстампы, которыхъ въ году полагается не менѣе 24-хъ, состоятъ изъ портретовъ художниковъ и изъ снимковъ съ замѣчательныхъ произведеній искусства. Сверхъ того, въ самомъ текстѣ «Вѣстника» помѣщаются въ неопредѣленномъ числѣ политипажи, исполненные ксилографіей и фотоцинкографіей.

Въ числѣ сотрудниковъ того и другаго изданія состоятъ: А. Н. Андреевъ, Н. Д. Ахшарумовъ, Н. М. Благовѣщенскій, бар. Г. Э. Брюннингъ, О. И. Булгаковъ, А. А. Васильчиковъ, М. В. Ватсонъ, М. Вашенъ (въ Парижѣ), А. В. Вышеславцевъ, Д. В. Григоровичъ, Э. Я. Доббертъ (въ Берлинѣ), Г. Е. Кизерлицкій, А. Н. Кирпичниковъ, Д. О. Кобеко, О. П. Ланцертъ, В. П. Ламбинъ, А. М. Матушинскій (Эмъ) Н. В. Павловъ, П. П. Петровъ, Е. Е. Рейгернъ, Е. А. Сабанѣевъ, Н. П. Собко, М. П. Соловьевъ, В. В. Стасовъ, Н. В. Султановъ, Е. Е. Трей (въ Дрезденѣ), С. С. Шайкевичъ, В. П. Шеміотъ, В. О. Эвальдъ и др.

По части гравированія, сотрудниками будутъ: А. А. Бобровъ, В. А. Бобровъ, М. П. Боткинъ, А. Вегеръ, В. Верле, О. Гофманъ, Л. Е. Дмитріевъ-Кавказскій, О. А. Кочетова, Е. З. Краснушкина, Б. Манфельдъ, В. В. Матте, Н. С. Мосоловъ, К. Д. Савицкій, П. Самокишъ, В. Унгеръ, И. И. Шишкинъ, и др.

Подписная цѣна за оба изданія вмѣстѣ: Безъ доставки **10** руб.; съ доставкою въ С.-Петербургѣ или съ пересылкою въ другія мѣста **12** р., за границею **15** руб.

Отдѣльная подписка на «Вѣстникъ» или на «Художественныя Новости» не допускается.

Въ видѣ *безплатной преміи* гг. подписчики получатъ *Альбомъ фототипическихъ снимковъ* большаго формата съ оригинальныхъ рисунковъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ изъ собраній Императорскаго Эрмитажа, Академіи художествъ и изъ другихъ петербургскихъ коллекцій. Альбомъ этотъ появится въ свѣтъ немедленно по его изготовленіи, во всякомъ случаѣ не позже ноября мѣсяца.

Подписываться можно: въ редакціи *«Вѣстника изящныхъ искусствъ»* (Вас. Остр., зданіе Императорской Академіи художествъ, ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, съ 10 час. утра до 4 час. попол.), въ Императорскомъ Обществѣ поощренія художествъ, въ эстампныхъ магазинахъ *А. Бегрова* и *Фельтена*, въ книжномъ магазинѣ *Мелье* и у всѣхъ извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ столицы.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться для подписки преимущественно въ редакцію.

Вѣстникъ и Художественныя Новости за 1883 и 1884 годы, вмѣстѣ съ изданными въ этихъ годахъ преміями, можно получать въ редакціи этихъ изданій. Цѣна за каждый экземпляръ каждаго годоваго изданія **10** руб. Гг. иногородные прибавляютъ къ этой цѣнѣ 2 р. на расходы по пересылкѣ.

Ежемѣсячный журналъ

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА".

1885 годъ.

(Выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 листовъ большаго формата и убористаго шрифта).

Въ составъ журнала входятъ: 1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины; 2) избранныя сочиненія изъ иностранной медицинской литературы преимущественно подъ редакціей профессоровъ-спеціалистовъ; 3) рефераты, обзоры, критическіе очерки, хроника и пр.

Годовая цѣна съ перес. **17** р., безъ перес. **15** р. Студенты, фельдшера и лекарск. помощн. платятъ 14 руб. въ годъ.

Въ журналѣ за прошлые года (1881, 1882, 1883 и 1884) были помѣщены изъ наиболѣе капитальныхъ вещей слѣдующія: 1) *А. Багинскій.* Дѣтскія болѣзни (43 лист.); *Бони. Физіологія* (110 лист.). *Генохъ.* Дѣтскія болѣзни (44 листа). *Зелимюлеръ.* Нервныя болѣзни (23 листа); *Мальгень. Оперативная хирургія* (34 лист.). *Нимейеръ.* Частная патологія и терапія (103 листа). *Рибо.* Болѣзни памяти (10 лист.). *Россбахъ.* Основы физическихъ методовъ леченія (32 листа). *Фритшъ.* Женскія болѣзни (28 лист.). *Шеффъ.* Зубныя болѣзни (17½ лист.). *Эйхгорстъ.* Діагностика (45 лист.). *Эйхгорстъ.* Частная патологія и терапія (140 лист.). *Эриксенъ.* Хирургія (105 лист.). *Ришэ.* Хирургическая анатомія (85 листовъ). *Дюринъ.* Болѣзни кожи (20 л.). *Гритль* съ рисунками Гейцмана (24 л.). *Никитинъ.* Ларингоскопія (19 л.).

Всѣ сочиненія, помѣщенныя въ «Медицинск. Библіот.», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ извѣстной коллекціи *Вредена* (*Генсмеръ* подъ редакціею проф.

Левшина. Кирхнеръ, ушныя болѣзни, 2-ой отдѣлъ *Зелимюлера* и пр.), психіатрію *Мейнерта* подъ редакціей пр. *Ковалевскаго* и проч.

Редакція имѣетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской медицинской литературѣ по гигіенѣ и судебной медицинѣ (редакція заручилась обѣщаніемъ профессоровъ печатать ихъ труды по этимъ и другимъ предметамъ въ «Мед. Библ.»).

Отдѣлъ «хроники и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медиц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Подписчики на 1885 годъ получаютъ безплатно при январьской книжкѣ Медицинскій Календарь (Новый Календарь для врачей).

Адресъ извѣстенъ петербургскому почтамту.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ.*
Издатель *П. Л. Вилькинъ.*

„ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА",

иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная.

Въ 11-й году своего изданія, т. е. въ **1885 году**, газета будетъ выходить на прежнихъ условіяхъ, безъ предварительной цензуры и въ значительно улучшенномъ составѣ, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю.

Ежемѣсячно прилагаются особо *ПАРИЖСКІЯ МОДЫ*, съ рисунками модъ и узоровъ, и 6 разъ въ годъ—по листу модныхъ выкроекъ, заключающему въ себѣ 4—5 выкроекъ полныхъ костюмовъ.

Газета сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія Правительства, новости торговыя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искусствъ и наукъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и разсказы преимущественно историческіе, стихотворенія, статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также *критика, библіографія.* Газета даетъ въ годъ *болѣе 770 рисунковъ* въ текстѣ. Въ ней принимаютъ участіе своими трудами лучшіе наши ученые художники.

Преміи 1885 г. 1) Крестный Календарь на 1886 годъ на веленевой бумагѣ. 2) Повѣсти и романы иностранные (въ приложеніи къ номерамъ). 3) Иллюстрированныя драмы Шекспира (выпускъ 5-й—драма «Макбетъ» въ прекрасномъ переводѣ С. А. Юрьева) и проч.

Новые подписчики могутъ, по особому заявленію съ ихъ стороны, получать безплатно большую олеографическую картину, представляющую точное (съ натуры) изображеніе **Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ** въ 1883 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1885 годъ: безъ доставки на годъ 4 руб.; *съ доставкою и пересылкою* на годъ 5 руб., на полгода съ января и іюля) 3 руб., 1 мѣсяцъ 60 к. За границу 7 руб., на полгода 3 р. 50 к.

«Газету» прежнихъ годовъ, съ 1875 по 1883 (кромѣ 1880 и 1883) можно получать изъ редакціи по 3 руб. за томъ (годъ), съ пересылкою.—Годовъ 1880 и 1883 не имѣется уже ни одного экземпляра.

Адресъ: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

Редакторъ-издатель **А. Гатцукъ.**

„СТРАННИКЪ"

1885 г. (пятый годъ изданія подъ новою редакціей). Г. 1885

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей, по слѣдующей программѣ:

1) Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ общей церковной исторіи и историко-литературнаго знанія,—преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ православной восточной и русской жизни. 2) Статьи, изслѣдованія и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ русской церковной исторіи. 3) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ. 4) Статьи философскаго содержанія по вопросамъ современной богословской мысли 5) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся явленіямъ церковной жизни. 6) Очерки, разсказы, описанія, знакомящія съ укладомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ исповѣданій, особенно—съ жизнью пастырства и преимущественно у славянъ. 7) Бытовые очерки, разсказы и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простаго народа. 8) Внутреннее церковное обозрѣніе и хроника епархіальной жизни. 9) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, особенно у славянъ. 10) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей. 11) Обзоръ свѣтскихъ журналовъ, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала. 12) Библіографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы. 13) Книжная лѣтопись; ежемѣсячный указатель всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія, краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 14) Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 15) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденція; объявленія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписная плата: съ пересылкою въ Россія и доставкою въ С.-Петербургѣ *ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.* Адресоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С. Петербургѣ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: **А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.**

Большой еженедѣльный, художественно-лнжуирратетурный алъ

„РОССІЯ".

1885 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). г. 1885

Съ 1 января 1885 года будетъ выходить 4 раза въ мѣсяцъ: 1, 8, 15 и 22 числа, въ новомъ **увеличенномъ** объемѣ—2½ печатныхъ листа, съ **четырьмя** отдѣльными большими **оригинальными** рисунками при каждомъ №.

Кромѣ множества другихъ статей и произведеній **въ 1885 году будутъ напечатаны:** 1) Неизданныя письма *И. С. Тургенева*, 2) Новая Золушка, большой романъ, *гр. Е. А. Саліаса*, 3) Историческія повѣсти *Н. А. Чаева*, 4) Очерки изъ народной жизни *Н. Н. Златовратскаго*, 5) Фантазеръ, большой романъ, *Д. А. Линева*, 6) Тихія воды глубоки, повѣсть, *А. В. Круглова*, 7) Двѣ избранницы, романъ, *К. Н. Леонтьева*, 8) Воспоминанія о П. С. Мочаловѣ, *С. А. Юрьева*. 9) «День византійскаго императора», историч. повѣсть, *П. П. Аксакова*, 10) «Пасынокъ судьбы», повѣсть, *С. Н. Филиппова*. 11) «Что побудило?» деревенскій разсказъ, *Д. А. Линева*. 12) Разсказы изъ современной уголовной хроники, *В. А. Скрипицына*.

Независимо отъ названныхъ именъ, въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе: *Д. Л. Мордовцевъ*, *Н. С. Лѣсковъ-Стебницкій*, *А. П. Плещеевъ*, *Я. П. Полонскій*, *Л. П. Пальминъ*, *В. С. Баскинъ*. *В. В. Чуйко*, *М. М. Неиновъ*, г-жа *Евгенія Туръ* и многіе другіе.

Художественный отдѣлъ журнала будетъ преслѣдовать въ сущности ту же цѣль, что и отдѣлъ литературный, т. е. представлять собою живописный сводъ иллюстрацій Россіи въ богатомъ многообразіи ея жизни, природы и искусства.

По прежнему къ каждому № будутъ прилагаться четыре отдѣльныхъ оригинальныхъ рисунка, исполненныхъ автографическимъ способомъ. «Россія» въ этомъ отношеніи представляетъ журналъ, рѣзко отличающійся по своему характеру отъ другихъ иллюстрированныхъ изданій, пользующихся зачастую заимствованными, иностранными клише.

Въ будущемъ 1885 году редакціей устанавливается систематизація рисунковъ, такъ-что впослѣдствіи подписчики могутъ образовать изъ нихъ нѣсколько отдѣльныхъ альбомовъ.

Такъ, между прочимъ, будутъ помѣщены въ будущемъ году:

1) 12 портретовъ извѣстныхъ русскихъ представителей литературы, науки и искусства.

2) 30 копій съ картинъ русской живописи или произведеній иностранной школы, находящихся въ Россіи.

3) около 25 отдѣльныхъ иллюстрацій къ беллетристическимъ произведеніямъ,

помѣщеннымъ въ журналѣ, въ томъ числѣ нѣсколько ориг. рис. А. С. Янова къ исторической повѣсти И. И. Аксакова: «День византійскаго императора».

4) Около 20 видовъ различныхъ живописныхъ мѣстностей Россіи (для собранія матеріала редакціей командированъ уже художникъ лейпцигской академіи фотографъ Тиннеръ).

5) 12 виньетокъ къ стихотвореніямъ, на подобіе помѣщенныхъ уже въ текущемъ году.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала будутъ помѣщены рисунки:

Н. М. Быковскаго, В. М. Васнецова, С. И. Иванова, Н. П. Каразина, К. В. Лемохъ, К. Е, И. Е. и В. Е. Маковскихъ, М. О. Микѣшина, В. Д. Полѣнова, И. Е. Рѣпина, К. А. Савицкаго. К. А. Трутовскаго и мног. друг.

Въ будущемъ 1885 году всѣ годовые подписчики получатъ **роскошную премію акварель** (размѣр. 140 кв. верш.), заказанную по оригиналу, спеціально исполненному для журн. «Россія» академикомъ исторической живописи Н. В. Невревымъ: **«СЦЕНА У ФОНТАНА»** (изъ «Бориса Годунова», Пушкина). Она будетъ исполнена въ знаменитой французской литографіи Лемерсье и К°.

Подписная цѣна **7** р. на мѣстѣ и **8** р. съ доставкой на домъ и пересылкой. Подписка принимается: а) въ Москвѣ, въ редакціи, Тверской бульваръ, д. Эфроса, б) въ магазинахъ: Даціаро, Аванцо, Вольфа, Мамонтова, «Новаго Времени», Васильева (на Страстномъ бульв.) и въ конторѣ объявленій Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ, в) въ С.-Петербургѣ: у Мелье, Вольфа и Суворина и г) въ Кіевѣ: у книгопродавцевъ Столбецова и Корейво. Иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію. **Разсрочка годовой подписной суммы можетъ быть допущена на слѣдающихъ условіяхъ: 5 руб. при подпискѣ и 3 рубля 1 Іюля.**

Редакторъ-издатель **О. М. Умнецъ.**

1885 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). г. 1885

Еженедѣльный „РАДУГА“, иллюстрированный семейный журналъ литературы, изящныхъ искусствъ и общественной жизни.

50 нумеровъ въ годъ. 50.

Въ 1885 году **«Радуга»** дастъ своимъ читателямъ рядъ **романовъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній исключительно изъ русской жизни**, съ участіемъ **выдающихся** современныхъ русскихъ писателей. **ИЛЛЮСТРАЦІИ** извѣстныхъ русскихъ художниковъ будутъ воспроизведены самымъ тщательнымъ образомъ, съ помощью новѣйшихъ открытій въ области графическихъ искусствъ. Гравюры будутъ исполнены въ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ заведеніяхъ.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) **СЦЕНА.** Театральное искусство. Критика. Драматическія пьесы для большой сцены и **для любительскихъ спектаклей.** Комедіи. Трагедіи. Драмы. Воде-

и при участіи извѣстныхъ драматурговъ, какъ Викторъ Александровъ (Крыловъ) Невѣжинъ, князь Сумбатовъ и др. Провинціальная корреспонденція. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщены *ПОРТРЕТЫ* русскихъ драматическихъ писателей и выдающихся артистовъ русской столичной и провинціальной сцены.

2) **АККОРДЪ**. Новости изъ музыкальнаго міра. Портреты выдающихся современныхъ композиторовъ и исполнителей. Отчеты о концертахъ. Критическія замѣтки. Къ каждому нумеру «Аккорда» будутъ приложены **также безплатно** *НОТЫ* для фортепіано и пѣнія: исключительно новыя пьесы, танцы, арранжировки изъ новыхъ оперъ и оперетокъ.

3) **МОДЫ**. Иллюстрированныя парижскія моды. Текстъ и рисунки изъ Парижа, подъ редакціею Тіерри. *Руководство для туалетнаго стола. Косметики. Домашній обиходъ. Домашнее хозяйство. Столъ.*

4) **ГИГІЕНА—новый отдѣлъ**. Какъ жить здоровому и какъ помочь больному человѣку. Совѣты врача. *При этомъ отдѣлѣ открытъ почтовый ящикъ для совѣтовъ.* Пользоваться правомъ этого почтоваго ящика могутъ лишь гг. подписчики.

5) **САЛОНЪ**—новый-же отдѣлъ, иллюстрированныя общественныя увеселенія. 1) Карты. 2) Общественныя игры. 3) Пасьянсы. 4) Хореографія (танцы). 5) Шарады. 6) Ребусы. 7) Задачи. 8) Фокусы. 9) Эксперименты изъ области химіи и физики. 10) Гимнастика. 11) Спиритизмъ. 12) Обширный шахматный отдѣлъ. 13) Стенографическій отдѣлъ. 14) Почтовый ящикъ для гласной корреспонденціи подписчиковъ между собою (право пользованія имѣютъ только подписчики журнала).

Кромѣ всего будетъ дана великолѣпная безплатная премія.

Подписная цѣна на 1885 годъ, со всѣми приложеніями, съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи **только 5 руб.**, за границу—**7 руб**; на ½ года—**3 руб.**, за границу—**4 руб.**

Допускается разсрочка платежа годовой подписной цѣны: при подпискѣ **2 р.**, затѣмъ 1 марта **1 р.**, 1 апрѣля **1 р.** и 1 іюня **1 р.**

Подписка принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородныхъ просятъ адресовать: *Въ редакцію журнала «Радуга». Москва.*

Редакторъ **Д. А. Мансфельдъ**. Издатель **Л. Метцль**.

---

5 годъ изданія. (ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО). изданія годъ **5**

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Сѣвернаго телеграфнаго агентства». V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Что дѣ-

лается на югѣ: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. IX. Наука и искусство. X. Внѣшнія корреспонденціи «Южнаго Края». XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVIII. Сторонніе сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе чѣмъ въ 100 губернскихъ, уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ и во многихъ станицахъ, и селахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки.	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою.	12 р. — к.	7 р. — к.	4 р. — к.	1 р. 40 к.
Съ пересылкою иногороднимъ .	12 р. 50 к.	7 р. 50 к.	4 р. — к.	1 р. 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются: въ **Харьковѣ**—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Екатеринославской улицѣ, въ домѣ Файнберга, № 44; въ **Петербургѣ**—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Струбинскаго; въ **Москвѣ**—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Петровкѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій П. Печковской; въ **Варшавѣ**—въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 18; въ **Кіевѣ**—въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ **Одессѣ**—въ книжныхъ магазинахъ В. М. Бѣлаго и Е. П. Распопова; въ **Полтавѣ**—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойно-Родзевича, въ конторѣ И. А. Дохмана; въ **Кременчугѣ**—въ «Русской книжной торговлѣ» Д. Я. Тартаковскаго.

„Церковный Вѣстникъ“

и „ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

(СЪ ТОЛКОВАНІЯМИ НА ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ).

«Церковный Вѣстникъ» съ 1-го января будущаго 1885 г. имѣетъ вступить въ **одиннадцатый годъ существованія**. Десять лѣтъ—достаточный періодъ времени для уясненія характера, направленія и цѣлей изданія. Въ офиціальной своей части «Церковный Вѣстникъ» есть офиціальный органъ св. синода и

состоящихъ при немъ центральныхъ учрежденій, въ неофиціальной-же части онъ есть органъ с.-петербургской духовной академіи. Высшее церковное правительство, избравъ офиціальную часть академической церковной газеты своимъ офиціальнымъ органомъ для помѣщенія въ ней своихъ распоряженій и Высочайшихъ повелѣній по духовному вѣдомству и чрезъ то удостоивъ академическую корпорацію высокой степени своего довѣрія, не лишило въ то же время послѣднюю возможности имѣть *въ собственномъ смыслѣ неофиціальную часть*, въ которой-бы академическая корпорація свободно выражала свои сужденія по церковнымъ вопросамъ, сообщала полезныя для духовенства свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ давала-бы возможность и духовенству высказывать свои нужды и желанія, и такимъ образомъ существовалъ бы взаимный обмѣнъ мыслей между людьми духовной науки и дѣятелями церковной жизни. Высоко цѣня такія истинно-пастырскія, въ духѣ древней церкви, отношенія высшей церковной власти къ высшей духовной школѣ, академическая корпорація, по мѣрѣ силъ въ теченіи десяти лѣтъ, старалась въ неофиціальной части «Церк. Вѣстн.» осуществлять прекрасный идеалъ свободнаго служенія истиннымъ интересамъ православной церкви на поприщѣ духовной публицистики,—идеалъ, глубокіе корни котораго скрываются въ характерѣ восточнаго православія.

Постепенно и свободно развиваясь, неофиціальная часть «Церк. Вѣстн.» получила въ послѣднее время слѣдующій видъ. Въ ней печатаются прежде всего разнообразныя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ, именно: 1) *передовыя статьи*, 2) *корреспонденціи. статьи и сообщенія* внѣшнихъ сотрудниковъ, преимущественно духовныхъ лицъ и 3) *«Мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ»*. Для помѣщенія различныхъ извѣстій имѣются слѣдующіе постоянные отдѣлы: 4) *«Лѣтопись церковная»*, представляющая обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ области религіозной жизни нашей отечественной церкви по всѣмъ ея епархіямъ; 5) *Иностранное обозрѣніе*, сообщающее извѣстія изъ религіозной жизни православнаго востока и римско-католическаго и протестантскаго запада; 6) *«Лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграницей»*, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ и внѣ его; 7) *«Разныя извѣстія и замѣтки»*, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ лѣтописяхъ и обозрѣніяхъ; не послѣднее мѣсто занимаютъ здѣсь сообщенія о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ. Немалое вниманіе обращено также и на отдѣлы библіографическіе, которые суть слѣдующіе: 8) *«Журнальное обозрѣніе»*, представляющее обозрѣніе нашей духовной журналистики (каждый мѣсяцъ разъ); 9) *«Замѣтки читателя епархіальныхъ вѣдомостей»* (два раза въ мѣсяцъ), сообщающія извлеченіе интереснаго, по преимуществу историческаго матеріала изъ всѣхъ 44-хъ существующихъ епархіальныхъ вѣдомостей (это новый, только что организованный отдѣлъ) и 10) *«Библіографическія замѣтки»* или обозрѣніе вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій (нѣсколько разъ въ мѣсяцъ); этотъ отдѣлъ съ новаго года предполагается преобразовать въ смыслѣ полноты и краткости библіографическихъ обозрѣній.

Такимъ образомъ, редакція имѣетъ смѣлость думать, что вышеозначенными *десятью отдѣлами* неофиціальной части «Церк. Вѣстн.» довольно полно обнимаются всѣ важнѣйшія проявленія церковно-общественной жизни, преимущественно въ нашемъ отечествѣ и въ значительной мѣрѣ внѣ его.

«Христіанское Чтеніе», составляющее прибавленіе къ «Церк. Вѣстн.», помѣщаетъ разнообразныя, преимущественно ученыя, статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній. Сверхъ того, въ немъ печатаются, съ особымъ счетомъ страницъ, «Толкованія на Ветхій Завѣтъ». Въ 1885 г. будетъ продолжаться печатаніе «Толкованія на книгу пророка Исаіи», такъ что къ концу года выйдетъ особою книжкою 6-й выпускъ «Толкованій».

Шестой (пятый вышелъ въ 1883 г.) выпускъ, содержащій продолжніе толкованій на книгу Псалмовъ, выйдетъ въ декабрѣ 1884 года. Ц. 75 к. безъ перес. и 1 р. съ перес.

«Церк. Вѣстн.» и «Христ. Чт.» съ «Толкованіями» составятъ въ годъ болѣе **двухсотъ шестидесяти** (260) печатныхъ листовъ («Церк. Вѣстн.» 142 л. и «Христ. Чтен.» 142 л.).

Цѣна.—Годовая цѣна въ Россіи *за оба журнали* **7 р.** съ пересылкою; *отдѣльно* за «Церковный Вѣстникъ» **5 р.**, за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями» **5 р.** За границей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала **9 р**, за каждый отдѣльно **7 р.** съ перес.

Подписка.—*Иногородные подписчики* надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церк. Вѣст.» и Христ. Чт.», въ С.-Петербургѣ». *Подписывающіеся въ Петербургѣ* подписываются въ конторѣ редакціи (уголъ Коломенской улицы и Свѣчнаго переулка, д. № 10—16, кв. № 26), гдѣ получаются также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.—за 1 разъ) и для разсылки при «Церк. Вѣстн.» (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Кораблева), въ Москвѣ—при кн. маг. Ферапонтова.

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“,

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и КОММЕРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

въ форматѣ самыхъ большихъ столичныхъ изданій.

Каждый интересующійся политическою и общественною жизнью Россіи и внимательно слѣдящій за ея развитіемъ, могъ, безъ сомнѣнія, замѣтить быстрый ростъ провинціи, которая, не смотря на многія неблагопріятныя условія и экономическій кризисъ, переживаемый страною, успѣла освободиться отъ прежней обывательской замкнутости и занять болѣе самостоятельное мѣсто. Задачи и дѣятельности провинціи становятся съ каждымъ днемъ шире, сложнѣе, и лучшимъ представителемъ этого политико-экономическаго роста является Одесса, которая, въ

періодъ короткаго времени сдѣлалась интеллектуальнымъ и торговымъ центромъ юга Россіи и первымъ городомъ послѣ обѣихъ столицъ и Варшавы. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ развитіемъ общественнаго самосознанія въ провинціи, развивалась и крѣпла провинціальная печать, поставившая себѣ задачею знакомить Россію съ бытомъ, нуждами и потребностями.

«Одесскій Листокъ» въ качествѣ провинціальной газеты, всегда стремился къ осуществленію этой задачи, стараясь дать своимъ читателямъ возможно полное представленіе о всѣхъ событіяхъ дня, имѣющихъ то или другое общественное значеніе, и разработывая матеріалы, доставляемые жизнью провинціи. Но матеріалы эти съ каждымъ днемъ становились обширнѣе, такъ что обыкновенный форматъ газеты оказался недостаточнымъ для того, чтобы редакція имѣла возможность своевременно знакомить читателей съ выдающимися фактами, заслуживающими общественнаго вниманія. Въ виду этого редакція признала необходимымъ увеличить газету до такихъ размѣровъ, при которыхъ она могла бы помѣщать въ № болѣе подробное обозрѣніе общественной жизни, не затрудняясь при этомъ массою объявленій, являющейся результатомъ распространенности «Одесскаго Листка». Со второй половины ноября 1884 года, газета «Одесскій Листокъ» выходитъ въ форматѣ самыхъ большихъ петербургскихъ газетъ, въ семь столбцовъ вмѣсто шести, что, однако, не остановитъ редакцію передъ выпускомъ полуторныхъ номеровъ, вслучаѣ скопленія такого матеріала, который будетъ имѣть исключительный интересъ и нуждаться въ подробной разработкѣ. Съ преобразованіемъ газеты, редакціею обращено особенное вниманіе на отдѣлы: политическій, общественный (руководящія статьи какъ по общимъ, такъ и по краевымъ вопросамъ), городской, земскій, судебный, отдѣлъ корреспонденцій и вѣстей изъ всѣхъ городовъ Южной Россіи, музыкальный, театральный и фельетонный, въ которомъ, помимо печатанія беллетристическихъ и научныхъ произведеній и участія нашихъ постоянныхъ фельетонистовъ Барона Икса, Черноморца и Осы, будутъ помѣщаться фельетоны нашего даровитаго поэта *Д. Д. Минаева*, въ стихахъ и прозѣ, подъ общимъ заглавіемъ «Чѣмъ хата богата».

Не смотря на вышепоименованныя улучшенія, цѣна на «Одесскій Листокъ» все таки остается значительно ниже другихъ большихъ литературно-политическихъ газетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ городъ:		*Съ пересылкою въ другіе города:*	
на годъ	10 р.	на годъ	12 р.
— полгода	6 р.	— полгода	7 р.
3 мѣсяца	3 р. 50 к.	3 мѣсяца	3 р. 80 к.
1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ «Одесскаго Листка», на углу Ришельевской и Полицейской ул., д. Баржанскаго, въ Одессѣ.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

„СВѢТЪ“ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. въ форматѣ обыкновеннаго листа 1885.

выходитъ (кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками).

Начавъ издаваться съ 1 января 1882 года, **«СВѢТЪ»** имѣлъ невѣроятный и небывалый успѣхъ и сразу сталъ *САМОЮ РАСПРОСТРАНЕННОЮ ГАЗЕТОЮ ВЪ РОССІИ.*

Цѣна на „СВѢТЪ“

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ:

За годъ . . . . . 4 р.
— полгода. . . . . 2 р.
— четверть года . . . . . 1 р.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ 1885 году, по прежнему будутъ выходить и **«ПРИЛОЖЕНІЕ РОМАНОВЪ»** къ газетѣ **«СВѢТЪ»**.

Двѣнадцать романовъ въ годъ, по одному каждый мѣсяцъ, лучшихъ европейскихъ и русскихъ писателей. Романы иллюстрированы.

Цѣна на газету съ «ПРИЛОЖЕНІЕМЪ РОМАНОВЪ», съ пересылкою и доставкою:

на годъ (съ 11 романами) 8 руб.
1/2 года (съ 6 романами) 4 руб.
1/4 года (съ 3 романами) 2 руб.

Подписка на газету съ «Приложеніемъ Романовъ» принимается нераздѣльно на одинъ и тотъ-же срокъ.

Безъ газеты подписка на одни романы не принимается.

Письма и подписныя деньги адресовать: Спб., редакція газеты **«СВѢТЪ»**, Гороховая, № 47.

Редакторъ-издатель **В. В. Комаровъ.**

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

Содержаніе «Виленскаго Вѣстника» такое же, какъ и всѣхъ провинціальныхъ газетъ. Давая отчетъ о всѣхъ явленіяхъ дня и фактахъ, совершающихся въ нашемъ обширномъ отечествѣ, «Виленскій Вѣстникъ» удѣляетъ значительную часть своихъ столбцовъ интересамъ мѣстнымъ, т. е. Сѣверо-Западнаго края Россіи. «Виленскій Вѣстникъ» получаетъ ежедневно, непосредственно по телеграфу, телеграммы о всѣхъ выдающихся событіяхъ дня какъ въ Имперіи, такъ и заграницею. Кромѣ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстностей Сѣверо-Западнаго края, «Виленскій Вѣстникъ» имѣетъ корреспондентовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ главныхъ городахъ Имперіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Вильнѣ, съ доставкою на домъ по городской почтѣ.		Съ пересылкою по почтѣ въ другіе города.	
На годъ	9 р. — к.	На годъ	10 р. — к.
— полгода	4 р. 50 к.	— полгода	5 р. — к.
— 3 мѣсяца	2 р. 40 к.	— 4 мѣсяца	3 р. — к.
За 1 мѣсяцъ	— р. 80 к.	За 1 мѣсяцъ	1 р. — к.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» *(Виленская улица, домъ г. Ленскаго)*, въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина *(Большая улица, собственный домъ)* и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

ИЗВѢСТІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО

СЛАВЯНСКАГО

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА

въ 1885 году.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Въ 1885 году «ИЗВѢСТІЯ» будутъ выходить ежемѣсячными выпусками отъ 2 до $2^1/_2$ листовъ.

ПРОГРАММА: I. Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества и другихъ Славянскихъ обществъ въ Россіи и заграницей. II. Славянское обозрѣніе. III. Славянскія библіографическія извѣстія. IV. Объявленія.

Подписная годовая цѣна для всѣхъ подписчиковъ безъ различія въ Россіи и за-границей, съ доставкой и пересылкой, **ДВА РУБЛЯ**. Срокъ годовой подписки считается съ 1-го января 1885 года.

Подписка принимается *въ С.-Петербургѣ*, въ помѣщеніи «С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества», на площади Александринскаго театра, домъ № 7. Тамъ-же можно подписываться на «Извѣстія» текущаго года по **ДВА РУБЛЯ** за экз.

Редакторы: **Н. Н. СТРАХОВЪ.**
И. И. СОКОЛОВЪ.

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, присылавшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіев. Старина“ принимается подписка на издающіяся во Львовѣ газеты:

1., „ДѢЛО.“ Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

2., „ЗОРЯ.“ Газета научно-литературная, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; цѣна съ пересылкою 6 р. за годъ и 3 р. за полугодіе. Адресъ редакціи: Львовъ, улица Фредра, № 3.

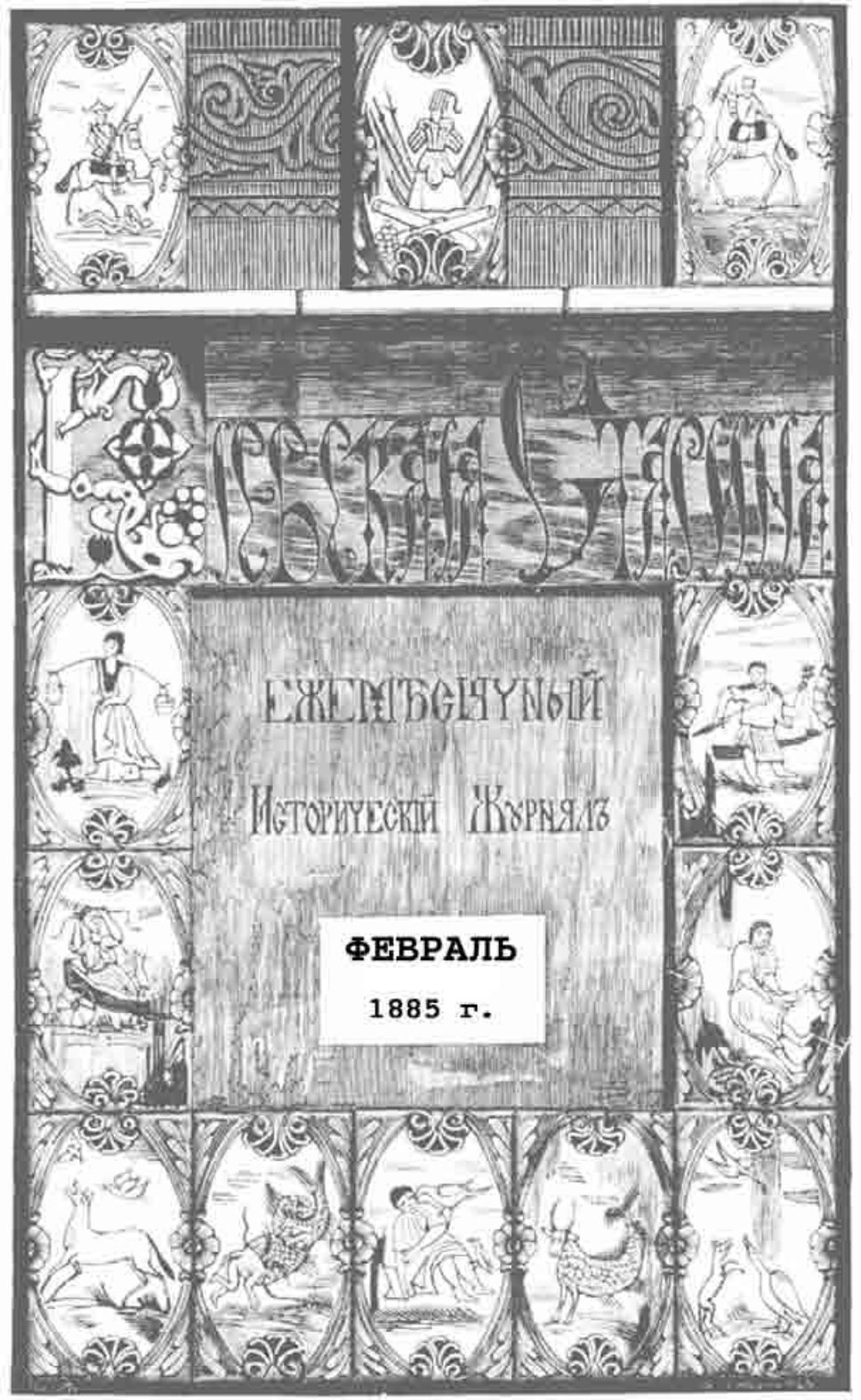
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
ФЕВРАЛЬ
1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XI. 1885 г.

Январь, 1885 г.

стр.

I. ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА. **Н. Ѳ. Сумцова.** 1

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ 20

III. ПРИЛУЦКІЙ ПОЛКОВОЙ АСАУЛЪ МИХАЙЛО МОВЧАНЪ И ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИГА. **В. Антоновича.** 57

IV. ДРЕВНІЯ И НОВЫЯ СКАЗАНІЯ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Къ вопросу о томъ, можетъ-ли кіевская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія). **С. Голубева.** . . . 85

V. ДУНАЙЦЫ. **А. Скальковскаго.** 117

VI. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. *(Продолженіе).* **И. Левицкаго.** 133

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Пчела почаевская. Изборникъ назидательныхъ поученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ лавры почаевской (1581—1651 г.), изданный въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ, по собственной рукописи преподобнаго, подъ редакціею профессора кіевской духовной академіи Н. И. Петрова. Почаевъ. 1884 года.—*С. Голубева.*—б) Археологическое обозрѣніе, органъ ц. к. Музея древностей и львовскаго археологическаго общества. Вып. 1—3. Львовъ. 1882—1883 гг.—*Н. Д.*—в) Рада, украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ. 1884 г.—*Г.* . . 157

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Гдѣ жили первые кіевскіе митрополиты, въ Переяславѣ или въ Кіевѣ.—*П. Л.*—б) Новый варіантъ думы «Алексій Поповичъ».—*Н. Ѳ. Сумцова.*—в) Нѣмецкій тринкгельдъ на малорусской почвѣ.—*С. Бѣлинскаго.*—г) Два письма Б. Хмель-

стр.

ницкаго къ П. Сапѣгѣ, воеводѣ виленскому, великому гетману литовскому.—Сообщ. *Н. В. С ко.*—д) Изъ народныхъ разсказовъ о слободско-украинскихъ помѣщикахъ.— *А. Катрухина.*—е) Изъ воспоминаній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ.—*Ф. П—на.*—ж) Изъ письма въ редакцію —з) Журнально газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—*Θ. Н.* 177

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Февраль, 1885 г.

I. МАЛОРУССКІЯ ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВАНІЯ. **Н. Ѳ. Сумцова** 215

II. ВОСПОМИНАНІЕ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ ЕГО СЛУЧАЙНАГО УЧЕНИКА. **Б. Суханова-Подползина** 229

III. ВОСПОМИНАНІЕ ИЗЪ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО. (О школѣ и грамотности въ кіевской губерніи). **Бориса П—скаго**. 235

IV. ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Отвѣтъ С Т. Голубеву). **П. Л.** 268

V. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 282

VI. ХУДОЖНИКЪ КИРИЛЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛОВАЧЕВСКІЙ. (Біографическій очеркъ). **И. Божерянова**. 308

VII. АВТОБІОГРАФІЯ ЮЖНО-РУССКАГО СВЯЩЕННИКА 1-Й ПОЛОВИНЫ XVIII СТ. Съ предисловіемъ 318

VIII. КЪ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. 333

IX. КЪ ИСТОРІИ ПОГРАНИЧНЫХЪ НАШИХЪ СНОШЕНІЙ СЪ КРЫМСКИМЪ ХАНСТВОМЪ. (Путевой журналъ секундъ маіора Матвѣя Миронова, въ командировку его къ крымскому хану, 1755 года). Съ предисловіемъ **А. Андр.** 339

X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной библіотекѣ. Изданіе виленской археографической коммисіи. Выпускъ I (1332—1548). Вильна. 1884 г.—*И. Каманина.*—б) Чтенія въ импер. обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при моск. университетѣ. 1884 г. книга 2—*Θ. Н.*—в) Древнѣйшія карты Россіи. Гамбургъ. 1885—91.—*N. S.*—г) Ив. Франко.—Захаръ Беркутъ. Образъ громадскаго житя Карпатской Руси въ XIII вѣцѣ. Львовъ. 1884 г.—*Г.* 357

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Русская святыня на западѣ Европы.—б) Сербы въ Кіевѣ.—в) Волынская бывальщина.—*И. А. Шафарука.*—г) Губернскія Вѣдомости, какъ пособіе при изученіи русской

стр.

исторіи и этнографіи.—*Н. Ѳ. Сумцова.* - д) Пребываніе императора Александра I-го въ Кіевѣ въ 1816 г.—Сообщ. *Левъ Мацѣевичъ.*— д) Слѣды поселенія запорожцевъ въ Сванетіи. (Изъ письма въ редакцію).—*Г. Лебединца.*—е) А. О. Кистяковскій. (Некрологъ) —*И. Лучицкаго.*—ж) Библіографическое извѣщеніе.—*Г.* 377

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Мартъ, 1885 г.

I. РЕЛИГІОЗНО-МИѲИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ МАЛОРУССКОЙ СВАДЬБЫ. **Н. Ѳ. Сумцова** 417

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 437

III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. *(Продолженіе).* **К. М.** 465

IV. БАПТИЗМЪ ИЛИ ШТУНДА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **П. Л—ва.** . 500

V. ЕЩЕ ЩЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА. **Ѳ. Каминскаго.** . . . 519

VI. КЪ ИСТОРІИ КОЛОНИЗАЦІИ НОВОРОССІИ. 501

VII. УНИВЕРСАЛЪ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКОВНИКА ЛИЗОГУБА 1690 Г. (Въ разрѣшеніе земельныхъ претензій польской шляхты, изгнанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ) 529

VIII. СУПЛИКА, АБО ЗАМЫСЛЪ НА ПОПА 543

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издалъ Л. Майковъ. С.-Петербургъ. 1884 г.—*П. Ѳ. Сумцова.*—б) Харьковскій календарь и памятная книжка на 1885 г. Изданіе харьк. губ. статист. комитета.— *Дм. Багалѣя.*—в) О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. І. Сенигова. Спб. 1884 г.—*П. Голубовскаго.*—г) Писцовыя книги пинскаго и клецкаго княжества. Изданіе виленской археографической коммисіи. Вильна. 1884 г.—*И. Каманина* 551

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ статьѣ г. Берхина „О посольствахъ Владиміра св. для испытанія вѣръ".—*П. Голубовскаго.*—б) Археологическія находки въ гомельскомъ уѣздѣ могилевской губерніи.—*А. Лоначевскаго*—в) Гетманскій городъ.—*В. Е. Бучневича.*—г) Вулканъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII ст.—Сообщ. *С. Н. И.*—д) Кіевъ въ 1799 году.—*В. Горленка.*—е) Малоруская историческая шарада.—ж) Евгеній Желеховскій. (Некрологъ).—з) Журнально-газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—*Ѳ. Н.* 569

XI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . . 129—144

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Апрѣль, 1885 г.

стр.

I. КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ—ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ . . . . I—VI

II. ВОРОНЕЖСКІЕ ХОХЛЫ. (Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій). **Бориса П—скаго** 613

III. ІОАННЪ ВЫШЕНСКІЙ. (Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.). **Н. Ѳ. Сумцова** 649

IV. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 678

V. ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНИНЪ XVIII ВѢКА. **Николая Бакая** . . . 716

VI. УНИВЕРСАЛЪ КІЕВСКАГО ПОЛКОВНИКА ВАСИЛІЯ ДВОРЕЦКАГО 1660 ГОДА. (Объ отдачѣ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ бернардинскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ) 743

VII. ПРОЭКТЪ КАЗЕННАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ ПРИСОЕДИНЕННЫХЪ ОТЪ ПОЛЬШИ КЪ РОССІИ ОБЛАСТЯХЪ 746

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятники императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ. 1884 годъ.—*Н. Сумцова.*—б) Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна. 1884 года.—в) Холмскій народный календарь на 1885 г. Кіевъ, 1884 года. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства.—*И. Каманина.*—г) П. Л., Кіево-михайловскій златоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ. 1885 годъ.—*И. Каманина.* 755

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Кураковскій договоръ козаковъ съ поляками 1625 года.—Свящ. *В. Никифорова.*—б) Кіевская актовая рѣчь 1841 года.—Сообщ. прот. *Е. Попруженко.*—в) Къ характеристикѣ шляхетско-козачаго быта XVIII в.—*Ѳ. Н.*—г) Изъ фамильныхъ преданій.—*С—ка.*—д) Наслѣдники запорожскихъ земель.—Сообщ. *Д. Багалѣй.*—е) Изъ временъ польскаго возстанія 1863 года.—*Н. Ревы.*—ж) Малорусская политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла.—з) Три малорусскія пѣсни изъ періода крымской компаніи.—Сообщ. *Н. И. Барсовъ* 767

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (*Продолженіе*) 145-160

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ XI.

ФЕВРАЛЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го января 1884 года.

МАЛОРУССКІЯ ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВАНІЯ.

При первомъ, поверхностномъ взглядѣ на малорусское село возникаетъ мысль объ однообразіи фамильныхъ прозваній. Цѣлые ряды хатъ населены семьями одного фамильнаго прозванія, положимъ, Лободами, Петренками, и самые улички и закоулки сельскіе получили потому названіе Лободивки, Петренкивки. Нужно присмотрѣться къ дѣлу ближе; нужно распросить людей съ фамиліями Лободы, Петренка и проч., по возможности, порознь, и тогда откроется все характерное разнообразіе фамильныхъ прозвищъ въ малорусскомъ простонародьѣ. Положимъ, въ десяти и болѣе дворахъ, рядомъ лежащихъ, живутъ все Петренки; но почти каждый домохозяинъ, кромѣ общаго фамильнаго или родоваго прозванія, имѣетъ еще свое особенное прозвище, выдѣляющее его изъ ряда Петренковъ. Почти каждый крестьянинъ малороссъ, по достиженіи совершеннолѣтія, кромѣ личнаго имени, имѣетъ два или три прозвища: одно прозвище, документально засвидѣтельствованное въ спискахъ населенія, вообще закрѣпленное на письмѣ, и потому устойчивое, часто довольно старинное по времени возникновенія, и два или три прозвища сравнительно новыя, прозвища уличныя.

Личныя и фамильныя прозвища возникаютъ въ народѣ въ силу настоятельной необходимости отчетливаго и жизненнаго различенія лицъ семействъ, по характернымъ ихъ особенностямъ, необходимости, тѣсно связанной и непосредственно вытекающей изъ духовнаго народнаго творчества. Можно сказать, что и въ созданіи фамильныхъ прозвищъ выступаетъ въ видѣ частнаго проявленія тотъ же творческій духъ народа, который въ болѣе ясныхъ и

отчетливыхъ формахъ выразился въ пѣсняхъ, пословицахъ и поговоркахъ. Въ данномъ случаѣ принимаются во вниманіе самыя типичныя черты людей, ихъ физическаго и нравственнаго облика; для выраженія этихъ чертъ изъ лексическаго состава языка выбираются самыя характерныя и меткія слова, и такимъ образомъ создается нѣчто столь выразительное въ видѣ личнаго или фамильнаго прозванія, что село принимаетъ его всецѣло, какъ памятникъ извѣстнаго проявленія текущей жизни.

Какъ быстро создаются личныя прозванія и какъ быстро они пріобрѣтаютъ въ селѣ право гражданства, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ, представляющемъ одинъ изъ огромнаго числа сходныхъ случаевъ сельской жизни. Въ одномъ селѣ ахтырскаго уѣзда проживаетъ нѣкій Иванъ Кириченко, мужикъ уже пожилой, лѣтъ пятидесяти, бодрый и подвижной, съ открытымъ и красивымъ лицомъ, умный и грамотный, настолько грамотный, что хорошо читаетъ книги гражданской печати и свободно пишетъ. Одно лишь плутовское выраженіе большихъ сѣрыхъ глазъ выдаетъ хищническую сторону его природы. И вотъ этотъ человѣкъ, выдающійся по уму и грамотности, съ хорошими денежными средствами, среди бѣлаго дня на базарѣ укралъ съ воза ременныя возжи, былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія и, по скорому крестьянскому самосуду, больно избитъ возжами. Съ тѣхъ поръ Иванъ Кириченко прослылъ Вижжатымъ; такъ его зовутъ въ селѣ всѣ отъ мала до велика, и старое прозваніе приходитъ въ забвеніе.

Фамильныя прозванія крестьянъ, какъ многія другія проявленія народнаго быта, не могутъ быть вставлены въ строго размѣренныя хронологическія и историческія рамки. По давности уличныя прозванія весьма различны. Одни прозванія возникли при дѣдахъ, перешли къ сыновьямъ, внукамъ, и послѣдніе забыли причину возникновенія прозванія и его первоначальный смыслъ. Другія прозванія возникли десять, пять лѣтъ назадъ, прошлое лѣто, у всѣхъ на виду, и по новости своей еще не успѣли пріобрѣсти въ селѣ полнаго права гражданства.

Любопытное документальное свидѣтельство о малорусскихъ фамильныхъ прозвищахъ относится ко второй половинѣ семнадцатаго вѣка. Въ 1667 г. стольникъ Кикинъ пріѣхалъ въ Полтаву для разъясненія и устраненія столкновенія козаковъ съ воеводой. Онъ

сравнилъ имена козаковъ челобитчиковъ со сказкой воеводы и нашелъ, что многіе козаки прозвищали не сошлись, что одно и тоже лицо имѣетъ по нѣскольку прозваній. Кикинъ обратился къ полтавскому полковнику Витязенку за разъясненіемъ. «А что козаки прозвищами не сходятся, то это потому, объяснилъ ему полковникъ, что у насъ на Украйнѣ обычай такой: называются люди разными прозвищами; у одного человѣка прозвища три или четыре: по отцу, по тестю, по тещѣ, по женамъ прозываются; вотъ почему одни и тѣ же люди у воеводы въ мужицкомъ спискѣ писаны одними прозвищами, а у насъ въ полковомъ козацкомъ другими» [1]).

Изслѣдователь малорусскихъ фамильныхъ прозваній располагаетъ громаднымъ матеріаломъ, совершенно сырымъ, чрезвычайно разнообразнымъ. Полнота изложенія и несомнѣнная вѣрность выводовъ въ приложеніи къ фамильнымъ прозваніямъ—дѣло въ настоящее время невозможное, по причинѣ отсутствія вспомогательныхъ статей, мѣстныхъ изслѣдованій. Съ теченіемъ времени, съ выходомъ въ свѣтъ хорошаго малорусскаго словаря (хотя-бы на премію Н. И. Костомарова), съ разъясненіемъ лексическаго состава малорусскаго языка, при ученой разработкѣ народной этимологіи, фамильныя прозвища, можно надѣяться, послужатъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія. Интересъ такого изслѣдованія увеличится и осложнится, если въ него войдутъ, наравнѣ съ фамильными прозвищами, характерныя наименованія урочищъ, селъ, рѣкъ, явленій природы, животныхъ, растеній, болѣзней, кушаньевъ, одежды, дѣтскихъ игръ.

Безъ ошибки можно сказать, что въ современныхъ крестьянскихъ фамильныхъ прозвищахъ живетъ старая Малороссія. Въ селахъ харьковской губерніи встрѣчаются, напримѣръ, крестьяне съ фамильными названіями Сагайдачный, Хмельницкій, Богунъ. Въ числѣ полтавцевъ, убитыхъ въ Болгаріи въ 1877 г., оказываются Скорина и Могила,—фамильныя прозванія, знаменитыя въ исторіи. Впрочемъ Францискъ Скорина XVI ст. и Петръ Могила XVII ст. по происхожденію были чужды малоруссамъ, и самыя ихъ фамильныя прозванія, однозвучныя съ фамильными прозваніями несчаст-

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XII, стр. 12—13.

ныхъ жертвъ войны, могутъ подлежать совсѣмъ особому филологическому объясненію.

Повидимому, мѣстной чертой представляется обыкновеніе крестьянъ харьковской губерніи, преимущественно лебединскаго уѣзда, личное имя ставить послѣ фамильнаго прозванія; напримѣръ: Ходакъ Иванъ, Новакъ Антинъ, Василенко Петро. Когда спрашиваютъ крестьянина о его имени или прозвищѣ, то онъ не ограничивается тѣмъ или другимъ, а выкладываетъ ихъ рядомъ, полагая на первое мѣсто прозвище, какъ наиболѣе общее и широкое обозначеніе лица и затѣмъ дополняя его именемъ личнымъ.

Фамильныя прозвища весьма разнообразны по окончаніямъ и внутреннему значенію. Слѣдующія окончанія свойственны малорусскимъ фамильнымъ прозваніямъ:

1) *ко*: Канько, Райко, Панько и др...
2) *ка*: Прядка, Коробка, Малинка...
3) *акъ, якъ*: Щербакъ, Шулякъ, Радовличакъ...
4) *икъ*: Осовикъ, Гуликъ, Солепикъ...
5) *окъ*: Чапокъ, Рачокъ, Цыганокъ...
6) *укъ, юкъ, юхъ*: Дундукъ, Челюкъ, Болюхъ, Артюхъ...
7) *ай*: Вересай, Бакай, Лутай...
8) *га, ана, яга*: Шульга, Дувага, Дубяга...
9) *анъ, инъ*: Дараганъ, Рубанъ, Щербань...
10) *аль, арь*: Пахаль, Свичкарь, Свинарь...
11) *ахъ, аха*: Томахъ, Черепаха, Мантаха...
12) *ачъ*: Трембачъ, Сурмачъ...
13) *ашъ*: Педашъ, Кардашъ...
14) *ешъ*: Дерешъ, Мелешъ...
15) *ышъ*: Славышъ, Гладышъ...
16) *ецъ*: Лабунецъ, Рипунецъ, Луговецъ...
17) *ця*: Братыця, Иваныця...
18) *ій*: Кучмій, Баглій, Бурлій...
19) *инъ*: Высочинъ, Доброчинъ...
20) *ичъ*: Катричъ, Павичъ, Самойловичъ...
21) *унъ, юнъ*: Корсунъ, Богунъ, Баюнъ...
22) *на, ня*: Щербина, Борозна, Потебня, Вареня...
23) *но*: Дахно, Пихно, Сахно...
24) *имъ*: Гудимъ, Бутрымъ, Рудимъ...

25) *оль, ялъ:* Хроль, Мнялъ...
26) *ло:* Мурмыло, Подобайло...
27) *ській, цькій:* Новгородській, Буцькій...
28) *стый:* Ярмистый, Женжуристый...
29) *ра, ря:* Манжура, Матора, Хухря...
30) *ный:* Головурный, Буденный...
31) *да:* Лагода, Штонда, Шелегеда, Жейда, Кирда...
32) *исъ:* Чуплимисъ, Номисъ...
33) *усъ:* Левусъ, Бреусъ, Усъ...
34) *бей:* Кочубей, Камбей...

Самый обширный отдѣлъ фамильныхъ прозвищъ составляютъ прозвища, произведенныя *отъ личнаго имени родителей*, отца или матери, преимущественно отца или, чрезъ отца, отъ личнаго имени дѣда, прадѣда. Наряду съ Василенками, Петренками встрѣчаются Химченки, Стешенки, Домничи, Катричи, Палажченки и другія прозвища отъ женскихъ личныхъ именъ. Отъ одного и того-же личнаго имени производится много фамильныхъ прозваній; напримѣръ, отъ Петра Петренко, Петраченко, Петрикъ, Петриченко, Петрусь, отъ Даніила Данилейко, Данилченко, Данильчукъ, Данчукъ, Данушка. Къ разсматриваемому отдѣлу фамильныхъ прозвищъ относятся Антонюкъ, Пилипань, Романика, Андріяшъ, Григорашъ, Богданко, Грицай, Ѳедорка, Ѳедакъ. Такъ какъ личныя имена крестьянъ гораздо болѣе разнообразны, чѣмъ личныя имена дворянъ, то среди первыхъ не трудно встрѣтить фамильныя названія Харченко (отъ Харитона), Кононенко, Артеменко, Гапоненко (отъ Агафонъ) и т. п. Разнообразіе это зависитъ отчасти отъ различнаго положенія священника въ селѣ и въ городѣ. Сельскій священникъ относится къ своимъ прихожанамъ болѣе или менѣе свысока, какъ къ людямъ, стоящимъ на низшей сравнительно съ нимъ степени духовнаго развитія, не стѣсняется ихъ мнѣніями и потому дастъ новорожденному имя того святого, память котораго празднуется въ день рожденія младенца или въ день первой о немъ молитвы. Въ городѣ священникъ подчиняется мнѣніямъ и желаніямъ интеллигентныхъ родителей новорожденнаго и дастъ ему имя, по выбору родителей, изъ наиболѣе употребительныхъ въ образованномъ обществѣ личныхъ именъ.

Вторую, весьма обширную группу прозвищъ фамильныхъ составляютъ прозвища *по мѣсту жительства*. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ различать два отдѣла: въ первый отдѣлъ входятъ прозванія по первоначальному, старинному мѣсту жительства, откуда произошло выселеніе; во второй отдѣлъ прозванія по данному мѣсту жительства, по наиболѣе характерной особенности той мѣстности, гдѣ находится хата. Въ первый отдѣлъ входятъ прозвища: Миргородскій, Новгородскій, Водолажскій, Трипольскій, Сумецъ и др. Во второй отдѣлъ—Луговецъ, Залужный, Гаевый, Боровый, Лозовый, Степовый, Бузынный, Очеретяный, Пиддубный, Байракъ (извѣстный запорожскій атаманъ), Забайрачный. Къ этому-же отдѣлу слѣдуетъ отнести такія прозвища, какъ Криничный, Бережный, Калюжный, Кутнякъ, при первоначальномъ своемъ появленіи обозначавшія нахожденіе хаты у колодца, или на берегу рѣчки, или на низкомъ мѣстѣ, гдѣ весной бываетъ большая лужа, или въ сельскомъ закоулкѣ. Сюда-же можно пріурочить прозвища Новохатскій и болѣе ясное, вполнѣ народное Новохатько.

Къ числу весьма характерныхъ фамильныхъ прозваній и въ добавокъ весьма многочисленныхъ принадлежатъ прозванія *по выдающимся особенностямъ физіономіи или характера*. Сюда относятся: Лайко, Бій, Бойко, Побиванецъ (первоначально забіяка); Буй, Гордына, Громовый (гордый, грозный); Дубяга, Зализнякъ, Жила (крутой человѣкъ); Левенецъ, Хижнякъ (хищный); Мурмыло, Неживый, Черепаха, Несмашный, Кислякъ (лѣнтяй, угрюмый); Горячій, Метла (въ XVII ст. начальникъ одного козацкаго отряда), Вертій, Борзый, Щиракъ, Баско (дѣятельный, быстрый); Лагода, Розумъ, Мозговый, Човныло (умный); Патока, Солодай, Солодкій, Лащенко (краснорѣчивый, услужливый); Свѣтлишный, Славнышъ, Женжуристый, Чепурный, Хорошунъ, Самоквитъ и т. п. Кромѣ того, встрѣчаются прозвища: Насыпайко, Сухомлинъ, Мякомелинъ, вѣроятно прозвища мирошниковъ по первоначальному своему происхожденію и значенію. Однородныя прозвища по росту, по физическимъ недостаткамъ, какъ-то: Величко, Довгаль, Малышъ, Малецъ, Куценко, Косякъ, Щербакъ, Ковтунъ, Криворучка, Дзюба, Карбань, Шрамко, Ключка, Занка, Губа, Безпалько, Головатый, Сыпливый, Безбородько. Сюда-же относятся прозвища: Забудько, Приходько, Засядко, Заходько (частый гость). Къ этому отдѣлу тѣсно примы-

кають прозвища по цвѣту лица или одежды: Чернота, Чернышъ, Сирко, Билыкъ, Бѣлашъ, Червоный и т. п. Наконецъ, къ этому отдѣлу можно пріурочить фамильныя прозванія, свидѣтельствующія о матеріальномъ достаткѣ лица. Въ крестьянскомъ быту каждый грошъ на счету, и всякое матеріальное пріобрѣтеніе подлежитъ суду общественнаго мнѣнія. Отсюда значительное число такихъ прозвищъ, какъ Копило, Роздобудько, Борзобогатый, Скоробогатый, Багацько (въ Запорожьѣ былъ судья Богацько), Бидняженко, Сиромаха, Сирота, Голый, Неижченко.

Весьма распространены прозванія *по ремеслу*. Наиболѣе свойственныя сельскому быту ремесленныя занятія сапожное и кузнечное дали наибольшее число фамильныхъ прозвищъ. Нѣтъ такого села, гдѣ не было-бы Шевченка и Коваля, Ковалевскаго, Ковальчука; встрѣчаются также Кравченки, Бондаренки, Рыбасы, Рымари, Котляры, Кушниры, Мирошниченки, Винниченки, Черевишные, Скляринки и Шкляревскіе (скляринъ—стекольщикъ), Теслн, Справныки (справникъ—плотникъ), Шаповалы. Сюда-же относятся такія прозванія, какъ Крамарь, Базарный и т. п.

Особнякомъ стоятъ фамильныя прозвища *отъ именъ числительныхъ*; напримѣръ, Половинченко, Одинецъ, Первакъ, Пивторакъ, Третьякъ, Пятакъ, Шостакъ, Семеренко, Десятинъ, Сороковый. Что въ языкѣ и обыденной жизни прозвища этого рода представляютъ нѣчто особенное, своеобразное, видно изъ того, что производныя отъ нихъ прозванія на *ко* и *скій*, исключая прозванія Третяковскій, встрѣчаются рѣдко. Дѣло въ томъ, что причина возникновенія прозвища по числительному имени скоро теряется изъ памяти, и прозвище дѣлается отвлеченнымъ фамильнымъ значкомъ. Въ моментъ возникновенія прозвища смыслъ его бываетъ ясенъ; напримѣръ, Одинецъ означаетъ крестьянина бобыля или одинокаго жителя въ лѣсу; Пивторакъ,—когда при одномъ хозяинѣ работникѣ находится слабое и малосильное существо, требующее прокормленія. Пятакъ при своемъ возникновеніи могло означать то-же, что означаетъ встрѣчающееся въ Малороссіи прозвище Пятибратъ.

Прозвища *по названіямъ животныхъ* не принадлежатъ къ числу распространенныхъ. Въ исторіи Малороссіи встрѣчается однако довольно много дѣятелей съ такого рода прозвищами; напримѣръ: Гоголь, Крыса (сотникъ при Богданѣ Хмельницкомъ), Шпакъ (брац-

лавскій полковникъ), Пугачъ (гайдамацкій ватажокъ), Орликъ (гетманъ), Сычъ (кошевой атаманъ), Муха, Куликъ (козацкіе полковники), Голубъ (генеральный бунчужный при Самойловичѣ), Кишка (герой народной думы).

Повидимому, болѣе распространены въ настоящее время фамильныя прозвища *по названіямъ растеній*. Сюда относятся фамильныя прозванія: Верба, Дубъ, Калина, Лобода, Шандра (шандра—огородная трава въ родѣ мяты, ею вытираютъ внутри улья, чтобы пчелы плодились), Березка, Малинка, Маслакъ, Рѣпка (харьковскій полковникъ въ XVII ст.), Хмель (кіевскій купецъ въ XVII ст.), Бодянскій (бодянъ—limpinella anisum), Часныкъ, Гречка, Кулибаба (кулибаба—одуванчики, leontodon Taraxacum). Фамильное прозваніе Эварницкій, вѣроятно, представляетъ испорченную форму отъ первоначальнаго Яворницкій; послѣднему соотвѣтствуетъ извѣстное въ исторіи прозвище Яворскій. Квитки, благодаря лингвистическому родству своего фамильнаго прозвища съ цвѣтами, создали на эту тему поэтическій разсказъ о происхожденіи своей фамиліи и связали его съ основаніемъ Харькова. Разсказъ этотъ въ литературной формѣ изложенъ Г. Ѳ. Квиткой въ «Молодикѣ».

Къ числу характерныхъ фамильныхъ прозвищъ принадлежатъ прозвища *по названіямъ кушаньевъ и разныхъ предметовъ домашняго обихода;* напримѣръ, Галушка, Борщъ, Коржъ, Кнышъ, Мандрыка, Кисель, Макуха, Балабуха, Скрыпка, Халява, Сокирка, Лантухъ, Лембикъ (лембикъ—мѣдный сосудъ для перегонки и очистки водки). Фамильныя прозванія разсматриваемаго разряда устойчивы; производныя отъ нихъ встрѣчаются рѣдко.

Малороссіянъ считаютъ юмористами отъ природы. Такую репутацію укрѣпили за ними Котляревскій, Квитка и Гоголь. Дѣйствительно, наклонность къ юмору проникаетъ все существо малоросса, сказывается въ народныхъ пѣсняхъ, пословицахъ, сказкахъ. Какъ всякій юморъ, юморъ малоросса не заключаетъ въ себѣ элемента злобы. Это проявленіе насмѣшки надъ слабостями человѣка, при любви къ человѣку. Проявилась наклонность малоросса къ *юмору* и въ фамильныхъ прозваніяхъ. Прозваніе Махина (нѣчто очень большое) встрѣчается въ приложеніи къ человѣку небольшаго роста и, наоборотъ, въ шутку прозываютъ рослаго парубка Малютой. Нѣкоторыя прозвища по кушаньямъ, животнымъ (мелкимъ) и растені-

ямъ (дурнаго свойства) возникли изъ насмѣшки; напр. Жукъ, Муха, Макуха. Чистымъ порожденіемъ насмѣшки являются прозвища Бабій, Салогубъ, Верещака, Вытрищака, Чечекало, Вошколупъ, Заплюсвичка, Пупъ, Подлипа, Приблуда, Мара, Довгопятъ, Доброштанъ, Маргуха, Прилипко, Плакса, Кандыба (въ Подоліи кандыба—дрянная лошадь) [1]), Кривошапка. Сюда-же относятся такія прозвища, какъ приведенныя выше: Вертій, Кислякъ, Метла. Попадаются въ этомъ разрядѣ прозвищъ довольно странныя, напримѣръ, Отченашъ, Продайвода, Уворвикишки.

Изрѣдка попадаются *прозвища съ указаніемъ на историческое явленіе или событіе;* напримѣръ, Гайдукъ (гайдукъ, слово венгерское, означало въ старину рослаго лакея; нынѣ гайдукомъ называютъ одинъ родъ шанца), Сердюкъ (сердюками назывались козаки, составлявшіе гвардію гетмана и служившіе на жалованьѣ) и Палій—довольно распространенное нынѣ прозваніе фамильное. Въ старину Паліемъ называли того, кто жегъ непріятельскія села; такъ Паліемъ называли знаменитаго Іеремію Вишневецкаго. Впрочемъ нынѣ прозвище Палій можетъ снова возникать, какъ насмѣшливое прозваніе крестьянина, спалившаго по неосторожности свою хату. Повидимому, очень любопытная историко-бытовая черта кроется въ прозвищѣ Мороховецъ, встрѣчающемся въ харьковской губерніи среди крестьянъ. Судя по этимологіи слова, Мороховцемъ назвали впервые того, кто спасъ свою жизнь, спрятавшись въ морѣ или рѣкѣ. Во время набѣговъ татаръ или послѣ неудачныхъ военныхъ столкновеній съ татарами, малороссійскіе, преимущественно хитрые на всякія штуки запорожскіе козаки скрывались или въ лѣсу, гдѣ былъ лѣсъ, или въ рѣчныхъ камышахъ, или прятались съ головой въ водѣ, причемъ во рту держали длинную очеретинку, пустую въ серединѣ, чтобы втягивать черезъ нее воздухъ. Этотъ странный способъ самосохраненія, разумѣется, имѣлъ мѣсто лишь въ крайнихъ случаяхъ опасности, въ безлѣсной мѣстности, гдѣ оказывался вблизи очеретъ.

Малороссы въ старинное время стояли въ тѣсной связи съ своими сосѣдями: татарами, молдаванами, поляками, съ половины XVII ст. съ великороссіянами; въ Украинѣ было много разныхъ инородцевъ: грековъ, армянъ, въ особенности нѣмцевъ и евреевъ.

---

[1]) Чубинскій, Труды эт.-ст. эксп. т. VII и I, стр. 262.

Однихъ тянула въ Малороссію жажда легкой торговой наживы; другіе являлись, какъ грабители и хищники; третіи какъ мирные колонисты и ремесленники. Въ широкое малорусское этнографическое русло вливалось много стороннихъ этнографическихъ струй и потоковъ. Примѣсь инородческаго элемента обнаруживается въ физическихъ очертаніяхъ малоросса, въ особенностяхъ его нравственнаго характера, въ одеждѣ, въ многихъ событіяхъ и явленіяхъ прошлой исторической жизни, въ языкѣ, въ фамильныхъ прозвищахъ. Инородческая примѣсь измѣнялась по мѣстностямъ, въ однихъ мѣстахъ проникалъ литовскій элементъ, въ другихъ молдавскій, въ третьихъ ощущалось вліяніе нѣмцевъ или татаръ. Несомнѣнно присутствіе въ старинное время въ Малороссіи *румынъ;* замѣтно румынское вліяніе въ области названій по скотоводству; извѣстно, что Румынія дала Украйнѣ Памву Берынду и Петра Могилу, Украйна помогала молдаванамъ своими военными силами и типографіями. Насколько значителенъ румынскій элементъ въ фамильныхъ прозваніяхъ во всей Малороссіи, судить трудно; можно только сказать, что въ восточной ея части элементъ этотъ весьма незначителенъ, хотя и тутъ попадаются такія фамиліи, какъ Стратула, Волохъ, Бонческулъ.

Сколько можно судить по имѣющемуся у насъ подъ руками матеріалу, составляющему небольшой отрывокъ изъ громаднаго цѣлаго, въ числѣ крестьянскихъ и даже аристократическихъ малорусскихъ фамильныхъ прозвищъ *прозвища нѣмецкаго происхожденія* составляютъ ничтожный процентъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что въ языкѣ малорусскомъ много нѣмецкихъ словъ. Повидимому, нѣмцы въ старинное время оказывали на Малороссію значительное культурное вліяніе; несомнѣнно, что вліяніе это шло не только посредствомъ Польши, но и непосредственно отъ нѣмецкихъ колонистовъ, торговцевъ, ремесленниковъ и наемныхъ нѣмецкихъ ратныхъ людей, проживавшихъ въ правобережной Украйнѣ, преимущественно въ городахъ. Оказывая на малороссовъ вліяніе относительно ремесленныхъ занятій и домашняго быта, нѣмцы однако стояли особнякомъ, очень мало смѣшивались съ кореннымъ мѣстнымъ населеніемъ. Извѣстная малорусская фамилія Сулимъ производилась отъ нѣмецкихъ графовъ Сольмъ. Изъ украинскихъ фамильныхъ прозвищъ нѣмецкаго происхожденія за-

служиваетъ вниманія прозвище Гизель, которое въ половинѣ XVII ст. носилъ извѣстный ученостью и благотворительностью кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій. Вишневскій ошибочно слово Гизель считалъ испорченной формой слова Кисель и даже роднилъ Иннокентія Гизеля съ извѣстнымъ Евстафіемъ Киселемъ («byl podobno bratem Kisiela Eustachego») [1]). Гизель—нѣмецъ по происхожденію, и на мѣстѣ его родины, въ Пруссіи, его фамильное прозвище, должно быть, звучало Gesell, что значитъ товарищъ, веселый парень. Придерживаясь такого словопроизводства, начальное *Г* нужно произносить твердо и удареніе дѣлать на второмъ слогѣ. Что современники Гизеля начальное Г произносили твердо, видно изъ того, что поляки писали Gisiel, а малороссіяне Кгизель.

Говоря о малорусскихъ фамильныхъ *прозвищахъ татарскаго происхожденія*, нужно сказать противное тому, что было сказано о прозвищахъ нѣмецкаго происхожденія. Повидимому, фамильныхъ прозвищъ татарскаго происхожденія гораздо болѣе, чѣмъ татарскихъ словъ въ обозначеніи предметовъ хозяйства, домашняго быта. Исторія доказываетъ, что между татарами и малороссами было тѣсное общеніе, правда, для послѣднихъ невольное и горькое, общеніе преимущественно военное, отчасти торговое. Существовало даже особое слово «тума», которое означало человѣка, происшедшаго отъ помѣси татарской и русской крови, а можетъ быть, лишь родившагося въ Крыму [2]). Въ началѣ XVI ст. въ составъ западно-русскихъ дворянскихъ фамилій вошли крещеныя татарскія семьи Глинскихъ, Кобызевичей, Шабловскихъ и друг. Татарскіе земяне съ правами шляхтичей встрѣчаются въ южной Россіи въ XVI стол., напримѣръ, въ острожскомъ повѣтѣ. Въ числѣ жителей города Черкассъ 1536 г. встрѣчаются Берендѣй, Янъ-Меликъ-баша [3]). Казацкій гетманъ Павлюкъ Баюнъ († 1637) былъ сынъ крещенаго турка. Въ числѣ главныхъ сподвижниковъ Богдана Хмельницкаго стоитъ крещеный татаринъ Джеджалыкъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ настоящее время въ малорусскомъ простонародьи встрѣчается много фамильныхъ прозвищъ татарскаго происхожденія, какъ тяжеловѣсный обло-

---

[1]) Wiszniewski, Hist. liter. polskiey, т. XIII, стр. 421.

[2]) Потебня, Къ исторіи звуковъ, т. II, стр. 14.

[3]) «Кіевская Старина», 1884 г., сентябрск. кн., стр. 19, 27.

мокъ южно-русской старины. Довольно часто встрѣчаются крестьяне съ прозвищами Ходжа, Баша, Якубовичъ, Кочубей, Дундукъ (въ татарскомъ языкѣ дундукъ—угрюмый, суровый), Кучмій, Колча, Озаматъ, Бунякъ, Бурдукъ, Джулай, Келабъ, Кафунъ, Бузукъ. Можно сказать, что почти всѣ прозвища, оканчивающіяся на *бей*, и весьма многія съ окончаніемъ на *ай, ій, укъ, юкъ* татарскаго происхожденія. Прозвище Сагайдачный—также иноземнаго, вѣроятно, татарскаго происхожденія. Слово сагайдакъ давно уже вошло въ русскій и малорусскій языки въ значеніи тула, влагалища для стрѣлъ. Такъ объясняетъ это слово и Памво Берында въ «Лексиконѣ словено-россійскомъ» 1627 года. Фамильныя прозвища Чугай, Чугуевецъ, Чугаевъ, Чугинъ—татарскаго, быть можетъ, даже половецкаго происхожденія. Между половецкими князьями встрѣчается Чуга. Слово «чуга», какъ составная часть, входитъ въ наименованіе городовъ Чугуевъ, Кременчугъ.

Измѣненіе малорусскихъ фамильныхъ прозвищъ происходило подъ вліяніемъ тѣхъ культурныхъ движеній, которыя обнаружились въ обществѣ. Фамильныя названія видоизмѣнялись въ угоду той или другой группѣ дѣятелей, которая возвышалась надъ народомъ культурнымъ образомъ или административнымъ своимъ положеніемъ. Даже въ такомъ случаѣ, когда высотѣ административнаго положенія не отвѣчала высота культурнаго развитія господствующей въ обществѣ группы дѣятелей, господствующая въ краѣ сила все-таки давала извѣстное направленіе мѣстной, краевой жизни, подтягивала ее подъ тѣ или другія формы общественнаго существованія и, видоизмѣняя разныя проявленія народной жизни, измѣняла и прозвища фамильныя. Отрѣшеніе общества отъ народа, отдѣленіе людей знатныхъ и уроженыхъ отъ тѣхъ, что «изъ одной мисочки борщикъ хлебчутъ и сами соби панове и слуги суть», возникновеніе и усиленіе духовнаго разрыва между высшими и низшими слоями народа немедленно отражались на фамильныхъ прозваніяхъ, вызывали ихъ видоизмѣненіе.

Уже въ первые годы XVII ст. благомыслящіе малороссіяне жаловались на полонизированіе южно-русскихъ фамильныхъ прозваній, какъ на явный признакъ пренебреженія къ родному краю и къ православной вѣрѣ. Суровый инокъ аѳонской горы Іоаннъ Вишенскій рѣзко упрекалъ южнорусскую аристократію въ стремленіи подлизываться къ польскому панству и покупать его милостивое обхож-

денія перемѣной религіозныхъ вѣрованій, прадѣдовскаго языка, обычаевъ, фамильнаго прозванія. Неизвѣстный авторъ «Перестроги» отмѣтилъ то, въ началѣ XVII ст. уже достаточно замѣтное, бытовое явленіе, что «русскіе, войдя въ общеніе съ поляками, позавидовали ихъ обычаямъ, языку и наукамъ и, не имѣя своихъ наукъ, въ науки римскія своихъ дѣтей стали отдавать; науки-же, вліяя на дѣтей съ малолѣтства, всю аристократію русскую перевели въ римскую вѣру, такъ что потомки русскихъ князей изъ православной вѣры перешли въ римскую, а вмѣстѣ съ тѣмъ поизмѣняли свои фамиліи и имена, какъ будто никогда и не назывались потомками благочестивыхъ прародителей своихъ» [1]). Полонизированіе фамильнаго прозванія часто являлось результатомъ политическаго сближенія съ поляками и истекавшаго отсюда проявленія шляхетскаго гонора; такъ, извѣстный въ исторіи Малороссіи XVII ст. Золотаренко, сблизившись съ поляками, сталъ называться Златаревскимъ. Въ «Исторіи Руссовъ» Конисскаго встрѣчается заслуживающее вниманія свидѣтельство, что малороссіяне иногда измѣняли свои фамильныя прозванія на польскій ладъ, вслѣдствіе притѣсненій со стороны латино-уніатовъ, и такимъ образомъ изъ Ходыки вышелъ Ходаковскій, изъ Чаплина Чаплинскій, изъ Бурка Бурковскій.

Несвойственное малорусскому языку окончаніе фамильнаго прозвища на *овъ* имѣютъ многіе интеллигентные малороссіяне изъ дворянъ. Въ старинное время, съ переходомъ лица изъ крестьянскаго сословія въ дворянское, окончанія *овъ* или *инъ* являлись, какъ гербовый знакъ сравнительно высшаго общественнаго положенія. Съ цѣлью облагородить фамильное прозвище не только охотно принимали окончаніе *овъ*, но, если фамильное прозваніе было составное, изъ двухъ словъ, то измѣняли одно изъ составныхъ, почему-либо неудобное слово; такъ изъ Салогубъ возникло Соллогубъ. Нужно замѣтить, что окончаніе *овъ* возникало иногда чисто канцелярскимъ или приказнымъ путемъ. Въ старинное время въ московскомъ государствѣ личность, какъ извѣстно, была принижена, и это приниженіе, между прочимъ, выражалось въ урѣзкѣ фамильнаго прозванія. Немногія лица и лишь съ царскаго соизволенія могли пользоваться отчествомъ своимъ на *вичъ*. Для лицъ незнатныхъ это *вичъ*

---

[1]) Акты западной Россіи, т. IV, № 149, стр. 204.

отбрасывали и вмѣсто него ставили *овъ*, какъ выраженіе приниженнаго положенія лица. Если и фамильное названіе оканчивалось на *вичъ*, то и съ нимъ поступали такимъ-же образомъ. Извѣстные въ малорусской исторіи политическіе дѣятели XVII вѣка, епископъ Меѳодій Филимоновичъ и протоіерей Адамовичъ, въ московскихъ актахъ XVII столѣтія обозначены—первый Филимоновымъ, второй Адамовымъ. Точно также Самойловича, по удаленіи его отъ гетманства, называли Самойловымъ.

Много характерныхъ фамильныхъ прозваній было измѣнено въ старину архіереями и ректорами духовныхъ семинарій. Поступаетъ въ духовное училище, положимъ, какой-нибудь Кишъ, Халява или Горобець; преосвященный пересматриваетъ списокъ учениковъ и переименовываетъ Кишша въ Меліоранскаго, Халяву въ Орпатскаго, Горобца въ Сперанскаго. Иногда новое прозваніе представляло простой переводъ на латинскій или греческій языкъ малорусскаго прозвища, а такое обыкновеніе было распространено въ Германіи въ XVI ст. (Шварцерде-Меланхтонъ, Вейеръ-Писциларіусъ и др.) и вѣроятно, черезъ Польшу, гдѣ оно плохо привилось, перешло въ Малороссію и здѣсь было отчасти принято духовными лицами. Первымъ по времени свидѣтельствомъ перевода фамильнаго названія служитъ прозвище извѣстнаго южно-русскаго писателя конца шестнадцатаго вѣка Стефана Зизанія. Въ русскомъ переводѣ Зизаній означаетъ *куколь*. Латино-уніатскіе писатели предпочитали называть Зизанія его настоящимъ именемъ съ тѣмъ, чтобы выставить себя чистой пшеницей на нивѣ Господней. Прозваніе Галятовскій отзывается семинарщиной. Въ латинскомъ языкѣ galaxias—бѣлый, какъ молоко, galactites—камень по цвѣту похожій на молоко. Вѣроятно, первоначальное прозвище черниговскаго архимандрита XVII в. Іоанникія было Молочко или Молочный, потомъ уже явилось и навсегда за нимъ осталось искуственное прозвище Галятовскій.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ВОСПОМИНАНІЕ
О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ ЕГО СЛУЧАЙНАГО УЧЕНИКА.

Покойная моя матушка, Наталья Борисовна, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, подобно многимъ членамъ тогдашняго русскаго общества, поддалась вліянію новыхъ, гуманныхъ «вѣяній» и, какъ женщина умная, для свѣтской-же барыни, начитанная и образованная, съумѣла привлечь въ свою гостинную кружекъ людей, подвизавшихся на литературномъ и художественномъ поприщахъ. Довольно сказать, что писатели Полонскій, Щербина, Майковъ, художники Пименовъ, Айвазовскій, Соколовъ и другіе были постоянными посѣтителями нашего дома. Ив. С. Тургеневъ въ свой пріѣздъ въ Россію появлялся также въ гостинной матушки. Кромѣ дебатированія всевозможныхъ и невозможныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ то время, какъ грибы послѣ дождя, смѣю теперь думать, что крѣпостной поваръ нашъ Семенъ, ученикъ славной кухни гр. Нессельроде, не мало способствовалъ своими гастрономическими талантами, привлеченію и сплоченію этого небольшаго интеллигентнаго кружка.

Хотя я былъ совершеннымъ еще мальчикомъ (мнѣ было лѣтъ 13, 14), на мнѣ отразились упомянутыя «вѣянія», благодаря моему наставнику В. А. Фуксъ, человѣку умному и пылкому [1]). Я восторженно относился къ бывавшимъ у матушки литературнымъ и артистическимъ корифеямъ и, сколько могъ, старался вникать въ смыслъ неумолкаемыхъ диспутовъ и пререканій, которыя велись,

[1]) В. А. Фуксъ, нынѣ преподаватель въ частной московской гимназіи.

съ рѣдкимъ увлеченіемъ, и во всѣхъ тогдашнихъ салонахъ и кабинетахъ. То было время общей лихорадки, когда напримѣръ изъ за какой нибудь статьи «Современника», люди, въ обыкновенное время степенные и не рѣчистые, обращались въ какихъ-то изступленныхъ, готовыхъ въ первомъ попавшемся стаканѣ Chateau Lafitte'a или ликера, утопить неуступчиваго оппонента. Понятно, все это не могло не имѣть вліянія на шустраго мальчика и онъ невольно настраивался подъ общій діапазонъ.

Не вспомню въ точности, когда именно все чаще и чаще стало при мнѣ повторяться имя Шевченка. Отъ учителя своего я провѣдалъ, что этотъ Шевченко великій малорусскій поэтъ, поэтъ самородокъ, вышедшій изъ народа, много пострадавшій правды ради. Кто-то продекламировалъ мнѣ цѣлое стихотвореніе этого поэта, въ которомъ попадается комическій эпизодъ подзатыльника, берущій свое начало сверху и спускающійся по всѣмъ градаціямъ нисходящей служебной іерархіи.

Опять теперь не вспомню, когда и кѣмъ введенъ былъ въ домъ нашъ, приземистый, лысый, усатый человѣкъ, котораго всѣ сразу, а мы дѣти въ особенности, полюбили и съ которымъ стали, такъ сказать, на короткую ногу. Особенно ухаживали за нимъ, старались ему угодить наши крѣпостные люди, все уроженцы Малороссіи. Оказалось, что они всѣ давно его знали, что онъ всѣмъ имъ былъ близокъ, благодаря тому обстоятельству, что у дворецкаго Пивоваренка имѣлось старое изданіе «Кобзаря» эта маленькая засаленная книжка переходила изъ рукъ въ руки, безжалостно трепалась, путешествуя изъ кухни въ переднюю; стихи выучивались наизусть и своими родными теплыми мотивами помогали этимъ простымъ людямъ переноситься мысленно на далекую родину. На заглавномъ листкѣ этой книжки изъ-подъ толстаго слоя грязи, выглядывалъ бандуристъ сидѣвшій, подъ вербами. Съ того времени мнѣ ни разу не пришлось напасть на это изданіе.

Тѣмъ, что Шевченко, войдя въ домъ моей матери, сразу и безъ всякаго съ его стороны заискиванія, съумѣлъ завоевать общую симпатію всѣхъ домашнихъ, начиная съ затянутыхъ гувернантокъ-англичанокъ и кончая выѣзднымъ «человѣкомъ», лучше всего доказывается, на сколько онъ былъ симпатиченъ, на сколько своей простотой, сердечностью, однимъ своимъ появленіемъ не произвольно

привязывалъ къ себѣ всѣхъ отъ малаго до великаго. Его нѣсколько угловатыя, но нисколько не вульгарныя манеры, простая рѣчь, добрая, умная улыбка, все какъ-то располагало къ нему и оставляло впечатлѣніе стараго знакомства, старой дружбы, при которой всякаго рода церемоніи становились излишними.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ восторженнаго наставника, весьма понятно, для меня этотъ добрый, чудаковатый поэтъ, въ моемъ почти дѣтскомъ воображеніи, принималъ видъ мученика, за правду претерпѣвшаго, и становился еще болѣе милымъ моему сердцу.

Матушка была хорошо знакома съ семействомъ временнаго президента академіи художествъ графа Толстаго, принимавшаго, какъ всѣмъ извѣстно, горячее и благотворное участіе въ судьбѣ Тараса Григорьевича и доставившаго ему, при возвращеніи его изъ ссылки, казенную мастерскую въ самомъ зданіи академіи. Весьма вѣроятно, что съ общаго согласія было условлено пригласить Тараса Григорьевича давать мнѣ уроки рисованія, дабы, подъ видомъ гонорара, оказать ему на первыхъ порахъ матеріальную помощь. Предложить ему денегъ никто-бы не рѣшился, и я имѣю основаніе предположить, что, благодаря этой маленькой хитрости, я сталъ въ одно прекрасное утро ученикомъ этого, по институтски «обожаемаго» мною, человѣка.

Три раза въ недѣлю отправлялся я въ академію и проводилъ передобѣденные часы въ мастерской моего учителя. Ученіе въ строгомъ смыслѣ было очень незначительно, оно главнымъ образомъ ограничивалось рисованіемъ одного и того-же цвѣточнаго горшка въ разныхъ положеніяхъ и на разныхъ плоскостяхъ. Особенной пользы отъ этого метода быть не могло уже потому, что однообразіе сюжета парализовало всякую охоту въ ученикѣ. Поѣздки-же на дальній Васильевскій Островъ, сидѣніе на положеніи взрослаго въ мастерской уважаемаго художника-поэта, артистическая, невиданная еще обстановка самой мастерской, наконецъ «пробриваніе» болѣе серіозныхъ, но за то и болѣе скучныхъ занятій, все это обращало для меня поѣздки въ академію въ настоящій праздникъ, для котораго я охотно мирился съ монотоніей неизмѣннаго горшка съ цвѣтами.

Находясь такимъ образомъ довольно часто «съ глазу на глазъ» съ Тарасомъ Григорьевичемъ, я вполнѣ имѣлъ случай видѣть его

не стѣсненнымъ никакими свѣтскими условіями и пользуюсь этимъ, чтобы изъ всѣхъ силъ возстать противъ тѣхъ біографическихъ портретовъ, которые силятся изобразить моего учителя какимъ-то спившимся дикобразомъ. Въ домѣ моей матери, гдѣ онъ зачастую обѣдалъ и гдѣ вина подавалось въ изобиліи, никогда онъ не бывалъ въ «подпитіи». Бывая у него и засиживаясь по долгу, мнѣ никогда не случалось видѣть его въ невмѣняемомъ состояніи, никакихъ циническихъ выходокъ онъ себѣ не позволялъ, никакихъ грубыхъ выраженій не употреблялъ. Можно-ли наконецъ допустить, чтобы покойная матушка, женщина умная и свѣтская, рѣшилась отпустить своего сынишку къ завѣдомо пьющему человѣку—одного безъ всякаго присмотра? Можетъ быть, ему случалось «прорываться»; можетъ быть даже, что впослѣдствіи, когда я съ нимъ разстался, онъ сталъ злоупотреблять спиртными напитками; но во всякомъ случаѣ въ моей памяти его образъ сохранился совершенно чистымъ отъ этой унижающей слабости, и я душевно радуюсь тому, что не могу сочувствовать господамъ, изображающимъ Кобзаря, какъ я только что сказалъ, какимъ-то безобразнымъ чудовищемъ. Мнѣ очень досадно было читать въ книгѣ М. К. Чалаго описаніе дорогой мнѣ по воспоминаніямъ мастерской, въ которомъ она изображается извѣстнымъ монументнымъ дѣлъ мастеромъ чѣмъ-то въ родѣ отвратительнаго свинушника. Соглашаясь съ тѣмъ, что студія Тараса Григорьевича, а также и спальня его въ антресоляхъ, не представляли изъ себя interieur'а голандскаго Minherrú, не могу согласиться съ безобразной картиной валяющихся повсюду гадостей, неубранной постели и прочихъ проявленій неряшливости, описанныхъ вышесказаннымъ отливателемъ комковидныхъ памятниковъ. Кто когда-либо бывалъ въ студіи художника, а тѣмъ болѣе небогатаго, тотъ не могъ не примѣтить присущій этимъ помѣщеніямъ специфическій безпорядокъ, происходящій частью отъ самаго рода занятій.

Такой именно безпорядокъ царилъ и у Шевченка въ его мастерской. Неряшества-же, грязи и безобразія въ ней было столько-же, сколько правды въ описаніяхъ господъ, уподобляющихъ ее кабаку или чему-то хуже.

Въ ту зиму, когда мнѣ впервые пришлось ѣздить къ Тарасу Григорьевичу, онъ началъ заниматься офортными (eau forte) рабо-

тами; причемъ онъ избралъ себѣ въ руководители и наставники величайшаго мастера этого дѣла Рембрандта и усердно копировалъ его неподражаемые рисунки. Бывало такъ, что мое рисованіе прерывалось предложеніемъ идти вмѣстѣ въ академическую библіотеку, эрмитажъ или къ кому либо изъ коллекціонеровъ, чтобы посмотрѣть какой нибудь невиданный еще рембрандтовскій офортъ. Понятна радость, съ которой я шелъ на такое предложеніе, и гордость, съ которою шествовалъ по корридорамъ академіи или улицамъ Петербурга, сопутствуя моему дорогому учителю въ его невѣроятной, всѣмъ знакомой, мерлушичьей шапкѣ. Часто заходилъ къ Шевченку господинъ Маринъ, обладатель чудесной коллекціи гравюръ, причемъ, какъ большой знатокъ этого дѣла, толковалъ съ Тарасомъ Григорьевичемъ о разныхъ тонкостяхъ этого своеобразнаго и труднаго искусства.

Помнится, что однажды я нашелъ Тараса Григорьевича въ большой суетѣ. Онъ собирался писать масляными красками портретъ извѣстнаго Кочубея, по заказу одного изъ его потомковъ. Требовались: холстъ, разные аксессуары, въ родѣ бархата, парчи, собольяго мѣха и т. п. Тарасъ Григорьевичъ взялъ меня съ собою, и мы до поздняго вечера прошлялись по городу, розыскивая всѣ эти вещи, причемъ, нисколько не стѣсняясь сопровождавшимъ его «хлопцемъ», онъ заходилъ въ лавки, къ костюмерамъ, въ знакомые ему дома. По поводу того-же Кочубея, одинъ изъ уроковъ прошелъ въ томъ, что мы, забравшись въ какую-то преогромную академическую, не то кладовую, не то чердакъ, рылись въ цѣломъ хаосѣ запыленныхъ старыхъ картинъ, чтобы розыскать какіе-то портреты какихъ-то малороссійскихъ гетмановъ (или даже гетмана), нужные ему для большей вѣрности Кочубеевскаго костюма. Послѣ долгихъ поисковъ, измаранные, какъ черти, отрыли мы какого-то стараго чубатаго господина и, окрестивъ его почему-то «Мазепой», торжественно приволокли въ студію. Былъ-ли когда оконченъ этотъ кочубеевскій портретъ, натворившій столько хлопотъ Шевченку, и гдѣ онъ теперь находится?—Посѣщавшіе Шевченка художники единогласно хвалили его работу, что приводило его въ отличное расположеніе духа, выражавшееся тѣмъ, что онъ, подходя къ своей работѣ, давалъ разныя нѣжно ругательныя прозвища «богатой и знатной» Мазепиной жертвѣ. Кромѣ этой работы я помню еще

исполнявшіеся при мнѣ рисунки сепіей. Одинъ изображалъ стараго турка, въ родѣ тѣхъ, которые красуются на табачныхъ вывѣскахъ, т. е. въ полной своей турецкой формѣ, въ чалмѣ, при кинжалѣ и чубукѣ, сидящаго, безъ особенно видимыхъ цѣлей, рядомъ съ одалиской. Для этой работы являлся старикъ натурщикъ и очень скромная, почти даже безобразная натурщица. На другомъ рисункѣ изображались довольно легко одѣтыя днѣпровскія русалки, увлекавшія молодаго козака на дно рѣки. Козакъ почему-то не удавался Тарасу Григорьевичу и смывался безпощадно; при этомъ, и безъ того страдательный запорожецъ обзывался «бисовой дитиной» и иными непріятными эпитетами. Какъ ни старался я заступиться за бѣднягу, неутомимая кисть продолжала свое разрушительное дѣло, и на мѣсто сгинувшаго козачины къ слѣдующему уроку появлялся его замѣститель, котораго русалки продолжали увлекать въ днѣпровскую пучину. Нужно замѣтить, что съ дамами или дѣвицами, бравшими на себя трудъ позировать для русалокъ, я никогда не встрѣчался. Для изображенія козака мнѣ случалось по долгу валяться на диванѣ, свѣсивши руку и ногу, иногда въ очень неудобной и даже мучительной позѣ. Судьба, постигшая эти двѣ сепіи, мнѣ также неизвѣстна, какъ судьба портрета масляными красками.

Являясь очень аккуратно въ часы, назначенные для уроковъ, я иногда не заставалъ хозяина дома. Въ такихъ случаяхъ на дверяхъ мастерской мѣломъ бывало написано: гдѣ онъ, когда вернется или у кого изъ служителей находится ключь. Вообще двери исписывались именами незаставшихъ хозяина посѣтителей, иногда даже выраженіями почтенія или восторга, преимущественно на малорусскомъ языкѣ; случалось даже, что обращенія къ «батьку» принимали стихотворную форму.

Порисовавши часокъ, мы подымались на верхъ, въ полутемный антресоль, служившій спальней Тараса Григорьевича, гдѣ происходило своеобразное и неизмѣнное угощеніе. Изъ огромной, воистину огромной, зеленой стеклянной банки извлекались кильки, сторожъ-старичекъ, отставной солдатъ, вѣчно чѣмъ-то недовольный, приносилъ свѣжаго хлѣба; хозяинъ выпивалъ рюмку «горилки», и мы принимались уплетать непомѣрное количество этихъ ревельскихъ рыбокъ. Повторяю разъ сказанное, никогда Шевченко при этомъ

пьянымъ не напивался и никакихъ излишествъ себѣ не позволялъ. Окончивъ этотъ незатѣйливый пиръ, мы обратно спускались въ мастерскую, и Тарасъ Григорьевичъ снова принимался за свои мѣдныя доски, подъ носомъ напѣвая какіе-то заунывные мотивы, гдѣ слова въ родѣ «серденько», «дивчина» и т. п. возвращались постоянно. Иногда-же онъ садился къ маленькому столику и начиналъ тихо, почти осторожно выводить на первомъ попавшемся клочкѣ бумаги какія-то, не то старческія, не то старинныя каракули. Бывали такіе случаи, что онъ подзоветъ меня и тихимъ, добрымъ такимъ голосомъ начнетъ читать мнѣ не вполнѣ понятные для меня малорусскіе стихи. Очевидно, что, въ виду моихъ ограниченныхъ познаній въ этомъ языкѣ, роль мольеровской служанки была мнѣ не подъ силу, тѣмъ не менѣе я готовъ былъ плакать, какъ ребенокъ, такъ уже жалостно, приневѣсто-нѣжно выходили эти стихи изъ устъ Кобзаря.

За декламаціей иногда слѣдовало поясненіе самой темы. Такъ напримѣръ, однажды сюжетомъ стихотворенія былъ сонъ крестьянской матери, что послужило поводомъ къ длинному разсказу о томъ, какъ живутъ бѣдные крестьяне, какъ плохо имъ живется и какъ, благодаря государю Александру, для нихъ открывается иная жизнь.

Поправляя мои рисунки, Тарасъ Григорьевичъ часто и охотно пускался разсказывать мнѣ разнаго рода забавныя вещи, часто на сцену выводилась его солдатская жизнь, въ далекой степи. Много смѣху бывало при воспоминаніяхъ о какомъ-то плутѣ жидкѣ-солдатикѣ, который вѣчно «шкодилъ» и всегда успѣшно «откручивался» отъ грозныхъ наказаній начальства.

Иногда-же разсказы принимали болѣе мрачный колоритъ. Вспоминая свою солдатчину, Шевченко вытащилъ изъ запыленной папки цѣлую послѣдовательную серію рисунковъ; одинъ изъ нихъ представлялъ наказаніе шпицъ-рутенами. Объясняя по этому рисунку, какимъ образомъ производилось это истязаніе, и видя, что я собираюсь ревѣть, онъ, къ моей великой радости, объявилъ мнѣ, что этому звѣрству насталъ желаемый конецъ. Въ этотъ-то день я на послѣдній гривенникъ пріобрѣлъ портретъ Государя. Въ той-же папкѣ, между прочимъ, былъ другой рисунокъ, врѣзавшійся также въ моей молодой памяти, такъ какъ представлялъ подкутившихъ

купчиковъ, жарящихъ яичницу на горящихъ кредитныхъ бумажкахъ. Принадлежалъ-ли этотъ этнографическій рисунокъ къ серіи рисунковъ изъ солдатской жизни, теперь не припомню.

Много доводилось мнѣ слышать разсказовъ о старой Малороссіи, про Сѣчь запорожскую, войны, про вѣдьмъ, русалокъ, славныхъ гетмановъ, лихихъ мореходцевъ и пр. Наскучившись вѣчно поворачиваемымъ со стороны на сторону горшкомъ, я подберусь бывало къ Тарасу Григорьевичу и не безъ хитрости начну разными вопросами наводить его на любимыя его темы. Время летѣло незамѣтно, когда, поддаваясь моимъ замысламъ, Дорошенко и Сагайдачный снова принимались нещадно бить «ляхивъ» и прочихъ супостатовъ, и ни разу этотъ добрый человѣкъ не пугнулъ отъ себя назойливаго мальчугана.

Къ Шевченку, въ его мастерскую часто захаживали посѣтители, по большей части его-же земляки. Понятно, что въ такихъ случаяхъ бесѣды велись исключительно на малорусскомъ діалектѣ. Чаще всѣхъ бывалъ г. Кулишъ, посѣщеніе котораго потому засѣло у меня въ памяти, что я почему-то считалъ эту фамилію ужъ больно странной. Случалось иногда быть свидѣтелемъ трогательныхъ встрѣчъ съ горячими объятіями, цѣлованіями, даже проливаніемъ слёзъ.

Помню, какъ-то одинъ изъ гостей принесъ съ собою довольно объемистый портфель, повидимому остававшійся гдѣ-то съ давнихъ поръ на сохраненіи. Когда гость удалился, Тарасъ Григорьевичъ принялся при моей помощи разбирать находившіеся въ портфелѣ, или папкѣ бумаги и рисунки. Радовался онъ имъ, какъ малый ребенокъ, и тутъ-же, въ награду за труды, подарилъ мнѣ акварельный эскизъ Карла Брюллова, понынѣ у меня хранящійся. Между массой самыхъ разнообразныхъ этюдовъ, видовъ и набросковъ отыскался портретъ молодаго человѣка со свѣчей въ рукѣ; въ портретѣ этомъ тѣни на лицѣ были очень рѣзкія, растительность преобильная. Тарасъ Григорьевичъ предложилъ мнѣ отгадать, кого изображалъ этотъ рисунокъ. Разумѣется, я этого не могъ исполнить. Тогда онъ объявилъ, что это его собственный портретъ, имъ же самимъ давно когда-то рисованный, еще въ то время, когда онъ учился у Брюллова. Много онъ смѣялся моему удивленію, поглаживая свою лысую голову и расправляя запорожскій усъ и сравнивая себя, стоя предъ зеркаломъ, съ кудлатымъ безбородымъ

юношей со свѣчей въ рукѣ. Онъ утверждалъ, что въ свое время оригиналъ очень былъ схожъ съ портретомъ, а потому тѣмъ болѣе жалко, если этотъ портретъ Кобзаря въ цвѣтущую пору его творчества утерянъ безвозвратно.

Упомянутый въ книгѣ г-на Чалаго пріѣздъ въ Россію трагика Ольдриджа совершенно свѣже сохранился въ моей памяти, а также и то впечатлѣніе, которое онъ производилъ своей игрой на петербургскую публику того времени. Мнѣ случилось присутствовать при томъ, какъ покойная матушка, полушутя, полусеріозно дѣлала строгій выговоръ Шевченку и Н. Д. Старову [1]), большому пріятелю и почитателю поэта, за то, что они, бывъ приглашены ею въ ложу Маріинскаго театра, гдѣ подвизался Ольдриджъ, въ какую-то особенно патетическую минуту, въ избыткѣ восторга, подняли такую возню, гамъ и вопли, что не только обратили на себя общее вниманіе и протесты публики, но, не слушаясь увѣщаній моей матери, вынудили ее искать спасенія въ бѣгствѣ и уѣхать домой до окончанія спектакля. Бывшая тутъ-же въ ложѣ напыщенная, знатная барыня разобидѣлась въ конецъ и написала по этому поводу матушкѣ ядовитое письмо, отъ чего между ними произошла ссора. Шевченко и Старовъ молили о пощадѣ, обѣщаясь быть въ другой разъ сдержаннѣе въ проявленіяхъ своихъ восторговъ; матушка смилосердилась и отмѣнила принятое было рѣшеніе не брать ихъ болѣе въ свою ложу. И что-же? На слѣдующій разъ восторгъ взялъ свое, клятвенныя обѣщанія были забыты и пріятели совмѣстно нарушили общественную тишину и благочиніе, съ неменьшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ первый разъ, и къ неменьшей досадѣ бѣдной матушки.

Этотъ-же самый Старовъ влетитъ бывало въ мастерскую Тараса Григорьевича, начнетъ болтать, сообщать видѣнное, слышанное и лишь только роковымъ образомъ коснется «божественнаго», совершеннаго арапа, какъ начинался взаимный обмѣнъ впечатлѣній, напоминаніе того или другаго подмѣченнаго удачнаго момента въ этой или иной роли, подымалась возня, стулья отставлялись, глаза

---

[1]) Товарищъ и другъ моего батюшки по харьковскому университету, въ то время былъ преподавателемъ исторіи и русской словесности въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Личность до крайности симпатичная, Старовъ, нынѣ уже умершій, отличался юморомъ удивительнымъ.

дико выкатывались, начиналась жестикуляція, скрежетаніе зубовъ, Лиръ мѣшалъ Отелло покончить съ Дездемоной, Шейлоку не давали возобновить требованіе о мясѣ; все, что только попадало подъ руку, служило аксессуаромъ для усиленія эффекта; подушку на диванѣ безжалостно умерщвляли; однимъ словомъ происходило нѣчто совершенно баснословное. Я-же единственный зритель этихъ восторговъ или смѣялся до слёзъ или не на шутку подумывалъ объ отступленіи. Надо притомъ замѣтить, что оба эти энтузіаста были безусловно незнакомы съ языкомъ Шекспира, и это, повидимому, существенное обстоятельство, нисколько не мѣшало имъ до delirium-а проявлять поклоненіе таланту знаменитаго трагика. Въ обыкновенное время Шевченко скорѣе всего подходилъ подъ типъ такъ называемаго «степеннаго» человѣка.

На лѣто семейство наше уѣзжало въ деревню или за границу; съ возвращеніемъ-же въ Петербургъ занятія, или правильнѣе сказать поѣздки на Островъ, возобновлялись; на сколько помнится, въ 1860 году, вернувшись съ путешествія, я не былъ болѣе посылаемъ къ Тарасу Григорьевичу, такъ какъ между нимъ и моей матушкой произошла размолвка.

Дѣло было слѣдующее. Въ самомъ началѣ ихъ знакомства чѣмъ-то разстроганный Шевченко подарилъ моей матушкѣ рисунокъ, сдѣланный тушью и изображавшій его самого въ казармѣ, ночью, во время солдатской попойки, угощающимъ крепделемъ маленькаго киргизенка. Кромѣ дѣйствительно художественнаго достоинства (дивно передана пустая, дымная атмосфера казармы), этотъ рисунокъ особенно интересенъ тѣмъ, что, по словамъ самого художника, это была первая его попытка снова приняться за рисованіе послѣ долгаго запрета прикасаться къ перьямъ, карандашамъ и проч. письменнымъ и рисовальнымъ принадлежностямъ. Исторія добычи куска туши, сооруженія кисточки, самаго рисованія втихомолку и украдкой, все это составляло рядъ интереснѣйшихъ эпизодовъ изъ жизни ссыльнаго поэта и придавало этой вещицѣ особенную, если можно такъ выразиться, святую цѣнность.

Прошло года два со дня поднесенія рисунка. Тарасъ Григорьевичъ приходилъ въ домъ нашъ запросто, обѣдалъ, просиживалъ вечера и положительно считался своимъ, домашнимъ, всѣми любимымъ человѣкомъ. Крѣпко установившіяся по видимому добрыя отноше-

нія прервались совершенно внезапно. Однажды Шевченко попросилъ отдать ему нѣкогда подаренный имъ рисунокъ, говоря, что онъ ему нуженъ для снятія съ него фотографическаго снимка. При этомъ онъ такъ конфузился и путался въ словахъ, что матушка, не желая обидѣть его прямымъ отказомъ и въ тоже время замѣчая, по его необыкновенному смущенію, что онъ не говоритъ правды, рѣшилась, прежде чѣмъ исполнить его желаніе, спросить у профессора Пименова (общаго ихъ друга) объясненіе загадки, покуда-же она ограничилась уклончивымъ отвѣтомъ. Пименовъ рѣшительно посовѣтовалъ матушкѣ рисунка Шевченку не отдавать, такъ какъ, по его словамъ, Тарасъ Григорьевичъ часто высказывалъ сожалѣніе по поводу легкомыслія, съ которымъ онъ разстался съ нимъ. Кромѣ того, матушка уклонилась отъ исполненія просьбы Шевченка и подъ тѣмъ еще предлогомъ, что альбомъ, въ который между прочимъ былъ вклеенъ злополучный рисунокъ, на столько объемистъ и цѣненъ, что поручать его незнакомому фотографу она не рѣшается; она извѣстила поэта, что сама отвезетъ альбомъ къ извѣстному въ то время фотографу Робильяру, который лучше всякаго другаго сдѣлаетъ снимокъ, причемъ обойдется съ самымъ альбомомъ бережно, не попортивъ и не запачкавъ его. По полученіи этого отвѣта между Тарасомъ Григорьевичемъ и моей матерью возникла переписка, съ обоюднымъ обмѣномъ колкостей, послѣ которыхъ онъ пересталъ у насъ бывать. Какъ ни старалась впослѣдствіи моя матушка возобновить дружескія отношенія, Тарасъ Григорьевичъ не поддался никакимъ увѣщаніямъ, и всѣ старанія общихъ друзей устроить примиреніе остались безъ результата.

Насъ не было въ Петербургѣ, когда поэтъ скончался, и потому я не могъ отдать послѣдній долгъ моему доброму, дорогому учителю.

Б. Сухановъ-Подколзинъ.

Село Казинка
10 января 1885 года.

P. S. Кромѣ вышеупомянутаго рисунка, послужившаго причиной ссоры между Т. Г. Шевченкомъ и моей покойной матушкой, у меня сохранились слѣдующія его произведенія:

1) Портретъ меньшаго моего брата, простымъ карандашемъ, помѣченъ 1858 годомъ.

2) Большая сепія; сюжетъ: двѣ малороссіянки, стоящія съ коромыслами подъ вербами, вдали сидитъ Кобзарь.

3) Очень тщательно исполненная меньшая сепія, изображающая мать, стоящую на колѣняхъ и молящуюся предъ колыбелью спящаго ребенка.

Эти три вещицы не имѣютъ артистической цѣнности, чего нельзя сказать про рисунокъ тушью, который исполненъ очень бойко, съ большимъ вкусомъ и колоритно.

ВОСПОМИНАНІЕ ИЗЪ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

(О школѣ и грамотности въ кіевской губерніи).

Прочитавъ замѣтку г-на К. Ц., напечатанную въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины», въ отдѣлѣ Извѣстій и Замѣтокъ, подъ заглавіемъ: «Движеніе народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ», я вспомнилъ кое-что извѣстное мнѣ изъ сферы народной грамотности въ той-же мѣстности, что самому приходилось видѣть и слышать по сей части, и рѣшилъ передать, что сохранила память моя, къ свѣдѣнію интересующихся этимъ дѣломъ.

Въ шестидесятомъ году въ Кіевѣ были воскресныя школы. Мы, молодежь, съ такимъ рвеніемъ тогда отдавались этому дѣлу, что на каждаго ученика приходилось чуть не по два учителя. Я помню, какъ мы страстно хотѣли вдругъ научить желающихъ читать, какъ старались поскорѣе ограмотить неграмотныхъ, просвѣтить людей темныхъ, передать имъ все то, что сами знали. Пироговъ, Павловъ, Слѣпушкинъ, Чалый, Вороной, Бекманъ—вотъ памятныя имена того времени. Метода Золотова какъ-то вдругъ открыла намъ, учившимся читать по старому, новый способъ сочетанія звуковъ алфавита и рѣчи, и ученіе, благодаря нашему рвенію, шло съ замѣчательнымъ успѣхомъ и быстротою.

Тогда-же въ средѣ студентовъ поляковъ, особенно поляковъ особой украинской окраски, родилась мысль обученія грамотѣ мальчиковъ, имѣвшихся у многихъ студентовъ-панычей въ качествѣ крѣпостной прислуги. И живо припоминаю то первое время объятій нашихъ съ народомъ. Помню вспышки негодованія противъ тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которые смѣли добиваться отъ данныхъ имъ изъ дому мальчиковъ прислуживанія, а не ученія, которые

являлись по отношенію къ этимъ мальчикамъ господами, помѣщиками, а не *старшими братьями*. Спѣшу впрочемъ оговориться, что случаевъ нарушенія этого общаго любовнаго настроенія было не много.

Такъ какъ студенты-паничи, имѣвшіе изъ дому приставленныхъ къ нимъ мальчиковъ, были исключительно уроженцы юго-западнаго края, то и мальчики эти были кровные украинцы. Грамотѣ они обучались у насъ на природномъ ихъ малорусскомъ языкѣ, принятомъ за разговорный съ прислугою почти во всѣхъ панскихъ дворахъ того края. Ученіе шло тоже по методу Золотова—учились читать по разрѣзнымъ буквамъ. Для чтенія-же малорусскаго имѣлись грамотки Кулиша, надѣлавшія въ то время немало шума и послужившія встревоженнымъ панамъ уликою къ обвиненію университетской молодежи въ демагогической пропагандѣ. Велико на самомъ дѣлѣ было самоотверженіе и самозабвеніе студентовъ поляковъ, когда они для первоначальнаго чтенія мальчикамъ давали грамотку Кулиша, гдѣ съ первыхъ-же строкъ заявлялась ненависть ко всему лядскому.

Школа эта просуществовала недолго въ ея первоначальномъ видѣ. Разстроилась она главнымъ образомъ потому, что контингентъ ея вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ разсѣялся, отчасти-же и потому, что поляки студенты рѣзко повернули въ сторону зарождавшагося польскаго возстанія. Въ ограниченномъ числѣ (кажется пяти или шести мальчиковъ) школа эта поддерживалась кружкомъ студентовъ малороссіянъ. Рожденная *хлопоманами* она въ концѣ осталась на рукахъ *хохломановъ* (фраза эта понятна помнящимъ то время). Преслѣдуемая мѣстными властями, въ концѣ концовъ школа эта уничтожилась; но ученики этой школы продолжали ученіе при поддержкѣ того-же кружка въ гимназіи. Изъ числа этихъ учениковъ однихъ ужъ нѣтъ, а другіе далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ упованій.

Помню, что, кромѣ грамотки Кулиша, для малорусскаго чтенія у насъ были: плохенькій букварь Шевченка, повѣсти Квитки и Марка-Вовчка, Кобзарь, Чорна Рада Кулиша и частью книжки «Основы». Послѣ уже появились *метелики*—маленькія книжечки, предназначавшіяся для народнаго чтенія. Все это составляло скудный матеріалъ для народнаго воспитанія и чтенія. Скорѣе все это

воспитывало въ насъ самихъ любовь къ родному и народному, знакомило насъ съ народомъ и какъ нельзя больше отвѣчало нашему любовному настроенію по отношенію къ *меньшимъ братьямъ*.

Изъ университета я въ числѣ немногихъ бросился къ освобожденному отъ крѣпостной зависимости народу: хотѣлось учить народъ, у него учиться, признавалось главенство его соціальное если не *de facto*, то *de jure*. Очутился я въ глухой деревнѣ поднѣпровской Украины, гдѣ еще жила память о гайдамачинѣ, Желѣзнякѣ, Гонтѣ, Швачкѣ, Кравчинѣ, гдѣ, вслѣдъ за освобожденіемъ, въ памяти народной, особенно подъ чаркой, откапывались отрывки козацкихъ думъ и пѣсенъ. Я не стану говорить про то, что дѣлалось мною, чѣмъ я жилъ, какъ я жилъ: рѣчь идетъ о народной грамотности, о ней и буду говорить.

Учиться, скажу болѣе, поучаться кинулось ко мнѣ все село. Передъ глазами селянъ лежала новая, многознаменательная книга — Положеніе о *волѣ*. Любопытно было освобожденному крестьянину прочесть эту книгу своими глазами, уразумѣть ее, докопаться въ ней истиннаго смысла царскаго слова, скрываемаго, какъ говорили, панами; тутъ кроется, думалъ темный людъ, осуществленіе его завѣтныхъ идей. Каждый грамотный жадно впивался глазами въ эту книгу, стараясь вычитать въ ней пріятное для себя. Но большинство, если не всѣ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ принуждено было безотрадно отстраниться отъ непонятной грамоты. Можетъ быть, и дорогъ былъ я для селянъ какъ переводчикъ этого непонятнаго. Самъ я чувствовалъ что-то въ родѣ душевнаго удовлетворенія при обращеніяхъ ко мнѣ моихъ сосѣдей и вообще селянъ съ просьбами прочитать и растолковать Положеніе *о волѣ*. Иногда являлись ко мнѣ ночью, съ какою-то таинственностію, и я чувствовалъ, что мои вразумленія и просьбы не дѣлать этого, не таиться со чтеніемъ закона, уже обнародованнаго и приводимаго въ исполненіе, отчасти лишали меня престижа толкователя *достоменнаго* (настоящаго, истаго). Разъ, помню, между такими ночными посѣтителями я замѣтилъ одного грамотнаго, который слѣдилъ за моимъ чтеніемъ, чтобы я читалъ *правильно*, безъ упущеній. Это была своего рода провѣрка хитрыхъ украинцевъ. Подъ чаркой все выяснилось. Много времени спустя, мнѣ пришлось въ дѣлахъ слѣдственной коммиссіи прочитать, признаюсь, лестный для меня отзывъ: сказано было, что при

введеніи уставной грамоты въ томъ селѣ, гдѣ я жилъ, замѣтно было вообще пониманіе крестьянами «Положенія» и разумное отношеніе къ дѣлу, благодаря моимъ толкованіямъ. Можетъ быть, такое впечатлѣніе осталось у членовъ коммиссіи потому, что они по павѣтамъ ожидали здѣсь чуть не бунта.

Для деревни въ 1861 г. грамотность стала необходимостію. Цѣлая масса новыхъ отношеній появилась вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ: волость и писарство, податныя книжки, уставныя грамоты, предписанія, требованія, циркуляры, учеты, приговоры—все это вдругъ стало передъ крестьяниномъ со всею необходимостію. Жизнь деревни, знавшей по сю пору только вотчинную власть пановъ и ихъ экономовъ, вдругъ стали втискивать въ рамку письменныхъ регламентацій.—Замѣчу кстати, что это письменное регламентированіе традиціонной жизни деревни впослѣдствіи стало причиною неудобнаго совмѣщенія въ выборномъ сельскомъ начальствѣ двухъ противуположныхъ функцій—представительства интересовъ выборщиковъ и орудія внѣшней для села государственной власти.—Впослѣдствіи грамотность въ селѣ повела къ своего рода деревенскому карьеризму, но въ 1861 году она нужна была сама по себѣ, нужна, какъ нуженъ ночью фонарь, какъ микроскопъ изслѣдователю. Мужику хотѣлось прозрѣть въ этомъ новомъ для него мірѣ письменности, и если ужъ онъ сознавалъ себя слѣпымъ съ застарѣлою слѣпотою, то съ молодыхъ глазъ своихъ дѣтей желалъ снять эту катаракту. Эти молодые глаза замѣнили-бы для него его собственные, онъ имъ больше довѣрялъ, чѣмъ постороннимъ: свой *поводырь* лучше наемнаго. Лишь-бы только прочесть точно, безъ утайки, написанное, а понять поймемъ эту царскую бумагу, думалъ мужикъ, не предчувствуя всѣхъ хитросплетеній этого новаго строя жизни. При томъ-же предполагалось, что истинный смыслъ написаннаго вполнѣ отвѣчаетъ идеалу, созданному въ его пониманіи. Только-бы умѣть прочесть, излѣчить слѣпоту.

Но этихъ врачей было мало. По нуждѣ вспомнились старыя церковныя школы. Церковныя сторожки при церквахъ на Украйнѣ во многихъ мѣстахъ не переставали еще называться школами, хотя въ нихъ помѣщались только сторожа да бездомные причетники. Украинецъ повернулъ свои взоры съ надеждою къ духовенству. Но оно не могло отвѣтить на эти упованія: не всегда и не охотно

предлагало оно алчущему духовную пищу не соотвѣтствующую времени. Церковно-славянскія граматки, часословцы, псалтыри съ непонятною мертвою рѣчью, съ титлами и словотитлами, со всею трудностію обученія не отвѣчали назрѣвшей новой потребности. Помимо всего, духовенство, почуявъ неохраняемость мужика вотчинною опекою пана, ставъ, такъ сказать, лицемъ къ лицу съ мужикомъ, накинулось на него со своими нуждами, не всегда отграниченными строго отъ любостяжанія. Для незнакомыхъ съ порядками того времени въ юго-западномъ краѣ я прибавлю слѣдующее въ объясненіе высказаннаго мною. По проэкту обезпеченія православныхъ причтовъ въ томъ краѣ, сверхъ назначеннаго въ 1842 году жалованья, часть земли церковной должны были обработывать прихожане, т. е. помѣщичьи крестьяне, равно на ихъ-же обязанность возлагалась постройка и ремонтъ помѣщеній для причта. При крѣпостномъ правѣ обязательства крестьянъ были вмѣстѣ обязательствами самихъ помѣщиковъ, такъ какъ послѣдніе являлись отвѣтственными во всемъ за крестьянъ, находившихся въ ихъ полномъ распоряженіи. Понятно, что выполненіе крестьянами указанныхъ повинностей ставило церковные причты въ ближайшую зависимость отъ помѣщиковъ, и отъ личныхъ отношеній тѣхъ и другихъ зависѣло осуществленіе благаго намѣренія правительства по обезпеченію православнаго духовенства въ юго-западномъ краѣ. Захочетъ помѣщикъ, и крестьяне обработываютъ причту всю землю, притомъ въ пору, строятъ дома, хозяйственныя службы и огорожу въ самое короткое время. Денежныя и матеріальныя издержки по этимъ постройкамъ производились самими помѣщиками, и не всѣ изъ нихъ возвращали затраченное сборами съ крестьянъ. Такимъ образомъ и натуральныя работы и денежные сборы съ крестьянъ въ пользу причтовъ шли по приказу пановъ, за ихъ какъ-бы счетъ, иногда же и значительно ими облегчались, не возбуждая въ крестьянахъ ропота противъ священниковъ. Съ другой стороны предоставленное священникамъ право чтенія и объясненія прихожанамъ «Инвентарныхъ правилъ», наблюденіе за тѣмъ, чтобы въ *царскіе* дни не было барщины, и возможность злоупотребленій помѣщичьей власти имѣли свой вѣсъ у помѣщика. Дѣло сводилось на компромиссы. Нужно помнить, что большинство помѣщиковъ на Украйнѣ поляки и католики. Послѣ освобожденія крестьянъ на послѣднихъ легла вся тяжесть

содержанія причтовъ, при чемъ устранилась какъ помощь помѣщика, такъ и въ иныхъ случаяхъ его контроль. Послѣднее сказалось въ возвышеніи по мѣстамъ платы за требы, что при крѣпостномъ правѣ не всегда было удобно. Я помню, благочиннымъ было приказано сдѣлать спросъ крестьянъ о томъ, какія школы имъ желательно имѣть—духовныя или свѣтскія. Отвѣты этого плебисцита были разные, смотря по умѣнью вопрошающихъ. «Вы только что нибудь *накинете* батюшкѣ, да соломки дадите на отопленіе—вотъ у васъ и школа будетъ. На что вамъ свѣтская грамота? Вамъ о душѣ нужно заботиться, поприлежнѣе быть къ Богу, къ церкви»..., увѣщевалъ громаду одинъ благочинный. Но мужики уперлись. «Буде вже й такъ, отвѣчала громада, батюшка самъ соби накинувъ: то було за випьчання бере одинъ карбованець, а то давай три, ще й литомъ щобъ молоди (вступающіе въ бракъ) по два дни одробляли... Ще й солому давать... та же винъ (т. е. батюшка) и такъ усю огорожу за зиму спаливъ (употребилъ на топливо), а по весни загадае городить... Мы такъ хочемо, якъ одъ Царя показано буде»... Не смотря на такіе или подобные отвѣты громадъ, оффиціальныя донесенія указывали на существованіе по деревнямъ при церквахъ школъ, въ которыхъ обучали дѣтей батюшки и причетники. На сколько иногда вѣрны были оффиціальныя свѣдѣнія того времени, можно судить по слѣдующему случаю, за истинность коего я отвѣчаю.

У насъ въ деревнѣ церкви не было, была только часовенька на кладбищѣ, а были мы приходомъ къ церкви сосѣдняго села П—цы. Приходскій нашъ священникъ о. Д. Р—скій былъ особаго покроя человѣкъ: молодой франтъ въ шелковой рясѣ съ *простоволосою* попадьей, большой стяжатель, не разбиравшій средствъ къ наживѣ и впослѣдствіи поплатившійся за свои недостойные поступки переводомъ на худшій приходъ. Вотъ этотъ-то батюшка и разсказываетъ однажды мнѣ при встрѣчѣ слѣдующее:

— А знаете—пріѣзжаю я отъ васъ (онъ былъ у насъ въ селѣ и видѣлся со мною), застаю у себя гостя: благочинный пріѣхалъ. Что такое?—думаю. Потревожился было. Ну, знаете, послалъ титаря собрать кое-что по селу для начальства... такъ хоть малую толику. Послалъ за экономомъ преферансикъ устроить... Оказывается, что благочинный пріѣхалъ обозрѣть училище. Гдѣ ему достать учениковъ?! Все это, знаете, въ полѣ. Ну, кое какъ обошелся. Я пока-

залъ. что у меня 40 учениковъ, а у васъ 23. Такъ и записано. Помните-же, а то какъ-бы не пробрехаться намъ.

Да! Вотъ вамъ и свѣдѣнія оффиціальныя.

На самомъ-же дѣлѣ въ П—цахъ не было никакой школы, а было два ученика у дьячка—одинъ мальчикъ, а другой лѣтъ 17—18 парубокъ. Ученики эти читали и пѣли на клиросѣ и по праздникамъ ходили съ дьячкомъ *пильновать*, т. е. собирать доходъ, носили *колядy*. У меня-же въ ту пору было постоянныхъ только семь учениковъ.

Школъ дѣйствительныхъ, съ большимъ числомъ учащихся, съ сноснымъ обученіемъ и содержаніемъ было мало, и винить въ этомъ было некого. Народъ еще не успѣлъ осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, администрація тоже; что касается священниковъ, то люди самоотверженные и между ними были рѣдкостью. Для заурядныхъ дѣло школьное было ново и не подъ силу, а было много и такихъ, которые не чувствовали къ нему никакой охоты, преслѣдуя совсѣмъ иныя цѣли. У меня была школа, оформленная письменнымъ порученіемъ этого дѣла мнѣ помянутымъ священникомъ, причемъ въ разрѣшеніи было написано: «*подъ моимъ наблюденіемъ и при моемъ участіи въ преподаваніи закона Божія*». *Наблюденіе и участіе* выразилось развѣ въ томъ, что батюшка взвелъ на меня напраслину, показавъ благочинному, что у меня 23 ученика. Ни разу онъ не былъ въ нашей школѣ, ни единаго слова не преподалъ ученикамъ.

Школа моя, если ее такъ можно назвать, не имѣла постояннаго числа учениковъ: зимою учениковъ было больше, лѣтомъ меньше. Мальчиковъ—*школьниковъ* было отъ 3 до 12-ти, не болѣе. Кромѣ того зимою у меня и у моего брата учились взрослые три парубка. Они отстали отъ ученія, какъ только научились разбирать, складывать буквы. Ихъ отняло отъ ученія хозяйство, домашній обиходъ. Но послѣ я узналъ, что они все-таки не бросили совершенно грамоту и подоучивались сами читать печатное.

Училъ я мальчиковъ по малорусски, по методу Золотова. Наука давалась имъ легко, и скоростію обученія чтенію я много выигрывалъ во мнѣніи родителей: скорое обученіе, безъ мученія, видимо имъ нравилось. Разъ, помню, грамотный (умѣвшій читать церковную печать и подписывать свою фамилію) волостной старшина

персконфузилъ, въ присутствіи нѣсколькихъ нашихъ громадянъ, моихъ учениковъ: онъ *загадавъ* имъ разрѣзныя буквы уложить по алфавитному порядку: *а, б, в, г, д, е,* и т. д.; мои ученики этого не могли сдѣлать и этимъ вызвали сенсаціонное замѣчаніе старшины: «*бачь, учатьця, а азбуки не знають*». Присутствующіе громадяне были тоже сконфужены, такъ какъ они превозносили мое обученіе. Я вмѣсто всякихъ объясненій развернулъ на удачу бывшее подъ рукой «Положеніе», и большая часть учениковъ свободно прочли указанное. Это уронило въ свою очередь престижъ экзаменатора. Я этимъ не ограничился. Въ ближайшій воскресный день изъ церкви я взялъ въ волостное правленіе двухъ своихъ учениковъ и позвалъ меньшаго, однако бойко читавшаго на клиросѣ, дьячковскаго ученика. Въ волости были и наши громадяне. Предложено было прочесть что-либо въ «Положенія» клиросному чтецу, и онъ не могъ прочитать ни одной строчки, мои-же не ударили въ грязь лицемъ и читали свободно. Не скрою, что это были лучшіе мои ученики. Побѣда была полная и вызвала немалую сенсацію, особенно когда я не поскупился на объясненія.

Для чтенія у меня имѣлось только то, что было напечатано по малорусски. Да и что-же было тогда писано для народнаго чтенія?! Не могъ-же я, помимо уже всякаго малоруссофильства, на самомъ дѣлѣ преподносить народу Морозовскія, Мапухинскія и Леухинскія изданія. Какъ ни были слабы въ смыслѣ удовлетворенія умственной жажды издававшіяся тогда въ Петербургѣ маленькія малорусскія книжки—*метелики,* все таки онѣ были лучше и понятнѣе названныхъ изданій. Вѣдь это теперь имѣется много хорошаго и дешеваго для чтенія народу на русскомъ языкѣ, а тогда что? Францыль Венціанъ, Бова Королевичъ, Битва Русскихъ съ Кабардинцами и т. п... Помню я хорошо то время. Т. Гр. Шевченка весною похоронили около Канева. Гр. Ник. Ч—скій, академикъ-товарищъ Тараса, жилъ нѣкоторое время въ Каневѣ и популяризовалъ сочиненія и имя покойника, прочитывая и раздавая его стихи. Въ Петербургѣ издавалась «Основа», мы смѣло выступали со своею рѣчью, со своею грамотою. Даже нѣкоторые циркуляры писались по малорусски. Я помню циркуляръ по волостямъ, напечатанный въ два столбца: въ одномъ текстъ русскій, а въ другомъ малорусскій. Помню я это время мережаныхъ сорочекъ, широкихъ

нтановъ, малорусской пѣсни, польско-панскихъ доносовъ... Хохлофильство нужно было для внутренней политики края, нужно было, какъ противувѣсъ полонизму.

Я читалъ многое изъ напечатаннаго по малорусски народу, и чтеніе мое имѣло успѣхъ, выражавшійся обиліемъ слушателей. Живо я помню эти литературные вечера-посидѣлки. Тепло, душно въ хатѣ, фурчатъ веретена у сидящихъ въ сторонѣ отъ стола *дивчатъ, парубки* понасунулись поближе ко мнѣ... Читая большею частію наизусть, напримѣръ *Катерину* Шевченка, видѣлъ я лица слушателей. Улыбаются какъ-то насмѣшливо, нерѣшительно вслушиваются... Не то это такъ себѣ *вытребеньки*, не то и въ самомъ дѣлѣ что хорошее. Но вотъ лица становятся все серіознѣе. «Сидить батько въ кипьци стола, на руки схилився, не дивитьця на свитъ Божій; тяжко зажурився...» декламирую я. Вниманіе все болѣе усиливается, веретена перестаютъ фурчать, дивчата одна за другой вздыхаютъ и кой-кто изъ нихъ пересѣлъ уже ближе къ столу; на *полу* маханіемъ руки унимаютъ послѣднее веретено... глаза блестятъ, дыханіе затаивается. Вотъ *титка Тимошиха*, тяжело вздохнувъ, перекрестилась, когда я дочиталъ до того мѣста, гдѣ Катерина бросается въ ополонку.

Шубовстъ въ воду!... По пидъ лёдомъ
Геть загуркотило.

И я мимовольно вздыхаю, перевожу духъ, дочитавши до эпилога. Всѣ вздохнули, всѣ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, подавлены всѣ какимъ-то ужасомъ, оцѣпененіемъ. Даже *титка Тимошиха*, покачивавшая по сю пору головою, подпертою ладонью, перекрестившись и вздохнувъ, не находитъ, что сказать. Декламирую эпилогъ. Всѣ, какъ-бы встряхиваясь отъ тяжелаго какого кошмара, внимаютъ. Но эпилогъ коротокъ.

Встали сиромахи,
Помолились на схидъ сонця,
Пишли по-надъ шляхомъ...

Кончаю я и вылѣзаю изъ-за стола. Всеобщее молчаніе.

— А що-жъ сталося зъ хлопцемъ?—спрашиваютъ непремѣнно дивчата.

Чтеніе «Наймички» Шевченка часто вызывало слёзы. Стихотворенія легко запамятовывались слушателями, и отрывки послѣ пов-

торялись. Читалъ я повѣсти Квитки, Марка Вовчка, разсказы Стороженка, Чорну раду Кулиша, читалъ и «Гайдамакъ». Читалось все это соотвѣтствующимъ слушателямъ. Помню, какъ мнѣ неловко было читать «Гайдамаки» Шевченка. Въ «Гайдамакахъ» есть нѣжныя сцены, любовныя (Галайда, Титарь, Лебединъ), есть много неприспособленнаго для простыхъ слушателей. И вотъ неловко какъ-то становилось при чтеніи нѣжныхъ сценъ старикамъ слушателямъ, или мало понятной рѣчи архимандрта, благословляющаго ножи. Мимовольно переношусь памятью болѣе подробно къ тому времени. Пасѣка дида Максима. Теплый, ясный день, зелень, цвѣты, щебетаніе птичекъ, гудѣнье пчелъ. Насъ человѣкъ пять: хозяинъ пасѣки, я, Гаврило Петровичъ, сынъ *дида* Якимъ и мудроватый *Хведиръ Ковбаса*. Всѣ мы въ *бѣлыхъ сорочкахъ* по случаю праздника, свитки подосланы на травѣ, шапки разбросаны; тепло, даже жарко внѣ тѣни развѣсистой груши. Новая, только на дняхъ полученная книжка «Основы» со мной. Я давно уже обѣщалъ дѣду прійти къ нему на пасѣку почитать *що небудь*. Старикъ радъ гостямъ, угощаетъ насъ медомъ. Идутъ разговоры про наши сельскія дѣла, про *батюшку*, «що винъ вытворявъ сёгодня писля службы Божои», про урожай, про ройбу...

— А це принесли таки, що обицяли—спрашиваетъ дѣдъ, взглянувъ на сиреневую обложку «Основы», и затѣмъ, взявши въ руки, переворачиваетъ листки, какъ-бы и вовсе грамотный.

— Шкода, не про насъ писано, говоритъ дидъ, кивая головою и подавая мнѣ книгу. Я, бувало, такъ таки й прослухаю, якъ покойный отецъ Василій, царство ёму небесне, читае. И... чоловикъ бувъ! Нехай ёму земля перомъ. Усе було розскаже. А вже мени ни що, якъ сторія про Іосифа Прекрасного, або про блудного сына...

— Ну, теперешній якъ прочитае, той слухать не хочетьця, вставляетъ слово Гаврило Петровичъ. Сёгодня, оце писля службы якъ стакъ вычитувать усимъ по проэкту... Я, каже, можу требувать, щобъ мени усю роботу одробляли литомъ. Та ще, каже, на толоку покличу...

— Ну, та Богъ зъ нимъ! Ёму ёго й честь буде... Щожъ, прочитайте що небудь... обращается ко мнѣ дидъ Максимъ.

Растягиваемся на «свиткахъ» головами въ кучу, ногами въ рознь, и я читаю «Оповидання Грицька Клюшника» Стороженка.

Якимъ глазами впился въ строки читаемаго, умное лицо Гаврила Петровича *насупилось,* у дида блаженная улыбка на лицѣ... Чтеніе идетъ съ перерывами. Очевидно слушателямъ, еле только встряхнувшимъ съ себя ненавистное панское иго, не по душѣ восхваленіе пана, но личность Прокопа Ивановича имъ симпатична. Это выражается короткими возгласами и иногда вздохами. «Отъ такъ, докозакувались!... вздыхаетъ дѣдъ, кивая головою при чтеніи прощанія запорожцевъ съ Сѣчью.

— Онъ якои! восклицаетъ Ѳедоръ Ковбаса, когда я читаю, какъ Прокипъ Ивановичъ возражаетъ: «брехня, тричи брехня. Зроби, доброго чоловика паномъ, то й буде зъ нёго ледащо...» Или когда тотъ-же Прокипъ, отказываясь отъ ночлега въ панской хатѣ, говоритъ: «нехай вона тоби скризь землю провалитьця. Отъ стану я въ паньскій хати ночувать...»

При перерывахъ чтенія дѣлаются замѣчанія, вспоминается что-то похожее: какъ заселялось наше село, кто былъ «осадчимъ», почему поселились на этомъ яру, а не на прежнемъ «селищѣ». Вообще слушатели симпатизируютъ герою разсказа. Герой этотъ, Прокопъ Ивановичъ, во всей силѣ своей запорожской натуры являетъ свою нелюбовь къ пану и любовь къ свободѣ и самостоятельности. *Панъ* разсказа не симпатиченъ слушателямъ, но и этотъ снискиваетъ ихъ благосклонность не хуже того, какъ это ему удалось съ Прокопомъ Ивановичемъ.

Кончилъ я. Всѣ благодарятъ. Прочитанное даетъ тему разговору, вызываетъ воспоминанія и «гуторня» идетъ безконечная. Жара спала, солнце спустилось за лѣсъ, за горою слышно мычаніе и блеяніе череды, Якимъ и Ковбаса пошли уже въ село, а мы еще не перестаемъ слушать, разсказывать...

У насъ въ деревнѣ, какъ я уже сказалъ выше, не было церкви, а была часовня на кладбищѣ. Украшенная иконами, ставниками, лампадами и даже имѣвшая посильные кресты и хоругви; часовня эта замѣняла намъ отчасти церковь, особенно въ день поминовенія усопшихъ на проводы, въ день храмоваго нашего праздника 8-го ноября (соборъ архистратига Михаила), во время лѣтнихъ или лучше сказать весеннихъ общихъ молебновъ съ крестнымъ ходомъ по полямъ. На первый день св. Пасхи наши селяне, разговѣвшись и поотдохнувъ, тоже почти всей деревней сходились къ часовнѣ,

гдѣ просиживали до вечера, разговаривая и глядя на обрядные хороводы молодежи [1]) Осенью, когда за распутицей нельзя пробиться къ церкви за 7 верстъ, наши селяне тоже собирались въ часовню, гдѣ читались часы. Тоже совершалось и въ небольшіе лѣтніе и зимніе праздники, когда знали, что и въ Н—цахъ *службы* нѣтъ, или когда послѣ обѣда, и то ранняго, нужно было начинать спѣшныя полевыя работы. Чтецами въ часовнѣ были обыкновенно одинъ или оба вмѣстѣ наличные грамотѣи Михайло Тимофеевичъ К—цъ и Якимъ Максимовичъ Ст—енко, а иногда завернувшій по случаю къ намъ дьячекъ. Я тоже участвовалъ въ чтеніи часовъ. При этомъ я въ лѣтнее время иногда прочитывалъ одну изъ проповѣдей протоіерея Вас. Гречулевича. Дѣлалось это обыкновенно такъ, что по окончаніи часовъ я выходилъ на крыльцо часовни, садился на ступенькахъ и читалъ. Слушатели окружали меня, кто стоя, кто сидя, женщины всегда стояли. Читалъ я на крыльцѣ и сидя ради того, чтобы не изображать изъ себя проповѣдника. Подольскій говоръ проповѣдей протоіерея Гречулевича я сглаживалъ и по возможности читалъ такъ, чтобы публика понимала все. Проповѣди эти очень нравились нашимъ селянамъ. Разсорившись съ нашимъ священникомъ, я пересталъ читать проповѣди, чтобы не давать лишней темы для сыпавшихся отъ него на меня доносовъ; тѣмъ не менѣе мое столкновеніе съ нимъ было причиною проявленія еще одной формы моего учительства. Дѣло было такого рода.

Помню, зимою, какъ-то послѣ Рождества, пріѣхалъ ко мнѣ зачѣмъ-то священникъ Р—скій. Вслѣдъ за его прибытіемъ приходитъ ко мнѣ вдова Сергіиха съ сыномъ парубкомъ и проситъ моего участія въ томъ, чтобы *упрохать батюшку* повѣнчать ея сына съ сосватанной уже въ с. Потапцахъ дѣвушкой. Я предложилъ просителямъ войти въ комнату и при мнѣ *прохать*. Въ комнату вошла степенная Сергіиха съ ея красавцемъ сыномъ. Не успѣлъ батюшка обмахнуть ихъ благословеніемъ, не успѣла Сергіиха промолвить слова, какъ уже онъ зачастилъ:

---

[1]) На первый день Пасхи пьянствовать и танцовать негоже. Молодежь водитъ хороводы, *туна*, *довгои лозы*, *короля* и т. п. и при этомъ поетъ старинныя, должно быть, языческія обрядовыя пѣсни. Наприм. «О кизле, мій кизле, зійди рано! Ой кизле, мій кизле! прійди *Мало* (?).

— Ни, ни! Не буду винчать. Берить, яку хочете, а зъ цею не повинчаю. Я вамъ разъ сказавъ и годи вже. Хоть и не просить... и т. д.

Сергіиха плакала, кланялась, но онъ не давалъ ей слова сказать, твердилъ все свое и въ концѣ концевъ ушелъ въ другую комнату. Я мигнулъ просителямъ, чтобы они вышли, разсчитывая самъ уговорить упрямаго батюшку.

Но не тутъ было. Онъ мнѣ изложилъ такіе доводы:

— Нѣтъ, нѣтъ, Б. Ст—вичъ! И не просите за этихъ мерзавцевъ! (Со мной онъ говорилъ по русски). Вы знаете, эта самая дѣвка ни за что не хотѣла наниматься ко мнѣ, сколько не посылалъ, сколько самъ не уговаривалъ. И отецъ и мать согласились, а она «не пійду, тай не пійду». И вотъ такъ всѣ онѣ. Замужъ такъ на въ-*выпередки*, а ко мнѣ въ наймы пейдутъ, мерзавки! Нѣтъ ужъ, пожалуста, не просите. Нужно хоть одну проучить. Нужно, чтобы онѣ знали меня.

Но батюшка былъ неправъ въ данномъ случаѣ по существу дѣла. Я пробовалъ урезонить его, говорилъ, что, при объявленіи манифеста 19 февраля 1861 года, объяснявшіе этотъ манифестъ мѣстныя власти (становой, исправникъ), при немъ-же священникѣ, говорили крестьянамъ о предоставляемомъ имъ теперь правѣ жениться и выходить замужъ безъ всякихъ разрѣшеній, что отказъ его Сергіихѣ и ея сыну можетъ вызвать жалобы и нареканія; что женихъ и его мать вдова люди бѣдные, что они уже сдѣлали затраты... и т. п. Наконецъ я просилъ просто отъ себя за нихъ. Нѣтъ и нѣтъ. Заупрямился о. Д. и недовольный уѣхалъ. Садясь въ сани, онъ еще разъ подтвердилъ стоявшимъ у крыльца Сергіихѣ и ея сыну: «берить, кого знаете, тильки не цю, цю не буду винчать».

Мнѣ оставалось одно: указать путь обиженнымъ. Это я и сдѣлалъ. Написалъ жалобу мировому посреднику. Послѣдовалъ запросъ батюшкѣ о причинахъ отказа въ совершеніи таинства бракосочетанія. Но батюшка ничуть не смутился: онъ отвѣтилъ, что не вѣнчаетъ потому, что брачущіеся не знаютъ молитвъ, что эта мѣра принята имъ, какъ крайняя, послѣ многократныхъ съ его стороны внушеній и наставленій о необходимости знать молитвы, а особенно

молитву за Царя (Спаси Господи люди Твоя...), даровавшаго свободу имъ. Вотъ сущность отвѣта о. Д. мировому посреднику—помѣщику и поляку. Я-же разсказалъ тому-же посреднику суть дѣла, все то, что произошло въ виду моемъ. Пошла переписка по этому поводу. Между тѣмъ батюшка въ церкви объявилъ, что незнающихъ молитвъ онъ вѣнчать не будетъ.

На Украйнѣ вообще съ самаго ранняго возраста родители учатъ дѣтей молиться, *проказуютъ Богу*, а потому почти всѣ дѣти знаютъ молитвы Св. Духу, Св. Тройцѣ, молитву Господню, Символъ вѣры и Богородицу. О. Р—скому это было извѣстно. Онъ сталъ требовать знаніе 10-ти заповѣдей, *Помилуй мя Боже*, *Достойно есть* и *Спаси Господи люди Твоя* ..

Пока тамъ идетъ переписка, и мясоѣдъ идетъ. Молодежь брачится. Каждая изъ *дивчатъ* прибираетъ хату и накрываетъ столъ чистымъ *настольникомъ* къ ночи... Могутъ *старосты навернутьця*. А тутъ задержка—батюшка вѣнчать не будетъ. Нечего дѣлать, нужно учить молитвы. Не безъинтересно было это обученіе. Ко мнѣ приходили цѣлой компаніей *дивчата и парубки*. Не дѣти, а все въ брачномъ возрастѣ. Весело и *соромно* имъ: весело потому, что это обученіе было лишнимъ предлогомъ собраться и поболтать, стыдно потому, что, проходя ко мнѣ, дѣвушкамъ приходилось по пути выслушивать шуточные вопросы о желаніи выйти замужъ.

— А, Палажка! Скортило замижъ?... и т. п.

Съ топотомъ обмерзлыхъ сапогъ, съ пинками, толчками, со смѣхомъ вся компанія толпилась на крыльцѣ моей квартиры, пока не впускалась въ домъ. Всѣ здоровались. Лица веселыя, со сдержаннымъ смѣхомъ, *дивчата* прячутся одна за другую, вспрыскиваютъ неудержимымъ смѣхомъ. Но вотъ кое-какъ поразмѣстились на лавкахъ, а то и стоя. Когда я начиналъ *проказувать*, всѣ вставали и крестились. Начиналъ обыкновенно кто-нибудь говорить громко, другіе повторяли, а я или поправлялъ замѣченную мною неправильность, или, если молитвы никто не зналъ,—отчетливо читалъ ее, а всѣ за мною повторяли. Когда я сталъ поправлять и показывать, что нужно говорить не «*вомя* Отца и Сына и Св. Духа», а «во *имя* Отца и т. д.» то мнѣ возражали, что такъ нельзя: «треба казать *вомя*, а во *имя*, то це буде по лядзкому», т. е. по католически. Вообще многія слова молитвъ и даже цѣлыя фразы

коверкались ужасно. Я не стану останавливаться на чисто фонетическихъ измѣненіяхъ звуковъ, но и самыя сочетанія слоговъ и словъ измѣнялись. Слова «далъ былъ убо» выговаривались: *дов-быхуба, була рахуба, да-ли-губа*, а ужъ дальше *доль-бихъ убо* нельзя было идти. Это смягченіе *л* и *ы* выходило также, какъ у великорусса *паляница* вмѣсто *паляныця*. Все это не обходилось безъ хихиканья, подталкиванія, суеты... При словахъ *далъ былъ убо* всѣмъ приходила на память одна молодица, взятая изъ другой деревни, которая, услышавши эти слова въ молитвѣ свекра, разказывала другимъ, что ея свекоръ «якъ молитьця, то провадить якись *тельбухи*». Ну, какъ тутъ удержаться отъ смѣха? Да еще компаніи молодыхъ парней и дѣвокъ. Оказалось, что выучить заказанныя молитвы далеко нелегко, особенно при полнѣйшемъ непониманіи ихъ. Бились мы такъ, почти безъуспѣшно, недѣли полторы, пока *не пришла бумага*, чтобы батюшка оставилъ лишнюю притязательность и вѣнчалъ безъ экзамена.

Говоря вообще о грамотности въ знакомой мнѣ деревнѣ, я оставилъ-бы пробѣлъ, ничего не сказавъ о знакомыхъ мнѣ въ той деревнѣ грамотныхъ. Собственно у насъ въ деревнѣ грамотныхъ взрослыхъ, кромѣ моихъ учениковъ, было двое—Михайло К—цъ и Якимъ. Я упоминалъ выше о нихъ.

Михайло обученъ былъ церковной грамотѣ, хотя разбиралъ и гражданскую печать. Читалъ онъ все больше церковныя книги, зналъ, когда какой праздникъ, разбиралъ Пасхалію, къ нему обращались узнавать, сколько будетъ недѣль Петрова поста, въ какой день какія заговѣны *(пущиння)*, сколько недѣль мясоѣда и т. п. Это очень льстило его самолюбію и, кажется, что онъ церковничалъ и набожничалъ только на виду общественнаго мнѣнія. Сдержанный и толковый, онъ умѣлъ подписать свою фамилію, написать кое-какой счетъ прихода и расхода и этимъ, повторяю, хвасталъ. Громадяне раскусили его и говаривали про него:

— Ябъ бы ёму хоть оттакисинькій (причемъ показывали мизинецъ) хвостикъ, такъ винъ бы уси ребра соби пооббивавъ, чванючись...—Это былъ зарождавшійся еще только въ то время типъ деревенскаго кулака. Теперь, думаю, онъ кулачествуетъ въ селѣ на славу. Его братъ Матвѣй, по профессіи поваръ, а потому и горькій пьяница, былъ тоже грамотенъ и еще больше погружался въ цер-

ковное чтеніе. Онъ даже и говорилъ по церковному. Жилъ онъ въ другой деревнѣ, и даже больше у пановъ на сахарныхъ заводахъ. Разъ при мнѣ онъ давалъ показаніе слѣдователю:

— Бижу я, добигъ на взгорокъ до хреста, когда смотрю—небеса отверзаютьця. Палъ я ныць и говорю: не достоинъ есмь, Господи, узрѣти славу твою! Такъ и трепещу ввесь. Коли гляну, ажъ то Дударивська корчма горить.

Михайло былъ самымъ меньшимъ изъ нѣсколькихъ сыновей зажиточнаго хозяина К—ци. Не знаю ужъ, какъ это Матвѣй очутился поваромъ,—вѣрно по волѣ папа. Еще при жизни отца братья поотдѣлялись, а Михайло жилъ съ отцомъ и былъ особенно любимъ имъ за свою степенность. Я уже зналъ Михайла самостоятельнымъ хозяиномъ и женившимся во второй разъ. При мнѣ уже онъ порывался на разные гешефты: то перекупитъ бочку рыбы и торгуетъ ею, то съумѣетъ заполучить отъ продавца церковныхъ принадлежностей, при продажѣ чего-либо громадянамъ въ долгъ, какой-либо гостинецъ, какъ-бы въ роли титаря, то интригуетъ по поводу отдачи права торговли водкой въ селѣ. Въ дѣлѣ арендованія громадою помѣщичьей земли Михайло былъ тоже изъ числа первыхъ, но первенствовать ему не пришлось отчасти по моей волѣ, отчасти потому, что громадяне замѣтили, что онъ *не туды гне*. Думаю, что если когда въ той деревнѣ задумаютъ строить церковь, то Михайло вотрется въ церковные старосты и старатели. Онъ и при мнѣ былъ уже чѣмъ-то въ родѣ ктитора нашей убогой часовни и при варкѣ меду въ храмовой праздникъ завѣдывалъ этимъ дѣломъ. Со мною онъ не особенно ладилъ, хотя не показывалъ этого. Я отчасти былъ помѣхою его кулаческимъ замашкамъ, и кромѣ того при мнѣ онъ терялъ престижъ грамотѣя. При всемъ наружномъ почтеніи и даже какъ будто-бы дружелюбности ко мнѣ, онъ тѣмъ не менѣе ловко умѣлъ подмѣчать мои промахи и на сторонѣ выставлять меня въ этихъ случаяхъ не въ хорошихъ краскахъ. Разъ, я помню, былъ случай, когда Михайло ловко этакъ затѣвалъ уронить меня при мнѣ-же, но публично. Дѣло было такое.

Вечеромъ, позднею осенью (10 ноября) я увидѣлъ, какъ загорѣлась наша трактовая корчма. Прибѣжавъ первымъ на пожаръ и ничего, кромѣ обыкновеннаго пожара, не подозрѣвая, я, не дозвавшись никого, вскочилъ въ середину корчмы съ цѣлью будить ея

обитателей. Одного изъ нихъ я нашелъ въ первой комнатѣ какого-то мокраго, хрипящаго какъ-то страшно, и когда я вынесъ его на свѣтъ, то онъ оказался весь въ крови, вздрагивалъ, хрипѣлъ, прыскалъ кровью и сейчасъ-же на моихъ рукахъ умеръ. Это былъ еврей. Ужасно испуганный, я тѣмъ не менѣе вытащилъ еще, тоже окровавленную, мертвую уже еврейку и затѣмъ уже съ подбѣжавшими людьми вытащилъ обгорѣвшій трупъ женщины. Однимъ словомъ я, ничего не подозрѣвая, попалъ на пожаръ, устроенный съ цѣлью прикрытія убійства и ограбленія обитателей корчмы. Никогда въ жизни я не былъ такъ встревоженъ: я положительно дрожалъ весь, хотя не терялъ сознанія и по ходу дѣла руководилъ тушеніемъ пожара, сбереженіемъ спасеннаго имущества, охраненіемъ труповъ и разсылкою извѣстій властямъ. Я сдѣлался распорядителемъ безъ моего къ тому стремленія, а такъ какъ-бы всѣми признанный руководитель. Во время пожара я замѣтилъ, что высокая кирпичная труба корчмы вотъ-вотъ рушится, и потому съ бранью и угрозами выгналъ изъ середины людей. Дѣйствительно, выбѣгая послѣднимъ вслѣдъ за выгнанными мною изъ корчмы, я уже услыхалъ ревъ толпы, возвѣщавшей о наклонѣ трубы. Еле я переступилъ порогъ, какъ сзади меня раздался громъ и трескъ и громадная труба ввалилась, поднявъ цѣлый снопъ искръ. Вижу, выгнанные мною изъ середины корчмы собрались кучкою и что-то разсматриваютъ, поснимали шапки, крестятся, другіе подходятъ къ нимъ. Я туда къ толпѣ и что-же оказывается?!... Но... тутъ маленькое отступленіе. Со введеніемъ новой акцизной системы стало обязательно имѣть на корчмахъ вывѣски. Наши громадяне поговаривали, что будто-бы маляръ старую доску съ иконы св. Николая, закрывъ *покостомъ*, употребилъ для вывѣски. Подвыпившіе иногда, ругаясь съ шинкаремъ за неотпускъ *на боръ горилки*, угрожали ему, попрекали его этою вывѣскою. Корчмарь ограждалъ себя тоже руганью и угрозами. «Ну, ну, тилько рушъ таблыцю (вывѣску), такъ и посунешь у Сибирь: це казенне дило». И эти предостереженія были дѣйствительны: никто не рѣшался провѣрить молву. Вотъ эту-то самую вывѣску и разсматривали теперь громадяне съ Михайломъ во главѣ. Всѣ, говорю, поснимали шапки, крестились. Что-же я увидѣлъ? *Покостъ* масляный попузырился отъ огня, масло выступило каплями, вся доска окопчена дымомъ и въ переливахъ пожарнаго освѣщенія пред-

ставляла подобіе стараго, закоптѣлаго, выцвѣтшаго образа. Но тѣмъ не менѣе по срединѣ отчетливо виднѣлись буквы надписи *«ровск...» «актов...» «орчма...» «шицы...» «ковниц...» «Габ»...*, что обозначало: «Дударовская трактовая корчма помѣщицы полковницы Габель».

«Ось святитель Миколай объявився!» сказалъ мнѣ Михайло, держа въ рукахъ вывѣску, когда я подошелъ и протолкался въ середину толпы. Я разсмотрѣлъ вывѣску, увидѣлъ вышереченную надпись и указалъ Михайлу буквы.

— Дежъ тутъ Миколай? Вы жъ Михайло грамотни, читайте,— указывалъ я ему.

— Щожъ, винъ святитель тилько разъ *вирующимъ* объявився,—срѣзалъ меня ханжа Михайло.

Я вырвалъ изъ рукъ его доску, швырнулъ ее къ сложеннымъ вещамъ, вытащеннымъ изъ корчмы, и съ руганью разогналъ публику тушить пожаръ.

На другой день при дневномъ свѣтѣ всѣ обозрѣли эту вывѣску и ничего похожаго на икону въ ней не нашли.

— Вы однако, Б—съ Ст—чъ, поступили, какъ мнѣ разсаазывали, неосторожно,—внушалъ мнѣ на другой день священникъ Р—скій.

— А что, если-бы кто догадался подмѣнить эту вывѣску иконой, Б. С.?! что-бы было? Вы-бы были виноваты. Не хорошо.

При вещахъ и трупахъ были сторожа,—отвѣчалъ я хитроумному батюшкѣ.

Другимъ нашимъ сельскимъ грамотѣемъ былъ Якимъ Ст—енко. Для болѣе полной обрисовки Якима я долженъ вспомнить его отца, столяра Максима. Это былъ не только мастеръ, но просто артистъ своего дѣла. Кромѣ обыкновенныхъ столярныхъ работъ онъ умѣлъ точить и вырѣзать. Его замѣчательно хорошіе, оригинальной формы столы, церковные кресты, красиво изъузоренные рѣзьбою, его распятія и аттрибуты страстей Спасителя, думаю, и теперь сохранились въ томъ околодкѣ. При другихъ условіяхъ изъ него вышелъ-бы замѣтный рѣзчикъ, иконостасчикъ; но подданство не дало ему ходу. Я зналъ уже *дида Максима* старика, пчеловода, садовода, ничего не пьющаго. Онъ плѣнялъ меня какою-то особенно нѣжно ласкающею душу благостію, поэтичностію. Онъ знавалъ чуть не всѣ гнѣзда пѣвчихъ мелкихъ птичекъ кругомъ своей пасѣки (пасѣку онъ перевозилъ по своимъ соображеніямъ изъ лѣсу въ лѣсъ), садилъ по

лѣскамъ фруктовыя деревца, прививалъ къ дичкамъ, холилъ, обчищалъ дикія, не плодовыя даже деревья. Весь отдавшійся природѣ и ея красотамъ, онъ индиферентно относился къ деревенскому публицизму, даже въ церковь рѣдко хаживалъ. Жизнь людей занимала его въ его прошломъ, природѣ онъ былъ отданъ весь въ его настоящемъ. Онъ какъ-бы бѣжалъ къ ней отъ суеты мірской. Такимъ я знавалъ, но не такимъ онъ былъ въ своей молодости. Страстный по натурѣ, онъ увлекался поэзіею жизни. Вино и женщины тянули его къ себѣ. Вскорѣ послѣ женитьбы онъ влюбился въ молодую замужнюю цыганку и, бросивъ все, угрожаемый панскою карою, цѣлое лѣто протаскался съ таборомъ цыганъ. Послѣ этого онъ сдѣлался было горькимъ пьяницею и былъ имъ до тѣхъ поръ, пока ему приснился какой-то знаменательный сонъ (онъ мнѣ его разсказывалъ, но я не помню), послѣ котораго онъ бросилъ пить, углубился, такъ сказать, въ самосозерцаніе. Избѣгая односельчанъ и ихъ сборищъ на первыхъ порахъ ради избѣжанія соблазна выпивки, онъ послѣ совсѣмъ отсталъ отъ общественной жизни деревни и уединенностію жизни пасѣчника, умерщвленіемъ плоти, тяжкою работою при копаніи омшаника (у него замѣчательный омшаникъ-пещера, вырытый въ сухой и твердой, какъ камень, глинистой горѣ), онъ дошелъ до того состоянія благодушія и любовности, въ какомъ уже я знавалъ его. Что-то теплое, мягкое, душевное ласкало душу въ бесѣдѣ съ этимъ *дидомъ Максимомъ*, какое-то забвеніе и отрѣшеніе всей суеты земной видѣлось въ немъ. Не доставало ему только наставительнаго краснорѣчія, эрудиціи книжной, а то это былъ-бы пустынникъ, къ которому шли-бы поучаться, исповѣдываться, успокоивать взволнованную страстями душу. Книжность, если можно такъ выразиться, отчасти проглядывала въ его разсказахъ и, скажу по правдѣ, портила цѣльность типа. Знакомый по своему ремеслу съ панками, экономами и *батюшками*, онъ нахватался книжности. Его разсказы про житіе святыхъ, про разные эпизоды священной исторіи, наконецъ даже про старину, при всей основности народно-украинской, тѣмъ не менѣе просвѣчивали книжностію, тѣмъ, что онъ почерпнулъ изъ слышаннаго устнаго и прочитаннаго ему. Предавшись самосозерцанію, старикъ, очевидно, понялъ, что его страстность, его стремленіе къ познанію добра и зла, что его лиризмъ помѣшалъ ему сдѣлаться достаточно богатымъ, что было возможно

при его профессіи, онъ понялъ, что въ жизни не слѣдуетъ «потурать серцю», которое его все время «дурило» и не дало никакихъ практическихъ результатовъ. Въ сынѣ своемъ дѣду хотѣлось видѣть нѣчто иное: собственный жизненный опытъ этого требовалъ. Но не тутъ-то было.

Якимъ унаслѣдовалъ отъ отца всю поэзію, весь лиризмъ его естества. Это выразилось во первыхъ въ страстномъ стремленіи за предѣлы крестьянской жизни, изъ той рамки, которая назначалась ему обстановкой и въ которой отецъ хотѣлъ его удержать. Началось съ того, что Якимъ вопреки строгому запрету отца, *читованьицямъ* матери и попрекамъ семьи и родныхъ научился читать у одного экономическаго писарька. Запрещеніе только разжигало его страсть. Страстный по натурѣ, онъ безъ труда дался женить себя на понравившейся ему дѣвушкѣ. При женитьбѣ ему было неполна 19-ть лѣтъ. Женитьба эта собственно и была устроена пораньше ради того, чтобы, какъ говорится, *приборкать* его, подсѣчь его лиризмъ, подрѣзать крылья его фантазіи. При сватаньѣ на Украйнѣ поютъ:

Говорило пиво до своеи пивоварочки:
Якъ вы мене не доварите,
То вы мене и не вдержите
А ни въ бочкахъ, ни въ полубочкахъ,
А ни въ золотихъ кубочкахъ.
Говоривъ-же та нашъ (имрекъ)
До своего та пан-отченька:
Якъ вы мене не ожените,
То вы мене и не вдержите
А ни въ доми, ни въ поли,
Ни на ворономъ кони...

Женитьбою думали удержать Якима *и въ доми и въ поли*, въ предначертанной его отцемъ и рутинной рамкѣ сельской жизни, такъ сказать, задержать его броженіе. Но пиво это было шумное; слишкомъ много было въ немъ дрожжей отцовской страстности и удержу не было.

Многіе опытные *батьки* на Украйнѣ, женивъ сына въ зимній мясоѣдъ, стараются *одлучить* его отъ жены по веснѣ. «*Ажъ змарнивъ, якъ подивлюсь на нёго. Сказано молоде: и молодицю зведе ни*

на вищо й само обезсиліє»... говорилъ мнѣ одинъ такой *батько*. И вотъ таковыхъ ради соображеній опытные отцы на время спроваживаютъ куда нибудь сына на сторону. Лучшимъ въ этомъ случаѣ дѣломъ было чумакованье: работа не тяжелая, корыстная и на сторонѣ отъ жены. У Столяренковъ не было воловъ для чумачки, а молодой Якимъ, которому все хотѣлось чего-то новаго и которому, можетъ быть, и жена прискучила, рвался въ *мандривку* (на заработки) въ *Бессарабію*, какъ на Украйнѣ называютъ весь югъ. Желаніе это совпало съ планами отца, и Якимъ потянулъ съ котомкою за плечами на югъ на встрѣчу подходящему оттуда лѣту, въ новый загадочный для него, полный бурлацкой поэзіи край. Просторъ степи, пестрота населенія, нѣмецкія колоніи, приморскіе города, самое море, новыя знакомства съ *бурлачнею*, которой тогда кипѣли херсонскія степи—все это было не только не унижающее ферментацію страстной натуры Якима, но еще поднимало броженіе идей и чувствъ въ немъ. Онъ и работалъ и мечталъ, поэтизировалъ. То онъ представлялъ себя героемъ—страдальцемъ какой-то небывалой исторіи, воображалъ себя покинувшимъ по нуждѣ отцовскій домъ и принужденнымъ бродяжить, преслѣдуемый какими-то зложелателями; то упивался разсказами о «волѣ», которую уже тогда чуяли (это было въ 1860 году); то ставилъ себя въ роли того, кто разсказывалъ про свою горькую судьбину, то заливался слезами подъ разголосъ бурлацкой пѣсни »: Ой йшовъ козакъ зъ Дону, та зъ Дону до дому »...; то воображалъ себя влюбленнымъ въ какую-то бурлачку, то разбогатѣвшимъ, взысканнымъ милостями влюбившейся въ него одесской купчихи; то поражался величіемъ города, громадными домами, гаванью, магазинами... Повторяю, броженіе этой страстной натуры не унялось ни чуть за время этой *мандривки*, а напротивъ усилилось.

Но вотъ *стала осинь, лихая година*, бурлачня потянула отъ моря къ сѣверу на Украйну *у тепли запички, на мякеньки млынци*. Нужно было и Якиму вернуться домой. Денегъ онъ таки заработалъ: двѣ книжечки прибавилось въ сумкѣ, на шеѣ появился *шархъ* (шарфъ), несъ онъ *одеській* поясъ женѣ, платокъ сестрѣ и двадцать два рубля отцу. Любящій сына старикъ давно уже скучалъ за нимъ, молодая жена, которой повольготнѣло послѣ лѣтнихъ работъ, уже отъ Семена (1 сентября) *ждала-выглядала* мужа и не разъ уже

изорала бривоньками поле. «Орала, орала тай заволочила, дрибненькими слизоньками все поле змочила» (такъ поэтично метафорно образно рисуетъ народная пѣсня жену съ поднятыми надъ напряженными глазами бровями, всматривающуюся въ даль, обводящую взоромъ горизонтъ и наконецъ плачущую). Не остывшая еще вполнѣ поэтичная натура *дида Максима* въ этомъ *блуканьѣ* по свѣту Якима, въ его возвращеніи создавала себѣ знакомую по разсказу и по чтенію *батюшокъ* исторію блуднаго сына. Старикъ иначе и не вспоминалъ Якима, какъ въ образѣ этого героя евангельскаго разсказа.

Вотъ въ этомъ-то настроеніи и встрѣтили Якима дома: старикъ слезами радости, жена объятіями.

Осеннее бездѣлье, храмовые праздники, разсказы про виданное и испытанное, радости свиданій, толки о волѣ—все это заполонило Якима на первыхъ порахъ. Настала зима, долгіе вечера, ранніе досвитки... Книжечки, которыя не покидали его и въ бурлачествѣ, болѣе смѣло появились при свѣтѣ зимняго *каганця* и старикъ, не пересиливая въ себѣ напускнаго пренебреженія къ читаемому, иногда удостоивалъ своимъ вниманіемъ чтеніе. Въ деревнѣ тѣмъ временемъ явилась мысль арендовать помѣщичью землю; желанная *воля* приближалась. Деревенскій публицизмъ былъ по сердцу Якиму. Вопросы публицизма были на лицо—толки о *волѣ* и объ арендѣ. Такъ прошла зима 1860—61 года. Мечты громады о волѣ и объ арендѣ осуществились: явилось «Положеніе» и само по себѣ новый строй деревенской жизни.

Въ это-то самое время Якимъ натолкнулся на меня. Мнѣ онъ съ его любознательностію, съ его поэтичностію сильно понравился, я увлекся имъ; для него-же я представлялъ цѣлый кладъ. Моя грамотность, свѣдѣнія и изобиліе книгъ сразу потянули его ко мнѣ. Онъ перечитывалъ все, распрашивалъ про всячину. Все малорусское очень полюбилось ему, особенно по вразумительности, ибо русское мало было понятно ему. Изъ прочитаннаго онъ усвоилъ себѣ слащавость и нѣжность, какими переполнены были повѣсти Марка Вовчка, Квитки, стихи Шевченка. Практическая сторона жизни не описывалась, не воспѣвалась. Кстати припоминаю слова одной воронежской хохлушки:

— Усе люблятьця, та люблятьця, а колижъ и якъ вони дило робили?—спросила она, прослушавъ нѣсколько повѣстей Марка Вовчка. Вотъ этого-то «якъ дило робить» въ малорусскихъ книжкахъ того времени не было. Правду сказать, и по сю пору литература страдаетъ недостаткомъ указанія, *якъ дило робить.* Я сознавалъ и тогда этотъ недостатокъ; но пополнить его не имѣлъ чѣмъ, да при томъ-же, надо правду сказать, и самъ очень смаковалъ въ лирической сторонѣ народной жизни. Много теплаго, хорошаго, поэтичнаго я нашелъ въ Якимѣ, много хорошихъ часовъ я провелъ съ нимъ. У меня долго хранились его задушевныя письма ко мнѣ. Многое ему разсказывалось, многое отъ него выслушивалось. Любознательности его не было предѣла; ему хотѣлось знать физику, химію, учиться по французски и по нѣмецки. Но все это было какое-то порывистое: еле успѣвалъ онъ ознакомиться съ чѣмъ, какъ оно уже ему надоѣдало и онъ начиналъ рваться къ чему другому. Послѣ, когда намъ съ нимъ пришлось погрузиться въ прозу жизни, я поплылъ по теченію, а онъ захлебывался, не могъ держаться намѣченнаго пути и тонулъ. Что съ нимъ? Гдѣ онъ теперь? Судьба разлучила насъ. Я съ болью сердца слыхалъ, что онъ не добромъ поминалъ меня, что онъ говорилъ, будто я испортилъ его. Можетъ быть, я и виновенъ предъ нимъ. Но въ чемъ вина моя? Рокъ столкнулъ его со мною и я, можетъ быть, поддержалъ въ немъ готовую осѣсться ферментацію. Но я тоже былъ молодъ, я тоже подверженъ былъ броженію, я былъ сынъ своего вѣка. Онъ или переселился на новое мѣсто, или попалъ въ чигиринскую или иную аграрную сумятицу Украйны или въ лучшемъ разѣ штундитствуетъ. Sic fata tulerant!

Итакъ, возвращаясь къ основному сюжету настоящей замѣтки, я повторяю, что въ селѣ въ началѣ 60-хъ годовъ былъ большой запросъ на грамотность. На этотъ запросъ не послѣдовало своевременнаго предложенія; мы-же учители диллетанты мало дали народу. Мизерный результатъ нашихъ усилій составляетъ миніатюрная цыфра научившихся читать. Но и эту мизерную услугу народу намъ не удалось выполнить по мѣрѣ силъ нашихъ. Вспыхнуло польское возстаніе. У насъ, на Украйнѣ, оно было только три четыре дня, но послѣдствія его и до сихъ поръ видны еще. Народъ украинскій не безъ подстрекательства, замѣчу, вскипѣлъ и смялъ-*потоп-*

тамъ не только кучки выступившихъ въ поле инсургентовъ, но, ассимилируя въ своемъ пониманіи ляха съ папомъ, и все папское. Націонализмъ вообще мало присущъ народу, а потому подогрѣтое національное движеніе народа на Украйнѣ противу *ляхивъ* само по себѣ перешло на соціальный мотивъ. «Царь намъ волю давъ, а паны й забунтувались»,—такъ разсуждалъ украинецъ, не внимая разнымъ московскаго издѣлія памфлетамъ. Тогда появилось много брошюрокъ, въ коихъ на всѣ лады пробирались поляки и ихъ возстаніе. Эти брошюрки были чуть не первымъ печатнымъ русскимъ словомъ на Украйнѣ, если не считать «Положенія», оффиціальныхъ бумагъ и лубочной литературы. Я помню эти брошюрки. Это было своевременная и даже послѣ-временная ругань на всѣ лады на поляковъ и на возстаніе со стороны тѣхъ, которые, будучи по натурѣ своей ругателями, почуяли въ то время свободу въ словоизверженіи. Мерзко вспоминать этихъ ругателей, не заслуживающихъ, собственно говоря, и воспоминанія. Украинцы-же, не умѣвшіе читать и не понимавшіе по русски, я думаю, мало знали всѣ эти словоизверженія. Одна изъ этихъ брошюрокъ: «Польская кривда и русская правда», печатанная церковными буквами, и другая, которая раздавалась при иконкахъ Спасителя, почему-то въ нашей мѣстности получили особое, таинственное значеніе. Нѣкій Каллистратовъ въ Кіевѣ издалъ во многихъ экземплярахъ и въ разныхъ размѣрахъ писанную, а также хромолитографированную икону Спасителя въ память освобожденія крестьянъ. Это былъ поясной образъ Іисуса Христа, благословляющаго правой рукой, а въ лѣвой рукѣ держащаго открытую книгу, въ которой написаны слова: *Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы.* У нижняго бордюра, на краю синей тоги, буквами золотыми или желтыми (смотря потому, былъ-ли образъ писанный или литографированный) было написано: «19 февраля 1861 года». Кромѣ послѣдней надписи, образъ, собственно говоря, не имѣлъ ничего, что напоминало-бы это знаменательное событіе; но вся суть недостаточно ясно выраженной образомъ мысли издателя разъяснялась въ прилагаемой къ иконамъ брошюркѣ. Одновременно съ появленіемъ въ продажѣ этихъ иконокъ [1]), правительство вводило по селамъ *бляхи*—знаки для по-

[1]) Начало продажи было расчитано ловко, по коммерчески. Лѣтомъ въ Кіевѣ масса богомольцевъ—покупателей иконъ.

левыхъ и лѣсныхъ сторожей. Въ нашей мѣстности крестьяне толковали, что всякъ, принявшій для ношенія такой знакъ, будетъ закрѣпощенъ опять панамъ и если въ селѣ такихъ носителей будетъ десять человѣкъ, то и все село будетъ закрѣпощено. Единственнымъ спасеніемъ отъ закрѣпощенія, говорили въ народѣ, служатъ вышеномянутыя иконки. Все это я узналъ случайно.

Возвращался я изъ Кіева, гдѣ также купилъ икону Спасителя, изданія Калистратова. Высадившись съ парохода въ м. Х—ровѣ, я шелъ домой пѣшкомъ и несъ иконку въ рукахъ, такъ какъ она была въ рамкѣ за стекломъ и нужно было нести ее бережно. Встрѣтившіеся мнѣ х—вцы объяснили, что иконку слѣдуетъ прятать, чтобы паны не видали, что Василь Щука, односелецъ ихъ, черезъ одного монаха, ходившаго *на прощу* въ Кіевъ, получилъ отъ самаго митрополита такую иконку и къ ней двѣ грамотки, при чемъ ему велѣно иконку и грамотки прятать и не показывать *до слушного часу*, а также *знаковъ* по возможности не брать, ибо если кто возьметъ знакъ, то будетъ опять *паньскимъ*, а если въ селѣ наберется десять человѣкъ со знаками, то все село будетъ *паньскимъ*. Не смотря на всѣ мои просьбы, бывшій тутъ-же Василь Щука иконки и грамотки мнѣ не показалъ, а подосланный мною послѣ грамотѣй видалъ у него брошюрку, разъясняющую смыслъ иконки, и другую: «Польская кривда и русская правда». На разные лады варьированныя подобныя-же толкованія я слыхалъ еще нѣсколько разъ.

Фактъ этотъ, какъ нельзя лучше, доказываетъ во первыхъ неразборчивость издателей и продавцевъ въ средствахъ къ наживѣ и во вторыхъ то, что народъ грамотокъ этихъ вовсе не читалъ.

Какъ извѣстно, украинцы, по случаю польскаго возстанія, при раздѣлѣ съ панами по выкупу земли остались въ выигрышѣ. Повѣрочныя коммиссіи понизили по возможности выкупной платежъ и по мѣрѣ силъ соблюли интересы крестьянъ при разверсткѣ угодій. Насколько это повліяло на благосостояніе бывшихъ подданныхъ украинцевъ, я не имѣлъ случая провѣрить. Украинофильство, переставшее по внутренней политикѣ правительства быть нужнымъ, какъ противувѣсъ полонизму, было устранено. Явилась нужда въ «обрусѣніи» спасеннаго отъ полонизаціи украинца. *Обрусители* не замедлили явиться. На сколько удачно вели дѣло обрусѣнія эти «*эле-*

менты» [1]), я не знаю. Люди, преданные украинскому народу, проели дѣло выкупа земли бывшими панскими крестьянами—*элементы* разводили бывшихъ государственныхъ крестьянъ съ казною, прихватывая остаточки въ видахъ того-же обрусѣнія края. Чигиринскія дѣла какъ чисто крестьянскія, такъ и въ компаніи съ соціалистами, говорятъ сами за себя и о дѣяніяхъ *элементовъ*.

Любопытно-бы своими глазами посмотрѣть на Украину, увидѣть, что сдѣлано за эти 20 лѣтъ по части благосостоянія народа, его просвѣщенія и наконецъ обрусѣнія.

Въ 1866 году судьба съ по-Днѣпровья закинула меня на Донъ. То, что я видѣлъ здѣсь, что подмѣтилъ, разскажу въ слѣдующемъ за этимъ очеркѣ, а теперь, посмотрѣвши своею памятью-воспоминаніемъ

На ту Украину,
Де ходили гайдамаки
Зъ святыми ножами—
На ти *тыяги*, що я мирявъ
Малыми ногами...,

Заканчиваю скорбнымъ разсказомъ эту часть моей замѣтки.

Въ маѣ 1882 года проѣзжалъ я по Днѣпру изъ Кіева въ Кременчугъ. Видѣлъ я эти ..... села

По-над-днипрянськи не весели.

Тоскливо сжималось сердце, остарѣвшее, измученное. Въ памяти моей возставали цѣлой вереницей представленія моего прошлаго. По дѣламъ я не могъ имѣть даже одного свободнаго дня, чтобы высадиться на берегъ и побывать въ знакомыхъ мнѣ мѣстахъ, повидать прежнихъ друзей. Приглубый берегъ Днѣпра въ м. Х—ровѣ заплился вынесеннымъ изъ яру муломъ, образовалась отмѣль, на которой устроена дровяная пристань. Празднующій «Зелени святки» людъ пестрой массой толпился къ пароходу; я впивался глазами въ эту толпу, стараясь угадать хоть одно знакомое лицо. Тщетно! все чужіе, незнакомые мнѣ. Но вотъ свистокъ, и мы понеслись внизъ

---

[1]) «Ты понимаешь, я здѣсь представляю собою русскій *элементъ!*» говаривали, часто подъ куражемъ, эти гг. обрусители. Остроумные евреи такъ и звали ихъ: «г. Элементъ, г. элементъ! Пожалуйте...».

по теченію, объѣзжая Трахтемировскую гору. Отдаленный отъ берега рѣки Переяславъ, Трахтемировъ, Монастырище, Зарубинцы, Бучакъ, горы—все это тянулось панорамой передъ моими глазами. Вотъ Селище, а далѣе за лугомъ на полугорѣ Каневъ. Я не сходилъ съ мостка парохода; весь отдавшійся воспоминаніямъ, я не хотѣлъ ничего и ни съ кѣмъ говорить; я смотрѣлъ на горы, села, убогія церкви, или всматривался въ группу богомольцевъ—черкашанъ, чигиринцевъ, помѣщавшихся внизу подъ мосткомъ на палубѣ парохода. Я ихъ узнавалъ по покроямъ свитокъ, по формѣ очипковъ и воротамъ рубахъ. Обойдя лугъ, за которымъ расположенъ самый городъ Каневъ, мы плыли прямо къ Тарасовой горѣ. На мостокъ вышло нѣсколько пассажировъ—какая-то пожилая дама полька, цѣлое отдѣленіе кіевскаго окружнаго суда, ѣдущее въ Черкасы, и нѣсколько жидковъ. На пристани суета, изъ города въ галопъ мчатся жидки въ богуславскахъ бричкахъ. Мостковая публика смотритъ на виднѣющійся между жидкими деревцами крестъ на могилѣ Шевченка. Всѣ разговариваютъ.

— То крыжъ, поставльоны надъ Шевченкемъ,—разъясняла, отдуваясь, запыхавшаяся при всходѣ на мостокъ дама полька, *по россійску*.

— Ахъ, да! Это тотъ народный поэтъ! надѣвая пенсне, замѣчалъ одинъ изъ членовъ суда.

Я отодвинулся отъ сосѣдей. Вдругъ слышу, у меня подъ ногами длиннополый еврей объясняетъ богомольцамъ украинцамъ.

— А хиба вы не знаете?! Та тожъ вашъ святый! то самъ Тарасъ, що вамъ книжки писавъ...

— А що мы знаемъ? Може й святый. Хиба мы письменни?—отвѣчали украинцы. Сняли шапки и набожно перекрестились.

— А опуки!...

— Имъ байдуже—жито соби сіють—подумалъ я.

Борисъ П—скій.

6 декабря 1884 года,
г. Павловскъ.

ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ.

(Отвѣтъ С. Т. Голубеву).

Въ статьѣ: «Историческія замѣтки о Кіевѣ», помѣщенной въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за прошлый годъ, мы признали вполнѣ достовѣрнымъ высказанное въ свое время исторіографомъ Миллеромъ и принятое впослѣдствіи митрополитомъ кіевскимъ Евгеніемъ мнѣніе о томъ, что кіево-братская обитель, съ братской при ней школой, впослѣдствіи академіей, существовала раньше 1615 года, къ которому начало ихъ относятъ позднѣйшіе изслѣдователи этого вопроса, и что эту школу, бывшую при богоявленской церкви, благословилъ въ 1589 году константинопольскій патріархъ Іеремія II. Чтобы утвердить это мнѣніе, подрываемое гг. Максимовичемъ, Малышевскимъ и Голубевымъ, мы старались, путемъ сопоставленія прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ историческихъ свидѣтельствъ, доказать, что 1) богоявленская церковь въ Кіевѣ, на Подолѣ, существовала еще въ XVI ст. и что начатая постройкою при Сагайдачномъ, но не оконченная еще и въ 1625 году, церковь Богоявленія не была первоначальною церковью сего имени, а замѣнила собою церковь существовавшую раньше 1620 г. и даже раньше 1615 года; 2) что константинопольскій патріархъ Іеремія II былъ въ кіевской странѣ на возвратномъ пути изъ Москвы и слѣдовательно могъ благословить кіево-богоявленскую школу, какъ гласитъ о томъ дошедшее къ намъ издавна извѣстіе; 3) что на существованіе въ концѣ XVI ст. кіево-братскаго монастыря указываетъ одинъ изъ документовъ его, называемый въ числѣ прочихъ въ подтвердительной царской грамотѣ 1694 г., именно купчая Андрея Обуха

1594 г. на продажу сверщовскаго двора монастырю, названному кіево-братскимъ и 4) что существованіе кіево-братскаго монастыря и школы при немъ раньше 1615 г. очевидно изъ данной въ этомъ году записи Гальшки Гулевичевой-Лозкиной, въ которой она прямо говоритъ, что подарила свой дворъ на Подолѣ на монастырь *патріаршей ставропигіи* и ввела въ этотъ дворъ, при возномъ и свидѣтеляхъ, какъ школу, такъ и монашествующую братію, но отнюдь не даетъ и намека на то, что и монастырь, и церковь, и школа подлежатъ еще учрежденію и устройству.

Статья наша вызвала помѣщенное въ январской книжкѣ «Кіевской Старины» за настоящій годъ обширное возраженіе извѣстнаго изслѣдователя исторіи южно-русской церкви С. Т. Голубева, въ его статьѣ: «Древнія и новыя сказанія о началѣ кіевской академіи». Почтенный авторъ этой статьи не соглашается съ высказанными нами соображеніями и приведенными доводами. Изслѣдуя исторію мнѣній по вопросу о началѣ кіевской академіи, онъ утверждаетъ, что 1) сказаніе о посѣщеніи Кіева константинопольскимъ патріархомъ Іереміею въ 1588—1589 г. и объ учрежденіи имъ здѣсь *высшаго* училища при богоявленскомъ братствѣ не есть древнее преданіе, какъ говорятъ нѣкоторые, а позднѣйшее мнѣніе, высказанное впервые въ 1765 г. корпораціею самой академіи въ запискѣ, представленной ею въ отвѣтъ на оффиціальный запросъ о началѣ этого учрежденія и отвергнутое тою-же корпораціею и по такому-же поводу въ 1773 г.; 2) что патріархъ Іеремія ни въ 1588 г., ни въ 1589 г. не былъ въ Кіевѣ и что свидѣтельство о семъ Павла Алепскаго не можетъ быть принято; 3) что существованія богоявленскаго братства и школы при немъ съ 1588 г. по 1615 годъ не доказываютъ документы того времени, именно «Листы королевскихъ урядниковъ» 1593 г. и «Купчая Андрея Обуха» 1594 г., такъ какъ они извѣстны по позднѣйшимъ указаніямъ, въ которыхъ названіе *братскаго монастыря* употреблено какъ современное этимъ указаніямъ, а не самымъ документамъ; 4) что учрежденіе кіево-богоявленскаго братства около 1615 года доказывается «Братскимъ уписомъ» и свидѣтельствомъ уніатскаго м. Рутскаго; 5) что мнѣніе о полученіи кіевскимъ братствомъ отъ патріарха Іереміи правъ ставропигіи, т. е. подчиненности только патріарху, не имѣетъ подтвержденія въ дарственной записи Гулевичевой 1615 г. и стоитъ въ явномъ проти-

ворѣчіи какъ съ грамотою патріарха Ѳеофана 1620 г., такъ и съ письмами кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу 1625 г. и 6) что сравнительно позднее возникновеніе въ Кіевѣ братства и высшаго училища находится въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ ходомъ церковно-исторической жизни этого города.

Не смотря на полноту и обстоятельность изслѣдованія автора названной статьи, выводовъ его мы не считаемъ послѣднимъ словомъ по вопросу о началѣ кіевскаго богоявленскаго братства и его училища и находимъ возможнымъ противупоставить новыя возраженія его доводамъ и заключенію. Въ настоящемъ отвѣтѣ ему мы не коснемся названныхъ выше документовъ, именно: «Листовъ королевскихъ урядниковъ» и «Купчей Андрея Обуха», такъ какъ первый изъ нихъ упомянутъ у Аскоченскаго, а не у насъ, относительно-же втораго мы готовы согласиться съ разъясненіемъ г. Голубева, что онъ могъ первоначально и не относиться къ братскому монастырю. Оставляемъ также въ сторонѣ и вопросъ о характерѣ кіево-братской школы до 1615 года, которой мы не усвояли значенія высшаго учебнаго заведенія. Послѣ этого спорный вопросъ о началѣ кіевской академіи можетъ касаться въ частности только слѣдующихъ 5-ти пунктовъ: 1) посѣщенія Кіева константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, 2) учрежденія кіевскаго братства, 3) времени построенія братской богоявленской церкви, 4) учрежденія кіево-братскаго монастыря и 5) учрежденія братской школы, которая, постепенно развиваясь, стала кіевскою академіею. По каждому изъ этихъ пунктовъ мы дадимъ отвѣтъ.

Начнемъ съ вопроса о томъ, былъ-ли въ Кіевѣ въ 1588 году патріархъ Іеремія, которому древнее преданіе приписываетъ санкцію кіево-братской школы. Прямыхъ свидѣтельствъ того времени объ этомъ нѣтъ. Мы сдѣлали ссылку на пріѣзжавшаго въ Кіевъ въ 1654 г. съ антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ діакона Павла Алепскаго, который говоритъ, что видѣлъ въ кіево-софійскомъ митрополичьемъ домѣ портретъ патріарха Іереміи въ числѣ портретовъ другихъ восточныхъ патріарховъ, и замѣтилъ, что такой обычай въ той *странѣ*—списывать портреты съ патріарховъ въ томъ видѣ, какъ они посѣщали ее. Г. Голубевъ говоритъ, что это не доказательство, что страна не городъ, что Іеремія былъ только въ западно-русской странѣ, но не въ Кіевѣ, что портретъ могъ быть снятъ

съ него въ другомъ мѣстѣ и присланъ въ Кіевъ. Дѣйствительно, Павелъ діаконъ въ указанномъ нами мѣстѣ не говоритъ, чтобы патріархи, портреты которыхъ онъ видѣлъ, посѣщали именно Кіевъ; но говоря, что они посѣщали *эту страну*, безъ сомнѣнія онъ разумѣлъ то мѣсто, въ которомъ тогда находился самъ, т. е. *страну* кіевскую. Г. Голубевъ прибавляетъ, что о посѣщеніи Кіева патріархами антіохійскимъ Іоакимомъ и александрійскимъ Мелетіемъ нѣтъ вовсе письменныхъ свидѣтельствъ того времени; но, скажемъ мы, нѣтъ и тоговременныхъ указаній на то, что они не были здѣсь. Что до Іереміи, то на чемъ нибудь основывали свое мнѣніе о посѣщеніи имъ Кіева въ 1589 г. составители академической записки 1765 году, на чемъ нибудь основывалъ свое извѣстіе о томъ-же россійскій исторіографъ Миллеръ, который въ 1725 году былъ уже адъюнктомъ исторіи въ с.-петербургской академіи наукъ, на что нибудь опирался въ своихъ историческихъ трудахъ извѣстный Василій Рубанъ, который самъ обучался въ кіевской академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка. Оба они—Миллеръ и Рубанъ, безъ сомнѣнія, могли имѣть документы о началѣ кіево-братскаго монастыря и его училища, не дошедшіе до насъ, и кое-что могли слышать о семъ отъ Ѳеофана Прокоповича и другихъ старѣйшихъ воспитанниковъ и учителей кіевской академіи.—Г. Голубевъ слѣдитъ путь патріарха Іереміи въ Москву и изъ Москвы, съ цѣлію доказать, что онъ не могъ быть въ Кіевѣ; но изъ его-же свѣдѣній видно, что изъ обратнаго пути Іереміи болѣе двухъ мѣсяцевъ приходится на пребываніе его въ Замостьѣ. Точно-ли и жилъ онъ все это время въ Замостьѣ? Вѣдь главною цѣлью его путешествія былъ сборъ пожертвованій на патріархію. Можно-ли допустить, чтобы патріархъ столь долгое время сидѣлъ безъ дѣла въ маленькомъ городкѣ, въ которомъ и прежде уже былъ? Естественно-ли вообще думать, чтобы въ это или иное время патріархъ не посѣтилъ г. Острога, гдѣ была резиденція богатѣйшаго и могущественнѣйшаго защитника православныхъ князя Константина Острожскаго, и Кіева, бывшаго все-же главнымъ городомъ воеводства, важнымъ торговымъ пунктомъ и, по своей святынѣ, опорой православія въ Украйнѣ?

По вопросу о времени учрежденія кіевскаго братства г. Голубевъ въ окончательномъ своемъ выводѣ утверждаетъ, что кіевское братство сформировалось около 1615 года; но раньше этого гово-

рить, что «братство не сформировалось еще окончательно въ то время, когда фундація Гальшки Гулевичевой приводима была въ исполненіе», т. е. въ 1615 г., и допускаетъ даже, что «нѣкоторое, очень непродолжительное время оно существовало уже при одной изъ кіево-подольскихъ церквей», словомъ: склоняется болѣе къ тому, что братство учредилось и существовало раньше 1615 года, а слѣдовательно онъ не стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ нашимъ мнѣніемъ о существованіи кіевскаго братства въ 1589 г., т. е. за 25 лѣтъ до записи Гальшки Гулевичевой. Мы не хотимъ однако пользоваться противорѣчіемъ въ словахъ г. Голубева, мы беремъ его окончательный выводъ, что кіево-богоявленское братство сформировалось около 1615 г. На чемъ основанъ этотъ выводъ? Г. Голубевъ ссылается на «Братскій уписъ». Но «уписъ» кіевскихъ братчиковъ, помѣщенный во 2-мъ томѣ Памятниковъ кіевской коммиссіи, помѣченъ 1631 годомъ, на самомъ-же дѣлѣ принадлежитъ даже позднѣйшему времени, но отнюдь не 1615 году. Тутъ въ числѣ вписавшихся въ братство нѣтъ ни Елисея Плетенецкаго, ни Исаіи Копинскаго, ни Іова Борецкаго, которые безъ сомнѣнія принадлежали къ братству 1615 года, а между тѣмъ есть подписи Исаіи Трофимовича Козловскаго и Сильвестра Коссова, которые въ 1631 году находились еще въ Львовѣ и въ это время только еще приглашались прибыть въ Кіевъ для занятія учительскихъ должностей, и притомъ не въ братской, а въ лаврской школѣ Петра Могилы [1]).

Напрасно также г. Голубевъ полагаетъ, что пожертвованіе Анною Гулевичевою своего двора сдѣлано не кіевскому братству, а «состоялось подъ вліяніемъ кіево-печерской лавры». О кіево-печерской лаврѣ въ записи нѣтъ и помину, между тѣмъ дворъ жертвуется не только для школы, но подъ гостинницу и богадѣльню, подъ такія учрежденія, которыя, какъ извѣстно, вѣдало тогда не школьное начальство, а церковныя братства; значитъ завѣщаніе Анны Гулевичевой необходимо даже предполагаетъ существованіе братства. И дѣйствительно братство не только существовало въ 1615 г. во время этой записи, но самая запись эта дана не кому иному, какъ братству, или, говоря словами записи, «правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народу россійскаго *духовнымъ и свѣт-*

[1]) Памятники кіевской коммиссіи, т. 2, стр. 97.

скимъ въ повѣтехъ воеводства кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго». Г. Голубевъ, не желая подъ духовными и свѣтскими здѣсь лицами видѣть братчиковъ, говоритъ, будто «во всей довольно обширной западно-русской письменности того времени нельзя найти ни одного документа, касающагося братства, гдѣ-бы составлявшіе его члены не назывались этимъ именемъ», т. е. братствомъ. Но мы можемъ указать по крайней мѣрѣ три такихъ документа, именно: письмо кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Ѳедоровичу отъ 10 апрѣля 1625 года, письмо ихъ-же къ московскому думному дьяку Ивану Грамотину отъ тогоже числа и письмо ихъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ 17 января 1626 г. Ни въ одномъ изъ этихъ документовъ братчики не называютъ себя «братствомъ», но братіями духовными свѣтскими; такъ въ подписи подъ первымъ письмомъ значится: «всѣ о Христѣ братія православныя братства церковнаго кіевскаго *духовныи*, купно и *мирстіи*»; во второмъ «всѣ братія православныи братства церковнаго кіевскаго, *духовные* и *свѣтскіи*»; въ третьемъ «всѣ о Христѣ братія церковнаго соединенія при храмѣ Богоявленія въ Кіевѣ [1]»). Если-же въ записи Гулевичевой не видѣть упоминанія о братчикахъ по отсутствію въ ней слова «братство», то возникаетъ неразрѣшимое недоумѣніе, кому-же дается эта запись? Кто владѣлецъ будущій фундаціи? Кто будетъ вѣдать богадѣльню, гостинницу и школу? Скажутъ: монастырь? Но, по мнѣнію гг. Малышевскаго и Голубева, въ 1615 году братскаго монастыря еще не было, онъ является у нихъ только съ 1620 г., съ прибытіемъ въ Кіевъ патріарха Ѳеофана. Г. Голубевъ свое мнѣніе о сформированіи богоявленскаго братства въ 1615 г. основываетъ еще на фразѣ: «*начинаемъ* братство церковное», употребленной въ «уписѣ» кіевскаго братства. Но, какъ замѣчено выше, этотъ «уписъ» не 1615 года, а 1631 года. Слово *начинаемъ* было стереотипною фразою не только первыхъ, но и послѣдующихъ дополнительныхъ «уписовъ», а патріархи, митрополиты и епископы въ благословенныхъ грамотахъ братствамъ нерѣдко давали благословеніе и утвержденіе братствамъ не только существовавшимъ раньше времени грамотъ, но и утвержденнымъ ихъ предшественниками, безъ упоминанія о томъ и другомъ. Такъ въ 1606 году львовскій епископъ Гедеонъ Бала-

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, т. VI, Приложенія, стр. 554, 556 и 573.

банъ благословенною грамотой утвердилъ замостьское братство, учрежденное при церкви св. Николая славетнымъ паномъ Ѳедоромъ Волосовичемъ до вступленія Гедеона на львовскую каѳедру и имѣвшее уже грамоту патріаршую на греческомъ языкѣ, «служащую тому братству св. Николая»[1]). Грамота эта, какъ полагаетъ профессоръ Петровъ, дана несомнѣнно въ 1588—1589 г. константинопольскимъ патріархомъ Іереміею; но объ ней въ грамотѣ Балабана вовсе не упоминается. Патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ въ 1620 году, во время пребыванія въ Кіевѣ, утвердилъ уставъ виленскаго братства, которое раньше сего, въ 1588 года, было утверждено константинопольскимъ патріархомъ Іереміею. «Чинъ» этого братства напечатанъ былъ въ томъ-же 1588 г. въ Вильнѣ, хотя не дошелъ до насъ. Тотъ-же патріархъ Ѳеофанъ въ томъ-же 1620 году благословилъ и утвердилъ *луцкое* братство, основанное за 10 лѣтъ предъ тѣмъ, *могилевское* братство, учрежденное въ 1588 году со школою и съ коллегіею ученыхъ и проповѣдниковъ, по грамотѣ испрошенной у патріарха Іереміи въ Вильнѣ и имѣвшее еще утвердительную грамоту отъ патріаршаго протосинкела Никифора, данную въ Варшавѣ 1597 года, и *луцкое* братство на Волыни, сформировавшееся предъ тѣмъ [2]). *Люблинское* братство имѣло привилей королевскій, писанный на пергаменѣ русскимъ письмомъ, раньше своего утвержденія, испрошеннаго въ 1594 г. у митрополита кіевскаго Михаила Рагозы [3]). Такимъ образомъ утвержденіе братства патріаршею или митрополичьей грамотами не служитъ еще датой, опредѣляющей его начало. Съ другой стороны извѣстно, что братства гораздо древнѣе XVII вѣка, хотя прежде они имѣли нѣсколько иной характеръ, будучи болѣе церковными и благотворительными, чѣмъ просвѣтительными учрежденіями. Существованіе львовскаго братства относятъ къ первой половинѣ XV в. Греки еще въ 1498 г. устроили въ Венеціи братскій домъ во имя св. Николая. Особенную извѣстность пріобрѣло братство на островѣ

[1]) «Кіевская Старина», 1882 г., мѣсяцъ іюль, стр. 29—30 и 153, гдѣ напечатана и грамота Гедеона Балабана.

[2]) Исторія русской церкви митр. Макарія, т. XI, стр. 246—247. Петръ Могила. С. Голубева, т. I, Приложенія, стр. 254—255.

[3]) Архивъ юго-западной Россіи, т. VI, стр.

Корфу [1]). Отъ чего-жъ не явиться братству раньше XVII вѣка и въ Кіевѣ, который всегда имѣлъ сношенія и съ Львовымъ и съ Греціей? Хотя кіевскіе митрополиты въ XVI вѣкѣ жили не въ Кіевѣ, а близь Вильны—въ Новогрудкѣ, но Кіевъ считался по прежнему ихъ стольнымъ городомъ, а св. Софія кіевская ихъ каѳедрою; при ней находились митрополичіе намѣстники, собиравшіе и доходъ съ земельныхъ митрополичьихъ здѣсь угодій, а потому *чинъ виленскаго церковнаго братства*, напечатанный въ 1588 г. по благословенію митрополита кіевскаго Онисифора и распространенный по юго-западной Россіи въ такомъ числѣ, что 30 экземпляровъ онаго получено было въ одномъ Львовѣ, не могъ не быть извѣстнымъ тогда-же въ Кіевѣ. Могъ-ли онъ не встрѣтить себѣ сочувствія въ кіевскихъ гражданахъ и примѣненія въ тоже время, а не спустя уже 25 лѣтъ? Если вся Литва и Бѣлоруссія къ концу XVI вѣка была уже усѣяна братствами, если около того времени они существовали не только въ болѣе значительныхъ, но и въ меньшихъ городахъ и мѣстечкахъ кіевской митрополіи, каковыми были: Брестъ, Красноставъ, Бѣльскъ, Слуцкъ и др., то быть не можетъ, чтобы тогда не было братства и въ Кіевѣ. Изъ грамоты патріарха Ѳеофана отъ 17 мая 1620 года видно, что въ бытность его въ Кіевѣ учреждено только *младенческое*, или младшее братство, «*старѣйшему* братству единомысленное и повинующееся», какъ говорится въ упомянутой грамотѣ. Когда-же учреждено это *старѣйшее* братство? Кіевскіе братчики въ письмѣ своемъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ 10 апрѣля 1625 г. прописываютъ, между прочимъ, что они «въ единство любви и въ тождество духа совокупились благословеніемъ и *грамотнымъ* утвержденіемъ вселенскаго патріарха *константинопольскаго*», а это ясно указываетъ на начало кіевскаго братства отъ константинопольскаго патріарха Іереміи, ибо никакой грамоты на это дѣло не привозили къ нимъ отъ константинопольскаго патріарха Тимофея ни самъ патріархъ Ѳеофанъ, ни экзархъ константинопольскаго патріарха. Вѣроятно, эта грамота сгорѣла въ пожаръ 1614 года. Наконецъ если въ грамотѣ патріарха Ѳеофана 1620 г. видѣть начальное утвержденіе кіевскаго братства;

[1]) Мелетій Пигасъ, патріархъ александрійскій. И. Малышевскаго, т. I, стр. 40, 509—510.

то съ равнымъ правомъ надлежало-бы относить учрежденіе этого братства еще къ позднѣйшему времени—къ 1629 году, въ которомъ польскій король Сигизмундъ III грамотой объявилъ: «мы король на основаніе братства милосердія въ г. Кіевѣ на грунтѣ Лозкиной-Гулевичевой, и богадѣльни, и на устроеніе церкви соизволяемъ [1])».

Время построенія въ Кіевѣ, на Подолѣ, богоявленской церкви, при которой учреждалось братство, основался монастырь и заведена школа, г. Голубевъ относитъ къ 1615 г. и дѣлаетъ это не на основаніи какого-либо историческаго свидѣтельства, а по простому соображенію, что разъ учреждено было братство и получило фундушъ отъ Анны Гулевичевой, то не могло-же оно не позаботиться о постройкѣ церкви. Но какъ быть съ противорѣчащими сему двумя прямыми указаніями, именно: упоминаніемъ о богоявленской церкви въ описи кіевскаго замка 1555 года и извѣстіемъ грамоты патріарха Ѳеофана 1620 года о строившейся въ его пріѣздъ церкви Богоявленія, между тѣмъ какъ самъ онъ имѣлъ служеніе также въ богоявленской церкви? Первое свидѣтельство г. Голубевъ отстраняетъ тѣмъ предположеніемъ, что существовавшая въ 1555 года церковь сгорѣла во время пожара 1614 года, и въ этомъ случаѣ дѣлаетъ ссылку на исторіографа Миллера, котораго извѣстію о началѣ кіевскаго братства и школы въ 1589 году онъ не вѣритъ. Но что-нибудь одно: нужно вѣрить или не вѣрить сообщенію Миллера. Если не вѣрить, то за чѣмъ на него и ссылаться? Во всякомъ случаѣ нужно помнить, что ни Миллеръ, ни Рубанъ, ни митрополитъ Евгеній не говорятъ, чтобы во время этого пожара сгорѣла богоявленская церковь. А если она существовала и позже—въ 1620 году, если въ ней служилъ и совершалъ архіерейскія хиротоніи патріархъ Ѳеофанъ въ томъ-же году, то нѣтъ сомнѣнія, что не она сгорѣла за 5 лѣтъ предъ тѣмъ, а сгорѣли только жилыя, бывшія при ней постройки. Что касается извѣстія грамоты патр. Ѳеофана о новозаложенной предъ его прибытіемъ богоявленской церкви, которое не согласуется съ мнѣніемъ г. Голубева о построеніи въ 1615 г. братской того-же имени церкви, то это противорѣчіе Голубевъ объясняетъ тѣмъ, что послѣдняя церковь стро-

[1]) Памятники кіевской коммисіи, т. 2, стр. 86—90.

ена была, безъ сомнѣнія, на скорую руку и не могла удовлетворять духовнымъ нуждамъ братства». Отъ чего-же на скорую руку? Церквей обыденныхъ и на скорую руку въ юго-западной Руси не строили, и если кіевскому братству въ 1620 г. потребовалось заложить новую церковь, то, конечно, за обветшаніемъ прежней отъ давности. Эта новая трехъ-престольная церковь, заложенная при участіи гетмана Сагайдачнаго и на основаніе которой «даровано первѣе отъ щедротныя и благоподатливыя десницы царской», была конечно обширнѣе и великолѣпнѣе первой; но все-же въ постройкѣ ея не представлялось надобности, если менѣе чѣмъ за пять лѣтъ предъ тѣмъ была построена уже церковь.

Для насъ въ данномъ случаѣ важно въ особенности то, что какъ первая, такъ и послѣдняя богоявленскія церкви носили названіе «братскихъ» церквей; такъ первую называетъ братскою Кассіанъ Саковичъ, бывшій ректоромъ кіевскихъ школъ въ 1622 г., а послѣднюю такъ называютъ сами братчики въ письмѣ къ московскому дьяку Грамотину.

Относя къ 1615 году построеніе богоявленской церкви, при которой получила свое начало школа—будущая академія, г. Голубевъ начало кіево-братскаго монастыря не допускаетъ даже и въ это, довольно позднее время. Онъ думаетъ, что Анна Гулевичева въ своей записи 1615 года выражаетъ лишь желаніе, или, точнѣе, ставитъ условіе, чтобы на ея фундушъ былъ устроенъ монастырь ставропигіальный, и прибавляетъ: «большаго вывода изъ этой записи и сдѣлать нельзя». Въ самомъ изслѣдованіи Голубева находятся два опредѣленныя, хотя и противорѣчащія другъ другу, давнія мнѣнія о времени устроенія кіево-братскаго монастыря. Такъ, въ исторической запискѣ 1773 г. о началѣ кіевской академіи говорится, что «гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный съ прочими христолюбцами вновь своимъ иждивеніемъ церковь и *обитель* богоявленскую воздвигъ», и въ подтвержденіе этого дѣлается ссылка на грамоту іерусалимскаго патріарха Паисія, бывшаго въ Кіевѣ въ 1649 году; а составители такой-же записки 1765 года, «по соображенію нѣкоторыхъ обстоятельствъ», полагали, что кіево-братскій «монастырь со школою заложенъ въ 1588 году патріархомъ Іеремією, когда онъ былъ въ Россіи». Первое мнѣніе исключаетъ собою второе; но оно опирается на такомъ документѣ, который не имѣлъ въ виду исто-

рической точности въ передаваемомъ имъ случайно свѣдѣніи и потому этому мнѣнію нельзя отдать предпочтенія предъ другимъ, болѣе давнимъ. Тѣ «нѣкоторыя обстоятельства», которыя соображали, но о которыхъ умолчали составители записки 1765 г., понятны сами собою. Они, безъ сомнѣнія, имѣли подъ рукою неоспоримыя доказательства существованія братства и школы еще въ 1588—89 г., въ пріѣздъ константинопольскаго патріарха Іереміи, и исходя въ своихъ соображеніяхъ о прошломъ отъ современнаго имъ положенія, въ которомъ не академія содержала монастырь, но монастырь распоряжался школою, содержалъ ее и училъ въ ней, пришли къ заключенію, что монастырь заложенъ одновременно со школою въ 1588 г. Но если въ такомъ вопросѣ руководствоваться не одними соображеніями, болѣе или менѣе правдоподобными, а прямыми историческими указаніями, то и въ такомъ случаѣ начало кіево-братскаго монастыря нельзя относить позже 1615 года, какъ это дѣлаетъ почтенный нашъ возражатель. Въ 1625 году кіевскіе братчики писали думному дьяку Грамотину, между прочимъ, слѣдующее: «мы, братство сотворше, *монастырь* инокомъ и церковь Богоявленія Господня..... *здати* начахомъ». А какъ церковь, о которой писали братчики и на окончаніе которой они просили теперь царскаго пособія, несомнѣнно начата постройкою до 1620 года то изъ приведенныхъ словъ можно заключать, что и кіево-братскій монастырь существовалъ до 1620 годаъ которомъ, въ пріѣздъ патріарха Ѳеофана, получилъ подтвержденіе права ставропигіи. Когда-же именно онъ основанъ? Въ записи Анны Гулевичевой говорится, что она тогда-же, т. е. 15 октября 1615 г., въ пожертвованный ею братству дворъ ввела священноинока Исаію Купинскаго и прочихъ *монашествующихъ*, передавъ этотъ дворъ имъ, равно и всѣмъ православнымъ, духовнымъ и свѣтскимъ, въ дѣйствительное владѣніе и завѣдываніе, при возномъ и дворянахъ, т. е. судебнымъ порядкомъ. Итакъ, не должно быть никакого сомнѣнія въ томъ, что монастырь на нынѣшнемъ братскомъ дворѣ получилъ свое начало никакъ не позже 15 октября 1615 г., если не видѣть въ словахъ завѣщательницы того, что она перевела раньше существовавшій монастырь съ прежняго его мѣста въ свой дворъ. Если понимать слова завѣщанія въ прямомъ смыслѣ, то слѣдуетъ полагать, что основателями кіево-братскаго монастыря были кіевскіе братчики, обыватели

кіевскаго воеводства, которые и въ актѣ 30 декабря 1631 г., признающемъ Петра Могилу главнымъ распорядитетелемъ кіевскихъ школъ, называютъ кіево-братскую церковь своею, «нашею» [1]).

Понятно само собою, что когда рѣчь идетъ о началѣ кіевской академіи, явившейся первоначально въ видѣ братской школы при богоявленской церкви и братскомъ монастырѣ, то всѣ изслѣдованные доселѣ вопросы о посѣщеніи Кіева патріархомъ Іереміею, объ учрежденіи кіевскаго братства, о построеніи богоявленской церкви и основаніи кіево-братскаго монастыря имѣютъ значеніе лишь сопровождающихъ обстоятельствъ, хотя такихъ, отъ разъясненія которыхъ зависитъ рѣшеніе главнаго вопроса о началѣ самой академіи, или кіево-братско-богоявленской школы. Почтенный нашъ оппонентъ, рѣшая всѣ эти вопросы заразъ, только отчасти касается вопроса собственно *объ учрежденіи самой школы* — будущей академіи, ограничиваясь однимъ бездоказательнымъ предположеніемъ, что «школа, введенная Гулевичевою въ ея дворъ, вѣроятнѣе всего происхожденія лаврскаго, дѣло заботливости кіево-печерскаго архимандрита Елисея Плетенецкаго, «школъ на разныхъ мѣсцахъ зычливаго фундатора» (стр. 30). Г. Голубевъ думаетъ, что *учредителемъ кіевской школы* было не братство, а Елисей *Плетенецкій* (1594—1624 г.), и это потому только, что въ надгробномъ словѣ Захарія Копыстенскій назвалъ Плетенецкаго «школъ на разныхъ мѣсцахъ зычливымъ создателемъ». Но если основываться на одной любви вліятельнаго лица къ просвѣщенію, то почему основателемъ богоявленской школы не считать скорѣе кіевскаго воеводу Константина Острожскаго (1557—1608), учредившаго въ г. Острогѣ школу высшихъ наукъ около 1570 года, а въ 1602 г. устроившаго училище съ типографіею въ Дермани? Вѣдь это былъ, помимо всего, воевода кіевскій, и въ дѣлахъ Кіева принималъ живое участіе. Въ 1603 г. онъ утвердилъ для Кіева протопопа Іоанна Мужиловскаго, въ 1605 г. назначилъ изъ Острога въ кіево-кириловскій монастырь игумена Василія Красовскаго, а раньше въ 1599 году прислалъ въ Межигорье съ двумя иноками на игуменство воспитавшагося въ г. Острогѣ Аѳанасія, обновившаго древній межигорскій монастырь, надѣлялъ угодьями кіево-михайловскій мо-

[1]) Памятники кіевской коммисіи, т. II, № 8.

пастырь и даже новопосвященному изъ сенаторовъ владимірскому епископу Ипатію Потѣю совѣтовалъ, въ 1593 году, позаботиться «о закладаньи школъ и наукъ вольныхъ». Если-бы Елисей Плетенецкій хотѣлъ завести въ Кіевѣ училище, то первѣе всего онъ завелъ-бы таковое въ кіево-печерской лаврѣ, подобно Петру Могилѣ, который, только уваживъ просьбы кіевскихъ братчиковъ, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, согласился соединить открытое имъ въ 1631 году въ лаврѣ училище съ кіево-братскимъ на Подолѣ. Впрочемъ то вѣрно, что училище братское существовало въ Кіевѣ до 1615 года, хотя съ меньшимъ курсомъ, чѣмъ послѣ 1615 года, и достаточнымъ доказательствомъ сего служитъ уже одно то, что училище, существовавшее только in spe,—*будущее*, какъ назвалъ его И. И. Малышевскій, не могло быть введено въ дворъ Гулевичевой-Лозкиной 15 октября 1615 г. судебнымъ порядкомъ, при возномъ и при свидѣтеляхъ, а въ ея записи значится: «ввожу и ввела въ свой дворъ школу при возномъ и свидѣтелихъ». Кажется, противъ этого возражать нечего. Потому нѣтъ основанія отвергать и вѣрность передаваемаго исторіографомъ Миллеромъ свѣдѣнія о томъ, что зданіе кіево-братской школы сгорѣло въ 1614 году и что этотъ печальный для братства случай былъ поводомъ къ пожертвованію Лозкиной-Гулевичевой.

Заканчивая нашъ отвѣтъ С. Т. Голубеву, замѣтимъ еще, что напрасно онъ въ состояніи Кіева въ концѣ XVI ст. усматриваетъ невозможность учрежденія училища до 1615 года, когда училища были уже въ Острогѣ, Вильнѣ, Львовѣ, Брестѣ, Могилевѣ, Слуцкѣ. Онъ старается подтвердить свое мнѣніе тѣмъ, что въ 1546 году кіево-софійскій соборъ, по свидѣтельству католическаго бискупа, былъ въ запустѣніи, что кіевскіе братчики въ «уписѣ» называютъ себя «пребывавшими въ долговременномъ нерадѣніи и лѣности и мрачной суетѣ мірской»; что самая печерская лавра не имѣла тогда ни училища, ни типографіи, ни богадѣльни. Но въ запустѣніи въ половинѣ XVI ст. стоялъ не одинъ софійскій соборъ, а и другіе древніе храмы такъ называемаго стараго Кіева и не отъ нерадѣнія кіевлянъ, не отъ упадка его жителей въ нравственномъ отношеніи, а отъ того, что этотъ старый Кіевъ, оставленный митрополитами и князьями вслѣдствіе постоянныхъ нападеній и разореній татарскихъ, разбѣжался и почти не имѣлъ жителей; одни изъ нихъ переселились на Подолъ, подъ защиту литовскаго замка на г. Киселевкѣ,

другіе удалились въ болѣе безопасную лѣсистую мѣстность. Но въ послѣднюю четверть XVI вѣка эта древняя часть города стала опять заселяться по вызову кіевскаго воеводы, князя Константина К. Острожскаго, который «на горѣ, подлѣ Софіи, межи валы, вкопалъ столбъ и зазывалъ на слободу». И возстановленіе кіевскихъ храмовъ начато было, какъ извѣстно, въ то-же время. Въ 1577 г. софійскій намѣстникъ Богушъ-Гулькевичъ-Глѣбовскій «своими власными пѣнязьми учинилъ не малый поратунокъ и подпоможенье въ оправѣ великой церкви св. Софіи, ее покрылъ и побилъ», какъ значится въ грамотѣ митрополита Ильи Кучи [1]). Кіево-михайловскій монастырь началъ возобновляться еще раньше, почти съ начала XVI вѣка; затѣмъ приступлено къ возобновленію и древнихъ загородныхъ монастырей: кирилловскаго, межигорскаго, выдубицкаго. Смиренные о себѣ отзывы братчиковъ не слѣдуетъ обращать въ обвинительный актъ противъ всѣхъ гражданъ Кіева. Отсутствіе училища и другихъ учрежденій при печерской лаврѣ въ XVI вѣкѣ не можетъ давать основанія заключать о томъ, чего не было въ городѣ Кіевѣ. Печерская лавра въ то время была загороднымъ мѣстомъ и къ городу не принадлежала, а у насъ рѣчь о городѣ Кіевѣ, который въ XVI вѣкѣ существовалъ только на Подолѣ. Вообще г. Голубевъ, для подкрѣпленія своихъ доказательствъ, бросаетъ Кіеву такой упрекъ, который въ равной мѣрѣ могъ относиться ко всей западной Россіи до 2-й половины XVI вѣка, если не принимать во вниманіе положеніе православной церкви подъ гнетомъ полонизма и католицизма и подъ страхомъ непрекращавшихся татарскихъ набѣговъ.

Итакъ, на основаніи приведенныхъ соображеній, мы по прежнему считаемъ вполнѣ достовѣрнымъ, что кіевское братство со школой, будущею академіей, учреждено при Богоявленской церкви въ 1589 г., по благословенію патр. Іереміи—личному или данному чрезъ депутатовъ, посланныхъ къ нему въ Замостье, а въ 1615 г. оно, со школою-же, перешло на новое, сосѣднее мѣсто, во дворъ, пожертвованный ему Гулевичевой-Лозкиной.

П. Л.

---

[1]) Описаніе кіево-софійскаго собора, 1882 г., стр. 81.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Продолженіе) [1]).

VI.

Люблинская унія съ ея правами не относилась къ Галицкой Руси, еще раньше завоеванной Казиміромъ III, съ которой поляки обращались, какъ обыкновенно побѣдители съ побѣжденными.

Законы составлялись для Литовской Руси. Правда Сигизмундъ Августъ незадолго до своей смерти уравнялъ также галицкую и подольскую шляхту съ польской; однако и послѣ того права уніи городельской и люблинской распространялись только на русскую шляхту, исповѣдывавшую латинскій обрядъ, а православная шляхта исключена была отъ урядовъ и должностей.

Поэтому въ томъ-же 1569 году депутаты львовскіе Васько Тихоновичъ и Хома Бабичъ, основываясь на актѣ соединенія, обратились къ королю съ такою петиціею, что русскіе всѣхъ польскихъ провинцій имѣютъ теперь равныя права съ поляками, а потому несправедливо, чтобы русскіе г. Львова лишались этихъ правъ. На варшавскомъ сеймѣ 1572 года 20 мая они получили дипломъ, по которому львовскіе жители, исповѣдывавшіе восточный обрядъ, пользуются равнымъ почетомъ, правами и привилегіями съ послѣдователями латинскаго обряда и могутъ производить всякую торговлю; запрещалось также, подъ штрафомъ въ 20,000 злот. венгерскихъ, притѣснять или преслѣдовать какъ

---

[1]) См. январьск. кн. «Кіевская Старина», 1885 г., стр. 19—56.

ихъ самихъ, такъ и русское духовенство. Однако эта привилегія не была приведена въ исполненіе; король вскорѣ умеръ, а русскіе обыватели г. Львова терпѣли многочисленныя преслѣдованія.

Генрихъ Валуа подтвердилъ этотъ дипломъ своего предшественникъ, но рада города Львова, состоявшая изъ однихъ католиковъ, не хотѣла и слышать о томъ. Русскіе внесли въ урядъ протестацію, на которую радцы не обратили вниманія, когда-же они, во время ярмарки 1575 г. хотѣли публично продавать свои товары, бурмистры приказали разобрать ихъ лавки, а купца Дмитрія Красовскаго арестовать и подвергнуть штрафу. Дѣло представлено было на судъ короля Стефана, который самъ въ 1577 г. подтвердилъ было упомянутый дипломъ. Король рѣшилъ, что русскіе имѣютъ право продавать свои товары только во время ярмарки и то путемъ розвичной продажи. Такимъ образомъ дипломъ Сигизмунда Августа, добытый съ большими препятствіями, издержками и усиліями, подтвержденный двумя королями, былъ уничтоженъ при третьемъ.

Говорить о благодѣяніяхъ люблинской уніи въ особенности для Галицкой Руси можетъ только тотъ, кто не знаетъ польской исторіи, или же упорствуетъ, поддерживая это заблужденіе. Во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія борьба двухъ противоположныхъ между собою элементовъ—польскаго и русскаго въ Червоной Руси. Край этотъ былъ ареной, на которой прежде всего столкнулись русскія и польскія силы, онъ былъ предметомъ споровъ въ теченіи девяти вѣковъ, какимъ остается и до настоящаго времени. Наводненная поляками Червоная Русь первая выработала идею церковныхъ братствъ; она дольше всего удерживала православіе и позже всего приняла унію. Правда, она произвела Жолкевскаго, Собѣскаго и др., но изъ нея-же происходили: Петръ Сагайдачный, Іоаннъ Вишенскій и т. п.

Послѣдствія люблинской уніи оказались еще менѣе благопріятными, вслѣдствіе новаго поворота въ сферѣ религіозныхъ отношеній. Для поддержанія католической церкви кардиналъ Гозіусъ водворилъ въ Польшѣ іезуитовъ и въ 1566 г. основалъ для нихъ коллегію въ Варміи, а въ 1569 г. виленскій епископъ Валерій Протасевичъ вызвалъ ихъ въ Вильно. Іезуиты основали свои коллегіи въ Познани, Пултускѣ, Вильнѣ и т. д. и вновь насаждали въ по-

лякахъ религіозную нетерпимость, которая, какъ гидра, до конца терзала Польшу, потому что іезуиты, ослабивъ протестантскую партію, всю свою энергію обратили на борьбу противъ православія.

Такимъ образомъ къ политической централизаціи, введенной посредствомъ люблинской уніи, прибавилась еще религіозная нетерпимость, окончательно сгубившая Польшу. Поэтому мы не отрицаемъ важность люблинской уніи и напротивъ приписываемъ ей огромное значеніе—это была одна изъ причинъ упадка Польши. Вслѣдствіе принесенія Руси въ жертву Польшѣ и происшедшихъ отсюда столкновеній, составныя части Рѣчи Посполитой до такой степени взаимно ослабились, что уже Янъ Казиміръ, на варшавскомъ сеймѣ 1661 г., былъ въ состояніи предсказать раздѣлъ Польши.

VII.

По смерти Сигизмунда Августа преемникомъ ему избранъ былъ Генрихъ Валуа. Король этотъ пробылъ на польскомъ тронѣ слишкомъ мало, чтобы можно было сказать о немъ что нибудь положительное. Слѣдуетъ развѣ вспомнить только о томъ, что онъ первый присягнулъ на такъ называемыхъ *pacta conventa*, гдѣ между прочими статьями значилось: «никто не можетъ подвергаться наказаніямъ или преслѣдованіямъ за вѣроисповѣданіе», т. е. иными словами это означало, что диссиденты будутъ оставлены въ покоѣ.

Диссидентами называли всѣхъ иновѣрцевъ, но подъ этимъ именемъ слѣдуетъ по преимуществу разумѣть православныхъ русскихъ, которые были многочисленнѣе другихъ въ Польшѣ. Дѣйствительно-ли права и привилегіи диссидентовъ считались неприкосновенными въ Польшѣ, увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Какъ разумный политикъ, Стефанъ Баторій не только не преслѣдовалъ иновѣрцевъ, а напротивъ даже бралъ ихъ подъ защиту. Онъ говорилъ обыкновенно: «я король надъ людьми, а не надъ ихъ совѣстью». Когда Баторію представляли всѣ выгоды отъ соединенія русской церкви съ римскою для политической цѣльности и усиленія Рѣчи Посполитой, онъ не поддался этимъ наговорамъ и сказалъ въ отвѣтъ слѣдующія памятныя слова: «Благодаримъ Бога за то, что вступивши на польскій престолъ,

мы нашли великій и сильный русскій народъ въ согласіи съ народомъ польскимъ и литовскимъ. У нихъ одни желанія, они равны между собою и взаимно уважаютъ другъ друга; между ними нѣтъ непріязни. Богослуженіе совершается спокойно и безпрепятственно въ римскихъ костелахъ и въ русскихъ церквяхъ. Мы радуемся такому согласію и не считаемъ нужнымъ принуждать къ объединенію двухъ церквей. Мы не знаемъ, что можетъ возникнуть и вырости изъ такого положенія дѣлъ, но думаемъ и признаемъ, что въ случаѣ принужденія возникнетъ только непріязнь и борьба между Русью и Польшей, вмѣсто единенія и согласія, и послѣдуетъ паденіе и гибель обоихъ народовъ».

Впрочемъ вліяніе католическаго духовенства на Руси было еще незначительно; ксендзовъ было такъ мало, что не только въ кіевской землѣ, но и на Волыни русскіе священники крестили польскихъ дѣтей, пріобщали больныхъ и погребали умершихъ поляковъ, которые не дѣлали большаго различія между католическими и русскими священниками. Іерархія латинская считала необходимымъ выпросить у Баторія универсалъ, запрещающій подъ страхомъ наказанія православнымъ епископамъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла католиковъ.

Изъ приведенныхъ выше словъ короля Баторія ясно, что онъ предвидѣлъ тѣ бѣдствія, какія должны были наступить въ Польшѣ вслѣдствіе нетерпимости, и указывалъ, что она можетъ повести за собою гибель обоихъ народовъ. Но этотъ разумный король не предвидѣлъ, что орденъ іезуитовъ, которому онъ отдалъ виленскую академію и другія школы, вмѣсто распространенія просвѣщенія занялся впослѣдствіи исключительно преслѣдованіемъ иновѣрцевъ и что именно этотъ орденъ произвелъ упадокъ, который предвидѣлъ Баторій. Послѣ завоеванія Полоцка въ 1580 г. Баторій, по просьбѣ іезуита Скарги, отобралъ имѣнія четырнадцати русскихъ монастырей и церквей и подарилъ ихъ іезуитской коллегіи въ Полоцкѣ.

Въ 1582 г. введенъ новый грегоріянскій календарь. Согласно съ планами іезуитовъ въ слѣдующемъ году прислана львовскому бурмистру королевская грамота, запрещавшая православнымъ заниматься ремеслами и торговлею въ праздничные дни по новому календарю; іезуиты расширили это запрещеніе и на празд-

ники, чествуемые по старому календарю. Дѣйствуя по обыкновенію скрытно, они преслѣдовали православіе черезъ посредство львовскаго латинскаго архіепископа Суликовскаго. Тотъ поручилъ это дѣло своему брату Войцѣху, который наканунѣ русскаго праздника Рождества Христова ходилъ по церквямъ и монастырямъ въ сообществѣ каноников львовской капитулы и вооруженныхъ людей, изгонялъ народъ, вытаскивалъ священниковъ изъ алтарей, не дозволяя оканчивать богослуженіе и наконецъ запиралъ и опечатывалъ церкви.

Русскіе мѣщане, сильно оскорбленные такимъ поступкомъ, сорвали печати съ церковныхъ дверей и, вмѣстѣ со своимъ епископомъ Балабаномъ, подали жалобу королю. Жалоба могла-бы имѣть непріятныя для Суликовскаго послѣдствія, такъ какъ здѣсь замѣшанъ былъ интересъ Балабана, принадлежавшаго къ знатному роду. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ 1584 года Баторій дозволилъ русскимъ сохранить прежній календарь и запретилъ дальнѣйшее ихъ преслѣдованіе подъ угрозою тяжкихъ наказаній. Однако тотъ-же самый король еще въ 1578 году запретилъ православнымъ публично и торжественно хоронить своихъ покойниковъ.

Со смертью Баторія оканчивается для Польши то свѣтлое, общее прошлое, на которое такъ охотно привыкли ссылаться поляки; то было время, когда не слишкомъ еще допытывались, кто какого вѣроисповѣданія, а больше обращалось вниманія на то, кто какой гражданинъ. Русская кровь проливалась за польскіе интересы и православные паны, какъ князь Константинъ Острожскій и другіе, такъ горячо защищали Польшу потому, что въ ея лицѣ защищали собственную свободу. Вмѣстѣ съ жизнью Баторія заканчивается свѣтлая и счастливая эпоха польской исторіи.

Здѣсь слѣдуетъ вспомнить о казни Подковы, потому что она также стоитъ въ связи съ политикою, какой держалась при Баторіи Польша по отношенію къ Руси.

Румынскій господарь Петръ угнеталъ молдаванъ. Братъ прежняго господаря, Ивони, поступилъ въ козаки, гдѣ за свою огромную силу былъ прозванъ Подковой, такъ какъ ломалъ подковы. Призванный на господарство частью молдаванъ, Подкова прогналъ Петра съ помощью козаковъ подъ предводительствомъ гетмана Шаха. На помощь изгнанному двинулся братъ Баторія Христофоръ,

господарь трансильванскій. Подкова возвратился на Украйну, но здѣсь попалъ въ ловушку къ полякамъ: ему посовѣтовали явиться къ королю, чтобы оправдать свой поступокъ, но король не принялъ Подковы, приказалъ заключить его въ тюрьму и впослѣдствіи казнить во Львовѣ.

Одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ, вызвавшихъ казнь Подковы, была его популярность среди козаковъ. Занятый войною съ московскимъ государствомъ, король нуждался въ покоѣ со стороны Турціи и для того хотѣлъ попридержать козаковъ. Крупные землевладѣльцы, въ видахъ обогащенія, раздѣляли взглядъ короля, такъ какъ при такихъ условіяхъ турки не должны были разорять ихъ помѣстья своими набѣгами; напротивъ мелкая русская шляхта считала войны съ невѣрными выгоднымъ промысломъ и даже пограничные старосты не пренебрегали этими походами совмѣстно съ козаками, что давало поводъ къ постояннымъ недоразумѣніямъ съ турками.

VIII.

Теперь слѣдуетъ приступить къ разбору вопроса о козачествѣ, его происхожденіи и ростѣ на Украйнѣ и на Запорожьи, иначе трудно понять дальнѣйшую судьбу этого края. Украйна въ собственномъ смыслѣ обнимала всю юго-восточную часть Рѣчи Посполитой. По современнымъ понятіямъ поляковъ, козакъ—это разбойникъ или панскій слуга; даже въ литературѣ польской онъ не заслужилъ иной роли, кромѣ обязанности развозить панскія письма (Мальчевскій), напротивъ, для русскаго люда козакъ былъ идеаломъ свободнаго человѣка.

Начиная съ XV ст. недовольные жители Руси уходили въ степи, особенно на берега рѣкъ и днѣпровскіе острова, защищенные скалами, тростниками и болотами. Эти берега и острова представляли бѣглецамъ весьма выгодныя для поселенія мѣста, благодаря необыкновенному обилію рыбы, дичи и богатыхъ пастьбищъ. И такъ рыбная ловля и охота первоначально составляли главное занятіе бѣглецовъ. Но съ теченіемъ времени частыя стычки съ татарами выработали изъ этаго свободнаго населенія христіанское рыцарство, названное козаками, которыхъ походы уже не ограни-

чиваются мелкими схватками съ татарами или грабежемъ купеческихъ каравановъ,—ихъ главною цѣлью въ жизни становится война съ невѣрными; отсюда неожиданные набѣги на турокъ и въ особенности на татаръ, которыхъ грабили безъ милосердія за ту горькую долю, какую отъ нихъ терпѣла Русь.

Таково было происхожденіе козаковъ, т. е. легкихъ наѣздниковъ, свободныхъ и ненаемныхъ воиновъ, занимавшихся войною противъ мусульманъ. Процессъ роста козачества происходитъ при такихъ обстоятельствахъ: завоевавши Русь отъ татаръ, литовское правительство изгнало ханскихъ баскаковъ изъ русскихъ городовъ и селъ. Однако татары не отказались отъ своихъ обычаевъ и, въ особенности послѣ основанія отдѣльнаго крымскаго ханства, не имѣя возможности по преждему собирать дань, дѣлали набѣги на русскія земли цѣлою ордою и захватывали не только имущество, уводили въ плѣнъ и самое населеніе.

Въ силу внутренняго литовскаго распорядка, князья и крупные паны въ русской землѣ были пограничными королевскими старостами. Первоначально паны эти скликали охотниковъ до военныхъ походовъ, водили ихъ противъ татаръ и пріучали къ военной службѣ. Въ первое время козаки были не болѣе, какъ старостинскою пограничною стражей; но выраженіе «ходить въ козаки» показываетъ, что козачество существовало также и независимо отъ пограничной службы.

Каждая козацкая группа звала своего предводителя гетманомъ (гетманствовать значило предводительствовать войсками), а вооруженная дружина называлась козаками. Такими гетманами были: Предславъ Ланцкоронскій, Дмитрій Вишневецкій, Богданъ Ружинскій и др.

Двое гетмановъ являются организаторами козацкаго сословія: Евстафій Даниковичъ, староста каневскій и черкаскій, и Предславъ Ланцкоронскій, староста хмѣльницкій. Часто пограничный староста держалъ себя, какъ удѣльный князь, и каждый изъ сосѣднихъ монарховъ заботился о дружбѣ съ нимъ, такъ какъ онъ могъ быть опасенъ каждому. Въ войнѣ между Польшею и Москвою Даниковичъ служилъ послѣдней, но впослѣдствіи, возвратившись въ Литву, получилъ въ управленіе два значительные замка—Черкасы и Каневъ, которые съ того времени становятся ядромъ козачества. Въ

1533 году онъ составилъ планъ защиты Украйны посредствомъ устройства на берегахъ Днѣпра постоянной стражи въ двѣ тысячи козаковъ, которые препятствовали-бы татарамъ переходить на правый берегъ Днѣпра. Дашковичъ предлагалъ этотъ проэктъ на сеймѣ въ Петроковѣ, но безъуспѣшно. Очевидно, Сѣчь еще не существовала.

Дмитрій Вишневецкій слѣдовалъ по стопамъ Дашковича: онъ значительно содѣйствовалъ развитію козачества, принимая всѣхъ желающихъ, и когда король отказалъ ему въ какомъ-то требованіи, грозилъ перейти на службу къ султану. Во время управленія Черкасами и Каневомъ Вишневецкій основалъ укрѣпленіе на островѣ Хортицѣ и, подобно Дашковичу, сражался противъ турокъ и татаръ. Въ январѣ 1557 г. ханъ осадилъ Хортицу, гдѣ Вишневецкій долгое время выдерживалъ осаду, пока наконецъ голодъ принудилъ его отступить къ Черкасамъ. Вишневецкій пытался завоевать для себя Молдавію, но впослѣдствіи, побѣжденный и принуждаемый къ принятію магометанства, погибъ въ Стамбулѣ, ругая Магомета и его вѣру.

Первоначально, до гетманства Ружинскаго, главное значеніе въ козацкомъ войскѣ принадлежало намѣстникамъ великаго князя литовскаго, но впослѣдствіи князь Богданъ Ружинскій становился выше всѣхъ другихъ предводителей и не столько военными подвигами, сколько благодаря братскому отношенію къ козакамъ. Всѣ прежніе намѣстники великаго князя смотрѣли на козаковъ съ высоты панскаго величія, считали козацкія общества не болѣе, какъ вооруженною крестьянскою семьею, и на самихъ козаковъ смотрѣли какъ на своихъ крѣпостныхъ слугъ; но Ружинскій, по козацки предводительствовавшій козаками въ походахъ, отказался отъ панской роскоши и въ своей домашней жизни; онъ предоставилъ козакамъ свободную раду, нимало не ограничивая ее своимъ правомъ намѣстника. Такимъ образомъ русское общинное право начинаетъ укрѣпляться среди козаковъ; вотъ почему козаки изъ другихъ округовъ начинаютъ стекаться подъ знамена Ружинскаго. Тогда паны весьма настойчиво начинаютъ докучать королю жалобами на произволъ козаковъ, вслѣдствіе чего король хотѣлъ было снова подчинить ихъ власти намѣстниковъ, но принужденъ былъ оставить ихъ въ покоѣ и не препятствовать ихъ устройству, такъ какъ Ружинскій съ козаками много помогалъ ему противъ турокъ. Съ тѣхъ

поръ какъ Ружинскій объединилъ козаковъ подъ одну гетманскую булаву, козачество почувствовало себя силой и стало считать себя свободнымъ сословіемъ, которое не отбываетъ никакихъ податей и повинностей и знаетъ одну только военную службу. Съ того времени козачество развиваетъ для себя громадское управленіе и самосудъ; козаки начинаютъ сами выбирать себѣ гетмановъ, не обращая вниманія на ихъ происхожденіе, состояніе и расположеніе короля. Въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ гетмановъ и не титулованныхъ, какъ: Шахъ, Подкова, Скалозубъ и др.—Козаки селились по обоимъ сторонамъ Днѣпра., заселяя территорію нынѣшнихъ губерній: кіевской, полтавской и южной части подольской.

Первоначальной задачей козачества было—слѣдить за движеніями татаръ и препятствовать имъ переходить за Днѣпръ. Однако польское правительство не оказало поддержки ни Дашковичу въ его проектѣ объ учрежденіи сильной стражи на Днѣпрѣ, ни князю Вишневецкому во время его небезопаснаго пребыванія на островѣ Хортицѣ. Янъ Орышовскій, бывшій запорожскимъ гетманомъ при Стефанѣ Баторіи, готовъ былъ самъ заняться этимъ дѣломъ, какъ видно изъ его словъ, записанныхъ Бѣльскимъ: «если-бы построить замки на днѣпровскихъ островахъ, то не лазили-бы къ намъ татары, мы могли-бы отнять у нихъ все поднѣпровье, если-бы только захотѣли, но мы предпочитаемъ отражать ихъ у Самбора».

Итакъ, оборона границъ зависѣла отъ доброй воли козаковъ. Охраняя «татарскіе шляхи», они были весьма полезны польскому правительству, поэтому-то короли дѣлали имъ уступки и не считали ихъ опасными. Между тѣмъ козачество распространяется все дальше и дальше, охватываетъ своими поселеніями цѣлую Кіевщину, Брацлавщину и Черниговщину, однимъ словомъ все, гдѣ только встрѣчались свободныя мѣста на Украйнѣ. Козаки жили въ городахъ, хуторахъ и усадьбахъ. Съ теченіемъ времени городскіе жители раздѣлились на мѣщанъ и козаковъ, первые назывались «послушными», вторые «непослушными или городовыми козаками».

Во времена литовскихъ намѣстниковъ и ихъ бояръ воля народа на Украйнѣ не имѣла значенія. Впослѣдствіи Польша надѣлила бояръ шляхетскими правами и отсюда получила начало шляхетская юрисдикція; но, по мѣрѣ распространенія козачества, общинное право брало верхъ надъ шляхетскою юрисдикціею. Гдѣ-бы

ни поселился козакъ на занятомъ имъ грунтѣ, она не имѣла для него значенія,—онъ подчинялся только своему атаману и радѣ.

Полная личная свобода, неограниченное право земельной собственности, самоуправленіе, основанное на выборномъ началѣ, право собственнаго суда, полное равенство между членами обществъ, презрѣніе къ привиллегіямъ и происхожденію, взаимная оборона противъ внѣшнихъ враговъ—вотъ въ чемъ состояли идеалы козачества. Съ особенной ясностью идеалы эти выступаютъ въ исторіи малорусскаго козачества въ то время, когда ему удалось распространить свое вліяніе на весь южно-русскій народъ.

Украинскихъ или осѣдлыхъ козаковъ нужно отличать отъ тѣхъ, которые жили дальше на югъ, за днѣпровскими порогами, отчего и назывались запорожцами. Хотя послѣдніе были причислены къ польскому королевству, но въ дѣйствительности представляли общество вполнѣ свободное и не подлежали никакой посторонней власти. Козаки не забывали пути, указаннаго Дашковичемъ и Вишневецкимъ, и нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя возникла Сѣчъ Запорожская за скалистыми днѣпровскими порогами: на островѣ Томаковкѣ козаки расположились кошемъ, т. е. лагеремъ, окружили его засѣками и назвали Сѣчью. Безъ этого укрѣпленія козакамъ не удалось-бы, съ одной стороны, избавиться зависимости отъ старостъ, съ другой они не были-бы въ состояніи удержать побережье Днѣпра отъ татаръ и турокъ.

Съ теченіемъ времени запорожцы образовали родъ военнаго братства, имѣвшаго свои оригинальные обычаи и законы. Высшая власть находилась въ рукахъ козацкаго вѣча или *рады*; рада избирала главнаго кошевого атамана, который пользовался неограниченною властью надъ козаками, но по истеченіи годичнаго срока давалъ отчетъ въ своей дѣятельности и въ случаѣ злоупотребленій наказывался смертью.

Первоначально кошевой избирался для каждаго предстоящаго похода и на то время былъ диктаторомъ. Если походъ былъ удаченъ, его ожидала слава,—въ случаѣ неудачи постигалъ военный судъ.

Старшины, оставившіе должность, по выборѣ на ихъ мѣсто другихъ, становились снова простыми козаками. *Кошъ* дѣлился на *курени*, изъ которыхъ каждый состоялъ подъ начальствомъ выборнаго куреннаго атамана. Сѣчевые козаки жили въ общихъ «куре-

няхъ» и обѣдали всѣ вмѣстѣ за общимъ столомъ.—Число запорожцевъ не было ограничено.

Впослѣдствіи, смотря по обстоятельствамъ, Сѣчь переносилась и на другіе днѣпровскіе острова;—это была военная школа для Руси; тамъ находилась войсковая казна, недоступная для непріятеля; тамъ строились чайки для походовъ по Черному морю. Ни одна національность не была исключена отъ доступа въ сѣчевое братство и выходъ изъ него былъ свободенъ во всякое время.

Населеніе Запорожья, какъ мы уже видѣли, состояло первоначально изъ однихъ мущинъ, только временно проживавшихъ здѣсь для занятія рыбной ловлей, охотой, войной; но съ теченіемъ времени сюда начинаютъ переселяться семьями и образуются хутора. Территорія Запорожья простиралась отъ Днѣпра до Днѣстра и Чернаго моря. Занятый козаками край этотъ, называемый также «*Низомъ*», все больше пріобрѣталъ значеніе свободнаго пріюта для всѣхъ, кому плохо жилось на родинѣ, или кому нравилась борьба съ невѣрными; часто также изъ Запорожья появлялись мстители за обиды, какъ свои, такъ и своихъ братьевъ. Запорожцы находились въ связи съ козаками не только украинскими, но и съ донскими, съ которыми предпринимали не разъ общіе походы. Поселенія низоваго войска не ограничивались одною Сѣчью,—на днѣпровскихъ островахъ и на обоихъ берегахъ рѣки возникали козацкія села и хутора, но центръ все-таки составляла Сѣчь, куда не допускались женщины. Поэтому низовые козаки дѣлились на женатыхъ и неженатыхъ, хотя между тѣми и другими была тѣсная связь. Контингентъ запорожскаго войска пополнялся главнымъ образомъ бѣглыми крестьянами, владѣльцы которыхъ не въ состояніи были преслѣдовать ихъ въ дикихъ степяхъ и заросляхъ за чертою заселенной Украйны; доказательствомъ такого происхожденія запорожской общины можетъ служить господство въ ней православной вѣры и малорусскаго языка.—Таково было войско низовое запорожское.

Развитію козачества наиболѣе способствовала близость татаръ, свирѣпствовавшихъ на границахъ Украйны. Не занимаясь почти ни ремеслами, ни торговлею, ни какими-нибудь другими промыслами, татары принуждены были довольствоваться только скудными пастбищами на полуостровѣ; въ силу этого они не могли прожить безъ добычи и вотъ главная причина ихъ набѣговъ. Князь Криштофъ

Збаражскій, бывшій посломъ въ Константинополѣ въ 1623 г., пишетъ въ своемъ отчетѣ: «Сама необходимость вынуждаетъ татаръ къ нападеніямъ; въ этомъ для нихъ большая выгода, иначе они вымерли-бы съ голоду. Почти всѣ галеры, всѣ моря наполнены подданными Рѣчи Посполитой. Даже жены и красивѣйшая прислуга происходятъ оттуда-же. Земля татарская бѣдна скотомъ и стадами, все это добывается татарами изъ Польши». Итакъ татары угоняли скотъ, захватывали все безъ разбора, но больше всего предпочитали ясыръ (плѣнниковъ), который продавали во всѣ восточныя страны: восточное общество нуждалось въ большомъ количествѣ слугъ—невольниковъ, которыхъ и поставляли татары. Охотнѣе всего они захватывали дѣтей, которыхъ, подъ названіемъ султанскихъ дѣтей, воспитывали въ султанскихъ сераляхъ для янычарства и другихъ услугъ. Такимъ образомъ христіане служили для поддержки магометанства,—отсюда и происходятъ тѣ исполненныя грусти народныя пѣсни, въ которыхъ воспѣвается разлука мужей съ женами, братьевъ съ сестрами, дѣтей съ родителями.

При Солиманѣ I было девять великихъ визирей и всѣ они происходили изъ дѣтей султанскихъ. Турція жила какъ вампиръ, высасывая свѣжую кровь изъ христіанскихъ народовъ и прежде всего изъ присоединенныхъ къ Польшѣ жителей Руси; поэтому никто не дѣлалъ такихъ усилій сломить турецкія силы, какъ южнорусское племя.

Заселеніе украинскихъ степей и развитіе въ нихъ козачества происходило, можно сказать, противъ воли правительства, которое не могло оказывать поддержку козачеству, усиливавшемуся бѣглецами изъ королевскихъ и панскихъ помѣстій. Развиваясь силою оппозиціи русскаго элемента противъ татарскаго, козачество съ одной стороны удерживаетъ главныя особенности своего возникновенія, а именно—христіанскую вѣру и рыцарскіе обычаи, съ другой-же усваиваетъ наѣздническіе обычаи и татарскую политику, безъ чего ему невозможно было-бы существовать. Татары брали быстротою и ловкостью нападеній и воздержаніемъ во время походовъ; тѣ-же качества должны были усвоить козаки еще въ большей степени, чтобы имѣть возможность противустать татарамъ. Какъ татары вторгались въ поднѣпровскую и поднѣстровскую Русь, такъ и запорожцы нападали на татарскіе улусы и турецкія земли, за

разбой платили разбоемъ, за набѣгъ—набѣгомъ. Подобно татарамъ козаки жили добычей, которую брали, гдѣ только было можно, и служили тому, кто больше платилъ; козакъ и добыча были тѣсно связанныя понятія.

Однако захватъ добычи не былъ единственною цѣлью козацкихъ походовъ, перевѣсъ надъ нимъ брала защита края и свободы, освобожденіе христіанскихъ плѣнниковъ; этимъ объясняется, почему и паны принимали участіе въ походахъ. Отсюда отличительныя черты козаковъ вообще и запорожцевъ въ особенности—стремленіе къ славѣ и добычѣ, свобода и безпредѣльное мужество въ битвахъ съ бусурманами, быстрота и ловкость въ набѣгахъ, необыкновенная выносливость въ походахъ и разгульная разсточительность въ мирное время.

Между тѣмъ какъ въ польской исторіи мы встрѣчаемъ рѣзкіе факты утайки и расхищенія общественной казны, козаки грабятъ для своего вооруженія; гетманъ получалъ не больше простаго козака и между ними не было примѣра кровавыхъ столкновеній изъ-за раздѣла добычи. Отчетъ барскаго старосты Претвича оправдываетъ нападенія козаковъ на татарскіе улусы, указывая съ одной стороны ихъ необходимость, съ другой—выгоды, представляемыя козачествомъ. Не смотря на то, король Сигизмундъ I по требованію хана предпочелъ перевести Претвича изъ Бара въ Теребовль. Король этотъ задумалъ было обратить козаковъ въ замковую службу, что, разумѣется, не отвѣчало ихъ желаніямъ; война съ невѣрными дала начало козачеству и должна была служить также основаніемъ ихъ быта.

Уже при Сигизмундѣ I козацкія силы вмѣстѣ съ поляками побѣдили турокъ подъ Аккерманомъ, но наиболѣе прославились козаки своими черноморскими походами, на которые отправлялись въ легкихъ чайкахъ,—такъ назывались ихъ лодки, обшитыя по краямъ тростникомъ и вмѣщавшія до шестидесяти человѣкъ. На такихъ чайкахъ пускались козаки въ открытое море, нападали на турецкіе города, грабили берега Анатоліи и Румеліи, освобождали христіанскихъ плѣнниковъ изъ галеръ и тюремъ, разбивали турецкіе флоты, не разъ появлялись подъ стѣнами столицы падишаха, и слава козацкая расходилась по свѣту. Такъ въ 1593 г., при гетманѣ Богданѣ Микошинскомъ, императоръ германскій Рудольфъ

II отправилъ на Запорожье посольство, приглашая козаковъ на помощь противъ турокъ. Вслѣдствіе жалобъ и угрозъ турецкаго правительства, Сигизмундъ Августъ приказывалъ запорожцамъ возвратиться въ украинскіе города и замки и не безпокоить турецкихъ земель. Разумѣется, всѣ эти приказанія не имѣли силы.

Что касается внутренняго самоуправленія, то козацкая община обсуждала свои дѣла на сотенныхъ, полковыхъ и «великихъ войсковыхъ» радахъ. Конечно, въ то время козакамъ казалось невозможнымъ, чтобы ихъ рады могли стать наравнѣ съ панскими сеймами; паны въ свою очередь не думали, чтобы низовое братство сохранило въ своемъ «кошѣ» предковскіе народные идеалы, какъ искры подъ пепломъ, изъ которыхъ со временемъ долженъ вспыхнуть на Украйнѣ сильный пожаръ.

Несомнѣнно однако, что въ дѣлѣ внѣшнихъ отношеній государства борьба козаковъ съ татарами и турками была защитой свободы, личной, территоріальной и имущественной безопасности противъ дикихъ азіатовъ. Правда, послѣ объединенія Руси съ Польшею дѣло обороны края должно было выпасть на долю военнаго сословія Рѣчи Посполитой, если-бы она имѣла достаточно силы, чтобы безъ королевской помощи оказывать дѣйствительную защиту землямъ, которыя носили названіе королевскихъ. Однакоже государственная казна въ Польшѣ была пуста, постояннаго войска было очень мало, а *посполитое рушеніе* не отличалось военной дисциплиной, собиралось медленно и спѣшило расходиться по домамъ. Поэтому всѣ надежды на защиту края обращались къ козакамъ и надворнымъ милиціямъ, которыя содержали у себя паны.

Высшее дворянство отказывало королямъ въ средствахъ для содержанія войска, опасаясь съ ихъ стороны сокращенія своихъ вольностей; а въ тоже время козаки своими военными предпріятіями достигли того, что берега Чернаго моря готовы были признать надъ собою господство запорожской общины.

Мы не хотимъ этимъ доказать, чтобы польское правительство совершенно оставило въ сторонѣ войны съ татарами и турками, мы утверждаемъ только, что усилія его были недостаточны, въ то время какъ защита границъ была дѣломъ безпрестанной необходимости. Приведемъ нѣсколько примѣровъ въ доказательство.

Когда Янушъ Острожскій разбилъ у Пятки войско Косинскаго, паны поставили свою стражу противъ татаръ; между тѣмъ татары захватили стражу и такъ неожиданно ворвались на Волынь, что никто и не узналъ о набѣгѣ, и они удалились также безпрепятственно, какъ и пришли.

Въ слѣдующемъ году, въ то время какъ въ Венгріи шла война христіанъ противъ турокъ, императоръ Рудольфъ II просилъ польскаго короля не пропускать татаръ черезъ Польшу въ Венгрію на помощь туркамъ. Однако въ Польшѣ заняты были другими дѣлами, такъ какъ подготовлялась церемонія оглашенія канонизаціи св. Яцка. Въ то самое время, какъ въ Краковѣ проводили время въ процессіяхъ, обѣдахъ и публичныхъ диспутахъ о томъ, видитъ-ли св. Яцекъ съ неба, что дѣлаютъ его почитатели, зналъ-ли онъ, что будетъ причисленъ къ лику святыхъ и т. д., татары ворвались въ Покутье, разграбили и сожгли Снятинъ, Жуковъ, Толмачъ, Тисменицу, Галичъ, Калушъ, Долину и др. и прошли безпрепятственно до самаго Самбора.

Итакъ, Польша лишена была внѣшней безопасности, такъ какъ не имѣла внутренняго порядка. *Посполитое рушеніе* извѣстно было своею медлительностью, дававшей татарамъ возможность истребить шляхту, прежде чѣмъ она выйдетъ въ открытое поле. Впрочемъ, пусть примѣръ наглядно покажетъ, насколько можно было разсчитывать на посполитое рушеніе.

Въ 1537 г. молдавскій господарь Богданъ вторгся въ Покутье. Сигизмундъ I потребовалъ на время похода наложенія одновременной подати, но, получивши отказъ со стороны шляхты, объявилъ посполитое рушенье. Правда, въ окрестностяхъ Львова собралось до 150,000 вооруженныхъ воиновъ, но вмѣсто того, чтобы воевать съ молдаванами, шляхта начала грабить имѣнія согражданъ изъ Червоной Руси и, не повинуясь ни королю, ни сенату, вела споры о своихъ вольностяхъ. Только на Руси поддерживался еще военный духъ; неудивительно поэтому, что знаменитые гетманы были родомъ русскіе.

Самое положеніе Руси, сосѣдство дикихъ азіятскихъ ордъ, безпрестанныя ихъ нападенія и въ силу этого необходимость обороны границъ съ одной стороны и безсиліе Рѣчи Посполитой съ другой— должны были вызвать такую добровольную защиту, какою является козачество. Къ этому нужно прибавить, что польское правительство

даже не знало точно границъ польской Украйны отъ татарскихъ степей, и козаки были тою передовою стражею, которая обозначала мечемъ эти границы. Но по мѣрѣ того, какъ козаки все дальше оттѣсняли мусульманъ за днѣпровскіе пороги, и паны все дальше подвигались со своею юрисдикціей, считая никому не принадлежащими занятыя козаками земли.

Чтобы удержать напоръ кочевниковъ, Русь украинская высылала своихъ избранныхъ сыновъ, цвѣтъ своей молодежи въ широкія степи для войны съ невѣрными. Обороняя Русь и Польшу, козаки вмѣстѣ съ тѣмъ заслоняли отъ магометанъ и всю Европу, что составляетъ ихъ огромную заслугу въ исторіи общеевропейской культуры.

Польское правительство рано съумѣло оцѣнить значеніе того военнаго сословія, которое могло служить государству твердымъ оплотомъ со стороны сосѣднихъ татарскихъ-ордъ; вотъ почему еще Сигизмундъ I пытался подчинить козаковъ военной дисциплинѣ и придать имъ опредѣленное устройство. Баторій также понялъ заслуги козачества и обратилъ на него вниманіе въ видахъ обезпеченія границъ своего королевства. Онъ укрѣпилъ живую преграду между Польшею и Крымомъ, въ лицѣ малорусскаго козачества, придавши ему войсковое управленіе, а для резиденціи гетмана городъ Трехтемировъ.—Занятыя козаками области дѣлились на шесть округовъ или полковъ, получившихъ названіе отъ своего главнаго города; эти полки были: черкасскій, чигиринскій, каневскій, корсунскій, бѣлоцерковскій и переяславскій. Баторій подтвердилъ право избранія гетмана, или предводителя всего козацкаго сословія, изъ среды старшины козацкой; послѣ избранія гетманъ утверждался королемъ; знаками его достоинства были: войсковое знамя, бунчукъ, булава и печать. За гетманомъ слѣдовала старшина, состоявшая изъ обознаго, судьи, писаря, асаула, полковниковъ, сотниковъ, атамановъ и хорунжихъ. Но и Баторій убѣдился, что войско козацкое трудно подчинить непосредственной королевской власти, такъ какъ немного было среди мѣщанства и сельскаго крестьянства такихъ семействъ, которыя-бы не имѣли чего нибудь общаго съ козаками. Любили «козакування» крестьяне, ремесленники, прославлялъ его въ своихъ пѣсняхъ весь южно-русскій народъ.

Въ то время козаковало все, что только было молодаго и бойкаго на Украйнѣ, а старики тоже когда-то были козаками; даже паны проникались козацкимъ духомъ. Отважнаго хвалили и уважали за храбрость, не различая, былъ-ли онъ гербовный или простой.

Въ своемъ универсалѣ король Стефанъ, въ числѣ прочихъ своевольныхъ людей называетъ: бездомную шляхту, мѣщанъ и другихъ лицъ плебейскаго состоянія.

Ходили въ козаки не только русскіе мѣщане и крестьяне, угнетаемые шляхтою или принуждаемые къ панщинѣ, но и мелкая шляхта, состоявшая въ услуженіи у знатныхъ пановъ. Часто случалось, что города, сверхъ налагаемыхъ закономъ повинностей, терпѣли еще отъ произвола старостъ и воеводъ, вслѣдствіе чего мѣщане, въ особенности молодые и менѣе состоятельные, приставали къ козачеству. Были и такіе, которые просто желали сражаться съ невѣрными во славу Божію, или для своей собственной славы. По свидѣтельству герольдика Папроцкаго, не только рыцари изъ мелкой шляхты, но и сыновья знатныхъ пановъ ѣздили на Запорожье для изученія военнаго ремесла и военныхъ порядковъ.

Современный кіевскій епископъ Верещинскій говоритъ: «многіе переселяются на Украйну для защиты христіанства противъ невѣрныхъ, для славы Божіей и прославленія своего рыцарскаго званія».

По законамъ польскимъ каждый шляхтичъ приводилъ съ собою на войну столько вооруженныхъ слугъ, сколько приходилось пропорціонально съ количествомъ владѣемой имъ земли. Изучивши военное ремесло, эти слуги часто оставляли пановъ и приставали къ козакамъ.

Въ то время еще не было среди козачества общественной и національной розни, такъ какъ еще не были извѣстны тѣ противуположные интересы, которые впослѣдствіи раздѣлили козаковъ и шляхту на два враждебные лагеря. Козаки дѣйствовали заодно съ пограничными старостами.

При началѣ козачества, какъ мы уже видѣли, простой народъ отправлялся за добычею подъ предводительствомъ шляхты, но по мѣрѣ развитія козачества шляхта въ свою очередь принимаетъ участіе въ военныхъ походахъ подъ предводительствомъ опытныхъ людей изъ народа. Пограничные жители, проникнутые военнымъ духомъ, выше всего цѣнили личныя качества, привиллегіи не имѣли тамъ

значенія; защита края была здѣсь задачею жизни, которой все служило. Наконецъ, кто-бы ни приходилъ или не селился на Украйнѣ, его имущественная и личная безопасность гарантировалась только полнымъ объединеніемъ съ массою простаго народа, и пограничная шляхта обоихъ народностей превращалась здѣсь въ демократическую козацкую Русь.

Видя такое положеніе дѣлъ, Баторій не рѣшился вооруженной силой сломить козачество, но желая однако обезопасить себя съ ихъ стороны, онъ рѣшился раздѣлить украинскихъ козаковъ. При введеніи реформы было объявлено, что «кто хочетъ оставаться въ волѣ королевской, тѣ будутъ вписаны въ реестръ и права ихъ будутъ подтверждены сеймовою конституціею».

Въ реестръ внесены были шесть тысячъ козаковъ, которые и названы реестровыми, всѣ-же остальные, по плану короля, должны были стать въ зависимыя отношенія къ панамъ. Реестровые козаки свободно владѣли своими землями, не платили никакихъ податей, не отбывали другихъ повинностей, кромѣ военной, и получали жалованье по кожуху и по червонцу въ годъ на человѣка. Однако такое устройство было ничѣмъ инымъ, какъ надѣленіемъ почти шляхетскими правами болѣе зажиточныхъ изъ козаковъ, имѣвшихъ свои усадьбы въ хуторахъ и городахъ, чтобы устранить изъ числа ихъ бѣдняковъ, которыхъ польское правительство постановило уравнять съ крестьянами.

Проэктъ переписи козаковъ, обыкновенно приписываемый Баторію, восходитъ однако къ болѣе отдаленному времени. Въ письмѣ Сигизмунда I къ кіевскому воеводѣ, князю Коширскому, отъ 1540 г. значится: «Посылаемъ нашего придворнаго, Стрета Солтовича. Мы приказали ему переписать всѣхъ козаковъ кіевскаго воеводства и доставить намъ этотъ реестръ». Въ 1572 г. Сигизмундъ Августъ поручилъ также коронному гетману Юрію Язловецкому выбрать для королевской службы лучшихъ козаковъ, жалованье которымъ было опредѣлено изъ королевской казны.

Кромѣ реестровыхъ, польское правительство не хотѣло знать никакихъ другихъ козаковъ, между тѣмъ какъ въ южной Руси, напротивъ, всѣ стремились стать козаками, т. е. людьми свободными. Въ силу этого королевскіе приказы не выполнялись, и многіе жители вновь уходили на Запорожье. Реестровые козаки не считали нуж-

нымъ заключать реестры и охотно принимали новыхъ товарищей: правительство въ свою очередь пересматривало списки и выключало сверхкомплектныхъ козаковъ. Исключенные изъ реестровъ не переставали и впослѣдствіи считать себя козаками, съ которыми не разъ и подданные польскихъ пановъ собирались въ вооруженныя «громады» и выбирали своихъ гетмановъ. Такимъ образомъ, кромѣ козаковъ сѣчевыхъ и реестровыхъ, были еще и самостоятельные козаки на Украйнѣ, и многое непонятное въ козацко-шляхетскихъ войнахъ объясняется тѣмъ, что были козаки осѣдлые и бездомные, богатые и бѣдные. Сущность этого различія заключалась въ томъ, что одни жили въ собственныхъ домахъ и хуторахъ, даже въ такихъ городахъ, какъ Кіевъ, тогда какъ другіе проводили лѣто въ степныхъ промыслахъ и походахъ, а зимою работали на винокурняхъ; эти послѣдніе всегда были готовы погулять на чужой счетъ.

Уже въ концѣ XVI в. самостоятельныя общины становятся опасными для Польши и вызываютъ противъ себя рѣзкія постановленія сеймовъ, которыя однако не приводились въ исполненіе, такъ какъ паны польскіе часто употребляли такихъ козаковъ въ наѣздахъ на своихъ противниковъ; Мнишки и Вишневецкіе съ ихъ помощью водили самозванцевъ въ Москву, даже сами короли употребляли этихъ козаковъ въ войнахъ съ Турціею, Москвою и Швеціею и т. д.

Сегодня король издавалъ универсалъ, направленный къ уничтоженію козаковъ, а на завтра приглашалъ ихъ къ участію въ походѣ, какъ-то случилось при походахъ подъ Можайскъ, Хотинъ и др.

Съ развитіемъ козачества русское общинное право, какъ мы уже упоминали, оживало и брало верхъ. Въ чемъ-же состояло различіе между русскимъ общиннымъ правомъ и установившимся въ Польшѣ правомъ шляхетскимъ?

1) По древне-русскому общинному праву всѣ люди признавались равными и свободными, кромѣ военно-плѣнныхъ. Согласно польско-шляхетскимъ законамъ свободою пользовалась только гербовная шляхта, простой-же народъ былъ закрѣпощенъ.

2) По русскому общинному праву земля считалась собственностью того, кто первый занялъ ее для своего пользованія. Въ силу польскаго законодательства земля принадлежала исключительно шляхтѣ, — кто не принадлежалъ къ дворянскому сосло-

вію, тотъ по исконнымъ обычаямъ лишался права пріобрѣтать землю въ собственность.

3) Въ силу русскаго обычнаго права всѣ села и города могли посылать своихъ представителей какъ на малыя, такъ и на большія вѣча.—Въ Польшѣ напротивъ одна только шляхта посылала своихъ представителей на повѣтовые сеймики и большой сеймъ.

Вотъ основные принципы и различія между древне-русскимъ общиннымъ правомъ и правомъ польско-шляхетскимъ. Общая равноправность покоилась въ русскомъ правѣ, діаметрально противуположномъ шляхетскому. Итакъ, козацкая свобода коренилась глубоко въ сознаніи русскаго народа—это была общинная равноправность, которую въ теченіи столѣтій наша Русь сохраняла въ своихъ вѣчахъ.

Три упомянутые принципа служили причиною постоянной борьбы между двумя республиками—шляхетской, принявшей въ себя литовско-русскихъ бояръ, и козацкой, бравшей подъ свою защиту крестьянъ и мѣщанъ. Отсюда ясно, что на Руси въ то время сохранялся тотъ внутренній строй, къ какому теперь стремятся многіе народы. Среди польскаго государства Русь была живымъ источникомъ народной свободы, не допустившей подавить себя.

Русское право укоренило принципы выборнаго устройства какъ въ государствѣ, такъ и въ церкви; принципы эти подготовляли реакцію противъ польскаго права, и козаки являются въ отношеніи пановъ такими-же революціонерами, какими были паны по отношенію къ королю.

IX.

Всѣ польскіе историки согласны между собою въ томъ, что упадокъ королевства и народа польскаго начинается со времени Сигизмунда III, но не могутъ согласиться относительно главныхъ причинъ этого упадка. Иные въ числѣ причинъ приводятъ козацкія возстанія, но весьма немногіе задумывались надъ тѣмъ, почему именно они начинаются при этомъ королѣ. Историки польскіе называютъ бунтами козацкія движенія, народъ украинскій—собраніемъ бунтовщиковъ, а войну 1648 г. относятъ къ личной обидѣ Хмельницкаго. Но если война безпрестанно возобновляется въ теченіи столѣтія слишкомъ, то это уже не бунтъ своевольной шайки,

а за личную обиду хотя-бы и Хмельницкаго не поднялось-бы 200,000 вооруженнаго люда. Тутъ должны быть иныя причины, потому что, гдѣ нѣтъ достаточно горючаго матеріала, тамъ не можетъ вспыхнуть сильный пожаръ.

Не будемъ спорить, что оскорбленіе Хмельницкаго подало поводъ къ войнѣ, но это была послѣдняя капля, переполнившая мѣру. Цѣлый народъ не поднимается изъ-за чисто личныхъ матеріальныхъ причинъ; онъ встаетъ тогда только, когда дѣло идетъ о сохраненіи семейной безопасности, неприкосновенности вѣры или свободы. Польско-козацкія войны не были только борьбою двухъ народовъ и двухъ религій,—онѣ были также усиліемъ коренного населенія древне-русскихъ земель защитить права народныя по отношенію къ польскимъ панамъ.

Если въ развитіи рода человѣческаго поставить за правило, что богатство, власть, просвѣщеніе и свобода должны составить привилегію одного только сословія, тогда придется стать на сторонѣ пановъ. Если-же принять какъ несомнѣнную истину, что добрые нравы, честные поступки и непорочные характеры наиболѣе вырабатываются тамъ, гдѣ личная свобода и поземельная собственность достались на долю всей массы населенія, что право собственности есть необходимое условіе истинной свободы человѣка,—въ такомъ случаѣ трудно не признать справедливости на сторонѣ козаковъ. Тогда ясно выступаетъ впередъ вопросъ объ избыткѣ и бѣдности, демократіи и аристократіи, вопросъ о томъ, должно-ли взять перевѣсъ право шляхетско-польское или общинно-русское? За нимъ слѣдуетъ вопросъ религіозный.

Въ правительственныхъ актахъ временъ Сигизмунда III находимъ частыя упоминанія о неизмѣримыхъ пустыняхъ на Украинѣ. Въ силу польскаго законодательства земля должна принадлежать дворянамъ, и вотъ сеймовое постановленіе 1590 г. объявляетъ отъ имени короля: «чтобы земли эти не оставались впустѣ и приносили какую нибудь выгоду, будемъ раздавать эти пустыни лицамъ шляхетскаго происхожденія за государственныя заслуги».

Поэтому многочисленные польскіе паны, заслуженные и незаслуженные, обезпечиваютъ себѣ у короля обширныя помѣстья въ Руси и на Украинѣ. Въ королевской канцеляріи также безъ разбору отмѣривались польскимъ панамъ на бумагѣ обширныя про-

странства отъ рѣчки до рѣчки, отъ дороги до дороги, отъ урочища до урочища. Такимъ образомъ кіевская, брацлавская и подольская Украина, вмѣстѣ съ заднѣпровьемъ мало по малу очутилась въ рукахъ немногихъ магнатовъ, которые съ теченіемъ времени завели собственныя укрѣпленія, артиллерію, войска, и по отношенію къ подданнымъ были неограниченными владыками. Такихъ пановъ по русски называли *королятами*.

Украинская Русь, Волынь и Подолье были вообще драгоцѣнной сокровищницей для польскихъ пановъ, не даромъ поляки называли правобережную Украину раемъ польскаго міра. Однако такъ называемыя пустыни не оставались въ то время незаселенными, иначе о нихъ-бы такъ много не хлопотали; это значило только, что они до того времени не принадлежали никакому польскому пану и никому изъ нихъ не приносили дохода. Въ дѣйствительности-же эти земли принадлежали козакамъ; они были заселены людьми, искавшими свободы и бѣжавшими сюда изъ королевскихъ и шляхетскихъ имѣній.

Современные хроникеры и писатели не могутъ надивиться тому, какъ быстро подвигалась украинская колонизація, какъ въ дикихъ степяхъ, на самихъ татарскихъ путяхъ, вся почти Украйна покрылась селами и мѣстечками. Не смотря на то, что татары часто захватывали въ плѣнъ колонистовъ, опустошенныя мѣстности вскорѣ заселялись новыми выходцами. Въ полученныя земли, среди козацкихъ селъ и мѣстечекъ, втискивалась шляхта съ новыми переселенцами, которыхъ привлекала болѣе продолжительными льготами, и шляхетскія села и мѣстечки росли съ каждымъ годомъ.

Такъ существовали другъ подлѣ друга владѣнія козацкія и панскія. Первые часто искоса смотрѣли на сосѣдей, вторые въ свою очередь завидовали ихъ свободѣ. Въ общемъ козаки не препятствовали размноженію панскихъ имѣній на Украинѣ, они мало обращали вниманія на постановленія сеймовъ, и мѣстная шляхта шла одною съ ними дорогою, жила въ пріязни и отправлялась вмѣстѣ съ козаками на военный промыселъ. Уже самая необходимость защищать границы дѣлала каждаго жителя воиномъ, поэтому-то въ теченіи условленнаго льготнаго времени на колонистахъ лежала только военная повинность; военная служба подъ начальствомъ

старосты или помѣщика не прекращалась и по истеченіи льготныхъ лѣтъ, и дѣла экономическія шли спокойнымъ чередомъ.

Въ Польшѣ къ тому времени развилось сильное магнатство, которое на сеймахъ и сеймикахъ издавало законы исключительно въ своихъ интересахъ. Народъ лишенъ былъ всѣхъ правъ, такъ какъ законъ отдавалъ крестьянина въ полную и безконтрольную власть пана, воля котораго была единственнымъ закономъ для подданныхъ. Польскіе паны вели роскошную жизнь, и въ ихъ обширныхъ дворахъ кормилось множество мелкой шляхты. Для удовлетворенія своей гордости вельможный панъ считалъ непремѣннымъ долгомъ держать въ своемъ дворѣ цѣлую толпу шляхтичей-приживальщиковъ, а жена его съ своей стороны держала такую-же стаю шляхтянокъ, что, очевидно, было напрасной тратой денегъ. Главной причиной развитія роскоши было крѣпостное право, дававшее панамъ возможность безъ личнаго труда имѣть постоянные доходы, окружать себя несвободной прислугой, и напротивъ усиливавшее народныя тягости. По свидѣтельству француза, жившаго въ то время въ Польшѣ, обыкновенный обѣдъ у польскаго пана стоилъ больше, чѣмъ званый обѣдъ во Франціи. Старовольскій пишетъ: «Всѣ деньги у насъ уходятъ на заграничныя вина, сахаръ и паштеты, а для защиты отечества и выкупа плѣнныхъ у насъ нѣтъ денегъ».

Не желая или не умѣя заниматься хозяйствомъ въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ и въ тоже время заботясь объ умноженіи доходовъ, паны отдавали свои помѣстья въ аренду съ уступкой всѣхъ принадлежавшихъ имъ правъ и обязанностей. Переуступка владѣній казалась имъ очень выгодною, однако она не уменьшила, а напротивъ увеличила зло. Новыми арендаторами на Руси чаще всего являются евреи. Чтобы удовлетворить ненасытнаго пана, а вмѣстѣ съ тѣмъ наполнить и собственный карманъ, еврей придумывалъ такія подати, о которыхъ страшно и подумать. Правда панъ могъ казнить смертью еврея арендатора безъ всякой отвѣтственности передъ судомъ, но зато передавалъ ему всѣ свои права, въ томъ числѣ и право меча, т. е. смертной казни надъ подданными. Еврей арендаторъ носилъ при боку мечъ для отличія отъ невооруженнаго беззащитнаго люда и въ знакъ того, что могъ каждаго казнить смертью за ослушаніе, за дерзкое слово или просто по подозрѣнію.

Жизнь и имущество крестьянина, его жена и дѣти были въ полной власти арендатора. Поэтому ничто такъ сильно не тяготѣло надъ русскимъ народомъ, ничто такъ не оскорбляло его, какъ власть евреевъ.

Чѣмъ болѣе, путемъ козацкихъ войнъ съ мусульманами, гарантировалась экономическая безопасность панскихъ имѣній, тѣмъ сильнѣе тѣснила шляхта мѣщанъ и сельскій людъ различными податьми и налогами. Отправлялся-ли панъ на сеймъ, на свадьбу, или на отпустъ, подданные облагались какою-нибудь новою податью. Случается у пана семейная радость—свадьба или крестины, а подданнымъ бѣда,—они обязаны нести *поздравленіе:* купцы несли матеріи, рѣзники—мясо, шинкари—напитки, крестьяне—свои дары. Большую изобрѣтательность въ смыслѣ поборовъ обнаруживаютъ паны, старосты, державцы и евреи арендаторы, устанавливаютъ чинши, «ставщину», роговое, выгонное, десятину отъ воловъ, лошадей, свиней, овецъ и пчелъ, очковое, долю съ помолу на мельницѣ, плату съ жерноповъ, наконецъ такъ называемыя дудки, о которыхъ ниже, дань хлѣбомъ, сборъ каплуновъ, куръ и яицъ по нѣсколько разъ въ годъ. Крестьяне не имѣли права варить для себя напитки и покупать все необходимое иначе, какъ у арендатора.

Шляхта управлялась, какъ хотѣла и умѣла, но отъ ея управленія мало пользы было народу. Большинство пановъ не заботилось о томъ, что дѣлалось за ихъ спиною; обогащались они сами, полупаики и арендаторы, не наживался только народъ, надъ которымъ сверхъ того глумились и насмѣхались. Тѣ, кто не могъ стерпѣть воеводской, старостинской или жидовско-панской неволи, изъ селъ, мѣстечекъ и городовъ уходили въ дикія степи и заселяли ихъ. Такъ являлись жители, колонизовавшіе Украйну. Однихъ гнала неволя, другихъ привлекали плодородныя земли и большая свобода. Колонизаторы пустынной территоріи, эксплуатируя такое положеніе дѣлъ, приманивали къ себѣ бѣглецовъ обѣщаніемъ льготъ.

Такимъ образомъ Украйна раздѣлилась на подчиненную панамъ и свободную, съ козацкой, или простонародной общинной юрисдикціей; эту послѣднюю и считали пустынной и раздавали панамъ. Что-же касается дикихъ степей за днѣпровскими порогами, это была территорія безплодная, часто опустошаемая саранчою, удаленная отъ людскихъ поселеній, и человѣкъ здѣсь обрекался на

голодную смерть. Только нѣкоторыя мѣста, представлявшіяся рѣдкими оазисами роскошной растительности, изобиловали рыбой и дичью, и для того, чтобы войско могло стоять лагеремъ въ этихъ степяхъ, отряды его должны были заниматься рыбной ловлей и охотой.

Удаляться за днѣпровскіе пороги значило обрекать себя на большія лишенія, поэтому козакъ и бѣдность, козакъ и нищета были родственныя понятія, и пограничнымъ жителямъ Украйны и Запорожья казалось, что для нихъ уже не можетъ быть другихъ тягостей, кромѣ бѣдности и грозившихъ на каждомъ шагу опасностей; но случилось иначе.

Поляки еще раньше подавили общинное право въ другихъ провинціяхъ и теперь, овладѣвши почти цѣлой Украйной, они не хотѣли оставить ее такою, какъ она была, а задумали сдѣлать изъ нея другую Польшу въ смыслѣ преобладанія польскаго права надъ русскимъ. Однако введеніе польскаго права встрѣтило здѣсь препятствія: большимъ искушеніемъ для народа украинскаго было добываніе свободы; у него передъ глазами было свободное сословіе, сложившееся изъ его братьевъ, по сосѣдству лежали днѣпровскіе острова, куда можно было бѣжать отъ тяжкой неволи; наконецъ близость татаръ пріучила къ оружію украинскій народъ, и сами паны не могли запретить крестьянамъ носить оружіе. Въ силу того въ русскомъ народѣ поддерживался бойкій военный духъ, несогласный съ пригнетеннымъ положеніемъ, какое создалъ для него польскій строй.

Вотъ почему со времени Сигизмунда III сеймъ начинаетъ стѣснять козачество. Конституціею 1590 г. постановлено, что козаки будутъ находиться подъ властью короннаго гетмана, который назначаетъ имъ всю безъ исключенія старшину изъ шляхты. Ни полковники, ни сотники не имѣли права принимать кого либо въ козаки безъ согласія старшаго, или гетмана, у котораго долженъ храниться списокъ всѣхъ козаковъ. Съ цѣлью затруднить крестьянамъ и мѣщанамъ переходъ въ козачество, панамъ и старостамъ предписывалось зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не оставлялъ своего мѣста жительства и не уходилъ въ Сѣчь или въ степи. Строго запрещалось продавать крестьянамъ порохъ, селитру, оружіе и т. д. Непослушные и виновные въ нарушеніи закона подверга-

лись слѣдствію и смертной казни. Эти и подобныя постановленія не имѣли другихъ послѣдствій, кромѣ раздраженія и ожесточенія козаковъ, которыхъ силы постоянно увеличивались. Поэтому къ концу XVI в., когда на Руси экономическіе интересы взяли среди шляхты перевѣсъ надъ интересами защиты края, козаки все болѣе и болѣе обособляются отъ шляхты. Такимъ образомъ Русь раздѣляется на два враждебные лагеря,—одинъ распространяетъ польское право, другой защищаетъ право русское.

Введеніе безъ всякихъ видоизмѣненій польскаго права, уничтожавшаго козацкія привилегіи, должно было вызвать оппозицію свободнаго люда, и дѣйствительно вызвало тѣ бури, которыя долго опустошали Русь и Польшу.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ХУДОЖНИКЪ
КИРИЛЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛОВАЧЕВСКІЙ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1885 года исполнится 150-ая годовщина со дня рожденія художника К. И. Гловачевскаго, который слишкомъ 60 лѣтъ провелъ на службѣ въ академіи художествъ въ качествѣ наставника-воспитателя. Но не одно это обстоятельство заставляетъ насъ сообщить о немъ свѣдѣнія; свѣтлая личность, достойная глубокаго уваженія, какъ ниже увидитъ читатель, олицетворяется въ этомъ въ высшей степени гуманномъ человѣкѣ, по тогдашнему времени, и если слава и знаменитость дѣло не всякаго, то во всякомъ случаѣ, быть можетъ, ни къ кому изъ педагоговъ нашей академіи художествъ нельзя болѣе кстати примѣнить слѣдующій эпиграфъ:

«Si le sort ne nous a pas donné le talant pour être célèbre,
Il est presque toujours possible de faire un travail qui nous rend utiles».

Гловачевскій родился 27 мая 1735 года, въ городѣ Коронѣ, черниговской губерніи; отецъ его былъ священникомъ коронской соборной церкви, изъ дворянъ, предки котораго въ концѣ XV вѣка основали городокъ Коронъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ К. И. Гловачевскій былъ отправленъ для обученія въ кіевскую академію, единственное того времени учебное заведеніе въ Малороссіи. По праздникамъ Гловачевскій ходилъ въ церковь братскаго монастыря и, полюбивъ церковное пѣніе, часто, во время службы митрополита

Рафаила, пѣлъ на клиросѣ. Въ декабрѣ пріѣхалъ въ Кіевъ отправленный по высочайшему повелѣнію въ Малороссію для набора придворныхъ пѣвчихъ регентъ или, какъ тогда называли, «*уставщикъ*» Каченовскій, который, замѣтивъ хорошій голосъ Гловачевскаго, испыталъ его и, найдя вѣрный слухъ и способности къ музыкѣ, написалъ о немъ въ Петербургъ, вслѣдствіе чего приказано было императрицею Елисаветою привезть его въ столицу, куда онъ и прибылъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1748 года.

Находясь въ пѣвческомъ придворномъ хорѣ, Гловачевскій скоро обратилъ на себя вниманіе государыни, любившей музыку и обладавшей прекраснымъ голосомъ. Иногда императрица, разсказывалъ своимъ знакомымъ К. И., сама соизволяла пѣть въ хорѣ въ своихъ внутреннихъ комнатахъ; бывало, положивъ руку на плечо его, вторила она пѣнію Гловачевскаго, такъ какъ его голосъ очень нравился ей.

Вмѣстѣ съ Гловачевскимъ въ хорѣ находились Антонъ Павловичъ Лосенко, считающійся родоначальникомъ русской школы живописи, и Иванъ Семеновичъ Саблуковъ или Саблучокъ, портретистъ, рано умершій. При видѣ ихъ работъ въ Гловачевскомъ отозвалась его склонность къ рисованію, а голосъ его какъ-бы нарочно ослабѣлъ, и онъ началъ учиться съ ними у портретнаго мастера Ивана Аргунова, изъ крѣпостныхъ людей Шереметева, который учился за границею и былъ въ половинѣ XVIII в. очень извѣстенъ въ Петербургѣ.

Елисавета Петровна узнала о занятіяхъ Гловачевскаго, одобрила ихъ и всемилостивѣйше приказала ему по праздничнымъ днямъ представлять ей свои работы, при чемъ нерѣдко поощряла его особенными знаками монаршаго благоволенія. Такое отношеніе государыни объясняется тѣмъ, что въ то время она предполагала учредить уже академію художествъ; успѣхи Лосенка и Гловачевскаго естественно были ей пріятны. И дѣйствительно мы видимъ, что вскорѣ по переводѣ изъ московскаго университета студентовъ для опредѣленія въ открытую въ Петербургѣ академію художествъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1759 г. Лосенко, Саблуковъ и Гловачевскій опредѣлены, по именному ея величества повелѣнію, въ академіи подмастерьями живописи. Въ томъ-же году для надзора Гловачевскому были поручены ученики академіи, а вмѣстѣ

съ тѣмъ на него-же возложено и обученіе ихъ живописи. И это все было, когда ему исполнилось лишь 23 года. Въ спискѣ служащихъ лицъ при академіи, составленномъ въ 1761 году, мы встрѣчаемъ Гловачевскаго съ Саблуковымъ и Лосенка въ званіи академиковъ 3-го класса, получающихъ изъ кабинета жалованье по 178 рублей въ годъ. Уча живописи другихъ, Кириллъ Ивановичъ продолжалъ учиться и самъ и за успѣхи свои въ августѣ 1762 г. произведенъ былъ въ адъюнкты. Въ этомъ званіи Гловачевскій показанъ въ вѣдомости о состояніи академіи художествъ отъ 28-го января 1763 года (представленной президентомъ графомъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ при донесеніи въ сенатъ), получающимъ содержанія 300 рублей уже въ годъ.

Въ 1765 г. 7 іюля, въ присутствіи императрицы Екатерины II, послѣдовало торжественное открытіе академіи художествъ, или какъ тогда говорили, праздникъ *инаугураціи*, выполненный по церемоніалу, напечатанному и розданному посѣтителямъ съ медалями и жетонами. При этомъ торжествѣ Кириллъ Ивановичъ Гловачевскій получилъ золотую медаль изъ собственныхъ рукъ императрицы вмѣстѣ съ дипломомъ на званіе академика, такъ какъ адъюнкты были уничтожены новыми штатами. Въ это новое званіе онъ пожалованъ былъ 4 іюля 1765 года обыкновеннымъ собраніемъ господъ членовъ совѣта вмѣстѣ съ другими 7 лицами.

Въ томъ-же году, по опредѣленію академическаго совѣта, Кириллу Ивановичу Гловачевскому были ввѣрены: библіотека, казна и все подвижное имущество академіи. Сдѣлавшись по этимъ должностямъ дѣятельнымъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, хозяиномъ управляемыхъ имъ частей, Гловачевскій часто во время посѣщеній академіи государынею и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ сопровождалъ ихъ по классамъ и заламъ академическаго зданія. Цесаревичъ-же узналъ особенно Гловачевскаго, когда онъ былъ назначенъ отъ академіи депутатомъ, для поднесенія его высочеству трудовъ академіи, по случаю принятія наслѣдникомъ престола званія почетнаго любителя художествъ, при чемъ Кириллъ Ивановичъ говорилъ рѣчь отъ лица академіи.

Въ августѣ мѣсяцѣ того-же 1765 года утвержденъ инспекторомъ академіи былъ г. Кювилье, а Гловачевскому поручено оставаться при исполненіи другихъ своихъ обязанностей; въ 1766 году

сентября 4 дня, въ четырехъ-мѣсячномъ собраніи, «по предложеніи господина президента Ивана Ивановича Бецкаго, академикъ и казначей Кирилъ Ивановичъ Гловачевскій, который какъ добрымъ своимъ поведенъ и талантомъ въ живописи портретовъ, такъ и ревностною службою въ должности казначея и хранителя вещей художественныхъ въ академіи заслужилъ себѣ честь, общаго собранія согласіемъ произведенъ въ совѣтники академіи». И тѣмъ-же собраніемъ, согласно указанію президента, «за неимѣніемъ довольнаго числа въ совѣтѣ членовъ, чтобы въ текущихъ дѣлахъ остановки не было», общимъ согласіемъ собранія назначено подписывать и засѣдать въ совѣтѣ: Гроту, Гловачевскому, профессору анатоміи Пеккеру и инспектору Кювилье. Въ слѣдующемъ 1767 году Гловачевскому поручены были: а) обученіе портретнаго живописнаго класса и б) ревизія построенія академическаго зданія; въ томъ-же году онъ женился на крестницѣ императрицы Елисаветы Петровны Ѳедосіи Прохоровнѣ Гнѣвушевой; въ 1771 года совѣтомъ академіи избранъ единогласно въ инспекторы, въ должности котораго пробылъ съ небольшимъ два года, а по увольненіи отъ нея, оставленный членомъ академическаго совѣта, провелъ около десяти лѣтъ въ любимомъ занятіи исключительно живописью. Въ это время произвелъ онъ большую часть своихъ работъ, изъ которыхъ если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя заслужили извѣстность.

Въ 1777 году Гловачевскій поступилъ въ вѣдомство медицинской коллегіи рисовальнымъ учителемъ; но въ 1783 году призванъ былъ вновь къ принятію должности инспектора въ академіи, въ которой и оставался уже по смерть свою. Президентъ академіи художествъ Ив. Ив. Бецкій, призвавъ Гловачевскаго въ общее собраніе, предложилъ ему должность инспектора такою рѣчью: «Я и академія не находимъ, кому приличнѣе можно поручить воспитанниковъ, какъ вамъ; ибо вы имѣете всѣ качества достойнаго воспитателя. Живя безъ особенной должности и имѣя свободу заниматься художествомъ, вы можете быть полезны собственно для себя; но принявъ предлагаемое вамъ мѣсто, вы будете полезны для многихъ». Вступивъ въ исправленіе должности инспектора, Гловачевскій съ новою энергіею предался надзору за юношествомъ, которому принесъ громадную пользу. Говоря это, мы должны сказать, что виновницею удаленія его отъ академіи была коммисія разбора

счетовъ, которая раскрыла важныя злоупотребленія въ смыслѣ пользованія академическими капиталами для многихъ нуждъ чиновниковъ. Оказался также недочетъ казенныхъ денегъ и у казначея Гловачевскаго, хотя не по винѣ этого честнаго служаки. Призывъ же опять въ академію Гловачевскаго былъ вызванъ докладомъ академическаго совѣта, что порядокъ заведенный инспекторомъ Кювилье въ воспитательномъ училищѣ не можетъ продолжаться далѣе, что приходится или совсѣмъ закрыть его, или распустить французовъ-гувернеровъ, между которыми завелись и скандалезныя исторіи, и что дѣти воруютъ и пьянствуютъ «при бдительномъ надзорѣ воспитателей». Вотъ при какихъ горькихъ результатахъ президенту Бецкому пришлось призвать Гловачевскаго, а на сколько этотъ выборъ былъ удаченъ и цѣлесообразенъ, мы видимъ, что и у преемниковъ президента онъ пользовался тѣмъ-же уваженіемъ и расположеніемъ. Такъ при вступленіи въ должность графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина въ 1794 году, по смерти Бецкаго, Гловачевскій подалъ въ торжественномъ собраніи списки всѣхъ воспитанниковъ и учителей, съ описаніемъ порядка ученія, при чемъ нѣкоторыми изъ питомцевъ говорены были приличныя случаи сему рѣчи на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Въ заключеніе-же всего пропѣтъ былъ съ аккомпаниментомъ музыки гимнъ сочиненія бывшаго ученика академіи Скокова, стихи котораго сохранились въ печати (Спб. 1794 г. типографія корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ). Во всемъ этомъ конечно принималъ самое дѣятельное участіе Гловачевскій, затѣмъ слѣдующій президентъ графъ Гавріилъ Августовичъ Шуазель-Гуфье цѣнилъ тоже Кирилла Ивановича, чему служитъ доказательствомъ его представленіе совѣту отъ 16 сентября 1797 г. о выдачѣ Гловачевскому, «въ разсужденіе его усердія и ревностнаго исполненія возложенной на него должности 300 рублей», суммы весьма значительной для того времени. Съ новымъ президентомъ, графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Строгановымъ, смѣнившимъ вскорѣ Шуазеля, Гловачевскій находился также въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ: еще ранѣе занятія должности въ академіи графъ Строгановъ, по рекомендаціи Гловачевскаго, давалъ нѣкоторыя работы ученикамъ, за что дарилъ имъ деньги, которыя Гловачевскій представлялъ совѣту; напримѣръ въ собраніи 1797 г. ноября 17 опредѣлено: «подаренныя деньги 100 руб. графомъ уче-

нику 4-го возраста Ивану Мойсеевичу, записавъ въ приходъ въ настольной книгѣ, отдать надежнымъ людямъ на приращеніе до выпуску его изъ академіи». Наконецъ, уважая личность Кирилла Ивановича и цѣня его заслуги, графъ Строгановъ постоянно ходатайствовалъ о награжденіяхъ Гловачевскому; при немъ въ 1802 году онъ получилъ орденъ Владиміра 4 степени, весьма рѣдкое отличіе среди тогдашнихъ художниковъ; въ 1807 году получилъ онъ чинъ коллежскаго совѣтника, а въ 1811 году всемилостивѣйше награжденъ былъ пенсіономъ, съ обращеніемъ по смерти его, на жену и дочерей до выхода послѣднихъ въ замужество.

Государыни императрицы: Елисавета Алексѣевна и Марія Ѳеодоровна знали лично Гловачевскаго и во время посѣщеній академіи оказывали ему милостивое вниманіе, которое К. И. считалъ отличною наградою за свою необыкновенно-долговременную службу. Всѣ однако перечисленныя нами отличія не даютъ характеристики Гловачевскаго, какъ человѣка, почему мы для этого обратимся къ воспоминанію о немъ нашего извѣстнаго и маститаго профессора живописи и археолога Ѳедора Григорьевича Солнцева (род. 14 апрѣля 1801 г.), напечатанному въ его автобіографіи.

Гловачевскій одѣвался просто, но довольно оригинально: бѣлые шелковые чулки, башмаки съ пряжками, синее короткое исподнее платье, черный суконный камзолъ, синій вицъ-мундиръ съ стоячимъ воротникомъ, сверху красный плащъ съ бѣлыми кистями, на головѣ академическая фуражка. Регулярно, къ 5-ти часамъ утра, Кириллъ Ивановичъ былъ уже на ногахъ, приходилъ въ спальни и будилъ воспитанниковъ, говоря: «вставайте, вставайте! старикъ во сто лѣтъ васъ будитъ!».

Затѣмъ онъ приводилъ воспитанниковъ на утреннюю молитву, и если очередной хорошо прочитывалъ ее, то Кириллъ Ивановичъ обыкновенно самъ приносилъ ему завтракъ—кусокъ ситнаго хлѣба. Случалось иногда, что кто-нибудь изъ учителей опаздывалъ или вовсе не приходилъ въ классъ. Чтобы ученики не шалили, Гловачевскій приносилъ книгу или газету, заставлялъ кого нибудь читать, а прочіе должны были слушать; впрочемъ чаще Кириллъ Ивановичъ разсказывалъ про старинное житье-бытье, что обыкновенно очень нравилось воспитанникамъ, а позднѣе, при президентѣ А. Н. Оленинѣ, въ рекреаціонномъ залѣ, на столѣ, были пришпилены

нѣкоторые изъ журналовъ; приходя въ залъ, Кириллъ Ивановичъ предлагалъ воспитанникамъ, не желаетъ-ли кто изъ нихъ почитать вслухъ, и если такой находился, то старикъ чрезвычайно былъ доволенъ, особенно если и другіе добровольно приходили слушать чтеніе. Гловачевскій давалъ также ученикамъ читать разныя книги, преимущественно классическія, какъ Иліаду, Одиссею, Энеиду, Овидіевы превращенія—все это разумѣется, въ русскихъ переводахъ; отечественные писатели тоже не были забыты: читали Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова и др.

Почтенный инспекторъ обращалъ особенное вниманіе на художественное развитіе воспитанниковъ. У него было заведено соревнованіе между ними, такъ что каждый старался отличиться другъ передъ другомъ. Кто получалъ большую медаль, инспекторъ обыкновенно поздравлялъ съ такою наградою; но съ малою медалью не считалъ нужнымъ поздравлять. Бывало, получишь серебряную медаль, онъ напьетъ петлицы и потихоньку скажетъ: «я тебя не считаю медалистомъ; ты нашали, я петлицы-то спорю, а въ слѣдующую трсть ты опять получи, тогда и будешь настоящій медалистъ».

Къ празднику Р. Х. Кириллъ Ивановичъ заставлялъ учениковъ писать картины на бумагѣ; кто ничего не выставлялъ, онъ называлъ того «шелопаемъ», единственнымъ браннымъ словомъ, которое позволялъ себѣ почтенный инспекторъ. На свѣтлый праздникъ желающіе изъ воспитанниковъ могли писать транспаранты по указанію Гловачевскаго.

У каждаго воспитанника было по особой маленькой иконѣ; всѣ иконы помѣщались въ спальнѣ на стѣнѣ въ одномъ изъ простѣнковъ. Къ вербному воскресенью и въ Духовъ день инспекторъ требовалъ, чтобы ученики дѣлали для своихъ иконъ какое нибудь украшеніе, въ родѣ вѣнка, цвѣтнаго убора для люстры и т. д.

Такія требованія и желанія его исполнялись воспитанниками, по большей части, охотно. Да и какъ было не исполнять ихъ? Добродушный старикъ всегда обращался съ ними мягко, ласково; дѣйствовалъ преимущественно внушеніемъ, убѣжденіемъ, выговоромъ, несмотря на то, что воспитанники, происходившіе изъ разныхъ сословій, были народъ довольно буйный.

Одинъ изъ помощниковъ инспектора, Теглевъ, былъ человѣкъ строгій, взыскательный и грубый въ обращеніи съ учениками.

Бывало, заслышитъ какой-нибудь шумъ у воспитанниковъ, прибѣжитъ къ нимъ и грозно крикнетъ:

— На что это похоже? Такъ дѣлаютъ только свиньи!

— А вы свинопасъ, раздается въ отвѣтъ ему на это привѣтствіе.

Бывали случаи, когда воспитанники выражали Теглеву свое неудовольствіе и болѣе грубо. Теглевъ часто жаловался Кириллу Ивановичу, говорилъ, что ученики кидаютъ въ него палками и кирпичами. На эти жалобы Кириллъ Ивановичъ обыкновенно отвѣчалъ:

— А какъ въ меня бросятъ, то я перескочу.

Разумѣется, въ него не кидали, и прыгать Кириллу Ивановичу не доводилось.

Случалось иногда, что почтенный инспекторъ вынужденъ былъ прибѣгать къ розгамъ, какъ къ средству исправленія строптивыхъ и лѣнивыхъ воспитанниковъ; при этомъ онъ незамѣтно уводилъ виновнаго въ спальню и тамъ собственноручно отечески наказывалъ. Знаменитый художникъ Егоровъ, будучи воспитанникомъ, считался отчаяннымъ лѣнтяемъ; рисованіемъ онъ занимался очень плохо, а о другихъ предметахъ и говорить нечего. Однажды въ церкви Егоровъ начертилъ на своей ладони священника, который служилъ обѣдню, и началъ показывать этотъ рисунокъ близъ стоявшимъ товарищамъ. А сзади стоялъ инспекторъ, котораго Егоровъ не замѣтилъ. Старикъ увидалъ рисунокъ и, обращаясь къ Егорову, сказалъ:

— У, батинька! да у тебя талантъ есть!

По окончаніи обѣдни, Кириллъ Ивановичъ отвелъ Егорова въ спальню и наказалъ розгами: «не рисуй де въ церкви!» Послѣ этого лѣнь съ Егорова какъ рукой сняло.

Кириллъ Ивановичъ былъ образцомъ честности и воздержанія; пищу употреблялъ самую простую, вина никакого не пилъ; только три раза въ годъ, а именно въ день имянинъ жены своей, въ Рождество Христово и на Пасху выпивалъ по одной рюмкѣ чихирю. Всѣ воспитанники любили и уважали своего престарѣлаго инспектора. Поздним вечеромъ, когда по окончаніи дневныхъ занятій Кириллъ Ивановичъ отправлялся въ свою квартиру, помѣщавшуюся въ зданіи академіи, двое изъ учениковъ старшаго возраста всегда его провожали; онъ давалъ имъ по чашкѣ чаю, по сухарю и затѣмъ говорилъ: «прощайте, господа». Умеръ Кириллъ Ивановичъ

совершенно спокойно, безъ всякой болѣзни и страданія. Это было съ субботы на воскресенье. Вечеромъ онъ былъ въ спальняхъ, два ученика пошли, по обыкновенію, провожать его; онъ при нихъ завелъ часы, простился и легъ въ постель, а черезъ часъ прибѣжали сказать, что Кириллъ Ивановичъ приказалъ долго жить.

Умеръ Гловачевскій съ 27 на 28 число іюля мѣсяца 1823 г. 88 слишкомъ лѣтъ; 31 іюля его хоронили. Отпѣвали при собраніи всѣхъ воспитанниковъ въ академической церкви; питомцы вынесли его гробъ и провожали съ церемоніей до Смоленскаго кладбища. «День былъ жаркій, говоритъ В. И. Григоровичъ, стеченіе народа необыкновенное: президентъ академіи, художники и всѣ знавшіе Гловачевскаго почтили погребеніе его своимъ присутствіемъ. Слезы чувствительности невольно текли изъ глазъ, при воззрѣніи на маститыхъ, временемъ убѣленныхъ старцевъ членовъ академіи, съ чувствомъ нѣкоего благоговѣнія сопутствовавшихъ гробу бывшаго инспектора, наставника и втораго отца».

Гловачевскій имѣлъ несчастіе пережить многихъ своихъ дѣтей и въ томъ числѣ старшаго своего сына, который былъ уже въ чинѣ VI класса совѣтникомъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ нашего посольства въ Испаніи, гдѣ умеръ несчастнымъ образомъ въ Мадридѣ. Эта потеря, а равно и другія неменѣе важныя огорченія, которыя онъ имѣлъ въ послѣднее время, были причиной его смерти. Наконецъ намъ остается сказать, что Гловачевскій свою молодость провелъ въ кругу самыхъ интелигентныхъ современниковъ, какъ-то: Ломоносова, Хераскова, Княжнина; всѣ они были короткими его пріятелями, а Сумароковъ былъ его другомъ. Бесѣды съ ними развивали его способности, и благодаря ихъ обществу Гловачевскій обязанъ отличительными чертами своего характера, дѣлавшаго его изъ ряда вонъ выходящею личностью.

Изъ произведеній Кирилла Ивановича Гловачевскаго были извѣстны портреты: императрицы Екатерины Алексѣевны, Павла I въ молодости, фельдмаршала графа Захарова, графа Чернышева, фельдмаршала Миниха, графини Анны Родіоновны Чернышевой, а также графини Чернышевой, жены адмирала Ивана Григорьевича Чернышева, графа Петра Ивановича Шувалова, князя Григорія Григорьевича Орлова (находится въ академіи художествъ), Петра Ивановича Бакунина, директора театровъ Василія Ильича Биби-

кова, г-жи Швебе, грузинскаго князя Атара Егоровича Джапари, графа Аркадія Ивановича Моркова, Алексѣя Яковлевича Римскаго-Корсакова, Лосенка, Саблукова; списалъ онъ также портреты съ брата своего Ивана Ивановича Гловачевскаго, себя и супруги своей, съ актера Шумскаго (читаетъ Сенеку—гравировалъ П. Лапинъ въ 1769 г.), актеровъ Волкова и Дмитревскаго, жены Дмитревскаго, друга своего А. П. Сумарокова, 2-хъ дочерей его, актрисы Т. Михайловны Троепольской и 90-лѣтней старушки Поморской, славившейся приготовленіемъ особенныхъ конфектъ, которыя правились чрезвычайно при дворѣ. Послѣдній портретъ находили до того превосходно написаннымъ, что сравнивали оный даже со старухою Рембрандта. Черты-же Кирилла Ивановича Гловачевскаго сохранены для потомства кистью извѣстнаго художника Венеціанова, который написалъ его, окруженнаго воспитанниками всѣхъ возрастовъ, и за этотъ портретъ получилъ званіе академика. Кромѣ того существуетъ гравюра исполненная черной манерой Ухтомскимъ, на которой представленъ садъ академическій съ фасадомъ литейнаго зданія; ученики играютъ въ мячъ, а почтенный инспекторъ въ костюмѣ временъ Екатерины отдыхаетъ, сидя на скамейкѣ.

Сынъ Кирилла Ивановича—Александръ, ученикъ своего отца и Лосенка, занимался преимущественно миніатюрою, и въ академіи художествъ его работы есть миніатюрный портретъ Григорія Ивановича Угрюмова (1764 † 1823), писанный въ 1814 г., который считается единственнымъ изображеніемъ этого знаменитаго профессора.

И. Божеряновъ.

АВТОБІОГРАФІЯ
ЮЖНО-РУССКАГО СВЯЩЕННИКА 1-й ПОЛОВИНЫ XVIII СТ.

Подъ этимъ заглавіемъ мы помѣщаемъ рѣдкій по простотѣ замысла и изложенія, но необработанности и безграмотности языка, но богатый историческими вообще и въ частности бытовыми свѣдѣніями, южно-русскій письменный памятникъ половины XVIII ст. Авторъ помѣщаемой рукописи — простой, едва грамотный малорусскій священникъ первой половины прошлаго столѣтія, лѣвой стороны Днѣпра; тѣмъ болѣе удивительно, что въ умѣ его родилась мысль, выражаясь по нынѣшнему, пуститься въ писательство, «списать житіе и страданіе свое, на память дѣтямъ, внукамъ и всему потомству». Но этотъ фактъ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, на сколько распространенъ былъ въ Малороссіи того времени обычай писать діаріуши, лѣтописи, дневники, автобіографія и другихъ формъ записки. Обычай этотъ восходитъ къ XVI в., проходитъ чрезъ весь XVII вѣкъ и въ XVIII ст., проникая до низшихъ почти слоевъ, ясно говоритъ объ извѣстной умственной высотѣ и развитіи южно-русскаго общества тѣхъ временъ. Если въ началѣ 2-й четверти прошлаго столѣтія совсѣмъ неграмотный полковой асаулъ Михайло Мовчанъ, съ помощію посторонняго писца, ведетъ свою записную книгу, которую продолжаютъ его наслѣдники [1]), то въ началѣ 2-й половины того-же столѣтія «въ память потомству» пишетъ свое житіе простой іерей Илія Турчиновскій, столь-же мало владѣвшій языкомъ, какъ и перомъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Къ сожалѣнію, его автобіографія не дошла до насъ сполна и обрывается на самомъ оригинальномъ эпизодѣ тѣхъ его страданій, въ которыхъ едва-ли не самъ онъ былъ виновенъ болѣе всѣхъ его враговъ. Передадимъ въ кратцѣ главныя черты его скитальческой жизни и столкновеній, закончившихся весьма печальной катастрофой, послѣдній исходъ которой намъ неизвѣстенъ.

---

[1]) См. янв. кн. «Кіевской Старины» 1885 г., стр. 60.

Родился о. Илія въ м. Березани, въ 12-ти верстахъ отъ г. Переяслава, полтавской губерніи. Отецъ его былъ сотникомъ березанскимъ и носилъ прозваніе Турчина, что указываетъ несомнѣнно на то, что самъ-ли онъ, или его отецъ былъ плѣнный турокъ. Слѣды восточнаго происхожденія сказались въ буйномъ и дикомъ нравѣ сына, тщательно скрывающаго эти черты въ своемъ разсказѣ. Природа надѣлила его хорошимъ голосомъ, и это опредѣлило его первоначальную профессію въ жизни, случайно разрѣшившуюся священствомъ, къ которому, какъ видно, авторъ «житія» не имѣлъ ни подготовки, ни призванія. Много лѣтъ провелъ онъ въ качествѣ вольнаго пѣвца и устроителя хоровъ, переходившаго съ мѣста на мѣсто.

Еще въ дѣтскомъ возрастѣ, подъучившись грамотѣ у мѣстнаго дьячка, Илія Турчиновскій былъ отданъ родителями въ Кіевъ для продолженія ученія; но обучаясь здѣсь въ низшихъ классахъ академіи, онъ состоялъ канонархомъ въ кіево-михайловскомъ монастырѣ. Въ шведскую войну, когда отецъ Иліи выступилъ въ походъ, мать взяла сына изъ Кіева для завѣдыванія хозяйствомъ; но хозяйничалъ онъ такъ плохо, что отецъ, по возвращеніи изъ похода, кромѣ укоризны, не «мало приложилъ ему и ранъ». Именно это обстоятельство толкнуло его изъ дому родительскаго «по школамъ волочитись и для повиданія больше свѣту». Скитальчество съ цѣлію пріобрѣтенія знаній и опредѣленія занятій было тогда обыкновеннымъ явленіемъ, и мы видимъ автора «житія» въ этомъ положеніи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, которыхъ онъ съ точностію не опредѣляетъ: изъ Синявки онъ переходитъ въ Могилевъ, оттуда въ Шкловъ, Гомель, Черниговъ и наконецъ въ Переяславъ. Жизнь его за эту пору полна самыхъ разнообразныхъ приключеній, которыя онъ изображаетъ съ словоохотливостію простаго человѣка того времени; но именно благодаря этой словоохотливости автора, въ его незатѣйливомъ разсказѣ проскальзываютъ весьма интересныя свѣдѣнія объ условіяхъ тогдашняго обученія, о положеніи православія въ Бѣлоруссіи, объ устроеніи хоровъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, о разыгранномъ имъ діалогѣ съ интермедіею, привлекшемъ все мѣстное населеніе мелкаго города Шклова и вызванной этимъ обстоятельствомъ жизненной бурѣ и проч. Служба Иліи Турчиновскаго въ званіи регента хора переяславскаго архіерея доставляетъ ему наконецъ священство въ родной Березани, а вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось-бы, покойную и обезпеченную жизнь.

Но не таковы были нравъ и характеръ Иліи Турчиновскаго, не такова была его подготовка къ священству, чтобы онъ могъ спокойно жить на предоставленномъ ему мѣстѣ. Слухи о его похожденіяхъ въ Бѣлоруссіи доходили вѣроятно до Березани, ибо протестъ противъ назначенія его на березанскій приходъ явился какъ до посвященія его, такъ и въ самый день рукоположенія. Главною противницею его въ этомъ дѣлѣ была вдова полковника Думитрашка, которую онъ и считалъ виновницею всѣхъ постигшихъ его потомъ бѣдствій. Она преслѣдовала его всякими способами, пока наконецъ съ помощію своего сына, учившагося за границей и став-

шаго сотникомъ въ Березани, не угодила его подъ судъ. Обвинялся о. Илія въ томъ, что вымогалъ отъ прихожанъ высокую плату за требы и многихъ изъ нихъ билъ, что не далъ причастья полковницѣ Думитрашчихѣ, ходилъ на медвѣдей, билъ волковъ и зайцевъ ловилъ, но отягчили участь его продерзостныя рѣчи его противъ архіерея и консисторіи. Его судили и по совокупности всѣхъ преступленій, не смотря на ходатайство двухъ членовъ синода, испрошенное имъ чрезъ своего сына, служившаго въ Петербургѣ, опредѣлили, лишивъ прихода и права священнослуженія, заточить на три мѣсяца въ монастырь на тяжкія работы въ оковахъ; но кромѣ того, по письму Румянцева къ переяславскому архіерею, ему дано еще сто плетей за какое-то буйство во время ареста, которое онъ называетъ взятіемъ «служебной колодницы съ цѣпью», но которое вѣроятно состояло въ разбитіи арестанскихъ кандаловъ. Въ разсказѣ о. Иліи, хотя и замаскированномъ, живо выступаетъ во всей суровой своей обстановкѣ строгій судъ церковный того времени. Сокрушенный имъ іерей, по видимому, повинился и обѣщалъ удовлетворить обиженныхъ имъ прихожанъ, но, по доставкѣ на мѣсто съ нарочно посланными изъ консисторіи, отказался исполнить свое обѣщаніе. Посланные снова заковали его въ кандалы для доставки въ каѳедру, но, угощенные сотникомъ, на обратномъ пути въ ночную пору опрокинулись въ ровъ, гдѣ и остались отъ сильнаго опьяненія. Испуганныя лошади понесли по полямъ скованнаго о. Илію... Но на этомъ и обрывается разсказъ въ его автографѣ, обязательно сообщенномъ намъ старѣйшимъ нашимъ этнографомъ, уважаемымъ П. А. Лукашевичемъ. Конецъ автографа очевидно оторванъ и затерялся, но читавшій его первоначальный владѣтель рукописи передавалъ Платону Акизовичу, что о. Илія освободился отъ суда, возстановленъ въ священствѣ и послѣ новыхъ и долгихъ злоключеній умеръ въ глубокой старости, хотя и на другомъ уже приходѣ.

Самый автографъ представляетъ собою небольшую книжечку въ 16-ю долю листа сѣрой бумаги въ бумажной обклейкѣ, писанную непривычною къ письму рукою, очень плохими, теперь совершенно уже выцвѣтшими чернилами. Пунктуація и вообще правописаніе таковы, что во многихъ мѣстахъ совершенно затемняютъ смыслъ рѣчи. Для облегченія читателей мы ввели современную пунктуацію, сообразно теченію рѣчи, а въ орѳографіи прибавили твердый знакъ, отсутствующій въ подлинникѣ. Особенность правописанія подлинника заключается въ употребленіи повсюду *и* вм. *ы* и *и* вм. *і*, что въ большей части и нами удержано. Языкъ подлинника нельзя назвать ни народнымъ, ни книжнымъ; онъ приближается къ канцелярскому языку того времени, при очевидномъ вліяніи русскаго языка и съ значительною наклонностію къ славянизму, весьма понятною въ авторѣ-священникѣ. Объединить мелкія бытовыя черты, разбросанныя въ разсказѣ, не возможно; онѣ даются только чтеніемъ подлинника, котораго текстъ за симъ приводимъ.

Списася мною многогрешнимъ, Ілиєю Турчиновскимъ, священникомъ и намѣстникомъ Березанскимъ, житіе и страданіе свое въ память дѣтямъ своимъ, и внукамъ, и всему потомству.

Азъ многогрешный Ілия рожденъ отъ благочестивыхъ родителей, въ городку Березанѣ въ ҂ахс (1695) року, іюля к дня, отъ отца Михаила, сотника березанскаго, и матки Анны Садковсковны; воспитанъ во благомъ наказаніи. Приспѣвшу возрасту моему, вдаша мя родителіе мои книжному ученію при церкви святоуспенской березанской, за священника и намѣстника тоей церкви Павла, и къ дяку Іоану Кудинскому, где я обучилѣся граматики, часловця и ѱалтири; и когда въ болший возрастъ достигшу ми, отець мой, отходя въ походъ военний, въ 1699 году, въ Полщу (где и въ Ляховичахъ полкъ увесь переяславский съ полковникомъ Мировичемъ шведи чрезъ змѣну гетмана Мазепи взято), мнѣ приказалъ править господарствомъ; когда же отецъ мой въ походу съ-подъ Ляховичъ, отъ шведскихъ рукъ сохраненъ, самъ единъ (а сотня вся тамъ съ полкомъ пропала) пришелъ въ домъ, много мнѣ укоризни, зъ накладомъ немалихъ ранъ, за непорядокъ домовий наложилъ; чего я въ младихъ лѣтехъ не могѣлъ разумѣть.

Отъ того времени сталъ я сожалѣть о науцѣ своей, якую за господарствомъ позабилъ, и, оставля отца и матку, отийшолъ 1710 года изъ Березанѣ по школамъ волочитнеь. И шедши малий путь, достигъ града Чернѣгова и тамо при церкви Воздвиженія Господня малое время поживши, отийшолъ въ сотню, въ село Синявку, где черезъ годъ живши, тамъ, при церкви покровской, обучился книжного чтенія и пѣнія, ибо хочай и трудился чрезъ три года въ богоспасаемомъ градѣ Киеви, въ манастирѣ святомихайловскомъ, при игуменѣ Іоаникии Сенютовичи и при намѣснику Варсонуфии и уставнику Гедеонѣ, за капархистру лѣваго клироса, та й то еще на коштѣ онаго ігумена и до школъ латинскихъ началъ былъ, за ректора Прокоповича, а подирофесора Загурскаго, ходить; отъ якого ученія, за отсутствіемъ отца моего у войско противъ шведа подъ Стародубъ, где въ ҂ахн года король шведский въ Стародубѣ и вся армія его зимовала, маткою моею съ Киева взятъ и за домашнею суетою всего позабилъ. И въ той Синявцѣ обучившись, въ

сотника тамошнего Мандрики, за писара дворового былъ и сина его Петра Ваалтири обучалъ. И оттоль, для повиданія болѣе свѣта и ученія, пойшолъ зъ двома молодиками большими, Семеномъ и Иваномъ, въ Литовской Княженіе, въ королевский градъ Могилевъ. И шедши многимъ путемъ, пущею, двий два безъ людей, якіе молодики, видя въ мене деньги и одѣяніе не ветхое и уже надходящу вечеру, устремишася на мя не человѣческо, но аки звѣріе, хотя мене убить. Единъ тайно не малимъ древомъ хотѣлъ мене у главу уязвить, но Божіимъ защищеніемъ и Матере святой его защищенъ я отъ глави, но по книжкахъ, якіе на правомъ плечи мною несени били (ударилъ?), отъ котораго я бою упалъ о землю; и тамо мя лежащаго роздѣли изъ одѣянія и деньги, якіе при мнѣ были, изъ одѣяніемъ побрали. И чиняху, стоя, надо мною сваду: единъ Іоанъ желаетъ мене убить у смерть и заволокти зъ дороги внутрь пущи, а другий, Симеонъ, якоби милосердуя о мнѣ, совѣтъ подая свести мя далечайше зъ пути, и нага къ древу привязать на снѣденіе комарамъ, или звѣрямъ; но Божіею силою и заступленіемъ моей помощницы Матери Божей, ощутяся акибы отъ сна, не чувствуя и мало болѣзни, схватясь въ едной кошулѣ, ялся бѣгу обратно путемъ тимъ, отколь и шествовали. И бежа съ немалимъ риданіемъ, молилъ Матерь Божію, да избавитъ меня отъ тихъ лютихъ Диоклитіяновъ, и голосно кричалъ о ратунокъ; то оніе убійци, бѣжа за мною, аки звѣріе за агнцемъ, не малий путь; и яко оніе тѣломъ толсти, итому же и пяни, не могли постигти и кричали голосно, даби я остановился, изъ немалою клятвою крестнимъ знаменіемъ утверждая не убить мене, но йти купно къ Могилеву, зъ обѣщаніемъ мнѣ все плаття возвратить. Якой я отъ нихъ клятвѣ явъ вѣру, оградилъ себе крестнимъ знаменіемъ и, прочитавъ *Богородице Дѣво, радуйся* и возложася на помощь и заступленіе Матери Божей, пришолъ до оныхъ. Якіе оба яша мя въ руцѣ и о землю вдариша, скрежетаху на мя зуби своими и связаша ми руцѣ и ноге, покушахуся нести мя внутрь пустиня и тамо мя смерти предать. Видя я остатное свое окончаніе и лютую смерть, лежа, сказывалъ онимъ: „та коли клятва ваша и крестное знаменіе въ правдѣ остается, усушнѣтесь и убойтесь Бога. За что вы мене желаете убить? И сами за убійство не избегнете лютѣйшей муки, и здѣсь, и на второмъ пришествіи. А буде желаете денегъ и платя

моего, я вамъ вовся дарую, и нѣкому сей тайны не явлю". То оніе, полстившись деньгамъ и устрашая мя убійствомъ, ежели би кому обявилъ, развязали ми руцѣ и нозѣ и отдаша мнѣ одѣяніе и книжки съ торбою, якіе отъ срогаго вѣдару вполъ-дощечки поламались, а деньги рублей десять къ себѣ взяли. И тако изъ оними злосниками яхомся въ путь свой. И дойшли ночу до села, къ границѣ полской, маетности печерскаго монастира, зовемаго Попова Гора. Въ якой жіючий городничий, єромонахъ Ѳеодосий, усмотря мене въ церкви въ пѣнію и чтенію искусна, сказалъ дячку того села, чтобы мя принялъ до половини дяковской: и потому мя и принято. Чему я и радъ былъ избыть своихъ враговъ; но они, когда очувствовали мое отъ нихъ отлученіе, весьма опечалились и скрежеща на мя зубами, пожелали тамъ бить, но дякъ той школы не допустилъ и пошедши до городничого, объявилъ, а я зъ оними много водился и тимъ часомъ служителѣ нашедши, отняли мя и оныхъ изъ школы выгнали. Но оніе, умысля на мя злоковарніе вымысли, пришли до сотника копнанейского, который на тотъ часъ въ томъ селѣ Поповой Горѣ стояли на квартирахъ и полкъ Чаусниковъ, и обявили, якобы я отъ нихъ отъ села Синявки уговорился, ежели доведутъ мене до Могилева, тамъ бы оними покупить по пари суконь; да и еще сказывали ложно, что де онъ, изъ нами идучи, не маліе обиди дячкамъ подѣлалъ по школамъ, и якъ котрый его дякъ не приметъ по его нравъ, то розками безъ пощади обобъетъ ночу и пойдетъ, а у инихъ книжки позабиралъ, и тако намъ обратно ити невозможно; якіе де книжки и деньги и нинѣ въ него имѣются. То оний сотникъ, на тотъ часъ будучий въ корчми зъ своими козаками, прислалъ пяти копнанейцовъ, и оніе взявъ мене насилне изъ школи и приведше предъ сотника, и плаття и книжки позабирали. Оній же сотникъ, не испрося мя, отъ якой страни и ковго рода, но повелѣлъ изняти изъ мене кунтушъ и кафтанъ и отдать моимъ зломышленникамъ, а книжки шинкарцѣ отдалъ за цеберъ меду, ибо не худіе книжки били. И осталіе деньги, якіе отъ тихъ десяти рублей остались, что онимъ я злочинцямъ отдалъ, еще два рубля оніе отъ мене отибрали, где я тилко въ единой рубашци стоя предъ ними, въ немаломъ ридании слези испущалъ; и прочіе мои ручники, хусти, кошулѣ, пояси на проной шинкарцѣ вручили. Но я, стоя, серцемъ ко Господу Богу

и Матери Божей, возводя очеса свои, молился тайно, прося избавленія отъ такой напасти и разоренія, и воспоминая свой отходъ отъ отца и матки тайный. И уже сотникъ, и козаки, и мои враги Семенъ и Иванъ, за мои книжки и протчее накупленнаго меду напившись, приказали спѣвать предъ собою изъ оными моими врагами: то и мене принуждали; еднакъ я, хочай и покушался спѣвать, но за обліяніемъ слезъ не моглъ и гласу отвести. Гдѣ минѣ оний сотникъ приказалъ у двѣ колодѣ древляніе ноги забить: який крикъ и шумъ единъ атаманъ конпанѣйскій, лежа пянъ за пѣчу, ощутилъ и всталъ, сказуя: „что де то у васъ за шумъ и пѣніе?" Оний же сотникъ отвѣтствовалъ на тое ему атаману: „иди де за столъ, да пий медъ, намъ де злодѣя сіи молодики привели". Який атаманъ, уже не младъ собою, седя близъ сотника, сказывалъ: „где тотъ злодей?" То сотникъ повелѣлъ мя съ подъ караула изъ сѣней привести въ двохъ колодахъ и въ едной кошулѣ. И приведоша мя предъ того атамана, який много мене присмотревалъ у очи и спитуя: „отъ якой ты де страни? чуть де ты мнѣ не по знаку". То я зъ немалыми слезами отвѣтствовалъ: „я полѣку переяславскаго, изъ городка Березанѣ". И оний атаманъ сказивалъ: „не ты ли Михайла Турчина, сотника сынъ?" То я отъ той радости мало весь плачу не удавился и мало просилъ воды напитись. И оный атаманъ сталъ сотнику и козакамъ говорить: „вы де и сами вѣсѣ въ дому его отца були, и пили и ѣли, когда шествіе было государя перваго Петѣра Алексѣевича въ 710 году подъ Прутъ, и онъ де насъ по повеленію отца своего частовалъ и правіянтъ, який намъ изъ сотнѣ належалъ, видавалъ на сутки и записовалъ; почему онъ, сотникъ, примѣтилъ мя, что тако есть". И началъ я подробне оному сотнику и атаману сказывать, что оніе мои злочинцѣ изъ села Синявки добровольне зо мною пошли и что въ пути отъ нихъ мнѣ приключалось, подробне росказалъ. И тогда онъ сотникъ и атаманъ повелѣли клади изъ моихъ ногъ розбить, да на моихъ суностатовъ, Семена и Івана наложить и до другого дни въ немаломъ заключеніи содерживать. И совлекши мою одежду со оныхъ, мнѣ отдали, и весь имущество мое бѣдное и деньги отъ нихъ отибрали и что они били взяли, возвратили; что же цеберъ меду выпили, зъ моихъ денегъ заплатили; мене же онъ сотникъ взялъ на свою квартиру. По утру же, свѣтающу, онъ сотникъ, всѣмъ ата-

манамъ сошедшимся, судили моихъ клеветниковъ и когда велѣли бить безъ пощадѣнія, то оніе всему своему злому дѣлу повинились: якихъ, еще приваливши бою, повелѣли козакамъ изъ села за границю, за рѣчку Сновку, въ польскую область выгнать и тамъ на границѣ немаліе раны наложить и, обидравши до кошуль, отпустить. Что и учинилось. Мене же онъ сотникъ, по совѣту атамановъ и козаковъ, принялъ за писара (ибо онихъ писарь во отлючцѣ былъ въ комисіи польской), где и квартеру мнѣ опредѣленно. Будучи же въ него немалое число въ правленіѣ писарскомъ, понудило мя первое желаніе отийти въ Полщу, въ Могилевъ, для обученія языка латинскаго и провидѣнія по свѣту людскаго обхожденія. И упросилъ я сотника и атамановъ конпанѣйскихъ, чтобы мя отпустили, отъ якихъ и отпущенъ. За Божіею же помощію и Божіей Матере, тогожъ времени прилучившемуся купцю зъ Могилева града Іоану Ронѣ, який изъ Стародуба везлъ желѣзо, и за упрошеніемъ моимъ онаго купца, взятъ и при возахъ его дошедъ града Могилева, який стоитъ надъ рѣкою Днѣпромъ, и отъ него Іоана Ронѣ залѣченъ въ школу при церкви святопокровской на Подолѣ; гдѣ и преозимѣлъ. По веснѣ, упрошеніемъ того же Іоана Ронѣ, принятъ до школъ латинскихъ язовитскихъ; и тамъ случалось ходить до церкви благочестивой Преображенія Господня, где домъ архіерейскій при той церкви. И ходя на клиросъ, услышано отъ покойного архиерея Силивейстра Четвертинскаго мое пѣніе, и къ ему призванъ. Оній же епископъ испросился: „коея вѣры, и отъ якой страны и жительства, и гдѣ мое пребываніе?“ Оному епископу явилъ я свою вѣру и жительство, якое выше сего написанно и гдѣ нынѣ пребываю. Оній же епископъ требовалъ мене съ прошеніемъ, чтобы я въ должность пѣвческую къ нему присталъ, зъ обѣщаніемъ награжденія, къ чему я охотне издался. И когда къ чину пѣвческому сталъ обучатись; то уже мене ксензи до школъ и не пустили, сказуя, что ти де сизматикъ, що у сизматиковъ жіешъ. Но когда обучился чрезъ годъ и разсмотривъ искуство партесное, то единаго времени на Свѣтлое Воскресеніе на всенощной спѣваючи канонъ на хорахъ, реентъ, по единому его на мене гонительству, что за его пянство уже былъ отдаленъ отъ капелѣи, а мнѣ поручено, якобы за невыходъ концерта за дишкантами, пихнулъ мя изъ хоръ чрезъ желѣзные баляси. Где я изъ

хорѣ на долѣ летѣлѣ вишенѣ у пяти человѣкѣ, и ежели бы не потрапилѣ на женскія главы, то бы о камѣнь мармуръ разбился. И многимъ женамъ повреждени были главы, а единой старусѣ и вся глава сломилась, якая у три дни и умерла. Мене же Господь и Матиръ Божая сохранила невредима. Онъ жъ ренгѣ, убоясь, бежалъ изъ хорѣ и поддался на римскую релѣю, но не малимъ коварствомъ зъ римскими пѣвчими старался, якъ бы мене увѣчить, ктому жъ еще согласился съ тими моими врагами, Семеномъ и Іваномъ, кои предъ сего мене желали убить, но ихъ зъ села, Поповой Горы, бивши плетми, вигнали за границю, а теперѣ въ Могилеви въ драгунскій полкѣ при замѣку записались, якіе посля вскори православную церковѣ викрали, и оныхъ повѣшано.

Бѣгая того зла, по прошенію случившихся въ Могилеви мѣщанъ изъ города Шклова, просился я отъ епископа могилевскаго отпуску, обявля ему своихъ гонителей, який и отпустилъ мя зъ немалою жалостію. И съ тими купцами Іаномъ Мазуровичемъ да Михайломъ Косебуцькимъ, имѣя изъ собою двохъ пѣвчихъ, пойшолъ я въ городѣ Шкловѣ въ монастирѣ Благовѣщенія Господня, въ якомъ монастирѣ игуменъ Ѳеодосій изъ братіею приняли меня зъ охотою, зъ награженіемъ за содержаніе пѣвчихъ талярей десять битихъ, кромѣ дохода, ибо тотъ монастирѣ имѣетъ приходѣ,—всѣ благочестивіе къ тому монастиру скланяются, где и тотъ городъ стоитъ надъ рѣкою Днѣпромъ. И тамъ я чрезъ четири года при томъ монастири былъ ректомъ и отъ оныхъ мѣщанъ, такъ и отъ игумена имѣлъ довольствіе. Но и тамъ врагъ, искатель мнѣ зла и гоненія, завидя моему добру, воста на мя. Прилучившіися зъ Кіева два студенти, желали у Орши или въ Могилеви ходить до школъ, но неприняти за тимъ, что благочестивіе. Съ ними я потрудился, и на Свѣтлое Воскресеніе выправили діаліозъ зъ интермедіею. На якій многолюдствіе благочестивихъ собралось, и римлянъ, и самихъ езовитовѣ, и доменѣканъ, и жидовъ. И всѣ тому удивлялись, яко тамъ, въ тихъ краяхъ, той вещи не видали. Не малую себѣ римляне болѣзнь и безчестіе приявши, умыслили, яко бы мя вигнать изъ города Шклова: просили губернатора, чтобы мнѣ на ихъ празники приходить въ клянторѣ доменѣканскій до аргановѣ и съ пѣвчими своими спѣвать. Хочай же и былъ присилокѣ отъ гу-

бернатора, то я много отказывался, яко намъ благочестивимъ въ римскій кляшторъ неприлично входить, да и правила святыхъ отецъ возбраняютъ. Но и паче оніе римляне опечалились и паславши одной нощи въ монастирь на споварню, яко бы нечаянно, зъ лихтарнями, арганеста зъ драгунами замковими, и начали бить всѣхъ пѣвчихъ и тихъ студентовъ, а мене съ чулана витягши, безъмилосердие били и шаблями рубили, где главу мою у двохъ мѣсцехъ до мозгу прорубали, и несли мене у Днѣпръ рѣку утопить. Но я, мало ощутився, просилъ онаго арганести, яко онъ исперва добръ былъ ко мнѣ, помилованія: якій объявилъ мнѣ, что посланъ отъ замку убить мене и у Днѣпръ уволокти. Однакъ Божія помощь и Матерь Божія заступиста мя: случившіеся того града мѣщане ѣхали въ городи зъ крамами и наѣхавъ на тое, отняли мене и мало въ живыхъ унесли у споварню и объявили игумену. Отъ якого я порубанія много страдалъ и все свое имущество врачемъ раздалъ; но ничтоже не успѣлъ бы, ежелибы не одина вдова, женщина Евдокія Мащиха, излѣчила: ибо оніе римляне, ощутивши, якіе врачи до мене ходять (яко тамъ болѣе жидовъ не имѣется нѣкого), намовляли, чтоби мя умертвить. Когда жъ я отъ той старухи уврачеванъ и сталъ по прежнему спѣвать, то извѣщенно мнѣ отъ добрихъ пріятелей, что хотятъ мене, въ нощи напавши, извязать и воскори у Днѣпръ укинуть. Я, видя и тамъ гоненіе и что уже укритись отъ паништаковъ невозможно, а случилось такимъ же способомъ, въ ночное время въ одномъ мѣсцу того арганесту самого застать въ шинку, то тамъ зъ своими пѣвчими такожъ ему отреванѣжевалъ кіями и шаблями, и забравши всѣхъ пѣвчихъ, дубомъ по рѣкѣ Днѣпру пустился внизъ.

О такой моей тайнѣ игуменъ и мѣщане извѣстни были и много обо мнѣ сожалѣли, тилько что сила римская, а на благочестіе гоненіе. И той нощи уплыли миль десять. И приплывши свѣтомъ къ городу, стоящему надъ Днѣпромъ, Гомлю, тамъ препочили дний два. И паки ящася плаванія. И отъ Гомля, когда тамъ же судное плаваніе возъимѣли, то въ одиномъ мѣсцю, принознясь, случаемъ напгали судно на древо, якое въ рѣцѣ отъ брега отвалилось, и тамъ всѣ шесть насъ человѣкъ изъ судна вывернулись. И такъ само судно внизъ Днѣпра пошло, а имущество наше, якое было, все затонуло, мы же хранителемъ

Божіимъ за лозы похватались, яко поблизу берега имѣли плаваніе, и много, гласомъ немалимъ, искали ратунку. Где почувши рыбалки наехали насъ и побрали у свои лотки. И тилько съ тимъ остались платьемъ, въ якомъ выпали изъ судна. И онями рыбалками вывезеныи на брегъ, где и огнь отъ нихъ распаленъ ради огрѣтія и обсушенія отъ воды. И оттоль, преночевавши, въ пущи пѣшимъ путемъ немалый часъ шедши, доспѣли къ Лоєву городку, а послѣ до Рѣпокъ, и тамъ прецочивши мало, дошли до города Черниѣгова, и тамо премедля, яшася и паки въ путь. Уже со мною были четири тилько пѣвчіе, а два въ Черниѣгови къ архіерею Радіону Жураковскому пристали.

И дошедше до городка Седнева, тамъ задержану упрошеніемъ господина обозного генеральнаго Якова Лизогуба—при его церкви остатись за дячка изъ содержаніемъ пѣвчихъ. Видя я себе отъ потопленія и при мнѣ будучихъ пѣвчихъ весьма оскудныхъ на одѣваніе, принужденъ остатись. Въ ономъ Седневѣ жилъ я чрезъ годъ: и мало приодѣвшись, оттоль отийшолъ, поблагодаря, и оставилъ при господину еще двохъ пѣвчихъ, а зо мною єдинъ хлопець Іоанъ. И шедши дний не мало, достигъ до своего пристанища отческаго, и засталъ еще въ живыхъ отца и матку, и всѣхъ братий и сестеръ, и дѣда своего Стефана (якій уже живши купно зъ нами лѣтъ сто и тридцать и умре). Въ дому мало поживши, принятъ въ пѣвчіе въ катедру переясловскую къ преосвященному Кириллу Шумлянскому за рейнта. И тамо годъ виживши, изволеніемъ Божиимъ и за благословеніемъ родителей своихъ, въ 1718 году женился, февраля остатныхъ чиселъ, на дочери бывшаго сотника березанскаго Михайла Пилипенка, Анастасіѣ.

По отходѣ, того жъ года марта первыхъ чиселъ, отцеви моему въ походъ царичанскій за обозного полкового, на тотъ часъ будучему гетманомъ наказнымъ господину Сулимѣ Іоану, хоружому генеральному, то я въ небытность отца моего, по умертвіи намѣсника березанскаго, Андрея Покоры, тымъ же архиеремъ Шумлянскимъ за заслуги мои пѣвческія, въ 1718 году въ ноябри 3-мъ числѣ, въ городку Березанѣ до храму Успенія Богоматери въ священника рукоположенъ. Еще въ тую пору въ Березанѣ єдна церковъ была, где со времени моего произвожденія много бѣдъ и гоненій отъ Забѣлови Дмитрацихи претерпѣлъ невыдаваніемъ презентовъ, но за выданіемъ отъ атамана Іоана Зуя съ

козаками презента, принятъ я и рукоположенъ. Якая изъ ярости того же дни прислала до архіерея Шумлянскаго съ писменнымъ прошеніемъ, якобы я недостойнъ священства, а недостойнства неякаго не показала: то оное письмо Павло Греско того жъ дни идучему архіерею изъ церкви, въ якой я и рукоположенъ, подалъ. Якое письмо архіерей, когда вшедши по обычаю въ столовой розибранъ съ мантіи, велѣлъ при старшинѣ полковой, якіе въ то время пригодились, писарю Савичу читать. И по вычитаню онаго письма, призвавши онаго Греска предъ себе и сказывалъ: „Объяви де панюй своюй, что она нехай знаетъ хлопа, а описконъ попа; а когда не похощетъ его Турчиновского въ руку цѣловать, то нехай где инде поцѣлуетъ". И тако отправленъ. И отъ тоге времени не малыя отъ ней Дмитращихи и сына ея Василія, хочай въ тую пору и младъ былъ, гоненіе и поруганіе претерпѣвалъ и во время моего прихода, по обычаю, зъ молитвою и въ празники съ крестомъ, немалое поруганіе и выгнаніе изъ дому ея принималъ. А всегда, бывало, лестію мя хотяще уловить, призывая въ домъ свой, питіемъ изнуряетъ, чимъ бы въ словахъ уловить и обезчестить; но я, силою Божескою и Матере Божіей, невредимъ отхожду. Видя оная Дмитращиха, что я не преодолѣванъ состою, на одину обиду якобы мою устроила въ 1719 году церковъ другую на Заричи, съ помоществованіемъ прихожанъ, святого Архангела Михайла, якая въ годъ сострона и освящена покойными протопопами Григоріемъ Максимовичемъ да Павломъ Доброницкимъ. И стала (Дмитращиха) до того прихода рефероватись, а вмѣсто ея дому домъ отца моего къ моему приходу опредѣленъ. Къ якой церкви приданъ священикъ Кирилло; но оная Дмитращиха и тимъ священикомъ вознегодовавши, почала искать духовныхъ себѣ по своей похоти: и во время святыя четыредесятницы для исповѣди отъѣхала въ село Семеновку и тамъ въ священика Григорія исповѣдалась, а до моей успенской церкви пришла, чтобы Святыхъ Тайнъ сподобитись. Якую я видя пренебрегательку чина священическаго, послалъ пономаря Михайла, чтобы оная Дмитращиха съ церкви выступила и ѣхала бы туда причащатись, где исповѣдалася, якая принуждена ѣхать въ церковъ Михайловскую и тамъ сподобилась Святыхъ Тайнъ отъ Кирилла священика: ибо и указъ отъ архіерея Шумлянскаго во всю епархію былъ, чтобы священики не своихъ при-

хожанъ не приймали на духъ и начей Святыхъ Тайнъ не сподобляли. То отъ того времени и начей немалою яростію наполнилась: начала гонить мене явно и тайно, насылая своихъ подданныхъ пьяныхъ на мой домъ, бранячи и на пути, и въ церкви, а я все снисходительными вещми сохранялся. Единяго же времени, зъ ярости, будучому въ доми ея полковнику Василію Танскому, много непотребностей приключила мнѣ наговоркою. Який, призвавши мя въ домъ ея предъ себе, бранилъ, порываясь бить мене; но я и оттоль безбѣдно, оправдая себе, отийшолъ. А уже когда синъ си Василій, будучий въ тое время во училищахъ въ Шленску и въ Прагѣ, вучась, отъ Праги въ Петербурхъ дойшолъ и тамъ въ архіерея Лопатинскаго учителемъ при домѣ его сталъ; то уже я отъ оной Дмитращихи весьма билъ поруганъ и гонимъ, съ похвалками оттогнать мене отъ парафіи изъ Березанѣ. Когда же синъ ей пришедъ съ Петербурга, то уже незносніе мнѣ обиды и козакамъ сталъ приключать. А когда въ 1740 году сотникомъ березанскимъ сталъ; то и тоже гоненіе на мя востало: съ немалымъ угроженіемъ козакамъ и мужикамъ приказывалъ, чтобы у мене нѣхто не наймался работать, хотя уморить мя гладомъ и хладомъ. На остатокъ тогожъ 1740 г. мои покупленніи тая, поля, тако жъ и въ козаковъ, неправедными слѣдствіемъ сотникомъ бубновскимъ Василіемъ Савичемъ, да Ирапивлянскимъ Михайломъ Кандибою, да Капцевичемъ канцеляристою поотнимано и ему сотнику Василію Дмитрашку отдано. Но еще не утолясь на томъ, въ 1746 году подалъ на меня доношеніе онъ, сотникъ Дмитрашко, епископу Никодиму, якобы я усиловне отъ прихожанъ за вѣнчаня и за сорокоуста бралъ, и за неданіе его матери причастія, и якобы я многихъ билъ, отъ якого бою и смерть приключилась, и самъ за волками, и за зайцями, и медвѣдями ѣзжу, и бью, и ловлю. По якому его челомъ битію прислано съ катедры слѣдственниковъ: ермонаха Евксентія, да попа петропавловскаго Гошкіевича, да канцеляристу Василя Козловскаго. Якіе, за прибытіемъ своимъ въ Березань, онымъ сотникомъ березанскимъ Василемъ Дмитрашкомъ подкупленіи и неправедно людей, козаковъ и мужиковъ допрашивали безъ присяги. Къ тому-же онъ сотникъ всѣхъ устрашалъ боемъ, ежелибы кто за мною правду говорилъ, да къ тому-же и отъ епископа Никодима не-малая посяжка была и того ради ни малѣйшаго оправданія вслѣдствіи отъ мене не

принимано, а болѣе ни за что, яко сынъ мой Алексѣй, будучи въ Петербурѣ изъ Алексѣемъ Малиновскимъ, для свиданья зъ сыномъ же моимъ Андреемъ, кой былъ въ службѣ въ тое время въ Петербурѣ, у Воронцова графа, испросили у членовъ сунодальныхъ архіепископа московскаго Платона Малиновскаго, да архіепископа псковскаго Симона Тодорскаго письма къ Никодиму, чтобы мя въ обиду сотнику Дмитрашку не попускалъ. Якій архіерей Никодимъ не только сотнику не возбранилъ, но самъ, согласясь изъ сотникомъ, гонителемъ былъ. И по окончаніи слѣдствія, за поданіемъ его Дмитрашка доношенія, чтобы до окончанія дѣла лишили мене священства и намѣсничества, тогожъ выше писанного года, сентября 14 числа, велѣно мнѣ указомъ явитись для выслушанія дѣла въ консисторію. Но когда я явился; то тоже сентября 19 дня велѣно всѣмъ священникамъ градскимъ переясловскимъ съ причетниками въ консисторію сходитись, а когда сошлись, то при соборне, и при мнѣ, и ему Дмитрашку, приговоръ лишили мене священства, и прихода, и намѣсничества вовся, и въ кого взималъ за вѣнчанья и за сорокоустное поминаніе, мнѣ козакакамъ и его подданнымъ деньги возвращать; за битье медвѣдя и волковъ и ловленія зайцовъ въ заточеніе сослать на дванадцать недѣль въ ссылку, за неданіе-же матери сотника Дмитрашка причастія уплатить девятидесять и пять рублей безчестія. Все тое за то, что я во время слѣдствія сказалъ: буди де консисторія праведно не осудитъ, то небесная консисторія праведно осудить, онъ архіерей приключилъ. А что я взялъ былъ съ канцеляріи колодницу свою служебну, березанскую, и уже за тое, по жалобѣ отъ его Дмитрашка до Румянцева (якій тогда гетманствомъ правилъ), Румянцевъ писалъ къ архіерею Берлу, и за то я былъ штрафованъ, что взялъ самоправне (колодницу) съ цепью, то и ще, по его доносу сотника, якобы за тое (присуждено) дать мнѣ плетей сто вдаровъ. Где и приказанно воловикамъ держать мене; но я, не даясь держать, объявилъ въ консисторіи: „буди не видержу, то въ тую пору держать". И такъ, скилько оніе мордерцѣ били плетьми, я все читалъ: „*Отче нашъ*" да „*Богородице Дѣво,*" и тако Божіею помощію и Матери Божіей и малѣйшей болѣзни не ощущалъ. А когда я всталъ, то повелѣно мене заковать въ немаліе желѣза и залютовать вовся, безъ замковъ, и въ хлѣбню посадить, и тамъ

полѣна рубать и дѣжу мисить, и всякое послушаніе работать. А после того же сентября 29 въ ссылку въ монастиръ горскій Золотоноскій сосланъ въ желѣзахъ зъ подданнымъ коробовскимъ Василемъ Лепскимъ, якій за привозъ въ горку изъ плечей остатную зъ мене реверенду зналъ. И тамъ я въ черной работѣ три мѣсяца, въ завѣдованіи игумена Дорофея Лебедевича, въ немалой нуждѣ страдалъ, еднакъ Божіею силою и Матери Божіей былъ подкрѣпленъ. Зъ якой ссылки уже ноября 30 числа велѣно указомъ у желѣзахъ и паки въ катедру представить; где за представленіемъ моимъ подавалъ самому архіерею Никодиму доношеніе, чтобы мои, непринятыя въ слѣдствіи, оправданія въ консисторіи принято и разсматривано было бы, и мене помилованобъ. Якій архіерей оніе мои оправданіе и доношеніе, три дни держа въ себе безъ помѣты и безъ резолюціи, мнѣ чрезъ писаря Иринарха отдалъ; а когда уже декабря 10 расковали изъ желѣзъ, приказали ѣхать въ домъ, чтобы матери сотниковой, якобы за безчестіе, такъ и козакамъ и мужикамъ за взятіе за вѣнчаня и поминовенія, не выключая того, что викарію, дьячку, панамару давано, все до остатка отъ мене-бы было награждено, и для того и послано изо мною и съ катедры єромонаха Мелетія, да канцеляристу Василія Козловского. Якіе много принуждали мя, чтобы я матери его Дмитрашка, такъ козакамъ и мужикамъ уплатилъ; но я, видя оный въ консисторіи неправедный приговоръ, ни мало не повинился. Якіе и паки заковавши въ желѣза и положа на драбинчастій возъ, приказали дьячку Ивану Даниленку, да дьячку михайловскому Григорію везти мене въ катедру. Якіе когда попились въ его Дмитрашка Василя, и ночью везя мя въ Чирской, у великій ровъ изъ возомъ упали, и тамъ сами остались пьяни, мене-же лошади, когда спужась, стали по ролямъ оранымъ носить; но я, видя...

КЪ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Собранія писемъ Достоевскаго и Тургенева, умершихъ какъ-бы вчера, служатъ свидѣтельствомъ того, какую важность стали давать въ послѣдніе годы частной перепискѣ крупныхъ писателей. Въ европейской и русской литературахъ она получила нынѣ почти значеніе литературныхъ памятниковъ. Заключая въ себѣ отзывы и мысли, касающіеся всего, на что наталкивала жизнь, вводя въ интимный міръ писателя, письма, эти неназначенныя къ печати бесѣды, справедливо признаны важнѣйшимъ біографическимъ подспорьемъ. Нельзя не выразить большого сожалѣнія о томъ, что не существуетъ до сихъ поръ хронологически изданной переписки Шевченка. Его писемъ разновременно напечатано было не мало; но разные періоды жизни поэта представлены въ нихъ чрезвычайно неравномѣрно, и эти пробѣлы, при дальнѣйшихъ поискахъ, могли-бы быть еще значительно пополнены, а главное—получилась-бы та цѣльность впечатлѣнія, которая такъ важна при изученіи всякаго большого писателя и такъ значительна въ особенности, когда дѣло идетъ о поэтѣ столь искреннемъ, какимъ былъ Шевченко. Нѣсколько сообщаемыхъ ниже писемъ и записокъ его къ Михаилу Александровичу и Марьѣ Васильевнѣ Максимовичамъ должны примкнуть къ этому будущему собранію, скорѣйшаго появленія котораго вмѣстѣ съ нами пожелаютъ, конечно, весьма многіе.

Ничто такъ не случайно, какъ судьба писемъ. Съ этой истиной можно согласиться, забывши даже о почтовыхъ порядкахъ. Такъ какъ сохраненіе писемъ обусловливается или особенной аккуратностью или счастливой случайностью, двумя вещами равно рѣдкими, то неудиви-

тельно, что и писемъ, даже людей выдающихся, сберегается немного. Переписка обитателя Михайловой горы съ Тарасомъ Григорьевичемъ въ этомъ случаѣ не составляетъ исключенія. Нѣсколько писемъ Максимовича къ Шевченку мы напечатали въ прошломъ году («Кіевск. Стар.» 1884 г., № 4, стр. 644), другія помѣстилъ въ своей книгѣ г. Чалый. Письма Шевченка, предоставленныя намъ теперь, не служатъ на нихъ отвѣтомъ. Очевидно, и то и другое—только клочки переписки, бывшей болѣе дѣятельной и обильной.

Изъ Нижняго Новгорода, мѣста извѣстной, невольной столицы поэта при переѣздѣ его изъ ссылки въ Петербургъ, Шевченко посылаетъ Михаилу Алекс. три новыхъ стихотворенія («Доля», «Муза» и «Слава») и пишетъ нѣсколько взволнованныхъ, «оправдательныхъ» строкъ:

«*10 февраля 1858 г.* Друже мій единый! Яка оце тоби сорока брехуха на хвости принесла, що я тутъ ничого не роблю, тилько бенкетую. Брехня, ей-же Богу брехня! Ты й самъ таки подумай гарненько: хто-жъ насъ шануватыме, якъ мы самы себе не шануемъ? Я-жъ уже не хлопець нерозумный и одъ старости, слава Богу, ще не одуривъ, щобъ таке выроблять, якъ ты пишешъ. Плюнь, мій голубе сызый, на цю паскудну брехню и знай, колы мене неволя и горе не побороли, то самъ я не звалюся. А тоби велыке, превелыке спасыби за щырую любовъ твою, мій голубе сызый, мій друже едыный. Я ажъ заплакавъ на старость, якъ прочытавъ твое письмо, полное самои чыстои, некупленнои любови. Ще разъ спасыби тоби, мое сердце едынее!

Я пославъ тоби письмо харьковского директора. Тытяся цилуе тебе, якъ батька ридного [1]) и просыть, шобъ ты робывъ зъ нею, якъ Богъ тебе навчыть. На Вар—ва нема надіи. Дерево, та ще й дубове. Оставайся здоровъ, мій мылый друже. Незабаромъ прыбуду до тебе. А поки що, любы мене оклеветаннаго твоего щырого друга Т. Шевченка.

Хочъ ты и не веливъ, а я таки не втерпивъ, чмокнувъ сегодня разочокъ нашу любую Тытяею. Чмокны за мене гарненько благородного Сергѣя Тимофеевича [2]).

---

[1]) Рѣчь идетъ вѣроятно объ актрисѣ Піуновой, на которой въ то время Шевченко думалъ жениться, и о ея переходѣ на столичную сцену.

[2]) Аксакова.

Поэтъ «оправдывается» передъ своимъ другомъ очевидно противъ росказней тѣхъ непрошенныхъ и досужихъ моралистовъ, которые преслѣдовали его всю жизнь и не оставили и за гробомъ. Безупречные въ своемъ ничтожествѣ, не падавшіе сами никогда, потому что никто не давалъ себѣ труда ихъ толкать, они мѣряли на свой условный аршинъ каждый шагъ поэта и, глухіе сердцемъ къ его суровой долѣ, накидывались на каждую мелочь, сто разъ искупленную его тяжелымъ страданіемъ. Голоса такихъ господъ слышались при жизни и надъ гробомъ каждаго великаго поэта. Они желали-бы видѣть Данта—чиновникомъ, одинаково служащимъ во Флоренціи при всѣхъ политическихъ перемѣнахъ, Байрона, поэта страстей и тоски, «примѣрнымъ», окруженнымъ потомствомъ семьяниномъ...

Слыша эти елейные голоса и вспоминая жизнь поэта, испытываешь невольно жгучую грусть. Искреннѣе и болѣе прямодушно, чѣмъ золотушные моралисты, искалъ онъ истинной любви, привязанности, всего того, что даетъ семья; но не такъ сложилась его жизнь. Ушли молодые годы. Къ извѣстнымъ, кончавшимся неудачами поискамъ невѣсты относятся три письма поэта къ Марьѣ Вас. Максимовичъ. Вотъ они въ хронологическомъ порядкѣ:

«*С.-Петербургъ 22 ноября 1858 г.* Вельмы и вельмы шанобная и любая Марье Васыльевно! Спасыби вамъ, мое серце едынее, за ваше щыре ласкаве прывитання Я думавъ, що вы давно вже въ Москви сумуете, ажъ бачу, що вы теперъ по Мыхайловій гори похожаете, на сыни горы поглядаете, зъ Днипромъ розмовляете, та й мене сирому одынокого на чужыни не забуваете. Спасыбя вамъ ще разъ, мое серце едынее. Якъ-бы вы ще згадалы про те, що я просывъ васъ въ Москви, та заходылыся гарненько коло сего святого (дила), то це було-бъ такъ. А вы мабуть уже и забулы мою прозьбу? то отъ вамъ нагадаю. Я васъ просывъ, щобъ вы мене оженылы. Оженить, будьте ласкави! А то якъ вы не оженете, то й самъ Богъ не оженыть, такъ и пропаду бурлакою на чужыни. На те лито, якъ Богъ поможе, буду въ Кіеви и на Мыхайловій гори, а вы тамъ де небудь пидъ яворомъ, або пидъ вербою и поставьте мою заквичану княгыню, а я пиду погулять та й зосгрипу іи. Бачыте, якъ просто и гарно Зробить-же такъ, мое серце едынее, а я вамъ теперъ шлю, замисць парчового

очипка, мій невелычкій *Сонъ*, а литомъ прывезу величенну поэму, якъ зробыте по моему прошенію, а якъ-же ни—то ни».

Слѣдуетъ извѣстное, превосходное стихотвореніе «На панщыни пшеныцю жала...», отъ печатнаго текста отличающееся присутствіемъ въ срединѣ двухъ строкъ, впослѣдствіи уничтоженныхъ и дѣйствительно лишнихъ, и отсутствіемъ двухъ строкъ заключительныхъ, примиряющихъ и прибавленныхъ послѣ, при слухахъ про «волю». За текстомъ «Сна» приписка:

«Не здивуйте, якій удався. Не забудьте-жъ, моя голубко сызая, моей велыкои прозьбы и мене искреннего вашого Т. Шевченка».

Пять мѣсяцевъ спустя, поэтъ пишетъ изъ Петербурга тому-же лицу:

«*25 марта 1859 г.* Сегодня бувъ я у Александры Михайловны [1]). Вона мени показувала ваше послѣднее письмо до неи. Спасыби вамъ, мое серденько, що вы мене згадуете и не забуваете моеи прозьбы. Спасыби вамъ ще разъ и ще разъ. Якъ Богъ поможе мени до маія мисяця кончыть мои дила съ цензурою, то насыплю повну кышеню грошей, та й чкурну черезъ Москву прямо на Мыхайлову гору. Добре, дуже-бъ добре було, якъ-бы то воно такъ сталося, якъ гадаетця. Та вже нехай якъ буде, такъ и буде, а я хочъ безъ грошей прыдыбаю таки до васъ симъ литомъ, та якъ Богъ та вы поможете, то може й одружуся. Якъ-бы то такъ сталося, дуже добре було-бъ. Ажъ страхъ обисило вже мени бурлакуваты. На сей разъ посылаю вамъ свій патретъ, тилько вы его не показуйте моій молодій, а то злякаетця. Оставайтеся здорови, нехай вамъ Богъ поможе на все добре. Згадуйте иколы искренняго вашого Т. Шевченка».

«Передайте моій будущій молодій княгыни оцю невелычку и не весильну писеньку:

Якъ-бы мени черевыки,
То пишла-бъ я на музыки,
Горенько мое! и т. д. [2])

Отъ вамъ и друга невелычка:

Якъ-бы мени, мамо, намысто. . [3])

---

[1]) Кулишъ?

[2]) «Кобзарь», 1884 г., стр. 161. [3]) Ibid., таже страница.

Поздоровляю васъ зъ святымъ Великоднемъ!

Фотографъ збрехавъ, не прынисъ мени портрета. Нехай до другого разу. А на сей разъ скажите *їй*, що я лысый и сывоусый, то вона сердешна и такъ злякаетця.

Якъ буде ласка напысать до мене, то напышить усе гарненько и дрибненько, та й адрессуйте въ С.-Петербургъ, въ академію художествъ, такому-то, цебъ-то мени».

Поиски невѣсты, если они предпринимались г-жей Максимовичъ, успѣхомъ не увѣнчались. Тоже было и съ поисками другихъ лицъ и съ сватовствомъ самаго Шевченка. Въ первый разъ сватался онъ въ Нижнемъ Новгородѣ, на Піуновой. Ея артистическія способности заставляли поэта закрывать глаза на недостатокъ развитія. и идеализировать свою избранницу. Когда это сватовство разстроилось, любимой мечтой Тараса Григорьевича стало жениться на женщинѣ изъ той среды, изъ которой онъ вышелъ самъ, и притомъ на самой бѣдной, сиротѣ и крепачкѣ. Наймичка родственника его Варооломея Григорьевича Шевченка, сирота Харита, успѣла выйдти замужъ, пока велись переговоры о предполагаемомъ сватовствѣ. Позже женитьба Шевченка на горничной г. Макарова Лукерьи была очень близка къ осуществленію. Мало видѣвъ и зная ее, Тарасъ Григорьевичъ любилъ въ ней свой идеалъ женщины изъ народа, трогательной своей безпомощностью и силою чувства. Дѣйствительность, однако, скоро разочаровала его. Послѣднее изъ писемъ къ г-жѣ Максимовичъ относится къ тому времени, когда собственный выборъ поэта сдѣланъ еще не былъ и въ этихъ поискахъ онъ искалъ помощи друзей. Начинается это письмо, впрочемъ, разсказомъ о хлопотахъ совсѣмъ иного рода.

Спб. 10 маія 1859 г. Воистинну Хрисосъ Воскресе, мій любый, мій едыный друже! Спасыби вамъ, мое серденько, за вашее щырее, ласковее письмо. Въ той самый день, якъ я получывъ его, заходывся клопотать о паспорти, та й доси ще не знаю, чы дадуть мени его, чы ни. Перше въ столыцю не пускалы, а теперъ зъ ціеи с.... столыци не выпускають. Докы воны будуть згнущатысь надо мною? Я не знаю, що мени робыть и що почать? Утекты хиба ныщечкомъ до васъ та одружывшыся у васъ и заховатыця. Здастця, що я такъ и зроблю. До 15 маія ждатыму паспорта, а тамъ що буде, то нехай те и буде

А поки що буде, посылаю вамъ свій портретъ, тилько будьте ласкав не показуйте портреть дивчатамъ, а то воны злякаютця, подумають, що я гайдамацкый батько, та ни одна и замижъ не пійде за такого палыводу. А тимъ часомъ одний, найкращій скажить тыхенько, щобъ рушныкы дбала, та щобъ на своему огороди гарбузивъ не сажала. Такъ щожъ, позычыть, якъ на своему не посадыть. О! бодай такои сусиды одцуралысь!

Оставайтесь здоровы, мій любый, мій едыный друже! Въ мае, або въ іюни побачимось, а поки що, де набачите, що гарбузы посажени, то такъ съ корнкемъ и вырывайте. Искренный вашъ Т. Шевченко».

Лѣтомъ 1859 года Тарасъ Григорьевичъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Малороссію и въ іюлѣ гостилъ у М. А. Максимовича. Въ тотъ-же пріѣздъ выбиралъ онъ на днѣпровскихъ берегахъ мѣсто своей будущей усадьбы. Но жить по сосѣдству съ Михайловой горой ему не было суждено. На томъ мѣстѣ, гдѣ думалось жить, онъ успокоился на вѣки и вмѣсто веселой хаты, на Днѣпровой кручѣ выросла черезъ два года высокая Тарасова могила.

КЪ ИСТОРІИ
ПОГРАНИЧНЫХЪ НАШИХЪ СНОШЕНІЙ СЪ КРЫМСКИМЪ ХАНСТВОМЪ.

Путевой журналъ секундъ-маіора Матвѣя Миронова, въ командировку его къ крымскому хану, 1755 года.

Съ переходомъ запорожцевъ въ русское подданство въ 1733 г. явилась надобность въ частыхъ сношеніяхъ русскаго правительства съ крымскимъ ханомъ, по поводу непрерывныхъ пограничныхъ столкновеній и споровъ запорожцевъ съ татарами. Особаго уполномоченнаго отъ Россіи при ханскомъ дворѣ не было; сношенія поручались обыкновенно кіевскому генералъ-губернатору, въ качествѣ «главнаго пограничнаго командира», и велись при посредствѣ Запорожскаго Коша. Кромѣ улаженія пограничныхъ споровъ, правительство имѣло надобность въ развѣдкѣ о настроеніи хана относительно Россіи, которое служило всегда почти вѣрнымъ отраженіемъ настроенія грозной еще тогда Турціи. Письма къ хану отъ кіевскаго генералъ-губернатора препровождались обыкновенно чрезъ нарочнаго рейтара при особомъ ордерѣ къ кошевому атаману въ Запорожскую Сѣчь, откуда уже командировались для доставленія писемъ въ Бахчисарай нарочные, два-три человѣка изъ «надежныхъ, искусныхъ и татарскаго языка знающихъ» козаковъ, которымъ при этомъ поручалось секретно провѣдывать о разнаго рода «тамошнихъ обращеніяхъ». Козаки эти, по возвращеніи своемъ, представляли кошевому атаману «доѣздные репорты», копіи съ которыхъ и препровождались къ генералъ-губернатору при репортѣ кошеваго объ исполненіи порученія.

Но запорожцамъ въ свою очередь не всегда довѣряли и потому нерѣдко къ хану командировались и прямо изъ Кіева нарочные офицеры, которымъ также поручалось «секретное развѣдываніе» о крымскихъ дѣлахъ, и зачастую это развѣдываніе и бывало главнымъ предметомъ командировки, а письмо къ хану было только предлогомъ. Офицеры эти, по возвращеніи своемъ, представляли особый «журналъ», въ которомъ и давали обстоятельный отчетъ обо всемъ, что, по ихъ мнѣнію, было достойно вниманія и требовало донесенія.

У меня въ рукахъ находится пять такихъ журналовъ, относящихся къ 1750—55 годамъ. Журналы эти не представляютъ собою цѣльнаго историческаго интереса, касаясь мелкихъ отдѣльныхъ случаевъ и захватывая собою лишь самую незначительную часть нашихъ внѣшнихъ сношеній; тѣмъ не менѣе въ нихъ разбросано не мало цѣнныхъ историческихъ указаній и мелкихъ бытовыхъ чертъ и изданіе ихъ было-бы весьма полезно въ смыслѣ историческаго матеріала. Одинъ изъ такихъ «журналовъ» я предлагаю здѣсь вниманію любителей отечественной старины.

Секундъ-маіоръ Матвѣй Мироновъ командированъ былъ въ Крымъ въ августѣ мѣсяцѣ 1755 г. управлявшимъ тогда кіевскою губерніей и пограничными дѣлами вице-губернаторомъ Костюринымъ. Въ генварѣ этого года получено было извѣстіе о вступленіи на турецкій престолъ султана Османа, и это обстоятельство вызвало, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, усиленныя съ нашей стороны заботы о «соблюденіи сосѣдственной съ турецкою стороною дружбы и объ отвращеніи всего того, что-бы къ малѣйшему несогласію и ссорамъ съ турками поводъ подать могло». Всѣмъ пограничнымъ начальникимъ предписывалось, чтобы они «старались съ тамошней стороны обо всемъ, что происходить будетъ, вѣрныя вѣдомости чрезъ нарочныя посылки доставить». Въ виду-то этого указа, Костюринъ и командировалъ Миронова къ крымскому хану, съ цѣлію поздравить его со вступленіемъ на престолъ новаго султана и переговорить о нѣкоторыхъ пограничныхъ дѣлахъ, а при семъ удобномъ случаѣ и провѣдать о «тамошнихъ обращеніяхъ и воинскихъ пріуготовленіяхъ».

Въ очень длинномъ письмѣ своемъ къ хану, наполненномъ объясненіями по заявленнымъ съ крымской стороны на запорожцевъ претензіямъ, Костюринъ, между прочимъ, предлагалъ хану допустить къ себѣ въ Бахчисарай настоящаго русскаго резидента. «Когда-бъ

кто при вашей ханской свѣтлости, писалъ онъ, отъ россійской стороны ауторизованной человѣкъ безвыѣздно былъ, имѣя власть представлять и доносить, то конечно-бы всѣ оные жалобы сократились и послужилъ-бы къ поправленію всего случающагося и къ пріятному между нами сношенію, чего я искренне желателенъ, да и купечество-бъ съ обоихъ сторонъ въ случающихся между нами распряхъ по такому близкому порядку довольными находились и излишніе затѣвателствы и увеличиванія прекратились бы».

Въ данной Миронову инструкціи также предписывалось ему непремѣнно заговорить при свиданіи съ ханомъ «о учрежденіи при немъ съ россійской стороны какой ауторизованной персоны» и при этомъ примѣчать, какое на то отъ его ханской свѣтлости соизволеніе будетъ».

На путевые въ оба пути расходы выдано было Миронову 50 рублей.

Въ ордерѣ-же къ кошевому атаману отъ 11-го августа предписывалось: «выбравъ самыхъ лучшихъ и къ тому достойныхъ и вѣроятныхъ, доброконныхъ и оружныхъ, изъ запорожскихъ козаковъ трехъ человѣкъ, въ томъ числѣ одного за толмача, знающаго турецкой и татарской языкъ, отправить и снабдить сек.-м. Миронова тремя подводами немедленно».

Изъ «журнала» Миронова видно, что ханъ крайне неблагосклонно отнесся къ предложенію Костюрина относительно «ауторизованной персоны», что составляло одно изъ главныхъ порученій, данныхъ Миронову. Самый журналъ знакомитъ читателей и съ способами «развѣдыванія», и съ характеромъ нашихъ отношеній къ «пріятелямъ»-чужеземцамъ и нѣкоторыми другими подробностями, я-же считаю нужнымъ предварительно дать поясненіе лишь по двумъ пунктамъ этого журнала.

1) Подъ 23-мъ числомъ августа сек.-м. Мироновъ, говоря о встрѣчѣ своей съ нѣкіимъ Гарбузомъ, считаетъ нужнымъ заявить, что Гарбузъ этотъ ѣхалъ безъ «печатнаго билета» и что вообще «многіе, особливо запорожскіе козаки, по своеволству своему, у Никитинской заставы не являются и безъ печатныхъ билетовъ въ Крымъ за солью ѣздятъ». Дѣйствительно, незадолго передъ этимъ, правительствомъ русскимъ, которое, не довѣряя запорожцамъ, рѣшилось зорко наблюдать за ними, учреждены были по рѣкамъ Бугу

и Днѣпру особыя заставы, на которыхъ и выдавались всѣмъ, проѣзжавшимъ въ турецкую сторону, особые билеты. Съ этою цѣлью на Никитинскую заставу командированъ былъ, кромѣ караульной команды, переводчикъ Семеновъ, который весьма ревностно, помимо прямой своей обязанности, занимался «секретнымъ развѣдываніемъ заграничныхъ обращеній». Онъ не ладилъ ни съ запорожцами, ни съ караульнымъ офицеромъ и весьма часто писалъ въ кіевскую губернскую канцелярію реляціи, а къ Костюрину письма, въ которыхъ жаловался на то, что установленныя заставы то и дѣло обходятся запорожцами и малороссійскими купцами, а билеты не берутся.

2) Сообщеніе секундъ-маіора Миронова (подъ 1-мъ и 2-мъ числами сентября) объ укрывавшихся въ Крыму сообщникахъ Мазепы Мировичѣ и Нафимовскомъ возбудило, какъ это видно изъ имѣющагося у меня особаго дѣла, обширную переписку съ малороссійскими полковыми канцеляріями, которыя не могли однако добыть никакихъ свѣдѣній о томъ, «давно-ли оные Мировичъ и Нафимовскій и изъ которыхъ мѣстъ и какимъ случаемъ за границу бѣжали». Между тѣмъ русскія власти, очевидно, придавали большое значеніе этимъ бѣглецамъ и принимали энергическія мѣры къ развѣдыканію о томъ, «отъ помянутыхъ Мировича и Нафимовскаго изъ Бакцысарая или изъ Польши въ Сѣчь и въ Запороги къ кошевому и прочей старшинѣ и къ кому-нибудь, съ письмами или и безъ писемъ, не присылалъ-ли или собою не пріѣзжалъ-ли кто, и не имѣютъ-ли они чрезъ кого тайной пересылки за границу со означенными Мировичемъ и Нафимовскимъ».

Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ лицахъ получены были отъ упомянутаго выше переводчика Семенова, который въ октябрѣ мѣсяцѣ писалъ къ Костюрину: «Когда я посыланъ былъ сего 1755 г. весною въ Крымъ, видѣлъ сего Мировича и Нафимовскаго у церкви и спрашивалъ у архіерея тамошнего и волоского господаря у резидента, которой находится при ханѣ въ Бакцысараѣ для исправленія господарскихъ дѣлъ; и они мнѣ о нихъ акуратно объявили, что они съ Мазепою измѣнили и пріѣхали въ турки съ нимъ и съ свейскимъ королемъ, и тогда ему Мировичу съ прочими отъ Порты опредѣлено жалованья въ каждый день по два левка, т. е. по 1 р. 20 к., получать отъ крымского хана и жить въ Крыму; то онъ Мировичъ тогда немного жилъ въ Крыму и отлучился въ Польшу

и жилъ въ Польшѣ, а опредѣленное ему жалованье за отлучкою отъ хана не получалъ. А бывшій Мировичъ-же, которой былъ при россійской службѣ артилеріи порутчикомъ, потомъ ушедъ изъ Россіи, былъ при крымскомъ ханѣ переводчикомъ и прошедшаго 1753 году здохъ; а сему Федору Мировичу онъ былъ братъ родной меньшой. И услыша сей Федоръ Мировичъ, что братъ его умре, изъ Польши того жъ году пріѣхалъ за братскими пожитками и, раздѣля тѣ пожитки съ женою брата своего, а его невѣсткою, остался въ Крыму и беретъ опредѣленное ему тогда отъ Порты вышеписанное жалованье или кормовые деньги. А Федора Нафимовскаго онъ держитъ при себѣ на своемъ коштѣ. А отъ поляковъ они не присланы, развѣ поляки что ему пишутъ, ибо присылаемыя изъ Польши къ хану письма нынѣшній переводчикъ Есиръ-мехметъ съ нимъ Мировичемъ переводитъ: Мировичъ читая сказываетъ, а переводчикъ по турецки пишетъ. Но и предъ хана хожденіе его Мировича въ годъ раза три или четыре, и то постоя мало и пойдетъ; а чтобъ ханъ принималъ его въ такіе глубокіе совѣты, не слышно и не уповательно; только, какъ я вижу, сіе дѣло не иное что, только сплетни запорожскаго толмача». При этомъ Семеновъ, распространяясь о ненадежности запорожскихъ толмачей, совѣтовалъ употреблять «кіевскихъ толмачей». «Ко мнѣ изволите писать, прибавлялъ онъ, чтобъ сіе дѣло содержалъ я въ найвысшемъ секретѣ и охраненіи, а старшина запорожская тая вся знаетъ, понеже сіе дѣло толмачъ, пріѣхавши сюда въ Сѣчь, своему атаману сказалъ, а отъ него и всѣмъ объявлено». Поручикъ Шемаевъ, который ѣздилъ въ Крымъ для «развѣданія тамошнихъ обращеній» въ октябрѣ мѣсяцѣ 1752 года записалъ въ своемъ журналѣ, что видѣлъ «извѣстнаго Мировича» въ Бахчисараѣ на базарѣ и что «ханскій переводчикъ Али при разговорахъ ему порутчику упоминалъ, что де помянутой Мировичъ ни къ какимъ дѣламъ нынѣ отъ хана не употребляется, затѣмъ де, что пришелъ онъ Мировичъ отъ пребезмѣрного ежедневного пьянства въ меланхолію». Видѣлъ-ли онъ Ѳедора Мировича, или брата его Ивана,—неизвѣстно.

А. Андр.

Журналъ, содержанной кіевскаго гарнизона стародубскаго полку секундъ-маіоромъ Матвѣемъ Мироновымъ во время посылки его въ Крымъ до Бакцысарая къ хану крымскому Арсланъ-Гирею съ письмами, а что имъ секундъ-маіоромъ въ бытность его въ Бакцысараѣ и въ проѣздъ въ оба пути о тамошнихъ обращеніяхъ развѣдано и присмотрѣно, явствуетъ ниже.

Мѣсяцъ августъ.

21. По отправленіи изъ запорожской Сѣчи зъ данными ему секундъ-маіору отъ кошеваго атамана Федора Толстоногова въ конвой двумя козаками и зъ двумя подводчиками, въ томъ числѣ за толмача однимъ козакомъ, да съ отправленнымъ изъ кіевской губернской канцеляріи солдатомъ однимъ, да Бакцысарая зъ жителемъ грекомъ Ананіемъ, который былъ въ запорожской Сѣчи для купечества и къ россійской сторонѣ благосклоненъ, и прежде сего во всю бывшую съ татарами войну жилъ въ запорожской Сѣчи, а нынѣ жительство имѣетъ въ Бакцысараѣ и весьма ему секундъ-маіору знакомъ и вѣренъ,— и будучи при никитинской заставѣ и ночевали.

22. Отъ никитинской заставы, гдѣ чрезъ Днѣпръ переправились, а по перевозѣ на татарской сторонѣ усмотрѣно имъ, секундъ-маіоромъ, у Каменного Затону на татарской землѣ купеческимъ промысломъ торгуютъ запорожскіе козаки до 30 шалашей; а отъ Каменной Заставы не въ далномъ разстояніи оные-жъ запорожскіе козаки накосили въ урочищѣ Малой Цурки сѣна 5 скирдовъ. И отъ Каменной Заставы слѣдовали до р. Рогачика, гдѣ и ночевали.

23. Отъ р. Рогачика слѣдовали до р. Дурицкой, гдѣ и ночевали. Какъ слѣдуя отъ р. Рогачика до р. Дурицкой, наѣхалъ онъ секундъ-маіоръ на дорогѣ полтавскаго миргородскаго полку жителя Гарбуза, и данъ ему изъ сотенной полтавской канцеляріи пашпортъ за рукою той сотни атамана Ивана Миненка до запорожской Сѣчи, а не въ Крымъ, а печатного билета, гдѣ при никитинской заставѣ даются, не имѣетъ. Да и многіе, особливо запорожскіе козаки, по своеволству своему, у никитинской заставы не являются и безъ печатныхъ билетовъ въ Крымъ за солью ѣздятъ.

24. Отъ р. Дурицкой слѣдовали до колодезей и, не доѣзжая тѣхъ колодезей, вышеписанной грекъ Ананій остался на дорогѣ и ѣхалъ съ запорожскими козаками, которые ѣхали въ Крымъ за солью, чтобъ не подать въ Перекопѣ подозрѣнія,—гдѣ и ночевали.

25. Отъ колодезей въ Перекопъ прибыли и отведены были онъ секундъ-маіоръ и съ будучими при немъ, по приказу коймакама Феди-

эфендія, съ чаушемъ и толмачемъ ихъ армяниномъ Шаганомъ, на квартиру. И по пріѣздѣ на квартиру онъ секундъ-маіоръ толмачу ихъ объявилъ: можно-ли съ коймакамомъ видѣться персонально? Ибо напередъ сего оной коймакамъ къ себѣ въ квартиру посланныхъ изъ Кіева офицеровъ не допускалъ. На что оной толмачъ отвѣтствовалъ, что онъ о томъ ему коймакаму доложитъ.

Находящійся въ Перекопѣ запорожскій козакъ ирклѣевскаго куреня Максимъ Рудь, кой пріѣхалъ изъ запорожской Сѣчи для покупки соли, жаловался ему секундъ-маіору на крымскихъ чебановъ, что, не доѣзжая Перекопа верстъ съ пять у колодезей, хотѣлъ изъ тѣхъ колодезей воловъ напоить, то де напавъ на него безъ всякой причины, одинъ чебанъ гнался за нимъ съ ножомъ и ранилъ оного козака въ руку.

По полудни въ первомъ часу присланъ былъ къ нему секундъ-маіору коймакамскій толмачъ со объявленіемъ, дабы шелъ къ коймакаму въ квартиру, куда онъ, взявъ съ собою обиженного раненного козака, пошелъ. И по приходѣ въ квартиру, оной коймакамъ просилъ его сѣсть и сталъ вспрашивать, откуда слѣдуетъ, отъ кого и съ чѣмъ; на что секундъ-маіоръ коймакаму отвѣтствовалъ, что отправленъ изъ Кіева отъ его превосходительства, г. генералъ-маіора и кіевскаго губернскаго вице-губернатора Костюрина съ письмами къ его свѣтлости хану крымскому; и притомъ онъ секундъ-маіоръ дружелюбно просилъ его коймакама, чтобъ отправленъ былъ безъ умедленія, и требовалъ подводъ какъ подъ себя, такъ и подъ конвойныхъ козаковъ, и на то онъ коймакамъ объявилъ: что касается до отправленія, изволь де и сего числа слѣдовать, отправленіемъ не умедлю, а подводъ безъ ханского фермана дать не смѣетъ. А потомъ у секундъ-маіора онъ коймакамъ спрашивалъ о турецкомъ посланникѣ, гдѣ нынѣ находится, на что ему отвѣтствовано, что отъ всевысочайшаго ея императорскаго величества двора съ великимъ удовольствіемъ отпущенъ и слѣдуетъ на Кіевъ и надежно къ 14 числу сего августа въ Кіевъ прибудетъ.

Оной-же коймакамъ спрашивалъ у секундъ-маіора: не имѣетъ-ли Россія съ шведскимъ или прусскимъ королевствами войны? У насъ-бы все хорошо было и промежъ обоими высочайшими имперіями, россійскою и турецкою, дружба происходила, токмо мѣшаютъ сосѣдственную дружбу запорожскіе козаки: сколько ни было коммиссій, то никакого удовольствія обидящіе не получили. И на то отвѣтствовалъ секундъ-маіоръ: ни съ какимъ королевствомъ великороссійскіе войны не имѣютъ, но со всѣми сосѣдми имѣютъ покой и тишину; что-же мѣшаютъ дружбу запорожскіе козаки, кто изъ нихъ виненъ явится, то таковыхъ безъ штрафа не оставляютъ; а что-же по многимъ коммиссіямъ стороны татарской никакого удовольствія обиженные не получили, такожъ изъ россійской стороны обидящіе отъ татарской стороны удовольствія не получили, но предано молчанію со обоихъ сторонъ и не упоминается; жалуетесь вы

на запорожскихъ козаковъ, что чинятъ татарамъ обиды, но и съ татарской стороны запорожскимъ козакамъ татары болѣе обиды приключаютъ, какъ-то и нынѣ въ проѣздъ его секундъ-маіора въ Бакцысарай запорожскій козакъ приносилъ жалобу на татарскихъ чебановъ, что-де не доѣзжая Перекопа верстъ съ пять, хотѣлъ напоить воловъ изъ колодезя, и напалъ на него безъ всякой причины чебанъ и гнался за нимъ съ ножемъ и ранилъ того козака въ руку, которого при томъ для лучшаго свидѣтелства предъявлялъ и просилъ онъ секундъ-маіоръ оного коймакама по сосѣдственной дружбѣ учинить сатисфакцію и обидимого удоволствовать. И на то онъ коймакамъ ему секундъ-маіору объявилъ, что безъ сатисфакціи и безъ удоволствія обидимый оставленъ не будетъ. И по окончаніи вышеписанныхъ всѣхъ разговоровъ подносили ему секундъ-маіору кофе, а при коймакамѣ сидѣли старшина перекопская человѣкъ до 12, въ томъ числѣ и ляничарской ага. И съ тѣмъ онъ секундъ-маіоръ въ свою квартиру и отошелъ.

Въ Перекопѣ-же хлѣбъ, пшеница и ячмень, продается: пшеницы четверть по 1 р. 20 к., ячмень по 80 к.; да и во всемъ Крыму нынѣшнего лѣта хлѣбу былъ немалой урожай.

Того числа по полудни въ 4-мъ часу, по требованію его секундъ-маіора, прислалъ къ нему на квартиру отъ перекопскаго коймакама для препровожденія изъ Перекопа до Бакцысарая одинъ сеймень, и слѣдовали до Соленого озера, гдѣ и ночевали.

Нынѣшнего лѣта отъ многихъ дождей въ крымскихъ мѣстахъ соль по малому числу около береговъ родилась.

26. Отъ Соленого озера слѣдовали до села Бадыжа, гдѣ и ночевали.

27. А отъ села Бадыжа слѣдовали до г. Козлева, гдѣ и ночевали.

28. Отъ г. Козлева слѣдовали до Бакцысарая. И по пріѣздѣ къ Бакцысараю послалъ онъ секундъ-маіоръ данного въ Перекопѣ татарского провожатаго, да состоящего при немъ секундъ-маіорѣ за толмача запорожскаго козака Ивана Орловскаго къ ханскому визиру съ требованіемъ, куда позволятъ ему секундъ-маіору съ будучими при немъ ѣхать: отъ котораго приказано чрезъ оного провожатого отвесть ихъ, и отведены на квартиру.

29. По утру пришелъ къ нему секундъ-маіору ханскій переводчикъ Мегметъ и поздравлялъ съ прибытіемъ и спрашивалъ, откуда прибыли; и посидя нѣсколько времени, оной переводчикъ объявилъ секундъ-маіору: о прибытіи-де вашемъ его ханской свѣтлости донесъ; и съ тѣмъ съ квартиры отошелъ. А потомъ, спустя часа съ 4, оной-же переводчикъ пришелъ къ нему секундъ-маіору со объявленіемъ, дабы шелъ къ хану для поданія писемъ; но онъ секундъ-маіоръ ему переводчику объявилъ, чтобъ донесъ его ханской свѣтлости, чтобъ чрезъ

тотъ день позволилъ пробыть въ квартирѣ, для того, что еще зъ дороги здоровьемъ слабъ, а завтрешнего числа въ соизволенiи его ханской свѣтлости, какъ изволитъ приказать. И съ тѣмъ оной переводчикъ и отшелъ. А потомъ спусти часа съ два оной-же переводчикъ пришелъ къ нему секундъ-маiору и объявилъ: его-де ханская свѣтлость дозволилъ до завтрешнего числа пробыть въ квартирѣ. И сидѣлъ оной переводчикъ у него секундъ-маiора часа съ два и въ разговорахъ о себѣ объявилъ, какимъ образомъ по великороссiйски говорить, читать и писать научился: въ прошломъ-де 1737 г. взятъ онъ былъ въ Очаковѣ малолѣтнымъ осьми годовъ въ полонъ и былъ прежде у Андрея Феликa, а Феликъ подарилъ его гвардiи капитану Чеботаеву, а Чеботаевъ Радiону Михайлову сыну Кошелеву, у котораго будучи крещенъ въ православную христiанско-греческаго исповѣданiя вѣру и нареченъ Елпидифоръ, и хотѣлъ-де его оной Кошелевъ въ подушной окладъ въ ревизiю записать, и оттого онъ отъ него Кошелева бѣжалъ и записался въ сербской гусарской полкъ и былъ рядовымъ ротнымъ писаремъ и ротнымъ квартермистромъ, и по одной причинѣ—а по какой, того не изъяснилъ—содержанъ былъ въ Москвѣ въ военной конторѣ подъ карауломъ и оттуда бѣжалъ и былъ нѣсколько времени въ Нѣжинѣ у грека нѣжинского во укрывательствѣ, а у кого именно, того не объявилъ, и оной-де прiятель его грекъ препроводилъ его тайно чрезъ кременчуцкой форпостъ, а въ которомъ году, того не сказалъ, и былъ въ запорожской Сѣчи года съ два и для воровства ѣздилъ съ запорожскими козаками въ Польшу, и изъ запорожской Сѣчи бѣжалъ въ Бендеры къ отцу своему. И тѣмъ оной переводчикъ свой разговоръ кончилъ и отъ него секундъ-маiора съ квартиры отошелъ.

Вышеписанной-же грекъ Янакiй (Ананiй) 29 числа поутру въ Бахчисарай прiѣхалъ

30. По полудни въ 1-мъ часу присланъ былъ къ нему секундъ-маiору ханской переводчикъ Мегметъ со объявленiемъ, дабы шелъ къ хану для поданiя писемъ; куда онъ секундъ-маiоръ съ письмами и пошелъ; и напередъ его шли ханской переводчикъ вада-баша и, пришедъ къ ханскому двору, остановили и привели въ одну камору, гдѣ ханскiй лошадиной уборъ содержится, и трактованъ былъ кофiемъ. И погодя тамо съ полчаса, пришелъ въ ту камору переводчикъ Мехметъ и объявилъ, дабы шелъ онъ секундъ-маiоръ къ хану для поданiя писемъ, и въ тожъ время изъ оной каморы и пошли, и напередъ его секундъ-маiора шелъ онъ-же переводчикъ, а за нимъ секундъ-маiоромъ шли салдатъ да за толмача запорожскiй козакъ, въ диванъ. И пришедъ въ диванъ онъ секундъ-маiоръ, по приказу его превосходительства г. генералъ-маiора и кiевскаго губернскаго вице-губернатора Костюрина, хана поздравлялъ благополучнымъ восшествiемъ на престолъ его солтанова величества, а при томъ онъ ханъ спрашивалъ: господинъ-де гене-

ралъ какъ въ своемъ здоровьи находится; на что онъ секундъ-маіоръ отвѣтствовалъ, что г. генералъ въ здоровьи своемъ находится благополучно. И принялъ отъ него секундъ-маіора письма ханской переводчикъ Мехметъ А до приходу въ диванъ секундъ-маіора поставленъ былъ стулъ близъ вхожихъ дверей, и приказалъ онъ ханъ чрезъ переводчика своего на томъ стулѣ сѣсть, и притомъ спрашивалъ о турецкомъ посланникѣ—гдѣ нынѣ находится; на что секундъ-маіоръ отвѣтствовалъ со учтивостію, что оной посланникъ отъ всевысочайшаго его императорскаго величества двора съ великимъ удоволствіемъ отправленъ и слѣдуетъ на Кіевъ и надежно къ 14 числу сего августа въ Кіевъ прибыть имѣетъ и, что ко отправленію его изъ Кіева надлежитъ, въ его путь, какъ подводы и протчее все пріуготовлено; причемъ трактованъ онъ секундъ-маіоръ конфектами и кофіемъ. И въ то время ханъ чрезъ оного-жъ переводчика отъ него секундъ-маіора спрашивалъ: не имѣетъ-ли еще отъ г. генерала словесного приказу, на что отъ него секундъ-маіора пристойнымъ образомъ со учтивостію отвѣтствовано: егда его ханская свѣтлость изволитъ изъ присланныхъ отъ него писемъ разсмотрѣть, то въ то время его ханской свѣтлости словесно, что ему секундъ-маіору отъ его превосходительства приказано, донесть имѣетъ: и потомъ уволненъ отъ него хана на квартиру по прежнему.

А какъ онъ секундъ-маіоръ приведенъ былъ въ тотъ диванъ, то ханъ сидѣлъ противъ дверей на сафѣ по срединѣ, а отъ хана по правой рукѣ на другой нижней сафѣ сидѣли муфтіи, ханской визиръ Мехметъ и придворные его хана, которые всегда во всякихъ дѣлахъ съ ханомъ присутствуютъ, казнодарь баша, тефтердарь кады и знатные мурзы; отъ хана-жъ по лѣвой рукѣ знатные-жъ мурзы сидѣли, всѣхъ до 40 человѣкъ, а протчіе ханскіе придворные и мурзы во ономъ-же диванѣ стояли на ногахъ до 50 человѣкъ, а на ханскомъ дворѣ простыхъ татаръ было довольное число. Предъ приходомъ къ хану въ диванъ, какъ у него секундъ-маіора, такъ у салдата, шпагъ и у запорожскихъ козаковъ шабель не отбирали.

Того-жъ числа означенный грекъ Янакій, тайнымъ образомъ въ 5 часу ночи пришедъ въ квартиру, ему секундъ-маіору объявилъ: вчерашнего-де числа и сегодня былъ онъ грекъ у пріятеля своего Хали-хаджи и, что-де вы приказывали о ауторизованной персонѣ, Хали-хаджи ему греку обѣщался о томъ хану внушить.

Да онъ-же грекъ Янакій о томъ Хали-хаджи ему секундъ-маіору объявлялъ, какимъ онъ Хали-хаджи образомъ при ханскомъ дворѣ содержится: мать-де его родная была гречанка вдовою, давнихъ годовъ ханъ ѣздилъ на охоту и усмотрѣлъ ее, что она лица краснаго и спросилъ, чья-де она жена, то донесли: греческая, а мужа у нея нѣтъ, вдова; и онъ ханъ прислалъ за нею коляску и взялъ къ себѣ во дворъ и содержалъ за жену, а оного Хали-хаджу въ малолѣтнихъ лѣтахъ

побасурманить приказалъ; а годами оной Хали-хаджи болѣе шестидесяти лѣтъ; и нынѣ тайно вѣру греческаго исповѣданія содержитъ и черезъ оного грека Янакія даетъ тайно деньги по церквахъ, чтобъ онъ покупалъ ладонъ, свѣчи и вино разносилъ, и по тому случаю оной грекъ Янакій со онымъ Хали-хаджою доволное знакомство имѣетъ.

А когда-де салтанъ желаетъ, чтобъ былъ ханомъ Шаинъ-Гирей или Аминъ-Гирей, которые живутъ въ Румиліи, а которые бахтигирейскіе сыны живутъ въ Черкесахъ, такожъ и вся ширинбейская фамилія желаютъ быть ханомъ калгу салтаномъ; а оная-де у нихъ ссора съ ханомъ происходитъ для того, чтобъ при немъ ханѣ не были визирь его и козлевской командиръ Эминъ-хасанъ, который раздаетъ на весь ханской дворъ провизію, да ханской сынъ сераскиръ салтанъ, который въ Буджакѣ живетъ.

А война-де у хана съ черкесами по той причинѣ, что черкесы не даютъ хану ясыря, и для того посылано было отъ него хана военныхъ людей татаръ изъ Крыму впервые осьмнадцать тысячъ, и съ того числа токмо возвратилось три тысячи человѣкъ, а тѣ-де всѣ съ голоду и съ холоду пропали, такожъ и лошади; въ другой разъ двадцать восемь тысячъ, а возвратилось оттуда изъ черкесъ токмо четыре тысячи семьсотъ человѣкъ, а прочіе всѣ такожъ съ голоду и съ холоду и лошади ихъ пропали.

А потомъ оной грекъ тайнымъ-же образомъ съ квартиры его секундъ-маіора въ тожъ ночное время и отошелъ.

Будучи-же въ Бахчисараѣ, увѣдалъ онъ, секундъ-маіоръ, что находятся при ханѣ бѣглые малороссіяне: бывшаго-жъ при ханѣ умершаго Ивана Мировича братъ его родной Федоръ Мировичъ да малороссійскаго лубенскаго полку Федоръ Ивановъ сынъ Нафимовской, у которыхъ онъ секундъ-маіоръ въ квартирѣ ихъ былъ и ихъ склонялъ, чтобъ возвратились по прежнему въ отечество свое, но токмо они о томъ и слышать не хотѣли, а употребили такія рѣчи: знаемъ-де, что всемилостивѣйшая государыня монархиня премилосердая, а москали-де злые напрасно нашу всю фамилію въ ссылку сослали, а иныхъ и кнутомъ били; и ежели-де мы возвратимся, то и намъ то же будетъ; и для того незачѣмъ-де намъ въ отечество возвращаться; и здѣсь намъ при ханѣ жить не худо: дается-де намъ на день обоимъ на содержаніе по 2 р. 40 к., и тѣмъ довольны. Оной-же Мировичъ двоекратно въ разговорахъ употреблялъ рѣчь: пообождите-де въ скоромъ времени; а къ чему та рѣчь, того не изъяснилъ. И съ тѣмъ онъ секундъ-маіоръ съ двумя козаками запорожскими съ квартиры ихъ и отошелъ и просилъ ихъ къ себѣ на квартиру, и обѣщались они на другой день быть поутру на чай.

А при ханѣ оные живутъ въ Бакцысараѣ Мировичъ и Нафимовскій годъ и восемь мѣсяцовъ, а прежде того жили они въ Польшѣ

въ разныхъ мѣстахъ, а гдѣ именно, такожъ и о Нафимовскомъ, какимъ былъ человѣкомъ въ лубенскомъ полку, узнать не отъ кого; а годами они уже стары: Мировичъ 65-ти, а Нафимовской 66-ти.

Мѣсяцъ сентябрь.

1. Поутру рано ханскій переводчикъ приходилъ въ квартиру къ секундъ-маіору и секундъ-маіоръ объявилъ ему, чтобъ его ханской свѣтлости донесъ: имѣетъ онъ секундъ-маіоръ, по приказу его превосходительства г. генералъ-маіора и кіевской губерніи вице-губернатора, его ханской свѣтлости словесно донесть, чтобъ дозволено къ его ханской свѣтлости быть; и онъ переводчикъ отъ него секундъ-маіора съ тѣмъ докладомъ къ хану и отошелъ.

Того-жъ числа, по отходѣ ханскаго переводчика, посыланы были отъ секундъ-маіора запорожскіе козаки: за толмача козакъ Иванъ Захарьевъ сынъ Орловской, да полтавскаго куреня козакъ Емельянъ Черевко ко онымъ Мировичу и Нафимовскому съ тѣмъ, чтобы ихъ просить въ квартиру къ секундъ-маіору на чай, какъ они вчерашняго числа и обѣщались быть; токмо оные Мировичъ и Нафимовской Орловскому и Черевку объявили: къ нему-де секундъ-маіору не пойдемъ и къ себѣ не просимъ, токмо васъ Орловскаго и Черевка къ себѣ на слово просимъ, когда-де оной секундъ-маіоръ будетъ спать; а то-де мы вѣдаемъ, каковы москали хитры, мало изъ глазъ своихъ выпускаютъ. И съ тѣмъ оные козаки отъ нихъ и отошли и по приходѣ къ секундъ-маіору о вышеписанномъ и донесли.

Того-жъ числа по-полудни въ первомъ часу присланъ былъ отъ хана переводчикъ Мехметъ и объявилъ, чтобъ шелъ для принятія отвѣтныхъ отъ хана писемъ, съ которымъ переводчикомъ онъ секундъ-маіоръ къ ханскому двору и пошелъ, а напередъ шли: оной переводчикъ и вада-баша да данной съ Перекопа татаринъ сейменъ Измаилъ. И оной переводчикъ привелъ его секундъ-маіора и съ будучими при немъ въ ту-жъ камору, гдѣ и съ пріѣзду былъ, и трактованъ былъ кофіемъ, а потомъ, погодя съ четверть часа, присланъ былъ отъ хана оной-же ханскій переводчикъ съ приказомъ, дабы къ нему хану идти: и по прибытіи не въ диванъ, но въ мамбчи-диванъ ввели; такимъ-же порядкомъ поступано, какъ и съ пріѣзду: въ томъ-же числѣ солдатъ и за толмача запорожскій козакъ и въ конвой одинъ козакъ допущены всѣ были, и до приходу секундъ маіора поставленъ былъ стулъ; а какъ онъ секундъ-маіоръ пришелъ въ мамбчи-диванъ, то ханъ чрезъ своего переводчика Мехмета приказалъ сѣсть, и въ то время, по данной изъ кіевской губернской канцеляріи запискѣ, ему хану онъ секундъ-маіоръ доносилъ, что его превосходительство, г. генералъ-маіоръ приказалъ его ханской свѣтлости словесно донести о учрежденіи при его ханской

свѣтлости съ россійской стороны авторизованной персоны, когда его ханская свѣтлость оной персонѣ для общей на обѣ стороны пользы быть за полезное признать соизволитъ, о чемъ и письменно отъ его превосходительства къ его ханской свѣтлости, съ показаніемъ всего полезнѣйшаго обстоятельства, изъяснено.

На что оной ханъ черезъ своего переводчика Мехмета ему секундъ-маіору отвѣтствовалъ: какъ-де напередъ сего тамо со стороны россійской никакого человѣка не было, то и нынѣ-де быть не для чего, да и такое-де дѣло не генералу дѣлать; но токмо онъ генералъ потакаетъ запорожскимъ козакамъ и не содержитъ ихъ крѣпко въ рукахъ; а ежели-бы-де содержалъ ихъ крѣпко, то такого-бъ воровства не было. Для чего-де у насъ съ поляками смирно живемъ: они-де на насъ не жалуются, а мы де на ихъ; сколько-де комиссій ни было, а обидящимъ моимъ подданнымъ отъ запорожскихъ козаковъ въ разныя времена разныхъ вещей и скота пограбленнаго ничего не возвращено. Скажи-де своему генералу объ ономъ или, гдѣ у васъ надлежитъ, и выше донеси: долго-ли де мнѣ будетъ терпѣть: но и нынѣшнимъ лѣтомъ многое число запорожскіе козаки у моихъ подданныхъ отогнали лошадей.

И оныя рѣчи, по примѣчанію секундъ-маіора, ханъ съ превеликимъ сердцомъ говорилъ и приказалъ скоро отдать отвѣтныя къ его превосходительству письма и болѣе не сталъ ни о чемъ и говорить. Которыя принявъ и откланясь предъ ханомъ со всякою учтивостью, онъ секундъ-маіоръ отъ хана отпущенъ. А препровождалъ-же его секундъ-маіора переводчикъ Мехметъ даже за ханскія ворота, и притомъ секундъ-маіоръ переводчику объявилъ, чтобъ доложилъ его ханской свѣтлости, дабы дозволилъ ему секундъ-маіору еще переночевать; и онъ ходилъ къ хану и отъ него пришедъ объявилъ, что его-де ханская свѣтлость приказалъ: сію ночь переночевать, а завтрашняго числа въ свой надлежащій путь ѣхать. И шли напередъ до квартиры вада-баша да провожатый изъ Перекопа сейменъ.

Того-жъ числа въ вечеру пріѣхалъ изъ г. Кефы въ Бакцысарай для купечества великороссійскій купецъ г. Воронежа, посадской купецъ Ивановъ сынъ Шумливой и ему секундъ-маіору объявилъ: сего-де 1755 г. въ маѣ мѣсяцѣ былъ онъ въ Кубани и жилъ мѣсяца два для промыслу купеческаго, и слышалъ, что было въ Кубани войско крымское и кубанское, которое ходило подъ Черкесы для взятья ясыра, и оного ясыра требовалъ ханской сынъ, токмо оные черкесы, согласясь съ султаномъ, бахтигиреевымъ сыномъ, оного ясыра ему ханскому сыну не дали; которое войско стояло отъ самой зимы даже до весны и того войска съ холоду и съ голоду и во время происходившей промежъ ними съ начатія войны побито и померло и бѣжало съ крымской стороны 50,000, а до 30 человѣкъ повѣшено; оные-жъ султаны и мурзы, видя себѣ гибель напрасную, учинили промежъ собою бунтъ и раздѣлились

на двѣ части: вышеписанному бахтигиреву сыну половина, а другая половина къ ханскому сыну, и бахтигиреевъ сынъ согласился съ черкесами и ханскаго сына съ немалымъ урономъ прогнали, и нынѣ какъ съ ханской стороны въ Кубань за показанными ссорами не въѣзжаютъ, такъ и съ кубанской стороны въ Крымъ не ѣздятъ.

Сего-жъ году мѣсяца іюля присланъ изъ Константинополя паша и съ нимъ мастеровыхъ людей сто человѣкъ для починки городовъ съ россійской стороны, а именно Темрюка, Ачюева и Капыла.

Сего-жъ году въ Яникале развозили пушки, а сколько числомъ, того показанной купецъ неизвѣстенъ, и всякіе что принадлежитъ къ нимъ снаряды, т. е. ядры и порохъ. Оной-же купецъ слышалъ въ тамошнихъ мѣстахъ: бахтигиреевъ сынъ султанъ нынѣшнего хана крымского не желаетъ и всю орду на кубанскую сторону перевелъ и самъ нынѣ живетъ въ Капылѣ и сераскирскую должность правитъ.

2. По утру, въ 10 часу, грекъ Янакій козаку Орловскому, увидясь тайно, объявилъ, чтобъ донесъ секундъ-маіору тайнымъ образомъ, чтобъ пришелъ въ церковь: нѣкоторые-де вѣдомости объявлю, а мнѣ-де самому днемъ въ квартиру подозрительно къ нему быть, чтобъ не дознались, а я-де у митрополита просилъ, чтобъ онаа церковь не заперта была. И та церковь отъ квартиры секундъ-маіора не въ далномъ разстояніи, не будетъ я 50 сажень. И секундъ-маіоръ тайнымъ образомъ, никто его изъ тамошнихъ людей не видѣлъ, и пришелъ въ означенную церковь, и оной грекъ ему объявлялъ, что его пріятель Хаджи-али ему сказывалъ: во всемъ-де препятствовалъ визиръ ханской и представлялъ хану во время совѣту ихъ, что съ россійской стороны отнюдь не надлежитъ быть ихъ персонѣ при вашей ханской свѣтлости, а ежели-де изволишь допустить, то тотъ-же шпіонъ будетъ, и какъ-де будемъ спать ложиться и вставать, а онъ все то будетъ знать и писать, то нельзя будетъ и на дворъ выйти; а муфтій и казаскеръ склонились было и хану представляли, чтобъ съ россійской стороны былъ человѣкъ, токмо не допустилъ хана, всему тому препятствовалъ визиръ.

А въ предбудущую весну велѣно всѣ въ Крыму гдѣ крѣпости есть починять. А нынѣшнимъ лѣтомъ привезено изъ Константинополя моремъ въ городъ Козлевъ 80 пушекъ съ ядрами и перевезены нѣкоторое число въ Перекопъ.

Оной-же грекъ Янакій ему секундъ-маіору объявилъ: ежели-де что будетъ противъ россійской стороны отъ хана происходить въ противность, то оной Хали-хаджи обѣщался ему Янакію сообщать, а ежели ему Хали-хаджи возможно будетъ, то и самъ онъ писать въ Кіевъ къ г. генералу будетъ, а грекъ Янакій что отъ него услышитъ, то будетъ находящимся въ Бакцысараѣ великороссійскимъ г. Путивля купцу Андрею Андрееву сыну Сушилину или кто будетъ великороссійскіе знатные купцы, сообщать; а Сушилинъ мало оттуда въ Россію

и выѣзжаетъ, но по болшой части въ Бакцысараѣ и въ протчихъ крымскихъ городахъ торгуетъ; а я ежели-бы-де я самъ умѣлъ писать, то-бы никому ничего не объявлялъ, но самъ-бы писалъ. И на то ему греку Янакію секундъ-маіоръ отвѣтствовалъ: ежели-де твой пріятель Хали-хаджи будетъ въ Кіевъ къ г. генералу писать о предосторожности какой противъ россійской стороны отъ хана противное, то они оба за то отъ стороны россійской оставлены не будутъ. Да онъ-же грекъ Янакій секундъ-маіору объявилъ: ежели-де хана не перемѣнятъ, то намѣрены войну съ ханомъ имѣть бахтигиреевы сыны. И болѣе ко увѣдомленію оной грекъ секундъ-маіору ничего не имѣлъ и тѣмъ всѣ разговоры кончилъ, и въ той церкви съ нимъ разстались, и напередъ секундъ-маіоръ изъ церкви тайнымъ образомъ, и никто изъ ихъ народу не видалъ, въ свою квартиру пришелъ.

Того-жъ числа, по доносу запорожскихъ козаковъ И. Орловскаго и Е. Черевка, которые посыланы были вчерашнего числа звать Мировича и Нафимовского на чай, и ихъ, Орловскаго и Черевка, они къ себѣ на слово просили и оныхъ козаковъ секундъ-маіоръ къ нимъ отпущалъ и приказывалъ, что будутъ имъ они говорить, ничего-бъ, по присяжной своей должности, какъ вѣрные его императорскому величеству рабы, не утаили. И съ тѣмъ они къ нимъ пошли и были у нихъ въ квартирѣ, а оттуда возвратясь, донесли ему секундъ-маіору, что отъ нихъ, Мировича и Нафимовскаго, происходило. Во первыхъ, стали-де ихъ увѣщевать: что они, Мировичъ и Нафимовскій, будутъ имъ говорить, никому-бъ не сказывали, и приводили ихъ, козаковъ, къ присягѣ и прикладывались къ образу, и потомъ оные Мировичъ и Нафимовскій стали имъ, козакамъ, говорить: вы-де теперъ присягали, мы вамъ объявляемъ, что лупилъ москаль запорожцамъ головы и завладѣлъ-де отчину нашу Малую Россію, и такъ привели Малую Россію, какъ воловъ въ ярмо, а нынѣ король пруской, король французской и король шведской согласились-де между собою противъ Россіи и намѣрены войну имѣть, а мы-де присланы отъ польской стороны для того, чтобъ совокупить орду татарскую и нападеніе учинить на Россію со всѣхъ сторонъ въ декабрѣ мѣсяцѣ сего года или предбудущого 1756 г. въ генварѣ мѣсяцѣ; такъ мы москаля со всѣхъ сторонъ возмемъ; а вы не сказывайте молодымъ козакамъ о семъ, а сказывайте такимъ, которые еще были во владѣніи подъ ханомъ, чтобъ они къ намъ писали и чтобъ согласились съ нами вмѣстѣ на москаля, а мы-де по времени будемъ и отъ себя къ старымъ козакамъ, кого знаемъ, писать, а къ кому именно, того не сказали, и тѣмъ разговоры кончились. А нынѣ де ногайская орда кочуетъ въ двухъ мѣстахъ, а именно: первая часть близъ Кинбурна, вторая часть за Очаковымъ.

Того-жъ числа по полудни въ 3-мъ часу съ приданнымъ изъ Перекопа сейменомъ изъ Бакцысарая отъѣхали и слѣдовали по дорогѣ, не доѣзжая Козлева, въ ханской постоялой дворъ, гдѣ и ночевали.

3. Отъ постоялаго двора слѣдовали до г. Козлева, гдѣ и ночевали.

Будучи-жъ въ Козлевѣ, запорожскій козакъ полтавскаго куреня Трофимъ Григорьевъ приходилъ къ секундъ-маіору и доложилъ, что хлѣба, пшеницы и ячменю въ турецкую сторону запрещено продавать, но зсыпаютъ въ каморы, а нѣкоторую часть возятъ въ Бакцысарай, какъ-де повидимому, заготовляютъ въ магазейны, 180 лавокъ насыпано; а въ продажѣ тамо пшеница и ячмень четверть пшеницы по 1 р. 10 к. и по 1 р. 20 к., ячменя по 80 и по 90 к. Въ Козлевѣ на пристани лежатъ большихъ мѣдныхъ новыхъ пушекъ десять, видѣлъ ихъ самъ секундъ-маіоръ.

4. Отъ Козлева слѣдовали до села Джи-алана, гдѣ и ночевали.

5. Отъ с. Джи-алана слѣдовали до Соленого озера, гдѣ и ночевали. И при томъ озерѣ находился г. Путивля купецъ А. А. Сушилинъ и секундъ-маіоръ ему приказалъ: егда какія грекъ Янакій будетъ ему давать письма, то-бы онъ отъ него принималъ и секретно какъ найскорѣе съ нарочнымъ и надежнымъ или и самъ на никитинской заставѣ находящемуся переводчику Семенову отдавалъ, которой немедленно отправлять въ Кіевъ будетъ, или что оной-же грекъ и словесно будетъ ему объявлять, то-бы и о томъ какъ найскорѣе давалъ знать.

6. Отъ Соленого озера слѣдовали до Перекопа, гдѣ и ночевали.

7. Отъ Перекопа слѣдовали до урочища Чаплинки, гдѣ и ночевали.

8. Отъ урочища Чаплинки слѣдовали до Каиръ западного мѣстечка, гдѣ и ночевали. Того-жъ числа у секундъ-маіора на дорогѣ явился запорожскій незамаевскаго куреня козакъ Федоръ Чернявской и объявлялъ: пойманъ-де имъ воръ васюринскаго куреня козакъ Григорій Лукьяновъ сынъ Плакущій, которого онъ Чернявскій ему секундъ-маіору представлялъ, и онъ секундъ-маіоръ его Плакущаго спрашивалъ, которой сказалъ: самоволне-де изъ Сѣчи и безъ пашпорту поѣхалъ въ Перекопъ якобы лошадей продавать, а чрезъ Днѣпръ, не явясь при никитинской заставѣ, перевезенъ платнеривского куреня козакомъ Иваномъ Тараномъ, и оной воръ отданъ въ смотрѣніе тому-жъ козаку Чернявскому и при-

казано ему Черняевскому, чтобъ его не упустилъ и, довезя въ Сѣчь, отданъ бы кошевому атаману.

9. Отъ Каиръ западного мѣстечка слѣдовали до рѣчки Рогачика, гдѣ и ночевали.

10. Отъ р. Рогачика слѣдовали до никитинской заставы, гдѣ чрезъ Днѣпръ переправились и ночевали.

Переводчику Семенову отъ него секундъ-маіора объявлено секретно: какіе будутъ пересылаемы изъ Бакцысарая письма отъ россійскаго купца Андрея Шумилина, то бы не распечатывая отправлялъ какъ найскорѣе въ кіевскую губернскую канцелярію съ нарочнымъ.

Того-жъ числа отъ никитинской заставы въ запорожскую Сѣчь благополучно прибыли.

Какъ ѣхали отъ запорожской Сѣчи до Перекопа и обратно до Сѣчи и отъ Сѣчи до Кременчука, то многіе ватажане секундъ-маіору жалобу приносили, что по дорогамъ чинятся днемъ разбои, а не отъ кого иного, какъ видно отъ запорожскихъ все козаковъ.

По прибытіи въ запорожскую Сѣчь онъ секундъ-маіоръ кошевого атамана въ Сѣчи не засталъ, и объявилъ судья: еще-де отъ розъѣзду не бывалъ. Розъѣздная-же команда, кая посылана была внизъ р. Днѣпра на лодкахъ для поиску воровъ и разбойниковъ, не изымавъ ни одного человѣка, возвратилась въ запорожскую Сѣчь по прежнему, а какъ-де слышно, что тоже и у кошевого атамана чинится, но токмо единой скотъ гонятъ, лошадей и воловъ.

Въ бытность въ запорожской Сѣчи бывшій кошевой атаманъ Якимъ Игнатовъ ему секундъ-маіору секретно, по присяжной своей должности, объявилъ, дабы ея императорское величество всемилостивѣйше пожаловали въ войскѣ запорожскомъ быть кошевому атаману безперемѣнно, да и великороссійского войска регулярного по крайней мѣрѣ 600 человѣкъ пѣхотныхъ, а драгунъ двѣ роты, при добромъ командирѣ, почему-де можно самоволцовъ злодѣевъ гайдамаковъ смирять и къ доброму и постоянному порядку привесть, какъ на Дону; а ежели-де кошевые атаманы и съ старшиною будутъ съ перемѣною по прежнему, то, по тамошнему ихъ обыкновенію, никоимъ образомъ таковыхъ злодѣевъ искоренить невозможно и къ доброму и постоянному порядку привесть, ибо-де отъ таковаго самоволного и чрезвычайно пьяного народа, при такихъ перемѣнахъ, такъ какъ кошевого атамана, и старшину бьютъ и смертное убивство чинится, а отъ великого пьянства пропьется, а взять негдѣ, только воровать и разбивать, болѣе не остается.

Будучи-же въ оба пути и въ бытность въ Бакцысараѣ, нигдѣ никакихъ татарскихъ войскъ въ собраніи и къ воинскому дѣйствію пріуготовленій онъ секундъ-маіоръ не видалъ и никакихъ противныхъ къ Россіи съ татарской стороны поступковъ нигдѣ ни отъ кого не слыхалъ.

Какъ въ Крыму и въ самомъ Бакцысараѣ, въ бытность его секундъ-маіора, опасной болѣзни не было, и въ проѣздѣ отъ Перекопа до Бакцысарая и обратно до Перекопа нигдѣ оной опасной болѣзни не слышно.

Секундъ-маіоръ *Матвѣй Мироновъ.*

Кіевъ, сентября 1755 г.

Библіографія.

Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной библіотекѣ. Изданіе виленской археографической коммисіи. Выпускъ I (1332—1548). Вильна. 1884 г.

Каждое новое изданіе виленской археографической коммисіи естественно вызываетъ вниманіе къ себѣ и интересъ въ кіевскихъ археографахъ, а потому и теперь, съ выходомъ въ свѣтъ названнаго «Сборника», мы чувствуемъ потребность сказать о немъ нѣсколько словъ.

Надо прежде всего отдать должную дань уваженія неустанному трудолюбію членовъ [1]) виленской археографической коммисіи и ея извѣстному ученому предсѣдателю Л. Ѳ. Головацкому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и просвѣщенному вниманію и заботливости г. попечителя виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскаго, умѣющаго не только привлекать къ столь трудному и важному дѣлу, какъ археографія, достойныя силы, но и внушать имъ необходимость исполненія той или иной работы, вызываемой требованіями обстоятельствъ, не останавливаясь даже предъ денежными затратами изъ бюджета округа на нужды ученаго учрежденія, ему подвѣдомственнаго.

Привѣтствуемъ за симъ первый выпускъ «Сборника» палеографическихъ снимковъ, изданный коммисіею въ видѣ опыта, полнымъ нашимъ сочувствіемъ, такъ какъ дѣло изданія снимковъ, поставленное на

---

[1]) Желающихъ ознакомиться подробнѣе съ дѣятельностію коммисіи и содержаніемъ ея многочисленныхъ изданій мы рекомендуемъ помѣщенную въ 1-й книгѣ «Сборника археологическаго института» (Спб. 1878 г.) статью В. А. Лялина: «Виленскій центральный архивъ» (стр. 22—38).

строго научную почву, обѣщаетъ въ будущемъ обильный практическій и научный плодъ. «Сборникъ» состоитъ изъ «Предисловія», объясняющаго задачу изданія и пріемы его исполненія, съ изложеніемъ содержанія любопытныхъ актовъ. Предисловіе составлено членомъ коммисіи С. В. Шолкевичемъ. Далѣе, въ «объяснительномъ текстѣ» напечатаны крупнымъ шрифтомъ та часть акта, съ которой сдѣланъ снимокъ, и мелкимъ та, которая опущена, причемъ въ заключеніе указывается, появляется-ли документъ въ первый разъ, или былъ уже гдѣ-либо напечатанъ. Къ «тексту» приложено оглавленіе съ указателями: личнымъ, географическимъ и предметнымъ. Самые «снимки», наконецъ, занимаютъ 30 отдѣльныхъ листовъ и потому, по желанію каждаго, могутъ быть сортируемы какъ угодно. Внѣшность «снимковъ» производитъ пріятное впечатлѣніе: самая главная, литографическая работа исполнена безукоризненно; совершенство сходства копированныхъ почерковъ съ дѣйствительными ясно для всякаго, кто когда-либо работалъ надъ западно-русскими рукописями. Одно неудобство, это—форматъ «сборника» in-folio; неловко читать, ни положа тетрадь на столъ, ни держа ее въ рукахъ. Таковы по формату (правда, не много меньше) и другія изданія виленской коммисіи. Кіевская коммисія давно уже избрала для себя форматъ in-quarto; остается еще только пожелать, чтобы и объемъ томовъ былъ уменьшенъ ею на половину, а то шутка-ли, книга въ 700 и болѣе страницъ. Въ данномъ случаѣ виленская коммисія легко могла отступить отъ газетныхъ размѣровъ, разъ она вынуждена была, какъ сама заявляетъ это, отказаться отъ литографированія снимковъ во всю величину оригиналовъ; и форматъ in-octavo былъ-бы наиболѣе удобнымъ, какъ намъ кажется.

Цѣль изданія снимковъ выражена ясно и опредѣленно въ «предисловіи», гдѣ коммисія устами г. Шолкевича говоритъ, «что для цѣлей историческихъ ей казалось болѣе важнымъ представить просвѣщенному русскому обществу возможно большее количество образцовъ древней западно-русской письменности изъ разныхъ мѣстъ, временъ и учрежденій, нежели останавливаться только на образцахъ извѣстныхъ» (послѣднія слова для насъ какъ-то не вполнѣ понятны: какіе и кому это извѣстные образцы, на которыхъ не было необходимости останавливаться?). И эта цѣль будетъ достигнута вполнѣ, если коммисія въ слѣдующихъ выпускахъ не отступитъ отъ намѣченной программы изданія снимковъ по мѣсту, времени и учрежденію. Все это весьма важно, но почему важно, въ «предисловіи» не объяснено и не видно, чтобы важность и плодотворность начатаго дѣла, научная и практическая, была ясна для самихъ издателей. Выраженіе, что снимки «наглядно покажутъ изслѣдователямъ

не только образцы западно-русской дѣловой рѣчи съ половины XV до половины XVI столѣтія, но и характеристическія особенности очень разнообразныхъ почерковъ ея письменности и этимъ расширятъ сферу историческихъ свѣдѣній о сѣверо-западномъ краѣ», кажется намъ туманнымъ и неопредѣленнымъ, и потому мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу необходимости изданія снимковъ по мѣстностямъ и эпохамъ. Въ архивахъ, гдѣ собраны рукописи, обнимающія собою большой періодъ времени и притомъ въ болѣе или менѣе хронологической послѣдовательности, а равно добытыя изъ многихъ смежныхъ одна съ другою мѣстностей, занимающихъ значительное пространство, всегда наблюдается очень интересное явленіе, это—генерація почерковъ; каждая эпоха, каждая большая или малая административная единица имѣетъ свой особенный характеръ письма, причемъ въ большихъ единицахъ и разница въ характерѣ больше, въ меньшихъ—меньше. Бывшія воеводства юго-западнаго края: кіевское, волынское, подольское и брацлавское, каждое имѣетъ свои особенныя отличительныя черты письма, свидѣтельствующія о характерѣ культуры, развивавшейся въ той или иной мѣстности. Такъ напр., кіевское и волынское письма носятъ характеръ Византійской культуры почти до XVII вѣка, тогда какъ подольское весьма рано подвергается вліянію романо-германскому, которому было подчинено и польское письмо. Позже это вліяніе, распространившись и на Волынь, доходило только до Кіева, который по всѣ вѣка сохранялъ особенный характеръ своихъ буквъ и лишь въ началѣ текущаго столѣтія началъ мало по малу утрачивать его по мѣрѣ того, какъ увеличивался въ городѣ велико-русскій элементъ. Однимъ словомъ, измѣненія въ характерѣ почерковъ указываютъ на развитіе и измѣненія въ культурѣ, и такимъ образомъ письмо служитъ столь-же достовѣрнымъ свидѣтелемъ пережитыхъ народомъ эпохъ, какъ археологическіе памятники и филологическія данныя [1]). Только при правильной постановкѣ дѣла изданія палеографическихъ снимковъ мы получимъ и руководство для начинающихъ занятія въ архивахъ и матеріалъ для ученыхъ изслѣдованій; вмѣстѣ съ тѣмъ мы будемъ имѣть основаніе для опредѣленія по внѣшнимъ признакамъ времени и мѣста составленія документа, а также его подлинности или подложности; при изданіи снимковъ съ бумажныхъ руко-

[1]) Будь у насъ подобныя палеографическія изданія, и проф. И. П. Дашкевичъ пріобрѣлъ-бы немало новыхъ фактовъ для выводовъ при изслѣдованіи вопроса о борьбѣ культуръ и народностей въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Въ высокой степени интересное изслѣдованіе его объ этомъ печатается теперь въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» (см. № 10 за 1884 г.).

писей нужно обращать всегда вниманіе и на водные знаки бумаги, которые, въ свою очередь, помогаютъ рѣшить безошибочно вопросъ, дѣйствительно-ли документъ написанъ въ томъ мѣстѣ и въ то время, которое обозначено въ немъ. Виленская коммисія упустила это изъ виду такъ-же, какъ упустила познакомить читателей съ особенностями бумаги и болѣе подробно съ внѣшнимъ видомъ оригиналовъ вообще. Сравнивая изданные образцы почерковъ съ южно-русскими, мы находимъ, что они болѣе всего подходятъ къ волынскому письму и въ частности болѣе къ луцкому, чѣмъ къ владимірскому и кременецкому, съ кіевскимъ-же и подольскимъ почти ничего общаго не имѣютъ. Но все это, конечно, только общія положенія; болѣе точно и опредѣленно можно будетъ высказаться тогда лишь, когда обѣ археографическія коммисіи: кіевская и виленская дружно возьмутся за трудъ изданія палеографическихъ снимковъ, проведутъ его по строго научному плану и дадутъ этимъ необходимый матеріалъ для изслѣдованія. Поэтому, пожелавъ еще разъ успѣха такъ удачно и своевременно сдѣланному виленской коммисіей опыту, мы, въ надеждѣ на скорое появленіе слѣдующихъ выпусковъ «Сборника», перейдемъ къ разсмотрѣнію содержанія скопированныхъ въ немъ документовъ.

Нѣкоторые изъ 59 изданныхъ документовъ появляются въ печати въ первый разъ, другіе-же были напечатаны раньше въ разныхъ изданіяхъ виленской коммисіи; послѣдніе составляютъ почти четвертую часть (ихъ 14) общаго числа документовъ «Сборника».

Документы подъ №№ 1, 2, 5, 6, 12, 14, 20, 25 и 29 касаются разныхъ сторонъ исторической жизни бывшей литовской столицы, города Вильны,—ея внѣшняго и внутренняго благоустройства.

№№ 30, 35, 48, 49, 50 и 51 служатъ для исторіи города Ковно, центральнаго города Жмуди.

Подъ №№ 4, 8, 15, 16, 18, 21, 22, 24, 32, 34, 38, 39, 40, 41, 42, и 53 помѣщены грамоты и листы великихъ князей литовскихъ и польскихъ королей, касательно утвержденія за разными лицами правъ на владѣніе землями или на занятіе должностей.

Документъ подъ № 41 относится къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія.

Юридическаго быта евреевъ касается актъ подъ № 45.

Документъ подъ № 36 указываетъ на время, когда вводится въ Литвѣ должность вознаго, а изъ акта подъ № 44 мы видимъ, что съ появленіемъ возныхъ и «вижи» еще не исчезаютъ изъ суда.

Изъ всѣхъ этихъ документовъ для юго-западной Россіи имѣетъ значеніе одинъ № 22; онъ содержитъ въ себѣ подтвердительную грамоту

короля Сигизмунда I отъ 30 іюня 1536 года на продажу познанскимъ бискупомъ Яномъ королевѣ Бонѣ селъ Дунаева, Куликова и Рутки, имѣнія Цецциновецъ, опустѣвшаго села Демковецъ и хутора Верха-Вельи, лежавшія въ кременецкомъ повѣтѣ волынскаго воеводства. Въ примѣчаніи къ этому акту издатели указываютъ на существованіе въ виленской публичной библіотекѣ другой грамоты, которою король подтверждаетъ дарственную запись того-же бискупа королевѣ Бонѣ на свои предмѣстья подъ замкомъ и городомъ Кременцемъ и Исаевскій хуторъ, на двухъ крестьянъ съ ихъ землею и сѣнокосомъ Хоженевымъ, Ловчимъ и Гремячимъ, и на второе предмѣстье, которое бискупъ заселилъ на полѣ онисковскомъ, гдѣ прежде было село Онисковцы.

Оканчивая нашу замѣтку о виленскомъ «Сборникѣ», позволяемъ себѣ въ заключеніе выразить несогласіе съ объясненіями г. Шолкевича относительно того, будто въ актахъ подъ №№ 36 и 44 указывается на время, когда «дѣтскіе» замѣняются «возными». Не знаемъ, какія наблюденія по этому вопросу сдѣланы авторомъ въ западно-русскихъ актахъ, но въ южно-русскихъ мы замѣтили, что «дѣтскіе» всегда вручаютъ только «дѣцкованные листы», которыми тяжущіяся стороны призываются на судъ въ королевскую коммисію, разбиравшую споры по землевладѣнію; при врученіи «дѣцкованнаго листа» присутствуютъ «вижи». Въ актѣ подъ № 36 дѣйствительно говорится о первомъ возномъ и изъ этого можно заключить, что должность вознаго введена въ Литвѣ въ самомъ началѣ XVI вѣка, тогда какъ въ юго-западной Руси появленіе возныхъ совпадаетъ со введеніемъ въ 1566 году втораго литовскаго статута; вѣрнѣе же, возный окончательно вытѣсняетъ бывшаго до него «вижа» со времени люблинской уніи 1569 года. Въ документѣ, помѣченномъ № 44, идетъ рѣчь о «вижѣ», котораго авторъ отождествляетъ съ возным ошибочно; это были двѣ должности, хотя и родственныя между собою по нѣкоторымъ одинаковымъ обязанностямъ, но различныя по своимъ правамъ; попадаются акты, гдѣ вижи и возные фигурируютъ рядомъ. Во всякомъ случаѣ, болѣе опредѣленныя документальныя данныя о «дѣтскихъ», если они встрѣчаются въ книгахъ виленскаго центральнаго архива, желательно было-бы видѣть напечатанными. «Дѣтскихъ», такъ-же какъ и «копные» суды, можно считать остатками удѣльно-вѣчеваго періода, свидѣтельствующими лишній разъ о вліяніи русской государственной жизни на литовскую.

И. Каманинъ.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1884 годъ, книга вторая.

Передъ нами не одинъ изъ обыкновенныхъ томовъ изданій почтеннаго историческаго общества, а книга предназначенная къ поднесенію университету св. Владиміра въ день недавно минувшаго его пятидесятилѣтняго юбилея. На второмъ листѣ настоящей книги напечатано: *посвящается императорскому кіевскому университету св. Владиміра въ день полувѣковаго служенія его наукѣ и русскому просвѣщенію.* А на челѣ содержанія помѣщенъ адресъ общества кіевскому университету по поводу его 50-лѣтняго юбилея. Наша alma mater тѣсно связана съ старѣйшимъ и почтеннѣйшимъ изъ русскихъ ученыхъ обществъ дорогою памятью объ общихъ своихъ членахъ, особенно о незабвенномъ въ наукѣ южно-русской исторіи М. А. Максимовичѣ, первомъ ректорѣ университета св. Владиміра, и О. М. Бодянскомъ, знаменитомъ секретарѣ общества. Упоминая объ этомъ обстоятельствѣ, адресъ говоритъ между прочимъ: «Да хранитъ на долгія времена и вѣка университетъ св. Владиміра достославно держимый имъ полвѣка святой его завѣтъ: самобытно и независимо свѣтить Владиміровымъ солнцемъ русскому просвѣщенію, озарять исторію священнаго кіевскаго края новыми и новыми изслѣдованіями на утвержденіе и укрѣпленіе русскаго сознанія, какъ озарила и просвѣтила это русское сознаніе наша первая лѣтопись, написанная на тѣхъ-же кіевскихъ святыхъ горахъ». Приведенными словами московское общество исторіи и древностей ясно очерчиваетъ программу и способъ просвѣтительной дѣятельности кіевскаго университета, миссію его въ нашемъ обширномъ отечествѣ. Въ соотвѣтствіе къ своимъ словамъ оно составляетъ и содержаніе посвящаемаго тома—исключительно почти изъ документовъ, относящихся къ исторіи «Кіевскаго края». Въ высшей степени знаменательны и эти слова отъ лица многозаслуженнаго въ наукѣ русской исторіи московскаго общества, и этотъ подборъ содержанія подносимаго тома. Невольно задаешь себѣ вопросъ: самъ университетъ св. Владиміра такъ-же ли сознаетъ свою священнѣйшую обязанность—служить наукѣ роднаго края, этой исконной «русской земли», съ матерью городовъ русскихъ во главѣ?

Но перейдемъ къ содержанію разсматриваемой книги. Она по обыкновенію раздѣлена на 5-ть отдѣловъ: 1) матеріалы историческіе, 2) матеріалы историко-литературные, 3) матеріалы иностранные, 4) изслѣдованія и 5) смѣсь. Наибольшій интересъ для занимающихся южнорусской исторіей заключаютъ въ себѣ два первые отдѣла. Въ отдѣлѣ *матеріаловъ историческихъ* большую часть занимаютъ описанія актовъ

архива Маркевича. Всѣхъ актовъ перечислено здѣсь до 320; изъ нихъ до 300 относится къ 26 малороссійскимъ монастырямъ, преимущественно трехъ сѣверныхъ полковъ и города Кіева, остальные — къ раскольничьимъ слободамъ Стародубья. Акты монастырскіе въ большинствѣ представляютъ собою жалованныя грамоты и универсалы разныхъ гетмановъ на монастырскія владѣнія; но между ними попадаются и такіе, которые даютъ драгоцѣнныя бытовыя указанія, насколько, разумѣется, это можно заключить изъ краткаго описанія ихъ. Мы узнаемъ напримѣръ, что гетману, какъ говорится, отбою не было отъ настоятелей многочисленныхъ монастырей, засыпавшихъ его поздравленіями съ разными праздниками, — поздравленіями, непремѣнно сопровождавшимися просьбами. Игуменъ крупицкаго батуринскаго монастыря поздравляетъ Скоропадскаго даже «съ полноприщемъ великаго поста» и при сей шаткой оказіи жалуется на чрезмѣрное отягощеніе постоями монастырскихъ подданныхъ. Иногда проскользнетъ образчикъ отношенія самихъ духовныхъ владѣльцевъ къ крестьянамъ, и оказывается, что отцы истязывали иногда ихъ не хуже польскихъ пановъ. Вотъ образчикъ другаго рода бытовыхъ указаній. Игуменъ братскаго монастыря Іосифъ, онъ-же и ректоръ кіево-могилянскаго училища, по запросъ генеральной войсковой канцеляріи о людяхъ, знающихъ иностранные языки, отвѣчаетъ: «Отнюдь таковаго человѣка изобрѣсти въ насъ не возмогаемъ, найбарзѣй же-бы кто нѣмецкаго языка къ переводу не толко былъ искусенъ, но ниже и отчасти свѣдомъ, понеже въ насъ языка нѣмецкаго не учатъ, въ латинскомъ-же и польскомъ языку видно запевне ажъ и канцелярія войсковая искустныхъ, честныхъ и неподозрительныхъ людей имѣетъ довольно, а ту студента отъ школы отдорвати, аще самъ добровольно не похощетъ, не такъ есть удобно» (1724 г.). Кромѣ этого разряда документовъ, есть еще такіе, которые заключаютъ въ себѣ цѣлую исторію монастырей, нынѣ не существующихъ; таковы два документа спасскаго, рунимо-сосницкаго монастыря. Вообще всѣ документы, относящіеся къ монастырямъ, открываютъ для желающихъ массу новаго матеріала по исторіи ихъ.

Не менѣе важны описанія актовъ, касающихся раскольниковъ Стародубья. Поселившись колоніями среди мѣстнаго малорусско-бѣлорусскаго православнаго населенія нынѣшнихъ сѣверныхъ уѣздовъ черниговской губерніи, эти пришельцы съ замѣчательною устойчивостью сохраняютъ до сихъ поръ свой національно-великорусскій типъ и по сіе время живутъ совершенно обособленно. Тѣ черты ихъ характера, которыя и нынѣ непріятно поражаютъ сосѣдей, какъ-то: высокомѣріе, узкій обрядовой фанатизмъ и совершенно особый кодексъ нравственныхъ правилъ въ сношеніяхъ съ «хохлами-мазепами», особенно давали себя чувствовать

въ первые годы ихъ появленія. Помѣщенные въ разбираемой книгѣ акты именно содержатъ въ себѣ большею частію жалобы какъ разныхъ козацкихъ старшинъ, такъ и цѣлыхъ громадъ на насилія со стороны раскольниковъ; жалобы дышатъ взаимною ненавистью: «ругатели креста Господня... зъ укоризною и наруганіемъ православной нашей вѣры, прельщеніемъ и превращеніемъ правовѣрныхъ на свое злочестіе наклоняютъ» (стр. 1); «если раскольщикамъ, яко теперь, разширятися въ полку нашемъ (стародубовскомъ; пишетъ полковникъ Журавка) допущено будетъ, много зъ полчанъ отъ утиску ихъ чуратися жилищъ своихъ мусятъ, поневажъ они самоволне, що хотятъ, чинятъ, а справедливости нихто на ихъ поискати не можетъ, чого самъ дознавалемъ и дознаю» (стр. 2) и проч. До сихъ поръ въ литературѣ нашей нѣтъ сочиненія, которое-бы ознакомило публику съ бытомъ и исторіей раскольничьихъ колоній Стародубья, и потому описанные документы тѣмъ цѣннѣе; къ нимъ кромѣ того приложена интересная карта этихъ колоній, видимо современная ихъ первому описанію. Добавимъ кстати, что въ «Черниговскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» за прошлый годъ есть статья о Стародубьи кандидата московской духовной академіи г. Доброгаева.

Въ томъ-же отдѣлѣ помѣщенъ еще весьма интересный документъ — «росписной списокъ города (крѣпости) Кіева 1677 г.». Это подробная опись всѣхъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ кіевской крѣпости, документовъ, знаменъ, казны, — вообще всего того, что вѣдалъ въ городѣ московскій воевода. Опись и составлена по случаю передачи воеводою кн. Алексѣемъ Андреевичемъ Голицынымъ Кіева своему преемнику Морозову. До сихъ поръ въ литературѣ были извѣстны подобнаго рода описи, относящіяся къ 1661 и 1682 гг. (См. «Сбор. матер. для ист. топогр. Кіева и его окрест., отд. 3, стр. 87 и 96). Собственно для топографіи Кіева, изъ трехъ нынѣ извѣстныхъ документовъ этого рода, болѣе всего данныхъ заключается въ «росписи» 1682 г.; наиболѣе-же подробный инвентарь представляетъ новая «роспись» 1677 года. «Росписи» даютъ точный матеріалъ для приведенія въ извѣстность длины въ цѣломъ и частяхъ валовъ «города» и крѣпостнаго имущества, но не могутъ замѣнить, со стороны рельефности, описаній очевидцевъ современниковъ [1]).

---

[1]) Вотъ напримѣръ какъ живо рисуетъ въ началѣ XVIII в. кіевскій замокъ попъ Лукьяновъ: «*Верхній градъ* (на нынѣшнемъ старомъ городѣ) — валъ земляной весьма крѣпокъ и высокъ, а по градской стѣнѣ все караулы стоятъ крѣпкіе, по сто сажень караулъ отъ караула; и въ день и въ ночь все полковники ходятъ: тихонько осматриваютъ, таки-ли крѣпокъ караулъ; а ночи успуть не да-

Перейдемъ ко второму отдѣлу—къ матеріаламъ историко-литературнымъ. Содержаніе этой части книги состоитъ изъ описанія нѣкоторыхъ южно-и западно-русскихъ рукописей изъ собранія Е. В. Барсова, дающихъ нѣкоторый матеріалъ для исторіи языка, и двухъ документовъ, по поводу которыхъ нельзя не сказать нѣсколько словъ. Первый памятникъ—«Лексисъ съ толкованіемъ словенскихъ мовъ просто». Это приписка на Острожской библіи 1581 года, сдѣланная неизвѣстнымъ ея владѣльцемъ-читателемъ. Нынѣшній владѣлецъ этой замѣчательной книги, о. архим. Амфилохій, въ краткомъ предисловіи во 1) относитъ приписку къ XVII в., во 2) самого автора ея помѣщаетъ, по мѣсту жительства, «между поляками и жидами», въ западныхъ губерніяхъ. Къ сожалѣнію, почтенный ученый не приводитъ основаній, по которымъ онъ относитъ составленіе «Лексиса» къ XVII вѣку. Если-бы это было дѣйствительно такъ, то можно-бы было изъ «Лексиса» воспользоваться нѣкоторыми данными для исторіи языка, но вѣдь при такомъ заимствованіи чьего-бы то ни было увѣренія недостаточно, а внутреннихъ указаній на время составленія, при отсутствіи внѣшности подлинника, печатная копія «Лексиса» въ себѣ не заключаетъ. Нѣсколько наивнымъ представляется и заявленіе составителя предисловія о жительствѣ автора «Лексиса» между поляками на томъ основаніи, что въ одномъ мѣстѣ, «противъ словъ: *предъ судомъ Христовымъ*, на полѣ написано: *предъ судомъ панскимъ*», а между жидами потому, что «мѣсяцы въ мѣсяцесловѣ названы по жидовски русскими буквами». Мы не называемъ «Лексиса», обыкновеннаго словарчика, «*украинскимъ* азбуковникомъ», какъ это дѣлаетъ о. архимандритъ, потому что *азбуковники* были нѣчто другое,—скорѣе слабыя попытки энциклопедическо-филологическихъ словарей. Едва-ли не самый цѣнный документъ во всей книгѣ,—это «Слово на Сошествіе Св. Духа св. Димитрія Ростовскаго, произнесенное въ кіевскомъ Кирилловскомъ монастырѣ въ 1693 году, «на украинскомъ наречіи». Нельзя не пожалѣть, что изъ сборника г. Титова, откуда взято «Слово», не напечатаны остальныя малорусскія проповѣди св. Димитрія, которыхъ тамъ числомъ 5. «Слово на Сошествіе св. Духа» помѣщено г. Барсовымъ въ книгѣ «Чтеній», «какъ образецъ литературнаго южно-русскаго языка XVII вѣка», и то съ замѣчаніемъ, что при сравненіи великорусскихъ проповѣдей св. Димитрія съ его-же малорусскими, первыя выгодно отличаются отъ послѣднихъ «простотою, ясностью

дутъ, все караулъ отъ караула кричатъ и окликаютъ: кто идетъ? Зѣло опасно блюдутъ сей градъ; да надобе блюсти: прямой замокъ московскому государству». (Сборн. мат., отд. 2, стр. 119).

мыслей и художествомъ выраженій». Не говоря уже о томъ, что почтенный ученый забылъ на этотъ разъ, что ясное и простое въ одной сферѣ можетъ оказаться запутаннымъ и сбивчивымъ въ другой и что слѣдовательно рѣчи Димитрія Ростовскаго на разныхъ нарѣчіяхъ—вещи несоизмѣримыя (ибо нельзя-же называть запутаннымъ то, къ чему не привыкло современное ухо), не говоря далѣе про то, что св Димитрій впослѣдствіи усвоилъ не великорусское нарѣчіе, а тотъ «высокій штиль», про который трактуетъ впослѣдствіи Ломоносовъ въ извѣстномъ разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ,—не говоря про все это, достаточно мелькомъ пробѣжать напечатанную рѣчь, чтобы видѣть, что она и картинностью отличается, и даетъ цѣнныя религіозно бытовыя указанія, стало быть имѣетъ историческое значеніе. Такъ какъ наша замѣтка и безъ того приняла размѣръ большій, чѣмъ слѣдуетъ, то мы ограничимся только двумя примѣрами для доказательства того и другаго. Объясняя напр., въ чемъ должно состоять сыновнее почтеніе людей къ Богу Отцу, проповѣдникъ говоритъ: «а у людей той (изъ) сыновъ пана отца своего чтитъ, который не смѣетъ при немъ усѣсти, але стоитъ предъ нимъ учтиве, шапочку знявши, по словенску мовячи—благоговѣйно; таковымъ кшталтомъ чтятъ Бога Отца старши его сынове, святыи ангелы»... «Или при толкованіи словъ *акція и контемпляція* объясняется, что *праца (акція)* состоитъ «въ коленопреклоненіи, въ руку воздѣяніи, *въ крестообразномъ на землю упадѣ*» (krzyżem leżeć). Въ виду сказаннаго, весьма было-бы желательно видѣть въ печати и остальныя малорусскія проповѣди св. Димитрія.

Остальные отдѣлы можно пройти молчаніемъ, потому что въ нихъ или помѣщаются отрывки большихъ сочиненій, какъ въ III и IV, не дающіе понятія о цѣломъ, или менѣе цѣнные историческіе документы, какъ въ отдѣлѣ смѣси. Въ заключеніе пожелаемъ московскому изданію большей аккуратности въ перепискѣ старыхъ бумагъ и корректированіи ихъ въ печати, такъ какъ въ настоящемъ томѣ встрѣчается огромное число недосмотровъ переписчика и опечатокъ, совершенно портящихъ научное значеніе печатаемыхъ матеріаловъ.

Ѳ. Н.

Dr. H. Michow. Die ältesten Karten von Russland, ein Beitrag zur historischen Geografie (Mit drei Karten und einer Skizzer). Hamburg. 1884—91. (Древнѣйшія карты Россіи, докладъ до исторической географіи въ трехъ картахъ и въ одномъ очеркѣ, Гамбургъ. 1885—91).

Восточная европейская равнина, населенная русскимъ народомъ, долго была въ полномъ смыслѣ terra incognita для Запада. Причиной этому были неблагопріятныя условія, въ которыхъ находились русскія княжества впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Кровавыя междоусобія и послѣдовавшее за ними монгольское иго не давали возможности подумать о чемъ иномъ, кромѣ самообороны отъ насильниковъ—своихъ и бусурманъ. О стремленіи къ лучшему во внутренней жизни, объ участіи въ международныхъ европейскихъ сношеніяхъ, о приданіи своей странѣ политическаго значенія—для чего потребовалось-бы общеніе съ Западомъ—между современниками этихъ мрачныхъ эпохъ въ исторіи русскаго народа не могло быть и рѣчи. Западно-европейскіе-же народы, не нуждавшіеся въ обитателяхъ сѣверо-востока Европы, мало ими интересовались, тѣмъ болѣе, что на Западѣ составилось самое фантастическое представленіе о нихъ, какъ о какихъ-то дикаряхъ, попасть къ которымъ значило обречь себя на гибель; а такъ какъ русскіе не показывались на Западѣ и своимъ появленіемъ не разсѣевали ходившихъ тамъ ложныхъ слуховъ, то западно-европейцы боялись даже помыслить о поѣздкѣ на «дикій сѣверъ». Только случайно изъ любопытства заходили туда смѣльчаки, какъ напримѣръ рыцарь Николай Поппель, явившійся въ Москвѣ въ 1486 г. съ письмомъ императора Фридриха III, безъ опредѣленнаго порученія; по его собственнымъ словамъ, онъ сдѣлалъ этотъ рискъ изъ любопытства: «я видѣлъ столько странъ и городовъ, что мнѣ хотѣлось ознакомиться и съ русской страною»[1].

Географическія познанія о сѣверо-восточной европейской равнинѣ, которыми, кстати сказать, и теперь не могутъ похвалиться западно-европейскіе народы, въ особенности французы, были микроскопическія.

Начиная съ послѣдняго десятилѣтія XV в., освободившіеся отъ монгольскаго ига русскіе завязываютъ довольно оживленныя дипломатическія сношенія съ Западомъ. Естественно, что вмѣстѣ съ этимъ постепенно разростается кругъ свѣдѣній о нихъ на Западѣ.

Первое болѣе основательное историко-географическое ознакомленіе Запада съ территоріей, заселенной русскимъ народомъ, относятъ ко вре-

[1]) H. Michow, l. c. 7.

мени появленія труда извѣстнаго рыцаря Сигизмунда фонъ-Герберштейна, цесарскаго посланника въ Москвѣ въ 1516 г., издавшаго въ 1549 г. въ Вѣнѣ in f-o свое сочиненіе: «Rerum Moscovitarum commentarii» съ географической картой. Эта карта была первой картой русской земли, какую только знаетъ наука землевѣдѣнія [1]).

Извѣстный французскій географъ, Vivien de Saint-Martin, говоритъ, что описаніе русской земли Сигизмунда Герберштейна есть первое, какое только имѣлъ Западъ, а приложенная карта—первый опытъ графическаго изображенія сѣверо-восточной европейской равнины [2]).

Свѣдѣнія сообщаемыя Герберштейномъ подвергнуты основательному разбору въ трудѣ петербургскаго профессора Замысловскаго, помѣщавшемся сначала въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», а потомъ вышедшемъ отдѣльной книгой [3]).

Но Герберштейнъ скромно признается, что онъ имѣлъ предшественниковъ въ описаніи русской земли и поименовываетъ ихъ во введеніи къ своему труду.

Авторъ заинтересовавшей насъ книги, dr H. Michow, задался мыслію отыскать труды этихъ предшественниковъ Герберштейна въ области русской географіи и провѣрить сообщаемыя ими свѣдѣнія, которую и выполнилъ съ успѣхомъ. Онъ останавливается на Себастіанѣ Мюнстерѣ, Антонѣ Видѣ и Павлѣ Іовіи.

По части географіи южной Россіи мы находимъ у нихъ очень мало свѣдѣній. Вотъ все, что можно ихъ нихъ почерпнуть: на картѣ (1544 г.) Себастіана Мюнстера помѣщенъ на р. Днѣпрѣ (Nêper) только одинъ Кіевъ (Kioff); изъ притоковъ Днѣпра упомянута только Десна (Desna), на сѣверъ отъ Десны указанъ Почепъ [4]) (Potzap). У Антонія Вида (карта издана въ 1555 г., но составленіе ея нужно отнести къ гораздо болѣе раннему времени) указаны въ области р. Днѣпра (Nepper): Кіевъ (Kioff), Почепъ (Potzap), Стародубъ (Staridob), Черниговъ (Szerniho), Новгородъ-Сѣверскъ (Nouigrad Siderszki). Антоній Вида снабдилъ топографическимъ матеріаломъ бывшій окольничій Иванъ Лятцкій, бѣжавшій изъ Москвы вмѣстѣ съ княземъ Симеономъ Бѣльскимъ къ королю польскому Сигизмунду

[1]) O. Peschel. Geschichte der Erdkunde. Ed. 2 von S. Kuge. München. 1848, стр. 318.

[2]) Vivien de Saint-Martin. Histoire de la géographie et des découvertes géographiques. Paris. 1873, стр. 379.

[3]) Е. Замысловскій, Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи XIV-го вѣка. Спб. 1884 г. in 8°.

[4]) М. Почепъ—нынѣ мглинскаго уѣзда, черниговской губерніи.

послѣ смерти (1533 г.) великаго князя Василія Іоанновича, во время правленія великой княгини Елены, матери Іоанна IV [1]). Сигизмундъ думалъ воспользоваться малолѣтствомъ Іоанна IV, чтобы возвратить прежде отнятыя Москвой у Польши области. Военныя дѣйствія, въ которыхъ участвовалъ и Лятцкій, происходили въ области Десны, Днѣпра и верхняго теченія западной Двины, оттого Лятцкій и могъ сообщить Антону Виду топографическій матеріалъ. На картѣ (1525 г.) Павла Іовія, или, какъ предполагаетъ d-r Michow, собственно Баптиста Аноезе, на сѣверъ отъ Дуная помѣщена подольская земля (Podolia); у устья Днѣпра указаны два города—находящійся на правомъ берегу названъ Ганапе (?); изъ притоковъ Днѣпра указаны: Psola (Псёлъ), Arcla (Орель).

Герберштейнъ тоже упоминаетъ: Potzap, Staridob и Czernigow.

Описанія и карты русской земли, упомянутыя нами, были переведены на многіе европейскіе языки и не разъ издавались, такъ какъ представляли едва-ли не все то, откуда можно было почерпнуть географическія свѣдѣнія о русской землѣ.

N. S.

Ив. Франко.—Захаръ Беркутъ. Образъ громадскаго житя Карпатской Руси въ XIII вѣцѣ. Львовъ. 1884 г.

Въ дѣлѣ развитія историческаго самосознанія исторической беллетристикѣ суждена не маловажная роль. Будучи доступною той массѣ, которая не привыкла къ дѣловитости и строгости ученыхъ трудовъ и еще менѣе къ наивному и эпигматическому языку первоисточниковъ, она даетъ не сводъ «сухихъ» фактовъ, не послѣдованіе вырванныхъ у прошлаго свѣдѣній о событіяхъ и лицахъ, а приподнимаетъ завѣсу, за которой виднѣется вся совокупность жизни даннаго времени, вводитъ въ кругъ живыхъ людей той или другой эпохи. Безъ сомнѣнія очень часто «исторической» она бываетъ только по имени. Ея герои напоминаютъ столько-же своихъ былыхъ прототиповъ, какъ маскарадный рыцарь напоминаетъ настоящаго. Но въ рукахъ писателя талантливаго и добросовѣстнаго, изучившаго прошлое научнымъ путемъ и постигнувшаго его поэтическимъ проникновеніемъ, историческая повѣсть можетъ стать великой силой. Нигдѣ, однако, роль ея не можетъ быть столь значительной, какъ въ литературахъ молодыхъ, какъ въ обществахъ

[1]) Карамзинъ. Ист. госуд. рос., т. VIII, гл. 1, стр. 9. Изданіе Эйнерлинга. Спб. 1842 года.

странъ, переживающихъ эпоху культурнаго и политическаго возрожденія. Въ литературѣ родной намъ, возрождающейся Галиціи историческая поэзія еще не имѣла виднаго представителя. Доселѣ галицкіе авторы разрабатывали преимущественно историческую драму. Но, при всей симпатіи къ дѣятельности и цѣлямъ этихъ авторовъ, трудно было побороть въ себѣ возбуждаемое чтеніемъ ихъ произведеній чувство тоски. Дѣло въ томъ, что драма, вся основанная на рисовкѣ отдѣльныхъ лицъ и характеровъ и на взаимныхъ ихъ коллизіяхъ, едва-ли возможна изъ эпохъ отдаленныхъ, если она не задается изображеніемъ общечеловѣческихъ чертъ и страстей. А галицкіе авторы именно излюбили сѣдую древность. Какъ очертанія отдѣльныхъ предметовъ на извѣстномъ разстояніи, такъ и облики отдѣльныхъ лицъ во времени сливаются и скрадываются, и глазъ можетъ угадывать только общіе признаки, массовые контуры. Въ этомъ отношеніи форма романа гораздо благодарнѣе. Рисуя эпоху, извѣстный строй жизни, такой или иной фазисъ и типъ народнаго развитія, романистъ изображеніемъ общихъ чертъ времени сообщаетъ колоритъ эпохи своимъ героямъ, представленнымъ въ приблизительно намѣченныхъ и скорѣе угаданныхъ, чѣмъ изученныхъ образахъ. Широкія рамки романа, не принуждая писателя держаться одной только психологической области, допускаютъ всѣ виды воспроизведенія жизни и позволяютъ автору обставить свой вымыселъ какъ солиднымъ оружіемъ, взятымъ изъ кладовыхъ науки, такъ и болѣе легкимъ, добытымъ изъ творческаго воображенія.

Названная выше книга молодого писателя г. Франка является въ галицкой литературѣ прекраснымъ опытомъ. Не смотря на отдаленность времени дѣйствія, повѣсть полна живого интереса. Авторъ взялъ одну изъ любопытнѣйшихъ эпохъ въ исторіи Червоной Руси — время Даніила Романовича. Изображеніе сельскаго общиннаго быта, съ его правдою и младенчески патріархальными порядками, распространеніе губительнаго боярскаго вліянія и ужасное народное бѣдствіе — нашествіе монголовъ — таковы главные мотивы повѣствованія. Общинные порядки и типы того далекаго вѣка занимаютъ центръ картины и изображены съ большою любовью. «Злая доля, говоритъ авторъ, издѣвалась вѣка надъ нашимъ народомъ. Тяжелые удары подкосили его благосостояніе, нужда сломила его могучую, свободную постать. И теперь только смутныя воспоминанія напоминаютъ правнукамъ о далекомъ, счастливомъ житьѣ предковъ. Но мысль поэта летитъ въ тѣ давніе часы и воскрешаетъ давнихъ людей. И у кого чистое сердце и истинно-человѣческое чувство, тотъ въ нихъ увидитъ своихъ братьевъ, живыхъ людей, а въ ихъ жизни, хоть и столь

не похожей на нашу, увидитъ кое что такое, чего можно-бы пожелать и нашему «культурному» вѣку».

Дѣйствіе начинается весною 1241 года. Бояринъ Тугаръ Вовкъ, вновь прибывшій въ горную тухольскую околицу, охотится на медвѣдей съ обывателями Тухли. Обокъ съ нимъ, не уступая никому изъ охотниковъ ни въ ловкости, ни въ отвагѣ, идетъ его дочь—Мирослава. Въ главѣ тухольскихъ охотниковъ шествуетъ молодой горенъ Максимъ, неустрашимый и достойный сынъ главы тухольской общины, 90-лѣтняго мудреца Захара Беркута. На этой охотѣ молодые люди видятся въ первый разъ и тутъ-же, среди опасностей и на краю смерти, зарождается ихъ любовь. Максимъ спасаетъ жизнь Мирославѣ, неосторожно отставшей отъ охотниковъ и вступившей въ единоборство съ медвѣдицей. Такова экспозиція романа.

Своеобразность изображаемаго міра и свѣжесть письма пріятно дѣйствуютъ съ первыхъ двухъ его главъ. Въ третьей главѣ это впечатлѣніе усиливается. На сценѣ общинная рада и изображеніе порядковъ общиннаго быта. Руководитъ радою умудренный жизнію, но чистый душею, какъ голубь, беззавѣтно преданный общему благу, старый Беркутъ. Бояринъ является на раду и заявляетъ свои притязанія на господство въ общинѣ и свои требованія подчиненія. Рада встрѣчаетъ эти заявленія крайне враждебно, а когда, какъ аргументъ въ свою пользу, Тугаръ Вовкъ приводитъ то, что онъ проливалъ кровь за народъ, изъ толпы выступаетъ безрукій человѣкъ, при видѣ котораго бояринъ мѣняется въ лицѣ. Этотъ человѣкъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Вовкъ измѣнилъ своимъ и предалъ ихъ въ битвѣ при Калкѣ. Зато князь Даніилъ, ненавидѣвшій его, но боявшійся, какъ всѣхъ подкапывавшихся подъ него бояръ, услалъ его въ дальнюю Тухлю. Бояринъ убиваетъ безрукаго человѣка, прежде чѣмъ тотъ успѣваетъ открыть все громадѣ. Послѣ этого онъ бѣжитъ изъ Тухли, увлекая за собой и дочь и пристаетъ къ монголамъ, о приближеніи которыхъ уже носились тревожные слухи. Съ небольшимъ отрядомъ монголовъ онъ нападаетъ на село въ то время, когда тухлинская молодежь, съ Максимомъ во главѣ, уничтожала его жилище и разбирала его домъ. Одного Максима щадили стрѣлы, вслѣдствіе слова, даннаго бояриномъ дочери. Онъ становится плѣнникомъ монголовъ. Взбѣшенный бояринъ, потерявшій почти весь свой отрядъ, возвращается къ монгольскому табору и уговариваетъ полководца Бурундая идти на Тухлю, обѣщая указать ему тамъ проходъ черезъ горы. Приводимъ картину одного изъ эпизодовъ нашествія варваровъ, чтобъ познакомить съ манерой автора.

„Монголы! Монголы!—и вслѣдъ за тѣмъ прибѣжали сторожевые люди, крича, что монголы въ безчисленномъ количествѣ показались въ долинѣ надъ Опоромъ. Теперь приходилось рѣшать немедленно, что дѣлать и какъ защищаться? Захаръ Беркутъ еще разъ сталъ на томъ, чтобы впустить монголовъ въ тухольскую котловину и тутъ, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, вырѣзать или выморить всѣхъ до одного.

Теперь не раздавалось уже возраженій противъ этого совѣта и быстро громада рѣшилась дѣйствовать. Всѣ устремились къ своимъ хатамъ, чтобъ прятать имущество въ лѣсахъ. Воины изъ сосѣднихъ селъ двинулись сейчасъ на противоположную сторону долины, чтобъ сдѣлать въ выходѣ изъ нея засѣки и не дать монголамъ туда пройдти. Страшный переполохъ сдѣлался въ селѣ. Крики, разсказы, распросы, ревъ воловъ и скрипъ деревянныхъ двухколесныхъ телѣгъ раздавались со всѣхъ концовъ, наполняя воздухъ какимъ-то стономъ, отдававшимся эхомъ въ горахъ. Съ тоской прощались тухольцы съ своими хатами, подворьями и огородами, съ засѣянными нивами, которыя сегодня же долженъ былъ истребить и вытоптать страшный нашлывъ монголовъ. Матери несли на рукахъ и вели своихъ плачущихъ дѣтей, отцы гнали скотъ, везли на телѣгахъ домашніе пожитки, мѣшки съ хлѣбомъ, одежу; облака пыли стояли надъ селомъ. Только горный потокъ шумѣлъ, какъ и всегда, серебряной волною.

Уже совсѣмъ опустѣло село. Хаты потонули въ вечернемъ туманѣ. Пыль улеглась на дорогѣ. Замолкли голоса и крики, какъ будто въ этой долинѣ никогда и не было жизни. Солнце садилось за тухольскія горы, утопая въ легкихъ, красноватыхъ облакахъ. Темные сосновые лѣса, окружавшіе Тухлю, шептали тихо, таинственно, какъ будто бесѣдовали о какой-то зловѣщей новости. Только земля, неизвѣстно почему, глухо стонала какъ-бы отъ отдаленнаго топоту. Въ воздухѣ, хоть чистомъ и ясномъ, переливались какіе-то необычайные, смѣшанные звуки, отъ которыхъ дрожь пронимала самаго смѣлаго. А далеко-далеко въ лѣсахъ, въ глубокихъ, темныхъ ярахъ, въ недоступныхъ чащахъ выли волки, отрывисто лаяли лисицы, блеяли олени, рычали туры. А въ селѣ такъ тихо, такъ мертво! А на небѣ такъ ясно и спокойно! Но нѣтъ! Вотъ свѣтъ потемнѣлъ отъ какой-то черной тучи. Эта живая туча сплошною массою движется съ запада, оглашая воздухъ дикимъ карканьемъ и спускаясь надъ Тухлей. Это вѣстники и не отступные спутники орды—хищные вороны тянутся безчисленными стадами, чуя ножину. Зловѣщее пернатое ополченіе билось въ воздухѣ, разрывалось огромными чорными платками и металось, какъ мечутся тучи передъ бурей. Мирныя кровли тухольскихъ хатъ въ одинъ мигъ покрылись чорными гостями и ихъ неумолчный клекотъ раздавался, какъ кипѣнье воды въ какомъ-то гигантскомъ котлѣ. Безъ словъ, неподвижно стояли тухольцы надъ обрывистыми берегами своей котловины, смотрѣли на отвратительныхъ птицъ и проклинали въ душѣ тѣхъ вѣщуновъ смерти и разоренія.

Но вотъ видъ измѣнился. Какъ вода, прорвавъ плотину, такъ начали вливаться въ котловину массы темнолицыхъ воиновъ, съ страшнымъ крикомъ. Ряды тѣснились за рядами, безъ конца и краю. Какъ вода внизу водопада, такъ остановили ь они, вышедши изъ тѣснины и стали устанавливаться въ длинные ряды, двигаясь свободно и заливая пустую равнину. Впереди всѣхъ, дорогою, ѣхалъ на бѣломъ конѣ огромный великанъ—Бурундай-бегадиръ, а рядомъ съ нимъ меньшій всадникъ, Тугаръ Нолкъ".

Опустѣлая Тухля разсвирѣпѣлыми хищниками была предана пламени и сравнена съ землей. Закованный въ цѣпи Максимъ сидѣлъ на сельской улицѣ во время пожара. Предъ нимъ горѣла его родная хата. Между тѣмъ Мирослава, еще до вторичнаго нападенія монголовъ на Тухлю, будучи не въ состояніи больше оставаться въ монгольскомъ лагерѣ съ измѣнникомъ-отцомъ и пользуясь правомъ свободнаго прохода черезъ кордонъ, бѣжала къ тухольцамъ. Здѣсь она принесла Захару Беркуту вѣсть о томъ, что сынъ его живъ. Старикъ, относившійся къ ней сперва недовѣрчиво, побѣжденъ былъ ея самоотверженіемъ, храбростью и умомъ. Когда завязалась битва съ монголами, Мирослава совѣтами, указаніями и личной дѣятельностью принесла великую пользу тухольцамъ. По ея наставленіямъ, ночью, устроены были изъ наскоро срубленныхъ деревьевъ метательныя орудія, осыпавшія камнями стоявшихъ въ долинѣ варваровъ. Но безпримѣрный успѣхъ выпалъ на долю тухольцевъ, благодаря мудрости Захара. По его совѣту заваленъ былъ каменными глыбами выходъ изъ котловины, и вода горнаго потока, не имѣя болѣе выхода, стала заливать долину, затопляя стоявшее на ней монгольское войско. Залитое водой и осыпаемое сверху камнями, погибло полчище Бурундая. На глыбѣ камней, по поясъ въ водѣ, стоялъ еще самъ предводитель, съ сотней воиновъ, между которыми былъ Тугаръ Вовкъ и плѣнный Максимъ. Его щадили до сихъ поръ, надѣясь цѣною его выдачи купить у тухольцевъ право спасенія хотя остатками войска. Но Захаръ Беркутъ отвергъ такую сдѣлку, рѣшившись лучше пожертвовать сыномъ, чѣмъ оставить горсть готовыхъ къ мести враговъ. Уже мечъ Бурундая занесся надъ головой плѣнника, но Тугаръ Вовкъ отрубилъ руку монгола. И Бурундай и Максимъ исчезли подъ водой. Прибывшіе на импровизированномъ плоту тухольцы спасли вынырнувшаго изъ воды монгольскаго плѣнника. Максимъ съ торжествомъ отведенъ былъ къ своимъ, къ потрясенному и умирающему отцу, гдѣ,—нужно-ли прибавлять?—испросилъ его благословенія на бракъ съ Мирославой. Старикъ не перенесъ погибели родного села, волненій и бѣдствій этой ужасной ночи. Онъ умеръ въ тотъ-же день на рукахъ дѣтей, обращаясь къ односельцамъ съ словами возвышеннаго напутствія. Вотъ эти слова, заключающія въ себѣ «мораль» разсказа:

„Братья! сегодняшняя наша побѣда имѣетъ для насъ великое значеніе. Чѣмъ мы побѣдили? Только-ли нашимъ оружіемъ? Нѣтъ. Одною-ли нашей хитростью? Тоже нѣтъ. Мы побѣдили нашимъ общественнымъ согласіемъ, единодушіемъ и дружностью дѣйствій. Не забывайте этого никогда! Пока будемъ жить въ общемъ согласіи, дружно держаться вмѣстѣ, несокрушимо стоять всѣ за одного и одинъ за всѣхъ, до тѣхъ поръ никакая вражеская сила не побѣдитъ насъ. Но я знаю, братья, и чуетъ это душа моя,

что то не былъ послѣдній ударъ на нашу общинную твердыню, что за нимъ послѣдуютъ другіе и разобьютъ въ концѣ концовъ нашу общину. Для нашего народа настанутъ тяжелыя времена. Отстранится братъ отъ брата, отмежуется сынъ отъ отца и начнутся великія междоусобія и раздоры въ русской землѣ и сокрушатъ они силу народную и попадетъ тогда народъ въ неволю чужимъ и своимъ собственнымъ грабителямъ, которые сдѣлаютъ изъ него покорнаго раба своихъ прихотей и рабочую скотину. Но среди тѣхъ невзгодъ вспомнитъ народъ свой давній общинный бытъ, и благо ему будетъ, если во время и быстро вспомнитъ онъ о немъ: это избавитъ его отъ цѣлаго моря слезъ и крови, отъ цѣлыхъ столѣтій неволи. Но рано или поздно онъ вспомнитъ непремѣнно жизнь своихъ предковъ и захочетъ пойти ихъ путемъ. Счастливъ тотъ, кому суждено будетъ жить въ тѣ дни! Это будутъ дни прекрасной весны, дни народнаго возрожденія!".

«Съ того времени, кончаетъ свою повѣсть г. Франко, многое измѣнилось. Но въ точности сбылись предсказанія стараго общинника. Великія напасти грозовыми тучами пронеслись надъ русскою землей. Давній общинный бытъ давно преданъ забвенію и казалось-бы похороненъ. Такъ нѣтъ-же! Не нашимъ-ли днямъ суждено видѣть, какъ онъ оживаетъ вновь? Не живемъ-ли мы въ ту счастливую пору возрожденія, о которой говорилъ умирающій Захаръ? О, пусть наше время будетъ хоть предразсвѣтными часами той счастливой поры!»

Мы по возможности подробно и близко изложили произведеніе молодого галицкаго писателя, такъ какъ, во первыхъ, съ талантомъ его у насъ совсѣмъ еще не знакомы, а во вторыхъ въ такомъ детальномъ изложеніи могутъ стать болѣе замѣтными какъ сильныя, такъ и слабыя стороны романа. Слабою частью надо признать нѣкоторую искуственность въ развитіи фабулы. Событія являются немного по щучьему велѣнію, какъ deus ex machina, и благополучный случай ждетъ непремѣнно героевъ въ самую критическую минуту. Подчасъ просвѣчиваетъ и даетъ себя чувствовать «мораль», тамъ гдѣ достаточно было-бы голоса однихъ художественныхъ образовъ. Но эти недостатки выкупаются симпатичностью всего замысла, оригинальностью и неподдѣльной поэзіей нѣкоторыхъ мѣстъ разсказа. Какъ на самыя сильныя страницы, можно указать на приведенный уже эпизодъ вторженія монголовъ и послѣдующій за нимъ пожаръ Тухли и на сцену языческаго моленія Захара, на разсвѣтѣ, передъ рѣшительной битвой. Эта сторона борьбы старо-давнихъ языческихъ понятій съ новыми, христіанскими, изображена вообще еще очень своеобразно. Захаръ, человѣкъ стараго вѣка, остается еще поклонникомъ силъ природы и шлетъ свою молитву къ солнцу, Дажьбогу,—источнику жизни. Образъ старого общинника наиболѣе удался автору и отъ него вѣетъ эпическимъ величіемъ.

Рисуя общинный строй и общую картину времени, г. Франко не стремится къ фактической точности и беретъ своими героями лицъ вымышленныхъ. Проводниками писателя въ тѣ давніе вѣка могли быть только народныя преданія и безхитростныя слова галицко-волынскаго лѣтописца. Страницы ипатьевской лѣтописи, полныя горячаго патріотизма и чувства, нашли въ душѣ романиста живой отголосокъ. Онъ ненавидитъ отвратительныхъ прошлыхъ хищниковъ не меньше своего древняго предшественника. «О злѣе зла честь татарская!» готовъ онъ воскликнуть вмѣстѣ съ нимъ и вмѣстѣ-же съ нимъ покарать горячимъ словомъ крамолы, бывшія «въ безбожныхъ боярѣхъ Галицкыхъ». Мотивъ борьбы боярства съ народомъ—не выдуманный, это историческій фактъ, гибельно отразившійся на судьбѣ юго-западной Руси на самой зарѣ ея историческаго существованія. Тамъ ранѣе всего сталъ образовываться туземный, мѣстный классъ угнетателей народа. «Здѣсь, говоритъ Н. И. Костомаровъ, прорывалось уже начало того панства, которое подъ польскимъ владычествомъ охватило страну и, противупоставивъ себя массѣ народа, вызвало наконецъ ея борьбу въ лицѣ козачества». Начавшись при Ярославѣ Осмомыслѣ и при Романѣ Мстиславовичѣ, боярская «крамола» усилилась особенно при Даніилѣ и на борьбу съ собой отвлекла силы этого князя, который при другихъ условіяхъ сдѣлалъ-бы, можетъ быть, болѣе для будущности своей страны и народа, такъ какъ былъ человѣкомъ рѣшительно выдающимся по уму и достоинствамъ, «бѣ бо, какъ говоритъ лѣтописецъ, дерзъ и храборъ, отъ главы и до ногу его не бѣ на немъ порока». Имя главнаго монгольскаго предводителя, названнаго въ разсказѣ г. Франко Бурундаемъ, принадлежитъ дѣйствительно историческому лицу, предводителю позднѣйшаго монгольскаго нашествія. Авторъ или взялъ Бурундая изъ народной легенды, всегда склонной къ вольному обращенію съ хронологіей, или назвалъ тѣмъ-же именемъ начальника какого-нибудь частнаго монгольскаго отряда. Лѣтописный Бурундай остался непобѣжденнымъ и верховодилъ въ галицко волынской землѣ, заставляя самихъ князей разрушать города. Такъ, по его приказанію, княземъ Василькомъ былъ разрушенъ городъ Володимеръ. Онъ былъ начальникомъ нашествія 1229 года.

Нельзя въ заключеніе не обратить вниманія на хорошій языкъ повѣсти г. Франко, какимъ вообще не особенно избаловали насъ галицкіе писатели. Онъ очень близокъ къ малорусской литературной рѣчи, если

не считать небольшаго количества мѣстныхъ словъ и нѣкоторыхъ особенностей. Къ этимъ вполнѣ законнымъ особенностямъ привыкаешь, впрочемъ, скоро и не потому только, что ко всему привыкнуть можно, но потому, что въ этомъ говорѣ, столь близкомъ къ украинскому, встрѣчаешь ту-же звуковую прелесть простонародной, «на лонѣ природы» выросшей рѣчи.

Г.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

РУССКАЯ СВЯТЫНЯ НА ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ.

Въ столицѣ папства, въ Римѣ, въ церкви св. Петра хранится таинственный образъ Спасителя. Никому онъ не доступенъ, никто его не видитъ и только три дня въ году,—въ среду, четвергъ и пятницу страстной недѣли, образъ этотъ выставляютъ для поклоненія молящимся, но... съ высоты подкупольнаго балкона. «Вблизи, говоритъ одинъ изъ нашихъ путешественниковъ по Риму, никто, кромѣ членовъ соборнаго причта, не можетъ видѣть этого образа. Даже вѣнценосцы западные не иначе были допускаемы до цѣлованія этой иконы, какъ по предварительномъ возведеніи ихъ въ санъ каноническъ св. Петра. Видѣвшіе-же этотъ образъ въ тѣ дни, въ которые его показываютъ, единогласно утверждаютъ, что сколько они ни напрягали свое зрѣніе, не могли, даже при помощи увеличительныхъ стеколъ, разглядѣть что либо, кромѣ какого-то чернаго пятна. А члены соборнаго причта, когда обращаются къ нимъ за разъясненіями относительно лика Спасителя на этомъ образѣ, обыкновенно отвѣчаютъ, что они не разсматривали его вблизи» [1]).

Что же это за таинственный образъ?

Въ эстампныхъ магазинахъ Рима продаются, по весьма не дорогой цѣнѣ, литографированные, различной величины, снимки съ него, а къ каждому снимку дается печатное на латинскомъ языкѣ,

---

[1]) Путеводитель по Риму, Вл. Мордвинова, 1875 г., стр. 36—37

за подписью одного изъ членовъ соборнаго причта, удостовѣреніе въ томъ, что снимокъ дѣйствительно сходенъ съ подлинникомъ, который называется изображеніемъ Спасителя, даннымъ отъ него св. Вероникѣ. Но это названіе въ свою очередь требуетъ объясненія. Надо сказать, что въ христіанской церкви съ первыхъ вѣковъ существовало преданіе о такъ называемомъ у насъ *нерукотворенномъ* образѣ Іисуса Христа, т. е. не писанномъ кистью художника, а чудесно отпечатлѣвшемся на холстѣ, которое Спаситель приложилъ къ своему лицу. По римскому преданію это изображеніе явилось такимъ образомъ. Когда Іисуса Христа вели на Голгофу для распятія и Онъ, изнемогая подъ тяжестію креста, обливался потомъ, шедшая въ толпѣ одна сострадательная дѣвица, по имени Вероника, подала Ему свой платокъ, чтобы Онъ могъ отерсть потъ, крупными каплями катившійся съ Его божественнаго лица. Спаситель отеръ потъ и возвратилъ платокъ, но на платкѣ Вероника увидѣла изображеніе лица божественнаго Страдальца. Иначе получилось это изображеніе по преданію восточной церкви. Современный Іисусу Христу едесскій царь Авгарь, слышавшій много о Его чудесахъ, пожелалъ списать съ Него портретъ и для того прислалъ къ Нему живописца. Живописецъ явился съ кистями, красками и холстомъ и объяснивъ, отъ кого и за чѣмъ присланъ, просилъ позволенія приступить къ работѣ. Спаситель взялъ холстъ, приложилъ къ своему лицу и отдалъ назадъ живописцу для передачи царю Авгарю. На холстѣ оказалось точное изображеніе Его лица. Какъ извѣстно, православная церковь ежегодно, 16 августа, празднуетъ память объ этомъ чудесномъ событіи и самомъ образѣ.

Напоминаетъ-ли собою то или другое преданіе окруженный таинственностью образъ Спасителя въ римскомъ соборѣ св. Петра?

Этого образа никто, какъ сказано выше, не видѣлъ и видѣть не можетъ; но есть копія съ него, притомъ очень древняя. Объ этой-то копіи мы нашли любопытныя свѣдѣнія въ одномъ старинномъ французскомъ изданіи половины XVIII ст., заключающемъ въ себѣ описаніе городовъ, королевскихъ дворцовъ, замковъ и болѣе замѣчательныхъ памятниковъ Франціи [1]). По тому, что говорится здѣсь о копіи, легко разгадать и самый подлинникъ, такъ тща-

[1]) Nouvelle Description de la France. Paris. 1753. T. I, pag. 427—430.

тельно скрываемый служителями Ватикана. Передадимъ вкратцѣ сообщеніе автора указаннаго описанія.

Въ женскомъ монастырѣ, называемомъ Montreuil-les-Dames, близъ г. Лаона [2]), у подошвы горы, на которой расположенъ этотъ городъ, славится убрусъ или платъ св. Вероники съ ликомъ Спасителя, привлекающій множество богомольцевъ изъ разныхъ мѣстъ. По мѣстному преданію подлинникъ этого изображенія на убрусѣ или на платѣ изъ Іерусалима принесенъ въ Римъ, гдѣ находится и нынѣ въ храмѣ св. Петра, а копія съ него, хранящаяся въ монастырѣ Montreuil-les-Dames, дана сюда въ 1246 году папою Урбаномъ IV, въ бытность его еще архидіакономъ Лаонскимъ и капелланомъ папы Иннокентія IV. Въ верхней части этого образа начертаны буквы I. C., X. C., которыя означаютъ *Іисусъ Христосъ*, а въ нижней виднѣется надпись, надъ прочтеніемъ которой долго и тщетно трудились многіе ученые. Патеръ Мобилльонъ, сообщая объ этой надписи въ одномъ изъ своихъ сочиненій, сознался, что характеръ ея письменъ остается неизвѣстнымъ. Впрочемъ онъ полагалъ, что здѣсь начертано слово *Abrasax*, употреблявшееся на талисманахъ или филактерахъ. Другой славный своею ученостію писатель, изслѣдовавъ эту надпись въ 1707 году, нашелъ, что это греческій спондаическій стихъ, но спустя 10 лѣтъ послѣ этого призналъ, что это стихъ гекзаметра. Кармъ Деноссэ (Carme Déchausse'), получившій названіе почетнаго патера св. Маріи, во 2 томѣ своихъ изслѣдованій о правилахъ критики помѣстилъ цѣлое разсужденіе объ этомъ изображеніи Спасителя и пришелъ наконецъ къ заключенію, что находящаяся на немъ надпись не греческая, а славянская. Такое свое мнѣніе этотъ ученый подкрѣплялъ отзывами москвитянъ, къ которымъ онъ обращался по сему предмету. Но авторитетъ ихъ не признанъ достаточнымъ для рѣшенія даннаго вопроса. Сомнѣніе ученыхъ оставалось-бы надолго еще неразрѣшеннымъ, если-бы не прибылъ въ Парижъ русскій царь Петръ Великій. Почтенный патеръ de S. Marie чрезъ маршала де Мессъ обратился тогда къ сопровождавшему царя князю Куракину съ просьбой взглянуть на мѣстно чтимый св. ликъ Спасителя и сказать, дѣй-

[2]) *Лаонъ — Laon*, въ древности *Lugdunum Clavatum* — епископскій городъ, былъ нѣкогда главнымъ городомъ Пикардіи.

ствительно-ли буквы, находящіяся на немъ, могутъ быть признаны за славянскія и что они означаютъ. Князь, которому французскій языкъ былъ извѣстенъ почти столько-же, какъ и русскій, письменно удостовѣрилъ, что находящіяся на иконѣ слова значатъ: «Образъ Спасителя или Господа, отпечатлѣнный на платѣ», или что тоже «Образъ Вероники». Это объясненіе оказалось совершенно согласнымъ съ отвѣтомъ, даннымъ прежде почтенному патеру однимъ москвитяниномъ, а бывшій у князей Нарышкиныхъ, во время пребыванія ихъ въ Парижѣ, духовникомъ монахъ прочелъ надпись такъ: *Образъ Господень на убрусѣ*, что по латыни значитъ: Imago Domini in lintea. Что русскій монахъ прочелъ безошибочно, въ этомъ удостовѣряетъ представляемое здѣсь *fac simile* надписи:

Въ заключеніе своего сообщенія авторъ упомянутаго выше описанія замѣчаетъ: «если подлинникъ изображенія дѣйствительно сходенъ съ его копіей, данной папою Урбаномъ IV монастырю Монтрель, то весьма сомнительнымъ должно быть то значеніе, которое усвояется хранящемуся въ церкви св. Петра въ Римѣ изображенію лика Спасителя на холстѣ, извѣстному *il Santo Sudario* (св. убрусъ) и ни для кого недоступному, а лишь въ нѣкоторые дни выставляемому предъ народомъ съ высоты подкупольнаго балкона».

Это сказано за 130-ть съ лишнимъ лѣтъ предъ симъ и еще раньше разъяснились и всѣ недоумѣнія относительно загадочной надписи на иконѣ Спасителя въ монастырѣ Монтрель, подлинникъ которой увезенъ въ Римъ. Но не смотря на то, служители Ватикана и доселѣ окружаютъ таинственностью этотъ образъ, выдавая его за святыню 1-го христіанскаго вѣка, ежегодно десятками тысячъ распродаютъ снимки съ него и печатныя удостовѣренія въ сходствѣ его съ подлинникомъ, а самый подлинникъ прячутъ отъ всѣхъ, не давая взглянуть на него никому и лишь однажды въ годъ показывая его съ высоты, можно сказать, птичьяго полета... Не потому-ли они такъ тщательно и скрываютъ этотъ образъ, что опасаются, какъ-бы кто не примѣтилъ на немъ славянской надписи?

Что образъ этотъ славянскаго, точнѣе русскаго происхожденія, въ этомъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе. Кѣмъ однако и когда могъ быть занесенъ во Францію, а оттуда въ Римъ нашъ *нерукотворенный образъ Спасителя?* Съ вѣроятностью можно полагать, что это одна изъ святынь, принесенныхъ во Францію въ XI вѣкѣ нашей княжной Анной Ярославной, супругой французскаго короля Генриха 1-го; копія съ нея въ XIII вѣкѣ оставлена въ монастырѣ Монтрель, а подлинникъ увезенъ въ Римъ французскимъ прелатомъ, вступившимъ на епископскую каѳедру въ Римѣ.

СЕРБЫ ВЪ КІЕВѢ.

(1753—1754).

Въ срединѣ прошлаго столѣтія, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ явилась мысль устроить въ сѣверной окраинѣ теперешней Новороссіи военное поселеніе преимущественно изъ австрійскихъ сербовъ, также изъ болгаръ, волоховъ и пр. Какъ извѣстно, раньше другихъ вышелъ изъ Австро-Венгріи Хорватъ и съ 1752 года принялся за поселеніе своихъ полковъ въ сѣверной части нынѣшней херсонской губерніи; за нимъ послѣдовали другія партіи сербовъ, подъ командой Шевича и Прерадовича, которыя поселены въ сѣверо-восточной части екатеринославской губерніи. Сербы—колонисты слѣдовали на Кіевъ, откуда ихъ и отправляли на мѣста, предназначенныя для поселенія. Хорватъ оставался въ Кіевѣ зиму 1751 г. и отправился въ свою Новую Сербію весною 1752 г., а Шевичъ съ Прерадовичемъ провели здѣсь 1753 годъ и только въ первыхъ числахъ августа 1754 г. тронулись въ путь. Этимъ продолжительнымъ пребываніемъ Шевича и Прерадовича въ Кіевѣ объясняется документальный слѣдъ ихъ, оставшійся въ видѣ связки дѣлъ, съ которой мы познакомились, благодаря любезности А. А. Андріевскаго. Большинство документовъ связки представляютъ «доношенія» и указы касательно выдачи денежныхъ суммъ и потому не имѣетъ важности; но мы отобрали нѣсколько такихъ, которые характеризуютъ нѣкоторыя стороны внутренней жизни будущихъ колонистовъ, ихъ взаимныхъ отношеній и самый способъ ихъ отправленія. Все это—мелочи, конечно, но мелочи, не лишенныя интереса.

Поселившись въ Кіевѣ временно, въ ожиданіи передвиженія, сербы предались пресловутой славянской розни. Главнымъ поводомъ для нея было взаимное переманиваніе людей изъ одной команды въ другую, отъ чего не отставалъ и Хорватъ, хотя его въ это время не было уже въ Кіевѣ.

Прерадовичъ переманилъ у Шевича троихъ гусаръ; тотъ жаловался военной коллегіи; военная коллегія приказала, чтобы Прерадовичъ возвратилъ гусаръ по принадлежности и чтобы впередъ чужихъ людей не переманивалъ, потому что такіе за нимъ зачисляемы не будутъ, а старался-бы комплектовать свою команду вызовомъ изъ-за границы (16 ноября 1753 г.).

Но оказывались безсильными и указы военной коллегіи. Вслѣдъ за указомъ, Прерадовичу опять удалось переманить изъ команды своего соперника какого-то капрала. Послѣдовала жалоба, за нею новый указъ; въ результатѣ получилось «доношеніе» кіевскому вице-губернатору слѣдующаго содержанія: 16 января 1754 г. команды генералъ-майора Шевича подполковникъ Шевичъ отправилъ къ Прерадовичу адъютанта съ просьбою прислать двухъ офицеровъ для выслушанія указа военной коллегіи; Прерадовичъ послалъ капитановъ Радовановича и Губера; когда они пришли къ подполковнику Шевичу, то капитанъ Шевичевой команды, Юзбаша, назвалъ перебѣжавшаго капрала шпіономъ и добавилъ, что его надо бить батожьемъ, чтобы онъ изъ команды не уходилъ; парламентеры оскорбились и одинъ изъ нихъ, Радовановичъ, съ чувствомъ достоинства замѣтилъ, что онъ съ Губеромъ присланы не съ Юзбашею разговаривать, а выслушать указъ ея императорскаго величества; въ отвѣтъ на это, Юзбаша, восточная кровь котораго вскипѣла, представилъ резоны не словесно, а дѣйствіемъ: бросился на Радовановича, «билъ по щекамъ, и таскалъ за волосы и лицо все ободралъ до крови, а потомъ секундъ-маіоръ Шевичъ прискоча, такожъ и прочіе оберъ-офицеры и офицеры и гусары, таскали за волосы», пока Радовановичъ не спасся на квартиру подполковника Шевича. Прерадовичъ съ своей стороны не оставилъ этого дѣла, а просилъ вице-губернатора «куда надлежитъ представить» о происшествіи, изъ опасенія обидъ, «а паче смертнаго убивства». Чѣмъ кончилась распря—не извѣстно.

А вотъ волошенинъ Аѳанасій Коры перекочевываетъ изъ Новой Сербіи къ тому-же Прерадовичу, какъ-бы въ утѣшеніе за понесенную его офицеромъ обиду. Этотъ Аѳанасій очень хотѣлъ выбиться въ аристократію. Онъ вывелъ въ Новую Сербію девять волоховъ и одного грека, всего десять человѣкъ, «съ такимъ намѣреніемъ, чтобы за то награжденъ былъ по вступленіи въ службу какимъ по разсмотрѣнію рангомъ»; но Хорватъ ни чина не доставилъ предпріимчивому колонизатору, ни издержекъ не возвратилъ: вотъ причина, побудившая Коры перейти къ Прерадовичу.

Утѣшившись въ горѣ, Прерадовичъ опять принялся за свое. 24 марта 1754 г. Шевичъ жаловался, что пятеро его гусаръ, «по наущенію и подговору постороннихъ, многія упрямства и ослушности приставленнымъ надъ ними вахмистрамъ чинятъ» и отказываются явиться за жалованьемъ, говоря, что они въ командѣ Прерадовича и жалованье получаютъ отъ него; Шевичъ, указывая на то, что до сихъ поръ эти гусары жалованье получали у него, о чемъ, замѣчалъ онъ, правительствующему сенату и военной коллегіи извѣстно, не безъ ядовитости прибавлялъ: «а чтобъ таковыхъ въ другую команду отдать, о томъ ни откуда указа у меня не имѣется»; поэтому онъ просилъ предписать Прерадовичу возвратить перешедшихъ къ нему гусаръ. О послѣдствіяхъ жалобы не знаемъ.

Бывали случаи, когда, не смотря ни на что, удавалось Прерадовичу оттягать у противника людей. Такъ, собираясь въ путь, 23 іюля онъ доноситъ вице-губернатору, что къ его командѣ причислено трое гусаръ «изъ *спорныхъ* команды генералъ-майора Шевича», и проситъ увеличить число подводъ.

Интриговалъ въ Кіевѣ и Хорватъ черезъ своихъ агентовъ. 29 іюля подполковникъ его команды Дмитрій Перичъ обратился въ кіевскую губернскую канцелярію за справкою о томъ, по какой срокъ выдано жалованье четыремъ называемымъ имъ гусарамъ команды Шевича: они, «по желанію ихъ», находятся въ Новой Сербіи, и Хорватъ хлопочетъ въ сенатѣ объ опредѣленіи ихъ къ себѣ на службу. Подобную-же справку дѣлалъ послѣ и самъ Хорватъ о четырехъ другихъ гусарахъ, «дезертировавшихъ» отъ Шевича, и кіевская губернская канцелярія удовлетворила просьбу.

У всѣхъ троихъ генераловъ чувствовалась нужда въ людяхъ, надо было кѣмъ нибудь комплектовать полки, потому что выведены

ими едва какія нибудь сотни людей, а надобность предстояла въ тысячахъ. Поэтому-то съ такимъ азартомъ они охотились за людьми, поэтому такъ настойчиво просили начальство ловить бѣглецовъ. Губернская канцелярія предписывала объявлять о бѣглыхъ съ барабаннымъ боемъ, а пойманныхъ забивать въ ручныя и ножныя колодки и присылать немедленно; иногда посылались въ погоню гусары-же. Такое свѣдѣніе имѣемъ отъ 1753 г. о прапорщикѣ Дмитріѣ Марковичѣ, котораго, послѣ по возвращеніи изъ неудачной поѣздки за границу, обвиняли въ ограбленіи жидовки, ѣхавшей съ фастовской ярмарки; было наряжено по этой жалобѣ слѣдствіе, но явныхъ уликъ не оказалось; однако истица опредѣлительно заявляла, что ограблена гусарами.

Понятно, что при такой крайней нуждѣ въ гусарахъ, они своевольничали, зная, что не тутъ, такъ тамъ будутъ приняты съ распростертыми объятіями. Интересно напр. слѣдующее «доношеніе», поданное въ губернскую канцелярію муровщикомъ Яковомъ Бубликомъ: изъ 25 работниковъ, данныхъ ему, четверо бѣжали и были замѣнены другими; одинъ изъ бѣжавшихъ, Кирилъ Шапочникъ, явился въ Кіевъ и записался «въ новобранные сербы», по документальному выраженію,—и, ставши «Сербомъ», напалъ на домъ Бублика, разорилъ и обидѣлъ его (подробностей въ документѣ нѣтъ); не удовольствовавшись и тѣмъ, 13 декабря 1753 г. встрѣтилъ Бублика на улицѣ, напалъ съ «другими» сербами и «хотѣлъ ободрать», но тотъ откупился полтиною; Бубликъ утверждаетъ, что Шапочникъ ни сербъ, ни волохъ, а слобожанинъ, въ чемъ, конечно, нельзя и сомнѣваться. Видно, сербскимъ командамъ не приходилось брезговать и такими самозванными сербами.

Но вотъ, наконецъ, послѣ долгихъ междоусобій, колонисты собираются въ путь. Вѣрный своему праву, Прерадовичъ просилъ отправить его раньше Шевича, на томъ основаніи, что въ его командѣ все обстоитъ благополучно, а въ командѣ его соперника предстоитъ еще разбирать какіе-то споры. Однако, къ обидѣ его, раньше выѣхалъ Шевичъ, а не онъ.

Отправка ихъ не обошлась безъ затрудненій. Надобно было всего 405 подводъ; изъ этого числа 100 подводъ по закону обязанъ былъ поставить магистратъ, остальное число разложено было на кіевскіе монастыри, съ 8 дворовъ по 1 подводѣ; пора была

рабочая (конецъ іюля), раскладка сдѣлана только на правобережныя волости, и потому какъ консисторія, такъ и монастыри согласились удовлетворить требованіе на подводы со стѣсненнымъ сердцемъ, прося выдать впередъ прогоны и увѣдомить, до какихъ мѣстъ наряжаются подводы, а когда вице-губернаторъ потребовалъ добавочныхъ 12 подводъ, духовная консисторія отказала, ссылаясь на то, что повинность должна лечь на весь кіевскій полкъ; указывая, что магистратъ принимаетъ на себя слишкомъ малую долю подводъ и наконецъ жалуясь, что передъ тѣмъ съ великою нуждою поставлены подводы и работники для работъ въ Новой Сербіи, консисторія просила прислать въ копіи указъ, которымъ подобныя повинности налагаются только на правобережныя вотчины.

По требованію губернской канцеляріи, войсковая канцелярія разослала приказы по полкамъ, чтобы сербскимъ командамъ, во время слѣдованія черезъ полки, ставилось достаточное число подводъ и наряжались коммисары для сопровожденія ихъ.

Наконецъ въ первыхъ числахъ августа двинулся Шевичъ; Прерадовичу пришлось подождать нѣсколько дней, за недостаткомъ подводъ. По отъѣздѣ ихъ, Хорватъ заявилъ еще о 13 гусарахъ, «дезертировавшихъ» отъ Шевича еще во время пребыванія послѣдняго въ Кіевѣ; заявилъ о нихъ и на этотъ разъ не съ цѣлью возвратить, а, наоборотъ, присвоить. Впрочемъ и по отъѣздѣ Шевича, съ самаго мѣста его поселенія побѣги продолжались. Ему, замѣтно, въ этомъ не везло,—быть можетъ оттого, что онъ былъ скромнѣе другихъ.

ВОЛЫНСКАЯ БЫВАЛЬЩИНА.

Въ мѣстныхъ архивахъ, при бѣгломъ ихъ осмотрѣ, намъ удалось найти нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о дѣлахъ и лицахъ той поры, когда край нашъ присоединялся къ Россіи послѣ распаденія Польши. Они не имѣютъ между собою близкой связи и мы передадимъ ихъ въ порядкѣ простой нумераціи.

1) Въ настоящее время болѣе и болѣе разъясняется, что при возсоединеніи нашего края съ остальной Россіей нѣкоторыя имѣнія, принадлежавшія польской коронѣ и находившіяся во времен-

номъ или пожизненномъ владѣніи нѣкоторыхъ пановъ, обращены ими въ свою личную собственность. Незнаніе русскими властями законовъ и обычаевъ вновь присоединеннаго края, завѣдомый обманъ со стороны низшихъ властей и сообщеніе ими невѣрныхъ свѣдѣній о землевладѣніи и пр., были причиною того, что нѣкоторыя казенныя имѣнія остались въ частномъ владѣніи.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, генералъ-лейтенантъ русской службы, князь Сангушко 2-й, заявилъ, что ему принадлежитъ г. Кременецъ и приноситъ ежегодно дохода 50 тысячъ польскихъ злотыхъ. Дошло дѣло до сената, который, усмотрѣвъ, что сообщеніе о принадлежности Кременца князю Сангушко сдѣлано только на основаніи показанія, даннаго управляющимъ имѣніями Сангушко, поручилъ произвести по этому дѣлу новое разслѣдованіе.

Бывшій въ то время волынскимъ вице-губернаторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ казенной палаты, Грохольскій донесъ военному губернатору минской, подольской и волынской губерніи, графу Гудовичу, что г. Кременецъ не принадлежитъ Сангушко, а находится у него въ дожизненномъ владѣніи на правѣ старостинскомъ. Вѣроятно это добросовѣстное разслѣдованіе Грохольскаго и спасло г. Кременецъ изъ частнаго владѣнія.

2) Около 1798 года возникло подозрѣніе о томъ, что наши жиды, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ жидами заграничными, а особенно французскими, усвоили себѣ тотъ взглядъ на Бонапарта, что «якобы онъ есть Мессія, долженствующій освободить народы отъ рабства». Завѣдывавшій въ то время нашимъ краемъ, графъ Гудовичъ, предписалъ секретно всѣмъ начальникамъ округовъ наблюдать за образомъ мыслей нашихъ евреевъ по отношенію къ Бонапарту. Никакихъ свѣдѣній объ этомъ начальники округовъ Гудовичу не сообщили; но надо полагать, что евреи, находясь въ постоянномъ ожиданіи Мессіи, дѣйствительно обращали свои мечты и на Бонапарта. Затѣмъ, когда Наполеонъ, сдѣлавшись французскимъ императоромъ, постоянными войнами препятствовалъ правильному ходу торговыхъ дѣлъ, а реквизиціями и всесословными рекрутскими наборами сильно огорчалъ всѣхъ капиталистовъ и особенно евреевъ, то становится весьма понятнымъ, почему евреи во время нашествія Наполеона не особенно ему сочувствовали и даже дѣлали довольно серьезныя пожертвованія на военныя надоб-

ности въ пользу русскаго правительства, представляя въ этомъ отношеніи совершенную противуположность помѣщикамъ, которые одни только изъ всѣхъ сословій волынской губерніи отъ пожертвованій на военныя надобности въ 1812 году отказались и въ свою очередь смотрѣли на Наполеона, какъ на Мессію. Къ сожалѣнію, во время нашествія Наполеона, помѣщики производили замѣшательства, заявляя то изъ того, то изъ другаго уголка губерніи о мнимыхъ возстаніяхъ крестьянъ противъ владѣльцевъ и требуя для усмиренія ихъ военную силу. Политика хорошо расчитанная: поставить въ непріязненное отношеніе крестьянское народонаселеніе къ властямъ и постоянно безпокоить и разобщать наши войска посылкой отдѣльныхъ отрядовъ для усмиренія мнимыхъ бунтовъ крестьянъ.

3) Лѣтомъ 1795 года распространились на Волыни слухи, что чернь намѣрена рѣзать шляхту и евреевъ и что днемъ всеобщаго избіенія назначенъ праздникъ св. Петра и Павла 29-го іюня. Многіе помѣщики сообщили объ этомъ брацлавскому губернатору Берхману, требуя строгихъ мѣропріятій противъ крестьянъ и посылки войскъ для усмиренія бунтовщиковъ. Но Берхманъ къ такимъ заявленіямъ отнесся очень осторожно и предварительно отправленія военной силы по просьбѣ помѣщиковъ, затребовалъ свѣдѣнія отъ начальниковъ округовъ, а особенно винницкаго, такъ какъ слухи объ избіеніи шляхты и евреевъ шли преимущественно изъ этого округа. Оказалось впослѣдствіи, что слухи эти неизвѣстно кѣмъ распущены: бригадиръ и кавалеръ Исаевъ слышалъ отъ вице-губернатора Кублицкаго, а Кублицкій отъ судьи кіевскаго воеводства Ивановскаго, сей-же послѣдній никакъ не могъ припомнить, отъ кого дошли къ нему слухи о предполагаемомъ избіеніи шляхты и евреевъ.

4) Въ 1794 г. нѣкто Сафоновъ, какъ видно, лице оффиціальное, донесъ по начальству, что профессора житомірской католической академіи на вечеринкѣ у ксендза Венціовскаго пили за здоровье Костюшки. Губернаторъ Шереметевъ поручилъ предсѣдателю уголовной палаты Батурину произвести по сему предмету строгое разслѣдованіе. Но при допросѣ профессоровъ и ксендзовъ на Сафонова полетѣло столько грязи и завѣдомой лжи, что бѣдный доноситель на профессоровъ и ксендзовъ, не имѣя, вѣроятно, понятія

о людяхъ, съ которыми пришлось ему вести дѣло, горько раскаялся въ своемъ неосторожномъ сообщеніи по начальству.

Одинъ изъ ксендзовъ показалъ, а остальные ксендзы и профессоры подтвердили, что незадолго передъ этимъ они имѣли въ виду подать губернатору на Сафонова меморіалъ, что онъ взялъ у нихъ пять эстамповъ, изображающихъ два образа и три портрета и по требованію не возвратилъ, что онъ, Сафоновъ, также взялъ у нихъ шкатулку, погребецъ, ланкарту для путешественниковъ Царства Польскаго и два червонца, и по требованію ихъ также не возвратилъ, а чтобы предупредить на него жалобу послалъ доносъ. Кончилось тѣмъ, что ксендзы и профессоры вышли сухи изъ воды, а Сафоновъ обвиненъ въ ложномъ доносѣ. Да и какъ было повѣрить, что ксендзы и профессоры могли пить за здоровье Костюшки...

5) Русскій посланникъ графъ Панинъ извѣщалъ изъ Берлина начальника присоединеннаго края графа Гудовича, что Костюшко, оставивъ свое мирное пребываніе въ Америкѣ, появился въ Парижѣ, изъ котораго затѣмъ отправился неизвѣстно куда, подъ именемъ Дюфренуа. Одни говорили, что онъ выѣхалъ въ Гамбургъ, съ намѣреніемъ отправиться въ бывшую Польшу, для возмущенія своихъ соотечественниковъ, забывъ данное имъ обѣщаніе не служить противъ Россіи, другіе-же полагали, что онъ ѣдетъ въ Италію, для соединенія съ извѣстнымъ Домбровскимъ. Вслѣдствіе такого сообщенія, графомъ Гудовичемъ было сдѣлано строгое распоряженіе о томъ, чтобы начальники округовъ наблюдали за появленіемъ между помѣщиками какихъ-либо воззваній или подозрительныхъ лицъ и въ особенности было усилено наблюденіе по границѣ. Поэтому, хотя и были попытки со стороны нѣкоторыхъ мечтателей и почитателей Костюшки пробраться на Волынь изъ Польши съ цѣлью поднятія бунта противъ Россіи, иногда въ составѣ небольшихъ вооруженныхъ шаекъ, какъ напр. шайка подъ предводительствомъ шамбеляна Деньска; но эти шайки немедленно были уничтожаемы занимавшими границу донскими козаками.

6) Шамбелянъ Деньско, «кой нынѣ», какъ доносилъ 14 октября 1794 года губернатору Шереметеву секундъ-маіоръ Евдокимъ Степановъ, «называется бригадиръ», принадлежалъ къ старой южно-русской дворянской фамиліи, окатоличившейся и ополячив-

шейся, вмѣстѣ съ прочими волынскими и русскими дворянами, въ XVI столѣтіи. Онъ былъ помѣщикъ с. Лысогорки, близъ м. Ямполя, кременецкаго уѣзда. Послѣ разбитія Суворовымъ арміи Костюшки, остатки ея разсѣялись по всей Польшѣ и подъ предводительствомъ различныхъ безпокойныхъ личностей стремились прорваться и на Волынь, предполагая найти здѣсь удобную почву для своего, какъ они думали, еще не потеряннаго дѣла, несмотря на извѣстное изреченіе Костюшки: «*finis Poloniae*». Деньско съ шайкою болѣе 300 вооруженныхъ воиновъ бродилъ по границѣ ровенскаго и дубенскаго уѣзда. Вотъ какія свѣдѣнія о его шайкѣ даны однимъ изъ невольныхъ участниковъ въ его затѣяхъ.

Шляхтичъ Жабинскій, слѣдовавшій за границу по порученію своего довѣрителя князя Четвертинскаго, былъ захваченъ шайкою Деньска. По показанію Жабинскаго, шайка состояла болѣе, чѣмъ изъ 200 человѣкъ; при ней было четыре плѣнныхъ русскихъ солдата, въ синихъ мундирахъ съ красными обшлагами; ни одинъ изъ плѣнныхъ не былъ раненъ. При дальнѣйшихъ переходахъ шайки, Жабинскій услышалъ въ лѣсу мелкую перестрѣлку, а затѣмъ вскорѣ привели къ обозу донскаго козака, котораго одинъ изъ бунтовщиковъ тутъ-же застрѣлилъ въ упоръ изъ ружья. Затѣмъ привели къ обозу другого донскаго козака, въ богатомъ козацкомъ одѣяніи, котораго также застрѣлили, отобравъ у него предварительно вещи и деньги. Шайка продолжала двигаться по направленію къ Дубно и перешла муравицкую дорогу, идущую отъ Тарговицы и Дубно къ Варковичамъ. Здѣсь попался отряду ѣхавшій верхомъ донской козакъ, котораго также схватили; но когда одинъ изъ бунтовщиковъ взялся за ружье, чтобы застрѣлить козака, также какъ и первыхъ двухъ, то козакъ сильно увернувшись, вырвался и скрылся въ лѣсу, такъ что мятежникъ не успѣлъ и выстрѣлить по немъ. Отсюда опять поворотили къ Дубно, перешли р. Икву, ночевали при с. Садкахъ. Деньско распустилъ свой обозъ и усилилъ маршъ; видя, что Жабинскій, имѣя грыжу, не можетъ слѣдовать за отрядомъ, Деньско отпустилъ его. Отправляясь по направленію къ Ровно, Жабинскій видѣлъ отрядъ русскихъ войскъ, очевидно разыскивающихъ бунтовщиковъ.

На этомъ оканчиваются показанія Жабинскаго; но о дальнѣйшей судьбѣ Деньска есть еще сказаніе.

Отрядъ Деньска увеличился присоединеніемъ къ нему еще другихъ мелкихъ шаекъ польскихъ мятежниковъ; но близъ м. Козина былъ разбитъ русскими войсками. Затѣмъ Деньско съ своимъ отрядомъ направился къ г. Кременцу; но подъ Кременцемъ настигъ его донской козачій отрядъ подъ командой подполковника Ребрикова и окончательно разсѣялъ шайку Деньска. Козаки, преслѣдуя Деньска, направились въ его имѣніе Лысогорку; но тамъ его уже не нашли; убѣжалъ изъ имѣнія также и коммисаръ Деньска, Александровичъ. Начались допросы; оказалось, что многіе изъ крестьянъ Деньска находились въ шайкѣ мятежниковъ; но были забраны туда насильно. Затѣмъ Деньско очутился въ предѣлахъ Турціи и, тоскуя по родинѣ, находился въ постоянномъ сношеніи съ Волынью, посредствомъ жидовъ. Фамилія Деньска угасла, кажется, вмѣстѣ съ нашимъ героемъ; но отъ родныхъ его по женской линіи намъ приходилось слышать, что по просьбѣ сенатора графа Ильинскаго Деньскѣ было разрѣшено возвратиться въ Россію и представиться императору Павлу I-му. Плѣнившись красивой и осанистой наружностью Деньска, императоръ наградилъ его чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а взамѣнъ конфискованной Лысогорки подарилъ большое селеніе «Гетманцы» на Подольѣ, кажется, балтскаго уѣзда.

7) Въ 1800 году состоялось Высочайшее повелѣніе о высылкѣ за границу французскихъ монаховъ ордена траппистовъ, главный религіозный подвигъ которыхъ состоялъ въ обѣтѣ молчанія. Высочайшее повелѣніе о высылкѣ траппистовъ мотивировано тѣмъ соображеніемъ, что траписты принимаютъ къ себѣ на воспитаніе дѣтей мужскаго пола и не обучаютъ ихъ ничему другому, какъ только подвигу «молчанія», почему повелѣно учениковъ траппистовъ, взявъ изъ монастырей, возвратить на прежнее ихъ мѣсто жительства. Въ волынской губерніи траписты находились въ двухъ монастыряхъ, въ то время еще уніатскихъ, жидичинскомъ, луцкаго уѣзда и дерманскомъ, дубенскаго уѣзда. Обязанность высылки траппистовъ за границу, чрезъ радзивиловскую таможню, была возложена на фискала волынской губерніи, надворнаго совѣтника Маньковскаго. Изъ представленнаго Маньковскимъ списка высланныхъ за границу траппистовъ видно, что въ дерманскомъ монастырѣ было траппистовъ:

Хорныхъ священниковъ . . . . . 7 человѣкъ.
Братіи . . . . . 10 »

Послушниковъ или служителей	3	человѣка.
Учителей	4	»
Обучающихся, отъ 10 до 26 лѣтъ. . .	29	»
Всего . .	53	»

Въ жидичинскомъ:

Хорныхъ священниковъ	11	человѣкъ.
Братіи	10	»
Учителей	12	»
Учащихся, отъ 8 до 17 лѣтъ	27	»
Всего . .	60	»

Замѣчательно, что всѣ ученики трапистовъ оказались иностранными подданными и названы французскими фамиліями, такъ что учениковъ изъ мѣстныхъ жителей, по изысканіямъ Маньковскаго, оказалось только 10-ть, которые и возвращены въ свои дома. Видно, что школы трапистовъ не были пустыми и обучали въ нихъ не одному молчанію; но странно, что при высылкѣ трапистовъ за границу всѣ ихъ ученики, даже до десятилѣтняго возраста, оказались французами и выѣхали за границу, а мѣстныхъ учениковъ оказалось будто-бы только 10 человѣкъ.

И. А. Шафарукъ.

ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ, КАКЪ ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ.

Въ 1838 году вышло правительственное распоряженіе объ изданіи въ губернскихъ городахъ офиціальныхъ печатныхъ листовъ, или вѣдомостей. Правила изданія Губернскихъ Вѣдомостей предписывали различать отдѣлы офиціальный и неофиціальный. Въ первый входили всякаго рода административныя распоряженія и предписанія должностныхъ лицъ. Границы неофиціальнаго отдѣла были строго опредѣлены. Статьямъ полемическимъ и беллетристическимъ доступъ въ Губернскія Вѣдомости былъ строго воспрещенъ. Нельзя не признать разумности этого запрещенія. И въ столичныхъ журналахъ тридцатыхъ годовъ полемика стояла на низкой ступени личныхъ нападокъ, клеветы и брани. Тѣмъ менѣе могла обстоять благополучно и прилично провинціальная полемика. Несомнѣнно, она

выродилась-бы въ сплетничество. Беллетристика была также совсѣмъ не по плечу областной офиціальной печати. Лучшее, чего можно было ожидать отъ провинціальной беллетристики тридцатыхъ годовъ,—это сентиментальныя повѣстушки и хвалебные стишки разнымъ чиновнымъ милостивцамъ. Правила совѣтовали помѣщать въ неофиціальномъ отдѣлѣ вѣдомостей статьи по мѣстной археологіи, исторіи и этнографіи. Тридцатые годы были временемъ пробужденія въ русскомъ образованномъ обществѣ склонности къ археологическимъ и историческимъ изслѣдованіямъ, временемъ дѣятельности графа Румянцова, Строева, Востокова. Правительственное указаніе редакціямъ Губернскихъ Вѣдомостей о помѣщеніи статей археологическихъ, этнографическихъ и историческихъ, отвѣчало желаніямъ наиболѣе просвѣщенныхъ русскихъ людей того времени. Много позже, лѣтъ на тридцать, такое желаніе высказывалось самими редакціями Губернскихъ Вѣдомостей. Такъ въ 38 № Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1864 г. редакція съ провинціальной развязностью и словоохотливостью ставитъ такой упрекъ мѣстнымъ, т. е. иркутскимъ пишущимъ людямъ: «статьи этнографическія у насъ рѣдкость; мы больше склонны къ писанію à la Щедринъ (!); насъ все пороки людскіе занимаютъ; мы и Губернскія Вѣдомости старались-бы превратить въ газету сатирическую по преимуществу. А между тѣмъ въ интересахъ края не ощущается именно въ этомъ надобности, при избыткѣ сатирическаго элемента во всѣхъ почти журналахъ и газетахъ и въ особенности при существованіи газетныхъ корреспонденцій.

Не подлежитъ сомнѣнію, что большая часть Губернскихъ Вѣдомостей на длинномъ протяженіи 47 лѣтъ, отъ 1838 до 1885 года, представляетъ бумажный хламъ, обращенный практичными провинціалами на обертку сальныхъ свѣчей и вяленой рыбы. Но въ общей громадной массѣ областныхъ вѣдомостей встрѣчаются весьма цѣнные номера, цѣнные именно для этнографа и историка. Перелистывая Губернскія Вѣдомости пятидесятыхъ, шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ въ петербургской публичной библіотекѣ, гдѣ, кстати замѣтить, только и можно отыскать за старые годы Губернскія и разныхъ областей Вѣдомости, я довольно часто находилъ въ этихъ изданіяхъ драгоцѣнныя въ историческомъ отношеніи замѣтки. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ.

Для историка русскихъ народныхъ вѣрованій интересно напечатанное въ 64 № «Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1864 года донесеніе псковскаго уѣзднаго священника Яковлева 1783 года о поклоненіи крестьянъ его прихода соснѣ. Яковлевъ доносилъ псковской духовной консисторіи: «усмотрѣно де имъ въ Зачеренскомъ погостѣ, въ церковной оградѣ, на бую, близъ храма, за часовнею лежитъ спадшая великая похиловая сосна съ нѣсколькими на маковкѣ струтѣвшими (?) сучьями, оберегаемая отъ прельщеннаго невѣжествующаго народа, чрезвычайною отмѣнностью почитаемая; на которую сосну отъ окольностей собирающееся повсегда множество народа къ празднуемой іюля мѣсяца въ разныхъ числахъ Ильинской пятницѣ приносятъ обѣты свои слѣдующіе: шерсть, сыры, масло, хлѣбы, свѣчи, кои свѣчи на той соснѣ прилѣпленныя палятся, и иные капли съ тѣхъ свѣчъ собираютъ себѣ въ тряпочки и въ домы свои носятъ для незнаемыхъ выгодъ; иные отъ той сосны отламываютъ себѣ гнилушки и берутъ въ домы яко бы для излѣченія животныхъ отъ болѣзней». По просьбѣ консисторіи, намѣстническое правленіе приказало военной командѣ срубить сосну и сжечь. Дополненіемъ къ этому документальному свидѣтельству о сохранившемся мѣстами поклоненіи народа деревьямъ можетъ служить корреспонденція изъ г. Славянска, напечатанная въ 174 № «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1880 года. «3 іюля по нашему городу пронесся слухъ, говоритъ корреспондентъ, что будто въ саду одного мѣстнаго обывателя, близъ минеральныхъ водъ, появился какой-то мальчикъ въ красной шапочкѣ, трехъ четвертей росту. Мальчикъ этотъ будто-бы обладаетъ свойствами сверхъестественными; онъ, напримѣръ, внезапно является, внезапно исчезаетъ; для взрослыхъ онъ невидимъ. Послѣднее обстоятельство варьировалось, впрочемъ, различнымъ образомъ; говорили, что онъ является изъ дупла дерева и видимъ только мужчинами; другіе увѣряли, что онъ прыгаетъ по деревьямъ... Иные стали утверждать, что мальчикъ говоритъ; но говоритъ только съ другимъ мальчикомъ, сыномъ хозяйки сада. Послѣдній мальчикъ 8—10 лѣтъ увѣряетъ каждаго, что онъ не одинъ разъ бесѣдовалъ уже съ чудеснымъ мальчикомъ въ красной шапочкѣ. 4 іюля къ мѣсту явленія мальчика хлынула масса любопытныхъ. Наши набожныя старушки начали уже таскать пироги къ дуплу дерева, клали деньги и восковыя свѣчи. Дерево срубили, въ дуплѣ ничего

не оказалось; но мальчикъ, сынъ хозяйки, клянется, что онъ не одинъ разъ говорилъ съ чудеснымъ мальчикомъ. Показанія мальчика подтверждаетъ парень лѣтъ 18, который будто-бы видѣлъ однажды мальчика въ красной шапочкѣ и хотѣлъ поймать его; но тотъ внезапно исчезъ. Въ это время въ городѣ былъ уѣздный исправникъ, который посѣтилъ мѣсто происшествія». — Между донесеніемъ Яковлева и корреспонденціей изъ Славянска лежитъ промежутокъ времени въ сто лѣтъ; одно извѣстіе идетъ изъ сѣверной Россіи, другое изъ Россіи южной, и однако какое поразительное сходство между ними! Въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ объ очевидномъ проявленіи языческихъ вѣрованій и языческихъ жертвъ, причемъ въ обоихъ случаяхъ обнаруживается вмѣшательство администраціи.

Значительное число небольшихъ статей и замѣтокъ о южнорусскихъ народныхъ повѣрьяхъ разбросано въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» пятидесятыхъ годовъ. Такъ въ № 22 1859 г. Томинъ приводитъ интересный народный разсказъ объ ужѣ. Ужа не слѣдуетъ трогать; въ противномъ случаѣ, если его обидѣть, онъ отомститъ. Въ доказательство мстительности ужа приводится слѣдующее: однажды мужикъ, поправляя свою комору, нашелъ подъ гнилымъ столбомъ яйца ужа, взялъ ихъ и спряталъ. Ужъ поползъ въ погребъ и напустилъ отраву въ молоко. Мужикъ не захотѣлъ уничтожать яицъ ужа и положилъ ихъ на прежнее мѣсто. Провѣдавъ объ этомъ, ужъ быстро поползъ въ погребъ и вывернулъ отравленное молоко на землю. Въ 23 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1859 г. П. С. Ефименко сообщаетъ нѣсколько народныхъ повѣрій о волкахъ, о томъ, что волки дѣлятся по уѣздамъ, имѣютъ своего бога Палисуна и высшимъ управителемъ св. Георгія. «Святый Юръ звиря пасе».

Наплывъ историческаго и этнографическаго матеріала въ тѣ или другія Губернскія Вѣдомости является спорадически, по мѣрѣ того, какъ появляется тамъ или здѣсь страстный и вмѣстѣ свободный любитель археологіи и этнографіи. Такъ въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ оставилъ въ этомъ отношеніи слѣды своего нахожденія не удѣлъ извѣстный В. И. Аскоченскій, въ Черниговскихъ отмѣтилъ время своей тамъ службы А. М. Лазаревскій, въ Архангельскихъ записалъ годы своего заточенія П. П. Чубинскій, и т. д., и т. д.

Болѣе, кажется, этнографическаго, чѣмъ строго историческаго матеріала находимъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ,—множество загадокъ, пословицъ и особенно пѣсенъ. Встрѣчается много описаній свадебныхъ обрядовъ. Такъ въ 23 и 24 №№ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1880 годъ помѣщенъ весьма интересный этнографическій очеркъ свадебныхъ обычаевъ устюгскаго уѣзда. По какой-то счастливой случайности, въ библіографической литературѣ оказывается хорошій указатель напечатанныхъ въ Губернскихъ Вѣдомостихъ статей о свадебныхъ обрядахъ. Указатель этотъ составленъ Якушкинымъ и носитъ названіе «Обычное право». Нужно замѣтить, что описанія свадебъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ грѣшатъ однообразнымъ изложеніемъ, пропускомъ важныхъ бытовыхъ подробностей и, за немногими исключеніями, пропускомъ пѣсенъ.

Что касается былевыхъ и семейно-родственныхъ пѣсенъ, напечатанныхъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, то между ними встрѣчаются искусственныя, ошибочно принятыя за пѣсни народныя; такова, напримѣръ, малорусская пѣсня: *Ой вийшла зоря*, сообщенная Косменкомъ въ № 24 Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1861 г. Весьма дѣльное и основательное критическое и историко-литературное изложеніе пѣсенъ мы встрѣтили только въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ конца 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ. Изложеніе это сдѣлано г. Новицкимъ. Такъ въ 87 № этихъ Вѣдомостей за 1867 г. находится пѣсня: *Родився Травинъ сынъ на чужинѣ самъ одинъ*, представляющая интересный варіантъ пѣсни о «Травинѣ сынѣ», напечатанной позднѣе въ V т. «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край». У Чубинскаго Травинъ сынъ коситъ въ степу одинъ. Онъ увидѣлъ табунъ лошадей, погналъ ихъ въ Ротмистровку и продалъ за сорокъ тысячъ. Наѣхали паны, поймали Травина сына, связали его, заковали въ цѣпи и отдали въ Черкасахъ въ солдаты. Въ варіантѣ, записанномъ Новицкимъ, Травинъ сынъ родился на чужбинѣ. Онъ имѣлъ «стадовья» (рѣдко встрѣчающееся малорусское слово), продалъ ихъ на базарѣ и собралъ много золота и серебра. Онъ сталъ громко звать своего брата. Его поймали, связали и въ тюрьму посадили. Неожиданно явилась дѣвушка съ черными глазами и серебряными ключами. Она выпустила заключенныхъ въ темницѣ, а Травина сына вывела за руку на улицу. Въ 76 № тѣхъ-же Вѣдомостей за

1871 г. Новицкій напечаталъ три варіанта малорусской пѣсни о состязаніи коня съ орломъ, причемъ въ примѣчаніи пѣсня эта отнесена къ козацкому періоду южно-русской исторіи; въ 104 № напечатана пѣсня объ отравленіи брата сестрою и при этомъ указаны пункты сходства этой пѣсни съ пѣснями сербскими, чешскими и польскими. Г. Новицкій полагаетъ, что пѣсня объ отравленіи брата сестрою занесена въ Малороссію сербами въ XVIII ст. Въ 106 № г. Новицкій помѣстилъ 4 варіанта пѣсни о женитьбѣ сына на матери и указалъ сходную сербскую пѣсню о Находѣ Симеунѣ. Вообще, малорусскія пѣсни, напечатанныя г. Новицкимъ въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, замѣчательны какъ по содержанію, такъ и по остроумнымъ историко-литературнымъ примѣчаніямъ Новицкаго.

Не желая дѣлать настоящую статью обширной и спеціальной, прохожу молчаніемъ Минскія Губернскія Вѣдомости 1865 г., гдѣ напечатана масса бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ, Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1859 съ малорусскими пѣснями, собранными г. Ефименкомъ въ харьковской губерніи, Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1861 г., гдѣ находится много малорусскихъ пѣсенъ, сообщенныхъ Лавренкомъ, Дорошенкомъ и Косменкомъ, Гродненскія Губернскія Вѣдомости 1868 г., гдѣ въ №№ 23—36 напечатаны бѣлорусскія пѣсни съ соблюденіемъ фонетическихъ особенностей; прохожу молчаніемъ также народныя загадки, напечатанныя Носомъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1861 г. Нельзя не сказать хоть двухъ словъ о сборникахъ пословицъ, напечатанныхъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1857 и 1859 гг. Шишацкимъ-Иличемъ и П. С. Ефименкомъ. Сборники эти очень маленькіе; но заслуживаютъ вниманія потому, что нѣкоторыя пословицы сопровождаются объясненіемъ. Есть, дѣйствительно, пословицы очень темныя, объясненіе которыхъ издателемъ со словъ народа необходимо, напримѣръ: «годуй мене до Ивана, а я зроблю съ тебе пана (хозяинъ долженъ кормить дома скотъ по крайней мѣрѣ до 19 апрѣля,—дня Іоанна Ветхопещерника); «Иванъ несе плахту, а Настя булаву» (историческая пословица, намекающая на слабохарактерность гетмана Скоропадскаго, которымъ помыкала жена его Настасья); «мовчи видьма! каяньска ты дочка»! (приводится народный разсказъ о происхожденіи вѣдьмъ отъ Каина); «що пьяна жинка, що скажена кишка, що зъ Баришполя чоловикъ—то все

одно» (Борисполь—мѣстечко переяславскаго уѣзда, полтавской губ., жители котораго отличаются задорливостью и страстью къ тяжбамъ).

Историко-литературный интересъ представляетъ малорусскій разсказъ о цыганѣ въ 29 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1859 г. У цыгана было денегъ всего одинъ шагъ, и вотъ онъ накупилъ на него хрѣну. Ѣсть бѣдный, слезы изъ глазъ катятся, а онъ все уплетаетъ хрѣнъ, приговаривая: «бачили чортови очи, що куповали». Подобнаго рода разсказъ, какъ извѣстно, легъ въ основаніе повѣсти Квитки-Основьяненка: «Пархимово снидание».

Въ южно-русскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, харьковскихъ, черниговскихъ, полтавскихъ и др., находится довольно много историческаго, археологическаго и этнографическаго матеріала. Такъ, въ первомъ № Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1838 г. находится статья Квитки: «Краткое историческое свѣдѣніе о харьковской губерніи». Впослѣдствіи въ Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ были помѣщены статьи о харьковскомъ коллегіумѣ, о городищахъ, о В. Н. Каразинѣ, о Запорожьѣ. Въ 1853 г. г. Лазаревскій помѣстилъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ біографическую статью о замѣчательныхъ людяхъ Малороссіи. Въ 1855 г. Геннади напечаталъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ дополненіе къ этой статьѣ. Въ №№ 20—21 тѣхъ-же Вѣдомостей за 1859 г. появились добавочныя дополненія Григорія Милорадовича. Въ № 24 Милорадовичъ помѣстилъ списокъ иностранныхъ сочиненій о Малороссіи съ 1855 до 1857 г. Весьма важнымъ и любопытнымъ матеріаломъ для бытовой украинской исторіи представляются старинныя духовныя завѣщанія или «духовницы», помѣщенныя г. А. Лазаревскимъ въ 19 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1857 г. Въ этихъ «духовницахъ» находится подробное перечисленіе предметовъ стариннаго домашняго быта, перечисленіе, бросающее яркій свѣтъ на домашнюю жизнь украинскаго панства конца XVII и начала XVIII ст. «Духовницы» интересны также съ историко-юридической точки зрѣнія. «Духовницы» начинаются длинными разсужденіями о кратковременности человѣческой жизни, а оканчиваются цѣлымъ громомъ проклятій противъ того, кто дерзнетъ нарушить выраженную въ духовномъ завѣщаніи волю умершаго. «А на остатокъ, говорится въ концѣ духовницъ, замыкаючи сей моей остатней воли тестаментъ, въ таковый способъ оный обва-

ровую: да будетъ проклятъ анаѳема и маранафа вшеляки въ якомъ колвекъ пунктѣ параграфъ оный нарушитъ и да низверженъ будетъ силою Всевышняго Бога до ада преисподняго живо, и да постигнетъ его тутъ въ временномъ житіи казнь Божія, а въ будущемъ пекельная да ожогнетъ его мука, каждого, кто только важитеметця оный нарушити»...

Черезъ три года исполнится пятидесятилѣтіе существованія Губернскихъ Вѣдомостей. Пятьдесятъ лѣтъ въ жизни органа печатнаго слова срокъ большой. Губернскія Вѣдомости сослужили свою просвѣтительную службу, да,—просвѣтительную. Нельзя не признать, что эти скромныя изданія вносили въ провинціальную глушь кое-какія свѣдѣнія о мірѣ и людяхъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ числѣ Губернскихъ Вѣдомостей встрѣчаются Вѣдомости хорошо поставленныя и разумно веденныя, такія напримѣръ содержательныя газеты, какъ Вѣдомости харьковскія, екатеринославскія и нѣкоторыя другія. Можно надѣяться, что редакціи Губернскихъ Вѣдомостей ознаменуютъ пятидесятилѣтній юбилей Вѣдомостей составленіемъ указателя ихъ содержанія за все пережитое ими время. Это было-бы прямой услугой наукѣ. Въ настоящее время такихъ указателей нѣтъ или почти нѣтъ. Мы знаемъ только одинъ указатель,—къ Владимірскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ, составленный Тихонравовымъ, и слышали еще, что есть указатель Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, но о послѣднемъ только слышали. Указатель Тихонравова составленъ довольно хорошо и могъ-бы послужить до нѣкоторой степени образцомъ (находится въ петербургской публичной библіотекѣ). Тотъ планъ и распорядокъ содержанія, по какому составленъ указатель содержанія Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, нуждается въ измѣненіи, въ расширеніи, согласно съ мѣстными, краевыми особенностями извѣстныхъ Вѣдомостей. Такъ нѣкоторыя Вѣдомости имѣли свою исторію, и потому не лишнимъ представляется сообщеніе при указателѣ краткой исторической записи.

Время отъ времени въ печати проходитъ слухъ, что Губернскія Вѣдомости въ скоромъ времени подвергнутся преобразованію. Тутъ могутъ быть предъявлены многія пожеланія и требованія, болѣе или менѣе основательныя, и въ числѣ такихъ требованій навѣрно крупное мѣсто займетъ требованіе приблизить Губернскія

Вѣдомости къ массѣ народной. Въ интересахъ этнографіи и исторіографіи вообще, въ особенности этнографіи и исторіи южно-русской, намъ представляется желательнымъ сохранить и, болѣе того, расширить тѣ требованія, которыя были заявлены и выражены въ правительственныхъ правилахъ при самомъ возникновеніи Вѣдомостей, именно требованія этнографическія, историческія и археологическія. Желательно, при этомъ, чтобы малорусскія преданія, пѣсни, заговоры, загадки, историческія сказанія, дневники и письма не были отвергаемы потому только, что изложены языкомъ того народа, среди котораго возникли и сохраняются. Въ строгой наукѣ факты или явленія жизни и слова, ихъ выражающія, неотдѣлимы одно отъ другаго, и полнота смысла и значенія открывается только въ ихъ внутреннемъ органическомъ соединеніи.

Н. Сумцовъ.

ПРЕБЫВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го ВЪ КІЕВѢ ВЪ 1816 Г.

Объ этомъ памятномъ Кіеву посѣщеніи его императоромъ Александромъ помѣщено было въ минувшемъ году въ «Русскомъ Архивѣ» извлеченіе изъ письма бывшаго тогда намѣстника кіево-печерской лавры, впослѣдствіи архіепископа воронежскаго Антонія Смирницкаго, перепечатанное въ нѣкоторой части во всѣхъ почти газетахъ. Помимо того разсказывается объ этомъ-же посѣщеніи въ статейкѣ *Кіевской Старины,* помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ того-же года, подъ заглавіемъ: *Кіевскія Лѣтописныя Замѣтки XVIII и XIX ст.* Шестидневное пребываніе этого государя въ Кіевѣ (съ 7-го по 12-е сентября) описано Миславскимъ очень кратко. Но и это своего рода находка для лѣтописной исторіи Кіева. Ибо время съ 1812 по 1830 г. лишено лѣтописныхъ замѣтокъ о кіевскихъ событіяхъ и у Закревскаго, и у Сементовскаго. На основаніи записи Миславскаго исправляется напр. ошибка Аскоченскаго, который, упоминая вкратцѣ о пребываніи императора Александра 1-го въ Кіевѣ, между прочимъ говоритъ: «день *2-го сентября* навсегда останется памятнымъ въ лѣтописяхъ кіевской академіи, т. е. вслѣдствіе посѣщенія ея Александромъ 1-мъ. Оказывается, что этотъ день былъ не 2-го сентября, а 11-го.

Любителямъ лѣтописной исторіи Кіева пріятно будетъ узнать, что существуетъ *подробное описаніе* пребыванія императора Александра въ Кіевѣ въ 1816 г. Мы нашли его лѣтомъ 1883 г. въ архивѣ одной изъ сельскихъ церквей подольской губерніи, именно въ селѣ *Слободо-Вербки*, ольгопольскаго уѣзда. Туда занесъ его какой-нибудь изъ старыхъ кіевскихъ студентовъ-академистовъ; ибо въ архивѣ томъ нашлись и проповѣди нѣкоторыхъ учителей старой кіевской академіи, напр. *Стефана Семяновскаго*. Старый священникъ села *Слободо-Вербки Ѳома Новицкій*, коего бумаги преимущественно составляютъ архивъ церкви этого села, очевидно, имѣлъ сношенія съ кіевскою академіею. Самое *описаніе* это принадлежитъ, по всей вѣроятности, перу какого-нибудь кіево-академическаго учителя. Оно, кромѣ сообщенія многихъ подробностей пребыванія Александра I-го въ Кіевѣ, интересно вообще для характеристики этого государя, особенно со стороны его *религіозности*, которая наложила на него свою сильную и неизглядимую печать послѣ великихъ событій *отечественной войны*. Къ сожалѣнію, рукопись *описанія* не вездѣ осталась въ цѣлости... Именно, къ концу, гдѣ описывается посѣщеніе государемъ кіевской академіи, чернила совсѣмъ поблекли—отъ сырости, и нельзя ничего разобрать. Впрочемъ видно, что до конца рукописи уже оставалось немного. Вотъ это краткое описаніе.

«Достовѣрное извѣстіе о въѣздѣ, пребываніи и выѣздѣ Его Императорскаго Величества изъ Кіева въ 1816 году.

7-го сентября, въ 4 часа по полудни, начался звонъ въ одинъ колоколъ въ лаврѣ, и митрополитъ во всемъ облаченіи съ архимандритомъ и двадцатью парами іеромонаховъ въ богатыхъ ризахъ вышли во святыя врата, и ожидали Его Императорскаго Величества. Лишь только узнали, что Государь въ Красномъ трактирѣ остановился для обозрѣнія лавры съ той стороны Днѣпра,—вдругъ въ лаврѣ и во всемъ городѣ ударили во всѣ колокола. Всякая встрѣча со стороны военной и гражданской была запрещена. Его Величество ѣхалъ тихонько въ открытой дорожной коляскѣ съ княземъ Волконскимъ, въ шефскомъ конно-егерскомъ мундирѣ, и прибылъ къ святымъ лаврскимъ вратамъ въ совершенные сумерки. Колокольня и весь монастырь освѣщены были плошками, а у всѣхъ іеромонаховъ были въ рукахъ бѣлыя горящія большія свѣчи. Митрополитъ привѣтствовалъ Его Величество комплементомъ (рѣчью) и началось шествіе въ церковь,

освѣщенную всѣми, гдѣ только ни находятся, лампадами, при пѣніи всѣми духовными и пѣвчими стиха: *Днесь блюдать св. Духа насъ собра* и прочая. Приближившись къ церковнымъ дверямъ, Государь отдалъ свою шпагу генералъ-адъютарту Уварову и, положивши троекратные земные поклоны, приложился къ образу чудотворныя Богоматере и мощамъ, почивающимъ въ большой церкви, предводимъ будучи митрополитомъ; во время лобызанія пѣвчіе пѣли: *Достойно есть*, а по облобызаніи Государь сталъ не на приготовленномъ для него подлѣ праваго клироса тронѣ, но подлѣ онаго, и пропѣта эктенія малая и многолѣтіе.

Послѣ сего Государь поѣхалъ въ пріуготовленный для него домъ г. Оболонскаго, ибо дворецъ, хотя совершенно очищенъ и поправленъ послѣ саксонцевъ, но какъ никто еще тамъ не жилъ, то и разсудили всѣ остановиться Государю тамъ, гдѣ и ангелоподобный братъ Его останавливался. Дорога отъ лавры до квартиры Государя была иллюминована и домы всѣ.

8-го сентября, въ день рождества Божія Матере, Государь былъ въ разводѣ предъ дворцемъ. Весь генералитетъ пѣшкомъ, кромѣ верхами государя, графа Сакена, прибывшаго на сей случай изъ Полтавы, графа Милорадовича, князя Волконскаго и ген. Уварова. Послѣ разводу Государь прибылъ въ Софійскъ въ 11 часовъ для слушанія литургіи. Встрѣченъ былъ въ колокольнѣ отъ митрополита комплементомъ, архимандритами и знатнѣйшимъ духовенствомъ. Прибывши въ церковь, приложился къ иконамъ и почивающимъ мощамъ и слушалъ всю обѣдню, стоя почти неподвижно, кромѣ поклоненія при изображеніи креста. Обѣдня была пѣта вся напѣвомъ простымъ по присланнымъ книжкамъ изъ Синода,—пять человѣкъ Государевыхъ пѣвчихъ пѣли вмѣстѣ съ архіерейскими, справившись поутру: и самъ Государь, стоя подлѣ клироса, подпѣвалъ низко баскомъ. По окончаніи обѣдни, Государь осматривалъ митрополичью ризницу и удостоилъ его въ комнатахъ его—угощаемъ былъ богатымъ *столомъ*—завтракомъ. Толпа людей подлѣ дома архіерейскаго была чрезвычайна. Лишь только Государь сѣлъ въ коляску, вдругъ раздалось повсемѣстно: ура! Въ сей день Государь обѣдалъ у себя съ своимъ штатомъ. Въ вечеру Государь подъ именемъ князя Волконскаго посѣтилъ невидящаго совершенно схимника въ лаврѣ *Вассіана* (что былъ нѣкогда казначеемъ въ академіи—*Вавила*) въ глубокія

сумерки; побесѣдовавъ съ нимъ предовольно, какъ поклонникъ, по самымъ словамъ Государевымъ, ищущій путей спасенія, просилъ дать ему исповѣдь, что и совершено, и потомъ созналъ свое имя. Туда въ 9 уже часовъ призванъ намѣстникъ лавры *Антоній Смирницкій* и удостоился говорить съ Государемъ по откровенности. Затѣмъ Государь удалился въ квартиру.

9-го сентября, въ 7 часовъ утра Государь изволилъ ходить по пещерамъ съ намѣстникомъ и казначеемъ только, да съ княземъ *Волконскимъ* и *Вилье*, лейбъ-медикомъ, и благоговѣйно прикладался ко всѣмъ мощамъ, разспрашивалъ о житіи всякаго святого съ удивленіемъ, како Господь удиви вся хотѣнія своя въ нихъ. По полудни въ часъ митрополитъ съ духовенствомъ допущенъ на аудіенцію: отъ академіи архимандриты—ректоръ и префектъ съ богато-оправленною одою; отъ лавры—старцы съ иконою, хлѣбомъ и книгами; отъ собора—протоіерей *Снигиревичъ* и ключарь *Семяновскій* съ иконою и хлѣбомъ; отъ флоровскаго—монахини съ иконою и хлѣбомъ, и все принято было ласково. Къ вечеру у генерала корпуснаго *Раевскаго* былъ на балу, данномъ на большомъ государевомъ дворцѣ, и участвовалъ въ танцахъ съ хозяйкою Раевскаго, покойнаго Прозоровскаго женою и статсъ-дамою Браницкою.

10-го сентября за золотыми воротами, что на Старомъ Кіевѣ дѣлалъ смотръ тремъ полкамъ, гдѣ проходило войско два раза мимо его величества церемоніальнымъ маршемъ. Въ 11 часовъ изволилъ прибыть въ лаврскую большую церковь для слушанія литургіи, которую совершалъ митрополитъ; и приказано было отъ его величества пѣть обѣдню лаврскимъ напѣвомъ, и совершали одни монахи по обѣихъ клиросахъ, и Государю сіе пѣніе понравилось и утверждено навсегда для одной лавры. Государь въ сей день былъ въ полномъ генеральскомъ мундирѣ безъ всякихъ лентъ, кромѣ звѣзды и англинской подвязки, чему подражали всѣ генералы. Послѣ обѣдни, въ архіерейскомъ лаврскомъ домѣ Государь угощаемъ былъ богатымъ завтракомъ; но онъ, кромѣ одной рюмки шампанскаго и одного пирожка, ничего не употреблялъ. Митрополитомъ

лавры. выѣхалъ къ подольскимъ лавкамъ,

на фроловскомъ монастырѣ, былъ въ андреевской церкви и въ михайловскомъ монастырѣ. Послѣ обѣда Государь осматривалъ прежнюю крѣпость и арсеналъ, а къ вечеру

былъ на балу, данномъ кіевской губерніи дворянствомъ, въ красномъ мундирѣ, въ чулкахъ, башмакахъ и участвовалъ въ танцахъ съ княгинею Шуйскою и прежде сказанными дамами. Потомъ, уѣхавши изъ дому дворянскаго, призвалъ лаврскаго намѣстника въ кабинетъ свой, возложилъ на него бриллiантами украшенный крестъ, равно поручилъ для доставки такой-же крестъ и схимнику, яко духовному своему отцу.

11 сентября въ 10 часовъ чрезъ полковника гвардіи посланы были митрополиту отъ Государя бриллiантовыя знаки Андрея Первозваннаго и объявлено симъ полковникомъ, что Государь изволитъ быть въ академіи послѣ обѣда въ 4 часа. Предъ обѣдомъ осматривалъ Государь крѣпость, ходилъ часа четыре пѣшкомъ. . . . былъ въ военномъ госпиталѣ...

Наступало вожделѣнное время посѣщенія его академіи» . .

. . . . . .

Сообщ. **Левъ Мацѣевичъ.**

СЛѢДЫ ПОСЕЛЕНІЯ ЗАПОРОЖЦЕВЪ ВЪ СВАНЕТІИ.

(*Изъ письма въ редакцію*).

Въ почтенномъ вашемъ изданіи за 1882 годъ, въ іюньской книжкѣ сдѣлано было крайне любопытное сообщеніе о живущихъ и въ настоящую пору въ Банатѣ потомкахъ запорожцевъ, неизмѣнно сохранившихъ свою вѣру, языкъ и обычаи, рѣзко отличающіе ихъ отъ окружающаго ихъ венгерско-сербскаго поселенія. Къ сожалѣнію, это сообщеніе, давая точныя свѣдѣнія о времени поселенія тамъ запорожцевъ и первоначальномъ ихъ устройствѣ и положеніи, содержитъ лишь слабыя и случайныя указанія на мѣсто нахожденія и положеніе ихъ потомковъ. Тѣмъ не менѣе и эти указанія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что подъ режимомъ цесарско-австрійскимъ и подъ гнетомъ венгерскимъ, совершенно изолированно, живутъ потомки вольныхъ запорожцевъ, лишь въ позднѣйшее время, къ немалому своему удивленію, узнавшіе о томъ, что невдалекѣ отъ нихъ, въ Галиціи находятся люди, говорящіе однимъ съ ними языкомъ и имѣющіе книги на томъ-же, природномъ и имъ языкѣ. Никто однако не взялся подробно изслѣдовать этотъ любо-

пытнѣйшій оазисъ малорусской жизни въ мадьярско-нѣмецкой Сахарѣ.

Г. Кондратовичъ въ своемъ драгоцѣнномъ изслѣдованіи о Сѣчи задунайской, помѣщенномъ въ вашемъ изданіи 1883 года, говоря, со словъ уцѣлѣвшаго 120 лѣтняго запорожца Ананіи Коломыйца, о выселеніи запорожцевъ послѣ 1775 г. въ Турцію, Австрію и даже якобы и на островъ Мальту, ни словомъ не упоминаетъ о выселеніи ихъ въ какое-либо другое мѣсто, въ такую напр. неприступную, холодную горную страну, какова Вольная Сванетія, хотя, понятно, не за Дунаемъ можно было искать преданія объ этомъ. А между тѣмъ фактъ выселенія нѣкоторой части запорожцевъ въ Вольную Сванетію имѣетъ за собою нѣкоторыя основанія и при тщательныхъ поискахъ могъ-бы быть установленъ и болѣе прочно.

Не давно попали мнѣ въ руки Записки полковника Бартоломея, который еще при императорѣ Николаѣ Павловичѣ былъ командированъ въ Вольную Сванетію, съ цѣлію привлечь и ее въ такую-же зависимость отъ русской власти, въ какую уже приведена была Княжеская или Дадешкеліановская Сванетія. Записки эти изданы были отдѣльной книжечкой въ 90 стр. въ 8-ю долю листа, подъ заглавіемъ: «Поѣздка въ Вольную Сванетію полковника Бартоломея въ 1853 году». Въ самомъ концѣ обращенія къ читателю отъ редакціи и находится упоминаніе объ интересующемъ насъ предметѣ. Привожу его цѣликомъ.

«Оканчивая печатаніе сочиненія полковника Бартоломея, редакція получила отъ автора еще нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія и замѣчанія. «Тамъ, гдѣ я говорю, пишетъ намъ авторъ, о сходствѣ Дадаша Курбіани съ портретомъ одного изъ малороссійскихъ гетмановъ, слѣдуетъ дополнить, что мнѣ случалось слышать на Кавказѣ, будто въ Вольной Сванетіи, въ Муллакѣ, живутъ потомки запорожцевъ, бѣжавшихъ туда неизвѣстно въ какое время. На одной изъ старинныхъ картъ Кавказа я даже видѣлъ въ верховьяхъ Ингура надпись: *мулаки или запорожцы*. Но кромѣ случайнаго сходства Дадаша Курбіани, о которомъ я упомянулъ и которое, конечно, ничего не доказываетъ, въ муллакскомъ обществѣ нѣтъ никакого признака, отличающаго здѣшнихъ сванетовъ отъ жителей прочихъ сванетскихъ обществъ въ верховьяхъ Ингура и Цхенисцхали».

Въ добавокъ къ этому отдаленному и недостаточно опредѣленному сообщенію мнѣ удалось получить на дняхъ новыя и болѣе рѣшительныя указанія на тотъ-же предметъ. Сынъ бывшаго владѣтельнаго князя Сванетіи Куансинъ Дадешкеліани въ случайномъ разговорѣ о его родинѣ передавалъ мнѣ, что когда онъ поступалъ въ ставропольскую гимназію для обученія и ему попались на глаза въ Ставрополѣ какія-то картины, изображавшія малороссіянъ и запорожцевъ, то его, никогда не видавшаго этого племени, поразило сходство изображенныхъ лицъ въ костюмахъ и другихъ типическихъ особенностяхъ съ видѣнными имъ въ дѣтствѣ жителями трехъ сельскихъ обществъ, живущихъ и доселѣ въ Вольной Сванетіи, не подчинявшейся никакимъ князьямъ. Впослѣдствіи во время своихъ поѣздокъ по Сванетіи онъ посѣщалъ эти общества и на мѣстѣ получилъ отъ тамошнихъ жителей свѣдѣнія, что они не тамошніе аборигены, а вышли съ Кубани въ лицѣ своихъ предковъ. Вѣроисповѣданія они православнаго, по говорятъ языкомъ туземцевъ, а изъ обычаевъ у случайнаго туриста осталось въ памяти лишь обыкновеніе ихъ подбривать голову вокругъ и чубъ распускать по бритой уже головѣ. Общества эти: Мужальское, Мулакское и Местійское; всѣ члены ихъ называютъ себя выходцами съ Кубани.

Сопоставляя сообщеніе полковника Бартоломея, въ особенности его упоминаніе о названіи *запорожцы* на старинной картѣ Кавказа, съ тѣми свѣдѣніями, какія вскользь брошены кн. Дадешкеліани, нельзя не видѣть въ общей ихъ совокупности вѣскаго указанія на слѣды поселенія запорожцевъ въ Вольной Сванетіи. Можно сожалѣть, что ни тотъ, ни другой не занялись нарочитымъ и обстоятельнымъ наблюденіемъ надъ языкомъ, вѣрованіями, преданіями, обычаями и домашнимъ бытомъ членовъ названныхъ обществъ. Быть не можетъ, чтобы во всемъ этомъ не оказалось другихъ болѣе существенныхъ указаній на ихъ пришельство, если они сами считаютъ себя пришлецами. Впрочемъ князь Дадешкеліани собирается съ наступленіемъ лѣта вновь посѣтить свою родину, и я надѣюсь, что онъ не откажетъ моей просьбѣ нарочито побывать въ названныхъ выше поселеніяхъ и собрать обстоятельныя и подробныя свѣдѣнія объ ихъ происхожденіи и настоящемъ видѣ. Если въ нихъ дѣйствительно утратились всѣ признаки малорусской рѣчи, то это можно объяснить развѣ тѣмъ предположеніемъ, что сюда забрели

истые безъсемейные сѣчевики, что здѣсь они переженились на туземкахъ и что настоящее ихъ потомство произошло отъ смѣшанныхъ браковъ. Подобное перерожденіе, по словамъ очевидцевъ, постигаетъ не только единичныхъ русскихъ, попадающихъ въ Польшу и женящихся на полькахъ, но и переселяющихся туда семьями и обществами нѣмцевъ. Тутъ дѣло не въ культурѣ, а въ изолированности переселенцевъ отъ сродныхъ имъ элементовъ жизни и продолжительности воздѣйствія элементовъ иноплеменныхъ. Языкъ матери является въ такихъ случаяхъ главнымъ и рѣшающимъ факторомъ.

Г. Лебединецъ.

1 янв. 1885 г.
Уроч. Манглисъ.

А. Ѳ. Кистяковскій.

(*Некрологъ*).

Въ ночь съ 12 на 13 генваря совершенно неожиданно смерть вырвала изъ нашей среды, не богатой умственными силами и нравственными качествами, еще одну крупную научную и общественную силу, еще одного талантливаго и честнаго дѣятеля. Безжалостно унесла она въ могилу человѣка, еще полнаго умственныхъ силъ и энергіи, обѣщавшаго многое сдѣлать для русской науки, и унесла въ тотъ моментъ, когда онъ готовился подарить насъ рядомъ трудовъ по самымъ интереснымъ и для *ученаго* юриста, и въ особенности для историка, вопросамъ. Унесла она лучшаго, выдающагося изъ профессоровъ кіевскаго университета, одного изъ самыхъ симпатичныхъ людей, и оставила мѣсто, занимаемое Александромъ Ѳедоровичемъ, какъ ученымъ, профессоромъ и человѣкомъ, пустымъ...

15 генваря, въ послѣдній разъ, но уже бездыханный оставлялъ Александръ Ѳедоровичъ горячо любимый имъ университетъ. Тридцать съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, вступалъ онъ въ него, въ качествѣ студента, исполненный надеждъ, богатый молодыми силами, и почти ни разу не оставлялъ уже его. Въ немъ онъ воспитался, въ немъ началъ и кончилъ свою учено-педагогическую дѣятельность, ему посвящалъ всецѣло всѣ свои силы. Искренно и горячо предан-

ный своей родной almae matris, дорожившій ея успѣхами и процвѣтаніемъ, онъ не могъ и не рѣшался бросить ее, разорвать съ нею связи даже въ самыя тяжелыя для него лично дни, въ минуты тяжелыхъ испытаній, горькихъ разочарованій, трудной борьбы... Съ университетомъ связывали его юношескія воспоминанія, любовь глубокая къ родной ему странѣ.

Покойный былъ сынъ сельскаго священника черниговской губерніи и семинарскій курсъ ученія окончилъ въ 1853 г. двадцатилѣтнимъ юношей (род. 14 марта 1833 г.). Предъ нимъ открывались двери академіи, обезпеченная жизнь въ школѣ, а въ будущемъ, быть можетъ, карьера, но онъ рѣшился искать высшаго образованія въ храмѣ свѣтской университетской науки. Тяжело и неприглядно было то время, не мало способныхъ людей заглохло въ тогдашней атмосферѣ. Но Александръ Ѳедоровичъ, перенесшій тяжелую ломку въ бурсѣ, испытавшій ферулу ея съ малыхъ лѣтъ и не исковерканный ею, съумѣлъ и въ средѣ университетской сохранить тѣ нравственныя качества и начала, которыя онъ вынесъ изъ своей семьи, встрѣчалъ и въ окружавшей его съ дѣтства простой крестьянской средѣ. Глубокая, искренняя привязанность къ родной семьѣ не исчезала въ немъ до послѣднихъ минутъ жизни, глубокое уваженіе къ отцу высказывалось Александромъ Ѳедоровичемъ и потомъ, въ поздніе годы, и выразилось внѣшне въ посвященіи ему одной изъ научныхъ работъ. Ту-же привязанность, ту же горячую любовь сохранилъ онъ и къ народу, съ которымъ связывали его воспоминанія дѣтства.

Два года спустя по вступленіи А. Ѳ. въ университетъ (на юридическій факультетъ), стало обозначаться новое движеніе въ обществѣ, занималась заря иной, невиданной жизни, и уже на студенческой скамьѣ его увлекла за собой волна новаго движенія, зародившая въ немъ новыя стремленія и еще болѣе укрѣпившая его нравственныя начала. Любовь къ народу, вопросы о его свободѣ и дальнѣйшей судьбѣ каждаго волновали умъ юнаго студента, страстное желаніе видѣть господство началъ права и справедливости,— этого девиза всей послѣдующей жизни Александра Ѳедоровича,—преданность общимъ интересамъ, хотя-бы и вопреки личнымъ выгодамъ, уже и тогда, и даже въ рѣзкой формѣ, проявлялись въ немъ. Лица, близкія къ нему, уже тогда подмѣчали, съ какимъ увлеченіемъ онъ

относился къ интересамъ товарищей, къ вопросамъ общественной жизни, съ какимъ упорствомъ и горячностью проводилъ и отстаивалъ свои убѣжденія, несмотря на личныя послѣдствія. То было проявленіемъ юношескаго увлеченія, но Александръ Ѳедоровичъ съумѣлъ сохранить эти качества и до самой смерти. Одна черта его нравственнаго характера уже и на студенческой скамьѣ бросалась въ глаза: это—симпатическое отношеніе къ человѣку, любовь къ нему, вѣра въ него, вѣра въ то, что самый дурной человѣкъ способенъ исправиться, что въ немъ всегда рядомъ съ дурными существуютъ и хорошія стороны, что его проступки—временное заблужденіе—черта, не утраченная Александромъ Ѳедоровичемъ и въ послѣдующіе годы, на аренѣ дѣйствительной жизни. Человѣконенавистничество и тогда, и позже, было ему чуждо, просто непонятно. Человѣкъ пятидесятыхъ годовъ, онъ представлялъ изъ себя одну изъ тѣхъ цѣльныхъ, нераздвоенныхъ натуръ, по которымъ не прошелъ разрушающій вихрь скептицизма и отчаянія, натуръ, нерѣдко встрѣчавшихся въ то время и составляющихъ сильный контрастъ съ людьми послѣдующаго времени.

Эта цѣльность натуры, эта вѣра въ человѣка, человѣчество и будущее, которая не оставляла его въ самыя тяжелыя минуты жизни, эта сила и искренность убѣжденій, и дѣлали Александра Ѳедоровича прочнымъ и устойчивымъ противъ невзгодъ, не допускали его отступать отъ разъ усвоенныхъ убѣжденій.

«Задача юриспруденціи, высказалъ однажды Александръ Ѳедоровичъ, состоитъ въ томъ, чтобы раскрыть основныя начала человѣческаго правосудія и *справедливости*. Тотъ не судья, кто не воодушевленъ мыслію, что онъ въ своей дѣятельности долженъ, насколько возможно для человѣка даннаго общества, стремиться при дѣйствующихъ законахъ къ осуществленію *идеала справедливости*; тотъ не достоинъ имени юриста, кто поставитъ задачею своей дѣятельности только одинъ успѣхъ внѣшній, матеріальный, личный, торжество во чтобы-то ни стало своей стороны, съ забвеніемъ началъ права, которыя въ концѣ концовъ суть начала справедливости,—съ попраніемъ посредствомъ уловокъ, изворотовъ, софизмовъ того, что совѣсть человѣческая издавна признала справедливымъ и истиннымъ. Воплощеніе въ мірѣ человѣческомъ идеи справедливости путемъ дѣятельности практическаго юриста способствуетъ

въ высокой степени благосостоянію и процвѣтанію человѣческихъ обществъ, возвышенію ихъ индивидуальной и общественной морали, водворенію лучшихъ способовъ общежитія и человѣческихъ отношеній. Напротивъ, правосудіе, не воодушевленное идеею справедливости, не руководящееся принципами, равнодушное къ добру и злу, погрязшее въ одномъ только лишенномъ духа формализмѣ, въ казуистикѣ, уловкахъ и тонкихъ хитросплетеніяхъ, бываетъ источникомъ большихъ общественныхъ бѣдствій, задерживаетъ развитіе истинно нравственныхъ, справедливыхъ и возвышающихъ общественное благосостояніе отношеній». Въ этихъ словахъ—полное и настоящее profession de foi Александра Ѳедоровича. Правда, они были произнесены по одному частному случаю, касаются лишь одной изъ сферъ общественной дѣятельности,—судебной, но то, что сказано имъ было въ 1880 г., при открытіи засѣданій юридическаго общества, повторялось имъ много разъ и раньше по разнымъ другимъ случаямъ, въ отношеніи къ другимъ сферамъ и сторонамъ жизни. Кто встрѣчалъ Александра Ѳедоровича еще юнымъ человѣкомъ, въ скромномъ званіи домашняго учителя, вскорѣ по выходѣ его изъ университета въ 1857 г. (у М. А. Маркевича), кто видѣлъ и сталкивался съ нимъ, простымъ чиновникомъ сначала сената, а потомъ департамента министерства народнаго просвѣщенія (съ 1858 по 1863 г.), кто зналъ его въ Кіевѣ въ первые годы пребыванія его здѣсь (съ 1863 г.), когда онъ проходилъ цѣлую лѣстницу ученыхъ степеней отъ кандидата (1863) до доктора (1868) включительно, тому не разъ приходилось слышать такія-же рѣчи и мнѣнія, дышавшія всегда тономъ глубокаго и искренняго убѣжденія. Убѣжденіе въ высокомъ значеніи и силѣ идеи справедливости Александръ Ѳедоровичъ вынесъ еще съ студенческой скамьи, хранилъ и поддерживалъ въ теченіе всей своей жизни и могъ сказать съ полнымъ правомъ, что не измѣнялъ ему никогда. Онъ не зналъ, что такое честолюбіе, не искалъ почестей и съ постояннымъ усердіемъ проводилъ вездѣ, гдѣ могъ, чистую идею правды. Проводилъ онъ ее и на каѳедрѣ, и въ частныхъ бесѣдахъ, и въ ученыхъ трудахъ, и въ публицистическихъ статьяхъ, и въ рефератахъ, читанныхъ имъ въ кіевскомъ юридическомъ обществѣ, и наконецъ въ собственной жизни. Лицамъ, знавшимъ его близко, либо дѣйствовавшихъ вмѣстѣ съ нимъ, не разъ приходилось видѣть, какъ горячо

отстаивалъ онъ то, что считалъ справедливымъ, съ какою энергіею, а иногда и забвеніемъ своихъ личныхъ интересовъ заступался онъ за тѣхъ, кто представлялся ему несправедливо обиженнымъ или оскорбленнымъ, защищалъ тѣхъ, чьи труды подвергались несправедливымъ нападкамъ, злобной и, по его мнѣнію, несправедливой критикѣ. И это не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ шло дѣло объ его друзьяхъ... Будущему историку университета прійдется не разъ помянуть въ этомъ смыслѣ покойнаго, какъ прійдется помянуть его и тогда, когда рѣчь зайдетъ о лучшихъ членахъ университета, выдающихся научныхъ его силахъ, которые, благодаря его личнымъ усиліямъ, достигли университетской каѳедры. Здѣсь, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, Александръ Ѳедоровичъ является уже какъ дѣятель науки, какъ защитникъ ея интересовъ.

Но не одни нравственно-общественные идеалы вынесъ Александръ Ѳедоровичъ изъ любимаго имъ университета. Еще на студенческой скамьѣ пріобрѣлъ онъ здѣсь любовь къ наукѣ, къ научнымъ занятіямъ, къ тому научному труду, который постепенно создалъ ему почетное положеніе въ русской наукѣ. Еще здѣсь зародились въ немъ нѣкоторыя изъ тѣхъ научныхъ тенденцій, которыя не позволили ему сдѣлаться зауряднымъ, цеховымъ ученымъ, погрузиться въ узкую сферу изученія исключительно правовыхъ отношеній самихъ въ себѣ, безъ отношенія ихъ къ жизни, къ окружающей обстановкѣ. Въ средѣ тогдашнихъ профессоровъ, въ лицѣ покойнаго Иванишева, къ которому Александръ Ѳедоровичъ не переставалъ питать чувства глубокаго уваженія, какъ къ выдающемуся русскому ученому дѣятелю, онъ встрѣтилъ рѣзко отличавшагося отъ цеховыхъ юристовъ, профессора-человѣка юриста, который стремился перенести изученіе права на *научную* историческую почву и одинъ изъ немногихъ мечталъ о разработкѣ вопросовъ исторіи права помощью сравнительно-историческаго метода. Вліяніе Иванишева сказалось уже рано на Александрѣ Ѳедоровичѣ, и молодой юристъ-студентъ ревностно изучалъ не только право, но и чуждыя тогда юридическому факультету науки: всеобщую исторію и политическую экономію.

Не переставая быть юристомъ, не переставая интересоваться юридическими вопросами самими по себѣ, но съ той точки зрѣнія,

которая составляла его profession de foi, Александръ Ѳедоровичъ, усиленно работавшій по выходѣ изъ университета въ императорской публичной библіотекѣ, старался всегда находить объясненіе нормамъ и институтамъ права въ ихъ историческомъ развитіи. Уже въ первые годы своей ученой дѣятельности, къ которымъ относятся первыя его статьи по уголовному праву (объ уголовномъ судопроизводствѣ въ Англіи 1860 г.), онъ обнаружилъ свои историко-юридическія наклонности въ своей небольшой, но и до сихъ поръ цѣнной статьѣ объ исторіи крѣпостнаго права въ Малороссіи (въ 1861 году). Въ этой полно, обстоятельно и съ большимъ знаніемъ дѣла написанной статьѣ онъ далъ первый и весьма удачный опытъ той исторіи, которую нѣсколько позже, на основаніи новыхъ данныхъ, разработалъ А. М. Лазаревскій въ своей книгѣ «О посполитыхъ». Наклонность къ изслѣдованію вопросовъ права на исторической почвѣ получила еще большее развитіе, болѣе яркое выраженіе въ томъ трудѣ Александра Ѳедоровича, который создалъ ему сразу высокое положеніе въ научномъ мірѣ, именно въ его «Изслѣдованіи о смертной казни» (Кіевъ 1867 года). «Взявшись за изслѣдованіе этого предмета, заявилъ авторъ въ предисловіи, я обратилъ большую часть вниманія и работы на историческую сторону смертной казни, на связь этого наказанія съ общественнымъ и умственнымъ развитіемъ человѣка». И это была не обыденная фраза съ его стороны: какъ-бы мы не относились къ тѣмъ общимъ выводамъ и заключеніямъ Александра Ѳедоровича относительно послѣдовательныхъ примѣненій, чрезъ которыя прошло развитіе смертной казни, для каждаго знакомаго съ его трудомъ несомнѣнно, что онъ имѣетъ дѣло съ недюжиннымъ изслѣдователемъ, съ глубокимъ знатокомъ своего дѣла. Болѣе того: читающій наталкивается здѣсь на ученаго, понявшаго вполнѣ, что изучать кодексы прошлаго можно и должно не такъ, какъ изучаемъ мы современные кодексы, а съ иной научно-исторической точки зрѣнія, что юристу мало знать тѣ или другіе писанные законы, но необходимо знать обычаи и воззрѣнія и первобытныхъ, дикихъ народовъ, и народныхъ массъ вообще.

Эта точка зрѣнія, которой придерживался Александръ Ѳедоровичъ въ своемъ трудѣ «О смертной казни», являющемся первымъ опытомъ исторіи смертной казни не въ одной только русской

литературѣ, была всегда основною и неизмѣнною во всѣхъ чисто научныхъ его работахъ. Она привела его и къ тому ряду работъ по обычному праву, которыя остались, къ сожалѣнію, не оконченными. Тѣмъ не менѣе его труды въ этой области (изслѣдованія о волостныхъ судахъ, о цензурѣ нравовъ у народа и т. д.) составили крупный вкладъ въ науку, а его заботы о собираніи этого рода матеріала, составленная имъ программа для собиранія юридическихъ народныхъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву, возбудили общее вниманіе. За такіе труды свои Александръ Ѳедоровичъ избранъ былъ членомъ императорскаго русскаго географическаго общества и награжденъ отъ тогоже общества серебрянною медалью. Въ тоже время, въ признаніе ученыхъ заслугъ Александра Ѳедоровича въ той-же области, московское общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Но Александръ Ѳедоровичъ не только работалъ самъ лично, но своимъ вліяніемъ возбуждалъ къ работамъ такого-же рода и другихъ, старался создать цѣлую школу работниковъ въ важной области изученія народныхъ обычаевъ и народнаго обычнаго права (часть трудовъ напечатана была въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» кіевскаго университета) и для болѣе быстрой и усиленной разработки матеріаловъ этого рода создалъ при кіевскомъ юридическомъ обществѣ спеціальное отдѣленіе обычнаго права. Благодаря усердной и постоянной своей дѣтельности, Александръ Ѳедоровичъ успѣлъ скопить массу матеріала по обычному праву и началъ даже разработку его, когда смерть прервала драгоцѣнные его труды...

Исторія Малороссіи и сама по себѣ, внѣ спеціально научныхъ цѣлей сравнительнаго изученія права, нашла въ лицѣ Александра Ѳедоровича не менѣе усерднаго и плодовитаго работника. Достаточно упомянуть изданный имъ сборникъ Малороссійскихъ правъ, его изслѣдованіе по исторіи этого права, столь мало извѣстнаго до него, чтобы оцѣнить тѣ заслуги, которыя онъ и въ этой области оказалъ наукѣ.

Намъ долго пришлось-бы говорить, если-бы мы стали перечислять въ подробности все то, что сдѣлано уже для науки покойнымъ А. Ѳ. и что предполагалъ онъ сдѣлать. Полная оцѣнка его трудовъ—дѣло исторіи; но можно и теперь уже сказать, что во всѣхъ тѣхъ

сферахъ знанія, въ которыхъ работалъ онъ, имя его останется навсегда въ русской наукѣ. Уже и при жизни ученыя заслуги Александра Ѳедоровича были единогласно признаны всѣми выдающимися дѣятелями науки въ Россіи. Избраніе его почетнымъ членомъ московскаго юридическаго общества, почетнымъ членомъ двухъ русскихъ университетовъ, сосредочивающихъ въ себѣ наиболѣе видныхъ дѣятелей въ области науки, одно уже говоритъ за то, съ какого рода научною силою мы имѣли дѣло въ лицѣ Александра Ѳедоровича. Смерть его въ самомъ разгарѣ его научной дѣятельности является, поэтому одному уже, крупною и трудно вознаградимою потерею.

Научный авторитетъ Александра Ѳедоровича, его личныя качества, та постоянная, неустанная дѣятельность, которую обнаруживалъ онъ и какъ ученый, и какъ членъ юридическаго общества, не говоря уже о другихъ сторонахъ его жизни и дѣятельности, легко объясняютъ то отношеніе, то глубокое уваженіе къ нему интеллигентнаго общества, которыя ярко сказались въ тотъ день, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что этого выдающагося дѣятеля науки не стало.

Похороны А. Ѳ. Кистяковскаго не были похоронами заурядного человѣка, не были они и простымъ выполненіемъ долга, обязанности, но были яркимъ выраженіемъ сознанія той горестной утраты, которую въ лицѣ покойнаго понесла наука.

14 января при громадномъ стеченіи публики, состоявшей изъ лицъ самыхъ разнородныхъ сферъ дѣятельности: профессоровъ, учителей, членовъ судебнаго міра, студентовъ и т. д., тѣло Александра Ѳедоровича было вынесено изъ его дома на рукахъ его бывшихъ товарищей и учениковъ въ университетскую церковь. 15 числа въ зданіи университета, въ университетской церкви совершено отпѣваніе дорогаго и уважаемаго покойника. Все время службы церковь и корридоръ подлѣ нея были запружены толпою, чрезъ которую поминутно и съ большимъ трудомъ протискивались лица, приносившія вѣнки, эту послѣднюю дань уваженія покойнику. Вскорѣ вѣнки покрыли весь гробъ. Тутъ были вѣнки отъ ученыхъ обществъ: общества пр. Нестора Лѣтописца, московскаго и кіевскаго юридическихъ обществъ, уважаемымъ и полезнѣйшимъ членомъ которыхъ былъ Александръ Ѳедоровичъ, масса вѣнковъ отъ бывшихъ

его слушателей и учениковъ и отъ студентовъ всѣхъ факультетовъ, вѣнки отъ присяжныхъ повѣренныхъ, отъ чиновниковъ канцеляріи 2-го гражданскаго отдѣленія кіевскаго окружнаго суда, отъ рубежовской колоніи малолѣтнихъ преступниковъ и т. д., и т. д. Въ половинѣ перваго часа окончилось отпѣваніе; началось послѣднее прощаніе съ покойнымъ. Снова поднятъ онъ былъ руками товарищей и слушателей и вынесенъ изъ церкви на парадный выходъ изъ университета. Въ предверьи университета гробъ былъ поставленъ, чтобы можно было сказать послѣднее «прости» покойному; всякій чувствовалъ, что не одно лишь тѣло многолѣтняго дѣятеля науки выносилъ изъ своего зданія университетъ. Огромныя массы почитателей покойнаго толпились вездѣ и кругомъ. Онѣ наполняли всю громадную переднюю университета, обѣ широкія лѣстницы, ведущія къ большой актовой залѣ университета, скрывались отъ глазъ стоявшихъ внизу въ корридорахъ верхняго этажа. Въ простомъ гробу, въ простомъ костюмѣ лежалъ этотъ дорогой дѣятель съ спокойнымъ лицомъ, застывшимъ въ ту минуту, когда мысль его неслась въ залу суда присяжныхъ. Послѣднее слово ему сказалъ отъ лица университета проф. Тальбергъ, ученикъ и преемникъ его по каѳедрѣ, воздавъ должное заслугамъ и трудамъ покойнаго. Похоронное шествіе тронулось, направляясь къ самому скромному изъ кіевскихъ кладбищъ, къ Байковой горѣ. Все время длиннаго пути покойнаго несли на рукахъ, катафалкъ слѣдовалъ пустымъ до самой могилы. Процессія растянулась болѣе чѣмъ на полверсты: за хоругвями и крестами слѣдовалъ хоръ пѣвчихъ, шли факельщики, тянулся длинный рядъ представителей разныхъ учрежденій съ вѣнками въ рукахъ, шелъ второй хоръ, сформировавшійся экспромптомъ на пути изъ любителей, а съ боковъ и сзади гроба, во всю ширину улицъ, колыхалась трехтысячная масса сопровождавшихъ, главнымъ образомъ изъ лицъ учебнаго и вообще интеллигентнаго міра. Около 3-хъ часовъ похоронная процессія достигла Байковой горы, гдѣ въ уютномъ и отдаленномъ уголкѣ вырыта была простая яма близъ могилы матери покойнаго, по его личному желанію.

Три рѣчи произнесены были у могилы: проф. В. Б. Антоновича, пишущаго эти строки и рѣчь П. И. Житецкаго, прерванная рыданіями. Среди родной семьи и друзей пропѣли въ послѣдній разъ

«вѣчную память». Гробъ былъ опущенъ въ могилу, и чрезъ нѣсколько минутъ земля навсегда раздѣлила покойнаго съ тѣмъ міромъ, который онъ такъ любилъ и отъ котораго такъ часто страдалъ.

Честнаго человѣка, выдающагося ученаго, любимаго учениками профессора—не стало!

И. Лучицкій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Съ новаго года періодическая печать въ Галиціи увеличилась однимъ органомъ, возникшимъ въ наиболѣе глухомъ и отдаленномъ ея уголкѣ: въ Черновцахъ, столицѣ маленькой Буковины, стала выходить два раза въ мѣсяцъ русинская газета, посвященная исключительно народнымъ дѣламъ и интересамъ. Въ первомъ номерѣ «Буковины», редакція состоящая, какъ видно, изъ кружка мѣстныхъ патріотовъ, высказываетъ въ такихъ словахъ свой взглядъ на задачи и значеніе политическихъ органовъ, желающихъ служить народу: «газеты должны быть зеркаломъ нашей духовной жизни, голосомъ нашихъ желаній и мѣстомъ обмѣна нашихъ мыслей и думъ. Въ нихъ должны мы встрѣчать совѣтъ и утѣшеніе на всѣ наши душевныя боли—отъ нашихъ учителей, наставниковъ, голосъ которыхъ научилъ-бы насъ жить полнотою народной жизни, хранить и оберегать нашу народную честь и пробуждалъ-бы въ насъ народное самосознаніе. Ихъ голосъ долженъ скликать насъ на борьбу съ неправдой и на смѣлое отстаиваніе справедливости и предоставленныхъ намъ законныхъ правъ». Единственною цѣлью, которую ставитъ себѣ газета—это «способствовать тому, чтобы буковинскій русскій народъ сталъ на равную степень моральнаго и духовнаго развитія съ остальными народами австрійской монархіи и вступилъ равноправнымъ членомъ въ общую жизнь страны».

Въ статейкѣ о сеймовыхъ выборахъ и господствующихъ на нихъ порядкахъ газета горько жалуется на отсутствіе въ сеймѣ, не смотря на предоставленную закономъ возможность, истинно мѣстныхъ представителей. Съ 1868 года въ сеймѣ не засѣдаетъ ни одинъ русинъ. Объясненіе этого факта авторъ статьи видитъ въ томъ, что ближе къ 1848 году еще жива была въ народѣ память о крѣпостномъ правѣ и онъ относился съ недовѣріемъ ко всѣмъ обществен-

нымъ элементамъ, чуждымъ крестьянству. Но когда черезъ 20 лѣтъ у него явилась своя интеллигенція, то онъ привыкъ къ «сюртучникамъ», принимая ихъ всѣхъ за происходящихъ изъ подъ сельской «стрѣхи». Передъ выборами всѣ эти господа объявляютъ себя русскими, обѣщаютъ стоять за учрежденіе русской гимназіи въ Коцмани и т. п. и задаютъ угощеніе народу. Главная причина неудовлетворительности буковинскаго представительства—народное легковѣріе, оружіе противъ этого зла—просвѣщеніе.

Особая рюбрика заключаетъ въ себѣ обзоръ дѣятельности русскихъ буковинскихъ обществъ. Въ Черновцахъ ихъ нѣсколько: «руска Бесѣда» (библіотека и клубъ), драматическое общество, русскій народный домъ, академическій союзъ и мѣщанская читальня. Изъ этихъ обществъ «Союзъ» собирается въ нынѣшнемъ году праздновать десятилѣтіе своего существованія изданіемъ литературнаго альманаха.

Въ «Мелкихъ Извѣстіяхъ» встрѣчаемъ новости объ успѣхѣ народнаго дѣла въ Галиціи: близкомъ открытіи школы въ Львовѣ съ обученіемъ на мѣстномъ языкѣ, учрежденіи тамъ-же пѣвческаго общества, благопріятныхъ для русиновъ распоряженіяхъ министра торговли Пино на галицкихъ желѣзныхъ дорогахъ и т. п.

Но чисто литературный интересъ обѣщаетъ сообщать газетѣ участіе извѣстнаго, талантливаго беллетриста Осипа Федьковича. Въ настоящемъ номерѣ помѣщенъ его очеркъ «Сафатъ Зиныч», вошедшій въ собраніе его повѣстей, вышедшее въ 1874 году въ Кіевѣ, но, вѣроятно, еще неизвѣстный на родинѣ писателя. Федьковичъ въ галицкой да и во всѣхъ славянскихъ литературахъ представляетъ совершенно своеобразное явленіе. Никто лучше его не владѣетъ искусствомъ развернуть на двухъ-трехъ страничкахъ текста цѣлую бытовую драму, дать въ этихъ крошечныхъ рамкахъ отличающуюся глубиной бытовую картину. Это настоящій «маньятюристъ» блестящей поры искусства, особенно интересный тѣмъ, что въ его талантѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются типичныя черты народности, къ которой онъ принадлежитъ. Возвращеніе его на литературную арену нельзя поэтому не привѣтствовать истиннымъ сочувствіемъ.

Г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 г. НА СЛѢДУЮЩІЕ ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

ДѢТСКІЙ „РОДНИКЪ." ЖУРНАЛЪ

Въ 1885 году *(4-й годъ изданія)* «Родникъ» будетъ выходить, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками **въ 100 и болѣе** страницъ большаго формата, со многими рисунками, съ музыкальными приложеніями и съ отдѣломъ смѣси, въ которомъ помѣщаются мелкія статьи, загадки, задачи, игры и проч. и проч.

Выборъ статей въ «Родникѣ» приноровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Редакція даетъ главнымъ образомъ **оригинальныя** статьи изъ русской жизни и природы. Всѣ, даже мелкія статьи научнаго содержанія редактируются спеціалистами.

Приложеніе къ «Роднику», педагогическій сборникъ «*Воспитаніе и Обученіе*» выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ нихъ помѣщаются статьи по вопросамъ воспитанія и обученія и библіографія по дѣтской, учебной и педагогической литературѣ.

Премія къ „РОДНИКУ" 1885 года

будетъ заключаться въ альбомѣ 12 оригинальныхъ картинъ по русской исторіи художника А. Земцова, исполненныхъ геліотипіей въ Вѣнѣ, у Ангерера и Гешля. *Картины эти будутъ разосланы г. подписчикамъ* отдѣльно отъ журнала, всѣ сразу, въ красивомъ конвертѣ, съ первымъ № «Родника» 1885 г.

Кромѣ того, въ видѣ даровaго приложенія къ «Роднику» 1885 г., будетъ данъ *«Литературный альбомъ»* изъ 12 оригинальныхъ картинъ художника *Н. Н. Каразина* къ стихотвореніямъ русскихъ классиковъ. Къ каждому № будетъ прилагаться по одной такой картинкѣ.

Журналъ «Родникъ» Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ **Императрицы Маріи** рекомендованъ, какъ весьма полезный для женскихъ институтовъ и гимназій.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Особымъ Отдѣломъ сего Комитета допущенъ для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также городскихъ и народныхъ училищъ.

Условія подписки на 1885 г. остаются прежнія:

На годъ, съ доставкою и пересылкою, за 12 книгъ «Родника» съ отдѣльною преміею—**5 рублей.**

Тоже, съ приложеніемъ 3 книгъ педагогическаго сборника «Воспитаніе и Обученіе»—**6 рублей.**

Адресъ главной конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Никольская площадь, № 4.

---

12 книжекъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ" книжекъ 12

Изд. 1884 г. (второе изданіе).

съ портретами: имп. **Елисавета Алексѣевна**; Его Имп. Выс. Вел. Кн. **Константинъ Николаевичъ**; митрополитъ С-Петербургскій **Исидоръ**; гр. **Аракчеевъ** и Н. Ѳ. **Минкина**; гр. И. И. **Дибичъ-Забалканскій**; **Пушкинъ** (отпечатанъ красками); **Лермонтовъ**; Н. А. **Некрасовъ**; Н. И. **Пироговъ**; педагогъ бар. Н. А. **Корфъ**; В. В. **Самойловъ**; портретъ группа: лордъ **Рогланъ**, марш. **Пелисье** и **Омеръ-паша** подъ Севастополемъ въ 1855 г. Рисунки: проектъ памятника на могилѣ **Волынскаго**—академ. М. А. Щурупова; имп. **Александръ II**, рисунокъ со статуи, исполн. академ. П. П. Забѣлло; судъ на Руси, карикатура.

Содержаніе: Записки *Штрандмана*, 1771—1780 гг.;—Записки Мих. *Фонвизина*: очерки русской исторіи IX—XVIII вв;—Мих. Ник. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ, 1816—1821 гг., разск. бар. *А. Е. Розена*; Разсказы кн. Ал. Ник. Голицына: Александръ I и его время, сообщ. *Н. А. Валуевъ*;—Императрица Елисавета Алексѣевна въ воспом. кн. *С. А. Мадатовой*;—Зап. *Д. Н. Ростиславова* о бѣломъ духовенствѣ;—Воспоминанія декабриста *А. Н. Бѣляева*;—Дневникъ декабриста *В. К. Кюхельбекера* въ заключеніи, 1831—1834 гг.;—Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1850 гг., зап. *М. И. Пущина*;—Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1854 гг., зап. *М. Я. Ольшевскаго*;—Моск. воспом. *Н. В. Берга*, 1845—1855 гг.;—Зап. сен. *Я. А. Соловьева* о крест. дѣлѣ 1858—1859 гг.;—Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Русскій губернаторъ въ Ц. Польск., 1866—1868 гг.;—Въ Прибалтійскомъ краѣ, 1856—1876 гг.;—Зап. ст.-секр. *А. Ѳ. Гамбургера*;—Зап. педагога бар. *Н. А. Корфа*;—Посмертныя записки *Николая Ив. Пирогова*;—Зап. крестьянина-поэта *С. Дрожжина*.

Изслѣдованія и очерки: профес. *Д. И. Иловайскаго*,—*Н. А. Линниченко*;—очеркъ *С. Л. Пташицкаго*;—Патр. Никонъ по вновь открытымъ матеріаламъ *Н. А. Гиббенетъ*, 1658 г.;—Екатерина II и Дидро, изсл. *В. А. Бильбасова*;—Настасья Минкина, домоправительница гр. Аракчеева; Ермоловъ и его кебинныя жены, очеркъ *Ад. Н. Берже*;—Гр. Каподистріи и гр. К. В. Несельродъ;—Имп. Елисавета Алексѣевна, очеркъ гр. *С. С. Уварова*;—Польское возстаніе въ 1830—1831 гг., разсказъ *Мохнацкаго* и переписка имп. Николая

I съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Спб. въ 1831 г., очерки и разсказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ *Ад. И. Берже;*—Разсказъ правосл. латыша *Индрика Страумита,* 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ М. Т. Лорисъ Меликову (нынѣ графу), 1852—1857 гг.;—Князь Мих. Дм. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгріи, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-з. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милютинъ въ Ц. Польскомъ,—Вредныя секты, очерки *А. Пругавина;*—19 февраля: чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положенія о крестьянахъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ,—В. А. Жуковскій,—Н. И. Гнѣдичъ,—Д. В. Давыдовъ,—К. Н. Батюшковъ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Н. В. Гоголь,—Сырокомля,—Т. Г. Шевченко,—Н. Г. Помяловскій,—гр. А. К. Толстой,—Ѳ. М. Достоевскій—И. С. Тургеневъ,—В. В. Самойловъ—въ ихъ письмахъ, воспом., очеркахъ жизни и литературной дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Открыта подписка на «Русскую Старину» изд. **1885 г.**

„Одесскій Вѣстникъ",

на 1885 г.

(ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Зо вступленіемъ въ соиздатели «Одесскаго Вѣстника» кандидата правъ *С. Ю. Ломницкаго,* средства газеты усиливаются. Вслѣдствіе этого, не позже первыхъ чиселъ декабря настоящаго 1884 года, послѣдуютъ значительныя улучшенія въ отношеніи содержанія и внѣшности газеты. Въ составъ редакціи приглашены новыя литературныя силы для восполненія бывшихъ пробѣловъ и болѣе чуткаго отношенія къ назрѣвающимъ вопросамъ.

Не смотря на увеличеніе объема газеты и другія улучшенія, требующія затратъ, подписная плата остается прежняя.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки или доставки:		*съ пересылкой или доставкой:*	
За годъ (12 мѣсяцевъ).	12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ).	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ. . . .	7 р. — к.	За 6 мѣсяцевъ. . . .	8 р. — к.
За 3 мѣсяца	3 р. 85 к.	За 3 мѣсяца	4 р. 50 к.
За 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	За 1 мѣсяцъ	1 р. 50 к.

На пересылку за границу *прибавляется 50 коп. въ мѣсяцъ.*

Для годовыхъ подписчиковъ допускается **разсрочка платежа подписной платы** по полугодіямъ и по четвертямъ года. При разсрочкѣ *полугодичной* вно-

сится 1 января 8 р., и 1 іюля 6 руб.; по четвертямъ года: 1 января 4 руб., 1 апрѣля 4 руб.; 1 іюля 3 руб. и 1 сентября 3 руб.

Городскіе подписчики могутъ подписываться съ какого угодно срока; *иногородные-же*—не иначе, какъ съ 1-го или 15 числа каждаго мѣсяца.

Подписка принимается въ **Одессѣ**, въ конторѣ «Одесскаго Вѣстника», по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

1885 г. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ **г. 1885.**

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ."

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Редакторъ-издатель П. Н. ПОЛЕВОЙ.

Въ 1885 году годовые подписчики „Живописнаго Обозрѣнія" получатъ:

I. **52 еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ нумера**, каждый не менѣе двухъ большихъ листовъ печати, съ 5—6 рис. въ текстѣ.

II. **12 ежемѣсячныхъ книжекъ**, въ 8 д., объемомъ 10—11 печатныхъ листовъ, убористаго шрифта.

III. **12 ежемѣсячныхъ нумеровъ «Парижскихъ модъ»**.

IV. **Безплатную премію**—художественно исполненную олеографію, на выборъ изъ трехъ различныхъ сюжетовъ (одинъ пейзажъ и два жанра;—подробности въ № 1). Желающіе получить всѣ три картины доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ еще 2 р.

Примѣчаніе. Во избѣжаніе порчи картинъ въ дорогѣ, предлагается гг. подписчикамъ пересылка ихъ *страховыми посылками*—прочно упакованными и зашитыми въ холстъ, на полной отвѣтственности конторы, для чего за пересылку одной картины слѣдуетъ добавить 60 к., двухъ—80 к. и трехъ—1 руб.—Всѣмъ подписчикамъ, которые не сдѣлаютъ этого добавочнаго взноса, премія будетъ отправлена обыкновеннымъ бандерольнымъ способомъ, но, въ случаѣ пропажи или порчи ея въ дорогѣ, контора не можетъ принять за это на себя никакой отвѣтственности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкою и пересылкою.		безъ доставки и пересылки.	
За годъ	**8** р. — к.	За годъ	**6** р. **50** к.
За полгода	**4** р. **50** к.	За полгода	**4** р. — к.

Подписка за границею: за годъ—**12** руб., за полгода—**6** руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 19.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТДѢЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ СЛѢДУЮЩІЕ ЛИТЕРАТОРЫ:

Н. А. Ахшарумовъ, П. Д. Боборыкинъ, Н. В. Быковъ, К. С. Баранцевичъ, И. Ф. Василевскій (Буква), П. П. Васильевъ, П. И. Вейнбергъ, П. А. Висковатовъ (профессоръ), С. И. Воскресенская, Н. Ѳ. Горбуновъ, Г. С. Дестунисъ (профессоръ), Л. Звонаревъ, А. А. Иностранцевъ (профессоръ), В. А. Крыловъ (Викторъ Александровъ), В. Крестовскій (псевдонимъ), А. В. Кругловъ, Н. И. Красновъ, Б. Левинъ, Александра Львова, Н. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ, М. Н. Малаховъ, Е. Л. Марковъ, Д. Д. Минаевъ, А. П. Митуричъ, Д. Л. Михаловскій, Д. Н. Островскій, А. Н. Плещеевъ, Е. Н. Поповаревъ, Л. Рускинъ, А. Соковнинъ, А. Г. Сахарова, Н. И. Северинъ, Л. Х. Симонова, К. И. Соборный (псевдонимъ), С. Н. Терпигоревъ (Сергѣй Атава), П. Тройницкій, М. К. Цебрикова, Дм. Чертковъ, В. В. Чуйко, М. Н. Шелгуновъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), В. Н. Шипонко, В. Ю. Юрьевъ, А. П. Яхонтовъ и многіе другіе.

1885 г. # „ВОЛЫНЬ“, **г. 1885.**

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вступая въ седьмой годъ своего существованія, съ будущаго 1885 года, газета **„ВОЛЫНЬ“** будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій, и 18) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ конторѣ редакціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Для городскихъ подписчиковъ, безъ доставки и пересылки	3 р. 30 к.	1 р. 80 к.	1 р. — к.
Съ доставкою на домъ	3 р. 50 к.	1 р. 90 к.	1 р. 10 к.
Для иногородныхъ съ пересылк. .	4 р. — к.	2 р. 20 к.	1 р. 20 к.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики при перемѣнѣ адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к.

Редакторъ **К. И. Коровицкій.** Издатель **И. И. Коровицкій.**

1885 г. „КІЕВЛЯНИНЪ“ 1885 г.

21-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ.	12 руб. — к.	На 3 мѣсяца	4 руб. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ. . .	7 руб. — к.	На 1 мѣсяцъ	1 руб. 50 к.

Подписка принимается въ редакціи „Кіевлянина“ (Уголъ Шулявской и Кузнечной у„ д. насл. Шульгина).

1885 г. **„ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“** 1885 г.

ВМѢСТѢ СЪ ГАЗЕТОЮ

„РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“

Съ Высочайшаго соизволенія, въ 1885 году **«Русскій Инвалидъ»**, издаваемый подъ одною общею редакціею съ **«Военнымъ Сборникомъ», будетъ выходить**, по прежнему, **ежедневно**, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, а **«Военный Сборникъ»** — ежемѣсячно, книжками до 20 листовъ каждая.

Оба изданія, **«Русскій Инвалидъ»** и **«Военный Сборникъ»**, служа другъ другу необходимымъ дополненіемъ, будутъ: *ежедневная* газета — сообщать главныя офиціальныя извѣстія и слѣдить за многосторонними текущими событіями въ военномъ мірѣ, а также за явленіями, имѣющими соотношеніе къ военному дѣлу; *ежемѣсячный* журналъ — посвятитъ свои страницы всесторонней разработкѣ собственно военнаго дѣла въ болѣе обширномъ значеніи этой отрасли знаній.

Высочайше утвержденныя программы обоихъ изданій остаются прежнія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписка на **«Военный Сборникъ»** и **«Русскій Инвалидъ»** на 1885 г. принимается въ С.-Петербургѣ, **въ конторѣ редакціи** означенныхъ изданій: на Надеждинской, домъ Трута, № 42.

Подписная цѣна назначается: за годовой экземпляръ журнала **«Военный Сборникъ» 7 р. 50 коп.**, съ пересылкою и доставкою въ Петербургѣ на домъ. Заграничная подписка **10 р.** На мѣсячные сроки подписка на журналъ **«Военный Сборникъ»** не принимается.

Подписная цѣна за годовой экземпляръ газеты **«Русскій Инвалидъ» 7 р. 50 коп.**, съ пересылкою и доставкою въ Петербургѣ на домъ.

Военно-служащіе и войсковыя управленія, подписывающіеся на «Русскій Инвалидъ» и «Военный Сборникъ» *вмѣстѣ* платятъ, съ доставкою и пересылкою ***ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ*** за оба изданія.

1885 ГОДЪ. „ЭХО", ГОДЪ 1885

большая ежедневная, политическая и литературная газета, существ. пятый годъ.

С.-Петербургъ, Невскій просп., домъ № 61.

Изъ большихъ ежедневныхъ газетъ—газета «Эхо» самая дешевая; тогда какъ годовая цѣна другихъ равняется 17 р., газета «Эхо» стоитъ всего лишь съ пересылкою и доставкою 10 р., разница громадная. (Допускается разсрочка платежа: для служащихъ—по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; не-служащимъ—чрезъ главную контору редакціи «ЭХО», уплачивается при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 р., а въ началѣ августа 2 р.).

Значительно увеличившееся число подписчиковъ, явившееся результатомъ сдѣланныхъ улучшеній, даетъ намъ возможность, *сохраняя подписную цѣну въ наступающемъ 1885 году*, сдѣлать содержаніе газеты богаче, открывъ нѣсколько новыхъ отдѣловъ.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОТДѢЛЪ. Въ немъ редакція постарается дать возможно вѣрное выраженіе движенія въ торговлѣ, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, на Кавказѣ и въ другихъ торговыхъ центрахъ Россіи.

ОТДѢЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ. Нѣсколько извѣстныхъ писателей, отправляясь въ послѣднія недѣли великаго поста въ Іерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню, изъявили согласіе дѣлать описанія этого путешествія, которыя и начнутъ печататься въ нашей газетѣ со времени ихъ отъѣзда. Они посѣтятъ Москву, Кіевъ, Крымъ, проѣдутъ весь Кавказъ и Закавказье, предпримутъ восхожденіе на гору Араратъ, побываютъ въ долинѣ Месопотаміи, на развалинахъ Вавилона и Ниневіи, проѣдутъ потомъ всю Палестину и отъ Іерусалима направятся по Аравійской пустынѣ къ горѣ Синай и въ Египетъ въ долину Нила. Это путешествіе будетъ печататься въ нашей газетѣ, затѣмъ будетъ издано отдѣльно съ приложеніемъ *снимковъ* со всѣхъ святыхъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ. Книга эта, на которую редакція ассигнуетъ значительную сумму денегъ, будетъ издана роскошно, отдѣльнымъ томомъ и предложена подписчикамъ за одну только стоимость бумаги и пересылки.

ОТДѢЛЪ БЕЛЛЕТРИСТИКИ составятъ главную часть содержанія воскресныхъ №№, давая читателю романы, повѣсти, стихотворенія и отдѣльные разсказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей. Составляя такимъ образомъ эти номера, редакція разсчитываетъ дать своему читателю въ буквальномъ смыслѣ «воскресное чтеніе», чтобы каждое семейство, собираясь въ своемъ кругу, могло имѣть полезное и пріятное развлеченіе. Всѣ помѣщенные въ газетѣ романы, повѣсти, стихотворенія и разсказы будутъ изданы отдѣльнымъ томомъ и предложены подписчикамъ точно также—за одну только стоимость бумаги и пересылки.

Придавая громадное значеніе *внутренней жизни* нашего государства, редакція газеты «Эхо» уже имѣетъ въ настоящее время во всѣхъ главныхъ горо-

дахъ Россіи *корреспондентовъ*, лично извѣстныхъ редакціи, и на добросовѣстное отношеніе которыхъ къ своей высокой обязанности редакція можетъ положиться.

Изъ всѣхъ столицъ Европы и другихъ странъ редакція также имѣетъ самостоятельныхъ корреспондентовъ, которые, проживая долгое время за границей, прекрасно знаютъ мѣстную политическую и общественную жизнь.

„Церковно-Общественный Вѣстникъ“,

1885 г.

Съ 15-го сего октября открыта подписка на «Церковно-Общественный Вѣстникъ» въ 1885 году, **двѣнадцатомъ** его изданія.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. По этимъ не ограничивается задача «Церковно Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, мы дадимъ подписчикамъ, годовымъ и полугодовымъ, наше обычное безплатное приложеніе, подъ названіемъ «Календарь для духовенства» на 1885-й годъ. Годовая цѣна на газету съ безплатнымъ приложеніемъ **семь** рублей, полугодовая **четыре** рубля и трехмѣсячная **два** рубля. Для заграничныхъ подписчиковъ цѣна остается прежняя: 10 р. въ годъ.

Подписка принимается: въ редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника» въ С.-Петербургѣ, Троицкій переулокъ, д. № 3, кв. 5.

Редакторъ-издатель **А. И. Поповицкій.**

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

Газета политическая, экономическая и литературная.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

1-го января наступающаго 1885 года исполнится ровно **десять лѣтъ** съ той поры, какъ мы приняли на себя изданіе «Новороссійскаго Телеграфа».

Не мало средствъ, труда и энергіи пришлось намъ затратить, чтобы возобновленный нами «Новороссійскій Тел.» поставить на уровень общественныхъ задачъ и требованій; съ каждымъ годомъ мы убѣждались, что эти требованія возрастаютъ, и значеніе печатнаго органа увеличивается, почему ежегодно, расширяя программу газеты, мы успѣли довести ее по пути улучшеній до нынѣшняго ея состоянія.

Сочувствіе общества даетъ намъ силы на дальнѣйшую дѣятельность, а десятилѣтній опытъ научилъ насъ по возможности избѣгать случайныхъ промаховъ

и ошибокъ, неизбѣжныхъ во всякомъ дѣлѣ. Мы со свѣтлыми надеждами вступаемъ во второе десятилѣтіе, бодро и смѣло глядимъ впередъ и еще выше подымаемъ наше знамя, во имя котораго трудились десять лѣтъ.

Редакція «Новороссійскаго Телеграфа», не прибѣгая къ обѣщаніямъ и зазываніямъ, всегда стремилась къ увеличенію состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста **Буквы** (г. Василевскаго), украшающаго страницы «Новороссійскаго Телеграфа» въ теченіи шести лѣтъ, мы ежегодно пополняемъ редакцію новыми сотрудниками по отдѣламъ руководящихъ статей и фельетона. Кромѣ того, редакція и въ будущемъ году будетъ пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ, которыя обыкновенно появляются въ «Новор. Телеграфѣ» 1—2 днями ранѣе (иногда одновременно съ телеграммами) появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ, гдѣ онѣ помѣщаются уже въ видѣ перепечатокъ изъ столичныхъ изданій.

Вступая во второе десятилѣтіе, «Нов. Телеграфъ», не увеличивая подписной цѣны, **увеличиваетъ свой форматъ**, сравниваясь такимъ образомъ съ большими столичными газетами. Независимо отъ этого, мы удерживаемъ за собою право изданія **«безплатныхъ премій»**, которыя будутъ выходить не періодически, не въ опредѣленные сроки, а когда того потребуютъ особыя событія, накопленіе матеріяловъ и возможность изготовленія соотвѣтствующихъ рисунковъ.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.		Безъ доставки и пересыл.	Съ доставк. и пересыл.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »	» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »	» 12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россія слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Для **годовыхъ** подписчиковъ **допускается разсрочка** въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или **полугодовые** (по 7 руб. къ 1 января и къ 1 іюня), или по **четвертямъ** года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1-го марта, 1-го іюня и 1-го сентября), т. е. всегда за **мѣсяцъ впередъ** до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, **допускается подписка въ кредитъ**, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1885 года.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“

1885 (годъ Большой Литературно-Художественный Журналъ. седьмой) **1885**

Выходитъ **еженедѣльно**, т. е. 52 нумера въ годъ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, и каждый нумеръ заключаетъ въ себѣ отъ 16 до 20 страницъ, со множествомъ художественно-выполненныхъ гравюръ; *(въ годъ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ).*

Кромѣ еженедѣльныхъ нумеровъ журнала всѣ подписчики получаютъ БЕЗПЛАТНО:

„ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“, въ которыхъ въ теченіи года помѣщаются наиболѣе выдающіяся беллетристическія произведенія всѣхъ корифеевъ иностранной литературы. Къ концу года *«Еженедѣльныя Литературныя Приложенія»* составятъ *нѣсколько томовъ* самаго интереснаго и занимательнаго чтенія.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, представляющія снимки съ новѣйшихъ капитальныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Нѣкоторыя приложенія печатаются съ тономъ. Прекрасная бумага, изящное исполненіе въ гравюрѣ, артистическая печать, все это даетъ возможность составить изъ художественныхъ приложеній «Иллюстрированнаго Міра» роскошный альбомъ.

„НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, разсылаемыя ежемѣсячно и составляющія полный рукодѣльно-модный журналъ. Въ теченіи года дается: *около 500 политипажныхъ рисунковъ* новѣйшихъ модъ, какъ то: домашнія платья, пріемные туалеты, визитные, костюмы для гулянья, выѣздные туалеты, вечерніе для театровъ, концертовъ, бальные, туалеты для невѣстъ, для причастія, различныя шубки, пальто, жакетки и пр., а также дѣтскіе костюмы, платье, бѣлье и т. п. *Рукодѣльныя работы: разнообразныя буквы, инициалы, вензеля* и пр. Въ каждомъ модномъ нумерѣ заключаются слѣдующіе отдѣлы: *Модный Курьеръ* (обзоръ модъ), *Описаніе рисунковъ*, *Хозяйство и кухня*, *Совѣты и рецепты*, *отвѣты подписчикамъ*, *смѣсь* и пр.

Всѣ годовые подписчики получаютъ **главную большую премію**: литературно-художественный

Живописный Альманахъ.

Альманахъ этотъ, украшенный прекрасными картинами, портретами и виньетками, будетъ заключать въ себѣ: стихотворенія, беллетристическія произведенія (оригинальныя и переводныя), біографіи, историческіе очерки, статьи по искусствамъ, путешествія и пр. Въ концѣ альманаха будетъ помѣщенъ юмористическій отдѣлъ съ каррикатурами.— *«Живописный Альманахъ»*, представляющій массу интереснаго чтенія, по своей изящности и богатымъ картинамъ *можетъ служить самымъ лучшимъ настольнымъ украшеніемъ въ каждомъ домѣ.*

(Желающіе получить альманахъ въ роскошномъ штампованномъ, золоченомъ переплетѣ прилагаютъ за переплетъ къ подписной цѣнѣ 1 р.)

Подписная цѣна журнала на 1885 годъ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. . .	**4 р.**	Безъ дост. въ Москвѣ, чрезъ кон. Л. Метцля	**4 р. 50 к.**	Съ доставк. въ Спб. и въ друг. городахъ и мѣстечкахъ Россіи.	**5 р.**

За границу . . . . . 6 руб.

Принимается подписка на $^1/_4$ года—**1 р. 25 к.**; на $^1/_2$ года—**2 р. 50 к.**; и на $^3/_4$ года—**3 р. 75 к.** Желающіе получать журналъ съ разсрочкою платежа подписной суммы, уплачиваютъ: при подпискѣ **2 р.**, къ 1-му марта **1 р.**, къ 1-му іюля **1 р.**, и къ 1-му сентября **1 р.**

Желающіе ознакомиться съ журналомъ, могутъ получать пробный нумеръ, высылая лишь двѣ 7-ми копѣечныя марки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С. Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, Невскій проспектъ, № 76. Въ Москвѣ, въ Центральной Конторѣ объявленій Л. Метцля, Петровка, домъ Солодовникова, № 6.

„ПРОГРЕССИВНОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО",

иллюстрированный журналъ раціональнаго веденія всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства съ цѣлью полученія наибольшаго дохода,

издающійся при постоянномъ сотрудничествѣ профессоровъ высшихъ учебныхъ земледѣльческихъ заведеній и хозяевъ-практиковъ, подъ редакціей Л. А. Черноглазова.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ большаго формата *съ безплатнымъ приложеніемъ* литературно-политическаго журнала **„Еженедѣльный Обзоръ"**.

По примѣру истекающаго года, въ журналѣ «Прогрессивное Сельское Хозяйство» каждая отрасль сельскаго хозяйства будетъ имѣть свой отдѣлъ, который будетъ разрабатываемъ съ возможною полнотою. **Программа**: 1) Полеводство. 2) Лѣсоводство. 3) Скотоводство и птицеводство. 4) Садоводство и огородничество. 5) Пчеловодство. 6) Сельскохозяйственная механика и архитектура. 7) Вопросы и отвѣты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства. 8) Сельско-хозяйственная хроника. 9) Полезныя замѣтки для сельскихъ хозяевъ и хозяекъ. 10) Домашняя медицина, гигіена и санитарное дѣло. 11) Внутренніе и иностранные рынки. При статьяхъ помѣщаются политипажи въ текстѣ и отдѣльные рисунки.—Журналъ «Еженедѣльный Обзоръ» даетъ въ каждомъ номерѣ краткую, но обстоятельную характеристику выдающихся событій русской и иностранной жизни, романы, повѣсти, небольшіе разсказы изъ области наукъ, искусствъ и художествъ и т. п.

Благодаря сочувствію гг. хозяевъ, редакція, несмотря на значительный объемъ своего изданія (не менѣе 200 печатныхъ листовъ въ годъ), множество до-

рого-стоящихъ рисунковъ и т. п., находитъ возможнымъ оставить прежнюю цѣну т. е. съ доставкою и пересылкою *тесть руб. въ годъ за оба изданія.* По примѣру прошлаго года, лица, подписавшіяся до 1 го января, получаютъ при одномъ изъ первыхъ четырехъ № журнала разныя огородныя и цвѣточныя сѣмена.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Прогрессивнаго Сель-Хозяйства» за 1884 г. могутъ быть получены изъ редакціи по 6 р. безъ перес.

Открыта подписка на сборникъ

„ПРАКТИЧЕСКІЕ НАСТАВЛЕНІЯ, УКАЗАНІЯ И РЕЦЕПТЫ",

примѣнимые въ домашнемъ, городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, состоящіе изъ: 1,000 полезныхъ наставленій и указаній относительно приготовленія разнаго рода съѣстныхъ припасовъ и консервовъ, а также и приготовленія мыла, помадъ, душистыхъ водъ, чернилъ, красокъ и проч.; выведенія различныхъ пятенъ, истребленія всякаго рода насѣкомыхъ; 250 домашнихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней; 500 средствъ насчетъ ухода и лѣченія лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней, птицъ и проч., и 250 полезныхъ замѣтокъ на счетъ разведенія цвѣтовъ, растеній, плодовъ и проч.

Тутъ-же продаются:

1) **Культура пшеницы,** монографія профессора Я. Н. Калиновскаго. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

2) Печатается сочиненіе Гравенгорста **„Практическій пасѣчникъ"** съ 56 рисунками; переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Цѣна съ пересылкою 2 рубля.

Контора редакціи помѣщается въ *С.-Петербургѣ, Троицкій пер.*, д. № 40.

„ТЕХНИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ",

иллюстрированный журналъ новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ заводско-фабричной промышленности,

СО СПЕЦІАЛЬНЫМИ ОТДѢЛАМИ

электротехники, винокуреннаго, пивовареннаго, сахарнаго, мукомольнаго, писчебумажнаго и кожевеннаго производствъ.

Программа журнала: 1) Узаконенія и распоряженія заводско-фабричныя. 2) Электротехника. 3) Винокуреніе. 4) Пивоваренное произв. 5) Сахарное производ. 6) Мукомольное произв. 7) Писчебумажное произв. 8) Кожевенное произв. 9) Технологія, какъ-то: кирпичное, крахмальное, маслобойное, мыловаренное, прядильное, свѣчное, суконное, ткацкое и проч. производства. 10) Химія. 11) Механика. 12) Горное дѣло и металлургія. 13) Техно-химическіе рецепты и наставленія. 14) Гигіена и санитарное дѣло. 15) Патенты. 16) Привилегіи. 17) Вопросы и отвѣты. 18) Техническая библіографія. 19) Смѣсь. 20) Объявленія.

Журналъ выходитъ 15 и 30 каждаго мѣсяца, въ 4—5 печатныхъ листовъ большаго формата, со многими политипажами въ текстѣ.

Подписная цѣна на **1** годъ съ пересылкою **10** руб.

„Техническій Обзоръ" за 1882, 1883 и 1884 гг. можно получать по 10 руб., съ пересылкою за каждый годъ.

Контора редакціи «Техническій Обзоръ» въ *С.-Петербургѣ, Троицкій пер., № 40.*

Открыта подписка на сочиненіе инжен. **Тильмана:**

„Подробное руководство къ установкѣ и постройкѣ паровыхъ котловъ"

всѣхъ лучшихъ системъ, съ подробнымъ расчетомъ паровиковъ, дымогарныхъ трубъ, арматуры и проч., *съ указаніемъ надежныхъ предохранительныхъ правилъ противъ взрыва*, а также съ указаніемъ на раціональное *утилизированіе топлива* и на новѣйшія усовершенствованія въ *отопленіи паровыхъ котловъ сжиганіемъ дыма—чистѣйшаго и лучшаго горючаго матеріала.*

1 большой томъ въ 40 печатныхъ листовъ, съ 400 политипажами.

Это замѣчательнѣйшее сочиненіе становится необходимымъ руководствомъ для каждаго *заводчика, фабриканта, владѣльца паровыхъ котловъ, механика, техника, техническаго училища и проч.*

Подписная цѣна **6** рублей.

Вышло уже 1, 2, 3 и 4 выпуски—5 и 6 находятся въ печати.

Подписка на соч. **Тильмана** принимается въ Редакціи **„Техническаго Обзора"**.

Открыта подписка на книгу

„ПРАКТИЧЕСКІЕ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКІЕ РЕЦЕПТЫ"

1500

новѣйшихъ и полезнѣйшихъ открытій, усовершенствованій и патентованныхъ изобрѣтеній въ областяхъ: винокуреннаго, водочнаго, воскобойнаго, горчичнаго, клеевареннаго, кожевеннаго, косметическаго, краснильнаго, красочнаго, крахмальнаго, лаковаго, маслобойнаго, машиннаго, механическихъ издѣлій, мукомольнаго, мыловареннаго, пивовареннаго, писчебумажнаго, сахарнаго, свѣчнаго, ситцепечатнаго, скорняжнаго, слесарнаго, спичечнаго, стеклянпаго, суконнаго, уксуснаго, табачнаго, фарфороваго, фаянсоваго, шоколаднаго и прочихъ производствъ.

Подписная цѣна **2** рубля, съ пересылкою **2** руб. **50** коп.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Техническій Обзоръ"** въ С-Петербургѣ.

„Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ“,

1885 г. (третій годъ изданія).

съ приложеніемъ газеты „ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ“

издаваемый при Императорской академіи Художествъ

подъ редакціей **А. И. СОМОВА.**

Вѣстникъ выходитъ въ свѣтъ шесть разъ въ годъ, т. е. однажды въ два мѣсяца, книжками въ 5—8 печатныхъ листовъ; «Художественныя Новости» появляются 24 раза въ годъ (1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца), въ объемѣ ½—1½ печатныхъ листа.

Къ «Вѣстнику» прилагаются эстампы, исполненные гравюрою на мѣди (рѣзцомъ или крѣпкою водкою) и на стали, фотогравюрою, фототипіею, литографіею и проч. Эти эстампы, которыхъ въ году полагается не менѣе 24-хъ, состоятъ изъ портретовъ художниковъ и изъ снимковъ съ замѣчательныхъ произведеній искусства. Сверхъ того, въ самомъ текстѣ «Вѣстника» помѣщаются въ неопредѣленномъ числѣ политипажи, исполненные ксилографіей и фотоцинкографіей.

Въ числѣ сотрудниковъ того и другаго изданія состоятъ: А. Н. Андреевъ, Н. Д. Ахшарумовъ, Н. М. Благовѣщенскій, бар. Г. Э. Брюннингъ, О. И. Булгаковъ, А. А. Васильчиковъ, М. В. Ватсонъ, М. Вашенъ (въ Парижѣ), А. В. Вышеславцевъ, Д. В. Григоровичъ, Э. Я. Доббертъ (въ Берлинѣ), Г. Е. Кизерлицкій, А. Н. Кирпичниковъ, Д. О. Кобеко, О. П. Ланцертъ, В. П. Ламбинъ, А. М. Матушинскій (Эмъ) Н. В. Павловъ, П. П. Петровъ, Е. Е. Рейгернъ, Е. А. Сабанѣевъ, Н. П. Собко, М. П. Соловьевъ, В. В. Стасовъ, Н. В. Султановъ, Е. Е. Трей (въ Дрезденѣ), С. С. Шайкевичъ, В. П. Шеміотъ, В. О. Эвальдъ и др.

По части гравированія, сотрудниками будутъ: А. А. Бобровъ, В. А. Бобровъ, М. П. Боткинъ, А. Вегеръ, В. Верле, О. Гофманъ, Л. Е. Дмитріевъ-Кавказскій, О. А. Кочетова, Е. З. Краснушкина, Б. Манфельдъ, В. В. Матте, Н. С. Мосоловъ, К. Д. Савицкій, П. Самокишъ, В. Унгеръ, И. И. Шишкинъ, и др.

Подписная цѣна за оба изданія вмѣстѣ: Безъ доставки **10** руб.; съ доставкою въ С.-Петербургѣ или съ пересылкою въ другія мѣста **12** р., за границею **15** руб.

Отдѣльная подписка на «Вѣстникъ» или на «Художественныя Новости» не допускается.

Въ видѣ *безплатной преміи* гг. подписчики получатъ *Альбомъ фототипическихъ снимковъ* большаго формата съ оригинальныхъ рисунковъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ изъ собраній Императорскаго Эрмитажа, Академіи художествъ и изъ другихъ петербургскихъ коллекцій. Альбомъ этотъ появится въ свѣтъ немедленно по его изготовленіи, во всякомъ случаѣ не позже ноября мѣсяца.

Подписываться можно: въ редакціи *«Вѣстника изящныхъ искусствъ»* (Вас. Остр., зданіе Императорской Академіи художествъ, ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, съ 10 час. утра до 4 час. попол.), въ Императорскомъ Обществѣ поощренія художествъ, въ эстампныхъ магазинахъ *А. Бегрова* и *Фельтена*, въ книжномъ магазинѣ *Мелье* и у всѣхъ извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ столицы.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться для подписки преимущественно въ редакцію.

Вѣстникъ и Художественныя Новости за 1883 и 1884 годы, вмѣстѣ съ изданными въ этихъ годахъ преміями, можно получать въ редакціи этихъ изданій. Цѣна за каждый экземпляръ каждаго годоваго изданія **10** руб. Гг. иногородные прибавляютъ къ этой цѣнѣ 2 р. на расходы по пересылкѣ.

Ежемѣсячный журналъ

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА".

1885 годъ.

(Выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 листовъ большаго формата и убористаго шрифта).

Въ составъ журнала входятъ: 1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины; 2) избранныя сочиненія изъ иностранной медицинской литературы преимущественно подъ редакціей профессоровъ-спеціалистовъ; 3) рефераты, обзоры, критическіе очерки, хроника и пр.

Годовая цѣна съ перес. **17** р., безъ перес. **15** р. Студенты, фельдшера и лекарск. помощн. платятъ 14 руб. въ годъ.

Въ журналѣ за прошлые года (1881, 1882, 1883 и 1884) были помѣщены изъ наиболѣе капитальныхъ вещей слѣдующія: 1) *А. Багинскій.* Дѣтскія болѣзни (43 лист.); *Бони. Физіологія* (110 лист.). *Генохъ.* Дѣтскія болѣзни (44 листа). *Зелимюлеръ.* Нервныя болѣзни (23 листа); *Мальгень. Оперативная хирургія* (34 лист.). *Нимейеръ.* Частная патологія и терапія (103 листа). *Рибо.* Болѣзни памяти (10 лист.). *Россбахъ.* Основы физическихъ методовъ леченія (32 листа). *Фритшъ.* Женскія болѣзни (28 лист.). *Шеффъ.* Зубныя болѣзни (17½ лист.). *Эйхгорстъ.* Діагностика (45 лист.). *Эйхгорстъ.* Частная патологія и терапія (140 лист.). *Эриксенъ.* Хирургія (105 лист.). *Ришэ.* Хирургическая анатомія (85 листовъ). *Дюринъ.* Болѣзни кожи (20 л.). *Гритль* съ рисунками Гейцмана (24 л.). *Никитинъ.* Ларингоскопія (19 л.).

Всѣ сочиненія, помѣщенныя въ «Медицинск. Библіот.», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ извѣстной коллекціи *Вредена* (*Генсмеръ* подъ редакціею проф.

Левшина. Кирхнеръ, ушныя болѣзни, 2-ой отдѣлъ *Зелимюлера* и пр.), психіатрію *Мейнерта* подъ редакціей пр. *Ковалевскаго* и проч.

Редакція имѣетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской медицинской литературѣ по гигіенѣ и судебной медицинѣ (редакція заручилась обѣщаніемъ профессоровъ печатать ихъ труды по этимъ и другимъ предметамъ въ «Мед. Библ.»).

Отдѣлъ «хроники и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медиц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Подписчики на 1885 годъ получаютъ безплатно при январьской книжкѣ Медицинскій Календарь (Новый Календарь для врачей).

Адресъ извѣстенъ петербургскому почтамту.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ.*
Издатель *П. Л. Вилькинъ.*

„ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА",

иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная.

Въ 11-й году своего изданія, т. е. въ **1885 году**, газета будетъ выходить на прежнихъ условіяхъ, безъ предварительной цензуры и въ значительно улучшенномъ составѣ, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю.

Ежемѣсячно прилагаются особо *ПАРИЖСКІЯ МОДЫ*, съ рисунками модъ и узоровъ, и 6 разъ въ годъ—по листу модныхъ выкроекъ, заключающему въ себѣ 4—5 выкроекъ полныхъ костюмовъ.

Газета сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія Правительства, новости торговыя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искусствъ и наукъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и разсказы преимущественно историческіе, стихотворенія, статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также *критика, библіографія.* Газета даетъ въ годъ *болѣе 770 рисунковъ* въ текстѣ. Въ ней принимаютъ участіе своими трудами лучшіе наши ученые художники.

Преміи 1885 г. 1) Крестный Календарь на 1886 годъ на веленевой бумагѣ. 2) Повѣсти и романы иностранные (въ приложеніи къ номерамъ). 3) Иллюстрированныя драмы Шекспира (выпускъ 5-й—драма «Макбетъ» въ прекрасномъ переводѣ С. А. Юрьева) и проч.

Новые подписчики могутъ, по особому заявленію съ ихъ стороны, получать безплатно большую олеографическую картину, представляющую точное (съ натуры) изображеніе **Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ** въ 1883 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1885 годъ: безъ доставки на годъ 4 руб.; *съ доставкою и пересылкою* на годъ 5 руб., на полгода съ января и іюля) 3 руб., 1 мѣсяцъ 60 к. За границу 7 руб., на полгода 3 р. 50 к.

«Газету» прежнихъ годовъ, съ 1875 по 1883 (кромѣ 1880 и 1883) можно получать изъ редакціи по 3 руб. за томъ (годъ), съ пересылкою.—Годовъ 1880 и 1883 не имѣется уже ни одного экземпляра.

Адресъ: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

Редакторъ-издатель **А. Гатцукъ.**

„СТРАННИКЪ"

1885 г. (пятый годъ изданія подъ новою редакціей). Г. 1885

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей, по слѣдующей программѣ:

1) Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ общей церковной исторіи и историко-литературнаго знанія,—преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ православной восточной и русской жизни. 2) Статьи, изслѣдованія и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ русской церковной исторіи. 3) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ. 4) Статьи философскаго содержанія по вопросамъ современной богословской мысли 5) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся явленіямъ церковной жизни. 6) Очерки, разсказы, описанія, знакомящія съ укладомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ исповѣданій, особенно—съ жизнью пастырства и преимущественно у славянъ. 7) Бытовые очерки, разсказы и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простаго народа. 8) Внутреннее церковное обозрѣніе и хроника епархіальной жизни. 9) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, особенно у славянъ. 10) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей. 11) Обзоръ свѣтскихъ журналовъ, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала. 12) Библіографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы. 13) Книжная лѣтопись; ежемѣсячный указатель всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія, краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 14) Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 15) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденція; объявленія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписная плата: съ пересылкою въ Россія и доставкою въ С.-Петербургѣ *ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.* Адресоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С. Петербургѣ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: **А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.**

Большой еженедѣльный, художественно-лнжуирратетурный алъ

„РОССІЯ".

1885 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). г. 1885

Съ 1 января 1885 года будетъ выходить 4 раза въ мѣсяцъ: 1, 8, 15 и 22 числа, въ новомъ **увеличенномъ** объемѣ—2½ печатныхъ листа, съ **четырьмя** отдѣльными большими **оригинальными** рисунками при каждомъ №.

Кромѣ множества другихъ статей и произведеній **въ 1885 году будутъ напечатаны:** 1) Неизданныя письма *И. С. Тургенева*, 2) Новая Золушка, большой романъ, *гр. Е. А. Саліаса*, 3) Историческія повѣсти *Н. А. Чаева*, 4) Очерки изъ народной жизни *Н. Н. Златовратскаго*, 5) Фантазеръ, большой романъ, *Д. А. Линева*, 6) Тихія воды глубоки, повѣсть, *А. В. Круглова*, 7) Двѣ избранницы, романъ, *К. Н. Леонтьева*, 8) Воспоминанія о П. С. Мочаловѣ, *С. А. Юрьева*. 9) «День византійскаго императора», историч. повѣсть, *П. П. Аксакова*, 10) «Пасынокъ судьбы», повѣсть, *С. Н. Филиппова*. 11) «Что побудило?» деревенскій разсказъ, *Д. А. Линева*. 12) Разсказы изъ современной уголовной хроники, *В. А. Скрипицына*.

Независимо отъ названныхъ именъ, въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе: *Д. Л. Мордовцевъ*, *Н. С. Лѣсковъ-Стебницкій*, *А. П. Плещеевъ*, *Я. П. Полонскій*, *Л. П. Пальминъ*, *В. С. Баскинъ*. *В. В. Чуйко*, *М. М. Неиновъ*, г-жа *Евгенія Туръ* и многіе другіе.

Художественный отдѣлъ журнала будетъ преслѣдовать въ сущности ту же цѣль, что и отдѣлъ литературный, т. е. представлять собою живописный сводъ иллюстрацій Россіи въ богатомъ многообразіи ея жизни, природы и искусства.

По прежнему къ каждому № будутъ прилагаться четыре отдѣльныхъ оригинальныхъ рисунка, исполненныхъ автографическимъ способомъ. «Россія» въ этомъ отношеніи представляетъ журналъ, рѣзко отличающійся по своему характеру отъ другихъ иллюстрированныхъ изданій, пользующихся зачастую заимствованными, иностранными клише.

Въ будущемъ 1885 году редакціей устанавливается систематизація рисунковъ, такъ-что впослѣдствіи подписчики могутъ образовать изъ нихъ нѣсколько отдѣльныхъ альбомовъ.

Такъ, между прочимъ, будутъ помѣщены въ будущемъ году:

1) 12 портретовъ извѣстныхъ русскихъ представителей литературы, науки и искусства.

2) 30 копій съ картинъ русской живописи или произведеній иностранной школы, находящихся въ Россіи.

3) около 25 отдѣльныхъ иллюстрацій къ беллетристическимъ произведеніямъ,

помѣщеннымъ въ журналѣ, въ томъ числѣ нѣсколько ориг. рис. А. С. Янова къ исторической повѣсти И. И. Аксакова: «День византійскаго императора».

4) Около 20 видовъ различныхъ живописныхъ мѣстностей Россіи (для собранія матеріала редакціей командированъ уже художникъ лейпцигской академіи фотографъ Тиннеръ).

5) 12 виньетокъ къ стихотвореніямъ, на подобіе помѣщенныхъ уже въ текущемъ году.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала будутъ помѣщены рисунки:

Н. М. Быковскаго, В. М. Васнецова, С. И. Иванова, Н. П. Каразина, К. В. Лемохъ, К. Е, И. Е. и В. Е. Маковскихъ, М. О. Микѣшина, В. Д. Полѣнова, И. Е. Рѣпина, К. А. Савицкаго. К. А. Трутовскаго и мног. друг.

Въ будущемъ 1885 году всѣ годовые подписчики получатъ **роскошную премію акварель** (размѣр. 140 кв. верш.), заказанную по оригиналу, спеціально исполненному для журн. «Россія» академикомъ исторической живописи Н. В. Невревымъ: **«СЦЕНА У ФОНТАНА»** (изъ «Бориса Годунова», Пушкина). Она будетъ исполнена въ знаменитой французской литографіи Лемерсье и К°.

Подписная цѣна **7** р. на мѣстѣ и **8** р. съ доставкой на домъ и пересылкой. Подписка принимается: а) въ Москвѣ, въ редакціи, Тверской бульваръ, д. Эфроса, б) въ магазинахъ: Даціаро, Аванцо, Вольфа, Мамонтова, «Новаго Времени», Васильева (на Страстномъ бульв.) и въ конторѣ объявленій Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ, в) въ С.-Петербургѣ: у Мелье, Вольфа и Суворина и г) въ Кіевѣ: у книгопродавцевъ Столбецова и Корейво. Иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію. **Разсрочка годовой подписной суммы можетъ быть допущена на слѣдающихъ условіяхъ: 5 руб. при подпискѣ и 3 рубля 1 Іюля.**

Редакторъ-издатель **О. М. Умнецъ.**

1885 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). г. 1885

Еженедѣльный „РАДУГА“, иллюстрированный семейный журналъ литературы, изящныхъ искусствъ и общественной жизни.

50 нумеровъ въ годъ. 50.

Въ 1885 году **«Радуга»** дастъ своимъ читателямъ рядъ **романовъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній исключительно изъ русской жизни**, съ участіемъ **выдающихся** современныхъ русскихъ писателей. **ИЛЛЮСТРАЦІИ** извѣстныхъ русскихъ художниковъ будутъ воспроизведены самымъ тщательнымъ образомъ, съ помощью новѣйшихъ открытій въ области графическихъ искусствъ. Гравюры будутъ исполнены въ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ заведеніяхъ.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) **СЦЕНА.** Театральное искусство. Критика. Драматическія пьесы для большой сцены и **для любительскихъ спектаклей.** Комедіи. Трагедіи. Драмы. Воде-

и при участіи извѣстныхъ драматурговъ, какъ Викторъ Александровъ (Крыловъ) Невѣжинъ, князь Сумбатовъ и др. Провинціальная корреспонденція. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщены *ПОРТРЕТЫ* русскихъ драматическихъ писателей и выдающихся артистовъ русской столичной и провинціальной сцены.

2) **АККОРДЪ**. Новости изъ музыкальнаго міра. Портреты выдающихся современныхъ композиторовъ и исполнителей. Отчеты о концертахъ. Критическія замѣтки. Къ каждому нумеру «Аккорда» будутъ приложены **также безплатно** *НОТЫ* для фортепіано и пѣнія: исключительно новыя пьесы, танцы, арранжировки изъ новыхъ оперъ и оперетокъ.

3) **МОДЫ**. Иллюстрированныя парижскія моды. Текстъ и рисунки изъ Парижа, подъ редакціею Тіерри. *Руководство для туалетнаго стола. Косметики. Домашній обиходъ. Домашнее хозяйство. Столъ.*

4) **ГИГІЕНА—новый отдѣлъ**. Какъ жить здоровому и какъ помочь больному человѣку. Совѣты врача. *При этомъ отдѣлѣ открытъ почтовый ящикъ для совѣтовъ.* Пользоваться правомъ этого почтоваго ящика могутъ лишь гг. подписчики.

5) **САЛОНЪ**—новый-же отдѣлъ, иллюстрированныя общественныя увеселенія. 1) Карты. 2) Общественныя игры. 3) Пасьянсы. 4) Хореографія (танцы). 5) Шарады. 6) Ребусы. 7) Задачи. 8) Фокусы. 9) Эксперименты изъ области химіи и физики. 10) Гимнастика. 11) Спиритизмъ. 12) Обширный шахматный отдѣлъ. 13) Стенографическій отдѣлъ. 14) Почтовый ящикъ для гласной корреспонденціи подписчиковъ между собою (право пользованія имѣютъ только подписчики журнала).

Кромѣ всего будетъ дана великолѣпная безплатная премія.

Подписная цѣна на 1885 годъ, со всѣми приложеніями, съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи **только 5 руб.**, за границу—**7 руб**; на ½ года—**3 руб.**, за границу—**4 руб.**

Допускается разсрочка платежа годовой подписной цѣны: при подпискѣ **2 р.**, затѣмъ 1 марта **1 р.**, 1 апрѣля **1 р.** и 1 іюня **1 р.**

Подписка принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородныхъ просятъ адресовать: *Въ редакцію журнала «Радуга». Москва.*

Редакторъ **Д. А. Мансфельдъ**. Издатель **Л. Метцль**.

---

5 годъ изданія. (ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО). изданія годъ **5**

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Сѣвернаго телеграфнаго агентства». V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Что дѣ-

лается на югѣ: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. IX. Наука и искусство. X. Внѣшнія корреспонденціи «Южнаго Края». XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVIII. Сторонніе сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе чѣмъ въ 100 губернскихъ, уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ и во многихъ станицахъ, и селахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки.	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою.	12 р. — к.	7 р. — к.	4 р. — к.	1 р. 40 к.
Съ пересылкою иногороднимъ .	12 р. 50 к.	7 р. 50 к.	4 р. — к.	1 р. 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются: въ **Харьковѣ**—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Екатеринославской улицѣ, въ домѣ Файнберга, № 44; въ **Петербургѣ**—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Струбинскаго; въ **Москвѣ**—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Петровкѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій П. Печковской; въ **Варшавѣ**—въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 18; въ **Кіевѣ**—въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ **Одессѣ**—въ книжныхъ магазинахъ В. М. Бѣлаго и Е. П. Распопова; въ **Полтавѣ**—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойно-Родзевича, въ конторѣ И. А. Дохмана; въ **Кременчугѣ**—въ «Русской книжной торговлѣ» Д. Я. Тартаковскаго.

„Церковный Вѣстникъ“

и „ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

(СЪ ТОЛКОВАНІЯМИ НА ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ).

«Церковный Вѣстникъ» съ 1-го января будущаго 1885 г. имѣетъ вступить въ **одиннадцатый годъ существованія**. Десять лѣтъ—достаточный періодъ времени для уясненія характера, направленія и цѣлей изданія. Въ офиціальной своей части «Церковный Вѣстникъ» есть офиціальный органъ св. синода и

состоящихъ при немъ центральныхъ учрежденій, въ неофиціальной-же части онъ есть органъ с.-петербургской духовной академіи. Высшее церковное правительство, избравъ офиціальную часть академической церковной газеты своимъ офиціальнымъ органомъ для помѣщенія въ ней своихъ распоряженій и Высочайшихъ повелѣній по духовному вѣдомству и чрезъ то удостоивъ академическую корпорацію высокой степени своего довѣрія, не лишило въ то же время послѣднюю возможности имѣть *въ собственномъ смыслѣ неофиціальную часть*, въ которой-бы академическая корпорація свободно выражала свои сужденія по церковнымъ вопросамъ, сообщала полезныя для духовенства свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ давала-бы возможность и духовенству высказывать свои нужды и желанія, и такимъ образомъ существовалъ бы взаимный обмѣнъ мыслей между людьми духовной науки и дѣятелями церковной жизни. Высоко цѣня такія истинно-пастырскія, въ духѣ древней церкви, отношенія высшей церковной власти къ высшей духовной школѣ, академическая корпорація, по мѣрѣ силъ въ теченіи десяти лѣтъ, старалась въ неофиціальной части «Церк. Вѣстн.» осуществлять прекрасный идеалъ свободнаго служенія истиннымъ интересамъ православной церкви на поприщѣ духовной публицистики,—идеалъ, глубокіе корни котораго скрываются въ характерѣ восточнаго православія.

Постепенно и свободно развиваясь, неофиціальная часть «Церк. Вѣстн.» получила въ послѣднее время слѣдующій видъ. Въ ней печатаются прежде всего разнообразныя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ, именно: 1) *передовыя статьи*, 2) *корреспонденціи. статьи и сообщенія* внѣшнихъ сотрудниковъ, преимущественно духовныхъ лицъ и 3) *«Мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ»*. Для помѣщенія различныхъ извѣстій имѣются слѣдующіе постоянные отдѣлы: 4) *«Лѣтопись церковная»*, представляющая обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ области религіозной жизни нашей отечественной церкви по всѣмъ ея епархіямъ; 5) *Иностранное обозрѣніе*, сообщающее извѣстія изъ религіозной жизни православнаго востока и римско-католическаго и протестантскаго запада; 6) *«Лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграницей»*, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ и внѣ его; 7) *«Разныя извѣстія и замѣтки»*, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ лѣтописяхъ и обозрѣніяхъ; не послѣднее мѣсто занимаютъ здѣсь сообщенія о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ. Немалое вниманіе обращено также и на отдѣлы библіографическіе, которые суть слѣдующіе: 8) *«Журнальное обозрѣніе»*, представляющее обозрѣніе нашей духовной журналистики (каждый мѣсяцъ разъ); 9) *«Замѣтки читателя епархіальныхъ вѣдомостей»* (два раза въ мѣсяцъ), сообщающія извлеченіе интереснаго, по преимуществу историческаго матеріала изъ всѣхъ 44-хъ существующихъ епархіальныхъ вѣдомостей (это новый, только что организованный отдѣлъ) и 10) *«Библіографическія замѣтки»* или обозрѣніе вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій (нѣсколько разъ въ мѣсяцъ); этотъ отдѣлъ съ новаго года предполагается преобразовать въ смыслѣ полноты и краткости библіографическихъ обозрѣній.

Такимъ образомъ, редакція имѣетъ смѣлость думать, что вышеозначенными *десятью отдѣлами* неофиціальной части «Церк. Вѣстн.» довольно полно обнимаются всѣ важнѣйшія проявленія церковно-общественной жизни, преимущественно въ нашемъ отечествѣ и въ значительной мѣрѣ внѣ его.

«Христіанское Чтеніе», составляющее прибавленіе къ «Церк. Вѣстн.», помѣщаетъ разнообразныя, преимущественно ученыя, статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній. Сверхъ того, въ немъ печатаются, съ особымъ счетомъ страницъ, «Толкованія на Ветхій Завѣтъ». Въ 1885 г. будетъ продолжаться печатаніе «Толкованія на книгу пророка Исаіи», такъ что къ концу года выйдетъ особою книжкою 6-й выпускъ «Толкованій».

Шестой (пятый вышелъ въ 1883 г.) выпускъ, содержащій продолжніе толкованій на книгу Псалмовъ, выйдетъ въ декабрѣ 1884 года. Ц. 75 к. безъ перес. и 1 р. съ перес.

«Церк. Вѣстн.» и «Христ. Чт.» съ «Толкованіями» составятъ въ годъ болѣе **двухсотъ шестидесяти** (260) печатныхъ листовъ («Церк. Вѣстн.» 142 л. и «Христ. Чтен.» 142 л.).

Цѣна.—Годовая цѣна въ Россіи *за оба журнали* **7 р.** съ пересылкою; *отдѣльно* за «Церковный Вѣстникъ» **5 р.**, за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями» **5 р.** За границей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала **9 р**, за каждый отдѣльно **7 р.** съ перес.

Подписка.—*Иногородные подписчики* надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церк. Вѣст.» и Христ. Чт.», въ С.-Петербургѣ». *Подписывающіеся въ Петербургѣ* подписываются въ конторѣ редакціи (уголъ Коломенской улицы и Свѣчнаго переулка, д. № 10—16, кв. № 26), гдѣ получаются также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.—за 1 разъ) и для разсылки при «Церк. Вѣстн.» (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Кораблева), въ Москвѣ—при кн. маг. Ферапонтова.

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“,

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и КОММЕРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

въ форматѣ самыхъ большихъ столичныхъ изданій.

Каждый интересующійся политическою и общественною жизнью Россіи и внимательно слѣдящій за ея развитіемъ, могъ, безъ сомнѣнія, замѣтить быстрый ростъ провинціи, которая, не смотря на многія неблагопріятныя условія и экономическій кризисъ, переживаемый страною, успѣла освободиться отъ прежней обывательской замкнутости и занять болѣе самостоятельное мѣсто. Задачи и дѣятельности провинціи становятся съ каждымъ днемъ шире, сложнѣе, и лучшимъ представителемъ этого политико-экономическаго роста является Одесса, которая, въ

періодъ короткаго времени сдѣлалась интеллектуальнымъ и торговымъ центромъ юга Россіи и первымъ городомъ послѣ обѣихъ столицъ и Варшавы. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ развитіемъ общественнаго самосознанія въ провинціи, развивалась и крѣпла провинціальная печать, поставившая себѣ задачею знакомить Россію съ бытомъ, нуждами и потребностями.

«Одесскій Листокъ» въ качествѣ провинціальной газеты, всегда стремился къ осуществленію этой задачи, стараясь дать своимъ читателямъ возможно полное представленіе о всѣхъ событіяхъ дня, имѣющихъ то или другое общественное значеніе, и разработывая матеріалы, доставляемые жизнью провинціи. Но матеріалы эти съ каждымъ днемъ становились обширнѣе, такъ что обыкновенный форматъ газеты оказался недостаточнымъ для того, чтобы редакція имѣла возможность своевременно знакомить читателей съ выдающимися фактами, заслуживающими общественнаго вниманія. Въ виду этого редакція признала необходимымъ увеличить газету до такихъ размѣровъ, при которыхъ она могла бы помѣщать въ № болѣе подробное обозрѣніе общественной жизни, не затрудняясь при этомъ массою объявленій, являющейся результатомъ распространенности «Одесскаго Листка». Со второй половины ноября 1884 года, газета «Одесскій Листокъ» выходитъ въ форматѣ самыхъ большихъ петербургскихъ газетъ, въ семь столбцовъ вмѣсто шести, что, однако, не остановитъ редакцію передъ выпускомъ полуторныхъ номеровъ, вслучаѣ скопленія такого матеріала, который будетъ имѣть исключительный интересъ и нуждаться въ подробной разработкѣ. Съ преобразованіемъ газеты, редакціею обращено особенное вниманіе на отдѣлы: политическій, общественный (руководящія статьи какъ по общимъ, такъ и по краевымъ вопросамъ), городской, земскій, судебный, отдѣлъ корреспонденцій и вѣстей изъ всѣхъ городовъ Южной Россіи, музыкальный, театральный и фельетонный, въ которомъ, помимо печатанія беллетристическихъ и научныхъ произведеній и участія нашихъ постоянныхъ фельетонистовъ Барона Икса, Черноморца и Осы, будутъ помѣщаться фельетоны нашего даровитаго поэта *Д. Д. Минаева*, въ стихахъ и прозѣ, подъ общимъ заглавіемъ «Чѣмъ хата богата».

Не смотря на вышепоименованныя улучшенія, цѣна на «Одесскій Листокъ» все таки остается значительно ниже другихъ большихъ литературно-политическихъ газетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ городъ:		*Съ пересылкою въ другіе города:*	
на годъ	10 р.	на годъ	12 р.
— полгода	6 р.	— полгода	7 р.
3 мѣсяца	3 р. 50 к.	3 мѣсяца	3 р. 80 к.
1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ «Одесскаго Листка», на углу Ришельевской и Полицейской ул., д. Баржанскаго, въ Одессѣ.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

„СВѢТЪ“ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. въ форматѣ обыкновеннаго листа 1885.

выходитъ (кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками).

Начавъ издаваться съ 1 января 1882 года, **«СВѢТЪ»** имѣлъ невѣроятный и небывалый успѣхъ и сразу сталъ *САМОЮ РАСПРОСТРАНЕННОЮ ГАЗЕТОЮ ВЪ РОССІИ.*

Цѣна на „СВѢТЪ“

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ:

За годъ . . . . . 4 р.
— полгода. . . . . 2 р.
— четверть года . . . . . 1 р.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ 1885 году, по прежнему будутъ выходить и **«ПРИЛОЖЕНІЕ РОМАНОВЪ»** къ газетѣ **«СВѢТЪ»**.

Двѣнадцать романовъ въ годъ, по одному каждый мѣсяцъ, лучшихъ европейскихъ и русскихъ писателей. Романы иллюстрированы.

Цѣна на газету съ «ПРИЛОЖЕНІЕМЪ РОМАНОВЪ», съ пересылкою и доставкою:

на годъ (съ 11 романами) 8 руб.
1/2 года (съ 6 романами) 4 руб.
1/4 года (съ 3 романами) 2 руб.

Подписка на газету съ «Приложеніемъ Романовъ» принимается нераздѣльно на одинъ и тотъ-же срокъ.

Безъ газеты подписка на одни романы не принимается.

Письма и подписныя деньги адресовать: Спб., редакція газеты **«СВѢТЪ»**, Гороховая, № 47.

Редакторъ-издатель **В. В. Комаровъ.**

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

Содержаніе «Виленскаго Вѣстника» такое же, какъ и всѣхъ провинціальныхъ газетъ. Давая отчетъ о всѣхъ явленіяхъ дня и фактахъ, совершающихся въ нашемъ обширномъ отечествѣ, «Виленскій Вѣстникъ» удѣляетъ значительную часть своихъ столбцовъ интересамъ мѣстнымъ, т. е. Сѣверо-Западнаго края Россіи. «Виленскій Вѣстникъ» получаетъ ежедневно, непосредственно по телеграфу, телеграммы о всѣхъ выдающихся событіяхъ дня какъ въ Имперіи, такъ и заграницею. Кромѣ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстностей Сѣверо-Западнаго края, «Виленскій Вѣстникъ» имѣетъ корреспондентовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ главныхъ городахъ Имперіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Вильнѣ, съ доставкою на домъ по городской почтѣ.		Съ пересылкою по почтѣ въ другіе города.	
На годъ	9 р. — к.	На годъ	10 р. — к.
— полгода	4 р. 50 к.	— полгода	5 р. — к.
— 3 мѣсяца	2 р. 40 к.	— 4 мѣсяца	3 р. — к.
За 1 мѣсяцъ	— р. 80 к.	За 1 мѣсяцъ	1 р. — к.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» *(Виленская улица, домъ г. Ленскаго)*, въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина *(Большая улица, собственный домъ)* и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

ИЗВѢСТІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО

СЛАВЯНСКАГО

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА

въ 1885 году.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Въ 1885 году «ИЗВѢСТІЯ» будутъ выходить ежемѣсячными выпусками отъ 2 до $2^1/_2$ листовъ.

ПРОГРАММА: I. Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества и другихъ Славянскихъ обществъ въ Россіи и заграницей. II. Славянское обозрѣніе. III. Славянскія библіографическія извѣстія. IV. Объявленія.

Подписная годовая цѣна для всѣхъ подписчиковъ безъ различія въ Россіи и за-границей, съ доставкой и пересылкой, **ДВА РУБЛЯ**. Срокъ годовой подписки считается съ 1-го января 1885 года.

Подписка принимается *въ С.-Петербургѣ*, въ помѣщеніи «С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества», на площади Александринскаго театра, домъ № 7. Тамъ-же можно подписываться на «Извѣстія» текущаго года по **ДВА РУБЛЯ** за экз.

Редакторы: **Н. Н. СТРАХОВЪ.**
И. И. СОКОЛОВЪ.

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, присылавшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіев. Старина“ принимается подписка на издающіяся во Львовѣ газеты:

1., „ДѢЛО.“ Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

2., „ЗОРЯ.“ Газета научно-литературная, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; цѣна съ пересылкою 6 р. за годъ и 3 р. за полугодіе. Адресъ редакціи: Львовъ, улица Фредра, № 3.

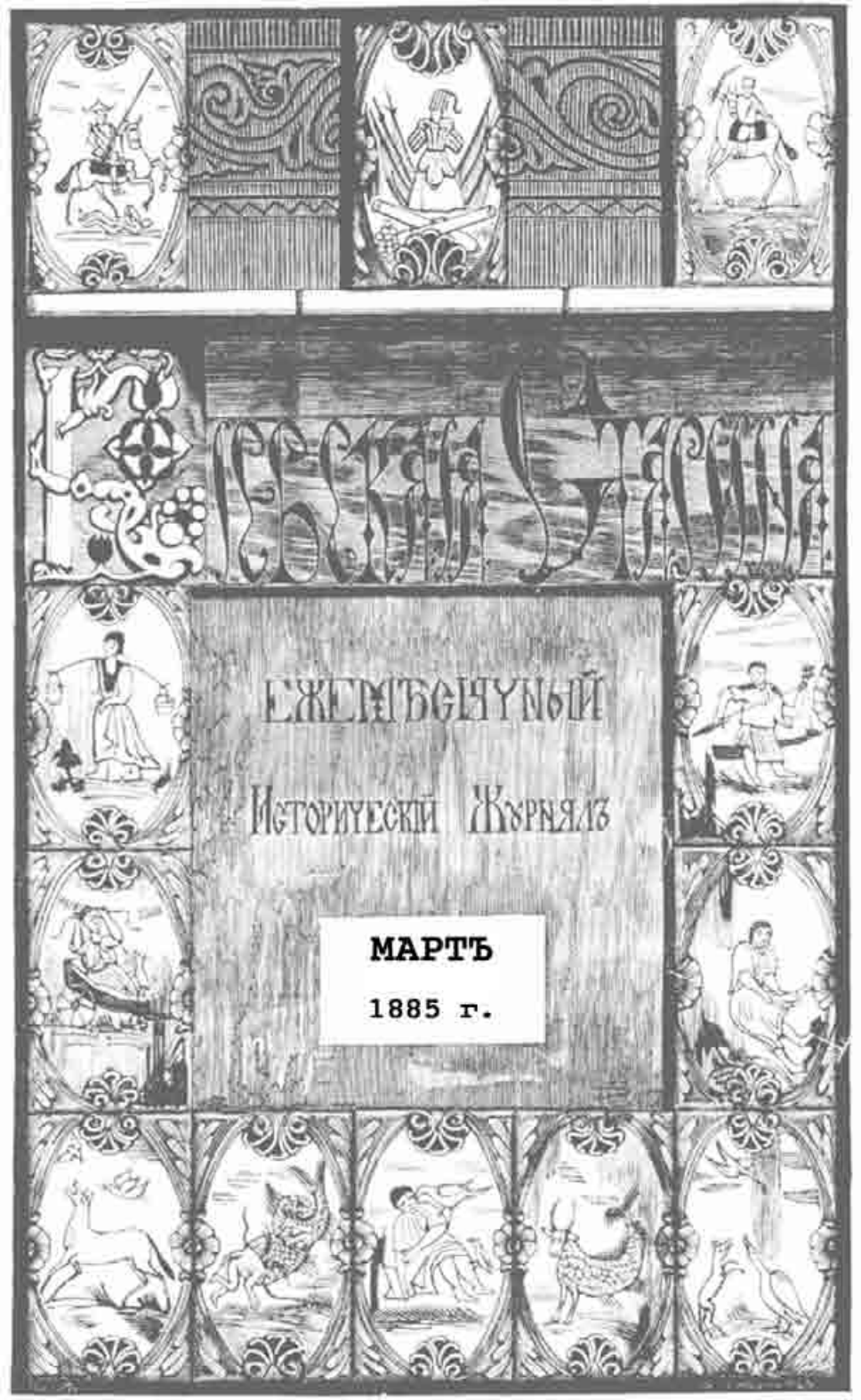
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
МАРТЪ
1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1885 г.

стр.

I. РЕЛИГІОЗНО-МИѲИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ МАЛОРУССКОЙ СВАДЬБЫ. **Н. Ѳ. Сумцова** 417

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 437

III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. *(Продолженіе)*. **К. М.** 465

IV. БАПТИЗМЪ ИЛИ ШТУНДА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **П. Л—ва.** . 500

V. ЕЩЕ ЩЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА. **Ѳ. Каминскаго.** . . . 519

VI. КЪ ИСТОРІИ КОЛОНИЗАЦИИ НОВОРОССІИ. 501

VII. УНИВЕРСАЛЪ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКОВНИКА ЛИЗОГУБА 1690 Г. (Въ разрѣшеніе земельныхъ притензій польской шляхты, изгнанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ) 529

VIII. СУПЛИКА, АБО ЗАМЫСЛЪ НА ПОПА 543

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издалъ Л. Майковъ. С.-Петербургъ. 1884 г.—*Н. Ѳ. Сумцова.*—б) Харьковскій календарь и памятная книжка на 1885 г. Изданіе харьк. губ. статист. комитета.—*Дм. Багалѣя.*—в) О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. І. Сенигова. Спб. 1884 г.—*П Голубовскаго.*—г) Писцовыя книги пинскаго и клецкаго княжества. Изданіе виленской археографической коммисіи. Вильна. 1884 г.—*И. Каманина* 551

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ статьѣ г. Берхина „О посольствахъ Владиміра св. для испытанія вѣръ".—*П. Голубовскаго.*—б) Археологическія находки въ гомельскомъ уѣздѣ могилевской губерніи.—*А. Лонатевскаго*—в) Гетманскій городъ.—*В. Е. Бучневича.*—г) Вулканъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII ст.—Сообщ. *С. Н. И.*—д) Кіевъ въ 1799 году.—*В. Горленка.*—е) Малоруская историческая шарада.—ж) Евгеній Желеховскій. (Некрологъ).—з) Журнально-газетныя статьи и матеріалы по южнорусской исторіи.—*Ѳ. Н.* 569

XI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (*Продолженіе*). . . . . 129—144

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XI.

МАРТЪ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27-го февраля 1885 года.

РЕЛИГІОЗНО-МИѲИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ

МАЛОРУССКОЙ СВАДЬБЫ.

Къ торжественнымъ днямъ бракосочетанія пріурочено множество разнообразныхъ повѣрій, примѣтъ, пѣсенъ, обрядовъ и поговорокъ, въ совокупности выражающихъ не только общую психологію, свойственную всѣмъ народамъ на опредѣленной ступени образованія и культуры, но и психологію опредѣленнаго народа, напримѣръ, малорусскаго, великорусскаго, польскаго, другими словами, обрисовывающихъ въ совокупности то особое направленіе духовной дѣятельности народа, которое обусловлено всей бытовой его обстановкой, особенностями климата, почвы, труда. Свадьба въ цѣлости, со всѣми своими религіозно-миѳическими, религіозно-христіанскими, юридическими и житейски-бытовыми чертами, служитъ довольно полнымъ и весьма яркимъ проявленіемъ личности народа, какъ живаго организма, выраженіемъ его матеріальной и соціальной развитости и культуры.

Свадебные обряды и пѣсни давно уже обратили на себя вниманіе ученыхъ разныхъ спеціальностей, и литература предмета представляется громадной.

Историки быта останавливаются на свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ въ силу того обстоятельства, что нѣкогда свадьбы завязывали узелъ общественности, поддерживали ее и развивали, содѣйствовали сближенію людей на почвѣ общей молитвы и общаго веселья, вообще были однимъ изъ главныхъ двигателей древней гражданственности.

Археологи и миѳологи разсматриваютъ свадебные обряды, какъ достопримѣчательныя ископаемыя народнаго быта или какъ нуждающіеся въ научномъ разъясненіи символы обоготворенія внѣшнихъ силъ и явленій природы.

Изслѣдователи словеснаго народно-поэтическаго творчества стремятся или, по крайней мѣрѣ, начинаютъ стремиться къ сравнительно-критическому изслѣдованію свадебныхъ пѣсенъ, съ цѣлью опредѣлить ихъ внутреннее единство и пути распространенія и затѣмъ указать на связь свадебныхъ пѣсенъ съ колядками, заговорами, загадками и сказками.

Этнографы съ живымъ интересомъ относятся къ свадебнымъ пѣснямъ и обрядамъ на томъ основаніи, что въ нихъ просвѣчиваютъ краевыя особенности русскаго народнаго духа. Въ странѣ столь обширной, какъ Россія, областная жизнь въ прошломъ и настоящемъ должна представлять немало разнообразія. Вопросъ о разностороннемъ изученіи краевыхъ особенностей имѣетъ не только научную важность, но и серіозное общественное значеніе, такъ какъ это изученіе должно привести къ извѣстному равновѣсію въ степени жизненности областей и центровъ.

Въ языкѣ и бытѣ индоевропейскихъ народовъ свадьба имѣетъ значеніе величайшаго на землѣ веселья и торжества. Въ языкахъ малорусскомъ, сербскомъ, польскомъ, въ старинныхъ русскихъ лѣтописяхъ брачное торжество носитъ характерное названіе *веселья*. Весьма распространено выраженіе «играть свадьбу», причемъ слово «играть» указываетъ на проявленіе вакхическаго экстаза и сильное напряженіе жизненныхъ силъ. Значеніе свадьбы, какъ величайшаго, доступнаго человѣку, веселья, сложилось въ древнюю эпоху подъ непосредственнымъ вліяніемъ религіозно-миѳическихъ воззрѣній на творческія силы внѣшней природы и естественныя проявленія половой зрѣлости физической природы человѣка. «Природа, — это живой предметъ, говоритъ Карлейль, предметъ невыразимый и божественный, передъ которымъ лучшее наше положеніе есть благоговѣніе». Къ такому воззрѣнію на природу знаменитый англійскій ученый пришелъ путемъ отвлеченнаго мышленія, построеннаго на пантеистическихъ началахъ германской философіи. Для древняго чело-

вѣка, въ частности славянина, мысль о божественности природы вытекала непосредственно изъ всей окружавшей его міровой и бытовой обстановки. Со всѣхъ сторонъ охваченный могущественной внѣшней природой, онъ на каждомъ шагу ощущалъ свою отъ нея зависимость, сознавалъ по доводамъ горькаго житейскаго опыта ея капризное и деспотическое господство во всѣхъ проявленіяхъ сельскохозяйственной, даже семейной и общественной жизни. Судьба его, его благосостояніе, миръ его души, его радости и печали были обусловлены обстоятельствами, которыхъ нельзя ни предвидѣть, ни отвратить, въ случаѣ непріятнаго ихъ склада. Древній человѣкъ не исчезалъ во внѣшней природѣ и даже не всегда покорно склонялъ голову передъ ея велѣніями и мановеніями. Онъ постоянно стремился освободиться изъ-подъ ея гнетущей власти, обуздать ея произволъ силой своего разума, по крайней мѣрѣ, отгадать ея тайны и такъ или иначе, молитвой или заклинаніемъ, жертвоприношеніемъ или угрозой, обратить ея могущественныя силы въ свою пользу, и въ этомъ свѣтломъ стремленіи онъ мало по малу успѣвалъ. Прокладывая пути для своего развитія, преслѣдуя цѣли улучшенія по всѣмъ направленіямъ жизни и быта, внося нравственно-гуманитарное начало въ пользованіе матеріальными благами, доставляемыми землей-кормилицей, древній человѣкъ, подобно человѣку современному, измѣнялъ извѣстныя сочетанія природныхъ явленій сообразно съ своими матеріальными нуждами и духовными потребностями. Все это однако происходило чрезвычайно медленно, постепенно, съ громадной затратой силъ и труда. Господство человѣческой мысли надъ грубой міровой матеріей и созданіе или сочетаніе ея элементовъ въ такія благопріятныя для человѣка отношенія, какихъ внѣшняя природа не можетъ представить помимо человѣческой воли и многовѣковыхъ усилій творческаго разума, при постоянно усиливавшемся теченіи нравственно-гуманитарныхъ идей, отъ перваго шага въ устраненіи каннибализма до евангельскаго требованія возлюбить ближняго, какъ самого себя,—такого рода побѣда человѣка надъ внѣшнимъ міромъ и животной стороной собственной природы является результатомъ многовѣковой культуры.

Религіозно-миѳическая свадьба возникаетъ въ героическій періодъ жизни человѣчества, въ періодъ значительнаго подъема духовныхъ силъ и широкаго развитія поэтическаго воззрѣнія на природу.

Грубое насиліе со стороны мужчины и тупая покорность со стороны женщины, характеризующія дикую эпоху коммунальнаго брака и полудикую эпоху «умыканія», отошли въ примитивную древность и сохранились лишь въ формѣ большею частью безсмысленнаго обряда. Въ бракъ вмѣшалась уже религія и освятила и очистила его. Коммунистическій бракъ совпадалъ съ самой грубой формой фетишизма, съ крайней матеріальной бѣдностью и умственнымъ ничтожествомъ. Но лишь только улучшилась жизнь бытовая, съ появленіемъ огня и опьяняющихъ напитковъ, съ прирученіемъ животныхъ, наконецъ, съ возникновеніемъ культурнаго воздѣлыванія дико-растущихъ хлѣбныхъ злаковъ, высоко поднялся общій уровень матеріальнаго благосостоянія, соотвѣтственно съ тѣмъ поднялся весь строй міровоззрѣнія, и грубый фетишизмъ возвысился до весьма высокой сравнительно съ нимъ формы обоготворенія небесныхъ свѣтилъ, съ перенесеніемъ на нихъ всего лучшаго, что было на землѣ, и прежде всего семейныхъ связей и отношеній.

Въ благоговѣйномъ созерцаніи обоготворенной природы славянинъ небесное и земное сливалъ въ одно нераздѣльное цѣлое, внушительное и таинственное. Событія человѣческой жизни были перенесены на небо; небесныя явленія приближены къ скромному человѣческому существованію. Съ зарожденіемъ личнаго брака, какъ опредѣленной формы соединенія двухъ половъ, возникло вѣрованіе въ супружескія связи неба и земли, солнца и земли, солнца и мѣсяца, мѣсяца и вечерней звѣзды, причемъ солнце и мѣсяцъ или выступаютъ, какъ отзвукъ коммунальнаго брака, являются не только мужемъ и женой, но и братомъ и сестрой, съ прямымъ смѣшеніемъ брачной связи съ связью родственной по крови, или выступаютъ исключительно супругами, имѣя дѣтьми звѣзды, что соотвѣтствуетъ историко-культурному различенію брачной связи отъ связи родственной по крови, различенію, выразившемуся въ исторіи брака въ видѣ весьма распространенной формы экзогаміи. Небесныя свѣтила получили значеніе живыхъ, человѣкоподобныхъ существъ, любящихъ другъ друга, но временамъ страдающихъ ревностью, впадающихъ въ гнѣвъ, не чуждыхъ зависти. Они не замедлили въ зооморфической или чаще антропоморфической формѣ явиться верховными устроителями человѣческаго брака, причемъ придали по-

слѣднему величіе и блескъ, облили его небеснымъ свѣтомъ радости и силы.

Время бракосочетанія поставлено было въ зависимость отъ извѣстныхъ солярныхъ явленій. Весною и лѣтомъ въ природѣ торжествуетъ благотворный повелитель планетной системы—солнце, выражавшее собой начало свѣта, тепла, производительности, добра, поэзіи. Празднуя обновленіе и оплодотвореніе земли, земледѣлецъ язычникъ въ то-же время въ самомъ себѣ чувствовалъ обновленный позывъ къ любви, къ супружеству, къ основанію семьи. Свадьба получила значеніе міроваго торжества и веселья. Боги и люди принимали въ немъ дѣятельное участіе. Всѣ предметы царства растительнаго и царства животнаго сливались въ одномъ неудержимомъ стремленіи къ любви и производительности. Внѣшняя природа, какъ-то: свѣтила небесныя, флора и фауна, все это, отъ ливанскаго кедра до послѣдней полевой былинки и дождеваго червяка, непосредственно было заинтересовано въ здоровьѣ и благополучіи невѣсты и обнаруживало самое теплое ей сочувствіе, не чуждое мистической таинственности и поэтической прелести. Грандіозное языческое воззрѣніе на всеобъемлющую сущность свадьбы превосходно выразилось, между прочимъ, въ слѣдующемъ древне-индусскомъ изреченіи, которое жрецъ произносилъ передъ отъѣздомъ молодой замужней женщины изъ родительскаго дома въ домъ новобрачнаго: «Всѣ травы, рѣки, поля и лѣса тебя, несущую мужу потомство, сохранятъ отъ вреда»[1]).

Г. Кавелинъ высказалъ мнѣніе, что свадьба въ незапамятныя времена была частью извѣстнаго языческаго праздника, отъ котораго и получила свое религіозное освященіе. Послѣ она отдѣлилась отъ годоваго праздника и совершалась особо[2]). Мнѣніе это подтверждается свидѣтельствами языка и народныхъ обычаевъ. Такъ, нѣмцы для обозначенія свадьбы имѣютъ слово Hochzeit, древ.-сакс. hôgetidi, слово, нѣкогда обозначавшее высшее и священное время въ году[3]). У поляковъ «gody»—свадьба; у нижне-лужицкихъ сербовъ «gody»—праздникъ Рождества Христова[4]). Изъ первоначаль-

[1]) *Weber*, Indische Studien. V. 394.

[2]) *Кавелинъ*, Сочиненія. IV, 184.

[3]) *Hamerle*, Salzburg. Hochzeit-gebr. 2.

[4]) *Haupt u. Smoler*, Volkslieder. II, 270.

наго понятія *godу*—время возникло понятіе о времени праздничномъ по преимуществу, и празднованіе свадьбы названо тѣмъ же словомъ, что и празднованіе Рождества Христова;—обстоятельство, свидѣтельствующее, что въ древнее время совершеніе свадебъ было пріурочено ко времени празднованія рожденія солнца. Въ подтвержденіе мнѣнія г. Кавелина можно привести еще весьма замѣчательное по глубокой архаичности обыкновеніе македонскихъ болгаръ мыяковъ назначать для обрученія и свадьбы одно опредѣленное время въ году. Того, кто обручается или женится не въ установленное время, община наказываетъ и считаетъ его несчастнымъ человѣкомъ [1]). Въ древности уклоненіе подобнаго рода, вѣроятно, было невозможнымъ по самому существу дѣла. Виновный являлся своего рода изгоемъ, нарушителемъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, и потому былъ и несчастнымъ и преступнымъ, и община могла карать виновнаго смертью или изгнаніемъ.

Присутствіе боговъ на свадьбѣ представлялось или посредственнымъ или непосредственнымъ. Первое выражалось символически посредствомъ коровая, вѣнка, зажженной свѣчи или факела. Въ древности предметы эти въ обрядовомъ ихъ употребленіи имѣли почти такое-же значеніе и играли въ народной жизни почти ту-же роль, что въ позднее христіанское время предметы иконописи и религіозной скульптуры. Скульптурныя изваянія Спасителя и святыхъ, наполняющія храмы католической Европы, чествуются во имя чувства, влекущаго благочестиваго католика къ тѣмъ, кого они изображаютъ; славяне, въ частности русскіе, считали себя внуками бога солнца, на что есть указанія въ Словѣ о полку Игоревѣ («Дажьбога внука»...) и въ народной поэзіи («Дѣдушка—солнышко, выгляни въ окошечко» и проч.). Естественно, славяне дорожили короваемъ и вѣнкомъ, какъ ближайшими къ человѣку вещественными подобіями или символами своего божественнаго и вѣчнаго предка, всевѣдущаго дѣда. Внѣшнее сходство между языческими и христіанскими вещественными символическими выраженіями божества можетъ быть проведено даже въ подробностяхъ, въ наглядныхъ параллеляхъ. Передъ иконописными и скульптурными изображеніями Спасителя и святыхъ становятся на колѣни, прикладываютъ къ нимъ голову и лобызаютъ

---

[1]) *Верковичъ*, Опис. быта болг. 1868 г., 8.

ихъ. Въ юго-западной Россіи и въ Галиціи преклоняютъ голову передъ короваемъ и цѣлуютъ его. Въ народныхъ легендахъ преступникъ въ сознаніи своей виновности не рѣшается приложиться ко кресту или иконѣ. Въ старинной галицкой пѣснѣ молодая женщина, убившая своего незаконнорожденнаго ребенка, не рѣшается надѣть на голову вѣнокъ, вслѣдствіе чего и открывается ея преступленіе. Подобно тому, какъ въ христіанское время грубый умъ символъ предмета принималъ за самый предметъ и впадалъ въ поклоненіе дереву и камню, а не духу и истинѣ, упуская основное христіанское ученіе, что *Богъ есть духъ*, и въ дѣтски-наивной и довѣрчивой древности символическій образъ божества заслонялъ собой самое божество и, принявъ на себя всѣ главныя его черты и особенности, дѣлался самостоятельнымъ предметомъ поклоненія. Коровай и вѣнокъ, какъ символическія выраженія поклоняемаго и славимаго божества, явились звеномъ общественнаго соединенія и знаменемъ религіи, нравственнаго добра, поэзіи. Это былъ языкъ краткій и простой, но понятный каждому. Благодаря, между прочимъ, этимъ предметамъ, люди понимали другъ друга и сходились на одной общей мысли.

Вѣрованіе въ невидимое личное присутствіе на свадьбѣ обоготворенныхъ небесныхъ свѣтилъ вполнѣ отвѣчало складу древняго народнаго міросозерцанія, признававшаго самое близкое и подробное участіе божества въ дѣлахъ людей. Красное солнышко въ томъ или другомъ антропоморфическомъ образѣ приготовляло приданое и снаряжало молодыхъ къ вѣнцу. Свѣтлый мѣсяцъ съ своей лучезарной супругой—вечерней звѣздой выдавали дѣвушку замужъ и надѣляли ее счастьемъ—долей.

Съ цѣлью задобрить боговъ—покровителей брака и расположить ихъ въ пользу новобрачныхъ имъ предлагали угощеніе. Предметы и пріемы кормленія боговъ измѣнялись съ развитіемъ культуры, сообразно съ мѣстными условіями домашняго быта и со степенью зажиточности вступавшихъ въ бракъ. Въ древнѣйшее время, при господствѣ пастушескаго быта, жертвоприношеніе богамъ состояло въ закланіи животныхъ, преимущественно коровы, и въ возліяніи молока. Съ развитіемъ земледѣльческаго быта стало преобладать жертвоприношеніе хлѣба. Въ пустынныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ грубыя формы жертвоприношенія удерживались долѣе, чѣмъ

въ странахъ, самой природой расположенныхъ къ производительному труду, или странахъ по бойкому водному торговому пути. По консервативности быта, въ особенности въ дѣлахъ религіозныхъ, богатые люди и въ періодъ земледѣльческой культуры предпочитали животныя жертвоприношенія, причемъ подъ ножъ шли крупныя животныя, часто корова или быкъ, въ торжественныхъ случаяхъ въ большомъ даже числѣ (гекатомбы). Бѣдные люди поневолѣ ограничивались жертвоприношеніемъ мелкихъ животныхъ, чаще всего пѣтуха. Но такъ какъ жертвоприношеніе коровы въ нѣкоторыхъ случаяхъ было необходимо, по религіозно-миѳическимъ представленіямъ, связаннымъ съ этимъ животнымъ, и въ то же время матеріальныя средства не допускали такой, такъ сказать, роскоши, то возникло обыкновеніе приносить въ жертву ихъ изображенія изъ тѣста. Самое жертвоприношеніе хлѣба прошло нѣсколько ступеней развитія, согласно съ способами приготовленія хлѣбной пищи. Можно думать, что прежде чѣмъ появился хорошій печеный хлѣбъ, на низшей ступени земледѣльческой культуры въ пищу, а слѣдовательно и для жертвоприношенія употреблялись или хлѣбныя зерна, болѣе или менѣе поджаренныя, или хлѣбная кашица, т. е. тѣ же поджаренныя хлѣбныя зерна, только въ размельченномъ и смоченномъ водой видѣ.

Жертвоприношеніе богамъ не ограничивалось животными, хлѣбомъ, молокомъ и опьяняющими напитками, какъ то: сомой у индусовъ, гаомой у иранцевъ, виноградным виномъ у греко-италійцевъ, пивомъ и медомъ у германцевъ и славянъ. Въ число важныхъ предметовъ жертвоприношенія входили также волоса ребенка или новобрачныхъ. Волоса были приносимы въ смыслѣ *pars pro toto*; по внутреннему своему значенію, это прямая замѣна жертвоприношенія человѣка, такого рода религіозно-миѳическое и бытовое явленіе, которое слѣдуетъ непосредственно за эпохой каннибализма, какъ проявленіе значительной степени культуры. Общеизвѣстнымъ проявленіемъ жертвоприношенія волосъ служатъ постриги младенца и обрѣзываніе или только подрѣзываніе косы невѣсты передъ вѣнчаніемъ. Спенсеръ и Тэйлоръ сообщаютъ нѣсколько любопытныхъ проявленій жертвоприношенія волосъ солнцу среди дикихъ и варварскихъ народовъ: отрѣзываютъ клокъ волосъ и бросаютъ его вверхъ, точно также, какъ нынѣ на свадьбахъ плескаютъ вверхъ

въ потолокъ виномъ; по основному своему значенію обряды эти тождественны. Бросаніе вверхъ волосъ и брызганіе молокомъ или опьяняющимъ напиткомъ были однимъ изъ многочисленныхъ проявленій обрядовой обстановки жертвоприношенія.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ есть прямыя указанія, что жертвоприношеніе сопровождалось слѣдующими торжественными дѣйствіями: поднимались и опускались, клали на молодыхъ правую руку, обращались въ правую сторону, соблюдали круговращательное движеніе или танецъ, приводившій при усиленномъ темпѣ въ вакхическій религіозный экстазъ.

Приношеніе яствъ и напитковъ богамъ сопровождалось торжественными молитвами и гимнами. Поэтическая сила славянъ никогда не истощалась. Измѣнялись лишь внѣшнія формы поэтическаго творчества, согласно съ измѣненіемъ культуры. Всѣ проявленія мысли и чувства изливались въ формѣ болѣе или менѣе восторженной пѣсни, принимали стихотворный ритмъ, что въ значительной степени зависѣло отъ внутренней пластичности и образности самаго языка. Языческая молитва по содержанію близко подходитъ къ заговору. Она имѣла стихотворную форму и пѣлась однимъ лицомъ или большею частью цѣлымъ собраніемъ молящихся. Въ древнее время многія свадебныя пѣсни представляли собой молитвы, обращенныя къ богамъ покровителямъ брака и заключавшія въ себѣ просьбу новобрачныхъ и всего ихъ рода о ниспосланіи имъ богатства и чадородія. Были особаго рода религіозныя пѣсни, *certa et solemnia verba* римлянъ, свободныя отъ узкихъ утилитарныхъ цѣлей. Въ нихъ воспѣвался небесный бракъ, какъ священный прототипъ брака человѣческаго. Между молитвами и религіозными пѣснями не было рѣзкой разграничительной черты, и религіозная пѣсня въ честь и славу боговъ легко переходила въ молитвенную просьбу о ниспосланіи благъ земныхъ, какъ это, между прочимъ, можно и нынѣ видѣть въ колядкахъ, гдѣ прославленіе солнца и мѣсяца послѣдовательно переходитъ въ прославленіе домохозяина и его жены. Музыка существовала изстари; только въ древности она не имѣла самостоятельнаго значенія и служила акомпаниментомъ пѣнію.

Культъ солнца проникаетъ весь свадебный ритуалъ славянскихъ народовъ, и культу громовника и домашняго огня или печи

остается здѣсь немного мѣста. Въ свадебныхъ обрядахъ сохранились черты древеснаго анимизма и даже обоготворенія предметовъ растительнаго міра. Поклоненіе деревьямъ сказалось, между прочимъ, въ малорусскихъ и великорусскихъ свадьбахъ, быть можетъ, въ зависимости отъ того, что русская страна въ древности была покрыта дремучими лѣсами, дѣйствовавшими импонирующимъ образомъ на духъ древняго русскаго земледѣльца.

Выдающееся положеніе солнца въ свадебныхъ обрядахъ славянскихъ народовъ обусловлено было ихъ преданностью земледѣлію. Хлѣбопашцу естественно твердо стоять въ томъ убѣжденіи, что «alles keimet in der Sonne zu der Bauern Lust und Wonne» (слова Г. Гейне). Солнце даетъ свѣтъ и теплоту. Съ восходомъ солнца вся природа пробуждается отъ ночнаго сна. Весенніе лучи солнца побѣждаютъ суровую зиму и ведутъ за собой «тихихъ майскихъ теплыхъ дней румяный, свѣтлый хороводъ» (слова Ѳ. Тютчева). Люди науки движенія земнаго шара и окружающей его атмосферы, проявленія органической жизни на землѣ, экономическій и соціальный строй народовъ ставятъ въ полную зависимость отъ великаго повелителя планетной системы. Гершель полагалъ, что цѣна пшеницы зависитъ отъ солнечныхъ пятенъ. По мнѣнію Гана, появленіе саранчи совпадаетъ съ *minimum'омъ* солнечныхъ пятенъ. Древній человѣкъ, по настоятельнымъ доводамъ житейскаго опыта, дошелъ до признанія солнечнаго могущества и посильно выразилъ его въ религіи. При полной зависимости человѣка отъ положенія солнца, культъ солнца естественно получилъ въ жизни культурныхъ земледѣльческихъ народовъ громадное значеніе и выразился во всѣхъ проявленіяхъ религіозно-нравственной жизни народовъ, въ вѣрованіяхъ, священныхъ дѣйствіяхъ и манипуляціяхъ, пѣсняхъ, сказаніяхъ, молитвахъ, заговорахъ, поговоркахъ и на всѣхъ крупныхъ проявленіяхъ семейной и общественной жизни, на родинахъ, на свадьбѣ, на жатвѣ, на годовыхъ праздникахъ, на общественныхъ пирахъ, на похоронахъ.

Религіозно-миѳическіе элементы свадьбы у однихъ славянскихъ народовъ сохранились лучше, у другихъ слабѣе. Юго-восточные славяне въ этомъ отношеніи оказались болѣе консервативными, чѣмъ славяне западные.

По обилію религіозно-миѳическихъ элементовъ на первомъ мѣстѣ стоятъ свадьбы малорусская и бѣлорусская, преимущественно первая. Южно-русская свадьба отличается торжественностью и цѣльностью; пѣсни и обряды распредѣлены довольно равномѣрно по всѣмъ отдѣламъ свадьбы; соблюдено строгое различеніе между отдѣльными актами свадебной драмы. Любопытной особенностью малорусской свадьбы представляется обиліе хлѣбныхъ обрядовъ и хлѣбныхъ пѣсенъ. Обрядовое употребленіе хлѣба на малорусской свадьбѣ не представляется сухой и безсмысленной формальностью. Оно оживлено и объяснено пѣснями и, благодаря пѣснямъ, представляется въ большинствѣ случаевъ явленіемъ живымъ и органическимъ, съ плотью и кровью [1]).

Великорусской свадьбы, какъ цѣльнаго и своеобразнаго проявленія всего великорусскаго быта, нѣтъ. Въ научномъ отношеніи слѣдуетъ строго отличать свадьбу средне-русскую отъ сѣверно и восточно-русской. Между ними мало сходства. Средне-русская свадьба имѣетъ общеславянскій характеръ, походитъ на бѣлорусскую, малорусскую, сербскую, болгарскую, какъ по пѣснямъ, такъ и по обрядамъ. Россія сѣверная и сѣверо-восточная относительно свадебнаго ритуала представляетъ нѣчто исключительное въ славянскомъ мірѣ, весьма своеобразное. Обряды немногочисленны и однообразны. Пѣсни чрезвычайно длинны и тоскливы. «Вытье» невѣсты и ея подругъ наполняетъ брачный пиръ. На свадьбѣ первую роль играетъ колдунъ. Всѣ его боятся, угощаютъ и ублажаютъ. Колдунъ чванится и ломается, задаетъ тонъ всей свадьбѣ и подчасъ деспотически командуетъ молодыми и поѣзжанами. Обрядовый хлѣбъ на великорусскихъ свадьбахъ представляется явленіемъ второстепеннымъ. Важную роль здѣсь играетъ, между прочимъ, баня. Вообще, во всемъ строѣ и тонѣ сѣверно-русской свадьбы проглядываетъ что-то суровое, жесткое и тоскливое [2]).

---

[1]) Главные источники для ознакомленія съ малорус. свадьбой: сборники Чубинскаго и Головацкаго; этнограф. сборники; Основа 1862 г., IV; Кіевск. Старина 1883 г., II; Nowosielski, Lud ukraiń., I—II.; Воронежская Бесѣда.

[2]) О великор. и бѣлорус. свадьбахъ см. Шейна, бѣл. пѣс.; Этногр. Сборн.: Терещенко, Бытъ рус. нар., II; Пермск. Сборникъ, II; разн. журн. и газет. статьи. Особ. много въ Губ. Вѣд. Подроб. перечисл. въ «Обычн. правѣ» Якушкина.

Характерной особенностью болгарской свадьбы представляется *кишкекъ* или каша пшеничная, приготовленная торжественнымъ образомъ. *Кишкекъ* представляется древнѣйшей формой жертвоприношенія хлѣба. Рядомъ съ *кишкекомъ* стоитъ *кравай*. Замѣчательна еще болгарская *бучка*, какъ остатокъ жертвоприношенія волосъ [1]).

Въ сербской и хорватской свадьбахъ сохранились многія черты древняго поклоненія домашнему очагу [2]).

Въ чешской свадьбѣ характерную роль играетъ пѣтухъ. Вообще въ Чехіи изъ древняго быта полнѣе всего сохранилось жертвоприношеніе пѣтуха богамъ [3]).

Польская свадьба растеряла почти все древнее, архаическое. Она состоитъ изъ двухъ или трехъ болѣе или менѣе роскошныхъ угощеній родныхъ и знакомыхъ новобрачныхъ [4]).

Главныя религіозно-миѳическія черты малорусской свадьбы проявились въ высоко торжественномъ и обрядовомъ приготовленіи и употребленіи *коровая*. Свадебный коровай играетъ также важную роль въ Бѣлоруссіи, Болгаріи (кровай) и Сербіи (кравалъ). По удачному выраженію Новосельскаго, въ короваѣ «скрывается великая общественно-религіозная тайна славянскихъ народовъ» [5]). О свадебномъ короваѣ я уже два раза имѣлъ случай подробно говорить въ печати; въ магистерской моей диссертаціи «О свадебныхъ обрядахъ» 1881 г. подробно изложенъ порядокъ приготовленія и употребленія свадебнаго хлѣба у разныхъ славянскихъ народовъ. Здѣсь указаны четыре религіозно-миѳическія и бытовыя стороны свадебнаго коровая: 1) коровай, какъ предметъ жертвоприношенія богамъ, 2) коровай, какъ символъ небесныхъ супруговъ солнца и мѣсяца, 3) коровай, какъ символъ жениха и невѣсты и 4) коровай, какъ символъ благополучной домашней жизни. Въ изслѣдованіи «Обрядовое употребленіе хлѣба» 1885 г. я подробно остановился

---

[1]) О болгар. свадьбѣ см. у Верковича, Качановскаго, Чолакова, Каравелова, Княжескаго, Миладиновы (собраніе пѣсенъ и сборники обычаевъ).

[2]) О сербской свад. см. Гласникъ 1867 г., V; Kanitz, Serbien, Rajaczich, Das Leben d. Südslav.

[3]) О чешск. свад. см. Sumlork, Staroč. obyc. I; Erben, Prost. čes. pis.; Časop čes Musea 1859 g., I; Kulda, Swadba.

[4]) О польск. свад. см. Kolberg, Lud; Wojcicki, Piesn. ludu.

[5]) *Nowosielski*, Lud ukraiński. I, 167.

на первой сторонѣ свадебнаго хлѣба. Я высказалъ здѣсь мнѣніе, что громадная роль въ славянскомъ, особенно въ малорусскомъ мірѣ коровая обусловлена тѣмъ, что коровай замѣнилъ собою главное жертвенное животное арійцевъ—корову. Корова у арійцевъ имѣла огромное значеніе. Въ индійскихъ «Ведахъ» она очень часто упоминается по различнымъ поводамъ. Древніе аріи время дня раздѣляли по тому, когда скотъ идетъ на пастьбу, на водопой. Богатство опредѣлялось числомъ головъ рогатаго скота. Войны обыкновенно возникали изъ-за того, что одно родовое колѣно отнимало скотъ у другаго. Корову закалали въ жертву богамъ и на шкурѣ убитаго для жертвоприношенія животнаго сажали жениха и невѣсту. Наивное воображеніе пастушескаго народа усматривало коровъ даже въ облакахъ и звѣздахъ. Солнце и мѣсяцъ выступали въ такомъ случаѣ пастухомъ или быкомъ. Во всякомъ случаѣ, жертвоприношеніе коровы было до нѣкоторой степени роскошью, которую могли позволить себѣ люди богатые или съ достаткомъ. Бѣднота придумала замѣнить корову изображеніемъ ея изъ тѣста. Первоначально коровай представлялъ собой подобіе коровы. Не даромъ и теперь на свадьбахъ въ Малороссіи и въ Бѣлоруссіи сверху коровая налѣпливаютъ рожки и въ пѣснѣ поютъ: «А рогатъ я и богатъ—въ печь не влѣзу». Болгарская *боговица*, представляющая замѣну коровая, имѣетъ форму продолговатой булки — витушки съ рожками на концѣ. Въ Малороссіи торжественное приготовленіе коровая называется «бгати коровай», причемъ слово «бгати», по моему мнѣнію, находится въ ближайшемъ родствѣ съ болгарскимъ названіемъ обрядоваго рождественскаго хлѣба *боговицей*. Какъ характерно встрѣчающееся въ Великороссіи, напримѣръ въ орловской губерніи, выраженіе «молить коровай», такъ не менѣе характерно малорусское выраженіе «бгати» коровай. Замѣчательно, что слово «бгати» прилагается лишь къ торжественно приготовляемому свадебному хлѣбу. Что для самаго народа слово «бгати» представляетъ нѣчто глубоко архаическое и непонятное, видно изъ замѣчаемаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи стремленія замѣнить его другими словами. Такъ вмѣсто «бгати» говорятъ гбати, гибати, вить, гафтовать. Въ большинствѣ случаевъ, однако, выдерживается правильно древняя форма «бгати», въ смыслѣ приготовлять коровай для Бога или, быть можетъ, боготворить. Въ Малороссіи, напримѣръ въ полтавской гу-

берніи, пекутъ еще на свадьбахъ въ дополненіе къ короваю, изрѣдка въ его замѣну, особый хлѣбъ: *дивень*, въ формѣ большаго бублика. Что *дивень* относится къ солнечному культу, видно, между прочимъ, не только изъ его круглой формы, но изъ того еще, что невѣста смотритъ черезъ него на востокъ. Полагаю, что дивень есть позднее сравнительно дополненіе къ короваю и возникъ собственно изъ эпитета коровая «дивный». Эпитетъ этотъ очень обыченъ въ коровайныхъ пѣсняхъ. Сначала былъ только «дивный коровай», т. е. свѣтлый, какъ солнце; потомъ получились «дивень» и «коровай»,— первый, впрочемъ, въ подчиненномъ положеніи.

Малорусское *вильце* или *гильце*—большая вѣтвь, зимою всегда сосновая, лѣтомъ яблоневая, грушевая, вишневая или черемуховая. Вильце украшаютъ обыкновенно дѣвушки, очень рѣдко парубки, каждую вѣточку украшаютъ небольшими букетами изъ калины, овса, барвинка, перевязываютъ цвѣтнымъ шелкомъ и лентами и втыкаютъ вильце въ свадебный хлѣбъ. Вильце стоитъ въ теченіи свадьбы въ красномъ углу. Обыкновеніе «вить вильце» встрѣчается въ Малороссіи почти повсемѣстно. Изрѣдка вильце встрѣчается въ Великороссіи, подъ названіемъ «дѣвья красота», въ Чехіи подъ названіемъ «stromek rajski», у кулвлянъ подъ названіемъ «Jabłonke». Свадебное вильце—символъ жизни. Зеленое и украшенное выражаетъ молодыхъ, другими словами выражаетъ начало, разцвѣтъ новой жизни, супружество. Такое воззрѣніе на бракъ свойственно разнымъ народамъ. У бедуиновъ Синая сватъ получаетъ отъ отца невѣсты, въ знакъ его согласія на бракъ, зеленую вѣтку и втыкаетъ ее въ тюрбанъ въ знакъ того, что просваталъ дѣвушку [1]). Существуетъ глубоко-древняя пословица: «вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли». Самая пословица могла возникнуть въ первыя времена христіанства въ Россіи. Древне, можно сказать, первобытно отмѣченное ею явленіе. Обхожденіе вокругъ зеленѣющаго дерева входило въ древне-славянскій свадебный ритуалъ, и свадебное вильце служило замѣной этого обычая въ зимнее время. Нечего, разумѣется, пояснять, что обрядовой пляской вокругъ зеленаго дерева не ограничивалось свадебное празднество, и хожденіе вокругъ дерева, нахо-

---

[1]) *Klemm*, Allgem. Kulturgesch. IV. 148.

дившееся въ связи съ поклоненіемъ деревьямъ, нисколько не исключало обрядовъ солнечнаго культа.

Нерѣдко замѣчается на небѣ явленіе, что какая-нибудь звѣзда какъ будто идетъ рядомъ съ мѣсяцемъ. Отсюда возникло представленіе, что звѣзда сопровождаетъ мѣсяцъ, какъ его жена, сестра или товарищъ. У мѣсяца изъ многихъ звѣздъ есть своя любимая звѣздочка. Есть одинъ прекрасный народный разсказъ о братѣ и сестрѣ, нѣжно любившихъ другъ друга и потомъ разлученныхъ. Сестра, обратившись въ вечернюю звѣзду, повсюду ищетъ брата и плачетъ по немъ; она вѣчно орошаетъ поля своими слезами (роса), а братъ груститъ по сестрѣ и ходитъ по всему міру, превратившись въ печальный мѣсяцъ [1]). Подобный разсказъ только въ приложеніи къ солнцу и лунѣ распространенъ у разныхъ народовъ и нашелъ себѣ превосходное поэтическое выраженіе въ стихотвореніи Генриха Гейне «Солнечный закатъ» (одно изъ стихотвореній «Нѣмецкаго моря»): «Нѣкогда въ небесныхъ пространствахъ лучезарно свѣтили въ супружескомъ мирѣ и согласіи солнце—богъ и луна—богиня. Вокругъ нихъ весело толпились звѣзды, ихъ маленькія, невинныя дѣти. Злые языки вызвали раздоръ высокихъ и свѣтлыхъ супруговъ, и они враждебно разошлись. Днемъ проходитъ по небу въ одинокомъ величіи богъ-солнце, и гордые, жестокосердые люди возносятъ къ нему молитвы и слагаютъ въ честь его пѣсни. Ночью по небу шествуетъ луна, бѣдная мать, съ своими осиротѣвшими дѣтьми-звѣздами. Въ тихой грусти она свѣтитъ; влюбленныя дѣвушки и тихіе поэты посвящаютъ ей свои слезы и пѣсни. Луна, какъ женщина, неизмѣнно любитъ своего прекраснаго супруга. Вечеромъ, дрожащая и блѣдная, смотритъ она на него изъ-за прозрачнаго облака и, кажется, готова воскликнуть: «остановись! Дѣти тоскуютъ по тебѣ»; но упрямое солнце, при взглядѣ своей жены, краснѣетъ отъ гнѣва и грусти, и неумолимое спѣшитъ спуститься въ глубину водъ на свое вдовье ложе» [2]). Стихотвореніе это должно пояснить намъ родственныя ему по содержанію малорусскія народныя пѣсни. Такъ, я готовъ думать, что въ малорусской пѣснѣ:

---

[1]) *Терещенко*, Бытъ рус. народа. II, 573.

[2]) *Heines*, Sämtliche Werke, XV, 223—225.

Ой ты, зирочко вечирняя,
Чому рано не зиходыла?
Чомъ мисяця не догоныла?

скрывается такая-же полнота содержанія, какъ въ Гейновскомъ «Солнечномъ закатѣ».

Встрѣча мѣсяца со звѣздой въ малорусскихъ колядкахъ знаменуетъ имѣющійся совершиться на землѣ брачный союзъ:

Итовъ-перейшовъ мисяць по неби,
Та стрився зъ ясною зорёю...

Вечерняя звѣзда говоритъ мѣсяцу, что она остановится надъ дворомъ NN (имя хозяина, которому колядуютъ), надъ его хатой:

У его хати дви радости буде:
Першая радость—сына женити,
Другая радость—дочку отдавати [1]).

Послѣ такого заботливаго участія вечерней звѣзды въ устроеніи земнаго брака понятна галицкая коломійка:

Ой упала звѣзда зъ неба, та й ся розсыпала,
Дѣвчинонька позбирала, та й ся затыкала;
Ой упала звѣзда зъ неба, та й упала ясна,
Та на тое подвиренько, де дѣвчина красна [2]).

Въ Малороссіи мать невѣсты, отправляя новобрачнаго въ домъ мужа, даетъ ей въ покровители и проводники мѣсяцъ и звѣзду:

Отсе тоби проводничокъ
Ясный мисячокъ;
Отсе тоби проводничка
Ясна зирныця [3]).

Въ коровайной пѣснѣ:

Де-жъ ты бувавъ,
Що ты чувавъ,
Святый короваю?
Бувавъ же я, чувавъ же я
Мисяця зъ зорёю [4]).

[1]) *Чубинскій*, Труды Этн.-Стат. Эксп., т. III, стр. 415.
[2]) *Головацкій*, «Чтенія въ моск. общ. ист. и древ.» 1872 г., I, 471.
[3]) *Метлинскій*, Южно-рус. пѣс., 225.
[4]) *Чубинскій*, Труды Э.-С. Э. III, 463.

Подобнаго рода малорусскихъ пѣсенъ довольно много, и нельзя потому не признать, что древнее представленіе о брачной связи мѣсяца и вечерней звѣзды въ Малороссіи сохранилось отчетливо, въ силу поэтичности этого представленія.

Въ малорусской народной поэзіи мѣсяцъ иногда называется «перебирчикомъ», потому что любитъ перебирать звѣзды, пока не выберетъ себѣ одну звѣздочку. Невѣрный, нарушившій любовныя обѣщанія парубокъ сравнивается съ мѣсяцемъ. Полюбить молодца «по мисяцю стоя»—не будетъ добра. Въ поясненіе этихъ и подобныхъ малорусскихъ пѣсенныхъ выраженій можно привести индусское и литовское объясненіе мѣсячнаго ущерба. У древнихъ индусовъ существовалъ такой разсказъ о любви луннаго бога Сомы [1]) къ созвѣздію Рогини. У Праджапати было тридцать три дочери, которыхъ онъ отдалъ за царя Сому. Изъ нихъ только одна сдѣлалась дѣйствительною женою Рогини. Прочія жены разгнѣвались и ушли къ отцу; но Сома пошелъ за ними и требовалъ ихъ къ себѣ. Праджапати согласился возвратить зятю дочерей только съ условіемъ, чтобы тотъ раздѣлялъ брачное ложе поочередно со всѣми; но Сома по прежнему любилъ только Рогини, и за это имъ овладѣла немочь. Древне-индусское объясненіе ущерба мѣсяца его исключительной любовью къ созвѣздію Рогини въ литовской миѳологіи съ незначительными измѣненіями выразилось въ сказаніи о брачной связи мѣсяца и солнца въ первую весну. Однажды солнце встало рано и отправилось въ прогулку. Мѣсяцъ отдѣлился отъ него и отправился въ свою очередь въ одиночку гулять по небу. Онъ увидѣлъ утреннюю звѣзду и влюбился въ нее. Перкунъ разгнѣвался на мѣсяцъ и разрубилъ его ликъ мечемъ [2]).

Обрядовымъ проявленіемъ древняго религіозно-миѳическаго представленія мѣсяца и вечерней звѣзды супружеской парой является соблюдаемое въ Малороссіи обыкновеніе отправлять новобрачную въ домъ мужа съ восходомъ звѣзды.

---

[1]) Культъ божества Сомы въ древней Индіи подробно разобранъ въ изслѣдованіи *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго «Опытъ изученія вакхическихъ культовъ индоевропейской древности»* 1884 г. Здѣсь представлена характеристика Сомы, какъ божества экстазэ, божества солнца и божества мѣсяца.

[2]) *Сумцовъ*, О свадеб. обряд., стран. 51 и слѣд.

Если по короваю, гильцу и остаткамъ вѣрованія въ супружескія отношенія свѣтилъ небесныхъ малорусская свадьба выдвигается изъ всѣхъ славянскихъ свадебъ, не въ томъ смыслѣ, чтобы эти проявленія миѳологіи не встрѣчались у сербовъ или чеховъ, а въ томъ, что они въ малорусской свадьбѣ сохранились гораздо полнѣе, то въ другихъ проявленіяхъ религіозно-миѳическаго міросозерцанія малорусская свадьба или стоитъ наравнѣ, или уступаетъ свадьбѣ великорусской, чешской, сербской, болгарской. Такъ, малорусское «колупаніе» печи невѣстой, находящееся въ связи съ древнимъ поклоненіемъ домашнему очагу, въ гораздо болѣе ясной и полной формѣ, съ гораздо болѣе отчетливымъ указаніемъ на поклоненіе печи встрѣчается въ свадьбѣ бѣлорусской, гдѣ на печи сидитъ особый пѣвецъ и поетъ таинственныя пѣсни, хлопая пирогъ о пирогъ, и въ свадьбѣ хорватской и сербской, гдѣ невѣста ходитъ около печи и цѣлуетъ печь. Малорусское обсыпаніе молодыхъ хлѣбнымъ зерномъ представляется явленіемъ общеславянскимъ, и съ характерной обрядностью оно совершается какъ въ южной, такъ и въ средней Россіи, а также въ Болгаріи. Подрѣзываніе у молодой косы или, что гораздо чаще встрѣчается, торжественно-обрядовое ея завиваніе—также явленіе общеславянское, съ особенной полнотой проявлявшееся въ старинное время въ Великороссіи. Обрядовое употребленіе на свадьбахъ вѣнка, чаши, красныхъ лентъ—также явленія общеславянскія, причемъ чаша въ особенности видную роль играла на старинной великорусской свадьбѣ.

Особенность малорусской свадьбы состоитъ въ томъ, что въ ней встрѣчаются въ большей или меньшей степени всѣ проявленія религіозно-миѳическаго міровоззрѣнія, причемъ проявленія наиболѣе торжественныя и поэтическія сохранились въ замѣчательной чистотѣ и отчетливости. Религіозно-миѳическіе элементы свадьбы главнымъ образомъ выразились въ обрядовомъ употребленіи и приготовленіи коровая, что собственно составляетъ главный актъ свадьбы. Наибольшей архаичностью отличается свадьба въ глубинѣ Малороссіи, въ Полтавщинѣ и Кіевщинѣ. На крайнемъ западѣ малорусскаго племени, въ Галиціи, обнаруживается ослабленіе религіозно-миѳическаго элемента свадьбы.

Жестоко ошибется тотъ, кто, судя по религіозно-миѳической архаичности малорусской свадьбы, прійдетъ къ мысли, что въ

нравственно-культурномъ отношеніи малорусскій народъ отсталъ отъ другихъ славянскихъ народовъ. Архаичность его свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ стоитъ рядомъ съ проявленіями мягкости и нѣжности его семейныхъ отношеній, уваженія къ личности человѣка вообще, женщины въ частности. Въ немъ, напр., нѣтъ того рѣзкаго выраженія подчиненности женщины, какое удержалось отъ временъ дикости въ великорусской свадебной обрядности и выражается въ томъ, что отецъ, въ присутствіи жениха и родственниковъ, подходитъ къ своей засватанной дочери и даетъ ей пощечину. Ничего подобнаго въ малорусской свадьбѣ и быть не можетъ при той роли, какую занимала всегда въ семейной жизни малорусская женщина, при ея полной здѣсь равноправности, при значительной свойственной ей энергіи и предпріимчивости, при женственной мягкости и чувствительности малорусса. «Однимъ махомъ дерево не можь истяти», говорятъ малороссіяне при выдачѣ дѣвушки замужъ, и въ этомъ выраженіи уже обнаруживается признаніе нравственнаго достоинства личности женщины. Въ Малороссіи получило полное право гражданства и всеобщее распространеніе заключеніе бракосочетаній по взаимному договору самихъ молодыхъ людей. Противъ воли здѣсь ни женятъ, ни отдаютъ замужъ. Дѣвушка договоръ родителей скрѣпляетъ своимъ согласіемъ, что, между прочимъ, выражается обрядовымъ положеніемъ руки невѣсты на руки ея отца и жениха свата во время рукобитья:

Змовленная Марусенька
Положила билу руку на заруку [1]).

По заключеніи брачнаго договора въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи родня невѣсты, отецъ, мать, кто либо изъ близкихъ родственниковъ и она сама идутъ къ жениху ознакомиться съ его семейнымъ и имущественнымъ положеніемъ [2]). Въ малорусскомъ свадебномъ ритуалѣ, при всей его обрядовой архаичности, нѣтъ ни одной черты, оскорбляющей нравственное достоинство личности невѣсты, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда невѣста не признается сохранившей дѣвственную честь, и потому она и въ особенности

[1]) *Метлинскій*, Южно-русск. пѣсни, 124.
[2]) *Кіевская Старина* 1883. II, 368.

ея родители подвергаются осмѣянію, въ послѣднее время, впрочемъ, сильно ослабѣвшему. Бракосочетаніе по взаимному согласію и любви жениха и невѣсты отразилось въ народной поэзіи веселой пѣсней. Невѣста нашла возможнымъ надѣяться на привѣтъ и ласку со стороны свекра и свекрови. Во всякомъ случаѣ она, отдаваясь любимому человѣку, съ увѣренностью могла выразиться въ пѣснѣ: «лепше миленькій, якъ братъ ридненькій».

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Продолженіе) [1]).

X.

Опасаясь, чтобы Польша не возвратилась вновь къ тому печальному состоянію, въ какомъ находилась до объединенія съ Литвою, поляки боялись также, чтобы Русь литовская современемъ не отдѣлилась и не присоединилась къ Руси московской. Слѣдствіемъ того являются уніи: городельская и люблинская, имѣвшія цѣлью слить литовцевъ и русскихъ въ одинъ народъ съ поляками. Но и этого было мало,—для полнаго сліянія все еще не доставало внутренней основы, и главнымъ препятствіемъ къ тѣсному сближенію русской и польской народности было различіе вѣроисповѣданія.

Не смотря на то, что поляки уже пріучили русскую шляхту къ польскимъ порядкамъ и привилегіямъ, что шляхта эта породнилась съ польской, усвоила себѣ польскій языкъ, нравы, обычаи и весь польскій бытъ,—поляки замѣтили, что растерзанная Русь сдерживается единствомъ вѣры, такъ какъ еще оставалась нетронутой русская православная церковь, этотъ важный элементъ русской народности. Подстрекаемые своими менторами іезуитами, поляки рѣшились измѣнить религію, а съ нею вмѣстѣ и народность въ великомъ княжествѣ литовскомъ, т. е. рѣшились окатоличить и ополячить всѣхъ русскихъ до послѣдняго пана, до послѣдняго шляхтича и мѣщанина. Представленіе о вѣрѣ сливалось здѣсь съ

---

[1]) См. февральск. кн. «Кіевской Старины», 1885 г., стр. 283—307.

представленіемъ о національности; всякій католикъ былъ уже полякомъ, напротивъ, кто былъ православнымъ, уже по тому самому признавался и назывался русскимъ.

Король Сигизмундъ III всю славу своего царствованія видѣлъ въ томъ, чтобы всѣхъ иновѣрцевъ обратить въ католичество, а потому и русскую церковь въ Литвѣ желалъ соединить съ римскимъ костеломъ; и король, и все польское общество сходятся здѣсь въ своихъ намѣреніяхъ относительно ополяченія Руси. Обыкновенно бываетъ такъ, что высшая цивилизація побѣждаетъ низшую. Если дѣйствительно польская культура того времени была выше русской, какъ то утверждаютъ поляки, то Русь могла-бы ополячиться постепенно безъ насилія и принужденія; и нужно признать, что во время либеральнаго правленія первыхъ Сигизмундовъ и Баторія польскій языкъ дѣлалъ успѣхи на Руси. Но потому-ли, что поляки слишкомъ горячо принялись за дѣло національнаго обезличенія русскихъ, потому-ли, что духъ русскій обладалъ огромнымъ запасомъ жизненныхъ силъ,—уничтоженіе Руси оказалось дѣломъ неисполнимымъ. Давленіе вызвало отпоръ, наступили кровавыя внутреннія войны, которыя потрясли всѣ основы польскаго государства, ослабили его и подготовили его паденіе. Мы видѣли, что уже Ягайло пытался Литву и Русь обращать въ католичество, но это вѣроисповѣданіе не привлекало русскихъ. Послѣ стойкаго протеста православнаго населенія противъ новой вѣры, іезуиты, недовольные слабыми успѣхами католицизма на Руси, возобновили проектъ уніи съ Римомъ, которымъ усердно занимались Скарга и Поссевинъ.

Для поддержки политической люблинской уніи, рѣшено было ввести унію церковную подъ тѣмъ предлогомъ, какъ говорилось, чтобы не было споровъ между двумя церквями, восточной и западной, при чемъ первая должна была удержать свои обряды и богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Унія должна была только соединить православныхъ и католиковъ подъ властью римскаго папы и одинаково уважать обряды восточной и западной церкви. Такою повидимому казалась сущность церковной уніи, но это было только повидимому, на самомъ-же дѣлѣ имѣлось въ виду національное вырожденіе. Оказалось, что католическая подкладка въ православной вѣрѣ должна была служить только новымъ орудіемъ къ обращенію православныхъ въ католичество, или что-тоже, къ превращенію русскихъ въ по-

ляковъ, такъ какъ унія считалась переходной ступенью отъ одного исповѣданія къ другому, или переходомъ изъ одной народности въ другую.

И на этотъ разъ унія также не могла легко привиться на Руси, какъ не оказала она никакого вліянія при митрополитѣ Исидорѣ; дѣло это требовало сперва надлежащей подготовки; необходимо было съ одной стороны путемъ школы и воспитанія расположить къ уніи подростающее русское поколѣніе, съ другой всѣ мѣста въ церковной русской іерархіи замѣстить лицами, симпатизировавшими Польшѣ и уніи.

Высшій общественный классъ былъ полновластнымъ въ Польшѣ; поэтому, пока русская шляхта твердо держалась языка и вѣры своихъ предковъ, до тѣхъ поръ трудно было думать о введеніи уніи и ополяченіи. Слѣдовательно, необходимо было обратить особенное вниманіе на русскую шляхту. Чего не могли сдѣлать политическія уніи — городельская и люблинская, то должны были довершить школы. Орудіемъ для того служили коллегіи, заводимыя іезуитами одна за другою.

Главной и, можно сказать, исключительной цѣлью іезуитскаго воспитанія того времени въ русскихъ областяхъ было приготовить возможно больше адептовъ католицизма и вмѣстѣ съ тѣмъ привить въ нихъ пренебреженіе и даже презрѣніе къ православію. Для этой цѣли іезуиты пользовались не столько научными доказательствами, сколько разными другими пріемами, вліявшими на молодые умы. Внушая не столько глубокій внутренній смыслъ религіи, которая должна все человѣчество соединять узами любви, сколько по преимуществу внѣшнія ея формы, они прививали своимъ ученикамъ пагубный для народа фанатизмъ и вмѣсто любви учили ненависти.

Католики имѣли несравненно болѣе возможности и способовъ къ образованію, нежели православные, и потому-то дѣти православныхъ пановъ воспитывались у іезуитовъ. Предки наши думали, что, получивши изъ рукъ иновѣрцевъ духовное оружіе, молодое поколѣніе русскихъ людей употребитъ его на защиту православія. Но іезуиты умѣли привязывать къ себѣ дѣтей, внушая имъ въ тоже время согласныя со своими цѣлями убѣжденія о превосходствѣ католическаго исповѣданія. Путемъ такого воспитанія ученики такъ искусно

пріучены были оказывать предпочтеніе католичеству и презирать православіе, что сами, какъ-бы на перекоръ своимъ воспитателямъ, спѣшили принимать католичество, и тогда іезуиты приписывали такое обращеніе дѣйствію благодати.

Итакъ, одни оставляли свою народность благодаря іезуитскому воспитанію, другіе — вслѣдствіе браковъ съ польками и т. д. Несмотря на блестящіе успѣхи, римско-католическая пропаганда не могла, однако, быстро достигнуть намѣченныхъ цѣлей. Православіе поддерживалось съ одной стороны церковными братствами и просвѣщеніемъ, которое уже начало развиваться, съ другой стороны на защиту его выступилъ народъ и козаки. Правда, церковная іерархія рѣдко употребляла въ дѣло козаковъ, однако не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что между корпораціями духовной и военной существовала тѣсная связь. Какъ представители православнаго духовенства, такъ и знаменитые козацкіе гетманы происходили обыкновенно изъ того класса русской шляхты, который не искалъ карьеры при дворахъ крупныхъ магнатовъ, а самъ прокладывалъ себѣ дорогу къ независимому положенію въ обществѣ.

Братства сами избирали своихъ старшинъ, открывали школы для обученія дѣтей безъ различія сословій, основывали больницы и типографіи, а въ религіозномъ отношеніи, заручившись значительными привилегіями отъ восточныхъ патріарховъ, старались поднять церковь изъ того состоянія упадка, въ какое она приведена была панскимъ патронатомъ.

Магдебургское право, связывавшее мѣщанъ въ цехи, навело русскихъ мѣщанъ на мысль о церковныхъ братствахъ; являются братства съ характеромъ опекуновъ надъ церквами и монастырями, они становятся патронами не на словахъ, а на дѣлѣ; они слѣдятъ за поведеніемъ духовенства и даже за дѣйствіями епископовъ.

Братства являются главнымъ орудіемъ развитія просвѣщенія въ краѣ; они быстро возникаютъ одно за другимъ, и вездѣ, гдѣ появляется братство, тотчасъ открывается школа. Братства посылали способныхъ молодыхъ людей въ западные университеты для высшаго образованія и подготовки къ преподаванію въ братскихъ школахъ. По мѣрѣ размноженія братскихъ школъ и типографій увеличивалось и число тѣхъ, кто писалъ, читалъ и думалъ надъ вопросами,

касавшимися ихъ духовной и національной жизни и въ состояніи былъ бороться противъ іезуитской пропаганды.

Такъ какъ шляхта представляла собою силу въ Польшѣ, то братства стараются вербовать для себя членовъ среди богатой и сильной шляхты православнаго вѣроисповѣданія и часто находятъ содѣйствіе въ томъ-же домѣ и даже въ томъ-же лицѣ, что и іезуиты. Большее значеніе получали братства, когда въ спискахъ ихъ фигурировали имена магнатовъ, приносившія имъ впрочемъ больше блеску, нежели дѣйствительной пользы. Сами эти паны говорили: «мы не живемъ въ городахъ и рѣдко въ нихъ бываемъ, поэтому возлагаемъ надзоръ и передаемъ все дѣло меньшимъ нашимъ братьямъ съ тѣмъ, чтобы они сносились съ нами, а мы, въ свою очередь, обязуемся помогать имъ». Не смотря на свой характеръ, братства церковныя были явленіемъ болѣе или менѣе кратковременнымъ. Они могли держаться только до тѣхъ поръ, пока католической пропагандѣ не удалось обратить въ католичество высшіе слои русскаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабить мѣщанство. Случилось это въ теченіи XVII ст., и братства сами собою потеряли значеніе.

Что касается церковно-іерархическаго устройства, то предки наши избирали громадской волей достойныхъ лицъ не только на приходы и архимандріи, но и для замѣщенія епископскихъ и митрополичьихъ каѳедръ. Церковь русская сохраняла тотъ основной принципъ, что пастыри церковные выбираются для народа, для него и надъ нимъ существуетъ духовная власть; поэтому только народъ, а не кто иной, долженъ избирать пастыря изъ среды себя, такъ какъ онъ лучше всего можетъ знать жизнь и способности избираемаго. Но со времени политическаго объединенія Литвы съ Польшею короли польскіе распространяютъ и на православную церковь захваченное ими раньше въ церкви католической право подаванія «духовныхъ хлѣбовъ» и зачастую раздаютъ епископскія мѣста лицамъ, никогда не приготовлявшимся къ занятію духовныхъ должностей.

Русскія епископскія каѳедры замѣщались придворными или чиновниками безъ всякаго богословскаго образованія. Клієнтъ кн. Радзивилла, впослѣдствіи кастелянъ брестскій, Адамъ Поцѣй, измѣнившій православію ради реформатства, а этому послѣднему для католичества, по совѣту близкихъ и вліятельныхъ людей по смерти

жены своей возвратился снова къ вѣрѣ отцевъ и принялъ монашество, чтобы достигнуть епископской каѳедры. Такимъ образомъ Поцѣй, бывшій еще въ мартѣ кастеляномъ, въ апрѣлѣ того же года былъ уже епископомъ.

Илія Мороховскій изъ королевскаго секретаря сдѣлался епископомъ владимірскимъ.

Арсеній Желиборскій, на двадцать третьемъ году жизни, изъ придворнаго короля Владислава IV сдѣланъ былъ епископомъ львовскимъ.

Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій, до поставленія во епископы былъ писаремъ литовскаго скарбника Николая Тризны.

Янъ Рутскій, прежде кальвинистъ, обращенъ былъ въ католичество и затѣмъ, по совѣту іезуита Бокса и по приказанію папы, перешелъ въ православіе, чтобы быть поставленнымъ русскимъ епископомъ.

Такъ продолжалось до самаго конца XVII и начала XVIII ст. Іосифъ Шумлянскій изъ солдата сдѣлался епископомъ львовскимъ и т. д.

Однимъ словомъ, люди свѣтскіе, безъ малѣйшаго богословскаго образованія, постригались въ монахи, чтобы вслѣдъ за тѣмъ быть поставленными въ русскіе епископы. Для дополненія картины нужно вспомнить православнаго кіевскаго митрополита Онисифора Дѣвочку, чтобы имѣть понятіе о томъ, какими владыками управлялась православная церковь подъ польскимъ патронатомъ.

Русская шляхта, собранная на сеймѣ варшавскомъ въ 1585 г., указываетъ митрополиту на безпорядки въ русской церкви: «много зла произошло въ нашей церкви во время пастырскаго правленія вашей милости: оскорблялась святыня, запирались св. дары, опечатывались церкви, воспрещался колокольный звонъ, священниковъ отрываютъ отъ алтарей и сажаютъ въ тюрьмы, а міранамъ запрещаютъ молиться, изгоняя ихъ изъ храмовъ Божіихъ. Но того мало,—рубятъ кресты, по требованію жидовъ берутъ на замокъ колокола, а ваша милость своими сочиненіями еще помогаетъ противъ церкви на радость жидамъ, на приниженіе святой вѣры и на нашу погибель. Сверхъ того обращаютъ церкви въ іезуитскіе костелы и въ ихъ пользу записываютъ церковныя имѣнія. Въ монастыряхъ, вмѣсто игумена и братіи, живутъ игумены съ женами и дѣтьми, и то, что

должно-бы служить къ славѣ Божіей, осквернено святотатствомъ... Но хуже всего то, что ваша милость сами ставите епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, своей братіи, что воспрещается и уставами церкви,—въ слѣдствіе того являются недостойные епископы, которые въ своихъ епархіяхъ, на поруганіе святой вѣры, живутъ съ женами и имѣютъ дѣтей»...

Въ 1588 г. константинопольскій патріархъ Іеремія по пути въ Москву испросилъ у короля Сигизмунда III позволеніе воспользоваться принадлежавшимъ ему правомъ суда и расправы надъ русскимъ духовенствомъ. Патріархъ зналъ о безпорядкахъ въ церковномъ управленіи на Руси и намѣревался низложить митрополита Онисифора Дѣвочку, тѣмъ болѣе, что оказалось, что онъ жилъ въ двоеженствѣ. Католики не противились этому намѣренію—они готовили на этотъ важный постъ своего кандидата, минскаго архимандрита Михаила Рагозу, воспитаннаго іезуитами. А патріархъ, не собирая справокъ, удовольствовался только рекомендаціей воеводы Скумина Тышкевича, будущаго противника уніи, да немногихъ русскихъ пановъ, подготовленныхъ къ возвышенію Рагозы на митрополію, и возвелъ послѣдняго въ санъ митрополита.

Между тѣмъ Рагоза получилъ отъ іезуитовъ особую инструкцію относительно подготовки русскаго духовенства и народа къ уніи; за успѣшное выполненіе этого дѣла они обѣщали сдѣлать его примасомъ восточной церкви и доставить ему первое мѣсто въ сенатѣ послѣ коронпаго или католическаго примаса. Въ инструкціи между прочимъ значилось: «поучать декановъ, налагать подати на священниковъ и слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не осмѣливался устраивать соборниковъ или съѣздовъ. Непослушныхъ сажать въ тюрьму. Не вводить сразу новыхъ церковныхъ обрядовъ,—обряды могутъ быть замѣнены постепенно. Не пренебрегать диспутами и спорами для виду съ представителями западной церкви, чтобы тѣмъ легче отводить глаза шляхтѣ и черни. Не вступать въ открытую борьбу противъ черни, но вести ее тайно и постепенно. Основывать особыя школы для русской молодежи, но не препятствовать имъ посѣщать католическіе костелы и оканчивать образованіе въ школахъ отцевъ іезуитовъ и т. д.» Такъ-то, вмѣсто того, чтобы привязать къ себѣ Русь путемъ удовлетворенія справедливыхъ ея интересовъ, старались усилить дѣло объединенія путемъ деморализаціи.

Деморализація охватила въ особенности высшее русское духовенство. Достигшіе епископскихъ каѳедръ путемъ вышеуказаннымъ заботились о себѣ, а не о церкви, ихъ привлекали церковныя имѣнія, а не духовные интересы, они вели свѣтскую и даже семейную жизнь,—однимъ словомъ жили, какъ магнаты, предпринимали другъ противъ друга походы за обладаніе церковными имѣніями, налагали на низшее духовенство большія подати и тягости, а между тѣмъ церковь разрушалась, приходила въ сильное разстройство и клонилась къ упадку.

Неудивительно поэтому, что такіе пастыри, не задумываясь, принимали унію, къ чему обыкновенно обязывались еще до посвященія, а потомъ принуждали къ тому свои епархіи.

Скарга приписывалъ упадокъ русской церкви семейной жизни православнаго духовенства, богослуженію на славянскомъ языкѣ и вмѣшательству свѣтской власти въ церковныя дѣла. Іезуитскій духъ мѣшалъ ему видѣть, или, правдоподобнѣе, онъ не хотѣлъ сознаться, въ чемъ состояла причина зла.

Послѣдняя изъ указанныхъ имъ причинъ, именно присвоенное королями право назначенія русскихъ епископовъ по своему произволу имѣло здѣсь огромное значеніе,—оно сдѣлалось вскорѣ источникомъ многихъ золъ для православной церкви; но было-бы несправедливо приписывать все іезуитской пропагандѣ и полякамъ: они только эксплуатировали въ свою пользу положеніе вещей.

Русскому обществу не доставало просвѣщенія, и до второй половины XVI в. оно не имѣло другой литературы, кромѣ хроникъ, актовъ и рукописныхъ церковныхъ книгъ. Правда, во времена Ярослава и его преемниковъ, по свидѣтельству ученыхъ и между прочимъ Шафарика, просвѣщеніе на Руси стояло выше, нежели въ большей части европейскихъ странъ; но съ тѣхъ поръ Русь пережила княжескія междоусобія, татарское иго и религіозно-политическое давленіе Польши сперва въ отдѣльныхъ частяхъ, а потомъ и въ цѣломъ.

Упадокъ богатой древне-русской культуры долженъ былъ произойти не столько подъ вліяніемъ первыхъ двухъ причинъ, сколько отъ продолжительнаго и сильнаго дѣйствія послѣдней. Съ тѣхъ поръ, какъ Русь пришла въ политическое соприкосновеніе съ Польшею, польское правительство не только не способствовало развитію,

а напротивъ не пренебрегало ничѣмъ, что могло повести къ ослабленію и уничтоженію русской народности,—лучшія силы и способности народа должны были ослабнуть. Когда обрекались на упадокъ церкви и школы, когда ограничивались гражданскія и общественныя права приверженцевъ православія, отнималось ихъ имущество и собственность, когда хитростью или силою отрывали отъ народа русскую шляхту и ополячивали ее,—то каждый легко пойметъ, что остатокъ русскаго народа былъ низведенъ до состоянія матеріальнаго безсилія и политическаго нуля, а по тому самому и языкъ народный оставался въ пренебреженіи.

Собравшись на сеймъ, патроны не разъ толковали объ упадкѣ русской церкви, обращались иногда къ русскимъ епископамъ съ рѣзкими замѣчаніями, какъ мы это видѣли въ письмѣ къ митрополиту Онисифору, и однако ни разу отъ словъ не перешли къ дѣлу.

Правда, явилась было мысль—поднять просвѣщеніе, сдѣлавъ общедоступнымъ для массы священное писаніе; но какъ достигнуть этого, когда долгое время не было ни школъ, ни типографій? Полочанинъ Скорина перевелъ библію на современный русскій языкъ, какой употреблялся высшими сословіями, т. е. болгарскій, уснащенный полонизмами. Эту библію онъ напечаталъ въ чешской Прагѣ. Въ 1562 г. основана первая типографія въ Несвижѣ. Здѣсь Симеонъ Будный напечаталъ протестантскій катехизисъ и предложилъ его русскому обществу. Нѣсколько позже литовскій гетманъ Григорій Ходкевичъ основалъ типографію въ своемъ имѣніи Заблудовѣ, и здѣсь бѣжавшіе изъ Москвы типографщики Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ напечатали евангеліе съ толкованіемъ. Наконецъ основана на Руси знаменитая острожская типографія, въ которой тотъ-же Ѳедоровъ напечаталъ въ первый разъ полную церковную библію на славянскомъ языкѣ. Это было первымъ важнымъ шагомъ на пути къ просвѣщенію русскаго общества.

Давая у себя пріютъ московскимъ типографщикамъ, русскіе паны—Ходкевичъ и Острожскій оказали великую заслугу не только типографскому дѣлу, которое впослѣдствіи расширили братства, но и всей Руси. При посредствѣ книгопечатанія Несвижъ, Заблудовъ, Острогъ, Львовъ, Вильна, затѣмъ Кіевъ и многіе другіе города пришли къ сознанію русскаго единства, а дѣйствовавшіе въ этихъ

городахъ станки сблизили Литву съ Червоною Русью, а вскорѣ потомъ—съ 1580 г. сблизили съ обѣими и Украйну.

Въ XVII ст. южная Русь значительно возвысилась въ европейской цивилизаціи своими школами и типографіями, своими духовными писателями и учеными во время борьбы противъ уніи и католицизма (Смотрицкій, Копыстенскій, Могила, Гизель и др.). Между тѣмъ исходъ борьбы между двумя враждебными элементами долго оставался сомнительнымъ.

Въ толпѣ гостей, безпрестанно окружавшихъ магната, ни одинъ изъ элементовъ не имѣлъ перевѣса: ни польскій, ни русскій, ни православный, ни католическій, ни новое реформаціонное ученіе. Домъ магната уподоблялся рынку, на которомъ встрѣчались всевозможные товары; это было какъ-бы порто-франко, куда свозилось все безъ контроля. На столѣ знаменитаго защитника православія, князя Острожскаго, лежали сочиненія Поссевина и Скарги рядомъ съ сочиненіями князя Курбскаго или аѳонскаго монаха Іоанна Вишенскаго; іезуитъ Мотовило былъ его любимымъ собесѣдникомъ. Въ дворецъ Острожскаго собирались для диспутовъ и пріятельскихъ бесѣдъ представители католицизма и православія вмѣстѣ съ представителями лютеранства, кальвинизма и социніанства. Неудивительно поэтому, что Янушъ Острожскій еще при жизни отца отрекся отъ вѣры и національности своихъ предковъ и сдѣлался полякомъ.

Итакъ, не патроны охраняли русскую народность. Охраняли ее стойкость мѣщанъ съ одной стороны, монастырскій аскетизмъ съ другой, и наконецъ храбрость запорожцевъ; простой народъ былъ четвертымъ консервативнымъ элементомъ, но онъ находился въ рукахъ тѣхъ, кто владѣлъ имъ.

Въ одномъ изъ параграфовъ инструкціи митрополиту Рагозѣ значилось: православную церковь унижать во всѣхъ отношеніяхъ.

Для уясненія этого пункта нужно указать, какимъ имуществомъ владѣла русская церковь и что сдѣлано съ нимъ мало по малу. До водворенія польскаго правительства на Руси, здѣсь не было ни одной епархіи, ни одного прихода католическаго, поэтому всѣ церковныя имѣнія составляли собственность православныхъ церквей. Пожертвованія на церкви и монастыри были такъ значительны,

что давали полную возможность епископамъ удовлетворять ихъ миссіи, поддерживать учебныя и благотворительныя заведенія, украшать храмы и т. д. Чтобы унизить русскую церковь, іезуиты задумали лишить ее имущества, что и было постепенно исполнено съ теченіемъ времени. Исторія не знаетъ ничего о томъ, чтобы польское правительство учреждало новыя православныя епархіи, или надѣляло бенефиціями уже существующія; напротивъ, извѣстно огромное число фактовъ отобранія православныхъ церквей и обращенія ихъ въ латинскіе костелы.

Еще Ягайло отбиралъ у православныхъ церкви и отдавалъ ихъ католикамъ. Когда въ 1414 г. сдѣлалась вакантною галицкая митрополія, православные въ теченіи 125 лѣтъ не получали для себя епископа, вслѣдствіе чего церковныя имущества перешли въ частныя руки. Гораздо позже начали надѣлять латинскіе епископства и костелы и то по большей части имѣніями, принадлежавшими русскимъ церквамъ, что вызывало вооруженныя схватки и порождало ненависть.

Вмѣстѣ съ отобраніемъ церквей отнимались у православнаго духовенства и всѣ средства къ существованію. Десятина, предназначенная для русскихъ церквей, послѣ обращенія ихъ въ католическія, переходила къ послѣднимъ. Такимъ образомъ бѣднѣли православные епископы, духовенство, учебныя и богоугодныя заведенія приходили въ упадокъ и научная подготовка бѣлаго духовенства становилась невозможной, блѣднѣлъ старинный блескъ русской церкви, исчезало ея значеніе и вліяніе. Прежнее богатство монастырей и другихъ учрежденій смѣнилось бѣдностью и нуждою. Для враговъ православія это было самое желательное положеніе вещей, когда духовенство, обнищавшее, погрязшее въ невѣжествѣ и лишенное значенія вмѣстѣ съ церковью, которой оно было представителемъ, могло быть выставлено на позоръ и осмѣяніе. Въ видахъ униженія православія русскихъ епископовъ называли владыками, священниковъ попами, а церкви синагогами.

Такъ, путемъ воспитанія русской шляхты въ іезуитскихъ школахъ, замѣщенія епископскихъ каѳедръ удобными для іезуитовъ лицами и обнищанія русскихъ церквей подготовлялось введеніе уніи. Послѣ такихъ подготовительныхъ мѣръ агенты римской куріи считали Русь вѣрной и легкой добычей для латинской церкви. Однако

на дѣлѣ оказалось, что добыча далеко не была такъ легка и что невѣжественныхъ православныхъ поповъ и неграмотный русскій народъ гораздо труднѣе заставить перемѣнить вѣру, нежели образованныхъ патроновъ православія.

XI.

Русскіе имѣли много поводовъ задуматься надъ уніею. Съ одной стороны имъ говорили: «примите унію и будете уравнены въ правахъ съ поляками»; съ другой—православные епископы и русская шляхта уже въ теченіи двухъ столѣтій привыкли къ союзу съ католической Польшей.

Долгій путь, исполненный терпѣнія съ одной стороны и всевозможныхъ притѣсненій съ другой, заставилъ многихъ православныхъ освоиться съ мыслью о необходимости какимъ-бы то ни было образомъ положить конецъ двухвѣковой враждѣ одноплеменныхъ народовъ. Мысль эта поддерживалась еще тѣмъ соображеніемъ, что и въ старину обѣ церкви, западная и восточная, были объединены, не смотря на различіе ихъ обрядовъ; поэтому надѣялись, что унія не измѣнитъ православной вѣры.

Съ другой стороны Константинополь находился во власти турокъ, отъ которыхъ зависѣлъ и православный патріархъ; ограбленные турками, патріархи не разъ находились въ необходимости собирать на Руси подаяніе; то-же происходило и при смѣнѣ духовныхъ начальниковъ. Слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ являлись большіе безпорядки и униженіе высокаго значенія патріарха.

Упадокъ православной церкви порождаетъ религіозный индиферентизмъ среди русскихъ пановъ; неудивительно поэтому, что послѣдніе такъ быстро переходятъ въ лоно католической церкви, особенно съ того времени, какъ начинаютъ вступать въ родственныя связи съ польскими домами. Вотъ причины, почему даже такіе столпы православія, какъ князь Константинъ Острожскій, входятъ въ переговоры объ уніи. Острожскій, вмѣстѣ со многими другими панами, надѣялся, что покровительство папы можетъ защитить русскую церковь отъ притѣсненій со стороны поляковъ и прекратитъ неурядицы въ православной іерархіи. Такъ думало и большинство; всѣ надѣялись на возможность сохранить во всей чистотѣ греко-восточное испо-

вѣданіе, пока не убѣдились наконецъ въ истинномъ значеніи уніи.

Что князь Острожскій понималъ унію, какъ дѣйствительное объединеніе церквей, видно изъ того, что онъ предпринималъ соединеніе не одной только западно-русской церкви, но и всей восточной, и съ этою цѣлью началъ сношенія съ московской Русью. Иначе смотрѣли на дѣло русскіе епископы: они думали только о присоединеніи одной западно-русской церкви, находившейся въ польскомъ государствѣ, и для того нѣсколько разъ съѣзжались на совѣщанія, пока наконецъ не подписали согласія на унію. Поцѣй извѣстилъ о случившемся князя Острожскаго, который былъ этимъ сильно раздраженъ.

Душою уніатской партіи были: Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій, и Ипатій Поцѣй, епископъ владиміро-волынскій.

Возобновленіе уніи, популярное въ средѣ польской шляхты, которая усматривала въ ней еще одну сильную связь съ короной, не было однако популярнымъ среди русскаго народа, который предчувствовалъ, что это нововведеніе не будетъ въ его пользу. Если мѣщане и крестьяне и принимали унію, то дѣлали это изъ страха и въ теченіи долгаго времени готовы были отпасть отъ нея. Между тѣмъ на Украйнѣ, гдѣ народъ въ силу долговременной привычки къ войнѣ былъ отважнѣе и менѣе проникся невольничьимъ страхомъ, унія прививалась съ большимъ трудомъ. Сверхъ того отвращеніе къ уніи усиливали тѣ пріемы, какими сопровождалось ея насажденіе въ краѣ.

Когда вѣсти о принятіи уніи дошли до народа, со всѣхъ сторонъ поднялись голоса, требовавшіе всеобщаго собора. Между тѣмъ митрополитъ колебался или дѣлалъ видъ, что не можетъ оставить своей церкви; онъ объявилъ главнымъ дѣятелямъ уніи, Терлецкому и Поцѣю, а черезъ нихъ и королю, что не отказывается отъ уніи,—готовъ принять ее, если она будетъ принята на соборѣ духовенства и мірянъ, до отправленія депутаціи въ Римъ. Князь Острожскій въ свою очередь заявилъ, что такое важное дѣло не можетъ быть рѣшено безъ общаго собора. Этотъ путь былъ самымъ естественнымъ.

Сперва король согласился созвать соборъ и даже распорядился изготовить универсалъ, но, убѣдившись въ невозможности ожидать

общаго согласія на унію, не выпустилъ его изъ канцеляріи и приказалъ Поцѣю съ Терлецкимъ ѣхать въ Римъ. По крайней мѣрѣ сдѣлали видъ, что унія не была навязана, но что ее приняли даже русскіе епископы.

Между тѣмъ, пока Поцѣй и Терлецкій успѣли съѣздить въ Римъ и возвратиться, въ Украйнѣ вспыхнуло первое козацкое возстаніе подъ предводительствомъ Косинскаго. Позволительно еще сомнѣваться въ томъ, чтобы возстаніе Косинскаго поднялось изъ чисто религіозныхъ побужденій. Вначалѣ у козаковъ освобожденіе братьевъ изъ неволи считалось лучшимъ дѣломъ благочестія. Если когда-нибудь козакъ задумывался о своемъ душевномъ спасеніи, то навѣрно представлялъ его себѣ не иначе, какъ въ размѣрѣ того вреда, какой онъ наносилъ татарамъ и туркамъ. Какъ люди необразованные и не посвященные во всѣ тайны богословія, козаки знали только, что вѣра ихъ—не шляхетская; они знали, что ихъ предки, какъ и сами они, убѣгали въ степи отъ пановъ-католиковъ; поэтому папъ-католикъ является для нихъ такимъ-же враждебнымъ существомъ, какъ бусурманинъ, набѣгающій съ лукомъ и арканомъ, или еврей арендаторъ.

Теперь козаки нападаютъ на панскіе дворы, разоряютъ ихъ, уничтожаютъ шляхетскіе документы, они сильнѣе борются противъ польскихъ порядковъ, которые усматриваютъ также и въ подчиненіи русской церкви папѣ. На эту мысль наводитъ то обстоятельство, что Косинскій заѣзжаетъ и опустошаетъ имѣнія князя Острожскаго, котораго считали польскимъ магнатомъ за то, можетъ быть, что онъ хлопоталъ объ уніи.

Овладѣвъ многими украинскими городами и даже Кіевомъ, безъ особаго ихъ сопротивленія, Косинскій вездѣ отбиралъ присягу на вѣрность украинскому войску. Онъ уже составляетъ планъ—отторгнуть Русь отъ Польши, разрушить въ ней аристократическій распорядокъ, ввести козацкое устройство и распространить его равно на лицъ шляхетскаго и не шляхетскаго происхожденія, чтобы не было различія сословій, чтобы всѣ были равны и на равныхъ правахъ владѣли землею. Такой планъ угрожалъ Польшѣ опасностью политическаго и общественнаго переворота, поэтому король обратился къ дворянству южно-русскихъ воеводствъ, призывая его къ оружію противъ врага.

Князь Острожскій вооружилъ шляхту въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ и послалъ ее противъ возставшихъ, подъ начальствомъ своего сына Януша. На этотъ разъ Косинскому не посчастливилось: послѣ неудачнаго боя подъ Пяткой козаки принуждены были дать обѣщаніе выбрать себѣ другаго предводителя,—тѣ-же, которые не были подъ Пяткой, не думали о новомъ выборѣ и, напротивъ, побуждали Косинскаго къ новому возстанію, говоря: « Абожъ то не наша земля? чи-жъ не мы іи видъ орды одибрали? Чіе-жъ тутъ право »? Косинскій не могъ противиться общественному давленію, но, пока стягивались новыя силы, онъ погибъ во время пирушки въ Черкасахъ; тамъ поднялся споръ, перешедшій въ драку, и одинъ ударъ измѣнника, или просто пьянаго, пресѣкъ бурную жизнь Косинскаго. Козаки избрали послѣ него гетманомъ Лободу.

Такъ начались продолжительныя войны между тѣми, кто считалъ землю своею собственностью на основаніи королевскихъ привилегій, и тѣми, которые признавали ее своею собственностью, пріобрѣтенною путемъ завоеванія отъ татаръ; между тѣми, кто смотрѣлъ на свободу, какъ на гербовую привилегію, и тѣми, кто считалъ ее природной и неотъемлемой собственностью каждаго человѣка. Силы были неравны и если борьба не имѣла слѣдствіемъ завоеванія свободы, то все таки приготовила упадокъ Польши.

Обыкновенно шляхетская партія, съ помощью наемныхъ регулярныхъ войскъ, одерживала верхъ надъ возставшими, предводители возстанія подвергались строгимъ карамъ, а Украйна—еще болѣе тяжкимъ притѣсненіямъ.

Изъ вождей козацкихъ, въ эпоху между 1593—1638 гг., особенно прославились борьбою съ поляками: Наливайко, Тарасъ Трясило, Павлюкъ, Остряниnъ. Одному только Сагайдачному, вѣрному защитнику православія, удалось достигнуть почета отъ польскаго правительства и жить въ мирныхъ отношеніяхъ съ шляхетскою партіею, какъ то увидимъ ниже.

Между тѣмъ какъ поляки стараются всѣми силами подавить возстаніе Косинскаго, Поцѣй и Терлецкій приносятъ присягу на вѣрность панѣ, обѣщая ему всегдашнее послушаніе въ дѣлахъ вѣры, а на родинѣ всѣ возмущаются самовольнымъ ихъ поступкомъ.

Въ это время, кромѣ реестровыхъ козаковъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Лободы, появляется другое козацкое войско, возникшее

по собственной инціативѣ, подъ предводительствомъ Наливайка. Возстаніе его, начавшись на Волыни, носитъ до нѣкоторой степени религіозный характеръ. Наливайко нападаетъ на имѣнія русскихъ епископовъ и мірянъ, склонныхъ къ уніи, занимаетъ Луцкъ, гдѣ месть козаковъ обращается на сторонниковъ и слугъ Кирилла Терлецкаго; затѣмъ поворачиваетъ на Бѣлоруссію, добываетъ Слуцкъ, гдѣ находитъ большой запасъ оружія, занимаетъ Могилевъ, захватываетъ спрятанныя въ Пинскѣ драгоцѣнныя церковныя вещи, принадлежавшія Терлецкому, и овладѣваетъ важными документами на пергаминѣ съ подписями духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, изъявившихъ согласіе на унію.

Зимою 1595—1596 г. Наливайко соединился съ козацкимъ гетманомъ Лободою и возстаніе начало принимать грозные размѣры. Король посылаетъ противъ козаковъ коронпаго гетмана Жолкѣвскаго и война между ними продолжается упорно до конца мая 1596 г. Для обѣихъ сторонъ рѣшался вопросъ о жизни и смерти, вопросъ о томъ, быть-ли на Руси польскимъ или русскимъ порядкамъ. Стѣсненные польскими войсками, козаки переправились на лѣвый берегъ Днѣпра и были осаждены подъ Лубнами. Тутъ между козаками начались несогласія; сначала Наливайко низложилъ съ гетманства и убилъ Лободу, а самъ сдѣлался гетманомъ, но въ свою очередь былъ схваченъ, выданъ полякамъ и казненъ въ Варшавѣ.

Какой-то *fatum* тяготѣлъ надъ Польшей. Едва казнили одного Наливайка, какъ къ тому времени уже появлялся другой; у воротъ новаго замка въ Жолквѣ явился Михайло Хмѣльницкій, отецъ Богдана, называя себя банитомъ, и этого было достаточно, чтобы онъ былъ принятъ въ замкѣ. Недостатокъ людей близъ границъ не позволялъ слишкомъ критически относиться къ ихъ прошлой жизни. Послѣ брака дочери Жолкѣвскаго съ богатымъ паномъ Даниловичемъ, Михаилъ Хмѣльницкій былъ причисленъ къ свитѣ, сопровождавшей молодую въ домъ ея мужа.

Даниловичу принадлежала вся Корсунщина и Чигиринщина и онъ поручилъ Хмѣльницкому управленіе этими обширными имѣніями. Тотъ, съ разрѣшенія своего пана, завелъ собственное хозяйство въ лѣсистой мѣстности Суботовѣ, на лѣвомъ берегу рѣчки Тясмина; позиція была опасная—еще недавно за Тясминомъ кочевали татары, да и теперь появлялись они на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Такъ возникло Суботово, послужившее въ непродолжительномъ времени послѣднимъ поводомъ къ всеобщей внутренней войнѣ.

Правда, на Украйнѣ съ давнихъ поръ шли споры съ козаками за поземельную собственность. Шляхта старалась захватить козацкія земли въ фактическое владѣніе и обратить жителей въ крѣпостныхъ, что впрочемъ не такъ-то легко удавалось; но безпрерывныя требованія шляхты о распространеніи польскаго права были главнымъ поводомъ непріязненныхъ отношеній между козаками и шляхтой, превратившихся вскорѣ въ упорную борьбу. Козаки видѣли, что тѣ порядки, отъ которыхъ ихъ предки уходили изъ центра шляхетства, послѣдовали за ними и на Украйну, а отсюда уже нѣкуда было уходить, развѣ въ турецкую или татарскую неволю. Оставалось на выборъ изъ двухъ одно: или склонить голову подъ панское ярмо, или защищать свободу до послѣдней капли крови. Убѣгая изъ-подъ власти пана или старосты въ козачество, крестьянинъ приносилъ туда глубокую ненависть ко всему, что было панскимъ, шляхетскимъ и польскимъ, такъ какъ ненавистный ему панъ былъ или становился полякомъ. Наравнѣ со всѣмъ панскимъ ненавистна была козаку католическая вѣра, а еще нестерпимѣе была унія, какъ одинъ изъ признаковъ панскаго гнёта, насильно навязанный его совѣсти; православная вѣра, напротивъ, была для русскаго народа признакомъ свободы. Съ этого времени козачество, которое теперь пополняется исключительно изъ простаго народа, готово защищать съ оружіемъ въ рукахъ все, что было дорогаго для этого народа. Съ этого времени козачество становится народнымъ представительствомъ на Руси.

Въ началѣ 1596 г. возвратились на родину Поцѣй и Терлецкій. Кромѣ писемъ къ православнымъ епископамъ и митрополиту, привезли они отъ папы письмо на имя короля Сигизмунда III съ просьбою возвратить несправедливо отнятыя церковныя имѣнія, русское духовенство уравнять въ правахъ съ польскимъ, а именно— дать мѣста въ сенатѣ русскимъ епископамъ, однимъ словомъ удовлетворить представленнымъ епископами условіямъ, пополненіе которыхъ зависѣло отъ короля. Однако просьба папы осталась безъ послѣдствій.

Между тѣмъ унія встрѣтила въ краѣ сильное противодѣйствіе со стороны церковныхъ братствъ и даже на сеймѣ варшавскомъ

1596 г. враждебно смотрятъ на введеніе уніи, предвидя могущія произойти отсюда волненія. Но не смотря на то, что всѣ опасались народнаго возстанія и предвидѣли большія несчастья, Сигизмундъ III рѣшился ввести унію и созвалъ соборъ въ Брестѣ литовскомъ на 6 октября 1596 г. для ея утвержденія. Съ своей стороны князь Острожскій извѣстилъ о томъ восточныхъ патріарховъ; по его просьбѣ присланы были протосинкелы (намѣстники) отъ константинопольскаго патріарха Никифора и александрійскаго Кирилла. Острожскій также дѣлалъ приготовленія къ собору. Собравшись въ назначенный срокъ, соборъ тотчасъ раздѣлился на два лагеря, изъ которыхъ каждый по своему относился къ уніи. Уніатскій лагерь составляли католическіе бискупы, іезуиты, поляки и уніаты, явившіеся съ митрополитомъ Рагозою. Засѣданія уніатской партіи происходили въ каѳедральномъ соборѣ. Православный лагерь образовали экзархи двухъ восточныхъ патріарховъ, сербскій митрополитъ Лука, русскіе епископы: львовскій Гедеонъ и перемышльскій Михаилъ, и другіе сановники церкви, далѣе со стороны мірянъ—князь Острожскій, представители братствъ, земскіе послы и т. д.

Брестъ принадлежалъ къ епархіи Поцѣя, который приказалъ запереть всѣ остальныя церкви, чтобы лишить православныхъ мѣста для собраній, такъ что они были принуждены собираться въ частномъ домѣ.

Православные въ свою очередь раздѣлились на двѣ партіи: духовную и свѣтскую. Согласно древнимъ обычаямъ восточной церкви, для измѣненія догматовъ вѣры недостаточно было постановленія одного только духовенства, требовалось также согласіе свѣтскихъ лицъ какъ шляхетскаго сословія, такъ и простаго народа. Въ силу этого принципа, на созванный въ Брестѣ соборъ для совѣщанія объ уніи явились многіе изъ свѣтскихъ сановниковъ литовскихъ и русскихъ. Между тѣмъ какъ духовенство занялось обсужденіемъ уніи со стороны религіозной, свѣтская партія, не вдаваясь въ богословскіе диспуты, защищала свою вѣру на основаніи правъ, обезпечивавшихъ свободу вѣроисповѣданія и подтвержденныхъ какъ великими князьями литовскими, такъ и польскими королями. Глава православнаго собора, протосинкелъ Никифоръ, три раза приглашалъ кіевскаго митрополита на засѣданія собора, но когда онъ не явился и отвѣтилъ, что подчинился уже западной

церкви, православный соборъ объявилъ лишенными сана какъ самаго митрополита, такъ и епископовъ, признавшихъ унію. Эти съ своей стороны отвѣтили тѣмъ-же, т. е. низложили православныхъ іерарховъ.

Послѣ отказа со стороны духовной партіи, свѣтская единогласно объявила, что весь литовско-русскій народъ настроенъ противъ уніи. Составленъ былъ протестъ какъ противъ самой уніи, такъ въ особенности противъ способовъ ея введенія, объявлено низложеніе принявшихъ унію священниковъ и послана королю просьба о назначеніи новыхъ епископовъ на мѣсто отпавшихъ отъ православія.

Уніатскій лагерь уже не обсуждалъ вопроса объединенія церквей,—оно еще раньше было рѣшено безъ собора и утверждено папою. Прочитанъ былъ только папскій декретъ, т. е. объявлена унія, которую нужно было ввести насильно.

Такое объявленіе уніи сильно возмутило русскихъ пановъ. Всюду ожидали страшныхъ волненій; дѣйствительно, шляхта, мѣщане и козаки могли на этотъ разъ соединиться для общаго дѣла, но іезуиты разсчитывали иначе: они знали, что будетъ волненіе только на словахъ—дворянское волненіе. Они знали также, что мѣщане не пользуются правомъ голоса на сеймѣ, патроны ограничатся одними словами и не подымутся на дѣло, а козаки были разбиты. Патроны были прежде всего русско-польскими панами и самъ Острожскій, грозившій собрать 15—20,000 вооруженнаго войска, не собралъ ни одной тысячи, а братству львовскому писалъ въ тоже время: «терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе».

Обѣ стороны—уніатская и православная обратились за рѣшеніемъ дѣла къ королю; православные протестовали, ссылаясь на существовавшія права. Король принялъ сторону уніатовъ; онъ не признавалъ другой восточной церкви, кромѣ объединенной уже съ Римомъ. Всѣ не принявшіе уніи были въ его глазахъ не исповѣдниками греко-восточной вѣры, а ея отступниками, схизматиками.

Съ этого времени начинается преслѣдованіе православныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и оппозиція съ ихъ стороны. Михаилъ Рагоза вскорѣ умеръ; преемникъ его по митрополичьей каѳедрѣ, Поцѣй, такъ усердно распространялъ унію, что едва не былъ убитъ виленскими мѣщанами. Но еще тяжелѣ личной неволи оскорбляло народъ униженіе православной церкви. Въ свою очередь евреи, пользуясь такимъ положеніемъ, надоумили пановъ уступить имъ въ

аренду, вмѣстѣ съ прочими статьями дохода, и православныя церкви; тутъ началась новая эксплуатація. Родится ребенокъ у крестьянина, прежде всего нужно заплатить жиду, иначе дитя останется некрещеннымъ; женитъ крестьянинъ сына, или отдаетъ дочь замужъ, опять плати жиду, иначе не будетъ вѣнчанья; нуждался-ли крестьянинъ въ какой-нибудь требѣ или церковной службѣ,—за ключи отъ церкви, за веревки отъ колоколовъ, за все нужно было платить еврею. Даже пасху для освященія нужно было покупать у евреевъ, или оплачивать право печь ее дома. Жалобы народа на все это отзываются и понынѣ въ его пѣсняхъ.

Неудивительно поэтому, что народъ, выведенный наконецъ изъ терпѣнія подобными порядками, толпами обращался въ козачество, неудивительно, что возникали возстанія за возстаніями.

Послѣ казни Наливайка польское правительство издаетъ грозное постановленіе противъ козаковъ; всѣ низовые козаки объявляются врагами отечества и стоящему въ Украйнѣ «кварцяному» войску вмѣняется въ обязанность истреблять ихъ; у козаковъ отнимаютъ ихъ старинныя права, земли и даже данный имъ Баторіемъ Трехтемировъ.

Но всѣ эти постановленія только сильнѣе раздражали козаковъ. Напрасно поручалось панамъ и «дозорцамъ» ловить бродягъ и доставлять на мѣсто жительства, гдѣ ихъ могли наказывать смертью безъ суда и слѣдствія; пока Запорожье не находилось во власти пановъ, невозможно было подавить козаковъ. Между тѣмъ сами паны своими колонизаціонными пріемами способствовали росту козачества, зазывая народъ на слободы, куда принимали всѣхъ безъ разбора, даже разбойниковъ. Украинскіе паны жили между собою несогласно, наѣзды были для нихъ явленіемъ ежедневнымъ; поэтому каждый нуждался въ козакахъ, какъ для наѣздовъ, такъ и для защиты. Но эти козаки готовы были, при первомъ неудовольствіи, поступить съ своими панами также точно, какъ поступали по ихъ приказанію съ сосѣдями.

Смѣлость козаковъ возрасла до такой степени, что рѣдко выдавался годъ, въ который не бывало похода; такъ въ 1601 г. со стороны крымскаго хана жаловался Ахметъ Калга на набѣгъ запорожцевъ на Крымъ, а уже въ слѣдующемъ 1602 г. жалуются турки на то, что атаманъ Килей разбилъ на Черномъ морѣ отрядъ

Гассана аги, что козаки захватили турецкій купеческій корабль, шедшій изъ Кафы и т. д. Чѣмъ-же отвѣчали поляки? Пясочинскій объяснялъ, что козаки не были подданными польской короны и король не могъ отвѣчать за своевольныхъ людей, уходившихъ въ степи,—пусть ихъ истребляютъ татары.

Всѣ указанныя выше обстоятельства и жалобы вызвали рѣзкія постановленія противъ козаковъ со стороны сейма 1607 г. Та-же конституція повторена была и въ 1609 г.; козаки подчинены власти старостъ и пановъ, имѣвшихъ надъ ними право смертной казни, а старшій войска запорожскаго долженъ былъ назначаться изъ лицъ шляхетскаго происхожденія. Однако вскорѣ, вслѣдствіе появленія самозванцевъ и войны Сигизмунда III съ московскимъ государствомъ (1609 г.), правительство нашлось въ необходимости понизить тонъ; вербовали всевозможныхъ бродягъ и составляли отряды, часть которыхъ отправилась съ польскимъ войскомъ подъ Смоленскъ, а другіе разошлись на слободы, или прямо въ Сѣчь, а оттуда на Черное море. Наконецъ магнатъ Стефанъ Потоцкій вторгся въ 1612 г. въ Молдавію, съ цѣлью удержать низложеннаго господаря, и польское правительство могло опасаться мести со стороны турокъ—все это способствовало лишь росту козачества.

XII.

Вступая въ тѣсную связь съ Польшей, русское боярство старалось обезпечить свою народность отъ чуждыхъ вліяній, а главными основами русской національности были—языкъ и православная вѣра. Однимъ изъ важнѣйшихъ условій, поставленныхъ при объединеніи Руси съ Польшею, была гарантія русскаго языка во всѣхъ офиціальныхъ актахъ. Вслѣдствіе того, когда въ 1576 г. король Стефанъ Баторій вызвалъ ко двору нѣкоторыхъ брацлавскихъ бояръ польскимъ письмомъ, боярство брацлавское запретило своимъ собратьямъ исполнить королевскій приказъ и напомнило королю, что всѣ предписанія должны дѣлаться на русскомъ языкѣ, который въ старину употреблялся въ Литвѣ и на Руси во всѣхъ письменныхъ памятникахъ. На этомъ языкѣ писались лѣтописи, законы, княжескія грамоты и т. д. Самъ Ягайло не говорилъ иначе, какъ по русски и мѣстные бояре въ теченіи долгаго времени старались

сохранить неприкосновеннымъ свой языкъ. На конвокаційномъ варшавскомъ сеймѣ 1632 г. въ число его постановленій занесено слѣдующее (Art. 27): «всѣ русскіе законы, какъ того требуетъ старинное право и какъ то понынѣ было въ обычаѣ, всѣ привилегіи, письма, мандаты и всѣ прочія дѣла воеводствъ: кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго, выпущенныя изъ канцеляріи его королевской милости, должны быть написаны на русскомъ языкѣ *sub nullitate* всего дѣла».

Что касается религіозныхъ отношеній, то для защиты вѣры, какъ мы уже видѣли, учреждались церковныя братства, куда вступали членами представители знатнѣйшихъ русскихъ родовъ. Предметомъ особаго попеченія русскихъ пановъ была кіево-печерская лавра. Король Сигизмундъ III, вмѣстѣ съ іезуитами, понялъ ея огромное значеніе въ краѣ, поэтому, едва только нѣкоторые изъ русскихъ епископовъ изъявили согласіе на унію, какъ Сигизмундъ, еще раньше ея опубликованія, испросилъ у папы Климента VIII особую буллу, отдававшую кіево-печерскую лавру, со всѣми ея имѣніями и доходами, въ полное владѣніе кіевскихъ митрополитовъ подъ условіемъ, что эти послѣдніе будутъ пребывать въ единеніи съ римскою церковью. Отсюда произошло такое раздраженіе, что самъ король нашелся вынужденнымъ просить папу оставить лавру въ прежнемъ положеніи.

Со времени брестскаго собора, на которомъ была принята унія, ни одинъ сеймъ не проходилъ безъ того, чтобы не подымались на немъ голоса въ защиту православной вѣры. Цѣлый рядъ жалобъ, начатый соборнымъ посланіемъ къ митрополиту Онисифору въ 1585 г., тянется до временъ Хмѣльницкаго. Въ 1606 г., волынскіе бояре въ союзѣ съ боярами кіевскаго воеводства, съѣхавшись подъ Сандомиромъ, постановили просить короля объ уничтоженіи уніи. Напуганный конфедератами король обѣщалъ, что православный русскій народъ на будущее время не станетъ подвергаться преслѣдованіямъ за вѣру. На сеймѣ варшавскомъ 1607 г. внесено было особое предложеніе о православной вѣрѣ. Король обязался не нарушать правъ русскаго народа въ религіозномъ отношеніи и не запрещать ему свободнаго отправленія церковныхъ обрядовъ. Но все это было безполезно—всѣ королевскія обѣщанія и постановленія польскихъ сеймовъ оставались мертвой буквой. Въ дока-

зательство приведемъ, напримѣръ, жалобу русской шляхты, поданую въ сенатъ во время сейма 1623 г.

«Мы—русскій народъ въ теченіи двадцати восьми лѣтъ докладываемъ вамъ на каждомъ сеймѣ о великихъ несправедливостяхъ и притѣсненіяхъ, какія терпимъ отъ нашихъ отщепенцевъ—митрополита и епископовъ уніатскихъ. Мы просили со слезами вступиться предъ королемъ за освобожденіе русскаго народа отъ упомянутыхъ притѣсненій, но и понынѣ не достигли просимаго. Теперь, если русскій шляхтичъ стараго греческаго вѣроисповѣданія бываетъ въ необходимости обращаться къ властямъ, его спрашиваютъ—уніатъ онъ или нѣтъ?

Во многихъ городахъ наши отступники отобрали у насъ церкви, а въ другихъ запечатали; духовенству нашему запрещено крестить или погребать публично; все это нужно совершать ночью, тайно, такъ какъ схваченныхъ при этомъ мѣщанъ строго наказываютъ, а священниковъ арестуютъ и изгоняютъ изъ города».

Однако всѣ хлопоты, просьбы и жалобы оставались безъ всякихъ послѣдствій. И король, и сеймы, каждый съ своей стороны, или не обращали на нихъ вниманія, или откладывали разсмотрѣніе дѣла до слѣдующихъ сеймовъ, или, наконецъ, объявляли свободу православной вѣры, не принимая никакихъ мѣръ къ ея защитѣ. Впрочемъ, Сигизмундъ III, всецѣло преданный іезуитамъ, умѣлъ вновь обходить постановленія сеймовъ и давать поддержку религіозной нетерпимости. Такъ брестскіе мѣщане, оставшіеся вѣрными религіи своихъ предковъ, были отлучены отъ церкви Поцѣемъ, изъяты королемъ изъ подъ защиты закона и объявлены «банитами», вслѣдствіе чего товары ихъ были опечатаны.

Раньше другихъ выказалъ нетерпимость къ православнымъ полоцкій архіепископъ, Іосафатъ Кунцевичъ. Всѣ жалобы на насилія, несправедливые процессы, самоуправства, грабежи, запираніе и печатаніе церквей православныхъ, выставленіе ихъ на посмѣшище и кощунство, лишеніе народа богослуженія и св. Тайнъ—все это подтвердилъ католикъ и государственный человѣкъ, литовскій канцлеръ князь Левъ Сапѣга, въ письмѣ къ Іоасафату Кунцевичу.

Далѣе можно замѣтить, что болѣе образованные изъ католиковъ приходятъ наконецъ къ сознанію, что объединять путемъ насилія значитъ разлучать; въ сочиненіяхъ, дошедшихъ отъ того времени,

часто встрѣчаются слова: «въ воздухѣ пахнетъ кровью и пожаромъ». Ясно предвидѣлъ канцлеръ Сапѣга смутныя послѣдствія религіознаго фанатизма какъ для государства, такъ и для самой уніи, но предотвратить грозившей опасности уже не было возможности. Іосафатъ самъ вызвалъ въ народѣ раздраженіе, достигшее такой степени, что онъ былъ убитъ въ 1623 г. Вотъ подробности этого дѣла.

Явившись въ Витебскъ, Кунцевичъ, при помощи войскъ, причинялъ православнымъ обычныя насилія, отбиралъ церкви, запиралъ ихъ, опечатывалъ, или обращалъ въ уніатскія. Православные жители терпѣливо переносили эти насилія, но отказались посѣщать уніатскія церкви, построили за городомъ палатки и тамъ отправляли свое богослуженіе.

Утромъ 12 сентября, въ воскресенье, архидіаконъ Кунцевича Дорофей напалъ на православнаго священника, переправлявшагося черезъ Двину для совершенія службы Божіей. Избивъ священника, онъ связалъ его по рукамъ и по ногамъ и заперъ въ архіерейской кухнѣ. Вѣсть объ этомъ новомъ насиліи потрясла весь городъ, и терпѣливые до того времени граждане Витебска наконецъ заволновались; ударили въ набатъ; толпа раздраженныхъ людей ворвалась въ домъ архіепископа, православный священникъ былъ освобожденъ, а руководитель ненавистной уніи палъ среди своихъ искалѣченныхъ слугъ и трупъ его брошенъ въ рѣку.

Вѣсть объ убійствѣ полоцкаго архіепископа быстро облетѣла всю Польшу. Вначалѣ ее сочли сигналомъ къ истребленію католиковъ, опасались козацкихъ волненій въ Бѣлоруссіи и т. п. Черезъ два мѣсяца и десять дней прибыла въ Витебскъ коммисія для наказанія бунтовщиковъ. Около ста человѣкъ были осуждены на смерть, но большинство заблаговременно успѣло скрыться и только двадцать душъ было обезглавлено; однако имущество всѣхъ осужденныхъ конфисковано. Сверхъ того Витебскъ утратилъ магдебургское право и старинныя привилегіи, городская ратуша разрушена; соборную церковь Богородицы, близъ которой исполнено убійство, рѣшено снести съ тѣмъ, чтобы на счетъ жителей витебскихъ выстроить новую, болѣе обширную и величественную и т. д. Всѣ церкви отданы уніатамъ, всѣ жители безъ исключенія принуждены принять унію; а вслѣдъ за тѣмъ королевскими декретами запрещена была «схизма» въ Полоцкѣ, Могилевѣ, Оршѣ и Мстиславлѣ; запрещено

строить и починять православные храмы и всѣмъ жителямъ бѣлорусскимъ нешляхетскаго сословія приказано принять унію.

Короля поддерживали въ такой политикѣ не одни іезуиты, но также декретъ папы Урбана VIII, отъ 10 февраля 1624 г., въ которомъ сказано: «не щадите ни огня, ни меча». Іоасафатъ признанъ блаженнымъ и вскорѣ послѣ того былъ канонизованъ и объявленъ святымъ.

Между тѣмъ унія не имѣла того успѣха, на какой разсчитывали католики; все дѣло ея ограничивалось печатаніемъ церквей и монастырей и отнятіемъ принадлежавшаго имъ имущества. Сельскіе жители просто отказывались отъ церквей, отданныхъ уніатамъ, но мѣщане часто оказывали активное сопротивленіе, чѣмъ и навлекали на себя гнѣвъ правительства. Потеря торговыхъ правъ, опечатываніе товаровъ, исключеніе изъ городской общины, лишеніе покровительства законовъ—всѣ эти репрессіи постигли прежде всего мѣщанъ того города, гдѣ засѣдалъ соборъ.

Главной причиной такого стойкаго отпора уніи со стороны мѣщанъ и бѣднѣйшаго духовенства было стремленіе сохранить вѣру отцовъ; главною ихъ цѣлью было—спасти предковскія преданія и отстранить отъ своихъ святынь всѣхъ чужихъ и отступниковъ. Если фанатизмъ приводилъ католиковъ къ нетерпимости, то православными руководилъ духъ консерватизма.

Впрочемъ, въ правленіе уніатскаго митрополита Вельямина Рутскаго борьба уніи съ православіемъ въ Червоной Руси и на Волыни теряетъ до нѣкоторой степени тотъ воинственный характеръ, какой она носила при Поцѣѣ. Болѣе тихая пропаганда Рутскаго примиряла стремленія православныхъ и уніатовъ и тѣмъ самымъ была еще опаснѣе для православія. Онъ какъ-бы стремился отыскать *modus vivendi*,—извѣстную терпимость между уніатами и православными; подавалъ мысль создать для польской Руси патріаршество, которому были-бы равно подчинены какъ православные, такъ и уніаты. Православные сложа руки обсуждали проектъ Рутскаго, но насильственные поступки Кунцевича побудили ихъ снова стать на защиту своей вѣры и народности, а когда собственныя силы оказались недостаточными, тогда начали искать другую точку опоры.

Въ 1622 году епископъ сѣверскій Исаія Копинскій посылаетъ священника Гедеона къ московскому воеводѣ въ Путивль съ до-

несеніемъ о томъ, что христіане въ южно-русскомъ краѣ терпятъ отъ поляковъ притѣсненія. «Князей и бояръ православныхъ уже нѣтъ,—всѣ отступили отъ нашей вѣры,—одни поляки, другіе уніаты, третьи еретики... Нигдѣ нѣтъ отъ нихъ покою и всѣ мы, православные, тѣснимся пока на Украйнѣ въ кіевской землѣ и освѣдомляемся: не дозволитъ-ли царь монахамъ изъ сѣверской земли переселиться въ свое царство».

Подобное-же посольство отправилъ въ Москву двумя годами позже православный кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій съ просьбою принять Малороссію подъ свое покровительство. Тоже самое и въ то-же время сдѣлалъ Исакій Борисковичъ, епископъ луцкій и острожскій, недопущенный уніатами въ свою епархію.

Итакъ, ни одна изъ желанныхъ уній, ни политическая, ни религіозная, не достигли намѣченной цѣли—дѣйствительнаго отдѣленія юго-западной Руси отъ восточной и сліянія ея съ Польшей въ одно государство, въ одинъ народъ. Онѣ, напротивъ, вызвали тяжелую борьбу между обоими вѣроисповѣданіями—борьбу, пробудившую въ населеніи юго-западной Руси стремленіе къ соединенію съ сѣверо-восточной и подготовившую упадокъ Польши.

Если и было когда лучшее прошлое и общія цѣли, то теперь они окончательно прекращаются. Необузданное попраніе человѣческихъ правъ и свободы совѣсти вынуждаютъ обитателей южной Руси искать иныхъ путей для будущаго, а поляки, упоенные мнимымъ торжествомъ подавленія схизмы въ одной половинѣ Россіи, простираютъ свои виды на другую. Завоеваніе московскаго государства, подчиненіе московской церкви Риму становится польской національной политикой.

Первый самозванецъ, Димитрій, появился въ предѣлахъ Польши, а именно при дворѣ Адама Вишневецкаго; іезуиты объявили его царевичемъ Димитріемъ и подъ этимъ именемъ представили королю, который назначилъ ему на содержаніе 40,000 злотыхъ ежегодно. Въ тоже время, чтобы не нарушать мирныхъ отношеній съ Россіею, Сигизмундъ, не объявляя войны, разрѣшилъ польскимъ панамъ помогать Димитрію въ отыскиваніи престола. Подъ знаменами самозванца собралось до 1600 человѣкъ шляхты; къ нимъ присоединилось нѣсколько тысячъ козаковъ.

Самозванецъ съ тріумфомъ вступилъ въ Москву и, по предварительному соглашенію съ царицей инокиней Марѳой, былъ признанъ ею за сына и царевича. Но царствованіе его продолжалось всего одинадцать мѣсяцевъ,—его сгубили пренебреженіе къ старымъ русскимъ обычаямъ и дружба съ поляками и іезуитами. По убіеніи его царемъ избранъ Шуйскій, но и тотъ не долго пользовался добрымъ расположеніемъ народа.

Между тѣмъ, по примѣру перваго самозванца, стали появляться и другіе обманщики; полякамъ понравилось вторгаться въ Россію при посредствѣ самозванцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сигизмундъ III, находя это время удобнымъ для исполненія своихъ замысловъ, нарушилъ наконецъ миръ и началъ войну съ Россіею, намѣреваясь завоевать ее уже не для самозванца, а для себя, и со временемъ обратить въ католичество. Коронный гетманъ Жолкѣвскій совѣтовалъ королю идти прямо на Москву, но король предпочелъ начать съ осады Смоленска, считая за лучшее сперва овладѣть этимъ пунктомъ. Между тѣмъ въ Москвѣ, по низложеніи Шуйскаго, наступила семибоярщина и среди борьбы различныхъ партій стали наконецъ думать объ избраніи царя. Когда Жолкѣвскій подступилъ къ Москвѣ, партія королевича получила перевѣсъ, бояре заключили съ нимъ договоръ и принесли присягу на вѣрность Владиславу, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы королевичъ самъ принялъ на себя правленіе и чтобы царская власть была ограничена боярскою думою и вліяніемъ высшаго духовенства. Для завершенія договора отправлено къ Сигизмунду подъ Смоленскъ посольство, потребовавшее отступленія отъ Смоленска, прекращенія войны и прибытія королевича Владислава въ Москву для принятія царскаго престола. Но Сигизмундъ не снялъ осады Смоленска, не пустилъ сына въ Москву и, вопреки международному праву, отправилъ пословъ въ качествѣ плѣнниковъ въ Польшу.

Такимъ образомъ, тѣ-же самыя причины, которыя помѣшали удержать при польской коронѣ юго-западную Русь, принесенную ей въ даръ Литвою, помѣшали полякамъ создать великое славянское государство. Это были: гордость и тщеславіе поляковъ, религіозный фанатизмъ, презрѣніе и ненависть къ православной вѣрѣ и народности, оскорбленіе національнаго русскаго достоинства. Съ другой стороны опасность общаго польскаго ярма и нерасположенность къ латинскому исповѣданію пробудили въ московскомъ народѣ сознаніе необходимости согласной дѣятельности; собравшійся въ Москвѣ земскій соборъ избралъ на царство Михаила Ѳедоровича Романова.

Народъ сплотился вокругъ своего молодаго царя, а королевичъ Владиславъ, оставленный среди непріятелей половиною польскаго войска, которое не получало жалованья, довоевался до того, что едва не погибъ подъ Можайскомъ.

Въ такомъ критическомъ положеніи польское правительство волею-неволею принуждено было обратиться за помощью къ козацкому гетману Сагайдачному, котораго до той поры отказывалось признать въ гетманскомъ достоинствѣ.

Съ того времени, какъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный началъ управлять козаками, ихъ морскіе походы выигрываютъ въ значеніи; въ 1613 г. козаки взяли приступомъ Кафу и освободили множество христіанскихъ плѣнниковъ; въ 1614 г. разрушили Синопъ и т. д.

По призыву короля, Сагайдачный спѣшитъ на выручку Владислава съ 20,000 тѣхъ самыхъ козаковъ, число которыхъ еще недавно было ограничено до одной тысячи, и освобождаетъ королевича съ остатками польскаго войска изъ осады. Получивъ такое значительное подкрѣпленіе, Владиславъ обратился на Москву, но, послѣ неудачнаго приступа, принужденъ былъ, въ силу Деулинскаго договора, отказаться отъ титула царя.

Не смотря на только что оказанную козаками важную услугу, Жолкѣвскій, по требованію пановъ, мечтавшихъ о подчиненіи своей власти козаковъ, выступилъ противъ нихъ съ войскомъ и обязалъ козаковъ подчиниться сеймовымъ конституціямъ, ограничивавшимъ до минимума ихъ число и права, и не нападать на турецкую землю. Однако требованія эти плохо исполнялись. Послана была коммисія для усмиренія козаковъ, а они снова отправились на море и на этотъ разъ опустошили окрестности самаго Константинополя. Непривыкшій переносить такое безчинство, султанъ, какъ пишетъ Жолкѣвскій, былъ до крайности раздраженъ тѣмъ, что козаки, разрушивъ множество турецкихъ городовъ, осмѣлились еще зажечь свои походные огни передъ окнами сераля. По удаленіи козаковъ, порта рѣшила выслать большое войско съ цѣлью истребить козаковъ и заселить Украйну мусульманами. Уже Скандеръ паша вошелъ въ предѣлы Подоліи; но какъ война съ Россіей еще не была окончена, то Жолкѣвскій просилъ о мирѣ, обѣщая усмирить козаковъ. Снова учреждена коммисія, снова вымогаютъ у козаковъ обѣщаніе прекратить морскіе походы; въ Константинополь донесли, что козаки укрощены, а между тѣмъ походы ихъ продолжались по прежнему.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

(*Продолженіе*) [1]).

VIII.

Дорога изъ Бакоты въ Старую Ушицу.—Общій видъ города.—Экскурсія въ хороборскія пещеры.—Историческія воспоминанія объ Ушицѣ.—Мѣстные промыслы.

Верстахъ въ десяти или двѣнадцати къ юго-востоку отъ Бакоты расположенъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ подольскихъ, теперь заштатный городъ, Старая Ушица. Само названіе указываетъ на древность города и отличаетъ его отъ Новой Ушицы, носившей до недавняго времени названіе Летневцы. Тотчасъ по выѣздѣ изъ Бакоты дорога дѣлаетъ весьма крутой подъемъ и, удаляясь отъ Днѣстра, прорѣзываетъ наддпѣстрянскія горы.

Характеръ мѣстности здѣсь чрезвычайно напоминаетъ военно-грузинскую дорогу, правда въ миніатюрѣ; налѣво подымается высокая и обрывистая, мѣстами совсѣмъ отвѣсная, стѣна изъ фіолетоваго и зеленаго глинистаго сланца, съ нависшими утесами, которые повидимому ежеминутно готовы обрушиться. Дорога такой ширины, что двумъ экипажамъ едва можно разминуться, и то не совсѣмъ ровная, а нѣсколько наклонная къ обрыву; вправо глубокій, тоже почти отвѣсный обрывъ, куда и заглянуть страшно. Кавказскія дороги по крайней мѣрѣ хорошо вымощены и на всѣхъ сколько-нибудь опасныхъ мѣстахъ ограждены каменными парапетами, такъ что въ лѣтнее время путешественникъ отдѣлывается

---

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., октябрск. кн., стр. 254—275.

только головокруженіемъ, здѣсь-же, хотя обрывъ не сравнится глубиною съ кавказскими пропастями, за то не полагается ни мостовой, ни какой-бы то ни было ограды, не только каменной, но даже простаго плетня. Удивительно право, какъ мѣстные крестьяне умудряются провозить здѣсь тяжело нагруженные возы съ сѣномъ и снопами, когда возъ и безъ того въ наклонномъ положеніи, а разбросанные на дорогѣ камни, разумѣется, мало способствуютъ ровности хода. Впрочемъ крушенія здѣсь сравнительно весьма рѣдки, благодаря выносливости крестьянскихъ лошадей, привычныхъ къ такимъ дорогамъ, какъ это вообще бываетъ въ горныхъ мѣстностяхъ.

За нѣсколько дней до нашего пріѣзда случился сильный проливной дождь, значительно повредившій дорогу: множество камней осыпалось сверху, а между тѣмъ водою до такой степени снесло наносную почву съ дороги и размыло ея край, что мѣстами случалось, что одно изъ колесъ нашего воза висѣло въ воздухѣ надъ обрывомъ, а остальныя поминутно прыгали съ камня на камень. Не смотря на то нашъ возница погонялъ своихъ лошадокъ и самъ бѣжалъ за возомъ, какъ по самому удобному пути, а мы—пассажиры, давно уже вставшіе изъ экипажа, издали слѣдовали за нимъ, теряя его изъ виду при поворотахъ и мысленно прощаясь со своими пожитками.

Во время этого крутаго подъема намъ удалось видѣть довольно интересную картинку изъ мѣстной жизни—починку подольской дороги. Эта повинность лежитъ на мѣстномъ крестьянскомъ населеніи, и по распоряженію уницкаго урядника жители окрестныхъ селъ выслали опредѣленное число рабочихъ; но время было лѣтнее, «жнива» и «возовиця» въ полномъ разгарѣ, и каждый сколько нибудь сильный человѣкъ необходимъ дома, поэтому на обязательную работу вышли только старики да дѣти, большею частью дѣвочки, примѣрно отъ десяти до пятнадцати лѣтъ. Явились они съ запасомъ хвороста и, размѣстившись группами на нѣкоторомъ разстояніи вдоль дороги, закладывали фашинникомъ промоины по краямъ, сверху присыпали землею и щебнемъ ровно на столько, чтобы первый сильный дождь разрушилъ всѣ ихъ труды; дѣйствительно, отважившись заглянуть на дно оврага, я замѣтилъ огромную массу хвороста и земли, снесенныхъ предшествующими дождями. Рытвины и ухабы

мѣстами замащивали кремнемъ и другими мелкими камнями, а большею частью и такъ оставляли, по пословицѣ: «якось-то буде».

Подъемъ на гору продолжается около версты или немного больше, послѣ чего дорога выходитъ на возвышенную плоскогорную равнину и сперва удаляется отъ Днѣстра, затѣмъ у села Гораевки, на половинѣ разстоянія между Бакотой и Ушицей, снова приближается къ Днѣстру и до конца тянется вдоль вершины наддністрянскихъ горъ, хотя самой рѣки не видно. Мало по малу замѣчается спускъ къ рѣкѣ, сначала очень пологій, прямо по наклонной плоскости горы, но, чѣмъ дальше впередъ, все болѣе крутой и неровный; влѣво отъ дороги показывается глубокій оврагъ, вдоль котораго расположено одно изъ предмѣстій Ушицы.

Ушицу составляютъ два ряда большихъ бѣлыхъ хатъ съ просторнымъ, опрятнымъ дворомъ и прилегающимъ къ нему огромнымъ фруктовымъ садомъ; одни спускаются къ Днѣстру, другіе—на дно оврага, затѣмъ снова выныряютъ новыя улицы и доходятъ до рѣки Ушицы. Судя по внѣшнему виду предмѣстій, населеніе Ушицы должно быть довольно зажиточно: при каждой хатѣ много разныхъ хозяйственныхъ построекъ, по двору прогуливаются въ значительномъ количествѣ домашняя птица и животныя; въ огородѣ, кромѣ обычныхъ овощей и цвѣтовъ передъ домомъ, замѣтны довольно обширныя плантаціи аниса, но несомнѣнно, что самыми доходными статьями въ мѣстномъ крестьянскомъ хозяйствѣ являются, кромѣ хлѣбопашества, садоводство и воздѣлываніе табаку. Какъ вездѣ почти по Днѣстру, хлѣбъ сѣется для продажи, а кукуруза для собственнаго потребленія; въ каждомъ огородѣ, а весьма часто и на поляхъ видны болѣе или менѣе значительныя плантаціи табаку, какъ бессарабскаго, такъ и турецкаго, отличающагося своими розовыми цвѣтами среди зеленовато-желтыхъ цвѣтовъ бессарабскаго табаку. Въ обширныхъ садахъ разводятся главнымъ образомъ сливы лучшей венгерской породы и различные сорта яблокъ. Проѣзжая вдоль улицы, мы замѣтили разостланныя на крышѣ и на «призьбѣ» почти каждой хаты рядна, на которыхъ сушились раннія сливы и порѣзанныя въ куски яблоки и груши, между тѣмъ какъ вдоль стѣнъ красуются гирлянды изъ табачныхъ листьевъ и нанизанныхъ на шнурокъ яблокъ, также развѣшанныя для просушки.—Всѣ эти продукты закупаются мѣстными евреями, разумѣется, по самымъ

ничтожнымъ цѣнамъ, но все таки они составляютъ значительное подспорье въ крестьянскомъ хозяйствѣ и расходятся отсюда по всѣмъ рынкамъ южной Руси.

Наконецъ, главная улица поворачиваетъ параллельно теченію Днѣстра, и мы въѣзжаемъ въ глубокое ущелье, окаймленное высокими горами; въ глубинѣ долины, въ углу при впаденіи въ Днѣстръ небольшой рѣчки Ушицы, расположенъ самый городъ въ видѣ треугольника, котораго двѣ равныя стороны сходятся почти подъ прямымъ угломъ у подножія параллельныхъ имъ горъ; третья сторона, самая длинная, тянется вдоль днѣстровскаго берега. Посреди города по обыкновенію находится рынокъ, весьма обширный; ратушу замѣняетъ въ южной сторонѣ продолговатой площади большая каменная корчма съ прилегающимъ къ ней зданіемъ самой заурядной уѣздной архитектуры, кажется, мѣстнымъ полицейскимъ управленіемъ или думою. Рынокъ, разумѣется, окруженъ еврейскими заѣздами и лавками, послѣднія дѣйствительно скорѣе напоминаютъ городъ, чѣмъ мѣстечко; сохранилось еще нѣсколько каменныхъ двухъэтажныхъ домовъ съ балконами, галлереями, мезонинами подъ острой крышей, повидимому армянской архитектуры, какихъ много еще уцѣлѣло въ Могилевѣ, Каменцѣ и другихъ городахъ. Здѣсь помѣщаются лучшіе ушицкіе магазины, въ которыхъ производится торговля самыми разнообразными товарами и даже такими предметами роскоши, какихъ мы не встрѣчали отъ самаго Хотина. Очевидно Ушица служитъ промышленнымъ центромъ для весьма значительнаго округа, и дѣйствительно въ ярмарочные дни сюда съѣзжаются столько окрестныхъ помѣщиковъ, что трудно бываетъ найти квартиру, какъ это и случилось съ нами: хотя ярмарокъ уже разъѣзжался, когда мы прибыли въ городъ, но пришлось порядочно таки потолкаться на площади отъ заѣзда къ заѣзду, отыскивая «станцію»; къ счастью одинъ старый еврей выручилъ насъ изъ затрудненія, согласившись уступить свою парадную комнату.

Пока мы располагались на жительство, начались обычные распросы: кто, какъ, куда, зачѣмъ, откуда и т. д., и затѣмъ въ общихъ чертахъ разсказывается біографія самихъ хозяевъ. Въ этой квартирѣ намъ въ первый разъ пришлось встрѣтить извѣстный комфортъ и даже буржуазную роскошь въ еврейскомъ жилищѣ. Большая парадная комната, замѣнявшая гостиную и залу, совмѣщала

въ себѣ всѣ самыя лучшія и дорогія вещи въ домѣ: подъ стѣнами два или три дивана, покрытыхъ клеенкою и ситцемъ, и нѣсколько разнокалиберныхъ мягкихъ стульевъ; правда, обивка нѣсколько потерлась, но все таки мягкая мебель бываетъ не въ каждомъ домѣ; въ углу стеклянные шкафики, наполненные лучшей праздничной посудой, подсвѣчниками и т. д., и шкафикъ съ книгами; на стѣнахъ красуются нѣсколько канделябровъ, а между ними множество картинъ и литографій. Вся эта разнокалиберная обстановка,—ломберные столы, зеркала и пр. очевидно была куплена по случаю и свидѣтельствуетъ объ эстетическихъ потребностяхъ своего владѣльца. Дѣйствительно хозяинъ съ гордостью сообщилъ намъ, что мебель привезена изъ Каменца, куда онъ нарочно ѣздилъ за этой покупкой. Вниманіе наше особенно привлекли поставленные на самомъ видномъ мѣстѣ огромный контрабасъ, скрипка и нѣсколько другихъ музыкальныхъ инструментовъ. Оказалось, что хозяинъ нашъ—музыкантъ по профессіи и въ свое время имѣлъ большіе заработки, играя на еврейскихъ свадьбахъ и въ особенности при различныхъ торжествахъ въ домахъ окрестныхъ помѣщиковъ; тогда-то была куплена и драгоцѣнная мебель. Но мало по малу времена измѣнились: самъ хозяинъ теперь слишкомъ старъ, чтобы заниматься прежнимъ ремесломъ, и кажется извлекаетъ только незначительный доходъ изъ своихъ инструментовъ, отдавая ихъ на прокатъ другимъ артистамъ. Сыновья его не хотятъ заниматься отцовской профессіей, и вообще въ семьѣ замѣчается разладъ: младшее поколѣніе въ лицѣ двухъ сыновей, уже семейныхъ, возстаетъ противъ старшаго. Мы не знаемъ поводовъ этого разлада, выражающагося совсѣмъ непривычнымъ образомъ для нашей мѣщанской среды, именно необыкновенной въ евреяхъ пассивностью и отсутствіемъ всякой дѣятельности; въ семьѣ тихо, не замѣтно ни враждебнаго взгляда, ни грубаго слова, но чувствуется, что тишина эта чисто внѣшняя, и люди не могутъ придумать удовлетворительнаго выхода изъ труднаго положенія; женщины по крайней мѣрѣ занимаются хозяйствомъ, а мужская половина просто слоняется изъ угла въ уголъ и не знаетъ, куда себя дѣвать. Чѣмъ-бы ни сдерживалось проявленіе рѣзкаго протеста съ одной стороны и проявленіе насилія съ другой, часто не знающее удержу въ соотвѣтственной средѣ нашего мѣщанства,—сдерживается-ли оно патріархальнымъ воспитаніемъ,

убѣжденіями, нравственнымъ давленіемъ еврейской общины, религіей или другими мотивами, но во всякомъ случаѣ сдержанность служитъ доказательствомъ сравнительно высшей культуры. При тѣхъ же самыхъ условіяхъ у насъ не только необразованный классъ, но зачастую и представители высшей интеллигенціи умѣютъ заблаговременно устроить себѣ адъ на этомъ свѣтѣ, вѣроятно въ видахъ подготовки къ будущей жизни, а здѣсь люди едва грамотные все таки живутъ безъ взаимныхъ оскорбленій.

Увидя наши книги и инструменты, старикъ тотчасъ принялся ихъ разсматривать, распрашивать о ихъ назначеніи, и наконецъ замѣтилъ, что хотя самъ онъ человѣкъ неученый и читаетъ только по еврейски, но тѣмъ не менѣе очень уважаетъ всякую науку. Подтвержденіемъ тому дѣйствительно можетъ служить его умная рѣчь, маленькая библіотека и наконецъ множество портретовъ различныхъ еврейскихъ знаменитостей, большею частью заграничныхъ ученыхъ, раввиновъ и т. д. Замѣчу кстати для характеристики еврейскаго племени, что подобное уваженіе и интересъ къ наукѣ мы встрѣчали почти въ каждомъ евреѣ, съ которымъ приходилось сталкиваться и который узнавалъ, что мы заняты не коммерческими или промышленными интересами. Эта черта бываетъ только у народа, очень долго прожившаго культурною жизнью.

Устроившись какъ можно удобнѣе, мы отправились осматривать городъ.

Рынокъ составляетъ центръ города, отъ котораго подобно радіусамъ во всѣ стороны расходятся улицы и переулки, узкіе, кривые, невымощенные; сперва идутъ по обыкновенію еврейскіе дома, затѣмъ у подножія горы лѣпятся окруженныя садами жилища мѣщанъ и крестьянъ. На продолженіи главной улицы виднѣется съ одной стороны каменное зданіе костела и при немъ маленькій домикъ для ксендза; по другую сторону возвышается православная церковь, построенная въ 1792 г.; въ настоящее время она перестраивается заново изъ камня по общему типу церквей въ уѣздныхъ городахъ и составляетъ предметъ гордости ушицкаго православнаго населенія. Въ южной части города, примыкающей къ Днѣстру, живутъ мѣстные нотабли, представители интеллигенціи и администраціи.

Мы разсчитывали отыскать въ костелѣ какія-нибудь древнія книги или рукописи, но ожиданія наши не сбылись, и кромѣ простыхъ

метрическихъ книгъ въ архивѣ не оказалось ничего интереснаго. Нужно было свою жажду открытій направить въ другую сторону.

Мы знали еще раньше, что существуетъ нѣсколько пещеръ гдѣ-то въ окрестности Ушицы, и обратились за необходимыми свѣдѣніями къ мѣстному священнику, извѣстному своимъ радушнымъ гостепріимствомъ. Онъ весьма обязательно указалъ намъ средства пробраться въ село Хороборъ или Хоробрівъ, гдѣ находились пещеры, и сверхъ того сообщилъ много интересныхъ свѣдѣній о бытѣ и промыслахъ ушицкихъ жителей и ихъ общественныхъ отношеніяхъ. Такъ мы узнали, между прочимъ, что въ лѣтнее время сюда съѣзжаются для пользованія цѣлебными днѣстровскими водами купальщики изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстъ такъ-же, какъ въ Жванецъ и Студеницу. Пріѣзжіе живутъ въ свое удовольствіе, проводятъ время въ полномъ бездѣйствіи и отдыхѣ и, конечно, поправляются, хотя трудно сказать, что больше помогаетъ разстроенному здоровью—спокойная, беззаботная жизнь или soi disant минеральныя воды Днѣстра.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, мы въ тотъ-же день наняли подводу и отправились осматривать пещеры.

Село Хороборъ лежитъ на лѣвомъ берегу р. Ушицы верстахъ въ четырехъ отъ ея устья. Миновавъ костелъ и церковь, дорога выходитъ на довольно крутой подъемъ по направленію къ рѣчкѣ; поднявшись на гору, замѣчаемъ на самой вершинѣ влѣво отъ дороги отдѣленное отъ нея оврагомъ земляное городище, съ округленными контурами, окруженное валами. Отсюда начинается спускъ къ рѣкѣ. Вдоль берега тянутся баштаны съ обычными пугалами и «куренемъ» по серединѣ, съ привязанной у входа собакой и т. д. Каждый баштанъ представлялъ весьма оживленную картину: хозяева всей семьей вышли для сбора спѣлыхъ овощей; старый «дѣдъ баштанникъ», осторожно ступая среди полузасохшей «огудины», осматриваетъ арбузы и дыни и обрываетъ спѣлые экземпляры; за нимъ со смѣхомъ и шутками бѣгутъ дѣти, собираютъ ихъ и складываютъ въ кучи возлѣ куреня, а старшіе тѣмъ временемъ выбираютъ огурцы и другія овощи и складываютъ все это на возы. Едва удалился нагруженный возъ, какъ на баштанѣ воцаряется спокойствіе,—старшіе сѣли отдохнуть, рѣжутъ и пробуютъ лучшій арбузъ и чинно бесѣдуютъ о своихъ дѣлахъ: о возможной выручкѣ съ баштана,

засухѣ и т. д., между тѣмъ какъ дѣти, получивъ по «кавунчику» или дынькѣ, сбились въ кучу, и каждый ѣстъ самъ свою добычу, разбивая ее объ землю, за отсутствіемъ ножа или для большей скорости; иной, желая лучше полакомиться, продавливаетъ пальцемъ дырочку въ спѣлой дынькѣ и сперва выпиваетъ сокъ, а затѣмъ съѣдаетъ и мясо. Тутъ конца нѣтъ шуткамъ и остротамъ, друзья угощаютъ другъ друга корками, и нерѣдко взаимныя любезности оканчиваются рукопашной схваткой. Способъ выраженій самый энергичный, благодаря вліянію сосѣдства съ молдаванами.

Спустившись съ горы, переѣзжаемъ въ бродъ р. Ушицу, настоящую горную рѣчку, неглубокую, но чрезвычайно быструю, извилистую и довольно широкую; высокіе глинистые берега густо заросли вербами и лозою. Дорога все время идетъ вдоль берега, и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, параллельно теченію р. Ушицы, тянутся высокія горы, частью поросшія лѣсомъ. При одномъ поворотѣ рѣчки нѣсколько душъ крестьянъ, подъ руководствомъ побережника, заняты починкой плотины, поврежденной недавнимъ ливнемъ. Распросивши, куда и зачѣмъ мы ѣдемъ, побережникъ очень настойчиво увѣрялъ насъ, что пещеръ невозможно найти и намъ лучше безъ хлопотъ возвратиться въ городъ. Впрочемъ скептицизмъ его не убѣдилъ насъ, и мы отправились дальше.

Обогнувъ крутой выступъ у берега, сразу въѣзжаемъ въ Хороборъ. Большое село чрезвычайно живописно раскинулось далеко вдоль берега у подножія горы, въ которой по нашимъ соображеніямъ должны были находиться пещеры. Стояла рабочая пора, село почти совсѣмъ опустѣло, на улицѣ живой души не видно, и только послѣ многихъ поисковъ и усилій удалось намъ найти крестьянина, согласившагося служить нашимъ проводникомъ.

Въ разстояніи около версты къ востоку отъ села пролегаетъ глубокій оврагъ съ болѣе или менѣе пологими склонами, поросшими лѣсомъ и въ свою очередь изрѣзанными глубокими рытвинами; на днѣ оврага въ глинистой наносной почвѣ протекаетъ маленькій ручеекъ. Мѣстами каменистая подпочва обнажается въ видѣ огромныхъ скалъ, покрытыхъ мхомъ и горнымъ папоротникомъ; среди этихъ скалъ расположены двѣ пещеры. Снаружи онѣ совсѣмъ незамѣтны—просто скалы нависли на склонѣ горы, и мы-бы преспокойно прошли мимо, если-бы проводникъ не сказалъ, что это и

есть входъ въ пещеры. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ въ нихъ можно было входить ползкомъ, но теперь входы настолько обрушились и заплыли землею, что проникнуть внутрь нѣтъ никакой возможности; одна изъ пещеръ закрылась герметически, другая представляется въ видѣ небольшаго углубленія у подножія скалы, образующей какъ-бы навѣсъ, куда едва можно влѣзть ползкомъ и лежать совершенно неподвижно. По словамъ проводника, здѣсь недавно въ теченіи нѣсколькихъ дней скрывался солдатъ-дезертиръ, и съ того времени, какъ его убѣжище было открыто, входъ въ пещеру засыпанъ по распоряженію властей. Проводникъ нашъ очевидно рѣдко бывалъ здѣсь и не могъ сообщить ничего положительнаго о внутреннемъ устройствѣ пещеръ, или о какихъ-нибудь находкахъ внутри ихъ, но случай смиловался надъ нами и вознаградилъ за неудачу. Пытаясь проникнуть хоть въ ту пещеру, гдѣ скрывался дезертиръ, я замѣтилъ, что входъ въ нее переполненъ сухими листьями, какъ будто нарочно сложенными здѣсь въ такомъ количествѣ. Пока я выгребалъ листья, проводникъ разсказывалъ, какъ зимою во время охоты случается загнать сюда лисицу или зайца, и тогда звѣрь исчезаетъ безслѣдно; очевидно, должно существовать хоть небольшое сообщеніе съ самой пещерой, и я старался всѣми силами отыскать ощупью эту лисью норку, чтобы расширить ее и проникнуть въ подземелье. Но всѣ усилія были напрасны—нигдѣ ни малѣйшаго выхода, зато въ самомъ далекомъ углу оказались сложенными десятка два пачушъ табаку, бережно прикрытыя древесными листьями; табакъ нѣсколько отсырѣлъ, но все таки можно было закурить и, попробовавши, мы нашли, что это очень хорошій турецкій табакъ мѣстнаго производства. Теперь становилось понятнымъ, почему побережникъ такъ старался отговорить насъ отъ экскурсіи и осмотра пещеръ. Посмѣявшись надъ его предусмотрительностью, мы хотѣли положить находку на прежнее мѣсто, но проводникъ рѣшительно воспротивился этому; онъ тоже подозрѣвалъ побережника, но былъ съ нимъ не въ ладахъ и считалъ своимъ долгомъ воспользоваться находкой. «Аже-жъ вы не вкрали его, а знайшли, то й треба взяти, а якъ не хочете, то я визьму»,—отвѣчалъ онъ на всѣ наши доводы и убѣжденія: «тутъ жадного гриха нема, а табакъ дуже добрый,—нехай не роскладае по лисахъ. За решту, мени нема чого ся турбувати: винъ на мене не подумае, а на васъ, то й не посміе ся поскар-

жити, а вы-жъ не забаромъ и поидете зъ Вушицы». Пришлось согласиться съ этимъ неопровержимымъ аргументомъ; проводникъ сложилъ табакъ за пазуху, расщелину прикрылъ листьями, такъ что не было замѣтно признаковъ похищенія, затѣмъ пригласилъ насъ на свой баштанъ, угостилъ «кавунами» и братски раздѣлилъ свою находку съ нашимъ извощикомъ и со всѣми бывшими на баштанѣ. «Отъ воно и до ладу: поки ще свій табакъ поспіе, а тутъ Богъ пославъ готовый, та ще й добрый«, такъ рѣшила публика, а гласъ народа—гласъ Божій. Начались догадки и предположенія о томъ, гдѣ и какъ достался этотъ табакъ побережнику, но время уже не позволяло намъ ожидать рѣшенія этого минутнаго вопроса,— солнце садилось за высокими горами, и уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы возвратились въ Ушицу.

Что касается историческихъ воспоминаній объ Ушицѣ, то въ этомъ отношеніи мнѣ удалось собрать весьма немного.

Первое лѣтописное извѣстіе объ этомъ городѣ встрѣчается подъ 1144 годомъ. Къ этому времени всѣ галицкія земли успѣли объединиться въ рукахъ Владиміра Володаревича, одного изъ самыхъ энергичныхъ и даровитыхъ представителей вообще чрезвычайно даровитой династіи Ростиславичей. Князь этотъ былъ очень ловкій и дальновидный политикъ, извѣстный централизаторъ, человѣкъ въ высшей степени самостоятельный, скептикъ и реалистъ своего времени, не останавливавшійся ни предъ какими мѣрами, прибѣгавшій то къ жестокости, то къ хитрости и обману для достиженія своихъ цѣлей. Правда, что касается внѣшней политики, то цѣли, къ которымъ онъ стремился, не были предосудительны, хотя это не всегда можно сказать о его внутреннихъ отношеніяхъ. Воспользовавшись смертью своихъ родственниковъ, Владиміръ Володаревичъ присвоилъ себѣ ихъ удѣлы и устранилъ послѣдняго удѣльнаго князя, своего племянника Ивана Ростиславича, называемаго *берладникомъ*, который представляетъ весьма симпатичный типъ князя кондотьера, скитающагося по чужимъ краямъ и въ то-же время глубоко преданнаго народнымъ интересамъ своей родной земли.

Оставшись единственнымъ распорядителемъ галицкой земли, Владиміръ всю свою дѣятельность и способности направлялъ прежде всего на то, чтобы какъ можно прочнѣе сплотить между собою всѣ

удѣлы и подавить всѣми мѣрами непокойные внутренніе элементы, главнымъ образомъ вѣчевую партію, державшую сторону Ивана берладника. Владиміръ не стремился къ завоеваніямъ внѣ Галичины, но зато ревниво оберегалъ ея неприкосновенность и безопасность отъ покушеній со стороны сосѣдей; онъ зорко слѣдилъ за политическими событіями на Руси и, какъ опытный политикъ, умѣлъ заручиться выгодными союзниками, какъ въ русской землѣ, такъ и за границей, умѣлъ при случаѣ путемъ ловкихъ переговоровъ разъединить непріятельскія силы, давалъ обѣщанія, которыхъ и не думалъ исполнять и т. д. Но съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за тѣмъ, чтобы на границахъ его княжества не появлялся такой сильный сосѣдъ, который могъ-бы угрожать силѣ и внутреннему росту галицкой земли. Между тѣмъ около половины XII ст. перевѣсъ на Руси получили на время князья черниговской вѣтви. Старшій изъ нихъ, Всеволодъ Ольговичъ, сдѣлавшись великимъ княземъ кіевскимъ, по обыкновенію принялся раздавать лучшіе удѣлы своимъ близкимъ родственникамъ, въ томъ числѣ Владиміръ Волынскій отдалъ своему сыну Владиміру. Галицкій князь смотрѣлъ съ неудовольствіемъ на чрезмѣрное усиленіе одного рода—политика его требовала равновѣсія между всѣми или по крайней мѣрѣ ближайшими къ нему русскими областями—и онъ потребовалъ удаленія новаго владимірскаго князя, но, получивъ отказъ, сталъ готовиться къ войнѣ и призвалъ на помощь венгровъ.

Зная могущество, ловкость и изворотливость Владиміра Володаревича, Всеволодъ собралъ противъ него цѣлую коалицію изъ русскихъ князей и съ огромнымъ войскомъ вошелъ въ галицкую землю. Пока союзники осаждали Владиміра у Звенигорода, одинъ изъ нихъ Изьяславъ Давидовичъ съ помощью половцевъ овладѣлъ двумя пограничными подольскими городами: Ушицей и Микулинымъ. Между тѣмъ Владиміръ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятельскими войсками, значительно превосходившими его силы, не могъ разсчитывать на побѣду и прибѣгнулъ къ дипломатіи—сначала ловкими переговорами перессорилъ между собою союзниковъ и затѣмъ безъ боя сдался на капитуляцію, заплативъ за военныя издержки 1,400 гривенъ серебра, послѣ чего ему возвращены Ушица и Микулинъ.

Не смотря на умѣнье ловко обойти непріятелей и выйдти изъ труднаго положенія, Владиміръ не могъ быть покойнымъ, пока оставался на волѣ Иванъ берладникъ, проживавшій на службѣ у различныхъ русскихъ князей и неоднократно пытавшійся возвратить себѣ отцовскій удѣлъ. Онъ умѣлъ хорошо ладить съ народомъ, сочувствовалъ его интересамъ, поэтому галичане предпочитали его своему суровому князю, и при каждомъ удобномъ случаѣ тотъ или другой городъ призывалъ его къ себѣ на княженіе, но подобныя попытки всегда подавлялись вооруженной силой. Послѣдняя попытка въ этомъ смыслѣ случилась въ 1159 году.

Вѣроятно одно имя бѣднаго изгоя было грознымъ для могущественнаго галицкаго князя, и вотъ въ 1159 г. сынъ и наслѣдникъ Владимірка Володаревича, знаменитый Ярославъ Осмомыслъ, собираетъ противъ него огромный союзъ, состоявшій изъ русскихъ и польскихъ князей и венгерскаго короля. Иванъ Ростиславичъ находился въ это время на службѣ у кіевскаго великаго князя Изяслава, который пытался защищать его путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Встревоженный однако военными приготовленіями, злополучный князь ушелъ за помощью въ половецкія степи, нанялъ здѣсь орду кочевниковъ и отправился съ нею къ низовью Дуная, чтобы отрѣзать пути для греческой торговли, которою очень дорожили русскіе князья. Расположившись «въ городѣхъ подунайскыхъ, изби двѣ кубарѣ и взя товара много въ нею, и паскостяше рыболовомъ галичьскымъ». Вскорѣ явилось къ нему сильное подкрѣпленіе изъ множества половцевъ и шести тысячъ берладниковъ [1]), и съ этими силами онъ направился къ галицкимъ предѣламъ. Городскія общины, все болѣе и болѣе подавляемыя боярской партіей, которая въ это время брала перевѣсъ надъ княжеской властью, охотно поддерживали симпатичнаго для себя князя, который сверхъ того былъ-бы имъ всѣмъ обязанъ и потому долженъ былъ отстаивать ихъ интересы. Поэтому первый пограничный городъ въ галицкой землѣ

---

[1]) Жителей берладскаго удѣла въ низовьяхъ Дуная. Иванъ Ростиславичъ по смерти отца владѣлъ нѣкоторое время берладскимъ удѣломъ, отчего и получилъ названіе берладника; кажется, онъ былъ вытѣсненъ отсюда Владиміркомъ и съ того времени скитался на Руси, но и вдали отъ родины продолжалъ пользоваться симпатіями галицкаго населенія.

Кучелминъ съ радостью принялъ Ивана Ростиславича, который отсюда направился къ Ушицѣ, бывшей въ то время укрѣпленнымъ городомъ. Но здѣсь онъ встрѣтилъ гарнизонъ, присланный заблаговременно галицкимъ княземъ, узнавшимъ уже о народномъ движеніи въ пользу его соперника. Хотя гарнизонъ храбро защищался, но общественное мнѣніе ушицкихъ гражданъ было на сторонѣ осаждавшихъ, и многіе изъ нихъ, именно простой народъ, при удобномъ случаѣ перебѣгали въ лагерь Ивана берладника: «и вошла бяше засада Ярославля въ городъ, говоритъ лѣтопись, и начаша ся бити крѣпко засадници изъ города, а смерди скачуть чересъ заборала (ограда) къ Иванови, и перебѣже ихъ 300».

Не напрасно народъ такъ сочувствовалъ Ивану берладнику, который особенно наглядно оправдалъ довѣріе народныхъ массъ во время осады Ушицы. Наскучивъ сопротивленіемъ гарнизона и продолжительной осадой, половцы, составлявшіе главный контингентъ въ войскѣ берладника, предлагали князю взять городъ приступомъ. Но Иванъ Ростиславичъ, знавшій обычаи кочевниковъ, зналъ, что въ такихъ случаяхъ половцы, ворвавшись въ городъ, грабятъ и захватываютъ все, что только можно взять, и уводятъ жителей въ рабство; онъ велъ борьбу только съ великокняжескимъ гарнизономъ, а не съ горожанами и, не желая вредить имъ, запретилъ половцамъ идти на приступъ. Обиженные отказомъ и лишеніемъ добычи, половцы возвратились въ свои кочевья, а Иванъ берладникъ, оставшись съ незначительными силами, принужденъ былъ снять осаду и удалился въ Кіевъ.

На этомъ обрываются лѣтописныя свѣдѣнія объ Ушицѣ. Вѣроятно укрѣпленія ея были уничтожены въ 1240 г. татарами, какъ и повсюду въ Подоліи; можетъ быть слѣды ихъ уцѣлѣли въ невысокихъ валахъ на одной изъ возвышенностей, господствующихъ надъ нынѣшней Ушицей. Затѣмъ свѣдѣнія наши объ этомъ городѣ прекращаются почти въ продолженіи пяти съ половиною столѣтій.

Въ 1702 году жители Ушицы потерпѣли какіе-то убытки отъ сосѣдняго помѣщика Станислава Кавецкаго, владѣльца села Лоевецъ (ниже по Днѣстру); они призвали на помощь молдаванъ изъ-за Днѣстра и въ числѣ 150 душъ конницы напали на Лоевцы, ограбили дворъ помѣщика и забрали пасѣки. Сеймикъ подольскаго воеводства того-же года постановилъ употребить противъ нихъ строгія

мѣры взысканія, которыя впрочемъ не могли быть приведены въ исполненіе, такъ какъ жители Ушицы, наравнѣ со всѣмъ населеніемъ поднѣстровья отъ Студеницы до Могилева, возстали противъ Польши и, перейдя въ козачество, избрали своимъ полковникомъ Шпака и примкнули къ движенію Самуся и Палія. Вѣроятно воспоминаніе объ этомъ движеніи сохранилось понынѣ въ южной Подоліи въ названіи главнаго чумацкаго пути, пролегающаго по водораздѣльной линіи между системами Буга и Днѣстра. Дорога эта носитъ названіе *шпаковый шляхъ*. Когда это движеніе было подавлено въ Подоліи, жители Ушицы переселились въ Молдавію, откуда напрасно требовали ихъ выдачи дворяне подольскаго воеводства [1]). Около этого времени Ушица вошла въ составъ королевскихъ имуществъ и затѣмъ обращена въ самостоятельное староство, къ которому принадлежало нѣсколько селъ. Заселился городъ вновь вѣроятно благодаря бывшему тогда во всеобщемъ употребленіи колонизаціонному пріему *«скликать слободы»*. Въ 1722 г. владѣльцемъ ушицкаго староства былъ князь Юрій Доминикъ Любомірскій [2]). Въ люстраціи 1765 г. Ушица описывается, какъ мѣстечко, къ которому принадлежатъ села: Пыжовка, Горасвка и Коноховка, между которыми происходили частыя столкновенія и захваты вслѣдствіе несогласія въ разграниченіи земель. По недостатку земли на подольской сторонѣ жители Ушицы по большей части пользовались полями, лѣсами и пастбищами на молдавскомъ берегу, внося за нихъ арендную плату волохамъ и туркамъ. Староство приносило чистаго дохода 14,500 зл. Въ 1770 году жителямъ ушицкаго староства пришлось вѣроятно испытать общее народное бѣдствіе, постигшее всю подольскую землю—чуму и военныя замѣшательства по поводу барской конфедераціи: однако, не смотря на то, производительность староства не только не уменьшилась, но даже нѣсколько поднялась въ это время. Такъ по словамъ люстраціи 1789 г. оно приносило уже чистаго дохода 19,000 зл.; владѣльцемъ староства въ это время былъ Станиславъ Садовскій, получившій его въ силу привиллегіи 1772 г. Люстрація замѣчаетъ, что притѣсняемые подданные въ значительномъ количествѣ ушли за границу, къ чему правительство

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. II, стр. 430—561.

[2]) Ibid., ч. VI, т. II, приложеніе, стр. 329.

не можетъ относиться безразлично. Въ мѣстечкѣ съ давнихъ поръ производилась торговля солью и существовалъ значительный складъ этого продукта; сверхъ того было двѣ мельницы на р. Ушицѣ и фолюша на Днѣстрѣ.

Не знаемъ, пользовалась-ли Ушица когда либо магдебургскимъ правомъ, но послѣ присоединенія края къ Россіи, она сдѣлана уѣзднымъ городомъ и получила городское самоуправленіе. Такъ просуществовалъ городъ до 1826 года, когда уѣздъ перенесенъ въ м. Летневцы, переименованное въ Новую Ушицу, а Старая Ушица осталась заштатнымъ городомъ, который и до настоящаго времени управляется выборною думой.

Памятниками старины здѣсь остались только полуразрушенное городище, православная церковь, построенная въ 1792 г. и костелъ, по преданію основанный еще въ XIV ст. Когда онъ пришелъ въ упадокъ, на мѣстѣ его въ 1742 г. построенъ былъ ксендзомъ Мѣрошевскимъ другой деревянный костелъ, сгорѣвшій въ 1790 г.; постройка нынѣшняго начата въ 1816 году, приходъ его очень малъ и бѣденъ, по словамъ нынѣшняго его настоятеля.

Въ настоящее время промыслы жителей весьма немногочисленны: они занимаются воздѣлываніемъ аниса и табаку, приготовленіемъ однихъ фруктовъ, преимущественно сливъ, рыболовствомъ и заработками на днѣстровской пристани. Впрочемъ торговые обороты пристани весьма незначительны и ограничиваются почти исключительно сплавомъ зерноваго хлѣба, да можетъ быть съ недавняго времени вывозомъ за-границу фосфоритовъ, какъ изъ всего средняго поднѣстровья. Изъ статистическихъ данныхъ мы знаемъ, что напримѣръ въ 1868 г. изъ ушицкой пристани отпущено въ Одессу 13,125 пудовъ хлѣба. Что касается рыболовства, то оно не составляетъ правильнаго промысла и носитъ такой-же случайный и первобытный характеръ, какой мы замѣчали повсемѣстно на берегахъ Днѣстра. Чѣмъ дальше внизъ по Днѣстру, тѣмъ встрѣчающіеся сорта рыбъ все лучше и разнообразнѣе, ихъ ловятъ постоянно и не приготовляютъ въ прокъ.

IX.

Лядава.—Пещерная церковь.—Эпизодъ съ графомъ Дунинымъ-Борковскимъ.—Нагоряны—пещеры и рисунки на камняхъ.

Между Старой Ушицей и Могилевомъ, верстахъ въ восемнадцати къ сѣверо-западу отъ послѣдняго, при впаденіи въ Днѣстръ горной рѣчки Лядавы раскинулось небольшое село того-же имени. Въ этомъ мѣстѣ Днѣстръ дѣлаетъ крутой поворотъ съ сѣвера на югъ, при чемъ лѣвый берегъ носитъ постоянный общій характеръ подольскихъ береговъ, — это узкая, низменная береговая полоса, окаймленная сплошною стѣной высокихъ горъ, почти отвѣсныхъ въ верхней своей части; ниже осыпи камня и земли облегчаютъ подъемъ до половины горы. Въ самой глубинѣ залива горы прорѣзываются широкой, но неглубокой рѣчкой Лядавой, протекающею среди такихъ-же высокихъ скалистыхъ береговъ. На противоположной сторонѣ бессарабскій берегъ представляетъ низменную равнину, шириною въ нѣсколько верстъ, покрытую наносною почвою; равнина эта окаймлена высокими, пологими горами, пролегающими параллельно теченію Днѣстра; она покрывается водою во время половодья, а лѣтомъ составляетъ прекрасный сѣнокосъ.

Само по себѣ село Лядава не представляетъ ничего особеннаго: если не считать прекраснаго мѣстоположенія, это самое обыкновенное подольское село, расположенное у подножія горы въ самомъ углу при устьи р. Лядавы; тѣ-же просторныя бѣлыя хаты, тѣ-же огороды и густые тѣнистые сады, обнесенные низкою каменною оградой. Но достопримѣчательность села, которая привлекаетъ сюда огромное количество посѣтителей, составляетъ весьма интересный, уцѣлѣвшій здѣсь памятникъ старины—древній скальной монастырь, обращенный теперь въ приходскую церковь во имя св. Николая.

Къ церкви ведетъ широкая, довольно крутая тропинка, расчищенная по склону горы и обнесенная со стороны обрыва легкою деревянною рѣшеткой; по одну сторону тропинки тянется рядъ фонарей, по другую—рядъ крестовъ, высѣченныхъ изъ мѣстнаго бѣловатаго известняка. Въ двухъ мѣстахъ дорога прерывается глубокими оврагами, вырытыми протекающимъ на днѣ ихъ источникомъ; черезъ нихъ перекинуты деревянные мостики; при болѣе крутыхъ

подъемахъ въ скалѣ вырублены ступеньки. Однимъ словомъ сдѣлано все, что можно, чтобы облегчить для посѣтителей доступъ къ храму во всякое время и во всякую погоду. Поднявшись на большую половину горы, мы выходимъ на довольно обширную площадку, разчищенную искусственно еще въ незапамятныя времена у подножія отвѣсныхъ скалъ. Справа крутой спускъ къ Днѣстру, слѣва каменныя ворота съ жилищемъ для сторожа, вырубленная въ скалѣ часовня съ ярко раскрашенными иконами по стѣнамъ, передъ ними разноцвѣтныя лампадки, а по срединѣ часовни чистой хрустальной струсю бьетъ фонтанъ, для котораго воспользовались естественнымъ источникомъ, прорывавшимся въ этомъ мѣстѣ изъ скалы. Вода, холодная какъ ледъ и необыкновенно пріятная на вкусъ, собирается въ резервуаръ, откуда чрезъ закрытыя трубы проходитъ подъ площадкой и затѣмъ, въ видѣ маленькаго водопада, сбѣгаетъ по склону горы. Подъ праздникъ, когда во время вечерняго богослуженія зажигаютъ лампадки и разноцвѣтные огни отражаются въ мелкихъ струйкахъ и безчисленныхъ брызгахъ, фонтанъ долженъ представлять волшебное зрѣлище для богомольцевъ. Влѣво отъ него гостинница—двухъ-этажное зданіе, пристроенное къ скалѣ, съ весьма изящными открытыми галлереями для лѣтняго помѣщенія; по обѣ стороны отъ нихъ находятся двѣ крытыя двухъ-этажныя пристройки съ номерами. На другомъ концѣ площадки, прямо противъ воротъ, возвышается довольно обширная церковь—двухъ-этажное квадратное зданіе съ непропорціонально низкимъ восьмиграннымъ куполомъ; колокольни нѣтъ, а возлѣ церкви обыкновенная малороссійская «дзвиныця». Какъ церковь, такъ и всѣ остальныя постройки, за исключеніемъ гостинницы, отдѣланы заново стараніемъ мѣстнаго священника, употребившаго массу времени и труда на украшеніе своего храма. Все это блеститъ самыми разнообразными красками всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, отъ чего церковь представляетъ издали подобіе хорошенькой игрушки, чрезвычайно рельефно выдѣляющейся на темномъ фонѣ известковыхъ скалъ, поросшихъ лѣсомъ. Возлѣ церкви возвышается огромный монументъ—неотесанная глыба известняка около двухъ сажень вышиною, сверху до низу испещренная надписями, по большей части на языкахъ русскомъ и польскомъ, гербами и различными эмблематическими изображеніями, иногда весьма сложными.

Это богомольцы и туристы различныхъ временъ, народовъ и сословій вырѣзывали свои имена на память о посѣщеніи лядавскаго монастыря; современные посѣтители, за недостаткомъ времени, поручаютъ эту работу мѣстному причетнику, который за извѣстное вознагражденіе стираетъ старыя надписи и вырѣзываетъ новыя.

Еще до недавняго времени на мѣстѣ нынѣшняго новаго храма видна была въ своемъ первоначальномъ видѣ старая пещерная церковь, высѣченная въ скалѣ монахами въ незапамятныя времена; въ настоящее время она совершенно скрыта новою церковью. Отдавая полную справедливость благочестивому чувству, побуждавшему мѣстнаго священника и его паству къ украшенію ихъ святыни, мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что задача эта была ими не совсѣмъ правильно понята и что ихъ старанія, заслуживающія полнаго уваженія, были обращены на обновленіе церкви. Въ настоящее время, когда въ обществѣ уже ясно сознается необходимость сохраненія и изученія всевозможныхъ памятниковъ старины, между которыми весьма видное мѣсто должно принадлежать памятникамъ старинной архитектуры, сохранившимся у насъ почти исключительно въ остаткахъ церквей и монастырей, когда спеціалисты занялись уже реставраціей такихъ драгоцѣнныхъ остатковъ древнерусской культуры, какъ кіевскіе софійскій и кирилловскій соборы и другіе храмы, нельзя не пожалѣть, что такой рѣдкій и интересный памятникъ, какъ древній скальной монастырь, не сохраненъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, а замаскированъ новой церковью самой обыденной архитектуры, чѣмъ въ значительной мѣрѣ затрудняется изученіе основнаго архитектурнаго типа. Впрочемъ большая часть древней церкви вошла въ составъ новой, такъ что по уцѣлѣвшимъ частямъ можно, безъ большихъ погрѣшностей, представить себѣ цѣлое. Отъ древней церкви сохранился главный престолъ, два выступа на подобіе колоннъ, къ которымъ придѣланы клиросы; самое помѣщеніе для вѣрующихъ и надъ нимъ сводъ, довольно высокій для одного этажа, ходъ на хоры и ризница—все это высѣчено въ цѣльной скалѣ и хотя въ настоящее время заново окрашено и заштукатурено, но все таки и сквозь краску ясно видны слѣды древней насѣчки. Алтарная часть значительно расширена: пристроены два боковые престола, которыхъ не было въ древней церкви, иконостасъ, наружная двухъ-этажная стѣна и сводъ надъ

алтаремъ. Всѣ основныя части церкви: престолы, аналои, амвонъ, клиросы и т. д. все это высѣчено въ цѣльной скалѣ. Какъ главную святыню лядавской церкви, показываютъ старинный образъ главы Іоанна Крестителя, который считается чудотворнымъ и пользуется большимъ почетомъ среди населенія. Ежегодно, въ день Усѣкновенія главы Предтечи, въ честь этого образа бываетъ «отпустъ», на который стекается огромное количество богомольцевъ изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстностей какъ Подоліи, такъ и Бессарабіи; гостинница и церковный дворъ не могутъ вмѣстить всей массы приходящаго люда, многіе должны искать пріюта у мѣстныхъ жителей, и тогда тихое молчаливое сельце на нѣсколько дней принимаетъ оживленный, праздничный видъ; но разъѣдутся гости и все снова обращается къ обычнымъ, мирнымъ занятіямъ.

Тотчасъ за церковью начинается лѣсъ: здѣсь въ скалѣ виднѣется искусственно вырубленный гротъ, повидимому составлявшій часть монастырскихъ построекъ; онъ могъ служить малой церковью или трапезою; въ настоящее время здѣсь помѣщается складъ старой церковной утвари и гротъ запирается деревянною дверью. Нѣсколько дальше, одна надъ другою идутъ три—четыре келіи, которыя сообщаются между собою высѣченными въ скалѣ ступеньками. Еще выше, уже совсѣмъ въ отвѣсной скалѣ, расположено нѣсколько пещеръ съ выходами, обращенными на югъ, также какъ и въ келіяхъ; доступъ въ эти пещеры весьма затруднителенъ, особенно въ верхнія, куда можно пробраться не иначе, какъ съ помощью канатовъ, лѣстницъ и другихъ приспособленій. Мы не имѣли достаточно времени для подобнаго восхожденія, но проводникъ нашъ, молодой причетникъ, показывавшій намъ церковь и до мельчайшихъ подробностей изслѣдовавшій мѣстность, разсказывалъ, что онъ нѣсколько разъ лазилъ въ пещеры, которыя образуютъ болѣе или менѣе глубокіе корридоры; на днѣ пещеръ попадаются въ значительномъ количествѣ огромной величины кости, принадлежащія по всей вѣроятности ископаемымъ животнымъ, и кремневыя орудія. По его мнѣнію кости могли быть занесены сюда орлами, которые и нынѣ гнѣздятся въ пещерахъ; но, кажется, вѣроятнѣе будетъ предположить, что эти пещеры могли служить жилищемъ или убѣжищемъ для первобытнаго человѣка-современника ископаемой фауны. Подтвержденіемъ тому можетъ служить: во первыхъ

самый видъ пещеръ, очевидно искусственно вырубленныхъ, или по крайней мѣрѣ поддѣланныхъ, съ выходами, обращенными на юго-западъ, а во вторыхъ рисунокъ, вырѣзанный на скалѣ у подножія одной изъ болѣе доступныхъ пещеръ. Мѣстные жители видятъ въ немъ «лемишъ» отъ плуга и приписываютъ его изображеніе монахамъ. О сюжетѣ рисунка, мнѣ кажется, можно еще поспорить: онъ можетъ дѣйствительно представлять часть плуга, но можетъ съ одинаковымъ успѣхомъ изображать и многіе другіе предметы; что-же касается характера выполненія, то онъ повидимому носитъ признаки самаго древняго стиля. Кажется, здѣсь повторилось тоже самое, что мы уже видѣли въ Бакотѣ: первобытное населеніе воспользовалось естественными пещерами и гротами, или искусственно произвело ихъ для своего поселенія. Когда исчезла древнѣйшая человѣческая раса и перемѣнились условія быта, пещеры были оставлены, но съ введеніемъ христіанства онѣ были заново отдѣланы и приспособлены для благочестивыхъ цѣлей, какъ нельзя болѣе удовлетворяя потребностямъ монастырскаго пустынножительства. Такимъ образомъ изъ готовыхъ пещеръ были устроены келіи и церковь. Къ сожалѣнію мы не имѣли возможности вполнѣ точно провѣрить свою догадку о доисторическомъ происхожденіи и заселеніи пещеръ.

По словамъ проводника, въ окрестностяхъ Лядавы весьма часто находятся огромныя кости допотопныхъ животныхъ, по всей вѣроятности, мамонта, который встрѣчается повсюду въ известковыхъ и глинистыхъ горахъ Подолья. Сверхъ того эта мѣстность изобилуетъ огромнымъ количествомъ фосфоритовъ, обстоятельство, которое подольскіе геологи и естествоиспытатели ставятъ въ извѣстную зависимость отъ присутствія болѣе или менѣе значительнаго количества остатковъ мамонта въ каждой данной мѣстности.

Разсказываютъ, что прибывшій сюда нѣсколько лѣтъ назадъ изъ Галичины графъ Дунинъ-Борковскій, во время своего путешествія по Подолію, посѣтилъ знаменитый лядавскій монастырь и такъ плѣнился красотою мѣстоположенія и прекраснымъ климатомъ, что задумалъ здѣсь поселиться со всѣмъ семействомъ, по крайней мѣрѣ на лѣтнее время. Получивъ необходимое разрѣшеніе, графъ выписалъ архитектора, всевозможныхъ мастеровыхъ, техниковъ, живописцевъ и въ самое непродолжительное время выстроилъ рядомъ съ церковью то изящное зданіе, состоящее изъ двухъ флигелей,

соединенныхъ галлереями, которое теперь обращено въ гостинницу. Не было недостатка въ рѣзныхъ и лѣпныхъ украшеніяхъ, стѣны расписаны снаружи и изнутри прекрасными рисунками, наконецъ окончено изящное жилище, черезчуръ роскошное для такого села, какъ Лядава, и графъ перевезъ свою семью на лѣтнюю резиденцію. Хотя графская крыша была увѣнчана крестомъ, но все таки религіозное чувство поселянъ возмущалось такою близостью мірянъ, да еще въ добавовъ иновѣрцевъ, къ ихъ древней, уважаемой святынѣ, гдѣ спасались въ старину благочестивые отшельники. Мало по малу росло въ народѣ раздраженіе и наконецъ приняло такой угрожающій характеръ, что графъ принужденъ былъ удалиться изъ Лядавы, а домъ его, по приговору громады, поступилъ въ пользу церкви. Послѣ того, въ pendant къ нему, построена новая церковь, которая своимъ стилемъ и яркой окраской рѣзко отличается отъ графской постройки, хотя, по всей вѣроятности, вполнѣ удовлетворяетъ эстетическому вкусу мѣстныхъ жителей.

Впрочемъ графъ не безъ пользы для себя провелъ время въ Лядавѣ. Не смотря на свое непродолжительное пребываніе въ этой мѣстности, онъ обратилъ вниманіе на ея минеральныя богатства и, замѣтивъ чрезвычайное обиліе фосфоритовъ, закупилъ на извѣстное число лѣтъ право сбора ихъ въ цѣломъ округѣ и въ свою очередь заключилъ контрактъ съ какой-то иностранной фирмой, обязавшись поставлять ежегодно 600 пудовъ этого минерала.

Въ такомъ видѣ намъ передали этотъ разсказъ на мѣстѣ. Хотя вывозъ такого полезнаго удобренія, какъ фосфориты, въ недалекомъ будущемъ долженъ вреднымъ образомъ отозваться на экономіи края, но по крайней мѣрѣ онъ могъ-бы хоть для настоящаго времени составить сколько-нибудь доходный промыселъ для мѣстнаго населенія, если-бы это дѣло было иначе поставлено. Между тѣмъ повсюду въ Подоліи сборомъ и сбытомъ фосфоритовъ, какъ и всякаго другаго продукта, занялись евреи, которые, обладая наличными капиталами, съ свойственною имъ ловкостью какъ-бы взяли на откупъ эту отрасль промышленности: они закупаютъ фосфориты у крестьянъ за баснословно дешевую цѣну—до десяти копѣекъ за пудъ, немедленно доставляютъ на ближайшія днѣстровскія пристани и сплавляютъ на галярахъ къ ближайшей желѣзнодорожной вѣтви.

Проходя по горной тропинкѣ вдоль берега Днѣстра отъ Лядавы до Нагорянъ, я могъ наглядно убѣдиться въ изобиліи фосфоритовъ въ этой мѣстности: вдоль откоса на пути довольно часто встрѣчались его экземпляры, имѣющіе всегда видъ шара болѣе или менѣе объемистаго, величиною въ орѣхъ и больше, до размѣра крупнаго апельсина. Поверхность шара гладкая, какъ-бы отполирована, темно-коричневаго цвѣта.

Кромѣ фосфоритовъ въ ущельи на берегахъ Лядавы и въ Днѣстрѣ крестьяне находятъ дорогіе камни: разноцвѣтные колчеданы, аквамарины, рубины и въ большомъ количествѣ темные камни (гранаты?) [1]), покрытые кремнистой массой, но эти находки не составляютъ правильнаго промысла и не приносятъ дохода крестьянскому хозяйству.

Мнѣ почти ничего не удалось собрать о минувшей судьбѣ Лядавы. Вѣроятно и въ старину это было такое-же небольшое и незначительное поселеніе, какъ и теперь, входившее въ составъ могилевскаго или калюсскаго староства, и потому оно не упоминается отдѣльно ни въ польскихъ, ни въ русскихъ источникахъ. Единственное извѣстіе, какое мнѣ встрѣтилось, состоитъ въ томъ, что всѣ жители Лядавы въ 1702 году ушли въ Молдавію. Изъ этого намека можно догадываться, что они жили общею жизнью и раздѣляли общіе интересы со всѣмъ населеніемъ Поднѣстровья, которое, какъ извѣстно, въ 1702 г. примкнуло къ движенію Палія, но потерпѣвъ неудачу, удалилось на молдавскій берегъ.

Осмотрѣвши лядавскія достопримѣчательности, оставалось еще увидѣть нагорянскія пещеры, чтобы покончить съ этой мѣстностью. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, мы сѣли на свою подводу, переѣхали въ бродъ рѣчку Лядаву и, поднявшись версты двѣ вверхъ по Днѣстру, очутились противъ Нагорянъ. Это огромное село съ двумя или тремя церквями, вытянутое по вершинѣ горы. Въ противуположность зеленѣющей лядавской возвышенности, болѣе полной и покрытой остатками нѣкогда огромнаго лѣса, нагорянскія горы значительно обрывистѣе и выше и совершенно лишены растительности, если не считать тощаго дерна, пріютившагося мѣстами на уступахъ, по берегамъ микроскопическихъ источниковъ, которые по

[1]) Очеркъ Днѣстра, стр. 208.

капелькѣ сочатся изъ камня. Нѣсколько ниже села, почти у самой вершины горы выдѣляется пластъ отвѣсныхъ скалъ отъ двѣнадцати до пятнадцати сажень вышины, повидимому отполированный движеніемъ льдовъ въ ледниковый періодъ. Въ этихъ скалахъ видѣнъ цѣлый пещерный городъ,—до двадцати пещеръ и гротовъ, расположенныхъ въ пять ярусовъ одинъ надъ другимъ. Крутой склонъ горы покрываютъ осыпи вывѣтривающагося известняка, съ каждымъ шагомъ почва уходитъ подъ ногами, стараешься удержаться за выдающіеся камни, но и они начинаютъ по немногу спускаться, лишая путника послѣдней точки опоры,—все это сильно затрудняетъ подъемъ на гору.

Наконецъ кое какъ послѣ многихъ усилій добрались мы къ нижнимъ пещерамъ. Это два-три обширные, высокіе грота съ широкими выходами, обращенными на югъ къ Днѣстру; самый большой гротъ представляетъ обширную залу въ 14 сажень длиною и 9 шириною; потолокъ его состоитъ изъ цѣльной горизонтальной скалы,—дно представляетъ наклонную плоскость, постепенно понижающуюся отъ глубины до входа. Среди мусора на днѣ грота намъ попадались отбивныя кремневыя орудія, указывающія, правдоподобно, на то, что гротъ могъ служить жилищемъ для древнѣйшихъ обитателей Поднѣстровья въ доисторическую пору. Это еще болѣе подтверждается множествомъ круглыхъ углубленій на подобіе чашекъ, вырѣзанныхъ на стѣнахъ у входа; такого рода изображенія относятся археологами спеціалистами къ самой отдаленной порѣ человѣческой культуры.

Кое какъ, съ опасностью для жизни, намъ удалось еще пробраться во второй ярусъ пещеръ, откуда вылетѣлъ огромный орелъ, спугнутый появленіемъ человѣка въ своемъ неприступномъ жилищѣ; мы были испуганы, вѣроятно, не меньше его самого, но все таки взяли изъ гнѣзда огромное перо въ видѣ трофея. Второй ярусъ мало чѣмъ отличается отъ перваго—это тѣ-же гроты, только поменьше, лучше закрытые и неиспорченные посѣщеніемъ пастуховъ. Пробраться выше не было возможности; въ верхній ярусъ можно было проникнуть только спускаясь на канатѣ сверху, но мы не рѣшились рисковать жизнью изъ любви къ научнымъ изысканіямъ и предпочли возвратиться назадъ.

На склонѣ горы, среди осыпей попадаются фосфориты въ такомъ количествѣ, что мы сперва начали собирать ихъ на память о Нагорянахъ, но, собравши въ нѣсколько минутъ порядочную ношу, стали подымать только лучшіе экземпляры.

Утомленные и огорченные неудачнымъ посѣщеніемъ пещеръ, которыхъ даже нельзя было осмотрѣть надлежащимъ образомъ и въ которыхъ, исключая чашечныхъ углубленій по стѣнамъ, не встрѣтилось ничего замѣчательнаго, бѣдные, голодные туристы медленно возвращались назадъ, но вдругъ были вознаграждены за неудачу самымъ неожиданнымъ образомъ.

Мы замѣтили на южномъ склонѣ горы рядъ огромныхъ глыбъ известняка, числомъ около десяти, расположенныхъ правильнымъ полукругомъ прямо противъ пещеръ. Спѣшимъ туда и видимъ, что это скалы не природныя, а искусственно поставленныя на мягкой почвѣ. Въ самомъ центрѣ стоитъ огромный монолитъ, въ которомъ вырубленъ цѣлый гротъ, довольно помѣстительный, обращенный къ Днѣстру; его поддерживаютъ нѣсколько камней поменьше. Вся поверхность этого камня, такъ-же какъ и всѣхъ остальныхъ, покрыта весьма сложнымъ рисункомъ изъ черточекъ, крестиковъ и весьма замысловатыхъ фигуръ, на подобіе крылатаго человѣка, звѣрей, птицъ и другихъ изображеній; все это испещрено огромнымъ количествомъ чашечныхъ углубленій, величиною отъ орѣха до небольшой тарѣлки, расположенныхъ то единично, то въ видѣ крестиковъ, розетокъ и различныхъ геометрическихъ фигуръ. Рисунки вырѣзаны весьма глубокими чертами и по большей части разбросаны безъ опредѣленной системы, но иногда они располагаются рядами, на подобіе строкъ на страницѣ, и тогда чрезвычайно напоминаютъ іероглифическія надписи, только болѣе условныя, чѣмъ египетскіе іероглифы.

Повидимому мы имѣемъ здѣсь дѣло съ рѣзами или рунами древнихъ обитателей нагорянскихъ пещеръ. Было-бы чрезвычайно интересно прочесть эти надписи,—можетъ быть въ нихъ заключаются біографіи знаменитѣйшихъ гражданъ этого поселенія, или разсказаны важнѣйшія событія изъ его жизни, или изложенъ религіозный кодексъ того народа... Къ сожалѣнію для насъ утерянъ ключъ къ этой грамотѣ; остается только надѣяться, что со временемъ, когда наука сдѣлаетъ бо̀льшіе успѣхи, какой нибудь специа-

листъ найдетъ возможность объяснить таинственный смыслъ нагорянскихъ надписей. Пока можно сказать только, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ мегалитическими сооруженіями, что подтверждается и находкою отбивныхъ кремневыхъ орудій на склонѣ горы у подножія пещеръ. Если допустить, что въ лядавскихъ пещерахъ мы имѣемъ постоянныя или временныя жилища первобытнаго племени, то Нагоряны, гдѣ пещеръ гораздо больше и слѣдовательно населеніе должно было быть многочисленнѣе, могли служить центральнымъ пунктомъ для извѣстнаго района и здѣсь легко могли создаваться и уцѣлѣть какіе нибудь памятники религіозныхъ вѣрованій того народа.

Мѣстное преданіе разсказываетъ, что во время существованія лядавскаго монастыря жили отшельники и въ нагорянскихъ пещерахъ, они-то и вырѣзали всѣ рисунки на камняхъ и на стѣнахъ пещеръ. Но достаточно только взглянуть на эти изображенія, чтобы убѣдиться въ невѣрности этого преданія; монахи дѣйствительно могли жить въ пещерахъ и уничтожить здѣсь слѣды древнѣйшаго поселенія, но несомнѣнно, что творческая фантазія христіанскихъ иноковъ должна была обратиться къ религіознымъ предметамъ и выразить ихъ церковно-славянскимъ шрифтомъ; притомъ культура въ христіанское время стояла у насъ несравненно выше, между тѣмъ какъ эти изображенія отличаются совершеннымъ отсутствіемъ религіозно-христіанскихъ сюжетовъ и напротивъ носятъ несомнѣнные слѣды древнѣйшей культуры.

К. М.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

БАПТИЗМЪ ИЛИ ШТУНДА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Изъ представленныхъ нами въ минувшемъ году на страницахъ «Кіевской Старины» матеріаловъ для исторіи появленія и распространенія штунды на югѣ Россіи [1]) всякій не предъубѣжденный читатель могъ до очевидности удостовѣриться въ томъ, что такъ называемая у насъ штунда есть ничто иное, какъ нѣмецкій баптизмъ, занесенный въ наши нѣмецкія колоніи нарочитыми миссіонерами изъ Гамбурга и что первыми его адептами изъ среды малорусскаго православнаго населенія были лица, случайно, въ качествѣ рабочихъ, попавшіе къ колонистамъ,—люди оторванные отъ дома и семьи, отъ общенія въ молитвѣ церкви и таинствахъ, отъ поученія своихъ пастырей, чувствовавшіе быть можетъ именно поэтому потребность въ духовной пищѣ и подвергшіеся дѣйствію искусныхъ и фанатичныхъ проповѣдниковъ новаго ученія. Съ появленіемъ первыхъ послѣдователей этого ученія въ средѣ православныхъ малороссіянъ, съ увеличеніемъ числа нарочитыхъ проповѣдниковъ онаго въ средѣ нѣмецкихъ колонистовъ и учрежденіемъ правильно организованныхъ баптистскихъ общинъ въ разныхъ пунктахъ Новороссіи и между прочимъ въ Одессѣ, дальнѣйшее распространеніе баптизма въ малорусскомъ населеніи того края не представляетъ ничего удивительнаго, или непонятнаго. Зараза душевная съ такою-же легкостію и быстротою, какъ и физическая, передается людямъ, находящимся въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи съ зараженнымъ; всякое новое религіозное ученіе дѣйствуетъ съ неотразимою силою во образѣ живаго убѣжденнаго человѣка той-же среды, того-же близкаго, особливо родственнаго круга. Но то удивительно, что зараза, о

[1]) См. «Кіевскую Старину» за 1884 годъ, октябр. и ноябр. книжки.

которой у насъ рѣчь, сдѣлала быстрый скачекъ съ крайняго юга въ глубь кіевской губерніи,—сдѣлала при отсутствіи вышеуказанныхъ обстоятельствъ, проникла въ сплошную православную среду, ничѣмъ къ ней непредрасположенную.

Пользуясь и на этотъ разъ офиціальными данными, мы передадимъ кратко о томъ, когда и какъ проникла къ намъ штунда, каковъ былъ первоначальный ея ходъ, при какихъ обстоятельствахъ она распространялась, какъ локализовалась и какова теперь численность ея послѣдователей, какія общія мѣры принимались къ ея пресѣченію и что способствовало ея распространенію у насъ.

Занесеніе штунды въ кіевскую губернію относится къ 1870 г. Первоначально она появилась въ с. Плосскомъ, таращанскаго уѣзда, потомъ перешла въ с. Чаплинку, а отсюда въ с. Косяковку того-же уѣзда. Вблизи этихъ приходовъ, да и вообще въ таращанскомъ уѣздѣ, никакихъ нѣмецкихъ сектантовъ не было какъ до этого времени, такъ и послѣ; весь уѣздъ представлялъ сплошное православное населеніе, кромѣ 3,367 лицъ римско-католическаго исповѣданія, находящихся и теперь въ разныхъ селахъ этого уѣзда. Въ названныхъ приходахъ священниками въ ту пору были: въ с. Чаплинкѣ Димитрій *Низгодинскій* 38 л. изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, имѣвшій въ семьѣ только жену; въ с. Косяковкѣ—Корнилій *Леоновичъ* 41 года, также изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, состоявшій вмѣстѣ съ тѣмъ и помощникомъ благочиннаго; въ семействѣ у него было 8 дѣтей; въ с. Плосскомъ —Тимофей *Руткевичъ* 59 лѣтъ; послѣдній хотя не получилъ семинарскаго образованія, но былъ подготовленъ къ пастырскому званію самообразованіемъ и прохожденіемъ діаконской должности, а въ санѣ священника состоялъ уже 26 лѣтъ; въ семействѣ у него было 4 дѣтей. Какихъ либо жалобъ на этихъ священниковъ не поступало отъ прихожанъ ни къ духовному, ни къ гражданскому начальству и всѣ они находились въ добрыхъ отношеніяхъ съ своими пасомыми, аттестовались всегда съ лучшей стороны въ своемъ поведеніи и свои обязанности исполняли примѣрно. Въ свою очередь ихъ прихожане и въ религіозномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ стояли нисколько не ниже прихожанъ другихъ церквей той-же мѣстности. Такимъ образомъ въ мѣстной почвѣ не было никакихъ задатковъ или поводовъ къ возникновенію какой либо противуцерковной секты.

И вдругъ нежданно ни для кого являются здѣсь лица, возстающія противъ православныхъ священниковъ, чуждающіяся церкви и богослуженія, отвергающія таинства и обряды и глумящіяся надъ тѣмъ, что дорого и священно было для нихъ, какъ и для всякаго православнаго христіанина. Что-же возмутило душевный миръ этихъ благоговѣйно набожныхъ людей, что толкнуло ихъ на путь сомнѣнія въ дѣлѣ вѣры, которую они воспринимали и хранили въ простотѣ сердецъ своихъ, что привело ихъ къ отрицанію завѣта отцевъ, святыни всего народа, кровію его въ теченіи вѣковъ искупленной и освященной?

Зараза пришла отъ нуды—изъ нѣмецкихъ колоній херсонской губерніи; тамъ ученіе баптистовъ раньше было посѣяно и распространено прусскими миссіонерами изъ Гамбурга, тамъ заразились имъ случайные выходцы изъ кіевской губерніи и принесли оное на свою родину. Нѣмцамъ, а не кому либо другому, мы обязаны появленіемъ у насъ штунды. Вотъ съ чего началось и какъ шло это дѣло.

Село Плосское, въ которомъ баптистское ученіе появилось раньше, чѣмъ въ другихъ приходахъ, въ значительной части населено однодворцами. Не имѣя земельнаго надѣла, они въ лѣтнее время отправляются обыкновенно для заработковъ въ херсонскую губернію, иногда цѣлыми семьями. Въ числѣ другихъ часто ходили туда изъ с. Плосскаго однодворцы: *Тышкевичъ, Богдашевскій* и родные братья *Яковъ и Павелъ Цыбульскіе.* Яковъ Цыбульскій былъ на заработкахъ въ Одессѣ, а прочіе около 2-хъ лѣтъ прожили близъ с. Николаевки. Судьба привела ихъ на службу къ нѣмцамъ-баптистамъ, которые принялись завлекать ихъ въ свои собранія и знакомить съ особенностями своего вѣроученія; но совращеніе ихъ произошло не вдругъ и обнаружилось не скоро. Первымъ отсталъ отъ православія Яковъ Цыбульскій. Въ Одессѣ онъ жилъ въ домѣ купца Ксиды, прикащика одного изъ главныхъ членовъ баптистской секты Карла Шутца, чрезъ котораго шла корреспонденція одесскихъ баптистовъ съ ихъ колоніей въ Добруджѣ и получались оттуда брошюры баптистскаго содержанія; здѣсь и произошло совращеніе его въ штунду, обстоятельства котораго намъ неизвѣстны. Извѣстно только, что, совратившись самъ въ новую нѣмецкую вѣру, Яковъ Цыбульскій совратилъ въ нее своего брата Павла Цыбульскаго и односельцевъ своихъ Тышкевича и Богдашевскаго. Число послѣдователей новой вѣры

увеличилось съ возвращеніемъ Павла Цыбульскаго домой въ с. Плосское, въ концѣ 1868 года; въ эту и слѣдующую зиму къ нему собирались по вечерамъ для чтенія евангелія и пѣнія стиховъ Тышкевичъ, Флоринскій, Богдашевскій и сестра послѣдняго Оекла Богдашевская, хотя эти собранія велись втайнѣ и долго объ нихъ не было извѣстно никому. Въ концѣ-же 1868 года, однодворецъ с. Розумницы Хмѣлевскій, проживая по найму въ экономіи с. Рожевъ, познакомился съ Павломъ Цыбульскимъ, а чрезъ него и съ ученіемъ баптистовъ. Сперва Хмѣлевскій ходилъ изъ Рожекъ въ с. Плосское къ Павлу Цыбульскому на ночныя собранія, въ которыхъ толковалось евангеліе и пѣлись духовные стихи изъ книги «Приношеніе православнымъ христіанамъ.—С.-Петербургъ 1864 года», а потомъ такія-же собранія захотѣлъ открыть у себя въ с. Рожкахъ, привлекши въ нихъ двухъ молодыхъ крестьянъ изъ бывшихъ учениковъ церковно-приходской школы. О ночныхъ собраніяхъ у Павла Цыбульскаго мѣстный священникъ Руткевичъ узналъ лишь въ сентябрѣ 1869 года, и тотчасъ донесъ объ этомъ благочинному. Благочинный поспѣшилъ для дознанія дѣла на мѣстѣ; но въ это время Павелъ Цыбульскій отлучился въ херсонскую губернію, а участники его собраній отреклись отъ всего, въ чемъ ихъ обвиняли, и въ доказательство своей вѣрности православію полагали на себѣ крестное знаменіе, цѣловали крестъ и евангеліе. Скоро однако Цыбульскій возвратился въ с. Плосское, а съ возвращеніемъ его возобновились и ночныя собранія у него. Сектанты настолько утвердились въ своихъ вѣрованіяхъ, что когда священникъ предъ праздникомъ Рождества Христова посѣщалъ съ молитвою и ихъ дома, наравнѣ съ другими прихожанами, они отказались уже цѣловать крестъ. Священникъ опять отрапортовалъ благочинному, а благочинный вновь прибылъ на мѣсто сколько для обстоятельнаго обслѣдованія обнаруженной секты, столько и для увѣщанія сектантовъ. Произведя новое дознаніе и предоставивъ священнику Руткевичу и его сыну, ученику богословія, продолжать увѣщанія заблудшихъ, благочинный Петрушевскій о появленіи секты сообщилъ тогда-же таращанскому исправнику, а отъ 4 января 1870 г. донесъ уѣздному протоіерею Пахаловичу, который донесъ о томъ митрополиту Арсенію, равно какъ исправникъ губернатору. Въ началѣ того-же января 1870 г. становой приставъ, по порученію исправника, производилъ дознаніе

о совратившихся. При этомъ дознаніи головщики Цыбульскій и Тышкевичъ оказались упорными въ своихъ убѣжденіяхъ, а ихъ послѣдователи показали раскаяніе. Къ концу января хотя иконы находились еще въ домахъ Цыбульскаго и Тышкевича и содержались въ приличныхъ мѣстахъ, но стало уже извѣстнымъ о хулахъ, произносимыхъ на иконы Тышкевичемъ, а потому какъ Тышкевичъ, такъ и Цыбульскій, по распоряженію полиціи, были арестованы и отправлены въ таращанскую тюрьму. Въ с. Рожкахъ дознаніе о сектѣ произведено благочиннымъ Павломъ Забузскимъ въ началѣ февраля. При дознаніи оказалось, что молодые крестьяне—Кошель и Петрукъ еще прежде перестали посѣщать Хмѣлевскаго; Хмѣлевскій повинился въ своемъ заблужденіи и обязался не ходить въ село Плосское на ночныя собранія и не открывать таковыхъ у себя. Между тѣмъ во время нахожденія подъ арестомъ въ Таращѣ Цыбульскаго и Тышкевича увѣщаніемъ ихъ занимался соборный священникъ г. Таращи Игнатовичъ. Цыбульскій и Тышкевичъ сначала отъ всего отказывались, утверждая, что они ни въ чемъ неповинны, что во всемъ слѣдуютъ ученію православной церкви и если дѣлаютъ иногда частныя собранія въ домахъ, то только для молитвы, для чтенія св. писанія и для пѣнія духовныхъ стиховъ, напечатанныхъ въ С.-Петербургѣ; но послѣ долгихъ увѣщаній, они высказали наконецъ такія свои вѣрованія: Богородица и святые ничѣмъ не отличались отъ прочихъ людей и потому не могутъ ходатайствовать за насъ предъ Богомъ; каждый человѣкъ долженъ самъ за себя молиться, не надѣясь на молитвы церкви и святыхъ; внѣшнее богослуженіе не нужно; Богу слѣдуетъ поклоняться только духомъ и истиною; поклоненіе кресту и иконамъ есть идолопоклонство; мощи святыхъ не могутъ быть предметомъ поклоненія; увеселенія предосудительны; употребленіе хмѣльныхъ напитковъ, хотя-бы то въ маломъ количествѣ, противно христіанскому ученію.

Не оставалось никакого сомнѣнія, что въ лицѣ увѣщаемыхъ и ихъ немногихъ сообщниковъ появлялась въ средѣ мѣстнаго православнаго населенія особая религіозная секта съ опредѣленными, твердо усвоенными мнѣніями, хоть и не получившая еще прочной организаціи. Тѣмъ не менѣе относительно подавленія ея, по самой новости дѣла, не было еще придумано опредѣленныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Сношенія властей только еще начинались; самое про-

исхожденіе секты не было достаточно выяснено. Митрополитъ кіевскій Арсеній находился въ то время въ Петербургѣ для обычнаго присутствованія въ св. синодѣ. Завѣдывавшій на мѣстѣ дѣлами кіевской епархіи, пр. викарій Порфирій въ столь важномъ дѣлѣ не могъ предпринять чего-либо особеннаго самъ собою. Въ началѣ февраля онъ получилъ отъ кіевскаго губернатора составленное на основаніи донесенія таращанскаго исправника увѣдомленіе о появленіи секты въ сс. Плосскомъ и Рожкахъ и въ то-же время препровождено ему тѣмъ-же губернаторомъ въ копіи сообщеніе херсонскаго губернатора о появленіи такой-же секты въ херсонской губерніи и о предполагаемой высылкѣ изъ херсонской въ кіевскую губернію, на мѣсто жительства, одного изъ пропагандистовъ секты, крестьянина с. Чаплинки Герасима Болобана. Преосвященный Порфирій донесъ обо всемъ митрополиту Арсенію, испрашивая его дальнѣйшаго распоряженія. По резолюціи митрополита необходимыя распоряженія сдѣланы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по собственному почину преосвященнаго Порфирія, въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечатано извлеченіе изъ упомянутаго сейчасъ сообщенія херсонскаго губернатора, въ тѣхъ, конечно, видахъ, чтобы сдѣлать извѣстнымъ для всего духовенства кіевской епархіи опасное лжеученіе, прокрадывавшееся темными путями, указать источникъ, изъ котораго оно исходитъ, и признаки, по которымъ оно могло-бы быть открываемо. При этомъ однако опущено изъ виду, что это сообщеніе, составленное первоначально какимъ-либо полицейскимъ слѣдователемъ со словъ, конечно, преслѣдуемыхъ сектантовъ и прошедшее нѣсколько другихъ редакцій, въ неумѣломъ изложеніи представляло собою порицаніе православныхъ поселянъ и похвалы нравственности послѣдователей баптитскаго ученія и пастору Бонекемферу, а самое происхожденіе лжеученія затемнялось и извращалось; въ сообщеніи, напримѣръ, говорилось, что «Павелъ Цыбульскій, пріобрѣвъ нѣсколько книгъ духовнаго содержанія, вычиталъ въ нихъ наставленія проводить время въ чтеніи св. книгъ и пѣніи псалмовъ, узналъ о необходимости вести жизнь трезвую и благочестивую и согрѣтый сими наставленіями (а не совращенный въ баптитскую секту своимъ братомъ Яковомъ Цыбульскимъ), сталъ приглашать своихъ односельцевъ для чтенія, пѣнія и толкованія св. евангелія». Въ такомъ видѣ сообщеніе способно было привести священниковъ въ подозрѣніе, а на

сектантовъ, если оно достигло ихъ, произвести возбуждающее и ободряющее дѣйствіе.

Не смотря впрочемъ на изложенный первоначальный ходъ дѣла, опасность дальнѣйшаго распространенія ереси скоро какъ будто миновалась и къ маю 1870 года секта какъ-бы совсѣмъ заглохла въ с. Плосскомъ. Богдашевскій былъ отданъ въ военную службу, а Тышкевичъ, по возвращеніи изъ херсонской губерніи, въ наступившій великій постъ говѣлъ въ приходской церкви, раскаявался въ своихъ заблужденіяхъ и причащался св. тайнъ. Когда вскорѣ потомъ умерло его дитя, онъ не только позаботился о его погребеніи по христіанскому обряду, но просилъ священника отслужить еще и заупокойную литургію. Въ августѣ того-же года возвратились въ православіе Павелъ Цыбульскій и Флоринскій.

Но въ то время, какъ огонь потухалъ въ одномъ мѣстѣ, онъ неблагоразумно разведенъ въ другомъ, недалекомъ отъ прежняго мѣстѣ, именно въ с. Чаплинкѣ таращанскаго уѣзда; разгораясь здѣсь постепенно, онъ охватилъ и сосѣдніе приходы. Дѣло было такъ.

Въ м. Игнатовкѣ одесскаго уѣзда проживалъ, какъ упомянуто выше, крестьянинъ с. Чаплинки кіевской губерніи, таращанскаго уѣзда, Герасимъ Болобанъ; онъ скрывался здѣсь изъ опасенія отвѣтственности по дѣлу о выпускѣ фальшиваго 10-рублеваго кредитнаго билета. Для большей безопасности Болобанъ перемѣнилъ свою фамилію и сталъ называться Витенкомъ. Въ Игнатовкѣ обзавелся онъ и семьей, женившись на православной крестьянкѣ, вдовѣ Матренѣ Ивановнѣ Довгошеевой. Совратившись здѣсь въ баптизмъ, при участіи извѣстнаго пропагандиста этого ученія, крестьянина д. Основы, одесскаго уѣзда, Михаила Ратушнаго, Болобанъ сталъ ближайшимъ его сотрудникомъ въ дѣлѣ совращенія православія и распространенія баптизма между православнымъ населеніемъ рясно-польскаго прихода. Его участіе въ этомъ дѣлѣ обнаружено въ 1870 году, а вмѣстѣ съ тѣмъ открылось, что онъ проживалъ подъ чужимъ именемъ и безъ письменнаго вида. Болобану предстояло подвергнуться судебному преслѣдованію за совращеніе другихъ въ баптистскую ересь; но херсонское губернское начальство сочло почему-то за лучшее выслать его на мѣсто приписки въ с. Чаплинку кіевской губерніи. О выселеніи Болобана и его противоправослав-

номъ образѣ мыслей херсонскій губернаторъ увѣдомилъ кіевскаго митрополита Арсенія 20 іюня 1870 года, по резолюціи коего отъ 23 сентября кіевская консисторія предписала священнику села Чаплинки Низгодинскому и мѣстному благочинному Забузскому наблюдать за образомъ мыслей и за дѣйствіями Болобана и о послѣдствіяхъ своихъ наблюденій доносить преосвященному митрополиту полугодично. Но Болобанъ прибылъ въ Чаплинку еще раньше полученія этого указа. Не имѣя здѣсь ни кола, ни двора, онъ первоначально поселился въ сельской корчмѣ, у еврея, гдѣ всего чаще могъ видѣться и бесѣдовать съ народомъ. Въ Чаплинкѣ находилось волостное управленіе, а волостнымъ писаремъ при немъ состоялъ солдатскій сынъ Иванъ Лясоцкій. Болобанъ постарался сблизиться съ нимъ и нашелъ въ немъ столько сочувствія, что отъ чаплинскаго волостнаго правленія не замедлило поступить къ таращанскому исправнику донесеніе, будто въ дѣйствіяхъ Болобана не оказывается ничего предосудительнаго, а исправникъ отрепортовалъ такимъ-же образомъ губернатору. Это было въ концѣ августа, а вскорѣ послѣ того, при участіи писаря Лясоцкаго, Болобанъ получилъ отъ чаплинскаго волостнаго правленія отпускъ въ херсонскую губернію на 28 дней. Указъ консисторіи о наблюденіи за Болобаномъ не засталъ уже его на мѣстѣ. Но пребываніе Болобана въ херсонской губерніи было открыто, и 20 ноября 1870 года, по распоряженію херсонской полиціи, онъ снова препровожденъ въ кіевскую губернію и водворенъ на жительство въ Чаплинкѣ. Тутъ ждалъ его духовный надзоръ; но Болобанъ, какъ видно, мало имъ смущался: въ церковь онъ приходилъ, но порядка не соблюдалъ и стоялъ въ ней небрежно, увѣщаніямъ священника Низгодинскаго не подчинялся и приходить къ нему въ домъ для собесѣдованія отказался, а между тѣмъ начиналъ уже вести тайно пропаганду—днемъ въ корчмѣ, ночью въ волостномъ правленіи. Священникъ Низгодинскій, навѣщая Болобана, по долгу пастыря, три раза заставалъ его за чтеніемъ и толкованіемъ евангелія въ русскомъ переводѣ при двухъ или трехъ посѣтителяхъ, причемъ пѣлись также стихи изъ книжки: «Приношеніе православнымъ христіанамъ». Для подкрѣпленія духовнаго или матеріальнаго Болобанъ успѣлъ снова побывать у своихъ единомышленниковъ въ херсонской губерніи, куда отлучался съ 19-го декабря по 6-е января, а

возвратясь оттуда, сталъ уже открыто говорить противъ соблюденія постовъ, почитанія иконъ и св. креста, противъ таинствъ и обрядовъ православной церкви и ожесточенно злословилъ православное духовенство, прилагая къ нему все, что сказано въ евангеліи въ обличеніе книжниковъ и фарисеевъ. Впрочемъ, первая проповѣдь Болобана къ народу въ корчмѣ была неудачна, его даже поколотили за кощунство надъ священными предметами; не помогли и угощенія водкой, къ которымъ прибѣгалъ Болобанъ, пользуясь деньгами, принесенными изъ херсонской губерніи. Хотя нельзя сказать, чтобы бесѣды Болобана не заронили въ нѣкоторыхъ изъ прихожанъ с. Чаплинки сомнѣній въ истинности исповѣдуемой ими вѣры, но до конца января 1871 года къ нему никто еще не приеоединился открыто, кромѣ писаря Лясоцкаго, какъ объ этомъ доносили священникъ Низгодинскій и благочинный Забудскій.

Въ маѣ дерзость Болобана достигла крайнихъ предѣловъ; онъ всенародно кощунствовалъ, богохульствовалъ, разбилъ даже икону св. Николая. Сельская власть арестовала его и передала въ руки уѣздной полиціи, а полиція отнеслась къ прокурорской власти о возбужденіи противъ Болобана судебнаго преслѣдованія. Консисторія не была увѣдомлена объ этомъ ни полиціей, ни судебною властью, но, усматривая изъ донесеній священника, что мѣры, принимаемыя имъ къ вразумленію Болобана, оказываются недѣйствительными, потребовала, чтобы онъ высланъ былъ къ ней на увѣщаніе. Изъ отвѣта таращанскаго уѣзднаго полицейскаго правленія на это требованіе консисторіи видно, что Болобанъ отправленъ въ кіевскій тюремный замокъ 13 іюля; но въ консисторію онъ присланъ только 24 августа, а между тѣмъ раньше сего въ консисторіи было получено отъ судебнаго слѣдователя таращанскаго уѣзда требованіе объ отпускѣ къ нему Болобана въ Таращу по касающемуся его дѣлу, которое въ бумагѣ слѣдователя не было объяснено.

И консисторія, и судебный слѣдователь, и самъ Болобанъ были одинаково въ недоумѣніи: первая—зачѣмъ не высылаютъ къ ней Болобана на увѣщаніе, второй—почему консисторія не отпускаетъ привлекаемаго къ слѣдствію, а третій—зачѣмъ безъ надобности томятъ его въ тюрьмѣ. Впрочемъ дѣло скоро разрѣшилось вполнѣ благополучно для Болобана, благодаря съ одной стороны его притворству, а съ другой недоразумѣнію, если не намѣренному

снисхожденію судебнаго слѣдователя. Началось съ того, что Болобанъ, явясь въ присутствіе консисторіи, принесъ, такъ сказать, полную повинную: тутъ онъ съ клятвою увѣрялъ присутствующихъ, что никогда не отступалъ отъ ученія, таинствъ и обрядовъ православной церкви, полагалъ на себѣ крестное значеніе съ земными поклонами предъ иконой, обѣщалъ и впредь неизмѣнно слѣдовать уставамъ церкви и требованіямъ духовной власти и далъ собственноручную подписку въ вѣрности своихъ словъ. Консисторія повѣрила искренности заявленія Болобана, признала оное за раскаяніе въ заблужденіяхъ и, отправляя его обратно въ кіевскій тюремный замокъ, сообщила смотрителю онаго, что Болобанъ можетъ быть отправленъ въ г. Таращу къ судебному слѣдователю, согласно требованію этого послѣдняго, а при этомъ въ предѣлахъ своей юрисдикціи заявила, что Болобанъ можетъ считаться свободнымъ по тому дѣлу, по которому былъ вызываемъ въ консисторію. На основаніи этого заявленія судебный слѣдователь счелъ себя въ правѣ дать Болобану полную свободу и отпустить его на жительство въ с. Чаплинку, прекративъ начатое противъ него преслѣдованіе за богохульство, кощунство и разбитіе иконы св. Николая. Ловкому пропагандисту развязаны были теперь руки. О привлеченіи его къ слѣдователю по означеннымъ дѣламъ консисторія узнала изъ донесенія благочиннаго лишь 2-го сентября, и хотя этому послѣднему тогда-же предписано было имѣть наблюденіе за положеніемъ сего дѣла, но до января слѣдующаго 1872 года епархіальное начальство оставалось въ полной неизвѣстности о томъ, что дѣлается въ с. Чаплинкѣ и какъ ведетъ себя состоящій подъ полицейскимъ и духовнымъ надзоромъ Болобанъ, а тамъ дѣлалось многое такое, чего впослѣдствіи и болѣе серьезными мѣрами нельзя было ни измѣнить, ни остановить.

Освобожденный судебнымъ слѣдователемъ подъ поручительство чаплинскихъ крестьянъ, подставленныхъ конечно волостнымъ писаремъ Иваномъ Лясоцкимъ, и водворившись опять въ Чаплинкѣ, Болобанъ началъ увѣрять своихъ односельцевъ, что его ученіе и въ Кіевѣ и въ Таращѣ признано истинно евангельскимъ. Устроивъ затѣмъ ночныя собранія для молитвы, пѣнія псалмовъ и толкованія евангелія въ нѣсколькихъ хатахъ, онъ попеременно наставлялъ тамъ и здѣсь и широко развернулъ свою проповѣдь. Плоды этой

проповѣди не замедлили обнаружиться: крестьянка Дарія *Швыдкая*, оповѣщавшая сектантовъ о времени и мѣстѣ ночныхъ собраній, обозвала самымъ поносным именемъ икону Спасителя; Гавріилъ *Шмель* публично издѣвался надъ таинствомъ крещенія; до открытаго кощунства и поруганія святыни дошли также Иванъ *Свириденко*, Агафіи *Музычиха* и Евгенія *Цымбалова*. Зная, что успѣшнѣе можно дѣйствовать на молодое поколѣніе, писарь Лясоцкій, по предложенію Болобана, вызывалъ изъ с. Косяковки и д. Шушковки въ чаплинское волостное правленіе молодыхъ парней будто для исполненія обязанности разсыльныхъ или вѣстовыхъ и удерживалъ ихъ здѣсь по цѣлымъ недѣлямъ, а Болобанъ совращалъ ихъ въ секту особымъ толкованіемъ разныхъ мѣстъ евангелія. Чтобы расширить дѣло пропаганды новаго ученія, Гавріилъ Лясоцкій, родной братъ волостнаго писаря, тайно обучилъ грамотѣ совращеннаго уже изъ православія въ баптизмъ крестьянина села Косяковки Аѳанасія Курку, 20 лѣтъ, по ремеслу кравца или портнаго. Проповѣдь Курки имѣла большой успѣхъ, чему помогало его ремесло. Это была такъ сказать передвижная школа нововозникшей ереси. Переходя изъ избы въ избу для шитья крестьянскихъ свитокъ и другой одежды, Курка превратнымъ толкованіемъ нѣкоторыхъ стиховъ евангелія разсѣевалъ всюду сомнѣнія относительно церкви, церковной іерархіи, таинствъ и обрядовъ. На такую пропаганду употреблены были 4 мѣсяца: сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь. Неудивительно поэтому, что въ началѣ января 1872 года на ночномъ собраніи въ домѣ крестьянки Швыдкой, въ ночь съ 6 на 7-е января, присутствовало до 60 сектантовъ изъ разныхъ сосѣднихъ селъ. Сектанты оставили соблюденіе постовъ, отвергали таинства, кощунствовали надъ иконами и мощами и глумились надъ духовенствомъ. Хотя священникъ с. Чаплинки съ своей стороны употребилъ всѣ мѣры для противодѣйствія ереси: проповѣдывалъ во всѣ воскресные и праздничные дни, открылъ воскресныя послѣобѣденныя собесѣдованія съ прихожанами въ школьномъ домѣ, нерѣдко и у себя въ домѣ собиралъ прихожанъ для разъясненія основъ истинной вѣры и возбуждалъ сельское начальство содѣйствовать охраненію православной вѣры; но всѣ эти мѣры оказывались уже тщетными. Прибѣгли опять къ содѣйствію судебной власти. 9 января Болобанъ былъ наконецъ арестованъ и преданъ суду за

распространеніе ереси, кощунство и поруганіе святыни. Спустя немного за тѣ-же преступленія изъ послѣдователей Болобана привлечены къ судебной отвѣтственности Иванъ и Гавріилъ *Лясоцкіе*, Яковъ *Коваль*, Климентъ *Терещукъ*, Евгенія *Цымбалова*, Агафія *Музычиха*, Ѳекла *Богдашевская* и еще 5 лицъ, всего 12; но по извѣстной быстротѣ нашихъ судовъ дѣло о нихъ затянулось надолго.

Между тѣмъ для увѣщанія оставшихся на свободѣ сектантовъ, по распоряженію епархіальнаго начальства, командированы въ Чаплинку, Косяковку и Плосское протоіереи г. Таращи Андрей Пахаловичъ и г. Сквиры Іаковъ Сташевскій съ нѣсколькими священниками. При увѣщаніи чрезъ протоіерея Пахаловича 25 лицъ изъ числа совратившихся дали подписку оставаться въ православіи; при двукратномъ увѣщаніи чрезъ протоіерея Сташевскаго въ мѣсяцѣ сентябрѣ и октябрѣ до 40 лицъ совратившихся также изъявили раскаяніе въ своемъ заблужденіи и желаніе быть православными по прежнему. Къ несчастію, въ это время приходъ с. Чаплинки лишился своего дѣятельнаго и вліятельнаго пастыря, священника Нигодинскаго; въ октябрѣ, возвращаясь изъ Кіева по желѣзной дорогѣ, онъ скоропостижно скончался въ вагонѣ, какъ полагаютъ, отъ огорченія, что мало нашелъ въ Кіевѣ утѣшенія по дѣламъ своего прихода. Оставшись безъ пастыря хотя и на короткое, но самое горячее время приходъ сталъ болѣе и болѣе наполняться сектантами; число ихъ вскорѣ возросло до 145. 19 ноября 1872 г. всѣ совращенные публично наконецъ заявили свое отступленіе отъ православной церкви; въ этотъ день они вынесли изъ своихъ домовъ иконы и сложили ихъ въ колокольнѣ. Эта фанатическая выходка сектантовъ вызвала въ Чаплинкѣ цѣлую бурю: волостной старшина арестовалъ зачинщиковъ сходки, арестованные вырвались изъ заключенія и избили старшину.

Болобана и его первыхъ послѣдователей не было въ это время на мѣстѣ; они содержались въ кіевскомъ тюремномъ замкѣ въ ожиданіи суда по обвиненію—одни въ распространеніи ереси, другіе въ богохульствѣ и кощунствѣ. Въ высшей степени любопытно и важно, какъ отнесся судъ къ этому новому явленію въ народной нашей жизни, такъ глубоко ее взволновавшему и смутившему. Рѣшеніе суда имѣло огромное вліяніе на дальнѣйшую судьбу вновь зарождавшейся секты. Судились правда наши сектанты въ старомъ

еще или переходномъ судѣ, въ такъ называемой Соединенной Палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда, гдѣ было, можно сказать, и *вино ново* и *мѣхи ветхи*; но едва-ли это обстоятельство могло дѣлать разницу въ оцѣнкѣ такого жизненнаго факта, какимъ являлась новоизобрѣтенная прусскими нѣмцами и пересаженная на малорусскую почву штунда. Если и вообще теологическія познанія судей были не выше такихъ-же познаній какого-либо исправника или становаго пристава, то въ данномъ случаѣ и обвинительная власть и самый судъ не имѣли никакого почти представленія о томъ жизненномъ явленіи, которое подлежало ихъ обсужденію и опредѣленію. Баптистская секта, съ послѣдователями которой суду приходилось теперь имѣть дѣло, не была предъусмотрѣна никакими статьями закона; она являлась впервые, въ самыхъ неясныхъ очертаніяхъ, сами послѣдователи мало откровенничали и опытно научились, гдѣ и что говорить, чего и когда не слѣдуетъ открывать. По тѣмъ отрывочнымъ и неяснымъ даннымъ, какія давались сельскимъ протоколомъ или судебнымъ слѣдствіемъ, въ родѣ напр. чтенія евангелія или собраній для молитвы и пѣнія духовныхъ стиховъ, надо было опредѣлять новую ересь, искать въ ея обнаруженіи состава преступленія и подтягивать оное къ той или другой статьѣ закона... Путь столько-же трудный, какъ и скользкій. Судъ, насколько можно судить по его рѣшенію, шелъ ощупью, терялся, искалъ опоры то въ сознаніи подсудимыхъ, то въ свидѣтельскихъ показаніяхъ и въ концѣ концовъ видимо предрасположенъ былъ не придавать новообнаруженному явленію серьезнаго значенія со стороны его преступности или вреда для церкви и общества.

Послѣ того, что намъ уже извѣстно о дѣйствіяхъ Болобана и его послѣдователей, читатель будетъ удивленъ, узнавъ, что кіевскій судъ самый фактъ существованія секты въ таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи въ данное время призналъ сомнительнымъ. Суду какое дѣло до того, что въ какой-то Чаплинкѣ или Плосскомъ идетъ чуть не ежедневная, ожесточенная борьба между проповѣдниками господствующей вѣры и проповѣдниками какого-то новаго, малоизвѣстнаго религіознаго вольномыслія, подрывающаго въ основѣ самое существованіе церкви,—что борьба эта оглашается всюду, что она волнуетъ общество и доводитъ до рукопашныхъ схватокъ, что она вноситъ раздоръ въ семьи, тотъ раздоръ, котораго сила и значе-

ніе понятны лишь тому, кто постигъ глубину словъ самаго Христа *не пріидохъ на землю вовлещи миръ, но мечъ*, что духовная и гражданская власть выбиваются изъ силъ, чтобы потушить поднимающійся пожаръ, способный принять обширные и опасные размѣры,—какое до всего этого суду дѣло? Онъ дѣйствуетъ въ своемъ строго-опредѣленномъ, точнѣе замкнутомъ, узкомъ кругѣ; онъ не руководитъ слѣдствіемъ, не направляетъ, не расширяетъ, не пополняетъ его, онъ имѣетъ дѣло съ тѣмъ матеріаломъ, какой данъ ему обвинительною властію, ему притомъ нужны формальныя доказательства, указанныя закономъ. Мы не касаемся личныхъ убѣжденій обвинителей и судей и ихъ симпатій, которыя тѣмъ не менѣе могли имѣть здѣсь мѣсто, давать извѣстную постановку дѣлу, руководить подборомъ или оцѣнкою доказательствъ. Какъ-бы впрочемъ ни было, судъ разсудилъ и рѣшилъ такъ о Болобанѣ, Лясоцкомъ и другихъ по предмету обвиненія ихъ въ распространеніи ереси: «ни одинъ изъ обвиняемыхъ не сознался въ распространеніи ереси, а большая часть изъ нихъ не сознались даже и въ томъ, чтобы усвоили себѣ какую-либо ересь, и такъ какъ и тѣ изъ нихъ, между которыми распространена будто ересь, не сознались, чтобы они совратились въ какую-либо ересь, то и самый фактъ распространенія ими ереси между другими является ничѣмъ неподтвердившимся, ибо при необнаруженіи того, чтобы кто-либо былъ совращенъ ими въ ересь, выставляемыя противъ *Болобана, Лясоцкаго, Швыдкой* и *Богдашевской*, въ смыслѣ уликъ, собранія ихъ для чтенія св. писанія и письма Богдашевской къ Болобану, сами по себѣ ничего не доказываютъ еще въ этомъ отношеніи, вслѣдствіе чего и не представляется достаточныхъ основаній къ обвиненію поименованныхъ лицъ въ распространеніи между другими ереси».

Отстранивъ такимъ образомъ обвиненіе названныхъ лицъ въ распространеніи штундистской ереси, не признавъ и самаго существованія ереси, кіевская палата уголовнаго и гражданскаго суда, продолжая сужденіе по обвиненію тѣхъ-же и другихъ лицъ въ богохульствѣ и кощунствѣ, относительно главнаго вожака Болобана наткнулась на такіе факты, которыхъ никакими толкованіями отстранить было невозможно, но которыхъ значеніе можно было особыми объясненіями ослабить, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабить и самое наказаніе. Болобанъ поносилъ священниковъ, хулилъ иконы, крестъ, таин-

ства, обряды: это подтверждалось «многими свидѣтельскими, присяжными и безприсяжными показаніями». Палата готова была признать Болобана изобличеннымъ въ порицаніи православной вѣры и церкви; но, разсуждала она, «съ одной стороны имѣются указанія, что Болобанъ во время совершенія упомянутыхъ дѣйствій былъ въ *пьяномъ видѣ*, съ другой нельзя не прійти къ заключенію, что преступленіе это учинено имъ по *невѣжеству*»... Какъ же быть?— Но это сейчасъ увидимъ.

Изъ остальныхъ 11-ти подсудимымъ лишь относительно *Цымбаловой* и *Музычихи* найдены Палатой такія доказательства по обвиненію ихъ въ богохульствѣ и кощунствѣ, которыхъ ни отвергнуть, ни обойти было невозможно. Два присяжныя свидѣтельскія показанія удостовѣряли, что Цымбалова съ язвительною насмѣшкою отзывалась о чудотворныхъ иконахъ и приносимой ими людямъ помощи, и Палата признала ее изобличенною въ кощунствѣ, доказывающемъ явное неуваженіе къ правиламъ церкви православной. Относительно Музычихи было одно лишь такое показаніе, и въ виду его Палата пришла къ заключенію, что Музычиха навлекаетъ на себя *подозрѣніе* въ томъ, что произносила хулу на иконы Спасителя и Божіей Матери. По соображеніи всѣхъ приведенныхъ доказательствъ и подведеніи къ нимъ соотвѣтственныхъ статей свода законовъ, Палата, въ концѣ концовъ постановила: Болобана, Швыдкую, Ивана Лясоцкаго и Богдашевскую по обвиненію въ распространеніи ереси освободить; изобличеннаго въ порицаніи православной вѣры и церкви Болобана подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ; Евгенію Цымбалову 19 лѣтъ, какъ несовершеннолѣтнюю, подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ на два мѣсяца, Агаѳію-же Музычиху оставить въ подозрѣніи по обвиненію въ богохульствѣ и отдать на поруки. Остальные подсудимые были признаны совершенно свободными отъ суда.

Рѣшеніе Палаты состоялось въ самомъ концѣ 1872 г., именно 22 декабря. Судъ оказался не скорымъ, какъ и подобало старому суду; но чтобы онъ былъ не милостивымъ, этого никто сказать не могъ. Газеты привѣтствовали такое рѣшеніе полнымъ сочувствіемъ, громкими похвалами; но что вышло изъ него для дѣла и жизни, какъ отразилось оно по дальнѣйшей судьбѣ секты—это вопросъ другой. Палата и относительно признанныхъ ею на сей разъ винов-

ными нашла много смягчающихъ обстоятельствъ, и между прочимъ невѣжество въ дѣлахъ вѣры. Замѣчательно, что и во всеподданнѣйшемъ отчетѣ кіевскаго губернатора за 1872 годъ, извлеченіе изъ котораго по Высочайшему повелѣнію было сообщено кіевскому митрополиту, возникновеніе и распространеніе штунды между православнымъ крестьянскимъ населеніемъ кіевской губерніи поставлялось въ зависимость главнымъ образомъ отъ его невѣжества въ дѣлахъ вѣры. Но, что болѣе достойно вниманія, таже кіевская Палата, отнесшаяся такъ милостиво къ насадителямъ штунды въ таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, не дала никакого снисхожденія православнымъ крестьянамъ с. Новой Гребли уманскаго уѣзда, которые, поревновавъ о вѣрѣ не по разуму, разорили хату своего односельца, совратившагося въ штунду и начавшаго пропагандировать ее въ своемъ селѣ: обвиненные въ насиліи, они сосланы въ Сибирь на поселеніе. Тутъ не было уже ничего приведено въ видѣ смягчающаго обстоятельства для тѣхъ, которые не могли стерпѣть безнаказаннаго кощунства надъ святыней, дорогой ихъ вѣрующему сердцу. Позже присяжные засѣдатели новгородскаго окружнаго суда оправдали крестьянъ, сжегшихъ, конечно, по невѣжеству, вмѣстѣ съ избой и женщину, заподозрѣнную ими въ колдовствѣ; кіевскіе коронные судьи не вошли въ душевное состояніе лицъ, которыя также по невѣжеству не нашли другаго средства выжить изъ своей среды человѣка, потрясавшаго душевный миръ ихъ и посягавшаго на ихъ святыню.—Но пойдемъ далѣе.

Присужденное Болобану годичное тюремное заключеніе, въ срокъ котораго зачтено было и содержаніе его въ тюрьмѣ во время суда, ни мало не повліяло на него и не охладило его ревности въ распространеніи штунды. Явившись въ маѣ 1873 г. въ с. Чаплинку, онъ снова сталъ воодушевлять сектантовъ и дѣлать сходки, но вновь взятъ въ таращанскую тюрьму. Что могло ждать его здѣсь, судить не беремся; но вдругъ судьба перебрасываетъ его на мѣсто прежней его дѣятельности, въ херсонскую губернію и приводитъ его снова на скамью подсудимыхъ. 15 октября 1873 г. Болобанъ, по требованію судебнаго слѣдователя 2-го участка одесскаго уѣзда, былъ отправленъ къ нему изъ таращанской тюрьмы и вскорѣ, вмѣстѣ съ прежними своими сообщниками, судился въ одесскомъ окружномъ судѣ за распространеніе штунды между православнымъ

населеніемъ херсонской губерніи; но, будучи и здѣсь оправданъ, поселился при своей семьѣ въ м. Игнатовкѣ одесскаго уѣзда, среди первыхъ своихъ послѣдователей, и съ того времени открыто не появлялся въ кіевской губерніи.

Между тѣмъ посѣянныя имъ въ Чаплинкѣ и сосѣднихъ селахъ сѣмена продолжали расти и увеличивать годъ за годомъ число послѣдователей штунды. Принимаемыя епархіальнымъ начальствомъ мѣры не приводили къ желаемой цѣли и были лишь слабою преградою къ дальнѣйшему распространенію секты. Въ мартѣ 1873 года для ознакомленія съ ученіемъ сектантовъ на мѣстѣ и для воздѣйствія на нихъ командированъ былъ въ Чаплинку іеромонахъ Владиміръ Терлецкій, докторъ богословія и медицины, служившій нѣкогда миссіонеромъ въ латинской церкви. Въ лѣтніе мѣсяцы того-же года вызывались для увѣщаній въ кіевскую консисторію лица, болѣе выдающіяся по своему вліянію между совращенными: солдатъ Григорій Демчукъ, Василь Музыка—казначей совращенныхъ, Романъ Слипенко, Агаѳія Музычиха, Пелагія Ковалева, Тарасъ Болобанъ, Митрофанъ Ковтунъ, Макаръ Горовенко, Дарія Дзюменкова, Евгенія Диденкова, Анастасія Орлюкова, Аѳанасій Курка и нѣкоторые другіе. Послѣ сдѣланнаго имъ увѣщанія въ консисторіи, признано было полезнымъ размѣстить нѣкоторыхъ изъ нихъ въ мужскіе кіевскіе монастыри и въ кіево-фроловскій женскій. Въ числѣ намѣченныхъ къ водворенію въ монастырѣ находился извѣстный уже намъ пропагандистъ новаго ученія Аѳанасій Курка; онъ былъ помѣщенъ въ кіево-братскій монастырь въ томъ предположеніи, что на исправленіе его убѣжденій повліяетъ и помѣщающаяся тамъ духовная академія. Входилъ-ли кто изъ академической корпораціи въ собесѣдованія съ нимъ, неизвѣстно; но два мѣсяца спустя настоятель монастыря, онъ-же и ректоръ академіи, въ отзывѣ своемъ въ консисторію призналъ дальнѣйшее пребываніе здѣсь Курки не только безполезнымъ для него, но и вреднымъ для другихъ. Изъ числа всѣхъ удержанныхъ въ Кіевѣ для увѣщаній только Василь Музыка и его жена раскаялись повидимому въ своемъ заблужденіи, другіе показали притворное раскаяніе, а большая часть, особенно женщины, остались упорными. Оказалось потомъ, что бывшіе на увѣщаніи въ Кіевѣ сектанты, возвращаясь домой, становились болѣе дерзкими въ отношеніи къ своимъ властямъ и

мѣстному духовенству, а по пути не удерживались отъ внушенія своихъ убѣжденій лицамъ, встрѣчающимся съ ними на ночлегахъ и отдыхахъ; вслѣдствіе этого епархіальное начальство признало за лучшее дѣлать увѣщанія совращеннымъ на мѣстѣ ихъ жительства.

Умножаясь въ числѣ и становясь смѣлѣе, сектанты чаплинскіе стали вліять и на сосѣдніе съ Чаплинкою приходы звенигородскаго уѣзда, гдѣ имѣли родственныя связи, и вотъ штунда появляется въ м. Виноградѣ, с. Вотилевкѣ и въ м. Бояркѣ. Совращенные въ новую секту все болѣе отдѣляются отъ церкви и организуются въ строго замкнутую самостоятельную общину съ своею особою обрядностію и даже особыми лицами для исполненія оной, которымъ усвоили названіе пресвитеровъ. Тогда какъ прежде совратившіеся въ штунду отказывались только приносить своихъ дѣтей къ крещенію, теперь они совершаютъ перекрещиваніе надъ взрослыми, погребаютъ своихъ умершихъ съ пѣніемъ лишь употребительныхъ у нихъ псалмовъ, вступаютъ и въ бракъ безъ благословенія церкви, по своему обряду. Пресвитерами у нихъ явились Яковъ Коваль въ Чаплинкѣ, а въ Косяковкѣ Сляпенко, Демчукъ и Полѣщукъ. Тайныя сношенія мѣстныхъ сектантовъ съ херсонскими вожаками Болобаномъ и Рябошапкой не прекращались; въ свою очередь эти послѣдніе тайно навѣдывались въ Чаплинку, а нѣкоторые изъ мѣстныхъ штундистовъ, какъ напримѣръ Григорій Демчукъ, отправлялись въ херсонскую губернію, откуда приносили и денежную помощь, получаемую отъ тамошнихъ баптистовъ. Оказалось наконецъ у нашихъ штундистовъ и письменное вѣроученіе, въ переводѣ съ нѣмецкаго, подъ названіемъ: «Правила новообращеннаго русскаго братства». Ихъ молитвенныя собранія, не въ тайнѣ, какъ прежде, устраиваемыя, ихъ смѣлыя и дерзостныя бесѣды съ оставшимися вѣрными православію, ихъ наконецъ своеобразныя требы, открыто совершаемыя, побудили гражданскую власть для прекращенія внѣшняго оказательства ереси помѣстить полицейскаго чиновника въ самой Чаплинкѣ; но и онъ не могъ ничего почти сдѣлать. Посѣщеніе митрополитомъ Арсеніемъ Чаплинки и Косяковки въ іюлѣ 1874 года и не долгая его бесѣда со штундистами могла повліять только на укрѣпленіе вѣры въ тѣхъ, которые еще не совратились въ секту. Ходатайство о выселеніи хотя вожаковъ ереси въ отдаленныя губерніи по представленнымъ приговорамъ сельскихъ обществъ не имѣло успѣха у министра внутреннихъ дѣлъ. Г. ми-

нистръ отвѣтилъ чрезъ оберъ-прокурора св. синода, что, по его мнѣнію, противодѣйствіемъ распространенію ереси можетъ служить «единственно неусыпное пастырское попеченіе духовныхъ лицъ о ввѣренной имъ паствѣ, забота о просвѣщеніи оной словомъ евангельской истины и всегдашняя готовность разъяснять возникающія религіозныя заблужденія и недоразумѣнія». Въ 1875 году на новое ходатайство объ удаленіи хотя главныхъ вожаковъ-пропагандистовъ ереси, министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ оберъ-прокурору св. синода, что едва-ли высылка можетъ привести къ благопріятнымъ результатамъ, а скорѣе послужитъ поводомъ къ распространенію заблужденій въ мѣстностяхъ еще не зараженныхъ, какъ случилось съ Болобаномъ, высланнымъ изъ херсонской въ кіевскую губернію.

Мѣстныя духовныя и гражданскія власти терялись въ изысканіи средствъ для того, чтобы какъ нибудь остановить дальнѣйшее распространеніе ереси. Мѣстная власть употребила было такую мѣру: воспретивъ штундистамъ сходки и публичныя оказательства ереси, виновныхъ въ томъ или другомъ она отсылала къ мировому судьѣ, какъ ослушниковъ полицейскихъ распоряженій. На признанныхъ виновными мировой судья налагалъ денежные штрафы, и мѣра эта дѣйствительно сдерживала отчасти развитіе ереси, но конечно не могла вразумить и переубѣдить заблуждающихъ. Кіевская духовная консисторія въ тѣхъ-же видахъ сдѣлала попытку тѣхъ изъ сектантовъ, которые носили званіе пресвитеровъ, привлечь къ суду по 289 и 290 статьямъ уложенія о наказаніяхъ за самовольное присвоеніе ими названія и должности, предоставляемыхъ закономъ только лицамъ, опредѣляемымъ духовною властію и особо на это посвящаемымъ. Поводомъ къ этому послужило повѣнчаніе извѣстнымъ уже намъ Яковомъ Ковалемъ штундиста Кириленка съ штундисткою Михаленковою. Но кіевскій губернскій прокуроръ нашелъ, что «лжепресвитеръ могъ-бы подлежать судебному преслѣдованію по означенной статьѣ только въ томъ случаѣ, если-бы онъ, выдавъ себя за пресвитера православной церкви или инаго, признаннаго нашимъ правительствомъ, исповѣданія, пресвитеры коего утверждаются въ семъ званіи установленною властью, совершилъ-бы бракосочетаніе по правиламъ этого исповѣданія, въ настоящемъ-же случаѣ бракосочетаніе совершено не по правиламъ православной церкви и не по правиламъ одного изъ

признанныхъ закономъ христіанскихъ или нехристіанскихъ вѣроисповѣданій, совершившій бракосочетаніе Кириленка и Михаленковой Коваль не выдавалъ себя за пресвитера православной церкви или иного признаннаго закономъ вѣроисповѣданія и совершеніе Ковалемъ бракосочетанія не составляетъ самостоятельнаго преступленія, а есть лишь фактъ, указывающій на принадлежность Коваля, Кириленка и Михаленковой къ штундистской ереси». Такимъ образомъ еще разъ духовная власть обманулась въ своихъ надеждахъ на содѣйствіе суда въ борьбѣ съ возникавшею сектою. Приходилось ей возвратиться къ словамъ министерскаго отвѣта, что единственнымъ свойственнымъ ей оружіемъ въ семъ дѣлѣ можетъ быть «только неусыпное пастырское попеченіе духовныхъ лицъ о ввѣренной имъ паствѣ, забота о просвѣщеніи паствы словомъ евангельской истины и всегдашняя готовность разъяснять возникающія религіозныя заблужденія и недоразумѣнія».

Прекрасныя, возвышенныя слова! Правъ былъ министерскій чиновникъ, изъ-подъ пера котораго такъ плавно вылились они. Правъ былъ кіевскій прокуроръ, съ такою тонкостію отличавшій законное пресвитерство всѣхъ признанныхъ исповѣданій съ его функціями отъ пресвитерства самозваннаго, никѣмъ не признаннаго. Правъ былъ даже и тотъ товарищъ прокурора, который разъяснялъ арестованнымъ въ г. Таращѣ первымъ послѣдователямъ Болобана, что за принадлежность къ сектѣ никто по закону не принадлежитъ отвѣтственности, а только за пропаганду ереси. Но какая глубокая пропасть лежитъ между этими сужденіями и взглядами, позади которыхъ стоитъ возвышенный идеалъ свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, и дѣйствительною нашею жизнью, всѣмъ ея строемъ общественнымъ и политическимъ, между умственнымъ, нравственнымъ и общественнымъ состояніемъ нашихъ учителей вѣры и тѣмъ-же до безконечности разнообразнымъ состояніемъ поучаемаго народа! Надо различать однако между свободою совѣсти и индиферентизмомъ въ дѣлахъ вѣры, между идеалами и согласованіемъ ихъ съ дѣйствительнымъ строемъ жизни и примѣненіемъ ихъ къ данному времени и данной мѣстности. Мы готовы стать на какую угодно высоту, начертить такіе возвышенные идеалы, до которыхъ не досягнуть и американскому баптисту, но примѣнить ихъ къ жизни—это не наше дѣло. У насъ все власти и власти и каждая

власть имѣетъ свою строго отграниченную сферу дѣйствія, и блюдетъ извѣстную серію закона. Гражданская власть мнитъ себя на высотѣ своего призванія, когда никакое исповѣданіе, признанное закономъ, не нарушаетъ общественнаго внѣшняго порядка и тишины, судебная—когда во взаимныхъ соприкосновеніяхъ признанныхъ и даже не признанныхъ еще исповѣданій нѣтъ нарушенія письменнаго закона, нарушеній въ опредѣленной формѣ и извѣстнымъ образомъ доказанныхъ, духовная... но ея высшее призваніе въ томъ, какъ видѣли мы выше, если она просвѣщаетъ словомъ евангельской истины. А жизнь течетъ предъ ними, пѣнясь и шумя, течетъ своимъ широкимъ русломъ и тайными новыми извилинами и углубленіями, и лишь когда она прорвется наружу и подѣлаетъ серьезные обрывы, провалы и опустошенія,—мы начинаемъ, если дойдемъ до соглашенія властей, дѣлать искусственныя запруды, чтобы ввести жизнь въ ея нормальное теченіе и загладить, на сколько можно, слѣды причиненныхъ ею опустошеній...

Не таково-ли было положеніе наше въ виду распространенія у насъ штунды?—Первое появленіе ея у насъ почти не было замѣчено: прусскіе нѣмцы свободно насаждали ее у насъ, какъ-бы картофель или сѣмена горчицы. То вѣдать былъ долженъ особый далекій отдѣлъ власти. Мы спохватились, когда посѣянная штунда сдѣлала значительные успѣхи въ рядахъ православнаго населенія, а пока мы переписывались, не спѣша, по всѣмъ правиламъ канцеляризма и съ неизбѣжнымъ пререканіемъ властей, штунда пробралась въ большіе центры юга—Одессу, Николаевъ и даже въ Крымъ, проникла въ Курляндію, мелькнула въ Польшѣ, прошла по Волыни, свила то тамъ, то здѣсь прочныя гнѣзда и почти офиціально пересажена съ юга на юго-западъ Россіи, въ губернію кіевскую. Тутъ всѣ власти, повидимому, бодрствовали и что-то дѣлали, но каждая отдѣльно, въ кругѣ своихъ обязанностей, по своимъ традиціоннымъ воззрѣніямъ, зачастую, какъ мы видѣли, съ признаками несомнѣннаго либерализма и самыхъ высокихъ принциповъ, а штунда коренилась и ширилась на глазахъ всѣхъ дѣйствовавшихъ властей.

Число сектантовъ увеличивалось въ такой постепенности по годамъ: въ 1875 г. ихъ было 561, въ 1876 г. 706, въ 1877 г. 946, въ 1878 г. 1100, въ 1879 г. 1196, въ 1880 г. 1380, въ 1881 г. 1294 душъ обоего пола съ дѣтьми. Возвратилось въ православіе

въ 1877 г. 18, въ 1878 г. 51, въ 1879 г. 109, въ 1880 г. 58 и въ 1881 г. 36. До 1875 г. ересь ограничивалась 7-ю приходами таращанскаго уѣзда: Чаплинкой, Косяковкой, Плосскимъ, Веселымъ Кутомъ, Попружной, Малой Березянкой и Жидовской Греблей. Въ 1876 г. она появляется въ с. Вотилевкѣ, Виноградѣ и Бояркѣ звенигородскаго уѣзда; въ 1878 г. въ с. Шубиныхъ Ставахъ, Моринцахъ, Каменномъ Бродѣ, Рѣпкахъ и Яблуновкѣ того-же уѣзда; въ 1879 г. въ с. Тиновкѣ, Розумницѣ и Крутыхъ Горбахъ таращанскаго уѣзда и въ с. Чижовкѣ и Красногородкѣ звенигородскаго уѣзда; въ 1880 году проникаетъ въ сквирскій и чигиринскій уѣзды, наконецъ въ 1883 г. появляется и въ предмѣстьѣ г. Кіева Дымієвкѣ. Положеніе секты за 1883 и 1884 годы относительно числа ея послѣдователей и мѣстностей, въ которыхъ они находятся, представляемъ въ слѣдующей таблицѣ:

Мѣстности, въ которыхъ находятся сектанты.	Число сектантовъ въ 1883г.	Число сектантовъ въ 1884г.
I. Кіевъ.		
1. Предмѣстье Дымієвка	—	15
Саперная слободка звѣринецкаго прихода .	—	26
Кіево-лыбедской владимірскій приходъ . .	—	60
Итого . .	—	106
II. Васильковскій уѣздъ.		
4. С. Яблуновка	9	—
С. Прусы.	39	—
Итого . .	48	—
III. Звенигородскій уѣздъ.		
6. С. Рижановка	7	8
С. Кобеляки.	18	13
С. Вотылевка	39	88
С. Чижовка	8	9
С. Шубины Ставы	20	11
С. Яблуновка	26	28
С. Каменный Бродъ	175	178
С. Рѣпки.	81	70
М. Боярка съ д. Порадовкой и Долгой Греблей	49	72
С. Моринцы.	34	13
Итого . .	508	561

Мѣстности, въ которыхъ находятся сектанты.	Число сектантовъ въ 1883г.	Число сектантовъ въ 1884г.
IV. Сквирскій уѣздъ.		
17. С. Скибинцы	38	Свѣд. нѣтъ
С. Капустинцы	16	—
С. Дѣдовщина	—	6
С. Лучинъ	19	12
С. Турбовка	—	6
Д. Кошланы, при м. Романовки	12	—
Д. Ерчики жидовецкаго прихода	3	—
Итого	88	24
V. Уманскій уѣздъ.		
24. С. Русановка	4	—
С. Новая Гребля	4	—
Итого	8	—
VI. Таращанскій уѣздъ.		
25. Г. Тараща	16	23
С. Кирданы	99	91
Д. Болкунъ, принадл. къ церкви с. Степка	38	—
С. Ставишевка	19	15
С. Рожки	18	22
С. Брилевка	17	16
С. Лѣсовичи	15	36
С. Веселый Кутъ	54	32
С. Косяковка съ д. Шушковой и Антоновкой	242	226
С. Чаплинка съ д. Поповкою	268	221
С. Жидовская Гребля	42	60
С. Попружная	86	97
С. Плосская	58	59
С. Малая Березянка и д. Малая Волнянка	80	97
С. Крутые Горбы	48	81
С. [illegible]ипівка	50	55
С. Розумница	35	24
С. Антоновка	5	—
С. Скибинъ	—	13
Итого	1190	1163

Мѣстности, въ которыхъ находятся сектанты.	Число сектантовъ въ 1883г.	Число сектантовъ въ 1883г.
VII. Чигиринскій уѣздъ.		
45. С. Мордва	—	2
С. Топиловка	104	155
Всего .	1946	2006

Для противодѣйствія распространенію баптитской ереси, или такъ называемой штунды, кіевское епархіальное начальство, кромѣ увѣщаній, какія дѣлались совратившимся чрезъ приходскихъ священниковъ и особо командированныхъ лицъ, принимало еще нѣкоторыя общія мѣры. Такъ, на первыхъ порахъ развитія ереси въ с. Чаплинкѣ, кіевская консисторія, давъ знать по епархіи о появленіи новой противоправославной секты, въ мартѣ 1873 г. предписала всѣмъ священникамъ тщательно слѣдить за отношеніемъ прихожанъ къ ученію православной церкви, богослуженію и таинствамъ, и употребить все стараніе для удовлетворенія тѣмъ потребностямъ духовнымъ, которыя людей простодушныхъ, подстрекаемыхъ лжеучителями, влекутъ къ новопоявившейся сектѣ. Съ этой цѣлью требовалось отъ священниковъ, чтобы они объясняли своимъ прихожанамъ св. писаніе въ поученіяхъ, учили истинамъ вѣры и нравственности, въ особенности-же старались разъяснять ученіе о призываніи святыхъ, почитаніи св. иконъ, о постахъ, о необходимости таинствъ и богослуженія, предотвращали отъ разврата, пьянства, сквернословія и тому подобныхъ пороковъ; сверхъ того священникамъ предлагалось въ помѣщеніяхъ церковно-приходскихъ школъ, въ извѣстные дни, въ неучебные часы, открыть чтенія для возрастныхъ прихожанъ изъ житій святыхъ и другихъ назидательныхъ книгъ. Въ ноябрѣ того-же года консисторія выслала въ с. Чаплинку, Косяковку, Плосское и Таращу нѣсколько экземпляровъ книгъ: «Камень вѣры», «Постановленій апостольскихъ» и «Полемическаго богословія» — архимандрита Иннокентія. Впослѣдствіи эти-же приходы и другіе, куда проникла ересь, снабжены «Толковымъ Евангеліемъ» архимандрита Михаила, бесѣдами о штундѣ и молоканской сектѣ, посланіями апостольскими въ русскомъ переводѣ и разными брошюрами, заключающими въ себѣ отдѣльныя житія святыхъ. Въ слѣдующемъ 1874 г. консисторія проэктировала образовать въ с.с. Чаплинкѣ,

Косяковкѣ и Плосскомъ библіотеки книгъ, касающихся тѣхъ предметовъ христіанской вѣры, которые отвергаются сектантами, пріобрѣтая таковыя книги на счетъ суммъ св. владимірскаго братства и кіевскаго отдѣла миссіонерскаго общества. Подтвердивъ вновь объ открытіи послѣобѣденныхъ воскресныхъ чтеній для народа въ церковно-приходскихъ школахъ, консисторія тогда-же предложила настоятелямъ церквей, чтобы эти чтенія происходили въ опредѣленные часы и чтобы о началѣ ихъ даваемо было знать прихожанамъ посредствомъ треократнаго удара въ церковный колоколъ; а чтобы священники могли дѣйствовать съобща и съ большимъ успѣхомъ въ борьбѣ со штундою, для этого вмѣнялось имъ въ обязанность одинъ разъ въ мѣсяцъ собираться у благочиннаго для совѣщанія о мѣрахъ противъ распространенія ереси, обмѣниваться при этомъ своими наблюденіями и помогать другъ другу совѣтами. Въ 1875 г. предписано было открыть въ Чаплинкѣ и Косяковкѣ церковно-приходскія попечительства, съ тѣмъ, чтобы члены его не менѣе одного раза въ недѣлю собирались у приходскаго священника для совѣщаній объ охраненіи оставшихся вѣрными православію отъ вреднаго вліянія ереси и для принятія мѣръ къ возвращенію заблудшихъ; но благочинный донесъ, что открытіе церковныхъ попечительствъ соединено съ большими затрудненіями и почти невозможно при шаткости убѣжденій и тѣхъ, которые еще сохраняютъ въ себѣ привязанность къ православной церкви. Въ августѣ 1882 г. священникамъ кіевской епархіи разослано было наставленіе о мѣрахъ для противодѣйствія штундѣ, составленное архіепископомъ могилевскимъ Евсевіемъ для духовенства могилевской епархіи и сообщенное г. оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода преосвященному митрополиту кіевскому, хотя слѣдуетъ замѣтить, что мѣры эти и раньше сего были практикованы по кіевской епархіи. Наконецъ, въ виду повторяющихся случаевъ совращенія въ новую ересь, кіевской консисторіей въ августѣ 1883 года разосланъ чрезъ благочинныхъ циркуляръ, въ которомъ сведены, обобщены и точнѣе опредѣлены тѣ мѣры, которыя разновременно прежде рекомендованы были приходскому духовенству для борьбы со штундою, а въ частности опредѣленъ порядокъ и характеръ увѣщаній и обличеній совратившихся. Конечно, дѣло не въ однихъ мѣрахъ, какъ-бы онѣ цѣлесообразны и практичны не были, а въ ихъ примѣненіи, частнѣе въ способности

ихъ исполнителей, въ ихъ энергіи, одушевленіи, въ ихъ нравственномъ авторитетѣ, простотѣ, огнѣ и силѣ слова. Мы далеки отъ мысли, что всѣ предложенныя мѣры въ каждомъ приходѣ выполнялись всегда съ точностію и съ должнымъ усердіемъ, но во всякомъ случаѣ онѣ сдерживали развитіе секты въ теченіи 15 лѣтъ со времени ея появленія въ предѣлахъ кіевской губерніи. Если въ сектѣ числится теперь не болѣе 2,000 душъ обоего пола съ малолѣтними дѣтьми, то уже по этому одному нельзя сказать, чтобы развитіе ея шло у насъ свободно, безъ препятствій.

Но то и составляетъ особенность всякаго новаго ученія, что совершенно остановить его безсильны бываютъ самыя энергическія и рѣшительныя мѣры. Это свидѣтельствуютъ опыты всѣхъ вѣковъ и всѣхъ религій. Сила новаго религіознаго ученія—въ обольстительности того представленія, что это есть истинная вѣра, и той страстности и горячности чувства, съ которою оно воспринимается всякимъ новымъ послѣдователемъ. Мѣры преслѣдованія только угугубляютъ и распаляютъ этотъ внутренній огонь и сторонники новой идеи, какъ-бы она ни была несостоятельна, готовы бываютъ перенести какія угодно испытанія, претерпѣтъ самую смерть за вѣру, которую считаютъ единою истинною. А мы противуставляемъ имъ спокойное разсужденіе, тотъ сухой, нерѣдко холодный анализъ, какой свойственъ доктринамъ установившимся. сражаемся оружіемъ неравнымъ, безъ одушевленія, свойственнаго христіанамъ первыхъ вѣковъ, стоя далеко не на высотѣ апостольства.

Но помимо этого было много другихъ, нерѣдко случайныхъ причинъ, благопріятствовавшихъ распространенію у насъ штунды, не смотря на всѣ противупоставляемыя ей преграды. Убѣжденные въ правотѣ своего ученія, наши штундисты пользовались для цѣлей пропаганды всякою нашею оплошностію, всякимъ снисхожденіемъ власти, всякимъ сочувственнымъ, неосторожнымъ или съ заднею мыслію пущеннымъ либеральнымъ словомъ. Не даромъ Болобанъ и его послѣдователи, возвращаясь изъ Кіева послѣ увѣщаній и суда, увѣряли всѣхъ и каждаго при всякомъ подходящемъ случаѣ, будто ихъ ученію сочувствуютъ «кіевскіе паны».

Большое удобство для ихъ проповѣди представляло распространеніе, съ иными конечно цѣлями, въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, по крайне дешевой цѣнѣ, въ маленькомъ форматѣ

Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ. Съ карманнымъ евангеліемъ въ рукахъ они проповѣдывали всегда и вездѣ—на работѣ, въ полѣ, въ кузницѣ, на мельницѣ, въ семейныхъ собраніяхъ, извращая смыслъ отдѣльно взятыхъ текстовъ и отвергая всякое св. преданіе. Насколько распространеніе Новаго Завѣта и евангелія въ переводѣ на русскій языкъ по дешевой цѣнѣ послужило уясненію христіанскаго вѣроученія въ массѣ народа, это еще неизвѣстно; а что въ рукахъ нѣмецкихъ миссіонеровъ и малорусскихъ сектантовъ оно сдѣлалось орудіемъ протестантской пропаганды для совращенія изъ православія въ баптизмъ, то не подлежитъ сомнѣнію.

Ничѣмъ почти не сдерживаемые въ своей проповѣди, за которою и услѣдить не представлялось подъ часъ никакой возможности, наши сектанты сильны были тѣмъ единодушіемъ, какого нерѣдко не доставало въ средѣ православныхъ, особливо-же власть имущихъ. Пропагаторы штунды въ таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи сносились съ проповѣдниками того-же ученія въ херсонской губерніи и даже нѣмецкими миссіонерами, на подмогу которымъ не замедлили прійти и наши пашковцы. Болобанъ, какъ уже извѣстно намъ, не разъ уходилъ въ херсонщину къ своему тамошнему сообщнику Ратушному и каждый разъ возвращался оттуда болѣе нафанатизированный и съ большею смѣлостію принимался за распространеніе штунды на своей родинѣ. Съ Ратушнымъ переписывались Созонтъ Капустяный и Никита Исаіевъ Воронинъ, а также другія лица изъ крестьянъ Чаплинки и Косяковки. Въ 1873 г. въ Чаплинку пріѣзжалъ самъ Ратушный, давалъ деньги, воодушевлялъ и обѣщалъ помощь. Въ 1876 году задержаны полиціей въ с. Топорищахъ житомірскаго уѣзда, волынской губерніи, жители с. Плосскаго таращанскаго уѣзда, кіевской губерніи, Павелъ Цыбульскій и Исидоръ Красовскій и с. Веселаго Кута Симеонъ Величукъ. При допросѣ они показали, что прибыли туда якобы для знакомства съ нѣмцами и займа денегъ, а по справкѣ оказалось, что они были изъ числа уличенныхъ въ порицаніи православной вѣры и обрядовъ. Годомъ раньше, именно въ 1875 году посѣщалъ с. Чаплинку и Косяковку графъ Корфъ, сообщникъ Пашкова. Отъ самаго Пашкова чаплинскій пресвитеръ Яковъ Коваль часто получалъ письма и деньги, а въ 1879 г. получилъ отъ него одновременно 200 р.

Содѣйствіе пашковцевъ распространенію и укрѣпленію штунды среди православнаго населенія кіевской губерніи проявилось нако-

нецъ еще въ особой формѣ, которой подозрѣвать было невозможно. Извѣстна исторія учрежденія въ Петербургѣ общества распространенія св. писанія и книгъ для религіозно-нравственнаго чтенія. Общество состояло подъ Высочайшимъ покровительствомъ; ему сыпались со всѣхъ сторонъ похвалы и пожеланія, о его дѣйствіяхъ печатались отчеты и сообщенія. Пашковцы съумѣли воспользоваться имъ для своихъ цѣлей. Его агенты, подъ названіемъ книгоношъ, не замедлили появиться и въ кіевской губерніи, преимущественно тамъ, гдѣ посѣяна была штунда. Поселяясь здѣсь, они не только безплатно раздавали книги Новаго Завѣта въ русскомъ переводѣ, но принимали на себя обязанность благовѣстниковъ новаго пути ко спасенію, являлись какъ-бы новыми апостолами. По донесенію учителя церковно-приходской школы с. Плосскаго, окончившаго курсъ семинаріи, Василія Стрижевскаго, въ февралѣ 1876 г. туда являлся въ качествѣ книгоноши рядовой Василій Васильевъ. Поселившись въ домѣ одного изъ начальныхъ сектантовъ—Богдашевскаго, этотъ не призванный проповѣдникъ собиралъ къ себѣ послѣдователей штунды для молитвы и духовныхъ бесѣдъ, руководилъ собиравшимися, читалъ имъ евангеліе, толковалъ его, пѣлъ съ ними духовныя пѣсни, раздавалъ брошюры, внушалъ, что ходить въ церковь не за чѣмъ, что тамъ люди только больше грѣшатъ, присматриваясь, кто во что одѣтъ и т. п. Видно, проповѣдь его была сильна, такъ какъ, по донесенію того-же учителя, въ извѣстные моменты участники собранія, вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ, повергались на землю и плакали. И не мудрено: предъ бѣдными, простыми жителями глухой деревни, склонившимися уже на сторону новаго ученія, но принужденными таиться съ нимъ и терпѣть разныя стѣсненія, появлялся не просто убѣжденный человѣкъ, но человѣкъ бывалый, прошедшій тысячи верстъ и забредшій сюда изъ столицы, съ патентомъ отъ общества, состоявшаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ.

Въ высшей степени любопытна эта связь нашихъ штундистовъ съ сектою пашковцевъ, возникшею на огромномъ отъ нихъ разстояніи, въ иной совершенно средѣ, при иныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Но чтобы понять и эту связь, и силу и опасность закравшагося къ намъ новаго ученія, доселѣ извѣстнаго подъ именемъ штунды, надо заглянуть туда, откуда оно вышло, прослѣдить его развитіе тамъ и причины, обусловившія его возникновеніе, обо-

зрѣть современное положеніе этой секты и ея видоизмѣненія на Западѣ Европы и въ Новомъ Свѣтѣ и наконецъ уяснить ея историческое начало, а также ея мѣсто въ ряду другихъ сектъ и ученій, волновавшихъ не одну Европу, но и отдаленный древній Востокъ. Только тогда мы можемъ понять сущность и характеръ отразившагося и у насъ религіознаго движенія, установить для него точное названіе и знать навсегда, съ чѣмъ имѣемъ мы дѣло. Сдѣлать это мы считаемъ тѣмъ болѣе необходимымъ въ виду не перестающаго практиковаться у насъ простаго, домашняго такъ сказать способа рѣшенія вопроса о происхожденіи нашей штунды, формулируемаго приблизительно такъ: «народъ-де нашъ подвинулся въ своемъ развитіи, назрѣли новыя духовныя потребности, а наше отсталое духовенство не могло удовлетворить имъ»... Но это должно составить предметъ особаго очерка, который мы не замедлимъ представить.

П. Л—въ.

ЕЩЕ ЩЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА.

Ziarko do ziarka—
To zbierzesię miarka.
(Зерно къ зерну
И соберется мѣрка).
Польск. пословица.

Нѣсколько писемъ Т. Г. Шевченка къ М. А. Максиновичу, помѣщенныхъ въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» за нынѣшній годъ, съ симпатичными поясненіями къ нимъ неизвѣстнаго автора, дополнили и уяснили кое-что изъ скорбной жизни поэта. Его письма, поэтическія его произведенія, работы граверныя далеко не всѣ приведены въ извѣстность; многія изъ нихъ разошлись по рукамъ при жизни и особливо по смерти его и глохнутъ въ безъизвѣстности, забытыя не рѣдко самыми владѣльцами ихъ. Долгъ каждаго изъ насъ собирать и приводить въ извѣстность все, что можетъ относиться къ характеристикѣ и жизни поэта, какъ-бы не были незначительны тѣ данныя, которыми кто-либо располагаетъ, ибо, только собирая по крохамъ, мы можемъ съ теченіемъ времени подготовить достаточный матеріалъ для полной біографіи и надлежащей оцѣнки Т. Г. Шевченка.

Тѣ немногія и, можетъ быть, очень незначительныя данныя, которыя я намѣренъ предложить здѣсь въ видѣ матеріала для біографіи Т. Г. Шевченка, стали извѣстны мнѣ совершенно случайно и приводятъ меня къ мысли, что такимъ-же путемъ, тѣмъ болѣе при доброй волѣ, можетъ быть найдено еще многое и гораздо болѣе важное для уясненія свѣтлаго образа славнаго нашего поэта. Вотъ что я могу предложить почитателямъ его.

Въ фундаментальной библіотекѣ лубенской мужеской гимназіи есть «Кобзарь» Шевченка, изданіе Семиренка 1860 г., печат. въ типографіи Кулиша. Въ этомъ экземплярѣ, въ трехъ мѣстахъ извѣстной поэмы «Катерина» нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя строки наклеены; если-жъ приподнять наклейки, то подъ ними видны точки. Ясно, что изданіе вышло съ точками или пропусками въ тѣхъ мѣстахъ, а наклейки сдѣланы послѣ. Когда, кѣмъ и по какому случаю? Но прежде ознакомимся съ этими таинственными строками. Всѣхъ ихъ счетомъ 28 и содержаніе ихъ не представляетъ ровно ничего особеннаго, запретнаго.

Вотъ эти сроки:

Въ главѣ 3-й, за словами: «А серденько одпочине, поки слезы льються», слѣдуетъ.

Отъ-таке то лихо, бачите, дивчата,
Жартуючи кинувъ Катрусю москаль.
Недоля не бачить, съ кимъ ій жартувати,
А люде хочъ бачать, та людямъ не жаль:
«Нехай», кажуть, «гине ледача дитина,
Коли не зъумила себе шануватъ».
Шануйтеся жъ, люби, въ недобру годину
Щобъ не довелося москаля шукать.

Поводомъ къ недоразумѣнію и цензурному запрещенію приведенныхъ строкъ послужило, кажется, слово: *москаль*. Но въ смыслѣ великорусской національности это слово никогда не употреблялось и осталось съ этимъ значеніемъ лишь въ польскомъ языкѣ. Въ малорусскомъ говорѣ оно употреблялось и употребляется какъ однозначущее слову: *солдатъ* и въ этомъ смыслѣ употреблено и поэтомъ. Тѣмъ не менѣе изъ-за него, по очевидному недоразумѣнію, выпущено цѣлыхъ 8 строкъ. Даже въ пражскомъ изданіи «Кобзаря», гдѣ приведены первыя двѣ изъ этихъ строкъ, стоитъ: «*кинувъ Катрусю свою*», а не *москаль*, какъ въ наклейкѣ.

Въ главѣ 3-й, послѣ словъ: «що мени робити?» читаемъ въ наклейкахъ слѣдующіе заключительные стихи:

«Сирота собака мае свою долю,
Мае добре слово въ свити сирота;
Его бьють и лають, закують въ неволю,
Та нихто про матиръ на смихъ не спита.

А Ивася спитають, заранне спитають,
Не дадуть до мовы дитини дожить.
На кого собаки на улици лають?
Хто голый, голодный пидъ тыномъ сидить?
Хто лобуря водить? Чорняви байстрята...
Одна ёго доля—чорни бровинята,
Та й тихъ люде заздри не дають носить».

Трудно и теперь понять, что могло быть поводомъ къ пропуску въ печати этихъ вполнѣ невинныхъ строкъ.

Наконецъ 4-я глава начинается одинадцатью слѣдующими прелестными стихами:

«По пидъ горою, яромъ, доломъ,
Мовъ ти диды высокочоли,
Дубы зъ гетьманщины стоять;
У яру гребля, вербы въ рядъ,
Ставокъ пидъ кригою въ неволи,
И ополонка—воду брать...
Мовъ покотело червоніе,
Кризь хмару—солнце занялось,
Надувся витеръ; якъ повіе—
Нема ничого, скризь биліе...
Та тилько лисомъ загуло».

Высоко-поэтическая картина природы и больше ничего.

Меня до крайности заинтересовало происхожденіе наклеекъ, текстъ которыхъ приведенъ. Экземпляръ «Кобзаря», въ которомъ онѣ находятся, подаренъ гимназіи землевладѣльцемъ лубенскаго уѣзда Ѳ. И. Дейкуномъ-Мочаненко: къ нему я и обратился за разъясненіемъ. Даритель разсказалъ мнѣ объ нихъ слѣдующее.

Бывши въ 1860 г. въ Петербургѣ, я зашелъ въ типографію Кулиша; чрезъ нѣкоторое время быстро вошелъ туда Шевченко и торопливо спрашивалъ:

— А что, готово? готово?

— Готово, отвѣчали ему, и подали нѣсколько листковъ съ напечатанными стихами.

На вопросъ мой: что это такое? покойный Каменецкій, завѣдывавшій тогда типографіей Кулиша, объяснилъ, что это не пропущенныя цензурою мѣста изъ «Катерины», для наклейки въ

экземплярахъ, предназначенныхъ для поднесенія нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ, между прочими, бывшему тогда министру народнаго просвѣщенія Ковалевскому. Я выпросилъ и для себя такой листокъ и наклеилъ его въ своемъ экземплярѣ.

Вотъ этотъ самый экземпляръ и хранится въ настоящее время въ библіотекѣ лубенской гимназіи.

У г-на же Дейкуна нашлась давняя тетрадка съ малорусскими стихами. Въ ней рядомъ съ «Хустиною» Шевченка, напечатанною лишь недавно въ кіевскомъ альманахѣ «Лупа»; нашелъ я другое, также неизвѣстное еще стихотвореніе Шевченка. Вотъ его заглавіе и самый текстъ.

ДО СЕСТРЫ.

Не питай ты моихъ писень,
Сестро моя мила!
Цуръ имъ: вони сумни, смутни,
Мовъ тая могила.

* * *

Нащо слухать, якъ на хрести
Пугачъ завывае,
Коли въ саду соловейко
Весело спивае.

* * *

Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходити въ пари:
Твое сонце свитить ясно,
Мое жъ давно въ хмари.

* * *

Нехай твои квити квитять
На твоїй дорози,
Нехай твою минуть весну
Витри та морозы.

* * *

Нехай доля, що змалечку
Мене не злюбила,
Тебе щиро привитае,
Сестро моя мила!...

Я сказалъ уже, что прелестное это стихотвореніе въ тетрадкѣ Ѳ. И. Дейкуна стоитъ рядомъ съ «Хустиною». Дѣлаю это для опредѣленія времени, когда написана «Хустина». Оба стихотворенія сохранились въ однихъ и тѣхъ-же рукахъ, въ рукописи слѣдуютъ одно за другимъ и участь обоихъ одинакова—забыты они и авторомъ, и хранителемъ, не разысканы и издателями; да и настроеніе поэта въ обоихъ глубоко-грустное, хотя спокойное:—поэтъ, какъ-бы упоенный прелестью самой этой грусти, ищетъ и находитъ и сердечно улыбается этому горькому успокоенію; наконецъ и игривая легкость стиха одинакова въ обоихъ; отсюда можно заключить, что и писаны они одновременно, въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, навѣянныя одними и тѣми-же обстоятельствами. Даже одни и тѣже предметы сравненія при писаніи обоихъ носились въ воображеніи автора.

Въ «Хустынѣ»:

Ой заплакавъ сивый пугачъ
Въ степу на могыли.

Въ стихотвореніи «До сестры»:

На що слухать, якъ на хрести
Пугачъ завывае.

Еще одно обстоятельство: стихотвореніе «До сестры», а также и «Хустина» списаны г. Дейкуномъ въ 1855—1856 г. изъ рукописи В. В. Т—скаго, въ которой они находились вмѣстѣ съ другими произведеніями Шевченка и тоже ему приписывались, но почему-то въ собраніе его сочиненій не вошли. Подъ обоими даты нѣтъ; но когда они были списываемы г. Дейкуномъ, поэтъ давно уже надъ Араломъ *личивъ въ неволи дни и ночи, и ликъ забувавъ;* значитъ, позже 1-й половины 1847 года, т. е. времени ареста и ссылки Шевченка, написанными они быть не могли. А гдѣ предъ тѣмъ былъ поэтъ и что особеннаго, выдающагося случилось въ его жизни?—Сообразивъ это, можно съ большею вѣроятностію опредѣлить, къ кому относилось стихотвореніе «До сестры», а за тѣмъ и время, раньше котораго оно не могло быть написано, и даже довольно точно опредѣлить его дату. Если эти соображенія покажутся достаточно убѣдительными, тогда менѣе всего можно рисковать ошибаться, относя къ тому-же времени и «Хустину».

Какія у Шевченка были сестры?—Двѣ родныя: Катря, о которой онъ рѣдко вспоминалъ, и Ярина, которую величалъ «многострадальною и святою»... но была у него и названная сестра—княжна Рѣпнина. Не къ родной, конечно, сестрѣ относятся слова:

Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходити въ пари.

Сестрѣ Иринѣ посвящено совсѣмъ другое стихотвореніе, въ которомъ братъ лучемъ надежды ободряетъ ее въ тяжкомъ прохожденіи *колючей нивы:*

Молися, сестро! Будемъ жыви,
То Богъ поможе перейти.

Если мы при этомъ вспомнимъ все, что намъ извѣстно о жизни юнаго (29 л.) художника—поэта, уже пользовавшагося извѣстностію, въ 1843 г. въ Яготинѣ, то у насъ не только мало останется сомнѣнія, что стихотвореніе «До сестры» писано княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ Рѣпниной, но, сверхъ того, оно броситъ яркій лучъ свѣта на тѣ ихъ взаимныя, для нихъ самихъ какъ-будто темныя отношенія, надъ формулированіемъ которыхъ ими, особенно княжной, потрачено столько тревожныхъ усилій.

«Княжна Варвара Николаевна, обладая серьезнымъ образованіемъ и неистощимой добротой души, съ высоты своего общественнаго положенія снизошла къ плебею—Шевченку на степень дружескихъ, чисто братскихъ отношеній и т. д. Шевченко благоговѣлъ передъ этой необыкновенной женщиной и т. д. Чувства, питаемыя къ ней, поэтъ выразилъ въ посвященіи ей стихотворенія «Тризна», написанномъ въ 1843 г.» Такъ говоритъ г. Чалый въ своей біографіи Шевченка.

«Княжна, обладая неистощимой добротой души, снизошла къ плебею—Шевченку», и въ то-же время вошла въ *дружескія, чисто братскія* отношенія съ 29-лѣтнимъ художникомъ-поэтомъ. Отношенія эти вышли такъ необыкновенны, такого сложнаго свойства, что у обоихъ вызвали тревожную потребность разобраться въ нихъ, формулировать и дать имъ имена. Окрестили ихъ искренней дружбой—мало, назвали братскими отношеніями — еще не то, понадобилось измѣнить обыновенное значеніе словъ: *братъ, сестра,* придавъ имъ болѣе глубокій смыслъ, повысивъ ихъ значеніе; но все это не удовлетворяло, чувствовалось еще нѣчто не досказанное, еще одно

слово,—слово, которое въ силу общественныхъ условій не только не могло быть произносимо, но должно было быть исключеннымъ изъ самой мысли; княжна, судя по извѣстнымъ даннымъ, первая произноситъ это слово, хотя и въ смыслѣ отрицательномъ, желая такъ сказать документально устранить его изъ отношеній.

По отъѣздѣ Шевченка изъ Яготина, при одномъ изъ своихъ писемъ къ поэту, княжна прилагаетъ длинное разсужденіе о томъ, что такое *сестра* и *возлюбленная*. Въ немъ проводитъ она параллель между этими двумя понятіями, очевидно перенося многое лучшее со втораго понятія на первое, оставляя за вторымъ только очень вульгарное значеніе, и такимъ образомъ разъясняетъ, какъ она понимаетъ принятую на себя роль «сестры» поэта. Если понадобилось устранять слово *возлобленная*, значитъ въ отношеніяхъ прокрадывалось нѣчто такое, для выраженія чего напрашивалось уже это слово. Да и устраняется оно не прямо, а съ особенной тревожной заботливостью, чтобы, устраняя слово, не затронуть самыхъ отношеній, сохранить чувства, замѣнивъ ихъ имя. Все это затѣмъ, чтобы чрезъ исключеніе неудобнаго слова, такъ сказать, очистивъ, освятивъ существовавшія отношенія передъ другими и даже передъ самими собою формально, выработать право на ту долю высшаго наслажденія, которая очевидно чувствовалась въ продолженіи этихъ отношеній. Такъ деликатно дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ княжна. Поэтъ-же, не мудрствуя лукаво, въ приводимомъ стихотвореніи назвалъ настоящимъ именемъ тѣ послѣдствія, которыя въ обыденной жизни слѣдуютъ за подобными отношеніями:

Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходити въ пари.

«Я, я—сестра ваша, вашъ искренній другъ—ваша обвинительница» и т. д., пишетъ княжна въ іюнѣ 1844 года.

Очень ужъ старая и слишкомъ извѣстная пѣсня. Когда различіе общественнаго положенія или другія условія устраняютъ всякую возможность проявленія питаемыхъ чувствъ, когда самая возможность существованія этихъ чувствъ даже самимъ дѣйствующимъ лицамъ кажется неумѣстною, преступною, тогда инстинктивное влеченіе между двумя различными полами дѣлаетъ обходъ и продолжаетъ свое дѣйствіе въ болѣе терпимой формѣ, въ формѣ игры въ брата и сестру и въ очень ужъ искреннюю дружбу.

Итакъ, въ этихъ отношеніяхъ была, конечно осложненная многими другими чувствами, и... *нѣмая любовь;* мы здѣсь, въ стихотвореніи «До сестры»—свидѣтели этой любви и горькаго, но спокойнаго сознанія бѣднякомъ-поэтомъ всей ея неумѣстности.

На що слухать, якъ на хрести
Пугачъ завывае,
Коли въ саду соловейко
Весело спивае.

* * *

Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходити въ пари,—
Твое сонце свитыть ясно,
Мое жъ давно въ хмари.

Такъ какъ извѣстно, что на письмо, писанное княжной въ январѣ 1844 г., отвѣта не получено, и переписка на долго прервалась, то является возможность предположить, что именно отвѣтомъ на это письмо и было стихотвореніе «До сестры», въ которомъ такъ глубоко-грустно ноютъ и *прощальныя* пожеланія.

Нехай твои квиты квитять
На твоій дорози,
Нехай твою минуть весну
Витры та морозы.

* * *

Нехай доля, що змалечку
Мене не злюбила,
Тебе щиро привитае,
Сестро моя мила!...

Если это такъ, то и дата приведеннаго стихотворенія будетъ: январь—февраль 1844 г. Былъ-ли посланъ княжнѣ этотъ поэтическій отвѣтъ, или нѣтъ—мнѣ неизвѣстно и я не имѣю никакихъ данныхъ, чтобы судить объ этомъ хотя гадательно.

Перехожу къ граверным работамъ Шевченка.

Весьма желательно поспѣшить собрать свѣдѣнія о художественныхъ произведеніяхъ Шевченка всѣхъ родовъ—авось когда-нибудь явится возможность собрать все это вмѣстѣ. Отмѣчаемъ здѣсь одинъ

изъ фактовъ. Въ 1845 г. вышло иллюстрированное изданіе Исакова: «Наши, списанные съ натуры», теперь уже очень рѣдкое. Въ немъ, между прочимъ, есть «Знахарь» Гр. Основьяненка, украшенный значительнымъ числомъ весьма хорошихъ виньетокъ изъ малорусскаго быта. Виньетки въ другихъ статьяхъ подписаны Тимомъ, Клодтомъ и еще кѣмъ-то (неразборчиво); виньетки-же въ «Знахарѣ» не подписаны никѣмъ, кромѣ первой большой—на всю страницу, изображающей знахаря, гдѣ имѣется весьма отчетливая подпись: *Шевченко.* Не принадлежатъ-ли и остальныя виньетки «Знахаря» Шевченку?—Хорошо, если-бы люди знающіе, кому это удобно, поспѣшили рѣшить этотъ маленькій, но не безъинтересный вопросъ, пока, можетъ быть, еще не утрачена возможность его *рѣшенія.*

Отмѣчаю еще одинъ, не замѣченный другими, столь-же незначительный, но не лишенный смысла фактъ изъ жизни поэта: *правописаніе предсмертнаго его письма* къ одному изъ земляковъ и пріятелей, правителю канцеляріи оберъ-полиціймейстера И. Н. Мокрицкому. Привожу самое письмо съ удержаніемъ подлиннаго его правописанія.

Многоуважаемый Иванъ Николаевичъ!

Поздравляю васъ съ вожделеннимъ днемъ вашого святого ангела извините что я не могу лично принести моего искренняго поздравленія я боленъ «другой мѣсяцъ не только на улицу меня и въ коридоръ не поскаютъ... и не знаю чемъ кончится мое затворничество? Глубоко кланяюсь марьи львовни, и лобизаю вашихъ дѣточокъ. отъ души желаю вамъ повеселится по прошлогоднему Досвиданія. Искренній вашъ *Т. Шевченко.*

24 февраля
1861 г.

Письмо это списано мною, съ точнымъ соблюденіемъ правописанія самаго автора, въ 1876 г. въ г. Лубнахъ съ подлинника, хранившагося у г. Мокрицкаго, сына Ивана Николаевича, которому оно адресовано. Текстъ письма приведенъ уже въ книгѣ г. Чалаго, только безъ удержанія правописанія автора, а мнѣ кажется, что именно въ этомъ письмѣ правописаніе подлинника и имѣетъ зна-

ченіе. Т. Гр. Шевченко не проходилъ старо-адемическаго класса «грамматики», да и вообще никакихъ классовъ, но въ ряду поэтовъ самоучекъ могъ-бы похвалиться своею грамотностію, въ особенности предъ Кольцовымъ, котораго удобочитаемымъ дѣлали лишь воронежскіе семинаристы. Откуда-же здѣсь полное почти отсутствіе всякой орѳографіи? Писано письмо 24 февраля, за день до смерти Шевченка. Смыслъ его еще довольно бодръ, поэтъ не видитъ быстро приближающейся роковой развязки, хотя въ письмѣ прорывается закравшаяся уже съ нѣкотораго времени тревога: «и не знаю, *чимъ кончится* мое затворничество?» Но правописаніе ясно свидѣтельствуетъ, что болѣзнь успѣла уже разстроить и ослабить организмъ. Поэтъ и прежде относился къ правописанію небрежно; но кто видѣлъ подлинники его писемъ, для того ясно, что хотя въ этомъ письмѣ есть общее съ другими, но что все-таки это—не то. Это одно изъ проявленій приближавшейся смерти, та болѣзненная слабость, когда человѣкъ не совсѣмъ отчетливо относится къ внѣшнему міру, самъ того не сознавая.

А «хочеться... Боже милый!
Якъ хочеться жити,
И любити твою правду,
И весь свитъ обняти!»

На другой день, 25 февраля утромъ, М. М. Лазаревскій засталъ поэта въ ужасныхъ мученіяхъ—съ ночи началась у него сильная боль въ груди, не позволявшая лечь. Такъ продолжался день, и всю ночь онъ провелъ, сидя на кровати, упершись въ нее руками, а въ половинѣ 6-го утра 26-го февраля поэта не стало [1]). Значитъ, послѣ написанія приводимаго письма оставалась еще въ жизни поэта только 2-я половина дня 24 февраля, когда онъ могъ-бы еще что-либо написать; а потому можно съ большою вѣроятностью предположить, что изъ чувствъ и мыслей, выраженныхъ поэтомъ на бумагѣ, это были послѣднія—къ пріятелямъ-землякамъ.

Упоминаемая въ письмѣ Марья Львовна—жена имянинника, уроженка лубенскаго уѣзда полтавской губерніи. Въ дневникѣ Шевченка есть нѣсколько словъ объ этомъ знакомствѣ. «6-го апрѣля (1858 г.). Познакомился съ женою правителя канцеляріи оберъ-

---

[1]) Разсказъ А. М. Лазаревскаго въ 3-мъ т. «Основы», 1861 г.

полиціймейстера И. Н. Мокрицкаго. Она урожденная Свичка и настоящая моя землячка. Мы съ нею встрѣтились, какъ старые знакомые».

«Разставшись съ милѣйшею землячкою, прошелъ я въ академію художествъ на выставку».

Привожу наконецъ послѣднее свидѣтельство на проживаніе Шевченка въ Петербургѣ, съ помѣтами полиціи и съ засвидѣтельствованіемъ священника о его смерти и погребеніи.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
ОБЕРЪ-ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРА.

Канцелярія.

столъ I.

7-го апрѣля 1860 года.

№ 142.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Дано сіе отставному рядовому Оренбургскаго Линейнаго № 1-й баталіона Тарасу Шевченко, для свободнаго проживанія въ С.-Петербургѣ, въ теченіи одного года, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи срока свидѣтельство это было представлено мнѣ.

Свиты его величества генералъ-маіоръ (подпись неразборчива).

Правитель канцеляріи *Мокрицкій.*

(М. П.)

На обратной сторонѣ свидѣтельства читаемъ:

Означенный въ семъ свидѣтельствѣ Тарасъ Шевченко сего 1861 года 16 февраля волею Божіею умеръ отъ водяной болѣзни и сего-же февраля 28-го дня погребенъ на Смоленскомъ православномъ кладбищѣ. Въ чемъ свидѣтельствуется. Марта 2 дня 1861 г.

Екатерининской церкви, что при академіи художествъ,

Священникъ *Илья Денисовъ.*

(М. П.)

На послѣдней страницѣ свидѣтельства слѣд. помѣты:

№ 50. По Большой Морской.

1 часть, 3 кварталъ. Запис. на квартирѣ 11 апрѣля 1860 года.

За надзирателя *Давидовъ.*

№ 1/6

Васильевская часть, 1 кварталъ. Записанъ на квартирѣ 22-го апрѣля 1860 года.

За надзирателя *Астафьевъ.*

№ 1 и 6 по 5 линіи	№ 50
На квартирѣ у Назаревскаго (Лазаревскаго?)	Большая Морская. На квартирѣ возобновлено.

Это копія съ подлинника, хранящагося при фундаментальной библіотекѣ лубенской гимназіи, за № 3257. Подлинникъ въ траурной рамкѣ за стекломъ, подаренъ гимназіи В. Я. Яновскимъ, землевладѣльцемъ лубенскаго уѣзда, а имъ пріобрѣтенъ отъ П. Н. Мокрицкаго, брата раньше упоминаемаго Ивана Николаевича, бывшаго правителемъ канцеляріи с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера.

Съ небольшимъ мѣсяца не дожилъ поэтъ по выданному ему свидѣтельству и пошелъ въ путь, изъ котораго никто не возвращается, въ званіи отставного рядового оренбургскаго линейнаго баталіона. Въ этомъ главный интересъ сохраненнаго документа, разрѣшающій вопросъ о томъ, было-ли Шевченку послѣ ссылки возвращено званіе художника. Свидѣтельство причта удостовѣряетъ болѣзнь, которая привела поэта къ смерти, а полицейскія помѣты указываютъ, гдѣ жилъ онъ по возвращеніи изъ Кіева до перехода въ зданіе академіи художествъ.

Ѳ. Каминскій.

КЪ ИСТОРІИ КОЛОНИЗАЦІИ НОВОРОССІИ.

(Письмо знаменскаго священника Маркіанова о заселеніи нѣкоторыхъ мѣстъ бывшей елисаветградской провинціи).

Письмо это получено нами отъ достопочтеннаго историка «Новой Сѣчи» А. А. Скальковскаго. Авторъ его, священникъ с. Знаменки, херсонской губерніи, современникъ и отчасти очевидецъ описываемаго въ письмѣ, что даетъ его свѣдѣніямъ большую историческую достовѣрность. Письмо писано въ послѣдніе годы прошлаго или первые нынѣшняго столѣтія, по просьбѣ неизвѣстнаго лица, очевидно занимавшагося собираніемъ свѣдѣній о заселеніи Новороссіи. Множествомъ мелкихъ, но яркихъ штриховъ оно рисуетъ намъ разные моменты и стороны этой достопамятной колонизаціи: тутъ и всемогущество Потемкина, которому не доставало лишь власти цареградскаго патріарха, и его желаніе порисоваться предъ Екатериною дутыми плодами насаждаемой имъ культуры, — мелькаютъ темныя фигуры узурпаторовъ и прихлебателей всемогущаго временщика, въ траги-комическомъ положеніи выступаютъ французскіе эмигранты и обманутые въ своихъ надеждахъ старообрядцы, въ жалкомъ видѣ шаріевъ, изъ-за спины налетѣвшихъ со всѣхъ концевъ колонизаторовъ, выглядываетъ та *сволочь*, которую разными льготами влекутъ въ ярмо неволи и которыхъ кабальнымъ трудомъ дикія степи и луга должны превратиться въ цвѣтущій садъ, а мимоходомъ проскальзываютъ и тѣ естественныя условія, въ которыхъ по мѣстамъ должны были жить новые поселенцы; есть нѣкоторыя частныя историческія и даже археологическія указанія. Вообще, это частное, простое и не затѣйливое, письмо даетъ болѣе для исторіи, чѣмъ десятки офиціальныхъ бумагъ.

Милостивый государь!

Между тѣмъ временемъ, какъ я обѣщался доставить вамъ вѣдомость о поселеніи здѣшняго округа, довольно я промедлилъ, ибо есть человѣческое: «не еже бо иногда хощу, то и творю». Надѣюсь въ томъ отъ васъ имѣть прощеніе.

Вамъ ужо извѣстно, что когда въ 1781 году въ Кременчугѣ, по открытіи намѣстничества, была учреждена таврическая губернія, князь Потемкинъ, яко намѣстникъ новыхъ, но малолюдныхъ губерній, а паче таврической, изыскивалъ способъ къ населенію. Ему открывался тогда случай слѣдующій. Старообрядцы, живущіе въ Москвѣ и иныхъ городахъ, равно и черниговской губерніи, слободъ стародубскихъ, сословія купеческаго и мѣщанскаго, находя себя недостаточными въ разсужденіи церковнаго чиноначалія, безъ коего живши цѣлый вѣкъ, многіе изъ нихъ, какъ-бы отъ забвенія опомнившись, стали свое состояніе подозрѣвать въ неправильности, такъ какъ оно было и есть, судили за благо, чтобы секту свою, довольно устарѣлую, возобновить, или только починить, и какъ нужно было на то имѣть духовный матеріалъ, согласились требовать не отъ святѣйшаго синода, какъ-бы слѣдовало, но устремились къ его свѣтлости, какъ-бы къ царградскому патріарху, съ прошеніемъ, дабы онъ исходатайствовалъ имъ епископа особеннаго для старообрядцевъ, подъ названіемъ «хорепископъ», то есть селской. Сему ихъ предпріятію былъ я самовидецъ, когда отъ московскихъ и стародубскихъ повѣренные два человѣка—одинъ чернецъ, другой старикъ изъ купцовъ, повсюду князя преслѣдовали, даже и въ Елисаветградѣ въ домѣ Красноглазова. Когда позванъ былъ я къ его свѣтлости, князь лично у меня спросилъ: 1) здѣшніе стародубскіе слободы имѣютъ-ли желаніе имѣть законныхъ священниковъ и церкви на старыхъ обрадахъ? 2) знаю-ли я повѣренныхъ, отъ старообрядцевъ уполномоченныхъ, требующихъ епископа себѣ особеннаго? И когда отвѣчалъ я, что знаю, князь промолвилъ: «объяви имъ, чтобы они оставили епископа просить; священниковъ дадутъ имъ и церкви на старыхъ обрядахъ имѣть дозволятъ, если въ таврическую область на жительство пожелаютъ». Вышедши я отъ князя, приказаніе его исполнилъ. Между тѣмъ князь, вышедши, намѣривался садиться въ карету; повѣренные, подошедши, подали князю бумагу.

— Вамъ сказано? князь промолвилъ.

— Слышали, отвѣчали они.

Князь поѣхалъ къ обѣденному столу, который купечествомъ былъ изготовленъ у Никиты Ивановича Масляникова. По обѣдѣ тотъчасъ ускорилъ въ Кременчугъ, и мнѣ на почтовыхъ лошадяхъ приказано было слѣдовать. На канунѣ открытія намѣстничества я прибылъ, видѣлъ все, что только въ глаза попадалось. Въ ту самую пору въ Кременчугѣ открылась чумная зараза; по сему случаю вся губернія была переведена въ Полтаву. Послѣ тридневнаго торжества и я туда-жъ отправленъ былъ съ курьеромъ и писмомъ княжескимъ къ преосвященному для постриженія въ попы. Все сіе происходило въ Петровъ постъ. По прибытіи посвященъ я въ Петровъ день въ соборѣ. На другой день преосвященный отправилъ меня съ письмомъ къ его свѣтлости; но его въ Кременчугѣ уже не было,—по окончаніи открытія не медля отправился въ Петербургъ, откуда въ слѣдующемъ 1785 году, по высочайшей волѣ, князь учинилъ къ старообрядцамъ письменное воззваніе, и оное разпубликовано было внутрь Россіи, и внѣ оной: желающіе высокомонаршею милостію пользоваться какъ духовными правами, равно и всѣми чувственными выгодами, приходили-бы въ таврическую область. Тогда-жъ отъ князя и къ знаменскимъ молдавскимъ выходцамъ, въ елисаветградской провинціи жившимъ, прислана грамота о переселеніи, что и было въскорѣ исполнено. Князь надѣялся своими обѣщаніями выманить отовсюду старообрядцевъ, но на опытѣ оказалось противное: черниговской губерніи семей до 60 толко согласились и пришли тогда, какъ земли были розданы; знаменскіе, не смотря на выгодное переселеніе: 1) что домы ихъ, иные ничего не стоющіе, были щедро заплачены, 2) по 50 рублей на каждаго изъ казны и 3) льгота 8-лѣтняя, не хотѣли переселяться. Князю угодно было назначить имъ къ поселенію мѣсто противъ Никополя, гдѣ теперь стоитъ Малая Знаменка, съ такимъ намѣреніемъ, чтобы въ путешествіи государинѣ изъ никопольскаго дворца показать селеніе въ мѣстахъ, дотолѣ не обитаемыхъ; но знаменскіе не захотѣли тамъ селиться. Имъ дано было на волю, только-бы не упорствовали. Князь однако-жъ не оставилъ своего предположенія,—приказалъ моему отцу, чтобы непремѣнно выходцами, какого-бы званія не были, водворять противъ Никополя на первый

разъ хотя одну Набережную улицу, которая удобнѣе могла быть видима изъ никопольскаго дворца во время шествія и пребыванія государини въ дворцѣ. Князь столько былъ доволенъ, что не оставилъ о томъ доложить государинѣ, какъ о томъ я словесно вамъ повѣдалъ.

Князь, видя, что старообрядцы его воззванія не внемлютъ, бросилъ ихъ, а дабы земли, въ пустѣ лежащія, населить, было позволено всякого званія бродягъ принимать, отъ чего въ Россіи помѣщики многіе лишились крестьянъ. Тогда-жъ земли стали быть раздаваемы помѣщикамъ, начиная отъ устья Конской рѣчки, да многіи пространства степей, и Великій Лугъ, запорожцами прозванный, г. Поповъ занялъ, ниже того—Бродскій, Ливанидовъ, Синельниковъ.

Слѣдуетъ теперь о Днѣпровкѣ упомянуть. Выше объявленные черниговской губерніи старообрядцы, семей до 60-ти, за дальнимъ разстояніемъ, опоздали сюда притить и не зная, что земли уже назначены помѣщикамъ, избрали себѣ мѣсто ниже большой Знаменки, верстахъ въ 10-ти поселились, въ землянкахъ перезимовали, весною старались о водвореніи; кромѣ всякаго пособія, изнурились и до послѣдняго имущества истощились, стараясь вновѣ землю распахали, не зная того, что отъ знаменской межи по теченію рѣки верстъ до 30-ть, до урочища Лепатихи, земля князю Вяземскому уже назначена. Между тѣмъ къ нимъ-же присовокупился старообрядческій архимандритъ съ чернецами, тотъ самый, котораго собили епископомъ. И сему князь обѣщалъ много, но ничего не исполнилъ, потому что старообрядцы въ Крымъ не пожелали. Сей архимандритъ, не находя себѣ пристойнаго монастыря для мѣста, расположился въ концѣ новой усадьбы и было построилъ нѣсколько келѣй. Отъ сего поселяне вознегодовали, а тѣ въ Симферополь ходили къ губернатору на разрѣшеніе. Тогда былъ Каховскій Михаилъ Васильевичъ; онъ имъ объявилъ, что земля, ими занятая, принадлежитъ князю Вяземскому. Тогда онѣ съ плачемъ, разорившись, принуждены переселяться. Архимандритъ прибѣгнулъ къ знаменскимъ; сіи во уваженіе уступили полосу земли, на которой, въ горѣ Мамайсуркѣ, и былъ построенъ монастырь съ церковью, а поселяне избрали себѣ мѣсто выше селенія Водяной. Поселясь и тамъ, нашли неудобство: песчаные кочугуры затрудняли проѣздъ въ пахатное поле, что и понудило ихъ къ вторичному переселенію въ *поды*, отъ чего

названіе получила Подовка. Сначала они, держась старообрядчества, воздвигнули самобѣднѣйшую церковь, которая и теперь, имѣли и священника; но когда присовокупились къ нимъ народы, въ множествѣ старовѣрства не знающіе,—уничтожили старообрядство. Слобода Водяная сначала ея водворенія заселена людьми бывшими прежде елисаветградскаго уѣзда; они жили въ сосѣдствѣ съ знаменскими и вообще всѣ занимались тамъ гончарствомъ; слобода ихъ и тамъ имѣла тоже названіе—Водяна балка. На водвореніе имъ здѣсь было выдано только по 15 рублей на хозяина. Вотъ все то, что я знаю о населеніи здѣшней округи народами, по волѣ князя Потемкина селившимися. Изъ нихъ многіе на прежніе свои жилища возвращались по причинѣ чрезмѣрной трудности, когда селились: 1-е воздухъ дикой, не очищенной отъ паровъ, происходившихъ изъ плавень, не проходимыми камышами и трущебникомъ лѣснымъ покрытыхъ; 2-е мошка столько была сильна—душила даже рогатый скотъ, въ ноздри набившись, въ день нельзя было работать, а ночью комарь не давалъ покою. Этой бѣды едва могли переносить. Ктому еще третья: оврахи или суслики въ такомъ были множествѣ въ полѣ, чтобы не было посѣянное, истребляли все до послѣдняго на нивѣ, тоже самое, какъ и сарана. Для истребленія разные опыты отъ поселянъ были: выливали водою, но безуспѣшно, дѣлали самострѣлы и надъ норами ставили, но надобно было сидѣть и заводить; наконецъ вздумали съ огня кипяткомъ. Хотя истребляли, но на мѣсто того годъ отъ года болѣе ихъ выпложивалось; поселяне отчаялись было имѣть когда либо свой хлѣбъ, въ елисаветградскомъ и павлоградскомъ уѣздахъ зажинали и покупали, наконецъ отъ овраховъ чудомъ спасены: Богъ знаетъ откуда, появились въ множествѣ хори; сіи истребили овраховъ почти безъ остатка; послѣ того и хори скрылись и до нынѣ не видно тѣхъ и другихъ. По истинѣ чудное въ натурѣ дѣйствіе!

Слѣдуетъ теперь упомянуть о земляной крѣпости, что у переправы подлѣ казармъ: хотя вся уже развалилась и пескомъ засыпалась, но отъ западной стороны есть цѣлость правильнаго треугольника и часть стѣны и ровъ видѣнъ. Надобно думать, что сія крѣпость была сдѣлана при Петрѣ, когда Азовъ былъ взятъ, а когда обратно отданъ туркамъ, тогда оставлена. Сіе повѣствованіе яко не сомнительное есть,

потому что я имѣлъ карту, доставшуюся по кончинѣ графа Клермонтера, тамъ означена сія крѣпость и названіе выставлено «Затонъ», потому что соединяется тутъ зъ Днѣпромъ Конская рѣка;—соединилась и какъ-бы утонула,—или потому что было запинаніе татарамъ. Я узнать хотѣлъ отъ старыхъ запорожцевъ; но они помнятъ то только, что крѣпость оная была россійская. Доказательствомъ еще и то, что подлѣ крѣпости на берегу находили серебряныя старинныя копѣйки,—болѣе о семъ ничего не могу сказать. Что-же по сю сторону Лимана къ слободѣ Знаменкѣ видна крѣпость и отъ оной валъ, простирающійся къ Лиману и по ту сторону до селенія Малой Знаменки и въ самомъ берегу Конки кончившійся, такъ объ ономъ для себя разумѣй: быть можетъ или половцами, или печенѣгами и козарами неправильно построенный. Хищные отъ хищныхъ защищались. Въ срединѣ самой крѣпости было строеніе похожее на дворецъ; знаменскіе рыли и доставали въ землѣ камень тесаный и кирпичь жженый, весьма прочный, болѣе никакихъ нѣтъ признаковъ. Еще въ вершинѣ Лимана есть окопы или ретраншаменты, имѣющіе правильные триугольники. Когда князь готовился къ взятію Очакова и самъ во всю зиму до самой весны находился въ крѣпости елисаветградской, въ ту самую зиму отъ него былъ присланъ подполковникъ инженерный, нѣкто Андрей Алексѣевичъ Темкинъ, въ здѣшнія плавни для заготовленія туровъ и фашинъ; онъ любопытствовалъ оный окопъ и увѣрялъ, что во время Минихова похода здѣланъ. Тамже, по теченію рѣки въ верхъ, примѣтно былъ лѣсъ: находили коренья не у самой рѣчки, но въ полу-горѣ, слѣдовательно не вербовой, но иного рода,—думать надо, войска истребили. Годовъ пять или шесть тому прошло, какъ знаменской мужикъ скотоводникъ въ степи, верстъ за 50-тъ, на казенномъ участкѣ для скота рылъ колодезь; вырывши аршинъ 6, открыли необыкновенной величины кость, толщиною едва можно обхватить двумя четвертьми аршина, излучистая, похожа какъ-бы на ребро какого звѣря; они по глупости разбили и раздробили; потомъ, не нашедши воды, оставили и завалили. Сіе есть доказательство бывшаго всемірнаго наводненія.

Минуя Рогачинъ, бывшее имѣніе князя Вяземскаго, скажу нѣчто мимоходомъ о Лепатихѣ. Сіе мѣстоположеніе, не бывъ удобное къ населенію, оставалось никѣмъ не занятое до дней извѣстныхъ француз-

ской революціи. Въ то самое время два графа, извѣстные Шуазель и Клермонтеръ, избѣгнувши, получили здѣсь въ удѣлъ себѣ землю лепатихскую, гдѣ теперь казенное селеніе. Тамъ они графы водворились по обѣ стороны балки: Клермонтеръ восточную сторону занялъ, а Шуазель западную. Имѣя деньги, старались во первыхъ о населеніи людьми всякою сволочью, не надежными бродягами; записывали имена и прозванія, какіе были фальшиво показаны, между тѣмъ (записавшіеся) для заработковъ отходили и не возвращались. Когда учинена была ревизская перепись, тогда графы увидѣли, что со временемъ платить надобно подати, у нихъ-же, кромѣ изнуренія и убытковъ, все пустое, языка россійскаго, ни его свойства не знали; хотя и былъ переводчикъ, молодой, 18-ти лѣтній, но и тотъ былъ утопленъ также въ рѣкѣ. За тѣмъ Клермонтеръ помре; тамъ и погребенъ, не имѣя памятника. Имущество его, какое оставалось, земскою полиціею продано. Тогда и мнѣ досталось имѣть карту, объемлющую одну только крымскую область по самый Днѣпръ. Оставался Шуазель; онъ просилъ императрицу, было повелѣно принять землю и людей по списку въ казну; взамѣнъ ему дано въ Бѣлоруссіи; такъ о томъ слышалъ я отъ его превосходительства Семена Семеновича Жегулина. Лепатиха славна должна быть по первому заведенію!

Ниже Лепатихи было занято Самойловымъ; онъ потомъ продалъ Рахманову; сей своими людьми населилъ большую слободу. За Рахмановымъ земля принадлежала прежде Завадовскому и во многіе годы не была населена такъ, какъ теперь: у графа Кочубея здѣлалось селеніе многолюдное. Казенные Каиры есть давніе, также какъ и Знаменка; тамъ отставной былъ капитанъ, старикъ молдавскій (изъ Молдавіи), подъ его смотрѣніемъ оная слобода населялась. Дурицкая земля и слобода прежде всего принадлежала принцу Нассау. Его жена, неизвѣстно по какимъ причинамъ, года два или три жила одинехонька, претерпѣвая оводъ, мошку и комары, въ простой хижинѣ, никуда не выѣзжая. Однажды пріѣзжала къ Дмитрію Матвѣевичу Куликовскому, болѣе никуда; имѣла прилежаніе къ разведенію разныхъ садовыхъ и иныхъ деревъ, наипаче-же акацій, но увидя изъ опыта, что здѣшній климатъ ей не благопріятствуетъ, продала Константинову и навсегда удалилась въ родину свою.

Каховка имѣетъ названіе въ честь бывшаго первоначально въ Крыму генералъ-губернатора Михаила Васильевича Каховскаго. Дмитрій Матвѣевичъ Куликовскій, имѣвши тогда случай, занималъ земли, гдѣ только пожелалъ; онъ имѣлъ тѣсную дружбу съ Василіемъ Степановичемъ г. Поповымъ. По княжескому благоволенію Куликовскій опредѣленъ былъ къ соли; свои земли заселилъ людьми и Васильевку г. Попова слободы. Государь Павелъ когда воцарился, фельдъ-егеръ, подхватя Куликовскаго, отвезъ въ кіевскую крѣпость, гдѣ около двухъ лѣтъ содержался, потомъ освободился. Тогда происходили поиски за военныхъ, оставившихъ службу и въ поселяне приписавшихся, подъ видомъ бродягъ. Гдѣ только таковые были отысканы, были штрафованы наборомъ два рекрута за одного; въ Большой и Малой Знаменкахъ штрафныхъ человѣкъ 20 отдали; тоже самое и у помѣщиковъ. Дабы освободиться отъ помѣщиковъ, не бывъ никогда служивыми показывались.

Вотъ все, что я знаю о населеніи здѣшней округи. Благоснисходительно за медленное донесеніе и за всю въ письмѣ неисправность,— ибо ни ладу, ни складу,—простите.

Честь имѣю пребыть къ вамъ навсегда съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностью,

Милостивый государь, вашъ всеохотнѣйшій слуга

Карпъ Маркіановъ.

День Преполовенія.
Знаменка.

УНИВЕРСАЛЪ
ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКОВНИКА ЛИЗОГУБА[1]) 1690 Г.

(Въ разрѣшеніе земельныхъ претензій польской шляхты, изгнанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ).

Какъ ни страннымъ можетъ казаться въ настоящее время, но то несомнѣнный историческій фактъ, что до половины XVII ст. нынѣшняя черниговщина и полтавщина находились въ фактическомъ владѣніи польскихъ пановъ, а польская культура и языкъ господствовали тамъ, особливо въ Черниговщинѣ, до половины XVIII в. Дальнѣйшія измѣненія въ землевладѣніи лѣвобережной Украйны являются результатами переворотовъ въ политической исторіи Украйны.

Въ началѣ XVII вѣка, говоритъ Багалѣй въ своей статьѣ: «Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ XVII и XVIII ст.» [2]), начинается усиленное нашествіе польскихъ пановъ..., ко второй половинѣ XVII в., т. е. къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго, шляхта пустила уже прочные корни въ Черниговщинѣ... Возстаніе Хмельницкаго произвело цѣлый соціально-экономическій переворотъ въ лѣвобережной Украйнѣ—крупное землевладѣніе совершенно почти исчезло..., земля сдѣлалась собственностью всего народа малороссійскаго... Займанщина—вотъ та типичная форма землевладѣнія, которую народъ малороссійскій избралъ себѣ, освободившись отъ всяческихъ

[1]) Біографическія о немъ свѣдѣнія см. въ янв. кн. «Кіевской Старины» 1884 г., въ статьѣ А. М. Лазаревскаго: «Лизогубы».

[2]) «Кіевская Старина», декабрь, 1883 г.

экономическихъ оковъ... Постепенно количество земли должно было уменьшиться какъ отъ естественнаго прироста населенія, такъ и отъ прилива новыхъ переселенцевъ съ праваго берега Днѣпра... Но едва-ли не самую важную роль въ этомъ случаѣ играетъ также развитіе крупной земельной собственности, которая произошла путемъ пожалованія, скупли и захватовъ».

Помѣщаемый ниже универсалъ черниговскаго полковника Якова Кондратовича Лизогуба (1687—1698) можетъ служить дополненіемъ къ упомянутому изслѣдованію г. Багалѣя, иллюстрируя положеніе землевладѣнія въ Черниговщинѣ послѣ возстанія Хмельницкаго и установленіе въ немъ новаго, прочнаго порядка, безобиднаго для обѣихъ столкнувшихся на этомъ сторонъ.

Извѣстно, что польская шляхта бѣжала изъ Украйны безъ оглядки при первомъ громѣ козацкаго оружія: дома, грунты, поля опустѣли. Послѣ первой войны Москвы съ Польшей (1653), переяславской рады и второй войны, окончившейся андрусовскимъ договоромъ (1667), лѣвобережная Украйна фактически присоединилась къ Москвѣ. Пока прежніе владѣльцы земельной собственности скитались по разнымъ областямъ польскаго государства, спасаясь отъ ужасовъ народнаго возстанія, ихъ имущества попали въ другія руки: давно уже кто хотѣлъ, тотъ и занималъ ихъ, иное-же отдано было за военныя заслуги чинамъ войска запорожскаго, но за все, какъ говоритъ универсалъ, «великіе государи православно-россійскіе черезъ мирніе договоры *сумою* своею монаршою королю польскому и Речи Посполитой оплачували».

Но вотъ, послѣ андрусовскаго договора, когда въ Украйнѣ наступили относительно тихія времена, шляхта начала мало по-малу возвращаться на свои старыя гнѣзда и нашла тамъ другой режимъ, другіе порядки: чужіе люди полноправно владѣютъ ея прежними имуществами. Шляхта не желаетъ примириться съ совершившимся фактомъ, подаетъ жалобы высшему малороссійскому уряду, ведетъ процессы съ новыми землевладѣльцами и добивается возвращенія своихъ прежнихъ имуществъ *statu quo ante*. Эти-то «частыя докуки и уприкренія» и заставили высшій урядъ страны войти въ обсужденіе вызваннаго предшествовавшею бурею жгучаго земельнаго вопроса. Дѣло обсуждалось по полкамъ: полковники, совмѣстно съ

старшиной и значнымъ войсковымъ товариствомъ, придумывали исходъ изъ такого положенія дѣлъ и результаты своихъ обсужденій объявляли особыми универсалами во всеобщее вѣдѣніе. Одинъ изъ такихъ универсаловъ предъ глазами читателя. Вотъ его текстъ:

Ихъ царскаго пресвѣтлаго величества войска запорожскаго

Полковникъ черниговскій Яковъ Кондратовичъ Лизогубъ.

Всѣмъ, кто-бы потребенъ того былъ вѣдати, теперъ и въ пришліи часи, а особливе всѣмъ жителемъ постовбицкимъ, слободскимъ, золубицкимъ, гонопаловскимъ, даницкимъ, гусинскимъ войсковымъ и посполитымъ людемъ, ознаймую, ижъ, узнаючы я, за ураду моего, частіи докуки и уприкренія черезъ заводы неуспокоення о кгрунтахъ, на которихъ описанніи сидять села, же ославляючіися шляхтою въ тыхъ селахъ, за антецесоровъ моихъ, прошлихъ пановъ полковниковъ, черезъ всѣ мѣнущіе лѣта, не обзивалися до тихъ кгрунтовъ и не доходили ихъ, ажъ теперъ, давнимъ шляхецкимъ правомъ, якъ передъ войною было, почали себѣ за отчизніе винаходити и трудности немалии чинити. Для успокоення того, за сполною обрадою, съ полковою старшиною и значнимъ войсковимъ товариствомъ, казалемъ видати сей мой унѣверсалъ зъ таковимъ постановленнемъ и вырокомъ: поневажъ якъ война першая наступила и освободивши съ подданства лядского войско запорожское отчизну свою, увесь малороссійскій край, волне и свободне помежи тими и на тихъ то шляхецкихъ кгрунтахъ поседали селами войсковіе и посполитіе люде, а оніи тіи-жъ шляхецкіе кгрунта запустѣлія зостали, которіе, или тутъ у Сѣверщинѣ лежачіе, Пресвѣтлѣйшіе и Державнѣйшіе Великіе Государи наши православно-россійскіе, обнявши въ свою державу Украину, черезъ мирніе договори сумою своею монаршою королеви полскому и Речи Посполитой оплачували, и годніи особы заслугуючіеся у войску запорожскомъ, за унѣверсалами рейментарскими, одержали тие-жъ ку пожитковѣ своему кгрунта, теди на чомъ хто оседѣлъ зъ шляхти и всякихъ людей по селахъ описанихъ прошлими часы и теперъ сколко собою розробленихъ своихъ уживае и держить кгрунтовъ, а болше роспахати и розробити самъ не може, абы тимъ ся контентовали, и тые за власность свою мѣли, а що над-то иними хто розробилъ, и еще не розробленихъ и запустѣлихъ мѣло бы

бути въ тѣ околичности кгрунтовъ, которіе за отчискіе собѣ иле шляхта звикла ославлювати, и давнимъ шляхецкимъ правомъ граничити, присвоюють и не допускають сполмешканцомъ своимъ розробляти и поседати, тое цале касую и овшемъ, жебы ровне и спокойне зъ шляхтою и всякіе люде, якихъ хто може, кождіе селяне въ своемъ ограниченію лежачіе пустуючіе кгрунта посѣдали, розробляли и ку пожитковѣ своему, безъ жаднихъ заводовъ и турбаціи, приводили, нынѣшнимъ, подъ щасливою Преснѣтлѣйшихъ и Державнѣйшихъ православно-россійскихъ монарховъ нашихъ державою, власти войсковой служачимъ правомъ, теперъ и на потомніе часы, подъ винами и карою срокгою на сопротивнихъ и упорнихъ, утверждаю.

Данъ въ Чернѣговѣ 13 сентеврія року 1690.

Вышмснованный полковникъ чернѣговскій.

(М. П.)

Приписка. Тутъ-же и тое докладаю, не отпустною виною на маетку и не легкою карою на здоровю варую, и срокгій заказъ чиню, абы нихто зъ тихъ-же селянъ и въ тихъ кгрунтахъ давно и новоприбранныхъ сѣножатяхъ не важился орати, яко мѣло уже своволно и допустно поорано, иле рачей гдѣ прибрано на сѣножать, нехай тое сѣножатю буде, а що на поле пахатне, абы кождый працею своею старался робити, албо на томъ пересталъ, що хто старого розробленія мае.

СУПЛИКА, АБО ЗАМЫСЛЪ НА ПОПА.

Подъ этимъ заглавіемъ дошла до нашего времени и циркулируетъ не въ однихъ спискахъ, но даже въ живомъ изустномъ обращеніи одна изъ такъ называемыхъ *интермедій*, начало которыхъ теряется въ первыхъ годахъ XVII ст., но которыя полное свое развитіе получили въ срединѣ прошлаго столѣтія и дожили до самаго почти конца онаго. Печатаемую теперь интермедію мы слышали въ дѣтствѣ, въ звенигородскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, отъ многихъ лицъ и знали ее наизусть; но это было лѣтъ 50 назадъ. Интермедія давно была забыта нами, какъ вдругъ въ минувшемъ году съ одной почтой мы получили два списка оной: одинъ сдѣланный первоначально въ Бессарабіи, но циркулировавшій въ Галиціи и пріобрѣвшій тамъ особенности галицкаго правописанія, а другой болѣе близкаго и, такъ сказать, живаго происхожденія—онъ сдѣланъ въ м. Новомъ Ропскѣ, черниговской губерніи, новозыбковскаго уѣзда, подъ диктовку 73-лѣтняго, уже ослѣпшаго старика изъ крестьянъ Алексѣя Лисовскаго, совершенно неграмотнаго, но въ молодости бывшаго приватнымъ дьячкомъ, по выбору прихожанъ. Обѣ редакціи значительно повреждены—первая неизвѣстными переписчиками, а вторая ослабѣвшею памятью старика, но обѣ въ такой степени другъ друга исправляютъ и пополняютъ, что остается одно лишь мѣсто, въ которомъ чувствуется нѣкоторый пропускъ, что и отмѣчается нами въ самомъ текстѣ интермедіи. Смыслъ искаженныхъ и непонятныхъ словъ намъ легко было возстановить и по памяти, и по ходу рѣчи.

Содержаніе интермедіи—простая, несложная сцена изъ жизни малорусскаго народа той отдаленной эпохи, когда дѣйствовалъ еще

гетманскій режимъ и существовалъ козачій строй въ нашей граждан-ско-общественной жизни. Авторъ интермедіи неизвѣстенъ, но конечно это было лице, принадлежавшее къ составу старой кіевской академіи, и самая интермедія—произведеніе школьное, хотя довольно уже обшлифовавшееся въ народномъ обращеніи, съ размѣромъ стиха силлабическимъ. Дѣйствіе происходитъ вѣроятнѣе всего во второй уже половинѣ XVIII столѣтія и несомнѣнно на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Селомъ отъ имени громады правитъ атаманъ, но тутъ-же и резиденція сотника. Священникъ этого села втерся въ приходъ путемъ окольнымъ, помимо выбора громады, женившись на воспитанницѣ сотника. Онъ изъ молодыхъ, сторонится отъ народа, не раздѣляетъ его предковскихъ, нерѣдко суевѣрныхъ обычаевъ, борется съ предразсудками и невѣжествомъ народа, заводитъ школу для дѣтей, энергически преслѣдуетъ нравственную распущенность прихожанъ и ихъ охлажденіе къ церкви. Недовольные давно уже своимъ священникомъ прихожане въ случайно сошедшемся кружкѣ толкуютъ о томъ, какъ-бы избавиться не милаго и строгаго священника, перечисляютъ всѣ его выдумки и затѣи, сравниваютъ его порядки и поступки съ тѣмъ, что было при прежнемъ ихъ священникѣ старикѣ, ничѣмъ не отличавшемся отъ нихъ въ жизни, не превосходившемъ ихъ въ своихъ религіозно-нравственныхъ и другихъ воззрѣніяхъ и потому не преслѣдовавшемъ того, что издавна вошло въ ихъ общую жизнь. Результатомъ этого случайнаго совѣщанія нѣсколькихъ громадянъ является рѣшимость ихъ идти гуртомъ къ протоіерею и архіерею съ письменною просьбою о перемѣнѣ священника, за составленіемъ которой они и направляются къ дьячку. Тутъ толки о винахъ священника продолжаются; подходятъ еще нѣсколько стариковъ. Дьячекъ не слушаетъ, что говорятъ, строчитъ свое, безъ подготовки и запинки сочиняетъ жалобу—*суплику* (supplicare—жаловаться, доносить) въ непроглядно-темныхъ общихъ фразахъ, пересыпанныхъ церковно-библейскими словами и съ соблюденіемъ тогдашней формы прошеній; но когда онъ кончилъ и прочелъ, громада, толковавшая уже о необходимости подкрѣпленія просьбы обычною тогда во всѣхъ сферахъ и слояхъ общества посулою, ничего не понявъ изъ прошенія, пришла въ смущеніе, изъ котораго выручилъ одинъ изъ стариковъ, заявивъ, что причина зла въ сотникѣ, вліяніемъ котораго верховодитъ священникъ, и что надо начинать съ

сотника, а потомъ уже приниматься за священника. Но какъ подобная борьба казалась почти невозможною, то собравшіеся громадяне, признавъ, что тщетно было-бы сыпать противъ вѣтра пескомъ, предпочли, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, направиться въ корчму и запить неудавшуюся попытку водкой. Уходя, они приглашаютъ съ собою составителя прошенія, но тотъ отказывается въ виду скораго начатія вечерни.

Драматичности дѣйствія, комичности сцены въ общемъ и мелочахъ и глубокой вѣрности ея съ жизнію интермедія обязана своею долговѣчностью и широкою распространенностію. Она даетъ намъ яркую картину нравовъ и понятій, господствовавшихъ въ сельской средѣ далекаго отъ насъ времени, меткими чертами рисуетъ происходившую тогда борьбу привычекъ и воззрѣній старыхъ съ новопроторгавшимися и рисуетъ, надо сказать, такъ вѣрно, что многія, даже мелкія явленія можно подтвердить архивными ссылками. Такимъ образомъ помѣщаемая нами интермедія есть не только литературный, но вмѣстѣ и историческій памятникъ. Вотъ ея любопытный текстъ.

Пархимъ. Охримъ!
Охримъ. Ащо, Пархимъ?
Пархимъ. А нумо лишь, свату Охриме, думати, гадати,
Якъ бы намъ попа свого у шоры вбрати.
Геть винъ силомитью влизъ въ нашу парафію,
Та дивись, яку надъ нами крутить веремію.
Чого наши диды й батьки не чували,
То щобъ мы ёму на сповиди слебезували.
Та щежъ выдумавъ яку затію,
Щобъ мы давали дитей у винацію! [1])...
Охримъ. Геть я вамъ самъ казавъ: не дуже вы на ту оковитку! [2])
А въ рентя хто-жъ те знавъ? винъ добрымъ казався зъ дитку.
Пархимъ. Нема на світи, якъ нашъ бувъ винъ старый,
Що ёго и доси згадуе великій и малый.
Охримъ. Та й будемо, свату, довго споминати,
Бо вже не будемо такого попа мати.

---

[1]) *Винація*—обученіе, школа, отъ лат. *vinacea* въ производ. или перен. смыслѣ.
[2]) Намекъ на выборы священника и подпаиванье при томъ водкой.

Умивъ бо, свате, изъ людьми обходиться,
Та ще було де й горилки напиться.
Хочъ за винчаня и добре бравъ,
Та добре объ храми й людей панувавъ.
Попили, голубчики, теи оковитки,
Та ще не тилько мы, але и наши дитки.
А до сего але ніякъ и приступиться,
Не тилько щобъ коли горилки напиться.
Хоть и за диломъ прійдешъ, то все рыло дуе,
А якъ чого попросишъ, то мовъ и не чуе.

Тарасъ. Нехай але то насъ не шануе,
А то й Грицька Дяденка, що ще й титаруе.

Опанасъ. Та винъ и отамана ни въ-вищо не ставить:
Хочъ той що скаже, то винъ свое все править.

Лецько. Хоть е за що, хоть нема, а сажае въ купу,
Ось якъ посадивъ и Хиврю, мою куму;
А то тилько за те, що согришила,
Выбачайте ....., якъ дижу мисила.
Хоми причастя зовсимъ не давъ,
Що до церкви йдучи, горилки покуштувавъ.
И Семена старого за то въ куни державъ,
Що якось разъ съ кумою пожартувавъ;
Педора передъ причастямъ кваши покуштувала
Та й за те въ куни весь день стояла;
Снигуръ Гарасимъ тилько въ пятинку скорому наився,
То й за то въ куни добре насидився;
И Кирикъ Овадченко не втикъ сёго сорома:
Залицався на Настю, а вона ёго кума;
Та й Левко Музыка три дни въ куни-жъ сидивъ,
Що куми, выбачайте, щось не до ладу зробивъ.
А Процько за куму хочъ въ куни й не сидивъ,
Такъ на саме Риздво весь день поклоны гривъ;
Зинець изъ рідною кумою женихався,
Та и за то неборакъ у купу попався.

Педько. Ходимъ лишъ до дяка, та все ёму гарненько роскажимо,
Та ще й хороше ёго попросимо.

Приходять до дяка.

Свиридъ. Здоровъ будь, пане дяче, якъ соби маешъ?
А за чимъ прійшли, чомъ не питаешъ?
Дякъ. Почтенніи парафіяне, изволте сидати,
Коли въ гости прійшли, то будемъ витати.
Миронъ. Та спасыби, пане дяче, за твою ласку,
Послухай насъ, яку мы скажемо тоби казку:
Возьми лишъ каламаръ и перо, та напиши круто,
Щобъ падили на нашого попа зализнее путо.
Дякъ. Почтенніи миряне, изволте казати;
Чернилниця готова, що маю писати?
Педько. Ой пиши, пане дяче, що не велявъ челяди колядувати,
На улицю ходити и на Купайла черезъ огонь скакати;
Объ клечинни заказавъ винцивъ робити
И тихъ въ ночи на воду до рички носити.
Не вольно вже парубкамъ зъ дивчатами гуляти;
По чимъ же вони молодисть свою будуть знати?
Охримъ. А праздныкивъ наказавъ—що може зъ пивкопы буде
И щобъ кожного свята ходили до церкви вси люде.
Пархимъ. А коли жъ, пане свате, будемо робити,
Якъ станемо що свята до церкви ходити?
Старый, небижчикъ, не знавъ тихъ винацій,
Та й не було тоди ніякихъ затій:
До церкви ходили не кожнои недили,
А говилы тильки тіи, котри сами хотили.
А сей же молодый выдумавъ таку затію:
Не сповидае, хто скаже, що *Отче нашъ* це вмію,
А хто *Тройци* не скаже, то й не причащае,
А самъ зъ дякомъ въ церкви що день галагалае.
Педько. А жежъ старый небижчикъ пипъ не разъ и въ шинку хрестивъ,
И на Купайла скакавъ, и колядувати ходивъ,
А по весилляхъ не тилько було старостуе,
—Ходить у придани, та ще було й задружкуе;
И винчавъ, небижчикъ, не тилько що зъ кумою,
А хочъ прійди до ёго изъ ридною сестрою.
Аже винъ, покійникъ, не менше грихивъ знавъ,

Та парафіянъ своихъ такъ не мордувавъ
И хочъ мы тогди помолиться и не вмили,
А все жъ таки насущный хлибъ ѝли.

Супрунъ. Тогди, пане Педьку, и Богъ лучче годивъ,
Отъ тилько що народъ до церкви не ходивъ;
А при сёму то и Богъ не хоче годити,
Бо цей ставъ дитей въ випаціи вчити.

Стецько. Геть правду казала небижчиця Настя,
Що не буде народъ мати билше щастя;
Бо вона бачила, якъ замирала,
Що пятинка свята Пречисту прохала:
«Перестали люди Пречисту давно шанувати,
Не дай-же имъ щастя и доли мати.
Все кажуть: николи й погуляти;
А коли-жъ пятинку святую шанувати» [1])?

Федько. Чи любо дивиться на дивку Стицькивну,
Що волосъ побиливъ, та не найде соби ривню?
Бо теперъ безъ вина [2]) не до порога.
Ось якъ дивче Иваська—небога,
Що до неи нихто и не заглядае,
Геть тимъ, що въ бодни ничого немае.

Лавринъ. Прійдется и нашимъ дочкамъ дївувати,
Якъ сей довго буде попувати.

Буцъ Илько. Не бійся, пане Лецьку, не буде довго попомъ.
Отъ якъ до хурхурея вси пидемъ гуртомъ,
А тамъ якъ роскажемъ, якъ винъ нами крутить,
Або и суплику якъ розбере,
То може й самого до рукъ прибере.
Та якъ крутопопа попросимъ старого,
То, не бійся, заразъ дадуть другого.
Тоди перестане намъ за шкуру сала заливати,
Вывчимо мы ёго, якъ мае попувати;
Буде винъ памятати, що робивъ тутъ тартаръ,
Якъ одъвидае хурхурейськихъ барбаръ.

---

[1]) Послѣ этого чувствуется въ обоихъ спискахъ пропускъ.

[2]) *Вѣно*, приданое.

Винтипъ. Колибъ, Ничипоре, хоть по мошличку таки зложили,
Та пиднесли-бъ хурхуреевы, щобъ его виддалили;
Тай крутопопи треба щось дати,
Бо правду казала небижчиця мати,
Що безъ грошей не доступити до пана,
Якъ безъ сукна до гетмана.

Евтухъ. То правду, пане куме, оце ты кажешъ;
Бо й цеей справы дурницею не розвяжешъ.
Пиди лишъ, кликни мого Демка кума,
Тай попросите сюда Безпалька Наума,
Вони люде стари и всюди бували,
Тобъ може й вони що небудь сказали.
А ось вони й сами сюда чимчикують...
Читай лишъ, пане дяче, нехай и вони почують.

Дякъ читае:

«Въ Бозѣ Преосвященнѣйшему, надъ Владиками владичествующему, Божіей церкви и Христовой невѣсти краснителю, премудрѣйшему учителю, усердному всѣхъ бидныхъ защитителю, эпархіи новогроденской архіепископу, смиреннѣйшему Егору Своевольскому отъ православныхъ парахвіянъ села Нерушъ-мене, пресвятой еленской церкви, премного грешнихъ рабовъ;

Слѣзное доношеніе:

Мы нижайшіи раби просимо и молбы дѣемо, услыши святій, пресвятій Владико просящихъ и молящихъ Тебѣ, припадающихъ и цѣлующихъ святѣйшіи нозн твои, просящихъ милосердія твоего.

Избави насъ отъ хищнаго волка, бѣснословлющаго латинника, недостойнаго пресвитерскаго сана.

Ібо яко волкъ овцы пожераетъ, а не яко пастиръ во едино стадо соберастъ, и яко левъ свирѣпствующій ищетъ кого поглотити, тако и сей нашъ по Божому допущенію, грѣхъ ради нашихъ випаціянъ. У вѣчной памяти бувъ Хома Боголюбскій, не воспрещавшій, но еще поучавшій такову паству. На всякомъ мѣстѣ владычества твоего благослови душе моя Господа!

Наумъ. А щожъ вы це написали?
Аже вы сами себе извязали.
Аже-жъ винъ не самъ се кругить,
То все ёго панъ сотникъ учить.
Демко. Та винъ-же ёго сюда и втоптавъ,
Бо за нёго свою годованку виддавъ.
Терешко. Та вже-жъ, Демку, хоть грунты позбуваемъ,
А таки его съ попивства зипхаемъ.
Супрунъ. Ты гляди, Терешку, не дуже тупай,
Та старихъ людей послухай.
Бо въ ихъ багацько грошей и вони розумни люде,
То куда не пидуть, то ихъ правда буде.
Наумъ. Треба першъ сотника спахлювати,
То тоди будемо и на попа подавати.
Лавринъ. Та вже жъ, Терешку, не сыпать противъ витру пискомъ,
А черезъ позовы будемо ходити пишкомъ.
Ходимъ лучше до Манайла горѣлки пити,
Чимъ маемъ, врагъ знае, що робити.
Стецько. Кликнить-же и дяка, нехай и винъ выпье чарку.
Супрунъ. Ходимъ зъ вами, пане-дяче, Марку!
Дякъ. Благодарю покорно за ваши привиты,
Бо йде паламарь до церкви звонити!

Библіографія.

Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 г. Издалъ Л. Майковъ. С.-Петербургъ. 1884 г.

«Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ» Новицкаго изслѣдователямъ этнографіи и исторіи Сибири было извѣстно въ рукописи съ тридцатыхъ годовъ. Въ истекшемъ году это описаніе было издано обществомъ любителей древней письменности подъ редакціей Л. Н. Майкова. Изъ небольшаго предисловія Л. Н. Майкова видно, что свѣдѣній объ авторѣ «Краткаго описанія», Григоріѣ Новицкомъ, очень мало, и извлекаются они почти исключительно изъ его сочиненія. Языкъ «Описанія», манера изложенія, а равно и фамилія автора несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что Григорій Новицкій былъ малороссіяниномъ, по всей вѣроятности, питомецъ кіево-могилянскаго коллегіума. Новицкій былъ по неизвѣстной причинѣ сосланъ въ Сибирь въ 1712 году. Въ бытность свою въ Сибири Новицкій пользовался расположеніемъ губернатора кн. М. П. Гагарина и митрополита Филоѳея Лещинскаго; послѣдняго Новицкій сопровождалъ въ его путешествіяхъ для проповѣди христіанской вѣры остякамъ и вогуламъ; эти поѣздки подали Новицкому поводъ къ сочиненію «Описанія» въ 1715 г. При преемникѣ Филоѳея митрополитѣ Антоніѣ Стаховскомъ Новицкій назначенъ былъ въ кондинской волости надзирателемъ за исполненіемъ новокрещенными остяками христіанскихъ обязанностей и тамъ впослѣдствіи убитъ. Изъ «Описанія» видно, что авторъ его былъ человѣкъ весьма образованный и любознательный; онъ зналъ латинскій языкъ, читалъ римскихъ поэтовъ, самостоятельно ознакомился съ прошлыми судьбами сибирскаго края по лѣтописи Саввы Есипова. Несомнѣнно, Новицкій обладалъ свѣтлымъ умомъ и энергіей. Много малороссіянъ въ разное время было заброшено на дальній сѣверъ, гдѣ

пришлось имъ быть провозвѣстниками научнаго и литературнаго развитія краевой жизни, и среди нихъ Григорій Новицкій занимаетъ почетное мѣсто. Уважаемый редакторъ изданія даетъ «Краткому описанію» слѣдующую оцѣнку: «Крайне замѣчательно сочиненіе Новицкаго по внутреннему своему содержанію. Извѣстія его о миссіонерской дѣятельности преосв. Филоѳея даютъ «Краткому описанію» значеніе первоисточника въ этомъ отношеніи; а сообщаемые имъ многочисленные факты о древнемъ бытѣ западно-сибирскихъ инородцевъ ставятъ его на ряду съ записками старинныхъ католическихъ миссіонеровъ въ Америкѣ, напримѣръ, Лафито и Шарлевца, съ «Описаніемъ Камчатки» Крашенинникова и съ описаніями путешествій кругосвѣтныхъ мореплавателей прошлаго вѣка, изъ которыхъ новѣйшіе этнографы почерпаютъ столько важныхъ извѣстій по сравнительной исторіи культуры. Относительно этнографіи сибирской это—первое по времени спеціальное сочиненіе. Да и вообще ему слѣдуетъ отвести почетное мѣсто въ русской ученой литературѣ петровскаго времени; въ ряду литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ писателями, воспитавшимися на почвѣ схоластическаго направленія, не много найдется произведеній, которыя были-бы столь богаты фактическимъ содержаніемъ самаго живаго интереса»

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Харьковскій календарь и Памятная книжка на 1885 годъ. Изданіе харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей дѣйствительнаго члена-секретаря П. С. Ефименка. Харьковъ, X, 674, 128, 41 стр. Цѣна 1 рубль.

Съ тѣхъ поръ, какъ харьковскій календарь сталъ издаваться подъ редакціей нынѣшняго секретаря статистическаго комитета, П. Е. Ефименка, онъ совершенно преобразился: изъ обыкновеннаго сборника справочныхъ свѣдѣній онъ обратился въ солидную книгу, заключающую множество интересныхъ данныхъ по харьковской губерніи. Редакторъ, очевидно, поставилъ себѣ задачу группировать въ своемъ изданіи всѣ данныя (преимущественно-же статистическія), на основаніи которыхъ можно начертать картину быта какъ города Харькова, такъ отчасти и всей харьковской губерніи. Въ этомъ и заключается на нашъ взглядъ задача статистическихъ комитетовъ. Никакой частный предприниматель не сможетъ дать такого календаря, какой даетъ харьковскій статистическій комитетъ, во первыхъ потому, что подъ руками у него не будетъ такихъ богатыхъ матеріаловъ, а во вторыхъ потому, что онъ не получитъ

барышей, а въ убытокъ себѣ благодѣтельствовать не пожелаетъ. Вѣдь продавать по 1-му рублю книгу, заключающую въ себѣ болѣе 53-хъ печатныхъ листовъ, врядъ-ли кто согласится.

По содержанію своему харьковскій календарь распадается на три отдѣла—справочный, статистическій и литературно-научный.

Уже и первый справочный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія (напримѣръ о количествѣ газетъ и журналовъ, выписываемыхъ въ Харьковѣ, о числѣ книгъ, напечатанныхъ въ харьковскихъ типографіяхъ); но ихъ гораздо больше во второмъ—статистическомъ отдѣлѣ; этотъ послѣдній представляетъ намъ дѣйствительное положеніе губерніи и города Харькова въ разныхъ отношеніяхъ—экономическомъ, хозяйственномъ и т. д.

Но мы не будемъ останавливаться даже и на этомъ отдѣлѣ, а обратимся непосредственно къ третьему, литературно-научному отдѣлу, болѣе интересному для читателей «Кіевской Старины».

Здѣсь мы находимъ слѣдующія статьи: 1) «Статистическіе и описательные труды по харьковской губерніи», 2) «Отходъ крестьянъ изъ харьковской губерніи, 3) Нѣсколько данныхъ о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ въ харьковской губерніи, 4) Торговля г. Бѣлополья, 5) Замѣчательные уроженцы и дѣятели харьковской губерніи, 6) Архивы харьковской губерніи, 7) Харьковъ въ семнадцатомъ столѣтіи, 8) Городъ Харьковъ полтораста лѣтъ назадъ, 9) Выписка изъ фамильной записи Квитокъ и 10) Мандрованые дяки въ слободской Украйнѣ. Минуя первыя четыре статьи, остановимся только на шести послѣднихъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ южно-русской исторіи.

Въ статьѣ о замѣчательныхъ уроженцахъ и дѣятеляхъ харьковской губерніи помѣщены краткія біографіи слѣдующихъ лицъ: малорусскихъ поэтовъ отца и сына Александровыхъ, извѣстнаго русскаго писателя Григорія Петровича Данилевскаго, Коваленскихъ, пр. Чернаева, малороссійскаго поэта Я. И. Щоголева, малороссійскаго поэта Кореницкаго, извѣстнаго педагога бар. Корфа, пр. Осиповскаго, малороссійскаго поэта Писаревскаго и знаменитаго астронома Савича. Не зачѣмъ доказывать, какъ важно подводить итоги дѣятельности разныхъ лицъ, стяжавшихъ себѣ большую или меньшую извѣстность на разныхъ поприщахъ дѣятельности; достаточно сказать, что къ этому насъ побуждаетъ и нравственная обязанность, ибо это есть своего рода *jus manium*. И мы въ значительной степени выполняемъ эти обязанности по отношенію къ наиболѣе выдающимся дѣятелямъ—ученымъ, писателямъ и т. п. Но заслуги болѣе скромныхъ, въ особенности провинціальныхъ тружениковъ, предаются забвенію. Ихъ-то именно поэтому и нужно заносить на страницы

провинціальныхъ изданій, чтобы ихъ знали по крайней мѣрѣ въ томъ краѣ, которому они посвящали свои силы и способности, и чтобы примѣръ ихъ ободрялъ другихъ. Это до нѣкоторой степени могло-бы содѣйствовать подъему энергіи и общественной самодѣятельности въ провинціи; съ другой стороны полученныя такимъ путемъ цифры могли бы разрѣшить намъ любопытный вопросъ—въ состояніи-ли процвѣтанія или оскудѣнія находится научная, литературная и общественная дѣятельность въ томъ или иномъ уголкѣ нашего обширнаго отечества. Разсматривая съ этой точки зрѣнія біографіи уроженцевъ и дѣятелей харьковской губерніи, невольно наталкиваешься на грустныя мысли. Болѣе выдающіяся лица сдѣлали для своего края гораздо менѣе, чѣмъ позволяли имъ ихъ таланты; иные не сдѣлали ничего. Въ видѣ рѣдкихъ исключеній являются такія лица, которымъ удалось найти желанное равновѣсіе и которые одинаково дороги и для своего роднаго края и для всей Россіи.

Къ такимъ именно лицамъ нужно причислить Григорія Петровича Данилевскаго. Его «Украинская Старина» надолго останется настольною книгою для всякаго, интересующагося судьбами слободской Украйны нынѣшней харьковской губерніи. Но эта-же самая книга была цѣлымъ вкладомъ и въ общую русскую историческую литературу; не даромъ-же авторъ ея былъ награжденъ уваровской преміей отъ академіи наукъ! Въ другихъ своихъ произведеніяхъ Григорій Петровичъ Данилевскій также затрогиваетъ темы, касающіяся исторіи, археологіи и этнографіи южной Россіи. Романы изъ жизни новороссійскаго края—«Бѣглые въ Новороссіи», «Бѣглые воротились»—создали ему славу романиста.

Статья «Архивы харьковской губерніи» составлена на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя были собраны статистическимъ комитетомъ. Всякому занимающемуся и интересующемуся южно-русской исторіей извѣстенъ тотъ грустный фактъ, что исторія слободской Украйны почти совершенно не разработана. «Съ трудомъ вѣрится, говоритъ авторъ разбираемой нами статьи, «что этотъ интеллигентно ученый центръ (т. е. Харьковъ) за весь не малый періодъ своего существованія, почти ничего не сдѣлалъ для исторіи своего края, бывшей слободской Украйны, и что только теперь начинаются заботы о сохраненіи источниковъ для его исторіи, теперь, когда многое безвозвратно утрачено».

Нельзя не согласиться съ этимъ. Въ настоящее время въ Харьковѣ имѣется историческій архивъ (малороссійской коллегіи), перевезенный изъ Чернигова и заключающій въ себѣ богатые матеріалы для исторіи лѣвобережной Украйны, т. е. гетманщины въ XVIII и даже отчасти въ XVII вѣкѣ. Но документы бывшей слободской Украйны частью отсыла-

лись въ Москву въ архивъ министерства юстиціи, а частью были разбросаны по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ. Недавно въ мѣстномъ историко-филологическомъ обществѣ было выражено желаніе по крайней мѣрѣ привести ихъ въ извѣстность для того, чтобы потомъ принять какія нибудь мѣры для сосредоточенія ихъ въ какомъ нибудь надежномъ хранилищѣ. По собраннымъ статистическимъ комитетомъ свѣдѣніямъ оказалось, что сохранились доселѣ еще нѣкоторые любопытные документы, но исключительно только XVIII вѣка; среди нихъ на первомъ планѣ нужно поставить дѣла харьковской полковой канцеляріи, ахтырской полковой канцеляріи, переписную книгу харьковскаго полка, перепись лейбъ-гвардіи майора Хрущова 4-хъ слободскихъ полковъ, коммиссарскія вѣдомости и др. Въ настоящее время харьковское историко-филологическое общество обратилось съ ходатайствомъ къ подлежащимъ властямъ о передачѣ ему старыхъ дѣлъ, хранящихся при губернскомъ правленіи. Ходатайство это, нѣтъ сомнѣнія, будетъ уважено и тогда нынѣшній архивъ малороссійской коллегіи, хранящійся при историко-филологическомъ обществѣ, сдѣлается центральнымъ хранилищемъ матеріаловъ харьковской, черниговской и отчасти полтавской губерніи. Но харьковское историко-филологическое общество располагаетъ совершенно ничтожными средствами (сторублевой субсидіей и членскими взносами на такую-же сумму). Поэтому организовать и поставить прочно на ноги своего архива оно не можетъ. Остается единственная надежда на помощь правительства. Въ послѣднемъ своемъ засѣданіи историко-филологическаго общества мною была прочитана записка объ историческомъ архивѣ, принадлежащемъ обществу, гдѣ высказана мысль о необходимости болѣе прочной постановки архивнаго дѣла въ Харьковѣ; въ виду этого я предложилъ войти съ ходатайствомъ къ г. попечителю харьковскаго учебнаго округа о передачѣ архива въ непосредственное распоряженіе университета, на подобіе нумизматическаго кабинета и музея изящныхъ искусствъ, и объ ассигнованіи ему извѣстной штатной суммы. Историко-филологическое общество единогласно рѣшило войти съ такимъ ходатайствомъ черезъ историко-филологическій и юридическій факультеты къ г. попечителю округа. Если это ходатайство увѣнчается успѣхомъ, то въ Харьковѣ, по всей вѣроятности, образуется и архивная коммиссія, которая съ энергіей и любовью отнесется къ своей задачѣ; тогда судьба документовъ, разбросанныхъ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, будетъ вполнѣ обезпечена и явится возможность разрабатывать и мѣстную исторію, которая играла нѣкогда столь важную роль въ обще-русскихъ событіяхъ. Извѣстный архивистъ Ник. Вас. Калачовъ отнесся съ большимъ сочувствіемъ къ мысли объ устройствѣ въ Харьковѣ истори-

ческаго архива и архивной коммисіи; и это одно уже обстоятельство служитъ хорошимъ признакомъ.

Статья «Харьковъ въ семнадцатомъ столѣтіи» принадлежитъ мнѣ и потому распространяться о ней я не буду. Состоитъ она изъ документа, представляющаго описаніе города въ 1686-мъ году, и предисловія къ нему.

Слѣдующая статья «Городъ Харьковъ полтораста лѣтъ назадъ» является какъ-бы продолженіемъ предшествующей. Она основана исключительно на данныхъ, заключающихся въ переписной книгѣ харьковскаго полка, составленной лейбъ-гвардіи майоромъ Хрущовымъ въ 1732 г. и хранящейся въ мѣстной казенной палатѣ. Главную массу населенія въ то время составляли козаки и ихъ подпомощники; первыхъ было — 171 дворъ, 247 хатъ и 775 душъ (мужескаго пола); вторыхъ — 422 двора, 515 хатъ и 1,531 душа (мужескаго пола); громадное большинство ихъ были малороссіяне или, какъ ихъ тогда называли, черкасы; великороссіянъ, записанныхъ въ козацкую службу, было всего 13 дворовъ. Въ XVII ст. они составляли особый классъ служилыхъ людей и находились въ непосредственной зависимости отъ московскихъ воеводъ; но въ началѣ XVIII вѣка они стали записываться въ козацкую полковую службу и перешли вмѣстѣ съ тѣмъ въ вѣдѣніе слободскихъ полковниковъ. Въ переписи харьковскаго полка 1722 года мы находимъ цѣлый рядъ грамотъ, дозволяющихъ такой переходъ отдѣльнымъ лицамъ. Другою видною группою населенія въ Харьковѣ были ремесленники; ихъ было 65 дворовъ, 190 хатъ и 492 души (мужескаго пола); среди ихъ встрѣчаются ткачи, шевцы, котляры, ковали, рымари, музыки, скляри, шаповалы, гончари, кравцы, кушнери, тесли, олейники, винники, солодовники, кацари. Но если въ Харьковѣ цеховые составляли менѣе видную группу, чѣмъ козаки, то въ другихъ городахъ (Ахтыркѣ, Сумахъ, Изюмѣ) козачество достигло еще большаго преобладанія. Очевидно, что въ слободской Украйнѣ города по составу своего населенія отличались такимъ-же характеромъ, какъ и въ гетманщинѣ, съ тою только разницею, что въ гетманщинѣ было нѣсколько городовъ, выдававшихся по своему торговому и промышленному значенію (въ родѣ, напримѣръ, Нѣжина или Стародуба), а въ слободской Украйнѣ такихъ городовъ не было ни одного. Наконецъ, третью и самую меньшую группу составляли разночинцы; въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ грековъ, армянъ, поляковъ. Въ предмѣстьяхъ города на подворкахъ и въ хуторахъ жили *подданные* разныхъ владѣльцевъ; ихъ нужно отличать отъ крѣпостныхъ крестьянъ, приведенныхъ ихъ владѣльцами изъ разныхъ великороссійскихъ губерній. Всего въ Харьковѣ въ 1732 году считалось 950 дворовъ, 1280 хатъ и 3965 душъ (мужескаго пола); общее количество душъ обоего

пола правдоподобно простиралось до 7,435 душъ. На это число приходилось 5 церковно-приходскихъ школъ съ 19 учителями, одинъ коллегіумъ, 3 шпиталя и 25 шинковъ. Таковы интересныя свѣдѣнія о городѣ Харьковѣ, извлеченныя изъ переписной книги харьковскаго полка лейбъ-гвардіи майора Хрущова; такія-же свѣдѣнія имѣются относительно всѣхъ городовъ и селеній 4-хъ слободскихъ полковъ. Всѣ цифровыя данныя изъ этихъ книгъ извлечены мною и будутъ напечатаны въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи слободской Украйны.

Слѣдующая статья «Выписка изъ фамильной записи Квитокъ» затрогиваетъ любопытный вопросъ о мемуарахъ, касавшихся южной Руси. Мы знаемъ, что въ слободской Украйнѣ велись записи представителями разныхъ дворянскихъ фамилій—Квитками, Тевяшовыми, Лесевицкими, Кондратьевыми и, можетъ быть, еще многими другими. Этотъ фактъ имѣетъ полную аналогію съ тѣмъ, что мы видимъ въ гетманщинѣ, гдѣ въ теченіе XVII и XVIII в. появилось нѣсколько лѣтописцевъ, историковъ и мемуаристовъ (въ родѣ, напримѣръ, Самойла Зорки, Самуила Величка, Самовидца, Грабянки, Ханенка, Марковича и друг.). Къ несчастью даже тѣ произведенія, которыми пользовался преосвященный Филаретъ харьковскій, не дошли до насъ; не избѣжали общей участи и фамильныя записи Квитокъ, сохранилась только незначительная выписка изъ нихъ, напечатанная теперь въ харьковскомъ календарѣ. Если судить о содержаніи записей по тому отрывку, который теперь напечатанъ, то это скорѣе были *лѣтописныя замѣтки*, чѣмъ фамильные мемуары; но если даже большинство извѣстій тамъ относилось къ фамиліи Квитокъ, то и въ такомъ случаѣ нельзя не пожалѣть объ ихъ утратѣ, такъ какъ фамилія эта играла видную роль въ судьбахъ Слободской Украйны и ея исторія пролила-бы свѣтъ и на судьбы всей Слобожанщины. Въ приведенномъ отрывкѣ представляютъ значительный интересъ разсказы о моровой язвѣ въ харьковскомъ полку въ 1738 году и о нашествіи татарскихъ ордъ. Главное достоинство этихъ отрывочныхъ замѣтокъ заключается въ томъ, что онѣ писаны современниками и очевидцами событій; замѣтки одного члена фамиліи потомъ продолжались другими, такъ что получились записи на протяженіи почти цѣлаго столѣтія.

Наконецъ, послѣдняя историческая статья въ харьковскомъ календарѣ «Мандрованые дяки въ слободской Украйнѣ» передастъ намъ біографію одного дячка-учителя, переходившаго изъ одного селенія въ другое; мандрованными такіе дячки назывались потому, что постоянно перекочевывали съ одного мѣста на другое; вся жизнь ихъ проходила «въ мандривкахъ». Любопытный примѣръ такого мандрованнаго дячка представляетъ изъ себя и тотъ «безпаспортный» дячокъ и учитель,

Козьма Порадинъ, о скитальческой жизни котораго разсказывается въ документѣ, разысканномъ пр. А. С. Лебедевымъ и воспроизведенномъ на страницахъ харьковскаго календаря. Происхожденіе этого оригинальнаго явленія мѣстной жизни объясняется тѣмъ рѣшительнымъ вліяніемъ, которое имѣли на выборъ священника и причетниковъ прихожане; вотъ почему такихъ-же кочующихъ священниковъ и причетниковъ мы встрѣчаемъ въ древней новгородской области, а съ другой стороны въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи; и тамъ и здѣсь отношенія прихожанъ къ священно и церковно-служителямъ опредѣлялись свободнымъ договоромъ, который, конечно, могъ быть прекращенъ, если одна изъ сторонъ плохо исполняла свои обязанности. Нельзя также не поставить этого явленія въ связь съ тою свободою передвиженія, которою въ то время пользовались всѣ классы южно-русскаго общества, начиная отъ шляхты и оканчивая *подданными*, т. е. посполитыми крестьянами. Въ Слободской Украйнѣ въ частности постоянное передвиженіе населенія было еще болѣе господствующимъ явленіемъ, такъ какъ край заселялся исключительно пришлымъ людомъ, являвшимся сюда изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка въ Западной Европѣ, а потомъ и у насъ, ремесленники переходили изъ одного города въ другой съ цѣлью усовершенствованія въ своемъ ремеслѣ,—и лица, готовившія себя къ учительской или причетнической профессіи, посѣщали болѣе извѣстныхъ учителей и обучались у нихъ школьной премудрости, нотному пѣнію и т. п. Такимъ путемъ вырабатывалась страсть къ постояннымъ путешествіямъ, при чемъ вѣрнымъ пристанищемъ бывала школа, иногда церковный приходъ, а иногда и помѣщичій дворъ, гдѣ «мандривныкъ» получалъ кондицію. Нѣсколько любопытныхъ подробностей изъ быта такихъ мандрованыхъ дячковъ, школьниковъ и учителей можно найти въ «Украинской Старинѣ» г. Данилевскаго и въ недавно вышедшемъ отдѣльнымъ изданіемъ сочиненіи М. И. Семевскаго «Слово и дѣло».

Таковы интересныя историческія статьи, помѣщенныя въ харьковскомъ календарѣ на 1885-й годъ. **Дм. Багалѣй.**

О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. І. Сенкова. Спб. 1884 г.

«Основная задача предлагаемаго изслѣдованія, говоритъ авторъ,—опредѣлить время возникновенія первоначальной новгородской лѣтописи». Въ первой части этого труда приводятся мнѣнія по вопросу о возникно-

веніи новгородской лѣтописи, уже существующія въ наукѣ. Въ этомъ перечнѣ авторъ упустилъ лишь мнѣніе, высказанное въ послѣднее время г. Голубинскимъ, который признаетъ всю Іоакимовскую лѣтопись за подлогъ [1]). Мы позволяемъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ уважаемаго ученаго и вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Линниченка, что отношенія Татищева къ источникамъ, которыми онъ пользовался, не оставляютъ никакой возможности подозрѣвать его въ фальсификаціи [2]). Изъ приводимыхъ г. Сениговымъ мнѣній о первоначальной новгородской лѣтописи ясно видно, «что никто изъ нашихъ ученыхъ не сомнѣвался въ древности новгородскаго лѣтописанія, при чемъ одни изъ нихъ относятъ начало новгородской лѣтописи къ первой половинѣ XI в., а другіе полагаютъ возможнымъ существованіе лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ X в. до Владиміра св.»

Затѣмъ авторъ разбираемой статьи анализируетъ тѣ лѣтописныя извѣстія, которыя служатъ основаніемъ для мнѣнія о существованіи лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ X в. до Владиміра св. Нельзя не согласиться съ г. Сениговымъ, что эти извѣстія не даютъ возможности признать этого мнѣнія. Подобныя записи, какъ о св. Ольгѣ, о мѣстѣ погребенія Олега, о построеніи Ладоги и Новгорода, объ избраніи перваго новгородскаго посадника Гостомысла и т. п., внесены въ лѣтопись изъ устъ народа, у котораго всѣ эти событія могли долго сохраняться въ памяти и переходить отъ предковъ къ потомкамъ путемъ устной передачи, и прибавимъ, съ присоединеніемъ новыхъ подробностей, создаваемыхъ народной фантазіей. Противорѣчія въ хронологіи этихъ преданій съ хронологіей «Повѣсти временныхъ лѣтъ» также доказываютъ, что всѣ эти записи нельзя считать современными самымъ событіямъ, въ нихъ описываемымъ. Если это такъ, заключаетъ авторъ, то нѣтъ основанія предполагать, существованіе лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ до Владиміра св.—Намъ кажется, что авторъ не совсѣмъ правъ, дѣлая подобный выводъ. Можно сказать, что *въ дошедшихъ до насъ спискахъ новгородскихъ лѣтописей* нѣтъ данныхъ, указывающихъ, что начало лѣтописанія въ Новгородѣ относится ко времени до Владиміра св., но, можетъ быть, существовали списки, которые содержали записи событій до принятія христіанства и притомъ записи, современныя самымъ событіямъ. Авторъ останавливается на этомъ вопросѣ. Еще Срезневскій, на основаніи утратъ начала синодальнаго и академическаго списковъ новгородской лѣтописи, предполагалъ, что въ Новгородѣ существовала обширная лѣтопись о древ-

---

[1]) См. его Исторію Русской Церкви и Актъ московской дух. академіи, 1881 г.

[2]) Краледворская рукопись и Іоакимовская лѣтопись. Въ Ж. М. Н. Пр.

нѣйшихъ событіяхъ, какъ и такъ называемая Несторова [1]), а недавно г. Яницъ высказывалъ мысль, что въ начальныхъ тетрадяхъ синодальнаго списка утратился не какой-нибудь клочекъ кіевской «Повѣсти временныхъ лѣтъ», а самостоятельная новгородская начальная лѣтопись и вмѣстѣ съ нею значительное количество мѣстныхъ извѣстій и преданій о древнихъ судьбахъ Новгорода и объ отношеніяхъ его къ остальной Руси. Это предположеніе весьма правдоподобно. Г. Сениговъ старается доказать его несостоятельность на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Первый зародышъ лѣтописей заключается въ потребности сохранить воспоминаніе о достопамятныхъ дняхъ и случаяхъ. Такими достопамятными событіями у всѣхъ народовъ считались событія политической жизни. Въ древнѣйшей жизни В. Новгорода не было такихъ событій, которыя-бы свидѣтельствовали о политическомъ ростѣ новгородской области, о расширеніи предѣловъ и т. д.; политической силы В. Новгородъ не имѣлъ и находился въ полной зависимости отъ князей кіевскихъ. Стало быть, въ В. Новгородѣ не могло зародиться лѣтописаніе въ первый періодъ его исторіи. Этотъ выводъ логически вѣренъ, но не вѣрны самыя посылки этого умозаключенія. По нашему мнѣнію, категорически ставить ихъ нельзя. Укажемъ на нѣкоторые факты, ослабляющіе категоричность этихъ выводовъ. Авторъ считаетъ В. Новгородъ слабымъ, находящимся въ полной зависимости, подчиненіи у кіевскихъ князей; онъ приводитъ мнѣніе С. М. Соловьева, что междоусобія въ русской землѣ дали силы этому вольному городу. Но подъ 970 г. лѣтопись разсказываетъ, что новгородцы пришли просить себѣ князя у Святослава, который отвѣчалъ: «абы кто къ вамъ шелъ;» Ярополкъ и Олегъ дѣйствительно отказались. Новгородцы говорятъ: «аще не пойдете къ намъ, то налѣземъ князя себѣ». Неужели этотъ фактъ указываетъ на слабость В. Новгорода? Напротивъ видно, что новгородцы не церемонились съ своими князьями и третировали ихъ и въ это время уже такъ, что князья боялись сидѣть у нихъ. Угроза—отыскать себѣ князя въ другомъ мѣстѣ также могла быть сдѣлана только при сознаніи своей силы. Припомнимъ дальше, что въ 1014 г. Ярославъ отказался платить дань Кіеву. Очевидно, онъ разсчитывалъ на силы Новгорода въ борьбѣ, которая неминуемо должна была открыться съ кіевскимъ княземъ: Владиміръ св. уже приказалъ: «теребите путь и мосты мостите», приготовляясь идти на Новгородъ, и только смерть помѣшала ему исполнить свое намѣреніе [2]). Если до второй четверти XII в. кіевскіе князья садили въ Новго-

---

[1]) Срезневскій, Чтеніе о лѣтописяхъ, 1862 г., стр. 16.

[2]) Ипатск. лѣт., стр. 89.

родѣ своихъ сыновей, то это еще нисколько не указываетъ на слабость этого города. Что и самъ Новгородъ сознавалъ свою силу, и князья признавали ее, лучше всего видно изъ слѣдующаго факта. Между Святополкомъ кіевскимъ и Владиміромъ Мономахомъ заключенъ былъ договоръ, по которому В. Новгородъ долженъ былъ принадлежать Святополку, а Владиміръ Волынскій—Мономаху. Въ силу этого договора Святополкъ хотѣлъ отправить въ В. Новгородъ своего сына. Но новгородцы прислали въ Кіевъ пословъ, которые сказали Святополку: «се мы, княже, прислани къ тобѣ, и рекли намъ тако: «не хощемъ Святополка, ни сына его; аще-ли двѣ головѣ имѣетъ сынъ твой, то посли и». Святополкъ долго спорилъ съ ними, но новгородцы не уступили и взяли себѣ снова Мстислава, сына Мономаха [1]). Если-бы В. Новгородъ былъ слабъ, неужели-бы кіевскій князь такъ легко уступилъ постановленію его вѣча. Не въ половинѣ XIII в., не вслѣдствіе междоусобій на Руси возросла сила Новгорода, когда уже въ 1102 г. мы видимъ, что новгородцы грозятъ смертью князю, принять котораго не хотятъ. Сила В. Новгорода заключалась въ матеріальныхъ средствахъ. Что изъ Новгорода князья въ случаѣ опасности бѣгали за море для найма варяговъ (напр. Ярославъ),—это не показываетъ слабости его: средства на наемъ западныхъ дружинъ давали тѣ-же новгородцы. Кароагенъ былъ могучъ, но имѣлъ также наемныя войска и распускалъ ихъ по минованіи надобности, но, повторяемъ, онъ былъ могучъ. Сила В. Новгорода заключалась въ его торговлѣ. Богатства были у Новгорода всегда, и, пока можно было нанимать въ Западной Европѣ войска, до тѣхъ поръ онъ могъ бороться со всякими притязаніями, и сила его сознавалась и уважалась современниками. Мы привели эти лѣтописныя извѣстія только потому, что авторъ разбираемой статьи не обратилъ на нихъ должнаго вниманія. Не станемъ приводить фактовъ, доказывающихъ древность торговли В. Новгорода: желающіе могутъ найти ихъ въ нашей лѣтописи, у Адама Бременскаго; они сгруппированы въ сочиненіяхъ гг. Костомарова, Аристова, Фортинскаго [2]). Въ трудѣ г. Григорьева о куфическихъ монетахъ находятся указанія, что онѣ были открываемы на шведскомъ материкѣ, и еще болѣе на островѣ Аландѣ и Готландѣ. Онѣ относятся къ промежутку времени VII—X в. [3]). Заходить на Балтійское побережье онѣ могли только чрезъ Русь, кото-

---

[1]) Ипатск. лѣт., стр. 181—182.

[2]) Костомаровъ, Сѣверно-Русскія народоправства; Аристовъ, Промышленность древней Руси; Фортинскій, Ганзейскіе города.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, 1848 г., т. II; затѣмъ въ Сборникѣ «Россія и Азія».

рая была съ востокомъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Слѣдовательно съ огромною вѣроятностью можно относить торговлю Новгорода съ берегами Балтійскаго моря еще къ VII в.

И такъ въ силѣ В. Новгорода, намъ кажется, сомнѣваться нельзя. Соглашаясь съ г. Сениговымъ, что до оффиціальнаго введенія христіанства въ В. Новгородѣ не могло быть тамъ важныхъ событій церковнаго характера, мы не можемъ согласиться съ нимъ въ томъ, что во внутренней жизни этого города не было фактовъ, которые могли-бы быть записаны въ первоначальной новгородской лѣтописи. Если была обширная торговля, сношенія со всѣми берегами Балтійскаго моря, то смѣло можно предположить, что было много достопамятнаго для занесенія въ лѣтопись. Исторія Новгорода стояла въ тѣсной связи съ его торговыми сношеніями. Извѣстно, что прекращеніе торговли съ югомъ или низовыми городами служило сильнымъ орудіемъ у князей въ послѣдующій періодъ для ослабленія силы Новгорода и подчиненія его своей власти. Не станемъ приводить фактовъ. Если такова была зависимость политической жизни Новгорода отъ его торговли, то понятно, что всякій выдающійся фактъ ея, всякое событіе, способствовавшее развитію его торговыхъ сношеній или приносившее имъ вредъ, могло служить матеріаломъ для первоначальной лѣтописи.

Нисколько нельзя сомнѣваться въ томъ, что письменность существовала въ Кіевѣ до принятія христіанства; несомнѣнно существовала она и въ Новгородѣ, и, насколько мы поняли, самъ г. Сениговъ не сомнѣвается въ этомъ. Кто могъ принадлежать къ числу грамотныхъ людей? Прежде всего, конечно, христіанское духовенство, существовавшее на Руси еще до Владиміра св. Въ договорѣ съ греками 944 г. читаемъ: «мы же свѣщаное все положихомъ *на двою харатью*, и едина харотья есть у царства нашего, на нейже есть крестъ и имена наша написана, а на другой посли ваша и *гостье ваши*» [1]). Въ договорѣ 912 г. также говорится о двухъ хартіяхъ [2]). Не имѣло-бы никакого смысла оставлять одинъ экземпляръ договора на Руси, если-бы въ ней не было людей грамотныхъ. Договоры эти по преимуществу касаются торговыхъ сношеній Руси съ Византіей, а стало быть и точное выполненіе заключающихся въ нихъ условій интересовало главнымъ образомъ купцовъ, которые подъ договорами и подписываются. Въ договорѣ 944 г. между прочимъ находимъ; «иже посылаеми бывають отъ нихъ послы и гостье, да приносять

---

[1]) Ипатск. лѣт., стр. 32—33.

[2]) Ibidem., стр. 22.

грамоту, пишюще сице [1])»... Что купцы умѣли писать, это видно изъ сообщенія арабскаго писателя Ибнъ-Фоцлана, видѣвшаго ихъ на Волгѣ. По его разсказу, купцы поставили на курганѣ, насыпанномъ надъ пепломъ ихъ умершаго товарища, столбъ, на которомъ написали имя покойника и имя князя, при которомъ онъ умеръ [2]). Слѣды хронологіи до-христіанской, когда счетъ времени велся по годамъ правленія правившаго князя, мы находимъ и въ періодъ христіанскій, на первыхъ страницахъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ списковъ и въ похвалѣ Владиміру св. Іакова Мниха [3]). Если сохранялась такая хронологія, значитъ, она и употреблялась раньше, слѣдовательно существовали записи и въ языческій періодъ. Въ разсказахъ нашихъ лѣтописей, въ очень и очень многихъ мѣстахъ, видно, что писавшіе были лица не духовныя; тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно предположить это для времени языческаго. Первоначальная лѣтопись В. Новгорода могла вестись и въ языческій періодъ людьми мірскими; въ нее могли входить записи о фактахъ внутренней жизни В. Новгорода, о его торговыхъ предпріятіяхъ, о распространеніи его колоній. Что съ утвержденіемъ христіанства, особенно въ первое время, лѣтопись слѣдитъ, главнымъ образомъ, за фактами религіозной жизни и дѣйствіями князей, а на первыхъ страницахъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ списковъ почти нѣтъ извѣстій о внутренней жизни, это не можетъ служить доказательствомъ отсутствія подобныхъ записей и въ тотъ періодъ, когда лѣтопись велась лицомъ не духовнымъ. Итакъ, намъ кажется, что *дѣлать категорическій выводъ* объ отсутствіи лѣтописи въ В. Новгородѣ въ періодъ до утвержденія тамъ христіанства нельзя. Можно только сказать, что *имѣющіяся у насъ лѣтописныя данныя* не могутъ служить къ утвержденію мнѣнія о существованіи первоначальной новгородской лѣтописи до Владиміра св... Словомъ, лѣтописи, если основывать все дѣло на ихъ содержаніи, не говорятъ ни за, ни противъ. Но нѣкоторые факты, сообщаемые нашими древнѣйшими лѣтописями и другими источниками, скорѣе даютъ право предполагать существованіе въ В. Новгородѣ лѣтописныхъ записей и въ до-христіанскій періодъ.

П. Голубовскій.

---

[1]) Ипатск. лѣт., стр. 30.

[2]) Разсказъ Ибнъ-Фоцлана у Френа въ Ibn-Foszlan's und andere Araber Berichte.

[3]) Ипатск. лѣт., стр. 10; Лавр. лѣт., стр. 17. Похвала въ послѣдній разъ напечатана у г. Голубинскаго въ Исторіи Русской церкви, т. I, стр. 2.

Писцовая книга пинскаго и клецкаго княжества, составленная Станиславомъ Хвальчевскимъ въ 1552—1555 г. Изданіе виленской археографической коммисіи. Вильна. 1884 г.

«Читали-ли вы писцовыя книги? А если вы ихъ не читали, то я съ вами и разговаривать не буду!» такъ рѣзко иногда обрывалъ покойный А. П. Щаповъ горячіе споры свои съ товарищами. Мы вспоминаемъ его слова не съ тѣмъ, конечно, чтобы отнести ихъ къ нашимъ благосклоннымъ читателямъ и самимъ отказаться отъ пріятной бесѣды, но съ тѣмъ, чтобы указать на то, какое важное значеніе этимъ книгамъ придается лучшими изслѣдователями въ наукѣ русской исторіи. Хотя наши историки давно уже обратили на нихъ должное вниманіе и время отъ времени подвергали ихъ разработкѣ, тѣмъ не менѣе этотъ родъ книгъ не только еще не весь изданъ, но и изданный далеко еще не весь изслѣдованъ. Въ особенности мало писцовыхъ книгъ издано для исторіи южной и западной Россіи. Въ этомъ отношеніи виленская археографическая коммисія, надо отдать ей справедливость, сдѣлала больше другихъ. Благодаря ея неутомимости, мы имѣемъ:

1) Ревизію пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ Григорія Воловича 1559 года. Вильна. 1867 г.

2) Ординацію королевскихъ пущъ въ лѣсничествахъ бывшаго Великаго Княжества Литовскаго 1641 года. Вильна. 1877 г.

3) Писцовую книгу пинскаго староства Лаврина Войны. Часть I и II. Вильна. 1874 г.

4) Ревизію кобринской экономіи 1563 года. Вильна. 1876 г.

и 5) Писцовую книгу гродненской экономіи (XVI ст.). Вильна. 1881 г.

Каждая изъ названныхъ книгъ ждетъ еще до сихъ поръ своего изслѣдователя, такъ какъ обычныя предисловія кого либо изъ членовъ археографической коммисіи знакомятъ только съ памятникомъ въ самыхъ общихъ чертахъ и далеко не исчерпываютъ всѣхъ заключающихся въ немъ данныхъ. Этими словами мы вовсе не хотимъ упрекнуть авторовъ «предисловій» за то, что они не обработали своего матеріала во всемъ его объемѣ или въ какой либо части его, съ большей полнотой, но имѣемъ въ виду указать лишь на ту «жатву многу», для которой «дѣлателей» у насъ мало, да и тѣ немногіе, которые есть, не всегда знаютъ, гдѣ ея искать, и напоминаютъ судьбу крестьянъ, пускающихся зря въ отхожіе промыслы. Что дѣйствительно «жатва» въ писцовыхъ книгахъ «многа», въ доказательство этого мы позволимъ себѣ напомнить кратко объ ихъ происхожденіи и содержаніи, конечно, не для тѣхъ почтенныхъ спеціалистовъ, которые могутъ еще и насъ поучить. Цѣль составленія

писцовыхъ книгъ была двоякая: съ одной стороны имѣлось въ виду укрѣпить права частныхъ лицъ на владѣніе въ опредѣленныхъ границахъ и извѣстнаго рода и качества поземельной собственностью, съ другой—доставить правительству свѣдѣнія: а) о всѣхъ земляхъ и угодьяхъ извѣстной области, б) о ея населеніи и в) о податяхъ и повинностяхъ его. Попытки привести въ извѣстность и исчислить имущество, съ котораго собиралась подать, дѣлались со времени основанія русскаго государства; опредѣленнѣе всего это выражено въ разсказѣ Нестора лѣтописца о княгинѣ Ольгѣ, которая, съ сыномъ своимъ и дружиной, ходила по землѣ древлянъ, «устанавляющи уставы и уроки»[1]). Въ первое время, за недостаткомъ письменности, все основывалось на памяти, и едва-ли князья прибѣгали къ тѣмъ «чрѣтамъ и рѣзамъ», которыми сначала славяне «чьтяху и гадаху». Въ удѣльно-вѣчевой періодъ дальнѣйшее развитіе писцовыхъ книгъ К. А. Неволинъ видитъ въ грамотѣ великаго князя Всеволода Юрьеву монастырю въ Новгородѣ, въ уставѣ новгородскаго князя Святослава о церковной дани (1137 г.) и въ уставныхъ грамотахъ (1150 г.), данныхъ смоленскимъ княземъ Ростиславомъ смоленской епископіи[2]). Потомъ дѣло описанія продолжали въ восточной Руси монголы, а въ западной литовскіе князья, а за ними и польскіе короли. Разъ начатое дѣло продолжалось и позже, становясь все болѣе необходимымъ, постепенно развиваясь и совершенствуясь. Дальнѣйшая судьба писцовыхъ книгъ въ Россіи изложена обстоятельно въ актовой рѣчи К. А. Неволина, читанной имъ въ с.-петербургскомъ университетѣ и помѣщенной въ томъ же томѣ «Полнаго Собранія его сочиненій» подъ заглавіемъ: «Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до императрицы Екатерины II» (стр. 431—517). Къ тому времени, къ которому относится писцовая книга пинскаго и клецкаго княжествъ, оно велось уже весьма обстоятельно. Въ этихъ книгахъ мы находимъ богатый матеріалъ для исторической географіи: указанія на характеръ мѣстности, перечисленіе рѣкъ, рѣчекъ, болотъ, озеръ, лѣсовъ и проч., описаніе путей сообщенія, свѣдѣнія объ административномъ дѣленіи страны, топографіи городовъ и селъ, съ опредѣленіемъ занимаемаго ими пространства, количествомъ улицъ, общественныхъ зданій, частныхъ домовъ, съ опредѣленіемъ величины усадьбъ, перечнемъ домохозяевъ, ихъ семей и съ указаніемъ на занятія жителей; въ селахъ описывалось, кромѣ вели-

[1]) Лавр. лѣт., т. I, стр. 25. Полагаютъ, что описаніе земель заимствовано изъ Греціи, вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства. Мы думаемъ, что потребность въ такихъ описаніяхъ возникла еще до принятія христіанства, какъ доказываетъ примѣръ кн. Ольги (Полное собраніе сочиненій К. А. Неволина. Спб. 1859, т. VI, стр. 446).

[2]) При этомъ Неволинъ предлагаетъ гипотезу о заимствованіи обычая.

чины крестьянскихъ надѣловъ, качество и количество обрабатываемой земли, размѣръ и все разнообразіе крестьянскихъ платежей и натуральныхъ повинностей и проч. Какъ видите, Щаповъ отчасти правъ былъ, пожалуй, упрекая изслѣдователей въ томъ, что они обходятъ этотъ главный матеріалъ для выводовъ и заключеній при рѣшеніи вопросовъ о судьбахъ общества и государства. Историческая географія, политическая экономія и статистика должны быть и будутъ, въ числѣ другихъ вспомогательныхъ наукъ исторіи, краеугольными камнями, на которыхъ только, съ увѣренностью въ прочность, и можно будетъ построить законы развитія общества. Кто-же послѣ этого не пожелаетъ, чтобы изданіе и разработка такого рода данныхъ нашли себѣ побольше преданныхъ работниковъ? Кто-же послѣ этого не порадуется, вмѣстѣ съ нами, выходу въ свѣтъ новой писцовой книги, заглавіе которой мы привели выше и къ обозрѣнію которой мы и приступимъ теперь?

Названіе «писцовая книга» усвоено только описаніямъ земель, производившимся въ восточной половинѣ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, а разсматриваемый матеріалъ получилъ его впервые отъ своихъ издателей; въ дѣйствительности-же заглавіе книги таково: «Regestr pomierzania ziem na włoki powiatow y theze kxiestwa Pynskiego, Klieczkiego» ect.[1]). Это уволочное измѣреніе начато было весной 1552 года, а окончилось также весной въ 1555 году. Приказъ объ измѣреніи былъ данъ королевой Боной пинскому и клецкому старостѣ Станиславу Хвальчевскому, который, въ свою очередь, поручилъ исполненіе этого дѣла дворянину Яну Горецкому и землемѣрамъ Яну Дубовскому и Богушу Михновичу. Измѣреніе было произведено въ пинскомъ и клецкомъ княжествахъ[2]), которыя, принадлежа сначала князьямъ Ярославичамъ, Ивану и его сыну Ѳеодору, перешли потомъ по наслѣдству къ королю Сигизмунду I, отдавшему ихъ въ пожизненное владѣніе своей женѣ королевѣ Бонѣ. Одной изъ главныхъ задачъ при назначеніи измѣренія земель было округленіе крестьянскихъ земельныхъ участковъ посредствомъ размежеванія ихъ съ сосѣдними землевладѣльцами, при чемъ интересы частныхъ лицъ, если они сталкивались съ интересами королевскихъ крестьянъ, всегда приносились въ жертву послѣднимъ. Издаваемому «регистру» предшествуетъ обычное предисловіе, авторомъ котораго на

---

[1]) Вообще подобныя описанія въ западномъ краѣ носятъ названіе: люстрацій, ревизій, тарифовъ, инвентарей и проч.

[2]) Г. Пинскъ, уѣздный городъ, и м. Клецкъ, слуцкаго уѣзда, оба въ минской губерніи, были въ XVI и слѣд. вѣкахъ повѣтовыми городами брестъ-литовскаго воеводства, граничившаго на югѣ съ кіевскимъ и волынскимъ воеводствами.

сей разъ является г. Спитко. Въ своей статьѣ онъ касается всего по немножку: и экономическаго положенія крестьянъ въ королевскихъ имѣніяхъ, и администраціи сихъ послѣднихъ, и состава населенія по профессіямъ, и количества земли въ волокахъ подъ землями разнаго назначенія, и количества населенія, съ выдѣленіемъ въ главныхъ городахъ евреевъ, и описанія городовъ и мѣстечекъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на состояніе православія, количество церквей и монастырей и надѣлы духовенства. Правду сказать, статья читается легко и не безъ удовольствія, хотя пониманіе ея затрудняется постояннымъ употребленіемъ древнихъ мѣръ: земельной и денежной, безъ перевода ихъ на современныя [1]); самый главный отдѣлъ статьи—объ экономическомъ положеніи крестьянъ—изложенъ нѣсколько неясно, и чтобы оріентироваться въ немъ, приходится прочитывать одно и то-же два, три раза. Но такъ какъ этотъ отдѣлъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наиболѣе интересный, то мы извлечемъ изъ него общіе выводы и сопоставимъ ихъ съ имѣющимися у насъ данными о положеніи крестьянъ въ юго-западномъ краѣ. Оказывается, что повинности, наложенныя на крестьянъ пинскаго и клецкаго княжествъ королевой Боной, были ниже повинностей, въ общей сложности, ложившихся на крестьянъ по «уставѣ на волоки» короля Сигизмунда-Августа (приблизительно, будто-бы, для тяглыхъ на 65 коп., и для осадныхъ на 1 руб. 43 коп., по современному счету). Въ имѣніяхъ-же частныхъ владѣльцевъ крестьянскія повинности были гораздо разнообразнѣе и вообще обременительнѣе, нежели въ королевскихъ. Сравнивая теперь брестъ-литовскихъ крестьянъ съ сосѣдними волынскими того-же времени, находимъ, что положеніе однихъ ничуть не было лучше положенія другихъ. Какъ брестъ-литовскіе, такъ и волынскіе крестьяне въ королевскихъ имѣніяхъ должны были работать въ году отъ 108 до 128 дней или, переводя натуральныя повинности на денежныя, платить около 10 рублей, тогда какъ въ имѣніяхъ частныхъ лицъ число рабочихъ дней въ году возвышалось отъ 190 до 290, что, въ переводѣ на деньги, равнялось 15—20 рублямъ. Мы не говоримъ о кіевскомъ воеводствѣ, особенно южной половинѣ его, гдѣ постоянно

---

[1]) Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что уволока равна 19 десятинамъ съ половиной (почти), а жеребей равняется уволокѣ; причемъ переводъ уволоки заимствуется изъ «Словаря древняго актоваго языка» г. Горбачевскаго, безъ указанія источника, а при переводѣ жеребья дѣлается ссылка на сочиненіе г. Ярошевича: «Obraz Litwy», тогда какъ гораздо лучше и проще было-бы ссылаться на наши русскіе законы («Законы гражданскіе и межевые», часть 2-я, статья 500—502), гдѣ прямо сказано, что уволока равна 19 десятинамъ, 2010 квадратнымъ саж.; шнуръ—23 саж.; служба—190 десятинамъ и 900 квадратнымъ саженямъ; сѣнные покосы—100 копнамъ или 10 десятинамъ; моргъ—1452 квадратнымъ саженямъ, а жеребей—20 десятинамъ.

крестьянскія повинности и платежи были не высоки, вслѣдствіе близости Запорожья и частыхъ побѣговъ туда крестьянъ, искавшихъ приволья и независимости. Къ концу XVIII столѣтія число рабочихъ дней на Волыни увеличилось до 320; въ пинскомъ и клецкомъ повѣтахъ, само собою разумѣется, оно должно было быть не меньше, если еще не больше. Окраины-же кіевскаго и подольскаго воеводства и въ это время находились въ болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Характеръ землевладѣнія былъ подворный, хотя есть указаніе и на общинный; напримѣръ: въ селѣ Матвѣевичахъ, послѣ исчисленія крестьянскихъ надѣловъ (средній надѣлъ въ обоихъ княжествахъ равняется 20 десятинамъ или одной уволокѣ), говорится, что крестьяне «przyely *wszysthkym szyolem* na czynszu w thym ze obrubye szochu nye rozganianych wlok 3 (60 десятинъ) grunthu szrednyego». Подобныя-же указанія встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ книги. Пожертвованіе крестьянами земли въ пользу церквей («мужицкое наданье», фундушъ) въ свою очередь служитъ, по нашему мнѣнію, доказательствомъ общиннаго землевладѣнія.

О католическихъ церквахъ и монастыряхъ, равно какъ и объ ихъ служителяхъ упоминается рѣдко, вслѣдствіе того, конечно, что католицизму въ это время далеко не принадлежала здѣсь преобладающая роль и всюду, напротивъ, господствовало православіе, хотя польская колонизація края уже даетъ себя чувствовать и сказывается въ языкѣ.

Евреи въ пинскомъ и клецкомъ княжествахъ составляли самый незначительный процентъ (въ городахъ около 4%). Изъ 28 домохозяевъ въ Пинскѣ, напримѣръ, только два занимались земледѣліемъ, остальные довольствовались усадьбами и огородами въ городѣ и принадлежали, по мнѣнію г. Снитко, къ торговцамъ; въ селахъ-же, какъ видно изъ нѣсколькихъ примѣровъ, евреи чаще всего отдавались земледѣлію (стр. 75 и 76).

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе этой богатой новыми и при томъ, что особенно важно, точными данными.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы въ будущемъ изданіе всякаго рода люстрацій, ревизій, тарифовъ и другихъ книгъ со статистическимъ матеріаломъ приняло болѣе широкіе размѣры, ибо только цифры могутъ дать незыблемое основаніе историческому знанію. Старая, правда, это истина, но она долго еще будетъ нова.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

КЪ СТАТЬѢ Г. БЕРХИНА „О ПОСОЛЬСТВАХЪ ВЛАДИМІРА СВ. ДЛЯ ИСПЫТАНІЯ ВѢРЪ“ [1]).

Нельзя сказать, чтобы исторія нашего древняго періода изобиловала источниками, а поэтому всякое новое извѣстіе, дополняющее наши свѣдѣнія, встрѣчается съ большимъ интересомъ. Извѣстіе Іегуды о посольствѣ Владиміра св. въ Хозарію для испытанія вѣры іудейской несомнѣнно заслуживаетъ полнаго вниманія, но признать его достовѣрность можно только послѣ тщательнаго критическаго изслѣдованія. Главнымъ образомъ вопросъ о подлинности самого этого документа можетъ быть рѣшенъ только оріенталистами. Въ настоящей нашей замѣткѣ мы хотимъ сказать лишь нѣсколько словъ о легендѣ лѣтописной, которую подвергаетъ разбору и г. Берхинъ.

Г. Гаркави въ своемъ разборѣ извѣстія Іегуды указываетъ весьма справедливо, что въ Кіевѣ были евреи при Владимірѣ св. и что поэтому испытать іудейскую вѣру можно было, и не посылая въ Хозарію. Г. Берхинъ, возражая г. Гаркави, говоритъ, «что это возраженіе можно съ такой-же силой направить и противъ подлинности такъ называемой лѣтописи Нестора». Онъ приводитъ цѣлый рядъ извѣстныхъ доказательствъ о существованіи въ Кіевѣ христіанъ и до Владиміра св. и при немъ и въ заключеніе спрашиваетъ: «для чего Владиміръ св. отправилъ пословъ въ Грецію, когда онъ могъ

---

[1]) «Кіевская Старина» 1884 г. Декабрь.

увидѣть христіанское богослуженіе въ самомъ Кіевѣ?» Совершенно вѣрно. Если было безъ всякой нужды отправлено посольство въ Грецію, то могло быть послано и въ Хозарію. Но тутъ произошло недоразумѣніе. Г. Берхинъ ошибочно предполагаетъ, будто наукой признается фактъ отправки посольства въ Грецію: онъ отрицается, какъ и фактъ посольства въ Болгарію. Посольства были не нужны, потому что представители христіанства, мусульманства и іудейства были тогда въ Кіевѣ, какъ въ важномъ торговомъ центрѣ. Тутъ путями греческимъ, залознымъ и соленымъ сходились купцы изъ Греціи, Хозаріи и культурнаго арабскаго юга. Фактъ посольства въ Грецію не подтверждается при томъ извѣстіями иностранныхъ писателей. Византійскіе хроникеры разсказываютъ о крещеніи св. Владиміра, о женитьбѣ его на Аннѣ, но ничего не упоминаютъ о посольствѣ для испытанія вѣры. Нужно замѣтить, что византійцы были народъ весьма самолюбивый. Они могли умолчать о завоеваніи руссами Корсуня (Херсонеса), но не преминули-бы разсказать о подавляющемъ впечатлѣніи, произведенномъ на руссовъ пышностью и торжественностью ихъ богослуженія. Кедринъ и другіе не преминули-бы разукрасить это событіе, какъ льстившее ихъ національной гордости. Писатель западный, Дитмаръ Мерзебургскій, также знаетъ о крещеніи св. Владиміра и его женитьбѣ на Аннѣ, которую смѣшиваетъ съ Еленой, но ему ничего неизвѣстно о посольствѣ для испытанія вѣры. Говорятъ объ этомъ событіи и восточные писатели, Ибнъ-эль-Атиръ и Яхія антіохійскій. Они раскрываютъ намъ дѣйствительную причину фактовъ. Императоры Василій и Константинъ просили у Владиміра помощи, обѣщая выдать за него свою сестру. Крещеніе совершилось, и съ обѣихъ сторонъ было исполнено условіе [1]). Таково извѣстіе Ибнъ-эль-Атира, заслуживающаго полнаго нашего довѣрія по своей добросовѣстности и обширнымъ свѣдѣніямъ [2]). Оказывается, что внутреннія неурядицы въ самой Византіи дали толчекъ къ женитьбѣ Владиміра св. на Аннѣ. Стало быть,

---

[1]) D'Ohsson. Les peuples du Caucases, pag. 240.

[2]) О немъ см. «Записки академіи наукъ», по I и III отд. 1854 г., т. II, а также Defrémerey. Fragments des géographes et d'historiens... О Ибнъ-Яхіи антіохійскомъ см. статью г. Флоринскаго въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ: «Новыя книги по южно-славянской исторіи».

извѣстіе лѣтописи о посольствахъ для испытанія вѣръ не можетъ быть признано исторически достовѣрнымъ. Такимъ образомъ, фактъ посольства въ Хозарію отрицается не вслѣдствіе умолчанія о немъ лѣтописи, а вслѣдствіе непризнанія достовѣрнымъ *всего* разсказа лѣтописи о всѣхъ посольствахъ для испытанія вѣръ.

Г. Берхинъ дѣлаетъ остроумное замѣчаніе, что разсказъ о крещеніи Руси былъ написанъ послѣ взятія Іерусалима крестоносцами. Это по нашему мнѣнію вполнѣ вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, не могли-же іудейскіе проповѣдники говорить: «и предана бысть земля наша христіанамъ»[1]), пока крестоносцы не основали іерусалимскаго королевства. Слѣдовательно весь разсказъ о принятіи Владиміромъ св. христіанства явился въ послѣдней своей редакціи послѣ 1099 г. Источниками этого разсказа признаются: Палея, житія Владиміра св. Іакова Мниха, исповѣданіе вѣры Михаила Синкела[2]), но несомнѣнно также сюда вошли и народныя преданія, а можетъ быть и мѣстныя русскія литературныя произведенія, существовавшія до составленія лѣтописнаго свода Сильвестромъ. «Се-же не свѣдуще право, глаголють, яко крестился есть въ Кыевѣ, инии-же рѣша въ Василевѣ, друзии-же рѣша, ино сказующе», говоритъ Сильвестръ[3]). Итакъ Владиміръ св. крестился въ Корсунѣ, въ Кіевѣ, въ Василевѣ и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Существовало значитъ нѣсколько преданій, привязанныхъ къ извѣстнымъ мѣстностямъ; можетъ быть, каждое изъ нихъ существовало въ формѣ литературнаго произведенія. Но несомнѣнно, что народныя преданія, съ характеромъ своего особеннаго творчества, послужили въ сильной степени для послѣдняго редактора: живость и юморъ— вотъ двѣ характеристическія черты всего разсказа о крещеніи Руси. Народная память разукрасила фактъ, расширила его несуществовавшими подробностями. Выкиньте исповѣданіе вѣры, поученіе о вѣрѣ греческаго философа, что все есть несомнѣнная вставка; оставьте только діалогъ Владиміра св. съ этимъ философомъ въ видѣ краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ, и тогда весь разсказъ о приходѣ проповѣдниковъ и о докладѣ возвратившихся пословъ приметъ харак-

---

[1]) Ипатск. лѣт., стр. 57.

[2]) См. работы: Сухомлинова, Бестужева-Рюмина, Костомарова и др.

[3]) Ипатск. лѣт., стр. 76.

теръ народной пьесы, въ родѣ вертепнаго представленія объ Иродѣ. Южно-русскій народный юморъ, который былъ таковъ-же прежде, какъ и теперь, вывелъ на сцену своихъ сосѣдей и заставилъ ихъ предстать въ комическомъ видѣ, не упустивъ случая посмѣяться надъ врагомъ и недругомъ. Составитель лѣтописи сгладилъ нѣсколько этотъ колоритъ народнаго творчества, внесъ поученіе и исповѣданіе вѣры, а также то извѣстіе обо всѣхъ этихъ событіяхъ, которое существовало, можетъ быть, въ какомъ-нибудь письменномъ документѣ. Интересно, что разсказъ Ибнъ-эль-Атира въ одномъ мѣстѣ вполнѣ согласенъ съ лѣтописнымъ. Хозарское владычество заставило тѣсно сблизиться Русь съ Хозаріей. Припомнимъ, что титулъ «каганъ», придаваемый митрополитомъ Иларіономъ русскому князю, есть наслѣдіе хозарское. Въ южной Руси до сихъ поръ сохранились названія: Козаровка, Козари, Козаричи, что ясно указываетъ на пребываніе козаръ среди туземнаго населенія. Тѣмъ болѣе они должны были существовать въ Кіевѣ.

Остановимся еще на одномъ соображеніи г. Берхина. Предположеніе, что лѣтописецъ или составитель духовнаго званія выпустилъ извѣстіе о посольствѣ къ хозарамъ по своей враждѣ къ іудейству и евреямъ, не имѣетъ твердаго основанія. Наша лѣтопись отличается вообще большою религіозною и національною терпимостью. Лѣтописцы наши готовы были представить всѣхъ иностранцевъ, не только евреевъ, въ смѣшномъ видѣ, разсказать ужасныя вещи про ихъ нравы и обычаи, но нѣтъ у нихъ нигдѣ при этомъ и тѣни враждебности. Что-же касается евреевъ, то въ разсказѣ о крещеніи Руси лѣтопись не только не относится къ нимъ враждебно, но даже какъ-бы старается обходить ихъ, не позволяетъ въ отношеніи ихъ ни одной насмѣшки, никакого преувеличенія. Прочтите, что разсказывается въ этой повѣсти о католикахъ, а особенно о магометанахъ. Ничего подобнаго лѣтопись не допускаетъ, говоря объ евреяхъ.

Извѣстіе Іегуды само по себѣ можетъ быть не поддѣлано, потому что и въ древности, и въ средніе вѣка не было цѣли этой поддѣлки, но нужно доказать, что дѣйствительно существовалъ съ давнихъ поръ (съ древности) этотъ документъ, эта бумажка или пергаментъ съ надписью, что эта бумажка съ этою надписью не есть плодъ поддѣлки ни собирателя коллекціи рукописей, ни болѣе

ранняго владѣтеля, знакомыхъ, по всей вѣроятности, съ русской исторіей. Словомъ, повѣрить можно тогда, когда вполнѣ ясно будетъ представлена исторія рукописи, при чемъ ни малѣйшаго вниманія не должно быть обращено на сообщенія собирателя коллекціи. Исторія рукописи, ея переходы изъ рукъ въ руки, должны быть прослѣжены какъ можно тщательнѣе. Когда оріенталисты разскажутъ намъ эту исторію, укажутъ, подлинникъ-ли это или копія, и если копія, ясно обнаружатъ, что оригиналъ существовалъ или существуетъ и гдѣ именно, только тогда извѣстіе Іегуды можно будетъ принять, какъ доказательство вѣрности во всѣхъ подробностяхъ лѣтописнаго разсказа о посольствахъ къ Владиміру св.

П. Голубовскій.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ НАХОДКИ ВЪ ГОМЕЛЬСКОМЪ УѢЗДѢ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Года два назадъ, когда я уѣзжалъ въ Гомель, Владиміръ Бонифатьевичъ Антоновичъ не преминулъ, по обыкновенію, попросить и меня поискать на мѣстѣ моего жительства археологическихъ памятниковъ.

Мнѣ дѣйствительно удалось кое-что если не найти, то разузнать, и какъ гомельскій уѣздъ принадлежитъ къ мѣстностямъ, наименѣе изслѣдованнымъ въ археологическомъ отношеніи, то полагаю, что сообщаемыя теперь мною свѣдѣнія не будутъ лишними для нашихъ археологовъ.

Свѣдѣнія, которыя хочу здѣсь передать, получены мною, главнымъ образомъ благодаря М. М. Филонову. Состоя болѣе двадцати лѣтъ землемѣромъ въ имѣніи князя Паскевича, онъ собралъ, согласно желанію князя, значительную коллекцію древностей, которая и хранится въ гомельскомъ дворцѣ князя.

Наибольшее число предметовъ найдено на берегу озера, которое на картѣ генеральнаго штаба обозначено надписью: «оз. Козарино», а по мѣстному «озеро Козара». Находится оно на лѣвомъ берегу р. Сожа (съ которымъ сливается во время весенняго разлива) верстахъ въ 40 отъ устья рѣки, противъ села Новые Дят-

ловичи, расположеннаго на противуположномъ берегу рѣки. Озеро имѣетъ форму буквы С, написанной обратно—отверстіемъ къ рѣкѣ.

Исторія произведенной здѣсь раскопки очень своеобразна.

Однажды г. Филоновъ работалъ надъ измѣреніемъ земли возлѣ озера и замѣтилъ, что весь восточный берегъ его усѣянъ небольшими курганами, разбросанными безъ всякой системы на значительномъ пространствѣ. У него явилось желаніе ознакомиться съ содержаніемъ кургановъ, но не имѣя свободнаго времени, по причинѣ спѣшной работы въ другой мѣстности, онъ обратился къ одному изъ крестьянъ сосѣдней деревни съ такимъ предложеніемъ: если онъ раскопаетъ указанный ему курганъ и найдетъ какую-нибудь вещь, глиняную, каменную или металлическую, то получитъ за нее рубль, хотя-бы эта вещь была негодна ни для какого употребленія. Черезъ нѣкоторое время крестьянинъ явился къ г. Филонову: «Пожалуйте, баринъ, рубль!» — «За что?» — «А вотъ за это!» и крестьянинъ подалъ мѣдный браслетъ, найденный имъ на ногѣ скелета въ курганѣ. Черезъ нѣкоторое время опять явился тотъ-же крестьянинъ: «Пожалуйте, баринъ, и другой рубль вотъ за эту штуку». На этотъ разъ онъ принесъ еще браслетъ, снятый съ руки того-же скелета.

Г. Филоновъ сообщилъ князю о козарскихъ курганахъ и о найденныхъ тамъ браслетахъ. Князь поручилъ ему распорядиться относительно раскопки этихъ кургановъ, при чемъ и самъ пожелалъ присутствовать на мѣстѣ раскопки, когда все уже будетъ готово. Г. Филоновъ послалъ рабочихъ къ оз. Козара и приказалъ имъ снимать верхи кургановъ, пока не наткнутся на скелетъ или на какой-либо предметъ, а если ничего не найдутъ, то копать до цѣлины. Когда такимъ образомъ было препарировано около двадцати кургановъ, пріѣхалъ г. Филоновъ и затѣмъ князь съ семействомъ. Изъ кургановъ выбрали всѣ предметы, которые признаны были достойными вниманія, и пріобщили ихъ къ археологической коллекціи въ гомельскомъ дворцѣ князя.

Г. Филоновъ доставилъ мнѣ возможность ознакомиться съ этой коллекціей; съ помощью горнаго инженера М. П. Мельникова составлено мною слѣдующее описаніе археологическихъ предметовъ, найденныхъ въ гомельскомъ уѣздѣ.

Прежде всего предметы, найденные во время описанной выше раскопки козарскихъ кургановъ:

Два глиняныхъ кувшина, въ 4 и 8 д. высоты, по формѣ похожи на нынѣшніе молочные кувшины. У каждаго по 2 ушка съ дырочкой. Снаружи—орнаментъ въ видѣ зигзагообразной линіи.

Бѣлый глиняный горшечекъ, около 5 д. высоты. Снаружи—орнаментъ изъ зигзагообразной линіи въ три пояса.

Глиняная «мысочка», величиною въ обыкновенную тарелку; по формѣ похожая на теперешнія.

Каменный топоръ изъ мелкозернистаго гранита, около 5 д. высоты. Неполированъ, очень грубой работы. Найденъ на ребрахъ скелета.

Ожерелье изъ семи продолговатыхъ зеренъ, около полудюйма длиною—пять сердоликовыхъ и два янтарныхъ. Зерна различной формы—цилиндрическія, призматическія и проч. Всѣ отшлифованы и хорошо полированы. Попали-ль эти зерна на одну нитку случайно, или-же потому, что найдены были въ одномъ курганѣ—свѣдѣній не имѣется; это замѣчаніе относится и къ остальнымъ ожерельямъ: на предметахъ коллекціи имѣется одна лишь надпись—въ какой мѣстности предметы найдены.

Ожерелье изъ нѣсколькихъ десятковъ одинаковыхъ зеренъ синеватаго цвѣта, лишь немного больше зеренъ проса.

Ожерелье изъ 30-ти зеренъ длиною отъ $^2/_8$ до $^1/_4$ дюйма; преимущественно стеклянныя, нѣкоторыя—будто фарфоровыя. Формы самой разнообразной. Нѣсколько штукъ, изъ числа имѣющихъ цилиндрическую форму, позолочены снаружи; остальныя по цвѣту бѣлыя, синія, желтоватыя и черныя.

Два браслета красной мѣди, сдѣланные изъ проволоки.

Семь мѣдныхъ колецъ для пальцевъ. Два изъ нихъ плоской формы, широкія, съ орнаментомъ въ видѣ какихъ-то фигурокъ.

16 серебряныхъ ушныхъ колецъ, серегъ.

8 подвѣсокъ къ серьгамъ изъ какого-то сплава. Состоятъ изъ пластинокъ, причудливо по краямъ обрѣзанныхъ,—такъ что можно принять ихъ, при пылкомъ воображеніи, за намекъ на изображенія животныхъ. Формы различной.

7 подвѣсокъ къ серьгамъ изъ какого-то сплава,—замѣчательно изящной формы. Сдѣланы изъ тончайшей проволоки (филигреневыя) и имѣютъ видъ ажурныхъ бубенчиковъ.

Изъ козарскихъ кургановъ только три желѣзныхъ предмета попали въ коллекцію: что-то въ родѣ клинка кинжала, гвоздь въ 3 д. длиною и обыкновенное огниво.

Къ великому сожалѣнію, во время раскопки на берегу озера Козара никто никакого журнала не велъ, и потому не осталось никакихъ по этому предмету свѣдѣній. Воспоминанія г. Филонова, за давностію времени, стушевались относительно подробностей. Однако-жъ онъ съ увѣренностью утверждаетъ, что во 1-хъ, чуть-ли не въ каждомъ курганѣ попадались человѣческія кости (одинъ скелетъ головы попалъ и въ коллекцію, а вещи найдены лишь въ нѣсколькихъ изъ числа раскопанныхъ кургановъ, и во 2-хъ, что кости и вещи лежали на уровнѣ земли, т. е. что при погребеніи покойниковъ не дѣлали углубленій въ почвѣ—могилъ не копали.

Кромѣ поименованныхъ предметовъ, найденныхъ возлѣ озера Козара, въ коллекціи князя Паскевича есть еще слѣдующіе предметы, найденные въ другихъ мѣстахъ гомельскаго уѣзда.

Нѣсколько глиняныхъ черепковъ, вѣроятно изъ большой урны, съ острымъ коническимъ дномъ,—самой первобытной грубой работы. Черепки около дюйма толщины, снаружи красно-желтые, а съ внутренней стороны—черные. На нѣкоторыхъ простой орнаментъ. Найдены возлѣ села Осовцы, въ 6-ти верстахъ на ю.-з. отъ Гомеля.

Обручъ изъ сплава въ родѣ бронцы, $^3/_4$ арш. длиною. Состоитъ изъ четырехъ нитокъ проволоки, сплетенныхъ въ видѣ обыкновенной веревки. Концы застегиваются, обвивая другъ друга, подобно концамъ обруча на бочепкѣ. Найденъ на шеѣ скелета въ курганѣ возлѣ м. Добруша, на рѣкѣ Ипути, въ 30 верстахъ отъ Гомеля.

Два каменныхъ топора, съ сквозными отверстіями, найденные крестьянами въ полѣ, при раскопкѣ нови, — одинъ возлѣ деревни Вылевъ (7 верстъ отъ Гомеля, на сѣверо-западъ), а другой возлѣ села Волковичи, на рѣкѣ Ипути, выше Добруша. Послѣдній изъ нихъ ($5^1/_4$ д. длины) изъ зеленоватаго порфира; онъ представляетъ рѣдкій и поразительный примѣръ красоты и изящества, какъ по формѣ, такъ и по чистотѣ отдѣлки; украшенъ кольцевымъ валикомъ вокругъ отверстія. Не имѣетъ ни малѣйшей царапинки и вообще такъ хорошо сохранился, будто только что вышелъ изъ рукъ художника-мастера. Можно полагать, что этотъ топоръ предназначался не для

обыкновеннаго практическаго употребленія, а служилъ аттрибутомъ какого-либо сана или священнодѣйствія.

Слѣдуетъ еще упомянуть о костяхъ мамонта и другихъ допотопныхъ животныхъ, которыхъ достаточное количество собрано въ коллекціи князя Паскевича. Г. Филоновъ сообщилъ, что подобныя кости ежегодно обнажаются весною на берегахъ Сожа, верстъ 15 ниже Гомеля, возлѣ селъ Бобовичи и Терешковичи.

Полагаю, что нашимъ археологамъ пригодятся и свѣдѣнія, собранныя мною относительно мѣстонахожденія въ гомельскомъ уѣздѣ кургановъ и городковъ.

Курганы находятся возлѣ селъ: Абрамовки, Жгуня, Студеной Гуты, Осовецъ, Якубовки и возлѣ Романовскаго парома.

Городки возлѣ Добруша, Любенъ, между Покалюбичами и Хохлицей, между Иваками и Хохлицей.

Послѣ этого я въ правѣ разсчитывать, что Владиміръ Бонифатьевичъ не откажется посѣтить нашъ уѣздъ съ археологической цѣлью. На сочувствіе и содѣйствіе князя Паскевича въ его обширныхъ владѣніяхъ можно съ увѣренностью разсчитывать. Чтобы еще болѣе подвинуть къ этому дѣлу нашего уважаемаго археолога, я ему напомню одно обстоятельство. Въ 1873 году я уѣзжалъ на жительство въ г. Лубны, и Владиміръ Бонифатьевичъ тоже напутствовалъ меня пожеланіями доставить ему археологическія свѣдѣнія. Результатомъ моихъ сообщеній была хорошо извѣстная всѣмъ археологамъ раскопка, произведенная въ с. Гонцахъ г. Каменскимъ и г. Ѳеофилактовымъ. Можетъ и теперь посчастливится...

До сихъ поръ гомельскій уѣздъ совсѣмъ неизвѣстенъ относительно археологическихъ памятниковъ; но, какъ видно изъ приведеннаго сообщенія, вовсе не потому, что этихъ памятниковъ нѣтъ, а потому лишь, что такая уже доля радимичей съ незапамятныхъ поръ. Оказывается однако-жъ, что хотя почтенные здѣшніе аборигены и имѣли странную натуру (сохраненную и до сего дня) бѣгать Волчья Хвоста, тѣмъ не менѣе и послѣ нихъ остались историческіе памятники. Впрочемъ я боюсь, чтобы господа археологи не вздумали доказывать, будто эти памятники остались послѣ тѣхъ, кому радимичи такъ смиренно платили по шелягу отъ рала (кстати и помянутое озеро называется такимъ именемъ)...

А. Лоначевскій.

ГЕТМАНСКІЙ ГОРОДЪ.

Въ любопытной замѣткѣ г. Бакая о Гадячскомъ рукописномъ сборникѣ XVIII ст., помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1884 годъ, о самомъ Гадячѣ сказано лишь нѣсколько словъ. Но подобныя замѣтки вызываютъ собою цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній, и только иллюстрируемая ими всякая такая замѣтка способна оживить заглохшую старину. Хочу поэтому дополнить почтеннаго автора, къ его немногимъ словамъ о Гадячѣ хочу прибавить еще нѣсколько словъ.

Я назвалъ Гадячъ гетманскимъ городомъ не въ смыслѣ постоянной резиденціи гетмановъ. Въ этомъ смыслѣ ни одинъ малорусскій городъ не можетъ быть названъ такимъ именемъ. Гетманство въ томъ видѣ, какъ оно прошло въ исторіи, и не могло имѣть постоянной резиденціи. Это была особаго рода военно-административная функція, доведенная едва не до степени верховной власти силою исключительнаго положенія народа, но случайная и временная, какъ и самое это положеніе. Въ вихрѣ кровавой борьбы и случайностей военнаго счастья, гетманская власть витала на всемъ пространствѣ борьбы и не могла установиться на одномъ мѣстѣ прочно и на долго, пока сама не испарилась съ измѣненіемъ политическаго положенія народа. Самъ «батько козачій» всю жизнь носился на поляхъ битвъ и лишь кости свои сложилъ въ родномъ ему Суботовѣ. Наиболѣе продолжительное время резиденціею гетмановъ былъ Глуховъ, за нимъ Гадячъ въ гетманство Брюховецкаго и потомъ Батуринъ при Мазепѣ и Разумовскомъ. Но Гадячъ сверхъ того былъ жалуемъ въ собственность тремъ гетманамъ и потому ему по преимуществу можетъ принадлежать названіе гетманскаго.

Гадячъ основанъ въ 1634 году польскимъ шляхтичемъ *Жолкевскимъ*. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ московскому государству, городъ этотъ царскою грамотою 1654 г., марта 24 дня, со всѣми угодьями, составлявшими имѣніе королевское, пожалованъ былъ въ вѣчность гетману Богдану Хмельницкому и его потомкамъ. Въ 1726 году, 25 іюля, князь Меншиковъ получилъ отъ Екатерины I во владѣніе Гадячъ съ принадлежащими къ нему мѣстечками, селами и слободами; но въ малолѣтство Петра II сильный временщикъ, помолвивъ за него дочь свою, вмѣсто Гадяча взялъ себѣ

лучшія и доходнѣйшія мѣста. Императрица Анна Іоанновна, въ 1730 году, подарила Гадячъ гетману Даніилу Апостолу († 17 января 1734 года), а Екатерина II пожаловала тотъ-же городъ въ потомственное владѣніе графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, при увольненіи его отъ гетманства въ 1764 году, 10 ноября. Но въ 1785 году императрица выкупила въ казну Гадячъ съ волостью, гдѣ считалось крестьянъ 9,948 душъ мужескаго пола, заплативъ 596,880 рублей, т. е. по 60 рублей за душу. Въ 1791 году Гадячъ съ округомъ былъ причисленъ къ кіевскому намѣстничеству, а въ 1802 году, 9 марта, вошелъ въ составъ полтавской губерніи.

Вотъ важнѣйшія историческія событія, свидѣтелемъ которыхъ былъ Гадячъ.

Когда писарь Хмельницкаго Выговскій, принявъ сторону Польши, достигъ гетманства, имъ заключенъ былъ здѣсь (1658 года, 16 сентября) договоръ съ крымскимъ ханомъ и польскимъ королемъ. Ведя потомъ войну съ Москвою, Выговскій въ 1659 году цѣлыя три недѣли держалъ Гадячъ въ осадѣ и снялъ ее лишь послѣ того, какъ всѣ его приступы съ великою потерею были отражены донскимъ козачьимъ полковникомъ Ефремовымъ, а за Днѣпромъ появился Юрій Хмельницкій и провозглашенъ гетманомъ. Выдержавшіе осаду жители Гадяча, за вѣрность царю, получили въ награду, въ числѣ 922, по полтинѣ на брата. Во время возстанія Мартина Пушкаря, нѣжинскій полковникъ Григорій Гуляницкій взялъ приступомъ этотъ городъ, державшій тогда сторону соперника Выговскаго. Въ памятную эпоху вторженія Карла XII въ Украйну Гадячъ былъ занятъ шведами и, осажденный войсками Петра I-го, видѣлъ подъ стѣнами своими самаго Карла, поспѣшившаго на помощь осажденнымъ.

Бывъ такимъ образомъ не разъ мѣстомъ и предметомъ военныхъ дѣйствій, Гадячъ имѣлъ укрѣпленіе, слѣды котораго замѣтны еще и теперь въ той части города, которая обращена къ р. Пслу. Гадячъ долгое время былъ полковымъ городомъ сперва лубенскаго, а потомъ и собственнаго имени полка. Нѣкоторое время, какъ сказано выше, онъ былъ и гетманскою резиденціею. Здѣсь имѣлъ свое мѣстопребываніе гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій, убитый въ маѣ 1668 года въ мѣст. Опошнѣ (зеньковскаго уѣзда). Внутри гадячскихъ укрѣпленій находился *замокъ*, а въ немъ дере-

вянный дворецъ гетмана. Здѣсь-же была и полковая деревянная церковь Богоявленія Господня, построенная тѣмъ-же гетманомъ Брюховецкимъ: въ ней онъ и былъ погребенъ. Въ настоящее время не осталось никакихъ слѣдовъ прежнихъ укрѣпленій, а равно церкви и замка.

Къ городу Гадячу приписаны были села: Вельбовка, Свинарное, Лютенька, Будище, Плѣшивецъ, Кишовка, Подолки, Капустинцы, Сергѣевка, Липовая Долина, Красная Лука, Крутьки и деревня Млины, за исключеніемъ жительствующихъ въ этихъ мѣстахъ козаковъ. Эти имѣнія составляли такъ называемый *гадячскій ключъ.*

Каковъ былъ гербъ города Гадяча въ прежнее время, точныхъ свѣдѣній не имѣемъ. При Екатеринѣ II, въ 1782 году, 4 іюня Гадячу присвоенъ слѣд. гербъ: въ красномъ полѣ архангелъ Михаилъ въ голубомъ военномъ одѣяніи; онъ поражаетъ золотымъ копьемъ лежащаго змія, стоя лѣвой ногой на его животѣ.

В. Е. Бучневичъ.

ВУЛКАНЪ ВЪ ТАВРИДѢ ВЪ КОНЦѢ XVIII СТ.

Недавно всѣ газеты обошло извѣстіе изъ смоленской губерніи о примѣченномъ тамъ будто-бы вулканѣ. Оно вызвало множество опроверженій и насмѣшекъ и лишь одно научное объясненіе описаннаго въ немъ явленія, да и это объясненіе признано излишнимъ.

Упомянутое извѣстіе припомнило намъ другое извѣстіе, не надѣлавшее въ свое время столько говору лишь потому, что во время появленія его не было такого множества газетъ. Извѣстіе это найдено нами въ видѣ замѣтки на отдѣльномъ листѣ, въ ворохѣ фамильныхъ нашихъ бумагъ, и гласитъ слѣдующее.

«Изъ Санктпетербурга, апрѣля 14 дня.

Сообщенно отъ таврическаго генералъ-губернатора Зубова.

Прошедшаго февраля 27 дня въ области таврической, управленію его ввѣренной, случилось достойное примѣчанія явленіе природы. Въ половинѣ 9 часа, при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, слышенъ былъ близъ сѣверной косы, разстояніемъ отъ города Тамани въ прямую линію на 12, а въ объѣздъ на 60, въ состоящей при урочищѣ Пущукоѣ—небольшой горѣ великой шумъ и трескъ, по-

добный грому; послѣ чего вскорѣ изъ вершины ея появился густой черной дымъ столбомъ и чрезъ минуту началъ изъ нея пылать огонь съ высокимъ преужаснымъ пламенемъ, которое поднималось перпендикулярно вверхъ до 30-ти сажень и продолжалось около получаса. Потомъ гора изъ отверстія навер . . . . гося стала выбрасывать вокругъ себя . . . . ящую глинистую матерію и камѣнья . . . . угой день земля была покрыта отъ полутора до четырехъ аршинъ вышиною сими изверженіями; а мѣстами составились изъ нихъ большія кучи въ три сажени и болѣе вышиною. Выбрасываніе глинистой матеріи продолжалось еще и на третій день, временно показывалось пламя и слышенъ былъ внутри горы шумъ на подобіе кипящей воды. Явленіе сіе тѣмъ паче заслуживаетъ примѣчаніе и любопытство, что имѣетъ великое вліяніе въ естественную исторію края сего; ибо посредствомъ онаго докажется, отъ куда произошли издавна уже извѣстныя на нѣкоторыхъ на островѣ Фанагоріи находящихся горахъ и холмахъ круглыя отверстія, изъ коихъ выбрасывается безпрестанно солоноватой жидкой илъ, мѣстами съ горнымъ масломъ, или съ нефтью смѣшанными. Такожъ подтвердится тѣмъ и мнѣніе то, что въ нѣдрахъ всего острова сего должны сокрыты быть многія горючія вещества. При томъ нужно еще и сіе замѣтить, что со временъ Плинія, описавшаго въ письмѣ своемъ къ Тациту страшное изверженіе горы Везувія, не было еще въ Европѣ подобнаго явленія.

Сіе извѣстіе есть только предварительное для дальнѣйшаго освидѣтельствованія на мѣстѣ сего явленія и снятія плана съ горы и вида оной, также и для собранія разныхъ веществъ, изъ горы сей выкинутыхъ, отправленъ землемѣръ, коего замѣчанія обнародованы будутъ въ удостовѣреніе любителей естественной исторіи».

Сообщ. **С. Н. И.**

КІЕВЪ ВЪ 1799 ГОДУ.

Весною 1799 года изъ Москвы на Серпуховъ выѣзжала дорожная коляска. Въ коляскѣ сидѣлъ баринъ, державшій на рукахъ «англинскую собачку». На козлахъ сидѣло двое крѣпостныхъ «людей». Баринъ ѣхалъ обозрѣвать свое отечество и направлялся на югъ, «въ прекраснѣйшую его часть». Это былъ начинающій писатель

Владиміръ Измайловъ. Черезъ три года, плодомъ его поѣздки явилось нѣсколько томиковъ дорожной болтовни, названной «Путешествіемъ въ полуденную Россію».

Болтливость,—сама по себѣ вещь неспосная,—при наблюдательности и въ путевыхъ запискахъ превращается чуть не въ достоинство. Было-бы счастіемъ, если-бы нашъ путникъ, человѣкъ не безъ способностей, оставилъ правдивый, богатый наблюденіями дневникъ своихъ странствій по Украйнѣ и югу въ то далекое время. На бѣду онъ больше занятъ былъ своими чувствованіями, чѣмъ тѣмъ, что мелькало передъ его глазами, и смотрѣлъ внимательнѣе внутрь себя, чѣмъ по сторонамъ. Это былъ путешественникъ *сентиментальный*.

Въ то время въ Европѣ сентиментализмъ доживалъ свои дни. На сценѣ оставались только третьестепенные послѣдователи Руссо и Ричардсона. Въ Англіи это направленіе дошло до уродливыхъ крайностей. Послѣ романа Мекэнзи «Чувствительный человѣкъ» идти дальше было некуда. Герой этой удивительной повѣсти, нѣжный, деликатный, волнуется чувствами разъ шесть въ день, отъ избытка чувствъ впадаетъ въ чахотку, рѣшается открыть свою любовь только передъ смертію и, потрясенный признаніемъ, умираетъ... Въ Россіи сентиментализмъ переживалъ тогда блистательную пору. Дорогу ему проложили «Письма русскаго путешественника». Одинъ изъ самыхъ горячихъ и ревностныхъ карамзинистовъ, Измайловъ задумалъ въ томъ-же духѣ описать поѣздку по Россіи.

Его вниманіе занято тѣмъ, чтобъ передать какъ можно больше ощущеній, обличающихъ чувствительность души. Въ каждомъ лѣсу онъ прислушивается къ пѣнію птичекъ, на каждой горѣ приходитъ въ восторгъ, на холмахъ и долинахъ вспоминаетъ о своей юности, каждое утро неистово восхищается восходомъ солнца... Эпиграфомъ къ книгѣ онъ ставитъ слова дю-Патти: «пусть другіе путешественники привозятъ изъ посѣщенныхъ странъ медали, статуи и произведенія природы. Я возвращаюсь съ идеями и чувствами!» При такомъ настроеніи, озабоченный выкладкой своихъ чувствъ, онъ говоритъ о мѣстахъ и людяхъ въ однообразныхъ, общихъ выраженіяхъ. Тѣмъ не менѣе отрывочныя, случайныя его замѣтки—голосъ живаго очевидца. Въ помощь имъ возьмемъ двѣ-три старыхъ

книги и попробуемъ представить себѣ хоть уголокъ того стараго Кіева, какой Измайловъ видѣлъ своими глазами.

Дорога путника по Малороссіи есть рядъ умиленій и трогательныхъ сценъ. Но описываемые имъ люди какъ-то космополитично-добродѣтельны. Въ разговорѣ съ «поселянами», гдѣ нибудь на греблѣ близъ Сумъ, подъ высокими осокорами, въ бесѣдѣ съ семействомъ «малороссійскаго дворянина Карпова», видятся не старосвѣтскіе украинцы, а швейцарцы «Писемъ русскаго путешественника». Полевые курганы, какъ памятники войны и борьбы, наполняютъ его нѣжное сердце ужасомъ: Онъ «не можетъ ихъ видѣть безъ содроганія». Зато видъ какихъ-то счастливыхъ супруговъ распаляетъ его воображеніе, и вотъ уже готовъ планъ, какъ «въ низкой хижинѣ» будетъ жить онъ «съ нѣжною подругою и еще нѣжнѣйшими плодами любви». О малороссіянахъ у него вырывается нѣсколько искреннихъ строкъ. Уроженцу сѣвера, ему люба и чистота жилищъ и живописность мѣстностей, независимый характеръ народа и самый національный типъ. «Малороссійскій народъ, заключаетъ онъ, достоенъ любопытства и можетъ быть славы, если не одинъ наружный блескъ въ состояніяхъ человѣческихъ заслуживаетъ уваженія».

Не останавливаясь нигдѣ, Измайловъ спѣшитъ къ Кіеву и «любопытство его обвиняетъ въ медленности природу». Наконецъ, подлѣ бориспольскихъ болотъ, онъ дышетъ смолистымъ воздухомъ броварскаго бора. «Мрачныя сосны возносились къ облакамъ, святая древность цвѣла на ихъ кудрявыхъ вершинахъ». Какъ видитъ читатель, это было задолго до процесса, предъявленнаго броварскимъ лѣснымъ казеннымъ управленіемъ. Броварской боръ не похожъ былъ на свои теперешніе остатки. Подъ его сѣнью укрывались не только грѣхи лѣсничихъ, но и усталые путники. Но вотъ сквозь просвѣты лѣса мелькнулъ золотой куполъ печерской колокольни. Кіевъ вдали! «Зеленая отдаленная гора, бѣлыя кучи песковъ, нѣсколько блестящихъ главъ показались сквозь ряды деревъ и снова скрылись». Вотъ открылась наконецъ и вся, милая сердцу южанина, гористая панорама древняго города. Вмѣстѣ съ сотнями богомольцевъ путникъ переплываетъ черезъ Днѣпръ, къ ночи водворяется въ Кіевъ.

Гдѣ поселился онъ? Обуреваемый ощущеніями, онъ забываетъ сообщить о такой мелочи, но по всѣмъ признакамъ—на Печерскѣ,

обстроивавшемся тогда казенными и частными зданіями. Онъ что-то толкуетъ объ «отелѣ», но очевидно это такая-же гипербола, какъ «сосны, уходящія въ облака». По «Краткой вѣдомости о числѣ публичныхъ мѣстъ и строеній въ городѣ Кіевѣ», изданной 17 лѣтъ спустя [1]), видно, что въ городѣ Олега и Владиміра было въ то время только четыре постоялыхъ двора. Конечно одинъ изъ нихъ пріютилъ и сентиментальнаго путешественника.

По обычаю странниковъ всѣхъ временъ и народовъ, онъ спѣшитъ бросить взглядъ на городъ, чтобы составить о немъ общее представленіе. Предъ нимъ какъ-бы три отдѣльныхъ поселенья, раздѣленныхъ рощами и пустырями. «Съ одной стороны печерская крѣпость съ ея предмѣстьями и зеленымъ валомъ, на высокой горѣ надъ Днѣпромъ, съ другой стороны, на нѣсколькихъ холмахъ, съ Михайловскимъ и Софіевскимъ монастыремъ въ видѣ замковъ, съ домами и садами лежитъ старый Кіевъ. Внизу, къ самому Днѣпру, подобно острокопечному мысу, видѣнъ Подолъ, украшенный громадою зданій». Все залито веселымъ блескомъ майскаго солнца. Оно горитъ на золотыхъ главахъ церквей, играетъ въ днѣпровскихъ волнахъ, по которымъ плывутъ медленно барки. Эта зелень, солнце и блескъ, далекіе днѣпровскіе луга и пески, синіе лѣса, уходящіе на горизонтъ тонкой опушкой, вся эта лѣтняя кіевская картина наполняетъ путника неподдѣльнымъ восторгомъ. «Если-бы любовь къ природѣ и къ изящному могла когда нибудь угаснуть въ душѣ человѣческой, восклицаетъ онъ, то одинъ взглядъ на Кіевъ возжегъ бы ее снова».

Посѣщеніе Лавры—первое дѣло каждаго путника въ Кіевѣ. Наружный видъ лаврскихъ зданій, въ описаніи Измайлова, не разнится отъ нынѣшняго. Святыя ворота и тогда украшены были изображеніями праведниковъ, по его словамъ, «оживленныхъ конечно не кистью эспаньолета». По описаніе Великой церкви и живописи ея стѣнъ говоритъ о вещахъ безвозвратно исчезнувшихъ. «На лѣвой рукѣ отъ большаго входа написаны на стѣнѣ портреты великихъ мужей нашего отечества. Великіе князья и малороссійскіе гетманы являются одинъ за другимъ къ великому удовольствію того, кто любитъ отечество и славные подвиги его сыновъ». Отдѣльно отъ

[1]) «Краткое описаніе Кіева», Берлинскаго, 1820 г.

другихъ, за лѣвымъ клиросомъ, былъ портретъ Хмельницкаго, о которомъ упоминаетъ еще въ 1820 г. Берлинскій. По его словамъ портреты князей русскихъ и литовскихъ были плохи и испорчены реставрировкой. Интересъ подлинности имѣли конечно портреты позднѣйшаго времени, когда искусство живописи поднялось до извѣстной высоты. Взглянувъ на Хмельницкаго, нашъ путникъ наивно ищетъ портрета Наливайка и восклицаетъ съ огорченіемъ: «Нѣтъ сего великаго мужа!» Онъ не зналъ еще той истины, что изображеній лицъ отъ эпохъ столь отдаленныхъ и смутныхъ искать въ храмахъ и общественныхъ зданіяхъ напрасно: всѣ онѣ находятся въ галлереяхъ любителей, у которыхъ коллекціонерская рьяность побѣждаетъ научныя познанія.

«Князь Острожскій, изваянный изъ бронзы, лежитъ на одрѣ подъ балдахиномъ. И онъ имѣетъ право на признательность малороссійскаго народа». Надгробный памятникъ князя Острожскаго описываетъ и позднѣйшій путешественникъ, Левшинъ, видѣвшій его въ 1815 году [1]). Оба они, да и прочіе описатели стараго Кіева, считаютъ этотъ исчезнувшій памятникъ надгробіемъ славнаго князя Константина Константиновича. Но какъ помирить съ этимъ мнѣніе ученѣйшаго и всезнающаго начетчика, почтеннаго М. А. Максимовича? Онъ утверждаетъ рѣшительно, что то была могила отца князя Константина, великаго гетмана литовскаго [2]). Надо думать что великій знатокъ кіевской старины былъ и въ этомъ случаѣ правъ.

Надпись надъ прахомъ Румянцева—«Внемли, Россъ!»... сдѣлана была, кажется, позже. Поклонникъ эффектныхъ словъ, Измайловъ не упоминаетъ о ней, описывая могилу фельдмаршала. Но мы замѣтимъ къ слову, что мѣсто постановки доски съ этой надписью ставитъ и понынѣ умиленнаго Росса въ нѣсколько странное положеніе: прахъ полководца въ дѣйствительности покоится не «предъ тобою», а какъ разъ въ противуположномъ концѣ храма.

Замѣтки о живописи другихъ древнихъ церквей Кіева, какъ у Измайлова, такъ и у позднѣйшихъ описателей, крайне поверхностны. Какъ ни старайся, ничего не представишь себѣ изъ отзывовъ въ

---

[1]) «Письма изъ Малороссіи», Харьковъ, 1816 г.

[2]) Сочиненія, т. III, стр. 717.

родѣ слѣдующаго: «Живопись образовъ сей церкви, хотя не соотвѣтствуетъ вѣку, но довольно разительна!»

Отъ древностей взоры путника обращаются къ окружающей дѣйствительности. Съ своими пышными представленіями о предметахъ, онъ не удовлетворяется тою въ сущности скромною картиною, какую представляла физіономія Кіева въ ту эпоху. Какъ пришельцу, ему ничего не говоритъ та сила воспоминаній, преданій прошлой жизни, которая мѣстамъ и предметамъ самымъ бѣднымъ сообщаетъ неотразимую прелесть. Онъ оставилъ хотя сухую, но по счастью довольно точную страницу описанія общей внѣшности города. «Нѣтъ домовъ каменныхъ, нѣтъ порядка въ строеніи, нѣтъ регулярности и архитектуры. Улицы не мощены, пески покрываютъ ихъ. Пѣшеходецъ глотаетъ несносную пыль и туманный столбъ вьется безпрестанно вокругъ проѣзжающихъ. Самый Подолъ, болѣе населенный, нежели другія части города, не имѣетъ совсѣмъ вида города. Деревянныя кровли, низкія хижины прикрываются церквями и монастыремъ. Улицы такъ узки на Подолѣ, что едва-ли двое дрожекъ могутъ разъѣхаться. Сообщеніе между тремя частями города чрезвычайно затруднительно, оттого что горы отдѣляютъ ихъ одна отъ другой. Кажется, что вы видите три разныя селенія. Я говорю селенія, ибо и весь Кіевъ едва-ли заслуживаетъ названія города». Не забудемъ, что рѣчь идетъ о Кіевѣ конца прошлаго вѣка. Въ то время Подолъ сохранялъ еще свой старый видъ, совершенно измѣнившійся послѣ страшнаго пожара 1811 года, а Печерскъ и Старый городъ не приняли еще того строгаго оттѣнка, какой приданъ былъ имъ казенными постройками къ концу царствованія Николая I. Какъ сказочная красавица, за руку которой спорило нѣсколько богатырей, надѣвала въ угоду имъ разные уборы, сохраняя все ту-же красоту, тѣ-же прекрасныя очи, такъ нашъ Кіевъ мѣнялъ не разъ свой видъ въ теченіи своей исторической судьбы. Къ картинкѣ Измайлова подставимъ цифры. Ихъ сохранилъ усердный Берлинскій. Въ этомъ деревянномъ городкѣ отдѣльныхъ домиковъ было тогда много: 3,968. Изъ нихъ каменныхъ было только 49. Лавокъ деревянныхъ городскихъ и партикулярныхъ—214, каменныхъ—147. Послѣднія—почти всѣ (136) на Подолѣ, на Печерскѣ же была большая часть деревянныхъ (147). Было 17 «пахвахтерскихъ будокъ», три гостинныхъ двора, два каменныхъ, одинъ

деревянный. Противъ нынѣшняго подольскаго гостиннаго двора стояло, уничтоженное пожаромъ 1811 года, огромное каменное зданіе магистрата, а въ началѣ нынѣшняго Крещатика, покрытаго густой растительностью,—деревянный театръ. Жителей обоего пола, всякаго званія и состоянія, числилось около 40 тысячъ. Самою бойкою и торговою частью былъ Подолъ. Тамъ-же «цвѣла» и еще дореформенная академія. Странствуя по Кіеву, въ одинъ изъ дней нашъ путникъ попалъ туда на ученый диспутъ.

«Святилище искуствъ и наукъ, получившее свое имя отъ грековъ», ввело у себя обычай диспутовъ со времени Петра Могилы. Диспуты были третные, еженедѣльные, годичные и двухгодовые, одни—какъ замѣна экзаменовъ, другіе—какъ торжественные акты. Со свойственнымъ ему легкомысліемъ, нашъ путникъ не допрашиваетъ себя хорошенько о значенія явленія, происходящаго передъ нимъ и, говоря о самомъ диспутѣ въ 50—60 строкахъ, на нѣсколькихъ страницахъ распространяется о чувствахъ, вызванныхъ въ немъ ученымъ поединкомъ. «Я пришелъ требовать позволенія видѣть академію и нашелъ у префекта собраніе духовныхъ. Это былъ день диспутовъ, и господинъ префектъ пригласилъ меня съ собою. Зданіе древнее, но достойное служить театромъ академическихъ лекцій, возносится съ прекрасною галлереею и колоннадою въ стѣнахъ монастыря. Въ огромной залѣ, на каѳедрѣ, студентъ ожидалъ слушателей. Хоръ пѣвчихъ встрѣтилъ духовенство. На листкѣ, поданномъ при входѣ, написаны были утверждаемые и оспариваемые тезисы. Всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ и студентъ, принявъ благословеніе архипастыря, началъ говорить на латинскомъ языкѣ. Послѣ того начались споры». Они показались нашему слушателю какъ-бы затверженными. Весьма возможно, что это и было такъ. Въ то время академія находилась уже въ состояніи упадка, да къ тому-же еще едва оправилась отъ постигшаго ея неожиданнаго сюрприза. Въ 1786 году та школа, «гдѣ цвѣли науки въ то время, когда мракъ невѣжества покрывалъ почти всю Россію», однимъ почеркомъ пера переведена была въ кіево-печерскую лавру, а слава Кіева, братскій монастырь превращенъ былъ въ военный госпиталь. Черезъ нѣсколько времени дѣло поправилось, но вся эта перетасовка не могла не отразиться на ходѣ академической жизни.

Не такой видъ имѣли диспуты въ блестящую пору академіи. Въ своемъ любопытномъ трудѣ о «Кіевѣ, съ его древнимъ училищемъ» Аскоченскій довольно живо рисуетъ ученые споры того времени. Годичные диспуты, гдѣ возражатели являлись изъ охотниковъ, были очень любимы и посѣщаемы кіевлянами. Но самыми торжественными были диспуты, происходившіе по окончаніи двухгодичнаго курса. «Наканунѣ назначеннаго дня на большихъ вратахъ братскаго монастыря прибивали большой, вычурно раскрашенный листъ или афишу, извѣщавшую кіевлянъ о времени, а иногда о самомъ предметѣ ученыхъ состязаній. Такой листъ обыкновенно назывался *конклюзіей*. Это уже были подготовленные диспуты, и самыя темы избирались какъ можно ближе къ понятію большинства посѣтителей. А чтобы сдѣлать ихъ сколько-нибудь вразумительнѣе и для простого народа, незнакомаго съ языкомъ латинскимъ, на какомъ преимущественно производились эти ученыя состязанія,— нѣкоторыя изъ положеній были переводимы на русскій языкъ. По прибытіи митрополита въ академическую залу, произносимы были привѣтствія на разныхъ языкахъ и потомъ начинались диспуты, въ промежуткахъ между которыми ученики низшихъ классовъ произносили діалоги и читали стихи собственнаго сочиненія. Въ анналахъ академіи особенно памятнымъ остался диспутъ, на которомъ присутствовала въ 1744 году императрица Елисавета Петровна. Здѣсь ректоръ Сильвестръ Думницкій произнесъ рѣчь о томъ, «какое счастіе государству бываетъ, гдѣ свободныхъ ученій любитель государь», а профессоръ греческой словесности, іеромонахъ Варлаамъ Лящевскій, поднесъ наслѣднику престола Петру III переведенную имъ книгу «Зерцало должности государей» [1]).

Немалый блескъ сообщало диспутамъ участіе знаменитыхъ академическихъ пѣвческихъ хоровъ. Инструментальная музыка была въ академіи также въ ходу, и прекрасный оркестръ исполнялъ произведенія западныхъ композиторовъ. Чубатые студенты-любители, въ киреяхъ и цвѣтныхъ «сапьянцяхъ» разыгрывали сочиненія Палестрины и Скарлати.

Библіотека академіи, посѣщенная также нашимъ путникомъ, не разъ подвергалась пожарамъ. Она пострадала не задолго до этого,

---

[1]) Аскоченскій, т. 2, стр. 96.

въ 1780 году. Однако, по свѣдѣніямъ Берлинскаго, до новаго пожара 1811 года, въ ней было опять 10,000 томовъ.

На общую легкость сентиментальнаго путешественника приходится сѣтовать еще разъ, переходя къ его замѣткамъ о кіевскомъ обществѣ. Ему не по силамъ, разумѣется, подмѣтить тѣ видоизмѣненія, ту ломку, какая происходила въ общественномъ, бытовомъ строѣ Кіева въ ту переходную эпоху. О цѣлыхъ классахъ, о народѣ, о духовенствѣ, онъ прямо отказывается говорить и ограничиваетъ свои наблюденія «высшимъ состояніемъ». Отзывъ получается однако довольно кислый. «Здѣшняя жизнь ограничивается кругомъ простой, домашней жизни и тѣмъ состояніемъ, гдѣ человѣкъ находитъ мирное счастіе въ удовлетвореніи мирныхъ потребностей и въ умѣренномъ дѣйствіи своихъ способностей». За то изъ поведенія онъ ставитъ кіевлянамъ хорошій балъ. «Счастіе и вѣрность сохраняютъ супружеское состояніе, согласіе обитаетъ въ семействахъ, цвѣтъ стыдливости не увядаетъ на лицѣ невинности». Онъ приписываетъ всѣ эти совершенства первобытному строю жизни и не сомнѣвается, что, «при сближеніи нравовъ и народовъ», кіевскіе жители позаимствуютъ новые обычаи и мнѣнія. «Пройдетъ немного времени, зловѣще предрекаетъ онъ, и они потеряютъ все доброе, что показываетъ въ нихъ юность рода человѣческаго». Они пріобрѣтутъ нѣкоторыя, недостающія имъ «блестящія качества», но вмѣстѣ съ ними «захватятъ и развратности, сопряженныя съ дальнѣйшимъ шагомъ къ просвѣщенію».

Изъ отдѣльныхъ лицъ Измайловъ упоминаетъ о какой-то богомольной старушкѣ Б. и о генералѣ К., съ которымъ можно пріятно провести время, «говоря не объ изящной словесности, и не объ задачахъ философіи и метафизики».

Старушки, болѣе или менѣе богомольныя, генералы, военные и штатскіе, болѣе или менѣе храбрые, конечно не характеризовали никогда и ничего. Интересны воспоминанія объ извѣстномъ проповѣдникѣ Левандѣ. Измайловъ нѣсколько разъ посѣтилъ его въ скромномъ домикѣ его на Подолѣ и, согласно со всѣми другими, говоритъ о его значительномъ образованіи, простотѣ и рѣдкомъ дарѣ слова. Сынъ подольскаго сапожника Сикачки, принявшій при поступленіи въ братскую школу имя благоухающаго цвѣтка, Леванда, въ одинъ моментъ своей жизни, явился истиннымъ народнымъ

человѣкомъ и историческимъ лицомъ. Это было во время моровой язвы 1770 года, когда своими огненными проповѣдями въ подольской церкви Успенія онъ поднималъ духъ народа и призывалъ его къ высокой задачѣ самоисправленія. Популярность его въ Кіевѣ и впослѣдствіи была громадна. Біографъ его, покойный Ф. А. Терновскій, отдаетъ впрочемъ преимущество въ его дѣятельности первой половинѣ его жизни, и чтеніе рѣчей Леванды подтверждаетъ это мнѣніе. Впослѣдствіи Леванда сталъ, такъ сказать, присяжнымъ ораторомъ, и «его рѣчь сдѣлалась такой-же необходимою принадлежностью кіевскаго праздника, какъ колокольный звонъ, басъ протодіакона и громкій хоръ пѣвчихъ». Это былъ ораторъ по призванію, надѣленный блестящими внѣшними средствами; насколько велика была въ немъ склонность къ публичному слову, показываютъ тѣ двѣ рѣчи, которыя онъ произнесъ *на собственной свадьбѣ*, одну передъ вѣнцомъ, другую послѣ вѣнца.

Изъ замѣтныхъ людей того времени Измайловъ упоминаетъ о цитованномъ нами нѣсколько разъ Максимѣ Берлинскомъ, «профессорѣ натуральной исторіи въ главной школѣ». Къ сожалѣнію изъ бесѣдъ своихъ съ этимъ знатокомъ кіевскихъ древностей, нашъ путникъ приводитъ только какую-то «философическую прю» самаго общаго содержанія, гдѣ Берлинскій будто-бы заявлялъ, что «для него веселѣе быть отцомъ семейства и любить натуру, нежели гоняться за блестящими призраками». Этого Берлинскаго, почтеннаго ученаго, не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ почти сказочнымъ Кесаремъ Берлинскимъ, о которомъ талантливый г. Лѣсковъ, на этихъ самыхъ страницахъ, разсказалъ столько уморительныхъ анекдотовъ.

Вѣрный своей задачѣ—все видѣть, путешественникъ не преминулъ посѣтить одно изъ ежедневныхъ общественныхъ гуляній въ дворцовомъ саду. Въ качествѣ столичнаго франта и поклонника красоты, онъ позаботился конечно о своей внѣшности. Отдаленное подобіе парижскихъ «мюскаденовъ» и incroyabl'ей той поры, вотъ выступаетъ онъ по кіевскимъ улицамъ въ предвечерній часъ, когда спалъ уже дневной жаръ. Зеленый фракъ, вздернутый выше ушей огромный галстухъ, треугольная шляпа, пудренные волосы съ косой, кривая палка и четыреугольный монокль въ рукахъ—таковъ его уборъ. По кривой улицѣ идетъ онъ къ «большой площади, которая, какъ кажется, составляетъ украшеніе города». Тамъ дворецъ, тамъ

присутственныя мѣста, дома частныхъ лицъ, тамъ рядъ молодыхъ березокъ, изъ-за которыхъ синѣетъ Днѣпръ и отдаленныя окрестности Кіева. «Кареты скачутъ, форейторы кричатъ: *поди!* Пыль вьется столбомъ, и вашъ философствующій пѣшеходъ, скрываясь въ пыльномъ туманѣ, по счастливѣе Діогена, находитъ между собою и солнцемъ не страшныхъ Александровъ, но кроткихъ красавицъ, распудренныхъ петиметровъ и старушекъ, забывшихъ на часъ богомолье». Вступивши въ тотъ садъ, гдѣ нынѣ бродитъ угрюмый босякъ, а прежде гуляли нарядныя пары, столичный человѣкъ прислушивается къ разговорамъ. Онъ находитъ, что въ нихъ нѣтъ души и «не проглядываетъ основательный разумъ», Но онъ съ избыткомъ утѣшенъ другимъ: «я сижу въ царствѣ красоты. Женщины, одна другой прелестнѣе, мелькаютъ предо мною и взоръ не успѣваетъ ловить всѣ черты нѣжности, любви и безстрастія». Его взоры привлечены преимущественно одной, и онъ готовъ отзываться о ней стихами той поры:

На лицахъ прелести у многихъ раздѣленны,
Въ ея лица чертахъ цвѣтутъ совокупленны!..

«Она улыбнулась, ея улыбка принадлежитъ мнѣ, я имѣю на нее право. Ахъ! Одна улыбка дала мнѣ предчувствовать всѣ восторги любви!»

Подъ вліяніемъ этой невѣдомой, давно забытой въ могилѣ кіевской розы, онъ окончательно впадаетъ въ сентиментальный экстазъ. Только на обратномъ пути домой, нѣсколько приходитъ онъ въ себя и занимается параллелями между женщинами кіевскими и московскими. Побѣда остается за кіевлянками. «Въ Кіевѣ болѣе красавицъ, но въ Москвѣ болѣе грацій. Москвички милѣе для холоднаго разсудка, а кіевлянки для пламеннаго сердца».

Прощаніе странника съ Кіевомъ—трогательно. «Прости Кіевъ, простите мѣста прекрасныя!» Въ послѣдній разъ гуляетъ онъ по зеленымъ горамъ и даетъ обѣтъ привезти сюда, подъ это ласковое небо, своего будущаго сына. Мечты объ этомъ сынѣ и о семейныхъ радостяхъ увлекаютъ его. Незамѣтно для него самаго волны Днѣпра уже уносятъ его изъ Кіева. Своей мечтою онъ наслаждался до самаго вечера. Когда онъ очнулся на ночлегѣ, то оказался вдали отъ Кіева, «безъ подруги, безъ сына!.. Одинъ!»...

На этой скорби объ отсутствіи сына и потомства,—скорби наименѣе допускающей постороннее вмѣшательство, простимся съ сентиментальнымъ странникомъ и мы. Лѣтъ пятнадцать спустя, мы встрѣчаемъ его уже издателемъ «Вѣстника Европы», переданнаго ему Карамзинымъ. Въ этомъ журналѣ появились первые опыты Пушкина. Если-бы печатавшій простые, глубоко-реальные стихи юнаго поэта представитель сентиментализма зналъ, кого онъ впускаетъ въ домъ, то навѣрное закрылъ-бы передъ нимъ двери. Разсказываютъ, что когда одинъ изъ министровъ Людовика XVI явился къ докладу въ простомъ чорномъ платьѣ и безъ парика, то церемоніймейстеръ въ ужасѣ воскликнулъ: теперь все кончено! Дѣйствительно это была минута, съ которой измѣнилось все.

В. Горленко.

МАЛОРУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШАРАДА.

Въ доставшейся намъ отъ г. Григоріади записной книгѣ рода Забѣлъ, напоминающей собою записную книгу асаула Мовчана, описанную В. Б. Антоновичемъ, но болѣе пространную, мы нашли въ ряду другихъ любопытныхъ замѣтокъ и слѣдующую запись:

«Року 1733, октоврія 10 въ Глуховѣ получено: Игра ломберъ знатнѣйшихъ европейскихъ дворовъ.

Папа. Еслибъ я болше козирей, нежели инихъ картъ, имѣлъ, то й я сталъ играть.

Цезаръ. Я имѣю добрихъ козирей: три короля и даму одну; однако-жъ я подожду, пока другіе станутъ играть.

Англѣя. Пусть играютъ, какъ хотятъ, только-бы козири раздѣлени были.

Францѣя. Я сталу грать, когда мой король прикритъ будетъ.

Пруссія. Я радъ былъ, только опасуюсь, что перебютъ.

Швейцарская Земля. Когда будутъ играть, то надлежащіе игри отъ мене не уйдутъ.

Россія. Я нарочитую игру мѣю, и виграть допустить могу.

Швеція. Я не буду играть, если-жъ мнѣ гоноровъ не заплатятъ.

Гишпанія. Моя игра не весьма важна, развѣ въ черной масти.

Данія. По малой мѣрѣ не буду играть безъ матадоровъ.

Полша. Отъ одного короля, которого у мене нѣтъ, могу всѣ проиграть.

Имперія. Мнѣ трохъ картъ не достаетъ, и я опасаюсь, чтобъ ремиза не заплатить.

Португалія. Я не буду играть, ежели стадали мои не принудять.

Савойская Земля. Я прежде не играю, пока не имѣю надежной игри.

Голандія. Когда всѣ пашуютъ, то и я такъ.

Курфирстъ Саксонскій. Я напрасно пашовалъ, а теперь я подиймаю играть, хотя можетъ быть и лабетъ поставлю, чтобъ проклятого хлопа до игри не допустыти.

Король Станиславъ. Пождѣте, моѣ господа, я не отреклься и не хочу лабетъ дважди поставить.

Приймась. Играйте, какъ изволите, а я одинъ зъ сихъ лабетъ озьму.

Республика полская. Я ставлю карти, и сущіе прибилѣ всегда на моей сторонѣ.

Hev patior telis vulnera facta meis.
Pro patria et in patria dulce est mori.
Vir honestus, sincerus, nemini molestus, omnibus gratus.
Prima philosophia est meditatio mortis.

Pódź, Polska, zamąź, iesli dziweczka!
Oy, nie póyde, francuzowie, oz nie póyde, alendrowie,
Bom nie caleczka.
Zgwałcili mnie w Litwie panowie,
Wzieli wianek mey czystosci
I nabytey znak wolnosci
Zli synowie.

Saturnus in Roma infortunatus, super alios elevatus, malum pertendet ex frigiditate et infortunio, quod totam terram premet.

Предлагаемъ читателямъ разгадать эту шараду, а мы пока воздержимся отъ объясненія оной.

Евгеній Желеховскій.

(*Некрологъ*).

Маленькая, родная намъ Галиція, живущая въ иныхъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ и несущая непосильную борьбу за свою вѣру и народность съ польскою «справою», теряетъ годъ за годомъ своихъ лучшихъ дѣятелей. Въ короткое время похоронивъ Барвинскаго, Навроцкаго, Заклинскаго и Шашкевича, 6-го сего февраля она лишилась Желеховскаго.

Умершій Евгеній Желеховскій извѣстенъ у насъ, и лишь весьма немногимъ, какъ составитель малорусско-нѣмецкаго Словаря, не доведеннаго имъ до конца. Въ единоплеменной намъ Галиціи его смерть составляетъ событіе дня и вызвала болѣзненный стонъ во всей странѣ. Что-же такое самъ Желеховскій? Сынъ мѣщанина, если не крестьянина, жившаго частною службою, воспитанникъ львовскаго университета, учитель, выражаясь по нашему, русскаго языка и словесности въ гимназіи маленькаго городка Станиславова. У насъ съ подобнымъ положеніемъ и формуляромъ, въ случаѣ смерти, можно занять мѣсто лишь въ ряду происшествій, и то въ случаѣ напр. тифозной или иной эпидеміи, какъ упомянуто было недавно въ кіевскихъ газетахъ о смерти одного изъ учителей кіевской гимназіи. Въ Галиціи вѣсть о смерти Желеховскаго передавалась изъ конца въ конецъ страны, а его похороны собрали до 50-ти священниковъ, мѣстный муниципалитетъ, подняли на ноги всю мѣстную интеллигенцію и большую часть населенія Станиславова, вызвали множество телеграммъ, до 20 депутацій, массу вѣнковъ и цѣлыя группы крестьянъ изъ ближнихъ и дальнихъ селъ. Статьями о смерти, погребеніи и дѣятельности Желеховскаго переполнены теперь всѣ русскія газеты въ Галиціи, какъ у насъ въ свое время объ И. С. Тургеневѣ. Даже польскія газеты пишутъ объ немъ и отдаютъ честь своимъ противникамъ за то, что они умѣютъ чтить память своихъ дѣятелей.

Что-же сдѣлалъ Желеховскій для своей родины, за что такъ ублажаетъ она его память и такъ горячо оплакиваетъ его смерть?

Онъ былъ «гимназіальнымъ» учителемъ..., онъ участвовалъ въ учрежденіи общества «Просвѣты» въ Львовѣ, учредилъ отдѣленіе этого общества въ Станиславовѣ, выдавалъ изъ его библіотеки книги

приходившимъ изъ селъ крестьянамъ, содѣйствовалъ учрежденію дамскаго станиславовскаго кружка, былъ членомъ уѣзднаго и городскаго совѣта, сотрудничалъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, издавалъ, хотя и не довелъ до конца, малорусско-нѣмецкій Словарь. Вотъ и все.

У насъ малопонятна будетъ вызванная смертію Желеховскаго общественная, почти всенародная скорбь въ Галиціи, и мы считаемъ нужнымъ пояснить ее.

Наши братья галицкіе живутъ не похоже на насъ. Они представляютъ собою общество, не подраздѣленное ни на какіе классы. У нихъ нѣтъ ни высшаго, ни средняго классовъ, нѣтъ магнатовъ, ни богачей, нѣтъ сановниковъ, графовъ и князей,—не только политическая, даже административная власть не въ ихъ рукахъ. Это въ собственномъ смыслѣ народъ, который изъ среды себя путемъ образованія, но отнюдь не богатства, выдвигаетъ интеллигенцію—священниковъ, учителей, незначительное число чиновниковъ на не важныхъ постахъ и еще меньшее число людей торговыхъ. И этотъ столь бѣдный народъ находится подъ двойнымъ—нѣмецкимъ и особенно польскимъ гнетомъ и ведетъ непрерывную тяжкую борьбу за свою политическую равноправность и сохраненіе своей вѣры и національности. Но именно эти обстоятельства даютъ ему то единство, котораго мы не имѣемъ, и ту сплоченность, которой не можетъ одолѣть съ своими громадными средствами польская пропаганда. Непрерывная жизненная борьба выдвигаетъ дѣятелей, увлекаетъ ихъ въ свой водоворотъ и надѣляетъ ихъ тѣми свѣтлыми качествами и дѣлами, которыя влекутъ къ нимъ симпатіи всего народа и даютъ популярность въ его средѣ. Такими дѣятелями являются здѣсь и священникъ, и чиновникъ, и торговецъ, и редакторъ газеты, и учитель гимназіи, даже учитель сельской школы. Тутъ общественнымъ, народнымъ дѣятелемъ, даже противу воли, сдѣлаться легко, но быть имъ необычайно трудно. Патріотизмъ всасывается, можно сказать, съ молокомъ матери и воспитывается всею послѣдующею жизнью. Это не тотъ патріотизмъ, о которомъ пишутъ въ книгахъ, который высказываютъ въ застольныхъ рѣчахъ или проявляютъ на поляхъ битвъ, это жизненный стимулъ, непрерывною нитью идущій отъ колыбели до гроба. Но и патріотомъ надо умѣть и имѣть твердость духа быть. И въ средѣ галичанъ находятся люди равнодушные къ

судьбамъ родины, непостоянные, колеблющіеся, даже «перекинчики», или-же патріоты односторонніе, не умѣлые, не въ мѣру рьяные. Борьба воспитываетъ не одинъ патріотизмъ, но вмѣстѣ тактъ, умѣлость, твердость, энергію, честность, мягкость души, любовь къ ближнему—высшія качества, составляющія лучшее украшеніе человѣка. И такимъ именно былъ, судя по отзывамъ всѣхъ галицкихъ газетъ, преждевременно скончавшійся Желеховскій. Его научный трудъ—Малорусско-нѣмецкій Словарь, для котораго онъ приготовилъ весь необходимый матеріалъ и окончаніе котораго завѣщалъ въ предсмертный часъ своему товарищу и другу—Недѣльскому, еще ждетъ своей оцѣнки, а его патріотическая дѣятельность очерчивается и долго еще будетъ очерчиваться въ родной ему странѣ на всѣ лады.

Только сообразивъ все вышесказанное, мы поймемъ то глубоко трогательное объявленіе о смерти Желеховскаго, какое мы нашли въ наиболѣе распространенной галицкой газетѣ «Дѣло». Оно стоитъ на первой страницѣ, непосредственно послѣ заголовка, и занимаетъ мѣсто строкъ въ 20-ть во всю ширину большого газетнаго листа. Въ траурной широкой рамкѣ—осьмиконечный въ сіяніи крестъ, а подъ нимъ слѣдующія скорбныя слова:

«Съ тяжкимъ болемъ въ серцю, зъ дрожачою одъ зворушеня рукою приходится намъ сегодня дѣлитися съ Вп. читателями печальною вѣстею: *Евгеній Желеховскій*, профессоръ русского языка при гимназіи въ Станиславовѣ, взорець (образецъ) русина патріота, найчестнѣйшого характеру, ангельской доброты сердця, довголѣтный неутомимый предсѣдатель филіи товариства «Просвѣта» и членъ другихъ русскихъ товариствъ, одинъ зъ першыхъ найгорячѣйшыхъ піонерôвъ просвѣты народнои, чоловѣкъ неусыпнои науковои працѣ, авторъ першого руско-нѣмецкого «Словаря», упокоився вчора, дня 6 лютого 1885 р., о 5 годинѣ по-полудни, въ Станиславовѣ, на рукахъ опечаленнои дружины, дѣточокъ и другôвъ. Въ субботу рано мощѣ покôйного Евгенія пріймe свята земля русска, а память его буде жити у насъ и у грядучихъ поколѣнь на Руси—на вѣки!»

Буди вѣчная память ему!—скажемъ и мы, знавшіе покойнаго еще скромнымъ юношею, стремившимся къ намъ для довершенія образованія и возвратившимся на родину по исключительному случаю, о которомъ разскажемъ когда нибудь впослѣдствіи.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНЫЕ СТАТЬИ И МАТЕРІАЛЫ ПО ЮЖНО-РУССКОЙ ИСТОРІИ.

(*Русскій Вѣстникъ. — Новь. — Кіевлянинъ. — Заря*).

Въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» мы разсмотрѣли съ точки зрѣнія нашей программы содержаніе столичныхъ *историческихъ* журналовъ прошлаго года; обратимся теперь къ остальнымъ. Какъ извѣстно, на страницахъ «толстыхъ» журналовъ иногда являются весьма цѣнныя монографіи нашихъ историковъ, которыя часто выходятъ потомъ отдѣльными книгами. Таковы по южно-русской исторіи извѣстныя статьи Костомарова, печатавшіяся въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русской Мысли». Истекшій годъ, къ сожалѣнію, не далъ намъ ничего подобнаго. Мы имѣли возможность разсмотрѣть всѣ книги за прошлый годъ журналовъ: «Вѣстника Европы», «Русской Мысли», «Наблюдателя», «Русскаго Богатства», и ни въ одной изъ нихъ не нашли ничего, на чемъ можно было бы остановить вниманіе. Только въ мартовской книгѣ «Русскаго вѣстника» была статья А. Воронова о штундизмѣ (*«Штундизмъ. Очеркъ религіозно-бытовой жизни въ Малороссіи»*, *4—45 стр.*), о которой скажемъ нѣсколько словъ,—кстати для сопоставленія ея съ помѣщаемымъ въ этой-же книгѣ «Кіевской Старины» очеркомъ штунды въ кіевской губерніи.

Статья носитъ чисто публицистическій характеръ. Сначала авторъ разсматриваетъ, въ чемъ состоитъ ученіе штундистовъ и откуда оно появилось. На первый вопросъ отвѣчаетъ весьма неясно, въ нѣсколькихъ общихъ выраженіяхъ о сходствѣ ученія штундистовъ съ протестантами-анабаптистами; на второй,—что штундизмъ явленіе заносное, пришедшее къ намъ отъ нѣмцевъ. По словамъ автора, онъ 10 лѣтъ наблюдаетъ за штундою въ центрѣ ея развитія, таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, и констатируетъ, что въ эту мѣстность она занесена изъ Новороссіи, отъ херсонскихъ колонистовъ. Вслѣдъ за этимъ разсматриваются элементы общества, среди котораго появилась штунда: крестьянство, духовенство, интеллигенція (русская и польская) и евреи.

Изъ крестьянъ уклонились въ штунду большею частію низшіе слои, голяки, необезпеченные матеріально на родинѣ и потому принужденные искать пропитанія на сторонѣ. Долгія скитанія по раз-

нымъ краямъ пріучаютъ къ разнообразію, воспитываютъ индиферентизмъ ко всѣмъ формамъ быта и проявленіямъ жизни, въ томъ числѣ и къ религіи,—ослабляютъ традиціонную привязанность къ родной вѣрѣ и обрядамъ и слѣдовательно дѣлаютъ человѣка болѣе воспріимчивымъ къ стороннимъ вліяніямъ. А тутъ экономическое и нравственное давленіе нѣмца хозяина. Не мудрено, что голякъ уступаетъ. Вотъ какъ описываетъ авторъ, словами мужичковъ, то положеніе, въ которое попадаютъ они у нѣмцевъ-хозяевъ на заработкахъ, и которое подготовляетъ ихъ къ штундѣ:

«Наймались мы до нимця, та й не знали потимъ, якъ выбратця одъ ёго. Въ середу и пятныцю обидъ скоромный: все зъ молокомъ та зъ мясомъ; въ Петривку тожъ скоромне. Стали казать, щобъ намъ писнный варили, такъ де тоби! не хоче нимець: каже, косыть не будешь за ти гроши, що даю. Та ще таке тоби верзе про посты, що лучче уши заткни. Цилыхъ 2 — 3 мисяци праздныка не знаешь, все на роботи, въ церкви не буваешь; руськи слободы не близько, а стань просыться въ недилю у хозяина до церквы, то винъ заразъ тоби каже: иди въ нашу кирку, та все сміетця зъ насъ» (стр. 16).

Нѣкоторые убѣгаютъ домой отъ такой обстановки, другіе привыкаютъ къ ней, и почва для штунды готова.

Что касается духовенства въ зараженномъ ересью краѣ, то оно, по мнѣнію автора, совсѣмъ не такъ низко стоитъ въ нравственномъ отношеніи, какъ пишутъ обыкновенно либералы; напротивъ, оно стоитъ на высотѣ своего призванія; жаль только, что не обезпечено матеріально и лишено возможности вліять на народъ посредствомъ школы. Далѣе—длинный панегирикъ церковно-приходскимъ школамъ: Причина появленія ереси та, что послѣ крѣпостнаго права, когда народъ очутился въ возможности, сверхъ насущнаго хлѣба, думать и о духовныхъ нуждахъ, онъ не былъ до сихъ поръ обезпеченъ надлежащимъ образомъ въ своемъ нравственномъ развитіи, не былъ надлежаще охраняемъ и утверждаемъ въ вѣрности кореннымъ основамъ и вѣковымъ формамъ своего бытія» (стр. 32). Жаль, что «охраненія» не дали въ руки духовенству.

Интеллигенція, напротивъ, не соотвѣтствуетъ своему высокому положенію—учителей простаго народа; она не утверждаетъ его въ вѣрѣ, но даже хвалитъ штунду въ печати, какъ «религію прогресса». Особенно развращающимъ образомъ, за немногими исключеніями, дѣйствуетъ мѣстная польская интеллигенція.

Евреи въ корчмахъ тоже помогаютъ проповѣдникамъ штунды, ругая поповъ и иконы.

Въ концѣ прошлаго года сталъ выходить въ Петербургѣ новый двухнедѣльный журналъ «Новь», съ неслыханно пестрымъ содержаніемъ. Въ двухъ его книгахъ (т. I, № 4—вторая половина декабря 1884 г., и т. II, № 5—первая половина января 1885 г.), въ отдѣлѣ критики и библіографіи, пріютилась весьма интересная историко-литературная статья г. Н. М. В. подъ заглавіемъ: *Иванъ Петровичъ Котляревскій. Критико-біографическій очеркъ.*

Русская литература, начинаетъ авторъ, выгодно отличается отъ другихъ европейскихъ литературъ однимъ весьма важнымъ достоинствомъ, подмѣченнымъ уже давно и повтореннымъ покойнымъ Тургеневымъ въ рѣчи на пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ,— «прямодушной правдою, отсутствіемъ лжи и фразы, простотою, откровенностью и честностью ощущеній». Достоинство это принадлежитъ ей давно, съ первыхъ шаговъ ея самостоятельнаго развитія, тогда какъ иностранная литература начинаетъ выставлять эти начала только теперь, и то какъ pia desideria. Какія-же причины этого явленія?

«Одна изъ причинъ, недостаточно выясненная нашей критикой, заключается въ томъ, что въ созданіи русской поэзіи участвовала не одна народность, но двѣ, хотя единовѣрныя и единокровныя, но выработавшія свою духовную физіономію подъ такими различными условіями быта, исторіи, климата и почвы, что было-бы нелѣпо ихъ національныя свойства смѣшивать въ одну народную сущность. Наоборотъ, въ русской литературѣ отразились и слились двѣ народныя сущности, не противоположныя, но взаимно восполняющія одна другую, и въ этомъ заключается тайна ея скораго и пышнаго разцвѣта. Подобное сліяніе имѣло мѣсто не только у насъ, но и въ другихъ европейскихъ литературахъ и вездѣ служило залогомъ высокаго развитія... Каждая народность, предоставленная самой себѣ, спѣшитъ довести свои врожденныя свойства до крайняго развитія, — и цивилизація такой народности будетъ отличаться исключительной односторонностію, а литература, въ которой долженъ преобладать элементъ или разсудочный, или чувствительный, будетъ носить въ себѣ признаки разложенія и фальши... Исключительность и правда враждебны одна другой. Только при сочетаніи двухъ элементовъ является художественная правда. Тургеневъ эти два элемента называетъ воспріимчивостью и самодѣятельностью, началомъ женскимъ и мужскимъ.

Въ русской литературѣ, къ счастью, эти два элемента слились во едино, потому что въ ея созданіи участвовали двѣ народности, общія по происхожденію, но различныя по характеру,—народности великорусская и малорусская». (Т. I, № 4-й, стр. 702—703).

Участіе малороссовъ въ выработкѣ обще-русской культуры начинается очень рано.

«Въ XVI и XVII столѣтіяхъ кіевская ученость была возбуждающей силой для Москвы. Константинъ Острожскій, Смотрицкій, Петръ Могила, Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій—вотъ единственные проводники между европейскою ученостью, правда — схоластической, и допетровской Москвой. Петръ выбиралъ среди малороссовъ ревностныхъ поборниковъ своихъ реформъ, какъ напримѣръ Стефана Яворскаго, Дмитрія Ростовскаго, Ѳеофана Прокоповича, Варлаама Коссовскаго, Ѳеодосія Яновскаго, Гедеона Вишневскаго, Ѳеофилакта Лопатинскаго и др.» (Ibid., стр. 703).

Впослѣдствіи малороссъ Гнѣдичъ первый создастъ русскій гекзаметръ и двадцать лѣтъ трудится надъ переводомъ Иліады, Капнистъ своей «Ябедой» первый послѣ Фонвизина создаетъ серьезную общественную комедію, Богдановичъ «Душенькой» освободилъ русскую литературу отъ оковъ ложно-классицизма и «оживилъ ее духомъ шутки и бодрой веселости».

«Но центральнымъ поэтомъ, сосредоточившимъ въ себѣ весь своеобразный геній Малороссіи и пріобщившимъ этотъ геній нашей литературѣ, былъ Гоголь. Онъ, можно сказать, вдохнулъ душу живую въ нашу поэзію и первый придалъ ей тотъ характеръ правдивости и человѣчности, которымъ мы по справедливости такъ гордимся. Да, этотъ характеръ придалъ ей Гоголь, а не Пушкинъ, не потому чтобы онъ былъ талантливѣе Пушкина, а потому, что онъ заставилъ звучать въ великорусской поэзіи струны ей дотолѣ чуждыя,—примиряющаго юмора, непритворной чувствительности и горячей любви къ человѣку, ко всякому человѣку вообще. Только Гоголь сдѣлалъ у насъ навсегда невозможнымъ возвращеніе къ фальши и условности, только онъ приготовилъ появленіе Тургенева, Достоевскаго и Льва Толстого». (Ibid., стр. 704).

Послѣ Гоголя малорусская народность, почуявъ собственныя силы, направила ихъ къ созданію собственной литературы. Пока литература эта воспроизводила чисто народные идеалы, ей достаточно было и исключительно малороссамъ свойственныхъ качествъ—сосредоточенной глубины чувства и юмора, «въ которомъ нераз-

рывно сливаются злоба и нѣжность, насмѣшка и любовь». Апогеемъ развитія въ этомъ направленіи были произведенія Шевченка. Но лишь только малорусскіе писатели захотѣли коснуться культурныхъ сторонъ общественной жизни, національныхъ качествъ малорусскаго характера оказалось недостаточно; а такъ какъ они пожелали замкнуться исключительно въ кругу этихъ качествъ, то вырожденіе малорусской поэзіи пошло быстрымъ шагомъ.

Всѣ малорусскіе писатели, до Шевченка, должны быть изучаемы, какъ элементы, подготовлявшіе почву для появленія его генія.

«Но есть и другая исходная точка при изученіи украинскихъ писателей. Юморъ и чувствительность малорусскаго генія оказали громадное вліяніе на нашу литературу, служили основнымъ элементомъ при ея созиданіи,—и поэтому всякое проявленіе этого генія для насъ фактъ не случайный, а глубоко поучительный, имѣющій связь съ нашей родной поэзіей. Изученіе малорусскихъ писателей для насъ крайне важно, и въ особенности такихъ, въ произведеніяхъ который наиболѣе ярко отразились основныя свойства малорусской натуры. Родоначальникомъ этихъ писателей по справедливости слѣдуетъ считать Котляревскаго, и потому его жизнь и поэтическая дѣятельность имѣютъ такое-же право на наше вниманіе, какъ и на вниманіе природныхъ малороссовъ». (Ibid., стр. 705).

Затѣмъ авторъ излагаетъ біографію Котляревскаго, совмѣстно съ его литературной дѣятельностью и оцѣнкой его произведеній. На фактахъ біографіи мы не будемъ останавливаться, такъ какъ они и безъ передаваемой нами статьи хорошо извѣстны, а посмотримъ, какъ г. Н. М. В. смотритъ на «Энеиду», «Наталку-Полтавку» и другія творенія Котляревскаго.

По окончаніи полтавской гимназіи Иванъ Петровичъ поступилъ домашнимъ учителемъ къ одному помѣщику малороссу. Здѣсь, къ концу 1795 года, 26 лѣтъ отъ роду, онъ начинаетъ набрасывать начерно строфы «Энеиды».

«Прежде чѣмъ выяснить значеніе этой поэмы, намъ сперва необходимо опредѣлять, какъ она зародилась въ мозгу поэта, какія жизненныя явленія вызвали идею о ней. Глухая Украйна конца прошлаго столѣтія и пародія Виргилія, патріархальные помѣщики С—іе съ ихъ балбесами-племянниками и насмѣшка надъ классическими богами и героями, все это такіе разительные контрасты, которые невольно наводятъ на размышленіе. Какимъ образомъ бурсацкій виршеплетъ понялъ художественную несостоятельность «Энеиды», какъ Эней очутился въ золотопош-

скомъ уѣздѣ полтавской губерніи, переодѣтый въ малороссійскую свиту и чоботы? Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ очутиться въ такомъ медвѣжьемъ углу, Эней совершилъ довольно далекое странствіе, перемѣнивъ на себѣ не одинъ костюмъ и не одну маску». (Ibid., стр. 706).

Впервые «Энеида» подверглась пародированію у француза Скаррона, этого «шута, поэта и философа въ одно и то-же время». Другая замѣчательная передѣлка Энеиды появилась въ 80-хъ гг. прошлаго вѣка въ Вѣнѣ и принадлежала перу нѣмца Блумауера. Эта пародія попала въ руки россійскаго стихотворца Николая Осипова и окончательно «раздѣлана имъ подъ орѣхъ», выражаясь примѣнительно къ кабацкому языку произведенія Осипова. Въ то время какъ Скаррону и Блумауеру нуженъ былъ только предлогъ для сатиры надъ ихъ отечественными пороками, цѣль Осипова заключалась единственно въ кабацкомъ смѣхотворствѣ, такъ какъ публика, которой адресована была россійская «Энеида» не имѣла ровно никакого представленія о предметѣ, подвергшемся вывороту на изнанку. Эта-то знаменитая поэма Осипова «въ Энеевомъ вкусѣ» и попалась Котляревскому и послужила стимуломъ къ его «Виргиліевой Энеидѣ, на украинскую мову перелицованной». Вопросъ о томъ, кто для кого послужилъ образцомъ, Котляревскій-ли для Осипова, или наоборотъ, рѣшается авторомъ въ пользу первенства Осипова на основаніи слѣдующихъ соображеній:

«Первое изданіе «Энеиды» Котляревскаго было сдѣлано въ 1798 г., безъ его вѣдома, какимъ-то черниговскимъ помѣщикомъ Пурпурою, которому авторъ далъ поэму только для списанія. Вотъ этотъ-то Пурпура, по отзывамъ всѣхъ біографовъ Котляревскаго, былъ осмѣянъ въ строфѣ о «мацапурѣ» и осмѣянъ не за присвоеніе себѣ чужаго творчества (въ изданіи г. Пурпуры авторомъ названъ Котляревскій), а лишь за промыселъ чужимъ добромъ. Первое-же изданіе «Энеиды» Осипова появилось въ 1791 году, слѣдовательно за семь лѣтъ раньше малороссійской передѣлки. Но мы знаемъ, что еще къ концу 1795 года Котляревскій писалъ на лоскуткахъ свою «Энеиду», въ то время никому неизвѣстную даже въ Малороссіи, а тѣмъ менѣе въ Петербургѣ. Въ 1791 году Котляревскому было всего 21 годъ; онъ былъ еще въ бурсѣ, но ни одинъ изъ его товарищей по бурсѣ не упоминаетъ, что-бы онъ уже тогда писалъ свою «Энеиду». Принимая-же во вниманіе, что «Энеида» Осипова представляетъ искаженную копію съ передѣлки Блумауера, мы приходимъ къ неопровержимому выводу, что первенство

по времени принадлежитъ поэмѣ Осипова, которому несомнѣнно подражаетъ Котляревскій». (Ibib., стр. 708).

Какъ-же вышло, что подражаніе такому шутовскому произведенію, какъ «Энеида» Осипова, сдѣлалось безсмертнымъ твореніемъ? Причины этого—какъ въ талантѣ писателя, такъ и въ историческихъ обстоятельствахъ времени появленія поэмы. Малороссы, обреченные на усвоеніе чуждыхъ, сосѣднихъ культуръ, всегда однако хранили въ себѣ безсознательно любовь къ родному языку, обычаямъ и, главное, къ славной своей исторіи. Усвоенная культура обрекала всѣ эти вещи на посмѣяніе, какъ принадлежащія простонародью, а внутреннее чувство тяготѣло къ нимъ. Вотъ почему малороссійскіе паны упивались смѣшными украинскими анекдотами, полными національнаго юмора. Они относились къ нимъ свысока только потому, что ложный стыдъ культурнаго человѣка мѣшалъ признаться къ народнымъ произведеніямъ, стать открыто на сторону народнаго генія. Нуженъ былъ только писатель, «который, подъ предлогомъ насмѣшки, раскрылъ-бы предъ культурными людьми всѣ сокровища языка и духа украинскаго простонародія, предъуготовывая такимъ образомъ путь для будущаго вдохновеннаго пѣвца».

«Этимъ писателемъ и былъ Котляревскій, который, приступая къ своей поэтической дѣятельности, имѣлъ вначалѣ только одну сознательную цѣль: смѣшить образованную публику сценами изъ простонароднаго быта, написанными на малороссійскомъ языкѣ. Но, изучая для этого народный языкъ и нравы, Котляревскій безсознательно исполнялъ великую историческую миссію. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ онъ проникалъ все глубже въ народную жизнь, его отношеніе къ ней мѣняется, безсознательная миссія разъясняется въ его душѣ, и онъ пользуется знаніемъ народной жизни не для издѣвательства надъ ней, а для поэтическаго ея воспроизведенія, пробудивъ своими прежними произведеніями интересъ и любовь культурныхъ читателей къ языку и быту простонародья. Такимъ образомъ дѣятельность Котляревскаго распадается на два періода: безсознательнаго народничества и сознательнаго. Къ первому періоду относится большая часть «Перелицованной Энеиды», ко второй—послѣднія пѣсни этой поэмы и, главнымъ образомъ, драматическія произведенія Котляревскаго». (Стр. 709—710).

Изъ сказаннаго вытекаютъ и достоинства и недостатки «Энеиды».

«Главное достоинство ея—народность, выражающаяся, во первыхъ, въ языкѣ, подслушанномъ у народа и впервые отлитомъ въ литературныя формы, во вто-

рыхъ, въ народномъ бытѣ, описанномъ живыми и талантливыми штрихами и въ третьихъ, въ народномъ юморѣ, разлитомъ по всему произведенію. Главный недостатокъ «Энеиды» — отсутствіе цѣльности въ замыслѣ и въ исполненіи: народная поэма была задумана съ намѣреніемъ позабавиться на счетъ народа!... Цѣльность поэмы страдаетъ и отъ того, что послѣднія пѣсни, когда отношеніе Котляревскаго къ народу стало измѣняться, написаны въ другомъ тонѣ, нежели первыя». (Ibid., стр. 712).

Успѣхъ «Энеида» имѣла колоссальный. Она разошлась въ громадномъ количествѣ списковъ до напечатанія, а по напечатаніи въ 1798 году, въ теченіи 11 лѣтъ, выдержала 4 изданія. Одинъ экземпляръ попалъ даже въ походную библіотеку Наполеона I и завезенъ имъ въ Парижъ. Общественное мнѣніе признало «Энеиду» основаніемъ малорусской поэзіи, «но не столь согласны были приговоры о ней критики».

Далѣе разбирается двукратное сужденіе объ «Энеидѣ» Кулиша: одно, 60-хъ годовъ, въ которомъ онъ не находитъ словъ для порицанія Котляревскаго за каррикатурное изображеніе малорусскаго народнаго характера и за насмѣшку надъ народнымъ языкомъ, другое 80-хъ годовъ, гдѣ Котляревскій превозносится за демократизмъ, за то, что «онъ стащилъ съ олимпійскихъ высотъ боговъ и богинь съ полубогами... и все олимпійское барство обратилъ въ мужицкую простоту». «Выходитъ, слѣдовательно, остроумно замѣчаетъ г. Н. М. В., что Котляревскій имѣлъ намѣреніе смѣяться не надъ простолюдиномъ, а надъ барствомъ, надъ сильными міра, но такъ искусно скрылъ свое намѣреніе, что г. Кулишу понадобилось 20 лѣтъ размышленій, чтобы проникнуть въ него».

Выше авторъ замѣтилъ, что ко второму періоду настроенія Котляревскаго, времени искренней любви къ народу, относится созданіе его драматическихъ произведеній: «Наталки-Полтавки» и «Москаля-Чаривныка». Первую пьесу г. Н. М. В. называетъ «комедіей типовъ» и защищаетъ ее отъ упрека въ тогдашнемъ общерусскомъ литературномъ сентиментализмѣ.

«Правда, въ «Наталкѣ-Полтавкѣ» несомнѣнно звучитъ сентиментальная нотка; правда и то, что въ русской литературѣ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка господствовало сентиментальное направленіе; но между сентиментальностью Карамзина и его послѣдователей, съ одной стороны, и Котляревскаго — съ другой, лежитъ цѣлая бездна. У Карамзина чувствительность была болѣзненная, заимство-

ванная съ Запада, чуждая великорусскому характеру, и потому успѣхъ ея былъ крайне недолговѣченъ... Не то было съ Котляревскимъ. Чувствительность въ его пьесахъ была почуть не заимствованная извнѣ, а почерпнутая изъ самыхъ тайниковъ національнаго духа украинцевъ» (Ш. Н, № 5-й, стр. 129).

Затѣмъ авторъ для иллюстраціи къ только что высказанному имъ проводитъ параллели между аналогичными положеніями персонажей Карамзиновской «Бѣдной Лизы» и «Наталки-Полтавки» Котляревскаго, и каждый разъ находитъ, что лица «Наталки-Полтавки» поступаютъ вполнѣ естественно, сообразно съ данными обстоятельствами и своимъ національнымъ характеромъ, между тѣмъ какъ въ «Бѣдной Лизѣ» они просто ломаются.

«Москаля-Чаривныка» авторъ называетъ «забавнымъ водевилемъ изъ народной жизни, въ которомъ много шаржа и случайностей, но веселѣе котораго нѣтъ ни одной пьески среди всѣхъ, посвященныхъ изображенію народнаго быта».

Художественная дѣятельность Котляревскаго оканчивается 1819 годомъ. Въ 1822 году его избрали членомъ петербургскаго общества любителей россійской словесности; литературная извѣстность его къ этому времени достигла довольно обширныхъ размѣровъ. Иванъ Петровичъ умеръ въ 1838 году, на 70-мъ году жизни, въ родной Полтавѣ, среди всеобщей любви и почитанія.

«Въ 1869 г. кружокъ полтавцевъ торжественно отпраздновалъ столѣтній юбилей дня рожденія Котляревскаго, имя котораго навсегда останется памятнымъ въ Малороссіи не столько потому, что Котляревскій былъ великій талантъ, какъ потому, что ему выпало счастье быть иниціаторомъ, первымъ народнымъ поэтомъ, отцомъ малорусской литературы. Струны юмора и чувствительности, впервые имъ затронутыя, продолжали звучать во всѣхъ послѣдующихъ произведеніяхъ украинской поэзіи. Но особенно явное подражаніе Котляревскому видно въ слѣдующихъ произведеніяхъ малорусской литературы: въ «Горпинидѣ» П. И. Бѣлецкаго-Носенка, «Гараськиныхъ одахъ» П. П. Артемовскаго-Гулака, «Жабомышодраківкѣ» К. Д. Думитрашкова, «Патретѣ» Квитки-Основьяненка, затѣмъ—въ комедіяхъ и операхъ Гоголя—отца, Я. Кухаренка и др. Котляревскій принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ литературнымъ иниціаторамъ, произведенія которыхъ имѣютъ не одно историческое, но и художественное значеніе и спустя почти столѣтіе послѣ своего написанія еще читаются съ живымъ интересомъ. Котляревскій бросилъ первое зерно той богатой жатвы, которую впослѣдствіи собралъ Шевченко, и недаромъ этотъ въ лучшемъ

смыслѣ слова народный пѣвецъ посвятилъ памяти Котляревскаго одну изъ самыхъ прочувствованныхъ своихъ думъ»... (Ibid., стр. 133).

Хорошо сдѣлалъ авторъ переданной нами статьи, что въ концѣ ея приложилъ для интересующихся предметомъ «библіографическій указатель сочиненій Котляревскаго и о Котляревскомъ», который мы дополнимъ указаніемъ на статью о Котляревскомъ въ галицко-русскомъ журналѣ «*Світъ*» за 1881 годъ, гдѣ между прочимъ высказано объ одѣ Котляревскаго «до князя Куракина» мнѣніе, замѣчательно сходное съ мнѣніемъ о томъ-же г-на Н. М. В.

Замѣтимъ кстати, что въ одной изъ тѣхъ-же книжекъ «Нови», именно въ т. I, № 4-мъ, напечатанъ новый разсказецъ П. А. Кулиша— «*Дѣдушкинъ завѣтъ*», заслуживающій упоминанія на страницахъ нашего журнала хотя-бы потому, что самъ г. Кулишъ теперь нѣкоторымъ образомъ принадлежитъ уже исторіи.

Обѣ кіевскія газеты, «Кіевлянинъ» и «Заря», впродолженіе истекшаго года не только своевременно отзывались на извѣстныя явленія, такъ или иначе относившіяся къ мѣстной исторіи, но удѣляли на своихъ столбцахъ мѣсто даже историческимъ документамъ. На статьяхъ, вызванныхъ злобой дня, мы останавливаться не будемъ, а только перечислимъ ихъ параллельно въ обѣихъ газетахъ; помѣщенные-же документы, въ интересахъ исторіи, позволимъ себѣ привести цѣликомъ.

Въ январѣ прошлаго года, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, скончался заслуженный въ наукѣ южно-русской этнографіи Павелъ Платоновичъ Чубинскій. Въ «Кіевлянинѣ» (№ 17) помѣщенъ некрологъ его, написанный Ив. Новицкимъ. Въ «Зарѣ» (№ 15), кромѣ некролога, принадлежащаго г. В. А., напечатаны и подробныя рѣчи, сказанныя на похоронахъ Чубинскаго гг. Кулябкой, Науменкомъ и покойнымъ А. О. Кистяковскимъ.

2 февраля исполнилось 100 лѣтъ со дня рожденія Гнѣдича, автора приснопамятной «Иліады», родившагося и воспитывавшагося въ Полтавѣ. Обѣ газеты почтили память его статьями: въ «Зарѣ» въ день годовщины (№ 27) памяти Гнѣдича посвящена передовая статья, а въ «Кіевлянинѣ», тоже начиная со 2 февраля, въ трехъ номерахъ (№№ 27, 28 и 29) помѣщены довольно обстоятельныя

біографическія замѣтки г-на П. С., подъ заглавіемъ «Къ столѣтней годовщинѣ Николая Ивановича Гнѣдича».

По выходѣ въ свѣтъ книги г. Петрова: «Очеркъ исторіи украинской литературы XIX ст.», въ обѣихъ газетахъ помѣщены рецензіи на нее, въ «Кіевлянинѣ» (№ 43) г. Ив. Новицкаго, въ «Зарѣ» (№ 48) обстоятельная рецензія г. М-на, и еще раньше, въ № 37, замѣтка на ту-же книгу: «Судьбы украинской литературы въ девятнадцатомъ столѣтіи».

Обѣ газеты въ теченіи августа и сентября, по случаю 50-лѣтняго юбилея университета св. Владиміра, помѣстили массу замѣтокъ, такъ или иначе касающихся исторіи университета, причемъ «Кіевлянинъ» очевидно пользовался офиціальными свѣдѣніями и потому далъ болѣе матеріала. Всѣ эти замѣтки, впрочемъ, утратили свой интересъ послѣ появленія исторіи университета профессора Владимірскаго-Буданова.

Та и другая газета своевременно давала публикѣ отчетъ о засѣданіяхъ и чтеніяхъ мѣстнаго историческаго общества Нестора-лѣтописца.

Остановимся теперь на каждой газетѣ отдѣльно. «Кіевлянинъ» помѣстилъ въ нѣсколькихъ номерахъ (№ 60, 61, 65 и 66) «*Очеркъ развитія малорусской штунды*», неизвѣстнаго автора. Очеркъ написанъ на основаніи газетныхъ корреспонденцій и журнальныхъ статей; о достоинствѣ его можно судить по отзыву объ этомъ очеркѣ г-на П. Л. въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины».

Въ той-же газетѣ два неодинаковой достовѣрности сообщенія. По поводу помѣщеннаго въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» портрета русской княжны Анны Ярославны, вышедшей замужъ за французскаго короля Генриха I, въ № 152 сообщалось, будто объ этой княжнѣ готовится ученымъ православнымъ монахомъ о. Августиномъ Мовильономъ, французомъ по происхожденію, цѣлое сочиненіе, основанное въ значительной степени на неизвѣстныхъ доселѣ источникахъ. Извѣстіе это, обошедшее всѣ почти газеты, оказалось ни на чемъ не основаннымъ. Иного рода сообщеніе о томъ, что высокопреосвященный митрополитъ Платонъ испросилъ у Государя Императора позволеніе возстановить славную межигорскую обитель, эту драгоцѣнную по историческимъ воспоминаніямъ руину, храмы которой стоятъ почти въ запустѣніи съ 1798 года, когда она по

распоряженію правительства обращена была въ фаянсовую фабрику («Кіевлянинъ», № 148).

Не лишены интереса также выдержки изъ доставшагося редакціи «Кіевлянина» «*Росписанія доходовъ и расходовъ губернскаго города Кіева, 17 сентября 1831 года*» (№ 16).

«Изъ документа этого видно, что въ 1831 г. всѣ доходы города равнялись 243 тыс. руб. ассигнац., что составляетъ рублями металлическими около 81,000 р., между тѣмъ какъ по отчету 1882 года доходы города равняются почти милліону рублей кредитныхъ, или считая по курсу въ 60 коп. металлическихъ, 600 тысячъ руб. металлическихъ. Расходы въ тоже время были опредѣлены въ 209 тыс., такъ что предполагалось сбереженія 34 тыс. руб.»

Газета сравниваетъ дальше различныя статьи дохода и расхода того времени съ настоящими и отмѣчаетъ несуществующіе нынѣ источники доходовъ, напр. питейный откупъ, или «съ эквилибристовъ, ташеншпилеровъ, штукмейстеровъ и отъ театра—500 р.» Изъ статей расхода интересна—содержаніе городскаго общественнаго управленія, которое обходилось въ 20,270 руб., причемъ войтъ получалъ 700 р., два бухгалтера по 250 р., четыре ратсгера по 200 р.

«Содержаніе словеснаго суда обходилось всего въ 420 р., изъ коихъ лавникъ получалъ 100 р., инстигаторъ 80 р., урядникъ 80 р., и 2 разсыльщика по 80 р.» «На народное образованіе расходывалось 4,000 руб. въ настоящее время до 65,000 р.; расходы на врачебную помощь заключались въ платѣ городовому врачу, въ настоящее время на больницы и врачей расходуется 72 т. рублей» («Кіевл.», № 16).

Но дѣйствительно важное историческое значеніе имѣютъ два документа, напечатанные «Кіевляниномъ» и относящіеся къ извѣстной успенской церкви въ г. Переяславѣ, въ которой по преданію присягалъ на вѣрность московскому царю Богданъ Хмельницкій. 10 августа (№ 178) въ газетѣ помѣстилъ какой-то «любитель старины» замѣтку, въ которой негодуетъ на то, что по распоряженію епархіальнаго начальства имѣетъ быть въ скоромъ времени разрушена въ Переяславѣ успенская церковь, стоящая въ центрѣ города, въ «Замковищѣ», въ которой по преданію присягалъ 8 января 1654 г. Богданъ Хмельницкій и въ которой хранятся до сихъ поръ крестъ и евангеліе, употребленные при присягѣ. Разнохарактерность постройки зданія собственно и дала поводъ автору замѣтки думать, что старая успенская церковь, обреченная на сломъ, въ своемъ остовѣ

есть именно знаменитая церковь Хмельницкаго. Эту ошибку раздѣляли многіе. Было доведено о церкви до свѣдѣнія президента академіи художествъ, великаго князя Владиміра Александровича, который озаботился дать средства для поддержанія древняго храма и командировалъ на мѣсто депутата отъ академіи художествъ для осмотра зданія. Но мѣстное епархіальное начальство и предсѣдатель мѣстнаго комитета о. Терлецкій не соглашались почему-то съ мнѣніемъ нѣсколькихъ членовъ на счетъ древности церкви и приготовляли матеріалъ для постройки новой, каменной на ея мѣстѣ. Пошли пререканія съ обѣихъ сторонъ, члены комитета раздѣлились, почетныя лица города перестали въ немъ участвовать. Дѣло принимало неблаговидный оборотъ. Къ счастію, мѣсяца черезъ два послѣ замѣтки «любителя старины» въ редакцію «Кіевлянина» была прислана изъ Переяслава другая замѣтка, г. Т., съ двумя документами, которые рѣшили споръ. Оказалось, что нынѣшняя обветшавшая успенская церковь построена прихожанами въ 1767 году, на мѣстѣ сгорѣвшей исторической. Одинъ изъ документовъ—копія указа епархіальнаго архіерея о постройкѣ нынѣшней успенской церкви, другой—копія контракта мастера съ причтомъ и прихожанами. Вотъ эти документы: («Кіевлянинъ», № 229).

I. «Божію милостію смиренный Гервасій, епископъ переяславскій и бориспольскій. Всечестному протопопу переяславского полку Скрышинскому, Божіе благословеніе препосылая, предлагаемъ. Настоящаго 1767 года іюня 1 дня, священникъ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы верхнего горнизоннаго переяславскаго города Андрей Берло съ прихожанами тоя церкви поданнымъ намъ пастырскѣ доношеніемъ представили: прошлаго де 1761 года, изволеніемъ Божіимъ, церковь ихъ приходская большая Успенія Богоматере, бывшая о трехъ престолахъ, до основанія сгорѣла, на мѣсто которой устроена была небольшая съ хоромнаго строенія, пока къ строенію по надлежащему большой церкви дерева и прочихъ принадлежащихъ матеріаловъ изготовили. А яко де нынѣ уже какъ деревьевъ, такъ и другихъ матеріаловъ довольное число пріуготовленно, и майстеръ уконтрактованъ и за Божіимъ благословеніемъ желаютъ оную начать на прежнемъ мѣстѣ, такъ же о трехъ престолахъ, съ коихъ будетъ первый, средній, престолъ во имя Успенія Пресвятыя Богоматире, другой, по правую сторону, во имя святаго Іоанна Предтечи, третый, съ лѣвой стороны, во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла, для того просили на заложеніе показанной ихъ о трехъ престолахъ церквы нашего благословенія: того ради мы пастыръ всечестности вашей предлагаемъ и показанную новую цер-

ковъ во имя Господне, въ честь Успенія Пресвятыя и Преблагословенія Богородицы и Приснодѣвы Маріи и во имя святыхъ великаго Іоанна Предтечи и первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла, по чиноположенію святыя восточныя церквы, заложити благословляемъ, а по заложеніи въ консисторію нашу репортовати; 1767 года іюня 2 дня. Въ подлинномъ тако: вышеименованный Гервасій епископъ».

II. «1766 года ноября 6 дня. Я нижеподписавшійся полку переяславского, житель сотнѣ бубновской, села Сошховъ, майстеръ Евстратій Прохоровъ, даю сей контрактъ церквы Успенской переяславской презвитеру Андрею Берлу съ прихожанами въ томъ, что подрядился я нижеподписанній строить церковь Успенія Богоматере крижовую (въ формѣ креста) на три престола съ предѣлами, на коей и главъ три имѣетъ быть... за цѣну денгами сто девятдесятъ рублевъ, съ харчей, яко то: житного борошна четвертковъ новой мѣры 40, гречаного тоже, пшеничного 10, сала пудовъ 10, пшона 10, олѣи три ведра, спвухи здѣшней роботы 10 кадокъ, рыбы иголнѣ (иголкою низанной) 4 тысячи, барановъ 10, когда востребуется, работникамъ капусти дѣжка, бураковъ дѣжка, квартера, кухаръ, горшки, миски и ложки, при закладѣ сукна на кунтушъ товарового пять локотъ съ половиною, и за всю вышеписанную сумму имѣю я нижеподписанній означенную церковь строитъ съ крайнимъ моимъ раченіемъ, скоропоспѣшно и неостановительно, подъ потераніемъ, за состановкою моего дѣла, всей посуленной отъ нихъ суммы, въ томъ и подписуюся. Майстеръ Евстратій Прохоровъ».

«Изъ приведенныхъ документовъ, говоритъ г. Т., ясно видно, что зданіе успенской церкви XVII вѣка, въ коей присягалъ Богданъ Хмельницкій, 8 января 1654 года, съ малороссійскимъ народомъ на вѣрноподданство Россіи, сгорѣло до основанія въ 1761 г. На мѣстѣ сгорѣвшей церкви построена была маленькая церковь, въ родѣ часовни, на время, изъ простаго жилаго зданія. Затѣмъ уже въ 1767 году, прихожане, собравшись съ силами, начали строить на старомъ мѣстѣ новую деревянную церковь о трехъ престолахъ и трехъ главахъ. Но похожа-ли эта церковь была на сгорѣвшую въ своемъ планѣ и фасадѣ, изъ документовъ не видно. Несомнѣнно только, что церковь построена на прежнемъ мѣстѣ и что главный престолъ во имя Успенія Божіей Матери. Значитъ, памятникомъ XVII вѣка служитъ не зданіе церкви, а мѣсто, ею занимаемое, и ея имя. Это-то и нужно сохранять и увѣковѣчивать, если не сохранилось самое зданіе».

Въ 47 номерѣ «Зари» также помѣщенъ любопытный документъ, дополняющій извѣстный «Сборникъ матеріаловъ для исто-

рической топографіи Кіева» и трактующій о «*Шевномъ дворѣ*» на Подолѣ. Документъ появился въ газетѣ по слѣдующему поводу. Въ январѣ прошлаго года окончился процессъ между кіевскимъ сапожнымъ цехомъ и мѣщанами г. Кіева о владѣніи *Шевнымъ дворомъ*, что на Подолѣ, противъ такъ называемой толкучки. Дворъ этотъ купленъ былъ кіевскимъ шевскимъ цехомъ въ 1609 г. у бѣлгородскаго священника Киріака Исаевича, за 140 копъ литовскихъ. Король Сигизмундъ III выдалъ сапожному цеху въ 1619 году грамоту на право пользованія купленнымъ дворомъ, а Владиславъ II впослѣдствіи подтвердилъ ее. Но такъ какъ *шевци* прежде составляли часть мѣщанъ кіевскихъ, то дворомъ владѣли вообще мѣщане. Мѣщане продолжали владѣть имъ и по отдѣленіи отъ ремесленниковъ сословно. Но нынѣшній сапожный цехъ г. Кіева, считая себя прямымъ преемникомъ «шевского цеху», предъявилъ къ мѣщанской управѣ искъ о «Шевномъ дворѣ» и отобралъ его у мѣщанъ по рѣшенію окружнаго суда, причемъ дѣло въ пользу сапожниковъ, по сообщенію редакціи, рѣшила упомянутая выше грамота Сигизмунда III, которая читается такъ:

«Жикгимонтъ третій, Божію милостю король полский, великий князь литовский, руский, прусский, мазовецкий, жимонтский, инфлянтский, шведский, готский, вандалский, дедичный король. Ознаймуемъ тымъ листомъ нашимъ всѣмъ посполите и каждому зособна, нынешнимъ и напотомъ будучимъ: показывали передъ нами мещане киевские присуду замкового, то есть цехмистръ шевецкий и все братте цеху шевецкого и гарбарского (кожемяки) выписъ съ книгъ земскихъ киевскихъ, подъ датою року тисеча шестсотъ девятого, мясяца октября пятого дня для продажи вечистое пляцу и дому съ коморами и всимъ будованемъ въ месте нашомъ киевскомъ, межи домами съ одное стороны Макаровича, зъ другое монастыра печерского, тыломъ къ дому Севасткова, а воротами ку улици рыковой лежачий, котораго-то пляцу и дому (у) Кириака Исаевича попа белогородскаго и у жены его за певную суму пенезей, то есть за сто и сорокъ копъ литовскихъ досталя и купили на вѣчность собе самымъ и наступникомъ своимъ, яко-то въ томъ выписе виражено есть; и били намъ челомъ пречеченые мещане, абыхмо ихъ при томъ пляцу и дому, яко власное купли ихъ вечистое, заховали и водлугъ давнихъ правъ и звычаевъ ихъ на томъ пляцу шопы и коморы для продаваня товаровъ разныхъ побудовать позволили. А такъ мы, король, бачечи быть въ томъ челомбите ихъ слушное, того всего, чого рѣчь и слушность самая потребуетъ, не одмовилисмо, и овшемъ, заховавши ихъ самихъ и наступниковъ ихъ при томъ пляцу и доме, яко

при власномъ кгрунте ихъ, на вѣчные часы, надто шопы и коморы, для продаваня товаровъ ихъ, тымъ то мещаномъ побудовати позволили есмо и тымъ листомъ нашимъ затвержене тое купли позволяемъ; волни водлугъ волности и правъ давныхъ ихъ, наданихъ темъ, шевци, яко и гарбари, ганделевати и оные продавати, и ихъ наступники на всѣ потомные часы, безъ вшелякихъ податковъ местскихъ, въ чемъ имъ мещане киевские права майдебургского и тежъ врядъ замковий киевский жадное перешкоды и перевагабаня чинити не маютъ и не будутъ съ повинности своей и для ласки нашое королевское. И на то далисмо сей нашъ листъ съ подписомъ руки нашое, до которого и печать нашу коронную притиснути есмо казали. Писано у Варшаве, лета Божого нароженя тисеча шестсотъ девятнадцать, месяца марца дванадцетаго дня, панованя нашого полского тридцать второго, а шведского двадцеть шостого року. Sigismundus Rex. Florian Oleszko, woisky Wlodzimirsky Pisarz. 3 Maji 1619, cechmistrz pomieniony per oblatam podał do Ksiąg grodskich Kijowskich. Przyiołem Michał Myszka Choloniewsky. Conserwatia placu kupnego mieszczanom kijowskim szewskiego cechu na zbudowanie kramnic i na sprzedawanie towarow ich szewskich». («Заря» 1884 г., № 47).

Отмѣтимъ въ заключеніе, что въ той-же газетѣ, №№ 229 и 231, напечатанъ краткій очеркъ исторіи кирилловской церкви и сообщеніе о ходѣ работъ въ ней проф. Прахова; въ № 273—рецензія на вторую часть украинскаго альманаха «Рада».

Ѳ. Н.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 г. НА СЛѢДУЮЩІЕ ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

1885 г. „ВОЛЫНЬ“, г. 1885.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вступая въ седмой годъ своего существованія съ началомъ 1885 года, газета **„ВОЛЫНЬ“** будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій, и 18) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ конторѣ редакціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Для городскихъ подписчиковъ, безъ доставки и пересылки	3 р. 30 к.	1 р. 80 к.	1 р. — к.
Съ доставкою на домъ	3 р. 50 к.	1 р. 90 к.	1 р. 10 к.
Для иногородныхъ съ пересылк. .	4 р. — к.	2 р. 20 к.	1 р. 20 к.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики при перемѣнѣ адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к.

Редакторъ **К. И. Коровицкій.** Издатель **И. И. Коровицкій.**

1885 г. „КІЕВЛЯНИНЪ“ 1885 г.

21-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ	12 руб. — к.	На 3 мѣсяца	4 руб. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ	7 руб. — к.	На 1 мѣсяцъ	1 руб. 50 к.

Подписка принимается въ редакціи „Кіевлянина“ (Уголъ Шулявской и Кузнечной у., д. насл. Шульгина).

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

«Виленскій Вѣстникъ», давая отчетъ о всѣхъ явленіяхъ дня и фактахъ, совершающихся въ нашемъ обширномъ отечествѣ, удѣляетъ значительную часть своихъ столбцовъ интересамъ мѣстнымъ, т. е. Сѣверо-Западнаго края Россіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Вильнѣ, съ доставкою на домъ по городской почтѣ.		Съ пересылкою по почтѣ въ другіе города.	
На годъ	9 р. — к.	На годъ	10 р. — к.
— полгода	4 р. 50 к.	— полгода	5 р. — к.
— 3 мѣсяца	2 р. 40 к.	— 4 мѣсяца	3 р. — к.
За 1 мѣсяцъ	— р. 80 к.	За 1 мѣсяцъ	1 р. — к.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» *(Виленская улица, домъ г. Ленскаго)*, въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина *(Большая улица, собственный домъ)* и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

Гравированный съ оригинала Боровиковскаго академикомъ В. А. Бобровымъ портретъ знаменитаго композитора нашего Д. Ст. Бортнянскаго, съ маленькими портретами Дамаскина и Львова, продается въ оттискахъ для любителей и собирателей гравюръ до подписи (a vant la lettre) по 10 р., а остальные по 2 р. На упаковку и пересылку прилагается особо по 1 р. Адресоваться къ Виктору Алексѣевичу Боброву. С.-Петербургъ. Васильев. Остр., л. 13, д. № 42, кв. № 3.

16. Парфененку даны за медъ 12 рублей.

17. Золотарю Івану Сергуну данъ на позолоту чирвоный, ему-жъ на живое срѣбро 18 к. Івану Пищолцѣ данъ до оправованя рондзикъ и 30 к. Отехалъ зъ Стародуба, ночовалъ въ Левенцѣ.

18. Рано одтоль віехавши, обѣдалъ въ Случку и тамъ за скопщину взято у Киселка конь и кобилка. На ночь прибылъ въ Перегонъ.

19. Отехалъ въ Погаръ и тамъ ночовалъ.

20. На силу приняли гнѣдого коня за Борщовцѣвъ въ 10 р., которій и посланъ чрезъ погарского человѣка, якому на дорогу даны 1 р. 50 к. Обѣдали у мене прапорщикъ тобольского полку Алексій Івановичъ Темиразовъ и сотникъ новгородскій Христичевскій. Драгуну дано 5 к. На рибу пошло 22 к.

21. Послѣ службы Божой посвящали дворъ и хати на Василіовцѣ. Священникамъ и прочіимъ причетникамъ дано 47 к. Іванъ Мелниченокъ отклонился, которому и дано 25 к. За Гришка Шрама Микрунова, на линіи работавшого, который долженъ былъ 11 осмачокъ овса, заплатили Куровци шесть рублей. Нѣмому данъ кунтушъ зеленій мой.

22. Виехалъ зъ Перегону, былъ въ Левенцѣ, прибылъ въ Стародубъ. Переездомъ въ Случку за Рубанову кобилу велѣлъ заграбить у Романовичового подданного Клима Мигаля два копѣ, обѣдаючи у Коменка.

23. Ради тезоименитства у полковника нашего обѣдали, которому окончилось 63 года, и до позна гуляли.

24. За офарбованне габи 25 к., за вичинку лисицъ и зайцовъ Чубѣ 15 к. Розышлось на розницю 9 к. Прапорщикъ Темиразовъ и сотникъ новгородскій были у мене. За муку бранную передъ симъ у колачниковъ 36 к., за булки 24 к.

25. Даны до робленя Максиму шапочнику два муфи зъ медведя для мене и для Василка, а для панеи зъ огонковъ куничихъ, да на шію ожерѣля съ огонковъ-же и кучму зъ чорного баранка. На нитки 3 к.

26. Купили до кузнѣ дворовой ковадло и мѣхъ за 3 р. 50 к. у коваля Силка, которому данъ 1 р. Кунтушъ мнѣ покроенъ зъ кофейного сукна, до которого дано на нитки и шовкъ 7 к. Василковѣ кунтушикъ, кафтаникъ и штаны покроены; на потребы дано

8 к. Куплено выбойки 3 локтя зъ 1/4, за которую дано 81 к. Далъ Плешковъ зять на пенку 10 р. Шабелнику дано 10 к. Посланы писма въ Глуховъ, чрезъ сторожа Івана Гриневича, до пана Скоропадского, до Валкевича и привилегіи и маппу, и до Юркевича.

27. Даны осталные Парфененку за медъ 10 р. Розышлось на розницю 6 к.

28. За шлеи до станка конского, що подкововать коней, 18 к., живодіорамъ 4 к. Розышлось 6 к.

29. За шкуру Чубѣ овечую 18 к. На питки и кузѣки 4 к. Карноуху 16 к., за 2 смушки бѣлихъ 8 к.

30. За пошите ковдри 20 к. Привозившему родинный хлѣбъ молодику 20 к., отъ п. Андрея Миклашевского, которому вчора родилась дочь Екатерина. На питкѣ Чубѣ и кравцю 10 к. На розницю розышлось 5 к. Куплено жита осмачокъ, дано за опое 14 р. 16 к. Дѣвцѣ за булки и за кури 18 к. Маляру Петру 3 р. 50 к.

Декабрь.

1. Confessus communicavi. Розышлось на розницю 46 к. За пошите кунтушика Васевѣ 10 к. За зелѣзо Евданцѣ 5 к.

2. Рано отехали до Нижнего на крестины и тамъ весь день пробавили и ночовали. Розышлось 55 к.

3. И весь день тамъ-же въ Нижніомъ пробавили и уже на ночь пріехали въ Стародубъ.

4. За роботу жупана и габяна блакитного для Івана Лучанского 20 к.

5. Віехали зъ Стародуба и пообѣдавши въ Левенцѣ, прибыли до Перегону.

6. Обѣдали у насъ въ Перегонѣ Григоріева Гамалінна, Дзевулская и Галецкая. Священнику зъ причетниками 25 к. Въ капунѣ на медъ 20 к.

7. Въ Погарѣ [164]) . . . . . .

---

[164]) За симъ въ рукопись вплетено нѣсколько листовъ чистой бумаги, вѣроятно въ замѣнъ утерянныхъ тетрадей Дневника. Между чистою бумагою вплетена тетрадка въ 12-ть страницъ съ «черными отпусками партикулярныхъ писемъ», изъ которыхъ нѣкоторые будутъ напечатаны въ приложеніяхъ. Затѣмъ начинается Дневникъ за 1742 г.

1742 году.

Мѣсяцъ генварь.

1. По поздравленіи г. генералу лейтенанту, генералу кригсъкоміссару и кавалеру Александру Борисовичу Бутурлину, нынешнему малороссійскому главному командиру, нового году, слушали службы Божой въ церкви св. Николая, а молебствія публичного въ церкви св. Варвары, бывшого при однократной пушечной палбѣ. Потомъ обѣдали и до позна гуляли у оного-жъ г. генерала Бутурлина, а въ вечеру былъ фесрверкъ съ пущаніемъ по землѣ и вверхъ многихъ ракетъ, которые дѣлали и справляли п. Максимъ Турковскій и п. Андрей Кондзеровскій.

3. Рано посѣщали насъ судія енералный, его м. п. Федоръ Лисенко зъ сожительницею своею, п. Якубовичъ, асаулъ енералный, и другіе; и весь день, послѣ вчерашнего гулянія, въ домѣ пробыть припужденъ.

3. Послѣ обѣда многіе посѣщали насъ въ квартерѣ, да и я къ нѣкоторымъ ездилъ.

4. Обѣдалъ я зъ женою у асаула енералного п. Якубовича и весь день у него пробавили, а оттуду какъ возвратился, то и у насъ гостѣ были.

5. Службы Божой и водосвятіе слушалъ въ церквѣ св. Николая; потомъ заездилъ до п. Андрея Миклашевского, а одтоль возвратясь въ домъ, вечерялъ зъ хоружимъ полковымъ черніговскимъ п. Леонтовичемъ. И. п. Федоръ и Александръ Корецкіи прибыли въ Глуховъ и стали квартерою въ домѣ полковника гадяцкого п. Галецкого.

6. Слушали обѣднѣ въ церкви св. Варвары, а потомъ какъ генералъ, такъ и прочіе гг. великороссійскіе и малороссійскіе пошли за процессією церковною къ водосвятію на рѣку, где устроенъ былъ полкъ глуховского гварнѣзону и сотня глуховская и пушки поставлены; и когда водосвятіе окончилось, то перве солдаты и козаки бѣглымъ огнемъ выпалили, потомъ зъ мартиръ и пушекъ многихъ палено. По водосвятіи были у генерала многіе господа, а также и мы на водцѣ у асаула енералного п. Якубовича; потомъ прибывъ, въ домѣ я обѣдалъ. Сего-жъ числа подписовали писма къ

Государыни и къ гг. сенаторамъ, чрезъ отправляючихъся депутатовъ въ С. П. Бурхъ посилаючіесь. Вечеромъ были у мене въ домѣ разные персоны, въ томъ числѣ и гг. подскарбій енералный Скоропадскій и полковникъ зубенскій Апостолъ.

7. Отклонились генералу наши депутаты и приняли свою експедицію.

3. Оные депутаты отехали въ путь свой зъ Глухова, чрезъ которыхъ и я писалъ до Михайла Івановича Новоторжцова секретаря, до канцеляриста Федора Афанасіевича Інихова и до судіи полкового миргородского Федора Остроградского о дѣлѣ моемъ, стороны жалованной грамоты на деревнѣ Куровъ и Чубаровъ.

9. На вечери ездили въ Дунаецъ [185]), для посѣщенія болного сына и тамъ почовали.

10. Рано одтоль возвратясь, слушали службы Божой въ церкви св. Николая; а потомъ будучому мнѣ у генерала, обявлено ехать по станамъ, для турецкого посла учрежденнымъ, даже до самого Кіева, свѣдителствовать заготовленные подводы, провизію и прочее. Сего жъ числа прибылъ изъ С. П. Бурха новопожалованный полковникъ, г. подполковникъ гусарского полку Божичъ, которому вручить клейноты полковые и опубликовать егожъ мнѣ поручено [186]).

11. Отобравши я по порученныхъ мнѣ оныхъ дѣлахъ інструкція и указы, отехалъ зъ Глухова на почтѣ и прибылъ на сумерку въ Кролевецъ. Въ Глуховѣ сегодня трактовалъ у себе г. генералній подскарбій Михайло Василіевичъ Скоропадскій генерала Бутурлина и прочихъ. Въ Кролевцѣ взявъ у сотника подписку, что провизія для турецкого посла вся въ готовности, отехалъ на почтѣ къ Алтиновцѣ [187]), а оттоль до Батурина, куда прибылъ въ полночь, а передъ свѣтомъ тамъ же опостигъ мене полковникъ нѣжинскій Іванъ Пантилимоновичъ Божичъ. Одтоль же зъ Батурина писалъ въ войсковую енералную канцелярію о томъ, что пятого числа подводъ на станъ батуринскій зъ полковъ черниговского и прилуцкого не по-

---

[185]) Село глуховскаго уѣзда.

[186]) Иванъ Хрущовъ былъ назначенъ полковникомъ въ октябрѣ 1727 года, вмѣсто зятя Скоропадскаго—Толстого; смѣщенъ онъ былъ послѣ долговременныхъ жалобъ нѣжинскихъ полчанъ, за его «здирственныя прихоти». Въ архивѣ генеральной канцеляріи имѣется цѣлое дѣло, наполненное жалобами на Хрущова (№ 3804).

[187]) Село кролевецкаго уѣзда.

ставлено; о чемъ и тѣхъ полковъ къ полковникамъ отъ мене предложено писменно.

12. Въ 8-мъ часу пополуночи віехавъ зъ Батурина, прибыли въ Борзну купно зъ полковникомъ Божичомъ; и тутъ откушавши у сотника борзенского Пантелімона Забѣлы, разехались: онъ въ свой дворъ въ Буромку, а я къ Нѣжину, куда прибылъ уже почью и сталъ квартерою у судіи полкового Леонтія Грановского, за городомъ.

13. Рано былъ у полковника Івана Семеновича Хрущова и обявилъ ему інструкцію, данную мнѣ зъ войсковой енералной канцеляріи, объ отказѣ ему-жъ отъ деревень, на рангъ полковничества нѣжинского надлежащихъ, о опредѣленіи полковника Божича и о протчемъ. Потомъ обеждали зъ полковникомъ и нѣжинскимъ комендантомъ Михайломъ Петровичемъ Пущинымъ дворы, въ которыхъ провизія для турецкого посла заготовлена и станѣ (конюшни) для лошадей строены; и всего того осмотрѣвъ, обѣдали у оногожъ полковника Хрущова; а ввечеру, взявъ у него реверсъ о отездѣ его жъ до Глухова, чтобъ тамъ сталъ къ 18 числу сего генваря, и отобравъ отъ него перначъ, а прочіе клейноты приказавъ поутру отобрать, былъ у отца архимандрита нѣжинского Модеста Велецкого и, позабавившись вночь до нѣсколько часовъ, отехалъ по почтѣ до Посовки, где прибывъ по полуночи въ 1 часу, сталъ квартерою у обозного полкового кіевского Андрея Шаулы.

14. Рано явились у мене гварнѣзону глуховского поручикъ Михайло Фомичъ Диниськовъ и канцеляристъ войсковый Костенецкій, да сотникъ посовскій Карпъ Шаула и прочіи приставленныи къ заготовленію провизіи, подводъ и протчего для посла турецкого; и въ чемъ отъ мене усмотрѣна неисправность, о томъ отъ мене жъ писано въ полковыи канцеляріи нѣжинскую, кіевскую и переяславскую; да о томъ же и въ войсковую енералную канцелярію послалъ репортъ; а за сотникомъ кобизкимъ Мандрыкою посланъ по інструкціи ундеръ офіцеръ, чтобъ его взять въ Посовку за ослушаніе въ непоставки провизіи и протчего; потомъ зъ Посовки отехавъ и проехавъ Козарѣ, прибылъ въ Козелецъ по полудни въ 1-мъ часу, и обѣдалъ у брата отца Іоанна. Послѣ у полковника кіевского г. Танского и у дядка Федора Ханенка былъ, а квартерою сталъ въ домѣ князя Никиты Юревича Трубецкого.

15. Была у мене изъ села Лемешовъ[186]) новопожалованного дѣйствительного камергера Алексія Григоріевича Розумовского матка Наталія Демянова дочъ и вручила писмо для пересилки къ овому сину своему. Осматривалъ я квартеръ и стаень для турецкого посла заготовленныхъ; потомъ обѣдалъ у полковника, а по обѣдѣ былъ у асаула полкового Матвѣя Шума, у Іосифовой сватовой, у Івана Покорского и у п. дядка Федора Ханенка; а потомъ ночю отехалъ въ Посовку, где прибылъ по полуночи въ 1-мъ часу и сталъ квартерою у намѣстника тамошнего отца Малотина.

16. По пересмотрѣ пріуготовленныхъ въ Посовкѣ квартеръ и конюшень и прочего и пообѣдавши у оного жъ намѣстника посовского, отехалъ оттоль и прибылъ въ Нѣжинъ коло вечерень, где сталъ квартерою у Димитрія Николаева, откупщика индукты. Тутъ же въ Нѣжинѣ засталъ я уже прибывшого полковника Божича и у него въ кватерѣ, а въ домѣ здѣшнего войта Петра Стеріевича Тарнавіота до позна въ ночь забавлялись.

17. Рано приказъ отдалъ собрать полкъ и отведши отъ моей квартеры, зъ знаменами полковими и музикою и перначемъ, такожъ зъ сотенными корогвами, устроить въ монастырѣ; потомъ приехалъ ко мнѣ на квартеру полковникъ Божичъ и тутъ мало пообождавши, поки полкъ устроенъ, отехали зъ нимъ въ однихъ саняхъ къ манастырю, где за пріѣздомъ нашимъ, зъ музикою и приклоненіемъ знаменъ, честь отдана. Послѣ того весь полкъ зъ знаменами окружилъ насъ, а я зъ полковникомъ Божичомъ, ставъ при знакахъ полковыхъ и созвавъ всю старшину полковую и сотниковъ, обявилъ имъ и всему полку, что ея імператорское величество всемилостивѣйше пожаловала его, Божича, изъ гусарскихъ подполковниковъ полковникомъ въ полкъ нѣжинскій, и на то ему полковнику данный изъ войсковой енералной канцеляріи унѣверсалъ велѣлъ читать вслухъ, который и читалъ писарь полковой Василь Кулаковскій; а по прочитаню взялъ я большое полковое знамя, вручилъ полковнику, потомъ пѣрначъ и значокъ полковый; и стали оного полковника

---

[186]) Козелецкаго уѣзда, мѣсто рожденія Разумовскихъ. Еще десять лѣтъ назадъ на одномъ изъ огородовъ небольшаго владѣнія Тарховой, въ с. Лемешахъ видѣли мы кирпичный столбъ, обозначавшій по преданію то мѣсто, гдѣ находилась хата, въ которой родились Алексѣй и Кириллъ Разумовскіе.

поздравлять милостію ея императорского величества, и какъ по здешнему обычаю покрыли его шапками, то знову музика полковая играла. Потомъ я зъ полковникомъ и всѣ присутствовавшіе, якъ то: полковникъ и нѣжинскій комендантъ Михайло Петровичъ Пущинъ, полковникъ отставный гамбурского полку Зоть, подполковникъ Карнѣй Ивановичъ Басмановъ, нарвского драгунского полку маіоръ Богданъ Михайловичъ Приклонской и проч. многіе офіцери и старшина полковая и сотники, пошли въ церковь и слушали службы Божой и молебствіе, которое отправовалъ его преподобіе отецъ Модестъ Велецкій, архимандритъ здѣшнего манастыря нѣжинского, зъ многими священниками, монахами и мірскими, и по окончаніи оного молебствія была одиножды изъ 9 пушекъ пальба; потомъ отъ церкви пошли церемоніально зъ знаками полковыми, а полковникъ самъ имѣлъ въ рукахъ перначъ, при играню музики полковой до квартери его въ войтовъ домъ, тоже стали за кріуготовленными столами кушать и при пушечной палбѣ гуляли долго впочъ, а на остатокъ были еще и у отца архимандрита. Пришла свита посла турецкого.

18. У полковника-жъ Божича обѣдали; потомъ пролежалъ весь день въ домѣ послѣ вчерашнего трактаменту.

19. Рано пріехалъ въ Нѣжинъ генералъ маіоръ Даревскій; потомъ прибылъ и полномощный турецкій посолъ зъ всею своею свитою, которого встрѣчею и пушечною палбою почтено; онъ же вездилъ изъ своею музикою, а по прибытіи его въ квартеру были мы у него жъ, посла, зъ енераломъ маіоромъ Даревскимъ, зъ которымъ онъ лежа на своихъ подушкахъ, мало де що чрезъ переводчика говорилъ, а потомъ зъ нимъ же генераломъ и протчими обѣдали у полковника Божича.

20 и 21. Отправленіе чинили зъ маіоромъ Іаковомъ Любимовичемъ Полянскимъ въ полки чернѣговскій, прилуцкій, переяславскій и нѣжинскій о наборѣ подводъ подъ посла.

22. Учинили турки нападеніе на дворъ войта нѣжинского Тарнавіота и взяли у него двохъ дѣвокъ крещеныхъ, однужъ отпустили, а другую увели къ послу. Отправленъ отъ мене репортъ до Глухова въ войсковую енералную канцелярію.

23, 24, 25 и 26. За наборомъ подводъ же отправленія чинили.

27. Купалъ я зъ маіоромъ Полянскимъ у отца Стефана Олховского, протопопа нѣжинского.

28. Самъ поселъ зъ своею свитою ездилъ до деревнѣ Синяковъ и тамъ нападеніе учинилъ на дворъ полковника Зота и немалое разореніе тамъ починилъ. Сего жъ числа отъ комиссіи при поселствѣ турецкомъ обрѣтаючейся, чтобъ вмѣсто саней заготовлять подъ оное поселство телѣги и роспуски, обявлено.

29. Обявлено жъ, что поселъ турецкій совсѣмъ ити намѣренъ на Переволочную, о чемъ отъ насъ посланъ репортъ въ Глуховъ, чрезъ Стефана Карпѣку.

30. Явился сотникъ столинскій [189]) Іванъ Бобиръ къ подводамъ изъ полку чернѣговского набраннымъ. Одправлены писма въ Товкачовку [190]), до старосты тамошнего и до судника о стаднинѣ нашей.

31 Набѣрали вездѣ, у кого ни сискались, коляски, возы, колеса и роспуски.

Февраль.

1. Принесены чрезъ Стефана Карпѣку указы зъ Глухова до мене и до маіора Полянского, чтобъ для слѣдованія посла турецкого отъ Нѣжина до Переволочной учинить по опредѣленнымъ станамъ надлежащое приуготовленіе, чего для присланные зъ Глухова поручикъ Цурковъ и канцеляристъ Костепецкій по тракту на Прилуку, Пірятинъ, Лубнѣ, Хороль и потомъ къ Переволочной отправлены.

2. Для того жъ приуготовленія и судія полковый нѣжинскій Леонтій Грановскій, по инструкціи отъ насъ данной, тѣмъ же трактомъ отправленъ къ Переволочной; а ночю прислано требованіе отъ полковника Алсуфева, все ли уже по оному до Переволочной тракту заготовлено и не будетъ ли ни за чимъ остановки или неудоволствія поселству.

3. Въ 8-мъ часу предъ полуднемъ оный же полковникъ Алсуфевъ обявилъ, что поселъ знову на Кіевъ свой путь воспріемлетъ и на Переволочную не пойдетъ, о чемъ отъ мене и къ полковнику прилуцкому Галагану для сообщенія и въ другіе полевые полки писано.

---

[189]) Мѣстечко Стольное, сосницкаго уѣзда.

[190]) Село прилуцкаго уѣзда.

4. Турки ввечеру и вночъ долго отправляли свои молитви зъ музикою своею и бубнами ради байрама, завтра у нихъ праздноватись имѣючого.

5. Первей въ поселской квартери музика ихъ турецкая играла и самъ поселъ нѣкоторые свои церемоніи по ихъ набожелству отправлялъ, потомъ оная жъ музика и по другимъ квартерамъ до знатнѣйшихъ турковъ ходила зъ поздравленіемъ, а съ полдня стали собиратись къ походу и нѣкоторая знатная часть поселской свиты ночю изъ Нѣжина пошла до Носовки.—Василю, шведской націи столяру нѣжинскому, который договорилъся сдѣлать мнѣ шафу, даны 4 р., а еще ему надлежитъ додать 50 к.

6. По полуночи въ 8-мъ часу и самъ поселъ зъ останною свитою поднялъся зъ Нѣжина, которого препровождено зъ пушечною палбою и зъ командами драгунскою и козацкою. Оный же поселъ обѣдавъ въ Дѣвици (Володьковой), а на ночъ прибылъ въ Носовку. Объ опомъ виездѣ посла отправленъ репортъ нашъ въ Глуховъ и отвѣтъ противъ указу о посланныхъ отъ насъ въ полки обявленіяхъ, что уже поселъ на Кіевъ трактъ воспріялъ.

7. Мы зъ Нѣжина віехали, а поселъ зъ Носовки поднявъся, обѣдалъ въ деревнѣ Ставиское, а почовалъ въ Козелцѣ; мы же почовали въ Ставискомъ.

8. Зъ Козелца поселская свита рушила ночю, а самъ поселъ въ 8-мъ часу по полуночи, въ якомъ часу и я прибылъ въ Козелецъ; поселъ же на ночъ притягъ въ Семиполки и почюжъ одтоль поднялъся. Я почовалъ въ Сокиринѣ.

9. Обѣдалъ поселъ въ Димерцѣ, а въ Броварахъ прибравшись зъ своею свитою въ лучшее платя и прибравъ своихъ лошадей стройно, пошолъ спѣшно къ Кіеву и прибылъ въ Кіевъ въ 3-мъ часу по полудни, где его палбою зъ многихъ пушокъ и полки въ строй поставленные салютовали. Я и маіоръ прибыли на ночъ въ Бровари.

10. Посланы поруччикъ Денисьевъ и сотникъ носовскій Шаула въ Кіевъ, а оттоль какъ прибылъ къ намъ въ Бровари Стефанъ Карпѣка, то мы оттуду и сами отехали и прибыли на ночъ въ Димерку, где заехавъ въ дворецъ, застали тамъ маіора полку пѣхотного володимирского Николая Алексіевича Хомутова.

11. Рано прибыли въ Семиполки, где догналъ насъ и капралъ, въ Глуховъ посиланный, которій привезъ намъ указъ о провизіи

въ полку кіевскомъ заготовленной. Я заездилъ въ Секириню до Григорія Парженка и до сестри Евфиміи, у которихъ тамъ пообѣдавъ, прибылъ на ночъ въ Козелецъ и тутъ сталъ квартерою у князя Трубецкого домѣ.

12. По молебствіи и службѣ Божой, перве были многіе въ моей квартерѣ; потомъ обѣдали у маіора Полянского, а послѣ побувавъ у дядка Федора Ханенка и отца брата Іоана и простясь съ ними, отехалъ поздно зъ Козелця и прибылъ на ночъ до Козари.

13. Рано прибылъ въ Носовку, а передъ вечеромъ въ Нѣжинъ.

14. Обѣдалъ у полковника нѣжинского Івана Пантелимоновича Божича, а вечерялъ у полковника и коменданта Пущына.

15. Купилъ сукенка 20 локотъ за 5 р. 40 к., четири юои за 4 р. 50 к., да у значкового товариша Медовниченка взялъ трохъ суконъ за 19 р. 20 к. Обѣдалъ у коменданта Пущына, у которого и двигарокъ свой зъ портретомъ оставилъ для направы. Послѣ простясь съ нимъ на квартерѣ маіора Полянского, отехалъ позно и прибылъ ночю въ Комаровку; тутъ до свѣта почивалъ.

16. По полуночи въ 9-мъ часу прибылъ въ Борзну и сталъ квартерою у Стефановой Забѣлиной, а обѣдалъ у сотника тамошнего; потомъ заездилъ до Стефана Рыби, который имѣетъ за собою племянницю мою Іуліану, дочь Николая Забѣлы; а послѣ вечерень прибыли въ Батуринъ, куда позно прибылъ же и Федоръ Чуйкевичъ.

17. Прибылъ до Кролевця въ 11-мъ часу, а потомъ въ Глуховъ и былъ позно у генерала Бутурлина.

18. Обѣдалъ у генерала жъ и получилъ отпускъ въ домъ; а вечеромъ былъ у бригадира Иліина. Писалъ къ полковнику лубенскому въ Москву чрезъ полковника Телищева. Василку въ Дунасцъ отосланы панчошки и другія вещи.

19. Противъ сего числа ночю получилъ извѣстіе изъ С. П. Бурха генералъ Бутурлинъ, что пожаловано его въ дѣйствителные камергеры, чимъ его превосходителство всѣ и поздравляли. Писалъ я до полковника полтавского г. Кочубея, благодаря за присылку ленчика крымского и 2 паръ тебенокъ. Асаулъ енералный и. Якубовичъ отправленъ для учрежденія всякого приуготовленія подъ посла турецкого, слѣдовать имѣючого зъ Кіева на Переволочную, которому дана отъ мене коляска для поезду, взятая у откупщика индуктарского Дмитрія Николаева Сердюкова. Я виехалъ зъ Глухова въ

3-мъ часу пополудни и прибылъ въ Локотки въ ночъ 2 годинн, оттоль виехалъ о полночи и въ Ображѣевцѣ переменивъ санѣ и коней, прибылъ

20 числа въ Новгородокъ въ 7 часу по полуночи; тамъ видѣлъся зъ полковникомъ московского драгунского полку г. Львовымъ и у сотника былъ; оттоль передъ обѣдомъ отехавъ, прибылъ въ Перегонъ въ 10 часу предъ полуночю.

21. Во время обѣда сотникъ погарскій Соболевскій зъ женою своею и Григорій Покасъ зъ женою жъ прибыли къ намъ въ Перегонъ и тутъ отобѣдавъ, доволно времени пробавили.

22. За нѣкоторыми покупками посилана Петриха въ Стародубъ.

23. Былъ я зъ женою на Василіовцѣ. За леченіе хлопца шолудивого заплачено теперь полтину, а передъ симъ другую.

24. Пріездилъ изъ Новгородка муровщикъ Стефанъ Жолдакъ. Василіовскому одному человѣку позиченъ 1 р.

25. Муровщику Стефану Жолдаку въ задатокъ на роботу 1 р. 90 к., а передъ симъ ему жъ дано 3 р. 10 к., да горѣлки квартъ 32, и чрезъ него жъ посланъ стѣнный двигаръ для направы, при писмѣ до намѣстника монастыря новгородского отца Алексія и о присилкѣ къ намъ цегелника.

26. Писалъ въ Глуховъ до г. Скоропадского. П. Александръ Корецкій зъ женою прибылъ къ намъ въ Перегонъ и тутъ ночовалъ.

27. Отехалъ онъ же послѣ обѣда въ Левенку.

28. Писалъ до полковника лубенского и до господина Скоропадского о своемъ дѣлѣ.

Мартъ.

1. Оные писма отправлены въ Новгородокъ для пересылки оттоль въ Глуховъ. Сего жъ числа надвечери отехалъ я зъ дому, забираючи трактъ на полѣся и прибылъ въ Левенку около полночи; а оттоль зъ Александромъ Корецкимъ

2. Въ Стародубѣ позабавились за полдень, а потомъ віехавши прибыли на ночь въ деревню Стодолу и тутъ въ дворцѣ п. Івана Бороздны медведовского ночовали.

3. Оттоль рано поехавъ, переехавъ Рудню полковничую и прибыли въ Жовнецъ о полдни, а потомъ въ заводъ п. Корецкого [191]), где и ночовали.

---

[191]) Теперь деревня, Корецкій Заводъ, суражскаго уѣзда.

4. Пріехали рано въ слободу Александра Корецкого Упошовъ, и тамъ въ дворцѣ Давидовича коней кормили и обѣдали, а потомъ отехавши прибыли на ночь въ Лотоки, где сталъ квартерою у Федора Пригаровского.

5. Сисковали священника зъ Поповой Горы отца Тарасія Хандожку, передъ которымъ и исповѣдались. Былъ у мене въ квартерѣ сержантъ стародубского гварнѣзонного полку Герасимъ Григоріевъ, который зъ старостою моимъ Федоромъ Алексіевымъ подрался.

6. На службѣ Божой въ Лотокахъ причащались зъ Александромъ Корецкимъ и всѣ люде при насъ бывшіе. Послѣ обѣда ездили на слободу въ урочище Іминцкое и тамъ обще зъ Іваномъ Самойловымъ и Стефаномъ Пригаровскимъ и зъ людми лотоковскими розсматровали мѣстъ, подъ селидбою тамъ же будучихъ, а оттоль заездили къ Стефану Пригаровскому. За 20 пудъ меду заплачено Федору Пригаровскому 21 р. 54 к.

7. Писано отъ мене къ прапорщику Сидору Петровичу и къ другому прапорщику въ Мглинѣ стоящему, а имѣвшему прибыть въ Лотоки для слѣдствія о помянутомъ сержанту Григоріеву въ обидѣ и побояхъ, людямъ нашимъ отъ него показанныхъ. Отъехали подводы наши зъ досками липовыми и дубовыми, которые привозили въ Лотоки хлѣба 16 осмачокъ, якое зсипано въ имбарѣ у Димида, а поручено оное Федору Пригаровскому и Афанасу Сковиню. По полудни віехали и самы зъ Лотоковъ и повечерявши въ дворцѣ монастырскомъ на Поповой Горѣ, прибыли ночю въ Кузнецы и тамъ ночовали.

8. Прибыли въ заводъ Корецкого въ 10-мъ часу предъ полуднемъ, где за 4 пары садовъ до плуговъ украинскихъ дано 1 р. 60 к. руднику Афанасу Грибу, которому и пташина лотоковская дана для оробковъ, якыхъ паръ 10 къ празднику онъ обѣщалъ. Зъ заводу послѣ полдня поехавши, кормили лошадей въ Стодолѣ и оттоль прибыли въ Ярцевъ по полуночи къ Григорію Борознѣ.

9. Писалъ зъ Ярцова къ Івану Борознѣ въ Медведовъ о снѣцару Никитѣ; оттоль же поехавши, прибыли въ Стародубъ въ 10-мъ часу по полуночи, где погодя малъ часъ, была у мене старшина полковая.

10. Івану теслѣ (плотнику) на его нужды въ щотъ за роботу данъ 1 р. Коло вечерень визитовали насъ Григорій Скоруна, Іванъ Гамалѣя

капитанъ Ланкъ съ женою и протчіс. Отдалъ Гамалѣя должные намъ 6 р. 70 к. и отехалъ онъ же въ Юдиновъ.

11. На вечери віехали зъ Стародуба и прибывъ въ Левенку, тамъ ночовали.

12. Тамъ же въ домѣ Александра Корецкого видѣлась зъ нами бунчучная Галецкая, а потомъ отехала къ Погару; мы же отобѣдавши, отехали и прибыли въ Перегонъ на смерку. Ночю греблю нашу городискую порвало.

13. Получилъ указъ изъ енералной канцеляріи о врученіи полковнику стародубскому Федору Дмитріевичу Максимовичу полковыхъ клейнотовъ и команды, чего для и віехалъ по полудни зъ Перегону къ Стародубу, куда и прибылъ я о 2 години въ ночь, а полковникъ коло полуночи.

14. Подлугъ отданного вчора приказу собранъ полкъ зъ знаменами передъ мою квартеру, а потомъ какъ прибылъ и полковникъ ко мнѣ, то отдана ему честь отъ всего полку поднятіемъ ружья на караулъ и зъ музикою; потомъ пошолъ полкъ строемъ къ соборной церквѣ и какъ тамъ построился въ тріangулъ, то и я зъ полковникомъ пріехалъ цугомъ предъ полкъ, где отдана намъ честь, при играню музики, ружьемъ и випалено зъ трохъ штукъ. Потомъ какъ приступили всѣ сотенные корогвы къ полковымъ знаменамъ и старшина полковая, и сотники, и значковые посередъ строю, при знаменахъ, стали, то я, учинивъ обявленіе о опредѣленіи въ полкъ стародубовскій полковникомъ г. Максимовича, велѣлъ читать въ слухъ всѣмъ данный изъ войсковой енералной канцеляріи оному жъ господину полковнику унѣверсалъ, который и читалъ писарь полковый Стефанъ Петрункевичъ, а по прочтеніи уневѣрсалу, взявъ я перве болшое полковое знамя, потомъ значокъ полковый же, оные вручилъ полковнику; потомъ показавъ ему жъ лѣтаври и музику полковую и сотенные знамена, велѣлъ его всѣми знаменами окрить и по здешнему обычаю покрывъ его жъ шапками, окончали тую церемонію поздравленіемъ его, полковника, полученіемъ той императорской милости, при чемъ паки изъ пяти штукъ випалено, и пошли всѣ въ церковь, а по службѣ Божой было молебствіе при трократной изъ пушокъ палбѣ, а на остатокъ изъ мелкаго ружья козаки одинъ залпъ випалили. Потомъ обѣдали у полковника, и при многократной зъ мартировъ и мелкого ружья палбѣ, гулали до позна въ ночъ.

15. Старшина полковая и сотники рано у мене были, но потомъ весь день пробавилъ я въ домѣ ради вчерашного излишняго питя, посилалъ по откупщика зборовъ Гаврила Яковенка, жителя глуховского.

16. Получилъ указъ ехать въ Глуховъ. Передъ полднемъ былъ у мене въ домѣ полковникъ со всею старшиною и сотниками, а отъ мене пошедши, гуляли у обозного, судіи и писаря полковыхъ и у писаря судового Косача; потомъ у полковника купали, где случился и Григорій Бороздна ярцевскій, который для сына моего подарилъ малого коника.

17. Простившись зъ полковникомъ и прочими, отехалъ зъ Стародуба и мало давъ отдохнуть лошадямъ въ Случку, пріехалъ зъ попомъ Алексіемъ Хелкидоцкимъ еще завчасу до Перегону. Ночю знову порвало греблю городискую.

18. Принесенъ указъ зъ суда енералного, чрезъ нарочного компанѣйця, объ отвѣтствіи противъ пунктовъ по дѣлу Соколовского зъ Янушкевичемъ. Учиненъ контрактъ зъ подданнымъ монастыря новгородского Тарасомъ Юденкомъ дѣлать цеглу, за которую платы давать ему отъ всякой тысячи по 7 гривенъ, и дано ему-жъ задатку 4 р. Кравцю стародубовскому Евтуху дано дѣлать двѣ пари платя нового, и каѳанъ злотоглавный къ починки, и на потребы къ той роботѣ данъ 1 р. Писаны въ полковую стародубовскую канцелярію два представленія: 1-е о откупщикахъ сборовъ, что лишнее берутъ, чего и указами не повелѣно, 2-е о форпостѣ лотоковскомъ и о сержантѣ тамо стоячомъ Герасиму Григоріеву.

19. Отправлено доношеніе въ судъ енералный зъ отвѣтами по дѣлу Соколовского, чрезъ того-жъ компанѣйця, да и писма до г. бригадира Иліина, до Скоропадского и до Якубовича и до Романа въ дворъ, такожъ до Несторовича въ Новгородокъ о отсилки бочокъ до Глухова. Преднамѣненные же представленія въ полковую стародубовскую канцелярію посланы чрезъ сторожа Гриневича и писмо до Кочержинского. Микита снѣцарь, присланный отъ Івана Бороздны медведовского, началъ роботу въ Городищѣ. Римарь Ярема наказанъ за пянство и обѣщалъся впредь не пить.

20. Маляръ, изъ Грямячого присиланный, взялъ маліовать плащеницу до церкви городиской. Отобраны у Петрихи зъ шинку погарского за станъ оковитой (водки) 4 р., а за простой 2 р. Озер-

скій прислалъ должного 1 р., а до Багинского послана при писмѣ мѣра на стекло. Были у мене панѣкадилщикъ Никита Ивановъ и столяръ, зъ которыми договорилъся зъ панѣкадилщикомъ о вилитю бляхъ на шоры, а зъ столяремъ на роботу 7 дверей до нового будинку; а давать имъ задатку по 2 р. и по чвертцѣ муки житной. Сего числа взялъ Мойсѣй Оршава пивець для обученя хлопця зъ Лотоковъ Василя Пятина.

21. Вышепамѣненные задаточные денги 4 р., да 2 чвертки муки, такожъ три осмачки жита Марьѣ Украинцѣ обѣщанные, отправлены въ Стародубъ чрезъ Грицка. Писалъ до писаря полкового Петрункевича за Іваномъ Хряпковскимъ. Василь Мовчапенко суходолскій отпущенъ въ домъ.

22. Писалъ до капитана Берга стороны прапорщика Козми Львова, который на греблѣ на Ворѣ бралъ у нашихъ людей три конѣ въ подводу до Погари, и о заборѣ на торгу у людей нашихъ подводъ до Новгородка, для привезеня оттоль овса въ Погаръ.

23. Отправленъ до Мглина за стекломъ кухаръ Іванъ и дано ему 2 р. 10 к. и писмо до хоружого сотенного Тита Голяка. При указѣ ко мнѣ изъ войсковой генералной канцеляріи привезъ значковый товарищъ Данило Зиневичъ пѣрначъ полку стародубовского, для врученя оного полковнику стародубовскому г. Максимовичу.

24. Писалъ къ полковнику стародубовскому о полученіи пѣрнача и о присылки сторожа полівого для отрепортованія въ Глуховъ, такожъ о предложеніи въ сотню погарскую ордеръ, чтобъ давано, по требованіямъ моимъ, козаковъ зъ куреней перегонского, даріевского, случевского и чаусовского, и оное писмо отправлено чрезъ Данила Зиневича, за которого и рекомендацію цедулою писалъ. Господинѣ Василювской Варцѣ, которая отежала прошлого генваря 24, заплачено за ея службу, що надлежало, 90 коп. У шинкаря марковского (с. Марковска) за станъ горилки отобрано 2 р. 50 к.

25. Ночовали въ Городницѣ, где по слушанію всенощного и утренного пѣнія, а потомъ и литургіи, возвратились опять въ Перегонъ и тутъ какъ зъ городецкими попами обома, такъ и зъ отцемъ Алексіемъ, обще кушали обѣдъ.

26. Писалъ репортъ противъ указу стороны пѣрнача и чтобъ не ехать мнѣ въ Глуховъ передъ праздникомъ, о чемъ писалъ же и до г. Скоропадского.

27. Оные репортъ и писмо отправлены до Глухова сторожемъ поліовымъ, присланнымъ, при писмѣ отъ полковника стародубовского г. Максимовича, а самъ я по обѣдѣ зъ попомъ Алексіемъ, отехали къ Стародубу и прибыли уже туда позно.

28. Передъ службою Божою была у мене старшина полковая, а по службѣ, слушанной въ церквѣ Духовской, былъ у мене протопопъ, отецъ Іванъ стародубовскій, такожъ п. Александръ Корецкій зъ жоною, и потомъ отехалъ я къ полковнику; и какъ толко вехалъ въ дворъ, то зъ музикою честь мнѣ отдано, и полковникъ зъ всею старшиною встрѣтилъ передъ крилцемъ; а когда вошолъ я въ болшую избу, то випалено зъ трохъ штукъ, а послѣ велѣлъ принесть перначъ и оный вручивъ полковнику, зъ учиненнымъ ему поздравленіемъ; далѣе, за приуготовленнымъ болшимъ столомъ сѣвши, кушали обѣдъ и пили за високія здравія при пушечной палбѣ и даже до позна гуляли. При якой компанѣи былъ и братъ полковничій, п. Василь Максимовичъ, сотникъ волинскій (м. Волынки) зъ женою своею. По отездѣ же моемъ изъ оной компаніи, учинилась ссора, въ которой обозный полковый Юркевичъ и арестованъ былъ.

29. Кушали у мене п. Александръ Корецкій зъ женою, а между тѣмъ пріехалъ и полковникъ Максимовичъ, которого я упросилъ свободить отъ аресту обозного полкового Юркевича и отдать ему шабло, что и здѣлалось; и за приходомъ его и другой старшины полковой въ мой домъ, учинили прощеніе, и потомъ со мною простясь, полковникъ и братъ его Василій, сотникъ волинскій, такожъ старшина полковая отошли, а мы отехали на почъ до Левенки, куда въ вечеру прибылъ и Григорій Бороздна ярцевскій зъ своею женою.

30. Послано отъ старосты перегонского въ полковую стародубовскую канцелярію доношеніе на ратушю погарскую, что побрато людей нашихъ въ Погарѣ на торгу и послано въ Новгородокъ. Писалъ и до писаря полкового Петрункевича стороны опредѣленія козаковъ зъ ближныхъ куреней, чтобъ напомятовалъ полковнику, да и о томъ же доношеніе; такожъ писалъ до сотника тоналского Ляджула о присылки зъ Сытой Буды маляра Василя Пивоваренка; и рано отехавъ зъ Левенки, прибыли до Перегону коло полдня. Писанъ репортъ въ войсковую енералную канцелярію противъ указу присланного ко мнѣ о поездѣ для присутствія

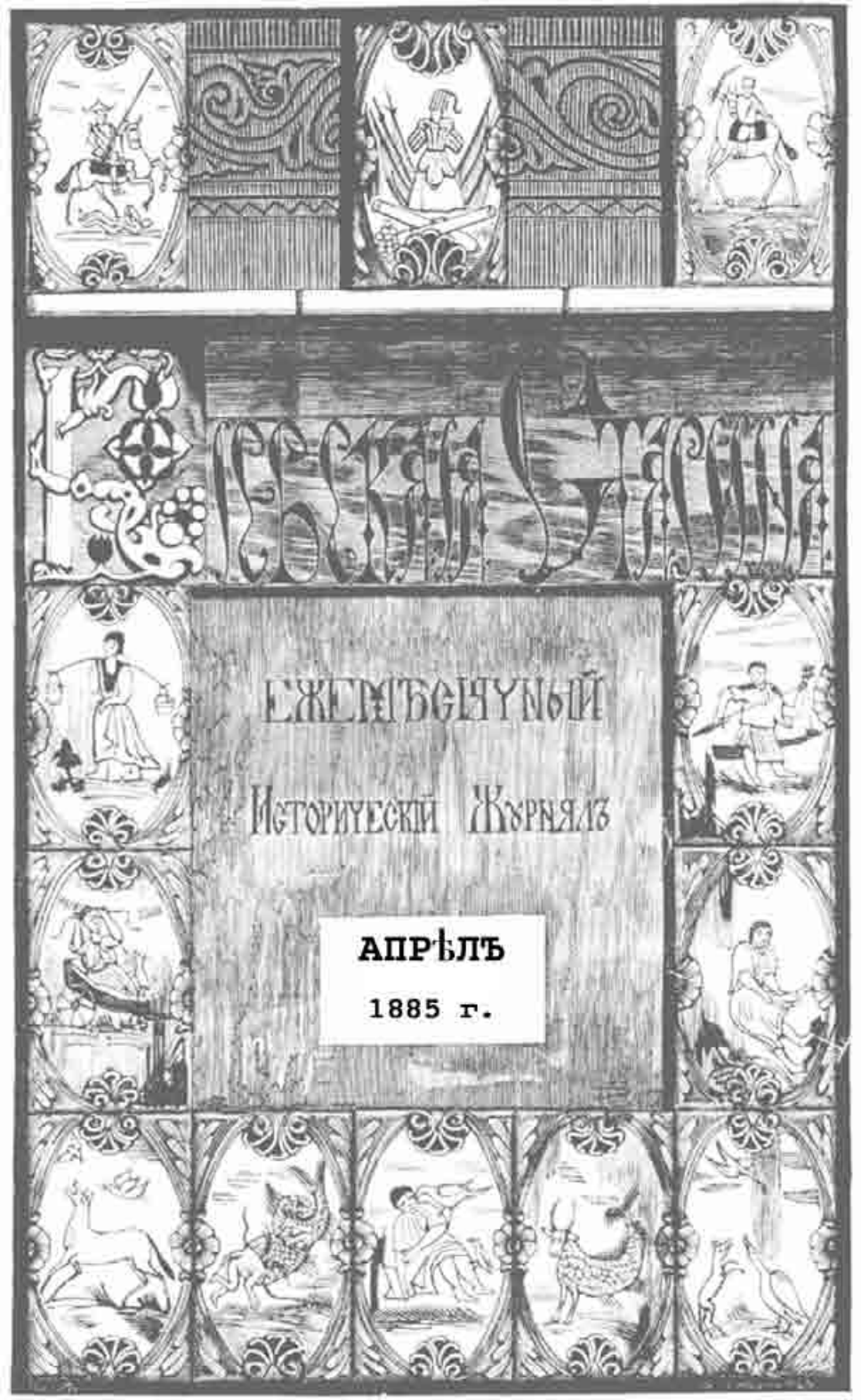
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Апрѣль
1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1885 г.

стр.

I. КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ—ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ . . . . I—IV

II. ВОРОНЕЖСКІЕ ХОХЛЫ. (Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій). **Бориса П—скаго** 613

III. ІОАННЪ ВЫШЕНСКІЙ. (Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.). **Н. Ѳ. Сумцова** 649

IV. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 678

V. ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНИНЪ XVIII ВѢКА. **Николая Бакая** . . . 716

VI. УНИВЕРСАЛЪ КІЕВСКАГО ПОЛКОВНИКА ВАСИЛІЯ ДВОРЕЦКАГО 1660 ГОДА. (Объ отдачѣ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ бернардинскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ) 743

VII. ПРОЭКТЪ КАЗЕННАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ ПРИСОЕДИНЕННЫХЪ ОТЪ ПОЛЬШИ КЪ РОССІИ ОБЛАСТЯХЪ 746

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятники императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ. 1884 годъ.—*Н. Сумцова.*—б) Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна. 1884 года.—в) Холмскій народный календарь на 1885 г. Кіевъ, 1884 года. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства.—*Н. Каманина.*—г) Н. Л., Кіево-михайловскій златоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ. 1885 годъ.—*Н. Каманина.* 755

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Кураковскій договоръ козаковъ съ поляками 1625 года.—Свящ. *В. Никифорова.*—б) Кіевская актовая рѣчь 1841 года.—Сообщ. прот. *Е. Попруженко.*—в) Къ характеристикѣ шляхетско-козачаго быта XVIII в.—*Ѳ. Н.*—г) Изъ фамильныхъ преданій.—*С—ка.*—д) Наслѣдники запорожскихъ земель.—Сообщ. *Д. Багалѣй.*—е) Изъ временъ польскаго возстанія 1863 года.—*Н. Ревы.*—ж) Малорусская политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла.—з) Три малорусскія пѣсни изъ періода крымской кампаніи.—Сообщ. *Н. И Барсовъ* 767

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе)* 145-160

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1885 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XI.

1885 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайл. ул., соб. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20-го марта 1885 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XI.

АПРѢЛЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20-го марта 1885 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XI. 1885 г.

Январь, 1885 г.

стр.

I. ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА. **Н. Ѳ. Сумцова.** 1

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ 20

III. ПРИЛУЦКІЙ ПОЛКОВОЙ АСАУЛЪ МИХАЙЛО МОВЧАНЪ И ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИГА. **В. Антоновича.** 57

IV. ДРЕВНІЯ И НОВЫЯ СКАЗАНІЯ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Къ вопросу о томъ, можетъ-ли кіевская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія). **С. Голубева.** . . . 85

V. ДУНАЙЦЫ. **А. Скальковскаго.** 117

VI. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. *(Продолженіе).* **И. Левицкаго.** 133

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Пчела почаевская. Изборникъ назидательныхъ поученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ лавры почаевской (1581—1651 г.), изданный въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ, по собственной рукописи преподобнаго, подъ редакціею профессора кіевской духовной академіи Н. И. Петрова. Почаевъ. 1884 года.—*С. Голубева.*—б) Археологическое обозрѣніе, органъ ц. к. Музея древностей и львовскаго археологическаго общества. Вып. 1—3. Львовъ. 1882—1883 гг.—*Н. Д.*—в) Рада, украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ. 1884 г.—*Г.* . . 157

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Гдѣ жили первые кіевскіе митрополиты, въ Переяславѣ или въ Кіевѣ.—*П. Л.*—б) Новый варіантъ думы «Алексій Поповичъ».—*Н. Ѳ. Сумцова.*—в) Нѣмецкій тринкгельдъ на малорусской почвѣ.—*С. Бѣлинскаго.*—г) Два письма Б. Хмель-

стр.

ницкаго къ П. Сапѣгѣ, воеводѣ виленскому, великому гетману литовскому.—Сообщ. *Н. В. С ко.*—д) Изъ народныхъ разсказовъ о слободско-украинскихъ помѣщикахъ.— *А. Катрухина.*—е) Изъ воспоминаній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ.—*Ф. П—на.*—ж) Изъ письма въ редакцію —з) Журнально газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—*Θ. Н.* 177

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Февраль, 1885 г.

I. МАЛОРУССКІЯ ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВАНІЯ. **Н. Ѳ. Сумцова** 215

II. ВОСПОМИНАНІЕ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ ЕГО СЛУЧАЙНАГО УЧЕНИКА. **Б. Суханова-Подползина** 229

III. ВОСПОМИНАНІЕ ИЗЪ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО. (О школѣ и грамотности въ кіевской губерніи). **Бориса П—скаго**. 235

IV. ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Отвѣтъ С Т. Голубеву). **П. Л.** 268

V. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 282

VI. ХУДОЖНИКЪ КИРИЛЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛОВАЧЕВСКІЙ. (Біографическій очеркъ). **И. Божерянова**. 308

VII. АВТОБІОГРАФІЯ ЮЖНО-РУССКАГО СВЯЩЕННИКА 1-Й ПОЛОВИНЫ XVIII СТ. Съ предисловіемъ 318

VIII. КЪ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. 333

IX. КЪ ИСТОРІИ ПОГРАНИЧНЫХЪ НАШИХЪ СНОШЕНІЙ СЪ КРЫМСКИМЪ ХАНСТВОМЪ. (Путевой журналъ секундъ маіора Матвѣя Миронова, въ командировку его къ крымскому хану, 1755 года). Съ предисловіемъ **А. Андр.** 339

X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной библіотекѣ. Изданіе виленской археографической коммисіи. Выпускъ I (1332—1548). Вильна. 1884 г.—*И. Каманина.*—б) Чтенія въ импер. обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при моск. университетѣ. 1884 г. книга 2—*Θ. Н.*—в) Древнѣйшія карты Россіи. Гамбургъ. 1885—91.—*N. S.*—г) Ив. Франко.—Захаръ Беркутъ. Образъ громадскаго житя Карпатской Руси въ XIII вѣцѣ. Львовъ. 1884 г.—*Г.* 357

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Русская святыня на западѣ Европы.—б) Сербы въ Кіевѣ.—в) Волынская бывальщина.—*И. А. Шафарука.*—г) Губернскія Вѣдомости, какъ пособіе при изученіи русской

стр.

исторіи и этнографіи.—*Н. Ѳ. Сумцова.* - д) Пребываніе императора Александра I-го въ Кіевѣ въ 1816 г.—Сообщ. *Левъ Мацѣевичъ.*— д) Слѣды поселенія запорожцевъ въ Сванетіи. (Изъ письма въ редакцію).—*Г. Лебединца.*—е) А. О. Кистяковскій. (Некрологъ) —*И. Лучицкаго.*—ж) Библіографическое извѣщеніе.—*Г.* 377

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Мартъ, 1885 г.

I. РЕЛИГІОЗНО-МИѲИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ МАЛОРУССКОЙ СВАДЬБЫ. **Н. Ѳ. Сумцова** 417

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 437

III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. *(Продолженіе).* **К. М.** 465

IV. БАПТИЗМЪ ИЛИ ШТУНДА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **П. Л—ва.** . 500

V. ЕЩЕ ЩЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА. **Ѳ. Каминскаго.** . . . 519

VI. КЪ ИСТОРІИ КОЛОНИЗАЦІИ НОВОРОССІИ. 501

VII. УНИВЕРСАЛЪ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКОВНИКА ЛИЗОГУБА 1690 Г. (Въ разрѣшеніе земельныхъ претензій польской шляхты, изгнанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ) 529

VIII. СУПЛИКА, АБО ЗАМЫСЛЪ НА ПОПА 543

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издалъ Л. Майковъ. С.-Петербургъ. 1884 г.—*П. Ѳ. Сумцова.*—б) Харьковскій календарь и памятная книжка на 1885 г. Изданіе харьк. губ. статист. комитета.— *Дм. Багалѣя.*—в) О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. І. Сенигова. Спб. 1884 г.—*П. Голубовскаго.*—г) Писцовыя книги пинскаго и клецкаго княжества. Изданіе виленской археографической коммисіи. Вильна. 1884 г.—*И. Каманина* 551

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ статьѣ г. Берхина „О посольствахъ Владиміра св. для испытанія вѣръ".—*П. Голубовскаго.*—б) Археологическія находки въ гомельскомъ уѣздѣ могилевской губерніи.—*А. Лоначевскаго*—в) Гетманскій городъ.—*В. Е. Бучневича.*—г) Вулканъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII ст.—Сообщ. *С. Н. И.*—д) Кіевъ въ 1799 году.—*В. Горленка.*—е) Малоруская историческая шарада.—ж) Евгеній Желеховскій. (Некрологъ).—з) Журнально-газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—*Ѳ. Н.* 569

XI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . . 129—144

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Апрѣль, 1885 г.

стр.

I. КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ—ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ . . . . I—VI

II. ВОРОНЕЖСКІЕ ХОХЛЫ. (Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій). **Бориса П—скаго** 613

III. ІОАННЪ ВЫШЕНСКІЙ. (Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.). **Н. Ѳ. Сумцова** 649

IV. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 678

V. ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНИНЪ XVIII ВѢКА. **Николая Бакая** . . . 716

VI. УНИВЕРСАЛЪ КІЕВСКАГО ПОЛКОВНИКА ВАСИЛІЯ ДВОРЕЦКАГО 1660 ГОДА. (Объ отдачѣ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ бернардинскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ) 743

VII. ПРОЭКТЪ КАЗЕННАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ ПРИСОЕДИНЕННЫХЪ ОТЪ ПОЛЬШИ КЪ РОССІИ ОБЛАСТЯХЪ 746

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятники императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ. 1884 годъ.—*Н. Сумцова.*—б) Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна. 1884 года.—в) Холмскій народный календарь на 1885 г. Кіевъ, 1884 года. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства.—*И. Каманина.*—г) П. Л., Кіево-михайловскій златоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ. 1885 годъ.—*И. Каманина.* 755

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Кураковскій договоръ козаковъ съ поляками 1625 года.—Свящ. *В. Никифорова.*—б) Кіевская актовая рѣчь 1841 года.—Сообщ. прот. *Е. Попруженко.*—в) Къ характеристикѣ шляхетско-козачаго быта XVIII в.—*Ѳ. Н.*—г) Изъ фамильныхъ преданій.—*С—ка.*—д) Наслѣдники запорожскихъ земель.—Сообщ. *Д. Багалѣй.*—е) Изъ временъ польскаго возстанія 1863 года.—*Н. Ревы.*—ж) Малорусская политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла.—з) Три малорусскія пѣсни изъ періода крымской компаніи.—Сообщ. *Н. И. Барсовъ* 767

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (*Продолженіе*) 145-160

КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ—ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ.

6-го апрѣля 885 г. въ столицѣ моравскаго княжества Велеградѣ, нынѣ заброшенномъ и малоизвѣстномъ городкѣ, мирно опочилъ отъ апостольскихъ трудовъ святитель Меѳодій, архіепископъ моравскій, который, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Константиномъ, въ схимѣ Кирилломъ, ранѣе его скончавшимся, увѣковѣчилъ память свою проповѣдію христіанской вѣры среди языческихъ славянскихъ племенъ и колоссальнымъ трудомъ перевода св. писанія и церковно-богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ. Смерть этого дивнаго по своимъ подвигамъ святителя прошла въ то время мало кѣмъ замѣченною, какъ обыкновенное явленіе въ мірѣ человѣческомъ. Враги его, враги славянскаго слова, жизни и силы—утѣшились, ученики и друзья его со слезами опустили гробъ его въ могилу, и только въ ихъ сердцахъ, да въ переложенныхъ св. Меѳодіемъ, вмѣстѣ съ братомъ, словенскимъ языкомъ книгахъ святыхъ, хранилась скромная память объ немъ. Вскорѣ потомъ ученики его были изгнаны изъ Моравіи и дѣло св. братьевъ солунскихъ—православная греко-восточная вѣра, славянское богослуженіе, славянская проповѣдь—стерто, сглажено, прахомъ покрылось на мѣстахъ ихъ апостольскаго служенія.

Теперь, когда съ 6-мъ апрѣля сего 1885 г. наступаетъ тысячелѣтіе со дня кончины святаго Меѳодія, дѣло первоучителей славянскихъ разрослось широко и слава ихъ гремитъ повсюду. Волнуется католическій Западъ и какъ-бы оспариваетъ

у православія право чествованія священной ихъ памяти. На самомъ дѣлѣ со стороны католическаго Запада это только давнее, нынѣ уже тысячелѣтнее притязаніе его къ православному Востоку съ цѣлію подорвать его авторитетъ, унизить, раздѣлить, ослабить православное и неправославное славянство и рано или поздно привести его въ подчиненіе римскому престолу. Къ счастію всего славянскаго міра, во главѣ его стоитъ стомилліонная Россія и не страшны ему никакія ухищренія и подходы соединеннаго католическаго ультрамонтанства. Православная Россія, поддерживаемая симпатіями всего почти славянства, готовится со всѣмъ великолѣпіемъ и торжествомъ отпраздновать тысячелѣтнюю память первоучителей славянскихъ, св. Кирилла и Меѳодія, въ день кончины послѣдняго, 6 апрѣля с. г. Во всѣхъ церковно-общественныхъ, правящихъ и умственныхъ центрахъ ея идутъ дѣятельныя приготовленія къ этому великому торжеству. Вѣдомства духовное, военное, гражданское и учебное то раньше, то позже сдѣлали соотвѣтственныя распоряженія. Города и села, думы и приходы, благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія, духовные и міряне, ученые и простые, художники и артисты—всѣ стараются чѣмъ нибудь выразить свое сочувствіе памяти святыхъ учителей, общими силами создать всей Россіи великое торжество. Изготовлены или изготовляются въ различныхъ концахъ и кружкахъ хромолитографированныя изображенія св. братьевъ и иконы на доскахъ, пространныя и краткія ихъ жизнеописанія для безплатной раздачи въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ, ученыя изслѣдованія и карты славянскаго міра IX вѣка, церковныя, академическія, кружковыя рѣчи и просто рѣчи, идутъ пожертвованія, проэктируются учрежденія и постройки съ цѣлію увѣковѣчить въ народѣ память славянскихъ первоучителей. Въ день кончины святителя Меѳодія, 6-го апрѣля, во всей православной Россіи совершатся торжественныя богослуженія, крестные ходы, молебствія; милліоны людей сольются въ одномъ народно-историческомъ представленіи и сознаніи знаменательности и величія празднуемаго событія, милліоны голосовъ вознесутся къ небу съ

прославленіемъ дивнаго во святыхъ своихъ Господа и памяти св. братьевъ—учителей нашихъ. Отнынѣ день св. Кирилла и Меѳодія станетъ снова праздникомъ всей православной Россіи и память о нихъ и великомъ, совершенномъ ими для всего славянства и для насъ дѣлѣ возрастетъ и укрѣпится незыблемо въ сознаніи народномъ. Да будетъ великъ и святъ этотъ день!

Какъ фактъ историческій, какъ фактъ даннаго времени и мѣста, жизнь и смерть св. Кирилла и Меѳодія и все совершенное ими для славянства выступаютъ изъ сферы спеціальныхъ нашихъ изслѣдованій; но разсматривая трудъ великихъ учителей и проповѣдниковъ, какъ событіе обозначившееся въ исторіи различныхъ славянскихъ племенъ и ихъ соотношеніяхъ многочисленными и весьма важными послѣдствіями, мы не можемъ не остановиться предъ нимъ съ чувствомъ благоговѣйнаго воспоминанія и тѣми думами, что навѣваются невольно какъ самымъ празднуемымъ событіемъ, такъ и близкими и далекими судьбами всего славянства и въ частности нашими.

Потому мы участники въ наступающемъ торжествѣ, что мы воспользовались, хотя и значительно позже другихъ, плодами письменности славянской, созданной трудами братьевъ солунскихъ; потому еще празднуемъ мы тысячелѣтнюю память ихъ, что они лично были въ нынѣшнихъ предѣлахъ земли нашей, видѣли разцвѣтавшее христіанство въ древнемъ Херсонесѣ, по берегамъ понта Эвксинскаго и пронесли слово ученія Христова до береговъ моря Хвалынскаго, въ страну невѣрныхъ хозаръ. И только,—если не считать того, что намъ досталась часть обрѣтенныхъ ими мощей св. Климента, которую мы не умѣли или не могли сохранить. Хотѣлось-бы однако думать, что мы нѣсколько болѣе близкіе участники предстоящаго торжества тысячелѣтія славянской письменности, хотѣлось-бы вѣрить, что св. братья Кириллъ и Меѳодій просвѣтили свѣтомъ ученія Христова не однихъ инородцевъ тогдашней Россіи, но и коренныхъ, хотя и не многихъ ея обитателей.

Начало нашей письменности теряется въ сумракѣ вѣковъ; но то извѣстный и неоспоримый фактъ, что невдалекѣ отъ Чернаго моря обитали какіе-то *руссы* и что св. братья Константинъ и Меѳодій нашли въ Херсонесѣ «евангеліе и псалтырь руськими письмены писано». Каковы были эти письмена, какъ отнеслись къ нимъ св. братья, въ особенности Константинъ, будущій изобрѣтатель славянской азбуки,—остается неизвѣстнымъ. Позволительно однако-жъ думать, что не однимъ сорокадневнымъ постомъ Константинъ философъ подготовилъ себя къ начертанію письменъ славянскихъ...

Еще болѣе невыясненнаго, не досказаннаго, но, какъ намъ кажется, не лишеннаго связи съ настоящимъ празднованіемъ въ сказаніи о началѣ у насъ христіанства. Позднѣйшая историческая критика отвергла все лѣтописное сказаніе о посольствахъ къ Владиміру и посольствахъ отъ него, оставивъ лишь голый фактъ крещенія его и имъ кіевлянъ и назвавъ все остальное легендою. Откуда однако самая легенда, откуда въ ней это имя Константина философа и не названнаго по имени его спутника? Въ эпоху крещенія Владиміра эти лица и ихъ дѣйствія стоятъ одиноко лишь въ нашей лѣтописи и ничего общаго имъ и всему лѣтописному сказанію мы не находимъ ни въ византійскихъ, ни въ болгарскихъ, ни въ иныхъ хроникахъ и преданіяхъ, а сто съ небольшимъ лѣтъ назадъ, когда въ Кіевѣ княжили Аскольдъ и Диръ, принявшіе крещеніе отъ грековъ, эти самыя лица и дѣйствія какъ разъ на мѣстѣ и почти тождественны у насъ, какъ и у грековъ и болгаръ. Почему нибудь патріархъ Фотій да говоритъ въ своемъ посланіи о томъ, что онъ просвѣтилъ *русскихъ* свѣтомъ вѣры Христовой, а св. братьевъ солунскихъ называетъ своими учениками и сотрудниками въ дѣлѣ благовѣстія Христова. Тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься и покопаться. Путь Константина и Меѳодія изъ Херсонеса къ хозарскому хану не вполнѣ опредѣленъ, а обратный и совсѣмъ неизвѣстенъ. Между тѣмъ примѣры перенесенія народною памятью преданій и легендъ съ одного времени и лица на другое позднѣйшее столько-же нерѣдки во всеобщей и въ частности въ нашей южно-рус-

ской исторіи, какъ и примѣры подтвержденія позднѣйшими розысканіями и письменными памятниками того, что считалось долго только легендами, плодомъ фантазіи народной. Не мѣсто и не время останавливаться здѣсь на подведеніи такихъ примѣровъ; но кто можетъ поручиться, что при дальнѣйшихъ историческихъ изысканіяхъ отвергнутая теперь легенда о пришествіи къ Владиміру греческихъ проповѣдниковъ, и одного съ именемъ Константина философа, не найдетъ себѣ дѣйствительнаго историческаго примѣненія и, быть можетъ, въ направленіи нами намѣчаемомъ...

Кстати припомнить здѣсь мнѣніе польскаго ученаго Мацѣевскаго о томъ, что «страна между р. Стырью, г. Луцкомъ и р. Бугомъ нѣкогда входила въ составъ епархіи св. Меѳодія», а мнѣніе это онъ основываетъ на офиціальномъ актѣ 973 г. о присоединеніи моравскаго архіепископства къ пражскому.

Участіе наше въ празднованіи тысячелѣтней памяти первоучителей славянскихъ расширяется, когда мы обратимся къ тѣмъ великимъ и благотворнымъ послѣдствіямъ, какія имѣли для насъ и другихъ славянъ изобрѣтенныя ими славянскія письмена и полученный отъ нихъ славянскій переводъ св. писанія и богослужебныхъ книгъ. Мирное и скорое распространеніе у насъ православно-христіанской вѣры, возможность созданія національной іерархіи, послѣдующее богатство и широкое развитіе нашего языка, обогащеніе нашей древней литературы переводными и оригинальными произведеніями, удобство умственнаго общенія съ другими славянскими народами—все это было и всѣмъ этимъ мы обязаны безсмертному труду св. Кирилла и Меѳодія.

Съ грустью однако мы должны припомнить при этомъ, что дѣло сцѣпленія славянскихъ племенъ единствомъ греко-восточнаго ученія и общей всѣмъ имъ письменности, такъ славно начатое св. братьями солунскими, еще при жизни ихъ было поколеблено своекорыстіемъ нѣмецко-католическаго духовенства и коварною искони политикою Рима, то признававшаго, то отвергавшаго славянскую службу. Послѣдствія сего не замедлили обнаружиться: въ единый славянскій міръ внесено раздѣленіе, племена западныя, путемъ вѣковыхъ

насилій и неправдъ, отторгнуты отъ духовнаго единенія съ юго-восточными, обрядъ ихъ и самыя письмена замѣнены латинскими. Не будь этого, духовное развитіе славянства пошло-бы инымъ путемъ и значеніе и положеніе его въ Европѣ было-бы, безъ сомнѣнія, иное. Отнимите и теперь отъ западныхъ славянъ гнетущую его силу Рима, снимите латинскій покровъ съ ихъ обряда и письменъ, и единство славянъ возстановится, національное развитіе ихъ быстро пойдетъ, сила ихъ возрастетъ и окрѣпнетъ. Но не къ тому стремился въ теченіе всего тысячелѣтія Римъ, заправлявшій романскимъ міромъ, не того онъ хочетъ и теперь, и самый праздникъ тысячелѣтней памяти славянскихъ просвѣтителей задуманъ имъ лишь въ подрывъ славянству. Пойметъ-ли онъ или его клевреты, что самый праздникъ этотъ служитъ обличеніемъ ихъ неправды и ухищреній, а кости первоподвижниковъ славянства, мирно почіющія въ Велеградѣ и Римѣ, нѣмымъ для нихъ укоромъ?

Что до насъ, то мы, какъ и оставшіеся единовѣрными и единомысленными съ нами славяне южные, съ чистымъ сердцемъ, съ непомраченнымъ прошлымъ, съ неподавленною совѣстію встрѣтимъ и почтимъ тысячелѣтній праздникъ просвѣтителей славянскихъ. Прямыми наслѣдниками и вѣрными хранителями богатаго достоянія ихъ мы были и пребудемъ навсегда. Да будетъ радостенъ и свѣтелъ нашъ праздникъ, а объ отторгнутыхъ отъ насъ неправдами и насиліемъ братьяхъ нашихъ будемъ молить Бога, да придутъ и они въ единеніе вѣры, духа и слова!

ВОРОНЕЖСКІЕ ХОХЛЫ[1].

(Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій).

Въ 1866 году изъ Поднѣпровья судьба занесла меня въ воронежскую губернію на Донъ. Чужо все казалось мнѣ. Таже русская рѣчь, которую я съ дѣтства привыкъ слышать въ городахъ на Украйнѣ, въ школѣ и дома—здѣсь на чужбинѣ показалась мнѣ иною, мало знакомою. На самомъ дѣлѣ и теперь я могъ-бы указать на многія особенности тамошняго нарѣчія. Въ мѣсто моего водворенія—г. Павловскъ я прибылъ, послѣ недолгаго переѣзда, 30 іюля и на другой день по прибытіи устроился на дешевой квартирѣ у мѣщанина, на самомъ берегу р. Дона. Большія рѣки всегда хороши, а Донъ, въ зеленой рамкѣ луговой поросли, съ его мѣловыми горами, съ темнѣющими по-верхъ ихъ кустами чагарниковъ, съ его свѣтложелтыми отмелями, быстротекущей чистою водой, восхитительно прелестенъ. Съ особеннымъ какимъ-то упоеніемъ я пожиралъ глазами просторный пейзажъ, освѣщенный яркимъ утреннимъ солнцемъ. Рѣка, луговой, въ ту пору еще густой, старый лѣсъ, поросшія кустарникомъ высокія мѣловыя горы, теряющіяся въ си

---

[1]) Въ воронежской губерніи великорусскіе поселенцы называютъ малороссовъ *хохлами* и ихъ женъ *хохлушами*, а малороссы въ свою очередь зовутъ великоруссовъ *москалями* и великорусскихъ женщинъ *московками*.

пѣющей дымкѣ по мѣрѣ удаленія къ краю горизонта, бѣлыя хатки задонскаго какого-то села... все это я обводилъ глазами, во всемъ этомъ душею искалъ успокоенія. Вдругъ слышу—трезвонъ, и городской берегъ рѣки сталъ сначала испещряться, а послѣ и вовсе потемнѣлъ отъ массы вытиснувшейся изъ улицы толпы народа. Показались кресты и хоругви. Это былъ крестный ходъ къ рѣкѣ по случаю праздника Маккавеевъ (1 августа). Наскоро пріодѣвшись, я поспѣшилъ къ берегу и тутъ сразу попалъ въ кучку малороссіянъ,—по воронежскому хохловъ. Какими-же родными показались они мнѣ тогда!... Подстриженные въ кружокъ чубы, *очипки*, жупаны, лица родственныя, крестятся безъ отмахиванія головою нависающихъ на глаза волосъ... Ну, какъ есть свои, родные украинцы. Это, оказалось, были жители ближайшей къ городу задонской деревни изъ хутора Босовки, острогожскаго уѣзда. Считаю нужнымъ пояснить, что въ воронежской губерніи, въ мѣстностяхъ, населенныхъ малороссами, поселенія большія, гдѣ есть церковь (часто болѣе одной, ибо села здѣсь многолюдны), называются *слободами*, меньшія-же поселенія безъ церквей, а особенно безъ базаровъ, называются *хуторами*. Слобода вообще соотвѣтствуетъ великорусскому селу и украинскому мѣстечку, хуторъ—великорусскимъ поселку, выселкамъ, дворикамъ, починкамъ и т. п. Хуторами, кромѣ того, называютъ одинокія фермы, займища и пасѣки.

Моя квартирная хозяйка послѣ разсказала мнѣ, что недалеко отъ города на той (правой, западной) сторонѣ Дона есть святое мѣсто—Бѣлогорскія пещеры, основанныя какою-то святою женщиною. «Идите, побудете на всенощной, переночуете тамъ, отстоите обѣдню и къ обѣду домой—такъ-то почти всѣ дѣлаютъ»,—убѣждала она меня. «Это недалеко, версты четыре, много пять отсюда», добавила она, какъ-бы догадываясь о моей неохотѣ къ пѣшему путешествію. Я съ удовольствіемъ согласился съ совѣтомъ хозяйки, чтобы чѣмъ нибудь разсѣять давившую меня на первыхъ порахъ тоску, и сейчасъ-же отправился въ мою комнату захватить съ собой кое-что въ дорогу. Вотъ какъ отмѣченъ мною этотъ эпизодъ моихъ здѣсь похожденій въ заметкахъ, какія я тогда писалъ про себя.

. . . . Четыре часа по полудни. Жара спала. Надъ городомъ пронесся густой звукъ большаго соборнаго колокола. Завтра большой праздникъ Преображенія Господня, Спаса по нашему (6 августа).

Я поднялся съ лежанки въ полутёмной съ закрытыми ставнями комнатѣ, умылся, взялъ краюху хлѣба и отправился въ путь. Подъ городомъ переправился я на паромѣ черезъ Донъ и, не торопясь ко всенощной, поплелся лугомъ по-надъ рѣкою вверхъ по теченію, останавливаясь, любуясь видами. Такъ дошелъ я до горы. Измятая ногами богомольцевъ песчаная тропка, то спускающаяся къ самой водѣ, то прячущаяся въ прибрежныхъ порослях лозы, вербы и тополи, довела меня къ быстро-текущему протоку. Это обновляющееся русло Дона, который въ этомъ мѣстѣ поворачиваетъ отъ горъ на юго-востокъ, обходя луговой лѣсъ и поднимаясь къ г. Павловску. Вѣроятно, Донъ когда-то протекалъ сплошь подъ горами, что доказывается ихъ обрывистостью и обнаженіемъ мѣла. Теперь вода опять стала прорываться подъ гору и, нужно думать, когда нибудь Донъ прорветъ себѣ свое старое русло. Черезъ этотъ протокъ, не широкій, но быстрый и глубокій, устроенъ до нельзя плохой мостикъ. Это попросту звенья плетня, уложенныя на плохенькихъ утлыхъ козлахъ. Весь этотъ мостикъ до того скрипѣлъ и шатался, что я, боясь полетѣть въ воду, пролѣзъ по немъ на четвереньках. Тоже продѣлывали, какъ я увидѣлъ на другой день, и другіе.

За протокомъ дорожка пошла подъ крутыми мѣловыми горами. Мѣлъ торчалъ громадными потрескавшимися слоями по склону горы и различной величины глыбами и даже розсыпями доходилъ до самой воды. Сапоги побѣлѣли. Высоко вверху надъ мѣломъ виднѣлся обрѣзъ покрывающей мѣлъ почвы, на которой сплошь поросъ мелкій орѣшникъ. Недалеко отъ протока гора прерывалась долиною. Тропка раздѣлилась на трое по склону горы, обрамляющей долину: одна пошла въ сторону отъ рѣки, одна повилась надъ самою водою, опять по-подъ кручею, а одна полѣзла на бѣлую, лишенную растительности «Лысую» гору. Я полѣзъ на гору.

Взобравшись на гору, я очутился невдалекѣ отъ баштана, бакчи, по здѣшнему, около куреня которой раздавался веселый женскій смѣхъ. Это были хохлушки, стерегнія баштанъ, за отсутствіемъ сторожа—двое *дивчатъ* и одна *молодыця*. Посидѣлъ я около нихъ, покурилъ. Но очевидно мое присутствіе ихъ стѣсняло. Шутки и смѣхъ ихъ выходили какими-то неудачными и натянутыми. Не будучи настроенъ поддерживать, подзадоривать веселость, смѣхъ

и шутки, я ограничился нѣсколькими распросами у молодицы о шитыхъ золотомъ очипкѣ и висѣвшемъ на ея поясѣ, «кармошѣ», и съ удовольствіемъ услыхалъ чистый малорусскій «жиночій» говоръ. Кромѣ того я наскоро срисовалъ узоры обшивки корсетовъ и шейные *хресты* и *дукачи*. Знакомство не ладилось. Я былъ слишкомъ объективенъ съ моими распросами при моей городской одеждѣ. Пораспросивши, куда идти, я пошелъ отъ нихъ, не оглядываясь и какъ-бы не слыша вновь раздавшагося смѣха и задѣвающихъ шутокъ.

Отошедши за бугоръ, такъ что стало не видно ни бакчи, ни куреня, я улегся надъ крутымъ обрывомъ, закурилъ трубку и, всматриваясь въ обширную, открывшуюся предо мною картину, предался невеселымъ размышленіямъ.

Вѣдь шелъ-то я за Донъ именно къ этимъ или, лучше сказать, къ этакимъ *дивчатамъ*—мнѣ нужно было найти, увидѣть кого нибудь изъ родныхъ людей. И что-же?! При первой встрѣчѣ я наткнулся на чужихъ, я самъ оказался чужимъ для нихъ, смѣшнымъ съ моею хоть-бы только наружною панскостію, съ моимъ деликатничаньемъ, съ моимъ любопытствомъ относительно такихъ обыкновенныхъ на ихъ взглядъ вещей, какъ *очипокъ*, *лядунки*, *хрестъ* или *дукачъ*. Чужой я имъ. А еще такъ недавно я былъ своимъ въ средѣ подобныхъ людей. Думы мои, какое-то жалкое, больное чувство, понеслись далеко, далеко на западъ, на Поднѣпровщину, въ недалекое утерянное, прошлое...

Уже совсѣмъ повечерѣло. Даль затянулась туманомъ. Поднявшаяся высоко луна то и дѣло заволакивалась тучками, изъ коихъ одна побольше крапнула дождемъ, прервавшимъ мою задумчивость и заставившимъ подумать о пріютѣ на ночь. Монастырекъ былъ близко. Это я зналъ по недавно умолкнувшему звону колоколовъ, по доносящимся голосамъ людей. Я пошелъ надъ обрывомъ, стараясь разсмотрѣть впереди себя колокольню монастыря. Тучки совсѣмъ заволокли луну. Прошедши немного, я наткнулся на какой то курень. Нужно было разспросить дорогу. Это была опять бакча. Осторожно переступая огудину, я подошелъ къ самому куреню; луна, вынырнувшая изъ-за тучекъ, освѣтила на минуту плетеный шалашъ, кучу арбузовъ и бѣлаго, какъ лунь, дѣда-сторожа. Старый дѣдъ весь былъ бѣлый, начиная съ волосъ, подстриженныхъ спереди низко надъ глазами, и бороды, и кончая длинною, на выпускъ, ру-

бахою и бѣлыми спущенными на босыя ступни ногъ штанами. Послѣ привѣтствія дѣдъ пригласилъ меня ѣсть сочный кавунъ. Разговорились мы съ нимъ. Оказался хохломъ и чуть не землякомъ. Еще маленькимъ онъ былъ завезенъ сюда изъ-подъ Кіева «изъ якоись Обуховои слободы» (не Обуховъ-ли кіевскій). Разсказалъ мнѣ дѣдъ кое-что про монастырекъ, при которомъ онъ состоитъ братчикомъ, и совѣтовалъ идти ночевать «на гостину». Послышались женскіе голоса. По межѣ подошли къ куреню нѣсколько велико-русскихъ бабъ, московокъ по тамошнему. Дѣдъ и ихъ попотчивалъ арбузами; поѣли онѣ и, помолившись, поблагодарили дѣда, на что тотъ отвѣчалъ: «*Богу святому дякуйте*». Пошли бабы въ «гостину», поплелся и я вслѣдъ за ними.

Черезъ какой-то перелазъ, по узкой тропкѣ между кустами, обдававшими насъ росою, дошли мы до большой простой хаты,— одной изъ нѣсколькихъ здѣсь жилыхъ построекъ, изъ-за крышъ которыхъ виднѣлся шпицъ колокольни. Окна были освѣщены, и было людно на крыльцѣ и въ сѣняхъ. Мои спутницы, видно, бывалыя уже здѣсь, отправились прямо въ хату, а я остался на крыльцѣ съ какими-то бабами. Вообще мужчинъ здѣсь не было видно.

— Что-же ты стоишь тутъ? Иди, родимый, въ избу-то! обратилась ко мнѣ какая-то богомолка.

Я пошелъ. Большая, просторная изба была выбѣлена и убрана чисто по малорусски: передній уголъ уставленъ образами, обвѣшанъ рушниками, лампадками и «*голубцями*»... Тѣ-же лавки подъ стѣнами, тотъ-же большой накрытый *настольникомъ* столъ у *покутя*. Бабъ было полно. Были хохлушки, были и московки. Сидѣли на лавкахъ и на полу. Сидѣли и лежали. Лампадки у образовъ и нѣсколько восковыхъ свѣчей мигали въ духотѣ, слабо освѣщая всѣхъ богомольцевъ.

— А вотъ, можетъ быть, онъ намъ прочитаетъ какую нибудь *заповѣдь изъ божества*... отозвалась какая-то русачка.

— И то, родимый, почитай, потѣшь душу—ты, надо быть, грамотный...—пристали еще голоса. Вотъ она-то жажда духовной пищи, подумалъ я. Хохлушки молчали, а больше приставали московки. Я согласился читать. Нѣсколько книгъ духовнаго содержанія нашлось у завѣдующей этой избой женщины, которая вынесла ихъ изъ *валькиря*. Я выбралъ Четьи Минеи. Нашлось «Житіе св. Ольги»

княгини, заложенное какъ на то-жъ тоненькой книжечкой московскаго изданія: «Житіе равноапостольнаго князя Владиміра». Я порѣшилъ это читать.

Меня усадили за столъ въ передній уголъ. Нѣсколько восковыхъ свѣчекъ въ рукахъ ближе ко мнѣ сидящихъ дали больше свѣта. Нѣсколько не зажженныхъ свѣчей было подано прямо на книгу, какъ-бы приношеніе. Все, что было въ избѣ, сдвинулось къ столу. Сцена меня воодушевляла. Я читалъ и неудобопонятное объяснялъ по русски и по малорусски. Бабы только вздыхали и были въ восторгѣ отъ меня

— И нихто-жъ, нихто намъ николи такъ не читавъ!...

— Такъ прямо въ душу кладе! слышались возгласы, сопровождаемые вздохами.—Отъ такъ читае, наче розсказуе!...

Прочиталъ я житіе св. Ольги и передъ чтеніемъ житія св. Владиміра разсказалъ связующія событія. Жарко было невыносимо. Бабы сняли съ меня жакетку, утирали рукавами потъ на моемъ лицѣ, принесли воды напиться, утирали мокрымъ полотенцемъ лицо мое—и все это такъ ласково, любяще. Я былъ растроганъ, воодушевленъ, читалъ и говорилъ до изнеможенія. Эта обстановка, эти добрыя, простыя, вѣрующія лица, эта искренняя вѣра и жажда слова живаго, все это было необычайно трогательно и возбуждающе.

Далеко за полночь продлилось наше засѣданіе. Дальше помѣстившіяся отъ стола, наморенныя—уснули. У меня кружилась голова, во рту все больше и больше пересыхало. Наконецъ я дочиталъ книжку и всталъ изъ-за стола. Всѣ перекрестились и я съ ними. Бабы стали пріискивать мнѣ мѣсто на лавкѣ, но я отказался и, напутствуемый благодарностями, направился къ выходной двери: мнѣ нуженъ былъ свѣжій воздухъ, возбужденные нервы не располагали ко сну.

— Пойдемъ-те вмѣстѣ, тамъ гдѣ нибудь примостимся заснуть,—отозвался изъ угла избы густой мужской басъ, и предо мною предсталъ высокій, не старый еще мужчина, въ подрясникѣ, съ широкою бородою и подстриженными въ скобку волосами.

Какъ грѣхъ какой явился предо мною этотъ молодецъ. Я мнилъ себя совершенно однимъ съ богомолками, вовсе ни кѣмъ стороннимъ не наблюдаемымъ, и вдругъ оказывается, что этотъ человѣкъ все время сидѣлъ здѣсь и слушалъ.

Мы вышли изъ избы, переступая размѣстившихся въ сѣняхъ и на крыльцѣ богомольцевъ. Небо было чисто и безоблачно; луна ярко освѣщала все, тѣни рисовались отчетливо. Я положительно не зналъ, куда идти. Хотѣлось остаться самому, хотѣлось при томъ покурить, что было неловко дѣлать въ оградѣ, особенно между постройками, крытыми соломою. Вообще мнѣ было, что называется, *не по себѣ*. Мой новый знакомецъ предложилъ расположиться подъ навѣсомъ амбара, куда онъ еще съ вечера принесъ сѣна. Мы начали мститься. Онъ все хвалилъ мое чтеніе.

— Вотъ-бы вамъ почитать у черницъ... онѣ-бы васъ озолотили... Вѣдь вы читаете на славу и еще лучше объясняете. А знаете что?! произнесъ онъ шепотомъ, и обратился ко мнѣ съ такимъ предложеніемъ, которое заставило меня заподозрить въ немъ случайнаго пришлеца и большой руки проходимца, что вскорѣ вполнѣ подтвердилось.

Я отказался отъ предложенія и пошелъ за ограду. Кстати, въ томъ мѣстѣ, гдѣ я сидѣлъ передъ приходомъ на бакчу къ дѣду, я забылъ носовой платокъ. Нашелъ платокъ и долго сидѣлъ надъ обрывомъ, покуривая трубку и мечтая.

Да! Мечталъ и думалъ... Вспоминая теперь, много лѣтъ спустя, мимовольно призадумаешься, и что-то болѣзненное, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное, повѣетъ въ душу. Чужой всѣмъ, никѣмъ незнаемый, сидѣлъ я надъ глухимъ обрывомъ въ какомъ-то отупѣніи уставшихъ нервовъ. Нашелъ-же я тогда возможность воспрянуть духомъ, удовлетворилъ-же я требованію этихъ чужихъ мнѣ людей, которымъ не было дѣла до того, кто я и откуда! Нашлась-же у меня точка соприкосновенія съ этими чужими людьми! Да! Все это, вся эта сцена въ избѣ, эта глушь надъ обрывомъ, эта лунная, тихая, мертвая спасовская ночь—все это живо встаетъ въ моей памяти. Это моя молодость, это моя, теперь поломанная жизнью, молодая сила души, души еще не зачерствѣвшей, свѣжей:

Молодее лихо! якъ-бы ты вернулось,
Проминявъ-бы долю, що маю теперь.

Продолжаю выписку изъ замѣтокъ, пополняя и исправляя ихъ.

Когда я вернулся подъ навѣсъ амбара, моего знакомца не было. Шушуканье въ закутѣ указывало, гдѣ онъ. Я заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Еще солнце не подымалось, какъ уже началось движеніе въ монастырѣ: раздался благовѣстъ, бабы умывались, оправлялись, перевязывали головные платки и шли въ пещерную церковь. Мой знакомецъ, лѣниво позѣвывая, поднялся съ сѣна и сейчасъ-же назвался проводить меня всюду, куда я пожелаю. Мнѣ положительно нельзя было отвязаться отъ него.

Монастырь этотъ или, какъ здѣсь говорятъ, монастырекъ, былъ еще только, такъ сказать, въ зачаточномъ состояніи. Полагаю, что начало устройства этого, выросшаго на моихъ глазахъ монастыря можетъ служить объясненіемъ устройства и другихъ, если не всѣхъ, монастырей на Руси. Разница будетъ развѣ только въ подробностяхъ или въ фонѣ эпохи, въ которую устраивались обители. Поэтому-то считаю не лишнимъ разсказать здѣсь все, что мнѣ извѣстно про этотъ монастырь—Бѣлогорскія пещеры въ простонародьи.

Въ концѣ прошлаго столѣтія въ слободѣ Бѣлогорьѣ жила вдова козачка Марія Константиновна Шерстюкова. Она вела разгульную жизнь, доведшую ее до омерзительной болѣзни—половой истерической раздражительности. Омерзительна она стала цѣломудреннымъ хохламъ, особенно когда болѣзненная страсть заставляла ее кидаться на всякаго мужчину. Отверженная, презираемая всѣми, она бродила по полямъ, гдѣ отъ нея положительно отбивались всѣ мужчины. Не знаютъ, какимъ образомъ она очутилась въ Кіевѣ, и тамъ какой то схимникъ убѣдилъ ее бросить эту грѣховную жизнь, смирить бушующую плоть трудомъ, постомъ и молитвою. Знакомый съ по-донскою мѣстностью схимникъ посовѣтовалъ Маріи предпринять тяжелый трудъ—копаніе пещеры въ мѣловыхъ горахъ. Возвратившись изъ Кіева въ 1796 г., Марія стала неузнаваемою. Вдали отъ всякаго жилья, въ дикомъ и глухомъ мѣстѣ мѣловыхъ надъ-донскихъ обрывовъ, она начала рыть пещеру, постоянно пребывая въ постѣ и молитвѣ. Этимъ она обратила на себя вниманіе однослобожанъ: на нее стали смотрѣть, какъ на спасающагося человѣка и, руководимые сначала любопытствомъ, а послѣ и набожностію, ея однослобожане приходили въ свободное время помогать ей, при чемъ приносили харчи и восковыя свѣчи. Такимъ образомъ рылись эти пещеры, и мѣсто это пріобрѣтало себѣ все большую и большую извѣстность въ мѣстномъ народонаселеніи. Твердый сплошной мѣлъ далъ возможность устроить правильные своды корридоровъ, изъ

которыхъ кое-гдѣ выдѣляются особыя помѣщенія, въ родѣ келій и олтарей. Пещеры совершенно такія-же, какъ и кіевскія, только бѣлый мѣлъ, менѣе скрадывая свѣтъ, дѣлаетъ ихъ будто-бы болѣе свѣтлыми. Меньше кіевскихъ эти пещеры только по протяженію.

Такія-же пещеры по Дону, въ предѣлахъ воронежской губерніи, въ мѣстностяхъ, населенныхъ малороссами, кромѣ Бѣлогорья, находятся и въ другихъ мѣстахъ: въ Лыскахъ, въ Костомаровой, въ Шатрищѣ, около Богучара,—но всѣ онѣ малоизвѣстны и никѣмъ не заняты. Всѣ эти пещеры вырыты въ этомъ уже столѣтіи. Можетъ быть, эта работа Маріи осталась-бы безъ всякаго особаго значенія, какъ и подобныя работы другихъ безвѣстныхъ тружениковъ-пещерокопателей по-донскихъ, но одно обстоятельство помогло ей. Мѣстное, слободы Бѣлогорья, духовенство обратило вниманіе на то, что по праздникамъ много народу ходитъ помогать Маріи и кромѣ того носятъ туда восковыя свѣчи, чѣмъ уменьшаютъ доходъ церкви. Въ то время выдѣлка и продажа восковыхъ церковныхъ свѣчей не составляла еще своего рода церковной монополіи, не была стѣснена и такъ сказать спеціализирована: приходящіе приносили въ церковь свѣчи своего издѣлія, какъ это и теперь кое-гдѣ можно видѣть на Украйнѣ, но именно это вызывало неудовольствіе причтовъ въ сельскихъ приходахъ, гдѣ главный источникъ содержанія церкви заключался въ продажѣ свѣчей. Въ это-же время пошли въ ходъ разныя репрессаліи правительства, направленныя противъ раскола. Отвлеченіе нѣкоторой части доходовъ было такъ сказать внутреннимъ стимуломъ борьбы, которую мѣстное духовенство повело противъ пещерокопателей, внѣшнимъ-же предлогомъ для нея выставлялись подозрѣнія въ возникновеніи какого-то толка. Пошли доносы, вмѣшалась свѣтская власть. Сначала ограничились удаленіемъ пещерокопателей и Маріи и забитіемъ (въ 1807 г.) входа въ пещеры; но когда пещеры опять были народомъ открыты и стали опять раздѣлываться, тогда Марію арестовали и посадили въ тюрьму (1808 г.). По дознанію начальства тогдашней слободско-украинской губерніи ничего въ этомъ дѣлѣ противозаконнаго не оказалось. Марія была освобождена изъ заключенія и возвращена въ Бѣлогорье. Ея односельцы-хохлы, и безъ того не расположенные ко всѣмъ этимъ предержащимъ властямъ, поверставшимъ ихъ дѣдовъ-козаковъ въ войсковыхъ обывателей, а теперь пре-

вращавшимъ ихъ въ государственныхъ крестьянъ, съ уничтоженіемъ привиллегіи винокуренія, стали на сторонѣ Маріи, увидѣли въ ней мученицу, гонимую за спасеніе души. Къ счастью, острогожскій уѣздъ въ это время отдѣленъ былъ отъ слободско-украинской губерніи и присоединенъ къ воронежской. Новыя власти забыли про Марію и пещерокопаніе. Работа, моленіе, посѣщеніе пещеръ—пошли своимъ чередомъ, явилось подвижничество, самомученичество, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалось и почитаніе Маріи и больше рвенія къ помощи ей. Ближайшія мѣстныя власти не переставали донимать Марію и ея почитателей, но разъ начатое дѣло двигалось въ силу своей внутренней интенсивности. Случайныя обстоятельства помогали ему и отклоняли отъ него преслѣдованіе.

Мѣстнаго священника, ѣхавшаго съ цѣлію разгонять молящихся въ пещерахъ, понесли лошади; священникъ испугался и подумалъ, что это Богъ караетъ его за преслѣдованіе Маріи. При этой мысли его лошади остановились на краю обрыва, и онъ былъ спасенъ. Понявъ это, какъ особое знаменіе Божіе, священникъ изъ преслѣдователя обращается въ покровителя пещерокопанія. Въ это время у Маріи появился постоянный сотрудникъ, какой-то Иванъ. Пещеры разработывались, слава о нихъ распространялась. Проѣзжала черезъ Павловскъ богатая донская козачка Иловайская, направляясь къ Сергію-Троицѣ и далѣе въ Петербургъ. Услыхавъ про Бѣлогорскія пещеры, она посѣтила ихъ и обѣщала свое содѣйствіе защитѣ этого дѣла отъ притѣсненій. Извѣстно, что послѣ отечественной 1812 году войны донцы были въ милостяхъ у правительства. Пріѣзжавшіе въ Питеръ донцы были тамъ обласкиваемы, были принимаемы въ высшихъ кружкахъ. Вотъ эта-то Иловайская и разсказала въ Петербургѣ про пещеры, про Марію. Сейчасъ-же послѣдовалъ запросъ (1818 г.) мѣстнымъ, воронежскимъ уже властямъ о томъ, какой такой скитъ завелся на Дону около Павловска и не есть-ли это раскольничій скитъ. Власти испугались и донесли о скитѣ, выгораживая себя, какъ о дѣлѣ святомъ и богоугодномъ, ничего общаго съ расколомъ не имѣющемъ. Иловайская знала объ этой перепискѣ и на обратномъ пути, посѣтивъ опять Марію, посовѣтовала ей заняться устройствомъ церкви и съ своей стороны сдѣлала пожертвованіе, подарила между прочимъ въ пещеры икону въ серебрянной ризѣ. Это поощрило Марію и ея приверженцевъ.

Скоро, испросивъ разрѣшеніе, приступили здѣсь къ устройству церкви во имя св. Александра Невскаго (въ 1819 г.). Марія задумала устроить женскій монастырь. Между тѣмъ молва о Бѣлогорьѣ прошла по Дону, и въ чаяніи учрежденія тамъ монастыря, къ Маріи прибыло до 30 дѣвушекъ-козачекъ съ Дону. Въ 1821 г. Марія видѣла монастырь какъ-бы уже на дѣлѣ. Окруженная ищущими спасенія, она старалась и обставить себя по монастырски, но духъ гордыни проникъ въ ея сердце: она стала одѣваться въ черное длинное платье, затруднила доступъ къ себѣ приходящихъ, появляясь только послѣ доклада очередной келейницы, стала давать цѣловать свою руку—однимъ словомъ изображала изъ себя настоятельницу. А тутъ какой-то ворожей-татаринъ (sic), проживавшій въ г. Бирючѣ (воронежской губерніи), *прорекъ* Маріи, *что за ея гордыню* Богъ не сподобитъ ее увидѣть осуществленіе ея желаній—женскій монастырь въ *пещерахъ*. Кто-то не изъ знахарей объяснилъ ей, что, если разрѣшатъ устроить обитель, то игуменьею назначена будетъ не она, рачительница, а пришлютъ кого-нибудь *зъ вельможного якого роду*. Разрѣшеніе какъ на бѣду не приходило; оно задерживалось просто неимѣніемъ достаточнаго фонда для обезпеченія существованія монастыря. Ничего этого не соображала Марія; напуганная знахаремъ и всякими толками, она озлобилась и, чтобы уничтожить всякій зачатокъ обители, разогнала дѣвицъ-козачекъ. «Щобъ и духу московського тутъ не було», говорила Марія, разгоняя келейницъ; «бо вже вони й такъ остогыдили. Хай имъ сей та той, щобъ вони моими трудами корыстувались»! добавлялъ разсказывавшій мнѣ хохолъ-старикъ.

Такъ и умерла Марія (въ 1822 г.), не видѣвъ монастыря. Къ ея не долго еще жившему сотруднику—Ивану *поприставали* кое-какіе старцы и, составивъ родъ братства, вѣдали дѣла этого скита. Такимъ и я засталъ въ 1866 году этотъ монастырекъ. *Братчики* завѣдывали хозяйствомъ и церковью, находившеюся въ вѣдѣніи бѣлогорскаго благочинія, и имѣвшей особаго, назначаемаго на жалованьи священника.

Хорошіе эти были старики-братчики, хорошо, умѣло они хранили это почитаемое народомъ мѣсто. Окрестные жители-селяне по мѣрѣ возможности оказывали поддержку имъ—хлѣба давали, лѣску на постройки и ремонтъ, какую-нибудь нивку сѣнокосную...

кромѣ денежныхъ церковныхъ приношеній. Бабы—крестьянки окрестныя въ огородахъ всегда назначали грядку-другую капусты или картофеля на братію. Ладили Божіе старцы съ народомъ. Шли всѣ туда, какъ къ своимъ, простолюдинъ чуялъ себя своимъ человѣкомъ въ этой обители: отдохнулъ, помолился, поѣлъ въ общей трапезѣ, привѣтствованный, приласканный, напутствуемый благодарностями за его неотвергнутую скудную лепту, богомолецъ уходилъ съ добрымъ чувствомъ, съ чувствомъ любви къ этому мѣсту, къ этимъ братчикамъ. Все это просто, любовно, сердечно. Любили ихъ и уважали за ихъ любовь, за ихъ труды, за строгость подвижнической жизни и главное за то, что это были свои люди.

Помню я одного изъ этихъ старцевъ—Андрій Миколаёвичъ Васильченко, въ монашествѣ Антоній († 1876 г.) Его всѣ помнятъ и вспоминаютъ. Онъ былъ главнымъ распорядителемъ въ обители. Тихій, степенный, кроткій такой, привѣтливый. Только густыя, не сѣдѣющія брови, да каріе, пытливые глаза выказывали силу воли, какъ-бы какую-то властность его. Успокоивающее, умиротворяющее чувство навѣвали на душу бесѣды съ нимъ. Онъ не былъ ханжа, но его искренняя вѣра, религія души, если такъ можно выразиться, побѣждали холодность, индиферентизмъ собесѣдника. Въ немъ понималось *спасеніе въ Бозѣ,* уразумѣвалась возможность обрѣтенія благодати въ самомъ себѣ, сочетаніе наружной обрядности съ душевными вѣрою, надеждою и любовью. Жилъ онъ въ небольшомъ особливомъ домикѣ-келіи, построенномъ надъ самымъ обрывомъ. Около келіи чисто выметено. На дверяхъ въ рамкѣ за стекломъ церковнославянскимъ письмомъ написано было.

Аще не увидишъ въ дверяхъ ключа,
Отыди, другъ мой, молча, не стуча.
Аще же имѣешъ ко мнѣ дѣло,
Толцы въ двери смѣло.
Въ домъ вошедъ, молитву сотвори,
А лишняго ничего не говори.

Не помню больше. Въ келіи чисто, скромно. Иконы, лампадки, рушникъ, простая скамья широкая, на которой онъ и спалъ. Книги подъ иконами.

Въ 1867 или въ 1868 году скитокъ этотъ причислили къ митрофаньевскому воронежскому монастырю. Стали называть его филіаль-

нымъ монастыремъ, а по просту подворьемъ. Выслали туда часть братіи. Я слыхалъ, что высылались провинившіеся въ чемъ-либо за наказаніе. Воображаю, какъ больно это было старцамъ-братчикамъ. Андрій Миколаёвичъ принялъ монашество. Онъ вскорѣ умеръ іеромонахомъ. Остальные митрофаньевскіе монахи и послушники далеко не споспѣшествовали доброй славѣ монастыря.

Относительно ихъ неприглядной жизни многое разсказывалъ мнѣ одинъ старикъ-хохолъ изъ ближайшаго хутора, желая охарактеризовать духъ ново-поселенной монастырской братіи. Иного и нельзя было ожидать отъ тѣхъ, которые посылаемы были сюда въ наказаніе. Естественно, что, вмѣсто исправленія, они только портили доброе имя зарождавшейся обители и производили смущеніе въ народѣ.

Въ 1870-хъ (1873—1875) годахъ случился въ монастырѣ скандалъ: два послушника удушили какую-то женщину изъ тѣхъ, что странствуютъ подъ названіемъ черничекъ, и стащили ее въ монастырскую баню. Водовозъ, которому приказали остатокъ воды въ банѣ слить въ чанъ, наткнулся на трупъ несчастной чернички и оповѣстилъ дѣло. Началось слѣдствіе. Настоятель, іеромонахъ Аврамій, спасая репутацію обители, вздумалъ послать судебному слѣдователю сто рублей. Судили въ острожскомъ окружномъ судѣ; присяжные признали виновными и послушниковъ и настоятеля; всѣхъ троихъ сослали.

Для устроенія монастыря присланъ новый настоятель, о. Петръ, бывшій духовникомъ воронежскаго архіепископа Серафима. Энергичный и строгій, онъ, какъ видно, хорошій хозяинъ. Обитель теперь, по разрѣшенію св. синода, признана самостоятельнымъ монастыремъ. Теперь тамъ, кромѣ пещерной, устроены еще двѣ церкви, подъ одной изъ коихъ открыты гробы Маріи и Ивана. Это самопростѣйшіе саркофаги изъ того-же мѣла. Нѣсколько иконъ и лампадокъ, аналой—вотъ все убранство этого склепа, кромѣ того у входа на стѣнѣ два большаго формата портрета пещерокопателей, Маріи и Ивана. Марія написана одѣтою въ бѣлую свитку, какія и по сю пору носятъ крестьянки-хохлушки, и въ *намиткѣ*, повязанной по *очипку*, Иванъ въ обыкновенномъ халатѣ, въ длинныхъ волосахъ, расчесанныхъ по духовному по обѣ стороны головы. Приставленный къ этимъ гробамъ старикъ-монахъ читаетъ по книгѣ,

хотя, говорятъ, онъ неграмотный, и прикладывающихся къ иконѣ окропляетъ водою, при чемъ простонародію совѣтуетъ смачивать этою водою глаза: «многимъ помогаетъ...» говоритъ онъ. Монастырь за настоящее время пріобрѣлъ небольшое имѣніе, въ которомъ исполняютъ «послухъ» испытуемые разнаго рода послушники, готовящіеся къ иноческой жизни. Трудность добыванія воды устранена устройствомъ водокачальной машины, устроенной подъ горою на берегу Дона при чертѣ найвысшаго весенняго подъема воды [1]). Вообще, повторяю, о. Петръ оказывается хорошимъ устроителемъ обители; по внѣшнему виду она пріобрѣтаетъ все больше благолѣпія, по внутреннему—порядка и постепеннаго совершенствованія, хотя трудно поднять сразу ту репутацію, которую такъ уронили ссыльные монахи. Какъ о всякомъ монастырѣ, и о бѣлогорскомъ пришлось выслушать мнѣ немало всякихъ разсказовъ: въ иныхъ видишь отголоски прежней неурядицы, въ другихъ какое-то недоразумѣніе.

Не такъ давно въ пещерахъ объявился схимникъ-затворникъ. Пребывалъ онъ *замурованнымъ* въ особой келійкѣ. Сквозь окошечко приходящіе подавали ему приношеніе и выслушивали его наставленія. Послѣ оказалось, что тутъ повторилась исторія, такъ огорчившая въ свое время въ кіево-михайловской обители пр. Иринея Фальковскаго [2]); роль схимника здѣсь разыгрывалъ пребывавшій на послушаніи отставной солдатъ К..., который, будучи выпущеннымъ изъ затворничества, не стѣсняясь, разсказывалъ подъ выпивкой о своемъ заточеніи.

Во время послѣдней турецкой 1877—1878 гг. войны въ монастырькѣ проживалъ какой-то паломникъ, направлявшійся ко св. мѣстамъ изъ астраханской губерніи, но остановившійся здѣсь въ виду того, что пропускъ за границу по случаю войны былъ невозможенъ. Вступивъ въ обитель, внесъ онъ на храненіе или навсегда 600 руб. Когда война окончилась, паломникъ вздумалъ отправиться въ дальнѣйшее странствованіе и потребовалъ возврата внесенныхъ денегъ. Денегъ почему-то не выдали. Возникло дѣло. Паломникъ

---

[1]) Хронологическія данныя я почерпнулъ изъ описаній этой обители проф. Данскаго, изд. въ 60-хъ годахъ, и нѣкоего Н. Кразовецкаго, изд. въ 1878 году. Остальное изъ разсказовъ.

[2]) См. «Кіевскую Старину» за 1883 годъ, августъ, стр. 696.

долго таскался по судамъ, но въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства ничего не смогъ сдѣлать, такъ какъ у него не было во первыхъ никакой сохранной росписки, а во вторыхъ по дѣйствующему закону (2101 ст. X т., ч. I) монахи не могутъ принимать на сохраненіе денегъ или иного имущества. Неудовлетворенный судомъ, паломникъ затѣвалъ идти въ Питеръ, но гдѣ-то пропалъ безслѣдно.

Нѣкая старая дѣвица, мѣщанка Анастасія Рѣзанова, не живя постоянно дома, а путешествуя по святымъ мѣстамъ, отдала также на храненіе, но не въ кассу монастырскую, а одному изъ іеромонаховъ бѣлогорскаго монастыря, два билета внутренняго займа съ полными купонными листами. Послѣ одной изъ отлучекъ, возвратясь въ г. Павловскъ, она узнала, что іеромонахъ умеръ. Въ принятіи имъ билетовъ Рѣзановой никакой росписки и никакой замѣтки не было, да и самъ онъ о томъ, умирая, не успѣлъ сказать; найденные по смерти его билеты причтены къ числу имущества умершаго и по закону обращены въ собственность монастыря. Единственнымъ доказательствомъ права на билеты у Рѣзановой имѣлись квитанціи страхованія ихъ отъ погашенія въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но ничто, кромѣ ея слезныхъ увѣреній, не доказывало, что билеты не подарены умершему, или чрезъ него монастырю. Братія не поддалась ни на какія просьбы Рѣзановой, ни на ходатайство одного изъ сопровождавшихъ сенатора-ревизора чиновника, ни даже на высказанное въ письмѣ къ настоятелю желаніе высокопреосвященнаго Серафима воронежскаго уладить это дѣло, и билеты остались собственностію монастыря.

Еще одинъ случай. Устраивалась водокачалка, о которой я выше упоминалъ; дѣло какъ-то не ладилось. Монахи узнали, что въ слободѣ Бутурлиновкѣ есть механикъ-самоучка, нѣкій Григорій Матвѣевичъ Крайно, пользующійся извѣстностію. Его пригласили устроить водокачалку и согласились на предложенную имъ цѣну 800 рублей, но съ тѣмъ, чтобы принять водокачалку на ходу, въ дѣйствіи. Крайно проработалъ тамъ съ помощниками 26 дней; водопроводъ оказался устроеннымъ вполнѣ удовлетворительно. Но тогда братія предъявила ему письмо изъ какого-то механическаго заведенія, которое обѣщало прислать монастырю механика съ платою по 10 руб. въ день. Письменнаго договора не оказалось, и

Крайно долженъ былъ удовольствоваться 260 рублями; за то братія обѣщала записать его имя на вѣчное поминовеніе.

Не въ осужденіе бѣлогорской братіи я привелъ всѣ эти случаи, но лишь для того, чтобы показать, какъ отклонялась жизнь обители отъ первообраза пещерокопателей и братчиковъ-пещерниковъ, и какъ отодвигалась отъ народнаго идеала сама обитель, регламентируясь по общему типу и проникаясь заботами о «благопріобрѣтеніи» и «благоукрашеніи».

Руководясь въ моихъ замѣткахъ и воспоминаніяхъ единственно желаніемъ очертить развитіе народной жизни въ подпадавшей моему наблюденію мѣстности, я остановился, можетъ быть, болѣе долго, чѣмъ-бы слѣдовало, на описаніи бѣлогорскаго монастыря. Но мнѣ кажется, что возникновеніе, возростаніе и наконецъ доведеніе этой обители до степени самостоятельнаго монастыря, со всѣми присущими монастырямъ квалификаціями, есть тоже одно изъ явленій развитія духовной жизни народа. Насколько удачно проведено регламентированіе этого проявленія, на сколько осталось оно схожимъ со своимъ первообразомъ, судите сами, читатели.

Возвращаюсь къ прерванному расказу о моемъ первомъ посѣщеніи монастырька.

У заутрени вчерашнія слушательницы привѣтливо кивали мнѣ головами. Передъ ранней обѣдней я ходилъ съ богомольцами въ пещеры, и провожавшій насъ старецъ вывелъ насъ оттуда особымъ ходомъ, находящимся въ склонѣ той-же горы, но ниже саженей на 5 отъ фронтона пещерной церкви. Я всегда, какъ вѣроятно, и всѣ, испытываю особое облегченіе, выходя изъ всякаго рода подземелій, какъ будто-бы освобождаешься отъ угнетавшаго чувства страха. Но это отрадное чувство въ данномъ случаѣ усугублялось прелестію утра, яснаго солнца, обливавшаго весь обширный видъ, открывавшійся съ небольшой площадки, прокопанной въ цѣльномъ мѣлу передъ выходомъ изъ пещеры. Вида этого, его всей величавой прелести я не стану, да и не съумѣю описывать. Скажу только, что этотъ не менѣе какъ сорокаверстный видъ совмѣщаетъ въ себѣ и широкую рѣку Донъ, и зеленый лугъ, и синѣющія въ дали горы, и села, и городъ Павловскъ, и безконечную, уходящую за край горизонта задонскую степь, и все это сразу охватывается глазами человѣка, только что освободившагося отъ гнетущаго чувства. Я

думаю, что и всѣ богомольцы испытывали тоже, что и я. Всѣ мы стали и смотрѣли. Даже мой соночлежникъ молчалъ, оставивъ свои комментаріи, съ которыми онъ не отставалъ отъ меня все утро.

— Что-жъ, пойдемте въ лѣсокъ; тамъ тоже хорошо и все видно... покурить можно,—прервалъ онъ мое любованіе картиной.

Я пошелъ за нимъ, всматриваясь въ его статную фигуру, въ эти могучія плечи, надъ которыми, точно стрѣха новопокрытой хаты, оттопыривались изъ-подъ измятаго картуза въ линію высоко отхваченные ножницами густые бѣлокурые волосы. Могучая фигура! Смотря на него и на лѣсокъ, поросшій по ложбистому скату горы, куда онъ велъ меня, мнѣ пришлось мимовольно вспомнить спрятанный за жилеткой, не покидавшій меня никогда татарскій ножикъ. Береженаго Богъ бережетъ.

Мы поднялись къ постройкамъ и оттуда, переступивъ ветхій плетень, вошли въ лѣсную ложбину; большія деревья глушили своею тѣнью мелкую поросль, но въ лѣсочкѣ было не густо, и видъ передъ нами оставался почти тотъ-же, съузившись только рамкою ложбины и закрывши отъ насъ рѣку.

Очевидно, мой спутникъ искалъ случая быть со мною съ глазу на глазъ. Едва успѣли мы закурить, какъ сейчасъ онъ принялся разсказывать о себѣ, начавъ съ того, что онъ родомъ съ Кавказа, ставропольской губерніи, причемъ показалъ паспортъ, гдѣ значилось, что ему 46 лѣтъ, росту средняго и волосы, брови, борода и усы темнорусые. Я уже послѣ, разставшись съ нимъ, вспомнилъ это несходство примѣтъ: ему нельзя было дать болѣе 30 лѣтъ и притомъ онъ былъ свѣтлый блондинъ. Смотря на паспортъ, я былъ все еще въ мечтательномъ состояніи. Кромѣ того у него имѣлось увольнительное свидѣтельство, данное ему на предметъ поступленія въ монахи. Былъ онъ, по его словамъ, въ донецкомъ монастырѣ, во святыхъ горахъ, былъ уже разъ и здѣсь, послѣ въ Воронежѣ и наконецъ въ Задонскѣ. Тамъ случилось съ нимъ что-то непріятное, недостаточно ясно объясненное имъ мнѣ. Жилъ онъ тамъ у какого-то мѣщанина, *облагодѣтельствовалъ* его, далъ ему нѣсколько рублей, но послѣ этотъ мѣщанинъ что-то на него выдумалъ, почему-то вмѣшалась полиція, кто-то ему обрѣзалъ волосы, и онъ уже, не заходя въ Воронежъ «*отъ стыда*», очутился здѣсь *въ критическомъ* положеніи, изъ котораго, какъ онъ наконецъ открылся мнѣ, я могъ-бы выру-

чить его, давъ ему нѣсколько рублей... Въ карманѣ у меня было ровно пять копѣекъ, что тоже равнялось *критическому* положенію, а потому въ этомъ разѣ не вышелъ плюсъ отъ помноженія минуса на минусъ. Въ умѣ у меня промелькнули было соображенія объ отрѣзываніи косъ дѣвицамъ и хвостовъ лошадямъ, но благовѣстъ къ обѣднѣ прервалъ развитіе дальнѣйшаго осужденія *друга*, и мы, какъ-бы немного отчуждившіеся, пошли по направленію къ церкви.

Въ цѣлой цѣпи вытянувшихся по береговой тропѣ богомольцевъ я возвратился въ городъ.

Возлюбилъ я эту обитель и частенько хаживалъ туда. Старцы узнавали меня и всегда привѣтливо встрѣчали. Въ обители и по пути къ ней и обратно я успѣвалъ знакомиться съ тамошними хохлами. На баштанахъ, при оранкѣ и посѣвѣ, а послѣ и въ домахъ, я былъ знакомъ съ ними. Мнѣ всегда становилось какъ-то неловко, когда приходилось быть въ компаніи занятыхъ дѣломъ и трудомъ крестьянъ праздношатающимся человѣкомъ. Моя наружная панскость мало извиняла мое бездѣлье и, что хуже, какую-то, что называется, *неприкаянность*. Люди работаютъ, трудятся, заняты дѣломъ, а я болтаюсь, бездѣльничаю. Эту неловкость я испытывалъ, будучи школьникомъ, въ каникулярное время. Это самое пришлось испытывать и во время моихъ задонскихъ отлучекъ изъ г. Павловска. Во извиненіе этой моей неприкаянности мнѣ пришлось объяснять моимъ новымъ знакомцамъ обстоятельства, приведшія меня сюда. Это еще болѣе располагало ихъ ко мнѣ, усиливало ихъ привѣтливость, вызывало на распросы.

— Що-жъ у тебе й симья е—жинка, дити? участливо распрашивали меня.

— Бачь, якъ-то воно прийдетця чоловикови!—и т. п.

Старцы монастырскіе мою досужесть объясняли, по всему вѣроятію, какъ и досужесть иныхъ посѣтителей городскихъ, притомъ-же я бывалъ у нихъ обыкновенно днемъ и не разъ съ охотничьимъ ружьемъ, а иногда и съ добытою на охотѣ дичью. Къ осени приходящихъ богомольцевъ стало меньше—монастырекъ опустѣлъ. Ставропольскаго знакомца я разъ только встрѣтилъ идущимъ куда-то изъ монастырька, по направленію къ слободѣ Бѣлогорью, по какому-то дѣлу. Но почему-то я все еще мнилъ его постояннымъ жителемъ пещерной обители.

Разъ позднею осенью, уже подъ вечеръ, возвращаясь съ охоты, я подходилъ къ монастырскому плетню (каменной ограды тогда еще и помину не было). За плетнемъ высился только что сметанный стожокъ привезеннаго сѣна, виднѣлись выпряженные волы. Андрій Миколаёвичъ стоялъ тутъ-же, опершись на вилы, другіе старцы подгребали сѣно и оправляли стогъ.

— Богъ въ помочь! привѣтствовалъ я старцевъ.

— Спасыби! отвѣчали мнѣ.

— Отъ бачъ, раньше не приходили—усебъ таки помогли дидамъ трудитьця—отозвался Андрій Миколаёвичъ, а то отъ якъ поморились...

— Та хиба-жъ на цей разъ у васъ никого й не лучилось зъ богомольцивъ, щобъ пособить? У васъ-же тутъ усе проживае отой бородатый москаль, чи що воно таке. Вы-бъ ёго заставили, не порушився-бъ,—сказалъ я.

— О! це той ставропольській! Богъ зъ нимъ! Винъ намъ оце якого хлопоту наробивъ! Богъ зъ нимъ!

— Якого хлопоту?!

— Та такъ, просто халепа! У насъ тутъ усяки люде бувають... Хиба-жъ намъ билеты у нихъ спрошувать? Всяки бувають... Такъ и винъ. Оце навернеться, поживе днивъ два-три, тай зайде кудысь. Приходящи у насъ уже на гостыни ночують. Оце соберуться, свичечки свои свитять, що небудь читають, або тамъ инколи псальмы якои засниваютъ, або що списують... Ну, пройдешъ, подивишся—усе тихо, по Божому, ну и Богъ зъ ними! Коли оце разъ, саме у глуну ничъ, чуемо, прибигае становый, старшина зъ понятыми... Такъ и накрыли ихъ рабивъ Божихъ. Оцей бородань, та ще якійсь, та три якихсь-то черныци у насъ на гостыни за столомъ хвальшиви билеты-паспорты списують. Й печати захватили у нихъ. Господь ёго знавъ, що вони таке діють! Отъ вамъ й богомольци! Коли-бъ ще й намъ чого не було?! Богъ зъ ними!

И такъ здѣсь на Дону я сразу натолкнулся на піэтическую жажду слушать чтеніе «*изъ божества*», «*заповѣдь какую-нибудь*» и въ то-же время на поддѣлывателей паспортовъ. Жажда грамотности и практическое примѣненіе ея—піэтизмъ и крайняя проза жизни.

Воронежскую губернію, а особенно ея южные уѣзды, я знаю лѣтъ семнадцать. Многое измѣнилось со времени моего перваго

пріѣзда сюда. Крестьянское самоуправленіе укрѣпилось (къ лучшему-ли—это другой вопросъ), крестьяне постепенно начинаютъ сознавать себя въ земствѣ; на моихъ глазахъ устроились сельскія школы. *Школьники*, какихъ я знавалъ по началу, теперь уже своихъ дѣтей посылаютъ въ школу. Человѣкъ, занятый постоянно наблюденіями народной жизни, могъ-бы многое сказать про эту жизнь, про эту хотя-бы сторону жизни народной—грамотность. Но я обстоятельствами былъ оттолкнутъ отъ народа, тѣсныхъ непосредственныхъ связей у меня съ селомъ не было; и потому приходится сводить только случайныя наблюденія, которыя давались мнѣ по старой привычкѣ, по не остывшему съ лѣтами интересу ко всему народному. Разумѣется, меня къ моихъ хотя-бы и случайныхъ наблюденіяхъ больше занимали хохлы, какъ народъ родной, болѣе мнѣ понятный.

Воронежскій хохолъ не похожъ на украинца: онъ живѣе, поворотливѣе, нѣтъ въ немъ украинской недовѣрчивости, угрюмости, не глядитъ онъ изъ-подлобья, какъ по-днѣпровецъ. Здѣшній, донской хохолъ—колонистъ, совершенно потерявшій традицію и отдавшійся всецѣло устроенію себя на новомъ мѣстѣ. Далекіе предки его, умирая на первоначально занятыхъ ими, ближайшихъ къ родинѣ степяхъ теперешней харьковщины, въ могилу унесли и ихъ исторію, ихъ прошлое; а они, здѣшніе теперешніе хохлы, не знаютъ даже, откуда пришли ихъ отцы, а ужъ не говорю о томъ, что не знаютъ, кто были ихъ отцы. Столкнувшись здѣсь, даже не на рубежѣ, а на нейтральной, брошенной ордою степи, съ великорусскими поселенцами подъ суровой, но тѣмъ не менѣе умиротворяюще регламентирующей властью, хохлы не воевали съ сосѣдями, съ сопосельниками мечемъ, но не избѣгли войны экономической, культурной. Въ этой борьбѣ съ колонистомъ сопосельникомъ хохлы остались побѣдителями, но въ свою очередь были побѣждены культурой метрополіи. Здѣсь въ южныхъ уѣздахъ воронежской губерніи торговля вся и вся промышленность въ рукахъ хохловъ. Великоросъ преимущественно пахарь. Это отчетливо выражается тѣмъ, что здѣсь на югѣ торгово-промышленныхъ великорусскихъ селъ нѣтъ, а торгуютъ хохлацкія слободы,—разумѣется не всѣ, есть и хохлы пахари, торговыхъ-же русскихъ селъ въ южныхъ уѣздахъ воронежской губерніи нѣтъ положительно. Но этотъ

торгашъ-хохолъ значительно обрусѣлъ. Обрусѣлъ онъ всетаки не по здѣшнему, а по общерусскому образцу. Онъ, можно сказать, обрусѣлъ, но не обмосковился. Это опредѣленіе лучше всѣхъ поймутъ сами здѣшніе хохлы, если кто изъ нихъ прочитаетъ эти строки. Онъ ничего общаго не имѣетъ со своимъ великорусскимъ сопосельникомъ пахаремъ; онъ говоритъ языкомъ русскимъ, но не языкомъ своего сосѣда, нарѣчіе котораго онъ передразниваетъ; онъ не брачится съ великороссами, между ними есть какой-то особый антагонизмъ [1]). Онъ вообще на пути къ такому обрусѣнію, какому подпали мы люди книжные. Но тѣмъ не менѣе этотъ коверкающій русскій языкъ, этотъ бородатый, даже иногда подстриженный въ скобку и размашисто, «якъ отъ московськи купци», крестящійся хохолъ все таки нашъ природный малороссіянинъ. Нельзя-же на самомъ дѣлѣ въ этихъ названіяхъ: Перевертайловка, Пехотійловка, Голівка, Загузнивка, Церанка, Дуванка, Бжджолинка, Пилипенкова, Макогоновъ, Хорольскій и т. п. видѣть московскія поселенія. Не могу-же я въ этихъ Кащенко-выхъ, Яцько-выхъ, Боровиковыхъ, Сыроватскихъ, Масцѣевыхъ, Ругахъ, Зозулиныхъ, Дудецькихъ, Ляпогузахъ, Мерзлозадахъ, Рыбалкахъ, Лозовыхъ, Старосвѣтскихъ и т. п. и т. п., какъ-бы они ни *русьли*, видѣть русаковъ, а не хохловъ, особенно если я знаю ихъ происхожденіе, ихъ домашній бытъ, ихъ родъ-племя. Между собою, а особенно въ семьяхъ, они говорятъ по малорусски, ругаются, если въ мѣру, тоже по малорусски: «бисовъ сынъ, побила-бъ тебе ляха година» и т. п.; подъ чаркою у хохла вы тоже слышите родную рѣчь; но если нужно говорить съ чужакомъ, нужно превозноситься, если нужно въ сласть выругаться, тогда ужъ начинается говореніе *по россійскому*. Забогатѣвшій купецъ-торговецъ усвоиваетъ себѣ всѣ пріемы русскаго купца, у него уже *не челядь*, а *молодцы*, у него уже рѣчь русская звучитъ при обращеніи къ мелкой сошкѣ, онъ уже выражается о сѣромъ хохлѣ: «*хохла необразованна*». Онъ весь скроп-

---

[1]) Замѣчательно то, что антагонизмъ этотъ проявляется совершенно въ такихъ формахъ, въ какихъ, по разсказамъ, онъ встрѣчается у порубежныхъ русиновъ съ мазурами. Также воронежскій хохолъ осмѣиваетъ простоватость москаля сосѣда, какъ люблинскій русинъ приглупость мазура. Анекдоты объ этомъ совершенно аналогичны; разнятся вставкою передразниваемой рѣчи и именами націй.

вается на образецъ виданнаго имъ московскаго купца, по купечески московски и въ церкви крестится—размашисто, патлами вскидываетъ. Это его идеалъ вѣдь! Онъ даже, какъ я самъ видѣлъ, подписывается по неграмотному замоскворѣцкому образцу: Василей, вмѣсто Василій, и все это нарочно, сознательно, подражая своему идеалу. У стариковъ это выходитъ комично. Эта русская рѣчь смѣшна: старые захолустные священники на Украйнѣ, писцы кіевской, полтавской и черниговской консисторій, *шевци* съ Кожемякъ говорятъ похожимъ языкомъ. Что-жъ дѣлать?! Это существующій фактъ; это тоже стадія культуры. Вѣдь не такъ еще давно на Подоліи, Волыни въ особенности, польская рѣчь была въ употребленіи въ семействахъ мѣстныхъ священниковъ православныхъ, вѣдь поетъ же австрійскій солдатъ-мазуръ въ пѣснѣ «nie masz jak w Milańskiem *landzie*», вѣдь осталось по сю пору въ русскомъ и малорусскомъ и даже въ польскомъ языкѣ много татарскихъ словъ. Жизнь беретъ свое! Хорошо-бы было умѣло изобразить разноэпохныя стадіи развитія села. Меня давно занимаетъ эта мысль, кстати образцы передъ глазами. Я знаю слободы здѣсь, которыя на моихъ глазахъ ростутъ, если такъ можно выразиться, цивилизуются. Мерзки сами по себѣ эти проявленія цивилизаціи, онѣ отталкиваютъ отъ себя своимъ внѣшнимъ видомъ, тѣмъ, что начинаются съ гніенія стараго строя, а всякое гніеніе противно; но такъ оно всегда бываетъ, это въ порядкѣ вещей. И зерно, проростая, истлѣваетъ, чтобы дать жизнь растенію.

— Що-жъ була ты, Галько, въ Воронцевій на ярмарку? Бачила тамъ хлопцивъ? Хороши?—спрашивалъ я въ 1867 году молодую хохлушку-*дивчину* въ Михайловкѣ, пахарской хохлацкой слободѣ, вернувшуюся съ ярмарки въ большой торговой слободѣ Воронцовкѣ.

— А то-жъ и не бачила! Тамъ парубки не нашеньськи-прости: усе въ *пиддёвкахъ* (крытыхъ полушубкахъ), въ *брюкахъ* (на выпускъ, поверхъ голенищъ штаны).

А теперь, въ 1884 году, и въ Михайловкѣ уже *парубки* носятъ и *пиддёвки* и брюки, помадятъ волосы, *въ гармонію грають* и сама Галька, которой вскорѣ послѣ моего съ нею разговора «насунули за весильнымъ столомъ очипокъ», врядъ-ли носитъ это характерное головное малорусское украшеніе, а вѣроятно «накриваетьця шалью». Да!

По разсказамъ, лѣтъ 30—40 тому назадъ рязанская и орловская губернія дали сюда много выходцевъ, занявшихся здѣсь въ воронежской губерніи торговлею. Елецъ (орловской губерніи), онъ же по пословицѣ «всѣмъ ворамъ отецъ», особенно много своихъ обывателей выпустилъ въ эти южныя края для промысловъ, и «елецкіе», какъ ихъ здѣсь называютъ, торговали въ этихъ мѣстахъ на славу. Шибайный, скотный, хлѣбоссыпочный промыслы были въ ихъ рукахъ. Послѣ крымской войны на югѣ воронежской губерніи по торговымъ слободамъ явилось много греческихъ торговыхъ по ссыпкѣ зерна конторъ. Вальяно, Зидлы, Маврокордаки, и другіе *раки* южныхъ портовыхъ городовъ—Ростова, Таганрога забросали край этотъ если не золотомъ, то кредитными билетами,—они тогда были дешевы въ Ростовѣ и Нахичевани,—и тащили за море пшеницу и ленъ съ нововспаханныхъ степей. Конторы греческія приглушили было *елецкихъ*. Но въ концѣ концовъ обучившіеся у нихъ хохлы превзошли и тѣхъ и другихъ. Греки сошли со сцены на взморьѣ, а *елецкіе* большею частію служатъ теперь *молодцами* у тѣхъ хохловъ, которыми они прежде помыкали и которыхъ прежде обманывали.

Развитіе торговли и промысла на югѣ Россіи ожидаетъ еще своего историка. Этою исторіею многое-бы объяснилось въ нашей отечественной исторіи: объяснилось-бы стремленіе новгородцевъ на сѣверо-востокъ, объяснилось-бы современное намъ стремленіе на югъ и юго-востокъ, разъяснилось-бы, почему это воронежскіе хохлы еще такъ недавно, уступая у себя арену торговли ельчанамъ, сами промышляли *на линіи* въ ставропольской губерніи, здѣсь даже понаселяли цѣлыя слободы; объяснились-бы эти параллели переселенческихъ теперешнихъ путей съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Многое-бы мы поняли. Но я отказываюсь разсуждать объ этомъ, а возвращаюсь къ описанію замѣченныхъ мною у здѣшнихъ хохловъ стремленій къ грамотности, къ цивилизаціи.

Въ 1866—1867 годахъ я не видалъ еще повсемѣстно по селамъ училищъ. Были училища, устроенныя помѣщиками, были школы частныя, случайныя. Чернички-келейницы, отставные солдаты, изрѣдка дьячки имѣли по нѣсколько учениковъ.

— Оце, спасиби вамъ, вона стала трохи на ноги, а то мы вже думали отдавати іи до черниць грамоти учитьця, объясняла мнѣ

мать одной излеченной по моему указанію и рекомендаціи докторомъ дѣвушки.

— А теперь може й замижъ згодитьця, объясняла заботливая мать мнѣ, ставшему причиною неграмотности дѣвицы.

Новыя, и даже можно сказать вдругъ поновляющіяся условія жизни потребовали и грамотности. Сначала министерство народнаго просвѣщенія, а послѣ и явившееся земство созидали сельскія школы. Требованіе отъ окончившихъ семинарію пребыванія извѣстнаго срока въ должности учителя дали немалый контигентъ учителей. Новые суды, земство, всеобщая воинская повинность вызвали грамотность въ народѣ. Дѣло это вѣдь изъ самого себя растетъ: грамотные родители непремѣнно захотятъ видѣть грамотными своихъ дѣтей. При этомъ, разумѣется, потребность эта регулировалась спросомъ. Въ слободахъ торговыхъ, промышленныхъ потребность грамотности была большая, чѣмъ въ слободахъ пахарскихъ, гдѣ подростокъ съ еле сознанными имъ силами утилизировался, какъ погонычъ, пастухъ и т. д.

Мнѣ случилось проживать въ большой торговой слободѣ, Бутурлиновкѣ. Это впрочемъ самая большая слобода въ воронежской губерніи; въ ней еще по ревизіи 1857 года считалось свыше 10,000 душъ. Слобода эта по ея оригинальному соціальному строю, по условіямъ жизни, достойна особой монографіи, которою я займусь со временемъ. Промышленность и торговля создали въ ней съ одной стороны крупныхъ денежныхъ тузовъ, а съ другой горьчайшій пролетаріатъ—двѣ крайности экономическаго быта, экономической борьбы капитала и труда.

Въ Бутурлиновку я попалъ въ то время, когда дѣла греческихъ конторъ падали, когда мѣстные доки захватывали дѣло въ свои руки. На моихъ глазахъ росли тамошніе богачи, разумѣется, въ различныхъ степеняхъ богачества. Эти-то вожаки торговой и промысловой предпріимчивости почти всѣ были кое-какъ грамотны—читали, умѣли кое-какъ писать. Но дѣти ихъ уже пишутъ бойко, одѣваются чисто по европейски и не прочь щегольнуть иностранными словами, говорятъ чисто по русски. Все это съ извѣстными градаціями. Купцы тамошніе, недавніе *господа купцы,* повторяю, употребляютъ иностранныя слова, изъ коихъ нѣкоторыя получили, такъ сказать, право гражданства въ ихъ рѣчи. Наприм: «сижетъ»,

«мараль» (вмѣсто сюжетъ, мораль). «*Мы имѣли съ нимъ по этому поводу сижетъ*», т. е. сужденіе. «*Я не хочу ни за что взять на себя этой марали*», т. е. чего-то грязнаго, стыднаго, марающаго меня. А то напримѣръ не угодно-ли:

— Тамъ, братецъ ты мой, у нихъ такая *библіотека* произошла, что только ну, тай годи. И, чортъ ихъ знаетъ, *зъ чого* эта у нихъ *инструкція почалась?!* Амбаришка, собственно говоря, самъ по себе пустой! Разви ужъ *внутреннее убѣжденіе* въ немъ (т. е. въ амбарѣ-то) что нибудь стоило?! А вѣдь *сужетъ* (молва, разговоръ) пошелъ по всей ярмаркѣ—*мараль* такая! Вѣдь дошли до того, что чуть не за бороды другъ друга *мотивировали! Карамболь* просто!

И это вѣдь не выдуманное, а слышанное.

— Що це вы такъ запехаяли кимнату! Заразъ-же приберить! Це вовси *не согласно зъ мненіямъ*!—понукалъ хозяинъ постоялаго двора семью, сводя меня въ комнаты. Такъ и видно, что мужъ сей былъ гласнымъ въ земскомъ собраніи. Или: «теперь они заключили между собою *междуметію*».

А ужъ дѣти этихъ людей, ихъ меньшіе братья и сестры учатся уже въ прогимназіяхъ, гимназіяхъ, пансіонахъ и даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Уже я знаю бутурлиновцевъ, вышедшихъ и выходящихъ въ близкомъ будущемъ технологами, прокурорами, врачами, инженерами, пепиньерками при институтѣ—ужъ мои уши услаждались музыкою бутурлиновской рояли. Положимъ, что это только въ Бутурлиновкѣ, но вѣдь эта Бутурлиновка не можетъ-же не представлять изъ себя хоть и крайняго, но все-же народнаго стремленія къ цивилизаціи. Школьность и грамотность несомнѣнно развиваются. Въ самыхъ черноземныхъ слободахъ и хуторахъ пахарскихъ, особенно зимою, натыкаешься на хлопчиковъ съ сумочками, изъ которыхъ торчатъ книжечки, тетрадки и грифельная доска. Земство, воинская повинность дѣлаютъ свое. Многаго еще можно желать, но немало уже и имѣемъ по сравненію съ недалекимъ прошлымъ.

Я помню случай въ началѣ 70-хъ годовъ, когда въ одномъ хуторѣ общество порѣшило на зиму учителя не нанимать, а школьный домъ сдать подъ кабакъ (Юниковъ хуторъ, семеновской волости павловскаго уѣзда). Теперь этакой случай невозможенъ. Это тоже вѣдь крайность. Въ пахарскихъ слободахъ и теперь еще можно

видѣть, что грамотность не составляетъ насущной жизненной, лучше сказать сельской потребности. Мало-мальски обучившіеся грамотѣ выбиваются изъ сельской пахарской жизни и попадаютъ въ дѣло далеко не пахарское: идутъ въ писаря, приказчики, служатъ мелкими сошками въ штатѣ желѣзно-дорожной службы. Это объясняется спросомъ на грамотныхъ въ государствѣ и тяжелою обстановкою крестьянской сельской жизни.

— Випъ у насъ школьникъ; вывчитьця, писаремъ буде.

— Вона каже, буду вчить хлопцивъ, въ школу отдамъ, вони въ мене будуть образовани, въ очкахъ будуть ходить...

Такія pia desideria чадолюбивыхъ родителей слыхалъ я. Не улыбайтесь! Вѣдь эти пожеланія совершенно равнозначущи пожеланіямъ такимъ:

— Учись сынокъ, будешь попомъ, прокуроромъ, инженеромъ, докторомъ и т. п.

Разумѣется послѣднія пожеланія высказываются родителями, которые сами только попы, прокуроры, инженеры, доктора, люди не крѣпкіе земли, а граждане доходовъ и требовательныхъ вѣдомостей, люди, испытавшіе всю выгоду этихъ профессій, а не селяне, которые должны-бы учиться только ради ученія, ради того, чтобы умѣть лучше, осмысленнѣе жить въ своей сферѣ. Но такъ какъ пока еще у насъ грамотность не даетъ примѣнительнаго къ обыденной жизни знанія, и такъ какъ жизнь пахаря у насъ слишкомъ сурова, малоотрадна и многотрудна; то желаніе видѣть дѣтей своихъ живущими болѣе легкимъ трудомъ, ядущихъ болѣе вкусный кусокъ— простительно и понятно. Эти желанія родителей вполнѣ совпадаютъ съ желаніями и самихъ дѣтей. Я знаю много грамотныхъ молодыхъ крестьянъ, которые попали въ военную службу или остались тамъ служить по окончаніи обязательнаго срока службы, либо вышедши въ запасъ, пристроивались внѣ условій сельско-пахарской жизни, и въ то-же время не могу припомнить ни одного хорошо знающаго грамотѣ солдата или крестьянъ, который занялся-бы по возвращеніи со службы пахарствомъ.

Разумѣется, это еще пока только стадія обще-народной грамотности; со временемъ, когда число грамотныхъ увеличится до того, что спросъ на нихъ во внѣ-пахарской жизни будетъ менѣе предложенія и когда самыя условія жизни пахаря потребуютъ болѣе,

чѣмъ непосредственнаго примѣненія физической силы къ землѣ,— грамотность займетъ надлежащее мѣсто и въ быту сельскомъ, хлѣборобномъ. Но пока еще, повторяю, грамотность крестьянъ сильно развивается въ слободахъ торговыхъ и промышленныхъ и слабо въ сѣромъ, пахарскомъ быту.

Въ ноябрѣ 1864 г. мнѣ пришлось быть въ слободѣ Бутурлиновкѣ во время призыва. Мѣстный учитель двухкласснаго училища разсказывалъ мнѣ, что въ этотъ призывъ попали почти всѣ его ученики начала семидесятыхъ годовъ. Если принять во вниманіе, что въ Бутурлиновкѣ, кромѣ двухкласснаго училища, еще имѣется пять сельскихъ земскихъ училищъ, да еще много обучающихся у черницъ, солдатъ и дьячковъ, то выйдетъ, что громадное число новобранцевъ этого года грамотны.

Говоря вообще о здѣшней грамотности, нельзя обойти молчаніемъ народныя школы. Лучшія изъ этихъ училищъ, это тѣ, которыя находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, а именно двухкласныя училища. Какъ образцовое во всѣхъ отношеніяхъ училище, я знаю двухклассное училище въ слободѣ Бутурлиновкѣ. Можетъ быть и это училище не выдавалось-бы ничѣмъ изъ числа другихъ, но въ началѣ 70-хъ годовъ въ это училище учителемъ попалъ очень хорошій человѣкъ, окончившій курсъ воронежской духовной семинаріи первымъ студентомъ Василій Андреевичъ Тихоновъ. Вообще нужно сказать, что въ воронежской семинаріи долго не выдыхался духъ начала 60-хъ годовъ, когда и въ Воронежѣ была литературная жизнь. Тогда издались сочиненія Никитина, издавалась «Воронежская Бесѣда», мѣстная интеллигенція отзывалась на общероссійскій призывъ къ движенію впередъ, къ духовной жизни. «Записки семинариста» Никитина оказали свое вліяніе на воронежскихъ семинаристовъ, указали имъ жизнь внѣ стѣнъ бурсы, вызвали въ нихъ критику по отношенію къ своему положенію, охоту читать, самообразовываться, совершенствоваться. И по сю пору въ Воронежѣ можно услыхать, что всѣ или, по крайней мѣрѣ, лучшія стихотворенія Кольцова написаны вовсе не имъ—Кольцовымъ, а семинаристомъ, нѣкіимъ Серебрянскимъ. Это убѣжденіе твердо особенно у семинаристовъ. Разъ я видѣлъ въ Воронежѣ памятникъ Кольцова съ лицемъ обращеннымъ назадъ, на пьедесталѣ видны были грязные слѣды сапогъ. Говорили, что эту штуку не разъ уже

продѣлывали семинаристы именно потому, что Кольцова считаютъ похитителемъ славы семинариста Серебрянскаго.

Тихоновъ былъ изъ числа семинаристовъ, хранившихъ хорошія традиціи 60-хъ годовъ. Не чувствуя призванія къ священству, онъ, не смотря на всѣ преимущества, не взялъ на себя этого сана, а всего себя отдалъ дѣлу ученія. Училъ онъ другихъ и училъ себя. Состоя учителемъ бутурлиновскаго 2-хъ класснаго училища, онъ въ тоже время подготовлялся къ поступленію въ Петровско-разумовскую академію, куда и попалъ въ семидесятыхъ годахъ. Въ академіи онъ шелъ по двумъ отдѣламъ—лѣсному и сельско-хозяйственному, не зная, на какомъ изъ нихъ откроется прежде стипендія, которая дала-бы возможность ему учиться. Получивъ наконецъ стипендію, онъ, по выраженію его товарищей, «такъ засмаковалъ въ обоихъ отдѣлахъ, что и до окончанія курса шелъ по обоимъ и при томъ со скучнѣйшимъ однообразіемъ въ отмѣткахъ: не имѣлъ ни по одному изъ предметовъ менѣе 5». Теперь уже г. Тихоновъ возвратился изъ двухгодичной съ ученою цѣлью поѣздки за границу, и мы всѣ его знакомые ждемъ отъ него чего нибудь больше обыкновеннаго завѣдыванія какимъ нибудь лѣсничествомъ. Вотъ этотъ-то Тихоновъ, при его умѣніи и добросовѣстности, и умѣлъ хорошо поставить бутурлиновское 2-хъ классное училище. Память о немъ на долго сохранилась въ Бутурлиновкѣ. Я такого другого учителя не видалъ, не видалъ и не знаю такъ отдавшагося обученію дѣтей человѣка, какимъ былъ Тихоновъ. Онъ смотрѣлъ на свою обязанность вполнѣ серьезно и отдавался ей съ увлеченіемъ. Къ каждому уроку онъ готовился самымъ усерднымъ образомъ, много читалъ по части педагогіи, умѣлъ снискать любовь своихъ учениковъ, заохотить ихъ. Школьныя пособія, небольшая, но избранная библіотека и даже посильный музей,—все это дѣло Тихонова, но что всего важнѣе, это то, что онъ съумѣлъ это собственное сознаніе важности и неукоснительности дѣла обученія дѣтей всецѣло влить въ своего помощника, а теперь преемника, зятя своего Ив. Гр. Зеленскаго, который достойно продолжаетъ по сю пору дѣло, начатое Тихоновымъ. Да, это образцовое училище!

Не то, разумѣется, представляютъ собою иныя училища. Много недостатковъ можно-бы въ нихъ указать, но пока еще слава Богу и за то, что и такія училища есть у насъ. Училищные совѣты по

уѣздамъ, дирекція училищъ губернская дѣлаютъ по возможности свое дѣло. Я думаю, что сельское учительство, представляя собою убѣжище отъ воинской повинности, временную жизненную станцію для окончившихъ духовную семинарію, но не получившихъ мѣста священника и временное занятіе для молодыхъ дѣвицъ, кончающихъ свою карьеру выходомъ замужъ, много теряетъ въ своей профессіональности. Всѣ эти временные учителя, не видя въ учительствѣ исключительной цѣли жизни, недостаточно усердные и часто малоспособные преподаватели. Въ земствѣ все дѣло школьное находится въ прямой зависимости отъ предсѣдателя управы, взглядъ коего на степень нужды и важность народнаго образованія, ставитъ это дѣло въ уѣздѣ на лучшую и худшую ногу, вліяя на успѣшность дѣла какъ подборомъ учителей, такъ и контролемъ надъ ними, а равно и заботливостію о возможно лучшемъ вознагражденіи ихъ труда. Послѣднее особенно важно, ибо размѣромъ жалованья опредѣляется и качественность учителей. Цифры этого жалованья отъ 100 до 240. Ну, какого въ самомъ дѣлѣ учителя, который не рвался-бы изъ своей профессіи, нанять можно за 100 рублей?! Разумѣется, при этакомъ мизерномъ содержаніи и ютятся на учительствѣ или временные станціонеры, или то, что уже ни на что большее въ жизни и разсчитывать не можетъ, или, въ крайнемъ разѣ, тотъ, кто умѣетъ къ дѣлу учительства пристегнуть какіе нибудь иные заработки—частные уроки, посѣвы, занятіе въ правленіи ссудосберегательныхъ товариществъ, регенство и т. п. Я знаю одного учителя, который живетъ верстахъ въ трехъ отъ школы, арендуя водяную мельницу. Непригодность многихъ учителей, безконтрольность школы и по просту неразвитіе школьнаго дѣла лежатъ вполнѣ на отвѣтственности предсѣдателей земскихъ управъ, какъ почти самовластныхъ распорядителей земскихъ дѣлъ и большею частію иниціаторовъ всякихъ вопросовъ въ земствѣ. Училищный совѣтъ только вѣдаетъ школы въ уѣздѣ въ установленныхъ рамкахъ. Не говоря уже о томъ, что въ совѣты эти часто попадаютъ люди еле грамотные, но, что тоже отчасти зависитъ отъ предсѣдателя, совѣтъ не можетъ прибавить содержанія учителямъ и училищамъ. А это самое важное: «дешева рыбка—погана юшка», гласитъ народная пословица. И вотъ попалась въ одномъ селѣ эта «дешева рыбка» въ видѣ учительницы, съ жалованьемъ по 8 р. въ мѣсяцъ, и,

по словамъ одного изъ членовъ училищнаго совѣта, которому было поручено произвесть о ней и ея дѣяніяхъ дознаніе, учила дѣтей только кричать «ура» (это ей особенно нравилось), пьянствовала и напоминала собою Марію Египетскую до ея покаянія. На самомъ дѣлѣ это была особа, не годившаяся даже въ горничныя и получавшая жалованье меньшее, чѣмъ жалованье горничной. Но все таки въ виду существованія въ каждомъ селѣ школы, такъ или иначе контролируемой, въ виду существующихъ уже на этотъ предметъ цифръ земскихъ бюджетовъ, нельзя не сказать и за это—слава Богу.

Да, село за послѣдніе 20 лѣтъ много прошло впередъ по пути цивилизаціи, которую нельзя не видѣть даже въ ея мерзѣйшихъ проявленіяхъ. Цивилизація на столько заполонивастъ село, что съ каждымъ годомъ подвластныхъ режиму *ржаного колоса* (Гл. Успенскаго) мужиковъ становится все меньше и меньше. Колосьевъ-ли этихъ стало меньше, или ужъ *мудрствованіе* крестьянское такъ развивается?... А это *мудрствованіе* тоже вѣдь результатъ цивилизаціи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ деревенской грамотности. До 60-хъ годовъ крестьянинъ былъ положительно, такъ сказать, подъ игомъ всего, что было тогда мало мальски грамотно. Грамотѣй господствовалъ надъ нимъ, гнулъ его въ бараній рогъ, выжималъ его въ свою пользу, замкнувшись въ непроницаемую для крестьянина сферу грамотности во всѣхъ ея проявленіяхъ, начиная отъ прикащичьяго наряда до распоряженій и узаконеній правительственной власти. Какъ изъ черной тучи метались на мужика изъ этой сферы громы и молніи, заставлявшіе его корчиться, сжиматься, припадать къ землѣ. Онъ видѣлъ, осязалъ дѣйствія этой незнаемой имъ силы, но ея, самой-то силы не понималъ. И вдругъ ему дается въ руки эта самая сила, онъ узнаетъ ее, самъ грамотится, въ судахъ, въ волости, въ земствѣ уразумѣваетъ эту силу. Возчувствовавъ это, онъ, этотъ пахарь-мужикъ, начинаетъ *мудрствовать*, старается по своему эксплуатировать это новое пріобрѣтеніе: дѣлается кулакомъ, ищетъ жизненной удачи въ примѣненіи этой силы въ жизни, дѣлается сутягою, пускается во всѣ тяжкія. «Такъ вотъ въ чемъ вся сила!»—разсуждаетъ онъ, «это и я могу не хуже другихъ». И дѣйствительно можетъ! Посмотрите, какъ скоро этотъ мудрствующій мужикъ понялъ законъ о томъ, что долгъ доказывается только письменнымъ документомъ, какъ ловко научился во избѣжаніе

платежа долговъ переводить свое имущество на родичей, давать дутые векселя и т. п. Многое онъ можетъ. Умѣетъ напримѣръ подписывать, не будучи грамотнымъ, свое имя и фамилію на векселѣ или роспискѣ съ вынутаго изъ кармана образца и послѣ увѣрять, что онъ не могъ подписываться по своей неграмотности; увѣряетъ, что его сына, котораго на самомъ дѣлѣ онъ-же заставлялъ подписаться на договорѣ, подарками прельстилъ подписаться за него его контрагентъ, помимо его о томъ вѣдома... А подлоги, а шантажи деревенскіе?! Это все дѣла прозрѣвшаго, начинающаго *мудрствовать* мужичка. Судъ въ его упрощенномъ видѣ тоже манитъ его. Въ средѣ крестьянъ развивается сутяжничество и при томъ съ полнѣйшею вѣрою въ то, что и самое неправое дѣло при умѣніи и ловкости можно выиграть. Онъ самъ при малѣйшемъ смеканіи судебной процедуры лично ведетъ процессы или старается закупить ту, не такъ давно еще непосредственно давившую его, грамотную силу—разнаго рода ех-чиновниковъ, стоящихъ не у дѣлъ, бывшихъ крючковъ, послугивается ими. Въ крайнихъ случаяхъ онъ становится больнымъ процессоманіей, въ лучшемъ разѣ онъ вѣритъ въ силу всякой шельмографіи: у него постепенно теряется традиція Соломоновской правды, замѣняясь вѣрою въ крючкотворство.

— Оце тоби четвертный (25 р. билетъ) и ще дамъ, мени не треба вже высужувать дила, а зроби тильки такъ, що ото у ёго (противника) есть витрякъ, такъ щобъ винъ ёго просудивъ, щобъ извився»... излагаетъ одинъ изъ тяжущихся свое желаніе адвокату.

— Это онъ, ваше высокородіе, меня за себя желаетъ *отговорщикомъ* поставить—свое недоуміе мене передать,—т. е. мнѣ передаетъ защиту дѣла по своему неумѣнію.

— Я вотъ, что хочу попросить тебя: купи ты мнѣ *законъ*,—просилъ одинъ крестьянинъ знакомаго грамотника. Что онъ будетъ стоить?

— Какой *законъ?*

— Да вотъ такой, какъ у тебя есть, этотъ размалёванный самый (судебные уставы изд. Анисимова, съ разноцвѣтнымъ обрѣзомъ). У меня теперь внукъ грамотѣ обученъ,—я самъ стану судиться.

— Ничого не высудишъ, хоть и не судись; въ тебе кленки не стане перехитрить мене: не таки дила повертали, куды схотили.

Я уси уходы знаю, вразъ закручу тебе,—нагло увѣряетъ мудроватый хохолъ болѣе простоватаго противника.

Вотъ вамъ на выдержку нѣсколько случаевъ, но ихъ-бы можно набрать массу въ подтвержденіе вѣры мужика въ крючкотворство, въ силу грамотности, въ возможность извернуться, обойти законъ. Въ гражданскомъ процессѣ отвѣтчикъ прибѣгаетъ къ уловкамъ, къ изворотливости, въ уголовномъ онъ прибѣгаетъ съ полною вѣрою къ защитнику. Въ томъ и другомъ сдучаяхъ ему присуща вѣра въ то, что при умѣніи можно выйти изъ воды сухимъ.

— Эхъ вы! Аблакаты! Вывозите!—кричитъ лихой ямщикъ на свою тройку, замявшуюся въ глубокомъ сугробѣ.

Пока еще, разумѣется, это только явленія, но въ нихъ нельзя не видѣть явленій, подтверждающихъ вполнѣ теорію Гл. Успенскаго о *мудрствованіи* мужика, выбивающагося изъ сферы *ржаного колоса*. И все это нечто иное, какъ цивилизація, какъ тоже самое извѣчное вкушаніе плода съ древа познанія добра и зла. Вся вина наша, общества-государства, въ томъ, что этотъ аппетитъ ко злу мы ничѣмъ не воздерживаемъ, ничѣмъ не развиваемъ вкуса къ добру. Гдѣ село цивилизованнѣе, тамъ и зла этого больше. А такъ какъ на югѣ воронежской губерніи малороссіяне культурнѣе великороссіянъ, то съ политическою грустью приходится сознаться, что хохлы здѣсь en masse порочнѣе москалей. Москаль, преимущественно пахарь, дичѣе хохла, а потому самому онъ примитивнѣе сохранилъ въ себѣ простоту, наивность, благодушіе селянина; онъ болѣе остался тѣмъ мужикомъ, къ которому мы въ 60-хъ годахъ простирали свои объятія.

Но тѣмъ не менѣе, повторяю, это все таки цивилизація, это истлѣваніе старыхъ формъ жизни и созиданіе новыхъ.

«Що було, те бачили, а що буде, побачимо». Нельзя не предугадывать того, что будетъ. Культура сдѣлаетъ свое—измѣнитъ понятія, взгляды, обряды и вѣрованія, передѣлаетъ весь строй жизни сельской вообще и жизни малорусскаго села въ частности. У москаля еще остается нетронутымъ крестьянскій костюмъ—нагольный тулупъ, лапоть, малахай, панёвка, самодѣльное бѣлье и сукно, кичка; но и у него уже по праздникамъ является кумачевая рубашка, китайчатые синіе портки, *французская* шаль, покрывающая кичку или кокошникъ. У хохла этого уже мало: *пиддёвка* (крытые сук-

номъ, казинетомъ, трикомъ полушубки) замѣнили кожухи, *чосане* (лавочнаго сукна) пальта самодѣлковаго сукна—*халаты* и *черкески*, ситецъ—домашнее полотно и плахту, *гарнитурови* (шелковое) платки—очипокъ, *штиблеты*—черевики, *вытяжки*—прежній чоботъ. Не говорю уже про большія торговыя слободы, гдѣ уже въ ходу сюртуки, *шлейхи*, *панье*, *визётки*, *картузы* и даже зонтики и непремѣнно глубокія калоши, надѣваемыя на высокіе сапоги съ дутыми голенищами, не снимаемыя въ самую сухую погоду и даже въ комнатахъ. Только въ захолустныхъ, пахарскихъ слободахъ и хуторахъ у хохловъ остается простое сукно, нагольная или дублеиая овчина, бѣлый домашній холстъ, очипокъ и изрѣдка, при черной работѣ, *дерга*, т. е. *запаска—охватъ*. У *необразованныхъ* осталась пѣсня, свадебный обрядъ, выставка красныхъ флаговъ, въ смыслѣ доказательства дѣвственности *молодой*, *щедривка*, *посивання*, *колядка*, *кутя* на сочельникъ, *жарене порося* на Пасху. У *образованныхъ* торговыхъ слобожанъ молодежь не *посьваетъ*, не *колядуетъ*, у нихъ не *верещатъ* дружки, не ходятъ *колядувать*, стыдятся по простому заявлять о дѣвственности *молодои*. Между этими крайностями, разумѣется, можно-бы размѣстить много такого, что посредствовало-бы между той или другою формою, приближаясь или отдаляясь къ крайностямъ, но нельзя не замѣтить прогрессивнаго уничтоженія *старовины*, старыхъ обрядовъ и формъ жизни. Слободской-сельскій строй жизни переходитъ въ мѣщанскій и затѣмъ, какъ это я имѣлъ уже случай указать, говоря о Бутурлиновкѣ, въ купеческій и даже совершенно европейскій—цивилизованный.

Сношенія съ торговымъ людомъ, знакомство съ городами, облегченное желѣзными дорогами и возникшими потребностями бывать въ судѣ и земствѣ, ознакомленіе села посредствомъ своихъ новыхъ солдатъ со внѣ-сельскою жизнью—значительно измѣняетъ физіономію села. Новостроющаяся церковь уже не размалевывается своимъ доморослымъ маляромъ, а украшается работою болѣе умѣлыхъ живописцевъ и рѣзчиковъ. Въ сѣромъ селѣ можно еще видѣть передній уголъ хаты уставленнымъ иконами сельскихъ живописцевъ, можно еще примѣтить на иконахъ предковскія украшенія шитыми *рушниками*, барвинкомъ, любисткомъ и другими цвѣтами, но въ торговыхъ слободахъ, въ домѣ молодоженовъ, въ углу стоитъ икона въ ризахъ, хотя и фольговыхъ, и за стекломъ въ ней видны вѣн-

инструментѣ. Во время призыва нашъ городъ оглашается звуками гармоніи, аккомпанирующей пѣснямъ *гожихъ*, т. е. призываемыхъ парней. Въ слободскихъ церквяхъ всегда имѣются сносные хоры пѣвчихъ, а въ большихъ торговыхъ слободахъ, особенно въ базарныхъ церквяхъ, содержатся на счетъ церкви и общества хорошіе регенты.

И такъ, сводя итоги сказаннаго, нельзя не видѣть, что здѣшнее малорусское населеніе цивилизуется, грамотѣетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиняясь общерусской культурѣ, утрачиваетъ свою національность. Проявленія обрусѣнія наиболѣе замѣтны въ людѣ торговомъ, промышленномъ. Здѣсь дѣлается тоже, что съ кіевскими старожилами, что можно встрѣтить въ мѣщанахъ южныхъ новороссійскихъ городовъ. Условія жизни тамъ и здѣсь неотразимо влекутъ къ такой культуризаціи; сѣрое пахарское село еще пока чисто малорусское, но и въ немъ нельзя не видѣть проявленій той-же руссификаціи, вліянія той-же культуры. Что-жъ, это существующій фактъ, это въ порядкѣ вещей! Одно непріятно поражаетъ въ этомъ явленіи: оно возникаетъ не изъ сознательнаго стремленія къ обрусѣнію, а изъ желанія только стать выше мужика, достигать положенія русскаго купца. Стараясь выйти изъ мужичества и передѣлываясь въ *купцивъ*, здѣшніе хохлы въ силу лишь этого отстраняются отъ родной рѣчи, обряда и обычая, а затѣмъ, чувствуя совершившуюся въ нихъ перемѣну, не знаютъ уже, какъ и назвать себя.

— Положимъ, что мы не великороссы, но ужъ и малороссами, простыми хохлами насъ нельзя назвать.

— А какъ-же васъ назвать?—спросилъ я.

— Ну, ужъ по крайней мѣрѣ *бѣло*россами: всетаки мы почище хуторскихъ хохловъ, необразованныхъ.

Бѣлая и черная кость, или одѣваться просто, черно и чисто, *бѣло*—вотъ источникъ этого слова: *бѣло*россъ, какъ видите, еще не додумался до объединяющаго слова *русскій*.

— Нѣтъ! Это нто! Давайте заспиваемъ нашой хохлацькой: «На всегда зъ друзьями ростаюся я...» или «Не бѣли снѣжки...» или «Взвейся пташка... Это все пѣсни *наши хохлацьки* потому, что ихъ не поютъ сѣрые москали, а поютъ хохлы *образованни*.

Да! эти хохлы потеряли сознаніе себя, своей національности и не доросли еще до распознаванія ея у другихъ.

Борисъ П—скій.

ІОАННЪ ВЫШЕНСКІЙ.

(Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.).

«Всякій человѣкъ рано или поздно нападаетъ на свою палочку»,—говорилъ В. Г. Бѣлинскій. Изреченіе вѣрное. Важное, однако, значеніе имѣетъ то обстоятельство, когда и при какихъ условіяхъ происходитъ распредѣленіе дѣятелей науки, литературы и искусства по историко-культурнымъ полкамъ. Однѣ знаменитости забыты быстро и навсегда. Историкъ не останавливается надъ мишурными величіями. Интереснымъ въ данномъ случаѣ представляется лишь рѣшеніе вопроса, какова была общественная среда и условія быта, вызвавшія появленіе ложныхъ и безпочвенныхъ знаменитостей на поприще общественной или литературной дѣятельности, что̀ выдвинуло ихъ на высоту, что̀ дало имъ имя и извѣстность. Многіе дѣятели проходятъ свое жизненное поприще скромно, безъ шума, безъ прославленія. Слава ихъ выростаетъ впослѣдствіи при безпристрастной исторической оцѣнкѣ. Жаль только, что правильная оцѣнка таланта бываетъ иногда слишкомъ поздней, настолько поздней, что дѣлается очевиднымъ, какъ много потеряла извѣстная общественная среда, что по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, по собственной ли культурной отсталости или по причинѣ внѣшнихъ давленій и тормазовъ, своевременно не оцѣнила вышедшій изъ ея глубины талантъ и не воспользовалась плодами его духовной дѣятельности. Любопытнымъ явленіемъ въ исторіи культуры представляется то обстоятельство, что нѣкоторые общественные и литературные дѣятели при

своей жизни пользовавшіеся среди современниковъ почетной извѣстностью, потомъ въ водоворотѣ событій были забыты. Въ теченіе десятилѣтій, даже столѣтій длится забвеніе. Впослѣдствіи потомство отдаетъ должное давнопрошедшему дѣятелю, извлекаетъ дорогое имя изъ забвенія и, стряхнувъ пыль съ драгоцѣнныхъ литературныхъ произведеній, разъясняетъ скрывавшіеся въ нихъ элементы любви къ истинѣ, правдѣ и добру.

Южно-русскій писатель начала XVII ст. Іоаннъ изъ Вышни входитъ въ разрядъ временно забытыхъ. Среди современниковъ онъ пользовался извѣстностію и уваженіемъ. Лучшіе люди Малороссіи дорожили имъ. Его выдвигали, какъ энергическаго, умнаго и образованнаго защитника православнаго южно-русскаго народа отъ нападеній латино-уніатовъ, пановъ и епископовъ. Ближайшее потомство его забыло. Два съ половиною вѣка длилось это забвеніе, рѣшительное и полное. Лишь въ послѣднія два десятилѣтія люди науки выдвинули имя Іоанна Вышенскаго и его сочиненія на видное мѣсто въ исторіи южно-русской литературы.

Въ 1865 г. археографическая коммисія издала второй томъ Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи. Сюда вошли акты отъ 1599 до 1637 г. Въ концѣ тома помѣщено четыре сочиненія аѳонскаго монаха Іоанна Вышенскаго и одно сочиненіе іеродіакона печерскаго монастыря Леонтія о церковно-общественныхъ нестроеніяхъ въ южной Россіи. Эти сочиненія извлечены были изъ рукописи, хранящейся въ императорской публичной библіотекѣ, писанной бѣлорусскимъ полууставомъ въ концѣ XVII в., въ 4-ку, на 203 листахъ. Іоанну Вышенскому принадлежатъ:

1) *Посланіе ко князю Василію Острожскому и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ въ Малой Россіи*, стр. 205—224. Здѣсь говорится о римско-католической гордости, даются совѣты объ очищеніи церкви отъ «прелестей и забобоновъ еретическихъ» и предлагается подробное объясненіе значенія иноческаго сана, иноческой жизни и въ особенности иноческой одежды.

2) *Посланіе ко всѣмъ православнымъ жителямъ юго-западной Руси и Польско-Литовскаго королевства*, стр. 224 — 227. Здѣсь находится краткое перечисленіе церковно-общественныхъ нестроеній, обличеніе владыкъ и пановъ въ отступничествѣ отъ вѣры, въ корыстолюбіи и роскоши и приглашеніе пробиваться въ царство

небесное путемъ терпѣнія и благочестія, не возлагая надеждъ на епископовъ.

3) *Посланіе къ митрополиту и епископамъ юго-западной Руси, принявшимъ унію*, стр. 227—254. Въ этомъ обширномъ посланіи находится строгое обличеніе епископовъ отступниковъ въ корыстолюбіи, роскоши, жестокости, гордости, превышеніи власти, доказывается право мірянъ осудить измѣнившихъ вѣрѣ духовныхъ лицъ, оправдываются мѣры патріарха Іереміи, направленныя къ ограниченію епископской власти нравственнымъ контролемъ со стороны церкви, и подтверждается случившееся въ одной православной церкви чудо, что при совершеніи въ ней латинской «мши» во время таинства евхаристіи вино обратилось въ воду. Въ подтвержденіе этого чуда вставленъ довольно длинный разсказъ о нападеніи латиновъ на аѳонскую гору слѣдующаго содержанія: одни монастыри защищались, изъ другихъ монахи разбѣгались по лѣсамъ; въ одномъ монастырѣ привѣтливо приняли католиковъ, приняли католицизмъ и стали служить латинскую обѣдню; во время этого служенія упали стѣны: латины, увидѣвъ это знаменіе гнѣва Господня, поспѣшили удалиться.

4) *Сочиненіе о заблужденіяхъ римской вѣры*, стр. 254—270. Здѣсь находится опредѣленіе прелести и мудрости змѣиной и опроверженіе латинскаго ученія *de Filioque*, древности римской церкви, главенствѣ папы и чистилищѣ.

Въ 1883 г. С. Т. Голубевъ въ приложеніяхъ къ первому тому своего изслѣдованія о Петрѣ Могилѣ помѣстилъ «*Зачапку мудрого латынника съ глупымъ русиномъ въ диспутацію*» аѳонскаго инока Христофора. «Зачапка» извлечена издателемъ изъ рукописи кіевской духовной академіи. Составлена она въ началѣ XVII столѣтія. Имя автора Христофоръ мы считаемъ псевдонимомъ, подъ которымъ скрывается Іоаннъ Вышенскій. Доказательства находятся въ самой «Зачапкѣ». Предметы сужденія въ посланіяхъ Вышенскаго и въ «Зачапкѣ» сходны, иногда тождественны. То, что въ посланіяхъ изложено особенно усердно и страстно, въ чемъ обнаруживается личное чувство автора, и въ «Зачапкѣ» изложено съ увлеченіемъ, бойко, оживленно. Въ языкѣ «Зачапки» и посланій крайнее сходство; конструкція фразъ, словесные обороты, сложеніе словъ,—все это чрезвычайно сходно; попадаются тождественныя

риторическія фигуры вопроса и отвѣта: «а то чомъ?—для того»... «а то якъ и для чого? для того»... тождественныя фигуры заключенія мысли: «о семъ доздѣ», тождественные эпитеты и характеристики предметовъ: «коварная діалектика, поганскій красномовный Аристотель, мистръ и мудрецъ прелестнаго вѣка сего (дьяволъ), глупая Русь, мудрый латынниче» (въ ироническомъ смыслѣ). Псевдонимъ въ данномъ случаѣ могъ возникнуть или по чувству самосохраненія или изъ желанія автора выразить однимъ словомъ свою близость къ источнику всякой истины и правды—Христу, вѣроятнѣе, изъ послѣдняго побужденія. Іоаннъ Вышенскій былъ человѣкъ не робкій. «Не для далекости отъ васъ будучи, писалъ онъ латиноуніатамъ, я правду смѣле мовлю и правдою васъ постигаю, але за правду и умрети изволяю». «Зачанка» — одно изъ самыхъ большихъ посланій Іоанна. Въ книгѣ г. Голубева она занимаетъ стр. 67—108. Достоинства этого памятника—содержательность и сила. По ясности и простотѣ изложенія «Зачанка» немного уступаетъ «Посланіямъ», нужно думать, по той причинѣ, что автору пришлось тутъ вдаться въ богословскія разсужденія болѣе обширныя и сложныя, чѣмъ тѣ разсужденія, которыя находятся въ «Посланіяхъ».

Кромѣ четырехъ «Посланій» и «Зачанки» Іоанну Вышенскому, по свидѣтельству архіепископа Филарета, принадлежатъ еще: 1) *Наставленіе въ благочестіи старицѣ Домникіи* и 2) *Позорище мысленное* (Обзоръ I. 244; ссылка на рукопись Царскаго № 486). Можно думать, что поименованными сочиненіями Іоанна не ограничивается его литературное достояніе. Можно думать, что въ теченіе четырехъ столѣтій нѣкоторыя сочиненія Іоанна Вышенскаго погибли. Такъ, авторъ «Зачанки» въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что онъ послалъ въ южную Русь три цвѣточка: 1) «Древо зовомое разумное, философія не поганскаго учителя Аристотеля, але православныхъ Петра и Павла; 2) Церковцу, въ которой о учтивости оной короткимъ письмомъ изображено есть и 3) Маленькую пѣсеньку церковную». Цвѣточки эти не сохранились до настоящаго времени. Предлагая православнымъ издать «Соборникъ», Іоаннъ писалъ: «дайте намъ гласъ и поможемъ вамъ своимъ трудомъ на тое дѣло»... Какъ предложеніе Іоанна Вышенскаго было принято, и трудился-ли онъ по этому дѣлу—неизвѣстно.

Краткія замѣчанія, въ нѣсколько строкъ, объ Іоаннѣ Вышенскомъ находятся въ I томѣ «Обзора», въ III томѣ «Историческихъ Монографій» Н. И. Костомарова, въ «Исторіи возсоединенія Руси» г. Кулиша, во II томѣ «Изученіе византійской исторіи» Ф. А. Терновскаго, въ концѣ X тома «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, въ «Приложеніяхъ» г. Голубева къ I тому сочиненія о Петрѣ Могилѣ, въ сочиненіи г. Завитневича о «Палинодіи». Большая статья С. Л—ва объ Іоаннѣ Вышенскомъ напечатана была въ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1875 г., №№ 15, 17—21. Мы не могли достать этой статьи. Заимствовавъ два біографическія извѣстія у Терновскаго и г. Голубева, мы все свое изслѣдованіе построили на «Посланіяхъ» и «Зачанкѣ», преимущественно на «Посланіяхъ» Іоанна Вышенскаго.

Іоаннъ родомъ галичанинъ изъ мѣстечка Вышня, землякъ и современникъ Сагайдачнаго. Гдѣ онъ получилъ образованіе, гдѣ постригся въ монашество—вопросы открытые. Документальные памятники не даютъ на нихъ отвѣта. Изъ сочиненій Вышенскаго легко убѣдиться, что онъ свой сильный отъ природы умъ развилъ чтеніемъ сочиненій отцовъ и учителей церкви, въ особенности чтеніемъ книгъ св. писанія. Постриженіе въ монашество и удаленіе на аѳонскую гору произошло въ концѣ XVI ст. Дѣлая мимоходомъ замѣчаніе объ одномъ чудѣ, бывшемъ вскорѣ послѣ брестскаго собора, Іоаннъ замѣчаетъ: «самъ на той часъ у вашихъ краевъ нѣсмь былъ». Неизвѣстныя обстоятельства, вѣроятно, недовольство господствовавшими на родинѣ порядками, привели Іоанна на Аѳонъ. Отсюда онъ посылалъ южно-русскому народу и магнатамъ суровыя и краснорѣчивыя посланія. Аѳонъ былъ какъ нельзя болѣе подходящимъ мѣстомъ жительства для малоросса эмигранта XVII ст. Православный малороссіянинъ-аѳонитъ могъ сохранять самыя тѣсныя связи съ православнымъ украинскимъ народомъ, получать вѣрныя свѣдѣнія о событіяхъ въ родномъ краѣ, безпрепятственно изучать греческую и славянскую церковную науку и наносить латино-уніатамъ тяжелые полемическіе удары, не подвергаясь опасности встрѣтить со стороны противниковъ гоненіе или покушеніе на жизнь. Вышенскій, повидимому, превосходно воспользовался благопріятными условіями пребыванія на Аѳонѣ. Онъ внимательно слѣдилъ за церковно-общественными движеніями въ южной Руси начала XVII ст. и

своевременно сдѣлалъ нѣсколько весьма важныхъ разъясненій запутавшихся религіозныхъ дѣлъ. Признавая въ Іоаннѣ Вышенскомъ религіозно-политическаго эмигранта, нельзя однако, не замѣтить, что ему не былъ закрытъ доступъ въ Украйну. Сколько-бы враговъ ни было у Іоанна, враговъ по религіознымъ вѣрованіямъ, по политическимъ и соціальнымъ принципамъ, никто не могъ лишить его возможности по временамъ являться въ Малороссію и живымъ словомъ, личнымъ вліяніемъ укрѣплять впечатлѣніе, произведенное посланіями. Польско-турецкія границы были очень неопредѣленны, шатки, и никто ихъ не оберегалъ въ смыслѣ воспрепятствованія перехода въ предѣлы польскаго государства лицъ вредныхъ или почитаемыхъ за вредныхъ. Въ южно-русскомъ обществѣ находились люди разнообразныхъ вѣрованій и убѣжденій, люди притомъ настолько сильные и могущественные, что на ихъ покровительство и защиту можно было вполнѣ положиться. Іоаннъ Вышенскій приходилъ съ Аѳона въ Украйну, на что имѣется весьма цѣнное указаніе въ житіи Іова Княгиницкаго, составленномъ современникомъ Іоанна Вышенскаго іеромонахомъ Игнатіемъ изъ Любарова. Говоря о томъ, что знаменитый подвижникъ Іовъ Княгиницкій построилъ въ Галиціи скитъ, іеромонахъ Игнатій замѣчаетъ, что «въ той часъ (въ началѣ XVII ст.) отецъ Іоаннъ Вышенскій, другъ его, отъ святыя горы прійде и поживъ съ ними нѣколико время». При этомъ іеромонахъ Игнатій отзывается объ Іоаннѣ Вышенскомъ такимъ образомъ: «бяше бо и той зѣло любя безсловіе и святъ бѣ мужъ и трудолюбенъ, яко же и отъ многихъ слышится» (Голуб., прилож. 229). Эта любовь къ иноческому аскетизму не давала Іоанну возможности остаться въ Малороссіи, влекла его на таинственный Востокъ, на Аѳонъ; Іоаннъ Вышенскій, повидимому, не долго пробылъ въ Малороссіи. Онъ снова удалился на Аѳонъ; соборъ кіевскій 1621 г. опредѣлилъ: «послать на аѳонскую гору, вызвать и привести преподобныхъ мужей русскихъ, въ томъ числѣ блаженныхъ Кипріана и Іоанна, прозваніемъ Вишневскаго, и прочихъ, тамъ находящихся, процвѣтающихъ жизнію и богословіемъ» (Тернов., II, 24). Это соборное постановленіе показываетъ, гдѣ лучшіе южно-русскіе люди 20 годовъ XVII ст. искали духовной поддержки и просвѣщенія, въ чемъ они усматривали источникъ мудрости, куда склонялись ихъ симпатіи. Нужно пожалѣть, что вскорѣ

вторглась въ южно-русскую науку чуждая ей римско-католическая схоластика, мало по малу заглушившая хорошіе всходы національной украинской письменности на греко-славянскихъ началахъ. Быть можетъ, званные не пришли; быть можетъ, они во вредъ родному краю добровольно похоронили себя въ крайнемъ аскетизмѣ и безмолвіи; быть можетъ, ихъ было недостаточно... А жизнь не ждала; потребность борьбы съ врагами вѣры и народности была слишкомъ велика, и черезъ десять лѣтъ пришлось уже схватиться за кіевскую коллегію, какъ за наиболѣе подходящее орудіе религіозной борьбы и самозащиты. Какъ-бы то ни было, историческіе памятники ничего болѣе не говорятъ объ Іоаннѣ Вышенскомъ, и остается неизвѣстнымъ, пошелъ-ли онъ по призыву кіевскаго собора на родину и здѣсь кончилъ свои дни, или отказался отъ всѣхъ мірскихъ дѣлъ и скончался на Аѳонѣ въ безмолвіи и неизвѣстности. Можно думать, что Іоаннъ Вышенскій всецѣло ушелъ въ безмолвіе и въ молитву, отказался на старости лѣтъ отъ всего, даже отъ горячо имъ любимой православной Руси. Войти въ сдѣлку съ міромъ онъ не могъ. Онъ былъ черезчуръ строгъ, слишкомъ требователенъ. При сильной любви къ родинѣ, при высокомъ патріотизмѣ, Іоаннъ Вышенскій былъ пессимистъ. Прилагая къ дѣйствительной жизни строгую нравственную мѣрку, онъ открывалъ въ современникахъ всеобщій упадокъ духовной жизни, крайнее развращеніе, и горевалъ, страдалъ за угнетенныхъ, рвалъ въ куски и давилъ своимъ чоботомъ угнетателей, ни мало не смущаясь тѣмъ, что подъ его «невытертымъ черевичищемъ» оказывались папа, король, епископы, свѣтскіе магнаты.

Мрачное, пессимистическое воззрѣніе Вышенскаго на южнорусское общество обнаруживается во многихъ мѣстахъ посланій. «Поеретичѣхомъ вси обиталници Малой Россіи, писалъ онъ въ посланіи къ кн. Острожскому, и отъ Бога устранихомся далече къ невѣрію и зло житіе припрагши». Въ другомъ мѣстѣ того-же посланія онъ обращается къ малороссіянину съ упрекомъ: «Русине, бывшій благочестивый христіанинъ прежде и цѣломудрецъ, съ ляхи живущій нынѣ одѣтинѣлъ еси и раздѣлился». Съ особенной силой Іоаннъ обличаетъ южно-руссовъ въ посланіи своемъ ко всѣмъ православнымъ жителямъ юго-западной Руси и польско-литовскаго королевства: «Отъ главы и до ногъ оструплѣли есте, отъ начальникъ, отъ священникъ и до простыхъ онечистѣли есте, осмраднѣли есте

гноемъ міролюбія; образъ Божій огноили есте; нѣсть мѣста цѣлаго отъ грѣховнаго недуга,—все струпъ, все рана, все пухлина, все гнилство, все огнь пекельный, все болѣзнь, все грѣхъ, все неправда, все лукавство, все хитрость, все коварство, все кознь, все лжа, все мечтаніе, все сѣнь, все пара, все дымъ, все суета, все тщета, все привидѣніе; сущее-же нѣсть ничтоже, нѣсть гдѣ плястра приложити на исцѣленіе нѣкоея части,—все смертоносный грѣхъ, все пекломъ, адомъ и геенною вѣчною смердитъ».

Обличая южно-руссовъ въ упадкѣ духовной жизни и въ размноженіи грѣховъ, Іоаннъ Вышенскій въ посланіи къ православнымъ жителямъ юго-западной Россіи замѣчаетъ: «Ознаймую вамъ, яко земля, по которой ногами вашими ходите и въ ней-же въ жизнь сію рожденіемъ произведени есте и нынѣ обитаете, на васъ передъ Господомъ Богомъ плачетъ, стогнетъ и вопіетъ, просячи Сотворителя, яко да пошлетъ серпъ смертный, серпъ казни погибельной, яко-же древле на содомляны, и всемірнаго потопу, который-бы васъ погубити и искоренити моглъ, изволяючи лепше пуста въ чистотѣ стояти, нежели вашимъ безбожествомъ населена и беззаконными дѣлы осквернена и запустошена». Подобнаго рода сѣтованіе земли на человѣчество за его грѣхи встрѣчается въ апокрифахъ, откуда оно проникло въ духовные стихи. Нельзя, однако, съ достовѣрностію сказать, имѣлъ-ли Іоаннъ Вышенскій подъ руками извѣстный апокрифъ съ сѣтованіемъ земли, или воспользовался имъ случайно по памяти, вспомнивъ кстати то, что давнымъ давно было прочитано, или наконецъ, воспользовался апокрифическимъ сѣтованіемъ земли, какъ общимъ мѣстомъ, странствующимъ благочестивымъ разсказомъ, независимо отъ того апокрифическаго цѣлаго, изъ котораго онъ взятъ. Извѣстно, что подобнаго рода поэтическія мѣста апокрифовъ превращались въ отдѣльные разсказы и духовные стихи, которые путемъ письменной и устной передачи свободно странствовали въ народѣ, вполнѣ удовлетворяя его набожности и благочестію.

На вопросъ о томъ, какія явленія южно-русской жизни представлялись Іоанну наиболѣе порочными и дурными, отвѣтить легко; это прежде всего и болѣе всего явленія религіозно-нравственной жизни народа и затѣмъ стоящія отъ нихъ въ зависимости явленія соціальныя. Въ эпоху наибольшаго возбужденія религіозныхъ споровъ, сильнаго проявленія, можно сказать, рѣшительнаго господства

въ народной жизни религіозныхъ вѣроисповѣдныхъ началъ, а такой эпохой было XVII столѣтіе, вниманіе Іоанна Вышенскаго естественно болѣе всего было обращено на поддержку православія и на устраненіе посторонних, противныхъ православію вѣрованій народа. Онъ боролся съ остатками язычества, съ ересями и въ особенности съ латинствомъ и уніей.

Такіе глубоко укоренившіеся въ народѣ языческіе праздники, какъ Коляда и Купало, такія языческія формы жертвоприношенія и славословія, какъ щедривки, волочебныя пѣсни, поминальные пироги вызывали въ Іоаннѣ негодованіе и суровое слово обличенія. Въ посланіи къ князю Острожскому находится любопытный перечень южнорусскихъ праздниковъ и обрядовъ языческаго характера.

«Коляды зъ мѣстъ и селъ ученіемъ выженѣте; не хочетъ бо Христосъ, да при Его рождествѣ дьявольскія коляды мѣсце маютъ, але нехай собѣ ихъ въ пропасть свою занесетъ.

Щедрій вечеръ изъ мѣстъ, изъ селъ въ болота заженѣте, нехай зъ дьяволомъ сѣдитъ, а не съ христіанъ ся ругаетъ.

Волочельное по Воскресеніи, зъ мѣстъ и зъ селъ выволокши, утопите. Не хочетъ бо Христосъ при своемъ славномъ Воскресеніи того смѣху и руганя дьявольскаго имѣти.

На Георгія мученика праздникъ дьявольскій на поле исшедшихъ сатанѣ офѣру танцами и скоками чинити разорѣте; гнѣваетъ бо ся на землю вашу Георгій мученикъ, што не мать христіанина православнаго, которій ругане тое діавольское очистити и изгнати моглъ.

Пироги и яйца надгробные въ Острозѣ и гдѣ бы ся знаходило упразднѣте, да ся въ христіанствѣ тотъ квасъ поганскій не знаходитъ.

Купала на Крестителя утопите и огненное скаканіе отсѣчете; гнѣваетъ бо ся Креститель на землю вашу, што ся на день памяти его попущаете діаволу ругатися вами зъ васъ же ся самыхъ.

Петръ и Павелъ молятъ васъ, если хочете отъ нихъ ласку мѣти, да потребите и попалите колыски и шибеницы, на день ихъ чиненые на Волыню и Подолю, и гдѣ бы ся только тое знаходити мѣло; мерзко бо имъ на землю съ небеси смотрѣти на тое діавольское позорище, христіанскимъ людемъ збираючися».

Не мало Іоаннъ Вышенскій заботился о томъ, чтобы малороссіяне не «раздирали церковь мнѣніемъ,... прилагающе отъ своего

умысла что или отъимающе безстудіемъ». Онъ стремился очистить церковь отъ «прелестей и забобоновъ еретическихъ». Еретическихъ «забобоновъ» въ его время было много въ юго-западной Россіи. Сюда проникло раціоналистическое ученіе Фауста Социна, требовавшее для разума полнаго простора въ объясненіи священнаго писанія, отвергавшее божественность Іисуса Христа, нѣкоторыя таинства и многіе обряды. Цвѣтущимъ періодомъ социніанства было время отъ 1585 до 1638 г., т. е. какъ разъ то время, когда жилъ Іоаннъ Вышенскій. Социніанскія общины были во многихъ городахъ Литвы и южной Россіи. Гнѣздомъ польско-литовскаго социніанства былъ городъ Раковъ, гдѣ находилась социніанская церковь, школа и типографія. Социніанство распадалось на многіе толки. Въ одномъ посланіи Іоаннъ указываетъ на разнообразіе религіозныхъ вѣроисповѣданій въ южной Россіи въ началѣ XVII ст. «Овъ бо зовется папежникъ; овъ зась нынѣ зъ евангелія вылѣзъ—евангелиста; овъ зась недавно выкрещеный; овъ зась—субботникъ». Вліяніе раціоналистическимъ сектъ въ Малороссіи было настолько сильно, что въ однихъ случаяхъ происходилъ открытый и рѣшительный переходъ въ секту, въ другихъ возникало равнодушное отношеніе къ православію, соблюденіе его внѣшней обрядовой стороны, да и то не всегда. Въ силу религіознаго индиферентизма, изъ опасенія подвергнуться насмѣшкамъ иновѣрцевъ, православные уклонялись отъ поклоненія иконамъ, въ особенности отъ поклоненія кресту. Іоаннъ находилъ необходимымъ напомнить своимъ соотечественникамъ: «Иконное поклоненіе съ учтивостью почитайте, и въ домѣхъ, идѣже пребываете, образъ Матери Божія съ предвѣчнымъ ея Младенцемъ на стѣнахъ въ концѣ трапезы вашея пригвоздите. Крестомъ Христовымъ, до церкви пришедши, креститесь,—не соромѣте. Або вѣмъ, нынѣ христіане Малыя Россіи всѣ поеретичѣли, яко Креста Христова, славы своея, на Немъ же намъ спасеніе содѣяся, соромѣются. И не только въ церкви, але и на трапезу сѣдаючи, крестомъ знаменайте. Если-бы и латина, и еретики быти съ тобою ся прилучили, не соромейтеся рода ради прелюбодѣйнаго жизни сея, да не посрамлени будете на вселенскомъ позорищѣ, ибо нашея вѣры таинства весь міръ вмѣстити не можетъ; иншіе же вѣры всѣ суть прелести».

Если вліяніе иновѣрцевъ на православныхъ было такъ велико, что послѣдніе стѣснялись при постороннихъ, въ присутствіи ерети-

ковъ, покланяться иконамъ и кресту, то тѣмъ болѣе они должны были стѣсняться въ присутствіи иновѣрцевъ входить въ общеніе съ неприглядными православными монахами. «Иноческаго чину не поругивайте...; благочестіе стратили и съ иноческаго чина ся смѣете, и духомъ проклятаго дьявола хулите», обращается Іоаннъ къ православнымъ. Такимъ образомъ оказывается, что православные монахи не пользовались въ южной Россіи въ началѣ XVII ст. уваженіемъ, что надъ ними смѣялись одновѣрцы, отчасти, должно быть, подъ вліяніемъ иновѣрцевъ. Со стороны откормленныхъ, выхоленныхъ, иногда даже элегантныхъ и образованныхъ латино-уніатовъ, вѣроятно, сыпался градъ насмѣшекъ и колкостей на неприглядныхъ и темныхъ православныхъ монаховъ. Къ такому предположенію приводятъ посланія Іоанна Вышенскаго. Самыя страстныя и горячія выраженія употреблены имъ въ защиту православныхъ монаховъ отъ взводимыхъ на нихъ латино-уніатами обвиненій въ грубости, пьянствѣ и невѣжествѣ. Защита православнаго иночества составляетъ весьма характерную часть своеобразныхъ сочиненій Іоанна Вышенскаго, характерную по содержанію и формѣ, по обрисовкѣ личности автора и всего общества.—«Чому ся ты, рымлянине, смѣеши зъ духовнаго иноческаго чина? спрашиваетъ Іоаннъ Вышенскій, и предугадываетъ далѣе отвѣтъ католика: «Ты же ми, вѣдаю, отповѣси: для того ся смѣю, ижъ каптуръ или страшило на головѣ носить,—што мы зовемо клобукъ,—и зась смѣюся, ижъ волосе долгое носить и не подголився, и зась простое одѣне носить, што некшталтовне, яко въ мѣхъ, оболокся, и зась поясище нѣкчемное скужаное или ременное, черевичище—не машъ на што погледѣти, или чоботища невытертіи, ажъ гадится поглядѣвши на нихъ; а до того—хлопъ простый, не знаетъ и проговорити съ чоловѣкомъ, коли его што запытаешь». Этимъ, однако, не ограничивались неприглядныя стороны православнаго монашества. Іоаннъ Вышенскій, какъ человѣкъ искренній, прямой, не скрываетъ, что были и другія обвиненія, болѣе существенныя: «Але зась речеши, яко зло житіе маютъ иноки, по корчмахъ ходятъ и упиваются, и по господахъ обѣды чинятъ, и пріятельство собѣ зъ мірскими еднаютъ, и до того гроши збираютъ и на лихву даютъ». Во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ, несомнѣнно, было много правды. Іоаннъ Вышенскій, какъ человѣкъ добросовѣстный, искренній, не могъ не признать извѣстной доли основа-

тельности упрековъ православнаго монашества въ пьянствѣ и корыстолюбіи. «Не все бо пшеница въ посѣваню ся знаходитъ, говоритъ онъ по этому поводу, але знайдешь другую ниву, которая больше куколю, нежели пшеницы народитъ. Также и межи иноки въ доспѣяню на звѣтяжество того чрева мало ихъ есть». Опроверженія латино-уніатскихъ нападокъ на православное монашестве, приводимыя малороссомъ-аѳонитомъ, съ логической стороны мало убѣдительны, но всѣ они въ высшей степени своеобразны и характерны, горячи и сильны. Защита Іоанна Вышенскаго распадается на двѣ части, на защиту внѣшнихъ сторонъ монашества,—иноческой одежды и на защиту моральной стороны современныхъ ему православныхъ монаховъ. Сначала Іоаннъ объясняетъ и оправдываетъ внѣшнюю неприглядность монашескаго клобука, пояса, сапогъ. Клобукъ, съ хвостомъ назади—страшило для бѣсовъ и знакъ презрѣнія къ міру и земной красотѣ. Длинные, не знающіе гребенки, волоса на головѣ—средство «женскую плоть въ огиду и мерзость на себя воздвигнуть», чтобы женщины при взглядѣ на косматаго и неумытаго монаха мыслью похотною не блудили, а «отъ мерзяки некраснаго образа помысломъ скоро отскочили и не согрѣшили». Ременный поясъ убиваетъ «подъ ременемъ тѣлесныя кожи внутръ крыючіяся страсти, похоти и всякія прагненя грѣхолюбивыя, придавляючи кожу кожею и моцно стягивая черево». Нехорошую обувь монахъ для того носитъ, чтобы «безпечно на змію наступить и василиску голову сокрушить... Черевичище невытертое иноково якъ стало на одномъ мѣстѣ отъ вечера предъ Богомъ на молитву, тогды, яко камень неподвижный, доколь ажъ день освѣтитъ, стоитъ и бѣсы отъ той коморки, гдѣ ся молитъ, далеко отгоняетъ». Что касается до опроверженія нравственныхъ недостатковъ монашества, корыстолюбія, пьянства и невѣжества, то первое Іоаннъ признаетъ и не оправдываетъ, второе признаетъ и оправдываетъ, а третье рѣшительно не признаетъ. Тѣхъ монаховъ, которые собираютъ деньги и отдаютъ ихъ въ ростъ, онъ называетъ хулой на иноческое имя, Іудами и христопродавцами. Наклонность къ выпивкѣ и излишество въ ѣдѣ Іоаннъ называетъ «грошовымъ» грѣхомъ и замѣчаетъ при этомъ: «трафится ему (т. е. православному иноку) отъ того чрева и отъ того горла звытяжитися, тому не мало не чюдуйся, и я тому вѣрую, што трафляется и то въ вашей землѣ иноку, ижъ часомъ

и переночуетъ въ корчмѣ». Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ въ оправданіе допускаемой монахами случайной выпивки говоритъ: «Тому неборакови въ мѣсяцъ разъ трафится напитися, и то безъ браку, що знайдетъ, горькое-ли, или квасное, пиво албо медъ, тое глощетъ, только-бы тую поганку утробу насытити моглъ, а по насыченю зась терпитъ, въ келію влѣзши, доколя ся ему другій такій праздникъ трафункомъ намѣритъ (т. е. случится)... А онъ зась, отшедши зъ корчмы въ свою келію, тотъ кусъ смачный и куфель оплакавъ и отжаловавъ и прощеніе отъ Бога пріялъ». Что касается обвиненія православнаго монашества въ невѣжествѣ, то Іоаннъ Вышенскій не отвергалъ, что южно-русскіе монахи малознающи; онъ настаивалъ лишь на томъ, что ихъ малое знаніе есть дѣйствительное и богоугодное знаніе, а латино-уніатская мудрость—прелесть міра сего. «Тое признаваю, што еси реклъ, яко не вмѣетъ инокъ зъ дворяны, смѣхотворци, курцыаны шкурты и блазны (шутки) говорити, а то для того, ижъ онъ тые бесѣды и прожномовства уморилъ, убилъ и память тую мірскихъ справъ запамятанемъ погребъ, и въ простоту отъ мірскихъ хитростей ся переселилъ, только да съ Богомъ и къ Богу мыслію и памятью будетъ... А што-жъ инокъ не умѣетъ бесѣдовати съ тобою: албо его пытаеши о борбѣ духу съ тѣломъ, албо его пытаеши о дьявольскихъ прилогахъ, албо его пытаеши о скорбѣхъ внутреннихъ, албо его пытаешь о томъ, въ чомъ животъ вѣчный крыется?.. Чѣмъ же ся ты ругаешь съ инока, ижъ съ тобою не умѣетъ бесѣдовати? Албо мнимаешь, ижъ ты чого пожиточного въ замтузѣ научилъ? албо мнимаешь, ижъ ты што цнотливого у курвы слышалъ? албо мнимаешь, ижъ ты што богобойнаго отъ шинкарки навыкъ? албо мнимаешь, ижъ ты што разсуднаго отъ дудки и скрипки и фрюярника (польск. fryjer—волокита) разобравъ? албо мнимаешь, ижъ ты отъ трубача, сурмача, пищальника, шамайника, органисты, рекгалисты, инструментисты и бубенисты што о дусѣ и духовныхъ рѣчахъ коли слышалъ? албо мнимаешь, ижъ ты отъ всѣхъ пастыревъ, мысливцовъ (охотниковъ) или возовозовъ, возницъ или скачомудрецъ, кухаровъ или пирогохитрцовъ-пекаровъ што о богомысліи навыкъ? Чѣмъ ся ругаешь, брате дворянине, зъ инока, ижъ не вмѣетъ съ тобою говорити? А што-жъ ты маешь за скарбъ разуму, да инокъ зъ тобою говоритъ? А што-жъ за пожитокъ говорки или бесѣды инокови съ тобою? А

чого-жъ ся инокъ отъ тебе научитъ?... Зась оборачиваюся къ тобѣ, ругателеви иноческого чина и чудуюся тому твоему несносному осѣдланю тымъ тяжкимъ и бременоносным сѣдломъ глупства? Чому ся сміешь зъ инока, ижъ онъ не умѣеть съ тобою говорити и трактовати, якъ пустое коло млынное, крутячи и выворочаючи безпожиточный тотъ языкъ? А што-жъ ты здороваго знаешь да говоришь»? Глубокимъ презрѣніемъ и страшнымъ негодованіемъ дышутъ въ одномъ мѣстѣ опроверженія латино-уніатскихъ обличителей и поругателей малорусскаго народа, въ особенности его скромнаго и приниженнаго духовенства. «Подвигъ и борба есть жизнь тая (т. е. монашеская), которой ты не знаешь; бо еще еси на войну не выбрався, еще еси доматуръ, еще еси кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ, звѣроѣдъ, свиноѣдъ, куроѣдъ, гускоѣдъ, птахоѣдъ, сытоѣдъ, сластноѣдъ, маслоѣдъ, пирогоѣдъ; еще еси периноспалъ, мягкоспалъ, подушкоспалъ; еще еси тѣлу угодникъ; еще еси тѣлолюбитель; еще еси кровопрагнитель; еще еси перцолюбецъ, шафранолюбецъ, имберолюбецъ, кгвоздиколюбецъ, кминолюбецъ, цукролюбецъ и другихъ брѣдень горько и сладколюбецъ; еще еси конфектолюбецъ; еще еси чревобѣсникъ; еще еси гортановстекъ; еще еси гортаноградель, еще еси гортаномудрецъ; еще еси дѣтина, еще еси младенецъ; еще еси мископій. Якъ же ты хочешь бѣду военника, бьючогося и борючогося, у цицки матерной у дома сидячи, розознаты, розсудиты?... Я васъ упевняю и тую тайну вамъ открываю: если-бы тые кантуреници межи вами не были, уже бо есте давно погибли,... яко слина исчезнете и запустѣете».

«Терпитъ Богъ латину — тое таемницы не знаешь? спрашиваетъ далѣе Вышенскій и затѣмъ продолжаетъ: «але Руси (т. е. уніатовъ) не терпитъ, але змѣнниковъ русскихъ искореняетъ!» Разъ Господь терпитъ латину,—Вышенскій, можно думать, и не трогалъ-бы ее, не вступалъ-бы съ нею въ борьбу, если-бы сама латина не выступала грубо завоевательнымъ образомъ. Латина внесла въ южную Русь раздоръ, кары, убійства, братоненавистничество. Латина разрывала южную Русь на части. Всѣ дурныя стороны человѣческой природы были взбудоражены и подняты латиной для того, чтобы бросить малороссіянъ подъ туфлю римскаго папы: корыстолюбіе, лицемѣріе, обманъ, ложь, клятвопреступничество, грубое насиліе, тѣлесное наказаніе, убійство. Возбуждали и усиливали корыстолюбіе

православныхъ іерарховъ, чтобы обѣщаніемъ папскихъ и королевскихъ наградъ привести ихъ къ уніи; поддѣлывали богослужебныя книги и юридическіе акты, чтобы дать церковной уніи каноническія и археологическія основанія; упорнымъ противникамъ подносили отраву, или бросали ихъ въ тюрьму, или подсылали подкупнаго убійцу. Всѣ мѣры, направленныя къ духовному порабощенію южной Россіи, получали въ Римѣ религіозную санкцію, въ Варшавѣ административное одобреніе, и мерзѣйшія проявленія угнетенія, насилія, рабства, холопства совершались на законномъ основаніи in majorem gloriam римскаго папы. Іоаннъ Вышенскій въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры перечисляетъ главныя проявленія воздвигнутыхъ католиками на православныхъ малоруссовъ гоненій: «сице нынѣ латина христіанамъ православнымъ творитъ, отновляюще прежде бывшее идолопоклонство и гоненіе, глаголюще: поклонися папѣ, прійми его календарь новоутворенный, на насъ истины ничтоже не глаголи... Аще-же не хощете, то имѣте ихъ и мучите досадами и бѣдами. Вы, войтове, бурмистрове, ландвойтове, власть мірская градская и повсюду, не дадѣте Руси ни едино пространство въ жизни ихъ, въ судехъ по Руси не поборайте, паче-же и крывдите, въ сусѣдствѣ любви не показывайте, ниже съ ними ся общѣте, паче-же ихъ ненавидите, въ купляхъ, торгахъ, ремеслахъ русинъ съ папежникомъ волности единой да не иматъ; въ цехахъ ремесницкихъ русину быти не достоитъ, доколѣ ся не попапежитъ; на власти войтовства и бурмистровства и прочихъ строительствъ отъ русскаго народа да ся не поставляютъ, доколѣ ся у папежа не увѣруютъ. Аще-же симъ Руси не досадите и папѣ идолопоклонитися не хощутъ, набоженство ихъ разорѣте, на праздники стараго календаря звонити не дадѣте, новый-же святити и праздновати съ силою понудѣте; аще-же и еще не послушаютъ, сакраментъ Христовъ обезчѣстете, на землю пролейте и ногами попрѣте и потопчѣте, церкви запечатайте и отъ всѣхъ странъ бѣдно творѣте и досаждайте, да поне сими бѣдами и досадами повинуются и поклонятся папѣ и костелеви римскому; аще-же и сими досадами имъ не одолѣете, въ темницахъ затворяйте и безъ вины вины на нихъ налагайте, бійте, безчестите и убійте во имя найсвятѣйшаго папы».

По долгу чести, по чувству справедливости, по любви къ родному краю Іоаннъ Вышенскій не могъ остаться равнодушнымъ или

молчаливымъ зрителемъ южно-русскихъ религіозно-общественныхъ нестроеній и латино-уніатскихъ козней. Онъ сталъ въ ряды малочисленныхъ защитниковъ православнаго южно-русскаго народа противъ нападеній могущественной и безцеремонной въ выборѣ средствъ «латины». Іоаннъ Вышенскій является однимъ изъ самыхъ раннихъ православныхъ религіозныхъ полемистовъ въ южной Россіи XVI—XVII столѣтій. Его религіозно-полемическая дѣятельность была отчасти опредѣлена предшествовавшими религіозно-церковными полемистами, преимущественно острожскимъ священникомъ Василіемъ, авторомъ небольшаго противо-латинскаго сочиненія, вышедшаго въ 1588 г. «Хотѣхомъ, говоритъ Іоаннъ Вышенскій въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры, о таинственной вечерѣ, календарѣ и прочіихъ премѣненіяхъ ихъ латинскихъ (отъ истины въ ложь и прелесть) обличительно писати; но занеже видѣхомъ, яко о всемъ томъ довольно Василій отъ божественнаго писанія написа, сего ради оставихомъ о семъ писати. Сіе Василіево писаніе испытахомъ извѣстно и увидѣхомъ, яко не отъ своея фантазіи новоизобрѣтеннаго помысла, но отъ божественнаго писанія писа, яже написа». Содержаніе сочиненія Василія острожскаго распадается на шесть частей: 1) о единой, истинной, православной вѣрѣ; 2) о исхожденіи св. Духа; 3) о первенствѣ римскомъ; 4) объ опрѣснокахъ; 5) о перемѣнѣ въ празднованіи Пасхи, или о календарѣ и 6) о храмахъ и почитаніи иконъ (Филар., Обзоръ I, 237). Полемикой противъ римской церкви Іоаннъ Вышенскій занимается въ одномъ посланіи и въ «Зачапкѣ». Въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры Іоаннъ Вышенскій сначала останавливается на опредѣленіи того, что такое прелесть и змѣиная мудрость, потомъ болѣе или менѣе подробно касается слѣдующихъ вопросовъ: 1) объ исхожденіи св. Духа, 2) о церкви старшей и начальнѣйшей, 3) о начальствѣ римскихъ папъ; 4) о послѣди быти хотящихъ плодѣхъ латинскихъ (перемѣна праздниковъ, крестнаго знаменія и др.) и 5) о чистилищѣ. Въ «Зачапкѣ» находится опроверженіе двухъ мнѣній Скарги: 1) «Греки словенскому языку науки своей не повѣдали» и 2) «Счастливый есть костелъ латинскій, ижъ всюды, по всѣхъ сторонахъ своего послушенства науки и школы фундовалъ».

Опроверженія латино уніатскихъ мнѣній въ сочиненіяхъ Іоанна Вышенскаго не представляютъ глубокаго и разносторонняго разбора

разностей между восточною и западною церквями; они не блестящи съ внѣшней, формальной стороны, со стороны фактической аргументаціи [1]); при всемъ томъ они убѣдительны, потому что просто и ясно изложены и при этомъ выдвинуты немногія, характерныя доказательства, легко укладывающіяся въ памяти; но самое главное то, что они проникнуты необыкновенной нравственной силой и искренностью. Іоаннъ Вышенскій писалъ,—употребляемъ выраженіе Бёрне,—кровью своего сердца (mit dem Blute des Herzens und dem Safte der Nerven), и потому все имъ написанное такъ сильно, горячо и, растворенное безкорыстной любовью къ родинѣ, такъ неотразимо и убѣдительно.

Въ началѣ посланія къ князю Василію Острожскому Іоаннъ Вышенскій выдвигаетъ сильное обвиненіе латино-уніатовъ въ гордости. Гордость, какъ извѣстно, выдающійся порокъ латинства, естественно вытекающій изъ властолюбія Рима. «Римъ всегда хотѣлъ властвовать», говоритъ Г. Гейне. «Когда легіоны пали, онъ послалъ въ провинцію догматы. Какъ гигантскій паукъ, гнѣздился Римъ въ центрѣ міра и заволокъ его безконечною сѣтью». Превосходно очерчена римско-католическая гордость въ романѣ Ѳ. М. Достоевскаго «Братья Карамазовы», въ главѣ «Великій инквизиторъ». Спаситель пожелалъ появиться на время къ угнетенному всякаго рода бѣдствіями народу и спустился на землю въ Испаніи, въ Севильѣ, въ самое страшное время инквизиціи. Народъ непобѣдимой силой стремится къ Нему, слѣдуетъ за Нимъ. Онъ молча проходитъ среди ихъ съ тихою улыбкою безконечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ; лучи свѣта, просвѣщенія и силы текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясаютъ ихъ сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ нимъ руки, благословляетъ ихъ, исцѣляетъ отъ недуговъ. Въ это самое время проходитъ по площади самъ кардиналъ великій инквизиторъ. Онъ сразу понялъ, что передъ нимъ Спаситель и приказалъ стражамъ взять Его и отвести въ тюрьму. Толпа перемѣнчива и робка. Она преклоняется

---

[1]) Ученіе о Filioque отвергается, какъ не подтверждаемое евангеліемъ мечтательное толкованіе; ученіе о первенствѣ римской церкви по времени возникновенія опровергается указаніемъ на возникновеніе христіанства и церкви Христовой въ Іерусалимѣ и т. д.

передъ великимъ инквизиторомъ, и Спасителя безпрепятственно отводятъ въ тюрьму. Здѣсь къ Нему является самъ великій инквизиторъ и говоритъ Спасителю, что пришествіе Его излишне и неумѣстно. Весь смыслъ суровой рѣчи инквизитора сводится къ тому: «все, дескать, передано Тобою папѣ, и все стало быть теперь у папы, а Ты хоть и не приходи теперь вовсе, не мѣшай до времени по крайней мѣрѣ». «Я примкнулъ къ сонму тѣхъ, которые исправили подвигъ Твой», говоритъ великій инквизиторъ и грозитъ Спасителю костромъ. Латинское высокомѣріе, римско-католическая гордость всегда выступали ярко; въ особенности-же эти тяжелыя свойства латинства обнаруживались въ періоды гоненій за вѣру, между прочимъ, въ періодъ разыгравшейся и разбушевавшейся латинской пропаганды въ южной Россіи въ XVII столѣтіи. Здѣсь латинское высокомѣріе тѣмъ болѣе подняло свою голову, что опиралось на внѣшнее, такъ сказать, количественное, но тѣмъ не менѣе блестящее превосходство польской цивилизаціи надъ цивилизаціей южно-русской, имѣло на своей сторонѣ и въ свою пользу польско-іезуитскія коллегіи, широковѣщательныя казанья, историческую и богословскую литературу. Южно-руссамъ конца XVI и начала XVII столѣтія пришлось испытать на себѣ всю тяжесть латинскаго высокомѣрія, гордости и властолюбія, и потому такъ умѣстнымъ представляется суровое и правдивое обличеніе Іоанна Вышенскаго. «Въ той .... книжкѣ (т. е. католической «Оборонѣ брестскаго собора») знашолъ есми яму глубокую, говоритъ Іоаннъ Вышенскій, яму, которая адовыхъ послѣднихъ концовъ досягаетъ, тая яма, которую духозрители пропастію вѣчною называютъ, тотъ ровъ знашолъ есми, который изривши его, самъ его ся вмѣтаеть, тую глубину знайшолъ есми, съ которіи погрязнувшій николиже вернутися не можетъ. Которій-же то мененый ровъ, яма, глубина, пропасть? То есть превозлѣтающая мниманьемъ выше всѣхъ, зниходящая-же ся искусомъ ниже всѣхъ гордость, тая гордость, въ которой препочиваетъ вѣка сего таинство, тая гордость, которая высокое чинитъ сердце, о которой рече Премудрый, яко есть передъ Господомъ нечиста, тая гордость, которая истекаетъ отъ высокаго сердца и изрыгается нагло гвалтовнымъ языкомъ наявно; тая гордость, которая отъ преисполненія сердечнаго вытискается въ широко-нечистые уста кгвалтомъ и языкояднымъ гласомъ ураняетъ слышащихъ. И

что много мовити? Въ томъ гласѣ видѣлемъ явнаго фарисея»... Въ другомъ мѣстѣ посланія Іоаннъ Вышенскій даетъ краткую, но довольно выразительную характеристику того, въ чемъ преимущественно проявлялась въ его время латинская гордость: «тое возношеніе есть, который самаго себя быти лѣпшимъ, зацнѣйшимъ и мудрѣйшимъ отъ другихъ разумѣетъ и наявно тое розумѣніе о себѣ гласомъ изъявляетъ». Какъ ни теменъ языкъ приведенныхъ мѣстъ, въ нихъ нельзя не видѣть, что основой латино-польскаго высокомѣрія во время Іоанна Вышенскаго были старожитность или древность рода и построенная на польско-латинскихъ началахъ образованность; это такъ сказать два краеугольные камня польско-латинскаго высокомѣрія. Послѣ этого понятно, почему Іоаннъ Вышенскій пускаетъ сильные перуны своего краснорѣчія противъ пановъ и настойчиво приравниваетъ ихъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи къ хлопамъ; понятна и его ненависть къ Аристотелю, какъ схоластической основѣ латинскихъ коллегій.

Въ одномъ мѣстѣ Іоаннъ Вышенскій затрогиваетъ короля-иновѣрца. Предлагая православнымъ выбирать достойное лицо въ епископа и просить короля о его утвержденіи, нашъ полемистъ далѣе замѣчаетъ: «котораго (т. е. духовнаго пастыря) если не схочетъ вамъ подати и не послухаетъ васъ, узрите его (т. е. короля) скоро оглохнувша и онѣмѣвша; зане поставленъ судь правый судити, а не своей вѣры прелести фалкговати» (содѣйствовать). Такой тонъ рѣчи относительно высшей предержащей власти въ Польшѣ, короля, къ которому малороссіяне всегда, даже въ половинѣ XVII ст., при возстаніи Хмельницкаго, относились весьма почтительно и искали въ немъ защиты, заранѣе показываетъ, въ какомъ духѣ будетъ говорить Іоаннъ Вышенскій о тѣхъ «королевятахъ» — свѣтскихъ и духовныхъ магнатахъ, которые превратили Рѣчь-Посполитую въ панскій рай и мужицкій адъ, причемъ обрѣзали власть короля, такъ что отъ этой власти остались одни жалкіе обрывки. Отзывы Іоанна Вышенскаго о польской аристократіи, свѣтской и духовной, жестки, суровы, часто проникнуты язвительной насмѣшкой. «Постраждутъ власти мірскія,—они-же талантъ добръ, отъ Бога имъ данный, въ своихъ похотяхъ и сластяхъ гноя тѣлеснаго погребаютъ, о разможеніи-же хвалы Божіей ничтоже

не дбаютъ... Постраждутъ и власти разумомъ владѣющія духовно, занеже за спасеніе душъ небрегутъ».

«Князья (польскіе) закону Божію не покаряются, обѣщницы татемъ, любяще мзду, гоняще за посулами, сиротамъ не судяще и суду вдовицъ не внемлюще». Русскіе паны не далеко ушли отъ пановъ польскихъ: «на пановъ-же вашихъ русскаго рода не надѣйтеся, говоритъ Іоаннъ Вышенскій; въ нихъ-же нѣсть спасенія! всѣ бо живаго Бога и вѣры въ Него отступили, прелести-же еретической, любви духа тщеславнаго, жизнолюбію и лихоимству ся поклонили». Мало того: «нынѣ межи ляхи князья русскіе всѣ поеретичѣли и христіанства, истинной вѣры отступили, иноческій чинъ ругаютъ, лгутъ, клевещутъ»... Въ подтвержденіе своихъ словъ Іоаннъ Вышенскій указываетъ на князей Слуцкихъ, которые «въ панежа хитраго увѣрили, простоту русскую отбѣгли, и потому домъ ихъ сталъ пустъ»... Главные недостатки польско-русскаго панства— высокомѣріе, неправосудіе и въ особенности сластолюбіе и роскошь. «Панове надъ Бога богами вышшими надъ своими подручными подданными ся починили и надъ Творца, ровнымъ зданіемъ образа своего всѣхъ почтившаго, судомъ беззаконнымъ вознеслися». «Некрещеные турки честнѣйшіе суть предъ Богомъ въ судѣ и правдѣ якой-такой, нежели крещеные ляхи». Паны «въ златоглавыхъ подушкахъ и китайчаныхъ пелюхахъ родятся». «Чрево ихъ сластолюбивое, потравы богато утворенные, трапеза сребро-полмисная». Роскошь ихъ обнаруживается «во многихъ мисахъ, полмискахъ, приставкахъ черныхъ и сѣрыхъ, червоныхъ и бѣлыхъ юхахъ и многихъ скляницахъ и келишкахъ, и винахъ-мушкателяхъ, малвазыяхъ, аляконтахъ, ревулахъ, пивахъ розмаитыхъ, въ барилахъ съ медами, барылкахъ съ винами, шкатулахъ съ фляшами, наполненными виномъ, горѣлкою горко-дорогою, въ гордыхъ бадавѣяхъ (коняхъ): валахахъ, дрыкгантахъ, ступакахъ, едноходникахъ,—колыскахъ, лектыкахъ, брожкахъ, карытахъ (экипажахъ), въ обиліи слугъ». Франтовство и щегольство панское выражалось въ низкомъ стриженіи волосъ: «обычай бо есть мірскимъ на облупленую голову подголенца выструганаго, мыломъ вышарованнаго и вымакглеваннаго пильно смотрѣти и мыслью похотною блудити». На голову надѣвали красивую шапку и ею кичились, «косичку или перце заявши», «перекривляючи макгерку то на той, то на сей бокъ,

шію напяливши, яко индійскій куръ»; разными одеждами себя украшали, имѣя ненасытную любовь «къ прелести шматя того, златоглаву или ядамашку, шкарлату и иншихъ суконъ». Тутъ упоминается и «златоглавая делѣя» и «алтембасовый копенякъ», провадящіе въ адъ. Одной изъ забавъ польскихъ и русскихъ пановъ были «хорты, выжлы сытые и другіе кундысы (т. е. псы), а заботой— дабы «имъ боки полны, хребты ровны и гладки были». Любопытнымъ представляется еще слѣдующее обвиненіе пановъ въ сдачѣ шинковъ евреямъ: «ты всегда въ корчмѣ живеши и самъ шинкарямъ еси корчмы запродаеши, людскія сумнѣня оноиваеши скупостью корчемнаго торгу, зъ Афраимами жидовскими людское чрево оцѣневаеши, и тое поганство видѣти не хощеши, и очи, суда себе не видѣти, зажмурилъ еси».

Римско-католическое и уніатское духовенство въ погонѣ за благами міра сего не отставало отъ людей свѣтскихъ. «Днесь бо въ лядской землѣ, говоритъ Іоаннъ Вышенскій, священники всѣ, якоже древле нѣкогда Елзавелины жерцы, черевомъ, а не духомъ офѣруютъ». Высшее латино-уніатское духовенство, какъ извѣстно, комплектовалось изъ людей знатныхъ, «уроженыхъ», причемъ переходъ съ одной іерархической ступени на другую, высшую совершался очень быстро. «Не днесь-ли каштеляне, говоритъ Вышенскій, дворяне, жолнѣры, воины, кровопролійцы, купцы, медвѣдники, а утро попами, а поутру бискупами, а по утру утрешнемъ арцибискупами починилися есте». Такое быстрое повышеніе обусловливалось или милостью короля, или, что гораздо чаще и обычнѣе было, являлось слѣдствіемъ подкуповъ. «Вамъ помогли (въ достиженіи іерархическаго сана), продолжаетъ Вышенскій, «румянцы (червоные, золотые) съ бѣлыми великими таляры, полталярками, орты, четвертаки и потройники. А то якъ? Ото такъ, что славнѣйшимъ секретарямъ и рефендарямъ, похлѣбцямъ и тайнымъ лгарямъ его королевской милости, абы ся причинили и свѣдчили, якъ годный человѣкъ на панствованя бискупскихъ доходовъ и пожитковъ и своевольнаго и вшетечнаго мешканя на тыхъ имѣніяхъ и селахъ, бискупству належачихъ, за которую причину тому, особѣ завивши въ папирець сто, или якъ ся трафитъ, чирвоныхъ золотыхъ въ руку тыць, другому зась тыхъ-же шафранцовъ очелюбныхъ, завивши также, въ руку тыць; отправивши-же румяно-

любцовъ, потомъ ступимо до панеславнѣйшихъ особъ, тымъ зась ворочки (т. е. мѣшочки) понаполнявши овымъ великихъ бѣлыхъ таляровъ, овымъ зась полталярковъ, овымъ ортовъ и четвертаковъ, тому въ руку тыць, овому тыць и сему тыць, а писаредрачи южъ не бракують, и потройники съ грошами берутъ и дерутъ». Захвативъ такимъ способомъ духовную должность и связанныя съ нею маетности, пастыри занимались только тѣмъ, что пили молоко овецъ и снимали съ нихъ волну, «алчными и жаждными чинили бѣдныхъ подданныхъ». Обращаясь къ латино-уніатскимъ владыкамъ, Іоаннъ Вышенскій говоритъ: «зъ сихъ, на сироты церковные и прекормленіе ихъ отъ благочестивыхъ христіянъ наданыхъ, лупите и съ гумна стоги и аборогн (рогатый скотъ) волочите; сами и съ своими слуговинами прекормлюетеся, оныхъ трудъ и потъ кровавый, лежачи и сидячи, смѣючися и граючи, пожираете, горѣлки припущаные курите, пиво троякое превыборное варите и въ пропасть несытнаго чрева вливаете; сами и съ гостьми своими пресыщаете, а сироты церковныя алчутъ и жаждутъ, а подданные бѣдные въ своей неволѣ рочнего обходу удовлѣти не могутъ, съ дѣтьми ся стискаютъ (горюютъ), оброку собѣ уймуютъ, боячися, да имъ хлѣба до пришлаго урожаю дотягнетъ!»... «Нынѣ владыкове проклятіи фольварки собѣ починили зъ общихъ монастырей и мысливства (охотничьи своры) прекормлюютъ въ нихъ; съ тыхъ доходовъ, на богомольцы наданыхъ, дѣвкамъ своимъ вино (*вѣно*, приданое) готуютъ, сыны одѣваютъ, жоны украшаютъ, слуги умножаютъ, барвы (родъ ливрей) справуютъ, пріятелей обагачаютъ, кариты зиждутъ, возники сытые и единообразные спрягаютъ». Страстью къ роскоши и корыстолюбіемъ высшаго духовенства Іоаннъ Вышенскій объясняетъ его переходъ въ унію. Переходомъ въ унію оно разсчитывало «прагнене непасычоное утолить» относительно наполненія сундуковъ и удовлетворенія разныхъ похотей. Понятно, что о соблюденіи церковныхъ уставовъ и о правильности церковной службы духовные іерархи мало заботились. Словесныхъ пастырей можно было узнать только «по брюху и самолюбію», говоритъ Іоаннъ Вышенскій. Не ограничиваясь обвиненіемъ латино-уніатскаго духовенства въ цѣломъ его составѣ, онъ дѣлаетъ нѣсколько упрековъ въ сластолюбіи и роскоши Рагозѣ, Терлецкому, Потѣю и другимъ высшимъ іерархамъ русскимъ, перешедшимъ въ унію, причемъ упоминаетъ объ убійствѣ Филиппа маляра Терлецкимъ.

Іоаннъ Вышенскій возмущался тѣмъ, что свѣтскіе и духовные магнаты, при всей своей глубокой испорченности, свысока, презрительно и жестоко относились къ горожанамъ и крестьянамъ, жили всецѣло на ихъ счетъ и ихъ-же третировали en canaille, возмущался тѣмъ болѣе, что горожане и крестьяне составляли самый здоровый и нравственно-чистый слой населенія. Онъ возмущался тѣмъ, что лучшіе южно-русскіе люди-братчики иначе не слыли у епископовъ, какъ сапожники, кожемяки, хлопы. «Якъ-же вы духовными, але и вѣрными зватися можете, коли брата своего, въ единой купели крещенія вѣрою и отъ единой матери благодати ровно съ собой породившагося, подлѣйшимъ отъ себѣ чините, уничижаете и ни за что быти вмѣняете, хлопаете, кожемякаете, сѣдельникаете, шевцами на поруганіе прозываете... Пытаю тебя, ругателя имени, чимъ ты лѣпшій отъ хлопа; албо ты не хлопъ такій-же, скажи ми; албо ты не таяжъ матерія, глина и персть, ознайми ми; албо ты не тое тѣло и кровь; албо ты не тая-жъ желчъ хракотины, слина и тлѣніе; или ачей ты отъ каменя утесанъ и не маешь кишокъ и слюзу холопскаго; ознайми ми... А егда показати не можешь, яко ты каменный, костяный или паветь и золотый, только такій-же гной, и тѣло, и кровь, яко и всякъ человѣкъ, чимъ-же ты ся лѣпшимъ показати можеши надъ хлопомъ? Явно, явно ничимъ другимъ, только хулою и величаніемъ гордости предъ человѣки, а предъ всевидящимъ окомъ окаяннѣйшій и всѣхъ тварей безчестнѣйшій еси». Іоаннъ Вышенскій съ любовью останавливается на южно-русскихъ крестьянахъ и горожанахъ. «Ваши милости, обращается онъ къ уніатскимъ владыкамъ, обнажаете изъ оборы кони, волы, овцы у бѣдныхъ подданныхъ, волочите дани пѣняжныя, дани пота и труда отъ нихъ вытягаете и оныхъ живо лупите, обнажаете, мучите, томите, до комягъ и шкутъ (рѣчныхъ суденъ) безвременно зимою и лѣтомъ въ непогодное время гоните... бѣдные подданные день и ночь на васъ трудятъ и мучатъ,—которыхъ кровъ, силъ и працы, и подвига выссавши, и нагихъ въ оборѣ и коморѣ учинивши, вырванцовъ вашихъ, вамъ предстоящихъ, фалюндышами, утрофинами и каразіями одѣваете, да красноглядствомъ тыхъ слуговинъ око накормите; а тые бѣдници подданные и простой сермяжки доброй, чимъ-бы наготу покрыти могли, не маютъ. Зъ ихъ пота мѣшки, полны грошми золотыми, талярмы, полталярки, орты, четвертаки и потройники, напихаете, сумы до-

кладаете, а тые бѣдници шеляга, за что соли купити, не мають!» Іоаннъ Вышенскій съ особенной силой и очевиднымъ сочувствіемъ говоритъ о простой жизни горожанъ и крестьянъ, о хлопахъ, которые «изъ одной мысочки борщикъ хлебчутъ, бицькимъ або муравскимъ кгермачкомъ (т. е. свитой) покрываются и сами себѣ панове и слуги суть». Понятно, что Іоаннъ вполнѣ одобрялъ то предпочтеніе, которое константинопольскій патріархъ оказывалъ братствамъ въ дѣлахъ церкви, причемъ указывалъ на Господа, не призвавшаго Анну и Каіафу въ проповѣдники спасенія.

Одной изъ главныхъ причинъ высокомѣрія, гордости и нравственной распущенности латино-уніатовъ Іоаннъ Вышенскій признавалъ, что они съѣли «много поганскихъ наукъ снѣди», «во тьмѣ поганскихъ наукъ затворилися». Злоковарная латинская душа насыщена языческими (поганскими) тщеславными и гордыми догматами. «Нынѣ поганскіе учители, жалуется Іоаннъ Вышенскій, Аристотели, Платоны и другіе тымъ подобные машкарники и комедійники въ дворахъ Христа Бога владѣютъ». Очевидно, Іоаннъ Вышенскій имѣлъ слишкомъ смутное представленіе о великихъ греческихъ философахъ и судилъ о нихъ лишь по той «злоковарной» іезуитской поддѣлкѣ, въ которой они явились въ южной и западной Россіи. Онъ латино-уніатскую науку, построенную на схоластическихъ началахъ, считалъ продолженіемъ древней классической мудрости, и потому такъ энергично обрушился на «поганскихъ даскаловъ», Платона и Аристотеля. Въ его «Посланіяхъ» и въ «Зачапкѣ» разсыпано много колкостей на счетъ «философскаго ученія», «художества риторскаго ремесла», «хитродіалектическихъ силлогизмъ», «красномовнаго Аристотеля». Относясь вполнѣ отрицательно къ латино-уніатской наукѣ, Іоаннъ Вышенскій отвергалъ все съ нею связанное, латино-уніатскія школы, латинскій языкъ, сценическія представленія. Школы латино-уніатскія—пропасть и погибель вѣчная; изъ нихъ выходятъ славолюбцы, болтуны, самохвалы, гордые фарисеи. Іоаннъ Вышенскій гордился тѣмъ, что православные латыни не знаютъ и комедій и машкаръ въ іезуитскихъ коллегіумахъ не изучаютъ.

Развивавшуюся въ Малороссіи латино-польскую культуру Іоаннъ Вышенскій ни во что ставилъ, потому что она покупалась цѣной измѣны родной вѣрѣ и родной народности. Его, однако, никоимъ

образомъ нельзя назвать обскурантомъ, врагомъ знанія, Іоаннъ принципіально не отвергалъ знанія. Онъ требовалъ только, чтобы южно-русская наука питалась греко-славянскими источниками и служила всей народной массѣ; онъ не отдѣлялъ науку отъ православія и народности. Рѣшительно возставая противъ отдачи дѣтей православныхъ родителей въ латино-уніатскія школы, Іоаннъ въ то-же время предлагалъ отдавать ихъ въ школы, находившіяся при православныхъ церквахъ: «Боячися, говоритъ онъ въ «Зачапкѣ», жебы есте дѣти своя хитростію и ересью латинскою не отравили и не поморили, залецаю вамъ православнымъ правовѣрную школу, и пораду даю, чого ся учити имѣютъ, чтобы дѣти ваши спасли и по васъ благочестіе задержали и христіанство своей вѣры не стратили. Вопервыхъ Ключъ, или грецкую или словенскую грамматику да учатъ. По грамматицѣ-же, во мѣсто лживой діалектики, изъ бѣлаго въ черное, а изъ чернаго бѣлое перетворяти учащей, тогда-бо учатъ богомолебнаго и праведно-словнаго Часословца; во мѣсто хитрорѣчныхъ силлогизмъ и велерѣчивой риторики тогда учатъ богоугодно молебный Псалтырь; во мѣсто философіи, по воздуху мысль разумную скитатися зиждущей, тогда учатъ плачивый и смиренномудрый Охтанкъ, та-же конечное и богоугодное предспѣяніе въ разумѣ— дѣльное богословіе; тогда учатъ святую евангельскую и апостольскую проповѣдь, съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ, не слухи (рѣчь умудривши токмо) чесати словомъ проповѣднымъ, але силу св. Духа влагати въ слышащихъ сердца». Требованія, очевидно, не малыя, вполнѣ согласныя съ церковно-общественными потребностями южно-русскаго народа въ началѣ XVII ст. Тутъ предусмотрѣно все главное въ религіозно-нравственномъ образованіи народа: воспринятіе науки на излюбленныхъ въ народѣ греко-славянскихъ началахъ и передача ее другимъ въ духѣ любви въ живомъ проповѣдномъ словѣ.

Замѣчательнымъ проявленіемъ національнаго самосознанія Вышенскаго служитъ, между прочимъ, энергическое отстаиваніе имъ въ посланіи къ кн. Острожскому и въ Зачапкѣ славянскаго языка, подъ который подкапывались латино-уніаты, отъ котораго мало по малу отказывались и православные подъ вліяніемъ обольстительнаго богатства западной, латинской науки. «Книги церковныя всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте, говоритъ Іоаннъ Вышен-

скій... Нѣкоторые наши на словенскій языкъ хулятъ и не любятъ,— да знаешь запевно, яко того майстра дьявола дѣйствомъ творятъ. А то для того дьяволъ на словенскій языкъ борьбу тую маетъ, занеже есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій; понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть граматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ простымъ прилежнымъ чтеніемъ, безъ всякаго ухищренія къ Богу приводитъ.

Малорусскій языкъ въ произведеніяхъ Іоанна Вышенскаго играетъ почетную роль образовательнаго элемента въ жизни народа, является средствомъ духовной бесѣды и нравственнаго назиданія. «Евангелія и Апостола, говоритъ Іоаннъ, въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворочайте; по литургіи-же, для выразумѣня людского, по просту толкуйте и выкладайте».

Идеалъ Іоанна Вышенскаго состоялъ въ томъ, чтобы малороссіяне, или, употребляемъ терминъ Іоанна, русины, достигли научнаго образованія и гражданскаго благосостоянія посредствомъ настойчиваго труда, не разрывая связей съ своимъ прошлымъ, на основаніи главныхъ краевыхъ особенностей, православной вѣры, церковно-славянскаго и малорусскаго языковъ, признанія за личностью крестьянина права на самостоятельность и свободу. «Не попы насъ спасутъ, писалъ онъ южнорусскому народу, не владыки, не митрополиты, но вѣры таинство нашей православной, храненіе заповѣдей Божіихъ». Предлагая православнымъ издать «Соборникъ» и предвидя со стороны послѣднихъ замѣчаніе о недостаткѣ средствъ, Іоаннъ совершенно ясно высказываетъ свой идеалъ общественнаго единенія для достиженія цѣлей образованія и гуманизма: «На тое вамъ отповѣмъ добрый способъ еврейскаго разума: общій слогъ въ карванъ [1]), кто вдовица нищетою двѣ лепты, шелюгъ, полгроша, а кто доволнѣйшій или панъ — золотый, десять, а паветь и сто за общую пользу и за свое спасеніе; ничто же дорожшее нѣтъ отъ душа, и въ то бы тое дѣло быти могло». Въ Іоаннѣ Вышенскомъ подъ скромной монашеской рясой, подъ «страшиломъ клобукомъ», въ «невытертыхъ черевичищахъ» скрывался вели-

---

[1]) Корвана — церковное казнохранилище въ древнемъ іерусалимскомъ храмѣ.—Н. С.

кій гражданинъ южнорусской страны. Это былъ человѣкъ, который многое отрицалъ, но и многое могъ создать; его духовно-творческія стремленія основывались на народныхъ идеалахъ, сливаясь съ стремленіями и пожеланіями южнорусскихъ горожанъ и крестьянъ. Іоаннъ Вышенскій до нѣкоторой степени напоминаетъ Пушкинскаго пророка. Томимый духовной жаждой, онъ удалился въ Аѳонскія пустыни; здѣсь явился къ нему шестикрылый Серафимъ—любовь къ угнетенной, обманутой, осмѣянной родинѣ,—вынулъ изъ его груди трепетное сердце и вложилъ въ нее уголь, пылающій огнемъ гнѣва и негодованія, открылъ ему зѣницы и обратилъ его вниманіе на всѣ современныя ему явленія южнорусской жизни, хорошія и дурныя, радостныя и печальныя, и бѣдный, малообразованный малороссіянинъ — аѳонитъ сразу прозрѣлъ въ глубину южно-русской жизни, увидѣлъ тайные ходы латино-уніатскихъ гадъ, замѣтилъ прозябаніе хлопа, и пошелъ на родину жечь сердца людей своимъ горячимъ, одухотвореннымъ словомъ. Можетъ быть, онъ, какъ Лермонтовскій пророкъ, былъ угрюмъ, худъ, блѣденъ, нагъ и бѣденъ; навѣрно, латино-уніатскіе владыки и попы презирали его; при всемъ томъ онъ посильно выполнилъ святой завѣтъ, который высшая сила влагаетъ въ сердце каждому человѣку,—завѣтъ «провозглашать любви и правды чистыя ученья».

Въ заключеніе намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о полемическомъ тонѣ и о языкѣ Іоанна Вышенскаго. Многочисленныя извлеченія изъ его Посланій и Зачапки, сдѣланныя нами, даютъ намъ уже достаточно полное представленіе о рѣзкости и суровости полемическаго тона. Любопытнѣе всего то, что самъ авторъ Посланій сознавалъ эти особенности своей полемики; онъ оправдывалъ ихъ такимъ образомъ: «А если-бы зась хто... на мене отъ зависти потваръ сложити хотѣлъ, мовячи, яко доразливе и ущипливе въ томъ писаню мовитъ, на тое вамъ такъ отповѣмъ: научился отъ Христа истины безъ похлѣбства ложъ лжею, волка волкомъ, злодѣя злодѣемъ, разбойника разбойникомъ, дьявола дьяволомъ звати». Рѣзкость и суровость полемическаго тона выкупалась у него силой и искренностью, что выразилось, между прочимъ, въ слогѣ и языкѣ. Фраза Іоанна Вышенскаго не длинна и не коротка, послѣдовательно разчленена на части, льется плавно, постепенно переходитъ съ одной степени усиленія на другую высшую степень и

удачно замыкается немногими сильными и выразительными словами. Скрытая въ ней сила авторскаго одушевленія тѣмъ выражается, что слова иногда начинаютъ риѳмоваться, напримѣръ: «Запевне вѣдайте, нехай васъ тое гордое дмухане и пышное фукане и широкословное блекотане, грозное розсказанье и толстое отрыганье того вашего выкрикання, яко мы прелюбодѣйчищами быти бы мѣли отъ своей вѣры, не упевнястъ». Сила рѣчи обнаруживается въ сравненіяхъ, эпитетахъ и иносказательныхъ выраженіяхъ; таковы выраженія: «дождевидное пролитіе мечтательнаго мниманія (т. е. мнѣнія)»; «трупъ гласа папежскаго невѣрія, нагло здохлый»; «къ курвѣ римской на блудъ убѣгать» (переходъ въ унію); четверо-рогатые Іисусоругатели (іезуиты). Разрѣшеніе вопроса—развязываніе узелка; разсмотрѣть прошлое—отвалить надгробный камень; нападеніе православнаго на католицизмъ—налетъ шершня на паутину; переходъ въ унію—лакомство на пироги. Сила рѣчи достигается, между прочимъ, употребленіемъ сложныхъ словъ: «аеровымыслный, скачомудрецъ, грошовладатель, богочревци, мясочревохотный, безхристоприходный, писародрачи», сопоставленіемъ синонимовъ: «буяетъ, хвалится, возносится, щедруетъ» и т. п., изрѣдка употребленіемъ глаголовъ, произведенныхъ отъ именъ существительныхъ: «кожемякать, сидѣльникать». Переводъ словъ довольно рѣдко встрѣчается: «студня или источникъ», «паздѣря или паутина», «уфундувати или основати», «дигнитарство или преложонство». Такой переводъ очевидно истекалъ изъ желанія Вышенскаго сдѣлать свои Посланія доступными для всѣхъ грамотныхъ людей южной Россіи. Лексиконъ Іоанна Вышенскаго—церковно-славянскій, съ значительной примѣсью народныхъ малорусскихъ и польскихъ словъ. Большинство малорусскихъ словъ Іоанна Вышенскаго встрѣчается и нынѣ въ Малороссіи повсемѣстно, напримѣръ: мусыть, пожитокъ, заховать, никчемный, омылка, скарбъ, подбгаты (подъ себя подвернуть въ борьбѣ), тесля, бридкій,—все слова хорошо извѣстныя. Въ Посланіяхъ и Зачанкѣ находится нѣсколько любопытныхъ въ историко-культурномъ отношеніи словъ, требующихъ объясненія, напримѣръ: «кучка» въ значеніи дома, «хлопы простые въ своихъ кучкахъ и домкахъ сидятъ» (стр. 242); нынѣ малорусская куча, кучка употребляются въ значеніи клѣти для куръ подъ печкой или подъ постельнымъ поломъ (см. Зап. Ю. З. О. Геогр. Общ. II. 140); въ сербск. кутя—домъ; «алтемба-

совый коненякъ»—свита или кафтанъ изъ дорогой матеріи, украшенный золотомъ; оба слова турецкаго происхожденія; alten-bazz—золотая матерія, Goldleinwand; кобенякъ, коренекъ—плащъ (Miklosich, Denkschrift, d. kais. Akad. d. Wissensch. in Wien 1884. XXXIV, XXXV); «златоглавая делія»—епанча изъ золотистой матеріи; «шкута и комяга утробная»—въ польскомъ языкѣ *szkuta*—барка, *komaga*—водоходное большое судно, «кермаши пирожные»—подарки, отъ польск. *kiermasz*, храмовый праздникъ, ярмарка, пиръ; «гмахъ коштовный»—большой хорошо убранный домъ. Къ числу темныхъ, малопонятныхъ для малороссіянина польскихъ словъ въ Посланіяхъ и Зачапкѣ относятся: выналѣзокъ (изобрѣтеніе, открытіе), прагнене (жажда), паздѣри (паутина), сакъ (мѣшокъ, сума), саколюбецъ (корыстолюбивый), статечность (постоянство, вѣрность), змаза (пятно), злюзнить (клеветать, хулить), стлумить (укротить, унять), окгаръ (ogier, жереб[illegible]ецъ), выжла (лягавый щенокъ), хортъ (chart, борзая собака), блазна [illegible] (стойло, хлѣвъ), кундысъ (дворовая собака), бадавія [illegible]), валахъ (меринъ,—встрѣчается и въ малорусскомъ [illegible] прочимъ въ фамильныхъ названіяхъ), дрыкгантъ ([illegible]), лектыкъ (носилки), шафаръ (ключникъ, экономъ), уфане (упованіе), встеклый (бѣшеный), хелпить (гордиться), отуха (бодрость, мужество), кукгловать (кривляться, шалить). Внимательный разборъ лексической стороны Посланій и Зачапки Іоанна Вышенскаго можетъ послужить предметомъ особаго, строго филологическаго изслѣдованія. Такого рода изслѣдованіе представитъ тѣмъ большій интересъ, если въ него войдутъ всѣ южнорусскіе литературные памятники конца XVI и начала XVII столѣтій, включительно съ «словено-россійскимъ лексикономъ». Памвы Берынды, который при подобнаго рода филологическомъ трудѣ, разумѣется, долженъ играть видную роль и занять въ изслѣдованіи первое и главное мѣсто.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Продолженіе) [1]).

XIII.

Будучи противниками поляковъ и турокъ, козаки въ тоже время являются поводомъ къ враждебнымъ столкновеніямъ между этими двумя народами.

Если-бы не козаки на Украйнѣ, Польша была-бы безопасна со стороны турокъ, говорили поляки.

Если-бы не козаки, разсуждали турки въ свою очередь, Турціи не нужно было-бы заботиться о защитѣ своихъ приднѣстровскихъ колоній и береговъ Черпаго моря, она могла-бы всѣ свои усилія обратить на завоеваніе христіанскаго міра. Тогда могъ-бы создаться калифатъ, достойный пророка, всѣ короли платили-бы султану дань.. и въ то время, какъ вся Европа дрожала передъ турками, одни только козаки осмѣливались мечтать объ уничтоженіи гидры, засѣвшей въ Цареградѣ. Неустрашимость ихъ передъ турками выражается и въ пѣсняхъ, напримѣръ:

Та вже шабли поржавилы,
Мушкеты безъ куркивъ,
А ще серце козацькее
Не боиться туркивъ.

Побуждаемые угрозами султана, поляки пытались силою удержать козаковъ отъ походовъ на Черное море, и выстроили крѣпость у днѣпровскихъ пороговъ, но всѣ эти мѣры только раздражали

[1]) См. мартовск. кн. «Кіевской Старины», 1885 г., стр. 437—464.

козаковъ. Неудивительно, что въ Польшѣ шли оживленные споры о мѣрахъ, какія должно принять противъ нихъ, такъ какъ организація, подобная козачеству, не могла быть терпима въ краѣ, гдѣ господствовали паны.

Шляхта роптала на произволъ козаковъ, а о своемъ собственномъ не хотѣла и слышать; войны турецкія приписывала козацкимъ набѣгамъ, а не вспоминала о своихъ походахъ на Молдавію и на Москву. Шляхтѣ все было дозволено, особенно въ мирное время. Такъ во время мира съ Турціей паны Потоцкій, Корецкій и Вишневецкій доставили своему родственнику Могилѣ молдавскій престолъ и тѣмъ самымъ вызвали турецкую войну. Съ Москвою также былъ миръ въ то время, какъ Мнишекъ велъ своего зятя, самозванца Димитрія на московскій престолъ. Итакъ, не одно простое южно-русское козачество создавало затрудненія польскимъ королямъ: кромѣ козаковъ на Запорожьи и на Украйнѣ, были въ Польшѣ и вельможные козаки, какъ Потоцкіе, Корецкіе, Мнишки, Вишневецкіе и др., предпринимавшіе въ мирное время походы противъ сосѣднихъ государствъ на собственныя средства.

Для усмиренія козаковъ правительство назначило коммисію, которая собралась надъ рѣчкой Раставицей, ниже Паволочи, гдѣ стояло королевское войско. Коммисія поставила такія требованія: «козаки пообѣщаютъ и присягнутъ на томъ, что не только сами не станутъ тревожить султанскихъ владѣній, но и другимъ этого не дозволятъ и уничтожатъ свои морскія лодки. Отъ козаковъ не должны терпѣть вражды жители королевскихъ, церковныхъ и панскихъ имѣній, и изъ козацкихъ реестровъ будутъ исключены ремесленники, купцы, шинкари, войты, бурмистры, рѣзники, портные и т. п.; они должны подчиниться старостамъ, «державцамъ» и панамъ, на землѣ которыхъ живутъ. Кто не захочетъ остаться крѣпостнымъ у пана, долженъ удалиться изъ его имѣнія ко дню св. Иліи 1620 г.». Само собою разумѣется, что принятыя украинскими козаками условія не имѣли силы на Запорожьи; реестровые козаки избрали своимъ гетманомъ Бородавку, вслѣдствіе давленія со стороны поляковъ, которымъ желательно было сдѣлать противовѣсъ власти Сагайдачнаго.

Новая война съ Турціей дала возможность козакамъ возобновить ихъ морскіе походы; они опустошили побережье европейской Турціи и взяли богатый городъ Варну.

Въ 1621 г. посланъ былъ противъ турокъ коронный гетманъ Ходкевичъ, но силы его были слишкомъ ничтожны сравнительно съ турецкими; едва удалось собрать до 30,000 войска, да и тѣ бунтовались и расходились частью отъ страха, частью вслѣдствіе неуплаты жалованья и совсѣмъ разбѣжались-бы изъ лагеря, если-бы правительство не обратилось къ козакамъ для спасенія государства. Явившись съ 30,000 запорожцевъ, Сагайдачный удвоилъ силы Ходкевича, избавилъ поляковъ отъ страха и, благодаря ему, подъ Хотиномъ сломаны были турецкія силы. Но Сагайдачный былъ тяжело раненъ и вскорѣ умеръ. Между тѣмъ заключенъ миръ съ турками, при чемъ поляки обязались усмирить козаковъ въ награду за оказанную ими помощь; между прочимъ козакамъ строго воспрещалось отправляться на море и безпокоить татаръ и турокъ.

Но помимо мѣръ, принимаемыхъ противъ козачества, еще большія притѣсненія терпѣлъ весь южно-русскій народъ въ религіозномъ отношеніи. Со времени введенія уніи, принятой кіевскимъ митрополитомъ, православные до 1620 г. не получали себѣ отдѣльнаго митрополита, не стало также и епископовъ и некому было рукополагать священниковъ; но въ 1620 г. случилось важное событіе, удержавшее быстрые успѣхи полонизаціи. Проѣзжалъ въ Москву черезъ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ. По просьбѣ гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго и представителей русской шляхты, патріархъ рукоположилъ имъ православнаго митрополита Іова Борецкаго и епископовъ въ Полоцкъ, Луцкъ, Владиміръ-Волынскій, Перемышль, Холмъ и Пинскъ. Такимъ образомъ въ каждой изъ этихъ епархій являются по два епископа, православный и уніатскій.

Возстановленіе православной іерархіи было тяжкимъ ударомъ польской пропагандѣ, для которой главнымъ условіемъ успѣха было именно отсутствіе православнаго духовенства. Разумѣется, такое нарушеніе королевскихъ привиллегій было очень смѣлымъ поступкомъ, но это была реакція, вызванная введеніемъ уніи. Король Сигизмундъ и всѣ ревностные католики были сильно раздражены этимъ фактомъ. Видя свои планы парализованными, король по

жалобамъ уніатскихъ епископовъ объявилъ новопосвященныхъ православныхъ іерарховъ самозванцами и отступниками; правительство требовало ихъ ареста и смертной казни, но король все таки принужденъ былъ терпѣть возстановленіе іерархическаго строя русской церкви, уступая ходатайству русскихъ пановъ и въ особенности требованіямъ гетмана Сагайдачнаго, пока нуждался въ козацкой помощи. Такъ Сагайдачному удалось склонить козаковъ къ участію въ хотинскомъ походѣ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы правительство утвердило митрополита Борецкаго и православныхъ епископовъ въ ихъ епархіяхъ.

Козаки ненавидѣли поляковъ также, какъ и крестьяне, но они понимали, что самоуправленіе ихъ зависитъ отъ ихъ собственной силы, а не отъ милости пановъ. Легко понять ненависть къ полякамъ крестьянъ—потомковъ тѣхъ козаковъ, которые сложили головы подъ Лубнами, но Сагайдачный умѣлъ примирять самыхъ непокорныхъ; политика его вполнѣ соотвѣтствовала современному положенію вещей.

Украйна лежала между двухъ враждебныхъ силъ; между тѣмъ какъ Польша стремилась къ моральному уничтоженію Руси, татары разоряли ее матеріально. Вести борьбу съ обоими врагами одновременно не было возможности, и Сагайдачному приходилось раздумывать, съ кѣмъ воевать раньше. Война съ невѣрными, у которыхъ томились въ неволѣ христіанскіе плѣнники, помимо ожидая освобожденія отъ своихъ братьевъ, была главнымъ призваніемъ козаковъ; въ эту сторону имъ нужно было направить всѣ свои силы, по отношенію-же къ полякамъ слѣдовало сохранять оборонительное положеніе. Заслуга козачества для Руси состояла въ противодѣйствіи двумъ враждебнымъ силамъ, и Сагайдачный понялъ эту задачу. Онъ избѣгалъ вооруженныхъ столкновеній съ поляками, зная хорошо ихъ обычай—фактически отмѣнять то, что еще вчера было подтверждено юридически. Поэтому его мало занималъ вопросъ о количествѣ вписанныхъ въ реестръ козаковъ, такъ какъ и не вписанные отъ этого не страдали, и дѣйствительно всякій, бравшійся за оружіе, становился козакомъ. Въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ нѣсколько фактовъ: на сеймѣ варшавскомъ 1616 г. поляки даютъ торжественное обѣщаніе туркамъ усмирить козаковъ; въ слѣдующемъ году повторяютъ тоже обѣщаніе надъ Днѣстромъ, а

въ 1618 г. обращаются къ козакамъ съ просьбою избавить отъ опасности московскаго плѣна королевича Владислава съ остатками польскаго войска; тоже повторилось въ 1621 г. и т. д.

При Сагайдачномъ поляки считаются уже съ козачествомъ, какъ съ силой и, пока нуждаются въ ней, до тѣхъ поръ Украйна пользуется отъ нихъ нѣкоторымъ спокойствіемъ, но едва миновала опасность, какъ о заслугахъ козаковъ тотчасъ забываютъ; паны по прежнему настаиваютъ на постановленіяхъ раставицкой коммисіи и предлагаютъ козакамъ, недовольнымъ мѣстными порядками, уходить, куда захотятъ. Поэтому народъ съ давнихъ поръ направлялся въ степи и, чтобы не погибнуть, шелъ туда, гдѣ не было произвола человѣка надъ человѣкомъ, и куда сверхъ того привлекала добыча на счетъ невѣрныхъ. Но мало по малу эти выходцы очутились между поляками съ одной стороны и татарами съ другой. Куда-же теперь идти? развѣ изъ польской неволи попасть въ татарскую или турецкую. Оставалось на выборъ—или подчиниться польскому праву, или защищать до послѣдней капли крови древне-русское общинное право. Уже въ другихъ русскихъ областяхъ шляхта овладѣла и землею, и крестьянами и подавила своими законами общинное право, поэтому не хотѣлось ей оставить и Украйну съ ея прежнимъ внутреннимъ строемъ. Но паны не предвидѣли, сколько крови должно пролиться вслѣдствіе ихъ домогательствъ.

Казалось-бы по справедливости, что за помощь въ войнахъ: шведской, московской и турецкой козаки заслужили отъ короля если не благодарность, то по крайней мѣрѣ право гражданства для своей вѣры и народности. Но не смотря на все это, Сигизмундъ III рѣшается искоренить въ предѣлахъ своего государства и православную вѣру, и ея защитниковъ козаковъ. Напрасно самъ королевичъ Владиславъ заступался за угнетаемыхъ козаковъ, Сигизмундъ не обратилъ вниманія на его ходатайство.—Наконецъ въ 1625 г. козаки отправляютъ депутацію на сеймъ для предъявленія своихъ требованій: 1) обезпечить свободу православной вѣры; 2) возвратить церкви и церковныя имѣнія, отданныя уніатамъ; 3) признать законнымъ поставленное іерусалимскимъ патріархомъ духовенство; 4) дозволить козакамъ жить въ коронныхъ и панскихъ имѣніяхъ кіевскаго воеводства; 5) разрѣшить имъ собственный судъ, право завѣщать свое имущество и т. д. Сверхъ того, къ этимъ пунктамъ присоеди-

пенъ былъ меморіалъ, перечислявшій всѣ обиды, какія терпѣли православные въ предѣлахъ Литвы и Короны.

Впрочемъ козаки не ограничивались одной юридической защитой своей вѣры; приходилось имъ отстаивать свои права и другимъ путемъ. Такъ напримѣръ, козаки убили кіевскаго войта Ходыку за то, что тотъ запечатывалъ православныя церкви. Въ то-же время, по совѣту митрополита Іова Борецкаго, отправлено было къ московскому царю посольство съ просьбой—принять козаковъ подъ свое покровительство; во главѣ посольства стоялъ луцкій православный епископъ Исаакій Борисковичъ.

Этого не могло спокойно перенести польское правительство, и гетманъ Конецпольскій получилъ приказъ усмирить козаковъ вооруженной силой. Потерпѣвъ пораженіе при Куруковскомъ озерѣ, козаки, стѣсненные со всѣхъ сторонъ, обѣщали покориться. Заключенъ былъ договоръ, въ силу котораго число козацкаго войска сводилось до 6,000; изъ нихъ тысяча человѣкъ должны были поочередно находиться за порогами, чтобы препятствовать переправамъ непріятеля. Строго запрещалось ходить на море, или какимъ-бы то ни было образомъ нарушать миръ съ Турціею и Крымомъ; всѣ чайки должны быть сожжены. Не вошедшіе въ реестръ козаки должны подчиниться старостамъ или панамъ.—Въ такомъ смыслѣ заключенъ въ 1625 г. договоръ на урочищѣ «Медвѣжьи лозы» при Куруковскомъ озерѣ, и козаки присягнули на этихъ статьяхъ.

Нуждаясь прежде въ военныхъ силахъ, польское правительство при Сагайдачномъ допускало и большее количество козаковъ сравнительно съ установленнымъ реестромъ; теперь-же куруковская коммисія большинство изъ нихъ обращаетъ въ крѣпостныхъ. Съ этого времени является названіе *выписчиковъ*, т. е. козаковъ, выписанныхъ изъ реестра. Выписчики избрали себѣ особаго гетмана Тараса Трясила въ 1627 г.

Послѣ пораженія, понесеннаго козаками при Куруковскомъ озерѣ, усиливается притѣсненіе православной вѣры, церкви русскія остаются въ пренебреженіи, въ городахъ увеличивается число религіозныхъ процессовъ, православные подвергаются арестамъ и т. д. Таково было положеніе дѣлъ, когда польскія войска расположились на постой на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ никогда еще не квартировали до того времени. Отсюда среди народонаселенія распро-

странился слухъ, будто польскіе солдаты присланы для искорененія православной вѣры и истребленія южно-русскаго народа; а пьяные солдаты, изъ ненависти къ схизматикамъ, съ своей стороны похвалялись уничтожить всѣхъ украинцевъ до самой московской границы.

Тогда гетманъ Тарасъ, выйдя изъ Запорожья, издалъ универсалъ, которымъ народъ украинскій призывался къ возстанію противъ поляковъ, и объявлялось, что всѣ желающіе могутъ поступать въ козаки; въ то-же время онъ отправилъ посольство къ коронному гетману съ требованіемъ, чтобы польскія войска не квартировали на Украйнѣ восточнѣе Бѣлой-Церкви и чтобы отмѣнены были куруковскія статьи.

Между тѣмъ распространившіяся въ народѣ опасенія вполнѣ подтвердилъ своими поступками коронный стражникъ Самуилъ Лянцъ. На первый день Пасхи 1630 г. панъ этотъ вырѣзалъ поголовно все населеніе мѣстечка Лысянки безъ различія пола и возраста; жители искали спасенія въ церкви, но солдаты ворвались туда и всѣхъ истребили. Другой его отрядъ вырѣзалъ всѣхъ жителей мѣстечка Дымера. Понятно, что народъ убѣгалъ къ Тарасу, вокругъ котораго вскорѣ собралось нѣсколько десятковъ тысячъ душъ, но войско это было не обучено и не вооружено.

Мы уже видѣли причины, усиливавшія составъ козацкаго войска; теперь-же къ прежнимъ контингентамъ прибавился еще одинъ. Принужденіе мѣщанъ къ принятію уніи, лишеніе ихъ магистратскихъ должностей, наказанія за сопротивленіе при опечатываніи церквей и отбираніи церковныхъ имуществъ и т. д.,—все это увеличивало количество бѣглецовъ.

Въ Переяславѣ сошлись всѣ козацкія силы, туда-же направился и Конецпольскій. Исходъ этой войны описываютъ различно, но свидѣтельства историковъ, какъ польскихъ, такъ и русскихъ сходятся въ одномъ, что Конецпольскій потерялъ подъ Переяславомъ больше войска, чѣмъ стоила ему трехлѣтняя шведская война. Наконецъ гетманъ Тарасъ попалъ въ руки поляковъ и былъ казненъ; это подтверждается и свидѣтельствомъ посла Пясочинскаго, извѣщавшаго Порту о томъ, что гетманъ козацкій и его старшина наказаны смертью.

Сигизмундъ III тѣшился мыслью, что ему удалось наконецъ обратить южно-руссовъ въ унію и католичество, и не замѣчалъ

въ своемъ ослѣпленіи, что навсегда разрознилъ своихъ подданныхъ, поселивши въ нихъ ненависть другъ къ другу по религіознымъ вопросамъ, ослабилъ Польшу путемъ пониженія культуры и приготовилъ могилу для государства, котораго онъ былъ королемъ. Внутреннее разстройство Польши при Сигизмундѣ III въ первый разъ породило мысль о раздѣлѣ этого государства. Молдавскій господарь Михаилъ, поддерживаемый австрійцами и турками, подумывалъ уже о раздѣлѣ Польши, основываясь на ненависти малорусскаго народа къ брестской уніи. А между тѣмъ король не обращалъ вниманія на разстройство государственнаго организма, онъ всецѣло занятъ былъ диссидентами. Если признать, что упадокъ Польши начинается со времени Сигизмунда III, то спрашивается, чѣмъ-же вызвалъ его этотъ король? Исторія отвѣчаетъ: ввелъ унію.

XIV.

Смерть Сигизмунда III, случившаяся въ 1632 г., оживила подавленныя надежды русскаго народа. На провинціальный сеймъ въ Луцкъ съѣхались около двухсотъ волынскихъ дворянъ и главнымъ предметомъ ихъ совѣщаній была православная вѣра. Остальные православные паны собрались въ Варшавѣ вокругъ Петра Могилы, явившагося въ качествѣ уполномоченнаго отъ митрополита Исаіи Копинскаго, и пытались юридическимъ путемъ принудить правительство къ возвращенію всѣхъ прежнихъ правъ и гарантій для православной церкви.

Главными дѣятелями православной партіи были въ то время: Адамъ Кисель, Лаврентій Древинскій и Воровичъ. Они требовали уничтоженія всѣхъ предписаній, изданныхъ съ 1596 г. и направленныхъ въ пользу уніатамъ и во вредъ православнымъ, которыми не только стѣснялась свобода совѣсти, но и запрещалось православнымъ строить церкви, занимать магистратскія должности и т. п. Требовали полной свободы совѣсти какъ въ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ и королевскихъ имѣніяхъ не только для лицъ, удержавшихся въ православіи, но и для тѣхъ, которые пожелали-бы оставить унію и возвратиться къ прежней вѣрѣ. Далѣе требовали права основывать школы и типографіи, права свободно издавать и читать книги, не содержащія въ себѣ ничего противъ короля и Рѣчи Поспо-

литой, чтобы никто изъ-за этихъ причинъ не привлекался ни къ духовному, ни къ свѣтскому суду, а чтобы, напротивъ, подвергался отвѣтственности каждый, кто причинитъ насиліе церкви, или будетъ препятствовать собраніямъ православныхъ. Требовали также, чтобы признано было законнымъ посвященіе кіевскаго митрополита патріархомъ, чтобы всѣ епархіи, коллегіи, типографіи и госпитали вмѣстѣ съ фундушами, назначенными для ихъ содержанія и захваченными уніатами, были возвращены православнымъ, чтобы всѣ опечатанныя церкви были открыты для православнаго богослуженія, а паны католики разрѣшили-бы своимъ православнымъ подданнымъ строить церкви въ ихъ имѣніяхъ. Наконецъ требовали, чтобы русскимъ духовнымъ властямъ возвращены были всѣ захваченные уніатами церковные акты и метрики, чтобы на будущее время всѣ спорныя дѣла между греческимъ и латинскимъ духовенствомъ разбирались не въ Римѣ, а смѣшаннымъ судомъ въ мѣстныхъ трибуналахъ, чтобы въ своихъ занятіяхъ православные купцы и ремесленники пользовались равными правами съ католиками, наконецъ, чтобы шляхта православная не устранялась отъ должностей за свое вѣроисповѣданіе. Всѣ эти условія, по требованію православной партіи, должны быть внесены въ королевскую присягу.

Того-же самаго требовали для себя и лица другихъ вѣроисповѣданій.

Послѣ долгихъ безплодныхъ споровъ православные съ диссидентами обратились къ посредничеству Владислава и, благодаря его вліянію, проэктировано было соглашеніе между уніатами и православными на слѣдующихъ условіяхъ: православнымъ возвращены будутъ кіевская митрополія со всѣми церквями и монастырями, за исключеніемъ Софійскаго собора и Выдубецкаго монастыря, львовская епархія со всѣми церквями и монастырями, не принявшими уніи, епархіи луцкая и перемышльская, когда сдѣлаются вакантными, архимандріи печерская и жидичинская, въ Литвѣ епархіи пинская и мстиславская, и вездѣ объявлена будетъ свобода богослуженія; останутся неприкосновенными братства, школы, семинаріи и госпитали съ правомъ открывать новые, а не-униты будутъ допущены къ занятію общественныхъ должностей въ городахъ; наконецъ прекращены будутъ всѣ религіозные процессы, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ священникъ принялъ

унію, а прихожане не пожелаютъ къ ней пристать, церковь должна быть отдана прихожанамъ.

Впрочемъ, ни католики, ни православные не удовлетворились такими уступками; послѣднимъ хотѣлось, чтобы этотъ компромиссъ послужилъ только основаніемъ для дальнѣйшихъ уступокъ въ будущемъ.

На избирательномъ сеймѣ явились также послы отъ козаковъ, которые съ своей стороны жаловались какъ на притѣсненіе своей вѣры, такъ и на сокращеніе своихъ правъ. «Всѣмъ извѣстно, какія тяжкія обиды переносили мы въ царствованіе покойнаго короля. Въ теченіи слишкомъ тридцати лѣтъ мы на каждомъ сеймѣ просили со слезами о неприкосновенности нашей древней церкви, но насъ постоянно обманываютъ, откладывая рѣшеніе этого вопроса отъ сейма до сейма, до настоящаго времени. Паны украинскіе не желаютъ терпѣть козаковъ въ своихъ имѣніяхъ, и въ тоже время не даютъ намъ возможности удалиться, запрещая своимъ подданнымъ покупать наши дома и имущества, и т. д.».

Требуя полнаго уничтоженія уніи и терпимости для православныхъ, козаки обѣщаютъ, вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ, не жалѣть жизни для защиты отечества. Итакъ не православіе, а религіозная нетерпимость навлекла на Польшу грозныя опасности.

На избирательномъ сеймѣ опять возобновился религіозный споръ и когда православные депутаты отказались заняться другими вопросами, пока ихъ дѣло не будетъ покончено, рѣшено было, чтобы обѣ стороны избрали не заинтересованное лице для третейскаго суда. Такимъ третьимъ лицемъ могъ быть одинъ королевичъ Владиславъ, кандидатъ на престолъ. Къ нему и обратились депутаты обѣихъ сторонъ; по просьбѣ ихъ Владиславъ согласился принять роль полюбовнаго судьи и пригласилъ къ участію въ этомъ дѣлѣ двухъ сенаторовъ и четырехъ пословъ. Судьи признали справедливыми уступки, означенныя въ меморіалѣ конвокаціоннаго сейма, и рѣшеніе ихъ утверждено избирательнымъ сеймомъ.

Послѣ избранія его королемъ, Владиславъ выдалъ православнымъ грамоту, въ которой ясно опредѣлялась данная православной церкви свобода. Каждому дозволялось переходить въ унію, или изъ уніи въ православіе; православнымъ предоставлено право избранія

епископовъ и митрополита, послѣдній долженъ получать посвященіе отъ константинопольскаго патріарха; луцкая епархія должна быть отдана немедленно, а перемышльская и львовская послѣ ихъ освобожденія; въ Литвѣ должны быть учреждены епархіи мстиславская, оршанская и могилевская; всѣ религіозные процессы прекращены, и наконецъ кромѣ всѣхъ уступокъ, означенныхъ въ меморіалѣ, кіевскому митрополиту возвращенъ и Софійскій соборъ. Уніатскому митрополиту предоставлена была власть только надъ уніатами и для его жительства назначенъ Выдубицкій монастырь. Послѣ всѣхъ этихъ компромиссовъ обѣ стороны обязаны были жить въ мирѣ и согласіи.

Новый король благосклонно относился къ козакамъ, помня ихъ услуги въ московскихъ походахъ и нуждаясь въ ихъ помощи для новой войны съ русскими, уже осадившими Смоленскъ.

Однако доброе расположеніе короля не могло защитить козаковъ отъ ненависти шляхты, которая усматривала въ нихъ элементъ, опасный для государства.

Какъ мы уже видѣли, взгляды и стремленія шляхты и козаковъ были діаметрально противоположны между собою. Шляхта считала землю своею исключительно собственностью и не могла понять своего существованія иначе, какъ съ подданными, съ панщиной и другими видами неволи. Напротивъ козаки, а за ними и весь народъ, признавали землю собственностью того, кто первый занялъ ее для обработки. Находясь подъ властью козаковъ, народъ платилъ только подать въ войсковую казну, былъ вполнѣ свободнымъ и не испытывалъ никакихъ препятствій въ своихъ земледѣльческихъ занятіяхъ.

Хотя Владиславъ и уравнялъ въ правахъ православныхъ съ уніатами, но тѣмъ не менѣе свобода греко-восточной вѣры должна была остаться только на бумагѣ, такъ какъ на сторонѣ уніатовъ было почти все дворянство въ краѣ, между тѣмъ какъ за православіе стояла только небольшая часть шляхты и козаки, т. е. именно та часть народа, которая силилась только вырваться изъ неволи. Сверхъ того, такъ какъ сеймъ постановилъ одни церкви отдать православнымъ, другія уніатамъ, то потребовалась особая коммисія для выполненія этого дѣла; вмѣстѣ съ вопросомъ о церквахъ шелъ вопросъ о церковныхъ имуществахъ, приводившій къ спорамъ, въ

которыхъ одерживала верхъ та сторона, за которую стояло большинство шляхты.

Въ послѣдній день коронаціоннаго сейма была прочитана грамота въ пользу православныхъ; католики приняли ее съ большимъ раздраженіемъ.

И такъ примирительные пункты сейма и грамота короля Владислава IV, выданная русскому народу, не примирили религіозныхъ раздоровъ и не прекратили преслѣдованія православной вѣры, такъ какъ въ государственномъ организмѣ Польши укоренилась иноземная, чуждая государственнымъ интересамъ, власть, которая стремилась наложить оковы на разумъ и совѣсть народа. Представителями этой власти было католическое духовенство и въ особенности іезуиты.

Едва изданы были вышеуказанные примирительные пункты, какъ тотчасъ поднялись протесты отъ всего католическаго и уніатскаго духовенства. Примасъ королевства, а вслѣдъ за нимъ и вся клерикальная партія заявили, что никакія постановленія короля и сейма, направленныя въ пользу православныхъ, не могутъ имѣть законной силы до тѣхъ поръ, пока не получатъ утвержденія отъ папскаго престола. Вслѣдъ затѣмъ отъ лица католическаго и уніатскаго духовенства послана была депутація къ папѣ Урбану VIII съ жалобою на распоряженія польскаго правительства, «нарушавшія права римскаго костела въ пользу еретиковъ и отступниковъ».

Владиславъ IV, ясно сознававшій, что интересы церкви не сходятся съ государственными интересами, которые въ свою очередь подвергаются опасности, напрасно старался убѣдить намѣстника св. Петра въ томъ, что возвращеніе русскому народу его религіозныхъ правъ основано на строгой справедливости, что въ противномъ случаѣ неизбѣжно должна вспыхнуть междоусобная война, и что наконецъ самое дѣло объединенія церквей подвергается опасности, если папа не утвердитъ пунктовъ, поставленныхъ сеймомъ для прекращенія религіозныхъ раздоровъ.

Урбанъ VIII передалъ дѣло на разсмотрѣніе конгрегаціи de propaganda fidei, которая отвергла какъ сеймовыя постановленія въ пользу православной вѣры, такъ и королевскую грамоту къ русскому народу, объявивши ихъ противными всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ. Такъ были парализованы спасительныя для

Польши попытки Владислава IV, и унія, какъ и предсказывалъ этотъ король, римской политикой обрекалась на погибель, что вполнѣ подтверждалось дальнѣйшими событіями. Въ то-же время папскому нунцію въ Польшѣ предписывалось издать отъ имени апостольской столицы манифестъ, уничтожающій всѣ права, какія-бы ни были предоставлены православной церкви.

Вотъ почему въ то-же время уніатскій митрополитъ Рутскій получилъ на сеймѣ 1655 г. королевскую грамоту, обезпечивавшую уніатскимъ епископамъ все, что до того времени находилось во владѣніи уніатовъ, и предписывавшую, чтобы схизматики не имѣли ни одной церкви въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Новогродкѣ.

Со времени введенія уніи и до смерти Владислава IV польское правительство издаетъ 10 конституцій въ пользу греко-восточнаго вѣроисповѣданія, но всѣ онѣ остались безъ послѣдствій 1) потому, что католическое духовенство, ставившее церковь выше государства, не считало себя обязаннымъ подчиняться этимъ предписаніямъ, а 2) и потому, что всѣ конституціи касались одной только шляхты.

Православный панъ могъ, если хотѣлъ, въ своемъ имѣніи или староствѣ строить церкви и монастыри, покровительствовать духовенству и т. д; но для нетолерантнаго католика всѣ конституціи оставались безсильны, помѣщики по прежнему захватывали церковныя имущества и самыя церкви обращали въ уніатскія; въ городахъ одни католики избирались на магистратскія должности, а во Львовѣ православнымъ запрещено было не только участвовать въ городской радѣ, но даже заниматься торговлею и вписываться въ ремесленные цехи. Львовскій магистратъ не дозволялъ русинамъ ни спокойно жить, ни даже спокойно умирать [1]).

Въ 1634 г. воспитанники іезуитской коллегіи въ Луцкѣ напали на православный монастырь св. Креста, избили монаховъ, преподавателей, учениковъ и нищихъ въ госпиталѣ, разграбили кассу братства, затѣмъ разбивали дома, били хозяевъ и нѣсколько человѣкъ убили на смерть; но, не подвергаясь никакой отвѣтственности, хвастали своими подвигами, называя ихъ дѣломъ богоугоднымъ.

На пространствѣ всей русской территоріи возникло безчисленное множество религіозныхъ процессовъ. Іезуиты подстрекаютъ като-

---

[1]) Bandtke, t. II, str. 367.

ликовъ и уніатовъ доносить на православныхъ и обвинять ихъ въ оскорбленіи римско-католической вѣры; обжалованныхъ заковывали въ цѣпи и подвергали болѣе или менѣе продолжительному тюремному заключенію. Дизуниты вынуждены представлять на сеймъ горькія жалобы на то, что законы, изданные при вступленіи Владислава на престолъ, не приводятся въ исполненіе и церковь православная страдаетъ по прежнему. Подобныя жалобы продолжаются до самаго 1648 г., но всегда остаются безъ послѣдствій.

Между тѣмъ какъ религіозный фанатизмъ мало по малу приводилъ государство къ паденію, ненормальность общественныхъ отношеній съ своей стороны неизбѣжно должна была привести къ тому-же результату.

Въ 1635 г. гетманъ Конецпольскій, въ видахъ укрощенія козаковъ, основалъ на низовьяхъ Днѣпра крѣпость Кодакъ. Въ іюлѣ того-же года козаки подъ предводительствомъ Сулимы возвращались изъ морскаго похода; замѣтивъ новую крѣпость, козаки бросились на нее, взяли приступомъ и вырѣзали весь гарнизонъ. Подымалось новое возстаніе.

Подъ знамена Сулимы пришли и реестровые козаки. Посолъ ихъ сказалъ запорожскому войску: «Ляхи хочуть выгубиты насъ усихъ до щенту; прыймить насъ до себе, то будемо разомъ боронытысь». Самовольные козаки, не довѣряя реестровымъ, отвѣчали: «заприсягнить намъ, що не маете на думци ничого злого». Реестровые принесли присягу; вооруженный отрядъ ихъ, высланный Конецпольскимъ для прекращенія бунта и превосходившій числомъ войска Сулимы, вошелъ въ окопы. Вскорѣ они арестовали Сулиму съ пятью старшинами и выдали ихъ Конецпольскому, который отослалъ плѣнниковъ въ Варшаву, гдѣ они были казнены по требованію татаръ и турокъ. Послѣ того гетманомъ избранъ Томиленко. Конецпольскій получилъ приказъ размѣстить свое войско на постой въ Украйнѣ; солдаты выказывали въ отношеніяхъ къ народу большую жестокость и произволъ. Козаки съ своей стороны обращались съ жалобами къ королю и требовали уплаты слѣдуемаго имъ жалованья.

Въ это время крымскій ханъ воевалъ съ буджацкими татарами, часто тревожившими Польшу своими набѣгами. При этомъ случаѣ онъ вошелъ въ пріятельскія отношенія съ польскимъ пра-

вительствомъ, которое позволило козакамъ оказать ему помощь. Между тѣмъ какъ отрядъ смѣльчаковъ изъ запорожцевъ и выписчиковъ, подъ предводительствомъ Павлюка, отправился на помощь къ хану, оставшіеся дома послали на сеймъ депутатовъ съ жалобами и съ требованіемъ уплаты. Но и на этотъ разъ на свои жалобы козаки, какъ и всегда, получили неблагопріятный отвѣтъ съ извѣстіемъ, что прислана будетъ коммисія для разслѣдованія дѣла. Коммисія состояла изъ Станислава Потоцкаго и Адама Киселя.

Козаки требовали возврата Корсуня «на гармату», но съ своей стороны не соглашались отдать пушки, захваченныя въ Кіевѣ. Когда-же коммисія не могла успокоить козаковъ, Потоцкій обратился къ нимъ съ энергичною рѣчью: «Напрасно бунтуетесь, панове молодци; если-бы даже Рѣчь Посполитая нашлась вынужденною обнажить противъ васъ мечъ, она его обнажитъ и изгладитъ самое имя ваше». Такъ аргументировалъ польскій панъ, и свойственное его племени самомнѣніе не позволяло ему допустить и мысли о томъ, чтобы козаки могли подчиниться кому-нибудь другому.

Между тѣмъ Павлюкъ возвратился изъ похода и, узнавъ, что дѣлается на Украйнѣ, сдѣлалъ набѣгъ на Черкасы, забралъ пушки и увезъ на Запорожье и вмѣстѣ съ тѣмъ разослалъ универсалы, въ которыхъ значилось, «что никто, желающій быть козакомъ, не долженъ быть принуждаемъ къ подданству панамъ». Сочувствіе къ Павлюку возрастало и среди реестровыхъ, часть ихъ низложила Томиленка съ уряда и выбрала на его мѣсто Савву Кононовича; Конецпольскій утвердилъ выборы, но утвержденіе уже не застало Кононовича въ живыхъ, такъ какъ Павлюкъ, услыхавъ о переворотѣ, захватилъ Савву и нѣкоторыхъ старшинъ; по козацкому обычаю имъ прочитанъ приговоръ за измѣну ихъ козацкому дѣлу, послѣ чего они были казнены. Та-же самая рада, что судила Кононовича, объявила гетманомъ Павлюка, которому подчинился и Томиленко.

Убѣдившись, что поляки вмѣсто того, чтобы при помощи козаковъ держать турокъ въ повиновеніи, предпочитали покупать данью ихъ дружбу, чтобы имѣть возможность всѣ свои силы обратить противъ козаковъ, Павлюкъ разсылаетъ универсалъ, призывая народъ къ оружію, оставляетъ на Украйнѣ чигиринскаго полковника Скидана, а самъ отправляется на Запорожье собирать силы. Между

тѣмъ Конецпольскій приказалъ польному гетману Николаю Потоцкому стягивать войска, которыя впрочемъ бунтовались, не получая жалованья. Время было весьма удобное для успѣшнаго нападенія на поляковъ и козаки съ нетерпѣніемъ ожидали Павлюка; но онъ напрасно потратилъ время, трактуя съ ханомъ о помощи. Ханъ отказалъ въ содѣйствіи, а между тѣмъ правительство дозналось о планахъ Павлюка.

Рѣшительная битва поляковъ съ козаками произошла подъ Кумейками. Вытѣсненные изъ лагеря, козаки окопались вблизи мѣстечка Боровицы; Потоцкій далъ отдыхъ своему войску, а козакамъ послалъ универсалъ, въ которомъ именемъ короля обѣщалъ прощеніе, если они покорятся и будутъ просить милости. Между тѣмъ въ козацкомъ лагерѣ происходили несогласія. Полковники Скиданъ и Чечуга, видя свое дѣло проиграннымъ, ушли изъ лагеря въ надеждѣ сохранить себя на будущее время. Между тѣмъ появились универсалы Потоцкаго и письмо Киселя; реестровые забунтовались, сваливая всю вину на Павлюка, который подстрекнулъ ихъ, а самъ ушелъ въ Сѣчь и потерялъ удобное время. Нашлись ораторы, говорившіе, что слѣдуетъ выдать Павлюка и тѣмъ загладить свою вину передъ правительствомъ; этихъ послѣднихъ удерживалъ Гуня, распорядительности котораго козаки обязаны были своимъ спасеніемъ подъ Кумейками.

Когда Потоцкій приблизился къ Боровицѣ, реестровые козаки выдали Павлюка, Томиленка и Ивана Злого. Послѣ того имъ приказано было собраться на раду, сюда явились коммисары, вычитали козакамъ ихъ вины, объявили утрату прежнихъ правъ, низложили старшину и назначили новую. Козаки принуждены были дать письменное обязательство, скрѣпленное присягою, въ томъ, что будутъ повиноваться правительству, прекратятъ морскіе походы, сожгутъ лодки и т. д. Грамота эта, подписанная въ числѣ прочихъ и Хмельницкимъ, ставшимъ черезъ десять лѣтъ послѣ того во главѣ козачества и всего русскаго народа, можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ того, до какой степени безсильны всевозможные договоры, если они заключаются вопреки естественной логикѣ фактовъ и вопреки законамъ историческаго развитія.

По усмиреніи возстанія, Потоцкій отправился для наказанія крестьянъ въ свое имѣніе Нѣжинъ, гдѣ также подымались волне-

нія; нѣсколько дней продолжалась экзекуція, послѣ чего, проѣзжая черезъ Кіевъ, Потоцкій приказалъ посадить на колъ полковника Кизима съ сыномъ. Павлюкъ, Томиленко и Иванъ Злый съ двумя товарищами въ цѣпяхъ доставлены въ Варшаву и здѣсь казнены, не смотря на усиленное ходатайство Киселя о дарованіи имъ жизни. «Они сдались добровольно, говорилъ онъ; я поручился, что республика оставитъ имъ жизнь; если теперь они будутъ казнены, народъ утратитъ довѣріе какъ къ поручителю, такъ и къ самому правительству». Однако заступничество его не помогло.

Послѣ казни Павлюка сеймъ варшавскій 1638 г. опредѣлилъ уничтожить всѣ права и привиллегіи, какими пользовались еще козаки, ихъ самихъ обратить въ крѣпостныхъ и принудить къ уніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановили овладѣть Запорожьемъ и организовать въ немъ постоянную стражу, которая не допускала-бы скопленія бѣглаго люда для морскихъ походовъ и возмущенія Украйны; что же касается реестровыхъ козаковъ, то имъ хотѣли поручить охрану днѣпровскихъ бродовъ, поставивъ ихъ сперва въ зависимость отъ короннаго гетмана, который долженъ былъ держать ихъ въ повиновеніи посредствомъ назначаемаго имъ самимъ коммисара и т. д.

Коммисары прибыли на Украйну, привели козаковъ къ обычной присягѣ: повиноваться правительству, не ходить на море, не созывать черной рады, никого не принимать въ свои ряды; два полка, чигиринскій и бѣлоцерковскій, подъ начальствомъ полковника Мѣлецкаго, назначеннаго коммисаромъ, отправлены на Запорожье съ предписаніемъ выгнать бѣглецовъ и остаться въ качествѣ пограничной стражи.

Между тѣмъ польскія войска занимаютъ и лѣвый берегъ Днѣпра и безчеловѣчно обращаются съ народомъ: повсюду торчали висѣлицы и колы. Народъ толпами бѣжалъ отъ притѣсненій въ московское государство, гдѣ украинцы получали достаточно земли для поселенія; иные по прежнему уходили въ Сѣчь.

Въ мартѣ 1639 г. полковникъ Мѣлецкій, приблизившись къ границамъ Запорожья, послалъ козацкихъ старшинъ объявить запорожцамъ королевскую милость и потребовать выдачи Скидана, Чечуги и другихъ предводителей, ушедшихъ изъ-подъ Боровицы. Въ отвѣтъ на эти требованія запорожцы арестовали пословъ. Мѣлецкій попробовалъ было употребить въ дѣло оружіе, но вскорѣ убѣдился, что

реестровые козаки весьма неохотно шли противъ своихъ братьевъ, а часть ихъ прямо перешла на сторону запорожцевъ. Въ виду необходимости защиты запорожцы выбрали новаго гетмана, Острянина.

Весною того-же года Острянинъ и Скиданъ вышли въ Украйну: козаки одержали сперва побѣду подъ Голтвой, затѣмъ встрѣтились съ поляками у Жовнина. Послѣ упорной битвы, продолжавшейся цѣлый день, поляки прорвали козацкій таборъ, отняли четыре оруді и множество возовъ съ провіантомъ. Острянинъ съ частью конницы успѣлъ переправиться вплавь черезъ р. Сулу и уйти. Этимъ пораженіемъ оканчивается военная дѣятельность Острянина. Козаки тотчасъ выбрали предводителемъ Гуню и продолжали отстрѣливаться въ лагерѣ, отражая всѣ приступы Вишневецкаго въ надеждѣ вскорѣ получить изъ-за Днѣпра подкрѣпленіе отъ Скидана; но узнавши, что на помощь полякамъ идутъ свѣжія силы, сняли лагерь и, отстрѣливаясь шагъ за шагомъ, направились къ югу и окопались при впаденіи рѣчки Старицы въ Днѣпръ, въ ожиданіи подкрѣпленія. Въ теченіи шести недѣль продолжалась осада, сопровождавшаяся постоянными стычками; положеніе козаковъ становилось все болѣе критическимъ; начались переговоры о мирѣ,—Гуня наконецъ соглашался сдаться на милость короля. Это одно доказываетъ уже, что козаки подымали оружіе не противъ короля, а противъ распоряженій польской шляхты и сеймовъ.

Начавъ переговоры о мирѣ, Гуня разсчитывалъ на подкрѣпленіе, которымъ предводительствовалъ Филоненко, но поляки тоже своевременно узнали о приближеніи этой помощи и выслали свои отряды, чтобы разбить подходившихъ козаковъ или по крайней мѣрѣ не допустить ихъ соединиться съ осажденными. Правда, Филоненку удалось прорваться въ козацкій лагерь, но въ схваткахъ съ поляками онъ потерялъ столько провіанта и аммуниціи, что оставшихся въ цѣлости припасовъ едва могло достать на два дня. Не оставалось другаго исхода, какъ снова заключать договоръ съ поляками, но Гуня уже не принялъ въ немъ участія—онъ ушелъ изъ лагеря вмѣстѣ съ Филоненкомъ.

Козаки отправили пословъ къ королю съ просьбою о мирѣ. 4 декабря польный гетманъ созвалъ ихъ на урочище «Масловъ Ставъ» для выслушанія отвѣта короля и Рѣчи Посполитой. Отвѣтъ былъ короткій: козаки лишаются всѣхъ прежнихъ правъ, въ томъ

числѣ и права избранія своихъ старшинъ, а вмѣсто выборнаго гетмана и прочей старшины, отнынѣ будутъ получать назначенныхъ правительствомъ чиновниковъ изъ шляхты.

Между тѣмъ Острянинъ и Гуня удалились въ предѣлы московскаго царства; съ ними ушло также значительное количество козаковъ, селившихся хуторами на плодородной равнинѣ нынѣшней харьковской и курской губерній.

Послѣ усмиренія козацкаго возстанія шляхта обратила всю свою месть противъ народа, но и реестровому козачеству пришлось немногимъ лучше; полковники и коммисары присваивали въ свою пользу ихъ жалованье, обращались съ козаками, какъ со своими подданными и обогащались на ихъ счетъ.

Между тѣмъ на Украйнѣ начинаетъ устанавливаться новый экономическій распорядокъ, знатные магнаты, какъ Вишневецкіе, Конецпольскіе, Калиновскіе, Потоцкіе и др. получаютъ въ собственность огромные участки земли. По свидѣтельству Боплана, онъ основалъ для одного только коронпаго гетмана сто селъ на территоріи бывшихъ свободныхъ козацкихъ поселеній; козакамъ запрещено было даже занятіе рыбной ловлей и охотой въ новыхъ панскихъ имѣніяхъ, а по мѣрѣ ихъ распространенія водворялись въ краѣ іезуиты и распространялась унія. Однако занятіе обширныхъ пространствъ панами, вмѣсто желаннаго спокойствія, послужило залогомъ новыхъ неурядицъ въ будущемъ. Для того, чтобы имѣнія могли приносить доходы, они нуждались въ рабочихъ силахъ, которыя можно было привлечь только обѣщаніемъ льготъ на продолжительные сроки, по истеченіи которыхъ они становились поводомъ къ новымъ волненіямъ.

Мы видѣли, что кромѣ мѣщанъ и козаковъ и среди высшаго класса на Руси находились люди, подымавшіе свой голосъ на защиту своей вѣры и народности, но заступничество ихъ дѣлалось все рѣже, пока наконецъ совсѣмъ не прекратилось. Правда, среди русской шляхты были еще люди, преданные православію, но двойственность стремленій дѣлала ихъ неспособными къ энергичному протесту; между тѣмъ какъ симпатіи религіозныя могли связывать ихъ съ русскимъ народомъ, соціальныя выгоды привлекали ихъ на польскую сторону. Въ результатахъ получались жалобы отъ лица русской шляхты, но мы не встрѣчаемъ въ исторіи никакихъ

рѣшительныхъ дѣйствій, никакихъ жертвъ съ ихъ стороны на пользу православія. При возрастающихъ козацкихъ волненіяхъ многіе изъ русской шляхты, дзя сохраненія своей жизни и имущества, находились вынужденными или пристать къ козачеству, или сдѣлаться поляками, т. е., отрекшись отъ своей народности, принять католичество, чѣмъ только и обезпечивались для нихъ права польской шляхты и открывался путь къ полученію староствъ и другихъ должностей.

Отсюда происходило также, что по мѣрѣ того, какъ народное возстаніе принимаетъ болѣе широкіе размѣры и грозитъ большимъ опустошеніемъ края, измѣняется и смыслъ сеймовыхъ постановленій; въ постановленіяхъ этихъ мѣстные дворяне уже не трактуютъ ни о русской народности, ни о православной вѣрѣ, напротивъ, заявляютъ себя ревностными католиками. Правда, волынское дворянство проситъ еще о возвращеніи церквей, отнятыхъ у православнаго духовенства, но руководится въ этомъ случаѣ уже не преданностью вѣрѣ предковъ, а только желаніемъ предотвратить новое народное возстаніе.

Такая перемѣна въ духѣ сеймовыхъ постановленій доказываетъ, какъ быстро шла полонизація русской шляхты, благодаря постановленіямъ, правамъ и привиллегіямъ, какими пользовались одни католики, въ особенности-же благодаря іезуитскому воспитанію; съ перемѣною религіи русскіе паны утрачивали и свою народность, усвояя польскій духъ и языкъ, нравы и обычаи; принявъ католичество и пользуясь всѣми правами, они уже считали себя поляками.

Правда, со времени введенія уніи въ русскомъ обществѣ появилось было стремленіе поднять русскую уніатскую церковь, а съ нею вмѣстѣ и русскую народность; желая парализовать православіе, хотѣли было создать новое русское просвѣщеніе, по крайней мѣрѣ религіозное, но это направленіе явилось уже слишкомъ поздно для ополяченнаго зажиточнаго класса. Въ польской Руси трудно уже было представить себѣ лицъ, по происхожденію и состоянію принадлежащихъ къ высшему классу, иначе какъ съ польскимъ языкомъ и польскими правами. Подчиняясь польскому вліянію, этотъ высшій классъ уже не нуждался въ прежнихъ традиціяхъ и относился свысока ко всему русскому.

Простой народъ хотя и огорчался униженіемъ вѣры своихъ предковъ, но, какъ сословіе безсильное и безправное, ничѣмъ не могъ помочь горю и съ теченіемъ времени могъ-бы забыть прежнюю религію. Въ свою очередь и мѣщанство также не имѣло нужныхъ силъ для того, чтобы самому оказывать вѣское сопротивленіе, и потому, въ силу естественнаго хода вещей, современемъ все было-бы окатоличеннымъ и ополяченнымъ. Но, къ неудовольствію католиковъ и поляковъ, подымается противъ нихъ вооруженное козачество—цвѣтъ и матеріальная сила русскаго народа.

Время доказало, что унія, придуманная первоначально для привлеченія высшаго сословія, не понравилась ему,—паны предпочитали просто сдѣлаться католиками; въ концѣ концевъ оставался для обращенія въ унію только простой народъ, который прежде не имѣлся въ виду; вотъ почему новая вѣра и не могла пользоваться такимъ почетомъ, какъ вѣра пановъ. Итакъ, съ теченіемъ времени, католическая пропаганда начинала уже достигать намѣченной цѣли—русская шляхта подчинилась ей и ополячилась. Переманивъ на свою сторону такіе вліятельные русскіе роды, какъ Жолкевскіе, Сапѣги, Чарторыйскіе, Реи и, что еще хуже, такихъ ученыхъ, какъ Саковичи, Смотрицкіе и др., Польша, повидимому, отняла у Руси все, что составляло самый прочный жизненный элементъ соціальнаго организма. Въ дѣйствительности-же оказалось, что она украсила свой латинскій бытъ только свѣжими вѣтвями русскаго дерева, между тѣмъ какъ корни и стволъ его остались невредимы и при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ въ состояніи были дать новые побѣги и цвѣты. Вотъ почему католическая пропаганда не могла уничтожить русскаго народа, какъ не могла къ нему привиться. Только разладъ становился сильнѣе, такъ какъ дворянство, отрекшись отъ своей вѣры и народности, порвало внутреннюю моральную связь съ русскимъ народомъ, сдѣлалось чуждымъ по отношенію къ нему, а власть, какую оно сохранило надъ мѣстными крестьянами, получаетъ характеръ иноземнаго господства. Отказавшись отъ своей національности, русскіе паны перестаютъ быть представителями русскихъ интересовъ и теряютъ свои національныя и политическія традиціи.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ существовала тѣсная связь между тѣмъ, какъ народъ смотрѣлъ на свое прошлое и тѣмъ, какъ

онъ относился къ своему настоящему. Только забвеніе своего прошлаго или, что тоже, охлажденіе къ роднымъ преданіямъ было причиной перехода южно-русскаго общества отъ русскаго элемента къ польскому, отъ собственнаго центра къ чуждому. Однако, несмотря на всѣ препятствія, естественный ходъ народной жизни южно-русскаго края не прекратился. Связь Руси съ ея прошлымъ опиралась не на шляхтѣ, не на Смотрицкихъ или Саковичахъ, она поддерживалась русскимъ народомъ и его представителями—Могилами, Борецкими, Вышенскими. Они-то и спасли русскую національную самобытность.

Причины, вызывавшія полонизацію русской шляхты, не имѣли вліянія на всю народную массу. Въ то время, какъ верхніе слои русскаго общества превращаются въ польскій элементъ при посредствѣ католической культуры, низшіе слои, при всей своей бѣдности и необразованности, не обрываютъ связи съ тѣмъ, что создало русскую жизнь еще во времена дотатарскія, они по прежнему остаются *русскимъ* народомъ, свято охраняющимъ основы своей національной самобытности—языкъ, вѣру предковъ и, по мѣрѣ возможности, общинное устройство.

Послѣ отпаденія дворянства мѣщане вмѣстѣ съ убогимъ духовенствомъ остаются защитниками края и вѣры во имя Руси. Благодаря своей стойкости, мѣщанство послужило твердымъ оплотомъ въ дѣлѣ обороны русской народности и если гдѣ нибудь, то прежде всего въ Кіевѣ, олицетворяло собою русскій народъ среди польскаго. Не на шляхту кіевской земли, а на кіевскихъ мѣщанъ смотрятъ теперь православные жители Вильны, Полоцка, Могилева, Луцка, Львова и др. съ готовностью подражать имъ въ трудныхъ случаяхъ. Центръ тяжести національной жизни фактически перемѣстился въ Кіевъ—центръ Украйны. Этимъ объясняется тотъ фактъ, почему впослѣдствіи унія, съ цѣлью привлеченія мѣщанъ, начинаетъ искать прозелитовъ среди городскихъ ремесленниковъ и, будучи прежде доступной только для лицъ высшаго сословія, начинаетъ съ теченіемъ времени возвышать людей низкаго происхожденія, какъ напримѣръ Іоасафата Кунцевича.

Кромѣ церкви православной, представителями которой являются духовенство и мѣщанство, на защиту русскаго дѣла, какъ мы видѣли, подымаются прежде всего козаки. Хотя обѣ эти стороны и

не всегда соображались другъ съ другомъ въ своихъ дѣйствіяхъ, онѣ тѣмъ не менѣе шли въ одномъ направленіи и къ одной цѣли. Русскій народъ видѣлъ себя оставленнымъ панами, въ особенности послѣ того, какъ со смертью князя Константина Василія Острожскаго (1608 г.) погибла послѣдняя опора православной вѣры; легальные протесты оставались безъ послѣдствій, отъ короля тоже нельзя было ожидать никакихъ уступокъ,—выведенный изъ терпѣнія народъ долженъ былъ искать другой поддержки. И вотъ онъ начинаетъ группироваться вокругъ козацкихъ гетмановъ, пока наконецъ не подымается цѣлою массою подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ разрѣшить тотъ вопросъ, который не могъ быть разрѣшенъ русскою шляхтою путемъ сеймовыхъ совѣщаній. Такъ протестуетъ Русь сперва при посредствѣ своего дворянства, затѣмъ при посредствѣ мѣщанскихъ корпорацій и наконецъ переноситъ духъ оппозиціи противъ польщизны въ козацкія громады. Такимъ образомъ козакамъ суждено было сдѣлаться борцами за русскую народность противъ Польши, защитниками православія, поборниками свободы и независимости южной Руси.

Послѣ неудачнаго возстанія подъ предводительствомъ Острянина и Гуни казалось, что силы козачества и всей Руси сломлены, и Украйна должна утихнуть; но прошло всего лишь десять лѣтъ, и вспыхнуло возстаніе цѣлаго народа.

Какъ мы уже видѣли, послѣ подавленія возстанія 1638 г. козакамъ объявлено отъ польскаго правительства, что они навсегда теряютъ право избирать гетмана и старшину, подъ страхомъ смерти запрещалось имъ плавать по Черному морю или уходить на Запорожье. Сожжены козацкія чайки, артиллерія отобрана, въ старшины надъ реестровыми козаками назначены лица изъ польской шляхты, а вмѣсто гетмана присланъ польскій коммисаръ. Теперь вольные слобожане обращены въ панщинныхъ крестьянъ, а на свободныя общины старосты возлагали обязанность охраненія границъ; сверхъ того старосты захватываютъ въ свои руки всѣ наиболѣе обильные источники городскихъ доходовъ, мѣщане становятся въ подчиненіе владѣльцу города; подобно тому, какъ въ королевскихъ городахъ они находились въ зависимости отъ короля, въ панскихъ признавались подданными пановъ. Съ той поры гнетъ

польскій всею своею тяжестью ложится на Украйну. Тихо и безъ протеста склонилъ свои головы русскій народъ; развѣ только тотъ, кто былъ посмѣлѣе, предпочиталъ скитаться по степямъ, или, оставивъ все родное и дорогое, уйти на Запорожье; но и сюда достигала уже рука правительства.

Такое положеніе дѣлъ въ теченіи десяти лѣтъ держалось по всей русской землѣ; но самому тяжелому гнету подпало то сословіе, которое стало во главѣ народа и которое могло, какъ того и справедливо опасались, разрушить шляхетскіе порядки и ввести народно-общинные. Вельможные паны и шляхта съ пренебреженіемъ смотрѣли на козака-хлопа, а козачество, еще недавно свободное и почти равное шляхетскому сословію, а теперь закрѣпощенное, думало объ улучшеніи своей участи и обсуждало въ подробностяхъ средства для возврата къ прежнему состоянію.

Лѣтопись Самовидца[1]) такъ отзывается о причинахъ, вызвавшихъ войны Хмельницкаго: «начатокъ и причина войны Хмельницкаго есть едино отъ ляховъ на православіе гоненіе и козакомъ отягощеніе; тогда бо онымъ не хотячи, чого не звикли были, панщини робити, на службу замковую обернено, которыхъ зъ листами въ городѣ до хандоженя коней старостове держали, въ дворахъ грубу, то есть печи топити, псовъ хандожити, дворѣ змѣтати и до иншихъ незносныхъ дѣлъ приставляли. Знову зась которие зоставали козаками реестровимы, а надъ оными полковникове шляхта панове отъ гетмана коронного насиланніи были, которіе-бъ объ ихъ волности бинамнѣй не дбаючи, але, яко могучи, оныхъ мѣрали, легце поважаючи; плату которая постановлена была на козаки отъ короля его милости и Рѣчи-Посполитой по золотыхъ тридцать на рокъ, тое на себе отбѣрали, зъ сотниками дѣлячися; бо сотниковъ не козаки оббирали и настановляли, але полковники кого хотѣли зъ своеи руки, жебы онимъ зичливими были. Такъ-же полковникове козаковъ до всякои домовои незвичайнои роботы пристановляли; въ поля зась пойшовши, любо якій козакъ достане у татаръ коня доброго, того отоймутъ; знову зась, хочай бы якого язика татарского поймали козаки, то зъ язикомъ татарскимъ, на кого ласкавъ

---

[1]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр. 3—4.

полковникъ, якого жолнѣра своего высилаетъ до гетмана коронного, а козацкую отвагу потлумляютъ» и т. д.

Итакъ горючаго матеріала слишкомъ много собрано было на Украйнѣ. Государство, изъ-за религіознаго вопроса лишившее всѣхъ правъ производительную массу народную, т. е. большую часть народонаселенія, неизбѣжно должно было очутиться въ борьбѣ съ нею и подвергнуться ея ударамъ. Неудивительно поэтому, что на призывъ Хмельницкаго подымается весь южно-русскій народъ.

Желая удержать козаковъ отъ избранія гетмана, польское правительство само назначаетъ одного изъ старшинъ козацкихъ, Барабаша, наказнымъ гетманомъ въ зависимости отъ короннаго, а генеральнымъ писаремъ—Богдана Хмельницкаго. По совѣту этого послѣдняго Барабашъ дѣлаетъ представленіе королю о всѣхъ притѣсненіяхъ; король съ своей стороны дѣлаетъ въ этомъ смыслѣ представленія въ сенатъ, но безуспѣшно. Тогда король отвѣтилъ козакамъ: «вы сами рыцари, имѣете ружья и сабли, и можете сами защищать свои права; я-же вамъ не могу помочь».

Въ это самое время случилось, что чигиринскій подстароста Чаплинскій отнялъ у Хмельницкаго хуторъ съ пасѣкой и мельницей на урочищѣ Суботовѣ, взялъ его жену и избилъ сына, отъ чего тотъ вскорѣ умеръ. Хмельницкій также искалъ правосудія въ Варшавѣ, но тамъ его осмѣяли. Возвратившись на Украйну, Хмельницкій задумалъ было отомстить панамъ войною, но былъ схваченъ Потоцкимъ и приговоренъ къ смертной казни; онъ успѣлъ бѣжать въ Сѣчь, но, не чувствуя себя въ безопасности и тамъ, принужденъ былъ уходить дальше на низъ Днѣпра и наконецъ въ Крымъ.

Что не одна личная обида послужила причиною къ войнѣ, доказываютъ слова Хмельницкаго на радѣ въ Запорожьѣ: «оскорбляютъ святую вѣру, почтенныхъ епископовъ и монаховъ лишаютъ насущнаго хлѣба: ругаются надъ священниками; іезуиты преслѣдуютъ вѣру нашихъ предковъ, а уніаты пристаютъ съ ножомъ къ горлу. На сеймахъ издѣваются надъ нашими просьбами и отвѣчаютъ на нихъ презрѣніемъ. Мало того, что безъ повода угрожаютъ нашей жизни, войска подъ предлогомъ усмиренія безпорядковъ ходятъ по селамъ и нерѣдко разрушаютъ до основанія цѣлые города, какъ-бы намѣреваясь истребить все наше племя...

А въ довершеніе всѣхъ этихъ мученій отдали насъ въ неволю проклятому жидовскому племени» [1]).

Всѣ возстанія, бывшія до Хмельницкаго, уже по тому одному не имѣли желаннаго успѣха, что козаки заботились исключительно о своихъ правахъ, оставляя въ сторонѣ народные интересы. Сознавая эту слабую сторону и желая достичь цѣли, Хмельницкій призываетъ универсаломъ весь южно-русскій народъ къ возстанію противъ Польши, обѣщая всѣмъ доставить козацкія права, или что тоже, освободить народъ отъ тяжкаго подданства. Вотъ почему въ новой борьбѣ козачества противъ шляхты на сторонѣ козаковъ становится не одна голота, но вмѣстѣ съ нею идутъ также почетные селяне и мѣщане. Мало того, когда Хмельницкій явился подъ Замостьемъ, католическіе крестьяне изъ окрестностей Варшавы готовы были пристать къ нему, и по свидѣтельству Станислава Радзивилла, если-бы хоть одинъ козацкій полкъ явился подъ Варшаву, всѣ вельможные паны были-бы принуждены бѣжать изъ города.

Излагая причины и ходъ народныхъ возстаній въ южной Руси, мы не имѣемъ намѣренія описывать войны Хмельницкаго, обратимъ только вниманіе на главный интересъ борьбы.

Чего проситъ Хмѣльницкій послѣ побѣдъ при Желтыхъ Водахъ, подъ Корсунемъ и Баромъ? Того-же, чего еще раньше добивались другіе предводители, т. е. свободы вѣроисповѣданія и гарантіи козацкихъ правъ. Король по прежнему усиленно хлопочетъ, чтобы сенатъ прекратилъ кровопролитіе и не подвергалъ опасности цѣлое государство, но по прежнему безуспѣшно. Видя свои просьбы напрасными, Хмельницкій втайнѣ начинаетъ переговоры съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ о принятіи Украйны подъ его покровительство.

Польскіе моралисты, отстаивающіе аристократическіе принципы, тоскуютъ надъ упадкомъ цивилизаціи, вызваннымъ по ихъ мнѣнію козацкими возстаніями. Правда, что польская цивилизація пострадала отъ нихъ, но она и не была тою истинною цивилизаціею, которая приходитъ къ народу путемъ экономическаго и умственнаго развитія массы; напротивъ она развивалась исключительно

---

[1]) Коховскій, Annal., I, 25.

среди одного сословія на счетъ другихъ и приводила къ деморализаціи цѣлаго общества. Идеаломъ того культурнаго быта, какой завели паны на Украйнѣ, была панщина, такъ какъ подчиненіе и неволя народа были неразлучны съ польской культурой.

XV.

По смерти Владислава до избранія новаго короля Хмельницкій не предпринималъ никакихъ дѣйствій противъ Польши и стоялъ со своимъ войскомъ, одинаково готовый на войну и миръ.

Однако польское правительство не умѣло разумнымъ образомъ воспользоваться козаками и подвластнымъ ему народомъ для блага Польши, а конвокаціонный сеймъ предложилъ Хмельницкому такія унизительныя условія, какъ если-бы онъ понесъ сильное пораженіе, и въ тоже время, не разсчитывая на принятіе условій, выслалъ противъ него свои войска, которыя, встрѣтивъ козаковъ подъ Нилявцами, разбѣжались безъ малѣйшей битвы, оставивъ Хмельницкому весь свой обозъ. Послѣ этого скандала войска въ Польшѣ какъ не бывало. Сами поляки недоумѣвали, почему Хмельницкій оставался въ бездѣйствіи цѣлыхъ три недѣли, когда могъ за это время завоевать всю Польшу; одни считали это чудомъ, другіе—ослѣпленіемъ гетмана.

Между тѣмъ Хмѣльницкій ожидалъ выбора короля, такъ такъ онъ не былъ бунтовщикомъ и не думалъ о завоеваніи Польши, онъ думалъ только о сохраненіи того, что всего дороже для человѣка,—свобода и неприкосновенность семьи, имущества и вѣры предковъ. Съ другой стороны онъ разсуждалъ, что, послѣ завоеванія слѣдуемыхъ Руси правъ, выгоднѣе всего будетъ сохранить ихъ и на будущее время въ союзѣ съ Польшей.

Наконецъ избранный королемъ Янъ Казиміръ отправляетъ къ Хмельницкому свое извѣстное посольство съ предложеніемъ мира. Во время переговоровъ съ Адамомъ Киселемъ въ Переяславѣ, гетманъ, отзываясь о королѣ съ должнымъ уваженіемъ, въ тоже время рѣзко упрекаетъ польскихъ пановъ и латинское духовенство за притѣсненіе козаковъ и ихъ вѣры и предлагаетъ слѣдующія условія мира:

1) Будутъ возвращены козакамъ всѣ прежнія права и привиллегіи.

2) Удалены будутъ изъ предѣловъ Руси іезуиты и евреи.

3) Унія будетъ уничтожена.

4) Постоянный комплектъ козацкаго войска увеличится до 40,000.

5) Православный кіевскій митрополитъ получитъ право засѣдать въ сенатѣ.

6) Всѣ должности и достоинства на Руси могутъ раздаваться только православнымъ.

Польскіе сенаторы не хотѣли и слышать о такихъ условіяхъ. Пока Хмельницкій осаждалъ въ Збаражѣ отрядъ Вишневецкаго, Янъ Казиміръ выступилъ противъ него съ войскомъ и былъ разбитъ подъ Зборовымъ; здѣсь козаки одержали такую блестящую побѣду, что легко могли взять въ плѣнъ самаго короля, но гетманъ приказалъ имъ «не касаться королевской особы». Король просилъ мира и получилъ его на указанныхъ выше условіяхъ съ однимъ дополненіемъ, чтобы коронное войско не могло квартировать въ тѣхъ городахъ, гдѣ будутъ жить козаки.

Но недолго народъ радовался своей побѣдѣ, вскорѣ наступило разочарованіе. По смыслу договора число реестровыхъ козаковъ сводилось до 40,000; всѣ остальные, принимавшіе участіе въ войнѣ должны были изъ войска возвратиться въ подчиненное состояніе и снова работать на тѣхъ самыхъ пановъ, которыхъ только что выгнали изъ своей земли. Когда гетманъ попытался привести въ исполненіе это условіе, противъ него поднялось такое сильное недовольство, что онъ принужденъ былъ оставить свое намѣреніе. Съ своей стороны и поляки также не выполнили условій, поэтому зборовскій договоръ не продержался и года. Правда король выдалъ грамоту, подтверждавшую права православной церкви, но она имѣла не больше силы, чѣмъ подобные-же указы короля Владислава IV.

Итакъ зборовскій договоръ не удовлетворилъ ни той, ни другой стороны; нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ онъ могъ-бы привести къ извѣстнымъ результатамъ, но теперь было уже слишкомъ поздно; онъ не могъ уже быть исполненъ. «Не всѣхъ-ли насъ призывали сражаться за свободу? Не всѣ-ли мы были козаками?» — роптал русскій народъ. «Или мы слагали свои головы только за свободу этихъ сорока тысячъ, а остальные снова должны пойти въ неволю? Гдѣ-же обѣщанія Хмельницкаго?»... Крестьяне, не желавшіе возвращаться подъ власть пановъ, подвергались наказаніямъ со сто-

роны гетмана, отъ чего терялась его популярность, и войска становилось еще меньше, чѣмъ до возстанія.

Въ свою очередь и поляки не думали о выполненіи договора; не только унія не была отмѣнена, но даже митрополитъ кіевскій не былъ допущенъ въ сенатъ послѣ того, какъ католическіе бискупы объявили, что сами оставятъ сенатъ, если въ немъ покажется схизматикъ. Поэтому обѣ стороны снова начинаютъ готовиться къ войнѣ. Коронный гетманъ Потоцкій нарушилъ границу, обозначенную зборовскимъ трактатомъ, и расположился съ войскомъ въ Подоліи подъ предлогомъ водворенія спокойствія среди крестьянъ. Пока Хмельницкій велъ новые переговоры о томъ-же съ сенатомъ, поляки напали ночью на стоявшій подъ Краснымъ брацлавскій козацкій полкъ и разбили его на голову; узнавъ о такомъ пораженіи своихъ земляковъ, полковникъ Богунъ переправился со своимъ отрядомъ черезъ р. Богъ и также неожиданно напалъ на поляковъ въ то самое время, когда они торжествовали свою побѣду, и нанесъ имъ сильное пораженіе.

Снова начинается кровопролитная война, которая носитъ уже явно религіозный характеръ. Янъ Казиміръ вторично получаетъ изъ рукъ папскаго нунція освященное знамя, а въ козацкомъ лагерѣ военнымъ лозунгомъ было: «*за вѣру, братья, за вѣру*».

Послѣ битвы подъ Берестечкомъ польское войско вступило въ Украйну, но здѣсь встрѣтило неожиданное сопротивленіе; все народонаселеніе вмѣстѣ съ козаками защищается до послѣдней крайности, пока всѣ не погибнутъ; женщины сражаются наравнѣ съ мущинами. Наконецъ обѣ враждующія стороны, нуждаясь въ отдыхѣ, заключаютъ въ Бѣлой-Церкви миръ на невыгодныхъ для козаковъ условіяхъ; вмѣсто сорока тысячъ войска Хмельницкому оставлено только двадцать тысячъ, а евреямъ и іезуитамъ разрѣшено жить на Руси. Между тѣмъ народъ, стремившійся къ освобожденію изъ подъ панской зависимости, роптал и искалъ выхода.

Уже съ давнихъ поръ начались переселенія за Днѣпръ въ предѣлы Россіи, гдѣ съ теченіемъ времени появляются южно-русскія слободы вблизи Рыльска, Путивля и Бѣлгорода; послѣ того какъ обѣщанія Хмельницкаго не были исполнены, переселеніе принимаетъ все болѣе и болѣе обширные размѣры, такъ какъ даже многіе изъ козаковъ не хотѣли жить вблизи польской границы.

Первый примѣръ переселенія подали жители Волыни. Заручившись царскимъ разрѣшеніемъ, волынскіе выходцы основали на берегу рѣчки Тихой Сосны поселеніе Острогожскъ. Вслѣдъ за козаками начинаютъ переселяться въ большомъ количествѣ русины съ береговъ Днѣстра, Бога и т. д. въ вольныя степи московскаго царства, гдѣ не было ни польскаго шляхтича, ни ксендза, ни полновластнаго еврея арендатора, и основываютъ тамъ слободы: Ахтырку, Изюмъ, Корочу, Бѣлополе, Сумы, Харьковъ, Лебединъ и другія. Оставляя родное село, переселенцы сжигали свои хаты и гумна, чтобы они не достались полякамъ.

Такъ недальновидная и эксклюзивная политика поляковъ привела только къ уменьшенію польскаго населенія и къ заселенію Россіи.

Сомнѣваясь въ возможности вести борьбу съ одними наличными силами, Хмельницкій еще при началѣ возстанія входилъ въ переговоры съ московскимъ дворомъ и просилъ царя принять южную Русь подъ свое покровительство. Послѣ заключенія бѣлоцерковскаго трактата, онъ еще съ большей настойчивостью возобновляетъ свои просьбы.

Вскорѣ поляки нарушили и бѣлоцерковскій договоръ. Когда Тимофей Хмельницкій отправился въ Молдавію, чтобы жениться на дочери тамошняго господаря Лупулы, польный гетманъ Калиновскій преградилъ ему путь подъ Батогомъ, но былъ разбитъ и отрядъ его истребленъ. Этотъ случай подалъ поводъ къ новой войнѣ. Гетманъ Богданъ въ союзѣ съ крымскимъ ханомъ осадилъ короля подъ Жванцемъ. Ханъ преслѣдовалъ только собственную выгоду и согласился отступить, если поляки заплатятъ ему контрибуцію въ 100,000 червонныхъ злотыхъ и дозволятъ брать плѣнниковъ на возвратномъ пути. Поляки приняли условія и выговорили себѣ только одну уступку, а именно, чтобы татары грабили только въ теченіи сорока дней и брали въ плѣнъ однихъ русиновъ. Ханъ обѣщалъ съ своей стороны помогать впослѣдствіи полякамъ противъ козаковъ, чтобы совершенно истребить ихъ.

Трудно было Хмельницкому одновременно вести войну съ поляками и татарами, приходилось соглашаться на миръ, какія-бы ни были условія. Въ такомъ критическомъ положеніи гетманъ, послѣ долгаго раздумья, снова обращается къ царю съ просьбою принять

южную Русь въ свое подданство, въ противномъ случаѣ она принуждена будетъ подчиниться султану. Наконецъ Алексѣй Михайловичъ созываетъ земскій соборъ для обсужденія этого вопроса; рѣшено принять предложеніе Хмельницкаго и объявить войну Польшѣ.

Въ 1654 г. собранная въ Переяславѣ великая рада козацкая приняла присягу на вѣрность царю.

Мы говорили въ свое время о люблинской уніи, не слѣдуетъ опускать и постановленій переяславской рады, на которую собралась вся старшина и множество козаковъ, и куда прибыли также и царскіе послы. Гетманъ Хмельницкій сказалъ собравшимся: «Нѣтъ нужды и напоминать вамъ о притѣсненіяхъ польскихъ пановъ,— сами знаете, что они жида и собаку ставили выше нашего брата христіанина, а православный восточный царь одной съ нами вѣры. Великій государь христіанскій сжалился надъ тяжкимъ оскорбленіемъ церкви православной въ Малой Руси, не пренебрегъ нашими шестилѣтними просьбами, обратилъ къ намъ благосклонно свое царское сердце и прислалъ пословъ съ царскою милостью. Нигдѣ не найти намъ такого вѣрнаго пріюта, какъ подъ его высокой рукой, а если кто не согласенъ съ нами, пусть идетъ куда угодно,—путь свободенъ». Раздались возгласы: «Хотимъ подъ царя восточнаго». Переяславскій полковникъ, обходя присутствующихъ, спрашивалъ: «Всѣ-ли на то согласны?»—«Всѣ соглашаемся,—отвѣчали ему».

Послѣ того прочитаны были составленныя раньше условія новаго договора, слѣдующаго содержанія. Вся украинская козацкая земля присоединяется къ московскому царству подъ именемъ Малороссіи съ правомъ избранія гетмана, который могъ принимать иностранныхъ пословъ и сноситься съ другими государствами, съ правомъ выборнаго самоуправленія и самосуда. Гарантируется неприкосновенность правъ духовнаго и мѣщанскаго сословія. Число реестровыхъ козаковъ повышено до 60,000, но сверхъ того разрѣшалось имѣть и больше охочихъ козаковъ. Въ договорѣ Хмельницкаго отъ имени народа ясно сказано: «Мы сами разберемъ между собою, кто козакъ, а кто земледѣлецъ», и дѣйствительно болѣе состоятельные остались козаками, бѣднѣйшіе крестьянами. Козаки понимали свои вольности также какъ и поляки; они желали пользоваться привиллегіями, какихъ не имѣли другіе. Значительное большинство поземельной собственности находилось въ рукахъ коза-

ковъ и приставшей къ нимъ шляхты. Даже среди самаго привиллегированнаго козацкаго сословія утрачено прежнее равенство; оно распадается на *значныхъ* и *чернь*. Такое положеніе вещей начинаетъ развиваться еще при Хмельницкомъ, окончательно-же вырабатывается послѣ его смерти.

Такъ уничтоженъ былъ трактатъ люблинской уніи переяславскими статьями. Религіозная нетерпимость, соединенная съ ополяченіемъ Руси, привела къ результатамъ прямо противуположнымъ тѣмъ, какіе имѣлись въ виду.

Подчиненіе Хмельницкаго Россіи влечетъ за собою новую войну, которая вспыхнула одновременно въ Литвѣ и на Украйнѣ, и здѣсь съ особенною силою. Весною 1654 г. польская армія вошла въ Подоліе; какой пріемъ встрѣтила она отъ мѣстнаго народонаселенія, могутъ показать нѣсколько примѣровъ. Послѣ упорнаго сопротивленія городъ Немировъ былъ разрушенъ до основанія; въ большомъ каменномъ погребѣ заперлось до трехъ тысячъ человѣкъ; поляки обѣщали имъ пощаду, если выдадутъ старшинъ, но предложеніе отвергнуто; тогда ихъ начали выкуривать дымомъ: всѣ погибли, но никого не выдали.

Въ мѣстечкѣ Бушѣ собралось до 12,000 человѣкъ. Всѣ убѣжденія начальниковъ польскаго войска Чарнецкого и Любомирскаго относительно сдачи не имѣли вліянія; тогда поляки отрѣзали воду и начали послѣдній приступъ: осажденные, видя свое безвыходное положеніе, сами зажгли свои дома и начали убивать другъ друга; женщины бросали дѣтей въ колодцы и сами бросались въ слѣдъ за ними. Жена сотника Зависного, зарѣзавши мужа, сѣла на бочку съ порохомъ и взорвала себя на воздухъ. Семдесятъ другихъ женщинъ съ оружіемъ въ рукахъ скрылись въ пещерѣ; полковникъ Целаріусъ предлагалъ имъ сдаться, обѣщая оставить въ живыхъ, женщины отвѣчали выстрѣлами; тогда полковникъ приказалъ провести въ пещеру воду изъ источника: всѣ погибли, но не сдались. Подобные факты повторялись повсюду, русины вездѣ защищались до крайности; «лучше погибнуть, чѣмъ подчиниться полякамъ», говорили они. Коронный гетманъ писалъ королю: «горько будетъ слышать объ опустошеніи государства, но иными мѣрами трудно подавить злость хлоповъ».

Въ 1656 г. союзными шведскими и русскими войсками заняты были сѣверныя и западныя польскія области, взяты также обѣ столицы: Краковъ и Варшава и паденіе Польши казалось неизбѣжнымъ. Въ такомъ отчаянномъ положеніи Янъ-Казиміръ, по совѣту своихъ сенаторовъ, обращается къ царю Алексѣю Михайловичу, обѣщая ему польскую корону послѣ своей смерти. Получивъ надежду наслѣдовать польскій престолъ, Алексѣй Михайловичъ смотритъ уже на Польшу, какъ на свою собственность, и не смотря на предостереженія Хмельницкаго, что поляки не сдержатъ условія, военныя дѣйствія были приостановлены. Тогда Хмельницкій, предвидя для Украйны въ будущемъ прежнее подчиненіе полякамъ, входитъ въ договоръ съ трансильванскимъ княземъ Ракочи и шведскимъ королемъ Карломъ X о раздѣлѣ Польши. То былъ уже второй проектъ раздѣла Польши, причиною которому служило озлобленіе малороссіянъ.

Между тѣмъ, едва только положеніе дѣлъ въ Польшѣ измѣняется къ лучшему, какъ къ виленскому трактату перестаютъ относиться серьезно, какъ и предсказывалъ Хмельницкій; онъ вскорѣ умеръ и не видѣлъ уже исполненія своихъ словъ.

Между тѣмъ подчиненіе Украйны Россіи было смертельнымъ ударомъ для Польши; оно ослабило ее настолько, насколько усилило Россію. Поэтому время Богданъ Хмельницкаго имѣетъ огромное значеніе въ исторіи обоихъ этихъ государствъ.

Въ семьѣ славянскихъ народовъ и Польша, и Русь являются съ самобытною исторической жизнью преимущественно передъ всѣми другими народами славянскаго племени, которые или раньше подпали чуждой власти и чуждому вліянію, или-же проявили свою историческую жизнь только противодѣйствіемъ иноплеменному натиску. Не смотря на сходныя, родственныя основы, государственный и гражданскій строй, историческая дѣятельность и національный характеръ русскій и польскій разнились между тобою и даже приняли у обоихъ народовъ не только различное, но прямо противоположное и взаимно враждебное другъ другу направленіе. Вотъ почему эти два народа, объединенные въ теченіи многихъ столѣтій, ведутъ между собою непрерывную, упорную борьбу. Польша стремилась пересоздать русиновъ на свой образецъ и долгое время перевѣсъ былъ на ея сторонѣ. Овладѣвши значительною частью рус-

скихъ земель послѣ присоединенія Червоной Руси и Литвы, Польша подвигается шагъ за шагомъ въ глубь русскаго міра и едва не овладѣваетъ имъ совершенно въ началѣ XVII ст. Мы видѣли выше, какія причины помѣшали ихъ сліянію, а эпоха Хмельницкаго дала другое направленіе старинному спору; на пути историческаго развитія она является поворотнымъ пунктомъ къ паденію Польши и усиленію Россіи; съ этого времени падаетъ окончательно перевѣсъ Польши въ борьбѣ между двумя народностями. Было, правда, еще нѣсколько попытокъ воротить его, но уже безъуспѣшныхъ.

Такъ напримѣръ, Выговскій, получивъ гетманскую булаву, хотѣлъ было снова привести Украйну къ союзу съ Польшей, и въ этомъ смыслѣ заключенъ былъ 1658 г. извѣстный гадячскій договоръ съ поляками, съ цѣлью поставить южную Русь въ такія отношенія къ Польшѣ, въ какихъ стояла къ ней Литва. На основаніи этого трактата Рѣчь Посполитая на будущее время должна была слагаться изъ трехъ равноправныхъ народовъ: польскаго, русскаго и литовскаго. Къ вновь возстановляемому княжеству русскому должны были принадлежать три воеводства: волынское, подольское и кіевское. Русь получала своего канцлера, маршалка, сенаторовъ, собственное судопроизводство, университетъ и школы; православный митрополитъ и епископы получаютъ мѣста въ сенатѣ; унія должна быть упразднена и обезпечена свобода православнаго вѣроисповѣданія. Русскимъ предоставлено право имѣть 40,000 постояннаго козацкаго войска и выбирать самимъ нѣсколькихъ кандидатовъ на гетманское достоинство, изъ которыхъ одинъ утверждался королемъ. Русскому духовенству и церквамъ обѣщана свобода отъ всѣхъ повинностей, отъ суда и патроната надъ ними польскихъ пановъ. Въ городахъ и поляки, и русскіе должны были пользоваться равными правами на занятіе городскихъ должностей и т. д.

Насколько неискренно было отношеніе поляковъ къ союзу съ русью, можно видѣть уже изъ того, что когда гадячскій договоръ вызвалъ сильную оппозицію въ Варшавѣ, то самъ иниціаторъ его Бѣнёвскій говорилъ: «Извѣстно, въ какомъ положеніи находится теперь Рѣчь Посполитая—съ одной стороны угрожаютъ шведы, съ другой Москва; раздражать теперь козаковъ значило-бы отвергать и ту помощь, какая предлагается. Въ настоящее время намъ нужно лаской привлечь къ себѣ козаковъ, а впослѣдствіи

можно будетъ все перемѣнить на прежній ладъ». Мысль эта была принята, и на гадячскихъ пунктахъ присягаетъ самъ король Янъ Казиміръ, а за нимъ примасъ Польши, бискупъ виленскій, польскіе гетманы, королевскій канцлеръ, маршалокъ сейма и другіе сановники, которые, принося присягу, мысленно клялись нарушить ее при первой возможности. Поэтому договоръ, утвержденный наконецъ сеймомъ 1661 г., а не былъ исполненъ. Съ другой стороны не пользовался онъ популярностью и на Украйнѣ, гдѣ никто не могъ довѣрять ему послѣ столькихъ тяжелыхъ опытовъ.

Наконецъ гадячская конституція явилась уже слишкомъ поздно для русскаго народа. Выполненная добросовѣстно во времена Хмельницкаго и Киселя, она могла-бы утишить народныя волненія, теперь же однимъ изъ сильнѣйшихъ побужденій русскаго народа было стремленіе освободиться отъ польско-панскаго гнета, отъ безъусловной зависимости, основанной на принципахъ, на которыхъ развивалась польская жизнь. Послѣ договоровъ зборовскаго и бѣлоцерковскаго народъ понялъ, что служитъ только орудіемъ въ рукахъ козаковъ; потерявъ довѣріе къ козакамъ, онъ охладѣваетъ къ ихъ борьбѣ и начинаетъ переселяться въ предѣлы Россіи, въ такъ называемые вольные полки. Съ того времени всѣ надежды народа обращаются къ Россіи.

Между тѣмъ въ Украйнѣ нерѣдко происходятъ волненія, по большей части изъ-за гетманскаго достоинства, зависѣвшаго отъ свободнаго выбора всѣхъ козаковъ; на гетманскую булаву являлось одновременно по нѣсколько претендентовъ, каждый со своею партіею. Въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ по смерти Богдана Хмельницкаго бывало по нѣсколько самозванныхъ гетмановъ заразъ, взаимно истреблявшихъ другъ друга съ помощью козацкаго войска; но какъ простой народъ, такъ и чернь козацкая поддерживаютъ только гетмановъ вѣрныхъ Москвѣ и не признаютъ тѣхъ предводителей, которые пытаются сблизиться съ Польшей. Причины такого нерасположенія кроются какъ въ религіозныхъ и соціальныхъ отношеніяхъ, такъ и во враждѣ, которая выработалась, какъ результатъ вѣковой борьбы съ польскимъ государствомъ. Но еще большее значеніе имѣетъ въ этомъ случаѣ то инстинктивное чувство народа, которое подсказало ему, что старшина козацкая стремится создать изъ себя новую шляхту по образцу польской; народъ опасался, что въ союзѣ съ

Польшей цѣль эта легко будетъ достигнута, между тѣмъ какъ подъ покровительсвомъ Россіи дѣло можетъ пойти иначе,—но и эта послѣдняя надежда не оправдалась.

Этимъ только и можно объяснить огульное нерасположеніе массы народной противъ гадячскихъ статей; народъ не переносилъ самой мысли о шляхтѣ во всѣхъ ея видахъ.

Въ силу указанныхъ причинъ противъ Выговскаго подымается значительное большинство козаковъ, которые и пристаютъ къ московскимъ воеводамъ. Въ 1659 г. гетманъ съ помощью крыскаго хана разбилъ своихъ противниковъ подъ Конотопомъ, но вскорѣ послѣ того оставленъ былъ татарами и принужденъ бѣжать въ Польшу.

Вслѣдствіе подчиненія Выговскаго Польшѣ и невыполненія послѣдиею виленскаго договора, Россія начинаетъ новую войну съ Польшей, продолжавшуюся съ перемѣннымъ счастьемъ въ теченіи восьми лѣтъ. Въ этотъ краткій промежутокъ гетманы съ чрезвычайной быстротой смѣняютъ другъ друга на Украйнѣ.

Сперва народъ вмѣстѣ съ козаками въ противовѣсъ Выговскому выбираютъ гетманомъ Юрія Хмельницкаго, котораго утверждаетъ и царь. Но, разбитый поляками, Юрій Хмельницкій также измѣняетъ Россіи подъ вліяніемъ старшинъ, совѣтовавшихъ ему помириться съ поляками на условіяхъ гадячскаго договора. Въ Чудновѣ подписанъ былъ миръ, подтвердившій всѣ гадячскія статьи за исключеніемъ одной, касавшейся образованія русскаго княжества изъ трехъ воеводствъ. Впрочемъ король не могъ выполнить чудновскаго договора, какъ не выполнилъ и гадячскаго, благодаря постоянному противодѣйствію со стороны шляхты, магнатовъ и духовенства.

Послѣ измѣны Юрія Хмельницкаго черная рада, собранная въ 1663 г. въ Нѣжинѣ, выбрала на его мѣсто Брюховецкаго. Въ 1665 гетманъ этотъ отправился въ Москву, женился тамъ на боярской дочери и получилъ отъ царя титулъ боярина и богатыя помѣстья. Въ угоду московскому правительству самъ Брюховецкій совѣтовалъ сократить козацкое самоуправленіе и увеличить число московскихъ воеводствъ въ Малороссіи.

По возвращеніи своемъ изъ Москвы Брюховецкій становится во враждебныя отношенія ко всей Украйнѣ; всѣхъ поражалъ титулъ боярина, но раздраженіе еще больше усиливается, когда явились, въ сопровожденіи стрѣльцовъ, новые воеводы, соединявшіе въ своихъ рукахъ власть военную, гражданскую и судебную. Наступаютъ новыя волненія; народъ отказывается платить подати воеводамъ и начинаетъ избивать московскихъ солдатъ; считая Брюховецкаго главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдъ, все населеніе—мѣщане, козаки и крестьяне—сражается съ гетманскими козаками, собиравшими подати.

Вторая русско-польская война оканчивается въ 1667 г. миромъ, заключеннымъ въ Андрусовѣ, по которому Смоленскъ, Сѣверская земля, вся Малороссія по лѣвую сторону Днѣпра и Кіевъ съ прилежащимъ къ нему округомъ на правомъ берегу рѣки отошли къ Россіи, а правобережная Украйна, подъ начальствомъ своего особаго гетмана, досталась Польшѣ.

Такимъ образомъ гетманщина была раздѣлена на двѣ части, восточную и западную, или на правобережную и лѣвобережную Украйну. Вслѣдствіе этого происходятъ неурядицы, которыхъ не слѣдуетъ оставлять въ сторонѣ, для выясненія вопроса о ростѣ Россіи и ослабленія Польши.

Когда объявленъ былъ андрусовскій договоръ, паническій страхъ охватилъ все населеніе праваго берега Днѣпра; начинаются постоянныя волненія, какъ поспольство, такъ и козаки впали въ уныніе: оказалось, что всѣ кровавыя возстанія и тяжелыя жертвы, всѣ бѣды и лишенія, испытанныя народомъ, не привели ни къ какимъ результатамъ. Если силы цѣлой Украйны оказались недостаточными для борьбы съ поляками, то что могла сдѣлать теперь половина края, обезлюдѣвшая и опустошенная въ теченіи продолжительныхъ войнъ? Снова возвратятся ненавистные паны и станутъ обращать въ крѣпостное состояніе народъ, привыкшій уже къ свободѣ. Еще скорѣе наѣдутъ ненавистные ксендзы латинскіе и уніатскіе и снова начнутъ силою обращать народъ въ унію и католичество, отбирать церкви, изгонять духовенство и т. д. Народъ южно-русскій зналъ по опыту, что условія договора, обезпечивающія свободу совѣсти и личности, не

будутъ исполнены и кромѣ обычныхъ притѣсненій придется еще испытывать всю тяжесть мести за возстанія, опустошенія и войны.

Впрочемъ поляки сами идутъ на встрѣчу всѣмъ опасеніямъ въ этомъ смыслѣ. Региментарь Маховскій, явившись съ отрядомъ войска въ Брацлавщину, начинаетъ опустошать ее огнемъ и мечемъ подъ предлогомъ приведенія жителей къ подчиненію республикѣ.

Послѣ того, какъ восточная половина Украйны вмѣстѣ съ Кіевомъ отошла къ Россіи, всѣ помыслы жителей западной половины направляются къ тому, чтобы не отдѣляться отъ правобережной Украйны. Гетманъ лѣвой стороны Днѣпра Дорошенко обращается къ царю съ просьбою принять его съ краемъ въ свое подданство; но царь съ своей стороны не желаетъ нарушать мира и народъ волею-неволею принужденъ покориться своей участи. Такимъ образомъ пустыни, усѣянныя пожарищами и человѣческими костями, въ силу андрусовскаго договора снова достаются въ руки шляхты.

Народъ назвалъ козацко-польскія войны *руиною*, потому что козаки разрушили, «*зруйновали*» въ древне-русскихъ земляхъ шляхетскіе порядки. Съ одной стороны вельможные паны силятся сдѣлать изъ Украйны другую Польшу и утвердить въ ней польское право; съ другой природная приднѣпровская Русь, предчувствуя въ этихъ стремленіяхъ свою гибель, опустошаетъ и разоряетъ города и села, грабитъ и сожигаетъ панскіе замки, а въ особенности католическіе костелы и монастыри, выгоняетъ пановъ и евреевъ арендаторовъ, сноситъ польское право, желая сохранить общинный порядокъ и свою вѣру и удержать въ рукахъ народа тѣ земли, которыя паны раздѣлили только между дворянами.

Резюмируя всѣ указанные факты, становится яснымъ, что вся исторія Украйны характеризуется стремленіемъ южно-русскаго народа и его представителей козаковъ къ демократическимъ институціямъ. Войны козацкія представляютъ борьбу народной демократіи съ шляхетскою. Затѣмъ слѣдуетъ ясно отвѣтить на вопросъ: почему среди православнаго южно-русскаго народа замѣчается такой сильный антагонизмъ именно противъ католиковъ и католицизма?

а) Паны католики захватили въ собственность всѣ земли и обращали свободный народъ въ крѣпостное состояніе.

б) Католицизмъ въ Польшѣ стремился къ полному уничтоженію православія и русской народности.

Итакъ ничто иное, какъ любовь къ свободѣ и родной землѣ, любовь къ вѣрѣ отцевъ и собственной національности порождаетъ этотъ антагонизмъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНИНЪ XVIII ВѢКА.

Еще со второй половины XVII вѣка среди южно-русскаго общества начала мало по-малу обособляться отдѣльная сословная группа — козацкая старшина, дѣлившаяся на генеральную, полковую и сотенную. Въ составъ этой соціальной группы входили только лица, занимавшія въ краѣ видные административные посты — то были: полковники, обозные, судьи, писаря, асаулы, хорунжіе, бунчучные, сотники и проч. Всѣ эти лица выполняли военныя и гражданскія обязанности, насколько вторыя проникались первыми. Они предводительствовали въ походахъ, засѣдали въ судахъ, распоряжались общественными суммами, слѣдили за общественными нуждами, являлись представителями интересовъ края и проч. Къ первой половинѣ XVIII вѣка эта сословная группа въ количественномъ отношеніи настолько успѣла расшириться, что представляла уже изъ себя какъ-бы сословіе съ особенными правами, лично впрочемъ присвоенными. Въ это-же время она успѣла значительно обособиться, замкнуться отъ другихъ сословій, насколько конечно позволяла тогдашняя общественная жизнь южной Руси.

Интересы козачей старшины XVIII вѣка дѣлаются діаметрально противоположными интересамъ другихъ соціальныхъ группъ: козачества, мѣщанства и крестьянства.

Всѣ пріобрѣтаемыя старшиною права, ея матеріальное благосостояніе создаются въ ущербъ этимъ общественнымъ группамъ. Нѣтъ болѣе въ жизни фактора, который сглаживалъ-бы возникшую сословную рознь. Въ будущемъ виднѣлось одно только дальнѣйшее обособленіе

старшины, которая съ нетерпѣніемъ лишь ждала легальнаго расширенія своихъ правъ и преимуществъ. Это-то расширеніе не только прежнихъ правъ, но и дарованіе новыхъ законодательнымъ порядкомъ и произошло сто лѣтъ тому назадъ, въ достопамятный день 21-го апрѣля 1785 года, когда Екатерина II даровала грамоту на права и привиллегіи русскому дворянству, въ составъ котораго должна была войти и южно-русская козачая старшина. Далеко не вдругъ конечно совершился переходъ южно-русской козачей старшины въ дворянство. Много было истрачено представителями послѣдней труда на хлопоты въ дворянскихъ присутствіяхъ, въ герольдіи и проч., чтобы доказать свои права на дворянство. Не мало было при этомъ и злоупотребленій, но объ этомъ въ другой разъ... Теперь-же посмотримъ, какъ жилъ, что дѣлалъ, чѣмъ занимался южно-русскій дворянинъ въ теченіи прошлаго вѣка, каковы были его стремленія, идеалы, потребности. Предупреждаемъ читателя, что отнюдь не претендуемъ на полную и всестороннюю характеристику.

Проста и незатѣйлива была домашняя жизнь южно-русскаго дворянина XVIII вѣка, чуждая лоска и моды, лишенная въ большинствѣ случаевъ искуственности и иноземщины.

Не въ палатахъ бѣлокаменныхъ жилъ онъ, а въ будынкахъ простыхъ, выстроенныхъ почти всегда доморощенными мастерами, обращавшими вниманіе не на вычурность и архитектурность строенія, а на то, чтобы оно было пообширнѣе, да «во углахъ и замкахъ крѣпко, а въ стѣнахъ прямо и ровно». Образцемъ для постройки панскаго дома служила простая крестьянская изба, раздѣленная сѣнями на двѣ половины. Такія сѣни дѣлили на двѣ части и панскіе будынки, состоявшіе изъ четырехъ и болѣе комнатъ [1]).

Внутренняя обстановка дома тоже лишена была особеннаго блеска и также не поражала посѣтителя, какъ не поражалъ его и внѣшній видъ дома. Внутреннія стѣны его бѣлились или оклеивались шпалерами (обоями), разрисованными большею частію мѣстными малярами, и оби-

---

[1]) Сулимовскій Архивъ, № 168. Судіенко, Матеріалы для отечественной исторіи, т. I, отд. 3, стр. 5, 17 и др. Москвитянинъ, 1852 г., № 17. Историческіе матеріалы, стр. 25.

вались плахтами. Въ покояхъ (комнатахъ) разставлены были «ослонци» мѣстной фабрикаціи, выкрашенные дубовые стулья, два три кресла, обитыхъ «красною шкурою», канапе стоячое, набойкою выбитое, столы дубовые, покрытые скатертями мѣстныхъ ткачей, на стѣнахъ «картины новоманерные», портреты: Богдана Хмельницкаго, хозяина и его родственниковъ близкихъ, кисти маляра-иконописца, подчасъ глиняныя статуи, росписаныя разными красками, твореніе рукъ доморощеннаго скульптора-гончара изъ Лубенъ, часы, купленные съ большимъ коштомъ— вотъ почти и вся обстановка комнатъ южно-русскаго дворянина прошлаго вѣка [1]). Не щедрый на украшенія и мебель, дворянинъ щедрѣе былъ на посуду, которая отличается даже нѣкоторою роскошью. Тутъ находимъ: серебряныя доски на чай, серебряные кубочки, ложки и чайники, фарфоровыя чашки и тарелки, хрустальные стаканы и рюмки: впрочемъ, здѣсь-же блюда, полумиски и тарелки «цѣни аглицкой», а не то и прямо деревянныя [2]).

Но если не особенно красна была наша дворянская изба XVIII вѣка углами, то за то красна была она пирогами. Гостепріимство и радушіе, составляющія до сихъ поръ отличительную черту малоросса, въ XVIII вѣкѣ среди дворянства южной Руси было чрезвычайно распространено. Не проходило недѣли, чтобы у того или у другаго державцы (помѣщика) не собирались сосѣди на обѣдъ, семейную вечеринку, приватный бенкетъ и проч. Главною, почти единственною забавою на такихъ собраніяхъ была игра въ карты: марьяжъ, кадрилія, ломберъ, пикетъ, три листа—были въ полномъ ходу. Вмѣстѣ съ карточной игрой воздавалось, конечно, достодолжное поклоненіе Бахусу. Гости на вечеринкахъ «куликали, подпивали зѣло, гуляли шумно», а иногда цѣлый слѣдующій день проводили «въ веселой и шумной компаніи, переходя отъ свидания къ обѣду, отъ обѣда къ полудню, отъ полудня къ пидвечерку, отъ пидвечирка къ вечери, а въ промежуткахъ занимаясь все

---

[1]) Сулимовскій архивъ, № 82, 91: Дневникъ Н. Хавенка, «Кіевская Старина» 1884 г. № 5, стр. 43, № 3, стр. 11, № 4, стр. 20; Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 51 и 289; ч. II, стр. 185, 305, 97.

[2]) Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 289; ч. II, стр. 131, 180, 183; Сулимовскій архивъ, № 162.

тѣми-же кадриліями. Самые обѣды на этотъ разъ подслащаемы были, съ одной стороны, домашними настойками—циномоновыми, курдымоновыми, персиковыми и другими, венгерскимъ, бургонскимъ и волоскимъ винами, съ другой стороны легоминками: маковниками, вафлями, марцѣпаннами и проч. [1]). Кромѣ приватныхъ бенкетовъ, въ которыхъ принимали участіе лишь близкіе знакомые державци, устраивались еще «бенкеты публичные» по случаю какого либо особенно-радостнаго общественнаго событія: восшествія на престолъ новаго государя, выбора гетмана, полковника, дарованія милостей и проч. Устраивали такіе бенкеты или гетманъ, или полковникъ, или наконецъ какой нибудь присланный въ Малороссію правитель: число гостей на этомъ празднествѣ было весьма значительно, такъ какъ тутъ принимала участіе почти вся мѣстная старшина [2]).

Но главное значеніе въ дворянскомъ быту XVIII вѣка, какъ источникъ продолжительныхъ увеселеній, имѣли дворянскія свадьбы. Много простоты, общенародныхъ чертъ можно найти въ этой свадьбѣ, отличавшейся отъ крестьянской лишь большей роскошью, большимъ просторомъ, но не носившей еще вполнѣ характера сословной исключительности. Не стѣснительный, многосложный свадебный этикетъ, не привнесенныя церемоніи, лишенныя нерѣдко смысла и значенія, а простые народные обычаи имѣли главное мѣсто въ «весельномъ» пиршествѣ нашего дворянина прошлаго вѣка. Посмотрите на самое высватываніе, какъ просто, незатѣйливо, при полномъ отсутствіи современныхъ интригъ, подходцевъ и заднихъ цѣлей—совершается оно... Завидитъ бывало какой нибудь панъ ѣдущихъ черезъ деревню знатныхъ молодыхъ людей, приглянутся эти люди, «запроситъ онъ до себе на вечеру и при той вечери скажетъ своей дочцѣ частовать; и почнетъ самъ свадьбу заводить, мовячи: если кому панна потребна, то смотрите! чаю не встыдъ буде до Чернигова (родины жениха) привезти. Потомъ на завтрашній день, запросивши на обѣдъ, да и свадьбу учинитъ и знаки сва-

---

[1]) Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 18, 30, 35, 44, 104; ч. II, стр. 6, 18, 70 и другія; «Кіевская Старина» 1883 г. № 10 и 12 (Разновидности марцѣпаннъ и ганусковой горѣлки).

[2]) Дневникъ Марковича, ч. I. стр. 119, 247, 429; ч. II. стр. 43, 108.

дебные подаетъ» [1]). Пріѣдетъ женихъ домой, разскажетъ о случившемся, испроситъ согласія у отца и матери, а затѣмъ отправятся родственники сваты къ намѣченной женихомъ невѣстѣ. Пріѣдутъ они къ родителямъ ея съ хлѣбомъ-солью, уговорятся о приданомъ, передадутъ подарокъ невѣстѣ отъ жениха и заключатъ все это обильнымъ «куликаньемъ» [2]). Пройдетъ мѣсяцъ, другой въ приготовленіи къ свадьбѣ... Возвратится «выправленный для купленія подаровъ и для спораженія деякихъ рѣчій, потребныхъ до того акту весельного» женихъ, окончательно приготовится гардеробъ невѣсты, состоящій изъ десятка кунтушовъ, шнуровокъ аксамитовыхъ и квѣтчастыхъ, сподницъ гранѣтуровыхъ, запасокъ красныхъ златоглавыхъ, а за это-же время родители новобрачныхъ успѣютъ, частію лично, частію при посредствѣ писемъ, пригласить своихъ родныхъ и знакомыхъ «допомогти весельной компаніи», мотивируя свое приглашеніе тѣмъ, что «таковія весельные акты найвящше пріукрашаемы бываютъ собраніемъ друзей и пріятелей» [3]). Если приглашаемый на свадьбу не могъ прибыть лично, то онъ присылалъ родителямъ новобрачныхъ поздравительныя письма съ пожеланіемъ, чтобы Господь Богъ благословилъ честное это намѣреніе совершить весьма благополучно, укрѣпилъ-бы союзъ супружескій счастіемъ, долголѣтіемъ, здравіемъ и «сыны сыновъ своихъ видѣть даровалъ» [4])... Но вотъ оставалось нѣсколько дней «до весельного акта». Въ домѣ державцы, справлявшаго весельный актъ, въ это время шли самыя тщательныя приготовленія: вычищали посуду, прибирали комнаты, подметали дворъ; особенно-же рьяно мѣстныя поварихи работали на кухнѣ. Да и было надъ чѣмъ поработать, ибо гостепріимный державца «на зарѣзъ для веселья вылучилъ въ хуторѣ барановъ 40, яловицъ старыхъ двѣ, молодую одну, воловъ двухъ» [5]). На канунѣ дня свадьбы на дворѣ пана

---

[1]) Записки черниговскаго статистическаго комитета. Выпускъ 5 и 6 (Черты быта и нравовъ XVII и XVIII в., ст. Лазаревскаго).

[2]) Ibid., стр. 25. Дневникъ Марковича ч. I, стр. 72. Сулимовскій архивъ, № 153-й.

[3]) Записки черниговскаго статистическаго Комитета. Выпускъ 5, 6, стр. 86. Сулимовскій архивъ № 154, 158, 68.

[4]) Ibid., 70, 71.

[5]) Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 409.

появлялись рыдваны и повозки кованые, а въ нихъ державцы въ жупанахъ съ широкими гаптованными золотомъ поясами, къ которымъ привѣшены были сабли; въ высокихъ козацкихъ шапкахъ, въ красныхъ сафьяныхъ сапогахъ; а тутъ-же и жены ихъ, разодѣтыя въ штофные цвѣтные кунтуши, полутабенковые желтые, грезетовые голубые, обложенные серебряннымъ и золотымъ газомъ, съ бархатными и парчевыми закладками, съ блестящими корабликами на головахъ [1])... Всѣ эти гости или размѣщались въ домѣ державцы, или-же его родныхъ, ожидая вѣнчанія. Передъ вѣнцомъ слѣдовало обычное благословеніе родителей, наконецъ послѣ вѣнчанія наставало самое свадебное гулянье съ музыкой, съ хорами, съ обильнымъ поклоненіемъ Бахусу, съ легомниками и закусками, съ продолжительнымъ хожденіемъ перезвы по роднымъ и знакомымъ новобрачныхъ [2]). Около недѣли тянулся свадебный пиръ южно-русскаго дворянина XVIII вѣка, требовавшій много средствъ, много хлопотъ отъ хозяевъ, но доставлявшій не мало удовольствія и имъ и гостямъ посѣтителямъ. Шумная дворянская свадьба заканчивалась обдариваніемъ новобрачныхъ на первое хозяйство [3]).

Другимъ семейнымъ праздникомъ было рожденіе ребенка. И тутъ разсылались пригласительныя письма, но послѣднія сопровождались всегда посылкой родильнаго хлѣба и родильнаго взвара, т. е. сушеныхъ фруктовъ: яблокъ, грушъ, сливъ, изюма, сваренныхъ въ водѣ; позже, къ концу XVIII в., родильный взваръ замѣнился у дворянъ посылкой бутылки вина и пряниковъ. Пріѣхавшіе гости ко дню крещенія новорожденнаго привозили подарки державцѣ, посвящая нѣсколько дней куликанью и выпиванью [4]).

Не менѣе удовольствій дворянской семьѣ приносили наступавшіе праздники Рождества Христова и Пасхи, въ особенности послѣдніе. И старъ, и младъ изъ семьи дворянина принималъ участіе на первый

---

[1]) Сулимовскій архивъ, № 154, 162; Кулишъ, Михаилъ Чарнышенко, стр. 10.

[2]) Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старина» 1884 г., № 4, стр. 27.

[3]) Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 13. Сулимовскій архивъ № 42. Дневникъ Марковича, ч. 1, стр. 410, 417.

[4]) Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 69, 72; Шафонскій, Топографическое описаніе черниговскаго намѣстничества, стр. 27; Сулимовскій архивъ, № 31, 67.

день въ розговѣнахъ; мало этого—въ обѣдѣ принимали участіе и «честнѣйшіе служители»[1]).

Открытіе праздника принадлежало юнымъ членамъ семьи—дѣтямъ дворянина, приготовлявшимъ для поздравленія вирши, написанныя учителемъ ихъ—какимъ либо студентомъ или дьячкомъ. Пріятно было родителямъ видѣть своихъ юныхъ грамотѣевъ, пріятно было воспитателю услышать благодарность отъ хозяевъ; вирши, наполненныя непонятной для ребенка миѳологіей о томъ, напримѣръ, какъ Плутонъ похитилъ Діану, приспособлялись иногда имъ самимъ къ семейному торжеству. Неприличнымъ казалось ему для поздравленія имя Плутона и вотъ недолго думая перемѣнялъ онъ его на знакомое имя тутъ-же стоявшаго дяди Платона[2]). А не то бывало полѣнится воспитатель написать виршу, а подъ руками реторика, возьметъ оттуда готовое стихотвореніе, придѣлаетъ въ концѣ: «чего и вамъ желаю, съ праздникомъ поздоровляю» и отдаетъ ученику. Выступаетъ тотъ съ знакомыми ему стихами и начнетъ декламировать:

Лишь дневной шумъ замолкъ,
Надѣлъ пастушье платье волкъ,
Привѣсилъ къ поясу рожокъ
И крался тихо сквозь лѣсокъ...

Въ семьѣ смущеніе: отецъ улыбается, мать тихо укоряетъ дядю-воспитателя, дѣдъ и бабка умильно посматриваютъ, а грамотѣй все больше и больше воодушевляется:

А притчу всю короткимъ толкомъ,
Позвольте, господа, сказать:
Кто въ свѣтѣ семъ родился волкомъ,
Тому лисицей не бывать,

«чего и вамъ желаю, съ праздникомъ поздоровляю». Родительскія объятія были лучшей наградой виновнику семейной утѣхи[3]). На другой и на третій день праздниковъ къ дворянину (если онъ жилъ въ городѣ)

---

[1]) Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 68; Москвитянинъ, № 17, 1852 года, Историческіе матеріалы, стр. 17.

[2]) Москвитянинъ, № 17, 1852 г., стр. 15.

[3]) Ibid., стр. 16—17.

приходили съ поздравленіемъ цехи: кушнѣрскій, кузнецкій, ткацкій, рѣзницкій, неся въ подарокъ что либо отъ своихъ издѣлій. Приходили также крестьяне и козаки тоже съ даяніемъ, что называлось дачей на «ралецъ» [1]). Лѣтомъ много удовольствія доставляли для дворянина южнорусскаго поѣздка по пасѣкамъ. Въ такихъ поѣздкахъ принимали участіе всѣ домашніе, а подчасъ и сосѣди державцы [2]).

Среди всѣхъ этихъ семейныхъ увеселеній, число которыхъ, какъ мы видимъ, было значительно, дворянинъ не забывалъ своихъ нравственно-религіозныхъ обязанностей. Постройка и украшеніе на свой счетъ церквей, содержаніе священниковъ и всего церковнаго причта, отписываніе имущества на монастыри—явленія заурядня въ прошлой жизни нашего дворянина [3]). При этомъ, заботясь объ устройствѣ церкви, онъ заботился въ тоже время и о нравственной сторонѣ священника-пастыря, который обязывался державцѣ: «съ парафіянами обходиться ласкаво и тихо, въ лишнія гулянья, непристойныя мѣста и шинки не ходить, не упиваться, парафіянъ-же обучать христіанскимъ обрядамъ, какъ почитать Всевышняго Творца и ему молиться» [4]).

Мало того, даже въ домашней жизни религіозные обряды исполнялись строго; назначались домашнія эпитеміи: «Новый Завѣтъ прочесть черезъ годъ и внимательно набоженства слушать, мыслію не скитался», или «псалтырь прочесть не въ зачетъ обыкновеннаго чтенія», «по средамъ и пяткамъ по три каѳизмы» [5]). По умершемъ справлялись частые обѣды: третинный, девятинный, полусорочинный, сорочинный, роковый (годичный) обѣдъ и на святой въ четвергъ. Обѣды сопровождались щедрой роздачей денегъ: церковному причту, школьнымъ молодыкамъ, старцямъ, въ шпитали, на бурсу, наконецъ на «тѣхъ, которые по турмахъ сидятъ». Сорокоусты при этомъ справлялись въ двадцати и болѣе церквяхъ. Годичный расходъ на поминки доходилъ до нѣсколькихъ сотъ рублей [6]).

---

[1]) Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старина», № 10, стр. 103.

[2]) Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 144.

[3]) Сулимовскій архивъ, № 166, 168, 180.

[4]) Сулимовскій архивъ, № 472.

[5]) Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 106, 200.

[6]) Сулимовскій архивъ, № 40, 47, «Кіевская Старина» 1883 г., № 11. Завѣщаніе Григорія Галагана, стр. 466; Записки черниговскаго статистическаго комитета. Выпускъ 1 и 2, стр. 77 ст. Лазаревскаго.

Но какъ ни важны и ни дорого стоющи были всѣ эти заботы о спасеніи души и въ тоже время о разныхъ удовольствіяхъ, не онѣ главнымъ образомъ охватывали жизнь нашего дворянина, не въ нихъ онъ видѣлъ счастье своей жизни, не здѣсь сосредоточивалось главное его вниманіе. Были въ его жизни болѣе дорогія, болѣе близкія заботы, на которыя посвящалось много времени, силъ, труда. То были попеченія о семьѣ. Каковъ былъ идеалъ семейныхъ отношеній, лучше всего видно изъ слѣдующаго завѣщанія одного дворянина прошлаго вѣка (1746 г.): «всѣмъ вамъ дѣтямъ моимъ, старшимъ и меншимъ, когда прийдутъ въ возрастъ сей крайній, предаю завѣтъ, дабы вы, яко единокровные, другъ друга любили, житіе свое при всякихъ доброчинностяхъ по заповѣдемъ Божіимъ производили и всякіе дѣла не сами собою, но за совѣтомъ старшихъ сестеръ и братовъ, а паче въ малженствѣ (супружествѣ) и другихъ станахъ вщипали, и порученніе вамъ отъ мене имѣнія у добромъ порядкѣ содерживали и не расточевали онихъ». Если-же кто нибудь изъ дѣтей расточалъ имѣніе, то другіе должны были лишить его части наслѣдства и раздѣлиться ею; въ случаѣ-же несчастнаго разоренія имѣніе потерпѣвшаго должно было поступить въ залогъ или продажу, но только его родственникамъ [1]).

Семья дворянская никакимъ образомъ не допускала выдѣлять своего члена прежде женитьбы. Холостая жизнь внѣ семьи считалась новшествомъ, позорящимъ семью, удручающимъ родителей, противнымъ общенароднымъ обычаямъ. Даже женатые сыновья не всегда выдѣлялись изъ семьи, предпочитая жизнь подъ родительскимъ кровомъ, при взаимной помощи, жизни самостоятельной, внѣ семьи [2]). Много лежало заботъ у отца и матери о семьѣ; но главными изъ нихъ были воспитаніе дѣтей и возможно большее матеріальное ея обезпеченіе.

Первоначальное воспитаніе дѣтей велось на дому: съ этою цѣлью нанимаемы были дьяки и семинаристы для мальчиковъ, учительки или инспекторки для дѣвочекъ. Дьячки, собравъ достаточное число мальчиковъ, заводили нѣчто въ родѣ школы, гдѣ столы замѣняли классы.

---

[1]) Завѣщаніе бунчуковаго товарища Бутовича. Записки черниговскаго статистическаго комитета, Выпускъ 1 и 2, стр. 119, ст. Лазаревскаго.

[2]) Сулимовскій архивъ, № 60.

Назывались они по предметамъ преподаванія: букварь, часословъ и псалтырь. «Школьники дѣлились на мальчиковъ, подростковъ и взрослыхъ. Писали сначала разведеннымъ мѣломъ на опаленныхъ воскомъ черныхъ дощечкахъ не слоистаго дерева, съ простроченными линейками, а пріученные писали чернилами на бумагѣ. Изъ третьяго-же отдѣленія набирались охотники въ особый ирмолойный классъ для церковнаго пѣнія, уроки котораго производились раза три въ недѣлю: зимою въ комнатѣ дьяка, а по веснѣ подъ навѣсомъ... А для вспоможенія себѣ дьякъ старшимъ поручалъ меньшихъ. Отцы за науку платили дьяку по условію за каждый классъ натурою и деньгами. Окончаніе класса школьникомъ было торжествомъ всей школы. Окончившій приносилъ въ школу большой горшокъ сдобной каши, покрытый полотнянымъ платкомъ. Дьякъ съ особымъ обрядомъ бралъ платокъ себѣ, школьники съѣдали кашу, а горшокъ разбивали палками гдѣ либо на пустырѣ въ мелкіе куски. Къ праздникамъ дьякъ давалъ ученикамъ поздравительныя вирши» [1]).

Болѣе состоятельные дворяне предпочитали имѣть у себя дома учителя. Бывало и такъ, что два или три семейства совмѣстно договаривали воспитателя. Предметами обученія были: латинскій, нѣмецкій, французскій языкъ, политика, поэтическое искусство и учтивость. Съ учителемъ заключался обыкновенно контрактъ, чему онъ долженъ учить, а также, какое ему вознагражденіе. Вотъ, для примѣра, такой контрактъ: «Иванъ Аркадійскій обязался учить сына Мишу по латыни и по нѣмецки, а ему за ученіе 20 р. въ годъ, за столъ-же и прочее 50 р., муки пшеничной 1 четверть, гречневыхъ крупъ 1 четверть, муки житной 4 четверти, пшена полъ-четверти, сахару двѣ головы». «Учителкѣ» къ подобнымъ условіямъ прилагались еще «лигоминки» [2]).

Домашними учителями являлись чаще всего семинаристы, бродившіе по городамъ и селамъ за денежными пособіями. Прійдя въ деревню, семинаристы пѣли по церквямъ, затѣмъ посѣщали господскіе дома, гдѣ, вручивъ предварительно хозяину свои ораціи, играли интермедіи и распѣвали духовные стихи [3]). Державца, нуждавшійся въ воспитателѣ,

---

[1]) Москвитянинъ, 1852 г., № 17, стр. 7.

[2]) Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 392, 399, 403, 225, 264.

[3]) Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старина» 1884 г. № 3, стр. 7, 16.

заставлялъ одного изъ пришедшихъ семинаристовъ что нибудь пропѣть, прочитать, а затѣмъ уже заключался контрактъ [1]).

Научившись первоначальной грамотѣ, дворянскія дѣти поступали въ латинскія школы, гдѣ совершенствовались въ латинскомъ языкѣ, постигали затруднительное, темное стихотворство, краснорѣчіе, философію и отчасти новые языки. Такія латинскія школы существовали въ Кіевѣ съ именемъ академіи, Черниговѣ, Переяславѣ и Харьковѣ подъ названіемъ коллегій. Но главное мѣсто, куда направляли свои стопы дворяне, былъ Кіевъ. Здѣсь поступали они въ академію, живя на частныхъ квартирахъ подъ присмотромъ инспектора, привезеннаго изъ дому. На обязанности инспектора лежало веденіе продовольственной части, наблюденіе за исправнымъ посѣщеніемъ уроковъ воспитанниками, за хожденіемъ въ церковь, баню и проч. Инспекторъ поступалъ съ дѣтьми гуманно: ему не только не позволялось «за лобъ рвать, по головѣ бить, но даже назвать дѣтей мужикомъ или свиньей» [2]). Ученіе, происходившее въ неизмѣнныхъ классахъ: Фары, Инфимы, Грамматики, Синтаксики, Поэзіи, Риторики, Философіи и Богословіи, носило характеръ безжизненности, темноты и схоластичности. Покончивъ ученіе въ мѣстныхъ школахъ, часть воспитанниковъ поступала въ гражданскую службу, начиная ее въ войсковой генеральной канцеляріи, а позже въ малороссійской коллегіи [3]). Но значительное число покончившихъ съ домашней наукой продолжали искать свѣта въ польскихъ училищахъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, а съ половины XVIII в. и въ нѣмецкихъ университетахъ. Охота продолжать ученіе въ заграничныхъ школахъ была настолько велика у воспитанника, что даже матеріальная нужда не страшила его. «Когда мнѣ не пришлютъ денегъ, пишетъ воспитанникъ изъ Вроцлавля, и то, хочъ хлѣба просячи, буду учиться. Богъ мене не оставитъ... Але теперъ познаю, що то есть наука, що то учений человикъ? який зъ его пожитокъ! Также вѣра святая не можетъ стояти безъ науки: якъ можемъ церковь святую отъ еретиковъ чисту сохранити безъ науки? Не могу словами выразити» [4]).

---

[1]) Москвитянинъ, ibid., стр. 9.

[2]) Суллимовскій архивъ, № 143. Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 275.

[3]) Шафонскій, стр. 35.

[4]) Суллимовскій архивъ, № 34.

Интересны по своей значительности и разнообразію тѣ требованія, которыя предъявлялись подчасъ сыну со стороны отцовъ при отправкѣ его въ заграничный университетъ. Требовалось изучить латинскій, французскій, нѣмецкій языки настолько, чтобы «чинно и свободно оными разговаривать и самимъ изряднымъ стилемъ писать», но главное «высокихъ авторовъ на тихъ языкахъ не токмо читать, но и переводить и толковать»; сверхъ языковъ полагалось пройти: церковную и свѣтскую, генеральную и партикулярную исторію, поэтику, риторику, логику, физику, метафизику, отчасти ариѳметику, астрономику, геометрію, тригонометрію, архитектуру, географію, этику, экономику, политику, юриспруденцію и механику, да еще «живописства, музыки, либо какого другого мастерства». При этомъ все это требовалось постигнуть такъ, чтобы «за возвращеніемъ въ отечество показать въ самой вещи, яко не всуе въ чужихъ краяхъ было обращеніе и въ наукахъ не напрасно потеряно время» [1]). Допустимъ, что это максимумъ требованій, предъявляемыхъ учащемуся, допустимъ, что писавшій это письмо генеральный хорунжій, Николай Ханенко былъ человѣкъ въ то время по образованію и уму не заурядный, но все таки, если возьмемъ даже минимумъ требованій, то и тогда они будутъ значительны. Здѣсь мало одного формальнаго отношенія къ дѣлу. Нужна любовь къ наукѣ, особенная страсть и уваженіе къ просвѣщенію, чтобы, теряя значительныя матеріальныя средства, претерпѣвая нерѣдко лишенія, ѣхать учиться въ чужія страны и одолѣть такую массу научнаго матеріала.

Что привязанность къ наукѣ была въ значительной степени развита среди южно-русскаго дворянства прошлаго вѣка, объ этомъ свидѣтельствуютъ литературныя занятія дворянина у себя на дому. Желаніе знать современныя событія понуждало его выписывать газеты французскія, нѣмецкія и русскія. Выписка заграничныхъ газетъ затруднена была тѣмъ обстоятельствомъ, что приходилось сначала высылать деньги въ Москву къ почтмейстеру и уже оттуда выписывались заграничныя газеты [2]). Кромѣ газетъ, выписывались еще книги изъ Гданска (Дан-

[1]) Дневникъ Ханенка. Предисловіе А. Лазаревскаго, «Кіевская Старина» 1884 г., № 3, стр. XI и XII.

[2]) Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старина» 1884 г., № 6, стр. 62; Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 181, 126; ч. 1, стр. 62.

цига), Москвы и другихъ мѣстъ. Постепенное накопленіе книгъ способствовало составленію домашнихъ библіотекъ, число томовъ которыхъ доходило иногда до нѣсколькихъ сотенъ [1]). Иная книга переходила долго изъ рукъ въ руки прежде, чѣмъ бывала возвращена въ библіотеку. Судя по книгамъ, особенный интересъ среди дворянства имѣли сочиненія историческія: Sulpitii Severi—historia sacra; Buddei—historia ecclesiae; Cleverii—introductio in universam geographiam; Puffendorfi—introductio ad historiam Europae; Historia Poloniae; Historia rerum in Europa; De bello scytico cosacico; Woyna domowa; geographia antiqua et nova—Celarii и проч.

Непомѣрное чтеніе доводило иной разъ слишкомъ усерднаго читателя до сумашествія. Въ 1740 г. бунчуковый товарищъ Лаврентій Борозна помѣшался, началъ буйствовать, выгоняя изъ дому дѣтей и жену. Послѣдняя жаловалась на мужа за его «непотребніе затѣйки», объясняя, что «то все ему не съ чего инного приходитъ, какъ толко зъ его едного во умѣ помѣшателства, которое ему болѣе, уповаю, приключилось отъ излишнего пянного напитку, такожъ многаго писанія и излишнего тожъ чтенія книгъ, ибо онъ, мужъ мой, и нинѣ не токмо, чтобъ куда проездился или за экономію господарскую имѣлъ какое радѣніе, кромѣ едного разорения, не прибавля по экономіи ничего, но здержуя и готовне, по излишеству его, денги, а болѣе, затворясь крѣпко въ избѣ, пишетъ и читаетъ и чрезъ восѣмъ лѣтъ уже, по закону христіянскому, не сообщается всенайсвятѣйшимъ тайнамъ и въ церковъ никогда не ходитъ; но когда пойдетъ, то развѣ подъ алтаремъ постоитъ мало, а внутрь церквѣ никогда ходу не имѣетъ, имѣя о томъ нѣкоторое умовредное мнѣніе: взялъ-же себѣ въ мысль, что ежели неправедного, по его мнѣнію, человѣка убить, нѣкакова отвѣта предъ Богомъ не дасть, но еще, за то и особливое получитъ спасеніе» [2]).

Трудно опредѣлить въ данномъ случаѣ содержаніе книгъ, чтеніе которыхъ такъ гибельно отразилось на умственномъ состояніи Борозны.

---

[1]) Дневникъ Хавенка, «Кіевская Старина» 1884 года, № 8, стр. 67. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 121, 225; ч. 1, 267.

[2]) Записки черниг. статист. комитета. Вып. 1 и 2, стр. 73.

Видно одно только, что помимо чтенія въ данномъ случаѣ работала мысль и работала, по всей вѣроятности, сильно...

Послѣ всего сказаннаго о степени и характерѣ образованности южно-русскаго дворянства, намъ станутъ вполнѣ понятны его просьбы къ русскому правительству объ открытіи въ краѣ университетовъ и гимназій. Первая попытка (1760 г.) въ этомъ родѣ принадлежитъ гетману Разумовскому, который внушилъ члену малороссійской коллегіи Теплову составить проэктъ относительно учрежденія университета въ Батуринѣ. Мотивами къ устройству университета были выставлены, съ одной стороны, склонность малороссійскаго народа къ наукамъ, съ другой отсутствіе удовлетворительныхъ школъ для высшихъ занятій, ради которыхъ «желающіе понять свыше того, что въ школахъ малороссійскихъ преподается, добровольно, положа надежду на щедрость податѣлей, выходятъ въ польскія училища, нѣмецкіе университеты, а иногда и до Рима, почитая оный, по ихъ мнѣнію, за древній Коринѳъ». На постройку университета предполагалось часть суммы собрать изъ дворянъ «по пропорціи своего имущества», такъ какъ «сіе учрежденіе для воспитанія господскихъ дѣтей постановляется». Въ студенты университета могли поступать воспитанники, окончившіе курсы въ кіевской, переяславской, черниговской, бѣлгородской и польскихъ школахъ. Курсъ ученія полагался трехгодичный. Лекціи должны были читаться по слѣдующимъ каѳедрамъ: 1) латинскаго краснорѣчія; 2) логики, метафизики, философіи практической; 3) натуральному праву и юриспруденціи; 4) древностямъ, исторіи литеральной и политической, генеалогіи и геральдики; 5) физикѣ теоретической и практической; 6) физикѣ экспериментальной и математикѣ со всѣми ея частями; 7) анатоміи; 8) химіи; 9) ботаникѣ и исторіи натуральной [1]).

Въ 1764 году было подано Екатеринѣ II прошеніе южно-русскаго дворянства о возстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи, гдѣ между прочимъ была выражена просьба объ основаніи въ Малороссіи двухъ университетовъ: въ Кіевѣ съ четырьмя факультетами, въ Батуринѣ съ тремя. Въ этомъ-же прошеніи возбуждалось ходатай-

---

[1]) Чтенія московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ 1863 г. книга 2, стр. 67—85.

ство объ основаніи гимназій [1]). Три года спустя, когда выбирались депутаты въ «коммиссію для сочиненія новаго уложенія», наше дворянство въ своихъ наказахъ снова проситъ императрицу пожаловать ихъ высочайшею милостію, учредить университетъ въ Переяславѣ, «яко сей городъ не послѣдній между малороссійскими городами»; затѣмъ проситъ учредить шляхетскій корпусъ, гимназію и «домъ воспитательный для дѣвицъ, ибо и женскій полъ имѣетъ необходимую нужду въ добромъ воспитаніи». Но не суждено было осуществиться этимъ благороднымъ порывамъ южно-русскаго дворянства [2]). Ни одинъ изъ проэктируемыхъ университетовъ не былъ открытъ, а гимназіи начали открываться только въ началѣ XIX вѣка. Становится въ данномъ случаѣ непонятнымъ тотъ индеферентизмъ, съ какимъ правительство Екатерины II отнеслось къ просьбамъ дворянства о расширеніи мѣстнаго просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что сама Екатерина любила просвѣщеніе и глубоко уважала дворянское сословіе. Нельзя думать, чтобы тутъ была боязнь или какое-нибудь преднамѣренное желаніе задержать образованіе края. По всей вѣроятности, военныя предпріятія екатерининской эпохи и другія дѣла внутри государства заставляли откладывать просвѣщеніе южной Руси въ долгій ящикъ.

Подводя теперь итогъ потребностямъ южно-русскаго дворянина прошлаго вѣка, мы увидимъ, что онѣ были довольно значительны. Начиная съ увеселеній, переходя къ религіознымъ потребностямъ и кончая стремленіемъ къ наукамъ и воспитанію дѣтей—все требовало значительныхъ матеріальныхъ затратъ, болѣе или менѣе высокой матеріальной обезпеченности, а также хорошаго состоянія тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ добывались средства, говорю хорошаго, такъ какъ въ противномъ случаѣ нужно было находить другія лазейки. Къ сожалѣнію, южно-русское дворянство прошлаго вѣка, стремясь къ обогащенію, сосредоточивало свои заботы только на количествѣ доходовъ, а какимъ образомъ они добывались, объ этомъ, какъ увидимъ, мало думали наши дворяне.

---

[1]) «Кіевская Старина» 1883 г., № 6, стр. 344.

[2]) Авсѣенко, Малороссія въ 1767 г., стр. 48.

Главнымъ источникомъ матеріальныхъ средствъ для нашего дворянина служила земля, пріобрѣтеніе которой большею частію обходилось безъ затратъ, а если и съ затратами, то самими незначительными: получались земельные участки съ хуторами и селами въ подарокъ отъ государя или гетмана за службу, отъ родныхъ по наслѣдству, отъ козаковъ путемъ покупки и отбиранія за долги, наконецъ присваивались ранговыя имѣнія, т. е. отданныя на время занятія извѣстной должности. Такимъ образомъ составлялись громадныя имѣнія въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ земли, съ даровыми рабочими руками, являвшимися въ лицѣ крестьянъ, жителей полученныхъ помѣстій [1]). Большая часть земель засѣвалась рожью, но послѣдняя рѣдко шла въ продажу. Для нея было другое употребленіе—это винокуреніе. Производство водки было сильно распространено между дворянскимъ сословіемъ XVIII в., что является вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе съ одной стороны полную свободу выкуриванія и продажи водки, безъ всякихъ налоговъ, а съ другой невозможность сбывать на рынкѣ рожь за отсутствіемъ большаго спроса. Вотъ почему въ XVIII в. почти въ каждомъ помѣщичьемъ хуторѣ находилась винокурня, выкуривавшая десятки куфъ (бочекъ) водки, которая путемъ продажи распространялась на мѣстѣ, а еще больше въ Великороссіи, на Кавказѣ и за границей [2]). Каждый державца, имѣвшій винокурню, имѣлъ въ то-же время нѣсколько шинковъ по городамъ и селамъ. Шинки эти отдавались иногда въ аренду евреямъ, а иногда помѣщикъ садилъ туда честнѣйшаго изъ своихъ слугъ. Торговля въ шинкахъ была очень выгодна для державцы. Она доставляла ему и деньги и рабочую силу, ибо всякій крестьянинъ и козакъ, набравшій въ долгъ водки и не имѣвшій средствъ уплатить долга—поступалъ въ услуженіе къ державцѣ [3]). Кромѣ земледѣлія, державцы занимались еще скотоводствомъ и пчеловодствомъ. Число овецъ державцы простиралось до нѣсколькихъ тысячъ; но содержаніе овецъ велось небрежно, что вызвало извѣстныя

---

[1]) Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 213; см. вып. 62.

[2]) Авсѣенко, Малороссія въ 1767 г. Прибавленіе, стр. 142. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 339.

[3]) Дневникъ Марковича, стр. 256, ч. 2.

мѣропріятія Петра I, разосланнаго по Малороссіи регулы, т. е. правила, какъ содержать овецъ. Больше цѣнились волы, которыхъ много продавали въ Силезіи и Москвѣ. Распространены были также конскіе заводы, гдѣ содержались лошади разныхъ породъ: неаполитанской, англійской, гишпанской, датской, барбарской и проч. Лошади сбывались преимущественно въ Польшѣ [1]). Но самымъ любимымъ занятіемъ для дворянина было пчеловодство. Пасѣки были громадны: каждая вмѣщала до 200 ниней, а такихъ пасѣкъ бывало 4, 5 и больше. Непосредственное веденіе пасѣки поручалось пасѣчнику, на обязанности котораго лежало: ульи дѣлать, аккуратно пчелъ кормить медомъ, выискивать удобныя мѣста для перевозки лѣтомъ пасѣки, стараться объ увеличеніи прибыли, ставить ульи въ погребъ на зиму и навѣдываться туда [2]). Существовало еще дупляное пчеловодство, иначе бортничество, особенно распространенное въ лѣсныхъ мѣстностяхъ.

Не менѣе было развито производство пеньки, особенно въ Стародубовщинѣ. Мало того, что дворяне сами разводили ее; они давали еще мужикамъ въ долгъ деньги, требуя возврата пенькой. Пеньку для продажи отправляли въ Ригу, Петербургъ и Архангельскъ, гдѣ частію продавали за деньги, частію-же промѣнивали на сукна и вино и на товары, необходимые для домашняго обихода [3]).

Существовали еще тютюнныя (табачныя) плантаціи, преимущественно въ полкахъ черниговскомъ и нѣжинскомъ, въ сотняхъ конотопской и борзенской, отчасти въ полкахъ полтавскомъ, гадяцкомъ, прилуцкомъ и сотнѣ роменской. Табакъ производился: простой, виргинскій, амерфордскій, турецкій и гадяцкій. Для продажи его отправляли въ Бѣлоруссію, Сибирь, Петербургъ, Польшу, Крымъ, Курляндію и Запорожье [4]). Что касается до заводовъ и фабрикъ, то ихъ, кромѣ винокурень и будъ (селитренныхъ заводовъ), въ южно-русскомъ краѣ было мало.

У нѣкоторыхъ державцевъ были заводы желѣзные въ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ. Руда, добываемая изъ болота, годилась только

---

[1]) Шафонскій, Топограф. опис. черн. нам., стр. 533. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 316; ч. 1, стр. 253.

[2]) Сулимовскій архивъ, № 98.

[3]) Сулимовскій архивъ, № 129.

[4]) Шафонскій, стр. 10. Дневникъ Марковича, ч. 1. стр. 21, 39.

для плавленія чугуна и мелкихъ полосъ желѣза. Послѣднее употреблялось исключительно на мѣстѣ [1]). Больше было развито стекляное производство. На гутахъ (такъ назывались въ южной Руси стекляные заводы) выдѣлывалась посуда для домашняго обихода, часто изъ простаго зеленаго стекла; бѣлаго-же оконнаго и хрусталя почти не выдѣлывалось. Въ большомъ распространеніи, какъ я уже сказалъ, было селитрейное производство. Въ каждомъ полку и сотнѣ находились буды, выдѣлывавшія селитру. Главнымъ мѣстомъ продажи ея были шостенскіе пороховые заводы [2]).

Наконецъ у помѣщиковъ въ домахъ выдѣлывались: домашніе холсты, скатерти, серветки, ковры, простыя бѣлыя и черныя сукна для домашняго употребленія и продажи [3]). Если товары продавались дворяниномъ на мѣстныхъ деревенскихъ и городскихъ ярмаркахъ, то покупателями ихъ чаще всего являлись мѣстные торговцы, называвшіеся «гандлювными людьми». Эти гандлювные люди покупали: водку, тютюнъ, вовну, воскъ, лой, ганушъ (анисъ) и проч., ведя торговлю въ Силезіи, Кролевцѣ прусскомъ, Слуцкѣ, Вильнѣ, Данцигѣ, Могилевѣ и проч. [4]).

Такимъ образомъ предметомъ торговли въ большинствѣ случаевъ были сырые матеріалы.

Вообще-же обрабатывающая промышленность и торговля края были весьма неразвиты и среди низшихъ сословій, и среди дворянства, такъ что съ «великою нуждою можно какую нибудь порядочно сдѣланную вещь получить, а должно почти все изъ Москвы или Петербурга доставать» [5]).

---

[1]) Ibid., стр. 20; Сулимовскій архивъ, № 141.

[2]) Шафонскій, стр. 21, 328, 412, 628, 650. Сулимовскій архивъ, № 142. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 310. Въ предѣлахъ полтавской и черниговской губерній до сихъ поръ сохранились названія селъ и хуторовъ: Буды, Рудни, Гуты, мѣста, гдѣ были въ XVIII в. заводы.

[3]) Шафонскій, стр. 616 и др. Намъ приходилось видѣть въ Гадячѣ изъ этихъ издѣлій ковры; цвѣта шерсти подобраны были удачно. Рисунки выполнены удовлетворительно и взяты изъ мѣстной жизни: бандуристъ сидящій, крестьяне въ національныхъ костюмахъ и проч.

[4]) Архивъ малороссійской коллегіи при харьковскомъ университетѣ, № 3216. Сообщеніемъ этого документа мы обязаны проф. Д. И. Багалѣю.

[5]) Шафонскій, ibid., стр. 21.

Вотъ эта-та невозможность удовлетворять большую часть своихъ потребностей у себя дома, а также мѣстными произведеніями, въ связи съ неумѣренной страстью къ обогащенію заставляла дворянина искать другихъ источниковъ доходовъ. Этими источниками явились непомѣрныя повинности крестьянъ, выражавшіяся въ двухъ ихъ положеніяхъ: одни «крестьяне панщину робили», другіе на «чиншѣ сидѣли». Кромѣ этого крестьяне должны были давать державцѣ еще такъ называемую осенщину. Она собиралась съ урожая по числу рогатаго скота: помимо хлѣба осенщина выплачивалась деньгами, домашней птицей, овцами, мотками нитокъ, орѣхами, хмѣлемъ, яйцами, произведеніями домашней утвари и проч. Платили также за позволеніе жениться, что называлось «куничными грошами». Съ пасѣкъ брали пчелиную десятину (1 улей отъ десятины), очковое (отъ улья), съ тютюна-же— тютюнную.

Что касается до количественныхъ размѣровъ этихъ повинностей, то они опредѣлялись исключительно самимъ державцею. Отъ его воли зависѣло уменьшить или увеличить требованія, щадить крестьянъ и ихъ имущество, заботиться о развитіи ихъ хозяйства или, игнорируя всѣмъ этимъ, стараться только лишь о возможно большемъ полученіи прибыли. Къ сожалѣнію среди южно-русскаго дворянства прошлаго вѣка проявились стремленія лишь втораго рода. Какъ панщина, такъ и другія повинности были неумѣренны, и тяжело ложились на крестьянское сословіе. Панщина, ограниченная 2-мя днями въ недѣлю, дошла до 4-хъ и 5 дней, благодаря чему крестьяне жаловались, что «имъ не можно и хлѣба лѣтомъ заработать» [1]). Размѣры другихъ повинностей были настолько значительны, что окончательно разоряли крестьянское хозяйство [2]). Большей зависимости крестьянъ отъ державцы способствовали также частые ихъ займы денегъ и продуктовъ. Державца, дабы побольше получить себѣ выгоды, запрещалъ своимъ крестьянамъ зани-

---

[1]) См. Посполитые крестьяне, А. Лазаревскаго, стр. 48, 46.

[2]) Ibid. Въ м. Шановзловкѣ (борзенской сотни) крестьянъ считалось 78 домохозяевъ: многоземельныхъ 5, малоземельныхъ 27, огородниковъ 8 и безземельныхъ 38. Одни отдавали державцѣ жита батуринской мѣры 50 осмачковъ, овса 75 осмачковъ, пшеницы 3 четверти, пшона 3 четверти, гороху 3, сѣмени конопля-

мать что-либо у кого другаго, кромѣ себя. Заемъ для большей гарантіи производился иногда цѣлому обществу. Вотъ для примѣра условія займа: «слоутцы дали обликгъ на 50 р., имъ данные взаймы, съ условіемъ возить намъ 10 лѣтъ дрова и дерево и всякаго года давать намъ на 1 или 2 дня косарей по 20 человѣкъ» [1]).

Нѣкоторые державцы, занимавшіеся торговлей, имѣли обыкновеніе раздавать крестьянамъ для продажи свои товары: шелкъ, сафьянъ, вино и др. Цѣны на товаръ выставлялись высокія, такъ что крестьяне отъ продажи товара получали значительные убытки; но державца требовалъ означенную плату сполна, что и долженъ былъ выполнить посполитый, ибо въ противномъ случаѣ ему грозили «кіевіе побоища, мордерское обращенье», наконецъ тюрьма, куда сажали подъ часъ и ни въ чемъ неповинную жену должника [2]). Результатомъ такихъ угнетеній крестьянъ было то, что они бросали свои дома, бросали свое имущество и уходили искать лучшей жизни; но бывали еще худшія послѣдствія— крестьяне поднимали буйства, оканчивавшіяся весьма плохо для державцы: «онъ бывалъ забитъ, пробитъ и носъ ему отрѣзанъ» [3]).

Коснувшись крестьянскихъ повинностей, какъ источника доходовъ южно-русскаго дворянина XVIII вѣка, нельзя тутъ-же не упомянуть о другой общественной группѣ XVIII вѣка—козачествѣ, приносившемъ то-же немало прибыли дворянину. Правда, добываемыя изъ этого источника средства, являются результатомъ насилія, цѣлаго ряда несправедливостей, нарушенія войсковаго права и носятъ какъ-бы частный, случайный характеръ, но они настолько все-таки значительны, что не упомянуть о нихъ нельзя. Прежде всего козаки являлись рабочей силой для нашего дворянина. Недостатокъ въ работникахъ при обширности

наго 3 четверти; кромѣ того 300 квартъ масла (по квартѣ отъ вола), 300 квартъ олѣи, овецъ 230, кабанивъ годованихъ 60, гусей 300, утокъ 300, курей 600, яицъ 5000, грошей 200 золотыхъ (золотой 20 коп.), не говоря уже о томъ, что эти-же крестьяне безплатно орали поле, косили сѣно, убирали хлѣбъ, возили подводами въ Москву пашню и горѣлку. Въ большей или меньшей степени такой-же характеръ носили повинности и у другихъ державцевъ. Ibid., стр. 36—68.

[1]) Дневникъ Марковича, ч. 1, стр. 391; ч. 2, стр. 377, 387.

[2]) Лазаревскій. Посполитые крестьяне, стр. 51, 63.

[3]) Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 122.

маетностей побуждалъ державцу, занимавшаго извѣстный урядъ (должность), произвести давленіе на козаковъ и заставить ихъ не только плотины гатить, дерево возить на разныя постройки, землю пахать своими плугами, хлѣбъ жать, но даже печи топить, дрова рубить, коней поить и проч. Вдовъ козачьихъ также сгоняли для всякой работы: бѣлье мыть, посуду чистить, хаты бѣлить и всякое дѣло дѣлать, что прикажутъ наравнѣ съ наемными работницами [1]).

Да при этомъ «жезлъ внушенія» имѣлъ большое приложеніе, такъ что козаки заявляли, что «не мордовали такъ паны лядскіе (польскіе) своихъ подданныхъ и не забивали до смерти кіями», какъ панъ свой, «препровождавшій до смерти и калѣцства» [2]).

Но на этомъ власть дворянина не останавливалась, она шла дальше; она посягала не только на личныя, но и на имущественныя права козака. Захватывали державцы у козаковъ поля, рыбныя ловли, млины, сѣнокосы; при этомъ съ такимъ «гвалтовнымъ нападеніемъ», что выбирали изъ жилыхъ хатъ двери и окна [3]).

Пути, которыми производились захваты козацкаго имущества, были разные.

Купитъ бывало державца въ своемъ полку часть земли и начнетъ отсюда мало по малу распространять свое давленіе на козаковъ, пріобрѣтая все больше и больше грунтовъ. Заплатитъ одному, другому за землю, «а сотни людей неволею должны свое имущество оставлять; да настроитъ хуторовъ на свободныхъ степяхъ, и такое стѣсненіе сдѣлаетъ хуторами въ полку, что куда не глянешь, все его хутора и все будто купленные, а купчія беретъ, хотя и не рады продавать» [4]). А вотъ и другой путь. Отдастъ державца козаку изъ извѣстной части «вышинковать» въ своей деревнѣ водки, «а ищетъ къ такому дѣлу такихъ козаковъ, которые-бы удобнѣе у него забраться и замотаться могли» и достигнетъ своей цѣли. Пройдетъ извѣстный срокъ, помѣ-

---

[1]) Русскій Архивъ 1864 г., № 5, стр. 494. Жалоба лубенскаго козака на пана Марковича Петру II. «Кіевская Старина» 1882 г., № 3. Люди старой Малороссіи, Лазаревскаго, стр. 425.

[2]) Русскій Архивъ 1875 г., № 7, стр. 252.

[3]) Русскій Архивъ, 1875 г., № 3, стр. 324.

[4]) Ibid., 1875 г., № 7, стр. 252.

щикъ задастъ козаку столько вина, что онъ не въ состояніи за него потомъ всѣ деньги уплатить. Тогда начинается судебный процессъ по козацкому обязательству; въ итогѣ получается потеря козакомъ грунтовъ своихъ, если-же ихъ мало, то и самъ поступалъ къ державцѣ въ отслугу [1]).

Такими или иными путями, козакъ, доведенный южно-русскимъ дворяниномъ до крайняго убожества и скудости, нерѣдко бросалъ свою козацкую службу, отказывался отъ присвоенныхъ ему правъ и поступалъ къ державцѣ въ качествѣ простаго работника, крестьянина.

Другаго исхода отъ насилій у козака не было, такъ какъ дворянинъ, являвшійся въ данномъ случаѣ его угнетателемъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ его военный и гражданскій начальникъ. Онъ могъ тѣснить на каждомъ шагу. Поданная въ судъ жалоба въ большинствѣ случаевъ не имѣла значенія, ибо была парализуема судьями, представлявшими собою людей, которые установили за принципъ: сильнаго миловать, слабаго тѣснить. По селамъ процвѣтали корчемные суды, т. е. судили въ шинкахъ, гдѣ можно было скорѣе прійти къ желаемымъ результатамъ, благодаря спаиванію. Въ городахъ дѣйствовала взятка и насиліе. Не сдерживаемый на урядѣ властію, смотрѣвшій на свои служебныя обязанности лишь только съ точки зрѣнія наживы, державца бывалъ плохимъ общественнымъ дѣятелемъ, еще худшимъ общественнымъ борцемъ, въ особенности, когда его личные интересы были въ сторонѣ. Въ походахъ, въ судахъ, въ канцеляріяхъ, словомъ, гдѣ только можно было поживиться, онъ живился, не стыдясь взятокъ, насилій, утаиваній общественныхъ денегъ и проч. Ни слезы, ни мольбы потерпѣвшихъ не могли смягчить его сердца. Стремленіе къ наживѣ, къ пріобрѣтенію богатства—все заслоняло предъ его глазами [2]). И дѣйствительно дворянинъ южно-русскій въ значительной степени этой цѣли

---

[1]) Кулишъ, Записки о южной Руси; Записка Теплова, стр. 193.

[2]) Желающихъ подробно ознакомиться съ общественною дѣятельностію украинскаго дворянства прошлаго вѣка отсылаемъ къ статьямъ почтеннаго изслѣдователя южно-русской старины А. Лазаревскаго. См. Записки черниговскаго статистическаго комитета, Вып. 1 и 2; Русскій Архивъ, Очерки малорусскихъ фамилій, 1875 г., т. I, II, III; 1880 г., т. I; «Кіевская Старина» 1882 г., № 1, 3; 1884 г., № 1.

достигалъ. Матеріальное его положеніе въ XVIII в. было, какъ мы видѣли, весьма удовлетворительно.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ государственныхъ повинностяхъ, которыя лежали на южно-русскомъ дворянинѣ.

Главныя изъ нихъ были: 1) содержаніе войскъ на зимнихъ квартирахъ, 2) раціи и порціи, взимавшіяся во время войнъ, 3) наконецъ участіе на свой счетъ лично въ походахъ и посылка крестьянъ въ такіе походы.

Всѣ эти повинности тяжело отражались на хозяйствѣ державцы. Размѣры порцій и рацій на консистентовъ (квартирующихъ солдатъ) и на армію не были строго установлены, почему эти налоги взимались большею частію безъ мѣры, притомъ взимались экстренно, такъ что не было никакой возможности приготовиться заранѣе или просить отсрочки. При этомъ, если не выполнялось то или иное требованіе, то прибѣгали къ весьма строгимъ мѣрамъ. Чтобы показать, насколько эти требованія были разнообразны и значительны, я приведу два три примѣра. Староста державцы Марковича заявляетъ ему «о нуждахъ людскихъ, что были поборы людей съ подводами отъ квартирующихъ военныхъ воронежскаго полка, а также возка двойнаго провіанта и фуража, перевозка изъ магазиновъ кулей и возка сѣна кобылицамъ государевымъ въ два мѣста. На армію брали по 20 тысячъ и болѣе муки, овса, крупъ; брались раціи по нѣсколько разъ въ годъ; дача сѣна простирала до 500 тысячъ пудовъ, которое нужно было еще везти въ какую нибудь Царицанку за 993 версты. А тутъ переходила артиллерія, требовали отъ каждыхъ двухъ дворовъ по надежной подводѣ. Пріѣхавши, прапорщикъ ярославскаго полка требовалъ въ это-же время воловъ съ чиновниковъ: съ полковниковъ по тридцати, съ бунчуковыхъ по 15, со значковыхъ по 1 [1]). Много страдало хозяйство державцы отъ повинностей, но еще больше отъ насильственныхъ захватовъ солдатами продуктовъ, скота и проч. Солдаты забирали хлѣбъ у крестьянъ державцы, и не только тотъ, что на верху былъ, но и изъ ямъ; воловъ уводили, токъ палили, иногда нападали въ день на домъ державцы, со шпагами галясовали, а когда слуги державцы отняли у нихъ

[1]) Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 62, 82, 105.

шпаги, то солдаты занесли жалобу своему капитану, и слуги были побиты въ наказаніе палками. Или наѣдетъ какой нибудь капралъ на избу державцы и начнетъ здѣсь требовать себѣ незаконно постоя. Хозяинъ отказываетъ; тогда капралъ дѣйствуетъ внушительнѣе: приводитъ на подмогу товарищей, нападаетъ на хозяина съ палашами, валитъ его на землю, таскаетъ за волосы, «порицая змѣнникомъ и другими скверными словами.» И прибьетъ капралъ державцу настолько сильно, что тѣло его опухнетъ, и самъ онъ «съ минуты на минуту смерти ожидаетъ» [1]).

Для предотвращенія такихъ притѣсненій на будущее время, шляхетство просило Екатерину II вновь подтвердить, чтобы своевольствъ солдаты не дѣлали: «лагерями безъ отводу не становились, излишнимъ употребленіемъ дровъ и обращеніемъ огорожи и другихъ строеній для топленія не наносили убытковъ, безденежно у обывателей хлѣбомъ и ничѣмъ не довольствовались, въ подводы и ни въ какія работы безъ добровольнаго найма и заплаты людей и скота ихъ не брали и несноснѣйшему озлобленію боями и безчестіями никому обидъ не наносили, а паче злобы военные начальники въ городахъ и землѣ подданныхъ нашихъ къ себѣ не брали и пристрастными розысками или наказаніями ихъ не озлобляли [2]). Не меньше ущерба хозяйству державцы приносили частыя высылки посполитыхъ для различныхъ сооруженій, а также и военные походы въ качествѣ погонщиковъ. Высылки такія доходили до десяти и болѣе тысячъ. Большая часть высылаемыхъ крестьянъ отъ тяжелаго климата и трудныхъ работъ умирали въ походѣ. «Съ выправленныхъ мною Сваржовцевъ (13 человѣкъ), замѣчаетъ Яковъ Марковичъ, въ походъ прошлаго года (1738 г.), возвратился одинъ зайченокъ, да и у того ноги отморожены, о протчихъ объявляется, что всѣ померли» [3]).

Въ этихъ-же походахъ принимали личное участіе и сами дворяне. То была одна изъ самыхъ тяжелыхъ ихъ обязанностей. Многіе не хо-

---

[1]) Записки черниговскаго статистическаго комитета. Вып. 1 и 2, стр. 43. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 26, 40.

[2]) Авсѣенко, стр. 53.

[3]) Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 40.

тѣли идти, отнѣкивались, но отказаться трудно было, такъ какъ въ будущемъ грозилъ большой штрафъ.

Приходилось дворянину идти, приходилось бросать родной кровъ, родную семью, излюбленное хозяйство, покидая все на попеченіе жены. Наставалъ тяжелый, грустный день проводъ; сумрачнымъ онъ казался державцѣ, страшило его неизвѣстное будущее, нелегкая походная жизнь, не совсѣмъ пріятное сосѣдство чужихъ людей; провожали его за 20, 30 верстъ жена, близкіе родные и знакомые и «гладили» на остановкахъ дорогу... Долго тянулось скучное шествіе въ походѣ, много истрачивалъ средствъ дворянинъ на содержаніе себя и своихъ слугъ. Придя къ мѣсту, гдѣ строилась линія или крѣпость, или усмирялись возставшіе горцы, дворяне болѣли отъ тяжелаго климата десятками; но возвращались домой, до окончанія похода, только тогда, когда нѣсколько докторовъ давали удостовѣреніе въ дѣйствительности болѣзни [1]): Да и вообще положеніе ихъ было тяжелое... «О здешнемъ нашемъ поведеніи,» пишетъ дворянинъ матери съ сулацкаго похода, «не освѣдчаю, бо гидко и освѣдчати, тилко еще милостію Божію ненарушимо въ здоровю зостаемъ. Денегъ сколко взялемъ отъ вашой родителской милости, толко есть третяя часть при мнѣ; много стратилемъ дорожнетою купуючи... А о всякихъ болшъ нуждахъ не освѣдчаю, толко добродѣйку матку мою о призрѣніе добродѣйское на мене, здесь страждущого, всепокорнѣйше прошу» [2]).

Другой державца въ своей автобіографіи замѣчаетъ: «въ 1760 году отправленъ былъ тисячною командою въ прусскій походъ и тамъ чрезъ цѣлій годъ при арміи, въ чрезвычайныхъ трудахъ и бѣдахъ, з немалымъ убиткомъ имѣній моихъ, обритался» [3]). Кратки эти замѣтки, но понятны... Вотъ почему возвращеніе дворянина домой съ походу было вторымъ свѣтлымъ праздникомъ для семьи. Выстрѣлы изъ полковыхъ пушекъ возвѣщали домашнимъ о возвращеніи съ похода. Дома же, въ этомъ случаѣ, не только устраивались бенкеты, но даже сочиняли близкіе родственники вирши, которыя и читали при встрѣчѣ съ возвратившимся».

---

[1]) Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 9, 10, 16, 183, 196, 209.

[2]) Сулимовскій архивъ, № 39.

[3]) «Кіевская Старина» 1883 г., № 11, стр. 450.

Такова была жизнь южно-русскаго дворянина XVIII в. до той знаменательной поры, когда пришлось ему перемѣнить кунтушъ на вицмундиръ, шапку на шляпу, подбритый чубъ на искуственную косу, саблю козацкую на короткую шпагу. Страннымъ онъ казался въ такомъ нарядѣ среди своей семьи; но еще болѣе страннымъ представлялся онъ крестьянамъ, съ усмѣшкой смотрѣвшимъ теперь на своего пана. «То таки бувало выйде,» говорили они, «або на коня сяде, уже панъ якъ панъ; а теперъ—абы-що; нимець не нимець, такъ соби пидщипаный» [1]).

Николай Бакай.

---

[1]) Москвитянинъ 1852 г., № 17. Исторія Малороссіи, стр. 13.

УНИВЕРСАЛЪ
КІЕВСКАГО ПОЛКОВНИКА ВАСИЛІЯ ДВОРЕЦКАГО 1660 ГОДА.

(Объ отдачѣ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ бернардинскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ).

Приводимый здѣсь универсалъ, какъ крѣпостной документъ на недвижимую собственность церкви Николая Добраго въ Кіевѣ, давно утратилъ свое значеніе, но сохранилъ свою цѣну историческую. Въ немъ содержится яркое указаніе на то, какъ ширились поляки, ихъ ксендзы и костелы въ Кіевѣ, въ самой торговой его части—Подолѣ, до половины XVII вѣка, какъ увеличивали они недвижимую собственность, какъ тѣснили православныхъ, съ участіемъ жидовъ и армянъ, и какъ радикально отдѣлались отъ всѣхъ этихъ пришлецовъ козаки въ эпоху возстанія Хмельницкаго. Фактически всѣ они изгнаны при занятіи Кіева восторжествовавшею козацкою силою; но тогдашній полковникъ кіевскій Василій Дворецкій не удовольствовался этимъ, а испросилъ особую царскую грамоту, воспрещавшую кому-бы ни было изъ названныхъ пришельцовъ селиться въ Кіевѣ,—мѣра, сохранявшая относительно евреевъ всю свою силу до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, точнѣе до генералъ-губернаторства князя И. И. Васильчикова и Н. Н. Анненкова.

Въ этомъ-же документѣ находимъ подтвержденіе существованія полумиѳическаго въ исторіи козачества гетмана Кушки, но съ именемъ Матѳея, а не Самойла, какъ въ думахъ. Онъ былъ строителемъ церкви Добраго Николая, и это, кажется, обстоятельство послужило поводомъ для полковника Дворецкаго отдать въ вѣчное владѣніе означенной церкви всѣ не козаками занятые грунта бернардинскіе, іезуитскіе и армянскіе, съ обращеніемъ въ доходъ церкви и обычной отъ тѣхъ грунтовъ *куницы*, т. е. денежной платы и натуральной повинности отъ тѣхъ мѣщанъ, которые построились на нихъ. Гетманская де-скать, козачья церковь, пусть-же она и владѣетъ добромъ,

козачею шаблею добытымъ, «абы въ ней богомоліе было за его пресвѣтлое царское величество и на войско его запорозское изъ домовъ Божіихъ благословеніе зоставало, абы ихъ Господь Богъ на кождыхъ мѣсцахъ благословилъ и надъ непріятелми вѣры нашой православной побѣду и одолѣніе подалъ».

Универсалъ заимствованъ нами изъ документовъ церкви Добраго Николая, гдѣ онъ хранится въ подлинникѣ, съ именною восковою печатію, на которой въ изящной орнаментикѣ въ самой серединѣ помѣщенъ фамильный гербъ полковника, въ видѣ серпа и звѣзды въ центрѣ его, а на верху его инициалы: *В. Д.* На оборотѣ слѣдующая надпись, сдѣланная почеркомъ XVII ст.: *Фундушъ, або универсалъ пана Василія Дворецкого, полковника кіевского, на владѣніе фундушовъ шляхетскихъ, на церковь свято-добро-николскую данный.*

Василій Дворецкій, полковникъ его царского пресвѣтлого величества войска запорожского кіевскій.

Всимъ вобець и кождому зъ-особна, кому-бы о томъ вѣдать належало, а меновѣте ихъ милостямъ паномъ полковникомъ, эсавуломъ, сотникомъ, атаманомъ, городовымъ и всей черни козакамъ зъ войска его царского пресвѣтлого величества запорозского и каждое кондиціи людемъ, на урядахъ въ городе Кіеве теперъ и въ потомніе часы зостаючимъ, тымъ писанемъ моимъ до вѣдомости доношу, иже мы, видечи, счо предъ часы одъ многихъ шляхтичовъ, въ Кіеве дворы для пріѣзду своего маючихъ, дѣялося стиснене церквамъ Божимъ и знищене оттоль уростало знаменитыхъ фундацій отъ православныхъ князей малороссійскихъ кіевскихъ и уйма чинилась, а ляхи—одни кадуками (захватами), а другіе беручи себе одъ мѣщанъ дочки за жоны, посессорами добръ по мѣщанахъ, у Кіеве будучихъ, ставалися; теды въ тотъ часъ кождый ляхъ, ку вѣры своей ближшимъ будучи, на своихъ пляцахъ костелы побудовали, а другіе и помуровали, утиснъ великій церквамъ Божимъ, обывателемъ и мѣщаномъ кіевскимъ за своего панства чинили и силомоцю грунта и пляцы одыймовалы, где мы о томъ добре вѣдаючи и знаючи и тому въ потомные часы запобѣгаючи, жебы болшей мешканцами въ Кіеве ляхи, ормяне, жиды не были вѣчными часы, одъ его царского пресвѣтлого величества на покрипость и грамоту городу Кіеву, за нашимъ старанемъ даную, выправилисмо; теды теперъ, углядаючи,

жобы стиелымъ церквамъ Божимъ кіевскимъ цвинтари, где бы могли людей мертвыхъ класти, розширены и гробовиска не по улицахъ были, але абы въ опасаню ширшомъ коло церквей Божихъ мертвыхъ кладено и ховано было, на церковъ святого Николы доброго, которую то церковъ небожчикъ славной памяти Матфей Кушка, гетманъ войска запорозского, фундацію заложивши, побудовалъ, пляцы ксендзовъ барнадиновъ и езовѣтовъ и ормянскіе, якые въ своей долгости и широкости маютъ зъ усими пожитками и куничниками, на нихъ будучими, хто колвекъ зъ мещанъ, окромъ козаковъ, на вышпомененныхъ пляцахъ кляшторныхъ побудовался, надаемо и вѣчно лекгуемо, абы хвала Божая розширалася, а за его царское пресвѣтлое величество и за увесь сѵнклитъ его богомоліе было, и на войско его царского пресвѣтлого величества запорозкое изъ домовъ Божіихъ благословеніе зоставало, абы ихъ Господь Богъ на кождыхъ мѣсцахъ благословилъ, и надъ непріятелмы вѣры нашей православной побѣду и одолѣніе подалъ; стороны зась козаковъ, которые собѣ волныхъ пляцовъ шляхетскихъ шаблей добыли и, за вѣдомостю прежныхъ полковниковъ и моею побудовавшися, живутъ, за заслуги на то листы одъ насъ и одъ ихъ милостей, пановъ гетмановъ войска запорозского даные маютъ и ведлугъ пунктовъ въ статяхъ на столицы при его царскомъ пресвѣтломъ величествѣ поставленыхъ, козаки зъ дѣтками и жонами своими зъ вышпомененыхъ пляцовъ кляшторныхъ и шляхецкихъ отъ подачокъ и куниць волными быти маютъ. Которое то писаніе наше для болшое и далшое вѣры и певности паномъ ктиторомъ и парафіяномъ церквы святого Николы доброго съ подписомъ руки нашое и при печати полковой даемо. Дѣялося въ Кіеве, мая 12 дня 1660 року.

Вышменованный рукою власною.

(М. П.)

Проэктъ казеннаго сельскаго хозяйства въ присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи областяхъ.

Проэктъ этотъ офиціальнаго происхожденія. Онъ составленъ правителемъ канцеляріи литовскаго генералъ-губернатора, надворнымъ совѣтникомъ Иваномъ Щепановскимъ въ 1801 г., подъ скромнымъ названіемъ «*Записки*», а достался намъ въ современной копіи въ числѣ бумагъ покойнаго профессора кіевскаго университета Ставровскаго, извлекшаго этотъ, какъ и массу другихъ документовъ изъ архива потемкинскаго секретаря В. Попова.

Основная мысль проэкта заключается въ томъ, чтобы въ ново-присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ, нынѣшнемъ сѣверозападномъ и юго-западномъ краѣ, въ оставшихся за казною населенныхъ имѣніяхъ вести въ широкихъ размѣрахъ сельское хозяйство, съ помощію особой казенной администраціи, проэктируемой къ учрежденію запиской Щепановскаго. Ближайшимъ поводомъ или исходной точкой такого проэкта служитъ мысль о необходимости содержать въ новоприсоединенныхъ областяхъ огромную военную силу, по крайней мѣрѣ въ числѣ 150,000 душъ. Содержаніе такой арміи обычнымъ и тогда подряднымъ способомъ заготовленія фуража по смѣтнымъ цѣнамъ обходилось-бы очень дорого, а получая главные предметы продовольствія—хлѣбъ и сѣно изъ казенныхъ имѣній въ натурѣ, можно было не только значительно уменьшить цифру содержанія войскъ, но и доставить казнѣ знатный доходъ, въ особенности при чрезвычайномъ плодородіи земли въ юго-западномъ краѣ. Такъ разсуждалъ авторъ проэкта, и его разсужденіе, внѣ условій практическаго примѣненія, было вполнѣ справедливо и основательно. Расходы не достигаютъ и 100,000, а барыши могли быть милліонные. Кого не могла прельстить подобная мысль? Самъ составитель проэкта настолько увлекся ею, что предлагаетъ не только прекратить дальнѣйшую раздачу земель, но взять въ казну старостинскія и католическія духовныя, равно выкупить пожалованныя прежде въ этихъ провинціяхъ имѣнія, владѣльцы которыхъ въ самое короткое время успѣли такъ обременить ихъ долгами, что были-бы только рады казенной отъ нихъ покупкѣ.

Имѣлъ ли проэктъ въ такомъ или иномъ видѣ дальнѣйшій ходъ, ни откуда не видно. Едва-ли однако записка столь важнаго содержанія, составленная притомъ въ центрѣ управленія присоединеннымъ краемъ, могла быть писана такъ сказать на вѣтеръ, или для любопытства потомства. Самая мысль записки едва-ли

принадлежала тому, кто на ней подписался полнымъ своимъ титуломъ и именемъ. Мысль эта могла принадлежать лишь людямъ, облеченнымъ болѣе широкою властью, надѣющимся на проведеніе самыхъ широкихъ плановъ. Такая мысль могла быть тогда въ ходу въ сферахъ вліятельныхъ, если не принадлежала самому тогдашнему генералъ-губернатору; а сопоставляя ее съ основною мыслью проэкта устройства военныхъ поселеній, нельзя не видѣть между ними большаго сходства. Въ послѣднемъ проэктѣ вся и разница въ томъ лишь, что военная администрація замѣняетъ не ясно очерченную здѣсь гражданскую сельско-хозяйственную администрацію. Промежутокъ времени между тѣмъ и другимъ проэктомъ весьма незначительный. Помѣщаемый проэктъ могъ пройти нѣсколько инстанцій, претерпѣть измѣненія, быть болѣе разработаннымъ и точнѣе опредѣленнымъ, на что указываютъ и заключительныя слова записки, но едва-ли мы ошибемся, предположивъ въ найденной нами Запискѣ первоначальный зародышъ военныхъ поселеній. Не даромъ военныя поселенія являются главнымъ образомъ въ сѣверо и юго-западномъ краѣ, на сѣверѣ же Россіи, кромѣ печальной извѣстности Грузина, резиденціи Аракчеева, никакого другаго военнаго поселенія не находимъ.

Помимо этого записка даетъ цѣнныя указанія на экономическій строй присоединенныхъ провинцій, вмѣстѣ съ взглядами на оный новыхъ правителей, и любопытна, какъ давнишній проэктъ довольствія войскъ безъ посредства подрядовъ.

Физическое положеніе присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи провинцій по всѣмъ политическимъ правиламъ требуетъ, чтобы содержать въ нихъ преимущественно предъ другими знатную военную силу.

Пространство же и изобиліе въ оныхъ дозволяютъ удобно расположить и продовольствовать до 150,000 войска, которыя, кромѣ нужной преграды отъ чужихъ земель, еще въ разные виды удовлетворятъ полезныя государственныя предположенія.

Отмѣнная государственная польза будетъ та, что сіи войска въ тѣхъ мѣстахъ продовольствоваться могутъ провіантомъ и фуражемъ по цѣнамъ, не превосходящимъ штатнаго положенія, такъ что въ сравненіи съ состоящими нынѣ тамъ цѣнами останутся, за продовольствіемъ вышеписаннаго количества войскъ, по меньшей мѣрѣ двѣ трети издерживаемой нынѣ суммы въ казнѣ.

Вѣрнѣйшее и не опровергаемое средство къ достиженію сей знатной прибыли для казны есть—учредить въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ *казенныя земледѣльческія правленія.*

Для удостовѣренія въ томъ, что цѣна и количество собираемаго зерна въ помѣстьяхъ провинцій соотвѣтствуютъ выше упомянутому пред-

положенію, довольно истребовать, гдѣ слѣдуетъ, вѣдомость всѣмъ въ казенныхъ имѣніяхъ по инвентарямъ количествомъ и цѣною въ доходъ показаннымъ продуктамъ.

Таковыя вѣдомости не только ясно докажутъ, что даже при нынѣшнемъ весьма нерадивомъ домоводствѣ продукты къ продовольствію войскъ способные, состоятъ не свыше штатной цѣны положенія, но что, замѣняя прочіе плоды земли и наличные доходы въ главной предметъ продовольствія войскъ, цѣна провіанту и фуражу гораздо уменьшится, такъ что казна изъ своего земледѣлія, кромѣ другихъ выгодъ (о которыхъ ниже сказано будетъ), вѣрныхъ до 25 процентовъ изъ своего капитала получитъ ежегодно. Къ тому же добавить должно неминуемо ежегодно возрастающую прибыль отъ удобренія земли и порядочнаго соблюденія земледѣльческихъ правилъ.

Полагая содержать въ присоединенныхъ провинціяхъ 150,000 войскъ, а именно; въ бѣлорусскихъ, минской, виленской, гродненской, кіевской, подольской и волынской губерніяхъ, должно быть казеннаго имѣнія по малой мѣрѣ 100,000 дымовъ или 200,000 мужеска пола душъ, дѣйствительно къ земледѣлію опредѣленныхъ. Въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ, по поводу доброты земли, меньше казеннаго имѣнія имѣть нужно, нежели въ другихъ губерніяхъ.

Извѣстно, что при присоединеніи сихъ провинцій къ Россіи количество дымовъ въ казенныхъ имѣніяхъ превосходило выше сказанное предполагаемое количество; но какъ послѣ того Высочайше угодно было всемилостивѣйше пожаловать разнымъ чинамъ знатное изъ нихъ число въ вѣчно потомственное, а инымъ во времянное владѣніе, почему уповательно, нынѣ толикое количество не состоитъ въ казенномъ вѣдомствѣ; то къ пріобрѣтенію онаго представляются слѣдующія средства:

1-е.

Отнынѣ впредь не давать въ награжденіе никому никакое казенное имѣніе во времянное владѣніе; удостоившихся же монаршей милости мужей государь довольно имѣетъ способовъ жаловать, а истинный сынъ отечества не можетъ того желать, что есть съ ущербомъ онаго.

2-е.

Состоящіе нынѣ казенныя всякаго рода имѣніи *по привилегіямъ польскимъ* во времянномъ владѣніи у помѣщиковъ взять въ казенное владѣніе (разумѣется само про-себя, что государю императору чинить изъятіе предоставляется), въ мѣсто же того опредѣлить имъ (такъ, какъ въ Пруссіи здѣлано) на томъ же имѣніи получать ежегодно деньгами ту часть доходовъ, которая имъ по послѣдней 1798 года люстраціи предоставлена была по значенію инвентарей.

Кромѣ очевидной казенной пользы, всѣ правила политической економіи и моральности одобряютъ сіи распоряженія, *во первыхъ* по тому, что рѣдко которые изъ сихъ владѣльцовъ могутъ доказать, что они свою привилегію получили за оказанную отечеству полезную услугу. Напротивъ того произшествія минувшаго столѣтія доказываютъ ясно, что оныя имѣнія были въ слабыхъ рукахъ королей польскихъ орудіемъ разстройки, а по интригамъ вельможей и причиною уничтоженія отечества, *во вторыхъ*, всѣ безъ изъятія казенныя во времянномъ владѣніи у дворянъ состоящія имѣнія, по той-же самой причинѣ, находятся по всѣмъ частямъ въ отмѣнно худомъ состояніи; всякій владѣлецъ старается какъ можно скорѣе и больше получить пользы, не употребляя на нужные издержки ко удобренію оныхъ даже и тѣ способы, которые дозволяютъ мѣсто, положеніе и угодье, *въ третьихъ*, почти всѣ таковыя имѣніи по древнему обыкновенію отданы владѣльцами въ откупъ небогатымъ дворянамъ за возвышенную противу инвентаря цѣну; сіи откупщики употребляютъ всякіе чрезвычайные способы, дабы на сроки заплатить за откупъ и себѣ получить пользу, что безъ тягости для крестьянъ, изнуренія земель и прочихъ угодій статься не можетъ; и въ семъ-то видѣ предстоитъ ощутительная картина нерадѣнія, ибо настоящій помѣщикъ государь покупаетъ нынѣ для продовольствія войскъ, назначенныхъ къ защищенію отечества, провіантъ и фуражъ у старостинскаго откупщика, платитъ ему трижды дороже, нежели въ инвентарѣ сихъ имѣній цѣна положена онымъ продуктамъ; староста же и его откупщикъ въ воздаляніе раззоряютъ часъ отъ часу больше имѣнія, а что всего хуже отягощаютъ крестьянъ посредствомъ изобрѣтенія особенныхъ прибылей, а тѣмъ самымъ уничтожаютъ источ-

ники главной (по политической экономіи) государственной пользы, понеже утружденные крестьяне, не имѣя защиту, бѣгутъ за границу, гдѣ нарочито привлекаютъ земледѣльцовъ отмѣнными выгодами; государь для содержанія войскъ, къ сохраненію государственной и частной безопасности необходимыхъ, платитъ дорого за собственной свой хлѣбъ тѣмъ, которые для полученія сей прибыли уменьшаютъ число подданныхъ, предопредѣленныхъ къ военной службѣ и къ продовольствію военно-служащихъ. *Четвертое*, продолжающееся и по нынѣ въ сихъ провинціяхъ обыкновеніе, что дворяне отдаютъ собственныя и по привилегіямъ состоящія у нихъ во временномъ владѣніи казенныя имѣнія въ срочные откупы дворянамъ, противно основнымъ законамъ самодержавнаго правленія.

Утвердительно доказать можно, что къ паденію Польши сіе обыкновеніе было главною причиною, ибо дворяне откупщики не знали привязанности къ отечеству, а единственно къ знатнымъ помѣщикамъ, которые давали имъ съ выгодою свои имѣнія на откупъ; но за то во время сеймовъ употребляли ихъ голоса по своимъ прихотямъ, то есть по мѣрѣ, какъ они королемъ или какою сосѣдственною державою обольщаемы были.

Сей однако же порокъ былъ такъ сказать извинительнымъ слѣдствіемъ непростительной погрѣшности главнаго постановленія, по которому всѣ государственныя гражданскія должности безплатно дворянами исполняемы были, равно какъ и военныя офицерскія чины покупаемы быть могли зажиными только дворянами, небогатые же принуждены были откупами и служеніемъ у богатыхъ заниматься; но въ самодержавномъ государствѣ, а особливо Россіи, гдѣ гражданскіе и воинскіе мѣста доставляютъ дворянству и пропитаніе и всякаго рода чести, должно употребить всѣ способы, дабы устранить сіе вредное обыкновеніе, ибо хотя въ самодержавномъ правленіи вліяніе вельможей не столько быть можетъ предосудительнымъ въ отношеніи самаго правленія, но не меньше того таковые откупы отвлекаютъ большую часть дворянъ отъ государственной службы, не считая и того, что сіи откупщики пользуются защитою правительства и благоденствіемъ государства, не чувствуя никакой тягости прочихъ согражданъ, поолику обыкновенно всѣ

государственныя подати платимы суть дѣйствительными помѣщиками, а откупщикъ и самъ безъ всякихъ податей пользуется и не рѣдко бываетъ причиною, что притѣсненные имъ крестьяне бѣгутъ за границу, а по меншей мѣрѣ дѣлаются безполезными своему отечеству.

Изъ сего явствуетъ необходимость, чтобы, пока помѣщики, узнавши сіе зло, свои возьмутъ мѣры, казна не отлагательно собственными своими имѣніями сама управляла.

Полезныя слѣдствія изъ таковаго правленія неизчислимы, ибо кромѣ дешеваго продовольствія войскъ, въ тѣхъ мѣстахъ преимущественно нужныхъ, количество доходовъ безпрерывно возрастать должно по мѣрѣ порядочнаго управленія.

Извѣстно, что въ домоводствѣ нерѣдко одинъ рабочій день одного человѣка приноситъ пользу до 5-ти рублей, удобренію земли, возведеніе казенныхъ строеній, даже крѣпостей и по положенію мѣстъ соотвѣтственныхъ разнаго рода заводовъ, при которыхъ ручная ребота крестьянина заступаетъ знатные денежные издержки, всѣ сіи источники суть неизчисленные прибыли для государя, а крестьянину доставятъ чрезъ непосредственную защиту и пособія приличное благоденствіе.

3-е.

По тѣмъ же самымъ причинамъ слѣдуетъ (также не безъ изъятія) взять въ казенное вѣдомство всѣ казенныя имѣнія, кои всемилостивѣйше пожалованы разнымъ чинамъ во временное владѣніе, назначивъ нынѣшнимъ владѣльцамъ, какъ выше сказано, ту часть доходовъ, которая по инвентарю того имѣнія значитъ, наличными деньгами. Можно даже надѣяться, что многіе изъ нихъ охотно на сіе согласятся, потому что они, будучи въ отсутствіи внутри Россіи по мѣстамъ, принуждены или отдавать въ откупы свои имѣніи, или поручать оныя за глазами въ управленіе неспособныхъ и невѣрныхъ служителей, а въ обоихъ случаяхъ едва могутъ надѣяться получать и инвентарнаго дохода, а особливо когда со стороны казны соблюдены будутъ всѣ способы къ прекращенію всякаго злоупотребленія.

4-е.

Казна можетъ пріобрѣсть имѣній въ знатномъ количествѣ, взявъ въ свое вѣдомство всѣ римско-католическія духовныя имѣніи; поводомъ

самымъ справедливымъ къ тому служить могутъ въ особой здѣсь прилагаемой запискѣ показанныя причины, равно и способы, которые употребить можно для содержанія въ тѣхъ мѣстахъ сего званія людей.

5-е.

Пріобрѣтеніе въ казну имѣній въ тѣхъ провинціяхъ производимо еще быть можетъ посредствомъ покупки, особливо у тѣхъ помѣщиковъ, коимъ всемилостивѣйшее жаловано тамъ изъ казенныхъ имѣній въ вѣчно потомственное владѣніе.

Извѣстно, что большая часть сихъ помѣщиковъ, живучи внутри Россіи, принуждены или отдавать въ откупъ, или заочно управлять своими имѣніями; а потому охотно согласятся за сходную цѣну продать оные въ казну.

Таковая покупка и потому для казны выгодна, что почти всѣ сіи имѣніи находятся въ закладѣ въ государственныхъ банкахъ, и по расчету казнѣ доплатить не много придется, помѣщики же, освободясь симъ способомъ отъ долговъ, остальныя деньги по своей волѣ употребятъ въ свою пользу.

Для облегченія таковой покупки можно выпустить единственно къ тому предмету служащія, нужное количество особенныхъ государственныхъ обязательствъ, кои быть могутъ отъ 50, 100, 200, 500 и до 1,000 рублей цѣны, съ тѣмъ, что капиталъ по истеченіи 15 лѣтъ по частямъ и по очереди платимый будетъ; а между тѣмъ владѣтели оныхъ получать будутъ по четыре процента въ годъ противу существующихъ нынѣ государственныхъ ассигнацій.

Сіи обязательства служатъ помѣщикамъ по всѣмъ ихъ надобностямъ наравнѣ, какъ и наличные деньги, въ теченіи же 15-ти лѣтъ уповательно казна выручитъ всѣ тѣ суммы изъ доходовъ купленныхъ имѣній.

Покупка имѣній въ казну должна быть производима съ крайнею разсмотрительностію, дабы пріобрѣтеніе оныхъ соотвѣтствовало и положеніемъ мѣстъ и угодьями ожидаемой отъ того вышесказанной государственной пользѣ; особливо бдѣть должно о пріобрѣтеніи лѣсныхъ дачъ, безъ которыхъ домоводство удобно производимо быть не можетъ.

Покупка имѣній въ тѣхъ провинціяхъ произведена быть можетъ отъ 150 до 200 рублей за одну мужеска пола душу, которыя деньги безъ всякаго сомнѣнія въ теченіи пятнадцати лѣтъ въ казну возвратятся, не щитая политическихъ пользъ, какія отъ таковаго распоряженія неминуемо воспослѣдуютъ.

Наконецъ казенное домоводство въ тѣхъ провинціяхъ по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ доставитъ, кромѣ провіанта и фуража, кожи, полотна, холста и сукна для войскъ, и сіи вещи навѣрно не превзойдутъ цѣнъ, по штату положенныхъ.

Казенныя *земледѣльческія правленіи*, подъ названіемъ *казенныхъ имѣній администраціи*, должны быть въ тѣхъ провинціяхъ три. А именно: *первое* для виленской, гродненской и минской губерній, *второе* для бѣлорусскихъ и *третіе* для волынской, подольской и кіевской губерній.

Всѣ сіи администраціи, подъ защитою губернскаго начальства, относиться будутъ непосредственно къ министру финансовъ, который соразмѣрно съ важностію предмета, положеніемъ и образомъ домоводствованія въ тѣхъ мѣстахъ составитъ и дастъ имъ особенныя наставленія.

ШТАТЪ ОДНОЙ АДМИНИСТРАЦІИ.

1-нъ главный администраторъ, ему жалованья въ годъ 4,000 рублей, казенная квартира, гдѣ и канцелярія будетъ, и отопка съ казенныхъ лѣсовъ.	5-го класса.
1-нъ вицъ-администраторъ, ему жалованья 2,500 рублей, квартира и дрова казенныя.	6-го класса.
2-ва секретаря по 1,200 рублей каждому.	8-го класса.
6-ть ревизоровъ по 800 рублей каждому.	9-го класса.
3-хъ землемѣровъ по 800 рублей каждому.	9-го класса.
2-хъ архитекторовъ по 600 рублей одному.	9-го класса.
1-нъ казначей 1,000 рублей.	8-го класса.
1-нъ стряпчій 1,000 рублей.	8-го класса.
1-нъ переводчикъ 600 рублей.	9-го класса.
3-ри магазейна смотрители по 1,200 рублей каждому	8-го класса.
4-хъ канцеляристовъ по 350 рублей каждому.	
8-мъ писарей по 250 рублей каждому.	14-го класса.

На канцелярскіе расходы 1,000 рублей въ годъ.

На разные проѣзды и экстренныя надобности 3,600 рублей въ годъ.

Итого для одной администраціи 31,500 рублей въ годъ.

А для трехъ 94,500 рублей.

Сумма, по сему штату положенная, можетъ казаться велика; но важность предмета и необходимость, дабы служащіе при администраціи чиновники, имѣя достаточное содержаніе, изъ опасенія лишенія онаго, не покушались ни на какое злоупотребленіе, оправдать должны сіе положеніе.

Содержаніе для мѣстныхъ по фольваркамъ управителей не можетъ быть навѣрно опредѣлено, а платимы будутъ соразмѣрно трудовъ ихъ и пространства управляемаго ими имѣнія, однако-же смотря по обыкновеннымъ установленіямъ въ тѣхъ мѣстахъ, содержанія ихъ, не превосходятъ 12-й или 15-й части собираемыхъ съ имѣнія продуктовъ: но для сбереженія и по сей части казеннаго интереса можно опредѣлить къ таковымъ мѣстамъ выслуженныхъ грамотныхъ военныхъ нижнихъ чиновъ.

Смотря на нынѣшнее разстроенное состояніе казенныхъ имѣній въ тѣхъ мѣстахъ, нужно будетъ въ первые годы для скорѣйшаго исправленія онаго принимать по контрактамъ землемѣровъ и ревизоровъ и сверхъ штата, нужнаго по обстоятельствамъ числа.

Когда состоится учрежденіе сихъ администрацій, то состоящія нынѣ по казеннымъ палатамъ камеральныя экспедиціи, яко не нужныя, уничтожены быть могутъ, и положенная для оныхъ по штату сумма, обращена будетъ на штатное содержаніе экономической администраціи.

Не меньше того обращены быть могутъ къ сему предмету и положенныя нынѣ суммы на содержаніе въ тѣхъ мѣстахъ оберъ-форштмейстеровъ, въ коихъ тогда не будетъ надобности; ибо кромѣ того, что администрація непосредственнымъ своимъ управленіемъ чрезъ нижніе лѣсные служители удобнѣе и по сей части сбережетъ казенную пользу; но и существо домоводства того требуетъ, чтобы лѣсныя угодьи, столь сопряженныя съ земледѣльческою статьею, имѣли и взаимно воздавали себѣ немедлительное пособіе, что при раздѣленномъ и независимомъ начальствованіи почти никогда сбыться не можетъ.

А наконецъ и въ содержаніи по провіантской части чиновниковъ въ тѣхъ мѣстахъ не будетъ надобности; ибо расположенные войска безъ затрудненія продовольствоваться могутъ изъ казенныхъ экономическихъ магазейновъ; относительно-же расщетовъ военный и финансъ министры учинить могутъ свои соображенія.

Подробнѣйшія объясненія по сему предмету, по востребованію, доставлены будутъ.

Библіографія.

Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. 1884. XXXIV—XXXV B-de. (Памятники императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ. 1884 годъ).

Серьезный историко-культурный интересъ представляетъ разложеніе лексическаго состава языка, какъ отдѣльнаго народа, такъ и отдѣльнаго замѣчательнаго писателя на части, съ опредѣленіемъ, что оригинально и что заимствовано, когда и отъ кого заимствовано. Большая или меньшая обширность лексикона опредѣляется степенью и силой духовнаго развитія народа или автора, широтой и разносторонностью природныхъ дарованій и благопріобрѣтенныхъ познаній о мірѣ и человѣчествѣ. У народовъ, стоящихъ на низкой ступени цивилизаціи, мало понятій, мало знаній, потому мало словъ. Съ развитіемъ образованности, съ накопленіемъ знаній, съ возникновеніемъ и усиленіемъ международныхъ отношеній и связей усиливается лингвистическій составъ языка, впрочемъ только до извѣстныхъ предѣловъ, преимущественно до того періода духовнаго народнаго творчества, когда слово начинаетъ терять живой этимологическій смыслъ и превращается въ отвлеченное обозначеніе предмета, дѣлается механическимъ орудіемъ для выраженія мысли. Опредѣленіе состава лексическаго достоянія народа—дѣло крайне трудное и, можно сказать, никогда вполнѣ неисчерпываемое словарями. Не столь труднымъ дѣломъ представляется опредѣленіе лексическаго богатства и разнообразія отдѣльнаго писателя, такъ какъ самый геніальный писатель не пользуется всѣмъ достояніемъ языка роднаго народа, не овладѣваетъ даже пятой его частью. Лексиконъ Шекспира—самый богатый и однако въ немъ насчитываютъ немного болѣе десяти тысячъ словъ. Такъ какъ въ исторіи культуры важное значеніе имѣетъ изло-

женіе взаимныхъ вліяній народовъ, то особенный интересъ получаетъ опредѣленіе иноземныхъ элементовъ народнаго или авторскаго лексикона. Есть такіе языки, напр. англійскій, гдѣ, строго говоря, все лингвистическое цѣлое построено на симметрическомъ сочетаніи разнородныхъ элементовъ, такъ что нельзя опредѣлить, въ чемъ состоитъ главное лингвистическое ядро языка. Огромное однако большинство народовъ, всѣ славянскіе народы обладаютъ такимъ лингвистическимъ ядромъ. У славянъ—лингвистическое ядро вполнѣ славянское, и рѣчь можетъ идти только о наслоеніяхъ постороннихъ лингвистическихъ элементовъ, наслоеніяхъ болѣе или менѣе густыхъ и крупныхъ.

Составные элементы малорусскаго народнаго лексическаго достоянія весьма разнообразны. Малороссіянамъ приходилось входить въ близкія связи со многими иноплеменными народами, съ румынами, нѣмцами, татарами, греками. Естественно, происходилъ обмѣнъ предметовъ и понятій и *eo ipso* словъ. Въ однихъ случаяхъ проникали слова церковныя, въ другихъ слова, касающіяся военнаго дѣла, скотоводства или огородничества. Для опредѣленія инородныхъ элементовъ лексическаго состава малорусскаго языка сдѣлано очень мало; намѣчены лишь пути, указаны исходные пункты; на первое время и этому немногому нужно порадоваться, тѣмъ болѣе, что указателями пути въ данномъ случаѣ явились такіе авторитетные и строгіе ученые, какъ Миклошичъ и Потебня.

Въ настоящей замѣткѣ я намѣренъ остановиться на появившемся въ печати обширномъ изслѣдованіи Миклошича о тюркскихъ элементахъ въ языкахъ южной и восточной Европы, греческомъ, албанскомъ, румынскомъ, болгарскомъ, сербскомъ, малорусскомъ, великорусскомъ и польскомъ. Трудъ Миклошича напечатанъ въ XXXIV—XXXV томахъ Записокъ вѣнской академіи наукъ прошлаго 1884 года и затѣмъ вышелъ отдѣльно въ двухъ частяхъ.

Миклошичъ указываетъ на три періода, когда приливъ тюркскихъ словъ въ славянскіе языки обнаруживался съ большой силой. Первый періодъ относится къ первымъ столѣтіямъ христіанской эры, до переселенія славянъ на западъ. Къ этой отдаленной эпохѣ относится заимствованіе словъ: клобукъ, колпакъ, топоръ. Второй періодъ относится ко второй половинѣ седмаго столѣтія, ко времени подчиненія славянъ на правомъ берегу Дуная тюркскимъ болгарамъ. Къ этому времени Миклошичъ относитъ заимствованіе слова санъ (по турецки—уваженіе), перешедшее потомъ чрезъ церковныя книги въ Россію. Третій періодъ начинается съ половины XIV ст., когда турки твердо стали на Балканскомъ полуостровѣ. Миклошичъ дѣлаетъ, между прочимъ, оговорку, что въ рус-

скій языкъ тюркскія слова проникали не только съ юга, но и съ сѣвера и востока.

Теперь остановимся на нѣкоторыхъ малорусскахъ словахъ тюркскаго происхожденія.

Арьянъ—кислое козье молоко изъ ajran—сыворотка, кислое молоко.

Лембикъ (слово, пропущенное Миклошичемъ), болгарское аламбикъ, сербское ламбикъ, польское alembik. Въ арабскомъ, по Миклошичу—alanbik—Gefäss zum destilliren. Миклошичъ указываетъ при этомъ и греческій *амбика*, *амбикосъ*—чаша. Малорусское лембикъ—сосудъ для перегонки водки.

Лоша, *лошыця*, русское лошадь, сербское алаша—тюркское alaša въ значеніи лошади.

Альтембасъ, польское altembas, изъ alten и bazz, Goldleinwand; alten—золото, деньги, отсюда алтынъ.

Андаракъ—женское платье, болгарск. и сербск. антерія изъ турецкаго anteri—нижнее платье.

Балабанъ—въ старинное время весьма извѣстная малорусская фамилія; въ турецкомъ baloban—толстый, густой. Русское балобанить—пустомелить.

Балта, *балда*—изъ турецкаго balta—слуга при дворцѣ. Здѣсь можно припомнить прозваніе Винневецкаго балдой.

Базаръ, въ болгарскомъ и сербскомъ *пазаръ*, польское и великорусское, румынское, албанское базаръ изъ турецкаго bazar—торговое мѣсто, рынокъ.

Бакиръ (шапка на бакиръ) вѣроятно изъ турецкаго bekri—пьяница; въ румынскомъ bekriu—распутный, невоздержный.

Баштанъ, болгарское, румынское, сербское *бештанъ*, персидское и курдское bustan, греческое *миостани*,—изъ турецкаго bostan—огородъ, Gemüsengarten, Melonengarten.

Буздыханъ, въ сербскомъ, болгарскомъ, русскомъ, польскомъ, чешскомъ, румынскомъ, греческомъ и мадьярскомъ звучитъ какъ будыганъ, буздоганъ, бузоганъ,—изъ турецкаго bozdogan—дубина, жезлъ, булава, Keule, Streitkolben.

Болюкъ—въ Малороссіи довольно распространенное фамильное прозваніе. Въ турецкомъ bölük—отрядъ солдатъ, bölük baši. Слово булюкъ встрѣчается въ болгарскомъ, сербскомъ, албанскомъ, греческомъ языкахъ. Сюда примыкаетъ фамильное прозваніе Булюбашъ.

Бре—ранѣе было объяснено профессоромъ А. А. Потебней въ III ч. «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», стр. 15. Гуцульское бре, сербское бре, новогреческое мпре; у Памвы Берынды—море—спрѣчь юроде, дурню. Миклошичъ указываетъ на турецкое bre.

Буджакъ, татары буджацкіе—въ турецкомъ budžak—уголъ; въ румынскомъ буджакомъ называется Бессарабія.

Бокай, *Бакай*—въ Малороссіи встрѣчаются крестьяне съ такимъ фамильнымъ названіемъ; въ болгарскомъ букаджіа, букай, бокай, польскомъ bugaĭce въ значеніи kajdany,—отъ турецкаго bukadge—налагать цѣпи, приковывать, retten, fesseln.

Булава—знакъ гетманскаго и полковничьяго сана, русское булавка, отъ турецко-татарскаго bulava—знакъ военачальника, Commandostab.

Бунчукъ отъ турецкаго bundžuk—раковина, жемчугъ, Muschel, Perle.

Черга. У Миклошича приводится одно турецкое слово, которымъ можно объяснить малорусское слово черга (пропущенное имъ-же). Въ персидскомъ находится čeragah—въ значеніи пастбища, Weideplatz, Wiese; у сербовъ чергія—лугъ.

Дерга—часть женскаго костюма, верхнее платье въ родѣ короткой юбки, плотно охватывающее тѣло; въ болг. черга—грубый коверъ; у сербовъ черга—цыганскій шатеръ; румын. черге или джерче—покрывало, коверъ,—отъ турец. čerge въ значеніи палатки, хижины, Zelt, Hutte.

Чячка, у Іоанна Вишенскаго часто встрѣчается въ смыслѣ цацка, игрушка, должно быть, происходитъ отъ упоминаемаго Миклошичемъ турецкаго слова čiček—цвѣтокъ, Blume.

Чижмы—сапоги; слово вполнѣ турецкое; кромѣ малороссійскаго оно встрѣчается въ польскомъ, сербскомъ, румынскомъ.

Чабанъ—въ турецкомъ и персидскомъ пастухъ; вошло въ сербскій, болгарскій, малорусскій, польскій, румынскій, греческій языки.

Чугай—родъ архалука или свиты, болгарское, сербское чога, изъ турецкаго čoha—сукно, Fuch.

Драбантовать, *драбантъ* встрѣчается во многихъ европейскихъ языкахъ, между прочимъ, и въ малорусскомъ, происходитъ отъ турецкаго derban—привратникъ, Thorwart.

Доломанъ, въ сербскомъ и болгарскомъ *долама*, русскомъ и польскомъ *долома*, изъ турецкаго dolama—платье, которое носили янычары въ торжественныхъ случаяхъ.

Душманъ—зашло въ Малороссію изъ турецкаго или персидскаго языка, гдѣ слово это означаетъ врага.

Аргатъ—работникъ, наемникъ (см. «Къ ист. звук.» Потебни III, 15)—не отъ греческаго слова, а повидимому, вмѣстѣ съ греческимъ *ергатесъ*, болгарскимъ и румынскимъ *аргатъ* изъ турецкаго erged—наемщикъ, Fagelöhner.

Фирезыя, ферязь, болгарское и сербское фереджа изъ турецкаго efradže—верхняя одежда женщинъ.

Пундыки—родъ пирожнаго; у Котляревскаго «полтавськи пундыки пряжены». Кажется, что объясненія этого слова надо искать въ находящемся у Миклошича персидскомъ fendek—въ смыслѣ орѣшка или ружейной пули.

Фудулный, фудулатый—гордый изъ турецкаго fodul—гордый.

Гайда, гайдукъ отъ турецкаго hajde—пошелъ, hajdud—разбойникъ.

Гайдамакъ—въ турецкомъ погонщикъ стадъ, eine Herde Vieh-treiber.

Кобзарь, вѣроятно изъ персидскаго hokka—baz—скоморохъ, музыкантъ, gaukler, въ румынскомъ kabaz.

Гарбузъ (тыква), арбузъ изъ персидскаго karbuz—дыня, тыква.

Кавунъ (у малороссовъ арбузъ) изъ турецкаго kavun—сахарная дыня.

Козакъ въ турецкомъ языкѣ значитъ легко вооруженный воинъ, искатель приключеній.

Кунтушъ изъ турецкаго kontoš—родъ одежды.

Калика, калѣка отъ персидскаго kalak—уродливый, безобразный. Таково-же происхожденіе древне-русскаго калики (перехожаго), въ польскомъ kaleka, въ румынскомъ kalik; въ румынскомъ kaliči—просить милостыню.

Кобенякъ отъ турецкаго kepenek—родъ плаща изъ шерстяной матеріи, войлокъ.

Кишень—тур. kese—кошелекъ.

Килимъ—персидскій kilim—коверъ; въ болгарскомъ, сербскомъ, польскомъ, русскомъ и румынскомъ *килимъ* также означаетъ коверъ.

Ни—ничъ, въ смыслѣ «вовсе нѣтъ», ранѣе было объяснено Потебней въ III вып. «Къ ист. звук.» стр. 15. Миклошичъ приводитъ самый турецкій оригиналъ малороссійскаго слова: güč—сила, Gewal.

Локшина, русское лапша отъ персидскаго lakše,—то-же, что русская лапша или вермишель, Art Nudeln.

Левенець—у Миклошича пропущено; но въ словарѣ приведено одно персидское слово, какъ нельзя болѣе подходящее для объясненія малорусскаго значенія слова левенець. Въ персидскомъ levend—солдатъ доброволецъ на турецкихъ галерахъ, бродяга, должно быть первоначально означало левантинца. Въ малорусскомъ левенець—рослый человѣкъ, бродяга, негодяй.

Лиманъ—въ турецкомъ гавань, Hafen; встрѣчается въ сербскомъ, польскомъ, румынскомъ, греческомъ.

Люлька, люля—персидское lule—трубка, Röhre, Pfeife.

Могоричъ—отъ арабскаго maxaridž—расходъ, выдача, Ausgaben; въ славянскіе языки вошло черезъ турецкій.

Гамазыя, магазинъ—отъ арабскаго maxzan—лавка, торговый домъ.

Мандрыка—сырное кушанье, родъ пампушекъ изъ сыра овечьяго. Не отъ турецкаго-ли mandra—ограда, овчарня, Hürde?

Манжура—фамильное прозваніе. Не стоитъ-ли оно въ связи съ турецкимъ—manzur—любимый, geliebt?

Мартолось—фамильное прозваніе, происхожденія турецкаго; въ турецкомъ martolos—солдатъ христіанской вѣры.

Машкара, маска, изъ арабскаго maskara—насмѣшка, Gespött.

Майданъ—изъ арабскаго mejdan—открытое мѣсто, площадь, мѣсто сраженія; встрѣчается въ сербскомъ, болгарскомъ, польскомъ, русскомъ, румынскомъ, греческомъ.

Мелешъ—фамильное прозваніе; въ исторіи извѣстенъ Мелешко; въ турецкомъ meles—незаконнорожденный, смѣшанный, Bastard, gemischt.

Бешкетъ (оскорбленіе, обида), изъ персидскаго pěskeš—почетъ, награда, Trinkgeld, Ehrengabe.

Шабашъ—довольно, по Миклошичу, отъ персидскаго šabaš—хорошо, отлично.

Шапка—въ турецкомъ šapka—картузъ, Hut.

Таборъ—въ турецкомъ tabor—войско, отрядъ.

Потебня—фамильное прозваніе. Миклошичъ въ объясненіе малорусскаго слова тебеньки (на что указано у Потебни «Къ ист. звуковъ» IV, 49) приводитъ турецкое tebengii—боковыя части сѣдла, Sattelriemen.

Торба—болгарское, сербское, польское, малорусское—изъ турецкаго, torba—мѣшокъ, Sack.

Товаръ—рогатый скотъ отъ турецкаго скотъ, Zieh, Reitthier, Schaf.

Туманъ—въ турецкомъ tuman—туманъ, десять тысячъ.

Учкуръ—въ турецкомъ učkur—поясъ, Hosenband.

Оставляемъ въ сторонѣ тюркскія слова, вошедшія въ малорусскій и великорусскій языки и довольно извѣстныя; напримѣръ: яръ, барышъ, башмакъ, чанъ, чабанъ, чамаданъ, чай, чекмень, чума, ботинъ (по турецки гусь, въ старин. книгахъ баснословная птица), кинжалъ, амбаръ.

Турецко-татарскій міръ, судя по словарю Миклошича, оказалъ на малороссіянъ вліяніе относительно внѣшнихъ знаковъ власти, вооруженія, скотоводства и огородничества. **Н. Сумцовъ.**

Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна 1884 года.

Холмскій народный календарь на 1885 г. Кіевъ, 1884 г. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства.

Пересматривая огромную массу календарей, этихъ особаго рода періодическихъ изданій, являющихся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ,

быстро раскупаемыхъ и едва-ли кѣмъ изъ интелигентныхъ покупателей читаемыхъ, пересматривая всѣ эти календари, начиная отъ календарей «всеобщихъ» до «календарей для учащихся», отъ объемистыхъ, цѣною въ рубль, до крошекъ, цѣною въ копѣйку,—календари ученые (къ сожалѣнію, не многіе) и юмористическіе (для большаго числа праздныхъ людей), «русскіе», народные вообще и въ частности по мѣстностямъ, мы не можемъ не замѣтить, что каждый изъ нихъ старается, по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья, отвѣтить требованіямъ мѣста, времени и обстоятельствъ. Само собою разумѣется, что виленскій и холмскій календари подчиняются этому общему правилу, и намъ остается только указать по характеру календарныхъ статей на ту злобу текущей годины, которая волнуетъ нашъ западъ и сѣверо-западъ, и опредѣлить, насколько умѣло ведутся такія изданія въ городахъ, далекихъ отъ центровъ умственной жизни и дѣятельности и удовлетворяются-ли ими означенныя требованія.

Начнемъ съ виленскаго календаря.

Это весьма изящная книжка, разумно и цѣлесообразно составленная. Въ ней выдается прежде всего церковный отдѣлъ; тутъ помѣщены житія не только мѣстныхъ святыхъ, но и вообще русскихъ. Для насъ важнѣе, конечно, первыя, такъ какъ въ нихъ излагается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и исторія внутренней жизни сѣверо-западнаго края. Къ сожалѣнію, редакція календаря на каждое житіе, безъ различія мѣста дѣятельности святого, удѣлила по одинаковому числу страницъ. Изъ числа житій западно-русскихъ святыхъ мы отмѣтимъ только маловѣстныя. Напримѣръ, подъ 20-мъ апрѣля разсказывается о печальной судьбѣ св. Гавріила, заблудовскаго мученика-младенца, мощи котораго хранятся теперь въ слуцкомъ монастырѣ. Редакція чрезвычайно осторожно даетъ понять, что этотъ св. младенецъ былъ замученъ евреями въ 1690 году съ фанатически-религіозною цѣлію, и ссылается на судебныя книги заблудовскаго городскаго магистрата, гдѣ это дѣло было разобрано. Подъ 5-мъ сентября изложена кратко жизнь преподобно-мученика Аѳанасія Филиповича, брестскаго игумена, а подъ 7-мъ—преподобно-мученика Макарія, бывшаго сначала настоятелемъ въ овручскомъ, а потомъ въ каневскомъ монастырѣ, и обезглавленнаго въ 1678 году, при нападеніи на Каневъ турокъ. Далѣе слѣдуютъ житія преподобнаго Іова, почаевскаго игумена, князя Ѳеодора Острожскаго и другихъ святыхъ, проведшихъ свою жизнь въ борьбѣ за вѣру и народность. Изложеніе житій строго объективно и сжато; главные факты нигдѣ не опущены, выдвинуты на первый планъ и выразительно говорятъ сами за себя. Такими-же достоинствами отличается и «отрывокъ изъ исторіи уніи въ Бѣлоруссіи», въ которомъ изображена полная трагизма борьба витебскихъ и полоцкихъ мѣщанъ

со своимъ епископомъ Іосафатомъ Кунцевичемъ, преданнымъ уніи до фанатизма. «Краткое описаніе супрасльскаго благовѣщенскаго монастыря», а равно біографія недавно умершаго минскаго архіепископа Антонія Зубка заставляетъ авторовъ этихъ статей коснуться исторіи уніи за все время ея господства, т. е. отъ конца XVI-го и до первой почти половины XIX-го вѣка. Объ архіепископѣ Антоніѣ достаточно замѣтить, что онъ былъ школьнымъ товарищемъ, другомъ, а потомъ и главнымъ сотрудникомъ митрополита Іосифа Симашка въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ. Всѣ статьи, при полной точности и историческомъ безпристрастіи, изложены литературнымъ языкомъ, легкимъ и удобопонятнымъ. Приложенный къ календарю, литографированный, прекрасной работы, портретъ цесаревича Николая Александровича напоминаетъ намъ приложенія, какія въ былое время давались «Кіевскимъ Народнымъ Календаремъ». И все это за 30 копѣекъ!

Нельзя не отдать полной справедливости умѣнью и такту редакціи виленскаго календаря: при выборѣ статей она руководилась исключительно желаніемъ познакомить своихъ читателей съ роднымъ прошлымъ, воздерживаясь отъ полемики, хотѣла дать имъ духовное оружіе для духовной-же борьбы съ католицизмомъ и полонизмомъ, этимъ больнымъ мѣстомъ сѣверо-западнаго края. Въ пользѣ такихъ изданій сомнѣваться нельзя, за успѣхъ ихъ ручаться можно.

Холмскій народный календарь, изданный холмскимъ свято богородицкимъ братствомъ, которое ставитъ цѣлью своего существованія и дѣятельности поддержаніе и распространеніе православія въ Забужной Руси, имѣетъ національно-религіозный полемическій характеръ; этотъ послѣдній образно выражается въ виньеткѣ оберточнаго листа, гдѣ представлено преніе о вѣрѣ князя Романа Галицкаго съ послами папы Иннокентія III. Содержаніе виньетки передано словами Радзивиловской лѣтописи (на второмъ листѣ), которыя и составляютъ такимъ образомъ эпиграфъ книги. Обычныя календарныя свѣдѣнія здѣсь совершенно отсутствуютъ, если не считать правилъ о пріемѣ учениковъ въ холмское духовное училище да списка ярмарокъ въ губерніяхъ привислянскаго края (даже нѣтъ разбора вексельной и гербовой бумаги). Святцы православной и католической церкви, а также все, что касается богослуженія и праздниковъ, сообщено весьма обстоятельно. Рядомъ со святцами и обычнымъ историческимъ календаремъ помѣщены народныя примѣты о погодѣ и урожаяхъ; но это примѣты великорусскаго происхожденія и едва-ли подходятъ подъ климатическія условія Холма и его окрестностей. Мы думаемъ, что въ каждой мѣстности есть своя особенная метеорологія и свои обычаи въ сельскомъ хозяйствѣ, которымъ и слѣдовало-бы дать здѣсь мѣсто,

какъ сдѣлано это, напр., въ Календарѣ юго-западнаго края на 1873 годъ, лучше и полнѣе котораго у насъ до сихъ поръ не появлялось въ Кіевѣ ни одного. Остальныя статьи въ холмскомъ календарѣ историческаго содержанія и приближаютъ его нѣсколько къ древнимъ изборникамъ XIV и XV вѣковъ (Златая Чепь, Матица Златая или Жемчугъ, Измарагдъ, Маргаритъ и проч.), особенно-же къ тѣмъ изъ нихъ, которые назывались хронографами или палеями и въ которыхъ, по преимуществу, помѣщались историческія и полемическія произведенія. Первая изъ его статей излагаетъ исторію «города Холма и его святыни», чудотворной иконы Божіей Матери, отчетливое изображеніе которой и приложено при этомъ. Авторъ предполагаетъ основаніе города еще при Владимірѣ св. и заканчиваетъ разсказомъ о неудачной попыткѣ татаръ взять городъ въ 1260 году; неудача приписывается заступничеству Божіей Матери, которой икона, израненная татарами, стала съ тѣхъ поръ чествоваться христіанами. Это серьезная статья и одна изъ лучшихъ въ календарѣ. Далѣе слѣдуетъ житіе «св. преподобномученика Афанасія Филипповича, игумена брестскаго», составленное по его «Діаріушу»; оно выиграло-бы въ живости изложенія и въ точности характеристики этого святого, если-бы авторъ воспользовался очеркомъ жизни и дѣятельности Филипповича, напечатанномъ г. Орестомъ Левицкимъ въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» за 1878-й годъ. «Житіе преподобнаго пустынножителя Онуфрія», подвизавшагося въ Ѳиваидской пустынѣ, изложено весьма подробно, въ ущербъ житію Филипповича, имѣющему мѣстный интересъ. Первое съ удобствомъ могло-бы быть сокращено, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ. Статьи: «Наша родная исторія» и «О томъ, какъ древняя Польша любила Русь послѣ бреской церковной уніи», очерчиваютъ кратко исторію козацкихъ войнъ до Богдана Хмельницкаго и въ его время; ради послѣдовательности слѣдовало-бы переставить ихъ одну на мѣсто другой; вторая статья—простая перепечатка изъ извѣстнаго «Вѣстника Юго-Западной Руси» г. Говорскаго. Слѣдуетъ затѣмъ сказаніе 1766 года о страданіяхъ мліевскаго старосты Данила Кушнира, замученнаго поляками за преданность православію. Сказаніе передается безъ обработки, какъ сырой матеріалъ, въ такомъ видѣ оно не разъ уже переходило изъ одного сборника въ другой и пріобрѣло большую извѣстность, благодаря своей характерности. Честь открытія сказанія принадлежитъ о. П. Г. Лебединцеву; въ первый разъ оно было напечатано имъ въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» за 1860 г., потомъ вошло въ составъ брошюры, предназначенной для народнаго чтенія: «Сказанія о стародавнихъ людяхъ кіевской земли» (Кіевъ. 1865 года), затѣмъ помѣщено въ «Собраніи сочи-

невій М. А. Максимовича» (стр. 555), наконецъ перепечатано въ «Сборникѣ документовъ пропаганды» (стр. 239) и отсюда уже заимствовано редакціей календаря. Краткій, но любопытный «Разсказъ восьмидесятилѣтняго старика объ обрядахъ, сохранившихся въ народѣ со временъ древняго благочестія», касается лишь обрядовъ при вѣнчаніи, крещеніи и панихидѣ, которые, выведенные въ эпоху уніи изъ употребленія въ церкви, стали исполняться съ тѣхъ поръ православными дома; это— обведеніе жениха и невѣсты вокругъ аналоя, наложеніе вѣнцовъ на нихъ, обведеніе кума и кумы вокругъ купели и служеніе панихиды на заупокойной просфорѣ. «Отношенія южно-русскаго народа къ полякамъ и жидамъ во времена уніи» изображены по народнымъ пѣснямъ хотя рѣзко, но живо и обстоятельно. Этотъ трудъ г. Янковскаго производитъ на читателя тяжелое впечатлѣніе, вызывая горькое чувство при мысли о пережитыхъ народомъ страданіяхъ. «Поѣздка въ Кіевъ и Почаевъ въ 1884 году» описана весьма подробно священникомъ Алек. П....нмъ; въ описаніи не мало сценъ, вызывающихъ умиленіе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на тотъ весьма прискорбный фактъ, что католичество и до сихъ поръ, не будучи господствующимъ исповѣданіемъ, продолжаетъ вести, и не безъ успѣха, борьбу съ православіемъ. Этотъ-же фактъ еще убѣдительнѣе подтверждается Виленскимъ Календаремъ, по которому въ Супрасльскомъ имѣніи (бѣлостокскаго уѣзда, гродненской губерніи) въ 1867 году было 1327 человѣкъ обоего пола православныхъ, а въ 1884 году всего 125; остальные католики и лютеране.

«Выписки изъ древняго историческаго календаря» привели насъ просто въ недоумѣніе. Ни на какой древній историческій календарь здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго указанія. Это ничто иное, какъ переданныя словами неизвѣстнаго автора выдержки мнѣній извѣстныхъ историковъ Карамзина, Кояловича, Даниловича, Петрушевича, Шараневича и другихъ по разнымъ вопросамъ мѣстной исторіи. Трудно понять, почему потребовалось несоотвѣтствующее содержанію заглавіе. Въ календарѣ есть не мало историческихъ изреченій и анекдотовъ, характеризующихъ враждебныя отношенія народностей въ краѣ. Все это заканчивается древними духовными виршами и нотами къ нимъ. Въ календарѣ для тамошняго народа это едва-ли не лучшее.

Сопоставляя оба названные календаря, мы видимъ, что содержаніе ихъ отъ начала до конца вызвано и обусловлено потребностями культурной и религіозной борьбы національностей и оба они имѣютъ въ виду эту именно цѣль; тѣмъ не менѣе они замѣтно отличаются другъ отъ друга. Въ то время какъ Виленскій Календарь старается излагать печальные факты исторіи безъ всякихъ прикрасъ и коментаріевъ, въ виду, конечно,

того, что факты сами за себя и отъ себя говорятъ,—Холмскій, напротивъ, давая извѣстный оттѣнокъ этимъ фактамъ, получаетъ весьма замѣтный полемическій характеръ. Само собою разумѣется, что эта разница должна быть объясняема взглядами и характеромъ самихъ редакцій.

Искренне желаемъ успѣха обоимъ изданіямъ въ достиженіи намѣченной цѣли. Указывая на слабыя стороны календарей, мы съ удовольствіемъ отмѣчали все, что заслуживаетъ вниманія и уваженія въ нихъ. Въ заключеніе, не можемъ не выразить надежды, что полезное это дѣло не прекратится и въ будущемъ году и что обѣ редакціи, снабжая народную массу хлѣбомъ духовнымъ, не откажутъ ей въ указаніяхъ, необходимыхъ иногда при добываніи и хлѣба насущнаго. Въ этомъ случаѣ мы позволяемъ себѣ указать, какъ на примѣръ, на календари кіевскіе.

И. Каманинъ.

П. Л., Кіево-михайловскій златоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ. 1885 годъ.

Ну, чтобы, кажется, проще, какъ имѣть нашему «Богомъ хранимому граду Кіеву» свою подробную исторію? А между тѣмъ мы, не смотря на близящееся трехсотлѣтіе духовной академіи и недавно исполнившееся пятидесятилѣтіе университета, до сихъ поръ не имѣемъ ни исторіи городской общины, ни исторической топографіи города. Собираются пока матеріалы. Исторіи отдѣльныхъ мѣстъ, древностей, зданій, хотя и давно уже разрабатывается многими славными мужами, но цѣльнаго до сихъ поръ еще нѣтъ ничего. Капитальный трудъ г. Закревскаго: «Описаніе Кіева» требуетъ пересмотра, исправленій и дополненій и скорѣе можетъ служить сводомъ матеріала для исторіи, чѣмъ самой исторіей. Весьма многіе вопросы разрѣшаются гадательно и нерѣдко даютъ поводъ къ продолжительнымъ и горячимъ спорамъ. Разрѣшенію мѣстныхъ вопросовъ посвящаетъ свои труды и уважаемый авторъ названной брошюры П. Л. Онъ не первый годъ работаетъ по исторіи нашего края вообще и города въ частности, и это не первая его работа; каждая изъ нихъ всегда заключала въ себѣ что-либо новое и неожиданное. Благодаря глубокому знанію нашихъ лѣтописей и подробному критическому анализу мелкихъ данныхъ лѣтописи и ихъ удачной комбинаціи, у автора всегда получается въ результатѣ такое рѣшеніе затронутаго вопроса, что оно, будучи наиболѣе вѣроятнымъ, измѣняетъ

сложившіяся раньше мнѣнія. Цѣль брошюры «Описаніе михайловскаго монастыря» дать кіевскимъ паломникамъ краткое руководство при обозрѣніи одной изъ древнихъ мѣстныхъ святынь. Составленное вполнѣ научно и обстоятельно, это описаніе, при бѣдности у насъ такого рода произведеній, является вполнѣ желанной и отрадной новинкой. Авторъ описанія, хорошо знакомый съ литературой своего предмета, сообщаетъ новыя и выбираетъ наиболѣе основательныя мнѣнія. Такъ подъ рубрикой: «начало монастыря» онъ излагаетъ свое мнѣніе о томъ, что на мѣстѣ теперешняго златоверхо-михайловскаго монастыря существовалъ прежде дмитріевскій, основанный въ 1060 году великимъ княземъ Изяславомъ-Дмитріемъ Ярославичемъ, около 1086 г.—св. Петра, а въ 1108 году заложена была церковь во имя архистратига Михаила великимъ княземъ Святополкомъ-Михаиломъ Изяславичемъ. Въ 1128 г. «переяша печеряне (т. е. власти печерскаго монастыря) церковь св. Димитрія и нарекоша ю Петра». Съ этого времени исчезло названіе церкви св. Димитрія; поведеніе печерянъ лѣтописецъ называетъ «великимъ грѣхомъ и неправдою». По мнѣнію автора церковь св. Димитрія погибла среди запустѣнія Кіева въ теченіи XV вѣка, уцѣлѣла-же только михайловская, которая и даетъ теперь монастырю свое имя, вошедшее въ употребленіе не ранѣе XVI вѣка [1]). Далѣе авторъ излагаетъ исторію сооруженія и расположенія храмовъ монастыря, иллюстрируя ее приложеннымъ въ концѣ книги планомъ, описываетъ иконостасъ, отдѣльныя замѣчательныя иконы, алтарь и мозаику въ немъ; передаетъ разсказъ о судьбѣ мощей св. великомученицы Варвары, исчисляетъ лицъ, погребенныхъ въ михайловскомъ храмѣ и его придѣлахъ, описываетъ колокольню, ограду, гостинницу, архіерейскій домъ и монашескія келіи, а равно земельныя угодья, прежде принадлежавшія и нынѣ принадлежащія, и монастыри, зависимыя отъ михайловскаго. Авторъ говоритъ кратко, между прочимъ, о ризницѣ и библіотекѣ; о послѣдней только упоминаетъ, а между тѣмъ людямъ, наученнымъ книжному искусству (какъ мѣстнымъ, такъ и посѣщающимъ Кіевъ) прежде всего интересно было-бы имѣть, конечно, не каталогъ, а хотя-бы общее знакомство съ содержаніемъ книгъ и рукописей и временемъ ихъ изданія; этихъ-то указаній въ брошюрѣ и нѣтъ, къ сожалѣнію. Наконецъ въ ней приводится списокъ настоятелей кіево-михайловскаго монастыря, начиная съ 1503 года и до благополучно правящаго имъ нынѣ преосвященнаго Виталія Іосифова; въ заключеніе описана живописная дача монастыря—Ѳеофанія.

И. Каманинъ.

---

[1]) Подробности объ этомъ см. въ «Чтеніяхъ историческаго общества Нестора лѣтописца, кн. I, 1873—1877 г. стр. 28—36.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

КУРАКОВСКІЙ ДОГОВОРЪ КОЗАКОВЪ СЪ ПОЛЯКАМИ 1625 ГОДА.

Кураковскій договоръ принадлежитъ къ числу самыхъ тягостныхъ и унизительныхъ для козаковъ. Мѣсто заключенія его опредѣляется въ исторіи Кураковымъ озеромъ и урочищемъ «Медвѣжьи лозы». Очевидно, договоръ былъ заключенъ вдали отъ населенныхъ мѣстъ, на походѣ или на мѣстѣ сраженія. Опредѣленіе мѣста его заключенія, кромѣ прямаго своего интереса, можетъ служить объясненіемъ невыгодности самаго договора и его тяжкихъ условій. Въ этомъ и заключается поводъ и цѣль настоящей замѣтки.

Для ясности дѣла очертимъ вкратцѣ политическое положеніе козаковъ и всего православнаго населенія южной Россіи въ 20-хъ годахъ XVII ст. и вызванное имъ вооруженное столкновеніе между козаками и польскими силами, закончившееся куруковскимъ договоромъ, а затѣмъ уже попытаемся съ возможною точностію опредѣлить мѣсто заключенія этого договора.

Двадцатые годы XVII ст. были однимъ изъ самыхъ тяжкихъ періодовъ въ жизни южной Руси. Длилось царствованіе фанатика-короля, игралища магнатовъ, орудія римской куріи, слуги іезуитовъ. По побужденіямъ внутренней и внѣшней политики правительство Сигизмунда III напрягало всѣ усилія къ тому, чтобы сломить выроставшую на его глазахъ грозную козачую силу, мѣшавшую давно задуманной имъ и всѣми мѣрами проводимой полити-

ческой и церковной уніи; но въ тоже самое время ему пришлось не разъ искать спасенія въ этой самой силѣ отъ внѣшнихъ враговъ, какъ было въ войны шведскую и турецкую. Судьба козаковъ и всего православнаго населенія Польши облегчалась по мѣрѣ неудачъ поляковъ въ войнахъ съ сосѣдями. Гетману Сагайдачному, выручившему дважды изъ неминуемой гибели королевича Владислава, удалось отстоять права козаковъ, возстановить православную іерархію, съ возвратомъ отнятыхъ уніатами церквей и монастырей, и добиться провозглашенія свободы православнаго исповѣданія; но лишь только онъ скончался отъ ранъ, полученныхъ въ битвѣ подъ Хотиномъ, какъ всѣ плоды его умной и твердой политики обращены въ ничто. И при жизни впрочемъ его притѣсненія козаковъ, гоненія на православныхъ не прекращались. Правительство польское давало самыя противурѣчивыя обѣщанія, которыхъ никогда не думало да и не могло исполнить. Не разъ отъ лица сейма оно торжественно обязывалось смирить козаковъ и не допускать ихъ до набѣговъ на турецкія и татарскія владѣнія; но, прибѣгая къ помощи тѣхъ-же козаковъ для собственной защиты, оно должно было дѣлать уступки въ пользу ихъ и всего южно-русскаго народа, а между тѣмъ никогда не отступало отъ своего давняго плана совершеннаго уничтоженія православія и народности русской, поддерживаемое въ этомъ всѣма силами польской шляхты, іезуитовъ и самаго папы. Неудивительно, что со смертію Сагайдачнаго строгости противъ козаковъ, стѣсненія православныхъ усилились вновь. Православный митрополитъ не былъ признанъ въ своемъ званіи, прочіе православные епископы были вовсе изгнаны изъ своихъ епархій, возвращенныя недавно церкви и монастыри вновь отняты, исповѣдники православія подвергались самымъ тяжкимъ оскорбленіямъ и преслѣдованіямъ. Въ 1625 году православные епископы отправили своихъ пословъ на сеймъ съ цѣлію добиться легальнымъ путемъ возстановленія попираемыхъ повсюду ихъ правъ. Но въ то время, когда они съ нетерпѣніемъ ждали, какую-то вѣсть принесутъ имъ депутаты съ сейма, гоненія на православіе открылись въ самой колыбели его Кіевѣ. Представитель общественнаго здѣсь самоуправленія, кіевскій войтъ Ѳеодоръ Ходыка, уступая давленію польско-уніатской партіи, началъ въ самомъ Кіевѣ печатать церкви, отнимать у нихъ угодья, имущества. При первой вѣсти объ этомъ козаки двинулись на

Кіевъ, опечатали церкви, возвратили имъ отнятыя угодья, убили самаго Ходыку. Сеймъ требовалъ укротить козаковъ силою оружія, и противъ нихъ двинутъ былъ Конецпольскій съ войскомъ.

Козаки оставили Кіевъ и поспѣшили отступить къ Каневу, куда не замедлилъ прибыть и Конецпольскій. Козаки просили его не начинать противъ нихъ войны, заявляя, что они желаютъ войти съ Рѣчью-Посполитою въ переговоры, лишь только прибудетъ съ Низу ихъ гетманъ Жмайло. Между тѣмъ, часть козаковъ, числомъ 3 тысячи, ушла изъ Канева по направленію къ Черкасамъ, а затѣмъ къ Боровицѣ. За ушедшими послана погоня. Пользуясь раздѣленіемъ силъ Конецпольскаго, и остальные козаки ушли изъ Канева по направленію къ тому-же мѣсту, т. е. Черкасамъ и Боровицѣ, куда и прибыли 19 октября. Здѣсь опять обратились козаки къ Станиславу Конецпольскому съ просьбою пріостановить военныя дѣйствія, направленныя противъ нихъ.

Не получая отвѣта, козаки опять отступаютъ и достигаютъ 25 октября мѣстечка Крылова, находящагося въ углу, на лѣвой сторонѣ р. Тясмина, при впаденіи ея въ Днѣпръ. На другой день прибылъ сюда и Конецпольскій и тотчасъ-же послалъ условія козакамъ. Условія были невыгодныя, унизительныя; козаки собрали раду и тутъ-же отвергли ихъ.

Конецпольскій, разсмотрѣвъ съ высокаго кургана въ зрительную трубу козачій лагерь и замѣтивъ его слабыя стороны, быстро ударилъ на козаковъ; тѣ дали отчаянный отпоръ. Битва продолжалась цѣлый день, до поздняго вечера, и все таки осталась нерѣшительною. На другой день Конецпольскій отдаетъ приказъ штурмовать козачій таборъ. Находясь въ невыгодной позиціи и ослабѣвъ въ силахъ, козаки не надѣялись устоять противъ настойчиваго и опытнаго вождя Рѣчи-Посполитой, а потому рѣшились тайно переправиться на лѣвый берегъ Днѣпра; но поднявшаяся буря не допустила ихъ до переправы. Нѣкоторые смѣльчаки бросились вплавь, но тутъ-же, на глазахъ своихъ, потонули. Что оставалось дѣлать? Козаки опять рѣшаются отступать, разсчитывая, быть можетъ, на помощь запорожцевъ. Переправясь черезъ рѣчки (*Тясминъ* и *Цыбульникъ*), они достигаютъ «стараго городища» надъ Кураковымъ озеромъ, на Медвѣжьихъ Лозахъ». Конецпольскій по пятамъ слѣдуетъ за ними, пославъ предварительно кавалерійскій отрядъ окружнымъ

путемъ, чтобы перерѣзать отступавшимъ путь. Увидѣвъ себя окруженными съ двухъ сторонъ, козаки пріостановились, рѣшившись еще разъ попытать счастья на полѣ битвы. Нѣсколько разъ они бросались въ битву, но безуспѣшно. Не видя ни откуда помощи, истощивъ свои огнестрѣльные припасы, козаки согласились наконецъ на условія, предложенныя имъ Конецпольскимъ, и заключили съ Рѣчью-Посполитою, такъ называемый, *Кураковскій договоръ въ 1625 году, 6-го ноября.*

Теперь перейдемъ къ вопросу, гдѣ найти, къ чему пріурочить то мѣсто, на которомъ козаки, побѣжденные Конецпольскимъ, рѣшились на тяжелыя условія, выраженныя въ кураковскомъ договорѣ?

Чтобы отыскать это мѣсто, разсмотримъ тѣ примѣты и названія, которыя упоминаются историками, повѣствующими объ изложенныхъ выше событіяхъ.

Припомнивъ, что козаки начали отступленіе свое отъ Крылова 28 октября, что еще нѣсколько дней прошло въ битвахъ и что самый кураковскій договоръ окончательно заключенъ только 6-го ноября того-же, т. е. 1625 г., мы легко прійдемъ къ тому заключенію, что козаки отъ мѣста своего послѣдняго отступленія не могли далеко уйти внизъ по Днѣпру. Большіе пески, находящіеся ниже Крылова, въ днѣпровскихъ плавняхъ, задержали отступленіе козаковъ, потому они успѣли пройти, быть можетъ, не болѣе 20—25 верстъ. На такомъ разстояніи мы и будемъ искать историческихъ слѣдовъ мѣста заключенія этого договора.

Первая примѣта, обозначающая мѣсто заключенія кураковскаго договора, есть «старое городище», а въ районѣ разсматриваемой мѣстности есть три городища: *табурищенское, камяно-потоцкое* и *кременчугское.*

Табурищенское городище находится на мысу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Цыбульника въ Днѣпръ. На этомъ самомъ мѣстѣ Эрихъ Лясота, плывшій по Днѣпру въ Запорожье въ 1593 г., видѣлъ татарскую мечеть; а если была мечеть, то существовало, конечно, и не малое поселеніе, отдѣльныя-же поселенія не обходились въ то время безъ какихъ либо укрѣпленій. И дѣйствительно тутъ долго существовали остатки стараго укрѣпленія. Въ 1860 г., по словамъ прежняго священника с. Табурища (теперь онъ въ Новогеоргіевскѣ, бывшемъ Крыловѣ), жилъ въ этомъ селѣ столѣтній

старикъ, который передавалъ, что въ дѣтствѣ своемъ онъ еще видѣлъ полусгнившіе дубы, окружавшіе частоколомъ городище и что тогда уже этимъ дубамъ, по ихъ ветхости, давали болѣе ста лѣтъ. Итакъ лѣтописное «старое городище» легко пріурочивается къ нынѣшнему селенію Табурище. Здѣсь Днѣпръ близко подходитъ къ Табурищу. Далѣе горы, идущія вдоль праваго берега Днѣпра, отходятъ отъ него на разстояніи отъ 1 до 7 верстъ. Затѣмъ горы опять понижаются къ Днѣпру и упираются въ него при самомъ селеніи Камяно-потоцкомъ. Между Табурищемъ и Камяно-потоцкимъ мы видимъ прекраснѣйшую долину, испещренную лѣсками, рощами, наполненную озерами, ручьями, извѣстную въ народѣ подъ названіемъ «Днѣпровскихъ плавень». Разстояніе между двумя пунктами, указанными выше, будетъ 20—25 верстъ.

Камянопотоцкое городище находится на скатѣ горы, въ селѣ этого имени, возлѣ самой церкви. Относительно времени его происхожденія я не имѣю никакихъ свѣдѣній: ни письменныхъ, ни печатныхъ, ни устныхъ.

Городище кременчугское находилось на лѣвой сторонѣ Днѣпра тамъ, гдѣ теперь Кременчугъ. Въ татарскій періодъ здѣсь была крѣпость, называвшаяся по татарски «Керменчикъ». Послѣднее слово въ устахъ нашего народа могло легко измѣниться въ Кременчугъ, подобно тому, какъ Херсонесъ въ Херсонъ. Лясота видѣлъ и это городище. Если авторъ повѣствованія о возстаніи козаковъ въ 1625 г. подъ именемъ «стараго городища» разумѣлъ именно кременчугское, въ такомъ случаѣ его слова надобно понимать такъ: уходя изъ-подъ Крылова, козаки пришли къ тому мѣсту, которое находится противъ «стараго городища», лежащаго на лѣвой сторонѣ р. Днѣпра.

Второй признакъ, указывающій на мѣсто заключенія кураковскаго договора, есть Кураково озеро.

Названіе это у разныхъ авторовъ приводится различно именно: Кураково и Краково, Куруково и Круково. Послѣднее слово въ устахъ народа измѣнилось въ Крюковъ. Въ настоящее время нѣтъ ни озера, ни рѣчки съ именемъ «Крюковъ». Но въ прошломъ столѣтіи одна изъ рѣчекъ въ днѣпровскихъ плавняхъ называлась «Крюковъ». Объ этомъ свидѣтельствуетъ Семенъ Степановичъ Пишчевичъ въ своихъ «Запискахъ», изданныхъ въ прошломъ году профес-

соромъ московскаго университета г. Поповымъ. При этомъ меня не затрудняетъ то обстоятельство, что Пишчевичъ прилагаетъ названіе «Крюковъ» не къ озеру, а къ рѣчкѣ. Кто видѣлъ днѣпровскія плавни въ разное время года, тотъ не могъ не замѣтить, какъ лѣтомъ и осенью, особенно при сушѣ, рукава, заливы и ручьи обращаются въ озера, а при возвышеніи воды изсохшіе ручьи опять наполняются водою. Поэтому не будетъ съ моей стороны ошибки, если я скажу, что «Кураково озеро» у польскихъ писателей и рѣчка «Крюковъ» у Пишчевича, жившаго въ прошломъ столѣтіи, есть одно и тоже. Кураковскій договоръ заключенъ въ началѣ ноября, когда убыль воды, особенно въ сухую осень, достигаетъ самаго большаго пониженія и когда, слѣдовательно, многія рѣчки обращаются въ озера, а въ томъ числѣ, конечно, и Крюковъ. Пишчевичъ-же переѣзжалъ черезъ рѣчку Крюковъ раннею весною, когда, слѣдовательно, вода прибавляется отъ таянія снѣговъ и когда потому многія озера обращаются въ рѣчки, а въ томъ числѣ и Круково (Крюково).

Наконецъ третій признакъ, указывающій на мѣсто заключенія кураковскаго договора, есть урочище: «Медвѣжьи Лозы».

Въ днѣпровскихъ плавняхъ, въ окрестностяхъ Крюкова, лоза растетъ въ большомъ изобиліи. Она бываетъ разныхъ сортовъ: бѣлая, красная, черная. Лозы здѣсь названы медвѣжьими, конечно потому, что въ нихъ водились медвѣди. Лясота, возвращаясь сухимъ путемъ изъ Запорожья по направленію къ Чигирину, проѣзжалъ отъ окрестностей нынѣшняго Крюкова не болѣе какъ въ двадцати верстахъ, гдѣ повстрѣчался съ медвѣдемъ. Да и писатели XVIII и даже XVII столѣтій упоминаютъ между прочимъ о медвѣдяхъ, водившихся въ лѣсныхъ мѣстахъ сѣверо-западной части нынѣшняго александрійскаго уѣзда.

Припомнимъ теперь кратко путь, по которому двигались козацкія и польскія силы, и мы увидимъ ясно мѣсто послѣдней ихъ стычки и самаго договора. Козаки, переправившись черезъ рѣку Тясминъ, пошли вдоль праваго берега Днѣпра, перешли рѣчку Цыбульникъ и пройдя мимо «стараго городища», которое называю табурищенскимъ, вступили въ днѣпровскую долину, или плавни. Осенью и лѣтомъ здѣсь очень хорошо и удобно проходить и проѣзжать. Конецпольскій съ главными силами пошелъ вслѣдъ за коза-

ками, а обходной отрядъ слѣдовалъ конечно по горѣ, идущей въ 6—7 верстахъ отъ Днѣпра. Возлѣ нынѣшняго Крюкова и было то мѣсто, гдѣ козаки, увидѣвъ себя атакованными съ двухъ сторонъ, вынуждены были согласиться на тяжкія условія, предложенныя имъ Конецпольскимъ, заключивъ кураковскій или куруковскій договоръ 6 ноября 1625 года. Это именно мѣстности нынѣшняго посада Крюкова, лежащаго на правой сторонѣ Днѣпра, насупротивъ уѣзднаго города Кременчуга, полтавской губерніи. Тутъ, какъ и подъ Крыловымъ, козаки очутились какъ-бы въ западнѣ: спереди и сзади ихъ давили поляки, съ боковъ были Круково озеро и горы, Медвѣжьи Лозы и за ними Днѣпръ. Какъ ни были тяжки условія, предложенныя Конецпольскимъ, козаки должны были принять ихъ. Это вынуждала не только слабость ихъ силъ, но и позиція, въ которую они попали, тщетно ожидая съ низу подкрѣпленія.

Свящ. **В. Никифоровъ.**

КІЕВСКАЯ АКТОВАЯ РѢЧЬ 1841 ГОДА.

Въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ кіевскихъ, да и другихъ, публичные акты явились недавно, съ 60-хъ годовъ. Прежде ихъ замѣняли публичные экзамены, соединявшіеся до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія съ публичными-же диспутами. Тогда какъ теперь ядро актовъ заключается въ составляемыхъ по неизмѣнной формѣ отчетахъ и жизнь заведенія, даже знанія и поведеніе учениковъ представляются въ цифрахъ, тогда все это выставлялось, такъ сказать, натурою. Да, это въ собственномъ смыслѣ была выставка знанія и успѣховъ учащихся и притомъ съ казоваго конца. Испытаній въ обыкновенномъ смыслѣ тутъ не было,—они производились раньше при закрытыхъ, такъ сказать, дверяхъ, для публичныхъ-же не только въ училищахъ и семинаріяхъ, но даже въ академіи назначалось заранѣе, кто и что долженъ отвѣчать по тому или другому предмету. Назначались, конечно, лучшіе и болѣе казистые студенты, по два на предметъ. Предсѣдательствовавшій владыка объявлялъ лишь предметъ, по которому слѣдуетъ испытаніе; кого и объ чемъ именно спросить—предоставлялось профессору. Конечно, отвѣты не могли быть иными, какъ только самыми лучшими по

всѣмъ вообще предметамъ. Въ частности интересъ отвѣта зависѣлъ не только отъ темы, удачно выбранной, но и отъ бойкости отвѣчавшаго, такъ какъ владыка дѣлалъ свои замѣчанія, поправки и возраженія, на которыя долженъ былъ отвѣчать испытуемый студентъ. Въ такомъ видѣ публичные экзамены отнюдь не были обманомъ публики, но только выставкою предъ нею знанія и науки, точь въ точь какъ производили это наши дворяне XVIII ст. предъ роднею и сосѣдями съ своими Петрусями и Ясями, по обученіи ихъ дома или за границей. Роль отца здѣсь занималъ владыка и ему конечно должны были выразить публично свои чувства и испытуемыя имъ дѣти и приставленные къ нимъ учители, а онъ публично-же ихъ похвалялъ и благодарилъ. Выраженіе чувствъ производилось въ двухъ рѣчахъ: привѣтственной предъ началомъ экзамена и благодарственной по окончаніи онаго. Рѣчи обращались обыкновенно къ лицу владыки. Конечно, рѣчи готовились заранѣе, прочитывались, исправлялись и даже прослушивались, а для составленія и сказыванія рѣчей выбирались самые рѣчистые и съ хорошею дикціею студенты. Все это лежало на заботѣ и обязанности профессора краснорѣчія. Въ 40-хъ годахъ такимъ профессоромъ въ кіевской академіи былъ глубоко памятный намъ Яковъ Козьмичъ Амфитеатровъ. Это былъ человѣкъ оригинальнаго ума и высокихъ дарованій. Однообразіе сказываемыхъ на публичныхъ экзаменахъ рѣчей и выражаемыхъ ими чувствъ претило ему, и вотъ въ X курсѣ академіи, оканчивавшемся въ 1841 году, онъ пожелалъ пооригинальничать рѣчью и для этой цѣли выбралъ въ ораторы оканчивавшаго тогда курсъ молдована Василія Скрибана-Попеску, впослѣдствіи архіепископа ясскаго Филарета. Рѣчь имъ сказанная произвела глубокое, поражающее впечатлѣніе. Плакалъ старецъ—владыка Филаретъ, глоталъ слезы говорившій, прослезились многіе и многіе изъ слушавшихъ. О рѣчи говорили много и долго, студенты и семинаристы списывали ее и теперь она циркулируетъ во многихъ и многихъ спискахъ. Вотъ эта блестящая, глубоко трогающая рѣчь.

Высокопреосвященнѣйшій владыко!

Милостивый архипастырь и отецъ!

Я здѣсь чужеземецъ; мой родъ, мое отечество далеко отсюда, и языкъ у насъ иной; но здѣсь, въ этой колыбели вѣры и просвѣщенія величайшей въ свѣтѣ монархіи, я принятъ какъ свой, и, можетъ быть, болѣе чѣмъ свой. Два года провелъ я здѣсь, подъ твоимъ отеческимъ покровительствомъ, подъ руководствомъ добрыхъ наставниковъ, въ пріязни отъ всѣхъ меня окружающихъ, и эти два года почитаю лучшими въ своей жизни. Кто болѣе меня обязанъ глубочайшею благодарностію и сему святилищу наукъ, и особенно твоимъ, милостивѣйшій архипастырь, попеченіямъ и христіанской любви? Мои сотоварищи по наукѣ, братья по вѣрѣ, други по душѣ и юношеской пріязни оспаривали у меня слово благодаренія, но я сказалъ имъ; «вы свои, вы имѣете право на благодѣянія, и вамъ остается цѣлая жизнь для подвиговъ благодарности: предоставьте мнѣ, страннику, послѣднюю минуту и послѣднее слово благодаренія для изліянія священныхъ чувствій души, глубоко признательной. Они предоставили, и я почитаю себя вполнѣ счастливымъ, что могу изречь предъ тобою, милостивѣйшій архипастырь, тѣ чувствованія, съ которыми оставляю сіе незабвенное для меня мѣсто, гдѣ обрѣлъ я сокровище истинной христіанской мудрости и православнаго ученія вѣры, которыхъ не находилъ я нигдѣ.

Если возвращусь на мою родину, и мое отечество спроситъ у меня: позналъ-ли ты истинную мудрость и благочестіе христіанское? я скажу имъ: не только позналъ, но и видалъ ихъ, и укажу на тебя, іерархъ благочестивый.

Если сосѣдній моему отечеству гордый мусульманинъ спроситъ у меня: чѣмъ твоя вѣра лучше другихъ? я скажу ему: христіанскою безкорыстною любовію, и укажу на тебя, іерархъ христолюбивый! на великодушіе и гостепріимство великаго народа русскаго, воспитаннаго въ вѣрѣ православной и видимо осѣняемаго благословеніемъ Вышняго.

Если похваляющійся всезнаніемъ европеецъ войдетъ со мною въ состязаніе, я скажу ему: можетъ быть, вы и все знаете; но вы не видали православной церкви въ древней чистотѣ и благолѣпіи, и я не видалъ между вами особъ православныхъ.

Такъ милостивѣйшій архипастырь и отецъ, въ твоей паствѣ, въ твоей академіи изучалъ я обширную науку вѣры православной, здѣсь видѣлъ я чинъ и устройство истинной церкви Христовой, видѣлъ благолѣпіе церковное во всей красѣ и чистотѣ древней; при твоемъ священнослуженіи молился въ древнѣйшихъ храмахъ Руси православной; и все, что могъ познать, могъ видѣть, все понесу въ мою любезную родину, и все постараюсь обратить въ назиданіе себѣ и своимъ соотечественникамъ. Это мой святый обѣтъ, и кромѣ исполненія сего обѣта мнѣ нечѣмъ возблагодарить великій народъ, у котораго жилъ я гостемъ;—нечѣмъ возблагодарить тебя, милостивѣйшій архипастырь.

И у меня есть владыка, старецъ благоговѣйный и милостивый. О, какъ будетъ радоваться духъ его, когда я прійду къ нему, и принесу ему твою любовь, и твое христіанское лобзаніе! Какъ вожделѣнно будетъ для цѣлаго моего отечества, когда принесу ему плоды христіанскаго просвѣщенія изъ того самаго вертограда, который насаждалъ одинъ изъ сыновъ его, столь извѣстный своею ревностію по вѣрѣ христіанской.

Посторонніе посѣтители публичнаго экзамена академіи въ тотъ день, слыша эту рѣчь, получили конечно высокое представленіе объ ораторскомъ талантѣ студента-молдована и о томъ, какъ быстро и превосходно овладѣлъ онъ русскою рѣчью; для насъ-же сокурсниковъ Скрибана-Попеску ясно было лишь то, что онъ отлично усвоилъ эту рѣчь, проникся ея духомъ и мастерски произнесъ ее своимъ особымъ акцентомъ, но ни для кого не составляло секрета, что настоящимъ ея авторомъ былъ все тотъ-же знаменитый и приснопамятный нашъ Яковъ Козьмичъ.

Сообщ. прот. **Е. Попруженко.**

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ШЛЯХЕТСКО-КОЗАЧАГО БЫТА XVIII В.

(*Два партикулярныя письма*).

Ниже приводятся два частныхъ письма первой половины XVIII ст., совершенно различныя по содержанію, но имѣющія, кромѣ своей характерности, еще то общее качество, что оба относятся къ

обыденной, домашней южно-русской жизни первой половины прошлаго вѣка. Даже скудныя, отрывочныя бытовыя указанія на пережитыя формы жизни весьма цѣнны для исторіи. Тѣмъ цѣннѣе для нея указанія точныя, недвусмысленныя, яркія. А такія именно и заключаются въ приводимыхъ письмахъ, заимствованныхъ нами изъ фамильныхъ бумагъ А. С. Лашкевича, частью которыхъ мы еще воспользуемся при удобномъ случаѣ.

Вышедшій въ прошломъ году въ Петербургѣ 8-й томъ «Исторической библіотеки», издаваемой археографической коммиссіей (рецензія—въ октябр. кн. «Кіев. Стар.» за 1884 г.) помѣстилъ подробную опись *скарбовъ* низложеннаго гетмана Самойловича, и читающая публика получила понятіе о поражающемъ множествѣ и разнообразіи цѣнностей гетманскаго имущества. Между прочимъ въ описи сразу бросается въ глаза то, что въ безконечномъ ряду описываемыхъ предметовъ—чарокъ, кубковъ, кружекъ, четвертинъ, братинъ, блюдъ, чашъ, поясовъ, перстней, шубъ, сподницъ, сѣделъ, ружей и проч. и проч.—нѣтъ, какъ у насъ теперь, или по крайней мѣрѣ весьма мало—«дюжинъ», «сервизовъ», «костюмовъ», вообще того, что пріобрѣтается нарочито, съ подборомъ. Тамъ каждый слѣдующій предметъ только по названію похожъ на предыдущій, всѣмъ остальнымъ—вѣсомъ, формой, матеріаломъ—отличается отъ него. Это обстоятельство какъ нельзя лучше подтверждаетъ историческія свидѣтельства, что колоссальные «скарбы» гетманскіе собирались по крупицамъ. Собственно о Самойловичѣ лѣтопись говоритъ, что этотъ человѣкъ отличался большимъ «здирствомъ», слѣдовательно сокровища его въ значительной долѣ и составлены именно путемъ неустаннаго насильственнаго извлеченія изъ чужихъ рукъ всего, что только удостоилось непосредственнаго или посредственнаго вниманія его ясневельможности.

Но составъ имущества Самойловича можно, не рискуя ошибиться, принять за типическій, что подкрѣпляется извѣстными доселѣ многочисленными описями приданнаго богатыхъ и знатныхъ малороссіянокъ,—«виновными записями» (отъ слова вѣно), какъ онѣ иногда назывались.

Какъ составлялись скарбы, подобные Самойловичевскому, у другихъ гетмановъ? Несомнѣнно, что въ значительной степени изъ подарковъ. Дарили всѣ сословія и по всѣмъ случаямъ: являлась ли

генеральная старшина и всѣ бывшіе «при боку гетманскомъ», по случаю какого-либо семейнаго или иного праздника; пріѣзжали-ли въ гетманскую резиденцію полковая старшина; прибывалъ-ли какой «посолъ государевъ» или просто купецъ «россійской породы»; поздравлялъ-ли письменно какой-либо игуменъ «съ полноприщемъ великаго поста»; добивался-ли кто-нибудь юстиціи «рейментарской», а тѣмъ паче вниманія и милостей—все это непремѣнно сопровождалось приношеніями всѣхъ видовъ, сортовъ и способовъ. Въ напечатанной въ прошедшемъ номерѣ нашего журнала «Супликѣ на пона», чисто народной и нѣкогда весьма распространенной пьескѣ, прямо говорится, что къ гетману безъ сукна не ходи. Отсюда, рядомъ съ произведеніями художествъ, въ родѣ «золотаго корабля съ человѣчьими парсунами, щоглами и пушечками», рядомъ съ нѣмецкими картинами, часами и проч. въ гетманскихъ кладовыхъ оказываются старые пистолеты, сѣдла, собольи шубы, парчевыя «спидныци», ломъ серебра, «люльки», нагайки, сукно и проч. Жаль, что червонцы не имѣли особыхъ примѣтъ, а то-бы и они показали, что сплылись къ гетману изъ разныхъ источниковъ, иногда въ дарахъ, вовсе несоотвѣтствующихъ, на нашъ современный взглядъ, гетманскому великолѣпію.

Послѣднее обстоятельство подтверждаетъ и помѣщаемый ниже документъ. Пишетъ полковникъ стародубовскій, извѣстный Лукьянъ «Жоравко» [1]) стародубовскому войту Симеону Тихоновичу, изъ Глухова въ Стародубъ, что пять червонныхъ золотыхъ, присланные паномъ войтомъ чрезъ нарочнаго «на поклонъ пану гетмановѣ», онъ полковникъ получилъ, но вручить его ясневельможности тотчасъ не можетъ, «понеже не по тому теперь часъ», т. е. неподходящее время. Дѣло происходитъ 8 октября 1718 года. Почему время было неудобно для «ознайменя» о панѣ войтѣ предъ ясневельможнымъ, находимъ отвѣтъ въ «Дневныхъ запискахъ» Якова Марковича, гдѣ на стр. 4, подъ 1718 годомъ, читаемъ: «Мѣсяца октоврія 12, въ недѣлю, въ Глуховѣ веселье было. Гетманъ Скоропадскій дочь свою Уліяну отдалъ за Петра Петровича Толстаго,

---

[1]) Журавка былъ сотникомъ новгородскимъ; возведенъ на полковничій урядъ самимъ Петромъ Великимъ въ 1708 году, за проведеніе царскихъ войскъ въ укрѣпленный Мазепою Новгородсѣверскъ.

сына тайнаго совѣтника Петра Андреевича». Разумѣется, гетману, въ хлопотахъ по приготовленію къ свадьбѣ было не до войта стародубовскаго.

Письмо Журавки написано на полулистѣ, замѣчательно красивымъ почеркомъ. Вотъ текстъ его.

Пане вуйте майстрату стародубовского!

Червоныхъ золотихъ пять, на поклонъ ясневелможному пану гетмановѣ отъ вити чрезъ козака посланные, дошли рукъ нашихъ. Съ взглядомъ самого вити и его войтовского уряду, не предкладалисмо еще его панской велможности, понеже не потому теперь часъ. Однакъ же потрафивши благополучное время, ознаймити не забудемъ о вити, и якій будетъ его рейментарской на тое отвѣтъ, листовне не замедлимъ о томъ дати вѣдомо. А теперь похваляемъ вити, же имѣете коло оправованя города нашего полкового старанне, и не лѣнивое о томъ же имѣти тщаніе пилно, пилно жадаемъ, и ему жъ доброго отъ Господа Бога здоровья зичимъ. Зъ Глухова. октоврія 8, 1718 року.

Вити зичливий его царского пресвѣтлое величества войска запор.

Полковникъ стародубовскій *Лукиянъ Жоравко.*

А найбарзѣй о войсковомъ погребѣ имѣйте попечение зъ господаремъ.

На другой сторонѣ:

Пану Сумеону Тихоновичу, майстрату стародубовского войтовѣ, подати.

Изъ дневниковъ Марковича, Хапенка, изъ находящагося въ редакціи «Кіевской Старины» рукописнаго дневника Лашкевича и другихъ источниковъ мы знаемъ, что малороссійская козацкая старшина прошлаго вѣка, рядомъ съ веденіемъ обширнаго хозяйства, занималась и торговлею, сбывая преимущественно продукты собственнаго хозяйства. Торговля не ограничивалась предѣлами Малороссіи; очень часто партіи товаровъ и скота препровождались въ Великороссію и даже за границу: стада воловъ гоняли въ Москву и Данцигъ, табакъ и водка шли въ Персію или Сѣчь, хлѣбъ въ Азовъ и т. д. Во всѣхъ этихъ рынкахъ поставщики-помѣщики имѣли знако-

мыхъ купцовъ и факторовъ, съ которыми вели даже дѣловую переписку, поручая имъ разныя коммиссіи.

Второй изъ нашихъ документовъ и есть именно образчикъ такого дѣловаго письма. Пишетъ въ 1739 году изъ Риги нѣмецъ, какой-то Готгардъ Христіанъ Гартманъ братьямъ Тищенкамъ, помѣщикамъ Стародубовщины, искони отличавшейся производствомъ пеньки, вывозимой оттуда и въ настоящее время въ огромномъ количествѣ. Нѣмецъ пишетъ по польски, довольно чистымъ языкомъ и нѣмецкимъ почеркомъ. Въ концѣ письма приложенъ характерный счетъ предметовъ нарочитой покупки, порученной Гартману Тищенками. Между сельдями, рукавицами и окулярами фигурируетъ неизмѣнный «пурганцъ», которымъ, сколько можно судить по тѣмъ же дневникамъ, считали долгомъ время отъ времени полѣчиться люди, обладавшіе вполнѣ здоровыми желудками.—Мы передаемъ письмо по русски, удержавъ (въ русской транскрипціи) только непереводимое обращеніе тогдашнихъ польскихъ и южно русскихъ писемъ.

Мнѣ велце мосци панс и добродію,

Мосци пане Тыщенскъ! (sic.)

За письменное увѣдомленіе покорнѣйше благодарю, отъ души желая, что-бы Всевысочайшій Богъ и ваши милости, пановъ, благоволилъ сохранять и содержать на долгія времена въ добромъ здоровьѣ и всякомъ счастіи. Какъ мнѣ пріятно было изъ письма вашего получить свѣдѣнія о товарахъ тамошнихъ, такъ и я готовъ вашимъ милостямъ объяснить, какъ здѣсь дѣла стоятъ въ торговлѣ. До сихъ поръ мало вѣрнаго касательно будущей весенней цѣны, потому что главныхъ сдѣлокъ еще не слыхать. Было нѣсколько—по 9 талеровъ за берковецъ чистой пеньки, заплативъ половину наличными деньгами; безъ денегъ—9 съ половиною талеровъ. Пенька *половая* [1]) по $6^1/_4$ талеровъ. Изъ Польши все пишутъ, что тамъ пенька уродила очень короткая и ожидается небольшое количество; поэтому по веснѣ, при малой партіи оттуда, цѣна можетъ быть гораздо выше; я такъ полагаю, что по крайней мѣрѣ чистая пенька ниже не будетъ, какъ 10 талеровъ или $10^1/_2$

[1]) Сѣрожелтая, худшій сортъ.

рублей, половая—по 6 съ половиной. Послѣднюю пеньку, которая тутъ была и которую доставили къ осени, продали по 10 талеровъ чистую и по 6 талеровъ половую. Такъ взялъ Петръ Вольскій за свою партію, которую теперь имѣлъ здѣсь доставленною; еще и самъ онъ тутъ. Рожь что-то идетъ въ гору: лѣтомъ продали по 19 талеровъ ластъ, теперь даютъ 23—24 талера за полновѣсную. Конопля по 17 шостаковъ, иль по 90 копѣекъ за бочку. Сѣмя льняное, если имѣетъ 108 фунтовъ вѣсу, по 7 съ половиною тымфовъ или 120 коп. Пакля ни по чемъ и рѣшительно не слѣдуетъ отправлять, никто не покупаетъ. Цѣна на золото высока: платили 2 битыхъ талера и 11 грошей за червонный золотой,—мало имѣется этой монеты. Талеры теперь идутъ по 105 коп. Такъ какъ тутъ теперь много купцовъ смоленскихъ, пріѣхавшихъ за деньгами, то и золото дорого стало: на рубли—2 руб. 24 коп. Сообразно съ этимъ благоволите, милостивые государи, сдѣлать свои соображенія, и зимою—дай Боже, въ добромъ здоровьѣ—пріѣхать сюда, что-бы я могъ сторговать что-либо порядочное и продолжить съ вашими милостями давнее знакомство. Требуемыя вещи, перечисленныя въ письмѣ, что только могъ достать, я постарался, и посылаю вашей милости съ сей оказіей, какъ ниже показано. Желаю, что-бы все дошло въ цѣлости. Относительно очковъ для его милости родителя вашего, не знаю, поспѣлъ-ли во время; поклонъ мой нижайшій посылаю ему, при желаніи здоровья и всякаго спокойствія въ его старости. Желая того-же самаго и вашимъ милостямъ, панамъ братьямъ, отдаю себя въ неизмѣнную доброжелательную дружбу вашу, подписываясь вашей милости пана и благодѣтеля моего нижайшимъ слугою.

Готгардъ Христіанъ Гартманъ.

Въ Ригѣ 31 октября
1739 года.

P. S. Прошу васъ, постарайтесь, по добротѣ своей объ общемъ долгѣ отъ извѣстнаго вамъ Семена (?); хорошо было-бы взыскать сколько нибудь и употребить въ помощь (?).. Весьма рекомендую этотъ интересъ и готовъ отслужить.

2 осьмушки свѣжей сельди по 5 орт. .	2 тал. 45	гр.
4 барилка лямпреды (миноги) по $^1/_2$ талер. и 2 шост.	2 — 40	—

60 коль (? не разобрано) сухихъ миногъ едва досталъ по 12 за кал. .	5 тал.	„	гр.
2 пары лосинныхъ рукавицъ, одна 3 орт., друга $3^1/_2$	1 —	$56^1/_2$	—
7 фунтовъ сахару леденцу	1 —	„	—
Пурганцу (слабительнаго) за $^1/_2$ тал.	„ —	45	—
Окуляры съ футляромъ.	„ —	40	—
Итого .	13 тал.	36	гр.

Ѳ. Н.

ИЗЪ ФАМИЛЬНЫХЪ ПРЕДАНІЙ.

Во второй половинѣ прошлаго вѣка въ пирятинскомъ повѣтѣ жило семейство Александровичей. Предки его занимали разные уряды въ гетманщинѣ. Тогдашній представитель этого рода, бунчуковый товарищъ, Иванъ Ильичъ Александровичъ былъ сначала лубенскимъ подкоморіемъ, а потомъ прилуцкимъ полковымъ писаремъ.

У Ивана Ильича было много дѣтей: два сына—Варѳоломей и Порфирій—и пять дочерей, младшую изъ нихъ звали Ульяной. Судьба Ульяны Ивановны настолько своеобразна, что мы позволимъ себѣ остановить на ней вниманіе читателя.

Когда М. И. Голенищевъ-Кутузовъ, будущій князь смоленскій, еще въ маленькомъ чинѣ стоялъ съ полкомъ въ Пирятинѣ, онъ познакомился съ семьей Александровичей и сталъ часто бывать на ихъ хуторѣ Великой Кручѣ (нынѣ село). Ему приглянулась красивая Ульяна, взаимно его полюбившая, и онъ хотѣлъ на ней жениться; но влюбленные ничего еще не говорили родителямъ, какъ вдругъ Ульяна опасно заболѣваетъ. Всѣ лѣченія ничего не помогали и мать въ отчаяніи дала обѣтъ, что если дочь выздоровѣетъ, то останется всю жизнь дѣвственницей. Ульяна выздоровѣла, вмѣстѣ съ этимъ возросла взаимная любовь молодыхъ людей. Когда мать объявила Ульянѣ, чему обязана она, по ея мнѣнію, спасеніемъ отъ смерти, они было призадумались, но вскорѣ любовь превозмогла другія чувства и они просили у родителей благословенія на бракъ. Мать отговаривала, боясь кары Божіей, но потомъ не препятствовала счастью любимой дочери. Уже былъ назначенъ день свадьбы, какъ

вдругъ, невѣста заболѣваетъ горячкой. Женихъ былъ въ страшномъ отчаяніи и принималъ всѣ мѣры къ спасенію несчастной невѣсты— она не умерла, но поразившій ее параличъ сдѣлалъ ее калѣкою на вѣки. Всѣ видѣли въ этомъ перстъ Провидѣнія. Хотя Кутузовъ все настаивалъ на совершеніи брака, но несчастная Ульяна рѣшительно не захотѣла «завязывать ему свѣтъ». Она стала постоянно молиться и сохранила къ любимому человѣку тихую святую привязанность и добрую память до послѣднихъ дней своихъ († 1836 г.). Кутузовъ постоянно съ ней переписывался; когда-же Ульяна Ивановна умерла, то приказала положить ей въ гробъ подъ голову письма къ ней Кутузова.

Порфирій Ивановичъ Александровичъ служилъ въ военной службѣ и участвовалъ, въ чинѣ маіора, въ турецкой войнѣ 1789 года, въ корпусѣ Суворова.

Однажды Суворовъ дѣлалъ смотръ. Былъ жаркій день; Суворова долго не было; а тутъ море влекло къ себѣ томившихся отъ жары воиновъ. Порфирій Ивановичъ, разсчитывая, что успѣетъ выкупаться до пріѣзда Суворова, быстро раздѣлся и бросился въ воду. Вдругъ какъ-то незамѣтно подъѣхалъ Суворовъ. Увидѣвъ купавшагося, онъ крикнулъ: «что ты тамъ дѣлаешь, маіоръ Александровичъ». Злосчастный маіоръ нашелся: «ъ измѣряю, ваш... ство, глубину моря!» бойко отвѣчалъ онъ.

Суворовъ засмѣялся, и Порфирій Ивановичъ моментально одѣлся и побѣжалъ къ своей части.

С—ко.

НАСЛѢДНИКИ ЗАПОРОЖСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

Громадныя степныя, луговыя и лѣсныя пространства, составлявшія территорію Запорожья, по уничтоженіи самой Сѣчи въ 1775 году, стали достояніемъ людей привиллегированныхъ классовъ, которые, по понятіямъ того времени, одни считались правоспособными владѣть землею и поселенными на нихъ людьми. Въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1882 г. помѣщена была инструкція относительно раздачи этихъ земель, въ размѣрѣ отъ 1,500 до 12,000 десятинъ на одно лице съ микроскопическою помѣрною платою и съ обязательствомъ заселить въ извѣстный срокъ дозволенными зако-

номъ людьми податнаго класса. Тамъ-же замѣчено, что главными участниками въ наступившемъ раздѣлѣ явились самъ Потемкинъ, генералъ-прокуроръ князь Вяземскій и князь А. Прозоровскій, Послѣдніе получили по 100,000 десятинъ; сколько взялъ Потемкинъ, остается неизвѣстнымъ.

Намъ удалось найти довольно длинный списокъ другихъ лицъ, получившихъ большія или меньшія доли изъ запорожскаго наслѣдства, но... въ одномъ лишь екатеринославскомъ уѣздѣ бывшей азовской губерніи, составлявшей лишь половину бывшей Новороссійской провинціи, которая образована была изъ запорожской территоріи и которой генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ самъ Потемкинъ. Списокъ этотъ интересенъ для исторіи заселенія Новороссіи, представляя имена небольшаго числа первыхъ ея колонизаторовъ и полученныхъ ими земельныхъ участковъ. Приводимъ этотъ списокъ въ современной копіи, обязательно сообщенной намъ г. Манджурою.

Копія.

Екатеринославъ.

Вѣдомость учиненная въ азовской губернской канцеляріи, воликое число въ екатеринославскомъ уѣздѣ состоятъ вновъ отведенныя къ отводу назначенныхъ помещикамъ земель.

1776 ГОДЪ.

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Отставному секундъ-маіору *Василію Лосеву* на реке Большой Терновке по теченію справой стороны .	6000	80
Старшине *Караванцу* на речке Богатой по теченію справой стороны	1500	32
Отст. сек.-маіору *Неплюеву* по теч. реки Большой Терновки слѣвой стороны	12000	400
Прем.-маіору *Сергею Неплюеву* на р. Большой Терновке по теченію слѣвой стороны	3000	70
Сек.-маіору *Наковальнину* на р. Днѣпрѣ на реч. Вороной по теченію справой стороны . . .	2500	1275
Капитану *Рябому* на речкѣ Кельгени . . .	9000	87

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Провіантмейстеру *Синельникову* на р. Днѣпрѣ при устьи реч. Вороной по теченію слѣвой стороны .	3000	1700
Подполковнику *Синельникову* на р. Днѣпрѣ при устьи реч. Вороной по теченію слѣвой стороны .	3000	1644
Маіору *Герсеванову* на р. Орель по теченію слѣвой стороны къ реч. Богатой	6400	182
Подполков. *Колпаку* на р. Орели по теч. слѣв. стор. при устьи реч. Богатой	4500	450
Самарскому жителю *Непійбраги* на р. Кильгени по теченію справой стороны	3000	218
Бывшему запорожскому полковнику Гараджѣ на р. Большой Терновкѣ по теченію справой стороны . .	3005	38
Поруч. *Легкоступу* про Солономъ Лиманѣ и на реч. Волчой по теченію слѣвой стороны.	3000	840
Поручику *Лосеву* на реч. Большой ~~Терновке по~~ теченію слѣвой стороны.	3000	43
Прапорщику *Лосеву* на реч. Большой Терновке по теченію слѣвой стороны.	3000	31
Полковому старшинѣ *Хижняковскому* на реч. Орели и Орелки по теченію слѣвой стороны . . .	1500	400
Ротмистру *Вишневецкому* на реч. Нижней Тересѣ по теченію слѣвой стороны	3000	300
Маіору *Кирпову* между реч. Осокировки и Отногой Осокоровки	1500	150
Порутчику Николаю *Черткову* на р. Самарѣ по теченію слѣвой стороны.	9000	6570
да къ мелнице	150	
Ген.-порутчику князю *Прозоровскому* на р. Волчей при устьи Нижней Тересы	10000	3200
да на р. Днѣпрѣ и реч. Татаркѣ. . . .	3000	3562
Маіору *Мерлину* на реч. Нижней Тересѣ по теченію слѣвой стороны	3000	330

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Подполк. *Лалашу* на реч. Орели по теченію слѣвой стороны	3000	600
Порутчику *Озерову* на реч Осокировки по теч. слѣвой стороны	3000	300
Порутч. Алексѣю *Попову* на реч. Большой Терновка по теченію справой стороны	3000	45
Прапорщ. *Пекезину* въ вершинѣ реч. Осикировки по теченію справой стороны	1500	150
Полковому старшинѣ *Попову* на реч. Протовчи по теченію слѣвой стороны.	1500	541
Маіору *Мерлину* на реч. Волчей по теченію слѣвой стороны	3000	300
Прапорщику *Тимофееву* при балкѣ Береснюговатой	3000	150
Старшинѣ *Рудю* въ вершинѣ реч. Осокировки по теченію справой стороны	3000	300
Капитану *Черткову* на реч. Самарѣ по теченію справой стороны	3000	300
Маіору *Выродову* на реч. Самарѣ по теченію справой стороны.	4500	160
Отставному сотнику *Коростовцу* на реч. Большой Терновкѣ по теченію справой стороны	1500	26
Порутчику *Павлову* на реч. Богатой по теченію справой стороны	1500	30
Полковому старшинѣ *Рудю* на вершинѣ Нижней Терси	9000	300
Оборъ-полицмейстерской канцеляріи переводчику *Коростовцу* на реч. Большой Терновкѣ по теч. справой стороны	1500	40
Подпоручику *Косинскому* на речки Большой Терновкѣ по теченію справой стороны	6000	406
Провіантъ-комиссару Коху на реч. Большой Терновкѣ по теченію справой стороны	1500	21

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Прокурору *Ракицкому* на Нижней Тересѣ справой стороны	3000	300
Адъютанту *Турченеву* на вершинѣ реч. Вороной справой стороны	3000	540
Прем.-маіору *Заврову* на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	4500	350
Прапорщику князю *Муснелову* на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	3000	260
Маіору *Гиржеву* на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	4500	210
Секундъ.-маіору *Герсеванову* между реч. Днѣпра и Протовчи	1500	1585
Полковому старшинѣ *Гордѣенку* на реч. Малой Терновкѣ справой стороны	3000	46
Маіору *Герсеванову* на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	3000	270
Полковому старшинѣ *Высочину* на реч. Волчей и верхней Терси по теченію слѣвой стороны	3000	300
Маіору *Лисовицкому* на реч. Малой Терновкѣ по теченію справой стороны	3000	98
Вахмистру *Лисовицкому* на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	6000	
Осадчему *Мураеву* при Дубовой балкѣ	1500	13
Порутчику *Головатому* на реч. Кильчени по теченію справой стороны	3000	593
Ген.-порутч. *Спиридову* по реч. Волчей по теченію слѣвой стороны	12000	400
Маіору *Надоржинскому* по р. Самарѣ по теченію справой стороны	3000	200
Бригадиру *Куроедову* на р. Кильчени по теченію справой стороны	1500	
Прокурору *Сабурову* на р. Волчей по теченію слѣвой стороны	6000	600

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Маіору *Суханову* по р. Протовчи по теченію слѣвой стороны	4500	312
Порутч. *Черткову* на р. Самарѣ по теченію справой стороны	3000	70
Порутч. *Александрову* на верш. р. Вьязовской по теченію справой стороны	3000	17
Прапор. *Шицу* на р. Нижней Тересѣ по теченію справой стороны	1500	120
Полковому старшинѣ *Кобезчину* на р. Самарѣ по теченію справой стороны	4500	136
Полскому полковнику *Джараю* на р. Самарѣ по теченію справой стороны	6000	136
Сотнику *Коростовцу* на р. Опалихѣ по теченію справой стороны	1500	29
Порутчику *Минину* на р. Малой Терновкѣ по теченію справой стороны	3000	63
Прапорщику *Билимову* на р. Малой Терновкѣ по теченію справой стороны	1500	52
Оберъ-провіантмейстеру *Бунину* на р. Большой Терновкѣ слѣвой стороны	6000	120
Сек.-маіору *Писемскому* на р. Самарѣ по теченію справой стороны	4500	520
Бригадиру *Балабину* на р. Бритой по теченію слѣвой стороны	6000	200
Маіору *Герсеванову* къ тремъ плотинамъ по р. Самарѣ по теченію справой стороны	360	90
Сарш. *Попатенку* между дачъ поруч. *Легкоступа* и прапорщ. *Тимофѣева*	1500	480
Ген.-порутч. *Черткову* на р. Волчей по теченію слѣвой стороны къ устью Солоненькой	3000	800
Ген.-порутч. князю *Прозоровскому* для колонистовъ на р. Волчей при мелницѣ Колотечиной . .	3000	1210

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Поручику *Писменному* на р. Нижней Терсѣ по теченію справой стороны	6000	600
Регистратору *Ставровскому* на р. Нижней Терсѣ по теченію справой стороны	1500	60
Надворному Совѣтнику *Шалигину* на балкѣ Охтыркѣ	4500	350
Маіору *Лаврову* по теченію р. Вороной справой стороны	9000	700
Полковнику *Мартинову* на р. Днѣпрѣ при устьѣ реч. Осикоровки по теченію справой стороны . . .	3000	920
Пустынноникольскому монастырю на р. Самарѣ по теченію слѣвой стороны и при балкѣ Лозоватой .	1500	240
Дачѣ *Хощовой* мельницѣ	120	
Старшинѣ *Кореневскому* на р. Кильчени по теченію справой стороны	1500	125
Полковому старшинѣ *Балицкому* на р. Волчей по теченію слѣвой стороны	1500	150
Сек.-маіору *Надаржинскому* на р. Опалихѣ по теченію оной слѣвой стороны.	3000	120
Статскому совѣтнику *Семичеву* на р. Самарѣ по теченію слѣвой стороны и при балкѣ Скотоватой Имачки	4500	450
Ему же *Семичеву* на р. Самарѣ по теченію справой стороны.	1000	300
Генералъ-маіору и кавалеру *Потемкину* на р. Нижней Терсѣ слѣвой стороны	12000	2680
Полковому старшинѣ *Щекину* въ вершинѣ балки Скотоватой	1500	90
Прапорщику *Галичу* на р. Опалихѣ слѣвой стороны	1500	210
Генералъ-маіору *Юзюпову* по правой сторонѣ р. Самары	12000	600
Капитану *Чернявскому* при р. Орели по теченію слѣвой стороны	3000	189

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Коллежскому асессору *Титову* на вершинѣ реч. Вьязовской	3000	30
Екатеринославскому купцу *Фалѣеву* по правой сторонѣ р. Самары для фабрики . :	12000	400
Сек.-маіору *Наковальнину* въ верш. р. Нижней Терсы	6000	620
Дивизіонъ-квартирмистру *Федорову* на р. Нижней Терсѣ по теченію слѣвой стороны	6000	560
Валдмейстеру *Кесареву* на р. Нижней Терсѣ справой стороны	3000	80
Вагмейстеру Ивану *Горленскому* на р. Нижней Терсѣ справой стороны	3090	30
Регистратору *Башнатову* на р. Нижней Терсѣ по теченію справой стороны	1500	50
Архиваріусу *Бурманѣ* на р. Нижней Терсѣ отъ дачи регистратора Башнатова внизъ	1500	50

На подлинномъ тако подписано по листамъ:

Въ должности секретаря поручикъ *Петръ Осиповъ.*

Регисторъ *Антонъ Степановъ.*

На копіи по листамъ написано: подлинное читалъ копіистъ

Павелъ Перекрестовъ.

Съ копіей вѣрно *Ив. Манжура.*

Сообщ. **Д. Багалѣй.**

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ 1863 ГОДА.

Однимъ изъ польскихъ помѣщиковъ кіевской губерніи, наиболѣе человѣчно относившихся къ своимъ крестьянамъ, былъ панъ Бардашевицкій, помѣщикъ с. Кожанки, липовецкаго уѣзда. Онъ не иначе называлъ ихъ, какъ дѣтьми, и никогда между нимъ и крестьянами не было никакихъ враждебныхъ столкновеній. Крестьяне въ свою очередь любили своего «пана» и всегда охотно «слухали его», если пану что-либо требовалось сверхъ обязательной ихъ работы.

Но вотъ вспыхнуло возстаніе и крестьяне получили возможность выместить на нелюбимыхъ ими панахъ свои старыя обиды. Бардашевицкій на ту пору заболѣлъ, слегъ въ постель и не принималъ никакого участія въ творившейся вокругъ суматохѣ. Однажды, въ самый разгаръ возстанія, ему докладываютъ, что пришла «громада» и желаетъ его видѣть.

— Скажите имъ, отвѣтилъ панъ, что я боленъ, лежу и никого принять теперь не могу; пусть прійдутъ послѣ.

Но громада не уходила и настойчиво домогалась свиданія съ паномъ. Не видя возможности отдѣлаться отъ посѣтителей, Бардашевицкій позвалъ крестьянъ въ свою спальню и ласково спросилъ ихъ:

— Чого вамъ треба, дитки? Адже вы бачите, що я слабый... лежу...

— Та воно такъ, паночку, отвѣчала ему громада; бачити мы бачимо, але дило, знаете, у насъ таке...

— Яке-жъ тамъ у васъ дило?

— Таке дило, паночку, що якъ-же це тепера буде? Вже вси люди своихъ панивъ повязали та у городъ позавозили, а мы васъ ще й доси не займали!.. Ждали мы, ждали, та дали думаемо, що вже й намъ безъ того някъ обійтися не можна...

И крестьяне связали Бардашевицкаго и отправили его у «городъ»...

Коментаріи излишни тутъ; замѣчу только, что эта «исторія» разсказана мнѣ тѣми самими крестьянами, которые были въ ней дѣйствующими лицами.

И. Рева.

МАЛОРУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА НА ПОЛЬШУ ПО ПОВОДУ ЕЯ РАЗДѢЛА.

Враждебныя отношенія, вѣками установившіяся между поляками и малороссіянами, давали послѣднимъ побужденіе при всякомъ политическомъ кризисѣ Польши выражать свои дѣйствительныя чувства къ ней, язвить ее игривой насмѣшкой, или злой сатирой. Примѣръ первой представленъ нами въ мартовской книжкѣ журнала въ письменномъ памятникѣ 1733 года, названномъ нами «Политическая парада», въ которой неизвѣстный малорусскій политикъ того времени мѣтко и съ добродушнымъ смѣхомъ рисуетъ

политику европейскихъ державъ въ вопросѣ о наслѣдствѣ польскаго престола и безшабашно равнодушное и самодовольное положеніе въ этомъ дѣлѣ Рѣчи Посполитой, заключая тонкой, но полной глубокаго политическаго знанія ироніей надъ жалкимъ разложеніемъ государственно-общественнаго организма Польши, какимъ-то рокомъ, подъ вліяніемъ Сатурна, обездоленнаго въ Римѣ (намекъ на польско-католическій ультрамонтанизмъ), выдыхающей изъ себя политическій хладъ и несчастье и ими гнетущей всю страну, все подвластное ей населеніе. Образчикъ второй мы видимъ въ помѣщаемой ниже политической сатирѣ позднѣйшаго времени, когда наступили уже раздѣлы Польши. Форма этой сатиры, безъ сомнѣнія, странная для нашего времени, но мы имѣемъ дѣло съ историческимъ памятникомъ и тѣмъ отдаленнымъ временемъ, когда подобныя, крайне разнообразныя формы были въ ходу и даже доживали свои послѣдніе годы. Онѣ не будутъ удивлять насъ, если мы вспомнимъ памфлеты виленскихъ іезуитовъ XVI и XVII столѣтія, въ родѣ листовъ съ неба, писемъ и молитвъ къ апостолу Петру отъ лица православнаго мѣщанина, пробирающагося въ рай,—переполненныхъ грубою, циничною бранью. Чѣмъ язвили католики православныхъ, тѣмъ платили православные католикамъ. Мы читали въ старой рукописи конца XVII в. политическій памфлетъ, написанный замѣчательно чистымъ южнорусскимъ языкомъ въ формѣ священной исторіи, начинающейся сотвореніемъ міра и оканчивающейся крестною смертію Іисуса Христа. Распинателями и мучителями Спасителя міра представлены здѣсь поляки и жиды, а защитниками Его козаки, тщетно пытающіеся избавить отъ смерти невинную жертву злобы и мщенія за праведное обличеніе. Въ настоящемъ памятникѣ формою сатиры избранъ такъ называемый польско-католическій *пацієржъ*, или повседневныя молитвы: *Ойче-нашъ, Здровась Марія, Вієрже въ Бога и дзіесієнціоро прзиказань Бозскихъ*. Такимъ образомъ историческому и политичеткому шляхтичу, куралесившему столько вѣковъ и теперь погибавшему отъ собственнаго своевольства и безпутства, приходится самому, какъ-бы въ молитвѣ къ Богу, исповѣдывать вины и виновниковъ его политической гибели и произносить приличныя, такъ сказать, случаю мольбы и пожеланія. Форма даетъ сатирѣ всю соль и ядъ и заставляетъ шляхтича изрекать горькія для него, но глубоко вѣрныя истины. «Да изыдетъ царствіе твое изъ нашей Полши,

вопитъ обезумѣвшій шляхтичъ; «права нашего не ламай намъ и оставь намъ нашу волность». Вотъ единственное его желаніе при послѣднемъ издыханіи ойчизны! Иноземныя войска входятъ и выходятъ изъ нея и располагаются въ ней, какъ дома, забирая у пановъ провіантъ по квитанціямъ, а уплаты надо долго, даже тщетно ожидать. Отсюда полное самаго ѣдкаго сарказма *прошеніе*: «И остави намъ долги наша, якоже и мы отпущаемъ фуражъ должникомъ нашимъ». Непокорность королю, пренебреженіе имъ, обуявшая шляхтича страсть къ мятежнымъ политическимъ союзамъ, раздиравшимъ Польшу на части, вызываетъ не менѣе ядовитую насмѣшку въ 3-й по польско-католическому счету заповѣди: «шесть лѣтъ конфедерацію твори, да совершиши все безстраніе твое; на единое лѣто суббота королю-господу твоему». Испытанное уже барскими конфедератами (1768 г.) многолѣтнее пребываніе въ Сибири вызываетъ еще болѣе злую насмѣшку въ 4-й заповѣди: «И да долголѣтенъ будеши на Сибири, которую Господь твой далъ тебѣ за непокорность твою». Характеренъ конецъ 5-й заповѣдя: «не убый москалей, не дадутся бо тебѣ». «Не лжесвидѣтельствуй въ газетахъ, уже бо никто не вѣритъ»—записано можно сказать съ живаго голоса всей Европы. «Не пожелай» въ 10-й заповѣди—послѣднее, самой злой ироніи полное указаніе на тѣ нестерпимые поборы, которыми шляхта обременяла беззащитныхъ своихъ «подданныхъ». Достойно особаго примѣчанія, что въ этой политической исповѣди польскаго шляхтича,—свидѣтеля паденія Рѣчи Посполитой, онъ съ особою яростію обрушивается на короля Фридриха и тѣмъ выставляетъ его во главѣ послѣдовавшихъ раздѣловъ, вопреки распространенному и теперь мнѣнію *ягеллончиковъ*, что всему злу виною была Екатерина II. Изъ этой сатиры не мѣшало-бы многое припомнить затѣйщикамъ современной польской справы.

Списокъ приводимой за симъ сатиры заимствуемъ изъ огромной записной книги (конца прошлаго вѣка) нѣкоего «капитана Ивана Михайлова сына Новаковича», принесенной въ даръ редакціи многоуважаемымъ А. А. Скальковскимъ. Къ этому богатому сборнику любопытнѣйшихъ памятниковъ южно-русской письменности XVIII ст. намъ прійдется не разъ еще обращаться, а пока дѣлаемъ изъ него это первое заимствованіе.

Во имя цесарское государство и короля прусскаго (здѣсь въ рукописи пропускъ).

Аминь.

I.

Отче нашъ, иже еси въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ! Да святится имя твое въ тѣхъ областяхъ, да изыдетъ царство твое изъ нашей Полши, да будетъ воля твоя, яко въ Австріи, Брандебургіи, такъ и въ Москвѣ; права нашего насущнаго не ламай намъ, но оставь намъ нашу волность, якоже и мы отпущаемъ фуражъ должникомъ нашимъ, и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ удушенія или удавленія. Аминь.

II.

Радуйся Марія Терезия, благодати полской полная, Фридерикъ съ тобой! Благословенна ты въ австрійцахъ и благословенъ плодъ чрева твоего, Іосифъ цесаръ.

III.

Вѣрую въ Екатерину императрицу россійскую, самодержицу всея Россіи, вѣрую въ Фридерика брандебургского, короля прусского, предателя единого, воплотившагося отъ духа военного и вочеловѣчившася отъ неосторожности полской, страдавшаго подъ русскимъ адомъ, распятаго при Лаудонѣ и Даунѣ, но не умершаго, погребенного и сниспедшаго во адъ и съ подчиненности полской воскресшаго при третемъ королѣ, возшедшаго на тронъ королевскій, и сѣдящего одесную всѣхъ монарховъ, и грядущаго трясти живыми и мертвыми; вѣрую въ Іосифа цесаря христианского, святую соборную христианскую церковъ, а не въ едину затѣю католицкую, монарховъ за погибель нашу отмщение, домовъ разореніе, тела падение, волности потеряние, и муку вѣчную. Аминь.

IV.

1. Азъ есмъ Станиславъ-Августъ король твой, изведый тя изъ распутства полского, изъ дому смятения; не будутъ теби короли иные, развѣ мне.

2. Не приемли всуе имени короля господствующаго тобою, москаль бо будетъ мстить тебе за сие.

3. Помни день снисхождения или попущения святяти; шесть лѣтъ конфедерацию твори, да совершиши все безстрашие твое, на седмое лѣто суббота королю—господу твоему.

4. Чти пруссака отца твоего, императрицу матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на Сибири, которую Господь твой далъ тебѣ за непокорливость твою.

5. Не убій ты, ни маршалокъ твой, ни конфедерація твоя, ни съ чуждей ограды взятый скотъ, ни французъ, пришлецъ твой, прелстившій тебе во вратахъ твоихъ; не убый москалей, не дадутся бо тебѣ.

6. Не прелюбодѣйствуй, да не умножишися помощию прелюбодѣяния.

7. Не украдеши, уже бо ничего.

8. Не лжесвидѣтельствуй въ газетахъ, уже бо никто не вѣритъ.

9. Не пожелай ни оружия, ни подружия или жены ближняго твоего.

10. Ни коня его, ни слуги его, ни вола его, ни барана его, ни петуха его, ни гуся его, ни поросенка его, ни теленка его, ни всего, еже есть ближняго твоего, но довольствуйся кускомъ сухаря, отъ фуража оставшаго.

ТРИ МАЛОРУССКІЯ ПѢСНИ ИЗЪ ПЕРІОДА КРЫМСКОЙ КОМПАНІИ [1]).

Пѣсня графу Паскевичу-Эриванскому.

То не ясный соко́лъ
Яструбовъ взбивае:
То Паскевичъ за Кавказомъ
Басурманъ ганяе.

* * *

То не буйный вихорь
Сосны вывертае:
То Паськевичъ у Варшавѣ
Ляхо́въ присмиряе.

---

[1]) Малорусское пѣсенное творчество не оскудѣваетъ. Мы знаемъ мѣстности, гдѣ и теперь простой крестьянинъ слагаетъ пѣсни, отмѣчая событія текущей ихъ жизни. Время освобожденія крестьянъ оставило намъ рядъ пѣсень, между которыми

То не сиза хмара
Громомъ выгремляе:
То Паськевичъ за Дунаемъ
Супостатъ карае.

* * *

Слава-жъ тоби, пане,
Великая слава,
Що ворогамъ святой Руси
Ты якъ Божа кара!

* * *

Честь и тоби, маты,
Стара Украино,
Що ты на свѣтъ породила
Багатыря—сына [1])!

Пѣсня греко-славянска.

Гомо́нъ, гомо́нъ по Востоку
Зашумѣли вербы;
Стрепенулись наши греки,
Болгары и сербы.
Натерпѣлись, кажуть, лиха,
Подъ турчиномъ лютымъ,
Прійшла пора розирвати
Залѣзныи пута!
Прійшли жнива великіи,
Житечко поспѣло...
Нуте-жъ, братья, живо, живо!
Нуте въ дѣло смѣло!

много чисто народныхъ. Приводимыя здѣсь три пѣсни не принадлежатъ къ числу народныхъ, но въ нихъ очень замѣтно стремленіе приблизиться къ типу и складу народныхъ, что мѣстами и удается неизвѣстному ихъ слагателю. Проникли-ли онѣ въ народъ, не знаемъ. Всѣ три пѣсни взяты изъ одного рукописнаго сборника 1850—1860 годовъ. Очевидно онѣ относятся къ событіямъ русско-турецкой войны 1853—1854 годовъ.

[1]) Князь Паськевичъ—уроженецъ полтавской губерніи.

Святый Богъ намъ помогае
За наши молитвы:
Русь святую посылае
На святыи битвы.
Зъ врагомъ Христа зъединились
Галлы вѣтрогоны,
И ты, многихъ водъ царица,
Дочка Вавилона!
Блаженъ, хто дасть вамъ отплату
За ваше безчинье!
Хто розо́бье й дѣтей вашихъ
Объ бѣле камѐнья!

Пѣсня про турковъ.

Бье и выле хуртовина
На морѣ глыбоко́мъ
Згнущается лютый турокъ
Надъ святымъ Востокомъ.
Ой часъ-пора, хуртовино,
Покой морю дати!
Годѣ тебѣ, вражій турче,
Годѣ лютовати!
Спустошивъ ты край веселый,
Ставъ вѐнъ якъ темниця:
Наглумився ты зъ христьянства
Якъ зъ бидной вдовици...
Летитъ орелъ отъ по́вночи,
Якъ синяя хмара:
То-жъ на тебе, вражій турче,
Летить Божа кара!
Орелъ летить, перо дзвенить,
Крикнули орлята;
Стрепенулись, обозвались
Ясни соколята...
Бѣда тоби, вражій турче,
Бѣда неминуча!

Дивись: летить одъ Западу
Вже воронôкъ ключа.
Вже почули твою гибель,
Кругомъ тебе грають,
Тобѣ въ вôчи заглядають,
Трупа пôджидають.
Згинь-же вража злая сило,
У мори глыбокôмъ!
Засвѣтися сонце правды
Надъ святымъ Востокомъ!

Сообщ. **Н. И. Барсовъ.**

Отъ редакціи. Прилагавшійся доселѣ отдѣльно къ каждому тому журнала Указатель личныхъ и географическихъ именъ редакція «Кіевской Старины» признаетъ за лучшее издать въ концѣ въ видѣ Общаго Указателя ко всему годовому изданію, находя это болѣе удобнымъ и для единства Указателя и для справокъ, какія понадобятся читателю.

въ коммиссіи своду книгъ правныхъ. Писаны письма въ Москву къ полковнику лубенскому Апостолу, къ Івану Гамаліи, къ Федору Корецкому, къ Петру Паскевичу, къ секретарю Новоторжцову, а въ Глуховъ къ гг. брегадиру Іліину, подскарбію Скоропадскому, асаулу Якубовичу, бунчучному Оболонскому енералнымъ, да до сотника мглинского Лисаневича и до старости нашого Поленского, въ Товкачовку.

Апрель.

1. Григорій Бороздна ярцевскій зъ женою своею, такожъ Никита Кореневъ, едучи къ Глухову, были у мене въ Перегонѣ и пообѣдавъ, въ путь свой отехали, при которыхъ отправленъ до Глухова-жъ и Іосифъ племѣнникъ и чрезъ него какъ предпомянутые писма, такъ и челобитная въ судъ енералный на Іваниху Миклашевскую Евдокію и сина ея Павла посланы; емужъ на дорогу дано 50 к., а Василку (сыну) послалъ 1 р.

2. Превеликая была стужа зъ жестокимъ вѣтромъ и метелю и продолжалась цѣлые сутки.

3. За роботу барвы (одежды) служителямъ заплачено кравцю погарскому Гришку 3 р. Пріездилъ мѣщанинъ погарскій Гордѣй Кружило зъ инструкціею о зборщикахъ, что берутъ лишнее, которому зъ владѣнія нашего и сказка дана.

4. Отецъ Михайло Пулчевскій, возвратясь зъ Стародуба, обявилъ, что по дѣлу ихъ никакой резолюціи не показано, такожъ и суворовскій (с. Суворова) прикажчикъ Самойло Семеновъ доносилъ, что и въ ихъ дѣлахъ ничего въ резолюцію не показано-жъ. Роздана служителямъ и служанкамъ барва, въ томъ числѣ Івану, теслѣ, кунтушъ блакитный, каѳанъ мамсовый, римару Яремѣ кунтушъ блакитный, каѳанъ мамсовый и поясъ коломійковый и протчимъ.

5. Прибылъ полевій сторожъ зъ Глухова и привезъ писма отъ г. Скоропадского, отъ г. Якова Марковича зъ Москви и календарь С. П. Бурскій, и отъ старосты товкачовского. Чрезъ тогожъ сторожа писалъ къ Кочержинскому, зъ посилкою писма до Голяки, хоружого сотенного мглинского, до Кудрицкого, зъ посылкою писма до Багинского, о сдѣланіи шила великого до оконъ, на которое и мѣра послана.

6. Привезены свѣчи и нѣкоторые покупки, справленные Ісакомъ Ляшонкомъ зъ Стародуба, а именно свѣчъ 49 позолочованыхъ и зеленыхъ.

7. За оные-жъ покупки послано къ Ляшонку 2 руб., чрезъ Ісака Мигалева, и писалъ къ Кочержинскому о присилки сукень и о протчемъ. Послѣ полдня отехалъ зъ дому къ Курковичамъ за дѣломъ зъ Лавриненками и Ломаками и мимоездомъ былъ въ Борщовѣ, у панеи Григоріевой, а на ночъ прибылъ въ Андрейковичи. Сего числа былъ у мене въ Перегонѣ комисаръ сотенній погарскій Сосновскій.

8. Прибылъ рано въ Курковичи, где былъ у мене священникъ отецъ Симеонъ Тимоновичъ и атаманъ Осипенокъ, зъ козаками, при которыхъ за продерзость бывшій дякъ курковскій Федоръ Карповъ наказанъ. Писалъ къ сотнику полковому Якимовичу о козаку Івану Михайлову сину Осипенку, чтобъ его оставлено при церквѣ курковской отправлять ктитарство и въ походъ нынѣ не наряжать, да до Гришка стелмаха писалъ же о разныхъ дворовыхъ потребахъ. Послѣ обѣда ездилъ въ слободу Ломакину и заставляючихся мелницъ и прочего осматривалъ и уже позно возвратилъся въ Курковичи.

9. Омеляну Чеху даны денги на заплату за станъ колесъ колясочныхъ, которыхъ два стана дѣлать подрядилъся на Ломакиной слободѣ колесникъ Мина Федьченокъ, станъ по 8 гривенъ, да на простіе колеса на 4 станы емужъ дано 1 р. 5 к. У шинкарки курковской Горпины взято денегъ шинковыхъ 2 р., впредъ до порахунку, а преждежъ она отдала Омеляну Чеху 1 р. 80 к., якіе далъ онъ въ задатокъ на драпь. Оной шинкарцѣ выдано по се число горѣлки нашой полтретя стана, а прежде одинъ станъ, взятый у попа курковского. У Омеляна Чеха отобралъ за проданное сѣно денегъ 2 р. 40 к., да онъ же роздалъ сѣна нашего курковскимъ жителямъ въ займи 12 возъ, которое они отдать въ осень будуть должны, и по дню роботать. Зъ Курковичъ послѣ обѣда отехавши, прибылъ завременно до Перегону.

10. Писалъ писма къ полковнику и подполковнику московского драгунского полку о томъ, что безъ бытности моей былъ въ деревняхъ моихъ на экзекуціи квартермистръ ротный Власевъ зъ драгунами (на которыхъ выдано сѣна пять возъ, овса четверть и за 8

шаговъ рибы) за нѣкоторые доимочные деньги, о чемъ отъ подполковника Ангеляра и отвѣтъ полученъ. Отправленъ Грицко въ Глуховъ по Василка.

11. О томъ же писалъ и до полковника стародубовского Максимовича и послалъ тое писмо чрезъ Антона Дона. Чрезъ скляра писалъ до Кудрицкого о Ломакиномъ закладномъ писмѣ чрезъ отправленного вчора до Глухова Грицка. Послалъ дзигарокъ старый срѣбный до направы въ новгородскій монастырь, и майстеру за роботу посланъ 1 р., а ему Грицку даны 30 к. Якову гончару погарскому за постановленіе въ новыхъ будинкахъ печей калузской, да другой зеленой, даны 2 р., а передъ симъ ему жъ за тую жъ роботу даны 2 р.

12. Писалъ въ Курковичи къ тамошнему священнику отцу Семену Тимоновичу о ктитару Івану Осипенку, чтобъ онъ смотрѣлъ строенія церковного, да и Россарію, что подсусѣдку нашему Сушаненку за 2 годы за службу не платить, до Омеляна Чеха—о денгахъ провіантовыхъ доимочныхъ и на меклембурцовъ, о колесахъ простыхъ, чтобъ присилалъ. Въ Лотоки писалъ чрезъ Сковпневого зятя объ немъ къ тестю его Афанасу Сковпню и до Федора Пригаровского о денгахъ за хлѣбъ и о протчемъ, да до рудника Афанаса Гриба въ заводъ п. Корецкого о плуговыхъ желѣзахъ, о полицахъ до лемешовъ и о зробленю треаршинной кухнѣ со всѣмъ и о присилки птушокъ [192]). Росплатка учинена зъ шклярами: новгородскому Семену Леонову за 13 оконъ болшихъ, а малыхъ 3 заплачено 2 р. 96 к. и чвертку жита, а шкляру стародубовскому, въ дворѣ нашемъ мешкаючему Яремѣ, за 5 болшихъ, да за пять меншихъ 1 р. 60 к., а на немъ осталось еще долгу нашого, что онъ долженъ впредъ отробить 70 к. и чвертка жита. Гришку кравцю погарскому за роботу его дана чвертка жита.

13. Посиланъ Косикъ въ Стародубъ за нѣкоторими нуждами, чрезъ которого писалъ и до Кудрицкого о присилки подлинного отъ Ломаки данного писма, и до Стефана Кочержинского о хлопцю Юску и о протчемъ, чрезъ него жъ Косика отосланы гусли п. писару полковому Петрушкевичу.

---

[192]) Т. е. птицъ, разумѣется здѣсь рябчиковъ и тетеревей, которыми, какъ видно, изобиловали тогда за-ипутскіе лѣса.

14. Оный Косикъ возвратилъся и привезъ многіе писма, въ томъ числѣ и отъ полковника Максимовича, сторони присиланной экзекуціи на деревню мою за доимочными денгами; онъ же привезъ дробь и порохъ, фарбованные (подкрашенныя) куници и протчее.

15. Въ Городищѣ, въ новомъ нашомъ будинку, посвятили двѣ избы, прихожую и науголную, къ старимъ будинкамъ стоячіе. Сего жъ числа имѣли исповѣдь передъ отцемъ Михаиломъ Пулчевскимъ, священникомъ городецкимъ, и на службѣ Божой причащались. Посланы въ закладъ до панеи Григоріевой Гамаліиной дукатъ въ 50 червонныхъ и мѣлкихъ 55 червонныхъ же, да 27 тарялей битыхъ, а отъ неи взяли въ позику денегъ 249 рублей, и сіе справовано чрезъ отца Алексія Халкидонского. Чрезъ присланныхъ зъ Лотоковъ людей Василя Маркова принесены провіантовые денги 7 р., а чрезъ Івана Курганского и Івана Куриленка, слобожанъ кургановскихъ, писано до Афанаса Сковпня и до Федора Пригаровского о хлѣбѣ нашомъ, тамъ въ Лотокахъ оставленномъ, и о протчемъ, и отпущены они обратно, а при отпуску дано имъ въ позику 20 к. Павлика Шмигелского женѣ болной дано въ задатокъ за ниву 10 к. и чвертку жита. Василко синъ нашъ пріехалъ изъ Глухова и попривозилъ де которые писма, тако жъ и указъ зъ суда енералного до Івановой Миклашевской, по челобитю жены, о денгахъ 200 руб.

16. Уговорили господаря на Василювцѣ Дмитра Шабалдина зъ женою его, на годъ давать ему платы 5 р. и ему-жъ и женѣ по свитѣ, а начали оны служить сего году на всеедной, то есть февраля зъ средныхъ чиселъ.

17. Паникадилщику Никитѣ Іванову, который дѣлаетъ до шоръ бляхи, дано еще три рубли денегъ, гарнецъ горѣлки, кромѣ того, что передъ симъ дано ему-жъ 2 р. и чвертку житной муки, да у него-жъ принято уже тѣхъ бляхъ и прочихъ штукъ числомъ 116, а въ нихъ вѣсу 15½ фунтовъ. Чрезъ того-жъ паникадилщика писалъ къ Кочержинскому, чтобъ взявши у Карпа котляра мѣди 4 фунта, вручилъ ему да велѣлъ-бы здѣлать до кулбакъ пряжокъ 6 паръ зъ валками, а до уздечокъ столкожъ, такожъ и стрименъ 2 пары болшіе для мене, меншіе для сина Василя.

18. Въ сей Свѣтлаго Воскресенія Господня день обыкновенного набоженства слушали въ церквѣ вознесенской городецкой, а послѣ

службы Божой кушали въ перегонскомъ домѣ; потомъ какъ поехали къ вечернѣ въ Городище, то встрѣтились зъ панеею Григоріевою Гамаліиною и по вечернѣ вечеряли купно зъ ею въ Городищѣ.

19. Слушали обѣдни въ Борщовѣ и тамъ-же у панеи Григоріевой Гамаліиной обѣдали; потомъ возвратились въ Городище и тутъ ночовали. Товкачовскіе подводы прибыли и привезли то сиръ, то масло и денги, а для Александра Корецкого пару лебедей.

20. Пробавили весь день въ Перегонѣ.

21. Сотникъ Соболевскій зъ урядомъ и зъ женою своею, такожъ канцеляристъ Покасъ, и Данило Роговичъ, и Леонтій Сорока зъ женами были у насъ въ Перегонѣ и тутъ кушали и до вечера пробавили.

22. Протопопъ погарскій зъ женою своею у насъ-же былъ послѣ обѣда и до вечера просидѣли.

23. Оный-же протопопъ знову былъ у насъ въ Перегонѣ, протестуючись на сотника погарского Соболевского о показанной ему обидѣ и безчестіи въ церквѣ.

24. Пріездилъ къ намъ въ Перегонъ дозорца гремяцкій Леонтій Максимовичъ за своимъ дѣломъ, что турбуютъ его черпци пустынно-николского кіевского монастыря за грунти въ селѣ ихъ Дѣвочкахъ, имѣючіеся въ полку переяславскомъ, о чемъ отъ нихъ запесена на него челобитная въ судъ енералный.

25. Въ сей день, ради коронаціи ея величества Елисаветы I імператрицы самодержицы всероссійской, совершитись въ Москвѣ имѣючей, были вездѣ, въ томъ числѣ въ Стародубѣ и въ Погарѣ благодарственныя молебствія, при пушечной, где есть артиллерія, палбѣ. Сего-жъ числа прибылъ къ намъ въ Городище зъ Погари генералъ-лейтенантъ и кавалеръ князь Василій Никитичъ Репнинъ зъ княгинею и зъ дѣтми, простуючись до Глухова, и ночовалъ въ домѣ нашемъ; а вечеромъ къ намъ-же пріехалъ и Александръ Корецкій зъ женою и ночовалъ у насъ въ Перегонѣ.

26. Оный г. генералъ рано, а Корецкій послѣ обѣда отъехали. Кравецъ Динисъ приездилъ зъ Стародуба и взялъ шить епанчу зимную Василковѣ, которому на потребы и за роботу дано 40 к.

27. Столяру Никитѣ, который дѣлаетъ окна до нового городецкого будинку, дано 1 р. 50 к. впредъ до щоту, що ему за роботу доведется.

28. Прислалъ Александръ Корецкій писмо, поручаючи мнѣ и о своей части, въ добрахъ Рубановскихъ спадаючой, дѣйствовать по моему разсмотренію [193]). Получилъ писма отъ судіи полкового чернѣговского Тимофія Сенюты и отъ архимандрита троецкого чернѣговского отца Іраклія Комаровского о томъ, что еще въ прошломъ 1741 году, въ юлѣ мѣсяцѣ, состоялась архіерейская резолюція состроить намъ при церквѣ крестовоздвиженской городецкой придѣлъ во імя святого Іоанна Богослова, противъ которыхъ писемъ отписалъ къ судіи Сенютѣ, а до писара полкового стародубовского Петрункевича писалъ стороны Іванихи Миклащевской, и стихотвореніе Данилевского послано.

29. Цегелнику новгородскому Тарасу Юденку еще дано въ заработокъ 50 к. Отецъ протопопъ погарскій былъ у мене и стороны придѣла во имя св. Іоанна Богослова учинилъ зъ нимъ постановленіе, когда оный надобно будетъ закладать.

30. Отправлены предъ симъ возки къ Новгородку зъ кухаремъ и Косикомъ.

Маій.

1. Старостѣ погарскому Федору Алексіеву, въ зачотъ службы его, дано рубли два денегъ. Сего числа по литургіи въ церкви городецкой отправованъ молебень благодарственный о коронаціи ея імператорского величества Елисаветы Петровны, самодержицы всероссійской, отправованной прошлого априля 25 дня въ Москвѣ; на которомъ молебствіи присутствовали священники отецъ Алексій Халкидоцкій, отецъ Михайло Пулчевскій и отецъ Григорій Костантіевъ, и я, и атаманъ городецкій зъ козаками и посполитими. Сего-жъ числа о полдни выехалъ я зъ Перегону къ Глухову и прибылъ смеркомъ до Новгородка, а по дорогѣ за Гримячимъ попалъся намъ кухаръ Яковъ Варшаковскій.

2. Въ монастырѣ новгородскомъ обѣдни и молебня благодарственного о коронаціи слушали, потомъ были въ келіи намѣстника Авксентія и отъехавъ отъ монастыря, встрѣтились о 3 версти отъ Новгородка зъ полковникомъ гадяцкимъ Петромъ Галецкимъ [194]),

---

[193]) См. примѣч. 104.

[194]) См. примѣч. 25.

зъ которымъ и возвратились паки до Новгородка, и у него обѣдали, а потомъ, пожегнавшись, отехали въ путь свой къ Пироговки и тутъ переправившись чрезъ Десну, заездили на пороховой заводъ (шостенскій) и прибыли позно въ монастырь гамаліевскій, где и ночовали.

3. Рано зъ Гамаліевки віехавши, попасали въ Собичевѣ, а одтоль прибыли до Глухова по полднѣ, откуду и одправленъ въ домъ Грицко зъ пятма копми. Былъ у г. Скоропадского и тамъ видѣлъся зъ асауломъ Валкевичемъ и бунчучнымъ Оболопскимъ енералными.

4. Писалъ писма въ Москву къ полковнику лубенскому г. Апостолу, къ Якову Марковичу, къ судіи полковому миргородскому Федору Остроградскому и къ Федору Корецкому и отправилъ опые чрезъ асаула полку лубенского Прійму. Да писалъ въ домъ, къ женѣ, о присилки Івана теслѣ въ Глуховъ и послалъ чрезъ писара дворового гримяцкого. Рано былъ у полковника Тютчева и у асаула енералного Якубовича, а въ вечерѣ у Скоропадского. Отъ войта нѣжинского Стеріевича присланъ бочонокъ вина.

5. Зранку ездилъ въ канцелярію енералную и тамъ видѣлъся зъ судею Лисенкомъ и писаремъ Безбородкомъ енералными; потомъ обѣдалъ у асаула енералного Якубовича зъ Федоромъ Чуйкевичемъ, где между обѣдомъ прибыла и жена писара суда енералного Івана Піковця, Елена Лизогубовна. Въ вечеру былъ у брегадира Івана Кондратовича Ілина, потомъ у коллежского совѣтника Постникова и уже позно въ ночь пріехалъ въ домъ.

6. Былъ въ енералной канцеляріи и коммисіи своду [185]). Обѣдалъ у Скоропадского и зъ пами Валкевичъ, Федоръ Чуйкевичъ и сотникъ волинскій Максимовичъ. На вечерѣ былъ у мене бунчучный енералный Оболонскій и при немъ прибывшій въ Глуховъ отецъ Петръ Кибалчичъ, протопопъ погарскій, былъ у мене.

7. Въ коммисіи свода чрезъ нѣсколко часовъ присутствовалъ, а потомъ, прибывъ въ домъ, писалъ писма: въ Козелецъ до п. дядка Федора Ханенка, до отца брата и до асаула полкового Шума, въ Нѣжинъ до коменданта Пущина о сукенку, чтобъ купилъ 13 локотъ,

[185]) Объ этой коммисіи см. книгу А. Ф. Кистяковскаго: «Права, по которымъ судился малороссійскій народъ», стр. 8 и слѣд.

до отца Ольховского, протопопы нѣжинского о шафѣ, а до старосты товкачовского о той-же шафѣ, чтобъ отобравши, прислалъ сюда на подводахъ, да и о тесляхъ и протчемъ, съ сообщеніемъ купчой на футоръ артополотскій. Якіе писма отправилъ чрезъ племѣнника Іосифа, которому и на дорогу даны 58 к. Василко сынъ отехалъ въ Дунаецъ.

8. По обѣднѣ, слушанной въ церквѣ веригинской, былъ у генерала-лейтенанта князя Василія Никитича Репнина и позабавилъся у него болѣе двохъ часовъ, а послѣ обѣда былъ у асаула енералного Якубовича, у которого и книжку, уставомъ писанную, да тетрадь о походахъ государя Петра Великого імператора и самодержца всероссійского взялъ; потомъ у енералнихъ писара Безбородка и бунчучного Оболонского былъ-же.

9. Обѣднѣ слушали въ церквѣ святого Николая, а потомъ были у священника той церкви Шолупины на водкѣ; я обѣдалъ у бунчучного и даже до вечера забавлялись въ карты. Послѣ былъ у обозного енералного г. Лизогуба. Сотникъ погарскій Соболевскій взятъ подъ арестъ въ мѣнистерскую канцелярію, а протопопъ погарскій-же выпущенъ на квартеру подъ карауломъ.

10. Писалъ писма въ домъ къ женѣ и къ старостѣ перегонскому, да къ сотнику мглинскому Лисаневичу, отъ которого присланы 5 паръ оробковъ. Сего числа асаулъ енералный Якубовичъ отехалъ зъ Глухова.

11. Посланъ компанѣецъ надворной корогвы зъ писмомъ моимъ до сотника красноколядинского Петра Максимовича за Прокопомъ Дмитровымъ синомъ, тамъ удержаннымъ, и копемъ строкатымъ. Служителю г. Скоропадского Петру даны чотыри рубли денегъ, которые занималъ на наши потребы Романъ Гапоновъ.

12. Зрана были въ домѣ писара енералного, который и осятриною свѣжою обослалъ мене, а обѣдалъ я у г. Скоропадского.

13. Были у мене на квартерѣ отецъ игуменъ петро-павловскій глуховскій отецъ Варнава Старжицкій и протопопъ кролевецкій Калиновскій. Ломаки отправились, чрезъ которыхъ и до жены я писалъ о дачи имъ денегъ 250 р.

16. Въ коммисіи своду сидѣли до 12 часа полуденного; обѣдалъ въ домѣ, куда по обѣдѣ приходилъ протопопъ Кибалчичъ зъ капраломъ караулнымъ. Інформаторъ пріездилъ зъ Дунайца [186]).

15. Отправлены писма въ Новгородокъ: 1-е до сотника, стороны дранѣ и дзигарка, 2-е до жены о домовыхъ потребахъ и о Івану теслѣ, который сего-жъ дня сюда прибылъ и попривозилъ де якое бѣлое плате; а чрезъ подводчика знову писалъ до жены о разныхъ домашныхъ пуждахъ и меморіалъ посланъ, да до Каврайского писано о присылки кулбакъ и байбарака Іосифового. Івану теслѣ на дорогу дано 50 к.

16. По обѣднѣ, рано слушанной въ церквѣ святои Варвары, былъ съ протчими первей у бригадира Ілина, потомъ у генерала князя Репнина; одтоль прибывъ въ квартеру, обѣдалъ у мене коллежскій совѣтникъ Афанасій Григоріевичъ Постелниковъ. Послѣ обѣда проезджалъся зъ попомъ Алексіемъ въ борокъ (лѣсокъ), а одтоль заездилъ къ писару суда енералного Пиковцю, где и Безобразова зъ женою засталъ, а оттуду заездилъ къ доктору Боку и взялъ 12 прошковъ; началъ оные принимать.

17. Сей весь день не выходилъ зъ двора, за употребленіемъ прошковъ, и рано вѣзитовали мене Огроновичъ и сотникъ березанскій Василій Думитрашко-Райча, по обѣдѣ писаръ полку лубенского Столповскій и Федоръ Чуйкевичъ. Передъ вечеромъ возвратилъся зъ Козелца племѣнникъ Іосифъ и привезъ писма отъ дядка, брата и протчихъ.

18. Привезенъ дзигарокъ старый зъ Новгородка. Былъ у мене полковника кіевского синъ Михайло Танскій, такожъ Романъ и Яковъ и откупщикъ стародубовскій Гаврило Яковенко. Принималъ я лекарство проносное.

19. Писано въ домъ чрезъ сина Наумового Евдокименкового и послано цукру голову, паперъ и сургучъ. Докторъ былъ, пущалъ мнѣ кровь зранку, и весь день промедлѣлъ я въ домѣ, не выходя никуда. Вечеромъ посѣщалъ мене п. Скоропадскій.

---

[186]) Воспитатель или гувернеръ дѣтей Мих. Вас. Скоропадскаго, съ которыми вмѣстѣ воспитывался и старшій сынъ автора дневника—Василій. См. ниже подъ числомъ 21-мъ.

20. Рано былъ у мене п. Думитрашко, сотникъ березанскій, а по обѣдѣ проезжалъся я въ поле, потомъ былъ у г. Скоропадского и у Валкевича; одтоль-же прибывъ въ домъ, вскорѣ потомъ пріехалъ ко мнѣ п. писаръ енералный Безбородко зъ судіею чернѣговскимъ Сенютою и уже позно отехали. Прибыли сего-жъ дня теслѣ и сторожъ нанятый зъ Товкачовки, изъ которыхъ послалъ двохъ зъ Романомъ за деревомъ до Кочергъ.

21. Послѣ лекарствъ первый разъ виехалъ зъ дому до комисіи и тамъ просидѣлъ до 12 часа; какъ прибылъ въ дворъ, то и Василка (сына) тутъ засталъ. Інформатору Юнкгансу за науку сина моего Василя прошлого 1741 году съ априля мѣсяца надлѣжащой плати часть, а именно 10 р. даны и за кулбаку, Василковѣ купленную, нѣмецкую заплатилъ 3 р. 50 к. інформатору-жъ, а послѣ поруччицѣ отдано 8 р. Писалъ къ женѣ чрезъ Іосифа и отправлены 2 конѣ въ домъ чрезъ него-жъ, кучерявый, строкатый и панюшка, а Грицка Дмитренка при себѣ удержалъ.

22. Взята спаляя (карета) наша дорожная для дѣтей г. Скоропадского, имѣючихся ехать до Хомутця, и велѣлъ оную вручить кому извѣстному. У Мандзенка златоглаву, до кунтуша зеленого на лиштвы, взяли поллоктя за 2 рубли. Пріехалъ въ Глуховъ генералъ-лейтенантъ Андрей Петровичъ Дебрини и сталъ квартерою въ домѣ Якова Марковича, въ городѣ. Писма зъ Козелця везенные пропали.

23. Послѣ обѣдень, слушанныхъ въ городѣ, обѣдалъ я купно зъ писаремъ енералнымъ Безбородкомъ у генерала-лейтенанта и кавалера князя Василія Никитича Репнина, и сего-жъ дня опять привезена коляска наша зъ Дунайця зъ Василкомъ, который и все свое попривозилъ.

24. Ради именинъ сина полковника Тютчева, обѣдали у него оба вышепоказанные генерали, брегадиръ Іліинъ и другіе зъ велико и малороссійскихъ персонъ и до вечера просидѣли, а оттоль пріехавъ въ домъ Скоропадского, имѣли зъ Валкевичемъ разговоръ сторони Рубановки.

25. Весь день въ домѣ ради вчорашнего шумства (пьянства) пролежалъ, нигде не бувалъ, толко надвечери проезджалъся въ поле.

26. Послѣ обѣда былъ въ коммиссіи; потомъ кушали у мене Федоръ Чуйкевичъ и Стефанъ Савицкій; по обѣдѣ-же былъ у мене-жъ секретарь министерской канцеляріи Василь Маркеллович Леонтіевъ.

27. Въ сей день Вознесенія Господня слушали обѣдни въ церкви св. Варвари, потомъ были у генераловъ Дебрини и Репнина; по обѣдѣ ездилъ я къ футору винадиному осматривать заводячихъся отъ нихъ для кошеня намъ сѣножатей.

28. Генералъ Дебрини отехалъ зъ Глухова; я былъ зрана въ коммиссіи, а по обѣдѣ оной коммиссіи дѣла перенесены въ домъ покойного Івана Мануйловича [197]).

29. Звано мене на свадбу въ домъ бывшой сотниковой Уманцовой, которая выдаетъ дочь свою за писаря полкового прилуцкого Івана Александровича. Сего числа началъ учить Василка по французку новый інформаторъ.

30. Пріехалъ зъ Городища Іосифъ и привезъ 30 р. денегъ и другое де-що. Я послѣ обѣда ездилъ до Сваркова, стороны маляра Петра Свѣдерского.

31. Тотъ-же маляръ былъ у мене и обѣщалъ отробить 7 р., должные отъ него отцу Алексію Хелкидонскому.

Мѣсяцъ Іюнь.

1. Посланъ въ домъ Іосифъ, чрезъ которого и писма къ женѣ и до Каврайского отправлены. Новому інформатору данъ 1 р. Косикъ бѣжалъ.

2. Ради тезоименитства ігумена петропавловского глуховского Никифора Грибовского обѣдали у него коммиссіанты, въ томъ числѣ и я, и до вечера гуляли. Тамъ-же видѣлся зъ сотникомъ полко-

---

[197]) Иванъ Мануйловичъ—человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, занималъ въ первой половинѣ XVIII в. видное мѣсто въ ряду войсковой старшины. Вывелъ Мануйловича въ люди его вотчимъ—Василій Ялоцкій, бывшій въ началѣ XVIII в. глуховскимъ сотникомъ, который, умирая, имѣнія свои (Бачевскъ, Семеновку и Степановку) передалъ пасынку. Послѣдній женился на дочери Алексѣя Турянскаго, который изъ глуховскихъ сотниковъ, послѣ измѣны Мазепы, поставленъ былъ генеральнымъ судьею. Съ помощью тестя Мануйловичъ въ 1714 г. сталъ глуховскимъ сотникомъ; потомъ въ 1727 г. назначенъ отъ Румянцева однимъ изъ трехъ «правителей генеральной канцеляріи», а когда, съ назначеніемъ Апостола въ гетманы, эта должность была упразднена, Мануйловичъ въ 1729 г. былъ сдѣланъ генераль-

вымъ прилуцкимъ Стефаномъ Лукомскимъ и протопопомъ тамошнимъ Богдановичемъ и, о чемъ надлежало, имѣлъ разговоръ. Куплено для сина Василка сукна василкового 4 локтѣ безъ чвертки за 4 руб. 65 к.

3. Весь день пробавилъ въ домѣ, ради вчорашнего шумства, и посѣщали мене сотникъ березанскій Думитрашко и Федоръ Чуйкевичъ. Отданы маляру Свѣдерскому два столы для маліованя и на фарбу 15 к.

4. Былъ въ коммиссіи свода и въ суду енералномъ по дѣлу Соколовского, тако-жъ и въ енералной канцеляріи. Припроважено компанѣйцями сотника яготинского Филипа Купчинского, которій поехалъ былъ къ Москвѣ мимо-вѣдомо канцеляріи енералной [108]). Кухару Якову Варшаковскому на рубашокъ 2 пары дано 44 коп. Ему-жъ да и Грицку Дмитренку даны черкески изъ парусного полотна.

5. Коло вечерень пріехала жена въ Глуховъ зъ дочерю Настусею. На всенощной были въ церквѣ святого Василія.

6. Передъ службами ездили съ поздравленіемъ праздника Пентекостіи (Пятидесятницы) къ генералу лейтнанту и кавалеру князю Репнину, а обѣдни слушали и вечернѣ зъ коленопреклоненіемъ въ церквѣ святого Николая, а потомъ обѣдъ кушали, зъ сотниками козелецкими—Алексіемъ Подвисоцкимъ и Василіемъ Думитрашкою Райчею березанскимъ, въ домѣ.

7. Сегодня обѣдъ кушали у генерала князя Репнина и послѣ обѣда долго забавлялись у его-жъ генералской квартерѣ, где и жиди металники разные свои фидлѣ показивали.

нымъ есауломъ и оставался на этомъ урядѣ до смерти въ 1740 г. Послѣ него осталась одна дочь, бывшая замужемъ за бунч. тов. Иваномъ Пироцкимъ, который продолжалъ начатый еще при жизни тестя процессъ за имѣнія съ генер. бунчучнымъ Демьяномъ Оболонскимъ, роднымъ племянникомъ Мануйловича (по сестрѣ Настасьѣ, жены сосницкаго сотника Василія Оболонскаго). Пользуясь милостями императрицы Елисаветы (см. Марк., II, 217, 230), Оболонскій процессъ выигралъ и отобралъ отъ Пироцкаго большую часть имѣній Мануйловича. Имѣнія эти впослѣдствіи перешли къ Красовскимъ.

[108]) Купчинскій ѣздилъ въ Москву съ доносомъ на Безбородка. См. Русскій Архивъ 1875 г., I, 313.

8. Писалъ въ домъ къ старостѣ перегонскому и къ Каврайскому, чтобъ отправили въ Товкачовку 11 куфъ горѣлки, и о протчемъ коло исправленія въ господарствѣ, и посланъ на пропускъ тоей-же горѣлки пашпортъ. Обѣдали у мене зъ женами маіоръ Полянскій, секретарь Леонтіевъ, канцеляристъ Покасъ, а надвечери былъ у мене-жъ и совѣтникъ Безобразовъ зъ женою, долго пробавили у насъ.

9. Былъ зрана въ коммиссіи и обѣдалъ въ домѣ. Гончару новгородскому, которій дѣлалъ пѣчи до будинку нашого городиского, дано 3 р., а прежде ему-жъ дано 4 р.

10. Писано въ домъ къ старостѣ и Каврайскому стороны Кизенка и Синицѣ и о другихъ господарскихъ дѣлахъ, и отправлено оное писмо чрезъ человѣка перегонского.

11. Писалъ писма въ Москву къ секретарю Новоторжцову, къ Петру Ласкевичу и къ судіи полковому миргородскому Федору Остроградскому о своемъ дѣлѣ, имѣючомся въ сенатѣ, о деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ. Ради тезоименитства отца Варпавы Старжицкого, соборного погарского, обѣдали у него и долго забавлялись; потомъ вечеромъ были у г. Скоропадского.

12. Чрезъ сотника старого козелецкого Алексія Подвысоцкого писалъ до полковника лубенского г. Апостола, а къ нему-жъ писанные въ маи мѣсяци писма, тако-жъ къ швагру Івану Гамалїи и къ Федору Корецкому о покупкѣ на нашу потребу цѣни (цинковыхъ) талѣрокъ 3 тузнѣ, полумисковъ 2 тузнѣ, въ томъ числѣ было-бъ посуди новомодной зъ кришками штукъ 6, ложокъ циновыхъ малыхъ тузней 2, болшихъ ложокъ 2, Василковѣ чулокъ бѣлыхъ нитныхъ и пестрыхъ по двѣ пары, да и писма къ секретару Новоторжцову и Ласкевичу, включенные въ одинъ пакетъ, вручены канцеляристу войсковому Стефану Бѣлоцерковцю, отправляючомуся къ Москвѣ. Синъ покойного Андрея Ханенка, а мой племѣнникъ Михайло Ханенко присланъ при писмѣ отъ п. Федора Чуйкевича.

13. Обѣдали у мене гг. подскарбій Скоропадскій и Валкевичъ асаулъ енералные, да изъ коммиссіантовъ нашихъ п.п. Семенъ Чуйкевичъ, Стефанъ Савицкій и Семенъ Столповскій, такожъ сотникъ березанскій Думитрашко.

14. Куплено сукно для жены у Мандзенка за 9 р. 60 к. и заплачено. Надвечери были у насъ судія енералный г. Лисенко зъ

своею женою и жена бунчучного Оболонского. Хлопецъ Іванъ перехристъ отосланъ, а Данило городискій пришолъ къ намъ.

15. Послѣ полдня отехала жена къ Товкачовцѣ, которую провожалъ я зъ синомъ Василемъ къ Слѣпороду; а потомъ заездилъ въ квартеру г. Якубовича, асаула енералного и былъ у асаула енералного-жъ г. Валкевича, где и зъ графомъ Мойсеемъ Івановичемъ Владиславичемъ и зъ Іваномъ Бороздною видѣлъся.

16. Поутру рано ездили къ генералу князю Репнину, который, при пожегнанюся зъ всѣми тамо бывшими, отехалъ поутру-жъ въ путь свой на коммиссію розграниченя зъ турками быть имѣючого. Послѣ обѣда ездили зъ г. Скоропадскимъ до графа Мойсея Івановича, где съ нимъ и зъ графинею, братовою Анною Борозновною, при нашемъ посиденю, перве пріехалъ полковникъ Тютчевъ, потомъ бунчучный Оболонскій и полковникъ стародубовскій Максимовичъ, и уже надвечери оттоль пріехали.

17. Поутру былъ у мене Павелъ Ивановъ сынъ Миклашевскій и говорили зъ нимъ о долгу 200 руб., отъ него женѣ моей належномъ, который потомъ далъ на имя жены моей и облѣкгъ на тіе денги, до первого сентября сего году. Двигармистру, въ домѣ г. Якубовича мешкаючому, далъ до исправленя часы мои серебряные карманные зъ портретомъ, а вчора взялъ другіе часы серебряные жъ ко исправленю чернецъ Меркурій.

18 Часы зъ портретомъ отобраны и дано за исправленіе 40 к. Писано писмо къ старостѣ перегонскому и Каврайскому о смотрѣніи дому, господарства и протчего.

19. Писалъ въ Москву до п. Ласкевича о дѣлѣ моемъ и включилъ писмо отъ Барановского, канцеляристи войскового, до отчима его, сотника козелецкого, Алексія Подвисоцкого. Писано жъ писмо до старости товкачовского Поленского, чтобъ онъ выслалъ зъ Товкачовки въ Григоровку 25 человѣкъ работныхъ, когда востребуетъ тамошный господаръ, зъ запасомъ на мѣсяцъ.

20. За роботу и прикладъ къ мундіру, сину Василевѣ Максимомъ кравцомъ дѣланному, дано 6 р., а еще за сукна василкового 3¾ локтя надлежитъ Мандзенку 4 р. 50 к. По обѣдни, слушанной въ церкви святой Анастасіи, заходили до попадѣ покойного отца Мойсея Богаевского, капеляна войскового жены, а оттоль къ писару енералному и къ бунчучному; потомъ я обѣдалъ зъ попомъ Алек-

сіемъ Халкидонскимъ у подскарбія енералного г. Скоропадского, а надвечери былъ у мене п. Іванъ Новицкій, товаришъ бунчуковый.

21. Зъ вчерашнего противъ сего числа, бѣжалъ сотникъ яготинскій Филипъ Купчинскій изъ своей квартери, невѣдомо куда. Пришолъ указъ изъ Сената въ войсковую енералную канцелярію о бытіи главнымъ коммендіромъ надъ міністерскою и енералною канцеляріями генералу лейтнанту Бибикову. Въ вечерѣ былъ у мене полковникъ стародубовскій г. Максимовичъ и долго въ ночъ просидѣлъ.

22. Рано былъ я у полковника стародубовского и зъ нимъ простился, а послѣ обѣда, коло вечерень, отехалъ зъ Глухова попъ Алексій Халкидонскій, которому въ росплату даны 4 р. 80 к. и чрезъ него жъ послано писмо до п. Андрея Миклашевского о брусѣ, дранѣ и 20 р. должныхъ. Писаны писма въ Товкачовку до старости и къ нему жъ для отсилки отправлены въ Золотоношу до сотниковъ тамошнего и крапивянского да значкового Леонтія Петровича и отъ Каврайского; въ Луку до тамошнего священника отца Федора и до старости лучанского жъ стороны сожженного двора Гаврилового, до п. Александра Саковича о Івану Григоровичу, и о купленю коней цуga, и до жены въ Товкачовку.

23. Оные писма отданы въ енералной канцеляріи канцеляристу Андрію Гуленку для отсилки оныхъ въ Прилуку, а одтоль въ Товкачовку. Писалъ до Алексія Подвисоцкого противъ его писма, зъ-подъ Карачева писанного, да до атамана погарского Бѣляя о Косику и до старости погарского о домашныхъ дѣлахъ, чрезъ Самойла, поповича суворовского. Пріехалъ зъ Москви сотникъ Іванъ Тодорскій.

24. Чрезъ оного жъ Тодорскаго получилъ и я писма отъ полковника лубенского и судіи міргородского Остроградского. Писма къ Подвисоцкому, къ Москвѣ, вручилъ для пересылки Богдановичу. Писалъ къ Каврайскому о домашнихъ дѣлахъ, и до атамана погарского стороны побою, учиненного Синицѣ отъ куровского жителя Бондаренка и стороны слѣдствія о Косику. Въ вечеру прибылъ нечаянно генералъ лейтнантъ Іванъ Івановичъ Бибіковъ, опредѣленный на правленіе въ Малой Россіи.

25. Компанѣйцю, посланному зъ указомъ до Івановой Миклашевской и до сина ея Павла, по челобитю жены моей о 200 р.,

данъ за сездъ 1 р. Рано у генерала Бибикова всѣ мы и великороссійскіе персоны были зъ поздравленіемъ прибытія его сюда.

26. Будучи званны къ г. генералу Бибикову, кушали у него обѣдъ, потомъ былъ я у г. Скоропадского. Вечеромъ прибылъ п. Іванъ Гамалѣя и ночовалъ въ моемъ домѣ.

27. Рано поздравляли генерала полтавскою викторіею. Службы Божой и молебствія въ церкви святой Варвары слушали; потомъ были у подскарбія Ушакова, тоже у генерала, и я ради п. Гамаліи отехалъ обѣдать въ домъ, где при окончаніи обѣда прибыла и жена зъ Товкачовки, а п. Гамалѣя отехалъ.

28. Отпущены теслѣ товкачовскіе въ Товкачовку и при выхъ Данило городискій, чрезъ которыхъ писалъ до старости товкачовского о домашныхъ дѣлахъ, и посланы желѣза до плуга, лемѣшъ и чересло. Писалъ въ отвѣтъ до асаула енералного п. Якубовича, сторони сѣножатій Вындиныхъ и о протчемъ. Отданы денги Роману Янченку за полотно швабское 12 р., да судіи енералному г. Лисенку за дворъ осталные 10 руб., изъ привевенныхъ женою зъ Товкачовки.

29. Послѣ службы Божой и молебствія, бывшого зъ пушечною палбою изъ 21 штуки, былъ банкетъ у генерала Бибикова, на которомъ были генералъ маіоръ Кезерлинъ зъ женою и другіе великороссійскіе и малороссійскіе господа; и при столѣ пушечная палба продолжалась долго и многіе здѣлались шумны.

30. Весь день съ похмеля пробавлялъся въ домѣ и въ коммиссіи не былъ.

Юль.

1. Былъ въ коммиссіи, где и доношеніе сочинили объ отпускѣ на канѣкулярные дни въ домы.

2. Едучи, по именному указу зъ Кіева, превелебный отецъ Симонъ Тодорскій къ Москвѣ, за прибытіемъ своимъ въ Глухова, былъ перве въ коммиссіи нашей, потомъ и въ домѣ моемъ, и сего жъ числа зъ дому моего отехалъ въ путь свой.

3. Писару суда енералного Івану Пиковцю родилась дочь Марфа.

4. Оное доношеніе отъ коммиссіи нашей подано генералу чрезъ ігумена петропавловскаго Никифора Грибовского. Сегожъ числа кушали генералъ съ протчими гг. великороссійскими и малорос-

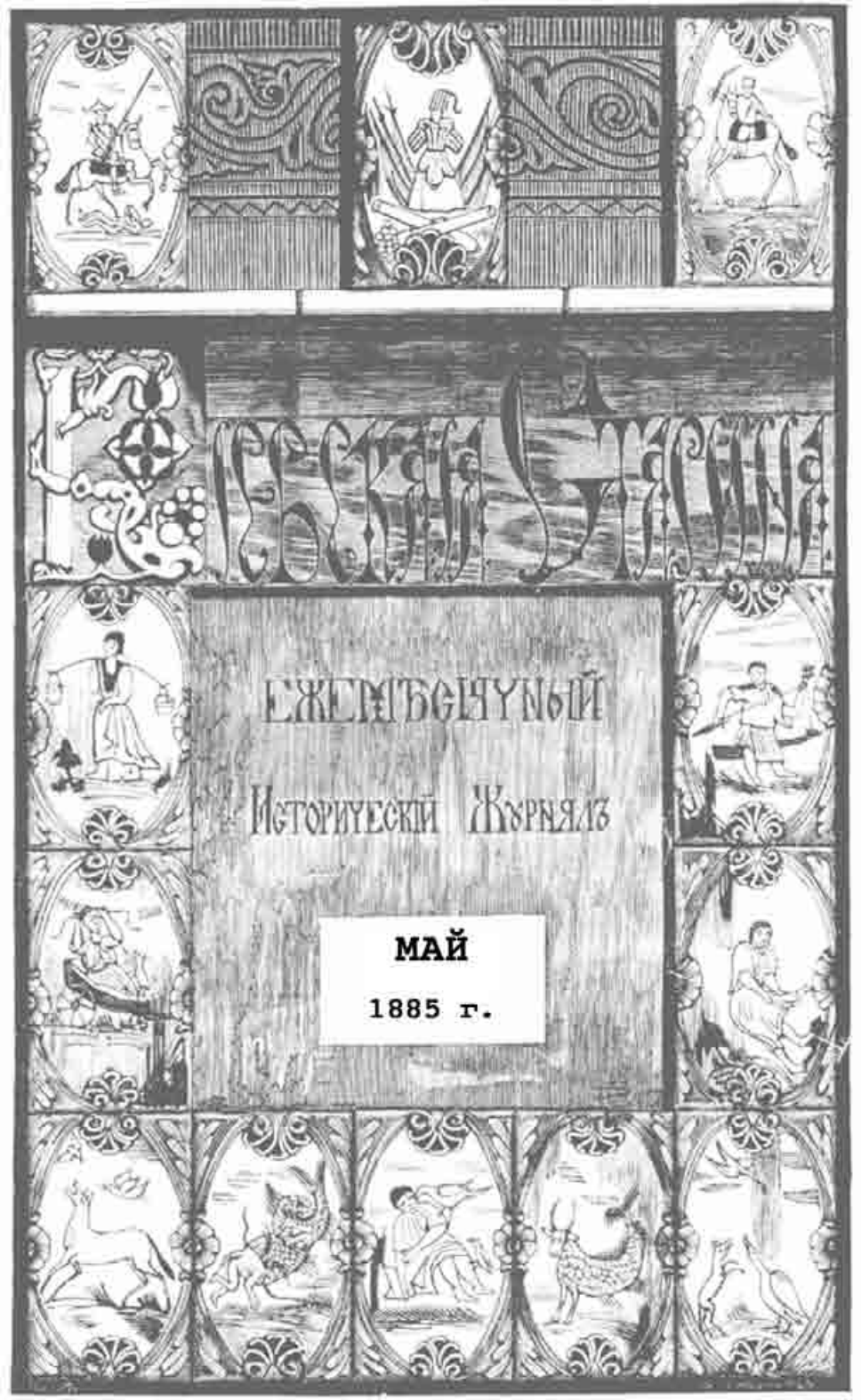
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
МАЙ
1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Май, 1885 годъ.

стр.

I. ПАМЯТИ Н. И. КОСТОМАРОВА: I) Краткій очеркъ жизни и дѣятельности Н. И. Костомарова.—II) Библіографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова.—*Ѳ. Д. Николайчика.*—III) Н. И. Костомаровъ, какъ историкъ.—*В. Б. Антоновича.*—IV) Н. И. Костомаровъ, какъ этнографъ.—*В. Науменка* . . . . . I—XLIII

II. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. **А. Лазаревскаго.** 1

III. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 21

IV. ПОЛЬСКО-РУССКІЯ СООТНОШЕНІЯ XVII В. ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ПРИЗМѢ. (По поводу повѣсти Г. Сенькевича «Огнемъ и мечемъ). **В. Антоновича** 44

V. «ПРОРОКЪ»—МНОГОВѢРЪ И СУДЪ НАДЪ НИМЪ ВЪ КІЕВѢ. (1825—1833 гг.). **Ор. Левицкаго** 79

VI. НА ПАМЯТЬ ТЫСЯЧЕЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ СЛАВЯНСКИХЪ ПРОСВѢТИТЕЛЕЙ. Проф. **Ѳ. Успенскаго** 107

VII. ПРОЭКТЪ УПОРЯДОЧЕНІЯ ДѢЛЪ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЛИТОВСКИХЪ ПРОВИНЦІЯХЪ 127

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Историческіе матеріалы изъ архива кіевск. губ. правленія. Вып. 8-й. Сост. Ал. Андріевскимъ. Кіевъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—б) Н. Ѳ. Сумцовъ. Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Харьковъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—в) Ѳеодосія. Историческій очеркъ. Составилъ В. К. Виноградовъ. Ѳеодосія 1884 г.—*И. Каманина.*—г) Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи, выпускъ IV (дополненіе). Составилъ Н. Константиновъ. Черниговъ. 1885 г.—*Дмитрія Багалѣя* 12

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Чума въ сѣверной части херсонской губерніи 1813 года.—*Н. И.*—б) Раскопки у трехсвятительской церкви въ г. Кіевѣ.—*В. Антоновича.*—в) Запорожская пещера надъ Днѣпромъ.—*Д. И. Эварницкаго.*—г) «Памятковый прочуханъ» или примѣненіе писаннаго закона въ сферѣ обычнаго права.—*В. Василенка.*—д) Одна изъ народныхъ примѣтъ погоды.—*О.*—е) Изъ исторіи развитія канцелярской переписки въ Малороссіи.—*С—ка.*—ж) Южнорусскіе священники, отыскивающіе права дворянства.—*Аполлинарія Зальесскаго.*—з) Образчикъ старинной малорусской эпитафіи.—Сообщ. *А. Лазаревскій* 153

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XII.

МАЙ.

1885 г.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
(„БУКИНИСТЪ")
К. К. СИМИНСКАГО
ВЪ Г. КІЕВѢ
Братск. монастырь лав. 7.
ПОКУПАЕТЪ и ПРОДАЕТЪ
старинныя, подержанныя
и учебныя книги.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го апрѣля 1885 года.

ПАМЯТИ Н. И. КОСТОМАРОВА.

Русская наука, русское общество, исторія русская вообще и въ особенности южно-русская понесли тяжелую невознаградимую потерю. Даровитѣйшаго писателя, многоплоднѣйшаго дѣятеля науки, популярнѣйшаго историка-художника не стало. 7-го апрѣля въ семь часовъ утра прекратилась жизнь дорогаго и всѣмъ извѣстнаго Николая Ивановича Костомарова.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ понесенной утраты, для всѣхъ равно чувствительной, не можемъ и мы не посвятить свѣтлой памяти славнаго историка особыхъ страницъ, не можемъ не удѣлить особаго мѣста въ нашемъ изданіи для того, кто дарилъ оное своимъ теплымъ сочувствіемъ и по временамъ принималъ въ немъ участіе. Въ задачахъ нашего изданія столько близости и внутренняго родства съ многолѣтнею и разностороннею научною дѣятельностію нашего несравненнаго историка, что намъ долго и много разъ придется возвращаться къ воспоминаніямъ о его личности, къ изслѣдованію и оцѣнкѣ его научныхъ трудовъ. На этотъ разъ мы ограничимся передачею главнѣйшихъ фактовъ его жизни, полной тревогъ и заботъ, и перечнемъ его многочисленныхъ научныхъ работъ, присовокупивъ и тѣ теплыя воспоминанія, которыми почтило его въ своемъ экстренномъ собраніи кіевское историческое общество преп. Нестора Лѣтописца.

I.

Краткій біографическій очеркъ Н. И. Костомарова.

Родъ умершаго историка нашего принадлежитъ, по его словамъ, къ числу весьма древнихъ, хотя ничѣмъ не заявилъ себя въ исторіи. На южно-русское происхожденіе этого рода указываетъ самое его названіе, которое не могло сложиться въ сферѣ сѣверно-русскаго нарѣчія. Въ тѣ отдаленныя времена, когда, не смотря на полное отдѣленіе московской Руси отъ литовской, свобода передвиженія давала возможность поселенцамъ Юга переходить на Сѣверъ, а внѣшнее положеніе той или другой страны и личныя обстоятельства переселяющихся представляли для того настоятельную необходимость, одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ предковъ Н. И. Костомарова находился въ предѣлахъ московскаго государства, но извѣстенъ лишь тѣмъ, что былъ въ числѣ бѣжавшихъ оттуда, въ правленіе Ивана Грознаго, на Волынь къ князю Андрею Курбскому. Въ эпоху кровавыхъ козацкихъ войнъ, въ ту злосчастную пору, когда разбитые поляками предводители козаковъ Острянинъ и Гуня принуждены были спасаться бѣгствомъ въ предѣлы московскаго государства, родъ Костомаровыхъ переходитъ туда въ массѣ козачества, переселявшагося на незаселенныя степи по теченію Дона и Хопра, переживаетъ всѣ произведенныя въ немъ перемѣны и въ концѣ прошлаго, или началѣ нынѣшняго столѣтія является въ сословіи дворянъ-помѣщиковъ, что указываетъ на принадлежность этого рода въ прежнее время къ козачей старшинѣ.

Отецъ историка былъ помѣщикомъ сл. Юрасовки, воронежской губерніи, острогожскаго уѣзда, гдѣ и родился Николай Ивановичъ въ 1817 году. На 10-мъ году отъ рожденія, онъ отданъ былъ въ одинъ частный московскій пансіонъ, конечно, послѣ предварительной домашней подготовки. Вскорѣ отецъ былъ убитъ доведенными имъ до ожесточенія крестьянами; сынъ въ свою очередь оказался большимъ, даже буйнымъ шалуномъ, и мать принуждена была взять его оттуда и опредѣлила его сперва въ частный-же пансіонъ въ г. Воронежѣ, а съ 1831 г. въ воронежскую гимназію, состоявшую тогда изъ четырехъ классовъ. Пройдя

здѣсь послѣдніе два класса и прослушавъ затѣмъ курсъ наукъ въ харьковскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, Николай Ивановичъ 19 ти лѣтъ отъ роду, со степенью кандидата, опредѣлился юнкеромъ въ стоявшій въ Острогожскѣ кинбурнскій драгунскій полкъ. Но военная служба не влекла къ себѣ юнаго кандидата исторіи; вмѣсто изученія военныхъ артикуловъ онъ занялся разборомъ бумагъ слободско-украинскаго острогожскаго полка, хранившихся въ архивѣ острогожскаго уѣзднаго суда, и накинулся на это дѣло съ такимъ жаромъ, что спустя мѣсяцъ былъ отчисленъ отъ полка, какъ неспособный къ военной службѣ. Это временное, случайное знакомство съ историческими источниками толкнуло его на путь научныхъ занятій. Тогда-же явилась у Николая Ивановича мысль искать степени магистра русской словесности и предварительно готовиться къ тому въ Москвѣ, куда онъ и отправился въ концѣ 1837 г., но этой мысли суждено было осуществиться въ Харьковѣ, нѣсколько въ иномъ видѣ и притомъ лишь спустя шесть лѣтъ. Проѣхавъ изъ Москвы весною 1838 г. на родину и, по случаю болѣзни, переѣхавъ для лѣченія въ Харьковъ, Костомаровъ остался здѣсь надолго, вошелъ въ знакомство съ представителями тамошней литературной дѣятельности: Основьяненкомъ, Гулакомъ-Артемовскимъ, Метлинскимъ, Бецкимъ и другими, примкнулъ къ ихъ работѣ и написалъ нѣсколько поэтическихъ, оригинальныхъ и переводныхъ, произведеній на малорусскомъ языкѣ прежде, чѣмъ представилъ диссертацію на степень магистра исторіи. Первая его диссертація: *Значеніе уніи въ западной Россіи* не была даже допущена въ публичной защитѣ, вслѣдствіе протеста извѣстнаго проповѣдника и богослова, преосв. Иннокентія, а печатные ея экземпляры, по распоряженію министра Уварова, вслѣдствіе отзыва о ней академика Устрялова, преданы были сожженію, не смотря на то, что основныя ея положенія приняты теперь въ наукѣ. Костомарову пришлось, занявъ должность субъинспектора, еще два года поработать надъ новою диссертаціею: *Объ историческомъ значеніи народной русской поэзіи*. Эта новая работа, посвященная въ большей своей части малорусской поэзіи, доставила ему въ началѣ 1844 г. степень

магистра русской исторіи, но не открыла доступа въ университетской каѳедрѣ. Въ характерѣ Костомарова было всегда много самостоятельности, во взглядахъ новости, оригинальности, въ сужденіяхъ смѣлости, въ образѣ выраженія прямоты, подъ часъ рѣзкости, а такіе люди не легко прокладываютъ себѣ дорогу. Притомъ занятія этнографіею, сближеніе съ простолюдьемъ съ цѣлію изучить его міровоззрѣніе, записать пѣсню или сказку, въ ту пору болѣе, чѣмъ когда либо, казались странными и возбуждали подозрѣніе. И на Костомарова смотрѣли нѣкоторые изъ профессоровъ, какъ на человѣка съ причудами и странностями. При такихъ условіяхъ его кандидатура на профессорскую должность не могла осуществиться. Костомаровъ переѣзжаетъ изъ Харькова въ Кіевъ и въ томъ-же 1844 г. получаетъ мѣсто учителя исторіи въ ровенской гимназіи, спустя годъ переходитъ на такую-же должность въ гимназію кіевскую, а еще чрезъ годъ занимаетъ мѣсто адъюнктъ-профессора по каѳедрѣ русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра.

Въ этихъ переходахъ самостоятельныя научныя занятія Николая Ивановича не только не ослаблялись, но расширялись и усиливались. Еще въ 1841 г. изъ Харькова онъ путешествовалъ въ Крымъ для осмотра тамошнихъ древностей; изъ Ровна предпринималъ поѣздки въ Почаевъ и другія историческія мѣстности Волыни и собралъ большой запасъ малорусскихъ пѣсенъ, напечатанныхъ впослѣдствіи въ сборникѣ Мордовцева; въ Кіевѣ писалъ о славянской миѳологіи, о началѣ христіанства въ Россіи и изучалъ эпоху и личность Хмельницкаго. Но надъ всѣми стремленіями молодаго ученаго, надъ всѣми занимавшими его умъ думами и мечтами носилась идея національности, какъ отраженіе пробудившагося предъ тѣмъ у западныхъ славянъ національнаго самосознанія и предпринятыхъ этнографическихъ и историческихъ трудовъ и изданій. Примкнуть къ новому движенію, во имя славянской идеи и единства, ознакомить съ этимъ движеніемъ путемъ печати и устныхъ бесѣдъ русское общество, поработать для развитія этой идеи на почвѣ южно-русской этнографіи—такова, кажется, была основная мысль Костомарова, которою онъ дѣлился съ своими

ніевскими пріятелями: Н. И. Гулакомъ, В. М. Бѣлозерскимъ и А. А. Навроцкимъ. На эту излюбленную тему велись одушевленныя пріятельскія бесѣды; электризуемые возвышенною идеею юноши мечтали о томъ, какъ-бы хорошо было, если-бы всѣ славянскіе народы освободились изъ-подъ власти иноземной и образовали изъ себя одну славянскую федерацію, а эту федерацію пламенное воображеніе ихъ рисовало въ видѣ идеальнаго политическаго организма—безъ рабства и сословныхъ привилегій, съ религіозною свободою и вѣротерпимостію, полною свободою мысли, воспитанія, печатнаго слова и т. под. Мечтатели понимали, конечно, что осуществленіе такой грандіозной мысли отнюдь не могло быть дѣломъ близкаго будущаго, что для этого требовалось долгое время и усилія многихъ и что было-бы крайне желательно, чтобы для осуществленія идеи славянскаго возрожденія и единства организовалось сильное и численное по составу общество. Тѣмъ не менѣе никакого общества, ни даже проэкта онаго у нихъ не существовало и лишь три лица постепенно посвящены были въ ихъ задушевныя бесѣды: А. В. Маркевичъ, П. А. Кулишъ и Т. Г. Шевченко. Бесѣды возобновлялись каждый разъ, когда сходились два или три изъ вышеназванныхъ пріятелей. Велись онѣ и въ квартирѣ Гулака за софійской оградой, въ домѣ протоіерея Завадскаго, а здѣсь, рядомъ съ Гулакомъ, за дощатой перегородкой, квартировалъ студентъ Петровъ. По долетавшимъ до него отрывочнымъ фразамъ онъ заключилъ, что за стѣной у него совершается заговоръ, собираются члены какого-то тайнаго общества, и въ этомъ смыслѣ учинилъ доносъ, послѣдствіемъ котораго былъ арестъ всѣхъ названныхъ лицъ и препровожденіе въ Петербургъ для разслѣдованія и суда. Арестъ Костомарова послѣдовалъ на канунѣ его свадьбы, и это усугубило его страданія. Въ мнимомъ обществѣ и заговорѣ ему приписана первенствующая роль, а въ наказаніе назначено заключеніе въ петропавловской крѣпости на годъ, ссылка въ Саратовъ, воспрещеніе служить по ученой части, писать и издавать книги собственнаго сочиненія. По отбытіи заключенія, будучи водворенъ въ Саратовѣ, Костомаровъ въ скромной должности переводчика при Губернскомъ Правленіи, къ ко-

торой придана была ему впослѣдствіи и должность секретаря статистическаго комитета, посвящалъ часы досуга собиранію великорусскихъ пѣсенъ, разбору мѣстныхъ архивовъ, ознакомленію съ невѣдомымъ для него краемъ, подготовляя матеріалъ для научныхъ своихъ работъ и самыя эти работы, а въ томъ числѣ и давно задуманную имъ историческую монографію о Богданѣ Хмельницкомъ. Такъ прошло около 10-ти лѣтъ и когда наконецъ въ началѣ минувшаго царствованія Костомарову возвращена была свобода писать, она не застала его не готовымъ и, начиная съ 1857 г., онъ напечаталъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ цѣлый рядъ солидныхъ по учености и талантливо написанныхъ историческихъ изслѣдованій, начиная съ монографіи о Богданѣ Хмельницкомъ. Эти изслѣдованія пріобрѣли Николаю Ивановичу симпатіи читающей публики, составили ему сразу репутацію выдающагося по таланту и эрудиціи историческаго писателя, а въ 1859 г. расположили петербургскій университетъ обратиться къ Костомарову съ приглашеніемъ занять въ немъ каѳедру русской исторіи, остававшуюся не занятою по смерти Устралова, что и послужило поводомъ къ исходатайствованію снятія съ Николая Ивановича тяготѣвшаго надъ нимъ запрещенія служить по ученой части. Въ промежуткѣ этихъ двухъ высочайше дарованныхъ ему льготъ, онъ совершилъ поѣздку за границу, посѣтивъ Швецію, Германію, Францію, Италію и Австрію, а по возвращеніи оттуда принималъ участіе, въ качествѣ дѣлопроизводителя, въ трудахъ саратовскаго комитета по дѣлу освобожденія крестьянъ.

Кратковременна, но блестяща была служба Костомарова въ званіи профессора петербургскаго университета и едва-ли когда какой либо профессоръ пожиналъ такіе лавры, какіе выпадали на долю его. Его лекціи (съ ноября 1859 г. по май 1862 г) привлекали такую массу слушателей, что онъ читалъ ихъ не иначе, какъ въ большой университетской залѣ. И учащееся юношество, и посторонніе слушатели иногда буквально носили его на рукахъ, осыпая громами рукоплесканій. Къ этому времени относится знаменитый, привлекшій вниманіе всей образованной Россіи, диспутъ его съ Погодинымъ по такъ называемому варяжскому вопросу,

редактированіе имъ «Памятниковъ старинной русской литературы», издававшихся на средства гр. Кушелева-Безбородка, основаніе имъ вмѣстѣ съ Бѣлозерскимъ и Кулишемъ журнала «Основа», первые труды его въ званіи члена археографической коммисіи, доведенные впослѣдствіи до одинадцати томовъ, и множество статей въ разныхъ журналахъ по исторіи сѣверной и южной Россіи. То было самое кипучее время въ нашей общественной и умственной жизни, чреватое вопросами, обильное всякими начинаніями, въ томъ числѣ и научно-литературными, но не чуждое недоразумѣній, не вѣрно или не ясно понятыхъ стремленій и пылкихъ увлеченій, оканчивавшихся не только разочарованіями, но и болѣе ощутительными послѣдствіями. Однимъ изъ такихъ явленій были волненія и безпорядки въ петербургскомъ университетѣ, послужившіе причиною продолжительнаго закрытія онаго, а вмѣстѣ и поводомъ для Николая Ивановича оставить столь блистательно начатую службу при университетѣ. Съ тѣхъ поръ и до конца своей жизни, сохраняя лишь должность члена археографической коммисіи, съ окладомъ въ 3,000 р., и подвигая своими работами ея изданія, Николай Ивановичъ жилъ совершенно частнымъ человѣкомъ, предавшись исключительно кабинетнымъ занятіямъ, и помимо научныхъ трудовъ, перечню которыхъ мы отводимъ особое мѣсто, за все это время едва-ли можно указать какіе либо выдающіеся факты въ его жизни, кромѣ двухъ земныхъ отличій въ видѣ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и ордена св. Владиміра 3-й ст., да исключительной его женитьбы на прежней своей невѣстѣ Алинѣ Леонтьевнѣ, спустя 28 лѣтъ послѣ неудавшагося намѣренія, когда она, успѣвъ побывать въ замужествѣ за другимъ лицемъ, овдовѣть и пристроить своихъ дѣтей, прибыла къ нему по газетнымъ извѣстіямъ о постигшей его тяжкой болѣзни и замѣнила такъ необходимыя для него заботы тогда-же скончавшейся престарѣлой матери его. Въ этотъ длинный промежутокъ времени Николай Ивановичъ широко развернулъ свою научно-литературную дѣятельность, раскрылъ вполнѣ свой блестящій талантъ и неистощимый запасъ знанія и творчества. Въ теченіи 23 лѣтъ онъ не зналъ отдыха, не допускалъ перерывовъ: писалъ по исторіи и этнографіи,

пробовалъ себя, и весьма удачно, въ исторической беллетристикѣ, составлялъ рецензіи, критическіе отзывы, большіе и малые историческіе разсказы, статьи полемическія, отрывочныя воспоминанія, путевыя замѣтки и т. д., передѣлывалъ по нѣскольку разъ свои прежніе труды, выпускалъ ихъ новыми изданіями, объединяя подъ особымъ названіемъ «Историческихъ монографій», и самъ отчасти дѣлалъ то, что дѣлаютъ обыкновенно другіе по смерти многоплоднаго писателя. Плодовитость его была изумительна, энергія неистощимая. Не было ни одного порядочнаго литературнаго органа, которому онъ не посвящалъ-бы своихъ трудовъ, и не было изданія, которое не считало-бы за честь украсить свои страницы его произведеніями. Съ начала 60-хъ годовъ онъ сталъ любимѣйшимъ историческимъ писателемъ, имя его сдѣлалось популярнѣйшимъ въ средѣ образованной публики, названіе «историка», съ прибавкою «художника» и впослѣдствіи «маститаго», неразрывно слилось съ его собственнымъ именемъ. Всякое новое, сколько нибудь крупное его произведеніе ждалось съ нетерпѣніемъ, читалось съ наслажденіемъ и восторгомъ. Скромный кабинетъ Николая Ивановича сперва въ IX, потомъ въ I линіи Васильевскаго Острова, былъ любимѣйшимъ учено-литературнымъ салономъ для всѣхъ интересовавшихся успѣхами русской исторіи и этнографіи. Всѣмъ памятны его четверги, замѣненные потомъ вторниками. Кромѣ множества постоянныхъ или частыхъ его посѣтителей изъ числа его петербургскихъ друзей и знакомыхъ, тутъ можно было встрѣтить людей начинавшихъ или уже поработавшихъ на полѣ науки и литературы со всѣхъ концевъ Россіи. Всѣхъ и каждаго онъ принималъ съ неизмѣннымъ своимъ радушіемъ, всѣхъ оживлялъ своимъ полнымъ занимательности и юмора разговоромъ, въ каждомъ сорабoтникѣ своемъ принималъ живѣйшее участіе, дѣлился съ нимъ своими взглядами и знаніями. Не было вопроса изъ сродной ему сферы занятій, къ которому онъ не отнесся бы съ живѣйшимъ сочувствіемъ и на который не отозвался-бы устно или печатно. На нерѣдкіе литературные нападки на него, возраженія и замѣчанія, направленныя по его адресу, нашъ историкъ-писатель отвѣчалъ безъ промедленія и всегда съ достоинствомъ. Онъ

высоко держалъ свое знамя, отстаивалъ свои убѣжденія и симпатіи съ твердостію и искренностію, но уступалъ своимъ противникамъ, когда самъ переубѣждался ихъ доводами.

Слишкомъ рано было-бы пытаться опредѣлить съ полною обстоятельностію и непогрѣшимою точностью талантъ, характеръ, направленіе и симпатіи Н. И. Костомарова; но мы не знаемъ писателя болѣе искренняго, и если по дѣлу видѣнъ художникъ, если въ произведеніяхъ его отражается со всѣми изгибами его внутренняя жизнь, путь, ступени и обстоятельства ея теченія и развитія, то на этотъ разъ мы имѣемъ такъ много данныхъ, какъ можетъ быть ни въ какомъ иномъ подобномъ случаѣ. Произведенія Николая Ивановича такъ многочисленны, читались всегда съ такимъ интересомъ и такъ рѣзко запечатлѣвались въ душѣ читавшаго, что стоитъ теперь представить возможно полный перечень ихъ, чтобы видѣть колоссальный его трудъ, изумительную эрудицію, всю мощь и силу его таланта, опредѣлить то громадное вліяніе, какое онъ имѣлъ на наше общество и оцѣнить ту незамѣнимую потерю, какую мы понесли съ смертію его.

II.

Библіографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова.

Приводя ниже перечень трудовъ Н. И. Костомарова [1]), мы раздѣлили ихъ на два отдѣла: I. *Произведенія на русскомъ языкѣ*, II. *Произведенія на малорусскомъ языкѣ*. Первый отдѣлъ распадается на двѣ части: а) *по всеобщей исторіи*, в) *по русской исторіи*. Для первой части перваго отдѣла, какъ и для всего втораго отдѣла достаточно простаго хронологическаго перечисленія. Что касается второй части перваго отдѣла, т. е. трудовъ по русской исторіи, то кромѣ хронологическаго порядка выхода ихъ въ свѣтъ, необходимаго для уясненія развитія и хода

---

[1]) Составленъ преимущественно по «Біографическому словарю профессоровъ и преподавателей университета св. Владиміра», изданному подъ редакціей проф. В. С. Иконникова.

дѣятельности автора, необходимо еще оттѣнить сочиненія по ихъ важности, иначе невольно получается только представленіе о поражающей массѣ заглавій. За мѣрку для такого оттѣненія мы примемъ, конечно, взглядъ самаго ученаго на свои произведенія, который все болѣе важное выдѣлилъ въ шестнадцать томовъ «Монографій», содержаніе которыхъ и приводится ниже. Историко-беллетристическія сочиненія мы также подъ конецъ сгруппируемъ въ одномъ мѣстѣ.

I. Произведенія на русскомъ языкѣ.

А. По всеобщей исторіи.

1) *Кремуцій Кордъ*. Историч. драма. Спб. 1862 г.

2) *Патріархъ Фотій и первое раздѣленіе церквей*, написано по поводу нѣмецкаго сочиненія Гергенретера: «Fotus und seine Zeit». Вѣстн. Евр. 1868 г.

3) *Еллины Тавриды*. Историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ. Спб. 1884.

В. По русской исторіи.

Харьковскій періодъ 1838 — 1844 годъ.

1) *О значеніи уніи въ Западной Россіи*. Первая магистер. диссертація, напеч. въ 1842 г. [1]).

2) *Объ историческомъ значеніи народной поэзіи*. Вторая магист. диссерт., защищенная 12 янв. 1844 г.

Кіевскій періодъ 1845—1847 годъ.

3) *Славянская миѳологія* (изъ лекцій, читан. въ университетѣ св. Владиміра), напечатано кириллицей. 1846 г.

Саратовскій періодъ 1848 — 1859 годъ.

4) *Взглядъ на состояніе саратовской вывозной торговли въ отношеніи предполагаемой желѣзной дороги между Моск-*

---

[1]) Сожжены всѣ печатные экземпляры, по протесту тогдашняго харьковскаго архіерея Иннокентія (Борисова). См. объ этомъ статью М. И. Сухомлинова въ «Древней и Новой Россіи» 1877 г., т. I, стр. 42—55. Диссертація эта въ передѣланномъ видѣ вошла въ III-й томъ «Монографій» подъ заглавіемъ: «Южная Русь въ концѣ XVI вѣка».

вой и Саратовымъ. Состав. по распоряженію начальника губ. въ саратов. статистич. комит. Костомаровымъ. Саратовъ, 1856 г.

5) Горе-Злосчастіе. Древнее русское стихотвореніе, *съ замѣчаніями Н. Костомарова* (Современникъ 1856 г., т. LVI, отд. I, стр. 49—68).

6) *О миѳическомъ значеніи Горя-Злосчастія* (Совр. 1856 г., т. LIX, № 10, отд. II, стр. 113—124).

7) *Письмо къ редактору «Саратов. Губ. Вѣд.» по поводу замѣчаній г. Егупова о торговлѣ г. Саратова* (Сар. Губ. Вѣд. 1857 г., №№ 10—14).

8) *Борьба украинскихъ козаковъ съ Польшею въ первой половинѣ XVII в., до Богдана Хмельницкаго* (Отечеств. Зап. 1856 г., № 9).

9) *Богданъ Хмельницкій и возвращеніе южной Руси къ Россіи* (Отеч. Зап. 1857 г., № 1—8). Первая форма знаменитой впослѣдствіи монографіи.

10) *Рецензія изданія:* «Южно-русскія лѣтописи, открытыя и изданныя П. Бѣлозерскимъ», т. I. Кіевъ. 1856 г. (Отечеств. Зап. 1857 г., т. CX, № 2, отд. II, стр. 114—123).

11) *Критическая статья* на «Записки о южной Руси», издалъ П. Кулишъ, т. I—II (Отеч. Зап. 1857 г., т. CXII, № 6 и т. CXIV, № 9).

12) *Очеркъ исторіи саратовскаго края отъ присоединенія его къ россійской державѣ до вступленія на престолъ императора Николая I.* (Памятн. кн. саратов. губ. 1858 г.).

13) *Бунтъ Стеньки Разина.* Отеч. Зап. 1858 г.

14) *Рецензія сочиненія:* «Черная рада, хроника П. Кулиша» (Совр. 1858 г., т. LXVII, отд. II, стр. 1—28).

15) *Два слова Погодину* по вопросу: «Должно-ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?» (Архивъ истор. и практ. свѣдѣній о Россіи, Калачова, 1859 г., № 3).

16) *Рецензія сочиненія:* «Архивъ Юго-Зап. Россіи, издаваемый временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ; ч. I. Акты, относящіеся къ исторіи православной церкви въ Юго-Зап.

Россіи», съ 1481—1596 г., т. I. Кіевъ, 1859 г. in—8 (Отеч. Зап. т. CXXV, № 8, отд. III, стр. 113—134).

17) *Предисловіе къ переводу:* «Путешествіе Олеарія» (Арх. ист. и практ. свѣд. о Россіи, Калачова, 1859 г., № 3).

18) *Вступительная лекція въ курсъ русской исторіи,* читан. въ Имп. Спб. унив. 22 ноября 1859 г. (Русское Слово, № 12, стр. I—XIV).

Петербургскій періодъ 1859—1885 годъ.

19) *Рецензія* статьи С. М. Соловьева: «Малороссійское козачество до Хмельницкаго, напеч. въ Русск. Вѣстникѣ, т. XXIII, № 18, сент. кн. 2-я, стр. 177—196 (Соврем. 1859 г., т. LXXVIII, № 11, отд III, стр. 163—166).

20) *Объясненіе* по поводу «Писемъ о Богданѣ Хмельницкомъ къ М. П. Погодину» Максимовича (Украинецъ, кн. I, стр. 148—174; Спб. Вѣд. 1859 г., № 122).

21) *Поѣздка въ г. Волгскъ* (Памятн. кн Саратов. губерніи на 1859 г.).

22) *Должно-ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?* (Архивъ истор. и практ. свѣд. о Россіи, Калачова, 1859 г.).

23) *Иванъ Свирговскій.* Историческ. монографія (Москвитянинъ, 1859 г.).

24) *Сынъ.* Истор. пов. (Архивъ истор. и практич свѣд. о Россіи, Калачова, 1859 г.). Отдѣльной книгой вышла въ 1864 г.

25) *Очеркъ быта, домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ* (Современникъ, 1860 г.). Въ то-же время статья вышла отдѣльнымъ изданіемъ.

26) *Петровскъ* (Памятн. кн. саратов. губ. 1860 г.) [1]).

27) *Легенда о кровомѣсителѣ* (Современникъ, 1860 г.).

28) *Изслѣдованіе о литовской народной поэзіи* (Русское Слово 1860 г.).

---

[1]) На основаніи документовъ, извлеченныхъ Костомаровымъ изъ царицынскаго архива и сообщенныхъ Д. Л. Мордовцеву, послѣднимъ составлена статья «Заметаевъ» (разбойникъ на Волгѣ 1775 г.), напечатанъ въ «Русскомъ Дневникѣ» 1859 годъ, №№ 7 и 8.

29) *Критическая статья* на сочиненіе: «О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи, В. И. Ламанскаго», Учен. зап. втораго отд. импер. акад. наукъ, кн. V, стр. 1—370 (Архивъ истор. и практ. свѣд. о Россіи, Калачова, кн. 5, отд. IV, стр. 18—35).

30) *Русскіе инородцы. I. Литовское племя и отношенія его къ русской исторіи* (изъ лекцій по русск. ист., читан. въ Имп. Спб. университетѣ въ 1860 г., полнѣе чѣмъ въ «Монографіяхъ» (Русское Слово, № 5, отд. I, стр. 1—100).

31) *Начало Руси* (Соврем., т. LXXIX, № 1, отд. I, стр. 1—32 и отдѣльный оттискъ, Спб. 1860 г., in—8, 32 стр.).

32) *Какъ пишутъ въ наше время ученыя статьи въ защиту происхожденія руссовъ отъ норманновъ* (Пчела 1860 г., № 168).

33) *Замѣтка на возраженія о происхожденіи Руси*, на статью Грота: «Литва или Скандинавія?» въ Отеч. Зап. (Соврем. 1860 г., т. LXXX, № 4, отд. III, стр. 413—417).

34) *Письмо къ редактору по поводу статей о происхожденіи Руси изъ Литвы.* I. Объясненіе по поводу статьи г. Юрія Летголы. II. Объясненіе по поводу статьи г. Васильева (Арх. истор. и практ. свѣд. о Россіи, кн. I, отд. I, стр. 61—92).

35) *Г. Юрію Летголь* (Сѣв. Пчела 1860 г., № 262).

36) *Публичный диспутъ 19 марта 1860 г. о началѣ Руси между г. Погодинымъ и Костомаровымъ.* I. Письмо г. Погодина къ г Костомарову, чит. г. Погодинымъ на публичномъ диспутѣ. II. Отвѣтъ г. Костомарова. III. Отвѣтъ на возраженія г. Погодина, читанный г. Костомаровымъ на томъ-же публичномъ диспутѣ. IV. Приложеніе. Словесныя пренія между гг. Погодинымъ и Костомаровымъ на диспутѣ, записанныя В. Мордвиновымъ (Совр. 1860 г , т. LXXX, № 3, отд. I, стр. 257—292).

37) *Послѣднее слово г. Погодину о жмудскомъ происхожденіи первыхъ русскихъ князей.* Отвѣтъ на отложенное до печати дополненіе къ диспуту (Совр. 1860 г., т. LXXXI, № 5, отд. III, стр. 73—83).

38) *О норманскомъ племени.* Замѣтка по поводу описанія диспута Шелизибова (Сѣв. Пчела 1860 г., № 71).

39) *Объясненія по поводу диспута* (Спб. Вѣд. 1860 г., № 69; Сѣв. Пчела, № 78; Наше Время, № 34).

40) *О козачествѣ. Отвѣтъ «Виленскому Вѣстнику»* (Совр. 1860 г., т. LXXXII, № 7, отд. III, стр. 75—92. Статья въ „Виленск. Вѣст." №№ 34—36, Тадеуша Падалицы, на польскомъ языкѣ, по поводу возраженій Костомарова на мнѣніе г. Соловьева о козачествѣ) и *Отвѣтъ г. Падалицѣ* (Совр. т. LXXXIV, № 12, отд. III, стр. 373—382).

41) *Отвѣтъ г. Максимовичу.* По поводу письма о Богданѣ Хмельницкомъ (Спб. Вѣд. 1860 г., №№ 8 и 283).

42) *Запорожская пѣсня* (Сообщена въ Лѣтоп. рус. литер. и древн., т. III, кн. 6, отд. III, стр. 89).

43) *Разбойничья пѣсня* (Сообщ. въ Арх. истор. и практ. свѣд. о Россіи Калачова, кн. I, отд. 5, стр. 1; записана въ сердобскомъ у., въ с. Волхонщинѣ).

44) *Русскія народныя пѣсни,* собранныя въ саратов. губ. А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровымъ (Лѣтоп. рус. лит. и древн., т. IV, отд. II, стр. 3—311).

45) *О значеніи критическихъ трудовъ К. Аксакова по русской исторіи,* напис. для произнесенія на торж. актѣ въ С.-Петерб. университетѣ (Русское Слово 1861 г., № 2 и отд.; Спб. Вѣд., № 51).

46) *Лекціи по русской исторіи проф. Н. И. Костомарова.* Состав. по запискамъ слушателей, изд. П. Гайдебуровымъ. Спб. 1861 г. (100 стр.). Часть I. Источники русской исторіи (о лѣтописяхъ).

47) *Правда полякамъ о Руси.* По поводу новой статьи въ „Revue Contemporaine" (Основа 1861 г., № 10, стр. 100—112).

48) *Отвѣтъ на выходки газеты (краковской) „Czas"* и журнала *„Revue Contemporaine"*, по поводу анти-историческихъ польскихъ взглядовъ на Русь (Основа, 1861 г., № 2, стр. 121—135).

49) *Рецензія* сочиненія И. Попки «Черноморскіе козаки» (Основа 1861 г., № 8, стр. 1—8).

50) *Слово о Сковородѣ*, по поводу рецензіи на его сочиненія въ „Русскомъ Словѣ" (Основа 1861 г., № 7, стр. 176—179 и № 8, стр. 11—14).

51) *Воспоминаніе о двухъ малярахъ*: о Тарасѣ Григорьевичѣ Шевченкѣ и Грицькѣ (Основа 1861 г., № 4, стр. 44—56).

52) *Правда москвичамъ о Руси* (Основа 1861 г., № 10, стр. 1—15 и 1862, № 1, стр. 59—62).

53) *Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси* (Основа 1861 г.). Вошло потомъ въ I т. „Монографій".

54) *Двѣ русскія народности* (Основа 1861 г.). Вошло въ I томъ «Монографій».

55) *Черты народной южно-русской исторіи* (Основа, 1861 г.). Вошло впослѣдствіи въ I-й т. «Монографій».

56) *Гетманство Выговскаго* (Основа, 1861 г.). Вошло во II-й т. «Монографій».

57) *Нѣсколько словъ* по поводу мнѣнія о положеніи южнорусскихъ крестьянъ въ XVI вѣкѣ, въ соч. Мордовцева (Спб. Вѣд., 1861 г., № 168; Русское Слово 1861 г., № 4).

58) *Замѣчаніе о нашихъ университетахъ*, по поводу напечатанной въ № 1 газеты «День» статьи Хомякова (Спб. Вѣд. 1861 г., № 237).

59) *Еще объ университетахъ* (Спб. Вѣдом. 1861 годъ, №№ 258 и 261).

60) *О служебныхъ преимуществахъ университетовъ* (Спб. Вѣд. 1861 г., № 262).

61) *Замѣчанія объ университетахъ*, по поводу мнѣній г. Никитенка, Рус. Инвалида и др (Спб. Вѣд. 1861 г., №№ 270, 275 и 281).

62) *Старинный южно-русскій переводъ Пѣсни пѣсней съ послѣсловіями о любви*, одинъ изъ старинныхъ памятниковъ нашей литературы, списанный Н. И. Костомаровымъ изъ сборника, хранящагося въ синодальной московской библіотекѣ, почерка XV или начала XVI вв. (Основа 1861 г., № 11—12, стр. 33—64).

63) *Критическій обзоръ статей*, напечатанныхъ въ 3-й

книгѣ «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній» (Русское Слово, 1861 г., № 4, отд. II, стр. 64—116).

64) *Мистическая повѣсть о Нифонтѣ* (Русское Слово, 1861 годъ).

65) *Іудеямъ* (Основа 1862 г., № 1).

66) *Дополненіе къ «Правдѣ москвичамъ о Руси»* (Основа 1862 г., № 1, стр. 58—62).

67) *Замѣтка объ іудеяхъ* (Основа, 1862 г., № 5).

68) *Тысячелѣтіе Россіи* (Спб. Вѣдомости, 1862 г., № 5 и отдѣльно).

69) *Мысли южнорусса о преподаваніи на южно-русскомъ языкѣ* (Основа 1862 г., № 5, стр. 1—6).

70) *О значеніи Великаго Новгорода* (Отеч. Зап. 1862 г.).

71) *Великорусскіе религіозные вольнодумцы XVI вѣка* (Отеч. Зап. 1862 г.).

72) *Иванъ Сусанинъ* (Отеч. Зап. 1862 г.)

73) *Князь Владиміръ Мономахъ и козакъ Богданъ Хмельницкій* (Русскій Инвалидъ, 1863 г., № 86).

74) *Нѣсколько словъ о разборѣ моего сочиненія:* «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіи. Отвѣтъ г. Буслаеву (Спб. Вѣд. 1863 г., № 162).

75) *О преподаваніи на народномъ языкѣ въ южной Руси* (Голосъ, 1863 г., № 94).

76) *Г. публицисту «Московскихъ Вѣдомостей» и воскресныхъ прибавленій къ этимъ Вѣдомостямъ* (Спб. Вѣд. 1863 г., № 164).

77) *Отвѣтъ «Московскимъ Вѣдомостямъ»*. По поводу сбора пожертвованій въ пользу изданія книгъ научнаго содержанія на южно-русскомъ языкѣ и *Письмо къ редактору* (День, № 29).

78) *Сѣверно-русскія народоправства*: Исторія Новгорода, Пскова и Вятки. Спб., 1863 г. Впослѣдствіи составило VII и VIII тт. «Монографій».

79) *Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи* (Записки Географическаго Общества 1863 г., т. XII). Потомъ вошло въ III-й томъ «Монографій».

80) *Куликовская битва* (Академическій Календарь 1864 г.). Вошло затѣмъ въ III-й томъ «Монографій».

81) *Ливонская война* (Библіотека для чтенія, 1864 г.).

82) *Переписка Погодина и Костомарова по поводу статьи послѣдняго о куликовской битвѣ* (Голосъ, 1864 г., №№ 32 и 62).

83) *Апологія за Дмитрія Донскаго г. Аверкіева и Аскоченскаго* (Голосъ 1864 г., № 124).

84) *Кто былъ первый Лжедмитрій?* Истор. изслѣд. Спб. 1864 г., и дополн. къ нему въ «Голосѣ» №№: 20, 30 и 56.

85) *Лекціи Кояловича по исторіи западной Россіи* (Голосъ 1864 г., № 118, и *Отвѣтъ Кояловичу*, № 127).

86) *Отвѣтъ Волынцу и малоруссу-волынцу* (День 1864 г., № 6 и Голосъ 1864 г., № 120).

87) *Замѣчаніе г. Лохвицкому* (о федеративномъ началѣ, Спб. Вѣд. 1864 г., № 205, по поводу книги «Губернія»).

88) *Воспоминанія о молоканахъ* (Отеч. Зап. 1865 г.).

89 *Отчетъ о варшавскихъ библіотекахъ* (Лѣтоп. занятій арх. ком., т. IV, проток., стр. 10—13).

90) *О командировкѣ для осмотра Несвижскаго архива князей Радзивиловъ* (Лѣтоп. занятій археолог. ком. т. V, стр. 16—21).

91) *Смутное время московскаго государства въ началѣ XVII в.* (Вѣстникъ Европы 1866 г.). Отдѣльно издано въ 3-хъ тт. «Историч. монографій» и составило тома: IV, V и VI.

92) *Гетманство Юрія Хмельницкаго* (Вѣст. Евр. 1868 г.). Вошло въ XII т. «Монографій».

93) *Отзывъ о книгѣ г. Хрущова:* «Изслѣдованіе о сочиненіи Іосифа Волоцкаго» (XII-е присужденіе Демид. преміи, 1869 г., 208—214).

94) *Рецензія* на соч. В. Б. Антоновича: «Очеркъ исторіи Великаго Княжества Литовскаго» (Историч. Вѣстн. 1870 г., т. II, стр. 178—186).

95) *Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой* (Вѣстн. Евр. 1869—1870 гг.). Отдѣльное изд. 1870

96) *Начало единодержавія въ древней Руси.* (Вѣст. Евр. 1870 г.). Вошло въ XII томъ „Монографій".

97) *Костюшко и революція 1794 года* (Вѣст. Евр. 1870 года, №№: 1, 2, 3).

98) *Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ* (Вѣстн. Евр. 1870 г.). Вошло въ XII-й томъ „Монографій".

99) *Лекція 20-я „о Словѣ о полку Игоревѣ"* (Голосъ 1870 г., № 117).

100) *Исторія раскола у раскольниковъ* (Вѣстн. Евр. 1871). Вошло въ VII томъ „Монографій".

101) *Преданія первоначальной русской лѣтописи* (Вѣст. Евр. 1871 г.). Вошло въ XII томъ „Монографій".

102) *Личность царя Ивана Васильевича Грознаго* (Вѣст. Евр. 1871 г.) Вошло въ XIII томъ „Монографій".

103) *О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія* (Вѣстн. Евр. 1872 г.). Вошло въ составъ XIII-го т. „Монографій".

104) *Личности смутнаго времени* (Вѣстн. Евр. 1872 г.). Вошло въ составъ XIII-го тома „Монографій".

105) *Кто виноватъ въ смутномъ времени* (Вѣстн. Евр. 1873 г.). Потомъ вошло въ XIII-й томъ „Монографій".

106) *Великорусская народная пѣсенная поэзія* (Вѣстн. Евр. 1873 г.). Вошла въ составъ XIII-го тома „Монографій".

107) *Отвѣтъ на статью Погодина о Скопинѣ-Шуйскомъ* (Вѣстн. Евр 1872 г., т. II, стр. 859—864).

108) *Отвѣтъ запорожцевъ на письмо турецкаго султана 1680 года* (Русск. Старина 1872 года, т. VI, стр. 450—451).

109) *Князь М. А. Оболенскій, его труды и изданія* (Русск. Архивъ 1873 г. и отдѣльно).

110) *Аѳанасій Филипповичъ* (Газета Гатцука). Вошло потомъ въ XIV томъ «Монографій».

111) *Петръ Могила предъ судомъ изслѣдователей нашего времени* (Вѣстн. Евр. 1874 г.). Вошло потомъ въ составъ XIV-го тома «Монографій».

112) *Историческая поэзія и новые ея матеріалы* (Вѣстн. Евр. 1874, № 12).

113) *Царевичъ Алексѣй Петровичъ* (Древ. и Нов. Россія 1875 г.). Вошло въ XIV томъ „Монографій".

114) *Разборъ книги* Антоновича и Драгоманова: „Малорусскія народныя историческія пѣсни" (Вѣстн. Евр. 1874 г.).

115) *Примѣры сопротивленія власти при Петрѣ В.* (Русск. Стар. 1875 г., т. XII, стр. 381—383).

116) *Кудеяръ*. Истор. пов. (Вѣстн. Евр. 1875 г., отдѣльной книгой въ 1882 г.).

117) *По поводу статьи „Кіевлянина" о Кудеярѣ* (Кіев. Телегр. 1875 г., № 85).

118) *Павелъ Полуботокъ* (Русск. Стар. 1876 г.). Вошло въ XIV томъ „Монографій".

119) *По поводу современнаго портрета Лжедимитрія I, 1606 г.* (Русск. Стар. 1876 г., т. XV, стр. 1—8).

120) *Русская историческая литература въ 1876 году* (о соч. гг. Иловайскаго, Забѣлина и Гедеонова, Русск. Старина 1877, т. XVIII, стр. 159—184).

121) *Императрица Екатерина I.* (Древ. и Нов. Россія 1877 г.). Вошло въ XIV т. „Монографій".

122) *Богданъ Хмельницкій, данникъ Оттоманской Порты* (Вѣстн. Евр. 1878 г.). Вошло въ XIV т. „Монографій".

123) *О казакахъ* (Русск. Стар. 1878). Вошло въ составъ XIV т. „Монографій"

124) *Разборъ книги* Драгоманова: „Малорусскія народныя преданія" (Русск. Стар. 1877 г.).

125) *Самодержавный отрокъ* (Древн. и Нов. Россія, 1878 года). Вошло въ XIV томъ „Монографій".

126) *Холопъ* (Новое Время 1878 г.). *Руина* (Вѣстн. Евр. 1879 г.).

127) *Разборъ книги* А. И. Никитскаго: «Очеркъ исторіи церкви въ В. Новгородѣ" (Русск. Стар. 1880 г., т. XXVII, стр. 194—208).

128) *Поэтъ Т. Г. Шевченко*, біогр. очеркъ (Русск. Стар. 1880 г., стр. 587—610).

129) *Самозванецъ лже-царевичъ Симеонъ* (Истор. Вѣстн. 1880 г., т. I, стр. 1—25).

130) *Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества* (Началась печатаніемъ въ жур. „Бесѣда" 1872 г., продолжалась въ „Русской Мысли" 1880 и 1883 гг. и не окончена).

131) *Чернигівка.* Историч. повѣсть (Историч. Вѣстн., 1881 года, и отдѣльною книгою).

132) *Украинофильство* (Русск. Стар. 1881 г., т. XXX).

133) *Малорусское слово* (Вѣстн. Евр. 1881 г., т. I).

134) *По вопросу о малорусскомъ словѣ „Соврем. Извѣстіямъ"* (Вѣстн. Евр. 1881 г., т. II).

135) *Еще по поводу малорусскаго слова „Москов. Вѣдомостямъ"* (Вѣст. Евр. 1881 г., т. II).

136) *Объясненіе по поводу археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ* (Вѣстн. Евр. 1881 г., т. VI).

137) *Предисловіе къ выпискамъ изъ памятныхъ книжекъ Петра В.* (Вѣстн. Евр. 1881 г., т. V, стр. 182—183).

138) *Библіографическія замѣтки* о „Сборн. Моск. Арх. иностр. дѣлъ", вып. I—II (Вѣстн. Евр. 1881 года, т. IV, стр. 451—453).

139) *По поводу статьи де Пуле въ „Русск. Вѣстникѣ" объ украинофильствѣ* (Вѣстн. Евр. 1882 г., т. III).

140) *Крашанка Кулиша. Письмо въ редакцію* (Вѣстн. Евр. 1882 г., т. IV).

141) *Мазепа.* Ист. моногр. (Русская Мысль, 1882 г.; въ томъ-же году отдѣльной книгой).

142) *Поѣздка въ Бѣлую Церковь* (Кіев. Стар. 1882 года, томъ II).

143) *Матеріалы для исторіи Коліивщины* (Кіев. Стар. 1882 г., т. III).

144) *Бытовые очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка*: двѣ торговки, царскій родичъ, черви (Историч. Вѣстн. 1883 г., томъ XI).

145) *Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность* (Кіев. Стар. 1883 г., т. V).

146) *По поводу замѣчанія о федеративномъ началѣ въ древней Руси* (Кіев. Стар. 1883 г., т. V).

147) *Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка* (Кіев. Стар. 1883 г.).

148) *Рецензія* на драму І. Старицкаго „Не судилось" Кіев. Стар. 1883 г., т. VII).

149) *Изъ прожитыхъ на Волыни дней* (Кіев. Стар. 1883 г. т. VIII).

150) *Историческій памятникъ въ Переяславѣ* (Русск. Стар. 1883 г., т. XXVIII, стр. 689—690).

151) *Мазепинцы* (Русская Мысль 1884 г.)

152) *Фельдмаршалъ Минихъ и его значеніе въ русской исторіи* (Вѣстн. Евр. 1884 г., т. VIII, стр. 510—564 и IX, стр. 5—57).

153) *Ксенія Борисовна Годунова* (по поводу картины художника Неврева. Истор. Вѣст. 1884 г., т. XV, стр. 7—23).

154) *Марина Мнишекъ* (по поводу картины художника Рябушкина. Истор. Вѣстн. 1885 г., т. XIX, стр. 5—11).

155) *Рецензія* на книгу Иловайскаго: «Исторія Россіи», т. 2. Московско-литовскій періодъ или собиратели Руси (Новь, т. II, № 5-й, стр. 134—142).

156) *Императрица Анна Ивановна и ея царствованіе* (Новь, т. III, № 10, стр. 199—214; т. III, № 11-й, стр. 331—351).

157) *Мазепа и Мазепинцы*. Истор. мон. Спб. 1885 г.

158) *По поводу книги М. О. Кояловича:* «Исторія русскаго самосознанія по историч. памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ» (Вѣстн. Евр. 1885 г., т. IV, стр. 867—878).

Подъ редакціей Н. И. Костомарова изданъ «*Сборникъ малорусскихъ обрядовыхъ пѣсенъ*», *въ III, IV и V томахъ* «*Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ*

юго-западный край». *Въ XVI томѣ «Сборника императорскаго историческаго общества»* (1875 г.) изданы подъ ред. Костомарова: *«Бумаги князя Николая Васильевича Репнина»*. Подъ его-же редакціей изданы: *«Памятники старинной русской литературы»* и одинадцать томовъ *«Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи»*.

«Есть указаніе на *Записки* Н. И. Костомарова, значительная часть которыхъ была написана въ 1878 г. (Русск. Стар. 1878 г., т. XXIII, стр. 308»)[1]).

Нѣкоторыя, болѣе важныя изъ перечисленныхъ сочиненій, отмѣченныя нами выше, изданы Костомаровымъ отдѣльно, подъ заглавіемъ: *«Историческія монографіи и изслѣдованія»*, которыхъ вышло до сихъ поръ XVI томовъ, именно:

Томъ I, Спб. 1863 г. содержитъ въ себѣ: I. Мысли о федеративномъ устройствѣ въ древней Руси; II. Черты народной южно-русской исторіи; III. Двѣ русскія народности; IV. Мистическая повѣсть о Нифонтѣ; V. Легенда о кровосмѣсителѣ; VI. О значеніи Великаго Новгорода; VII. Должно-ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права; VIII. Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI в. Матвѣй Башкинъ и его соучастникъ Ѳеодосій Косой.; IX. Иванъ Сусанинъ.

Томъ II, Спб. 1863 г.: I. Иванъ Свирговскій, украинскій козацкій гетманъ XVI в.; II. Гетманство Выговскаго; III. Бунтъ Стеньки Разина; IV. По поводу мыслей свѣтскаго человѣка о книгѣ: «Сельское духовенство».

Томъ III, Спб. 1867 г.: I. Куликовская битва; II. Ливонская война; III. Южная Русь въ концѣ XVI вѣка; IV. Литовская народная поэзія; V. Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи.

Томы IV, V и VI: Смутное время московскаго государства въ началѣ XVII столѣтія.

---

[1]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей университета св. Владиміра, стр. 297. Костомаровъ писалъ въ газетахъ «Новое Время», «Голосѣ» и «Газетѣ Гатцука», подъ псевдонимомъ Богучарова. Ibid., стр. 291.

Томы VII и VIII: Сѣверно-русскія народоправства: исторія Новгорода, Пскова и Вятки.

Томы IX, X и XI: Богданъ Хмельницкій [1]).

Томъ XII, Спб. 1872 г.: I. Начало единодержавія въ древней Руси; II. Гетманство Юрія Хмельницкаго; III. Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ; IV. Исторія раскола у раскольниковъ; V. Воспоминанія о молоканахъ.

Томъ XIII, Спб. 1881 г.: I. Преданія первоначальной русской лѣтописи въ соображеніяхъ съ русскими народными преданіями въ пѣсняхъ, сказаніяхъ и обычаяхъ; II. Личность царя Ивана Васильевича Грознаго; III. О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія; IV. Личности смутнаго времени; V. Кто виноватъ въ смутномъ времени; VI. Великорусская народная пѣсенная поэзія.

Томъ XIV, Спб. 1881 г.: I. Аѳанасій Филипповичъ, борецъ за православную вѣру въ западной Руси; II. Петръ Могила предъ судомъ изслѣдователей нашего времени; III. Богданъ Хмельницкій, данникъ Оттоманской Порты; IV. О козакахъ; V. Царевичъ Алексѣй Петровичъ; VI. Павелъ Полуботокъ; VII. Императрица Екатерина I; VIII. Самодержавный отрокъ.

Томъ XV, Спб. 1881 г.: I. Руина. Исторія гетманства Брюховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича.

Томъ XVI, Спб. 1885 г.: I. Мазепа; II. Мазепинцы.

Впродолженіе 1873—1876 г. Н. И. Костомаровъ написалъ *«Русскую исторію въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей»*. До сихъ поръ вышло 6 выпусковъ, а именно:

Выпускъ I: X—XIV столѣтія: I. Князь Владиміръ Святой; II. Великій князь Ярославъ Владиміровичъ; III. Преподобный Ѳеодосій Печерскій; IV. Князь Владиміръ Мономахъ; V. Князь Андрей Боголюбскій; VI. Мстиславъ Удалой; VII. Князь Данило Романовичъ Галицкій; VIII. Князь Александръ Невскій; IX. Московскіе князья братья Даниловичи; X. Преподобный Сергій; XI. Великій князь Димитрій Ивановичъ Донской; XII. Соловецкіе чудотворцы.

[1]) Въ 1884 года вышла 4-мъ изданіемъ.

Выпускъ II: XV и XVI столѣтія: XIII. Великій князь и государь Иванъ Васильевичъ; XIV. Новгородскій архіепископъ Геннадій; XV. Московскій государь великій князь Василій Ивановичъ; XVI. Преподобный Нилъ Сорскій и Вассіанъ, князь Патрикѣевъ; XVII. Максимъ Грекъ; XVIII. Сильвестръ и Адашевъ; XIX. Матвѣй Семеновичъ Башкинъ и его соучастники; XX. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

Выпускъ III: XV и XVI столѣтія: XXI. Ермакъ Тимофеевичъ; XXI. Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій; XXIII. Борисъ Годуновъ; XXIV. Названый Димитрій; XXV. Марина Мнишекъ; XXVI. Василій Шуйскій: XXVII. Князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій; XXVIII. Патріархъ Гермогенъ и Прокопій Ляпуновъ; XXIX. Троицкій архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ; XXX. Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ и князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій; XXXI. Филаретъ Никитичъ Романовъ.

Выпускъ IV: XVII столѣтіе: I. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ: II. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила; III. Царь Алексѣй Михайловичъ; IV. Патріархъ Никонъ.

Выпускъ V: XVII столѣтіе: V. Малороссійскій гетманъ Зиновій-Богданъ Хмельницкій; VI. Преемники Богдана Хмельницкаго; VII. Стенька Разинъ; VIII. Сибирскіе землеискатели XVII вѣка; IX. Галятовскій, Радивиловскій и Лазарь Барановичъ; X. Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій и ихъ преемники; XI. Юрій Крижаничъ; XII. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ; XIII. Царевна Софья; XIV. Ростовскій митрополитъ Димитрій Туптало.

Выпускъ VI: XVIII столѣтіе: XV. Петръ Великій; XVI. Гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа; XVII. Царевичъ Алексѣй Петровичъ; XVIII. Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ; XIX. Архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ.

По упоминанію самаго Костомарова (см. «Біографич. словарь проф. и преподав. имп. унив. св. Владиміра», стр. 291), написанъ и VII-й выпускъ «Исторіи въ жизнеописаніяхъ», въ которомъ біографіи доведены до Екатерины II.

Историческо-беллетристическія произведенія Костомарова.

1) *Сынъ*. Истор. пов. изд. 1859 и 64 г.

2) *Кремуцій Кордъ*. Истор. драма 1862 г.

3) *Кудеяръ*. Истор. пов. 1882 г.

4) *Холопъ*. Истор. пов. (Новое Время 1878 г.)

5) *Чернигoвка*. Истор. пов. 1881 г.

6) *Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка* (Кіев. Стар. 1883 г.)

7) *Еллины Тавриды*. Истор. драма 1884 г.

II. Произведенія на малорусскомъ языкѣ.

(Псевдонимъ: Іеремія Галка).

1) *Савва Чалий*. Драматичні сцени въ 5 діяхъ. Харьковъ 1838 р.

2) *Украинскія баллады*. Харьковъ 1839 г.

3) *Вітка*. Збірникъ віршівъ (всѣхъ 30). Харьковъ 1840 г.

4) *Переяславська нічъ*, трагед. въ 9 сценахъ и *Еврейські співонки Байрона*. Сніпъ, украінський поворочникъ. Харьковъ 1841 г.

5) *Сказки: «Торба и Лови» и 17 стихотвореній*. Въ сборникѣ И. Бецкаго: *Молодикъ*, украинскій альманахъ на 1843 г. Харьковъ 1843 г.

6) *Вірші* (всѣхъ 4). Малорусскій литературный сборникъ Мордовцева. Саратовъ. 1859 г.

7) *Вірші*. Основа 1869 г., 1—3; Галицкій журналъ «Світъ» 1882 г., № 13.

8) *Христіянство и кріпацтво*. Основа 1862 г., № 6.

9) *Загадка*. Сцени. Основа 1862 г., № 6.

10) *Судъ чехівъ надъ собою*. Основа 1862 г., № 9.

11) *Збірникъ творівъ І. Галки*. Одесса 1875 г (заключаетъ въ себѣ: a) Савва Чалий, b) Переяславська нічъ, c) Загадка, d) Вірші—числомъ 50).

Ѳ. Николайчикъ.

III.

Н. И. Костомаровъ, какъ историкъ [1]).

Настоящее засѣданіе намъ приходится открыть грустною, всѣмъ правда извѣстною уже новостью. Разумѣю смерть Н. И. Костомарова, одного изъ первоклассныхъ русскихъ ученыхъ, работавшаго на полѣ отечественной исторіи долго и неутомимо.

Если покойный историкъ имѣетъ право на всеобщее уваженіе и признаніе его заслугъ всѣми образованными людьми, интересующимися преуспѣяніемъ наукъ въ Россіи, то мы съ удвоенною скорбью должны принять извѣстіе о его кончинѣ, потому что имя его было неразрывно связано съ университетомъ, при которомъ наше общество имѣетъ честь состоять.

Преподавательская дѣятельность Николая Ивановича, правда, слишкомъ кратковременная, началась на каѳедрѣ нашего университета. Университетъ Св. Владиміра первый оцѣнилъ ученыя заслуги Николая Ивановича: въ 1864 году онъ призналъ его почетнымъ докторомъ исторіи, а празднуя пятидесятилѣтнюю годовщину своего существованія, возвелъ его въ свои почетные члены.

Намъ, конечно, какъ лицамъ, заинтересованнымъ въ преуспѣяніи отечественной исторіи, слѣдуетъ помянуть Николая Ивановича, какъ дѣятеля историческаго. Я не стану перечислять его многочисленныхъ трудовъ. Изумительная плодовитость покойнаго дала намъ такой громадный сборникъ его сочиненій, что одно перечисленіе ихъ заняло-бы гораздо болѣе времени, чѣмъ мы можемъ посвятить теперь грустному воспоминанію о немъ. Мы укажемъ поэтому лишь главныя типическія черты, которыя характеризуютъ Николая Ивановича, какъ историка.

Прежде всего нашъ историкъ бралъ матеріалъ для своихъ изслѣдованій изъ *первыхъ* источниковъ, изъ первыхъ рукъ. Онъ никогда не прибѣгалъ къ темамъ разработаннымъ, не пользовался чужими трудами. Архивы и разныя другія древне-хранилища — вотъ мѣста, откуда онъ добывалъ свой сырой матеріалъ, и онъ

[1]) Сказано въ засѣданіи общества пр. Нестора Лѣтописца предсѣдателемъ онаго профессоромъ университета св. Владиміра В. Б. Антоновичемъ, 14 апрѣля 1885 г.

разрабатывалъ его тщательно, подвергалъ суровой, строгой, въ уровень съ наукой, критикѣ. Только переработавъ матеріалъ критически, Николай Ивановичъ воспроизводилъ изъ него исторію того или другаго историческаго событія, біографію того или другаго историческаго дѣятеля, иногда цѣлую эпоху. Въ изображеніи историческихъ событій господствующею чертою покойнаго была художественность, которою всѣ, читавшіе его произведенія, увлекались. Сочетаніе въ талантѣ Николая Ивановича указанныхъ чертъ было тою счастливою случайностію, которую рѣдко можно наблюдать въ ученомъ историческомъ мірѣ. Въ ряду представителей европейской исторической науки типъ наиболѣе близкій къ тому, который представлялъ собою нашъ историкъ, можно, кажется, видѣть въ Augustin Thierry. Таже эрудиція и умѣнье добывать матеріалъ изъ сырья, таже строго-научная критика и художественность въ воспроизведеніи историческихъ эпизодовъ... Архивные поиски Н. И. Костомарова оставили громадный слѣдъ за собой; начались они, какъ извѣстно, съ перваго юношескаго возраста, когда онъ въ качествѣ молодаго юнкера, случайно попавшаго въ военную сферу, долженъ былъ бросить эту службу, потому что увлекся маленькимъ провинціальнымъ архивомъ. Начиная съ этого, острогожскаго архива, Николай Ивановичъ обнаружилъ замѣчательное умѣнье вѣрно отыскивать историческіе памятники, собирая сырьё и приготовляя изъ него матеріалъ для будущихъ работъ. Уже одно пребываніе его въ Саратовѣ и Царицынѣ обогатило его громаднымъ количествомъ матеріала, добытаго изъ мѣстныхъ архивовъ; когда же онъ переселился въ Петербургъ, то въ поискахъ за архивнымъ матеріаломъ дѣлилъ свое время между этой столицей и Москвой. Въ московскомъ румянцевскомъ музеѣ, въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и министерства юстиціи, за лѣтописями и мемуарами въ рукописномъ отдѣлѣ императорской публичной библіотеки, просиживалъ нашъ историкъ по цѣлымъ днямъ, извлекая оттуда богатыя данныя съ удивительною опытностью и умѣлостью, а потомъ весь этотъ матеріалъ мы встрѣчаемъ въ цѣломъ рядѣ вѣскихъ томовъ, которые изданы Императорскою Археографическою Коммиссіею.

Для опредѣленія критическаго отношенія Николая Ивановича къ историческимъ фактамъ довольно указать на то сочиненіе, которое въ критикѣ нашихъ лѣтописей составило переворотъ, т. е. на тотъ курсъ лекцій, который былъ читанъ имъ въ 1860 году въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ онъ въ первый разъ систематически разобралъ составъ, происхожденіе и источники древнихъ русскихъ лѣтописей. Занявшись потомъ древнимъ періодомъ русской исторіи, онъ относился вообще довольно скептически къ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ и, подвергая критической оцѣнкѣ ихъ достовѣрность, отыскивалъ и указывалъ источникъ, откуда повѣствованіе взято лѣтописцемъ. Въ отношеніи художественности это былъ истинный талантъ, въ своемъ осуществленіи увлекавшій тою яркостію красокъ, цѣльностію картинъ, мѣткостію очертаній, историческою жизненностію и правдою, которыя мы замѣчаемъ въ сочиненіяхъ покойнаго. Истинное значеніе и такъ сказать секретъ этой увлекательности мы поймемъ, когда обратимъ вниманіе на тѣ пріемы, какими сопровождались работы нашего историка и тотъ процессъ, который проходила каждая изъ нихъ.

Николай Ивановичъ занимался *исключительно исторіею Россіи*, исторіею своего народа; но на народъ онъ смотрѣлъ, какъ на живой организмъ. Историческія данныя, опредѣляющія жизнь и судьбу этого народа черпалъ онъ изъ архивныхъ документовъ или изъ старинныхъ лѣтописей; но эти данныя не оставались въ представленіи историка сухимъ перечнемъ лицъ и событій, не были однимъ лишь пергаментнымъ сюжетомъ кабинетной работы. Дѣйствующія лица, событія, цѣлыя эпохи, одушевлялись въ богатомъ творческомъ воображеніи автора и, не теряя реальнаго, провѣреннаго строгою критикою характера исторической истины, стряхивали съ себя гробовую плѣсень и воспроизводились въ исполненныхъ жизни картинахъ. Конечно, желая удержаться въ предѣлахъ исторической истины и вмѣстѣ съ тѣмъ освѣтить описываемые сюжеты изъ прошедшаго, иногда довольно отдаленнаго, историкъ становился подъ-часъ въ трудное по свойству самаго матеріала положеніе: изъ документовъ бытовыя подробности онъ могъ собрать только въ видѣ разрозненныхъ, отдѣльныхъ чертъ, съ трудомъ укладывав-

шихся въ цѣльную картину, а въ лѣтописяхъ запасъ бытовыхъ подробностей оказывался еще скуднѣе, такъ какъ описаніе внѣшнее, фактическое заслоняло ихъ почти всецѣло; между тѣмъ эти-то подробности и были необходимы для понятія исторической эпохи. Чтобы восполнить этотъ скудный матеріалъ, нашъ историкъ обращался съ одной стороны, гдѣ возможно было, къ мемуарамъ, т. е. къ запискамъ современниковъ, съ другой—бралъ массу красокъ изъ *этнографіи*, для возстановленія быта и понятій народныхъ массъ. Этой вспомогательной исторической наукѣ, составляющей важный источникъ историческаго познанія, онъ посвятилъ много времени, много труда и немало готовыхъ работъ; онъ самъ собиралъ пѣсни, пословицы, легенды, преданія и пользовался работами другихъ,—тѣми многочисленными сборниками по этнографіи, которые выходили въ его время. Матеріалу этому ученый историкъ, конечно, не придавалъ фактическаго значенія, но въ уцѣлѣвшихъ въ народной литературѣ историческихъ намекахъ и указаніяхъ старался уловить нравственную физіогномію эпохи, дополнить имя тѣ нѣжныя, тонкія, неуловимыя черты, которыя вывѣтрились и засохли въ строго-историческихъ памятникахъ. Этнографію въ широкихъ размѣрахъ онъ считалъ необходимымъ вспомогательнымъ источникомъ для изученія русской исторіи. Понятно, что при указанныхъ выше чертахъ своей научно-исторической дѣятельности Николай Ивановичъ *не могъ браться за любые сюжеты*, и если мы припомнимъ его многочисленныя историческія работы, то увидимъ, что выборъ сюжета для него составлялъ особую задачу, далеко не легкую. Онъ бралъ по преимуществу сюжеты, исполненные высокаго драматизма, въ которыхъ народный духъ проявлялся во всей полнотѣ своего развитія, или личности, біографіи которыхъ были настолько типичны и исполнены рельефныхъ, характерныхъ чертъ, что историкъ могъ ихъ воспроизвести во всей ихъ жизненной полнотѣ.

Въ послѣднее время Николай Ивановичъ пожелалъ написать исторію Россіи, но отказался написать ее въ видѣ прагматическаго разсказа; за то онъ построилъ, такъ сказать, Россію въ біографіяхъ

ея историческихъ лицъ. Этотъ методъ былъ для него совершенно доступенъ.

Припоминая многочисленные труды Николая Ивановича на полѣ исторіи, нельзя не обратить вниманія на то, что въ одномъ отношеніи если онъ не самъ проложилъ, то способствовалъ къ проложенію новаго пути въ исторіи. Занимаясь общими задачами русской исторіи, онъ обратилъ весьма серьезное вниманіе на научную разработку областной исторіи Россіи. Въ этомъ отношеніи онъ проще понялъ положеніе исторіи въ Россіи, чѣмъ другой, современный ему, даровитый историкъ русскій, Дмитрій Ивановичъ Иловайскій. Появившіяся почти одновременно первыя двѣ ихъ монографіи: «Рязанское княжество» и «Сѣверно-русскія народоправства» произвели новый переворотъ въ русской исторіи; а затѣмъ областныхъ монографій покойнаго находимъ много. Изъ нихъ особенно извѣстны относящіяся къ удѣльному времени русской исторіи.

Въ 1861 году появилась статья Николая Ивановича о «федеративномъ началѣ» въ русской исторіи, гдѣ онъ доказывалъ, что заниматься этой наукой, не сдѣлавши систематическаго обозрѣнія всѣхъ областей, на которыя распадалась Русь, невозможно и что тутъ открываются такія черты, которыхъ прежніе историки не замѣчали.

Достойны особаго вниманія взгляды Николая Ивановича на „послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, а также цѣлый рядъ его работъ по исторіи Днѣпровскаго казачества. Этой послѣдней онъ занимался съ особенною любовію, посвятилъ ей много времени и труда, но примѣнилъ къ ней съ полнымъ безпристрастіемъ тѣ же пріемы здравой исторической критики, которые отличаютъ всѣ его историческіе труды, и произвелъ въ ней также значительный, если не совершенный переворотъ. До Николая Ивановича спеціальная *южно-русская* исторія была почти совсѣмъ не разработана, находилась можно сказать въ хаотическомъ состояніи, была заслонена массою измышленій, предвзятыхъ, фиктивныхъ гипотезъ, фантастическихъ выдуманныхъ положеній, цѣлую массу которыхъ заключала въ себѣ любимая, въ свое время, хо-

дившая долго въ спискахъ и наконецъ напечатанная «Исторія Русовъ», которая долго приписывалась архіепископу Георгію Конисскому. Было собственно два предшественника Николая Ивановича, которые много потрудились въ разработкѣ мѣстной южно-русской исторіи: это—извѣстные Бантышъ Каменскій и М. А. Максимовичъ. Бантышъ-Каменскій ограничился собраніемъ матеріала, и его попытка составить исторію Малороссіи была неудачною: если она представляетъ какую-либо цѣну, то лишь наборомъ архивнаго матеріала, который Бантышъ-Каменскій внесъ въ свою исторію, заимствовавъ его изъ обширныхъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Гораздо болѣе послѣдовательны выводы и указанія Максимовича; но Максимовичъ всю свою дѣятельность этого рода провелъ въ борьбѣ, такъ сказать, съ препятствіями. Не смотря на свою глубокую эрудицію, трудолюбіе, онъ, по его собственному выраженію, оттачивалъ лишь «кирпичи для будущей исторіи южной Россіи». На каждой строкѣ этой исторіи его встрѣчаютъ неточности, предвзятыя положенія, фиктивныя данныя, и много труда и времени онъ долженъ былъ употребить, чтобы исторію Малороссіи очистить отъ указанныхъ недостатковъ. Хотя многіе труды его содѣйствовали отчасти Николаю Ивановичу, но по своимъ выводамъ были далеки еще отъ тѣхъ предѣловъ, которые этотъ послѣдній намѣтилъ въ своихъ научныхъ требованіяхъ. Для изученія въ систематическомъ порядкѣ событій южной Россіи и точнаго ихъ освѣщенія покойный историкъ прибѣгалъ къ самымъ источникамъ. Одиннадцать томовъ актовъ южной и западной Россіи, изданные подъ его редакціей, пополнялись въ значительной долѣ работами другихъ. Уже благодаря трудамъ покойнаго Бодянскаго, лѣтописный матеріалъ сталъ пріобрѣтать значеніе для образованнаго общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ историческая зрѣлость общества и кругозоръ его мало по малу расширялись. Николай Ивановичъ пошелъ еще дальше, и въ этомъ отношеніи интересенъ процессъ изданія имъ самимъ историческихъ памятниковъ въ упомянутомъ выше числѣ томовъ. Присоединивъ свой матеріалъ къ матеріалу, собранному другими, онъ употребилъ такую систему разработки его: по мѣрѣ того какъ

набирался одинъ томъ, онъ бралъ крупнѣйшіе факты изъ извѣстнаго періода и пока подготовлялся къ изданію второй томъ, на основаніи собраннаго уже матеріала, обработывалъ ихъ и въ видѣ монографій выпускалъ затѣмъ въ свѣтъ. Отсюда длинный рядъ монографій, посвященныхъ исторіи южной Россіи; въ послѣднемъ сочиненіи его, вышедшемъ почти на дняхъ, эта исторія доведена Николаемъ Ивановичемъ до конца первой четверти XVIII стол.

По временамъ въ журнальныхъ и газетныхъ рецензіяхъ, по поводу изданія новыхъ трудовъ Николая Ивановича, слышалось неодобреніе одной стороны его научно-исторической дѣятельности, именно его излишняго якобы скептицизма. Мы обращаемъ вниманіе на этотъ упрекъ, какъ на единственный, который раздавался противъ него въ исторической литературѣ. Николая Ивановича обвиняли и упрекали въ излишней, такъ сказать, строгости историко критическихъ его требованій, въ какомъ-то какъ бы преднамѣренномъ развѣнчиваніи нѣкоторыхъ отечественныхъ героевъ и сведеніи ихъ съ историческихъ пьедесталовъ, въ недовѣріи къ установившимся издавна въ исторической наукѣ разсказамъ и характеристикамъ, основаннымъ на извѣстныхъ преданіяхъ, и это было всякій разъ, когда онъ, подвергая строгой исторической критикѣ эти преданія, приходилъ не къ такимъ выводамъ, на которыхъ привыкли успокоиваться прежніе историки и нѣкоторые ему современные. Но въ этомъ, по нашему мнѣнію, и состоитъ великая заслуга покойнаго писателя. Только историкъ, глубоко вѣрующій въ могущество своего народа, въ его силы, въ его будущность и духовную мощь, не стѣсняется отстранять то, что хотя иногда и пріятно патріотическому чувству, но не выдерживаетъ строгой критики, или такія преданія, которыя граничатъ очень часто съ панегирикомъ. Какъ писатель глубоко патріотическій, какъ человѣкъ, которому присуща была вѣра въ будущность русскаго народа, въ его могущество, въ его духовныя силы, Николай Ивановичъ не могъ стѣсняться такими дюжинными соображеніями, какъ храненіе хотя и давнихъ, но ложныхъ традицій и основаннаго на нихъ фальшиваго національнаго самоуслажденія. Намъ кажется, что только писатель, не до-

вѣряющій умственнымъ силамъ и духовному могуществу своего народа, можетъ *per tacitum consensum* остерегаться прикосновенія къ исторической традиціи даже тогда, когда на основаніи критическихъ изслѣдованій онъ потерялъ довѣріе къ ней. Истинный историкъ знаетъ, что исторія—это есть народное самопознаніе и что чѣмъ болѣе вносится въ него свѣта, правды и науки, тѣмъ выше, нравственнѣе, а слѣдовательно и могущественнѣе становится данный народъ; духовныя силы развиваются не отъ созданія фантастическихъ тенденціозныхъ образовъ, а отъ трезваго и, прежде всего, истиннаго пониманія своего прошедшаго.

Ошибался ли нашъ историкъ, или нѣтъ, въ своихъ сужденіяхъ о нѣкоторыхъ историческихъ событіяхъ и лицахъ, это укажетъ будущее; но даже если-бы онъ ошибался, то онъ поступалъ *bonâ fide*, по убѣжденію, по долгу, такъ сказать, совѣсти историка. Съ сердечною можетъ быть иногда болью, Николай Ивановичъ дотрогивался до преданій, которыя были пріятны его пытливому духу, и не могъ скрывать въ душѣ тѣхъ сомнѣній, какія возникали относительно ихъ въ его строго логическомъ умѣ; но если бы и были у него ошибки, то во всякомъ случаѣ это ошибки совершенно искреннія, вытекавшія изъ убѣжденія въ истинѣ высказываемаго по данному вопросу взгляда, взгляда освѣщеннаго возможнымъ для изслѣдователя изученіемъ источниковъ и практическою ихъ провѣркою. Покойный Николай Ивановичъ на сдѣланное ему въ такомъ направленіи возраженіе могъ всегда сказать: *quod potui, feci, faciant meliora potentes!*

Къ величайшимъ заслугамъ умершаго историка нашего нужно отнести и ту черту, которая должна быть присуща всякому добросовѣстному изслѣдователю,—это *готовность признать свою ошибку* и сейчасъ же обратить на нее свое вниманіе, какъ только она ему указана или онъ самъ додумался до этого. Николай Ивановичъ никогда не отстаивалъ своего положенія, если оно было не вѣрно. Для примѣра укажемъ два случая. Было время, когда Николай Ивановичъ былъ сильно заинтересованъ вопросомъ о происхожденіи варяговъ. Онъ высказывалъ мысль, что имѣетъ достаточное основаніе для того, чтобы варяговъ отождествлять съ

литовцами. Это возбудило оживленную полемику.—Погодинъ, который очень дорожилъ своимъ мнѣніемъ по этому вопросу, предложилъ публичный диспутъ, и Николай Ивановичъ охотно принялъ его. Диспутъ ни къ чему не привелъ и оба противника остались при своихъ мнѣніяхъ; но когда впослѣдствіи этотъ же вопросъ былъ въ новомъ свѣтѣ представленъ Иловайскимъ, Николай Ивановичъ призналъ, что Иловайскій правъ и что въ варягахъ дѣйствительно нужно видѣть славянъ.—Прослѣдимъ другой фактъ. То сочиненіе, которымъ покойный Николай Ивановичъ болѣе всего дорожилъ и котораго художественная отдѣлка особенно замѣчательна,--разумѣю монографію о Богданѣ Хмельницкомъ,—вызвало цѣлый рядъ весьма обстоятельныхъ возраженій по частностямъ со стороны М. А. Максимовича, работавшаго всю жизнь надъ этой эпохой и имѣвшаго громадный запасъ матеріала. Въ цѣломъ рядѣ историческихъ писемъ, число которыхъ доходило до тридцати, Максимовичъ указывалъ въ названномъ трудѣ Костомарова неточности, ошибки, фактическія несообразности. Николай Ивановичъ отвѣчалъ на тѣ только возраженія Максимовича, съ которыми не былъ согласенъ, основываясь на другихъ данныхъ; на *большинство* же возраженій онъ не отвѣчалъ, но въ другомъ изданіи своей монографіи всѣ мѣста, указанныя Максимовичемъ, *поправилъ*. Эта черта свидѣтельствуетъ о высокой добросовѣстности писателя-историка и ученаго, не всегда встрѣчающаяся у писателей, пріобрѣвшихъ громкую извѣстность.

Не сомнѣваюсь, что только въ слабой степени мнѣ удалось указать черты многоплодной дѣятельности незабвеннаго историка и что другіе могутъ дополнить еще новыми чертами мой скороспѣлый очеркъ и представить въ болѣе полномъ и яркомъ свѣтѣ дорогой намъ образъ усопшаго. Но время впереди...

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ понесенной утраты пожелаемъ, чтобы и впослѣдствіи на полѣ русской исторіи было побольше дѣятелей, которые отличались бы такимъ трудолюбіемъ, знаніемъ, эрудиціей и въ особенности художественностью, какія мы видимъ въ твореніяхъ почившаго, и приносили бы столько плодовъ этой наукѣ, сколько принесъ ей покойный Николай Ивановичъ.

В. Б. Антоновичъ.

IV.

Н. И. Костомаровъ, какъ этнографъ [1]).

Въ своей лекціи «Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи», читанной въ Географическомъ Обществѣ въ 1863 г., Николай Ивановичъ сказалъ: «Исторія должна идти рука объ руку съ этнографіей. Обѣ науки должны быть изучаемы вмѣстѣ и развиваться нераздѣльно одна отъ другой. Историкъ долженъ быть этнографомъ уже потому, что онъ историкъ, и наоборотъ—этнографъ дѣлается въ нѣкоторомъ смыслѣ историкомъ, насколько онъ этнографъ» [2]).

Въ одной болѣе ранней его статьѣ [3]) читаемъ слѣдующія строки: «народныя произведенія носятъ на себѣ отпечатокъ нѣкотораго рода исключительности, которую надо усвоить изученіемъ поэтическаго народнаго быта, чтобъ сочувствовать ей вполнѣ». Это было написано въ 1857 году, когда Николай Ивановичъ могъ съ полнымъ правомъ прійти къ такому выводу, руководствуясь не только одними теоретическими соображеніями, но и личнымъ чувствомъ, какъ человѣкъ, переживший это сочувствіе къ исключительности русской народной поэзіи и не мало поработавшій надъ изученіемъ поэтическаго народнаго творчества,—однимъ словомъ, какъ человѣкъ, глубоко уразумѣвшій всѣ задачи и все значеніе этнографіи въ широкомъ пониманіи этого слова.

Какими-же путями и при какихъ условіяхъ выработалась въ немъ эта любовь къ изученію народной жизни? Вопросъ этотъ является самъ собою, такъ какъ мы знаемъ, что Николай Ивановичъ по происхожденію своему не былъ настолько тѣсно связанъ съ южнорусскимъ населеніемъ, чтобы, такъ сказать, стихійно, по природѣ отдаться этой идеѣ. Будучи родомъ изъ воронежской губерніи острогожскаго уѣзда, т. е. изъ той мѣстности, гдѣ насе-

---

[1]) Читано въ засѣданіи «Историческаго общества Нестора лѣтописца» 14 апрѣля 1885 года.

[2]) Монографія Н. И. Костомарова, т. III, стр. 360.

[3]) Библіографическія статьи о «Запискахъ о южной Руси» Кулиша. Отечественныя Записки 1857 г., № 6 и 9.

леніе малорусское живетъ въ перемежку съ великорусскимъ, Николай Ивановичъ едва-ли могъ въ этотъ дѣтскій періодъ своей жизни воспитать въ себѣ особенную любовь къ Украйнѣ и ея народу. Воспитываясь затѣмъ въ частномъ московскомъ пансіонѣ и въ воронежской гимназіи, онъ скорѣе могъ утратить и тѣ задатки влеченія къ простонародью, которые могли быть вынесены изъ дому. Но вотъ ѣдетъ онъ доканчивать свое образованіе въ харьковскій университетъ, и тутъ почти сразу начинаетъ заниматься весьма усердно изученіемъ народности. Несомнѣнно, этому способствовала сама обстановка тогдашней культурной жизни города Харькова. Хотя г. де-Пуле въ своихъ воспоминаніяхъ о харьковскомъ университетѣ [1]) говоритъ, что въ ту пору «южное украинофильство» не появлялось еще въ Харьковѣ, но здѣсь очевидно автора вводитъ въ заблужденіе самый терминъ, употребленный имъ, потому что именно въ тѣ годы ни въ одномъ городѣ Украйны не обнаруживалась такъ сильно любовь къ народу и народности, какъ въ Харьковѣ. Вспомнимъ нѣкоторыхъ дѣятелей на почвѣ народной, въ среду которыхъ попалъ Николай Ивановичъ, поступивши въ харьковскій университетъ и по окончаніи его оставшись жить въ Харьковѣ.

Въ то время живъ былъ еще извѣстный народный писатель и горячо преданный Украинѣ человѣкъ, Грицько Основьяненко (Григорій Квитка), проживавшій въ своемъ хуторѣ Основа, вблизи Харькова. Не могъ Николай Ивановичъ не позаимствовать этой любви къ народности отъ того человѣка, котораго побойный П. И. Срезневскій въ поминальныхъ словахъ о немъ назвалъ «*первымъ народнымъ писателемъ* въ Украйнѣ» [2]). Еще болѣе должно было оказать на него вліянія въ этомъ направленіи близкое знакомство съ Гулакомъ-Артемовскимъ, давно уже осѣвшимся въ Харьковѣ; у него, во время своего студенчества, жилъ Николай Ивановичъ, а именно въ тотъ періодъ, когда Гулакъ-Артемовскій, послѣ не вполнѣ удачныхъ опытовъ въ русской беллетристикѣ и стихотворствѣ,

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1874 г., № 1 и 2.

[2]) Москвитянинъ, 1843 г., ч. IV, стр. 503.

перешелъ къ писанію малорусскихъ стихотвореній, доставившихъ автору въ то время чрезвычайную славу и популярность. Самъ Николай Ивановичъ даетъ о немъ отзывъ, какъ о человѣкѣ, знавшемъ въ мельчайшихъ подробностяхъ народный бытъ и нравы малороссовъ. Тутъ-же, въ Харьковѣ, встрѣтилъ Николай Ивановичъ и давняго харьковянина Амвросія Метлинскаго, въ малорусской письменности извѣстнаго болѣе подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы, который, по словамъ Николая Ивановича, «изучилъ сокровищницу поэтической стороны Малороссіи и является вездѣ, какъ талантъ, сознающій свой предметъ» [1]). Можно вспомнить также двухъ братьевъ Степана и Петра Писаревскихъ и Кухаренка, которые подвизались тогда въ Харьковѣ, какъ малорусскіе писатели, и Корсуна, издателя алманаха «Сніпъ», въ которомъ помѣщены были и нѣкоторыя малорусскія стихотворенія Николая Ивановича. А въ завершеніе всего тутъ еще въ 1833 году началъ издавать «Запорожскую Старину» И. И. Срезневскій, который помѣстилъ въ ней значительное число думъ и пѣсень малорусскихъ съ историческими объясненіями, а свое стремленіе къ народоизученію заявилъ публично по поводу смерти Квитки, сказавъ, что дѣйствовать на простолюдиновъ можетъ языкъ человѣческій только въ той формѣ, къ какой привыкли они съ дѣтства въ своемъ простомъ сельскомъ быту [2]). Вотъ тотъ кругъ лицъ,— не въ смыслѣ, правда, опредѣленнаго литературнаго кружка,—которыхъ стремленія къ народоизученію и любовь къ своему меньшему брату не могли не отразиться на направленіи и всей дальнѣйшей дѣятельности Николая Ивановича, тѣмъ болѣе, что съ одними изъ нихъ онъ былъ связанъ дружбою, а къ другимъ относился съ уваженіемъ и любовью, какъ напримѣръ, къ Срезневскому, у котораго постоянно бывалъ въ домѣ и въ честь котораго написалъ малорусскіе стихи при проводахъ его за границу. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Николай Ивановичъ

---

[1]) Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малорусскомъ языкѣ. Іеремія Галка (Молодикъ на 1843 г.).

[2]) Москвитянинъ, 1843 г., ч. IV, стр. 503.

вскорѣ проникся такимъ-же стремленіемъ къ изученію этнографическихъ особенностей южно-русскаго племени и такимъ же желаніемъ и самому поработать на народной нивѣ, какими заявляли себя въ то время близкіе ему харьковцы

На первыхъ порахъ эта страсть къ этнографіи проявилась у него болѣе въ художественной формѣ, нежели въ научной, результатомъ чего и были тѣ его малорусскія драматическія и лирическія произведенія, которыя начались еще со студенческой скамейки и продолжались нѣкоторое время и послѣ окончанія университета, когда и появились въ свѣтъ подъ псевдонимомъ Іереміи Галки. Но будучи по натурѣ менѣе склоннымъ къ художественной этнографіи, нежели къ научной, Николай Ивановичъ вскорѣ переходитъ къ этой послѣдней и тутъ постепенно работаетъ, то какъ собиратель сырого матеріала народной словесности, то еще болѣе, какъ изслѣдователь матеріала, уже собраннаго. Чтобы показать, какое значеніе придавалъ онъ этому научному изслѣдованію въ дѣлѣ примѣненія его къ писательству на народномъ языкѣ, я приведу слова его изъ статьи о «Запискахъ о южной Руси» Кулиша, слова, въ которыхъ высказана мысль, не разъ потомъ повторенная имъ, какъ только онъ касался вопроса о южно-русской литературѣ. «Въ наше время (это было въ 1857 г.), говоритъ Николай Ивановичъ, писатели повѣстей, очерковъ и драматическихъ сочиненій выводятъ въ своихъ произведеніяхъ лица, говорящія съ областными особенностями, стараются подладиться подъ рѣчь простолюдина и считаютъ, повидимому, литературнымъ достоинствомъ удержаніе мелкихъ фонетическихъ и этимологическихъ отмѣнъ и синтаксическихъ своеобразностей. Правда, это направленіе доводитъ писателей, въ сущности мало знакомыхъ съ народною жизнію, до безплоднаго набора словъ изъ областнаго словаря и выраженій изъ сборниковъ пословицъ и поговорокъ; за то оно показываетъ, что прошла пора скользить по поверхности народнаго быта и схватывать съ него общія черты, что наступила потребность знать и изображать свою народность основательно со всѣми ея изгибами» [1]). Ясно послѣ этого, почему

[1]) Отечественныя Записки 1857 г., № 6, отдѣлъ критики, стр. 44.

Николай Ивановичъ, сознавая всю силу научнаго изученія народа, почти покидаетъ дѣятельность поэта-этнографа и становится болѣе ученымъ изслѣдователемъ народной жизни въ ея настоящемъ и прошломъ. Первый трудъ его въ этомъ направленіи былъ изданъ въ 1843 г.; но чтобы лучше видно было его значеніе, необходимо хотя коротко вспомнить о томъ, въ какомъ положеніи находилась тогда южно-русская этнографія.

Изъ серьезныхъ этнографическихъ изслѣдованій того времени, кромѣ сочиненія О. Бодянскаго «О народной поэзіи славянскихъ племенъ» (издано въ 1837 г.), небольшая часть котораго посвящена болѣе общей характеристикѣ южно-русскихъ пѣсенъ, нельзя, кажется указать ничего выдающагося, да и самые матеріалы далеко были неполные. За первымъ сборникомъ малорусскихъ думъ (всѣхъ 8) князя Цертелева, изданнымъ въ 1819 г. съ весьма плохими варіантами, слѣдовало небольшое собраніе малороссійскихъ пѣсенъ Максимовича (1827 г.), главнымъ образомъ рисующихъ семейный бытъ, а затѣмъ съ 1833—38 гг. идетъ 6-ть выпусковъ «Запорожской Старины Срезневскаго,—изданіе, значительно отличавшееся отъ первыхъ двухъ, какъ количествомъ матеріала, такъ и тѣмъ методомъ, которому слѣдовалъ издатель, а именно: имъ впервые была указана важность оцѣнки историческихъ пѣсенъ совмѣстно съ критическимъ разборомъ событій,—хотя, наряду съ этими достоинствами, были и очень крупные недостатки, сказывавшіеся какъ въ поддѣлкѣ нѣкоторыхъ думъ, такъ и въ неясномъ толкованіи нѣкоторыхъ фактовъ. Далѣе слѣдовалъ сборникъ Вацлава изъ Олеска, изданный въ Галиціи въ 1833 году, но въ немъ южно-русскихъ пѣсенъ очень немного; въ 1834 г. явились «Украинскія пѣсни» Максимовича, среди которыхъ было немного новыхъ, но за то онѣ снабжены весьма серьезными историческими примѣчаніями; въ 1836 г.—«Малороссійскія и Червонорусскія думы и пѣсни» Лукашевича, гдѣ помѣщено нѣсколько прекрасныхъ думъ и пѣсенъ, явившихся впервые въ печати, и наконецъ въ 1840 г. сборникъ Жеготы Паули, изданный въ Галиціи и заключающій нѣсколько новыхъ историческихъ пѣсенъ. Вотъ и все, что было тогда въ печати, такъ какъ обширный сборникъ Ходаковскаго и

громадное собраніе пѣсенъ (болѣе 8 тысячъ) Бодянскаго, о которомъ онъ заявлялъ въ упомянутомъ выше сочиненіи «О народной поэзіи славянскихъ племенъ», были въ рукописи и оставались невѣдомыми міру. Еще слабѣе представлена была въ то время этнографія Великой Россіи, такъ какъ главнаго матеріала—пѣсеннаго и сказочнаго—было издано гораздо меньше, чѣмъ въ Малороссіи.

Съ этими печатными матеріалами въ рукахъ и приступилъ Николай Ивановичъ, послѣ уничтоженія его первой магистерской диссертаціи объ уніи, къ составленію второй: «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи» (изд. въ Харьковѣ 1843 г.) Впрочемъ, извѣстно, что Николай Ивановичъ, понимая бѣдность печатнаго матеріала, долго собиралъ самъ пѣсни, исключительно малорусскія, такъ какъ ему приходилось собирать ихъ только въ Харьковщинѣ.

Чтобы яснѣе стало, какъ трудно было въ то время выступать съ работой, проводившей принципъ изученія народа и его исторіи по памятникамъ народнаго творчества, я напомню нѣкоторые изъ тѣхъ отзывовъ о трудѣ Николая Ивановича, которые нашли себѣ пріютъ на страницахъ тогдашнихъ журналовъ. «Гердеры, Нибуры, Тьерри, удивляйтесь нашимъ славянскимъ открытіямъ»!—такъ иронически восклицала «Библіотека для чтенія»[1]). «Мы глубокомысленны и дальновидны до самаго нельзя! Примѣромъ сказать книга г. Костомарова: по ея заглавію вы подумаете, что тутъ нѣтъ смысла: *«историческое значеніе поэзіи»* и при томъ *русской народной поэзіи!* Да вѣдь это все равно, что сказать: *«историческое значеніе зелена вина и красныхъ дѣвушекъ въ философіи ямщиковъ!»* И нѣсколько далѣе: «Прочь пыльныя лѣтописи! Дюжину пѣсенниковъ съ порядочнымъ запѣвалой, и вы изучите русскую исторію такъ-же основательно, какъ одинъ ученый изслѣдователь французскую, бѣгая по парижскимъ трактирамъ». Не болѣе глубины въ пониманіи вопроса обнаружили тогда и «Отечественныя Записки»[2]), давши такой отзывъ объ изслѣ-

[1]) Библіотека для чтенія, 1844 г., т. 66-й, отдѣлъ 6-й, стр. 12.

[2]) Отечественныя Записки 1844 г., т. 33-й, отдѣлъ 6-й, стр. 11.

дованіи Николая Ивановича: «Въ наше время, если сочинитель не хочетъ или не умѣетъ говорить о чемъ нибудь дѣльномъ, русская народная поэзія всегда представитъ ему прекрасное средство выпутаться изъ бѣды. Что можно было сказать объ этомъ предметѣ, уже было сказано. Но г-на Костомарова это не остановило, и онъ издалъ о народной русской поэзіи цѣлую книгу словъ, изъ которыхъ трудно было-бы выжать какое-нибудь содержаніе». Если такъ разсуждали тогдашніе толстые журналы, то чего-жъ можно было ожидать отъ средней русской публики? Не безъ того, конечно, чтобы не было совсѣмъ людей, иначе смотрѣвшихъ на дѣло, уразумѣвшихъ истинное значеніе новаго принципа народоизученія, въ подтвержденіе чего я и сошлюсь на критическую статью о трудѣ Николаа Ивановича того ученаго, который тогда уже заявилъ себя своими научными работами въ той-же области, то есть Изм. И. Срезневскаго [1]). Въ то время, какъ большинство читающей публики, вѣроятно, готово было съ улыбкою на устахъ повторять приведенные ироническіе отзывы Библіотеки для чтенія и Отечественныхъ Записокъ, — Срезневскій писалъ въ Москвитянинѣ, что «книга Костомарова драгоцѣнна не для однихъ русскихъ любителей народности, но для Гриммовъ и Тальви столько-же, какъ и для Сахаровыхъ и Снегиревыхъ, Караджичей и Кларовъ; взгляды сочинителя у насъ новость, но на западѣ они еще болѣе новость». И дѣйствительно, въ трудѣ Николая Ивамовича, не лишенномъ нѣкоторыхъ недомолвокъ и недодѣлокъ (что объясняется новизной предмета), мы встрѣчаемся съ такою массою новыхъ фактовъ, а главное—съ такими новыми основными положеніями и съ такой постановкой вопроса, что невольно придется признать, что трудъ этотъ былъ первымъ тогда научно-этнографическимъ изслѣдованіемъ, далеко не утратившимъ своего значенія и по настоящее время.

Исходя изъ той мысли, что человѣкъ лучше всего изучается, если за нимъ есть возможность наблюдать въ моменты его дѣйствій, не разсчитанныхъ на зоркій глазъ наблюдателя, авторъ

---

[1]) Москвитянинъ 1844 г., ч. II, № 3.

примѣняетъ это положеніе къ цѣлому народу, видя въ его произведеніяхъ тотъ источникъ, въ которомъ выражаются чувства не выученныя, движенія души непритворныя, понятія не занятыя,— однимъ словомъ онъ видитъ, что въ нихъ выступаетъ народъ такимъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности. Поэтому, Николай Ивановичъ въ книгѣ своей разсматриваетъ народныя произведенія русскаго народа, преимущественно—пѣсни, розыскивая, какъ народъ въ нихъ выказалъ намъ свою собственную жизнь—духовную, историческую и общественную. Сообразно съ этимъ, въ первомъ отдѣлѣ книги, авторъ слѣдитъ за жизнью духовной, подъ которой онъ понимаетъ взглядъ на отношенія человѣка къ высшему существу и природѣ; тутъ особенно богаты мѣста, гдѣ раскрывается народная символика. Еще лучше второй отдѣлъ книги, гдѣ просматривается прошедшая историческая жизнь русскаго народа, какъ ее понялъ и помнитъ самъ народъ; наконецъ въ третьемъ отдѣлѣ авторъ рисуетъ общественную жизнь русскаго народа, поскольку она отразилась въ его пѣсняхъ; тутъ дается характеристика разныхъ типовъ (царя, боярина, разбойника, солдата, козака, чумака, парубка, пана, знахарки и мн. др.), фигурирующихъ въ народныхъ произведеніяхъ. Нужно замѣтить, что большая часть изслѣдованія посвящается южно-русской поэзіи, а не великорусской, въ чемъ, очень нерѣшительно впрочемъ, упрекалъ изслѣдователя Срезневскій. Но нельзя не принять во вниманіе, что во 1-хъ Николай Ивановичъ въ то время почти не зналъ великорусской жизни, проводя многіе годы сознательной своей жизни въ Малороссіи; во 2-хъ сборниковъ великорусскихъ пѣсенъ было очень мало, гораздо меньше, по крайней мѣрѣ, чѣмъ малорусскихъ, и наконецъ, въ 3-хъ, самими обстоятельствами выработались у него, такъ сказать, этнографическія симпатіи больше къ южной Руси, чѣмъ къ сѣверной, что указано было раньше.

Я остановился на этомъ трудѣ Николая Ивановича потому, что въ немъ опредѣлилось основное воззрѣніе будущаго этнографа-ученаго на задачи его дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этой области. И нужно признать, что въ цѣломъ рядѣ позднѣйшихъ этнографическихъ работъ его мы найдемъ, конечно, много новыхъ

фактовъ, иногда новое освѣщеніе этихъ фактовъ, однимъ словомъ— много усовершенствованій, но основная точка зрѣнія, основной принципъ изслѣдованія проведенъ имъ съ постоянствомъ и настойчивостью. Даже въ тѣхъ статьяхъ своихъ, которыя были написаны 30—40 лѣтъ послѣ выхода указанной книги («Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества»,—Бесѣда 1872 г., и «Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго творчества»,—Рус. Мысль 1880 и 1883 гг.) и которыя были переработкой, даже почти новой разработкой того-же сюжета, онъ въ основныхъ положеніяхъ не измѣнилъ первоначальному своему взгляду и едва-ли кто-нибудь рѣшится упрекнуть его въ ненаучномъ методѣ изслѣдованія народнаго творчества въ этихъ его статьяхъ. Вся разница между этими статьями и первымъ трудомъ его опредѣляется совершенно ясно, если сказать, что въ нихъ Николай Ивановичъ восполнилъ (хотя не успѣлъ закончить) недостатокъ своей диссертаціи, отмѣченный словами Срезневскаго такъ: «Все сочиненіе только кажется опытомъ начала большого труда; въ немъ пересказано содержаніе русскихъ пѣсенъ, обращено вниманіе на многое, что въ нихъ заслуживаетъ вниманія историка, но не на все, и притомъ только съ одной стороны— со стороны взгляда народа на самого себя. Вопросъ-же, какъ и чѣмъ можетъ историкъ тутъ пользоваться, остался совершенно въ сторонѣ; между тѣмъ какъ рѣшеніе его одно-бы могло дать сочиненію право называться разсужденіемъ *«объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи»*.

Обращусь еще разъ къ выдержкѣ изъ статьи Срезневскаго. Заканчиваетъ онъ свой разборъ книги г. Костомарова такими словами: «Отъ всего сердца можно пожелать, чтобы онъ не оставилъ заниматься народностями русскими: дѣлателей на этомъ поприщѣ у насъ много, но такіе, какъ Костомаровъ, никогда не будутъ лишни». Это пожеланіе Срезневскаго Николай Ивановичъ выполнилъ всецѣло, и хотя вскорѣ онъ перешелъ къ спеціальнымъ занятіямъ историка, но въ теченіе всей жизни продолжалъ дарить науку и своими работами по этнографіи. Такъ въ слѣдующемъ 1844 г., поселившись на Волыни и занявшись ис-

торіей Богдана Хмельницкаго, онъ производилъ розыски всякихъ преданій, связанныхъ съ нимъ, изучалъ мѣстности, ознаменованныя событіями изъ его эпохи, и тутъ же, при случаѣ, собралъ много пѣсенъ, впослѣдствіи (въ 1859 г.) напечатанныхъ имъ въ «Малорусскомъ литературномъ сборникѣ, Д. Мордовцева». Это собраніе содержитъ 202 пѣсни; изданы они такъ, что многія изъ нихъ снабжены болѣе или менѣе важными примѣчаніями, особенно объ историческихъ событіяхъ, которыхъ время можетъ быть опредѣлено съ точностью. Впрочемъ, Николай Ивановичъ никогда не былъ постояннымъ, а лишь случайнымъ только собирателемъ народнаго матеріала; по справедливому замѣчанію г. Пыпина, «ученый самъ рѣдко бываетъ собирателемъ, а при такой громадной области наблюденія, съ какою должна имѣть дѣло русская этнографія, соединеніе обѣихъ работъ (собираніе и изслѣдованіе) въ одномъ лицѣ является просто немыслимымъ» [1]). Этимъ и объясняется то, что изъ этнографическаго матеріала, относящагося къ малорусской литературѣ, Николаемъ Ивановичемъ, сверхъ только-что указаннаго собранія пѣсенъ, была сообщена одна только запорожская пѣсня въ Лѣтописяхъ русской литературы Тихонравова (1860 г., т. 3). Но за то, какъ ученый изслѣдователь, онъ велъ окончательную редакцію трехъ томовъ (3, 4 и 5) такого громаднаго собранія народнаго южнорусскаго матеріала, какъ извѣстные всѣмъ «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край» П. Чубинскаго. Нельзя не отмѣтить и того, что, какъ изслѣдователь-этнографъ и притомъ изслѣдователь между прочимъ, среди своихъ постоянныхъ занятій исторіей, Николай Ивановичъ всегда слѣдилъ за всѣмъ, касавшимся южнорусской литературы, и давалъ болѣе или менѣе обстоятельный отзывъ обо всякой новинкѣ. Начиная съ его «Обзора сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ», въ которомъ была дана первая сводная оцѣнка малорусской письменности до 1843 г., можно насчитать громадное количество статей—и крупныхъ, и малыхъ,—помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, о южнорусской литературѣ,

---

[1]) «О задачахъ русской этнографіи», Вѣстникъ Европы 1885 г. № 4.

было-ли то въ формѣ, такъ сказать, художественной этнографіи, или въ видѣ научныхъ этнографическихъ сборниковъ и изслѣдованій. Изъ этихъ статей мы напомнимъ только нѣкоторыя, а именно: обширную критическую статью о «Запискахъ о Южной Руси» Кулиша (Отечест. Зап. 1857 г, № 6 и 9), 2) такую-же обстоятельную статью подъ заглавіемъ: «Историческая поэзія и новые ея матеріалы» (Вѣстн. Евр. 1874 г., № 12), объ «Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа», изданныхъ Антоновичемъ и Драгомановымъ, и наконецъ 3) статью по поводу изданной г. Драгомановымъ книги: «Малорусскія народныя преданія» (Рус. Стар. 1877 г.).

Всѣ указанныя мною до сихъ поръ работы Николая Ивановича по этнографіи касались южно-русскаго народа; но авторъ статьи: «Двѣ русскія народности», по происхожденію своему, такъ сказать, принадлежавшій обѣимъ имъ, не оставилъ въ забвеніи и другой изъ нихъ ни въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, ни въ этнографическихъ трудахъ. Хотя, какъ было сказано, въ первомъ трудѣ своемъ по этнографіи онъ болѣе занялся изслѣдованіемъ южнорусской народной поэзіи, но во 1-хъ на то были свои причины, о которыхъ упомянуто раньше, а во 2-хъ и тамъ все-таки дано было посильное объясненіе великорусскаго пѣсеннаго матеріала. Впослѣдствіи, когда судьба привела Николая Ивановича въ болѣе близкія столкновенія съ великорусскимъ народомъ, любовь его къ этнографіи вообще оказала свое воздѣйствіе, выражавшееся въ томъ, что, живучи съ 1848 по 1856 г. въ Саратовѣ, онъ посвящалъ свой весь досугъ занятіямъ исторіи и, вмѣстѣ съ г-жей Мордовцевой, собранію мѣстныхъ пѣсенъ, которыя и были частію напечатаны въ Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, а потомъ въ видѣ полнаго собранія помѣщены были въ «Лѣтописяхъ русской литературы» Тихонравова (1862 г., т. 4). Это довольно большое собраніе пѣсенъ представляетъ цѣнный вкладъ въ науку, давая, какъ матеріалъ мѣстной этнографіи, пѣсни былеваго эпоса, историческія и бытовыя—семейнаго и общественнаго быта. Какъ въ отдѣлѣ южнорусской этнографіи, и тутъ Николай Ивановичъ былъ только случайно этнографомъ-со-

бирателемъ; по крайной мѣрѣ, сверхъ указаннаго сборника пѣсенъ саратовской губерніи, кажется, извѣстна еще только одна разбойничья пѣсня, сообщенная имъ въ «Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній о Россіи» (1860 г., кн. I). Но какъ ученый изслѣдователь, онъ слѣдилъ за тѣмъ, что новаго появлялось въ этомъ отношеніи въ русской наукѣ. Такъ, по поводу прекраснаго собранія великорусскихъ пѣсенъ г. Шейна, напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древн.»,— онъ печатаетъ изслѣдованіе свое подъ заглавіемъ: «Великорусская народная пѣсенная поэзія» (Вѣстн. Евр. 1872 г.), въ которомъ, помимо обстоятельнаго разбора самого сборника, высказываетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о задачахъ этнографическихъ работъ. Чтобы видѣть, насколько постояннымъ и неизмѣннымъ принципомъ всегда руководился Николай Ивановичъ въ своихъ изслѣдованіяхъ по народоизученію, приведу одну мысль его, высказанную въ этой статьѣ, которая оказывается совершенно однородной съ тѣмъ вышеприведеннымъ взглядомъ, который былъ проведенъ имъ въ его магистерской диссертаціи 1843 г. Вотъ эта мысль: «Свойства народной поэзіи таковы, что, доставляя историку важные матеріалы для узнанія различныхъ сторонъ народной жизни и быта, эта поэзія всего болѣе важна и драгоцѣнна для него тѣмъ, что ея изученіе въ совокупности произведеній можетъ доставить ему возможность усвоить тотъ проникающій всѣ эти произведенія духъ народа, съ которымъ онъ увидитъ въ настоящемъ свѣтѣ понятія, чувствованія, воззрѣнія этого народа, а затѣмъ событія, поворотъ, перевороты и остановки на всѣхъ путяхъ народной исторіи станутъ для историка осмысленными до такой степени, какой онъ не въ силахъ достигнуть изученіемъ какихъ-бы то ни было актовъ, записокъ и т. п.» [1]). И если теперь послѣднее слово, высказанное по этому вопросу на дняхъ г. Пыпинымъ въ статьѣ «Задачи русской этнографіи», оказывается тождественнымъ съ тѣмъ, что было намѣчено Николаемъ Ивановичемъ 42 года назадъ и настойчиво проведено во всѣхъ

---

[1]) Костомаровъ, Монографія, т. 13-й, стр. 448.

трудахъ его, то тѣмъ съ большимъ правомъ мы можемъ еще разъ повторить, что онъ долженъ быть причисленъ къ однимъ изъ первыхъ по времени и по значенію ученыхъ этнографовъ-изслѣдователей въ русской наукѣ.

Отмѣченная мною любовь къ этнографическому изслѣдованію у Николая Ивановича, такъ сказать, вышла даже за предѣлы русскихъ народностей, что видно изъ статьи его «Литовская народная поэзія», напечатанной въ Русскомъ Словѣ 1860 г. [1]), гдѣ онъ съ тѣми-же пріемами изслѣдованія вопроса останавливается на опредѣленіи народной физіономіи литовцевъ по ихъ пѣснямъ и сказкамъ. Тутъ онъ опять видитъ подтвержденіе того, что народная поэзія служитъ выраженіемъ судьбы народа. И дѣйствительно, народъ, такъ сказать, только промелькнувшій на историческомъ полѣ и заявившій себя будто-бы воинственнымъ и опустошительнымъ, по пѣснямъ своимъ оказывается «кроткимъ деревенскимъ народомъ, безъ стремленій вырваться на болѣе широкое поле жизни». Чѣмъ-же объясняется это противорѣчіе? А тѣмъ, какъ говоритъ авторъ, что «судьба поставила литовское племя на историческомъ полѣ слишкомъ нетвердо», что даже въ XIII и XIV столѣтіи, во время могущества Литвы, «возникавшее государственное тѣло питалось русскою стихіею, а не литовскою», и что поэтому, «громкая слава, которая внесла имя Литвы на театръ политическихъ событій, почти прошла мимо и оставила на литовцахъ мало отпечатка». Опредѣливши такъ общій характеръ литовской поэзіи, Николай Ивановичъ по установленному имъ методу переходитъ къ обзору религіозныхъ вѣрованій, съ объясненіемъ народной символики, и къ уясненію семейнаго и общественнаго быта.

Этимъ я заканчиваю обзоръ дѣятельности Николая Ивановича, какъ изслѣдователя живаго, современнаго народа, выразившаго изустно свои міровоззрѣнія. Но помимо этого онъ былъ также изслѣдователемъ и той старины народной, которая въ жи-

[1]) Также Монографіи, т. 3-й.

вомъ словѣ не дошла всецѣло до насъ и которая то представляется въ обрывкахъ, разбросанныхъ по разнымъ памятникамъ письменности, свидѣтельствуя о поэтическихъ воззрѣніяхъ народа въ старину на окружающее его, то является въ формѣ тѣхъ письменныхъ произведеній старины, которыя въ теченіе многихъ вѣковъ вліяли на народное воображеніе,—это область религіоной легенды, апокрифическихъ сказаній, повѣстей и проч.

Въ видѣ изслѣдованія тѣхъ старыхъ поэтическихъ воззрѣній на природу, которыя породили у нашихъ предковъ славянъ ихъ миѳологію, мы имѣемъ прекрасную книгу Николая Ивановича: «Славянская Миѳологія», отпечатанную имъ въ 1847 г., какъ извлеченіе изъ лекцій, читанныхъ въ университетѣ св. Владиміра. Здѣсь дается объясненіе тѣмъ божествамъ, которыя когда-то составляли миѳологическій циклъ славянскихъ народовъ, какъ-то: Даждь-Богъ, Сваротичъ, Радегастъ, Свантовитъ, Перкунъ, Триглавъ и другія, которые всѣ сводятся къ одному божеству свѣта, а въ противоположность имъ выступаютъ божества мрака. Подъ эти два начала подводятся всѣ остальные миѳы. Изъ характера изслѣдованія видно, что это есть та-же этнографія, но основанная не на современныхъ сказаніяхъ, а на обрывкахъ отъ старины, уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ и кое-какъ въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ, но больше возстановляемая по памятникамъ письменности.

Въ другой области изученія старины народной, т. е. въ области старинной письменности въ формѣ легендъ, сказокъ, повѣстей, притчъ и пр., еще болѣе потрудился Николай Ивановичъ, редактируя въ 1860—68 годахъ 3 выпуска (1, 2 и 4) прекраснаго изданія гр. Кушелева-Безбородка: «Памятниковъ старинной русской литературы». Но и тутъ не ограничивается дѣло изданіемъ матеріаловъ: почти всѣ они снабжены то объяснительными статьями, то болѣе или менѣе обстоятельными примѣчаніями и объясненіями, проливающими свѣтъ на значеніе самыхъ памятниковъ. Кромѣ этого труда, можно указать еще на отдѣльныя изслѣдованія, относящіяся къ вопросамъ старинной русской литературы этого-же характера, а именно: статьи его о повѣсти «Горе-

Злосчастіе», помѣщенныя въ Современникѣ 1856 г., статья «Мистическая повѣсть о Нифонтѣ», помѣщенная въ Русскомъ Словѣ 1861 г. № 3,[1]) и статья «Изъ могильныхъ преданій или легенда о кровосмѣсителѣ», въ Современникѣ 1860 г., № 3 [2]).

Вотъ тѣ труды Николая Ивановича по этнографіи, одинъ перечень которыхъ служитъ самымъ краснорѣчивымъ указаніемъ научнаго значенія ихъ въ дѣлѣ народоизученія. Если-же прибавить къ этому, что, согласно основной мысли своей, онъ былъ этнографомъ, потому что былъ историкомъ, и обратно, то есть, что въ равной мѣрѣ этнографическое значеніе имѣютъ и его историческія статьи, то это научное значеніе дѣятельности его, какъ этнографа, еще болѣе расширяется и еще болѣе пріобрѣтаетъ цѣнности. Но нельзя пройти молчаніемъ и еще одной стороны вопроса, а именно—того значенія этой этнографической дѣятельности его, которое сказывалось въ воспитаніи въ обществѣ любви къ народности и къ ея изученію. Безспорно, дорога та любовь къ народу, которая является у человѣка, такъ сказать, по природѣ, какъ результатъ семейной обстановки въ дѣтскомъ возрастѣ; но чтобы любовь эта была вполнѣ укрѣплена и оформлена, необходимо завершить ее сознательной, разумной любовью, что достигается путемъ научнаго изученія народа. Николай Ивановичъ своимъ личнымъ примѣромъ прекрасно доказалъ, что народоизученіе есть средство воспитать любовь къ народу даже въ человѣкѣ, не обладающемъ традиціонною стихійною привязанностію къ нему,—и всѣми своими трудами воспитывалъ это чувство въ современныхъ поколѣніяхъ. Хотя главнымъ образомъ эта черта его дѣятельности была причиной тѣхъ недоразумѣній, подъ часъ той подозрительности, которыя въ худшемъ случаѣ ставили его въ тяжелыя положенія, въ лучшемъ вызывали горячую полемику, очень часто выходившую за предѣлы ученыхъ споровъ, что тянулось болѣе 40 лѣтъ; хотя счеты по этимъ недоразумѣніямъ не покончены и до сихъ поръ, такъ какъ и послѣднее, предсмертное

---

[1]) Также Монографія, т. I.

[2]) Также Монографія, т. I.

печатное его слово было словомъ полемическимъ въ г. Кояловичемъ (Вѣстникъ Европы 1885 г., № 4); но будемъ надѣяться, что пройдутъ годы, улягутся страсти, настанетъ время болѣе хладнокровнаго обсужденія этихъ спорныхъ вопросовъ, всѣ недоразумѣнія сойдутъ со сцены и тогда во всей полнотѣ каждому откроется то громадное значеніе дѣятельности Николая Ивановича, которое надолго сохранитъ его славное имя въ новыхъ поколѣніяхъ. Мы-же, помнящіе еще свѣжую память о немъ, пока оставимъ въ сторонѣ всѣ непорѣшенные вопросы и почтимъ имя его нашимъ обычнымъ пріемомъ выражать уваженіе къ людямъ, не только живымъ, но и отошедшимъ отъ насъ въ иной міръ.

В. Науменко.

ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ[1].

7. ГОЛУБЫ.

1. *Иванъ Григорьевичъ Голубь*, житель м. Краснаго Колядина, 1654 года. Жена—*Евдокія Еремѣевна.*
2. *Захарій*, войсковой товарищъ, 1667—1690 г. . . . . 1.
3. *Константинъ*, генеральный бунчучный 1681 года. Жена—1, *дочь Ивана Петровича Забѣлы;* 2, *Настасья Марковна*, во второмъ бракѣ—за гетманомъ Скоропадскимъ . . . . . 1.
   Марья. Мужъ—*Иванъ Самойловичъ*, гетманъ. . . . . 1.
4. *Евстафій*, † 1707 года. Жена—*Марья* . . . . . 2.
   Марья. Мужъ—*Дмитрій Лазаревичъ Горленко*, полковникъ прилуцкій. 2.
   Пелагея. Мужъ.—*Иванъ Мировичъ*, полковникъ переяславскій.
   Дочь. Мужъ—1, *Николай Ивановичъ Оіенко;* 2, *Захарій Калиновскій*, сотникъ кролевецкій . . . . . 2.
   Васса. Мужъ—*Федоръ Топольницкій* . . . . . 3.
   Дарья. Мужъ—*Иванъ Діаковскій*, сотникъ кролевецкій . . . . . 3.
   Евдокія. Мужъ—*Иванъ Чарнышъ*, генеральный судья. . . . . 3.
5. *Григорій*, бунчуковый товарищъ 1727 года, потомъ монахъ Афонской горы—*Гурій*, 1757 года . . . . . 4.
6. *Павелъ*, бунчуковый товарищъ 1727 года . . . . . 4.

Родоначальникъ Голубовъ жилъ сначала въ мѣстечкѣ Красномъ Колядинѣ (конотопскаго уѣзда), какъ видно изъ акта 1654 г., по которому Юско Ивановичъ, обыватель рябушинскій, продалъ «ставокъ на рудцѣ Березовицѣ подъ с. Рабухами лежачій, славет-

[1]) См. «Кіевскую Старину» 1884 г., январск. кн., стр. 50—82.

ному урожоному Ивану Григоровичу, обывателю краснянскому и Вовдотіи Еремѣевнѣ, малжонцѣ его». Иванъ Григорьевичъ, по прозванію Голубъ, былъ тесть Самойловича, сначала красно-колядинскаго писаря, а потомъ гетмана [1]). Неизвѣстно почему, семья Голуба изъ Краснаго Колядина переселилась въ Кролевецъ, какъ видно изъ акта 1663 г., гдѣ читаемъ, что «славетный п. Михайло Васильевичъ Дуля, мельникъ подоловскій (с. Подоловъ около Кролевца) позволилъ пану Ивану Григоровичу поставить млинъ на той же греблѣ подоловской, на рекѣ Ретѣ». Около 1669 г. старый Голубъ умеръ; зять его въ это время былъ уже генеральнымъ судьею и конечно при его участіи тогдашній гетманъ Многогрѣшный далъ семейству Голуба слѣдующій охранный универсалъ: «респектуючи мы на тое, абы права и вольности козацкіе были захованы въ потомные часы, безъ всякаго нарушенія, чтобы также и жены козацкія съ оставшимися дѣтьми по смерти мужей своихъ, сидячи на удовимъ стольцу, спокойно пользовались, по правамъ войсковымъ, своими и мужниными имѣніями,—Овдотью Ивановую краснянскую вдову, козачку и обывательку коропскую, съ сынами ея Захаріемъ и Костемъ при всѣхъ имѣніяхъ, т. е. при млинахъ на рекѣ Ретѣ, подъ с. Подолками, отъ умершаго мужа ея Ивана построенныхъ, сохраняемъ». По смерти стараго Голуба, въ семьѣ его возникли несогласія; въ 1671 г. вдова Голубиха жаловалась генеральному суду, что, оставшись по смерти мужа на вдовиномъ стольцу, перезвала она отъ любви своей, старшаго сына Захарія изъ мѣстечка Краснаго Колядина и дала ему на прокормленіе изъ мужниныхъ мельницъ «одну заставку съ коломъ мучнымъ», съ условіемъ, чтобы онъ войсковою службою «боронилъ вольности домовыя»; но Захарій, не довольствуясь выдѣленною частью, завладѣлъ всѣми мельницами, отдаляя мать и брата Константина вовсе отъ доходовъ съ мельницъ и не оказывая притомъ никакого уваженія и послушанія своей родительницѣ. Позванный въ генеральный судъ Захарій Голубъ отвѣчалъ, что отцовскія мельницы въ недавнюю московскую экспедицію были уничтожены огнемъ, послѣ чего онъ самъ, безъ всякой помощи со стороны матери, возобновилъ тѣ мельницы и

---

[1]) Величко II, стр. 305. О женитьбѣ Самойловича см. у Гордона, Tagebuch, т. II, стр. 75.

устроилъ четыре «кола» мучныхъ. Судъ рѣшилъ, что мельницами должна владѣть мать, а Захарій имѣетъ право потребовать отъ нея только возвращенія понесенныхъ расходовъ по возобновленію мельницъ. Затѣмъ Захарій отдѣлился отъ матери и сталъ заводить свое хозяйство, какъ видно изъ слѣдующаго расказа, записаннаго въ 1722 г.: Федоръ Дубоносъ, житель с. Дубовичъ, разсказывалъ, «что лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ пришелъ отецъ мой изъ Нѣжина въ Дубовичи и занялъ себѣ вольную пущу, между Кролевцемъ и Воронежемъ, и построилъ тамъ гуту (стеклянный заводъ), но, не имѣя достаточныхъ средствъ, принялъ къ себѣ въ товарищи Захарія Голуба, расчитывая, что Голубъ, какъ зять Самойловича, выпроситъ у гетмана универсалъ на пущу и, кромѣ того, дастъ денежныя средства для лучшаго устройства гуты. И стали затѣмъ они съ Голубомъ хозяйничать въ той гутѣ и прибыль получать. Потомъ Голубъ около той гуты и слободу поселилъ [1]). Но когда отецъ мой не смогъ вести съ Голубомъ совмѣстнаго хозяйства, то уступилъ ту гуту ему Голубу, вмѣстѣ съ грунтами...» —Младшій Голубъ Константинъ остался при матери, которая его женила на дочери старшаго сына генеральнаго обознаго Петра Забѣлы, Ивана, убитаго подъ Чигириномъ. Около этого-же времени, зять Голубовъ сталъ гетманомъ, но изъ братьевъ своей жены Самойловичъ выдвинулъ въ ряды старшины одного только Константина и то не сразу. Константинъ Голубъ получилъ урядъ генеральнаго бунчучнаго около 1681 г. Тогда-же должно быть гетманъ далъ Константина и маетность—подконотопское с. Подлипное; но вскорѣ затѣмъ село это было отнято для гетманскаго свата — Федора Сулимы. Несмотря на близкое свойство съ гетманомъ, Голубы остались бѣдняками. Захарій владѣлъ слободою Ретикомъ, которую поселилъ самъ, а Константинъ—подоловскими мельницами, около которыхъ онъ осадилъ слободку Довгалевку. По низложеніи Самойловича, Константинъ лишенъ былъ своего урада, но затѣмъ Мазепа оставилъ шурьяковъ Самойловича безъ преслѣдованія. Чрезъ

---

[1]) Рѣчь идетъ повидимому о теперешнемъ хуторѣ Ретикѣ кролевецкаго уѣзда, принадлежащемъ Кочубеямъ. Въ «листѣ» нѣжинскаго полковника Артема Мартыновича 1667 года читаемъ, что этотъ хуторъ находился «въ трактѣ кролевецкомъ надъ рудкою, за рѣчкою Ретью, у милѣ отъ Кролевца и Воронежа лежачій».

мѣсяцъ послѣ своего избранія, Мазепа выдалъ старшему Голубу такой универсалъ: «маючи мы въ респектѣ нашемъ невинность п. Захарія Ивановича, беремъ его подъ нашу оборону, желая, чтобы онъ въ домѣ своемъ жилъ и хуторами своими, гдѣ какіе есть пріобрѣтены по праву, владѣлъ свободно». Константину Голубу подтвердительный универсалъ на его маетности Мазепа выдалъ только въ 1689 г. въ такихъ словахъ: «доносилъ намъ п. Константій Голубъ, что на собственномъ его грунтѣ сидятъ люди подъ Довгалевкою и подъ Подоловомъ и просилъ, чтобы мы позволили ему тѣми людьми владѣть и послушаніемъ ихъ пользоваться для дворовой своей выгоды; склоняясь на эту просьбу п. Голуба, приказываемъ старшинѣ городовой кролевецкой, чтобы п. Голубу въ завѣдываніи тѣми людьми препятствія не дѣлалось, если только такъ есть, какъ Голубъ доноситъ, что тѣ люди живутъ на его собственныхъ земляхъ [2]»).

Овдовѣвъ послѣ перваго брака, Константинъ Голубъ женился во второй разъ на дочери Марка Аврамовича [3]) Настасьѣ, которая впослѣдствіи стала столь извѣстною гетманшею Скоропадскою. Константинъ Голубъ сыновей не оставилъ; у него было только три дочери, изъ которыхъ Евдокія рождена была отъ второго брака. Захарій Голубъ умеръ около 1690 г., оставивъ вдову и сына Евстафія. Еще при жизни Захарія, около хутора Ретика сталъ селить слободу (Грузскую) кролевецкій сотникъ Иванъ Маковскій. По смерти Голуба, Маковскій пользуясь беззащитностью его вдовы, хотѣлъ присоединить къ своей слободѣ и часть ретицкихъ земель, уже занятыхъ умершимъ Голубомъ подъ свое хозяйство. Вдова «Захарчиха» стала было не допускать грузчанскихъ слобожанъ къ своимъ землямъ, но съ Маковскимъ трудно было спорить: онъ былъ кумъ Мазепы и кромѣ того имѣлъ пріятелей между приближенными гетмана. Встрѣтивъ сопротивленіе со стороны вдовы Голуба, Маковскій пожаловался гетману и на свою жалобу получилъ отъ тогдашняго генеральнаго судьи Прокоповича слѣдующее письмо: «мой велце ласкавый пріятелю, п. сотнику кролевецкій! Пишешъ ты мнѣ о своихъ слобожанахъ, поселен-

---

[1]) Архивъ генеральной канцеляріи, № 1360.

[2]) Фамильный архивъ графа Гр. А. Милорадовича.

[3]) См. Марковичи, «Кіевская Старина» 1884 г., январь.

ныхъ близь Голубовой гуты, которымъ Захарчиха не только не позволяетъ собрать посѣянный ими хлѣбъ, но еще грозитъ и въ подданство ихъ къ себѣ привернуть. Исполняя вашей милости просьбу, я докладывалъ объ этомъ дѣлѣ самому ясневельможному добродѣю, прося разрѣшенія—можно-ли вашей милости безъ опасеній устроивать тамъ свое хозяйство; получивъ на свой докладъ милостивое рѣшеніе пана гетмана, обнадеживаю вашу милость ласкою его панской вельможности, что можешъ безопасно вести тамъ свое хозяйство, считая поселенныхъ людей за своихъ. А если-бы Захарчиха стала дѣлать какое препятствіе вашей милости относительно засѣянныхъ слобожанами полей, то можешъ обратиться съ письменною просьбою къ ясневельможному добродѣю или самъ пріѣзжай въ Батуринъ; а теперь тѣхъ людей успокой, что посѣвы свои они могутъ собрать, ничего не опасаясь, о чемъ увѣдомивши, поручаю себя доброму в. м. афекту. В. м. вседоброжелательный пріятель Сава Прокоповичъ, судья генеральный» (1691 г.) [1]).

Трудно было спорить вдовѣ Голуба съ сосѣдомъ, имѣвшимъ такую сильную руку въ Батуринѣ, но еще труднѣе стало сыну ея, когда старая «Захарчиха» умерла. Видя уже полную беззащитность молодаго Евстафія Голуба, Маковскій рѣшилъ совсѣмъ согнать его съ отцовской гуты, а слобожанъ, поселившихся въ ней, перевести въ Грузскую. Бывшіе слобожане Голуба разсказывали, что когда, по смерти Захарчихи, сталъ хозяиномъ гуты Евстафій Голубъ, то Маковскій, желая присоединить Голубовскія земли къ своимъ, послалъ слугъ своихъ Карпѣку и Федорца забрать и привести къ нему Евстафія, который находился въ это время въ Дубовичахъ. Слуги Маковскаго подговорили Голуба ѣхать вмѣстѣ—будто для разграниченія спорныхъ земель... Евстафій, ничего не подозрѣвая, согласился; но только они выѣхали изъ Дубовичъ, Карпѣка и Федорецъ связали Голуба и привезли въ гуту въ шинокъ Моргунки, гдѣ стали его бить и «мордовать», говоря: «не касайся больше къ гутѣ, потому что ее заберетъ себѣ нашъ панъ!» Затѣмъ связанный Голубъ брошенъ былъ подъ лавку. Но тутъ прибѣжалъ «дозорца» Голубовой гуты, старый Грукъ, съ другимъ человѣкомъ и отнявъ Евстафія у слугъ Маковскаго, отвезли его снова въ Ду-

[1]) Архивъ генеральной канцеляріи, № 1360.

бовичи, и Маковскій больше къ Голубу не касался; только собравъ подводы, разорилъ всѣхъ гутянскихъ людей: поразбивалъ въ хатахъ печи, а хаты позабиралъ и перевезъ въ Грузскую; туда перешла и часть гутянскихъ слобожанъ, а другіе—поросходились по разнымъ мѣстамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и гутянскія земли Маковскій присоединилъ къ своимъ. А когда Кочубей завелъ Ретицкій хуторъ и сталъ отдѣлять свои земли отъ земель Маковскаго, то послѣдній просилъ не трогать его земель, а взять Голубовскія земли, но Кочубей взялъ земли Маковскаго... Разсказывая о разореніи Голубовской гуты, слобожане прибавляли, что Маковскій позволилъ себѣ такія насилія послѣ того, какъ покумился съ Мазепой [1])...

Послѣ разоренія своего хутора, Евстафій скоро умеръ, оставивъ вдову съ двумя малолѣтними сыновьями. Вдова Евстафія жила въ с. Андреевкѣ (кролевецкаго уѣзда) и ждала, пока подростутъ сыновья, чтобы начать дѣло за свою гуту, которая въ это время перешла во владѣніе внуки стараго Маковскаго, вышедшей замужъ за Федора Чуйкевича. Учрежденіе послѣ смерти Скоропадскаго малороссійской колегіи возбудило надежды у многихъ обиженныхъ за прежнее время; «отновлены были старыя тяжбы», какъ жаловался Полуботокъ. Начала отыскивать свою гуту у наслѣдниковъ Маковскаго и вдова Евстафія. По распоряженію генеральной канцеляріи обслѣдована была вся исторія разоренія Маковскимъ Голобовой гуты и послѣдняя возвращена была дѣтямъ Евстафія—Григорію и Павлу. Но послѣдніе хозяйничали не долго, продавъ свою гуту въ 1733 г., значковому товарищу Филону Михайловичу за 2140 рублей [2]). Послѣ этого старшій Голубъ—Григорій отправился на Афонскую гору, гдѣ постригся въ монахи подъ именемъ Гурія. Въ 1754 г. онъ приходилъ навѣстить родину уже глубокимъ старикомъ [3]).

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Обозрѣніе румянцевской описи, стр. 360.

[3]) Записки Марковича, II, 324.

8. КРЫЖАНОВСКІЕ.

1. *Антонъ Степановичъ Крыжановскій*, сотникъ глинскій 1742 г., полковникъ гадячскій 1762—1772 года. Жена—*Анна Павловна.*
2. *Антонъ*, премьеръ-майоръ 1780 г. . . . . 1.
3. *Настасья.* Мужъ—*ИванъИвановичъ Бороздна*, бунчуковый товарищъ . 1.
4. *Елена.* Мужъ—генералъ-поручикъ *Иванъ Алексѣевичъ Потаповъ*, губернаторъ воронежскій 1776 г. . . . . 1.

Антонъ Степановичъ Крыжановскій, бригадиръ и гадяцкій полковникъ, былъ выкрещенный еврей. Происхожденіе Крыжановскаго подробно разсказалъ Купчинскій въ извѣстномъ своемъ доносѣ на Безбородка. По этому разсказу, около 1730 г. у бѣлоцерковскаго раввина служилъ еврей Мошко, который перебрался потомъ въ м. Медвѣдовку (кіевской губерніи) и женился тамъ на племянницѣ медвѣдовскаго арендатора Аврама. Тутъ Мошко былъ выкрещенъ двумя поляками — губернаторомъ (управляющимъ) чигиринскаго ключа Гороховскимъ и его помощникомъ Тупелецкимъ и изъ Мошка—сталъ Антономъ Крыжановскимъ [1]).

Выкрестившись, Крыжановскій перешелъ на лѣвый берегъ Днѣпра и оселившись въ миргородскомъ мѣстечкѣ Городищѣ, скоро сталъ однимъ изъ откупщиковъ тѣхъ сборовъ, которыми пополнялся «войсковой скарбъ». Войсковой скарбъ—общественная казна Малороссіи—составлялся изъ различнаго рода налоговъ на торговые и хозяйственные промыслы. Однимъ изъ старыхъ источниковъ для пополненія войсковаго скарба были пошлины на товары, которые ввозились въ Малороссію и вывозились изъ нея. Пошлины на привозные товары назывались «индуктою», а на вывозные — «эвектою». Индукта и эвекта установлены были еще Хмельницкимъ, который универсаломъ 1654 г. опредѣлилъ размѣръ этихъ пошлинъ и назначилъ главнаго экзактора, который чрезъ особыхъ агентовъ долженъ былъ собирать индукту и эвекту [1]). Сначала эти сборы расходовались на общественныя нужды; но потомъ гетманы стали

[1]) Безбородко, не отвергая еврейскаго происхожденія Крыжановскаго, утверждаетъ только, что послѣдній въ «сказкѣ» о своемъ происхожденіи показалъ себя сыномъ выкрещеннаго еврея.

[1]) Акты юго-западной Россіи, т. III, стр. 507.

забирать ихъ себѣ. Какъ велико было общее ихъ количество въ XVII в.—неизвѣстно; но когда учрежденная Петромъ Великимъ малороссійская коллегія стала приводить въ извѣстность количество разныхъ существовавшихъ до того сборовъ, то объ индуктѣ бывшій домоправитель Скоропадскаго далъ такое показаніе: «индукта на домъ гетмана належала, которой было даетъ индуктарь Петръ Лукинъ въ годъ по 8 тысячъ рублей, а иного года по 9 тысячъ рублей»[1]).

Когда гетманы присвоили себѣ индукту и эвекту, то для пополненія войсковаго скарба установлены были налоги на сельскохозяйственные промыслы. Самый старый изъ нихъ былъ налогъ на винокуреніе, который опредѣлялся числомъ винокуренныхъ «казановъ» (котловъ) и потому назывался «показанщиною»; показанщину платилъ только посполитый народъ, т. е. мѣщане и крестьяне. При Многогрѣшномъ отъ котла въ годъ платили по 80 к., а при Самойловичѣ по 1 р. 40 к. Другой старый налогъ заключался въ двухъ третяхъ помола съ водяныхъ мельницъ, который собирался на «войско» натурою. Но этотъ налогъ гетманы вмѣстѣ съ полковниками скоро роздарили старшинѣ, можетъ быть и потому, что сборъ его былъ весьма затруднителенъ. Самойловичъ установилъ новый налогъ—на право торговли виномъ, табакомъ и дегтемъ; сборъ этого налога отданъ былъ на откупъ. «При Самойловичѣ стала аренда на горѣлку, на деготь и на табакъ; и невольно было никому горѣлки, дегтю и табаку по домамъ и по шинкамъ продавать, а продавали одни только арендаторы, которые оную аренду брали на откупъ», разсказывали старожилы въ 1729 г.[2]). Самойловичъ-же установилъ и съ водяныхъ мельницъ, взамѣнъ части помола, денежный налогъ—«поколющину» и «покабанщину».—«Аренды» были уничтожены вслѣдъ за измѣною Мазепы и замѣнены «покуховнымъ» сборомъ; отъ каждой бочки (куфы) хлѣбнаго вина, проданнаго въ раздробь, бралось по 2 р. Позднѣе установленъ былъ другой налогъ на оптовую продажу вина—«скатное», отъ каждой сваленной на ярмаркѣ бочки. Существовали и другіе еще, мелкіе налоги.

---

[1]) Рукописи нашей библіотеки.

[2]) Т. ж. Объ этой арендѣ см. Чтенія въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей 1858 года, т. I, стр. 6.

Сборъ всѣхъ этихъ налоговъ, пополнявшихъ войсковой скарбъ, производился крайне неуравнительно и разнообразно, такъ какъ зависѣлъ отъ личнаго усмотрѣнія гетмана, который безконтрольно расходовалъ войсковую казну, частью на общественныя нужды (преимущественно на компанейскіе полки), а частью лично на себя. Неурядица въ сборѣ налоговъ существовала всегда, но при Скоропадскомъ дошла до того, что сборомъ сталъ завѣдывать частный домоправитель гетмана, его свояк—Кондзеровскій. Малороссійская коллегія стала было эти сборы приводить въ порядокъ, но ея мѣры показались слишкомъ крутыми для малороссійской старшины и коллегія никакихъ порядковъ установить не смогла. Грамотою 1727 г. сборы, установленные коллегіей, были отмѣнены и оставлены только старые: индукта, покуховное и скатное съ вина и съ дегтя, табачная и медовая десятина, ярмарковое, мостовое (за проѣздъ чрезъ мосты, паромы и гребли) и особый денежный сборъ съ ратушныхъ селъ. Въ 1724 г. коллегія собрала 95,796 рублей, за исключеніемъ индукты и хлѣба въ зернѣ. Въ 1730 г. разрѣшено было сборы уменьшить до 52,169 р.; но взиманіе и этой суммы шло до того безпорядочно, что съ 1729 по 1743 г. недоимки накопилось до 300 тысячъ. Сенатскій указъ объяснялъ, что недоимка накопилась «верадѣніемъ малороссійскихъ сборщиковъ и ослушаніемъ старшины, полковниковъ и другихъ владѣльцевъ, которые не только сборовъ съ своихъ промысловъ и доходовъ не платили, но и тѣхъ промысловъ своихъ описывать не допускали; чего ради бывшіе въ правленіи гетманскаго уряду великороссійскіе и малороссійскіе члены, *усмотря въ оныхъ сборахъ такой непорядокъ и войсковыхъ доходовъ опущеніе, принуждены были отдавать тѣ сборы на откупъ,* вѣрнымъ самоохотнымъ сборщикамъ изъ ихъ-же малороссійскаго народу».—Этихъ то откуповъ и сталъ искать Крыжановскій. Въ 1737 г. онъ успѣлъ взять на откупъ миргородскій полкъ, а въ слѣдующемъ году и лубенскій, а потомъ и гадяцкій. Марковичъ въ своихъ Запискахъ отмѣчаетъ, что въ концѣ 1740 г. Крыжановскій взялся миргородскій полкъ безъ откупу содержать по 5,500 р., за что въ генеральной канцеляріи опредѣлено награжденіе ему сдѣлать по 200 р. въ годъ и вакансовымъ назначенъ сотникомъ (II, 126). Дѣйствительно, тогдашній правитель Малороссіи Кейтъ, распоряженіемъ своимъ 5 декабря 1740 г., выразилъ: «егда

вакансъ гдѣ имѣлъ-бы быть сотничества, хочай-бы на кого и выборы были, то опредѣлитье го, Крыжановскаго, за приращеніе казны въ доходѣхъ малороссійскихъ, на то мѣсто настоящимъ сотникомъ»[1]). Года черезъ два послѣ этого, Крыжановскій получилъ урядъ глинскаго сотника, въ лубенскомъ полку. Купчинскій разсказываетъ, что и откупъ и сотничество Крыжановскій получилъ съ помощью «датковъ», поднесенныхъ генеральному писарю Безбородку, который, незамѣтно для самихъ «правителей», руководилъ ими и имѣлъ рѣшающее значеніе во всѣхъ дѣлахъ администраціи. Купчинскій говоритъ, что, желая получить на откупъ полки лубенскій и миргородскій, Крыжановскій склонилъ Безбородка на свою сторону «датками», «поднеся ему 260 червонцевъ да женѣ его—жемчугъ и цѣпку на шею тоже изъ червонцевъ, цѣною до 300 р.; да опъже Крыжановскій за датки учиненъ и сотникомъ въ глинскую сотню, давши Безбородку коляску съ парою лошадей и червонцевъ не малое число; а давалъ взятки Безбородку Крыжановскій въ Глуховѣ, когда стоялъ квартирою у Гаврила Почеповца; тогда пріѣзжалъ къ Крыжановскому Безбородко почью и ту коляску съ лошадьми и червонцы забралъ». Разсказу этому нельзя не дать вѣры, потому что на Крыжановскаго дѣйствительно сыпались милости изъ генеральной канцеляріи въ то время, когда онъ на ряду съ другими откупщиками одинаково тѣснилъ народъ, заботясь, разумѣется, о личныхъ выгодахъ, а не о «казнѣ», какъ писалось въ бумагахъ.— Получивъ за откупа сотничество, Крыжановскій сталъ искать и маетностей, чтобы сдѣлаться настоящимъ паномъ. Даны были и маетности; въ универсалѣ генеральной канцеляріи, 10 декабря 1743 г., читаемъ: «сотникъ глинскій Антонъ Крыжановскій первое чрезъ содержаніе на откупѣ доходовъ, подлежащихъ въ скарбъ войсковой съ полковъ лубенского, миргородского и гадяцкого, а потомъ чрезъ содержаніе оныхъ сборовъ съ лубенского и миргородского полковъ на вѣрѣ, знатную показалъ казнѣ прибыль, до 28,000 р., за которую его знатную прислугу и ревностные труды просилъ къ полученію въ вѣчность въ Малой Россіи изъ свободныхъ войсковыхъ до 30-ти дворовъ, объявляя, что если для пропитанія его означеннымъ числомъ дворовъ награжденъ не будетъ, то, яко онъ при по-

[1]) Архивъ генеральной канцеляріи, № 11,242.

мянутыхъ сборахъ пришелъ къ крайнему разоренію, болѣе у смотрѣнія оныхъ быть не желаетъ. Того ради по опредѣленію генер.-лейтенанта Ивана Ивановича Бибикова съ присуствующими въ войсковой генеральной канцеляріи члены, яко предбудущаго 1744 г. съ перваго числа генваря впредь на четыре года, къ надзиранію и собиранію на вѣрѣ, лубенского и миргородского полковъ сборы ему, Крыжановскому, поручены и о томъ заключены контракты съ нимъ, ассигновано ему, Крыжановскому, и поручено до указу во владѣніе: мѣст. Красный Колядинъ да полку лубенского сотнѣ роменской с. Великіе Бубны, съ принадлежащими до оныхъ грунтами и угодіями, кромѣ козаковъ, въ которыхъ—Красномъ Колядинѣ по ревизіи сего 1743 г., посполитыхъ 24, а въ с. Великихъ Бубнахъ—8 дворовъ». Какъ ни жаловался Крыжановскій на разорительность для него откуповъ, тѣмъ не менѣе онъ ихъ не оставлялъ и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе распространялъ свою откупную дѣятельность. Въ 1752 г. съ нимъ заключенъ былъ контрактъ, по которому «отданы Крыжановскому на откупъ всѣ старинные сборы, до скарбу войскового принадлежащіе, съ полковъ лубенского, переяславского, нѣжинского да полтавского и миргородского съ заднѣпрскими тѣхъ полковъ мѣстами; а особливо того, отданъ ему Крыжановскому и кременчугскій перевозъ (на Днѣпрѣ), срокомъ все то на шесть лѣтъ, по 1 ноября 1708 г. А за собираемые въ означенныхъ полкахъ на войсковой скарбъ сборы и за кременчугскій перевозъ имѣетъ онъ, Крыжановскій, по всякъ годъ давать по 40,000 руб.» [1]). На этотъ разъ Крыжановскому однакожъ не удалось удержать свой откупъ до срока; недоимки откупныхъ сборовъ, увеличиваясь съ году на годъ, ставили «войсковой скарбъ» въ невозможность удовлетворять неотложныхъ расходовъ по администраціи Малороссіи. Гетманъ созвалъ старшину на совѣтъ и вмѣстѣ съ нею въ декабрѣ 1754 г. рѣшилъ: «всѣ имѣющіеся въ Малой Россіи откупа надлежащихъ до скарбу войскового сборовъ съ начала 1755 г. отмѣнить, а велѣть къ собиранію тѣхъ сборовъ съ 1755 г. опредѣлить отъ полковыхъ канце-

---

[1]) Архивъ генеральной канцеляріи, № 15850. Всѣ скарбовые сборы при этомъ въ десяти полкахъ отданы были за 54,847 руб. 85 коп.; кіевскій—Пасенку за 2,300 р. и гадяцкій—греку Казнаферу за 1,422 р. Кромѣ того, такъ называемый «цыганскій» сборъ отданъ былъ за 1,404 руб.

лярій вѣрныхъ полковыхъ и сотенныхъ сборщиковъ, учиня надлежащими инструкціями и вѣдомостями — почему гдѣ съ чего и за что въ скарбъ войсковой собирать должно»[1]). Но Крыжановскій успѣлъ уже нажиться: кромѣ полученныхъ въ 1743 г. маетностей, онъ выпросилъ въ 1752 г. у Разумовскаго с. Мойсеевку, да скупилъ по разнымъ полкамъ не мало грунтовъ, водяныхъ мельницъ и земель. Въ 1755 г. Крыжановскій былъ уже богатымъ паномъ, которому не доставало только важныхъ чиновъ; но богачу чины уже легко было получать. Въ 1760 г. Крыжановскій назначенъ былъ полковникомъ перваго компанейскаго полка и произведенъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ чинъ коллежскаго асессора. Не знаемъ, какими путями (вѣроятно, черезъ Мих. Ил. Воронцова) Крыжановскій сдѣлался затѣмъ извѣстнымъ наслѣднику престола, который въ февралѣ 1761 г. пожаловалъ его рангомъ бригадира шлезвигъ-голштинскаго[2]). А когда наслѣдникъ Елизаветы вступилъ на престолъ, Крыжановскій именнымъ указомъ 9 января 1762 г. назначенъ былъ гадяцкимъ полковникомъ[3]); черезъ мѣсяцъ послѣ этого пожалованія, государь поручилъ Крыжановскому навербовать въ Малороссіи изъ добровольцевъ гусарскій полкъ, причемъ полковнику выданъ былъ слѣдующій интересный патентъ: «симъ объявляемъ, что мы нашему бригадиру Крыжановскому поручили извѣстное число вольныхъ людей, не чиня притомъ никому какого вреда и убытка, для нашей шлезвигъ-голштинской легкой конницы, а именно подцобелтицкой гусарской полкъ вербовать. И понеже сей наборъ, яко волной безъ всякого

---

[1]) Т. ж.

[2]) Приводимъ здѣсь данный Крыжановскому по этому случаю «патентъ»: «симъ объявляется, коимъ образомъ мы великокняжескою милостію вознамѣрилися бывшаго украинскаго полковника Крыжановскаго нынѣ нашимъ бригадиромъ инфантеріи пожаловать и установить. Симъ наимянуемъ, жалуемъ и установляемъ его въ сіе достоинство и въ силу его такимъ образомъ, чтобы оной паче всего наши и нашего великокняжескаго дома интересы и пользы старался наблюдать и оныя умножать; напротивъ того всякой вредъ и убытокъ по крайней возможности отвращать; а впрочемъ при всѣхъ случаяхъ такъ поступать и себя весть, какъ честному великокняжескому шлезвигъ-голштинскому бригадиру и вѣрному рабу надлежитъ».

[3]) Уже въ 1760 году К. Разумовскій просилъ предстательства у М. И. Воронцова за Крыжановскаго, чтобы послѣднему доставить «покойное мѣсто» полковника, а въ маѣ 1761 г. гетманъ представлялъ въ сенатъ о назначеніи Крыжановскаго гадяцкимъ полковникомъ. Указъ Петра III послѣдовалъ, значитъ, по ходатайству Разумовскаго. *Семейство Разумовскихъ I, 274.*

понужденія и безъ малѣйшого насилства въ Малой Россіи произведенъ быть имѣетъ, того ради... уповаемъ, что всѣ вѣрноподданные и вазалы нашего государства бригадиру Крыжановскому въ томъ, какъ при самомъ вербованіи, такъ и на походѣ и въ отправленіи рекрутовъ, всякаго вспоможенія чинить не оставятъ». Нѣкоторыя разъясненія къ этому патенту находимъ въ «Исторіи Руссовъ», авторъ которой, будучи современникомъ Петра III, разсказываетъ (стр. 251), что «Крыжановскій, по природѣ жидъ и свѣжій перекрестъ, всегдашними арендами своими и откупами дошедшій до богатства и чина полковника, увидѣлъ необыкновенный успѣхъ при вербовкѣ голштинцовъ, тотчасъ взялся за раду (вербовать добровольцевъ) и отозвался о томъ государю, съ обѣщаніемъ поставить ихъ цѣлый полкъ конный на своемъ иждивеніи. Государь, уважая усердіе Крыжановскаго, но не зная его счетовъ, въ которыхъ, по совѣсти іудейской, непремѣнно поставлялъ онъ всякой оброчикъ [1]) вчетверо дороже отъ его цѣны, произвелъ Крыжановскаго на первый случай бригадиромъ. А онъ дѣйствительно изъ козачьихъ дѣтей своего полка, да изъ стадниковъ и чабановъ, заводской и всякой другой сволочи, сформировалъ было полкъ, такъ называвшійся Подцабольскій. Но какъ все скорое и порывистое имѣетъ и такой-же конецъ, то и голштинцы съ подцабольдинцами тѣмъ-же были поражены: они съ іюня мѣсяца 1762 г., т. е. по кончинѣ государя, бывъ уничтожены и распущены во свояси, волоклись всѣми дорогами въ Малороссію...».

Послѣ смерти Петра III, Крыжановскій правилъ гадяцкимъ полкомъ до 1772 г., когда мы встрѣчаемъ его въ послѣдній разъ. Должно быть на этомъ урядѣ онъ и умеръ. Крыжановскій оставилъ одного сына, о которомъ мы знаемъ только, что въ 1776 г. онъ хотѣлъ отнять у сестры своей Потаповой красноколядинское имѣніе, отданное ей отцомъ, вслѣдствіе чего имѣніе это Потапова въ 1780 г. продала дворянкѣ Анисьѣ Бобошковой-Вишневской за 24 т. рублей. Куда дѣвался затѣмъ этотъ сынъ Крыжановскаго съ отцовскими богатствами—не извѣстно [2]).

---

[1]) Оброчикъ—тотъ красный воротникъ, который надѣвался на всякаго добровольца, вслѣдъ за его согласіемъ «пристать до вербунку».

[2]) Не отъ него-ли происходилъ извѣстный епископъ Смарагдъ Крыжановскій? Говорятъ, что Смарагдъ сказалъ однажды литовскому митрополиту Іосифу Сямашкѣ:

9. ТОМАРЫ.

1. *Иванъ Томара*, выходецъ изъ Греціи, 1662—1675 г.
2. *Степанъ*, сотникъ домонтовскій, 1689 г.; полковникъ переяславскій, 1706 † 1715 года. Жена 1, *NN*; 2, дочь *Якова Лизогуба*, черниговскаго полковника . . . . . 1.
3. *Василій*, сотникъ выбельскій, 1704 — 1715 г.; черниговскій полковой судья 1715 † 1726. Жена—*Пелагея Васильевна Болдаковская*. . . 1.
4. *Парфенъ* . . . . . 1.
5. *Иванъ* (отъ перваго брака) значковый товарищъ . . . . . 2.
6. *Василій* (отъ втораго брака) бунчуковый товарищъ; убитъ въ 1736 году, въ Крыму, будучи переяславскимъ наказнымъ полковникомъ . . . . . 2.
   Евдокія. По универсалу 1716 года, Скоропадскій далъ ей за службы отца с. Калинки . . . . . 2.
   Катерина. Мужъ—*Федоръ Марковичъ Марковичъ*, братъ лубенскаго полковника Андрея Марковича . . . . . 2.
7. *Григорій*, † 1730 года. Жена—дочь генеральнаго судья *Лысенка* . . . 3.
   Дочь. Мужъ—*Григорій Стороженко*, сотникъ ичепскій . . . . . 3.
8. *Федоръ*, значковый товарищъ 1781 года. Жилъ въ мѣстечкѣ Домонтовѣ, гдѣ и въ мѣстечкѣ Гелмязовѣ имѣлъ 74 крестьянъ м. п. Жена—*Прасковья Матвѣевна Тоцкая*, дочь священника . . . . . 5.
9. *Степанъ*, р. 1718 года, бунчуковый товарищъ 1737—1786 г.; потомъ коллежскій совѣтникъ. Жилъ въ Ковраяхъ. У него крестьянъ: въ Ковраяхъ—701, Бубновской слободѣ—331, Богушковой слободѣ—217, Войтовцахъ—541, Семеновкѣ—503 и хуторѣ Чумгацкомъ—287. Имѣлъ имѣніе и въ екатеринославской губерніи, куда переводилъ крестьянъ изъ переяславскаго и золотоношскаго уѣздовъ . . . . . 6.
   Ульяна. Мужъ—*Иванъ Гавриловичъ Вишневскій*. У нихъ 2499 крестьянъ: въ Переяславѣ, Фарбованомъ, Сосновомъ, Пристромахъ, Дѣвичкѣ, Волчковѣ, Стовнягахъ, Хоцькахъ и Глапышевѣ . . . . . 6.
   Софія. Мужъ—*Григорій Ивановичъ Краснокутскій*, кіевскій прокуроръ 1788 г. . . . . 6.
   Елизавета. Мужъ—1, *Матвѣй Симойловичъ Сулима*, сотникъ воронковскій, 2, *Фаддей Антоновичъ Пашкевичъ*, польской службы камергеръ. 6.
   Катерина, 1749 года. Мужъ—*Василій Комаровскій*, бунчуковый товарищъ 7.
10. *Семенъ*, домонтовскій возный 1784 года. Жена—*Марья Акимовна Марченко*, козачка . . . . . 8.

«ничего тутъ нѣтъ удивительнаго, что вы, владыка, изъ дворянъ да попали въ архіереи! а вотъ *мой дѣдъ былъ еврей*, бабка съ голеду жевала евреи, отецъ—еврей, а я—архіерей!» «Русская Старина» 1874 года, т. I, стр. 210.

11. *Прокофій*, домонтовскій сотенный атаманъ. Жена—*Евдокія Филипповна Лотошевичъ*. . . . . 8.
12. *Степанъ*, ротмистръ 1798 г. Жена—*Варвара Васильевна Черниченко*. 8.
13. *Василій*, р. 1748 г.; полковникъ лубенскаго карабинернаго полка 1788 г. 9.
14. *Павелъ*, р. 1751 года; маіоръ 1798 года; переяславскій предводитель дворянства, 1824 г. Жилъ въ селѣ Войтовцахъ. У него крестьянъ—2463. Жена — 1, *Марья Васильевна Дунинъ-Борковская;* 2, дочь «австрійскаго дворянина» *Дмитрія Муранта* . . . . . 9.

Родоначальникъ Томаръ—Иванъ былъ выходецъ изъ Греціи. Правнукъ его Степанъ разсказываетъ, что «Иванъ Томара выпедъ изъ Греціи въ Малороссію, отъ предковъ своихъ Томаръ породою—древней, шляхетской фамиліи, кой родъ искони въ Эпирусѣ и въ Македоніи пребывали и съ онаго одинъ домъ той-же Томариной фамиліи, при бывшихъ въ Греціи великихъ нестроеній и бѣдствъ, обратился въ Сицилію, что̀ еще прежде обладанія туркамъ Константинополя послѣдовало; и до сихъ поръ та фамилія въ тѣхъ областяхъ еще остается. Иванъ Томара, съ сыновьями его, Стефаномъ, Василіемъ и Парфеномъ, къ той, прежде выпедшей изъ Греціи, фамиліи обратился было тожъ въ Сицилію, а оттуду понеже тѣ родственники его были римскаго закона, то онъ тамо съ авантажемъ пребывать не изобрѣлъ; но, въ разсужденіи согласія религіи, пришелъ въ государство россійское, предъ кончиною царя Алексѣя Михайловича» Изъ актовъ XVII в. видимъ, что «греченинъ» Иванъ Томара, перейдя въ Малороссію, поселился въ Переяславѣ и сталъ тамъ торговать «турскими» товарами, а потомъ занялся всякими промыслами. Въ 1662 г. Сомко, жалуясь царю на обиды ратныхъ людей, стоявшихъ въ Переяславѣ, между прочимъ писалъ: «и нынѣшнему посланцу нашему Томарѣ на завтріе Покрова (ратные люди) въ лавку подкопавшися, готовыхъ денегъ 200 рублей, суконъ, шелковъ турскихъ, по его явкахъ, на 4000 и на 80 рублей украли и роздѣлили» [1]). А въ 1666 г. кіевскій воевода Шереметевъ жаловался, что «велѣлъ де было онъ въ Переясловѣ греченину Яну Томару сбирать съ перевозу и съ проѣзжихъ людей пошлину на великого государя, противъ обычаевъ прошлыхъ лѣтъ, какъ онъ

---

[1]) Акты юго-западной Россіи, т. V, стр. 128.

Янъ сбирывалъ на гетмановъ, и нынѣ де онъ Янъ, пріѣхавъ въ Кіевъ, извѣщалъ тайно со слезами, что собралъ онъ въ Переясловѣ такихъ пошлинныхъ денегъ съ 500 рублей, да прислалъ де къ нему гетманъ (Брюховецкій), велѣлъ ему перевезть къ себѣ въ Гадячь такихъ пошлиныхъ денегъ 1,000 рублей; и онъ де, чего не собрано и занявъ, везетъ; а не везть не смѣетъ, чтобы безъ головы не быть» [1]). Затѣмъ Томара изъ Переяслава переселился въ Каневъ и присталъ тамъ къ Дорошенку; нѣжинскій воевода Ржевскій писалъ въ 1662 г., что стрѣлецъ его «стрѣтился въ Переяславѣ съ гречанипомъ съ Яномъ Томарою, что бывалъ напередъ сего жилецъ переясловскій; онъ, Янъ Томара, живетъ въ Каневѣ, а ѣдетъ де онъ отъ гетмана Петра Дорошенка къ гетману Демьяну Игнатовичу съ листами, для своего дѣла» [2]). Иванъ Томара дожилъ до временъ Самойловича, которому и «припоручилъ» двухъ сыновей своихъ Степана и Василія, какъ разсказываетъ тотъ-же его правнукъ. Гетманъ принялъ Томаръ въ число своихъ «дворянъ», которые личною службою гетману нерѣдко выслуживали себѣ и войсковые уряды. У Самойловича Томары однако-жъ ничего не выслужили. Только при Мазепѣ выслужилъ старшій изъ нихъ, Степанъ, сотничій урядъ; но и этого уряда добился Томара повидимому лишь съ помощью черниговскаго полковника Лизогуба, на дочери котораго онъ женился. Степанъ Томара поставленъ былъ домонтовскимъ сотникомъ и на этомъ урядѣ получилъ онъ отъ Мазепы, въ 1689 г., Богушкову слободу и с. Подставки, а чрезъ нѣкоторое время и еще два села, Оробьевку и Хмельную, въ каневскомъ уѣздѣ. Въ 1706 г. переяславскій полковникъ Иванъ Мировичъ взятъ былъ шведами въ плѣнъ, гдѣ и умеръ; на мѣсто Мировича поставленъ былъ Мазепою Степанъ Томара, который чрезъ Лизогубовъ сталъ въ это время уже свойственникомъ гетмана. Несмотря однако-же на это свойство, Томара не раздѣлилъ замысловъ Мазепы и остался вѣренъ царю; за это Скоропадскій подтвердилъ Томарѣ маетности, данныя ему Мазепою, присоединивъ къ нимъ с. Нехайки, на Супоѣ. Въ 1711 г. Орликъ прислалъ было Томарѣ «прелестныя письма», склоняя его на свою сторону, но Томара поспѣшилъ это письмо

---

[1]) Т. ж., т. VI, стр. 103.

[2]) Т. ж., т. IX, стр. 658.

представить царю; письма были сожжены «катомъ», а «вѣрность» Томары утвердилась окончательно [1]). Томара правилъ переяславскимъ полкомъ до смерти, въ 1715 г. Онъ женатъ былъ два раза; отъ первой жены Томара имѣлъ сына Ивана, который почему-то по службѣ не вышелъ изъ ряда значковыхъ товарищей, а по смерти отца лишенъ былъ и наслѣдства. Отъ втораго брака съ дочерью Якова Лизогуба Томара имѣлъ другого сына, Василія, и двухъ дочерей. Василій Степановичъ Томара поведенъ былъ иначе; онъ учился въ «нѣмецкихъ земляхъ», что было въ то время рѣдкостью. По смерти Степана Томары маетности послѣдняго были Скоропадскимъ утверждены безраздѣльно за однимъ Василіемъ: 21 ноября 1715 г., гетманъ утвердилъ за нимъ Богушкову и Бубновскую слободы, Войтовцы и Нехайки, а на другой день Василій выпросилъ у гетмана подтвердительный универсалъ на два села, Козацкое и Веприкъ, которыми завладѣлъ старый Томара безъ гетманскаго позволенія. Василій Томара считался бунчуковымъ товарищемъ, а когда въ 1735 г. переяславскій полковникъ Василій Танскій сосланъ былъ въ Сибирь, на его мѣсто назначенъ наказнымъ Томара. Предводительствуя переяславскимъ полкомъ въ крымскомъ походѣ, Василій Томара былъ убитъ въ 1736 г. [2]). Сынъ Василія—Степанъ сталъ уже однимъ изъ замѣтныхъ богачей въ Малороссіи. Младшій братъ Степана Ивановича, Василій Ивановичъ Томара не выслуживъ у Самойловича никакого уряда, отправился искать счастья въ Черниговъ, разсчитывая конечно на покровительство тестя старшаго брата—Якова Лизогуба, тогдашняго черниговскаго полковника. Здѣсь Василій женился на дочери умершаго бѣлоусскаго сотника Василія Болдаковскаго, вдова котораго искала такого зятя, который могъ-бы, за малолѣтствомъ ея сыновей, распоряжать и охранять ея хозяйство. Впослѣдствіи жена Василія Томары разсказывала, что мужъ ея «женился на ней—нищъ, былъ принятъ въ домъ ея материстій въ пріймы, а засталъ при ней движимыхъ и недвижимыхъ имѣній не малымъ числомъ». Бѣдность Томары была такова, по тому-же разсказу жены, что когда онъ «женился на ней, увольнясь зъ двору отъ службы гетмана Ивана Самойловича, то

---

[1]) Матеріалы для отечественной исторіи, Судіенка, т. II, стр. 182.

[2]) Записки Марковича, т. II, стр. 10.

не имѣлъ у себя большъ ничего съ пожитковъ, кромѣ **единого** коня и паръ нѣсколькихъ суконъ»[1]). Женитьба на Болдаковской сразу поставила Томару на ноги; прежде всего онъ сталъ значнымъ полку черниговскаго товарищемъ, какъ называетъ его универсалъ Мазепы 1690 г., а потомъ сталъ добиваться и урядовъ. Помогли ему въ этомъ искательствѣ деньги жены. Сначала онъ получилъ выбельское сотничество, а потомъ и черниговское судейство. Жена его разсказывала, что, добиваясь этихъ урядовъ, Василій Томара издержалъ денегъ до 400 рублей, но за то онъ, вмѣстѣ съ сотничествомъ, получилъ отъ Лизогуба с. Сядричи, которое утвердилъ за нимъ и Мазепа, вмѣстѣ съ женинымъ наслѣдственнымъ селомъ—Рогощею; а въ 1715 г. Скоропадскій прибавилъ Томарѣ с. Брагинцы въ басанской сотнѣ. Изъ бѣдняка, пріѣхавшаго въ Черниговъ на одномъ конѣ, Томара сталъ богатымъ паномъ, оставивъ по смерти «пожитковъ движимыхъ и недвижимыхъ, якъ-то: селъ, деревень, хуторовъ, мельницъ, рощей, лѣсовъ, пахатной земли, сѣнокосовъ, лошадейного заводу, рогатаго скота, овецъ, всего—не малымъ числомъ, винокурные и броварные заводы съ котлами, тако-жъ войсковыхъ порядковъ: сѣделъ, оправныхъ серебромъ, рондовъ, панцеревъ, сагайдаковъ и шабель, подъ серебро оправныхъ въ каменье, сребра столоваго, пукаловъ, крушокъ, стакановъ, подносовъ, чарокъ и ложокъ, клейнотовъ женскихъ: перлъ, ланцужковъ, канаковъ, червонцевъ, дукатовъ, мѣховъ—собольихъ, куньихъ, рысьихъ, песцовьихъ, лисьихъ, бѣлковыхъ, платья мужескаго и женскаго—бархатного, парчеваго, разнаго матеріальнаго (шелкового) и суконного имъ, Томарою, набитого». Такъ исчисляли Томарины богатства его наслѣдники[2]). Василій Томара оставилъ двухъ дочерей: Ульяну и Ѳедору и малолѣтняго сына Григорія. Дочери выданы были замужъ еще при жизни отца, одна за Григорія Стороженка, а другая за Григорія Криштофовича Фридрикевича. Сына Григорія женила уже вдова Василія Томары, въ 1729 г., на дочери генеральнаго судьи Федора Лысенка. На третій годъ послѣ женитьбы Григорій умеръ, оставивъ дочь Катерину. Оставшись безпомощною вдовою, Пелагея Васильевна пригласила къ себѣ внука—Степана Григорьевича Сто-

---

[1]) Румянцовская Опись, стр. 28.

[2]) Т. ж., стр. 31.

роженка, думая сдѣлать изъ него хозяина своихъ маетностей, которыя и отдала въ его распоряженіе. Стороженко, будучи наслѣдникомъ умершаго Василія Томары, своего дѣда, считалъ эти маетности своими по закону и поэтому не старался годить своей бабкѣ, а бабка считала, что всѣ маетности, какъ нажитыя на ея средства, принадлежатъ ей, тѣмъ болѣе, что и своихъ трудовъ на увеличеніе богатства положила она не мало; такъ умершій ея мужъ «былъ оскарженъ, якобы многіе скарбовые гроши потерялъ», и она вдова «болѣе десяти лѣтъ волочась въ Глуховѣ, поколь отъ той напасти освободилась, утратила до тысячи рублей», да «доходя села Брагинцевъ, мужу ея за его службы наданнаго, якимъ былъ завладѣлъ тогдашній полковникъ переяславскій Богдановъ, сдержала до пятисотъ рублей». Нелады внука Стороженка съ бабкою Томарихою дошли до того, что онъ, «забывъ страхъ Божій и пренебрегъ праматернее ея къ нему явленное милосердіе, дерзнулъ не только словами безчестить, поносить и бранить, называя ее непочтивою женою, злодѣйкою и брехухою, но самую ея, при старости ея лѣтъ, отважился за груди похватить и немилосердно вдарить объ стѣну». Послѣ этого Томариха выгнала внука изъ своего дома и задумала искать болѣе надежной опоры въ мужѣ для внуки Катерины, которая въ это время стала уже невѣстою. При этомъ она обѣщала будущему мужу внуки записать всѣ свои маетности. Катерина Григорьевна стала завидною невѣстою, и женихъ скоро нашелся въ лицѣ бунчуковаго товарища Василія Комаровскаго. Комаровскіе, два брата—Иванъ и Василій, были шляхтичи, вышедшіе въ Малороссію изъ-за Днѣпра; учились они сначала въ кіевской академіи; затѣмъ старшій изъ нихъ—Иванъ поступилъ учителемъ въ черниговскую семинарію, принялъ монашество съ именемъ Ираклія и въ 1737 г. поставленъ былъ архимандритомъ въ троицко-ильинскій монастырь. Въ 1752 г. онъ былъ назначенъ черниговскимъ епископомъ и правилъ епархіею девять лѣтъ, отличаясь жестокостью къ подчиненному ему духовенству, за что былъ и лишенъ епархіи [1]). Вотъ этотъ Ираклій Комаровскій, будучи троицкимъ архимандри-

---

[1]) См. Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1855 года, № 43, гдѣ приведены очень интересныя свѣдѣнія о многихъ черниговскихъ епископахъ, извлеченные изъ архива черниговской духовной консисторіи.

томъ, и высваталъ у Томарихи внучку ея Катерину за своего брата Василія, который служилъ войсковую службу въ черниговскомъ полку. По уступной записи 1742 г. Томариха отдала Василію Комаровскому всѣ свои маетности: с. Рогощу и деревни Сядрячи, Кашовку, Ямище, Тамаровку и Высокинь. Такимъ образомъ богатства, нажитыя Василіемъ Томарою, перешли въ родъ Комаровскихъ.

А. Лазаревскій.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Продолженіе) [1]).

XVI.

Казалось-бы, что послѣ столькихъ уроковъ фанатизмъ поляковъ въ дѣлѣ обращенія и ополяченія Руси долженъ былъ исчезнуть или по крайней мѣрѣ уменьшиться, на самомъ-же дѣлѣ случилось иначе.

Въ 1669 г. избранъ былъ королемъ Михаилъ Вишневецкій. Гетманъ Дорошенко вмѣстѣ съ митрополитомъ Тукальскимъ подали въ избирательный сеймъ петицію о томъ, чтобы православнымъ возвращены были отнятыя у нихъ церкви и чтобы русскимъ епископамъ изъ польской Украйны были предоставлены мѣста въ сенатѣ. Однако новый король не только не дозволилъ православнымъ епископамъ засѣдать въ сенатѣ, но даже устранилъ диссидентовъ отъ всѣхъ должностей и урядовъ.

Народъ православный, хотя и лишенный церковной іерархіи, не переставалъ по прежнему выбирать изъ среды себя кандидатовъ на приходы и посылалъ ихъ за границу для посвященія. Въ видахъ предупрежденія этой мѣры, въ правленіе короля Михаила изданъ былъ законъ, въ силу котораго ни одинъ священникъ не могъ получить прихода, не испросивши предварительно презенты (согласія) отъ владѣльца села, старосты или державцы королевскаго имѣнія. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что хотя сеймомъ 1669 г. изданъ былъ законъ, освобождавшій русское духовенство отъ панщины и все-

[1]) См. апрѣльск. кн. «Кіевской Старины», 1885 г., стр. 678—716.

возможныхъ работъ въ пользу помѣщика, но польская шляхта не считала его обязательнымъ для себя и на гродненскомъ сеймѣ 1726 г. сыновья русскихъ священниковъ признаются панскими подданными.

Такъ какъ религіозныя преслѣдованія въ западной половинѣ Украйны продолжались по прежнему, то народонаселеніе и его представители козаки продолжаютъ стремиться къ объединенію ея съ восточною. Главнымъ препятствіемъ къ такому объединенію является андрусовскій договоръ; не оставалось иного средства, какъ обходъ этого договора, согласно съ требованіями тогдашней дипломатіи.

Нѣкоторые историки приписываютъ Дорошенку намѣреніе создать изъ Малороссіи особое княжество подъ протекторатомъ султана; но если принять во вниманіе нерасположеніе народа къ такому проэкту, то болѣе правдоподобною является слѣдующая программа: Россія отказалась въ пользу Польши отъ одной половины Украйны, но по отношенію къ Турціи она не была связана никакимъ трактатомъ. Поэтому нужно было сперва отдѣлиться отъ Польши съ помощью турокъ, чтобы въ свое время освободиться и отъ подчиненія Турціи съ помощью Россіи. Составивъ такой планъ, Дорошенко, защитникъ единства и независимости Украйны, начинаетъ склонять къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ гетмана восточной Украйны Брюховецкаго.

Старшина и значные козаки домогались отъ Россіи возстановленія въ полной силѣ своихъ привилегій; они раздѣляли польско-шляхетскіе идеалы, отвѣчавшіе украинской культурѣ того времени, выработавшейся подъ польскимъ вліяніемъ; но, встрѣтивъ отпоръ со стороны московскаго правительства, они готовы были при первой возможности отказаться отъ этого правительства. Напротивъ посполитые козаки и простой народъ вначалѣ всѣ свои надежды обращали къ московскому правительству; но, при болѣе близкихъ сношеніяхъ съ его агентами—воеводами и стрѣльцами, также возмущались ихъ суровымъ и безцеремоннымъ отношеніемъ и въ свою очередь готовы были отдѣлиться отъ Москвы. Условившись съ Дорошенкомъ, Брюховецкій воспользовался общественнымъ настроеніемъ и началъ выгонять воеводъ и стрѣльцовъ; но въ Гадячѣ поднялась противъ него группа козаковъ, выдвигавшая другаго кандидата на гетман-

ство; Брюховецкій былъ арестованъ, отправленъ къ Дорошенку и тамъ убитъ козаками. Тогда Дорошенко объявилъ себя гетманомъ всей Украйны и рѣшился приступить къ подчиненію Турціи. Измѣна Брюховецкаго произвела сильную тревогу какъ въ Москвѣ, такъ и въ Малороссіи; населеніе здѣсь раздѣлилось на два лагеря; въ 1669 г. козаки получили дозволеніе избрать новаго гетмана; сторонниками Москвы избранъ былъ черниговскій полковникъ Многогрѣшный, человѣкъ совершенно бездарный и лишенный политическихъ способностей. Но власть его не простиралась на всю Малороссію; полки: лубенскій, гадячскій, прилуцкій и нѣкоторое время переяславскій признали своимъ гетманомъ Дорошенка, стремившагося удержать всю Украйну въ рукахъ одного гетмана и тѣмъ самымъ дать ей новыя силы противъ внѣшнихъ враговъ.

Видя такое положеніе дѣлъ на Украйнѣ, польское правительство поняло грозящую ему опасность и универсалами, полными либеральныхъ фразъ, объявляетъ Дорошенка лишеннымъ власти и приглашаетъ козаковъ къ избранію новаго гетмана, что запрещалось имъ уже много разъ. Между тѣмъ уманскій полковникъ Ханенко самъ объявилъ себя гетманомъ, но, побѣжденный Дорошенкомъ, подчинился польскому королю и былъ утвержденъ въ гетманскомъ достоинствѣ; впрочемъ власть его была весьма незначительна. Въ противовѣсъ болѣе популярному гетману поляки сами заняли Брацлавъ, Могилевъ-Подольскъ, Рашковъ и Баръ и отдали ихъ въ управленіе Ханенку.

Такимъ образомъ являются снова три гетмана: Дорошенко и Ханенко въ правобережной Украйнѣ и Многогрѣшный въ лѣвобережной. Всѣ эти обстоятельства ставятъ Дорошенка въ весьма трагическое положеніе. Подобно Богдану Хмельницкому, онъ стремится къ единству и независимости всей Украйны и въ тоже время сознаетъ, что для нея невозможно не признать надъ собою власти котораго нибудь изъ сосѣднихъ государствъ. Наконецъ въ 1669 г. онъ созвалъ въ Корсунѣ козацкую раду и предложилъ рѣшить вопросъ, что дѣлать дальше: входить-ли въ соглашеніе съ Москвою, подчиниться-ли Польшѣ или турецкому султану? Козаки отдали предпочтеніе турецкому правительству.

Вскорѣ обстоятельства поставили и Многогрѣшнаго въ непріязненныя отношенія къ своему правительству. Управленіе воеводъ,

несогласное съ украинскими обычаями, порядками, со всѣмъ складомъ народной жизни, было нестерпимымъ для мѣстнаго народонаселенія; крестьяне по прежнему стремились въ запрещенное для нихъ козачество; однимъ изъ поводовъ къ народнымъ волненіямъ было опасеніе, чтобы Кіевъ со всѣми святынями не былъ отданъ полякамъ. Напрасно Многогрѣшный входилъ съ представленіемъ къ московскому правительству объ освобожденіи Украйны отъ управленія и суда воеводскаго; всѣ эти представленія оставлены безъ послѣдствій. Наконецъ противъ гетмана составился заговоръ старшинъ козацкихъ; Многогрѣшный былъ арестованъ, отправленъ въ Москву и затѣмъ сосланъ въ Сибирь послѣ суда надъ нимъ по обвиненію въ измѣнѣ.

Дорошенко съ своей стороны ведетъ безпрестанныя сношенія съ московскимъ правительствомъ, повторяя все тѣже условія: чтобы московскій царь принялъ всю Украйну подъ свою верховную власть, отозвалъ воеводъ и предоставилъ козакамъ обоихъ береговъ Днѣпра всѣ ихъ права подъ управленіемъ одного гетмана. Дорошенко увѣряетъ, что онъ не врагъ Москвы и вмѣстѣ со всѣмъ народомъ украинскимъ стремится подъ власть великаго государя, но только въ томъ случаѣ, если царь согласится принять въ свое подданство обѣ стороны Днѣпра, не присылать сюда своихъ воеводъ, не нарушать автономіи края и правъ козацкихъ, однимъ словомъ, если оставлены будутъ во всей силѣ всѣ постановленія перваго договора, заключеннаго съ Богданомъ Хмѣльницкимъ. Наконецъ высказываетъ, что только крайность принуждаетъ его подчиниться на время султану.

Но, не смотря на всѣ представленія, московское правительство, сохраняя постановленія андрусовскаго договора, требуетъ и отъ Дорошенка вѣрности Польшѣ и тѣмъ самымъ поддерживаетъ раздѣлъ Украйны, вопреки стремленіямъ гетмана и цѣлаго народа.

Итакъ, Дорошенко принужденъ былъ одновременно вести дипломатическую борьбу и противъ Москвы и противъ Польши, но сверхъ того ему предстояла еще борьба противъ своихъ же собратьевъ: запорожцы не хотѣли подчиняться ни Дорошенку, ни лѣвобережному гетману и подъ предводительствомъ кошевого Сирка, а впослѣдствіи Суховіенка, продолжали при удобномъ случаѣ грабить и разбивать татаръ и турокъ.

Послѣ ссылки Многогрѣшнаго гетманомъ восточной Украйны избранъ въ 1672 г. Иванъ Самойловичъ. Это былъ человѣкъ ученый, но мало способный, низкопоклонный передъ высшими и надменный передъ низшими и сверхъ того чрезвычайно корыстолюбивый; старшина козацкая выбрала его въ надеждѣ имѣть въ его лицѣ покорное орудіе—до того низошло значеніе гетмана. Переворотъ этотъ случился въ то самое время, какъ Дорошенко, избравши вѣрнѣйшій способъ приведенія въ дѣло своей программы, рѣшился подчиниться султану, который благосклонно принялъ предложеніе и началъ готовиться къ войнѣ съ Польшей.

Въ декабрѣ 1671 г. получена въ Варшавѣ султанская нота, въ которой поставленъ ультиматумъ: добровольно отказаться отъ всѣхъ притязаній на Украйну, которая ищетъ покровительства Турціи, или готовиться къ войнѣ. Итакъ полякамъ угрожала новая турецкая война, но они заняты были внутренней войной и не думали объ отраженіи непріятеля. Между тѣмъ султанъ Магометъ IV выступилъ въ походъ съ 300,000 войскомъ, занялъ Каменецъ подольскій, осадилъ Львовъ и взялъ съ города выкупъ въ 7,000 талеровъ. Сознавая свое безсиліе, король Михаилъ заключилъ подъ Бучачемъ (въ Галиціи) миръ, по которому уступалъ туркамъ Подолію съ каменецкою крѣпостью, всю правобережную Украйну, принадлежавшую до того времени Польшѣ, и сверхъ того обязывался ежегодно платить Портѣ 22,000 червонцевъ. Поляки обязывались вывести изъ Украйны свои войска, оставить Бѣлую-Церковь и другія крѣпости и признать всю территорію собственностью козаковъ, находящихся въ зависимости отъ Турціи.

Такимъ образомъ исполнилась первая половина программы Дорошенка; но другая половина—освобожденіе Украйны изъ турецкаго подданства съ помощью Россіи не могла быть выполнена, вслѣдствіе того, что ни одинъ изъ гетмановъ не хотѣлъ отказаться отъ своего достоинства и напротивъ хотѣлъ сдѣлаться гетманомъ всей Украйны.

Между тѣмъ поляки одумались, сеймъ отказался утвердить бучацкій договоръ и польскія войска подъ предводительствомъ великаго коронпаго гетмана Собѣскаго выступили противъ турокъ. Самъ король хотѣлъ сопровождать армію, но заболѣлъ на пути и умеръ во Львовѣ 10 ноября 1673 г. На слѣдующій день гетманъ

Собѣскій одержалъ блестящую побѣду надъ турками подъ Хотиномъ, но узнавши о смерти короля, вмѣсто того, чтобы продолжать войну, поспѣшилъ въ Варшаву, гдѣ и былъ избранъ королемъ въ 1674 г.

Теперь Собѣскій считаетъ своею обязанностью окончить войну; правда, его побѣды избавили Польшу отъ полнаго униженія, но всѣ усилія поляковъ уже не въ состояніи были возвратить утраченную Подолію; турки энергично отстаивали свое пріобрѣтеніе и главная сила—козачество была не на сторонѣ Собѣскаго. Султанъ снова овладѣлъ Хотиномъ и распускалъ свои загоны до самаго Львова; снова заключенъ миръ, при чемъ Турція удержала за собою Подолію и Украйну.

Дорошенко понялъ, что всѣ разсчеты его были ошибочны: турки и не думали о единствѣ Украйны, а онъ, сдѣлавшись турецкимъ подданнымъ, первый принужденъ былъ выдерживать удары враговъ ислама; между тѣмъ силы его слабѣли, народъ выселялся за Днѣпръ и правый берегъ становился все безлюднѣе. Обоимъ гетманамъ—и Дорошенку, и Ханенку оставалось управлять только жалкими остатками народонаселенія. Дорошенко снова обращается къ московскому правительству съ просьбою принять его въ подданство, но не иначе, какъ на тѣхъ-же условіяхъ, какія предлагалъ и раньше, т. е. объединенія и автономіи Украйны. Съ другой стороны Самойловичъ, опасаясь, чтобы его не лишили гетманства въ пользу Дорошенка, не переставалъ возстановлять противъ него центральное правительство.

Значительная часть Украйны, а именно восточная ея половина, уже находилась подъ властью московскаго царя, оставалось только Дорошенку присоединиться; онъ давно готовъ былъ на это, но не хотѣлъ видѣть такую бездарную личность, какъ Самойловичъ, гетманомъ обоихъ береговъ Днѣпра.

Въ 1674 г. Самойловичъ перешелъ за Днѣпръ съ помощію русскихъ войскъ подъ начальствомъ Ромодановскаго. Тогда Дорошенко потерялъ всю свою популярность; на турокъ не было больше надежды, два раза являлись они на помощь Дорошенку и не принесли ни малѣйшей пользы, а только до такой степени опустошали край, что остатки населенія цѣлыми массами переселялись въ восточную половину Украйны. Поэтому народъ и козаки сочув-

ственно встрѣчаютъ Самойловича, города открываютъ передъ нимъ ворота, цѣлые полки оставляютъ Дорошенка и переходятъ на сторону Самойловича, принимая его, какъ избавителя отъ польской и татарской неволи. Собранная въ Переяславѣ рода выбрала его гетманомъ всей Украйны, которому подчинился и Ханенко; во власти Дорошенка остался одинъ Чигиринъ. Но титулъ гетмана и народныя симпатіи были еще недостаточны, прежде всего нужно было освободить правобережную Украйну изъ-подъ власти турокъ, а для этого не доставало Самойловичу ни энергіи, ни предпріимчивости; онъ возвращается въ Малороссію и вліяніе Дорошенка снова начинаетъ усиливаться.

Желая обойти Самойловича, Дорошенко еще разъ дѣлаетъ попытку подчиниться Москвѣ; съ этою цѣлью онъ созвалъ раду, на которую пригласилъ и Сирка съ запорожцами, и здѣсь въ присутствіи духовенства принесъ присягу на вѣрность царю, прося запорожцевъ поддержать его въ томъ, чтобы царь оставилъ его со всѣмъ козачествомъ въ своей милости и своими войсками помогъ защититься отъ турокъ, татаръ и поляковъ—для того, чтобы правая сторона Днѣпра снова могла заселиться, чтобы не перегоняли народъ на лѣвый берегъ, а дозволили ему оставаться на своихъ мѣстахъ, такъ какъ прошелъ слухъ, будто московское правительство задумало сжечь всѣ города на правомъ берегу и выселить все народонаселеніе на лѣвый.

Съ своей стороны Самойловичъ доноситъ на Дорошенка, будто онъ насылаетъ турокъ на Кіевъ. Изъ Москвы полученъ былъ приказъ идти войною противъ Дорошенка, который держался еще въ южной части Украйны. Въ такомъ критическомъ положеніи онъ обращается къ турецкой помощи, но Ромодановскій отразилъ турокъ подъ Чигриномъ; тогда Дорошенко сложилъ здѣсь булаву и затѣмъ вызванъ былъ въ Москву, откуда уже не возвратился на родину.

Однако султанъ не хотѣлъ оставить своихъ притязаній на Украйну, поляки также и—обѣ враждебныя стороны выдвигаютъ своихъ гетмановъ: поляки Ханенка, Гоголя, Куницкаго, турки сперва Юрія Хмѣльницкаго, затѣмъ господаря Александра Дуку и Драмнича, послѣ чего и сами явились подъ Чигриномъ. Тогда по приказу Самойловича сожжены всѣ села и города на пра-

вой сторонѣ Днѣпра и все оставшееся народонаселеніе переведено на лѣвую сторону. Съ того времени падаетъ господство козачества на правой сторонѣ Днѣпра; не стало жителей, не стало и козаковъ. Автономія козацкая продержалась еще нѣкоторое время въ лѣвобережной Украйнѣ и нѣсколько дольше въ вольныхъ степяхъ запорожскихъ, но уже въ состояніи близкомъ къ упадку. Такимъ образомъ когда наконецъ въ 1681 г. состоялось въ Бахчисараѣ перемиріе на двадцать лѣтъ, то цвѣтущій нѣкогда край былъ до такой степени разоренъ и опустошенъ, что какъ Польша, такъ и Турція и Россія перестали уже дорожить господствомъ надъ нимъ. Каждая изъ сторонъ готова была отказаться отъ этой спорной пустыни, никому не приносящей выгоды, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы она не досталась никому другому. Дальновидные политики даже выражали желаніе, чтобы спорный край на вѣчныя времена остался пустымъ и незаселеннымъ. Въ силу особаго параграфа договора, вѣчная пустыня должна была раздѣлять эти три государства. Такимъ образомъ плодородный край обращенъ въ пустыню; но не смотря на договоръ, и Турція, и Польша по прежнему не оставляютъ своихъ притязаній на этотъ край, обѣ стороны продолжаютъ ставить для него своихъ гетмановъ и пытаются снова заселить его въ свою пользу.

Вторичная колонизація правобережной Украйны принадлежитъ Александру Дукѣ, гетману поставленному турками по смерти Юрія Хмельницкаго. Получивши въ управленіе этотъ роскошный, но безлюдный край, новый гетманъ понялъ всѣ выгоды, какія можно было бы извлечь изъ него, если бы удалось его заселить, и постарался дать народу гарантіи спокойствія и самоуправленія. Поэтому Дука объявилъ всеобщее право на слободы по всей Украйнѣ и на организацію новыхъ козацкихъ полковъ съ прежнимъ ихъ значеніемъ, если народъ пожелаетъ возвратиться на родину. Въ доказательство справедливости своихъ обѣщаній, Дука назначилъ полковниковъ и послалъ ихъ въ степи для завѣдыванія колонизаціею и сформированія полковъ, чѣмъ первый нарушилъ бахчисарайскій договоръ.

Дѣйствительно, колонисты чрезвычайно быстро являются со всѣхъ сторонъ, не смотря на всѣ препятствія, особенно многочисленныя со стороны московскаго правительства, желавшаго остаться

вѣрнымъ договору. Вскорѣ однако послѣ паденія Дуки мысль о колонизаціи была оставлена.

Съ того времени западная Украйна, лишенная возможности заселиться осѣдлымъ людомъ, служитъ пристанищемъ различнымъ бѣглецамъ и смѣлымъ бродягамъ; въ ней снова повторяется тоже самое, что случилось двѣсти лѣтъ назадъ и дало въ теченіемъ времени начало запорожской Сѣчи. Бѣглецы собираются въ отряды, кочующіе въ степяхъ и занятые безпрерывными войнами съ татарами и турками.

Если съ одной стороны очистить степи было дѣломъ чрезвычайно труднымъ, то съ другой стороны польское правительство въ своихъ продолжительныхъ войнахъ съ Турціею постоянно нуждалось въ военныхъ силахъ; короля Собѣскаго преслѣдовало сожалѣніе объ упадкѣ козачества и при разстройствѣ государственныхъ финансовъ онъ рѣшился воспользоваться для своихъ военныхъ замысловъ готовыми уже вооруженными отрядами. Съ этою цѣлью при войскѣ, стоящемъ на Украйнѣ, онъ организуетъ козацкіе полки и назначаетъ для нихъ гетманомъ Гоголя. Собѣскій долгое время воевалъ на Украйнѣ; онъ зналъ и высоко цѣнилъ быстрые козацкіе набѣги, по его мнѣнію, козаки одни только умѣли вести партизанскую войну съ татарами, они одни знали всѣ татарскія военныя хитрости, не знали затрудненій, когда нужно было добыть языка и т. д. Поэтому, собираясь въ походъ подъ Вѣну, Собѣскій задумалъ организовать для себя отрядъ козаковъ и не рѣшился вступать въ сраженія съ турками до прибытія козацкой милиціи. Чтобы извлечь изъ козаковъ возможную пользу для своего предпріятія, Собѣскій признаетъ ихъ козацкимъ войскомъ, обѣщаетъ ему жалованье, поручаетъ предводительство надъ ними Куницкому съ титуломъ гетмана и указываетъ имъ, какъ легкую добычу, Молдавію и буджацкія степи, откуда татары ушли подъ Вѣну. Походъ Куницкаго не удался, за что самъ онъ былъ казненъ своими козаками.

Въ декабрѣ 1683 г., возвратился Собѣскій изъ подъ Вѣны въ Краковъ и тотчасъ же началъ приготовленія къ новой войнѣ съ турками.

Не обращая вниманія на самые убѣдительные опыты прошлаго, Собѣскій усердно занялся проектомъ возобновленія зависимаго отъ Рѣчи Посполитой козацкаго войска, необходимаго для успѣшнаго

исхода турецкой войны. Зная въ совершенствѣ стремленія какъ рускаго народа, такъ и его представителей козаковъ, король понималъ, что единственная возможность усилить козачество въ западной Украйнѣ могла-бы представиться только въ такомъ случаѣ, если-бы удалось вызвать обратно въ пустыню выпедшій отсюда народъ. Съ своей стороны и народъ не могъ возвратиться безъ достаточныхъ гарантій, что имъ снова не овадѣютъ паны и что права козацкія, личная свобода и поземельная собственность будутъ распространяться на всѣхъ жителей края, а выполненіе этихъ желаній было связано со многими затрудненіями. Колонизація, даже самая успѣшная, требуетъ продолжительнаго времени, а козацкое войско нужно было Собѣскому немедленно. Трудно также было надѣяться, чтобы шляхта согласилась на возстановленіе козачества, съ которымъ вела вѣковую борьбу на жизнь и смерть. Наконецъ самъ народъ русскій не довѣрялъ уже полякамъ, и едва-ли можно было придумать такія гарантіи, которыя въ состояніи были-бы сломить недовѣріе народа послѣ столькихъ противуположныхъ опытовъ.

Однако, не смотря на всѣ указанныя трудности, королю удалось хотя отчасти выполнить свое намѣреніе.

Въ 1684 г. онъ издаетъ универсалъ, которымъ уступаетъ козакамъ для поселенія земли, уже предназначенныя къ вѣчному запустѣнію и только по имени принадлежавшія Польшѣ, а именно всю территорію отъ Тясмина и Тыкича до границъ кіевскаго Полѣсья. На этотъ разъ шляхта не противится королю, въ надеждѣ на сильную и дешевую помощь отъ козаковъ въ турецкихъ войнахъ; но не такъ легко было преодолѣть недовѣріе русскаго народа къ польскому правительству. Успѣшный исходъ дѣла въ этомъ направленіи зависѣлъ въ значительной мѣрѣ отъ личныхъ качествъ и характера лицъ, которыя взяли-бы на себя иниціативу колонизаціи. Было ясно, что шляхтѣ нельзя поручить ее, иначе все дѣло погибнетъ; поэтому нужно было назначать полковниками людей изъ народа или изъ козаковъ. Можно было надѣяться, что найдутся лица способныя и популярныя, но популярность ихъ могла продолжаться только до тѣхъ поръ, пока они останутся преданными интересамъ своего народа, а на стойкость ихъ не всегда можно было разсчитывать.

Между тѣмъ при первомъ извѣстіи о королевскихъ универсалахъ народъ начинаетъ подыматься въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще держалась шляхта, подымались даже волненія. Желая дать возможный выходъ безпорядкамъ, успокоить встревоженную шляхту и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ можно скорѣе, получить козацкое войско, пока колонизація не успѣетъ еще развиться, король рѣшился усилить вербованіе козацкихъ полковъ въ Полѣсьи. Въ 1684 г. многіе шляхтичи получаютъ королевскія грамоты на право вербовать всѣхъ, кто пожелаетъ, въ козацкіе полки на королевскомъ жалованьи. Полки расквартировываются въ Полѣсьи, но полковники не считаютъ выгоднымъ для себя идти на войну, а вмѣсто того пользуются своими силами для своихъ личныхъ дѣлъ: для мести противъ личныхъ враговъ или для нападеній на сосѣдей, оставляя безъ вниманія королевскіе универсалы или приказы войсковаго региментаря.

Такимъ поведеніемъ шляхта доказала свою непригодность къ формированію козацкихъ полковъ; король въ теченіи года задерживаетъ жалованье и тѣмъ самымъ вынуждаетъ распустить полки, послѣ чего въ началѣ 1686 года назначаетъ цѣлый рядъ новыхъ полковниковъ изъ козаковъ. Дѣйствительно, полки ихъ болѣе отвѣчаютъ своему назначенію, они принимаютъ участіе въ военныхъ походахъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ полковники, какъ Искра, Самусь, Абазинъ и Палій, поняли, какую важную выгоду можно извлечь для народа изъ королевскаго универсала; они являются проводниками новой колонизаціи, зазываютъ народъ на слободы и заселяютъ украинскія степи; они не только принимаютъ участіе въ королевскихъ походахъ, но также успѣшно отражаютъ татарскіе набѣги.

Такъ возникаютъ новые козацкіе полки; главный контингентъ для нихъ доставляютъ выходцы изъ Малороссіи, во множествѣ переселявшіеся оттуда главнымъ образомъ потому, что Самойловичъ съ Мазепой пытались установить въ Малороссіи шляхетское сословіе и поставить его въ такія отношенія къ народу и козакамъ, какъ то было въ Польшѣ.

Между тѣмъ Собѣскій, окончивъ приготовленія къ войнѣ съ Турціей, считалъ необходимымъ обезпечить себѣ миръ со стороны Россіи. По его порученію, познанскій воевода Гржимултовскій заключилъ въ 1686 г. договоръ въ Москвѣ, по которому Польша на вѣчныя времена отказывается отъ своихъ притязаній на Малороссію,

Кіевъ съ округомъ и Запорожье. Прибывшее во Львовъ русское посольство, съ Борисомъ Шереметевымъ во главѣ, потребовало, въ числѣ другихъ условій, свободы греко-восточнаго вѣроисповѣданія въ польскихъ областяхъ. На это сенаторы отвѣчали, что «никому не слѣдуетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла чужаго государства, и что для гарантіи старой русской вѣры достаточно того, если король во время коронаціи приноситъ присягу—никого не преслѣдовать за вѣру».

XVII.

Пока живъ былъ Собѣсскій, нуждавшійся въ козакахъ для своихъ войнъ съ турками, до тѣхъ поръ козачество было терпимо; но въ 1696 г. умеръ Собѣскій и преемникомъ ему избранъ Августъ II. Между тѣмъ турки, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, принуждены были искать мира и въ 1699 г. состоялся въ Карловицахъ договоръ между Турціей, Австріей, Польшей и Россіею, въ силу котораго Польша получаетъ обратно все Подоліе и перестаетъ платить дань туркамъ. Теперь козацкое войско становится ненужнымъ. Тутъ слѣдуетъ упомянуть, что по удаленіи турокъ изъ Каменца поляки изгоняютъ изъ города православныхъ жителей, церкви ихъ были опечатаны и только одна изъ нихъ отдана уніатамъ.

Когда окончилось вторичное заселеніе Украйны, города и села заново отстроены, шляхта вспоминаетъ свое прежнее господство въ этихъ краяхъ и выражаетъ претензію на исключительное право землевладѣнія. Снова подымаются противъ козаковъ жалобы со стороны дворянства и латинскаго духовенства; шляхта совершенно справедливо утверждаетъ, что козачество преслѣдуетъ принципы прямо противоположные шляхетскимъ и сеймъ 1699 г. постановилъ раскассировать и упразднить козачество.

Въ 1702 г. появляются въ Богуславѣ, Корсунѣ и другихъ городахъ польскіе помѣщики, старосты или управители для водворенія шляхетскихъ порядковъ; начинаются прежнія гоненія противъ православія, народъ снова принуждаютъ къ уніи и требуютъ отъ козаковъ, чтобы они поступали въ подданство къ панамъ, или очистили города и села. Козаки не перестаютъ протестовать противъ такого ненавистнаго порядка вещей и въ началѣ XVIII в. всѣ недовольные

собираются подъ знаменами Палія, героя народныхъ преданій. Отсюда возникаютъ новыя столкновенія съ козаками, и возстаніе разростается на Украйнѣ, Волыни и Подоліи; сторону козаковъ принимаетъ и народъ, которому Палій и Самусь объявили свободу и призвали всѣхъ къ оружію. Между тѣмъ поляки, занятые войной съ шведами, обращаются къ царю Петру I съ просьбою объ усмиреніи козаковъ; на приказаніе предводителямъ возстанія распустить свои силы Палій и Самусь отвѣчаютъ, что не козаки, а сами поляки подали поводъ къ несогласіямъ, такъ какъ паны польскіе черезчуръ угнетали народъ, котораго свобода обезпечена королевскимъ универсаломъ,—и въ свою очередь просятъ принять ихъ въ свое подданство. Но Петръ I не соглашался на это, такъ какъ былъ въ союзѣ съ Польшей противъ шведовъ; наконецъ онъ приказалъ призвать Палія, который былъ схваченъ и сосланъ въ Енисейскъ. Такимъ образомъ возстаніе, лишенное предводителя, вскорѣ было усмирено, но русскій народъ снова цѣлыми тысячами переходитъ на лѣвую сторону Днѣпра и Запорожье.

Съ того времени снова начинаютъ появляться различные проэкты искорененія, ополяченія и окатоличенія русскихъ: одинъ въ 1717 г., другой въ 1752 г. и третій въ 1786 г. Три эти проэкта предлагаютъ полякамъ различныя средства къ уничтоженію Руси; въ частности проектъ 1717 года, представленный сейму и внесенный въ книги гродскія варшавскія, предлагаетъ оные въ тринадцати пунктахъ, между прочимъ: пренебреженіе и издѣвательство, преслѣдованіе и всевозможныя притѣсненія русскихъ; недопущеніе шляхты греческаго и даже уніатскаго вѣроисповѣданія къ занятію общественныхъ должностей, удержаніе православныхъ священниковъ въ бѣдности и невѣжествѣ для того, чтобы они не могли ни имуществомъ, ни образованіемъ помочь своему дѣлу и т. д.

Вотъ почему архипресвитеръ уніатской капитулы луцкой Ѳеодосій Бродовичъ пишетъ въ своихъ замѣчаніяхъ 1789 г. (Widok przemocy cz. II, str. 50): «Знай возсоединенный русинъ, навсегда удаленный въ своемъ родномъ краѣ отъ пользованія какими бы то ни было правами, льготами и прерогативами, что напрасно силишься доказать твою вѣрность и покорность, напрасно отдаешься въ неволю въ доказательство твоей преданности уніи, тебѣ никто не повѣритъ, и твоя участь всегда печальна. Полякъ будетъ преслѣдовать тебя

въ убѣжденіи, что ты преданъ Москвѣ—москаль поступитъ также, потому что ты уніатъ».

Въ то время всѣ диссиденты вообще не пользовались спокойствіемъ въ Польшѣ. Августъ II повторяетъ присягу своихъ предшественниковъ относительно исключенія некатоликовъ отъ должностей и урядовъ, и преслѣдованіе диссидентовъ въ Польшѣ не прекращается въ теченіи всего XVIII ст., когда вездѣ въ Европѣ усиливается религіозная терпимость. Уже на сеймѣ гродненскомъ 1718 г. лишенъ доступа въ сеймъ виленскій посолъ Петровскій за то, что былъ диссидентомъ; запрещено диссидентамъ въ городахъ записываться въ члены свободныхъ общинъ; наѣзды и самоуправства становятся такъ-же часты, какъ въ средніе вѣка, въ XII или XIII ст.

Въ періодъ междуцарствія и шведской войны правобережная Украйна переходитъ на время во владѣніе Россіи, но послѣ прутской осады Петръ I принужденъ былъ возвратить ее полякамъ; въ Украйнѣ было объявлено: «всѣхъ жителей селъ и мѣстечекъ перевести въ Малороссію, а землямъ этимъ навсегда оставаться пустыней». Многіе жители уходили добровольно изъ нерасположенія къ шляхтѣ, другіе по принужденію полковниковъ; переселенцы берутъ съ собою все, что можно унести, даже разобранныя хаты и церкви, а села и города сожигаютъ. Итакъ поляки снова дѣлаются единственными собственниками плодородной пустыни, въ которой уже въ третій разъ начинаютъ появляться шайки бѣглецовъ, занятыхъ грабежемъ.

Надъ шляхтой польской, какъ мы уже видѣли неоднократно, тяготѣлъ извѣстный фатализмъ. Чтобы извлекать доходъ изъ поземельной собственности, она должна была заботиться о привлеченіи рабочихъ силъ, чего можно было достигнуть только, предлагая поселенцамъ выгодныя условія на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Такимъ образомъ шляхта сама подготовляетъ противъ себя враждебную силу. По истеченіи льготнаго срока отъ крестьянъ требуютъ панщины,—начинается реакція, которая послѣ упраздненія козаковъ принимаетъ характеръ гайдамачества.

О шляхтѣ того времени исторія дѣлаетъ не слишкомъ благопріятный отзывъ: партіозность, узкій эгоизмъ и отсутствіе всякаго гражданскаго чувства—вотъ ея характерныя черты, но перевѣсъ надъ всѣмъ брало пьянство и продажность; вся дѣятельность шляхты

состоитъ въ пьянствѣ, взаимныхъ раздорахъ и дракахъ и въ продажѣ своихъ голосовъ въ сеймахъ и судахъ. Сеймы становятся бурными собраніями, на которыхъ каждый упрямецъ или подкупленный могъ однимъ словомъ сорвать сеймъ или отмѣнить рѣшеніе цѣлой республики. Поэтому у сосѣднихъ народовъ составилось на основаніи польскихъ сеймовъ мнѣніе, что нѣтъ въ свѣтѣ другой земли, въ которой было-бы больше словъ и меньше дѣла, какъ въ Польшѣ. То-же самое происходило и на областныхъ сеймикахъ, гдѣ путемъ насилія проводили пословъ, и на депутатскихъ сеймикахъ, на которыхъ избирались депутаты для трибуналовъ. Такимъ образомъ сеймы становятся ареною для интригъ магнатовъ и иностранныхъ державъ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ то время, какъ въ Польшѣ всѣ общественныя должности были доступны только лицамъ шляхетскаго сословія, въ Россіи, послѣ реформъ Петра I, посредствомъ государственной службы, открытъ для всѣхъ сословій доступъ къ дворянству; всякій, поступившій на службу, становился дворяниномъ. Между тѣмъ какъ петровскія реформы сѣютъ въ Россіи сѣмена просвѣщенія и культуры, Польша въ то самое время все больше погружается въ средневѣковое невѣжество. Науки почти совершенно падаютъ въ Польшѣ; за исключеніемъ богословія, всѣ остальныя науки остаются въ пренебреженіи, и тотъ, кто ревностнѣе другихъ преслѣдуетъ иновѣрцевъ, признается наиболѣе ученымъ и способнымъ среди духовенства.

Въ 1732 г. издано сеймовое постановленіе, по которому католическая церковь не должна была терпѣть наравнѣ съ собою никакого другаго вѣроисповѣданія. Иновѣрцы—православные и протестанты лишаются права быть избранными въ депутаты на сеймы, трибуналы и спеціальныя коммисіи; однимъ словомъ они приравниваются въ правахъ къ евреямъ. Духовенству запрещено открыто носить св. дары къ больнымъ, публично хоронить умершихъ и т. д. Наконецъ въ 1718 году подданные православныхъ монастырей въ Литвѣ и Бѣлоруссіи обращаются къ Петру I съ просьбою избавить ихъ церковь отъ преслѣдованій со стороны католиковъ и уніатовъ. Епископъ могилевскій князь Сильвестръ Четвертинскій повторяетъ ту-же просьбу въ 1720 г. и еще нѣсколько разъ впослѣдствіи. Поэтому дипломатическія ходатайства петербургскаго двора за пра-

вославныхъ въ Польшѣ становятся все чаще и настоятельнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается его вмѣшательство во всѣ польскія государственныя дѣла.

Какъ единичныя личности, такъ и каждая держава обыкновенно желаетъ по возможности расширить свое вліяніе, поэтому слѣдуетъ винить не тѣхъ, кто старается усилить свое вліяніе, а скорѣе тѣхъ, кто подаетъ къ тому поводъ. По мѣрѣ того, какъ ослабѣваетъ государство, сосѣди начинаютъ вмѣшиваться въ его дѣла, такъ какъ само оно не въ состояніи справиться съ внутренними безпорядками, вредно отзывающимися на спокойствіи сосѣднихъ державъ. Между тѣмъ польское правительство не обращаетъ вниманія ни на близость паденія государственнаго организма вслѣдствіе его разложенія, ни на требованія петербургскаго двора, и сеймъ 1733 г. по прежнему издаетъ постановленіе объ исключеніи диссидентовъ не только изъ сената и сейма, но и отъ всевозможныхъ должностей, урядовъ, посольствъ и староствъ; а слѣдующій сеймъ 1736 г., повторяя всѣ эти постановленія, прибавляетъ къ нимъ отказъ принимать пословъ отъ диссидентовъ и запрещеніе имъ искать покровительства у иностранныхъ державъ. Запрещеніе это естественно не могло имѣть силы, такъ какъ не прекратились вызвавшія его причины, напротивъ жалобы и представленія православныхъ привели наконецъ къ тому, что въ 1744 г., передъ собраніемъ гродненскаго сейма, царица Елизавета Петровна поручаетъ своему послу при польскомъ дворѣ Бестужеву хлопотать объ удовлетвореніи православныхъ и о возвращеніи нѣкогда принадлежавшихъ имъ церквей.

То былъ единственный не сорванный сеймъ въ теченіи тридцатилѣтняго царствованія Августа III, на которомъ рѣшеніе всего собранія не было уничтожено крикомъ: «не позволяю».

XVIII.

По смерти Августа III является одинъ только кандидатъ на польскую корону,—такъ низко упало ея значеніе,—и кандидатъ этотъ былъ сынъ умершаго короля, между тѣмъ какъ многіе изъ польскихъ пановъ хотѣли выбрать королемъ природнаго поляка—Пяста, какъ они говорили.

Двое знаменитыхъ людей своего времени, литовскій канцлеръ князь Михаилъ Чарторыйскій и Августъ Чарторыйскій, воевода русскій, задумываютъ пересоздать свое несчастное отечество посредствомъ учрежденія въ немъ наслѣдственной монархіи и понемногу начинаютъ приготовленія къ этому дѣлу, разсчитывая на содѣйствіе петербургскаго двора. Польша упала уже такъ низко, общество перестало вѣрить въ собственныя силы, что безъ посторонняго вмѣшательства нельзя было и думать о какихъ-бы то ни было реформахъ. Поэтому партія Чарторыйскихъ обращается къ императрицѣ Екатеринѣ II съ просьбою о присылкѣ русскихъ войскъ, что и было исполнено. На избирательномъ сеймѣ 1764 г., по представленію петербургскаго двора, избранъ королемъ Понятовскій подъ именемъ Станислава Августа.

Между тѣмъ диссидентскій вопросъ не перестаетъ ослаблять польское государство. Не смотря на утрату восточной Украйны въ XVII ст., польское духовенство стремится всѣми средствами къ обращенію православныхъ жителей западной Украйны въ унію и католичество; средства къ тому употребляются тѣ-же, что и прежде; поэтому жалобы русскаго духовенства не прекращаются. Въ 1765 г. епископъ Конискій говоритъ королю Станиславу Августу въ Варшавѣ: «единственное, въ чемъ насъ упрекаютъ, какъ въ преступленіи, это наша вѣра... Насъ христіанъ угнетаютъ христіане, запираютъ наши церкви, въ которыхъ непрестанно прославляется Христосъ, между тѣмъ какъ еврейскія синагоги, гдѣ Христосъ постоянно оскорбляется, стоятъ открытыми».

Со времени Петра I вліяніе Россіи на польское правительство постоянно усиливается, поэтому православное населеніе Польши начинаетъ все чаще обращаться къ русскому правительству съ жалобами на религіозныя преслѣдованія.

Послѣ коронаціи Станислава Понятовскаго послы петербургскій и берлинскій предъявляютъ сейму требованія своихъ дворовъ, а именно: чтобы всѣ диссиденты въ Польшѣ пользовались свободою вѣроисповѣданія и допускались къ государственной службѣ, и чтобы православные епископы получили право засѣдать въ польскомъ сенатѣ наравнѣ съ католическими бискупами. Король Станиславъ Августъ съ своей стороны находилъ совершенно справедливымъ признаніе за диссидентами, т. е. православными и протестантами, равныхъ

правъ съ католиками. Трудно повѣрить, чтобы такія справедливыя требованія могли быть отвергнуты, тѣмъ болѣе, что письменныя постановленія сеймовъ до 1717 года были по большей части въ пользу диссидентовъ, и каждый король, при вступленіи на тронъ, приносилъ присягу сохранить неприкосновенными права иновѣрцевъ. Однако въ Польшѣ писали одно, а дѣлали другое, и несчастные диссиденты подвергались постояннымъ преслѣдованіямъ, въ особенности со времени Сигизмунда III. Но съ 1717 г. уже перестаютъ и писать въ пользу диссидентовъ и начинаютъ издавать законы, направленные къ ихъ притѣсненію. Сперва запрещаютъ строить новыя церкви и поправлять старыя, вслѣдъ затѣмъ закрываютъ для диссидентовъ доступъ въ сеймъ и наконецъ съ 1733 г. удаляютъ ихъ отъ всѣхъ общественныхъ должностей.

Заступничество иностранныхъ державъ за диссидентовъ вызвало цѣлую бурю въ засѣданіяхъ варшавскаго сейма 1766 г. Краковскій епископъ Каетанъ Солтыкъ вмѣстѣ съ римскимъ нунціемъ Висконти страшно возстаютъ противъ диссидентовъ и требуютъ уничтоженія для нихъ всѣхъ правъ религіозныхъ, политическихъ и гражданскихъ. Направляемый духовенствомъ, сеймъ послѣ нѣкоторыхъ споровъ соглашается на этотъ гибельный шагъ, и въ засѣданіи 24 декабря уничтожены права всѣхъ некатоликовъ.

Потерявъ надежду на свободу совѣсти и всѣ гражданскія права, диссиденты начинаютъ собираться въ вооруженныя конфедераціи, сперва въ Торнѣ и Слуцкѣ, а затѣмъ въ различныхъ мѣстахъ; такихъ конфедерацій было въ то время въ Польшѣ около двухъ сотъ. Предводители ихъ, собравшись въ Радомѣ, избрали князя Радзивилла предводителемъ цѣлаго возстанія. Противъ диссидентовъ вооружается другая часть польскаго общества, т. е. католики. Начинаются волненія и кровопролитныя стычки, а затѣмъ и постороннее вмѣшательство, такъ какъ королю не оставалось ничего больше, какъ просить русскую императрицу о присылкѣ войскъ для водворенія порядка въ Польшѣ. Не смотря на то, Каетанъ Солтыкъ на сеймѣ 1767 г. продолжаетъ возставать какъ противъ самихъ диссидентовъ, такъ и противъ оказывавшихъ имъ покровительство дворовъ петербургскаго и берлинскаго. Примѣру его слѣдуютъ бискупъ куявскій—Залускій, воевода краковскій Вацлавъ Ржевускій и сынъ его Северинъ; этотъ послѣдній, указывая на четырехлѣтнія неуря-

дицы, говоритъ: «стѣны Рѣчи Посполитой еще стоятъ, но сама она уже не существуетъ». Наконецъ русскій посолъ арестовалъ всѣхъ четырехъ за ихъ протесты и отправилъ въ Россію.

Вотъ къ чему привела нетерпимость противъ диссидентовъ. Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ низко упала Польша, если подобный поступокъ иностраннаго посла общество приняло молчаніемъ; упадокъ моральный долженъ былъ повести за собою и политическое паденіе государства. Послѣ такого энергическаго поступка со стороны Россіи остальные фанатики притихли и 13 февраля 1768 г. сеймъ постановилъ: 1) отмѣнить всѣ законы, изданные противъ диссидентовъ отъ 1717 г., и предоставить имъ свободу отправлять свое богослуженіе, строить церкви, открывать школы, занимать мѣста въ сенатѣ и сеймѣ; 2) предоставить русской императрицѣ право защиты какъ диссидентовъ въ Польшѣ, такъ и самой Польши. Договоръ въ этомъ смыслѣ подписанъ, и послѣ закрытія сейма русское войско вышло изъ предѣловъ Польши; по этимъ дѣло и кончилось.

Если-бы хоть эти условія были исполнены, Польша могла-бы успокоиться, и существованіе ея было-бы обезпечено—на дѣлѣ случилось иначе. Товарищъ Солтыка, бискупъ каменецкій Адамъ Красинскій первый нарушилъ общественное спокойствіе. Переодѣтый проѣхалъ онъ всю Польшу, вселяя повсюду ненависть къ диссидентамъ, къ Россіи и къ самому королю за дарованіе свободы диссидентамъ. Союзникъ Красинскаго староста Іосифъ Пулавскій начинаетъ собирать сторонниковъ и открываетъ въ городѣ Барѣ вооруженную, такъ называемую барскую конфедерацію. Конфедераты огнемъ и мечемъ истребляютъ своихъ согражданъ диссидентовъ, въ особенности-же послѣдователей греко-восточнаго обряда въ то время, какъ евреи пользуются полною свободою вѣроисповѣданія по всей Польшѣ. Начинается страшная религіозная война, рѣзня безъ различія пола и возраста, истребленіе цѣлыми тысячами ближнихъ, почитавшихъ одного и того-же Спасителя; фанатизмъ къ несчастью снова пробуждается къ жизни служителемъ алтаря, католическимъ епископомъ.—Наконецъ война эта вызвала противъ себя такое-же возмездіе.

Въ то время не оставалось больше знатныхъ православныхъ пановъ, которые могли-бы поднять свой голосъ; но, не смотря на

то, нашлись другіе мстители въ лицѣ запорожцевъ и гайдамаковъ. Главнымъ предводителемъ гайдамаковъ является Максимъ Желѣзнякъ. Онъ собираетъ численные отряды изъ недовольныхъ, главнымъ образомъ изъ бѣглыхъ крестьянъ, и проходитъ съ ними изъ конца въ конецъ кіевское воеводство, подымая на своемъ пути села, мѣстечки и панскіе дворы, вырѣзывая шляхту и евреевъ. Самымъ страшнымъ эпизодомъ этого возстанія была такъ называемая уманская рѣзня. Городъ Умань принадлежалъ Потоцкому, который содержалъ здѣсь отрядъ козаковъ для защиты своихъ имѣній. Эти-то козаки подъ начальствомъ сотника Гонты, перешли на сторону Желѣзняка, помогли ему овладѣть городомъ и вырѣзать почти поголовно всѣхъ жителей. Польское правительство, тѣснимое конфедератами, могло противупоставить Желѣзняку только ничтожный отрядъ войска, пока наконецъ Екатерина II не прислала генерала Кречетникова въ помощь полякамъ для усмиренія возстанія. Дѣйствительно движеніе было подавлено, но запорожцы не перестаютъ и въ послѣдствіи дѣлать набѣги на Уманщину. Время это, оставившее весьма глубокій слѣдъ въ народной памяти, извѣстно въ народѣ подъ именемъ Коліивщины.

Между тѣмъ, не смотря на подавленіе народнаго возстанія, безпорядки въ Польшѣ не прекращаются, конфедерація продолжаетъ свое дѣло и паны по прежнему враждуютъ другъ съ другомъ. Наконецъ, не имѣя возможности собственными силами удержать кровопролитіе, король и часть сенаторовъ обращаются къ Екатеринѣ II съ просьбою о присылкѣ войскъ, а бискупъ Красинскій съ своей стороны ищетъ помощи версальскаго двора. Франція дѣйствительно даетъ средства, присылаетъ своихъ офицеровъ и генерала Дюмурье для командованія польскими войсками и склоняетъ Турцію объявить войну Россіи за то, что, преслѣдуя конфедератовъ, русское войско перешло границу и сожгло татарское мѣстечко Балту.

Война окончилась очень выгодно для Россіи—наступилъ первый раздѣлъ Польши, послужившій приманкою заинтересованнымъ сторонамъ къ дальнѣйшимъ раздѣламъ. Теперь узкій націонализмъ польской политики принесъ свои плоды; правда, Украйна исчезла съ горизонта, но вскорѣ, какъ результатъ, послѣдовало паденіе и самаго польскаго государства. Послѣ перваго раздѣла три участвовавшія въ немъ державы гарантируютъ неприкосновенность осталь-

ныхъ польскихъ владѣній подъ условіемъ, что поляки не измѣнятъ установленнаго порядка, по которому опредѣлялось избраніе короля изъ династіи Пяста и учрежденіе при немъ постояннаго совѣта, удержаніе liberum veto, сохраненіе за диссидентами свободы вѣроисповѣданія съ правомъ поступленія на государственную службу и въ число пословъ на сеймъ.

Впрочемъ такой порядокъ просуществовалъ не долго, онъ былъ нарушенъ насильственнымъ образомъ вслѣдствіе соображеній европейской политики. Какъ турецкая война послужила поводомъ къ первому раздѣлу Польши, такъ великая французская революція становится причиною, вызвавшею второй раздѣлъ. Австрія и Прусія, войдя съ соглашеніе съ Россіею, посылаютъ свои войска противъ французовъ, но потерпѣвъ пораженіе, ищутъ случая вознаградить потерянное. Австрія надѣялась возвратить свои потери посредствомъ присоединенія Баваріи, а Пруссіи не оставалось другаго средства, какъ искать вознагражденія въ Польшѣ; для этого необходимо было не допустить союза Польши съ Россіею, къ которому стремился Станиславъ Августъ. Дѣйствительно Пруссія начинаетъ задабривать поляковъ, предлагая свой союзъ, 40,000 войска въ распоряженіе поляковъ по ихъ требованію, даже объявленіе войны Россіи и приглашая къ низверженію установленнаго въ Польшѣ порядка.

Сеймъ принялъ предложеніе, отказалъ въ пропускѣ черезъ Польшу русскимъ войскамъ, идущимъ въ Турцію, отмѣнилъ постоянный королевскій совѣтъ и рѣшилъ усилить число постояннаго войска до ста тысячъ. Вслѣдъ затѣмъ объявлена конституція 3 мая 1791 года, которой главными статьями были: наслѣдственность престола, уничтоженіе liberum veto, доступъ въ сеймъ посламъ отъ городовъ и т. д. Конституція эта, хотя и имѣла нѣкоторыя, правда весьма незначительныя, хорошія стороны, но на самомъ дѣлѣ охраняла права одной только шляхты; въ ней нѣтъ и рѣчи о свободѣ народа и свободѣ совѣсти, а тѣмъ болѣе ни словомъ не упоминается о равноправности русскихъ, что даетъ поводъ къ дальнѣйшему ихъ ополяченію. Къ сожалѣнію даже такая конституція явилась слишкомъ поздно, чтобы имѣть возможность развиться при неблагопріятныхъ условіяхъ; сто лѣтъ раньше и эти незначительныя уступки были-бы въ состояніи отсрочить упадокъ Польши, но теперь онѣ были уже недостаточны.

Какъ оправданіемъ въ полемикѣ, поляки постоянно прикрываются своею свободою, однако свобода эта распространялась только на два сословія—шляхту и католическое духовенство, при той феодально-государственной фикціи, будто два эти сословія и составляютъ политически польскій народъ; Польша была олигархіею, въ которой только два сословія признавали себя полноправнымъ народомъ и зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы не допустить реформъ, которыя могли-бы измѣнить ихъ отношеніе къ государству. Многіе и до настоящаго времени не перестаютъ восторгаться своею минувшей свободой, равенствомъ, самоуправленіемъ, толеранціею въ Польшѣ, но все это было только въ теоріи, на самомъ-же дѣлѣ видимъ противное. Такъ напримѣръ, аріане или социніане были осуждены на смерть и принуждены разойтись по свѣту.

Такимъ образомъ шляхетская свобода, основанная на самолюбіи, была произволомъ, она искала всѣхъ выгодъ только для себя и ничего не хотѣла оставить ни для общества, ни для государства, угнетала и короля, и крестьянина. Равенство, какъ мы видѣли, было только фразой, прикрывавшею анархическія стремленія богатыхъ пановъ. Въ дѣйствительности мы видимъ вмѣсто автономіи одно разстройство въ судѣ и администраціи, безсиліе въ исполненіи судебныхъ приговоровъ, религіозный фанатизмъ и преслѣдованіе иновѣрцевъ. По истинѣ рѣдкій контрастъ между теоріею и дѣйствительностью. По словамъ Іосифа Шуйскаго (Dzieje Polsk. III, str. 480), «желаніе закрѣпостить козаковъ навлекло на Польшу сильныя бури. Мстительные козацкіе набѣги жестокой рукой достигли гордыхъ головъ польскихъ пановъ, сорвали съ нихъ золото и бархатъ, а блестящія толпы польскаго панства, сіявшія золотомъ на публичныхъ торжествахъ, померкли въ грозныхъ битвахъ. Опасеніе народнаго возстанія мучитъ польское общество, пировавшее нѣкогда такъ вкусно и обильно; дерзкій шведъ разрушалъ костелы и жилища и протягиваетъ жадную руку къ сокровищамъ и драгоцѣнностямъ; вслѣдъ за тѣмъ турокъ покрылъ короля и пановъ покровомъ неволи и позора... Огромныя владѣнія пановъ опустѣли и обезлюдѣли»...

Между тѣмъ шляхта польская упорно отказывалась видѣть, что она только разрушаетъ государство своею невоздержностью по отношенію къ подданнымъ, притѣсненіемъ козаковъ, преслѣдова-

віемъ народной религіи и ополяченіемъ Руси. Конституція 3 мая 1791 года раздѣлила Польшу на два враждебные лагеря. Русская партія проситъ императрицу Екатерину о присылкѣ войскъ для возвращенія старинной польской свободы. Другая партія обращается за обѣщанною помощью къ Пруссіи, которая на этотъ разъ соглашается объявить войну Россіи въ такомъ только случаѣ, если Польша уступитъ ей Данцигъ и Торнъ. Поляки отказали, тогда пруссаки переходятъ на сторону Россіи, противъ которой вооружили Польшу. Наступилъ второй раздѣлъ Польши, который былъ только прямымъ результатомъ перваго.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

ПОЛЬСКО-РУССКІЯ СООТНОШЕНІЯ XVII В.

ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ПРИЗМѢ.

(*По поводу повѣсти Г. Сенькевича «Огнемъ и мечемъ»*).

Извѣстный польскій беллетристъ, г. Генрихъ Сенькевичъ, издалъ въ прошломъ году четырехтомную историческую повѣсть «Огнемъ и мечемъ»[1]), сюжетъ которой заимствованъ изъ исторіи южно-русскаго края. Переплетаясь романическими эпизодами, составляющими принадлежность художественнаго творчества, повѣсть г. Сенькевича представляетъ историческое воспроизведеніе борьбы Хмельницкаго съ поляками съ весны 1648 года до заключенія зборовскаго договора, т. е. до конца августа 1649 года. Авторъ изучилъ описываемую имъ эпоху довольно тщательно; крупныхъ фактическихъ ошибокъ и неточностей онъ избѣжалъ, и съ этой стороны критика обязана отдать ему полную справедливость. Но нѣсколько иначе мы должны отнестись къ той сторонѣ произведенія г. Сенькевича, въ которой онъ старается освѣтить бытовыя черты общества какъ польскаго, такъ и южно-русскаго въ XVII столѣтіи, тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи авторъ не ограничивается объективнымъ воспроизведеніемъ прошедшаго, но высказываетъ безпрестанно и свое субъективное мнѣніе—идеализируетъ одни принципы, пори-

---

[1]) Ogniem i mieczem, изданіе 2-е. Варшава. 1884 г. Русскій переводъ этой повѣсти въ «Живописномъ Обозрѣніи» 1884 г. и въ «Русской Мысли» 1885 года.

цаетъ другіе, накладываетъ совершенно произвольно темныя краски на одни лица, стремленія и общественныя группы и непомѣрно нѣжно, а иногда и крайне страстно освѣщаетъ другія. Конечно, мы-бы не придавали особеннаго значенія всему этому, если-бы произведеніе г. Сенькевича представляло лишь обыкновенное беллетристическое произведеніе одной изъ сосѣднихъ литературъ; но повѣсть г. Сенькевича по пріему, оказанному ей въ польскомъ обществѣ и по впечатлѣнію, какое она произвела на это общество, является несомнѣнно выразителемъ современнаго состоянія историческаго самопознанія польской интеллигенціи, послѣднимъ словомъ его патріотическихъ, національныхъ и общественныхъ воззрѣній, тѣмъ болѣе для насъ интересныхъ, что, вслѣдствіе избраннаго сюжета, воззрѣнія эти высказываются по преимуществу на почвѣ отношеній польско-русскихъ въ XVII столѣтіи.

Дѣйствительно ни одно сочиненіе польской литературы въ XIX столѣтіи не пользовалось такимъ сочувствіемъ своей публики и не вызывало столь повсемѣстныхъ и единодушныхъ овацій, какъ повѣсть г. Сенькевича; ни къ одному сочиненію, какъ-бы оно талантливо и художественно ни было написано, польская публика не отнеслась съ такою восторженностью и не признавала въ немъ такого цѣльнаго воплощенія своихъ задушевныхъ убѣжденій. Лишь только появились первыя главы «Огнемъ и мечемъ» въ фельетонѣ варшавской газеты «Слово», онѣ провозглашены были и въ печати и въ общественномъ мнѣніи небывалымъ геніальнымъ произведеніемъ; имена лучшихъ польскихъ поэтовъ: Мицкевича, Красинскаго, Словацкаго, Поля, поблекли при блескѣ новаго свѣтила и скромно отодвинулись на второй планъ. Восторгъ и похвалы, по свойственному польской народности сангвиническому порыву, дошли до гиперболическихъ размѣровъ: профессоръ исторіи польской литературы въ краковскомъ университетѣ, графъ Тарновскій, открылъ рядъ публичныхъ лекцій, посвященныхъ повѣсти г. Сенькевича, въ которыхъ заявилъ, что разбираемое имъ произведеніе превосходитъ художественными достоинствами всѣ произведенія Шекспира, Мильтона, Данте, Тасса, Гёте и др., взятыя вмѣстѣ; публика, слушавшая лектора, покрыла аплодисментами эту гасконаду, и вслѣдъ за тѣмъ, аристократическое краковское общество стало иллюстрировать геніальное произведеніе, изображая въ живыхъ картинахъ болѣе эффект-

ныя сцены повѣсти; мода на живыя картины эпизодовъ романа «Огнемъ и мечемъ» распространилась вскорѣ на другіе города и веси, населенные поляками, и въ теченіи года стала любимою забавою польскаго интеллигентнаго общества; затѣмъ картины эти воспроизводились въ иллюстрированныхъ журналахъ и т. д. Нѣсколько польскихъ газетъ и журналовъ, представляющихъ болѣе трезвое и прогрессивное направленіе въ своей печати: «Атеней», «Край», «Правда», «Еженедѣльное обозрѣніе» (Przegląd Tygodniowy) попытались было отнестись критически къ обаянію, вызванному г. Сенькевичемъ, и удержать мнѣніе своего общества въ болѣе нормальныхъ предѣлахъ; не отрицая таланта г. Сенькевича, они указывали съ одной стороны на то, что чрезмѣрныя похвалы въ глазахъ объективныхъ читателей могутъ послужить лишь сюжетомъ для весьма комическихъ выводовъ, или зародить подозрѣніе въ томъ, что онѣ исходятъ лишь изъ спекулятивной книгопродавческой рекламы; они намекали, правда слегка, на то, что если сближенія съ иностранными литературными произведеніями и умѣстны, то «Огнемъ и мечемъ» гораздо болѣе напоминаетъ «Трехъ мушкетеровъ» Дюма—отца, чѣмъ Шекспира, Гёте или Тасса. Съ другой стороны эти-же органы польской печати указывали, весьма впрочемъ сдержанно и объективно, на то, что публицистическія и историческія убѣжденія, проводимыя г. Сенькевичемъ въ его повѣсти, стремятся къ тому, чтобы воскресить общественные идеалы XVII столѣтія, вредные для народнаго самопознанія уже въ то время, совершенно архаическіе и немыслимые въ настоящемъ, что взглядъ автора на международныя отношенія и несправедливъ и вреденъ для польскаго общества, такъ какъ онъ разжигаетъ международную вражду, которая стала нѣсколько улегаться подъ вліяніемъ современной намъ культуры, что страстность въ этомъ отношеніи противорѣчитъ и чувству человѣческой справедливости и трезвому здравому смыслу, съ преобладаніемъ котораго связаны и насущные интересы польскаго общества и т. д. Мнѣнія эти остались впрочемъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и огромное большинство польскаго интелигентнаго общества оказалось на сторонѣ традиціонныхъ идеаловъ, иллюстрированныхъ г. Сенькевичемъ.

Собравъ разбросанныя въ повѣсти разсужденія, высказываемыя то отъ имени дѣйствующихъ лицъ, то очень часто лично отъ имени

автора, и пополнивъ ихъ картинными изображеніями всѣхъ слоевъ общества, описываемаго въ повѣсти, мы постараемся возстановить вкратцѣ основныя публицистическія положенія автора, которыми онъ и подкупилъ въ свою пользу гораздо больше, чѣмъ художественными достоинствами своего произведенія, безграничную симпатію польской публики, затѣмъ оцѣнимъ степень вѣрности или невѣрности этихъ положеній по отношенію къ исторической истинѣ и укажемъ нѣкоторые пріемы артистическаго творчества автора, исключительно лишь съ точки зрѣнія ихъ правдивости исторической и этнографической.

Историко-философскій взглядъ г. Сенькевича на описываемую имъ эпоху сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: въ половинѣ XVII столѣтія Польша представляла могущественное государство, опиравшееся на многочисленное, вполнѣ сознательное, исполненное энергіи и гражданскихъ доблестей шляхетское сословіе; сословное преобладаніе шляхты въ государствѣ было признакомъ высшей культуры, на уровнѣ которой стояла тогда Польша. Государство это преслѣдовало великую культурную миссію; оно призвано было цивилизовать, т. е. претворить по своему образцу обширныя русскія области, входившія въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Миссію эту оно исполняло весьма энергично и цѣлесообразно, но наткнулось на неожиданное препятствіе—на врожденную дикость и непригодность къ культурѣ русскаго племени, которое неспособно было по природѣ усвоить себѣ какую-бы то ни было гражданственность и цивилизацію; всѣ попытки поляковъ къ насажденію культурныхъ идей разжигали въ русскомъ населеніи лишь ненависть и дикіе необузданные порывы, проявленія того непонятнаго для поляковъ настроенія, которое шляхтичи XVII столѣтія называли весьма мѣтко «хлопскою innata malitia». Въ борьбѣ съ этою врожденною дикостью польская шляхта напрасно истощала свои доблестныя геройскія качества, она не могла осилить враждебной стихійной силы. Впрочемъ нѣкоторыя ошибки замѣчаются и въ дѣйствіяхъ польскаго государства; важнѣйшая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что въ средѣ правящихъ польскихъ классовъ существовала вліятельная партія, которая относилась слишкомъ гуманно къ враждебному элементу, предлагала дѣлать русскимъ нѣкоторыя уступки, заставляла воздерживаться отъ слишкомъ крутыхъ мѣръ, даже намекала по временамъ на

какія-то частныя злоупотребленія, будто-бы подававшія поводъ къ козацкимъ возстаніямъ. Эта партія ослабила энергическія мѣры, которыя стремились осуществить лучшіе представители тогдашней Польши, считавшіе необходимымъ потопить козацкій бунтъ въ цѣломъ морѣ крови, хотя-бы пришлось для этого истребить поголовно все русское народонаселеніе края. По мнѣнію г. Сенькевича, достоинство польскаго государства требовало не только казнить смертью всѣхъ участниковъ возстанія, но и примѣнять къ нимъ всевозможныя жестокости, пока они не смирятся и не станутъ такимъ образомъ достойными вкусить плодовъ шляхетской культуры, которая послѣ расправы готова была облагодѣтельствовать строптивыхъ, но покаявшихся, ополяченіемъ, іезуитскою школою и прежде всего панщиною. Козаки, какъ представители русскаго населенія, не только не умѣли понять этихъ высшихъ культурныхъ стремленій шляхетства, но, благодаря своей дикости и врожденной злости, усумнились въ пригодности для своего народа того государства, которое навязывало имъ свои общественныя, не совсѣмъ выгодныя бытовыя формы, и дерзнули послѣ долгихъ безплодныхъ просьбъ и заявленій прибѣгнуть къ бунту; конечно, какъ бунтовщики, они обрекли себя на казнь и истребленіе, которое, къ несчастью, поляки не съумѣли примѣнить съ нужною энергіею и тѣмъ нанесли чувствительный ударъ своему государству. Полагаемъ, что это изложеніе мнѣній г. Сенькевича нисколько нами не утрировано, и постараемся оправдать нашу резюмировку при подробномъ разсмотрѣніи отдѣльныхъ положеній автора.

Въ положеніяхъ г. Сенькевича есть, конечно, и нѣкоторая доля справедливости и нѣкоторые признаки развившагося въ польскомъ обществѣ въ послѣднее время прогресса, только мы полагаемъ, что такого рода положенія высказаны слишкомъ страстно и доведены вслѣдствіе этого до абсурда. Такимъ положеніемъ мы считаемъ особое благоговѣніе, высказанное г. Сенькевичемъ передъ государственной идеею. Конечно государство представляетъ одну изъ высшихъ формъ человѣческаго общежитія, и идея государства тѣмъ дороже для всякаго развитаго человѣка, чѣмъ болѣе сознательно онъ къ ней относится; мы привыкли въ современныхъ намъ европейскихъ государствахъ видѣть учрежденія, гарантирующія и матеріальную безопасность и благосостояніе обществъ и удовлетвореніе

ихъ высшихъ нравственныхъ потребностей: свободу совѣсти, возможность умственнаго развитія и т. д. Мы привыкли смотрѣть на государственную власть, какъ на выраженіе возможной въ данномъ обществѣ суммы справедливости и безпристрастія по отношенію ко всѣмъ своимъ подданнымъ, безъ различія ихъ сословной группировки, національнаго типа, личнаго положенія въ обществѣ, и потому считаемъ идею государства равно дорогою для всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ его. Г. Сенькевичъ смотритъ на дѣло нѣсколько иначе. По его мнѣнію, Польша XVII столѣтія представляла образцовое государство потому именно, что отрицала лучшія стороны государственной дѣятельности, потому, что не признавала равноправности своихъ гражданъ и преслѣдовала свою «миссію», невозможную по антропологическимъ законамъ природы—претвореніе одного народнаго типа въ другой и несправедливую въ общественномъ отношеніи—абсолютное подчиненіе всего народа привилегированному классу. Наткнувшись на сопротивленіе національное и сословное, польское государство не обязано было, по мнѣнію г. Сенькевича, сознать и исправить ошибочное направленіе своей внутренней политики, напротивъ того, идея государства требовала отъ него другого образа дѣйствія, который онъ слишкомъ, можетъ быть, краснорѣчиво высказываетъ, возстановляя мысли, слова и дѣянія самаго, по его мнѣнію, даровитаго государственнаго человѣка того времени, князя Іереміи Вишневецкаго: князь Вишневецкій сознавалъ обязанность «наказывать безъ мѣры и милосердія», онъ полагалъ, что «достоинство Рѣчи-Посполитой» возлагаетъ на него обязанность истреблять козаковъ и хлоповъ «безъ остатка» («co do nogi»—излюбленное выраженіе автора), сажать на колъ и рубить головы посламъ козацкимъ; онъ даетъ клятву въ томъ, «что потопитъ въ крови хлопскіе бунты»; размышляя въ рѣшительную минуту о предстоящей ему роли руководителя государственныхъ стремленій Польши, онъ такимъ образомъ очерчиваетъ свою дѣятельность: «растоптать Запорожье, пролить океанъ крови, сломить, уничтожить, раздавить, а потомъ только отмѣнить злоупотребленія», «пожрать бунтъ и вскормиться его тѣломъ»—ему грезится поле, на которомъ распростерты «сотни тысячъ труповъ» и т. д. Читая всѣ эти страстные каннибальскіе возгласы, невольно образованный читатель нашего времени приходитъ въ недоумѣніе, какимъ образомъ въ

головѣ писателя XIX вѣка зародились эти кровавые порывы, болѣе приличные клевретамъ Нерона или сподвижникамъ Чингизхана, чѣмъ мыслителю или художнику нашего времени; между тѣмъ всѣ эти кровавыя пожеланія являются въ повѣсти не результатомъ объективнаго воспроизведенія настроенія эпохи, но продуктомъ политическихъ воззрѣній самаго автора. Князь Вишневецкій изображенъ идеаломъ государственной мудрости, гражданскихъ добродѣтелей и поборникомъ правды и справедливости; авторъ до того увлекается своимъ героемъ, что доходитъ въ отзывахъ о немъ до кощунства; такъ всякій неуважительный отзывъ о Вишневецкомъ г. Сенькевичъ называетъ «богохульствомъ» (sic! «bluznierstwo», т. II, стр. 231; т. III, стр. 132), онъ одаряетъ князя какою-то сверхъестественною силою, дарованною ему свыше, вслѣдствіе которой цѣлыя тысячи козаковъ, населенія цѣлыхъ округовъ бѣгутъ, объятыя паническимъ страхомъ, при одномъ имени «Яремы». Во время приступа козаковъ къ Збаражу на валахъ крѣпости появляется среди знаменъ и факеловъ князь Вишневецкій и козаки дрожатъ и выпускаютъ оружіе при его видѣ; можетъ быть ошибаемся, но намъ кажется, что краски для этой эфектной картины заимствованы г. Сенькевичемъ изъ VI книги потеряннаго рая Мильтона... Вотъ до какихъ геркулесовыхъ столбовъ договаривается авторъ, исходя отъ мысли совершенно вѣрной—уваженія къ государству и установленному порядку. Утрировку въ развитіи этой мысли и неточное пониманіе авторомъ и сочувствующимъ его произведенію обществомъ значенія государственной идеи мы можемъ себѣ объяснить только однимъ мотивомъ, свидѣтельствующимъ впрочемъ о поворотѣ къ лучшему убѣжденій польской интелигенціи. Польское общество съ конца XVIII столѣтія постоянно протестовало противъ тѣхъ государственныхъ организмовъ, среди которыхъ оно размѣщено было историческою судьбою, протестовало оно упорно и мыслью, и словомъ, и 4 или 5 разъ въ теченіи столѣтія дѣломъ; наконецъ, оно убѣдилось вѣроятно въ неосновательности и незаконности своихъ протестовъ, въ убѣжденіи произошелъ крутой поворотъ и ненавистная до того времени мысль о святости государственныхъ учрежденій и о преступности всякаго бунта заняла почетное мѣсто въ кругу общественныхъ принциповъ польскаго общества и высказалась въ слишкомъ, можетъ быть, рѣзкихъ и необдуманныхъ чертахъ подъ

перомъ излюбленнаго беллетриста. Что-жъ, и слава Богу, только на первыхъ порахъ неофиты зашли слишкомъ далеко и попали въ другую крайность—прійдется лишь сказать «trop de zèle».

Но если въ развитіи государственной мысли у автора «Огнемъ и мечемъ» мы готовы признать, при всей утрировкѣ въ частностяхъ, вѣрную исходную точку, то другое основное положеніе автора,—что Польша въ XVII вѣкѣ была символомъ цивилизаціи, а Русь представителемъ дикости—кажется намъ совершенно ложною и въ основаніяхъ и въ развитіи. Конечно обѣ народности, укладывались въ силу и естественныхъ этнографическихъ особенностей, и историческаго воспитанія въ разные типы культуры, весьма часто не сходные другъ съ другомъ или даже противуположные; можетъ быть въ данный историческій моментъ доля цивилизаціи была нѣсколько больше на одной сторонѣ, чѣмъ на другой, но все это не даетъ права утверждать, что борьба, вспыхнувшая въ XVII столѣтіи, характеризируется исключительно культуртрегерствомъ съ одной стороны и абсолютною дикостью съ другой. Здѣсь не мѣсто излагать исторію параллельнаго развитія культуръ русской и польской—это задача обширныхъ историческихъ трудовъ и изслѣдованій. Мы остановимся лишь на моментѣ, изображенномъ г. Сенькевичемъ и подвергнемъ краткому анализу приводимыя имъ самимъ данныя.

Если-бы г. Сенькевичъ прилагалъ одну и туже мѣрку къ описываемымъ имъ событіямъ и лицамъ, то, даже по весьма пристрастно сгруппированнымъ имъ-же самимъ фактамъ, онъ убѣдился бы, что ни особенной дикости съ одной стороны, ни особой гражданственности и цивилизаціи съ другой въ фактахъ этихъ не замѣтно; еще труднѣе замѣтить ихъ, если устранить всѣ произвольныя характеристики и субъективныя разсужденія, исходящія не изъ фактовъ, а исключительно изъ личнаго взгляда автора и провѣрить передаваемыя имъ событія свидѣтельствомъ современныхъ источниковъ. Увлекаемый побужденіями художественнаго творчества, г. Сенькевичъ не замѣтилъ противурѣчія, существующаго между его положеніями и имъ-же описываемыми сценами, но за то широко воспользовался своимъ правомъ артиста для того, чтобы эпитетами, голословными утвержденіями, апріористическими сужденіями наложить тѣни и пролить свѣтъ въ желательномъ для него, хотя исторически невѣрномъ смыслѣ. Разъ задавшись мыслью, что южно-рус-

скіе козаки и хлопы дикари, онъ при каждомъ случаѣ поддерживаетъ это мнѣніе всевозможными стилистическими пріемами, иногда даже выходящими за границы литературнаго приличія. Козаки въ его произведеніи не говорятъ, не возражаютъ, не кричатъ, не поютъ, но всегда верещатъ, ревутъ, рычатъ и воютъ. Лишь только дѣло идетъ о недворянскомъ населеніи Украйны, оно всегда упоминается съ эпитетами: «хлопство дикое и разнузданное», «народъ дикій, разбойничій», «разбойничья сволочь», «народъ дикій по природѣ», «народъ дикій, стремящійся къ дикой свободѣ», «дичь сорвавшаяся съ цѣпи», «чернь жаждущая крови и убійства»; если въ описаніи сраженія ему нужно сказать, что шляхтичъ нанесъ ударъ козаку, то онъ выражается такъ: «треснулъ ватажка саблею въ морду» (II, 181) и т. д. Такихъ стилистическихъ цвѣтковъ можно набрать въ повѣсти цѣлые ворохи, но мы ограничимся немногими приведенными примѣрами для того, чтобы указать, какими пріемами авторъ пользуется для того, чтобы подготовить читателя къ воспріятію своей мысли о дикости народа; затѣмъ уже слѣдуютъ картины и разсужденія, развивающія эту мысль.

Конечно козаки и хлопы по мнѣнію г. Сенькевича лишены всякаго инстинкта гражданственности и тѣни всякаго общественнаго убѣжденія, они стремятся лишь къ «дикой свободѣ и безсознательно разрушаютъ плоды вѣковаго труда шляхтичей» (I, 132); «дикій народъ, преобразованный шляхтичами изъ разбойниковъ въ земледѣльцевъ, тяготился существованіемъ права, строгостью управленія и существованіемъ порядка» (II, 88), вслѣдствіе этого онъ мечталъ о такомъ ненормальномъ строѣ, при которомъ «вся земля принадлежала-бы не князьямъ и панамъ, а свободнымъ земледѣльцамъ козакамъ» (II, 77). Религіозныя побужденія въ козацкихъ возстаніяхъ отсутствовали, Хмельницкій только искуственно прикрылъ инстинкты разбойническіе мнимымъ заступничествомъ за вѣру и постарался разжечь религіозный фанатизмъ (II, 268), до того-же времени запорожцы грабили православныя церкви и награбленными церковными предметами торговали на базарѣ въ Сѣчи; «все то, что разсказываютъ о религіозномъ настроеніи запорожцевъ—выдумка» (I 169). Запорожцы—это сбродъ людей, «покрытыхъ лохмотьями, полунагихъ, полудикихъ, окоптѣлыхъ дымомъ, черныхъ, вымазанныхъ грязью и кровью, сочившеюся изъ язвъ и т. д.» (ibid).

Въ Сѣчи, собираясь на раду, они выкачивали бочки водки и совѣщались кое какъ только потому, что асаулы водворяли нѣкоторый порядокъ палочными ударами, весьма щедро расточаемыми, и пистолетными выстрѣлами; они заподозрѣнныхъ товарищей предавали казни на радѣ, терзая ихъ тутъ-же на части, и т. д. (I, 170, 180).

Конечно, изъ приведенныхъ цитатъ легко убѣдиться не только въ тенденціозности г. Сенькевича, но и въ умышленномъ извращеніи имъ общественныхъ историческихъ фактовъ. По его мнѣнію, народонаселеніе Украйны до появленія шляхты занималось исключительно разбоемъ и не помышляло о земледѣліи, хотя и желало, чтобы земля принадлежала земледѣльцамъ. Помимо яснаго противурѣчія въ самомъ положеніи, оно составляетъ очевидную историческую неправду. Всѣ историческія свидѣтельства со временъ Геродота и до конца XVI столѣтія, когда шляхта польская появилась въ южной Руси, указываютъ на занятіе земледѣліемъ, какъ на главный промыселъ жителей этого края. Вспомнимъ, напримѣръ, земледѣльческія орудія и зерна хлѣба, находимыя въ курганахъ языческой эпохи въ землѣ сѣверянъ или древлянъ; вспомнимъ характеристику смерда и его занятій, записанную лѣтописью со словъ Владиміра Мономаха подъ 1103 годомъ, вспомнимъ цѣлые округи, которые обязались давать монголамъ дань пшеницею въ XIII столѣтіи, транспорты хлѣба, которыми южно-русскій край снабжалъ Константинополь въ XV столѣтіи при посредствѣ хаджибейской гавани (нынѣшняя Одесса), многочисленныя данныя о земледѣліи, занесенныя въ люстраціи украинныхъ замковъ въ половинѣ XVI столѣтія, т. е. до люблинской уніи, и убѣдимся, что разговоры г. Сенькевича объ отсутствіи земледѣлія и разбойническомъ бытѣ народонаселенія не болѣе, какъ его тенденціозная выдумка. Отсутствіе религіознаго побужденія въ козацкихъ возстаніяхъ до Хмельницкаго такая-же историческая фальшь; можно-бы процитировать до 20 документовъ: прошеній, подававшихся козаками въ сеймы и королямъ, проектовъ договорныхъ условій и т. п., въ которыхъ «войско запорожское», предъявляя свои желанія, на первомъ мѣстѣ предлагаетъ статьи о свободѣ православной церкви и вѣротерпимости. Довольно, полагаемъ, указать на то, что Запорожье выдвинуло за 30 лѣтъ до Хмельницкаго Сагайдачнаго, который возстановленіемъ православной іерархіи на долго устранилъ вражебный для народонаселенія напоръ уніатской

интриги,—для того чтобы убѣдиться, что религіозные мотивы глубоко проникли въ сознаніе низоваго братства и вовсе не принадлежатъ къ области «выдумок».—Мы не знаемъ, откуда заимствовалъ авторъ черты непривлекательной наружности запорожцевъ, но убѣждены, что рады не происходили въ видѣ пьяныхъ оргій и что на нихъ никого не терзали на части и т. п. Подобныхъ подробностей нѣтъ у авторовъ, цитируемыхъ г. Сенькевичемъ (Лясоты, Боплана) и онѣ конечно составляютъ принадлежность его собственной фантазіи, настроенной на слишкомъ тенденціозный ладъ.

Не лучше Запорожья у г. Сенькевича изображено и остальное народонаселеніе Украйны. Авторъ пытается описать составъ этого населенія и мы не знаемъ, чему болѣе удивляться въ его попыткѣ: его тенденціозности или незнанію. Вотъ по его словамъ группы, на которыя распадался малороссійскій народъ въ XVII столѣтіи: чумаки, степные и лѣсные пасѣчники, воскобои, смоляры, конюхи, хуторники, охотники, сиромахи, рыбаки, чабаны и просто хлопы (I, 32, IV, 14).—По мнѣнію автора, перечисленныя категоріи возникли не только вслѣдствіе занятія извѣстными промыслами, это какія-то касты и даже какъ-бы отдѣльныя племена, изъ которыхъ каждое отличается оригинальными чертами дикости. Соберемъ напримѣръ черты, которыми авторъ характеризуетъ чабановъ, почему то особенно ему ненавистныхъ. «Чабаны, это пастухи, проводящіе всю жизнь въ степи и пустыняхъ; они совершенно дики и не исповѣдуютъ никакой религіи; они вмѣсто пѣсни издаютъ мрачный вой; примкнувъ къ возстанію Хмельницкаго, они не умѣли даже отличить козацкой старшины и признавали власть лишь за тѣмъ, кто ихъ билъ или убивалъ; они конечно не имѣли никакого понятія о международномъ правѣ (sic), но за то сгарали жаждою крови и грабежа; это дикое племя встрѣчалось въ лѣсахъ около Чернигова, но по преимуществу обитало на территоріи полтавскаго полка; послѣднее обстоятельство явствуетъ изъ того, что дикій полтавскій полковникъ Пушкаренко предводительствовалъ исключительно чабанами» (I, 32, 36; II, 132, 155; III, 222; IV, 15). Читая эту белиберду, недоумѣваешь, заимствована-ли она авторомъ изъ записокъ какого-нибудь легкомысленнаго путешественника по Австраліи или центральной Африкѣ, или нарочито, хотя не особенно остроумно сочинена самымъ беллетристомъ. Если уже чабаны особенно за-

интересовали г. Сенькевича, то ему не мѣшало-бы справиться о значеніи этого слова—онъ нашелъ-бы весьма обстоятельныя данныя въ описаніи херсонской губерніи Шмидта, въ очеркѣ южно-русскихъ артелей Щербины и т. п.; изъ справокъ этихъ онъ узналъ-бы, что чабаны вовсе не особенное дикое племя, а тѣ-же южно-русскіе крестьяне, составляющіе артели для занятія овцеводствомъ; онъ убѣдился-бы, что артели эти состоятъ вовсе не изъ дикарей, а изъ людей успѣвшихъ выработать весьма правильную форму рабочаго товарищества, съ выборнымъ атаманомъ, съ точнымъ распредѣленіемъ разныхъ отраслей труда между членами артели, съ правильнымъ, впередъ условленнымъ, распредѣленіемъ прибылей и т. п.; Не менѣе чабановъ достается въ повѣсти г. Сенькевича и рыболовамъ: «это люди дикіе, нравы ихъ грубы, они пребываютъ въ камышахъ на берегу Днѣстра» и т. д.; еще оригинальнѣе характеристика «сиромахъ»: въ одномъ мѣстѣ повѣсти слово это означаетъ волка, въ другомъ категорію народонаселенія, которая опредѣляется слѣдующимъ образомъ: «сиромахи—это Богъ вѣсть какіе люди, бродяги, пришедшіе изъ конца свѣта» (sic) (I, 32). Полагаю, что достаточно приведенныхъ примѣровъ для того, чтобы дать понятіе о пріемахъ исторической этнографіи г. Сенькевича.

Но, не ограничиваясь характеристикою отдѣльныхъ группъ, авторъ утверждаетъ, что и все народонаселеніе Украйны носило тѣ-же черты непреодолимой, врожденной дикости, которою отличалось отъ другихъ народовъ, даже такихъ, которые стояли на одномъ съ нимъ уровнѣ просвѣщенія и въ одинаковыхъ общественныхъ условіяхъ. Приведемъ для примѣра параллель крестьянъ польскихъ и южно-русскихъ словами самаго г. Сенькевича: «Дикій по природѣ народъ шелъ охотно къ Хмельницкому; въ то время, когда хлопъ въ Мазовіи и великой Польшѣ безъ ропота несъ бремя гнета, тяготѣвшее во всей Европѣ надъ потомками Хама [1]), украинецъ

[1]) Относительно положенія «потомковъ Хама» во всей Европѣ въ XVII ст. г. Сенькевичъ повторяетъ легкомысленно общее излюбленное мѣсто польскихъ публицистовъ, которые стараются тяжелое положеніе крѣпостныхъ людей въ Польшѣ объяснить такъ называемымъ «духомъ времени», т. е. указаніемъ на то обстоятельство, будто во всей Европѣ въ то время крѣпостные находились въ столь-же тяжеломъ положеніи, какъ и въ польскомъ государствѣ. Мы не знаемъ, на чемъ основано это голословное утвержденіе польскихъ публицистовъ; но если обратимся

вмѣстѣ съ воздухомъ степей вдыхалъ любовь къ свободѣ, столь-же безграничной и дикой, какъ самая степь... конечно онъ предпочиталъ буянить и рѣзать пановъ вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, нежели сгибать гордую спину подъ ударами подстаросты» (III, 237). Этотъ дикій инстинктъ украинцевъ, заставлявшій ихъ не любить нагайки подстаросты, былъ настолько свойственнымъ ихъ дикой природѣ, что все народонаселеніе увлеклось имъ; «всѣ ушли къ Хмельницкому, даже женщины; остались въ селахъ однѣ старухи и дѣти» (IV, 14); въ началѣ возстанія вообще хлопы, изъ страха передъ Вишневецкимъ, колебались, но болѣе вредныя личности—«гультяи и резуны» дали починъ и увлекли остальныхъ. Поднявшись, хлопы стали жечь всѣ города и села, хлѣбъ, лѣса и сады, стали грабить и убивать всѣхъ, сами-же кормились древесною корою и т. п. (I, 242; II, 166, 172, 266; III, 201, 238).—Картины эти, къ которымъ г. Сенькевичъ возвращается безпрестанно въ своей повѣсти, совершенно не понятны: всѣ крестьяне возстали и ушли къ Хмельницкому, села

къ любой исторіи крестьянскаго сословія въ Европѣ, то не найдемъ подтверждающихъ это утвержденіе историческихъ фактовъ. Вотъ въ доказательство нѣсколько ссылокъ, заимствованныхъ нами изъ сочиненія Зугенгейма (Sugenheim—Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa—1861).

Въ Англіи многочисленное сословіе мелкихъ собственниковъ земледѣльцевъ (liberi homines) существуетъ уже въ XI столѣтіи; другая еще болѣе численная группа (Ceorls) даетъ только чиншъ дворянамъ, но лично свободна; въ XIII в. Генрихъ III замѣняетъ повсемѣстно панщину взносомъ десятины или оброка. Въ XIV столѣтіи при Эдуардѣ III крѣпостныхъ въ Англіи нѣтъ уже вовсе и все земледѣльческое населеніе состоитъ изъ свободныхъ работниковъ (стр. 273, 274, 289, 291).

Во Франціи правительство постоянно стремится къ облегченію крѣпостныхъ и доставляетъ имъ цѣлый рядъ гарантій отъ насилія дворянъ. Въ 1407 году Карлъ VI уничтожаетъ подати, произвольно налагавшіяся дворянами (droit de prise). Въ 1479 г. Людовикъ XI отмѣняетъ повинность «сторожи». Въ XV—XVII ст. короли поручаютъ парламентамъ заботу о защитѣ крестьянъ и назначаютъ спеціальныя коммиссіи для преслѣдованія помѣщичьихъ злоупотребленій (Grands jours d'Auvergne). Коммисіи эти ведутъ дѣло очень энергично и издаютъ въ одну сессію 53 смертныхъ приговора на дворянъ за злоупотребленіе ими помѣщичьей власти (стр. 116, 140—141, 145).

Въ Италіи, по почину Флоренціи и другихъ городскихъ республикъ, отмѣна крѣпостнаго права началась еще съ XII столѣтія и вскорѣ охватила всю Италію (стр. 188—191).

запустѣли: не знаемъ, кого-же возставшіе убивали и грабили, не понимаемъ, зачѣмъ они жгли села и города, то есть свои собственныя жилища, почему они истребляли хлѣбъ, для того, чтобы питаться древесною корою. Словомъ, что ни слово, то необъяснимая загадка, можетъ быть нужная автору для эффектныхъ картинъ, но вполнѣ затемняющая ихъ смыслъ. Такъ, напримѣръ, со словъ г. Сенькевича не возможно понять, кто и зачѣмъ сжегъ Корсунъ въ то время, когда происходила въ окрестности этого города извѣстная битва Хмельницкаго съ поляками; по его мнѣнію не всѣ хлопы ушли въ битву, часть ихъ осталась въ Корсунѣ для того, чтобы разрушить этотъ городъ, уже занятый козаками. Мы-бы и не догадались, съ какою цѣлью совершено было это разореніе, еслибы не знали изъ современныхъ источниковъ, что Корсунъ, равно какъ и Черкассы, Стеблевъ и окрестныя села, были сожжены вовсе не чернью и не хлопами, а отступавшимъ польскимъ войскомъ, по приказанію гетмана Потоцкаго (Ерличъ, 64) [1]). Такимъ образомъ г. Сенькевичъ переноситъ обвиненіе въ разореніи края съ больной головы на здоровую и приводитъ, какъ доказательство неукратимой дикости хлоповъ, фактъ совершенный тѣми, кто по его мнѣнію былъ представителемъ культуры.

Убѣдивши достодолжно читателя въ дикости русскаго народа, г. Сенькевичъ съ увлеченіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, рисуетъ

Въ Германіи въ XV столѣтіи большинство крестьянъ составляло классъ чиншевиковъ или наслѣдственныхъ, свободныхъ лично арендаторовъ, въ Голландіи-же и Бельгіи въ XV столѣтіи не оставалось никакого слѣда крѣпостнаго права (стр. 351—358, 539).

Въ Швеціи рабство было отмѣнено декретомъ короля Магнуса Эрихсона въ 1335 году; въ Норвегіи всякіе слѣды крѣпостнаго права исчезли въ XIII и XIV столѣтіяхъ (стр. 502, 539) и т. д.

Подобныхъ фактовъ можно-бы набрать десятки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Европѣ; возможно-ли послѣ этого говорить, что гнетъ, тяготѣвшій надъ «потомками Хама» въ Польшѣ XVII столѣтія былъ результатомъ духа времени, господствовавшаго во всей Европѣ и что отвращеніе народонаселенія къ крѣпостному праву, введенному въ южной Руси польскими порядками послѣ люблинской уніи (1569), было лишь результатомъ его дикости и отсутствія европейской культуры?

[1]) Въ польскомъ дневникѣ современника читаемъ: «24 мая гетманъ выдалъ Корсунь на разграбленіе жолнерамъ, дабы городъ этотъ не достался врагамъ; онъ былъ совершенно уничтоженъ и разграбленъ». Jakób Michałowski. Xięga Pamiętnicza, стр. 21.

картины тѣхъ жестокостей, какія совершали возставшіе хлопы; весь запасъ своей богатой фантазіи беллетристъ истощаетъ для того, чтобы создать отвратительнѣйшія сцены. Всѣ, дѣйствительно бывшіе факты крутой расправы среди ожесточенной борьбы, всѣ ужасные слухи, созданные паникою и озлобленіемъ побѣжденныхъ шляхтичей, служатъ только канвою, на которой авторъ выводитъ узоры собственнаго измышленія, заимствуя краски изъ описанія варварскихъ поступковъ всѣхъ временъ и народовъ. По его словамъ, козаки, подобно монгольскимъ завоевателямъ, укладывали пирамиды изъ отсѣченныхъ головъ, подобно Нерону зажигали живыхъ людей вмѣсто факеловъ, подобно ацтекамъ таскали внутренности убитыхъ жертвъ и т. п. Для того, чтобы сличить картины дикой жестокости, изображенныя г. Сенькевичемъ, съ дѣйствительными историческими фактами, возьмемъ для примѣра любой конкретный фактъ. Вотъ, напримѣръ, извѣстія современныхъ источниковъ о смерти Барабаша: комендантъ кудацкой крѣпости, Гродзицкій, сообщалъ въ рапортѣ гетману Потоцкому слѣдующее: замѣтивъ возмущеніе реестровыхъ, «асаулъ... схватилъ было ружье, но его тотчасъ стали бить кистенями, арестовали вмѣстѣ съ другими старшинами и того же дня, по приговору рады, всѣхъ казнили» (Памятники кіевской коммисіи, I, III, 24). Другой полякъ современникъ сообщаетъ: «козаки реестровые... перешли къ Хмельницкому, умертвивъ своихъ полковниковъ: Ильяша и Барабаша, отличавшихся вѣрностью къ Рѣчи Посполитой» (Michałowski. Xięga pamiętnicza, 33). Пользуясь этими данными, г. Сенькевичъ изображаетъ слѣдующую картину: «Барабашъ предпочелъ погибнуть, чѣмъ измѣнить своему знамени... онъ отвѣтилъ выстрѣлами на предложеніе сдаться... съ булавою въ рукахъ, съ развивающимися сѣдыми волосами онъ давалъ приказанія громовымъ голосомъ, исполненнымъ юношеской силы. Судно его окружили со всѣхъ сторонъ... вскорѣ вѣрные его козаки, исколотые, изрубленные или *изорванные руками на части* легли на палубѣ; но старикъ продолжалъ защищаться съ саблею въ рукахъ... къ несчастью онъ поскользнулся въ крови и упалъ... тотчасъ многія лезвія пронзили его... лежавшій трупъ продолжали рубить, *разсѣкли на части, отрѣзанную голову бросали отъ одного байдака къ другому, играясь ею, какъ мячемъ,* пока наконецъ она случайно не попала въ воду».

(I. 218—219). Подобные параллели можно бы привести во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторъ желаетъ картинно изобразить варварство и жестокость козаковъ; конечно, употребляя такіе пріемы, можно въ любомъ военномъ столкновеніи преобразить одну сторону въ доблестныхъ рыцарей, другую въ каннбаловъ, лишь только авторъ пожелаетъ пожертвовать историческою истиною для предвзятой мысли.

Кромѣ жестокости, наклонности къ грабежу и разбою дикость козаковъ проявлялась, по мнѣнію г. Сенькевича, повальнымъ пристрастіемъ къ пьянству. Сюжетъ этотъ, излюбленный публицистами извѣстнаго пошиба, г. Сенькевичъ эксплоатировалъ съ излишнимъ рвеніемъ. Взявъ въ основаніе картину Боплана, расказывающаго о томъ, какъ помѣщики южной Руси спаивали крестьянъ въ XVII столѣтіи, онъ перенесъ ее въ Сѣчь, украсилъ плодами собственный фантазіи и возвращается къ ней много разъ въ теченіи повѣсти. По его словамъ, весь народъ пьетъ поголовно «въ смерть» (I, 115); всякое готовившееся среди народа волненіе старосты и паны предугадывали потому, что за долго до него все населеніе оставило обычныя занятія и пьянствовало въ шинкахъ безъ просыпу. Начальство строго воспрещало козакамъ пьянствовать во время похода и наказывало этотъ порокъ смертью, утверждаетъ въ одномъ мѣстѣ повѣсти г. Сенькевичъ (I, 169); но потомъ, забывъ о сказанномъ, разсказываетъ, какъ Богунъ спаиваетъ козаковъ, собираясь въ опасный походъ (III, 62) и какъ козаки идутъ храбро на приступъ потому только, что ихъ напоили водкою (IV, 95). Пьянство это, замѣчаетъ не безъ повода г. Сенькевичъ, было особенно отвратительно потому, что козаки употребляли водку не очищенную, издававшую кислый запахъ (I, 169).

Вотъ черты, которыя г. Сенькевичъ замѣтилъ и изобразилъ въ бытѣ южнорусскаго народа. Перейдемъ теперь къ обратной сторонѣ медали и соберемъ тѣ черты, которыми авторъ обрисовалъ польское дворянство, представлявшее, по его мнѣнію, антитезу русской дикости: дворяне принесли съ собою и старались упрочить въ южной Руси гражданственность; правда, они начали съ того, что всю поземельную собственность взяли себѣ и заставили свободный до того времени народъ отбывать въ свою пользу барщину, но за то они облагодѣтельствовали край, доставивъ ему безопас-

ность отъ татаръ, водворивъ порядокъ и населивъ нѣкоторыя области.—Мы сильно сомнѣваемся въ этихъ заслугахъ, вмѣняемыхъ польскому дворянству XVII столѣтія и полагаемъ, что это лишь пустыя общія фразы, покрывающія далеко не благодѣтельную для края реальную дѣйствительность, которая обнаружится, лишь только обратимся къ историческимъ фактамъ. Безопасность отъ татаръ была доставлена краю гораздо раньше появленія въ немъ польской шляхты усиліями зародившагося въ концѣ XV столѣтія козачества и его предводителей литовско-русскихъ старостъ; довольно вспомнить военные подвиги Евстафія Дашковича, Дмитрія Вишневецкаго, князя Константина Ивановича Острожскаго, чтобы убѣдиться что южная Русь собственными силами могла отражать татарскіе набѣги. Порядокъ въ краѣ былъ водворенъ весьма прочно еще со времени Витовта; онъ выражался точнымъ опредѣленіемъ правъ и обязанностей жителей, правильно организованнымъ судомъ, обезпеченіемъ личности и имущества жителей, старостинскою администраціею и т. д. Правда, это былъ порядокъ не шляхетскій, но мы полагаемъ, что шляхта, ниспровергнувшая его послѣ люблинской уніи, наложившая руку на всю поземельную собственность, на свободу «похожихъ» людей, на религіозныя и національныя стремленія народа, именно и принесла съ собою зародыши безпорядка и вызвала междоусобныя войны. Намъ потому кажется, что шляхетскій строй, насаждаемый въ южно-русскомъ краѣ, былъ не символомъ культуры и порядка, а скорѣе симптомомъ отсталости и культурной аберраціи самаго польскаго общества.

Что касается заслугъ шляхты относительно колонизаціи края, мы не знаемъ точно, не смотря на всѣ увѣренія польскихъ писателей, въ чемъ состояли эти заслуги. Конечно, мы готовы были бы признать заслугу колонизаціи въ такомъ случаѣ, если бы польскіе поселенцы заняли незаселенную до того времени область и превратили пустыню въ производительную страну; но этого въ южной Руси не случилось. Если въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія и заселяются вновь обширныя пространства между Днѣпромъ и Дономъ, то заселяются они не польскими выходцами, а тѣмъ-же южно-русскимъ народомъ; если шляхетство играетъ въ этомъ дѣлѣ какую-бы то ни было роль, то конечно скорѣе отрицательную, чѣмъ активную: закрѣпостивъ народъ, имѣвшій право свободнаго

перехода до люблинской уніи, оно заставило крестьянъ бѣжать въ ненаселенную пустыню, чтобы спастись отъ рабства; но за бѣглыми крестьянами на лѣвый берегъ Днѣпра послѣдовали шляхтичи, вооружившись жалованными грамотами на земли, безъ ихъ почина заселившіяся; тогда народонаселеніе поднялось вновь: часть его вступила въ отчаянную борьбу съ преслѣдовавшимъ ее сословіемъ, другая перешагнула рубежъ Рѣчи Посполитой и нашла, наконецъ, въ Слободской Украйнѣ пріютъ, куда не могли достичь до бѣглецовъ ни паны съ жалованными грамотами на земли, ни ихъ подстаросты съ нагайками. Если прослѣдить возникновеніе многочисленныхъ и многолюдныхъ поселеній, основанныхъ въ XVII столѣтіи на территоріи нынѣшнихъ губерній: харьковской, курской и воронежской, населенныхъ выходцами изъ польской Украйны, то во всякомъ случаѣ мы должны признать, что присутствіе шляхтичей не было необходимымъ условіемъ развитія колонизаціи. Поселенія эти, принятыя радушно правительствомъ царей московскихъ, не нуждались ни въ панщинѣ, ни въ нагайкѣ подстаросты, ни въ строгости Вишневецкаго для того, чтобы заняться производительнымъ земледѣльческимъ трудомъ; народонаселеніе ихъ безъ всякой регулировки, но съ разрѣшенія правительства, уложилось въ правильныя формы быта, изъ собственной среды выдвинуло выборную военную, гражданскую и судебную администрацію (полковниковъ, сотниковъ, атамановъ, судій и т. д.), съумѣло новыя свои земли защитить отъ татарскихъ набѣговъ, не менѣе грозныхъ въ бассейнѣ Дона, чѣмъ въ бассейнѣ Днѣпра и Буга, и, не встрѣтивъ насилія со стороны новаго правительства, не только не проявило инстинктивнаго стремленія къ бунту, но, напротивъ того, отличалось всегда вѣрностью и преданностью государству и въ значительной мѣрѣ вспомоществовало огражденію его южныхъ границъ отъ нападеній крымской орды. Такимъ образомъ одинъ и тотъ-же народъ, въ одно и тоже время и при одномъ уровнѣ развитія, заселялъ двѣ смежныя области; въ одной изъ нихъ колонизація двигалась при участіи польской шляхты и привела къ кровавому столкновенію, стоившему безконечныхъ жертвъ и напряженій, въ другой, при отсутствіи шляхты, сразу установились правильныя формы гражданской жизни и, развиваясь безъ всякихъ потрясеній, полтора столѣтія спустя привели къ открытію перваго на югѣ Россіи уни-

верситета. Если остановиться на историческомъ значеніи этихъ двухъ параллельныхъ типовъ южно-русской колонизаціи, то выводы конечно не выскажутся въ пользу шляхетскаго колонизаціоннаго типа, и польскимъ публицистамъ можно бы посовѣтовать менѣе усердно выставлять на видъ колонизаторскія способности и заслуги шляхтичей XVII столѣтія.

Впрочемъ только въ общихъ фразахъ г. Сенькевича, высказанныхъ отъ его собственнаго лица, упоминаются заслуги шляхетскаго сословія, состоявшія будто въ защитѣ края, въ надѣленіи его гражданственностью и въ колонизаторской предпріимчивости; въ картинахъ, изображенныхъ беллетристомъ, дѣятельность эта не проявляется, за то съ особенною любовью и, можетъ быть, съ излишествомъ изображена одна сторона польской гражданственности—военная организація и военная храбрость. Странно, что, желая особенно восхвалить свое прошедшее съ точки зрѣнія военной дисциплины, стратегіи и тактики, г. Сенькевичъ выбралъ именно такое время, когда польскія арміи терпѣли самыя крупныя пораженія; неудачный выборъ момента ставитъ очевидно романиста въ затруднительное положеніе, изъ котораго онъ долженъ выворачиваться, пользуясь лишь всею свободою, предоставленною беллетристу. Разсказывая ходъ военныхъ дѣйствій по впечатлѣніямъ одного изъ фиктивныхъ героевъ своей повѣсти, онъ благоразумно заставляетъ его тяжело болѣть во время битвы у Желтыхъ Водъ, удерживаетъ его въ плѣну, далеко въ тылу дѣйствующей арміи, во время корсунскаго сраженія и удаляетъ благоразумно въ далекую рекогносцировку во время пилявецкаго погрома; за то ничтожныя стычки у Махновки, у Росоловецъ, онъ раздуваетъ до размѣровъ первостепенныхъ битвъ и старается украсить ихъ безконечнымъ количествомъ эпизодовъ и единоборствъ, заимствуя довольно безцеремонно для этихъ описаній пріемы изъ Иліады. Воображеніе его до того разгорается, что въ одной изъ этихъ передовыхъ стычекъ (у Росоловецъ) онъ истребляетъ 14 козацкихъ полковниковъ (II, 243), когда всѣхъ полковъ у Хмельницкаго было 20. Въ этихъ-то стычкахъ или въ экскурсіяхъ, придуманныхъ самимъ авторомъ, созданные имъ герои совершаютъ чудеса храбрости; они являются до того непобѣдимыми рыцарями, что читатель остается въ недоумѣніи, почему собственно князь Вишневецкій и 4 героя, создан-

ные фантазіею г. Сенькевича, не истребили не только всего козацкаго войска и всей орды, но и всего населенія Украйны и Крыма. Герои г. Сенькевича лица не обыкновенныя: они изображены съ такою долею шаржа и съ такимъ видимымъ подражаніемъ полубогамъ Гомера, что, какъ намъ кажется, даютъ не лестное свидѣтельство объ артистическихъ пріемахъ автора: всѣ они обладаютъ необыкновенною тѣлесною силою; одинъ изъ нихъ (Аяксъ—Подбипята) камнями разбиваетъ башни, другой (Діомидъ—Володіевскій) побѣждаетъ всякаго противника въ единоборствѣ, третій (хитроумный Одиссей—Фальстафъ—Заглоба) владѣетъ безграничнымъ запасомъ наивныхъ военныхъ хитростей и т. д. Правда, при существованіи огнестрѣльнаго оружія физическая сила отдѣльныхъ героевъ потеряла гомеровское значеніе, но г. Сенькевичъ успѣлъ устранить и это препятствіе: враги его героевъ настолько дики и глупы, что, нападая на нихъ, догадываются выстрѣлить или пустить стрѣлу не раньше, чѣмъ герои эти искрошатъ нѣсколько сотъ противниковъ въ рукопашномъ бою.

Но допустимъ, что шляхтичи XVII столѣтія были дѣйствительно неимовѣрно сильны, что польскія арміи были прекрасно вооружены и дисциплинированы, хотя нѣсколько странно настаивать на этомъ качествѣ въ виду пилявецкой паники, допустимъ, что поляки были очень храбры и прекрасно знали военное дѣло—все это, по нашему мнѣнію, нисколько не свидѣтельствуетъ о высокой степени ихъ гражданственности и культуры. Храбрость военная свойственна не въ меньшей мѣрѣ, если не къ большей, дикимъ народамъ, чѣмъ образованнымъ. Это прекрасно сознаетъ самъ г. Сенькевичъ, изобразившій козаковъ и хлоповъ представителями дикости; въ его-же собственныхъ картинахъ козаки весьма храбры—они цѣлыми десятками и сотнями тысячъ гибнутъ подъ ударами его героевъ и не обращаются въ бѣгство. Военная выправка, хорошее вооруженіе и т. п.—обстоятельства случайныя, вовсе не свидѣтельствующія о культурномъ превосходствѣ; качества эти встрѣчаются иногда развитыми въ большей степени у народовъ менѣе цивилизованныхъ—вспомнимъ для примѣра исторію нашествія варваровъ на римскую имперію или монголовъ на восточную Европу въ XIII столѣтіи. Намъ кажется, что, освѣщая военныя доблести польской арміи въ XVII вѣкѣ, какъ признакъ культуры, г. Сенькевичъ исходитъ изъ

ложнаго понятія о значеніи военнаго дѣла у культурныхъ народовъ. Военная храбрость конечно качество весьма почтенное, но оно пріобрѣтаетъ значеніе культурнаго двигателя только въ такомъ случаѣ, если проявляется у лицъ или группъ, глубоко сознавшихъ правоту своего дѣла и гражданскій долгъ храбро стоять въ защиту его въ случаѣ, если ему угрожаетъ посторонняя военная сила; съ этой точки зрѣнія конечно мы признаемъ культурное значеніе за военными подвигами весьма многихъ военныхъ людей, отъ Эпаминонда до Жижки и Вашингтона. Но сама по себѣ военная храбрость, безъ сознанія правоты дѣла и гражданскаго долга, не только не составляетъ признака культуры, но нерѣдко служитъ враждебнымъ противъ нея орудіемъ, какъ-бы сильны и воинственны ни были одаренныя ею лица. Вѣдь въ храбрости и умѣніи руководить военными дѣйствіями нельзя отказать ни Аттилѣ, ни Чингизхану, ни множеству другихъ крупныхъ и мелкихъ грабителей. Потому мы полагаемъ, что военныя доблести не служатъ указателемъ культурнаго развитія даннаго народа, а напротивъ того по степени развитія этого народа и по степени справедливости преслѣдуемыхъ имъ цѣлей опредѣляется польза или вредъ для человѣчества его военныхъ подвиговъ. Приложивъ такого рода мѣрку къ стратегической части труда г. Сенькевича, мы полагаемъ, что чѣмъ сильнѣе и воинственнѣе были его реальные и вымышленные герои, тѣмъ вреднѣе они были въ данномъ случаѣ, потому что преслѣдовали несправедливую цѣль—желаніе лишить южно-русскій народъ его народности, религіи, личной свободы и благосостоянія и, съ другой стороны, сколько-бы г. Сенькевичъ ни приписывалъ храбрость Хмельницкаго и его сподвижниковъ вліянію водки и дикости, мы не можемъ не признать, что храбрость эта была благотворна для ихъ народа, потому что стремилась къ защитѣ духовнаго и матеріальнаго благосостоянія этого народа, угрожаемаго вооруженнымъ насиліемъ со стороны воинственной шляхты.

Но посмотримъ на дальнѣйшее развитіе антитезы у г. Сенькевича: выше было указано, что козаки, вслѣдствіе врожденной дикости, отличались странною жестокостью; слѣдуетъ ожидать, что представители культуры оказались гораздо гуманнѣе и мягче и если были принуждены къ употребленію репрессивныхъ мѣръ, то употребляли ихъ только по приговору надлежащаго суда, совершенно

безстрастно и, во всякомъ случаѣ, не измышляли истязаній, не указанныхъ въ уголовномъ кодексѣ. Г. Сенькевичъ чувствуетъ повидимому необходимость этого контраста и по временамъ заявляетъ, въ весьма впрочемъ неясныхъ фразахъ, что «Рѣчь Посполитая проявляла по отношенію къ козакамъ милосердіе безъ границъ и мѣры» (I, 254), но въ провѣренномъ имъ историческомъ матеріалѣ онъ не нашелъ фактовъ для подкрѣпленія этого положенія и сослался лишь на то, будто Наливайку предложено было прощеніе (sic). За то фактовъ, противурѣчащихъ мнимому милосердію, оказалось слишкомъ много, до того много, что увлеченный артизмомъ авторъ не могъ удержаться отъ ихъ воспроизведенія. Польскіе жолнеры, по словамъ г. Сенькевича, всегда истребляютъ козаковъ поголовно, даже тогда, когда они бросаютъ оружіе и просятъ помилованія (II, 182, 241). По пути князя Вишневецкаго, усмирявшаго бунты, «исчезаютъ села, слободы, хутора и мѣстечка и вмѣсто нихъ торчатъ окровавленные колы и висѣлицы (I, 257). Князь этотъ бралъ приступомъ Погребище и истребилъ поголовно все народонаселеніе: «700 плѣнниковъ повѣсили, 300 посадили на колъ», причемъ князь даетъ жолнерамъ приказъ: «казните ихъ такъ, чтобы они чувствовали, что умираютъ» (II, 152), на пути черезъ лѣса «онъ украшалъ сосны, вѣшая на нихъ плѣнныхъ» (II, 133) и т. д. Герои г. Сенькевича неутомимо и нѣсколько дней сряду «жгутъ села и рубятъ головы» до изнеможенія (II, 255); взявъ въ плѣнъ въ битвѣ полковника Кречевскаго, изнемогавшаго отъ ранъ, они сажаютъ его на колъ (III, 214). Вообще плѣнныхъ они подвергаютъ пыткѣ и жгутъ огнемъ (II, 130) даже и въ такомъ случаѣ, если эти плѣнные покрыты ранами (II, 246). Они хладнокровно, прикидываясь друзьями, спискиваютъ довѣріе женщины и убиваютъ ее вмѣстѣ съ калѣкою слугою, на томъ основаніи, что признаютъ ее вѣдьмою (III, 316) и т. д. Словомъ какъ ни старается авторъ стушевать подобнаго рода данныя и сохранить въ этомъ отношеніи слишкомъ велерѣчивые источники, факты эти все таки выступаютъ наружу. Конечно, жестокость и отсутствіе гуманнаго чувства, вѣра въ существованіе вѣдьмъ и т. п. могутъ быть въ данное время если не оправданы, то по крайней мѣрѣ объяснены ожесточеніемъ борьбы и недостаткомъ гуманнаго развитія въ обществѣ, но во всякомъ случаѣ не приходится особенно настаивать на высокой культурѣ общества, совершавшаго

подобные поступки и одареннаго руководившими ими чувствами. Если обѣ враждовавшія стороны допускали среди борьбы проявленія безчеловѣчной жестокости, то приходится лишь сожалѣть о слабой степени развитія обѣихъ сторонъ, но не возможно совершенно тождественныхъ фактовъ вмѣнять въ укоръ одной изъ нихъ и въ заслугу другой.

То-же самое можно сказать и о другомъ порокѣ—о пьянствѣ; г. Сенькевичъ крайне возмущается пьянствомъ козаковъ, между тѣмъ излюбленные его герои почти никогда не ведутъ бесѣды безъ кувшина напитка; одинъ изъ нихъ даже попадаетъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ цѣлымъ отрядомъ, находившимся подъ его начальствомъ, вслѣдствіе того, что напивается до безчувствія. Все отличіе культурнаго пьянства отъ дикаго состоитъ развѣ въ томъ, что шляхтичи пьютъ вино, медъ, наливку и водку очищенную, хлопы-же должны удовлетворяться только водкою, притомъ неочищенною и издающею кислый запахъ. Разница, конечно, въ гастрономическомъ отношеніи серьезная, но не знаемъ, насколько она важна въ отношеніи культурномъ.

Такимъ образомъ, сличая бытовыя черты культурной шляхты и дикихъ хлоповъ, мы находимъ разницу лишь въ произвольныхъ эпитетахъ, даваемыхъ авторомъ обѣимъ группамъ, но не можемъ ее усмотрѣть въ поступкахъ и дѣяніяхъ, изображаемыхъ самимъ г. Сенькевичемъ; изъ положеній его на лицо остается лишь одно—это его глубокая вѣра въ врожденную добродѣтель однихъ и врожденную злость другихъ; къ положенію этому, весьма на нашъ взглядъ сомнительному, онъ возвращается довольно часто, какъ къ непоколебимой твердынѣ. Такъ, одинъ изъ его героевъ, повстрѣчавъ незнакомаго ему до того времени Хмельницкаго и замѣтивъ въ выраженіи его лица большую рѣшимость, недоумѣваетъ, откуда такое выраженіе явилось на лицѣ человѣка неизвѣстнаго происхожденія. Правда, оно напомнило ему выраженіе лица князя Вишневецкаго, «но у князя оно являлось естественнымъ даромъ природы, свойственнымъ знатному происхожденію» (I, 14). Героиня романа одарена, конечно, небывалою красотою и энергіею «въ силу княжеской крови Курцевичей» (III, 17), за то ея тетка, княгиня Курцевичева груба въ обращеніи, нахальна и своекорыстна, потому что она родомъ «изъ семьи сомнительнаго происхожденія» (I, 63). Полковникъ Богунъ, украшенный авторомъ большою силою и храбро-

стію, для того, чтобы его герои имѣли возможность проявить на его счетъ свое непобѣдимое геройство, является обладателемъ этихъ качествъ только потому, что мать его заподозрѣваютъ въ незаконныхъ связяхъ съ шляхтичемъ (III, 177), но за то качества эти совершенно изуродованы дикостію, наслѣдованною отъ матери, до того свирѣпою, что у полковника этого ночью глаза блестятъ, какъ у волка и т. д. Конечно, эту теорію «бѣлой кости» мы только констатируемъ въ кругу убѣжденій г. Сенькевича, оспаривать-же ее считаемъ излишнимъ.

Характеристика пріемовъ г. Сенькевича была-бы далеко не полна, если-бы мы не обратили вниманія на тѣ черты, которыми онъ обрисовываетъ личность Хмельницкаго. Романистъ сосредоточиваетъ на немъ всю массу ненависти и злобы, какая накипѣла въ сердцахъ шляхтичей XVII столѣтія, и не только не смягчаетъ этой злобы сколько-нибудь объективнымъ взглядомъ на давно минувшія историческія событія, не только не старается посмотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія современныхъ намъ требованій общественнаго развитія и гражданскихъ идеаловъ, но относится къ покойному гетману съ страшною личною ненавистью, указывающею на то, что какъ самъ авторъ, такъ и восхищающаяся его произведеніемъ публика, ни на волосъ не подвинулись по пути европейскаго прогресса въ теченіи 2½ столѣтій и продолжаютъ по прежнему приносить жертвы религіознымъ, сословнымъ и національнымъ кумирамъ, стоявшимъ на алтарѣ Рѣчи Посполитой въ XVII столѣтіи.

Конечно на первомъ мѣстѣ у г. Сенькевича стоитъ излюбленное польскими историками и публицистами, хотя странное и съ исторической точки зрѣнія невозможное положеніе, будто Хмельницкій произвелъ все возстаніе исключительно изъ-за личной мести, за причиненныя ему Чаплинскимъ обиды. Къ темѣ этой авторъ возвращается безпрестанно, полагая вѣроятно, что отъ частаго повторенія она сдѣлается болѣе правдоподобною. Начавъ съ появленія Хмельницкаго въ Сѣчи, г. Сенькевичъ рекомендуетъ его такъ: «этотъ кровавый гетманъ, исполинъ, собирался личную обиду выместить на милліонахъ людей» (I, 172). Затѣмъ одинъ изъ героевъ повѣсти очень патетически упрекаетъ Хмельницкаго въ томъ, что онъ «изъ-за личной обиды и частной ссоры» поднимаетъ страшную сумятицу «потому только, что Чаплинскій отнялъ у него хуторъ и выругалъ его

въ нетрезвомъ видѣ» (I, 192). Самъ Хмельницкій, по мнѣнію г. Сенькевича, настолько убѣжденъ въ справедливости этого упрека, что не находитъ возраженія и въ отвѣтъ выпиваетъ лишь стаканъ водки и т. д. Мы невольно приходимъ въ недоумѣніе, какимъ образомъ образованный писатель нашего времени, сочиняя историческую повѣсть, можетъ прибѣгать къ такимъ мизернымъ пріемамъ въ обрисовкѣ историческихъ дѣятелей. Мы, конечно, не отрицаемъ, что Хмельницкій былъ лично обиженъ, тѣмъ болѣе, что намъ извѣстно, что Чаплинскій не только отнялъ у него хуторъ и ругалъ его сыпяна, но похитилъ у него жену, засѣкъ до смерти его сына [1]) и подготовилъ ему самому смертный приговоръ, отъ котораго Богданъ едва спасся бѣгствомъ. Но если-бы эти обиды носили исключительный, личный характеръ, если-бы онѣ не были выраженіемъ общаго гнета, распространявшагося на все южно-русское населеніе края, если-бы другіе жители не подвергались такимъ-же точно, если не большимъ обидамъ, то конечно въ такомъ случаѣ возстаніе не могло-бы произойти, ибо съ одной стороны Хмельницкій нашелъ-бы защиту и удовлетвореніе въ администраціи и судѣ, съ другой народонаселеніе не поднялось-бы изъ-за личной обиды одного человѣка. Только общій гнетъ и общее насиліе вызываютъ общую реакцію и личная месть безсильна поднять народныя массы. Въ чемъ-же въ сущности заключается упрекъ Хмельницкому и по какой логикѣ въ общественной реакціи не имѣютъ права принимать участія лица, потерпѣвшія отъ безобразнаго строя общественной жизни? Если-бы это требованіе имѣло какія-либо основанія этическія или юридическія, то мы-бы имѣли лучшій рецептъ для предотвращенія всякаго протеста противъ любого общественнаго насилія. Тѣмъ, кто производитъ насиліе, слѣдовало-бы лишь настолько щедро расточать обиды, чтобы надѣлить ими всѣхъ жителей страны и лишить ихъ такимъ образомъ права на протестъ. Вообще росказни о личной мести Хмельницкаго напоминаютъ намъ анекдотъ изъ судейской практики былыхъ временъ: нѣкій буянъ затѣялъ ссору на улицѣ и ударилъ своего противника; обиженный

---

[1]) «Чаплинскій, разсердившись на Хмельницкаго за то, что онъ подалъ жалобу въ судъ на его насилія, сына его, десятилѣтняго мальчика, приказалъ своимъ слугамъ высѣчь нагайками среди рынка такъ сильно, что вскорѣ послѣ того онъ умеръ». Michałowski. Xięga pamiętnicza, стр. 5.

обратился къ четыремъ случайно проходившимъ лицамъ и просилъ ихъ быть свидѣтелями случившагося; но буянъ нисколько не смутился, онъ всѣмъ четыремъ прохожимъ далъ по пощечинѣ и объявилъ, что они, какъ «причастные къ дѣлу», не могутъ быть свидѣтелями. Такъ, по мнѣнію г. Сенькевич et consortium, и Хмельницкій является «причастнымъ къ дѣлу» и потому участіе его въ возстаніи считается дѣломъ грѣховнымъ. Интересно, такую-ли мѣрку прилагаетъ г. Сенькевичъ и къ Вильгельму Телю за его столкновеніе съ Гесспромъ и къ Ріенци за то, что римскіе бароны убили его брата. Другіе художники, по нашему мнѣнію, далеко не уступающіе г. Сенькевичу въ силѣ артизма, но съ нѣсколько болѣе развитымъ этическимъ чувствомъ—Шиллеръ и Бульверъ, высказали по этому поводу взглядъ, противуположный его мнѣнію.

За исключеніемъ мотива личной мести, г. Сенькевичъ не замѣчаетъ въ личности Хмельницкаго никакихъ другихъ побужденій къ возстанію; по его мнѣнію, въ головѣ гетмана происходитъ страшный хаосъ, среди котораго можно замѣтить лишь проблески самаго грубаго эгоизма. Вотъ какими словами авторъ характеризуетъ внутренній складъ мыслей Богдана: «По мѣрѣ того, какъ росли силы Хмельницкато, возрасталъ и его безсознательный эгоизмъ, равнаго которому не найдемъ въ исторіи. Понятія о добрѣ и злѣ, о преступленіи и добродѣтели, о насиліи и справедливости слились въ душѣ Хмельницкаго въ одно цѣлое съ воспоминаніями личной обиды и съ представленіемъ о личной выгодѣ. Онъ считалъ честнымъ лишь того, кто ему помогалъ, и преступникомъ всякаго, кто ему противудѣйствовалъ. Онъ готовъ былъ укорять солнце въ пристрастіи и нанесеніи ему личной обиды, если-бы оно не свѣтило согласно его желанію (?). Людей, событія и цѣлый міръ онъ измѣрялъ лишь по мѣркѣ собственнаго интереса. Однако, не смотря на всю хитрость и притворство гетмана, въ его міровоззрѣніи была какая-то искренняя вѣра (?)... Весь край превращался въ пустыню, въ развалины, въ одну великую рану, залѣчить которую было невозможно въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, гетманъ-же этого не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть, ибо кромѣ себя онъ ни на что не обращалъ вниманія;—въ силу чудовищнаго самолюбія онъ питался кровью и огнемъ и топилъ свой собственный край и свой собственный народъ» (I, 253—254, III, 238). Предоставляемъ философамъ оцѣнить, на-

сколько изображенная картина возможна психологически; съ исторической точки зрѣнія замѣтимъ, что она совсѣмъ невѣрна; какъ-бы мало ни была развита народная масса, она не можетъ единодушно и по собственной иниціативѣ подчиняться руководству лица, преслѣдующаго исключительно эгоистическія цѣли, да притомъ лица безсознательнаго, не умѣющаго ни намѣтить цѣли своихъ дѣйствій, ни оцѣнить окружающія явленія. Южно-русскій народъ въ свое время иначе отнесся къ Хмельницкому, оказавъ ему дружную поддержку и признавъ его такимъ образомъ выразителемъ своихъ общенародныхъ интересовъ. Самъ авторъ знаетъ прекрасно, каково было отношеніе народа къ Хмельницкому; словами источниковъ онъ описываетъ въѣздъ гетмана въ Кіевъ послѣ возврата изъ-подъ Замостья и встрѣчу его духовенствомъ и народомъ съ крестнымъ ходомъ, съ хоругвями и съ рѣчью депутатовъ кіевской академіи, въ которой Хмельницкій провозглашенъ былъ «Богомъ даннымъ охранителемъ, спасителемъ и освободителемъ народа отъ ляцкой неволи» (III, 236). Г. Сенькевичъ, не ограничиваясь собственною общею характеристикою Хмельницкаго, пытается выразить его общественныя убѣжденія и политическій кругозоръ отъ его собственнаго лица и производитъ этотъ опытъ въ разговорѣ одного изъ своихъ фиктивныхъ героевъ съ Хмельницкимъ въ Сѣчи. Герой повѣсти, или скорѣе г. Сенькевичъ его устами читаетъ гетману строгую нотацію, мотивы которой заимствованы исключительно изъ шляхетскаго политическаго и государственнаго кругозора, но весьма не убѣдительны для лица, стоявшаго на точкѣ зрѣнія народной и общечеловѣческой; тѣмъ не менѣе въ повѣсти г. Сенькевича мотивы эти пріобрѣтаютъ значеніе непреодолимыхъ аргументовъ; бѣдный Хмельницкій не находитъ возраженій и, сраженный афоризмами своего собесѣдника, то хватается за ножъ, то выпиваетъ стаканъ водки. Онъ пытается, правда, поставить на видъ, въ весьма впрочемъ неясныхъ выраженіяхъ, гнетъ, претерпѣваемый крестьянами и всѣмъ южно-русскимъ народомъ отъ шляхты. Но намекъ этотъ г. Сенькевичъ отражаетъ побѣдоносно слѣдующею аргументаціею: «Если допустимъ, что это правда, то кто тебѣ, гетманъ, поручилъ судъ и расправу. Ты увлекаешься гордостью и жестокостью. Судъ и наказаніе ты долженъ предоставить Богу... Если-бы даже всѣ шляхтичи и князья были изверги, что впрочемъ не правда, то судить ихъ можетъ лишь Гос-

подь на небесѣхъ и сеймы на землѣ, но не ты, гетманъ». «Хмельницкій опять выпилъ стаканъ водки» и т. д. (I, 194—196). Пріемъ въ спорѣ несомнѣнно весьма оригинальный и неожиданно поразившій Хмельницкаго, который не догадался даже обратить высказанный аргументъ въ противуположную сторону и предложить польскимъ гетманамъ распустить армію и предоставить рѣшеніе дѣла на судъ Божій. Но этого онъ не могъ сдѣлать потому, что, по мнѣнію беллетриста, дѣло возстанія противъ шляхетскихъ порядковъ настолько грѣховно, что конечно Хмельницкій не могъ ожидать помилованія отъ небеснаго суда. Вѣроятно, при такой постановкѣ вопроса г. Сенькевичъ такъ и остался въ недоумѣніи, почему Провидѣнію угодно было даровать цѣлый рядъ побѣдъ гетману, предпринявшему дѣло столь грѣховное. Конечно, если-бы писатель былъ менѣе субъективенъ, то, можетъ быть, за предѣлами шляхетской морали XVII вѣка онъ предъугадалъ-бы стремленія и идеалы нѣсколько болѣе широкіе и гуманные и, во всякомъ случаѣ, вовсе не обреченные на гнѣвъ Господень. Но г. Сенькевичъ и восхищающаяся имъ публика не умѣютъ, кажется, въ общественныхъ вопросахъ выйти на путь мышленія, проложенный европейскимъ прогрессомъ, и продолжаютъ вращаться въ тѣсномъ кругу воззрѣній, въ которомъ заколдовали ихъ езуиты въ XVII столѣтіи. Они подходятъ къ старому вопросу съ старыми предвзятыми сужденіями и невольно напоминаютъ замѣчательные по наивному субъективизму старинные духовные стихи, въ которыхъ «салтанъ турецкій» обращается къ св. Георгію съ слѣдующею приблизительно рѣчью:

«Ой ты гой еси, святой Георгій Побѣдоносецъ!
Брось *свою* вѣру правую, святую, христіанскую,
Прими *мою* вѣру нечистую, поганую, бусурманскую» и т. д.

Читая всю повѣсть г. Сенькевича и особенно принципіальный разговоръ, изъ котораго мы привели отрывокъ, намъ постоянно казалось, что передъ нами разыгривается мистерія, сочиненная на тему разговора Салтана съ св. Георгіемъ, въ которой роль Салтана принялъ обязательно на себя г. Сенькевичъ, предоставивъ великодушно Хмельницкому роль св. Георгія Побѣдоносца.

Остается намъ въ заключеніе сказать нѣсколько словъ объ одномъ изъ пріемовъ артистическаго творчества г. Сенькевича. Уступая художественнымъ требованіямъ современнаго искусства, белле-

тристъ счелъ необходимымъ сообщить своимъ образамъ реальный колоритъ; вслѣдствіе этого онъ вводитъ подробности этнографическія и даже старается вложить въ уста дѣйствующихъ лицъ слова, а иногда цѣлыя рѣчи на мѣстномъ языкѣ. Этотъ couleur locale, можетъ быть и кажущійся польской публикѣ весьма типическимъ, преисполненъ самыхъ грубыхъ ошибокъ и извращеній этнографическихъ и лингвистическихъ, которыя ежеминутно заслоняютъ художественныя достоинства повѣсти для всякаго читателя, сколько нибудь знакомаго съ историческою этнографіею и народною рѣчью южной Руси. Укажемъ нѣсколько примѣровъ: козаки Хмельницкаго называются по временамъ «гайдамаками» (I, 94), т. е. терминомъ возникшимъ въ XVIII столѣтіи и раньше неизвѣстнымъ въ южной Руси; козаки панскихъ надворныхъ милицій носятъ постоянно названіе «Семеновъ», а терминомъ этимъ, насколько намъ извѣстно, турки называли тѣхъ козаковъ, которые поселились въ Бессарабіи въ концѣ XVII столѣтія. Запорожцы изображаются разъ какъ полунагая голь, другой разъ оказываются одѣтыми въ мундиры, по которымъ можно отличить одинъ курень отъ другаго (I, 250). Въ полкахъ козацкихъ кромѣ полковниковъ встрѣчаются постоянно никогда не существовавшіе подполковники (I, 267). Хмельницкій, возвращаясь изъ корсунской битвы, куда то заѣзжалъ, вѣроятно, перемѣнять костюмъ, потому что въѣзжаетъ въ Корсунъ въ парадномъ театральномъ облаченіи, весь въ пурпурѣ. (I, 251). Запорожцы будто заставляли народъ называть себя «шляхетно урожеными козаками» (sic! I, 245). Описывая княжескій православный домъ Курцевичей, будто совершенно одичавшій въ степномъ селѣ, члены котораго учились однако у кіево-братскаго монаха, авторъ заставляетъ дѣвицу Курцевичеву писать интимныя письма на польскомъ языкѣ (I, 108), съ явнымъ подражаніемъ стилю XVII столѣтія; это неожиданное ополяченіе княжны, которой всѣ родственники говорили по русски и воспитывались подъ руководствомъ русскаго монаха, вѣроятно можно себѣ объяснить лишь теоріею г. Сенькевича о врожденномъ благородствѣ, тождественномъ, по его мнѣнію, съ польскими національными формами. Церковь Николая Добраго въ Кіевѣ передѣлана въ женскій монастырь, исключительно изъ за того, чтобы козаки могли передавить въ немъ монахинь (?) и укрывшихся въ монастырѣ «ляшекъ» (III, 266). Разныя лица по-

вѣсти поютъ по временамъ народныя пѣсни изъ репертуара, невозможнаго въ XVII столѣтіи. Такъ въ ихъ распоряженіи находятся пѣсня о Серпягѣ, никогда не бывшая народною и сочиненная нарочито псевдо-этнографами для Запорожской Старины Срезневскаго, пѣсня о Бондаривнѣ, воспѣвающая дѣянія старосты Каневскаго съ второй половинѣ XVIII столѣтія (II, 65), о Дорошенкѣ, ставшемъ гетманомъ 20 лѣтъ спустя послѣ описываемымъ событій (II, 73) и наконецъ книжныя силлабическія вирши, выписанныя изъ лѣтописи Ерлича, которыя никогда не пѣлись и пѣть которыя едва ли возможно (II, 198). Для козаковъ г. Сенькевичъ придумалъ небывалый, особый, боевой окликъ: «коли! коли!»; который они произносили будто бы не только во время схватки (I, 161), но и на радѣ, когда желали выразить готовность къ походу, хотя собственно колоть никого и не предстояло въ данную минуту (II, 164) и т. п.

Имена лицъ и мѣстъ подверглись значительнымъ передѣлкамъ для усиленія того же мѣстнаго колорита; такъ обозный генеральный Гарасимъ Чернота перекрещенъ въ «Эразма» (II, 159), полковникъ Иванъ Богунъ въ «Юрка» (III, 61), полковникъ Половьянъ въ Пулъ-Яна; какой то сотникъ Овсій въ Овсивуя; затѣмъ появляются лица съ такими фамиліями, которыхъ и возстановить невозможно, какъ полковники: Пулксенжицъ (II, 206), Наоколопалецъ (I, 267) и т. п.

Еще страннѣе передѣлки именъ географическихъ, которыя коверкаются авторомъ на польскій ладъ. Мы привыкли каждое географическое названіе произносить и писать такъ, какъ произносятъ и пишутъ туземцы; полагаемъ, что и г. Сенькевичъ не станетъ называть Лйона Люгдуномъ, Аахена Аквисграномъ, Львова Лембергомъ и т. д.; мы даже увѣрены, что онъ возмущается, когда встрѣчаетъ въ нѣмецкой печати: Позенъ, Грауденцъ, Тешенъ, Неймарктъ, вмѣсто: Познань, Грудзіондзъ, Цѣшинъ, Новы Таргъ; а между тѣмъ это общее логическое правило онъ считаетъ излишнимъ примѣнять къ названіямъ рѣкъ и городовъ южно-русскаго края. Такъ у него мы встрѣчаемъ названія: Пшола, Оржелъ, Лубнѣ, Пржылука, Мантовъ (II, 100), Брагимъ, Бучачъ (на Днѣпрѣ, II, 100) вмѣсто: Псёлъ, Орель, Лубны, Прилука, Домонтовъ, Брагинь, Бу-

чакъ. Остерскій полкъ[1]) названъ остренскимъ (ostręski), да введенъ какой то миѳическій полкъ карвовскій (?) съ столь же миѳическимъ полковникомъ Кулакомъ (IV, 63) и т. д. Вообще географическая картина края сильно утрирована авторомъ съ цѣлью произвести возможный эффектъ. Такъ низовья Днѣпра покрыты, по словамъ г. Сенькевича, густыми лѣсами вишень, до того сплошными, что проѣзжающимъ по Днѣпру во время цвѣтенія деревьевъ кажется, что всѣ берега покрыты снѣгомъ (I, 144). Въ степяхъ нынѣшней Полтавщины произрастала будто бы столь высокая трава, что всадники исчезали въ ней совершенно (II, 46). Берега Сулы, Псла и ихъ притоковъ покрыты были огромными дѣвственными лѣсами, въ которыхъ обитали «бесчисленныя стада бородатыхъ туровъ» (I, 37) и т. д. Мы удивляемся, зачѣмъ авторъ счелъ нужнымъ разсказывать всѣ эти небылицы. Если онъ, какъ художникъ, желалъ представить наглядно пейзажи описываемыхъ имъ мѣстностей, то проще было бы познакомиться съ ними или совершивъ путешествіе въ описываемую область, или прочитавъ любой географическій очеркъ страны, вмѣсто того, чтобы рисовать фантастическія картины въ Майнридовскомъ стилѣ, въ которыхъ конечно житель южной Руси не можетъ узнать физіономіи роднаго края.

Еще безцеремоннѣе поступаетъ авторъ съ народною южнорусскою рѣчью: онъ постоянно влагаетъ въ уста южно-руссовъ слова и выраженія, будто бы заимствованныя изъ ихъ собственнаго разговорнаго языка, но по большей части выходятъ изъ этихъ попытокъ самыя странныя ошибки, а иногда весьма комическія qui pro quo. Оказывается, что слова и рѣченія, приводимыя г. Сенькевичемъ, или вовсе не существуютъ въ южно-русской рѣчи, или употреблены имъ въ совершенно превратномъ значеніи, или подверглись слишкомъ усердной передѣлкѣ на польскій ладъ, даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ эта передѣлка не требуется фонетикою и польскаго языка. Приведемъ нѣсколько болѣе выдающихся примѣровъ. Послѣ опасности, которой подвергся въ степи Хмельницкій, его окружаютъ козаки, которымъ онъ разсказываетъ, какъ злоу-

---

[1]) Остерскій полкъ вовсе несуществовалъ, онъ помѣщенъ ошибочно въ спискѣ Каховскаго, вмѣсто полка прилуцкаго (Собраніе сочиненій Максимовича, т. I, стр. 666).

мышленники чуть было не задавили его арбаномъ. Козаки желаютъ выразить удивленіе, ужасъ и сочувствіе и вслѣдствіе этого дружно произносятъ: «спасыби! спасыби!» (спасибо! I, 13). Читатель конечно недоумѣваетъ, кого и за что они благодарятъ. Слѣпой аскетъ, обращается къ присутствующимъ съ мрачнымъ предсказаніемъ и хочетъ сказать имъ: «горе вамъ братія», но вмѣсто того говоритъ: «горже вамъ браця». Конечно это не по южно-русски, но кажется и не по польски, потому, что по польски эта фраза означаетъ: «горитъ у васъ братія» (I, 72). Предчувствуя опасность, запорожцы выражаютъ свои опасенія фразою: «сохрани Бигъ», вмѣсто «бороны Боже!» (I, 166, 167). Слово царь (по польски *car* по южно-русски *царъ*) звучитъ въ устахъ южно-русовъ г. Сенькевича «царжъ» (I, 225). На вопросъ шляхтича, гдѣ находится село Сыровата, спрошенный крестьянинъ отвѣчаетъ: «нѣ знаемъ никакій (ниякои) Сыроватей» (II, 53). Слово *мажа* (чумацкій возъ) передѣлано въ мазь (unguentum). Сердце преобразовано въ «сердцѣ». Криныця (въ западно южно-рускомъ говорѣ керныця) преобразована въ крыница и означаетъ не колодезь, но ручей (III, 10). Проѣзжій въѣзжаетъ въ село и, желая удостовѣриться о его названіи, спрашиваетъ у крестьянъ: «скажыте, дитки, вже йе Деміянувка?» (вмѣсто «чи се Демьяпивка?»). Конечно крестьяне въ приведенной формѣ или вовсе не поняли бы вопроса, или поняли бы его въ томъ смыслѣ: «основано ли уже село Демьяновка»? Въ другомъ мѣстѣ, описывая наружность шляхтича, крестьянинъ такъ выражается: «кгрубы якъ пѣцъ, а проклинавъ какъ дідко» (вмѣсто «грубый якъ пичъ, а клявъ, якъ дидько). Козакъ, привезшій письмо къ полякамъ, слѣдующими словами выражаетъ свое желаніе возвратиться назадъ: «я письмо виддавъ, такъ и *пуйден*» (т. е. пиду), и т. д.—до безконечности.

Но, не ограничиваясь отдѣльными словами и фразами, г. Сенькевичъ рискуетъ сочинять цѣлыя рѣчи на языкѣ ему незнакомомъ. Конечно эта излишняя храбрость порождаетъ рѣчи, написанныя на невозможномъ, иногда совсѣмъ непонятномъ жаргонѣ, въ которомъ фонетическія и грамматическія черты нѣсколькихъ славянскихъ языковъ механически перемѣшаны и рѣчь теряетъ не только характеръ живаго организма, но и всякій смыслъ. Мы для наслажденія филологовъ славистовъ приведемъ нѣсколько образчиковъ этой за-

мѣчательной тарабарщины, которую г. Сенькевичъ выдаетъ своимъ читателямъ за живую рѣчь украинцевъ XVII столѣтія.

Вотъ напримѣръ отрывокъ изъ рѣчи полковника Максима Кривоноса, въ которой онъ излагаетъ военному совѣту свою готовность къ походу: «разъ маты родыла! Война мнѣ мацъ и сьостра. Висьньовецки режетъ—и я буду; онъ вишаетъ и я буду... Такъ и пуйден(ę) замківъ будуваты (sic), быты, ризаты, вишаты! На погыбель имъ, бялоручкимъ!» (II, 164).

А вотъ образчики мнимой элоквенціи Хмельницкаго: «Згрешы князь—урезаць му шыйен(ę); згрешы козакъ—урезаць му шыйен. Кгрозицѣ ми шведами, але и они ми не здержо(ą)» (II, 251), или въ другомъ мѣстѣ онъ такъ сообщаетъ о судьбѣ Богуна: «Мени король пысавъ, же онъ въ пойедынку усѣчонъ» (II, 260) и т. д.

Такихъ и тому подобныхъ тирадъ можно-бы процитировать весьма много, но ограничимся выше приведенными. Ни одинъ славистъ не будетъ никогда въ состояніи опредѣлить, на какомъ языкѣ сказаны эти слова; многіе поляки подозрѣваютъ вѣроятно, что это по малорусски; люди, знающіе рѣчь южно-русскую, полагаютъ, что отрывки эти написаны на архаическомъ польскомъ языкѣ. Русскіе журналы, переводящіе повѣсть г. Сенькевича, вѣроятно воспроизведутъ эти перлы краснорѣчія, гадая на двое, что если они написаны не по польски, то вѣроятно по малорусски. Между тѣмъ это только общеславянская тарабарщина, придуманная г. Сенькевичемъ въ качествѣ couleur locale, при чемъ онъ не потрудился справиться ни съ фонетикою, ни съ грамматикою, ни съ лексикографіею, и, положившись слишкомъ на свои силы, возмечталъ, что талантливый писатель можетъ исключительно силою своей творческой фантазіи не только возсоздать эффектныя историческія картины, но также и правильно воспроизвести незнакомый ему языкъ.

Этими, далеко не исчерпывающими предмета, замѣтками мы и покончимъ обозрѣніе повѣсти г. Сенькевича и постараемся кратко резюмировать главныя положенія общественнаго и національнаго міровоззрѣнія автора и той многочисленной публики, которая приняла его произведеніе съ безграничнымъ восторгомъ.

Г. Сенькевичъ и его почитатели стоятъ пока еще на той низкой степени развитія патріотическаго чувства, на которой люди

полагаютъ, что все свое непремѣнно хорошо, потому только, что оно свое. Въ силу этого ложнаго патріотическаго чувства, они считаютъ долгомъ отрицать всякую попытку критическаго отношенія къ своему прошедшему и стремятся, путемъ отрицанія или извращенія несомнѣнныхъ фактовъ, путемъ всевозможныхъ натяжекъ, оправдать и возвеличить всякое безобразное явленіе въ исторической жизни своего народа. Писатель, руководящійся такимъ чувствомъ, особенно если онъ писатель талантливый и вліятельный въ своемъ обществѣ, оказываетъ этому обществу плохую услугу. Онъ способствуетъ затемнѣнію народнаго самопознанія, стремится къ увѣковѣченію ошибокъ прошедшаго, способствуетъ застою и косности и затрудняетъ прогрессъ своего народа.

Увлекаясь указанною ложно-патріотическою исходною точкою зрѣнія, г. Сенькевичъ старается освятить поэтическимъ воспроизведеніемъ, невѣрными толкованіями и громкими фразами о культурѣ и цивилизаціи всѣ тѣ историческіе недуги, которые были причиною политическаго, общественнаго и культурнаго паденія Польши: эксклюзивность національную и сословную, необузданность дворянскаго сословія, презрѣніе къ земледѣльческому классу народа и наклонность къ жестокости при сопротивленіи насилію правящаго сословія.

О государствѣ и государственной власти у автора совершенно превратныя понятія: власть эта должна, по его мнѣнію, не удовлетворять потребностямъ управляемыхъ, но навязывать имъ свои предвзятыя цѣли и, въ случаѣ протеста, обязана охранять свое достоинство жестокими казнями и даже поголовнымъ истребленіемъ народонаселенія, оказывающаго сопротивленіе.

По отношенію къ южно-русскому народу г. Сенькевичъ старается возбудить въ своихъ единоземцахъ презрѣніе, мотивированное мнимою дикостью этого народа и непригодностью его къ культурѣ; онъ разжигаетъ чувства нехорошія и несправедливыя: международную ненависть и народную гордость; онъ не умѣетъ отнестись къ противникамъ не только объективно, но даже сколько нибудь прилично; краски, которыми онъ изобразилъ южно-русскій народъ, не только исторически невѣрны, но до того пристрастны, что являются скорѣе злостнымъ пасквилемъ, чѣмъ невѣрно нарисованною характеристикою.

Не думаемъ, чтобы всѣ указанныя стороны тенденціи г. Сенькевича, какъ-бы онѣ ни льстили національному чувству, какъ-бы обаятельно ни дѣйствовали на его публику, были полезны для будущаго развитія этой публики или для удовлетворенія насущныхъ ея интересовъ. Самомнѣніе, упорное отстаиваніе своихъ ошибокъ, ненависть и отрицаніе примиренія, на основахъ болѣе широкаго и всесторонняго человѣческаго развитія, врядъ-ли могутъ послужить основаніями для лучшей умственной, нравственной и практической жизни какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ группъ человѣческихъ.

Мы должны съ прискорбіемъ констатировать, что огромное большинство польской интеллигенціи, судя по пріему оказанному повѣсти г. Сенькевича, раздѣляетъ его взгляды и убѣжденія—явленіе, какъ намъ кажется, весьма печальное и не предвѣщающее скораго поворота къ лучшему какъ нравственнаго и умственнаго развитія, такъ и тѣсно съ нимъ связанной реальной судьбы польской интеллигенціи.

Впрочемъ съ отраднымъ чувствомъ мы можемъ указать и симптомы прогресса. Среди польской-же интеллигенціи нашлось, правда малочисленное, меньшинство, которое опротестовало мысли и сужденія, высказанныя въ повѣсти «Огнемъ и мечемъ», и имѣло достаточно гражданскаго мужества для того, чтобы на столбцахъ четырехъ періодическихъ изданій высказать въ сдержанной, но вполнѣ ясной формѣ несогласіе съ порывами шовинизма и ретроградпаго направленія, выдвинутыми г. Сенькевичемъ. Протестъ этотъ, основанный на болѣе широкихъ гуманныхъ взглядахъ, появился въ то именно время, когда увлеченіе произведеніемъ г. Сенькевича находилось въ полномъ разгарѣ и когда пришлось плыть противъ порывистаго теченія почти всего польскаго общества. Мы полагаемъ, что дальнѣйшее интеллектуальное развитіе польскаго общества или прекратится совсѣмъ, или пойдетъ по пути, намѣченному этимъ меньшинствомъ, чего конечно мы искренно желаемъ въ интересахъ человѣческаго прогресса, который равно дорогъ всякому мыслящему человѣку, въ какой-бы онъ средѣ не проявлялся.

В. Антоновичъ.

„ПРОРОКЪ"–МНОГОВѢРЪ
и судъ надъ нимъ въ Кіевѣ.
(1825–1833 гг.).

Въ числѣ старыхъ дѣлъ, недавно переданныхъ изъ бывшихъ кіевскихъ судовъ въ центральный архивъ при кіевскомъ университетѣ, находится въ отдѣльной связкѣ небольшое «дѣло объ именующемся шляхтичемъ Аѳанасіи Марцинкевичѣ, судившемся за неимѣніе письменнаго вида, бродяжество и внушеніе противныхъ христіанской религіи словъ по губерніямъ: минской, волынской, кіевской, полтавской, екатеринославской, таврической и херсонской людямъ простаго состоянія» и пр. Дѣло это прошло черезъ всѣ тогдашнія судебно-уголовныя инстанціи г. Кіева: нижній земскій судъ, повѣтовый судъ, 1-й департаментъ кіевскаго главнаго суда, и тянулось цѣлыхъ восемь лѣтъ. Къ сожалѣнію, тогдашній судъ занялся исключительно почти безпаспортностью Марцинкевича и если производилъ о немъ кое-какія справки и дознанія, то единственно съ цѣлью удостовѣренія его личности; что-же касается «внушенія Марцинкевичемъ противныхъ христіанской религіи словъ людямъ простаго состоянія», то эта сторона дѣла осталась совершенно не обслѣдованною, становится извѣстною намъ единственно по показаніямъ подсудимаго, да по особой, составленной имъ въ тюрьмѣ запискѣ о предметахъ своего вѣроученія и призваніи его Богомъ на дѣло проповѣди, и въ качествѣ обвинительнаго пункта выступаетъ, и то совершенно случайно, лишь подъ конецъ судебнаго о немъ процесса. И показанія и записка Марцинкевича даютъ намъ

какую-то странную смѣсь повидимому противоположныхъ другъ другу вѣрованій и положеній не то жидовствующаго, не то раціоналистическаго характера, съ оттѣнкомъ крайняго, почти болѣзненнаго мистицизма,—смѣсь, въ которой разобрать трудно, что откуда; во всемъ «дѣлѣ» о подсудимомъ также нѣтъ и намековъ на то, откуда онъ позаимствовалъ свои «лжеумствованія» и подъ вліяніемъ какихъ причинъ въ его религіозныхъ убѣжденіяхъ совершился рѣзкій переломъ, приведшій его къ рѣшительному извращенію христіанства въ самыхъ его основахъ. Но совокупляя всѣ мелкія данныя, разбросанныя въ дѣлѣ о Марцинкевичѣ и анализируя его показанія и записку, нельзя не видѣть въ немъ фанатика религіозной доктрины, хотя крайне неопредѣленной: это не оригинальный религіозный новаторъ даннаго времени, скорѣе это человѣкъ, подавленный встрѣчавшимся на жизненномъ его пути разновѣріемъ,—*многовѣрь*, какъ есть старовѣры, какъ бываютъ нововѣры, но съ такимъ пламеннымъ религіознымъ одушевленіемъ, съ такимъ непоколебимымъ убѣжденіемъ въ истинности своихъ вѣрованій, которыя зародили въ немъ мысль, что онъ есть «слуга и пророкъ Божій». Дойдя до сознанія своего высшаго призванія, Марцинкевичъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ревностно пропагандируетъ свое ученіе, безпрепятственно обходитъ съ проповѣдью почти всю южную Россію—отъ Минска до Николаева и отъ Дона до Житоміра, безпрестанно подвергается всевозможнымъ преслѣдованіямъ и оскорбленіямъ, не разъ изнемогаетъ подъ бременемъ своего подвига и, подобно библейскому пророку Іонѣ, рѣшается однажды оставить родину и бѣжать «отъ гласа Божія» въ Турецину, но удерживается высшею волею и, наконецъ, попадаетъ подъ судъ, восемь лѣтъ томится то въ тюрьмѣ, то въ домѣ умалишенныхъ, и умираетъ, не дождавшись окончательнаго рѣшенія судомъ начатаго о немъ дѣла. Личность Марцинкевича очень интересна, не столько быть можетъ сама по себѣ, сколько по своей оригинальной судьбѣ, и благодаря сохранившемуся о немъ «дѣлу» и многоглаголанію судебныхъ бумагъ того времени, мы можемъ воспроизвести разсказъ объ немъ и о судѣ надъ нимъ, способный перенести насъ въ недалекое наше прошлое, въ среду бѣднаго вѣрующаго люда, и отчасти очертить намъ старые судебные порядки въ Кіевѣ.

Четырнадцатаго апрѣля 1825 г. выдался необыкновенно теплый, весенній день. По случаю наступившей страстной седмицы, члены кіевскаго нижняго земскаго суда хотя и явились въ присутствіе, но видимо тяготились своими обычными занятіями и давно готовы были-бы дать стречка изъ засѣданія, если-бы не удерживалъ ихъ на мѣстахъ угрюмый видъ первоприсутствующаго засѣдателя Калиновскаго, неподвижно возсѣдавшаго на своемъ креслѣ и разсѣянно прислушивавшагося къ веселому чириканью воробьевъ за окномъ. Собственно говоря, онъ и самъ предпочелъ-бы предаться этому занятію не здѣсь, а дома, снявъ съ себя лишнія одежды и съ трубкою въ рукахъ; но его удерживала мысль о той невообразимой кутерьмѣ, какая (онъ навѣрное это зналъ) поднята была дома его достопочтенною Степанидою Кононовною по случаю предпраздничныхъ приготовленій. Поэтому онъ рѣшилъ высидѣть въ присутствіи все узаконенное время, т. е. до вечерняго благовѣста въ братскомъ монастырѣ. Это рѣшеніе болѣе всего огорчало судейскаго секретаря Снѣжка, который, въ качествѣ молодаго человѣка, никакъ не могъ примириться съ мыслью, что въ это самое время избранная кіево-подольская публика прогуливается въ Царскомъ саду и любуется зрѣлищемъ разлива днѣпровскаго, до каковаго зрѣлища и самъ онъ, секретарь нижняго земскаго суда, былъ большой охотникъ. Ктому-же, не далѣе какъ вчера лучшій подольскій портной, самъ цехмистеръ «кравецкого цеха» прислалъ ему сшитый къ празднику новый сюртукъ изъ аглицкаго сукна, цвѣта верблюжьей шерсти, съ бархатнымъ зеленымъ воротникомъ и «лацканами»,—вотъ-бы хорошо теперь щегольнуть обновкой въ Царскомъ саду передъ подольскими «панночками!» Нѣтъ, онъ рѣшительно не станетъ оставаться въ судѣ до конца присутствія и придумаетъ какой-нибудь благовидный предлогъ, чтобы испросить у первоприсутствующаго позволеніе уйти раньше срока. Онъ уже привелъ въ порядокъ лежавшія предъ нимъ бумаги и поднялся съ мѣста, чтобы исполнить задуманное намѣреніе, когда въ сѣняхъ послышались чьи-то голоса, а вошедшій сторожъ доложилъ, что пришли крестьяне изъ с. Копачева [1]) и привели какого-то арестанта «при бумагѣ отъ экономіи».

---

[1]) Кіевской губерніи и уѣзда.

— Отъ прынесла ихъ нечиста!—проворчалъ Снѣжко. «Де-жъ та бумага? Неси іи сюда!»

Бумага была отобрана и вручена засѣдателю. Тотъ не спѣша надѣлъ очки, разрѣзалъ пакетъ изъ грубой синей бумаги, запечатанный плохимъ сюргучемъ, вынулъ оттуда изпещренный блѣдными каракулями поллистъ такой-же синей бумаги и прочелъ въ этихъ каракуляхъ слѣдующее:

Въ кіевскій нижній земскій судъ

Копаческой економіи

Рапортъ.

Въ слѣдствіе данно свидѣтельства изъ кіевского губерскаго правленія для свободного пропуска въ повѣтовой городъ Чигиринъ, въ коемъ пояснено: не проживать ему нигдѣ и не держать никому; которой занимаясь пророчествомъ повсемѣстнымъ и проповѣдуетъ разнія неприличнія пророчества, котораго сія економія запечатавъ, при семъ честь имѣеть оному суду препроводить. Апрѣля 13 дня, 1825 года.

Економъ *Шемпинскій.*

— Хочъ мене вбыйте, ничого не второпаю, що тутъ накрутивъ премудрый економъ! проговорилъ засѣдатель, передавая бумагу секретарю. «На, лишъ, прочитай, може ты молодшій краще розберешъ».

Секретарь пробѣжалъ глазами бумагу и видимо тоже ничего въ ней не понялъ. Наконецъ, онъ догадался осмотрѣть конвертъ и вынулъ оттуда еще одну бумагу, которая и разъяснила, въ чемъ дѣло: то было проходное свидѣтельство, выданное изъ кіевскаго губернскаго правленія «именующемуся отставнымъ товарищемъ татарскаго уланскаго полка Аѳанасію Марцинкевичу» для слѣдованія въ повѣтовый городъ Чигиринъ и обратно, въ каковомъ свидѣтельствѣ предъявителю дѣйствительно вмѣнялось въ обязанность «въ слѣдованіи на пути нигдѣ напрасно не проживать». Очевидно стало, что объ этомъ-то свидѣтельствѣ, отобранномъ у какого-то Марцинкевича, копачевскій економъ и упоминаетъ въ своемъ рапортѣ и что при рапортѣ долженъ находиться этотъ самый Марцинкевичъ.

Дѣйствительно въ слѣдъ за симъ, по распоряженію засѣдателя, введенъ былъ въ присутствіе и самый арестантъ, въ сопровожденіи конвойныхъ, трехъ человѣкъ копачевскихъ крестьянъ. То былъ

худощавый, малорослый, довольно уже пожилой человѣкъ, съ длинными, темнорусыми волосами и морщинистымъ, земельнаго цвѣта лицемъ. На немъ былъ полукрестьянскій, полушляхетскій костюмъ, сильно засаленный и оборванный, и вся его тощая фигура имѣла крайне жалкій видъ. Онъ спокойно и толково отвѣчалъ на обращенные къ нему со стороны засѣдателя вопросы о его имени, званіи, лѣтахъ, но затѣмъ, выступивъ впередъ, скороговоркой, на смѣшанномъ польско-бѣлорусско-малорусскомъ нарѣчіи, заговорилъ что-то такое о томъ, что онъ человѣкъ слабый «а подойшлый», не имѣетъ силъ «заробить на кавалекъ хлѣба», и чтобы не отправляли его пѣшкомъ обратно въ Чигиринъ, а пожалѣли-бы его старыя ноги. Неожиданно-одушевленный тонъ его рѣчи и странный выговоръ нѣкоторыхъ словъ вызвали улыбку на лицахъ присутствующихъ. Это сразу взорвало его: «нехъ панове не смиваютъ се зе мнѣ, бо они певне не знаютъ, зъ кого смиваютъ!» выпалилъ онъ въ упоръ смѣявшимся, и его сѣрые, слезившіеся глаза метнули искрами. Ему приказали удалиться, а присутствіе нижняго земскаго суда, по выслушаніи рапорта копачевской экономіи, составило надлежащій журналъ, въ коемъ «приказали: представленнаго при семъ человѣка допросить и, что покажетъ, доложить, а между тѣмъ содержать его подъ стражей».

На другой день состоялся допросъ арестанта. Его біографія оказалась настоящей Одиссеей. Зовутъ его и прозываютъ Аѳанасій Тадеушъ Марцинкевичъ; отъ роду ему 47 лѣтъ, исповѣданія римско-католическаго, въ каковомъ пребывалъ до 1822 года, а съ того года и по сіе время въ ономъ по своей волѣ не пребываетъ (почему— объ этомъ скажется ниже); грамоты россійской и польской читать и писать умѣетъ. Родился онъ въ минской губерніи, игуменскаго повѣта, въ м. Березенѣ, отъ родителей шляхтичей Ильи и Марины Марцинкевичей, уже умершихъ, гдѣ и по ревизіи былъ записанъ и гдѣ проживаютъ его братья, сохраняя у себя древнія привиллегіи, пожалованныя нѣкогда польскимъ королемъ Сигизмундомъ III предку ихъ, маіору Марцинкевичу, на земельныя владѣнія и гербъ бѣлаго лебедя. Выросши при родителяхъ, Аѳанасій на 30 году своей жизни поступилъ въ 1808 г. добровольно на военную службу въ татарскій уланскій полкъ и черезъ годъ произведенъ былъ въ званіе «товарища» (нѣчто въ родѣ офицера). Въ этомъ званіи онъ участвовалъ

въ отечественной войнѣ, былъ въ сраженіяхъ противъ французовъ подъ Брестомъ-Литовскимъ, Пружанами, Турійскомъ, Любомлемъ и наконецъ подъ Межиричемъ (послѣднія три мѣстности—на Волыни), гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ непріятелями и отправленъ въ Варшаву (въ ноябрѣ 1812 г.). Когда французы бѣжали изъ Россіи, а русская армія предприняла походъ за-границу, Марцинкевичъ снова присоединился къ своему полку, но въ дорогѣ заболѣлъ и былъ оставленъ для излѣченія въ м. Скрипѣвичахъ. Черезъ шесть недѣль онъ выздоровѣлъ, и такъ какъ полкъ его ушелъ уже далеко, то его зачислили въ 12-й пѣхотный вольтижерскій корпусъ, съ которымъ онъ и отправился за границу. Полгода спустя, Марцинкевичъ снова былъ взятъ въ плѣнъ венгерскими гусарами въ сраженіи подъ г. Дрезденомъ и отправленъ въ маркграфство моравское, въ г. Ольмюцъ. Здѣсь его завербовали въ австрійскую службу и послали въ католинскій регментъ, гдѣ онъ пробылъ около двухъ лѣтъ; но въ августѣ 1816 г. бѣжалъ оттуда, шатался нѣкоторое время по разнымъ мѣстамъ въ Германіи и Пруссіи и, прибывъ въ Кенигсбергъ, явился къ находившемуся тамъ россійскому генеральному консулу фонъ-Рету (Reth), который и выдалъ ему проходное свидѣтельство для возвращенія въ Россію. Прибывъ на родину, Марцинкевичъ видимо затруднялся вопросомъ, что ему дѣлать здѣсь и къ чему пристроиться. Узнавъ, что на его родинѣ (въ игуменскомъ уѣздѣ) квартировалъ тогда его прежній татарскій уланскій полкъ, онъ явился къ полковнику и выразилъ желаніе продолжать службу подъ его командой. Его, однако, не приняли въ службу, но охотно выдали ему увольнительное свидѣтельство, въ которомъ прописали, что служившій въ означенномъ полку «товарищемъ» Аѳанасій Марцинкевичъ «у штрафахъ по суду и безъ суда не бывалъ и велъ себя честно и допропорядочно, нынѣ-же за выслуженіемъ лѣтъ, по слабости здоровья и по неспособности далѣе продолжать кавалерійскую службу, увольненъ отъ полка». Пришлось Марцинкевичу просить пріюта у своихъ братьевъ. Но братья были сами люди бѣдные, жили на чужой землѣ и съ нуждой перебивались съ своими семьями. Надо было искать частныхъ заработковъ. И вотъ отставной «товарищъ» нанимается въ услуженіе къ одному купцу и съ открытіемъ навигаціи 1817 г. отправляется на его плотахъ по Днѣпру внизъ до Кременчуга, а зимою служитъ у бобруйскаго купца Терлецкаго,

который теряетъ его паспортъ, вслѣдствіе чего Марцинкевичъ подвергается полицейскому задержанію и попадаетъ подъ судъ за проживательство безъ письменнаго вида. Черезъ годъ бобруйскій нижній земскій судъ, по наведеніи надлежащихъ справокъ, удостовѣряется въ личности Марцинкевича и освобождаетъ его, съ выдачей проходнаго свидѣтельства для слѣдованія въ игуменскій уѣздъ минской губерніи. Но Марцинкевичу нечего было дѣлать на родинѣ и онъ не захотѣлъ возвращаться туда, а проживалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ по разнымъ мѣстамъ минской и могилевской губерніи, занимаясь обученіемъ грамотѣ дѣтей мелкихъ шляхтичей. Подъ конецъ этого времени онъ гдѣ-то затерялъ свой документъ (указъ объ отставкѣ) и это обстоятельство скоро и существенно ухудшило его скитальческую жизнь: никто не хотѣлъ принимать его къ себѣ въ домъ, опасаясь подвергнуться отвѣтственности за передержательство безпаспортнаго. Худо пришлось тогда Марцинкевичу! Зашелъ онъ какъ-то въ одинъ католическій кляшторъ и сталъ проситься, чтобы его приняли на службу,—ему отказали; обратился онъ съ такою-же просьбою въ православный (дятеловскій, пинскаго уѣзда) монастырь, но и тамъ получилъ отказъ. Пошелъ огорченный Марцинкевичъ, куда глаза глядятъ. Наступила ночь, и онъ, идя лѣсомъ, пѣлъ по польски псаломъ: «Услыши, Боже, гласъ мой!» а, помолившись, легъ подъ деревомъ и уснулъ. Въ полночь, по словамъ Марцинкевича, было ему видѣніе: въ чудномъ сіяніи предъ нимъ спустился съ неба кто-то, въ комъ онъ предположилъ самаго Бога; явившійся предрекъ скорую гибель христіанскимъ народамъ за то, что они утѣснили народъ Божій—іудеевъ; онъ-же объявилъ ему, что Христосъ не есть Сынъ Божій, а посланъ былъ на землю для временнаго наказанія Израиля. Обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ Марцинкевичу повелѣно было открыто возвѣщать людямъ и располагать ихъ къ покаянію; это-же повелѣніе, спустя нѣкоторое время, повторено было ему еще два раза въ сонномъ видѣніи.

Такъ повѣствовалъ о себѣ на судѣ Марцинкевичъ. Нѣтъ сомнѣнія, что разсказанному имъ видѣнію предшествовалъ какой-то продолжительный и сложный процессъ переработки религіозныхъ его вѣрованій, начавшійся, вѣроятно, еще во время заграничныхъ его скитаній, подъ вліяніемъ встрѣчъ съ тогдашними нѣмецкими піэти-

тистами и мистиками; къ сожалѣнію, въ «дѣлѣ» нѣтъ никакихъ на это указаній. Ниже мы болѣе подробно познакомимъ читателя съ религіозными воззрѣніями Марцинкевича, какъ они сформировались у него впослѣдствіи, а пока продолжимъ исторію его дальнѣйшихъ скитаній.

Получивъ вторичное напоминаніе о неукоснительномъ исполненіи возложенныхъ на него свыше «пророческихъ» обязанностей, Марцинкевичъ не посмѣлъ болѣе противиться волѣ Божіей. Но онъ горькимъ опытомъ извѣдалъ уже, какъ существенно отличны условія его времени отъ тѣхъ древнихъ временъ, когда пророки Божіи, повинуясь лишь силѣ призвавшаго ихъ духа и не нуждаясь ни въ какихъ паспортахъ, обходили грады и веси, проходили царства и языки и преплавали моря. Поэтому онъ рѣшился сперва отправиться на родину, чтобы добыть надлежащій документъ на мѣсто утраченнаго имъ свидѣтельства объ отставкѣ. Дошелъ онъ благополучно до предѣловъ роднаго уѣзда, но здѣсь въ первомъ-же селеніи мѣстный ключъ-войтъ арестовалъ его за неимѣніе паспорта и подъ стражей препроводилъ въ г. Игуменъ. Пока игуменскій нижній земскій судъ собиралъ нужныя справки, Марцинкевичъ 8 мѣсяцевъ просидѣлъ въ заключеніи, а затѣмъ, въ виду открывшейся прежней судимости его за безпаспортность-же въ г. Бобруйскѣ, дѣло о немъ поступило «для дослѣдованія» въ бобруйскую полицію, самъ-же подсудимый этапнымъ порядкомъ переведенъ былъ въ бобруйскую тюрьму, гдѣ опять пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ. Отсюда его подъ карауломъ препроводили въ м. Несвижъ (слуцкаго уѣзда, минской губерніи), гдѣ въ то время квартировалъ татарскій уланскій полкъ, для удостовѣренія, точно-ли подсудимый служилъ прежде въ этомъ полку и не бѣжалъ-ли онъ со службы. Здѣсь личность Марцинкевича была окончательно удостовѣрена и ему выдали изъ полка вторичное свидѣтельство объ отставкѣ, вмѣстѣ съ которымъ онъ получилъ, наконецъ, и свободу. Это случилось въ маѣ 1823 г. Тогда-то Марцинкевичъ, слѣдуя примѣру апостольскому и памятуя слово: «нѣсть пророкъ во отечествіи своемъ», отряхнулъ прахъ родины отъ ногъ своихъ и направился для проповѣди въ тотъ благодатный край, который пришелся ему по душѣ еще въ то время, когда онъ гонялъ плоты по волнамъ днѣпровскимъ, т. е. въ Малороссію. Изъ минской губерніи, онъ спустился въ волынскую, далѣе въ кіевскую,

полтавскую, екатеринославскую, заходилъ и на берега тихаго Дона, оттуда—въ таврическую и херсонскую губерніи. Два года провелъ онъ въ такихъ странствованіяхъ, обращаясь съ проповѣдью преимущественно къ людямъ простаго званія и внушая имъ, чтобы они иконамъ не кланялись, священниковъ не слушали, Іисуса Христа за Спасителя не почитали и Ему не молились. Можно полагать, что въ таврической губерніи Марцинкевичъ встрѣчался въ жившими тамъ сектантами, духоборцами и, вѣроятно, этому обстоятельству надо приписать нѣкоторое сходство его ученія съ воззрѣніями этой секты. Изъ Николаева черезъ Одессу Марцинкевичъ возвратился въ кіевскую губернію и собирался уже отсюда направиться въ подольскіе края; но тутъ съ нимъ случилось непріятное приключеніе.

Шелъ онъ въ м. Камянку (чигиринскаго уѣзда) и остановился для отдыха въ Ребидайловской корчмѣ, гдѣ встрѣтилъ какого то проѣзжаго унтеръ-офицера. Вступивъ съ нимъ въ разговоръ, Марцинкевичъ задумалъ обратить его въ свою вѣру и конфиденціально открылся предъ нимъ въ своемъ званіи «пророка Божья». Въ отвѣтъ на это признаніе унтеръ-офицеръ позвалъ бывшихъ въ корчмѣ крестьянъ и приказалъ имъ связать Марцинкевича и представить по начальству. Строгій унтеръ-офицеръ поѣхалъ далѣе, а пьянствовавшіе крестьяне на другой день дали узнику свободу, но сочли себя въ правѣ воспользоваться его убогимъ багажемъ, гдѣ, вмѣстѣ съ платьемъ, хранилось и его свидѣтельство объ отставкѣ. Зная по неоднократному горькому опыту, какъ трудно жить на свѣтѣ безъ документа, Марцинкевичъ отправился въ чигиринскій нижній земскій судъ и заявилъ жалобу о грабежѣ, а чрезъ мѣсяцъ ходилъ лично жаловаться о томъ же къ кіевскому губернатору, по распоряженію котораго и было выдано ему изъ кіевскаго губернскаго правленія проходное свидѣтельство для слѣдованія въ г. Чигиринъ, куда вмѣстѣ съ тѣмъ было послано какое то предписаніе по его жалобѣ. Въ Чигиринѣ Марцинкевичу сказали, что его дѣло уже отослано въ Кіевъ, и велѣли возвратиться и самому туда же; но въ виду наступившей осени и по неимѣнію теплаго платья, онъ провелъ зиму въ чигиринскомъ повѣтѣ, ходя по разнымъ селамъ для испрошенія милостыни и для проповѣди, въ началѣ же апрѣля отправился въ Кіевъ съ намѣреніемъ явиться въ губернское правленіе и узнать о своемъ дѣлѣ; но при проходѣ

черезъ м. Копачевъ, по распоряженію эконома, былъ взятъ подъ караулъ и при рапортѣ доставленъ въ кіевскій нижній земскій судъ, гдѣ мы и встрѣчаемъ его теперь.

Въ дополненіе къ этому показанію, спустя нѣсколько дней отъ Марцинкевича изъ тюрьмы поступило въ судъ любопытное заявленіе, написанное имъ своеручно, на польскомъ языкѣ, съ надписью вверху: *Całemu sądu kijowskiemu czytać, jeden drugiemu podawając.* Эта записка Марцинкевича содержитъ себѣ отчасти повтореніе того, что высказано имъ при изустномъ допросѣ и записано секретаремъ суда, отчасти же новыя подробности относительно призванія его на проповѣдь, равно изложеніе его своеобразнаго вѣроученія, за распространеніе котораго ему пришлось угодить подъ судъ. Приведемъ изъ нея въ переводѣ на русскій языкъ болѣе важное и существенное, опуская извѣстное уже изъ его словеснаго показанія.

«Я, слуга Божій,—начинаетъ Марцинкевичъ свое посланіе изъ тюрьмы,—подаю ко всеобщему свѣдѣнію то, что Всевышній благоволилъ открыть мнѣ, человѣку грѣшному, и о чемъ Онъ повелѣлъ объявлять всѣмъ и каждому. Откровеніе это послѣдовало въ 1822 г. такимъ образомъ. Ночью, когда одолѣлъ меня сонъ въ лѣсу, услышалъ я шумъ и, открывъ глаза, увидѣлъ на воздухѣ какъ бы простой столъ, поддерживаемый четырьмя человѣками, также на воздухѣ парившими, а на томъ столѣ стоялъ какъ бы еврей, въ бѣломъ одѣяніи, который, назвавъ меня по имени, сказалъ: «я баде-рей-оры, бадей, говорящій нынѣ съ тобою!» и такъ какъ я неоднократно читалъ библію, то тотчасъ уразумѣлъ, что оныя слова означаютъ имя Божіе. Въ страхѣ я палъ на колѣни, сложилъ на груди руки и началъ пѣть молитву: «Царю небесный, утѣшителю». Явившійся мнѣ слушалъ внимательно, стоя въ воздухѣ, а я, окончивъ пѣніе, воскликнулъ: «о всевышній Творецъ неба и земли: теперь мы, бѣдные люди, погибли»! на что Онъ отвѣтилъ: «такъ, вы погибнете! не дамъ вамъ ничего, ибо вы мой народъ утѣснили, и я васъ скоро разсѣю, опущу на васъ мою руку и погублю васъ». Тогда я спросилъ: «Господи! прикажешь ли славить Сына твоего единороднаго, посланнаго Тобою Іисуса Христа, или нѣтъ»? и получилъ отвѣтъ: «какъ себѣ хочешь: я его не знаю». И съ этими словами явившійся быстро поднялся къ

облакамъ, какъ пуля, пущенная изъ ружья, и только видно было четыре какъ бы птицы съ крыльями, а подъ облаками сдѣлалось бѣло, какъ бы простыня была протянута, а потомъ и то сошло и невидимо стало. Долго я лежалъ на томъ мѣстѣ, какъ полумертвый, и плакалъ горько, ибо доселѣ возлагалъ на Христа надежду спасенія души своей, а теперь утратилъ эту надежду. Когда я снова уснулъ, приходитъ ко мнѣ какой-то человѣкъ и говоритъ: „встань и не бойся! я повѣдаю тебѣ, чей есть сынъ Іисусъ Христосъ, которому вы покланяетесь: Онъ сынъ Юпитера и былъ посланъ въ наказаніе Израилю за грѣхи, надъ которымъ онъ и далъ власть господствовать вашимъ народамъ. Читай псалмы Давида и они все это объяснятъ тебѣ. А ты долженъ будешь проповѣдывать тѣ слова людямъ и увидишь чудеса Всевышнаго». Переночевавъ на томъ мѣстѣ, я всталъ и пошелъ далѣе, а по пути читалъ псалмы Давида, ибо имѣлъ ихъ въ переводѣ съ русскаго на польскій языкъ. Вникнувъ въ смыслъ псалмовъ, я тотчасъ убѣдился въ истинѣ, но не смѣлъ еще объявлять о ней людямъ. Вскорѣ я нашелъ себѣ мѣсто: сталъ у одного писаря за «директора» (т. е. учителя) и прожилъ у него три недѣли, обучая дѣтей его грамотѣ; а далѣе стало твориться со мной что-то странное: бывало, лишь только усну, ко мнѣ приходитъ какая-то дѣвушка (dziwka), беретъ меня за горло и начинаетъ душить; но въ ту минуту являлся какой-то старичекъ и спасалъ меня отъ рукъ той дѣвушки. Я просыпался, молился Богу, снова ложился спать; но едва только засыпалъ, какъ приходила таже дѣвушка и снова душила меня за горло, а старичекъ защищалъ меня. Одинъ разъ она душила меня съ такою силою и такъ долго, что я совсѣмъ уже началъ умирать; какъ вдругъ приходитъ тотъ, который объяснилъ мнѣ, чей сынъ Христосъ, и, освободивъ меня изъ рукъ той дѣвушки, говоритъ мнѣ: «иди и проповѣдуй всѣмъ трехдневное покаяніе». А въ то время было утеряно мною свидѣтельство о моей отставкѣ и я ходилъ лишь съ тѣми аттестатами, какіе имѣлъ отъ разныхъ пановъ, у которыхъ служилъ». Далѣе Марцинкевичъ передаетъ извѣстную уже намъ изъ его показанія исторію ареста и суда надъ нимъ въ г.г. Игуменѣ и Бобруйскѣ, до той поры, когда ему выдано было изъ полка вторичное свидѣтельство, и онъ, получивъ свободу, отправился на проповѣдь. «Прошелъ я (пишетъ онъ далѣе) часть грод-

ненской и минской губерніи и вступилъ въ предѣлы житомирской (т. е. волынской), былъ и въ г. Житомирѣ; затѣмъ ходилъ по губерніямъ: кіевской, полтавской, екатеринославской, заходилъ и на Донъ, и въ таврическую губернію, и всюду, гдѣ ни проповѣдывалъ я тѣ слова, что были открыты мнѣ свыше, вездѣ меня бранили, а въ иныхъ мѣстахъ и въ «холодную» сажали. И помыслилъ я въ сердцѣ своемъ: «Господи! развѣ-жъ можно отъ меня требовать больше, чѣмъ отъ другихъ людей? Пойду въ Одессу, сяду тамъ на корабль и поѣду въ Турецкую землю: авось тамъ буду жить въ покоѣ»! Пришелъ я въ г. Николаевъ, къ лиману, и сѣлъ на катеръ, чтобы ѣхать въ Одессу. Когда катеръ вышелъ въ море, поднялась страшная буря и продолжалась все время, пока мы прибыли въ Одессу. Я сильно испугался и, выйдя на берегъ, болѣе трехъ часовъ лежалъ въ забытьи. А во снѣ приходитъ тотъ, который послалъ меня на проповѣдь, и говоритъ: «возвращайся назадъ, ибо въ Турецкую землю тебѣ не за чѣмъ ѣздить». Я долженъ былъ повиноваться и на обратномъ пути повсюду проповѣдывалъ простымъ людямъ. Изъ Чигирина думалъ я направиться въ подольскую губернію, но прослышалъ, что въ м. Смѣлой проживаетъ одинъ мужъ Божій, обладающій великими знаніями. Я направился къ нему; но въ Ребидайловской корчмѣ, лишь только началъ я объявлять тѣ слова, что мнѣ открыты были, меня связали хлопы изъ с. Давыдовки и отобрали мой «клунокъ» съ платьемъ и паспортомъ». Далѣе слѣдуетъ извѣстная намъ исторія ареста Марцинкевича копачевскимъ экономомъ и препровожденія его въ Кіевъ. Разсказавъ объ этомъ, онъ обращается къ судьямъ съ такою рѣчью: «вы, господа судьи, насмѣхались надо мною, хотя сами не знали, надъ кѣмъ насмѣхались. Теперь имѣете сіе писаніе мое и знаете, кто я. Покажите это писаніе губернатору и митрополиту, пошлите и высшему начальству, ибо я человѣкъ слабый и ходить дальше не могу. Нѣтъ у меня также силъ заработать себѣ хлѣба, и потому вы должны давать мнѣ пропитаніе, пока держать здѣсь будете; ибо я такой же человѣкъ, какъ и другіе, подлежу болѣзнямъ и нуждаюсь въ питаніи».

Во второй половинѣ своего посланія Марцинкевичъ «объявляетъ вѣрнымъ народамъ Божіимъ слѣдующіе пункты, которые ему повелѣно гласить отъ высочайшей и страшной руки Божіей:

1) скоро наступитъ голодъ, моръ и казнь Божія; 2) молитвъ и поклоновъ нашихъ не благоволитъ принимать Всевышній; 3) Богъ скоро разсѣетъ насъ за утѣсненіе Его народа израиля, спуститъ на насъ руку свою всемогущую и страшную и погубитъ всѣхъ насъ, христіанъ; 4) Всевышній ничего не благоволитъ знать о Христѣ, и если кто хочетъ чтить Христа, пусть чтитъ Его до конца своей жизни; Всевышній не возбраняетъ этого; 5) кто хочетъ сдѣлаться подобнымъ израилю, пусть удалится въ безлюдное мѣсто, выкопаетъ для себя яму глубиною въ поясъ и въ теченіе трехъ дней и ночей пусть взываетъ съ плачемъ: «Всевышній Творче неба и земли, единый Боже! смилуйся надо мною!» Къ этому Марцинкевичъ прибавляетъ и догматическія какъ бы основанія высказанныхъ имъ аподиктически положеній: «наши архіереи, іереи и книжники утверждаютъ, будто Іисусъ есть сынъ Бога Авраама и Исаака; а мнѣ во время молитвы открыто, что Іисусъ есть сынъ Юпитера. И вотъ теперь наступаетъ часъ, когда Юпитеръ будетъ низвергнутъ съ неба на землю; та же участь ожидаетъ, вѣроятно, и нашего Христа, какъ о томъ написано въ евангеліи: прійдетъ день, когда звѣзды упадутъ на землю и силы небесныя подвигнутся. Туда слетятся орлы, ибо отецъ Іисуса возсѣдаетъ на орлѣ. Тогда упразднится и христіанство, а на его мѣстѣ воцарится на землѣ правда Божія. Въ то время будетъ возстановленъ новый Іерусалимъ и Господь Богъ снова станетъ принимать жертвы всесожженія, какъ о томъ у Давида пророка въ 50-мъ псалмѣ написано: «яко аще бы восхотѣлъ еси жертвы»... (цитата до конца псалма). Хотя наши архіереи, іереи и книжники выводятъ, будто церковь или костелъ есть тотъ новый Іерусалимъ, о которомъ говорится у пророка Давида, но вы сами видите, что это сказка; и какъ нѣтъ правды въ нашихъ богахъ и костелахъ, такъ нѣтъ ея и въ цѣломъ народѣ христіанскомъ: повсюду одно ругательство, воровство, прелюбодѣйство, убійства. А отъ чего все это происходитъ? Отъ того, что Іисусъ упразднилъ законъ Божій, а себя и отца своего Юпитера чтить приказалъ. Посмотрите, какой теперь законъ и какая правда царствуютъ въ мірѣ? Левъ пануетъ, тигръ за нимъ, лисица лукавитъ, волкъ чужое стадо пожираетъ, а оселъ погибъ. Такое же точно право и законъ установилъ и Христосъ въ евангеліи: «кто имѣетъ много, тому еще дано будетъ, а кто имѣетъ мало, у того и послѣднее отнимется». Отсюда

каждый легко увидитъ и уразумѣетъ, что настало въ мірѣ безъ Бога. И самой малой мухи никто, кромѣ Бога, создать не можетъ; а наши христіане доскамъ и земнымъ богамъ покланяются, и за то Господь всевышній прогнѣвался на всѣхъ христіанъ и хочетъ вскорѣ погубить ихъ! Поэтому всѣ спѣшите покаяться тѣмъ способомъ, какъ выше показано, ибо я одинъ не могу заступиться за васъ всѣхъ. Видите сами, какіе теперь люди ненасытные; еще большій прожора—духъ нечистый. Для него недостаточно, что онъ пожралъ милліоны милліоновъ душъ: онъ и теперь, гоняясь за мной, еще проситъ ихъ у меня, и я долженъ буду дать безъ отговорки. Посему вы какъ можно скорѣе кайтеся; старшіе начните первыми. Знаете-ли, что кого я отдамъ ему, того онъ заживо сожретъ, и только съ великимъ стенаніемъ проситъ моего на то позволенія. Но вы спѣшите принести покаяніе и исповѣдайте единаго Бога, который простеръ Себя съ неба до земли и отъ края до края и трудится для васъ, заботясь о вашемъ пропитаніи. А дурныхъ и порочныхъ людей (hultajów), если имѣете въ рукахъ, карайте смертью, ибо вскорѣ будетъ присланъ бѣсъ, который откроетъ отъ вѣковъ скрытыя въ землѣ сокровища, и всѣ «гультяи» пойдутъ за нимъ. Вы ихъ щадите теперь, а они вамъ въ тотъ часъ не дадутъ пощады. Не разбирайте «гультяевъ» по родамъ: если окажется только, что бездѣльникъ, то и смерть ему!

Обо всемъ этомъ объявляетъ вамъ слуга Божій и пророкъ Марцинкевичъ».

Можно съ увѣренностью сказать, что болѣе сумбурной доктрины нельзя найти ни въ одной изъ христіанскихъ сектъ. Трудно и представить себѣ, чтобы въ головѣ здравомыслящаго человѣка могли одновременно вмѣститься такіе разнородные элементы, какъ: ветхозавѣтное іудейство, но безъ предписанія ветхозавѣтной обрядности; провозглашеніе Христа сыномъ Юпитера и упразднителемъ Божія закона, и дозволеніе по прежнему почитать Его и поклоняться Ему; раціоналистическое отрицаніе священства, иконопочитанія и всей церковности, и болѣзненно-мистическія представленія о Юпитерѣ, о прожорѣ-діаволѣ, вымаливающемъ у пророка добычу въ видѣ человѣческихъ душъ, о покаяніи, обязательно совершаемомъ въ ямѣ глубиною въ поясъ, и т. под.; протестъ противъ насилія и неправды, царствующихъ въ мірѣ, явное сочувствіе пророка къ

судьбѣ бѣдныхъ, слабыхъ и обиженныхъ, и безсердечная жестокость по отношенію къ людямъ порочнымъ и преступникамъ, между которыми всегда значительное большинство именно и оказывается людьми глубоко несчастными. Не удивительно, что когда кіевскій нижній земскій судъ разсмотрѣлъ «писаніе» Марцинкевича, то первымъ дѣломъ распорядился произвести медицинское освидѣтельствованіе состоянія умственныхъ его способностей. На бѣду, тогдашній кіевскій повѣтовый лѣкарь Рихтеръ ничего не слыхалъ о современной психопатіи и 22 апрѣля того-же 1825 года донесъ суду, что совмѣстно зъ земскимъ исправникомъ (тоже экспертъ!) свидѣтельствовалъ-де онъ находящагося подъ судомъ Аѳанасія Марцинкевича и нашелъ, что «дѣйствительнаго сумашествія оный не имѣетъ, но одержимъ лишь меланхоліей».

На обязанности тогдашнихъ нижнихъ земскихъ судовъ въ уголовныхъ дѣлахъ лежало лишь производство предварительнаго слѣдствія, и потому кіевскій нижній судъ, получивъ отъ бобруйской полиціи, отъ игуменскаго и чигиринскаго судовъ и отъ другихъ мѣстъ удовлетворительныя справки о личности подсудимаго, во всемъ согласныя съ его показаніями [1]), въ августѣ того-же года представилъ дѣло о Марцинкевичѣ «для разсмотрѣнія и рѣшенія по законамъ» въ кіевскій повѣтовый земскій судъ, вмѣстѣ съ собственноручною роспискою подсудимаго въ томъ, что при снятіи съ него допросовъ онъ «стращаемъ и истязываемъ не былъ».

Кіевскій повѣтовый судъ также прежде всего обратилъ вниманіе на вопросъ о состояніи умственныхъ способностей Марцинкевича, и независимо отъ даннаго уже лѣкаремъ Рихтеромъ заключенія, постановилъ: «вытребовавъ подсудимаго изъ тюремнаго замка, препроводить въ здѣшнюю врачебную управу съ тѣмъ, чтобы оная благоволила освидѣтельствовать по своимъ испытаніямъ, дѣйствительно-ли онъ одержимъ меланхоліеческою болѣзнію, или нѣтъ». Врачебная управа оказалась еще менѣе, нежели повѣтовый

---

[1]) Вышла было маленькая зацѣпка съ татарскимъ уланскимъ полкомъ: первая полученная оттуда справка гласила, что Аѳ. Марцинкевичъ дѣйствительно состоялъ въ семъ полку на службѣ съ 1808 г., но въ спискахъ значится убитымъ въ сраженіи 2 мая 1813 г. По настоянію подсудимаго вытребована была изъ полка вторичная справка, вполнѣ подтвердившая показанія Марцинкевича.

лѣкарь, компетентною въ распознаваніи психическихъ болѣзней и дала заключеніе, что «никакихъ признаковъ меланхоліи или сумасшествія въ подсудимомъ не примѣчено». Повѣтовому суду не оставалось ничего болѣе, какъ осудить Марцинкевича «по силѣ законовъ». И вотъ въ сентябрѣ 1825 г. послѣдовалъ тако рода судебный декретъ: «подсудимаго Аѳанасія Марцинкевича за бродяжество и за внушеніе простымъ народамъ по разнымъ губерніямъ противныхъ христіанской религіи словъ, именованіе себя слугою Божіимъ и пророкомъ, по силѣ воинскихъ статей 3 и 6 артикуловъ и Устава Благочинія ст. 241, 242, 237 и 254, выдержать въ смирительномъ домѣ; для принесенія-же покаянія во лжѣ противу имени Божію и религіи, равно чтобы изглажена была изъ памяти его мысль безразсудная, а обращена на путь праваго христіанина, отдать его на церковное покаяніе, со внушеніемъ ему тамо таковаго заблужденія».

Къ счастью для Марцинкевича, рѣшеніе повѣтоваго суда не было окончательнымъ: по тогдашнимъ порядкамъ оно должно было еще поступить, съ приложеніемъ подлиннаго дѣла, на ревизію высшей судебной инстанціи—перваго департамента кіевскаго главнаго суда.

Главный судъ съ своей стороны остановилъ вниманіе на вопросѣ о здравомысліи подсудимаго и, усматривая противорѣчіе въ заключеніяхъ врачей, призналъ произведенную ими экспертизу недостаточною, тѣмъ болѣе что при личныхъ объясненіяхъ, данныхъ Марцинкевичемъ въ судебномъ присутствіи, онъ произвелъ впечатлѣніе человѣка, который «долженъ быть почитаемъ внѣ разума»; поэтому врачебной управѣ было предписано вторично освидѣтельствовать подсудимаго и представить суду подробное и мотивированное заключеніе. Управа, сообразивъ, что тутъ одной отпиской не отдѣлаешься и что къ ней предъявлено серьезное требованіе, пришла къ совершенно правильной мысли, что «для точнѣйшаго удостовѣренія въ положеніи ума помянутаго подсудимаго необходимо подвергнуть его продолжительному наблюденію», и возложила это дѣло на городоваго штабъ-лѣкаря Магазинера, который кстати состоялъ также врачемъ при кіевскомъ тюремномъ замкѣ. Это былъ, какъ видно по всему, добрый человѣкъ и добросовѣстный врачъ. Онъ помѣстилъ Марцинкевича въ больницу, внимательно производилъ

надъ нимъ наблюденія въ теченіе цѣлаго мѣсяца и далъ о немъ слѣдующее заключеніе: «хотя Марцинкевича наружность, тѣлесныя силы и видимыя отправленія организма кажутся съ перваго взгляда въ естественномъ положеніи, но при частомъ наблюденіи замѣтить можно, что цвѣтъ лица его желтой, глаза мутные, видъ смущенный и разстроенный. Иногда онъ жалуется на боль и тяжесть въ правой повздошной части, при тщательномъ выщупываніи коей примѣтны завалы во внутренностяхъ. Онъ рѣдко имѣетъ настоящій позывъ къ пищѣ, часто жалуется на безсоницу, во время коей говоритъ самъ съ собою неудобовразумительными словами. По временамъ, особливо-же послѣ безсонной ночи, или-же когда наканунѣ онъ не занятъ былъ тѣлесною работою, находитъ на него мрачность, тоска и задумчивость. Если кто въ такомъ положеніи его входитъ съ нимъ въ разговоръ, то онъ начинаетъ ссориться, бранится, при самомалѣйшихъ случаяхъ дѣлается вспыльчивымъ, а всего болѣе разговариваетъ и судитъ о вещахъ противныхъ догматамъ христіанской религіи, приводя въ доказательство софизмы изъ астрономіи и миѳологіи». Соображая все сказанное, врачъ Магазинеръ полагалъ, что Марцинкевичъ «страдаетъ болѣзнію въ печени или въ другихъ желчъ-отдѣляющихъ органахъ; что онъ одержимъ меланхоліею, имѣющею пароксизмы непостоянные, и наконецъ—помѣшательствомъ въ здравомъ разсудкѣ, а особливо въ отношеніи къ религіи».

Эта добросовѣстная и для того времени довольно тонкая экспертиза рѣшила судьбу Марцинкевича. Основываясь на ней, кіевскій главный судъ опредѣлилъ: «прежнее рѣшеніе кіевскаго повѣтоваго суда исправить и подсудимаго Марцинкевича, на основаніи высочайшаго о губерніяхъ учрежденія 389 ст., отослать въ домъ сумасшедшихъ», т. е. въ кіево-кирилловское богоугодное заведеніе. Рѣшеніе это послѣдовало въ памятный для всей Россіи день 14 декабря 1825 г., а спустя нѣкоторое время оно было утверждено кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ Ковалевскимъ и приведено въ исполненіе.

Съ тѣхъ поръ прошло около шести лѣтъ и казалось, что Марцинкевичу придется и вѣкъ свой окончить въ кирилловскомъ заведеніи. Его «помѣшательства», конечно, не излѣчили, но общее

состояніе здоровья нѣсколько поправили. Пользуясь относительнымъ обезпеченіемъ и находясь въ постоянномъ сообществѣ подобныхъ ему полу-больныхъ, полу-здоровыхъ людей, вѣчно праздныхъ и всегда резонирующихъ, Марцинкевичъ имѣлъ возможность по цѣлымъ днямъ дебатировать религіозные вопросы, гласно и открыто развивать и защищать свои убѣжденія. Врачи и начальство относились къ его разглагольствіямъ, какъ къ рѣчамъ безумнаго, и не думали останавливать ихъ; это развило въ немъ смѣлость и самоувѣренность, его рѣчи сдѣлались рѣзче и самая проповѣдь пріобрѣла болѣе смѣлый характеръ. Трудно сказать, какъ долго продолжалась-бы эта безмятежная жизнь «пророка» въ домѣ умалишенныхъ, если-бы не подоспѣло одно, чисто случайное обстоятельство, именно—перемѣна въ личномъ составѣ больничной администраціи.

Въ кирилловское заведеніе, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія тамъ Марцинкевича, поступилъ на службу нѣкій штабъ-лѣкарь Рудиковскій, родомъ поповичъ, учившійся нѣкогда въ духовной семинаріи. Онъ былъ плохой психіатръ, но за то изрядный богословъ и большой охотникъ поразсуждать о божественномъ. Встрѣчаясь ежедневно съ Марцинкевичемъ, какъ своимъ паціентомъ, онъ имѣлъ неосторожность вступать съ нимъ въ догматическія препирательства, которыя, при горячности обоихъ спорившихъ, почти всегда приводили ихъ въ крайнее раздраженіе: нерѣдко эти дебаты оканчивались тѣмъ, что Рудиковскій съ кулаками бросался къ противнику и приказывалъ надѣвать на него смирительную рубашку. Скоро между врачемъ и паціентомъ установились самыя невозможныя отношенія, вслѣдствіе которыхъ они не могли терпѣть другъ-друга. Рудиковскій на каждомъ шагу притѣснялъ больного, не скрывавшаго своей злобы къ нему, и наконецъ задумалъ выжить его совсѣмъ изъ богоугоднаго заведенія: онъ послалъ въ кіевскій приказъ общественнаго призрѣнія рапортъ, въ которомъ прописывалъ, что Марцинкевичъ, по его наблюденіямъ, оказался «не имѣющимъ никакого поврежденія въ умѣ, но что онъ словами и собственноручными показаніями обнаруживаетъ себя уклоняющимся отъ христіанской вѣры въ жидовскую секту и твердо придерживается старинныхъ своихъ мнѣній, и потому подлежитъ исключенію изъ дома умалишенныхъ». Приказъ препроводилъ этотъ рапортъ губернскому правленію, которое съ своей стороны предписало вра-

чебной управѣ подвергнуть Марцинкевича медицинскому освидѣтельствованію. Больной былъ вытребованъ въ присутствіе управы, и послѣдняя нашла, что онъ находится въ здоровомъ состояніи: «никакого поврежденія ума его не видно, а видно только, что онъ отклонился отъ христіанской вѣры и, толкуя превратно священное писаніе, приверженъ къ еврейской сектѣ». Можно подумать, что члены управы на это время забыли, что они—врачи, а возмнили себя богословами, экспертами отъ консисторіи. Тѣмъ не менѣе, основываясь на ихъ заключеніи, губернское правленіе согласилось, что Марцинкевичъ «дальнѣйшему содержанію въ домѣ умалишенныхъ не подлежитъ, а подлежитъ за таковое его отсутствіе отъ исповѣдуемой имъ римско-католической религіи и присоединеніе къ еврейской сектѣ сужденію духовнаго начальства по его религіи», и потому отнеслось въ могилевскую римско-католическую консисторію съ требованіемъ ея заключенія о томъ, какъ надлежитъ поступить далѣе съ Марцинкевичемъ. Консисторія, какъ и слѣдовало ожидать, постаралась всячески уклониться отъ хлопотливаго дѣла, ссылаясь на то, что въ дѣйствіяхъ Марцинкевича она усматриваетъ, между прочимъ, богохуленіе, «которое есть тяжкимъ уголовнымъ преступленіемъ, подлежащимъ постепенному разсмотрѣнію и рѣшенію гражданскихъ судебныхъ мѣстъ, тѣмъ паче, что и приговоръ кіевскаго главнаго суда, въ 1825 г. послѣдовавшій, не подвергалъ подсудимаго духовному сужденію». Въ концѣ концевъ консисторія предписала іеромонахамъ кіевскаго доминиканскаго кляштора (что нынѣ приходскій костелъ), чтобы они, «при гражданскихъ чиновникахъ и лѣкаряхъ, увѣщаніями старались вывести онаго Марцинкевича изъ душегубнаго заблужденія и чтобы о послѣдующемъ составленъ былъ актъ, каковой и передать судебному разсмотрѣнію».

Изъ дѣла не видно, исполняли-ли іеромонахи кіевскаго кляштора возложенное на нихъ порученіе, но то несомнѣнно, что наибольшую миссіонерскую ревность въ этомъ дѣлѣ оказалъ штабъ-лѣкарь Рудиковскій. Въ октябрѣ того-же 1832 г. онъ такимъ образомъ рапортовалъ о результатахъ своихъ усилій на новомъ поприщѣ: «Марцинкевичъ изъ греко-уніатскаго (sic!) христіанина впалъ въ іудейскую секту и сталъ такъ упоренъ въ своихъ лжемудрованіяхъ о истинной вѣрѣ, что никакими доводами и увѣщаніями, ему отъ него, Рудиковскаго дѣланными, обратиться къ истинѣ

не можетъ, такъ что нѣтъ никакой надежды на его обращеніе. Кромѣ предметовъ вѣры, онъ, Марцинкевичъ, криво толкуетъ о властяхъ и постановленіяхъ правительства, обнаруживая не разъ покушеніе сообщить ядъ лжеученія своего и другимъ; почему онъ сочтенъ быть долженъ принадлежащимъ къ сектѣ іудействующихъ и вмѣстѣ къ сектѣ духоборцевъ или молокановъ. А какъ онъ другаго поврежденія въ умѣ не имѣетъ, кромѣ сектаторскихъ лжемудрованій, простирающихся до фанатизма, что составляетъ произвольное дѣяніе, относящееся къ упорству развратной воли, то онъ лѣченію и содержанію въ домѣ умалишенныхъ вовся не подлежитъ, а требуетъ мѣръ исправительныхъ; почему и былъ имъ, штабъ-лѣкаремъ, представленъ къ переводу изъ дому умалишенныхъ, куда подобные ему подлежатъ. Но какъ объ немъ продолжается переписка и нѣтъ понынѣ никакого рѣшенія, онъ-же, Марцинкевичъ, можетъ во время прогулки и общаго стола находить случай разсѣвать свое ученіе другимъ приходящимъ, или даже самой прислугѣ, кои всѣ дали ему прозванiе «*пророка*», то онъ, Рудиковскій, представляетъ, что Марцинкевичъ хотя иногда и бываетъ боленъ ревматизмомъ и сыпью на лицѣ, впротчемъ тѣломъ здоровъ, работать можетъ и знаетъ портное мастерство, а въ домѣ умалишенныхъ остается въ праздности, безъ всякаго занятія, тогда какъ можетъ съ пользою быть употребленъ гдѣ-либо въ работу, или для исправленія переведенъ, по его штабъ-лѣкаря мнѣнію, въ исправительную роту, или, въ силу имѣющагося изданнаго о субботникахъ или іудействующихъ христіанахъ постановленія, на поселеніе».

Положительно, приходится признать, что этотъ штабъ-лѣкарь обладалъ самыми разносторонними талантами: кромѣ познаній въ богословіи, опытности въ миссіонерствѣ, онъ и въ обвинительномъ искусствѣ, какъ видимъ, былъ, что называется, дòкой и справедливо могъ возбуждать зависть среди тогдашнихъ прокуроровъ. Неудивительно, что приказъ общественнаго призрѣнія сдался, наконецъ, предъ его краснорѣчіемъ и опредѣлилъ: «исключивъ Марцинкевича изъ дома умалишенныхъ, отослать онаго въ губернское правленіе для поступленія съ нимъ по законамъ»; а губернское правленіе въ свою очередь постановило: «предать его суду и впредь до учиненія объ немъ постановленія отослать его въ вѣдомство кіевской полиціи», которая и водворила его въ тюремный замокъ.

Такимъ образомъ въ ноябрѣ 1832 г. въ кіевскомъ уѣздномъ (недавно—повѣтовомъ) судѣ началось новое дѣло о Марцинкевичѣ по обвиненію его въ «отступленіи отъ христіанской религіи и въ протчемъ» — такъ оно озаглавлено въ канцелярскомъ реестрѣ. Въ указѣ губернскаго правленія относительно преданія Марцинкевича суду обвинительный актъ цѣликомъ построенъ на рапортѣ штабъ-лѣкаря Гудиковскаго; отсюда-же выбраны и вопросные пункты. Въ своихъ показаніяхъ Марцинкевичъ былъ нѣсколько сдержаннѣе, нежели во время перваго процесса, и видимо перезабылъ или перепуталъ многія подробности изъ своей скитальческой жизни, но на вопросъ о томъ, что побудило его отступить отъ христіанства, отвѣчалъ очень рѣзко: «христіанскую вѣру я потому бросилъ, что нѣтъ въ законѣ христіанскомъ никакой правды, но одно насильство и мученіе, а за обиду некому жаловаться, и своего собственнаго долженъ отректись бѣдный человѣкъ. Государь—христіанинъ и начальство—христіане, а привели народы въ робость, и лучше не родиться на сей свѣтъ бѣдному и правдою живущему человѣку! А спасеніе человѣка зависитъ отъ воли единаго Бога Творца, давшаго ему жизнь: кто далъ человѣку душу, тотъ и спасти ее можетъ; а на другихъ боговъ я не полагаю надежды спасенія, ибо и самъ Творецъ не можетъ спасти человѣка безъ его желанія. А Христосъ былъ человѣкъ и пророкъ, а не Богъ, и потому я кланяться Христу не хочу, а покланяюся единому Богу, Творцу своему, и приверженъ къ Нему, и соблюдаю его десять заповѣдей, и въ началѣ Бога боюсь дѣлать худыя дѣла, но сколько силъ стараюсь дѣлать людямъ добро, а не зло. А еврейскихъ книгъ я не знаю и закона ихъ соблюсти не могу».

Нельзя не замѣтить, что характеръ этой рѣчи значительно разнится отъ всего того, что говорилъ и писалъ Марцинкевичъ о своихъ убѣжденіяхъ ранѣе семью годами, во время перваго процесса. Здѣсь выступаетъ предъ нами не столько «пророкъ», слѣпо убѣжденный въ своемъ высшемъ посланничествѣ и съ наивною самоувѣренностью мнящій преобразовать общество своею проповѣдью, сколько обыкновенный человѣкъ, путемъ критики наблюдаемыхъ имъ порядковъ и отношеній составившій себѣ (а не получившій по откровенію свыше) извѣстныя убѣжденія и не желающій ни передъ чѣмъ поступиться ими. Онъ уже признаетъ Христа

пророкомъ, а не сыномъ какого-то миѳическаго Юпитера, и вообще о прежнихъ болѣзненно-мистическихъ грезахъ и фантазіяхъ нѣтъ болѣе и помину. Теперь Марцинкевичъ довольно трезво сознаетъ свое положеніе, знаетъ, что его рѣзкія порицанія общественныхъ порядковъ могутъ лишь ухудшить его судьбу, и онъ старается смягчить впечатлѣніе своихъ показаній, предлагаетъ судьямъ нѣкоторый какъ-бы компромиссъ и на дополнительномъ допросѣ прибавляетъ слѣдующее: «когда бѣдному человѣку нѣтъ никакого вспомоществованія, то лучше ему пристать къ тѣмъ народамъ, кои наблюдаютъ законъ Божій. Я никогда не приставалъ къ евреямъ, а желаю опредѣлиться къ народамъ русскимъ, у которыхъ съ еврейскаго на русскій діалектъ переведены книги и сами они содержатъ законъ Божій и не даютъ другъ-друга въ обиду. Поэтому прошу, дабы меня оставить спокойно и опредѣлить въ таврическую губернію, въ орѣховскій уѣздъ, въ волость субботниковъ, на Молочныхъ-Водахъ, а я готовъ дать отъ себя присягу и подписку въ томъ, что больше христіанамъ противнаго говорить ничего не буду». Очевидно, во время своихъ прежнихъ скитаній по южной Россіи Марцинкевичъ бывалъ у этихъ субботниковъ на Молочныхъ-Водахъ и ему понравилась ихъ братская солидарность и взаимопощь—черты, какъ извѣстно, свойственныя послѣдователямъ всякой новой и въ особенности гонимой вѣры.

Онъ заблуждался, однако, полагая, что можетъ поплатиться лишь выселеніемъ въ таврическую губернію: по понятіямъ новаго суда такое наказаніе было-бы равносильно ввержению виновной щуки въ море. Въ русскомъ правительствѣ господствовали теперь совершенно иные взгляды на дѣятельность новаторовъ, подобныхъ Марцинкевичу, далеко не столь благодушные, какъ въ прежнее царствованіе. При томъ-же, кромѣ отступленія отъ христіанства, Марцинкевичъ сверхъ того обвинялся еще и въ политическомъ проступкѣ: въ извѣстномъ доносѣ штабъ-лѣкаря Рудиковскаго, послужившемъ основою для обвинительнаго акта, именно значилось, что Марцинкевичъ «кромѣ предметовъ вѣры, криво толкуетъ о властяхъ и постановленіяхъ правительства», и мы видѣли, что своими отзывами на судѣ о правительствѣ, якобы «приведшемъ народы въ робость», онъ могъ дать нѣкоторое подтвержденіе этому обвиненію. Наконецъ, припомнимъ и то, что дѣло происходило

всего спустя годъ послѣ перваго польскаго мятежа, когда въ правительственныхъ сферахъ существовало извѣстное предубѣжденіе противъ поляковъ, въ число которыхъ засчитывали тогда огуломъ всякаго католика, хотя-бы онъ былъ, напримѣръ, подобно Марцинкевичу, чистой крови бѣлоруссомъ. Все это вмѣстѣ взятое мало добраго сулило подсудимому.

Но и положеніе судей было довольно затруднительно. Они сознавали, что отъ нихъ требуется строгій приговоръ, «дабы другимъ неповадно было», но не знали, чѣмъ руководствоваться при его опредѣленіи. Тогда еще не существовало нынѣшняго Свода Законовъ, старое-же мѣстное право, Литовскій Статутъ, было отмѣнено; оставались для руководства судьямъ: Уложеніе царя Алексѣя Михайловича и Воинскіе Артикулы Петра I. Отыскать въ этихъ, и для самой коренной Россіи давно уже отжившихъ свой вѣкъ, кодексахъ статьи, примѣнительныя къ проступкамъ Марцинкевича—составляло, дѣйствительно, не легкую задачу. Кіевскій уѣздный судъ разрѣшилъ эту задачу такъ, что, въ видѣ матеріала для составленія приговора, учинилъ слѣдующую «выписку изъ законовъ»:

«1) Уложенія глава 22, пунктъ 24: буде кто бусурманъ какими нибудь мѣрами, насильствомъ или обманомъ, русскаго человѣка къ своей бусурманской вѣрѣ принудитъ и по своей бусурманской вѣрѣ обрѣжетъ, а сыщется про то допряма: и того бусурмана по сыску казнить—сжечь огнемъ безъ милосердія; а кого онъ русскаго человѣка обусурманитъ, и того русскаго человѣка отослать къ патріарху, или ко иной власти, и велѣть ему учинити указъ по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ».

«2) Указа 1737 г., ноября 14: естли явятся притворныя кликуши, то таковыя суевѣрія стараться какъ найскорѣйше пресѣчь, искоренить и въ недопущеніи того съ крайнимъ прилѣжаніемъ смотрѣть и предостереженіе всегда имѣть».

«3) Воинскихъ Артыкуловъ пункта 3: кто имяни Божію хуленіе приноситъ и оное презираетъ, и службу Божію поноситъ и ругается слову Божію и св. таинствамъ, а весьма въ томъ обличенъ будетъ, хотя сіе въ пьянствѣ или трезвомъ умѣ учинитъ: тогда ему языкъ раскаленнымъ желѣзомъ прожженъ и потомъ отсѣчена глава да будетъ».

«и 4) Кто пресвятую Матерь Божію Дѣву Марію и святыхъ ругательными словами поноситъ, оный имѣетъ, по состоянію его особы и хуленія, тѣлеснымъ наказаніемъ отсѣченія сустава наказанъ, или живота лишенъ быть».

А кіевская уголовная палата (не задолго предъ тѣмъ преобразованная изъ бывшаго главнаго суда), на ревизію и окончательное рѣшеніе которой поступило въ декабрѣ 1832 г. дѣло о Марцинкевичѣ, усмотрѣвъ въ «выпискѣ» уѣзднаго суда отсутствіе статьи, примѣнительной къ политическому проступку подсудимаго, дополнила съ своей стороны эту выписку еще слѣдующимъ:

«5) Уложенія главы 2 пунктъ 1: буде кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслити на государское здоровье злое дѣло и про то его злое умышленіе сыщется допряма, что онъ на царское величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ: и такова по сыску казнити смертію».

Не трудно угадать, какой приговоръ могъ-бы послѣдовать на основаніи этихъ зловѣщихъ статей, хотя и не совсѣмъ кстати подобранныхъ; но пока онъ подготовлялся, судьба изрекла надъ Марцинкевичемъ свой приговоръ, предъ которымъ умолкаютъ самые грозные декреты земныхъ судовъ. 7-го марта 1833 г. въ уголовной палатѣ было получено отъ кіевской полиціи донесеніе о томъ, что «содержащійся въ тюремномъ замкѣ арестантъ Аѳанасій Марцинкевичъ сего числа волею Божіею помре».

На этомъ мы могли-бы и остановиться, такъ какъ извлекли изъ дѣла о Марцинкевичѣ все, что считали болѣе существеннымъ. Но не хотѣлось-бы намъ совсѣмъ обойти молчаніемъ одинъ, довольно важный вопросъ, отвѣта на который не находится въ судебномъ дѣлѣ, именно: считать-ли религіозное новаторство Марцинкевича самороднымъ явленіемъ, возникшимъ самостоятельно на почвѣ какихъ-либо мѣстныхъ условій, или-же оно должно быть признаваемо не болѣе, какъ слабымъ отголоскомъ идей, волновавшихъ иные умы и возникшихъ совсѣмъ при иныхъ условіяхъ? Какъ видитъ читатель, это тотъ самый вопросъ, который въ настоящее время усердно дебатируется (между прочимъ и на страницахъ «Кіевской Старины») примѣнительно къ малорусской штундѣ.

Гдѣ не достаетъ точныхъ фактическихъ указаній, тамъ дозволительны догадки и предположенія, степень вѣроятности которыхъ будетъ зависѣть отъ большаго или меньшаго ихъ согласія съ фактическими данными. Намъ лично исторія Марцинкевича представляется въ слѣдующемъ видѣ:

По національности онъ бѣлоруссъ, по вѣроисповѣданію первоначально греко-уніатъ, ибо не даромъ этотъ терминъ употребилъ относительно его докторъ Рудиковскій, такъ горячо споривший съ нимъ о предметахъ вѣры; въ католичество обратился онъ наравнѣ съ массами совращаемыхъ тогда уніатовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усвоилъ себѣ и польскій языкъ; православіе было знакомо ему изъ дѣтства, хотя быть можетъ, подъ названіемъ схизмы; въ заграничномъ странствованіи и плѣну онъ могъ познакомиться не съ одною изъ тамошнихъ сектъ, а во время путешествія въ Крымъ просвѣтился ученіемъ духоборцевъ и молоканъ, которое положило на его вѣрованіяхъ слишкомъ замѣтную печать и дало поводъ причислять его къ сектѣ жидовствующихъ, что однако твердо отрицалъ самъ Марцинкевичъ. Затѣмъ это былъ человѣкъ, одаренный прежде всего большою впечатлительностью и склонный къ тому, что называютъ созерцательностью. Искренно набожный и вѣрующій, онъ прилѣплялся ко всякому новому исповѣданію, но, не обладая сильнымъ и научно-развитымъ умомъ, не могъ совладать съ массою встрѣчавшихся ему вѣроисповѣдныхъ отличій и составилъ себѣ ту религіозную амальгаму, съ которою знакомятъ насъ его показанія на судѣ и особая записка. Мы не знаемъ, гдѣ и чему учился Марцинкевичъ; но то несомнѣнно, что онъ обладалъ болѣе нежели простою грамотностью: вспомнимъ донесеніе одного изъ врачей-экспертовъ, что Марцинкевичъ, споря о предметахъ религіозныхъ, любилъ приводить «софизмы изъ *астрономіи и миѳологіи*». Эта полуобразованность, можетъ быть пріобрѣтенная и путемъ начитанности, дѣлала его способнымъ интересоваться тогдашними общественно-политическими событіями, которыя, по своей грандіозности, въ состояніи были глубоко потрясать и не такія исключительно-нервныя натуры, какою обладалъ Марцинкевичъ. Мало того, ему пришлось самому принять участіе въ колоссальнѣйшей борьбѣ, рѣшившей судьбу Европы: онъ сражается съ войсками Наполеона, попадаетъ въ плѣнъ, затѣмъ преслѣдуетъ остатки «великой арміи» послѣ бѣгства ея изъ Россіи,

переходитъ границу, подъ Дрезденомъ снова попадаетъ въ плѣнъ, насильно вербуется въ австрійскую военную службу, но затѣмъ бѣжитъ изъ нея и въ теченіе почти трехъ лѣтъ скитается по разнымъ мѣстамъ Германіи. Здѣсь онъ застаетъ всеобщее возбужденіе умовъ, степень напряженія котораго легко себѣ представить, если вспомнить, какое громадное значеніе въ судьбѣ германскихъ государствъ имѣли войны наполеоновскія. Возбужденіе это, между прочимъ, выразилось въ религіозномъ движеніи — мистическомъ *піэтизмѣ*, самымъ вліятельнымъ представителемъ котораго былъ въ то время Юнгъ-Штиллингъ, жившій въ Карлсруэ. Его вліяніе на умы современниковъ было громадно и далеко простиралось за предѣлы Германіи: извѣстно, что его удостоилъ однажды своимъ посѣщеніемъ русскій императоръ Александръ I и долго бесѣдовалъ съ нимъ о томъ, какая изъ христіанскихъ церквей всѣхъ болѣе согласуется съ истиннымъ, чистымъ ученіемъ Христа; а въ Россіи ревностнѣйшей послѣдовательницей его была извѣстная баронесса Крюднеръ. Ученіе піэтистовъ отличалось почти такою-же туманностью и неопредѣленностью, какая замѣчается и въ проповѣди Марцинкевича. Они проповѣдывали возстановленіе чистаго христіанства, призывали своихъ послѣдователей строить новый Іерусалимъ (о чемъ твердилъ и Марцинкевичъ) и основывать тысячелѣтнее царство Божіе. Самъ Штиллингъ, подобно нашему Марцинкевичу, считалъ себя избраннымъ орудіемъ Божіимъ и во всѣхъ приключеніяхъ своей жизни видѣлъ непосредственное божеское руководительство, а его сочиненія съ теченіемъ времени все болѣе принимали характеръ пророчествъ и духовидѣній. Любимою темою проповѣди піэтистовъ обыкновенно служили туманныя прорицанія о грядущихъ бѣдствіяхъ: «времена приходятъ и величайшія несчастія будутъ тяготѣть надъ землею!» многократно прорицала, напримѣръ, въ своихъ письмахъ рьяная послѣдовательница Юнга-Штиллинга, баронесса Крюднеръ. «Буря приближается, все будетъ ниспровергнуто: школы, человѣческія науки, государства и троны. Не будетъ больше священниковъ по образу людей: священство, пріятное Господу, будетъ возстановлено, и будетъ проповѣдываться служеніе

чистой любви, хотя князь тьмы дѣлаетъ все, что можетъ, чтобы воспрепятствовать сему» и т. под.[1]). Не правда-ли, это очень напоминаетъ мистическія прорицанія нашего «пророка!» Но сходство это простирается еще далѣе. Въ тѣ именно годы, когда Марцинкевичъ скитался въ Германіи, тамъ безпрестанно подвизались ученики Штиллинга, выступавшіе съ открытою проповѣдью піэтизма. Намъ болѣе извѣстны подвиги въ этомъ родѣ все той-же баронессы Крюднеръ, нѣкогда блестящей свѣтской женщины, тщеславной куртизанки и великой грѣшницы, старавшейся прельстить Наполеона, а въ то время экзальтированной піэтистки. Она ходила по деревнямъ, собирала вокругъ себя толпы крестьянъ и нищихъ и проповѣдывала имъ о необходимости вѣры, о настоящемъ ученіи Христа, очищенномъ отъ всего, что къ нему примѣшали люди, о покаяніи, о несчастіяхъ того времени и объ ожиданіи въ грядущемъ еще болѣе страшныхъ бѣдствій и т. под. Къ этимъ отвлеченностямъ она нерѣдко присоединяла рѣзкія выходки противъ собственности и противъ людей богатыхъ и предсказывала, что скоро наступитъ царство бѣдныхъ и неимущихъ. Бѣдные люди называли ее «пророчицею» и тысячами стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы послушать ея проповѣдей и получить отъ нея милостыню. Правительство не долго терпѣло агитаціонную дѣятельность «пророчицы» и удалило ее изъ предѣловъ Базельскаго кантона, гдѣ она впервые поселилась; та-же участь постигла баронессу затѣмъ въ Баденѣ, Австріи, Виртембергѣ, Баваріи и Саксоніи. Все это очень напоминаетъ исторію скитаній и нашего русскаго «пророка» и его рѣчи о томъ, что правительства «привели въ робость» свои народы и что «лучше не родиться на свѣтъ бѣдному человѣку».

Безспорно, что мистицизмъ Марцинкевича представляется довольно грубымъ по сравненію съ нѣмецкимъ оригиналомъ; но эта разница болѣе всего обусловливается различіемъ культурнаго развитія нѣмецкихъ піэтистовъ и нашего «пророка». При томъ-же,

---

[1]) Русскій Архивъ, 1885 г., кн. 3, статья, «Баронеса Крюднеръ и ея переписка съ княземъ А. П. Голицынымъ».

мы и не считаемъ его послѣдователемъ Юнга-Штиллинга, который никогда не доходилъ до отрицанія самой основы христіанства. По нашему мнѣнію, нѣмецкій піэтизмъ могъ послужить лишь толчкомъ, или вѣрнѣе, отправнымъ пунктомъ, съ котораго началась переработка убѣжденій Марцинкевича, толкнувшая его на путь религіознаго новаторства; но что затѣмъ, свернувъ на этотъ скользкій путь, онъ могъ уже и самостоятельно дойти до нѣкоторыхъ положеній его странной доктрины, а иное и просто могъ заимствовать у духоборцевъ или другихъ имъ подобныхъ сектантовъ.

Ор. Левицкій.

НА ПАМЯТЬ ТЫСЯЧЕЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ СЛАВЯНСКИХЪ ПРОСВѢТИТЕЛЕЙ.

(Рѣчь проф. новорс. у-та Ѳ. М. Успенскаго въ одесскомъ славянскомъ благотворительномъ обществѣ 6 апрѣля 1885 г.).

Мм. гг. Я не могу не чувствовать нѣкотораго смущенія передъ задачей—истолковать передъ вами значеніе совершающагося нынѣ всеславянскаго торжества. Тысячелѣтній юбилей для насъ весьма непривычное слово, въ тысячелѣтнемъ періодѣ вся наша исторія. На нашей памяти исполнилось 1,000 лѣтъ отъ основанія русскаго государства, и только черезъ сто лѣтъ будетъ праздноваться тысячелѣтіе просвѣщенія Руси христіанствомъ. Между тѣмъ, нынѣ мы собрались почтить благодарною памятью несравненныя дѣянія, которыя подготовлялись въ тишинѣ монашеской кельи, но мировое значеніе которыхъ необъятно, ибо сто милліоновъ славянъ соединяютъ съ дѣломъ Кирилла и Меѳодія начало своей исторіи и національнаго самосознанія.

Чтобы оцѣнить заслуги Кирилла и Меѳодія, необходимо сосредоточиться вниманіемъ на слишкомъ отъ насъ отдаленныхъ событіяхъ и отношеніяхъ, на которыхъ лежитъ покровъ таинственности и интересъ къ которымъ у насъ еще не народился.

Припомнить судьбы славянства за тысячу лѣтъ, значитъ въ то-же время привести себѣ на память и начало русской исторіи. И въ этомъ особенное значеніе нынѣшняго торжества, что, будучи всеславянскимъ, онъ въ то-же время есть и національное русское торжество.

Позволяя себѣ сблизить съ дѣятельностью Кирилла и Меѳодія начало русской исторіи, я желаю и обозначить этимъ предметъ нашей бесѣды, и заранѣе снискать себѣ оправданіе, мм. гг., за неизбѣжныя мелочныя и, можетъ быть, скучныя подробности въ надеждѣ, что вы охотнѣй окажете къ нимъ вниманіе ради дорогихъ именъ, которыя выставляю впереди себя.

I.

Переносясь къ судьбамъ славянствъ въ IX вѣкѣ, нельзя пройти мимо византійской имперіи. Въ обстоятельствахъ жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія старая Византія имѣетъ блистательное доказательство своей всемірной культурной миссіи.

Носительница высшей культуры и христіанской вѣры, гордая сознаніемъ своихъ заслугъ—Византія имѣла для славянъ въ IX в. такое же значеніе, какое имѣетъ въ настоящее время Россія на востокѣ. Не столько силой оружія, какъ дипломатіей и превосходствомъ въ умственномъ и гражданскомъ отношеніи, Византійская имперія привлекала подъ свое вліяніе южныя и восточныя славянскія племена, находившіяся тогда въ періодѣ перехода отъ племенной къ государственной жизни. Сила разнообразныхъ вліяній, которыя неизбѣжно распространялись отъ Византіи къ славянамъ, не ограничивалась ближайшими племенами Ѳракіи и Македоніи, но шла при посредствѣ ихъ къ сербамъ, болгарамъ и моравамъ, а чрезъ Крымъ—и къ русскимъ. Было-бы весьма ошибочно измѣрять область византійскихъ вліяній на славянъ протяженіемъ имперіи въ IX в. Точно также нельзя думать о способѣ распространенія византійской образованности въ границахъ опредѣленнаго періода. Византизмъ дѣйствуетъ между славянами съ VI вѣка, постепенно приготовляя изъ нихъ культурные народы, предопредѣленные принять и развивать далѣе усвоенное отъ Византіи. Соприкосновенія между греками и славянами были разнообразны и не ограничивались извѣстнымъ мѣстомъ и временемъ.

Византія была тогда колыбелью европейской образованности, вкуса и изящества, которымъ учились у нея не только южные славяне, но и западно-европейцы. Что удивительнаго въ томъ, если моравскій князь Ростиславъ сознавалъ, что отъ грековъ «распространяется на всѣ страны

добрый законъ», когда не могли не чувствовать того-же и тогдашніе римскіе императоры германской націи. Замѣчательный идеалистъ между германскими императорами, сынъ нѣмца и гречанки Оттонъ III, писалъ, между прочимъ, слѣдующее къ ученому Герберту (впослѣдствіи папа Сильвестръ II): «Не откажитесь прибыть къ намъ и попытайтесь смягчить грубость нашей саксонской натуры и оживить—что въ насъ осталось отъ греческаго изящества. Можетъ быть, вамъ и удастся еще раздуть во мнѣ искорку любви къ греческой наукѣ и пробудить въ насъ мощь греческаго генія».

Можно-ли удивляться, что славяне, бывшіе далеко позади нѣмцевъ въ умственномъ и гражданскомъ развитіи, старались вполнѣ усвоить себѣ византійскіе образцы, перенося къ себѣ безъ разбора рядомъ съ хорошимъ и дурное.

Относительно общаго характера и силы византійскихъ вліяній на славянъ нужно однако сдѣлать одну оговорку. У насъ мало обращается вниманія на то обстоятельство, что, начиная съ VI вѣка, сама византійская имперія стала сильно проникаться славянскимъ элементомъ, который умными политиками и администраторами византійскими своевременно былъ включенъ въ составъ имперіи.

Ѳракія и Македонія, принявшія сильный наплывъ славянскаго населенія, остались византійскими провинціями, но новые поселенцы въ свою очередь выхлопотали себѣ разнаго рода изъятія, вступивъ въ договорныя отношенія къ имперіи. Найдши въ славянахъ полезныхъ подданныхъ и по преимуществу хорошихъ солдатъ и матросовъ, имперія съ большой для себя выгодой примѣняла колонизаціонную политику и въ Малой Азіи. Въ VII, VIII и послѣдующихъ вѣкахъ тамъ поселены были такія массы славянъ, что съ нихъ однихъ Византія собирала до 50 тыс. войска. Типъ устройства славянъ въ областяхъ имперіи напоминаетъ собой первоначальный способъ отношеній козаковъ къ московскому государству.

Славяне, поступившіе въ подданство къ византійскому императору, составляли передовой постъ славянства и играли роль передаточнаго пункта по части тѣхъ «добрыхъ законовъ», которые исходили изъ Византіи. До IX вѣка македонскіе славяне сохраняли еще особенности своего внутренняго устройства, т. е. жили небольшими колѣнами въ общин-

номъ или задружномъ быту, подъ управленіемъ своихъ колѣнныхъ старшинъ, у грековъ называемыхъ друнгаріями. Правительство требовало отъ славянъ за уступленную имъ землю военной службы и податей и весьма осторожно и съ большой постепенностью дѣлало попытки къ подведенію ихъ подъ обычный въ Византіи административный строй. Прежде всего, конечно, правительство привлекало на свою сторону славянскихъ колѣнныхъ старшинъ, награждая ихъ землями и титулами, воспитывая дѣтей ихъ въ Константинополѣ и дѣлая славянъ полугреками. Въ IX и X в. мы знаемъ нѣсколькихъ славянскихъ князей, получившихъ греческое образованіе и старавшихся усвоить себѣ заимствованные изъ Византіи образцы этикета, роскоши, вкуса къ постройкамъ и стремленія къ измѣненію народнаго быта.

II.

Солунь, мѣсто рожденія св. Кирилла и Меѳодія, была окружена славянскими поселеніями. Не говоря о раннемъ періодѣ, отъ IX до XIV в. славяне жили здѣсь въ значительной массѣ, о которой можно составить себѣ понятіе на основаніи весьма достовѣрныхъ памятниковъ. Нельзя было-бы понять дѣятельность Кирилла и Меѳодія, если не считать ихъ по происхожденію славянами. Въ вѣкъ составленія нашихъ главныхъ источниковъ о жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія, написанныхъ первоначально на греческомъ языкѣ, а потомъ уже переведенныхъ на славянскій, вопросъ происхожденія знаменитыхъ миссіонеровъ не имѣлъ еще остраго характера, и въ паннонскихъ житіяхъ прямо не сказано, кто они были по рожденію: греки или славяне. Но есть рядъ косвенныхъ указаній, которыя кратко заключаются въ слѣдующемъ: 1) у византійскихъ писателей нѣтъ и помина о проповѣднической дѣятельности Кирилла и Меѳодія, чего нельзя объяснить иначе, какъ тѣмъ, что греки не могли усвоить себѣ этой дѣятельности; 2) они прямо называются сыновьями друнгарія, т. е. славянскаго старшины, и св. Меѳодій самъ нѣкоторое время былъ друнгаріемъ, управляя славянскимъ княженіемъ; 3) важнѣйшее дѣло ихъ—изобрѣтеніе славянской азбуки, переводъ священнаго писанія на славянскій языкъ и въ особенности безпримѣрный въ лѣтописяхъ христіанской миссіи успѣхъ служенія ихъ на пользу славянству—нельзя было-бы понять человѣ-

ческимъ умомъ, если-бы Кириллъ и Меѳодій не были сами славяне; 4) греки вообще не обнаружили склонности изучать варварскіе языки для миссіонерскихъ и политическихъ цѣлей.

Въ IX вѣкѣ славяне полагаютъ начало сосредоточенія своихъ силъ и образованія государствъ. Признакомъ того, что извѣстная группа колѣнъ выходила изъ состоянія розни и броженія и вступала въ число государствъ, было тогда просвѣщеніе христіанствомъ и церковная организація. Теперь новыя княжества, королевства и имперіи могутъ возникать посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ и соглашеній; тогда первымъ условіемъ признанія извѣстнаго народа въ качествѣ европейскаго было требованіе, чтобы онъ принялъ христіанство. Христіанство было громадной политической и моральной силой въ рукахъ крещеннаго языческаго князя, ибо оно давало ему образецъ государственнаго устройства и вѣрныхъ слугъ, чтобы провести новую организацію. Изъ среды духовенства выходили тогда министры, канцлеры, государственные секретари, а на западѣ губернаторы и военачальники. Церковь давала направленіе всей политической жизни въ Европѣ. Оставаться въ язычествѣ народу, поселившемуся близъ границъ западной или восточной имперіи, было невозможно, какъ нельзя нынѣ, разорвавъ дипломатическія сношенія со всѣми государствами, не рисковать потерей всего.

Эпоха дѣятельности св. братьевъ, такимъ образомъ, была въ высшей степени знаменательной въ исторіи славянства. Отъ первыхъ шаговъ славянъ на новомъ политическомъ поприщѣ зависѣло многое, именно тогда ставился на очередь вопросъ: что могли противопоставить славяне греческимъ и латино-германскимъ вліяніямъ. Окажется-ли у нихъ какое живое народное начало, которое-бы легло въ основаніе ихъ національной жизни, или же подчиненность, подражательность и усвоеніе иностранныхъ образцовъ должно сдѣлаться ихъ вѣчнымъ удѣломъ? Ставился вопросъ какъ о политическомъ, такъ и о народномъ началѣ у славянъ. И этотъ вопросъ своевременно и весьма благопріятно для славянъ разрѣшенъ былъ чествуемыми нами св. братьями.

Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что проповѣдь у славянъ Кирилла и Меѳодія не ограничивается мѣстомъ и племенемъ, въ которомъ лично подвизались св. братья. Какъ сказанія о ближайшихъ ученикахъ и апостолахъ Христовыхъ расширяютъ кругъ ихъ путе-

шествій и личной христіанской миссіи до отдаленныхъ странъ, такъ и просвѣтительная дѣятельность Кирилла и Меѳодія, по всей вѣроятности ограничивавшаяся южной Русью, Моравіей и Паннонiей, захватила своими послѣдствіями всѣ племена и мѣста, въ которыхъ раздавалась славянская рѣчь. Болгаре, сербы (лужицкіе), чехи, поляки и русскіе не только считаютъ для себя честью связать начало распространенія у себя христіанства съ именемъ Кирилла и Меѳодія, но и долго усвояли себѣ церковный чинъ, отличающій православіе отъ католичества. Чѣмъ больше обострялись отношенія между востокомъ и западомъ, чѣмъ больше разностей возникало въ вѣроученіи и въ церковной практикѣ между Римомъ и Константинополемъ, тѣмъ выше и выше поднимался авторитетъ св. братьевъ и тѣмъ тѣснѣе ихъ дѣло сросталось съ вопросомъ о славянскомъ національномъ самосознаніи и политической самобытности.

Область личной дѣятельности св. братьевъ несомнѣнно была тѣснѣй, чѣмъ можно о томъ судить по народнымъ преданіямъ, сохранившимся почти у каждаго славянскаго племени. Плоды проповѣднической дѣятельности не во всѣхъ славянскихъ земляхъ сохранились, ибо часть славянъ подверглась въ разное время другимъ вліяніямъ, пришедшимъ изъ Рима и разносимымъ латинскимъ духовенствомъ. Въ цѣлости сохранили оставленное Кирилломъ и Меѳодіемъ наслѣдіе русскіе, болгаре и сербы. Но другая сторона просвѣтительной дѣятельности славянскихъ первоучителей носитъ въ себѣ гораздо больше вѣковѣчности и до настоящаго времени остается внѣ измѣненій. Славянскій языкъ перевода священнаго писанія есть памятникъ всеславянскій. Посредствомъ христіанства славянскіе народы введены въ кругъ европейскихъ, при помощи литературнаго языка пріобрѣли средство усвоить себѣ плоды знаній, переданныхъ Византіей. Были весьма трудныя эпохи въ жизни славянства, когда ни одно почти племя не было самостоятельнымъ, находясь подъ чуждой и иновѣрной властью, когда еще не стала русская Москва третьимъ Римомъ,—въ эти эпохи почти единственнымъ дѣятельнымъ началомъ, оберегавшимъ славянъ, былъ богослужебный ихъ языкъ и литературныя преданія, связанныя съ языкомъ церкви и съ именами Кирилла и Меѳодія.

III.

Но изъ всѣхъ славянскихъ народовъ въ охраненіи великаго дѣла славянскихъ просвѣтителей безспорно первымъ долженъ считаться русскій народъ. Это одна изъ загадочныхъ сторонъ въ славянской исторіи, которая продолжаетъ изумлять всѣхъ изслѣдователей. Не русскіе кабинетные ученые и не русская славянофильская партія выдумала роль Россіи въ славянствѣ. Нѣтъ, едва-ли не въ первый разъ она указана была намъ изъ Рима и задолго до славяно-филовъ напомнена была нѣмцемъ Шлецеромъ, который говоритъ: «Кириллъ и Меѳодій и участь его единовѣрцевъ въ другихъ земляхъ несомнѣнно принадлежатъ вѣдомству русскаго историка».

Неисповѣдимыми путями русская земля, постепенно воспринявъ дѣло св. братьевъ и усвоивъ себѣ наслѣдство, сохранившееся въ древнеславянской письменности, стала на стражѣ народной и политической самобытности славянъ.

Въ тысячелѣтней исторіи славянства менѣе знаменательна эпоха дѣятельности святыхъ братьевъ, какъ и судьбы преподаннаго ими просвѣщенія, переходившаго изъ страны въ страну.

Позже другихъ славянъ замѣченные исторіей, уступая имъ въ старинствѣ и пользуясь отъ нихъ разными культурными пріобрѣтеніями—для IX вѣка мы должны еще доказывать свое существованіе. Съ рѣчью о заслугахъ Кирилла и Меѳодія мнѣ пришло на умъ соединить воспоминаніе о Руси IX вѣка, ибо мнѣ думается, мм. гг., что въ періодъ дѣятельности св. братьевъ мы не только причастны были христіанскому ученію, но даже непосредственно слышали его отъ чествуемыхъ нынѣ просвѣтителей.

Болѣе загадочные и менѣе распутанные факты изъ нашей древней жизни связываются съ исторіей Крыма вообще, Корсуня и Судака въ частности. Здѣсь были для восточной Европы IX и X в. окна въ Европу, черезъ Корсунь и Судакъ мы имѣли сношенія съ просвѣщенными народами; отсюда проникали къ намъ иноземныя вліянія. Сюда стремились торговые люди и отсюда открывались морскія сношенія. Русское господство по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей въ IX и X в. является не домысломъ, а необходимымъ объясненіемъ періода

русско-византійскихъ отношеній. Къ сожалѣнію наше научное сознаніе, за теоріей варяжскаго начала въ исторіи, успѣло забыть про ту силу, которая претворила варяговъ въ славянъ. Какъ будто варяги приготовили завоеваніе Кіева, дунайскіе и балканскіе походы, осаду Константинополя, завладѣніе Крымомъ—все это въ IX и X вѣкѣ!

Въ разсмотрѣніи нѣкоторыхъ частныхъ фактовъ я буду отправляться отъ обстоятельствъ жизни Кирилла и Меѳодія.

Около 861 года, т. е. за два года до начала проповѣднической дѣятельности въ Моравіи, св. братья были въ нашемъ Крыму. Поводомъ къ посѣщенію южной Россіи была миссія къ козарамъ, предпринятая по просьбѣ кагана и съ разрѣшенія царя. Въ связи съ козарской миссіей стоитъ рядъ фактовъ, имѣющихъ для насъ глубокое значеніе.

Но чтобы заставить говорить эти факты, нужно дать имъ объясненіе и историческое освѣщеніе, а для этого необходимо напомнить про Русь. Да какая-же Русь въ 860-хъ годахъ?

Между древними самое видное свидѣтельство о Руси какъ по авторитету лица, которому оно принадлежитъ, такъ и по обстоятельствамъ его происхожденія—есть безспорно бесѣды патріарха Фотія, учителя св. Кирилла. Эти бесѣды произнесены были въ 865 г. въ церкви св. Софіи по случаю нападенія на Константинополь Руси Аскольда и Дира (Бесѣды найдены были преосвященнымъ Порфиріемъ на Аѳонѣ въ 1858 г. и изданы въ 1864 г.) «Откуда упалъ на насъ этотъ иперборейскій ужасный ударъ громовый? Вышелъ съ сѣвера народъ, поднялись племена съ крайнихъ предѣловъ земли, въ одно и то-же время мы услышали объ нихъ и увидѣли и узнали. Это народъ неисчислимый, неизвѣстный, получившій имя отъ похода на насъ, ничтожный и бѣдный, но достигшій блестящей высоты и неизмѣримыхъ богатствъ, гдѣ-то въ дали отъ насъ живущій, варварскій, гордящійся своимъ оружіемъ, не имѣющій твердыхъ границъ, неизслѣдованный. Таковъ народъ, который во мгновеніе ока, подобно морской волнѣ, нахлынулъ на наши предѣлы!»

Годъ спустя тому-же патріарху Фотію случилось еще разъ упомянуть о Руси, именно въ окружномъ посланіи, гдѣ указываются заслуги константинопольской церкви по отношенію къ обращенію невѣрныхъ.

«Не только болгаре обращены къ христіанству, но также и тотъ пресловутый народъ, который превосходитъ другихъ грубостью и звѣрствомъ, т. е. такъ называемая Русь. Поработивъ сосѣдніе народы и чрезъ-то чрезмѣрно возгордившись, они подняли руку и на Ромэйскую имперію. Но теперь они перемѣнили безбожную вѣру на чистое христіанское ученіе, вошедши въ число преданныхъ намъ и друзей, хотя не задолго предъ тѣмъ грабили насъ и обнаруживали необузданную дерзость. Въ нихъ возгорѣлась такая жажда вѣры и ревность, что приняли епископа и пастыря и съ великимъ тщаніемъ исполняютъ христіанскіе обряды».

Итакъ, въ свидѣтельствѣ Фотія мы имѣемъ одно изъ древнѣйшихъ извѣстій о русскомъ народѣ. То обстоятельство, что Аскольдъ и Диръ напали на Константинополь въ 865 году, какъ ожесточенные враги, разрушили предмѣстья и пожгли много монастырей на Босфорѣ, конечно, не легко согласовать съ заявленіемъ патріарха Фотія въ 866 г., что тѣ-же русскіе приняли христіанскаго епископа и обнаружили ревность къ христіанскимъ обрядамъ. Совсѣмъ иначе представляется дѣло, если допустить, что въ окружномъ посланіи разумѣются другіе факты, чѣмъ въ бесѣдахъ. Въ первомъ должно видѣть не крещеніе Руси Аскольда и Дира въ Константинополѣ, а указаніе на успѣхъ христіанской миссіи, распространявшейся изъ Корсуня и Сурожа.

Роль этихъ епископскихъ каѳедръ въ дѣлѣ миссіи между славянами у насъ почти совсѣмъ оставляется безъ вниманія, а между тѣмъ прямыя и косвенныя указанія на мѣсто крещенія Руси, какъ извѣстно, одинаково ведутъ къ Корсуню. Нѣсколькими годами ранѣе того, чѣмъ преосвященный Порфирій ознакомилъ съ бесѣдами Фотія, другой ученый, протоіерей Горскій обратилъ вниманіе на два житія Георгія Амастридскаго и *Стефана Сурожскаго*. Въ настоящемъ случаѣ для насъ болѣе интереса представляетъ второе житіе. Любопытно, что память св. Стефана, грека по происхожденію, такъ сказать предвосхищена у грековъ русскими; она празднуется 15 декабря и только въ Россіи. Св. Стефанъ жилъ во второй половинѣ VIII в., онъ былъ патронъ города Судака; о Руси упоминается въ его житіи слѣдующее: «По смерти святаго мало лѣтъ минуло и пришла рать великая изъ Новгорода; князь со многою силою подошелъ къ Сурожу. На десятый день

онъ вломился въ городъ и вступилъ во храмъ св. Софіи, гдѣ были мощи св. Стефана; при этомъ были разграблены богатыя украшенія въ храмѣ и на гробѣ святаго. Но вотъ вдругъ князь разболѣлся, лицо его искривилось и онъ говоритъ приближеннымъ: великій человѣкъ покоится здѣсь, возвратите все назадъ и выведите войско изъ города. Все было исполнено, но князь не выздоравливалъ. Святой сказалъ: если ты не крестишься въ церкви моей, то не возвратишься домой. Тогда князь призвалъ священниковъ, и они крестили его во имя Отца и Сына и св. Духа».

Не можетъ быть сомнѣнія, что житіе Стефана первоначально было на греческомъ языкѣ. Но оно до сихъ поръ не издано. У меня списана копія съ греческаго житія, но это не есть полное житіе, а лишь сокращеніе; о чудесахъ въ немъ только замѣчено кратко, но они не разсказаны. Однако греческое житіе представляетъ и нѣчто любопытное для разъясненія миссіонерской дѣятельности крымскихъ епископскихъ каѳедръ.

О св. Стефанѣ сказано, что онъ былъ поставленъ на сурожской каѳедрѣ подобно свѣтильнику, да свѣтитъ всѣмъ не только *вѣрнымъ*, но и *невѣрнымъ*, не только *ближнимъ*, но и *дальнимъ*, освѣщая и согрѣвая ихъ подобно солнцу.

Заключительныя слова, гдѣ читается, что св. Стефанъ переселился къ Господу 15 декабря, совершивъ многія чудеса при жизни и продолжая совершать по смерти, показываютъ, что составитель краткаго греческаго сказанія имѣлъ уже подъ руками болѣе подробную повѣсть, въ которой могло заключаться и чудо надъ русскимъ княземъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ не открытомъ еще греческомъ оригиналѣ не могло быть рѣчи о новгородской рати, которая появилась вмѣсто козарской или русской подъ перомъ новгородскаго книжника. Для дальнѣйшихъ выводовъ о значеніи агіографической литературы въ вопросѣ о просвѣщеніи Руси христіанствомъ слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ греческомъ житіи Стефана выводится одна благочестивая жена, по имени Ирина, освободившая святаго отъ узъ темничныхъ.

Судакскіе или сурожскіе епископы, подобно корсунскимъ, принимали участіе въ христіанской миссіи между народами, жившими въ южной Россіи. Съ теченіемъ времени, судакская епископія возведена

была въ архіепископію и на оффиціальномъ языкѣ называлась Сугдео-Фулльскою (Σουγδαιοφούλλων, Σουγδοφούλλων), какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, разсмотрѣнная мною прошлымъ лѣтомъ халкинская рукопись, представляющая подобіе лѣтописи Судака. Объ ней можно составить понятіе по выдержкамъ, помѣщеннымъ въ V томѣ «Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей».

Житіе Стефана Сурожскаго давно привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Теперь, когда уже приблизительно опредѣленъ объемъ источниковъ, отъ изученія которыхъ можно ожидать разъясненія темныхъ фактовъ древней русской исторіи, возлагаемыя на агіографическую литературу надежды возрастаютъ больше и больше. Такимъ образомъ, изученіе житій въ особенности провинціальныхъ святыхъ, которыя греками продолжали составляться въ VIII и IX вѣкѣ, является настоятельной задачей нынѣшняго времени.

Останавливая ваше вниманіе на сурожскомъ житіи, я имѣлъ цѣлью сопоставить съ нимъ нѣкоторые факты, относящіеся до пребыванія Кирилла и Меѳодія въ южной Россіи.

Бесѣды патріарха Фотія и Сурожское житіе должны быть сопоставлены съ извѣстіями о пребываніи св. Кирилла и Меѳодія въ Крыму. Во-первыхъ, на это время падаетъ походъ козарскаго воеводы на Крымъ и осада одного изъ крымскихъ городовъ. Козарскій воевода обращенъ былъ къ христіанству проповѣдью Кирилла. Никакъ нельзя допустить, чтобы тотъ самый каганъ, который ожидалъ изъ Византіи ученыхъ мужей и находился съ царемъ въ дружбѣ, могъ въ то же самое время воевать въ Крыму. Если-бы это случилось, то мѣстный стратигъ или губернаторъ Корсуня конечно не позволилъ-бы святымъ братьямъ идти къ кагану. Что нибудь одно: или путешествіе было предпринято не къ козарамъ, или нападеніе на Крымъ сдѣлалъ не козарскій воевода. Обратите вниманіе, что въ IX вѣкѣ, передъ призваніемъ князей, русскіе славяне платили дань козарамъ и составляли часть козарскаго царства, что въ X и XI в. русскіе князья носили титулъ кагановъ, какъ показываетъ между прочимъ извѣстная похвала митрополита Иларіона кагану Владиміру. Этотъ титулъ усвоялся русскимъ князьямъ и за границей, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе историческаго сожительства Руси съ козарами и смѣшенія государственной области того и

другаго народа. Я не берусь утверждать, что св. братья были съ проповѣдью при дворѣ славянскаго кагана, но имѣю основаніе думать, что нападавшій на Крымъ и обращенный св. Кирилломъ воевода былъ не козаринъ, но славянинъ. Мимоходомъ замѣчу еще, что на сказаніе объ обращеніи в. князя Владиміра философомъ несомнѣнно вліяли: сказаніе объ обращеніи болгарскаго Бориса и сочиненіе о козарской миссіи Кирилла и Меѳодія. Во-вторыхъ, между народами, обращенными св. братьями въ христіанство во время козарской миссіи, упоминается загадочное *фулльское племя или колѣно:* «бѣше-же въ фульстѣ языцѣ (въ фильстѣ, въ филицѣ, въ филистѣ и др. разночтенія) дубъ великъ и подъ нимъ требы дѣаху»... Св. Кириллъ пришелъ къ этому фулльскому колѣну и началъ проповѣдывать о тщетѣ служенія бездушной твари. Язычники отвѣчали ему: «Не нами это установлено, мы приняли этотъ обычай отъ отцевъ, которымъ дубъ всегда благодѣтельствовалъ и никогда не отказывалъ въ дождѣ, а безъ дождя намъ жить нельзя». Философъ доказалъ имъ ихъ заблужденіе; тогда старшина колѣна подошелъ и поцѣловалъ евангеліе, а за нимъ всѣ присутствующіе. Затѣмъ было срублено дерево, и по молитвѣ святаго ночью пролилъ обильный дождь. Занимавшіеся толкованіемъ этого мѣста изслѣдователи усвоили себѣ взглядъ, что здѣсь разумѣется подъ фулльскимъ колѣномъ населеніе города или области Фуллы. Правда, мѣстоположеніе этого города точно не опредѣлено, но изъ того обстоятельства, что епископъ сурожскій носилъ титулъ и фулльскаго, дѣлаютъ заключеніе къ мѣстонахожденію его въ южной части Крыма по близости отъ Судака (*Кеппенъ,* Крымскій Сборникъ, 177, 178; *Васильевскій,* Житіе Іоанна Готскаго въ Журн. мин. народ. просв. 1877 г., стр. 152).

Есть много обстоятельствъ, заставляющихъ сомнѣваться въ правильности толкованія мѣста о фулльскомъ колѣнѣ въ жизнеописаніи Кирилла. Прежде всего трудно допустить языческія требы въ епископскомъ греческомъ городѣ въ половинѣ IX в. Если-бы проповѣдью св. Кирилла обращены были жители города Фуллъ, это служило-бы не къ чести и архіепископа сугдеофулльскаго и духовенства. Далѣе, выраженіе фулльскій языкъ (γένος или ἔθνος τῶν Φοβλλων) не примѣнимо къ населенію города, а именно къ племени или къ колѣну. Наконецъ, самыя подроб-

ности сказанія: поклоненіе дереву, которое посылаетъ дождь, значеніе дожля въ жизни населенія, колѣнный старшина, подающій примѣръ обращенія къ христіанству,—все это такія данныя, которыя непримѣнимы къ греческому южному Крыму. Обратимъ вниманіе хотя на то, что дерево представляется подателемъ дождя. Извѣстно, что въ южномъ Крыму преобладаетъ система орошенія посредствомъ отвода воды изъ горныхъ источниковъ. Такимъ образомъ въ южномъ Крыму едва-ли могъ образоваться культъ дерева—подателя дождя.

Обращеніе фулльскаго колѣна—весьма любопытная для насъ подробность въ проповѣднической дѣятельности святыхъ братьевъ, если поискать другаго толкованія для загадочнаго термина. Даже въ позднѣйшую пору, когда свѣдѣнія византійскихъ грековъ о странахъ на сѣверъ отъ Чернаго моря могли быть менѣе сбивчивы, мы встрѣчаемъ у нихъ рядъ замысловатыхъ выраженій, подъ которыми они разумѣли Россію. Таково между прочимъ выраженіе Фула (Φοῦλη *Mihael Akominatos* изд. Лемброса, 1, 321, II, 216), равносильное Скифіи и Тавроскифіи и обозначающее южную Россію. Если такимъ образомъ перенести фулльское колѣно изъ Крыма въ южную Россію, то получимъ въ дѣятельности славянскихъ апостоловъ одно очень важное обстоятельство, прямо входящее въ область древней русской исторіи.

Приведенное выше свидѣтельство патріарха Фотія объ обращеніи къ христіанству русскихъ совершенно произвольно относимо было нашими церковными историками къ Аскольду и Диру (что въ послѣднее время вполнѣ доказано проф. *Голубинскимъ*, Исторія русской церкви, I, 17—30). Оффиціальное сообщеніе его въ окружномъ посланіи не можетъ подлежать сомнѣнію. Но въ немъ подразумѣвается не обращеніе къ христіанству Аскольда и Дира и не основаніе греческой епископіи въ Кіевѣ, чего въ дѣйствительности не было въ 866 году. Самое вѣроятное и въ сущности единственное основаніе, какое имѣлъ патріархъ Фотій говорить о началѣ христіанства на Руси, заключалось въ донесеніи Кирилла и Меѳодія объ обращеніи нападавшаго на Крымъ воеводы и объ успѣшной проповѣди среди фулльскаго колѣна. Результаты ихъ проповѣднической дѣятельности въ южной Россіи могли быть извѣстны въ Константинополѣ уже въ 863 году.

Оказывается, что существуютъ особенныя причины къ нарочитому почтенію у насъ памяти славянскихъ первоучителей. По всей вѣроятности, первыми христіанами на Руси были именно обитатели южной Россіи, которые въ церковномъ отношеніи подчинялись не кіевской епископской кафедрѣ, о каковой въ X и IX в. нѣтъ и помину, а одной изъ крымскихъ епископій — сурожско-фуллской или тмутараканской. Этимъ объясняются наши тяготѣнія въ X и IX в. къ Крыму, съ которымъ тогда мы были въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ, чѣмъ съ XI по XVIII столѣтіе.

Преданія сурожской легенды, сказанія о походахъ въ Крымъ и о правахъ на херсонскую область, ходъ распространенія христіанской вѣры изъ Крыма на сѣверъ—все это были живые факты въ X и IX вѣкѣ, но начавшіе приходить въ забвеніе уже въ вѣкъ первоначальнаго лѣтописца. Куманы, половцы, печенѣги и татаре, отдѣлившіе насъ отъ черноморскихъ береговъ, надолго отшибли у насъ память о нашихъ древнихъ сношеніяхъ. Лишь какъ слабый слѣдъ дѣйствительно происходившаго можетъ быть указано воспоминаніе, вошедшее въ первоначальную лѣтопись, что первыя сѣмена христіанства посѣяны были на Руси нѣкоторымъ философомъ.

Возрождающаяся на Руси память о Кириллѣ и Меѳодіѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ возстановленіе нашей исторической и національной памяти. Вотъ почему, мм. гг., сегодняшній праздникъ долженъ отозваться согласнымъ гимномъ по всѣмъ концамъ Россіи.

IV.

Въ ряду славныхъ подвиговъ нашихъ просвѣтителей, есть одинъ безпримѣрный, съ которымъ я затрудняюсь сопоставить чей либо другой. Самая заслуга христіанской проповѣди между славянами была-бы лишена своей силы и жизненнаго значенія, если-бы она не имѣла своимъ основаніемъ крѣпкихъ столбовъ, которыхъ не можетъ сокрушить время. Народы живутъ въ народномъ языкѣ, языкъ есть хранитель народностей. Кириллъ и Меѳодій дали славянамъ эту, охраняющую народность и вѣру, силу въ церковнославянскомъ языкѣ. — Я-бы не исполнилъ своей задачи, если-бы не остановился на выясненіи этой несравненной заслуги въ дѣятельности св. братьевъ. Но позвольте мнѣ

и въ этомъ вопросѣ ограничить свою задачу. Я бы желалъ показать, что высоконросвѣтительная и всеславянская заслуга св. братьевъ, заключающаяся въ изобрѣтенія славянской азбуки и въ переводѣ священнаго писанія на славянскій языкъ, можетъ быть если не пріурочена, то сближена съ дѣятельностію ихъ въ южной Россіи и частію объяснена ею.

Прежде всего, что можно думать о времени и мѣстѣ происхожденія славянской азбуки?

Не можетъ быть сомнѣнія, что, выступивъ на дѣло проповѣди у моравамъ, Кириллъ и Меѳодій владѣли уже средствомъ переводить на славянскій языкъ священное писаніе и богослужебныя книги. Точно также извѣстно, что они явились къ князю Ростиславу съ готовымъ уже переводомъ нѣкоторыхъ книгъ. Такимъ образомъ, время изобрѣтенія славянской азбуки и начало перевода священнаго писанія относится къ первоначальному и подготовительному періоду ихъ дѣятельности, который весьма трудно поддается наблюденію.

Что касается до мѣста изобрѣтенія славянской азбуки, къ рѣшенію этого вопроса пытались и пытаются приходить то посредствомъ филологическихъ наблюденій надъ церковнославянскимъ языкомъ, то при помощи изученія историко-литературныхъ данныхъ. Наблюденія надъ языкомъ перевода священнаго писанія, въ связи съ историческимъ изученіемъ живыхъ славянскихъ языкомъ, не привели однако къ точнымъ выводамъ, которые-бы давали основаніе утверждать, что переводъ сдѣланъ былъ для славянъ солунскихъ, или для болгаръ, или для моравамъ. Съ одинаковымъ правомъ, на основаніи изученія историко-литературныхъ данныхъ (*Бодянскій*, Чтенія въ м. обществѣ исторіи древностей 1863 г., кн. II, стр. 31; *Гильфердингъ*, Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ, стр. 164) можно говорить о близости языка восточныхъ славянъ съ старо-церковнославянскимъ. Въ этомъ смыслѣ и указываютъ какъ на мѣсто изобрѣтенія славянской азбуки на Солунь и Брегальницу въ Македоніи и Корсунь въ Крыму.

Солунь конечно много имѣетъ за себя, какъ родина св. братьевъ. Но любопытно, что многократныя попытки открыть въ Солуни какіе-либо слѣды памяти о св. братьяхъ остались безъ всякаго успѣха. Въ солунской области самымъ популярнымъ святымъ и, такъ сказать, на-

трономъ населенія былъ св. Дмитрій Солунскій. Ему строили храмы, съ его именемъ соединяется большинство народныхъ преданій, сказаній и историческихъ фактовъ (*Григоровичъ*, замѣтка о Солуни и Корсунѣ, Одесса 1872 г.); о Кириллѣ о Меѳодіи здѣсь не сохранилось воспоминаній. Укажу въ частности на слѣдующее наблюденіе. Въ каждой области и въ каждомъ народѣ есть особенно излюбленныя личныя имена, которыя всего чаще даются при крещеніи. Сохранилась одна писцовая книга изъ солунской области (изданный мной хиландарскій практикъ), въ которой находимъ до 300 мужскихъ именъ, но между ними нѣтъ Кирилла и Меѳодія. Въ связи съ другими указаніями, это послѣднее должно также ослаблять роль Солуни въ вопросѣ объ изобрѣтеніи славянской азбуки.

Какія-же основанія имѣетъ Корсунь считаться мѣстомъ изобрѣтенія славянской азбуки?

Кратковременная дѣятельность св. братьевъ въ южной Россіи привлекаетъ къ себѣ наше любопытство именно потому, что она предшествуетъ ихъ общественной всеславянской миссіи. Во время козарской миссіи Кириллъ и Меѳодій, какъ мы видѣли, вошли въ непосредственныя сношенія съ восточными славянами, сдѣлавъ на Руси первыя попытки насажденія христіанства. И въ вопросѣ объ языкѣ перевода священнаго писанія, начатаго до 863 года, личныя сношенія св. братьевъ съ южно-русскимъ славянскимъ населеніемъ конечно не могли оставаться безъ значенія. Прошу, мм. гг., извиненія, что долженъ снова обременять ваше вниманіе мелочами, которыя, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, здѣсь играютъ рѣшающую роль.

При отсутствіи твердыхъ филологическихъ и историко-литературныхъ основаній, по которымъ-бы можно было усвоить языкъ перевода священнаго писанія предпочтительно передъ другими македонскимъ славянамъ, является совершенно правильной задача—возстановить по мѣрѣ возможности забытые слѣды, которые приводятъ Кирилла и Меѳодія въ соприкосновеніе съ восточными славянами.

Одинъ изъ такихъ слѣдовъ относится ко времени подготовки Кирилла и Меѳодія къ общественной дѣятельности и, такъ сказать, выдаетъ секретъ монастырскаго уединенія. Жизнеописатель Кирилла, разсказывая о жизни его въ Константинополѣ въ должности патріар-

шаго библіотекаря, дѣлаетъ слѣдующую вставку: «онъ ушелъ на Узкое море и скрылся тамъ въ монастырѣ; едва отыскали его черезъ шесть мѣсяцевъ». *Узкое море* не есть географическій терминъ, а переводъ греческаго слова τὸ Στενόν, какъ назывался у византійцевъ Босфоръ. Для насъ съ Узкимъ моремъ соединяются воспоминанія о русско-византійскихъ отношеніяхъ IX и X вѣка, которыя происходили или на Босфорѣ, или на берегахъ Босфора. Въ Русской лѣтописи во всѣхъ этихъ случаяхъ названъ Судъ. Русь Аскольда и Дира «внутрь Суду вшедше, много убійство крестьяномъ сотвориша» (изд. Археографической коммисіи, стр. 20); по случаю нападенія Олега «греци замкоша Судъ и градъ затвориша» (стр. 29); при Игорѣ «Судъ весь пожьгоша» (стр. 43); Ольга приказываетъ сказать греческимъ посламъ: «пусть вашъ царь постоитъ у меня въ Почайнѣ, какъ я стояла въ Судѣ»... (стр. 61).

Между находившимися на Босфорѣ или на Судѣ монастырями былъ и тотъ, близъ котораго въ 907 году засвидѣтельствована русская колонія, т. е. монастырь св. Мамонта. Одной статьей Олегова договора съ греками предусматриваются права и обязанности русскихъ торговыхъ людей, приходящихъ въ Византію и имѣющихъ гостинный дворъ у св. Мамы. Когда былъ основанъ этотъ дворъ, сказать трудно, но что онъ могъ существовать во второй половинѣ IX вѣка, это весьма вѣроятно.

Изъ того извѣстія, что Кириллъ секретно удалился въ одинъ изъ монастырей на Узкомъ морѣ, а не въ Олимпъ или Полихронъ, гдѣ жилъ его братъ, и что, оставаясь здѣсь, онъ не давалъ никому знать о себѣ, я вывожу пока то заключеніе, что знакомство его съ Русью возможно было даже до козарской миссіи, т. е. въ тотъ подготовительный къ общественному служенію періодъ, къ которому должно быть отнесено изобрѣтеніе славянской азбуки.

Но есть гораздо болѣе ясное указаніе на связь кирилловской азбуки съ восточнославянскимъ языкомъ—въ разсказѣ о пребываніи св. братьевъ въ Корсуни. Житіе Константина, въ которомъ находится этотъ разсказъ, составлено очень рано, едва-ли не въ концѣ IX вѣка, и непосредственными учениками св. братьевъ. Историческая цѣнность этого житія признана всѣми изслѣдователями и въ особенности въ той части, которая занимается открытіемъ мощей св. Климента и которая

составлена несомнѣнно очевидцемъ и участникомъ. Будучи составлено въ Моравіи или Болгаріи, т. е. въ земляхъ южно-славянскихъ, жизнеописаніе Кирилла, само собою разумѣется, не могло имѣть тенденціи въ пользу восточныхъ славянъ. Между тѣмъ, въ немъ читается слѣдующее мѣсто о пребываніи Кирилла въ Корсуни: «и нашелъ тамъ евангеліе и псалтырь, написанные русскими письменами, и встрѣтилъ говорящаго на томъ языкѣ человѣка и бесѣдовалъ съ нимъ и усвоилъ себѣ рѣчь его и провѣрялъ въ бесѣдѣ съ нимъ различныя буквы гласныя и согласныя».

Я не нахожу возможнымъ останавливаться здѣсь на доказательствахъ той мысли, что у славянъ были свои письменные знаки и ранѣе азбуки Кирилла и Меѳодія (кириллица). Этотъ очень спорный вопросъ едва-ли въ настоящее время не подготовляется къ разрѣшенію на почвѣ изученія взаимныхъ отношеній кириллицы и глаголицы—и именно въ смыслѣ старшинства послѣдней передъ первою. Чтобы оправдать сдѣланныя указанія на роль восточнаго славянства и въ частности русскаго языка въ изобрѣтеніи Кирилломъ славянской азбуки, я позволю себѣ ограничиться выясненіемъ одной историко-литературной черты, которая должна бросить яркій свѣтъ на занимающій насъ вопросъ.

Возможно-ли было св. братьямъ встрѣтить Русь въ Крыму въ 861 году?

Кому случалось вдумываться въ русскую исторію IX и X вѣка, тотъ пойметъ, что это далеко не праздный вопросъ. Отрывочныя извѣстія, почерпаемыя частію въ греческихъ, частію въ восточныхъ источникахъ, позволяютъ думать о распространеніи русскаго элемента въ IX в. до береговъ Чернаго моря. Но изслѣдователю приходится считаться и съ другими не менѣе реальными выводами изъ фактовъ позднѣйшей исторіи: почему-же Русь, совершая въ IX и X вѣкѣ удачные походы на Константинополь и на Малую Азію, такъ круто повернула въ своей политикѣ съ конца X в. и въ теченіе 700 лѣтъ совсѣмъ пожертвовала своими интересами на Балканахъ и на Черномъ морѣ? Нѣтъ-ли ошибки и преувеличенія въ томъ, что говорятъ о Руси IX вѣка?

Кромѣ лѣтописныхъ извѣстій о роли Руси на Черномъ морѣ въ IX и X в., у насъ есть безцѣнный памятникъ для изученія того-же

вопроса въ *договорахъ Руси съ греками.* Такія формы международныхъ договоровъ, какія представляются на первыхъ страницахъ нашей лѣтописи, составляютъ невѣдомые факты даже для тогдашней западной Европы. Онѣ просто невозможны, если допустить, что Русь была тогда только что выступившимъ на историческое поприще народомъ. Уже въ договорѣ 907 года предусматриваются формы торговыхъ сношеній между Русью и греками, упоминается русскій гостинный рядъ на Босфорѣ у монастыря св. Мамонта, устанавливается порядокъ судопроизводства по тяжебнымъ дѣламъ между Русью и греками. Въ настоящемъ случаѣ для насъ особую важность представляютъ статьи, касающіяся притязаній русскаго населенія въ Крыму и по берегамъ Чернаго моря. Договоры устанавливаютъ напримѣръ взаимныя отношенія славянъ и грековъ по вопросу о кораблекрушеніяхъ,—статья конечно совершенно излишняя, если-бы Русь не владѣла берегами. Херсонская земля составляетъ предметъ спеціальныхъ постановленій. Договоромъ 945 г., князь русскій обязывается не имѣть власти въ этой странѣ и не воевать ее,—статья точно также излишняя, если-бы Русь не дѣлала попытокъ или не могла владѣть херсонской землей, иначе говоря—статья подтверждаетъ попытки русскихъ утвердиться въ Корсунѣ, о которыхъ говорятъ житія Стефана Сурожскаго и Кирилла. Особой статьей предусматривается случай, когда херсонесцы будутъ захвачены русскими на рыбной ловлѣ въ устьяхъ Днѣпра. Греки берутъ съ Руси обязательство не зимовать въ этихъ мѣстностяхъ, иначе не устраивать здѣсь поселеній.

Изъ приведенныхъ мѣстъ можно заключать, что распространеніе русскаго элемента по берегамъ Чернаго моря, а слѣдовательно и въ Крыму, согласно съ документальными свидѣтельствами древней русской исторіи. Вообще-же цѣлымъ рядомъ намековъ и довольно ясныхъ слѣдовъ мы приходимъ къ подтвержденію той мысли, что св. братья могли дѣйствительно лично бесѣдовать съ русскими въ Корсуни.

Мм. гг. Въ знаменательную эпоху славянской жизни, когда только что начиналъ разрѣжаться доисторическій мракъ, покрывавшій восточную Европу, мы встрѣчаемъ славныя имена братьевъ Кирилла и Меѳодія, которые дали славянскимъ народамъ вѣроисповѣдное, національное и литературное знамя. На этомъ знамени написаны историческія задачи

славянства, съ нимъ тѣсно связаны и минувшія судьбы его. Рядъ событій выдвинулъ изъ среды славянскихъ народовъ русское племя, которое, по своему могуществу, политическому вліянію и извѣстной всѣмъ роли среди славянъ, является въ настоящее время самымъ виднымъ представителемъ вѣроисповѣдныхъ, національныхъ и литературныхъ интересовъ славянства. Мы видѣли, что русскіе имѣютъ до нѣкоторой степени право на ряду съ другими славянами считать себя учениками св. братьевъ. Но съ этимъ правомъ соединяются обязанности и отвѣтственность передъ исторіей. Кириллъ и Меѳодій были не только основатели церковнаго чина, который соблюдаетъ православная церковь, но и просвѣтители народа книжнымъ ученіемъ и, смѣло прибавлю, глубокіе ученые и изслѣдователи. Какъ общественные дѣятели, какъ борцы за идею славянскихъ народностей и основатели общеславянскаго литературнаго языка, они являются въ половинѣ IX вѣка носителями такихъ началъ, которыя и въ настоящее время сохранили жизненную силу. Дѣло славянскихъ первоучителей и въ концѣ XIX вѣка не составляетъ достоянія пережитаго прошлаго.

Чтобы достойно почтить память Кирилла и Меѳодія, намъ не нужно придумывать себѣ новыхъ задачъ и искусственно подогрѣвать общественныя сочувствія. Не къ Солуни и не къ Велеграду должны стремиться наши помыслы, не тамъ мы можемъ принести св. братьямъ угодную жертву. Мы имѣемъ то преимущество даже передъ Кіевомъ и Москвой, что можемъ сказать: мѣсто, на которомъ стоимъ, земля свята есть, ибо южная Россія была свидѣтельницей проповѣднической и просвѣтительной дѣятельности Кирилла и Меѳодія.

Не ясно-ли, что мы находимся въ долгу передъ нашими наставниками и учителями, что такъ мало заботились о возстановленіи ихъ памяти на югѣ. Раскрытіе слѣдовъ дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ южной Россіи тѣсно связывается съ изслѣдованіями по древней русской исторіи. Какія широкія задачи открываются въ исполненіи просвѣтительныхъ завѣтовъ Кирилла и Меѳодія! Просвѣщеніе славянъ есть высшая заслуга чествуемыхъ нынѣ св. братьевъ, и всякій вкладъ на пользу просвѣщенія будетъ съ нашей стороны достойнымъ памятникомъ нынѣшняго дня.

Ѳ. Успенскій.

ПРОЭКТЪ УПОРЯДОЧЕНІЯ ДѢЛЪ
римско-католической церкви въ литовскихъ провинціяхъ.

Съ наступленіемъ послѣдняго раздѣла Польши всѣ принадлежавшія ей исконно-русскія области, за исключеніемъ Галиціи, вошли опять въ составъ Россіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ она унаслѣдовала и тѣ общественно-политическіе недуги, которые разъѣдали государственный организмъ Польши и довели ее до совершеннаго паденія. Бороться намъ съ этими недугами было трудно, исцѣлить ихъ въ короткое время нельзя, но и закрывать отъ однихъ глаза было также невозможно. Мы не можемъ похвалиться ни особою проницательностію въ ихъ распознаваніи, ни быстротою и рѣшительностію принятыхъ противъ нихъ мѣръ; одно время мы думали самыя эти провинціи возвратить Польшѣ, оставивъ ее лишь въ династической связи съ Россіею; даже и теперь, по истеченіи болѣе столѣтія, мы видимъ въ тѣхъ-же провинціяхъ—юго-западномъ и особенно сѣверо-западномъ краѣ проявленіе тѣхъ-же недуговъ. Тѣмъ не менѣе столѣтній періодъ русскаго господства въ возсоединенныхъ областяхъ даетъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ съ нашей стороны парализовать господствовавшее въ нихъ преобладаніе шляхты и духовенства надъ массою населенія и ихъ политическія тенденціи, и едва-ли не самую раннюю изъ нихъ представляетъ собою помѣщаемый ниже проэктъ упорядоченія дѣлъ римско-католической церкви въ предѣлахъ Бѣлоруссіи и Литвы.

Проэктъ этотъ офиціальнаго происхожденія и составленъ тѣмъ-же правителемъ дѣлъ при литовскомъ военномъ губернаторѣ, Иваномъ Щепановскимъ, какъ и помѣщенный въ предъидущей книжкѣ «Кіевской Старины» проэктъ устройства въ тѣхъ-же провинціяхъ казеннаго хозяйства, и притомъ одновременно съ нимъ. Авторъ проэкта мрачными красками рисуетъ положеніе римско-католической церкви въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ, произволъ и распущенность высшаго духовенста, поддерживаемаго шляхтою, малочисленность и бѣдность церквей и бѣдственное положеніе народа, не находившаго нерѣдко средствъ къ удовлетворенію своихъ высшихъ религіозныхъ потребностей. Онъ справедливо почитаетъ это за

величайшее зло, находитъ необходимымъ привлечь привилегированные классы къ служенію духовнымъ нуждамъ народа и вручаетъ правительству посредство и контроль въ столь великомъ дѣлѣ. Обращаетъ на себя особое вниманіе смѣшанный (изъ представителей православія, католичества и лютеранства) составъ проэктируемыхъ для указанной цѣли комиссій. Съ остальными подробностями проэкта читатели ознакомятся изъ самого его содержанія.

Древнія преданія и новѣйшіе опыты довольно доказываютъ, что благоденствіе народовъ существовало только при почитаніи и соблюденіи законовъ и обрядовъ вѣры, и что напротивъ того, паденіе величайшихъ государствъ, было слѣдствіемъ ослабленнаго уваженія къ религіи.

Одни искуствомъ къ пріятному и выгодному употребленію изобрѣтенныя способы не доставляютъ роду человѣческому спокойствіе души, безъ котораго частное и общее блаженство сохраняемо быть не можетъ.

Щастливая нынѣ и процвѣтающая Россія болѣе всякаго инаго государства бдѣть должна, чтобы многочисленные, подъ ея скипетромъ состоящіе народы, пользуясь блаженною толеранціею правительства, неупустительно почитали и исполняли все то, что исповѣдываемая ими религія отъ нихъ требуетъ.

Къ сожалѣнію однако-жъ сказать должно, что въ ново отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ провинціяхъ, а особливо въ губерніяхъ литовскихъ, состояніе латинско-католической церкви, часъ отъ часу хуже становится. Поводы и неминуемыя слѣдствія привлекутъ наконецъ вниманіе (и безъ того бѣднаго) земледѣльца, которой, потерявши единожды должное уваженіе къ своей религіи, звѣрскимъ своимъ чувствіемъ нарушить можетъ собственное и общее спокойствіе.

Извѣстно, что по положеніямъ бывшаго польскаго правленія, званіе духовное, будучи совмѣстнымъ законодателемъ и правителемъ государства, легко соединяло користолюбивыя свои выгоды съ властіею религіи.

Безвластные короли и (по интересу или по невѣжеству въ обрядахъ государственнаго собранія несогласующіеся дворяне) не

рѣдко прибѣгали къ политическо-религіозному порывалу духовенства для достиженія желаемыхъ ими успѣховъ.

Слѣдствія показали, что между прочими и злоупотребленная власть религіи, развративши умъ и сердце народа, довела сіе нѣкогда пространное государство до совершеннаго уничтоженія.

Но и нынѣ усмотрѣть еще можно слѣды сего печальнаго безпорядка, а именно: почти всѣ латинско-католическаго обряда приходскіе церкви въ тѣхъ провинціяхъ состоятъ по прежнему (по поводу большихъ съ нихъ доходовъ) во владѣніи знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій; многіе съ нихъ пользуются и многими вдругъ приходами, въ которыхъ едва сами побывали, собираемыя съ нихъ доходы проживаютъ (съ соблазненіемъ даже) въ городахъ и другихъ своихъ помѣстьяхъ; а содержатъ при церквахъ бѣдныхъ недоученыхъ намѣстниковъ на жалованіи весьма скудномъ, такъ что они и по нуждѣ и по своенравію пріискиваютъ безъ разбору и непозволительныя средства къ выгоднѣйшему ихъ содержанію. О соблюденіи-же должнаго порядка, сохраненіи въ годности церкви и ея убранства, и объ надлежащемъ прихожанамъ духовномъ угожденіи никто не печется.

По селеніямъ въ литовскихъ губерніяхъ съ прискорбіемъ увидѣть можно большую часть церквей въ толико ветхомъ состояніи, что опасно входить въ нихъ даже и на службу Божію; утварь, неприличная священному употребленію, церковь окружающіе и отдаленныя кладбища не огорожены, такъ что сіи священныя мѣста, почти всегда безпокоиваемыя нечистымъ скотомъ, не могутъ никому внушить должнаго имъ почтенія. Но всего хуже есть то, что вездѣ почти большая часть прихожанъ не могутъ пользоваться священными угодьями религіи, потому что при основаніи приходскихъ церквей не взирали на отдаленность селеній, а старались только какъ можно больше причислять ихъ къ приходу для пользы священниковъ и помѣщичьихъ кабаковъ. Многіе нынѣ христіане, по поводу отдаленности, или вовсе не ходятъ, или теряютъ дорогое время, отлучаясь отъ домовъ для хожденія въ дальнюю церковь, а нерѣдко отдаленные прихожане

и умираютъ безъ приличнаго духовнаго призрѣнія, оставляя душетомлящее соблазненіе сожителямъ своимъ; сверхъ того церковный законъ признаетъ не важными всѣ исправленные религіозные обязанности въ другой приходской церкви, и бѣдные прихожане не смѣютъ пользоваться въ ближайшихъ церквахъ угодьями, которыми они по большой отдаленности въ приходской ихъ церкви пользоваться не могутъ. Словомъ, опустошеніе церковнаго строенія и убранства, отдаленность прихожанъ отъ приходскихъ церквей, неспособность и корыстолюбіе опредѣленныхъ намѣстниковъ, и соблазнительная жизнь въ роскошѣ обрѣтающихся пробощовъ, часъ отъ часу уменьшаютъ почтеніе народа къ обрядамъ религіи, а праздность, мать всѣхъ пороковъ, побуждаетъ прихожанъ заниматься упражненіями, нравственности и политикѣ весьма вредящими; положеніе же присоединенныхъ отъ Польши провинцій окружено завидующими Россіи державами; образъ ихъ правленія въ пріобрѣтенныхъ ими отъ Польши частяхъ искусно привлекаетъ къ нимъ простой народъ, въ то самое время, когда съ россійской стороны и по нынѣ не доставлено земледѣльцу противу прежняго никакой личной выгоды. Справедливо потому опасаться должно, что по званію своему утѣсненный нуждою народъ простой, не будучи обезпеченъ и поддерживаемъ религіею, не только бѣгствомъ своимъ обезсиливать станетъ границы, но что, по малодушію его, оныя всегда пребудутъ въ безнадежной защитѣ отъ зазорывающихъ сосѣдовъ.

Политика и моральность требуютъ того, чтобы правительство сколь можно спѣшило отвратить отъ опустошенныхъ тѣхъ провинцій величайшее зло. Приведеніе въ надлежащій порядокъ церковныхъ дѣлъ есть главная и непосредственная потребность; а дабы удобнѣе успѣвать въ семъ предпріятіи, то:

1-е.

Правительство нарядитъ во всякой губерніи коммисіи.

2-е.

Опредѣлитъ отправленнымъ коммисарямъ нарочитую, на дневное ихъ содержаніе нужную сумму денегъ, которые изъ доходовъ

приходскихъ, въ губерніи нынѣ пробощами получаемыхъ, въ соразмѣрности взяты быть должны.

3-е.

Въ члены сихъ коммисій назначить должно людей, не только обряды, правила и обычаи латинско-католической церкви знающихъ, но и по твердости характера, и по приверженности къ государю и отечеству отличающихся.

4-е.

Всякая коммисія составлена будетъ изъ 6-ти членовъ, то есть двухъ греческо-россійскаго, двухъ католическаго и двухъ лютеранскаго или реформатскаго исповѣданія, отъ всякаго закона членъ будетъ одинъ свѣтскаго, а другой духовнаго званія.

5-е.

Предсѣдателями и секретарями всѣ по очереди члены ежедневно перемѣняться будутъ для сохраненія равновѣсія въ ихъ голосахъ.

6-е.

Для соблюденія порядка и поспѣшности въ дѣлахъ особые при всякой коммисіи наряжены будутъ прокуроры или стряпчіе.

7-е.

Никакое въ губерніи присутственное мѣсто не должно вмѣшиваться въ дѣянія сихъ коммисій, губернское правленіе дѣлать будетъ всякое по обстоятельствамъ нужное пособіе коммисіи, которая, окончивши порученное ей дѣло, представитъ оное прямо правительствующему сенату.

Сіи коммисіи должны изслѣдовать:

А.

Кѣмъ, когда и на какомъ основаніи гдѣ церковь построена была.

В.

Описать, въ какомъ она нынѣ состояніи находится и что по оному сдѣлать нужно.

C.

Показать, какія недвижимыя имѣнія, денежныя суммы и всякаго рода доходы означены были на содержаніе церкви, сколь понынѣ дѣйствительно доходу собирается и куда сколько употребляется.

D.

Соображаясь съ мѣстоположеніемъ, коммисія должна узнать и показать, сколько точно гдѣ нужно опредѣлить для церковнаго впредь содержанія деньгами, или по удобности другими угодьями.

E.

Вѣрную сочинить вѣдомость причисленнымъ ко всякой церкви прихожанамъ, съ показаніемъ разстоянія ихъ селеній отъ церкви и гдѣ бы въ случаѣ нужды удобно было построить еще новую церковь.

Узнать состояніе имущества и способности опредѣленныхъ нынѣ пробощовъ и намѣстниковъ.

F.

Показать, какъ давно нынѣшніе пробощи пользуются доходами приходской церкви и сколько они дѣйствительно употребили изъ тѣхъ доходовъ въ пользу церкви.

Правительство изъ полученныхъ таковыхъ вѣдомостей легко усмотритъ, что сохранить и что ради пользы отмѣнить нужнымъ окажется.

А между тѣмъ слѣдующія распоряженія кажутся необходимо нужны:

1-е.

Чтобъ всякая приходская церковь особаго имѣла пробоща, который обязанъ жить въ приходѣ своемъ и отвѣчать правительству за всѣ должности, до его званія касающіяся.

2-е.

Опредѣленіе въ пробощи по представленію отъ приличныхъ мѣстъ и по согласію большинства прихожанъ должно быть высочайшимъ имяннымъ указомъ утверждено.

3-е.

Намѣстники пробощовъ нигдѣ при церквахъ терпимы быть не должны; гдѣ-же по мѣстному положенію обрѣтающееся великое число прихожанъ того (все) требуетъ, опредѣлить по имянному-же указу съ жалованьемъ, нужное число священниковъ въ помощники, которые впредь, смотря по заслугамъ и по старшинству, произведены будутъ въ пробощи на вакансіи.

4-е.

Никто изъ пробощовъ и помощниковъ да не смѣетъ отлучиться отъ церкви, даже и на 24 часа, безъ нарочитаго на то письменнаго отъ гражданскаго и духовнаго начальства дозволенія.

5-е.

Число прихожанъ къ одной церкви полагать должно въ уѣздѣ на одного священника до 350, а въ городахъ до 800 обоего пола душъ.

6-е.

Разстояніе селеній отъ приходской церкви не должно превосходить 7-ми верстъ.

7-е.

Всѣ нынѣ находящіяся при церквахъ недвижимыя имѣнія или капитальныя суммы поступить должны въ казенную вѣдомость, изъ нихъ основать должно удобнѣйшія доходы и употребить на содержаніе церквей, церковныхъ служителей, приходскихъ училищъ и госпиталей, которыя учредиться должны въ каждомъ приходѣ.

8-е.

Наличныя жалованья, или вмѣсто оныхъ хозяйственныя угодья для церковныхъ служителей, опредѣлены быть должны соразмѣрно состоящимъ въ тѣхъ мѣстахъ цѣнамъ съѣстныхъ припасовъ. Самое большое-же жалованье пробощу полагать должно по 500, а помощнику по 300 рублей въ годъ. При томъ домы и огороды казенные, а дрова по раскладкѣ отъ прихожаныхъ помѣщиковъ получать будутъ, прочимъ нижнимъ служителямъ по обыкновеніямъ и по мѣстоположеніямъ содержаніе означено будетъ.

9-е.

Починка всякаго рода при строеніяхъ церковныхъ служителей, приходскихъ школъ и госпиталей возложена будетъ касательно матеріаловъ и денежныхъ издержекъ на помѣщиковъ, распредѣливъ оные соразмѣрно пространству ихъ земли въ приходѣ состоящей. Ручная-же простая работа и перевозка матеріаловъ міромъ—прихожанами въ приличномъ времени исправляема быть можетъ.

10-е.

Для построенія въ нужныхъ мѣстахъ новыхъ церквей помѣщики прихода доставятъ, по мѣрѣ владѣемой ими земли, находящіеся въ ихъ имѣніяхъ матеріалы безденежно; простую ручную работу прихожане поселяне сдѣлаютъ; всякія-же денежныя издержки, яко-то: на покупку не имѣющихся въ приходскихъ помѣстьяхъ матеріаловъ и на заплату мастеровымъ, казна изъ доходовъ приходскихъ уплачивать должна будетъ.

11-е.

Во всякомъ уѣздѣ дворянство изберетъ на три года отъ себя трехъ инспекторовъ, поведеніемъ и благонравіемъ своимъ общаго удостоившихся почтенія; они обязаны будутъ ежегодно объѣхать въ приличномъ времени всѣ въ уѣздѣ находящіеся приходскіе

церкви, осмотрѣть и представить по данному имъ наставленію все, что нужно будетъ правительству знать по церковнымъ дѣламъ; уѣздное дворянство складкою, соразмѣрною пространству ихъ земли, заплатить должно издержки, на сей проѣздъ употребленныя инспекторами.

12-е.

Со стороны духовенства назначить нужно, кромѣ епархіальнаго начальства, при 4-хъ приходскихъ церквахъ по очереди одного изъ пробощовъ инспекторомъ на три года. Должность его будетъ объѣзжать на подставленныхъ отъ прихожанъ лошадяхъ свою инспекцію единожды въ годъ, изслѣдовать и смотрѣть за точнымъ соблюденіемъ порядка церковнаго и исполненіемъ должности церковными служителями, а обо всемъ гражданскому и духовному въ губерніи начальству доставлять вѣдомости; на непредвидимый расходъ назначить съ доходовъ приходскихъ ему инспектору въ годъ по 50-ти рублей.

Сіе распоряженіе по дѣламъ латинско-католической церкви не только не причинитъ казнѣ никакого убытка; но напротивъ того симъ образомъ знатные, понынѣ во зло употребленные, доходы обращены будутъ въ общенародную пользу.

13-е.

Изъ сихъ-же доходовъ слѣдуетъ содержать высшее духовенство съ соразмѣрнымъ жалованьемъ.

14-е.

Равнымъ образомъ взять должно въ казенное вѣденіе всѣ монастырскія имѣнія и капиталы, а вмѣсто того назначить *во первыхъ* по обстоятельствамъ нужное число во всякомъ монастырѣ монаховъ, *а во вторыхъ* положить имъ жалованье отъ 150-ти до 300 рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы они кромѣ исполненія под-

лежащихъ званію ихъ должностей, элементарныя преподавали науки недостаточныхъ родителей дѣтямъ, желающимъ учиться, и приготовляли ихъ къ дальнѣйшимъ въ народныхъ училищахъ наукамъ.

Правитель дѣлъ при литовскомъ военномъ губернаторѣ:
Надворный совѣтникъ *Иванъ Щепановскій.*

Библіографія.

Историческіе матеріалы изъ архива кіев. губ. правленія. Вып. 8-й. Сост. Ал. Андріевскимъ. Кіевъ. 1885 г.

Изъ мрачныхъ, сырыхъ, съ кирпичнымъ поломъ подваловъ извлекаетъ г. Андріевскій печатаемые имъ «историческіе матеріалы», которые безкорыстно отъ времени до времени приноситъ въ даръ наукѣ, не думая о прибыткѣ или славѣ, но спасая то, что обречено на гибель и истлѣніе. Работать въ такой обстановкѣ, при такихъ условіяхъ, рѣшительно подвигъ, и г. Андріевскій совершаетъ 8-й подвигъ, выпуская въ свѣтъ 8-ю книжку «матеріаловъ». Дай Богъ ему здоровья для будущихъ выпусковъ!

Что до настоящаго, въ немъ тотъ же безспорный интересъ матеріала при отсутствіи систематизаціи онаго, при недостатѣ нарочитаго подбора актовъ однородныхъ. И неудивительно: издатель печатаетъ обрывки дѣлъ и вноситъ все, что представляетъ историческій интересъ. Отсюда то большее разнообразіе въ содержаніи, которымъ отличается и настоящій выпускъ, какъ и всѣ предшествующіе. Впрочемъ, при всемъ разнообразіи изданныхъ теперь актовъ, нельзя не замѣтить, что всѣ они относятся главнымъ образомъ къ внутренней исторіи г. Кіева, и это связываетъ ихъ въ одинъ сборникъ.

Въ ряду напечатанныхъ въ настоящемъ выпускѣ дѣлъ особенное вниманіе обращаетъ на себя дѣло о наслѣдствѣ, оставшемся по смерти кіевскаго войта половины прошлаго столѣтія, Павла Войнича. Оно не сообщаетъ правда фактическихъ данныхъ о личности этого войта, вообще мало извѣстной, и касается лишь мимоходомъ его общественной дѣятельности, по поводу налога на него и другихъ членовъ магистрата за неправильно рѣшенное въ судѣ дѣло, но за то рисуетъ съ большими

подробностями его домашній бытъ. Такое значеніе имѣютъ приложенныя къ дѣлу завѣщаніе и «опись пожитковъ его благородія привиліованнаго войта». Какъ и естественно ждать, Войничъ скопилъ немало добра: у него много одежды, посуды и вообще всякой домашней утвари; осталось и недвижимое имущество, хотя оно и не все въ завѣщаніи означено и нельзя потому судить о размѣрахъ онаго. Впрочемъ, кромѣ доли зяти его, бурмистра Петра Тихоновича, о которой узнаемъ вскользь изъ просьбы Войнича о поминовеніи души его, въ завѣщаніи упоминаются три большія усадьбы съ семью жильцами («куничниками»), двѣ торговыя лавки, хуторъ на Пріоркѣ и дворъ, въ которомъ жилъ самъ Войничъ. Послѣдній, вѣроятно, представлялъ собою лакомый кусокъ, ибо имъ воспользовался путемъ захвата, по смерти Войнича, генералъ-маіоръ сербской націи Хорватъ: «наѣхалъ» и всѣмъ завладѣлъ. Когда-же впослѣдствіи оказалось, что даромъ воспользоваться дворомъ нельзя и что наслѣдники готовы возбудить искъ, то Хорватъ предложилъ въ уплату 500 р., во что былъ оцѣненъ домъ магистратомъ. Необходимость пріобрѣтенія для себя этого дома генералъ сербской націи мотивировалъ тѣмъ, что «ему, по должности его православія», необходимо пріѣзжать со всей своей фамиліей въ Кіевъ на поклоненіе св. мѣстамъ, «что по крайности въ годъ случиться можетъ до двухъ или трехъ разъ». И таково было тогда обаяніе сербскихъ выходцевъ, что Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, вопреки волѣ наслѣдниковъ, порѣшила отдать дворъ Войнича Хорвату.—Новая черта для характеристики любопытнаго «генерала сербской націи».

Опись имущества Войнича открываетъ намъ отчасти духовные интересы войта. Вотъ перечень его книгъ: 1) Новый Завѣтъ, чвертковій, въ золотомъ пергаминѣ; 2) Псалтирь, въ пергаминѣ, подъ золото оправленая; 3) Псалтирь, вовсе ветхая; 4) Акафистникъ, старый, чвертковій; 5) Павечерникъ, чвертковій; 6) Октоихъ, чвертковій, старый; 7) Полуставъ, получвертковій, въ бѣломъ пергаминѣ; 8) Полуставець старый; 9) Бесѣды св. Іоанна Златоустаго на дѣянія св. апостоловъ; 10) Бесѣды св. Макарія; 11) Слово, поученіе; 12) Вѣнецъ Христовъ; 13) Царскій путь; 14) Гисторія о Варлаамѣ и Іосифѣ св. Іоанна Дамаскина; 15) Книги Діонисія Ареопагита; 16) Перло многоцѣнное и 17) Книги объ антихристѣ. Книгъ юридическаго содержанія было у войта всего двѣ: «Процессъ польская» и Литовскій Статутъ; историческаго содержанія одна: «Книга историческая писанная» (вѣроятно, списокъ какой-нибудь изъ южнорусскихъ лѣтописей). Были еще у войта «папѣри, невѣдомо какіе, въ звязки за четырма печатми переопечатовани», и наконецъ «книжка за-

писная, порожня».—Обычный подборъ книгъ у людей того времени: помнили они долгъ христіанскій, любили почитать и книгу историческую.

По поводу спора о наслѣдствѣ войта и взысканіи съ него, приводится списокъ должностныхъ лицъ магистрата съ означеніемъ количества получаемаго ими жалованья. Въ 1752 году войтъ получалъ въ годъ 100 р., шесть бурмистровъ по 60 р. каждый, шесть райцевъ по 60 р., шесть лавниковъ по 20 р., шесть инстигаторовъ по 16 р. 96 к., писарь 60 р. Съ жалованьемъ копіистовъ, разныхъ канцелярскихъ служителей и расходовъ по канцеляріи содержаніе магистрата стоило городу ежегодно около 1,200 р., а какъ средній доходъ города, по даннымъ настоящаго выпуска, составлялъ въ годъ 5,500 р. и остатки ни откуда не видны, то можно полагать, что жалованье «урядовыхъ людей» составляло немного болѣе $^1/_4$ всѣхъ расходовъ или почти 22% по отношенію къ нимъ. Мы не считаемъ натуральнаго довольствія чиновъ магистрата выдачею имъ двойнаго вина, меда, пива и дровъ. Сопоставляя помѣщенный въ этомъ-же выпускѣ штатъ канцеляріи кіевскаго генералъ-губернатора, мы находимъ тамъ гораздо высшіе денежные оклады (переводчикъ получалъ въ четыре раза больше самаго войта), но эта разница въ значительной степени пополнялась сколько натуральнымъ довольствіемъ магистратскихъ чиновъ, столько и доступностію для нихъ разнаго рода промысловъ.

Не безъинтересенъ въ сборникѣ списокъ кіевскихъ полиціймейстеровъ съ 1734 по 1774 годъ, и нѣкоторыя случайныя о нихъ свѣдѣнія. Одинъ, напримѣръ, характеризуется въ дѣлахъ какъ строгій блюститель нравственности, преслѣдующій «оказавшихся въ блудодѣяніи великороссійскихъ и малороссійскихъ женокъ» и наказывающій ихъ плетьми, другой обвиняется «въ непорядочныхъ поступкахъ относительно мясныхъ торговцевъ»...

Въ сборникѣ г. Андріевскаго есть интересныя свѣдѣнія о смерти и погребеніи графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго († 8 декабря 1796 г.); къ сожалѣнію издатель опустилъ самый любопытный въ дѣлѣ актъ, именно—церемоніалъ погребенія этого сановника, похороненнаго, какъ извѣстно, въ великой успенской церкви кіево-печерской лавры.

Нельзя не пожалѣть также, что «рапорты кіевскаго магистрата о томъ, сколько котораго числа и съ какой болѣзни живущихъ въ нижнемъ городѣ Кіево-Подолѣ обывателей померло», не приведены цѣликомъ. Они относятся ко осеннему времени съ 4-го сентября по 8 октября и особенно важны потому, что показываютъ нормальную смертность,

такъ какъ по свидѣтельству врача ни на комъ изъ умершихъ «опасной болѣзни знаковъ не явилося».

Очень любопытны въ книжкѣ Андріевскаго выдержки изъ дѣла по приводу къ присягѣ въ 1754 и 1760 годахъ на вѣрноподданство студентовъ академіи. Какъ видно, составленъ былъ списокъ учениковъ, въ которомъ указывались: «имена и прозванія, гдѣ кто родился, коихъ родителей сыны, сколько кому отъ роду лѣтъ, а ежели зъ заграницы вышедшія, то котораго повѣту или полку, чрезъ которые форпосты и котораго году въ Кіевъ пришелъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ указаны уніаты и всѣ ученики вообще раздѣлены по классамъ. Эта вѣдомость—первостепенной важности документъ; она стоитъ всего «дѣла о присягѣ», но, къ сожалѣнію, издатель не приводитъ его.

Нѣчто подобное встрѣчаемъ въ концѣ сборника. Сообщается, что въ 10 часовъ вечера 26 марта 1790 года «чувствовано въ Кіевѣ легкое землетрясеніе, продолжавшееся около трехъ минутъ, ощутительнѣе-же сіе было въ Старомъ Кіевѣ и на Подолѣ». Г. Андріевскій замѣчаетъ при этомъ, что приведенный фактъ извлеченъ имъ изъ связки «репортовъ городничихъ и нижнихъ земскихъ судовъ, изъ которыхъ сочинена къ Е. И. В. о благосостояніи реляція за 1-ую половину марта мѣсяца 1790 года». Намъ кажется, что изъ указанныхъ репортовъ можно было бы извлечь болѣе цѣнныя, особенно цыфровыя данныя, и мы сожалѣемъ объ отсутствіи ихъ.

Остальныя извлеченія изъ старыхъ дѣлъ, собранныхъ г. Андріевскимъ, характеризуютъ бытъ духовенства, чернаго и бѣлаго, чиновничества, мѣщанства и крестьянства, и будущій историкъ Кіева не разъ поблагодаритъ издателя за его кропотливый, добросовѣстный трудъ, значеніе котораго достаточно ясно и изъ приведенныхъ нами выдержекъ.

И. Каманинъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Хлѣбъ въ обрядахъ и тѣняхъ. Харьковъ. 1885 г.

Авторъ названнаго сочиненія принадлежитъ къ числу плодовитыхъ ученыхъ. Въ короткій промежутокъ времени имъ написано около полутора десятка болѣе или менѣе обширныхъ статей по исторіи южнорусской литературы и по исторіи русскаго быта и міросозерцанія. Особенно могли-бы быть важны по своимъ практическимъ результатамъ послѣднія работы, если-бы они проникли, въ измѣненномъ для этой цѣли видѣ, въ среду грамотнаго сельскаго люда, гдѣ особенно сильны всякіе предразсудки, поддерживаемые глубокимъ невѣжествомъ и гдѣ до

сихъ поръ двоевѣріе составляетъ обычное явленіе. Понятно, что популяризованныя сочиненія, подобныя названному выше, полезны тѣмъ именно, что разъясняютъ происхожденіе многихъ обычаевъ, уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ отъ времени язычества и удерживающихся слѣпою вѣрою въ ихъ необходимость и суевѣрнымъ страхомъ предъ тяжкой карой, постигающей нарушителя ихъ. Что же касается до научнаго значенія этихъ сочиненій, то объ этомъ и рѣчи быть не можетъ, потому что безъ предварительнаго разрѣшенія такихъ вопросовъ, какъ затронутый г. Сумцовымъ о хлѣбѣ, «нельзя понять ни древняго міросозерцанія, ни современнаго народнаго міросозерцанія, насколько его загромоздили обрывки и обломки стародавнихъ воззрѣній на природу и человѣка».

Приступая къ изслѣдованію обрядоваго употребленія хлѣба, авторъ прежде всего указываетъ на глубокую древность земледѣлія на востокѣ, потомъ въ Европѣ и наконецъ у славянъ, въ связи съ которою стоитъ древность хлѣбныхъ обрядовъ, опредѣляемыхъ древними формами быта и древними способами приготовленія хлѣбной пищи. По мнѣнію автора, приготовленіе хлѣбной пищи прошло нѣсколько послѣдовательно измѣнявшихся ступеней развитія (простое поджариваніе зеренъ, размельченіе ихъ и употребленіе въ пищу въ смоченомъ видѣ, въ видѣ кашицы и приготовленіе печенаго хлѣба). Сообразно съ этимъ, осыпанье и посыпанье хлѣбнымъ зерномъ есть древнѣйшая форма обрядоваго употребленія хлѣба и обнаруживается въ наиболѣе архаичныхъ явленіяхъ народнаго быта: въ заговорахъ (лѣченіе лихорадки), на свадьбахъ (осыпаніе зерномъ молодыхъ), на рождественскихъ святкахъ («засѣванье» мальчиками), при встрѣчѣ дорогаго гостя (осыпанье), на крестинахъ (посыпанье зарытаго подъ поломъ родоваго послѣда) и при похоронахъ (посыпанье зерномъ мѣста, гдѣ лежалъ покойникъ). За употребленіемъ хлѣбныхъ зеренъ слѣдуетъ обрядовое употребленіе каши на рождественскихъ святкахъ (кутья), свадьбахъ (кормленіе молодыхъ кашей), родинахъ (моленіе каши), похоронахъ (коливо) и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Въ связи съ обрядовымъ употребленіемъ каши и напитковъ (на свадьбахъ) авторъ ставитъ обрядовое разбиваніе посуды. Предполагая, что каша есть спеціальное родинное кушанье, онъ считаетъ круглый хлѣбъ отличительною особенностью свадьбы, на что указываетъ общее во всѣхъ славянскихъ земляхъ названіе его короваемъ, при чемъ всякія другія названія составляютъ лишь мѣстную его замѣну. Указавъ отличительныя особенности свадебнаго хлѣба: его величину, круглую форму, часто отверстіе въ срединѣ и наконецъ наружныя украшенія изъ тѣста или бумаги, имѣющія символическое значеніе, г. Сумцовъ изслѣдуетъ далѣе употребленіе хлѣба въ разныхъ его видахъ, со значеніемъ жертвы или

символа, въ различные праздничные дни языческой эпохи, къ которымъ пріурочены были потомъ праздники христіанскіе, а именно въ рождественскія святки и масляницу и примыкающія къ послѣдней: Заклинаніе весны, Красную Горку, Егорій весенній, Семикъ и Троицынъ день, а также въ праздники Купала и обжинокъ, къ которымъ примыкаютъ Ярило, Семеновъ день, Госпожка, Егорій осенній, и указываетъ употребленіе его въ эти праздники то въ видѣ каши, прижанины, крачуна, блиновъ, варениковъ, хвороста, «Boźi milosti» и тутманика, то въ видѣ креста, благовѣщенской просфоры, лѣсенки, пасхальныхъ куличей, блиновъ на Вознесеніе, Георгіевскаго коровая, троицкаго коровая, купальской кулаги, бабки и проч. Къ праздничному употребленію хлѣба авторъ причисляетъ употребленіе его при разнаго рода обстоятельствахъ: при отъѣздахъ, постройкахъ, новосельи, во время пожара, на имянинахъ, при первомъ выгонѣ скота въ поле, при сборѣ зелья, при посадкѣ и уборкѣ капусты и при пчеловодствѣ. Слѣдуетъ затѣмъ объясненіе употребленія хлѣба для гаданій, упоминаніе онаго въ поговоркахъ, примѣтахъ и повѣрьяхъ, какъ предмета священнаго, отождествляемаго съ божествомъ, счастьемъ и жизнью; далѣе юридическое и бытовое значеніе хлѣба, когда онъ является знакомъ уполномоченія (сваты съ хлѣбомъ), знакомъ заключеннаго договора или сдѣлки (обмѣнъ хлѣбами), символомъ брачнаго союза (положеніе рукъ жениха и невѣсты на одинъ хлѣбъ, и мног. друг.), подаркомъ или платой за трудъ (священнику, родильницѣ, повивальной бабкѣ, учителямъ и «судящимъ») и наконецъ, простымъ угощеніемъ и источникомъ веселья, семейной и общественной радости, почета и ласки.

Вслѣдствіе большой распространенности хлѣбныхъ обрядовъ, при исполненіи послѣднихъ должны были сложиться и занять въ народной поэзіи видное мѣсто хлѣбныя пѣсни. Авторъ слѣдитъ по нимъ за изслѣдуемымъ имъ предметомъ, перебирая пѣсни жатвенныя, подраздѣляющіяся на зажиночныя, жнивныя и дожиночныя (пѣсни о вѣнкѣ и бородѣ), пѣсни колядскія и волочебныя (прославленіе силъ и явленій природы), коровайныя (кѣмъ, какъ, изъ чего и каково дѣлался коровай), веснянскія (гаевскія) и семейно-бытовыя.

Переходя къ объясненію причины появленія хлѣба въ обрядахъ, авторъ указываетъ на то, что отличительной чертой древняго народнаго міросозерцанія представляется олицетвореніе и обоготвореніе силъ и явленій внѣшней природы, съ перенесеніемъ на нихъ свойствъ и особенностей нравственной природы человѣка, его характера, семейнаго и домашняго быта. У славянъ въ обоготворенной внѣшней природѣ на первомъ мѣстѣ стояло солнце по той простой причинѣ, что хлѣбопа-

шество находится въ полной зависимости отъ положенія этого свѣтила. Но такъ какъ религіозныя вѣрованія насквозь проникали народную жизнь и неразрывно переплетались съ новѣйшими ея проявленіями, поэтому безъ религіознаго освѣщенія не могъ обойтись ни одинъ фактъ или предметъ частной или общественной жизни. Отсюда возникаютъ жертвоприношенія съ цѣлью умилостивленія божества или испрошенія у него въ молитвахъ какихъ-либо благъ. Само собою разумѣется, что въ пастушескій періодъ народной жизни жертвоприношеніе богамъ состояло исключительно изъ животныхъ. Съ возникновеніемъ и развитіемъ земледѣлія въ жертву стали приносить хлѣбы разной величины и формы; но все-таки, по архаичности народной жизни, животныя жертвы долгое время преобладали, играли главную роль въ богослуженіи, первенствовали надъ хлѣбомъ, и самое жертвоприношеніе хлѣба дополняло только или замѣняло иногда жертвоприношеніе животныхъ. Постепенность перехода жертвоприношенія животныхъ въ жертвоприношеніе хлѣба, обусловленнаго развитіемъ земледѣльческой культуры, выразилось въ обрядовомъ употребленіи хлѣба тѣмъ, что хлѣбу придавались формы животныхъ. Подобнаго рода замѣны встрѣчаются у разныхъ народовъ. Въ Египтѣ, Греціи и Римѣ животныя жертвы замѣнялись символическими фигурами ихъ изъ мѣди, тѣста и воска[1]). Въ однихъ случаяхъ хлѣбная замѣна жертвоприношенія произошла съ цѣлью избѣжать лишенія жизни, въ другихъ-же по большей части изъ экономическихъ побужденій. Впослѣдствіи языческое обыкновеніе дѣлать хлѣбы въ видѣ животныхъ получило христіанскую окраску. Но хлѣбъ приносился въ жертву не одному солнцу, но и землѣ (зарываніе въ землю каши и хлѣбныхъ зеренъ), водѣ (жертвоприношеніе Садка, купца, богатаго гостя), домашнему очагу или домовому (бросаніе небольшихъ хлѣбовъ въ печь передъ печеніемъ коровая невѣстой), духамъ предковъ (бросаніе крошекъ подъ столъ во время поминокъ), лѣсному духу (обмазываніе деревьевъ тѣстомъ). Религіозно-обрядовый хлѣбъ придалъ большее или меньшее освященіе тѣмъ предметамъ, которые стоятъ къ нему въ извѣстной близости, именно: гумну, снопу, квашнѣ, вику (крышкѣ отъ квашни), плугу, боронѣ, рѣшету, ситу и соломѣ. Соль имѣетъ значеніе, такъ сказать, дополнительное при хлѣбѣ. Жертвоприношенія хлѣба сопровождались естественно

[1]) Къ этой категоріи обычаевъ авторъ относитъ приношеніе больнымъ человѣкомъ въ храмъ моделей своихъ пораженныхъ членовъ, съ цѣлью умилостивленія божества или какъ благодарственное жертвоприношеніе послѣ излѣченія. Обыкновеніе это имѣло мѣсто въ Египтѣ, Греціи, Германіи и нынѣ еще встрѣчается въ Индіи и Россіи.

разными молитвами и священнодѣйствіями, сохранившимися отчасти до сихъ поръ въ заговорахъ, пѣсняхъ и обрядахъ, преимущественно свадебныхъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе любопытной книги г. Сумцова. Если она не блещетъ большою новизною фактовъ и ихъ объясненій, то имѣетъ высокую цѣну по обстоятельному и полному подбору всѣхъ обрядовъ, въ которыхъ употребляется хлѣбъ, и пѣсенъ, въ которыхъ онъ воспѣвается, по вполнѣ научной группировкѣ собраннаго матеріала и основательному разрѣшенію вопроса о причинахъ, вызывавшихъ употребленіе хлѣба въ томъ или другомъ случаѣ. Настоящій трудъ автора, подобно предъидущимъ, приближаетъ науку къ возможности возсоздать со временемъ величественную славянскую миѳологію, которая помогаетъ опредѣлить народный характеръ вообще и въ частности понять вѣрованія, обычаи и преданія, смыслъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ затерялся совершенно.

Раздѣляя вполнѣ основную мысль автора, объясняющаго обрядовое употребленіе хлѣба религіознымъ характеромъ племени, требовавшимъ жертвъ для умилостивленія божества, и состояніемъ культуры, обусловливавшимъ обряды и формы жертвоприношенія въ пастушескій и земледѣльческій періодъ жизни славянъ, не можемъ не остановиться въ заключеніе на томъ, что во многихъ второстепенныхъ случаяхъ употребленіе хлѣба должно быть объяснено тѣмъ первенствующимъ значеніемъ, какое имѣетъ онъ для народной массы, какъ главное питательное вещество. Авторъ самъ не отвергаетъ этой мысли, но къ сожалѣнію онъ не вполнѣ точно и опредѣленно отдѣлилъ случаи, когда и почему въ употребленіи хлѣба слѣдуетъ видѣть жертву, и когда и почему его употребленіе имѣетъ просто бытовое значеніе; имъ оставлены безъ гадательнаго даже объясненія многія обстоятельства, въ которыхъ фигурируетъ хлѣбъ и о которыхъ приходится лишь догадываться, не замѣняетъ-ли здѣсь жертва самое божество (юридическое и бытовое значеніе хлѣба), какъ было это у древнихъ арійцевъ, возводившихъ въ отдѣльныя божества жертву, жидкость, возливаемую на нее (сому), огонь, пожирающій жертву (агни) и проч.. Слѣды начинавшагося обожествленія хлѣба у славянъ яснѣе всего видны въ его эпитетахъ, нѣкоторыхъ пѣсняхъ и юридическомъ значеніи; оно могло быть задержано и измѣнено распространеніемъ христіанства.

И. Каманинъ.

Ѳеодосія. Историческій очеркъ. Составилъ В. К. Виноградовъ. Ѳеодосія 1884 г. Въ пользу учащагося юношества, Ц. 80 коп. съ пересылкою 1 рубль.

Въ прошломъ номерѣ «Кіевской Старины» мы сѣтовали о томъ, что нашъ городъ не имѣетъ своей исторіи. Сожалѣніе наше усилилось, когда мы, получа названный очеркъ отъ автора, должны были увидѣть, что даже такой незначительный, хотя и очень древній городокъ, какъ Ѳеодосія, и тотъ нашелъ своего лѣтописца. Съ особымъ поэтому интересомъ прочли мы эту книгу, тѣмъ болѣе, что она написана такимъ прекраснымъ, чистымъ и легкимъ языкомъ, какой встрѣчается не у многихъ писателей.

Подкупленные внѣшней формой, мы надѣялись найти въ книгѣ и соотвѣтственное содержаніе. Необычайная древность города и его долгая разнообразная судьба сулила намъ таинственную и полную разнообразной жизни картину. Мы думали найти въ очеркѣ г. Виноградова все прошлое этого города во всемъ его объемѣ: участіе города въ общей политической и культурной жизни тѣхъ государствъ и народовъ, которымъ онъ въ разныя эпохи принадлежалъ, исторію его самоуправленія, условія его вызвавшія, измѣненія и реформы въ немъ происходившія, отношенія къ нему центральной власти и вліяніе послѣдней на самоуправленіе, характеристику замѣчательнѣйшихъ городскихъ представителей, разнообразную картину городскаго хозяйства, этнографическій составъ населенія и отношенія между собою народностей, элементы сословные и ихъ положеніе, состояніе образованія, торговли, промышленности и проч., съ соотвѣтственными историко-статистическими данными, наконецъ исторію сооруженія и современнаго состоянія общественныхъ зданій: храмовъ, учебныхъ заведеній и проч., съ присовокупленіемъ картъ, снимковъ, плановъ и т. п. Но далеко не все это нашли мы въ трудѣ г. Виноградова. У него на первомъ планѣ политическая исторія мѣстности, а судьба города лишь въ общемъ очертаніи судьбы цѣлаго края, что напоминаетъ отчасти извѣстную графу формуляровъ: «въ походахъ противъ непріятеля былъ-ли, и въ какихъ именно?» Но исторію города уже если сравнивать съ чѣмъ-либо, то конечно съ біографіей, а не съ формуляромъ... Просмотримъ однако и формуляръ г. Ѳеодосіи.

Г. Виноградовъ дѣлитъ исторію этого города на четыре періода: 1) древній, обнимающій время отъ VI в. до Рождества Христова до V в. по Рождествѣ Христовомъ, т. е. около 900 лѣтъ. Ѳеодосія называлась тогда на языкѣ своихъ древнѣйшихъ обитателей тавровъ или алановъ Ардавдою (даромъ Боговъ); открытая греками въ половинѣ VI в. до Рождества Христова, переведшими ея древнее названіе на свой

языкъ, она сдѣлалась колоніей Милета и управлялась республикански. Развившаяся здѣсь торговля вызвала неудачныя попытки боспорскаго царя Сатира I завоевать городъ, чего однако достигъ только его сынъ Левконъ. Послѣдній пощадилъ жителей и ихъ самоуправленіе съ цѣлью развить здѣсь земледѣліе, чтобы поднять вывозъ хлѣба изъ портовъ Греціи; принятыя Левкономъ мѣры привели къ желанному результату: вывозъ достигъ громадныхъ размѣровъ, но въ эпоху развитія римскаго могущества, вслѣдъ за паденіемъ Греціи, пало и значеніе ѳеодосійскаго порта. Во время борьбы римлянъ съ боспорскимъ царемъ Митридатомъ, ѳеодосійцы поднялись и хотѣли было отложиться, но Митридатъ подавилъ возстаніе; затѣмъ слѣдовало подчиненіе Риму и нашествіе алановъ, скиѳовъ, сарматовъ и гунновъ. 2) Въ средній періодъ, продолжавшійся отъ V до XV в. по Рождествѣ Христовомъ, т. е. около 1000 лѣтъ, Ѳеодосія подвергалась нападенію угровъ, болгаръ и хозаръ, которыхъ побѣдилъ въ 988 году Владиміръ Святой и основалъ по сосѣдству тмутараканское княжество (Тамарха, въ древности τα Μάτραχα); въ 1030 г. вторглись печенѣги, а потомъ команы или половцы, вытѣсненные въ 1239 г. татарами. Къ этому времени относится появленіе въ Ѳеодосіи генуэзцевъ. Оно связывается съ завоеваніемъ Константинополя латинянами въ 1204 году. Генуэзцы пріобрѣли сначала здѣсь покупкой небольшое пространство и впослѣдствіи такъ его укрѣпили, что въ состояніи были отражать нападенія татаръ; окончательно городъ былъ обнесенъ стѣной въ 1383—1386 г.

Подъ 1318 г. упоминается о существованіи русской церкви въ Кафѣ. Подъ властью генуэзцевъ городъ скоро достигъ цвѣтущаго состоянія, управляясь консулами, ежегодно присылавшимися изъ метрополіи. Усиленіе и обогащеніе города привело его въ столкновенія съ ханами, которыя окончились невыгодно для горожанъ: они сдѣлались данниками татаръ. Съ завоеваніемъ Константинополя турками для Ѳеодосіи наступаетъ тяжелое время: доступъ въ Черное море былъ затрудненъ ими, турки дѣлали попытки овладѣть полуостровомъ и Ѳеодосіей, а внутри города происходили смуты и раздоры; плебеи возстали противъ патриціевъ и требовали, чтобы консулъ избирался изъ среды ихъ. Къ сожалѣнію, авторъ не изслѣдуетъ причинъ этого явленія, объясняя его просто зараженіемъ жителей демократическимъ духомъ, хотя это могло быть только протестомъ горожанъ противъ притѣсненій олигарховъ. Попытки турокъ относительно Крыма скоро увѣнчались успѣхомъ; дошла очередь и до Ѳеодосіи: 1-го іюня 1475 года она была окружена турками; правители города отправили посольство, съ епископомъ Симеономъ во главѣ, «къ кіевскому воеводѣ Гаштольду съ просьбой о немедленной помощи

городу, находившемуся съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ», но было уже поздно. Ѳеодосійцы вынуждены были сдаться; городъ былъ разоренъ, наступилъ періодъ турецкаго владычества, данное Ѳеодосіи генуэзцами названіе Кафы искажено турками въ Кефу. Любопытенъ фактъ отношеній города Кафы къ кіевскому воеводѣ Гаштольду; къ сожалѣнію авторъ умалчиваетъ о томъ, когда и при какихъ условіяхъ возникли эти отношенія и когда стали враждебными, какъ умалчиваетъ, по непонятной причинѣ, и вообще объ отношеніяхъ кафянъ къ южной Руси и козачеству запорожскому и донскому. А между тѣмъ всѣ наши лѣтописи и памятники сѣверной Россіи упоминаютъ о Кафѣ, какъ о мѣстѣ, гдѣ продавались христіанскіе плѣнники, захваченные татарами во время ихъ частыхъ набѣговъ на южную Россію. Такъ, въ лѣтописи Самовидца подъ 1547 годомъ разсказывается о грабежахъ татаръ въ окрестностяхъ г. Винницы, уводѣ плѣнниковъ и преслѣдованіи татаръ барскимъ старостой Бернатомъ Пертфицемъ, который, хотя и настигъ ихъ подъ г. Очаковымъ, но «плѣнниковъ не засталъ, ибо татары уже ихъ спродали и оные въ городъ Кафу увезены». Особенно-же извѣстно изъ лѣтописей и пѣсенъ взятіе г. Кафы гетманомъ Сагайдачнымъ въ 1606 году, такъ художественно описанное г. Мордовцевымъ въ его повѣсти: «Сагайдачный». Этотъ гетманъ погромилъ въ Кафѣ 14,000 мусульманъ, перетопилъ и пережегъ ихъ каторги, т. е. галеры, освободилъ множество плѣнныхъ христіанъ и навелъ страхъ на самого султана. Покойный М. А. Максимовичъ помѣстилъ въ приложеніи къ «Сказанію о гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ», напечатанномъ въ его «Кіевлянинѣ» за 1850 годъ, рисунокъ, изображающій приступъ къ Кафѣ и заимствованный имъ изъ книги: «Вѣршѣ 1622 года»[2]). Донскіе козаки также дѣлали нападеніе на Кафу то одни, то въ союзѣ съ запорожскими. Но все, что касается козачества, обойдено въ очеркѣ молчаніемъ. Чѣмъ объяснить такой важный пропускъ въ трудѣ г. Виноградова? Неужели это простое невѣдѣніе? Не знать этого факта, намъ кажется, нельзя. Навѣрно, его зналъ и авторъ и если обошелъ его, то имѣлъ вѣроятно какую-нибудь сокровенную причину. Но возвратимся къ прерванному разсказу.

Третій періодъ въ жизни г. Кафы, какъ совершенно вѣрно называетъ его авторъ, турецкій, продолжался 308 лѣтъ, отъ 1475 и до

[1]) См. также: «Архивъ юго-западной Россіи», ч. V, т. I, стр. 66, Лѣтопись Самуила Величка, т. II, 381; т. IV, стр. 151, 155. Лѣтопись Грабянки, стр. 6, 25 и Самовидца, стр. 215 и 333.

[2]) Полное собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, стр. 358.

1783 года. Въ этотъ періодъ положеніе города значительно измѣнилось. Турки изгнали генуэзцевъ и сами взяли въ свои руки торговлю; въ то же время они укрѣпили городъ. Въ этотъ-же періодъ участіе въ судьбѣ полуострова принимаютъ и русскіе цари. Поводомъ къ сближенію послужилъ союзъ хана Менги-Гирея съ Іоанномъ III противъ ногайскаго хана Ахмета. При этомъ авторъ замѣчаетъ, что сношенія русскихъ съ Крымомъ съ тѣхъ поръ почти не прерывались и постепенно подготовляли почву къ отложенію его отъ Турціи. Сказано это, по всей вѣроятности, для краснаго словца, ибо доказательствъ этого не находимъ, знаемъ-же, напротивъ, что на земскомъ соборѣ въ Москвѣ 3 января 1642 года обсуждался вопросъ: принять или не принять Азовъ отъ донскихъ козаковъ [1]), которые завоевали его передъ этимъ и отстояли противъ грозныхъ турецкихъ силъ, и что тогда рѣшено было Азова не принимать въ виду неизбѣжной войны съ Турціей. Если у московскихъ государей могла явиться мысль о завоеваніи побережья Чернаго моря, то не раньше, какъ лѣтъ черезъ 200 послѣ оказанной Менгли-Гиреемъ помощи великому князю противъ хана Золотой Орды, когда теченія рѣкъ Днѣпра и Дона сдѣлались болѣе безопасны отъ козацкихъ грабежей, т. е. съ того времени, когда козачество, донское и запорожское, залегавшее эти рѣки, стало въ большее подчиненіе государямъ. Поэтому-то первые походы съ завоевательными цѣлями были совершены кн. Голицынымъ въ 1687 г. сначала въ союзѣ съ Самойловичемъ, а потомъ въ союзѣ съ Мазепой въ 1689 г. Только Петру I удалось стать твердой ногой при Азовскомъ морѣ. Въ 1736 году гр. Минихъ проникъ до Перекопа. Политика Екатерины II въ періодъ 1768—1774 года была направлена къ тому, чтобы отдѣлить Крымъ сначала отъ Турціи, а за тѣмъ подчинить его своей власти. Первая цѣль была достигнута ею въ 1771 году, а вторая 8 апрѣля 1783 года. Съ этого момента авторъ ведетъ новѣйшій періодъ города до послѣднихъ дней. Такъ какъ съ этимъ-же годомъ прекращается жизнь полуострова, то и объ участіи въ ней Ѳеодосіи уже не приходится говорить автору; онъ *volens-nolens* долженъ былъ обратиться къ внутренней исторіи города, и онъ обращается, но излагаетъ ее не прагматически, а хронологически, какъ лѣтопись событій. Конечно, послѣдній способъ изложенія легче, нѣтъ необходимости много мудрствовать, за то у читателя составляется смутное понятіе обо всемъ: самоуправленіи, промышленности, образованіи и проч. Такого-же порядка держался авторъ при передачѣ

---

[1]) Нападеніемъ козаковъ были тогда встревожены всѣ города полуострова, не исключая и Кафы. Кафяне особенно близко приняли къ сердцу судобу Азова, ожидая и къ себѣ непрошеныхъ гостей.

исторіи Ѳеодосіи и во всѣхъ предъидущихъ періодахъ. Всѣ факты общественной жизни, всѣ роды дѣятельности горожанъ перемѣшаны до крайности; сначала, напримѣръ, говорится о выселеніи изъ Кафы турокъ и снятіи плана города, потомъ объ устройствѣ монетнаго двора, о путешествіи Екатерины II въ Крымъ, о дѣлахъ церковныхъ и учрежденіи епархіи, далѣе приводится описаніе города академикомъ Палласомъ, передается о дарованіи Ѳеодосіи Павломъ I права «порто-франко», объ особомъ губернаторѣ, сооруженіи соборной церкви, открытіи училища, отмѣнѣ порто франко... и т. д. Все это заканчивается похвалами ѳеодосійской думѣ за ея заботы о преуспѣяніи внутренней жизни и о внѣшнемъ благосостояніи и благоустройствѣ города. Особенно, по словамъ автора, велики заботы думы объ образованіи, они ростутъ не по днямъ, а по часамъ; въ настоящее время городъ съ 10,000 населеніемъ и имѣетъ даже мужескую гимназію, въ которой директоромъ и состоитъ авторъ книги г. Виноградовъ, издавшій ее «*въ пользу учащагося юношества*», т. е. съ обращеніемъ, какъ можно догадываться, выручки отъ продажи книги на нужды учениковъ гимназіи, ему подвѣдомой.

Въ концѣ книги приложены: 1) Свѣдѣнія о движеніи судоходства и торговли по ѳеодосійскому порту за періодъ времени съ 1800 по 1883 годъ, 2) Надписи на каменныхъ плитахъ, найденныхъ въ Ѳеодосіи и хранящихся въ мѣстномъ музеѣ и 4) списокъ консуловъ Кафы; но за отсутствіемъ внутренней исторіи города эти приложенія теряютъ для читателя историческій интересъ, сохраняя лишь значеніе сыраго матеріала для другихъ изслѣдователей. А жаль: у г. Виноградова въ распоряженіи былъ богатый сырой матеріалъ и обширная литература; въ этомъ всякій можетъ убѣдиться, просмотрѣвъ «примѣчанія», расположенныя впрочемъ также въ концѣ книги, что очень затрудняетъ справки.

И. Каманинъ.

Обозрѣніе румянцевской описи Малороссіи, выпускъ IV (дополненіе). Составилъ Н. Константиновичъ (оттискъ изъ №№ 38—49 Черниговскихъ Губ. Вѣд. 1884 г.). Чернигов. 1885 г. 58 стр.

Небольшая книжечка, заглавіе которой мы привели, представляетъ послѣдній дополнительный выпускъ того изданія, которое начато было еще въ шестидесятыхъ годахъ черниговскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, по инициативѣ неутомимаго изслѣдователя южно-русской старины А. М. Лазаревскаго, которому принадлежитъ и честь открытія самаго памятника. Румянцевская опись, заключавшая нѣкогда

всѣ *десять* полковъ лѣвобережной Украйны и обнимавшая нынѣшнія черниговскую и полтавскую губерніи, не дошла до насъ цѣликомъ: значительная часть ея, относившаяся къ нынѣшней полтавской губерніи, сгорѣла въ архивѣ полтавской казенной палаты; сохранилась-же едва-ли не меньшая ея половина и при томъ не въ одномъ мѣстѣ: 1) самая большая часть—въ Черниговѣ (открытая А. М. Лазаревскимъ въ черниговской казенной палатѣ и хранящаяся нынѣ при губернскомъ статистическомъ комитетѣ въ размѣрѣ 148 фоліантовъ приблизительно въ 1000 листовъ каждый); 2) значительная часть—въ Кіевѣ при университетской библіотекѣ; 3) 18 связокъ открыто мною въ Полтавѣ, въ архивѣ полтавскаго губернскаго правленія, и нѣсколько штукъ проф. И. В. Лучицкимъ—въ архивѣ полтавской казенной палаты. Черниговская часть обнимаетъ черниговскій, нѣжинскій, стародубовскій, часть кіевскаго, прилуцкаго и смѣлянскую сотню лубенскаго полковъ; кіевская—остальную недостававшую часть кіевскаго полка и почти всю опись переяславскаго полка; полтавская—неполныя 2 сотни миргородскаго полка и 4 полтавскаго. Такой замѣчательный памятникъ, какимъ несомнѣнно является Румянцевская опись Малороссіи, естественно долженъ былъ обратить на себя вниманіе изслѣдователей. Въ Черниговѣ на него обратили вниманіе сначала губернскій статистическій комитетъ, а потомъ земское статистическое бюро. «Съ цѣлью придать сему памятнику большую извѣстность и въ то-же время сдѣлать его доступнѣе для изученія или справокъ», А. М. Лазаревскій издалъ два выпуска «Обозрѣнія Румянцевской описи Малороссіи» (сначала въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», а потомъ отдѣльными оттисками); вскорѣ затѣмъ вышелъ третій выпускъ подъ редакціей Н. А. Константиновича, теперь подъ его-же редакціей вышелъ четвертый, послѣдній, дополнительный. Съ другой стороны въ вышедшемъ IX-мъ томѣ «Матеріаловъ для оцѣнки земель и угодій», обнимающемъ суражскій уѣздъ, мы находимъ статью г. Филомонова о формахъ землевладѣнія, основанную исключительно на данныхъ Румянцевской описи; кромѣ того редакція этого-же изданія объявила, что въ имѣющихъ скоро выйти въ свѣтъ описаніяхъ двухъ новыхъ уѣздовъ—кролевецкаго и городнянскаго, параллельно съ современною подворною описью, будетъ приведена и подворная опись, составленная въ 1767 году по распоряженію гр. Румянцева. Наконецъ пользовались уже этимъ источникомъ нѣкоторыя лица и для своихъ частныхъ изслѣдованій; нѣсколько извлеченій (образцы подворныхъ описей и инструкціи) приводитъ въ своей книгѣ: «Малороссійскіе посполитые крестьяне» А. М. Лазаревскій; подворная опись города Стародуба и часть описи города Нѣжина извлечена мною. Предварительный комитетъ одес-

скаго археологическаго съѣзда поставилъ нѣсколько вопросовъ о Румянцевской описи Малороссіи и въ отвѣтъ получилъ обстоятельное обозрѣніе черниговской части Румянцевской описи, доставленное г. Кужбою 2-мъ.

Не осталась безъ вниманія и та часть описи, которая хранилась въ Кіевѣ. Инициатива въ разработкѣ ея несомнѣнно принадлежитъ проф. И. В. Лучицкому. По его предложенію полтавское губернское земское рѣшилось издать «Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ полтавской губерніи въ XVIII в.» и поручило это дѣло тому-же И. В. Лучицкому; пока вышелъ только 1-й выпускъ 1-го отдѣла (козачьи владѣнія золотоношскаго уѣзда). Вмѣстѣ съ тѣмъ И. В. Лучицкій въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ», а потомъ отдѣльною книгой издалъ «Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общ. земель въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII в.», заключающій весьма интересныя данныя о малороссійской общинѣ XVIII в. Кромѣ того таже Румянцевская опись, хранящаяся въ библіотекѣ кіевскаго университета, послужила ему матеріаломъ для нѣсколькихъ статей: въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1882 годъ онъ помѣстилъ статью «Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII в.»; въ полтавскомъ земскомъ органѣ «Обзоръ» — малороссійская община и сельское духовенство; на одесскомъ археологическомъ съѣздѣ онъ читалъ рефераты о малорусской общинѣ и Румянцевской описи Малороссіи. Этими-же матеріалами удалось воспользоваться и мнѣ въ бытность въ Кіевѣ и на основаніи ихъ я составилъ двѣ статьи: «Генеральная опись Малороссіи» (въ «Кіевской Старинѣ» за 1883 г. ноябрь) и «Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVII и XVIII в.» (ibidem, 1883 г., декабрь). Что касается до связокъ, отысканныхъ мною въ Полтавѣ, то о нихъ я сдѣлалъ краткое сообщеніе на одесскомъ археологическомъ съѣздѣ.

Такимъ образомъ Румянцевская опись Малороссіи въ настоящее время вызвала уже значительную литературу. Но смѣло можно утверждать, что интересъ къ ней только что возбужденъ и что матеріалы ея могутъ послужить основою многихъ изслѣдованій. Въ ней, напримѣръ, заключаются богатѣйшія данныя для характеристики экономическаго быта южно-русскаго дворянства, козачества, мѣщанства и крестьянства во второй половинѣ XVIII в.; еще болѣе данныхъ мы найдемъ для исторіи малороссійскаго землевладѣнія (крупнаго и мелкаго); въ этомъ отношеніи особенно любопытны приложенные къ описи документы. На нашъ взглядъ наиболѣе пригодной была-бы именно такая разработка данныхъ Румянцевской описи, такъ какъ расчитывать на полное систематическое изданіе ея врядъ-ли возможно.

Съ этой точки зрѣнія мы считаемъ очень полезной попытку гг. Лазаревскаго и Константиновича дать краткое, но систематическое обозрѣніе Румянцевской описи—нѣчто въ родѣ географическаго указателя къ ней съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ. Такое же значеніе имѣетъ и нынѣшній выпускъ. Онъ заключаетъ въ себѣ съ одной стороны краткія статистическія данныя о тѣхъ селеніяхъ, описанія коихъ сохранились, а съ другой—разнаго рода документы, приложенные къ описямъ. Большая часть селеній (черниговскій, нѣжинскій, стародубовскій и часть кіевскаго полка) были уже описаны. Въ настоящемъ выпускѣ описана «большая связка отдѣльныхъ описаній селъ и владѣній, выбранная, очевидно, кѣмъ-то изъ разныхъ томовъ описи»; въ ней описано 36 селеній нынѣшней черниговской губерніи, въ томъ числѣ имѣется часть описи г. Чернигова, которая сама по себѣ, какъ отрывокъ, не представляетъ интереса, но имѣетъ нѣкоторое значеніе, потому что полнаго описанія г. Чернигова вовсе не сохранилось. Что-же касается приложеннымъ къ «Обозрѣнію» документовъ, то нѣкоторые изъ нихъ представляютъ положительный интересъ; таковы напримѣръ документы, рисующіе намъ положеніе монастырскихъ подданныхъ (универсалъ Мазепы 1701 года о монастырскихъ подданныхъ, ушедшихъ къ козакамъ въ подсусѣдки, универсалъ Скоропадскаго о тѣхъ-же подданныхъ, универсалъ Скоропадскаго, запрещающій постороннимъ лицамъ продавать «горілку» въ монастырскихъ маетностяхъ). Со стороны настоятелей черниговскаго слецкаго монастыря или постоянныя жалобы на крестьянъ, которые записывались въ подсусѣдки къ козакамъ, но оставляли за собою участки монастырской земли; въ виду этихъ жалобъ гетманы и издавали свои строгіе универсалы. Издана книжка для черниговской губернской типографіи довольно опрятно, хотя къ несчастью изобилуетъ опечатками.

Во всякомъ случаѣ честь и хвала г. Константиновичу, что онъ довелъ свое дѣло до конца!

Дмитрій Багалѣй.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ЧУМА ВЪ СѢВЕРНОЙ ЧАСТИ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ 1813 ГОДА.

Въ семейномъ архивѣ А. П. Пишчевича, въ его имѣніи с. Скалевомъ александрійскаго уѣзда сохранилось довольно большое число бумагъ дѣда его, Александра Семеновича[1]). Значительнѣйшую долю ихъ составляютъ дневники за разные годы начала нашего столѣтія, затѣмъ слѣдуютъ спеціальныя статьи о Потемкинѣ, о кавказской войнѣ, въ которой авторъ самъ принималъ участіе, есть также небольшія замѣтки о началѣ военныхъ поселеній въ Новороссіи, о чумѣ 1813 г. и наконецъ офиціальные документы, какъ то переписка Пишчевича съ герцогомъ де-Ришелье по поводу борьбы съ чумою, копіи съ разныхъ правительственныхъ актовъ и т. п. Что касается дневниковъ, то главное содержаніе ихъ составляютъ личныя дѣла автора, много мѣста отведено всевозможнымъ слухамъ и небылицамъ о Наполеонѣ, также мѣстныя вѣсти, большею частію интимнаго характера. Все это могло-бы быть прочтено и пригодиться въ хорошемъ сокращеніи: авторъ нашъ чрезвычайно многорѣчивъ, а часто и совсѣмъ, такъ сказать, непечатенъ. Но лично мы имѣли возможность познакомиться съ архивомъ Пишчевича мимолетомъ и не полно и успѣли лишь кое что замѣтить въ свою запи-

---

[1]) Его «Примѣчанія на новороссійскій край» помѣщены въ «Кіевской Старинѣ» за прошлый годъ, № 1.

сную книжку. На этотъ разъ сгруппируемъ извѣстія Пишчевича о чумѣ 1813 г., заключающіяся въ его дневникахъ 1812 и 1813 г., а также въ особой тетрадкѣ, озаглавленной «Изслѣдованіе о появившейся чумѣ въ полуденномъ краю Россіи», дополняя ихъ данными, извлеченными изъ переписки съ Ришелье, и свѣдѣніями, почерпнутыми изъ дѣлъ архива елисаветградской городской думы. Замѣтимъ кстати, что историкъ Новороссіи, г. Скальковскій, говоря, что чума прекратилась въ началѣ 1813 года[1]), упустилъ конечно изъ виду, что въ серединѣ этого года болѣзнь еще свирѣпствовала въ сѣверной части херсонской губерніи и прекратилась лишь въ концѣ сентября мѣсяца. Въ 1813 г. Пишчевичъ былъ предводителемъ дворянства александрійскаго уѣзда и лично принималъ участіе въ борьбѣ съ заразою, а потому разсказъ его особенно цѣненъ, какъ показаніе очевидца.

Гдѣ былъ источникъ заразы въ 1813 г., одинъ-ли онъ былъ, или ихъ было нѣсколько, не знаемъ съ опредѣленностію; по мнѣнію современниковъ чумы, болѣзнь эта распространилась изъ двухъ пунктовъ: изъ Одессы и изъ Молдавіи. Напуганное воображеніе создало фантастическое сказаніе, будто чума приняла образъ бѣлой безхвостой собачки, которая перебѣгала изъ села въ село и заносила заразу.

Въ Одессѣ чума появилась въ іюлѣ 1812 г., въ декабрѣ затихла, благодаря энергической дѣятельности генералъ-губернатора де-Ришелье, но въ началѣ слѣдующаго года возобновилась, хотя и не въ обширныхъ размѣрахъ. Одновременно разыгралась чума въ с. Коренихѣ, противъ Николаева, распространилась и по всей забугской области, вплоть до Днѣстра, но не извѣстно откуда. Заболѣванія чумою констатированы въ хотинскомъ военномъ госпиталѣ, гдѣ, повидимому, появилась она независимо отъ Одессы.

Въ «Запискахъ» 1812 года, 4 октября, Пишчевичъ говоритъ объ учрежденіи карантиновъ по границамъ кіевской, подольской, полтавской и екатеринославской губерній, но сообщаетъ неутѣшительныя свѣдѣнія о дѣятельности ихъ. «Не буду ничего говорить

---

[1]) Хронологическое обозрѣніе исторіи новороссійскаго края, 1838 г., ч. II, стр. 224.

о тѣхъ карантинахъ, которыхъ я не видалъ, пишетъ онъ, а скажу только о крюковскомъ, учрежденномъ для безопасности Кременчуга. Здѣсь не имѣя никакой заставы, съ одной стороны кирпичный заводъ, съ другой шалашъ, а между сими двумя предметами стоитъ унтеръ-офицеръ, приставъ карантина, растопыря ноги, съ палкою въ рукахъ. Слово «стой!», повелительно выговоренное, останавливаетъ всѣхъ. Господа проѣзжаютъ, но извощики, чумаки, жиды и поселяне ближнихъ деревень задерживаемы всѣ, чумныхъ и не чумныхъ мѣстъ. Продержавъ до вечера, сіи располсываются и заплатя по полтинѣ съ воза, ѣдутъ куда хотятъ»... «Здѣсь, продолжаетъ Пишчевичъ, кромѣ денегъ сбираютъ всѣми продуктами, какіе только поселяне везутъ для продажи въ городъ. У заставы видны кучи арбузовъ, капусты, буряковъ и пр. Нерѣдко принуждаютъ продать у карантина птицу, масло, яйцы за цѣну, установленную приставами и все сіе они продаютъ съ барышемъ уже сами. Два городничіе: кременчугскій Брижинскій и крюковскій Череповъ съ штабъ-лѣкаремъ Захаржевскимъ предоставляютъ пользоваться сею добычею унтеръ-офицерамъ и мѣщанамъ, къ карантину приставленнымъ, а сами дѣлятся собираемыми деньгами. Для предосторожности имѣются при карантинѣ предлинные желѣзные щипцы, которыми принимаются билеты проѣзжающихъ, опасаясь прямо въ руки брать, дабы не пристала чума, но присемъ-же замѣчается, что ассигнаціи, которыми откупаются проѣзжіе отъ долгаго постоя (т. е. остановки), берутся безъ щипцовъ. Есть еще одно обидное для проѣзжающихъ здирство, добавляетъ Пишчевичъ: везущіе сѣно для пропродажи въ Кременчугъ останавливаемы у карантина и изъ каждаго воза приставы щипаютъ по нѣскольку сѣна, что составляетъ нѣкоторое число вязанокъ. Изъ сего сѣна продаютъ тѣмъ, кого въ карантинѣ задерживаютъ, и по какой цѣнѣ хотятъ, для чего и вѣсы сдѣланы, другому-же никому не позволяютъ привезть сѣна въ оный для продажи. Къ этому еще надобно добавить жадность живущаго отъ карантина въ одной верстѣ помѣщика Николая Степановича Раздеришина, у котораго на кухнѣ приготовляютъ обыкновенный малороссійскій борщъ, саломъ заправленный, и сію пищу вынося къ карантину, продаютъ небольшой горшокъ по рублю».—Интересная черта нравовъ...

Въ мартѣ 1813 года чума обнаружилась въ Знаменкѣ, александрійскаго уѣзда. По офиціальнымъ даннымъ, исторія появленія здѣсь болѣзни была такова. Житель Знаменки, Лукьянъ Шумиловъ, по промыслу извощикъ, въ октябрѣ 1810 г. выѣхалъ въ Молдавію и возвратился оттуда въ іюнѣ 1811 года, при чемъ привезъ какія то вещи; въ 1812 г., въ февралѣ или мартѣ, умеръ послѣ довольно продолжительной болѣзни; черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ него умерла и жена; двоихъ дѣтей ихъ взялъ родственникъ Василій Дречонкинъ: дѣти Шумилова, Дречонкинъ самъ и его дѣти всѣ умерли также; дочь Шумилова, переѣзжая къ Дречонкину, привезла сундукъ съ платьемъ и тряпьемъ; лоскутокъ, взятый изъ него, достался знакомой ея Натальѣ Харитоновой; та пошила изъ него верхи на шапки двумъ сыновьямъ своимъ къ свѣтлому празднику, и оба умерли вскорѣ послѣ Пасхи; еще раньше умеръ отецъ ихъ, а въ маѣ зачумѣла сама Наталья съ остальными дѣтьми, но всѣ выздоровѣли.

Къ сожалѣнію, болѣзнь не была захвачена во время, вслѣдствіе оплошности елисаветградскаго врача Гезейна. Командированный въ Знаменку для опредѣленія появившейся тамъ болѣзни, онъ призналъ ее гнилою горячкой, поэтому только въ іюлѣ приняты были энергическія мѣры противъ распространенія заразы: въ Знаменкѣ учрежденъ двойной кордонъ и очистительный карантинъ, а дома, гдѣ обнаружилась зараза, велѣно сжигать. Кордономъ окруженъ также весь елисаветградскій уѣздъ. Заслуга по уничтоженію чумы въ Знаменкѣ принадлежитъ герцогу Ришелье, лично прибывшему въ Знаменку и безбоязненно распоряжавшемуся уничтоженіемъ болѣзни. По словамъ старожиловъ Знаменки, здѣсь умерло отъ чумы болѣе 400 человѣкъ, что подтверждается значительными размѣрами чумнаго кладбища, находящагося верстахъ въ трехъ отъ селенія. Болѣзнь продолжалась до глубокой осени.

Въ декабрѣ 1812 г., на помощь Ришелье явился изъ Петербурга князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ. Говорили, что онъ посланъ вслѣдствіе враждебнаго отношенія къ Ришелье въ обществѣ, какъ къ французу, хотя самъ государь очень его любилъ. Прибывъ въ Кременчугъ, петербургскій гость намѣревался отправиться въ Одессу, но узнавъ, что въ окрестностяхъ ея чума, повернулъ въ Тульчинъ. Въ Тульчинѣ приняла его знаменитая котда-то своею красотою графиня Софья Потоцкая, бывшая графиня Виттъ, владѣлица

Тульчина и Умани. Для борьбы съ заразою князь Куракинъ организовалъ комитеты подъ названіемъ предохранительныхъ, очистительныхъ и истребительныхъ. Предохранительные состояли изъ уѣзднаго предводителя дворянства, городничаго, исправника, лѣкаря и стряпчаго. Они должны были строго слѣдить за соблюденіемъ правилъ о карантинахъ и кордонахъ. Карантины были трехъ категорій: чумные, сомнительные и наблюдательные. Все населеніе мѣста, гдѣ открылась чума, поступало на «обсерваціонное» положеніе: никто не смѣлъ выходить изъ дому, пока оно не будетъ прекращено; продовольствіемъ должны запастись заранѣе сами обыватели или-же комитетъ озаботится доставкой его; всѣ обыватели подвергаются тщательному осмотру, и больные какою-бы то ни было болѣзнью поступаютъ въ наблюдательный карантинъ на 6 дней; полиція съ медикомъ ежедневно осматриваетъ всѣхъ живущихъ въ томъ домѣ, гдѣ оказался больной; изъ обывателей составляются очистительные комитеты, которые, раздѣля село или городъ на участки, обязаны произвести очищеніе всѣхъ жилищъ и лавокъ, при помощи хозяевъ ихъ. Пріемы очищенія указывались слѣдующіе: домъ долженъ быть выбѣленъ известью или мѣломъ на соленой водѣ, дома деревяные, а равно мебель вымыты соленой водою, а металлическія вещи уксусомъ; зданіе окуривается 6 разъ сѣрой, селитрой или порохомъ, окуривается и одежда, а затѣмъ вымывается сначала горячей, потомъ холодной водою и вывѣшивается для провѣтриванія [1]). Для очищенія разныхъ предметовъ, способныхъ сохранять заразу, рекомендовалось учреждать лагаузы.

Въ объявленіяхъ, составленныхъ княземъ Куракинымъ, всѣ мѣстные жители приглашались объявлять о вещахъ, почему-либо сомнительныхъ, а особенно о полученныхъ изъ зачумленныхъ мѣстъ или найденныхъ зарытыми въ землѣ, съ обѣщаніемъ получить ихъ обратно послѣ очищенія. Виновные въ сокрытіи такихъ вещей и владѣльцы, не объявившіе о нихъ, лишаются таковыхъ вещей, которыя отдаются лицу, донесшему о сокрытіи, а владѣлецъ подвергается суду. Жители обязывались особой присягой исполнять это предписаніе. Къ сожалѣнію, такого рода объявленія мало исполня-

---

[1]) Вслѣдствіе усилившагося требованія, цѣна на соль возросла съ 80 коп. до 2 руб. за пудъ.

лись, не помогала и присяга. Самъ Куракинъ открыто жаловался, что вещи продолжаютъ скрывать, изъ опасенія, какъ-бы ихъ не стали жечь. За тайными ходами, которыми распространялась зараза, комитеты не могли услѣдить. При этомъ чиновный штатъ, которымъ располагалъ Куракинъ, по словамъ Пишкевича, началъ свою дѣятельность съ очищенія бутылокъ съ виномъ, ромомъ и водкою; этой недобросовѣстной бездѣятельности чиновниковъ Пишкевичъ приписываетъ появленіе заразы въ Балтѣ и Тирасполѣ. Князю Куракину приходилось удвоить свою дѣятельность и вести борьбу не съ одной чумою, но и съ ея истребителями. Если вѣрить Пишкевичу, было время, когда 700 чиновниковъ находились подъ судомъ. Мѣста чиновниковъ, отданныхъ подъ судъ, занимались чиншевыми шляхтичами, вѣроятно,—не безъ вліянія и указанія графини Потоцкой. Но и эти оказывались не лучше. Пишчевичъ отзывается о нихъ слѣдующимъ образомъ: «сія шляхта, будучи голая шляхта, положила нажиться отъ этихъ мѣстъ и потому теперь на все такса; безъ рубля въ рукахъ нельзя показаться передъ шляхтича ни съ чумою, ни безъ чумы» и т. д. Одно время было предположеніе уничтожить домашній скотъ въ зараженныхъ мѣстахъ, но оставлено; въ замѣнъ этого подверглись уничтоженію кошки и собаки, а въ результатѣ, по замѣчанію Пишчевича, оказались прекрасныя шубы на кошачьемъ мѣху у шляхтичей-очистителей и у чиновниковъ нижняго земскаго суда. Злоупотребленія карантинныхъ приставовъ продолжались своимъ чередомъ, и карантины, не мѣшая распространенію болѣзни, дѣлали не малыя затрудненія населенію, а особенно крестьянамъ. «Карантинные приставы, говоритъ Пишкевичъ, пустились на лихоимство и кто поважнѣе чинъ имѣлъ, того сажали въ карантинъ, а купцовъ и другихъ, заплатившихъ имъ щедро, начали пропущать безъ 16-дневнаго закупориванія въ землянки и безъ окурки. Таковая несправедливость случилась съ какимъ-то генераломъ, котораго остановили въ карантинѣ, а двухъ купцовъ, взявъ съ нихъ 500 р., пропустили. Генералъ жаловался князю Лобанову-Ростовскому, малороссійскому генералъ-губернатору, которому ввѣрено княземъ Куракинымъ начальство надъ карантинами, прикосновенными полтавской губерніи. Купцы возвращены въ карантинъ, а карантинные смотрители смѣнены. Послѣ этого, продолжаетъ нашъ авторъ, день ото дня болѣе и болѣе стѣсняемыя мѣры прекратили почти совсѣмъ

сообщеніе между Кременчугомъ и херсонской губерніей. Съ херсонской стороны ни хлѣба, ни сѣна въ Кременчугъ и Крюковъ привозимо не было и бѣдный крестьянинъ не имѣлъ куда свои избытки сбывать, а казна требовала взноса податей и въ казенныхъ селеніяхъ выставляли людей въ трескучіе морозы нагишомъ, обливая ихъ притомъ водою, дабы таковымъ звѣрствомъ понудить ихъ къ скорому взносу слѣдуемыхъ въ казну денегъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ, избѣгая истязаній, желали скорѣе взнесть подати, прокрадывались въ Кременчугъ, дабы за что-бы то ни было продать, что могли, но тамъ были пойманы, сѣчены плетьми, посажены въ тюрьму и продуктовъ своихъ лишились, которые отсылались въ богоугодное заведеніе, т. е. во дворъ городничаго». Въ другомъ мѣстѣ Пишчевичъ говоритъ: «...По случаю чумы, князь Куракинъ прислалъ печатные билеты для проѣздовъ жителей, которые (билеты) должны получать—крестьяне помѣщичьи отъ предводителя, а казенные—отъ нижняго земскаго суда безъ заплаты. Секретарь (александрійскаго земскаго суда) Симоновъ учредилъ брать себѣ за всякій билетъ по рублю, а писари берутъ за приложеніе печати по 10 к., а другія 10 к. долженъ дать крестьянинъ копіисту, у двери стоявшему самъ отъ себя, для наживы, за то, что сего бѣдняка въ судъ впустятъ».

Теперь посмотримъ, какъ относилось къ бѣдѣ само общество, и для этого заглянемъ въ Елисаветградъ. Городъ былъ окруженъ караулами, выбраны были надзиратели, улицы перекопаны для прекращенія сношеній съ зачумленными мѣстностями, словомъ, приняты были всѣ мѣры предосторожности, какія еще въ 1812 г. предписаны начальствомъ. Затѣмъ Елисаветградъ опочилъ отъ дѣлъ своихъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, стало быть, когда въ Одессѣ чума не прекратилась еще, проникъ въ городъ одесскій купецъ Головатый, безъ всякаго свидѣтельства отъ карантина; по осмотрѣ докторомъ, онъ оказался здоровымъ, тѣмъ не менѣе, по поводу этого случая мѣстная полиція отнеслась къ городской думѣ съ требованіемъ собрать купеческое и мѣщанское общество и предложить имъ выбрать 10 человѣкъ надзирателей въ помощь къ наличнымъ. Дума обидѣлась, что отъ нея *требуютъ*, и постановила: «увѣдомить полицію, чтобы въ дѣлѣ о сохраненіи города отъ заразы она дѣйствовала не перепискою, а общимъ распоряженіемъ съ думою лично, на основаніи имѣющихся отъ херсонскаго вице-губернатора предписанія». Отвѣтъ этотъ заста-

вилъ замолчать противника на 4 недѣли и 2 дня; тогда онъ пріободрился и снова потребовалъ, потребовалъ на этотъ разъ исправленія окоповъ, которые засорились, а также наряда 6 караульныхъ на день. Но дума, съ подобающимъ мужествомъ, приказала: «увѣдомить исправника Цвѣтковича, что по настоящему зимнему времени невозможно поновить въ недавнемъ времени перекопанныхъ рвами и запущенныхъ по недосмотру улицъ, а если онъ находитъ въ томъ возможность, то произвелъ-бы сіе отпущенными съ сей думы для окопа улицъ лопатками чрезъ неважныхъ содержащихся въ острогѣ арестантовъ, въ чемъ и сія дума способствовать обовязана, и потомъ имѣть ихъ въ лучшемъ присмотрѣ посредствомъ полицейскихъ чиновниковъ». О нарядѣ караульныхъ дума повторяла прежнее нравоученіе, что полиція не должна дѣйствовать перепискою. Такимъ образомъ окопы оставались засоренными, а караулы въ прежнемъ числѣ. Продолжались и посѣщенія лицъ въ родѣ Головатаго, безъ карантинныхъ свидѣтельствъ.

Между тѣмъ почва для развитія чумы въ Елисаветградѣ была готова. О гигіеническихъ условіяхъ жизни никто тогда и думать не хотѣлъ. Къ тому-же по городу было расквартировано большое число плѣнныхъ французовъ, австрійцевъ и поляковъ, содержавшихся крайне плохо. Плѣнные не имѣли не только верхняго платья, крайне необходимаго въ зимнее время, особенно въ суровую зиму 1812 года, но и нижняго, а ходили въ рубищахъ, отчего сильно заболѣвали и умирали. На положеніе несчастныхъ обратилъ вниманіе вице-губернаторъ при личномъ посѣщеніи города и предписалъ думѣ озаботиться снабженіемъ ихъ бѣльемъ и тулупами; исполняя его приказаніе, дума ассигновала на этотъ предметъ 7,000 руб. асс. заимообразно. Можно предположить, что плѣнные въ такомъ состояніи мало способствовали очищенію и оздоровленію города.

Чума въ Елисаветградѣ открылась 24 мая 1813 г., а прекратилась въ сентябрѣ того-же года. По разсказамъ стариковъ, болѣзнь занесена сюда изъ Знаменки, какимъ-то крестьяниномъ, привезшимъ женскіе наряды, должно быть, припрятанные отъ комитетовъ. Наряды эти купилъ елисаветградскій купецъ Моренковъ для своей дочери, которая вскорѣ умерла. Догадывался-ли отецъ о причинѣ ея смерти, или нѣтъ, но наряды эти были отданы духовенству, чуть-ли не въ вознагражденіе за похороны, вслѣдствіе этого зараза

постигла самый причтъ греческой церкви, въ приходѣ которой Моренковъ жилъ, и потомъ переходила и на лѣвую сторону Ингула. Число смертныхъ случаевъ отъ чумы въ Елисаветградѣ съ точностью опредѣлить трудно: метрической книги за 1819 г. въ греческой церкви не существуетъ, остальныя-же указанія не полны; Пишчевичъ говоритъ, что умерло 27 человѣкъ, но по рапортамъ городской думы насчитывается 97 смертныхъ случаевъ; слѣдуетъ замѣтить, что рапорты сохранились не всѣ и, стало быть, общая сумма должна быть еще выше.

Очистительные комитеты изъ горожанъ произвели перепись жителямъ города. Больные отправлялись въ сомнительный карантинъ, дома окуривались, а въ случаѣ обнаруженія чумы сжигались. По отношенію къ евреямъ, которыхъ считалось въ Елисаветградѣ свыше 1,000 душъ, начальство приняло особенно строгія мѣры: приказано всѣхъ ихъ «до души» вывести за городъ съ пожитками, помѣстить въ казенныхъ конюшняхъ, взять съ нихъ строжайшую присягу въ томъ, что ничего изъ вещей ими не скрыто, и потомъ тщательно очистить всѣхъ по системѣ Гитона де Морво. Основаніями для такого внимательнаго отношенія къ евреямъ начальство почитало неопрятность и корыстолюбіе ихъ, заставлявшее прятать вещи.

Трудно сказать, насколько успѣшна была борьба комитетовъ съ чумою въ Елисаветградѣ, но, по словамъ старожиловъ, заслуга прекращенія ея и здѣсь, какъ въ Знаменкѣ, принадлежитъ личной распорядительности Ришелье, безъ страха являвшагося къ больнымъ и ободрявшаго духъ ихъ привѣтливостью обращенія и внимательностью къ нуждамъ ихъ; Ришелье запретилъ колокольный звонъ, которымъ провожали покойниковъ на кладбище, и который безъ нужды разстраивалъ и безъ того напуганное воображеніе населенія.

27 іюня констатирована чума въ с. Аврамовкѣ (18 верстъ отъ города Александріи). Здѣсь, повидимому, источникъ заразы была ярмарка. На ярмарку прибыла изъ Елисаветграда торговка Черникова съ сыномъ, дочерью и работникомъ; дочь умерла послѣ кратковременной болѣзни 8 іюня и на груди ея найдены синія пятна, признанныя штабъ-лѣкаремъ Хабаревымъ пятнами горячки; вслѣдъ за дочерью умерла и мать, но на тѣлѣ ея не было найдено никакихъ знаковъ; сынъ и работникъ Черниковой помѣщены въ каран-

тинѣ и тамъ умерли 27 числа; по медицинскомъ осмотрѣ на нихъ найдены признаки чумы. Затѣмъ открыта чума у какого-то еврея. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ Аврамовкѣ не имѣемъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ чума открылась въ посадѣ Петриковкѣ. Виновникомъ появленія болѣзни здѣсь былъ еврей Уширъ Соколовскій, занимавшійся торговлей и державшій въ елисаветградскомъ уѣздѣ шинокъ; сначала умерли дочери его, отъ ситцу, откуда-то привезеннаго имъ отцомъ на платья; потомъ умерла мать ихъ и наконецъ зараза распространилась и среди русскаго, преимущественно бѣднѣйшаго населенія посада, отъ того-же ситцу, раскупленнаго бабами на очипки. Точной цифры смертныхъ случаевъ здѣсь не имѣется; по оффиціальнымъ даннымъ, съ 11 по 29 августа умерло 26 человѣкъ; а Пишчевичъ говоритъ, что всего умерло 300 человѣкъ; болѣзнь продолжалась до конца сентября. 22 числа Пишчевичъ записалъ: «сегодня я выпустилъ изъ карантина до 200 душъ, остаются одни сумнительные»... Въ своемъ дневникѣ Пишчевичъ даетъ потрясающую картину чумы въ Петриковкѣ и мы приводимъ его описаніе цѣликомъ.

«28 августа. Съ одной стороны лежитъ еврей при послѣднемъ издыханіи, третій или четвертый день борющійся съ чумою, въ другой сторонѣ вижу жидовку, съ которою вчера вечеромъ еще я разговаривалъ, а теперь умершую отъ чумы; окостенѣвъ уже, она держитъ еще дитя въ своихъ объятіяхъ, которое, пробудившись, крикомъ своимъ не можетъ разбудить матери своей, ищетъ рученками тѣхъ сосцовъ, которыми питалось, но они уже на вѣки засохли; въ другомъ мѣстѣ встрѣчаюсь съ зачумленною матерью, которая видитъ дѣтей, раздѣленныхъ по одному—по два въ разные шалаши: всѣ чумою уже пойманы и всѣ ожидаютъ послѣдней минуты; здѣсь поражаюсь внезапною смертью человѣка, предо мною стоявшаго, со мною говорившаго: его уже нѣтъ, онъ вдругъ прекратилъ свое бытіе; чума была для него милосердна, она его не мучила; тамъ вижу каторжныхъ, одѣтыхъ въ платье въ смолу обмокнутое, зацѣпившихъ за руку или ногу или за шею умершихъ веревкою, влекущихъ умершія тѣла къ могилѣ, и слышу страшный гулъ, раздававшійся по чумному стану отъ того удара, когда они безъ всякой бережи бросаютъ тѣло въ яму, въ 3 аршина глубиною вырытую; а тамъ поражаетъ мой слухъ крикъ дитяти, едва годъ отъ роду

имѣющаго: оно лишено чумнаго отца, матери и, будучи сумнительно, никѣмъ изъ родныхъ не принимается и потому отдано для присмотру одному изъ каторжныхъ. Каторжный—нянька!.. Съ одной стороны вижу зачумленнаго человѣка, лежащаго съ самаго начала безъ всякаго чувства, ибо ядъ болѣзни уже подавилъ въ немъ его; съ другой—человѣкъ находится въ великомъ бреду и жару, лицо его сдѣлалось багровымъ, говоритъ—Богъ знаетъ что̀ и въ такомъ положеніи прекращаетъ жизнь...» «Все оставшееся семейство умершаго стоитъ раздѣто до нага, должно купаться въ р. Бешкѣ, тутъ протекающей, вытирается уксусомъ, потомъ переодѣвается въ другое платье, для сего приготовленное, а бывшее на нихъ предается огню; врачи осматриваютъ ихъ, ищутъ карбункуловъ и раздѣляютъ семейства по сортамъ: одни идутъ въ чумный, другіе въ сомнительный, третьи—въ наблюдательный лазареты».

25 августа прибылъ въ Петриковку герцогъ Ришелье и взялъ на себя лично руководство дѣломъ. Въ зачумленныя мѣста направился и князь Куракинъ, но дорогой заболѣлъ самъ. Ришелье, оставившій Петриковку 6 сентября, встрѣтился съ нимъ въ Елисаветградѣ и послѣ продолжительной бесѣды съ нимъ отправился въ Одессу, а князь Куракинъ направился въ Чигиринъ для осмотра карантина, потомъ посѣтилъ Андрусовку, Крыловъ и Онофреевку. Наконецъ, 17 сентября прибылъ онъ въ Петриковку, въ которой чума еще не прекратилась, и, осмотрѣвъ наблюдательный карантинъ, уѣхалъ въ Умань.

4 сентября чума обнаружилась въ с. Протопоповкѣ, раньше всего въ семьѣ священника, но, кажется, продолжалась не долго. Умерло, по показанію Пишчевича, 11 душъ.

Этимъ ограничиваются данныя о чумѣ 1813 г., заключающіяся въ запискахъ А. С. Пишчевича.

Н. И.

РАСКОПКИ У ТРЕХСВЯТИТЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ Г. КІЕВѢ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ сего года, на усадьбѣ трехсвятительской церкви г. Кіева, прилегающей къ самому погосту оной, по распоряженію епархіальнаго начальства, приступлено къ постройкѣ об-

ширнаго зданія для втораго кіевскаго училища дѣвицъ духовнаго званія. Стали планировать мѣсто, занятое подъ постройку, до уровня улицы, а для этого оказалось нужнымъ произвести значительную съемку земли на глубину около двухъ саженей. При этой съемкѣ, которая велась съ хозяйственною, а не научною цѣлью, стали попадаться нѣкоторые предметы глубокой древности, что и дало поводъ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ лицамъ сдѣлать осмотръ обнаженныхъ при съемкѣ древнихъ пластовъ земли и произвести нарочитыя нѣкоторыя раскопки въ мѣстахъ нахожденія предметовъ древности. Осмотръ и раскопки произведены 28 марта мною при участіи проф. А. В. Прахова, прот. П. Г. Лебединцева и нѣкоторыхъ другихъ членовъ общества пр. Нестора лѣтописца и хотя не привели къ какимъ-либо положительнымъ и вѣрнымъ результатамъ, но опредѣлили характеръ той мѣстности и дали поводъ и основаніе для интересныхъ предположеній, для которыхъ, быть можетъ, нашлось-бы и полное подтвержденіе, если-бы раскопки были подвинуты дальше по направленію къ обрыву горы и немного приближены къ трехсвятительской церкви.

Извѣстно, что тамъ, гдѣ стоитъ трехсвятительская церковь, до самаго принятія св. Владиміромъ крещенія, находилось капище языческаго бога Перуна и приносились жертвы, иногда даже человѣческія. Когда Перунъ былъ низвергнутъ, на мѣстѣ его построена была св. Владиміромъ церковь во имя св. Василія, которымъ онъ былъ нареченъ при крещеніи. Здѣсь-же рядомъ былъ потомъ большой Ярославовъ дворъ и помѣщались древніе княжескіе теремы. Церковь св. Василія, по всей вѣроятности, была деревянная и когда она обветшала, то великій князь Святославъ Всеволодовичъ построилъ на мѣстѣ оной каменную церковь во имя трехъ святителей: Василія В., Григорія Б. и Іоанна Златоустаго, освященную кіевскимъ митрополитомъ Никифоромъ въ 1184 г. и уцѣлѣвшую до настоящаго времени.

И такъ съемка земли производилась несомнѣнно на одной изъ самыхъ древнихъ и по преимуществу историческихъ мѣстностей Кіева. Произведенный нами осмотръ обнаженныхъ пластовъ земли обнаружилъ слѣдующее: въ самомъ первомъ слоѣ земли, оказавшемся наноснымъ пластомъ, на достаточной глубинѣ найдено нѣсколько кирпичей довольно крупныхъ размѣровъ, по остаткамъ которыхъ можно судить, что кладка ихъ производилась при помощи

особеннаго состава, въ родѣ нашего цемента и, что самое главное, способъ кладки кирпичей таковъ, какой существовалъ во времена первыхъ кіевскихъ князей. Нѣсколько ниже, на третьемъ метрѣ, появляется еще слой чернозема, нѣкогда находившійся на поверхности почвы и произшедшій отъ перегноя растеній. Ниже этого черноземнаго слоя лежитъ глина (четвертичной формаціи), лёсъ, образовавшаяся изъ смытаго водою и разсыпавшагося гранита. Тутъ при раскопкахъ обнаружено было пространство, на которомъ оба слоя чернозема, сплошь до лёса, были прорваны другою наносною и болѣе свѣжею почвою, верхняя половина которой состояла ясно изъ сгнившихъ органическихъ остатковъ весьма поздняго происхожденія. Это просто была яма, вырытая въ позднѣйшее время для хозяйственныхъ потребностей, и черноземъ ея, очевидно позднѣйшаго происхожденія, отличался и рыхлостью и цвѣтомъ. Затѣмъ былъ слой, почти совпадавшій съ уровнемъ стараго черноземнаго слоя, который цвѣтомъ и составомъ напоминалъ послѣдній, но былъ значительно рыхлѣе. Найденные предметы древности начинались только здѣсь, въ особой ямѣ, на полъ-метра ниже уровня лёса, и объ нихъ-то я скажу нѣсколько словъ.

На поверхности, гдѣ слой отличается рыхлостью, лежали звѣриныя кости, но не полный скелетъ; между ними можно было отличить лошадиныя челюсти и нѣсколько другихъ крупныхъ костей, такъ однако разрозненныхъ, что если допустить ихъ давнишнее происхожденіе, то можно принять ихъ за остатокъ скелета лошади. Самое дно ямы было наполнено слоемъ угля въ одинъ или два вершка толщины. Поверхъ угля находились человѣческія кости и въ такомъ странномъ порядкѣ, какой почти никогда не попадается въ качествѣ похоронныхъ остатковъ. Было три скелета человѣческихъ, но не было ни одного полнаго. Кости были не въ порядкѣ, но отдѣльно лежали группами. Этого нельзя приписать позднѣйшей переброскѣ костей въ другую яму, потому что всѣ кости, которыя составляютъ у живаго человѣка полный органъ, какъ стопа, предплечье, сохраняли совершенно полный свой составъ и естественное положеніе: кости не были разрознены, но лежали группами въ порядкѣ, а скелета все таки не составляли. Мы встрѣтили отдѣльныя предплечія, отдѣльныя кости рукъ и ногъ, но не въ такомъ порядкѣ, какъ можно было-бы ожидать. Такъ напримѣръ,

у одного скелета отдѣльно лежало туловище, т. е. грудная и брюшная полость, рукъ-же и головы не было; въ другомъ мѣстѣ нашли голову, но не было ни ногъ, ни рукъ. На днѣ этой ямы были расположены довольно систематически одна за другой въ разломленномъ видѣ урны краснаго цвѣта, составляющія одинъ изъ типовъ древнѣйшихъ находокъ, попадающихся въ Кіевѣ и его окрестностяхъ. Это огромные сосуды, цѣльные экземпляры которыхъ находятся въ университетскомъ музеѣ; они могли вмѣщать до десяти ведеръ. На изслѣдованномъ нами мѣстѣ, очевидно, такой сосудъ былъ разбитъ и на каждомъ изъ крупныхъ черепковъ лежала группа костей. Предметовъ бытовыхъ мы нашли очень мало, но нѣкоторые изъ нихъ весьма характерны. Нѣкоторые глиняные небольшихъ размѣровъ сосуды какъ будто были сверху отбиты; были-ли это свѣтильни или вещи, предназначенныя для другаго употребленія, я не могу утверждать; но по сравненію ихъ съ другими, мнѣ извѣстными, подобными предметами, могу думать, что это находка очень древняго характера. Другой круглый, глиняный, малыхъ размѣровъ сосудецъ, разбитый рабочими, былъ герметически закупоренъ и представлялъ форму сплошнаго шара, такого, какого я прежде никогда не встрѣчалъ. Затѣмъ слѣдовала небольшая урночка («слезница», какъ ее называли въ древности). Отдѣльно были найдены: одно кольцо и обломки стекляннаго браслета изъ разноцвѣтнаго стекла. Можно сказать вообще, что эти стеклянные витые браслеты изъ цвѣтнаго стекла представляютъ характеристическую черту кіевскихъ раскопокъ съ X—XIII столѣтіе. Позднѣе они не попадаются; подъ постройками, несуществовавшими въ княжескую эпоху, ихъ нѣтъ. Наконецъ, у туловища одного скелета открытъ скрученный и изогнутый наконечникъ копья. Если сличить всѣ найденные предметы съ открытыми прежде въ разныхъ мѣстахъ, то окажется, что изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ похоронныхъ типовъ не только въ кіевской области, но и вообще въ южной Россіи, подобнаго рода типы не были констатированы. Кости лежатъ на черепкахъ, и не смотря на то, что онѣ лежали на слоѣ угля, оказались не сожженными, такъ что дно ямы несомнѣнно было выложено холоднымъ углемъ, и если былъ костеръ, то вѣроятно въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ здѣсь ни малѣйшихъ слѣдовъ сгаранія нѣтъ. На открытыхъ данныхъ единичнаго факта, конечно, нельзя строить какой либо научной гипотезы,

но и отъ признанія въ нихъ остатковъ похороннаго обряда надо также отказаться.

Соображая однако все найденное съ историческими свидѣтельствами о характерѣ и назначеніи изслѣдуемой мѣстности, невольно приходимъ къ мысли, не имѣемъ-ли мы на этотъ разъ дѣло съ остатками человѣческой языческой жертвы. Дальнѣйшихъ какихъ либо выводовъ и предположеній допустить никакъ нельзя, такъ какъ раскопки все таки нѣсколько удалены отъ церкви и слѣд. отъ мѣста, на которомъ стоялъ Перунъ и гдѣ приносились жертвы. Если мы захватили остатки какого либо культа, то захватили ихъ на самомъ рубежѣ и вѣроятно на мѣстѣ характеристичномъ, которое становится тѣмъ интереснѣе, чѣмъ ближе къ церкви. Замѣтимъ также, что едва-ли раскопанная и изслѣдованная нами яма могла быть результатомъ позднѣйшей переброски земли, площадь которой принадлежитъ къ погосту церкви. Намъ извѣстна единственная переброска земли, происходившая здѣсь въ концѣ семнадцатаго столѣтія, когда воеводы кіевскіе съ 1656 по 1682 годъ укрѣпляли Кіевъ по новой фортификаціонной системѣ. Насыпанный тогда валъ остался доселѣ, но далеко за мѣстностью, о которой идетъ рѣчь, и произведенныя теперь раскопки его не коснулись.

В. Б. Антоновичъ.

ЗАПОРОЖСКАЯ ПЕЩЕРА НАДЪ ДНѢПРОМЪ.

Не далѣе, какъ недѣли три тому назадъ мнѣ пришлось быть въ с. Свистуновѣ (Петровскомъ), александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, расположенномъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, ниже Ненасытецкаго порога и выше Волниговскаго. Быть у Днѣпра и не видѣть его пороговъ—это значитъ быть въ положеніи Тантала, стоящаго по поясъ въ водѣ и вѣчно испытывающаго жажду... Итакъ, въ лодку и на порогъ! Быстро, какъ молнія, промчался я чрезъ Волниговскій и Будиловскій пороги, миновавъ на своемъ пути нѣсколько островов, заборъ и камней, каковы: Гроза, Кобыла, Лоша, Курчина скеля и др. Оставивъ лодку у лѣваго берега рѣки, я, въ сопровожденіи «дида-рыбалки», направился въ степь, прямо на востокъ отъ Днѣпра.

— А що, диду, есть табака?

— Есть. А хиба вы нюхаете?

— А то-жъ!

— А якъ нюхаете, то извольте-сь!

Я подставилъ щепотку, и дѣдъ мѣрно отсыпалъ мнѣ табаку на ноготь, постучавъ предварительно рожкомъ о колѣно своей правой ноги.

— Добра табака!

— Уже-жъ, що добра, коли чхаете!

Такъ мы идемъ съ дѣдомъ, потихоньку, не спѣша, опираясь на палочки и мирно бесѣдуя.

— А що, диду, чи не знаете вы якои-небудь козацькои писни?

— Знавъ колись, та теперъ забувъ, не зведу.

— А може й зведете.

— Та яку-жъ вамъ?

— Та хочъ про козака та про долю.

— Це, мабуть, оцю:

«Уже литъ бильшъ десять, якъ козакъ нетяга
По-надъ Днипромъ ходе, выкликае долю:
Гей, ты, доле, выйди изъ воды,
Вызволь мене, серденько, зъ тяжкои биды»...

— Оцю саму.

— И заспивавъ-бы вамъ, паниченьку, такъ теперъ грихъ и рота роскрывати, бо страшна недиля зайшла.

— Ну, якъ грихъ, то й грихъ; хай у друге.

Идемъ дальше, все также не спѣша, опираясь на палочки.

— А якъ воно, диду, у старовину тутъ було?

— Якъ? У старовину тутъ таке було, що й сказати трудно. Травы таки, що йде товаряка по степу, и ригъ не видко; рыбы тееи стилко, що якъ уткнешъ рогелю у Нипро, то ажъ ручка трищить, якъ назадъ потягнешъ...

— Чого-жъ теперъ того нема?

— Чого? Бо людей багацько наплодилось. Теперъ ты выидешъ на Нипро однимъ каюкомъ, а за тобою ідуть десять; тоди на всю слободу двое рыбалокъ тилько й було, а теперъ имъ и счоту нема: такъ де яке надъ рыбою и нависа. Було!.. И травы було, и лиса, и звиру—всего багато було... Оце бувало устанешъ ничью, пидешъ

до Нипра, сядешъ у каюкъ та й хода! А ничъ така, що, Господи великій! умирати не хочетця... Вода не шелесне, а зори такъ и типаютця у неби. Така затишъ, така затишъ, наче-бъ то въ домовини. Тилько й почуешъ, якъ шубовсне яка рыбина у води, або завые де въ бальци середъ лису вовкъ...

— Такъ тутъ и лиса були?

— Були! Вони и теперъ есть, та вже не таки. Ось тутъ на Россоховати бальци; та тутъ и печери були.

— И печери, кажете, диду, були?

— И печери були; вони де-сь и теперъ зостались.

— Не вже? А чи не можно яку-небудь побачити?

— Потягнемъ до балки, то може и вбачимъ.

Итакъ, мы направились къ Россоховатой балкѣ. Идемъ да идемъ, медленно подвигаясь и на палочки опираясь. Вотъ и балка Россоховатая. Гдѣ-же пещера? Вотъ и пещера. Чтобы точно опредѣлить мѣстонахожденіе пещеры, нужно прежде всего сказать, что балка Россоховатая находится версты на двѣ ниже с. Свистунова, между церковною землей и крестьянскимъ надѣломъ, впадая въ Днѣпръ съ правой стороны, по направленію отъ юга къ сѣверу. Затѣмъ нужно замѣтить, что съ самой вершины, отъ юга, балка идетъ однимъ жолобомъ, а потомъ приблизившись къ Днѣпру, раздѣляется на два рукава, въ видѣ «россохи». Почти отъ самой вершины и до устья она покрыта довольно густымъ дубовымъ лѣсомъ. Не далеко отъ устья балки и наткнулся я на желанную пещеру. Она идетъ по направленію отъ запада къ востоку, отъ одного рукава къ другому. Съ запада въ пещеру, видимо, вела дверь, которая прикрывалась большимъ дубомъ, отъ коего остался въ настоящее время лишь одинъ огромный пень. Изгибаясь, что называется въ три погибели, я пролѣзъ сквозь отверстіе во внутрь пещеры. Пещера оказалась длины болѣе, чѣмъ двадцать аршинъ, высоты болѣе, чѣмъ сажень; своды ея закопчены дымомъ; видимо, пещера служила для кого-то жильемъ. Самое расположеніе пещеры представляется въ такомъ видѣ: главный ходъ ея идетъ сперва однимъ направленіемъ, срединнымъ; затѣмъ, срединное отдѣляетъ отъ себя боковое правое, по направленію къ югу, въ степь, и боковое лѣвое, по направленію къ сѣверу, на Днѣпръ. Очевидно, въ стратегическомъ отношеніи пещера устроена какъ нельзя лучше.

Чрезъ боковое правое отверстіе пещеры, подъ прикрытіемъ лѣса, можно было пронести въ нее необходимое для пропитанія, а чрезъ боковое лѣвое, также подъ прикрытіемъ лѣса, можно было бѣжать на Днѣпръ и дальше внизъ по рѣкѣ. Само собою разумѣется, что при бѣгломъ осмотрѣ пещеры мы не могли найти никакихъ данныхъ для опредѣленія того, къ какому времени она принадлежитъ и какой народъ обиталъ въ ней; но едва-ли мы ошибемся, предположивъ, что она служила запорожцамъ въ ихъ военныхъ походахъ и дѣйствіяхъ. Само собою разумѣется, что внимательный осмотръ и раскопки могли-бы съ большею точностью опредѣлить происхожденіе и назначеніе случайно найденной нами пещеры, мы-же ограничиваемся указаніемъ на мѣсто нахожденія оной, въ надеждѣ, что когда нибудь оно можетъ привлечь любителей-археологовъ.

Д. И. Эварницкій.

«ПАМЬЯТКОВЫЙ ПРОЧУХАНЪ» ИЛИ ПРИМѢНЕНІЕ ПИСАННАГО ЗАКОНА ВЪ СФЕРѢ ОБЫЧНАГО ПРАВА.

«Дать прочухана» на языкѣ малорусскаго юмора значитъ порядкомъ посѣчь кого нибудь. «Памятковый прочуханъ»—будетъ значить наказаніе для памяти Такія наказанія употреблялись въ старинныхъ нашихъ школахъ по субботамъ—не въ видѣ прочемъ взысканія за какую-либо шалость или проступокъ, а для внушенія страха учащимся и чтобы всѣ они *помнили*, что надо учиться прилежно и остерегаться шалостей.

Нѣчто подобное практиковалось въ старину и внѣ школы и входило въ сферу обычнаго права, имѣя въ основѣ писанный законъ. Но это требуетъ болѣе пространнаго объясненія. Вотъ въ чемъ дѣло.

Извѣстно, что въ южной Руси въ тѣ времена, когда она находилась въ союзѣ съ Польшею, широко развиты были произволъ и насиліе, всего болѣе проявлявшіяся въ захватѣ чужихъ земель. Такіе захваты господствовали долго и въ бывшей гетманщинѣ, состоявшей уже подъ русскимъ владычествомъ. То и дѣло возникали споры и тяжбы поземельныя, а для рѣшенія ихъ требовались свидѣтели, «вѣры годные» и хорошо знавшіе границы спорныхъ земель. Когда по уничтоженіи гетманщины и распространеніи на нее обще-

имперскихъ порядковъ явились и въ ней казенные крестьяне, состоявшіе въ вѣдѣніи казенныхъ палатъ, то «Экспедиціею государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства», въ 1797 г., выработаны были Высочайше утвержденныя правила должностнымъ лицамъ крестьянскаго управленія [1]), одно изъ которыхъ касалось охраненія неприкосновенности земельныхъ границъ и гласило слѣдующее:

«О цѣлости во всѣхъ селахъ и деревняхъ недвижимыхъ имѣній, дабы они по ихъ ограниченіи ненарушимо пребывали, сельскимъ выборнымъ недреманнымъ окомъ бдѣть и оные всякую весну въ свободное отъ работъ время объѣзжать и осматривать, бравъ съ собою изъ молодыхъ и понятыхъ людей по нѣскольку, которые бы всякое урочище и межу примѣчали и твердо памятовать для будущаго свѣдѣнія могли».

Таковъ былъ законъ, но вотъ какъ онъ примѣнялся на практикѣ по разсказамъ старожиловъ: сельскій начальникъ (соотвѣтствующій нынѣшнему старостѣ), отъ времени до времени обходитъ границы общественныхъ земель въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ «хлопчакивъ» (подростковъ 14—15 л.) и обращалъ ихъ вниманіе на живыя урочища и признаки, въ видѣ балочекъ, горбиковъ (бугровъ), одиночныхъ деревьевъ или пней и пр., разсказывалъ болѣе или менѣе подробныя исторіи перехода земель и т. д. А для того, чтобы все это ярче отпечатлѣлось въ памяти хлопцовъ, подвергалъ то одного, то другаго изъ нихъ сѣченію на какомъ нибудь изломѣ межи, отсчитывая шагами разстояніе до куста, горбика и т. п. и числомъ ихъ опредѣляя число ударовъ. Это-то сѣченіе и называлось «памьятковымъ прочуханомъ», и конечно подвергшійся ему будущій свидѣтель уже твердо на всю жизнь помнилъ мѣсто секуціи и всѣ его особенности.

Нарушеніе земельныхъ границъ путемъ захвата въ силу долговѣчнаго навыка сохранялось до самой почти крестьянской реформы, а вмѣстѣ съ нимъ сохранялся и указанный мною обычай подготовки надежныхъ свидѣтелей. О слѣдахъ этого оригинальнаго обычая я сообщалъ незабвенному А. Ѳ. Кистяковскому лично, и онъ въ свою

---

[1]) Свѣдѣнія объ этихъ правилахъ мы нашли въ архивѣ смѣлянскаго (полтавской губерніи, роменскаго уѣзда) волостнаго правленія въ дѣлѣ объ учрежденіи волости этого имени.

очередь передавалъ мнѣ, что въ доставленныхъ ему матеріалахъ по обычному праву было нѣсколько аналогичныхъ замѣтокъ. «Прочухана» получали многіе изъ тѣхъ, которымъ впослѣдствіи доводилось быть въ качествѣ понятыхъ при началѣ межевыхъ работъ въ черниговской и полтавской губерніяхъ, и сѣканція производилась какъ сельскимъ начальствомъ, такъ и нѣкоторыми заботливыми дѣдами и отцами на тотъ конецъ, чтобы сыновья и внуки могли «заприсягнуть», что межа была въ томъ или другомъ мѣстѣ и направлялась такъ или иначе. Возникновеніе такого обычая покойный А. Ѳ. объяснялъ тѣмъ, что лицо непосредственно не заинтересованное можетъ не обращать должнаго вниманія на всѣ особенности межевыхъ знаковъ въ общественномъ и частномъ землевладѣніи, но при воздѣйствіи наказанія въ возрастѣ впечатлительномъ, особенности подобнаго рода связывались въ памяти съ событіемъ.

Достойно особеннаго вниманія то, что существовавшій до недавняго времени «памятковый прочуханъ» не считался позорнымъ или обиднымъ, хотя производился такъ сказать публично, и что въ прежнее время потерпѣвшему отъ него не приходило и въ голову обращаться съ жалобою къ начальству. Только въ пореформенное время неприкосновенность личности получила болѣе широкое опредѣленіе и огражденіе, и физическое насиліе со стороны лицъ постороннихъ стало считаться дѣяніемъ противузаконнымъ.

В. Василенко.

ОДНА ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПРИМѢТЪ ПОГОДЫ.

Нельзя сказать, чтобы предсказанія погоды, которыми пользуется нашъ простой народъ, были всегда невѣрны и не имѣли другаго основанія, кромѣ слѣпо воспринимаемой традиціи. Напротивъ, во многихъ изъ нихъ видна тонкая наблюдательность и вѣковая опытность. Я хочу познакомить читателя съ однимъ предсказаніемъ погоды, которое пришлось мнѣ услышать недавно въ кіевскомъ уѣздѣ.

Мнѣ нужно было по своимъ обязанностямъ ѣхать вечеромъ по кіевскому уѣзду. Вечеръ былъ прекрасный, настоящій южный, украинскій вечеръ. На небѣ ни одного облачка, вѣтра никакого, звѣздъ неисчислимое множество. Мой возница сидѣлъ, согнувшись на козлахъ брички и мурлыкалъ себѣ подъ носъ какую-то тоскли-

вую пѣсню. Вдругъ онъ, взглянувъ вверхъ, приподнялся на козлахъ, задергалъ возжами и замахалъ кнутомъ. Когда лошади побѣжали быстрѣе, онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Треба швидче ûхати, бо буде дощъ.

— А какъ ты это знаешь? спросилъ я.

— Бачите, якъ мисяць труситця?

И онъ показалъ при этомъ кнутомъ на край выглянувшаго изъ-за горизонта мѣсяца, который дѣйствительно казался какъ-бы дрожащимъ. Это явленіе я замѣчалъ уже и прежде, но не придавалъ ему никакого значенія. Слова возницы заинтересовали меня: я хотѣлъ выпытать у него хотя какія-нибудь основанія для такого предсказанія погоды по мѣсяцу, но не добился ничего. Онъ только повторялъ: «ось побачите, що буде дощъ» и ничѣмъ другимъ доказать вѣрность своихъ словъ не умѣлъ. Но возница былъ правъ: дѣйствительно, черезъ полъ часа на чистомъ прежде небѣ тамъ и сямъ появились маленькія тучки, которыя увеличивались и своимъ числомъ, и размѣрами, пока наконецъ не затянули собою весь горизонтъ. Возница все сильнѣе и сильнѣе гналъ лошадей, и не даромъ: едва мы подъѣхали къ корчмѣ, гдѣ думали сдѣлать остановку, какъ хлынулъ проливной дождь. Предсказаніе по мѣсяцу не обмануло.

Не берусь объяснять, какая тутъ связь между этимъ кажущимся дрожаніемъ мѣсяца и тѣмъ дождемъ, который едва не вымочилъ насъ; быть можетъ, примѣтою здѣсь служило колебаніе свѣта въ скопившихся въ воздухѣ водяныхъ испареніяхъ: повторяю судить о томъ не берусь, а указываю только фактъ,—одну изъ народныхъ примѣтъ погоды, оправдавшуюся на моихъ глазахъ.

О.

ИЗЪ ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ КАНЦЕЛЯРСКОЙ ПЕРЕПИСКИ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Часто приходится слышать печатныя и устныя жалобы на чрезмѣрное развитіе у насъ канцелярской переписки. Это одно изъ наиболѣе тягостныхъ золъ въ нашихъ государственныхъ отправленіяхъ. Нѣтъ учрежденія, которое не страдало бы имъ; органы правительственной администраціи, правосудія, общественнаго хозяйства

въ равной степени одержимы этимъ недугомъ. Самое пустяшное дѣло бываетъ причиной возникновенія массы безсодержательныхъ фоліантовъ. Служащіе до того заражаются склонностью къ перепискѣ, что почти отвыкаютъ выражать устною рѣчью свои мысли и готовы, сидя рядомъ въ одной комнатѣ, пересылаться входящими и исходящими. Страдательный элементъ—публика съ радостью привѣтствуетъ всякій печатный слухъ о принятіи мѣръ къ устраненію излишней канцелярской переписки. Но, увы! отъ слуха до исполненія всегда бываетъ далеко.

Въ виду того, что вопросъ о чрезмѣрномъ развитіи канцелярской переписки представляетъ не послѣднюю злобу дня, не безполезно было бы заглядывать иногда и въ далекое прошлое и тамъ искать близкихъ и отдаленныхъ причинъ возникновенія и дальнѣйшаго развитія этого дѣйствительнаго зла. Мнѣ сдается, что одной изъ главныхъ причинъ было стремленіе увеличить доходы фиска. Въ подтвержденіе этой мысли я приведу фактъ изъ исторіи внутренняго управленія Малороссіи въ XVIII вѣкѣ.

Имѣя въ своемъ распоряженіи часть архива варвинской сотенной канцеляріи прилуцкаго полка (м. Варва находится нынѣ въ лохвицкомъ уѣздѣ полтавской губ.), я перебиралъ эти бумаги и остановился между прочимъ на перепискѣ между варвинской сотенной и прилуцкой полковой канцеляріями по слѣдующему поводу.

Полковое управленіе разослало по подвѣдомственнымъ ему сотнямъ по нѣскольку листовъ гербовой бумаги (въ Варву—семь листовъ) и чрезъ нѣкоторое время потребовало присылки надлежащаго числа денегъ за посланную бумагу. Сотникъ Димитрій Конисскій рапортовалъ въ отвѣтъ на это, что присланные семь листовъ гербовой бумаги не разошлись и сохраняются въ цѣлости, такъ какъ просители не подавали въ сотенную канцелярію какихъ бы то ни было писанныхъ жалобъ, а тѣмъ паче писанныхъ на гербовой бумагѣ, что хотя и подаются исковыя прошенія, но что они излагаются устно и тотчасъ же ставится устная резолюція, такъ что денегъ за гербовую бумагу не могло быть собрано, а откуда за ту бумагу «прежде ея продажи къ присилки гроши взять, на то не було роспорядка».

Получивши этотъ рапортъ, полковая канцелярія отправила къ варвинскому сотнику новый ордеръ съ выговоромъ и разъясненіемъ

въ такихъ словахъ: «понеже какъ полковие, такъ и сотение суда въ Малой России вездѣ учреждени на основании указовъ и малороссийскихъ правъ, въ коихъ судящие никоихъ челобитческихъ дѣлъ по словесному ихъ челобитчиковъ прошению, но по обстоятелнимъ писменнимъ просьбамъ, разсмотреннимъ судовими порядками, производити и всякие дѣла рѣшати должни, того ради опредѣлено послати къ вамъ въ резолюцию сей ордеръ и накрѣпко предложити, даби ви одъ сего впредь во всякихъ исковихъ дѣлахъ словеснихъ прошеній ни одъ кого не принимали, но принимали писменно челобитними, на гербовой бумагѣ написанними, и по онимъ же челобитческие дѣла судовымъ письменнимъ порядкомъ, а не словесними резолюциями чинити неотмѣнно, а гроши въ скорѣмъ часѣ висилати».

Конечно, гербовая пошлина наименѣе обременительна для населенія, но нехорошо, если ради увеличенія доходовъ съ нея удлиняется дѣлопроизводство и вмѣстѣ съ тѣмъ всасывается въ плоть и кровь служащимъ привычка къ безконечной перепискѣ.

С—ко.

ЮЖНО-РУССКІЕ СВЯЩЕННИКИ, ОТЫСКИВАЮЩІЕ ПРАВА ДВОРЯНСТВА.

Грамота императрицы Екатерины II 27 апрѣля 1775 г. de jure только подтвердила то, что de facto уже существовало почти цѣлое столѣтіе въ Малороссіи. Козачья старшина задолго до этого привыкла видѣть въ себѣ пановъ въ отношеніи къ посполитымъ и даже козакамъ. Пользваться даровымъ трудомъ посполитыхъ и отчасти козаковъ входило въ ея привычки, всасывалось ею такъ сказать съ материнскимъ молокомъ. Раздавались голоса, что свои паны-старшина хуже обращаются съ подвластными, чѣмъ въ давнее время поляки...

Грамота Екатерины признавала права на дворянство не одной старшины. Не стоящимъ у кормила правленія по тѣмъ или другимъ причинамъ предоставлялась возможность пользоваться правами дворянства по представленіи доказательствъ о благородномъ происхожденіи.

Всеобщій потокъ ищущихъ правъ и привиллегій дворянства на основаніи заслугъ и благородства предковъ увлекъ и южнорусское духовенство. Такъ по крайней мѣрѣ можно судить по имѣющимся у меня нѣсколькимъ документамъ, которые принадлежатъ состоящимъ нынѣ въ духовномъ званіи древнимъ двумъ родамъ Тихоновичей и Залѣсскихъ. Отъ перваго изъ этихъ родовъ осталась лишь часть длинной родословной, представленной для доказательства древняго шляхетнаго происхожденія, и свидѣтельство о причисленіи вновь къ дворянскому роду; отъ втораго вновь выданная дворянская грамота съ немногими записями и фамильными преданіями. По нынѣшнимъ представителямъ этихъ родовъ трудно было бы догадываться объ особой древности ихъ, особливо рода Тихоновичей, который ведетъ свое начало съ 1440 г. и заканчивается теперь исправляющимъ должность псаломщика въ с. Скопцахъ, полтавской губерніи, переяславскаго уѣзда.

Упомянутый выше обрывокъ генеалогіи Тихоновичей, имѣющій заглавіе: «Гербъ благородныхъ Тихоновичовъ», написанъ на плотной бумагѣ и сверху онаго расписанъ изящно восемью красками самый гербъ. Содержаніе этого документа представляетъ описаніе родоваго герба и генеалогическія данныя въ слѣдующихъ словахъ:

«Корогва бѣлая, зъ голубыми концами, по срединѣ звѣзда, на верху крестъ, на холмѣ въ коронѣ три перья струсьи, въ полѣ красномъ. Пишетъ авторъ Бѣльскій на страницѣ 27 въ Гербутѣ, что тотъ гербъ наданъ отъ короля польского Владыслава Ягелловича 1440 году Федору Тихановичу за оказанную Тихановичемъ службу рицерскую: когда король Владыславъ Ягелловичъ имѣлъ войну съ турками подъ Бѣлградомъ, то въ то время Федоръ Тихановичъ храбро и смѣло поступалъ, пока ездниковъ войска турецкаго много побилъ и знамя турецкое отбилъ, за то король Владыславъ Ягелловичъ приказалъ Федора Тихановича до индіонату шляхетства и рицерства польского припустить и въ знакъ того и гербъ надалъ ему: корогву съ голубыми концами. Съ которыхъ фамилій Тихановичовъ: Игнатій Тихановичъ былъ воеводою калискимъ, Антонъ Тихановичъ кастеляномъ виленскимъ, Мартинъ Тихановичъ подвоеводою черниговскимъ, Павелъ Тихановичъ коморникомъ смоленскимъ....

На этомъ прерывается интересный актъ.

Древность рода Тихоновичей и заслуги членовъ его были очевидны и просьба потомка ихъ, священника Ѳедора Тихоновича о причисленіи его къ дворянству полтавской губерніи была удовлетворена, что подтверждается выданнымъ ему 19 декабря 1788 года свидѣтельствомъ. Свидѣтельство это написано на простой бумагѣ, печатей на немъ никакихъ. Скрѣплено подписями губернскаго предводителя дворянства и уѣздныхъ депутатовъ. Вотъ его текстъ.

СВИДѢТЕЛЬСТВО

«Кіевскаго Намѣстничества изъ дворянскаго собранія жительствующимъ въ уѣздѣ переяславскомъ дворянамъ, священникамъ Фіодору и братьямъ его Андрею, Филипу, Кирилѣ и Михаилу Тихоновичамъ въ томъ, что сіе собраніе, по разсмотрѣніи доказательствъ, представленныхъ отъ нихъ Тихоновичовъ, о благородномъ ихъ достоинствѣ, находя оные достаточными и доставляющими имъ, Тихоновичамъ, неоспоримое право быть дворянами, *опредѣлили*: принять ихъ Тихоновичовъ въ число дворянъ здѣшней губерніи, съ ихъ дѣтьми, и внесть въ дворянскую родословную книгу, а затѣмъ на благородное ихъ достоинство выдать грамоту, но пока оная изготовлена будетъ, дать (и дано) имъ Тихоновичамъ о вышеписаномъ сіе свидѣтельство. Декабря 12 дня 1788 года.

Губернскій предводитель дворянства Иванъ Иваненко.
Депутатъ уѣзда городиского (?) Андрей Иляшенко.
Депутатъ уѣзда кіевского Петръ Хитрово.
Депутатъ уѣзда остерского Петръ Кричинскій.
Депутатъ уѣзда миргородского Яковъ Бровковъ.
Депутатъ уѣзда хорольского Ѳедоръ Ковальскій.
Депутатъ уѣзда голтвянского Иванъ Игнатовичъ.
Депутатъ уѣзда золотоношского Яковъ Кулябка.
Депутатъ уѣзда козелецкого Андрей Тущанскій.
Секретарь Петровскій.
У дѣлъ дворянскаго собранія копіистъ Ив. Симоновичъ.

Дворянской грамоты на имя Федора Тихоновича не сохранилось; но сохранился подлинникъ такой грамоты, выданной тогдаш-

нему представителю другаго упомянутаго выше рода Залѣсскихъ, моему прадѣду, тоже священнику, Василію Залѣсскому. Доказательствъ на право дворянства при этой грамотѣ, въ родѣ вышеприведенныхъ, не нашлось; но отсутствіе ихъ замѣняется нѣкоторыми фамильными записями и преданіями, по которымъ родъ Залѣсскихъ ведетъ свое начало отъ *сотника* сенчанской сотни, Павла Залѣсскаго, который былъ въ Сенчѣ сотникомъ около 1677 г. и приходился прадѣдомъ священнику Василію Залѣсскому, искавшему правъ дворянства въ концѣ XVIII ст. У этого послѣдняго въ ту пору былъ еще живъ отецъ, іерей Ѳедоръ, глубокій старикъ, какъ значится въ фамильной родословной, отецъ же Ѳедора, сынъ сотника Павла, а дѣдъ Висилія, тоже священникъ, если и не былъ живъ въ моментъ исканія внукомъ правъ на дворянство, то умеръ недавно предъ тѣмъ, такъ какъ въ фамильной родословной значится: «Іерей Андрей—1760 г. былъ уже старикомъ». Неудивительно поэтому, что священникъ Василій Залѣсскій при живомъ отцѣ и недавно умершемъ дѣдѣ,—сынѣ козачаго сотника, получилъ желаемыя права на дворянство. Какъ показываетъ этотъ случай, дворянство предоставлялось не только тѣмъ, которые лично принадлежали къ козачей старшинѣ, но и происшедшимъ отъ нихъ, на этотъ разъ *правнуку* старшины-сотника.

Выданная священнику Василію Залѣсскому грамота напечатана на большомъ гербовомъ листѣ съ прекрасной виньеткой. Въ верхней части виньетки по срединѣ красуется государственный гербъ—двуглавый орелъ; надъ главами его въ сіяніи стоитъ буква «Е» съ короной. Отъ шеи орла чрезъ распростертыя крылья идутъ вправо и влѣво цѣпи, переплетаясь съ правой стороны съ дубовой вѣткой, а съ лѣвой—лавровой; на цѣпяхъ означены гербы уѣздовъ, справа: лубенскаго (жезлъ въ рукѣ), миргородскаго (крестъ, внизу звѣзда), хорольскаго (сабля на крестъ, со стрѣлой), золотоношскаго (крестъ),—и слѣва: пирятинскаго (натянутый лукъ со стрѣлой), переяславскаго (башня, вверху корона, но не царская), козелецкаго (коза со скипетромъ на спинѣ) и остерскаго (крѣпость, сверху крестъ). Кіевскій гербъ—на груди орла. Грамота скрѣплена подписями губернскаго предводителя дворянства съ уѣздными депутатами и огромною печатью «кіевскаго намѣстничества, дворянскаго собранія».

ГРАМОТА

«Кіевской губерніи отъ губернскаго предводителя дворянства и уѣздныхъ депутатовъ собранныхъ для составленія дворянской родословной книги данная дворянину Василію Федоровичу Залѣскому.

Разсмотрѣвъ на основаніи Всемилостивѣйше пожалованной отъ Ея Императорскаго Величества въ 1785 году апрѣля 21 дня дворянству грамоты, предъявленныя отъ него Залѣского о дворянскомъ его достоинствѣ доказательства, признали оныя согласно съ предписанными на то правилами, въ слѣдствіе коихъ по силѣ семдесятъ осьмой статьи объявленной грамоты, онъ и родъ его внесенъ въ дворянскую родословную кіевской губерніи. Октября 23 числа 1792 г.

Губернскій предводитель дворянства Степанъ Тарновскій.

Депутатъ уѣзда золотоношского Николай (?)

Депутатъ уѣзда кіевского коллежскій ассесоръ Василій Копыстенскій.

Депутатъ уѣзда пирятинского секундъ-маіоръ Левъ Гербановскій.

Депутатъ уѣзда остерского секундъ-маіоръ Петръ Новаковичъ.

Депутатъ уѣзда миргородского секундъ-маіоръ Антонъ Кириченко.

Депутатъ уѣзда хорольского титулярный совѣтникъ Степанъ Твардовскій.

Дворянства секретарь Степанъ (?)

№ грамоты 258.

Дворяне-священники, какъ кажется, изъ всѣхъ правъ и привиллегій дворянства воспользовались только даровымъ крѣпостнымъ трудомъ.....

Аполлинарій Залѣсскій.

ОБРАЗЧИКЪ СТАРИННОЙ МАЛОРУССКОЙ ЭПИТАФІИ.

Епитафіонъ о дѣйствіяхъ въ жизни и преставленіи Николая Ивановича Тризны, бунчукового товарища (р. 1694 † 1776).

Всякъ жительствующій въ семъ временномъ свѣтѣ,
Въ чернѣговскомъ, паче ближайшомъ повѣтѣ,
Пришедъ на се мѣсто, постой умиленно,
Кто здѣ лежитъ въ гробѣ, прочти вразумленно.
Николай именовался, сынъ-же Іоанновъ
И сынъ родителей людей знатныхъ сановъ,
Тризна съ фамилій предковъ ублаженныхъ,
Шляхетствомъ издавна въ Полщѣ предпочтенныхъ.
Отъ младости страхомъ утвержденъ Господнимъ,
Вдалъ себе въ сиротствѣ къ наукамъ свободнымъ.
Всей философіи имѣлъ превосходство
И другихъ ученій получилъ доволство.
Во высокихъ домѣхъ почитали сіи
И славили его внутръ и внѣ Россіи.
Вступилъ онъ въ службу, сущу младу лѣты,
Сталъ въ воинствѣ себе прилежно трудиты.
Въ щастіи его были входы и исходы,
Въ Сулакъ, въ Полщу и въ Кримъ знатные походы.
Ревнуя за вѣру, не щадѣлъ онъ сили,
Поступки всякому были его мили.
Не щадѣлъ и живота, храбро подвизался,
Въ сраженіяхъ на врагъ крѣпко ополчался,
При томъ отъ общества къ двору посиланъ,
Гдѣ и депутатомъ третимъ былъ издѣланъ —
Искатъ монаршой милости къ отчинѣ,
Въ чемъ извѣрено двомъ а третому Тризнѣ.
Былъ онъ правосудцемъ, всѣмъ людемъ пріятнымъ
Сотникомъ, а после бунчуковымъ знатнымъ,
Въ коммисіяхъ разныхъ находился въ трудѣ,
Какъ и въ генералномъ присудствовалъ судѣ.
Въ судахъ каковыхъ былъ, предѣлы вѣщаютъ
И зъ правосудія безсмертна являютъ.

Съ подписа руки его всякъ правду узнаетъ,
Въ опредѣленіяхъ законы слагаетъ.
Взискивалъ онъ мира, правдою щитился;
Всякой лжи и лести у свѣтѣ хранился.
Одна мудрость права его услаждала,
Кая и жизнь его отъ злыхъ охраняла.
Въ писаніи умномъ упражнялся,
Къ людемъ учителнимъ зчаста прилѣплялся;
Чтеніе книгъ разныхъ та была забава,
О его качествахъ безсмертная слава.
Богъ любляй далъ ему болѣзнь пятолѣтную,
Кая отняла жинь его сегосвѣтную
Въ начатіи года седмъдесятъ шестого,
Генваря мѣсяця, дня двадцать второго,
Въ память Тимофея апостола свята.
Во небесній чертогъ душа его взята.
Въ честныхъ поступкахъ, якъ честного рода,
Поживе въ семъ свѣтѣ осмдесятъ два года.
Супругу-жъ чадъ и внукъ препоручилъ Богу,
Когда отшелъ отъ ныхъ къ вѣчному чертогу.
Всѣ знакомцы, сь други, на гробъ сей прійдѣте
И о Николаи Бога помолѣте,
Да и вамъ равная возмѣрится мѣра,
Какъ я вы отійдете душами отъ мира.
Богъ-же да дастъ всѣмъ намъ со святыми лики
Въ послѣдній день вставшимъ царствовать во вѣки.
А преставленному: вѣчна память буди!
Скажемъ при молитвахъ усердніе люды.
Слагателю сего (въ память здѣ лежащу),
Іерею Якову, во молитвахъ бдящу,
Да пошлетъ Богъ ему всяко благо въ жизни
Отъ теплыхъ молитовъ Николая Тризни!

Сообщ. **А. Лазаревскій.**

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Только что вышли изъ печати и интересующимся высылаются безплатно

АНТИКВАРНЫЙ КАТАЛОГЪ № XXVI.

BIBLIOTHECA ROSSICA

коллекція сочиненій на иностранныхъ языкахъ

О РОССІИ

И ЕЯ СОСѢДНИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.

АНТИКВАРНЫЙ КАТАЛОГЪ № XXVII.

BIBLIOTHECA BALTICA

собраніе сочиненій относящихся

КЪ ПРИБАЛТІЙСКОМУ КРАЮ.

Антикварный каталогъ № XXV: **Bibliotheca Polonica**, собраніе сочиненій относящихся къ Царству Польскому, выйдетъ въ скоромъ времени.

Значащіяся въ вышеозначенныхъ каталогахъ сочиненія по выставленнымъ при нихъ цѣнамъ имѣются въ продажѣ у

М. КИММЕЛЯ въ РИГѢ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ и АНТИКВАРНАЯ ТОРГОВЛЯ

Поставщикъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Николая Михайловича, комиссіонеръ государственной типографіи, Императорской академіи наукъ, Публичной библіотеки, Гидрографическаго департамента морскаго министерства, Императорскаго вольнаго экономическаго общества, Императорскаго кіевскаго университета св. Владиміра, Императорскаго харьковскаго университета и Императорскаго казанскаго университета.

СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1763 ГОДА.

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени" и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Динтера, Корейво и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіев. Старина" принимается подписка на издающіяся во Львовѣ газеты:

1., „ДѢЛО." Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

2., „ЗОРЯ." Газета научно-литературная, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; цѣна съ пересылкою 6 р. за годъ и 3 р. за полугодіе. Адресъ редакціи: Львовъ, улица Фредра, № 3.

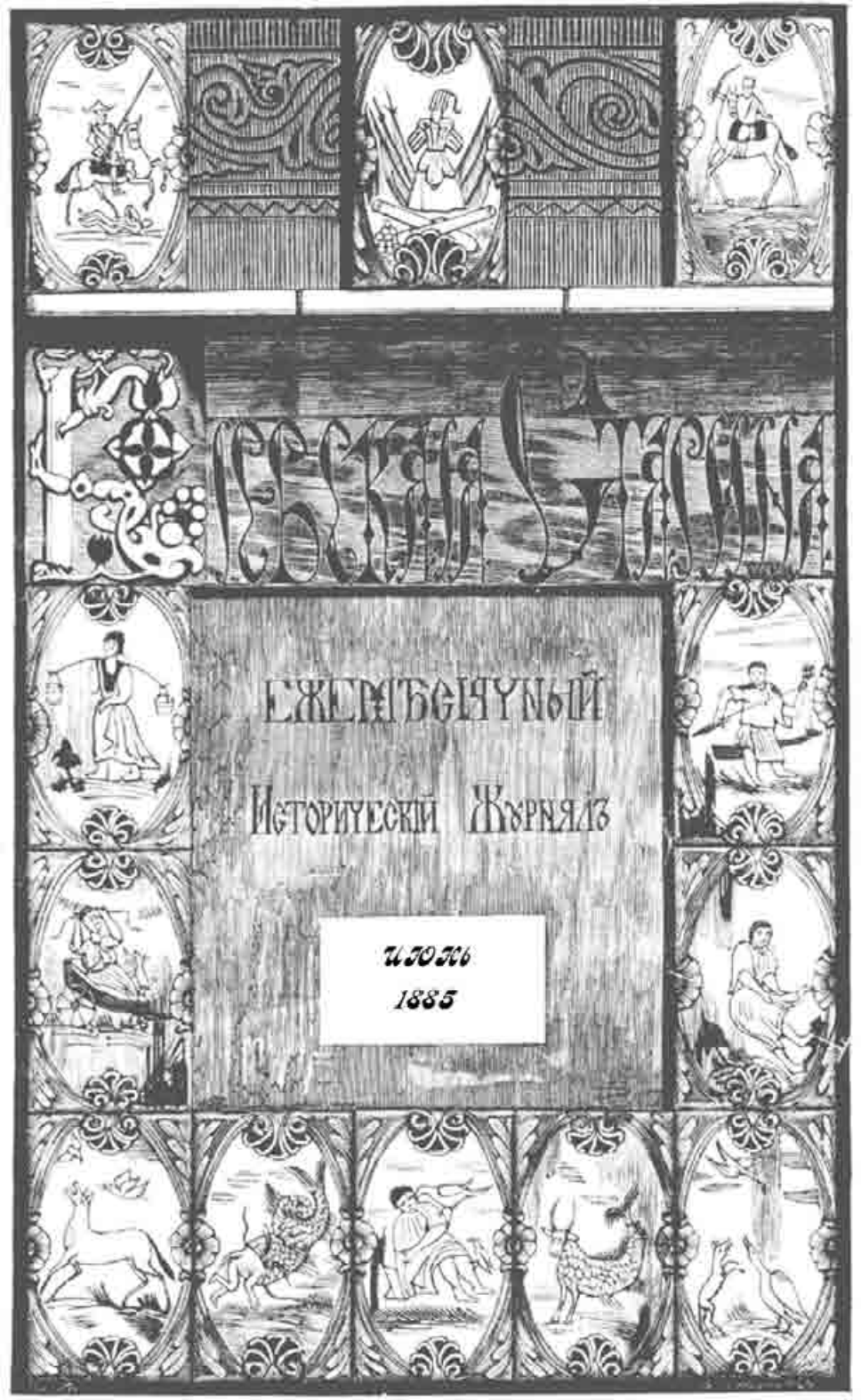
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Июнь
1885

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюнь, 1885 годъ.

стр.

I. «ДАВЫДОВА БОЖЕНКА». (Изъ лѣтописной топографіи кіевскаго Полѣсья). **М. Андріевскаго** 183

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Окончаніе)*. 205

III. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОСЛѢДНИХЪ ГОДАХЪ ЖИЗНИ Н. И. КОСТОМАРОВА. **В. Беренштама** 219

IV. ОЧЕРКЪ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФ. А. Ѳ. КИСТЯКОВСКАГО. **Л. Бѣлогриця-Котляревскаго** 228

V. НѢСКОЛЬКО ВСТРѢЧЪ СЪ Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ. **А. Кулишъ.** 255

VI. ВОЗЗВАНІЕ КОНФЕДЕРАТОВЪ ВОЕВОДСТВА САНДОМИРСКАГО КЪ РУССКОМУ НАРОДУ. (Около 1733 года) 263

VII. НОВЕЛЛА БОККАЧЬО ВЪ ЮЖНО-РУССКОМЪ СТИХОТВОРНОМЪ ПЕРЕСКАЗѢ XVII—XVIII СТ. 273

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятники Русской Старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь. С.-Петербургъ, 1885 г. (Съ приложеніемъ художественнаго альбома).—*И. Беркута.*—б) А. Дмитріевскій. Греческіе нѣжинскіе храмы и изъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическій музей при кіевской академіи. «Прав. Обозр.» 1885 г. и отд. оттиски.—*П. В.*—в) В. Б. Антоновичъ. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I. Кіевъ. 1885 года.—*И. Каманина* 307

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Разгадка «малорусской исторической шарады».—*Читателя.*—б) Къ дѣлу о началѣ единовѣрія въ Кременчугѣ.—*Ивана Матченка.*—в) Изъ народныхъ воспоминаній объ О. М. Гладкомъ и возвратившихся съ нимъ запорожцахъ.—*В. Василенка.*—г) Черти въ продажѣ.—*Прибыльскаго.*—д) Случай изъ жизни Н. И. Костомарова.—*N.*—е) Какъ сажали въ старину людей старыхъ на лубокъ.—*П. Литвиновой.*—ж) Памяти одного кіевскаго пѣвчаго.—*И. Камышина.*—з) Пѣсня на исходъ запорожцевъ за Дунай.—Сообщ. *П. И. Зуйченко* 329

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) *(Продолженіе)*. . . . . 161—~~761~~. 176

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1885 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XII.

ІЮНЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлов

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го мая 1885 года.

„ДАВЫДОВА БОЖЕНКА".

(Изъ лѣтописной топографіи кіевскаго Полѣсья).

Просматривая не разъ извѣстныя, драгоцѣнныя «Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи» Похилевича, я всегда останавливался надъ замѣткой, помѣщенной въ этой книгѣ при описаніи села Глѣбовки, лежащаго при Днѣпрѣ, выше Вышгорода и устья Ирпени, и принадлежащаго къ древнѣйшимъ въ окрестностяхъ Кіева. «Въ полуверстѣ отъ селенія, гласитъ эта замѣтка, по дорогѣ въ Ясногородку (лежащую тоже при Днѣпрѣ, выше Глѣбовки), уединенно стоитъ деревянная каплица (часовня) съ образами святыхъ, а внутри ея находится колодезь. Каплица эта и колодезь очень древни, но о времени и причинѣ построенія ихъ не сохранилось у жителей преданій» [1]). Что первоначальное возникновеніе этой часовни могло быть отнесено къ глубокой древности,—это казалось мнѣ довольно вѣроятнымъ, въ противномъ случаѣ традиція о поводѣ построенія часовни едва-ли могла-бы быть столь радикально забыта на мѣстѣ ея существованія, въ близъ лежащей Глѣбовкѣ, какъ въ этомъ пришлось мнѣ и самому убѣдиться.

Должно быть, въ силу того психологическаго факта, что все таинственное имѣетъ свойство съ особенною силою приковывать къ себѣ наше вниманіе, мнѣ не разъ приходилось, перебирая въ своей памяти дошедшія до насъ лѣтописныя свидѣтельства, относящіяся къ кіевскому Полѣсью, вспоминать приведенную замѣтку о часовнѣ

---

[1]) Сказанія... Кіевъ, 1884 г., стр. 107.

у Глѣбовки, и я рѣшился, наконецъ, попробовать, не удастся-ли мнѣ, при помощи анализа этихъ немногихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ и сопоставленія ихъ какъ между собою, такъ и съ топографическими данными, представляемыми занимающею насъ мѣстностью, набрести хотя на кой-какіе слѣды, которые повели-бы къ раскрытію причины существованія таинственной часовни въ этой мѣстности.

Подъ 1150-мъ годомъ въ ипатской лѣтописи (стр. 289) идетъ чрезвычайно бойкій, полный драматизма и бытовыхъ подробностей разсказъ о борьбѣ волынскаго князя Изяслава Мстиславовича съ дядею Юріемъ суздальскимъ, Долгорукимъ, за обладаніе Кіевомъ. Юрій, сидѣвшій въ Кіевѣ, въ виду внезапнаго наступленія Изяслава съ воями на Кіевъ, убѣжалъ за Днѣпръ, въ свой «городець вострьскій», что теперь Остеръ, уѣздный городъ черниговской губерніи. Между тѣмъ Володимерко галицкій, извѣстный своимъ хитроуміемъ, вкрадчивостью и вѣроломствомъ, союзникъ и пріятель Юрія, преслѣдовавшій Изяслава, при его движеніи къ Кіеву, по пятамъ, остановился у Мичьска, что теперь Радомысль, уѣздный городъ кіевской губерніи [1]). Съ Володимеркомъ была и родня Юрьева: сынъ Юрія Андрей, прозванный впослѣдствіи Боголюбскимъ, и двоюродный братъ Юрія Володимеръ Андреевичъ [2]). Володимерко, узнавъ у Мичьска, что Изяславъ очутился уже въ Кіевѣ, а Юрій въ Городцѣ, разсердился на своихъ союзниковъ и, обругавъ бывшую съ нимъ родню Юрьеву, вернулся отъ Мичьска домой, а Андрей и Владиміръ отправились изъ Мичьска, какъ выражается лѣтопись: «*туда, на устье Припети, на Давыдову боженку* [3]), *въ остьрьскій городокъ* къ Юрію» [4]).

---

[1]) Собственно городище *Мыкъ-городъ* (Мыцко), предмѣстье Радомысля, между р. Тетеревомъ и его притокомъ Мыкою.

[2]) Андрей княжилъ въ то время въ г. Пересопницѣ на Волыни, а Владиміръ, должно быть, въ г. Дорогобужѣ, на Волыни-же.

[3]) *Бо́жница, бо́женка, божо́нка* — часовня надъ алтаремъ сломанной церкви; надъ родникомъ; на мѣстѣ, почему-либо особенно чтимомъ; для выставки кружки на подаянія; на распутіи, для освященія нечистаго по понятіямъ народа и пр. (Словарь Даля).

[4]) Объ этомъ-же самомъ фактѣ повторяется въ тѣхъ-же самыхъ выраженіяхъ и нѣсколько ниже (Ипат. лѣт., стр. 290).

Лѣтопись лаврентьевская (стр. 313), разсказывая подъ тѣмъ-же самымъ годомъ и о томъ-же самомъ фактѣ, не упоминая ни о Владимірѣ Андреевичѣ, ни объ устьи Припети, ни о боженкѣ, говоритъ объ одномъ лишь Андреѣ Юрьичѣ и о какомъ-то селѣ или урочищѣ Воровичь (Воровича или Воровиче): «Андрей-же перебреде Днѣпръ *на Воровичь* и иде въ городокъ».

Когда на картѣ Стрѣльбицкаго я провелъ прямую линію отъ Радомысля до Остра, то меня тотчасъ поразило, что линія эта пересѣкла Днѣпръ именно между Глѣбовкой и Ясногородкой, стало быть, приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ загадочная часовня у села Глѣбовки (см. прилож. планъ). Еще болѣе поразило меня при этомъ сопоставленіе имени лѣтописной *Давыдовой* боженки съ именемъ села *Глѣбовки* въ виду того, что христіанское имя Давида носилъ, какъ извѣстно, св. страстотерпецъ Глѣбъ.

Совпаденіе положенія лѣтописной Давыдовой боженки съ мѣстностью между Глѣбовкой и Ясногородкой подкрѣпляется и слѣдующими соображеніями. Изъ приведенныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ видно, что у Давыдовой боженки былъ бродъ черезъ Днѣпръ. Броды обыкновенно бывали и бываютъ въ такихъ мѣстахъ рѣки, гдѣ существуютъ значительныя косы и мели, а въ этой-то мѣстности, противъ Ясногородки, и въ настоящее время существуетъ очень значительная мель, одна изъ значительнѣйшихъ на всемъ среднемъ теченія рѣки и хорошо извѣстная капитанамъ пароходовъ, какъ представляющая значительное препятствіе для судоходства [1]).

Обратимъ теперь вниманіе на этимологію имени села или урочища Воровичь, упоминаемаго въ лаврентьевской лѣтописи. Имя это имѣетъ самое близкое отношеніе именно къ мели и къ броду: для того, чтобы препятствовать переходу съ одного берега рѣки на другой, на бродахъ устраивались *воры*, т. е. загражденія изъ кольевъ [2]).

---

[1]) Наиболѣе значительныя мели на Днѣпрѣ, въ его среднемъ теченіи, по Словарю Семенова, находятся противъ деревни *Теремцы* и селъ *Ясногородки* и *Скаромья*. О мели у Ясногородки см. въ Справочной Книжкѣ, изданной обществомъ пароходства по Днѣпру (Кіевъ, 1883 года).

[2]) Это видно, напр., изъ слѣдующаго свидѣтельства псковской лѣтописи (подъ 1407 года): «князь Местеръ, събравъ силы многія... пріиде .. въ землю псковскую, а псковичи поидоша противу имъ и усрѣтоша ихъ на броду у Выбути,

Подъ 1161-мъ годомъ ипатская лѣтопись (стр. 352), разсказывая о движеніи Изяслава Давыдовича изъ Чернигова для отнятія Кіева отъ княжившаго въ немъ Ростислава Мстиславовича, говоритъ: «Изяславъ пошелъ *за Вышгородъ, къ божницѣ*, потому что тутъ и Днѣпръ сталъ, между тѣмъ какъ въ другомъ мѣстѣ не сталъ еще нигдѣ, и *тутъ, перейдя Днѣпръ у боженки*, пошелъ къ Кіеву». Хотя божница, или боженка и не названа въ этомъ свидѣтельствѣ Давыдовой, но обозначеніе ея положенія: «за Вышгородомъ» по отношенію, конечно, къ Кіеву, въ которомъ жилъ лѣтописецъ, а также упоминаніе о ней въ связи съ упоминаніемъ о переходѣ черезъ Днѣпръ, кажется, съ достаточною ясностью указываютъ на то, что это не иная какая-либо боженка надъ Днѣпромъ, но та-же самая «Давыдова боженка», о которой шла рѣчь въ той-же лѣтописи выше, подъ 1150-мъ годомъ, и которая, конечно, хорошо была извѣстна кіевлянамъ [1]).

Вотъ и всѣ лѣтописныя свидѣтельства объ интересующей насъ мѣстности.

Трудно, мнѣ кажется, допустить, чтобы съ одной стороны это совпаденіе топографическаго положенія лѣтописной Давыдовой боженки съ положеніемъ теперешней часовни у Глѣбовки, съ другой—соотвѣтствіе имени боженки съ именемъ села Глѣбовки были не болѣе, какъ причудливое сцѣпленіе простыхъ случайностей. Изъ лѣтописнаго упоминанія, столь-же случайнаго, какъ и приведенное

а броды вси бяху заворены ворами, и стояша погани 4 дни и многажды хотяку перебрести и не возмогоша, Псковичемъ бьющемся съ ними, и пойдоша прочь». *Вóры*—заворы, забойка, колóва, сваи (Словарь Даля).

[1]) Упоминаніе въ приведенномъ выше свидѣтельствѣ объ устьи Припети подало поводъ искать Давыдовой боженки у этого устья (*Погодинъ*, Изслѣдованія и пр., т. IV, стр. 182; *Похилевичъ*, Сказанія, стр. 151). Прямая линія, проведенная отъ Радомысля къ Остру, пересѣкаетъ Днѣпръ верстахъ въ 34 хъ *ниже* устья Припети; проѣзжая дорога могла, конечно, подходить и нѣсколько ближе по направленію къ этому устью; во всякомъ случаѣ очевидно, что лѣтописецъ воспользовался именемъ столь извѣстной рѣки, «на устье Припети», лишь для *общаго приблизительнаго* указанія на направленіе пути, приложивъ сейчасъ-же къ этому указанію еще и другое, болѣе частное и точное: «на Давыдову боженку». Подобные приведенному лѣтописному пріемы указанія обычны и теперь въ языкѣ. Ср. «наздогнавъ іи у степу, що теперъ за Миропиллямъ,—*туди, до Гордіевки*» (Малорусскія народныя преданія, Кіевъ, 1876, стр. 226).

нами выше упоминаніе о Давыдовой боженкѣ, дошло до насъ свѣдѣніе о существованіи въ древности «Летьской», т. е. «Альтской» божницы на р. Альтѣ, на мѣстѣ убіенія, или, какъ выражается лѣтопись, «на крови» св. страстотерпца Бориса—Романа (подъ 1154-мъ годомъ, Лавр. лѣт., 326, Ипат., 328). Едва-ли будетъ слишкомъ смѣлымъ, по аналогіи, предположить, что и лѣтописная «Давыдова боженка» первоначально поставлена была въ ознаменованіе и въ память такого-же факта изъ исторіи другого брата—страстотерпца, св. Глѣба, въ крещеніи Давида.

Извѣстно, что преданіе объ убіеніи св. Бориса и Глѣба есть одно изъ трогательнѣйшихъ древне-русскихъ преданій, имѣвшее глубокое нравственное вліяніе какъ на князей, такъ и на народъ. Извѣстно также, что отъ древности дошло до насъ два сочиненія, воспроизводящія это преданіе: одно, принадлежащее *Нестору*, названному лѣтописцемъ, другое на основаніи очень вѣскихъ доводовъ приписываемое обыкновенно черноризцу *Іакову*. Произведеніе Нестора можетъ быть названо *повѣстью*, такъ какъ оно имѣетъ въ виду полное изложеніе житія св. братьевъ, между тѣмъ какъ произведеніе Іакова есть собственно *сказаніе* о мученической ихъ кончинѣ [1]). Какъ извѣстно, вопросъ объ отношеніи между этими житіями, въ особенности о противорѣчіяхъ между ними, очень живо занималъ въ свое время многихъ ученыхъ и породилъ значительную научную литературу, и то обстоятельство, что *лѣтописный* разсказъ о св. братьяхъ согласуется не съ повѣстью Нестора, но со сказаніемъ Іакова, послужило однимъ изъ существенныхъ возраженій противъ господствовавшаго прежде мнѣнія о томъ, что лѣтопись, въ цѣломъ своемъ составѣ, написана Несторомъ, что въ свою очередь повело къ анализу состава лѣтописи, столь плодотворному для дальнѣйшей разработки древне-русской исторіи.

Выдвинутое мною предположеніе о лѣтописной «Давыдовой боженкѣ», какъ о боженкѣ, поставленной въ ознаменованіе какого-то событія изъ исторіи св. Глѣба или Давида, подаетъ поводъ и даже обязываетъ меня къ пересмотру вопроса о противорѣчіяхъ между

---

[1]) Доказательства принадлежности сказанія Іакову развиваются у преосв. *Филарета* («Обзоръ русской духовной литературы»), *Макарія* («Исторія рус-

упомянутыми двумя житіями,—вопроса, который научною критикою считается какъ-бы окончательно уже порѣшеннымъ въ пользу большей достовѣрности сказанія Іакова.

Противорѣчія эти могутъ быть сведены къ слѣдующимъ двумъ главнымъ пунктамъ:

а) По повѣсти Нестора, *Борисъ*, во время смерти отца, княжилъ во *Владимірѣ на Волыни*, а по сказанію Іакова—*въ Ростовѣ*, хотя оба житія сходятся въ томъ, что Борисъ какъ-бы временно и случайно находился въ то время въ *переяславской* области.

б) По повѣсти Нестора, *Глѣбъ*, не имѣя еще удѣла, жилъ въ Кіевѣ; по смерти отца, узнавъ о злыхъ замыслахъ Святополка, бѣжалъ изъ Кіева въ лодьѣ вверхъ по рѣкѣ (конечно по Днѣпру, который однако въ повѣсти не названъ) въ сѣверныя страны, но былъ настигнутъ убійцами (гдѣ—не сказано) и убитъ. По сказанію Іакова, Глѣбъ княжилъ и находился въ *Муромѣ* и, на пути изъ Мурома въ Кіевъ (будто-бы по *Волгѣ*, мимо устья *Тьмы* [1]), мимо *Смоленска*), былъ убитъ при устьи *р. Смядыни*, нѣсколько ниже Смоленска.

Очевидно, что для разрѣшенія этихъ противорѣчій и тѣхъ недоразумѣній, которыя ими возбуждаются и которыя на разные лады были объясняемы разными изслѣдователями, необходимо прежде всего рѣшить общій вопросъ о распредѣленіи удѣловъ между сыновьями Владиміра святого. Если намъ удастся разрѣшить этотъ вопросъ, то это и дастъ намъ точку опоры для того, чтобы опознаться и въ преданіяхъ о странствованіяхъ и смерти св. Бориса и Глѣба.

Изъ свода и сопоставленія всѣхъ дошедшихъ до насъ историческихъ извѣстій о распредѣленіи удѣловъ между сыновьями св. Владиміра [2]) слѣдуетъ предположить, что въ княженіе Владиміра св. такихъ распредѣленій было три.

ской церкви»), у *Погодина*, *Срезневскаго*, *Бестужева-Рюмина* («О составѣ русскихъ лѣтописей»). *Г. Иловайскій* («Исторія Россіи», ч. I, прим. 58-е) наоборотъ считаетъ житіе, приписываемое Іакову, сочиненіемъ болѣе позднимъ и менѣе заслуживающимъ довѣрія, чѣмъ повѣсть Нестора.

[1]) *Тьма*—небольшой лѣвый притокъ, впадающій въ Волгу немного выше Твери.

[2]) Извѣстія эти сведены у *Бестужева-Рюмина*: «О составѣ русск. лѣтоп.», Приложенія, стр. 19.

1) Первоначальное распредѣленіе областей между сыновьями сдѣлано было Владиміромъ вслѣдъ за крещеніемъ Руси, въ 988 году (Лавр. 118, Ипат. 83). На первый взглядъ кажется чрезвычайно страннымъ, что въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ объ этомъ распредѣленіи не упоминается вовсе о древнѣйшихъ и важнѣйшихъ городахъ русскихъ, какъ Черниговъ и Переяславъ, о которыхъ упоминается еще въ договорахъ Руси съ греками. Изъ дальнѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстій о распредѣленіи областей между вѣтвями династіи св. Владиміра мы видимъ, что Муромъ принадлежалъ къ черниговской области, къ которой принадлежалъ также и «градъ Тмутаракань», а Ростовъ къ переяславской [1]). Такая группировка земель основывалась, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ даннымъ, на этнографическомъ сродствѣ славяно-русскаго населенія этихъ областей [2]). Обыкновенно думаютъ, что эта группировка ведетъ свое начало со времени Ярослава; но едва-ли это такъ. Вся разница между извѣстіемъ о распредѣленіи, сдѣланномъ Владиміромъ, и свидѣтельствомъ о распредѣленіи, сдѣланномъ Ярославомъ, какъ мнѣ кажется, заключается лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ упоминаются только окраинные города, или колоніи, а во второмъ, наоборотъ, лишь главные, или метрополіи. Что князья при Владимірѣ св. жили по большей части въ окраинныхъ городахъ, естественно объясняется интересами охраненія, колонизаціи и устройства колоній, а главное—насажденія въ нихъ, среди инородческаго населенія, христіанства, на что прямо указываютъ и нѣкоторыя историческія свидѣтельства [3]). Такъ какъ князья во времена Владиміра св. жили по большей части въ окраинныхъ городахъ, то естественно, что въ народной памяти (и у лѣтописцевъ, которые писали объ этихъ временахъ *лишь по преданіямъ*) удержались тѣ только города, въ которыхъ князья жили. Итакъ, на основаніи этихъ

---

[1]) Это ясно видно изъ исторіи Мстислава тмутараканскаго, Олега Святославича, Владиміра Мономаха, Юрія Суздальскаго и пр.

[2]) О сродствѣ населенія Тмутаракани съ населеніемъ сѣверной земли см. *Н. Барсова*: «Очерки рос. исторической географіи», стр. 131.

[3]) «Посла съ ними и священникы, заповѣдая сыномъ своимъ, да кождо по области своей повелѣваетъ учити и крестити людей и церкви ставити; еже и бысть». (П. С. Р. Л., т. II, стр. 259; Степ. кн., т. I, стр. 151, 153). Ср. Исторію русской церкви, *Макарія* во 2-му изданію, т. I, стр. 21.

соображеній, слѣдуетъ предположить, что по первоначальному распредѣленію областей, сдѣланному Владиміромъ св., Черниговъ съ Муромомъ и Тмутараканемъ достался *Мстиславу* (который былъ старше Ярослава), а Переяславъ съ Ростовомъ *Ярославу*, подобно тому, какъ по смерти Ярослава Черниговъ съ Муромомъ и Тмутараканемъ достался *Святославу* (который былъ старше Всеволода), а Переяславъ съ Ростовомъ *Всеволоду*. При этомъ первоначальномъ распредѣленіи ни Борисъ, ни Глѣбъ не получили удѣловъ, по всей вѣроятности, по своему малолѣтству.

2) Свидѣтельство Нестора о томъ, что Борисъ сперва жилъ при отцѣ, а потомъ получилъ городъ Владиміръ на Волыни, указываетъ какъ-бы на то, что вслѣдъ за первоначальнымъ распредѣленіемъ послѣдовало по какому-то неизвѣстному намъ поводу новое распредѣленіе [1]).

3) Подъ 1010-мъ годомъ читаемъ у Татищева: «Преставися въ Новгородѣ Вышеславъ (который тамъ княжилъ, стало быть, съ 988 по 1010 годъ, т. е. около 11-ти лѣтъ), и далъ Владиміръ Новгородъ Ярославу, а Борису Ростовъ, Ярославлю отчину, *Глѣбу, брату его, Муромъ, отчину Борисову*». По этому извѣстію выходитъ, что въ Муромѣ до смерти Вышеслава княжилъ Борисъ, а послѣ смерти Вышеслава Глѣбъ. Но дѣло въ томъ, что *ни Борисъ, ни Глѣбъ не могли княжить въ Муромѣ*, такъ какъ этотъ городъ принадлежалъ Мстиславу Тмутараканскому. До смерти Вышеслава Борисъ княжилъ, по свидѣтельству Нестора, не въ Муромѣ, но во Владимірѣ волынскомъ; стало быть по смерти Вышеслава Глѣбъ могъ получить *эту* вотчину Борисову, т. е. Владиміръ на Волыни [2]).

---

[1]) Что могло послужить поводомъ къ тому, объ этомъ можно лишь догадываться. Въ 991-мъ году, стало быть, спустя всего три года послѣ первоначальнаго распредѣленія, въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе о походѣ Владиміра св. на хорватовъ, т. е. въ Карпатскую Русь. Къ этому-то времени и относится, б. м., занятіе Владиміромъ Червоной Руси, въ которую онъ и могъ перевесть изъ сосѣдняго съ нею Владиміра-волынскаго *Всеволода*, посадивъ вмѣсто него *Бориса*.

[2]) Лѣтописецъ какъ о первоначальномъ распредѣленіи, такъ и о томъ, которое произошло по смерти Вышеслава, говоритъ подъ 988-мъ годомъ, но очевидно, что онъ говоритъ объ этихъ разныхъ распредѣленіяхъ, о которыхъ дошли до него сбивчивыя свѣдѣнія, подъ однимъ годомъ ради того только, чтобы сразу покончить съ этимъ предметомъ.

Въ дѣйствительности событія могли происходить такъ:

Борисъ, получивши въ 1010 году, вмѣсто Владиміра, Переяславъ и Ростовъ, отправился къ окраинную, ростовскую, часть своего удѣла для ея обозрѣнія и устройства. Въ Кидекши на р. Нерли сохранилось преданіе о мѣстѣ, гдѣ было становище св. Бориса во время его пути (Ср. въ преданіи объ Ольгѣ: «и суть *становища* ею и ловища») [1]). Но въ 1015 году, во время смерти Владиміра св., мы видимъ Бориса *въ ею центральной, переяславской области*, защищающимъ ее отъ печенѣговъ [2]). Прогнавши печенѣговъ, онъ узналъ о смерти отца и поспѣшилъ въ Кіевъ, но на пути изъ Переяслава былъ убитъ на р. Альтѣ 26 іюля.

Что касается Глѣба, княжившаго на Волыни, то онъ, получивши вѣсть о смерти отца, должно полагать, отправился съ дружиною своею изъ своего княжества въ лодьѣ внизъ по Припети и по Днѣпру, и здѣсь то, ниже устья Припети, въ пустынномъ мѣстѣ, на днѣпровскомъ бродѣ близъ теперешней Глѣбовки, какъ слѣдуетъ предполагать, и поджидали его убійцы, которые и совершили убійство 5-го сентября.

Должно быть, еще въ княженіе Ярослава, послѣ вписанія св. Бориса и Глѣба въ синодикъ (1021 г.), на мѣстѣ убіенія Бориса была поставлена божница, называемая, по мѣстности, «Летьскою», а на мѣстѣ поверженія убійцами тѣла Глѣбова — «Давыдова боженка» [3]). Быть можетъ, около этого-же времени, возникъ и *Летьчь* монастырь, откуда пришелъ въ монастырь печерскій тотъ

[1]) Подъ 1159-мъ годомъ (Лавр. лѣт., стр. 331) въ спискахъ Радзивилловскомъ и моск. дух. академіи: «преставися Борисъ Гюргевичь и положиша братья я въ церкви святою мученику, юже бѣ создалъ отець ихъ Гюрги (княжившій въ Суздалѣ 1096—1155) на Нерли, идеже бяше становище *святаго Бориса*».

[2]) Стало быть, не безъ историческаго основанія въ нѣкоторыхъ варіантахъ извѣстнаго поэтическаго преданія, связываемаго съ такъ называемыми «змієвыми валами», какъ побѣдитель змія, выступаетъ св. Борисъ и неразлучно связанный съ нимъ Глѣбъ.

[3]) Подъ 1117-мъ годомъ въ лѣтописи (Лавр., стр. 277, Ипат., стр. 205) упоминается о закладкѣ Владиміромъ Мономахомъ *каменной* церкви св. мучениковъ на Альтѣ. Подъ 1154-мъ (Лавр., стр. 326, Ипат., стр. 328) читаемъ: «много зла створиша половци около Переяславля: пожгоша бо села вся и летьскую божницю и святою мученику (церковь) зажгоша». Очевидно, что здѣсь отличается церковь отъ божницы. Церковь *каменная* была заложена въ 1117-мъ году, а

самый Іаковъ мнихъ, которому приписывается сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ [1]).

Предполагаю, что преданіе, воспроизведенное Несторомъ, могло составиться въ правобережной (по отношенію къ Днѣпру) Руси, гдѣ живѣе помнилось княженіе Бориса во Владимірѣ на Волыни и гдѣ существовала Давыдова боженка, между тѣмъ какъ преданіе, воспроизведенное Іаковомъ, могло составиться въ лѣвобережной Руси, гдѣ живѣе помнилось княженіе Бориса въ Переяславлѣ и Ростовѣ и гдѣ очень мало знали о Глѣбѣ.

Теперь спрашивается, какимъ-же образомъ въ лѣвобережной Руси могло сложиться преданіе о княженіи Глѣба въ Муромѣ, въ которомъ онъ никогда не княжилъ?

Не слѣдуетъ забывать, что главною цѣлью составителей житій была вообще не строгая провѣрка историческихъ фактовъ, но поученіе, воздѣйствованіе на религіозное чувство читателей, которое возбуждалось тѣми или другими *общими* представленіями. Вотъ подъ эти-то представленія, незамѣтно даже для самихъ составителей житій, могли подгоняться и самые факты. Глубокое и трогательное религіозное чувство неудержимо стремилось *ту неразрывную связь св. братьевъ, которою соединила ихъ мученическая кончина, перенести и на обстоятельства ихъ земной жизни.* Естественнымъ образомъ возникло представленіе, что они и при жизни были очень дружны между собою и оба были любимцами отца. На основаніи этого представленія народное преданіе приписало Владиміру св. желаніе, чтобы они владѣли и сосѣдственными областями, вслѣдствіе чего онъ, давши Борису ростовскую область, далъ будто-бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, Глѣбу *сосѣдственную съ нею* область муромскую. Путешествіе Бориса, не задолго до смерти отца, изъ ростовской обла-

божница, а также, по всей вѣроятности, и *деревянная* церковь существовали, конечно, гораздо раньше.

[1]) См. подъ 1074-мъ годомъ (Лавр., стр. 181, Ипат., стр. 131). *Эрбенъ* («Nestoruv Letopis, Praga», 1867) совершенно правильно читаетъ: «летьча» и подразумѣваетъ: «монастыря»: такое чтеніе прямо вытекаетъ какъ изъ этимологической формы слова (летьчь — «прилагат. отъ «льто»), такъ и изъ контекста, въ которомъ монастырю *печерскому* противополагается *летьчь*. А если это чтеніе вѣрно, то очевидно, что уже въ 1074-мъ году былъ монастырь на Альтѣ, а божница могла существовать тамъ и гораздо раньше.

сти рѣчнымъ путемъ въ Русь переносится на Глѣба, вслѣдствіе чего и возникло представленіе, что Глѣбъ изъ Мурома плылъ по ростовскому пути (какъ-бы на Ростовъ) и былъ убитъ у Смоленска при устьи Смядыни. Само собою разумѣется, что это преданіе о княженіи Глѣба въ Муромѣ могло сложиться лишь много лѣтъ спустя послѣ смерти Мстислава Тмутараканскаго († 1034), когда воспоминаніе о принадлежности ему, при Владимірѣ св. и Ярославѣ, Мурома и о самой личности этого князя-богатыря, «иже зарѣза Редедю предъ плъки касожьскыми», значительно затемнилось и изгладилось.

Обыкновенно думаютъ, что Несторъ, составляя свою повѣсть, не зналъ о существованіи сказанія Іакова. Мнѣ кажется это вполнѣ невѣроятнымъ, и не только на основаніи сопоставленія внѣшнихъ обстоятельствъ жизни обоихъ авторовъ (Ѳеодосій печерскій, при кончинѣ своей, въ 1074 году, предлагалъ Іакова въ преемники себѣ, а Несторъ пришелъ въ монастырь вскорѣ послѣ смерти Ѳеодосія), но и на основаніи сличенія самыхъ ихъ сочиненій. Несторъ пользуется сказаніемъ Іакова, какъ матеріаломъ, который онъ находитъ нужнымъ обработать по своему, сглаживая собственныя имена мѣстъ и лицъ и нѣкоторыя живыя бытовыя подробности, которыя, по тогдашнему церковному взгляду, усвоенному изъ Византіи, казались въ оффиціальномъ, такъ сказать, житіи неумѣстными [1]) Въ разсказѣ о Борисѣ, за исключеніемъ показанія объ удѣлѣ Бориса, онъ вообще слѣдуетъ за Іаковомъ; въ разсказѣ же о Глѣбѣ онъ измѣняетъ разсказъ Іакова, хотя и согласуется съ нимъ вполнѣ при описаніи мѣста, гдѣ было повержено тѣло Глѣба и гдѣ оно потомъ найдено было ловцами. Слѣдуетъ думать, что Несторъ измѣнялъ разсказъ Іакова согласно тѣмъ, уже смутнымъ воспоминаніямъ, которыя могли еще сохраняться въ его время въ Кіевѣ и вообще въ правобережной Руси и которыя ему казались болѣе достовѣрными, чѣмъ то

[1]) Отношеніе между сказаніемъ Іакова и повѣстью Нестора разъясняется у *е. Голубинскаго* (Исторія русской церкви, 1-я половина 1-го тома, стр. 620). Кромѣ того, замѣтки объ отношеніи между этими двумя произведеніями съ литературной точки зрѣнія см. у *И. И. Хрущова* (О древнерусскихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ, глава 2-я).

лѣвобережное преданіе, которое воспроизведено было Іаковомъ [1]). Такимъ образомъ повѣсть Нестора представляетъ не только литературную *переработку* сказанія Іакова, но и какъ-бы нѣкотораго рода *провѣрку* его и *поправку* къ нему.

Сказаніе Іакова мниха гораздо болѣе пришлось по душѣ читателямъ, чѣмъ повѣсть Несторова. И для каждаго безпристрастнаго читателя ясно, что это сказаніе, не смотря на то, что безъискусственное народное преданіе и украшается въ немъ цвѣтами краснорѣчія, все таки по своимъ художественнымъ достоинствамъ, по индивидуализаціи и обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, по глубинѣ психологическаго анализа, по изображенію живыхъ бытовыхъ подробностей, наконецъ по выраженію искренности и задушевности религіознаго чувства, несравненно выше повѣсти Нестора, отличающейся риторической, условной общностью изображеній. Сказаніе Іакова распространилось въ гораздо большемъ числѣ списковъ, чѣмъ повѣсть Нестора [2]). Не изъ повѣсти Нестора, а изъ сказанія Іакова извлеченіе или сокращеніе вошло и въ первоначальный, Сильвестровскій лѣтописный сводъ и, согласно этому, и въ текстѣ самой лѣтописи, подъ 988-мъ годомъ, въ извѣстіи о распредѣленіи удѣловъ между сыновьями св. Владиміра, замѣчено, что по смерти Вышеслава Глѣбъ получилъ Муромъ [3]). Должно полагать, что подъ вліяніемъ письменно установившагося преданія о княженіи Глѣба въ Муромѣ и о путешествіи его въ Русь чрезъ область ростовскую и первоначальное мѣстное преданіе о становищѣ св. Бориса въ Кидекши на р. Нерли

---

[1]) Въ представленіи самаго Нестора путешествіе Глѣба въ Кіевъ изъ Волыни могло быть смѣшано съ отправленіемъ его на Волынь, по полученіи этого удѣла, вверхъ по Днѣпру. Но могло быть и такъ, что Глѣбъ, прибывъ въ Кіевъ и узнавъ о злыхъ замыслахъ Святополка, тотчасъ отправился обратно, но былъ настигнутъ на пути и убитъ.

[2]) Списковъ сказанія Іакова насчитывается 14-ть, изъ коихъ одинъ отрывокъ относится къ XII-му вѣку, между тѣмъ какъ повѣсть Нестора найдена лишь въ двухъ спискахъ.

[3]) Преосв. *Макарій* (Исторія рус. церкви, т. I, стр. 21, прим.) замѣчаетъ, что «извѣстіе о сопротивленіи муромцевъ св. Глѣбу (пытавшемуся просвѣтить ихъ св. вѣрою) основывается только на рукописномъ житіи князя муромскаго Константина, которое составлено уже въ XVI вѣкѣ, *содержитъ въ себѣ немало несообразностей, отличается напыщенностью и преувеличеніями*».

стало пріурочиваться не къ одному только Борису, но и къ Глѣбу; наконецъ подъ тѣмъ-же вліяніемъ могло утвердиться и преданіе объ убіеніи Глѣба на Смядыни близъ Смоленска [1]).

Но существованіе «Давыдовой боженки», упоминаемой въ ипатской лѣтописи подъ 1150-мъ и безъименно подъ 1161-мъ годомъ, надъ Днѣпромъ близъ теперешняго села Глѣбовки бросаетъ яркій лучъ свѣта въ эту темную глубину древности и, въ связи съ показаніями Нестора, свидѣтельствуетъ о томъ, что преданіе, воспроизведенное Іаковомъ, успѣхомъ своимъ обязано не столько исторической дѣйствительности, сколько подкупавшимъ читателей высокимъ художественнымъ своимъ достоинствамъ.

Не смотря на фактическія противорѣчія, въ особенности по отношенію къ св. Глѣбу, о которыхъ у насъ была рѣчь выше, есть однако въ обоихъ интересующихъ насъ житіяхъ, по отношенію къ обстоятельствамъ мученической кончины св. Глѣба, и нѣчто вполнѣ согласное и даже тождественное. Это—описаніе прибрежной мѣстности, въ которой повержено было убійцами тѣло св. Глѣба и которая въ обоихъ житіяхъ рисуется вполнѣ тождественными чертами, а также разсказъ объ обстоятельствахъ обрѣтенія тѣла св. Глѣба въ этой мѣстности ловцами. Видно, что обстоятельства и обстановка этого звѣрскаго закланія невиннаго отрока, жаждавшаго жизни, трепетавшаго предъ страхомъ смерти и съ воплями

---

[1]) Замѣчательно, что и при устьи Смядыни, нынѣ пересохшей, за Свирскимъ предмѣстьемъ г. Смоленска, въ полуверстѣ отъ него, стоитъ едва замѣтная, убогая часовня надъ колодяземъ, какъ и близъ Глѣбовки. Въ позднѣйшихъ письменныхъ памятникахъ (въ Прологѣ XIV в., во 2-й софійской лѣтописи, въ никоновской, новгородской попа Іоанна, Степ. книгѣ и др.) о чудесахъ, бывшихъ на мѣстѣ погребенія св. братьевъ въ Вышгородѣ, какъ это изложено у Іакова и Нестора, говорится, какъ о чудесахъ происходившихъ на мѣстѣ поверженія тѣла св. Глѣба на Смядыни до перенесенія его въ Смоленскъ, а оттуда въ Вышгородъ. Изъ этихъ повѣтствованій можно, кажется, усмотрѣть, какъ вышгородскія преданія съ теченіемъ времени пріурочивались къ Смоленску. Авторъ «Историко-статистическаго описанія смоленской епархіи» (Спб., 1864 г., стр. 210) какъ-бы съ недоумѣніемъ замѣчаетъ: «вся Русь поминала въ молитвахъ св. страстотерпцевъ, призывала ихъ на помощь въ минуты опасности, строила имъ храмы и монастыри: въ Кіевѣ, Переяславѣ, Черниговѣ, Владимірѣ и др. городахъ, въ Смоленскѣ-же, на мѣстѣ обагренномъ кровью св. Глѣба, не существовало ни монастыря, ни храма до княженія Ростислава Мстиславича» (1127—1159).

умолявшаго убійцъ о пощадѣ,—этотъ отчаянный, раздиравшій душу дѣтскій крикъ, огласившій пустынныя днѣпровскія дебри, въ особенности сильно поразили чувство и воображеніе какъ свидѣтелей убійства, такъ и народную массу, и отчетливо запечатлѣлись въ народной памяти. Не даромъ обстоятельства убійства Глѣба переносятся въ нѣкоторыхъ легендахъ и въ духовныхъ стихахъ и на Бориса [1]). Оба житія согласно повѣствуютъ, что тѣло Глѣба, убитаго въ лодьѣ, во время плаванія, было выброшено убійцами *на берегъ рѣки, въ пустынномъ мѣстѣ, въ лѣсу, и повержено межи двѣма колодами*. Въ послѣднихъ словахъ г. Иловайскій видитъ указаніе на существовавшій обычай погребенія и передаетъ ихъ такъ: «тѣло его было *заключено* между двумя колодами, т. е. *выдолбленными обрубками*, и *зарыто* въ лѣсу [2]). Но такое толкованіе прямо противорѣчитъ житіямъ, по которымъ тѣло Глѣба долгое время лежало непогребеннымъ, совершенно открытымъ [3]). Мнѣ кажется, чтобы понять надлежащимъ образомъ это мѣсто, необходимо, отказавшись отъ «умничанья», имѣть въ виду, что разсматриваемыя нами житія основаны на народныхъ преданіяхъ, долгое время (по меньшей мѣрѣ около сорока лѣтъ) переходившихъ изъ устъ въ уста. Изъ этого конечно не слѣдуетъ, что факты, передаваемые въ житіяхъ, выдуманы или по меньшей мѣрѣ не имѣютъ реальнаго основанія, но слѣдуетъ только то, что эти факты передаются при помощи тѣхъ пріемовъ, которые для подобныхъ случаевъ обычны въ народной поэзіи. «Межи двѣма колодами»—это просто тѣ образы, въ которые привыкли облекаться народная мысль и народное чувство въ разсказахъ, подобныхъ настоящему. Такіе пріемы и образы замѣчаются въ житіяхъ не въ одномъ случаѣ, но нерѣдки и въ народной поэзіи.

Въ одной гайдамацкой пѣснѣ разсказъ объ убійствѣ польскаго пана заканчивается такъ:

[1]) Въ Лавр. лѣт., подъ 1263-мъ годомъ (стр. 456) разсказано видѣніе, въ которомъ Глѣбъ и Борисъ изображаются *плывущи по морю въ насадѣ*.

[2]) Исторія Россіи, ч. I, стр. 91-я.

[3]) «Тѣло Глѣбово найдено ловцами совершенно цѣлымъ, ни мало не измѣнившимся и не поврежденнымъ ни отъ плотоядныхъ звѣрей, ни отъ вліянія стихій, *хотя около пяти лѣтъ лежало безъ всякой защиты*» (*Макарій*, Исторія рос. церкви., т. I, стр. 91).

«Въ зеленій диброви гроши поличили,
Зъ холодной криниченьки могоричъ запили;
Пидъ гнилу колоду пана пидкотили».

Въ другомъ варіантѣ читаемъ:

«*На гнилий колоди* гроши поличили,
Тамъ мы твого пана спати положили;
За свидкивъ стояли дубы та березы».

(См. у Чубинскаго, т. V, стр. 243 и 903).

«Гнилая колода» и «болотная вода»—это типическія черты лѣсной глуши и въ великорусской народной поэзіи. Въ духовномъ стихѣ объ Іоасафѣ царевичѣ пустыня говоритъ:

«Во мнѣ, во пустынѣ
Гнилая колода, болотная вода!»

Совершенно въ духѣ народной поэзіи изображается убійство святыхъ страстотерпцевъ въ многочисленныхъ варіантахъ распѣваемаго въ Великороссіи духовнаго стиха о нихъ, почерпнувшаго свое содержаніе конечно уже изъ житій, но переносящаго обстоятельства убійства св. Глѣба и на Бориса:

«Терзалъ онъ (Святополкій) тѣлеса святыхъ
И *промежду двухъ кладъ* погрузиша».
«Въ топки болота отволочаючи,
Подъ гнилу колоду подкладаючи» [1]).

Ясно, что въ словахъ житій *межи двьмя колодами* разумѣется обстановка убійства Глѣба, а не обычай погребенія. И дѣйствительно, мѣстность Глѣбовки удивительно соотвѣтствуетъ той обстановкѣ поверженія тѣла Глѣбова убійцами и обрѣтенія его ловцами, которая согласно изображена какъ у Іакова, такъ и у Нестора. Дикою, глухою и пустынною была, конечно, въ древности приднѣпровская мѣстность того, и теперь довольно пустыннаго, уголка кіевскаго Полѣсья, гдѣ теперь стоитъ часовня у села Глѣбовки. Что эта мѣстность «за Вышгородомъ» была въ глубокой древности поприщемъ лововъ для смѣлыхъ ловцовъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ идущее изъ глубокой древности извѣстное преданіе о Лютѣ Свѣцельдичѣ, пріурочиваемое къ теперешнему селу Лютежу, между Вышгородомъ и Глѣбовкой, которое и теперь стоитъ среди боль-

---

[1]) *П. Безсоновъ*. «Калѣки перехожіе», ч. I.

шихъ лѣсовъ. Кромѣ того, въ лѣтописи не разъ упоминается о княжескихъ ловахъ «за Вышгородомъ» [2]). Да и теперь лѣса, простирающіеся въ этой мѣстности (т. н. «дымерскіе», по м. Дымеру, находящемуся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Глѣбовкой), славны своею обширностью и хорошимъ качествомъ. Прежде водились въ нихъ медвѣди, росомахи, бобры, а дикія козы, кабаны, лоси, волки и пр. попадаются и теперь [1]).

Что касается мѣстности при устьи р. Смядыни близъ Смоленска, то едва-ли и въ древности она могла быть пустынною, такъ такъ она находилась подъ самымъ городомъ, который былъ политическимъ центромъ цѣлаго отдѣльнаго племени, слѣдовательно не могъ быть незначительнымъ и малонаселеннымъ.

Во всякомъ случаѣ загадочная часовня у Глѣбовки, соотвѣтствующая по всѣмъ видимостямъ лѣтописной Давыдовой боженкѣ, представляетъ очень любопытный примѣръ переживанья традиціи о какомъ-то фактѣ: чего ради первоначально построена была на этомъ мѣстѣ часовня, это, по какимъ-то неуловимымъ причинамъ, давнымъ давно было уже забыто, а самая часовня продолжала поддерживаться и возобновляться усердіемъ благочестивыхъ людей.

Хотя я и провелъ всѣ свои школьные годы въ Кіевѣ и хотя мнѣ не разъ случалось въ то время бывать въ разныхъ его окрестностяхъ, однако къ сѣверу отъ Кіева дальше кирилловскаго монастыря мнѣ ни разу не случалось тогда проникнуть. Съ изъѣстной галлереи, окружающей церковь Андрея Первозваннаго, мнѣ нерѣдко приходилось всматриваться въ таинственную тогда для меня синеву, покрывавшую гору вышгородскую, но ни въ Вышгородѣ, ни въ скрывающемся за нимъ отъ взора Межигорьи, о которомъ я такъ много слышалъ, мнѣ ни разу не пришлось въ тѣ времена побывать.

Лѣтомъ 1883-го года, послѣ продолжительныхъ странствованій по другимъ мѣстамъ, пришлось мнѣ прибыть и въ богоспасаемый Кіевъ. Пользуясь этимъ случаемъ, я положилъ себѣ исполнить на этотъ разъ давнишнее мое желаніе—посѣтить давно интересовав-

---

[1]) Подъ 1091 г. (Ипат., стр. 150, Лавр., стр. 307), 1180 (Ипат., стр. 416) 1193 (Ипат., стр. 455).

[2]) *Похилевичъ*, Сказанія, стр. 11-я.

шій меня уголокъ кіевскаго Полѣсья «за Вышгородомъ». Внѣшнія обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали моему предпріятію; оставалось только, хоть это казалось и довольно труднымъ, найти себѣ подходящаго спутника. Сверхъ всякаго чаянія, послѣ непродолжительныхъ поисковъ, желанный спутникъ нашелся въ лицѣ моего стараго знакомца и пріятеля Н. С. Т.

Въ одно прекрасное утро мы прибыли на пристань «Общества пароходства по Днѣпру и пр.» и взяли билеты на пароходъ, отходившій вверхъ, по кіево-пинской линіи. Когда пароходъ отвалилъ, мы вышли на палубу и оставались тамъ почти все время, вплоть до прибытія къ глѣбовской пристани, созерцая красоты днѣпровскихъ видовъ. День былъ пасмурный, не жаркій; небо обложено было сѣренькими дождевыми облаками, дулъ сѣверный вѣтеръ, по временамъ нанося собою мелкій дождикъ.

Почти на половинѣ теченія Днѣпра между Кіевомъ и Вышгородомъ, ближе впрочемъ къ послѣднему, впадаетъ въ Днѣпръ съ черниговской стороны *р. Десна*, вслѣдствіе чего, въ былое время князья черниговскіе, идучи съ воями своими изъ Чернигова, лежавшаго на правой сторонѣ Десны, на Кіевъ (какъ сдѣлалъ это въ 1161 году и упомянутый мною выше Изяславъ Давыдовичъ), и обратно князья кіевскіе, идучи на Черниговъ, переправлялись черезъ Днѣпръ выше впаденія Десны, подъ Вышгородомъ или еще выше, избѣгая такимъ образомъ переправы черезъ Десну.

Пароходъ прошелъ мимо устья Десны, и мы стали приближаться къ *Вышгороду*. Гора вышгородская, въ цѣпи горъ приднѣпровскихъ, образуетъ какъ-бы полукруглый мысъ, выдавшійся къ востоку. Самое село Вышгородъ со своими хатами и огородами не представляетъ ничего особеннаго. Это самое обыкновенное, притомъ маленькое украинское село. Только высящаяся на горѣ небольшая изящная каменная церковь палеваго цвѣта съ темнозеленою желѣзною кровлею, построенная на мѣстѣ знаменитой, «мученической», св. Бориса и Глѣба, составляетъ особенность села, нисколько не гармонируя съ окружающею ее сельскою обстановкою.

Огибая гору вышгородскую, пароходъ поворачиваетъ къ сѣверозападу, и Кіевъ скрывается отъ взоровъ за вышгородскою горою. До села Новыхъ Петровецъ, на протяженіи четырехъ верстъ, пароходъ идетъ подъ самыми горами. Вотъ тутъ-то, между Вышгоро-

домъ и Новыми Петровцами, и скрывается знаменитое *межгорское удолье, или ущелье*, съ протекающимъ въ глубинѣ его и впадающимъ въ Днѣпръ ручьемъ («Звонки»). Темнымъ зеленымъ пятномъ, полнымъ тѣни и прохлады, рѣзко выдается оно среди окрестной горной мѣстности, вообще бѣдной растительностью.

Начиная отъ Новыхъ Петровецъ днѣпровскія горы снова, какъ между Кіевомъ и Вышгородомъ, отступаютъ отъ Днѣпра къ западу и значительно понижаются, переходя постепенно въ волнистую равнину, перерѣзываемую широкою низменностью, или *впадиною рѣки Ирпени* съ ея протоками и рукавами. На этихъ постепенно понижающихся возвышенностяхъ, которыя виднѣлись намъ вдали съ запада, въ глубинѣ такъ сказать сцены, расположены села: *Старые Петровцы*, *Лютежъ*, еще глубже *Демидовъ*, на сѣверномъ берегу нижней Ирпени, затѣмъ ближе къ Днѣпру деревня *Борки*, на южной сторонѣ устья Ирпени, и село *Казаровичи*—на сѣверной. Начиная отъ Новыхъ Петровецъ оба берега Днѣпра становятся похожими другъ на друга, представляя необозримую луговую равнину, перерѣзываемую теченіемъ рѣки съ ея многочисленными протоками (рѣчищами) и островами.

Глѣбовская пристань находится тотчасъ за впаденіемъ въ Днѣпръ небольшой рѣчки, которая называется «Пѣховка», или «рѣкша» (должно быть, уменьшительное отъ «рѣка», стало быть «рѣчка»), на которой верстахъ въ двухъ отъ днѣпровскаго берега, прямо къ западу, расположено и самое село Глѣбовка. Глѣбовки впрочемъ съ парохода не было видно, такъ какъ мѣстность эта лѣсиста. Глѣбовская пристань отъ кіевской отстоитъ въ 36-ти верстахъ, отъ Вышгорода въ 22, отъ устья Ирпени въ восьми, и плаванье наше къ ней длилось около трехъ часовъ. Это одна изъ незначительныхъ пристаней на Днѣпрѣ. Пароходъ останавливается здѣсь ради набиранія дровъ.

Съ прибытіемъ нашимъ къ глѣбовской пристани погода немного поправилась, небо прояснилось. Отправившись по дорогѣ къ Глѣбовкѣ, мы очутились, такъ сказать, въ глубинѣ кіевскаго Полѣсья. Дорога шла лѣсомъ, и вдругъ передъ нами неожиданность: мы увидѣли передъ собою болото, образованное теченіемъ «рѣкши» Пѣховки и расширившееся отъ дождей на значительное пространство. Впрочемъ это не вязкая трясина, въ которой можно увязнуть,

но покрытая водою лѣсная низина съ илисто-песчанымъ дномъ, совершенно твердымъ, словно полъ, вымощенный мраморными плитками. Съ лѣвой стороны дороги ручей былъ загроможденъ исполинскимъ трупомъ дерева-великана, «гнилою колодою», какихъ должно быть есть много въ этой лѣсной глуши. Убѣдившись въ невозможности перебраться черезъ низину по упомянутой колодѣ, мы поскидали обувь и съ немалымъ удовольствіемъ вступили въ свѣжую, проточную струю низины. Небо почти совершенно прояснилось; сквозь лѣсную чащу стали проскальзывать золотистые лучи солнца, отражаясь въ водѣ. До Глѣбовки намъ пришлось еще нѣсколько разъ разуваться и обуваться, такъ какъ и дальше встрѣчались, хотя и меньшія, чѣмъ пройденная нами, но все-же значительныя низины и лужи.

Село Глѣбовка лежитъ среди большаго пролѣсья на отлогой возвышенности, которая едва замѣтно подымается надъ уровнемъ пространства, пройденнаго нами отъ берега Днѣпра. Послѣднее есть не что иное, какъ лугъ Днѣпра, а возвышенность, на которой расположена Глѣбовка, не что иное, какъ продолженіе цѣпи днѣпровскихъ горъ, понизившихся до самой незначительной высоты и почти сравнявшихся съ лугомъ. Отъ церковнаго «цвинтаря» узенькія, кривыя улицы расходятся въ разныя стороны. На одной изъ улицъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ «цвинтаря», церковно-приходская школа, а на другой, тоже въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ церковью, домъ, въ которомъ помѣщается «батюшка». Мы подошли къ школѣ. Школа старая и убогая хатка съ маленькимъ дворикомъ, бокомъ прислоненная къ улицѣ. Внутренняя обстановка этого «класса», или, что тоже, жилища учителя, поразила насъ своею нищетою. Когда мы вошли, учитель, по имени О., человѣкъ пожилой, сидя за громаднымъ столомъ (во время «науки», зимою, исправляющемъ должность «партъ») занимался перепиской клировыхъ вѣдомостей (жалованья ему мужики лѣтомъ не даютъ). Относительно часовни: кѣмъ, когда и по какому поводу она построена, онъ не слыхалъ ничего; за этими свѣдѣніями совѣтовалъ онъ намъ обратиться къ батюшкѣ. Мы оставили нѣкоторыя наши вещи у О. съ тѣмъ, чтобы, сдѣлавши визитъ батюшкѣ, отправиться налегкѣ къ часовнѣ. Батюшка, старикъ, изъ великороссіянъ, живетъ въ Глѣбовкѣ издавна, но о времени и причинѣ построенія часовни также ничего не слы-

халъ и за интересовавшими насъ свѣдѣніями рекомендовалъ обратиться къ благочинному.

Мы вышли изъ села въ сѣверо-восточномъ направленіи, по дорогѣ въ Ясногородку. Отошедши съ четверть версты отъ центра села, мы вступили въ сосновый лѣсъ съ песчаною, бугристою почвою. Дорога идетъ по окраинѣ того возвышеннаго пространства, на которомъ расположена и Глѣбовка: влѣво—возвышенное пространство, вправо—низменное, луговое. Возвышенное пространство, поросшее боромъ, и луговая низменность, густо поросшая лещиною (орѣшникомъ) и вообще чернолѣсьемъ, очень рѣзко отграничиваются другъ отъ друга. Верхушки деревьевъ луга находятся почти на одномъ уровнѣ съ дорогой, по которой мы шли. Мы шли и поглядывали вправо и наконецъ увидѣли чуть замѣтную тропу, спускающуюся по откосу внизъ, къ лугу, въ глубину чащи. Сдѣлавши нѣсколько шаговъ по этой тропинкѣ, мы замѣтили внизу, значительно ниже уровня дороги, черный металлическій крестъ и черную, покрытую мхомъ, кровлю часовни. Скоро мы увидѣли ее всю. Часовня представляетъ собою большой деревянный срубъ правильной восьмигранной пирамидальной формы, должно быть, сажени двѣ въ діаметрѣ. Она сложена изъ прочныхъ толстыхъ тесанныхъ бревенъ, сильно почернѣвшихъ отъ времени и не имѣетъ оконъ. Тропинка ведетъ прямо къ низкой, маленькой двери, ведущей во внутренность часовни, освѣщаемую лишь тѣмъ полусвѣтомъ, который проникаетъ въ нее чрезъ эту дверь. Внутри часовни, въ центрѣ ея, находится низенькій квадратный срубъ («цямврины») криницы, въ которой вода стоитъ почти на одномъ уровнѣ съ поломъ часовни. На срубѣ лежалъ черпакъ изъ березовой коры, прикрѣпленный къ срубу веревочкой. На стѣнѣ, противоположной входу и обращенной прямо къ востоку, установлены иконы. Всѣхъ иконъ я насчиталъ семь. Одна изъ нихъ, св. Владиміра, выше всѣхъ, на значительной высотѣ, по срединѣ стѣны, малого размѣра, новая, окаймленная розовою кисейною занавѣскою, съ лампадкой. Значительно ниже этой, какъ-бы главной, иконы установлены рядомъ шесть иконъ, считая отъ сѣвера къ югу, въ такомъ порядкѣ: 1) св. Параскевы, 2) Спасителя, 3) св. Николая, 4) Божіей Матери, 5) Спасителя, 6) изображающая нѣсколько св. лицъ, изъ коихъ замѣтнѣе прочихъ Петръ и Павелъ. Первая, вторая и чет-

вертая иконы новыя; третья и пятая старыя, писанныя на деревѣ; краски ихъ сильно полиняли и вывѣтрились. Внизу пятой иконы надпись: «Року 1769 мѣсяца марта дня 7»; на третьей иконѣ сверху: «святитель Христовъ Ныко́лай», внизу: «1769 мѣс. мая 12 дня». Шестая икона очень древняя, писана на полотнѣ, теперь уже полуистлѣвшемъ, масляными красками, сильно почернѣвшими отъ времени. Должно полагать, что это чья-нибудь семейная икона, изображающая патроновъ всей семьи. Стѣны внутри часовни, особенно переднія, ближе къ выходу, кругомъ, даже на значительной высотѣ, испещрены надписями посѣтителей часовни, сдѣланными ножикомъ, карандашемъ, угольком и мѣломъ на русскомъ и польскомъ языкахъ. Всѣхъ надписей мы конечно не могли пересмотрѣть, такъ какъ ихъ цѣлая масса и такъ какъ многія изъ нихъ находятся очень высоко. Надписи состоятъ по большей части изъ обозначенія именъ и фамилій посѣтителей, нерѣдко года, иногда и мѣсяца и дня посѣщенія. Изрѣдка впрочемъ встрѣчаются и эпиграфы въ родѣ: «Byłem i wodę piłem: woda dobra». Встрѣчаются надписи даже 1805 года. Встрѣтивъ крупную, четкую надпись: «1824 roku, Adam Mickiewicz», мы пришли въ недоумѣніе. О. потомъ разъяснилъ намъ, что въ селѣ Казаровичахъ былъ поссессоръ Адамъ Мицкевичъ, который и сдѣлалъ эту надпись. Пробовалъ я и воду изъ криницы и никакъ не могъ согласиться съ надписью, гласящею, что «woda dobra»: вода въ значительной степени отзывается болотомъ. Я обошелъ вокругъ часовни и замѣтилъ, что здѣсь начинается луговая низина, что почва покрыта мхомъ и пропитана водою. Часовня стоитъ на самой границѣ между возвышеннымъ пространствомъ, тянущимся отъ Глѣбовки, и луговой днѣпровской низменностію, о которыхъ была рѣчь выше. Несомнѣнно, что когда-нибудь, въ болѣе или менѣе отдаленной древности, здѣсь былъ берегъ рѣки и что криница и часовня, если онѣ тогда существовали, находились на самомъ берегу.

Когда мы, возвращаясь отъ часовни, поднялись по тропинкѣ опять на дорогу, вправо отъ дороги, противъ начала тропинки, стало быть, вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ часовни, мы замѣтили большіе бугры, или горбы довольно правильной полусферической формы, поросшіе соснами, а пройдя по дорогѣ къ Глѣбовкѣ, подальше впрочемъ отъ дороги, мы замѣтили линію возвышенности въ родѣ вала, простирающуюся по опушкѣ лѣса перпендикулярно по отношенію къ дорогѣ. Мы долго присматривались сперва къ буграмъ, а потомъ къ возвышенности, стараясь опредѣлить, природныя-ли это

поднятія почвы, или искусственныя насыпи; но ничего однако не могли рѣшить. Бугры казались будто природные, а возвышенность будто насыпной валъ, представляющій одну изъ сторонъ городища или остатокъ такъ называемаго «Зміеваго вала» [1]).

Солнце склонялось уже къ западу, когда мы вернулись къ О. У него пробыли мы немного времени, въ теченіи котораго онъ разъяснилъ намъ, что икону своего патрона, св. Владиміра, по освященіи ея въ церкви 15-го іюля 1880 года, поставилъ въ часовнѣ помѣщикъ села Казаровичъ, Владиміръ Ивановичъ Ляшкевичъ. Вода освящается въ часовнѣ иногда на Ѳоминой недѣлѣ, если кто закажетъ батюшкѣ такое водосвятіе.

Сколько я ни допытывался у О., не слыхалъ-ли онъ о томъ, кто, когда и по какому поводу построилъ или возобновилъ эту часовню,—ничего яснаго не могъ узнать. Онъ говорилъ что-то о какомъ-то *Ивицкомъ*, отставномъ солдатѣ что-ли, проживавшемъ и имѣвшемъ свое хозяйство въ Глѣбовкѣ, который вслѣдствіе какихъ-то личныхъ или семейныхъ приключившихся съ нимъ обстоятельствъ, *поновилъ* эту часовню. Когда я, прощаясь съ О., просилъ его распросить у старыхъ людей поосновательнѣе, не припомнятъ-ли они, кѣмъ, когда и по какому поводу выстроена часовня, не бывало-ли въ прежнія времена въ какой-нибудь урочный день крестныхъ ходовъ къ ней, не взято-ли какихъ старинныхъ иконъ изъ нея въ церковь и пр., въ разговоръ нашъ вмѣшалась О-ва жена: «Эге, скажуть! перебила она; теперъ такій гаспидьскій народъ наставъ... Зачни про се питати, то вони таке тоби загнуть, що й на вики одцураешься про те досвидчуватись»!

Такова-то была наша лѣтняя экскурсія къ глѣбовской часовнѣ. Тамъ-ли точно стоитъ эта часовня, гдѣ стояла лѣтописная «Давыдова боженка», предоставляю рѣшить это другимъ; но если всѣ эти мои гаданья ошибочны, въ такомъ случаѣ все таки останутся открытыми вопросы, съ одной стороны: по какому поводу возникла часовня у Глѣбовки и чего ради село названо Глѣбовкой, съ другой: гдѣ-же стояла лѣтописная «Давыдова боженка» надъ Днѣпромъ и чего ради она называлась Давыдовой?

г. Екатеринославъ. **М. Андріевскій.**

---

[1]) На картѣ, приложенной къ статьѣ *В. Антоновича*: «Зміевы валы» (Кіевская Старина 1884 г., мартъ), обозначена часть вала, тянущаяся по направленію отъ Запада къ Востоку южнѣе м. Дымера. Быть можетъ валъ этотъ оканчивался, упираясь въ Днѣпръ, именно здѣсь у Глѣбовки.

ПЛАНЪ
мѣстности у села Глѣбовки

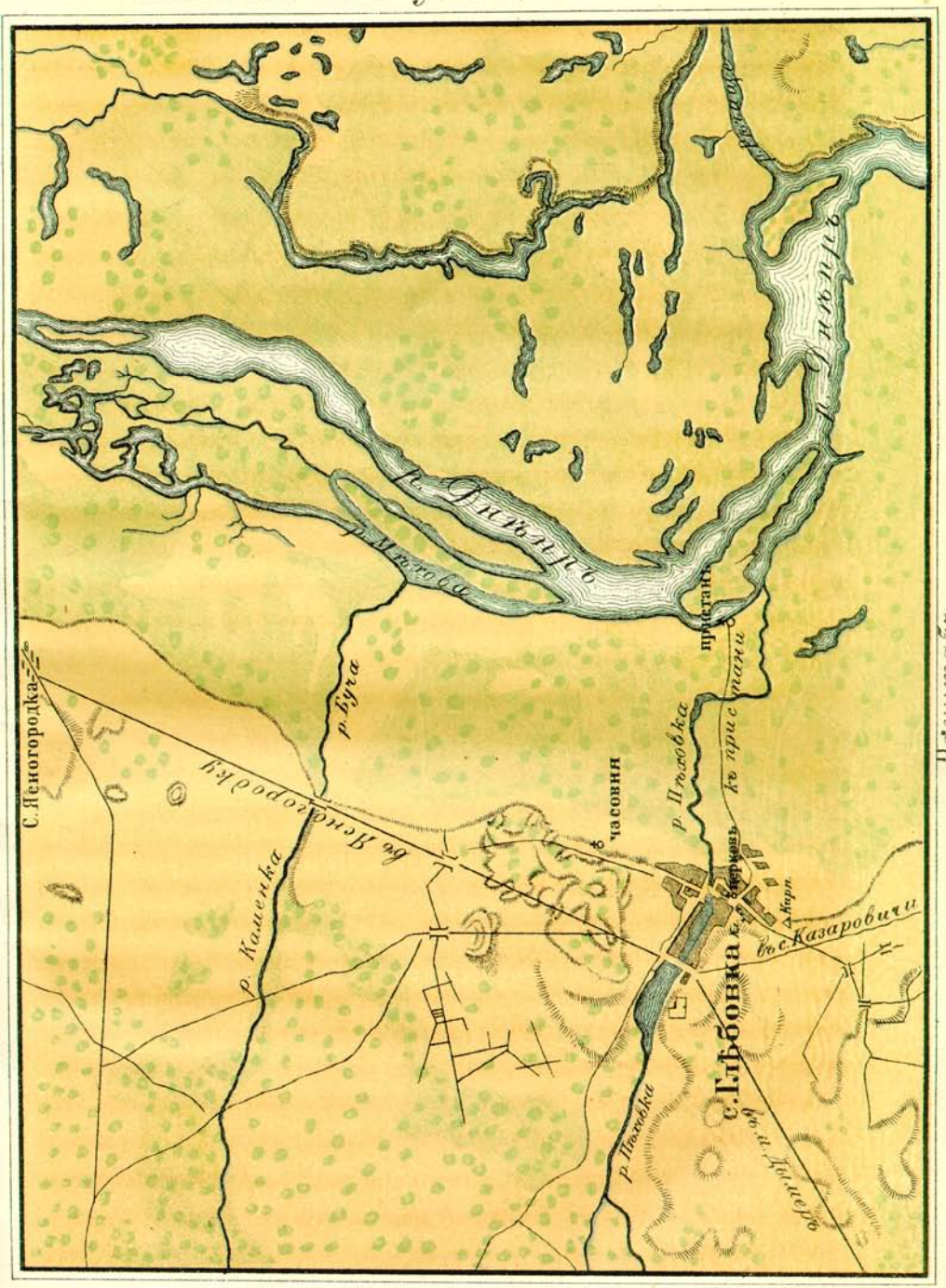

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(*Окончаніе*) [1]).

XIX.

Главною причиною паденія Польши были, какъ мы уже видѣли, во первыхъ анархія и произволъ шляхты, ни съ кѣмъ не считавшейся и никого не признававшей, кромѣ себя, а во вторыхъ и по преимуществу фанатизмъ польско-католическаго духовенства, направленный къ уничтоженію греко-восточной вѣры, и нетерпимость самихъ поляковъ, задавшихся цѣлью ополяченія всего православнаго населенія южной Россіи.

Послѣ паденія Костюшки наступилъ третій раздѣлъ Польши и съ 1796 г. польское государство исчезаетъ на картѣ Европы. Дѣйствительность показала, что нѣкому было защищать цѣлость государства, и это естественно. Крестьянинъ былъ только собственностью помѣщика; также мало заботилась Польша и о мѣщанахъ, среди которыхъ сложилась поговорка: «Одъ Кіева до Кракова всюды бида однакова». Такимъ образомъ народъ польскій представляли собою едва сто тысячъ душъ дворянъ, болѣе заботившихся о самихъ себѣ, нежели объ интересахъ государства. Кто-же долженъ былъ защищать Польшу? Извѣстно изъ исторіи, каково было состояніе Руси во время присоединенія ея къ Польшѣ; въ ней были богатые земяне, многочисленное и состоятельное мѣщанство и свободное крестьянское сословіе; состояніе-же ея въ моментъ отдѣленія отъ

---

[1]) См. майск. кн. «Кіевской Старины», 1885 г., стр. 21—43.

Польши сами поляки опредѣляютъ словами: «весь народъ состоитъ изъ попа и хлопа». Короче сказать: безсильный король, полновластные магнаты, необузданная шляхта, фанатическое духовенство, оставленное въ пренебреженіи мѣщанство, подавленное и безправное крестьянство и покровительствуемые евреи—вотъ элементы, изъ которыхъ слагалось польское государство.

Но главною причиною паденія Польши былъ, какъ мы уже говорили выше, религіозный фанатизмъ и происходящая отсюда мания ополяченія Руси, которыя, возбуждая жалобы и протесты со стороны послѣдней, давали поводъ къ вмѣшательству иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла Польши. Сперва иностранные послы требуютъ для диссидентовъ свободы вѣроисповѣданія, затѣмъ требованія ихъ поддерживаются вооруженною силою, между тѣмъ поляки не додумались до того, что надо искать помощи внутри государства, а не за его предѣлами, и не съумѣли воспользоваться данными элементами для созданія великаго государства. Въ Польшѣ преслѣдовалась политика, основанная на іезуитскомъ принципѣ, по которому «государство держится единствомъ вѣры». Дѣйствительность показала однако, что римско-религіозные интересы не были тождественны съ интересами государственными.

Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій былъ православнымъ, что однако не мѣшало ему быть вѣрнымъ слугою короля католика и врагомъ православной Москвы, которой онъ нанесъ тяжкое пораженіе подъ Оршею. Сравненіе Польши съ Римомъ оказалось невѣрнымъ, потому что, уничтожая Карѳагенъ, Римъ уничтожалъ своего соперника, тогда какъ Польша истребленіемъ Руси терзала собственное тѣло. Вся исторія Польши отъ начала до конца представляетъ борьбу государственнаго и аристократическаго начала съ принципомъ равенства, котораго домогались отъ пановъ сперва низшіе слои общества, затѣмъ мелкая польская шляхта и наконецъ козаки. Но Польша чѣмъ начала, тѣмъ и кончила: до самаго паденія ея, шляхта не хотѣла признать ни права поземельной собственности, ни личной свободы за сословіями нешляхетными, вопреки врожденнымъ понятіямъ и стариннымъ институціямъ славянскихъ племенъ. Если Польша погибла, то именно потому, что гербовое дворянство ничего не хотѣло уступить изъ своихъ привиллегій другимъ классамъ населенія.

Въ 1807 г. Наполеонъ I изъ части отобранныхъ отъ Пруссіи польскихъ земель образовалъ особое княжество варшавское, къ которому въ 1809 г. присоединилъ часть западной Галичины, т. е. воеводства: подляское, люблинское и сандомірское, но тотъ-же самый Наполеонъ выразился о полякахъ, что «этотъ народъ въ самомъ характерѣ своемъ носитъ зародышъ своей гибели».

Послѣ паденія Наполеона, дипломаты задумали на вѣнскомъ конгрессѣ снова раздѣлить княжество варшавское, но въ это время оно было занято русскими войсками и поляки обратились къ императору Александру I съ просьбою не выдавать ихъ нѣмцамъ. Александръ I возстановилъ до нѣкоторой степени польское государство, принявъ титулъ польскаго короля, чѣмъ заслужилъ безграничную благодарность поляковъ. Онъ ставилъ поляковъ въ примѣръ русскимъ, отдѣлилъ Польшу отъ Россіи, ввелъ для нея особыя пошлины, пожертвовалъ собственный капиталъ для основанія банка въ Варшавѣ и т. д.

XX.

Мы говорили уже о преслѣдованіи вообще диссидентовъ и въ частности православной церкви, но по мѣрѣ ослабленія православія уніатская церковь также подвергалась все большему униженію. Поляки не оставляютъ своей тенденціи обращать уніатовъ въ католичество; уніатское духовенство подвергается явному униженію и не безъ зависти принуждено смотрѣть на привиллегіи латинскаго духовенства. Такъ митрополитъ Вельяминъ Рутскій, ревностнѣйшій уніатъ, доносилъ папѣ въ 1615 г.: «народъ русскій ропщетъ и жалуется на то, что церковная унія служитъ только средствомъ къ болѣе легкому обращенію въ католическую вѣру и къ ополяченію». Впослѣдствіи, именно въ 1624 г. онъ-же жаловался папскому правительству на то, что «привлеченіе русиновъ къ латинскому вѣроисповѣданію всего больше препятствуетъ распространенію уніи». Въ 1664 г. холмскій уніатскій епископъ Іаковъ Суша отъ имени остальныхъ русскихъ епископовъ заноситъ въ Римъ жалобу на то, что бискупы латинскіе стараются уничтожить уніатскія епископскія каѳедры, завладѣть ихъ имѣніями, а также подчинить и уніатовъ своей юрисдикціи. Мало того, что русскія церкви лишены были

своихъ прежнихъ, нѣкогда богатыхъ имѣній, русскій священникъ принужденъ былъ и послѣ принятія уніи платить десятину въ пользу латинскаго духовенства, даже съ тѣхъ участковъ земли, которые самъ обработывалъ своими руками.

Когда съ появленіемъ уніи возникли и непрерывно шли ожесточенные споры между православными и уніатами, поляки только радовались этому, говоря: «стоитъ лишь натравить русина на русина, и они сами истребятъ другъ друга». И что факты такого рода не были явленіемъ случайнымъ, но вытекали изъ сознательной политической системы, доказательствомъ тому могутъ служить заключительныя слова того проекта 1717 г. относительно искорененія Руси, о которомъ мы говорили выше.

Въ 1768 г. бискупы латинскіе жалуются папѣ Клименту XIII на русскихъ уніатскихъ епископовъ за извращеніе вѣры; папа однако обвиняетъ бискуповъ, защищая русскихъ.—Львовскій уніатскій епископъ Левъ Шептицкій, встрѣтившись въ Варшавѣ съ могилевскимъ православнымъ епископомъ Георгіемъ Конискимъ, такъ выражается объ отношеніи поляковъ къ уніатамъ: «не смотря на унію, насъ называютъ схизматиками также, какъ и васъ православныхъ, и не боятся причинять намъ всевозможныя обиды и несправедливости».

Достовѣрные документы не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что латинское духовенство вмѣсто того, чтобы привлекать къ себѣ уніатовъ, съ дѣтскимъ ослѣпленіемъ раздражало и озлобляло ихъ; на провинціальномъ варшавскомъ соборѣ 1643 г. латинскіе бискупы совершенно серьёзно издаютъ грозныя постановленія, направленныя къ тому, чтобы уніатскіе епископы не употребляли одинаковыхъ съ ними титуловъ, чтобы не носили крестовъ на золотыхъ цѣпяхъ; самый меньшій по власти и значенію бискупъ, даже викарный, не хотѣлъ допустить первенства или предсѣдательства надъ собою первѣйшихъ сановниковъ русской церкви и съ пренебреженіемъ называлъ ихъ владыками, а не епископами. Даже въ матеріальномъ отношеніи и безъ того бѣдное русское духовенство, принужденное, подобно крестьянамъ, тяжелымъ земледѣльческимъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе, нерѣдко терпѣло обиды отъ ксендзовъ, которые собирали десятину съ русскаго народа, имѣвшаго своихъ собственныхъ пастырей. По закону уніатскій митро-

политъ долженъ былъ получить доступъ въ сенатъ, но бискупы не допускали его пользоваться этимъ правомъ, а тѣмъ болѣе не дозволяли того другимъ русскимъ епископамъ. Вопреки привиллегіи Владислава III низшее духовенство по большей части привлекалось въ свѣтскіе суды, между тѣмъ какъ латинское духовенство судилось своимъ собственнымъ судомъ. Въ силу подобнаго униженія какъ православной, такъ и уніатской вѣры почти вся русская шляхта и все, что было самаго выдающагося среди русскихъ, перешло въ латинскую церковь, такъ что вѣра простаго народа стала въ буквальномъ смыслѣ *хлопскою вѣрою*, какъ выражались въ то время. Дѣйствительно, если въ Польшѣ въ началѣ и покровительствовали уніатамъ, то впослѣдствіи трактовали ихъ не лучше, чѣмъ православныхъ, и духовенство уніатское съ намѣреніемъ держали въ невѣжествѣ. Въ недавнее время самъ Пій IX не колебался упрекать поляковъ въ притѣсненіи уніатовъ-русиновъ.

XXI.

Спору нѣтъ, что сама по себѣ церковная унія, въ томъ смыслѣ, какъ понимали ее лучшіе изъ современниковъ и между прочимъ князь Константинъ Острожскій, могла-бы имѣть и благотворное значеніе какъ для Польши и Руси, такъ и для всей славянщины; но вмѣшательство въ это дѣло политики, неразвитость и фанатизмъ польской шляхты, узкость взгляда іезуитовъ—всѣ эти причины измѣнили ея назначеніе.

Католицизмъ, какъ извѣстно, существовалъ и раньше и, хотя въ краѣ существовали рядомъ двѣ религіи, православная не мѣшала католической. Сущность уніи состояла собственно въ единствѣ церковной юрисдикціи, несмотря на разность въ исповѣданіи и обрядѣ; подчинившіеся папѣ русскіе епископы выговорили для себя и всего народа русскаго неприкосновенность своей вѣры и обрядовъ, что было принято папами на вѣчныя времена. Иначе разсуждали поляки и ихъ руководители въ дѣлѣ уніи іезуиты. Затѣявъ объединеніе церквей православной и католической въ предѣлахъ Польши, они хотѣли только принадлежавшую Польшѣ часть русиновъ оторвать отъ Руси московской и церкви восточной, сблизить ихъ и слить съ польской народностью; унія разсматри-

валась при этомъ только какъ средство къ переходу отъ такъ называемой *схизмы* къ католичеству. И къ ней принуждали всевозможными насиліями и лишеніемъ гражданскихъ и общественныхъ правъ, привлекали обѣщаніемъ покровительства закона, свободы исповѣданія, равенствомъ въ правахъ съ католиками; на самомъ дѣлѣ льготы и привиллегіи существовали не для однихъ православныхъ, но и для уніатовъ только на словахъ, русскія церкви называли синагогами, а самихъ русиновъ язычниками; для нихъ закрытъ былъ доступъ ко всѣмъ должностямъ и урядамъ; послѣдніе были открыты только для тѣхъ, кто измѣнялъ свою религію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народность. Совращаемая въ католичество богатая русская шляхта строитъ обширные костелы и монастыри и щедро надѣляетъ ихъ имѣніями, между тѣмъ какъ оставленный шляхтою бѣдный русскій народъ принужденъ былъ молиться въ тѣсныхъ и убогихъ деревянныхъ церквахъ. Сама унія служила предметомъ посмѣянія для поляковъ; еще и понынѣ нерѣдко можно слышать въ польскомъ обществѣ изреченія, въ родѣ слѣдующихъ: «русская вѣра—хлопская вѣра», или «попъ для хлопа, а плебанъ для попа». И напрасно уніатскіе епископы обращаются съ представленіями и жалобами къ королямъ и къ папамъ, заявляя, «что переходомъ русской шляхты въ католичество сама унія подвергается опасности и что одинъ народъ не въ состояніи ее поддержать». Ни жалобы, ни представленія не помогли. Польскіе политики были иного мнѣнія: они думали, что если путемъ окатоличенія и ополяченія оторвать шляхту, то народъ русскій безъ нея погибнетъ. Послѣдствіемъ несоотвѣтственной пропаганды уніи и насильственнаго ея введенія, вмѣсто постепеннаго развитія и распространенія новой вѣры, былъ ея упадокъ. Она даже временно отмѣняется гадячскимъ договоромъ, какъ вѣра, поселявшая раздоры въ обществѣ. Руководители уніи, въ видахъ скорѣйшаго сближенія ея съ католичествомъ и болѣе успѣшнаго ополяченія русиновъ, мало по малу вводятъ отступленія отъ обрядовъ греческой церкви и замѣну ихъ латинскими. Такъ постепенно сдѣланы значительныя измѣненія въ требникѣ, введена неизвѣстная въ греческой церкви тихая или шептаная обѣдня, смѣшанъ порядокъ греческой литургіи

[1]) Zsujski, Dzieje Polski, III, 1183.

съ церемоніями латинской мессы, русскимъ храмамъ начинаютъ придавать наружность костеловъ уничтоженіемъ царскихъ вратъ и устройствомъ боковыхъ при стѣнахъ алтарей. Уніатскимъ священникамъ приказано брить бороды и замѣнить облаченіе греческой церкви чѣмъ-то подобнымъ одеждѣ латинскаго духовенства; въ церквахъ введены колокольчики, органы, католическіе часы и молитвы по четкамъ и допущенъ такой произволъ въ этихъ перемѣнахъ, что каждый священникъ, каждая церковь имѣютъ свой особый обрядъ. Такимъ образомъ унія перестаетъ уже быть восточною церковью, которая не знаетъ всѣхъ этихъ обычаевъ. Эти произвольныя перемѣны въ теченіи столѣтія принято называть уніатскими обрядами, хотя они не были установлены ни однимъ соборомъ и никогда не получали папскаго утвержденія. Заправители уніи дѣлали ихъ въ видахъ внутренней политики, напротивъ сами уніаты всѣми силами заботились о сохраненіи въ чистотѣ греческаго обряда, надѣясь найти въ немъ и охрану своей русской народности.

Послѣ раздѣла Польши русское правительство еще долгое время не заботилось о привлеченіи уніатовъ въ православіе и завѣдываніе дѣлами уніатской церкви поручено было римско-католической коллегіи, учрежденной въ Петербургѣ для всѣхъ католиковъ въ Россіи. Напротивъ поляки съ своей стороны удваиваютъ усилія въ дѣлѣ обращенія уніатовъ въ католичество, чѣмъ порождались безпрерывные раздоры, даже въ самой уніатской церкви происходили частыя недоразумѣнія, въ особенности между свѣтскимъ духовенствомъ и монахами. Въ 1828 г. по указу императора Николая I учреждена для управленія уніатскою церковью греко-католическая коллегія и основана въ Жировицахъ уніатская семинарія. Только послѣ возстанья 1831 г. правительство обратило вниманіе на политическое значеніе уніи.

Въ 1839 г. собранный въ Полоцкѣ соборъ уніатскихъ епископовъ составилъ меморіалъ, въ которомъ представлено было положеніе уніатской церкви, и просилъ царя о присоединеніи ея къ господствующей православной церкви. Такимъ образомъ унія, созданная соборомъ епископовъ, уничтожена постановленіемъ такого-же собора.

Со времени Сигизмунда III и до самаго паденія Польши поляки усердно трудились надъ введеніемъ уніи, не смотря на тяж-

кія безпокойства и неурядицы, которыхъ она была причиною. Посмотримъ теперь, каковы были результаты этихъ усилій. Правда, достигли наконецъ того, что въ цѣлой Польшѣ осталась одна только православная епархія въ Могилевѣ; но не смотря на то унія стояла такъ слабо, что при первой возможности послѣдователи оставляютъ ее въ большомъ количествѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

1) Кіевская діецезія состояла изъ 32 деканатовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ болѣе 60 церквей; изъ нихъ до марта 1773 г. въ рукахъ уніатовъ осталось только девять; такимъ образомъ унія, въ продолженіи приблизительно одного года, потеряла двадцать три деканата [1]).

2) Православный епископъ Викторъ Садковскій при занятіи своей каѳедры въ Слуцкѣ въ 1785 г. имѣлъ подъ своею властью только 94 церкви въ Литвѣ, и тѣ по большей части были недавно обращены Георгіемъ Конискимъ; въ 1787 г. въ его вѣдѣніи числилось уже 300 церквей [2]).

3) За время четырехлѣтней вакансіи полоцкой епархіи присоединились къ православію около 800 приходскихъ церквей и съ ними болѣе 100,000 народу, а къ римскому костелу 24 прихода и до 8,000 прихожанъ; но и они вскорѣ перешли въ православіе.

4) Извѣстно, что изъ 5,000 уніанскихъ приходовъ въ діецезіяхъ: кіевской, каменецкой, луцкой и владимірской до 1796 г. едва только двѣсти остались при уніи, вообще-же со времени перваго раздѣла Польши до 1796 г. уніатская церковь потеряла восемь милліоновъ послѣдователей въ 9,316 приходахъ и сверхъ того 145 базиліанскихъ монастырей. Слѣдуетъ замѣтить, что и дальнѣйшее обращеніе происходило также быстро, такъ что въ царствованіе Николая I унія въ предѣлахъ россійской имперіи исчезла совершенно, за исключеніемъ холмской епархіи.

Всѣ указанные факты, какъ-бы ихъ не разсматривать, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что унія не имѣла прочныхъ основъ, и это естественно, потому что при установленіи оной думали не о соединеніи церквей, а подъ предлогомъ уніи преслѣдовали совсѣмъ иныя цѣли.

---

[1]) Ks. Likowski, hist. uniji, str. 145.

[2]) Przegląd poznański r. 1863, str. 420.

XXII.

Мы прослѣдили въ общихъ чертахъ исторію польско-русскаго государства; мы видѣли при этомъ, что одна часть русскаго края, Червоная Русь, присоединена была къ Польшѣ въ 1340 г. Казиміромъ Великимъ путемъ завоеванія, другая часть его, въ союзѣ съ литовскимъ княжествомъ, составляла русское государство, какъ по характеру, такъ и по большинству жителей. Польша возрасла и окрѣпла, единственно благодаря присоединенію Литвы и Руси на основаніи династической уніи, вслѣдствіе брака Ягайла съ Ядвигою. Поэтому хотя въ XV и XVI ст. на польскій престолъ постоянно избирались великіе князья литовскіе, но это еще не означало присоединенія Литвы и Руси къ Польшѣ, а напротивъ служило доказательствомъ личнаго союза. Дѣлалось это собственно съ тою цѣлью, чтобы три названныя государства, имѣя одного главу, не разошлись разными путями. Мы указали различія, какія существовали между тремя составными частями Рѣчи Посполитой. Различія эти, препятствовавшія сліянію ихъ въ одно тѣло, надо было устранить или сгладить, для чего конечно требовалось весьма продолжительное время. Между тѣмъ вся политика Польши основывалась на томъ, чтобы какими-бы то ни было средствами привязать къ ней юго-западную Русь; эту цѣль преслѣдовали всѣ уніи, какъ политическія, такъ наконецъ и церковная.

Уже городельская унія даетъ русскимъ земянамъ привиллегіи польской шляхты и тѣмъ самымъ пріучаетъ ихъ къ польскимъ порядкамъ, кладетъ начало шляхетству на Руси и подготовляетъ высшіе классы русскаго народа къ тѣснѣйшему сліянію съ Польшей. Не смотря на то, Польшѣ постоянно грозила опасность отдѣленія Литвы и Руси, въ особенности-же при Сигизмундѣ II Августѣ, съ которымъ, по причинѣ его бездѣтности, прекращалось обязательство династическаго союза; поэтому поляки настоятельно требуютъ отъ Сигизмунда-Августа болѣе тѣснаго сплоченія обоихъ частей государства, такъ какъ личный союзъ, какой существовалъ со времени Ягайла, уже казался имъ недостаточнымъ. Объявленъ съѣздъ въ Люблинѣ; но когда дѣло дошло до основнаго акта, въ силу котораго литовско-русскія области должны были навсегда составить съ Польшей одно политическое тѣло, причемъ Литва теряла свои особенности, среди дворянства возникаютъ опасенія національныя

и политическія. Литовскіе дворяне съ протестами оставляютъ сеймъ, а на ихъ мѣсто правительство призываетъ чиновниковъ. Чтобы успѣшнѣе подавить отпоръ со стороны Литвы, отъ нея отдѣлены были русскія области: Волынь, Подоліе и Украйна и присоединены къ Польшѣ. Не смотря на то, дѣло объединенія все еще оставалось сомнительнымъ, пока наконецъ двое знатнѣйшихъ русскихъ магнатовъ, князья Константинъ Острожскій и Александръ Чарторыйскій согласились подписать актъ соединенія и склонили къ тому своихъ сторонниковъ. Тогда объявлена унія при отсутствіи заинтересованной стороны и къ принятію ея вынуждали конфискаціею имущества. Опасенія народа могли быть на время успокоены только обезпеченіемъ для русиновъ дальнѣйшей ихъ политической обособленности и гарантіею ихъ народности, языка и вѣры.

Все это были только подготовительныя мѣры, дѣйствительное-же соединеніе Литвы и Руси съ Польшей наступило только на люблинскомъ сеймѣ 1569 г.; но и оно не было такимъ добровольнымъ актомъ, какъ обыкновенно говорятъ польскіе писатели: участіе въ этомъ актѣ принимало одно дворянство, народъ-же не имѣлъ здѣсь никакого права голоса.

Вскорѣ однако и люблинская унія показалась недостаточною полякамъ; поэтому для усиленія результатовъ городельской и люблинской уніи рѣшили уничтожить православіе въ Польшѣ, замѣнивъ оное католицизмомъ или по крайней мѣрѣ уніею съ римскою церковью. Тогда начинаются интриги іезуитовъ, постепенно подготовляется и наконецъ объявляется церковная унія.

Мы видѣли, что все время, пока уважались права и вѣра русиновъ, Польша пользовалась внутреннимъ спокойствіемъ и оставалась побѣдительницею въ внѣшнихъ столкновеніяхъ, напротивъ по мѣрѣ сокращенія свободы совѣсти, политической, гражданской и личной свободы русскаго народа, Польша теряетъ въ объемѣ, силѣ и значеніи. Еще при Ягайлѣ и Витовтѣ соединенныя силы литовскія, русскія и польскія подъ Грюнвальдомъ побѣдили и удержали нѣмецкій «Drang nach Osten». При великомъ князѣ литовскомъ Казимірѣ Ягайловичѣ, пока онъ уважалъ права Руси, даже Великій Новгородъ склонялся на сторону Литвы; при первыхъ Сигизмундахъ и Баторіи расширяются границы Польши и сила ея даетъ себя чувствовать сосѣдямъ. Вѣрные своему призванію козаки

охраняютъ Русь и Польшу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю западную Европу отъ напора азіатовъ; напротивъ того, униженіе русской народности и вѣры уже при Казимірѣ В. и позже при Ягайлѣ становится причиною внутреннихъ замѣшательствъ, которыя открываютъ татарамъ свободный доступъ въ предѣлы польскаго государства. При Казимірѣ Ягайловичѣ, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, потомки Владиміра св. и Ольгерда отпадаютъ отъ Литвы и вмѣстѣ со своими родовыми удѣлами подчиняются московскому государству. Также точно поступаютъ при Александрѣ города со своими округами въ сѣверской землѣ. Но ничто не въ состояніи было вразумить поляковъ, и они вмѣсто того, чтобы привязать къ себѣ Литву и Русь предоставленіемъ имъ всѣхъ правъ и свободы, какими сами пользовались, рѣшили удержать ихъ путемъ деморализаціи и своего преобладанія. Церковная унія и насильственное ея введеніе, посягательства католической партіи на свободу совѣсти, на вѣру народа, лишеніе православныхъ всѣхъ правъ политическихъ и гражданскихъ—всѣ эти мѣры раздражали русскій народъ и вызывали возмущенія, потрясавшія основы польскаго государства.

Долгое время дворяне русскіе энергично отстаиваютъ свою вѣру и народность, но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ они превращаются въ поляковъ и католиковъ, голосъ ихъ слабѣетъ и наконецъ совершенно утихаетъ.

Послѣ того какъ перевоспитанное іезуитами русское дворянство отступаетъ отъ вѣры и народности своихъ предковъ, оставленное имъ дѣло переходитъ въ руки народа, который съ оружіемъ въ рукахъ пытается отстоять то, чего не удалось дворянамъ выхлопотать сеймовымъ порядкомъ. Такой оборотъ принимаетъ дѣло въ особенности послѣ того, когда магнаты на занятыхъ ими огромныхъ земельныхъ участкахъ начинаютъ вводить польскіе порядки, когда понятіе о гражданскихъ правахъ сосредоточилось на одномъ только сословіи, остальная-же масса народонаселенія нашлась въ зависимости, простиравшейся даже до закрѣпощенія козаковъ. Отсюда возникаютъ козацкія возстанія.

Простой, необразованный народъ подымаетъ голову и начинаетъ протестъ противъ люблинской уніи, но уже не на бумагѣ, путемъ дипломатическимъ, какъ то было раньше, а на самомъ дѣлѣ. Уже въ концѣ XVI и началѣ XVII в. встрѣчаемъ въ польскихъ консти-

туціяхъ извѣстія о появленіи вооруженныхъ шаекъ простаго народа, нападавшихъ на шляхетскіе дворы и замки. Выработанныя въ Польшѣ соціальныя отношенія, бывъ распространены на Украйну, измѣняютъ назначеніе институціи козаковъ и изъ защитниковъ дѣлаютъ ихъ врагами Польши. Возстаніе слѣдуетъ за возстаніемъ; попытки Косинскаго, Наливайка, Павлюка, Острянина оканчиваются неудачею; но, не смотря на то, дѣло ихъ продолжало развиваться. Непріязнь народа къ шляхтѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ Польшѣ, росла и становилась грознѣе. По мѣрѣ того, какъ съ каждымъ новымъ возстаніемъ положеніе массъ все больше и больше ухудшалось, народъ группируется вокругъ козацкихъ гетмановъ и дѣлаетъ козаковъ своими представителями. Казалось, что самыя неудачи возбуждали и поддерживали народныя силы и, когда недовольство народа достигло высшей степени, онъ всею массою подымается подъ знаменами Хмельницкаго на всемъ пространствѣ присоединеннаго къ Польшѣ русскаго края. Окончаніемъ этой кровавой драмы было подчиненіе Украйны Россіи. Хмельницкій довершилъ то, къ чему вынуждали его обстоятельства и что было желаніемъ всего русскаго народа.

Подтвержденіемъ можетъ служить то обстоятельство, что когда, по смерти Хмельницкаго, лица, стоявшія во главѣ управленія Украйною, задумали было снова присоединить ее къ Польшѣ, на основахъ федеративной автономіи (какъ это признано было статьями гадячскаго договора), то большинство козаковъ и народа не хотѣли слышать о какихъ-бы то ни было договорахъ съ Польшей, напротивъ народъ русскій поддерживалъ только тѣхъ гетмановъ, которые оставались вѣрными Россіи.

Послѣ войны, поднявшейся вслѣдствіе отдѣленія Украйны, не только въ рукахъ Россіи остались: Полоцкъ, Сѣверская земля, лѣвобережная Украйна и Кіевъ съ округомъ на правой сторонѣ Днѣпра, но и другіе сосѣди съ своей стороны протягиваютъ руки къ польскому наслѣдству, такъ что Янъ Казиміръ уже въ 1661 и 1668 г. могъ предсказать полный раздѣлъ Польши, который дѣйствительно и произошелъ сто лѣтъ спустя.

Политика поляковъ ни въ чемъ не измѣнилась, они по прежнему продолжаютъ трудиться надъ разрушеніемъ своего отечества.

Русскій народъ энергично протестуетъ противъ навязаннаго ему андрусовскаго договора, раздѣлившаго Украйну между Польшею и Россіею. Дорошенко проситъ царя о принятіи цѣлой Украйны въ свое подданство; когда-же онъ получилъ отказъ, народъ цѣлыми массами начинаетъ переходить изъ правобережной Украйны, Волыни и Подолія за Днѣпръ, въ русскую Украйну. Благодаря этимъ переселеніямъ, значительно ослабившимъ Польшу, Россія усилилась на столько, что и та половина южной Руси, которая въ силу андрусовскаго договора возвращена была къ Польшѣ, почти совершенно опустошенная, все таки отошла къ Россіи. Послѣ отказа московскаго правительства принять въ подданство правобережную Украйну, Дорошенко, съ цѣлью освобожденія края отъ Польши, подчиняется Турціи. Слѣдствіемъ этого для поляковъ является потеря Подоліи съ Каменцемъ и уплата дани туркамъ.

Убѣдились-ли поляки теперь въ томъ, что своею политикою въ отношеніи Руси они работаютъ только на пользу своимъ сосѣдямъ?

Очевидно—нѣтъ, потому что при Собѣскомъ уже и самое Запорожье отходитъ къ Россіи.

Правда, когда при Собѣскомъ блеснула было надежда на свободу, народъ началъ толпами возвращаться обратно изъ московской Украйны въ польскую; но движеніе это было непродолжительно, такъ какъ надежда на свободу продолжалась недолго.

Фанатизмъ католической пропаганды не давалъ покоя Польшѣ до самаго конца ея существованія и породилъ наконецъ проэкты ея раздѣла.

Еще при жизни Сигизмунда III молдавскій господарь Михаилъ, основываясь на ненависти русиновъ къ брестской уніи, входилъ въ соглашеніе съ другими державами о раздѣлѣ Польши, а именно предлагалъ московскому царю Литву, шведамъ Лифляндію, австрійцамъ Краковъ, все-же остальное предполагалъ завоевать въ свою пользу.

Позже, въ 1656 г., князь Семиградскій Ракочи также условливается съ шведскимъ королемъ Карломъ X и съ Богданомъ Хмельницкимъ относительно раздѣла Польши, которая тѣмъ временемъ плотитъ дань въ видѣ подарковъ татарамъ.

Проэкты въ этомъ смыслѣ повторяются безпрестанно. Даже Турція, а именно великій визирь Рейсъ Еффенди, обращается къ Австріи съ предложеніемъ относительно раздѣла Польши.

Продолжавшаяся религіозная нетерпимость, принявшая въ основаніе гибельный принципъ: *государство держится единствомъ вѣры*, породила наконецъ барскую конфедерацію, послѣдствіемъ которой былъ первый дѣйствительный раздѣлъ Польши 1772 года, давшій починъ и заохотившій къ дальнѣйшимъ раздѣламъ.

Такъ, намѣреваясь уничтожить Русь, поляки не понимали, что въ дѣйствительности уничтожаютъ Польшу. Ополяченіемъ Руси и уничтоженіемъ ея автономіи рыли могилу независимости самой Польши. И оправдалось надъ ними евангельское слово: «какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ отмѣрится». Неуваженіе чужихъ правъ есть прямой путь къ потерѣ своихъ собственныхъ.

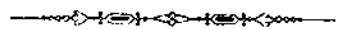

ВОСПОМИНАНІЯ
О ПОСЛѢДНИХЪ ГОДАХЪ ЖИЗНИ Н. И. КОСТОМАРОВА.

Пять лѣтъ тому назадъ, переселившись въ С.-Петербургъ, я въ первые три года часто бывалъ у Николая Ивановича Костомарова; имѣя много свободнаго времени, я проводилъ у него два, три вечера въ недѣлю. Мы перечитывали съ нимъ новыя книжки журналовъ, отдѣльныя монографіи, а также новыя книги, касавшіяся Украйны или написанныя на малорусскомъ языкѣ. Чтеніе обыкновенно прерывалось и заканчивалось бесѣдами, крайне интересными для меня: Николай Ивановичъ, по поводу прочитаннаго вставдялъ замѣчанія, дѣлалъ сближенія, высказывалъ свои мнѣнія или-же разсказывалъ о событіяхъ и случаяхъ изъ прошлой своей жизни. Онъ въ это время писалъ свою автобіографію, которая со временемъ появится въ печати; я поэтому не стану передавать этихъ разсказовъ—пусть читатель лучше познакомится съ ними въ мастерскомъ изложеніи самаго историка-художника.

Какъ ни дорожилъ я этими чтеніями и бесѣдами, но два года тому назадъ я съ крайнимъ сожалѣніемъ принужденъ былъ отказаться отъ нихъ, такъ какъ у меня прибавилось много обязательныхъ занятій. Въ послѣднее время я опять сталъ чаще бывать у него, особенно когда болѣзнь его приняла угрожающій характеръ.

Крѣпко врѣзалось мнѣ въ память впечатлѣніе, которое въ первое время болѣе близкаго знакомства производила на меня личность знаменитаго земляка. Это впечатлѣніе для самаго себя выражалъ я словами: «*плоть немощна, духъ силенъ*». Неотвязчиво

приходилъ мнѣ на умъ этотъ текстъ, когда я, бывало, бесѣдовалъ съ нимъ, или-же когда онъ жаловался на свои недуги; «духъ силенъ, но плоть слаба» — повторялъ я иногда даже безсознательно, возвращаясь домой послѣ проведеннаго у него вечера. И теперь, когда его уже не стало, я лучше всего выражу впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, все тѣми-же четырьмя словами.

Покойный Костомаровъ физически одряхлѣлъ раньше времени, по внѣшности казался старѣе своихъ лѣтъ. Морщины на лицѣ, длинная, но рѣдкая сѣдая борода, на головѣ сѣдые, какъ-бы поблекшіе волоса съ желтоватымъ отливомъ, глаза, хотя прекраснаго темноголубаго цвѣта, но плохо фиксировавшіе, недостатокъ многихъ зубовъ, худоба тѣла, согнувшагося, подавшагося впередъ, не твердая походка мелкими шажками, частое спотыканіе,—все это придавало всей фигурѣ покойнаго характеръ слабости и дряхлости. Ослабѣвшее зрѣніе, по временамъ плохой слухъ, продолжительные припадки упорнаго кашля и удушья еще усиливали это впечатлѣніе дряхлости, тѣмъ болѣе, что изъ разсказовъ самаго Николая Ивановича можно было заключить, что съ молоду онъ рѣдко болѣлъ, отличался здоровьемъ. Даже въ старости многія привычки его свидѣтельствовали о быломъ постоянномъ здоровьи, о силѣ смолоду. Такъ онъ очень любилъ, напримѣръ, холодъ, порывался купаться съ ранней весны до поздней осени даже въ холодной Невѣ, не умѣлъ вовсе беречь свое здоровье, подчиняться предписаніямъ врача. Простуженный, онъ открывалъ зимою окно въ своей комнатѣ и выходилъ на улицу въ холодную и сырую погоду, употреблялъ пищу, запрещенную ему докторомъ. Все это привычки, вѣроятно усвоенныя въ молодости, когда крѣпкій организмъ все переноситъ; у Николая Ивановича онѣ сохранились и къ старости и, можетъ быть, не мало ускорили его кончину.

Впечатлѣніе дряхлости усиливалось еще постоянною мнительностью. Онъ преувеличивалъ значеніе своихъ болѣзненныхъ припадковъ, постоянно опасался, что они смертоносны; впрочемъ и съ молоду онъ, повидимому, не вѣрилъ въ свое здоровье; такъ онъ разсказывалъ, какъ однажды ему вообразилось, что онъ неизлечимо заболѣлъ; долго всѣ увѣренія врачей, доказывавшихъ ему, что онъ вполнѣ здоровъ, не могли переубѣдить его. Въ старости эта неувѣренность въ собственномъ здоровьи усиливала производимое имъ

впечатлѣніе болѣзненности; послѣдней невольно приписывалась и чрезвычайная разборчивость въ пищѣ; онъ не перебиралъ, правда, кушаній, не желалъ какихъ либо изысканныхъ блюдъ, но за то былъ до нельзя разборчивъ, даже прихотливъ относительно качества пищи, ея свѣжести, способа приготовленія и температуры. Если эта прихотливость напоминала объ ослабленномъ пищевареніи, то чрезвычайная аккуратность и опрятность принимали у него характеръ привычекъ, упорство въ которыхъ свидѣтельствовало о ихъ давности: даже во время болѣзни, онъ отъ нихъ не отступалъ. Вставалъ онъ всегда очень рано, около 6 час. утра, немедленно открывалъ окна своей комнаты и отправлялся гулять; прогулки бывали продолжительныя и отдаленныя: однажды четыре года тому назадъ я былъ не мало удивленъ, когда въ 8 час. утра Николай Ивановичъ посѣтилъ меня, хотя я жилъ отъ него въ разстояніи часа доброй ходьбы и на четвертомъ этажѣ. Возвратившись, Николай Ивановичъ, послѣ утренняго чаю, приступалъ къ работѣ дома, не то въ архивѣ или-же въ публичной библіотекѣ; трудился онъ до четырехъ часовъ, обѣдалъ и потомъ отдыхалъ часа два; вечеръ посвящался чтенію; ночью онъ спалъ мало и чутко. Какъ старикъ, онъ крѣпко привязывался къ давнимъ вещамъ и очень берегъ ихъ—такъ всѣ его посѣтители вѣроятно помнятъ, какъ онъ оберегалъ свои столовые часы отъ какого-либо неосторожнаго толчка; многотомную библіотеку свою онъ также очень берегъ, неохотно ссужая даже друзей книгами; при этомъ онъ ссылался на распространенную у насъ скверную привычку не беречь или даже вовсе не возвращать чужихъ книгъ; прикупая постоянно новыя книги, онъ отдавалъ ихъ немедленно въ переплетъ; свою огромную библіотеку зналъ онъ отлично и легко отыскивалъ въ ней нужную книгу. Въ такой-же мѣрѣ соблюдалъ онъ аккуратность и относительно квартиры, а также одежды.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ извѣстныхъ здѣсь докторовъ опредѣлилъ у Костомарова старческую немощь (marasmus) и предсказывалъ, что онъ отъ нея и умретъ. Глядя на согбенную, немощную фигуру состарившагося ученаго, можно было повѣрить этому предсказанію; но мнѣ казалось оно вполнѣ неправдоподобнымъ. Я зналъ, что при маразмѣ рядомъ съ физическими замираютъ постепенно и духовныя силы человѣка, но этого-то замиранія я не

могъ замѣтить. Хотя давніе знакомые Николая Ивановича и утверждали, что и въ духовномъ отношеніи онъ представлялъ лишь тѣнь теперь сравнительно съ тѣми годами, когда онъ создавалъ всѣ найболѣе капитальные свои труды, но я лично былъ мало знакомъ съ нимъ въ то время и потому не могъ самъ дѣлать сравненій. Для меня онъ и теперь, въ старости, такъ рѣзко выдавался своимъ мощнымъ духомъ между всѣми лицами, съ которыми я его сравнивалъ, что я не могъ допустить мысли о происходящемъ уже постепенномъ ослабленіи его способностей. Это впечатлѣніе усиливалось еще и тѣмъ, что я во очію убѣждался въ побѣдѣ сильнаго духа надъ немощью тѣла. Ослабѣвшими глазами, по цѣлымъ часамъ разбиралъ онъ «старинныя письмена», пожелтѣвшія отъ времени; не смотря на кашель и физическую слабость, по долгу писалъ онъ, предпринималъ утомительныя въ его возрастѣ поѣздки къ отдаленнымъ памятникамъ старины или на археологическіе съѣзды, гдѣ участвовалъ во всѣхъ выдающихся засѣданіяхъ.

Припоминаю я еще по этому поводу, какъ года три тому назадъ вечеромъ я засталъ Николая Ивановича совсѣмъ больнымъ; его уже цѣлыя сутки мучило сильное удушье; онъ постоянно стоналъ, по временамъ даже кричалъ отъ нестерпимыхъ болей въ груди. Я предложилъ ему проѣздиться, питая слабую надежду, что перемѣна воздуха и обстановка хоть нѣсколько облегчатъ его страданія; мнѣ хотѣлось также доставить хотя кратковременный отдыхъ его семейству, измученному отъ продолжительнаго ухода за нимъ. Сверхъ ожиданія, Николай Ивановичъ немедленно согласился и мы поѣхали по Набережной Большой Невы сначала на Васильевскомъ островѣ, потомъ на противоположномъ берегу. Сначала и на извощикѣ громкіе стоны и даже крики продолжались; прохожіе обращали на насъ вниманіе—я уже опасался, что насъ, пожалуй, остановятъ; вскорѣ однако-же больной сталъ успокоиваться: печерское подворье, зданіе двѣнадцати коллегій (университетъ), домъ кн. Меньшикова (Павловское военное училище), сенатъ и домъ купеческаго собранія, гдѣ прежде помѣщался Румянцевскій музей и на этотъ разъ возбудили интересы историка въ больномъ; онъ сталъ говорить объ этихъ зданіяхъ, о лицахъ и событіяхъ, связанныхъ съ ними. Стоны стали рѣже, потомъ и вовсе прекратились; съ оживленіемъ разсказывалъ мнѣ Николай Ивановичъ о церковномъ служеніи и кіевскихъ

митрополитахъ, о Меньшиковѣ и Петрѣ, о странной судьбѣ зданія, сооруженнаго русскимъ меценатомъ для музея, но превращеннаго потомъ въ игорный домъ. Съ большою радостью слушалъ я эти разсказы; я думалъ, что болѣзненные припадки исчезли; но когда мы черезъ полтора часа возвратились къ нему домой, они возобновились, хотя уже не съ прежнею силою.

Да, мощный былъ духъ! Меня прежде всего поражала рѣдкая, феноменальная память, какой я ни въ комъ другомъ не встрѣчалъ. Мелкія фактическія подробности не только изъ русской исторіи, которой онъ постоянно занимался, но и изъ всемірной, подробныя географическія и хронологическія данныя, напримѣръ не только годы, но и дни рожденія даже второстепенныхъ историческихъ дѣятелей, цитированіе дословно цѣлыхъ актовъ, договоровъ, мѣстъ изъ лѣтописей и историческихъ писателей постоянно вызывали во мнѣ изумленіе. Онъ зналъ наизусть не только родныхъ и отечественныхъ поэтовъ, но и иноземныхъ; помнится, кто-то изъ собесѣдниковъ цитировалъ по польски одинъ стихъ изъ мало-извѣстной пьесы Мицкевича—Николай Ивановичъ продекламировалъ ее цѣликомъ, хотя, какъ оказалось, прошло уже 40 лѣтъ со времени, когда онъ ее читалъ; первоклассныхъ иностранныхъ писателей, Шекспира, Байрона, Шиллера, Гете и др. зналъ онъ такъ, какъ рѣдко знаютъ ихъ соплеменники. Еще поразительнѣе было его знакомство съ народною поэзіей славянъ, отчасти литовцевъ; ближе всего ему было украинское пѣсенное творчество, которое онъ изучилъ до совершенства: онъ не разъ наизусть произносилъ цѣлыя думы съ указаніемъ всѣхъ имѣющихся варіантовъ; въ разговорѣ приводилъ цѣлыя малоизвѣстныя народныя пѣсни. Таже дивная память сказывалась и въ его личныхъ воспоминаніяхъ, въ мелкихъ, часто яркихъ подробностяхъ, которыми отличались разсказы о пережитомъ имъ прошломъ.

Но не только впечатлѣнія, принадлежавшія молодости и зрѣлому возрасту, хранила блестящая память Николая Ивановича; она сохраняла свою дивную воспріимчивость и въ старости. Въ этомъ я не разъ убѣждался изъ его разсказовъ о явленіяхъ недавнихъ, убѣждался и изъ той легкости, съ которой онъ усвоивалъ новый научный или литературный матеріалъ. Содержаніе прочитанныхъ книгъ или выслушанныхъ разнообразныхъ докладовъ на археологи-

ческихъ съѣздахъ онъ передавалъ съ замѣчательною полнотою, сопровождая ихъ чрезвычайно мѣткими и остроумными сближеніями и замѣчаніями. При этомъ ясно обозначалась еще одна выдающаяся способность его духа: до глубокой старости новыя свѣдѣнія воспринимались имъ не механически, а стройно укладывались среди громаднаго запаса ранѣе пріобрѣтенныхъ знаній; если эти новыя свѣдѣнія противорѣчили какому нибудь выводу или взгляду, раньше имъ высказанному, онъ въ интересахъ истины тутъ-же, безъ мелочнаго самолюбія, столь свойственнаго многимъ ученымъ, отказывался отъ своего прежняго мнѣнія. Если онъ поступилъ такъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ на археологическомъ съѣздѣ, когда въ пользу мнѣнія г. Иловайскаго публично отказался отъ своей теоріи о литовскомъ происхожденіи Руси, то и недавно, на моихъ глазахъ, подъ вліяніемъ новыхъ матеріаловъ, онъ измѣнилъ во многомъ свой ранѣе высказанный взглядъ на стремленія Богдана Хмельницкаго.

До послѣднихъ дней Николай Ивановичъ не представлялъ ничего общаго съ тѣми учеными, которые всю жизнь разрабатываютъ какой нибудь частный, второстепенный вопросъ, не имѣющій ни научнаго, ни практическаго значенія. Подобная спеціализація и отрѣшенность отъ интересовъ дня, до нѣкоторой степени понятная въ математикѣ и натуралистѣ, встрѣчается и среди историковъ; существуютъ критики, которые даже готовы ставить это въ заслугу ученому. Костомаровъ, напротивъ, всегда старался не упускать изъ виду связи своихъ трудовъ съ наукой въ ея цѣломъ; до послѣднихъ дней, даже среди сильныхъ страданій, онъ съ живымъ интересомъ слѣдилъ за всѣми новыми сочиненіями не только по своей наукѣ, но и за выдающимися успѣхами знанія вообще. Совершающіяся событія находили въ немъ живой откликъ; съ этой стороны, какъ и съ нѣкоторыхъ другихъ, Костомаровъ представляетъ много общаго съ другимъ историкомъ-художникомъ, Маколеемъ; практическая дѣятельность послѣдняго, при существующихъ въ Англіи условіяхъ, была много шире, но интересъ къ современнымъ событіямъ едва-ли больше. Историкъ въ Николаѣ Ивановичѣ всегда шелъ рука объ руку съ гражданиномъ. Живо интересуясь всѣми явленіями современной политической и національной жизни, онъ въ качествѣ историка старался разъяснить происхожденіе этихъ явленій настоящаго, добраться въ прошломъ до ихъ зародыша; изучая факты

прошлаго, онъ стремился указать ихъ современные намъ послѣдніе отпрыски. Эта черта сказывается не только во всѣхъ его сочиненіяхъ; она еще болѣе проявлялась во всѣхъ его устныхъ разсказахъ и сужденіяхъ. Эту отзывчивость къ современности онъ сохранилъ до глубокой старости; напомню, что, вслѣдъ за еврейскими безпорядками, въ «Кіевской Старинѣ» явился разсказъ его «Жидотрепаніе».

Костомаровъ и въ послѣдніе годы слѣдилъ за новыми произведеніями лучшихъ представителей русской литературы, особенно Тургенева и Льва Толстого; малораспространенныя новѣйшія произведенія послѣдняго отвѣчали до извѣстной степени его религіозному настроенію, но онъ никогда не раздѣлялъ безнадежнаго отношенія къ земному будущему человѣчества; не раздѣлялъ онъ также воззрѣній Толстого и Достоевскаго, по которымъ лучшая будущность человѣчества явится результатомъ одного лишь нравственнаго обновленія индивидуумовъ независимо отъ усовершенствованія формъ политическаго и общественнаго быта. Любилъ Костомаровъ и сатиру, но при условіи, чтобы она не требовала коментаріевъ, была всѣмъ понятна, не отличалась излишнимъ многословіемъ, чтобы въ ней притомъ ясно сказывался высокій идеалъ, лежащій въ основаніи отрицательнаго отношенія ея автора къ явленіямъ современной жизни. Какъ и многіе другіе, онъ съ глубокою скорбію признавалъ, что въ современной русской литературѣ замѣчается оскудѣніе талантовъ.

Украинская литература всегда оставалась близкою, излюбленною для состарившагося Іереміи Галки. Внимательно перечитывалъ онъ всѣ, даже самыя незначительныя, впрочемъ вообще очень немногочисленныя произведенія, появившіяся за послѣдніе годы. И здѣсь онъ жаловался на оскудѣніе талантовъ послѣ смерти Шевченка. Украинская литература, по его мнѣнію, предназначена служить массѣ народа, поэтому сюжеты ея должны черпаться изъ жизни народа, изложеніе должно быть вполнѣ доступно пониманію массы. Этотъ взглядъ онъ всегда примѣнялъ къ оцѣнкѣ украинскихъ произведеній рядомъ съ общими началами всякой здравой критики. Отсюда его осужденія г. Старицкаго за нѣкоторыя его произведенія; онъ не выискивалъ въ произведеніяхъ этого автора отдѣльныхъ неудачно примѣненныхъ или рѣдко-употребляемыхъ словъ, какъ дѣлаютъ это люди предвзято-враждебные—онъ указы-

валъ на неудачный, по его мнѣнію, выборъ сюжетовъ и въ связи съ этимъ недостатки изложенія. Такъ отнесся Николай Ивановичъ къ переводу «Гамлета». Я возражалъ ему, доказывалъ между прочимъ, что нельзя ограничиваться чисто-крестьянскою литературой, потому что языкъ въ такомъ случаѣ не можетъ развиться, указывалъ на потребности Галиціи, гдѣ украинскій языкъ получилъ права гражданства въ немногихъ, правда, но все-же среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отчасти соглашаясь, Николай Ивановичъ сослался на невозможность перевода по необработанности языка. Я на удачу прочиталъ тутъ-же нѣсколько мѣстъ изъ «Принца Даньского»; выборъ вышелъ благопріятнымъ для переводчика—изложеніе оказалось звучнымъ, доступнымъ для пониманія и Николай Ивановичъ тутъ-же заявилъ мнѣ, что онъ еще разъ внимательно прочитаетъ книгу. Съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ онъ впослѣдствіи встрѣтилъ пьесу того-же Старицкаго «Не судылось»; по его словамъ, авторъ, какъ драматическій писатель, выказалъ въ этомъ произведеніи замѣчательный талантъ, какъ въ выборѣ типовъ и развитіи ихъ характеровъ, такъ и въ языкѣ дѣйствующихъ лицъ.

О другомъ украинскомъ писателѣ г. Нечуѣ-Левицкомъ Костомаровъ составилъ себѣ высокое мнѣніе по его первымъ произведеніямъ (Дви Московки, Рыбалка Панасъ Круть, Баба Параска и Баба Палажка). Вмѣстѣ читали мы появившіяся изъ подъ пера этого автора повѣсти «Бурлачку» и «Старосвитськи батюшки и матушки» (послѣднюю по крайне неразборчивой рукописи). Во время чтенія Николай Ивановичъ выражалъ свое удовольствіе по поводу многихъ мѣстъ изъ этихъ повѣстей («Бурлачка» ему особенно понравилась), но и г. Левицкій, по его мнѣнію, попалъ на ложный путь въ выборѣ сюжетовъ («Хмары», «Причепа»), и его талантъ не далъ тѣхъ плодовъ, какихъ можно было ожидать по началу; при этомъ онъ указалъ на недостаточную отдѣлку, однообразіе тона и напыщенность въ описаніяхъ природы, на встрѣчающуюся иногда искусственность языка, на недостаточное развитіе характеровъ («Мыкола Джеря»). Я напомнилъ ему условія, въ которыя поставленъ украинскій беллетристъ, указалъ на отсутствіе литературной критики: вмѣсто безпристрастной оцѣнки своего произведенія, украинскій беллетристъ встрѣчаетъ въ большинствѣ печати либо умолчаніе, либо въ извѣстныхъ органахъ печати приправленное заподозрѣ-

ваніями и зубоскальствомъ яростное осужденіе за самый фактъ своего авторства.—Когда я потомъ, черезъ нѣсколько дней опять посѣтилъ Николая Ивановича, онъ прочиталъ мнѣ рецензію на «Бурлачку», напечатанную потомъ въ «Вѣстникѣ Европы».

Послѣднее украинское произведеніе, съ которымъ мы вмѣстѣ знакомились, принадлежало перу г. Мирного; Костомаровъ признавалъ за авторомъ громадный талантъ, соединенный съ близкимъ знакомствомъ и искреннею любовью къ народу; онъ находилъ однакоже, что въ этомъ произведеніи начинающаго автора не вездѣ удачно выбраны и проведены характеры дѣйствующихъ лицъ. Не могу не вспомнить еще и о той искренней радости, съ которой онъ встрѣтилъ извѣстіе о разрѣшеніи «Кіевской Старины», о томъ интересѣ, съ какимъ онъ встрѣчалъ всякую книгу этого журнала; по полученіи ея всѣ другія начатыя чтеніемъ статьи откладывались въ сторону до тѣхъ поръ, пока не оканчивалось изученіе близкаго сердцу журнала—впрочемъ свое мнѣніе объ этомъ журналѣ онъ самъ высказалъ печатно. Самъ онъ нѣсколько разъ выражалъ намѣреніе написать популярную исторію Украйны для народа по малорусски; въ это время онъ написалъ повѣсть «Черниговка»; сначала онъ думалъ написать ее цѣликомъ по украински, потомъ издалъ ее по русски, но разговорный языкъ дѣйствующихъ лицъ малороссовъ—украинскій.

Николай Ивановичъ любилъ разсказывать о своемъ прошломъ, быть можетъ потому, что было чѣмъ его вспомнить. Это была жизнь не зауряднаго ученаго или писателя, который послѣ ряда экзаменовъ безпрепятственно достигаетъ профессорской каѳедры, чтобы на ней успокоиться и отдохнуть отъ экзаменныхъ и выборныхъ треволненій. Уже самое происхожденіе и событія его дѣтства представляли много необычайнаго, онъ всегда съ гордостью вспоминалъ о своемъ крестьянскомъ происхожденіи, потомъ ему приходилось не разъ испытывать рѣзкіе и неожиданные переломы судьбы, переходить изъ одного положенія въ другое противоположное; дважды занималъ онъ каѳедру и дважды оказался не прочнымъ на ней,—все это черты, рѣдко встрѣчающіяся въ мирной жизни современныхъ ученыхъ,—это скорѣе полная превратностей и трагизма жизнь ученыхъ гуманистовъ эпохи возрожденія; съ ними Костомаровъ имѣлъ еще общее въ томъ, что всю жизнь долженъ былъ бороться

съ неразборчивыми на средства врагами, выступавшими подъ явнымъ или замаскированнымъ знаменемъ обскурантизма. Эта борьба не озлобила его, напротивъ, въ сужденіяхъ Николая Ивановича о людяхъ меня всегда поражало замѣчательное благодушіе и безпристрастіе, которое, какъ мнѣ казалось, переходило иногда даже въ старческій индиферентизмъ. Знаменитый писатель, дорожившій каждой минутой для работы, считалъ себя обязаннымъ аккуратно отвѣчать на всякое письмо, какъ-бы безсодержательно, иногда даже наивно оно ни было, хотя-бы притомъ оно было писано лицемъ, вовсе неизвѣстнымъ отвѣчающему. Человѣкъ, котораго враги много разъ обвиняли въ «развѣнчиваніи отечественныхъ авторитетовъ», виновенъ былъ развѣ въ томъ, что какъ историкъ требовалъ документальныхъ доказательствъ доблести и гражданскихъ добродѣтелей описываемыхъ имъ историческихъ дѣятелей. Я не разъ удивлялся въ немъ крайней осторожности и чрезвычайной сдержанности, когда по какому-либо поводу обсуждались поступки того или другаго изъ его враговъ. Къ враждебнымъ противъ него выходкамъ онъ относился безъ признака злобы, съ какимъ-то всепрощеніемъ, на зло старался отвѣчать добромъ, часто нарушая такимъ образомъ даже общественные интересы. Въ недавнее время одинъ молодой магистрантъ въ своемъ первомъ ученомъ трудѣ обрушился несдержанно на Костомарова; авторъ самъ обнаружилъ однако незнакомство съ общеизвѣстными научными и критическими пріемами; Николай Ивановичъ тѣмъ не менѣе отзывался о диссертаціи своего смѣлаго антагониста съ чрезвычайною снисходительностью; пытался найти въ незрѣлой работѣ какія-либо достоинства; привѣтливо встрѣтилъ онъ потомъ автора, гостепріимно принималъ у себя и на прощаніе снабдилъ его рекомендательными письмами, хотя къ этому времени успѣла обнаружиться и нравственная несостоятельность молодаго искателя; одобрительные отзывы и покровительство Костомарова оказали ему несомнѣнную услугу. Такимъ-же безмѣрнымъ благодушіемъ отличались его отзывы о нѣкоторыхъ ученыхъ, которые сначала прикидывались его послѣдователями, получали при его помощи каѳедру, а потомъ стали толковать своимъ слушателямъ, что «Костомаровъ не историкъ», хотя сами своими малочисленными трудами вовсе не доказали своихъ правъ на такое званіе, тѣмъ менѣе на право по усмотрѣнію раздавать или отни-

мать его. Съ какимъ-то непонятнымъ благодушіемъ и всепрощеніемъ относился онъ даже къ тому, что на языкѣ его извѣстно было подъ именемъ «іудина предательства», едва не погубившаго его навсегда.

Мнѣ иногда казалось, что это благодушіе является результатомъ старческой немощи духа, равнодушія и безразличія, которыя свидѣтельствуютъ, что всѣ счеты съ жизнію и ея идеалами уже заблаговременно покончены. Но потомъ я убѣждался, что въ этомъ всепрощеніи сказывается только прирожденная доброта въ связи съ глубокимъ знаніемъ человѣческой природы, результатомъ наблюдательности, постояннаго изученія исторіи и многолѣтняго жизненнаго опыта. Николай Ивановичъ никогда не забывалъ, что нѣтъ ходячаго зла, какъ нѣтъ на землѣ олицетвореннаго добра; привычка доискиваться всегда причины явленія сказывалась въ его безпристрастіи, даже снисходительности къ врагамъ; содѣйствовало этому и глубокое религіозное настроеніе, проникнутое христіанскою любовью, наконецъ стремленіе къ истинѣ, всегда очень сильное, боязнь уклониться отъ нея подъ вліяніемъ личной пріязни или вражды.

Относясь ко злу, какъ къ чему-то неизбѣжному, покойный историкъ однакоже никогда не мирился съ нимъ и глубоко вѣрилъ въ окончательную побѣду добра. Стремленіе къ идеалу оставалось въ немъ до смерти: направленію, усвоенному съ молоду, онъ оставался вѣренъ до конца своей жизни. Горячая любовь къ родинѣ и стремленіе къ благу народа были руководящими идеями всей его дѣятельности; широкое развитіе славянской взаимности, тѣсная связь между славянскими народами для дружнаго противодѣйствія внѣшнимъ врагамъ, постоянный обмѣнъ идей между ними рядомъ съ широкой племенною и мѣстною самобытностью, основанной притомъ на свободныхъ учрежденіяхъ, на терпимости и личной свободѣ— вотъ въ чемъ, по мнѣнію Костомарова, должна заключаться ближайшая задача всѣхъ славянъ. Единственное могучее средство для этого, по его мнѣнію, широкое просвѣщеніе народной массы и высокій уровень образованности въ наиболѣе интелигентномъ классѣ. Знаніе—залогъ лучшаго будущаго и всяческаго прогресса, которому насиліе въ какой-бы то ни было формѣ является лишь препятствіемъ— вотъ идеи и мнѣнія, которыя не разъ высказывались мнѣ Николаемъ Ивановичемъ и которыя сквозили во всѣхъ его сужденіяхъ. Иногда

дружныя нападенія враговъ и собственныя размышленія по поводу мрачныхъ современныхъ явленій колебали въ немъ вѣру въ себя и въ истинность идей, которымъ онъ посвятилъ всю свою жизнь: въ такія тяжкія минуты Николай Ивановичъ отрицалъ всякое значеніе за своими многолѣтними трудами, и это самоотрицаніе сопровождалось въ немъ такими нравственными страданіями, что даже присутствовать при этомъ «милліонѣ терзаній» старика-идеалиста было мучительно. Сила духа и тутъ брала верхъ; онъ побѣждалъ эти сомнѣнія и принимался вновь за работу, съ юношескою энергіей, съ чисто малорусскимъ упрямствомъ въ стремленіи къ идеалу, упрямствомъ, которое такъ мѣтко выражено другомъ Костомарова, Шевченкомъ въ словахъ:

«А я, брате,
Такы буду сподиватысь,
Такы буду выглядаты,
Серцю жалю завдаваты».

И жадно «выглядалъ» Костомаровъ явленій, которыя помогли-бы ему унести въ близкую могилу надежду на лучшее будущее. Съ чистою радостью привѣтствовалъ онъ мѣсяца за два до смерти двухъ молодыхъ ученыхъ, труды которыхъ посвящены изслѣдованію украинской старины; Костомаровъ какъ-бы ожилъ; я, за недосугомъ, долго не видѣлъ его; при первомъ-же свиданіи, уже послѣ отъѣзда его новыхъ знакомыхъ, онъ съ увлеченіемъ говорилъ мнѣ о трудахъ этихъ молодыхъ людей, о ихъ талантливости, о личной обаятельности одного изъ нихъ. До конца своей жизни, Николай Ивановичъ всегда близко принималъ къ сердцу все касавшееся молодаго поколѣнія,—на него онъ, вѣрный историческому опыту, возлагалъ всѣ свои упованія; минутныя увлеченія, грубыя иногда выходки, самыя заблужденія молодежи не колебали этой вѣры. Какъ-то за полгода до смерти, въ одинъ изъ вторниковъ, [1]) онъ измученный болѣзнію лежалъ въ своемъ кабинетѣ съ закрытыми глазами, какъ-бы совсѣмъ чуждый разговору гостей, толковавшихъ о нашей учащейся молодежи; оказалось однакоже, что хозяинъ слѣдилъ за разговоромъ;

---

[1]) По вторникамъ въ теченіи многихъ лѣтъ у Николая Ивановича собирались его друзья и знакомые; въ прежнее время здѣсь въ этотъ день можно было встрѣчать наиболѣе выдающихся представителей русской мысли.

онъ неожиданно горячо присоединился къ мнѣнію одного изъ собесѣдниковъ, который доказывалъ, что наша молодежь легко поддается вліянію и терпима къ чужимъ мнѣніямъ и желаніямъ, когда къ ней относятся искренне и прямо, но что она никогда не прощаетъ колебаній, двуличности и лицемѣрія. Даже въ огорчавшихъ его увлеченіяхъ и крупныхъ ошибкахъ нашей молодежи онъ способенъ былъ замѣчать благородные, честные порывы и не умирающее стремленіе къ истинѣ—этотъ, какъ онъ говорилъ, залогъ усовершенствованія въ будущемъ.

Таково было впечатлѣніе, которое производилъ на меня Николай Ивановичъ, особенно въ первое время послѣ переселенія моего въ Петербургъ. Посѣщая его часто, я видѣлъ, какъ крѣпкое отъ природы тѣло его все болѣе и болѣе подтачивалось недугами, потомъ я сталъ замѣчать, что вмѣстѣ съ тѣмъ по немногу слабѣли и мощныя силы его духа. Урывками, по временамъ, какъ-бы воскресали и сильный умъ его и благородное чувство. Осенью 1881 г. Николай Ивановичъ при переходѣ черезъ улицу на Васильевскомъ Островѣ былъ сбитъ съ ногъ ломовымъ извощикомъ; оглобля попала ему въ голову, очень близко отъ виска и глаза. Окровавленный возвратился онъ домой; скоро впрочемъ онъ поправился и случай этотъ, повидимому, не имѣлъ дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій. Въ 1882 г. къ кашлю и постепенно учащавшимся удушьямъ впервые присоединилось кровохарканье. Оно, кажется, было результатомъ его неосторожности, холодныхъ купаній и несоблюденія діэты; непривычка беречь себя дѣлала эти новые болѣзненные припадки болѣе упорными и опасными. Желаніе вылечиться отъ недуговъ, освободиться отъ физическихъ нестерпимыхъ страданій, заставляли его обращаться къ докторамъ, хотя онъ медицинѣ вообще мало вѣрилъ и потому неохотно, какъ-бы по принужденію, подчинялся предписаніямъ врачей. Его особенно мучила невозможность продолжать работы; часто жаловался онъ на ослабленіе зрѣнія и слуха, говорилъ, что совершенно потерялъ умственныя способности, что все забываетъ, что не можетъ мыслить. И вслѣдъ за такими жалобами садился онъ читать или писать, а послѣ острыхъ припадковъ болѣзни его первый выходъ всегда имѣлъ цѣлью архивъ, гдѣ онъ

собиралъ матеріалы для новыхъ трудовъ. Лѣто 1883 года Костомаровъ провелъ въ Малороссіи, въ имѣніи своей жены—Дѣдовцахъ (полтавской губерніи, прилуцкаго уѣзда); тамъ онъ отдохнулъ, поправился и съ возстановленными силами вернулся въ Петербургъ. Грудныя страданія прошли и люди близкіе къ нему съ надеждой, что онъ еще долго потрудится надъ родною наукою, проводили старый годъ.

Новый 1884-й годъ вскорѣ разбилъ эти надежды: 25 января Костомаровъ возвращался изъ архива иностранныхъ дѣлъ, погруженный въ размышленія о Минихѣ, и вотъ подъ аркой генеральнаго штаба онъ опять былъ сбитъ съ ногъ, на этотъ разъ быстро мчавшимся экипажемъ. Въ безчувственномъ состояніи былъ онъ поднятъ городовыми; его сначала доставили въ управленіе участка, потомъ онъ самъ возвратился домой. Казалось, что этотъ несчастный случай также сошелъ благополучно: значительныхъ ушибовъ не было и Николай Ивановичъ быстро оправился. Но скоро къ прежнимъ груднымъ страданіямъ прибавились частыя и упорныя разстройства желудка, страшно ослаблявшія немощнаго уже старика; по временамъ возобновлялись зловѣщія кровохарканія. Все болѣе уменьшалась возможность трудиться, но не уменьшалась страсть къ труду, не изчезала способность къ творчеству. Пересматривался для новаго изданія Богданъ Хмельницкій, написаны «Греки въ Тавридѣ», собирались матеріалы для новаго выпуска «Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», появились статьи о Минихѣ, задумывались и новыя работы. Подготовка новаго изданія Богдана Хмельницкаго, чтеніе вызывавшаго у Николая Ивановича остроты романа Сенькевича «*Одпіет і тіесгет*» и диссертаціи г. Буцинскаго заставили воображеніе историка-художника опять поработать надъ характеромъ дѣйствующихъ лицъ эпохи, которая послужила темой для его перваго капитальнаго труда. «Жена Хмельницкаго», говорилъ онъ мнѣ, «не даетъ мнѣ покою. Это несомнѣнно была замѣчательная личность; чувствуется, что въ ней надо искать завязку всей драмы Хмельнищины; немного чертъ для обрисовки ея даетъ намъ исторія, но она все-же выдвигаетъ ее: она страстно любима мужемъ, участвуетъ въ пріемѣ польскихъ пословъ, она ихъ угощаетъ, вмѣшивается въ переговоры, потомъ сама пьетъ по приказанію мужа и напивается до пьяна; впослѣдствіи

она измѣняетъ мужу, который нарочно уѣзжаетъ, а Тимошъ, съ вѣдома гетмана, вѣшаетъ ее вмѣстѣ съ соучастниками измѣны; а между тѣмъ Хмельницкій страшно огорченъ ея смертью; долго не можетъ онъ успокоиться, на время теряетъ даже свою обычную энергію и находчивость и терпитъ вслѣдствіе этого крупныя неудачи, имѣвшія чрезвычайно важныя послѣдствія. Въ этой женщинѣ все загадочно; источники, къ несчастью, недостаточно освѣщаютъ ее; я чувствую, что она отличалась выдающимся характеромъ, что принимала активное участіе во всѣхъ великихъ событіяхъ бурной эпохи. Она какъ будто у меня передъ глазами; я ее какъ будто вижу, но не могу уловить ея образа; даже ночью, во снѣ, она является предо мною; мнѣ хотѣлось-бы написать трагедію—для таковой она является вполнѣ подходящей личностью, но у меня нѣтъ достаточныхъ подробностей,—источники молчатъ объ нихъ».

Весною прошлаго года мы опять провожали Костомарова при отъѣздѣ его въ Малороссію; семья и близкіе почитатели надѣялись, что благодатный югъ возстановитъ здоровье больного. Ихъ ожидало грустное разочарованіе. Крайне холодное въ началѣ, потомъ очень сухое и знойное лѣто еще болѣе разстроило его здоровье. Осенью возвратился онъ въ Петербургъ и съ этихъ поръ уже почти не поправлялся, не выходилъ изъ-подъ опеки врачей, безъуспѣшно боровшихся съ грудными страданіями и желудочнымъ разстройствомъ. Онъ все болѣе слабѣлъ и худѣлъ; блѣдность и прозрачность кожи на лицѣ, ямы на вискахъ и ввалившіяся щеки, страшная худоба всего тѣла—все это живо напоминало изображенія престарѣлыхъ аскетовъ Рибейры. По временамъ ему какъ будто становилось лучше—тогда онъ посѣщалъ архивы, предпринималъ небольшія прогулки; такъ онъ однажды неожиданно утромъ посѣтилъ знакомыхъ, заинтересовавшись красивымъ видомъ изъ ихъ новой квартиры. Работать онъ продолжалъ и теперь, но конечно урывками; онъ вновь пересматривалъ свою обширную монографію «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», дополнялъ ее по новымъ матеріаламъ; изъ послѣднихъ онъ съ особеннымъ интересомъ знакомился съ трудомъ польско-галицкаго іезуита Калицки, у котораго находилъ подтвержденіе своимъ взглядамъ. Въ это-же время писалъ онъ жизнеописанія императрицъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны и приготовилъ всѣ матеріалы для біографіи Ломоносова. Костомаровъ гово-

рилъ, что издавши жизнеописанія этихъ дѣятелей вмѣстѣ съ Минихомъ, онъ довелъ свою исторію до Екатерины II; Петръ III, по его мнѣнію, по своимъ личнымъ качествамъ, не представлялъ условій, вызывающихъ отдѣльное жизнеописаніе.

Жизнеописанія Миниха и Анны Іоанновны уже напечатаны; Елизавета также вполнѣ закончена имъ; о Ломоносовѣ Николай Ивановичъ говорилъ, что его геніальныя способности и труды опять поражаютъ его при болѣе близкомъ знакомствѣ съ ними, но что въ оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ русскаго академика ему предстоитъ разойтись съ большинствомъ біографовъ великаго самоучки. Изготовлялъ къ печати въ это время Костомаровъ и ранѣе написанную статью: «*Семейный бытъ* въ произведеніяхъ малорусскаго пѣсеннаго народнаго творчества»; ему очень хотѣлось приготовить еще статью о чумацкихъ пѣсняхъ, и среди бумагъ, кажется, должны быть черновые объ этомъ предметѣ наброски.

Среди физическихъ недуговъ, страданій и вынужденнаго ими частаго бездѣйствія, смѣняемаго трудомъ, при постоянномъ неутомимомъ уходѣ жены, кончился для нашего дорогого историка тяжелый 1884-й годъ; новый годъ не принесъ ему облегченія; на нѣсколькихъ консиліумахъ извѣстнѣйшіе врачи (Боткинъ, Кошлаковъ, Эйхвальдъ и др.) признали его положеніе безнадежнымъ. По цѣлымъ днямъ лежалъ теперь Н. И. на диванѣ и лишь по временамъ у него хватало силъ для небольшихъ выѣздовъ или прогулокъ; садился онъ въ минуты облегченія и къ письменному столу, чтобы продолжать начатыя работы. Въ концѣ вербной недѣли онъ пожелалъ еще разъ видѣть картину Рѣпина «Іоаннъ Грозный послѣ убійства сына», картину, въ которой, по его мнѣнію, художественно воспроизведенъ характеръ Грознаго и вѣроятное настроеніе его въ полный для него трагизма моментъ. Николая Ивановича внесли на лѣстницу выставки; встрѣтивъ здѣсь талантливаго автора картины, онъ съ сердечнымъ удовольствіемъ высказалъ ему свое мнѣніе о картинѣ и выразилъ ему свою благодарность за нее.

На страстной недѣлѣ Костомаровъ послѣдній разъ выѣзжалъ на прогулку. Онъ теперь ужасно страдалъ отъ нестерпимыхъ по временамъ болей, слабости и невозможности работать во время сильныхъ припадковъ болѣзни. Онъ приходилъ въ отчаяніе, призывалъ смерть, призывалъ ее и тогда, когда прихоти его, вызываемыя

болѣзнію, невозможно было немедленно-же исполнить. Потомъ опять являлось желаніе жить еще, трудиться—онъ отгонялъ отъ себя мысль о близкой смерти, но она являлась вновь, повидимому не оставляла его.

Со Свѣтлаго Воскресенія можно было ежедневно ждать его смерти. Знакомые земляки упросили его жену, изнемогавшую отъ продолжительныхъ попеченій о больномъ, допустить ихъ къ участію въ уходѣ за дорогимъ страдальцемъ, и вотъ мы видѣли, какъ въ этомъ слабомъ, изнемогающемъ, страшно исхудавшемъ тѣлѣ все еще сказывался великій духъ. Еще въ пятницу на свѣтлой недѣлѣ онъ въ послѣдній разъ сѣлъ писать; сильныя боли часто прерывали его послѣдній трудъ. Это была повѣсть изъ временъ Бироновщины; выведены Минихъ и какой-то русскій религіозный вольнодумецъ, освобождаемый первымъ отъ розысковъ; изложеніе, насколько я могу судить по нѣсколькимъ прочитаннымъ строкамъ, отличается живостію. Съ большимъ интересомъ относился Николай Ивановичъ къ вопросу объ угрожавшей намъ войнѣ съ Англіей; его пугала эта война; онъ полагалъ, что послѣдствія ея были-бы равно гибельны для обѣихъ сторонъ. Со среды, 2-го апрѣля, онъ уже не оставлялъ постели; лишь изрѣдка открывалъ глаза и отъ слабости мало говорилъ; по временамъ выражалъ свою любовь и признательность женѣ; иногда произносилъ отрывочныя слова и фразы; но ихъ значеніе трудно бывало уловить, такъ какъ неизвѣстно было теченіе его мыслей.

6-го апрѣля послѣ молебна въ память св. Кирилла и Меѳодія я отправился къ тому, кто первый оцѣнилъ великія заслуги славянскихъ первоучителей, кто всю жизнь свою посвятилъ дѣятельности, вѣрной ихъ духу. Я чувствовалъ нравственную потребность въ этотъ день услышать хоть слово объ нихъ отъ Костомарова. Тщетная надежда! онъ лежалъ скорчившись на своей постели въ спальнѣ; глаза его были закрыты; на мое привѣтствіе онъ едва слышно отвѣтилъ «здравствуйте!» и съ усиліемъ изъ-подъ одѣяла протянулъ мнѣ свою руку; я не знаю даже, узналъ-ли онъ меня. Вечеромъ я опять пришелъ, чтобы провести у него ночь. Онъ лежалъ теперь въ кабинетѣ; слышно было его тяжелое, затрудняемое мокротою дыханіе. Прибывшій вслѣдъ за мною докторъ Штанге выразилъ мнѣніе, что больному остается жить лишь нѣсколько часовъ, и предсказалъ при-

близительно самый моментъ смерти. Потянулись мучительные часы. Въ комнатѣ умирающаго находилась его жена, сидѣлка и я; среди тишины раздавалось тяжелое дыханіе больного, сопровождаемое наводившимъ на меня какой-то невольный страхъ клокотаніемъ накопившейся мокроты; чувствовалось, что она тутъ-же, гдѣ-то близко, что достаточно малѣйшаго усилія, чтобы ее вывести; но у больного не было уже достаточныхъ для этого силъ. Изрѣдка онъ мѣнялъ свое положеніе, самъ приподнимался, выражалъ въ одномъ какомъ нибудь словѣ свое желаніе.

Около 4-хъ часовъ утра клококотоніе какъ будто ослабѣло, дыханіе стало менѣе затруднительнымъ; потомъ къ 6 часамъ опять возобновились прежнія явленія. Въ 6½ часовъ (въ воскресенье, 7-го апрѣля) больной сильно раскашлялся, самъ приподнялся и сѣлъ; жена его поддерживала, кашель продолжался; вдругъ глаза его широко раскрылись и громадные, неподвижные, установились въ одну точку, затѣмъ они мгновенно потускнѣли; еще нѣсколько едва замѣтныхъ судорожныхъ движеній и дорогого нашего *учителя* не стало.

Въ тотъ-же день художникъ Рѣпинъ написалъ портретъ покойнаго, художникъ Сластіонъ снялъ съ него фотографію, а художникъ Беклемишевъ маску; теперь профессоръ Лаверецкій изготовилъ уже чрезвычайно удачный бюстъ покойнаго; онъ изобразилъ его лѣтъ на 15 моложе, въ цвѣтѣ силъ и съ творческою мыслію на лицѣ; сбору съ продажи снимковъ г. Лаверецкій далъ прекрасное предназначеніе служить основаніемъ на стипендію имени покойнаго въ харьковскомъ университетѣ для студентовъ, занимающихся преимущественно мѣстною исторіей и этнографіей. На дняхъ поступятъ въ продажу первые гипсовые снимки съ этого бюста, сдѣланнаго въ натуральную величину; можно надѣяться, что университеты и коллеціи пріобрѣтутъ ихъ, не смотря на высокую цѣну; осенью явятся въ продажѣ болѣе доступные по величинѣ и цѣнѣ гипсовые бюсты.

Особенно сильно сказалось глубокое чувство признательности Малороссіи къ заслугамъ великаго ея сына. Покойнаго бальзамировалъ бывшій студентъ кіевскаго университета гофъ-медикъ Вывод-

цевъ; отъ Кіева, Харькова, Одессы и другихъ городовъ Малороссіи, не смотря на короткій срокъ, который препятствовалъ цѣлымъ корпораціямъ, напримѣръ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, получить разрѣшеніе начальства, было особенно много вѣнковъ и другихъ выраженій сочувствія; рѣчи произносились надъ могилой преимущественно малороссами и притомъ представителями трехъ поколѣній (Мордовцевъ, Цвѣтковскій и Галипъ). Выразила свое глубокое сочувствіе Костомарову и молодежь, которую онъ такъ любилъ и цѣнилъ при жизни: не смотря на трудное экзаменное время, она явилась въ огромномъ числѣ; во весь путь, смѣняясь, провожали его гробъ три хора изъ учащейся молодежи съ пѣніемъ «Святый Боже»; молодежь, не смотря на одиннадцати-верстное разстояніе, все время несла тяжелый металлическій гробъ и никому не хотѣла уступить права доставить останки дорогого ей человѣка къ его послѣднему, вѣчному жилищу.

В. Беренштамъ.

ОЧЕРКЪ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ПРОФ. А. Ѳ. КИСТЯКОВСКАГО.

Смерть такъ неожиданно постигшая профессора Александра Ѳедоровича Кистяковскаго унесла безспорно одного изъ самыхъ выдающихся представителей въ русской наукѣ уголовнаго права, съумѣвшаго, вмѣстѣ съ другими немногими коллегами, поднять ее до высоты современнаго знанія. Вооруженный основательнымъ знакомствомъ съ тремя европейскими языками—французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ, давшимъ ему возможность изучить если не всю, то по крайней мѣрѣ лучшую часть иностранной уголовно-юридической литературы, надѣленный глубокимъ дедуктивнымъ умомъ, покойный профессоръ скоро перешелъ отъ компиляціи и подражанія къ самостоятельнымъ научнымъ работамъ, поставившимъ нѣкоторые изъ его трактатовъ въ уровень съ лучшими произведеніями западной науки.

Александру Ѳедоровичу выпала завидная доля начать свою научную дѣятельность въ 60-е годы, въ періодъ подъема русскаго духа и вѣры въ силу европейской науки и цивилизаціи, плодами которыхъ наше общество считало нужнымъ воспользоваться, приноровивъ ихъ къ условіямъ своего быта. Этотъ общій подъемъ духа и вѣры въ русскомъ обществѣ увлекъ собою и впечатлительную, отзывчивую натуру Александра Ѳедоровича, и такъ какъ ему пришлось встрѣтиться съ созрѣвшимъ у насъ уже въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ убѣжденіемъ въ несостоятельности старыхъ русскихъ формъ уголовнаго процесса и въ необходимости его реформы, то онъ и обратился къ изученію и къ опредѣленію лучшихъ

формъ послѣдняго, выработанныхъ на западѣ. Плодомъ этого изученія явилась первая работа Александра Ѳедоровича въ области той спеціальности, которой онъ себя потомъ посвятилъ, подъ заглавіемъ: «Очеркъ англійскаго уголовнаго процесса» (Журналъ Минист. Юст. 1860 г., кн. 6, 9, 12). Эта статья представляетъ изложеніе послѣдняго по сочиненію Митермайера: «Das englische, Schottische und Nordamericanische Strafverfahren 1851 года» и запечатлѣна такимъ-же глубокимъ уваженіемъ къ достоинствамъ англійскаго уголовнаго процесса, какое всегда высказывалъ къ нему и знаменитый нѣмецкій криминалистъ. Но это уваженіе не переходитъ въ слѣпое поклоненіе; Александръ Ѳедоровичъ еще рельефнѣе, чѣмъ Митермайеръ, выставляетъ недостатки излагаемаго процесса, заключающіеся въ отсутствіи стройной, научно-установленной системы и единства, которые бы давали въ руководство судьямъ твердыя, однообразныя правила на сходные случаи. Реальной подкладкой превосходства англійскаго уголовнаго процесса надъ континентальнымъ Александръ Ѳедоровичъ, согласно съ Митермайеромъ, считаетъ высокое развитіе гражданскаго сознанія въ англійскомъ обществѣ, воспитанномъ въ прямодушіи, любви къ правдѣ, уваженіи къ закону и къ потребностямъ общества, то развитіе, которое побуждаетъ всѣ отдѣльные органы суда совокупно стремиться къ одной и той-же цѣли—отысканію справедливаго рѣшенія. Между присяжными и коронными судьями поэтому царитъ полная гармонія; первые, не встрѣчая въ послѣднихъ правительственнаго давленія на свои приговоры, охотно постановляютъ таковые, сообразуясь съ указаніями судей, чѣмъ обезпечивается какъ интересъ личности, такъ и общества, ибо справедливость правосудія при этомъ не приносится въ жертву стремленіямъ оградить гражданскую свободу.

За этой первой работой, которой Александръ Ѳедоровичъ отвѣтилъ на желаніе русскаго общества достигнуть реформы въ уголовномъ процессѣ, послѣдовали въ 1864 г. двѣ новыхъ. Въ это время чаянія русскаго общества нашли энергическую поддержку въ самомъ правительствѣ, въ лицѣ покойнаго Государя, по повелѣнію котораго въ 1862 году были изданы основныя положенія судоустройства. При составленіи судебныхъ уставовъ, какъ извѣстно, правительство рѣшилось обратиться къ содѣйствію общественныхъ силъ,

способныхъ помочь поставленной задачѣ—цѣлесообразной организаціи уголовнаго процесса. Александръ Ѳедоровичъ, признававшій важное значеніе подобной задачи, не могъ въ виду этого обращенія остаться въ бездѣйствіи и не принести и свою лепту въ сокровищницу общественнаго труда: онъ написалъ два изслѣдованія, имѣвшія въ виду реформу двухъ самыхъ темныхъ сторонъ нашего стараго процесса: 1) Адвокатура во Франціи, Англіи и Германіи (Журн. Мин. Юст., 1863 г., книга 8) и 2) О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда по русскому дѣйствующему законодательству (Кіевъ, 1864 г.).

Первая изъ этихъ работъ представляетъ очеркъ устройства адвокатскаго сословія во Франціи, Англіи и Германіи—въ виду *будущей постройки*, въ которой можетъ принять участіе каждый способный къ ней. Но предлагая свой очеркъ въ этихъ видахъ, Александръ Ѳедоровичъ вовсе не рекомендуетъ одно только механическое копированіе западно-европейскихъ образцовъ; напротивъ, по его мнѣнію, къ другимъ необходимо обращатся, въ виду отсутствія собственнаго опыта, только за совѣтомъ, а не за моделью для рабскаго подражанія, иначе—копируя чужія учрежденія, мы можемъ усвоить и то, что признано несостоятельнымъ и близкимъ къ отмѣнѣ у самыхъ творцовъ учрежденій.

Статья начинается опроверженіемъ мнѣнія, будто адвокатура есть не столько учрежденіе, истекающее изъ требованій хорошей организаціи юстиціи, сколько политическое право, которому могутъ покровительствовать государства извѣстнаго режима. Дѣятельность адвокатовъ въ отправленіи правосудія, говоритъ авторъ, на столько неизбѣжна, на сколько необходимо недопущеніе до судовъ и изгнаніе изъ нихъ ябеды, крючкотворства, волокиты; безъ участія адвокатовъ нѣтъ и не можетъ быть правосудія въ собственномъ смыслѣ, а могутъ существовать только суды, будто-бы творящіе правосудіе; адвокаты существовали въ государствахъ съ разнообразнымъ режимомъ, не исключая и абсолютнаго, и это понятно—какова-бы ни была форма правленія, правительству невыгодно ослаблять правосудіе, это значило-бы налагать руку на собственные интересы.

Послѣ этого вступленія, авторъ переходитъ къ очерку организаціи адвокатуры во Франціи, а затѣмъ Англіи, съ указаніемъ общественнаго ея значенія въ этихъ государствахъ: статья преры-

вается на изложеніи состоянія адвокатуры въ Англіи; очеркъ ея въ Германіи, а также общіе выводы объ условіяхъ, при которыхъ она дѣйствительно можетъ быть полезной въ интересахъ возможно лучшаго отправленія правосудія въ государствѣ вообще и въ нашемъ отечествѣ въ частности,—обѣщанные авторомъ, остались невыполненными, быть можетъ потому, что авторъ одобрялъ ту организацію адвокатуры, которая была установлена вышедшими вскорѣ судебными уставами.

Во второмъ изъ названныхъ трудовъ, представленномъ Александромъ Ѳедоровичемъ какъ диссертація *pro venia legendi*, авторъ, изслѣдуя способы уклоняться отъ слѣдствія и суда по своду 1857 г., подвергаетъ ихъ критикѣ и раскрываетъ всю нецѣлесообразность ихъ организаціи, заключавшуюся въ крайней неопредѣленности границъ примѣненія каждой изъ мѣръ пресѣченія, недостаткѣ формальностей, которыми должно быть обставлено принятіе каждой мѣры, особенно взятіе подъ стражу, отсутствіи раціональныхъ правилъ обжалованія, многочисленности лицъ, имѣвшихъ право брать подъ стражу и наконецъ—въ общемъ направленіи уголовнаго судопроизводства. Все это вмѣстѣ приводило нерѣдко къ совершенно неосновательному стѣсненію личности, къ частому и неумѣстному примѣненію содержанія подъ стражей, отъ котораго тюрьмы безъ нужды переполнялись слѣдственными арестантами. Показавъ столь печальное положеніе одной изъ весьма важныхъ частей уголовнаго процесса, Александръ Ѳедоровичъ взываетъ къ ея улучшенію и надѣется, что при предстоящей реформѣ участь лицъ, имѣющихъ несчастіе подпасть подъ слѣдствіе, будетъ облегчена.

Въ томъ-же 1864 году, кромѣ названныхъ статей, были напечатаны еще двѣ: «Вліяніе Беккарія на русское уголовное право» (Ж. М. Ю., 1864, № 9, Псевдонимъ Городискій) и «Изложеніе началъ уголовнаго права по Наказу» (Кіев. Унив. Извѣстія, 1864 г., № 10). Эти статьи, изъ коихъ одна была пробной лекціей Александра Ѳедоровича въ кіевскомъ университетѣ, суть плодъ продолжительнаго изученія трудовъ Монтескье и Беккаріи, какъ источниковъ Наказа,—изученія, задачей котораго было опредѣлить степень заимствованій и оригинальности въ мысляхъ Екатерины II, а также вліяніе названныхъ мыслителей на русское уголовное законодательство. Эта задача касалась одного изъ весьма важныхъ, но совер-

шенно не изслѣдованныхъ въ то время вопросовъ въ исторіи нашего уголовнаго права, и нужно сказать, что она была выполнена покойнымъ съ успѣхомъ; наука русскаго уголовнаго права не должна забывать этой заслуги покойнаго. Александръ Ѳедоровичъ точно показалъ, что̀ и какъ заимствовано законодательницей изъ трудовъ двухъ великихъ мыслителей XVIII вѣка и что̀ принадлежитъ перу самой императрицы, а именно больше 100 статей Наказа (147—248) взято изъ Беккаріи, при чемъ это заимствованіе представляетъ простой переводъ подлинника, а еще болѣе статей Наказа взято изъ Монтескье, но здѣсь работа Екатерины уже подходитъ подъ компиляцію; перу законодательницы принадлежатъ статьи о воспитаніи, дворянствѣ, среднемъ родѣ людей и т. д.

Общіе выводы Александра Ѳедоровича о вліяніи Беккаріи и Монтескье на наше уголовное законодательство таковы: a) въ первое время имп. Екатерина II была исполнена желаній усвоить русскому законодательству положенія великихъ мыслителей, для чего и созвала депутатовъ отъ всѣхъ сословій, но ея желаніямъ не суждено было осуществиться по причинѣ низкаго культурнаго состоянія общества, не подготовленнаго къ воспріятію улучшеній; b) тѣмъ не менѣе сочиненія Беккаріи и Монтескье можно до нѣкоторой степени считать источниками нашего уголовнаго права; такъ напримѣръ: мысль Беккаріи, чтобы каждый судился себѣ равными (§ VII его сочиненія «О преступленіи и наказаніи» и 180 ст. Наказа) нашла свое выраженіе въ учрежденіи о губерніяхъ 1775 г., по которому каждое сословіе въ Россіи получило свой особый гражданскій и уголовный судъ; многія положенія Беккаріи о доказательствахъ, составившія содержаніе X главы Наказа, вошли въ Сводъ Законовъ (ст. 305—310, т. XV, ч. 2), раздѣляющій доказательства на совершенныя и несовершенныя и опредѣляющій ихъ вліяніе на приговоръ, а еще раньше указами 13 ноября 1767 г. и 8 ноября 1774 г. было предписано именно этою послѣднею главою руководствоваться въ изысканіи доказательствъ.

Въ слѣдующемъ 1875 году Александръ Ѳедоровичъ предложилъ Обществу пр. Нестора лѣтописца свою небольшую, но весьма цѣнную работу: «Нѣкоторыя черты изъ исторіи смертной казни въ Россіи» (читано 8 января). Эта работа проливаетъ свѣтъ на важный вопросъ въ исторіи русскаго уголовнаго права, а именно—

о томъ, какимъ образомъ некультурная Россія могла пріобрѣсти въ культурной Европѣ извѣстность страны, въ которой еще въ 1753 году смертная казнь была отмѣнена, т. е. раньше, чѣмъ какое либо иное государство о томъ подумало и даже раньше, чѣмъ Беккарія впервые рѣшился теоретически доказывать ея несостоятельность. Наиболѣе близкое къ истинѣ объясненіе этого историческаго факта Александръ Ѳедоровичъ видитъ въ сообщеніи историка XVIII вѣка Щербатова, что Елизавета Петровна, рѣшившись достигнуть престола при помощи гвардіи преображенскаго полка, поклялась предъ Всевышнимъ, что если ея предпріятіе удастся, то она во все время своего царствованія не лишитъ никакого виновнаго жизни; такимъ образомъ—«смертныя казни, заключаетъ Щербатовъ—были оставлены императрицей не на основаніи системы человѣколюбія, но по единой набожности».

Указавъ мотивы важнаго событія, Александръ Ѳедоровичъ раскрываетъ затѣмъ дѣйствительное положеніе вещей и на основаніи свидѣтельства того-же историка и Полнаго Собранія Законовъ доказываетъ, что, не смотря на видимую отмѣну смертной казни, она фактически примѣнялась—за государственныя преступленія явно, въ силу самаго закона, а за общія въ замаскированномъ видѣ, посредствомъ засѣченія кнутомъ, плетьми, шпицрутенами и даже розгами. Только въ царствованіе покойнаго государя этой замаскированной смертной казни былъ положенъ или почти положенъ конецъ. Эти выводы Александра Ѳедоровича перешли потомъ въ его извѣстную монографію «О смертной казни», удостоенную степени магистра (Кіевъ, 1867 г.).

Высокое значеніе этого изслѣдованія въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ методомъ, съ которымъ Александръ Ѳедоровичъ приступилъ къ дѣлу. Послѣ Беккаріи, а также Митермайера трудно было сказать что либо новое съ отвлеченно-схоластической точки зрѣнія по вопросу о смертной казни; разсуждая дедуктивнымъ путемъ можно всегда найти доводы какъ въ защиту смертной казни, такъ и противъ нея; по этому изслѣдованіе о справедливости или несправедливости смертной казни, какъ метко замѣтилъ покойный, было-бы пустой и безполезной работой. Цѣнные результаты здѣсь могъ принести только философско-историческій методъ, устанавливающій связь этого наказанія съ общественнымъ и умственнымъ

развитіемъ человѣка. Вооружившись этимъ методомъ, Александръ Ѳедоровичъ нашелъ, что только на низшихъ стадіяхъ жизни народовъ смертная казнь можетъ считаться необходимымъ учрежденіемъ, органически связаннымъ съ тогдашнимъ соціальнымъ строемъ, въ основѣ котораго лежало превосходство или физической силы или юридическаго неравенства, привиллегій меньшинства. Болѣе-же высокія стадіи культуры этой органической необходимости смертной казни вовсе не предполагаютъ; государство и его учрежденія, съ утвержденіемъ формальнаго единства—умственнаго, нравственнаго и религіознаго, пріобрѣтаютъ такую крѣпость, что для поддержанія ихъ нѣтъ нужды въ жестокихъ мѣрахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ природа человѣка, вслѣдствіе успѣховъ разныхъ сторонъ общественнаго развитія, на столько измѣняется, что для дальнѣйшаго прогресса потребна не жестокая система наказаній, а организація цѣлесообразныхъ мѣръ. Общимъ слѣдствіемъ такого хода вещей является смягченіе нравовъ, съ чѣмъ тѣсно связано вымираніе нравственной необходимости смертной казни, и дѣйствительно исторія показываетъ, что по мѣрѣ развитія народовъ область примѣненія смертной казни все болѣе и болѣе сокращается. Процессъ этого уменьшенія, хотя медленный, за то до такой степени постоянный, что тождественность его направленія въ будущемъ не подлежитъ сомнѣнію: «совершившееся уменьшеніе, говоритъ Александръ Ѳедоровичъ, слишкомъ незначительны для того, чтобы уменьшеніе остановилось и не окончилось полною отмѣною». Когда послѣдняя совершится,—вопросъ практическій, но что уменьшеніе должно послѣдовать, это также несомнѣнно, какъ несомнѣненъ прогрессъ народовъ; осуществленіе общественной перемѣны можно замедлить, но предотвратить его нѣтъ возможности. Сохраненіе смертной казни до сихъ поръ въ законахъ и практикѣ объясняется тѣмъ, что еще не вымерли тѣ элементы и силы, которые ее создали и которые до сихъ поръ даютъ поддержку мыслителямъ, отстаивающимъ справедливость и необходимость смертной казни. Но лишь только эти элементы и силы угаснутъ, исчезнетъ и практика простыхъ смертныхъ казней, подобно тому, какъ исчезли пытка, членовредительныя наказанія и квалифицированные виды смертной казни, вмѣстѣ съ тѣмъ перестанутъ раздаваться голоса защитниковъ смертной казни, изъ коихъ большинство и теперь отстаиваетъ ее не въ принципѣ, а ради временной ея не-

обходимости и полезности, ради того, что общество еще не доросло до ея отмѣны.—Мы нарочно изложили тѣ выводы, къ которымъ пришелъ почтенный ученый, такъ какъ позволяемъ себѣ считать его трудъ, изобличающій глубокое знакомство съ обширнѣйшей литературой вопроса, лучшимъ его даромъ наукѣ уголовнаго права, превосходящимъ всѣ существующія по этому вопросу изслѣдованія, не исключая и работы знаменитаго Митермайера, котораго покойный Александръ Ѳедоровичъ называлъ своимъ учителемъ.

Слѣдующая крупная работа Александръ Ѳедоровича, его докторская диссертація, вышла въ 1868 г. подъ заглавіемъ: «О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда»; она распадается на двѣ части—историческую и догматическую. Въ исторіи мѣръ пресѣченія авторъ различаетъ четыре періода: a) время до Судебниковъ или періодъ господства и почти исключительнаго примѣненія порукъ, b) время Судебниковъ или періодъ совмѣстнаго примѣненія порукъ и отдачи за пристава, c) время Соборнаго Уложенія или періодъ ослабленія порукъ и чистаго примѣненія отдачи за пристава и тюрьмы и d) наконецъ послѣдующее время до изданія Судебныхъ уставовъ—періодъ преобладающаго примѣненія тюрьмы, крайне рѣдкаго употребленія порукъ и уничтоженія отдачи за пристава. На этомъ послѣднемъ періодѣ Александръ Ѳедоровичъ останавливается съ особенной обстоятельностью и раскрываетъ намъ крайне безотрадную картину того положенія, въ которомъ находились лица, привлекавшіяся къ слѣдствію, въ силу несовершенства какъ спеціальныхъ законовъ, регулировавшихъ примѣненіе мѣръ пресѣченія, такъ и общей организаціи судоустройства и судопроизводства. Примѣненіе содержанія подъ стражей и тюрьмы зависѣло, говоритъ Александръ Ѳедоровичъ, больше отъ произвола слѣдователей, чѣмъ отъ закона, который не содержалъ точныхъ, опредѣленныхъ правилъ. Отсюда само собою являлись заключеніе въ тюрьму, когда не слѣдовало, переполненіе тюремъ слѣдственными и подсудимыми арестантами и непомѣрная продолжительность ихъ заключенія. Всѣ эти выводы Александра Ѳедоровича составляютъ результатъ изученія вопроса по многочисленнымъ источникамъ первой руки, образцоваго по строгости отношенія къ послѣднимъ, мастерскому освѣщенію историческихъ явленій и осторожности въ заключеніяхъ. Догматическая часть изслѣдованія представляетъ изложеніе поста-

новленій о мѣрахъ пресѣченія по уставу уголовнаго судопроизводства 1864 г., сопровождаемое глубокимъ анализомъ и мѣткими замѣчаніями, которыя потомъ нерѣдко цѣликомъ цитировали послѣдующіе изслѣдователи.

Въ 1875 году А. Ѳ. Кистяковскій подарилъ науку уголовнаго права новымъ трудомъ: «Элементарнымъ учебникомъ уголовнаго права», который быстро разошелся, такъ что въ началѣ 1877 г. его въ продажѣ уже не оказалось. Такой успѣхъ учебника объясняется его внутренними достоинствами: сравнительной полнотою изложенія, соединенной съ краткостью, болѣе или менѣе правильной постановкой ученій, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ и наконецъ простымъ конкретнымъ языкомъ, весьма легкимъ для пониманія и усвоенія излагаемыхъ ученій. Лучшая часть книги— это отдѣлъ о наказаніяхъ, сохраняющій въ вопросахъ уголовной политики свое важное значеніе и до сихъ поръ, не смотря на неустанные успѣхи науки. Покойный былъ менѣе силенъ въ вопросахъ чисто юридико-логической конструкціи, за то въ области уголовной политики онъ не имѣетъ соперниковъ въ русской наукѣ. Превосходство его трудовъ въ этой области въ значительной мѣрѣ объясняется его ровнымъ, теплымъ отношеніемъ къ падшему ближнему. Въ послѣднемъ покойный всегда признавалъ человѣка, котораго надо *исправлять* принятіемъ цѣлесообразныхъ мѣръ, а не *казнить*, ибо самые тяжкіе преступники, какъ глубоко вѣрилъ Александръ Ѳедоровичъ, способны къ исправленію. Особенно вѣрилъ Александръ Ѳедоровичъ въ возможность исправленія малолѣтнихъ преступниковъ, которымъ и посвятилъ рядъ публичныхъ лекцій, составившихъ отдѣльную монографію, вышедшую въ 1878 году подъ заглавіемъ: «Молодые преступники и учрежденія для ихъ исправленія». Установивъ статистическими данными положеніе, что причина преступности $^3/_4$ испорченныхъ дѣтей коренится въ дурномъ примѣрѣ и дурномъ воспитаніи, или, говоря иначе, въ преступности окружающей среды, Александръ Ѳедоровичъ призываетъ въ этомъ сочиненіи законодательную власть къ принятію раціональныхъ мѣръ въ видѣ организаціи земледѣльческихъ колоній и пріютовъ, способныхъ образовать и исправить малолѣтнихъ преступниковъ. Сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь, представляетъ шагъ впередъ сравнительно съ предшествовавшими монографіями другихъ авторовъ, какъ въ исторіи

и изложеніи законодательной политики вообще, предлагая нѣкоторыя новыя соображенія законодательнаго характера и новыя свѣдѣнія о положеніи исправительныхъ заведеній во Франціи, такъ и въ обозрѣніи отечественныхъ учрежденій, сдѣланномъ съ несуществовавшей до того полнотой.

Отвѣчая на вопросы минуты, Александръ Ѳедоровичъ въ концѣ 70-хъ годовъ напечаталъ двѣ новыхъ статьи:

1) «Нуждается-ли общественная безопасность въ другихъ наказаніяхъ, кромѣ опредѣляемыхъ по суду? (Сборникъ государственныхъ знаній, т. IV, 1877 г.). Въ этой статьѣ послѣ общаго замѣчанія, что вмѣстѣ съ высшими формами общественной жизни человѣкъ все болѣе усваиваетъ себѣ убѣжденіе въ цѣлесообразности примѣненія наказанія къ подобнымъ себѣ не иначе, какъ по суду, авторъ устанавливаетъ два положенія. а) Въ обществѣ, въ которомъ, какъ въ древнихъ республикахъ Греціи и Рима, господствуетъ рабство, не можетъ быть личной свободы и неприкосновенности личности, будетъ-ли господствовать рабство въ чистомъ видѣ или нѣсколько очищенномъ, каково крѣпостное состояніе. Этимъ положеніемъ А. Ѳ. Кистяковскій, вслѣдъ за Бенжаменомъ-Констаномъ, опровергаетъ довольно распространенное въ обществѣ убѣжденіе, что въ древнихъ республикахъ и особенно въ Римѣ человѣкъ обладалъ величайшею личною свободою и неприкосновенностью. Такое убѣжденіе есть грубая ошибка, проистекающая изъ того, что, вслѣдъ за воззрѣніемъ древнихъ, свобода и личная безопасность немногихъ привиллегированныхъ гражданъ принимается за свободу и безопасность человѣка вообще въ государствѣ. При томъ неприкосновенность личности и этихъ немногихъ крайне шатка и въ сущности призрачна, ибо достаточно честолюбія одного, способнаго опереться на инстинкты угнетенныхъ, чтобы ее перевернуть вверхъ дномъ, сначала фактически, а потомъ и юридически, какъ это дѣйствительно и было въ Римѣ. в) Нѣтъ свободы и неприкосновенности въ государствѣ, въ которомъ всякій гражданинъ можетъ быть безъ суда сосланъ, арестованъ, заключенъ въ тюрьму, отданъ подъ надзоръ полиціи и т. д. Если общество или государство не желаетъ вѣчно стоять на вулканѣ, оно должно превратить въ положительный законъ слѣдующее правило: никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію и какому бы то ни было стѣсненію свободы или взысканію иначе, какъ по

суду. Правило это—достояніе новѣйшей общественности, отвергнувшей рабство, совершенно чуждо учрежденіямъ древнихъ и даже неизвѣстно мыслителямъ того времени. Впрочемъ и въ новѣйшей общественности оно лишено было практическаго значенія, за исключеніемъ Англіи, до позднѣйшаго времени. Правда, еще въ концѣ XVIII вѣка французская революція провозгласила правило, о которомъ идетъ рѣчь, но оно дѣятелями этой-же послѣдней было попрано и потоптано самымъ рѣзкимъ образомъ, напомнившимъ самыя худшія времена абсолютизма. Можно положительно сказать, что въ этой революціонной дѣятельности лежали причины непрочности и неустойчивости всѣхъ послѣдующихъ правительствъ Франціи.

Практическому осуществленію положеній о неприкосновенности личности гражданина и наказуемости его не иначе, какъ по суду, предшествовала теоретическая постановка вопроса о правѣ опредѣленія наказаній помимо суда, возникшая только послѣ улучшеній въ уголовномъ процессѣ и появленія идеи отдѣленія власти судебной отъ административной. До этого времени, вслѣдствіе смѣшенія суда и администраціи и господства въ уголовномъ процессѣ элементовъ самаго грубаго насилія, никому и въ голову не приходило сомнѣваться въ томъ, имѣетъ-ли право администрація по своему произволу подвергать гражданъ наказаніямъ. Постановка названнаго вопроса породила двѣ теоріи—нѣмецкую и французскую. Первая, представителемъ которой является Эйзенгардтъ, не была новостью: она представляла только теоретическую защиту того, что существовало фактически; она хотѣла оправдать старые порядки подъ благовиднымъ предлогомъ общественной безопасности. По ученію Эйзенгардта, противъ навлекшаго на себя подозрѣніе должно быть примѣняемо не наказаніе, а *мѣры безопасности*, какъ напримѣръ, тюрьма, ссылка, отдача подъ надзоръ полиціи, которыя, не преслѣдуя цѣли причинить лицу подозрительному матеріальное зло, имѣютъ своею задачею не возстановленіе уваженія и силы закона, какъ это бываетъ при наказаніи, а лишь отвращеніе опасности, согласно съ чѣмъ органомъ этихъ мѣръ должна быть полицейская власть. Вторая-же теорія, выработанная довольно рано въ Англіи и нашедшая себѣ энергическихъ защитниковъ въ французскихъ теоретикахъ XVIII и XIX вѣка, особенно въ лицѣ Бенжамена-Констана, явилась для континентальныхъ государствъ, какъ совершенная новость:

она возвѣстила личную неприкосновенность гражданина, основавъ ее на отрицаніи справедливости какихъ-либо наказаній и взысканій, опредѣляемыхъ по произволу и усмотрѣнію администраціи. Французская теорія вскорѣ была признана и нѣмецкой наукой за истинновѣрную и въ началѣ XIX вѣка мало по малу вошла въ положительный законъ. Согласно началамъ этой теоріи въ основныхъ законахъ европейскихъ народовъ приняты слѣдующія правила въ огражденіе личной неприкосновенности: a) никто безъ суда и помимо суда не можетъ быть ни привлеченъ къ отвѣтственности предъ судомъ, ни наказанъ; b) никто не можетъ быть судимъ, осужденъ и приговоренъ къ наказанію иначе, какъ на точномъ основаніи закона и съ строгимъ соблюденіемъ точно установленныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства и c) предварительный арестъ по общему правилу есть дѣйствіе судебной власти, подчиняющееся извѣстнымъ формальностямъ. Изложенная статья весьма цѣнна, какъ восполняющая существенный пробѣлъ въ нашей литературѣ въ обстоятельномъ изложеніи теоріи и исторіи вопроса о гарантіи свободы и неприкосновенности личности.

2) «Судебная организація во Франціи и предстоящія въ ней реформы» (Журналъ гражданскаго и уголовнаго права, 1879 г., № 2 и 3). Эта статья, какъ показываетъ и ея заглавіе, написана въ виду тѣхъ реформъ въ судебной организаціи во Франціи, которыя были предприняты республиканскимъ правительствомъ, постоянно встрѣчавшимъ рѣшительное противодѣйствіе своимъ законнымъ распоряженіямъ въ судебной магистратурѣ и рѣшившимся поэтому нарушить самый принципъ несмѣняемости судей. Изложивъ на основаніи двухъ работъ: 1) Barrot, De l'organisation Judiciaire en France, 1872 г. и 2) Jules Favre, De la reforme Judiciaire, 1877 г. исторію французской магистратуры и недостатки ея организаціи, въ числѣ коихъ едва-ли не первое мѣсто принадлежитъ способу назначеній на должности и повышеній, авторъ заключаетъ свою статью мнѣніемъ, что недостатки французской магистратуры несомнѣнно доказываютъ невозможность одной несмѣняемостью создать независимость и самостоятельность судейскаго сословія въ его дѣятельности, а потому старая доктрина о значеніи несмѣняемости безъ дальнѣйшихъ оговорокъ должна быть разъ навсегда покинута. Такимъ образомъ Александръ Ѳедоровичъ высказалъ полупризнаніе цѣлесообразности

задуманныхъ въ то время французскимъ правительствомъ реформъ въ дѣлѣ судебной организаціи.

Послѣднимъ цѣннымъ вкладомъ, который сдѣланъ въ науку уголовнаго права Александромъ Ѳедоровичемъ, было второе изданіе его элементарнаго учебника общаго уголовнаго права, вышедшее въ 1882 году. Это изданіе, увеличенное противъ прежняго болѣе, чѣмъ въ двое, представляетъ существенныя дополненія, среди которыхъ наиболѣе выдается историческій очеркъ науки уголовнаго права— работа солидная, весьма цѣнная не только для нашей литературы, но и для иностранной, въ которой, насколько намъ извѣстно, нѣтъ ни одного столь цѣльнаго и обстоятельнаго очерка. Въ предисловіи къ послѣднему авторъ доказываетъ, что установленный Іерингомъ общій законъ развитія права, какъ органическаго явленія, подобнаго языку и религіи, вполнѣ примѣнимъ и къ области уголовнаго права, которое есть только закрѣпленіе правовыхъ отношеній, выработанныхъ народною жизнью. Согласно съ симъ и наука уголовнаго права есть только объясненіе, развитіе и углубленіе тѣхъ понятій, которыя живутъ въ сознаніи общества о преступленіи и наказаніи, и самыя повидимому оригинальныя философскія построенія криминалиста, будучи сведены къ простѣйшимъ истинамъ, въ концѣ концовъ выражаютъ только то или другое убѣжденіе, живущее въ цѣломъ народѣ или въ такъ называемомъ обществѣ. Но отношенія народной жизни не остаются неизмѣнными: будучи произведеніемъ человѣка, существа развивающагося, они вмѣстѣ съ нимъ видоизмѣняются, что въ свою очередь влечетъ соотвѣтственныя движенія, перемѣны въ уголовныхъ законахъ, какъ закрѣпленіи выработаннаго, и въ самой наукѣ уголовнаго права. Отсюда возникаютъ два закона, которымъ подчиняется эта наука—законъ постоянствъ и движенія; дѣйствіе послѣднихъ проявляется въ разныхъ сочетаніяхъ— то въ видѣ равновѣсія, то въ видѣ преобладанія одного закона надъ другимъ. За предисловіемъ слѣдуетъ 1) самый очеркъ исторіи науки уголовнаго права, начиная съ древнихъ народовъ и кончая XVIII и XIX столѣтіями, 2) простое и ясное изложеніе теорій наказанія, съ довольно мѣткой критикой, 3) изученіе природы и объема юридическаго значенія вреда и убытковъ, причиненныхъ преступленіями, составившее содержаніе новой, лишней сравнительно съ учебникомъ

1875 года главы и 4) наконецъ подробное изложеніе постановленій русскаго законодательства съ кассаціонной практикой.

Кромѣ перечисленныхъ монографій и статей по уголовному праву, Александръ Ѳедоровичъ написалъ цѣлый рядъ рецензій на многія лучшія работы русской и иностранной литературы этого права, перечисленіе которыхъ можно найти въ Біографическомъ Словарѣ профессоровъ кіевскаго университета. Въ этомъ перечнѣ недостаетъ послѣдней рецензіи, конченной печатаніемъ въ газетѣ «Заря» уже по смерти автора, а именно—по поводу изслѣдованія Д. Дриля «Малолѣтніе преступники».

Наконецъ перу Александра Ѳедоровича принадлежатъ также нѣкоторыя работы по обычному праву, изученію котораго въ послѣдніе годы своей жизни онъ предавался до страсти и успѣлъ собрать богатѣйшіе матеріалы, свести во едино и разработать которые составитъ долгъ будущихъ изслѣдователей. Между работами по обычному праву солидное мѣсто занимаютъ слѣдующія три:

1) Программа для собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву, съ предисловіемъ о методѣ собиранія матеріаловъ по обычному праву (Кіевъ, 1878 г.), въ которомъ, между прочимъ, помѣщенъ цѣнный очеркъ литературы этого права. Программа изобличаетъ глубокое знакомство Александра Ѳедоровича съ тѣмъ, что было сдѣлано въ то время по обычному уголовному праву, и составлена такъ просто и искусно, что чрезвычайно облегчила послѣдующее собираніе и записываніе уцѣлѣвшихъ народныхъ обычаевъ и преданій о нихъ для всякаго, кто готовъ былъ заняться этимъ дѣломъ. Программа Александра Ѳедоровича по уголовному праву по достоинству не имѣетъ соперницъ.

2) Статья подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа», помѣщенная въ Запискахъ императорскаго русскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи т. VIII. Эта небольшая работа, предлагающая чрезвычайно интересную, мастерски нарисованную картину цензуры нравовъ, которую проявляетъ народъ во время совершенія браковъ въ Малороссіи, составлена отчасти на основаніи уже изданныхъ матеріаловъ въ Сборникахъ Терещенко и Чубинскаго, а больше на основаніи личныхъ наблюденій нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ корреспондентовъ Александра Ѳедоровича. По мнѣнію автора, болѣе глубокое

изученіе жизни нашего народа приводитъ къ убѣжденію, что его бытъ сохранилъ многія архаическія черты, изъ коихъ нѣкоторыя гораздо древнѣе происхожденія русскаго государства. Названное убѣжденіе, между прочимъ, подкрѣпляется сохранившимися обрядами брачнаго торжества. Послѣдніе совершаются съ извѣстною пунктуальностію и являются чѣмъ-то на столько необходимымъ и важнымъ, что безъ нихъ бракъ не въ бракъ: малороссійское *весилля* это цѣлая драма, непремѣнно имѣющая своего дирижера въ лицѣ ветхой, но опытной старухи, сидящей на печи, напоминающей, что зачѣмъ должно слѣдовать, и наблюдающей за тѣмъ, чтобы ничто важное не было опущено; отсюда выраженіе «играть весилля, играть свадьбу». При исполненіи этихъ обрядовъ каждое лицо, приглашенное для извѣстнаго назначенія, играетъ свою роль, а всѣ лица, исполняющія эту драму, составляютъ то общество, которое заинтересовано въ исполненіи этихъ обрядовъ. Къ числу этихъ обрядовъ принадлежатъ тѣ, во первыхъ, которыми сопровождается удостовѣреніе, сохранила-ли невѣста до брака цѣломудріе или нѣтъ, а во вторыхъ тѣ, которыми проявляется выраженіе въ первомъ случаѣ одобренія, похвалы, радости, а во второмъ порицанія, позора и неудовольствія. Описавъ затѣмъ эти обряды, авторъ въ концѣ статьи указываетъ важное значеніе изученія юридическихъ обычаевъ народа; по его мнѣнію, оно должно пролить свѣтъ на многіе темные пункты исторіи уголовнаго права, какъ, напримѣръ, причины прежней тяжкой наказуемости, до смертной казни включительно, нѣкоторыхъ преступленій противъ нравственности, напр. прелюбодѣянія, незаконнаго сожительства и т. п. Подобное изученіе, по мнѣнію автора, со временемъ скорѣе приведетъ къ познанію первоначальнаго источника многихъ юридическихъ институтовъ, чѣмъ постоянное обращеніе къ римскому и церковному праву—этой альфѣ и омегѣ всѣхъ историко-юридическихъ изслѣдованій.

3) Очеркъ историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, подъ заглавіемъ: «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ» (Кіевъ, 1879 г.). Этотъ очеркъ написанъ по поводу рукописи, заглавіе которой приведено, полученной А. Ѳ. Кистяковскимъ во время археологическаго съѣзда 1874 г. и заключающей въ себѣ обширный сводъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи въ XVII и въ XVIII вв. Издавая въ свѣтъ эту рукопись,

Александръ Ѳедоровичъ счелъ нужнымъ предпослать своему изданію изслѣдованіе поводовъ, которые послужили къ составленію свода, условій и способовъ послѣдняго, а также тѣхъ главныхъ источниковъ, изъ которыхъ составленъ сводъ, а именно литовскаго статута и книгъ магдебургскаго права. Это изслѣдованіе показываетъ, что поводомъ къ составленію свода послужили двѣ причины: во 1-хъ разнообразіе законовъ, въ числѣ коихъ были магдебургскіе и саксонскіе статуты, и противорѣчіе однихъ другимъ, а во 2-хъ печальное положеніе правосудія. Что касается литовскаго статута и магдебургскаго права, какъ источниковъ свода, то по мнѣнію Александра Ѳедоровича, система и идея перваго легли въ основаніе изслѣдуемаго памятника, служа руководствомъ и авторитетомъ для ея составителей. Эта идея впрочемъ подверглась въ сводѣ, подъ вліяніемъ магдебургскаго права, или значительному развитію и болѣе обстоятельному изложенію въ первоначальномъ своемъ духѣ, или-же замѣтному видоизмѣненію въ духѣ магдебургскаго права или давнихъ обычаевъ. Поэтому вліяніе двухъ послѣднихъ источниковъ, отразилось прежде всего видоизмѣняющимъ и развивающимъ образомъ на нѣкоторыхъ положеніяхъ основнаго закона—литовскаго статута; но кромѣ того они часто являются первоисточниками, легшими въ основаніе многихъ положеній свода; въ послѣднемъ есть главы, которыя цѣликомъ или почти цѣликомъ заимствованы изъ магдебургскаго права; обычное-же право не только послужило основою для многихъ положеній свода, но признано здѣсь тѣмъ неписаннымъ правомъ, къ которому судьи должны обращаться, когда писанное право не даетъ отвѣта на извѣстный случай. Это изданіе Александра Ѳеодоровича, результатъ усиленнаго труда нѣсколькихъ лѣтъ, представляетъ собою весьма важный вкладъ въ исторію нашего права; оно не только даетъ основательное изслѣдованіе недавно открытаго памятника, но проливаетъ новый свѣтъ на значеніе вообще особыхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи и въ частности на роль и судьбу литовскаго статута и Магдебургскаго права, опредѣленію которыхъ авторъ-издатель посвятилъ особую главу въ своемъ трудѣ.

Очертивъ научную дѣятельность профессора А. Ѳ. Кистяковскаго, которая, кажется, достаточно говоритъ сама за себя, я не могу заключить свой очеркъ иначе, какъ глубокимъ сожалѣніемъ объ

утратѣ для русской науки уголовнаго права, въ лицѣ Александра Ѳедоровича, не только такого ученаго, который двигалъ ее впередъ своимъ трудомъ, но и такого, который умѣлъ разлить вокругъ себя уваженіе и любовь къ наукѣ и вдохнуть охоту къ научнымъ работамъ во всякого, кто былъ къ тому способенъ. Авторъ этихъ строкъ, ученикъ и другъ покойнаго, именно Александру Ѳедоровичу обязанъ не только первой искрой любви къ наукѣ, но и болѣе глубокимъ ея развитіемъ.

Л. Бѣлогрицъ-Котляревскій.

НѢСКОЛЬКО ВСТРѢЧЪ СЪ Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ.

Голубе мій сивый-волохатый,
Братику рідненькій!
Чи зъ-зи сходу сонця, чи зъ заходу тябе вызирати?
Мы жъ до тебе й на тропокъ не влучимо,
И де подивсь еси, згаснувши, не вгадаемо.

—

Не дождавсь еси насъ, орле,
Не звеливъ у дрсты искрострунни дзвонити,
Про свою далеку дорогу насъ обохъ сповистити.
Поспишавсь у велику путь,
Не давъ часу намъ у сыру землю чоло схилити,
Твій таємничій тропокъ слизьми скропити,
Винокъ на твоій домовыни зложити.

—

Орле сизоперый, пышный-величный!
И докоромъ гиркимъ тяжко тебе корити,
И свого серця трудного не здолію мовчанкою вивинити.

I.

Николая Ивановича Костомарова я увидала впервые въ Кіевѣ въ 1847 году, проѣздомъ за границу. Я тогда была въ тревожномъ состояніи: оставила мать, родныхъ, родину и не ясно понимала, что значитъ провести нѣсколько лѣтъ среди чужихъ народовъ, какъ это было предположено. Образъ Костомарова едва скользнулъ по моей душѣ.

Очутясь въ Петербургѣ, я составила себѣ о немъ представленіе всего больше по разсказамъ его невѣсты. Обѣихъ насъ иску-

шало желаніе видѣть хоть на секунду затворниковъ III-го Отдѣленія. Мы составляли заговоръ, чтобы переодѣться охтенками, купить себѣ жестяныя ведра, наполнить ихъ хоть водой, проникнуть во дворъ III-го Отдѣленія и кричать: «хорошее, неподдѣльное молоко!» Мы были увѣрены, что, узнавъ наши голоса, дорогіе намъ затворники, которыхъ окна выходили во дворъ, бросятся къ желѣзнымъ рѣшеткамъ, и мы увидимъ ихъ обоихъ. Уже при одной этой мечтѣ у насъ голова кружилась и сердце радостно и печально замирало. Мы восторженно другъ друга обнимали и не могли дождаться утра, чтобы привести свой планъ въ исполненіе. Но старшій братъ мой, Викторъ Михайловичъ Бѣлозерскій, котораго мы посвятили въ свою тайну, сказалъ намъ, что мы этимъ можемъ только повредить узникамъ. Онъ былъ нашимъ руководителемъ въ столицѣ, и мы положились на его опытность.

Съ горестью должны были мы отказаться отъ своей романической затѣи,—тѣмъ болѣе, что въ III Отдѣленіи съ нами, т. е. съ матерью Костомарова, съ его невѣстой и со мною, обращались очень внимательно. Генералъ Дубельтъ меня называлъ своей дочерью, увѣщевалъ меня осушить свои слёзы и обнадеживалъ благополучнымъ исходомъ дѣла, хотя при этомъ говаривалъ: «ахъ, какую вашъ мужъ написалъ опасную книжку! Что это за Повѣсть объ Украинскомъ Народѣ? Недоставало пороху, чтобы все вспыхнуло».

Я всякій разъ отвѣчала на это: «книжка моего мужа издана съ дозволенія цензуры. Развѣ онъ тайно ее напечаталъ?»

Не знаю, до какой степени говорилъ искренно генералъ Дубельтъ, выражая мнѣ свое участіе; но въ персоналѣ III-го Отдѣленія дѣйствительно были люди, проникнутые чувствомъ искренняго состраданія къ намъ. Однажды, когда я съ матерью Костомарова вошла въ пріемную, обѣ измученныя неутѣшными слезами, одинъ изъ чиновниковъ укоризненно указалъ на насъ доносчику Петрову, сказавъ: «это г-жа Кулишъ и г-жа Костомарова».

Вторично я увидала Н. И. Костомарова въ крѣпости, о чемъ разскажу ниже, а въ третій разъ—въ Петербургѣ, по возвращеніи его изъ Саратова. Помню, какъ нетерпѣливо ждали его пріѣзда друзья его, собравшіеся у его почитателя и друга, моего другого брата, Василія Михайловича Бѣлозерскаго. Въ числѣ ихъ были мужъ мой, Симоновъ (Помисъ), польскій поэтъ Желиговскій и многіе

другіе. Но Костомаровъ не пріѣхалъ въ тотъ день. На улицѣ, когда я уходила раньше другихъ домой, мнѣ почудился его голосъ до такой степени, что слова, произнесенныя кѣмъ-то у меня за спиной и совсѣмъ не ко мнѣ относившіяся, заставили меня остановиться. Я все думала о немъ.

По пріѣздѣ его въ Петербургъ, вскорѣ вышла его книга: «Стенька Разинъ». Она мнѣ очень понравилась; я купила три экземпляра и подарила своимъ роднымъ. Въ то время издавался украинскій журналъ «Основа», въ которомъ были напечатаны маленькіе мои разсказы изъ повседневной жизни украинскаго народа. Ему эти разсказы нравились. Николай Ивановичъ говорилъ иногда со мной о народной жизни, о повѣрьяхъ народа, объ обрядныхъ пѣсняхъ; впрочемъ я вскорѣ уѣхала въ Малороссію, и наше знакомство прервалось.

Потомъ, въ шестидесятыхъ годахъ, Костомаровъ пріѣхалъ въ Варшаву. Бывалъ у насъ часто. Насмотрѣлась я тогда на него и наслушалась его бесѣдъ, насколько это возможно. Костомаровъ былъ очень разборчивъ въ ѣдѣ. Раньше я была свидѣтельницею, какъ онъ критиковалъ у своей матушки масло къ чаю, говоря, что отъ этого масла его «морозитъ»; теперь я боялась, чтобъ и у насъ его не морозило. Но, къ удивленію моему, гостю чрезвычайно понравились приготовленные мною маринованные грибы и вообще къ нашему обѣду и ужину относился онъ благосклонно. Что касается маринованныхъ грибовъ, то безъ нихъ не обходился ни одинъ мой гераг. Такъ и родной всѣмъ намъ украинцамъ Шевченко, во время моего пребыванія въ Петербургѣ, до того полюбилъ маринованную мною корюшку, что я постоянно снабжала его студію художника поэта. Онъ былъ моимъ старшимъ *бояриномъ*, и мнѣ было пріятно служить ему. Съ именемъ Костомарова всегда соединяется въ моей душѣ имя Шевченка.

Счастливые дни и вечера! Умная рѣчь этихъ людей, озаренныя вдохновеніемъ ихъ лица восхищали меня невыразимо. Я заслушивалась, когда Костомаровъ бесѣдовалъ съ моимъ мужемъ по церковно-славянски. Это было его любимою забавою. Не всѣ предметы ихъ бесѣды были доступны для меня, но я любила смотрѣть на историка, воображавшаго себя Несторомъ лѣтописцемъ или аѳонскимъ отшельникомъ и отъ шутки мало по малу переходившаго

къ серьезному лицедѣйствію. Шевченко любилъ столько-же языкъ нашихъ кобзарей и ихъ думъ, сколько его другъ церковно-славянщину, и часто просилъ моего мужа прочитать ему то про Ганжу Андыбера, то про вдовиченка Копивченка и т. д. Онъ любилъ его дикцію, и всякій разъ приходилъ въ такое восхищеніе отъ народнаго нашего эпоса, какъ будто слышалъ декламацію кобзарскихъ думъ впервые.

Всегда благословляла я судьбу за общеніе съ такими людьми, какъ мужъ мой, Костомаровъ и Шевченко. Во время ихъ задушевныхъ и шуточныхъ бесѣдъ, я молодѣла противъ лѣтъ, и Костомаровъ говаривалъ мнѣ не разъ: «вы не перемѣняетесь, Александра Михайловна». Даже въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда мы встрѣтились въ Москвѣ, онъ повторилъ мнѣ свой комплиментъ, а я отвѣтила ему стихомъ украинской пѣсни:

За хорошимъ чоловикомъ жинка молодіе.

Въ награду мнѣ за это, раздавался великолѣпный, звонкій, задушевный смѣхъ Костомарова. Онъ смѣялся, закидывая голову. Никто не смѣялся такъ отъ души и такъ молодо, какъ онъ.

II.

Возвращаюсь къ варшавскому нашему общенію. Однажды Николай Ивановичъ предложилъ мнѣ идти въ катакомбы святокрижскаго костела. Онъ уже былъ въ нихъ и осмотрѣлъ всѣ гробницы. Объ одной покойницѣ XVII вѣка онъ говорилъ, что она удивительно хорошо набальзамирована, что онъ ее посадилъ и она была гибкая, мягкая, какъ живая. Я согласилась на оригинальное предложеніе и пригласила съ собой мою племянницу. Спустились мы въ подземелье; прошли нѣсколько мрачныхъ пустыхъ отдѣленій, потомъ онъ зашелъ въ какую-то келію и оттуда вышелъ въ сопутствіи капуцина, который и повелъ насъ далѣе, давъ намъ въ руки по восковой свѣчкѣ.

Страхъ охватилъ меня. Глухой гулъ шаговъ томительно раздавался подъ молчаливыми сводами; но я собрала все свое мужество, не показываю страха. Идемъ: впереди капуцинъ, за нимъ Костомаровъ, потомъ я и моя племянница. Капуцинъ останавливается у каждой надгробной доски въ стѣнѣ и читаетъ. Племянница

моя дрожитъ, жмется ко мнѣ и развлекаетъ мое вниманіе. Чтобъ ей не было такъ страшно, я послала ее впередъ, сама стала идти въ арріергардѣ. Гулъ нашихъ шаговъ раздавался глуше, все глуше. И меня пробираетъ ужасъ. Я страшусь оглянуться назадъ, точно кто-то хватаетъ меня за плечи холодными руками и дышетъ сзади холодомъ. Свѣчи тускнѣютъ; но въ выраженіи Николая Ивановича сіяетъ что-то очаровательное, хоть и не понятное для насъ. Къ чему онъ такъ восторженно стремится? Не боится онъ ни сырости, ни странныхъ, какихъ-то могильныхъ звуковъ изъ устъ капуцина.

Чѣмъ дальше углубляемся въ катакомбы, тѣмъ больше сердце наше, что называется по украински, вянетъ. Катакомбы дѣлаются все мрачнѣе; свѣчи все больше тускнѣютъ. По угламъ стоитъ густая, неподдающаяся освѣщенію темнота.

Но вотъ мы почти уже достигаемъ цѣли. Костомаровъ такъ насъ намагнитизировалъ, что мы безсознательно несемся за нимъ, хотя и трепещемъ и сердце у насъ, что называется не на мѣстѣ. Одинъ онъ сіяетъ какою-то торжественностью, какимъ то откровеніемъ былаго. Шуба у него сползла съ плечь,—въ экстазѣ, онъ всегда являлся въ шубѣ декольте, такъ что и въ Петербургѣ я узнавала его по шубѣ издали; вдругъ капуцинъ оглянулся на насъ и, замѣтивъ, что наша спутница трусливо жмется ко мнѣ, возвыся голосъ, произнесъ: *umarły wstaje*. Мы обѣ вздрогнули; у обѣихъ насъ подкосились ноги. Въ нѣсколькихъ шагахъ виднѣлся гробъ Маріи (забыла я фамильное имя усопшей), оставалось только видѣть покойницу XVII столѣтія, сохранившуюся точно сонная; но мы были не въ силахъ приблизиться. Ни просьбы Костомарова, ни убѣжденія самаго капуцина не могли насъ успокоить.

Мнѣ представилась амфилада темныхъ безвыходныхъ комнатъ, которую мы прошли. Въ опасную минуту некуда спасаться; кричать было-бы безполезно.

Мы просили объ одномъ: вывести насъ отсюда. Я скоро оправилась, но племянницу свою едва довела подъ руку до выхода изъ катакомбъ. Очень совѣстно было передъ Костомаровымъ: онъ такъ искренно хотѣлъ насъ просвѣтить, а мы оказались еще не доросшими до историческихъ открытій въ царствѣ мертвыхъ. На другой день Костомаровъ одинъ отправился туда и вполнѣ исчерпалъ все, что ему было нужно для его изслѣдованія.

III.

Въ шестидесятыхъ годахъ была я одна въ Петербургѣ. Матушка Костомарова любила меня. Мы общую съ ней чашу горя пили въ несчастливомъ 47 году. Мы являлись вмѣстѣ и въ петропавловскую крѣпость, къ незабвенному по сердцу безрукому коменданту, для свиданья съ тѣми, кто былъ для насъ всего дороже на свѣтѣ. Въ первый разъ мы пришли трепетныя съ просьбой дозволить намъ повидаться. Вышелъ къ намъ суровый съ виду комендантъ.

Слабымъ и дрожащимъ голосомъ первая доложила о своемъ желаніи мать Костомарова, а я еще болѣе робко проговорила такую-же просьбу, потому что у меня былъ въ рукахъ букетъ незабудокъ, перевитый длинной полоской бумаги, испещренной нѣжностями и утѣшеніями, для передачи тому, который былъ теперь въ положеніи государственнаго преступника, но котораго сердце мое называло святымъ. При этомъ я принесла и незапечатанное письмо къ мужу моему, облитое слезами. Трепещущей рукой передала я все это коменданту для цензировки, и жду громоваго удара отъ безрукаго великана. Онъ взялъ, взглянулъ на букетъ, замѣтилъ записочку въ видѣ ленточки, но не сказалъ ни слова, потомъ развернулъ письмо и прочелъ нѣсколько строкъ. У меня начали ноги дрожать... Онъ бросилъ мнѣ обратно письмо, закрылъ лице, заплакалъ и стремительно вышелъ въ третью комнату.

Вскорѣ появился Николай Ивановичъ Костомаровъ, блѣдный, совершенно разстроенный. Одежда его и все остальное сжало мое сердце. Пришелъ, поцѣловалъ руку матери. Разговору не было слышно. Я сидѣла далеко, безмолвная и несчастная. Я думала и о своей матери. Вдали сидитъ жандармъ офицеръ. Всего одну четверть часа свиданья дозволили Татьянѣ Петровнѣ съ сыномъ, а мнѣ съ мужемъ; но я передала ему цвѣты и письмо. Этого не описываю. Слабые, непослушные шаги осужденныхъ унесли отъ насъ все—и серце и душу и дыханіе.

Великодушный братъ мой Викторъ всегда и вездѣ сопутствовалъ мнѣ въ моихъ печальныхъ странствованіяхъ по петербургскимъ мытарствамъ. Безъ него мы обѣ неспособны были оказать другъ другу никакой человѣческой помощи. Мы бы упали и умерли тутъ же въ крѣпости.

И такъ въ шестидесятыхъ годахъ я пріѣхала въ Петербургъ одна. Татьяна Петровна и Николай Ивановичъ встрѣтили меня радушно, оставили меня у себя обѣдать. Татьяна Петровна за обѣдомъ угощала меня любимыми кушаньями Костомарова—солянкой изъ свѣжей осятрины и рисовой кашей съ изюмомъ. Меня поразило, что сама она ничего не ѣла: она нѣсколько лѣтъ питалась однимъ чаемъ.

Меня пригласили бывать у нихъ по вторникамъ, когда у Николая Ивановича собирались литературные пріятели; но я посѣщала ихъ въ неопредѣленное время. Мы часто бывали съ нимъ въ театрѣ. Николай Ивановичъ всякій разъ пріѣзжалъ за мной. Однажды жду, жду,—его нѣтъ. Я думала, что не будетъ совсѣмъ. Вдругъ звонокъ, и входитъ вмѣсто него Татьяна Петровна. Меня это встревожило. Но она меня тотчасъ успокоила. «Николаша мой извиняется передъ вами, не могъ быть сегодня самъ; то на свое мѣсто меня послалъ къ вамъ. Только, что собрался ѣхать къ вамъ, какъ Толстой пріѣхалъ и взялъ его. Сегодня, говоритъ, будутъ ставить на сцену мою пьесу «Іоаннъ Грозный», будетъ репетиція».

Такъ я невольно заставила Татьяну Петровну перемѣнить свою иноческую жизнь на свѣтскую. Давали «Русалку» Пушкина. Мы обѣ остались довольны игрой и великолѣпными декораціями.

Добрѣйшій и любезнѣйшій Николай Ивановичъ не замедлилъ явиться ко мнѣ съ предложеніемъ смотрѣть вмѣстѣ съ нимъ и «Іоанна Грознаго», и многія другія пьесы.

Потомъ еще ѣздили мы въ школу стенографіи. Она была тогда въ модѣ. Зала была полна учащихся всѣхъ возрастовъ. Потомъ еще однажды ѣздили мы вмѣстѣ въ греческую церковь; но къ богослуженію опоздали, осмотрѣли только церковь съ ея прекрасною живописью и изящною деревянною скульптурою.

Когда бывалъ у меня Костомаровъ, мы больше всего съ нимъ говорили о родинѣ. Онъ удостоивалъ меня своихъ серьезныхъ размышленій о бывшей и возможной въ будущемъ роли нашего народа, отъ серьезныхъ размышленій переходилъ къ анекдотамъ, шуткамъ, и почти всегда я видѣла его веселымъ. Часто онъ говорилъ мнѣ: «найдите мнѣ невѣсту. Я женюсь безъ всякаго колебанія, если *вы* найдете мнѣ невѣсту».

Но гдѣ-же было искать подходящей ему жены? Несчастье одиночества его происходило отъ его превосходства, какъ это случается въ жизни часто. Такъ, бывало, мы потолкуемъ, посмѣемся да и закончимъ этимъ свиданіе. Искомое было не находимо.

IV.

Въ послѣдній разъ я видѣла Костомарова въ Москвѣ, все такимъ-же веселымъ, жаждущимъ живой бесѣды, цѣнящимъ каждое доброе или умное слово собесѣдника. Я всегда находила безмѣрное, безпредѣльное удовольствіе въ томъ, чтобы слушать Костомарова, когда онъ говорилъ съ моимъ мужемъ, хотя-бы о самыхъ спеціальныхъ предметахъ. Иной разъ ихъ споры, доводы, разсказы и воспоминанія продолжались часа по два. Я забывала о себѣ и не скучала тѣмъ, что не могла быть ни судьею, ни участникомъ ихъ исторической, часто религіозной, часто и политической бесѣды. Съ обѣихъ сторонъ не было ни пристрастія къ себѣ, ни раздраженія. Они бесѣдовали мирно, называя другъ друга по монашески: «отче Николае! отче Пантелеймоне»! Когда-же Николай Ивановичъ бывалъ особенно доволенъ своимъ собесѣдникомъ, или особенно хотѣлось ему быть убѣдительнымъ, онъ восклицалъ какъ-то трогательно: «честнѣйшій отче Пантелеймоне!» на что получалъ въ отвѣтъ: «честнѣйшій отче Николае!» Дорогія для меня имена! незабвенныя имена! вы не соединитесь уже въ одномъ бесѣдованіи о тайнахъ былой и будущей жизни, которая для обоихъ васъ была такъ дорога. Рѣчь у нихъ лилась потокомъ, точно цѣлыя лѣтописи и архивныя связки расплавливались въ горнилѣ ихъ ума. Святое, невозвратное время! Для меня эти бесѣды были лучше всякихъ концертовъ.

Николай Ивановичъ это чувствовалъ: онъ зналъ, что я, не умѣя поддержать бесѣды ученой, умѣла цѣнить ее; что я восхищалась не однимъ краснорѣчіемъ его, но каждымъ его движеніемъ, звуками его голоса и его задушевнымъ, все еще молодымъ смѣхомъ. Онъ былъ всегда очень любезенъ и добръ ко мнѣ. Онъ щедро расточалъ передо мной свое духовное богатство. Перомъ тебѣ земля, великій и благоволящій человѣкъ!

А. Кулишъ.

Воззваніе конфедератовъ воеводства сандомирскаго къ русскому народу.

(около 1733 года).

Въ послѣднее десятилѣтіе заправители польской политики не разъ выдвигали вопросъ о примиреніи съ русскими, забвеніи всего прошлаго, равенствѣ и братствѣ, горячо иногда дебатирующійся въ печати и устныхъ бесѣдахъ. Остроумное напоминаніе недавно умершаго историка нашего Н. И. Костомарова о деревянномъ конѣ, ввезенномъ греками въ Трою, хотя временно озлило, но не остановило ихъ. Пройдетъ годъ-другой, и вновь гдѣ нибудь на берегахъ Вислы и даже Сены, въ Галиціи или Познани, поднимется тотъ же вопросъ и дебатируется съ наѳосомъ, приводящимъ къ мысли, что троянскій конь остался гдѣ-то далеко назади. Всего любопытнѣе въ этихъ дебатахъ то, что главнымъ мотивомъ необходимости примиренія выставляется опасность, грозящая полякамъ и русскимъ, и гораздо болѣе послѣднимъ, со стороны общаго врага славянъ—нѣмца.

Маневръ далеко не новый. Любопытный образчикъ подобнаго заигрыванья поляковъ съ русскими, въ видахъ будто-бы дружной борьбы противъ нѣмцевъ, найденъ нами въ бумагахъ покойнаго профессора Н. Д. Иванишева и относится къ тому далекому времени, когда Польша впервые почувствовала надъ собою тяжелую руку державъ, впослѣдствіи ее раздѣлившихъ. Это воззваніе шляхты сандомирскаго воеводства къ русскому народу, время появленія котораго ученый навъ историкъ полагалъ около 1733 г., но которое вѣроятнѣе, кажется, будетъ относить именно къ этому году. Дѣло шло тогда о замѣщеніи польскаго престола; вся почти Европа заинтересована была этимъ вопросомъ. Два кандидата оспаривали другъ у друга польскую корону: Станиславъ Лещинскій, бывшій уже однажды на польскомъ престолѣ, но отрекшійся отъ него, и курфирстъ саксонскій Августъ, сынъ умершаго предъ тѣмъ польскаго короля. Перваго, какъ природнаго поляка и слабаго короля, же-

лала наиболѣе либеральная и патріотическая часть польскаго шляхетства, а поддерживала Франція въ союзѣ съ нѣкоторыми другими державами; второй былъ выдвинутъ Австріею и дѣятельно поддержанъ Россіею, войска которой вступили въ Польшу. Въ Россіи между тѣмъ именемъ императрицы Анны Іоановны царилъ въ ту пору кровожадный Бironъ, въ короткое время успѣвшій заявить себя сколько покровительствомъ своимъ единоземцамъ, столько-же и жестокимъ преслѣдованіемъ всего русскаго. Этимъ-то печальнымъ для Россіи обстоятельствомъ старается воспользоваться сандомірская шляхта, чтобы разстроить столь невыгодный для ея цѣлей союзъ Австріи и Россіи и остановить двинутыя послѣднею войска. Моментъ былъ повидимому вполнѣ благопріятный и шляхта пользуется имъ съ замѣчательною ловкостью, но вмѣстѣ съ свойственнымъ ей легкомысліемъ и безстыдствомъ: она задѣваетъ самыя нѣжныя и уже сильно наболѣвшія чувства русскихъ — національную ихъ честь и самолюбіе, выставляетъ на видъ то постыдное иго нѣмецкое, отъ котораго они въ то время терпѣли, старается увѣрить ихъ, что «поколѣніе царей русскихъ прекратилось» и объявленный тогда наслѣдникъ русскаго престола не имѣетъ кровной связи съ прежнею династіею, съ своей точки зрѣнія изображаетъ тогдашнее положеніе дѣлъ въ Европѣ и настоятельно убѣждаетъ, оставивъ въ покоѣ Польшу, произвести у себя ни болѣе, ни менѣе, какъ полный *coup d'etats* и этимъ путемъ не только избавиться отъ господства нѣмцевъ, но въ одинъ разъ добиться той златой вольности, которую она, шляхта, вѣками завоевала для себя, отнявъ власть у королей. Понятно, что подъ именемъ народа русскаго, къ которому на этотъ разъ взываетъ сандомірская шляхта, она разумѣетъ только равное ему дворянство русское, а до того, въ какомъ положеніи очутились-бы при выхваляемыхъ ею вольностяхъ прочіе классы русскаго народа, ей дѣла нѣтъ, какъ не было дѣла и у себя дома. Она соболѣзнуетъ правда о той части «козацкаго народа», которая, отдѣлясь отъ Польши подъ русскую державу, терпѣла теперь отъ нѣмецкаго ига вмѣстно памятной ему польской свободы, но забываетъ о той части этого-же народа, которая, оставшись противу воли за Польшею, не знала, какъ вырваться изъ ея объятій и, какъ къ послѣднему для того средству, прибѣгала къ поголовному почти гайдамачеству.

Конечно, мудрый совѣтъ сандомірской шляхты не могъ встрѣтить сочувствія въ русскомъ народѣ и ей самой потерею отчизны пришлось увѣриться въ томъ, что на золотой шляхетской вольности нельзя построить ни политическаго могущества, ни общественнаго благополучія: тѣмъ не менѣе ея воззваніе къ русскому народу остается весьма интереснымъ памятникомъ политико общественныхъ стремленій польской шляхты и ея отношеній къ намъ, не забытыхъ ею и доселѣ и служащихъ основою возобновляемой отъ времени до времени игры въ дружбу и братство съ русскими для общей борьбы противъ нѣмцевъ.

Рукопись, по которой мы печатаемъ это любопытное воззваніе, писана хорошо знакомымъ намъ почеркомъ покойнаго Николая Дмитріевича и имѣетъ не

мало поправокъ; послѣднее указываетъ на то, что это есть имъ-же сдѣланный переводъ съ польскаго списка или же подлинника, найденнаго, имъ по всей вѣроятности, во время неоднократныхъ его поисковъ въ польскихъ архивахъ. Содержаніе воззванія и извѣстная всѣмъ добросовѣстность и крайняя осторожность умершаго ученаго не допускаютъ никакого сомнѣнія въ подлинности памятника, хотя первоначальнаго источника его мы и не можемъ указать.

Пресвѣтлое воеводство сендомирское возложило на меня обязанность немедленно изъявить и засвидѣтельствовать искреннее благорасположеніе нашей Рѣчи Посполитой къ русскому народу и войску, по случаю нынѣшняго вторженія войскъ московскихъ въ Польшу. Исполняя эту обязанность, я, на основаніи постановленія сендомирской конфедераціи, объявляю всему свѣту, симъ своимъ манифестомъ, нижеслѣдующее.

Никогда мы не терпѣли болѣе тяжкой обиды. Все свое несчастное положеніе Рѣчь Посполитая приписываетъ не столько единоплеменной русской націи, сколько иному народу, посягающему на вольность польскаго народа. И въ самомъ дѣлѣ, кто изъ проницательныхъ людей, совершенно знающихъ причину настоящаго переворота въ Рѣчи Посполитой и въ цѣлой Европѣ, можетъ обвинять преимущественно народъ русскій въ жестокихъ насильствахъ и общественныхъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ намъ Москвою? Уже интриги, казавшіяся тайными, открыты всему свѣту. На тѣхъ, которые подали дѣйствительный поводъ и были истинною причиною зла, всѣ должны обратить праведную месть, какъ мы, такъ и славный народъ русскій. Уже всякому извѣстно, что настоящая причина и источникъ нынѣшнихъ смутъ въ Польшѣ и въ другихъ европейскихъ государствахъ заключается въ интригахъ вѣнскаго двора. Австрія, по безмѣрному своему честолюбію, стремясь ко всемірному обладанію, возбудила такую великую бурю въ отечествѣ нашемъ и въ цѣломъ свѣтѣ. Не видя возможности распространять свое могущество на востокѣ, югѣ и западѣ, получивъ сильный отпоръ отъ могущественнѣйшихъ сосѣдей, она обратила всѣ свои силы на сѣверныя государства, стараясь поглотить ихъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать изъ нихъ полусамостоятельныя государства, ей подвластныя.

По завоеваніи чеховъ и венгровъ, очередь дошла до насъ и до дальнѣйшихъ сѣверныхъ государствъ, по предсказанію прозорливаго на-

шего Замойскаго, великаго канцлера и гетмана: «Perit Ungaria, perit Bohemia a vicina Germania.—cave tibi Polonia», то есть: «погибли венгры, погибли чехи отъ сосѣдственныхъ нѣмцовъ, берегись и ты Польша!» Очевиднымъ доказательствомъ такихъ замысловъ служатъ теперешнія дѣйствія Австріи въ Россіи и въ нашемъ отечествѣ, направленныя къ порабощенію обоихъ народовъ. Уже въ Москвѣ всѣ высшія должности находятся во власти австрійцевъ; всѣ повинуются имъ, а сенаторы и министры изъ русскихъ присутствуютъ только какъ свидѣтели и служатъ для того, чтобы не нарушилась законная симметрія въ давнемъ устройствѣ сената. Уже самодержцемъ россійской монархіи насталъ нѣмецъ; уже никто изъ придворныхъ и министровъ не смѣютъ шагу ступить въ противность правиламъ, составленнымъ и предписаннымъ въ Вѣнѣ. Отсюда, безъ сомнѣнія, происходитъ и то, что австрійская политика, вопіющая къ Богу объ отмщеніи, жестоко нападаетъ на свободу народа польскаго и, управляя абсолютною нѣмецкою диктатурою въ Москвѣ, достигла того, что московское войско, нарушило неслыханнымъ образомъ всякую справедливость, вторгнулось въ наши границы и, исполняя только планы нѣмецкіе, навязываетъ нѣмца на шею вольному народу. Поэтому мы поляки не хотимъ обвинять русскаго народа, хотя онъ-же такъ жестоко обижалъ насъ, но, напротивъ того, оплакиваемъ нестерпимое притѣсненіе, претерпѣваемое какъ имъ, такъ и нами отъ нѣмцовъ, ожидая того времени, когда русскіе вмѣстѣ съ нами рѣшатся силою выбиться изъ-подъ нѣмецкой опеки. Въ настоящемъ насильственномъ нападеніи на наше отечество мы не имѣемъ никакихъ другихъ плановъ, какъ только, пользуясь естественнымъ правомъ обороны (jure defensionis), защищаться всѣми силами противъ всѣхъ враждебныхъ нападеній; при чемъ мы будемъ выжидать, когда славный народъ русскій почувствуетъ свое угнетеніе, пойметъ, какъ жестоко обходятся съ нимъ нѣмцы и, сознавъ свои силы, воспользуется теперешнимъ найлучшимъ и найудобнѣйшимъ случаемъ, чтобъ свергнуть съ себя нѣмецкую неволю. Тогда мы съ своей стороны окажемъ ему возможную помощь, и австрійцы потеряютъ всякую надежду не только господствовать надъ сѣверными государствами, но и управлять нами. И для чего мы будемъ терпѣть долѣе? Терпѣніе русскаго народа уже приводитъ въ изумленіе сосѣдей и цѣлый свѣтъ. Гдѣ можно найти за

свѣтъ государство, которое-бы такъ угнетаемо было деспотическою рукою, какъ нынѣ московская монархія? Знаютъ объ этомъ сосѣди, но лучше знаютъ сами русскіе. Уже власть Австріи надъ Москвою достигла высшей степени, всѣ дѣла совершаются нѣмецкими педагогами или подъ ихъ ферулою: русскій дворъ предпочитаетъ нѣмцовъ русской крови, государственная тайна и государственное управленіе вверены однимъ нѣмцамъ и на нихъ возлагаются всѣ надежды. Нѣмцы изображаютъ русскихъ подозрительными, невѣрными и непокорными, считаютъ ихъ мятежниками, упорными головами, существами, способными только къ слѣпому повиновенію, людьми, для которыхъ необходимы строжайшія мѣры и казни. Русскіе знаютъ, какимъ отличіемъ пользуется при дворѣ всякій бѣднякъ нѣмецъ въ сравненіи съ русскимъ патріотомъ, славящимся древнею фамиліею; знаютъ, что управленіе губерніями, генеральскія должности и первыя мѣста въ имперіи раздаются пришлецамъ иноземною рукою; знаютъ, въ какомъ уничиженіи находятся древніе роды, славные своими заслугами, не уступающіе знатностію монархамъ, происходящіе отъ крови Ягеллона. Съ жалостію смотрѣли мы на погибель князей Долгорукихъ, пострадавшихъ за честь и свободу народа. Но кто можетъ изобразить, что дѣлается въ народѣ русскомъ, что дѣлается въ народѣ козацкомъ, помнящемъ недавнюю свою свободу, и у другихъ народовъ, униженныхъ, стонущихъ подъ нѣмецкимъ управленіемъ? Могъ-ли когда нибудь народъ быть въ такомъ угнетеніи отъ чужеземцовъ, пришедшихъ ѣсть хлѣбъ русскій? Правда, что Петръ первый, достойный безсмертной памяти, славный между благородными монархами, казалось, имѣлъ склонность къ чужеземцамъ, но онъ любилъ свой народъ отеческою любовію, распространялъ его славу, царствовалъ самъ своимъ величествомъ, давалъ высшія должности, гражданскія и военныя, русскимъ людямъ: онъ отличалъ и принималъ заслуженныхъ иноземцовъ, уважалъ иностранцовъ и охотно давалъ имъ пріютъ, но никогда не позволялъ имъ управлять своимъ народомъ. Въ настоящее время власть Австріи не только взяла верхъ, не только лишила русскихъ всякаго уваженія, но нѣмцы постарались лишить русскихъ всякой надежды избавиться отъ настоящей бѣды, утвердивъ основаніе своего владычества въ Москвѣ и на будущее время. Безусловно приказано всѣмъ присягать въ томъ, что никому не было извѣстно, каждый

присягою обязался признавать государемъ всей россійской монархіи того, кого признавать приказано будетъ. Чтожъ это за присяга, когда присягаешь, самъ не зная о чемъ? Не видно-ли здѣсь старанія о томъ, чтобъ русскіе роды обязались признать государемъ лицо, хотя-бы даже самое ненавистное, противное Россіи, вредное для религіи и общественной пользы? Скоро обнаружилось, кого нѣмцы навязываютъ на совѣсть великому народу. Назначенный нынѣ наслѣдникъ есть нѣмецъ родомъ, вѣрою и обычаями, то есть чужой для русскаго народа; а назначенъ для того, чтобы, при его содѣйствіи, власть Австріи болѣе и болѣе расширялась, чтобъ опустошала русскую націю, искореняла древнія знаменитые роды и со временемъ обратила-бы Россію въ нѣмецкую державу. Поэтому не настало-ли уже время возбудить великодушныхъ ко сверженію вѣчнаго нѣмецкаго ига? Теперь именно настало время рѣшиться на этотъ спасительный, необходимый и славный для всего народа подвигъ. Если Москва не воспользуется настоящими обстоятельствами, то ей никогда уже не вырваться изъ нѣмецкихъ когтей. Нѣмецкій императоръ, въ настоящее время занятый внутренними дѣлами государства, не можетъ думать о чужихъ дѣлахъ, но долженъ защищать свое государство послѣдними силами. Довольно сильна противъ нѣмецкой имперіи одна Франція, долго воевавшая съ императоромъ и другими сосѣдними государствами, и окончившая войну на выгодныхъ для себя условіяхъ. Нѣмецкія войска не пойдутъ теперь въ Россію, императорская партія въ Москвѣ не получала денежнаго вспомоществованія; въ настоящихъ обстоятельствахъ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе послѣдній трактатъ, которымъ обязался императоръ поддерживать всѣми своими силами постановленіе нѣмцовъ о наслѣдникѣ русскаго престола. Поэтому Россія, не видя опасности отъ Австріи, можетъ свергнуть съ себя ярмо нѣмецкое и совершить подвигъ, который прославитъ русскую націю на вѣчныя времена. Никто не помѣшаетъ въ исполненіи такихъ благородныхъ плановъ, доблестный народъ русскій! ни нѣмецъ, ни польская Рѣчь Посполитая, ни шведская, которыя желали-бы вамъ такихъ-же вольностей, какими они сами пользуются, для водворенія въ народѣ вѣчнаго мира. Спасительная ваша рѣшимость утвердила-бы покой и довѣріе между нашими сѣверными странами; поэтому мы были-бы рады помогать вамъ всѣми своими силами къ водворенію

въ московскомъ государствѣ рѣчи посполитой. Теперь вы замѣшаны интригами Австріи въ долголѣтнюю войну съ Польшею, съ Франціею и ея союзниками, съ Портою оттоманскою. Вмѣсто этой гибельной войны, вы наслаждались-бы миромъ со всѣми сосѣдственными державами и даже для достиженія свободы получили-бы помощь отъ Франціи, Швеціи, Голландіи, Англіи и отъ турковъ. Если-бы вы сдѣлались вольнымъ народомъ, то пріобрѣли-бы почетъ и большее счастіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ ваша свобода интересовала-бы иностранные сосѣдственные народы. Она интересовала-бы Польшу, Швецію, Турцію, Персію, потому что гораздо удобнѣе сохранять миръ съ вольною рѣчью посполитою, нежели съ монархіею, управляемою деспотически. Ваша свобода интересовала-бы венгровъ, чеховъ и нѣмецкую имперію, потому что ослабила-бы могущество Австріи, тяжкое самимъ государямъ и князьямъ нѣмецкимъ; интересовала-бы Голландію, Англію, потому что укрѣпился-бы ихъ торговый союзъ съ Россіею; интересовала-бы вольность ваша Францію, потому что австрійскій дворъ потерялъ-бы всякую надежду къ распространенію своей власти въ сѣверныхъ государствахъ; интересовала-бы наконецъ и цѣлую Европу вольность ваша, потому что утвердилось-бы на вѣчныя времена въ Европѣ политическое равновѣсіе. Попытайтесь отважиться при нынѣшнихъ обстоятельствахъ на славный подвигъ, дайте знать себя и вы увидите, что всѣ державы похвалятъ ваше намѣреніе и подадутъ вамъ руку помощи. Чѣмъ долѣе будете откладывать, тѣмъ будетъ труднѣе предпріятіе, а наконецъ сдѣлается и совершенно невозможнымъ. Пусть только заключенъ будетъ съ императоромъ миръ, пусть только войска возвратятся въ Москву, пусть только сядетъ на престолѣ наемный наслѣдникъ нѣмецъ, тогда все кончено, всякая надежда изчезнетъ; тогда уже русскому государству не избавиться отъ иноземцовъ во вѣки. Подумайте, славные роды и войска московскія, въ какихъ счастливыхъ вы находитесь обстоятельствахъ! Мы должны были въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ заслуживать свободу кровью нашихъ предковъ, а вамъ Богъ посылаетъ случай получить и утвердить свободу въ одинъ годъ. Вамъ уже легко сдѣлаться свободными, потому что поколѣніе царей вашихъ прекратилось, нынѣшняя государыня, возведенная на престолъ вольнымъ избраніемъ, не имѣетъ наслѣдниковъ, а между тѣмъ австрійцы навя-

зываютъ вамъ нѣмецкое владычество. Наша свобода возрастала безъ всякой посторонней помощи, въ теченіи многихъ вѣковъ, а ваше настоящее положеніе такъ счастливо, что вамъ всѣ помогать будутъ, какъ сосѣдственные, такъ и отдаленные могущественные народы. Наконецъ мы достигали свободы только постепенно, по частямъ, получая привиллегіи по волѣ королей, за наши заслуги; вамъ, напротивъ того, въ настоящее время вольно заимствовать свободныя установленія у всѣхъ европейскихъ государствъ, избирая найлучшее. У васъ предъ глазами, кромѣ древнихъ республикъ: римской, аѳинской и спартанской,—Польша, Англія, Швеція, Венеція, Генуя, Швейцарія, Голландія; изъ всѣхъ этихъ государствъ можете сдѣлать любой выборъ. Вы могли-бы совокупить въ единой россійской рѣчи посполитой найлучшія права, обычаи, привиллегіи и вольности, принявъ все полезное и отвергнувъ все ненужное. Руководствуясь опытомъ и примѣрами, вы могли-бы въ надлежащей мѣрѣ опредѣлить права и преимущества царской фамиліи, сенаторовъ, дворянъ и простаго народа и установить такую совершенную форму правленія, какая могла-бы служить къ вашей чести, къ усиленію и обогащенію государства, водворенію справедливости и милосердія и къ утвержденію мира съ сосѣдними государствами. Вы-бы могли принять основное начало нашей свободы: «neminem captivabimus, nisi jure victum», то есть, никого мы не будемъ арестовать безъ судебнаго приговора. Это ограниченіе королевской власти приноситъ намъ много добра, а зла никакого причинить не можетъ. Король не можетъ отнять у насъ, безъ суда Рѣчи Посполитой, ни того, что мы имѣемъ, ни того, что онъ самъ даетъ намъ. Вы могли-бы ввести у себя установленіе податей, заключеніе мира и объявленіе войны по опредѣленію сословій, судопроизводство безъ апелляціи ко двору, предоставленіе всѣхъ почестей и вакантныхъ мѣстъ туземнымъ подданнымъ, всѣмъ сословіямъ вѣчное право de non praestantia et obedientia, то есть о правѣ не повиноваться преступнымъ государямъ. Наконецъ, изслѣдовавъ причины процвѣтанія и погибели государствъ, можно-бы было принять самыя мудрыя и самыя полезныя мѣры къ тому, чтобы государство сдѣлать славнѣйшимъ, счастливѣйшимъ и свободнѣйшимъ. Рѣшитесь только на славное для русскаго народа дѣло, которое будетъ имѣть самыя счастливыя послѣдствія. Если-бы даже въ началѣ и встрѣтились какія-нибудь

затрудненія, то любовь къ своему отечеству и честь должны все превзойти и преодолѣть. Безъ рѣшительности и отваги никогда не утверждалась свобода; лѣность и слабость никого не сдѣлали безсмертнымъ, напротивъ, для рѣшительной души и отважнаго сердца нѣтъ ничего труднаго (приводятся въ примѣръ Голландія, Швеція и Швейцарія). Свобода драгоцѣннѣе всякихъ богатствъ. Люди, живущіе въ свободныхъ государствахъ, царствуютъ вмѣстѣ съ государями и свободно управляются. Единственное стремленіе всѣхъ народовъ къ свободѣ есть важнѣйшій даръ Божій. Богъ сотворилъ человѣка свободнымъ, и свобода процвѣтала въ родѣ человѣческомъ прежде всякой монархіи. Размысли, славный народъ русскій, лучше-ли тебѣ подпасть подъ власть нѣмцевъ, по своей природѣ непріязненныхъ славянскому племени, или стать наравнѣ съ свободными, дружественными народами и управляться безъ нѣмецкой опеки? Посмотри только на насъ, какъ на свѣжій примѣръ несчастія. Избравъ въ первый разъ государемъ нѣмца, мы терпѣли жестокое угнетеніе: Рѣчь Посполитая стонала подъ контрибуціями войскъ саксонскихъ, саксонское министерство управляло нами, а теперь нѣмецкая партія принуждаетъ насъ нарушить добровольную присягу, располагаетъ престоломъ, опираясь на одни военныя силы, насильственно лишаетъ насъ свободы, возжигаетъ войну въ цѣломъ свѣтѣ, навязываетъ намъ, чрезъ васъ-же самихъ, государя, стремясь осѣдлать наше и ваше государство нѣмецкою силою. Не ужели-же мы опустимъ руки, смотря на такую силу или насиліе? Свидѣтельствуемся предъ Богомъ, предъ цѣлымъ свѣтомъ и предъ вами, что мы готовы скорѣе потерять все свое имущество и вытерпѣть тысячу смертей, чѣмъ отказаться отъ свободы, добытой нами въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. Кому пріятно было жить на свободѣ, тому и умереть не страшно за свободу. Представляя себя въ примѣръ, мы убѣждаемъ васъ не бояться никакихъ трудностей, если желаете вмѣстѣ съ нами освободиться отъ власти нѣмцовъ, враждебныхъ славянскому имени. Кто изъ васъ первый отважится на такой подвигъ, тотъ заслужитъ вѣчную честь и славу, тотъ будетъ названъ благодарными потомками спасителемъ и избавителемъ своего народа, отцемъ отечества, покровителемъ свободы; безсмертное имя его будутъ прославлять отечественныя хроники и лѣтописи всего свѣта. Мы много наслышались отъ знатныхъ и первыхъ особъ вашего русскаго

народа, вздыхающихъ о вольности и свободѣ, ожидающихъ благопріятнаго времени, чтобы избавиться отъ неволи. Въ частныхъ разговорахъ никогда не могъ скрыть своихъ помысловъ вашъ доблестный народъ, у котораго есть разумъ и храбрость и которому недостаетъ одной только милой вольности. Настало время, приспѣлъ часъ, когда мы свободно и смѣло можемъ воодушевлять васъ, пробуждать вашъ великій духъ, а вы, не боясь препятствій, можете оказать для своего отечества несравненную услугу; уже во время прежняго нѣмецкаго господства въ нашемъ отечествѣ мы имѣли сердечное желаніе содѣйствовать вамъ въ исполненіи вашихъ замысловъ, но не позволяли обстоятельства. Теперь у насъ король полякъ, рожденный въ вольности и равенствѣ, любящій свободу, не могущій и думать объ абсолютизмѣ, не имѣющій другаго наслѣдника, кромѣ славы и безсмертнаго имени. Онъ, при помощи Божіей, поможетъ вамъ привести въ исполненіе ваши намѣренія; а Рѣчь Посполитая ничего болѣе не желаетъ, какъ только смотрѣть съ удовольствіемъ на ваши успѣхи и видѣть народъ русскій въ найсвободнѣйшей вольности. Такое усердіе нашей Рѣчи Посполитой къ народу русскому не покажется милымъ и пріятнымъ одной только Царицѣ, ея милости, если она увидитъ, что мы, поляки, всѣмъ сердцемъ желаемъ единоплеменному славянскому народу драгоцѣннѣйшаго блага, какое только есть у насъ. Императоръ нѣмецкій и царица объявляютъ, что защищаютъ нашу свободу, но мы видимъ, въ чемъ состоитъ эта защита. Если дѣйствительно цѣлая нація избрала королемъ польскимъ саксонскаго электора, то противъ кого идутъ въ Польшу войска московскія и саксонскія?..

(За симъ слѣдуетъ не важное по содержанію изслѣдованіе о несправедливости вторженій русскаго войска въ Польшу, обѣщаніе защищать свою свободу и стоять за Станислава Лещинскаго, жертвуя жизнію и имуществомъ).

НОВЕЛЛА БОККАЧЬО ВЪ ЮЖНО-РУССКОМЪ СТИХОТВОРНОМЪ ПЕРЕСКАЗѢ XVII — XVIII СТ.

Южно-русская письменность XVII—XVIII в., довольно богатая содержаніемъ по вопросамъ, такъ сказать, имѣющимъ спеціальное значеніе, очень бѣдно памятниками чисто литературнаго характера и причина этого кроется прежде всего въ общемъ ходѣ политической судьбы южно-русскаго народа.

Слѣды самобытной южно-русской письменности, отличной отъ чисто народной устной литературы, проявлявшейся въ былинахъ, думахъ, пѣсняхъ и сказкахъ, мы находимъ весьма рано. Еще въ XI и XII вв., когда на югѣ Россіи начиналась духовно-нравственная литература и зарождалась исторія въ формѣ лѣтописей, лучшіе люди того времени любили уноситься мыслію отъ реальной дѣйствительности, отъ житейской прозы, въ иной міръ, міръ поэзіи. Въ этомъ отношеніи довольно указать на того туманомъ покрытаго Бояна, который, по словамъ Буслаева, «былъ достойный современникъ Нестору и если самъ заимствовалъ свои пѣсни изъ историческихъ разсказовъ, то безъ сомнѣнія, могъ и передавать лѣтописцу въ звучныхъ пѣсняхъ преданія русской старины [1]), или вспомнить о пѣвцѣ Игоревомъ, чтобы сказать, повторяя слова Максимовича, что хотя «можетъ быть и не было у васъ *періода* письменной поэзіи, но *пѣснопѣнія* письменныя были» [2]). Объясняется существованіе этой старины—нашей самобытной искусственной по-

---

[1]) Лѣтоп. русск. лит. изд. Тихонравовымъ, т. I, стр. 31.

[2]) Собраніе сочиненій, т. 3, стр. 488.

эзіи тѣмъ согласіемъ и той близостью, которыя существовали тогда между отдѣльными поэтами-писателями и поэтомъ-народомъ.

Но столь счастливое начало нашей письменности отнюдь не соотвѣтствуетъ ея преодолженію. Уже съ XII в. начинаются тяжелые дни въ жизни южно-русскаго народа, тянувшіеся въ теченіе многихъ столѣтій и задержавшіе правильное развитіе его жизни и вмѣстѣ самой письменности. Трудно опредѣлить даже, какъ и на чемъ оборвалось развитіе старинной поэзіи, но на разстояніи трехъ вѣковъ мы встрѣчаемъ почти пустыя страницы въ исторіи литературы южной Руси. И между тѣмъ вся историческая жизнь южной Руси за этотъ періодъ сложилась такъ, что когда вновь возродилась въ ней наука и началась литературная дѣятельность, произошло полное отдѣленіе представителей письменности отъ народа. И наука и литература, вызванныя къ жизни въ концѣ XVI вѣка усиленными стремленіями южно-руссовъ поднять слабыя стороны своего духовнаго развитія для борьбы съ католицизмомъ, попали въ оковы царившей тогда въ Польшѣ и на всемъ Западѣ схоластики. Нельзя отрицать, что и съ такимъ характеромъ литература того времени стояла въ тѣсной связи съ народной жизнью, защищая его интересы; но что касается поэзіи, то ничего общаго съ народнымъ пѣснотворчествомъ въ ней не видно. Мы имѣемъ отъ того времени массу произведеній богословскихъ, полемическихъ, поучительныхъ, историческихъ, филологическихъ, но все это составляетъ тотъ отдѣлъ прозы, который удовлетворяетъ лишь научнымъ, политическимъ, общественнымъ интересамъ и остается въ сторонѣ отъ потребностей души, стремящейся, помимо всего, еще и къ эстетическому наслажденію въ формѣ словесныхъ поэтическихъ произведеній. Правда, и такого рода произведеній не мало въ южно-русской литературѣ XVII и особенно XVIII ст.; но подъ вліяніемъ продолжавшейся религіозной борьбы и схоластическаго образованія и они были запечатлѣны тѣмъ-же характеромъ, какъ и другія литературныя произведенія того времени. Если-бы писателями этой эпохи преемственно унаслѣдованъ былъ пріемъ старинныхъ поэтовъ брать сюжеты изъ жизни родной, близкой, чаще всего изъ историческихъ событій, если-бы при томъ осталось прежнее единеніе поэтовъ-художниковъ съ поэтомъ-народомъ, если-бы современный поэтъ воспитался въ своемъ поэтическомъ вдохновеніи на началахъ на-

роднаго пѣснотворчества, то сюжетовъ такихъ для художественной разработки можно было найти безконечное множество въ исторіи Украйны XVI и XVII вв., а поэтическое вдохновеніе и образы въ безконечности могли черпаться изъ народныхъ думъ и пѣсенъ козацкой эпохи. Но оторванная отъ народной поэзіи литература XVII и XVIII ст., вмѣсто всего этого, вырабатываетъ въ читающей публикѣ иные вкусы, давая ей стихотворныя (виршевыя) произведенія съ сюжетами богословскаго характера. Для примѣра довольно назвать «Перло многоцѣнное» Кирилла Транквилліона, гдѣ большую половину книги составляютъ стихотворенія въ похвалу Тройцы, Богородицы и т. д., или вспомнить, что извѣстный Іоаннъ Максимовичъ издалъ весьма объемистую книгу на тему «Богородице Дѣво, радуйся» въ стихахъ, которыхъ количество доходитъ до 25 тысячъ. Не больше жизненности представляли собою духовныя драмы, почти все время остававшіяся принадлежностью школы. Нѣкоторые проблески народности начали было обнаруживаться въ интермедіяхъ, но имъ не суждено было развиться вполнѣ и облечься въ художественную форму, хотя-бы на подобіе англійскихъ интерлюдій Гейвуда. Вообще южно-русская книжная поэзія XVII—XIII в., подчиняясь всецѣло латино-польскимъ образцамъ, ничего самобытнаго представить не могла.

Такія обстоятельства развитія и существованія нашей письменности приводили къ мысли о заимствованіи недостающаго изъ литературъ другихъ народовъ,—мысли, которая сознательно развилась въ XVII и усилилась въ XVIII в., и въ ряду заимствованій этого времени едва-ли не первое мѣсто по качеству и по своей распространенности занимаютъ зашедшія въ южную Русь старинныя повѣсти, преимущественно западныхъ редакцій. Старинная повѣсть, по словамъ Пыпина, «имѣетъ право на вниманіе историка литературы, какъ популярное чтеніе стараго времени, очень любимое и распространенное; въ своемъ отношеніи къ читателю она не имѣла тѣхъ интересовъ, какіе соединялись съ произведеніями историческими и чисто-назидательными, при сильномъ господствѣ дидактическихъ требованій, она занимала своимъ болѣе или менѣе поэтическимъ содержаніемъ и, слѣдовательно, отвѣчала только чисто литературнымъ потребностямъ читателя»[1]). Заимствованія вообще начались

[1]) Пыпинъ, Очерк. лит. истор..., стр. 2 (Учен. Зап. 2 отд. имп. ак. наукъ кн. IV).

у насъ весьма рано. Въ теченіе восьми столѣтій, отъ X-го до XVIII, наша письменность, въ большей или меньшей мѣрѣ, пополнялась переводами и передѣлками тѣхъ сказаній, которыя распространены были въ византійской и западно-европейской литературахъ. Раньше всего, конечно, началось движеніе этихъ сказаній изъ Византіи черезъ посредство южно-славянскихъ литературъ (болгарской и сербской), благодаря если не единству, то во всякомъ случаѣ близости литературнаго языка послѣднихъ съ языкомъ литературнымъ въ Россіи. При этомъ, нужно замѣтить, что многія изъ этихъ сказаній настолько въ переводахъ и передѣлькахъ примѣнялись къ характеру русской письменности, что становились какъ-бы самобытными, и потому теперь только методъ сравнительнаго изслѣдованія можетъ открыть до извѣстной степени ихъ дѣйствительное происхожденіе и опредѣлить какъ ближайшіе посредствующіе, такъ и болѣе отдаленные пути, которыми они доходили до насъ. Въ ряду многочисленныхъ повѣстей, зашедшихъ къ намъ изъ Византіи, болѣе другихъ замѣчательны «Исторія Александра Македонскаго», приписываемая псевдо-Каллисфену, и «Троянская война», впрочемъ гораздо менѣе первой распространенная у насъ, а изъ повѣстей этой группы, наиболѣе соприкасавшихся съ народною словесностью, можно указать «Слово о купцѣ Басаргѣ», гдѣ фигурируютъ какъ-бы исконные мѣстные люди: кіевскій гость Басарга и его сынъ Мудромыслъ.

Заимствованіе этимъ путемъ шло лишь до XIV ст., до тѣхъ поръ, пока южно-славянскія государства жили своей политической независимостью; съ паденіемъ-же ихъ и съ подпаденіемъ самой Руси подъ иго татарское, тамъ и здѣсь пріостановилось надолго литературное развитіе, и въ теченіе трехъ столѣтій, отъ XIV до XVII, мы не можемъ указать въ нашей письменности ничего такого, что свидѣтельствовало-бы о новыхъ литературныхъ заимствованіяхъ или какихъ-нибудь новыхъ варіантахъ прежде зашедшихъ къ намъ повѣстей. Начиная съ XVII ст. повѣсть, ставшая, за отсутствіемъ другой какой-либо изящной литературы, любимымъ чтеніемъ публики, обогатилась значительно новыми источниками: стало замѣтно переселеніе къ намъ западно-европейскихъ повѣстей черезъ Польшу и, если не исключительно, то въ большинствѣ случаевъ, именно въ южную Русь, откуда онѣ, видоизмѣняясь болѣе

или менѣе въ языкѣ, направлялись и на сѣверъ, въ Великороссію. Существеннымъ отличіемъ этихъ новыхъ повѣстей служитъ то, что онѣ никогда не сближались, подобно нѣкоторымъ старымъ, съ народной поэзіей, не принимали самобытнаго отпечатка, а оставались со всѣми признаками иноземнаго своего происхожденія.

Главнѣйшими изъ повѣстей, пришедшихъ изъ запада, были: «Римскія Дѣянія», «Зерцало Великое» и нѣкоторые рыцарскіе романы (Петръ Золотые-Ключи, повѣсть о преславномъ римскомъ кесарѣ Оттонѣ, исторія Бовы Королевича и пр.). Всѣ эти переводы сдѣланы были съ польскаго подлинника [1]), и тотъ-же польскій подлинникъ послужилъ матеріаломъ для перевода у насъ нѣкоторыхъ новеллъ (напр.: Повѣсть о семи мудрецахъ), разсказовъ полу-историческихъ и полу-анекдотическихъ (напр. Краткихъ, витіеватыхъ и нравоучительныхъ повѣстей книги три—напечатаны въ 1711 г., а переведены еще въ XVII в.), и западныхъ фацецій (Смѣхотворныя повѣсти, переведенныя Новгородъ-Сѣверцемъ) [2]). Въ эти смѣхотворныя повѣсти-фацеціи попали и нѣкоторыя новеллы Боккачьо.

Всѣхъ новеллъ Боккачьо, переведенныхъ или передѣланныхъ въ старину на русскій языкъ, по изслѣдованію г. Пыпина, было *пять*, изъ которыхъ четыре помѣщены въ «Смѣхотворныхъ повѣстяхъ», а именно: 1) «О друзехъ, о Маркѣ и Шпинелетѣ» по Декамерону VIII. 8, гдѣ друзья названы Zerpa и Spineloccio; 2) «О женѣ и гостѣ», новелла Декамерона VII, 2; повѣсть русская не слѣдуетъ тексту Декамерона и не имѣетъ картиннаго окончанія итальянской новеллы; 3) «Повѣсть о господинѣ Петрѣ и о прекрасной Кассандрѣ и о слугѣ Николаѣ» есть очень близкая редакція новеллы Декамерона VII, 7. и 4) «О женѣ, обольстившей мужа, якобы вверженся въ кладезь», новелла Декамерона VII, 4.

Но тотъ-же изслѣдователь замѣчаетъ, что была переведена еще одна изъ прекраснѣйшихъ новеллъ Боккачьо (Декамер. II, 9), именно «Повѣсть утѣшная о купцѣ, который заложился съ другимъ о добродѣтели жены своея» [3]). Теперь счастливый случай доставилъ мнѣ въ руки новый, совершенно неизвѣстный пересказъ одной изъ новеллъ

[1]) Пыпинъ, Очеркъ лит. истор., стр. 251.
[2]) Ibid., стр. 265.
[3]) Ibid., стр. 276—277.

Боккачьо [1]), своимъ языкомъ и другими примѣтами удостовѣряющій несомнѣнно свое южнорусское происхожденіе и принадлежащій концу XVII или началу XVIII в. Сказавъ, что было необходимо для опредѣленія мѣста и времени этого новаго памятника южнорусской письменности въ общемъ ходѣ ея развитія, я перейду теперь къ передачѣ его содержанія и указанію тѣхъ особенностей, какія представляетъ пересказъ сравнительно съ подлинникомъ по пріемамъ изложенія, языку и т. под., а равно значенія его для южнорусскаго общества даннаго времени.

Начну съ оригинальнаго заглавія этого памятника: «*Историчніе вѣрши*». Иначе, какъ *вѣршами* неизвѣстный переводчикъ не могъ назвать передаваемой новеллы Боккачьо, избравъ для передачи ея излюбленную тогда у насъ силлабическо-стихотворную форму. Историческаго въ перелагаемой повѣсти слишкомъ мало и названіе «*историчніе*» придано «*вѣршамъ*» по простому недоразумѣнію: переводчикъ, или лучше сказать, перескащикъ ея, найдя въ дѣйствующемъ лицѣ историческую личность, порѣшилъ, что весь разсказъ есть историческій фактъ. Стоитъ впрочемъ знать, каково было у насъ тогда пониманіе исторіи, стоитъ вспомнить только, какія баснословія попадали изъ западныхъ хроникъ въ наши тогдашніе сборники по всемірной исторіи—хронографы, чтобы вполнѣ оправдать автора перевода за данное имъ названіе повѣсти.

Разсказъ новеллы Боккачьо пріуроченъ къ *Танкреду* (Tancredi prenze Salerno, какъ сказано въ новеллѣ), именуемому «де Отвилль», отцу двѣнадцати доблестныхъ сыновей, изъ которыхъ одинъ, Вильгельмъ «Желѣзная рука», предводительствуя норманскими удальцами, по просьбѣ греческаго намѣстника въ нижней Италіи, явился для борьбы съ арабами. Братъ Вильгельма, *Робертъ Гвискардъ* впослѣдствіи овладѣлъ, благодаря отвагѣ и хитрости, большею частію нижней Италіи (въ 1060 г.). Сюжетъ новеллы можно относить именно къ этому Танкреду; съ именемъ его связывается и имя *Гвискарди*, его сына,—имя, встрѣчающееся и въ новеллѣ, хотя отнесено оно здѣсь совершенно къ другому лицу. Правда, въ новеллѣ совершенно не упоминается о 12 сыновьяхъ Танкреда, напротивъ того сказано,

---

[1]) Рукопись дана мнѣ для пользованія г. Дуськивъ, за что приношу ему искреннюю благодарность.

что у него была единственная дочь, которую онъ безмѣрно любилъ, но построеніе такихъ разсказовъ, въ которыхъ фигурируютъ отецъ и любимая имъ дочь, было весьма распространено, особенно въ средневѣковыхъ сказаніяхъ. Въ извѣстномъ сборникѣ «Gesta Romanorum» встрѣчается болѣе 10 разсказовъ, завязкой которыхъ служатъ отношенія между отцомъ и единственной любимой дочерью [1]).

Сюжетъ новеллы состоитъ въ слѣдующемъ:

У Танкреда, принца салернскаго, была единственная дочь Сигизмунда, которую онъ такъ сильно любилъ, что, изъ желанія подольше не разставаться съ нею, не рѣшался долгое время выдавать ее замужъ. Однако, когда Сигизмунда достигла уже вполнѣ возмужалаго возраста, отецъ въ концѣ концовъ отдалъ ее за сына принца капуанскаго. Вскорѣ Сигизмунда овдовѣла и опять возвратилась въ домъ отца. При положеніи вдовства, Сигизмундѣ не чужда была потребность въ любви; но считая неприличнымъ заявить объ этомъ отцу, она обратила свою любовь на одного изъ придворныхъ отца, нѣкоего Гвискарда, молодаго человѣка съ благородными чувствами, но низкаго происхожденія. При встрѣчѣ съ нимъ, она стала оказывать ему явное свое расположеніе, и Гвискардъ, не будучи новичкомъ въ этомъ дѣлѣ, сразу замѣтилъ это расположеніе къ нему принцессы и отвѣчалъ ей тѣмъ-же, такъ что въ концѣ концовъ они страстно полюбили другъ друга. Чтобы сохранить эти отношенія въ тайнѣ, Сигизмунда написала записку своему возлюбленному съ указаніемъ мѣста свиданія и записку эту передала ему въ выдолбленной снизу палкѣ. Свиданія ихъ происходили въ комнатѣ Сигизмунды, куда Гвискардъ пробирался черезъ запущенный, старый погребъ, сообщавшійся съ помѣщеніемъ принцессы посредствомъ потайной лѣстницы. На первыхъ порахъ свиданія проходили благополучно для влюбленныхъ; но однажды Танкредъ оказался свидѣтелемъ ихъ свиданія, самъ впрочемъ оставшись незамѣченнымъ ими. На слѣдующую ночь Танкредъ поставилъ стражу, и Гвискардъ былъ схваченъ и приведенъ къ принцу. На всѣ упреки и обвиненія онъ оправдывался только тѣмъ, что могущество любви не признаетъ владыкъ. Принцъ приказалъ заключить его въ одну изъ

---

[1]) Gesta Romanorum, herausgegeben von Hermann Oesterley. Berlin 1872 г. cap. 1, 27, 60, 61, 63 и др. стр.

комнатъ дворца и не упускать изъ виду, а самъ отправился къ дочери и обратился къ ней съ такими-же упреками, между прочимъ называя проступокъ ея тѣмъ болѣе прискорбнымъ, что она избрала предметомъ любви Гвискарда, происхожденіе котораго очень темно, а не остановила своего выбора на комъ-нибудь изъ болѣе знатныхъ придворныхъ. Сигизмунда, увидавъ, что ея интриги обнаружены и что помилованія Гвискарду ожидать нельзя, порѣшила и себѣ не испрашивать милости, а только защитить свою честь. Въ длинной рѣчи, обращенной къ отцу, она, не отрицая своей страстной привязанности къ Гвискарду, объяснила пробужденіе ея исключительнымъ положеніемъ своимъ и сказала, что, замѣтивъ свое безсиліе устоять противъ обуревавшей ее страсти, она употребила всѣ предосторожности, чтобы согласовать любовь съ честью, вслѣдствіе чего заботилась о сохраненіи полнѣйшей тайны. Больше-же всего въ отвѣтѣ своемъ она обратила вниманія на упрекъ въ томъ, какъ могла она отдаться человѣку такого низкаго происхожденія, и въ исполненныхъ чувства и силы выраженіяхъ высказала, что не знатность рода, но добродѣтель и нравственность дѣлаютъ человѣка благороднымъ, а эти именно качества она вполнѣ видитъ въ Гвискардѣ. Въ заключеніе она заявила, что рѣшилась твердо раздѣлить участь, назначенную Гвискарду, а потому просила отца предоставить ей съ Гвискардомъ умереть вмѣстѣ, если только онъ признаетъ, что они достойны смерти. Хотя Танкредъ въ обращенныхъ къ нему словахъ дочери усмотрѣлъ ея мужество и твердость характера, но все-таки не считалъ ее способной привести въ исполненіе свою угрозу и потому приказалъ казнить Гвискарда, вынуть его сердце, положить на золотое блюдо и отнести къ дочери. Сигизмунда, предвидя исходъ дѣла, заранѣе запаслась ядомъ, и когда увидала Гвискардово сердце, въ длинной патетической рѣчи излила свою скорбь, перемѣшивая ее съ упреками отцу, и выпила приготовленную отраву. Придворныя дамы, замѣтивъ, что ей дурно, тотчасъ-же дали знать отцу; но было уже поздно. Сигизмунда въ предсмертной агоніи обратилась къ отцу съ послѣдней просьбой—похоронить ее вмѣстѣ съ Гвискардомъ. Черезъ минуту она скончалась. Никогда еще старый Танкредъ не испытывалъ подобнаго горя; онъ раскаялся въ своей жестокости и велѣлъ похоронить съ парадомъ въ одномъ гробу обоихъ влюбленныхъ,

сопровождаемыхъ сожалѣніемъ всѣхъ салернитанцевъ (Il Decamerone. Giornata 4, novel. I.).

Нѣтъ надобности говорить о томъ, насколько вообще романическіе сюжеты были любимы въ старину, какъ въ позднѣйшей классической литературѣ, такъ особенно въ средне-вѣковой и какъ много являлось впослѣдствіи подражаній и передѣлокъ ихъ. Извѣстно также, какое громадное количество новеллъ Боккачьо посвящено всякимъ эротическимъ и романическимъ приключеніямъ. Но ни одна изъ нихъ, кажется, не удостоилась стольких переводовъ, передѣлокъ и подражаній, какъ только-что приведенная, дѣйствительно являющаяся едва-ли не самой лучшей изъ новеллъ четвертаго дня, предназначеннаго у Боккачьо для разсказовъ о любовныхъ приключеніяхъ съ трагической развязкой. Изъ такихъ передѣлокъ и подражаній Дёнлопъ въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи *History of fiction* указываетъ слѣдующія [1]): Леонардъ Аретино пересказалъ ее латинской прозой, Филиппъ Бероальдъ латинскими стихами, Аннибалъ Гуаско итальянскими октавами; она послужила сюжетомъ пяти итальянскихъ трагедій, изъ которыхъ одна «La Ghismonda» пріобрѣла громкую извѣстность, потому что обманнымъ образомъ приписана была Торквато Тассо. Одна англійская драма, сюжетъ которой заимствованъ изъ этой новеллы, была съиграна въ 1568 г. въ присутствіи королевы Елизаветы. Развитъ также этотъ сюжетъ Жаномъ Флери во французскихъ стихахъ и Вильямомъ Вальтеромъ—въ англійскихъ октавахъ. Но Англія болѣе всего познакомилась съ этимъ сюжетомъ по драмѣ Драйдена «Сигизмунда и Гвискардъ». Равнымъ образомъ, эта новелла послужила матеріаломъ для картины, приписываемой Корреджіо, гдѣ Сигизмунда представлена рыдающей надъ сердцемъ своего возлюбленнаго. Гогартъ пытался подражать этой картинѣ, но подражаніе его, по замѣчанію Горація Вальполя, вышло вполнѣ неудачно. Конечно, перечисленными у Дёнлопа подражаніями и передѣлками далеко не исчерпывается все ихъ количество. Можно указать еще, напримѣръ, на балладу Бюргера «Lenardo und Blandine», въ которой находится

---

[1]) John Dunlop's Geschichte der Prosadichtungen. Aus dem englischen übertragen von Felix Liebrecht. Berlin 1851 г., стр. 231.

много общаго съ новеллой Боккачьо [1]). А если сдѣлать болѣе смѣлое предположеніе, то можно сказать, что въ поэмѣ Лермонтова «Боярин Орша» до извѣстной степени замѣчается отголосокъ этого-же сюжета.

Тѣмъ болѣе, можно сказать теперь, любопытенъ тотъ фактъ, что и въ нашей, сравнительно очень бѣдной, поэтической литературѣ XVII в. оказался пересказъ, да еще и стихотворный, этой прекрасной новеллы.

Какимъ-же путемъ могла попасть эта новелла въ южную Русь? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, за неимѣніемъ положительныхъ указаній, приходится ограничиться лишь догадкой, которая, конечно, потребуетъ еще провѣрки.

Если принять во вниманіе разницу между имѣющимся у насъ пересказомъ новеллы и подлинникомъ оной, сообразить отсутствіе какихъ-либо указаній на то, чтобы наши южно-русскіе писатели непосредственно пользовались подлинниками новеллъ вообще, то останется предположить, что нашъ пересказъ повѣсти Боккачьо не составленъ по подлиннику, а представляетъ переводъ съ польскаго языка. Впрочемъ какимъ-бы путемъ ни пришла къ намъ эта новелла, за ней остается все-таки право на вниманіе, какъ за произведеніемъ, дававшимъ тогдашней читающей публикѣ интересный сюжетъ, не лишенный и нѣкоторой идейности.

Сличеніе подлинника новеллы съ нашимъ стихотворнымъ пересказомъ прежде всего показываетъ, что въ пересказѣ нѣкоторыя мѣста повѣсти сокращены, а иныя совсѣмъ опущены. Очевидно отсюда, что слагатель «Историчныхъ вѣршъ» отнесся къ самому сюжету повѣсти вполнѣ серьезно и, видя такую трагическую развязку, не рискнулъ помѣстить тѣхъ остротъ и сатирическихъ штриховъ, которыми, какъ извѣстно, такъ искусно перенизываетъ свои разсказы Боккачьо. Особенно рѣзко бросается это въ глаза въ тѣхъ случаяхъ, когда итальянскій новеллистъ, по поводу Сигизмунды, дѣлаетъ свои вылазки противъ женщинъ. Мы знаемъ, что въ нашей старинной литературѣ не только не избѣгали подобныхъ нападокъ

---

[1]) Въ сочиненіи Вильмара (Vorlesung über die Geschichte der deutsch. National-Literat. Leipzig. 1847 г., стр. 616) сказано, что сюжетъ заимствованъ Бюргеромъ изъ Декамерона Боккачьо.

на женщинъ, но даже очень охотно варьировали ихъ на разные лады, что и сказалось въ тѣхъ шуточныхъ сборникахъ-фацеціяхъ, которые перешли къ намъ изъ польской литературы. Но другое дѣло—шуточные сборники, и совсѣмъ иное—серьезные, трагическіе сюжеты, подобные данному. Этимъ, вѣроятно, и надо объяснить, что въ южно-русскомъ пересказѣ повѣсти о Сигизмундѣ совершенно отсутствуютъ слѣдующія выраженія Боккачьо:

1) Характеризуя Сигизмунду, Боккачьо прибавляетъ какъ-бы вскользь: «принцесса эта... была замѣчательно умна, больше, чѣмъ можно было-бы потребовать отъ природы для женщины [1])». Въ нашемъ пересказѣ Сигизмунда характеризуется нѣсколько иначе.

«А была красотою и умомъ такъ славна,
Что во области не бѣ ей ни едина равна.
Нелзя было не думать и не удивляться,
Смотря толко на нея и не услаждаться,
Насквозь та проникала сердца зракомъ вдатнымъ
И къ себѣ привлекала словомъ всепріятнымъ».

2) Когда Сигизмунда очутилась съ глазу на глазъ съ отцомъ, упрекавшимъ ее за ея поступокъ, она, по тексту подлинника новеллы, «была уже нѣсколько разъ близка къ тому, чтобы обнаружить это съ крикомъ и слезами, какъ большею частью это дѣлаютъ женщины [2])». Въ нашемъ пересказѣ это мѣсто передано такъ:

«Печална-жъ Зигисмунда буд (учи) въ томъ часѣ,
Стала безотвѣтна вдругъ въ немалому страсѣ,
Не такъ себе жалѣя, якъ друга своего
Звѣздарда [3]), мысля въ себѣ: ахъ не щастія моего!

---

[1]) Кажется, я точно передаю фразу Боккачьо: *savia più che a donna per avventura non si richiedea* (Il Decamerone. Paris 1861 г.). Французскій переводчикъ *Сабатье де Кастръ* придалъ еще большій оттѣнокъ остроты:... d'un esprit supérieur et peut-être trop pour une femme (Contes de Boccace. Paris, 1857).

[2]) ... e a mostrarlo con romore e con lagrime, *come il più le femmine fanno*, fu assai volte vicina. У Сабатье де Кастра и тутъ переиначено: Sigismonde... pensa vingt fois faire éclater sa douleur par ses larmes; *faible ressource, mais fort ordinaire aux personnes de son sexe.*

[3]) Какимъ образомъ *Гвискардъ* переименовался въ *Звѣздарда*, не совсѣмъ ясно; вѣрнѣе всего, это чисто русская передѣлка по созвучію, съ желаніемъ дать въ тоже время свой, понятный корень.

Что се намъ случилося? тяжко воздыхала
И скорбное слезами лице обливала.
Видя тое, что уже тайны ихъ открыты,
Стали и вси любве той знаки явны быти,
Отъ жалости несносной ни едина слова
Не могла проговорить до отца сурова.
Однакъ предъ нимъ мужеско сердцемъ поступала,
Прибирая разума, что̀-бы отказала,
А въ мысли своей твердо тое закрѣпила,
Что съ Звѣздардомъ и смерть ей будетъ въ свѣтѣ мила».

Равнымъ образомъ отсутствуютъ въ южно-русскомъ пересказѣ и многія подробности въ описаніи любовныхъ свиданій Гвискарда съ Сигизмундой, и та реальность въ изображеніи отдѣльныхъ моментовъ любовныхъ сценъ, которая встрѣчается у Боккачьо. Опущена напримѣръ та подробность, что Гвискардъ, отправляясь на свиданіе черезъ узкую отдушину погреба, надѣвалъ кожаный костюмъ, чтобы не оцарапать себя колючками терновника, разросшагося около погреба; и опущено это конечно потому, что имѣетъ нѣсколько веселый характеръ. Если мы и встрѣчаемъ въ нашей редакціи нѣкоторыя выраженія, могущія вызвать улыбку, то это явилось не результатомъ желанія автора, а результатомъ несовершенства стиля. Напримѣръ:

«А о то стыдно было у отца прохати,
Не пригожо-бо дамѣ жениха искати».

Или:

«Починаетъ умышлять, какимъ-бы то видомъ
Снестися могла въ любовь съ изряднымъ купѣдомъ».

Или еще:

Хотѣлъ князь обозватись, а потомъ раздумалъ
Не обличать дочери, только тайно думалъ.

Несовершенство стиля южно-русскаго пересказа болѣе всего замѣчается въ тѣхъ рѣчахъ, которыя произноситъ Сигизмунда. У Боккачьо ея рѣчи исполнены не столько чувства, сколько размышленія, напоминающаго въ многихъ мѣстахъ философскій трактатъ; въ русскомъ-же переложеніи далеко не та сила мысли, но за то пересказчикъ старается придать больше силы чувству и прибѣгаетъ нерѣдко къ патетическимъ украшеніямъ. Особенно

характерно въ этомъ отношеніи то мѣсто повѣсти, гдѣ изображается состояніе души Танкреда, извѣщеннаго объ отравленіи дочери. У Боккачьо просто говорится, что онъ, «не будучи въ силахъ видѣть ее въ такомъ печальномъ положеніи, не могъ воздержаться, чтобы не пролить слезъ, исполненныхъ нѣжности и раскаянія». Нашъ пересказчикъ обнаруживаетъ явное желаніе болѣе оттѣнить и опоэтизировать горестное состояніе Танкреда, и рисуетъ оное такими чертами:

Видя-жъ отецъ смерть явну дщери своей милой,
Не плакалъ, но рыдалъ по той втѣсѣ цѣлой,
На себе и на дочерь свою нарѣкая
И день тотъ свой нещастный горко проклиная.
Аки при Меандровыхъ брегахъ лебедь бѣлый,
Такъ жалостно надъ дщерью плакалъ отецъ милый.
Лебедь гласомъ плачевнымъ кричитъ воздыхая
И крылами быстрыя воды разбивая,
Поетъ пѣснь печалну гласомъ умиленнымъ,
Равно цѣлъ и старушекъ сердцемъ сокрушеннымъ,
Жалѣя по дочерѣ, румалъ неутѣшно
И себѣ умреть желалъ...

Не смотря однако на такія прибавки и прикрасы, игривая новелла Бокачьо много теряла отъ той внѣшней формы, какая придана была ей южно-русскимъ пересказчикомъ: языкъ или стиль пересказа, облеченный въ неуклюжій силлабическій стихъ, оказывается далеко неудовлетворяющимъ той легкости и той задушевности, которыя необходимо связываются съ подобными сюжетами. Особеннымъ-же препятствіемъ легкости изложенія является, по моему мнѣнію, та пестрота рѣчи, которая въ каждой строкѣ дастъ себя чувствовать. Несомнѣнно, что основную канву языка въ данномъ памятникѣ составляетъ церковно-славянскій элементъ, и по этой канвѣ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ слова малорусскія, русскія и немногія польскія. Присутствіе малорусскаго элемента прежде всего провѣряется риѳмами, тѣмъ камнемъ преткновенія для нашихъ старинныхъ малорусскихъ писателей, который всегда обнаруживалъ ихъ мѣстное происхожденіе. Вспомнимъ, напримѣръ, что Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій, желавшіе совсѣмъ отрѣшиться отъ мѣстнаго говора,—когда являлись со своими стихо-

твореніями, прежде всего оказывались уроженцами юга въ риѳмахъ (у Ѳеофана, напримѣръ, въ стихотвореніи, обращенномъ къ Кантемиру, читаемъ: *зритель—добродѣтель; лики—вѣки; дружины—перемѣны*; или у Стефана Яворскаго въ стихотвореніи «In vituperium Maserae»: ахъ тяжку горесть терплю мати *бѣдна*, утробу мою снѣдаетъ *ехидна;* кто ми дастъ слезы, яко-же *Рахили?* заплачу горко въ своемъ смутномъ *дѣлѣ*). Совершенно аналогичные факты встрѣчаемъ и въ пересказѣ новеллы Бокачьо. Напримѣръ:

Когда-бо пришла въ возрастъ Зигизмунда *дѣва*,
Добронравна надъ звычай и красна до *дива*.

Или:

Многіе-жъ отъ велможныхъ господъ ю *хотѣли*
Поять себѣ за жену и отца *нудили*.

Или еще:

Не видѣла и свѣта за слезами *тѣми*,
Лице заразъ змѣнила печалми *такими*.

Но еще болѣе этотъ малорусскій элементъ обнаруживается въ отдѣльныхъ словахъ, раскиданныхъ въ разныхъ мѣстахъ повѣсти. Отмѣчаю нѣкоторыя изъ нихъ, хотя этимъ далеко не исчерпывается все ихъ количество (надъ звычай, израда, заграла, прохати, догожій, певный, свѣдомый, закохатысь, зъ очей, звѣритись, никóму, отислала, сишлись (зійшлись), знароку, нѣякіесь, наметъ, побавившись и т. п.). И все это стоитъ на ряду съ такими русскими словами, какъ: удивляться, дѣйствительно, стыдно, молодецъ, тотчасъ, препятствіе и др. Присутствіе послѣднихъ словъ между прочимъ заставляетъ насъ относить нашу рукопись не раньше, какъ концу XVII или началу XVIII в., когда у южно-русскихъ писателей сталъ замѣтно прорываться великорусскій элементъ въ языкѣ.

Заканчивая мои замѣчанія о новонайденномъ памятникѣ южнорусской переводной литературы, остановлюсь на вопросѣ, какое значеніе можно придавать этому произведенію, какъ матеріалу для чтенія нашей публики конца XVII или начала XVIII столѣтія?

Г. Пыпинъ въ статьѣ «Очерки изъ старинной русской литературы», по поводу новеллъ Боккачьо въ нашей письменности говоритъ такъ: «новелла Боккачьо и русская письменность XVII столѣтія производятъ вмѣстѣ какое-то странное впечатлѣніе; старинный борзописецъ, переписывающій новеллу Боккачьо, для многихъ можетъ

показаться миѳомъ, невозможнымъ на дѣлѣ, потому что трудно представить игривую, остроумную и не весьма скромную новеллу подъ перомъ стариннаго грамотѣя, подъячаго или посадскаго человѣка, привыкшаго списывать и наслаждаться словами о злыхъ женахъ, сказаніями о воеводѣ Дракулѣ и царѣ Агеѣ, и другими «вельми дивными» и «зѣло душеполезными» повѣстями. Новелла Боккачьо въ старинной русской одеждѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ ненормальныхъ явленій, какими всегда сопровождаются первые шаги начинающей литературы, не управляемой одною идеею и дѣйствующей безсознательно»[1]).

Очевидно изъ этого, что г. Пыпинъ, считая самый фактъ существованія переводовъ новеллъ Боккачьо въ XVII в. ненормальнымъ явленіемъ, не можетъ признать положительнаго значенія ихъ для нашихъ старинныхъ грамотниковъ; поэтому въ заключительныхъ словахъ указанной статьи его читаемъ:

«Какой смыслъ имѣли для нашихъ читателей и грамотѣевъ новеллы Боккачьо, трудно сказать опредѣлительно; но судя по неловкому, тяжелому языку, которымъ выражались они въ этомъ случаѣ, подобныя вещи были непривычны и дики для нихъ. Нескладная передача легкой фразы Боккачьо, безъ сомнѣнія, много отнимала у новеллы, даже и вовсе искажала ее, потому что ложный тонъ, въ который необходимо впадали наши переводчики, совершенно противорѣчилъ ея характеру. Виноваты здѣсь не фривольный взглядъ на вещи и не нескромность описаній, которыми иные могутъ кольнуть здѣсь Боккачьо—потому что и древняя наша словесность имѣетъ нѣчто въ подобномъ родѣ—а только незначительность литературнаго развитія. Переводъ Боккачьо былъ вещью случайною и преждевременною, и хотя онъ повидимому вызванъ былъ извѣстными потребностями и вкусами читателей, но въ сущности оказался явленіемъ несостоятельнымъ, которое только обнаружило недостаточныя средства тогдашней нашей письменности и образованія[2]).

Соглашаясь съ замѣчаніемъ уважаемаго нашего ученаго, по скольку оно относится къ новелламъ Боккачьо, извѣстнымъ по шуточнымъ сборникамъ, я не считаю возможнымъ сдѣлать тогоже отно-

---

[1]) Отеч. Зап. 1857 г., № 2, стр. 458.

[2]) Ibid., стр. 465.

сительно новеллы о Сигизмундѣ и Гвискардѣ. Безспорно литературный стиль служилъ громаднымъ препятствіемъ для передачи всей силы содержанія новеллъ Боккачьо, на что и было указано мною выше; но, помимо стиля вообще, литературной формы, существуетъ еще извѣстное содержаніе, проводящее какой-нибудь принципъ. Вотъ со стороны этого послѣдняго новелла, о переводѣ которой у насъ рѣчь, стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ тѣхъ шуточныхъ разсказовъ, которые, будучи лишены легкости въ изложеніи, теряютъ отъ этого все свое значеніе. Что сами переводчики и составители такихъ веселыхъ разсказовъ относились къ нимъ поверхностно, не серьезно, по крайней мѣрѣ въ XVIII в., унаслѣдовавшемъ ихъ отъ XVII-го, это видно изъ того объясненія, которое находится въ одной рукописи XVIII вѣка:

Хотя не для историческаго чтенія,
Сочиненны нѣкоторымъ человѣкомъ для увеселенія,
Самые забавные жарты,—
Охотно читать, какъ играть въ карты [1]).

Но совсѣмъ иное дѣло такой сюжетъ, какой мы встрѣчаемъ въ данной повѣсти,—сюжетъ, исполненный трагизма, производящій сильное впечатлѣніе и проникнутый идеей, очевидно берущей перевѣсъ надъ самой романической завязкой, что и обнаруживается въ прекрасной рѣчи Сигизмунды на тему объ истинномъ благородствѣ. Едва-ли можно сказать, что чтеніе произведеній, проникнутыхъ такими идеями, было преждевременно и самыя произведенія не имѣли значенія. Вѣдь трактатъ объ истинномъ благородствѣ, который въ большей или меньшей степени удачно проведенъ и въ нашемъ пересказѣ, есть ничто иное, какъ такой-же трактатъ во 2-ой сатирѣ Кантемира, вложенный въ уста Филарету. Если мы признаемъ значеніе этой сатиры Кантемира для современниковъ, помимо ея сатирической формы, то и явившійся раньше нѣсколькими десятками лѣтъ переводъ новеллы Боккачьо должны признать равносильнымъ по своему значенію для воспитанія здравыхъ понятій въ современникахъ.

Помимо того, самая личность Сигизмунды, послужившая поводомъ, какъ мы видѣли, къ составленію многихъ передѣлокъ и под-

---

[1]) Пыпинъ, Очеркъ лит. истор., стр. 292.

ражаній въ разныхъ литературахъ, не могла не производить впечатлѣнія и на нашихъ предковъ и тѣмъ способствовать выработкѣ литературныхъ вкусовъ. Что такое увлеченіе было въ дѣйствительности, видно отчасти изъ того, что нашъ переводчикъ, очевидно увлекшійся типомъ этой мужественной личности, попробовалъ выразить свое впечатлѣніе, нужно думать, въ самостоятельныхъ короткихъ стихахъ, помѣщенныхъ въ концѣ повѣсти подъ заглавіемъ «Ляментъ Зигисмунды». Стихи, положимъ, не блистательные, но во всякомъ случаѣ свидѣтельствующіе о силѣ впечатлѣнія, полученнаго авторомъ.

Несщасливи годи и лѣта нещасливи,
И потѣхи зрадливи свѣта всѣ плачливы!
На что мене нещастну такъ долго держали,
Когда мене такъ тяжкимъ смуткомъ карать мали?
Чему мене первѣе червь не стлѣла въ гробѣ,
Или мать не растлила во своей утробѣ?

И такъ, скажу въ заключеніе, если нашей поэзіи суждено было уклониться отъ нормальнаго пути въ своемъ развитіи и, послѣ значительнаго перерыва, обратиться къ произведеніямъ иноземнымъ, то для XVII вѣка едва-ли не однимъ изъ самыхъ отрадныхъ литературныхъ фактовъ является переводъ новеллы Боккачьо о Сигизмундѣ и Гвискардѣ. Не предлагаю ни подлиннаго текста этой новеллы, ни перевода ея на современный намъ языкъ, хотя это и помогло бы читателю ознакомиться съ тѣмъ, какъ справился нашъ старинный переводчикъ съ произведеніемъ первокласнаго италіанскаго писателя. Послѣдняя цѣль достигается отчасти нашими указаніями, а ознакомленіе съ подлинникомъ этого произведенія вовсе выступаетъ изъ предѣловъ программы нашего изданія. Иное дѣло южнорусскій пересказъ той же повѣсти; мы приводимъ цѣликомъ его текстъ по найденной рукописи, какъ памятникъ языка, мѣстами самостоятельной литературной работы и какъ памятникъ литературной потребности и вкуса прежняго времени.

В. Науменко.

Историчніе вѣрши [1]).

1. Князь Танкредъ, по имени Салернѣтанскъ бывій,
Долгіе пожилъ лѣта въ той власти щасливій;
Умре безъ наслѣдія, толко дщерь едину
Имѣлъ онъ Зигисмунду, и ту любя вину,
Любя сердцемъ безъмѣрно, якъ зепицу ока,
Хранилъ, хотя оную видѣти безъ порока.
И такъ тѣмъ любленіемъ привелъ къ тому тую,
Что ажъ безвременную смерть принеслъ оной злую:
Когда бо пришла въ возрастъ Зигисмунда дѣва,
10. Добронравна надзвичай и красна до дива
Видѣнна была, коей задивяся мнози,
Не быть бо ся краснѣйшу судили и бози;
Многіе жъ отъ велможнихъ господъ ю хотѣли
Поять себѣ за жену и отца нудили,
Но отецъ любовію былъ къ ней обдержимій,
Отказалъ актъ веселній дѣвѣ той любимой,
Не хотя лишится радости всецѣлой
И отдалить отъ себя Зигисмунди милой.
Потомъ и не съ волею принужденъ отдати
20. За княжича едина въ свѣтліе полати,
Которому не долго Богъ далъ съ нею жити,
Благоволилъ жизнь его смертію *скратити* [2]).
Завдовѣвши жъ, прекрасна Зигисмунда млада
Узнала, что за прелесть въ свѣтѣ и израда;
Кривавіе отъ очесъ своихъ лила слези,
Какъ росою кропила свои ходя стези;
Не видѣла и свѣта за слезами тѣми,
Лице заразъ змѣнила почалми такими.
А была красотою и умомъ такъ славна,
30. Что во области не бѣ ей ни едина равна.

---

[1]) Удерживаю правописаніе подлинника, кромѣ надстрочныхъ буквъ; знаки препинанія, совершенно почти отсутствующіе въ подлинникѣ, разставляю по смыслу.

[2]) Другимъ почеркомъ поправлено: *прекратити*.

Нелзя было не думать и не удивлятся,
Смотря толко на нея и не услаждатся;
Насквозь та проникала сердца зракомъ вдатнимъ
И къ себѣ привлекала словомъ всепріятнимъ.
Была-жъ въ дому отческомъ не малъ часъ вдовою,
Въ дому славномъ, роскошномъ, въ великомъ покою.
Но понеже всякому долго скорбь прикучитъ,
Затѣмъ стала приходить въ чувство, что ю мучитъ,
Стала о томъ забывать, роскошми нудима,
40. Спомянула жизнь брачну, какъ она любима.
Кровь млада дѣвственная въ тѣлѣ ей заграла
И жаръ въ ней, какъ бурній вѣтръ, всегда разжигала.
Толко о томъ и думаеть, кто имѣеть тѣло,
Чтобъ въ свѣтѣ аггелское было его дѣло;
Развѣ былъ-би адамантъ тотъ непобѣдимій,
Даби молотомъ біенъ билъ ненарушимій.
Но кровь сія козлія и камень тотъ крушитъ,
А отрада и роскошь ея не утушитъ;
Для чего горкой скорби по мужу забила
50. И горячку силную въ тѣлѣ ощутила.
Искала жъ средствъ удобнихъ и лѣкарства певна,
Какъ бы могла лѣчити болѣзнь ту плачевна.
А о то стидно было у отца прохати,
Не пригожо бо дамѣ жениха искати.
Что-жъ чинитъ Зигисмунда, искрей потаеннихъ
Не могучи угасить, внутрь ея разженнихъ?
Починаеть умишлять, какимъ бы то видомъ
Снестися могла въ любовь съ изряднимъ купѣдомъ,
Кой бы желаніямъ ея былъ догожій
60. И въ той ея секретно сокривать моглъ дрожи.
Сискала способъ латвій въ отеческому дому,
Врачбу такъ на боль певну къ здравію свѣдому.
Такъ между протчіими лучша всѣхъ слугами,
Такъ красна, какъ и умна и крѣпка силами,

По имени избравши Звѣздарда едина
И исъ тѣмъ закохалась (о любве кручина)!
Красоту и пріятство и умніе справи,
Паче за куріозность стался быть другъ правій;
А вродою хотяй-же онъ и билъ сравненній,
70. Со другими-жъ честію не былъ соединенній,
Кого Зигисмунда такъ уже сподобала,
Что зъ очей сердца и мисли всегда не спускала.
Молодецъ-же разуменъ Звѣздардъ узналъ тое,
Что сердце Зигисмунди есть къ нему прямое,
Сталъ ходить вслѣдъ ея мислми и очима
И такъ тую уловилъ въ любовь между сима.
Какъ-же бъ далѣ поступить, мислить о томъ стала
И чтобъ дѣломъ искусить, кого закохала.
Се-жъ уже когда любовь въ нихъ жить стала равна,
80. Тогда расти вещь къ дѣлу стала въ нихъ исправна;
Однакъ она, не хотя звѣритись никому,
Опасаяся изради отъ слугъ своихъ въ дому,
Сискала таковъ способъ: картку написала,
Въ трость тайно вложивши, къ нему отислала,
Молодецъ-же разуменъ тотчасъ догадался,
Что подармо даръ къ нему отъ нея прислался,
Такъ хитро умисленній, да еще чрезъ дѣву;
На многъ часъ чудяся тому ея дѣлу,
Взявъ тую, роспечатавъ и прочитавъ скрито,
90. И сталъ любить чрезъ тое ея ненасито;
Растопился отъ сладости и развеселился,
Что о часѣ и мѣстѣ, гдѣ быть, извѣстился.
И такъ сшлися въ едино, волю учинили
И конецъ желанія любве улучили;
Покой бо билъ далече Зигисмунди въ боку,
Для утѣхи ей самой дѣланній знароку,
При которомъ и ліохъ билъ уже запалій
И смѣттемъ нанесенній, толко поостали
Нѣяніесь тамъ мѣста секретніе къ входу,

100. Правящіе въ покою сѣнми охолоду,
Где и наметъ Зигисмунди надъ вся былъ любимій
И нарочно для потѣхъ собственнихъ держимій.
Въ томъ наметѣ при ліоху желѣзніе двери,
И стална была засовъ съ желѣзними пери.
Тотъ ліохъ зъ давнихъ временъ былъ вже запустѣлій,
И домашніе о немъ весма позабили;
Но любовь бысть раззорна, проходя сквозь всюди,
Усмотрѣла мѣсто то угодно, где труди
Облегченни бываютъ, и соединила
110. И тугу сердечную онимъ тамъ разбила.
Зигисмунда бо, въ помощь не прося никого,
Сама двери отверзла, трудяся въ томъ много,
Упустила Звѣздарда къ своему покою
И тамъ утѣшилися обоя межъ собою.
Сіе-жъ часто бывало, а единой ночи,
Желанію своему не имѣя мочи,
За препятствіемъ слугъ своихъ, онихъ розослала,
Умисливши сказать то, что еще не спала,
И пошедши къ покою, тамъ сладко уснула
120. Съ Звѣздардомъ въ прохладѣ, а якъ ночь минула,
Обоими обявши своима руками,
Звѣздарда цѣловала всѣ уди устнами;
И долго побавились еще въ той утѣсѣ,
Якъ пташечки играя въ красномъ якомъ лѣсѣ.
По игрѣ-же той Звѣздардъ у домъ возвратился
И пришедши, где медлѣлъ, въ дому не звинился.
Зигисмунда, замкнувши двери, тожъ вступила,
Какъ-би отъ сна себе толко обудила;
Взявши шубку на себе, пришла между слуги
130. И, съ ними въ рѣчь вдавшися, била какъ лукъ тугій,
Не дала ни мала по себѣ въ томъ знаку,
Сахарнимъ розговоромъ прикрила желчъ смаку,
И смѣяся съ панками, шутливо сказала:
„Якъ я долгое время въ покою томъ спала!“

Они-жъ въ отвѣтъ ей сказали: доволно и много
Ізволили спать, госпоже. Она-жъ имъ до того
Сказала, что пріятнымъ сномъ бѣ отягощенна
И сладкимъ отъ чувствія велми вспокоенна.
Потомъ едини въ шати другіе вбирали,
140. Другіе-же вечеру вкусну готовали.
А Звѣздардъ всегда повенъ было посѣщаетъ
И печално ея сердце въ тузѣ утѣшаетъ.
Но противна фортуна щирости той вѣрной
Не могла укротити завѣсти безмѣрной,
Кая всѣмъ тѣмъ потѣхамъ конецъ даровала
Печалній и обоихъ смертію карала.
Обиклъ бо Танкредъ оній, князь Салернѣтанскій,
Часто ходить къ покою, въ наметъ тотъ панянскій,
Хотя часомъ утѣшить дщерь вдову печалну
150. И ей отгнать тугу отъ сердца нахалну.
А временемъ обиклъ билъ ходить до покою,
И тамъ было розговоръ имѣють зъ собою.
И такъ часу едного, въ полудней годинѣ,
Ходя онъ по покою самъ толко единій,
Когда дщерь Зигисмунда съ паннами играла
Въ городку и цвѣтками себе забавляла
Маіовими, якъ звичай,—тогда онъ въ покою
По многой усынулъ утѣсѣ, утружденъ собою;
Уснулъ онъ у тихости вкупѣ наединѣ,
160. И окна бо заперти были у той сѣни.
Зигисмунда-жъ, не зная, что дѣлалось тамо,
Пожелавши Звѣздарда, идетъ въ покой прямо,
Где и Звѣздардъ надойшолъ, тѣшились вспаняло
По желанію сердецъ; когда-жъ позднѣйшъ стало,
Обудився зъ сна, Танкредъ видить, что дщерь дѣеть,
Ничего не говорить, отъ жалю ввесь млѣеть;
Хотѣлъ къ нимъ обозватись, а потомъ раздумалъ
Не обличать дочери, толко тайно румалъ,
Румалъ горко и ревно, уста притиская

170. Къ подушки, на кой лежалъ, гласъ утаевая;
Не двинулся, ажъ поколь ростались обое,
Окончивши забаву, не мисля на тое,
Что вже (з)рада съ ними есть. Ахъ израда скрита,
Кую любовь дѣеть слѣпа и не сита;
Та бо ихъ разстопила такъ, какъ воскъ и масло,
И въ той они цѣлуясь, паки дали гасло.
Звѣздардъ обыкновенно отойшолъ съ покою;
Зигисмунда-жъ въ надежномъ бывши слова строю,
Пойшла въ домъ между панни и тамъ жартовала,
180. Посредѣ ихъ, играя съ ними, розмовляла.
А Танкредъ нечаяннимъ видомъ пораненній,
Вишолъ тайно съ покою, сердцемъ болѣзненній,
И утвердилъ надъ ліохомъ тѣмъ стражи опасни,
Гдѣ въ третій день пойманъ сталъ Звѣздардъ той нещасній.
Между тѣмъ, звязавъ его, дали князю знати
Скрито о немъ, что уже далъ имъ Богъ поймати.
Князь-же, не хотя того и видѣть очима,
Приказалъ вложить въ тюрму, какъ вора злозрима.
И то все тайно дѣлалъ; казалъ, чтобъ не знала
190. Зигисмунда о тому и тужить не стала,
Что свого рачителя уже упустила
И своимъ сношеніемъ его погубила;
Приказалъ говорити—съ пѣсномъ отпущенна
И надежно съ отвѣтомъ скоро возвращена.
Потомъ, время избравши, пойшолъ самъ въ темницу
И гнѣвную на его обратилъ зеницу,
Хотя слишать отъ него, чтоби онъ зрадливій
По совѣсти сказать моглъ. Питалъ, какъ плачливій:
О злодѣй безъсовѣстній! сами тѣ доброти
200. Мои тебе отвесть могли бъ отъ срамоти,
Даби дому моему и слави такои
Не дѣлалъ и сердцу болѣзни тяжкои;
Кое дѣло самъ видѣлъ очима моима

И покрилъ то горкими слезами моима.
На что въ отвѣтъ отказалъ то Звѣздардъ Танкреду:
Согрѣшилъ, господинъ мой, ставлю грѣхъ на среду,
Но что буде, то буде; правду сказать, знаю,
Что любовь болшу силу, нижъ ти и я маю,
Оной я слушать мусилъ, тебе позабивши
210. И волѣ тоя себе всего поручивши.
Князь-же Танкредъ ридая війшолъ болѣзненній,
Приказалъ, чтобъ Звѣздардъ былъ крѣпчае замкненній.
Зигисмунда-жъ частенко зъ окна виглядала,
На всякъ часъ и минуту Звѣздарда чекала
И мисля, что зъ писмами тѣми забарился,
Воздихала горко, что не знаеть, гдѣ подѣлся.
Отецъ, часъ усмотрѣвши, пойде до покою,
Якъ обиклъ былъ; ажъ дочеръ сама тамъ собою
Лежить скорбне, въ наметѣ. Когда его взрѣла,
220. Ставши предъ нимъ, какъ должно, отца сѣсть просила.
Онъ же сѣдши зачалъ рѣчь свою къ ней ту править,
Что до смерти за жену, какъ она лукавить,
Ручитися не хотѣлъ-би, тое всякъ дознаеть,
Здравіе-бо и славу та отъ часу тераеть.
О дщи моя едина! скорбенъ я до зѣла,
Ібо твоя мнѣ въ очи сваволя вступила,
Чего когда бъ очима своими не видѣлъ,
Никогда бы, кто казалъ, тому-бъ я не вѣрилъ,
А то видѣлъ и плакалъ, въ слезахъ утопая;
230. Говорить ажъ онъ не моглъ, съ жалю умирая.
Съ такимъ то щастіемъ бѣдній умирать я мушу
И такъ въ горкой печали злѣй зверну душу.
Грѣхъ твой мене тотъ мучить и свѣта лишаеть,
Твоя любовь зъ Звѣздардомъ мене погубляеть.
О дщи моя, дщи злая! что се ти зробила?
Кости моя и мене жива въ гробъ вложила,
Смѣшеваешъ зъ землею, жалемъ покриваешъ
И такъ сердце бѣдное насквозь пробиваешъ.

О бѣдная Зигисмундо, вдовице неправа,
240. На что далась бездѣлнику звестися лукава?
Для той своей свободи могла бъ изобрати
Зъ нобилетовъ изрядна, нежели такъ каляти
Славу свою, и себе худу учинила.
Когда вже желанія въ томъ не преломила,
Много дворянъ у мене лучшихъ избрать можно,
Если вже захотѣла такъ жити безбожно.
Не знаю, что въ томъ сердце твое возлюбило,
На кого и смотрѣть другимъ есть не мило.
Сего бо млада еще взявши я нагаго
250. Отъ отца, вмѣсто сина здѣлалъ таковаго,
Пріодѣнулъ нагаго и сдѣлалъ якъ сина,
Хотя его за вѣрна слугу мѣть едина;
Се же онъ мнѣ наградилъ за тія доброти,
Нанесъ въ тяжкой старости моей мѣстъ клопоти.
О сердце старости! что ти такъ нещасно,
Что отъ сего терпишъ ти такъ тяжко, напрасно.
Однакъ уже, какъ ни есть и какъ тое стало,
О нещастіе велико такъ мене попало,
Что самъ я не знаю, что чинити зъ собою:
260. Прійдется въ горести умрѣть въ неспокою.
Поступлю я съ Звѣздардомъ, какъ съ таемнимъ воромъ,
Убію безъсовѣстна во времени скоромъ;
А съ тобою не знаю, что дѣлать имѣю,
Прибрать мисли не могу, сердцемъ тя жалѣю,
Любовь бо природная дѣлать воспящаеть,
Хоть на тое судъ правій мя и поущаеть,
Чтобъ ти казнить за грѣхъ твой и сущіе сіи зліи
Помстять ти сами нехай дѣла твои тіи.
А я поколь умишлю, хощу въ тебе бути,
270. Чтоби ти мнѣ сказала, якъ би избѣгнути
Могла еси казни злой и прощенна быти;
Лучше бо тя мнѣ мертву, нежъ безъчестну зрѣти.
Печална-жъ Зигисмунда буд(учи) въ томъ часѣ,

Стала безъотвѣтна вдругъ въ немалому страсѣ,
Не такъ себе жалѣя, якъ друга своего,
Звѣздарда, мисля въ себѣ: ахъ нещастія моего!
Что се намъ случилося? тяжко воздихала
И скорбное слезами лице обливала.
Видя тое, что уже тайни ихъ открити
280. Стали и вси любве той знаки явни быти,
Отъ жалости несносной ніедина слова
Не могла проговорить до отца сурова;
Однакъ предъ нимъ мужеско сердцемъ поступала,
Прибирая разума, что би отказала;
А въ мисли своей твердо тое закрепила,
Что съ Звѣздардомъ и смерть ей будетъ въ свѣтѣ мила
И быть-би вже готовой, еслиби згубити
Звѣздарда отецъ имѣлъ, тамъ же положити
И свой животъ съ нимъ купно; и такъ учинила,
290. Что по смерти вже своей его въ гробъ вложила;
Мужественно стояла до смерти и вѣрно
Не просила ни о чомъ отца, толко мирно,
Безъ гнѣва, со слезами тое говорила:
Что ти де, отче, виненъ, не я учинила,
Отецъ мой, государь! ти самъ въ томъ причина,
Что я такъ согрѣшила, тебѣ дщерь едина.
Грѣхъ мой исповѣдую и вини не крію
И о милость просити тебе не имѣю;
Готова все терпѣти, чтобъ имѣло быти,
300. Съ Звѣздардомъ совокупно хощу и умрѣти.
Не тая-же и сего, что его любила
И такъ, какъ съ мужемъ своимъ, я съ нимъ жизнь имѣла
И поколь жива буду, хочъ то и немного,
Не престану любити отъ сердца прямого;
И по смерти, когда би власть кости имѣли,
Желала бъ, чтобъ и въ гробѣ Звѣздарда любили.
Не такъ моя хоть къ тому и любовъ его же,
Чин твой отца, розкошъ то сдѣлать возможе:

Моглъ би еси въ младости моей то вчинити,
310. Даби мене другому мужу обручити,
Тобъ я сіеи своволѣ такъ худой не знала
И всегда бъ зъ своимъ мужемъ въ сладости играла.
Не помислилъ ти на то, что я самъ тѣлесній,
Въ тѣлѣ своемъ имаши тотъ же духъ прелестній,
И мене не каменну родилъ ти жъ такову,
И для того и нравомъ знай быть еднакову.
Моглъ би еси и тое еще разсуждати,
Какъ въ младихъ лѣтахъ нашихъ кровъ звикла играти
А и сама младость есть ко грѣху всесклонна,
320. Найпаче-жъ праздна; а любовъ законна
Всего сего не знаеть, но живеть нелестно.
Бракъ честенъ, какъ сказують, и ложе всечестно:
Якъ-же мнѣ, женѣ, бывшей въ отрадѣ доволной,
Младой, къ тому и праздной, не быть своеволной?
Сіи твои и-къ сему мене понудили,
Что всѣ уди Звѣздарда мои такъ любили;
Бывши бо я за первымъ супругомъ законнимъ,
Хочъ не долго зъ нимъ жила, однакъ бракомъ полнымъ,
Узнала, что то есть бракъ и что въ немъ за сила,
330. Всякихъ тайнъ сердечнихъ сладости вкусила;
Когда-жъ въ той горячести самой завдовѣла,
Надъ мѣру въ младой кровѣ огнемъ разгорѣла,
Какимъ во дни и въ нощи палая сердечно,
Принужденна промишлять о то всеконечно,
Якъ би пламень природній могла утолити
И кровь, во мнѣ горящу, хоть мало залити.
Однакъ съ прилѣжаніемъ и о то старалась,
Какъ-би найсекретнѣе въ той вещи справлялась,
И искала способовъ таемнихъ до того,
340. Чтоби подозрѣнія избѣгнути злого.
Тебе ради, не себе, тайно такъ чинила,
Даби когда подзоромъ не обезъславила.
И до тихъ поръ щасливо текло тое дело,

Покамисть твое око отче не узрело.
Когда-жъ тебѣ досадно паче всего тое,
Что не зъ равнимъ любилась, се резонъ на тое:
Той бо мнѣ полюбился и я ему равно,
Любовъ но перебираетъ, все дѣлаетъ травно.
Но что очесамъ людскимъ кажется въ придачу.
350. Любвѣ пріятно, то намъ есть въ удачу.
Мниши-ли грѣхъ тотъ быти меншій межъ грѣхами,
Которій бя имѣла дѣлать зъ шляхтичами?
Слѣпъ твой въ томъ разумъ, отче! мисль маешъ неправу,
Не Звѣздардъ, но щастіе отіймаетъ славу.
За щастіемъ все течетъ: то славитъ безъславнихъ,
То убогихъ, богатихъ, то и князей славнихъ
Возноситъ и смиряетъ,—то дѣлаетъ само.
Слово-жъ твое, отче мой, и Богу упрямо;
Всѣмъ бо намъ единъ отецъ, една земля мати,
360. Вси отъ нея созданни, отъ нея зачати,
И достоинство наше отъ земли-же взято.
Вси земля, прахъ и пепелъ, толко едно свято
Племя и родъ, коего добродѣтель славить:
Та сама славу родить, та богатихъ ставить,
Та ворота къ шляхетству и ключъ къ славѣ златій,
Тая шляхтовъ дѣлаетъ—не отецъ, ни мати.
Присмотрись толко, отче, своей шляхти нравамъ
И всѣмъ ихъ дѣламъ добримъ и дѣламъ исправнимъ;
Положи на мирилѣ Звѣздардови справи,
370. Добрій нравъ и красоту—какъ болшой суть слави,
Такъ увидишъ всю правду, чего онъ достойній,
Какъ тѣхъ стома крати лучшій есть и стройній,
Зачимъ я извѣрилась, якъ вѣрному другу
И хотѣла-би ему быти за супругу.
Болше-жъ сего еще то я въ немъ усмотрѣла,
Что онъ горячъ любитись,—за то я влюбила,
И что болшъ (есть шляхтичъ), хоть убогъ да правій,
Доброти въ немъ нѣсть подобной, красни имать нрави.

Обманулся ти, отче, что такъ мужа умна
380. Чрезъ долгій часъ не узналъ быть нелегкоумна,
И за службы вѣрніе по сей часъ заплати
Не наградилъ достойной зъ своей благодати.
Нѣсть сіе ново и дивно: часто бо бываеть
Господинъ убогимъ, убогій-же его провишаеть;
Много тихъ, что у себе ничего не мали,
Щастіе-же имъ дало, господами стали.
Многіе-жъ хочъ и мали, да щастіе побрало,
Много мавнія, послѣжди ничего не стало.
Въ заключеніи-же рѣчи сіе утверждаю:
390. Что хочешъ, дей со мною,—умрѣть съ нимъ желаю;
Если згубишъ Звѣздарда,—чего не дай Боже,—
Узришъ мертву и мене, что будетъ негоже.
Мене карай, мене мучъ,—я то во всемъ винна:
Сама его извела, сама въ томъ безъчинна;
Сама смерти я годна,—пусть-же пойду зъ свѣта.
Не дасть онъ предъ Богомъ безъвинній отвѣта.
Да дасть Господь Богъ ему, ему лѣта многи
И вся свишше благая безъ всякой тривоги.
Если-жъ изъ свѣта, отче мой, Звѣздарда мнѣ истратишъ,
400. Смертію вже моею ти лютость уплатишъ;
Лучше насъ обоихъ згубить, нежель розлучити,
Дружно бо хощу съ Звѣздардомъ и въ гробѣ жити.
Положи насъ въ единой трунѣ нерозлучно,
Пусть едину не будетъ жити въ свѣтѣ скучно;
Погреби кости наша въ единой яскинѣ,
Пусть лежать въ памятку любве вѣрной нынѣ.
Смотря-жъ Танкредъ на ея такъ рѣчь ту статечну,
Не зналъ, чимъ-би устрашить оную безпечно;
Умыслилъ онъ тотъ пламень, внутрѣ ей розгорѣлій,
410. Кровю залить, Звѣздарда животъ отявъ милій.
Хотя все тайно здѣлать для своей неславы,
Казалъ въ ночь глубокую лишить его главы
И сердце его къ себѣ принести неживо,

И положивъ на златомъ блюдѣ то на диво,
Послалъ къ дщерѣ на покой съ таковими слови:
Отецъ ти про память прислалъ се суровій,
Даби тѣмъ и по смерти себе потѣшала,
Которому за жизни любовъ даровала.
Се имашъ сердце его; кой отялъ доброти,
420. Тѣмъ закрій свою нечесть, знакъ вѣчной срамоти;
Теперь ему присмотрися, есть-ли что въ немъ мило,
И испросися, любить-ли, какъ прежде любило.
Зигисмунда-жъ, будучи вже на смерть готова,
Не говорить въ отвѣтъ ни едина слова;
Держа въ руцѣ напитокъ изъ ядомъ смѣшенній,
Силною отравою бывій растворенній,
Ожидаетъ, что будетъ съ Звѣздардомъ чинится,
Ажъ видитъ, что ихъ секретъ явно всѣмъ вже зрится.
Взявши сердце оное отъ златого блюда,
430. Воздохнула плачевна о причинѣ студа,
И очи въ небо поднесла и благодарила
Отцу за тотъ даръ драгій, которій узрѣла.
И заразъ узнала, что то Звѣздардово
Сердце было, которое отецъ далъ сурово,
И спустивши внизъ очи, плакала ревниво.
Потомъ къ послу сказала тѣ слова плачливо:
Достойно и по истиннѣ золотого блюда
Сердце сіе и его любовна утроба,
Кая ему труна и быть надлежала,
440. Въ чомъ я теперъ отческу милость вже узнала.
Достойно Звѣздардъ лежитъ по смерти на златѣ,
Положилъ-бо любови моей то въ заплатѣ,
Сердце-же его, кое въ рукахъ пѣстовала
И своими сердечно усти цѣловала.
Сказуя то, прирекла: о моя утѣхо!
Ти теперъ въ небѣ еси радостно и тихо.
Потомъ, обратившись (къ) панянтамъ, сказала:
Всегда я отческую милость узнавала,

Но тепера найпаче тую узнаваю
450. И за такій даръ ему воздать чимъ не маю;
Вмѣсто всего самую пусть онъ будетъ знати,
Дая ему жизнь мою и покой мой златій.
И къ сердцу обратившись, такъ горко слезила,
Что отъ жалю и плача зѣлно обомлѣла,
Сказуя такъ до сердца: о сладкій покою
Всѣхъ моихъ потѣхъ! тайно добро мнѣ съ тобою.
О радостній доме мой, любве пребезмѣрній,
Постоянній и вѣрній и нелицемѣрній!
Ти замокъ таинъ сихъ всѣхъ! Где-жъ тебе подѣли?
460. Въ тебѣ-ли суть, иль въ небо зъ душею вступили?
Богдай-же тотъ не дождалъ вѣка вже своего,
Кто живота не щадѣть приказалъ твоего!
Доволно въ тебѣ, сердце, было мнѣ спокою,
Когда-жъ умрѣть напередъ ти зволилъ собою,
Быть тому такъ; для мене ти князя лишился,
Отъ его-же и на тотъ свѣтъ итить поспѣшился.
Когда-жъ еще до мѣста не дойшолъ своего,
Я гонюся за Звѣздардомъ, свѣтъ бо мнѣ безъ него
Не милій. Далъ тебѣ гробъ непріятель злобній,
470. О сердце любимое, твой сходъ мнѣ удобній(?);
Болшъ ти слави и погребу вже не доставало,
Толко-бъ еси въ слезахъ моихъ омокало,
Какихъ я не жалѣю, и ти бо однако
Не жалѣлъ своей крови и живота тако.
И кого-жъ-би сердце то днесь не засмутило
И воздохнуть отъ сердца внутръ не понудило?
Мнѣ было еднаково въ землю пойти прямо
И зъ сухими очима и безъ слѣзъ бить тамо.
Но фортуно измѣнна! отъ тебе се цвѣти
480. Понуждении ввязнути у смертніи сѣти;
Души-жъ наши, мню, будуть совокупно обѣ,
Когда купно положать тѣлеса во гробѣ.
Еще бо, надѣюся, духъ твой во покою

Моемъ здесь пребываеть, лѣтая собою,
Смотря на плачъ и жаль, такъ тяжко ревнивій,
Ожидаеть, поколь духъ мой вийдеть зъ мя плачливій,
Не желаеть дружества остатися вѣрна,
И нинѣ любя его, какъ нелицемѣрна.
Но уже душа моя мене оставляеть
500. И тѣло отъ немощи тяжкой умираеть.
Сказуя, гласъ въ себѣ таила плачевній,
А въ сердцѣ диханіе и жаль велми ревній;
Слези-жъ лія на сердце тое безъ престани,
На мертвость смотря его и смертніи рани.
Жени тамо и панни, тожъ видя, слезили
І на слезній тотъ позоръ вси тамо смотрѣли,
А она плакавшись очи утирала,
На сердце Звѣздардово снутно поглядала.
Потомъ всѣмъ вслухъ сказала: плакать уже годѣ,
510. Но не годѣ зъ Звѣздардомъ быть мнѣ при отходѣ.
То говоря, вземъ чашу, смертна яда полну,
Испила и упала, жизнь оставя долну;
Тамъ на ложѣ, якъ трупъ, тотчасъ поблѣднѣла,
Сердце-же Звѣздардово къ себѣ прихилила,
Цѣловала и скорой смерти ожидала.
Тѣмъ бо своимъ случаемъ всѣхъ женъ понужала:
Что-бо она испила, того не узрѣли,
Толко знать, что ядъ смертній, мислми доходили.
Тотчасъ, толко пала, лице измѣнила,
520. Вся стала нечувственна и вся омертвѣла.
Дали о томъ отцу знать, что дочеръ болѣеть;
Услишавши-жъ то, отецъ тотчасъ къ ней приспѣеть,
Спрашиваеть, что се есть? Она-жъ вже канаеть.
Крикнеть отецъ: ахъ, бѣда! дочеръ умираеть!
Пособити не зналъ, пройшло-бо то время,
А ядъ лютъ непослабно налагалъ вже бремя.
Видя-жъ отецъ смерть явну дщери своей милой,
Не плакалъ, но ридалъ по той втѣсѣ милой,

На себе и на дочеръ свою нарѣкая
530. І день тотъ свой нещастній горко проклная.
Аки при Меандровихъ брегахъ лебедь бѣлій,
Тако жалостно надъ дщерю плакалъ отецъ милій;
Лебедь гласомъ плачевнимъ кричитъ, воздихая
І крилами бистріе води розбивая,
Поетъ пѣснь печалну гласомъ умиленнимъ,—
Равно пѣлъ и старушекъ сердцемъ сокрушеннимъ;
Жалѣя по дочерѣ, рималъ неутѣшно
І себѣ умрѣть желалъ за тоею спѣшно.
Дочеръ отцу слезну каная говорить:
540. Мнѣ вже тѣхъ слезъ не треба, и Звѣздардъ не спорить.
Сокрій тія на славу насъ умершихъ нинѣ;
Ідемъ зъ свѣта черезъ тебе въ сей горкой кручинѣ.
Напрасно ти жалѣешъ, сего ти хотѣлось,
Тѣшся съ того, о чемъ вже тебѣ и ходилось;
Ти сего рачително желалъ,—Богъ съ тобою!
Богъ судія ти буди, что намъ жить зъ собою
Не допустилъ ти въ любви; дай-же хочъ по смерти
Кости наши ямѣ едной вже пожерти;
Даруй сію благодать дочери единой,
250. Буди въ тебѣ любовъ есть къ мнѣ, отче, безвинной.
Яви отчу милость къ намъ, сдѣлай вконецъ тое,
Даби въ гробѣ единомъ положились двое.
Тѣло мое зъ Звѣздардомъ пусть вже почиваетъ,
І по смерти бо своей быть съ нимъ желаетъ.
Надѣюся, отче мой, что мнѣ подаруешъ,
Въ едномъ гробѣ наши кости замуруешъ.
Тогда Танкредъ, будучи жалемъ ураненній,
Не моглъ слова отказать, крича изумленній.
А Зигисмунда, видя смерть уже предъ очима,
260. Съ отцемъ попрощалась и зъ всѣми своими,
Сердце-же пѣстуючи усти цѣловала
І тяжко воздохнувши, въ томъ и жизнь скончала.
По томъ всемъ князь печалній сталъ осиротѣлій,

Зделалъ погрёбъ обоимъ и гробъ единъ цѣлій,
Схоронилъ ихъ преславно. Пусть-же почиваютъ
И такъ въ вѣчной любвѣ купно пребиваютъ!
Танкредъ пожилъ въ печали, скоро преселился,
І такъ животъ Танкредовъ и тѣхъ окончился.

Лямєнтъ Зигисмунды.

Нещасливи годи и лѣта нещасливи,
И потѣхи зрадливи свѣта всѣ плачливи!
На что мене нещастну такъ долго держали,
Когда мене такъ тяжкимъ смуткомъ карать мали?
Чему мене первѣе червъ не стлила въ гробѣ,
Или мать не растлила во своей утробѣ!

Библіографія.

Памятники Русской Старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь (люблинская и сѣдлецкая губ.). С.-Петербургъ, 1885 г. (Съ приложеніемъ художественнаго альбома). Изданіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Начало этого изданія относится къ 60-мъ годамъ, когда правительство приступило къ обновленію обветшалыхъ и разрушающихся православныхъ церквей въ имѣніяхъ польскихъ помѣщиковъ въ западномъ краѣ и занялось собираніемъ потребныхъ для этого свѣдѣній о составѣ населенія края въ племенномъ и вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ. Командированные для собранія этихъ свѣдѣній штабъ-офицеры генеральнаго штаба, при разъѣздахъ въ краѣ, встрѣчали весьма часто развалины древнихъ православныхъ храмовъ и другіе замѣчательные остатки старины и дѣлали съ нихъ снимки. Изъ такихъ снимковъ составился интересный историко-археологическій альбомъ, который былъ представленъ на Высочайшее усмотрѣніе покойнаго Государя, соизволившаго на отпускъ средствъ для изданія этихъ рисунковъ въ свѣтъ.

Первые четыре выпуска «Памятниковъ» были посвящены волынскимъ древностямъ и изданы подъ наблюденіемъ того-же лица, которому принадлежатъ и дальнѣйшіе выпуски, включая и настоящій. Они представляютъ довольно интересный альбомъ, недурно исполненный въ художественномъ отношеніи, но оставляющій желать весьма многаго со стороны научныхъ требованій. Въ его составъ почему-то включены старинные памятники лишь четырехъ волынскихъ городовъ: Острога, Овруча, Луцка и Владиміра, и оставлены совершенно безъ вниманія такіе пункты, какъ Почаевъ, Кременецъ, Дубно и многія другія мѣст-

ности Волыни, извѣстныя по нахожденію въ нихъ старинныхъ памятниковъ; притомъ издателя видимо интересовали исключительно почти развалины церквей, другіе-же остатки древности, которыми такъ обильна Волынь, совсѣмъ не нашли мѣста въ альбомѣ; наконецъ, и тѣ немногочисленные памятники, рисунки которыхъ были изданы, оставлены безъ надлежащаго научно-историческаго изслѣдованія и снабжены лишь самыми краткими поясненіями.

Болѣе научно были изданы 5 и 6-й выпуски «Памятниковъ», посвященные древностямъ виленской губерніи. Кромѣ превосходнаго альбома, заключающаго въ себѣ весьма художественно исполненные снимки церквей, древнихъ замковъ, надгробныхъ памятниковъ, предметовъ церковной утвари, старопечатныхъ книгъ, рукописей и т. под., въ отдѣльныхъ книгахъ были помѣщены обстоятельныя описанія этихъ древностей и цѣлыя монографіи, между которыми особенно выдѣляются превосходный трудъ проф. Васильевскаго, посвященный исторіи г. Вильны, и статья П. А. Гильтебрандта «Матеріалы для исторіи западно-русской старопечати».

Настоящій, седмой выпускъ «Памятниковъ» посвященъ Холмской Руси. Въ отношеніи ученаго достоинства содержащихся въ немъ статей онъ уступаетъ двумъ предыдущимъ выпускамъ, не превосходя ихъ въ то-же время ни богатствомъ, ни большею систематичностью въ выборѣ статей: въ послѣднемъ отношеніи книга нѣсколько даже напоминаетъ тѣ сборники, которые издаются съ благотворительными цѣлями и наполняются тѣмъ, «кто что дастъ», по пословицѣ: «съ міру по ниткѣ»... Но есть въ настоящемъ выпускѣ одна особенность, которую нельзя не привѣтствовать сочувствіемъ и въ которой нельзя не видѣть значительнаго шага впередъ въ дѣлѣ пониманія издателемъ своей задачи. Желая представить матеріалъ для возможно-полнаго ознакомленія съ Холмщиною, какъ исконно-русскимъ краемъ, издатель не ограничился изслѣдованіемъ вещественныхъ памятниковъ мѣстной старины, но пожелалъ хотя отчасти познакомить читателей съ духовною физіогноміею *живаго народа*, исконнаго обитателя этого края, и помѣстилъ въ своей книгѣ весьма интересный «Очеркъ быта крестьянъ холмской и подляской Руси», съ описаніемъ ихъ обычаевъ и собраніемъ всякаго рода пѣсенъ, записанныхъ большею частью изъ народныхъ устъ воспитанниками холмской учительской семинаріи. Эти пѣсни оказываются совершенно однородными съ тѣми, что поются на Волыни, Украйнѣ и вообще въ цѣлой Малороссіи. Безспорно, что въ виду спеціальной цѣли издателя «Памятниковъ» доказать «исконную принадлежность забужскаго края къ Россіи» (правильнѣе слѣдовало-бы сказать «русскому племени»), этнографія можетъ пред-

ставить аргументы болѣе убѣдительные, нежели археологія, и можно лишь удивляться тому, что издатель совсѣмъ не пользовался этнографическими матеріалами въ прежнихъ выпускахъ своего изданія. Нельзя не пожалѣть только, что въ художественномъ отдѣлѣ разбираемаго выпуска мы не находимъ изображеній мѣстныхъ народныхъ типовъ, костюмовъ, построекъ и тому подобныхъ особенностей племеннаго народнаго быта, которыя однѣ могутъ дать наглядное понятіе о томъ, насколько мѣстное населеніе сохранило свои исконныя національныя черты, не смотря на многовѣковыя хлопоты объ его полонизаціи.

Въ виду значительнаго объема новаго выпуска «Памятниковъ», составляющаго книгу въ 450 стр., намъ не станетъ ни мѣста, ни времени для подробнаго разбора его содержанія; ограничимся лишь краткими замѣчаніями по поводу отдѣльныхъ статей. На челѣ книги поставленъ прекрасный именно по его простотѣ и ясности этюдъ профессора Д. И. Иловайскаго о начальныхъ временахъ г. Холма и его основателѣ, князѣ Даніилѣ Романовичѣ, составленный на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ начальною лѣтописью. Совсѣмъ противоположными качествами отличается слѣдующая за нимъ статья мѣстнаго ученаго г. Хрусцевича, имѣющая цѣлью представить историческій очеркъ г. Холма со времени его основанія до нашихъ дней. На первыхъ-же страницахъ ея авторъ впадаетъ въ рѣзкое противорѣчіе съ предыдущимъ изслѣдователемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ намъ кажется,—съ истиною: вопреки яснымъ свидѣтельствамъ лѣтописи, приписывающей основаніе г. Холма князю Даніилу Романовичу въ первой половинѣ XIII ст., мѣстный ученый силится доказать, что этотъ городъ существовалъ еще во времена «предшествовавшія основанію русскаго государства», и въ доказательство этого положенія, какъ на непререкаемый авторитетъ, ссылается на извѣстнаго польскаго лѣтописца Длугоша, жившаго въ XV в. Не правда-ли, какъ это доказательно въ примѣненіи къ событіямъ IX или даже VIII вѣка! Гораздо интереснѣе статья того-же автора о бѣлавинской и столпьенской башняхъ подъ г. Холмомъ, не разъ впрочемъ описывавшихся; но и въ ней дѣло не обошлось безъ курьеза: разбирая существующія догадки и предположенія о назначеніи въ древнее время этихъ башень, авторъ не соглашается съ тѣми, которые видятъ въ нихъ укрѣпленія или-же пограничные столпы, а склоняется въ пользу по истинѣ удивительнаго предположенія, высказаннаго холмскимъ уніатскимъ епископомъ XVII в. Яковомъ Сушею на основаніи существовавшаго яко-бы въ то время народнаго преданія, будто башни эти не что иное, какъ зданія, построенныя для приваловъ или отдыховъ нѣкогда охотившагося здѣсь—кого-бы вы думали?—*князя Щека* (Кій, Щекъ и Хоривъ), котораго ав-

торъ склоненъ считать «лицемъ не легендарнымъ, а историческимъ». Этакъ, пожалуй, не далеко дойти и до царя-Гороха!...

Съ большимъ интересомъ читается статья г. А. Будиловича о холмской чудотворной иконѣ Божіей Матери, между прочимъ живо передающая исторію пререканій между православными и уніатами (въ XVII ст.) изъ-за обладанія этою святынею. Описаніе Апостола львовской первопечати (1573—1574 г.) попало въ сборникъ лишь потому, что въ холмскомъ музеѣ случайно находится экземпляръ этого Апостола, иного-же отношенія къ холмскому краю этотъ первенецъ южно-русской печати не имѣетъ. Другое дѣло—рукописныя евангелія XVI в. крешовское и долженское, краткія описанія коихъ находимъ въ «Памятникахъ». Въ первомъ изъ этихъ евангелій встрѣчается интересная приписка—«постановенье» или договоръ 1552 г. между «громадою» крешовскою и мѣстнымъ священникомъ относительно его доходовъ и вообще содержанія. Обѣ рукописи украшены превосходнѣйшими орнаментами, весьма напоминающими современные малорусскіе народные узоры; снимки съ нихъ имѣются въ альбомѣ «Памятниковъ». Такіе-же снимки сдѣланы еще съ двухъ рукописей мѣстнаго происхожденія: метрической книги замостской николаевской церкви 1670 г. и благословенной грамоты епископа Гедеона Балабана на учрежденіе православнаго братства при той-же церкви въ 1606 г. Упомянувъ о рукописяхъ, нельзя не пожалѣть, что издатель оставилъ совершенно безъ вниманія несравненно болѣе древній и высокоцѣнный памятникъ письменности, имѣющій при томъ самое близкое отношеніе къ холмскому краю: разумѣемъ знаменитое *холмское евангеліе* XIII—XIV в., хранящееся въ румянцевскомъ музеѣ подъ № 106. Вотъ древность, которая по всей справедливости должна была занять первое мѣсто въ изданіи, спеціально посвященномъ «памятникамъ православно-русской старины» въ холмскомъ краѣ! Трудно извинить такую непростительную оплошность издательскую.

Изъ числа остальныхъ статей сборника упомянемъ о весьма любопытномъ очеркѣ: «Грекоуніаты въ Царствѣ Польскомъ (1864—1866 г.) и князь Черкасскій», перепечатанномъ изъ «Холмско-Епархіальнаго Вѣстника», ярко рисующемъ хотя не давнюю, но мало извѣстную исторію правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ очищенію уніи отъ польско-католическихъ церковныхъ и національныхъ наслоеній и подготовившихъ послѣдовавшее въ 1875 г. возсоединеніе холмскихъ уніатовъ съ греко-россійскою церковью. Здѣсь-же находимъ изслѣдованіе кіевскаго проф. Н. И. Петрова о холмско-подляскихъ монастыряхъ, преставляющее извлеченіе изъ статьи того-же автора, помѣщенной раньше въ

«Кіевской Старинѣ». Затѣмъ слѣдуетъ историческое описаніе нѣкоторыхъ старинныхъ церквей люблинской и сѣдлецкой губерній.

Не будучи записнымъ знатокомъ холмско-подляскаго края, трудно судить о томъ, насколько изданіе г. Батюшкова полно обнимаетъ сколько-нибудь замѣчательные памятники мѣстной старины; но то всякому очевидно, что оно заключаетъ въ себѣ не мало лишняго. Такими нельзя не признать, напримѣръ, слѣдующихъ статей: проф. Петрова о Сплѣтскомъ архіепископѣ Маркѣ-Антоніи Господичѣ (De-Dominis) и его посланіи, и Я. Ѳ. Головацкаго о креховскомъ монастырѣ въ Галиціи. Нѣтъ слова, что обѣ эти статьи весьма любопытны, но онѣ не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ тому краю, изслѣдованію о которомъ спеціально посвященъ сборникъ. За то мы рѣшительно отказываемся понять, въ силу какихъ соображеній попала въ сборникъ замѣтка какого-то В. К. *о бердышѣ* яко-бы Богдана Хмельницкаго! Эта курьезная «древность» находится не въ Холмѣ, а въ Краковѣ, въ музеѣ краковской академіи, и представляетъ собою желѣзный бердышъ съ изображеніемъ архангела Михаила и съ надписью: «Подъ Замосцемъ я Богданъ Хмельницкій съ 80 тысячъ козаковъ, а ляхамъ, жедамъ и попамъ супостатамъ симъ бердышомъ заграю на ихъ толстыхъ шияхъ козака. Року 1648, мѣсяца лѣстопада 11 дня». Издатель «Памятниковъ», по его словамъ, предварительно обращался за справками къ хранителю древностей краковскаго музея, извѣстному археологу Киркору, и получилъ отвѣтъ, что эта «лжедостопамятность» лѣтъ 20 назадъ поступила въ музей отъ неизвѣстнаго лица, что относительно подлинности бердыша нѣтъ никакого надежнаго ручательства и что въ глазахъ его, Киркора, эта яко-бы древность «болѣе чѣмъ сомнительна». Сверхъ ожиданія, этотъ отзывъ спеціалиста только болѣе утвердилъ г. В. К. въ предвзятомъ мнѣніи, что бердышъ именно принадлежалъ знаменитому малороссійскому гетману. Въ словахъ польскаго ученаго онъ почуялъ заднюю мысль: хитришь, молъ, братецъ, не надуешь! «И почему это, спрашиваетъ авторъ замѣтки о бердышѣ, столь сомнительнаго происхожденія вещи принимаются и хранятся въ краковскомъ музеѣ»? Г-ну В. К., очевидно, не извѣстно, что рѣдкій изъ лучшихъ европейскихъ музеевъ вполнѣ свободенъ отъ предметовъ сомнительной древности. И вотъ онъ, ничтоже сумняся, категорически утверждаетъ «историческую подлинность» бердыша и всякое сомнѣніе въ этомъ смыслѣ готовъ признать ни чѣмъ инымъ, какъ польскою интригою. Какія-же основанія г. В. К. приводитъ для столь категорическаго утвержденія? А вотъ какія: 1) на бердышѣ есть изображеніе *архистратига* Михаила,—ну, а Богданъ Хмельницкій, стоя съ козаками подъ Замостьемъ, тоже изображалъ собою «*архистратига* русскихъ силъ»;

и 2) въ надписи на бердышѣ написано: «подъ Замосцемъ», «жедамъ», «лѣстопада», а такъ-де именно «писали южноруссы въ XVI—XVII ст.». Можежъ увѣрить почтеннаго автора, что южноруссы тѣхъ вѣковъ обыкновенно писали эти слова иначе, а именно: «подъ *Замостямъ* (См. Лѣтоп. Самовидца, изданіе 1878 г., стр. 16), *«жидамъ»*, *«листопада»*. Кто читалъ подлинныя лѣтописи и документы того времени, тотъ подтвердитъ наши слова. Кромѣ того знающіе люди, надѣемся, согласятся съ нами и въ томъ, что подобной грубой плоскости, какую представляетъ надпись на бердышѣ, не только не могъ написать Богданъ Хмельницкій, человѣкъ по тому времени весьма образованный, но ее не могли-бы сочинить и тѣ замостскіе горожане, которые, по предположенію автора, якобы поднесли въ даръ гетману эту лжедостопамятность: навѣрное, они составили-бы надпись поумнѣе! Наконецъ—и это главное—автору, очевидно, совсѣмъ неизвѣстно, что *бердышъ* въ первой половинѣ XVII ст. составлялъ исключительную принадлежность великорусскаго вооруженія и ни поляки, ни малороссы не употребляли этого оружія. Досадно право, что въ такомъ капитальномъ изданіи, каковы «Памятники», такъ мало научной критики! Вмѣсто того, чтобы посылать за тридевять земель, въ Краковъ, художниковъ срисовывать столь очевидную поддѣлку, какъ пресловутый «бердышъ» Хмельницкаго, не разумнѣе-ли было-бы командировать ихъ въ Москву для производства снимковъ съ памятника несомнѣнной древности—холмскаго евангелія XIII—XIV столѣтія?

Указывая недостатки въ изданіи г. Батюшкова и сожалѣя о допущенныхъ имъ недосмотрахъ, мы нисколько не думаемъ умалять несомнѣнныя заслуги его по изданію цѣлаго ряда памятниковъ западно-русской старины, которые безъ его многолѣтнихъ стараній и заботъ, можетъ быть, никогда не были бы извѣстны русской наукѣ и образованному обществу. И настоящій выпускъ «Памятниковъ», не смотря на присущіе ему недостатки, мы охотно признаемъ полезнымъ вкладомъ въ историческую науку, особенно въ виду слабаго знакомства нашего съ окраинами своего отечества, а также въ виду полнаго почти отсутствія въ нашей литературѣ сочиненій о Холмскомъ краѣ, кромѣ издававшагося съ перерывами Холмскаго Календаря и Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника—изданій, имѣющихъ свой, ограниченный кругъ читателей. Жаль только, что издатель не обозначилъ на оберткѣ ни цѣны книги, ни мѣста, гдѣ можно пріобрѣсти ее, и въ газетахъ не сдѣлалъ своевременно необходимой о томъ публикаціи. Выходитъ, будто книга совсѣмъ не предназначалась для продажи; но въ такомъ случаѣ для кого же и для чего она издана? Неужели для однихъ высокопоставленныхъ лицъ или вообще для правительственныхъ сферъ, какъ изданіе, сдѣланное на

счетъ казны? Но такое предположеніе противорѣчило-бы основной цѣли изданія—доказать, что Холмскій край есть и былъ искони русскимъ. Полагаемъ, что если для кого нужно еще доказывать эту истину, такъ это скорѣе всего для обыкновенной читающей публики, и преимущественно въ западно-русскихъ мѣстностяхъ, но именно въ эту среду изданіе почему-то и не попадаетъ. Въ теченіе двухъ почти мѣсяцевъ мы тщетно искали изданную книгу въ кіевскихъ книжныхъ магазинахъ и тщетно при посредствѣ ихъ пытались добыть ее изъ Петербурга, пока наконецъ не попала она къ намъ совершенно случайно. Сколько намъ извѣстно, этого изданія не имѣютъ еще самыя обширныя кіевскія книгохранилища, да едва-ли и будутъ его имѣть; о частныхъ лицахъ, тружениках исторической науки, которымъ оно найболѣе дорого, нечего и говорить,—оно мало доступно имъ и по высокой цѣнѣ. Мы доподлинно знаемъ, что на это изданіе отпущено отъ казны 10 т. р. и, какъ видно, г. Батюшковъ не пощадилъ данныхъ ему средствъ, но для чего? Одни приложенія, безъ солиднаго научнаго объясненія, не оправдаютъ такой затраты, хотя бы исполнены были со всею роскошью. Изданія «Памятниковъ Западно-русской Старины», возобновляемыя уже въ третій разъ и ведущіяся уже болѣе 20 лѣтъ, представляютъ собою въ нашей исторической литературѣ ту замѣчательную особенность, что они становятся библіографическою рѣдкостью тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ. Отъ этого, конечно, мало выигрываютъ наука и общество; но самъ издатель съ каждымъ новымъ выпускомъ съ справедливою гордостью можетъ заявить, какъ это онъ дѣлаетъ и теперь, что всѣ экземпляры прежнихъ выпусковъ разошлись сполна. Не завидное преимущество, если изданія расходятся путемъ разсылки и раздачи, а не путемъ пріобрѣтенія на кровныя деньги. Въ первомъ случаѣ книга нерѣдко остается неразрѣзанною и развѣ скука заставитъ случайнаго обладателя полюбоваться роскошнымъ альбомомъ, во второмъ она прочтется отъ доски до доски, да и не однимъ пріобрѣтателемъ. Путемъ частной распродажи, притомъ по удешевленной цѣцѣ, изданіе хотя не стало-бы вдругъ библіографическою рѣдкостью, но несомнѣнно въ значительной степени возвратило-бы затраченную сумму и дало-бы возможность, не прибѣгая къ испрошенію новыхъ субсидій, сдѣлать новые выпуски, или-же повторить прежніе, ставшіе давно недоступными для читающей публики.

На это послѣднее обстоятельство мы позволимъ себѣ въ заключеніе обратить особенное вниманіе уважаемаго издателя, который болѣе 20-ти лѣтъ столь ревностно преслѣдуетъ высокую цѣль сохраненія и закрѣпленія въ памяти потомства памятниковъ минувшей жизни въ западно-русскихъ окраинахъ. Переизданіе первыхъ четырехъ выпусковъ «Памят-

никовъ», посвященныхъ волынскимъ древностямъ, становится нынѣ настоятельною потребностію. Выше было указано, какъ мало они удовлетворяютъ научнымъ требованіямъ, даже по сравненію съ послѣдующими выпусками; тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству самаго издателя, они давно разошлись сполна, а мы прибавимъ, что въ лучшихъ библіотекахъ даже такого крупнаго центра, какъ Кіевъ, они составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость и совершенно недоступны для огромнаго и съ теченіемъ времени все болѣе увеличивающагося круга лицъ, интересующихся западно-русской стариной. Само собою разумѣется, что новое изданіе не можетъ быть лишь повтореніемъ прежняго. Оно, во первыхъ, должно быть значительно пополнено включеніемъ въ него цѣлаго ряда памятниковъ (и не однихъ монументальныхъ), пропущенныхъ въ прежнемъ изданіи. Извѣстно, напримѣръ, что волынскому краю принадлежитъ древнѣйшій памятникъ южно-русской письменности—такъ называемое Луцкое евангеліе XIV в., хранящееся нынѣ въ Румянцевскомъ музеѣ (№ 112). Какъ-бы желательно было имѣть его подробное описаніе и художественные съ него снимки! А сколько драгоцѣнныхъ предметовъ старины отыщется еще въ Почаевѣ, Кременчугѣ, Дубнѣ, Дермани, Загайцахъ, Винневцѣ, Олыкѣ, Нискеничахъ и многихъ другихъ мѣстахъ Волыни! И надо какъ можно болѣе поспѣшить съ этимъ дѣломъ, потому что, «яко таетъ воскъ отъ лица огня», такъ исчезаютъ съ каждымъ годомъ драгоцѣнные остатки старины отъ равнодушія, невѣжества и алчности. Спасти ихъ отъ неизбѣжной гибели, хотя-бы путемъ воспроизведенія художественныхъ снимковъ и рисунковъ съ нихъ—какая это была-бы великая заслуга предъ наукою, исторіею и будущими поколѣніями! Имѣяй силу свершити сія, да свершитъ.

И. Беркутъ.

А. Дмитріевскій. Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи. „Прав. Обозр.“ 1885 г. и отд. оттиски.

Послѣднее время дало намъ нѣсколько опытовъ разработки мелкихъ архивовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и церквямъ, и нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ этому направленію дѣятельности трудящихся надъ изслѣдованіемъ родной старины. Лучшимъ и наиболѣе важнымъ опытомъ въ этомъ родѣ, образцомъ такого рода работъ можно считать изданный въ Кіевѣ въ концѣ прошлаго года «Сулимовскій Архивъ», трудъ А. М. Лазаревскаго, извѣстнаго многочислен-

ными работами по исторіи Малороссіи, лучшаго знатока украинской исторіи и древностей XVII и XVIII столѣтій [1]).

Довольно цѣнно для изученія общественнаго и частнаго быта нашихъ предковъ изданіе владѣльца одного изъ значительныхъ частныхъ архивовъ въ Малороссіи, графа Гр. А. Милорадовича: «Сказаніе о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей» (Кіевъ. 1884 г. 8°. 131).

Не мало историческаго матеріала, почерпнутаго изъ частныхъ архивовъ, разсѣяно въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ»: харьковскихъ, черниговскихъ, полтавскихъ и др. [2]).

Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ довольно разработаны церковные архивы. Такъ, напримѣръ, въ «Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» помѣщено много статей, составленныхъ на основаніи мѣстныхъ церковныхъ архивовъ различными авторами [3]).

Къ подобнаго-же рода трудамъ принадлежитъ и статья г. А. Дмитріевскаго, помѣщенная въ «Православномъ Обозрѣніи» за 1885 г., появившаяся потомъ и отдѣльными оттисками — «Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи» (1—31).

Авторъ этой статьи весною прошлаго года заглянулъ въ уѣздный городъ черниговской губерніи Нѣжинъ — плодомъ этой поѣздки и была вышеназванная статья.

Г. Дмитріевскій заинтересовался нѣжинскими церковными архивами. Церквей въ г. Нѣжинѣ очень много и немало древнихъ по своему построенію, но авторъ занявшей насъ статьи, по его собственнымъ словамъ, «обратилъ свое вниманіе исключительно на мѣстные греческіе храмы, такъ какъ отчасти изъ распросовъ частныхъ лицъ, а болѣе всего благодаря личному знакомству съ бывшимъ въ то время эпитрономъ греческихъ церквей Анастасіемъ Юрьевичемъ Кунелакисъ, ему «удалось узнать, что въ этихъ храмахъ и доселѣ еще сохранилось очень много рѣдкихъ и интересныхъ предметовъ въ археологическомъ отношеніи».

Въ Нѣжинѣ собственно три греческіе храма: два въ самомъ городѣ — въ честь Архангела Михаила и Всѣхъ Святыхъ, и одинъ на греческомъ кладбищѣ въ честь св. благовѣрнаго царя Константина.

---

[1]) См. Отзывъ объ этомъ изданіи проф. В. Б. Антоновича въ «Кіевской Старинѣ», т. X, стр. 332—326.

[2]) См. статью Н. Ѳ. Сумцова «Губернскія Вѣдомости, какъ пособіе при изученіи русской исторіи и этнографіи», «Кіевская Старина», т. XI. стр. 391—399.

[3]) Полное перечисленіе этихъ статей можно найти въ замѣткѣ г. Н. С. въ «Кіевской Старинѣ», т. VIII, стр. 684—588; «Малоизвѣстные и неизвѣтные источники свѣдѣній о минувшей жизни Полтавщины».

Разсказавъ коротко исторію г. Нѣжина, г. Дмитріевскій дѣлаетъ историческій очеркъ двухъ изъ этихъ храмовъ, на основаніи найденныхъ тамъ документовъ. Постройка ихъ относится къ концу XVII столѣтія, третьяго къ 1820 г. Конечно, г. Дмитріевскій заинтересовался болѣе первыми двумя, какъ болѣе древними. «Осмотрѣвши, говоритъ онъ, оба греческіе храма, которые, по своему архитектурному стилю, ничѣмъ не отличаются отъ храмовъ греческихъ настоящаго времени, я сосредоточилъ свое вниманіе главнымъ образомъ на тѣхъ въ собственномъ смыслѣ слова драгоцѣнностяхъ, какія сверхъ всякаго ожиданія встрѣтилъ въ этомъ полузабытомъ почти въ настоящее время храмѣ». Г. Дмитріевскій нашелъ здѣсь очень много древнихъ иконъ греческаго и русскаго письма; въ алтарѣ на престолѣ и жертвенникѣ два греческія евангелія, обдѣланныя въ дорогіе серебряные оклады съ богатѣйшими эмалевыми въ византійскомъ стилѣ украшеніями; великолѣпной работы большой серебряный крестъ, сдѣланный въ Янинѣ въ 1636 году; киваріевый крестъ, оправленный въ серебро, съ изображеніемъ святыхъ, чудно выточенныхъ изъ дерева; прекраснѣйшую вышитую золотомъ по бѣлому атласу плащаницу и др. Въ библіотекѣ михайловской церкви оказалось много интересныхъ въ научномъ отношеніи древнихъ книгъ, а внимательное знакомство съ имѣвшимися рукописями обнаружило ихъ громадное научное значеніе.

Послѣ общаго осмотра всего достопримѣчательнаго г. Дмитріевскій убѣдился, что онъ находится предъ однимъ изъ весьма богатыхъ древнехранилищъ и рѣшилъ спасти его отъ неминуемой гибели. Пріѣхавши въ Кіевъ, онъ прочелъ въ засѣданіи церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи рефератъ о разсмотрѣнныхъ имъ книгахъ и рукописяхъ и просилъ общество ходатайствовать предъ причтомъ нѣжинской греческой церкви объ уступкѣ ихъ, а равно и другихъ рукописей и книгъ, вышедшихъ изъ практическаго употребленія, для церковно-археологическаго музея. Общество отнеслось, конечно, вполнѣ сочувственно къ этому предложенію и послѣ многихъ хлопотъ доставлены были въ музей драгоцѣнныя книги и рукописи.

Наиболѣе важныхъ въ научномъ отношеніи книгъ около двадцати. Назовемъ: греческое евангеліе, писанное красивою и четкою скорописью X вѣка, на великолѣпномъ пергаментѣ; архіератиконъ, рукопись 1670 г.; октоихъ на крюковыхъ нотахъ, рукопись, писанная въ 1671 году скорописью и испещренная множествомъ киноварныхъ нотныхъ знаковъ; нѣсколько нотныхъ анѳологіевъ XVII, XVIII и начала XIX столѣтій; арабское евангеліе, изданное въ концѣ XVII или въ самомъ началѣ

XVIII вѣка, съ посвященіемъ гетману Мазепѣ, гербъ котораго и изображенъ въ концѣ евангелія.

Въ музей, помимо книгъ и рукописей, поступили и нѣкоторыя церковно-богослужебныя вещи, интересныя въ археологическомъ отношеніи.

Иногда какъ будто-бы и пожалѣешь, когда увозятъ мѣстныя достопримѣчательности изъ городковъ и деревень въ крупные культурные центры; но когда увидишь или услышишь, въ какомъ положеніи находятся онѣ въ своихъ первомѣстахъ, то какъ-то самъ собою улетучивается этотъ мѣстный патріотизмъ. Послушайте, въ какомъ видѣ нашелъ г. Дмитріевскій вышеназванныя рѣдкости: «Въ библіотекѣ, состоящей изъ шкафа и комода, прежде всего я замѣтилъ полное отсутствіе всякаго порядка. Время и люди, мало понимающіе этого рода капиталы, сдѣлали то, что рукопись, которая бы могла служить въ полномъ смыслѣ этого слова украшеніемъ библіотеки,—я разумѣю греческое пергаменное евангеліе X вѣка,—лежала здѣсь въ полномъ безпорядкѣ со множествомъ оторванныхъ листковъ въ началѣ ея и въ концѣ. Только впослѣдствіи мнѣ удалось отыскать нѣсколько листиковъ или вѣрнѣе тетрадокъ изъ этого евангелія, уже полуизгнившими между книжнымъ мусоромъ, не имѣющимъ дѣйствительно никакой цѣны. Въ шкафѣ и комодѣ старыя книги смѣшаны были съ новѣйшими, а эти послѣднія чередовались съ рукописями. Однимъ словомъ все было свалено въ кучу, въ которой возиться никому не было охоты».

Пожелаемъ, чтобы болѣе являлось розысковъ и изданій, подобныхъ вышеуказаннымъ и болѣе находилось лицъ, которые готовы были-бы самоотверженно жертвовать своимъ трудомъ и временемъ для борьбы съ безпощаднымъ временемъ и равнодушіемъ, или небрежностію, не дорожащими своей родной стариной. Великое спасибо скажутъ имъ потомки за сохраненіе отъ тлѣнія драгоцѣнныхъ памятниковъ культурной жизни предковъ.

Въ особенности можно пожелать, чтобы просвѣщенные представители южнорусскихъ родовъ позаботились не только о сохраненіи и приведеніи въ порядокъ своихъ фамильныхъ архивовъ, но и объ изданіи цѣнныхъ для исторіи документовъ и другихъ рукописей. Прекрасный примѣръ въ этомъ отношеніи подалъ г. Войцеховичъ, давшій матеріалъ и средства для изданнаго А. М. Лазаревскимъ «Сулимовскаго архива», о которомъ мы упоминали выше.

Примѣру этому, какъ мы слышали, готовы послѣдовать въ непродолжительномъ времени два представителя извѣстныхъ малорусскихъ фамилій: П. И. Скоропадскій и помянутый нами графъ Г. А. Милорадо-

вичъ, въ архивѣ котораго, по словамъ А. М. Лазаревскаго, «сохраняется значительное количество юридическихъ актовъ, многіе изъ которыхъ относятся къ XVI в. и уже потому составляютъ дорогой матеріалъ для исторіи малороссійскаго землевладѣнія, что бумагъ относящихся къ исторіи Малороссіи лѣваго берега Днѣпра за время предшествовавшее эпохѣ Хмельницкаго, сохранилось очень мало» (Кіев. Стар. т. X. 33—139).

Н. В.

В. Б. Антоновичъ. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I. Кіевъ. 1885 г.

Кому изъ читателей «Кіевской Старины» неизвѣстно имя нашего мѣстнаго историка и археолога, профессора Владиміра Бонифатьевича Антоновича? Кто изъ учащихъ, учащихся и вообще занимающихся южнорусскою исторіей не убѣдился до сихъ поръ, что едва-ли найдется какой-либо важный вопросъ въ мѣстной исторической наукѣ, который бы не былъ уже изслѣдованъ Владиміромъ Бонифатьевичемъ и при томъ изслѣдованъ по источникамъ первой руки, на основаніи сыраго матеріала, добытаго или изъ архивовъ, или изъ нѣдръ земли; имъ раскрыты историческія судьбы всѣхъ сословій: духовенства, дворянства, мѣщанства, крестьянства и козачества; изучающему мѣстную исторію нельзя шагу ступить безъ предварительнаго изученія работъ В. Б. Антоновича, а между тѣмъ пріобрѣсти ихъ было весьма не легко, такъ какъ изслѣдованія уважаемаго профессора печатались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, иногда мало распространенныхъ, и если отдѣльные оттиски поступали въ продажу, то въ самомъ ограниченномъ числѣ. Нужно-ли послѣ этого говорить о томъ, какую важную услугу книжнымъ людямъ оказываетъ авторъ монографій, издавая ихъ всѣ вмѣстѣ въ нѣсколькихъ томахъ, соединяя въ каждомъ однородныя по содержанію статьи. Въ настоящее время вышелъ первый томъ монографій, въ который вошли:

1) Очеркъ исторіи Великаго Княжества Литовскаго до смерти великаго князя Ольгерда (1377 г.).

2) Изслѣдованіе о городахъ юго-западнаго края.

3) Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569 году).

4) Кіевскіе войты Ходыки—эпизодъ изъ исторіи городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

5) Очеркъ отношеній польскаго государства къ православію и православной церкви.

6) Очеркъ состоянія православной церкви въ юго-западной Россіи съ половины XVII до конца XVIII столѣтія.

7) Лѣтопись сатановскаго монастыря.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ монографій при выходѣ въ свое время въ свѣтъ были горячо привѣтствуемы мѣстной и столичной періодической печатью въ многочисленныхъ одобрительныхъ рецензіяхъ и вызывали даже цѣлыя новыя изслѣдованія, или давали толчекъ къ разработкѣ въ новомъ направленіи научныхъ вопросовъ. Особенно, это справедливо по отношенію къ «*Очерку исторіи Великаго Княжества Литовскаго*». Покойный Н. И. Костомаровъ далъ самый лестный отзывъ объ этомъ сочиненіи въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1880-й годъ и рекомендовалъ его всѣмъ, кого интересуетъ самый предметъ; желая же указать тѣ стороны труда Владиміра Боніфатьевича, въ которыхъ онъ представляетъ что либо важное и новое для науки, незабвенный историкъ, работавшій самъ по исторіи Литвы, ничего не нашелъ болѣе удобнымъ, какъ подробно передать содержаніе книги г. Антоновича.

Въ настоящее время, когда названная книга циркулируетъ уже пять лѣтъ, когда ея основныя положенія стали общеизвѣстными, а большинство читателей нашихъ ознакомились вѣроятно и съ самою книгою, было бы излишне возвращаться вновь къ подробному обзору и оцѣнкѣ ея содержанія. Не смотря на протекшее время, изслѣдованіе г. Антоновича не утратило ни своей важности, ни даже новизны въ томъ смыслѣ, что доселѣ никѣмъ не сказано еще ничего новаго о данномъ предметѣ. Въ свое время другой, тогда только начинавшій свое ученое поприще, нынѣ профессоръ Н. П. Дашкевичъ, посвятившій исторіи западной Россіи нѣсколько цѣнныхъ работъ, сдѣлалъ не мало возраженій противъ труда г. Антоновича; но они касались не основныхъ его выводовъ и положеній, а частнѣйшихъ заключеній, иногда мелкихъ историческихъ фактовъ. Основныя положенія капитальнаго труда г. Антоновича остались не поколебленными никѣмъ, а потому приступая къ новому изданію онаго въ общемъ выпускѣ своихъ сочиненій, онъ не сдѣлалъ въ немъ никакихъ существенныхъ измѣненій или дополненій. Изъ всѣхъ сдѣланныхъ противъ него г. Дашкевичемъ возраженій онъ принялъ къ свѣдѣнію для соотвѣтственныхъ поправокъ лишь весьма не многія, какъ напр. по вопросу о времени, позже котораго не упоминаются въ нашихъ лѣтописяхъ Вышгородъ и Бѣлгородъ, или по поводу предположенія о тождествѣ волынскаго князя Владиміра и Андрея Юрьевича, остальныя же

возраженія обошелъ, какъ болѣе или менѣе правдоподобныя, но не важныя гипотезы, требующія еще потвержденія и дальнѣйшаго обслѣдованія, возможнаго лишь при открытіи какихъ либо новыхъ данныхъ.

Сущность изслѣдованія г. Антоновича и основная такъ сказать его идея заключается въ томъ, что подъ именемъ литовскаго княжества усиліями литовскихъ князей, но при соотношеніяхъ съ русскими князьями и главнымъ образомъ изъ русскихъ земель постепенно образуется новое государство, которое по всему его строю, законамъ, вѣрѣ, языку и преобладающему населенію иначе нельзя назвать, какъ западно-русскимъ. Фактъ окончательнаго образованія литовскаго княжества на русской территоріи г. Антоновичъ констатируетъ со времени основанія княженія въ Новгородѣ Литовскомъ, въ Черной Руси[1]). Мендовгомъ, который стремился также къ соединенію подъ своей властью многочисленныхъ удѣловъ всей земли кривичей и къ созданію изъ нихъ обширнаго литовско-русскаго государства. Вызванная стремленіями этого князя реакція, послѣдствіемъ которой была смерть его самаго, обнаружила уже борьбу двухъ народныхъ началъ: литовскаго и русскаго за преобладаніе въ государствѣ и на этотъ національный антагонизмъ опираются по очередно соискатели велико-княжескаго стола. Достойно вниманія, что по смерти Мендогва, власть, хотя временно, перешла было къ русскому князю Шварну Даниловичу, а послѣдовавшіе за Тройденомъ Витень и Гедиминъ, князья также литовскаго племени, усилили до небывалыхъ размѣровъ русское вліяніе. Въ правленіе Гедимина предѣлы его княжества значительно расширились присоединеніемъ многихъ русскихъ областей; къ числу ихъ авторъ относитъ Пинско-Туровское княженіе, которое Гедиминъ далъ въ удѣлъ своему сыну Наримунту; другой его сынъ Ольгердъ получилъ Витебское княжество за своей женой, дочерью кн. Ярослава Васильевича, въ наслѣдство по смерти тестя. Третій сынъ Любартъ этимъ же путемъ получилъ Волынь и вступилъ въ управленіе ею только въ 1340 году. При этомъ В. Б. Антоновичъ совершенно отрицаетъ фактъ завоеванія Волыни и Кіева Гедиминомъ въ 1320 г. Присоединеніе Кіева авторъ относитъ къ 1362 году, когда Ольгердъ Гедиминовичъ, поразилъ на берегахъ

---

[1]) По мнѣнію г. Дашкевича Мендовгъ не пріобрѣталъ въ 1235 г. новгородскаго княженія; въ Черной Руси княжилъ тогда не Мендовгъ, а Изяславъ Свислочскій. Мендовгъ, по его словамъ, пытался подчинить себѣ не только Черную Русь, но также Черниговъ и Смоленскъ, и долженъ былъ поэтому терпѣть въ этихъ городахъ подручныхъ князей: Изяслава Свислочскаго, Глѣба въ Черной Руси и Романа Даниловича.

Синей Воды трехъ татарскихъ темниковъ, освободилъ отъ татаръ и Подоліе и Кіевщину; тогда только «Кіевъ подъ Федоромъ княземъ взятъ и посади въ немъ Володимера, сына своего». Изъ сыновей Гедимина найболѣе потрудились для укрѣпленія и расширенія литовскаго государства Ольгердъ и Кейстутъ, нравственный обликъ которыхъ живо и ярко обрисованъ авторомъ. Въ то время, когда Кейстутъ велъ непрерывныя войны съ нѣмцами, Ольгердъ обратилъ все свое вниманіе на русскія земли. Въ стремленіи къ объединенію русскихъ земель подъ своей властью, Ольгердъ во всѣхъ указанныхъ ниже случаяхъ шелъ на встрѣчу такимъ же стремленіямъ великихъ князей московскихъ; столкновеніе между двумя великими княжествами было поэтому неизбѣжно, хотя обѣ стороны и не были долго расположены къ враждебнымъ другъ къ другу отношеніямъ и старались, не вступая въ открытую борьбу, ограничиться усиліями къ утвержденію своего авторитета въ спорныхъ русскихъ областяхъ. Усилія Ольгерда сосредоточивались на четырехъ важнѣйшихъ интересахъ: 1) онъ стремится пріобрѣсти и усилить свое вліяніе на Новгородъ, Псковъ и Смоленскъ; 2) онъ поддерживаетъ тверскихъ князей въ спорѣ ихъ съ великими князьями московскими и вступаетъ въ борьбу съ послѣдними; 3) онъ стремится присоединить къ великому княжеству Литовскому области, входившія нѣкогда въ составъ княженій Черниговскаго и Кіевскаго, а также Подольской земли и для достиженія этой цѣли ведетъ удачную борьбу съ монголами и наконецъ 4) поддерживаетъ продолжительную борьбу брата своего кн. Любарта съ Польшею за наслѣдіе Галицко-владимірскихъ князей. Особенно подробно В. Б. Антоновичъ разбираетъ извѣстіе лѣтописей о покореніи Подолія въ 1362 году послѣ Синеводской битвы, когда вмѣстѣ съ Подоліемъ было присоединено и Бѣлобережье (пространство вверхъ отъ Чернаго моря между низовьями Днѣпра и Днѣстра), и Кіевское княженіе. Борьба за Волынь окончилась въ 1377 году миромъ, по которому Владимірскій, Луцкій и Берестейскій повѣты остались за Литвой, а Холмская и Белзская земли отошли къ Польшѣ. Въ томъ же году скончался великій князь Ольгардъ, раздвинувшій предѣлы своего государства отъ Балтійскаго до Чернаго моря, съ одной стороны, и отъ Угры, Оки и истоковъ Сейма до западнаго Буга, съ другой. Смертію его и заканчиваетъ г. Антоновичъ свой интересный и высоко цѣнный очеркъ, замѣчая притомъ, что государство, продолжая называться литовскимъ, на самомъ дѣлѣ, съ конца XIV вѣка, стало во всѣхъ отношеніяхъ великимъ княжествомъ западно-русскимъ.

Второе мѣсто въ разсматриваемомъ выпускѣ сочиненій проф. Антоновича, по важности затрогиваемыхъ имъ вопросовъ, принадлежитъ «*изслѣ-*

дованію о городахъ юго-западнаго края». По мнѣнію В. Б. Антоновича, они имѣютъ троякое значеніе: 1) городъ представляетъ въ государствѣ отдѣльную юридическую единицу; община городская управляется особенными законами; жители города пользуются особенными правами, отличными отъ правъ, присвоенныхъ другимъ жителямъ края—они составляютъ отдѣльное сословіе; 2) городъ является центромъ торговой и промышленной дѣятельности и жители его отличаются отъ другихъ сословій не только правами, но и качествомъ занятій и сферой примѣненія труда и 3) города представляютъ мѣстности укрѣпленныя—замки и составляютъ центръ военной организаціи края. Въ виду такой тройственности значенія городскихъ поселеній, авторъ останавливается въ своемъ изслѣдованіи порознь на каждомъ изъ упомянутыхъ отличительныхъ признаковъ городской жизни.

Первоначально города имѣютъ значеніе вѣчевыхъ центровъ, служатъ представителями земель; они выставляютъ ополченія, рѣшаютъ общественныя дѣла и творятъ судъ. Значеніе городовъ измѣняется подъ вліяніемъ феодальнаго строя, образовавшагося въ Литвѣ и приведшаго наконецъ къ тому, что дѣленіе края на земли и волости замѣняется дѣленіемъ на княжества и повѣты; служилые люди выдѣляются изъ общины и стараются подчинить себѣ неслужилое сословіе; между общиной и военнымъ сословіемъ происходитъ борьба, продолжающаяся около 200 лѣтъ, но по недостатку источниковъ мы не можемъ судить о ходѣ этой борьбы; только съ XV вѣка появляются грамоты князей на магдебургское право, свидѣтельствующія о разложившемся уже общинномъ порядкѣ. Въ борьбѣ этого послѣдняго порядка съ военно-феодальнымъ строемъ литовскаго государства основной вопросъ состоялъ во взглядѣ на поземельную собственность. Общины считали на основаніи незапамятнаго обычая всю территорію, тянувшую къ данному вѣчевому центру, своей неотъемлемой собственностью. Князья, напротивъ, смотрѣли на землю какъ на собственность, принадлежавшую имъ въ силу верховной ихъ власти и полагали, что общины и отдѣльныя лица могутъ владѣть землей только въ силу княжескаго разрѣшенія, жалуемаго отдѣльными грамотами, взамѣнъ за обязательство исполнять военныя повинности. Въ этой борьбѣ общинъ съ феодализмомъ прежде другихъ подчинилось западное Подоліе, потомъ Волынь, Полѣсье и сѣверная Украйна, тогда какъ въ степной Украйнѣ общины владѣютъ еще всецѣло землями и власть, признавая за ними право землевладѣнія, пользуется со стороны общинъ военными услугами и повинностями и едва только начинаетъ разрывать общинную поземельную собственность раздачею ея по частямъ въ личную собственность служилымъ людямъ. Но такъ какъ община

привыкла смотрѣть на военное дѣло, какъ на защиту исключительно своей земли, поэтому и военныхъ повинностей жители несутъ больше тамъ, гдѣ сильнѣе сохранилось общинное начало; чѣмъ далѣе будемъ подвигаться къ сѣверо-западу отъ Украйны, тѣмъ менѣе размѣръ военныхъ повинностей, возложенныхъ на городскихъ обывателей, тѣмъ ранѣе послѣдніе отъ нихъ освобождаются; съ освобожденіемъ городовъ отъ военныхъ повинностей возрастаетъ обложеніе ихъ «мѣстными платами». По мѣрѣ того, какъ общинное начало все болѣе стѣснялось служилымъ сословіемъ, по мѣрѣ того какъ жители городовъ становились сословіемъ мѣщанскимъ (т. е. торгово-ремесленнымъ), видоизмѣнялось внутреннее самоуправленіе и самосудъ общины. Власти, начальствовавшія надъ ополченіями въ военное время, оставались правителями въ мирное; отсюда происходитъ столкновеніе общинъ съ представителями княжеской власти изъ-за самоуправленія и самосуда. Зависимость и беззащитность общинъ отъ произвола этихъ представителей должны были привести къ подчиненію первыхъ послѣднимъ и къ упадку городскихъ промысловъ. Короли стараются спасти города пожалованіемъ имъ самоуправленія по магдебургскому праву, но это «право, выработавшееся на чужой почвѣ, при другихъ условіяхъ быта и въ довольно отдаленное время не могло быть усвоено жителями южно-русскихъ городовъ, съ юридическими понятіями и историческими преданіями которыхъ оно не только не совпадало, но весьма часто расходилось въ противоположномъ направленіи. Даже въ главныхъ городахъ магдебургское право мало гарантировало независимость общины, а еще меньше въ городахъ мелкихъ или владѣльческихъ. Народонаселеніе смотритъ на это право не какъ на сводъ обязательныхъ для себя законовъ, а только какъ на хартію, гарантирующую ему ту долю самостоятельности, при которой возможно было до извѣстной степени примѣненіе собственныхъ народныхъ юридическихъ воззрѣній. Упадокъ торговли и промысловъ вызвалъ нѣкоторыя мѣры правительства къ поднятію ихъ: короли освобождаютъ города отъ платежа торговыхъ пошлинъ, предоставляютъ имъ право свободной торговли горячими напитками и право устройства торговыхъ складовъ, а равно утверждаютъ и учреждаютъ цеховыя братства въ южно-русскихъ городахъ; но и при всемъ этомъ города не поднимались; сильными конкуррентами ихъ въ промышленности и торговлѣ являются евреи, противъ которыхъ безуспѣшно принимаются различныя мѣры, ибо они при поддержкѣ правительства сплочиваются въ кагалы и прикагалки, члены которыхъ, связанные между собой религіозно-національными и экономическими интересами, дѣйствуютъ всегда въ выгодахъ своей общины. Въ послѣдніе годы Рѣчи Посполитой упадокъ городовъ дошелъ до крайнихъ возмож-

ныхъ предѣловъ. Конституція 1789—1792 гг. издала 18 апрѣля 1791 года законъ «о вольныхъ королевскихъ городахъ въ Рѣчи Посполитой», но онъ просуществовалъ недолго и былъ уничтоженъ постановленіемъ враждебной шляхетской конфедераціи 29 октября 1792 года. Прежнія права старостъ и владѣльцевъ были возстановлены и города въ такомъ положеніи вошли въ составъ Россіи.

Противъ мнѣнія В. Б. Антоновича о господствѣ обычнаго права въ городахъ высказался проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ; онъ признаетъ старой истиной господство чужеземныхъ источниковъ права въ городскихъ (магистратскихъ) судахъ; къ этому выводу онъ пришелъ, разобравъ историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ книгъ Витебскаго центральнаго архива, въ которыхъ не нашлось ни одного указанія на обычное право. Оба эти радикально противоположныя мнѣнія старался согласить покойный проф. А. Ѳ. Кистяковскій въ предисловіи къ изданнымъ имъ «Правамъ, по которымъ судится малороссійскій народъ». Онъ указалъ, что проф. Антоновичъ ошибочно сослался на изданіе Щербича, изложившаго магдебургское право, и что неправильныя на него ссылки оказываются совершенно согласными съ Porządkiem В. Гроицкаго и изложеннымъ въ немъ магдебургскимъ правомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. Ѳ. Кистяковскій считалъ преувеличеннымъ мнѣніе М. Ф. Буданова. Разбирая и то и другое, онъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) магдебургское право въ изложеніи польско-литовскихъ ученыхъ юристовъ Варѳоломея Гроицкаго, Щербича, Іоанна Кирштейна Церазина и другихъ было въ литовско-русскомъ государствѣ не номинальнымъ, но дѣйствующимъ правомъ; 2) что сочиненія названныхъ юристовъ были ручными книгами въ судахъ южной Россіи; но 3) магдебургское право терпѣло видоизмѣненіе какъ въ изложеніи отечественныхъ юристовъ, такъ и отъ мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ и воззрѣній, которые нерѣдко дѣйствовали на ряду съ нимъ и его замѣняли. Впрочемъ самъ г. Кистяковскій находилъ, что эти положенія требуютъ для своего подтвержденія тщательной разработки и новыхъ ученыхъ изслѣдованій (стр. 80—83). При второмъ изданіи своего сочиненія о городахъ г. Антоновичъ, согласно сдѣланному г. Кистяковскимъ замѣчанію, опустилъ ссылку на Щербича, оставаясь однако при своемъ прежнемъ мнѣніи относительно преобладанія обычнаго права. Сверхъ того имъ сдѣлано нѣсколько дополненій. Напримѣръ на 137 стр. прибавлено замѣчаніе о раздачѣ князьями участковъ земли служилымъ людямъ подъ условіемъ военной службы; на стр. 136 и 140 введено описаніе территоріи черкасскаго замка: на стр. 143—просьба кіевскихъ мѣщанъ, обращенная ими въ 1654 году къ московскому государю о присоединеніи

къ городу его древней территоріи, которая принадлежала имъ въ удѣльно-вѣчевой періодъ, но потомъ отнята была шляхтой.

Далѣе слѣдуютъ двѣ связанныя между собою по содержанію статьи: *«Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе (1369—1569)»*, и какъ-бы продолженіе предыдущей: *«Кіевскіе войты Ходыки—эпизодъ изъ исторіи городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ»*. Первая изъ нихъ была напечатана въ январской, а вторая въ февральской книгѣ «Кіевской Старины» за 1882 годъ и извѣстны уже нашимъ постояннымъ читателямъ; поэтому, не сообщая ихъ содержанія, мы укажемъ лишь, что во второмъ изданіи каждая изъ названныхъ статей снабжена ссылками на источники, которыхъ (т. е. ссылокъ) не было въ нашемъ изданіи. Обѣ эти статьи въ высшей степени занимательны и важны особенно потому, что касаются періода, совершенно неразработаннаго въ нашей исторической наукѣ и о которомъ сложились ложныя представленія (напримѣръ о запустѣніи кіевской земли послѣ татарскаго погрома, о мнимомъ благодѣтельномъ вліяніи магдебургскаго права на самоуправленіе городовъ и проч.).

«Очеркъ отношеній польскаго государства къ православію и православной церкви» былъ изданъ въ 1866 году въ видѣ отдѣльной брошюры кіевской археографической коммисіей и затѣмъ въ 1867 году вышелъ вторымъ изданіемъ въ Вильнѣ также отдѣльной брошюрой. Въ настоящемъ изданіи онъ предлагается въ нѣсколько дополненномъ видѣ; авторъ притомъ выдѣлилъ изъ первоначальнаго изданія только ту часть труда, которая лично ему принадлежала. Вотъ краткое содержаніе «очерка», въ которомъ, какъ въ фокусѣ, собрана вся сущность религіозныхъ отношеній Польши и южной Руси.

Еще въ XIV вѣкѣ, когда русскія области, составлявшія галицкое княженіе, были захвачены Польшей, правительство послѣдней стремилось къ распространенію католичества и подавленію православія оффиціальными мѣропріятіями. Стремленіе это обнаружилось прежде всего въ учрежденіи для Руси католическихъ епископскихъ каѳедръ (во Львовѣ въ 1362 г. и въ Переяславѣ, Галичѣ, Луцкѣ и Каменцѣ въ 1375 г.), новымъ епископамъ короли жаловали щедрой рукой имѣнія, доходы и десятины, каѳедральные же соборы учредили въ русскихъ церквяхъ, которыя силой были отняты у православныхъ и переданы католикамъ. Законодательнымъ памятникомъ католическихъ пропагандическихъ стремленій короля Ягайла служитъ актъ такъ называемой городельской уніи, въ которомъ права и преимущества предоставляются только дворянамъ, исповѣдующимъ католичество. Хотя при Витовтѣ обезпечена была независимость церкви учрежденіемъ отдѣльной для Кіева митрополіи, а князь

Казиміръ Ягайловичъ въ 1447 г. уничтожилъ тѣ ограниченія правъ православнаго населенія, которыя вытекали изъ городельской уніи Ягайла, и положеніе этого населенія значительно облегчилось, но послѣ люблинской уніи (1569 г.) и водворенія въ Польшѣ іезуитовъ открылось широкое поле для польско-католической пропаганды, съ объявленіемъ же церковной уніи 1596 года началось систематическое преслѣдованіе православія. До половины XVII ст. оно имѣетъ правда болѣе видъ частныхъ насилій и правительственныхъ интригъ, чѣмъ гнета, возводимаго въ законную норму; но съ шестидесятыхъ годовъ того же столѣтія гнетъ начинаетъ принимать все болѣе и болѣе оффиціальный характеръ. Король Янъ-Казиміръ, бывшій іезуитскій монахъ, въ день коронаціи далъ обѣтъ не предоставлять ни одной должности, ни одного мѣста въ сенатѣ, ни одного староства некатолику. Въ 1668, 1675 и 1696 годахъ, Михаилъ Вишневецкій, Янъ III Собѣсскій и саксонскій курфирстъ Августъ II, вступавшіе преемственно на польскій престолъ обязывались къ повторенію этой же присяги. По сеймовому постановленію 1667 г., уніатское духовенство освободилось отъ постоя и военныхъ повинностей, которыя должны были тяготѣть на православномъ духовенствѣ. На сеймѣ 1676 г. былъ постановленъ законъ, по которому православнымъ всѣхъ сословій, подъ опасеніемъ смертной казни и конфискаціи имущества, воспрещалось подъ какимъ бы то не было предлогомъ выѣзжать за границу или пріѣзжать оттуда. Запретъ этотъ подтверждался конституціями 1678 и 1699 годовъ. Послѣдней конституціей постановлено, что только уніаты допускаются къ исправленію выборныхъ магистратскихъ должностей, а въ Каменцѣ православнымъ совсѣмъ запрещалось жить, точно евреямъ; вслѣдствіе этого церкви ихъ были опечатаны, а духовенство изгнано. По конституціи 1712 года канцлерамъ запрещалось прикладывать государственныя печати по всѣмъ актамъ, заключающимъ въ себѣ что-либо выгодное для лицъ некатолическаго исповѣданія. Послѣ смерти Августа II конфедераціею, устроенною во время междуцарствія въ 1732 году, постановленія которой получили силу закона, опредѣлено было, что церковь католическая не должна терпѣть рядомъ съ собою никакимъ образомъ другихъ исповѣданій; отсюда возникалъ для диссидентовъ цѣлый рядъ насилій и стѣсненій. На сеймѣ 1764 года опредѣлено карать смертью каждаго, переходящаго изъ католицизма въ православіе, а сыновей священниковъ записывать въ крестьяне, если они до 15-лѣтняго возраста не выберутъ себѣ рода занятій. Сеймъ 1766 года рѣшилъ объявлять врагомъ отечества всякаго, кто осмѣлится сказать слово въ защиту иновѣрцевъ. По договору съ Россіей въ 1768 году положеніе православныхъ было нѣсколько облегчено; но облегченіе было

непродолжительно, такъ какъ въ 1775 году Россія, возвратя себѣ Бѣлоруссію, сдѣлала въ новомъ трактатѣ уступку общественному мнѣнію Польши. Права неунитовъ были снова ограничены и съ ними они дожили до паденія Польши.

Вмѣстѣ съ ограниченіемъ правъ православной народной массы шло ограниченіе правъ и преслѣдованіе высшей и низшей духовной іерархіи, на которую опирался народъ. Послѣ брестъ-литовской уніи 1596 года, правительство рѣшилось утверждать новыхъ преемниковъ умершихъ епископовъ только въ такомъ случаѣ, если они признаютъ унію, послѣдствіемъ чего было совершенное прекращеніе православной высшей іерархіи, возстановленной лишь въ 1620 году по вліянію гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго, въ содѣйствіи котораго король нуждался для войны съ Москвою. Возстановленіе правъ православныхъ при Хмельницкомъ удерживало свою силу весьма недолго. Въ 1664 г. митрополитъ Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій былъ схваченъ и заточенъ въ крѣпость; православнымъ духовнымъ было запрещено выѣзжать за границу и тѣмъ затруднена возможность замѣщенія вакантныхъ епископскихъ каѳедръ. Когда умиралъ какой-либо православный владыка, правительство подчиняло его паству уніятскому епископу той-же епархіи; наконецъ оно стѣснило самый выборъ православныхъ епископовъ и всякія собранія съ этою цѣлью православныхъ были строго запрещены; еще рѣже король подтверждалъ выборы, если-же и случалось подтвержденіе, то въ такомъ только случаѣ, когда утверждаемый давалъ обязательство принять унію, какъ дали Иннокентій Винницкій, Кипріанъ Жоховскій, Іосифъ Шумлянскій, Аѳанасій Шумлянскій и Діонисій Жабокрицкій. Послѣ удаленія изъ края Жабокрицкаго въ 1709 году и до присоединенія въ 1796 г. южно-русскаго края къ Россіи ни въ одной епархіи не состоялось выбора православнаго епископа.

Польскимъ правительствомъ не было забыто также и низшее православное духовенство. Древній обычай, по которому міряне каждаго прихода выбирали себѣ священника, былъ ограниченъ сеймовымъ постановленіемъ 1647 года, требовавшимъ согласія шляхтича или старосты и вообще владѣльца имѣнія на занятіе священникомъ мѣста; согласіе выражалось въ подтвердительной грамотѣ, называвшейся презентой, и пріобрѣталось покупкой или другими какими-либо уступками въ пользу помѣщика; если выборъ падалъ на едва грамотнаго поселянина, то шляхтичъ удерживалъ надъ нимъ доминіальное право, гналъ его на барщину и проч.; оскорбленія и обиды сыпались градомъ на низшее духовенство, которымъ былъ положенъ конецъ Россіей въ послѣднихъ годахъ XVIII-го вѣка.

Мы подробно передали содержаніе этого небольшаго «Очерка» въ виду того, что онъ составляетъ основу другой обширной статьи: «*Очерка состоянія православной церкви въ юго-западной Россіи съ половины XVII до конца XVIII вѣка*», въ которой приведенные факты и положенія дополнены и развиты подробностями, ярко освѣщающими то печальное и угнетенное состояніе, въ какомъ находилось православное населеніе края и его низшее и высшее духовенство въ теченіи почти двухъ съ половиной столѣтій. Сравнительно съ 1 мъ изданіемъ, въ настоящей статьѣ прибавлены слѣдующіе разсказы: 1) о сопротивленіи, оказанномъ своему епископу Іосифу Шумлянскому львовскимъ братствомъ при распространеніи имъ уніи (стр. 311 и 312) и 2) объ оскорбленіяхъ и насмѣшкахъ надъ православными, причиненныхъ въ мѣстечкѣ Ходоровѣ каноникомъ Монастырскимъ и ксендзомъ Извейнарскимъ (стр. 340).

«Лѣтопись сатановскаго монастыря» была помѣщена въ отдѣлѣ «Извѣстій и Замѣтокъ» въ февральской книгѣ «Кіевской Старины» за 1882 годъ подъ заглавіемъ «Православный монастырь и его уніатская лѣтопись». Въ настоящемъ второмъ изданіи «лѣтописи», ей предпослана краткая исторія мѣстечка Сатанова и его монастыря.

Этой небольшой «лѣтописью» заканчивается 1-й томъ монографій уважаемаго историка. Покойный Н. И. Костомаровъ, разбирая «Очеркъ исторіи Великаго Княжества Литовскаго», замѣтилъ, что «книга г. Антоновича не страдаетъ тою сухостью, которую мы привыкли встрѣчать во многихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ и которую нѣкоторые признаютъ даже достоинствомъ, и можетъ быть читаема легко». Этотъ лестный отзывъ можно еще усилить относительно такихъ живыхъ и художественныхъ очерковъ, какъ исторія кіевской земли, эпизодъ изъ исторіи самоуправленія города и очеркъ состоянія православной церкви; въ нихъ видны не только сильная, глубокая мысль, яркія картины народнаго быта или меткія характеристики историческихъ дѣятелей, но и теплое чувство, которое согрѣваетъ работу и увлекаетъ читателя производимымъ на него сильнымъ впечатлѣніемъ.

Внѣшность настоящаго изданія вполнѣ кажется удовлетворительна и не вызываетъ насъ ни какія замѣчанія, кромѣ развѣ того, что если въ примѣненіи къ В. Б. Антоновичу вполнѣ справедлива пословица: «aquila muscas non captat», то все таки большое количество опечатокъ въ первомъ томѣ рѣзко бросается въ глаза и вызываетъ желаніе, чтобы ихъ было поменьше въ остальныхъ.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

РАЗГАДКА „МАЛОРУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШАРАДЫ“.

Помѣщенная въ мартовской книжкѣ «Кіевской Старины» за настоящій годъ историческая шарада 1733 г., взятая изъ записной книги рода Забѣлъ, не есть собственно произведеніе мѣстныхъ публицистовъ того времени и малорусской можетъ быть названа лишь въ томъ смыслѣ, что, попавъ въ резиденцію гетманскую, она привилась на малорусской почвѣ и циркулировала въ тогдашнемъ обществѣ въ переложеніи на его литературный языкъ. Въ сущности это переводъ французской шарады [1]), напечатанной въ *Mercure français*, и переводъ, нужно замѣтить, не всегда точный. Тотъ фактъ, что она попала въ книгу Забѣлъ, объясняется тѣмъ интересомъ, который въ то время возбуждали въ Малороссіи какъ европейскія дѣла вообще, такъ и въ частности болѣе близкія малороссамъ дѣла Польши. Чтеніе французскихъ газетъ было въ то время явленіемъ довольно не рѣдкимъ въ Малороссіи, и въ семейныхъ архивахъ, найдется вѣроятно не мало рукописныхъ сборниковъ, заключающихъ въ себѣ переводъ на тогдашній языкъ политическихъ извѣстій изъ французскихъ и иныхъ газетъ. У насъ подъ

[1]) Текстъ этой шарады перепечатанъ въ приложеніяхъ къ книгѣ, вышедшей въ Москвѣ въ 1862 году: «Борьба за польскій престолъ въ 1733 году», стр. 164—165.

руками имѣется одинъ изъ такихъ сборниковъ, принадлежащихъ роду гг. Велецкихъ, потомковъ бывшаго полковника гадяцкаго. Сборникъ этотъ (въ 16-ю долю) прямо даже озаглавленъ: «переводъ зъ французскихъ печатнихъ газетовъ на русскій іазикъ», и заключаетъ въ себѣ рядъ извѣстій, относящихся къ 1733 году и къ дѣламъ польскимъ, реляціи объ осадѣ Гданска и т. д.

Обращаясь къ самой шарадѣ, къ ея разъясненію, мы должны прежде всего выяснить нѣкоторыя выраженія, попадающіяся въ ней.

Вся шарада построена на игрѣ въ *ломберъ*. Съ понятія о ломберѣ мы и начнемъ нашу замѣтку. Въ одной старинной книгѣ, вышедшей въ 1752 г. и озаглавленной: «La plus nouvelle academie universelle des jeux» (2 тома. Amsterdam et Leipzig, т. I, стр. III и сл.), эта испанская игра, le jeu de l'Lombre, выяснена съ большой подробностью и, опираясь на ней, намъ не трудно объяснить термины ея. Въ игрѣ допускалось сорокъ картъ, раздѣлявшихся на два цвѣта: чорный и красный. Порядокъ счета картъ былъ слѣдующій: для чорныхъ (пикъ и трефъ)—король, дама, валетъ, семерка, шестерка, пятерка, четверка, тройка и двойка; для красныхъ—король, дама, валетъ, тузъ, двойка и т. д. до семерки. Тузы чорной масти, при всякой козырной масти, считались *triomphes*, т. е. самыми сильными. Тузъ пикъ признавался первою картою и первымъ triomphe и носилъ названіе *spadille*, неправильно переведенное въ малорусскомъ текстѣ шарады словомъ «*стадали*». Пикъ тузъ—первый triomphe, тузъ трефъ—третій, послѣдняя карта масти—второй, называемой manille. Ихъ совокупность, т. е. *spadille, manille* и *baste* (тузъ трефъ), означалось словомъ *matadors*. Лабетъ=la bête въ игрѣ служитъ терминомъ для опредѣленія факта проигрыша. Выигранною считается игра, въ которой главный играющій, l'ombre, беретъ пять взятокъ.

Эти немногія объясненія даютъ намъ ключъ къ разгадкѣ шарады.

Извѣстно, что въ 1733 году вслѣдствіе смерти польскаго короля Августа II, саксонскаго курфирста, польскій престолъ сталъ вакантнымъ, что вызвало рядъ притязаній со стороны разныхъ лицъ на его занятіе. Кандидатами явились: 1) Станиславъ Лещинскій, зять Людовика XV, уже однажды бывшій королемъ Польши и замѣненный Августомъ II, 2) сынъ Августа II, принявшій католицизмъ,

3) инфантъ португальскій, донъ Еммануэль, младшій братъ португальскаго короля Іоанна V, и многіе другіе. Кандидатуру перваго поддерживала Франція, кандидатуру третьяго,—инфанта, выдвинула еще при жизни Августа II, Австрія, второй очутился опаснымъ кандидатомъ позже всѣхъ и нашелъ поддержку главнымъ образомъ въ Россіи и затѣмъ уже въ Австріи. Къ кандидатурѣ перваго враждебно и категорически враждебно отнеслись Россія и Австрія. Отсюда затаенная, дипломатическая борьба между важнѣйшими государствами изъ-за кандидатовъ, главнымъ образомъ между Россіей и Австріей съ одной стороны, и Франціей съ другой. Шансы, какъ извѣстно, склонились вначалѣ въ пользу Франціи, и Станиславъ Лещинскій, явившійся тайкомъ въ Варшаву, во время засѣданій избирательнаго сейма былъ провозглашенъ королемъ польскимъ, 12 сентября 1733 г. Но успѣхъ его былъ непродолжителенъ. Русскія войска подъ командой Ласси, явились въ Польшу и Августъ саксонскій былъ провозглашенъ королемъ 6 октября того-же года. То былъ моментъ, вызвавшій крайне напряженное состояніе въ Европѣ и къ этому-то моменту относится и разсматриваемая шарада.

1) *Станиславъ* не желалъ отказаться отъ игры, не думалъ поставить la bête, какой онъ поставилъ въ первый разъ, когда его низвергли и замѣнили Августомъ II. Онъ разсчитывалъ на помощь Франціи и ея союзниковъ и началъ борьбу за корону. Этимъ объясняется выраженіе: «не хочу лабетъ дважды поставить».

2) Россія, крайне заинтересованная въ польскихъ дѣлахъ, еще при жизни Августа II начала дипломатическую компанію съ цѣлью составленія союза изъ Австріи и Пруссіи. Для нея не желателенъ былъ Станиславъ, какъ король Польши, а своего личнаго кандидата она не имѣла, предоставляя дать его Австріи. Позже она, во первыхъ, склонила Австрію къ признанію кандидатомъ саксонскаго курфирста, во вторыхъ заранѣе двинула войска къ Польшѣ, въ третьихъ, благодаря ловкости Левенвольда старшаго, посланнаго чрезвычайнымъ посломъ въ Польшу и не щадившаго денегъ, обезпечила не мало голосовъ въ свою пользу. Это была «ея нарочитая игра», какъ сказано въ шарадѣ, и такъ какъ ожидаемый французскій десантъ оказался менѣе значительнымъ (всего 1500 чел.) и кромѣ того застрялъ подлѣ Копенгагена, то для Ласси, выигравшаго время и уже стоявшаго подлѣ Варшавы, затрудненій не могло представиться и игра могла быть выиграна.

3) Австрійскій императоръ обезпеченъ былъ союзомъ съ Россіей «дамой», т. е. императрицей Анной Іоановной, его послы привели къ союзу Пруссію, и онъ имѣлъ основанія разсчитывать на поддержку Англіи и Голландіи. Правда, Остерманъ пытался было доказать Австріи, что обѣ послѣднія державы не примутъ участія въ войнѣ, но безуспѣшно. Выраженіе шарады: «я подожду, пока другій станетъ играть»[1]), намекъ на ту осторожность, съ какою дѣйствовала Австрія, сильно опасавшаяся Франціи, своего вѣчнаго врага. Она разсчитывала на силы Россіи и уклонялась отъ посылки войскъ въ Польшу, ссылаясь на необходимость выслать армію на Рейнъ, противъ Франціи, что молъ будетъ выгоднѣе и для Россіи, ибо если ея армія будетъ имѣть успѣхъ на Рейнѣ, то Россіи не зачѣмъ будетъ помогать ей тамъ.

4) Пруссія, на союзъ съ которой противъ Станислава Лещинскаго разсчитывали Австрія и Россія и которая даже было приступила къ нему, обнаружила въ рѣшительный моментъ крайнее равнодушіе. Для Фридриха Вильгельма воцареніе Станислава не представляло опасности, а между тѣмъ противодѣйствіе ему могло вовлечь его въ войну съ Франціей, считавшейся тогда очень сильной и опасной державой, и Швеціей. Съ другой стороны, король прусскій былъ раздраженъ тѣмъ, что Австрія и Россія не ратификовали извѣстный трактатъ Левенвольда, касавшійся излюбленной цѣли Фридриха-Вильгельма, т. е. наслѣдства Юлихъ-Бергъ, и не разсчитывалъ получить выгодъ отъ двухъ своихъ союзниковъ: онъ боялся, слѣдовательно, что его игра будетъ «перебита». Я готовъ былъ-бы играть, говоритъ шарада, «si je ne craignaies d'être coupé», т. е. даже не получить ни Курляндіи, ни Юлихъ-Берга.

5) *Англія* склонна была къ союзу съ Австріей. Она при Георгѣ разорвала союзъ съ Франціей, но внутреннія отношенія, стремленія и заботы министерства удержаться и сохранить позиціи между королемъ и народомъ побуждали ее дѣйствовать уклончиво. Георгъ англійскій, обѣщавшій Австріи помощь, совѣтовалъ императору не давать повода Франціи обвинять Австрію въ нарушеніи европейскаго мира, заявляя ему, что онъ, Георгъ, обязанъ сообразоваться съ волею парламента и настойчиво требовалъ, чтобы императоръ не

---

[1]) Во франц. текстѣ: «J'attendrai qu'un joue».

вторгался въ Польшу и не давалъ повода Людовику XV открыто выступить въ защиту Станислава. Англія желала, чтобы Франція сама начала войну, и тогда она выступила-бы для уравновѣшенія силъ, постаралась-бы, «чтобы козыри раздѣлены были», «que les triomphes soyent partagés».

5) Голландія въ то время перестала быть могущественною державою, какою она была въ XVI и XVII в., опасалась рисковать и шла за Англіей. Она старалась не выйти изъ ряда другихъ и согласна была «пасовать», когда «пасовала» Англія.

6) Что касается Имперіи, т. е. Германіи, то фраза шарады «мнѣ не достаетъ трехъ картъ, и я опасаюсь, чтобы ремиза не заплатить»,—вполнѣ ясна. Австрія, Пруссія и Саксонія,—три недостающихъ карты германской имперіи,—считались членами имперіи только на бумагѣ, de facto они были независимы и въ то-же время и наиболѣе сильны. Остальная Германія состоявшая изъ мелкихъ государствъ, еще со временъ Ришелье сдѣлалась игрушкою въ рукахъ могущественныхъ европейскихъ державъ. Вестфальскій миръ лишилъ ее всякаго значенія, и она сдѣлалась просто ареною борьбы Франціи и Австріи. Ей приходилось, обыкновенно, выносить на своихъ плечахъ всѣ послѣдствія разоренія отъ войнъ, и теперь, въ виду соперничества Австріи и Франціи за польскую корону, ей грозила таже участь: заплатить кровью и разореніемъ за чужіе интересы, поставить крупный ремизъ.

7) Понятна и роль Португаліи въ шарадѣ. Ея инфантъ былъ кандидатомъ на польскій престолъ, и однимъ изъ первыхъ. Въ игрѣ въ ломберъ онъ долженъ былъ быть первымъ triomphe, т. е. тузомъ пикъ, *espadille*. Но португальскій король и его правительство не были особенно склонны поддерживать Австрію. Императору пришлось два раза посылать посольство въ Португалію, чтобы склонить ее къ союзу. Въ первый разъ данъ былъ уклончивый отвѣтъ, во второй разъ Іоаннъ V высказалъ желаніе видѣть кандидатомъ на польскій престолъ не донъ Еммануэля, а донъ Антоніо. Между тѣмъ, въ 1733 г., благодаря Россіи, Австрія отказалась отъ проэктируемой ею кандидатуры инфанта, и Португаліи можно было оставаться покойной, развѣ въ крайнемъ случаѣ принудили-бы ее къ тому, выдвинувши вновь кандидатуру инфанта.

7) Роль папы въ шарадѣ схвачена очень ясно и рельефно.

малыхъ усилій стоило папству и іезуитамъ дѣло обращенія сына Августа II, теперешняго кандидата на польскій престолъ, въ католицизмъ. Его мать была ревностная протестантка и только хитростью удалось освободиться отъ ея вліянія. Еще при ея жизни будущій Августъ III принялъ тайно католицизмъ, и только послѣ смерти ея послѣдовало открытое заявленіе о переходѣ его въ лоно католической церкви и заключеніе брака съ дочерью австрійскаго императора. Папы могли смѣло разсчитывать на своего обращеннаго сына. Но область римская была мала, о прежнемъ авторитетѣ и вліяніи папъ въ XVIII в. не могло быть и рѣчи. А между тѣмъ близкими сосѣдями оказывались и Франція, и Испанія, и Савойя, отъ которыхъ могло прійтись плохо и которыя, какъ хорошо было извѣстно римской куріи, были за одно, поддерживали кандидатуру Станислава. На Австрію разсчитывать было трудно, но и раздражать ее опасно. Папа находился между двухъ огней. Въ рукахъ были у него взаимно нейтрализующія карты, и онъ предписываетъ своему нунцію, Паулуччи, дѣйствовать въ пользу курфирста, но не противодѣйствовать въ тоже время Станиславу. А извѣстно, что французскій посолъ усердно слѣдилъ за нунціемъ, а нунцій зналъ, что отъ Франціи зависитъ полученіе имъ той кардинальской шапки, которую онъ видѣлъ на своей головѣ и во снѣ, и на яву.

Посмотримъ теперь, какова роль другой группы европейскихъ государствъ, какъ она обрисована въ шарадѣ.

Наиболѣе темна и неопредѣленна характеристика Франціи. «Je jouerai, quand mon roi sera à couvert», говоритъ шарада. Между тѣмъ на дѣлѣ Франція играла видную роль въ вопросѣ объ избраніи польскаго короля. Она поддерживала кандидатуру Станислава, ея посолъ не щадилъ денегъ и ей удалось устроить выборъ ея кандидата. Очевидно здѣсь существуетъ противорѣчіе между дѣйствительностью и шарадою, и это противорѣчіе можетъ быть лишь отчасти объяснено тѣмъ, что во первыхъ Людовикъ XV лично долгое время колебался и не выступалъ рѣшительно въ польскомъ вопросѣ, что во вторыхъ въ моментъ женитьбы его на Маріи Лещинской, дочери ex-короля Станислава, дано было имъ какъ-бы обязательство не вмѣшиваться въ польскія дѣла изъ-за Станислава, обязательство, скоро нарушенное, наконецъ въ третьихъ тѣмъ, что уже въ моментъ избирательной агитаціи Франція вмѣсто того, чтобы

дѣйствовать военными силами, прибѣгла къ дипломатіи и пыталась, хотя тщетно, отвлечь Россію отъ союза съ Австріей, дѣлала ей различныя обѣщанія подъ условіемъ поддержки Станислава. Но послѣдняя попытка по отношенію къ Россіи и можетъ отчасти объяснить фразу шарады на счетъ прикрытія, потому что еще до выбора Станислава французскій король имѣлъ достаточно союзниковъ и въ лицѣ Испаніи, раздраженной поведеніемъ австрійскаго императора, не выдавшаго своей дочери за донъ-Карлоса, и Савойи, не перестававшей мечтать о захватѣ Милана. Союзъ съ этими государствами уже тогда былъ заключенъ и, 15 дней спустя послѣ избранія Августа III, война уже началась между Франціей и Австріей.

2) Роль *Испаніи* въ шарадѣ объясняется ея союзомъ съ Франціей. Она играетъ въ черной масти, такъ какъ главный triomphe— король польскій Станиславъ, являющійся первымъ кандидатомъ, тузомъ пикъ или baste, тузомъ трефъ, если инфанту, согласно шарадѣ, принадлежитъ честь быть espadille. То, что Испанія считаетъ игру не важною, объясняется колебаніями Франціи, нерѣшительностью кардинала Флери, не прибѣгнувшаго сразу къ военной силѣ и тѣмъ давшему возможность Россіи выиграть время, наконецъ отдаленностью ея и ея союзниковъ отъ театра дѣйствій.

3) *Савойя* была прямо не заинтересована въ польскомъ вопросѣ, ея мысли и желанія были устремлены на Миланъ и, понятно, она согласилась принять участіе въ игрѣ только тогда, когда оказалась надежда на выигрышъ, благодаря вмѣшательству Франціи и Испаніи.

4) Относительно *Швеціи* фраза шарады объ уплатѣ «оноровъ» (honneurs) выясняется ея внутреннимъ состояніемъ въ то время. Смерть Карла XII была и гибелью монархической власти въ Швеціи. Аристократія захватила управленіе въ свои руки и управляла дѣлами почти безконтрольно. Но управлять оказалось трудно. Войны Карла XII довели страну до полнаго истощенія. Погибла масса людей, казна оказалась совершенно пустой, пустой до такой степени, что не на что было отправить въ Варшаву посла. Союзъ съ Швеціей считался однако не безполезнымъ и Франціи, и Россіи, и обѣ державы употребляли всѣ усилія, чтобы привлечь на свою сторону Швецію, заинтересованную въ вопросѣ о выборѣ короля лишь косвенно, благодаря личной симпатіи многихъ изъ шведской знати къ Станиславу. Денегъ не щадили, чтобы купить шведское правитель-

ство, не щадилъ русскій посолъ Бестужевъ, которому это было предписано, не щадило и французское притвительство. Но шведское правительство, не смотря на это, не рѣшалось выступить открыто и давало уклончивые отвѣты: оно ограничивалось предъявленіемъ bona officina, т. е. посредничества и ничего болѣе. Оно выжидало, кто дастъ больше и въ союзѣ съ кѣмъ: Франціей или Россіей, можно будетъ возвратить потерянное на континентѣ. Франція предлагала свои услуги Швеціи, чтобы возстановить права ея на прибалтійскія провинціи. Россія обѣщала уплатить долгъ Швеціи съ города Риги, который Швеція требовала не разъ, но безуспѣшно, и не препятствовать упроченію шведской короны въ гессенскомъ домѣ. Въ виду всего этого Швеція и не думала о приготовленіяхъ и въ самую рѣшительную минуту оказалась безъ флота, хотя болѣе склонялась къ Франціи.

5) Что касается *Даніи*, то въ моментъ борьбы за польскій престолъ она оказалась совершенно безъ «матадоровъ». Ея король Христіанъ VI отвергъ предложеніе Россіи и Австріи, сдѣланное ему въ 1732 году, на счетъ Шлезвига, который обѣ державы обязывались признать его владѣніемъ, если онъ откажется отъ своихъ притязаній. Онъ разсчитывалъ на поддержку Франціи, въ которой горько ошибся, и остался безъ Шлезвига. Во время войны Данія въ одно и то-же время и открыла Зундъ для прохода французскаго флота, и послала 6 т. войска въ Германію на Рейнъ въ помощь Австріи.

Изъ всего выясненнаго выше становится понятною фраза курфирста саксонскаго. Въ виду такихъ союзниковъ, какъ Данія и Австрія, всѣ недоразумѣнія съ которой изъ-за прагматической санкціи были сглажены, онъ смѣло рѣшился начать игру. Правда, онъ опасался Франціи, которая считалась весьма сильнымъ и могущественнымъ государствомъ, опасался даже, благодаря ей, поставить la bête, т. е. проиграть, но его убаюкивала надежда не допустить, съ помощью союзниковъ, «проклятого хлопа» (во французскомъ текстѣ «d'un mandit valet»), т. е. Станислава до польской короны.

Роль, приписанная примасу и республикѣ польской, т. е. шляхетному представительству Польши, я думаю, не нуждается въ особыхъ объясненіяхъ. Положеніе того и другой было исключительное, безпримѣрное въ исторіи народовъ. Вся власть въ госу-

дарствѣ была въ ихъ рукахъ, король для нихъ ничего не значилъ и потому они равнодушно и пренебрежительно относились къ его избранію, увѣренные напередъ, что каковъ-бы ни былъ исходъ выборовъ, они не потеряютъ ничего изъ своего положенія, съ которымъ связано существованіе всего государственнаго строя, напротивъ могутъ выторговать отъ электора новыя для себя льготы. Но это непомѣрно льготное положеніе польскаго шляхетства съ примасомъ во главѣ и было источникомъ тѣхъ неисчислимыхъ бѣдствій, которыя терзали общественный организмъ Польши и послужили причиною ея паденія. Такой взглядъ на внутренній неизлечимый недугъ Польши господствовалъ и въ то отдаленное время и онъ выраженъ въ полныхъ злой сатиры латинскихъ изреченіяхъ и польскихъ стихахъ, заканчивающихъ напечатанную шараду. Приводимъ тѣ и другіе въ возможно-близкомъ переводѣ и этимъ закончимъ объясненіе всей шарады.

Ахъ какъ я (т. е. Польша) страдаю отъ ранъ, наносимыхъ мнѣ
моими-же стрѣлами!
За отечество и въ отечествѣ пріятно умереть.
Мужъ честный, прямодушный, никому не тягостный, всѣмъ
пріятный (Станиславъ).
Главнѣйшая мудрость—памятовать о смерти (Польшѣ).

Иди смѣло замужъ, Польша, если сохранила дѣвство!
Ахъ, не пойду, французы, не пойду голландцы;
Я уже не дѣвица!
Обезчестили меня литовскіе паны,
Сняли съ меня вѣнокъ моей невинности
И добытой мною свободы
Негодные сыны (подкупленные французскимъ золотомъ).

Обездоленный въ Римѣ Сатурнъ, превозносившійся надъ другими, износитъ бѣдствіе изъ собственнаго безсилія и злосчастія и имъ гнететъ всю страну (Польша во образѣ планеты, приносящей съ собою несчастіе на землю, съ намекомъ на извращеніе ея римскимъ католичествомъ).

Читатель.

КЪ ДѢЛУ О НАЧАЛѢ ЕДИНОВѢРІЯ ВЪ КРЕМЕНЧУГѢ.

Значительную массу населенія г. Кременчуга составляютъ раскольники различныхъ сектъ; въ числѣ ихъ существуетъ въ Кременчугѣ и церковь *единовѣрческая*, получающая священство отъ нашего епископа и вообще признающая администрацію церкви православной. Дѣло обращенія нѣкоторой части кременчугскихъ старовѣровъ въ *единовѣріе* принадлежитъ преосвященному полтавскому Гедеону. Въ мірѣ Георгій Вишневскій, Гедеонъ родился въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1798 г., московской губерніи, верейскаго уѣзда, въ с. Котузовѣ отъ бѣдныхъ родителей причетническаго званія. По окончаніи курса въ петербургской академіи, Вишневскій былъ опредѣленъ инспекторомъ рязанской духовной семинаріи, затѣмъ ректоромъ каменецъ-подольской семинаріи, а въ 1834 г. назначенъ епископомъ полтавской епархіи, каѳедра которой находилась въ то время въ г. Переяславѣ, а при немъ перенесена (въ 1847 г.) въ Полтаву.

Гедеонъ—это одинъ изъ выдающихся іерарховъ полтавской паствы по своей дѣятельности, это одна изъ свѣтлыхъ и симпатичныхъ, невольно располагающихъ къ себѣ личностей—по своей душѣ и характеру. Высокообразованный, гуманный, проникнутый истинно пастырскими чувствами по отношенію къ своей паствѣ, отечески заботившійся о благѣ ввѣренной ему епархіи, чуждый честолюбія и своекорыстныхъ цѣлей, преосвященный Гедеонъ привлекъ къ себѣ сердца всѣхъ, оставивъ по себѣ добрую память въ средѣ и духовнаго и свѣтскаго общества, особенно въ средѣ духовенства низшаго, къ нуждамъ котораго онъ былъ весьма внимателенъ. Отказываясь отъ занятій высшей каѳедры, что ему не разъ предлагали, онъ говорилъ: «Я считаю самою первою наградою и повышеніемъ—оставаться тамъ, гдѣ я окруженъ любовію и преданностію; не желаю и никогда не желалъ-бы оставлять ввѣренной мнѣ паствы: люблю Малороссію и ея народъ, я не предполагалъ, чтобы люди этого края могли меня такъ сильно къ себѣ привязать. Я желалъ-бы, когда Богъ меня воззоветъ, оставить здѣсь и мой бренный прахъ; дорога мнѣ родина, но этотъ край для меня дороже». Отмѣченный правительствомъ, Гедеонъ, оставаясь епископомъ полтавскимъ, съ 1843 г. и до конца жизни (1849 г.) былъ членомъ святѣйшаго Си-

нода, почему и болѣе проживалъ уже въ Петербургѣ. Вотъ та задушевная и чисто отеческая рѣчь, съ которой достойный іерархъ обратился къ своей паствѣ, отправляясь въ дальній путь: «Богъ васъ благословитъ, Онъ не оставитъ васъ своею благостію, а меня сохранитъ для васъ; мое всегдашнее желаніе быть съ вами и никогда не оставлять васъ. Увѣренъ, что пребываніе въ С.-Петербургѣ, при неблагопріятномъ климатѣ, болѣе разстроитъ мое здоровье и приблизитъ ко гробу [1]), но я совершенно убѣжденъ, что пожертвованіемъ своего здоровья много сдѣлаю пользы для епархіи, достигну того, чему представляются теперь неодолимыя препятствія. Поэтому я отправляюсь въ страну далеку, съ надеждою и упованіемъ на Бога—достигнуть желаемаго. Впрочемъ, не смотря на мое отсутствіе, я буду съ вами» [2])...

Самымъ важнымъ памятникомъ дѣятельности преосвященнаго Гедеона было обращеніе кременчугскихъ раскольниковъ въ *единовѣріе;* за это, успѣшно исполненное, предпріятіе онъ награжденъ былъ саномъ архіепископа. Дѣло это было предметомъ особенной заботливости Гедеона; во все продолженіе пастырскаго служенія своего онъ неотступно и съ необыкновенною ревностію стремился къ осуществленію искренняго и сильнаго желанія: видѣть кременчугскихъ раскольниковъ обращенными въ единовѣріе. У насъ имѣется 32 собственноручныхъ письма, писанныя преосвященнымъ къ кременчугскому протоіерею Алексѣю Петрову исключительно по этому именно предмету. Письма эти и служатъ источникомъ для настоящей замѣтки по вопросу объ обращеніи кременчугскихъ раскольниковъ въ *единовѣріе.*

Ревностными сотрудниками Гедеона въ этомъ дѣлѣ, кромѣ Петрова, были: протоіерей Алексѣй Протопоповъ, первый священникъ новоучрежденной единовѣрческой церкви Кременчуга, Бабаринъ—богатый и почетный купецъ, собиравшій подписи раскольниковъ, желавшихъ перейти въ единовѣріе, Авдіевъ—священникъ изъ великороссіянъ, котораго преосвященный посылалъ съ нарочитою цѣлію въ Кременчугъ къ раскольникамъ-великоруссамъ,

---

[1]) Простудившись при выпускѣ изъ академіи, Гедеонъ до конца жизни страдалъ ревматизмомъ и особенно—головы, золотухой и чахоткой.

[2]) Рукописныя замѣтки современника.

раскольничій священникъ Хламовъ, склонявшійся къ единовѣрію и другіе. Изъ нихъ наибольшую роль игралъ Петровъ, который былъ въ этомъ случаѣ непосредственнымъ исполнителемъ воли преосвященнаго и посредникомъ между нимъ и раскольниками. «Ваше дѣйствованіе на пользу церкви было *похвально*»; «я благодаренъ вамъ за ваше *усердное дѣйствіе* въ обязанности на васъ возложенной»,—неоднократно въ томъ-же духѣ писалъ къ нему Гедеонъ.

Въ достиженіи своей цѣли преосвященный старался дѣйствовать мѣрами чисто нравственными. «Сношенія съ полиціей должны быть оставлены. Мнѣ желательно, чтобы вы болѣе *сблизились* съ ними, заслужили у нихъ *довѣріе*, болѣе уступая, нежели настаивая, дабы вышелъ результатъ: cedendo victor abibis. Надобно въ разговорахъ отдѣлять существенное отъ несущественнаго, корень вѣры и обряды вѣры, надобно обращать ихъ къ положеніямъ вселенскихъ соборовъ, а не къ помѣстнымъ. Надобно доказывать, что литургія у нихъ должна отправляться не скрытно, а явно, не бѣглымъ, а законнымъ священникомъ. Впрочемъ, что и какъ должно съ ними бесѣдовать, *благоразуміе*, руководимое изданными книгами, должно руководить и васъ. Часто бесѣдуя, можно узнать, на чемъ они преимущественно стоятъ»..., писалъ Гедеонъ Петрову. «Желаю, чтобы вы чаще у нихъ бывали и *духомъ кротости* старались преклонить ихъ». «Уговорите раскольниковъ, но безъ всякой *настойчивости, приличіе и кротость*—лучшіе проводники къ ихъ упорнымъ мыслямъ». «Правительству угодно, чтобы мѣрами *кротости*, мѣрами *убѣжденія* достичь предположенной цѣли»; «въ этомъ случаѣ потребно *благоразуміе*». Такого рода совѣты и наставленія даетъ преосвященный почти въ каждомъ писмѣ.

Извѣстенъ вообще религіозный фанатизмъ раскольниковъ и закоснѣлость ихъ въ старинѣ; при такихъ условіяхъ внѣшнія, принудительныя мѣры не только, разумѣется, не могли-бы привести къ цѣли, но скорѣе раздражали-бы раскольниковъ и испортили дѣло въ конецъ. Не преслѣдованія-ли староверовъ и довершили дѣйствительно то, чему положено начало исправленіемъ книгъ? Мѣры кроткія, гуманныя въ этомъ случаѣ единственныя и самыя дѣйствительныя; прибѣгая только къ нимъ, Гедеонъ старался быть послѣдовательнымъ и дѣйствовать осмотрительно и осторожно. И все-таки обращеніе кременчугскихъ раскольниковъ шло весьма туго, встрѣ-

чая съ ихъ стороны всевозможнаго рода преграды и противодѣйствія; извѣстная часть ихъ если и соглашалась на присоединеніе, то предъявляла слишкомъ непомѣрныя требованія и условія соглашенія, на которыя правительство и церковь согласиться не могли. Раскольники сверхъ того проявляли крайнее непостоянство и всегда поэтому внушали къ себѣ недовѣріе. Самое главное, на что раскольники долго не могли согласиться, это имѣть «священника въ зависимости отъ епархіальнаго начальства и воспоминать, гдѣ слѣдуетъ, святѣйшій синодъ». «Жаль, что правыя дѣла о кременчугскихъ раскольникахъ *остановились*. Надобно дать имъ направленіе благое». «Удивляюсь, что *нескоро* раскольники могутъ пристать къ пристани. Волнуются отъ своего невѣдѣнія, а еще болѣе отъ неблагонамѣренности нѣкоторыхъ лицъ». «Желательно, чтобы былъ положенъ конецъ заботамъ о раскольникахъ. Удивляюсь, какъ они приходятъ къ концу и отходятъ отъ него почти въ тоже время; видно, что путь въ царствіе Божіе труденъ, но намъ слѣдуетъ трудности преодолѣвать». «Удивительно, какъ плевелы не скоро искореняются»: писалъ владыка.—Въ виду крайняго упорства и непостоянства раскольниковъ, въ виду предъявленія съ теченіемъ времени со стороны раскольниковъ новыхъ и новыхъ требованій, Гедеонъ, чтобы только положить начало обращенію ихъ, изъявлялъ готовность на многія уступки и потому писалъ Петрову: «Обѣщайте раскольникамъ все, что имъ нужно, только чтобы они вошли въ союзъ съ церковію». Не успѣхъ и противодѣйствіе со стороны раскольниковъ побуждали Гедеона къ уступкамъ, но не ослабляли однако его энергіи и не приводили въ отчаяніе. «Не смотрите на противодѣйствія, писалъ онъ, дѣлайте, дондеже день есть. Насаждайте и и поливайте, а Богъ возраститъ». Непосредственно съ своей стороны Гедеонъ писалъ воззванія къ раскольникамъ, текстъ которыхъ, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ, какъ равно неизвѣстно, какое впечатлѣніе на раскольниковъ произвели эти воззванія.

Наконецъ, обращенію раскольниковъ было положено начало. Отъ 29 марта 1840 г. Гедеонъ писалъ Петрову: «Вы, я думаю, уже давно получили копію съ указа о кременчугскихъ раскольникахъ касательно обращенія часовни (раскольниковъ «часовенныхъ») въ церковь». А въ слѣдующемъ году (отъ 11 іюля) писалъ: «Дѣло о раскольникахъ кременчугскихъ рѣшалось; но вышло затрудненіе.

Устранить его будетъ зависѣть отъ благоразумнаго вашего дѣйствія вмѣстѣ съ о. Протопоповымъ. Рѣшено присоединить ихъ и дать имъ священникомъ о. Алексѣя». Отъ 28 августа 1842 г. владыка снова увѣдомляетъ: «Дѣло о кременчугскихъ раскольникахъ рѣшено и секретно дано мнѣ знать. Это дѣло теперь окончательно должно быть рѣшено генералъ-губернаторомъ».—Но всѣ эти успѣхи пока были только на бумагѣ, или, по крайней мѣрѣ, самая незначительная часть раскольниковъ съ твердою рѣшимостію вступила въ единовѣріе, масса-же продолжала упорствовать и колебаться. Не взирая на мѣры «благоразумія» и на «осторожность», съ какой велось дѣло, раскольники оказали даже насильственное сопротивленіе при исполненіи правительственнаго рѣшенія и не хотѣли «отдать ключей» отъ часовни, въ Крюковѣ также произведено было возмущеніе. Эти обстоятельства «заставили принять еще большую осторожность, дабы не вышло непріятныхъ послѣдствій». «Раскольники всѣ остаются по прежнему при своихъ непостоянныхъ мысляхъ, то рѣшаются, то отказываются, то желаютъ, то не желаютъ. Прискорбно, что они и доселѣ держутъ покрывало на своей душѣ и не хотятъ видѣть свѣта православной вѣры. Но все есть надежда имъ вразумиться. Господь многомилостивъ. Не ослабѣвайте въ своихъ дѣйствіяхъ, только съ осторожностію»,—писалъ преосвященный.

Какъ-бы то ни было, но преосвященный Гедеонъ достигъ своей цѣли: существующая нынѣ въ Кременчугѣ *единовѣрческая церковь* есть именно плодъ его дѣятельности. Послѣ всякаго рода невзгодъ по этому дѣлу, онъ въ 1845 г. съ особенною радостію писалъ: «Настало время по благословенію Божію, когда посѣянное должно было взойти и плодъ принести. Обращеніе часовенныхъ есть утѣшительное и радостное событіе для церкви и для насъ. Надѣюсь, что они всѣ войдутъ въ церковь»...

Вотъ тѣ условія, предложенныя Гедеономъ, потомъ измѣненныя и утвержденныя св. синодомъ, по которымъ состоялось обращеніе раскольниковъ:

1) «Часовню признать единовѣрческою, если освящена дѣйствительнымъ священникомъ и разрѣшить въ ней совершеніе божественной литургіи, по совершеніи освященія воды и по молитвѣ на обновленіе храма».

2) Антиминсъ, если не настоитъ сомнѣнія, что онъ есть патріаршаго освященія и если присоединяющіеся по совѣсти убѣждены, что онъ сохраненъ въ неприкосновенности освященія, оставить на своемъ мѣстѣ, а для служенія на престолѣ положить *илитонъ* (платъ или обвертка антиминса), съ изображеніемъ креста, который изображенъ въ старопечатныхъ книгахъ на антиминсѣ.

3) Если-же о сохраненіи святости антиминса окажется сомнѣніе: то, оставивъ его на своемъ мѣстѣ внутри престола, или обрѣсти другой патріаршаго-же освященія, или устроить новый по рисунку, находящемуся въ старопечатныхъ книгахъ и по старопечатной-же книгѣ освятить съ положеніемъ въ него св. мощей.

4) Священника единовѣрческому обществу избирать изъ великороссіянъ въ полтавской или въ другихъ епархіяхъ и объ избранномъ входить съ прошеніемъ къ преосвященному полтавскому, а ему, если выборъ сдѣланъ въ другой епархіи, сноситься съ епархіальнымъ архіереемъ и по сему сношенію, если избранный надеженъ, опредѣлять его къ единовѣрцамъ.

5) Въ случаѣ проступковъ единовѣрческаго священника единовѣрцы обращаются съ жалобою къ преосвященному полтавскому, который по личномъ разсмотрѣніи исправляетъ его приличною епитиміею; а если проступки важны и единовѣрцы не желаютъ болѣе имѣть его, отрѣшаетъ отъ ихъ церкви и препровождаетъ въ консисторію для дальнѣйшаго о немъ разсмотрѣнія.

6) При богослуженіи воспоминать благочестивѣйшаго Государя и Высочайшую фамилію, и святѣйшій Синодъ, и епархіальнаго преосвященнаго на ектеніяхъ, какъ положено въ старопечатныхъ книгахъ, а на великомъ входѣ поступать, какъ въ сихъ-же книгахъ положено.

7) Старосту церковнаго избираетъ общество и утверждаетъ преосвященный.

8) Строительныя и хозяйственныя исправленія по церкви производить по согласію общества, а въ важныхъ случаяхъ и по благословенію преосвященнаго.

9) Церковную сумму никуда не отбирать [1]).

«Видите, присовокупляетъ Гедеонъ, что старообрядцамъ еще въ нѣкоторыхъ условіяхъ сдѣлано снисхожденіе, а особенно относительно антиминса».

Иванъ Матченко.

---

[1]) Письмо Гедеона безъ обозначенія времени.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ О. М. ГЛАДКОМЪ И ВОЗВРАТИВШИХСЯ СЪ НИМЪ ЗАПОРОЖЦАХЪ.

Въ первыхъ числахъ апрѣля сего года представился мнѣ случай объѣхать прилегающую къ границамъ харьковской и екатеринославской губерній часть константиноградскаго уѣзда губерніи полтавской, по рр. Берестовой и Орели. Территорія эта, по описанію Арандаренка [1]), составляла границу Украйны, съ непрерывнымъ валомъ и крѣпостями, построенными въ 1730 г., и входила въ составъ орельской паланки запорожской Сѣчи.

Изъ Петровки до Старовѣровки (около 30 вер.) возницей моимъ былъ содержатель обывательскихъ лошадей петровскаго сельскаго общества. За неисправностію моста на р. Берестовой, пришлось ѣхать по луговой сторонѣ, такъ что возвышенная степная равнина оставалась далеко отъ проселочной дороги. Замѣтивъ въ степи особеннаго рода земляныя насыпи, отличающіяся отъ обычныхъ могилъ, я спросилъ возницу, съ цѣлію вызвать его на разговоръ:

— Що то за могилы таки довги генъ у степу?

— Онъ-то? переспросилъ онъ, указывая рукой. То-жъ, бачите, колись була крипость Иванъ-городъ,—така якъ отъ у Костянтини [2]), та й у Парасковеи. Тутъ-же йшла украинська линія, чи кардонъ, скризь по Берестовій та по Орели ажъ до самого Диця. А хиба-жъ вы не бачили тихъ валивъ, що потяглися степомъ кудысь далеко у харькивську губернію, та перескакують черезъ Орель и пишли геть на Катеринославщину? Багато вже валивъ та могилъ порозъорювали, та пороскопували, та й крипостямъ тожъ така шана, бо звисно якъ воно безъ догляду.

День выдался свѣтлый, теплый; молодая зелень озимыхъ посѣвовъ и сѣнокосовъ едва стала развиваться; проселокъ плохо былъ накатанъ, да и возница не обнаруживалъ склонности къ побужденію своихъ коней, двигавшихся «пидтюпцемъ». У меня явилось желаніе вызвать разсказы и воспоминанія возницы о запорожцахъ. Я завелъ разговоръ на эту тему—и мой возница замѣтно оживился, не безъ

---

[1]) Записки о полтавской губерніи, ч. III, стр. 258—362.

[2]) Такъ обыкновенно мѣстные крестьяне называютъ Константиноградъ.

достоинства упомянувъ, что ему приходилось видѣть «справжнихъ» запорожцевъ.

— Дуже цикаво знати: де-жъ то й коли доводилося вамъ бачити справжнихъ запорожцивъ?

— Э, воно вже давненько таки й діялося: мабудь рокивъ зъ пивсотни буде. Та буде, буде... соображалъ возница вслухъ: у тридцять третьему... такъ-же... пьятдесятъ; та вже колы вамъ такъ любопытно, то треба розказати; тильки й позабувалося багато.

— Мого таки батька тесть—мій дидъ значить по матери, зайшовъ ажъ пидъ Марнополь (Маріуполь), та й оселився тамъ, а мій батько жили тутечки у Петривцяхъ, на своему грунти. Якъ попидростали хлопци,—а насъ у батька було зъ чотыри,—то стало сутожно на землю. Отъ, тесть—чи черезъ людей переказувавъ, чи письмо засылавъ, того вже певно не докажу,—почавъ кликати мого батька до себе: прибувай лишень, сыну, до мене, бо хлопцивъ у тебе чимало, то тутъ швидче роскобижкаешся: тутъ таки й на землю довилишъ, та й хлопцямъ буде кращый заробитокъ. А пидъ той случай пидскочивъ голодный 33-й годъ. Отъ, батько бачитъ, що вже мовлявъ не перелевки, та ото зибралися, та й переихали зовсимъ туды, до тестя значить. А винъ оселився у Новомикильскій слободи (за 18 вер. одъ Марнополя), та й проживъ тамъ либонь годъ зъ 15. Якъ переихали мы, то вже застали у слободи й тихъ запорожцивъ, що звернулися зъ Турещини пидъ нашого царя. Було росказують батько та й слобожане стари, що запорожци надумалися покинути Сичу десь за Дунаемъ, та стали прохатися знову на Вкраину; дакъ ото й прийшовъ приказъ видъ царя, щобъ значить запорожци оселялися у слободахъ Новомикильскій та Новопокривській. Потимъ стали вертатися запорожци зъ Турещины, а зъ ними Ёсипъ Михайловичъ Гладкій, що правивъ у Сичи за кошового. Почали вони селитися на слободахъ, а Гладкому дано було кількись сотъ десятинъ степу биля Новомикильской слободы, и винъ оселився хуторомъ такъ—у вершини балки, а слобода потяглася дали внизъ. Пожили батько трохи у тестя, а потимъ Гладкій таки покликавъ до себе на хутиръ. А я бувъ тогди не величкимъ пидросточкомъ—здаетця годивъ зъ десять було, та отдали мене батько за пастушка до слобидськои громадськои ватаги. Було якъ хожу зъ вивцями по степу, то частенько оце бижить Гладкій

визкомъ, та якъ забачить мене, то заразъ зупинить коня, та й погутарить. Та такий бувъ моторний та любопытный: роспитуе про всячину, а часомъ пошуткуе, а найпаче було наказуе мени, щобъ гараздъ роздивлявся по степу та замичавъ, де яка могилка чи горбикъ, або-що, значить щобъ не заблудивъ. Винъ бувъ не дуже высокого зросту, але такий у соби огрядный, великий, а волосся ему совсимъ сиве стало, та вусы таки довги, наче оселедци высили, а бороду голивъ. Балакавъ винъ зовсимъ по простому й ходивъ по будняхъ у жупани, а пидъ свято прибирався въ мундеръ съ палетами, якъ охвицеры. Спершу багатенько запорожцивъ було по слободахъ; ходили вони тежъ у синихъ жупанахъ, ще й на плечахъ маіорили попришивани други рукава кармазинови, та й телипалися, або инши було затыкають за поясъ. Тильки щось не довго маіорили тіи кармазинови рукава: якъ стали служити запорожци зъ москалями та воювати зъ черкесами, дакъ було одказано, щобъ значить не носили кармазиновыхъ рукавивъ черезъ те, що либонь ихъ далеко було видно, а черкесы набачять, та зъ очеретивъ або зъ-за скель стриляли здорово, та багато побивали.

Зъ тихъ запорожцивъ, що перебралися на слободы, де-яки поприходили зъ Турещины зъ посимействами; инши трохи обашморилися та поженилися й стали хазяинувати; отъ-же билше було такихъ, що повешталися на слободахъ, та й покрылися знову у дычу, а де-яки пишли служити по флотахъ. А тихъ, що зосталися по слободахъ, потимъ поростикали по троху по крипостяхъ, а иншихъ попровадили за Ковбаню. У Новомикильскій слободи, якъ прыйшли запорожци, була вже крипость, острогъ, та й горниць понастроювали; тамъ ото й жили де-яки запорожци. Згодомъ Гладкій переихавъ у Петривську крипость, та туди вже перебралося посимейство й родичи Гладкого, а потимъ тамъ зостався ёго старшій сынъ, а старый переихавъ либонь у катеринославську губерню, та тамъ и вмеръ. Чутно було, що царь наградивъ ёго генеральськимъ чиномъ, и винъ бувъ якимъ-сь генералъ-литинантомъ. Якъ винъ переиздивъ у Петривську крипость, той мій старший братъ бувъ у ёго годовымъ наймитомъ; а якъ ёму треба було говити, то батько посылали мене на перемину. Доводилося бувати у Гладкого у господи,—тильки до горниць не ходивъ я, а було ночую звисно тамъ зъ наймитами та кучеромъ.

— Ну, а ще-жъ не чували: якъ-же то Гладкій съ запорожцями живъ у Турещини, та якъ вони вернулися на Вкраину?

— Ге, де-бъ то не чувъ: таки й батько, й инши було гомонять; про те мени не звисно, чи воно такъ, чи не такъ. Балакали бачите, що якъ зайшло страженіе у 29-му годи, дакъ салтанъ турецькій потребувавъ запорозське військо на пидпомогу—руськихъ воювати. А Гладкій мабуть надумавъ зробити змину бусурманови. Отъ, позбиравъ запорозьцивъ, сказавъ що таке—й таке дило, й звеливъ выступати въ походъ у яке тамъ мисце. На дорогу напапувавъ ихъ добре та й вырядивъ, а самъ ще чогось дома зостався. Пишли вони, а Гладкій вже десь тамъ догнавъ, та давай смотръ робить; коли се якъ начинить репету, що, каже, вы пьяни выходили, та й я бувъ не тверезый—къ лихій матери забулися взяти бунчука (таке знамено давъ имъ салтанъ). Выбатькувавъ ото зъ серця, та звеливъ війську йти дали, а самъ побигъ назадъ за бунчукомъ бы то. Прибигъ отъ до Сичи, та счинивъ бунтъ, що буцимъ-бы запорожцямъ нема миста, бо Росія надходить и зруйнуе Сичъ та позабирае запорожцивъ у плинъ. А винъ вже попереду змовився зъ де-якими товаришами, щобъ вырядити військо, а тогди счинити веремію—значить, щобъ швидче передалися пидъ нашого царя. Пишла колотнеча та галасъ помежъ черню сичевою, а Гладкій смеркомъ пишовъ зъ товаришами до батюшки, щобъ одчинивъ церкву та выдавъ бунчука, та почавъ присоглашати й батюшку передатися у Россію. Пипъ на те не згожувався, але якъ вони до ёго пристали добре, то винъ давъ ключи одъ церкви й сказавъ: робите, що хочете, абы мене не займали. Вони забрали бунчука, а батюшци сказали, що коли винъ не пристае до гурту, то гиринъ ёму буде, та взяли та й заперли ёго у комирчини биля церкви, а сами позабирали що треба, та поихали у каюкъ й поплыли на озеро, та поховалися по очеретахъ, щобъ бачиты, куды буде черня двигатись: чи за своимъ військомъ, чи згодятця передатися у Россію. Якъ заляментувавъ батюшка у комирци биля церкви, то звисно люде заразъ позбигалися та отбили замка, а батюшка й розказавъ, яка приключка вчинилася. Отъ ще билинъ пилновъ бунтъ та галасъ; людей зійшлось багацько й почали миркувати та радитись. Побачили, що Гладкій зробивъ змину, бо запорожци пишли у походъ, а черню сичову й боронити никому, може й зосталося тамъ кильки

збройнихъ воякъ. Цилисиньку ничъ прокалатали на ради, той теен спива, а той иншои заводе: значить, де-яки згожувалися передатися пидъ нашого царя, а инши казали зостатися тамъ, щобъ не вовтузатися зъ мизеріею. Про те мовлявъ не знали, на яку й ступить. Сподивалися великого лиха видъ бесурменивъ, коли вони довидаютця, що Гладкій змиливъ, та й видъ москаливъ не безъ халепы буде, якъ набижять руйнувати сичовикивъ. Тимъ часомъ почали хапати збижжя та вкладатися. Отъ де-яки выряжалися слидкомъ за своимъ військомъ, а билиъ було такихъ, що зносили та звозили добро, та худобу гнали до Дунаю. Понагружали кильки можна на каюки, та поховалися по островахъ по Дунаю. Тогди Гладкій зъ товаришами, розслухавшись та роздививши гарненько, выплывъ своимъ каюкомъ зъ озера на Дунай ричку, та й попровадилися вони, не докажу вже у яку крипость, до москаливъ. Ого тамъ Гладкій погуторивъ зъ начальниками, росказавъ по якихъ островахъ зибралася запорожська черня, та й послали московськи судна, щобъ позабирали людей зъ збижжямъ. Тогди вже поперевозили чи у Браиловъ, чи въ Очакивъ. Якъ подали звистку до війська, то й тамъ тежъ пишла колотнеча та клопитъ, що Гладкій зробивъ змину. При війську не було ни кошового, ни бунчука— то клопоталися, що безъ бунчука не можна й зъявитися до турецького начальника. Де-яки згожувалися вертатись та приставати до москаливъ, а инши тягли руку за турка,—бачте, щобъ не ламати присягу. Казали, що запорожци не то поспорилися, а й побилися помежъ собою, та й роздилилися: одни пишли до Дунаю, та москали поперевозили зъ народомъ, а частина зосталася таки у Турещини. Тильки либонь вже имъ бесурмены виры не йняли и не пустили воювати зъ москалями, а посажали десь по крипостямъ; та вже якъ выйшло замиреніе, то ажъ тогди де-якихъ потребувавъ нашъ царь, бо й вони стали прохатися до гурту.

Частенько було росказують слобожане, що запорожьци були жвави козаки, та велики митци брати крипостя. Шось довго таки прожили вони у Турещини, та завжде нипнорили по надъ Дунаемъ, то вже звисно знали добре та гараздъ, де який перевизъ бувъ придобиниій, та й плавнями, то-що, куди способнишъ пробратися. Якъ воювали ото зъ туркомъ, дакъ нашъ царь запитавъ Гладкого: можешъ ты взяти оттаку й таку крипость турецьку? а

винъ-бы то одказавъ: а чому-жъ пакъ?—можу; я ін у три часа визьму.—Ну, смотри-жъ, приказавъ царь—бери військо та справляйся гараздъ. А тая крипость була на гори надъ Дунаемъ трохи въ степъ. Скризь по гори позаростав густый лисъ, а по низу плавни тяглися до Дунаю зъ кущами та гниловодами,—значить грузьке та непридобне мисце. Отъ, турецькій кардонъ ходивъ по гори та по-надъ лисомъ, а про плавни й байдуже, бо дуже грузько було. А Гладкій то добре розгледивъ та й назнавъ путненькій переездъ; насажавъ москаливъ на судна та й поплывъ Дунаемъ до того переезду, а потимъ потихеньку перебралися плавнями та й поховалися у лиси й започували тамъ. Тильки-жъ Гладкій у досвита раненько звеливъ рушати та обійти лисомъ геть на степъ, та наближатися до крипости, а самъ зъ де-якими пищечкомъ выкрався зъ лиса та надибавши турецьку сторожу й порізавъ; потимъ наближився до крипости, а війська чимало ще зоставивъ у лиси, поки судъ та дило. Коли се ранкомъ одчинилася у крипости брама й почали люде вештатись сюды та туды, а Гладкій якъ гукнувъ на своихъ, та раптово якъ кинулися на штурму, дакъ не дали й брамы зачинити, а тутъ подоспила и подпомога, та якъ заходилися гуртомъ, то побили туркивъ та й крипость забрали. Оце такъ гомонили слобожане, та й запорожци тежъ розсказували, що по-надъ Дунаемъ вони додивилися навить до кожного кущика, бо завжде тамъ то рыбу ловили, то звиря та птицю добували. Вони й межъ москалями мали велику повагу, бо проводили скризь, де придобнити мисця. Поки воювали зъ туркомъ, та якъ треба було йти куди війську, то старший начальникъ покличе запорожцивъ, та й приказує тамъ полковникамъ то-що, щобъ вони слухали запорожцивъ—то ото вже они й радилися зъ начальниками та порядкували: куди й коли йти.—Отъ-таки то були запорожци! заключилъ мой возница.

Разсказъ показался мнѣ довольно интереснымъ; хотѣлось воспроизвести его по возможности подлинными словами. Я сталъ припоминать болѣе оригинальныя слова и выраженія и просилъ повторить нѣкоторыя. Замѣтивъ особенное вниманіе къ разсказу, возница повидимому недоумѣвалъ: по чему меня такъ интересуетъ разсказъ его и отдѣльныя слова. Пришлось отчасти растолковать этотъ вопросъ, а между тѣмъ, пользуясь поднявшимся

вѣтеркомъ, мѣшавшимъ зажечь спичку, я сказалъ пріостановить лошадей, и, вставъ съ воза, приспособился закурить папиросу; съ тѣмъ вмѣстѣ досталъ карандашъ и записную книжку, а изъ связки съ подушкой импровизировалъ письменный столъ и принялся записывать. Возница смущенно и даже съ безпокойствомъ поглядывалъ на меня и очень нерѣшительно повторялъ нѣкоторыя интересовавшія меня выраженія. «И на що ото вы пишете?»— промолвилъ онъ. Отъ бачъ,—коли-бъ бувъ знавъ таке, то й не росказувавъ-бы, а то ще, чого доброго, потребуютъ до Петербурга, або-що». Съ трудомъ удалось мнѣ разувѣрить возницу въ неосновательности его тревогъ и безпокойства, такъ что онъ повторилъ почти весь разсказъ, а я наскоро записывалъ. Возница съ любопытствомъ слѣдилъ за процессомъ записыванія и замѣтивъ, что я исписалъ уже нѣсколько страничекъ, просилъ ѣхать скорѣе, чтобы засвѣтло добраться до Старовѣровки. Все таки мнѣ удалось воспроизвести цѣликомъ болѣе характерныя слова и выраженія, но чтобы не возбуждать сомнѣній, я не счелъ умѣстнымъ спросить имя и фамилію повѣствователя. Мы проѣхали еще верстъ съ десятокъ или больше, я все-таки отъ времени до времени возобновлялъ въ памяти то или другое выраженіе, и возница, добродушно ухмыляясь, иногда дѣлалъ поправки или утвердительно поддакивалъ. Вотъ тѣ бѣглыя замѣтки, которыя были набросаны мною при оригинальной обстановкѣ.

В. Василенко.

ЧЕРТИ ВЪ ПРОДАЖѢ.

Перестала съ нѣкотораго времени «Кіевская Старина» помѣщать что-либо о преосв. Анатоліѣ Мартиновскомъ, архіепископѣ могилевскомъ, что-либо изъ его любопытнѣйшихъ писемъ, записокъ, проэктовъ. Горячій былъ ревнитель своего пастырскаго долга, многолюбящій человѣкъ. Помню живо рисовавшія его «Архіерейскія печали» (Кіев. Стар. 1882 г., майск. кн.), помню теплую, сердечную статью о немъ доктора Пирожкова (Кіев. Стар. 1883 г., іюль, стр. 573—578). Многое она напомнила мнѣ объ этомъ достойнѣйшемъ пастырѣ церкви, уснувшемъ преждевременно въ бессарабскомъ гербовецкомъ

монастырѣ. Какъ землякъ и соученикъ пр. Анатолія, я помню многое изъ его жизни; но старость, живущая воспоминаніями, въ самой себѣ носитъ препону къ записыванію и передачѣ другимъ того, что живо иногда сохраняетъ ея память. Живя въ Кишиневѣ, я часто переписывался по дружески съ умершимъ архимастыремъ. Много жизни и отрады вливали въ душу его письма. Набралось ихъ у меня очень много; но однажды постигъ меня тяжкій недугъ, и я, опасаясь, чтобы они не попали подъ недостойную критику, всѣ сжегъ; одно только не подверглось этой участи, которое взято отъ меня г. Маціевичемъ и напечатано въ одной изъ книжекъ «Трудовъ кіевской духовной академіи».

Да, архіепископъ Анатолій былъ мужъ дѣла, другъ ближнихъ и паствы своей, человѣкъ очень популярный. Хочу почтить память его передачею одного изъ тѣхъ характерныхъ разсказовъ, которыхъ много приходилось мнѣ слышать отъ него.

Разсказывалъ онъ мнѣ однажды много и долго о томъ, какъ въ старое наше время всякое полицейство вело себя нестерпимо по разнымъ закоулкамъ въ уѣздахъ. Въ ближайшемъ отношеніи къ населенію стоялъ *становой* и онъ-то всюду давалъ чувствовать себя, придираясь безвинно ко всякому и вынуждая ублажать его на каждомъ шагу. О взяточничествѣ того времени трудно теперь и понятіе себѣ составить; но чинами уѣздной полиціи, которые всегда почти были изъ поляковъ и были на откупѣ у помѣщиковъ, руководило не одно корыстолюбіе въ дѣйствіяхъ ихъ относительно православнаго населенія, особенно-же его пастырей—православныхъ священниковъ. Вступись священникъ за угнетаемыхъ крестьянъ, помоги имъ совѣтомъ или разъясненіемъ, тутъ уже не отстанетъ отъ него становой и доймет его доносами и придирками по всякимъ дѣламъ— о вымогательствѣ за требы, о передержательствѣ безпаспортныхъ, о сыченіи меду въ праздники, о погребеніяхъ раньше узаконеннаго 3-хъ дневнаго срока, пропускѣ молебна въ табельный день и проч. и проч. Одному изъ священниковъ такъ надоѣлъ становой, что онъ обратился къ преосвященному Анатолію съ просьбою защитить его отъ несносныхъ поступковъ этого полицейскаго чиновника. Преосвященный поѣхалъ къ губернатору, расказалъ ему жалобу священника и просилъ поступить съ становымъ по строгости законовъ. Губернаторъ согласился удовлетворить это ходатайство и отвѣтилъ,

что онъ переведетъ виновнаго въ другой станъ и на мѣсто его опредѣлитъ изъ другаго уѣзда. Тогда, разсказывалъ преосвященный, я попросилъ губернатора выслушать такой анектотъ на подобный случай.

Въ одно мѣстечко въ базарный день пріѣхалъ изъ сосѣдней деревни какой-то шляхтичъ. Бродитъ онъ по базару, ища нужное для себя; идетъ между прочимъ туда, гдѣ рядами расположились такъ называемые «перекупки». Видитъ, сидитъ женщина въ ряду безъ всякаго товара, но сидитъ также въ ожиданіи покупщиковъ, какъ и другія. Любопытство взяло шляхтича и онъ спросилъ ее:

— А что-же ты здѣсь сидишъ, когда у тебя ничего нѣтъ для продажи?

— Якъ ничого, пане?

— А гдѣ-же твой товаръ? тутъ ничего не видно.

— Есть, пане, тутъ у мишку, видо мною.

— А что-же тамъ у тебя въ мишку?

— Чортяки! чортякъ продаю.

— Гм! а по чемъ продаешь?

— По три шаги, по шисть копійокъ, пане.

— Ну, выбери-жъ мнѣ, да самаго лучшаго.

— Э, пане, не безпокойтесь, все одно: якого чортяку не визьмете, все буде чортяка, якъ и други!

Губернаторъ, добавилъ преосвященный, многозначительно взглянулъ на меня, дружелюбно улыбнулся и тотъ часъ позвавъ своего правителя канцеляріи, распорядился произвести разслѣдованіе о поступкахъ становаго и вообще съ тѣхъ поръ зорко сталъ слѣдить за дѣйствіями чиновъ уѣздной полиціи и принимать рѣшительныя мѣры къ ограниченію ихъ произвола и насилія, не ограничиваясь одними перемѣщеніями.

Коллеж. Совѣт. **Прибыльскій.**

СЛУЧАЙ ИЗЪ ЖИЗНИ Н. И. КОСТОМАРОВА.

Въ 1-й майской книгѣ «Нови» помѣщены воспоминанія о Костомаровѣ П. Кулиша за долгій промежутокъ времени отъ 40 годовъ и до конца 70-хъ. Если отбросить нѣсколько странный жаргонъ, который почему-то избралъ для этого случая «отецъ Пантелей-

моній», и тотъ субъективный тонъ, съ которымъ этотъ, по признанію якобы скончавшагося историка, «великій человѣкъ», разсказываетъ о «козаковавшемъ Николашѣ», то эти воспоминанія лица близкаго къ Костомарову даютъ все-таки цѣнный матеріалъ для біографіи нашего выдающагося писателя.

Желая и съ своей стороны принести хоть маленькую ленту на дѣло выясненія разныхъ случаевъ изъ жизни Костомарова, передаемъ для будущаго его біографа воспроизведенный и г. Кулишемъ разсказъ, но по варіанту, слышанному нами отъ самого Н. И. Костомарова.

Было это въ 1874 г., когда, по словамъ г. Кулиша, старые знакомые «по разнымъ причинамъ видались рѣже прежняго». Главною причиною было конечно то, что г. Кулишъ хотѣлъ «переломать ребра Николаю Ивановичу» и былъ занятъ изданіемъ 1-го тома «Возсоединенія Руси»—не то историческаго сочиненія, не то памфлета, въ которомъ, гдѣ только была возможность, бранилъ Шевченка и Костомарова, называя послѣдняго то диллетантомъ и неумѣлымъ популяризаторомъ исторіи, то иноплеменникомъ, чуждымъ пониманія духа народной малорусской жизни. Книга была наконецъ изготовлена и вышла изъ типографіи. Костомаровъ успѣлъ уже ее прочесть, о чемъ кажется не зналъ Кулишъ. Встрѣтились прежніе друзья, какъ разсказываетъ и г. Кулишъ, въ императорской публичной библіотекѣ, обнялись и разцѣловались,—«по чину книжнаго иночества».

— Лобзаніемъ-ли, отче Пантелеймоніе, предаешь сына человѣческаго? спросилъ у г. Кулиша Костомаровъ послѣ этого и тѣмъ далъ знать ему, что уже прочелъ и самый томъ «Возсоединенія Руси», и рецензіи, которыя появились по его поводу въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и «Недѣлѣ».

Кулишъ, по разсказу Костомарова, постарался тотчасъ-же стушеваться.

Незабвенный нашъ историкъ передавалъ мнѣ этотъ маленькій эпизодъ изъ своей жизни съ игривымъ описаніемъ подробностей обстановки и передавая его, обыкновенно хохоталъ до упаду.

N.

КАКЪ САЖАЛИ ВЪ СТАРИНУ ЛЮДЕЙ СТАРЫХЪ НА ЛУБОКЪ.

Труднѣе представить, чѣмъ объяснить существованіе обычая, о которомъ хочу разсказать. Повѣрить-ли кто нибудь, чтобы людей живыхъ лица близкія къ нимъ, даже родныя дѣти или внуки обрекали на неминуемую голодную смерть? И не за какую либо вину, а единственно потому, что они состарѣлись,—не по чувству вражды, или минутнаго раздраженія, но въ силу обычая, унаслѣдованнаго съ незапамятныхъ временъ и поддерживаемаго нерѣдко всею сельскою общиною. А между тѣмъ такой обычай существовалъ въ мѣстахъ намъ родныхъ, и еще такъ недавно, едва не на нашей памяти. Людей старыхъ, не подававшихъ надежды на жизнь, бывшихъ въ тягость себѣ и другимъ вывозили въ зимнюю пору въ глухое мѣсто и опускали въ глубокій оврагъ, а чтобы при опусканіи они не могли разбиться, или-же задержаться на скатѣ, ихъ сажали на лубъ, на которомъ, какъ на саняхъ, они доходили до дна оврага. Отсюда и выраженія: «сажать на лубокъ», или «пора его на лубокъ». Практиковались и другіе болѣе какъ-бы гуманные способы примѣненія названнаго обычая—засаживаніе въ пусткѣ на печь, опусканіе въ пустую яму и проч.

На существованіе такого обычая въ недавнее сравнительно время я наткнулась, собирая, по предложенію покойнаго Александра Ѳедоровича Кистяковскаго, свѣдѣнія по его программѣ о «юридическихъ обычаяхъ и народныхъ воззрѣніяхъ по уголовному праву», по отдѣлу «вѣдовства и колдовства». Въ черниговской губерніи, въ глуховскомъ уѣздѣ, въ селѣ Землянкѣ отъ столѣтней почти женщины и 65 лѣтняго мущины пришлось мнѣ услышать слѣдующіе два разсказа, объясняющіе выраженіе: *сажать людей на лубокъ.*

Крестьянка Марфа Гутариха, родившаяся въ с. Землянкѣ 1787 г., † 1884 г. 23 декабря, разсказала мнѣ слѣдующее:

«Слыхала я въ молодости, что тогда сажали людей старыхъ на лубокъ, вывозили въ поле и оставляли ихъ тамъ умирать, но сама лично этого не видѣла. А когда это запретили, то такихъ за старостію уже неспособныхъ къ работѣ людей оставляли въ пустой хатѣ зимой, гдѣ они отъ голода и холода и умирали. Послѣдній такой случай на моихъ глазахъ былъ у насъ въ с. Землянкѣ

еще при *старомъ* Бартошѣ (помѣщикъ, † въ 1824 г.) Жила у насъ на Шульговкѣ (такъ называлась улица) старуха, вдова Тетяна Кобежка, безъ роду и племени. Пани Писарева, Екатерина Михайловна, уговорила Тетяну, чтобы она перешла жить къ ней во дворъ. Тетяна перешла, а ея хатка стала пусткою. Продержала ее пани не долго и какъ пришла зима, видитъ, что Тетяна не въ состояніи работать, то и велѣла одному изъ своихъ людей отвезти Тетяну въ ея хатку и посадить на печь, а тотъ такъ и сдѣлалъ. Гуляла я какъ-то съ дивчатами ночью на улицѣ, только слышимъ, кто-то у Кобежки въ хатѣ стонетъ и плачетъ; подошли мы послушать,— а то сама Тетяна на холодной печи безъ теплой одежи. Дождались мы утра и доложили пану. «Безсовѣстная Олексовна (Писарева, урожденная Алексенко)», сказалъ старый Бартошъ, и велѣлъ намъ пойти къ Тетянѣ и взять ее оттуда. Мы пошли, а она уже и Богу душу отдала. Бартошъ далъ *доску*, на которой и похоронили Тетяну. Тогда доски были дороже: лѣса было много, но не умѣли распиливать дерево на доски; потому «домовины» дѣлались только для богатыхъ людей, а бѣдныхъ хоронили, положивъ на одну доску, къ которой привязывали трупъ веревками».

Другой разсказъ передалъ мнѣ Наумъ Савченко, крестьянинъ той-же деревни (род. 1813 г., † 1881 г.).

«Слыхалъ и я, говорилъ онъ мнѣ, отвѣчая на распросы, что не такъ давно *сажали людей на лубокъ*, но не видалъ этого и Тетяны Кобежки не помню. А слышалъ только, отъ чего перестали людей на лубокъ сажать. Громада, какъ сами знаете, за всѣмъ у насъ смотритъ; такъ и въ этомъ дѣлѣ. А тутъ вышла такая оказія. Въ какомъ-то тамъ селѣ жила большая семья, а въ ней былъ отецъ такой старый да немощный, что самъ уже себѣ у Бога смерти просилъ. Сыновья никакъ не хотѣли сажать его на лубокъ, а громада все требовала. Вотъ они посадили «свого тата» въ пустую яму, гдѣ хлѣбъ ссыпали, а громадѣ сказали, что вывезли его въ поле и посадили на лубокъ. Прошло такъ довольно времени. Дѣти, извѣстно, жалѣли отца и кормили его. Наступилъ неурожайный годъ. Сыновья пошли къ ямѣ спросить у отца, что имъ дѣлать, чтобы родился хлѣбъ. Отецъ велѣлъ имъ весь озимый посѣвъ прикрыть на зиму слегка старой соломой. Дѣти такъ и сдѣлали, и у нихъ вышелъ богатый урожай, когда у другихъ снова былъ недо-

родъ. Громада диву давалась, почему сыновья такъ поступили, и пристала къ нимъ съ распросами. Нечего было дѣлать, пришлось признаться, что отецъ ихъ живъ и что онъ ихъ научилъ такъ поступить съ посѣвомъ. Тогда громада съ почетомъ вынула старика изъ ямы и съ той поры запретила сажать стариковъ на лубокъ».

Чѣмъ объяснить существованіе такого, повидимому, варварскаго обычая въ нашемъ малорусскомъ народѣ, извѣстномъ своею добросердечностію и человѣколюбіемъ, а также особою почтительностію и привязанностію дѣтей къ родителямъ? Ничѣмъ, мнѣ кажется, инымъ, какъ только именно этими-же самыми чувствами. Жизнь крестьянина много отлична отъ нашей, иные у него и взгляды на нее. Въ старину эта разница была гораздо значительнѣе. Въ исторіи нашего козачества и гайдамачества насъ поражаетъ это безстрашіе въ опасностяхъ и равнодушіе къ жизни. Эти качества вырабатывались вѣками подъ вліяніемъ самыхъ тяжелыхъ условій жизни и присущи были всему народу. Когда жизнь ничѣмъ не привязываетъ къ себѣ, не даетъ ничего, кромѣ нужды, горя и голода, какъ ею дорожить? Когда законъ жизни исполненъ, дѣти выращены и пристроены, а притупленные органы не даютъ возможности чувствовать жизнь, недуги-жъ старости, въ соединеніи съ нуждою и лишеніями, дѣлаютъ ее невыносимо тягостною, смерть является чѣмъ-то желаннымъ, упокоеніемъ, отрадою, которыхъ какъ милости вѣрующій человѣкъ проситъ у Бога. При такихъ условіяхъ ускореніе развязки съ жизнью, на взглядъ народа, на извѣстной ступени его развитія, является дѣломъ человѣколюбія, долгомъ естественной любви дѣтей и лицъ близкихъ. Иначе я не могу понять этого обычая, разъ онъ существовалъ, какъ удостовѣряютъ народные разсказы и преданія. На это наводитъ меня и самый способъ, которымъ помогали ускорить развязку съ жизнью, т. е. «сажаніе на лубокъ». Замерзаніе, какъ извѣстно, одна изъ самыхъ легкихъ и даже пріятныхъ смертей, а когда тѣло истощено и ничѣмъ не подкрѣпляется, самая смерть наступаетъ быстро. Если такимъ образомъ сажаемые на лубокъ считали это въ отношеніи къ себѣ дѣломъ благодѣянія, то сажавшіе безъ сомнѣнія были увѣрены, что исполняютъ долгъ человѣколюбія.

П. Литвинова.

ПАМЯТИ ОДНОГО КІЕВСКАГО ПЕДАГОГА.

2-го февраля сего года скончался въ Кіевѣ послѣ тяжкой, хотя непродолжительной болѣзни учитель кіевской 4-ой гимназіи *Николай Ѳеодосіевичъ Левицкій*. Объ учителяхъ у насъ не принято говорить, некрологовъ ихъ не пишутъ. Мы хотимъ нарушить этотъ неблагодарный обычай и почтить память Николая Ѳеодосіевича нѣсколькими словами, главнымъ образомъ, какъ учителя народнаго училища, какимъ онъ долго былъ, а онъ былъ здѣсь отраднымъ и рѣдкимъ исключеніемъ. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ странно какъ-то говорить о значеніи учителя для общества; но объ этомъ значеніи рѣшительно необходимо напоминать въ виду того очень и очень скромнаго положенія, какое занимаютъ наши учителя вообще и народные въ особенности. «Каковъ попъ, таковъ и приходъ», каковъ учитель, таково будетъ и то общество, въ которомъ онъ учитъ дѣтей. Недавно нѣмцы громко говорили, что побѣдой надъ французами они обязаны своему народному учителю. Умершій Н. Ѳ. Левицкій принадлежалъ именно къ такимъ народнымъ учителямъ, которые въ состояніи дѣлать завоеванія культурнымъ путемъ, если ихъ имя легіонъ. Онъ былъ рѣдкимъ, счастливымъ исключеніемъ изъ огромной сѣрой массы народныхъ учителей, учителемъ въ полномъ и святомъ значеніи этого слова, ученымъ спеціалистомъ-педагогомъ, какихъ у насъ, къ сожалѣнію, мало. Онъ ставилъ своей задачей не то, чтобы сообщить ученикамъ какъ можно больше всякихъ свѣдѣній и фактовъ, но чтобы сообщенное было усвоено ими, какъ существенно необходимое, легко, скоро и на долго. Этимъ-же духомъ проникнуты и всѣ его статьи по педагогикѣ и методикѣ преподаванія.

Родился Николай Ѳеодосіевичъ 27 мая 1819 года въ черниговской губерніи. Отецъ его, сынъ священника, по какимъ-то обстоятельствамъ воспитывался въ кіевской духовной семинаріи и, по окончаніи въ ней курса, послѣ неудавшейся попытки поступить въ медицинскую академію, дослужился скромной должности столоначальника кіевской духовной дикастеріи. Здѣсь онъ вскорѣ и умеръ, оставивъ двѣнадцатилѣтняго сына и не многимъ старшую дочь. Сострадательные люди пристроили мальчика сначала въ кіево-подольское духовное училище, а потомъ въ кіевскую семинарію на казен-

ный счетъ. Такимъ образомъ сиротство, нужды и лишенія окружали дѣтство и юность Николая Ѳеодосіевича, но они несомнѣнно развили въ немъ съ дѣтства любовь къ труду и наукѣ и настойчивость въ занятіяхъ. Вслѣдствіе крайней бѣдности матери и скудости казеннаго содержанія, Николай Ѳеодосіевичъ еще въ школѣ много времени отдѣлялъ на переписку, чтобы выработать что-нибудь на свои нужды и для пособія матери. Окончивъ на 23-мъ году семинарію и не чувствуя призванія къ обязанностямъ священнослужителя, онъ поступилъ въ кіевскій университетъ сначала на медицинскій, а потомъ на юридическій факультетъ. Но скоро крайняя нужда и безвыходное положеніе матери и сестры вынудили его отказаться отъ высшаго образованія и опредѣлиться на службу въ какую-то канцелярію. Въ чиновничьемъ мірѣ царили тогда взятки, водка и глубокое невѣжество, и Николай Ѳеодосіевичъ вскорѣ промѣнялъ канцелярскую службу на мѣсто школьнаго учителя въ г. Городнѣ черниговской губерніи, въ одномъ изъ тамошнихъ приходскихъ училищъ. Новымъ занятіямъ своимъ Николай Ѳеодосіевичъ отдался всей душей, посвящая свободные отъ занятій часы на удовлетвореніе томившей его жажды знанія. Мы не знаемъ, какой родъ книгъ избиралъ онъ для чтенія въ это время; но судя по первымъ его работамъ, предназначавшимся для печати, должны заключить, что мысль его была занята предметами религіозными. Это было не только послѣдствіемъ полученнаго имъ въ духовной школѣ направленія, но и потребностію искренно и глубоко-вѣрующаго христіанина, какимъ мы его знали во всю остальную жизнь. Съ другой стороны велико должно было быть въ немъ стремленіе къ просвѣщенію, если, сидя въ глухомъ уѣздномъ городкѣ, весь поглощенный службою и матеріальнымъ недостаткомъ, онъ успѣлъ написать три довольно обширныя статьи:

1) Жизнь и перенесеніе мощей святителя Филиппа, митрополита московскаго и всея Россіи.

2) Мысли о христіанствѣ и доказательство его истинности, соч. Дроза. Переводъ съ французскаго.

и 3) Краткое изъясненіе Христовой заповѣди о блаженствѣ.

Труды эти, бывъ представлены по начальству для препровожденія въ цензурный комитетъ, не получили одобренія и разрѣшенія со стороны этого послѣдняго, но просмотрѣнные предварительно ди-

ректоромъ народныхъ училищъ, невольно расположили его въ пользу автора. Литературныя занятія приходскаго учителя въ 1848 г., были конечно фактомъ исключительнымъ, и директоръ Невѣровскій письменно просилъ смотрителя изъявить учителю Левицкому «полную и совершенную его признательность за столь полезное и благородное употребленіе своего досуга».

Неодобреніе тогдашнею цензурою первыхъ литературныхъ опытовъ Н. Ѳ. Левицкаго не умаляло относительнаго ихъ достоинства, но свидѣтельствовало лишь о строгости и нѣкоторой исключительности тогдашнихъ цензурныхъ правилъ. Такъ первая рукопись потому не разрѣшена къ печати, что «христіанскіе читатели довольствуются извѣстнымъ на славянскомъ языкѣ житіемъ святителя Филиппа»; во второй рукописи, заключающей въ себѣ опроверженіе возраженій противъ христіанства, дѣлаемыхъ французскими деистами, возраженія признаны слишкомъ дерзкими, а опроверженія очень слабыми; третья-же рукопись, подвергшаяся наиболѣе подробному разбору цензурнаго комитета, хотя найдена «душеполезною вообще по многимъ назидательнымъ мыслямъ», но не одобрена къ печати потому, что «содержала не мало погрѣшностей, противныхъ или требованіямъ вѣроученія, или законамъ твердаго мышленія, или чистотѣ языка».

Эта первая неудача не убила однако въ молодомъ труженикѣ охоты къ дальнѣйшимъ литературнымъ занятіямъ, хотя въ другомъ родѣ. Въ бумагахъ покойнаго, среди огромнаго множества выписокъ изъ читанныхъ имъ книгъ, найденъ нами переводъ повѣсти, сдѣланный Николаемъ Ѳеодосіевичемъ, въ концѣ 40 или началѣ 50-хъ годовъ, съ французскаго, подъ заглавіемъ: «Талисманъ». Рукопись разрѣшена была къ печати бывшимъ кіевскимъ цензоромъ и профессоромъ университета А. А. Федотовымъ-Чеховскимъ; осталась-же не печатанной за невозможностью найти издателя.

Неудача имѣла и другую выгоду: она еще болѣе сосредоточила заботы и трудъ Николая Ѳеодосіевича на школѣ и указала ему его истинное призваніе въ педагогикѣ, которой онъ отдался со всею, можно сказать, страстію. Школа его была образцовою и такою признана была его ближайшимъ начальствомъ. Упомянутый уже нами директоръ Невѣровскій, посѣтивъ Городню въ 1848 г., остался въ высшей степени довольнымъ дѣятельностію Николая Ѳеодосіевича

и «его заботливостью объ истинномъ образованіи ввѣряемыхъ ему дѣтей и о нравственномъ ихъ развитіи». Помимо объявленной Николаю Ѳеодосіевичу за его труды и знаніе письменной благодарности директора и признательности министерства, онъ былъ вскорѣ перемѣщенъ на должность смотрителя еврейскаго училища въ мѣстечко Бѣлую-Церковь. Но это повышеніе мало удовлетворяло его; Николай Ѳеодосіевичъ стремился къ знанію, къ работѣ мысли, а слѣдовательно и къ чтенію и къ общенію съ умными и опытными людьми своей профессіи. Глухія мѣстечка, въ которыхъ онъ жилъ до сихъ поръ, само собою разумѣется отдаляли его отъ всего этого. Отсюда горячія желанія его перейти на службу въ Кіевъ, въ центръ умственной жизни, ближе къ университету, который представлялся для него всегда, какъ «святая святыхъ». Желаніе Николая Ѳеодосіевича вскорѣ исполнилось, хотя и съ нѣкоторымъ матеріальнымъ ущербомъ: по собственной просьбѣ онъ былъ перемѣщенъ на должность учителя въ лыбедское приходское училище г. Кіева, основанное въ 1840 году и бывшее весьма долго единственнымъ для этой части города. По переѣздѣ въ Кіевъ у Николая Ѳеодосіевича явилась мысль докончить свое образованіе въ университетѣ, и хотя рѣшительное къ этому препятствіе представляли ежедневныя занятія въ школѣ, тѣмъ не менѣе онъ сталъ посѣщать университетскія лекціи, какъ только являлось у него свободное время, ища конечно не правъ и преимуществъ высшаго образованія, но самаго образованія. Пріобрѣтая этимъ широкимъ путемъ новыя знанія, работая при этомъ надъ собственнымъ умственнымъ развитіемъ, знакомясь годъ за годомъ съ лучшими произведеніями европейскихъ и русскихъ педагоговъ и вообще сосредоточивая свои занятія на педагогикѣ, какъ теоретической, такъ и практической, онъ мало по малу достигъ того, что обнаружившійся подъемъ народнаго образованія послѣ крестьянской реформы, при открытіи новыхъ школъ, болѣе широкія программы преподаванія школьныхъ предметовъ, болѣе раціональная и болѣе сообразная съ требованіями новой жизни методика преподаванія, спросъ на большую самодѣятельность учителей,—всѣ эти и подобныя имъ требованія не застали Николая Ѳеодосіевича въ расплохъ. Для удовлетворенія ихъ онъ обладалъ достаточной подготовкой, которой былъ обязанъ исключительно самому себѣ. Съ этихъ поръ условія школьной дѣятельности гармонировали вполнѣ

съ его цѣлями и стремленіями; значеніе его труда, бывшаго теперь на виду у всѣхъ, поднялось. Онъ рѣшился выступить уже и съ чисто-научными статьями педагогическаго содержанія, которыя обращаютъ на него вниманіе не только начальства, но и вообще лицъ, считавшихъ близкими себѣ интересы школы; статьи свои Николай Ѳеодосіевичъ помѣщалъ въ «Циркулярѣ по управленію округомъ», и по времени они слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ:

1) Протоколы и статьи, касавшіеся собственно педагогическихъ совѣщаній (1867 г., № 3).

2) Замѣтки и соображенія по вопросу объ общеобразовательномъ характерѣ приходскаго училища (1867 г., №№ 8 и 9).

3) Планъ обученія русскому языку въ городскомъ приходскомъ училищѣ, съ объяснительной запиской къ нему (1867 г., № 12).

4) О «родномъ словѣ» г. Ушинскаго, какъ лучшемъ учебникѣ для приходскаго училища (ibid.).

5) О методическомъ развитіи дѣтей въ дѣлѣ обученія ихъ (ibid.).

6) О преподаваніи географіи въ приходскомъ училищѣ (1868 г., № 1).

7) О наглядномъ обученіи (1868 г., №№ 8 и 9).

8) Программа по русскому языку съ церковно-славянскимъ и ариѳметикѣ для сельскихъ школъ (1869 г., № 8).

и 9) наконецъ, болѣе капитальная работа Н. Ѳ. «Очеркъ курса грамотности», появившійся въ 1874 году, былъ изготовленъ уже въ 1869 году подъ заглавіемъ: «Курсъ грамотности, обусловливаемый въ обученіи требованіями раціональности и жизни».

Не считая себя компетентными въ дѣлѣ педагогики, мы не рѣшаемся дѣлать оцѣнку работъ покойнаго и потому ограничимся лишь указаніемъ на мнѣнія лицъ болѣе насъ въ томъ свѣдущихъ; Такъ напримѣръ, на статью Н. Ѳ.: «Замѣтки и соображенія по предмету обученія грамотности въ приходскомъ училищѣ, какъ канва для дальнѣйшей разработки этого вопроса», бывшій тогда помощникомъ попечителя М. А. Туловъ написалъ такой отзывъ: «Читалъ съ большимъ удовольствіемъ. Пріятно было встрѣтить въ г. Левицкомъ опытнаго учителя, сознательно и съ успѣхомъ ведущаго обученіе во ввѣренной ему лыбедской школѣ по новѣйшимъ способамъ; равно пріятно встрѣтить въ немъ образованнаго человѣка, способнаго удовлетворительно въ литературномъ отношеніи

изложить свои мысли о способѣ раціональнаго обученія въ элементарной школѣ. Статьѣ этой (она почему-то не была напечатана) слѣдуетъ дать почетное мѣсто въ «Циркулярѣ», измѣнивъ въ ней только начало, гдѣ авторъ, понявъ обученіе на мѣстномъ нарѣчіи въ смыслѣ обученія мѣстному нарѣчію, вдается въ рѣшеніе вопроса непедагогическаго свойства. Вмѣсто этого можно сказать нѣсколько словъ объ употребленіи мѣстнаго нарѣчія, какъ пріема педагогическаго, для объясненій неизвѣстныхъ дѣтямъ выраженій языка литературнаго». Когда рукопись сочиненія: «Очеркъ курса грамотности» была представлена къ напечатанію и Н. Ѳ. въ особомъ письмѣ просилъ М. А. Тулова позволенія посвятить ему этотъ трудъ, послѣдній отвѣчалъ: «желаніе ваше посвятить вашу книгу мнѣ я могу принять не иначе, какъ съ глубокою благодарностью и буду считать это посвященіе одною изъ лучшихъ наградъ въ своемъ родѣ (если не единственною), какихъ я удостоился въ теченіи всей моей служебной практики». По поводу этой-же книги одинъ изъ членовъ комитета грамотности далъ самый лестный отзывъ о ней въ особомъ письмѣ къ ея автору, а бывшій редакторъ-издатель журнала «Народная школа», С. Мѣдниковъ, по поводу той-же книги обратился къ нему съ просьбою принять участіе въ издаваемомъ имъ журналѣ, заявляя, что труды Н. Ѳ. могли-бы принести несомнѣнную пользу дѣятелямъ по народному образованію и сдѣлать честь его журналу. Наконецъ проэктированныя Н. Ѳ. программы обученія грамотности были приняты во всѣхъ кіевскихъ училищахъ, а потомъ предложены окружнымъ начальствомъ къ руководству и въ сельскихъ школахъ въ нѣсколько измѣненномъ для нихъ видѣ. Въ то-же время въ школѣ Н. Ѳ., какъ образцоваго учителя, пріобрѣтали навыкъ и знакомство съ лучшими современными методами преподаванія многіе изъ сельскихъ учителей и учительницъ. Въ заключеніе перечня трудовъ Н. Ѳ. намъ остается сказать, что отъ времени до времени онъ помѣщалъ статьи и въ мѣстной газетѣ «Кіевлянинъ», но только до 1872 года, когда онъ былъ переведенъ учителемъ приготовительнаго класса въ кіевскую прогимназію, преобразованную недавно въ 4-ю гимназію. Съ этихъ поръ прекращается вообще учено-педагогическая дѣятельность покойнаго, такъ какъ заботы о воспитаніи собственныхъ дѣтей вмѣстѣ съ суровыми заботами о матеріальномъ обезпеченіи семьи, при скудномъ жалованьи

учителя, отвлекали его отъ любимаго дѣла. Но на этомъ тернистомъ поприщѣ ему не было удачи: никогда не искавшій прибыльныхъ занятій, онъ такъ и оставилъ вдову и шестерыхъ дѣтей безъ всякихъ средствъ. Таковъ горькій конецъ этого безкорыстнаго труженика на полѣ науки и просвѣщенія!

Помянемъ его этими немногими словами похвалы и благодарности за то святое дѣло народнаго просвѣщенія, которому служилъ онъ всю свою долгую жизнь и которому преданъ былъ всею душей. Какъ народный учитель, онъ сѣялъ на доброй почвѣ дѣтскихъ сердецъ сѣмена правды и добра, былъ для нихъ первымъ и послѣднимъ учителемъ, замѣняя имъ высшую школу и давая тѣ знанія, съ которыми они прямо вступали въ жизнь. Краткость времени, назначеннаго для курса народной школы, заставляла его дѣлать «non multum, sed multa», и эти мудрыя слова были девизомъ его трудовъ. Строго относясь къ святой обязанности учителя, онъ всегда помнилъ, что для исполненія своего призванія надо не только учить, но и учиться самому, и потому все свободное время онъ проводилъ надъ самоусовершенствованіемъ и движеніемъ своего дѣла впередъ. Любовь къ дѣтямъ была стимуломъ всей его жизни и дѣятельности, любовью ихъ онъ пользовался всегда и въ этомъ полагалъ высшую для себя награду. И долго, долго свѣтлый его образъ будетъ храниться въ памяти какъ тѣхъ его учениковъ, для которыхъ онъ былъ единственнымъ просвѣтителемъ, такъ и тѣхъ, коихъ приготовлялъ къ дальнѣйшему слѣдованію по пути образованіи!

И. Каманинъ.

ПѢСНЯ НА ИСХОДЪ ЗАПОРОЖЦЕВЪ ЗА ДУНАЙ.

Извѣстно, что по уничтоженіи Сѣчи въ 1775 году половина запорожцевъ не пожелала оставаться на родинѣ, гдѣ ей предстояло крѣпостное положеніе, и предпочла удалиться въ Турцію, чтобы сохранить прежнюю свободу. Когда они вышли на своихъ лодкахъ въ море, поднялась буря, лодки стали погружаться въ воду. Запорожцы пришли въ отчаяніе. Тогда послѣдній пастырь ихъ, іеромонахъ Владиміръ, поднявъ высоко предъ ними крестъ, призвалъ ихъ

къ молитвѣ, атаманъ-же Свердило сильными словами пробудилъ упавшій ихъ духъ. Запорожцы горячо молились и, по молитвѣ ихъ, море утихло и ихъ *чайки* тихо понеслись къ Дунаю. Этотъ моментъ, достойный кисти художника, передаетъ намъ прилагаемая пѣсня.

Ой на Лиманъ-мори зашумила филя,
Та стали чайки поринати.
А отець Владиміръ, пиднявши хрестъ у гору,
Ставъ Господа Бога благати:
Ой, пошли ты Боже, запорозьцямъ сгоду
Видъ москалевои неволи втикати!
Якъ не твоя-жъ воля, пидемъ вси у воду
Спасення за грихи шукати.
Ажъ ось гукнувъ батько отаманъ Свердило:
Чого-жъ намъ, дитки, журиця?
Бились мы зъ татарвою, бились и зъ ляхами,
То й фили не будемъ корица.
Пиднимайте-жъ стерна,
Нехай вона грае, стогне-завивае,
Козачу недолю зъ моря выкликае,
А мы будемъ Богу молиця.
И, схиливши чубы до чесного кресту,
Козаченьки щиро молились.
Заяснилось море, крячки налетили
И фили до разу не стало.
Полетили човны, мовъ птахи по витру,
Шукати козачои воли.

Сообщ. **П. И. Зуйченко.**

ПРИЛОЖЕНИЯ

сійскими у полковника Андрія Тимофіевича Тютчева, ради тезоименитства его, и весь день пробавили.

5. Жена, зъ панею судіиною Лисенковою, ездила къ полковници Тютчевой.

6. Обѣдали у сотника глуховского Турянского и долго тамъ пробавили; а потомъ были у писаря суда енералного Пиковця, котораго дочь новорожденная крещена сего-жъ числа, а воспріемниками были асаулъ енералный и. Валкевичъ и вдова Лисевичова, теща сотника золотоношского Костантія Леонтовича.

7. Сторговалъ у насъ футоръ, на Артополотѣ будучій, Матвѣй Чижевскій, зять Неижсалникъ, за 230 р. и далъ въ задатокъ 110 рублей. Сего-жъ числа прибылъ въ Глуховъ сотникъ золотоношскій Леонтовичъ.

8. Трактовалъ у себе генерала зъ протчіими гг. великороссійскими и малороссійскими писарь суда енералного Пиковець, ради крестинъ дочери своей, и доволно гуляли; потомъ ездилъ генералъ за городъ, где нововылитымъ пушкамъ дѣлалась проба чрезъ капитана артилерійского Бреклинга.

9. Весь день въ домѣ пробавилъ ради вчорашного шумства и ради отправленя жены въ домъ. Присланъ указъ въ коммиссію нашу на подаванное доношеніе наше, чтобъ не разездиться на каникулярные дни и сидѣть за дѣлами той коммиссіи поутру и по обѣдѣ.

10. Рано жена отехала въ домъ и я потомъ былъ въ коммиссіи и обѣдалъ зъ домашними у себе.

11. Подписаны указы въ полки и ко всѣмъ бунчуковымъ и войсковымъ товарищамъ о бытіи къ походу нечаянному въ такой готовности, чтобъ за полученіемъ повторного указу мощно было выступить въ 24 часа. Рано и по службѣ были у генерала, а обѣдалъ я въ домѣ.

12. Сотникъ березанскій Василій Думитрашко Райча кудась нечаянно отправленъ и отехалъ зъ Глухова. Повторное доношеніе зъ коммиссіи въ енералную канцелярію объ отпускѣ на каникулярные дни подписали. За шапку зеленую аксамитную, что здѣлана зъ сивымъ баранкомъ, дано 2 р.

13. Обѣдалъ со мною Стефанъ Савицкій, а надвечери былъ я у г. Скоропадскаго и у Валкевича, съ которымъ и о дѣлѣ нашем ъ стороны Рубановщини, розговаровалъ.

14. Привезено зъ Товкачовки 19 овчинъ чиненыхъ и шкуру дриданта вороного, да и Леска служителя утекшого; и сего-жъ числа отпущенъ туда подводчикъ, чрезъ которого къ старостѣ писано о разныхъ дѣлахъ.

15. Рано отехалъ зъ Глухова сотникъ золотоношскій Леонтовичъ и оставилъ мнѣ двоихъ коней, одного гнѣдого, другого буланого. Зрана-жъ слушали зъ енераломъ дѣла попа Лецковского Григорія, потомъ обѣдали у енерала-жъ; а послѣ обѣда и вчора по обѣдѣ слушали дѣла по челобитю матки Оболонского зъ Іваномъ Пѣродкимъ о добрахъ Ялонского [199]).

Іосифа Ханенка, племѣнника, рекомендовалъ въ войсковую енеральную канцелярію, при поданной отъ него челобитной, который и врученъ въ повитье канцеляристу войсковому Василю Туманскому.

17. По присланному указу въ коммиссію нашу позволителному розехаться оной коммиссіи членамъ до 15 августа, послѣдняя была сессія, потомъ члены духовные и мірскіе были у мене на водки, мірскіе-же и обѣдали.

18. По службѣ Божой были у генерала, а по обѣдѣ домашнемъ отехалъ я въ Кочерги, где осмотрѣвъ каменя Рубановского и грунту и приказавъ дѣлать ступникъ, ночовалъ у б. т. Филиповского. Изъ Перегону присланные косари вчора заведены на сѣножати Виндины, где при моей бытности почали оные и косить.

19. Рано зъ Кочергъ отехавъ, переездомъ былъ въ Зазѣркахъ, потомъ прибылъ въ Рубановку, где и обѣдалъ, а послѣ оттоль поехавъ, заездилъ до Дувайця, а оттоль прибылъ на сумерку въ Глуховъ.

20. Пришли разные указы изъ Сената, въ томъ числѣ и о благополучныхъ прогрессахъ россійской арміи въ Финляндіи, где шведы, подорвавъ свою крѣпость Фридриксъ-Гемъ, ретировались къ своимъ войскамъ, стоящимъ въ Сумахъ, подъ командою генерала Левенгоупта, о чемъ при публикаціи реляцій во время благодарственного молебствія была палба трикратная зъ 31 мартира всякой разъ; потомъ обѣдали у генерала и до вечерень гораздо веселились, а притомъ просилъ я генерала о позволеніи отехать въ домъ, что и получилъ. Сего-жъ числа рано былъ я зъ протчими у генерала

---

[199]) См. примѣч. о Мануйловичѣ, стр. 155.

маіора Петра Ивановича Стрешнева, 18 числа въ Глуховъ зъ женою прибывшого, а сего дня отселя въ Кіевъ отезжаючого, который зъ нами-жъ былъ у гг. генералныхъ писаря и бунчучного; а какъ проводили его паки въ квартеру, то онъ, простясь съ нами, и генералша отехали зъ Глухова передъ обѣдомъ. Я вечеромъ былъ еще и у г. Скоропадского и зъ Валкевичемъ видѣлъся.

21. Подрядилъ дѣлать себѣ наметъ (палатку) зъ парусного полотна за 3 р. 50 к. и далъ майстеру задатку 1 р., а Іосифу на разные росходы 1 р. 50 к. Максиму кравцю далъ въ заплату за синее сукно 4 р. 50 к., а за пошите картуза 1 р. 50 к. На вечерѣ былъ у бригадира Івана Кондратовича Іліина, потомъ у Скоропадского и Валкевича, и съ оными простилъся.

22. Въ 8 часу отехавъ зъ Глухова, коней кормилъ подъ монастыремъ Гамалѣевскимъ, а оттоль поехавъ и перевезшись чрезъ Десну, ночовалъ подъ Обичаевымъ футоромъ.

23. Рано прибылъ въ Новгородокъ, а оттоль въ Смячъ, где въ сотника шептаковского домѣ и обѣдалъ; съ полдня оттуду поехавши, прибылъ вечеромъ въ Городище, где засталъ и Александра Корецкого зъ женою, зъ которыми и вечеряли.

24. По службѣ Божой съ ними-жъ обѣдали, а потомъ онъ Корецкій зъ женою и отехалъ.

25. Во время службы Божой пріехалъ зъ женою своею Федоръ Корецкій, а передъ службою отехалъ зъ Павликомъ отецъ Алексій Хелкидоцкій, чрезъ которого послано предложеніе зъ коммиссіи нашей до сотника мглинского Лисаневича въ Стародубъ для отправленія оного одтоль. Я писалъ до писаря судового Косача о дѣлахъ суворовскомъ и городецкомъ, такожъ стороны доношенія старости нашего о подданныхъ нашихъ, грабленныхъ въ Погарѣ и посиланныхъ за овсомъ въ Новгородокъ и о Івану кравцю.

26. По обѣдѣ Федоръ Корецкій зъ женою своею отехали въ домъ свой. Сего-жъ числа отправленъ Каврайскій зъ Троеносенкомъ въ Лотоки, которому и приказъ написанный въ 8 пунктахъ данъ, что тамъ справовати надлежитъ.

27. Зранку былъ у мене откупщикъ сотни погарской Савва Пѣжинцевъ зъ претензіею о платежѣ за казаны василевскіе, городецкіе и за нѣкоторые шинки и о протчемъ, и обѣдалъ у мене; а

послѣ обѣда пріездилъ атаманъ погарскій Бѣляй зъ женою и вечерялъ у насъ.

28. Я по обѣдѣ зъ синомъ Василемъ ездилъ на Василювку, где при нашей бытности господарь тамошный поймалъ рой пчолъ, а сказовалъ, что два рои-жъ новые сѣли въ бортныхъ деревяхъ нашихъ, коло того-жъ футора найдуючихся. Мамцѣ Кукеѣ, которая кормила дочь Ефросинію, даны 3 р. и другое де-що. Жена ей-же дала за ея службу бывшую коло оной дитины.

29. Послѣ обѣда отехали до Левенки къ шваграмъ (Корецкимъ), а едучи встрѣтились зъ діакономъ Іваномъ Духовскимъ, которій зъ женою своею ехалъ въ домъ папъ, куда они и отехали, а мы перве въ Случокъ заездили, потомъ прибыли въ Левенку уже поздно и тамъ, отужинавши у п. Федора Корецкого, ночовали.

30. Рано посилали по попа Алексія и по Булавкина, хоружого полку чернѣговского, но оные не пріехали, о чемъ противъ писма того хоружого и отъ мене къ нему отписано. Тамъ-же писалъ я къ Косачу, писару судовому, поручаючи ему присутствовать отъ моей стороны при расположеніи порцій, на весь полкъ опредѣленныхъ, въ томъ числѣ что доведеться и на мое владѣніе. Да написана явочная челобитная отъ старости нашего перегонского на Василя Романовича, что онъ въ огородѣ нашемъ ягоды порвалъ и мене поносно ругалъ при томъ. На полученный зъ войсковой енералной канцеляріи указъ сочиненъ репортъ о взятыхъ у грековъ въ Нѣжинѣ подъ турецкое посолство колясках. Обѣдали у Федора, а вечеряли у Александра Корецкихъ и у него-жъ ночовали. Передъ вечеромъ тамъ-же въ Левенцѣ пріездилъ ко мнѣ зъ візитою войтъ стародубовскій Коменокъ, зъ своими мѣщанами.

31. Оные: писмо до Косача, явочная челобитная и репортъ въ войсковую енералную канцелярію противъ указу вручены Кочержинскому для подачи въ Стародубѣ въ полковую канцелярію. За личакъ Василку на колдру дано 2 р. Обѣдали у Александра Корецкого, а потомъ оттоль отехавши заездили въ Гриневъ, до Федора Ширая, и тамъ мало поседя отехали въ домъ и заледво уже коло полуночи прибыли въ Городище.

Августъ.

1. По службѣ Божой и по водосвятіи были у мене оба священники городецкіе зъ парохіянами и умовили нового дяка до здешней городецкой церкви, на такой-же кондиціи, якъ и прежные дяки служили. Никита скляръ отпущенъ до Івана Бороздны медведовского и на дорогу ему дано 50 к., сверхъ тѣхъ, что прежде ему дано въ заработокъ 1 р. 50 к. Діакону Духовскому Івану, Марьѣ Украинки мужу, дано сукно на рясу, тое что было для Ефимихи куплено.

2. Прибылъ зъ Товкачовки Степанъ Клесуновъ и зъ нимъ одинъ тамошній человѣкъ, чрезъ которыхъ прислалъ староста товкачовскій 120 р. денегъ, за футоръ нашъ Артополотскій, проданный Чижевскому, взятые, такожъ прислалъ килими и плахты.

3. Пріездилъ ко мнѣ въ Городище Федоръ Ширай, который у насъ и обѣдалъ, и уже съ полдня, послѣ бывшихъ съ городчанами разговоровъ о спорномъ грунтѣ, отехалъ. Писалъ я чрезъ суворовцевъ въ Глуховъ до г. Скоропадского и до племѣнника Іосифа.

4. Отправлены подводы до Новгородка для забранія печи одной и гончарей для ставленя печей, и писалъ о томъ, такожъ о присилки муровщика до Демяна Несторовича. Да писалъ до Івана Шепелича, завѣдуючого въ Новгородку, пакетъ почтою и до Іосифа племѣнника въ Глуховъ, стороны присланныхъ отъ него копій реляціи, тамо полученныхъ печатныхъ. Іванъ Григоровичъ посланъ въ Стародубъ и Левенку зъ писмомъ до Федора Корецкого и зъ дзигаркомъ его.

5. Посилалъ Кочержинского въ Борщовъ звать къ намъ въ Городище Григоріину Гамаліину на утро, да оттоль-же зъ Борщова пріездилъ къ намъ Осипъ Ятченко, стороны дѣла зъ Ломаками.

6. По исповѣди, передъ отцемъ Михаиломъ Пулчевскимъ отправленной, удостоились благостію Божіею причастія святыхъ таинъ, а обѣдали у насъ попы оба городецкіе, атаманъ погарскій Бѣляй, Кочержинскій зъ женою. Послѣ обѣда пріездила къ намъ-же зъ Борщова Григоріева Гамаліина, и повечерявши, паки отехала въ домъ свой.

7. Зъ панікадѣлщикомъ Никитою Івановымъ, который дѣлалъ бляхи мѣдные до шоръ шестерныхъ, чиненъ рощотъ, и по щоту

явилось, что здѣлалъ онъ всѣхъ штукъ большыхъ и малыхъ 231, вѣсу въ нихъ было 25½ фунтовъ, въ томъ числѣ нашей мѣди 10, у Карпа людвісара взято 4, а его панікадилщиковой было 11½ фунтовъ; забралъ же онъ передъ симъ, трома рази, денегъ 6 р., а теперь еще ему доплачено 1 р. 40 к.; и тако уже со всѣмъ роспплатка съ нимъ учинена.

8. Писалъ до Петра Багинскаго о присилки еще 50 шибъ аркушовыхъ (листоваго стекла) и на оные послано 2 р., такожъ и стекло битое послано для передѣлки. Послѣ полдня отехалъ зъ Городища къ Курковичамъ и ночовалъ въ Демянкахъ.

9. Рано ездилъ къ заводу своему винпычному и обездилъ сѣножати, а послѣ полдня писалъ писмо къ Багинскому за курковцями о показаніи имъ способу до купленя на церковную потребу гонты, да и о подрядѣ на нашу дворовую потребу дранѣ 50 копъ, пополамъ двосаженной и полуторной.

10. Былъ у мене рано Слоуцкій зъ хлѣбомъ, рибою и питьемъ и у мене-жъ обѣдалъ; а послѣ обѣда заездилъ ко мнѣ Демянъ Рубецъ и розговоровалъ на лице зъ Іваномъ Лавриновымъ Ломакою о дѣлѣ ихъ съ нимъ, а мене просилъ, чтобъ я не давалъ имъ Ломакамъ въ позику денегъ и хлѣба. Былъ тутъ-же у мене и Василь Тимоновичъ, зоставилъ облѣгъ и реестръ о должномъ хлѣбѣ Шейнѣ отъ курковцювъ у тамошнего священника Симеона Тимоновича.

11. Припроваженъ римаръ Ярема зъ Озаровки отъ Пилатовича, потомъ отдавъ я приказъ на писмѣ и на словахъ о разныхъ дѣлахъ тамошныхъ нашихъ, отехалъ зъ Курковичъ и проехавъ Демянки, какъ вездилъ въ Андрійковичи, то кухаръ Варшаковскій, будучи жестоко пянъ, скрился былъ, чего для припужденъ я былъ заночовать въ Андрійковичахъ; и какъ сысканъ и приведенъ онъ, кухаръ, то жестоко за пянство и за утечку наказанъ плетми.

11. Рано зъ Андрійковичъ поехавъ, заездилъ въ Борщевъ къ Григоріевой Гамаліиной, которой и денги у ней позиченные, 296 руб., отдалъ, а свои закладные червонные и таляри битые отобравъ, прибылъ въ Городище. Писалъ до Івана Гамаліи въ Юдиновъ о прибытіи его ко мнѣ въ Городище зъ Григоріемъ холопецкимъ.

12. Отправлены 4 подводы въ Новгородъ для забраня печи и гончарей и муровщика, о чемъ писано отъ мене и до атамана тамошнего Помаранского. Писалъ до Александра Корецкого о показаніи, где брать вапну и фарбу, о кухнѣ, рогожахъ и пташинѣ, въ заводѣ его оставленной, и о присылки шпалерника, зъ которымъ писмомъ отправлены подводы за желѣзомъ въ рудню Василя Гудовича, за Лищичи, называнную Кулажную, и за вапномъ и фарбою. Привезены отъ Багинского фляши къ пуздеркамъ приробливанные. — Получилъ писма зъ Козелца отъ Шума, асаула полкового кіевского, зъ пріобщеніемъ писемъ изъ Москви отъ сотника старого козелецкого Алексія Подвисоцкого, на которые писма какъ отвѣтъ къ Шуму, такъ и къ оному сотнику Алексію писалъ и пакетъ Шумовъ къ нему-жъ послалъ, включивши все оное въ пакетъ до племѣнника Іосифа въ Глуховъ, для отправи оттоль въ Москву. О пересылки чего до Глухова писалъ и къ сотнику новгородскому, да писалъ-же и до отца брата въ Козелецъ о сину его Іосифу.

13. Отправленъ козакъ кіевского полку Топалювскій, которій присланъ былъ зъ писмами отъ асаула Шума зъ Козелця, чрезъ которого писано и въ Нѣжинъ, къ протопопу тамошнему отцу Волховскому о шафѣ, тамъ для насъ дѣлаючойся. Оному козаку на дорогу дано 20 к.

14. Послана подвода при писмѣ до п. Александра Корецкого о присилки теслѣ Тригуба и мелника на время и о шпалернику.

15. Была у насъ панѣ Григоріева Гамаліина и обѣдала зъ нами, а по обѣдѣ она въ домъ, а мы отехали на ярмарокъ въ Погаръ, где де которые малые справляли покупки. Бабѣ глуховской Уліанѣ за еи службу годовую, теперь окончившуюся, заплатили два рубли денегъ.

16. Прибылъ къ намъ на обѣдъ Іванъ Гамалѣя зъ женою и дѣтми, тако-жъ Антонъ Ботарскій зъ женою, а надвечери и Григорій Гамалѣя холопецкій и тутъ у насъ же почовали.

17. Тѣ-же гостѣ, отъобѣдавъ, отехали въ домы свои. Антону ботарскому, ради рожденія ему дочери, дано 2 р. Муровщикъ новгородскій Стефанъ Жолдакъ началъ въ верхъ виводить комены (трубы).

18. Отправлены писма въ Глуховъ къ отсилки зъ Новгородка до г. Скоропадского и до племѣнника Іосифа о болѣзни жены, о чемъ и къ сотнику новгородскому писано.—Росплатка учинена зъ откупщиномъ сборовъ Савою Нѣжинцемъ за 1739, 40 и 41 года за казаны василювскіе и городискіе 8 р., да за шинкъ перегонскій тѣхъ-же годовъ 72 к. и отъ него взята квитанція. Писалъ къ полковнику стародубовскому г. Максимовичу о дѣлѣ суворовцевъ и цедулою о своихъ дѣлахъ, да до п. Алексія о присилки цефалики, камфори и протч.; того-жъ числа надвечери отехалъ на Василювку и тамъ ночовалъ.

19. Рано зъ Василювки отехавъ, прибылъ къ перевозу городискому и оттоль въ Чаусы, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ чрезъ Марковско проехавъ, прибылъ завременно въ Городище, где засталъ писма, принесенные зъ Глухова и зъ Стародуба. Вечеромъ привезено зъ Стародуба-жъ цефалики 3 слоики и камфори 3 лоты.

20. Господару василювскому Дмитру Никитину Шабалдану въ зачотъ заслуги его годовой дано 50 к. Виннику Гришану за горѣлки становъ 22 на Василювцѣ, самимъ имъ выробленные, дано платы 1 р. 32 к. и вручены дочцѣ его, мамцѣ. Вчорашного числа отойшолъ отъ насъ Тихонъ Павловъ, служивший годъ за возницю. Взяты зъ Василювки до двора городиского 2 станы горѣлки. Тесля Тригубъ Тимохъ прибылъ зъ Левенки и началъ робить коло пекарнѣ и другого заложенного строенія.

21. Повернулъся козакъ зъ Новгородка посланный зъ писмами, до Глухова писанными, и привезъ росписку, что тѣ писма отправлены.

22. Чрезъ Самойла, поповича суворовского, посланы въ Стародубъ для направы 2 мѣдные казаны и 6 трубъ до котляра Карпа, которому велѣно и еще новыхъ 4 трубы придѣлать; да чрезъ него-жъ послано на росплатку за разные вещы попу Алексію 85 к. и ремесникамъ 81 к., итого 1 р. 71 к. Посланъ-же мелникъ городискій туда-жъ въ Стародубъ для купленя каменя вершняка, при писмѣ до Гуриновского, а лукинскій Юденокъ въ Медведовъ до Івана Бороздны за шкляремъ Никитою зъ писмомъ-же.

23. Зъ теслею Тихономъ Тригубомъ учиненъ договоръ: платить ему за роботу на недѣлю по 30 к., а на мѣсяцъ по 1 р.

20 к. Гришко Литвакъ привезъ зъ Стародуба двѣ медвежые шкурки и одну овчую, за которыхъ чинбу дано 45 к.

24. Писалъ къ сотнику новомѣскому Силевичу о доправки должныхъ мнѣ денегъ на Федору Пригарѣ въ Лотокахъ и о присилки Івана Дащенка, до Ісака Ляшонка о покупки китайки блакитной штучки, до шваграа Александра Корецкого о Тригубу и о показаніи, где фарбу брать. Теслѣ Тригубу дана чвертка жита не въ зачотъ заплаты.

25. Писалъ къ сотнику мглинскому зъ урядомъ, чтобъ подрядили виточить липовыхъ балясъ 150 до будинку нашого городиского, и отправлено тое писмо чрезъ Погаръ.

26. Былъ у насъ въ Городищѣ судия полковый стародубовскій Андрей Рубецъ и отобѣдавъ взялъ свою дочь Варварку и отехалъ въ Стародубъ, которому дано отъ мене и меморіалъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ и о покупкахъ до Тищенка. Принесены денги зъ Лотоковъ отъ Федора Пригары 48 р., намъ должные, да отъ него-жъ взяли 31 тинфъ и 2 шостаки битіе, вмѣсто пяти таляревъ битихъ, впредь до щоту, а къ нему обратно посланы 33 тинфи и шостаками 125 тинфовъ. Получены писма зъ Глухова и лекарства отъ доктора Бока, для жены присланные.

27. Писаны писма 1) до сотника мглинского о виточеню балясъ 300, на которые и мѣрка послана, и чтобъ оное писмо отправлено зъ Стародуба зъ полковой канцеляріи; 2) до Самойла, поповича суворовского; 3) до Федора Пригары, дяка лотоковского, зъ отсылкою вышеобявленыхъ осталныхъ денегъ и о пріемѣ другихъ, 4) до Афанаса Сковпня и до Димида о медовой данѣ роковой, о доправки должного намъ хлѣба и о протчемъ, чрезъ Макара Іванова, жителя лотоковского. Гончаръ новгородскій началъ строити печи. Послѣ обѣда отехали зъ женою на Василювку и тамъ ночовали.

28. Зъ Василювки прибывши, засталъ писмо отъ Федора Ширая, чтобъ съехатся въ Стародубѣ для розговору зъ Валкевичемъ и Ланчихою (женою Ланка) о рубановскихъ добрахъ, о чемъ къ нему и отписано.

29. Рано отехалъ зъ Городища и выслушавъ обѣдни въ Лобкахъ, прибылъ въ Гринювъ, где отобѣдавши, поехали вкупѣ зъ Федоромъ Шираемъ до Стародуба и тамъ прибывши, заехали до Григоріевой Скорупиной, куда пріездила къ намъ и капитанша

Ланкова для помянутого розговору и постановили писать къ Валкевичу о прибытіи и его въ Стародубъ.

30. Зъ тимъ писмомъ нашимъ ездилъ къ Валкевичу Михайло Ширай и привезъ отъ него отвѣтъ. Рано были у мене судія и писарь полковые зъ другими, а отобѣдавъ у Скорупиной, какъ пришолъ въ свой домъ, то у мене-жъ была Іванова Миклашевская стороны долгу отъ ней намъ належного и войтъ зъ майстратовыми, а рано былъ Артемъ Тищенко. Потомъ заездилъ я до капитана Ланка и въ дворъ свой шинковный противъ важницы, а послѣ къ лѣкару Консу, которій сину моему и книжки одной нѣмецкой позичилъ и де которые далъ ему-жъ на болячку, а мнѣ на цингу лѣкарства. Таже отехавши зъ Стародуба, прибылъ въ Левенку позно и тамъ у Александра Корецкого заночовалъ.

31. Тамъ въ Левенцѣ обѣдалъ, что за дозчемъ ехать было нельзя, а по обѣдѣ пожегнавшись зъ обома Корецкими и взявши у нихъ два дзигарки до направы, отехалъ и прибылъ завременно въ Городище.

Septеврій.

1. Посланы книжки до Александра Корецкого: 1) Гербаръ [200]), 2) о перегринаціи князя Радзівѣла до Іерусалиму [201]), 3) Демокритъ, вѣршами полскими, и писмо къ нему-жъ писано.

2. По доношеніямъ отъ Афанаса Сковпня на Василя Глушачонка писалъ къ дядѣ его Озерскому о учиненіи справедливости, а на Стефана Пригаровского до сотника новомѣстского о изслѣдованіи, тако-жъ и по доношенію на Сковпня отъ жителей лотоковскихъ, и оные писма отправлены чрезъ Івана Дащенка и чрезъ Сковпня при писмѣ до Кудрицкого.

3. Писмо до капитана Козлова и хоружого полкового чернѣговского Івана Булавкина, писанное прошлого августа 26, о скуплѣ

---

[200]) Разумѣется вѣроятно или книга Папроцкаго: Herby rycerstwa Polskiego (Kraków, 1584) или Нѣсецкаго: Herby i familie rycerskie (Lwów, 1728—1743).

[201]) Извѣстное сочиненіе князя Николая Криштофа Радзивила (Сиротки) Hierosolimitana peregrinatio, имѣвшее нѣсколько польскихъ переводовъ, 1607, 1683 и другихъ г.г.

лотоковской и подлинные купчіе зъ точными копіами, посланы въ Погаръ чрезъ Каврайского. Мелникъ въ дворѣ Мовчановомъ въ Суходолѣ мешкавшый и Василь Мовчаненко за свои проступства наказаны кіемъ и посланъ мелникъ на Василювку, а Василю приказано быть при домѣ.

4. Поутру былъ у мене въ Городищѣ Сава Барлуй и взялъ купчую Івана Горленка лукинского зъ 2 старинными его-жъ купчими, да купчой шаповала погарского копію, а по обѣдѣ былъ у мене-жъ хоружій полку черниговского Іванъ Булавкинъ.

5. Послѣ обѣдни было молебствіе ради тезоименитства ея імператорскаго величества и обѣдалъ у мене хоружій полку черніговского Іванъ Булавкинъ.

6. Весь день прибирался къ ездѣ до Глухова и писано представленіе въ коммиссію слѣдствія о скупляхъ, взглядомъ скуплѣ нашей лотоковской [202]). Оставлены у Каврайскаго для росходу дворового 28 р. 38 к.

7. Рано поутру распорядивши де що надлежитъ въ дворѣ, отехалъ къ Глухову, а при отездѣ оставлены панси 5 р. Попасали коней противъ Ковпинки, прибылъ ночю въ Новгородокъ.

8. Купилъ 10 четвертей ванны у Гойской и данъ ей 1 р., а на покупку писчей бумаги въ Шатрищахъ данъ 1 р. хоружему сотенному новгородскому. Зъ Новгородка писано къ сину Василю и къ старостѣ перегонскому о посилки туда подводъ по оную купленную ванну. По выслушаніи въ монастырѣ обѣднѣ и отобѣдавъ у намѣстника, поехалъ и прибылъ позно въ монастырь гамаліевскій, где и ночовалъ.

9. Прибылъ въ Глуховъ и вечеромъ былъ у г. Скоропадского, где видѣлъся и зъ писаремъ Безбородкомъ и асауломъ Валкевичемъ енералными, такожъ зъ полковникомъ лубенскимъ г. Апостоломъ, прибывшими сее-же ночи зъ Москви въ Глуховъ; отъ него-жъ и писмо Павла Скорупы принялъ.

10. Рано былъ у генерала (которого и генералша ночю прибыла) и въ канцеляріи енералной и тутъ писалъ писма въ Москву къ Павлу Скорупѣ и къ Алексію Подвисоцкому, сотнику козелецкому; потомъ былъ въ коммиссіи, а оттоль заезжалъ посѣтить бол-

---

[202]) См. Сулимовскій архивъ, стр. 214 и 216.

ного писара полку лубенского Столповского. Обѣдалъ въ домѣ зъ сотникомъ мглинскимъ Лисаневичемъ; потомъ былъ у мене обозного енералного синъ Григорій Лизогубъ, зъ Москви пріехавшый. Отправлены Прокопъ и Грицко Дмитренки въ домъ зъ 4 конми, 2 возками и протчимъ, чрезъ которыхъ писано до жены, до сина Василя и до старости зъ Коврайскимъ о домовыхъ дѣлахъ, да къ Григорію Скоруппѣ, зъ приложеніемъ писемъ отъ сина его Павла зъ Москви. Жителю села Березы Гаврилу Тилогузенку, у которого гай на зрубъ наняли, дано рублей сѣмъ, а еще отъ насъ ему доводится 2 р.

11. Рано былъ у генерала, гдѣ видѣлъся и зъ камординомъ г. Разумовскаго Пустотою [203]), который прибылъ зъ Москви, и подано мнѣ писмо отъ сотника Алексія съ обявленіемъ, что Михайла Танского упевнено полковничествомъ кіевскимъ.

12. Писалъ къ асаулу полковому кіевскому Шуму и опое-жъ писмо Подвисоцкого сообщилъ. Сего-жъ числа отправленъ маіоръ Полянскій для отказу волостей ропской и бакланской зъ принадлежности въ владѣніе г. Разумовского.

13. Обѣдалъ у мене сотникъ полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій, зъ которимъ и о дѣлахъ товкачовскихъ розговоровали; а вечеромъ былъ я у полковника полтавского г. Кочубея, который пріехалъ въ Глуховъ 11 сего теченія.

14. Рано обослалъ мене тотъ-же г. полковникъ Кочубей бариломъ вина. По обѣдѣ генералъ отехалъ до Кролевця на ярмарокъ, а я былъ ввечеру у п. Скоропадского и имѣлъ зъ Валкевичемъ розговоръ о Рубановцѣ, токмо суетный.

15. Послѣ обѣда зъ Глухова віехалъ къ Кролевцю на ярмарокъ и ночовалъ въ Тулиголовахъ и оттоль писалъ къ сотнику новгородскому, зъ посилкою челобитной термѣны, такожъ до жены и до сина писма послалъ.

---

[203]) Семенъ Ивановичъ Пустота, управляя потомъ имѣніями матери Разумовскихъ въ козелецкомъ уѣздѣ, разбогатѣлъ, женился на дочери слабинскаго сотника Ивана Тризны и получилъ чинъ войсковаго товарища. Затѣмъ купилъ у Терлецкихъ часть села Баклановой Муравейки (подъ Черниговомъ) и по смерти своей передалъ это имѣніе сыну Демьяну, который былъ женатъ на дочери бунчуковаго товарища Андрея Войцеховича и имѣлъ уже чинъ титулярнаго совѣтника За бездѣтствомъ Демьяна Пустоты († 1788) Муравейка перешла къ Войцеховичамъ.

16. Прибылъ въ Кролевецъ рано и отобѣдавъ у Федора Чуйкевича, ходили по ярмарку и нѣкоторые малые покупки справлены; вечеромъ былъ у Івана Гамаліи, потомъ и онъ въ моей квартерѣ ужиналъ.

17. Зрану покуплены футра и протчіе покупки, а обѣдалъ у Івана Гамаліи купно зъ Федоромъ Шираемъ; да рано-жъ былъ и у генерала и читалъ вѣдомости о учиненной прошлого августа 24 зъ войскомъ шведского генерала фелтмаршала графа фонъ Леси капитуляціи.

18. Віехавъ зъ Кролевця, заездилъ къ полковнику полтавскому г. Кочубею, у которого и обѣдалъ, и пили доволно, потомъ отехавши, прибылъ на ночъ въ Полошки, где и ночовалъ у вдовы Івановой Филопенковой.

19. Рано прибылъ въ Глуховъ, где засталъ сина Василя, пріехавшого зъ дому, и не былъ на службѣ за немощію; въ церквѣ же соборной была публикація отвѣтной грамоты, чрезъ депутатовъ присланной, и вѣдомостей о прогрессахъ арміи нашей въ Финляндіи и молебствіе.

20. Рано былъ въ коммиссіи свода и обѣдалъ въ домѣ; да сего-жъ числа почалъ знову синъ Василь ходить для ученія французского языка къ інформатору. Сего-жъ числа Петру Гаврилову Ковалю, жителю глуховскому, позиченъ 1 р. на мѣсяцъ. Какъ хотѣлъ наказаніе учинить кухарю за пянство, то обявилось, что вина бочку страчено Іосифомъ, що и по осмотру такъ показалось.

21. Писалъ писма въ Москву къ п. Скорупнѣ зъ посылкою и отъ отца его писма-жъ, да къ Андрею Горленку, чрезъ служителя его. Інформатору, обучаючому сина нашего Василя по французскому, даны 2 р.

22. Дано для позлоты шесть кубковъ срѣбныхъ Александра Корецкого и три червонные золотару Івану Алберку іноземцю; да для насъ на роблене шести ложокъ—срѣбра выжоги 30 золотниковъ, тинфами 46, талярами битыми 13, въ ложцѣ старой 17 золотниковъ, и того всего 106 золотниковъ, который обѣщалъ всю ту роботу здѣлать за три неделѣ. Даны до здѣланя два кунтуши кравцю Неделченку, одинъ кармазиновый суконный, другій зъ меніоного канавацу.

23. Была публикація о дѣйствіяхъ благополучныхъ арміи імператорскаго величества въ Финляндіи и о учиненной зъ войскомъ шведскимъ капитуляціи по службѣ Божой и благодарственный молебень при трикратной пушечной стрелбѣ; потомъ былъ банкетъ у генерала при палбѣ-жъ зъ мартировъ; а послѣ обѣда жиды металники разные показывали фидлѣ. Зъ Винденками о забратю ими сѣна былъ споръ въ поранку.

24. Данъ шить мундиръ сину Василю красный и на потребы до того мундѣра кравцю Максиму даны 2 р. Позичилъ сынъ Василь у сотника глуховского Даміана Турянского сина книжку граматику нѣмецкую зъ русскимъ. Освобожденъ зъ канцеляріи міністерской атаманъ чаусовскій Бобовъ, который взятъ былъ туда по дѣлу зъ старостою евдоколскимъ Старжинскимъ.

25. Зъ писемъ, писанныхъ отъ нашихъ депутатовъ зъ Москви, пришло извѣстіе, что опредѣлены архіерсями въ Черигѣговъ: Амвросій Дубневичъ, въ Бѣлгородъ—митрополитъ яскій Антоній, санктъпітербурскимъ и шлютелбурскимъ архіепископомъ Никодимъ Сребрніцкий, митрополитомъ московскимъ и володимирскимъ епископъ могилевскій Іосифъ Волчанскій, крутицкимъ архіепископомъ Платонъ Малѣновскій да намѣстникъ Тройцы Сергіева монастыря Антоній Нарожневскій митрополитомъ сібирскимъ.

26. Учиненъ сговоръ дочери енералской Аскитереи Івановнѣ за полковника харковского Стефана Івановича Тевяшова, для якой оказіи и банкетъ былъ у генерала, при пушечной палбѣ, по обявленіи того сговора, и до позна гуляли доволно.

27. Ради вчорашного шумства принужденъ весь день, неисходно зъ дому, валяться и никуда не віеджалъ.

28. Писалъ до Максима Турковского стороны токаря, уговореного дѣлать 300 балясъ до будинку городиского, чтобъ тотъ токаръ не требовалъ отъ насъ къ той роботѣ человѣка, но самъ-бы себѣ наймалъ-ли, или другимъ образомъ сискалъ, а за то хотябъ ему надъ учиненный уговоръ и прибавить плати; и тое писмо для пересилки отдано сотнику мглинскому Лисаневичу.

29. Данъ крестъ деревяній церквѣ Воздвиженской городиской для оправы въ срѣбро золотарю Матвію Матюшу и срѣбра дано чарку да рубль, вѣсомъ о пять лотовъ зъ неболшимъ. Писаны писма: 1) до судінной полковой миргородской Параскевіи Остроградской

зъ отсилкою книгъ двохъ латинскихъ: Августина и о імператорахъ римскихъ, 2) до старости товкачовского о присилки денегъ и протчего. Званы на свадбу помянутого полковника Тевяшова, который вѣнчалъся зъ генералскою дочерю въ церквѣ Варвары святыя въ 5 часу по полдни, а послѣ былъ банкетъ у генерала при пушечной палбѣ и за полночъ гуляли.

30. Знову былъ банкетъ у генерала при пушечной палбѣ и такожъ до вечера гуляли.

Мѣсяцъ октоврій.

1. Писалъ писма въ домъ чрезъ Романа Гапонова и коней 7, такожъ разные вещи, въ томъ числѣ и полукенца 13 локотъ Александру Корецкому купленного, послано чрезъ него-жъ при писмѣ, да и до Ширая писалъ-же о Рубановцѣ; а у генерала и сегодня былъ банкетъ, отъ которого вечеромъ пріездилъ ко мнѣ въ домъ судія генералный Федоръ Лисенко. На покупку лоя и другихъ вещей розышлось сегодня 2 р.

2. Былъ я въ коммиссіи, обѣдалъ въ домѣ, а ввечеру присилалъ брегадиръ Іванъ Кондратовичъ Ілінъ просить на завтрее къ себѣ обѣдать.

3. Рано прибылъ староста товкачовскій Ілія Паленскій и привезъ денегъ 80 р. Обѣдали зъ генераломъ у брегадира, где и штатскій совѣтникъ Александръ Івановичъ Панинъ былъ зъ протчими нашими. Сего-жъ числа утѣкъ возница Ілія и знесъ кожухъ, черкеску зъ парусного полотна. чоботы, смушъ баранѣй, гребло, попону новую, Савкины штаны, обротей ремѣнныхъ 2, ветчины плѣчко.

4. Обѣдали зъ енераломъ у полковника Андрея Тимофіевича Тютчева. Куплено дранѣ 158, за которорую дано 1 р. 47½ к.

5. Генералъ купналъ обѣдъ у індуктаря Романа Яненка зъ протчими, а я не былъ тамъ, ради бывшихъ передъ тимъ частихъ трактаментовъ, и другіе наши не были-жъ. Конѣ Антонія Ботарского, которые были пропали, приведены зъ дому Піроцкого.

6. Подводы и теслѣ зъ Товкачовни пришли. Купчая Якову Чижевскому на футоръ Артополотскій написана и зъ старими на тотъ же футоръ купчими для отдачи ему вручена старостѣ товкачовскому Ілію Паленскому. На подводахъ токавчовскихъ привезено барановъ 4, гусей 10, утокъ 9, каплуновъ 23, фаску масла, фаску сира неповную, качковаловъ 5, плахту.

7. Старости-жъ товкачовскому дано клеймо железное коней и скотъ клеймовать, да двѣ лѣбри паперу на тамошный дворовый росходъ.

8. Посланы писма въ домъ до жены и до Каврайского зъ старостою о бѣжавшомъ паробку Іліи, о которомъ приложено писмо-жъ и до Григорія Бороздны въ Ярцевъ. Староста товкачовскій Паленскій отехалъ зъ Глухова обратно, которому на покупку подездковъ даны 30 р., и чрезъ него-жъ писалъ сотникъ полковый Стефанъ Лукомскій о дачи козака, когда востребуетъ.

9. Подскарбій енералный Константинъ Федоровичъ Ушаковъ простился со мною, отежджая въ Москву. Наметнику, которій зъ парусного полотна дѣлаетъ наметъ намъ, дано на тясму 1 р. 50 к., кромѣ прежде данного ему-жъ рубля денегъ.

10. Обѣдали у мене Андрей Думитрашко и Григорій Іваненко, бунчуковые товарищи, зъ сотникомъ мглинскимъ Лисаневичемъ, и зрана былъ у мене-жъ государыни пѣвчій Гаврило Матвіевичъ Головня, который у попадѣ Мойсѣевой засваталъ дочь. По обѣдѣ ездилъ къ Федору Савичу для посѣщенія въ его болѣзни, а отоль заездилъ къ капитану Бреклингу. Писма къ Москвѣ писанные до г. Новоторжцова 2, одно подъ 6, другое подъ 12 числами, зъ включеніемъ въ последнемъ табакерки и 15 червонцовъ, до Петра Лисаневича подъ 6, до п. Скурупны подъ 8 числами, запечатаны въ одинъ пакетъ, надписанный на имя Якова Марковича, зъ писмомъ къ нему-жъ, подъ датою 5 сего жъ мѣсяця, да особое писмо до отца Симона Тодорского, подъ числомъ 2-мъ и оные всѣ писма

11. Вручилъ пѣвчому вышеупомянутому Гаврилу Матвіевичу, который, за прибытіемъ своимъ въ Москву, обѣщалъ вручить въ цѣлости г. Марковичу. Сего числа ночю бѣжалъ кухаръ. За позументу золотого 5 цѣвокъ и полтретя золотника заплачено 7 р. 4 к., за 9 тертицъ 72 к., за роботу трохъ шапокъ 30 к. Писалъ писмо къ п. Скоропадскому чрезъ дядку дѣтского Івана Павлова.

12. Писаны писма къ женѣ и до старости зъ Каврайскимъ о домовыхъ дѣлахъ, да до Самоцвѣта о Антонію Ботарскомъ. Получилъ писмо и 2 календари Дунчевского отъ полковника полтавского г. Кочубея, чрезъ старосту его ярославского.

13. Оные писанные въ домъ писма и при томъ помянутій купленный золотій позументъ, тако-жъ писмо до Івана Гамаліи въ

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени" и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Диптера, Корейво и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіев. Старина" принимается подписка на издающіяся во Львовѣ газеты:

1., „ДѢЛО." Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

2., „ЗОРЯ." Газета научно-литературная, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; цѣна съ пересылкою 6 р. за годъ и 3 р. за полугодіе. Адресъ редакціи: Львовъ, улица Фредра, № 3.

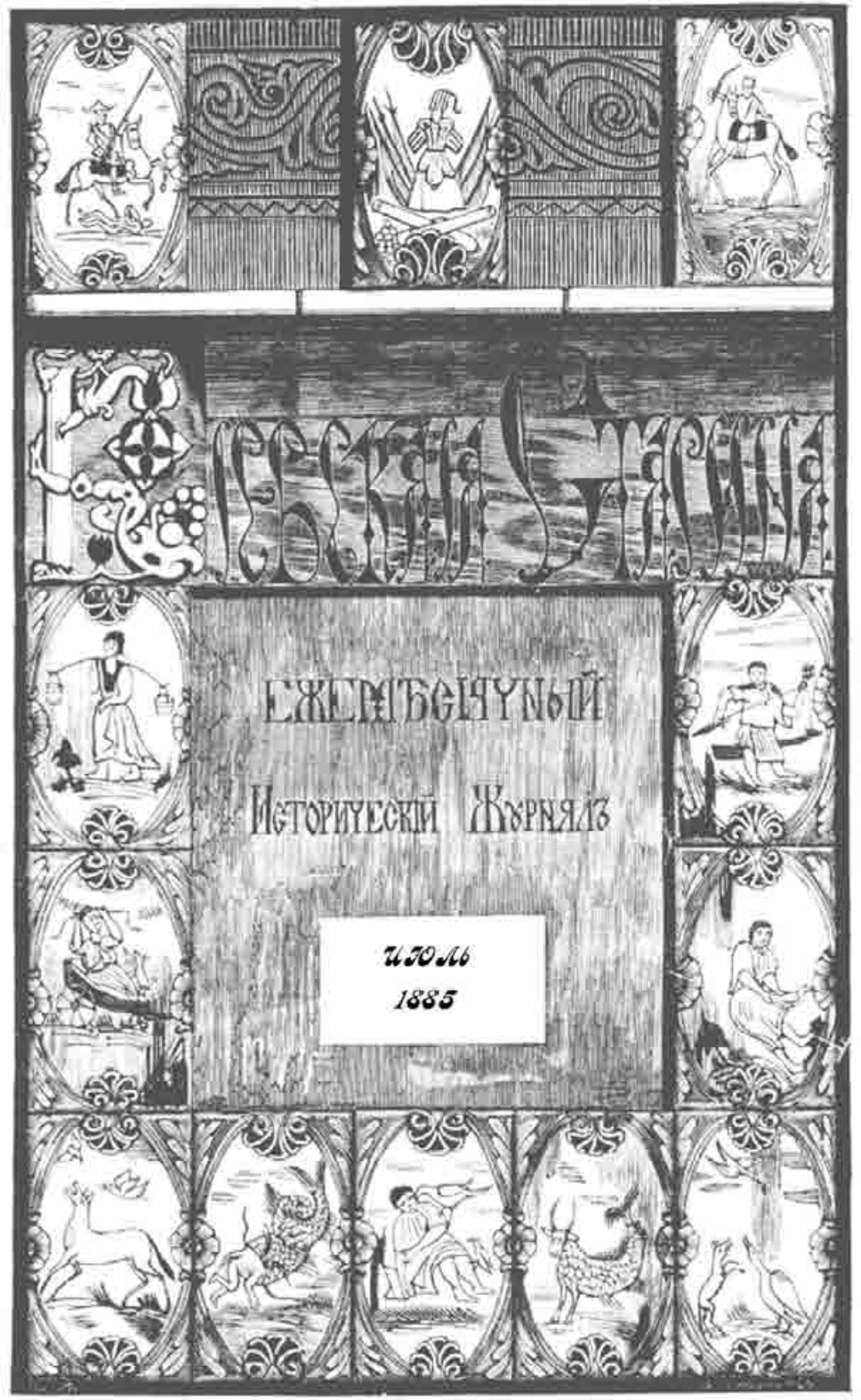
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Іюль
1885

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XII. 1885 г.

Май, 1885 годъ.

стр.

I. ПАМЯТИ Н. И. КОСТОМАРОВА: I) Краткій очеркъ жизни и дѣятельности Н. И. Костомарова.—II) Библіографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова.—*Ѳ. Д. Николайчика.*—III) Н. И. Костомаровъ, какъ историкъ.—*В. Б. Антоновича.*—IV) Н. И. Костомаровъ, какъ этнографъ.—*В. Науменка* . . . . . I—XLIII

II. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. **А. Лазаревскаго.** I

III. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 21

IV. ПОЛЬСКО-РУССКІЯ СООТНОШЕНІЯ XVII В. ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ПРИЗМѢ. (По поводу повѣсти Г. Сенькевича «Огнемъ и мечемъ). **В. Антоновича** 44

V. «ПРОРОКЪ» — МНОГОВѢРЪ И СУДЪ НАДЪ НИМЪ ВЪ КІЕВѢ. (1825—1833 гг.). **Ор. Левицкаго** 79

VI. НА ПАМЯТЬ ТЫСЯЧЕЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ СЛАВЯНСКИХЪ ПРОСВѢТИТЕЛЕЙ. Проф. **Ѳ. Успенскаго** 107

VII. ПРОЭКТЪ УПОРЯДОЧЕНІЯ ДѢЛЪ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЛИТОВСКИХЪ ПРОВИНЦІЯХЪ 127

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Историческіе матеріалы изъ архива кіевск. губ. правленія. Вып. 8-й. Сост. Ал. Андріевскимъ. Кіевъ. 1885 г.—*И. Каманина.* — б) Н. Ѳ. Сумцовъ. Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Харьковъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—в) Ѳеодосія. Историческій очеркъ. Составилъ В. К. Виноградовъ. Ѳеодосія 1884 г.—*И. Каманина.*—г) Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи, выпускъ IV (дополненіе). Составилъ Н. Константиновичъ. Черниговъ. 1885 г.—*Дмитрія Багалѣя* 137

стр.

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Чума въ сѣверной части херсонской губерніи 1813 года.—*Н. И.*—б) Раскопки у трехсвятительской церкви въ г. Кіевѣ.—*В. Антоновича.*—в) Запорожская пещера надъ Днѣпромъ.—*Д. И. Эварницкаго.*—г) «Памятковый прочуханъ», или примѣненіе писаннаго закона въ сферѣ обычнаго права.—*В. Василенка.*—д) Одна изъ народныхъ примѣтъ погоды.—*О.*—е) Изъ исторіи развитія канцелярской переписки въ Малороссіи.—*С—ка.*—ж) Южнорусскіе священники, отыскивающіе права дворянства.—*Аполлинарія Зальесскаго.*—з) Образчикъ старинной малорусской эпитафіи.—Сообщ. *А. Лазаревскій* 153

Іюнь, 1885 годъ.

I. «ДАВЫДОВА БОЖЕНКА». (Изъ лѣтописной топографіи кіевскаго Полѣсья). **М. Андріевскаго** 183

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Окончаніе)*. 205

III. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОСЛѢДНИХЪ ГОДАХЪ ЖИЗНИ Н. И. КОСТОМАРОВА. **В. Беренштама** 219

IV. ОЧЕРКЪ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФ. А. О. КИСТЯКОВСКАГО. **Л. Бѣлогриця-Котляревскаго** 228

V. НѢСКОЛЬКО ВСТРѢЧЪ СЪ Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ. **А. Кулишъ.** 255

VI. ВОЗЗВАНІЕ КОНФЕДЕРАТОВЪ ВОЕВОДСТВА САНДОМИРСКАГО КЪ РУССКОМУ НАРОДУ. (Около 1733 года) 263

VII. НОВЕЛЛА БОККАЧЬО ВЪ ЮЖНО-РУССКОМЪ СТИХОТВОРНОМЪ ПЕРЕСКАЗѢ XVII—XVIII СТ. 273

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятники Русской Старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь. С.-Петербургъ, 1885 г. (Съ приложеніемъ художественнаго альбома).—*И. Беркута.*—б) А. Дмитріевскій. Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическій музей при кіевской академіи. «Прав. Обозр.» 1885 г. и отд. оттиски.—*Н. В.*—в) В. Б. Антоновичъ. Монографія по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I. Кіевъ. 1885 года.—*И. Каманина* 307

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Разгадка «малорусской исторической шарады».—*Читателя.*—б) Къ дѣлу о началѣ единовѣрія въ Кременчугѣ.—*Ивана Матченка.*—в) Изъ народныхъ воспоминаній объ О. М. Гладкомъ и возвратившихся съ нимъ запорожцахъ.—*В. Василенка.*—г) Черти въ продажѣ.—*Прибыльскаго.*—д) Случай изъ жизни Н. И. Костомарова.—*N.*—е) Какъ сажали въ старину людей

стр.

старыхъ на дубокъ.—*П. Литвиновой.*—ж) Памяти одного кіевскаго педагога.—*И. Каманина.*—з) Пѣсня на исходъ запорожцевъ за Дунай.—Сообщ. *П. И. Зуйченко* 329

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . . 161—761

Іюль, 1885 годъ.

I. ВОЕВОДСКІЯ «ВѢСТОВЫЯ ОТПИСКИ» XVII В., КАКЪ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРІИ МАЛОРОССІИ. **Н. Оглоблина.** 365

II. ОПЫТЪ ОБЪЯСНЕНІЯ МАЛОРУССКОЙ ПѢСНИ О ЖУРИЛѢ. **Н. Ѳ. Сумцова** 417

III. ОХОЧЕКОМОННЫЙ ПОЛКОВНИКЪ ИЛЬЯ ѲЕДОРОВИЧЪ НОВИЦКІЙ. **Н. Стороженка.** 431

IV. КЪ ИСТОРІИ ТЕАТРА ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. (Переписка каменецъ-подольскихъ актеровъ съ духовной католической властью по поводу воспрещенія послѣднею спектаклей на время великаго поста и произнесеннаго на актеровъ и актрисъ церковнаго отлученія). . . . 458

V. УНИВЕРСАЛЪ ГЕТМАНА РАЗУМОВСКАГО ОБЪ ОГРАНИЧЕНІИ ПРАВА ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯНЪ. Сообщ. **А. Лазаревскій** 477

VI. ПѢСНЬ НА СЛУЧАЙ ОТКРЫТІЯ ВЪ КІЕВѢ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ІЮЛЯ 15 ДНЯ 1834 ГОДА. Сообщ. **В. Науменко** . . 483

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изданный императорскимъ варшавскимъ университетомъ къ 6-му апрѣля 1885 года подъ редакціею ордин. проф. А. Будиловича. Варшава. 1885 года.—*И. Каманина.*—б) Священникъ Климентъ Ѳоменко. Неразъясненный вопросъ въ древнихъ сказаніяхъ о преніяхъ славянскихъ первоучителей съ козарскими евреями. Кіевъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—в) Его-же. Пещерные храмы въ Крыму. Кіевъ. 1884 года.—*И. Каманина.*—г) Межигорская старина. Кіевъ 1885 года.—*К. Цыбульскаго* . . . 491

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Молдавскія свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія и могилѣ Мазепы.—*В. А.*—б) Сербы въ Кіевѣ.—*А. А—скаго.*—в) Замѣтка о времени смерти князя Константина Острожскаго.—*Д. Гродецкаго.*—г) Дарственная запись Станислава Потоцкаго Вероникѣ Крепсъ.—*Ц. Г. Неймана*—д) Польское привѣтствіе Наполеону I отъ лица Бѣлоруссіи.—Сообщ. *С. Н. И.*—е) Малорусскія пѣсни по латыни.—*Ив. Новицкаго*—ж) Двѣ Галицкія пѣсни.—*Я. Г.*—з) Къ портрету Д. С. Бортнянскаго.—*И. Божерянова* 501

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . . 177—192

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портретъ Д. С. Бортнянскаго.

стр.

Августъ, 1885 г.

I. ГЕТМАНСТВО БРЮХОВЕЦКАГО. **С. Е.** 545
II. МАЛОРОССІЯ НА ПЕРЕДВИЖНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ КАРТИНЪ. **Н. С.** 597
III. РОМАНОВСКОЕ СТАРОСТВО И СУДЬБА ЕГО ЖИТЕЛЕЙ 607
IV. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст). *(Продолженіе).* **И. Левицкаго** 631
V. ПЕКЕЛЬНЫЙ МАРКО. (Малорусская народная легенда въ стихотворномъ переложеніи конца XVIII в.)—Сообщ. **П. Зуйченко** 682
VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Матеріалы для исторіи подольской губерніи. Изд. редакціи Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. 1885 г.—*А. М—ча.*—б) Собраніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в., заключающихся въ книгахъ разрядного приказа. Составилъ Н. Н. Оглоблинъ. Москва. 1884 г.—*А. М—ча.*—в) Д. Л. Мордовецъ. Оповиданя. Спб. 1885 г.—*Г.*—г) Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества, т. 43. Спб. 1885 г.—*И. Каманина* . . 693
VII ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Археологическія раскопки въ екатеринославской и кіевской губерніи.—*Д. И. Эварницкаго* и *З.*—б) На могилѣ Алесѣя Петровича Стороженка.—*С—ка.*—в) Настоящее имя первой фундаторки кіевскихъ братскихъ школъ.—*Ив. Новицкаго.*—г) Запись о кладѣ XVIII столѣтія.—*В. А*—д) Портретъ Гонты.—*Н. Добротворскаго.*—е) Кобзарь Крюковскій (Некрологъ).—*В. Г.*—ж) Украинскій варіантъ пѣсни «Про ягничку».—*Ив. Новицкаго.*—з) Къ портрету Адама Киселя. 707
ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Адама Киселя.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XII.

ІЮЛЬ.

1885

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го іюня 1885 года.

Бортнянскій

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. КІЕВЪ, 20 ІЮНЯ 1885 г. ГЕЛІОГРАВЮРА ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ВОЕВОДСКІЯ „ВѢСТОВЫЯ ОТПИСКИ" XVII В.,

КАКЪ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРІИ МАЛОРОССІИ.

I.

Сношенія московскаго правительства XVII вѣка съ своими послами и резидентами въ сосѣднихъ государствахъ были крайне затруднительны и потому очень рѣдки. Безобразное состояніе тогдашнихъ путей сообщенія, или, лучше сказать, почти полное отсутствіе ихъ, продолжительныя войны, внутреннія неурядицы и проч.—все это мѣшало установленію правильныхъ и постоянныхъ сношеній посольскаго приказа въ Москвѣ съ его дипломатами за рубежомъ. Добраться московскимъ гонцамъ изъ Москвы въ Польшу, Швецію, особенно-же въ Крымъ и Турцію, и обратно—было дѣломъ большой трудности и даже опасности. Не только варварскія правительства Турціи и Крыма позволяли себѣ слишкомъ безцеремонно относиться къ московскимъ гонцамъ и чинить имъ всякія притѣсненія [1]), но даже полуцивилизованное польское правительство весьма приближалось въ то время въ своихъ международныхъ сношеніяхъ къ указаннымъ странамъ. Приведу въ подтвержденіе одинъ характерный случай. Въ апрѣлѣ 1690 года кіевскій воевода бояринъ князь Михаилъ Григорьевичъ *Ромодановскій* писалъ въ Москву [2]),

[1]) См., напр., Исторію Россіи, *Соловьева*, т. XIV, 38; *Устряловъ*, Исторія царствованія Петра Великаго, т. I, стр. 191—192 и др.

[2]) Московскій архивъ министерства юстиціи: *Разряднаго Приказа московскаго стола столбецъ № 749*, дѣло № 7, лл. 172—176.

что вернувшись незадолго передъ тѣмъ изъ Польши, кіевскій мѣщанинъ Иванъ *Павловъ* видѣлся зимою съ московскимъ резидентомъ въ *Варшавѣ* Иваномъ *Волковымъ*, который жаловался ему на крайнюю трудность поддерживать сношенія съ своимъ правительствомъ. Резидентъ разсказывалъ, что онъ отправилъ въ Москву двухъ человѣкъ съ важною «вѣстью» о заключеніи польскимъ королемъ «вѣчнаго мира» съ крымскимъ ханомъ, но опасается, что эта «вѣсть» не дойдетъ до Москвы, такъ какъ ему «вѣдомо», что *«одного посланнаго»* поляки «переняли съ письмами на дорогѣ» и *«предали смерти»*. О судьбѣ другаго гонца Иванъ Волковъ ничего не могъ сообщить Ивану Павлову. Онъ хотѣлъ послать съ послѣднимъ письмо къ князю Ромодановскому, но побоялся, чтобы поляки *«не отняли* на дорогѣ» того письма, и потому поручилъ ему только словесно передать воеводѣ сильно интересовавшую въ то время московское правительство новость о союзѣ короля съ ханомъ.

Подобныя насилія надъ гонцами и вообще всякія препятствія въ сношеніяхъ московскихъ резидентовъ съ своимъ правительствомъ были въ XVII вѣкѣ самымъ заурядным явленіемъ. Понятно, что такое положеніе вещей наносило явный и громадный ущербъ политическимъ видамъ Москвы и заставляло ее подумать надъ уничтоженіемъ, или по крайней мѣрѣ смягченіемъ этого зла. Нѣкоторымъ выходомъ изъ этого положенія явилось собираніе политическихъ *«вѣстей»*, помимо заграничныхъ пословъ, чрезъ посредство порубежныхъ московскихъ воеводъ и чрезъ распросы въ самой Москвѣ всѣхъ лицъ, пріѣзжавшихъ изъ-за рубежа.

Дѣло собиранія такихъ «вѣстей» было широко развито въ XVII в. и довольно стройно организовано. Въ каждомъ «воеводскомъ наказѣ», какой давался изъ Разряднаго Приказа лицамъ, отправлявшимся на воеводство въ города порубежные съ Польшею, Швеціей, Крымомъ и Турціей, одно изъ видныхъ мѣстъ отводится именно наставленіямъ о собираніи воеводами политическихъ и военныхъ «вѣстей» изъ сосѣднихъ государствъ. И что порубежные воеводы дѣйствительно считали это дѣло одною изъ первыхъ своихъ обязанностей, это доказывается массою сохранившихся до нашего времени (напр. въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи) воеводскихъ *«вѣстовыхъ отписокъ»*, или «вѣстовыхъ *писемъ*», какъ они тогда назывались. Изъ всего количества «отписокъ» порубеж-

ныхъ воеводъ громадное большинство ихъ именно говоритъ о «вѣстяхъ», собранныхъ воеводами тѣмъ или инымъ путемъ. Маломальски цѣнная зарубежная вѣсть сейчасъ-же записывалась воеводою и отсылалась имъ въ Москву, въ Разрядный Приказъ. Если вѣсть говорила только о военныхъ предпріятіяхъ извѣстнаго сосѣдняго государства, то она и оставалась для надлежащихъ распоряженій въ этомъ приказѣ, служившемъ средоточіемъ военной дѣятельности московскаго правительства; но если отъ воеводы приходили и политическія вѣсти, онѣ немедленно-же отсылались Разрядомъ въ Посольскій приказъ.

«Вѣсти» собирались порубежными воеводами изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Главную массу имъ доставляли «*выходцы*» изъ сосѣднихъ государствъ, переходившіе на вѣчную службу въ московское государство, и русскіе «*полоненики*», возвратившіеся на родину изъ плѣна. Затѣмъ очень усердно и исправно служили государству въ разсматриваемомъ дѣлѣ московскіе «*торговые люди*», ѣздившіе къ сосѣдямъ «для торговыхъ промысловъ» и *обязательно* собиравшіе тамъ разныя вѣсти. Наконецъ московское правительство имѣло и своихъ спеціальныхъ «*вѣстовщиковъ*» или «*лазутчиковъ*», нарочно посылавшихся въ сосѣднія государства для собиранія вѣстей [1]).

Наибольшую степень достовѣрности слѣдуетъ признать за «вѣстями», сообщавшимися «*торговыми людьми*». Это были наиболѣе опытные и развитые люди сравнительно съ остальными собирателями вѣстей, много видѣвшіе и слышавшіе на своемъ вѣку и невольно ко всему присматривавшіеся въ своихъ частыхъ и продолжительныхъ зарубежныхъ поѣздкахъ по торговымъ дѣламъ. Они довольно хорошо были знакомы и съ московскими политическими событіями, и съ событіями разныхъ сосѣднихъ государствъ. Они знали, что интересуетъ правительство и какого рода вѣсти нужны ему въ данную минуту. Собираясь за рубежъ, торговые

[1]) Отъ зарубежныхъ «вѣстовщиковъ» слѣдуетъ отличать порубежныхъ «вѣстовщиковъ», какіе существовали на южной и юго-западной окраинахъ государства и назначались для сообщенія изъ одного города въ другой «вѣстей» о татарскихъ набѣгахъ. См. о нихъ въ моемъ «Обозрѣніи Историко-географическихъ матеріаловъ XVII в.» («Опись докум. моск. архива минист. юстиціи», книга IV, отдѣлъ II, стр. 312).

люди должны были явиться къ своимъ воеводамъ, чтобы получить отъ нихъ «проѣзжую память» на право свободнаго проѣзда за рубежъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ взять отъ нихъ и наставленія относительно собиранія вѣстей. Оттого они и привозили изъ-за рубежа всегда болѣе или менѣе цѣнныя вѣсти и не обращали вниманія на пустяки, какіе сплошь и рядомъ встрѣчаемъ у другихъ вѣстовщиковъ. Хотя собираніе вѣстей было обязательно для торговыхъ людей, но, не будучи связаны съ правительствомъ никакими служебными отношеніями, они свободно и болѣе или менѣе по совѣсти относились къ этой своей обязанности. Они не должны были, подобно напримѣръ «выходцамъ» или спеціальнымъ «лазутчикамъ», во что-бы то ни стало добыть и доставить своему воеводѣ вѣсти. Они дѣйствовали тутъ такъ, какъ допускала возможность и какъ подсказывало имъ желаніе принести посильную пользу своему правительству. Вообще, знакомство съ воеводскими «вѣстовыми отписками» заставляетъ признать, что торговые люди относились серьезно и толково къ дѣлу собиранія политическихъ и иныхъ вѣстей.

Второе мѣсто по степени достовѣрности слѣдуетъ отвести вѣстямъ, доставлявшимся русскими «*полоненниками*», особенно тѣми изъ нихъ, которые вышли на родину послѣ очень продолжительнаго плѣна. Долгая жизнь на чужбинѣ отлично знакомила ихъ съ тою страною, въ которой имъ приходилось отбывать свое «полонское терпѣнье». Возвращаясь на родину послѣ мучительнаго ряда годовъ и сообщая правительству послѣднія новости извѣстной страны, они освѣщали ихъ своимъ практическимъ и точнымъ знаніемъ условій тамошней жизни. Совершенную противоположность въ этомъ отношеніи представляли полоненники, побывавшіе въ полону не большое количество времени, напр. всего нѣсколько мѣсяцевъ. Эти лица успѣвали нахвататься однихъ верхушекъ и потому несли часто порядочную околесицу въ своихъ вѣстяхъ.

Вѣсти спеціальныхъ «*лазутчиковъ*» отличались достовѣрностію лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этой роли являлись лица изъ высшихъ разрядовъ служилыхъ людей (дворянъ, боярскихъ дѣтей и т. п.), или когда вообще данное лицо, хотя-бы и изъ низшихъ служилыхъ (стрѣльцовъ и т. п.), а также изъ посадскихъ жителей или крестьянъ, служило въ роли лазутчика болѣе или менѣе продолжительное время. Тогда оно успѣвало хорошо познакомиться съ

своею спеціальностію, изучить требованія своихъ властей, завязать сношенія съ зарубежными жителями и узнать условія тамошней жизни. Но вообще обязательное сообщеніе вѣстей, поощряемое денежными и другими наградами въ случаѣ удачной ловли ихъ и напротивъ наказываемое въ случаѣ неудачи болѣе или менѣе чувствительнымъ образомъ, не могло не вліять дурнымъ образомъ на степень достовѣрности вѣстей, доставлявшихся «вѣстовщиками».

Еще хуже были поставлены въ этомъ отношеніи «выходцы», которыхъ нерѣдко даже не пропускали въ московскіе предѣлы, если они приходили безъ всякихъ вѣстей, или съ вѣстями пустаго свойства. Понятно, что при такой крайности имъ нерѣдко приходилось просто выдумывать тѣ или другія вѣсти, чтобы только добиться права принятія въ московское подданство. И это тѣмъ чаще случалось, что въ большинствѣ случаевъ выходцы бросались въ Москву не добровольно, но вслѣдствіе какихъ-либо осложненій въ ихъ личной жизни, не позволявшихъ имъ спокойно оставаться на родинѣ. Нужда гнала ихъ въ Москву, но все-таки они не могли по свойству человѣческой натуры сразу и безповоротно отвернуться отъ родины. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляли одни русскіе выходцы, т. е. русскіе уроженцы Литвы и Польши. Они не могли не симпатизировать единокровной и единовѣрной Москвѣ, и шли въ Россію охотно, забывая свое непривѣтливое для нихъ отечество. Но у выходцевъ иноземцовъ непремѣнно оставалась хотя маленькая доза патріотизма, которая мѣшала имъ вполнѣ отдаться Москвѣ и откровенно выложить ей всѣ политическія и военныя вѣсти своего отечества. Полное предательство претило лицамъ, уходившимъ съ родины вслѣдствіе стеченія разныхъ неблагопріятныхъ для нихъ лично обстоятельствъ. Оттого и вѣсти такихъ лицъ не отличаются искренностію и достовѣрностію. Только одинъ сортъ выходцевъ не сдерживалъ себя ничѣмъ и готовъ былъ все и всѣмъ продать за чечевичную похлебку... Разумѣю прямыхъ авантюристовъ, сновавшихъ въ то время вдоль и поперекъ всей Европы и съ удовольствіемъ служившихъ и Москвѣ, щедро платившей имъ за ихъ «благородную кровь»... Но хотя вѣсти такихъ авантюристовъ всегда почти очень пространны и повидимому откровенны, имъ нужно довѣрять съ осторожностію, помня, что нравственность подобныхъ лицъ была не высокаго достоинства.

Къ числу «выходцевъ» примыкаютъ также русскіе «бѣглые люди», уходившіе за рубежъ и затѣмъ возвращавшіеся обратно, подъ вліяніемъ тоски по родинѣ и по другимъ причинамъ. Къ ихъ вѣстямъ также слѣдуетъ относиться съ осторожностію, такъ какъ подобныя лица не отличались особенною нравственностію и не прочь были ради права возврата на родину наговорить съ три короба пустыхъ вѣстей.

Эти различныя степени достовѣрности показаній тѣхъ или иныхъ собирателей вѣстей всегда слѣдуетъ имѣть въ виду при изученіи самихъ вѣстей.

II.

Въ XVII вѣкѣ «выходцы» въ московское государство шли главнымъ образомъ изъ Литвы, Малороссіи и Польши и рѣже «изъ Нѣмецъ», «изъ Свеи» (Швеціи) и остальныхъ европейскихъ странъ. Чаще всего упоминаются между выходцами «литвины» и «поляки», причемъ тѣ и другіе постоянно смѣшиваются въ современныхъ документахъ. Установленію племеннаго различія между ними помогаютъ отчасти ихъ имена и фамиліи, но не вполнѣ, такъ какъ русское населеніе Литвы и Польши нерѣдко носило тогда чисто польскія фамиліи. Одни бѣлоруссы витебскаго, полоцкаго и другихъ повѣтовъ предпочитали въ то время носить фамиліи съ русскими окончаніями (на *инъ* и *овъ*). Гораздо болѣе уясняютъ вопросъ о происхожденіи выходцевъ изъ Литвы или Польши указанія на мѣста ихъ родины. Въ этихъ указаніяхъ болѣе или менѣе обстоятельно приводятся названія «повѣтовъ», городовъ, селъ и проч. [1]). Разбирая эти данныя, приходишь къ заключенію, что поляки были довольно рѣдкими гостями въ московскомъ государствѣ сравнительно съ русскими выходцами изъ польскихъ областей.

Послѣ литвиновъ первое мѣсто въ количественномъ отношеніи занимали выходцы «черкасы»—«малороссійскіе» и «запорожскіе»,

---

[1]) Встрѣчаются, конечно, и очень глухія указанія. Напр. «выѣзжій литвинъ» 7140 (1632) г. Прокофій Залѣсскій показанъ родомъ изъ «виницкаго повѣта» (Разряднаго приказа помѣстнаго стола столбецъ № 2, л. 219). Разумѣется-ли здѣсь виницкій повѣтъ, или какой-либо другой съ подходящимъ именемъ, рѣшить трудно.

тѣ и другіе почти въ равномъ количествѣ. Послѣ черкасъ слѣдуетъ поставить татаръ крымскихъ, нагайскихъ и другихъ. Затѣмъ идутъ обитатели православнаго востока—«гречане», «волохи», «сербины» и проч., далѣе—нѣмцы и др. западно-европейцы. Наконецъ, менѣе всего выходило въ XVII вѣкѣ въ Россію «турчанъ» и кавказскихъ горцевъ.

Всѣ эти разношерстные выходцы, появляясь на московскихъ рубежахъ, направлялись порубежными «сторожами» въ ближайшіе города, въ распоряженіе мѣстныхъ воеводъ. «Черкасы» выходили (въ 1-й половинѣ XVII вѣка) главнымъ образомъ въ Путивль, затѣмъ въ Рыльскъ, Масальскъ, Мещовскъ и другіе пункты, литвины-же и поляки преимущественно направлялись въ Сѣвскъ и Великіе Луки.

Принявши выходца, воевода извѣстнаго города немедленно распрашивалъ его о происхожденіи и о «вѣстяхъ» изъ того государства, откуда онъ вышелъ, и записывалъ эти вѣсти въ такъ называвшихся «распросныхъ (или «допросныхъ») рѣчахъ». Приготовивши свою «отписку» въ Рязрядный приказъ о фактѣ прихода извѣстнаго выходца и о доставленныхъ имъ вѣстяхъ, или-же приложивши послѣднія въ отдѣльномъ документѣ—въ «распросныхъ рѣчахъ», воевода снаряжалъ выходца въ дорогу, въ Москву: приводилъ его «къ крестному цѣлованью» на подданство московскому государю, давалъ ему «кормецъ» и «подводку» [1]) и отправлялъ въ Москву вмѣстѣ съ провожатымъ, бравшимся преимущественно изъ ратныхъ людей, или изъ «разсыльщиковъ» при мѣстной «приказной избѣ». Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Въ мартѣ 7140 (1632 г.) сѣвскій воевода Михаилъ Еропкинъ отправилъ въ разрядной приказъ «отписку» [2]) о выходѣ въ Сѣвскъ изъ-за польскаго рубежа, изъ Новгородка-Сѣверскаго «выходца—литвина» Яна Заблоцкаго, «шляхтича» родомъ изъ города Каменска, лежавшаго въ 20 верстахъ отъ Варшавы. Въ той-же отпискѣ воевода сообщалъ разряду и вѣсти, какія привезъ Янъ Заблоцкій. Какъ

---

[1]) Любопытно, что эти уменьшительныя названія «корма» и «подводы» очень часто фигурируютъ въ воеводскихъ «отпискахъ», когда они говорятъ о снаряженіи въ Москву выходцевъ. Но этихъ-же выраженій не приходилось встрѣчать въ тѣхъ-же отпискахъ или въ другихъ документахъ въ примѣненіи къ своимъ ратнымъ или вообще служилымъ людямъ.

[2]) Московскаго стола столбецъ № 83, лл. 143—145.

отписка, такъ и самъ выходецъ были сданы воеводою на руки «козаку сѣвскаго острожка» Кондратію Чаусу, который долженъ былъ доставить первую и втораго въ Разрядъ къ думному дьяку Ивану Гавреневу и дьяку Михаилу Данилову. Передъ отправленіемъ въ дорогу воевода Михаилъ Еропкинъ, по обычаю, привелъ Яна Заблоцкаго къ присягѣ и далъ ему на дорогу «кормецъ и подводку».

Кондратій Чаусъ пріѣхалъ въ Москву съ выходцемъ 29 марта и въ тотъ-же день представилъ его въ Разрядъ. Въ этотъ-же день въ Приказѣ немедленно сняли съ Яна Заблоцкаго дополнительныя «допросныя рѣчи» [1]). Это почти тѣ-же самыя вѣсти, какія сообщалъ и сѣвскій воевода въ своей отпискѣ, но съ бо́льшими подробностями и съ нѣкоторыми дополненіями. Такой передопросъ выходцевъ почти всегда дѣлался въ Разрядѣ, особенно если воевода не сообщилъ подлинныхъ «распросныхъ рѣчей» выходца на мѣстѣ, а ограничился болѣе или менѣе краткою передачею его вѣстей въ своей отпискѣ.

Проживъ нѣсколько времени въ Москвѣ и состоя въ это время у кого-либо «на порукахъ», выходцы (или какъ ихъ съ этого времени называли, «нововыѣзжіе иноземцы») били челомъ государю о выдачѣ имъ «выходнаго жалованья», т. е. денежнаго пособія за выходъ въ московское государство и «поденнаго корма» (денежнаго) на содержаніе свое до той поры, когда они будутъ куда-либо «записаны въ службу» и когда ихъ «поверстаютъ помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ». При подачѣ этихъ челобитій Разрядъ снималъ съ выходцевъ подробныя «сказки» о происхожденіи ихъ, объ ихъ прошлой жизни до выѣзда въ московское государство и о побужденіяхъ къ этому выѣзду. Эти «сказки» очень любопытны для характеристики той бродячей вольницы—«гулящихъ людей», какіе нерѣдко наѣзжали въ XVII вѣкѣ въ Русь и служили для нея однимъ изъ проводниковъ въ дѣлѣ ознакомленія съ жизнію сосѣднихъ государствъ. Приведу примѣры такихъ «сказокъ».

Въ 7140 (1632 г.) выѣхалъ въ Москву «литвинъ» Василій Емельяновъ Вахрамѣевъ [2]), какъ называетъ его «выпись» (т. е. справка) Разряда по дѣлу (самъ-же онъ назвалъ себя въ челобитьѣ

---

[1]) Ibid., лл. 149—154.

[2]) Помѣстнаго стола столбецъ № 2, лл. 81—84.

«полякомъ Вохромѣевскимъ»). Въ своей «сказкѣ» онъ показалъ слѣдующее: родомъ онъ изъ оршанскаго повѣта, сынъ «шляхтича», который «служилъ королю съ имѣнья козацкую службу на 4 коняхъ». По смерти отца (тому назадъ 10 лѣтъ) имѣнье перешло къ двумъ братьямъ Вахрамѣева, которые и до сихъ поръ «служатъ королю козацкую службу, на 3 коняхъ». Но Василій еще при жизни отца, имѣя отъ роду всего 12 лѣтъ, ушелъ въ Кіевъ, а оттуда «въ Запороги», гдѣ жилъ три года. Выйдя отсюда, онъ «служилъ въ цысарской землѣ и на волоской границѣ по козацки, на 2 коняхъ, а былъ въ ротѣ у Григорья Чеплинскаго». Три года тому назадъ Василій участвовалъ въ походѣ на Крымъ Шинъ-Гирея и «запорожскихъ черкасъ». Вернувшись изъ этого похода, проживалъ въ Нѣжинѣ и Новгородкѣ-Сѣверскомъ. Во время пребыванія въ послѣднемъ городѣ съ нимъ случилась крупная непріятность, которая собственно и заставила его бѣжать въ Москву, именно: здѣсь онъ «подрался» съ какимъ-то «ляхомъ» «и того ляха посѣкъ саблею, и убояся за то отъ ляховъ, что его убьютъ до смерти, поѣхалъ на государево имя» въ Сѣвскъ, откуда и присланъ былъ воеводою въ Москву.

Для провѣрки этой «сказки» были вызваны въ Разрядъ 8 человѣкъ иноземцовъ—такъ называвшихся «знатцевъ», т. е. лицъ, знающихъ выходца. Они подтвердили сказку Вахрамѣева относительно его происхожденія, отцовской службы и его собственной въ ротѣ у Гр. Чеплинскаго.

Въ концѣ сказки стоитъ такая помѣта Разряда: «а что Василій Вахрамѣевъ вѣстей сказывалъ, и тѣ его вѣсти въ Разрядѣ вѣдомы», т. е. «вѣдомы» изъ «допросныхъ рѣчей» выходца о вѣстяхъ, или приложенныхъ къ отпискѣ сѣвскаго воеводы, или снятыхъ съ него въ Разрядѣ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву. Послѣ полученія «выходныхъ и кормовыхъ денегъ», Василій Вахромѣевъ былъ «отосланъ въ иноземской (или панской) приказъ», который долженъ былъ распорядиться назначеніемъ выходца въ ту или другую службу. Съ этого момента выходецъ становился въ ряды московскихъ служилыхъ людей, съ которыми окончательно связывало его «поверстаніе помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ», производившееся Разрядомъ спустя нѣсколько времени послѣ пріѣзда выходца въ Москву.

Остановлюсь еще на одной «сказкѣ» выходца, именно «литовскаго иноземца» Николая Хрипуновскаго [1]), выѣхавшаго въ Москву въ томъ-же 1632 году. Онъ былъ родомъ изъ того-же оршанскаго повѣта, сынъ шляхтича. Николай «учалъ королю служить» тому лѣтъ съ 20 назадъ. Первая боевая служба его была у «Тушинскаго вора», которому онъ служилъ въ полку Сапѣги «по пятигорски (sic), на 1 конь»... Затѣмъ онъ перешелъ въ полкъ Лисовскаго, «въ лисовчики», и находился съ ними подъ Смоленскомъ, далѣе ходилъ съ королевичемъ Владиславомъ подъ Можайскъ, Москву и Тройцу. Послѣ заключенія мира «служилъ по козацки, на 2 коняхъ», находясь по прежнему «въ лисовчикахъ». Вмѣстѣ съ ними онъ долго бороздилъ русскую землю, а затѣмъ ушелъ въ «волоскую землю», гдѣ служилъ у пана Русиновскаго, на 3 коняхъ, и воевалъ съ турками. Выйдя «изъ Волохъ» и женившись (гдѣ—не сказалъ), служилъ годъ «въ Ифлянтахъ», въ полку пана Александра Гонсѣвскаго, на 2 коняхъ. Когда войско было тамъ распущено, Николай поселился вмѣстѣ съ своими племянниками (дѣтьми его «большаго брата») въ отцовскомъ помѣстьѣ, въ оршанской деревнѣ Рожновщинѣ, которая «съ племянниками его была не въ раздѣлѣ». Былъ у нихъ земельный споръ съ сосѣдомъ, паномъ Романомъ Максимовымъ, окончившійся тѣмъ, что Максимовъ «отнялъ» у Хрипуновскихъ «треть ихъ имѣнья». Николай сталъ искать случая отомстить своему врагу и скоро нашелъ его: какъ-то разъ онъ «заѣхалъ» на отнятомъ у него полѣ максимовскихъ людей—его «прикащика» и «старосту», и «побилъ ихъ до смерти». Послѣ этого ему невозможно было оставаться въ своемъ помѣстьѣ и онъ, бросивъ жену и дочь, бѣжалъ въ Новгородокъ-Сѣверскій, гдѣ 2 года служилъ капитану пану Куницкому, получая годоваго жалованья 24 рубля. Затѣмъ онъ выѣхалъ въ Путивль «на государево имя, слышачи государское жалованье къ ихъ братьѣ къ иноземцамъ, да и потому, что ему къ женѣ своей ѣхать не мочно: за убойство его-бы казнили смертью-жъ» (л. 140).

Въ концѣ «сказки» Николая Хрипуновскаго стоитъ обычная въ подобныхъ документахъ «помѣта» Разряда: «а что Миколай вѣстей сказывалъ, и тѣ его вѣсти въ Разрядѣ вѣдомы».

---

[1]) Ibid., лл. 136—142.

Далѣе идетъ въ дѣлѣ сказка «знатцевъ» о происхожденіи и прежней службѣ выходца. Дѣло оканчивается «памятью» изъ Разряднаго въ Иноземскій приказъ (л. 12), куда препровожденъ былъ Николай Хрипуновскій, для опредѣленія его въ службу. На памяти читаемъ такую «помѣту»: «отводилъ (т. е. сдавалъ въ иноземскій приказъ) литвина приставъ Иванъ Ростопчинъ».

Подобные Василію Вахрамѣеву и Николаю Хрипуновскому уголовные преступники нерѣдко спасались отъ наказанія на родинѣ бѣгствомъ въ московское государство. Здѣсь правительство, такъ сказать, забывало ихъ прошлыя преступленія и смотрѣло на нихъ, какъ на новыхъ людей, начавшихъ иную жизнь въ московскихъ предѣлахъ. Точно также снисходительно смотрѣло нерѣдко московское правительство и на своихъ «бѣглыхъ людей», уходившихъ за рубежъ и затѣмъ снова возвращавшихся на родину. Если такіе выходцы бѣжали изъ московской земли не вслѣдствіе учиненныхъ ими здѣсь болѣе или менѣе важныхъ преступленій, но, какъ они часто выражались, «своею дуростію», т. е. по глупости, или «для гулянья», т. е. для вольной, свободной жизни въ чужой землѣ, то при возвращеніи подобныхъ лицъ правительство не подвергало ихъ никакому наказанію, ограничиваясь ссылкою на службу въ понизовые города. Но это была скорѣе мѣра благоразумія, заставлявшая удалять побывавшихъ за рубежемъ лицъ отъ этого соблазнительнаго для нихъ рубежа. Конечно эти выходцы изъ своихъ бѣглыхъ людей уже не получали отъ правительства никакого «выходнаго жалованья, подобно иноземцамъ. Иногда, впрочемъ, и они ухитрялись получать «выходное жалованье» и вообще ставили себя въ положеніе настоящихъ «выходцевъ-иноземцевъ»: это бывало въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда вернувшіеся бѣглые люди для утайки своего прошлаго проступка на родинѣ скрывали свое московское происхожденіе и выдавали себя за иноземцевъ. Очень часто такія продѣлки сходили имъ съ рукъ благополучно, но когда они открывались, то были наказываемы жестоко.

Приходя въ извѣстный порубежный городъ, бѣглые люди должны были немедленно явиться къ мѣстному воеводѣ, который тотчасъ разспрашивалъ ихъ о «вѣстяхъ». Если бѣжавшій принадлежалъ къ мѣстнымъ служилымъ или жилецкимъ людямъ, то онъ на время оставлялся въ городѣ, до изслѣдованія причинъ его бѣгства,

такъ какъ за нимъ могли быть разные проступки. Послѣ такого разслѣдованія, а такъ-же въ тѣхъ случаяхъ, когда бѣглые принадлежали къ другому городу, а не къ тому, куда они вышли, воевода отсылалъ ихъ въ Москву, въ разрядной приказъ, а послѣдній пересылалъ ихъ въ приказъ казанскаго дворца, для распредѣленія ихъ по понизовымъ городамъ. Вмѣстѣ съ бѣглыми (а въ случаѣ задержки ихъ въ городѣ—безъ нихъ) воевода посылалъ свою «отписку» въ Разрядъ (а иногда въ малороссійскій приказъ) съ приложеніемъ «распросныхъ рѣчей» выходцевъ. Въ Разрядѣ снова допрашивали бѣглыхъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда принесенныя ими вѣсти представляли большой интересъ.

Такъ, въ апрѣлѣ 7198 (1690 г.) кіевскій воевода бояринъ князь Михаилъ Григорьевичъ Ромодановскій отправилъ въ приказъ малой Россіи «отписку» [1]), въ которой сообщаетъ, что 3 апрѣля пріѣхалъ въ Кіевъ «изъ Запорогъ» стрѣлецъ Ивашка Григорьевъ, бѣжавшій изъ «кіевскаго жилаго солдацкаго строя полка» полковника Антона Рубкова. Того-же числа бѣглый стрѣлецъ былъ «распрашиванъ» о вѣстяхъ въ «приказной избѣ», передъ воеводою съ товарищи, и его «распросныя рѣчи» воевода приложилъ къ отпискѣ, которую велѣлъ своему посланному подать въ приказъ Малой Россіи, думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву съ товарищи.

Въ своихъ «распросныхъ рѣчахъ» Иванъ Григорьевичъ показалъ, что онъ бѣжалъ въ Запорожье именно «для гулянья»... Сознавая, однако, свою вину, онъ заключаетъ допросныя рѣчи такимъ воззваніемъ къ государевой милости: «а что де онъ, Ивашка, отъ своей братьи остался (т. е. ушелъ со службы) и былъ въ Запорогахъ по сіе время—и въ той его винѣ великіе государи вольны»... (л. 182). Но простили-ли государи (Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи) ему «вину» и какъ было дальше поступлено съ покаявшимся дезертиромъ, изъ документовъ не видно.

На разсматриваемой отпискѣ князя Ромодановскаго читаемъ такую «помѣту», сдѣланную въ приказѣ Малой Россіи, рукою думнаго дьяка Емельяна Украинцева: «198 года, апрѣля въ 26 день: великимъ государемъ извѣстно и бояромъ чтена» (л. 177 на обор.), т. е., что данная отписка и распросныя рѣчи были доложены го-

[1]) Московскаго стола столбецъ № 749, дѣло № 7, лл. 177—182.

сударямъ и прочтены въ боярской думѣ, такъ какъ сообщенныя Иваномъ Григорьевымъ вѣсти касались весьма важной и животрепещущей новости о сношеніяхъ Запорожья съ Крымомъ. Подобныя помѣты о внесеніи распросныхъ рѣчей на обсужденіе боярской думы довольно часто встрѣчаются на воеводскихъ вѣстовыхъ отпискахъ» XVII вѣка [1]).

Если-же «вѣстовыя отписки» не представляли особенной важности, то они доходили только до Разряда или Малороссійскаго Приказа, а выше не шли. На подобныхъ отпискахъ обыкновенно ставилась такая помѣта: «чтена», т. е. отписка чтена лицами, засѣдавшими въ извѣстномъ приказѣ. Если отписка, доставленная въ Разрядъ, говорила о дипломатическихъ вѣстяхъ, т. е. касалась вѣдомства посольскаго приказа, то въ помѣтѣ Разряда всегда значилось, что отписка сообщена въ этотъ приказъ, какъ это, напримѣръ, сдѣлано на вѣстовой отпискѣ путивльскаго воеводы 7133 (1625) г., гдѣ стоитъ такая помѣта: «чтена и въ посольскій приказъ такова-жъ» [1]), разумѣется отослана.

III.

«Полоненики» составляли въ XVII вѣкѣ почти такой-же многочисленный контингентъ собирателей вѣстей для московскаго правительства, какъ и «выходцы». «Полонское терпѣнье» выпадало въ то время вслѣдствіе постоянныхъ войнъ на долю громадной массы русскихъ людей; за весь XVII вѣкъ не переводились русскіе полоненики въ Польшѣ, Турціи, Ногайской землѣ («въ Нагаѣхъ») и особенно въ Крыму. Торговля ими въ послѣднихъ странахъ была очень развита и доставляла немалыя выгоды. Отсюда наши полоненики шли на продажу въ Европу и Малую Азію. Въ Европѣ они проникали до Италіи и даже до Испаніи. Понятно, что изъ этихъ далекихъ странъ рѣдкому полоненику удавалось вернуться

[1]) Напримѣръ, въ тоже 26 число апрѣля 7198 г. была доложена въ боярской думѣ другая важная «вѣстовая отписка» князя Ромодановскаго, на которой также намѣчено рукою того-же Емельяна Украинцева этого же отписка «великимъ государемъ извѣстна и бояромъ чтена» (ibid., л. 172 на об.).

[2]) Новгородскаго стола столбецъ № 7756 (листы непронумерованы)

на родину и поразсказать здѣсь свои «вѣсти» о чужой сторонѣ. Но изъ Турціи, Крыма и особенно изъ Польши полоненники возвращались очень часто то вслѣдствіе выкупа и обмѣна ихъ правительствомъ и роднею, то самовольнымъ уходомъ.

Являясь въ извѣстный порубежный городъ, полоненники немедленно представлялись воеводѣ, который отбиралъ отъ нихъ вѣсти, снаряжалъ ихъ въ дорогу и вмѣстѣ съ своей «вѣстовой отпиской» отправлялъ въ Москву, въ Разрядный Приказъ. Здѣсь снова дѣлался имъ передопросъ о вѣстяхъ и затѣмъ полоненники подавали государю челобитье о пожалованіи имъ «выходнаго жалованья» за «полонское терпѣнье». При этомъ отъ нихъ отбирались «сказки» объ обстоятельствахъ ихъ плѣненія и объ ихъ жизни въ полону. Эти «сказки» очень любопытны своими богатыми бытовыми подробностями о положеніи русскихъ полоненниковъ. Кромѣ того они сообщаютъ иногда очень цѣнныя данныя по исторіи и географіи сосѣднихъ съ московскимъ государствомъ странъ. Приведу для примѣра сказки «литовскихъ» и «турскихъ» полонениковъ. Въ 7140 (1632) г. «вышелъ на государево имя»[1]) въ Путивль «литовскій полоненикъ» боярскій сынъ изъ Переяслава-Залѣсскаго Иванъ Андреевъ Литвиновъ. Путивльскіе воеводы князь А. Литвиновъ-Мосальскій и П. Уваровъ прислали его при своей отпискѣ въ Разрядъ, гдѣ онъ «въ роспросѣ сказалъ»: взятъ онъ еще «невеликимъ» (малолѣтнымъ) въ полонъ «лисовчиками» въ Переяславѣ-Залѣсскомъ, когда именно—того онъ не помнитъ. Литовцы свели его въ Быховъ и отдали купцу А. Мишкову, которому Иванъ «служилъ» 12 лѣтъ. Когда «не стало» купца (т. е. когда онъ умеръ), быховскій староста А. Роса «отдалъ его гайдуцкому ротмистру» В. Рожновскому, у котораго онъ служилъ «противъ шведъ» 4 года. Рожновскій былъ убитъ во время этой войны, послѣ чего Литвиновъ годъ «служилъ собою, на одинъ конъ козацкую службу, въ ротѣ у Зиновича». По окончаніи этой войны Литвиновъ бросилъ военную службу и пошелъ въ Кіевъ, гдѣ служилъ годъ у купца С. Дурыгина, затѣмъ годъ въ Черкасахъ, у «черкашенина» А. Татарина. Оттуда пошелъ снова въ Быховъ, гдѣ 3 года служилъ купцу С. Вахрамѣеву, потомъ полгода жилъ въ Переяславѣ, у козака П. Криво-

[1]) Помѣстнаго стола столбецъ № 2, лл. 20—24.

шеи и также полгода въ Стародубѣ, у «русскихъ людей» — у боярскихъ дѣтей В. и И. Львовыхъ. Здѣсь съ нимъ случилось происшествіе, которое заставило его уѣхать въ Россію и о которомъ онъ разсказываетъ довольно глухо. Именно: въ 7139 г., вскорѣ послѣ Петрова дня, пріѣхалъ изъ Смоленска «протопопъ ляцкой (вѣроятно—уніатскій) печатать русскихъ церквей»... Какимъ-то образомъ у Литвинова произошло столкновеніе съ «человѣкомъ» этого «ляцкаго протопопа» и онъ «убилъ человѣка, и оттого побѣжалъ» въ Новгородокъ-Сѣверскій, гдѣ пробылъ 3 дня и затѣмъ «вышелъ» въ Путивль, откуда воеводы послали его въ Москву.

Давши эту «сказку», Литвиновъ представилъ Разряду «знатца» своего, Переяслава-Залѣсскаго боярскаго сына Богдана Замятнина-Айгустова, показавшаго въ особой «сказкѣ», данной «по крестному цѣлованью», что онъ «полоненика Ивашку знаетъ»: это, дѣйствительно, сынъ Андрея Литвинова, который передавалъ «знатцу», что Ивашка взятъ въ полонъ 5 лѣтъ.

Другой «литовскій полоненикъ» [1]) калужскій «посадскій человѣкъ» Богданъ Ѳоминъ Шатуновъ, въ томъ-же 140 г. передавалъ слѣдующее въ своей «сказкѣ» Разряду: взятъ онъ былъ въ полонъ въ Калугѣ, вмѣстѣ съ матерью и сестрою, въ 127 (1619) г., когда «Саадачной Колугу взялъ». Богдана съ матерью свели въ Кіевъ, а сестру въ Черкасы. Первые двое служили въ Кіевѣ разнымъ купцамъ. Послѣ смерти матери онъ пошелъ въ Черкасы, гдѣ нашелъ свою сестру замужемъ «за черкашениномъ». Проживъ здѣсь годъ, да годъ въ Иванѣ-городкѣ, Богданъ послѣ 11-ти лѣтняго плѣна пошелъ «на государеву землю» — на «селитренныя варницы» (куда именно—не сказалъ), гдѣ работалъ полгода и затѣмъ вышелъ въ Рыльскъ, откуда и присланъ воеводою въ Москву.

«Знатецъ», калужскій посадскій человѣкъ Самойликъ Семеновъ сынъ Плотникъ, показалъ въ своей «сказкѣ», что онъ «зналъ» отца и братьевъ Богдана Шатунова, а «его де Богдашка не знаетъ (потому), что онъ взятъ въ полонъ не великъ»...

Потому-ли, что «знатецъ» не подтвердилъ ссылки на него Богдана, или-же по общему, практиковавшемуся въ подобныхъ случаяхъ правилу—полоненикъ былъ отданъ «на поруки» 5-ти ли-

[1]) Помѣстнаго стола столбецъ, № 2, лл. 75—80.

цамъ—«порутчикамъ». Въ «поручной записи» они «выручили въ томъ», что Богдану «за нашею порукою въ Крымъ, въ Литву и въ Нѣмцы и въ иныя ни въ которыя государства не отъѣхать. А какъ его, Богдашку, спросятъ, и намъ, порутчикамъ, его Богдашку поставить въ Разрядѣ передъ дьяки передъ думными»... Если-же Богданъ «отъѣдетъ» въ какое нибудь государство, «или какъ его спросятъ, а мы его не поставимъ, и на насъ на порутчикахъ пеня государя..., а пеню—что государь укажетъ, и наши порутчиковы головы въ его (Богдана) головы мѣста»... (л. 80).

Остановлюсь еще на слѣдующей сказкѣ [1]) «турскаго полоненика» ливенскаго боярскаго сына Лаврентія Сергѣева, того-же 140 г.:

Сергѣевъ показалъ, что въ 133 г. ливенскій воевода Андрей Измайловъ отправилъ его съ отписками къ сосѣднему оскольскому воеводѣ. Когда онъ ѣхалъ подъ Савинскимъ лѣсомъ, между Ливнами и Осколомъ, его захватили татары и свели въ Кафу. Здѣсь онъ былъ проданъ «торговому турченину», который взялъ его «за море», въ городъ Холявъ, гдѣ Сергѣевъ жилъ 2 года. Отсюда онъ «ушолъ» въ г. Кесарею, гдѣ служилъ 3 года «торговому греченину». Затѣмъ полгода служилъ въ г. Анбарѣ, у митрополита Саввы, да полгода жилъ въ г. Якбозарѣ. Всего онъ пробылъ въ «турской землѣ» 6 лѣтъ. Побывавъ въ Царьградѣ, въ 139 г. Сергѣевъ пошелъ съ однимъ «волошениномъ» въ «волосскую землю», а оттуда чрезъ города Каменецъ-Подольской, Константиновъ и Прилуки вышелъ въ Путивль.

Къ этой сказкѣ въ «выпискѣ» (т. е. справкѣ) Разряда прибавлено: «и какъ Лаврентей взятъ въ полонъ—того не сыскано: отписочные столпы (т. е. «столпы» съ воеводскими «отписками») 133 года погорѣли» (л. 127). Но «знатцы» подтвердили справедливость показаній Л. Сергѣева объ обстоятельствахъ его плѣненія.

Вообще, почти каждая сказка полоненика представляетъ значительный интересъ въ томъ или другомъ историческомъ отношеніи.

---

[1]) Ibid., лл. 125—127.

IV.

Организація собиранія вѣстей у «торговыхъ людей» была менѣе сложна, чѣмъ у выходцевъ и полонениковъ. Она сосредоточивалась исключительно у порубежныхъ воеводъ и до Разряда доходили только результаты—самыя вѣсти. Всякій торговый человѣкъ, возвращавшійся изъ-за рубежа въ извѣстный порубежный городъ, обязательно являлся къ мѣстному воеводѣ, который записывалъ его вѣсти и эти «распросныя рѣчи» отсылалъ въ Разрядъ. Напримѣръ: въ іюлѣ 198 (1690) г. [1]) вернулся въ Кіевъ богатый мѣстный торговый человѣкъ, гречанинъ Николай Ивановъ Торніотъ, ѣздившій «для торговаго промысла» въ Польшу, Венгрію и Турцію. Онъ самъ явился въ «приказную избу» и обстоятельно передалъ воеводѣ князю М. Г. Ромодановскому «съ товарищи» всѣ вѣсти, какія онъ успѣлъ собрать во время своей продолжительной торговой поѣздки. Эти вѣсти немедленно были отправлены воеводою въ Разрядъ.

За исправнымъ отправленіемъ этой обязанности торговыхъ людей дѣятельно наблюдали ихъ выборныя общественныя власти. Такъ [2]), въ апрѣлѣ того-же 198 г. кіевскій воевода князь Ромодановскій прислалъ въ Разрядъ «вѣстовую отписку» съ вѣстями, доставленными ему кіевскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Павловымъ, ѣздившимъ въ Варшаву «для торговаго промысла». Воевода сообщаетъ, что И. Павлова прислалъ къ нему «изъ Нижняго города» (т. е. Кіево-Подола) кіевскій «войтъ» Янъ Быковской.

Очень часто, когда Разрядъ настоятельно требовалъ отъ воеводъ присылки вѣстей, или когда сами воеводы догадывались о необходимости добыть свѣжія политическія новости, они не дожидались добровольнаго отправленія за рубежъ торговыхъ людей, но сами нарочно посылали ихъ туда. Для этого, конечно, они выбирали лицъ, хорошо имъ извѣстныхъ, зарекомендовавшихъ себя уже раньше удачными поисками зарубежныхъ вѣстей. Напримѣръ: въ мартѣ 133 (1625) г. вяземскіе воеводы писали въ Разрядъ, что они отправили «вязмитина торговаго человѣка» Гришку Чертолина за рубежъ, въ Дорогобужъ—«провѣдывать литовскихъ вѣстей» [3]). О

---

[1]) Московскаго стола столбецъ № 749, д. № 7, л. 95.

[2]) Ibid., л. 172.

[3]) Новгородскаго стола столбецъ № 7756 (нумераціи листовъ нѣтъ).

такой-же посылкѣ торговыхъ людей за рубежъ сообщалъ въ іюнѣ того-же 133 г. рыльскій воевода [1]).

Понятно, что, для сокрытія истинныхъ цѣлей подобныхъ зарубежныхъ посылокъ торговыхъ людей, воеводы не отпускали ихъ туда съ пустыми руками, но всегда съ товарами. На это обстоятельство воеводы прямо указываютъ въ своихъ отпискахъ. Такъ, тѣ-же вяземскіе воеводы сообщали Разряду въ августѣ 133 г., что они отпустили въ Дорогобужъ «торговаго человѣка Климку Васильева съ товаромъ для торгу и вѣстей ему всякихъ провѣдать приказывали» [2])...

Когда случалось, что у торговыхъ людей не было заготовлено собственнаго товара для зарубежной торговли, а между тѣмъ посылка ихъ за рубежъ настоятельно требовалась, воеводы въ такихъ случаяхъ снабжали торговцевъ «государевыми заповѣдными товарами», взятыми изъ мѣстной «государевой казны». Напримѣръ: въ маѣ 133 г. новгородскіе воеводы «отпустили въ Свейскіе городы съ соболиною казною новгородцевъ торговыхъ людей, и велѣли имъ въ Свейскихъ городахъ про всякія вѣсти проповѣдывать подлинно» [3])...

Вообще къ содѣйствію своихъ торговыхъ людей воеводы прибѣгали очень часто, особенно потому, что по своему положенію эти лица могли проникать въ такія сферы, какія почти совершенно были недоступны спеціальнымъ лазутчикамъ. Напр., въ январѣ 133 г. торопецкіе воеводы писали Разряду, что они посылали съ товарами за рубежъ, для провѣдыванія вѣстей, посадскаго торговаго человѣка Алексѣя Бѣляева, который, какъ оказалось, очень удачно выполнилъ свою задачу—привезъ цѣнныя вѣсти, добытыя имъ изъ надежнаго источника. Бѣляевъ отправился въ Витебскъ, а оттуда поѣхалъ «на ярманку» въ Копылъ—имѣніе гетмана Христофа Радзивилла. Гетманъ жилъ въ это время здѣсь и Бѣляеву удалось проникнуть въ его палацъ и «торговать съ нимъ съ гетманомъ, съ Радзивиломъ съ самимъ—собольми и куницы». Пользуясь этимъ удобнымъ случаемъ, Бѣляевъ ловко завелъ съ гетманомъ «разговоръ» о собы-

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.

тіяхъ дня въ Польшѣ и «слышалъ отъ него Радзивилла въ разговорѣ, что былъ у литовскаго короля соймъ [1]) въ Варшавѣ»... и проч. [2]).

Въ дѣлѣ собиранія вѣстей московскому государству служили и иноземные торговые люди, пріѣзжавшіе для своихъ промысловъ въ порубежные города. Воеводы всегда старались выпытать у нихъ какія либо политическія новости. Напр. въ мартѣ 133 г. пріѣхалъ въ Брянскъ «литовскій торговой человѣкъ» Тимофей Ляховъ и остановился съ своими товарами «на гостинномъ дворѣ». Воеводы немедленно послали къ нему подьячаго своей «съѣзжей избы» и приказали ему у того Ляхова «въ розговорѣ (т. е. незамѣтно и осторожно) про литовскія вѣсти распросить» [3]). Въ іюнѣ того-же года новгородскіе воеводы сообщили Разряду вѣсти, которыя они добыли при посредствѣ свого «переводчика» Павла Грубова у только что пріѣхавшаго въ Новгородъ «голанскаго торговаго нѣмчина» [4]).

Понятно, что къ вѣстямъ, добытымъ этимъ послѣднимъ путемъ, нужно относиться съ большой осторожностію, такъ какъ несомнѣнно, что иноземцы хорошо понимали цѣль подсылки къ нимъ «для розговору» разныхъ подьячихъ, переводчиковъ и т. п. и съ своей стороны вели эти «розговоры» осторожно. Несомнѣнно также, что и сосѣднія правительства пользовались услугами своихъ торговыхъ людей для добыванія необходимыхъ имъ московскихъ вѣстей; по крайней мѣрѣ о польскомъ правительствѣ извѣстно (см. V главу), что оно, подобно московскому, имѣло у себя спеціальныхъ «лазутчиковъ» для провѣдыванія вѣстей, а слѣдовательно должно было пользоваться для этой цѣли и своими торговыми людьми.

V.

Особенно любопытна организація «лазутчества» въ московскомъ государствѣ XVII в. «Лазутчики» или «вѣстовщики» существовали въ то время во всѣхъ городахъ на рубежѣ съ Швеціей,

---

[1]) Т. е. сеймъ. Вообще, во всѣхъ попадавшихся мнѣ воеводскихъ отпискахъ XVII в. слово «сеймъ» неизбѣжно пишется «соймъ»...

[2]) Новгородскаго стола столбецъ № 7756.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid.

Польшей, Турціей, Крымомъ и проч. Но въ извѣстныхъ мнѣ документахъ Разряднаго приказа я находилъ свѣдѣнія о лазутчикахъ собственно на свейскомъ и литовскомъ рубежахъ. Въ «наказахъ» воеводамъ на этихъ рубежахъ наставленія о «лазутчествѣ» занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ и излагаются въ особой «статьѣ». Въ наказѣ, данномъ 23 февраля 138 (1630) г., новому великолуцкому воеводѣ стольнику О. В. Бутурлину находимъ слѣдующія любопытныя наставленія относительно выбора «лазутчиковъ», ихъ обязанностей, пріемовъ собиранія вѣстей, назначенія имъ жалованья, порядка доставленія въ Разрядъ «вѣстовыхъ отписокъ» и проч. [1]).

Воеводѣ предписывается «выбрать на Лукахъ изъ посадскихъ людей и изъ пашенныхъ крестьянъ и изъ всякихъ людей—лазутчиковъ, добрыхъ людей и разумныхъ, которые къ тому государеву дѣлу пригодятся, кого пригоже, и привести ихъ къ государеву крестному цѣлованью на томъ, что имъ государю служить, въ литовскіе города лазучить ходить и вѣстей всякихъ провѣдывать подлинно, а московскихъ никакихъ вѣстей и на смуту, и никакого дурна литовскимъ людямъ, опричь добра, ничего не сказывать, и въ подаркахъ ничего не имать, и литовскихъ людей къ государевымъ городамъ измѣною не привесть, и во всемъ государю служить въ правду, безъ всякой хитрости».

«А приведши ихъ ко кресту, государева жалованья дать имъ, по чему доведется, смотря по человѣку и, примѣряясь къ прежнимъ дачамъ, изъ тамошнихъ (т. е. мѣстныхъ) доходовъ, и тѣхъ лазутчиковъ имена прислать къ государю», т. е. въ Разрядный приказъ.

Далѣе говорится, что воевода долженъ «посылать тѣхъ лазутчиковъ въ литовскіе города, куда пригоже, а велѣть про вѣсти провѣдывать всякими обычаи». Лазутчики должны «провѣдывать про короля, и про королевича», также о томъ, гдѣ стоятъ литовскіе ратные люди, или куда назначенъ имъ сборъ; когда и съ какою цѣлью былъ или будетъ у короля «соймъ»; въ какихъ отношеніяхъ находится Польша къ Турціи, Крыму и Швеціи; нѣтъ-ли у короля «какого умышленья на московское государство»; не собираются-ли куда походомъ «запорожскіе черкасы» и проч. и проч. Вообще о всякихъ политическихъ и военныхъ новостяхъ лазутчики должны «провѣдывать на крѣпко», т. е. основательно и точно.

---

[1]) Новгородскаго стола столбецъ № 7758, лл. 362—364.

Воевода долженъ посылать лазутчиковъ «почасту» и ихъ вѣсти сообщать въ Москву «почасту-же». Всѣ «отписки о вѣстяхъ» слѣдуетъ посылать въ Разрядъ, а «о посольскихъ дѣлахъ и о задорахъ» (т. е. о недоразумѣніяхъ съ зарубежными властями) въ Посольскій приказъ. Впрочемъ «о задорахъ» воевода долженъ извѣщать и Разрядъ, а также писать и къ сосѣднимъ воеводамъ, «куда пригоже».

Въ заключеніе «статьи» о лазутчествѣ говорится снова о жалованьѣ лазутчикамъ: «лазутчикамъ, которые придутъ съ прямыми (т. е. достовѣрными) вѣстями изъ литовскихъ городовъ, давать за вѣсти государева жалованья по полтинѣ, или по рублю, и смотря по вѣстямъ» [1])...

Помимо «наказовъ», Разрядъ и въ другихъ случаяхъ напоминалъ воеводамъ о старательномъ собираніи вѣстей чрезъ лазутчиковъ и другихъ лицъ. Это особенно часто бывало въ моменты натянутыхъ отношеній Москвы къ сосѣднимъ государствамъ и вообще въ виду какихъ либо зарубежныхъ событій особенной важности. Напр. въ 133 (1625) г. въ Литвѣ появилось «моровое повѣтріе». Опасаясь перенесенія его въ московскіе предѣлы и принимая разныя необходимыя при этомъ мѣры, московское правительство между прочимъ разослало чрезъ Разрядъ «грамоты» къ порубежнымъ воеводамъ, съ приказаніемъ «у выходцовъ и у полонениковъ и у «лазутчиковъ и у торговыхъ людей провѣдывать и распрашивать накрѣпко» о моровомъ повѣтріи въ Литвѣ и Польшѣ, а также кстати о тамошнихъ политическихъ вѣстяхъ [2]). Эти грамоты были разосланы въ маѣ и іюнѣ въ гг. Мосальскъ, Рыльскъ и Брянскъ.

Лазутчики выбирались воеводами какъ изъ служилыхъ, такъ и изъ жилецкихъ людей—посадскихъ и крестьянъ. Служилые люди сравнительно рѣдко брались за лазутчество. Такъ, въ апрѣлѣ 133 г., путивльскій воевода посылалъ за рубежъ «лазучить» путивльскаго боярскаго сына Григорья Гладкова. Въ августѣ того-же года воронежскіе воеводы посылали «провѣдывать на Дону про всякія вѣсти»—«станичниковъ», дѣтей боярскихъ, Неустроя Тарарыкова

---

[1]) Въ этомъ-же «наказѣ» (л. 364 и слѣд.) говорится о собираніи вѣстей отъ «выходцевъ», «полонениковъ» и проч.

[2]) Новгородскаго стола столбецъ № 7756.

и еще 5 человѣкъ, да «полковыхъ козаковъ» 9 человѣкъ. Гораздо охотнѣе шли въ лазутчики жилецкіе люди. Напр. въ февралѣ 133 г. Бѣльскій (смоленскій) воевода посылалъ «за рубежъ, для вѣстей», крестьянъ своего уѣзда Сеньку Рыжковскаго и Ивашку Скюлетина. Но наиболѣе всего контингентъ лазутчиковъ пополнялся изъ посадскихъ людей. Такъ, въ маѣ 133 г., новгородскіе воеводы посылали «для провѣдыванія вѣстей» въ Иванъ-городъ «посадскаго человѣка» Ивана Иванова. Въ томъ-же мѣсяцѣ псковскіе воеводы также посылали за рубежъ «для вѣстей» посадскаго человѣка. Въ мартѣ того-же года торопецкіе воеводы «посылали въ литовскіе городы для вѣстей» посадскихъ людей Ивашку Зиму и Ивашку Щеку [1]). Въ другой мартовской отпискѣ тѣхъ-же торопецкихъ воеводъ Ив. Зима названъ прямо «торопецкимъ лазутчикомъ». Въ маѣ 133 г. масальскій воевода посылалъ «масальскаго лазутчика» крестьянина четвертаго Елизарова. Но по большей части въ воеводскихъ «вѣстовыхъ отпискахъ» не опредѣляется званіе лазутчиковъ, а только приводится это названіе ихъ, иногда въ соединеніи съ именемъ города, къ которому они принадлежали. Такъ, въ августѣ 133 г. брянскіе воеводы посылали за рубежъ «брянскаго лазутчика» Ивашку Лаптя [2]):

Большею частію воеводы посылали за рубежъ по одному лазутчику, но нерѣдко и по 2 человѣка. Кромѣ вышеприведенныхъ примѣровъ, укажу еще на одинъ—посылку брянскими воеводами, въ іюнѣ 133 г., 2 лазутчиковъ—Степана и Павла Вяхиревыхъ. Еще рѣже встрѣчаются посылки 3 человѣкъ. Такова, напр., была посылка рыльскимъ воеводою, въ томъ-же іюнѣ, 3 лазутчиковъ [3]). Вышеупомянутая посылка съ Воронежа на Донъ 15 ратныхъ людей (станичниковъ и козаковъ) представляется исключительною. Это былъ скорѣе не большой воинскій отрядъ, чѣмъ партія лазутчиковъ.

Лазутчики высылались не только въ ближайшія зарубежныя мѣстности, но иногда и на очень значительное разстояніе отъ своего города. Такъ, въ 133 г. были слѣдующія довольно далекія посылки лазутчиковъ: изъ Брянска въ Смоленскъ, изъ Пскова въ

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.

Ригу, изъ Путивля въ Кіевъ, изъ Рыльска въ Кіевъ и Бѣлую-Церковь и т. п. [1]).

Лазутчики находились на лазутчествѣ обыкновенно по нѣсколько дней, но при дальнихъ посылкахъ бывали за рубежомъ и по полумѣсяцу, по мѣсяцу и больше. Напр. въ 133 г. вышеупомянутый путивльскій лазутчикъ боярскій сынъ Г. Гладковъ былъ посланъ въ Кіевъ 4 апрѣля, а вернулся въ Путивль 17 апрѣля. Три рыльскихъ лазутчика, посланные въ Кіевъ и Бѣлую Церковь, поѣхали 14 іюня, а вернулись 21 іюля. Торопецкій лазутчикъ Ив. Зима былъ посланъ «въ литовскіе города» 27 марта, а вернулся 11 мая [2]).

Для собиранія вѣстей лазутчики прибѣгали къ разнымъ пріемамъ. Прежде всего они старались заводить за рубежомъ «знакомцевъ» — друзей и пріятелей, на свѣдѣнія которыхъ могли-бы вполнѣ положиться. Въ 133 г. путивльскій лазутчикъ Гладковъ собралъ въ Кіевѣ разныя вѣсти отъ митрополита Іова Борецкаго и отъ своихъ «знакомцевъ—литовскихъ людей». Гладковъ былъ боярскій сынъ [3]) и потому могъ проникнуть къ митрополиту; лазутчики изъ крестьянъ и посадскихъ людей были далеки отъ подобныхъ сферъ, вращались въ низшихъ слояхъ общества и лишь болѣе ловкимъ изъ нихъ удавалось проникать куда либо повыше, на что давались имъ отъ воеводъ особыя средства. Такъ брянскіе воеводы, посылая въ августѣ 133 г. въ смоленскій уѣздъ своего лазутчика Ивашку Лапта «для промыслу и проходу за рубежъ, дали ему 2 куницы, чтобъ ему у кого за рубежомъ литовскихъ подлинныхъ всякихъ вѣстей провѣдать»..., собственно-же на путевые расходы ему была особо дана «полтина» [4]).

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

[3]) Любопытно, что воеводскую «вѣстовую отписку», сообщавшую вѣсти, добытыя Гладковымъ, доставилъ въ Разрядъ самъ вѣстовщикъ, т. е. лице отличившееся въ данномъ порученіи. Здѣсь видимъ тоже самое, что въ XVII в. всегда практиковалось въ ратномъ дѣлѣ, гдѣ для доставленія въ Разрядъ «сеунча» (извѣстія) о боѣ «сеунщикомъ» обыкновенно назначался кто либо изъ ратныхъ людей, наиболѣе отличившихся въ томъ бою (см., напр. «Истор. царств. Петра В.» *Н. Устрялова*, т. I, стр. 378; см. также столбцы московскаго и друг. столовъ.

[4]) Новгородскаго стола столбецъ № 7756.

Лазутчики обыкновенно лично доставляли воеводамъ собранныя ими вѣсти, но иногда они сносились съ ними и письменно. Это бывало въ случаяхъ большой экстренности, когда добытая лазутчикомъ вѣсть была очень важнаго свойства и когда письменное донесеніе лазутчика воеводѣ могло придти раньше его самого, или когда вообще лазутчикъ находилъ необходимымъ продолжить свое пребываніе за рубежомъ и въ тоже время не могъ медлить съ увѣдомленіемъ о важной вѣсти. Подобный примѣръ указываетъ отписка брянскихъ воеводъ, въ августѣ 133 г., о посылкѣ ими за рубежъ вышеупомянутаго лазутчика Ив. Лаптя.

Ив. Лапоть былъ отпущенъ въ смоленскій уѣздъ 8 августа, а 11-го онъ прислалъ воеводамъ (изъ деревни Шиплевой, въ 40 верстахъ отъ Смоленска) «память, за своею рукою и за печатью», въ которой сообщалъ очень важную вѣсть, именно, что панъ Гонсѣвскій «накликаетъ» (созываетъ) въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ и Серпейскѣ «охочихъ воинскихъ людей» и замышляетъ идти съ ними къ можайскому рубежу. Пославши воеводамъ «память», Лапоть остался за рубежомъ для провѣрки своей вѣсти. 16 августа онъ вернулся въ Брянскъ и отчасти успокоилъ имъ-же надѣланную тревогу, сообщивъ, что Гонсѣвскій, хотя дѣйствительно собираетъ «охочихъ людей», но идетъ съ ними не къ можайскому рубежу, а къ Полотску—именно потому, «что будто подъ Полотскъ свицкой (шведскій) король пришелъ и Полотскъ осадилъ»... Однако Лапоть не могъ «подлинно» сказать, какую изъ его двухъ вѣстей слѣдуетъ признать болѣе достовѣрною, и потому воеводы снова послали его «того-жъ числа» за рубежъ для разрѣшенія этого важнаго недоумѣнія. Въ этотъ-то разъ они и дали ему 2 куницы «для промыслу и проходу за рубежъ», т. е. чтобы онъ нашелъ тамъ и задобрилъ такихъ лицъ, которые могли-бы сообщить ему «подлинную» вѣсть о замыслахъ Гонсѣвскаго [1]).

Конечно, польское и другія сосѣднія съ Москвою правительства хорошо знали о существованіи московскихъ лазутчиковъ и, насколько было возможно, старались преслѣдовать ихъ и мѣшать ихъ дѣятельности. Любопытныя данныя объ одномъ случаѣ подобнаго выслѣ-

---

[1]) Ibid.—Чѣмъ кончилась эта посылка Лаптя за рубежъ—свѣдѣній не сохранилось.

живанія московскихъ лазутчиковъ польскимъ правительствомъ сообщаетъ отписка великолуцкаго воеводы В. А. Третьякова, въ ноябрѣ 136 (1627) г. [1]).

Воевода сообщаетъ Разряду, что въ іюлѣ 135 г. онъ отпустилъ за рубежъ въ г. Невель 2 стрѣльцовъ «для долгового взятку» (т. е. для взысканія долга съ невельскихъ жителей) и 2 козаковъ, Афанасія Федорова и Никиту Константинова, и «для провѣдыванія вѣстей». Невельскій «воевода», узнавши о пріѣздѣ въ городъ лазутчиковъ, велѣлъ ихъ «переймать и удержать ихъ на Невлѣ за приставы», не отпуская въ Великія Луки. Воевода В. А. Третьяковъ, для выручки изъ Невля своихъ людей, прибѣгнулъ къ оригинальному пріему: онъ послалъ въ свой уѣздъ «луцкихъ (т. е. великолуцкихъ) помѣщиковъ» Богдана Креницына и Константина Пасынкова, съ 2 «стрѣлецкими сотниками», и велѣлъ имъ «въ луцкомъ уѣздѣ, на государевѣ землѣ невельскихъ людей вмѣсто тѣхъ козаковъ изымавъ, привести на Луки Великіе»... Б. Креницыну дѣйствительно удалось исполнить воеводское порученіе: онъ поймалъ въ уѣздѣ 6 человѣкъ «литовскихъ мужиковъ невельскаго уѣзда» и доставилъ ихъ въ Великіе Луки, гдѣ воевода велѣлъ ихъ «держать за приставы». Въ тоже время воевода поспѣшилъ извѣстить Разрядъ о случившемся у него «задорѣ» съ зарубежными польскими властями. Разрядъ приказалъ немедленно отправить «грамоту» къ невельскому «уряднику» и потребовать, чтобы онъ «мирнаго договора не нарушивалъ», т. е., чтобы «урядникъ» освободилъ «отъ пристава» луцкихъ козаковъ и стрѣльцовъ и отпустилъ-бы ихъ въ Вел. Луки, обѣщая и съ своей стороны отпустить задержанныхъ «литовскихъ мужиковъ». Конечно, воевода при этомъ скрылъ то обстоятельство, что посланные имъ козаки были лазутчиками: онъ долженъ былъ выставить ихъ мирными людьми, поѣхавшими въ Невель, подобно стрѣльцамъ, «для долговаго взятка» съ невлянъ. Свою грамоту воевода отправилъ въ Невель съ однимъ изъ задержанныхъ имъ невельскихъ крестьянъ. Невельскій урядникъ Петръ Мровинскій долженъ былъ уступить этому правильному съ формальной точки зрѣнія требованію московскаго правительства: на основаніи послѣдняго «мирнаго договора» съ Польшею подданные

[1]) Новгородскаго стола столбецъ № 7758, лл. 78—80.

обѣихъ договорившихся сторонъ имѣли право свободнаго перехода чрезъ рубежъ для своихъ личныхъ дѣлъ. П. Мровинскій согласился отпустить московскихъ стрѣльцовъ и козаковъ въ обмѣнъ на невельскихъ крестьянъ и просилъ «учинить розмѣну» на рубежѣ, на рѣчкѣ Ловницѣ. Воевода В. А. Третьяковъ послалъ для размѣна великолуцкаго помѣщика Ивана Хмѣлева, вмѣстѣ съ невельскими крестьянами. «Размѣна» была произведена 12 октября, т. е. вся эта исторія тянулась около 3 мѣсяцевъ.

На воеводской отпискѣ въ Разрядъ объ этомъ дѣлѣ читаемъ такую помѣту Разряднаго Приказа: «чтена; отписать на Луки, а велѣть, роспрося подлинно тѣхъ луцкихъ стрѣльцовъ и козаковъ, которые были задержаны на Невлѣ, отписать ко государю: для чево ихъ тамъ держали, и чево у нихъ роспрашивали какихъ вѣстей, и што они имъ сказывали, и што какихъ литовскихъ вѣстей они, тамъ будучи, слышели, про тобъ про (все) отписали имянно»).

Подобною-же ловлею чужихъ лазутчиковъ не рѣдко приходилось заниматься и московскому правительству. Что сосѣднія государства также не брезгали прибѣгать къ лазутчеству для ознакомленія съ московскими политическими новостями, объ этомъ можно найдти не мало свѣдѣній въ современныхъ документахъ. Приведу одинъ случай, сообщающій интересныя данныя о польскихъ лазутчикахъ. Въ іюлѣ 137 (1629) г. великолуцкій воевода Ѳедоръ Елецкій прислалъ въ Разрядъ отписку[1]) о «выходцѣ» изъ Литвы шляхтихѣ Васильѣ Степановѣ Ляховичѣ, служившемъ «пахолкомъ» у невельскаго «урядника» вышеупомянутаго Петра Мровинскаго. Къ отпискѣ приложены «распросныя рѣчи» о вѣстяхъ, доставленныхъ Ляховичемъ. Онъ сообщилъ между прочимъ (л. 246), что въ прошломъ 136 г. польскій король и «паны — рада» во время «сойма» послали въ московскіе города 6 человѣкъ «лазутчиковъ— шляхтичей Якова Катковскаго и другихъ. Всѣмъ лазутчикамъ велѣно было «идти въ нищемъ образѣ и провѣдывать про все подлинныхъ вѣстей». Это переодѣванье дало лазутчикамъ возможность исполнить свою задачу вполнѣ благополучно: московскія власти ихъ не замѣтили и лазутчики вернулись изъ московскихъ городовъ «всѣ цѣлы» и «вѣсти написавъ, принесли съ собою». При этомъ

---

[1]) Новгородскаго стола столбецъ № 7758; лл. 243—246.

Ляховичъ замѣтилъ, какъ-бы въ поученіе московскимъ властямъ: а «грамотѣ-де они (польскіе лазутчики) всѣ умѣютъ»... Они сошлись вмѣстѣ въ Полоцкѣ и оттуда направились къ королю на «соймъ», въ Варшаву, куда прибыли около Рождества 137 г. Доставленныя ими вѣсти были очень важнаго свойства и повліяли на постановленія сойма: «и по ихъ вѣстямъ, говорилъ Ляховичъ, литовскіе люди на соймѣ говорили, что было идти войною въ московское государство»... и проч.

Вообще въ Разрядныхъ документахъ можно найдти много подобныхъ любопытныхъ данныхъ объ организаціи «лазутчества» въ XVII в., какъ въ московскомъ, такъ и въ сосѣднихъ государствахъ (особенно въ Польшѣ).

VI.

Вѣсти, собранныя въ XVII вѣкѣ порубежными воеводами, при посредствѣ «выходцевъ», «полонениковъ», «торговыхъ людей» и «лазутчиковъ», представляютъ очень обширный, довольно цѣнный и притомъ почти не тронутый матеріалъ для исторіи Россіи XVII в. и особенно для исторіи Малороссіи. До соединенія съ Москвою, Малороссія была для первой зарубежною страною, положеніе которой очень интересовало московское правительство, особенно съ тѣхъ поръ, когда появились несомнѣнные признаки, говорившіе о близкомъ соединеніи. Поэтому въ ближайшихъ къ Малороссіи московскихъ порубежныхъ городахъ постоянно и тщательно собирались вышеуказанными путями различныя вѣсти о малороссійскихъ дѣлахъ и аккуратно доставлялись въ Разрядъ. Но и позже, послѣ соединенія, когда часть Малороссіи еще оставалась за Польшею, въ эти невозсоединенныя земли также усердно шли московскіе лазутчики и торговые люди, для провѣдыванія тамъ всякихъ вѣстей, и также часто выѣзжали оттуда съ вѣстями выходцы и полоненики. Кромѣ того, и въ возсоединенной части Малороссіи оставалось еще не мало вопросовъ, окончательно невыясненныхъ и требовавшихъ не ослабнаго наблюденія со стороны московскаго правительства. Таковы, напримѣръ, были дѣла запорожскаго войска, гдѣ Москвѣ приходилось зорко слѣдить за отношеніями запорожцевъ къ Польшѣ и Крыму. Поэтому вѣсти о запорожскихъ дѣлахъ постоянно интересовали

московское правительство. Вообще, во все продолженіе XVII вѣка въ воеводскихъ «вѣстовыхъ отпискахъ» одно изъ главныхъ мѣстъ занимаютъ преимущественно вѣсти о малороссійскихъ дѣлахъ.

Кромѣ того, положеніе Малороссіи въ сосѣдствѣ съ Польшею, Крымомъ и Турціей, такъ тѣсно переплетало всегда интересы этихъ странъ, что знакомство съ исторіей Малороссіи немыслимо безъ изученія жизни ея сосѣдей. а о послѣдней постоянно говорятъ московскія вѣсти. Польша, Крымъ и Турція были первыми и самыми опасными въ то время врагами Москвы. Для Посольскаго приказа въ Москвѣ самыми цѣнными вѣстями были именно вѣсти о польскихъ и крымскихъ дѣлахъ, отъ того и порубежные воеводы наиболѣе всего заботились о собираніи политическихъ и военныхъ новостей изъ Польши и Крыма. Большинство вѣстовыхъ отписокъ касается именно исторіи сношеній Москвы съ этими странами. Рѣже говорятъ они о Турціи и Швеціи, и еще рѣже о «цесарской землѣ», о Франціи и другихъ западно-европейскихъ странахъ.

Историческое значеніе этихъ вѣстей не подлежитъ сомнѣнію. Главнымъ образомъ они являются матеріаломъ для политической исторіи Москвы, Малороссіи и ихъ сосѣдей. Отношенія сосѣднихъ государствъ къ Москвѣ и между собою, а также къ другимъ европейскимъ государствамъ, ихъ планы и намѣренія въ будущемъ, ихъ настоящее положеніе—войны, мирные договоры, союзы другъ съ другомъ и проч.—все это стоитъ на первомъ планѣ въ «вѣстовыхъ отпискахъ». Не менѣе этихъ сторонъ интересовалось московское правительство ратнымъ дѣломъ у своихъ сосѣдей. Поэтому въ вѣстяхъ можно встрѣтить массу свѣдѣній о состояніи войскъ въ сосѣднихъ государствахъ, объ ихъ размѣщеніи вообще и особенно въ порубежныхъ съ Москвою городахъ, о составѣ и количествѣ войскъ, о военоначальникахъ и пр. Словомъ, здѣсь можно найдти не мало цѣнныхъ матеріаловъ для военной исторіи Малороссіи, Польши и другихъ странъ.

Еще болѣе цѣнны многія данныя «вѣстовыхъ отписокъ» для бытовой исторіи. Въ этомъ отношеніи можно найдти здѣсь свѣдѣнія о положеніи тѣхъ или другихъ сословій въ порубежныхъ съ Москвою государствахъ, о проявленіяхъ политической жизни народа (напр. о сеймахъ и сеймикахъ въ Польшѣ), объ административныхъ учрежденіяхъ и распорядкахъ и т. п. Здѣсь-же нерѣдко

попадаются брошенныя мимоходомъ, но тѣмъ не менѣе очень любопытныя свѣдѣнія о частной жизни тѣхъ или другихъ историческихъ лицъ Малороссіи, Польши и проч. Особенно часто встрѣчаются свѣдѣнія о придворной жизни въ Польшѣ, о личностяхъ польскихъ королей, малороссійскихъ гетмановъ, крымскихъ хановъ и проч. Всякое событіе изъ частной жизни этихъ высшихъ сферъ заносилось воеводами въ ихъ политическія лѣтописи—«вѣстовыя отписки», игравшія отчасти для московскаго правительства ту роль, какая теперь принадлежитъ газетамъ. И нужно отдать честь этимъ правительственнымъ «корреспондентамъ»—воеводамъ, что они очень внимательно относились къ этой своей задачѣ. Все крупное и мелкое, но носившее характеръ новизны и интереса, неизмѣнно заносилось ими на столбцы ихъ «отписокъ».

Мало того: воеводы интересовались не только политическою жизнію сосѣднихъ странъ, но и жизнью природы. Всѣ великія и грозныя явленія ея—«трясенія земли», страшныя бури, наводненія, сильные морозы, неурожаи и проч.—все это также находило для себя мѣсто въ воеводскихъ «вѣстовыхъ отпискахъ». Вообще эти документы очень цѣнны и для исторической географіи московскаго государства и порубежныхъ съ нимъ странъ. Здѣсь встрѣчается масса драгоцѣнныхъ топографическихъ указаній о городахъ, селахъ, деревняхъ и другихъ населенныхъ пунктахъ, попадаются также свѣдѣнія гидрографическія, статистическія и проч. Особенно-же важны данныя о рубежахъ московскаго государства, преимущественно о литовскомъ, свейскомъ и крымскомъ: объ измѣненіяхъ ихъ направленія и протяженія, о порубежныхъ укрѣпленіяхъ, о составѣ и порядкахъ порубежной службы—«сторожевой», «станичной», лазутческой и проч., о тягостяхъ жизни порубежнаго населенія и т. п.

Между тѣмъ, не смотря на такое важное историческое значеніе разсматриваемыхъ матеріаловъ, они очень мало извѣстны въ нашей исторической литературѣ и богатыя собранія ихъ въ нашихъ архивахъ лежатъ почти совершенно нетронутыми. Правда, нѣкоторыя «вѣстовыя отписки» напечатаны въ актовыхъ изданіяхъ [1]) и многіе историки (напр. Соловьевъ, Костомаровъ, Устряловъ и др.)

---

[1]) См., напр., т. VI, «Акты западной и южной Россіи», №№ 31, 51, 56, 59, 64 и друг.

мимоходомъ пользовались ими, такъ сказать, при случаѣ, но спеціальному изученію «вѣстовыя отписки» не подвергались еще и ждутъ своего изслѣдователя.

«Вѣстовыя отписки» сохранились въ большомъ количествѣ въ документахъ Разряднаго приказа, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Здѣсь встрѣчаются цѣлые столбцы и книги, сплошь наполненныя разсматриваемыми документами воеводской дѣятельности. Особенно богаты ими столбцы московскаго, приказнаго, бѣлогородскаго, новгородскаго и сѣвскаго столовъ Разряда. Проф. Н. П. Загоскинъ высказываетъ предположеніе [1]), что именно приказный столъ завѣдывалъ полученіемъ вѣстовыхъ отписокъ и дальнѣйшимъ направленіемъ ихъ для доклада царю и боярской думѣ, а также передачею ихъ въ посольскій и другіе приказы. Это возможно допустить, хотя нахожденіе вѣстовыхъ отписокъ и въ другихъ вышеуказанныхъ столахъ (особенно много ихъ въ московскомъ столѣ), повидимому, подрываетъ это предположеніе. Впрочемъ этотъ вопросъ можетъ быть уясненъ только спеціальнымъ изученіемъ разсматриваемыхъ документовъ.

Въ книгахъ Разряда вѣстовыя отписки встрѣчаются рѣже, чѣмъ въ столбцахъ. Они попадаются въ книгахъ преимущественно московскаго и приказнаго столовъ [2]). Въ «записныхъ книгахъ» московскаго и бѣлогородскаго столовъ встрѣчаются сокращенныя записи (выдержки) изъ воеводскихъ вѣстовыхъ отписокъ [3]). Такія-же записи находятся и въ «записныхъ книгахъ» другихъ столовъ, особенно въ тѣхъ отрывкахъ изъ нихъ, которые носятъ заглавія: «записокъ отпискамъ» (т. е. воеводскимъ отпискамъ) [4]). Но эти записи, изложенныя очень сокращенно, не представляютъ такого интереса и значенія, какъ подлинныя воеводскія вѣстовыя отписки, цѣнныя именно своими богатыми подробностями.

Кромѣ Разряднаго приказа, вѣстовыя отписки встрѣчаются и въ другихъ отдѣлахъ московскаго архива министерства юстиціи, напримѣръ въ малороссійскомъ приказѣ.

---

[1]) «Столы Разряднаго Приказа», стр. 44—45.

[2]) Ibid., стр. 6, 42—45.

[3]) Ibid., стр. 6 и слѣд., стр. 33.

[4]) См. IV приложеніе къ «Обозрѣнію историко-географическихъ матеріаловъ XVII в.» («Описаніе документовъ московскаго архива министерства юстиціи», кн. IV, стр. 415—416).

Изъ другихъ нашихъ архивовъ богатое собраніе воеводскихъ вѣстовыхъ отписокъ находится въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, т. е. въ дѣлахъ посольскаго приказа. Извѣстно, что воеводскія отписки, говорившія «о посольскихъ дѣлахъ и о задорахъ» [1]), пересылались Разрядомъ въ посольскій приказъ. Хотя тѣ-же самыя отписки Разрядъ оставлялъ и у себя (въ подлинникахъ или «спискахъ»), но такъ какъ въ Разрядномъ архивѣ сохранились воеводскія отписки далеко не въ полномъ своемъ составѣ, то встрѣчающіеся здѣсь пробѣлы могутъ быть восполнены только отписками, уцѣлѣвшими въ архивѣ посольскаго приказа. Этими послѣдними отписками наши историки (Соловьевъ и др.) пользовались гораздо усерднѣе, чѣмъ болѣе богатымъ собраніемъ вѣстовыхъ отписокъ въ архивѣ Разряднаго приказа.

VII.

Нѣтъ нужды особенно распространяться о томъ, что содержаніе «вѣстовыхъ отписокъ» нельзя всегда принимать на полную вѣру, но необходимо провѣрять его историческимъ анализомъ. Вѣсти, какъ мы знаемъ, очень часто доставлялись воеводамъ людьми простыми и не развитыми въ политическомъ отношеніи, взглядъ которыхъ на событія въ жизни разныхъ государствъ не могъ быть вполнѣ безошибоченъ и безпристрастенъ. Кромѣ того, извѣстно также, что иногда вѣстовщики были вынуждаемы говорить вѣсти во что-бы то ни стало (напр. «выходцы», которыхъ иногда и не пропускали чрезъ рубежъ, если они шли безъ вѣстей, или «бѣглые люди», искупавшіе сообщеніемъ вѣстей свой грѣхъ побѣга). Къ такимъ и подобнымъ вѣстямъ нужно относиться къ крайнею осторожностію. Но и вѣсти, сообщенныя внушающими довѣріе лицами, во многихъ случаяхъ неизбѣжно требуютъ историческаго анализа и провѣрки ихъ по даннымъ другихъ источниковъ. Остановлюсь для примѣра на содержаніи нѣсколькихъ «вѣстовыхъ отписокъ».

---

[1]) См., напр., выше упомянутый «наказъ» великолуцкому воеводѣ, 7138 г. (новгородскаго стола столбецъ № 7758, л. 364).

Примѣромъ сомнительной и курьезной вѣсти можетъ служить одно извѣстіе вѣстовой отписки сѣвскаго воеводы, посланной Разряду въ мартѣ 140 (1632 г.)[1]) о «выходцѣ» изъ-за литовскаго рубежа литвинѣ Янѣ Заблоцкомъ и о доставленныхъ имъ вѣстяхъ. Воевода сообщаетъ Разряду многія политическія и военныя новости Польши, слышанныя Яномъ Заблоцкимъ въ Новгородкѣ-Сѣверскомъ отъ тамошняго «урядника» Яна Куницкаго. Сообщивши о томъ, что «изо всѣхъ литовскихъ и украинскихъ городовъ шляхты и поляки (sic) поѣхали въ Польшу, къ королю на соймъ,—а о чемъ-де соймъ будетъ, того-де онъ, Янъ, не вѣдаетъ»,—выходецъ передалъ воеводѣ и такую крупную новость:

«Да Янъ-же Заблоцкій сказалъ, что въ польской землѣ, отъ волоского рубежа, было трясенье земли въ нынѣшнемъ въ 140 г., въ Филиповъ постъ и провалилася-де земля на сорокъ верстъ (?!)—городъ и съ уѣздными съ селы и съ деревнями, а которой-де имянемъ городъ, тово-де онъ подлинно не вѣдаетъ»... (л. 145)[2]).

Воевода значительно измѣнилъ эту любопытную вѣсть Яна Заблоцкаго; по крайней мѣрѣ въ Разрядѣ выходецъ показалъ нѣчто другое. Въ слѣдующихъ за воеводскою отпискою «допросныхъ рѣчахъ» Яна въ Разрядѣ (лл. 149—154) читаемъ болѣе подробную передачу привезенныхъ имъ вѣстей. Любопытно ихъ происхожденіе. Заблоцкій объяснилъ, что за 3 дня до его отъѣзда «на Русь» пріѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскій изъ Варшавы татаринъ съ «листомъ» отъ королевича къ «капитану» Яну Куницкому. Послѣдній сталъ читать этотъ «королевичевъ листъ» передъ «всѣми панами». Янъ Заблоцкій, стоявшій тутъ-же въ горницѣ, «тотъ листъ слышалъ». Королевичъ сообщалъ о предстоящемъ сеймѣ въ Варшавѣ и требовалъ присылки туда 2 выборныхъ «добрыхъ пановъ» отъ Новгородъ-Сѣверскаго «повѣта». Въ тотъ-же день, говоритъ Янъ Заблоцкій, паны собрались, выбрали и послали на сеймъ Станислава Осинскаго и пана Маровича, имени котораго выходецъ не знаетъ (л. 151).

---

[1]) Московскаго стола столбецъ № 83, лл. 143—145.

[2]) Далѣе (лл. 146—148) идетъ буквальное повтореніе этой-же отписки. Не назначалась-ли вторая отписка для отсылки въ посольскій приказъ? «О трясеніи земли» здѣсь повторено тоже самое (л. 148).

О землетрясеніи-же 140 г. Заблоцкій такъ разсказывалъ въ Разрядѣ: «да въ королевичевѣ-жъ листу писано, что идетъ на нихъ гнѣвъ Божій, не токмо что отъ людей: за Польшею, а въ которомъ мѣстѣ, того не написано, тряслася земля на 24 мили, по русски на 120 верстъ, и городъ со всѣмъ уѣздомъ и съ лѣсами съ землею смѣшало»... (л. 151).

Эта послѣдняя редакція вѣсти Заблоцкаго значительно отличается отъ первой—воеводской: 1) воевода отнесъ землетрясеніе къ Польшѣ, тогда какъ королевичъ сообщалъ о случаѣ, бывшемъ «за Польшею». Выходецъ, бывшій польскій подданный, не могъ такъ грубо ошибиться относительно своей родины, чтобъ событіе случившееся внѣ ея предѣловъ отнести къ ней самой. 2) Воевода сообщилъ явную несообразность, утверждая, что «провалилась земля на 40 верстъ»; самъ-же выходецъ передалъ совершенно естественный фактъ, что «тряслась земля на 24 мили» или «по русски на 120 верстъ». Точно также естественно сообщеніе Заблоцкаго о томъ, что во время этого землетрясенія какой-то городъ съ его «уѣздомъ» (т. е. съ окрестностями) «съ землею смѣшало», т. е., что городъ обрушился; тогда какъ воевода утверждалъ, что городъ съ уѣздомъ именно «провалились»... Понятно, что разрядной редакціи вѣсти Яна Заблоцкаго слѣдуетъ отдать предпочтеніе предъ воеводской редакціей; но вообще самый фактъ крупнаго землетрясенія въ 140 г., гдѣ-то на рубежѣ Польши съ Валахіей, требуетъ провѣрки по другимъ современнымъ свидѣтельствамъ.

VIII.

Перехожу къ другимъ вѣстямъ, имѣющимъ несомнѣнное историческое значеніе. Таковы, напримѣръ, любопытныя вѣсти, заключающіяся въ вышеупомянутой вѣстовой отпискѣ кіевскаго воеводы, боярина князя М. Г. Ромодановскаго, полученной Разрядомъ въ 20-хъ числахъ апрѣля 198 (1690 г.) [1]). Воевода сообщаетъ въ этой отпискѣ вѣсти, доставленныя ему кіевскимъ бѣглымъ стрѣльцомъ Ивашкой Григорьевымъ, вернувшимся 3 апрѣля 1690 г. въ Кіевъ послѣ полутора-годичнаго (съ августа 1688 года) пребыванія въ Запорожьѣ.

---

[1]) Московскаго стола столбецъ № 749, лл. 177—182.

Иванъ Григорьевъ доставилъ воеводѣ такія вѣсти о Запорожьѣ, которыя представляютъ совершенно новый матеріалъ для исторіи отношеній Запорожья въ разсматриваемое время къ Москвѣ и Крыму. Стрѣлецъ попалъ въ Запорожье въ интересный моментъ—въ промежутокъ между первымъ (1687 г.) и вторымъ (1689 г.) крымскими походами князя Вас. Вас. Голицына, и пробылъ тамъ все время 2-го похода. Такимъ образомъ его вѣсти имѣютъ прямое отношеніе къ исторіи 2-го крымскаго похода. Они-же сообщаютъ нѣкоторыя новыя данныя въ дополненіе къ извѣстному факту сношеній Запорожья съ Польшей въ 1689 г. Кромѣ того, разсматриваемыя вѣсти цѣнны и для характеристики бытовой исторіи Запорожья. Такую-же важность имѣютъ и находящіяся въ отпискѣ географическія указанія.

Всѣ эти данныя сообщаетъ лице, не внушающее съ перваго взгляда довѣрія—бѣглый стрѣлецъ, возвращавшійся въ Кіевъ подъ страхомъ наказанія и заинтересованный въ томъ, чтобы смягчить это возможное наказаніе какою нибудь услугою правительству, именно сообщеніемъ ему крупныхъ политическихъ новостей изъ Запорожья. Не забывая этого обстоятельства, нельзя однако же и совершенно игнорировать вѣсти И. Григорьева только на томъ основаніи, что его личность возбуждаетъ сомнѣнія. Собственно говоря, его личность совершенно намъ неизвѣстна, и кличка «бѣглый» ничего существеннаго не заключаетъ въ себѣ: тысячи самыхъ невинныхъ причинъ могли заставить И. Григорьева бѣжать въ Запорожье—такихъ причинъ, которыя покажутся темными пятнами развѣ для слишкомъ щепетильной совѣсти. Самъ Иванка говоритъ, что онъ бѣжалъ въ Запорожье «для гуляпья», т. е. для пригольной, свободной жизни въ Сѣчи. Мотивъ очень извинительный для простого стрѣльца, далеко не избалованнаго порядками и условіями своей стрѣлецкой службы. Сознаніе, что онъ своимъ бѣгствомъ измѣняетъ долгу присяги, врядъ-ли было въ немъ, особенно въ виду того, что онъ бѣжалъ не къ «басурманамъ» какимъ нибудь, а къ своей-же «хрестьянской братіи», къ козакамъ, при томъ уже вошедшимъ въ составъ московскаго государства. «Погулявши» въ Запорожьѣ и отведя этимъ «гуляньемъ» свою душу, онъ смиренно возвращается на службу въ Кіевъ, отдавая себя государевой волѣ: «въ той его винѣ великіе государи вольны»... Чело-

вѣкъ нравственно погибшій никогда не почувствовалъ-бы нужды въ такомъ прямомъ расказніи. Онъ не пошелъ-бы туда, откуда бѣжалъ и гдѣ его не могли похвалить за это бѣгство: онъ не бросился-бы въ Кіевъ, къ своему полку, а пошелъ-бы бродить по Руси, какъ бродили тогда многочисленные «гулящіе люди». Къ его услугамъ былъ Донъ, Поволжье, Покамье и прочія привольныя мѣста. Словомъ, мнѣ кажется, что личность Ивашки Григорьева не должна возбуждать нарочитаго недовѣрія къ его вѣстямъ. Но во всякомъ случаѣ на слово нельзя ему повѣрить и историческій анализъ также необходимъ для его вѣстей, какъ и для тысячи другихъ.

Что же разсказывалъ И. Григорьевъ въ приказной избѣ кіевскому воеводѣ князю Ромодановскому и его «товарищамъ?».

«Распросныя рѣчи» стрѣльца, приложенныя къ воеводской отпискѣ, передаютъ слѣдующее: въ августѣ 1688 г. были отправлены по Днѣпру на «стругахъ» хлѣбные запасы въ «новопостроенный» Богородицкой городъ. «Струги» шли подъ прикрытіемъ конвоя изъ «салдатъ и стрѣльцовъ», въ числѣ которыхъ находился и Ивашка Григорьевъ. Отрядомъ командовалъ маіоръ Иванъ Личковской. Доставя запасы по назначенію, маіоръ отправился съ своимъ отрядомъ назадъ въ Кіевъ, но Ивашка, «не похотя итти въ Кіевъ,» остался въ Ново-богородицкомъ «для гулянья». Здѣсь онъ сошелся съ запорожскими козаками и, увлеченный ихъ разсказами о привольной жизни на Запорожьѣ, пошелъ «въ Сѣчь». Кошевымъ атаманомъ во время прихода Ивашки въ Сѣчь, т. е. въ 1688 г., былъ козакъ по «прозвищу» Лихопой. Ивашка жилъ въ Сѣчи больше года и «для добычи» ходилъ съ запорожцами и подъ турскіе городки»: Казикерменъ, Ясламъ и Старой Ханской. Походы сюда они дѣлали Днѣпромъ, въ «судахъ». Кромѣ того, «многажды» ходили и степью подъ «крымскіе улусы», именно къ р. Тонкой. Эти набѣги были очень удачны: нерѣдко козаки цѣлыя «конскія стада отгонивали» изъ-подъ тѣхъ городковъ и улусовъ.

Въ слѣдующемъ 1689. г. избранъ былъ кошевымъ атаманомъ Иванъ Гусакъ. Весною 1689 г. проводивши съ своими козаками войско князя В. В. Голицына до рѣки Бѣлозерки, Иванъ Гусакъ вернулся въ Сѣчь, куда въ это время пришелъ «листъ» отъ крымскаго хана. Атаманъ немедленно приказалъ собрать запорожскихъ козаковъ, и тотъ «листъ чтенъ всѣмъ вслухъ». Тутъ-же присут-

ствовалъ и Ивашка, который такъ передаетъ содержаніе ханскаго листа: ханъ выражалъ желаніе, чтобъ запорожцы «помирились» съ крымцами, при чемъ обѣщалъ, что «которая де была ихъ казачья вотчина на р. Самарѣ и гдѣ поставленъ нынѣ городъ, и они-де крымцы то мѣсто имъ очистятъ, а въ своихъ-де мѣстахъ они, крымцы, имъ казакамъ поступаются, по рѣчкамъ и въ степяхъ по самое Чермное (sic) море всякими угодьи, и въ тѣхъ угодьяхъ по рѣчкамъ и по лугамъ звѣриными и рыбными ловлями (заниматься) и посламъ ходить повольно и безопасно»... Запорожцы, «выслушавъ тотъ ханской листъ», отпустили въ Крымъ пріѣзжавшаго оттуда татарина, не давши хану никакого рѣшительнаго отвѣта.

Но когда узнали въ Сѣчи, что князь В. Голицынъ «распустилъ» свое войско, И. Гусакъ послалъ «листъ» къ крымскому хану, съ козакомъ Лазукою, атаманомъ незымаевскаго куреня. Въ этомъ «листѣ» Сѣчь выражала готовность помириться съ ханомъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) крымцы даютъ обѣщаніе, что запорожцы могутъ «всякими промыслы промышлять» по рѣчкамъ, лугамъ и всякимъ угодьямъ, «безъ всякаго вредительнаго опасенія» со стороны крымцевъ; 2) когда ханъ съ ордою «войною пойдетъ» подъ «украинные города великихъ государей», или пошлетъ съ татарами своихъ салтановъ и мурзъ», то козаки «обѣщались имъ въ той войнѣ никакой помѣшки не чинить».

Ханъ охотно пошелъ на эти условія и послалъ въ Сѣчь съ своимъ листомъ одного изъ «мурзъ» (имени его Ивашка не знаетъ), который пріѣхалъ туда вмѣстѣ съ Лазукой. Съ мурзою-же прибыли «янычены» (sic), около 20 человѣкъ. «И въ то-де время запорожцы о томъ миру противъ того письма (ханскаго) межъ себя вѣрились: запорожцы цѣловали крестъ, а мурза съ янычены за хана шестовали на куранѣ» (т. е. присягали на коранѣ). Мурза пробылъ въ Запорожьѣ 4 дня и затѣмъ «съ честью отпущенъ» въ Крымъ. И нынѣ, заключаетъ Ивашка, запорожцы съ ханомъ въ миру, и подъ турецкіе и крымскіе города «для здобычи» не ходятъ.

Далѣе Ивашка сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о сношеніяхъ Запорожья съ Польшею въ томъ-же 1689 г: въ Филиновъ постъ Ив. Гусакъ, «по совѣту съ запорожскими козаками», отправилъ къ польскому королю куренныхъ атамановъ: незымаевскаго куреня Лазуку и кислековскаго куреня Забіяку, да съ ними-же 200 чело-

вѣкъ козаковъ. Въ «листѣ» къ королю запорожцы писали, чтобы король «принялъ (ихъ) подъ державу свою», а они-де будутъ «служить ему вѣрно, какъ служили дѣды ихъ и отцы прежнимъ королямъ»... Дорогою (въ Кіевъ) Ивашка слышалъ отъ многихъ запорожскихъ козаковъ, что они просятся «подъ державу» короля собственно потому, что недовольны тѣмъ «небольшимъ жалованьемъ», какое получаютъ отъ московскихъ государей... Послѣдніе жалуютъ имъ по 10 алтынъ да по 2 «локтя» сукна на годъ человѣку, «а отъ короля польского получаютъ они себѣ бо́льшую плату»...

Въ заключеніе Ивашка говоритъ: «а онъ-де Ивашка, слыша отъ тѣхъ козаковъ тѣ слова измѣнныя и памятуя къ великимъ государямъ свое обѣщаніе и крестное цѣлованье, съ тою подлинною вѣдомостью изъ Запорогъ пришелъ въ Кіевъ»... Шелъ онъ изъ Запорожья около 3 недѣль, чрезъ «черкасскіе города»: Переволочную, Перекопъ и Городище. Вышелъ онъ съ 3 запорожцами, которые были родомъ изъ черниговскаго, батуринскаго и прилуцкаго уѣздовъ. Они отстали отъ Ивашки въ Городищѣ, откуда направились «въ полкъ къ козацкому компанскому (компанѣйскому) полковнику Михайлѣ» (фамиліи его не приводитъ), а Ивашка пошелъ въ Кіевъ къ «сродичамъ»...

Вотъ всѣ вѣсти, доставленныя Ив. Григорьевымъ кіевскому воеводѣ кн. Ромодановскому. Въ какой-же мѣрѣ слѣдуетъ признать эти вѣсти достовѣрными въ смыслѣ матеріала для исторіи отношеній Запорожья къ Москвѣ, Крыму и Польшѣ?

IX.

Остановимся прежде всего на той вѣсти И. Григорьева, которая говоритъ о желаніи Запорожья стать «подъ державу» польскаго короля и объ отправкѣ къ послѣднему въ 1689 г. куренныхъ атамановъ Лазуки и Забіяки.

Этотъ фактъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ онъ извѣстенъ нашимъ историкамъ по другимъ источникамъ. Такъ, Н. И. Костомаровъ (въ монографіи «Мазепа») разсказываетъ о немъ слѣдующее [1]): по возвращеніи въ 1689 г. изъ Москвы Мазепа

---

[1]) «Мазепа» (изданіе 1882 г.), стр. 43—44.

узналъ о наклонности Запорожья къ примиренію и союзу съ Польшей и Крымомъ. Именно, какой-то запорожскій писарь Сажка «извѣстилъ гетмана, что кошевой Гусакъ, хотя и противъ своего желанія, но по волѣ товариства, послалъ въ Варшаву къ польскому коронному гетману Прокопа Лазуку съ товарищами Забіякою и Кисляковскимъ» [1]). Они жаловались въ Варшавѣ на притѣсненія Москвы и просились въ подданство польскому королю. Мазепа сообщилъ о томъ въ Москву, но тамъ уже знали о посольствѣ Лазуки изъ донесеній варшавскаго резидента Ивана Волкова.

Именно этими донесеніями Волкова пользуется Соловьевъ [2]), разсказывая о посольствѣ Лазуки и Забіяки. Резидентъ Волковъ узналъ въ половинѣ декабря 1689 г. о пріѣздѣ этихъ лицъ къ королю съ письмомъ отъ кошеваго Гусака. «Запорожцы жаловались, что съ царской стороны имъ большое утѣсненіе, запасовъ въ Сѣчь не пропускаютъ, за добычею ѣздить внизъ Днѣпромъ нельзя, опасно отъ татаръ. Для этого они съ ханомъ крымскимъ помирились и бьютъ челомъ королю, чтобъ принялъ ихъ подъ оборону... Волкову передали, что король не приметъ запорожцевъ въ подданство, «развѣ прикажетъ имъ что тайно». При свиданіи съ коронным гетманомъ Яблоновскимъ Волковъ спросилъ его о причинѣ пріѣзда запорожцевъ. Гетманъ увѣрилъ резидента, что король «не приметъ Запорожья въ свое подданство» и что запорожцы пріѣхали «для вступленія въ службу королевскую подъ тѣмъ предлогомъ, что на Запорожьѣ большой голодъ». Гетманъ находилъ, что вступленіе на польскую службу нѣсколькихъ запорожцевъ «не нарушаетъ» мирнаго договора съ Москвою. Позже Волковъ узналъ, что король видѣлся съ Лазукой и Забіякой и, повидимому, не прочь «принять всѣхъ запорожцевъ въ оборону тайными вымыслами».

Такимъ образомъ вѣсти Ив. Григорьева о томъ-же посольствѣ Лазуки и Забіяки нисколько не противорѣчатъ извѣстіямъ другихъ источниковъ. Мало того, первыя дополняютъ послѣднія нѣкоторыми новыми данными. Такъ: 1) Иванъ Григорьевъ опредѣляетъ поло-

---

[1]) Здѣсь почтенный историкъ ошибся: никакой Кисляковскій не былъ посылаемъ вмѣстѣ съ Лазукою и Забіякою, но, какъ говоритъ Ив. Григорьевъ въ своихъ вѣстяхъ, Забіяка былъ атаманомъ кисляковскаго куреня.

[2]) Томъ, XIV, стр. 167—168.

женіе запорожскихъ пословъ—называетъ ихъ «куренными атаманами»; 2) опредѣляетъ количество козаковъ (200 человѣкъ) въ отрядѣ, сопровождавшемъ пословъ. Послѣ этого указанія становится понятнымъ, почему гетманъ Яблоновскій увѣрялъ резидента Волкова, что запорожцы прибыли «для вступленія въ службу королевскую»[1]). Если-бы свита Лазуки состояла только изъ нѣсколькихъ человѣкъ, гетману было-бы неудобно настаивать на своемъ объясненіи. Но цѣлый отрядъ въ 200 человѣкъ прямо подтверждалъ увѣренія Яблоновскаго и очень возможно, что прибывшіе съ Лазукою козаки дѣйствительно имѣли въ виду вступленіе на королевскую службу.

Любопытны наконецъ мотивы, которыми Григорьевъ объясняетъ возникновеніе переговоровъ Запорожья съ Польшею. Какъ рядовой запорожецъ (временный), не посвященный въ высшія политическія соображенія запорожской старшины, онъ слишкомъ просто посмотрѣлъ на это дѣло, какъ смотрѣли на него и тысячи другихъ такихъ-же простыхъ запорожцевъ. Онъ объясняетъ недовольство Запорожья на Москву единственно тѣмъ, что «великіе государи» даютъ запорожцамъ «небольшое жалованье» — по 10 алтынъ и по 2 локтя сукна на годъ человѣку, а отъ польскаго короля козаки «получаютъ большую плату».

Нѣтъ сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ у Запорожья накопилось много причинъ недовольства Москвою и причинъ гораздо болѣе существенныхъ, чѣмъ указываемая Григорьевымъ. О такихъ причинахъ говорятъ, между прочимъ, въ своихъ отпискахъ въ Москву и гетманъ Мазепа, и резидентъ Волковъ (см. выше). Не только въ данный моментъ, но и раньше Запорожье имѣло очень вѣскія основанія задумываться о своемъ будущемъ... Постепенно охватываемая московскимъ кольцомъ, Сѣчь невольно металась въ разныя стороны—то къ Крыму, то къ Польшѣ, чтобъ отдалить тотъ моментъ, когда это кольцо окончательно сожметъ ее и перевернетъ по своему... Но понятно, что такое предчувствіе будущей судьбы давалось не многимъ, болѣе прозорливымъ дѣятелямъ Запорожья, простая-же масса жила интересами настоящей минуты и о нихъ только и хлопотала. И среди этихъ будничныхъ интересовъ

---

[1]) *Соловьевъ*, XIV, стр. 167.

забота о «государевомъ жалованьѣ» Запорожью занимала козаковъ постоянно. Жалобы на недостаточность московскаго жалованья выливались у запорожцевъ очень часто. Напр., спустя полтора года послѣ посольства Лазуки, весною 1691 г. пріѣхалъ въ Сѣчь стольникъ Чубаровъ съ царскимъ жалованьемъ, состоявшимъ изъ 500 червонцевъ, соболей и суконъ. Во время передачи козакамъ этого жалованья одинъ изъ куренныхъ атамановъ закричалъ: «это жалованье не въ жалованье! мы служимъ долго, а кромѣ этого ничего не выслужили побольше, такіе соболи мы и прежде видали! Другіе козаки кричали: «соболи присланы только четверымъ (?), а надобно присылать намъ всѣмъ, какъ донскимъ козакамъ присылаютъ. Велико жалованье—прислали 500 золотыхъ червонныхъ! намъ надобно присылать по 5,000!»[1]). Позже, лѣтомъ 1693 г., когда во время сношеній Запорожья съ извѣстнымъ Петрикомъ недовольство запорожцевъ на Москву замѣтно усилилось, въ числѣ мотивовъ этого недовольства высказывалось снова и то обстоятельство, что запорожцамъ «присылается изъ Москвы жалованье не такое, какъ донскимъ козакамъ». Въ Москвѣ обратили на это вниманіе и сочли нужнымъ прибавить запорожцамъ къ обычной дачѣ еще 100 «половинокъ» сукна[2]).

Вообще подобныя рѣзкія проявленія недовольства Запорожья московскимъ жалованьемъ обнаруживались очень часто. Такимъ образомъ въ соображеніяхъ Григорьева о причинѣ стремленія Запорожья къ подданству Польшѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Не нужно только забывать, что Григорьевъ является въ данномъ случаѣ выразителемъ мнѣній темной массы запорожцевъ, а не сѣчевой старшины. Необходимо также помнить, что кромѣ указываемой Григорьевымъ причины недовольства Москвою существовали еще и многія другія, на которыя Григорьевъ не могъ обратить своего вниманія по степени своего развитія и вслѣдствіе не долгаго сравнительно пребыванія въ Запорожьѣ.

И такъ, одна изъ крупныхъ вѣстей, доставленныхъ Григорьевымъ въ Кіевъ, вполнѣ подтверждается другими историческими свидѣтельствами. Полагаю, что это обстоятельство должно внушить довѣріе и къ остальнымъ его вѣстямъ. Перехожу къ нимъ.

---

[1]) *Соловьевъ*, т., XIV, стр. 177—178.

[2]) Ibid., стр. 209—210.

Къ исторіи 2-го крымскаго похода (1689 года) князя В. В. Голицына Иванъ Григорьевъ сообщаетъ не много данныхъ, касающихся участія запорожцевъ въ этомъ походѣ. Соловьевъ [1]) ничего не говоритъ объ участіи въ походѣ запорожцевъ, Устряловъ же [2]), пользуясь «отписками» съ похода князя Голицына и другими документами, говоритъ объ этомъ участіи, но довольно не ясно. Онъ сообщаетъ, что въ арміи князя Голицына были малороссійскіе полки, подъ начальствомъ Мазепы, но о составѣ ихъ выражается очень глухо: называетъ ихъ вообще то «малороссійскими казаками», или «украинскими черкасами», то «регументами» гетмана Мазепы, то говоритъ объ участіи въ разныхъ бояхъ «старшины и полковниковъ» гетмана и т. п. Конечно, во всѣхъ этихъ терминахъ слѣдуетъ видѣть и запорожцевъ. Въ одномъ мѣстѣ описанія похода Устряловъ (1,232) уже прямо говоритъ о запорожцахъ, находившихся въ полкахъ Мазепы. Но для большей исторической точности этого мало, и фактъ участія запорожцевъ нуждается въ дальнѣйшихъ подтвержденіяхъ. Поэтому-то очень цѣнно указаніе Ивана Григорьева, который прямо говоритъ, что запорожцы участвовали во 2-мъ крымскомъ походѣ, подъ предводительствомъ свего кошеваго атамана Ивана Гусака. На обратномъ пути, послѣ несчастнаго поиска подъ Перекопомъ, запорожцы проводили рускую армію до рѣчки Бѣлозерки. Здѣсь И. Гусакъ разстался съ русскимъ войскомъ и вернулся въ Сѣчь.

Устряловъ [3]) также говоритъ о томъ, что князь Голицынъ переходилъ черезъ рѣчку Бѣлозерку (впадающую въ Днѣпръ вблизи Запорожской Сѣчи) какъ на пути къ Перекопу, такъ и при обратномъ возвращеніи. Въ первый разъ онъ стоялъ на этой рѣчкѣ въ началѣ мая (около 7-го числа) 1689 г. Здѣсь, очевидно, и соединились съ нимъ запорожцы. На обратномъ пути князь Голицынъ пришелъ къ р. Бѣлозеркѣ 1 іюня и расположился здѣсь лагеремъ, въ виду Сѣчи. Простоявши тутъ нѣсколько дней, чтобъ дать отдыхъ изнуреннымъ войскамъ, Голицынъ двинулся далѣе къ р. Самарѣ, къ г. Ново-богородскому, куда 11 іюня «пришли въ цѣлости», какъ писалъ князь въ Москву.

---

[1]) Томъ, XIV, стр. 59—63.

[2]) Томъ, I, стр. 218, 220, 224, 231, 361, 363, 367—371, 377, 387.

[3]) Томъ I, стр. 220—1, 236—7, 367, 372, 376—7.

Такимъ образомъ, и это свѣдѣніе Ивана Григорьева объ участіи запорожцевъ во 2 крымскомъ походѣ подтверждается другими историческими свидѣтельствами.

X.

Но особенно цѣнна вѣсть И. Григорьева о заключеніи Запорожьемъ мира съ крымцами лѣтомъ 1689 г., послѣ окончанія 2-го крымскаго похода. Это событіе оставалось доселѣ неизвѣстнымъ въ нашей исторической литературѣ, если не считать нѣкоторыхъ глухихъ указаній и намековъ на него. Такъ, Н. И. Костомаровъ неопредѣленно говоритъ, что въ 1688 г. у запорожцевъ возникла мысль о примиреніи съ Крымомъ [1]). Ниже онъ замѣчаетъ, что Мазепа, вернувшись въ 1689 г. изъ Москвы, узналъ и отписалъ въ Москву, что Запорожье склоняется къ миру съ Крымомъ и Польшей [2]). У Соловьева же находимъ [3]) извѣстіе о союзѣ Запорожья съ Крымомъ въ 1689 г., но оно брошено мимоходомъ и достаточно не разъяснено. Именно: резидентъ Волковъ, сообщая изъ Варшавы о пріѣздѣ туда запорожскихъ атамановъ Лазуки и Забіяки и объ ихъ жалобахъ на Москву, писалъ между прочимъ, что запорожцы «съ ханомъ крымскимъ помирились». Но этимъ и ограничивается все извѣстіе. Изъ дальнѣйшаго разсказа историка не видно, обратили-ли въ Москвѣ вниманіе на эту вѣсть Волкова и приняты-ли были какія мѣры для ея повѣрки. Во всякомъ случаѣ, теперь мы знаемъ, что въ апрѣлѣ слѣдующаго 1690 г. въ Москвѣ были получены подробныя вѣсти о союзѣ Запорожья съ Крымомъ, благодаря выходцу Ивану Григорьеву.

Его разсказъ объ этомъ союзѣ не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Весьма естественно и правдоподобно разсказываетъ Иванъ Григорьевъ, что въ Сѣчи очень осторожно отнеслись къ первому посольству крымскаго хана, явившемуся (какъ заставляетъ полагать разсказъ выходца и указанія историка Устрялова) въ половинѣ іюня 1689 г., когда князь Голицынъ отошелъ отъ р. Бѣло-

---

[1]) «Мазепа» (изданіе 1882 г.), стр. 22—23.

[2]) Ibid., стр. 43.

[3]) Томъ XIV, стр. 167.

зерки къ р. Самарѣ. Запорожцы только «выслушали» ханскаго посланца объ условіяхъ мира и отпустили его въ Крымъ. Близость русскаго войска мѣшала имъ завязать съ ханомъ серьезные переговоры. Но когда въ Сѣчи узнали, что князь Голицынъ «распустилъ» свое войско (это было въ концѣ іюня и началѣ іюля), тогда запорожцы смѣло возобновили переговоры и даже сами отправили въ Крымъ посольство, во главѣ котораго стоялъ тотъ же Лазука, атаманъ незымаевскаго куреня, который позже (зимою того-же 1689 г.) былъ посланъ къ польскому королю. Очевидно, что это былъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей Запорожья того времени, котораго считали годнымъ для исполненія самыхъ щекотливыхъ и опасныхъ порученій. Лазука вернулся въ Сѣчь вмѣстѣ съ ханскимъ мурзою, который и заключилъ отъ имени хана миръ съ Запорожьемъ, на условіяхъ, предложенныхъ обѣими сторонами [1]).

Рѣшимость запорожцевъ на вступленіе въ этотъ союзъ вполнѣ будетъ понятна, если вспомнимъ, что онъ состоялся сейчасъ послѣ того, какъ Москва на глазахъ Запорожья потерпѣла двойную и крупную неудачу (въ 1687 и 1689 гг.,) въ своей борьбѣ съ Крымомъ. Эти неудачи Москвы естественно подняли духъ Крыма, который теперь смѣлѣе сталъ дѣйствовать, какъ и показали послѣдующія событія (особенно исторія Петрика).

Немудрено послѣ этого, что Запорожье, на которое прежде всего должны были обрушиться татары, охотно пошло на миръ съ своимъ давнимъ врагомъ, высоко поднявшимъ теперь свою голову. Со стороны Запорожья союзъ состоялся единственно изъ побужденій самозащиты.

Подобные союзы Запорожья съ Крымомъ не были новинкою для обѣихъ сторонъ: и раньше (напр. при Хмельницкомъ) они нерѣдко заключались между ними, и послѣ 1689 г. повторялись не разъ. Спустя три года, въ 1692 г., во время волненій, вызванныхъ въ Запорожьѣ и вообще въ Малороссіи происками Петрика, мысль о союзѣ съ Крымомъ усердно и успѣшно пропагандировалась сторонниками Петрика и вообще лицами, недовольными Москвою. И хотя большинство козаковъ, и во главѣ ихъ старшина съ кошевымъ атаманомъ Ив. Гусакомъ, были противъ этого союза и противодѣй-

---

[1]) См. о нихъ въ VIII гл. въ разсказѣ И. Григорьева.

ствовали ему, сколько возможно, однако въ концѣ концовъ сторонники Петрика взяли верхъ и въ іюнѣ слѣдующаго года «голутьба на Запорожьѣ» заставила старшину заключить перемиріе съ ханомъ. При этомъ кошевой Гусакъ, бывшій противникомъ этого союза, «сдалъ атаманство, и на его мѣсто былъ выбранъ Рубанъ» [1]).

Этотъ фактъ, что въ 1693 г. атаманъ Гусакъ оказался противникомъ союза съ Крымомъ, нисколько не противорѣчитъ вѣсти И. Григорьева о мирѣ Запорожья съ Крымомъ въ 1689 г., когда кошевымъ былъ тотъ-же Гусакъ. За 4 года воды уплыло немало и политическое положеніе Москвы и Крыма совсѣмъ измѣнилось. Тогда Крымъ торжествовалъ вслѣдствіе неудачныхъ московскихъ походовъ и въ своемъ торжествѣ могъ серьезно угрожать Запорожью. Теперь-же, въ 1693 г., Москва уже достаточно оправилась отъ понесенныхъ неудачъ и могла успѣшно бороться съ Крымомъ. Напримѣръ въ началѣ этого года вторглись въ Украйну 40,000 татаръ (съ Петрикомъ), но успѣха не имѣли и отступили съ ничтожною добычею [2]). Иванъ Гусакъ, уже много лѣтъ, хотя съ перерывами, стоявшій во главѣ Запорожья и потому хорошо знакомый съ политическими дѣлами и своей родины, и Москвы, и Крыма, не могъ не замѣтить такой перемѣны въ отношеніяхъ Москвы къ Крыму. Слѣдовательно, въ 1693 г. онъ долженъ былъ дѣйствовать совершенно иначе, чѣмъ въ 1689 г.

Но и помимо этого, нужно имѣть въ виду то обстоятельство, что за эти 4 года въ характерѣ Ивана Гусака произошла рѣзкая перемѣна. Во время исторіи Петрика Гусакъ велъ себя очень энергично, и очень твердо и неуклонно преслѣдовалъ свои цѣли. Видно, что въ это время его личность и политическія воззрѣнія сложились настолько прочно, что онъ уже не считалъ возможнымъ поступаться ими въ пользу иныхъ воззрѣній. Онъ былъ сознательнымъ противникомъ Петрика и боролся съ его сторонниками въ Запорожьѣ до послѣдней возможности. Но когда продолженіе этой борьбы стало для него немыслимымъ, онъ не пошелъ на уступки и поблажки своимъ убѣжденіямъ, но просто сошелъ со сцены и далъ дорогу инымъ дѣятелямъ.

---

[1]) *Соловьевъ*, т. XIV, 178—185, 204—208.

[2]) *Соловьевъ*, XIV, 204.

Не такимъ сложившимся характеромъ представляется Иванъ Гусакъ 4 года назадъ—въ 1689 г. Видимо, что тогда онъ чувствовалъ себя еще очень неопытнымъ и новымъ человѣкомъ на своемъ посту. Онъ мало проявлялъ тогда самостоятельности и больше дѣйствовалъ по совѣту съ «товариствомъ». Напримѣръ, въ томъ-же 1689 г. онъ противился мысли о подданствѣ Запорожья польскому королю и однако, «хотя и противъ своего желанія, но по волѣ товариства», послалъ въ Варшаву Лазуку и Забіяку... [1]). Если такъ онъ поступилъ въ такомъ рискованномъ предпріятіи, какъ подчиненіе Запорожья Польшѣ въ моментъ мира послѣдней съ Москвою, то тѣмъ легче онъ долженъ былъ уступить «товариству» въ дѣлѣ союза съ Крымомъ, торжествовавшимъ свои побѣды надъ Москвою. Понятно, что этотъ выводъ имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если допустимъ, что и въ 1689 г. Иванъ Гусакъ былъ такимъ-же противникомъ Крыма, какимъ онъ оказался въ 1693 г.

Такимъ образомъ вѣсть Ив. Григорьева о союзѣ Запорожья съ Крымомъ въ 1689 г. подтверждается и намеками другихъ историческихъ свидѣтельствъ (у Соловьева и Костомарова) и естественностію и правдоподобностію самаго факта, оправдываемаго аналогичными предыдущими и послѣдующими явленіями въ исторіи отношеній Запорожья къ Крыму. Кромѣ того, эта вѣсть Григорьева внушаетъ довѣріе еще и потому, что и другія его вѣсти (о посольствѣ запорожцевъ къ польскому королю въ 1689 г. и объ участіи запорожцевъ во 2-мъ крымскомъ походѣ) вполнѣ подтверждаются.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о заключающихся въ разсказѣ Ив. Григорьева данныхъ для бытовой исторіи Запорожья. Сюда относится, во первыхъ, указаніе на имя кошеваго Лихопоя, который атаманствовалъ короткое время—во второй половинѣ 1688 г. и вѣроятно въ началѣ 1689 г., т. е. между атаманствами Григорія Сагайдачнаго и (первымъ) Ивана Гусака. Сколько мнѣ извѣстно, кошевой атаманъ Лихопой не встрѣчался ранѣе въ историческихъ указаніяхъ. Но имя его извѣстно по другому поводу, о которомъ разсказываетъ Н. И. Костомаровъ, именно: въ 1688 г. производилась постройка на р. Самарѣ новобогородскаго городка. Эта постройка сильно волновала Запорожье и Мазепа очень заботился о

---

[1]) «Мазепа» *Н. И. Костомарова*, стр. 43.

томъ, чтобы слухи о ней не проходили въ Сѣчь. «Но объ этомъ сообщилъ туда бывшій въ Москвѣ посланцемъ изъ Сѣчи Лихопой» [1]). Нужно думать, что это было то самое лицо, которое въ томъ-же году (но позже) является кошевымъ атаманомъ, по свидѣтельству Ив. Григорьева. Фактъ посылки Лихопоя посланцемъ въ Москву говоритъ о томъ, что онъ не былъ рядовымъ казакомъ въ Сѣчи, но принадлежалъ къ ея старшинѣ, или вообще къ «лучшимъ людямъ».

Также цѣнны и указанія Ив. Григорьева на имена двухъ куренныхъ атамановъ—Лазуки и Забіяки, изъ которыхъ первый принадлежалъ къ очень виднымъ запорожскимъ дѣятелямъ разсматриваемаго времени. Любопытны наконецъ и тѣ данныя, какія находимъ въ разсказѣ Григорьева относительно порядка совѣщаній у запорожцевъ, также о походахъ подъ «турскіе городки» и «крымскіе улусы» и проч.

XI.

Остановлюсь еще на двухъ «вѣстовыхъ отпискахъ», имѣющихъ отношеніе къ разсматриваемому времени и событіямъ.

Къ исторіи 2-го крымскаго похода относится вѣстовая отписка кіевскаго воеводы кн. М. Г. Ромодановскаго, посланная въ Приказъ Малой Россіи въ іюлѣ 198 (1690) г. [2]). Она сообщаетъ вѣсти, доставленныя воеводѣ кіевскимъ торговымъ человѣкомъ грекомъ Ник. Ив. Торніотомъ и собранныя имъ во время поѣздки въ Польшу, Венгрію и Турцію. Торніотъ, выѣхавшій изъ Кіева въ концѣ октября 1689 г., посѣтилъ послѣднія двѣ страны во время войны султана съ цезаремъ. Поэтому всего болѣе онъ разсказываетъ именно объ этой войнѣ и о начавшихся затѣмъ переговорахъ о мирѣ. Однако и здѣсь встрѣчается нѣсколько свѣдѣній, прямо относящихся къ Россіи. Такъ, говоря объ участіи крымцевъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ цезаря, Торніотъ сообщаетъ любопытное извѣстіе о тѣхъ толкахъ, какіе ходили въ Крыму и Турціи по поводу неудачи Голицына подъ Перекопомъ. Конечно, въ этихъ толкахъ есть много преувеличеннаго и лестнаго для самолюбія крымцевъ, тѣмъ не менѣе

---

[1]) «Мазепа», стр. 21.

[2]) Московскаго стола столбецъ № 749, лл. 95—98.

они очень интересны для характеристики и того подъема духа у крымцевъ, какой замѣчается у нихъ послѣ неудачныхъ для Россіи крымскихъ походовъ.

Торніотъ говорилъ воеводѣ, что крымскій ханъ «хвалился» передъ турскимъ салтаномъ и визиремъ, что подъ Перекопъ приходили «ратные люди великихъ государей», а онъ, ханъ, ихъ «не допустилъ до Перекопа, многихъ побилъ и въ полонъ поймалъ, и пушки отбилъ, и за то хану крымскому салтанъ турской и визирь воздали честь и жаловали многимъ жалованьемъ»... (л. 97).

Примѣры подобнаго самохвальства крымцевъ въ это время извѣстны и изъ другихъ источниковъ. Такъ вернувшійся въ 1691 г. изъ татарскаго полона смоленскій шляхтичъ Поплонскій разсказывалъ, между прочимъ, такія рѣчи татаръ во время крымскаго похода: «если-де, говорили они, кн. Голицынъ станетъ приступать къ Перекопу, то они пустятъ его туда и тамъ «безъ бою всѣхъ переберутъ по рукамъ» [1])... Если такъ самохвальничали татары во время пребыванія русской арміи подъ Перекопомъ, то позже, послѣ постыднаго отступленія Голицына, такое настроеніе ихъ естественно еще болѣе усилилось.

Другая вѣстовая отписка того-же кіевскаго воеводы, посланная въ приказъ Малой Россіи въ апрѣлѣ 1690 г. и сообщающая вѣсти кіевскаго торговаго человѣка мѣщанина Ивана Павлова [2]), содержитъ въ себѣ любопытныя данныя о заключеніи польскимъ королемъ мира съ крымскимъ ханомъ въ началѣ 1690 г., затѣмъ нѣсколько свѣдѣній объ извѣстномъ полковникѣ Семенѣ Палѣѣ, о проискахъ львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго и проч.

Иванъ Павловъ разсказывалъ слѣдующее: въ декабрѣ 1689 г. поѣхалъ онъ изъ Кіева въ Варшаву, куда прибылъ во время сейма, на которомъ были между прочимъ московскій резидентъ Ив. Волковъ и послы: цесарскій, крымскій и французскій. «И того-де французскаго посла съ сейма сослали скована въ польскій городъ Малборокъ, а для чего сосланъ, про то не слыхалъ»... Резидентъ Ив. Волковъ пригласилъ И. Павлова «на постоялой свой дворъ, и на-одинъ сказывалъ ему тайно, «что польскій король съ крым-

---

[1]) *Соловьевъ*, т. XIV, стр. 61.

[2]) Московскаго стола столбецъ № 749, лл. 172—176.

скимъ ханомъ «учинили вѣчной миръ тайно», такъ что когда московскіе ратные люди пойдутъ войною на Крымъ, поляки соединятся съ татарами и нападутъ на московскія войска и на малороссійскіе города...

Иванъ Павловъ изъ Варшавы отправился во Львовъ, гдѣ также слышалъ подтвержденіе этой вѣсти о заключеніи польскимъ королемъ «вѣчнаго мира» съ крымскимъ ханомъ. Объ этомъ мирѣ говорилъ ему здѣсь «Егорьевскій игуменъ», который узналъ о немъ отъ львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго, только что вернувшагося съ сейма. При этомъ Иванъ Павловъ добавляетъ, что цесарскій посолъ и «литовскіе гетманы» ничего не вѣдали о заключеніи мира съ ханомъ, но когда послѣдніе узнали о томъ, то стали противиться этому союзу и «къ миру не допускаютъ» польскаго короля.

Жалуясь Ивану Павлову на трудность сношеній съ Москвою (смотр. объ этомъ въ 1 главѣ), резидентъ Иванъ Волковъ вообще замѣтилъ, что ему «отъ короля польскаго почести противъ прежнихъ обыклостей нѣтъ»...

Далѣе Иванъ Павловъ говоритъ, что во время его пребыванія въ Варшавѣ пріѣзжали къ королю изъ Немирова два козацкихъ сотника изъ полка Семена Палѣя и просили короля, чтобы онъ ихъ полковника «изъ-за караула свободилъ и смертью его не казнилъ»... Но король имъ «отказалъ» и говорилъ, что не можетъ освободить Палѣя, такъ какъ тотъ «мыслилъ будто идти хотѣлъ на поляковъ войною», соединившись съ московскими ратными людьми. Находившіеся въ это-же время въ Варшавѣ крымскіе мурзы также просили выдать имъ Палѣя, чтобы «учинить ему смерть», но король и имъ отказалъ, говоря: «Палѣя-де вамъ не отдамъ, а дамъ-де вамъ 40 человѣкъ татаръ»...

Въ заключеніе Иванъ Павловъ сообщилъ, что Егорьевскій игуменъ во Львовѣ говорилъ ему слѣдующее: собирается-де идти въ Кіевъ одинъ «студентъ, будто для наукъ», а въ дѣйствительности «съ прелестными письмами»... Кѣмъ посылался этотъ студентъ, Иванъ Павловъ не сказалъ, а только описалъ его примѣты, очевидно со словъ игумена, именно: «ростомъ онъ высокъ, на головѣ волосы черны, собою толстоватъ, а одежду на себѣ носитъ пестру»...

Всѣ эти вѣсти И. Павлова очень любопытны. Особенную цѣнность имѣетъ извѣстіе о заключеніи въ началѣ 1690 г. «вѣчнаго

мира» между Польшей и Крымомъ. У Соловьева и Устрялова встрѣчаемъ извѣстія только о томъ, что въ это время шли переговоры о мирѣ между Польшей и Крымомъ, но о фактѣ заключенія мира ничего не говорится. Соловьевъ глухо замѣчаетъ, что въ разсматриваемое время Польша начала «сноситься съ крымскимъ ханомъ объ отдѣльномъ мирѣ» [1]). Устряловъ-же сообщаетъ [2]), что весною 1690 г. резидентъ И. Волковъ писалъ въ Москву, что «въ Варшаву прибыли крымскіе послы съ мирными предложеніями». Тоже подтвердилъ въ іюлѣ и польскій резидентъ въ Москвѣ Доминикъ Довмонтъ, увѣряя посольскій приказъ, что король не дастъ посламъ рѣшительнаго отвѣта, пока не согласится объ этомъ вопросѣ съ Москвою. Отсюда отвѣтили, что если ханъ не станетъ искать мира съ Москвою, то король, согласно данному обязательству, не долженъ отдѣльно мириться съ Крымомъ. Въ декабрѣ король отвѣчалъ, что не будетъ мириться съ ханомъ, пока онъ не возобновитъ переговоровъ съ Москвою. Тоже сказали польскіе сенаторы и нашему резиденту, не объявивъ ему однакоже, чего требуетъ Рѣчь Посполитая отъ хана. Волковъ стороною узналъ объ этихъ условіяхъ и что татары не приняли ихъ и «были отпущены» обратно.

Такимъ образомъ И. Павловъ сообщаетъ совершенно новое извѣстіе, о которомъ онъ слышалъ отъ лицъ, внушающихъ довѣріе: отъ русскаго резидента и (чрезъ посредство львовскаго игумена) отъ епископа Іосифа Шумлянскаго. Если объ этомъ заключеніи мира ничего не говоритъ Устряловъ, пользовавшійся донесеніями Волкова, и на основаніи ихъ сообщающій только о предварительныхъ переговорахъ Польши съ Крымомъ, то это естественно объясняется тѣмъ, что Устрялову не были извѣстны всѣ донесенія Волкова, или правильнѣе, что эти донесенія не всѣ сохранились до нашего времени. Притомъ самъ резидентъ говорилъ И. Павлову (см. 1 главу), что поляки перехватывали его донесенія въ Москву.

Разсматриваемое извѣстіе И. Павлова не противорѣчитъ тѣмъ переговорамъ Польши съ Москвою о мирѣ съ Крымомъ, какіе, по словамъ Устрялова, тянулись въ теченіи всего 1690 г. Оффиціально Польша должна была скрывать отъ Москвы отдѣльное заключеніе

---

[1]) Томъ XIV, стр. 175.

[2]) Томъ II, стр. 193—194.

мира съ ханомъ, такъ какъ оно явно нарушало ранѣе заключенные мирные договоры между правительствами этихъ странъ. Но тайно ничто не мѣшало Польшѣ вступить въ союзъ съ ханомъ, особенно послѣ неудачныхъ московскихъ походовъ въ Крымъ. Любопытенъ намекъ И. Павлова на то обстоятельство, что въ Польшѣ и Крыму повидимому ожидали новаго московскаго похода, не смотря на неудачу двухъ первыхъ. Именно это ожиданіе и побуждало какъ хана, такъ и короля торопиться заключеніемъ союза: для хана въ виду ожиданія новаго нападенія Москвы былъ дорогъ каждый союзникъ, а тѣмъ болѣе такой старый врагъ Москвы, готовый всегда на ловлю добычи въ мутной водѣ... Если-же въ декабрѣ 1690 г., какъ говоритъ Устряловъ, дѣйствительно (въ чемъ еще можно сомнѣваться, имѣя въ виду оффиціальность этого извѣстія) король прервалъ мирные переговоры съ ханомъ, то и здѣсь нельзя видѣть противорѣчія съ вѣстью И. Павлова. Послѣдній говоритъ о самомъ началѣ 1690 г., Устряловъ-же о концѣ этого года, а на такомъ пространствѣ времени событія мѣняются быстро. Заключивши миръ съ Крымомъ въ началѣ 1690 г., король затѣмъ всегда могъ разорвать его изъ разныхъ политическихъ видовъ, напримѣръ въ виду несбывшагося ожиданія новаго похода Москвы на Крымъ, или въ виду склонности московскаго правительства къ примиренію съ ханомъ, обнаружившейся именно въ концѣ того-же года, когда Мазепа, по порученію Москвы, завелъ съ Крымомъ мирные переговоры, которые въ началѣ 1692 г. продолжалъ уже нарочный московскій посолъ подъячій Айтемировъ [1]).

Къ исторіи отношеній Польши къ Россіи въ разсматриваемое время относятся и нѣкоторыя другія вѣсти И. Павлова, именно— о положеніи резидента И. Волкова въ Варшавѣ [2]) и о проискахъ извѣстнаго епископа Іосифа Шумлянскаго. Разсказъ объ этихъ проискахъ заключается въ той вѣсти И. Павлова, гдѣ онъ говоритъ, со словъ егорьевскаго игумена, о посылкѣ изъ Львова въ Кіевъ какого-то «студента» съ «прелестными письмами». Имя Іосифа Шумлянскаго тутъ не приведено, но его рука явно здѣсь присут-

---

[1]) *Соловьевъ*, т. XIV, стр. 176.

[2]) Любопытный эпизодъ о ссылкѣ французскаго посла въ г. Малборокъ нуждается въ подтвержденіи и объясненіи другими историческими свидѣтельствами.

ствуетъ. Именно «прелестными письмами» и прославился въ это время Іосифъ Шумлянскій, какъ свидѣтельствуютъ современные источники. Занятый мечтами о кіевской митрополіи, львовскій епископъ дѣятельно интриговалъ въ свою пользу и въ Польшѣ и въ Малороссіи, всюду разсылая своихъ агентовъ и разнаго рода «прелестныя письма». Еще въ 1683 г. явились въ Малороссіи подосланные Іосифомъ монахи съ «прелестными листами» отъ польскаго гетмана Яблоновскаго [1]). Въ 1690 г. епископъ принималъ несомнѣнное участіе въ извѣстной исторіи монаха Соломона, явившагося къ польскому королю съ письмами якобы отъ гетмана Мазепы [2]). Въ началѣ того-же года Іосифъ, по повелѣнію короля, вошелъ въ сношенія съ Мазепою и отправилъ къ нему съ письмомъ шляхтича Доморацкаго [3]). Не о посылкѣ-ли именно этого шляхтича подъ видомъ «студента» и говорилъ И. Павлову во Львовѣ егорьевскій игуменъ?—Очень возможно, потому что по времени оба извѣстія совпадаютъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что посылка въ Кіевъ «студента», о которой говоритъ Ив. Павловъ, могла быть устроена во Львовѣ однимъ только Іосифомъ Шумлянскимъ.

Что касается наконецъ вѣсти Ив. Павлова о Семенѣ Палѣѣ, то и она, не заключая въ себѣ ничего исторически невѣроятнаго, сообщаетъ нѣсколько новыхъ и интересныхъ данныхъ къ исторіи знаменитаго хвастовскаго полковника. Извѣстно, что въ 1689 г. онъ дѣйствительно былъ схваченъ поляками и посаженъ въ тюрьму сначала въ Немировѣ, а потомъ въ Каменномъ городкѣ, гдѣ просидѣлъ всю зиму [4]). Подтверждая этотъ фактъ, И. Павловъ сообщаетъ новыя свѣдѣнія, что именно въ это время пріѣзжали въ Варшаву изъ Немирова 2 сотника Семенова полка и просили короля объ освобожденіи Палѣя изъ тюрьмы. О томъ-же просило тогда короля и крымское посольство, но съ другою цѣлью—«чтобы учинить ему смерть». Король отказалъ обѣимъ сторонамъ. Въ началѣ слѣдующаго 1690 г. Семенъ Палѣй, какъ извѣстно, ушелъ изъ

---

[1]) *Соловьевъ*, т. XIV, стр. 5.

[2]) Ibid., стр. 166—172, 186 и слѣд.

[3]) Ibid, 169.

[4]) *Соловьевъ*, т. XIV, стр. 174.

тюрьмы въ свой Хвастовъ и снова принялся хлопотать о принятіи его съ полкомъ въ московское подданство.

Такимъ образомъ всѣ вѣсти И. Павлова (исключая не разъясненной мною вѣсти объ арестѣ въ Варшавѣ французскаго посла въ 1690 г.) болѣе или менѣе основательно подтверждаются разными историческими свидѣтельствами и почти всѣ представляютъ новыя неизвѣстныя доселѣ историческія данныя.

Полагаю, что приведенныхъ мною примѣровъ совершенно достаточно для того, чтобы доказать цѣнность воеводскихъ «вѣстовыхъ отписокъ» XVII в., какъ матеріала для исторіи Россіи вообще и Малороссіи въ особенности. Считаю необходимымъ при этомъ замѣтить, что я не искалъ наиболѣе цѣнныхъ въ историческомъ смыслѣ отписокъ, но обратилъ вниманіе на первые случайно встрѣченные мною документы этого рода, которые еще ждутъ своего спеціальнаго изслѣдователя. На мою-же замѣтку слѣдуетъ смотрѣть какъ на попытку обратить вниманіе историковъ на малоизвѣстный родъ документовъ XVII вѣка.

Москва, 1885 г.

Н. Оглоблинъ.

ОПЫТЪ ОБЪЯСНЕНІЯ МАЛОРУССКОЙ ПѢСНИ О ЖУРИЛѢ.

Въ Галичинѣ, въ жолковскомъ округѣ, записана любопытная пѣсня о Журилѣ. Поютъ ее на свадьбахъ во время танцевъ:

1. Ишовъ Журыло зъ миста,—
2. За нымъ дивочокъ триста,
3. Чекай, Журыло, пане,
4. Де твое войско стане?
5. У лиси на нывоньци,
6. При зеленій лищыноньци,—
7. Пидъ зелененькимъ дубомъ
8. Былы жовнеры въ бубонъ;
9. Тамъ я се забавыла,
10. Черевычкы зоставыла;
11. Боюся до дому иты,—
12. Буде мя мама быты
13. Щиткою, грыбинкою,
14. Веретеномъ, куживкою.
15. Ой ты, Журыло, ой ты,
16. Куды до тебе зайты?
17. По за гуменю, Ксеню,
18. Не толочи ячменю.
19. Куда Журыло ишовъ,
20. Туди ячменикъ зійшовъ;
21. А куды Ксеня ишла,
22. Туды пшеничка зойшла.

Удовлетворительное объясненіе этой пѣсни можетъ бросить свѣтъ и на великорусскія былины о Чурилѣ Пленковичѣ, повидимому, ей родственныя. Пѣсня о Журилѣ вошла въ первый томъ «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» В. Антоновича и М. Драгоманова, въ отдѣлъ пѣсенъ вѣка дружиннаго и княжескаго. Въ небольшомъ объясненіи этой пѣсни ученые издатели указываютъ, что «въ древней Руси издавна былъ боярскій родъ Чуриловъ или Джуриловъ, члены котораго упоминаются съ конца XIV по начало XVII ст., въ качествѣ сановниковъ земель: перемышльской, галицкой и подольской; въ послѣдней изъ нихъ Чурилами основанъ былъ городъ Чуриловъ (нынѣ Джуринъ подольской губ., ямпольскаго уѣзда), въ которомъ въ началѣ текущаго столѣтія польскій этнографъ Липинскій слышалъ варіантъ настоящей пѣсни; но, къ несчастью, записалъ только двѣ первыя строчки». Въ варіантѣ, слышанномъ Липинскимъ, имя пана имѣло форму Чурило вмѣсто Журило.

Издатели «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» обратили вниманіе на два обстоятельства въ пѣсни о Журилѣ: на ея разный составъ и обрядовое значеніе. «За основные стихи пѣсни о Журилѣ, говорятъ они, мы считаемъ только 1—6 и 15—22; стихи 8—14 вставка, прилѣпившаяся къ пѣснѣ, благодаря теперешнему плясовому ея употребленію. Варіантъ этотъ (т. е. записанный въ жолковскомъ округѣ) слишкомъ не ясенъ, чтобы по немъ можно было составить опредѣленное понятіе о значеніи личности Журила. Исполненіе пѣсни на свадьбѣ и послѣдніе четыре стиха заставляютъ предполагать обрядовое значеніе въ старину за пѣсней о Журилѣ» (стр. 54—55).

Я нахожу возможнымъ объяснить пѣсню о Журилѣ, не вдаваясь въ политическую исторію южной Россіи, на основаніи современныхъ явленій народнаго быта, преимущественно пѣсенъ и обрядовъ. По моему мнѣнію, пѣсня о Журилѣ есть хлѣбная пѣсня, сложенная въ честь и прославленіе хлѣбной пищи—*жура*, на подобіе того, какъ въ Великороссіи въ честь и на прославленіе хлѣба сложена пѣсня: «Слава Богу на небѣ, слава!»

Самое слово *журъ*, повидимому, происходитъ отъ слова *жрать*, въ простомъ и древнемъ его значеніи ѣсть; литов. *gerdè*, наст. вр. *gerù*—пью; къ этому разряду словъ относится слово *жрецъ*, по

первоначальному смыслу, кормитель боговъ. Слово *журъ* и выражаемое имъ хлѣбное кушанье свойственны всѣмъ славянамъ, по крайней мѣрѣ были свойственны всѣмъ славянамъ въ древности. Журъ прежде всего и болѣе всего польское народное кушанье. Въ польскихъ историческихъ памятникахъ пятнадцатаго вѣка встрѣчается уже хлѣбная похлебка *журъ*. Въ настоящее время журъ самое распространенное среди польскихъ крестьянъ хлѣбное кушанье, приготовляемое изъ ржаной муки и воды. По свидѣтельству польскаго этнографа Кольберга, «журъ приготовляется изъ кислаго тѣста ржаной муки и приправляется болѣе мелкою, также ржаною мукою» (Kolberg. Lud. III, 73). Линде (въ VI т. Словаря польскаго языка) указываетъ нѣсколько польскихъ словъ, произведенныхъ отъ жура, журный, журавый, въ смыслѣ: кислый, острый на вкусъ. Журъ распространенъ также среди лужицкихъ сербовъ, въ значеніи заквашеннаго тѣста, *Sauerteig*, въ родѣ русской кваши или саламаты (См. Лужицко-нѣмецкій Словарь Пфуля). Повидимому, журъ встрѣчается или встрѣчался у южныхъ славянъ, болгаръ и сербовъ. У болгаръ словомъ *журать* обозначаютъ процессъ размельченія въ муку и разбалтыванія водой фасоли, крапивы. *Джуркалъ*—палочка, съ одного конца снабженная зубцами; ее опускаютъ зубьями въ смоченную водой крапиву и вертятъ, причемъ крапива превращается въ жидкую массу; въ сербскомъ языкѣ отъ *жура*, повидимому, происходитъ *джуровача*—большая деревянная чашка. Галицкіе русины знаютъ и употребляютъ журъ въ пищу. Журъ вошелъ даже въ малорусскія пѣсни, напримѣръ: «Ой журъ, мати, журъ, лѣпшій русинъ, мати, якъ мазуръ». Въ южной Россіи журъ не встрѣчается; по крайней мѣрѣ, его не оказывается въ спискахъ малорусскихъ яствій, приведенныхъ у Маркевича («Обычаи, нравы малороссовъ», 150—164) и у Чубинскаго («Труды этнографическо-статической экспедиціи», XVII, 433—446). Въ Малороссіи замѣной жура служитъ *квашa*, въ Великороссіи *саламата*. Въ областномъ великорусскомъ языкѣ названіе журъ удержалось. Такъ въ смоленской губерніи журомъ называютъ овсяный кисель, подонки или остатки конопляннаго масла (Даль, I, 489, также въ Академическомъ Словарѣ великорусскаго языка). Въ связи съ журомъ, быть можетъ, стоитъ областная, именно псковская кличка свиньи—*жура*.

Въ историко-культурномъ отношеніи журъ представляетъ древнее хлѣбное кушанье, ржаную похлебку, предшествующее возникновенію и развитію хлѣбопеченія. Архаичность жура подтверждается какъ общей исторіей хлѣбной пищи, такъ и данными языка, пѣснями и обрядами.

Какъ извѣстно, народная мысль чрезвычайно склонна къ олицетворенію неодушевленныхъ предметовъ внѣшняго міра, склонна даже въ настоящее время, при широкомъ разливѣ цивилизаціи въ обществѣ, при проникновеніи обусловленнаго культурой реальнаго міросозерцанія въ низшіе слои общества и даже въ простой народъ. Тѣмъ болѣе склонность эта должна была обнаружиться въ древности, по мѣрѣ удаленія къ религіозно-миѳическому складу народнаго міросозерцанія. Можно думать, что въ глубокой древности человѣкъ-дикарь былъ пантеистъ, въ томъ ограниченномъ и узкомъ смыслѣ этого слова, что всѣ или почти всѣ окружавшіе его предметы представлялись ему одушевленными.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Разумѣется, тутъ не было дѣйствительнаго пониманія, дѣйствительнаго знанія. Лепетаніе ручья было понято и объяснено именно какъ лепетаніе младенца, у котораго есть водяной дѣдушка, проживающій въ рѣчномъ омутѣ или въ глубинѣ озера. Говоръ древесныхъ листьевъ былъ также понятъ и объясненъ съ исключительно субъективной точки зрѣнія, какъ говоръ лѣснаго духа. Звѣздная книга была первобытному человѣку ясна, гораздо болѣе ясна, чѣмъ впослѣдствіи для Коперника, Ньютона, Лапласа, Гершеля, потому именно ясна, что не было еще приступлено къ ея прочтенію, и заранѣе было категорически и ортодоксально рѣшено, что она говоритъ о богахъ и богиняхъ, ихъ брачномъ союзѣ, ихъ странствованіи по небеснымъ пространствамъ, ихъ гнѣвѣ, выражающемся въ громѣ, ихъ слезахъ, молокѣ или спермѣ, выражающихся въ весенн-

дождѣ.

Обожествленіе и олицетвореніе силъ, явленій и предметовъ внѣшней природы и внутренняго психическаго міра въ древности переплетались одно съ другимъ и связывались невидимыми нитями, скрывавшимися преимущественно въ языкѣ, въ словѣ. Съ теченіемъ времени обожествленная природа стала мало-по-малу терять свои божественныя прерогативы и послѣдовало то разложеніе религіозно-натуральныхъ понятій и представленій, остаткомъ котораго служатъ нынѣ заговоры и чары, суевѣрія и предразсудки. Тѣ народно-поэтическіе образы, которые нѣкогда могли имѣть значеніе божества, таинственнаго вышемірнаго существа, обратились въ простое олицетвореніе, напримѣръ, встрѣчающіеся нынѣ въ народной поэзіи образы доли, горя-злочастія, болѣзни, смерти.

Область олицетворенія весьма обширна, гораздо обширнѣе области обожествленія. Олицетвореніе возникало не только въ связи съ обожествленіемъ предмета, но и самостоятельно, изъ цѣлей лучшаго пониманія предмета, наиболѣе полнаго и отчетливаго его представленія, изъ цѣлей развлеченія и удовольствія, такъ какъ человѣкъ достаточно живо и сочувственно можетъ отнестись къ предмету, лишь приблизивъ его къ своей личности. Изъ цѣлей развлеченія и удовольствія, которое обусловливается удовлетвореніемъ эстетическаго чувства, могло возникнуть, напримѣръ, олицетвореніе цвѣтка Иванъ да Марья (Melampyrum nemorosum) въ малорусскихъ пѣсняхъ подъ видомъ брата и сестры, которые, не зная о своемъ кровномъ родствѣ, вступили въ бракъ, потомъ горько раскаевались и превратились въ цвѣтокъ, встрѣчающееся во многихъ мѣстахъ Великой Россіи олицетвореніе масляной недѣли въ видѣ толстой бабы, олицетвореніе стараго и новаго года въ видѣ старика и младенца, весны, лѣта, осени и зимы въ видѣ дѣвушки и парня, замужней женщины и возмужалаго человѣка, окруженныхъ малыми дѣтьми, старика и старухи; такое олицетвореніе свойственно и простому народу, какъ видно изъ пѣсенъ и сказокъ, и образованному обществу, какъ видно изъ произведеній живописцевъ и скульпторовъ (напр., Торвальдсена).

Нѣтъ нужды доказывать, что у преданныхъ мирному земледѣльческому труду славянскихъ народовъ олицетвореніе хлѣба вообще и разныхъ выдающихся хлѣбныхъ печеній въ частности представляется явленіемъ обыкновеннымъ. Трудно судить на основаніи

имѣющагося въ печати этнографическаго матеріала, насколько такого рода олицетвореніе хлѣба обычно сербамъ, болгарамъ и чехамъ. Несомнѣнно только, что олицетвореніе хлѣба часто встрѣчается въ польскихъ, русскихъ и преимущественно малорусскихъ пѣсняхъ и обрядахъ.

Хлѣбъ олицетворяется въ крупные праздники и торжественныя событія народной жизни. Такъ на Свѣтлое Христово Воскресенье осѣвшій куличъ или пасха знаменуетъ несчастье въ домѣ или кончину домохозяина. Здѣсь впрочемъ болѣе символизма, чѣмъ олицетворенія. Олицетвореніе отчетливѣе выступаетъ на свадьбахъ, въ повѣрьяхъ и обрядахъ. Такъ въ повѣрьи, что невѣста, отвѣдавшая коровай до свадьбы, не будетъ любима мужемъ (Терещенко, II, 113), скрывается олицетвореніе хлѣба и отождествленіе его съ женихомъ. Такого рода отождествленіе хлѣба обнаруживается въ обрядахъ. Въ тульской губерніи мать невѣсты на дѣвичникъ ставитъ на столъ два крупныхъ пирога, знаменующихъ жениха и невѣсту (Шейнъ, Великор. пѣсни, стр. 418). Въ минской губерніи, при печеніи свадебныхъ калачей, одну изъ сырыхъ еще булокъ называютъ именемъ жениха (Крачковскій, «Чтенія въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей», 1873 г., IV, 19). Въ особенности ясно олицетвореніе хлѣба выступаетъ въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ о короваѣ. Въ пѣсняхъ коровай «румяный», «красный», «святый», обращается къ людямъ съ рѣчью, обладаетъ способностью передвигаться, летать. Олицетворяется самая пшеница, изъ которой коровай приготовленъ:

Сварылася пшеныченька зъ куколемъ на поленьку:
Ой ты, черный куколеньку,
Не стій ты на поленьку!
Бо тебе за плитъ вергутъ,
А зъ мене коровай плецутъ [1]).

Олицетвореніе коровая не могло однако вполнѣ развиться, потому что самый предметъ олицетворенія никогда не приходилъ въ забвеніе, всегда былъ на лицо. Хлѣбный коровай ограничивалъ и стѣснялъ коровайное олицетвореніе. Для творческой фантазіи были въ данномъ случаѣ указаны строгіе предѣлы, и, при всей популяр-

[1]) Сборникъ Головацкаго, т. II, стр. 638.

ности коровая, изъ него никакъ не могъ выйти цѣльный поэтическій образъ такого молодца, какъ Журило или Чурило.

Олицетвореніе хлѣбнаго кушанья—*жура* пошло дальше, полнѣе развернулось. Въ тѣхъ мѣстностяхъ славянскаго міра, гдѣ журъ удержался, какъ хлѣбное кушанье, олицетвореніе жура, какъ малорусское олицетвореніе коровая, не поглотило самаго предмета, тутъ оно просто и ясно; въ тѣхъ мѣстностяхъ славянскаго міра, гдѣ журъ, какъ кушанье, вышелъ изъ употребленія, связанный съ нимъ и имъ порожденный поэтическій образъ Журила или Чурила получилъ оригинальную обработку и настолько удалился отъ своего вещественнаго первообраза, что представляется большое затрудненіе въ опредѣленіи его родословной. Въ историческомъ развитіи олицетворенія жура я усматриваю три ступени: древнѣйшее олицетвореніе жура, при полномъ пониманіи, что источникъ олицетворенія лежитъ въ хлѣбномъ кушаньѣ, затемнѣніе олицетвореннаго жура, или намекъ на олицетвореніе жура, при исчезновеніи самаго кушанья изъ быта народа и наконецъ совершенно самостоятельная обработка стариннаго хлѣбнаго олицетворенія, при полномъ забвеніи жура, какъ кушанья. Первую ступень олицетворенія жура выражаетъ сохранившійся до настоящаго времени въ польскихъ обрядныхъ пѣсняхъ «Журовскій», на второй ступени стоитъ малорусскій «Журило» и на третьей великорусскій «Чурило».

Краковскіе поляки въ началѣ поста носятъ журъ по деревнѣ, съ пѣніемъ и пляской. Въ честь жура поютъ:

A jakze mi się mas, mój panie Żurowski?
A sprawię ja tobie cerwone pońcoski,
Cerwone pońcoski, zielone portecki—
Bedzies ci tańcował, mój panie Żurowski.
Wiwat! wiwat! wiwat!
Wstępna środa następuje,
Pani matka zur gotuje;
A pan młody siedzi w dziurze,
Witaj, witaj, panie Żurze!
Wiwat! wiwat! wiwat!

Въ селѣ Новоселовкѣ подъ Краковомъ въ первый день великаго поста домохозяинъ вноситъ въ хату привязанную на палкѣ селедку и мѣшочекъ съ золой, домохозяйка—постный журъ. Домохозяинъ

обходитъ вокругъ избы и, потрясая селедкой и золой, прогоняетъ такимъ образомъ масляную недѣлю. Остатки мясной пищи тщательно прячутъ; ставятъ на столъ журъ; всѣ, находящіеся въ домѣ, пробуютъ его и при этомъ поютъ пѣсню:

A jakze się miéwasz,
Mój panie Żurowski?
Będzie cię zajadał
I sam pan Krakowski.
A sprawię ja tobie,
Mój panie Żurowski,
Czerwone pończoszki,
Zieloną kapotę,—
Będziesz miał Żurowski
Caly post robotę.
Stanie ć téj roboty
Do wielkiéj soboty.
Wstępna środa następuje,
Pani matka żur gotuje,
A pan ojciec siedzi w dziurze,
Iak się miewasz, panie Żurze?
Wiwat! wiwat! wiwat! (Kolberg, Lud. V, 270—271).

Польскій «панъ Журовскій» стоитъ, какъ видно, въ неразрывной связи съ журомъ. Пана Журовскаго наряжаютъ въ красные сапоги, въ зеленый кафтанъ, говорятъ, что ему предстоитъ въ посту большая работа; но тутъ-же немедленно и раскрывается происхожденіе пана Журовскаго, уясняется, что его работа будетъ состоять въ пропитаніи домохозяина и его семейства.

Малорусскій Журило — осложнившійся польскій Журовскій. Значеніе его дѣятельности, его «работы» настолько затемнилось, что произошла своеобразная, такъ сказать, подмѣна, перекраска: на кухоннаго героя накинули военный костюмъ, что, быть можетъ, было обусловлено бурными военными передрягами, которымъ такъ часто подвергался южно-русскій народъ. Впрочемъ самое войско въ малорусской пѣснѣ—войско скромное, это дѣвушки—подруги невѣсты. Можно думать, что пѣсня была сложена именно во время приготовленія жура къ свадьбѣ. Объясняя Журила, какъ олицетвореніе жура, я нахожу стихи 8—14, признаваемые В. Б. Анто-

новичемъ за стихи вставочные, умѣстными, генетически связанными по смыслу со всѣмъ предыдущимъ и послѣдующимъ содержаніемъ пѣсни. Дѣвушки такъ много истратили денегъ и всякихъ припасовъ на приготовленіе жура, что разорились и даже не рѣшаются возвратиться домой, чтобы не подвергнуться со стороны родителей наказанію. Въ первыхъ восьми стихахъ выражена мысль, что много дѣвушекъ участвовало въ приготовленіи жура; въ слѣдующихъ затѣмъ шести стихахъ указано, что онѣ много истратили на него всякаго добра, и такимъ образомъ большая часть пѣсни выражаетъ только одну мысль—мысль о томъ, что свадебный журъ отлично приготовленъ. Окончаніе пѣсни, съ 15 до 22 стиха, представляетъ вполнѣ естественное и даже совершенно необходимое въ хлѣбной пѣснѣ пожеланіе урожая. Множество народныхъ пѣсенъ, какъ стоящихъ отдѣльно, такъ и вошедшихъ въ гаевки, зажнивныя, дожиночныя, свадебныя, колядки и волочебныя, представляетъ выраженіе пожеланія урожая. Пѣсенныя пожеланія урожая начинаются наканунѣ новаго года и затѣмъ повторяются при разныхъ случаяхъ семейной и хозяйственной жизни до конца года. Окончаніе пѣсни о Журилѣ:

Куда Журыло ишовъ,
Туды ячменикъ зійшовъ,
А куды Ксеня ишла,
Туды пшеничка зійшла

представляетъ одинъ изъ самыхъ обычныхъ пѣсенныхъ пріемовъ пожеланія урожая. Въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсняхъ на хлѣбныя поля идетъ съ цѣлью дать людямъ урожай Ярило, или св. ап. Петръ, или Спаситель, и результатомъ такого посѣщенія поля всегда бываетъ:

А гдзѣ іонъ нагою,
Тамъ жито капою;
А гдзѣ іонъ ни зырне,
Тамъ колосъ зацвицне.

(Записки географическаго общества по отдѣлу этнографіи 1869 г., II, 84).

Пошелъ колосъ [1]) на ниву,
На бѣлую пшеницу,—
Уродися на лѣто рожь съ овсомъ,
Съ дикушею (гречкой), со пшеницею.
(Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія, III, 764).

Всѣ подобнаго рода пожеланія урожая, между прочимъ, и связанный съ хожденіемъ Журила и Ксеніи урожай ячменя и пшеницы, быть можетъ, представляютъ лишь измѣненіе прекрасныхъ поэтическихъ образовъ солнца и весенняго дождя, находящихся въ галицкихъ колядкахъ. Къ хозяину приходятъ въ гости солнце, мѣсяцъ и дождь, и каждый гость похваляется своими услугами, оказываемыми землѣ и людямъ. Въ заключеніе говоритъ дождь, именно «дробенъ дожджейко», т. е. хорошій, тихій, продолжительный, благодатный для земли:

Нѣтъ, якъ надъ мене:
Якъ я перейду три разы на ярь,
Три разы на ярь мѣсяца мая,—
Возрадуются жита, пшеныци,
Жита, пшеныци и всѣ ярныци (Головац. II, 9, 11 и 19).

Такъ какъ пѣсню о Журилѣ поютъ на свадьбахъ и такъ какъ пѣсня эта носитъ на себѣ всѣ характерныя черты хлѣбныхъ пѣсенъ, во всякомъ случаѣ имѣетъ несомнѣнно типичное хлѣбное пѣсенное окончаніе, то можно допустить, что и первый стихъ имѣетъ вполнѣ хлѣбный характеръ, другими словами, что онъ представляетъ вызванный изъ другой хлѣбной пѣсни запѣвъ. Предположеніе это до нѣкоторой степени подтверждается коровайными пѣснями, начинающимися со словъ: «короваево тисто летило черезъ мисто, черезъ все село текло» (Чубин. IV, 243; Голов. II, 116).

Нельзя не замѣтить сродства малорусскаго Журилы съ Чуриломъ Пленковичемъ великорусскихъ былинъ. «Кромѣ тождества въ названіи, говорятъ по этому поводу ученые издатели «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа», южно-русская

---

[1]) Колосъ здѣсь—дѣвочка, которую ведутъ торжественно на хлѣбное поле. О великорусскомъ и болгарскомъ «вожденіи колоска» см. мое сочиненіе «Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ», 80—81.

пѣсня рисуетъ такія-же коренныя черты типа, какія былина присвоиваетъ Чурилу: и въ южно-русской пѣснѣ за «Журиломъ зъ миста йде дивочокъ триста», и въ сѣверной былинѣ женщины заглядываются на Чурила: «Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещшатъ; гдѣ молодушки глядятъ — лишь оконеньки звенятъ; гдѣ стары бабы глядятъ—манаты на себѣ дерутъ» (стр. 55). Объемъ былинъ о Чурилѣ довольно великъ, но содержаніе ихъ не сложно, просто. Князь Владиміръ пируетъ въ Кіевѣ съ князьями и боярами. Къ нему пришли около трехъ сотъ неизвѣстныхъ молодцовъ съ жалобой, что на охотѣ ихъ избили какіе-то богато одѣтые всадники. Владиміръ не обратилъ вниманія на ихъ жалобу. Немного спустя приходятъ къ нему съ такой-же жалобой рыболовы, и на нихъ Владиміръ не обратилъ вниманія; наконецъ являются къ нему съ тожественной жалобой сокольники и причетники и въ поясненіе жалобы замѣчаютъ, что ихъ избила дружина Чурилы. «Тутъ Владиміръ князь за то слово схватился», начинаетъ разспрашивать про Чурилу, и старый Бермята даетъ отвѣтъ, что Чурило живетъ пониже Малаго Кіевца, и описываетъ при этомъ яркими красками его богатство, въ особенности его дворъ и домъ. Владиміръ съ князьями и боярами отправился къ Чурилѣ въ гости. Ихъ радушно принимаетъ и предлагаетъ роскошное угощеніе старый Пленъ, отецъ Чурилы; вскорѣ возвратился съ своей дружиной самъ Чурило и поднесъ Владиміру богатые подарки. По приглашенію Владиміра, Чурило переселился въ Кіевъ. Въ Кіевѣ Чурило ухаживаетъ за женой стараго Бермяты, прекрасной Катериной, и она его полюбила; влюбляются въ Чурилу всѣ женщины. Старый Бермяла узнаетъ, что Чурило гоститъ у его жены, является къ ней съ острой саблей, допрашиваетъ ее, откуда въ его горницѣ взялись золотая шапка, шелковыя перчатки, зеленый кафтанъ; жена говоритъ, что шапка подарена ей отцомъ ея, перчатки матерью, кафтанъ братомъ. Бермята подмѣтилъ однако, что за печкой скрылся Чурило, и повелъ свою жену на крыльцо, съ цѣлью «женить ее на острой сабелькѣ». Въ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ Чурило соперничаетъ съ Дюкомъ относительно богатства [1]).

---

[1]) Кирѣевскій, Пѣсни, т. IV, изданіе второе, стр. 78—90.

Какъ извѣстно, русскій народъ обнаруживаетъ большую наклонность къ амплификаціи пѣсенныхъ мотивовъ, въ особенности былевыхъ, и потому русскія былины такъ обширны, длинны. Былины о Чурилѣ не представляютъ въ данномъ случаѣ исключенія, и въ нихъ на каждомъ шагу обнаруживается попытка къ осложненію и расширенію простаго поэтическаго мотива вставками и приставками разныхъ побочныхъ обстоятельствъ. Въ дѣйствительности наиболѣе устойчивымъ, такъ сказать, кореннымъ въ былинахъ представляются лишь нѣсколько мотивовъ, именно тѣ самые мотивы, которые лежатъ въ основаніи Журовскаго и Журилы.

Виликорусская былина не удовольствовалась однимъ именемъ Журилы; потребовалось отчество, тѣмъ болѣе потребовалось, что въ Великороссіи отчество въ народномъ быту имѣетъ большое значеніе, и часто человѣкъ взрослый, пожилой, семейный называется, изъ вѣжливости, только отчествомъ. Названія Пленковичъ, Пленъ преставляются эпитетами жура, Журилы, Чурилы: журъ полный, хорошо заквашенный. Достаточно было Плену, Пленковичу появиться въ пѣснѣ, какъ появился и варіантъ пѣсни о пріемѣ имъ гостей въ отсутствіе сына, о его гостепріимствѣ.

И Журовскій и Журыло—паны, слѣдовательно, люди богатые, вѣжливые, обладающіе деньгами, слугами, хорошей одеждой, хорошо устроенными домами; по этой канвѣ великорусская былина вывела затѣйливые узоры чурилинаго богатства, могущества, вѣжливости, ухаживанія за женщинами.

Въ малорусской пѣснѣ за Журиломъ идетъ триста дѣвицъ; въ русской былинѣ въ него влюбляются всѣ женщины, дѣвушки и старухи; въ первомъ случаѣ характеристика его красоты выражена въ числѣ дѣвицъ, во второмъ въ различіи возраста увлекающихся имъ женщинъ.

Въ малорусской пѣснѣ войско Журилы останавливается въ лѣсу, на полянѣ, при зеленомъ орѣшникѣ. Въ русской былинѣ войско Чурилы также проводитъ время въ поляхъ и лѣсахъ и на отдыхъ идетъ ко двору стараго Плена, когда «на дворѣ уже день вечеряется, красное солнышко закатается».

У польскаго пана Журовскаго «czerwone panczoszki i zieliona kapota», на великорусскомъ Чурилѣ «золотъ колпакъ», «зеленъ кафтанъ».

Былины о Чурилѣ вошли въ составъ былинъ кіевскаго цикла и подчинились общему складу и содержанію былинъ, воспѣвающихъ князя Владиміра. Явилась необходимость локализировать Чуризу, и его поселили «пониже Малаго Кіевца»; затѣмъ явилась необходимость связать его съ княземъ Владиміромъ и съ его застольными богатырями, и его переселили въ Кіевъ, ввели въ вольную и отчасти даже распутную жизнь велико-княжескаго двора, и журъ, Журовскій, Журило получилъ совсѣмъ особый характеръ богатыря-волокиты.

Коснувшись Чурила мимоходомъ, по связи его съ малорусскимъ Журиломъ, мы должны оговориться, что великорусскія былины о Чурилѣ Пленковичѣ имѣютъ довольно обширную литературу. Чурилу объясняли различно: выводили его изъ греческихъ религіозно-поэтическихъ сказаній, изъ южно-русской исторіи, изъ миѳологіи. Проф. А. И. Веселовскій высказалъ мнѣніе, что имя богатыря Чурило есть народное измѣненіе греческаго имени Κορύλλος (Arhiv für slav. Philolog. III, 573—574). На связь Чурилы съ древней южно-русской исторіей указывалъ еще К. С. Аксаковъ, между прочимъ, указывавшій на мѣсто близъ Кіева, называвшееся Чуриловщиною (См. его сочиненія, т. I, стр. 336). Относительно миѳическаго происхожденія Чурилы много курьезнаго высказалъ проф. П. А. Безсоновъ, повидимому, своими фантастическими доводами на всегда отбившій у ученыхъ охоту искать въ его примѣчаніяхъ къ былинамъ что-либо дѣльное. Г. Безсоновъ для объясненія слова Чурило высыпалъ кучу разнородныхъ словъ латинскихъ, чешскихъ, русскихъ, предоставивъ читателю разбираться въ этой филологической окрошкѣ. «Что касается до его миѳическаго происхожденія или, правильнѣе, до значенія дѣда его Чура, глубокомысленно разсуждаетъ г. Безсоновъ, очевидно заранѣе уже рѣшивъ, что у Чурила былъ дѣдъ Чуръ, то здѣсь очень важны слѣдующія данныя»... Далѣе идетъ такой филологическій винегретъ изъ всевозможныхъ собственныхъ именъ, что его недурно привести цѣликомъ, какъ веселенькій въ области строгой науки дивертисментъ: «въ показаніяхъ о древнихъ божествахъ у западныхъ славянъ, преимущественно балтійскихъ, въ памятникахъ писанныхъ по латыни, не разъ упоминается Сатурнъ, равняющійся Кроносу и нашему Сварожичу-Дажьбогу. Между именъ славянскихъ, соотвѣтствующихъ тому названію, из-

вѣстно слово кърть, krt; это то-же, что извѣстное намъ чуръ, только въ его древнѣйшемъ, еще божескомъ значеніи, въ тожествѣ съ Сварожичемъ, каковъ былъ нѣкогда и Гермесъ, Меркурій. На второй ступени въ переходѣ къ значенію демоническому является чешское Плевникъ... Ступенью третьею въ значеніи божескомъ и миѳологическомъ является уже внукъ Крта, по латыни Меркурій, по славянски Рядигостъ»... (Примѣч. Безс. къ пѣс. Рыбникова II, XLVIII). И все это у г. Безсонова происходитъ, такъ сказать, по щучьему велѣнію. Латинскіе и славянскіе боги родятся и плодятся очевидно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы выплодить для г. Безсонова Чурила.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

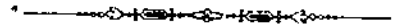

ОХОЧЕКОМОННЫЙ ПОЛКОВНИКЪ

ИЛЬЯ ѲЕДОРОВИЧЪ НОВИЦКІЙ [1]).

3-го марта 1669 года на радѣ въ городѣ Глуховѣ былъ избранъ гетманомъ бывшій черниговскій полковникъ Демьянъ Игнатовичъ Многогрѣшный, а 6-го марта новоизбранный гетманъ, старшина и царскіе послы учинили договоръ, составленный изъ двадцати семи статей. По требованію царскихъ пословъ, одною изъ статей этого договора было постановленно учредить конный полкъ въ тысячу человѣкъ изъ охотниковъ, разнаго званія людей, на обязанности которыхъ было-бы подслушивать «всякіе ссорніе и смутніе слова», подмѣчать «всякія шатости и измѣны», какія затѣваютъ выдающіе себя за козаковъ «пахатніе мужики, бутники, винокуренники» и пр., и «своеволнихъ унимать по своимъ правамъ» [2]). Содержать этотъ новоучрежденный полкъ должны были жители тѣхъ мѣстъ лѣвобережной Украйны, въ которыхъ части его были расквартированы, что называлось стоять «на лежѣ». Это давало поводъ ко всякаго рода вымогательствамъ, проходившимъ для виновныхъ безнаказанно. «Охочекомонники», «компанейцы», получивши широкія полномочія, были людьми, которыхъ всякій доженъ былъ бояться и по мѣрѣ силъ задабривать; они знали это и при всякомъ случаѣ злоупотребляли своими правами. Конечно, найболѣе страдали отъ

---

[1]) Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ будетъ помѣщенъ портретъ этого выдающагося представителя козачей старшины 2-й половины XVII ст.

[2]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т III, стр. 258, М. 1842.

ихъ произвола посполитые, но доставалось и козакамъ и даже старшинѣ. Что новоучрежденный охочій полкъ допёкъ всѣмъ и каждому, видно изъ того, что не прошло и трехъ лѣтъ со времени его учрежденія, какъ уже въ статьяхъ, такъ называемыхъ колотонскихъ, постановленныхъ на радѣ у Козацкой Дубровы, 25-го мая 1672 года, при избраніи гетманомъ Самойловича, «генералніе, обозной Петръ Забѣла съ товарищи, и полковники съ войсковою старшиною и козаки... бьютъ челомъ Великому Государю, чтобъ Его царское Величество ихъ пожаловалъ гетмана, полковниковъ и козаковъ, тысяча человѣкомъ полку Новицкаго кумпанѣи быти не указалъ, для того, что отъ такихъ кумпаній малороссійскихъ городовъ и мѣстъ и мѣстечекъ и селъ жителемъ всякое чинитца разореніе и обиды» [1]). Царь Алексѣй Михайловичъ внялъ ихъ просьбѣ, но статья эта не была соблюдена. Новоизбранный гетманъ, какъ оказалось, относился къ ней не очень сочувственно и вовсе не думалъ объ ея выполненіи. Ему, конечно, было очень удобно имѣть въ своемъ личномъ постоянномъ распоряженіи полкъ въ тысячу человѣкъ и не зависѣть отъ старшины и отъ частныхъ дѣлъ каждаго реестроваго козака въ отдѣльности; съ другой стороны, по тогдашнему ненадежному времени, когда такъ легко было лишиться гетманскаго уряда, гетману просто необходимо было имѣть столь внушительную силу на всякій случай подъ рукой. Самойловичъ не только не распустилъ «охочекомонниковъ», но съ теченіемъ времени набралъ еще нѣсколько охотныхъ полковъ. Въ этомъ помогъ ему невольно извѣстный правобережный гетманъ Петръ Дорошенко, отъ смѣлыхъ, но неудачныхъ попытокъ котораго осталась въ народѣ лишь такая печальная память:

За Дорошенка гетмана
Пуста Украина стала,
Все то презъ его бунты,
Всѣмъ прійшло погинути.
Вкраина тяжко вздыхае,
Подолья плаче, рыдае
Чадъ своихъ заколенныхъ
И въ неволю одведеныхъ.

---

[1]) Лѣт. Сам. Величка, т. II, стр. 326. Кіевъ, 1851.

Ой Боже нашъ милостивый!
Ты-сь судія справедливый,
Не даждь бисурману
И Петру гетману
Въ замыслахъ тое чинити,
Рачь ихъ отомстити,
Абы южъ перестали,
И въ прудкомъ часѣ упали! [1]).

Еще до паденія и добровольной сдачи Дорошенка, въ числѣ другихъ его сторонниковъ, покинулъ его и полковникъ наиболѣе вѣрныхъ ему серденятъ Ѳедоръ Мовчанъ, съ пятью стами своей команды прибывшій въ Каневъ и присягнувшій царю. Это было весною 1675 года. Вскорѣ Мовчанъ получилъ въ управленіе прилуцкій полкъ, а его серденята вошли въ составъ охочекомоннаго полка [2]).

Въ 1683 году наказной полковникъ переяславскій Леонтій Полуботокъ переманилъ козаковъ, признававшихъ власть Польши, отъ выбраннаго ими гетмана Андрея Могиленка—часть изъ нихъ распустилъ по домамъ, а другихъ, въ числѣ 400 конныхъ и 200 пѣшихъ, Самойловичъ разставилъ «на лежѣ» и приказалъ вмѣстить ихъ въ охотный полкъ [3]).

I.

Какъ мы видѣли выше, начальникомъ надъ учрежденнымъ, на основаніи глуховскихъ статей, охочекомоннымъ полкомъ, въ 1672 году, былъ нѣкій Новицкій. Звали его Илья Ѳедоровичъ. Каково происхожденіе его—неизвѣстно. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ его въ началѣ 1672 года, когда онъ былъ «комендантомъ его королевской милости Дымерскимъ». Въ это время онъ переписывался очень дружелюбно съ кіевскимъ воеводою княземъ Трубецкимъ, извѣщая его о разныхъ происшествіяхъ въ Польшѣ [4]). Въ этомъ же

[1]) Я. О. Головацкій, Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, т. I, стр. 31. Москва. 1878 г.

[2]) В. Б. Антоновичъ. Михайло Мовчанъ и его записная книга. «Кіевская Старина», т. XI, стр. 62.

[3]) Н. И. Костомаровъ, Руина, стр. 634. Спб., 1882 г.

[4]) Симбирскій Сборникъ. Малороссійскія дѣла, стр. 25. Москва, 1845 г.

году, Самойловичъ перезвалъ Новицкаго на службу къ себѣ и поручилъ ему начальство надъ охочекомоннымъ полкомъ.

Находясь постоянно на глазахъ у гетмана, Новицкій со своимъ полкомъ принималъ самое дѣятельное участіе въ военныхъ столкновеніяхъ, которыми былъ такъ обиленъ конецъ XVII вѣка.

Весною 1673 года Новицкій послалъ, по распоряженію гетмана, отрядъ охочихъ козаковъ къ низовьямъ Днѣпра для тайнаго развѣдыванія о движеніяхъ турецкаго и татарскаго войскъ, появившихся въ южныхъ степяхъ [1]); а лѣтомъ слѣдующаго года онъ самъ со всѣмъ своимъ полкомъ съ успѣхомъ отбилъ набѣгъ татаръ, но былъ раненъ [2]). Службою Новицкаго Самойловичъ дорожилъ: еще въ сентябрѣ 1673 года онъ далъ ему сосницкое село Нехаевку, а за мужественное отраженіе татаръ гетманъ осыпалъ Новицкаго похвалами и послалъ ему сорокъ восемь лѣвовъ на излѣченіе ранъ [3]). Воротившись въ гетманщину, охочекомонники отдыхали послѣ понесенныхъ трудовъ; въ это время отправленъ былъ изъ Москвы въ Чигиринъ по царскимъ дѣламъ стольникъ Василій Тяпкинъ, гетманъ послалъ съ нимъ войсковаго канцеляриста Дорошенича и приказалъ компанейцамъ Новицкаго сопровождать ихъ [4]).

Въ слѣдующемъ году Новицкому было немало хлопотъ. Жители правобережной Украйны въ ужасѣ, съ проклятіями на устахъ, покидали свои родныя насиженныя мѣста и безсознательно, какъ испуганное стадо, бѣжали на лѣвый берегъ Днѣпра, спасаясь отъ дикихъ союзниковъ и покровителей несчастнаго Дорошенка, турокъ и татаръ. Новицкому и переяславскому полковнику Войцѣ Сербину Самойловичъ приказалъ способствовать этому переселенію и направлять бѣгущихъ въ глубь гетманщины, подальше отъ Днѣпра [5]). Вѣроятно, Новицкій съ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе, такъ какъ съ этого времени онъ сталъ пользоваться особою пріязнью гетмана: лѣтомъ 1676 года Самойловичъ утвердилъ Новицкаго на урядѣ полковника охочекомоннаго полка, вручивши

---

[1]) Акты западной Россіи, т. V, № 90.
[2]) Ibid., № 94.
[3]) Ibid., № 94.
[4]) Ibid., № 95.
[5]) Ibid., № 96.

ему «надлежный до тоей полковницкой зверхности знакъ войсковый»... утвердилъ «яко человѣка отъ молодыхъ лѣтъ трактуючого военную услугу». Нѣсколько дней спустя по утвержденіи ему дано было порученіе, вполнѣ соотвѣтствовавшее тѣмъ цѣлямъ, ради которыхъ былъ учрежденъ охочекомонный полкъ въ 1669 году. Въ стародубовскомъ полку, по случаю выбора старшинъ, вслѣдствіе «предсявзятости Рославцевой» было сильное волненіе умовъ; Самойловичъ приказалъ Новицкому собрать въ одно мѣсто полчанъ своихъ, расположенныхъ на «лежѣ» въ стародубовскомъ и черниговскомъ полкахъ, и тайно наблюдать за происшествіями [1]). Въ награду за исполнительность гетманъ далъ компанейцамъ изъ конфискованнаго имущества стародубскаго полковника Петра Рославца, присужденнаго сначала къ смертной казни, а потомъ по особой царской милости къ ссылкѣ въ Сибирь, по 20 злотыхъ на брата (всего 10,000 зл.) и 1,000 злотыхъ па полковыхъ старшинъ [2]).

Высоко цѣня воинскія способности Новицкаго, Самойловичъ все болѣе увеличивалъ его компанію: въ сентябрѣ 1676 года гетманъ велѣлъ ему принять въ свой полкъ козаковъ, перешедшихъ отъ королевскаго гетмана Гоголя [3]), а въ началѣ 1677 года въ составъ его полка вошли серденята Ѳедора Мовчана, назначеннаго прилуцкимъ полковникомъ.

Находясь постоянно «при боку» гетманскомъ, Новицкій участвовалъ во всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ Самойловича. Когда, послѣ многократныхъ неудачныхъ попытокъ убѣдить Дорошенка сложить съ себя гетманство и предаться на волю царя, московское правительство рѣшилось указать Ромодановскому и Самойловичу двинуться къ Днѣпру со своими войсками, то гетманъ послалъ впередъ Новицкаго и другаго охочекомоннаго полковника Павловскаго съ ихъ полками [4]) Главное войско, расположившись таборомъ надъ Днѣпромъ, противъ Вороновки, приготовлялось къ переправѣ, а впередъ къ Чигирину былъ посланъ отрядъ, въ составъ котораго вошелъ и Новицкій со своимъ полкомъ. Дорошенко сложилъ съ

[1]) Ibid., №№ 97, 98.
[2]) Н. И. Костомаровъ. Руина, стр. 530.
[3]) Акты западной Россіи, т. V, № 103.
[4]) Ibid., № 101.

себя гетманское достоинство къ великой радости Самойловича. «Справуючему рѣчи и къ доброму концу приводящему Богу должное отъ всѣхъ нехай будетъ благодареніе: понѣважъ отчизну нашу расторгненную Украйну привелъ подъ единаго монарха и региментъ въ соединеніе», писалъ гетманъ Новицкому и обѣщалъ въ скоромъ времени прибыть въ Чигиринъ, для личнаго устройства тамошнихъ потребностей [1]). Пробывши въ Чигиринѣ всего одинъ день, бояринъ и гетманъ воротились, и уже 13-го сентября Самойловичъ писалъ Новицкому «зъ табору подъ Лубнями», чтобы онъ охранялъ жителей Корсуня отъ навѣтовъ и прельщеній Гоголя [2]). Не долго пришлось Новицкому исполнять возложенное на него порученіе, уже 12-го октября онъ и ротмистръ Бранщовъ доставили въ Москву взятые у Дорошенка клейноты. 17-го числа клейноты были торжественно отвезены въ Кремль. Явившись предъ царскія очи, Новицкій проговорилъ короткую рѣчь о присылкѣ клейнотовъ, подалъ грамоту и велѣлъ положить клейноты у подножія царскаго сѣдалища. По царскому приказанію, думный дѣякъ принялъ грамоту, спросилъ о здоровьѣ боярина и гетмана, объявилъ имъ царскую похвалу, а посланцамъ сказалъ, что, по царской милости, вмѣсто стола, будетъ посланъ имъ кормъ вдвое. Затѣмъ они были отпущены [3]).

Вернувшись на родину, Новицкій отдыхалъ послѣ понесенныхъ трудовъ, по крайней мѣрѣ мы не встрѣчаемъ нигдѣ упоминанія о немъ до самой осени слѣдующаго года, когда гетманъ, извѣстивши его о распущеніи остававшейся въ Черкасахъ донской пѣхотной сотни и запорожцевъ, приказалъ наблюдать за ихъ своевольствами, а также доставить свѣдѣніе, дѣйствительно-ли татары приходили подъ Ржищевъ и сосѣднія съ нимъ мѣста [4]). Этотъ слухъ оказался не справедливымъ, но, чтобы разузнать о намѣреніяхъ крымцевъ, Новицкій послалъ за Бугъ козачій отрядъ для развѣдокъ. Когда козаки, воротившись, доставили самыя успокоительныя вѣсти, гетманъ позволилъ Новицкому перейти съ полкомъ на лѣвую сторону Днѣпра и остановиться въ Лубнахъ, чтобы воспользоваться отды-

[1]) Ibid., № 102.
[2]) Ibid., № 104.
[3]) Н. И. Костомаровъ. Руина, стр. 511.
[4]) Акты западной Россіи, т. V, № 107.

хомъ[1]). Это случилось очень своевременно, такъ какъ слѣдующій годъ былъ особенно тяжелъ для Новицкаго. Уже весною ходили упорные слухи о намѣреніи турокъ произвесть вторичное вторженіе въ правобережную Украйну. Готовясь къ этому, Самойловичъ въ маѣ приказалъ всѣмъ козакамъ, въ томъ числѣ и полку Новицкаго, собраться у р. Артополота на смотръ, совмѣстно съ царскими войсками, состоявшими подъ начальствомъ князя Ромодановскаго[2]). Въ началѣ іюля войска двинулись къ Чигирину, въ которомъ были осаждены Ржевскій и Гордонъ. Впередъ были посланы компанейцы и уже въ первыхъ числахъ іюля Новицкій прибылъ въ Чигиринъ, гдѣ гетманъ приказалъ ему остаться на нѣкоторое время съ отрядомъ его полка для развѣдыванія о предпріятіяхъ непріятелей, извѣщая, что самъ онъ гетманъ, стоитъ съ войскомъ у Бужинской переправы, готовясь перейти на другую сторону Днѣпра[3]). Въ первыхъ числахъ августа главныя силы переправились на правую сторону Днѣпра и 3-го произошло кровопролитное сраженіе съ авангарднымъ турецкимъ отрядомъ, подъ начальствомъ Капланъ-паши, окончившееся полной побѣдой надъ турками. Въ этомъ дѣлѣ участвовалъ и Новицкій. Въ среднихъ числахъ августа онъ былъ отправленъ въ побережные днѣпровскіе города «для обороны ихъ отъ наѣздовъ татарскихъ и для защиты людскихъ добытковъ». Новицкій остановился въ Веремѣевкѣ; гетманъ приказалъ ему держать неослабную сторожу между Ирклѣевомъ и Жовниномъ, чтобы татары не отважились вторгнуться загонами, и доносить о происходящемъ ему, гетману, и князю Каспулату Черкаскому. Военныя заслуги послѣдняго Самойловичъ очень цѣнилъ и въ особомъ письмѣ къ Новицкому приказывалъ ему пріобрѣсть у веремѣевскихъ козаковъ двухъ верблюдовъ и двухъ муловъ и прислать для подарка князю Каспулату. Когда Черкаскій возвращался изъ-за Днѣпра, гетманъ приказалъ Новицкому выдать ему на дорогу «осмъ сотъ барановъ досужнихъ и шестьдесятъ яловицъ лучшихъ изъ быдла войскового, въ Веремѣевцѣ зостаючого».

---

[1]) Ibid., № 108.
[2]) Ibid., № 109.
[3]) Ibid., № 110.

Самойловичъ во время разставилъ стражу по лѣвому берегу Днѣпра, такъ какъ крымцы, дѣлая постоянныя попытки переправиться въ гетманщину, нѣсколько разъ совершали набѣгъ на Каневъ и другіе расположенные на правомъ берегу Днѣпра города. Въ первыхъ числахъ сентября каневцы снова готовились выдержать ихъ натискъ и Новицкій получилъ отъ гетмана приказаніе оказать имъ поддержку посылкой отряда пѣшихъ компанейцевъ и переселить остальныхъ тамошнихъ жителей на лѣвый берегъ Днѣпра [1]). Ходили также слухи, что Юрась Хмельницкій думаетъ вторгнуться въ гетманщину, и гетманъ въ среднихъ числахъ сентября приказалъ Новицкому развѣдать о мѣстопребываніи и предпріятіяхъ Хмельницкаго и его сторонниковъ, о состояніи городовъ, лежащихъ въ низовьяхъ Днѣпра и о томъ, насколько тамошніе жители склонны быть подъ властью его, гетмана; въ тоже время онъ предписывалъ ему наблюдать за дѣйствіями крымцевъ у Корсуня и воспрещать тамошнимъ и другимъ побережнымъ жителямъ переселяться на другую сторону Днѣпра, что противорѣчило его-же приказанію относительно каневцевъ. Впрочемъ это объясняется словами гетмана: «бо и тые, туда (въ гетманщину) намѣрившися, ничого намъ доброго не мыслятъ». Новицкій по обыкновенію съ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе и заслужилъ похвалу гетмана. Продолжительная сторожевая служба становилась тягостна, такъ что Самойловичъ всячески старался задобрить компанейцевъ: «хочай холодно и голодно, и до дому далеко, писалъ онъ Новицкому, а однакъ потерпи вашмосьць еще: бо претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ; самъ ты часто тое проповѣдуенъ»; «ижъ подъ сей часъ вашу компанѣю—пишетъ гетманъ въ другой разъ—зоставуемъ еще тамъ, въ побережныхъ мѣстцахъ: того не мѣйте за жадную прикрость» и обѣщаетъ «ласковый взглядъ мѣти» и всѣмъ «укоптентовати». Единственнымъ утѣшеніемъ Новицкому были письма Василія Кочубея, въ которыхъ послѣдній сообщалъ ему всевозможныя новости.

Между тѣмъ, не смотря на принятыя Самойловичемъ мѣры, Юрась Хмельницкій перешелъ на лѣвый берегъ и всѣ вѣрные Самойловичу козаки собрались въ болѣе укрѣпленные пункты, полковые города. Новицкій, по приказанію гетмана, расположился было

---

[1]) Ibid. №№ 111, 121, 113, 114, 115.

со своимъ полкомъ въ Барышполѣ и Воронковѣ [1]), но въ то время, когда передовой отрядъ Хмельницкаго, подъ начальствомъ Ивана Яненченка-Хмельницкаго, отправленный 27-го января изъ-подъ Жовнина, подходилъ къ Лубнамъ, Новицкій вмѣстѣ съ лубенскимъ полковникомъ Ильяшенкомъ заперлись въ этомъ городѣ, присягнувъ вмѣстѣ съ товариствомъ стоять крѣпко. Скоро однако отправленные противъ Хмельницкаго миргородскій и полтавскій городовые полки вытѣснили Юрася со всѣми его сторонниками за Днѣпръ и Самойловичъ въ февралѣ отрядилъ своего сына Семена, въ званіи наказнаго гетмана, за Днѣпръ опустошать правобережную Украйну и перегонять населеніе въ предѣлы гетманщины [2]). Въ этомъ «сгонѣ» пришлось опять принять участіе и Новицкому съ его компанейцами. Уже 27-го февраля гетманичъ послалъ приказаніе ему и Ильяшенку идти съ полками своими въ Домонтовъ, но предостерегалъ ихъ, чтобы они не вздумали съ одними своими силами вступать въ сраженіе съ непріятелемъ, такъ какъ онъ силенъ, въ подтвержденіе чего добавлялъ, что онъ самъ «въ Ржищевѣ подъ осмь тысячъ маючи войска, и арматъ съ потребу, заледво змогъ двуденною працою того доказати, же взялъ замокъ». 1-го марта Новицкій и Ильяшенко получили приказаніе поспѣшить съ полками изъ Домонтова въ Каневъ, а оттуда подъ Корсунь, для совмѣстнаго дѣйствія противъ Яненченка. Совершивши «сгонъ», гетманичъ и ходившіе съ нимъ полковники вернулись въ свои становища на отдыхъ. Но еще въ концѣ того-же года пришлось предпринять походъ противъ татаръ. Въ ноябрѣ лубенскій полковникъ Ильяшенко доносилъ гетману, со словъ бѣжавшаго изъ татарскаго плѣна жителя м. Яблонова, о чинимыхъ крымскимъ ханомъ Мурадомъ приготовленіяхъ для вторженія въ Украйну [3]). Самойловичъ сдѣлалъ тотчасъ-же необходимыя распоряженія относительно похода противъ татаръ, послалъ 1,860 злотыхъ Новицкому для раздачи жалованья полковымъ его старшинамъ и товариству, а въ концѣ декабря наказный гетманъ Семенъ Самойловичъ двинулся съ войскомъ и послалъ приказъ Новицкому о высылкѣ къ нему въ Ромны полутораста «комонни-

[1]) Ibid., №№ 119, 120, 121, 122, 117.

[2]) Н. И. Костомаровъ. Руина, стр. 595, 601.

[3]) Акты западной Россіи, т. V, №№ 124, 125, 126.

ковъ», для слѣдованія вмѣстѣ съ отрядомъ его въ Гадячъ. Въ январѣ 1680 года гетманичъ извѣщалъ Новицкаго, что такъ какъ по слухамъ татары думаютъ вторгнуться въ слободскіе полки, то, чтобы онъ со своими компанейцами двигался къ Гадячу и Зенькову на соединеніе съ нимъ, гетманичемъ. Но слухи о намѣреніяхъ татаръ оказались ложными и Семенъ Самойловичъ въ первыхъ числахъ февраля возвратился въ Батуринъ, а Новицкій въ Лубны. Только что успокоился было Новицкій, какъ вдругъ Самойловичъ въ срединѣ февраля извѣщаетъ его, что татары, пользуясь тѣмъ, что Днѣпръ покрылся льдомъ, думаютъ сдѣлать набѣгъ на гетманщину, и приказываетъ дать имъ отпоръ совмѣстно съ полками гадяцкимъ и лубенскимъ. Самъ гетманъ понималъ, какъ непріятно было это новое порученіе Новицкому, спѣшившему домой въ Нехаевку заговлять на великій постъ и потому утѣшалъ своего полковника пріятельскою припискою: «вѣдаемъ и то, же моркатно вашмосьци приходитъ не въ дому запустъ мѣти; а такъ ты Пилипа, а найпаче того молодого скрынника взявши, роскажи имъ заговѣйную заграти».

Въ началѣ лѣта всѣ въ гетманщинѣ съ волненіемъ ожидали прибытія царскаго ближняго боярина князя Голицына; гетманъ велѣлъ всѣмъ своимъ войскамъ, въ томъ числѣ и Новицкому, собраться на смотръ къ Ромнамъ [1]). Самойловичъ остался очень доволенъ состояніемъ своихъ полковъ, особенно похвалилъ компанію Новицкаго за военные подвиги и дозволилъ компанейцамъ занять зимнія квартиры въ городахъ лубенскаго и миргородскаго полковъ, но не отягощать жителей излишними поборами. Въ началѣ 1681 г., снова надѣлали Новицкому хлопотъ слухи о движеніяхъ татарскихъ «чатъ». На этотъ разъ обычный товарищъ Новицкаго, лубенскій полковникъ Ильяшенко не раздѣлялъ его трудовъ; извѣщая объ этомъ своего пріятеля, Ильяшенко сообщалъ ему о какихъ-то предсказателяхъ явившихся въ Польшѣ. Конецъ 1681 года прошелъ спокойно, Новицкій исполнялъ свою обычную службу—собиралъ ходившіе въ народѣ слухи и сообщалъ о нихъ гетману. Такъ, онъ донесъ гетману, что говорятъ, будто валахскій господарь Дука замышляетъ овладѣть малороссійскими городами, лежащими въ опусто-

---

[1]) Ibid., №№ 127, 128, 129, 130, 131.

шенной заднѣпровской Украйнѣ, и вновь населить ихъ выходцами изъ козаковъ. Самойловичъ благодарилъ Новицкаго за сообщеніе этого слуха и опровергалъ его.

Въ іюнѣ 1682 года Самойловичъ разослалъ по всѣмъ полкамъ универсалъ о восшествіи на престолъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, съ повелѣніемъ принести имъ присягу на вѣрность. Новицкаго гетманъ извѣстилъ объ этомъ письмомъ, въ концѣ котораго сообщалъ о высылкѣ задержаннаго жалованья. Въ послѣдующіе года пріязнь гетмана къ Новицкому все болѣе увеличивается— благосклонное отношеніе Самойловича къ нему не прерывается, даже при нѣкоторыхъ оплошностяхъ съ его стороны, какъ напримѣръ, когда у него вылизнули въ заднѣпровскую Украйну два важныхъ преступника [1]). Въ пріятельскихъ письмахъ Самойловичъ сообщаетъ Новицкому самыя разнообразныя извѣстія: о бракѣ царя Іоанна Алексѣевича съ Параскевою Ѳеодоровною Салтыковою, о пораженіи королевскаго заднѣпровскаго гетмана Купицкаго крымцами близъ рѣки Прута, о пораженіи заднѣпровскаго гетмана Могиленка турками и татарами подъ Студеницею, о побѣдѣ, которую одержалъ крымскій ханъ надъ поляками подъ Жванцемъ, о своемъ выѣздѣ въ Глуховъ для встрѣчи зятя, царскаго боярина Ѳедора Шереметева, назначеннаго кіевскимъ воеводою и т. д. Число компанейцевъ все болѣе увеличивалось и они исполняли всякаго рода порученія: сопутствовали до границы ханскому гонцу и гетманскимъ посланцамъ къ хану, ловили бродягъ, вообще подозрительныхъ людей и т. д. За то гетманъ постоянно награждалъ ихъ похвалами и подарками.

Въ послѣдніе годы гетманства Самойловича Новицкій больше сидѣлъ въ Нехаевкѣ, исполнять-же порученія посылалъ своего полковаго асаула Ивана Максимовича, съ приказаніемъ доносить ему о самомалѣйшихъ происшествіяхъ, что тотъ въ точности исполнялъ: онъ извѣщалъ о набѣгахъ крымцевъ на прибрежныя днѣпровскія села, о походѣ польскаго короля съ войсками къ Цецорѣ и объ ожиданіи въ Немировъ козачьихъ полковъ, бывшихъ въ походѣ съ Могиленкомъ подъ Язловцемъ, объ отысканіи въ Чигиринѣ мѣста жилища гетмана Богдана Хмельницкаго и женщины, бывшей корми-

---

[1]) Ibid., №№ 131, 132, 133, 134, 136, 138, 139, 140.

лецею двухъ его дочерей. Впрочемъ, Новицкій лично провожалъ крымскаго посла, мурзу Магметъ-Чагина [1]), и въ походѣ въ татарскія степи «для такой потреби, аби смотрѣли на обороти ордъ бѣлогородскихъ и буджацкихъ, которія если-бы мѣли на помощь кримскимъ ордомъ приставати, то жеби не допустили имъ чрезъ Днѣпръ переправоватися» [2]).

Такова была разнообразная роль и служебная дѣятельность Новицкаго въ первые годы его полковничества. Между тѣмъ гетманство Самойловича приходило къ концу; умноженные и взысканные особыми его милостями компанейцы не поддержали его въ моментъ паденія и сдѣлались такими-же исполнительными слугами новаго гетмана Мазепы, главнаго виновника низверженія Самойловича. Также безучастно отнесся къ его паденію и Новицкій, получившій при Мазепѣ большій ходъ и болѣе выдающееся положеніе.

II.

Мазепа заискивалъ у компанейцевъ. Съ береговъ Коломака, гдѣ происходила избирательная рада, онъ отправился къ Гадячу и уже оттуда обратился къ Новицкому и Пашковскому съ универсаломъ, приглашавшимъ ихъ быть вѣрными ему. Они вполнѣ спокойно отнеслись къ факту паденія Самойловича и избранію Мазепы и обратились только къ новоизбранному гетману съ просьбой, чтобы не было относительно ихъ никакихъ перемѣнъ, на что Мазепа отвѣчалъ въ томъ-же универсалѣ, что онъ готовъ «контентовати всѣ жадання и потреби» [3]). Мазепа цѣнилъ Новицкаго не только какъ хорошаго исполнителя возлагаемыхъ на него порученій, но и какъ дѣльнаго, опытнаго совѣтника. Онъ обращался къ нему за совѣтами, видимо, по многимъ дѣламъ, подлежавшимъ его разрѣшенію [4]). Хорошо зная военныя способности Новицкаго, Мазепа

---

[1]) Ibid., №№ 143, 144, 147, 152, 148, 146, 153, 161, 166, 161, 163.

[2]) Лѣт. Сам. Величка, т. III, стр. 12.

[3]) Акты западной Россіи, т. V, № 172.

[4]) Письмо Мазепы къ Новицкому отъ 20 февраля 1690 года изъ г. Хорола: «Жадаемъ вашмосьци, абысь скоро, за одобраннямъ сего листа нашего, прибувавъ до насъ въ Лубнѣ для устное обо всемъ, о чемъ належить, розмови и для ото-

не разъ поручалъ ему общее начальство надъ всѣми охотными конными и пѣшими полками. Такъ, въ февралѣ 1683 года, хотя крымскіе «чатовники», судя по донесенію компанейскаго асаула Ивана Максимовича [1]), и перестали тревожить приднѣпровскія поселенія, Мазепа отправилъ въ татарскія степи лубенскій, миргородскій и компанейскій полки подъ главнымъ начальствомъ Новицкаго. Новицкій съ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе, нанесши полное пораженіе большому татарскому отряду, близъ устья рѣки Тясьмина [2]). Уже въ іюнѣ Мазепа извѣщаетъ Новицкаго, что онъ думаетъ опять послать противъ татаръ нѣсколько полковъ подъ его начальствомъ. Въ первыхъ числахъ сентября гетманъ вызываетъ Новицкаго въ Батуринъ для отдачи послѣднихъ приказаній [3]), а въ концѣ этого мѣсяца извѣщаетъ всѣхъ полковниковъ конныхъ и пѣшихъ полковъ, назначенныхъ въ походъ, что, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, татарскія войска находятся въ разбродѣ, въ Молдавіи, Польшѣ и на Кавказѣ, и потому предстоитъ благопріятный случай дѣйствовать противъ нихъ съ надежнымъ успѣхомъ. Въ послѣднихъ числахъ сентября гетманъ приказалъ Новицкому двинуть городовые полки съ пятью пушками и охочихъ козаковъ

брання въ дѣлѣ певномъ выразное словесное информаціе. А мы ознаймуемо вашмосьци, же завтрешняго дня конечне въ Лубнѣ прибудемо. Где скорый пріѣздъ и себѣ и повторе вашмосьци зичачи, поручаемъ оного въ схраненія Богу».

Тоже можно усмотрѣть и въ слѣдующемъ письмѣ отъ 25 марта 1691 года изъ Батурина: «Посылаючи въ пилнихъ дѣлахъ моихъ до Переволочнои молодця своего, велѣлисьмо оному и до вашмосьци уступити зъ симъ моимъ писаннямъ, чрезъ которое яко доброго здоровя вашмосьця жадаю, такъ оного-жъ о тое пилно жадаю, жеби на тие рѣчи, которые велѣлисьмо сему молодцеви говорити вашмосци, слушный отвѣтъ менѣ черезъ него жъ учинилисьте, о що и повторе жадаючи, въ сохраненія Господу Богу вашмосьць поручаемъ»: Эти и помѣщенныя ниже письма нигдѣ не напечатаны и находятся въ моемъ распоряженіи.

[1]) Акты западной Россіи, т. V, III 178.

[2]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. II, 317. Москва, 1842. Бантышъ-Каменскій, Исторія Малороссіи, т. 3, стр. 11. Москва. 1822.

[3]) Письмо Мазепы къ Новицкому изъ Батурина отъ 8-го сентября 1688 г.: «якъ скоро дойде рукъ вашмосьциныхъ сей нашъ листъ, такъ ажебы вашмосць заразъ а заразъ безъ жадного омешканя до насъ въ Батуринъ прибувавъ, жеби розмовити о справѣ. О тое пилно жадаючи, зичилъ вашмосьци доброго здоровя и за тымъ Господу Богу поручаемъ».

отъ Чигирина по р. Бугу къ Очакову, истребляя по пути татарскіе загоны [1]). Подошедши къ Очакову, они выжгли посады, причинили большія разоренія и возвратились со многими плѣнными [2]). Новицкій подробно доносилъ гетману о придуманномъ имъ планѣ дѣйствій и когда, одобренный Мазепой [3]), онъ былъ съ успѣхомъ выполненъ, то гетманъ, осыпавъ Новицкаго похвалами и благодарностію, въ январѣ 1689 года далъ ему «опустѣлое городище» Снѣтинъ съ селами Окопомъ и Исакчами (въ лубенскомъ полку). Весну 1689 года Новицкій стоялъ въ Ромнахъ и когда Мазепа лѣтомъ поѣхалъ въ Москву, то наказалъ ему строго сохранять въ народѣ порядокъ. Въ нѣсколькихъ письмахъ изъ Москвы гетманъ, извѣщая Новицкаго о милостивомъ пріемѣ, котораго онъ удостоился въ Москвѣ, подтверждалъ свой наказъ [4]), а чтобы поощрить своего вѣрнаго слугу, выхлопоталъ утвержденіе своего универсала на подаренное Новицкому с. Шеки. Но несмотря на всѣ старанія Новицкаго, пока Мазепа ѣздилъ въ Москву, на Украйнѣ произошли нѣкоторыя смуты и Новицкій съ нетерпѣніемъ ожидалъ гетмана, развѣдывая, скоро-ли воротится Мазепа изъ Москвы [5]). Получивши непріятныя

---

[1]) Акты западной Россіи, V, № 183 и 184.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, ч. 3, стр. 11.

[3]) Письмо Мазепы къ Новицкому, помѣченное 1688 г., безъ обозначенія числа и мѣсяца: «зъ листа вашмосыциного есть намъ вѣдомо, якъ маете роспорядити войска, прибывши подъ непріятельскіе жилища, же тисячъ двѣ оставите въ таборъ; подъ городъ тисячу для заставы, а тисячу для пустошення посаду, а другую на заставу именуете, мы похваляемъ и за слушность быти уважаемъ, а хочабъ и болше на вдаръ било, тобъ лѣпше. А ще двѣ тысячи войска для отгорнення статковъ назначаете, то такая махина войска на тое дѣло не потребна, кгды-жъ тое дѣло можно въ двохъ или въ трехъ, а найболше въ чтирохъ сотъ коней зорудовати, поневажъ военная орда не маетъ ходити за статками и битися тамъ будетъ нѣ зъ кимъ. Вся битва мусить быти подъ городомъ, а статки мусять быти одъ города отрѣзани и поблизу оныи на паствискахъ найдоватися маютъ. Прето тутъ вамъ одно въ таборѣ потреба крѣпости, а другое подъ городомъ на вдаръ отважныхъ и добрихъ надобѣ и не дробно зготовати людей, жебы бой могъ быти крѣпко удержанный. А кгды вашмосць зовсѣмъ якъ належитъ зготовитеся, то въ Божій часъ, по указу монаршему и нашому ординансу, зачинайте и кончайте подлугъ информаціе нашое намѣреное дѣло. Где мы зычимъ вашмосьци при добромъ здорови щасливого поводженя и хвалебного надъ непріятелемъ звитяжства».

[4]) Акты западной Россіи, т. V, № 188, 191 и 192.

вѣсти изъ Украйны, Мазепа поторопился съ отъѣздомъ, въ особенности безпокоили его волненія на Запорожьи, возникшія вслѣдствіе постройки городковъ на р. Самарѣ. Мазепа предвидѣлъ это, поэтому, собираясь строить укрѣпленія, старался не допускать объ этомъ вѣсти до Запорожья: но это было, конечно, почти неисполнимо. Теперь гетманъ думалъ подавить волненія въ самомъ началѣ и потому, извѣщая Новицкаго съ товарищами о своемъ пріѣздѣ, приказывалъ готовиться къ походу [1]). Но случилось иначе: ѣздившій вмѣстѣ съ нимъ въ Москву посланецъ изъ Сѣчи Лихопой сталъ всѣмъ разсказывать про все, что слышалъ въ Москвѣ, многое при этомъ умышленно извращая, и волненія усилились. Мазепѣ оставалось только стараться, чтобы эти смуты не приняли остраго характера, поэтому онъ приказывалъ Новицкому внимательно слѣдить за Лихопоемъ и подслушивать, что онъ болтаетъ и какое впечатлѣніе производятъ его росказни на слушателей [2]). Не смотря на принятыя Мазепой мѣры, Лихопой усилилъ враждебное отношеніе въ дѣйствіямъ высшей власти вообще въ Украйнѣ и въ особенности на Запорожьи. Прибѣгать къ оружію Мазепѣ не хотѣлось, а тутъ начали безпокоить татары. Въ срединѣ февраля гетманъ приказалъ Новицкому идти къ Днѣпру противъ татаръ, направлявшихся къ Ингульцу; въ помощь ему онъ послалъ лубенскаго полковника Леонтія Свѣчку и прилуцкаго Ивана Стороженка и предписывалъ имъ всѣмъ вмѣстѣ немедленно гнать татаръ, а въ случаѣ невозможности настигнуть ихъ, сдѣлать набѣгъ до Кизикерменя (Берислава). Новицкій часто и во всѣхъ подробностяхъ увѣдомлялъ гетмана о своихъ дѣйствіяхъ противъ вторгнувшихся было татаръ и доставлялъ ему пойманныхъ татарскихъ «языковъ» для отправки въ Москву.

Въ это тяжелое время Мазепа особенно нуждался въ вѣрныхъ, толковыхъ и усердныхъ помощникахъ. Онъ старался всячески задобрить компанейцевъ, такъ какъ только въ нихъ могъ быть вполнѣ увѣренъ: въ апрѣлѣ онъ далъ Новицкому с. Клищинцы, впослѣд-

[1]) Акты западной Россіи, т. V, № 194.

[2]) Письмо Мазепы къ Новицкому изъ Хорола отъ января 1690 г.: «увѣдомилисьмося, же той пьяныога Лихопой, заставшися одъ насъ въ Лубнях, черезъ ночь въ полковника пилъ. Жадаемъ теди, жебы вашмосьць пилно тамъ хочай дослухався.

ствіи прибавилъ еще три села: Литвяки, Хорошки и Гробище (на р. Сулѣ) и Галицкую слободку; въ сентябрѣ поручилъ Новицкому раздать коннымъ охотницкимъ полкамъ деньги, пѣхотнымъ «барву» (одежу) суконную и денежный придатокъ, и сдѣлать всѣмъ имъ смотръ; въ октябрѣ снова разослалъ по коннымъ полкамъ деньги, а пѣшимъ велѣлъ раздать по жупану и по четыре злотыхъ на человѣка [1]).

Но, отличая компанейцевъ своимъ довѣріемъ, Мазепа не давалъ имъ спуску, дѣлалъ замѣчанія, а иногда и прямые выговоры за замѣченные безпорядки. Такъ, когда въ началѣ 1691 года до гетмана дошли жалобы на допущенное Новицкимъ пристрастіе въ разстановкѣ его компанейцевъ по сотнямъ лубенскаго полка, съ обремененіемъ рядовыхъ козаковъ постоями и сборами провіанта и фуража и съ послабленіемъ для старшины, то Мазепа сдѣлалъ Новицкому строгое внушеніе [2]). Гетманъ запрещалъ также посполитымъ компанейской старшины, пользовавшимся важнымъ значеніемъ своихъ пановъ, записываться въ козаки [3]).

зъ кимъ власне, чи самъ, чи съ товариствомъ якимъ черезъ ночь теди у полковника пилъ и що тамъ за розмова ихъ отправовалася. Также чи не были оному якіе давани подарки, а що вывѣдается, о томъ намъ черезъ сего послания давати знати пилно жадаемъ».

[1]) Акты западной Россіи, т. V, №№ 195, 196, 197, 198, 199, 122, 214.

[2]) Письмо Мазепы къ Новицкому отъ 20 марта 1691 года: «яко на пана полковника лубенского, такъ и на вашмосць сподѣвалисьмося, же товариство компанѣя вашмосьциной въ полку лубенскомъ слушне и порядне, подлугъ давнего обычая, по становискахъ будеть распоряжено, якобы всѣ заровно подчане лубенскіе, ни чіихъ сіолъ не минаючи, подъ кимъ кольвекъ найдуются, тотъ тенжаръ двигали; але на той надѣи нашои омылилисьмося, поневажъ донесено намъ, що одны въ той мѣрѣ збыть зостали отяжены, а другихъ, яко то подданныхъ старшихъ полковыхъ, сотницкихъ и иныхъ особъ, той тенжаръ и не дотыкается, зъ чого отяжены плачуть, а иныи, которыхъ тое не долѣгаеть, зъ сусѣдовъ своихъ посмѣвиска веселятся. За чимъ яко до пана полковника лубенского о томъ писалисьмо, жеби, никому *не глядячи въ зубы*, поправилъ тое товариства вашого розстановленя, такъ и вашмосьць, жадаемъ, абисте, знесшися зъ кимъ паномъ полковникомъ, были въ той мѣрѣ помочнымъ и намъ реестровне ознаймили, килька товариства вашого въ якой сотнѣ полку лубенского на становиску станеть».

[3]) Акты западной Россіи, т. V, № 185.

Осенью 1690 года волненія не улегались, а татары съ своей стороны не переставали безпокоить гетманщину. Въ октябрѣ «чаты» появились у Переволочной, и гетманъ приказалъ Новицкому послать противъ нихъ, какъ можно скорѣе, асаула Рубана съ отрядомъ компанейцевъ; въ декабрѣ Рубанъ былъ отправленъ къ Чигиринъ-Дубровѣ, на случай набѣга крымцевъ.

Слѣдующій годъ весь прошелъ то въ ожиданіи татарскихъ загоновъ, то въ отраженіи ихъ. Уже въ январѣ лубенскій полковникъ Свѣчка благодарилъ Новицкаго за извѣщеніе о вторженіи крымцевъ. Но въ этомъ году Новицкому какъ-то не везло: то онъ не догналъ крымцевъ и не отбилъ людей, взятыхъ въ плѣнъ; то не во время вернулъ отрядъ, посланный противъ непріятеля; то отправленный имъ въ татарскія степи компанейскій асаулъ упустилъ удобный случай ударить на Очаковъ. За все это Новицкій получалъ строгіе выговоры отъ гетмана. Въ гетманщинѣ старый годъ провожали, а новый встрѣчали звуками оружія: 22-го декабря гетманъ приказалъ Новицкому быть готовымъ къ отраженію крымцевъ и отправить въ Чигиринъ полтораста компанейцевъ; 27-го самъ Новицкій со всѣмъ своимъ полкомъ двинулся противъ татаръ; чтобы не потерпѣть пораженія, онъ соблюдалъ надлежащую осторожность и находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ полковниками лубенскимъ, кіевскимъ и переяславскимъ. Въ январѣ онъ получилъ отъ гетмана извѣщеніе о набѣгѣ татаръ подъ Сороку и Немировъ и приказъ быть въ готовности выступить въ заднѣпровскія степи, чтобы тамъ перерѣзать дорогу непріятелямъ [1]); въ февралѣ татары произвели цѣлый рядъ набѣговъ на разныя приднѣпровскія поселенія и притомъ такъ неожиданно, что Новицкій и его товарищи полковники окончательно растерялись и не знали, за кѣмъ гнаться, откуда отражать [2]). Гетманъ былъ до того встревоженъ, что, не смотря на все свое расположеніе къ Новицкому, безпрестанно дѣлалъ ему выговоры [3]). Въ мартѣ Мазепа приказалъ Новицкому перейти на лѣвый

---

[1]) Ibid., №№ 215, 216, 218, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228.

[2]) Ibid., №№ 230, 232, 233, 235.

[3]) Ibid., №№ 231, 234, 236. Письмо отъ 2 февраля 1692 года изъ Варышевки: «дано намъ знати сегодня, на праздникъ Срѣтенія, же орда въ не-

берегъ, а на правый послать разъѣзды, на случай появленія татаръ. Въ это же время наступила новая и болѣе бурная смута, надѣлавшая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ немало кутерьмы и на Запорожьи и во всей гетманщинѣ; виновникомъ ея былъ войсковой канцеляристъ Петро Иваненко, носившій кличку Петрикъ. Въ дѣлѣ подавленія этой смуты Новицкій со своими компанейцами оказалъ немаловажныя услуги.

Петрикъ ускакалъ изъ Полтавы, куда онъ былъ посланъ съ наградами къ полковнику Жученку на Запорожье. Скоро послѣ того пришло къ гетману извѣщеніе, что Петрикъ настраиваетъ на мя-

---

малой купѣ вдарила подъ Кропивную, да и подъ Золотоношу подганялася, а тихъ сотень всѣ люде военные пошли зъ паномъ асауломъ нашимъ за ордою, перше подъ Золотоношею бувшею. За чимъ дивуемся вельце тому, же вашмосьць зъ паномъ полковникомъ лубенскимъ и зъ паномъ полковникомъ миргородскимъ и зъ паномъ полковникомъ наказнымъ переяславскимъ, зъ людьми полковъ вашихъ въ поготовности будучи, а напередѣ найдуючися, оспалисьте, же якъ за тою першою ордою въ погоню не йшлисте, такъ и сіей не постереглисте приходу. Чего встыдитися вамъ належало. Яко теди разумѣемъ, же сяя орда мѣля одъ Кизикерменя оказатися, такъ приказуемъ вамъ пилно, абисте зъ тыми пречеными панами полковниками сославшися и зъ людьми полковъ вашихъ оразъ совокупившися, ишли за тими ворогами въ огонь, конечне хочай же до Кизикерменя; просячи Господа Бога помочи, аби вамъ помогалъ достигнути ихъ погромити. Тое пилно, пилно приказавши, поручаемъ васъ Господу Богу».

Переяславскимъ полкомъ въ этомъ походѣ командовалъ, въ званіи наказного полковника, переяславскій полковой судья Молютъ; Мазепа придалъ сверхъ того Новицкому для какихъ-то цѣлей нѣкоего Кулика, личность котораго и миссію трудно опредѣлить. Приписка къ вышеприведенному письму: «залецаемъ вашмосьци Молюта, судю переяславского, который пойдеть зъ вашмосьцей наказнымъ полковникомъ, же есть человѣкъ статечный и въ дѣлѣхъ военныхъ досвѣдчоный, а здаеться намъ, що и справный, зъ которымъ хоти вашмосьць любезне и совѣтно въ той дорози поступовати. А особливе зъ паномъ Куликомъ, ведлугъ устное нашое науки, ласкове во всемъ вашмосьць маенъ, якъ зъ товаришемъ, заховатися и его зъ собою завше въ одномъ куренѣ мѣти, яко онъ, того вдяченъ будучи, щире зъ вашмосьцей тожъ може поступовати и намъ неленивo въ той дорозѣ послужити».

Въ концѣ, вѣроятно, въ дополненіе изустнаго распоряженія о расправѣ съ какими-то разбойниками, Мазепа пишетъ: «по нашихъ правахъ войсковыхъ, зъехавши, тихъ збродніовъ и бунтовниковъ, которыи надъ Сулою забойствомъ безбожне руки свои помазали, судить и учинить декретъ, кого доведется, на горлѣ карати, а кого киями обкладати».

тежническія затѣи запорожцевъ. Петрикъ увѣрялъ козаковъ и кошеваго, что если пригласить татаръ и съ ними войти въ Украину, то весь тамошній людъ поднимется, гетманъ убѣжитъ въ Москву, а бѣдные люди всѣ пристанутъ къ запорожцамъ и передушатъ пановъ своихъ, которымъ цари надавали вольностей [1]). Хотя Петрикъ возбудилъ сочувствіе запорожцевъ къ своему предпріятію, но онъ не рѣшился опереться только на содѣйствіе однихъ сѣчевиковъ, хорошо зная то непостоянство, которымъ издавна отличалось Запорожье. Приходилось ему искать еще какой нибудь иноземной помощи и, прежде чѣмъ уйти въ Крымъ, онъ думалъ, по всей вѣроятности, обратиться за содѣйствіемъ къ полякамъ; по крайней мѣрѣ, Мазепа въ началѣ апрѣля приказывалъ Новицкому переправиться спѣшно за Днѣпръ и стараться схватить Петрика по пути въ Польшу [2]). Поймать Петрика Новицкому не удалось, но, какъ видно, ему отбили охоту заводить сношенія съ поляками: послѣ Юрьева дня онъ отправился въ Крымъ. Ханъ въ это время какъ разъ былъ озлобленъ противъ Москвы и охотно согласился помочь Петрику въ его предпріятіи [3]). Въ срединѣ мая крымцы пошли отъ Кизикерменя между Бугомъ и Днѣпромъ на Ингулъ, Мазепа приказывалъ Новицкому немедленно увѣдомить асаула Рубана объ этомъ и самому въ слѣдъ за тѣмъ переправиться черезъ Днѣпръ и разбить непріятеля [4]). Но такъ какъ не только силъ Новицкаго, но даже гетманскихъ войскъ было для этого недостаточно, то Мазепа

---

[1]) Н. И. Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, стр. 83. Спб. 1885 г.

[2]) Письмо Мазепы къ Новицкому отъ 9-го апрѣля 1692 года: «увѣдомитисьмося теперь свѣжо одъ певныхъ сторонъ и людей, же нецноти Петрикъ маетъ сими часы зъ Запорожья выправленъ были въ поселствѣ до короля, а безмалъ чи не зъ нимъ хочеть и самъ кошовый туда-жъ удатися. За чимъ пилно вашмосьци жадаемъ, жебы вашмосьць заразъ, чимъ найскорѣе, зъ полку своего прибравши якое сотце доброго товариства, выправили на тую сторону Днепра, не такъ для промысловъ военныхъ, якъ для того здрайцы, и прикажите, жебы межъ Богомъ и Днепромъ зъ пилностію на шляхахъ всюда попилновали и старалися зъ якими особами оного перенявши займати. Кгдыжъ не такъ намъ языки татарскіе, якъ той здрайца потребенъ есть для многихъ причинъ. О що и повторе вашмосьци жадаемо, а будеть тое зъ великою вашмосьця прислугою, а товариству нагородою, если дасть Богъ въ руки брати оного».

[3]) Н. И. Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, стр. 97.

[4]) Акты западной Россіи, т. V, № 238.

послалъ въ Москву просить, чтобы указано было воеводамъ Шереметеву и князю Барятинскому соединиться съ полками гетманскаго регимента. Въ концѣ іюля самъ гетманъ съ пятью охотницкими полками сталъ подъ Гадячемъ и оттуда распоряжался движеніями своихъ полковъ. Новицкій стоялъ подъ Будищами [1]). Сначала Мазепа думалъ послать Новицкаго впередъ, но потомъ раздумалъ и оставилъ на прежней стоянкѣ [2]). Пріостановка эта была вызвана получившимися извѣстіями о томъ, что орда идетъ на слободскіе города. Отправляясь, вслѣдствіе этихъ слуховъ, изъ подъ Гадяча къ Мерлу на соединеніе съ Шереметевымъ, Мазепа звалъ къ себѣ и Новицкаго съ его полкомъ [3]).

Хотя попытка Петрика всколыхнуть изъ конца въ конецъ Украйну и не удалась, но онъ не покидалъ надежды исполнить свои мечты. Татары по прежнему продолжали безпокоить Украйну, компанейцы то и дѣло разъѣзжали по степямъ, ловили «языковъ» и доносили о намѣреніяхъ крымцевъ, а при появленіи «чатовниковъ» вблизи границъ Украйны извѣщали объ этомъ Новицкаго, и онъ ходилъ предупреждать и отражать татарскіе набѣги [4]) и за усердную службу получалъ похвалы отъ гетмана [5]).

Чтобы быть постоянно въ готовности дать отпоръ непріятелямъ, охотницкіе полки были сосредоточены въ приднѣпровскихъ городахъ, въ южной части гетманщины, и былъ заранѣе выработанъ планъ дѣйствій, на случай появленія непріятелей. Въ числѣ другихъ находился тамъ со своимъ полкомъ и Новицкій. Онъ придумалъ болѣе выгодное размѣщеніе войскъ, которое и было одобрено Мазепой [6]).

---

[1]) Акты западной Россіи, т. V, № 240.

[2]) Письмо Мазепы къ Новицкому «зъ табору подъ Гадячемъ на Оболоньѣ» отъ 2-го августа 1692 г.: «любо розсказалисьмо вашмосьци найдоватися въ купѣ зъ полками пана полковника лубенского и пана Пашковского, а простовати зъ ними до пановъ полковниковъ миргородского и полтавского, однакъ теперь засылаемъ вашмосьци симъ нашимъ листомъ, абись, где колвекъ сей листъ нашъ вашмосьць знайдетъ, на томъ мѣсцу зостался до далшого указу нашого. О що и повторе жадаючи, засылаемъ ласку нашу».

[3]) Акты западной Россіи, т. V, № 241 и 242.

[4]) Ibid., №№ 243, 244, 245, 250, 254, 259, 260, 262, 265, 266, 268,

[5]) Ibid., №№ 246, 247.

[6]) Письмо Мазепы къ Новицкому изъ Батурина отъ 27-го іюля 1694 г.: «писавъ до насъ полковникъ лубенскій, же вашмосьци учинили таковый приговоръ

Мазепа, впрочемъ, не ограничивался отраженіями татарскихъ набѣговъ, но посылалъ отряды, чтобы громить бусурманъ въ ихъ владѣніяхъ. Въ сентябрѣ 1694 года гетманъ отправилъ въ «дикія поля» нѣсколько городовыхъ полковъ и охотницкихъ, въ томъ числѣ и Новицкаго [1]). Перешедши за Днѣпръ, Новицкій сталъ со своимъ полкомъ въ с. Бугаевкѣ (васильковскаго уѣзда), вмѣсто того, чтобы стать въ Васильковѣ, согласно распоряженію гетмана, за что и получилъ строгій выговоръ [2]). Вскорѣ Мазепѣ пришлось сдѣлать вторичное внушеніе Новицкому. Когда всѣ полки, предназначенные въ походъ, собрались, то возникли ссоры, напоминающія великорусскіе мѣстническіе споры. Хотя главное начальство надъ всѣмъ войскомъ было поручено черниговскому полковнику Якову Лизогубу, но другіе козацкіе старшины, въ томъ числѣ и Новицкій, не могли

и постановлення, ижъ онъ маеть стати зъ полкомъ своимъ у Чигиринъ-Дубровы и въ Жовнинѣ, а вашмосьць зъ полкомъ своимъ комоннымъ у Веремѣевцѣ, въ побережныхъ мѣсцяхъ, для лучшои осторожности отъ приходу непріятельского и для береженя цѣлости людской, а тожъ и для одпору непріятельскому приходу: въ которому то приговору и постановленню вашмосьцей и мы пристаючи, позволяемъ вашмосьци тое словами назначенное дѣло въ самий приводити скутокъ. А поколь вашмосьць на тое назначенное побережное мѣсьце прійдеть зъ полкомъ своимъ комоннымъ, теперь впередъ прибытття своего высылай заразъ человѣкъ зъ полтораста товариства охотницкого, знявши зъ городовъ въ горѣ Сулы будучихъ, именно зъ Ромна, Смѣлой и Глинска до Веремѣевки, которое товариство полку вашмосьци мѣють тамо въ Веремѣевцѣ для всякой осторожности людской знайдоватися. А мы писалисьмо до пана полковника лубенского, жеби приказалъ старшинамъ въ городахъ тихъ и посполитымъ людямъ зъ ихъ станціи мѣсячной кормъ найскорѣе выстачити. О чемъ ознаймивши вашмосьци, зычливое наше засылаемъ поздоровленя».

[1]) Н. И. Костомаровъ, Мазепа и Мазепинцы, стр. 119.

[2]) Письмо Мазепы къ Новицкому отъ 2-го сентября 1694 г.: «не такъ бисьмо дивовалися тому, который не знаючи, що то есть рейментарскій ординансъ и не вѣдаючи, якое за неисполненіе оного бываеть карання, поступаеть собѣ безпечно, не постерегаючи ординансу, але вашмосьци дивоватися мусимъ, же вашмосьць и ординансы, якъ треба ихъ хранити, вѣдаючи и карання за неохраненя овыхъ знаючи, не учинилисьте тако, яко мы, гетманъ, учинити приказали, жебись станули въ Васильковѣ, але учинилисьте тако, же станулисьте зъ товариствомъ въ Бугаевцѣ, не знесшися о томъ зъ нами и не пытаючися насъ о томъ, за що по артикулахъ войсковыхъ годенъ бысь суду и карання; однакъ оставивши тое наше наказания, пріймуемъ одъ вашмосьци тое вѣдомости, же жадныхъ непріятельскихъ бусурманскихъ загоновъ тамъ не бывало сили часы».

помириться между собою изъ-за старшинства. Чтобы успокоить разыгравшіяся страсти, Мазепа разъяснилъ Новицкому, наиболѣе спорившему, свою волю [1]). Наконецъ войско двинулось въ Бѣлгородщину и подошло къ татарской крѣпости Баланкѣ, овладѣло ею, взяло большую добычу и двѣсти плѣнныхъ, За такой успѣшный походъ отъ царя былъ присланъ гетману золотой кафтанъ и порядочное количество матерій и соболиныхъ мѣховъ, а Лизогубу и бывшимъ съ нимъ въ походѣ полковникамъ прислано также соразмѣрное вознагражденіе [2]). Въ 1695 году, для отвлеченія татарскихъ силъ отъ Азова, производилась осада Кизикирменя, окончившаяся взятіемъ крѣпости. Въ этой осадѣ участвовалъ и Новицкій.

Лѣтомъ 1696 года Новицкій получилъ новое доказательство высокаго мнѣнія о немъ Мазепы—онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ всѣхъ пограничныхъ городовъ и селъ со стороны татаръ.

Это, кажется, послѣднее упоминаніе объ Ильѣ Ѳедоровичѣ Новицкомъ. Въ 1700 году охотные полки ходили подъ Нарву; въ 1703 г. гетманъ обставилъ ими весь рубежъ гетманскаго регимента, чтобы удерживать украинцевъ, бѣжавшихъ «купами» въ запорожскія степи, отъ своевольства царскихъ «ратныхъ людей»; въ 1705 г. охотницкіе полки принимали участіе въ сѣверной войнѣ; въ 1707 г. они работали при постройкѣ кіево-печерской крѣпости; въ 1708 г. участвовали въ усмиреніи Булавинскаго бунта; когда Карлъ XII

---

[1]) Письмо Мазепы къ Новицкому отъ 4-го сентября 1694 г.: «О власти вашмосьци не треба бъ турбоватися и черезъ тое мѣти на себе одъ кого порозумленя, але надобно вашмосьци обще зо всѣми панами полковниками справовати полеценное себѣ дѣло, которое могло-бы быти всѣмъ зъ службою у великихъ государей нашихъ и у насъ гетмана похвалено. Тутъ теди прекладаемъ вашмосьци, же товариство полку лубенского нехай будеть подъ комендою вашмосьциной, а и Переяславцѣ подъ вашимъ-же старшинствомъ будуть, если панъ полковникъ самъ не пойдеть въ тую дорогу, яко до насъ писавъ онъ, вимовляючися якимись своими нужными домашними дѣлами, и мы ему тое далисьмо на волю, насилно его въ тую дорогу не выправуючи. А еслибъ панъ полковникъ переяславскій пошовъ самъ, то повиненъ онъ мѣти команду надъ своимъ полкомъ.

Листъ особливый до пана Палѣя имѣемъ, жебы зъ вашмосьцью любовне и згодливе въ той дорозѣ поступовати хотѣлъ, о то жадаючи, который вашмосьць ему оддайте».

[2]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, ч. 3, стр. 25, прим. 2.

намѣрился идти внутрь Россіи, 1,600 компанейцевъ, въ числѣ другихъ, были отправлены, по приказанію Петра, въ Литву къ Пропойску,—при разсказѣ обо всѣхъ этихъ событіяхъ, мы не встрѣчаемъ нигдѣ никакого упоминанія объ Ильѣ Ѳедоровичѣ Новицкомъ.

Когда Мазепа перешелъ на сторону Карла XII, то, по показанію запорожскаго атамана Тимоѳея Полугера, приведеннаго въ Лебединъ на расправу, за нимъ перешло за Десну къ шведамъ не болѣе тысячи изъ трехъ охотницкихъ полковъ—Кожуховскаго, Андріяша и Кгалакгана [1]). Какъ видимъ, о Новицкомъ нѣтъ и рѣчи. Быть можетъ, онъ не принималъ участія въ событіяхъ начала XVIII вѣка по старости лѣтъ. Если-бы онъ былъ убитъ, то лѣтописцы украинскіе не преминули-бы упомянуть объ этомъ. Онъ умеръ, вѣроятно, естественною смертью, какъ можно предполагать, около 1700 года.

III.

Въ свободное отъ службы время Новицкій проживалъ въ с. Нехаевкѣ. Будучи сосѣдомъ поэтому пустынно-рыхловскаго монастыря, онъ, какъ видно, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ рыхловскимъ игуменомъ Лукою Григоріевичемъ. Новицкій часто обращался къ игумену за совѣтами по разнымъ дѣламъ.

Какому то «товарищу» изъ полка Новицкаго нужно было выхлопотать разрѣшеніе на четвертый бракъ; Новицкій проситъ игумена устроить это дѣло. На этотъ разъ игуменъ, какъ видно, хорошо знавшій порядки кіевской консисторіи, отвѣчаетъ, что это дѣло «безъ мѣшковой розвязки (т. е. безъ денегъ) зачати не можетъ; а безъ той розвязки, поки живота, въ четвертое брака сочетаніе пойти не позволятъ» [1]).

Оказывая разныя услуги, игуменъ побуждалъ Новицкаго жертвамъ въ пользу рыхловскаго монастыря. Въ «Чтеніяхъ» Москов. общества ист. и древн. помѣщено восемнадцать писемъ о. Луки, въ которыхъ онъ благодаритъ Новицкаго за пожертвованія и указываетъ, что было бы нужно монастырю. Въ письмѣ отъ 25-го

[1]) Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1863 г., кн. I. Смѣсь, стр 36.

марта 1680 года игуменъ привѣтствуетъ Новицкаго съ возвращеніемъ «зъ военной дороги», желаетъ благополучія ему, женѣ, дѣтямъ, посылаетъ въ подарокъ осетра и напоминаетъ, что онъ хотѣлъ принести въ даръ монастырю или серебряную кадильницу, или лампаду. Въ другихъ письмахъ игуменъ проситъ прислать позументу для отдѣлки ризъ, разнаго борошна, пшена, рыбы, пива, водки, денегъ, чтобы заплатить за работу лампады, кирпичу; благодаритъ за подаренную лампаду, ризы, сыръ и масло, за присланнаго коня и за денежныя приношенія [1]).

Составивъ за долговременную службу, всякими правыми и неправыми путями, хорошее состояніе, Новицкій любилъ дѣлать благотворенія вообще церквамъ и монастырямъ. До насъ дошла цѣлая серія писемъ къ нему различныхъ духовныхъ лицъ, просящихъ пожертвованій и благодарящихъ за уже оказанныя. Митрополитъ Пахомій привѣтствуетъ Новицкаго и жену его съ петровскимъ постомъ и проситъ прислать чрезъ подателя письма, какого то діакона, «ласкавую обѣтницу». Въ другомъ письмѣ тотъ же Пахомій проситъ прислать чрезъ посланнаго имъ челядника «обѣтницы» (бочку пива и «иныя на свята потребныи лигомини»), и, чтобы болѣе расположить въ свою пользу Новицкаго, проситъ передать также «реестръ преставшихъ родителей своихъ, абы-мъ ихъ вписалъ въ помяникъ, межи иныхъ добродѣевъ моихъ, яже що разъ при литургияхъ воспоминаются, и гдысь есьте самъ ваша милость зъ панею вписанъ, толко иныхъ родовниковъ вашей милости не вѣдомъ естемъ».

Архимандритъ Исаія, святой горы аѳонскаго монастыря святаго Павла, благодаритъ за оказанный ему въ домѣ Новицкаго пріемъ и желаетъ всякаго счастья «во впелякихъ военныхъ экспедиціяхъ»; архимандритъ зографскаго аѳонскаго монастыря напоминаетъ Новицкому объ обѣщанномъ ему конѣ за молитвы о недавно умершей женѣ его, Софіи; игуменъ полтавскаго монастыря, Лазарь Бузневичъ благодаритъ за разныя пожертвованія [2]).

Духовенство, зная благочестіе Новицкаго, часто обращалось къ нему также съ жалобами, надѣясь получить удовлетвореніе.

---

[1]) Ibid., стр. 23—41.

[2]) Idib., стр. 20, 21. 23, 42, 45.

Такъ, архимандритъ спасовскаго новгородъ-сѣверскаго монастыря, Михаилъ Лежайскій, жалуется Новицкому, что староста его имѣнія Нехаевки насильно отнялъ у «подданного» монастырскаго, нѣкоего Матвѣя, коня, когда тотъ проѣзжалъ мимо Нехаевки на ярмарку въ Борзну. Игуменъ лубенскаго монастыря, Макарій Русѣновичъ, жалуется, что полковника люди обижаютъ братію [1]).

. . . . . .

Илья Ѳедоровичъ Новицкій былъ два раза женатъ. Первая жена его Софія умерла около 1685 года, судя по вышеупомянутому письму архимандрита зографскаго монастыря. Отъ нея онъ имѣлъ двухъ дѣтей—сына Григорія и дочь. Новицкій, видимо, очень заботился о воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей, въ особенности сына. Въ одномъ письмѣ игуменъ Лука спрашиваетъ, нужна-ли все еще «статечна черничка до милыхъ дѣтокъ», что онъ имѣетъ въ виду одну, которая многихъ дѣтей «читати и шити повчила». Митрополитъ Варлаамъ Ясинскій, въ письмѣ отъ 25-го сентября 1696 года, хвалитъ Новицкаго за то, что онъ прилагаетъ усердіе въ образованіи сына [2]). Григорій Новицкій воспитывался въ кіево-могилянской академіи. Впослѣдствіи онъ былъ охочекомоннымъ полковникомъ [3]), вѣроятно, того-же полка, надъ которымъ начальствовалъ его отецъ.

Когда Мазепа измѣнилъ, за нимъ ушелъ въ числѣ прочихъ и Григорій Новицкій, вѣроятно, увлеченный своякомъ своимъ Орликомъ (жены ихъ были родныя сестры). Вслѣдъ затѣмъ Мазепа назначилъ его своимъ «резидентомъ» при великомъ гетманѣ коронномъ Сѣнявскомъ, откуда Григорій Новицкій уже въ началѣ 1709 г. писалъ Головкину, принося повинную [4]). Новицкому позволили вер-

---

[1]) Ibid., стр. 22, 44.

[2]) Ibid., стр. 26, 47. Два письма отъ двухъ духовныхъ лицъ, помѣщенныя въ «Чтеніяхъ», отличаются своимъ содержаніемъ отъ тѣхъ, содержаніе которыхъ я сейчасъ передалъ, именно: игуменъ батуринскаго крутицкаго монастыря, Димитрій, извиняется за столкновеніе, которое произошло изъ-за сѣнокоса между монахами и людьми Новицкаго, и проситъ не жаловаться гетману; игуменъ Пивско-Городищенскаго монастыря, Даніилъ Кокаревъ, пишетъ о своемъ согласіи отдать въ аренду Новицкому монастырскія имѣнія Городище и Максимовку за 1,200 злотыхъ и еще кое-какую прибавку.

[3]) Н. И. Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, стр. 654.

[4]) Матеріалы для отечественной исторіи, Судіенка, т. II, стр. 113.

нуться, но тогда-же сослали его въ Сибирь, гдѣ онъ былъ поселенъ, кажется, въ Березовѣ [1]). Въ Сибири онъ сопровождалъ митрополита Филоѳея Лещинскаго въ его путешествіяхъ для проповѣди христіанской вѣры остякамъ и вогуламъ. Эти-то путешествія и дали Григорію Новицкому матеріалъ для его труда «Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ». Авторъ прежде всего знакомитъ читателей съ богатствами Сибири, затѣмъ переходитъ къ описанію нравовъ и обычаевъ остяковъ и вогуловъ и кончаетъ исторіей введенія христіанства въ посѣщенныхъ имъ мѣстахъ. Свѣдѣнія эти вообще въ высшей степени интересны, такъ какъ наблюденія производились въ 1715 году и слѣдовательно надъ народами, гораздо болѣе сохранившими свою собственную физіономію, чѣмъ наблюдается это теперь; трудъ этотъ въ печати появляется въ первый разъ въ текущемъ году, изданный Л. Майковымъ; но еще гораздо ранѣе, именно въ 1721 году, появилась въ сочиненіи Фр. Хр. Вебера «Das veränderte Russland» статья І. Б. Мюллера: «Das Leben und die Gewonheiten der Ostiaken», въ которой было переведено почти цѣликомъ «Краткое описаніе» Григорія Новицкаго, безъ указанія источника. При преемникѣ митрополита Филоѳея, Антоніѣ Стаховскомъ, Новицкому было поручено наблюдать, чтобы новокрещенные остяки въ концѣ исполняли христіанскія обязанности. Тамъ онъ былъ впослѣдствіи убитъ.

Дочь Ильи Новицкаго вышла замужъ за племянника Мазепы, Степана Трощинскаго, бывшаго впослѣдствіи гадяцкимъ полковникомъ и участвовавшаго въ задержаніи Кочубеихи въ Диканькѣ и отвозѣ ея въ Батуринъ. Бракъ этотъ устроилъ самъ Мазепа—онъ посылалъ Трощинскаго къ Новицкому, чтобы тотъ познакомился съ нимъ, будто-бы съ какими-то порученіями, и указывалъ Новицкому на своего племянника, какъ на подходящаго для его дочери жениха [2]). Этотъ бракъ содѣйствовалъ упроченію дружескихъ отношеній между Мазепой и Новицкимъ.

---

[1]) См. Извѣстія географическаго общества 1875 г., № 1. Потомки Григорія Новицкаго и теперь живутъ около Березова, населяя собою почти исключительно село Шаркавинское, и міроѣдничаютъ на счетъ окрестныхъ остяковъ. Природа и Охота. 1878 г., № 2, статья Полякова объ остякахъ, стр. 47.

[2]) Письмо Мазепы къ Новицкому отъ октября 1690 г.: «яко всегда мы упреймую нашу имѣемъ ку вашмосьци приязльность, такъ памятаемъ такое ваш-

Вдова Ильи Ѳедоровича Новицкаго, Меланья Васильевна, съ младшими сыновьями его, Яковомъ и Иваномъ, какъ не причастные къ измѣнѣ Григорія Новицкаго, получили отъ Скоропадскаго въ февралѣ 1709 года универсалъ, которымъ подтверждались за ними Снѣтинъ, Щеки, Оконъ, Литвяки, Клищинцы, Исаечи и Нехаевка. Изъ этихъ мастностей впослѣдствіи была отобрана часть, слѣдовавшая Григорію Новицкому: Нехаевка отдана была Гаврилу Милорадовичу, а Клищинцы Ѳедору Лысенку. Остальныя села, а также Гребище и Хорошки, были утверждены за Яковомъ и Иваномъ по универсалу 1737 года тогдашняго правителя Малороссіи Александра Румянцова. Въ 1741 году мы встрѣчаемъ Ивана Новицкаго полковымъ прилуцкимъ комиссаромъ.

Н. Стороженко.

мосьцине слово, же некедысь просилъ вашмосьць насъ о нараенье человѣка сиромѣ дочцѣ своей. Теперь теди нашъ кревный Стефанъ Трощинскій, объявивши тое намъ, же онъ имѣетъ свое усердіе до ней, хочетъ у вашмосьци побувати. Мы теди его не хочемъ залецати вашмосьци, якій у него поступокъ и достатокъ, самъ вашмосьць добре о томъ знаетъ. А кгды онъ помененный кревный нашъ до вашмосьци прибудетъ и якое взглядомъ его намѣренія будеть поваженіе, о томъ за оказіею дася вашмосьць намъ знати».

Письмо Мазепы къ Новицкому отъ 4-го ноября 1690 г.: «Писалъ до насъ панъ Стефанъ Трощинскій, доносячи, же былъ онъ въ дому вашмосьциномъ и принятый есть любезне зъ неотреченіемъ тое милости, якое онъ въ дому вашмосьциномъ ищетъ. И мы теди тое прихильности вашмосьци естесьмо вдячни и зичачи, аби въ намереніи его пана Трощинского моглъ быти скутокъ, вкладаемся въ тое симъ листомъ нашимъ, аби вашмосьць и до самого дѣла оного совершенства не отмовилъ своее склонности. При томъ зичимъ вашмосьци доброго здоровя и егожъ въ сохраненіе Господу Богу поручаемъ». См. также Акты западной Россіи, т. V, № 217.

КЪ ИСТОРІИ ТЕАТРА ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

(Переписка каменецъ-подольскихъ актеровъ съ духовной католической властью по поводу воспрещенія послѣднею спектаклей на время великаго поста и произнесеннаго на актеровъ и актрисъ церковнаго отлученія).

Въ исторіи юго-западнаго нашего края было время, когда самобытная его жизнь совершенно какъ-бы изсякла и замерла, когда, находясь подъ русскимъ уже скипетромъ, онъ представлялъ изъ себя болѣе, чѣмъ когда либо, чисто польскую провинцію: всюду дѣйствовали польскіе законы, польская администрація, польскіе суды, царилъ польскій, всему русскому враждебный духъ и складъ жизни, развертывалась во всей широтѣ польская культура, закрывая доступъ всякому русскому вѣянію, подавляя всякое проявленіе мѣстной самобытной жизни, образованіе общественное и частное находилось въ польскихъ рукахъ. Это время отъ присоединенія края къ Россіи до окончанія перваго польскаго возстанія.

Изучающему судьбы края въ это сугубо-печальное время любопытно наблюдать теченіе чужеродной въ немъ силы и жизни, ихъ господство и преобладаніе: за неимѣніемъ другихъ данныхъ, по нимъ можно судить о степени приниженности, придавленности здѣсь коренныхъ русскихъ началъ.

Интереснымъ памятникомъ полнаго отсутствія русскаго элемента въ одной изъ сторонъ общественной жизни края въ это время и полнаго господства элемента польскаго можетъ служить предлагаемая ниже переписка. О русскомъ театрѣ въ юго-западномъ краѣ въ эту сравнительно недавнюю пору не могло быть и рѣчи. Мистеріи и интермедіи старой кіевской академіи давно отжили свой вѣкъ, вертепныя представленія ушли въ глухіе уголки и предавались также забвенію. Единственнымъ источникомъ эстетическаго наслажденія и для русскихъ людей былъ театръ польскій, перестроенный по общеевропейскимъ образцамъ. Но по слабому тогда развитію общественной жизни, и польскихъ постоянныхъ театровъ, даже въ большихъ городахъ, еще не было; былъ передвижной такъ сказать театръ, въ видѣ тѣхъ странствующихъ труппъ актеровъ, которыя и теперь составляютъ отличитель-

ную принадлежность польско-общественной жизни. Одна изъ такихъ труппъ прибыла въ Каменецъ-Подольскій на зиму 1827—28 г. и открыла тамъ свои представленія. Въ матеріальномъ отношеніи положеніе странствующихъ представителей сценическаго искусства было всегда печальное; жрецы и жрицы его жили въ проголодь. Но вотъ настало время великаго поста, епископъ каменецкій Мацкевичъ воспретилъ театральныя представленія, и странствующей труппѣ пришлось голодать въ буквальномъ смыслѣ. Актеры обратились къ епископу съ почтительною просьбою отмѣнить объявленное запрещеніе; они просто ссылались на свою бѣдность и, чтобы расположить епископа въ свою пользу, обѣщали сдѣлать изъ своихъ скудныхъ доходовъ пожертвованіе для вновь строющейся богадѣльни. Епископъ далъ ядовитый и презрительный отвѣтъ: онъ выставилъ 13 причинъ отказа, отвергъ предложенную актерами жертву, считая ее конечно нечистою, и вмѣсто того предложилъ имъ выдавать отъ себя на хлѣбъ по рублю въ седмицу. Оскорбленные актеры въ ѣдкой формѣ отвергли предложенное имъ нищенское подаяніе, въ язвительныхъ выраженіяхъ доказывали неосновательность епископскаго запрещенія и вновь домогались отмѣны онаго. Въ отвѣтъ на это ксендзъ Замбржицкій, съ вѣдома конечно епископа, грянулъ на актеровъ анаѳемою съ каѳедры каменецкаго собора. Пораженные актеры прибѣгаютъ къ суду и милосердію римско-католическаго митрополита и въ своей длинной жалобѣ-просьбѣ цѣлымъ рядомъ доказательствъ отстаиваютъ естественное право своей профессіи, открывая намъ любопытныя черты тогдашнихъ взглядовъ одной и другой стороны на положеніе и значеніе сценическаго искусства, отношенія къ нему правительственной власти, сравнительный характеръ проповѣди православнаго и католическаго духовенства и непонятную уже теперь преобладающую силу этого послѣдняго въ дѣлахъ общественной жизни. Къ сожалѣнію, эта характерная переписка, доставшаяся мнѣ въ числѣ книгъ, принадлежавшихъ пробощу села Конюхъ (владимірскаго уѣзда, волынской губерніи) Феліціану Годлевскому и купленныхъ мною съ аукціона послѣ ссылки сего ксендза за участіе въ возстаніи 1831 г., не имѣетъ конца.

Въ высшей степени было-бы любопытно знать, какъ отнесся къ такому казусному дѣлу митрополитъ, и чѣмъ кончилось трагическое положеніе каменецкихъ драматурговъ. Въ архивѣ каменецкаго капитула безъ сомнѣнія сохранилось подлинное объ этомъ происшествіи дѣло, и было-бы очень желательно, чтобы, при начавшейся теперь въ Каменцѣ архивной работѣ, кто нибудь изъ тамошнихъ дѣятелей взялъ на себя трудъ отыскать это дѣло и подѣлился-бы съ читателями «Кіевской Старины» окончаніемъ онаго, быть можетъ гораздо болѣе любопытнымъ, чѣмъ предлагаемые мною начальные документы.

I.

Ясневельможному Мацкевичу, епископу діоцезіи каменецкой,

Отъ актеровъ драмматическихъ

ПРОШЕНІЕ.

Стучите и отворятъ вамъ (Мат. VII, 7).

Слѣдуя этимъ словамъ, мы стучимся у дверей твоего, ясневельможный пастырь, сердца, будучи убѣждены, что оно откроется на вопль ищущихъ милосердія, которое Спаситель насаждалъ и завѣщалъ своимъ ученикамъ. И какъ въ этой губерніи на тебѣ, по преимуществу, лежитъ обязанность быть распространителемъ и истолкователемъ Его святаго ученія, то тѣмъ усерднѣе ты окажешь намъ это милосердіе. Обязанность религіи и законъ природы заставляютъ насъ, обремененныхъ женами и дѣтьми, стараться обезпечить ихъ въ ихъ бѣдственномъ положеніи. Но какъ мы исполнимъ эту лежащую на насъ обязанность, если намъ воспретятъ въ продолженіи семи недѣль трудиться на томъ поприщѣ, на которомъ судьба насъ поставила? И если нашею судьбою управляетъ Всемогущая Власть, то невозможно допустить, чтобы тотъ трудъ, на который Она обрекла насъ, былъ для Нея оскорбительнымъ. Почему, ясневельможный пастырь, какъ податель благъ Всемогущаго Творца, не поскупись для насъ въ Его милосердіи, которое такъ щедро ты низводишь для своихъ духовныхъ овецъ. А хотя-бы ты почелъ насъ за овецъ заблудшихъ, то своимъ благословеніемъ обмый черныя наши пятна,—спаси отъ погибели, не лишая насъ пастбища; ибо и мы отъ трудовъ нашихъ охотно удѣляемъ для помощи слабымъ и на устройство для нихъ госпиталя при каѳедральномъ костелѣ.—Ожидаемъ съ глубокимъ уваженіемъ милостиваго отвѣта.

Нижайшіе слуги актеры.

II.

Отвѣтъ ксендза епископа актерамъ.

Чтобы я разрѣшилъ вамъ давать театральныя представленія въ продолженіи настоящаго Великаго поста—это совсѣмъ невозможно:

1) Вы сами, слѣдуя правилу осмѣивать худые нравы среди людей, *Ridendo castigo mores*, имѣли-бы поводъ и право осмѣять

меня самаго, если-бы я подписавъ распоряженіе касательно приготовленія къ святой исповѣди посредствомъ надлежащихъ реколлекцій (говѣнія), вмѣстѣ съ тѣмъ и тою-же рукою подписалъ вамъ дозволеніе разыгривать представленія въ театрѣ.

2) Какъ цѣнится ваше искусство въ церкви Божіей, это блаженный Августинъ указываетъ намъ въ слѣдующихъ словахъ: «Commodius saltus lurataurorum certamina et simile novi, admodum pia sint, utrocitare» (лучше смотрѣть на бой быковъ и тому подобное, чѣмъ на скачки театральные,—все это благовиднѣе въ своемъ движеніи).

3) Истинный христіанинъ долженъ избѣгать театральныхъ представленій во всякое время года, не долженъ самъ представлять и быть на представленіяхъ, развѣ-бы эти представленія были очень набожны.

4) Необходимо, чтобы представленія театральныя давались въ духѣ религіи, чтобы они вели къ благочестію, а въ наше время на это не обращаютъ вниманія; всѣ представленія даются подъ девизомъ: «Ridendo castigo mores», посему и ведутъ онѣ болѣе къ развращенію, а не къ исправленію.

5) Въ сказанномъ можете удостовѣриться изъ книги изданной подъ заглавіемъ: «Wyrazy niectóre sposobem alfabetu» въ объясненіи слова—Komedya. И можно-ли не постановить, чтобы такія представленія не давались бы, по крайней мѣрѣ, въ Великій постъ и постъ рождественскій! Въ столицѣ нашего государства этихъ представленій не бываетъ;—можно-ли допустить таковыя въ Каменцѣ?

6) Упражняющимся въ театральномъ искусствѣ развѣ нѣтъ нужды подумать о спасеніи душъ своихъ?

7) Изъ вашей просьбы совершенно не видно духовной цѣли вашихъ занятій.

8) Пишете, что вамъ нечѣмъ содержаться во время поста; но это нужда временная.

9) Пишете, что хотите удѣлить отъ трудовъ своихъ на содержаніе бѣдныхъ, на постройку богадѣльни; но вамъ хорошо извѣстно, что богадѣльня постройкою уже оканчивается и что вы совершенно не думали о ней, пока вамъ не воспрещались представленія. Если-жъ тогда мы обходились безъ вашей жертвы, то и впредь, всегда и теперь можемъ обходиться безъ помощи вашей. Забота о бѣдныхъ совершенно

не была въ вашей мысли, когда вы были свободны давать свои представленія; она явилась у васъ только теперь и лишь какъ предлогъ испросить дозволеніе на то, что теперь вамъ воспрещено.

10) Св. апостолъ Павелъ пишетъ, что не слѣдуетъ допускать такого зла, изъ котораго могло-бы выйти что нибудь доброе: *Non sunt facienda mala, ut eveniant bona.*

11) Одно только дѣлаетъ просьбу вашу заслуживающею вниманія, это то, что вы нуждаетесь въ собственномъ содержаніи. Но удивительно, что объ этомъ вы нимало не размышляли впродолженіи года, равно не останавливались вашею мыслію и надъ тѣмъ, что надо и вамъ заняться спасеніемъ вашихъ душъ; конечно, вы должны были обезпечить себя содержаніемъ прежде всего на семь недѣль Великаго поста, а затѣмъ еще на четыре недѣли и поста рождественскаго.

12) Но не входя въ дальнѣйшія сужденія, а желая лишь съ своей стороны оказать вамъ пособіе въ нуждѣ вашей и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдать себя въ отношеніи приведенныхъ вами словъ св. евангелиста Матѳея (гл. 7, ст. 7), я назначаю давать вамъ въ продолженіи Великаго поста по одному рублю серебромъ на каждую седмицу, на руки посланнаго вами, если только вы не отринете сей моей жертвы. Больше того я дать не въ состояніи; но быть можетъ вы найдете для себя болѣе щедраго дателя.

13) Такимъ образомъ въ продолженіи теперешняго поста вы будете имѣть чѣмъ содержаться, я-же исполняю слова того-же св. евангелиста Матѳея, на котораго вы ссылались, но, помѣщенныя далѣе, въ ст. 9 и 10 той-же VII главы,—подавая вамъ то, чего просите, т. е. не поднося вамъ камня вмѣсто хлѣба и змія вмѣсто рыбы.

14) Отъ души желаю, чтобы вы, оставаясь въ вашей профессіи, памятовали объ обязанностяхъ, налагаемыхъ религіею и заботясь о нуждахъ тѣлесныхъ, не забывали въ тоже время и нуждъ духовныхъ.

Дано въ Каменцѣ-Подольскомъ 18 февраля 1828 года.

Бискупъ Мацкевичъ.

III.

Благодарственное письмо актеровъ въ отвѣтъ ксендзу бискупу.

Желая заслужить доброе мнѣніе ясневельможнаго нашего архипастыря, мы за необходимое признали доказать вамъ, что благодарность, которая въ обществѣ почитается одною изъ великихъ добродѣтелей, намъ не чужда. Одушевленные этою добродѣтелію, мы припадаемъ къ стопамъ вашимъ и сердечно благодаримъ за обѣщанную намъ щедрую жертву и усердное попеченіе о спасеніи душъ нашихъ. Но неуклонно слѣдуя ученію самаго Господа, заповѣдавшаго намъ трудиться, жертвы вашей принять не можемъ, потому, что, пожиная тамъ, гдѣ не сѣяли, мы соблазнили-бы другихъ, которые жаждутъ чужаго добра и имѣя способности и силы для труда, эксплуатируютъ другихъ, проводя сами дорогое время въ постыдной праздности. Въ этомъ да проститъ насъ, ясневельможный архипастырь!

Что касается заботы вашей о спасеніи душъ нашихъ, то мы усердно принимаемъ преподанные намъ благіе совѣты. Доселѣ, быть можетъ, въ ослѣпленіи, считали мы наше званіе невиннымъ, не подающимъ для другихъ никакого соблазна, а театральную сцену, на которой всегда добродѣтели воспиcуется похвала, а пороку наказаніе и гдѣ въ самомъ дѣйствіи добрые ощущаютъ удовольствіе, а въ беззаконныхъ возбуждается угрызеніе совѣсти, признавали училищемъ добродѣтели. Но если ты, ясневельможный нашъ архипастырь, благоволишь показать намъ свѣтъ истины и приговоромъ блаженнаго Августина подтвердить, что все это, вопреки нашему невѣжеству, ведетъ къ вѣчной погибели: то мы, какъ обреченные на погибель самою судьбою нашею и въ то-же время не могущіе навсегда оставить своего поприща, по крайней мѣрѣ, въ это спасительное время собиранія духовныхъ плодовъ въ вертоградѣ Господнемъ, въ духѣ религіи покорно слѣдуемъ совѣтамъ нашего ясневельможнаго архипастыря, чтобы не обременять совѣсти другихъ, не чувствовать угрызенія своей собственной и не уподобиться фарисеямъ, которые налагаютъ на другихъ тяжелое бремя и оставаясь въ ослѣпленіи, сами даже перстомъ своимъ коснуться не хотятъ. О сохрани насъ, Господи, отъ подражанія фарисеямъ, которые заграждаютъ другимъ

путь въ царствіе небесное и сами войти не могутъ! Если наша внѣшность не влечетъ съ собою назиданія, то не откажись, ясновельможный архипастырь, видѣть въ насъ ту по крайней мѣрѣ добродѣтель, что мы готовы уважать и исполнять святыя истины евангелія: ибо не считая себя лучше того, какъ всѣ насъ видятъ, мы не подражаемъ по крайней мѣрѣ тѣмъ фарисеямъ, которые, считая себя чистыми по внѣшности, внутри исполнены жестокосердія и неправды. Для засвидѣтельствованія-же нашего сердечнаго раскаянія и дѣйствительнаго на насъ вліянія вашихъ наставленій, скажемъ откровенно, что мы предлагали нашу жертву не съ намѣреніемъ постройки госпиталя,—объ этомъ мы и не упомянули-бы въ оффиціальной просьбѣ, такъ какъ, по ученію евангельскому, не должна знать правая рука, что подаетъ лѣвая,—но считая святою обязанностію поддержаніе нашихъ женъ и дѣтей, мы хотѣли купить право на нее путемъ жертвы. Если мы въ свободное для нашихъ представленій время не запаслись ничѣмъ на время запрещенное, то это потому, что труды наши приносятъ намъ только однодневную пищу, какъ однодневная была нѣкогда для евреевъ манна въ пустынѣ Синъ. Но такъ какъ, ясновельможный архипастырь, учишь насъ для блага души забывать о тѣлѣ, хотя оба эти естества тѣсно соединены одно съ другимъ—такъ что поддерживая одно, о другомъ нерадѣть невозможно; то мы совѣсть нашу въ такъ важномъ дѣлѣ совершенно предаемъ въ волю ясновельможнаго архипастыря нашего, умоляя имѣть о насъ не такъ гнусное, но болѣе милостивое мнѣніе и не смотрѣть на насъ какъ на попрошаекъ, негодяевъ и отступниковъ, хотя-бы мы и на самомъ дѣлѣ таковыми были. Господь Іисусъ Христосъ не гнушался бесѣдовать съ мытарями и грѣшниками: почему-же ты, ясновельможный нашъ архипастырь, его послѣдователь, захотѣлъ-бы миловать однихъ только благословенныхъ—тѣхъ только, которымъ Господь грѣха не вмѣняетъ, а тѣми, для которыхъ единственно Отецъ небесный послалъ Спасителя, сталъ-бы гнушаться и презирать ихъ, какъ вовсе недостойныхъ! Кажется, довольно похвалы тому, кто предъ совѣстію своею, предъ всѣмъ міромъ можетъ свидѣтельствовать о точномъ исполненіи имъ предписаній церкви: но горе намъ, горе всякому считающемуся истиннымъ христіаниномъ, когда мы только два раза въ годъ будемъ воспоминать о спасеніи душъ нашихъ! Объ этомъ самомъ

важномъ предметѣ мы должны помнить во всякое время жизни нашей, при всѣхъ дѣлахъ, при всѣхъ занятіяхъ нашихъ. Это должно быть самою цѣлію всѣхъ мыслей нашихъ.

Принимая благодушно наши благодаренія и наше оправданіе и очистивъ насъ отъ проказы, изволь, ясневельможный архипастырь, причесть и насъ къ избраннымъ своимъ овцамъ. О семъ благопокорнѣйше просимъ.

Нижайшіе слуги актеры.

IV.

Ясневельможному ксендзу бискупу etc. etc.

Отъ актеровъ

ПРОШЕНІЕ.

Строго испытавъ нашу совѣсть, разсмотрѣвъ всѣ заповѣди Господни и человѣческіе законы, мы нашли въ себѣ только свойственные всѣмъ людямъ недостатки. Мы не нашли въ себѣ той вины, за которую слѣдовало-бы насъ, въ виду всего міра, такъ строго наказывать, предъ лицемъ неба такъ поражать насъ, ради которой такъ жестоко заперты предъ нами двери милости Господней и мы такъ унижены предъ всѣми людьми. Въ католичествѣ родились мы, въ католической вѣрѣ крещены и воспитаны. Усердно держимся нашей вѣры и исполняемъ ея предписанія. Мы преданныя дѣти св. римско-католической церкви: кто-же имѣлъ право безнаказанно извергать насъ изъ лона этой матери христіанскаго міра и называть насъ сынами развратнаго Вавилона, лишая ея материнскаго крова? Когда и псамъ вольно питаться отъ крупицъ, падающихъ изъ ея трапезы, намъ преграждена и эта милость: не въ другомъ смыслѣ мы должны понимать публично, предъ всѣмъ народомъ, съ церковной каѳедры брошенное на насъ проклятіе. Смертельно пораженные на чести нашей, мы слезно просимъ ясневельможнаго архипастыря, по справедливости, наказать казнодѣя (проповѣдника), который, вопреки св. апостолу Павлу, какъ самъ-же высказалъ, внесъ сквернословіе въ свое слово и обитель Господню изреченіемъ постыдныхъ словъ унизилъ, заставилъ краснѣть отъ стыда слухъ цѣломудрія, святые алтари обезчестилъ, и тѣмъ и самое апостольское велѣніе въ ничто обратилъ. Онъ съ того мѣста, которое

посвящено одной только правдѣ, дерзнулъ изрыгать самую низкую клевету, которой доказать не въ силѣ, а такимъ образомъ бросилъ между людей ядъ развращенія и вмѣсто того, чтобы вдохнуть имъ любовь къ добродѣтели, далъ урокъ ненависти, клеветы и неистоваго гоненія. Іисусъ Христосъ простилъ грѣхъ блудницѣ: но было-ли здѣсь видно кроткое ученіе Христово, когда языкъ казнодѣя дерзнулъ съ мѣста святаго бросить на насъ пламенѣющую адскимъ огнемъ головню, а изъ чаши, изъ которой изливается неистощимая благодать, излилъ убійственный ядъ, чтобы упразднить всякую добродѣтель? Онъ отвратилъ дѣтей нашихъ отъ послушанія намъ: потому что не найдется дочь, которая сочла-бы нужнымъ почтить свою матерь, имъ обезславленную. Онъ порвалъ связь въ семействѣ нашемъ: ибо кто изъ насъ и за милліоны будетъ согласенъ держать при себѣ такую жену, которая публично обозвана блудницею? Наконецъ онъ сердца наши, горѣвшія надеждою ко Господу, горестію наполнилъ, ибо никто изъ насъ, ища спасенія и видя на себѣ клеймо постыднаго отлученія, не дерзнетъ войти въ храмъ Господень. И есть-ли тутъ милость евангельская! Въ томъ-ли заключается обязанность проповѣдника евангелія? Не онъ-ли обязанъ приводить всѣхъ къ вѣрѣ, а не удалять отъ нея? Вѣдь и за одну потерянную овцу ему нужно дать строгій отвѣтъ предъ Богомъ. Онъ общество наше именуетъ сборищемъ злодѣевъ, театръ называетъ притономъ разврата. Однакожъ никогда на театрѣ никто изъ насъ не имѣлъ дерзости порицать смиреніе въ такихъ постыдныхъ выраженіяхъ, какихъ вельможный ксендзъ Замбржицкій не пощадилъ въ св. мѣстѣ. И хотя не наше дѣло разбирать стиль его слова; но обвиняемымъ въ безнравственности нужно однакожъ остановиться надъ тѣмъ, какъ имѣютъ изъяснить отецъ хорошо воспитанному сыну-юношѣ, мать своей цѣломудренной дочери, что значатъ слышанныя ими въ проповѣди слова: прелюбодѣяніе, нечистота, развратъ, сладострастіе... Съумѣютъ-ли они объяснить имъ это спасительное ученіе ксендза Замбржицкаго?.. Едва-ли онъ имѣлъ въ памяти слова Господни: *кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ, тому лучше было-бы, если-бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской!* А между тѣмъ можно-ли христіанскому проповѣднику забывать эти слова? Говорятъ, что мы осмѣиваемъ людей, посвятившихъ себя на

служеніе добродѣтели. Правда, мы это дѣлаемъ, но осмѣиваемъ только тѣхъ, которые подъ покровомъ добродѣтели сумазбродствуютъ. Мы для сего и призваны. Обязанность-же церковнаго оратора возбуждать вообще любовь къ добродѣтели и щадя ближнихъ, вообще поражать заблужденія, не выставляя цѣлыя корпораціи на безчестіе и посмѣяніе. Почему и драмматическую сцену онъ не можетъ обзывать торжествомъ злодѣяній, посрамленіемъ добродѣтели. Сего вельможный ксендзъ Замбржицкій не докажетъ изъ печатныхъ драмматическихъ сочиненій, когда каждое изъ нихъ одобрено государственной цензурой. И если-бы театръ на самомъ дѣлѣ былъ таковымъ, какъ онъ клеймитъ его, то захотѣла-ли бы правительственная власть покровительствовать ему? Указъ, изданный 13 ноября 1827 года для устройства придворнаго театра, доказываетъ, что августѣйшій монархъ нашъ не уничтожаетъ и не изгоняетъ сего искусства. И мы хотя и далеко живемъ отъ столицы, но пользуемся однимъ и тѣмъ-же правомъ, подъ тѣмъ-же заботливымъ покровительствомъ власти. А когда верховная власть не лишаетъ насъ чести и вѣры и не осуждаетъ нашего званія, а напротивъ того охраняетъ оное своимъ покровительствомъ; то на какомъ основаніи вельможный ксендзъ Замбржицкій, злоупотребляя свободою оратора, обитель правды ставитъ въ обитель клеветы и оправдывая себя именемъ будто-бы христіанскаго проповѣдника, безчеститъ это учрежденіе гнусною клеветою и дерзаетъ поступать вопреки волѣ правительства, насъ-же немилосердно безславитъ своимъ словомъ, отнимая у насъ честь, которою самый бѣдный человѣкъ дорожитъ наравнѣ съ самою своею жизнію.

Покорно затѣмъ просимъ, ясновельможный архипастырь, подвергнуть примѣрному строгому взысканію ксендза Замбржицкаго, который въ своемъ словѣ, произнесенномъ 26 февраля, нагло исказилъ право духовное и общественное и безчеловѣчно оскорбилъ насъ; просимъ, чтобы онъ, по вашей архипастырской милости, намъ публично оскорбленнымъ публично-же далъ удовлетвореніе.

V.

Ясневельможному митрополиту

Отъ актеровъ

ПРОШЕНІЕ.

Если ищущій справедливости ожидаетъ надлежащаго удовлетворенія; то мы, прибѣгая къ вашему, ясневельможный митрополитъ, суду, живо уповаемъ, что все то, что изрекъ ты своими устами, тѣми-же устами и приведешь, по обѣщанію, къ точному исполненію. Терпѣть обиду отъ чужихъ и терпѣть ее отъ тѣхъ, у которыхъ благодать искупленія, которые составляютъ съ нами одно тѣло и въ духѣ своего званія обязаны изливать бальзамъ христіанскаго утѣшенія въ сердца пораженныхъ,—не одно и тоже. Терпѣть отъ послѣднихъ... о кто эту боль перенести можетъ! Кто можетъ изобразить ее словами! Ужели мы, преслѣдуемые отъ братій по вѣрѣ, отъ исповѣдниковъ одного и того-же евангельскаго ученія, должны искать самаранина, который, исцѣливъ наши раны, оказалъ-бы намъ братскую любовь! Но потерявшихъ надежду вѣра оживляетъ. Просите и дастся вамъ, ищите и обрящете. Такая вѣра послѣ первой неудачи не угасаетъ. Мы стремимся дальше, ищемъ, просимъ и несомнѣнно вѣримъ, что найдемъ еще такія руки, которыя, по врученной имъ съ неба власти, охотнѣе развязать, чѣмъ связать готовы; найдемъ уста, которыя спасеніе, а не пагубу изрекать обыкли, уста, которыя износятъ милосердіе, а не осужденіе, которыя судъ немилосердый, судъ противный духу евангелія, но который, о горе! устами духовнаго лица изреченъ, по милости своей разрушатъ. Непогрѣшимыми судьбами небесъ каждому изъ насъ въ сей юдоли изгнанія обозначенъ свой путь—врата къ земной персти, изъ которой создалъ насъ Господь. И наша-ли вина, что мы пошли тѣмъ путемъ, который намъ назначенъ, и что путь этотъ такъ скользокъ и такъ тяжелъ! Почему-же, вмѣсто того, чтобы поддержать насъ падающихъ, такъ жестоко давятъ насъ къ землѣ и отъ оставленныхъ судьбою стараются еще отнять и человѣческое знамя? Изнемогая подъ такими тяжелыми ударами, мы прибѣгаемъ къ твоему ясневельможный митрополитъ милосердію,, и въ обидѣ нашей хочемъ найти единственную защиту въ твоей справедливости.

Но чтобы въ надлежащемъ порядкѣ представить всѣ эти обстоятельства, намъ необходимо обратиться къ ихъ началу. Хорошо было намъ извѣстно, что въ столицѣ государства нашего въ великій постъ представленій въ театрѣ не положено. Но мы знали и о томъ, что всѣ нужды столичныхъ артистовъ обезпечены изъ сокровищницы августѣйшаго монарха, во всѣхъ-же губерніяхъ Россіи и даже въ Варшавѣ, въ виду его императорскаго высочества великаго князя, распоряженіемъ духовной власти дѣйствіе театральной сцены не прекращается. На семъ основаніи мы обратились съ просьбой къ ясневельможному епископу Мацкевичу, чтобы намъ позволено было въ нѣкоторые дни великаго поста давать представленія, потому что въ городѣ Каменцѣ только въ зимнее время можно выручить что нибудь для нашего содержанія; въ лѣтнее-же время дохода быть не можетъ, и намъ нужно было пользоваться временемъ. Можно-ли утопающему вмѣнять за грѣхъ, когда онъ проситъ помощи, проситъ таковой во имя человѣколюбія, безъ котораго, по указанію священнаго писанія, самое благочестіе ни къ чему негодно? Мы просили необходимой помощи, но напрасно; толкали въ дверь, но намъ ее не растворили; мы голодали, но намъ вмѣсто хлѣба поднесли не камень, вмѣсто рыбы не змѣю, но хуже еще всего этого: насъ накормили жестокимъ презрѣніемъ, поразительною насмѣшкой. И однако этотъ хлѣбъ, этотъ приговоръ съ отказомъ мы приняли смиренно. Но получить неповинно ударъ предъ лицемъ Бога, въ виду всей публики—можно-ли перенести это съ терпѣніемъ?.. Нѣтъ, это выше силъ нашихъ, это было-бы не христіанское смиреніе, а подлость душъ нашихъ. Вотъ суть нашей жалобы. Все, о чемъ прежде упомянуто, ничего не значитъ: ибо что значитъ обречь насъ на праздность, осудить на нищенство, что значило-бы предать насъ даже самой смерти, въ сравненіи съ тою унизительною клеветою, съ тѣмъ покровомъ безчестія, которымъ окинулъ вообще наше званіе вельможный ксендзъ Замбржицкій, съ каѳедры церковной предавъ насъ анаѳемѣ и лишивъ насъ всѣхъ правъ и привилегій человѣчества? Трудно во всей силѣ изобразить этотъ ударъ. Стоя въ костелѣ въ эту пору, никто не замѣчалъ того, что онъ стоитъ въ домѣ Божіемъ: это было сборище любопытныхъ, гдѣ съ наложеніемъ на шею петли объявляется вина нечестивымъ злодѣямъ. Это былъ не домъ молитвы, но домъ развра-

щенія; не домъ христіанскаго ученія, но сѣдалище соблазна и клеветы. Въ немъ-то неумолимый казнодѣя, стоя на томъ мѣстѣ, гдѣ Духъ Господень, Духъ милости и мира распростеръ надъ нимъ свои [1]) крылья, бросая на насъ громы за громами, наименовалъ насъ сынами нечестиваго Вавилона, исключилъ насъ изъ числа правовѣрныхъ, удалилъ насъ отъ общества и алтаря Господня, отъ благодати Тѣла и Крови Господней отторгъ. Какою властію онъ это сдѣлалъ? По духу какой вѣры любовь къ ближнимъ нарушилъ? На какомъ законѣ основалъ свое беззаконіе? Если-бы онъ лично простеръ къ намъ свою ненависть, мы далеко стояли бы отъ гнѣва его; удары личной ненависти славѣ и чести вреда не наносятъ. Но онъ ударилъ на насъ съ мѣста, святостію котораго прикрылъ себя, и эту святость употребилъ въ нашу обиду... Вотъ за что и жалуемся мы. Чѣмъ святѣе было то мѣсто, тѣмъ онъ больше причинилъ намъ поруганіе и тѣмъ больше наша скорбь. Безъ милосердія пораженнымъ на чести намъ оставалось лишь одно только средство къ защитѣ нашей — подать жалобу ясновельможному ксендзу бискупу Мацкевичу, съ надеждою, что онъ, руководствуясь евангельскимъ благоволеніемъ, остановитъ неблагопристойное и законамъ противное о насъ оглашеніе. Но вмѣсто соотвѣтвѣтственныхъ нашей жалобѣ распоряженій, спустя двѣ недѣли, тотъ-же ксендзъ Замбржицкій, одушевленый прежнимъ намѣреніемъ взошелъ на святое мѣсто правды, чтобы вторично свѣтъ ея небесный затмить гнусною клеветою и сердца наши, еще горѣвшія горькимъ жалемъ, поразить новымъ ударомъ. Не скажемъ съ увѣренностію, что это сдѣлано съ вѣдома начальника здѣшней каѳедры, но знаемъ, что послѣ этого уже просьба наша возвращена намъ безъ удовлетворенія и единственно потому, что не по формѣ представлена. Что касается словъ, то въ ней нѣтъ такихъ, которыя были бы оскорбительны; развѣ тѣ, которыя заимствованы изъ слова самого проповѣдника: вообще нѣтъ въ ней ничего, что несоотвѣтствовало-бы правдѣ. А если правда поражаетъ; то мы-ли виновны въ томъ, что такъ ее примѣнили? Но какова бы она ни была, пусть явится на

---

[1]) Въ католическихъ костелахъ всегда находится въ верху амвона изображеніе Св. Духа съ распростертыми надъ главою оратора крыльями.

судѣ, потому что безъ нея справедливости отыскать невозможно. Нынѣ мы не знаемъ иной правды, кромѣ надежды и упованія на тебя, ясновельможный митрополитъ; и въ этомъ упованіи мы поручаемъ себя твоему покровительству. Наши сердца говорятъ твоему сердцу; а гдѣ сердца говорятъ и сердце слушаетъ, тамъ нѣтъ формы и правилъ для рѣчи. Выслушай-же насъ и войди въ судъ съ твоими рабами; понесши опять тяжкую обиду отъ вельможнаго ксендза Замбржицкаго, они вторично приносятъ тебѣ жалобу самую справедливую. Такъ поистинѣ, самую справедливую; пусть Слово Божіе станетъ въ нашу защиту и за насъ возглаголетъ. Но мимо другихъ многочисленныхъ изреченій, пусть взяты будутъ въ наше оправданіе тѣ самыя слова, которыя ясновельможный ксендзъ бискупъ Мацкевичъ привелъ въ основаніе своего на нашу просьбу отказа: *non sunt facienda mala, ut eveniunt bona.* Въ этихъ словахъ заключается ясное свидѣтельство противъ казнодѣя, и тѣмъ оно яснѣе, что съ нашей стороны mala (зло) было недостовѣрное, а bona (благо) очевидное, съ его-же стороны добро было сомнительное, а зло очевидное: ибо первое его оглашеніе дало поводъ для многоразличныхъ соблазнительныхъ разсужденій, и не одинъ отецъ зарекся посылать дѣтей своихъ на проповѣдь о прелюбодѣяніи, о развратѣ, о сладострастіи и безчинствѣ, при второмъ-же, слушатели, зная о поданной нами жалобѣ, что могли сказать о проповѣдникѣ, кромѣ осужденія его въ томъ, что, проповѣдуя о добродѣтели, онъ самъ въ тоже время горитъ местію, противною и тому мѣсту, на которомъ находится, и тому сану, въ который облекся. Но какія бросалъ онъ сѣмена, такія и пожалъ плоды. Какое духовное благо вышло изъ сего? Вотъ что вышло: онъ собственную свою ризу осквернилъ, храмъ Господень поругалъ. Тамъ, гдѣ правда должна вселяться, онъ водворилъ ложь, а тѣмъ самимъ оскорбилъ и святую вѣру. Кто изъ насъ теперь докажетъ лучшее исполненіе святыхъ ея уставовъ: мы-ли, которые чтимъ и исполняемъ всѣ обряды нашей церкви, на что и свидѣтельства можемъ представить, или вельможный ксендзъ Замбржицкій, который не по духу вѣры, а только подъ ея покровомъ судитъ: гдѣ слѣдуетъ поучать, тамъ предаетъ казни; гдѣ долженъ утѣшить, тамъ печалитъ; а гдѣ долженъ явить милость, тамъ проклинаетъ. Въ указѣ для православнаго русскаго духовенства 1827 года, въ главѣ 8, на страницѣ 103, сказано: «про-

повѣднику въ проповѣди своей никому не мстить. о грѣхахъ говорить вообще". Этому указу предшествовалъ другой подобный указъ, 1821 года 15 февраля изданный. Если-же каѳедры господствующей церкви никогда не чернятъ насъ, не поражаютъ клятвой, никогда не устрашаютъ, чтобы, вмѣсто возращенія въ сердцахъ нашихъ христіанской милости и упованія о Господѣ, не явилась-бы у насъ одна только тревога и отчаяніе: то, въ годину воздвигнутаго на насъ гоненія, развѣ мы не вправѣ сослаться на эти спасительные для насъ указы? И это тѣмъ болѣе, что и въ римско-католическихъ костелахъ всего государства нигдѣ не дѣлаютъ намъ такого погрома, дѣлаетъ это въ одной только каменецкой каѳедрѣ и одинъ только ксендзъ Замбржицкій. Въ чемъ-же онъ насъ уличаетъ? Въ чемъ мы провинились предъ лицемъ Бога и людей и наконецъ въ чемъ погрѣшили противъ него самаго, чтобы онъ имѣлъ поводъ съ мѣста освященія насъ благодатію Христовой изливать на насъ свой гнѣвъ и ненависть? Если увлекаетъ его общественное благо, то какія преступныя вины предъ обществомъ объявить намъ можетъ? Развѣ было когда либо товарищество наше сбродомъ разврата? Покушалось-ли оно когда нибудь на погибель и вредъ религіи? Было-ли оно вертепомъ тайныхъ заговоровъ? Подстрекало-ли оно кого либо къ тайнымъ крамоламъ, нарушало-ли общественное спокойствіе? Да какія еще къ тому другія совершили мы злодѣянія предъ Богомъ, предъ Государемъ, предъ закономъ, предъ церковію и обществомъ? Если-бы и отыскались въ насъ какіе либо недостатки, то только потому, что и мы обыкновенные люди. Но проповѣдникъ, обличая зло, не долженъ указывать на личность, потому что обличаемый имѣетъ право сказать обличителю: «вынь прежде бревно изъ своего ока и тогда увидишь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего». Кто изъ насъ свободенъ отъ грѣха!

Въ просьбѣ нашей, поданной ясновельможному бискупу Мацкевичу, мы указали на то любвеобильное попеченіе правительства, подъ которымъ всѣ мы находимся; но вельможному ксендзу Замбржицкому во второмъ его словѣ необходимымъ показалось признать это надъ нами покровительство только кажущимся, т. е. что правительство принуждено бываетъ терпѣть не одного рода зло. Но могло-ли-бы правительство равнодушно смотрѣть на все то, что по своему изяществу такъ много имѣетъ вліянія на обычаи и поведеніе народа, а по разумѣнію слу-

жителя Слова Божія заключаетъ въ себѣ столько опасности и столько зла? Развѣ такое зло могло-бы терпѣть правительство? Не могло-ли оно однимъ словомъ прекратить его разъ навсегда? Развѣ оно требовало въ томъ услуги и помощи ксендза Замбржицкаго? Такими упреками не срамитъ-ли онъ и самое правительство? не хулитъ-ли онъ его, не порицаетъ-ли, не приписываетъ-ли ему слабости? Пусть объснится, на какомъ основаніи приходитъ онъ къ такой дерзости! Вельможный ксендзъ казнодѣя слишкомъ уже поддался своему собственному мнѣнію: ибо когда всѣ европейскіе дворы содержатъ театры, когда всѣ монархи не мало расходуютъ суммъ на ихъ содержаніе и посвящающимъ себя этому званію, подъ своимъ покровительствомъ, дозволяютъ устраивать судьбу свою въ провинціяхъ, когда даже въ самомъ Римѣ, подъ властію отца святаго, не воспрещается имъ сіе искусство, то можно-ли согласиться на то, чтобы вельможный ксендзъ Замбржицкій видѣлъ истину лучше всѣхъ? Чѣмъ онъ поддержитъ себя въ своемъ мнѣніи? Въ священномъ писаніи нигдѣ ничего не сказано о театрѣ. Блаженный Августинъ разсуждаетъ о развратѣ, идущемъ еще изъ временъ языческихъ. А права духовныя въ отношеніи мірскаго званія обыкновенно сообразуются съ правами народа, котораго дѣйствительнымъ главою есть монархъ. И кто-бы изъ монарховъ могъ терпѣть въ своемъ государствѣ, а тѣмъ болѣе при своемъ дворѣ, содомское учрежденіе, каковымъ именемъ вельможный ксендзъ Замбржицкій обзываетъ театръ! Театръ, не выходящій изъ предѣловъ строгой цензуры, по истинѣ можетъ называться школою благонравія. По указу изданному 17 декабря 1817 года мѣщанинъ, служащій этому искусству, изъемлется даже отъ подушнаго оклада. Школу драматическую, королемъ саксонскимъ въ Варшавѣ на 12 лицъ устроенную, въ Бозѣ почившій императоръ Александръ I увеличилъ на неопредѣленное число лицъ. Развѣ сей благословенный монархъ, образецъ благочестія и народной любви, монархъ, которому благодарность народа воздвигла въ сердцахъ ихъ вѣчный памятникъ, могъ открывать камень преткновенія и вести несчастныхъ къ безчестію временному и вѣчной погибели? Августѣйшій монархъ, нынѣ у насъ царствующій, никогда словомъ своимъ не предавалъ насъ осужденію, а напротивъ того устроеніемъ въ 1827 году придворнаго театра почтилъ насъ; а писателямъ драматическихъ

произведеній, которыя вельможный ксендзъ Замбржицкій именуетъ адскимъ издѣліемъ, назначилъ по достоинству награду. Какъ-же вельможный ксендзъ Замбржицкій можетъ имѣть дерзость порицать монарховъ и такъ восхвалять себя, поставляя свою волю выше ихъ воли! Чего-же желаетъ онъ наконецъ? Не того-ли, чтобы заботливое о насъ правительство держало народъ свой въ горькой печали, возбраняя ему самое лучшее и могущественнѣйшее удовольствіе? Благословенно то правительство, которое охотнѣе желаетъ видѣть свой народъ радующимся, нежели печалящимся. Но вельможный ксендзъ Замбржицкій, съ холодною душею, не ощущая въ себѣ этого божественнаго удовольствія, желалъ-бы все покрыть гробовымъ саваномъ тамъ, гдѣ отеческая рука монарха сѣетъ радость и веселіе. И когда, по милосердію его, мы свободно дышемъ отечественнымъ воздухомъ, когда правительство его не лишаетъ насъ своего покровительства и общество не гонитъ насъ изъ среды своей, одинъ только онъ, вельможный казнодѣя, закрываетъ отъ насъ небо, низводитъ тучи на главы наши и хотѣлъ-бы ударами перуновъ совершенно поразить насъ. О если-бы онъ совершилъ такое чудо надъ нами прежде лишенія насъ чести нашей, прежде отнятія отъ насъ того, чего не далъ намъ и дать не можетъ, равно какъ и возвратить отнятаго не въ силѣ! Вельможный ксендзъ Замбржицкій именуетъ насъ провинціальныхъ актеровъ бродягами, но откуда получилъ онъ право назначать мѣсто нашему пребыванію? Правительству хорошо извѣстно, что у насъ нѣтъ имѣній, а потому оно, подъ своимъ отеческимъ наблюденіемъ, даетъ намъ право пользоваться и мѣстомъ и временемъ. Упрекая въ бродяжествѣ, онъ опять не столько насъ, сколько самое правительство порицаетъ. Если-же онъ исключительно къ намъ, живущимъ здѣсь, въ Каменцѣ, простираетъ свою ненависть; то пусть станетъ предъ судомъ, пусть докажетъ, пусть свидѣтелями удостовѣритъ, въ чемъ погрѣшили мы, что онъ такъ злобно порицаетъ насъ. Когда указомъ воспрещается злобно говорить предъ лицемъ судей, вельможный казнодѣя мещетъ безпощадно перуны въ святилищѣ Господнемъ, предъ лицемъ самаго Бога. Намъ не возможно представить письменныхъ доказательствъ обиды нашей, потому что никто не дастъ намъ тѣхъ писанныхъ проповѣдей, по поводу которыхъ мы заносимъ сію нашу жалобу. Кто можетъ даже увѣрить насъ, чтобы и по повелѣнію ясно-

вельможнаго митрополита были представлены тѣже самыя проповѣди. Но мы имѣемъ для себя свидѣтельство во всемъ народномъ собраніи,— свидѣтельство совѣсти, и за нашимъ поведеніемъ свидѣтельство свѣтскихъ властей, изъ которыхъ никто не уличаетъ насъ въ порокахъ, а тѣмъ болѣе въ какихъ либо злодѣяніяхъ.

Посему дерзаемъ искать справедливости и, слыша голосъ, взывающій: *пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я васъ упокою*, съ дерзновеніемъ идемъ на этотъ голосъ Спасителя нашего и припадаемъ къ стопамъ твоимъ, достойнѣйшій Его намѣстникъ. Припадаемъ, обремененные, чтобы ты насъ падшихъ возставилъ; сожженные пламенемъ клеветы, просимъ у тебя прохлады. Не удивляйся, смотря на нашу глубокую скорбь. Не имѣемъ мы правъ властелиновъ, не обладаемъ высокими достоинствами, но мы подданные одного монарха, дѣти одной матери..., имѣемъ чувства общія всѣмъ благомыслящимъ. Если не владѣемъ землею, то мы сами земля,—земля, Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ освященная въ святой вѣрѣ. И могъ-ли проповѣдникъ божественной истины, вмѣсто благодатной росы, обдавать кровію Его наслѣдіе! По истинѣ, онъ залилъ кровію сердца наши; благое сѣмя Спасителя—вѣру, надежду и любовь однимъ дуновеніемъ устъ своихъ съ корнемъ развѣялъ. Вотъ приближаются уже дни искупленія, дни новой жизни во Христѣ, но не для насъ!.. Жизнь намъ не въ жизнь; мы отдыхаемъ со стонами, ходимъ, какъ погребенные мертвецы... Мы какъ-бы лежимъ во гробѣ, и гробъ нашъ заваленъ камнемъ презрѣнія, камнемъ самымъ тяжелымъ, съ гнусною печатію тяжелой клятвы... Чья-же рука сорветъ печать сію? Кто возвратитъ насъ къ жизни? Кто раскроетъ предъ нами врата святыни Господней и содѣлаетъ насъ участниками Его трапезы? Ибо кто изъ бездны осужденія къ ней приближиться посмѣетъ? Кто воззоветъ: прости намъ грѣхи наши, когда тернъ глубоко поразилъ сердца наши. Есть-ли среди смертныхъ, кто въ сей добродѣтели могъ-бы стать наравнѣ съ Господомъ, своимъ избавителемъ? И чья рука слабымъ дастъ силу, а усилившихся надъ ними удержитъ и къ смиренію обратитъ? Не другая чья, только твоя, достоуважаемый архипастырь! И объ этомъ еще разъ изъ глубины крайняго уничиженія трепещущими устами просимъ тебя, отецъ римско-католической церкви нашей; къ тебѣ взываемъ, образецъ христіанскаго человѣколюбія! ты

наше прибѣжище, властію небесъ тебѣ данною, избави насъ отъ обдержащей насъ печали; сними цѣпи съ окованныхъ; пролей прохладу въ сердца унывающихъ; порази своимъ праведнымъ и милосердымъ судомъ судъ немилостивый. Ужасъ поразилъ сердца наши; сила жизни оставила насъ и свѣтъ очей помрачился у насъ: но ты, достойнѣйшій архипастырь, который добродѣтель обыкъ заявлять міру въ истинномъ ея свѣтѣ, ты, который зажженную свѣчу подъ одръ не ставишь, но на свѣщникѣ возвышаешь, да свѣтитъ всѣмъ и каждому, не потушишь ее и предъ нами. Неужели мы, твои овцы, изуродованныя, отъ стада отлученныя, осиротѣлыя, должны блуждать во мракѣ клеветы и неизвѣстности, въ тревогѣ, безъ двора овчаго и безъ пастыря? Вѣдь имѣвшій сто овецъ, когда зашла въ горы одна, оставилъ девяносто девять и пошелъ искать заблудшей: такъ и ты, заботливый пастырь, поступишь съ нами и насъ заблудшихъ погибнуть не допустишь... Не допустишь отнять у насъ ниву для труда, чтобы погребсти трудъ въ праздности. Не дашь званія нашего злословіемъ унизить и не оставишь насъ стонать подъ тяжестію клятвы, но окажешь намъ справедливость во всеуслышаніе, ибо всюду слышна была обида наша,—окажешь справедливость и по праву человѣчества, какъ глава нашего духовенства, и по правамъ Божескимъ, какъ первый ихъ стражъ и истолкователь.

Перевелъ съ польскаго священникъ *Даніилъ Левицкій.*

УНИВЕРСАЛЪ ГЕТМАНА РАЗУМОВСКАГО,

ОБЪ ОГРАНИЧЕНІИ ПРАВА ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯНЪ.

Графъ Кириллъ Разумовскій, гетманъ и кавалеръ

Господину полковнику переясловскому Сулимѣ,

съ полковою старшиною.

Поданнымъ въ нашу генеральную войсковую канцелярію отъ суда войскового генерального доношеніемъ представлено, что въ ономъ генеральномъ судѣ слушано дѣла, произведенного и рѣшенного въ полковой миргородской канцеляріи, по иску коллежскаго ассесора, грузинскаго князя Давида Церетелева, на бывшого подданного его жителя хорольского Данила Корабленка о не переходѣ нимъ по прежнему въ его Церетелева владѣніе и о протчемъ, по которому де дѣлу въ рѣшеніи миргородской полковой канцеляріи между протчимъ показано, яко отвѣтчика Корабленка, за то, что онъ на прежнее жилле не перейшолъ, винить не слѣдуетъ, ибо-де по указу въ 1749 году августа въ 18 день малороссійскому народу съ мѣста на мѣсто переходъ дозволенъ; скотъ же, лошади, овцы и все, что имѣлося движимое и недвижимое въ его Корабленка тогда, когда онъ съ подъ владѣнія истцева отошелъ, долженъ онъ Корабленко за нимъ истцомъ по силѣ правъ оставить; а по разсмотрѣнію-де суда генерального, хотя по праву книги Статута, раздѣлу 12-му, по артикулу 14, показано: беглыхъ людей зъ женами и дѣтьми и ихъ пожитки владѣльцу отдавать, но что-де по вышеписанному указу обывателемъ малороссійскимъ съ места на место переходъ дозволенъ, а чтобъ при переходѣ имѣючіесь у нихъ пожитки отбираемы

были и остановлялись при владѣлцахъ, либо перешедшихъ, того въ томъ указѣ не доложено; затѣмъ судъ генеральный по иску истца Церетелева какъ самого помянутого изшедшого подданного его Корабленка, такъ имѣній его движимыхъ приговорить собою истцу Церетелеву не смѣеть и какъ объ ономъ потому и по другимъ примѣрнымъ дѣламъ поступать, требовалъ отъ генеральной войсковой канцеляріи резолюціи. А по справкѣ въ нашей генеральной войсковой канцеляріи явилося: въ высочайшемъ имянномъ ея императорскаго величества 1742 году августа 18 дня, за собственноручнымъ ея императорскаго величества подписаніемъ состоявшомся и напечатанномъ указѣ между протчимъ по 4 пункту изображено: въ Малой Россіи, по опредѣленію генеральной войсковой канцеляріи 1759 году, отъ посполитого народу волной съ места на место переходъ (какъ то у нихъ напредъ сего бывало) подъ видомъ за границу побега не точію подъ жестокимъ наказаніемъ, но и подъ смертною казнію запрещенъ, что имъ тотъ свободный переходъ нынѣ по прежнему позволяется, токмо того на крѣпко смотрѣть и по силѣ прежнихъ указовъ, кому надлежитъ, предостерегать, дабы между тѣмъ изъ Малой Россіи и изъ слободскихъ полковъ отъ тамошнего народа побѣговъ за границу не было; да въ указѣ ея императорскаго величества изъ правительствующаго сената 1748 г. іюля 6 дня состоявшомся и напечатанномъ о непринимании переходящихъ изъ слободскихъ полковъ козаковъ между инымъ написано, по оному-де имянному ея императорскаго величества августа 18 дня 742 году указу такой волной съ места на место переходъ позволенъ токмо въ Малой Россіи, да и то одному посполитому народу, а не козакамъ; послѣже въ высочайшихъ, за собственноручнымъ ея императорскаго величества подписаніемъ состоявшихся, грамотахъ, въ первой 1749 году декабря 18 дня на избраніе въ Малой Россіи гетмана изображено, что ея императорское величество обѣщать соблагоизволили своимъ императорскимъ словомъ новоизбранному гетману и всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ малороссійскому народу всѣ волности, права и привилегіи, которіи оніе отъ времени принятія подъ державу всероссійскую гетмана Богдана Хмельницкаго зъ войскомъ запорожскимъ и со всѣмъ малороссійскимъ народомъ и притомъ при государствованіи ея императорского величества вседражайшого государя родителя, блаженныя и высокославныя памяти,

государя императора Петра Великаго имѣли, свято ненарушимо и цѣло содержать; въ 2-й 1751 года мая 22 дня всемилостивѣйше жалованною грамотою тоже конфирмовано зъ высочайшимъ соизволеніемъ и повелѣніемъ управлять намъ въ Малой Россіи воинскія и гражданскія дѣла по войсковымъ правамъ, по прежнимъ обычаямъ и постановленнымъ пунктамъ, на которихъ приступилъ подъ державу государя, дѣда ея императорского величества, блаженныя памяти государя царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя Россіи самодержца, его царского величества гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и народомъ малороссійскимъ и по ея императорского величества указамъ опредѣленнымъ и впредь опредѣляемымъ, безъ нарушенія правъ и волностей стародавнихъ народа малороссійского; въ правахъ-же малороссійскихъ книги Статута, роздѣлу 12, въ артикулѣ 14-мъ напечатано, что если чій человѣкъ отчизній, материстый, наслѣдственній, либо купленній, дарованный, выслуженный и всякимъ образомъ набитый, или служитель дворовый, отчистій, купленный или полоненный, мужеска и женска полу, отъ господина своего бѣжавшій, до кого другого перейшовъ, а тотъ господинъ, до кого такій бѣглецъ зайдетъ, за то отъ уряду позванъ былъ-бы по артикулу 18, роздѣлу 4, для отдачи его или учиненія съ нимъ справедливости, и такихъ-бы бѣглецовъ не отдалъ и справедливости съ ними по сему праву общему не здѣлалъ, то тотъ позванный долженъ будетъ самъ или чрезъ повѣренного своего у суда стать, и того или тѣхъ бѣглецовъ, сколько ихъ будетъ, въ судѣ представить, тогда истецъ ежели персонально предъ судомъ докажетъ отвѣтчику, что оной человѣкъ или служитель, или сколько ихъ будетъ, суть его собственные, то отвѣтчикъ долженъ ему истцу того человѣка или служителей, съ женами и дѣтьми и со всѣми ихъ пожитками, возвратить, а за пожилое тѣхъ людей навязки за каждую недѣлю отъ каждой персоны мужеска и женска полу по шести грошей заплатить, щитая ту навязку отъ начатія иску; да того-жъ роздѣлу по артикулу 17 и 18 узаконено: слугамъ отъ господъ своихъ безъ отпуску и свидѣтельства письменного господского не отходить своеволно, а ежели-бъ которого господинъ удерживалъ напрасно, то такимъ слугамъ искать отъ уряду вспоможенія и опредѣленія и хотя-бъ въ наблюденіе высочайшого оного

ея императорского величества 1749 году состоявшогося указа посполитому народу съ места на место волный переходъ оставленъ, но что мы нынѣ изъ нашихъ, вшедшихъ въ нашу генеральную канцелярію, писменныхъ видовъ усмотрѣть могли, что при взисканіи на указно положенныхъ въ Малой Россіи консистентовъ безденежного доволства умножились не малые доимки, съ той болше причины, что иниіе посполитіе, не живя на едномъ мѣстѣ, частой съ едного на другое и безвѣстное мѣсто переходъ по волности имѣя, ни въ едномъ мѣстѣ того указного доволства не платятъ, а другіе постояннѣйшіе и живущіе на одномъ мѣстѣ, заплатя за себя указное, лишняго платить не хотятъ, но иногда съ нихъ не безъ отягощенія, а предъ другими не безъ обиды и лишнее взыскуется; ктому-жъ яко въ Малой Россія всякъ владѣльческій подданный живетъ и пользуется владѣльческою землею и всякими угодіи и тѣмъ себе во всемъ снабдѣваетъ, слѣдовательно, что изъ движимости себѣ ни пріобрѣтетъ, все то, по дозволенію того, чіи суть грунта, на коихъ онъ въ жительствѣ состоитъ, то при ономъ, ему дозволенномъ, съ мѣста на мѣсто переходѣ, той нажитой имъ движимости, которую онъ, пользуясь временно чужими грунтами и угодій, пріобрѣлъ себѣ, забирать, по силѣ вышепоказанныхъ малороссійскихъ правъ, не долженъ, какъ по причинѣ той, что онъ то нажилъ имѣніе не на своемъ грунтѣ, а чій грунтъ, того и доходъ отъ оного долженъ быть, такъ паче дабы то нажитое имъ имѣніе могло быть употреблено на дачу за него-жъ удобно подлежащаго консистентамъ довольства, не менше того, дабы унять отъ тѣхъ посполитыхъ то лакомство, кои лакомясь на то, что ему свободно нажитое имъ изъ чужихъ грунтовъ при своемъ переходѣ забрать съ собою, ни за кѣмъ постоянно не проживаютъ, но токмо зъ одного на другое мѣсто частой имѣютъ переходъ, не отдавая указно принадлежащаго отъ нихъ въ обще-народныхъ податяхъ, и утрачивая чрезъ разные частые переходы все то изъ чужихъ грунтовъ нажитое имѣніе, а тѣмъ какъ другимъ налично оставшимся подданнымъ причиняя излишнюю тяжесть, такъ и себе приводятъ въ одно разореніе и неминуемую бѣдность. Того ради, во исполненіе оной высочайшей ея императорскаго величества громоты, данной намъ на урядъ гетманского достоинства, которою повелено намъ управлять всякіе войсковіе и гражданскіе дѣла по войсковымъ правамъ, прежнимъ обычаямъ и

постановленнымъ пунктамъ, и въ наблюденіе выше помѣненныхъ малороссійскихъ правъ, малороссійскому народу указами конфирмованныхъ, не менше того во отвращеніе умножившихся на указныхъ консистентовъ не малыхъ доимокъ и слѣдуемыхъ владѣльцамъ и другимъ людемъ отъ взятія съ ихъ грунтовъ нажитого подданными имѣнія обидъ, а болше и самому посполитому народу въ переходѣ своемъ бываемого того изъ чужихъ грунтовъ нажитого имѣнія напрасного ростерянія, *приказуемъ:* по всей малой Россіи учинить публикацію, дабы посполитой народъ, при переходѣ своемъ зъ одного владѣнія въ другое, нажитого ими съ владѣльческихъ грунтовъ имѣнія не забирали и отъ того онымъ владѣльцамъ убытка не наносили; равнымъ образомъ и владѣльцы, принимая изъ чужого владѣнія къ себѣ посполитого, нажитого въ другомъ владѣніи имъ имѣнія не принималибъ, но буде кто въ томъ изобличеннымъ явится, воленъ будетъ владѣлецъ тотъ, отъ которого посполитый отойшолъ съ нажитымъ имѣніемъ къ другому владѣльцу и тамо его принято безъ письменного вида, искать съ того владѣльца слушного удовольства и награжденія, по силѣ малороссійскихъ правъ, по якимъ искамъ въ малороссійскихъ судахъ по тѣмъ же малороссійскимъ правамъ и поступаемо быть должно, безъ всякія отмѣны, оставя имъ посполитымъ свободный въ силѣ ея императорского величества указа переходъ; однако дабы и владѣльцы иногда, подъ видомъ нажитого посполитыми у нихъ имѣнія, задерживать у себе тѣхъ посполитыхъ не могли и тѣмъ волного имъ переходу не воспящали, то долженствуютъ оные посполитые, при отходѣ своемъ, являтся у владѣльцевъ для взятія къ волному себѣ переходу письменного свидѣтельства, которое владѣльцы и давать безспорно должны. А буде каковы владѣльцы въ томъ упрямство показыватимуть, о томъ могутъ тѣ посполитые явится на какой близной урядъ, отъ которого и изтребовать то письменное свидѣтельство у владѣльца надлежитъ, или отъ иного уряду таковымъ свидѣтельствомъ снабдѣть, для чего другіе владѣльцы переходящихъ посполитыхъ и принимать безъ свидѣтельствъ не должны; что же принадлежитъ и до слугъ господскихъ, особливо поступаючихъ въ противность малороссійскимъ правамъ, яко оные служители у господъ въ домахъ ихъ бываючіе, иные свободные и иные съ подданства принятые въ дворовую службу, другіе же за крайнюю нищету свою и сиротство въ службу

упросившіесь и всѣ тые коштомъ владѣльческимъ разного мастерства обученные, потомъ не хотя порядочно жить, а свободные, не дослужа уговоренного сроку, починивши шкоды и воровства хозяевамъ своимъ, уходятъ отъ нихъ тайно и безъ отпуску и къ другимъ владѣльцамъ пристаютъ, кои ихъ безъ всякаго вида и безъ пашпортовъ, иногда еще и подговоривъ, принимая, содержатъ, а таковымъ служителямъ безъ отпуску и письменныхъ свидѣтельствъ отъ хозяевъ своихъ отходить и другимъ ихъ принимать тѣми же малороссійскими правами запрещается: того ради, дабы и владѣльцы, чиновныки и другіе люды въ приниманіи, а паче съ подговору, бѣгаючихъ отъ хозяевъ служителей безъ отпуску и письменныхъ свидѣтельствъ воздержаны и такой подлости по косни были и тѣмъ бы правъ малороссійскихъ не нарушили, симъ накрѣпко запрещается; но ежели кто такому приниманю бѣгающихъ хозяйскихъ, безъ отпуску и письменныхъ свидѣтельствъ, колми паче съ подговору, служителей изобличеннымъ явится, то изъ таковыми поступать по всѣхъ малороссійскихъ судахъ, въ случаѣ чіей жалобы, по силѣ малороссійскихъ правъ безъ отмѣны О чемъ вамъ ко исполненію предлагается. А въ протчіе полки малороссійскіе, такожъ и въ судъ генеральный о семъ же къ исполненію ордера посланы.

На подлинномъ тако:

Гетманъ графъ *К. Разумовскій.*

1760 г.
апрѣля 22-го.

Сообщ. **А. Лазаревскій.**

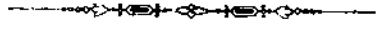

Пѣснь на случай открытія въ Кіевѣ университета святаго Владиміра іюля 15 дня 1834 года.

Всякое выдающееся событіе въ жизни государственной, общественной и даже личной всегда настраиваетъ чувства человѣка на особый лирическій ладъ, результатомъ чего обыкновенно является у болѣе поэтическихъ натуръ стихотворное изліяніе въ томъ или другомъ видѣ. Конечно, при этомъ не обходится безъ того, чтобы, риѳмоплеты не выступали съ своими вынужденными, а иногда и просто вымученными произведеніями, болѣе повинуясь установившемуся обычаю, нежели влеченію искренняго настроенія. Особенно эта черта присуща была тѣмъ одослагателямъ, которые, со всѣмъ ихъ поэтическимъ вдохновеніемъ, такъ прекрасно охарактеризованы Дмитріевымъ въ сатирѣ «Чужой толкъ». Не обошлось безъ такой хвалебной лирики и открытіе въ Кіевѣ университета въ 1834 году, какъ не обошлось безъ лирическихъ піесъ и недавнее празднованіе 50-тилѣтія сего открытія. Но какая разница въ направленіи поэзіи, если сравнить современную намъ лирику прошлаго года въ стихотвореніяхъ С. Пономарева и г. Тулуба, издавшихъ свои произведенія къ юбилейному торжеству, съ приводимой ниже пѣснью, сложенной 50 лѣтъ назадъ! Пѣснь эта, кажется, нигдѣ въ свое время не напечатанная, сохранилась въ рукописи среди бумагъ покойнаго Максимовича, которому, какъ тогдашнему ректору университета и вмѣстѣ съ тѣмъ представителю всякихъ піитическихъ хитростей, доставлена она была для просмотра, что видно изъ надписи, карандашемъ, кажется, рукою тогдашняго попечителя Брадке: «препровождаю къ Михайлу Александровичу на разсмотрѣніе. 5 іюля 1835». Внизу карандашемъ-же помѣчено: «сочинено бывшимъ старшимъ учителемъ кіевской гимназіи».

Послѣдняя помѣта опредѣляетъ не только званіе и положеніе поэта, воспѣвшаго столь важное для Кіева событіе, какъ открытіе университета, но отчасти и самый возрастъ его и время, къ которому онъ принадлежитъ по воспитанію и знакомству съ искусствомъ поэзіи. Это безъ сомнѣнія риѳмоплетъ конца XVIII ст.,

воспитанный на традиціяхъ хвалебнаго пѣснопѣнія со всѣми пріемами псевдоклассическими, и таково все настоящее его произведеніе, отъ начала и до конца не заключающее въ себѣ ни одной жизненной мысли, ни одного живаго, двигающаго чувство слова. Но это продуктъ мѣстной школы, памятникъ мѣстной, искаженной схоластическою наукою мысли и слова, единственный памятникъ праздновавшагося тогда событія, за которымъ должна была начаться новая умственная жизнь, и ради этого мы даемъ мѣсто этому давно поблекшему цвѣтку кіевской поэзіи.

Какая непостижна сила
Творитъ предъ нами чудеса?
Чья длань и горъ сердца подвигла,
И ихъ вершины пренесла?
Потомковъ зрю теченье новыхъ,
Струями орошать готовыхъ
Младый Минервы вертоградъ;
И чудотворно премѣненье
Въ благоговѣйно восхищенье
Приводитъ древній Кіевъ градъ.

* * *

Эллада! се твои преславны
Парнассы, Пинды здѣсь стоятъ,
И Иппокренскіе кристальны
Ключи предъ нами токъ струятъ;
Не Фебъ твой,—чадо воображенья,—
Намъ сыплетъ искры просвѣщенья,
Но *Николай* Фебъ симъ странамъ;
Наукамъ храмы созидая
И нынѣ новый открывая,
Онъ юнымъ Аполлонъ умамъ.

* * *

Возжги свѣтильникъ, Мнемозина,
И намъ на той стезѣ предстань,
Временъ по коей быстродвижна
Проводитъ смертныхъ въ вѣчность длань;

Да мглой забвенья прикровенна,
Сѣдая древность и почтенна
Свой зракъ откроетъ нынѣ намъ,
Да межъ развалинъ свѣтъ мелькаетъ
И да вниманіе склоняетъ
Нашъ слухъ къ нѣмымъ ея словамъ.

* * *

Когда лучемъ небесной правды
Равноапостольный Ирой
Осіявалъ славенски грады,
Кумирной омраченны мглой;
И расточенныхъ музъ Ахайскихъ
Отъ силы полчищъ Агарянскихъ
Въ свои Скиѳъ кровы принималъ:
Тогда ихъ животворна сила
Въ славенскія сердца проникла,
И нѣкій свѣтъ отъ нихъ блисталъ.

* * *

И Савроматъ въ кольчугѣ ратной
И въ мразной Агаѳирсъ[1]) странѣ
Восхищены воней пріятной
Цвѣтовъ линъ первыхъ на веснѣ.
Пустыня дебрь перемѣнялась
Во злачный долъ,—на немъ являлась
Паллада съ блещущимъ щитомъ,
И музъ соборъ на брегъ высокій
Взошедъ, и въ Борисѳенски токи
Смотрѣлъ юнѣющимъ лицомъ.
Но что? Не Пириней-ли новый,
Привѣтливый являя видъ,
А въ сердцѣ замышляя ковы,
Призвалъ въ чертоги Аонидъ,

---

1) Plin. Hist. Nat. lib. IV, cap. 12.

И предложивъ успокоенье,
Имъ учиняетъ притѣсненье;
Завистникъ тотъ и мрака другъ,
Что дѣвы, крыльями снабдѣнны,
Симъ Мизозофомъ устрашенны,
Оттолѣ улетаютъ вдругъ [1]).

* * *

Нѣтъ, нѣтъ! Перо златое Кліи
Именъ не начертало намъ
Скиптродержателей Россіи,
Желавшихъ тьмы словенъ сынамъ.
Подъ знаменемъ Беллоны ярой
Протекъ, увы! протекъ кровавой
Стезей Эрева сынъ Мунгалъ;
Какъ вѣтръ палящій дуновеньемъ
Грозитъ природѣ изсушеньемъ, —
Дохнетъ на злакъ, и злакъ увялъ.

* * *

Протекъ,—и образъ разоренья
Являлся позади его,
Отъ варваровъ успокоенья
Лишались Меры своего.
Какъ дикій вепрь, сломивъ ограду,
Опустошенье вертограду
Наноситъ яростью клыковъ,
Древа и вѣтви сокрушаетъ,
Рветъ корни, гроздіе съѣдаетъ;
Вослѣдъ Мунгалъ былъ видъ таковъ (?).

* * *

Но твердый духъ сыновъ словенскихъ
Не палъ въ переворотахъ сихъ;
Но Александровъ храбрость Невскихъ,
Геройство Дмитріевъ Донскихъ

---

[1]) Ovid. Met. lib. V, ver. 273 etc.

Безстрашно на враговъ возстали
И звѣрство мужествомъ попрали
Возженнымъ вѣрою въ сердцахъ.
Начало видимъ мы отмщенья,
Для музъ жилищъ уготовленья
Вторична въ скиѳскихъ областяхъ.

* * *

Возрадуйтесь, мужи священны,
Въ селеньи выспреннемъ небесъ!
Врагъ, древле вами пораженный,
И именемъ межъ насъ исчезъ.
Исчезъ—и гласъ воскликновеній,
Гласъ пламенныхъ благодареній
Въ послѣднихъ возгремитъ родахъ:
Великъ въ царехъ миролюбитель;
Но слезъ всеобщихъ осушитель
Во вѣки будетъ жить въ душахъ.

* * *

Кумиръ, высоко вознесенный,
Далече мещетъ черну тѣнь;
Тмитъ мглою чувствія смущенны
И въ нощь преобращаетъ день.
Химеры, чуды, привидѣнья,
Взявъ плоть изъ силы воображенья,
По мраку бродятъ и страшатъ;
Въ брань мудролюбца вызываютъ
И самой кротости внушаютъ
Противъ ученья возставать.

* * *

Но тщетно сей Парнассу грозный
Вознесъ изъ блатъ главу Пиѳонъ;
Готовитъ въ тунѣ лавроносный
Побѣдны стрѣлы Аполлонъ.
Взведите взоръ,—онъ сокрушился,—
Упалъ кумиръ—Петръ воцарился!

Въ ущелья скалъ, во тьму лѣсовъ
Скрываются ночныя птицы
При восхожденіи денницы:
Такъ духъ мечты разгналъ Петровъ.

* * *

Сей духъ, сей благотворный геній,
Преобразившій тьму во свѣтъ,
Небесныхъ гражданинъ селеній
Межъ нами жилъ и днесь живетъ.
Надъ влагой, сушею парящій
Орелъ, и мятежамъ грозящій,
Былъ дивомъ храбрости самой,
Какъ витязи непобѣдимы
Были въ путяхъ руководимы
Безсмертныя жены рукой.

* * *

И росски барды, восхищенны
Величіемъ души Ея,
Ея эгидомъ прикровенны,
Искали славы своея,
Чтобъ безподобной героинѣ
Владычицѣ Екатеринѣ
Хвалы достойны воспѣвать,
Простертый свѣтъ при ней ученья
И благотворны учрежденья
Въ потомствѣ пѣснью передать.

* * *

И пишущій уставы міру
Въ совѣтѣ вѣчномъ начерталъ,
Чтобъ умъ ея, ея порфиру
И жезлъ правленія принялъ
Внукъ Александръ благословенный,
Народовъ щитъ, царей другъ вѣрный,

Любитель музъ и ихъ покровъ;
Чтобъ въ кроткое его правленье
Небесныхъ истинъ возвѣщенье
Прошло и дикарю подъ кровъ.

* * *

Лучи отъ бриліантовъ новыхъ
Въ златыхъ играютъ музъ вѣнцахъ,
Что отъ щедротъ Богоподобныхъ
Имъ сплетъ Николай монархъ.
Се вящшее имъ совершенство
И неизмѣнное блаженство
Еще, еще онъ начерталъ!
Восной, Полянъ потомокъ древнихъ,
Отъ чувствъ твоихъ благоговѣйныхъ
Царю пѣснь громкую похвалъ!

* * *

Монархъ! Огнемъ любви чистѣйшимъ
Сердца у насъ къ тебѣ горятъ,
И гласомъ истины святѣйшимъ
И музъ языкомъ то твердятъ.
Но слабой лиры пѣснопѣнье
Возможетъ-ли благодаренье
Твоимъ щедротамъ уравнить?
Подъ скипетромъ твоей державы
Она желаетъ только славы,
Чтобы тебѣ угодной быть.

* * *

А вы, ревнители великихъ
И благотворныхъ дѣлъ царя,
Краса и цвѣтъ сыновъ россійскихъ.
Усердіемъ къ нему горя,
Міръ восхищая лѣпотою,
Вы щедродательной рукою
Въ честь Николая временамъ,

Являя души благородны,
Приносите дары свободны
Въ сей новый Піеридамъ храмъ.

* * *

Се торжество великолѣпно
Для жаждущихъ наукъ умовъ!
Се слава, коей неизмѣнно
До поздыхъ звукъ прійдетъ родовъ,
И усугубившись въ стократныхъ
Восторгахъ чистыхъ, благородныхъ
Грядущимъ временамъ речетъ:
Живетъ во вѣки музъ любитель,
Наукъ великій покровитель,—
И нынѣ меценатъ живетъ.

* * *

О ты, предъ Богомъ предстоящій
Святый святыя Ольги внукъ,
Мольбы за россовъ приносящій,
Воззри на новый храмъ наукъ,
Въ томъ самомъ градѣ сотворенный,
Гдѣ твой престолъ стоялъ священный;
Се Николай, потомокъ твой,
Твоимъ названьемъ украшенъ,
Тебѣ его онъ посвящаетъ
Торжественно, святый герой!—

Сообщ. **В. Науменко.**

Библіографія.

Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изданный Императорскимъ варшавскимъ университетомъ къ 6-му апрѣля 1885 года подъ редакціею ордин. проф. А. Будиловича. Варшава. 1885 года.

Недавно минувшій праздникъ тысячелѣтней годовщины смерти св. Меѳодія вызвалъ обширную ученую литературу по вопросу о происхожденіи русской письменности и распространеніи христіанства среди славянъ, удвоившую предшествующія подобныя же работы въ Кирилловскій юбилей 1863 года. Названный нами сборникъ, не смотря на разновидность своего содержанія, нерѣдко несогласіе въ заключительныхъ выводахъ, занимаетъ въ ней весьма видное мѣсто, и мы считаемъ нужнымъ, хотя въ общихъ чертахъ, ознакомить съ нимъ нашихъ читателей.

Сборникъ заключаетъ въ себѣ шесть болѣе или менѣе объемистыхъ статей, въ общей сложности дающихъ собою солидную книгу свыше 400 страницъ. Статьи носятъ слѣдующія названія и идутъ въ такомъ порядкѣ: 1) Лавровскаго Н. А. *Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россіи*, 2) Будиловича А. С. *Нѣсколько мыслей о грско славянскомъ характерѣ дѣятельности св. Кирилла*, 3) Первольфа О. О. *Словенскій языкъ и его судьбы у народовъ славянскихъ*, 4) Кулаковскаго П. А. *Очеркъ исторіи попытокъ рѣшенія вопроса объ единомъ литературномъ языкѣ у славянъ*, 5) Грота К. Я. *Взглядъ на подвигъ славянскихъ первоучителей съ точки зрѣнія греческаго ихъ происхожденія* и 6) Зигеля Ѳ. Ѳ. *Общественное значеніе дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія.*

Всѣ статьи, какъ видитъ читатель, вращаются около одного и тоже предмета, хотя касаются его съ различныхъ сторонъ и даютъ не всегда согласные между собою выводы; тѣмъ не менѣе всѣ онѣ содержатъ въ себѣ довольно новыхъ данныхъ, не мало мѣткихъ сужденій, остроумныхъ со-

ображеній и сближеній, болѣе или менѣе осмотрительныхъ предположеній и заключеній. Мы не будемъ касаться ни общаго ихъ содержанія, ни частностей, ибо все это удалено отъ программы нашего изданія. Остановимся лишь на одной изъ статей, своимъ содержаніемъ и выводами приближающейся къ затронутому въ нашемъ изданіи вопросу о началѣ письменности. Это замѣчательная по своей краткости и вмѣстѣ полнотѣ, ясности и убѣдительности статья Н. А. Лавровскаго: *Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россіи*, занимающая по достоинству первое мѣсто въ «Меѳодіевскомъ сборникѣ». Уважаемый авторъ выходитъ изъ той извѣстной всѣмъ истины, что великія событія не совершаются внезапно, но что имъ обыкновенно предшествуетъ долгій и сложный подготовительный историческій процессъ, и они сами являются только окончательнымъ выраженіемъ послѣдняго. Указавъ на всенародный актъ крещенія Руси, который заслонилъ собою долгій предшествовавшій процессъ медленнаго и постепеннаго распространенія христіанства и неожиданно открываетъ предъ нами то быстрое развитіе у насъ христіанскаго просвѣщенія, которое выразилось, спустя съ небольшимъ полъ-вѣка, въ блестящемъ словѣ «о законѣ и благодати» перваго русскаго митрополита Иларіона, въ проповѣдяхъ Ѳеодосія печерскаго, Кирилла Туровскаго и въ «славѣ о полку Игоревѣ», г. Лавровскій, хотя вполнѣ раздѣляетъ недоумѣніе профессора Голубинскаго предъ этой быстротой книжнаго развитія, но не считаетъ этого явленія неразгаданнымъ и утверждаетъ, что наши предки задолго до Владиміра пріобщались христіанству и его просвѣщенію и что, слѣдовательно, начавшіе появляться съ половины XI вѣка самостоятельные литературные опыты, такъ удивляющіе васъ теперь, имѣли предъ собой гораздо болѣе продолжительную школу и могли развиться естественно и органически, начавшись еще въ половинѣ IX вѣка. Распространеніе христіанства среди южно-русскихъ славянскихъ племенъ, послѣ всѣхъ сдѣланныхъ до сихъ поръ изслѣдованій о христіанствѣ въ Россіи до Владиміра, авторъ признаетъ не подлежащимъ уже сомнѣнію. Что же касается до письменности, то, по словамъ автора, «процессъ приспособленія языка для выраженія народной жизни совершается не въ одинъ вѣкъ и должно полагать, что тотъ языкъ, на которомъ явились въ IX вѣкѣ наши священныя и богослужебныя книги, богатый, стройный и правильный, съ замѣчательно развитымъ синтаксисомъ, имѣлъ свою длинную, предшествовавшую этому его состоянію исторію. Невольно припоминаются тѣ русскія письмена, которыя нашелъ въ Корсуни св. Кириллъ въ 860 году и которыя, по всей вѣроятности, принадлежали русскимъ славянамъ, жившимъ въ Крыму и по сѣверному побережью Чернаго моря и нахо-

дившимся въ общеніи съ приднѣпровскою Русью. Образованіе и начало употребленія этихъ письменъ, продолжаетъ авторъ, безъ сомнѣнія относится къ далекому прошлому. Срезневскій еще въ 1869 году доказывалъ, что «уставное письмо въ древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ не соотвѣтствуетъ греческимъ рукописямъ IX -X в., а соотвѣтствуетъ древнѣйшимъ памятникамъ VI – VII в, что въ эпоху дѣятельности первоучителей господствовали надстрочные знаки и правильное употребленіе знаковъ препинанія. чего нѣтъ въ древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ». Не смотря однако на такое очевидное доказательство древности нашей письменности, осторожный авторъ не рѣшается относить начало оной раньше половины IX вѣка, мѣстомъ-же изобрѣтенія до кирилловской церковно-славянской азбуки и г. Лавровскій, на равнѣ съ другими, считаетъ Корсунь, чему вѣскія доказательства представлены въ рѣчи профессора Ѳ. Успенскаго, помѣщенной въ майской книжкѣ «Кіевской старины». Мнѣніе о томъ же профессора А. С. Будиловича примыкаетъ къ мнѣніямъ Н. А. Лавровскаго и Ѳ. М. Успенскаго.

Слѣдя частности, въ родѣ указанной нами, много любопытнаго можно бы указать и въ другихъ статьяхъ «Меѳодіевскаго сборника», въ особенности въ выдающейся статьѣ профессора Первольфа: «Славянскій языкъ и его судьба у народовъ славянскихъ», но, повторяемъ, мы должны держаться въ предѣлахъ программы изданія и ограничить нашу замѣтку о почтенномъ сборникѣ нашихъ варшавскихъ ученыхъ этими немногими словами.

И. Каманинъ.

Священникъ Климентъ Ѳоменко. Неразъясненный вопросъ въ древнихъ сказаніяхъ о преніяхъ славянскихъ первоучителей съ козарскими евреями. Кіевъ. 1885 года.

Его-же. Пещерные храмы въ Крыму. Кіевъ. 1884 года.

Къ числу изданій совершившагося юбилея относится также первая изъ названныхъ брошюръ. Она посвящена вопросу о томъ, кто были и гдѣ жили тѣ козарскіе евреи, съ которыми препирались о вѣрѣ свв. Кириллъ и Меѳодій, проповѣдники которыхъ предлагали потомъ кн. Владиміру свою вѣру, которыхъ упрекалъ и съ которыми спорилъ о Христѣ преподобный Ѳеодосій печерскій и которые наконецъ были настолько сильны въ Корсунѣ, что въ день св. Пасхи распяли на крестѣ преподобнаго Евстратія печерскаго. Вопросъ этотъ до сихъ поръ разрѣшался

какъ-то мимоходомъ и не подвергался спеціальной разработкѣ. Нельзя сказать, чтобы на этотъ разъ онъ былъ разрѣшенъ окончательно и вполнѣ основательно; тѣмъ не менѣе въ брошюрѣ о. Ѳоменка находится довольно любопытныхъ соображеній и выводовъ, о которыхъ мы и скажемъ нѣсколько словъ.

Сопоставляя свидѣтельства житія свв. Кирилла и Меѳодія и данныя Несторовой лѣтописи, авторъ находитъ, что если св. братья были приглашены козарами для огражденія ихъ, съ одной стороны, отъ евреевъ (слѣдовательно не отъ козарскихъ), а съ другой — отъ сарацинъ, усиливавшихся, какъ и тѣ, обратить ихъ въ свою вѣру, и если козарскіе евреи отвѣтили св. Владиміру, что отечество ихъ въ Іерусалимѣ, а сами они расточены по всей землѣ (чего не могли-бы сказать козары, вышедшіе изъ-за Каспійскаго моря), то это должны были быть туземные крымскіе евреи. Чтобы установить вѣроятную догадку о томъ, какіе это были евреи, т. е. іудеи или израильтяне, о. Ѳоменко слѣдитъ судьбу обоихъ народовъ: собственно іудеи окончили, какъ извѣстно, путь свой составленіемъ Талмуда, израильтяне-же приведены судьбой къ самарянскому расколу, завершившемуся потомъ протестомъ противъ «преданія старцевъ» и признанія одного лишь «писаннаго закона»; уцѣлѣвшимъ остаткомъ этого послѣдняго народа, этихъ протестантовъ въ еврействѣ является караимская секта въ Крыму. Авторъ старается утвердить то мнѣніе, что именно эту секту надо разумѣть во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ нашихъ лѣтописяхъ выступаютъ козарскіе евреи. Только она, эта отверженная горсть людей, не имѣвшая права успокоить свои кости на настоящей Іосафатовой долинѣ, но заброшенная судьбою на полуостровъ и пораженная сходствомъ Чуфутъ-Кале и его окрестностей съ Іерусалимомъ, только она, по мнѣнію автора, могла основать вторую Іосафатову долину въ Мертвомъ городѣ. Основываясь на сочиненіяхъ караимскихъ раввиновъ, о. Климентъ думаетъ, что остатки израильтянъ проникли въ Крымъ съ войсками Кира и Дарія Гистаспа. Но намъ кажется, что если можно еще допускать появленіе евреевъ въ Крыму съ Даріемъ, то отнесеніе этого факта ко времени Кира болѣе чѣмъ сомнительно, такъ какъ племена, въ борьбѣ съ которыми погибъ основатель персидскаго могущества, занимали окрестности Аральскаго моря. Вѣроятнѣе предполагать, что эмиграція караимовъ въ Крымъ началась въ эпоху римскаго владычества надъ Палестиной; тогда понятно будетъ, почему древнѣйшіе надписи, найденныя извѣстнымъ археологомъ-караимомъ А. Фирковичемъ, относятся лишь къ 8-му и 30 му году по Рождествѣ Христовомъ, и почему не встрѣчается памятниковъ болѣе ранняго времени. Такъ или иначе, но пребываніе караимовъ въ Крыму въ до-христіанское время

доказано авторомъ весьма убѣдительно и едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Но Крымъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мѣстомъ ссылки первыхъ христіанъ, а потому ученіе Христа, при своемъ распространеніи, должно было столкнуться съ закономъ Моисея и это столкновеніе выразилось въ попыткѣ караимовъ обратить въ свою вѣру козаръ, для огражденія которыхъ крымскіе христіане и вызвали свв. Кирилла и Меѳодія. Занятіе караимовъ торговлей весьма рано могло привести ихъ въ Кіевъ, гдѣ они и предлагали свою вѣру св. Владиміру а потомъ подвергались укорамъ со стороны препод. Ѳеодосія. Хотя это мнѣніе намъ кажется весьма правдоподобнымъ, но не лишено основанія и другое, по которому допускается, что въ Кіевъ могли проникнуть и евреи талмудисты вслѣдствіе частыхъ и несомнѣнныхъ сношеній южной Руси съ западомъ. Во всякомъ случаѣ, почтенный авторъ выдвигаетъ интересный вопросъ въ исторіи русскихъ евреевъ.

Говоря о евреяхъ и еврейской колоніи въ Кіевѣ, о. Климентъ высказываетъ догадку, что эта колонія и упоминаемыя лѣтописью жидовскія ворота находились у Днѣпра, близъ древняго села Берестова. Но въ пользу его догадки можетъ быть приведено доводомъ только хожденіе по ночамъ преподобнаго Ѳеодосія къ евреямъ для преній о вѣрѣ, между тѣмъ какъ и Закревскій и Максимовичъ согласно утверждаютъ, что жидовскія ворота это тѣ-же львовскія и находились за оградой софійскаго собора; мнѣніе этихъ двухъ ученыхъ кажется намъ болѣе вѣроятнымъ.

Не менѣе любопытное изслѣдованіе, хотя также основанное болѣе на предположеніяхъ, нежели на твердыхъ научныхъ данныхъ, представляетъ вторая выше названная брошюра того-же автора—о пещерныхъ храмахъ въ Крыму, которые о. Климентъ имѣлъ случай наблюдать на обратномъ пути своемъ изъ Іерусалима чрезъ Крымъ въ Кіевъ. Храмы эти, по словамъ одного путешественника XVII в., пронизываютъ горы, «подобно стрижамъ (гнѣздамъ ласточекъ), комора объ комору, высоко и низко, на полверсту и больше». Устройство ихъ во многомъ отличается отъ храмовъ позднѣйшаго времени, главное-же ихъ отличіе заключается въ устройствѣ алтарей. «Вмѣсто иконостаса здѣсь стоитъ каменная преграда во всю высоту пещернаго храма. Преграда эта изсѣчена въ самой скалѣ, а за нею далѣе изсѣченъ малый алтарь храма. Вмѣсто царскихъ вратъ въ преградѣ изсѣчены изъ монолита двѣ колонны во всю высоту пещернаго храма. Сѣверныхъ и южныхъ вратъ вовсе нѣтъ (такое-же устройство алтарной преграды авторъ видѣлъ и въ древнемъ контскомъ храмѣ въ Каирѣ). На томъ мѣстѣ, гдѣ у насъ обыкновенно поставляются

мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери, здѣсь въ монолитной преградѣ высѣчены два окна. Чрезъ правое окно можно было принимать исповѣдь кающихся, чрезъ лѣвое—поминовеніе на проскомидіи. Устройство престола имѣетъ ту выдающуюся особенность, что онъ непосредственно присоединенъ къ восточной стѣнѣ и есть небольшой камень, высѣченный въ самой скалѣ. Такъ устроены престолы во всѣхъ пещерныхъ храмахъ въ Крыму. По правую сторону престола, съ боку его, а не на горнемъ мѣстѣ, высѣчено изъ камня сѣдалище для священнослужащаго. Алтарь храма такъ малъ, что, сидя на этомъ сѣдалищѣ, священнодѣйствующій могъ принимать чрезъ правое окошко и исповѣдь». Въ этихъ храмахъ всегда устраивались усыпальницы и теперь въ нихъ постоянно находятъ черепы и другія части человѣческаго скелета. Надъ престоломъ выдалбливались ниши, служившія для мощей святыхъ. Многія изъ пещеръ украшены фресками, которыя авторъ относитъ къ тому-же времени, какъ и кіево-софійскія. Изъ этого описанія крымскихъ храмовъ нельзя, намъ кажется, не видѣть большаго сходства въ устройствѣ ихъ съ храмами въ римскихъ катакомбахъ, относящимися приблизительно къ тому-же времени, какъ и пещерные. Авторъ не ставитъ своей задачей этого сравненія, также какъ и разрѣшенія вопроса о томъ, составляютъ-ли пещерные храмы вторую ступень въ развитіи церковно-архитектурнаго искусства, или-же различіе между ними и храмами римскихъ катакомбъ зависитъ отъ условій мѣста и обстоятельствъ, въ которыя поставлены были ссыльные христіане на нашемъ полуостровѣ, но предоставляетъ это труду будущихъ изслѣдователей, людей, спеціально подготовленныхъ для этой цѣли; своей-же брошюрой онъ хотѣлъ только вызвать вниманіе послѣднихъ къ этимъ древнимъ святынямъ, и мы вполнѣ присоединяемся къ желанію автора, чтобы она достигла указаннаго назначенія и вызвала-бы всестороннее изученіе пещерныхъ храмовъ въ церковно-археологическомъ отношеніи [1]). Но брошюра имѣетъ и практическое значеніе, какъ руководство при ознакомленіи въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи съ моделями крымскихъ пещерныхъ поселеній и храмовъ. Въ этомъ музеѣ хранится довольно полная коллекція гипсовыхъ слѣпковъ съ крымскихъ древностей. Гипсовыя модели пещерныхъ жилищъ и храмовъ были сдѣланы художникомъ-археологомъ Струковымъ и пріобрѣтены императорскою академіею

---

[1]) Въ прошломъ году, на археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ, однимъ изъ членовъ его, протоіерсемъ Чепурнымъ сдѣланъ былъ докладъ объ этихъ храмахъ, съ представленіемъ снимковъ стѣнной фресковой живописи.

художествъ, гдѣ они были помѣщены въ архитектурномъ музеѣ. Въ мартѣ 1882 года модели были пожалованы церковно-археологическому обществу при кіевской академіи августѣйшимъ покровителемъ этого общества великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ и составляютъ теперь одно изъ лучшихъ украшеній академическаго музея.

И. Каманинъ.

Межигорская старина. Кіевъ. 1885.

«Губернскія Вѣдомости» съ давнихъ поръ время отъ времени помѣщаютъ на своихъ страницахъ документы, касающіеся мѣстной исторіи. Подольскія «Губернскія Вѣдомости» съ нынѣшняго года открыли для этого у себя особый отдѣлъ и издаютъ акты въ видѣ приложеній; но объ этомъ скажемъ особо. Подобныя работы входятъ существенно въ программу «Губернскихъ Вѣдомостей» и можно лишь радоваться, если эти мѣстныя изданія приближаются и въ этомъ къ прямой своей задачѣ. Успѣхъ зависитъ отъ богатства мѣстныхъ архивовъ, отъ умѣнья сдѣлать надлежащій выборъ, хорошей группировки, равно отъ нѣкоторой обработки и освѣщенія печатаемаго матеріала.

Кіевскія «Губернскія Вѣдомости», въ теченіи 50-ти лѣтняго своего существованія, много разъ принимавшіяся за это дѣло, въ послѣдніе годы посвятили ему особенное вниманіе. Только что окончился въ нихъ печатаніемъ рядъ дѣлъ, касающихся древнѣйшаго въ южной Руси Кіево-межигорскаго монастыря, и отдѣльные оттиски ихъ дали брошюру, заглавіе которой мы выше привели. Брошюра заключаетъ въ себѣ 86 страницъ; въ ней помѣщено 11-ть дѣлъ въ извлеченіи и сокращеніи. Итакъ, мы имѣемъ еще одинъ сборничекъ матеріаловъ для исторіи Кіева и его окрестностей, въ частности одной изъ древнѣйшихъ нашихъ обителей.

Напечатанныя дѣла извлечены изъ обрывковъ старого архива кіевскаго губернскаго правленія, о судьбѣ котораго намъ не разъ приходилось говорить. Одно можно повторить: напечатанное теперь погибло-бы, быть можетъ, завтра, если бы не было напечатано.

Все это дѣло рукъ того же редактора неофиціальной части Кіевскихъ «Губернскихъ Вѣдомостей», г. Андріевскаго, о нарочитыхъ выпускахъ подобныхъ матеріаловъ котораго столько уже разъ говорилось у насъ,—дѣло привычное, умѣлое, производимое скоро, безъ особыхъ хлопотъ и затратъ. Дѣйствительно, надо имѣть большую сноровку, чтобы справляться съ многосложными и многословными архивными дѣлами, не выходящими изъ ряда обыкновенныхъ текущихъ дѣлъ. Г. Андріевскій прибѣгаетъ въ

своихъ изданіяхъ къ сокращеніямъ, притомъ двухъ родовъ: сокращаетъ отдѣльныя, постоянно повторяющіяся слова, каковы въ особенности названія разныхъ правительственныхъ учрежденій, обозначая ихъ нерѣдко одними начальными буквами, опускаетъ длинные титулы, вообще начало бумагъ и не менѣе длинные заключенія и подписи,—выпускаетъ и цѣлыя бумаги, служащія лишь переходомъ дѣла изъ одной инстанціи въ другую, обозначая кратко самый переходъ, судъ дѣла и его результаты. Съ такою экономіею отпечатанная, небольшая съ виду брошюрка даетъ много цѣннаго и весьма любопытнаго матеріяла.

Въ напечатанныхъ 11-ти дѣлахъ давно уничтоженная древнѣйшая наша обитель проходитъ предъ нами на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ, какъ живой человѣкъ, со всѣми ея достатками, имуществомъ и учрежденіями, помѣщеніями и обстановкой, съ трудящимися въ ней людьми, живущими и умирающими, съ ея заботами, печалями и радостями, съ ея правами и привилегіями, то оспариваемыми, то утверждаемыми и въ общемъ очерчивающими ея судьбу въ теченіи вѣковъ,—съ ея наконецъ святымъ призваніемъ, подвигами и страданіями, и въ тоже время гнѣздившимися въ ней людскими пороками и слабостями.

Установилось въ южно-русской нашей исторіи мнѣніе, что межигорская обитель была метрополіею для Запорожья и что въ нее удалялись запорожцы на обѣтъ и послушаніе, для спасенія своей души. И что-же? первое изъ напечатанныхъ въ «Межигорской Старинѣ» дѣлъ, озаглавленное: «*Послушники межигорскаго монастыря запорожцы на рыбной ловлѣ въ дачахъ кіево печерскаго монастыря*, случайно выдвигаетъ главныхъ пять, а всѣхъ вообще 14 запорожцевъ, одновременно скопившихся въ Межигорьѣ на послушаніи. А читая кратко изложенное дѣло видишь въ этихъ послушникахъ истыхъ сѣчевиковъ. За плохимъ вѣроятно уловомъ рыбы на собственныхъ водахъ, эти послушники-сѣчевики, залечивавшіе въ обители свои боевыя раны, подъ начальствомъ то іеромонаха Ѳеодосія, то монаха Якова, быть можетъ также сѣчевиковъ, на трехъ дубахъ, съ неводомъ, ружьями и дубинами, день за днемъ, въ ночную пору, наѣзжаютъ на лаврскія озера, какъ подъ стѣны Азова или Кизикирменя, и наловивъ рыбы, возвращаются въ свои келіи съ богатою добычею. Но не дремали и печеряне. На защиту лаврскаго добра сталъ полатный іеромонахъ Поликарпъ и 2 сентября 1739 г., вооруживъ болѣе 50 лаврскихъ подданныхъ, разбилъ отважныхъ межигорцевъ, и захвативъ пятерыхъ изъ нихъ въ плѣнъ, засадилъ ихъ въ лаврскую тюрьму, а затѣмъ препроводилъ ихъ въ кіево-губернскую канцелярію. Результатомъ такого неудачнаго для межигорцевъ похода было то, что 14 изъ нихъ попросились въ дѣйствующую гр. Миниха армію, куда вѣроятно и были от-

правлены.—Въ томъ-же родѣ дѣло подъ № VII о защитѣ межигорскими монахами смежной съ ихъ монастыремъ лѣсной пущи, которую оспаривалъ у него кіевскій магистратъ и которую подвладные ему мѣщане кіевскихъ предмѣстій Куреневки и Пріорки стали вырубать. Тутъ храбро и отважно дѣйствуетъ полатный іеродіаконъ Іероѳей: въ мірскомъ платьѣ, съ пистолетами вокругъ всего пояса, съ 70-ю монастырскими слугами и подданными, вооруженными списами и дубинами, онъ, съ тактикою военною, зашелъ въ тылъ мѣщанамъ, рубившимъ пущу, напалъ на ихъ домы, разграбилъ ихъ имущество, нападалъ на ихъ хутора съ ожесточенною стрѣльбою и т. д.—Какой богатый матеріалъ для характеристики порядковъ, монастырскихъ и общественныхъ нравовъ того времени!—Производившееся по этому поводу между межигорскимъ монастыремъ и кіевскимъ магистратомъ исковое дѣло, проходившее много инстанцій и неоконченное еще и въ 1780 г., за 6-ть лѣтъ до упраздненія монастыря, воспроизводитъ длинную его исторію и даетъ множество свѣдѣній не только для нея, но вообще и для исторіи края.

Минуемъ другія, весьма интересныя въ томъ или другомъ отношеніи дѣла, помѣщенныя въ «Межигорской Старинѣ»; но не можемъ обойти молчаніемъ крайне характернаго дѣла подъ № X «о смертномъ убивствѣ кіево-межигорскаго монастыря подданными заграничнаго с. Карапышева шляхтича Адама Лясковскаго». Жена этого шляхтича, по неизвѣстнымъ причинамъ, бѣжала отъ него и скрывалась близъ монастыря межигорскаго въ с. Петровцахъ. Мужъ провѣдалъ о томъ и явился для розысковъ; но какъ село подвластно было монастырю, то надо было обратиться въ монастырь какъ за благословеніемъ архимандрита, такъ и за полученіемъ ближайшихъ свѣдѣній о бѣжавшей. Много водки и вишневки истрачено было шляхтичемъ Лясковскимъ на развѣдки, много мелкихъ чертъ внутренней жизни обители всплыло при этомъ. Лясковскій открылъ наконецъ убѣжище своей жены; въ захватѣ оной въ ночную пору взялись помочь ему монастырскіе послушники Иваницкій, гулящій дьячекъ изъ гетманщины, и б. запорожецъ Перехристъ. Но ихъ прельстили богатые пистолеты шляхтича и они зарѣзали его ночью въ лѣсу, на пути къ убѣжищу его жены. Условившись объ убійствѣ, они цѣловали крестъ, бывшій на шеѣ у Перехриста, что не станутъ другъ друга выдавать. Перехристъ былъ изъ жидовъ г. Збаража, въ 1732 г. попалъ въ плѣнъ къ запорожцамъ, ими крещенъ, грамотѣ обученъ и принятъ въ «товариство». Когда Иваницкій не соглашался на убійство, ради смертности сего грѣха, Перехристъ истинно по-запорожски убѣждалъ его: *за ляха-де гріха не будетъ.*

Послѣднее, помѣщенное въ настоящемъ изданіи дѣло выдвигаетъ предъ нами давно знакомую намъ по исторіи кіевской академіи личность Анны Гулевичевой-Лозкиной, пожертвовавшей въ 1615 г. свой дворъ въ Кіевѣ на Подолѣ для кіево-братскаго монастыря и его школы, впослѣдствіи академіи. Теперь, въ 1651 г., она, подчашина кіевская, по 2-му мужу Козинская, находится во «всекрайнѣйшей нуждѣ», беретъ у межигорскаго игумена Варнавы Лебедевича въ займы 2 тысячи злотыхъ и въ залогъ и за проценты (7% со ста) отдаетъ монастырю свою слободку Красную Луку со всѣми ея доходами и желѣзною рудою впредь до выплаты долга.

К. Цыбульскій.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

МОЛДАВСКІЯ СВѢДѢНІЯ О МѢСТѢ ПОГРЕБЕНІЯ И МОГИЛѢ МАЗЕПЫ.

Послѣ бѣгства Карла XII изъ-подъ Полтавы въ турецкіе предѣлы, Мазепа умеръ въ лагерѣ шведскаго короля около Бендеръ, въ селѣ Варницѣ. Мѣсто его погребенія оставалось долго неизвѣстнымъ. Бантышъ-Каменскій, описавшій подробно похороны Мазепы на основаніи извѣстій, заимствованныхъ Энгелемъ изъ шведскихъ источниковъ, высказалъ предположеніе о мѣстѣ его погребенія въ слишкомъ положительной формѣ, утверждая, что «тѣло Мазепы предано въ землѣ въ Варницѣ близъ Бендеръ» [1]). Свѣдѣніе это повторилъ Николай Маркевичъ въ своей «Исторіи Малороссіи» еще въ болѣе положительной формѣ; описавъ похороны со словъ Бантышъ-Каменскаго, Маркевичъ заключаетъ разсказъ словами: «Онъ лежитъ въ Варницѣ близъ Бендеръ» [2]). Н. И. Костомаровъ въ первомъ изданіи своей монографіи о Мазепѣ повторилъ мнѣніе Бантышъ-Каменскаго о похоронахъ въ Варницѣ, но, нашедши въ шведскихъ источникахъ ошибочное свѣдѣніе о переносѣ тѣла гетмана въ Яссы, старался помирить оба извѣстія; вслѣдствіе этого онъ говоритъ: «Его (Мазепу) опустили въ землю недалеко отъ королевскаго стана въ Варницѣ, близъ Бендеръ, но, спустя немного времени,

---

1) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, т. III, стр. 124 и примѣч. 187.

2) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. II, стр. 505.

перевезли гробъ его въ Яссы и тамъ совершили торжественные похороны». Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе похоронъ по извѣстіямъ Энгеля, Бантыша и шведскихъ мемуаровъ). Между тѣмъ мнѣніе, высказанное Бантышемъ, мало по малу распространилось среди публики; туристы заѣзжали по временамъ въ Варницу и разыскивали мѣсто погребенія Мазепы—таковымъ признали древній, дохристіанскій, полуосыпавшійся курганъ на берегу Днѣстра [1]) и на немъ предавались размышленіямъ о судьбѣ Мазепы и суетѣ земнаго величія.

Ошибка Бантыша первый разъ была обнаружена въ «Кіевской Старинѣ» 1883 года; здѣсь былъ напечатанъ допросъ, снятый съ одного изъ болѣе видныхъ сторонниковъ Мазепы—Григорія Павловича Герцыка, который въ 5 пунктѣ своего отвѣта показалъ, что послѣ смерти Мазепы племянникъ послѣдняго Войнаровскій посылалъ Герцыка съ двумя «челядниками» провожать тѣло Мазепы изъ Бендеръ въ Галацъ, «гдѣ тамошнимъ митрополитомъ тотъ трупъ тамо похороненъ» [3]). Въ виду этого извѣстія Н. И. Костомаровъ въ второмъ изданіи «Мазепы» съ свойственною ему научною добросовѣстностью отстранилъ мнѣніе Бантыша о погребеніи въ Варницѣ и шведскія извѣстія о похоронномъ торжествѣ въ Яссахъ и призналъ Галацъ мѣстомъ погребенія умершаго гетмана [4]).

Такимъ образомъ былъ констатированъ фактъ погребенія Мазепы въ Галацѣ; гораздо болѣе подробный разсказъ объ этомъ фактѣ и о послѣдующей судьбѣ Мазепиной могилы мы нашли недавно въ румынскихъ источникахъ. Нѣсколько отрывковъ изъ молдавскихъ лѣтописей, или точнѣе мемуаровъ, относящихся къ исторіи первой четверти XVIII в., изданы были во французскомъ переводѣ маіоромъ Кагальничано въ Яссахъ въ 1845 году, подъ заглавіемъ: «Отрывки изъ молдавскихъ и валанскихъ хроникъ, какъ матеріалы для исторіи Петра Великаго, Карла XII, Станислава Лещинскаго, Димитрія Кантемира и Константина Бранкована» [5]). Во второмъ изъ отрыв-

[1]) Костомаровъ, Мазепа, изданіе 1883 г., стр. 438—439.

[2]) Лозанасьевъ-Чужбанскій, Поѣздка въ южную Русь, т. II, стр. 388.

[3]) «Кіевская Старина», мартъ 1883 г., стр. 600.

[4]) Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, изданіе 1885 г., стр. 582.

[5]) Fragments, tirés des chroniques Moldaves et Valaques pour servir à l'histoire de Pierre le Grand, Charles XII, Stanislas Leszchyński,

ковъ, помѣщенныхъ въ этомъ изданіи, извлеченномъ изъ хроники Николая Костина, великаго логофета Молдавіи (1662—1711) находимъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія о смерти и погребеніи Мазепы:

«18 марта 1710 года умеръ въ Бендерахъ гетманъ Мазепа. Похоронный обрядъ былъ совершенъ въ приходской церкви села Варницы около Бендеръ, затѣмъ его тѣло отправлено въ Галацъ, гдѣ оно было похоронено въ монастырѣ св. Георгія; но даже въ могилѣ Мазепа не нашелъ спокойствія, которымъ не пользовался при жизни. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ похоронъ, во время прутской кампаніи, бывшей при господарѣ Дмитріѣ Кантемирѣ, турки заняли и разграбили городъ Галацъ; они отрыли тѣло Мазепы, разсчитывая найти большія сокровища въ его могилѣ и, какъ говорятъ, выбросили его кости на берегъ Дуная. Утверждаютъ, что послѣ его смерти у него нашли сумму въ 160,000 золотыхъ червонцевъ и, сверхъ того, значительное количество серебряной монеты; но изъ нихъ 40,000 червонцевъ взялъ Карлъ XII, остальное-же имущество досталось его племяннику Войнаровскому» [1]).

Заинтересованный этимъ извѣстіемъ издатель отрывковъ, г. Кагальничано, нарочно отправился въ Галацъ для провѣрки извѣстія на мѣстѣ и для собранія свѣдѣній о современномъ ему состояніи мазепиной могилы. Вотъ интересныя и подробныя свѣдѣнія, которыя ему удалось собрать въ Галацѣ о дальнѣйшей судьбѣ гробницы злополучнаго гетмана:

«Монастырь св. Георгія въ Галацѣ—старинное зданіе, расположенное въ прекрасной мѣстности на берегу Дуная; зданіе само построено генуезцами еще раньше того времени, когда возникло молдавское господарство. Гетманъ Мазепа былъ похороненъ въ немъ на самой серединѣ церкви въ склепу, сложенномъ изъ кирпичей, надъ нимъ въ полу церкви положена была надгробная плита съ надписью и гербомъ Мазепы, на которомъ, между прочими эмблемами, былъ изображенъ одноглавый орелъ. Вѣроятно послѣ опустошенія Галаца турками гробница гетмана была возстановлена его приверженцами, ибо надгробная плита, хотя разбитая, до недавняго

Démètre Cantimir et Constantin Brancovan par le major M. Kagalnicean, Jassi. 1845.

[1]) Тамже, стр. 91—92.

еще времени находилась посреди церкви; надпись мало по малу истерлась отъ хожденія по ней, но изображеніе орла на гербѣ можно было ясно различить. Въ 1835 году греческіе монахи не знали уже имени лица, погребеннаго въ ихъ церкви; въ этомъ году они хотѣли похоронить среди церкви умершаго тогда бояра, называвшагося сердарь Димитрій Дерекчи баша; приготовляя для него могилу, наткнулись на сводъ мазепинскаго склепа и открыли его; внутри оказался черепъ и скелетъ гетмана, монахи отодвинули въ сторону невѣдомые имъ останки и въ томъ-же склепу положили тѣло упомянутаго бояра. Нѣсколько лѣтъ спустя молдавское правительство издало указъ, воспрещавшій хоронить мертвыхъ внутри церковныхъ зданій; тогда родственники Дерекчи-баши открыли гробницу его, вынули его останки, вмѣстѣ съ костями Мазепы и, отслуживъ панихиду, перенесли ихъ въ новую гробницу, приготовленную внѣ церкви на право отъ входа. Тогда-же снята была и старая разбитая надгробная плита и въ качествѣ историческаго памятника подарена Михаилу Гикѣ, брату бывшаго молдавскаго господаря, собиравшему историческій музей. Вѣроятно понынѣ она находится въ его дворѣ среди множества другихъ камней съ надписями и изваяніями, которые онъ собиралъ на пространствѣ всего молдавскаго княжества».

«Такъ какъ на старой надгробной плитѣ явственно можно было отличить орла, то родственники Дерекчи-баши, заказавъ новую плиту изъ бѣлаго мрамора, приказали на ней вырѣзать такое-же изображеніе, въ воспоминаніе лица, случайно раздѣлившаго могилу близкаго имъ человѣка; но рѣзчикъ, не заботясь о геральдической точности, изобразилъ, вмѣсто прежняго двуглаваго, австрійскаго орла. Плиту эту можно видѣть понынѣ по правую сторону у входа въ церковь; я ее осматривалъ въ настоящемъ году (1845), когда ѣздилъ въ Галацъ съ цѣлью произвести на мѣстѣ разысканія относительно останковъ Мазепы» [1]).

Такимъ образомъ, благодаря научной пытливости г. Кагальничано, собраны на мѣстѣ свѣдѣнія о судьбѣ мазепиной гробницы до 1845 г. Мы не знаемъ, какая судьба постигла за истекшія 40 лѣтъ музей Михаила Гики и хранившуюся въ немъ плиту,—не знаемъ

---

[1]) Ibid., стр. 91—92 примѣчаніе.

также, есть-ли въ церковныхъ книгахъ монастыря св. Георгія современная происшествію запись о похоронахъ Мазепы; но, благодаря точнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Кагальничано, полагаемъ, что всякій путешественникъ, заинтересованный южно-русскою стариною, весьма легко можетъ собрать въ Яссахъ и Галацѣ недостающія намъ свѣдѣнія.

В А

СЕРБЫ ВЪ КІЕВѢ.

Подъ такимъ заглавіемъ была уже напечатана въ «Кіевской Старинѣ» (см. февральск. кн. 1885 г.) небольшая замѣтка, составленная на основаніи сообщенныхъ мною автору ея документовъ, характеризующихъ «нѣкоторыя стороны внутренней жизни будущихъ колонистовъ, ихъ взаимныя отношенія и самый способъ ихъ отправленія». Въ настоящее время я нашелъ нѣсколько документовъ, характеризующихъ до нѣкоторой степени отношенія переселявшихся въ Россію сербовъ къ мѣстному населенію во время пребыванія ихъ въ г. Кіевѣ. Эти-то отношенія, насколько онѣ сказываются въ найденныхъ мною документахъ, и служатъ предметомъ настоящей замѣтки.

Рѣчь идетъ о той колонизаціи австрійскими сербами сѣверной части Новороссіи, которая задумана была нашимъ правительствомъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, въ царствованіе императрицы Елисаветы. Послѣ обнародованія откровенныхъ записокъ одного изъ дѣятелей этой колонизаціи, Пишчевича, не остается уже никакого сомнѣнія въ томъ, что это была одна изъ неудачнѣйшихъ мѣръ правительства и что призванные, точнѣе принятые имъ тогда «братушки», облеченные у насъ полковничьими и генеральскими чинами, были не что иное, какъ ловкіе авантюристы, проще сказать, проходимцы, нарушившіе покой страны, наводнившіе ее невозможнымъ сбродомъ буйныхъ и преступныхъ людей разныхъ національностей, добившіеся незаслуженныхъ почестей и богатствъ и поглотившіе безъ пользы и нужды огромныя суммы государства.

Какъ кажется, сборнымъ пунктомъ для прибывавшихъ въ Россію сербовъ былъ назначенъ Кіевъ; здѣсь комплектовались и долгое время оставались команды генерала Хорвата и Шевича съ Прерадовичемъ.

Понятно, что переселявшіеся къ намъ «братушки» далеко не были пріятными гостями для мѣстнаго населенія; послѣднему прежде всего пришлось крѣпко потѣсниться для нихъ, довольно долго нести обременительную постойную повинность. Столкновенія изъ-за этого начались, можно сказать, съ первыхъ-же дней появленія сербовъ въ Кіевѣ и поселили между ними и кіевскими обывателями враждебныя чувства, выразившіяся вскорѣ въ нѣкоторомъ издѣвательствѣ послѣднихъ надъ своими гостьми.

Прибывъ въ Кіевъ въ октябрѣ 1751 года, сербы команды генерала Хорвата въ генварѣ 1752 г. формально жалуются генералъ-губернатору Леонтьеву на то, что-де «подольскіе обыватели и многіе студенты не малое посмѣятельство имъ чинятъ и съ великимъ поруганіемъ называютъ ихъ женъ цыганками, потому что они имѣютъ на головѣ уборъ, булавками заткнутой, и будто-бы пріѣхали сюда булавками торговать». Объ этихъ насмѣшкахъ заявляла и сама генеральша Хорватова, прося, чтобы «женской полъ отъ такого ругателного посмѣятелства защищенъ былъ». Согласно требованію Леонтьева, кіевскій магистратъ разослалъ по всѣмъ цехамъ и сотнямъ особыя «притвержденія», чтобы обыватели обходились съ сербами «по единовѣрію дружелюбно и ласково, а не грубіянски».

Но слишкомъ продолжительное пребываніе сербовъ не могло благопріятствовать развитію этого «дружелюбія» и магистратъ самъ въ теченіи трехъ лѣтъ посылалъ въ правительствующій Сенатъ нѣсколько разъ ходатайства объ освобожденіи города отъ безпокойныхъ квартирантовъ, которые-де «неудобь сносніе магистрату и мѣщанству обиды и озлобленія дѣлаютъ».

Въ маѣ мѣсяцѣ 1753 года магистратъ снарядилъ особую депутацію въ Петербургъ по своимъ дѣламъ и въ жалобѣ, поданной въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, которая вѣдала сербскихъ выходцевъ, настойчиво просилъ освободить городъ отъ сербовъ, «отъ которыхъ онъ поноситъ всякія нужды, разоренія, пакости и крайнее поруганіе». Магистратъ заявлялъ, что сербы самовольно заняли и опустошили городскіе сѣнокосы, что для отопленія квартиръ сербовъ, въ виду бѣдности обывателей, на счетъ города выдавались дрова, что, вмѣсто всякой благодарности, магистратъ и мѣщанство встрѣчаетъ со стороны сербовъ и ихъ начальства однѣ обиды и разоренія.

Столкновенія между сербами и кіевлянами возникали постоянно въ массѣ ежедневныхъ, житейскихъ случайностей. Сербы чувствовали себя въ положеніи привилегированномъ и давали это чувствовать кіевскимъ обывателямъ; послѣдніе въ свою очередь не могли понять, за что обрушилось на нихъ столь продолжительное и тяжелое бремя, какъ постойная и другія повинности въ пользу сербовъ. Взаимное раздраженіе усиливалось значительно распущенностію и своеволіемъ сербской команды, въ большей части холостой.

Въ октябрѣ 1753 года какой-то сербскій гусаринъ поселился самовольно у кіевскаго мѣщанина Герасима Чикирденка. Этотъ гусаринъ, какъ жаловался на него Чикирденко, «напиваясь пьянъ, жену его, сосѣдокъ двохъ и наемницу дивчину силился потчевать горѣлкою и нѣкоторые онимъ по прихоти своей оказывалъ поступки». Хозяинъ попытался было воздержать своего квартиранта отъ нескромностей, разогнавшихъ со двора всѣхъ женщинъ; но тотъ, «обнажа шаблю и зъ обухомъ шатаясь, окна повыбивалъ, посуду побилъ и за нимъ, Герасимомъ, гонялся съ шаблею, почему и принужденъ гвалтъ кричать». Жалоба эта, вмѣстѣ съ обухомъ и обнаженною шаблею, представлена была уже изъ магистрата въ кіево-губернскую канцелярію съ просьбой «дать руку помощи» вообще противъ сербскихъ гусаръ, чтобы они «самоволствъ производить не дерзали».

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1754 года обнаружилось столкновеніе между сербами и однимъ изъ магистратскихъ чиновниковъ, по всей вѣроятности, подготовленное намѣренно и бывшее послѣдствіемъ возникшихъ раньше взаимныхъ обидъ.

Однажды вечеромъ сошлись на межигорской улицѣ, близъ церкви Воскресенія Христова, магистратскій инстигаторъ Яковъ Павловскій и мѣщанинъ Иванъ Лукавый; невдалекѣ отъ церкви, близъ «неуказного шинку» сотника кіевскаго Павла Гудима, они замѣтили какого-то человѣка, «зъ бородою притворною, зъ лна или клочча здѣланною, и на шіи зъ брижамы зъ нѣякогось рубища обвѣшенними, зъ капелюшомъ распростертимъ, въ свиту одѣтого, вовся подобію жида». Инстигаторъ сталъ присматриваться, недоумѣвая, «что ето за позорище и кто онъ страннообразенъ», а мѣщанинъ Иванъ Лукавый подошелъ было уже поближе; но тутъ «оное бородатое позорище зъ нѣякимсь гусаромъ, напавъ на оного

Ивана, обваливъ на землю, били до полусмерти». Павловскій подбѣжалъ на выручку; тогда «бородатій», снявъ бороду и брижи, бросилъ ихъ на землю и накинулся на Павловскаго, для котораго теперь ясно стало, что онъ имѣетъ дѣло съ сербомъ. Между тѣмъ изъ сотницкаго шинка выбѣжалъ капитанъ Станкевичъ (также сербъ) и, «прискакивая зъ многимы навязкамы», схватилъ инстигатора за грудь и приказалъ гусару бить «по головѣ нещадно». На крикъ сбѣжалось «множество другихъ сербовъ съ фузіями» и, толкая Павловскаго въ спину дулами ружей, потащили его «гвалтомъ нахально» во дворъ генералъ-маіора Прерадовича. По дорогѣ, на крикъ Павловскаго и протестъ именемъ императорскаго величества, явились было для обороны гренадеры, стоявшіе на подольской гауптвахтѣ, но сербы не выпускали его изъ своихъ рукъ, отбиваясь и отъ гренадеръ и отъ сбѣжавшагося народа, охраненію котораго Павловскій и приписывалъ свое спасеніе отъ «всеконечной смерти». Тутъ-же на улицѣ встрѣтилъ эту процессію сынъ генерала Прерадовича, маіоръ Георгій Прерадовичъ и сталъ наносить Павловскому побои. Открылось, что молодой Прерадовичъ давно питалъ къ инстигатору злобу за то, что тотъ, по должности своей, часто являлся отъ имени магистрата и «смѣло выговаривалъ» по поводу разныхъ безобразій, чинимыхъ обывателямъ командою этого маіора. Павловскаго потащили во дворъ сербскаго генерала; молодой маіоръ и здѣсь всячески бранилъ его «своимъ нарѣчіемъ мерзостно и издѣваясь», называлъ его «гунствотомъ, канальею и шельмою», порывался бить его по щекамъ; но вышла генеральша и сдержала расходившагося сынка. На выручку инстигатора явился наконецъ караульный русской арміи офицеръ и взялъ его подъ свой караулъ.

Этимъ однако дѣло не ограничилось. Въ то время, когда сербы тащили инстигатора Павловскаго во дворъ своего генерала, одинъ изъ кіевскихъ мѣщанъ, нѣкто Алексѣй Нехайкевичъ, выйдя на крикъ изъ дому и возмущенный такимъ «крайнимъ кіевскому мѣщанству безчестіемъ и поругательствомъ», сталъ говорить, что-де «у насъ, когда возьмутъ кого подъ караулъ, хотя й би самого послѣднѣйшого, то уже подъ карауломъ бить не можна, а се человѣкъ также служивый и при магистрату ранговій, также денги по своему рангу казенніе получаетъ, якъ бы и офицеръ, и бить би его, ведучи подъ караулъ, не надобно». За этотъ невинный протестъ досталось и

Нехайкевичу: къ нему, по отводѣ инстигатора, вернулся меньшій сынъ генерала Прерадовича съ другимъ гусаромъ и нанесъ ему немалые побои, которые въ тотъ же день и освидѣтельствованы были «за столника правящимъ капитаномъ» Лбовымъ. «Точію того времени, писалъ черезъ нѣсколько дней въ своей жалобѣ Нехайкевичъ, з горячого часу, что ногу скаличили, той ножной болѣзни не чувствовалъ, а нынѣ съ того бою во все не могу ходитъ».

Возбужденныя этими исторіями жалобы и производившіяся по нимъ слѣдствія въ концѣ концовъ никакой «сатисфакціи» мѣщанству кіевскому не доставляли. Раздраженіе усиливалось и росло, пока наконецъ сербскія команды не двинулись на отведенную имъ землю. Поводомъ къ нему служило и то, что сербскіе командиры, затрудняясь, какъ мы знаемъ изъ записокъ Пишчевича, комплектованіемъ своихъ полковъ, которые они сформировать взялись, сманывали въ свою команду людей и чисто мѣстной, такъ сказать, породы, выдавая ихъ за сербовъ, и эти то «нововписные сербы» представляли изъ себя, какъ видно, элементъ весьма безпокойный, готовый на всякія «шалости» по отношенію къ мирнымъ обывателямъ. Магистратъ кіевскій и жаловался, между прочимъ, на этотъ неблаговидный способъ пополненія сербскихъ командъ. Способъ этотъ практиковался, вѣроятно, и во время слѣдованія сербовъ на мѣста своего поселенія. Такъ жена полковаго эсаула Анастасія Лукашевичева жаловалась на генерала Прерадовича, что онъ во время стоянки своей въ Переяславѣ, принялъ кучера ея, человѣка «породы малороссійской», въ свою команду, въ число сербовъ. Кучеръ этотъ, получилъ слѣдуемую ему за годъ впередъ плату, сбѣжалъ отъ хозяевъ, предварительно ихъ обокравши, и былъ принятъ въ сербскую команду, «какъ иноземецъ». При этомъ, подъ предлогомъ взятія одежды этого «нововписного серба», Прерадовичъ прислалъ въ домъ Лукашевичевой человѣкъ семь гусаръ, которые «гвалтомъ» набѣжали во дворъ, отбивъ ворота, и «чинили немалые съ бранью крики и похвалялись самую Лукашевичеву да и слугъ вбить», такъ что для защиты ея потребовался особый караулъ отъ полковой канцеляріи.

Такъ или иначе сербы оставили наконецъ Кіевъ и двинулись къ Запорожью чрезъ Переяславъ, но и тутъ дали знать себя. Полковники переяславскій Сулима и лубенскій Апостолъ жаловались на причиненныя командою Прерадовича во время слѣдова-

нія ея чрезъ ихъ полки разнаго рода безчинства и разоренія. Нечего и говорить, что командиры нигдѣ не доплачивали слѣдуемыхъ за подводы прогоновъ, совсѣмъ не платили или не доплачивали за поставляемый имъ заблаговременно фуражъ.

Прибывъ въ августѣ 1754 года въ Переяславъ, сербы со своими командирами заняли квартиры «по своей волѣ», не обращая вниманія на «учиненную имъ квартиръ ассигнацію» мѣстною полковою старшиною, «вмѣсто добродѣтельнаго и ласковаго обхожденія, какъ имъ и поступать повелѣно, оказали себя недобропорядочно и поступали съ хозяевами неучтиво и съ явною обидою». Такъ писалъ въ генеральную войсковую канцелярію полковникъ переяславскій Сулима. А магистратъ переяславскій представилъ цѣлый реестръ обидъ, какія причинилъ ему и обывателямъ мѣщанамъ генералъ Прерадовичъ и его команда во время трехдневнаго своего пребыванія въ городѣ (съ 14 по 16 августа). Магистратъ, между прочимъ, не захотѣлъ выдать командѣ, при ея отходѣ, установленной квитанціи въ томъ, что она «никакихъ обидъ и налоговъ не причиняла». По этому поводу явился въ магистратъ сербскій прапорщикъ Дмитрій Марковичъ и, «не почитая онаго яко урядового приказного мѣста», сталъ шумѣть и бранить засѣдавшихъ въ магистратѣ урядниковъ, презрительно относясь къ самой ихъ «малороссійской породѣ». Когда же обиженные урядники спросили его, «въ чемъ тая о малороссійскихъ его рѣчь состоитъ и чѣмъ малороссійцы худы», то прапорщикъ призвалъ вооруженныхъ своихъ гусаръ и велѣлъ имъ поспѣшно забрать стоявшія въ магистратскомъ дворѣ подводы. Пошли было урядники жаловаться къ Прерадовичу, но тотъ никакой «сатисфакціи не учинилъ», подводы велѣлъ забрать и, явившись затѣмъ самъ въ магистратъ и «ходя въ шапкѣ по магистрату, съ крикомъ урядниковъ мерзкими рѣчами бранилъ и кидался бить». Урядники, въ виду такого насилія, «пришли въ немалый страхъ и смятеніе и принуждены были, оставя магистратъ, бѣжать и скриваться».

Въ Переяславѣ же имѣлъ мѣсто такой казусъ. Проживавшій здѣсь «польской націи отставной драгунъ», Казиміръ Тарасовскій въ числѣ «сербской націи», слѣдовавшей черезъ городъ съ генераломъ Прерадовичемъ, «опозналъ собственную свою вѣнчанную жену Агафію Іосифовну», которую и хотѣлъ было задержать; но сербы

этого не допустили и скрывали ее на своихъ квартирахъ во все время пребыванія своего въ Переяславѣ. Тарасовскій обратился за содѣйствіемъ въ полковую канцелярію, но она оказалась въ этомъ дѣлѣ безсильною: только и могла она добиться отъ Прерадовича того, что онъ послалъ двухъ унтеръ-офицеровъ для охраненія квартиры Тарасовскаго, который, сидя подъ карауломъ, и не могъ, конечно, видѣть свой сбѣжавшей съ сербскими гусарами жены.

А. А—скій.

ЗАМѢТКА О ВРЕМЕНИ СМЕРТИ КН. КОНСТАНТИНА ОСТРОЖСКАГО.

Въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» сего 1885 года, въ статьѣ: «Очеркъ исторіи юго-западной Россіи», стр. 700-я, между прочимъ, говорится: «Русскій народъ видѣлъ себя оставленнымъ панами, въ особенности послѣ того, какъ со смертію князя Константина Острожскаго (1608 г.) погибла послѣдняя опора православной вѣры»...

Въ цитированномъ мѣстѣ авторъ категорически утверждаетъ, что годомъ смерти князя Острожскаго былъ упомянутый 1608 годъ. Тоже повторяютъ и другіе историки: М. А. Максимовичъ (Собр. соч., Кіевъ т. I, стр. 189) пишетъ, что князь К. К. Острожскій скончался 1608 года 13 февраля, въ субботу Ѳеодоровой недѣли, на 82-мъ году жизни.

Между тѣмъ въ архивѣ почаевской лавры находится книга, заключающая въ себѣ фундушевые документы бывшихъ дубенскихъ монастырей спасскаго и Честнаго-Креста, № 5/8. Однимъ изъ числа этихъ документовъ подтверждается пожертвованіе отъ предковъ князя спасскому монастырю грунтовъ «на парканю и за брамою луцкою, названное Волици», въ такихъ словахъ: «що разъ уже отдалы на офѣру Богу, такое наше наданіе не повинно нарушонное буты, що хотячы вѣчными часы мѣти, при печати нашой рукою княжою подписуемо во Острогу. Писанъ року Божого тысяча шестсотъ осьмого, мѣсяца декабра дня одинадцатого. Константинъ». Ясно, что князь Острожскій не могъ умереть въ началѣ 1608 года, когда въ самомъ его концѣ, собственноручно подтверждаетъ спасскому монастырю «наданіе» своихъ предковъ; да едва-ли и могъ онъ

умереть въ этомъ году, хотя и былъ въ это время въ глубокой старости. Понятно, что споръ монаховъ съ княжескою администраціею и управителями Дубна, касавшійся грунтовъ и подданныхъ цѣлаго пригороднаго предмѣстья, былъ не изъ пустячныхъ и не могъ миновать личнаго разбирательства князя и разсмотрѣнія имъ предковскихъ записей; но несомнѣнно и то, что, стоя на порогѣ гроба, никто не станетъ заниматься земными дѣлами и вникать въ имущественные интересы, и особенно такой благочестивый, истинный христіанинъ, какимъ былъ князь.

Такимъ образомъ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій скончался послѣ 1608 г.; но когда именно—это задача, разрѣшеніе которой будетъ честью и заслугой предъ отечественной исторіей какого-нибудь труженика или счастливца.

Д. Гродецкій.

25 апрѣля 1885 г.
С.-Петербургъ.

ДАРСТВЕННАЯ ЗАПИСЬ СТАНИСЛАВА ПОТОЦКАГО ВЕРОНИКѢ КРЕПСЪ.

Предсѣдатель винницкаго съѣзда мировыхъ судей П. С. Гаевскій любезно сообщилъ мнѣ нижеслѣдующій актъ, не лишенный историческаго интереса.

Въ 1768 г. во время уманской рѣзни погибла почти вся семья уманскаго губернатора Младановича. Спасенная малолѣтняя дочь его Вероника вышла впослѣдствіи замужъ за шляхтича Яна Крепсъ; будучи уже въ замужествѣ, составила она записки о пережитыхъ ею ужасныхъ дняхъ, полныхъ кровавыхъ сценъ. Записки эти до сихъ поръ составляютъ цѣнный матеріалъ для исторіи этихъ событій. Судьба самой Крепсъ мало извѣстна. Изъ предлагаемаго документа видно, что мужъ ея находился на службѣ у владѣтеля Умани Потоцкаго, который счелъ нужнымъ даже наградить его за особыя заслуги, предоставивъ ему и его женѣ въ 1780 году въ полную собственность участокъ земли въ г. Тульчинѣ на предмѣстьи Воловодовка. Крепсы однако не долго удержали усадьбу въ своихъ рукахъ и въ 1791 году переуступили ее французскому генералу Іосифу-Антону де Ферраръ графу де-Понмартенъ, который черезъ

полтора года продалъ ее графу Адаму Мощинскому.—Приводимъ текстъ этого акта въ переводѣ съ польскаго оригинала на русскій языкъ.

Я Станиславъ на Кристинополѣ, Тартаковѣ, Тульчинѣ, Могилевѣ, Браиловѣ и Умани Потоцкій, белзскій, сокальскій, грубешовскій etc. староста и орденовъ Бѣлаго Орла и св. Станислава кавалеръ.

Всѣмъ вообще и каждому въ особенности, кому-бы о томъ вѣдать надлежало, а именно ихъ милостямъ панамъ комиссарамъ, экономамъ, губернаторамъ и всякихъ названій управителямъ въ моихъ украинскихъ имѣніяхъ, нынѣшнимъ и будущимъ, извѣстнымъ дѣлаю, что, во вниманіе къ заслугамъ вельможнаго пана Крепса, дарю ему и женѣ его плацъ на дворъ въ родовомъ моемъ имѣніи, г. Тульчинѣ, находящійся на предмѣстьѣ Воловодовцѣ, близъ тамошняго пруда и мельницы расположенный, начиная въ ширь отъ рѣчки при греблѣ до усадьбы Федька Хворостяного, а въ длину отъ дороги, идущей отъ Войтовки чрезъ всю леваду и до саду Красницкаго и Максима Тесля,—даю на вѣчныя времена, освобождая ихъ и ихъ наслѣдниковъ отъ всякихъ податей какъ городскихъ, такъ и экономическихъ, кромѣ общественныхъ, и предоставляя имъ право продать или подарить кому тотъ плацъ; а чтобы это право ни въ чемъ не было нарушено, о томъ объявляю моимъ управителямъ и, съ приложеніемъ моей печати, подписомъ моей руки утверждаю. Данъ въ тульчинскомъ замкѣ 28 февраля 1780 г.

Станиславъ Потоцкій.

На этомъ-же актѣ находится урядовая помѣта о вписаніи онаго въ книги воеводства брацлавскаго, а также передаточныя надписи о переуступкѣ плаца Крепсами графу де-Понмартену, а этимъ послѣднимъ графу Мощинскому.

Приведенный актъ, кромѣ интереса, возбуждаемаго участвовавшими въ немъ личностями, служитъ также иллюстраціей для вопроса объ образованіи частной мелкой собственности въ владѣльческихъ городахъ.

Подаренная Крепсамъ усадьба, переходившая между графами изъ рукъ въ руки и доставшаяся въ концѣ концовъ супругѣ г. Гаев-

скаго въ настоящее время обнимаетъ пространство около 8 десятинъ, лежитъ почти въ центрѣ мѣстечка и составляетъ единственный тамъ участокъ, принадлежащій владѣлицѣ на правѣ собственности, тогда какъ все мѣстечко поселено на чиншевомъ правѣ.

Ц. Г. Нейманъ.

ПОЛЬСКОЕ ПРИВѢТСТВІЕ НАПОЛЕОНУ I ОТЪ ЛИЦА БѢЛОРУССІИ.

Всѣмъ хорошо извѣстны тѣ вожделѣнія, какія возъимѣла, при приближеніи Наполеона 1-го, шляхта не только польскихъ областей, но и областей искони русскихъ, по волею судебъ входившихъ нѣкогда въ черту границъ Рѣчи Посполитой.

Отовсюду стекаются депутаціи людей забывшихъ свою народность, людей говорящихъ рѣчи не отъ имени нѣкогда славнаго и могучаго южно-русскимъ духомъ политическаго организма Великаго Княжества Литовскаго. Нѣтъ, они говорятъ отъ имени народности, погубившей ихъ самостоятельное существованіе, произносятъ рѣчи отъ имени Польши, и въ духѣ вражды и ненависти къ кореннымъ обывателямъ западно-русскаго края, которыхъ не могли не возмущать посягательства шляхты на этнографическое цѣлое ихъ родины.

Въ фамильныхъ нашихъ бумагахъ сохранилась одна изъ такихъ рѣчей, сказанныхъ Наполеону въ Смоленскѣ,—который на дняхъ отпраздновалъ мирное національно-русское торжество постановкой памятника творцу русской оперы. Рѣчь написана и произнесена на французскомъ языкѣ. Она носитъ слѣдующее заглавіе:

«Императору Наполеону депутатовъ могилевской губерніи; произнесено въ Смоленскѣ обознымъ Литовскимъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ, Прозоромъ, обывателемъ могилевской губерніи».

Передаемъ текстъ этой рѣчи въ русскомъ переводѣ того времени.

«Государь! Неудобопонятныя произшествія, съ удивительной стремительностью послѣдовавшія, достигли сей искони свободной земли, коея обыватели, удручаемые сороколѣтнимъ тиранствомъ сосѣдей, нѣкогда своихъ данниковъ, не переставали устремлять очей, преисполненныхъ слезъ, на погибель ихъ отечества. Таково было положеніе Бѣлоруссіи, коея часть составляла могилевская губернія,

препоручившая намъ повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества дань своея вѣрности и преданности.

Благоволи, Государь, развернуть метрики нашего отечества, и на всякой страницѣ твое Величество узритъ кровавымъ почеркомъ напечатлѣнную ненависть противъ нашихъ хищниковъ. Долговременная цѣпь злополучія, обременявшая сію землю, преисполнила одними печальными воспоминаніями сердца жителей, восхищающихся днесь при возсіявшей для нихъ надеждѣ. Провидѣніе, внемля преданію нашему и раскаянію о миновавшихъ упущеніяхъ, удивило на насъ милость свою, низпосылая героя всѣхъ временъ, держащаго твердою рукою вѣсы, на коихъ зыблется судьба народовъ. Государь! Сія книга судебъ предъ тобою отверзта: благоволи внѣдрить въ оную имя отечества нашего. Уже непобѣдимое твое воинство достигло къ крайнимъ предѣламъ постепенно раздираемой Польши, уже подъ преслѣдующею ихъ и мздовоздающею десницею преклоняются виновныя и высокомѣрныя ихъ выи, коихъ надмѣнность кичилась презрѣніемъ и дерзостію питалась; разсѣянныя ихъ силы распространяютъ даже въ собственныхъ ихъ столицахъ ужасъ и трепетъ. Желанія всѣхъ жителей древней Польши нераздѣльны, и вся ихъ надежда на тебя, Великій Монархъ!

Исполняемъ волю соотечественниковъ нашихъ, которые обязали насъ удостовѣрить въ семъ Ваше Императорское Величество, и клянемся именемъ ихъ, клянемся прахомъ предковъ нашихъ, кои обагряли многократно кровію то мѣсто, гдѣ Ваше Величество воздвигли высочайшій и удивительнійшій памятникъ побѣдъ, каковыхъ упомнить не могутъ бытописанія; клянемся, говорю, что вся кровь, имущество и собственность наша посвящены будутъ на то, дабы исполнять повелѣнія Ваши, оправдать высокую довѣренность и даже превзойти чаянія Вашего Императорскаго Величества. Почему благоволи, Государь, милостиво принять жертву нашей признательности. Сердца наши, преизбыточествуя чувствами живѣйшей признательности за величайшія благодѣянія, коими Ваше Величество насъ оживотворяете, руководствуясь стремительнымъ влеченіемъ, которое Вашему Императорскому Величеству благоугодно было внушить, предадутъ оное своему потомству, а сіе изъ рода въ родъ не престанетъ благословлять и призывать на помощь Великаго Наполеона».

1812 г. августа 8-го. Сообщ. С. Н. И.

МАЛОРУССКІЯ ПѢСНИ ПО ЛАТЫНИ.

Въ «Русскомъ Архивѣ» 1885 г., кн. I, говорится, что «Бодянскій съ Гоголемъ распѣвали у Аксаковыхъ малороссійскія пѣсни и что Бодянскій перевелъ будто на латинскій языкъ извѣстную пѣсню: «И шумить, и гуде» и т. д., причемъ приложены и начальные стихи этого перевода, которые выкрикалъ Бодянскій съ приплясываньемъ. Мы вѣримъ автору разсказа и въ возможности самаго факта, и въ томъ, что выкрикиванье и выплясыванье солиднаго ученаго, при его фигурѣ, выходило особенно смѣшно. Вотъ эти начальные стихи:

Et tonat, et bromat,
Coelum pluvium dat.
Quis me, quis me juventulam
Usque domum reducat?
Respondebat ei miles,
Dulcem melem bibens (стр. 140—141).

Можемъ однако съ увѣренностію сказать, что этотъ переводъ не принадлежитъ Осипу Максимовичу лично, что онъ коллективнаго происхожденія, какъ и сама народная пѣсня, и вышелъ отъ кіевскихъ академистовъ стараго времени, Бодянскому-же сталъ извѣстенъ въ Полтавщинѣ, куда ему весьма легко было зайти черезъ посредство переяславской семинаріи или тѣхъ-же академистовъ, зачастую пускавшихся странствовать для исполненія обязанности причетниковъ, школьныхъ или домашнихъ учителей, регентовъ хора и т. под. (Ср. между прочимъ въ «Кіевской Старинѣ» 1885 г., февраль, стр. 318—332: Автобіографія южно-русскаго священника XVIII в.). Въ этомъ мнѣніи утверждаютъ насъ два обстоятельства: во-первыхъ, переводъ «И шумить», съ нѣкоторыми только отличіями отъ напечатаннаго въ «Архивѣ», извѣстенъ былъ въ Кіевѣ и распѣвался въ особенности кіевскими семинаристами 40-хъ и послѣдующихъ годовъ, а во-вторыхъ онъ не единственный въ своемъ родѣ. По-кіевски, и до конца пѣсни, я слышалъ его въ пятидесятыхъ годахъ буквально такъ:

«И шумить, и гуде,	«Et sonat, et tonat,
«Дрибный дощикъ иде:	«Pluviumque coelum dat:
«Ой хто-жъ мене молодую	«Quivis vellit, me puellam
«Та до дому проведе?»	«Domum meum reducat».

Обизвався козакъ	Revocatur miles,
На солодкимъ меду:	Vinum dulce bibens:
«Гуляй, гуляй, моя мыла,	«Lude, lude, mea cara,
«Я до дому проведу!»	«Ego domum reducam».
—Ой прошу-жъ я тебе,	—Rogo te, rogo te,
Не веды-жъ ты мене.	Ne reduce tute me:
Бо лыхого мужа маю,—	Malum virum habeo,
Буде быты, добре знаю.	Juvealit, bene scio.

А вотъ и другой подобный переводъ, очевидно общаго происхожденія съ первымъ:

Ой дивчына-горлыця,	Virgo, tanquam turtur,
До козака горнетьця:	Ad militem fertur;
А козакъ якъ орелъ,	Miles vero, ut aquila,
Якъ побачивъ, такъ и вмеръ.	Moriturus, videns illam.

Ив. Новицкій.

ДВѢ ГАЛИЦКІЯ ПѢСНИ.

Нѣкто Михаилъ Загайскій изъ Скалатскаго уѣзда въ восточной Галиціи прислалъ мнѣ для моего сборника народныхъ пѣсенъ двѣ пѣсни, которыя поетъ народъ надъ р. Збручемъ. Г. Загайскій утверждаетъ, что эти пѣсни имѣютъ историческое значеніе. Первая изъ нихъ (про ягничку) идетъ будто бы отъ тѣхъ временъ, когда на Украйнѣ появились ксендзы-миссіонары, которые, живя въ роскоши у польскихъ пановъ, допускали разныя безчинства. О нихъ пишетъ Георгій Конисскій: «духовенство римское, разъѣхавшееся съ тріумфомъ по Малой Россіи для надсмотра и понужденія къ уніатству, вожено было отъ церкви до церкви людьми, запряженными по двѣнадцати и болѣе человѣкъ въ цугъ» [1]). Вѣроятно и ксендзъ, упоминаемый въ пѣсни, былъ одинъ изъ того же римскаго духовенства.

Вторая пѣсня *про сойку*, по народному преданію, распѣваема была на Украйнѣ во время возстанія Богдана Хмельницкаго и кровавой расправы съ ляхами. Князь Цертелевъ, а за нимъ М. Максимовичъ утверждаютъ, что пѣсня:

---

[1]) Исторія Руссовъ. Москва, 1884 г., стр. 40.

Ой бѣда, бѣда чайцѣ небозѣ,
Що вывела дѣтки при битой дорозѣ,

представляетъ иносказательно, подъ видомъ *чайки*, Малороссію и что эта пѣсня сочинена Богданомъ Хмѣльницкимъ [1]). На подобіе того можно предполагать, что подъ видомъ *сойки* подразумѣвается *Польша* и что пѣсня *про сойку* также иносказательна, и то съ большимъ еще правомъ, такъ какъ въ послѣдующихъ строфахъ приводится и объясненіе аллегоріи. Самую же пѣсню скорѣе можно приписать времени Коліивщины, или возстанія, произведеннаго Желѣзнякомъ и Гонтою. Варіанты одной и другой пѣсни должны быть извѣстны и въ Украйнѣ, откуда безъ сомнѣнія происходятъ и самыя пѣсни.

Я. Г.

I. Пѣсня про ягничку.

Ой погнала дѣвчинонька
Ягнятонько въ поле,
Загубила ягнятонько,
Несчаслива доле!
Ой иду я гукаючи,
Ягнатонька шукаючи,
Чей же го знайду,
До дому приведу.

* * *

Надыбала дѣвчинонька
Ксендзя молодого:
Чи-сь не видѣвъ, мосци-ксенже,
Ягнятонька мого?...
Ой не видѣвъ, дѣвчинонько,
Ой не видѣвъ, голубонько,
Ягнятонька твого,
Ани жадного.

* * *

[1]) См. Пѣсни малороссійскія, изд. М. Максимовичемъ. Москва, 1827 г. примѣч. IX.

А якъ зійшли на долину,
Сѣли спочивати:
Чи не можна, мосця-панно,
Трошки жартовати?
Жартуй, жартуй, господине,
Нехай твоя журба гине;
Весели будьмо,
Весели будьмо!

* * *

А якъ стали жартовати,
Стало вечерѣти;
Часъ бы менѣ, мосци-ксенже,
До домоньку пойти.
Пропавъ баранъ и ягниця,
А я стала молодиця,
Съ ксендзомъ молоденькимъ,
Съ ксендзомъ молодымъ.

* * *

Ой ты суко, моя доню,
Щожъ ты учинила;
Та чому ты псу-попови
Зубовъ не выбила?!
Ніякъ було, матусенько,
Коли просивъ хорошенько,
Щобы ему дати
Лишь пожартовати.

* * *

Ой погоди, попе-хлопе,
То за тую биду,
Я на тебе попе-хлопе,
До бискупа пиду.
Не страшъ мене владыкою,
Я ся владыки не бою,
Нехай знае донька твоя,
Що то парафія моя,
Ксендза молодого
И пробонца твого!...

II. Пѣсня про сойку.

Пошовъ тато до гаю,
Найшовъ сойку на яю;
Гей сойка, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже намъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

* * *

Пошовъ тато по степу,
Настигъ ляховъ на краю;
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вражихъ ляховъ сдоганяти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ свѣта не видати,
Гей ляшки, гей!

* * *

Ловивъ тато сойку,
Ловила мама сойку,
Ловила мама, ловили дѣти,
Вже вамъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ сойки не видати;
Гей сойка, гей!

* * *

Ловивъ тато ляховъ,
Ловила мама ляховъ,
Ловила мама, ловили дѣти,
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ Польши не видати,
Гей ляшки, гей!

* * *

Вязавъ тато сойку,
Вязала мама сойку,
Вязала мама, вязали дѣти,
Вже вамъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже намъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

* * *

Вязавъ тато ляховъ,
Вязала мама ляховъ,
Вязала мама, вязали дѣти,
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Рѣзавъ тато сойку,
Рѣзала мама сойку,
Рѣзала мама, рѣзали дѣти,
Вже вамъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

* * *

Рѣзавъ тато ляховъ,
Рѣзала мама ляховъ,
Рѣзала мама, рѣзали дѣти,
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ Польши не видати,
Гей ляшки, гей!

* * *

Паривъ тато сойку,
Парила мама сойку,
Парила мама, парили дѣти,
Вже вамъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!

Гей намъ погуляти,
Вже намъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

* * *

Паривъ тато ляховъ,
Парила мама ляховъ,
Парила мама, парили дѣти
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей лишки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ Польши не видати,
Гей ляшки, гей!

* * *

Скубавъ тато сойку,
Скубала мама сойку,
Скубала мама, скубали дѣти,
Вже вамъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже намъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

* * *

Скубавъ тато ляховъ,
Скубала мама ляховъ,
Скубала мама, скубали дѣти,
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ Польши не видати,
Гей ляшки, гей!

* * *

Варивъ тато сойку,
Варила мама сойку,
Варила мама, варили дѣти,
Вже намъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!

Гей намъ погуляти,
Вже намъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

* * *

Варивъ тато ляховъ,
Варила мама ляховъ,
Варила мама, варили дѣти,
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вжемъ вамъ Польши не видати,
Гей ляшки, гей!

* * *

Жаривъ тато сойку,
Жарила мама сойку,
Жарила мама, жарили дѣти,
Вже намъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже намъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

* * *

Жаривъ тато ляховъ,
Жарила мама, ляховъ
Жарила мама, жарили дѣти,
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ Польши не видати,
Гей ляшки, гей!

КЪ ПОРТРЕТУ Д. С. БОРТНЯНСКАГО.

(1751 † 1825).

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ портретъ Бортнянскаго представляетъ въ мастерскомъ исполненіи оттискъ съ гравюры *à l'eau forte*, сдѣланной на мѣди высокоталантливымъ академикомъ Викт. Алекс. Бобровымъ и воспроизводитъ предъ нами незабвенныя черты Дмитрія Степановича, оставленныя потомству чудною рукою знаменитаго русскаго портретиста Боровиковскаго. Къ сожалѣнію въ предлагаемой нами біографической замѣткѣ о жизни и дѣятельности Бортнянскаго, мы не можемъ дать такого художественнаго очерка его духовнаго облика, который сколько нибудь соотвѣтствовалъ-бы портрету, написанному истиннымъ артистомъ. Крайняя скудость готовыхъ печатныхъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности нашего великаго композитора и совершенное отсутствіе какихъ либо новыхъ данныхъ, заставляетъ насъ отказаться отъ самой попытки такого рода. Мы знаемъ Бортнянскаго какъ устроителя придворнаго хора, творца многочисленныхъ произведеній церковной музыки, не перестающихъ доселѣ умилять и восхищать насъ и ничего почти не знаемъ о немъ, какъ о человѣкѣ, не имѣемъ свѣдѣній о его дѣтствѣ, о той средѣ, въ которой онъ родился и получилъ первыя впечатлѣнія и стремленія, о томъ, какъ шло его образованіе и развитіе въ придворномъ хорѣ, даже о самомъ этомъ хорѣ, объ условіяхъ жизни и воспитанія малолѣтнихъ пѣвчихъ въ этомъ учрежденіи; знаемъ готоваго, сложившагося композитора, вполнѣ раскрывшійся дивный талантъ и не можемъ съ подробностію и обстоятельностію прослѣдить путь и самый процессъ, которымъ онъ достигъ этого. Мы хорошо знаемъ, какъ велико было на него вліяніе музыки италіанской и можемъ отличить въ его произведеніяхъ этотъ весьма замѣтный элементъ, но мало или ничего не можемъ сказать о томъ, на сколько въ нихъ отразился его личный и національный духъ, духъ тѣхъ мелодій, которыя онъ въ дѣтствѣ зналъ и которыя впослѣдствіи вводилъ въ свои произведенія. Намъ наконецъ пріятно и даже необходимо было-бы знать его частную, личную жизнь, помимо его спеціальной дѣятельности, качества его души, особенности его характера, мелочи даже его будничной жизни, и все это мы мало или почти вовсе не знаемъ. Авторъ не

большой брошюры: «Березовскій и Бортнянскій, какъ композиторы церковнаго пѣнія». Спб. 1882 г., г. Лебедевъ говоритъ: «пѣвчіе и любители поютъ ихъ сочиненія и произносятъ ихъ фамиліи, а не знаютъ, кто они были, какой они мѣстности принадлежатъ по рожденію, въ какое время родились и умерли, что они написали... Да даже въ мѣстахъ ихъ родины имъ не поставлено памятниковъ, а между тѣмъ Березовскій и Бортнянскій были русскіе маэстро церковнаго пѣнія». Мы не мечтаемъ о памятникѣ, но съ грустію замѣчаемъ, что даже сколько нибудь сносной біографіи отца нашей церковной музыки мы не имѣемъ и имѣть пока не можемъ. По необходимости и мы должны ограничиться здѣсь передачею тѣхъ немногихъ свѣдѣній о Д. Ст. Бортнянскомъ, какія имѣются въ печати.

Бортнянскій родился въ г. Глуховѣ въ 1751 г., какъ и его товарищъ по композиціи духовнаго пѣнія Михаилъ Созонтовичъ Березовскій (1745—1777 г.). Это обстоятельство имѣетъ не маловажное значеніе въ опредѣленіи таланта Бортнянскаго и характера его произведеній. Малороссія издавна славилась не только голосами, но и высокимъ развитіемъ въ ней церковнаго пѣнія и выработкою того особаго напѣва, въ которомъ отразилась вся ея судьба, вся душа и вся жизнь ея народа. Приведемъ любопытное свидѣтельство Гербинія—иностранца, бывшаго въ Кіевѣ, въ половинѣ XVII вѣка. «Греко-россіяне, говоритъ онъ, святѣе и изящнѣе славятъ Бога, чѣмъ римскіе католики. Псалмы и другіе священные гимны, гдѣ слышны: дискантъ, альтъ, теноръ и басъ въ пріятнѣйшей и явственной гармоніи, поются въ ихъ церквахъ на ихъ языкѣ и по правиламъ искуства, ежедневно. У нихъ простой народъ понимаетъ то, что священникъ поетъ или говоритъ на природномъ славянскомъ языкѣ. Всѣ міряне, соединяясь съ священникомъ, поютъ такъ гармонически и благоговѣйно, что слушая ихъ, я пришелъ въ упоеніе (экстазъ) и думалъ, что я, въ Іерусалимѣ, присутствую духу и образу первоначальныхъ христіанскихъ церквей, и прославляя Сына Божія, я прослезился подъ вліяніемъ простаго русскаго богослуженія и воскликнулъ съ св. Амвросіемъ и Августиномъ: полны небо и земля величіемъ славы твоея!» Съ присоединеніемъ Малороссіи къ московскому государству, вмѣстѣ съ малорусскими учеными потянулись на Москву и малорусскіе пѣвцы, которые еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ никоновскую реформу, успѣли

многое сдѣлать для введенія въ московскихъ церквахъ искуснаго гармоническаго пѣнія. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ питалъ особую склонность къ южно-русскому пѣнію и вводилъ оное по церквамъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ вся русская жизнь желѣзною волею Петра Великаго перестроена была на иноземный ладъ, и церковная наша музыка подчинилась западному вліянію. Съ царствованія Елисаветы и до конца почти прошлаго столѣтія мы видимъ у себя полное господство западно-европейской, собственно италіанской музыки и переходившихъ къ намъ ея представителей, какъ Галупни, Керцелли, Сарти и др.

Въ эту-то эпоху преобладанія у насъ вкуса къ италіанской музыкѣ и пѣнію и суждено было выступить на жизненное и въ частности пѣвческо-музыкальное поприще нашему блестящему потомъ композитору. Бортнянскій съ дѣтства былъ пѣвчимъ въ придворномъ хорѣ; а въ 1768 г., по изволенію императрицы Екатерины II, посланъ былъ, для усовершенствованія въ музыкѣ и пѣвческомъ искусствѣ, въ Италію, и обучался въ Венеціи у славнаго въ то время капельмейстера при соборѣ св. Марка—Галупни.

Въ доказательство успѣховъ своихъ, онъ сочинилъ тамъ двѣ оперы и нѣсколько ораторій, которыя были приняты знатоками съ похвалою. По окончаніи курса своего ученія, онъ путешествовалъ въ разные города Италіи, а въ отечество свое возвратился въ исходѣ 1779 г. Опыты его сочиненій съ самаго начала были приняты *съ отмѣннымъ уваженіемъ* и императрица опредѣлила его композиторомъ придворнаго пѣвческаго хора, а государь Павелъ I регентомъ на мѣсто Полторацкаго, умершаго въ 1795 г.

О значеніи Бортнянскаго какъ музыканта въ лексиконѣ Плюшара Ѳедоръ Львовъ говоритъ слѣдующее:

Объѣхавъ Флоренцію, Болонью, Римъ и Неаполь, Бортнянскій изучалъ красоты знаменитыхъ музыкальныхъ произведеній, собиралъ опыты, которые указали ему путь къ сердцу людей, знающихъ цѣну гармоніи. Въ 1779 г. онъ возвратился въ Россію съ заслуженнымъ именемъ истиннаго артиста. Высокая благотворительница, удостоившая его всемилостивѣйшаго своего вниманія, взлелѣявшая и возрастившая его геній, повелѣла ему быть капельмейстеромъ придворнаго церковнаго хора, а въ 1796 г., ввѣрила ему и самое управленіе придворною пѣвческою капеллою, съ званіемъ директора.

Тутъ открылось ему обширное поприще, но также и нѣкоторыя неудобства, затруднявшія полетъ его генія, силы котораго, вѣроятно, онъ самъ не могъ еще оцѣнить. Во-первыхъ: исполнителемъ его геніальныхъ идей былъ хоръ шумный, украшенный отличными голосами; но въ этомъ хорѣ верхніе голоса, по правиламъ греко-россійской церкви, наполняли пѣвчіе малолѣтніе, не достигающіе сердечнаго выраженія; и все достоинство хора заключалось тогда въ громогласныхъ выраженіяхъ, безъ одушевляющихъ тѣней и свѣта. Во-вторыхъ, Бортнянскій не могъ употреблять никакого оркестра для сопровожденія и поддержанія этого хора: оставались одни обнаженные голоса, въ которыхъ малѣйшая невѣрность была весьма чувствительна. Въ третьихъ, церковное пѣніе, при высочайшемъ дворѣ, тогда украшалось разными болѣе концертными убранствами, нежели молитвеннымъ выраженіемъ. Это произвели иностранные капельмейстеры, которыхъ призывали ко двору для театра, именно: Керцелли, Галуппи, Сарти и проч. Хотя тогдашній придворный хоръ сильно выражалъ ихъ искуственныя красоты, и гласностью обращалъ на себя вниманіе, но между тѣмъ Бортнянскій чувствовалъ, что наше церковное пѣніе клонилось къ западу, и постепенно удалялось отъ высокой простоты сердечной. Остановить это стремленіе было тѣмъ труднѣе, что согласная многозвучность, поражая слухъ и разсыпаясь въ церквахъ, пристрастила къ себѣ общій вкусъ.

Такимъ образомъ Бортнянскій обязанъ былъ недостатки въ произношеніи пѣнія замѣнить простотою чистаго дѣтскаго голоса, а хорное пѣніе одушевить правильнымъ выраженіемъ; недостатокъ вспомогательнаго оркестра наполнить силою и вѣрностью хора; высокопарный концертный слогъ церковнаго пѣнія обратить въ слогъ простой, убѣдительный, для всѣхъ ясный, какой исключительно приличенъ православной греко-россійской церкви. Въ этихъ трудахъ геній Бортнянскаго является уже въ полномъ блескѣ.

Высокія достоинства его музыкальныхъ произведеній неоспоримо открываются въ томъ, что сочиненія его весьма близко изображаютъ слова и духъ молитвы; при изображеніи молитвенныхъ словъ на языкѣ гармоніи. Бортнянскій избѣгалъ такихъ сплетеній аккордовъ, которыя, кромѣ разнообразной звучности, ничего не изображаютъ и изобрѣтаются какъ будто для показанія тщетной учености сочинителя; ни одной строгой фуги не допустилъ

Бортнянскій въ своихъ священныхъ пѣсняхъ, и слѣдовательно нигдѣ не развлекалъ богомольца нѣмыми звуками, и не предпочиталъ бездушнаго наслажденія слуха наслажденію сердца, внимающаго пѣнію говорящему. Бортнянскій сливаетъ хоръ въ одно господствующее чувство, въ одну господствующую мысль, и хотя передаетъ ихъ то однимъ голосомъ, то другимъ, но заключаетъ обыкновенно пѣснь свою общимъ единодушіемъ въ молитвѣ. Вообще весь составъ пѣнія въ сочиненіяхъ Бортнянскаго приноровленъ къ силѣ и способностямъ огромнаго придворнаго хора, который, по его наставленіямъ, приведенъ въ невѣроятное согласіе, точность и въ равновѣсіе голосовъ, и изображаетъ какой-то одушевленный органъ, который качествомъ тоновъ превосходитъ всякій другой органъ. Безспорно, превосходное пѣніе въ сочиненіяхъ Бортнянскаго могло бы сдѣлаться еще проще для хоровъ не столь исправныхъ и богатыхъ, каковъ хоръ придворный, но вспомнимъ, что Бортнянскій долженъ былъ отклонить слушателей отъ витіеватыхъ украшеній, какими иностранные артисты одѣвали нашу церковную музыку, чудесныя очарованія слуха замѣнить однимъ наслажденіемъ сердечнымъ, и слѣдовательно, вмѣсто пышной роскоши концертной услаждать сердца и возбуждать чувство простымъ и чистымъ пѣніемъ; этой перемѣны нельзя было произвесть вдругъ и потому, что иноземную роскошь вообще тогда уже полюбили и съ нею сдружились, и потому что простота въ музыкальномъ исполненіи требуетъ совершенства. Въ его сочиненіяхъ отдѣльное пѣніе, solo, принадлежащее высокимъ голосамъ, соразмѣряется съ тою силою и умѣньемъ, какія доступны малолѣтнимъ пѣвчимъ, а то, какое принадлежитъ голосамъ взрослыхъ, соразмѣряетъ онъ опять съ тѣми ограниченными свѣдѣніями въ музыкѣ, какія часто приноситъ съ собой большой пѣвчій, вступающій въ придворный хоръ по одному только достоинству природнаго голоса. Потому-ли, что никакой геній не можетъ подражать другимъ и творенія свои знаменуетъ неизгладимою печатью, или по другимъ причинамъ, Бортнянскій не пошелъ по слѣдамъ ни Скарлати, ни Дуранте, ни Генделя, ни Іомелли, ни Гайдена, ни Моцарта. Сюжеты произведеній этихъ великихъ композиторовъ и цѣль ихъ, кажется, были совершенно отличны отъ тѣхъ, какіе одушевляли Бортнянскаго. Они не только удивляли слушателя и переселяли его въ другой міръ, но прибѣгали къ

власти и силѣ музыкальной науки и изъ ея источниковъ почерпали великолѣпіе и блескъ концертныхъ произведеній; оттого въ священной музыкѣ всегда употребляли богатыя и трудныя украшенія, понятныя только знатокамъ, и не щадили ничего, что только могло занимать и поражать слухъ; у Бортнянскаго, напротивъ того, въ предметѣ была одна смиренная и теплая молитва, изображеніемъ которой онъ разогрѣваетъ сердце и часто извлекаетъ сладостныя слезы! Словомъ: Бортнянскій у насъ и вездѣ одинъ, и навсегда останется единственнымъ образцомъ той рѣдкой и высокой изящности, которая одною гармоніею голосовъ возбуждаетъ въ слушателѣ глубокое набожное чувство и располагаетъ его къ искренней молитвѣ!

Приводя отзывъ о Бортнянскомъ высокоталантливаго продолжателя дѣла его, дѣла устроенія церковнаго нашего пѣнія, не можемъ не замѣтить, что этотъ отзывъ страдаетъ нѣкоторою отвлеченностію и односторонностію, отсутствіемъ реально-историческаго анализа и оцѣнки произведеній великаго композитора: указываются несомнѣнно присущія его произведеніямъ высокія техническія и такъ сказать идейныя качества—высокая, изящная простота, духъ смиренной, теплой молитвы и т. д., но не уясняются источникъ, происхожденіе и развитіе этихъ качествъ какъ въ общемъ процессѣ воспитанія, такъ и въ ходѣ музыкальнаго образованія Бортнянскаго. Безъ сомнѣнія, главнѣйшія достоинства его произведеній должно приписать его великому таланту и высокому музыкальному образованію, но многое въ нихъ связано съ его происхожденіемъ, впечатлѣніями дѣтства, семейною и вообще мѣстною средою и тѣмъ церковно и народно-пѣсеннымъ матеріаломъ, которымъ не могъ не располагать великій нашъ маэстро, какъ не могъ не пользоваться имъ, особливо въ такъ называемыхъ переложеніяхъ. Отдѣлить одно отъ другаго, опредѣлить и уяснить то и другое—задача спеціалистовъ, мы-же скажемъ, что величайшая заслуга Бортнянскаго состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ силою своего таланта задержалъ неестественный гнетъ чуждой намъ по всему италіанской музыки надъ нашимъ церковнымъ пѣніемъ и не допустилъ послѣдняго до совершеннаго претворенія по иноземному образцу и утраты молитвеннаго церковнаго характера, но возвысилъ оное до степени искусства, отвѣчающаго и духу нашей церкви и общимъ требова-

ніямъ эстетическаго слуха и вкуса. Съ него начинается поворотъ въ устроеніи церковнаго нашего пѣнія къ тѣмъ типамъ исторически-образовавшихся нашихъ напѣвовъ, которые сохранили для насъ въ неприкосновенной чистотѣ синодскія изданія пяти нотныхъ книгъ, подъ названіями: *Обиходъ церковный*, *Ирмологій*, *Октоихъ*, *Праздники* и *Обиходъ сокращенный для начальнаго обученія*, повторяющіяся печатаніемъ со 2-й половины XVIII ст. Поворотъ этотъ идетъ правда весьма медленными шагами и, не смотря на протекшее полустолѣтіе, далъ немного еще положительныхъ результатовъ въ дѣлѣ исторической разработки и собиранія памятниковъ нашей національно-духовной музыки; но и то, что достигнуто въ этомъ отношеніи трудами Ундольскаго, Сахарова, Стасова, кн. Одоевскаго, прот. Д. Разумовскаго, Потулова и Ламакина составляетъ значительное пріобрѣтеніе, которое было-бы невозможно безъ рѣшительнаго шага, сдѣланнаго Бортнянскимъ.

Бортнянскій написалъ 35 концертовъ и множество піэсъ, общее число которыхъ простирается до 118. Перечисленіе этихъ произведеній для знатоковъ церковной музыки было-бы излишне, а для незнакомыхъ и мало интересующихся ею и просто скучно. Чтобы однимъ указаніемъ какого-либо изъ произведеній нашего безсмертнаго композитора дать наглядное, такъ сказать, представленіе о его музыкѣ, напомнимъ изъ собственно церковныхъ пѣснопѣній его неподражаемую, такъ называемую царскую херувимскую, № 7-й, а изъ произведеній нецерковныхъ—умилительно-торжественный, всякому близко извѣстный и постоянно слышимый гимнъ: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ!»

И. Божеряновъ.

Юдиновъ зъ включенными въ немъ оперою и феерверкомъ, при коронаціи въ Москвѣ отправованными, посланы чрезъ Антонія Ботарского, сего числа по обѣдѣ отехавшого. Дана дѣлатись шапка среброглавая для жены шапочнику Семену. Павлу Дембовскому чрезъ хлопця его посланы 30 к. Получилъ писмо отъ старости зъ дому и при ономъ прислано гусей 10, курей 30, цибулѣ и меду.

14. За роботу кунтуша красного суконного и канавацовой черкески, подшитой сѣбѣрками, кравцю Недѣлченку 90 к. даны. Писалъ къ женѣ и къ старостѣ о домовыхъ дѣлахъ и послано чрезъ Юденка шесть кожицъ баранихъ и плахта, да писалъ же до писаря судового стародубовского Косача о требуемыхъ теперь повторе на летные мѣсяца 60 порціяхъ и о протчемъ.

15. Обѣдали у мене архимандритъ новгородскій Варнава, ігуменъ глуховскій Никифоръ Грибовскій, ігуменъ рябцевскій Товія Сморжевскій, соборный печерскій Варнава Старицкій и другіе отъ духовного чина и сидѣли до позна, а ввечеру у мене-жъ были бунчучный Оболонскій и совѣтникъ Безобразовъ.

16. Золотаръ Албрихъ принесъ 6 ложокъ здѣланныхъ и 6 кубковъ Александра Корецкого вызолоченыхъ; отъ ложокъ-же дано ему за роботу 2 р. 84 к., а отъ кубковъ 1 р. 35 к., да еще ему-жъ дано срѣбра робить ложку болшую столовую и нашого срѣбра далось 33 золотника, а решту свою онъ приложить имѣетъ. Табакерку малую янтаровую до оправи въ срѣбро зъ шернеромъ и печать железную на вибиванье цѣны вирѣзать, что все здѣлать онъ отъ сего числа за двѣ недѣлѣ обѣщалъ.

17. Обѣдали у мене всѣ мірскіе персоны коммисіи перевода и свода книгъ правныхъ и до вечера просидѣли, зъ между которыхъ, ради домашной необходимой нужды, отпущенъ въ домъ свой 15 ноеврія—бурмистръ чернѣговскій Стефанъ Россовскій.

18. За цегли паленой и непаленой 460 заплачено 1 р. 18 к. Взято у Пуховича матеріи срѣброглавой полъ-локтя до кунтуша красного за 2 р.; да у другой крамарки мамсу для Грицка Дмитренка за 90 к. Посланъ Грицко зъ подводами и теслями въ Кочерги.

19. Прибылъ зъ Москви судія енералный Якимъ Горленко.

20. Въ 10-мъ часу предъ полуднемъ прибыла въ Глуховъ госпожа Розумовская, Алексія Григоріевича матушка, для которой

пріезду былъ у генерала публичной обѣдъ, где и мы зъ протчими обѣдали. Сего-жъ числа прибыли десять подводъ зъ разными запасами.

21. Господинъ генералъ Бибиковъ зъ госпожею Розумовскою былъ воспріемникомъ сину бунчучного енералного г. Оболонского Демяну отъ крещенія, и для того у него-жъ бунчучного былъ крестинный столъ и гуляли даже до вечера, а ввечеру провожали госпожу Розумовскую на ся квартеру, где доволно отъ сотника глуховского трактованы, потомъ былъ и у писара енералного г. Безбородка и уже позно пріехалъ въ домъ шуменъ.

22. Ради вчорашного шумства не віездилъ зъ дому никуда, а госпожа Розумовская, отобѣдавъ у сотника глуховского, отехала зъ Глухова въ путь свой, а мимоездомъ была у асаула енералного господина Якубовича; съ нею въ асистенціи отехали полковникъ кіевскій Михайло Танскій и братъ его Іосифъ, да полковника нѣжинского Божича синъ и Афендикъ, тако-жъ обозный полковый кіевскій Алексій Подвисоцкій и протчіе.

23. Привезенъ зъ Городища нѣкоторій домовый запасъ и чрезъ того-жъ подводчика писалъ къ женѣ и до Федора Ширая, зъ прилогомъ писемъ зъ Москви полученныхъ отъ Павла Скорупы, тако-жъ и до старости въ Перегонъ. Писалъ къ полковнику полтавскому г. Кочубею, противъ его ко мнѣ писма.

24. Золотарю Матяшу за зроблене креста до церкви городиской данъ 1 р. Писалъ къ Якову Марковичу въ Москву, зъ посилкою пакета на имя г. брегадира Федора Стефановича Вишневского, зъ писмомъ къ нему-жъ, отъ 23 сего теченія надписанного, и зъ включенными въ ономъ отъ Івана Гамаліи 4 писмами.

25. Отправлены въ домъ мой два компанѣйци надворной корогвы и чрезъ оныхъ писма до жены и до старости перегонского. По писму старости товкачовского Іліи Паленского о насланной туда горѣлцѣ для шинку зъ дому судіи енералного Горленка, писалъ къ нему судіи Горленку, зъ сообщеніемъ копіи писма старостиного, а къ старостѣ о томъ-же и о футорѣ продажномъ Данила Савина. Писалъ и къ Максиму Турковскому стороны 300 балясъ, подряженныхъ въ Мглинцинѣ дѣлать до будинку нашего въ Городище. Грицку на крашенину, на сѣрякъ и полотно дано 96 к. Вечеромъ былъ у асаула енералного Якубовича.

26. Писалъ къ старостѣ товкачовскому противъ его писма, чрезъ подводчиковъ присланного, и квіты индуктарскіе отъ его-жъ присланные къ нему обратно включены. Получилъ писмо отъ полковника полтавского чрезъ писаря его полкового Руповского. Обѣдалъ у асаула енералного г. Якубовича зъ полковникомъ Челищевымъ и женою его, зъ Валкевичемъ и Федоромъ Чуйкевичемъ; а по обѣдѣ пріехали туда-жъ бунчучный Оболонскій зъ тещею своею Родзянкиною и зъ дочкою еи, що за Лазоровичемъ; ввечеру-же прибыли туда-же посланные для дѣланія межи между Великою и Малою Россіею, Василій Силичъ Поляковъ и секретарь той-же коммисіи князь зъ грузиновъ.

27. Былъ у мене сотникъ волинскій Василій Максимовичъ и войтъ новгородскій зъ мѣщанами тамошными, прибывшими сюда просить о виключеніи города ихъ отъ вѣдомства коммисіи економіи. Подводы товкачовскіе отпущены и чрезъ оные послано до старости писмо.

28. Писано писмо до полковника лубенского Апостола о Василю Григоровичу, бывшему писару лохвицкому, въ обидахъ ему отъ сотника тамошнего дѣючихся. Прибыли зъ Москвы въ Глуховъ обозный полковый черніговскій Мулявка и сотникъ яготинскій Филипъ Купчинскій.

29. Прибылъ въ Глуховъ подскарбій енералный г. Скоропадскій, поворотясь зъ Хомутця. Пришли подводы зъ нѣкоторыми харчевыми вещми зъ Городища, при которыхъ привезена и господиня Ганна зъ двома дочками, нанятая на годъ за 2 р. 50 к. зъ нашею одежою; и чрезъ тые-жъ подводы писано до Каврайского о домовыхъ дѣлахъ.

30. Гончару, которій дѣлалъ печь въ лазнѣ и передѣловалъ въ свѣтлицѣ и въ людской, дано 80 к.

31. На викупъ кухаревого кожуха въ Есманѣ дано 62 к. Кравцю за позументъ 50 к. За греблю 15 к. Обѣдалъ у мене асаулъ полковый нѣжинскій Андрей Володковскій.

Ноеврій.

1. Писма мои до Якова Марковича въ Москву и до брегадира Федора Стефановича Вишневского вручены для пересылки Роману Яненку, індуктару глуховскому.

2. Онъ-же Ханенко прислалъ писмо до індуктара написанное, чтобъ отъ горѣлки нашей по ярмаркамъ не брано индукты. Обѣдали у мене сотникъ лохвицкій Василій Стефановичъ и мглинскій Василь Лисаневичъ. Іосифъ, отца Івана синъ, за его проступство наказанъ. Пришла вѣдомость въ Глуховъ, что ясневелможная госпожа гетманша Іуліана Іскрицковна Апостолова прошлого октоврія 29 пополуночи въ 3 часу преставилась въ Хомутцѣ.

3. Маляру Петру Свидѣрскому въ отроботокъ позиченъ 1 р. Пришло въ Глуховъ извѣстіе, что полковникова полтавская Василіева Кочубеева Марфа Івановна преставилась октоврія 29 съ дѣторожденія.

4. Получилъ писма зъ Москви отъ Андрея Горленка. Началъ писецъ гадяцкого полку переписовать книгу Розговоровъ въ царствіи мертвыхъ Кароля 12, короля шведского, зъ герцогомъ голштейнъ готторпскимъ Фридрихомъ.

5. Писару енералному Безбородку и старшому канцеляристѣ Холодовичу отказано отъ правленія дѣлъ канцелярскихъ, а поручено править писару полковому полтавскому Руповскому [204]).

6. Жена пріехала въ Глуховъ.

7. Рано бувъ у писара енералного Безбородка и слушали обѣднѣ въ церквѣ святыхъ Анастасій. Обѣдалъ въ домѣ.

8. Отправлены конѣ одны зъ Грицкомъ въ Товкачовку и теслѣ туда-жъ отпущены, другіе зъ Лескомъ въ Перегонъ, при писмѣ до Каврайского. Былъ публичный столъ у подскарбія енералного г. Скоропадского [205]), при которомъ кушали генералъ и протчіе господа великороссійскіе и малороссійскіе, въ томъ числѣ и я, и були шумны. Жена заболѣла на голову.

9. Ради шумства вчорашного весь день пробылъ въ домѣ.

10. Первый разъ былъ въ коммисіи, переведенной въ домъ гетманскій, и обѣдалъ у мене п. Савицкій. Кровь пущала жена банками.

11. Послалъ при писмѣ до Александра Корецкого кубковъ его визолоченныхъ 6 и печатку чрезъ Петра, старосту п. Федора Корецкого, за которыхъ позолоту заплачено 1 р. 35 к. Подано

---

[204]) Вслѣдствіе доноса яготинскаго сотника Купчинскаго.

[205]) По случаю смерти гетманши Апостоловой, тещи Скоропадскаго.

доношеніе енералу о забранныхъ Зарѣцкимъ, слугою Зубковского, 13 лошадяхъ. Обѣдали у насъ писаръ суда енералного Пиковецъ зъ женою своею и Федоръ Чуйкевичъ; а потомъ была и судіина енералная Лисенкова.

12. Писалъ въ Москву къ Якову Марковичу, къ Андрею Горленку и до п. Скорупны, и оные писма отпущены чрезъ маіора гварнѣзону глуховского Якова Любимовича Полянского, къ Москвѣ отправившогося.

13. Енералъ зъ протчими господами велико и малороссійскими, въ томъ числѣ и я, кушали у судіи енералного г. Лисенка и до вечера гуляли.

14. Обѣдалъ у мене Стефанъ Савіцкій, а вечерялъ Василь Стефановичъ, сотникъ лохвицкій.

15. Вечеромъ посѣщали жену мою болную енералного писаря Безбородка и асаула Якубовича жены, а при томъ-же посѣщалъ и подскарбій енералный г. Скоропадскій.

16. Послѣ полдня былъ я у г. Скоропадского и тамъ перве зъ нимъ однымъ, а потомъ и зъ Валкевичемъ доволный розговоръ имѣлъ о дѣлѣ взглядомъ роздѣлу о Рубановскихъ добрахъ.

17. Сего числа рано прибылъ изъ Москви гвардіи преображенского полку поручникъ Іванъ Шубинъ зъ указомъ изъ сената и зъ печатными манѣфестами и присягами о учиненномъ ея імператорского величества опредѣленіи наслѣдникомъ россійского престола его королевского высочества государя Петра, владѣлного герцога Шлезвизъ-Голштейнского, сына ея імператорского высочества, государыни цесаревны Анны Петровны, сестрицы ея імператорского величества; и потому, по отправленной въ соборѣ литургіи, была оныхъ указу и манѣфесту публикація, которые читалъ за писаря енералного управляющый писаръ полтавскій Андрей Руновскій. Послѣ отправованъ благодарственный молебень при трекратной изъ 51 пушки и гварнѣзонного глуховского полку бѣглымъ огнемъ палбѣ, а по молебствіи въ той-же церквѣ, по формѣ оной печатной присяги, учинили присягу на содержаніе оного ея імператорского величества опредѣленія въ наслѣдники высокоупомянутого ея величества племянника, его імператорского высочества государя Петра Федоровича. Потомъ были у генерала, токмо не обѣдали, а по обѣдѣ въ 5 часу пополудни, какъ сехались всѣ велико и малорос-

сійскіе господа къ генералу, то былъ банкетъ и много пили при многократной пушечной палбѣ даже до полуночи.

18. Ради вчорашного шумства не віездилъ я зъ дому весь день; присиланный-же ко мнѣ приговоръ, отъ енералной старшины зъ бунчуковими учиненный, о дачи прибывшому изъ Москви помянутому гвардіи поруччику Шубину тисячи рублей, и я закрѣпилъ. Сотникъ полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій зъ женою своею были у насъ для посѣщенія болной жены моей и у насъ-же обѣдали.

20. Прибылъ въ Глуховъ генералъ-маіоръ Даревскій и обѣдалъ у генерала Бибикова. Отправлено въ домъ писмо козакомъ глуховскимъ въ Шатрищи, а оттоль тамошнымъ о романисѣ водцѣ.

21. Обѣдали у мене Федоръ Чуйкевичъ и сотники полковъ стародубовского, мглинскій Лисаневичъ, чернѣговского Бѣлоусскій Малинскій. Рано подана генералу челобитная стороны дѣла зъ Соколовскимъ. Надвечери прибыли зъ Товкачовки Качановскій и Грицко, приведшые 3 коней нашыхъ, и привезли разного збору денегъ 82 р.

22. Писаны разные писма: 1—въ домъ къ старостѣ и къ Каврайскому, о всякихъ домовыхъ дѣлахъ; 2—въ Лотоки до Федора Пригари, зъ сообщеніемъ поданного намъ доношенія отъ тамошного слюсара нашого Савки о пропаломъ купленномъ его конѣ, чтобъ розискалъ; 3—до Афанаса Сковиня, стороны пограбленныхъ у него ляхами 13 коней; 4—до полковника стародубовского Максимовича о томъ-же дѣлѣ, чтобъ нарочного послалъ за границю къ шляхтичу Яну Зубковскому зъ енералскимъ писмомъ, о томъ къ нему писаннымъ, о чемъ ему полковнику и указомъ зъ енералной канцеляріи предложено; 5—до писаря судового Косача стороны расположенія чиненного на прошлые лѣтные мѣсяци порцій, а теперь на вінтерквартеру порцій и рацій чинитись имѣючого; 6—до намѣстника чолнскаго монастыря, Варлаама Уманця, о позволеніи дрова возить зъ пущи монастырской.

23. Зъ оными въ домъ и до намѣстника чолнского надлежащими писмами отправленъ Василь Мовчаненко, а въ Лотоки мужикъ слободы Імшицкой, пріездившый сюда нарочно. Вчорашного числа іродіаконъ монастыря новгородского Серапіонъ Годунъ, по писму ко мнѣ отъ намѣстника тамошнего Авксентія, отобралъ надлежащые Стефану Жолдаку муровщику, который дѣлалъ въ Горо-

лице комены, денги осталные 2 р., самъ-же онъ Жолдакъ передъ симъ забралъ 7 р. Писалъ къ старостѣ товкачовскому Паленскому, что привезены денги 82 р. и чтобъ Качановскому нѣкоторого огородця пустовского и кунтуша не боронилъ и ему-жъ бы далъ жита полусмакъ, ячменя и гречки по четверику, да отцу Івану, брату, отправилъ-бы всякой пашнѣ двѣ подводы, по первомъ зимномъ пути. Закрѣпили въ коммисіи доношеніе объ отпуску сотника полкового прилуцкого въ домъ до сроку прійдучого праздника Богоявленія Господня.

24. Вручены писма до полковника стародубовского Максимовича, зъ указомъ и писмомъ до Яна Зубковского о пограбленныхъ Зарѣцкимъ у Сковпня 13 коняхъ, до писаря судового Косача о расположеніи порцій и рацій, и до войта стародубовского Коменка о покупки вина лагонского бочки. За двигармистра заплачено кравцю Якубовичевому 1 р. 50 к. Полковникъ нѣжинскій Божичъ пріехалъ зъ Москви и енералъ-маіоръ Стояновъ.

25. Ради праздненства возшествія ея імператорского величества на престолъ, по службѣ Божой было благодарственное молебствіе при трократной изъ 51 пушки и отъ гварнѣзонного солдацкого полку и козаковъ бѣглымъ огнемъ палбѣ; а потомъ у генерала былъ публичный столъ и банкетъ при пушечной палбѣ. Играли въ лоть, почему я и проигралъ одинъ рубъ.

26. Присланъ указъ изъ суда енералного по дѣлу Соколовского, почему первей былъ я въ судѣ енералномъ, потомъ у генерала и представлялъ, что оное дѣло должно быть разсмотрено въ войсковой енералной канцеляріи.

27. Привезены де-которые вещи зъ дому и писма зъ объявленіемъ о домашнемъ поведеніи и о протчемъ. Жена була рано въ монастырѣ, а потомъ у бригадирши Іллѣной.

28. Рано была жена у генералши, потомъ обое были у бунчучного, а обѣдали у писаря суда енералного Івана Піковця; а по обѣдѣ были у насъ молодые пп. Скоропадскій зъ учителемъ Юнгансомъ. Полковникъ Божичъ отехалъ. Писалъ въ домъ о разныхъ домовыхъ дѣлахъ и до Андрея Миклашевского о утекшомъ служителю передъ симъ, а ныне въ домѣ его обрѣтаючомся Іллѣ; якое писмо, такожъ и отъ Максима Чернявского писмо до попа Алексія Хелкидоцкого, включено отъ мене въ писмо до писаря судового Косача.

29. Оные писма въ домъ чрезъ Іосифа Булахова, а въ Стародубъ чрезъ сторожа полкового отправлены.

30. По службѣ Божой въ церквѣ соборной читано описаніе печатное той церемоніи, якая была сего ноября 7 дня въ Москвѣ въ придворной імператорской церквѣ при публѣкаціи манѣфеста о опредѣленіи наслѣдникомъ россійского престола его імператорского высочества, великого князя государя Петра Ѳеодоровича и при воспріятіи-жъ его высочествомъ благочестивія греко-россійскія вѣры, потомъ было молебствіе, ради дня кавалеровъ святого Андрея, апостола первозванного.

Декабрь.

1. Прибыли зъ дому зъ писмами и обратно отправленъ подводчикъ зъ писмами-же, чрезъ которого и лѣбра паперу послана. Жена ездила до асаулши енералной Якубовичевой и тамъ долго забавилась.

2. Рано повернулъся Іванъ Кравець зъ Новгородка и привезъ мало купленной рыбы. По обѣдѣ посѣщалъ я господина Безобразова, а потомъ былъ въ судѣ енералномъ и крайную сентенцію обявили въ дѣлѣ Бергеровомъ зъ Козляницею. Полковникъ полтавскій пріездилъ въ Глуховъ.

3. Пришолъ указъ зъ сената о бытіи бригадиру Іллѣну первымъ членомъ въ судѣ енералномъ, да по немъ Безобразову и Алексію Федоровичу Семенову, а Постелникову подскарбіемъ енералнымъ.

4. Получилъ писмо зъ Москвы отъ Скорупцы и къ отцу его другое, которое при своемъ писмѣ до его и отправилъ въ Стародубъ. Посѣщалъ я полковника полтавского на его квартерѣ.

5. Рано просилъ енерала и протчихъ господъ велико и малороссійскихъ на завтрешный день кушать у мене ради моего-жъ тезоименитства. Привезено рибы зъ Новгородка купленной, а зъ Клевенѣ отъ Федора Мануйловича въ даръ присланной, небольшое число.

6. Коло обѣдень привезено зъ Стародуба вина бочку лагонского, войтомъ Коменкомъ за 38 р. купленную. По набоженствѣ кушали у мене генералъ зъ генералшою, брегадиръ Іллѣнъ, полковникъ Челищевъ зъ женами да полковникъ Тютчевъ и протчіе великороссійскіе и наши, и до позна ночь забавлялись.

7. Отпущены подводы въ домъ, чрезъ которые и писма посланы до Григорія Скорупцы отъ сина его Павла и отъ мене, до

войта Коменка о винѣ и пенцѣ, да до старости и до Каврайского о домовыхъ дѣлахъ. Банкетъ былъ у брегадира Іллина, но я на ономъ не былъ за вчорашнымъ шумствомъ.

8. Получилъ писмо зъ Москви отъ учителя его імператорского высочества, отца Симона Тодорскаго. Взяли у Мандзенка для панеи штофу 15 локотъ по 1 р. 20 к., да сукна 5 локотъ по 58 копѣекъ, итого на 20 р. 90 к.

9. Кушалъ у мене сотникъ минскій Лисаневичъ, а вечеромъ былъ у мене-жъ зъ Шептаковъ Фіалковскій. Прибылъ отъ Федора Ширая служитель зъ писмомъ ко мнѣ и зъ доношеніемъ въ енералную канцелярію, чтобъ ему не ехать въ Глуховъ.

10. Отданъ указъ зъ суда енералного, писанный подъ числомъ сего теченія 8-мъ, до Івановой Миклашевской и до сина еи Павла, о отдачѣ женѣ моей 200 рублей за материзну и 12 р. за убытки надлежащыхъ.

11. Писаны писма въ Москву до Якова Марковича, до Павла Скорупы зъ сообщеніемъ писма отъ Федора Корецкого, до архимандрита богоявленского монастыря Герасима о покупки разной посуды оловяной и мѣдной, да до отца Симона Тодорского, учителя великого князя Петра Феодоровича, и оные вручены Тодорскому сотнику для подачи въ Москву, кому надлежитъ, по подписямъ. Писалъ къ писарю судовому Косачу сторони колодника Сидора Мантулника, содержачогося въ секвестрѣ стародубовскомъ.

12. Оный сотникъ Тодорскій отехалъ къ Москвѣ. Данъ інстанціалный листъ до полковника нѣжинского Божича за канцеляристомъ войсковымъ Іваномъ Михайловскимъ о опредѣленіи его въ писари судовые. За попа Алексія Халкидоцкого, что онъ взялъ у Максима Чернявского хомутъ, заплачено ему 1 р. 10 к.

13. Призиванъ въ судъ енералный по дѣлу Соколовского и тамъ пересмотровалъ дѣла и много зъ судіями и зъ самимъ тимъ клеветникомъ имѣлъ розговоръ.

14. Прислана копія челобитной Соколовского и опредѣленіе въ судѣ енералномъ состоявшоеся, чтобъ мнѣ безъ сроку 7 дней по формѣ суда слушать улики его и говорить оправданіе, противъ чего для отвѣтствія сискалъ я повѣренного Ілію Квитницкого.

15. О окончаніи перевода и свода книгъ правныхъ. такожъ о отпускѣ на праздникъ коммисіалныхъ персонъ, подано генералу

доношеніе. Отписалъ къ Федору Шираю, что ему до праздника въ Глуховъ пріездить не надобно, а на якое-жъ число ему показано будетъ пріездить, о томъ къ нему пришлется указъ, и зъ тимъ писмомъ отпущеному слугѣ его даны 10 к., да сторожу Алексіевѣ на его нужды 20 к.

16. Чиненъ порахунокъ (разсчетъ) зъ сидѣлцами въ коморахъ нашихъ и по порахунку взяли у нихъ доплатки (кромѣ Павломъ Скорупною забранныхъ) 26 р. 72 к. Подана челобитная по дѣлу клеветномъ на мене отъ Соколовского.

17. Былъ въ судѣ енералномъ и подписали приговоръ въ дѣлѣ нѣмца Геера зъ Козляницею, а ввечерѣ слушали дѣла-жъ Демченковъ. Писано писмо до сотника золотоношского зъ пріобщеніемъ писемъ, отъ Каврайского присланныхъ.

18. Каѳанъ новый атласовый красный пошитъ, за которого пошите и за кунтуша женниного дано 1 р. 35 к. По службѣ Божой было благодарственное молебствіе ради рожденія ея імператорского величества при пушечной палбѣ зъ 51 пушки и бѣглымъ огнемъ отъ гварнізонного полку и отъ козаковъ сотнѣ глуховской при трократномъ залпѣ, потомъ былъ банкетъ у генерала и до позна доволно гуляли.

19. Заплачено за роботу ложки и табакерки нѣмцу Албриху 4 р. Посѣщали насъ въ вечеру писарь и бунчуковый енералные, да панів судіини Лисенкова, асаулина Якубовичева и бунчучная Оболонская, а потомъ полковниця Тютчева и писарка судовая Пиковцева. Попу стародубовскому старо-николаевскому Стефану Злотникову позичены 10 р. Писано къ сотнику лохвицкому, чтобъ Тимофію Логвинову позволилъ на нашомъ плацу строитись.

20. Полковникъ полтавскій г. Кочубей и ігуменъ петропавловскій Никифоръ Грибовскій были у мене зрана и полковнику-жъ позычены 3 р., книги Уложенье Воинскихъ Уставовъ и книга печатныхъ указовъ, и отданы опять. Вечеромъ пришли зъ дому конѣ зъ поездомъ зимнымъ. Отданъ хлопецъ Василь Шаповалъ на пять лѣтъ слюсару глуховскому Степану Борисову Почепцю, который для роботи ему своей поступилъ въ одномъ году суботу; намъ-же давать-бы ему хлопцю чрезъ всѣ годы одежу. Просилъ позволенія у генерала отехать въ домъ на праздникъ и вечеромъ былъ у г. Скоропадского, а зъ женою былъ у писаря енералного Безбородка.

21. Дѣло Демченковъ зъ Стефаномъ Миклашевскимъ рѣшили. Я отклонился генералу и зъ другими простился при отездѣ, а для отвѣту противъ Соколовского оставилъ повѣренного Ілію Квитницкого, которому и всѣ документы отдалъ, да ему-жъ даны ad interim 2 р. Въ 4-мъ часу пополудни віехалъ зъ Глухова и прибылъ до Шатрищъ въ 9-мъ и тутъ ночовалъ у Лукашевича.

22. Рано поехавши прибыли въ Мехедовку, где у Богуславского пообѣдавъ и попасъ коней, потомъ поехавъ прибыли въ Городище въ 10 часу по полдни.

23. Отослалъ указъ къ Федору Шираю зъ енералной канцеляріи, да писалъ до Курковичъ къ Роману, чтобъ горѣлку поспѣшно и добрую робыли.

24. Посвящали хоромы заднѣе, двѣ свѣтлицы, салю, сѣнцѣ и кладовую, а по обѣднѣ, позно уже отправленной, святый сегоденный вечеръ целебровали токмо зъ своими домашними.

25. Въ сей Рождества Господня день по всенощномъ и утренномъ пѣніи, такожъ по службѣ Божой, были у насъ священники зъ церковниками съ поздравленіемъ праздникомъ, и отецъ Михайло зъ нами обѣдъ купалъ, а по обѣдѣ былъ-же у насъ сотникъ бакланскій Василь Косачъ и долго посидѣвъ, отехалъ уже позно.

26. Войты всѣхъ селъ зъ громадами приходили къ намъ зъ поздравленіемъ праздникомъ, такожъ суворовскій прикажчикъ Самойло Семеновъ Поповичъ, которій и писмо принесъ зъ Глухова отъ г. Скоропадского, въ дѣлѣ ихъ суворовцевъ о грунта заводномъ.

27. Учинена росплатка зъ москалемъ Митрофаномъ Ісаевымъ, которому дано было прежде 2 р. денегъ, чвертку жита и 2 четверички крупъ, а теперь еще доплачено 6 р., двѣ чвертки жита, четверичокъ крупъ, 40 квартъ горѣлки, осьмъ квартъ олію, три безмѣна сала, 16 фунтовъ солы; сдѣлалъ-же онъ намъ дубовыхъ дверей 8 одинакихъ и двойныхъ, а одни липовые, да еще взялъ одны дѣлать двери дубовые простые, да поднялся здѣлать столикъ дубовый-же.

28. Отехали до Козелца племѣнники Іосифъ и Михайло, чрезъ которыхъ писалъ до обозного полкового кіевского Федора Ханенка, дядка, и до отца Іоанна, брата, да и пашпортъ имъ-же на проездъ далъ, а взяли они зъ собою коня сивого, одѣгало старое и санѣ лубяные да 50 копѣекъ.

29. Писалъ въ Глуховъ до г. Скоропадского и до Іліи Квитницкого, повѣренного, чрезъ Грицка, которого зъ 6 подводами туда-жъ до Глухова для возки сѣна и дровъ отправлено, и даны ему на дорогу 20 к.

30. Зрана прибылъ до насъ Федоръ Ширай, а потомъ Федоръ Корецкій зъ своею женою и обѣдали у насъ; вечеромъ-же Ширай отехалъ обратно въ домъ свой, а Корецкій у насъ и ночовалъ.

31. Прибылъ къ намъ-же и попъ Алексій Хелкидоцкій, чрезъ которого дана карта до Гришки Литвяка о прибытіи его къ намъ въ Городище; по обѣдѣ-же Корецкій и оный попъ отъ насъ отехали, а Кочержинскій у насъ вечерялъ и ночовалъ.

1743 годъ.

Мѣсяцъ генварь.

1. Получилъ писма отъ Максима Турковского стороны балясъ и отъ сотника тамошнего Лисаневича, зъ обсилкою птицами и зайцами, да отъ себе писалъ въ Лотоки къ Федору Пригарѣ о слюсару Савцѣ, взглядомъ пропалого коня его и чтобъ купилъ для насъ меду пудъ зъ десять, и до Сковиня, чтобъ присилалъ всячину въ здешный дворъ. Писалъ къ обозному полковому стародубовскому Юркевичу, поздравляючи и его новымъ годомъ и требуючи объ отпускѣ якого слюсара къ намъ для приправы замковъ до дверей.

2. Писалъ къ Івану Бороздне въ Медведовъ о присилки Микиты скляра для доконченя роботы имъ зачатой, до свято-михайловского священника Димитрія Зубрицкого, чтобъ представлялъ Івановой Міклашевской и сину еи Павлу о заплатѣ должныхъ женѣ моей 212 рублей денегъ. Зъ Стефаномъ Кочержинскимъ роздѣлка учинена въ долгу, отъ него намъ надлежащомъ, въ 10 р. 30 к., за которій приняли у него жита 6½ осмачки, а ему облигъ отдали. Зборщикамъ прошлого 1742 году за сентябрскую треть показанщина отъ двохъ василювскихъ, да отъ двохъ городискихъ казановъ 4 р. заплачена и квитанція у нихъ взята.

3. Ездилъ въ Гриневъ до Федора Ширая, где купно зъ Григоріемъ Скорупною и женою его, зъ Василемъ Завадовскимъ молодымъ, зъ молодымъ Скорупною, Павломъ, и Іваномъ Малішевскимъ,

обѣдали и весь день пробавили; а въ вечеру туда-жъ прибыли маіоръ Іванъ Василіевъ Труновъ и капитанъ Шараповъ зъ женою своею, и я зъ Павломъ Скоруппою отехалъ въ Городище.

4. Онъ же обѣдалъ у мене, а по обѣдѣ отехалъ, а потомъ прибыли до насъ въ Городище Григорій Скоруппа зъ женою и обозный полковый Юркевичъ и у насъ ночовали.

5. Рано оные гостѣ отехали. Куплены двѣ шкури чиненные, яловичая и шканиная (лошадиная), за которые даны 2 р. 55 к. Семенъ Тищенко, значный мѣщанинъ стародубовскій, преставилъся въ Стародубѣ.

6. Передъ службою Божіею прибылъ къ намъ въ Городище Григорій Гамалѣя холопецкій (изъ с. Холопца) зъ женою и зъ нами жъ обще были на набоженствѣ, а по обѣдѣ мало позабавившись, отехали. Сего жъ числа зъ Петромъ Романовымъ, который мешкаетъ въ дворѣ нашемъ стародубовскомъ, противъ важницѣ, рощотъ здѣланъ за два 1741 и 1742 годы, за наемъ двора, и дана ему квѣтанція. Ему жъ дано 2 р. 10 к. на покупку двохъ пудъ лою.

7. Былъ у насъ изъ Стародуба Антонъ Донъ и оттоль, тако жъ зъ Глухова получены писма отъ Андрея Лышня съ извѣстіемъ, что указомъ сенатскимъ повелѣно раздѣленные передъ симъ сотни совокупить [206]) и что зятя Лисенкового Кузмѣнского пожаловано сотникомъ менскимъ.

8. Пріездилъ къ намъ въ Городище войтъ стародубовскій Антонъ Коменокъ и отобѣдавъ зъ нами, учиненъ договоръ на пенку безъ браку по 7 р. берковецъ.

9. Рано синъ Василь ездилъ въ Борщевъ до Григоріевой Гамаліиной, а я по обѣдѣ до Чаусъ ездилъ же и, прибывъ въ домъ, засталъ тутъ старого отца Іоанна Святодуховского стародубовского и сина его-жъ Іоанна-жъ діакона Подолскихъ.

10 Писалъ писма къ преосвященному епископу чернѣговскому Амвросію Дубневичу: 1—зъ поздравленіемъ нового года и воспріятіемъ престола, 2—за оными отцемъ и синомъ Подолскими, зъ

---

[206]) Это распоряженіе было сдѣлано вслѣдствіе доноса Купчинскаго, который обвинялъ Безбородка, что послѣдній, желая увеличить число сотничьихъ урядовъ, за замѣщеніе которыхъ онъ будто-бы бралъ взятки,—убѣдилъ Румянцева (А. И.) подѣлить нѣкоторыя сотни пополамъ.

инстанціею о неоставленіи ихъ въ нуждахъ ихъ, которые писма имъ и вручены, и они-жъ отехали.

11. Послѣ полдня отехалъ я къ Курковичамъ и въ Андрейковичахъ у вдовы Івановой Хромченковой ночовалъ, где и зятя еи Потапа Богинского засталъ.

12. Прибылъ рано въ Курковичи и отобѣдавъ, ездилъ на футоръ свой, где заводъ винничный. Вечеромъ были у мене отецъ протопопъ погарскій Петръ Кибалчицъ и нашъ городискій священникъ отецъ Михайло, едучій въ Чернѣговъ, потомъ—Мойсей и Іванъ Ломаки.

13. Дякъ бывшій курковскій Федоръ Карповъ затиралъ горѣлку въ нашемъ винничномъ заводѣ. Писаны писма въ Глуховъ къ г. Скоропадскому, г. ассесору Динисову, къ Андрею Липню и Іліи Квитницкому, которые посланы въ Новгородокъ чрезъ козака курковского Артема Стукаленка при писмѣ къ сотнику, чтобъ оттоль нарочнымъ отправилъ до Глухова.

14. Припровадилъ къ заводу нашему курковскому Ужасъ Усикъ, житель семіоновскій, винника Клима Гаврилова, сосѣда Швеева зъ Семіоновки, которого умовили на нашой харчи по 8 к. отъ стану.

15. Віехавъ рано зъ Курковичъ, попасовалъ коней въ Кистрѣ у Семенихи Аршуковой и тамъ-же кушалъ, а потомъ въ превеликую метелицю прибылъ до Городища.

16. Понеже службы въ Городищѣ у насъ не было, то ездилъ я зъ Василкомъ до Борщова и тамъ отобѣдалъ у Григоревой Гамаліиной, купно зъ Павломъ Миклашевскимъ, который и денегъ 100 р., женѣ моей надлежащихъ, отдалъ мнѣ тамъ-же; оттоль прибывши, засталъ въ Городищѣ въ домѣ нашемъ сотника погарского Соболевского зъ женою, войта и писара Турка и Барлуя, пріездившихъ къ намъ зъ поздравленіемъ нового году.

17. На писмо панеи бунчучной Галецкой писалъ отвѣтъ сторони здохлой заграбленной клячи, да до обозного и асаула полковыхъ полку часникового о присилки 4 компанѣйцовъ въ мое владѣніе для полученія здесь порцій и рацій послалъ писмо чрезъ комисара полкового стародубовского Семена Круковского [207]).

---

[207]) Компанейскій полкъ Часныка стоялъ въ это время квартирами въ Стародубщинѣ.

18. Писалъ въ Лотоки къ Афанасу Сковиню о присилки пенки, дегтю и всего того, о чемъ прежде къ нему-жъ писано, да послана вѣдомость, сколко оттоль за порціи ежемѣсячно денгами платитись надлежитъ. Сего числа, будучому мнѣ рано у Перегонѣ, приключилась жестокая болѣзнь въ попереку и ледво оттоль пріехавъ, занемогъ жестоко, такъ что ни сидѣть, ни ходить, ниже самъ зъ боку на бокъ обернуться не могъ, чего для хотя и мазали спиритусомъ и парили въ коритѣ, однакожъ никакой ползы не учинилось, почему принуждены посилать по лѣкаря Копса въ Стародубъ.

19. Рано пріехалы въ Городище Федоръ Ширай и Павелъ Скорупна, которіи и обѣдали у насъ, да уже вечеромъ отехали, простуючи до Глухова. Сегожъ дня прибылъ и лекарь Копсъ и мазалъ мнѣ поперекъ нѣкоторымъ унгвентомъ и прошокъ красный въ чаю давалъ.

20. Оный-же лекарь весь день-же у насъ пробавилъ и такожде мене мазалъ онымъ унгвентомъ, по ползи мало здѣлалось.

21. Лекаря Копса отправили къ Стародубу, давъ ему за визиту 3 р., и хлѣба, а именно: осмачку жита, осмачку овса, чвертку пшеницы, станъ горѣлки, 4 гусей и 6 курей ему послали.

22. Возвратилъся зъ Копсомъ посиланный Грицко и привезъ отъ него лѣкарства—мнѣ спиритусъ и лаксативумъ, а женѣ для ползы во время рожденія.

23 и 24. Тая-жъ болѣзнь въ попереку продолжалась.

25. Андрей Ноздра посланъ зъ Барановскимъ въ Лотоки. Сего-жъ числа былъ у насъ въ Городищѣ священникъ погарскій отецъ Павелъ, которому и полусмакъ жита данъ.

26. Отпущены товкачовскіе подводы, на которыхъ привезено сиръ, масло, соль и протчіе дробязки, а на тѣхъ-же подводахъ отпущено въ Товкачовку двѣ куфы горѣлки—одну зъ Василювки не повную, въ которую долили въ Городищѣ полстана, а въ оной мѣры полдесята стана, другую зъ Городища, въ которой мѣры становъ 8 и квартъ 10. Прибыли компанѣйци. Сего-жъ числа синъ нашъ Василь отправленъ до Глухова зъ Іваномъ Кравцемъ и чрезъ него посланы писма до г. Скоропадского, до Юнghанса, до Федора Чуйкевича, до доктора Бока, до Квитницкого, до Іосифа, до Якова Маркевича, а въ дѣлѣ Кравцевомъ писалъ до нѣкоторого Бринцева. Кухаръ бѣжалъ.

27 и 28. Пробавили еще въ Городищѣ, а 29 начали перевозитись оттоль въ Перегонъ.

30. И сами въ Перегонъ переехали.

31. Сей день въ Перегонѣ уже пробавили.

Февраль.

1. Послѣ обѣда отехали зъ Перегону до Левенки и туда прибывши въ вечеру, стали у Александра Корецкого и тамъ застали на весѣля; женилъ онъ своего служителя перекреста Юрія.

2. Жена зъ Федора Корецкого женою ездила до Стародуба къ образу баликинскому [208]); а за поворотомъ ихъ оттоль обѣдали мы тамъ-же въ Левенцѣ, где еще привезъ отъ Павла Миклашевского староста его Новѣцкій 14 р., кромѣ тѣхъ 77 р., которые зъ конми привезлъ прежде въ Перегонъ; а по обѣдѣ отехали мы къ дому и прибыли позно уже въ Перегонъ. Тамъ-же въ Левенцѣ розочлись зъ Александромъ Корецкимъ о 47 червонныхъ, которые отъ него принявши въ 100 р., доплатили ему 3 р. 40 копѣекъ. Сего-жъ 2 числа ездилъ староста зъ Грицкомъ и Дмитромъ компанѣйцами въ Бугаевку и взявъ тамъ бѣжавшую зъ Лукина зъ дѣтми жонку, вдову Бондариху Анну Іваниху, и зъ меншимъ синомъ еи, тако-жъ зъ трома лошадми, припровадили еи въ Перегонъ, изъ которыхъ лошадей отдани кобила чалая лѣтъ 14—Корнѣю Лопазненку, цѣною въ пяти копахъ, а кобилку вороную, лѣтами противъ третого, въ пяти-жъ копахъ; коня-жъ рижого, лѣтъ биллъ 20, для прокорму взялъ Василь Здроченокъ.

3. Оная жонка Бондариха бѣжала, а кухаръ зъ Глухова при писмѣ отъ Василя присланъ. Сего-жъ числа были у насъ въ Перегонѣ ревѣзоры: значковый товаришъ Василій Хомѣнскій и асаулъ сотенный погарскій Іванъ Перегонецъ. Писмо получилъ отъ сотника погарского о бѣглыхъ.

4. Онымъ ревѣзорамъ отданы именные списки людей посполитыхъ деревень: Перегону, Демковичъ, Чубарова и Курова, да на скупляхъ жіючихъ въ Лукинѣ и въ Чаусахъ.

5. Курилу виннику заплачено за 10 становъ 60 к.

---

[208]) Объ иконѣ Божіей Матери, называемой Балыкинскою (с. Балыкинъ стародубскаго уѣзда) см. Описаніе черниговской епархіи, т. VII, стр. 61.

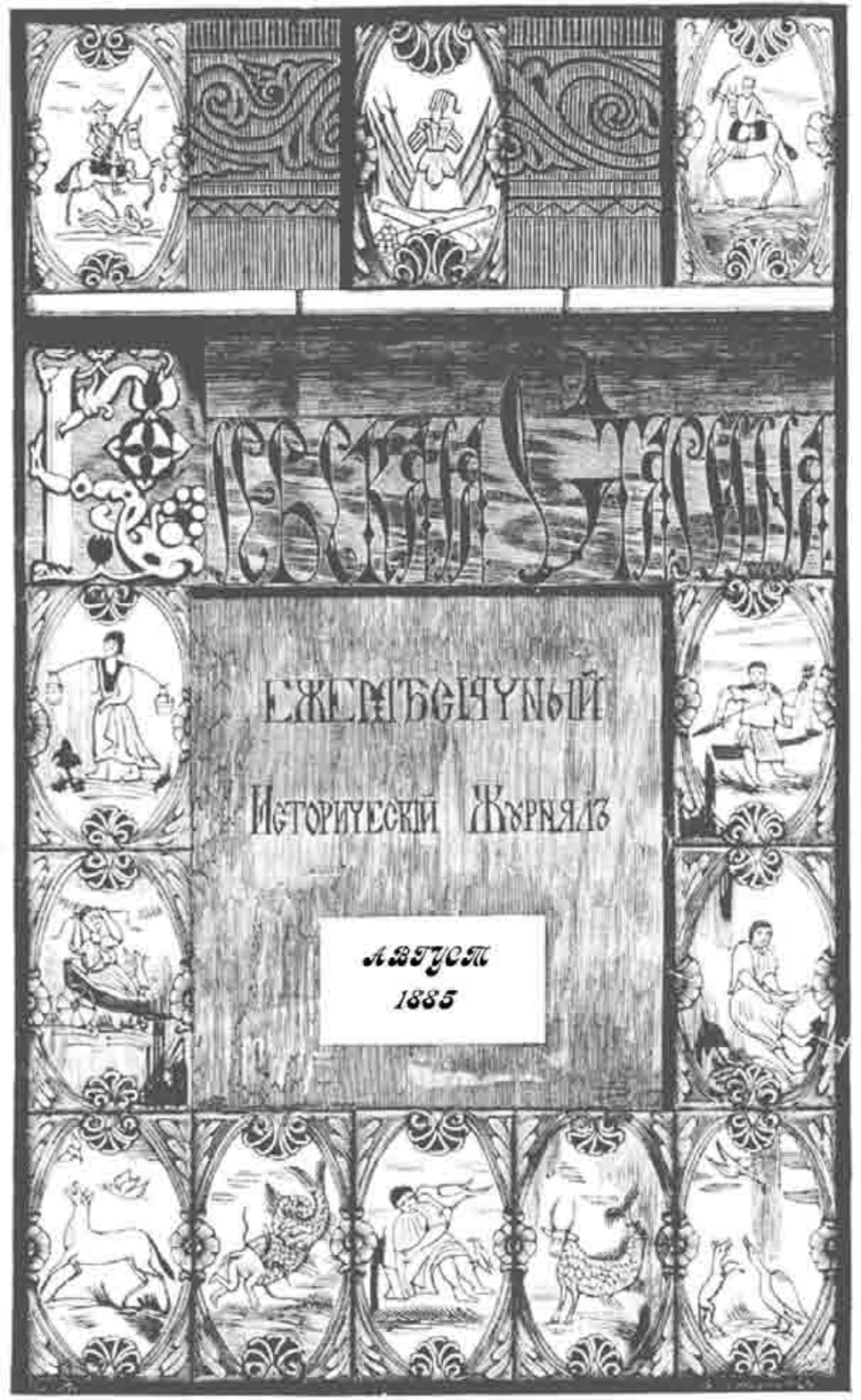
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Августъ
1885

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XII.

1885 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., соб. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го іюля 1885 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XII.

АВГУСТЪ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го іюля 1885 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XII. 1885 г.

Май, 1885 годъ.

стр.

I. ПАМЯТИ Н. И. КОСТОМАРОВА: I) Краткій очеркъ жизни и дѣятельности Н. И. Костомарова.—II) Библіографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова.—*Ѳ. Д. Николайчика.*—III) Н. И. Костомаровъ, какъ историкъ.—*В. Б. Антоновича.*—IV) Н. И. Костомаровъ, какъ этнографъ.—*В. Науменка* . . . . . I—XLIII

II. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. **А. Лазаревскаго.** I

III. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 21

IV. ПОЛЬСКО-РУССКІЯ СООТНОШЕНІЯ XVII В. ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ПРИЗМѢ. (По поводу повѣсти Г. Сенькевича «Огнемъ и мечемъ). **В. Антоновича** 44

V. «ПРОРОКЪ» — МНОГОВѢРЪ И СУДЪ НАДЪ НИМЪ ВЪ КІЕВѢ. (1825—1833 гг.). **Ор. Левицкаго** 79

VI. НА ПАМЯТЬ ТЫСЯЧЕЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ СЛАВЯНСКИХЪ ПРОСВѢТИТЕЛЕЙ. Проф. **Ѳ. Успенскаго** 107

VII. ПРОЭКТЪ УПОРЯДОЧЕНІЯ ДѢЛЪ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЛИТОВСКИХЪ ПРОВИНЦІЯХЪ 127

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Историческіе матеріалы изъ архива кіевск. губ. правленія. Вып. 8-й. Сост. Ал. Андріевскимъ. Кіевъ. 1885 г.—*И. Каманина.* — б) Н. Ѳ. Сумцовъ. Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Харьковъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—в) Ѳеодосія. Историческій очеркъ. Составилъ В. К. Виноградовъ. Ѳеодосія 1884 г.—*И. Каманина.*—г) Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи, выпускъ IV (дополненіе). Составилъ Н. Константиновичъ. Черниговъ. 1885 г.—*Дмитрія Багалѣя* 137

стр.

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Чума въ сѣверной части херсонской губерніи 1813 года.—*Н. И.*—б) Раскопки у трехсвятительской церкви въ г. Кіевѣ.—*В. Антоновича.*—в) Запорожская пещера надъ Днѣпромъ.—*Д. И. Эварницкаго.*—г) «Памятковый прочуханъ», или примѣненіе писаннаго закона въ сферѣ обычнаго права.—*В. Василенка.*—д) Одна изъ народныхъ примѣтъ погоды.—*О.*—е) Изъ исторіи развитія канцелярской переписки въ Малороссіи.—*С—ка.*—ж) Южнорусскіе священники, отыскивающіе права дворянства.—*Аполлинарія Зальесскаго.*—з) Образчикъ старинной малорусской эпитафіи.—Сообщ. *А. Лазаревскій* 153

Іюнь, 1885 годъ.

I. «ДАВЫДОВА БОЖЕНКА». (Изъ лѣтописной топографіи кіевскаго Полѣсья). **М. Андріевскаго** 183

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Окончаніе)*. 205

III. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОСЛѢДНИХЪ ГОДАХЪ ЖИЗНИ Н. И. КОСТОМАРОВА. **В. Беренштама** 219

IV. ОЧЕРКЪ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФ. А. О. КИСТЯКОВСКАГО. **Л. Бѣлогриця-Котляревскаго** 228

V. НѢСКОЛЬКО ВСТРѢЧЪ СЪ Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ. **А. Кулишъ.** 255

VI. ВОЗЗВАНІЕ КОНФЕДЕРАТОВЪ ВОЕВОДСТВА САНДОМИРСКАГО КЪ РУССКОМУ НАРОДУ. (Около 1733 года) 263

VII. НОВЕЛЛА БОККАЧЬО ВЪ ЮЖНО-РУССКОМЪ СТИХОТВОРНОМЪ ПЕРЕСКАЗѢ XVII—XVIII СТ. 273

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятники Русской Старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь. С.-Петербургъ, 1885 г. (Съ приложеніемъ художественнаго альбома).—*И. Беркута.*—б) А. Дмитріевскій. Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическій музей при кіевской академіи. «Прав. Обозр.» 1885 г. и отд. оттиски.—*Н. В.*—в) В. Б. Антоновичъ. Монографія по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I. Кіевъ. 1885 года.—*И. Каманина* 307

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Разгадка «малорусской исторической шарады».—*Читателя.*—б) Къ дѣлу о началѣ единовѣрія въ Кременчугѣ.—*Ивана Матченка.*—в) Изъ народныхъ воспоминаній объ О. М. Гладкомъ и возвратившихся съ нимъ запорожцахъ.—*В. Василенка.*—г) Черти въ продажѣ.—*Прибыльскаго.*—д) Случай изъ жизни Н. И. Костомарова.—*N.*—е) Какъ сажали въ старину людей

стр.

старыхъ на дубокъ.—*П. Литвиновой.*—ж) Памяти одного кіевскаго педагога.—*И. Каманина.*—з) Пѣсня на исходъ запорожцевъ за Дунай.—Сообщ. *П. И. Зуйченко* 329

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . . 161—761

Іюль, 1885 годъ.

I. ВОЕВОДСКІЯ «ВѢСТОВЫЯ ОТПИСКИ» XVII В., КАКЪ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРІИ МАЛОРОССІИ. **Н. Оглоблина.** 365

II. ОПЫТЪ ОБЪЯСНЕНІЯ МАЛОРУССКОЙ ПѢСНИ О ЖУРИЛѢ. **Н. Ѳ. Сумцова** 417

III. ОХОЧЕКОМОННЫЙ ПОЛКОВНИКЪ ИЛЬЯ ѲЕДОРОВИЧЪ НОВИЦКІЙ. **Н. Стороженка.** 431

IV. КЪ ИСТОРІИ ТЕАТРА ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. (Переписка каменецъ-подольскихъ актеровъ съ духовной католической властью по поводу воспрещенія послѣднею спектаклей на время великаго поста и произнесеннаго на актеровъ и актрисъ церковнаго отлученія). . . . 458

V. УНИВЕРСАЛЪ ГЕТМАНА РАЗУМОВСКАГО ОБЪ ОГРАНИЧЕНІИ ПРАВА ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯНЪ. Сообщ. **А. Лазаревскій** 477

VI. ПѢСНЬ НА СЛУЧАЙ ОТКРЫТІЯ ВЪ КІЕВѢ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ІЮЛЯ 15 ДНЯ 1834 ГОДА. Сообщ. **В. Науменко** . . 483

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изданный императорскимъ варшавскимъ университетомъ къ 6-му апрѣля 1885 года подъ редакціею ордин. проф. А. Будиловича. Варшава. 1885 года.—*И. Каманина.*—б) Священникъ Климентъ Ѳоменко. Неразъясненный вопросъ въ древнихъ сказаніяхъ о преніяхъ славянскихъ первоучителей съ козарскими евреями. Кіевъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—в) Его-же. Пещерные храмы въ Крыму. Кіевъ. 1884 года.—*И. Каманина.*—г) Межигорская старина. Кіевъ 1885 года.—*К. Цыбульскаго* . . . 491

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Молдавскія свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія и могилѣ Мазепы.—*В. А.*—б) Сербы въ Кіевѣ.—*А. А—скаго.*—в) Замѣтка о времени смерти князя Константина Острожскаго.—*Д. Гродецкаго.*—г) Дарственная запись Станислава Потоцкаго Вероникѣ Крепсъ.—*Ц. Г. Неймана*—д) Польское привѣтствіе Наполеону I отъ лица Бѣлоруссіи.—Сообщ. *С. Н. И.*—е) Малорусскія пѣсни по латыни.—*Ив. Новицкаго*—ж) Двѣ Галицкія пѣсни.—*Я. Г.*—з) Къ портрету Д. С. Бортнянскаго.—*И. Божерянова* 501

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . . 177—192

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портретъ Д. С. Бортнянскаго.

стр.

Августъ, 1885 г.

I. ГЕТМАНСТВО БРЮХОВЕЦКАГО. **С. Е.** 545
II. МАЛОРОССІЯ НА ПЕРЕДВИЖНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ КАРТИНЪ. **Н. С.** 597
III. РОМАНОВСКОЕ СТАРОСТВО И СУДЬБА ЕГО ЖИТЕЛЕЙ 607
IV. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст). *(Продолженіе).* **И. Левицкаго** 631
V. ПЕКЕЛЬНЫЙ МАРКО. (Малорусская народная легенда въ стихотворномъ переложеніи конца XVIII в.)—Сообщ. **П. Зуйченко** 682
VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Матеріалы для исторіи подольской губерніи. Изд. редакціи Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. 1885 г.—*А. М—ча.*—б) Собраніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в., заключающихся въ книгахъ разрядного приказа. Составилъ Н. Н. Оглоблинъ. Москва. 1884 г.—*А. М—ча.*—в) Д. Л. Мордовецъ. Оповиданя. Спб. 1885 г.—*Г.*—г) Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества, т. 43. Спб. 1885 г.—*И. Каманина* . . 693
VII ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Археологическія раскопки въ екатеринославской и кіевской губерніи.—*Д. И. Эварницкаго* и *З.*—б) На могилѣ Алесѣя Петровича Стороженка.—*С—ка.*—в) Настоящее имя первой фундаторки кіевскихъ братскихъ школъ.—*Ив. Новицкаго.*—г) Запись о кладѣ XVIII столѣтія.—*В. А*—д) Портретъ Гонты.—*Н. Добротворскаго.*—е) Кобзарь Крюковскій (Некрологъ).—*В. Г.*—ж) Украинскій варіантъ пѣсни «Про ягничку».—*Ив. Новицкаго.*—з) Къ портрету Адама Киселя. 707
ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Адама Киселя.

ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ КИСЕЛЬ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА».

ЛИТОГРАФІЯ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ГЕТМАНСТВО БРЮХОВЕЦКАГО.

Въ исторіи каждаго народа бываютъ такъ называемые переходные періоды, когда жизнь народная подвергается сильной внутренней ломкѣ, подготовленной ходомъ событій. Переживать такіе періоды тяжело даже въ томъ случаѣ, если они служатъ только ступенью къ лучшему будущему; тѣмъ тягостнѣе они тогда, когда ведутъ за собой не пышное возрожденіе народной жизни, а медленное, постепенное угасаніе ея. Такую трудную пору пришлось переживать Малороссіи въ концѣ XVII в. Вѣкъ этотъ былъ бурнымъ для всей Европы: на западѣ ея онъ ознаменовался цѣлымъ рядомъ крупныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ, обусловленныхъ разнообразными религіозными и политическими мотивами (Тридцатилѣтняя война, Англійская революція, возстаніе Мазаніелло въ Италіи); на востокѣ—это было время обширныхъ народныхъ движеній, главнымъ представителемъ которыхъ явилось козачество великорусское и малорусское.

Упорная борьба малорусскаго козачества съ польскимъ государствомъ привела къ тому, что Малороссія отдѣлилась отъ Польши и на переяславской радѣ 1654 г. присягнула на подданство московскому царю. Но рѣшеніе это оставалось долгое время только юридическимъ; Польша не могла помириться съ такой утратой и начала борьбу съ Москвой за обладаніе Малороссіей. Эта долгая борьба поддерживалась тѣми особыми условіями, какія представляла жизнь самой Малороссіи. Стремленіе освободиться отъ польскаго гнета, объединявшее и одушевлявшее всѣ слои населенія, было удовлетворено: переяславской радой Малороссія доказала свое право

распоряжаться своей судьбой; теперь предстояло ей болѣе трудное дѣло: устроить жизнь свою на новыхъ началахъ.

Вполнѣ самостоятельное существованіе среди сильныхъ сосѣдей представлялось невозможнымъ, союзъ съ однимъ изъ нихъ являлся неизбѣжнымъ. Возникшая борьба между Польшей и Москвой давала возможность Малороссіи сравнивать выгоды союза съ однимъ изъ этихъ двухъ государствъ, степень культуры и формы общественнаго быта которыхъ были очень различны. Такимъ образомъ, въ самой Малороссіи были сторонники съ одной стороны Москвы, съ другой—Польши. За союзъ съ Москвой стояла часть старшины козацкой и главнымъ образомъ народная масса, для которой слова «ляхъ» и «папъ» были синонимами; къ Польшѣ тянула другая часть старшины, болѣе развитая политически, и высшее духовенство. Малороссія является не только театромъ войны между двумя враждующими государствами, но въ ней самой начинается внутренній разладъ, который усиливается съ возникновеніемъ двое-гетманства при Юріѣ Хмельницкомъ и достигаетъ крайнихъ предѣловъ въ промежутокъ времени отъ 1663 до 1687 г. Это мрачное время, когда Малороссія, подвергаясь разоренію извнѣ, терзаясь внутренней безурядицей, казалось, изживала сама себя въ непосильной борьбѣ, запечатлѣлось въ памяти народа подъ мѣткимъ и образнымъ названіемъ «руины». Прологомъ къ этой исторической драмѣ служитъ гетманство Брюховецкаго (1663—1668 г.), въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются типическія черты того времени: безпомощность народной массы, безъидейность и эгоизмъ ея руководителей. Гетманство Брюховецкаго—глубоко-скорбная страница въ исторіи Малороссіи; изложить главнѣйшіе факты и по возможности уяснить значеніе этого гетманства—составляетъ задачу настоящаго очерка.

17-го іюня 1663 г. подъ г. Нѣжиномъ было особое оживленіе. Поле пестрѣло народомъ: городовые козаки, мѣщане, посполитство и запорожцы, прибывшіе сюда, смѣшивались въ шумную толпу, а среди поля, окруженный «ратными людьми», стоялъ богатый шатеръ московскаго боярина Великогагина. Здѣсь должна была совершиться «черная рада» для избранія козацкаго гетмана «вольными голосами». Настроеніе толпы было тревожное и наказной гетманъ

Якимъ Сомко предупреждалъ Великогагина принять мѣры къ сохраненію порядка. На этотъ разъ дѣло шло не о простомъ выборѣ гетмана, а о побѣдѣ одного изъ двухъ искателей гетманской булавы—наказнаго гетмана Якима Сомка и запорожскаго кошеваго Ивана Брюховецкаго. Они явились на раду соперниками: каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ сторонниковъ, каждый по своему искалъ опоры въ народной массѣ и расположенія представителей московской власти, но личныя свойства и прошедшая дѣятельность каждаго изъ нихъ были очень различны.

Якимъ Сомко былъ шуриномъ Богдана Хмельницкаго, и это обстоятельство рано выдвинуло его въ ряды козацкой старшины. Во время гетманства Выговскаго онъ оставался въ тѣни; извѣстно только, что онъ не ладилъ съ этимъ гетманомъ. Отъ той поры дошло до насъ свидѣтельство о Сомкѣ современника его, поляка Криштофа Перетятковича, который въ качествѣ посла велъ переговоры съ Выговскимъ. Перетятковичъ разсказываетъ, что въ числѣ козацкихъ пословъ, прибывшихъ на вальный варшавскій сеймъ 4-го апрѣля 1659 г. для утвержденія гадячскихъ статей, былъ и «родной дядя Хмельницкаго (Юрія), Самченко». На сеймѣ этомъ обсуждались нѣкоторыя «невыгодныя статьи, на которыя Рѣчь Посполитая никакъ не могла согласиться». Послѣ долгихъ переговоровъ рѣшено было послать Перетятковича къ Выговскому, чтобы склонить его на уступки.

Перетятковичъ, снабженный 400 золотыхъ на дорогу и секретными королевскими грамотами, выѣхалъ вмѣстѣ съ «хорошо одареннымъ» Самченкомъ (Сомкомъ). «Ты самъ, Боже, видишь, какія испытанія терпѣлъ я отъ него (Сомка) до Бѣлой-Церкви!» восклицаетъ Перетятковичъ. «Прежде всего онъ хотѣлъ знать, съ какою цѣлью я ѣхалъ къ Выговскому, и домогался, чтобы я ему открылъ это; обѣщалъ мнѣ дать 12 тысячъ и прислать на Волынь множество серебра, лошадей и скота, съ тѣмъ, чтобы я прибылъ въ его домъ въ Переяславѣ, передалъ ему эти деньги на имѣніе на его имя и до тѣхъ поръ въ немъ оставался, пока онъ самъ пріѣдетъ съ женою и дѣтьми. Онъ повидимому весьма радовался тому, что ему дано дворянство и грамота на десятую часть Козельца и часто мнѣ говорилъ: «уже дѣти мои не будутъ ходить чинить плотины», а между тѣмъ злоумышлялъ иное и

задумывалъ погубить меня или отослать къ царю съ упомянутыми депешами. Пріѣхавши такимъ образомъ со мною въ Бѣлую-Церковь, онъ задержалъ меня полтора дня, не отпуская отъ себя, и тайно сносился съ бѣлоцерковскимъ полковникомъ и тамошнею старшиною; но Всевышній Господь избавилъ меня отъ сѣти ловящихъ: Самченко разгнѣвался за то, что я не ѣхалъ съ нимъ въ Переяславъ, и оставилъ меня, а я поспѣшилъ въ Чигиринъ»[1]). Вскорѣ послѣ того Якимъ Сомко выступаетъ открыто противъ Выговскаго, пользуясь тѣмъ недовольствомъ, которое возбудилъ гадячскій договоръ въ народной массѣ. По иниціативѣ Сомка была созвана «черная рада», на которой Выговскій былъ лишенъ гетманства; Сомко, основываясь на родствѣ своемъ съ Богданомъ Хмельницкимъ, пытался выдвинуть свою кандидатуру, но неудачно: онъ долженъ былъ уступить мѣсто Юрію Хмельницкому, за котораго стояло Запорожье. Но въ 1660-мъ году, когда Юрій Хмельницкій передался полякамъ послѣ битвы у Слободищъ, а Шереметьевъ былъ разбитъ подъ Чудновымъ, Сомко вмѣстѣ съ полковниками нѣжинскимъ и черниговскимъ становится во главѣ оппозиціи въ пользу Москвы. Онъ былъ избранъ сначала переяславскимъ полковникомъ (вмѣсто ушедшаго къ полякамъ Цыцуры), а затѣмъ на радѣ старшинъ, оставшихся вѣрными Москвѣ, получилъ званіе наказнаго гетмана. Неустанно отбиваясь отъ соединенныхъ войскъ польскихъ и Хмельницкаго, выдержавъ двѣ осады въ Переяславѣ и всяческими усиліями отстаивая лѣвобережную Украйну, Сомко успѣлъ создать себѣ нѣкоторую военную репутацію и вѣроятно имѣлъ сторонниковъ среди той козацкой старшины, которая стояла за союзъ съ Москвою и цѣнила чистоту козацкаго рода. По крайней мѣрѣ лѣтописи даютъ единогласно симпатичные отзывы о Сомкѣ: называютъ его «статечнимъ и розумнимъ»[2]), говорятъ, что онъ «былъ воинъ храбрій, уроди, возраста и красоты зѣло дивной, всего-же паче царскаго величества слуга найвѣрнѣйшій»[3]), «войскамъ былъ добримъ приводцею» и боролся съ непріятелями, «не щадячи живота»[4]). Лѣтопись Гра-

[1]) «Объявленіе объ услугѣ Рѣчи Посполитой его милости гг. Крыштофа Перетятковича». Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1873 г.

[2]) Лѣтопись Велички, т. II, р. II, стр. 18.

[3]) Лѣтопись Грабянки, стр. 128.

[4]) Лѣтопись Самовидца, стр. 36.

бянки сообщаетъ даже цѣлый легендарный разсказъ о смерти Сомка [1]). Надо думать, что печальный конецъ этого неудавшагося гетмана и то обстоятельство, что онъ былъ жертвой ненавистнаго Брюховецкаго, не остались безъ вліянія на отзывы о Сомкѣ лѣтописцевъ-современниковъ. Иначе относились къ нему запорожцы. Въ замѣчательномъ посланіи своемъ къ Юрію Хмельницкому они прямо называютъ Сомка «властолюбцемъ», поднимающимъ кровопролитіе и междоусобную брань съ племянникомъ «для власти гетманской» [2]), а письмо, которое въ мартѣ 1662 г. писалъ Сѣрко самому Сомку, наполнено самыми ѣдкими укорами наказному гетману. Сѣрко отъ имени всего войска запорожскаго укоряетъ Сомка за солидарность съ Выговскимъ и Хмельницкимъ, за присвоеніе себѣ гетманства безъ вѣдома «черной рады», напоминаетъ ему, какъ онъ «на сеймъ бѣгавъ для титлъ и маетностей» и какъ когда-то «на Дону виномъ пинковалъ» и грозитъ «думой черныхъ людей войсковыхъ» за пролитіе невинной крови, въ которой—прибавляетъ онъ—«вы по шею бродите» [3]). Но лучшимъ матеріаломъ для характеристики Сомка служитъ переписка его съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и представителями московской власти. Она даетъ намъ право заключить, что Сомко былъ человѣкъ далеко не даровитый, не способный возвыситься надъ уровнемъ совершающихся вокругъ него событій, болѣе корыстолюбивый, нежели честолюбивый: самимъ гетманствомъ своимъ онъ дорожитъ какъ-бы съ точки зрѣнія матеріальной выгоды. Сознавая шаткость своего положенія и желая упрочить его, онъ старается всячески заслужить довѣріе Москвы: малѣйшая оплошность въ этомъ отношеніи тревожитъ его. Когда московскій посланецъ выговариваетъ ему за то, что онъ подписывается въ письмахъ своихъ съ «вичемъ» (по имени и отчеству), Сомко извиняется собственной безграмотностью и неумѣлостью своего писаря, наивно добавляя, что «такія великаго государя дѣла» ему и писарю «не за обычай» и обѣщаетъ впредь не писаться съ «вичемъ» [4]). Также оправдывается онъ и по поводу описки въ

---

[1]) Лѣтопись Грабянки, стр. 182.

[2]) Лѣтопись Величко, т. II, р. II, стр. 31.

[3]) «Акты южной и западной Россіи», т. VII, стр. 337.

[4]) «Акты южной и западной Россіи», т. V, стр. 87.

царскомъ титулѣ, при чемъ спѣшитъ прибавить, что образецъ царскихъ титуловъ далъ писарю переяславскій протопопъ, по винѣ котораго и случилась описка [1]). Въ каждомъ письмѣ Сомка къ царю находимъ жалобы на козни противниковъ, отъ которыхъ онъ проситъ защиты, какъ человѣкъ «беззаступный и простой». Опаснымъ соперникомъ Сомка былъ раньше Брюховецкаго нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко, тоже природный козакъ, участникъ войнъ Богдана Хмельницкаго, прославившійся военными заслугами и пользовавшійся нѣкоторой популярностью среди козачества. Подобно Сомку, онъ не чуждъ былъ въ свое время участія въ замыслахъ Выговскаго и даже долженъ былъ по гадячскому договору обратиться изъ Золотаренка въ Золотаревскаго, получивъ шляхетское званіе; но затѣмъ, какъ человѣкъ опытный, онъ увидѣлъ безплодность попытки Выговскаго и во время съумѣлъ стать сторонникомъ Москвы и претендентомъ на гетманство. Какъ человѣкъ богатый, онъ не жалѣлъ и денегъ на усиленіе своей партіи. Кромѣ того онъ вошелъ въ непосредственныя сношенія съ московскимъ правительствомъ: ѣздилъ въ Москву и переписывался съ царемъ. Въ Москвѣ считали нужнымъ оказывать вниманіе обоимъ кандидатамъ, не зная, за кѣмъ останется побѣда. Подобное отношеніе раздражало Сомка и, вѣроятно, было причиной того, что въ бесѣдѣ съ московскимъ посломъ Федоромъ Протасьевымъ онъ позволилъ себѣ высказать мнѣніе о необходимости ограничить права полковниковъ и усилить власть гетмана присылкой изъ Москвы особаго лица, въ присутствіи котораго гетманъ имѣлъ-бы право судить виновныхъ старшинъ и постановлять даже смертные приговоры [2]). Соперничество съ Золотаренкомъ было причиной того, что двѣ попытки Сомка получить «совершенное гетманство» вмѣсто «наказнаго», путемъ не полной рады, потерпѣли неудачу. На радахъ возникали разногласія и наконецъ обѣ стороны просили царя о назначеніи новой окончательной рады, рѣшеніе которой долженъ былъ подтвердить присланный изъ Москвы уполномоченный. Московское правительство не спѣшило съ этимъ дѣломъ, ожидая, очевидно, какого-нибудь новаго кандидата, котораго можно было-бы

---

[1]) Ibid.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. V-й, стр. 94.

противопоставить двумъ враждующимъ соперникамъ. Попытка выдвинуть вновь на гетманство Юрія Хмельницкаго не удалась, такъ какъ онъ, сбросивъ гетманскій санъ, постригся въ монахи. Скоро третій кандидатъ нашелся; это былъ кошевой Брюховецкій. Василій Золотаренко, разсчитывавшій на поддержку Запорожья, увидѣлъ себя обманутымъ и потерявъ надежду на успѣхъ своей кандидатуры, соединился съ Сомкомъ. Такимъ образомъ въ іюнѣ 1663 г. могъ быть выборъ между двумя соперниками, но мѣсто Золотаренка занялъ Брюховецкій.

Съ полнымъ единодушіемъ, но только съ отрицательной стороны, относятся малорусскія лѣтописи къ Брюховецкому, называя его «служкой Хмельниченковымъ, завистливымъ Брюховецкимъ» [1]), «недугомъ злобы и гнѣва обузданнимъ», «губителемъ» [2]), который подкупалъ другихъ въ свою пользу «подарунками и обетницями» [3]) и т. п. Молодость свою Брюховецкій провелъ при Богданѣ Хмельницкомъ, въ качествѣ «старшаго слуги». Онъ не былъ «природнымъ козакомъ»; о происхожденіи его мы находимъ нѣкоторыя данныя въ словахъ Сомка: «Брюховецкому вѣрить нельзя, потому что онъ полуляхъ; былъ ляхомъ да окрестился, а въ войскѣ не служилъ и козакомъ не бывалъ». Впослѣдствіи онъ былъ слугой и при Юріѣ Хмельницкомъ, который, какъ видно, относился къ нему съ довѣріемъ: такъ, когда Юрій Хмельницкій задумалъ выступить кандидатомъ на гетманство въ 1659 г. и хотѣлъ заручиться поддержкой запорожцевъ, онъ съ этой цѣлью послалъ на Запорожье Брюховецкаго. Брюховецкій удачно выполнилъ свою миссію, но не возвратился къ гетману, а остался на Запорожьи, гдѣ вскорѣ успѣлъ пріобрѣсть большую популярность. Послѣ измѣны Юрія Хмельницкаго, Брюховецкій уже въ качествѣ кошеваго являлся въ Москву и въ короткое время своего пребыванія тамъ успѣлъ набросить тѣнь подозрѣнія на Сомка, сообщивъ, что онъ приходится роднымъ дядей Юрію.

Въ 1662 г. Брюховецкій съ запорожцами явился на помощь Ромодановскому противъ Хмельницкаго и, проживши нѣсколько

---

[1]) Лѣтопись Грабянки, стр.

[2]) Лѣтоп. Велички, т. II, р. IV, стр. 38.

[3]) Лѣтопись Сомова, стр. 39,

недѣль при немъ, успѣлъ заслужить расположеніе московскаго боярина и свести знакомство съ епископомъ Меѳодіемъ, старанія котораго впослѣдствіи расчистили Брюховецкому дорогу къ гетманству. Брюховецкій былъ хитрый и ловкій человѣкъ. Подъ скромной внѣшностью въ немъ таились честолюбивыя мечты, осуществить которыя было не легко. Онъ былъ по природѣ даровитъ, отличался наблюдательностью, которая много помогала ему въ сношеніяхъ съ людьми; кромѣ того онъ обладалъ если не образованіемъ, то по крайней мѣрѣ грамотностью и умѣлъ говорить: «былъ во всѣхъ рѣчехъ цикавій», по свидѣтельству Величка. Сходясь съ людьми, онъ скоро располагалъ ихъ къ себѣ тонкой лестью, притворной скромностью или-же широкими замыслами, наконецъ просто «обетницями и подарунками», смотря по тому, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Видя вокругъ себя разладъ и смуту, способный и ловкій честолюбецъ могъ имѣть надежду на успѣхъ при извѣстной осторожности и настойчивости. И мы видимъ, что Брюховецкій прежде всего вѣрно намѣтилъ себѣ точку опоры: ею въ то время могло быть только Запорожье.

Въ средѣ городовой козацкой старшины Брюховецкому трудно было найти себѣ сторонниковъ. Для нея онъ былъ человѣкомъ чужимъ, «служкой Богдана Хмельницкаго», «не природнымъ козакомъ». Стремленіе козацкой старшины выдѣлиться въ сословную корпорацію зародилось чуть-ли не съ первыхъ дней существованія самой старшины и хотя жизнь разрушала искусственно создаваемыя рамки, но уничтожить самаго стремленія она не могла. Въ эпохи великихъ народныхъ движеній, въ моменты наибольшаго напряженія народныхъ силъ каждая личность становится выше своего обычнаго уровня и общій интересъ заставляетъ молчать на время личныя страсти. Борьба съ Польшей, затрогивавшая всѣ живые интересы страны, на время объединила всѣхъ и наряду съ тѣми, кто боролся за волю и вѣру, стали и тѣ, кто непрочь былъ на освобожденной землѣ установить православное панство. Но время шло, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснялась и рознь между интересами народной массы и козацкой старшины и чѣмъ шире разросталось козацкое движеніе, чѣмъ больше усиливалось въ немъ участіе посполитства, тѣмъ болѣе крѣпла среди козацкой старшины мысль о гарантіи своихъ имущественныхъ интересовъ и объ усвоеніи себѣ сословныхъ правъ.

Для извѣстной части городоваго козачества шляхетскій строй польскаго государства, украшенный всѣмъ блескомъ внѣшней культуры, былъ идеаломъ; для другихъ, не вѣрившихъ въ возможность союза съ поляками, «какъ равный съ равнымъ, вольный съ вольнымъ», былъ больше по-сердцу союзъ съ Москвой, сулившій имъ кромѣ того немаловажныя личныя блага. Правда, боярство московское не было такъ привлекательно, какъ полноправное шляхетство польское, но и оно имѣло свои заманчивыя стороны въ родѣ жалованныхъ вотчинъ «со крестьяны» и т. п. Были, конечно, и среди старшины козацкой люди безкорыстно идейные, руководившіеся въ дѣятельности своей не личными или сословными интересами; но такихъ, какъ всегда и вездѣ, было немного. Ко времени Брюховецкаго обѣ партіи—московская и польская успѣли уже ясно обозначиться, но условія того времени не давали возможности ни одной изъ нихъ сложиться въ строго опредѣленныя формы. И та, и другая партія цѣнили однако чистоту рода: козацкая генеалогія успѣла уже сложиться. Брюховецкій зналъ это и не разсчитывалъ на поддержку козацкой старшины, но сдѣлалъ попытку заручиться приверженцами и здѣсь: онъ обратился къ честолюбію и корыстолюбію отдѣльныхъ лицъ, т. е. къ тѣмъ рычагамъ, которые сдвигали и не такія препятствія. Такимъ образомъ онъ успѣлъ склонить на свою сторону Василія Дворецкаго, Матвѣя Гвинтовку и нѣкоторыхъ другихъ.

Всѣ надежды свои Брюховецкій возлагалъ на народную массу, представителемъ которой являлось Запорожье. Крестьянское населеніе самой Украйны было слишкомъ подавлено громадностью переживаемыхъ бѣдствій. Крѣпкой защиты оно не видало нигдѣ: козацкихъ силъ не хватало на оборону не только селъ, но и мѣстечекъ и даже городовъ; чужеземныя войска, приходившія на помощь, смотрѣли на страну, какъ на свою собственность, которую они отбивали изъ рукъ противника для того, чтобъ тотчасъ-же получить ее въ свою власть. Борьба затягивалась, Украйна оставалась постоянно полемъ битвы и только временно переходила изъ рукъ въ руки. Эти временные переходы были ужасны. Какой нибудь городъ или мѣстечко на правомъ берегу Днѣпра сдавались лѣвобережнымъ войскамъ, которые обыкновенно, по своей малочисленности, не могли удержать его за собой. Осажденные вновь польскими войсками, жители держались до послѣдней крайности,

въ надеждѣ на близкую помощь; но она не приходила, городъ брался приступомъ и подвергался жестокому погрому.

Иногда жертвой искупленія бывали предводители осажденныхъ, которыхъ населеніе города рѣшалось выдать; бывали случаи, когда это дѣлалось по ихъ даже собственному почину. Такъ паволоцкій полковникъ, Иванъ Поповичъ, перебившій всѣхъ поляковъ и евреевъ въ своемъ городѣ, былъ осажденъ правобережнымъ гетманомъ Тетерею и не дождавшись помощи отъ Брюховецкаго, сдался, выговоривъ прощеніе остальнымъ жителямъ. Онъ погибъ на глазахъ паволочанъ. Бывало и такъ, что отнятый поляками городъ подвергался вторично осадѣ отъ лѣвобережнаго войска; помня прошлыя невзгоды, жители рѣшались отстаиваться въ надеждѣ, что Рѣчь Посполитая, за измѣну которой они такъ жестоко поплатились уже, должна-же теперь защитить ихъ; но надежда эта часто обманывала ихъ и тогда снова повторялись кровавыя сцены. Въ лучшемъ случаѣ, если жители умѣли вымолить себѣ жизнь, погромъ ограничивался раззореніемъ. То, что творилось въ обширныхъ размѣрахъ въ правобережной Украйнѣ, повторялось въ меньшемъ видѣ на лѣвомъ берегу. Страна опустѣла, обезлюдѣла.

Полной безпомощностью звучатъ слова жителей м. Зѣнкова въ письмѣ ихъ къ Сомку; объявляя о своемъ желаніи быть по прежнему въ подданствѣ московскаго царя, они пишутъ: «а что въ нынѣшнее время зимнее не могли-сьмы съ тѣмъ открыть, хотя сердце наше жадало къ тебѣ, возбраняли намъ наступаючіе поганскіе, также войскъ козацкихъ и ляцкихъ силы; ибо намъ бѣднымъ, своеваннымъ и въ конецъ разореннымъ, не можно малой горсти всякому противитьца, ни откуды не имѣючи никакіе помочи, а потомъ въ невинности своей погибать прежде времяни» [1]). Если это говоритъ городъ и при томъ лѣвобережный, то какъ-же безгранично безпомощны были жители деревень? Не мудрено, что лѣтописецъ подъ 1660-мъ годомъ отмѣчаетъ распространившійся слухъ о нарожденіи антихриста на востокѣ и близкой гибели міра [2]). Все, что могло, бѣжало отъ этой жизни, пытки злѣе, и бѣжало на Запорожье. Община запорожская быстро пополнялась

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. V, стр. 67.

[2]) Лѣтопись Велички, т. II, р. I, стр. 16—17.

этими бездомными сиромахами, приносившими съ собой и свое озлобленіе противъ тѣхъ, кто по ихъ мнѣнію долженъ былъ защитить ихъ: противъ смѣнявшихся одинъ за другимъ гетмановъ, противъ козацкой старшины, противъ наиболѣе зажиточнаго и обезпеченнаго городоваго козачества. Характерно для того времени письмо отъ всего «войска запорожскаго къ черни городовой» (1662 г.): въ немъ запорожцы совѣтуютъ «городовой черни и войску» не вѣрить измѣнникамъ, не слушать ихъ прелестныхъ словъ, не принимать ихъ вольностей и не губить своихъ душъ «для проклятого шляхетства лядского», прибавляя, что имъ «чернякамъ того шляхетства ненадобно»[1]). Живя на Запорожьи, Брюховецкій имѣлъ время присмотрѣться къ тому, что происходило на его глазахъ, и съумѣлъ воспользоваться настроеніемъ народа. Не трудно представить себѣ, что и какъ говорилъ онъ въ своихъ бесѣдахъ съ запорожцами, если въ самомъ непродолжительномъ времени мы видимъ его уже кошевымъ.

Конечно, онъ заявлялъ себя искреннимъ другомъ этой голоты, искреннимъ ненавистникомъ всякой неправды и насилія, искреннимъ ревнителемъ вѣры и свободы, огражденіемъ которыхъ долженъ служить союзъ съ Москвой. Такого именно гетмана хотѣло видѣть Запорожье и выставило Брюховецкаго своимъ кандидатомъ. Брюховецкій всячески старался поддержать свою популярность и въ перепискѣ своей съ высшими властями относительно запорожцевъ высказываетъ нѣжную заботливость; онъ постоянно употребляетъ такія выраженія, какъ «чернь съ милою охотою позволяетъ», «мои односумы» и т. п. Запорожье въ то время пользовалось огромнымъ авторитетомъ, такъ какъ за него стояла народная масса, и потому голосъ его на «черной радѣ» былъ обыкновенно рѣшающимъ. Оттого-то Брюховецкій и настаивалъ такъ усиленно на созваніи именно «черной рады».

Но, кромѣ того, онъ хотѣлъ заручиться еще поддержкой со стороны лицъ, пользовавшихся довѣріемъ московскаго правительства[1]). Съ этой цѣлью онъ завелъ сношенія съ Гр. Гр. Ромодановскимъ, который, въ качествѣ предводителя московскихъ войскъ, былъ въ

[1]) «Акты южной и западной Россіи», т. V.

[2]) «Акты южной и западной Россіи», т. V.

то время однимъ изъ главныхъ представителей московской власти въ Украйнѣ, и внушить ему расположеніе. Наконецъ Брюховецкому удалось найти себѣ очень важнаго союзника, въ лицѣ епископа Меѳодія. Эти два человѣка поняли другъ друга. Оба они были одного типа: неглупые, способные, неискренніе, медленно, осторожно, но упорно шедшіе къ намѣченной цѣли, не стѣсняясь въ средствахъ и маскируя свои планы. Меѳодій давно уже пользовался благосклонностью Москвы: во время гетманства Выговскаго, будучи еще скромнымъ нѣжинскимъ протопопомъ, Максимомъ Филимоновичемъ, онъ писалъ московскому царю о необходимости ввести воеводъ московскихъ въ украинскіе города [1]), и потомъ во всѣхъ смутахъ заявлялъ себя сторонникомъ Москвы и давалъ ей совѣты. Въ 1661 г. Максимъ Филимоновичъ получилъ санъ епископа мстиславскаго и оршанскаго и былъ назначенъ блюстителемъ кіевской митрополіи, которая оставалась вакантной. Трудно сказать навѣрно, насколько опредѣлены были честолюбивые планы Меѳодія. Но сопоставляя его исканіе популярности и связей въ Москвѣ, поведеніе его въ болѣе позднее время, когда рѣчь шла о назначеніи митрополита изъ Москвы, и временный разрывъ его съ Брюховецкимъ по этому поводу, а затѣмъ примиреніе ихъ въ послѣдніе годы гетманства, можно предположить, что честолюбивыя мечты были не чужды епископу, когда онъ встрѣтился съ Брюховецкимъ. Союзъ ихъ и взаимная поддержка могли гарантировать обоимъ достиженіе цѣли; кромѣ того у Меѳодія было еще побужденіе стать на сторону Брюховецкаго,—это вражда къ Сомку. Неизвѣстны причины этой вражды; одна только лѣтопись упоминаетъ, что Сомко могъ подкупить Меѳодія, но не захотѣлъ. Меѳодій явился главнымъ противникомъ избранія Сомка въ «совершенные» гетманы и даже пытался выгнать его изъ церкви, не допустивъ къ присягѣ послѣ козелецкой рады [2]); встрѣтясь какъ-то у Ромодановскаго, Сомко и Меѳодій такъ поспорили, что дѣло едва не дошло до убійства [3]). Потому-то Меѳодій готовъ былъ поддерживать каждаго противника Сомка и раньше стоялъ на сторонѣ Золотаренка. Онъ

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи, т. XI.

[2]) Соловьевъ, «Итторія Россіи», т. XI, стр. 128.

[3]) Лѣтопись Велички, т. II, разд. III, стр. 27.

усердно старался выставить въ самомъ дурномъ видѣ Сомка предъ московскимъ правительствомъ, доносилъ, что Сомко не хочетъ ѣхать на раду и не пускаетъ туда полковниковъ, что онъ сносится тайно съ Юріемъ Хмельницкимъ и т. п. Въ жалобахъ Сомка на враговъ одно изъ первыхъ мѣстъ отводится Меѳодію.

Видя, вѣроятно, въ Брюховецкомъ болѣе надежную опору для своихъ цѣлей, Меѳодій скоро оставилъ Золотаренка и сталъ дѣйствовать въ пользу новаго союзника. Уже въ 1661 г., въ бесѣдѣ съ московскимъ посланнымъ Ѳедоромъ Протасьевымъ, Меѳодій передавалъ великому государю совѣтъ не назначать гетманомъ ни Сомка, ни Васюты (Золотаренка) во избѣжаніе усобицы [1]). Устраненіемъ двухъ претендентовъ расчищалось мѣсто для третьяго, который и выдвигается тогда-же, пока въ скромной роли вѣрнаго царскаго слуги. Къ тому-же Протасьеву Брюховецкій, бывшій тогда въ Переяславѣ, привелъ козака Семенова, бѣжавшаго изъ чигиринской тюрьмы, который сообщилъ вѣсти о тяжелой болѣзни Хмельницкаго, о ненадежности его по отношенію къ московскому царю и о томъ, что «къ нему, Юрасу, отъ наказнаго гетмана Якима Сомка листы приходятъ частые о всемъ» [2]). Этимъ бросалась новая тѣнь на Сомка. Измѣну Сомка Брюховецкій подчеркиваетъ при каждомъ удобномъ случаѣ: пересылаетъ какія-то перехваченныя письма его Ромодановскому и даже въ самую Москву [3]). О собственныхъ видахъ на гетманство онъ не проговаривается ни однимъ намекомъ и по этому поводу высказывается болѣе, чѣмъ безкорыстно: «намъ не о гетманствѣ надобно стараться», пишетъ онъ Меѳодію, только о князя малороссійскаго отъ его царскаго величества, на которое княжество желаю Ѳедора Михайловича имѣти, чтобъ порядокъ лутшый былъ и оберженье всякое»..., «а я самъ, какъ Богъ подастъ, послѣ той рады ненадобной буду со всимъ войскомъ видѣти порядокъ тотъ» [4])... и т. д. Смиреніе и вѣрность Брюховецкаго цѣнились по заслугамъ и пріобрѣтали ему довѣріе Москвы,

---

[1]) «Акты южной и западной Россіи», т. V. стр. 89.

[2]) Ibid.

[3]) «Акты южной и западной Россіи», т. V, стр. 97.

[4]) «Акты южной и западной Россіи», т. V, стр. 101, подъ именемъ Ѳедора Михайловича здѣсь разумѣется думный дьякъ Ртищевъ.

если и не полное, то по крайней мѣрѣ такое, на которое могъ разсчитывать третій человѣкъ въ виду двухъ соперниковъ, успѣвшихъ взаимной враждой и клеветами заявить себя подозрительными и безпокойными людьми.

Не трудно было предугадать, чѣмъ кончится «черная рада» въ іюнѣ 1663 г.: на сторонѣ Сомка было нѣсколько колеблющихся полковъ, удерживаемыхъ старшиною, за Брюховецкаго стояли запорожцы, народъ и часть городовыхъ козаковъ. Не успѣлъ еще Великогагинъ дочитать царской грамоты, дозволявшей козакамъ избрать гетмана вольными голосами, какъ раздались съ одной стороны крики: «Сомка», съ другой «Брюховецкаго» и вслѣдъ затѣмъ произошла свалка, въ которой Сомко со своими полками былъ оттиснутъ, бунчукъ наказнаго гетмана сломанъ и запорожцы, поставивъ на столъ Брюховецкаго, провозгласили его гетманомъ. Сомко скрылся въ шатеръ Великогагина, протестуя противъ незаконнаго избранія; московскіе послы были также смущены и объявили о созваніи новой рады на слѣдующій день. Но дѣло на этотъ разъ кончилось тѣмъ, что козаки Сомка передались Брюховецкому, который торжественно былъ объявленъ гетманомъ. Московскіе послы вручили ему гетманскіе клейноты и приняли отъ него присягу на вѣрность московскому царю. Якимъ Сомко, Василій Золотаренко и другіе представители козацкой старшины были арестованы и потомъ выданы Брюховецкому. На ихъ мѣста были тутъ-же назначены лица, заранѣе намѣченныя Брюховецкимъ, въ томъ числѣ Матвѣй Гвинтовка, получившій званіе полковника нѣжинскаго и Василій Дворецкій—полковника кіевскаго. Желая какъ можно скорѣе и вѣрнѣе избавиться отъ Сомка и остальныхъ противниковъ своихъ, Брюховецкій писалъ въ Москву, будто у Сомка хранятся доставшіяся ему при пораженіи Выговскаго подъ Хмельникомъ гадячскія статьи, скрѣпленныя присягой и будто Сомко имѣлъ въ виду, ставши гетманомъ, предложить Москвѣ условія гадячскаго договора, или-же отказаться отъ подданства. Остальныхъ арестованныхъ онъ обвинялъ въ содѣйствіи этимъ замысламъ [1]). Обвиненіе было направлено мѣтко. 18-го сентября 1663 г. въ г. Борзнѣ были казнены осужденные войсковымъ судомъ: Якимъ Сомко, Василій Золотаренко, бывшіе

---

[1]) Лѣтопись Величка, т. II, р. IV, стр. 38.

полковники: лубенскій—Степанъ Шамрицкій, переяславскій Аѳанасій Щуровскій, черниговскій Аникій Силичъ и съ ними Павелъ Киндѣй, Ананка Семеновъ и Кириллъ Ширяй. Обозный Цесарскій и полковникъ Дворецкій, присутствовавшіе при казни, отвезли въ Москву въ оковахъ еще десять человѣкъ, которые были сосланы въ Сибирь [1]). Покончивши съ противниками, Брюховецкій постарался отдѣлаться и отъ тѣхъ сторонниковъ, дальнѣйшее вмѣшательство которыхъ въ его дѣла было вовсе нежелательно гетману. Значительная часть запорожцевъ, прибывшихъ на «черную раду», не возвратилась въ Сѣчь,—они являлись обузой для Брюховецкаго, который однако скоро придумалъ, какъ распорядиться съ ними. Раздавши нѣкоторымъ изъ нихъ козацкіе уряды и благодаря этому заручившись ихъ расположеніемъ, онъ раздѣлилъ остальныхъ на мелкіе отряды и распредѣлилъ по разнымъ полкамъ, въ качествѣ вспомогательныхъ войскъ. Эти отряды, не имѣвшіе опредѣленнаго назначенія, располагались военнымъ постоемъ по городамъ и селамъ. Мѣра, придуманная гетманомъ, достигала двойной цѣли: 1) раздробляя силы запорожцевъ, она ослабляла ихъ и 2) она развивала озлобленіе противъ запорожцевъ въ населеніи, для котораго «военный постой», особенно въ то трудное время, былъ тяжелымъ игомъ. Крутыя мѣры Брюховецкаго вызвали противъ него раздраженіе съ первыхъ-же дней его гетманства; но дѣло было сдѣлано, а грозныя внѣшнія обстоятельства требовали сосредоточенія народныхъ силъ. Въ ноябрѣ 1663 г. въ Батуринъ пріѣхалъ дьякъ Башмаковъ для подтвержденія и укрѣпленія договорныхъ статей со стороны гетмана и старшины.

Батуринскія статьи были повтореніемъ переяславскихъ 1659 г., установленныхъ съ гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ, но о нѣкоторыхъ изъ нихъ, касавшихся сбора податей въ царскую казну и раздачи жалованья козацкому войску, рѣшено было послать челобитье царю, такъ какъ, по заявленію гетмана и старшины, статьи эти не могли быть приняты въ виду критическихъ военныхъ обстоятельствъ. Одной изъ первыхъ заботъ новаго гетмана было возвращеніе передавшихся полякамъ лѣвобережныхъ городовъ и отраженіе польскихъ и козацкихъ войскъ подъ предводительствомъ

---

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 141.

правобережнаго гетмана Тетери. Кажется, въ это время какъ московское правительство, такъ и люди близко знакомые съ положеніемъ дѣлъ въ Малороссіи начинаютъ сознавать если не невозможность, то крайнюю трудность овладѣть правобережной Украйной. Царь Алексѣй Михайловичъ даетъ въ этомъ смыслѣ инструкціи своимъ уполномоченнымъ для переговоровъ съ Польшей; еще раньше Сомко въ письмѣ къ царю высказываетъ мысль—уступить Польшѣ правобережные города, выведши изъ нихъ жителей на лѣвый берегъ. Стремленіе къ свободѣ личности и гарантіи сословныхъ правъ въ средѣ правобережной старшины, безпомощное положеніе народной массы, подчинявшейся силѣ и способной на активный протестъ тогда, когда чаша терпѣнія переполнялась, и настойчивая борьба со стороны поляковъ за утраченныя владѣнія—все это были серьезныя препятствія для объединенія Украйны подъ московской властью. Для этого нужны были большія матеріальныя и нравственныя силы, которыми не обладало тогда московское государство. Москва могла предложить для успокоенія Украйны одно исконное средство и съ своимъ обычнымъ постоянствомъ задавала вопросъ: «ссоритесь, обираете другъ друга,—не хотите-ли воеводъ его царскаго величества?» [1]). Ни Москвѣ, ни Польшѣ, однако, не хотѣлось мириться на маломъ и пока шли переговоры, исподоволь подготовившіе андрусовскій договоръ, война въ Украйнѣ продолжалась. Первые годы гетманства Брюховецкаго заняты главнымъ образомъ военными дѣлами. Онъ настойчиво пишетъ въ Москву о присылкѣ возможно большаго числа ратныхъ людей и даетъ нѣкоторые совѣты на счетъ веденія войны. Такъ, отправляя нѣсколькихъ калмыковъ, вмѣстѣ съ другими посланцами, въ Москву, онъ говоритъ, что считалъ необходимымъ удовлетворить выраженное ими желаніе видѣть царя, потому что калмыки, непримиримые враги татаръ, могутъ быть очень полезными союзниками запорожцевъ: «а намъ таковыхъ и потребно—лихаго недобрымъ казнити, пусть нечистый съ поганымъ бьется, дабы чистымъ и законнымъ пространство отъ безбожныхъ было» [2]). Сообщая постоянно о своихъ военныхъ затрудненіяхъ, Брюховецкій не уставалъ обвинять въ бездѣйствіи и медлительности

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи». т. XI, стр. 23.

[2]) «Акты южной и западной Россіи т. V, стр. 170.

Ромодановскаго, расположенія котораго онъ еще такъ недавно заискивалъ; онъ не удержался и отъ другаго, болѣе опаснаго обвиненія, когда писалъ, что Ромодановскій «будто сговорился съ непріятелемъ»[1]). Война велась довольно успѣшно, Брюховецкому удалось возвратить нѣкоторые лѣвобережные города: Потокъ, Переволочну, Кременчугъ, гдѣ засѣлъ было правобережный наказной гетманъ Петръ Дорошенко. Но важнѣе всего было то, что соединеннымъ московскимъ и козацкимъ войскамъ удалось отстоять г. Глуховъ, осажденный польскимъ королемъ, успѣвшимъ побѣдоносно переправиться на лѣвый берегъ.

Послѣ неудачной осады Глухова Янъ Казиміръ отступилъ въ Польшу и волненіе, вызванное въ народѣ появленіемъ его на лѣвомъ берегу, стало стихать. Въ то-же время посланный въ Запорожье отрядъ, подъ начальствомъ Григорія Косагова, вмѣстѣ съ запорожскимъ отрядомъ Сѣрка, выступивъ изъ Сѣчи, воевали съ союзниками поляковъ татарами и доходили до Перекопа, разоряя татарскія селища. Такое отвлеченіе татаръ ослабляло польскія силы, а то обстоятельство, что Сѣрко, запорожскій герой, былъ на сторонѣ московскихъ войскъ, поддерживало популярность московской власти въ народѣ. Правда, въ 1664 г. еще Косаговъ писалъ, что Запорожье шатается подъ вліяніемъ прелестныхъ писемъ Тетери, и ожидая всякихъ бѣдъ, посылалъ завѣщаніе свое отцу. Но не смотря на это, запорожскія войска въ томъ-же 1664 г. участвовали вмѣстѣ съ козаками Брюховецкаго въ битвахъ съ поляками. Въ правобережной Украйнѣ царилъ разладъ. Кіевскій воевода, бывшій гетманъ, Иванъ Остаповичъ Выговскій съ Іосифомъ Тукальскимъ, преемникомъ митрополита Балабана на правомъ берегу, и монахомъ Гедеономъ (Юріемъ) Хмельницкимъ, не прочь были пойти на сдѣлку съ Москвой, которая, вѣроятно, не оставалась глуха къ такимъ намѣреніямъ. Но польскія власти разрушили эти замыслы: Выговскій былъ разстрѣлянъ, а Тукальскій и Хмельницкій заточены въ Маріенбургскую крѣпость. Лѣвобережныя войска переходили за Днѣпръ, успѣли взять нѣсколько городовъ, пытались овладѣть самимъ Чигириномъ, который, однако, отстоялся. Подъ вліяніемъ цѣлаго ряда неудачъ, не имѣя опоры въ населеніи, которое не разъ волей

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. V, 192.

и неволей сдавало города лѣвобережнымъ войскамъ. Тетеря сталъ настойчиво писать королю о необходимости заключить миръ съ Москвой, прося въ противномъ случаѣ отставки отъ гетманства. Такимъ образомъ упорная борьба принуждала къ уступкамъ и Москву и Польшу: разоренной и обезсиленной Малороссіи предстояло присутствовать при раздѣлѣ собственной территоріи между двумя болѣе сильными соперниками.

Во главѣ Украйны стояли два человѣка, Тетеря и Брюховецкій—равно способные на личную интригу, но не на борьбу за общественные интересы. Ставши гетманомъ, Брюховецкій далъ просторъ той жаждѣ власти и корыстолюбія, которыя онъ находилъ нужнымъ сдерживать прежде, но при этомъ онъ долженъ былъ неминуемо натолкнуться на протестъ всѣхъ слоевъ населенія и особенно двухъ болѣе сплоченныхъ группъ—городоваго козачества и мѣщанства. Назначивши на мѣста старшинъ такихъ людей, которые лично ему обязаны были своимъ возвышеніемъ, Брюховецкій не могъ уничтожить всѣхъ своихъ враговъ, не подвергаясь опасности утратить гетманство, а число этихъ враговъ возрасло послѣ кровавой расправы его съ Сомкомъ. Въ глазахъ ихъ новый гетманъ являлся незаконнымъ, а своимъ образомъ дѣйствій онъ нарушалъ стародавнія права козацкія. Самовольное назначеніе полковниковъ и смѣщеніе ихъ, пристрастные приговоры войсковаго суда, составленнаго изъ сторонниковъ гетмана, его стремленіе усилить гетманскую власть, съ помощью власти московской, возбуждали противъ него общее раздраженіе даже у людей, имъ-же выдвинутыхъ, которые никогда не могли быть вполнѣ увѣрены въ прочности своего положенія. Стремленіе къ ограниченію правъ козацкой старшины и усиленію своей власти особенно замѣтно проявляется у гетмановъ лѣвобережныхъ, для которыхъ общественный строй московскаго государства являлся образцомъ. «Многіе козаки пишутся въ мѣщане», говорилъ Брюховецкій Леонтьеву, «а я тому и радъ, думаю, что въ нѣсколько лѣтъ сдѣлаю всѣхъ козаковъ мѣщанами: такъ и шатости не будетъ» [1]). Гетманъ, избранный «черной радой» и опиравшійся на поддержку Москвы, имѣлъ возможность держать въ рукахъ до поры до времени своихъ противниковъ; но они платили ему

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 194.

глухимъ недовольствомъ и чувствуя свое безсиліе дѣйствовать открыто, прибѣгали къ доносамъ, которые въ это время являются наиболѣе употребительнымъ средствомъ борьбы.

Другая черта характера Брюховецкаго—корыстолюбіе—была причиной той ненависти, какую возбудилъ онъ среди мѣщанъ. Брюховецкій враждебно относился къ привиллегіямъ, полученнымъ городами отъ польскихъ королей и подтвержденнымъ потомъ московскимъ правительствомъ. Онъ неоднократно писалъ въ Москву о несправедливости такого привиллегированнаго положенія мѣщанъ, сравнительно съ козаками, и стремился захватить въ свои руки право налагать поборы и повинности. Мѣщане вынуждены были иногда прибѣгать къ защитѣ представителей московской власти, какъ это было, напримѣръ, въ Кіевѣ при воеводѣ Чаадаевѣ. Когда этотъ воевода былъ смѣщенъ, по наговорамъ Брюховецкаго, озлобленіе мѣщанъ на гетмана еще усилилось. Народъ для Брюховецкаго былъ средствомъ совершить переворотъ въ свою пользу; для того-же, чтобъ упрочить свое положеніе, Брюховецкій нашелъ другую опору. Переписка его съ Москвой хорошо характеризуетъ тѣ пріемы, какіе употреблялъ гетманъ, чтобы пріобрѣсть довѣріе и благосклонность власть имущихъ. Прежде всего онъ заявляетъ себя безупречно вѣрнымъ сыномъ своего отечества, а подъ именемъ отечества готовъ разумѣть не только Малороссію и Великороссію нераздѣльно, но и всѣ тѣ восточныя, западныя и сѣверныя земли, отчичемъ, дѣдичемъ и обладателемъ которыхъ писался московскій царь. Въ своей вѣрности онъ не допускаетъ и тѣни сомнѣнія и если встрѣчается съ подозрѣніемъ такого рода, то оправдывается съ какой-то рабской гордостью. Характерно въ этомъ отношеніи письмо его къ окольничьему Богдану Матвѣевичу Хитрово, который въ бесѣдѣ съ полковникомъ Дворецкимъ презрительно отозвался о гетманѣ за его доносы на Ромодановскаго и за то, что онъ ратныхъ людей голодомъ моритъ. Брюховецкій краснорѣчиво оправдывается во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, объясняя, что затрудненія въ продовольствіи ратныхъ людей неизбѣжны, такъ какъ «послѣ пороги военной послѣдній кусокъ съ плачемъ вытаскивать трудно, что послѣ войны людямъ свобода, а не подати, особенно въ настоящее военное время людей надобно утверждать добротою и оборонять отъ непріятелей», и что ратныхъ людей въ Малороссію Москва должна

посылать ради своей-же пользы, такъ какъ Малороссія служитъ предверіемъ Великой Россіи. Нѣсколько рѣзкихъ фразъ своихъ онъ смягчаетъ словами: «это не ровный сосѣдъ для своей корысти, но холопъ и рабъ у монарха своего, для охраненія отчизны царской, помощи проситъ». По поводу жалобъ своихъ царю на Ромодановскаго, Брюховецкій говоритъ: «не знаю, къ кому мнѣ прибѣгать въ тѣснотѣ моей, если не къ нему свѣту, великому государю; передъ нимъ, какъ передъ Богомъ, никакихъ дѣлъ мнѣ утаить нельзя, потому что наша надежда въ скорбяхъ и прибѣжище по Богѣ, Богородицѣ и всѣхъ святыхъ онъ свѣтъ, помазанникъ Божій»[1]). Тамъ, гдѣ дѣло касается его интересовъ, онъ поступаетъ вопреки указаніямъ сверху, но умѣетъ доказать, что иначе поступить было невозможно. Такъ, будучи еще кошевымъ, онъ провелъ на Украйнѣ зиму 1662—1663 г., не смотря на приказаніе удалиться въ Сѣчь, полученное отъ царя. Какъ человѣкъ «цикавій въ рѣчехъ», онъ знаетъ, какъ много значитъ *форма* выраженія въ глазахъ власти. Онъ не допускаетъ ни малѣйшей оплошности въ титулахъ и разъ избравши себѣ формулой для подписи: «вѣрный холопъ и нижайшій подножекъ престола его царскаго величества Ивашка Брюховецкій», считаетъ себя гарантированнымъ съ формальной стороны. Онъ не стѣсняется давать совѣты, а иногда и просто заявлять несогласіе съ тѣмъ или другимъ указомъ, на томъ основаніи, что онъ, какъ человѣкъ мѣстный, лучше знаетъ условія, среди которыхъ ему приходится дѣйствовать для блага родины, нераздѣльнаго съ интересами его царскаго величества. Такъ, на указъ царя о выдачѣ продовольствія и одежи царскимъ ратнымъ людямъ, стоящимъ въ Малороссіи, Брюховецкій отвѣчалъ, что довольствованіе ратныхъ людей сверхъ того, что имъ выдается, было бы непосильнымъ налогомъ для населенія и потому онъ рѣшилъ не объявлять царскаго указа во всеобщее свѣдѣніе, опасаясь недовольства и волненій[2]). Мы видимъ, что совѣты его выслушиваются благосклонно, непріятные ему люди, какъ кіевскій воевода Чаадаевъ, переяславскій воевода Волконскій, смѣняются, и довѣріе Москвы

---

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 118—170. «Акты южной и западной Россіи», т. V, стр. 254.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. V, стр. 224.

къ новому гетману растетъ. Чтобы упрочить за собой окончательно это довѣріе, Брюховецкому нужно было сдѣлать еще шагъ, на который указывали уже ему представители московской власти: нужно было, чтобъ гетманъ лично явился въ Москву. Ни одинъ изъ гетмановъ, со времени Богдана Хмельницкаго, не ѣздилъ представиться царю, и Хитрово между прочимъ упрекнулъ Брюховецкаго въ томъ, что и онъ, видно, пойдетъ по слѣдамъ своихъ предшественниковъ. Сильно обиженный Брюховецкій въ письмѣ своемъ, оправдываясь военными заботами, писалъ: «самъ изволишь слышать и знать непостоянство нашихъ людей украинскихъ, особенно во время этой войны: то былъ бы лютый врагъ, лукавый и недобрый рабъ, кто бы царскую отчизну, огнемъ пылающую, при такомъ неутвержденіи, уходомъ своимъ отдалъ въ снѣдь львамъ, окрестъ рыкающимъ» [1]).

Одинъ изъ этихъ львовъ, гетманъ Тетеря, убѣдившись въ томъ, что не сможетъ отстоять ни правобережной Украйны, ни своего гетманства, которое не пользовалось симпатіями населенія, удалился въ Польшу, захвативъ съ собою свое имущество и знаки гетманскаго достоинства. На время война какъ бы стихла, свелась на отстаиваніе порознь мелкихъ городовъ. Воспользовавшись этимъ, Брюховецкій сдалъ дѣла наказному гетману, переяславскому полковнику Даніилу Ермоленку, а самъ извѣстилъ въ Москву о своемъ скоромъ пріѣздѣ. Въ сентябрѣ 1665 г. Брюховецкій прибылъ въ Москву; здѣсь его встрѣтили, какъ давно желаннаго гостя. Вмѣстѣ съ нимъ были: нѣжинскій полковникъ Матвѣй Гвинтовка, кіевскій Василій Дворецкій, лубенскій Григорій Гамалея, генеральный обозный Иванъ Цесарскій, судья Петръ Забѣла, писари: Степанъ Гречаный и Захаръ Шійкевичъ, еще нѣсколько лицъ изъ казацкой старшины, протопопъ Григорій Бутовичъ съ чернымъ попомъ Гедеономъ и дьякономъ Авксентіемъ, козаки, мѣщане, атаманы, войты, бурмистры и райцы, наконецъ, челядники и хлопцы», всего 535 человѣкъ [2]).

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, послѣ свиданія съ царемъ и московскими боярами, Брюховецкій предложилъ нѣсколько добав-

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 171; Акты южной и западной Россіи, т. V, стр. 257.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 4.

леній къ старымъ договорнымъ статьямъ. Эти добавочныя статьи, числомъ 8, были составлены и подписаны гетманомъ и старшиной, а затѣмъ утверждены царемъ. Самою важною изъ нихъ была первая. Въ ней говорилось: «для усмиренія частой въ малороссійскихъ городахъ шатости, которая за прошлыхъ гетмановъ на Украинѣ бывала и нынѣ часто за непостоянствомъ малороссійскихъ городовъ жителей изрывается, чтобъ Украина съ малороссійскими городами и мѣстами, и мѣстечками, и съ слободами и съ селами и въ нихъ всякихъ чиновъ жители подъ его царскаго пресвѣтлаго величества и его государскихъ людей благородныхъ государей и царевичей и ихъ государскихъ наслѣдниковъ высокодержавною и крѣпкою рукою въ прямомъ и истинномъ подданствѣ стройно пребываючи и обыкновенную должность съ городовъ и селъ въ государеву казну отдаючи, при крѣпкой и отъ непріятелей непредимой оборонѣ государской вѣчно пребывала; понеже надлежащее и отъ Бога врученное дѣло городами и землями владѣти и оные заступати монархомъ, а не гетманомъ. А чтобъ Богу и всему свѣту явно было, что онъ, гетманъ, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и со всѣми малороссійскими городами и съ селами, въ совершенномъ и истинномъ подданствѣ государскомъ нынѣ и впредь вѣчно пребыти хощетъ, и что самою истиною монарха своего знати желаетъ, тогда всякіе денежные и неденежные поборы отъ мѣщанъ и отъ поселянъ, во всякомъ малороссійскомъ городѣ и селѣ живущихъ, по милосердному государскому разсмотрѣнію, погодно въ казну государеву выбирати гетманъ съ войскомъ желаетъ и челомъ бьетъ, при которыхъ поборахъ денежныхъ, гетманъ же съ войскомъ челомъ бьетъ, чтобъ примѣромъ иныхъ начальнѣйшихъ малороссійскихъ городовъ и по меньшимъ всѣмъ городамъ малороссійскимъ кабаки на одну только горѣлку были, которые приходы кабацкіе винные въ государеву казну обрѣтатися имѣютъ; также всякіе размѣры хлѣбные, со всѣхъ мельницъ малороссійскихъ городовъ приходящіе, вкупѣ съ данью медовою, въ волостяхъ малороссійскихъ выбиратись обыклою и съ доходами отъ купцовъ чужеземныхъ приходящею, не гдѣ индѣ, токмо въ государеву же казну во всѣхъ малороссійскихъ городѣхъ доходить имѣютъ» [1]).

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. I, стр. 376, 615.

Въ царской резолюціи на статью эту говорилось, что царь гетмана и старшину и все войско запорожское жалуетъ, за то милостиво похваляетъ и «укажетъ въ малороссійскіе городы послать своихъ государевыхъ воеводъ» [1]). Такимъ образомъ города лѣвобережной Украйны отдавались во власть московскихъ воеводъ. Это было завѣтной мечтой московскаго правительства, осуществленію которой малороссійское казачество противилось долго и упорно. По переяславскому договору 1654 г. московскій воевода съ царскими ратными людьми долженъ былъ находиться только въ Кіевѣ; въ переяславскихъ статьяхъ, установленныхъ съ Юріемъ Хмельницкимъ въ 1659 г., Москвѣ удалось выговорить назначеніе воеводъ еще въ Черниговъ, Нѣжинъ и Переяславъ на лѣвомъ и въ Умань и Брацлавъ на правомъ берегу. Но воеводы эти имѣли въ Малороссіи значеніе только военныхъ властей, начальниковъ надъ царскими ратными людьми»; они не касались ни полковой казацкой, ни городовой мѣщанской администраціи. Московскія статьи 1665 года существенно измѣняли число и значеніе воеводъ въ Малороссіи. Въ четырехъ лѣвобережныхъ городахъ: Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславѣ и Нѣжинѣ, гдѣ воеводы уже существовали, число ратныхъ людей при нихъ было увеличено. Здѣсь были назначены воеводы во всѣ болѣе важные города Малороссіи: Полтаву, Кременчугъ, Остеръ, Новгородъ-Сѣверскъ и съ значительнымъ числомъ ратныхъ людей [2]); меньше ихъ должно было находиться при воеводахъ лубенскомъ, прилуцкомъ, миргородскомъ и др. И даже на вольное Запорожье, не знавшее воеводскаго правленія никогда, назначенъ былъ теперь въ Кодацкую крѣпость воевода съ 300 ратныхъ людей. Объ этомъ гетманъ особенно позаботился, настаивая на необходимости быть ратнымъ людямъ въ Кременчугѣ—выше пороговъ и Кодакѣ—на самахъ порогахъ, такъ какъ тогда «Запорожье будетъ подъ государскою высокою рукою и крѣпко»; [3]) нужно, говорилъ онъ, въ «Запорогахъ быть особому воеводѣ и зимовать въ Запорогахъ; тѣмъ надъ непріятелемъ и промыслъ учинить» [4]). Всѣ эти воеводы обле-

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 15.

[4]) Ibid., стр. 19.

чены были уже не прежней властью: теперь въ ихъ рукахъ былъ сборъ податей и налоговъ; подъ ихъ надзоромъ особые переписчики должны были составить перепись населенію, съ обозначеніемъ падающей на каждаго жителя доли повинностей. Воеводы являлись экономическими хозяевами цѣлой страны, такъ какъ, кромѣ городовъ, находившихся подъ непосредственнымъ ихъ вѣдѣніемъ, во всѣхъ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ они должны были назначить своихъ помощниковъ для сбора податей, они же должны были устроить «винныя ранды» и наложить торговыя пошлины. Брюховецкій не дорожилъ интересами народа, а къ интересамъ мѣщанъ относился враждебно: предвидя для себя постоянныя столкновенія съ городовой администраціей по поводу сбора податей, Брюховецкій рѣшился отказаться отъ этой статьи дохода въ пользу государевой казны, ожидая себѣ за то богатыхъ милостей.

Такъ-же легко было ему поступиться и правами малорусскаго духовенства. 4-й пунктъ московскихъ статей касался назначенія митрополита въ Кіевъ. Брюховецкій выражалъ желаніе, «чтобъ въ Кіевѣ на митрополію по указу государскому русскій святитель съ Москвы посланный былъ, для того, чтобъ духовный чинъ на митрополитовъ, подъ рукою королевскою будучихъ, оглядываючись, въ шатости войску вредителной не былъ; понеже въ статьяхъ переяславскихъ и батуринскихъ такъ постановлено, что митрополиту кіевскому быти подъ послушаніемъ святѣйшаго патріарха московскаго. А такъ гетманъ съ войскомъ, для лучшія всего народа подъ рукою его царскаго пресвѣтлаго величества крѣпости и утвержденія, бьетъ челомъ о присланіи въ Кіевъ святителя русскаго» [1]). Но здѣсь ужъ само правительство московское умѣрило рвеніе гетмана, не разсчитывая на то, что духовенство малорусское, далеко не такое безпомощное, какъ мѣщане и посполитство, такъ легко позволитъ распорядиться своей судьбой. Царь отвѣчалъ на эту статью, что «учнетъ списываться съ царьградскимъ патріархомъ (отъ котораго непосредственно зависѣлъ всегда кіевскій митрополитъ) и «буде царьградскій патріархъ благословеніе о митрополитѣ въ Кіевъ подастъ, и о томъ его величества государевъ указъ будетъ въ то время» [2]).

[1]) Полное Собраніе Законовъ. т. I, стр. 876 и 619.

[2]) Ibid.

Только козацкія права рѣшился выгородить Брюховецкій отъ вмѣшательства московскихъ властей подтвержденіемъ стародавнихъ вольностей: воеводы не имѣли права вмѣшиваться въ казацкое самоуправленіе. Остальныя статьи касались обязательнаго пріѣзда гетмана для утвержденія въ Москву и нѣкоторыхъ частностей, опредѣлявшихъ взаимныя отношенія великорусскихъ и малорусскихъ властей въ Украинѣ.

За вѣрность, обнаруженную Брюховецкимъ и превысившую ожиданія московскаго правительства, гетманъ и старшина козацкая были награждены: гетману пожаловано званіе боярина, старшина возведена въ дворянство, всѣ же они, кромѣ того, пожалованы городами и селами. Въ этомъ случаѣ ярко выразилось отношеніе казацкой старшины къ собственному народу: всѣ пожалованные просили, чтобы дарованныя имъ маетности «со всѣми крестьяны» были предоставлены имъ въ вѣчное владѣніе. Петрушка Забѣла, судья, да Васка Дворецкой кіевскій, Матюшка Гвинтовка нѣжинскій, да Гришка Гамалѣя лубенскій полковники, да Захарка, писарь войсковый», бьючи челомъ за пожалованье дворянствомъ и селами», обращались къ царю съ такой просьбой: «а нынѣ мы, холопи твои, тебѣ великому государю челомъ бьемъ, чтобъ ты, великій государь, тыми жъ селами, сполна, со всѣми крестьяны въ нихъ мѣшкаючими, насъ же холопей своихъ съ женами и съ дѣтми нашими на вѣчность пожаловалъ и на тое-бъ новые свои государскіе грамоты намъ холопемъ своимъ велѣлъ дати... чтобъ при дворянской чести намъ вышреченнымъ холопемъ, женамъ и дѣтемъ нашимъ не бездогодными за вѣрную нашу службишку быть и чтобъ подъ часъ высланья на Украину списчиковъ твоихъ государскихъ и напотомъ всегда и во вѣки отъ тыхъ селъ, со всѣми въ нихъ теперь и напотомъ будучими крестьяны, мы жъ холопи твои, жены и дѣти наши отдалены не были» [1]). Полученныя грамоты, дѣйствительно, дали старшинѣ юридическое право вѣчнаго владѣнія крестьянами въ пожалованныхъ деревняхъ, но фактически эти попытки ввести крѣпостное право въ Малороссіи долго еще не могли осуществиться: народъ еще слишкомъ живо чувствовалъ свое право на свободу, крѣпостническія стремленія шли слишкомъ въ разрѣзъ съ общимъ строемъ жизни.

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 22—23.

Но шагъ впередъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ. Когда Выговскій, бывшій еще писаремъ, хлопоталъ черезъ Тетерю о полученіи маетностей, то онъ просилъ имѣній въ Литвѣ. На предложеніе царя дать Выговскому указъ на маетности въ Малороссіи Тетеря отвѣчалъ, что дѣлать этого ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, такъ какъ Выговскій маетностями этими владѣть не сможетъ, опасаясь войска запорожскаго, которое будетъ противъ такого выдѣленія писаря изъ всѣхъ козаковъ. Козаки Выговскаго побьютъ за то, что выпросилъ себѣ мѣстности, и станутъ говорить, чтобъ всѣми городами и мѣстами владѣть одному царскому величеству, а имъ кромѣ жалованья ничего не надобно»; потому-то Выговскій и проситъ литовскихъ земель: «а въ войскѣ запорожскомъ владѣть ему ничѣмъ нельзя» [1]). Въ 1665 году старшина подобными соображеніями уже не стѣснялась. Гетманъ и бояринъ получилъ, по своему желанію, въ вѣчное владѣніе Шестаковскую сотню въ Стародубскомъ полку и дворъ на Москвѣ, гдѣ бы онъ на всякій случай могъ имѣть пріютъ; кромѣ того гетманъ просилъ о прибавкѣ лично къ нему московскихъ людей, «кѣмъ бы ему ото всего оберечься». Послѣдняя просьба была вызвана боязнью гетмана, чтобъ съ нимъ не случилось что недоброе, такъ какъ, по его словамъ, козаки на него недовольны и даже умышляли на жизнь его [2]). Вообще гетманъ и козацкая старшина, бывши въ Москвѣ, не теряли времени и устраивали свои личныя дѣла, не обнаруживая большой солидарности. Такъ полковникъ Дворецкій говорилъ Желябужскому, что гетманъ держится только ими, полковниками, а козаки его не любятъ и выражалъ свое желаніе, чтобы государь не указалъ ничего зачинать въ ихъ мѣстахъ, не поговоривши съ ними, т. е. старшиною напередъ» [3]). Но тотъ же Дворецкій, подчеркивавшій значеніе старшины, старался въ то же время упрочить личное свое положеніе благосклонностью гетмана и власти московской. Здѣсь-же въ Москвѣ гетманъ достойно заключилъ свое посвященіе въ бояре женитьбой на московской боярышнѣ, кажется, дочери князя Долгорукова, а Дворецкій просилъ разрѣшенія жениться на гетманской свояче-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XI, стр. 9.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т., VI, стр. 10.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 16.

ницѣ [1]). Одному только не повезло въ этой поѣздкѣ—писарю Захару Шійкевичу. Съ этимъ человѣкомъ случилась здѣсь какая-то темная исторія. Какъ видно, онъ стоялъ довольно близко къ гетману и, пользуясь этимъ, относился свысока къ остальнымъ представителямъ козацкой старшины. Послѣдняя искала случая избавиться отъ него. Передъ отъѣздомъ въ Москву Дворецкій писалъ Шереметьеву, чтобъ тотъ совѣтовалъ царю отдалить отъ гетмана «Захарку, бо въ немъ есть злоба великая», и оставить его на Москвѣ. Для большей убѣдительности, высказывая желаніе, чтобы царскіе воеводы вѣдали всѣми маетностями въ Украинѣ, Дворецкій сообщалъ, что никто этому не будетъ противиться, «только единъ Захарко тому дѣлу забѣгатель давне» [2]). Въ Москвѣ, воспользовавшись ссорой Захара Шійкевича съ нѣжинскимъ протопопомъ Бутовичемъ на обѣдѣ у Долгорукаго, Дворецкій и нѣкоторые другіе съ протопопомъ явились въ малороссійскій приказъ съ жалобой на Шійкевича. Гетманъ, вѣроятно, поставленный въ неловкое положеніе, подтвердилъ эту жалобу. Главнымъ обвинителемъ явился эсаулъ Богданъ Щербакъ; отъ имени войска запорожскаго онъ просилъ объ удаленіи Шійкевича, который «всѣхъ безчеститъ ныхами своими». За писаремъ оказались и такія вины, что онъ одному изъ своихъ подписковъ голову проломилъ и т. п. Недавно пожалованный дворянствомъ и имѣніемъ, Захаръ Шійкевичъ былъ сосланъ въ Сибирь [3]).

«Переженепная Малороссія», какъ называетъ ее авторъ Исторіи Руссовъ, загостилась въ Москвѣ до декабря, когда наконецъ письма наказнаго гетмана Ермоленка и епископа Меѳодія съ настойчивыми просьбами о скорѣйшемъ пріѣздѣ заставили гетмана возвратиться въ Малороссію. Здѣсь начиналась смута.

На правомъ берегу Днѣпра мѣсто Тетери занялъ бывшій черкасскій полковникъ Петръ Дорошенко. Это былъ одинъ изъ немногихъ людей того времени, жизнь и дѣятельность которыхъ освѣщена была идеей самобытности своей родины и проникнута чувствомъ искренней любви къ ней. Дорошенко оказался несостоятельнымъ, принесъ немало вреда Украинѣ, но не смотря на то онъ не можетъ

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 15.
[2]) Акты южной и западной Россіи, т. V, стр. 309.
[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 14.

быть названъ ни представителемъ сословнаго меньшинства, какъ Выговскій, ни личнымъ честолюбцемъ, какъ Брюховецкій. Дорошенко былъ старый козакъ, сподвижникъ Богдана Хмельницкаго, человѣкъ даровитый и искусный въ дипломатическихъ сношеніяхъ; онъ привозилъ на раду 1659 г. 14 договорныхъ статей Юрія Хмельницкаго, не утвержденныхъ, однако, московской властью [1]). Этотъ-то Дорошенко выступаетъ на сцену въ то время, когда правобережная Украина изнемогала отъ разоренія, а въ лѣвобережной росло недовольство, вызванное гетманствомъ Брюховецкаго. Теперь, когда выяснялась невозможность для Украины объединиться подъ польской или московской властью, Дорошенко задумалъ обратиться къ Турціи. Отрекаясь отъ Польши, Дорошенко пріобрѣталъ себѣ расположеніе народа, ненавидѣвшаго «ляховъ» не меньше, чѣмъ «бусурманъ»; отрекаясь отъ Москвы, онъ пріобрѣталъ симпатіи той части старшины, которая отстаивала политическія права. Союзъ съ Турціей могъ быть наконецъ средствомъ привести къ большей уступчивости одно изъ сосѣднихъ государствъ въ пользу федеративнаго соединенія и потому Дорошенко не прерывалъ сношеній дипломатическихъ ни съ однимъ изъ названныхъ государствъ.

Мы не станемъ слѣдить за всѣми перипетіями дипломатическихъ сношеній Дорошенка, такъ какъ разцвѣтъ его дѣятельности принадлежитъ нѣсколько болѣе позднему времени. Скажемъ только, что онъ нашелъ себѣ сильную поддержку въ лицѣ митрополита Іосифа Тукальскаго, который прибылъ въ Кіевъ въ 1666 г., освобожденный изъ заточенія, и служилъ живымъ свидѣтельствомъ противъ союза съ поляками. Эти два человѣка, связанные дружбой и пользовавшіеся большой популярностью, являются какъ бы противовѣсомъ другой парѣ—Брюховецкому и Меѳодію. Ермоленко и войсковой подскарбій Ракушка писали Брюховецкому въ Москву, что Дорошенко успѣлъ побѣдить соперника своего Опару, разбить двухъ вѣрныхъ Москвѣ правобережныхъ полковниковъ—овручскаго и брацловскаго и пересылалъ «прелестные листы» на лѣвый берегъ и въ Запорожье.

Возвратившійся изъ Москвы гетманъ былъ встрѣченъ общимъ глухимъ недовольствомъ, которое скоро стало проявляться явно.

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 65.

Починъ въ этомъ дѣлѣ обнаружился со стороны духовенства: наиболѣе рьянымъ поборникомъ правъ его явился епископъ Меѳодій, обманувшійся въ своихъ видахъ на гетмана и ставшій теперь заклятымъ врагомъ Брюховецкаго. Между гетманомъ и епископомъ давно уже пробѣжала черная кошка: въ предъидущіе годы оба они уже дѣлали легкіе доносы другъ на друга; поведеніе гетмана въ Москвѣ по вопросу о митрополитѣ привело къ полному разрыву ихъ отношеній. Меѳодій чувствовалъ себя сильнымъ въ этой распрѣ: за нимъ стояло все духовенство съ архимандритомъ кіево-печерской лавры Иннокентіемъ Гизелемъ во главѣ. Гизель, нѣмецъ по происхожденію, рано принявшій православіе и поселившійся на всегда въ Украинѣ, пользовался большой популярностью среди украинскаго духовенства. Умный, хорошо образованный и въ добавокъ «письменный» человѣкъ, Гизель всегда стоялъ за интересы своей второй родины, не увлекаясь личными выгодами. Эту черту его знало и московское правительство, знавшее Гизеля съ 1654 г., когда онъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ малорусскаго духовенства, представлялъ царю статьи съ просьбой объ утвержденіи стародавнихъ вольностей малорусской церкви [1]). Гизель не отличался податливостью Меѳодія, но онъ пользовался значеніемъ и потому московскія власти относились къ нему очень внимательно. Вскорѣ по пріѣздѣ Брюховецкаго Меѳодій, Гизель и другія духовныя лица явились къ кіевскому воеводѣ Шереметеву и въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ говорили о нарушеніи ихъ правъ и вольностей со стороны московскаго правительства; они ссылались на грамоту Брюховецкаго, гдѣ тотъ сообщалъ Меѳодію о намѣреніи московскаго правительства назначить на кіевскую митрополію святителя изъ Москвы. «Какъ только прійдетъ къ намъ въ Кіевъ митрополитъ изъ Москвы, говорили они, мы запремся въ монастыряхъ и развѣ насъ изъ монастырей за шею и за ноги поволокутъ, тогда московскій митрополитъ въ Кіевѣ будетъ»; «лучше смерть принять, нежели въ Кіевѣ московскому митрополиту быть» [2]). Осторожный Меѳодій колебался, однако, между рискомъ открыто стать на сторону протестующаго духовенства и попыткой пробраться на митрополичью каѳедру, хотя бы съ

---

[1]) «Кіевская Старина», октябрь, 1884 г., статья «Иннокентій Гизель».

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 79.

благословенія московскаго патріарха. Высказываясь очень рѣзко въ присутствіи остальнаго духовенства, онъ наединѣ съ Шереметевымъ извинялся и говорилъ, что не можетъ вести себя иначе, такъ какъ самъ получилъ званіе епископа и блюстителя кіевской митрополіи изъ Москвы и потому его болѣе, чѣмъ кого другаго подозрѣваютъ въ пособничествѣ гетману [1]). Чувствуя себя между двухъ огней, Меѳодій тѣмъ съ большей ненавистью относился къ тому человѣку, который поставилъ его въ такое опасное положеніе. Бывшій другъ гетмана, онъ не упускалъ теперь случая очернить его въ глазахъ властей. Онъ говорилъ Шереметеву, что гетманъ самовольно чинитъ судъ и расправу, по наговорамъ, надъ старшиной, беретъ съ населенія тяжкіе поборы и не такъ вѣренъ, какъ кажется: епископъ совѣтывалъ Шереметеву послать въ Запорожье на развѣдки людей и письмо, въ которомъ спросить запорожцевъ, не отъ *бояръ*-ли у нихъ чинится шатость» [2]). Послѣ званнаго обѣда у архимандрита печерскаго многія духовныя лица, въ присутствіи московскаго посланца дьяка Фролова, отказались пить предложенный имъ тостъ за здоровье гетмана, говоря, что гетманъ имъ «злодѣй, а не доброхотъ» [3]). Шереметевъ убѣждалъ Гизеля не гнѣваться на гетмана, такъ какъ вопросъ о митрополитѣ будетъ отданъ царемъ на рѣшеніе цареградскаго патріарха; но Гизель замѣтилъ, что патріарха Парѳенія духовенство кіевское не признаетъ, такъ какъ онъ добылъ свой санъ подкупомъ турецкихъ властей, которыя въ угоду ему смѣнили «возведеннаго на святительскій престолъ слезнымъ прошеніемъ всѣхъ духовныхъ и мірскихъ людей Діонисія», и теперь кіевское духовенство молится за Діонисія [4]). Наконецъ малорусское духовенство послало въ Москву своего уполномоченнаго съ просьбой о дозволеніи имъ избрать изъ своей среды митрополита кіевскаго. Шереметевъ то же писалъ царю, что, московскому митрополиту быть въ Кіевѣ никакимъ образомъ нельзя: печерскій архимандритъ говоритъ: «если услышитъ, что ѣдетъ въ Кіевъ изъ Москвы митрополитъ, то я, собравъ старцевъ, запрусь

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 80.
[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 96.
[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 103.
[4]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 105.

и вы насъ доставайте». Шереметевъ въ виду сильныхъ неладовъ между епископомъ Меѳодіемъ и гетманомъ, которые, однако, оба пользовались довѣріемъ въ Москвѣ, совѣтывалъ царю назначить митрополитомъ черниговскаго епископа Лазаря Барановича, который тоже будетъ вѣренъ [1]).

Другой основной пунктъ московскихъ статей—назначеніе воеводъ въ украинскіе города вызвалъ неменьшее недовольство сначала среди козаковъ, а потомъ и среди мѣщанъ и посполитства. Козачество сразу отнеслось къ этому факту, какъ къ нарушенію своихъ исконныхъ правъ. Существованіе въ украинскихъ городахъ воеводъ съ отрядами ратныхъ людей, наряду съ полковой администраціей и городскими магистратами,—это ужъ было троевластіе, которое, особенно при отсутствіи рѣзкихъ сословныхъ границъ въ Малороссіи, вело къ безконечнымъ пререканіямъ и грозило смутой. Къ тому-же воеводы съ войскомъ—это была военная и финансовая сила, которая могла подавлять всякое проявленіе мѣстной жизни, не подходившее къ общему государственному режиму.

И Москва, и козаки сознавали значеніе борьбы изъ-за воеводъ, которую они вели съ 1664 г. при утвержденіи каждаго новаго гетмана [2]). Заявляя настойчиво необходимость прислать воеводъ въ Украйну, московское правительство ссылалось на желанія самыхъ городовъ, мѣщанства, не разъ заявленныя. Нѣкоторыя основанія для такихъ заявленій были. По договору 1654 г. сборы податей съ городовъ должны были вѣдаться войтами и бурмистрами и поступать на жалованье козацкому войску. Это вносило разладъ между мѣщанами и козаками: козаки презрительно относились къ мѣщанамъ, избавленнымъ отъ воинской службы, мѣщане-же съ недовольствомъ смотрѣли на свою повинность содержать козаковъ жалованьемъ изъ своихъ доходовъ. Съ вступленіемъ на гетманство Брюховецкаго статьи о жалованьи козакамъ были оговорены въ Батуринѣ и остались невыясненными, давая большій просторъ гетману въ тре-

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. V., стр. 147—148.

[2]) Въ малорусскихъ лѣтописяхъ сказывается враждебное отношеніе къ этому факту въ тѣхъ выраженіяхъ, какія употребляетъ лѣтописецъ, сообщая его: см. Лѣтопись Велички, т. II, р. VII, стр. 96; Лѣтопись Самовидца, стр. 47; Лѣтопись Грабянки, стр. 190.

бованіи поборовъ съ мѣщанъ, въ виду военнаго времени. Чѣмъ корыстолюбивѣе были гетманъ и старшина, тѣмъ большій произволъ допускали они и тѣмъ большую ненависть къ себѣ возбуждали въ населеніи. Неиспытанное воеводское управленіе съ его видимой опредѣленностью податей и повинностей могло казаться болѣе привлекательнымъ, чѣмъ извѣстная тягота гетманскихъ поборовъ. Доведенное до того предѣла, когда хочется «хочъ гирного, абы иншого», населеніе городское и сельское могло видѣть въ протестѣ козаковъ противъ воеводъ простое нежеланіе ихъ потерять доходы. Поэтому сначала оно отнеслось къ назначенію воеводъ или равнодушно или, по увѣренію Шереметева и епископа Меѳодія, даже доброжелательно. Но московскіе воеводы, привыкшіе получать города на «кормленіе», не измѣнили, конечно, своимъ привычкамъ и въ украинскихъ городахъ. Вскорѣ Брюховецкій долженъ былъ писать царю, что переяславскій воевода «которые города или деревни богатые отговаривались повинности свои отдавать вашему царского величества воеводамъ, или который козакъ къ войску не выходилъ, къ такимъ, въ наказаніе за ихъ гордость, пославъ вашего царскаго величества ратныхъ людей на становище и велѣлъ брать всякій кормъ, чтобъ имъ попаскучили хорошенько». Такими мѣрами, конечно, можно было только сильнѣе возбудить озлобленіе противъ новыхъ представителей власти. Самъ гетманъ постарался вознаградить себя за самоотверженіе, выказанное въ Москвѣ и до прибытія переписчиковъ, собрать «стацѣи» съ городовъ и селъ. Шереметевъ, по поводу жалобъ, доходившихъ къ нему, говорилъ съ гетманомъ, который отвѣчалъ, что поборы взимались безъ его вѣдома и впредь этого не будетъ. Епископъ Меѳодій и полковникъ Дворецкій совѣтовали Шереметеву торопить присылку переписчиковъ до Семенова дня, а то невозможно будетъ ничего получить въ царскую казну съ обобранныхъ гетманомъ жителей[1]). Прибытіе переписчиковъ весною 1666 года мало содѣйствовало упорядоченію въ опредѣленіи налоговъ и распредѣленіи повинностей. Не зная мѣстныхъ отношеній и обычаевъ, они впадали въ грубыя ошибки: записывали однихъ и тѣхъ-же людей подъ разными прозвищами, записывали многихъ козаковъ въ крестьяне со словъ

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. V., стр. 99, 103.

этихъ послѣднихъ, которымъ было выгоднѣе, чтобъ подати распредѣлялись на большее число жителей; козаки бывшіе въ отсутствіи, возвращаясь домой, жаловались. Возникали пререканія и изъ-за винокурень, которыя прежде имѣли право держать только козаки, но которыя теперь отдавались воеводами на откупа и посполитству и т. д. Безурядица усиливалась, благодаря тѣмъ личнымъ отношеніямъ, какія устанавливались между пришлымъ элементомъ и мѣстными людьми; особенно негодовали козаки на обращеніе съ ними воеводъ и ратныхъ людей. Кіевскіе и нѣжинскіе жители давно уже жаловались на обиды, чинимыя ратными людьми [1]); о тѣхъ-же обидахъ писали Брюховецкому въ Москву наказной гетманъ Ермоленко, войсковой казначей Ракушка и епископъ Меѳодій; о нихъже доносилъ царю и самъ гетманъ. Изъ Полтавы, гдѣ воеводское правленіе вводилось съ 1666 г., въ іюлѣ этого года пришла жалоба отъ полтавскихъ козаковъ на воеводу Якова Хитрово, который, по ихъ словамъ, ставилъ на квартиры своихъ людей къ заслуженнымъ козакамъ, бралъ у нихъ лошадей и оскорблялъ ихъ всячески: «которой товарищъ (козакъ) прійдетъ къ нему, то очи тростью выбиваетъ и плюетъ, или денщикамъ велитъ изъ дому изъ спрочьяго выпхнути въ шею. А сѣножати наши и луги огороженные и огороды ни въ чемъ не волни, что хотятъ, такъ и дѣлаютъ за приказаніемъ его». Старшинѣ козацкой онъ отвѣчалъ: «я су тутъ отъ государя посланъ болѣй всѣхъ, а вы всѣ подчорты» [2]). Общая жалоба на ратныхъ людей была также за оскорбленіе женщинъ.

Личность гетмана и старшинъ козацкихъ были не изъ тѣхъ, которыя могли-бы успокоить возраставшее недовольство населенія, вызвать довѣріе къ себѣ. Брюховецкій, возвратясь изъ Москвы, сталъ дѣйствовать еще самоувѣреннѣе: онъ надменнѣе прежняго обращался со своими подчиненными, произвольно смѣнялъ и судилъ ихъ, не разбирая вины, часто по одному только подозрѣнію. При этомъ онъ нерѣдко обнаруживалъ свойственное ему коварство; такъ въ февралѣ 1666 г. лубенскій полковникъ Григорій Гамалія вмѣстѣ съ игуменомъ Каллистомъ прибылъ въ гости къ гетману:

---

[1]) Просьбы о льготахъ податныхъ и жалобы на обиды отъ воеводъ и ратныхъ людей находимъ въ Актахъ южной и западной Россіи, т. V и VI.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 132.

«Брюховецкій принялъ его вдячне и чрезъ день тотъ гулялъ зъ нимъ коварно, а у вечоръ, оковати его велѣвши и за варту отдавши, держалъ больше року въ Гадячомъ подъ крѣпкою сторожею, маючи подобно на него подзоръ о пѣякуюсь листовную зъ Дорошенкомъ корреспонденцію»[1]). Вѣроятно подозрѣнія гетмана не оправдались, такъ какъ впослѣдствіи Григорій Гамалія является въ числѣ довѣренныхъ лицъ у гетмана. Сильнѣе поплатились войсковой судья Юрій Незамай и лысянскій полковникъ Высочанъ: они были отправлены гетманомъ въ Москву, а оттуда сосланы, первый въ Казань, второй въ Сибирь. Ссылка въ Сибирь, которою обыкновенно заканчивалось отправленіе къ царю виновныхъ или заподозрѣнныхъ, наводила панику на украинскихъ людей. Епископъ Меѳодій говорилъ, что здѣшнимъ людямъ «легче смерть принять, нежели ихъ къ Москвѣ отослать»[2]). Гетманъ-же злоупотреблялъ этимъ средствомъ: бывши въ Москвѣ, онъ убѣдительно просилъ царя не отпускать на волю тѣхъ козаковъ, которые были взяты въ плѣнъ въ усобицѣ 1660 годъ, потому что «и то имъ великаго государя милость, что они отъ смерти свободны»[3]). Въ этомъ сходился съ нимъ епископъ Меѳодій, писавшій гетману: «Дорошенковъ тѣхъ, которые на Москвѣ, хорошо, чтобъ покрѣпче держать»[4]). Самъ гетманъ жилъ пышно, «доступъ къ нему сталъ тяжелъ», карликъ Лучка докладывалъ ему о посѣтителяхъ, а для личной охраны при немъ былъ отрядъ запорожцевъ и сотня ратныхъ московскихъ людей. Козаки не любили гетмана и за то, что онъ былъ «бояринъ» и что при немъ впервые вошелъ въ моду обычай жаловать козацкихъ старшинъ дворянствомъ, нарушавшій начала равноправности среди козачества. Отдаленіе гетмана отъ военныхъ дѣлъ стало тоже вызывать упреки: «что это за гетманъ, который сидитъ въ городѣ, какъ въ лукошкѣ, а только за нимъ и дѣла, что вѣдьмъ жжетъ»[5]). Вѣроятно, къ числу этихъ вѣдьмъ нужно отнести полковничку гадяцкую Острую и съ ней много дру-

---

[1]) Лѣтопись Величка, т. II, р. VII, стр. 96—97.
[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 99.
[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 15.
[4]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 45.
[5]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 246.

гихъ «чеснихъ женъ», сожженныхъ Брюховецкимъ, «передъ всѣмъ народомъ, въ Гадячомъ, за малую вину». Женщины видно играли нѣкоторую роль въ то время, по крайней мѣрѣ Брюховецкій усиленно преслѣдовалъ ихъ не только въ видѣ вѣдьмъ. Такъ еще въ 1663 году, намекая на сношенія Меѳодія съ Тетерей, гетманъ пишетъ въ Москву, что всему виною старица Ангилина, живущая въ печерскомъ монастырѣ: она учитъ грамотѣ дочь епископа и все, что услышитъ отъ нея, передаетъ Тетерѣ [1]). Поводомъ къ ссылкѣ Незамая послужило то, что онъ выдалъ пропускъ на правый берегъ 5 женщинамъ, женамъ каневскихъ козаковъ, захваченныхъ въ плѣнъ. Въ 1667 г., говоря о начинающихся на Украйнѣ шатостяхъ, Брюховецкій сообщаетъ царю, между прочимъ, о пріѣздѣ въ Кіевъ съ праваго берега жены Богдана Хмельницкаго и дочери Григорія Гуляницкаго. Брюховецкій зналъ о томъ, что козаки его не любятъ, и не разъ говорилъ о грозящихъ ему опасностяхъ, что еще лучше должно было оттѣнить его вѣрность Москвѣ. Примѣру гетмана слѣдовали и старшины: унижаясь передъ нимъ, они проявляли свои властные инстинкты надъ людьми зависѣвшими отъ нихъ. Захарій Шійкевичъ дрался и «безчестилъ всѣхъ ныхами своими», полтавскій полковникъ Витязенко подъ злую руку увѣчилъ приходившихъ къ нему, заставлялъ полтавцевъ исполнять его личныя работы, выстроилъ себѣ домъ лучше гетманскаго [2]). Ермоленко, полковникъ переяславскій, усиленно годилъ гетману и хотя считалъ нужнымъ говорить предъ козаками, что онъ козакъ и дворянство ему не надобно, но не пользовался симпатіями въ своемъ полку. Въ числѣ старшинъ были люди, извѣстные военными заслугами, иногда знавшіе цѣну и образованію, какъ, напримѣръ, Василій Дворецкій, бившій челомъ о заведеніи вновь латинскихъ школъ въ Кіевѣ [3]). Имъ тягостно было подчиняться произволу гетмана; иногда это вело къ враждѣ между ними: такъ, Дворецкій навлекъ на себя подозрѣніе гетмана въ томъ, что первый сообщилъ духовенству кіевскому о назначеніи митрополита изъ Москвы

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VI.

[2]) Лѣтопись Грабянки, стр. 187.

[3]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 195—196.

и гетманъ, по словамъ полковника, постоянно сталъ давать ему опасныя военныя порученія, чтобы сжить его со свѣту. Разошелся съ гетманомъ подъ конецъ и другой давній союзникъ его, нѣжинскій полковникъ Гвинтовка. Брюховецкій обвинилъ его въ измѣнѣ, выразившейся въ томъ, что Гвинтовка еще въ Москвѣ долго не хотѣлъ приложить руки къ статьямъ, а потомъ открыто высказывалъ нежеланіе воевать противъ правобережныхъ козаковъ, говоря: «нигдѣ того не ведется, чтобъ свой своего воевалъ»[1]). Гвинтовка былъ посаженъ гетманомъ подъ стражу и не попалъ въ Сибирь только благодаря паденію самаго Брюховецкаго. Въ общемъ однако и Гвинтовка, и особенно Дворецкій были слишкомъ связаны матеріальными эгоистическими интересами съ гетманомъ и потому предпочитали обличать его за его спиной и льстить ему въ глаза.

Была еще одна группа населенія украинскаго, которой Брюховецкій зналъ цѣну. Испытавши собственнымъ опытомъ, что значитъ авторитетъ Запорожья для Украйны, Брюховецкій въ теченіи всего своего гетманства старается поддерживать дружелюбныя отношенія съ запорожцами, придумывая въ то-же время всевозможныя средства, чтобы обезопасить себя отъ нихъ. Съ этой цѣлью онъ, подъ видомъ защиты Запорожья, настоялъ не только на введеніи туда ратныхъ людей, но и на посылкѣ постояннаго воеводы въ Кодакъ. Запорожцы однако крайне враждебно встрѣтили эти мѣры. Они никогда не смотрѣли на себя, какъ на постоянныхъ подданныхъ того или другаго государства: они могли быть союзниками и чувствуя свою силу, пользовались ею, чтобъ отстоять свое независимое положеніе. Безъ всякаго опредѣленнаго плана, иногда даже наперекоръ дипломатическимъ соображеніямъ, Запорожье преслѣдовало одну цѣль: бороться съ тѣми, кто въ данный моментъ нарушалъ права и вольности украинскаго народа. Типичнымъ представителемъ Запорожья былъ Сѣрко, извѣстный своими походами на Крымъ, готовый воевать съ ляхами противъ татаръ, съ московскими войсками противъ ляховъ и обратно. Въ описываемое время, въ борьбѣ Польши съ Москвою Запорожье стояло на сторонѣ Москвы; но, требуя отплаты за свою службу въ видѣ присылки запасовъ пороха, бо-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 162.

рошна, холстовъ, шапокъ, сапогъ для козаковъ, которые «сильно наги» и вина въ церкви Божіи, запорожцы не продавали своей воли и продолжали считать себя независимыми. На пребываніе царскихъ войскъ въ Запорожьи они смотрѣли съ недовольствомъ, узнавши-же о назначеніи воеводы въ Кодакъ, кошевой Ждапъ Рогъ написалъ Брюховецкому слѣдующій «листъ» отъ имени войска запорожскаго: «послышали мы, что Москва будетъ на Кодакѣ, но ее тамъ не надобно. Дурно дѣлаешь, что начинаешь съ нами ссориться; оружіе не поможетъ въ полѣ, если дома не будетъ совѣта. Хотя ты отъ царскаго величества честью пожалованъ, но достоинство свое получилъ отъ войска запорожскаго, войско-же не знаетъ, что такое бояринъ, знаетъ только гетмана. Изволь, вельможность твоя, поступать съ нами по настоящему, какъ прежде бывало, потому что не всегда солнце въ сѣромъ зипунѣ ходитъ, и не знаешь, что кому злой жребій принесъ; помни древнюю философскую притчу, что счастье на скоромъ колесѣ очень быстро обращается; въ мірѣ все привыкло ходить, какъ тѣнь за солнцемъ: пока солнце свѣтитъ, до тѣхъ поръ и тѣнь, а какъ мрачный облакъ найдетъ, такъ и мѣста не узнаешь, гдѣ тѣнь ходила: такъ, вельможность твоя, умѣй счастье почитать»[1]). Московское правительство уступило явно выраженному нежеланію запорожцевъ имѣть у себя воеводу и ратныхъ людей и Косаговъ вышелъ изъ Запорожья.

Брюховецкій видѣлъ признаки грозящей смуты. Онъ писалъ въ Москву о необходимости осторожно взимать поборы съ малороссійскихъ своевольныхъ и непостоянныхъ людей: «пока не попривыкнутъ и пока государевы воеводы и люди не возьмутъ ихъ въ свои руки, брать съ нихъ понемногу, а вдругъ ожесточить опасно»; сообщалъ онъ также о шатости духовенства, запорожцевъ и наконецъ о томъ, что въ Переяславѣ своевольники, не желая работать и хлѣбъ пахать, замышляютъ смуту». Смута эта вскорѣ и проявилась: въ іюлѣ 1666 г. переяславцы убили своего полковника Данила Ермоленка и хотѣли покончить съ воеводой, но онъ выжегъ большой городъ и, запершись въ маломъ, отстоялся. Виновники бунта, отправленные частью къ Шереметеву, частью

---

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 194—195.

оставшіеся при Брюховецкомъ, были одновременно казнены въ Кіевѣ и въ Гадячѣ [1]). Повсюду начинался ропотъ на гетмана, старшинъ и воеводъ, составлялись «своевольныя сборища людей», а съ другаго берега Дорошенко слалъ свои «прелестные листы», обѣщавшіе что-то лучшее въ недалекомъ будущемъ. «Листы» эти не оставались безъ вліянія: число сторонниковъ Дорошенка увеличивалось. Онъ становился опасенъ: Шереметевъ издалъ универсалъ къ малорусскому народу о сохраненіи вѣрности царю. Съ другой стороны московское правительство, увлекаясь мыслью о возможности объединить съ помощью Дорошенка Украйну подъ своею рукою, вело сношенія съ правобережнымъ гетманомъ, что еще болѣе усложняло и безъ того запутанныя отношенія. Почва для возстанія въ лѣвобережной Украйнѣ была готова; недоставало только событія, которое объединило-бы разрозненные недовольные элементы однимъ общимъ чувствомъ и подняло-бы на ноги страну. Такимъ событіемъ явился андрусовскій договоръ.

Долго тянувшіеся переговоры между Польшей и Москвой привели къ тому, что въ январѣ 1667 г., въ селѣ Андрусовѣ, близъ Смоленска, было заключено перемиріе на 13 лѣтъ. Условія его относительно Малороссіи были таковы: лѣвобережная Украйна оставалась подъ властью Москвы, правобережная отходила къ Польшѣ, за исключеніемъ Кіева, который (съ окрестностями на милю въ окружности) Москва удерживала за собой на два года, а затѣмъ обязывалась уступить Польшѣ. Запорожье должно было находиться подъ рукою обоихъ монарховъ, помогать имъ во время войны и за то въ свою очередь пользоваться ихъ охраной [2]). Козацкихъ пословъ не было въ Андрусовѣ и только по заключеніи мира царь извѣстилъ Брюховецкаго о совершившемся фактѣ.

Вѣсть эта была тяжелымъ ударомъ для Украйны. Безъ согласія ея представителей она раздѣлена была на двѣ части, изъ которыхъ одна оставалась подъ ненавистнымъ господствомъ Польши, въ другой вводилось воеводское управленіе. Кіевъ, священный городъ

---

[1]) Лѣтопись говоритъ, что при этомъ козаки Дорошенка сожгли часть Переяслава, но въ отпискахъ, которыя находимъ въ актахъ, говорится, что это сдѣлано было самымъ воеводой.

[2]) Текстъ Андрусовскаго договора въ Лѣтописи Величка, т. II.

Украйны, отдавался полякамъ; Запорожье поставлено было въ какое-то неопредѣленное положеніе. Все населеніе—духовенство, козаки, мѣщане и посполитство—волновалось, какъ свидѣтельствуютъ отписки московскихъ властей и посланцевъ. Въ народѣ слухи принимали фантастическую окраску: говорилось, что Польша и Москва рѣшили истребить козаковъ и съ этой цѣлью идетъ въ Кіевъ Ордынъ-Нащокинъ съ войскомъ. Въ авторѣ андрусовскихъ статей видѣли истребителя козаковъ. На самомъ дѣлѣ Ордынъ-Нащокинъ долженъ былъ идти въ Малороссію, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія къ предполагавшемуся пріѣзду царя.

Движеніе началось съ Запорожья. Поводомъ послужило слѣдующее обстоятельство. По андрусовскому договору оба государства должны были извѣстить турецкаго султана и татарскаго хана о заключенномъ перемиріи и пригласить ихъ примкнуть къ мирному союзу. Съ этой цѣлью изъ Москвы, съ татарскими гонцами, былъ отправленъ къ хану стольникъ Ладыженскій, прибывшій въ маѣ 1667 г. въ Сѣчь. Взволнованные тревожными слухами запорожцы сначала было отпустили Ладыженскаго изъ Сѣчи, но потомъ настигли его и, отобравъ бывшія при немъ грамоты, убили его со всѣми спутниками. Вѣсть объ этомъ дошла быстро до царя и онъ писалъ Брюховецкому, чтобы былъ сдѣланъ строжайшій розыскъ. Но грамоты Брюховецкаго, посланныя на Запорожье по этому поводу, не привели ни къ какимъ результатамъ. Новый кошевой Остапъ Васютенко въ письмѣ своемъ указывалъ причины, вызвавшія раздраженіе запорожцевъ противъ царскаго посланца. Краснорѣчиво излагая всѣ обиды, которыя терпѣлъ народъ малороссійскій въ послѣднее время, запорожцы жаловались на пріязнь между королемъ, царемъ и ханомъ, которая должна повести за собой умаленіе вольностей украинскихъ, начало чему уже положено присылкой московскихъ ратныхъ людей и воеводъ въ Малороссію. «Не довелось было не токмо чинити, но и мыслити о томъ, чтобъ нашу отчину къ послѣднему разоренію привести, на которое уже-бы и самой злой звѣрь, есть-ли-бы имѣлъ таковъ разумъ, яко человѣкъ, смотря, моглъ возжалитися. Вѣмъ убо, не отъ чего иного, и столникъ безъ вѣдома нашего смерть принялъ, только оттого, что въ городѣхъ великіе обиды отъ нихъ люди терпятъ. Однако-жъ, все то оставя, жадаемъ: изволь, велможность твоя, по прежнему своему желателству,

въ любви съ нами жити и о всемъ томъ его царскому пресвѣтлому величеству извѣстно учинити, чтобъ изволилъ своимъ ратнымъ людемъ приказать, чтобъ въ городѣхъ перестали всякихъ вымысловъ чинить, толко-бъ по прежнему жили; а буде не перестанутъ, храни Боже, чтобъ болшой огонь не восталъ. Доколѣ живыхъ насъ станетъ, того будемъ остерегати, чтобъ наши права и волности не умалялись. А о томъ они напрасно головы свои трудятъ; вѣмъ-бо, какъ слѣпому въ примѣту убити не мочно, такъ даромъ о томъ и промышляютъ. Тако и монархи пусть на то усматриваютъ, что наше есть начинати, а Божіе совершати» [1]). Розыскать виновныхъ было невозможно, такъ какъ они, по словамъ запорожцевъ, скрылись изъ Сѣчи. Посланцамъ Брюховецкаго запорожцы говорили, что если царь ихъ не проститъ, то они передадутся Дорошенку. Брюховецкій писалъ царю о необходимости «явить милость» запорожцамъ. Дѣло было оставлено безъ послѣдствій [2]).

Но начавшаяся смута разросталась. Шереметевъ получалъ постоянно заявленія о шатостяхъ разнаго рода. Съ началомъ 1668 г. онъ буквально осаждаемъ былъ тревожными отписками воеводъ: изъ разныхъ городовъ воеводы сообщали о постоянныхъ столкновеніяхъ своихъ съ полковниками и войсковой администраціей, о томъ, что мѣщане, гдѣ по доброй волѣ, а гдѣ по наущенію козаковъ, отказываются платить подати, исполнять повинности и «пишутся въ козаки». Прилуцкій воевода писалъ, что мѣщане и поселяне «чинятца непослушны и по переписнымъ и окладнымъ книгамъ въ твою великого государя казну денежныхъ и хлѣбныхъ и всякихъ доходовъ, по наученью асаула Ивана Маценка, не плотятъ и впредь платить не хотятъ»; когда-же воевода послалъ солдатъ въ уѣздъ для сбора доходовъ въ казну, то «уѣздные люди хотѣли тѣхъ посылныхъ его салдатъ убить». Въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ—Красномъ и Серебряномъ городѣ—всѣ мѣщане и сельскіе люди уѣздные пошли въ козаки и поборовъ брать было не съ кого. Подобныя-же вѣсти сообщали воеводы изъ Батурина, Миргорода, Переяслава, Сосницы, Нѣжина, Глухова, Новгородка-Сѣверскаго и др. [3]). На заявленія

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 204.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 206.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 12—28.

воеводъ, чтобъ полковники не принимали мѣщанъ и селянъ въ козаки, полковники отвѣчали, что время военное и имъ люди надобны. Миргородскій воевода сообщалъ, между прочимъ, о томъ, что прибылъ изъ Сѣчи отрядъ запорожцевъ съ полковникомъ Сохой и смущаетъ жителей.

Миргородскій-же воевода писалъ, что «запорожскіе козаки откупщиковъ били и ранды и погреба разорили и пограбили и теперь тѣ ранды, которыя были отданы на откупъ, стоятъ пусты... мѣщанину Осташкѣ, который держитъ ранду, отрѣзали бороду по самое мясо». Тотъ-же воевода узналъ отъ вдовы-мѣщанки, что миргородскіе козаки намѣрены побить московскихъ ратныхъ людей съ воеводою. Въ Глуховѣ войтъ Захарій Сидоровъ ходилъ съ толпой вооруженныхъ мѣщанъ и поселянъ ночью по большому городу; они-же высылали изъ уѣзда въ городъ козаковъ и крестьянъ. Великорусскіе крестьяне, ѣхавшіе съ товарами въ Кіевъ, возбуждали подозрѣніе: одинъ изъ такихъ крестьянъ Пронка Калина, четыре товарища котораго были убиты по дорогѣ, говорилъ глуховскому воеводѣ, что въ каждомъ селѣ встрѣчали его такъ: ставили нагаго, стояли надъ шеею съ топоромъ и обыскивали писемъ, говоря: будетъ у тебя писемъ нѣтъ, и ты живъ будешь, а будетъ есть, и мы тебѣ голову отсѣчемъ. За мѣстечкомъ-же Кролевцомъ, крестьянинъ, у котораго онъ остановился, говорилъ ему, что «запорожскіе козаки и всѣ малороссіяне одноконечно хотятъ въ малороссійскихъ городахъ воеводъ и всѣхъ ратныхъ людей вырубить, для того во всѣ города запорожскіе козаки и пришли» [1]). Дѣйствительно, запорожскіе и другіе козацкіе отряды, разсѣянные по разнымъ мѣстамъ, стягивались къ городамъ. Полковникъ нѣжинскій Артемъ Мартыновъ на жалобы воеводы о томъ, что мѣщане и поселяне пишутся въ козаки, отвѣчалъ, что время военное и «люди въ полку надобны»; прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко прямо заявлялъ, что гетманъ приказалъ писать въ козаки всѣхъ, кто захочетъ. Каневскій полковникъ Яковъ Лизогубъ по указу гетмана отправилъ изъ Канева козаковъ стародубскаго полка съ пушками въ Стародубъ, а полковника ихъ послалъ къ гетману; переяславскій полковникъ Дмитрашко-Райча укрѣплялъ Золотоношу и другіе го-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VIII, стр. 28.

родки. Вообще полковники видимо готовились къ военнымъ дѣйствіямъ: стягивали войска, свозили и устанавливали въ городахъ пушки, отнимая ихъ часто у ратныхъ людей [1]).

Предчувствуя недоброе, воеводы усиленно просили Шереметева о присылкѣ «ручнаго зелья, фитилю, ядеръ и пушкарей». Поведеніе гетмана становилось подозрительнымъ. На обращенныя къ нему жалобы и запросы Шереметева и воеводъ, онъ отвѣчалъ уклончиво, ссылаясь на опасность, грозившую со стороны Дорошенка и его союзниковъ татаръ. На самомъ дѣлѣ эта усиленная военная дѣятельность была вызвана тѣмъ, что бояринъ и гетманъ измѣнилъ Москвѣ. Брюховецкій не могъ не чувствовать, что постепенно терялъ подъ ногами почву, особенно послѣ андрусовскаго договора. Непріязнь къ нему населенія, возраставшая популярность Дорошенка и наконецъ сношенія, которыя вела Москва съ правобережнымъ гетманомъ—все это заставляло Брюховецкаго серьезно опасаться за свою участь. Въ этотъ критическій моментъ ему оставалось прибѣгнуть къ единственному средству, правда рискованному: стать во главѣ того недовольства, которое обнаружилось въ Украйнѣ, обратиться за поддержкой къ Запорожью и Дорошенку, изгнать ненавистныхъ населенію московскихъ воеводъ и, возвративъ себѣ утраченное расположеніе народа, стать гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Надежда на такой исходъ поддерживалась въ Брюховецкомъ письмами Дорошенка и Тукальскаго: оба убѣждали его дѣйствовать за-одно съ ними для блага родины, а Дорошенко обѣщалъ, что охотно признаетъ Брюховецкаго гетманомъ объединенной Украйны, такъ какъ самъ не дорожитъ этимъ званіемъ [2]).

Для осуществленія своихъ новыхъ плановъ Брюховецкому нужно было заручиться союзниками: войдя съ сношенія съ Дорошенкомъ и Тукальскимъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обратился къ старому пріятелю своему епископу Меѳодію и къ козацкой старшинѣ. Гетманъ поспѣшилъ примириться и съ Иннокентіемъ Гизелемъ, съ которымъ былъ не въ ладахъ за то, что козаки разоряли владѣнія кіево-печерской лавры, а Гизель обвинялъ въ этомъ гетмана и пересталъ за него молиться. Теперь Брюховецкій просилъ Гизеля быть посредникомъ

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 12—28.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI.

въ примиреніи гетмана съ епископомъ Меѳодіемъ [1]). Но Меѳодій шелъ самъ на встрѣчу этому примиренію. Возвратясь изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ на судъ надъ Никономъ, Меѳодій былъ недоволенъ пріемомъ, оказаннымъ ему въ столицѣ. Надежда получить митрополичью каѳедру изъ рукъ московскаго патріарха исчезала, вдали виднѣлся силуэтъ Тукальскаго, настроеніе Меѳодія совпало съ планами гетмана и враги-друзья соединились еще разъ. Союзъ былъ скрѣпленъ родствомъ: епископъ выдалъ свою дочь за племянника гетмана. Меѳодій придалъ энергіи Брюховецкому; насколько значительна была роль епископа во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ, видно изъ тѣхъ показаній, какія давали впослѣдствіи въ Москвѣ оговоренный имъ Гизель и другіе. Всѣ показанія сводились къ тому, что смута въ Украйнѣ началась съ тѣхъ поръ, какъ епископъ Меѳодій возвратился изъ Москвы и помирился съ гетманомъ [2]).

Для того чтобы посвятить полковниковъ въ свои планы, Брюховецкій воспользовался съѣздомъ ихъ въ Гадячѣ въ день новаго (1668) года. Здѣсь у гетмана состоялась рада, на которой присутствовали: нѣжинскій полковникъ Артемъ Мартыновъ, черниговскій Иванъ Самойловичъ (будущій гетманъ), полтавскій Костя Кублицкій, переяславскій Дмитрашко-Райча, миргородскій Грицко Постоленко, прилуцкій Лазарь Горленко, кіевскій Василій Дворецкій, судьи Петръ Забѣла и Павелъ Животовскій, писарь войсковой Фесько Михайловъ и другіе [3]). На радѣ этой Брюховецкій говорилъ, что подписалъ московскія статьи по принужденію, что Москвѣ вѣрить не слѣдуетъ, такъ какъ между нею и Польшей заключенъ уговоръ истребить все козачество, опустошить Украйну, а старшину козацкую позабирать въ плѣнъ, что съ этой цѣлью у обоихъ государей завелись сношенія съ Крымомъ. Единственное средство спасенія, по мнѣнію Брюховецкаго, было: соединиться съ Дорошенкомъ и совмѣстно отдать Украйну въ подданство Турціи. Присутствовавшіе на радѣ не вѣрили словамъ боярина-гетмана, думая, что это новая ловушка для испытанія ихъ вѣрности. Видя это, гетманъ поцѣловалъ крестъ и тогда полковники присягнули ему на вѣрность. Рѣшено было

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, стр. 69—70.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 70—75.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 89.

отдаться въ подданство Турціи и съ этой цѣлью гетманъ отправилъ лубенскаго полковника Григорія Гамалію къ султану турецкому, а писаря Степана Гречанаго къ крымскому хану. Остальные-же участники рады должны были, возвратясь по домамъ, всѣми мѣрами поддерживать недовольство народа и подготовлять изгнаніе воеводъ [1]).

Мы видѣли, что населеніе охотно откликнулось на призывъ, какъ только среди него прошла вѣсть, что гетманъ и старшины идутъ противъ воеводъ и ратныхъ людей; если-же гдѣ-нибудь народъ, извѣрившись въ возможность лучшаго житья, оставался равнодушнымъ, тамъ пускались въ ходъ крутыя мѣры. Между тѣмъ Брюховецкій и Меѳодій отправили своего посла на раду къ Дорошенку въ Чигиринъ. На этой радѣ, въ январѣ 1668 г., Дорошенко сначала выразилъ упрекъ Брюховецкому за то, что онъ «козаковъ отдалъ русскимъ людямъ со всѣми поборами, чего отъ вѣку не бывало». «Брюховецкій человѣченко худой и непородный козакъ, говорилъ Дорошенко, для чего такое бремя великое на себя взялъ и честь, чего онъ недостоинъ, принялъ». Послы лѣвобережные оправдывали Брюховецкаго тѣмъ, что онъ былъ взятъ къ Москвѣ со всею старшиною и дѣйствовалъ тамъ не по своей волѣ. Послѣ того на радѣ рѣшено было жителямъ обѣихъ сторонъ Днѣпра быть въ соединеніи и жить самостоятельно (особно), платя только дань турецкому султану, какъ это дѣлаетъ волошскій господарь; рѣшено было также побить воеводъ и московскихъ ратныхъ людей въ украинскихъ городахъ. Запорожцы прислали своихъ пословъ, которые присягнули отъ имени войска запорожскаго быть подъ властью Дорошенка [2]). Дѣйствія Брюховецкаго и Меѳодія требовали до поры до времени крайней осторожности и епископъ Меѳодій писалъ гетману тайно: «для Бога не оплошайся, милость твоя. Какъ вижу, дѣло идетъ не о ремешку, но о цѣлой кожѣ нашей. Чаять, тотъ чесной Нащокинъ къ тому привелъ и приводитъ, чтобы васъ, купно-жъ и насъ съ вами, взявъ за шею, ляхамъ выдать, не на томъ-ли и присягали себѣ? яко-жъ и много знаковъ такихъ, что

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 89—90; Костомаровъ, «Руина».

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 30—31.

объ насъ торгуютца; лутче-бы насъ не манили, нежели такъ съ нами нынѣ лестно поступати». Затѣмъ слѣдуютъ совѣты гетману уловлять запорожцевъ, послать Василія Дворецкаго къ Нащокину для развѣдки настоящихъ намѣреній Москвы и ни въ какомъ случаѣ не ѣздить самому къ Нащокину, такъ какъ можетъ случиться тоже, что было съ Барабашемъ, котораго Москва выдала ляхамъ въ подарокъ [1]). Но долго скрываться было нельзя: нѣжинскій воевода, извѣщенный протопопомъ Симеономъ Адамовичемъ о томъ, что произошло на радѣ у гетмана, писалъ Шереметеву о грозящей опасности; бѣжавшій съ праваго берега шляхтичъ Янъ Сѣножацкій разсказалъ Шереметеву-же о чигиринской радѣ. Шереметевъ писалъ въ Москву, но тамъ не повѣрили измѣнѣ Брюховецкаго и считали волненія въ Украйнѣ результатомъ дурно перетолкованныхъ условій андрусовскаго договора; узнавши-же, что была и другая причина волненій—недовольство на воеводъ, царь прислалъ Брюховецкому грамоту, въ которой, укоряя гетмана за допущенные безпорядки, предписывалъ ему разъяснять малороссійскимъ людямъ настоящее значеніе андрусовскихъ статей и соглашался на устраненіе воеводъ отъ сборовъ и предоставленіе права взимать налоги полковникамъ, войтамъ и бурмистрамъ [2]). Грамота царская была помѣчена 6-мъ февраля, а 8-го числа того-же мѣсяца началось изгнаніе воеводъ изъ украинскихъ городовъ. Въ этотъ день гадячскій воевода Евсевій Огаревъ, смущенный тревожными слухами, явился съ товарищами къ гетману и послѣ долгихъ стараній добился наконецъ свиданія съ нимъ. Брюховецкій прямо предложилъ ему удалиться изъ города, грозя въ противномъ случаѣ избіеніемъ всѣхъ ратныхъ людей. Огаревъ согласился, но козаки не дали ему вывести ратныхъ людей изъ города: у воротъ городскихъ произошла свалка, во время которой самъ Огаревъ былъ раненъ; его отнесли къ гадячскому протопопу. Жена воеводы была изувѣчена и потомъ помѣщена въ богадѣльню [3]). Около того-же времени начались бунты и въ другихъ городахъ: вездѣ изгоняли воеводъ и ратныхъ людей.

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 63—64.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 30—33.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 46—47, т. VIII, стр. 55—56.

Воеводы прилуцкій, сосницкій, батуринскій и глуховскій сдались и были отвезены въ Гадячъ, а оттуда въ лубенскій мгарскій монастырь; послѣ нѣкотораго сопротивленія сдались и воеводы миргородскій и лубенскій; стародубскій былъ убитъ. Полтавскаго воеводу жители мирно вывели изъ города; въ Переяславѣ и Острѣ борьба тянулась, не склоняясь рѣшительно ни на одну сторону. Отбились только воеводы черниговскій и нѣжинскій, первый благодаря своей личной храбрости, второй благодаря тому, что былъ заранѣе предупрежденъ Адамовичемъ. Узнавши о происходившемъ, московское правительство пришло въ ужасъ: отъ царя немедленно были посланы грамоты Меѳодію, Гизелю и Лазарю Барановичу, выражавшія одобреніе ихъ вѣрности и убѣждавшія ихъ успокаивать населеніе [1]). Брюховецкій разослалъ повсюду универсалы, призывавшіе народъ къ возстанію противъ Москвы и разъяснявшіе поступки гетмана. Во всѣхъ универсалахъ говорилось, что Москва и Польша заключили союзъ, чтобъ совмѣстными силами разорить Украйну, выгубить всѣхъ жителей ея, а потому жители обоихъ береговъ Днѣпра, соединившись съ войскомъ запорожскимъ, должны отстоять свою родину. Съ этой цѣлью нужно было прежде всего избавиться отъ воеводъ; это гетманъ и хотѣлъ сдѣлать безъ пролитія крови и «рицерскимъ обычаемъ» вывести ихъ изъ городовъ; но они не захотѣли уйти мирно и за то поплатились [2]). Тоже самое писалъ Брюховецкій черниговскому воеводѣ Андрею Толстому, убѣждая его выйти изъ города. Гетманъ укорялъ и протопопа Адамовича за то, что онъ, предупредивъ нѣжинскаго воеводу, далъ ему время укрѣпиться и тѣмъ вызвалъ кровопролитіе. Это упоминаніе о «рицерскомъ обычаѣ», въ виду расправы съ гадячскимъ воеводой, очень характерно для Брюховецкаго. Въ это трудное время Брюховецкій обнаружилъ еще разъ свое умѣнье пользоваться обстоятельствами: слыша о волне-

---

[1]) Въ это время въ Москвѣ не знали, что Меѳодій одинъ изъ участниковъ начавшагося движенія, такъ какъ онъ велъ себя очень ловко: зная, что все готово къ бунту, онъ сказалъ нѣжинскому воеводѣ объ измѣнѣ Брюховецкаго, тѣмъ больше, что тотъ уже былъ предупрежденъ Адамовичемъ; самъ-же Меѳодій уѣхалъ изъ Нѣжина и сидѣлъ запершись у себя до времени, пока не былъ отправленъ къ Дорошенку, а оттуда въ Москву. Уличенный показаніями другихъ и собственнымъ письмомъ къ Брюховецкому, епископъ былъ заключенъ въ новоспасскій монастырь.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 39—42.

ніяхъ на Дону, Брюховецкій послалъ краснорѣчивое посланіе къ донскимъ козакамъ. Посланіе это ярко характеризуетъ пріемы, которые употреблялъ Брюховецкій при вербовкѣ союзниковъ. Онъ писалъ донцамъ, что «Москва, побратавшись съ ляхами, постановили: чтобъ православныхъ христіанъ, на Украйнѣ живущихъ, всякого возраста и малыхъ отрочатъ мечемъ выгубить и искоренить, въ слободахъ обрѣтающихся людей, таковыхъ-же православныхъ, захвативъ, аки скотъ въ Сибирь загнать, славное Запорожье и Донъ разорити и въ конецъ потребить, чтобъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ славные войска православные на Запорожьѣ и на Дону обрѣтаются, отъ кроваваго труда хлѣба употребляютъ, тамо въ дикія поля звѣриныя жилища обратити хотятъ». Всему виною московскіе бояре, которые хотятъ стать всѣ сенаторами, по образцу польскому. Съ этой цѣлью они и покатоличиться хотятъ, своего патріарха, Никона, свергли, а сами унію приняли и самая Москва уже не русскимъ, но латинскимъ письмомъ писать начала. «Опасаю, сколь скоро братію мою смирятъ, то тотчасъ въ началѣ Украйну, потомъ о искорененіи Дону и Запорожья промышляти будутъ, чего имъ, Боже, не допомози»! Брюховецкій совѣтовалъ донцамъ не прельщаться обманчивымъ московскимъ жалованьемъ, а порадѣть «о златой вольности» и призывалъ ихъ «съ господиномъ Стенкою» къ союзу и братской любви съ украинскимъ козачествомъ [1]).

Брюховецкій не забылъ ничего, что могло задѣть заживо донскихъ козаковъ: грозящая Дону опасность, гибель златой вольности и православной вѣры и наконецъ козни ненавистныхъ сторонникамъ Разина бояръ—все было упомянуто въ этомъ замѣчательномъ посланіи. Однако, не смотря на всю находчивость гетмана, положеніе его съ каждымъ днемъ становилось хуже. Движеніе народное, начавшееся съ вѣдома Брюховецкаго, обратилось противъ него. Изгоняя воеводъ, нельзя было забыть того, кто былъ виновникомъ введенія ихъ въ Малороссію, а оправданіямъ Брюховецкаго вѣрили немногіе. Населеніе все больше склонялось къ Дорошенку. Московскій посланецъ Василій Тяпкинъ, сообщая Ордынъ-Нащокину о положеніи дѣлъ въ Малороссіи, въ январѣ 1668 г. пишетъ, что многіе начальные люди смущаются андрусовскимъ миромъ и призываютъ

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 60—62.

Дорошенка и что «*мѣщане и козаки, паче-же черные народы по обѣ стороны*, зѣло любятъ и почитаютъ митрополита (Тукальскаго) и Дорошенка» [1]). На сторонѣ Брюховецкаго были пока полковники, по словамъ того-же Тяпкина, не склонявшіеся къ Дорошенку изъ боязни «лишиться чести своей», да отряды запорожцевъ, бывшихъ при гетманѣ. Вѣроятно именно эти отряды и дали поводъ лѣтописцамъ говорить о симпатіяхъ запорожцевъ къ гетману, высказавшихся въ послѣдніе дни его гетманства. Мы знаемъ, что писали Брюховецкому кошевые Жданъ Рогъ и Васютенко, что запорожцы на чигиринской радѣ присягали Дорошенку, къ которому они впрочемъ относились очень осторожно, особенно въ первое время [2]); все это даетъ право сказать, что по крайней мѣрѣ Запорожье сильно двоилось между Брюховецкимъ и Дорошенкомъ, не склоняясь рѣшительно ни на чью сторону. Если запорожцы откликнулись на призывъ Брюховецкаго изгонять воеводъ, то здѣсь они дѣйствовали во имя своего неизмѣннаго стремленія защищать вольности Украйны отъ всякихъ притѣснителей. Тѣ-же отряды запорожцевъ, которые съ 1663 г. оставались на Украйнѣ, какъ, напримѣръ, отрядъ Чугуя, бывшій при Брюховецкомъ съ начала и до конца гетманства, могли быть и его личными сторонниками. Въ 1668-мъ году сношенія лѣвобережной Украйны съ Дорошенкомъ усилились; Брюховецкаго-же собственные козаки держали въ Гадячѣ подъ надзоромъ. Московское правительство принимало рѣшительныя мѣры и Ромодановскій получилъ приказъ двинуться съ войсками въ Украйну. Весенняя непогода задержала Ромодановскаго и только въ маѣ онъ могъ начать военныя дѣйствія осадой пограничнаго городка Котелвы. Видя, что дѣло Брюховецкаго проиграно, многіе изъ старшинъ рѣшили заблаговременно отступиться отъ гетмана; во главѣ этого плана сталъ Демьянъ Многогрѣшный. Они послали къ Дорошенку приглашеніе принять званіе гетмана лѣвобережной Украйны. Дорошенко и Тукальскій отправили Брюховецкому письмо съ требованіемъ сдать гетманство; но Брюховецкій, обманутый во всѣхъ своихъ надеждахъ, заковалъ посланцевъ Дорошенка и двинулся на перерѣзъ правобережному гетману, который

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 215.

[2]) Лѣтопись Величка, т. II, стр. 98.

шелъ противъ Ромодановскаго. Съ Брюховецкимъ были татары, прибывшіе къ нему подъ начальствомъ мурзы Челибея для принятія отъ гетмана присяги на вѣрность Турціи. Присяга эта была дана, Челибей богато одаренъ и теперь Брюховецкій разсчитывалъ на поддержку новыхъ союзниковъ.

7-го іюня 1668 г. на сербинскомъ полѣ, близъ Диканьки, на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то происходила битва Выговскаго съ Пушкаремъ, встрѣтились Дорошенко и Брюховецкій [1]). Козаки Брюховецкаго привѣтствовали Дорошенка и кричали: «мы за гетманство Брюховецкаго биться не станемъ». Дорошенко взошелъ на сербинскую могилу и послалъ за Брюховецкимъ. Сотникъ Дрозденко засталъ гетмана сидящимъ въ креслѣ въ своемъ шатрѣ. Брюховецкій не хотѣлъ идти, но толпа лѣвобережныхъ козаковъ ворвалась въ шатеръ и потащила гетмана съ криками и бранью. Дорошенко спросилъ Брюховецкаго, почему онъ не хотѣлъ отказаться отъ гетманства. Брюховецкій молчалъ. Дорошенко велѣлъ приковать его къ пушкѣ и при этомъ сдѣлалъ знакъ рукой. Толпа поняла этотъ знакъ, какъ смертный приговоръ и бросившись на Брюховецкаго, стала бить его, чѣмъ попало. Старанія запорожца Чугуя, давняго друга гетмана, отбить Брюховецкаго изъ рукъ толпы были напрасны. Брюховецкій былъ убитъ, тѣло его отвезли въ Гадячь; здѣсь самые близкіе люди съ трудомъ могли узнать бывшаго гетмана въ этомъ синемъ, страшно изуродованномъ трупѣ [2]). Дорошенко извинялся предъ Чугуемъ и запорожцами, говоря, что онъ не велѣлъ убивать Брюховецкаго, но дѣло это темное. Самому Дорошенку грозила опасность отъ расходившейся толпы и онъ даже выѣхалъ на ночь изъ лагеря. Тѣло Брюховецкаго было похоронено, по желанію Дорошенка, съ гетманскими почестями въ соборной церкви г. Гадяча и надъ гробомъ сдѣлана была такая эпитафія [3]):

Не машъ въ свѣтѣ статку,
Знай зъ мого припадку:
Бывалемъ гетманомъ,

[1]) Лѣтопись Величка опредѣляетъ это мѣсто точно: «на сербинскомъ полю, противъ рога Остранинова, еже есть Изученковъ байракъ, подъ Диканькою», т. II, р. IX, стр. 162.

[2]) Костомаровъ, «Руина, стр. 214—215.

[3]) Лѣтопись Величка, т. II, р. IX, стр. 164.

Звано мене паномъ—
Едина година,
А и въ той отмѣна,
Окрутнемъ забитый.
Обавляйся и ты,
Никто ся зъ насъ смерти
Не можетъ отперты;
Царская корона
Не есть оборона!
Гетманская булава
У смерти не слава!
Хорогви звияетъ,
Бунчуки складаетъ,
Якъ шаблѣ, такъ мечи
Равно мусятъ лечи;
Ломятся и луки,
Опадаютъ руки,
Никто не отстоить,
Смерть, що хочетъ, броить;
Убогій, богатый
Смерти даютъ шати.
Я, только убраній,
Былъ смертью скараній;
Чи за мои злости,
Обнажени кости?
За всѣхъ обнаженній
Христе! ахъ вспомненій
Нехай буду въ раю.
Отъ земного краю
Прошу всѣхъ посполу,
Въ земномъ лежа долу,
Не стався сурово,
Тое дай ми слово:
«Вѣчна ему буди
Память отъ всѣхъ людій!»
Иванъ въ семъ зложенъ Брюховецкій гробъ—
Спомни то собѣ,

Що мой гробъ минаешъ:
Я тя зде, не ти мене дочекаешъ;
Рѣчешъ-ли добре що тутъ надо мною,
Отдастъ Богъ—взаемъ рекутъ надъ тобою.
Сорокъ и пять лѣтъ вѣку мого было,—
До вѣчности ся прилучило!
«Вѣчна память!»—церковную ноту—
Рекши надъ гробомъ: Богъ заплатитъ цноту!
Тисяча шестьсотъ шестьдесятъ осмого
Седмого іюня зшолемъ зъ свѣта того.
У понедѣлокъ, день ангеламъ данній,
Немилостиве есмь замордованій!

Лѣтописи малорусскія, говоря о «тиранскомъ забитіи» Брюховецкаго, ни единымъ словомъ не выражаютъ сожалѣнія объ этомъ гетманѣ. Даже скромная «Хронологія высокославныхъ ясневелможныхъ гетмановъ» кратко говоритъ о Брюховецкомъ: «забитъ правильно» [1]). Московскій царь въ грамотѣ своей къ малорусскому народу «о прощеніи винъ за нарушеніе присяги и единомысліе съ измѣнникомъ Ивашкой Бруховецкимъ» такъ отзывается о вѣрномъ когда-то бояринѣ и гетманѣ: «гдѣ нынѣ мерзкій онъ врагъ Брюховецкій? неподобному и неистовому псу равенъ и со многими послѣдовавшими ему гнѣвомъ праведнаго суда Божія погиблъ есть и хотѣвый многими владѣти и славенъ быти, яко свинья, отъ свинскихъ Агарянскихъ рукъ закланъ бысть» [2]). Народныя думы не поминаютъ имени Брюховецкаго.

Таковъ былъ конецъ этого недостойнаго гетманства, ознаменовавшагося въ жизни Украйны двумя крупными событіями: Андрусовскимъ договоромъ, уничтожившимъ политическое единство Малороссіи, и Московскими статьями, которыя впервые существенно нарушали автономію страны. Отъ этихъ потрясеній Малороссія не могла уже оправиться. Къ тому-же избраніе гетманомъ Брюховецкаго навсегда подорвало въ глазахъ народа авторитетъ Запорожья, которое являлось представителемъ народныхъ интересовъ и голосъ ко-

---

[1]) «Южно-русская лѣтопись», изд. Бѣлозерскаго, стр. 118.

[2]) Полное Собраніе Законовъ, стр. 750.

тораго до той поры имѣлъ рѣшающее значеніе въ судьбахъ Малороссіи.

Въ непривлекательномъ свѣтѣ выступаютъ Брюховецкій, епископъ Меѳодій и др., но взваливать всѣ бѣды на ихъ нравственную несостоятельность нельзя. Брюховецкіе и Меѳодіи бываютъ во всѣ времена и во всякомъ обществѣ, отъ условій времени зависитъ, всплывутъ-ли они на поверхность, выдвинутся-ли въ роли общественныхъ дѣятелей. Брюховецкій могъ стать во главѣ цѣлаго народа, только благодаря обстановкѣ, среди которой ему пришлось дѣйствовать. Малороссія слишкомъ недолго жила самостоятельной жизнью: въ ней не успѣли сложиться и оформиться такія общественныя группы, которыя могли бы дать ей устойчивость. Народъ, выдержавшій отчаянную борьбу за освобожденіе, оказался недостаточно подготовленнымъ къ тому, чтобы создать прочныя формы общественно-политическаго быта, которыя могли-бы противостать сложившемуся и крѣпкому строю сосѣднихъ государствъ. Въ 1663 г. онъ выбралъ себѣ гетмана, въ которомъ видѣлъ представителя и защитника своихъ интересовъ, и этотъ гетманъ обманулъ его. Выдѣлившіеся изъ среды козачества сословные элементы не успѣли сплотиться въ группу вполнѣ опредѣленную, которая съумѣла-бы уравновѣсить личныя стремленія съ общественными интересами родины и сознательно идти къ достиженію цѣли; а потому въ ихъ средѣ не было солидарности и силы.

Недостатокъ внутренняго единства, отсутствіе ясно сознанныхъ принциповъ не могутъ быть замѣнены никакимъ самоотверженіемъ и героизмомъ въ той борьбѣ, какую ведетъ народъ за право жить.

С. Е.

МАЛОРОССІЯ НА ПЕРЕДВИЖНЫХЪ

ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ КАРТИНЪ.

Въ послѣднія два десятилѣтія русская живопись подверглась коренной реформѣ, подъ благотворнымъ вліяніемъ заявленныхъ въ шестидесятыхъ годахъ въ литературѣ и публицистикѣ требованій жизненной правды, реализма. Отъ академической высокопарности, надутости и шаблонности, отъ ложно-классическихъ замашекъ въ выборѣ и исполненіи сюжета, отъ рабскаго подчиненія западно-европейскимъ авторитетамъ, она перешла къ свободѣ въ выборахъ сюжетовъ, къ безъискуственности въ ихъ обработкѣ, къ бытовой простотѣ. Мѣсто наядъ, нимфъ, одалисокъ, щекотавшихъ своей обольстительной наготой притупленное излишествами барское сластолюбіе, заняли бурлаки, крючники, раскольники-самосожигатели, сестры милосердія, мелкіе чиновники, крестьяне-хлѣборобы. По истинѣ отрадное впечатлѣніе производитъ новая русская живопись, по разнообразію предметовъ, ею затронутыхъ, по бытовой правдивости, по серіозности обнаруженныхъ ею художественно-общественныхъ стремленій, въ особенности потому, что въ основаніи многихъ произведеній новой живописи лежитъ широкое чувство человѣколюбія. Какъ и слѣдовало ожидать, интеллигентное общество полюбило новую живопись. Передвижныя выставки картинъ стали привлекать тысячи посѣтителей. Многія картины проданы за тысячи рублей. Съ каждымъ годомъ въ обществѣ усиливается интересъ къ передвижнымъ выставкамъ картинъ. Возникаетъ прямая потребность время отъ времени воз-

нестись отъ заѣдающихъ меркантильныхъ разсчетовъ и мелкой житейской суеты въ осмысленную, продуманную и прочувствованную художникомъ дѣйствительность идеальную. Ставъ на почву бытоваго реализма, текущей общественной и народной жизни, искусство сразу выросло и во многомъ выиграло. Для него открылись новые горизонты, открылось новое обширное поле для благотворной дѣятельности. Сфера вліянія художника значительно расширилась, и художникъ занялъ почетное мѣсто провозвѣстника гуманизма, глашатая правды и истины, не тенденціозной публицистической правды, а художественной правды эстетическаго реализма.

Новая русская живопись до нѣкоторой степени уже ознакомила интеллигентное общество съ русскимъ сѣверомъ, съ средней Россіей, съ Крымомъ, Кавказомъ и Туркестанскимъ краемъ. По картинамъ Шишмана, Мещерскаго, Клевера можно составить ясное представленіе о русскомъ, преимущенно сѣверно-русскомъ лѣсѣ. По картинамъ Ярошенка и Н. Маковскаго можно воспроизвести въ памяти угрюмую Каму, и внутренній видъ московскаго Благовѣщенскаго собора, и Кремль, и Дорогомиловскій мостъ, и Нижній Новгородъ. Можно отмѣтить рядъ картинъ, неизгладимыми чертами запечатлѣвшихъ въ памяти зрителя многія стороны великорусскаго быта. Таковы: «Колдунъ на свадьбѣ» Максимова, «Семейный раздѣлъ въ крестьянскомъ быту» его-же, «Встрѣча иконы» Савицкаго, «Крестный ходъ» Рѣпина, «Засуха» Мясоѣдова. Новая живопись идетъ въ глубь не только простонародной, но и общественной жизни. Достаточно при этомъ вспомнить картины В. Маковскаго «Оправданная», «У мироваго», «Крахъ банка», «Не ждали!» Рѣпина, «Студентъ» Ярошенка. Мало того, новая живопись идетъ и въ ширь, вноситъ въ сокровищницу искусства картины съ сюжетами изъ иноземнаго быта и иноземной природы. Таковы картины Боголюбова, Бегрова, Бронникова, Брюлова, Верещагина, представляющія намъ Францію (Бретань или Нормандію), Италію, Алжиръ и Индію.

Страннымъ представляется, однако, то обстоятельство, что въ этомъ свѣтломъ царствѣ искусства Малороссія занимаетъ слишкомъ скромное мѣсто,—тѣмъ болѣе страннымъ, что въ малорусской природѣ и народномъ бытѣ кроется множество художественныхъ элементовъ.

Малорусская природа оригинальна и разнообразна. Вся средняя и восточная Малороссія въ своихъ краевыхъ очертаніяхъ отличается симметричностью. Въ Кіевщинѣ, Полтавщинѣ и Харьковщинѣ есть все, чѣмъ только красенъ Божій міръ: тѣнистые лѣса и рощи, зеленые бархатные луга, тихоструйныя, капризно извивающіяся рѣченки, золотистые пески, каемкой обрамляющіе рѣки. Ничто здѣсь не подавляетъ мысли, ничто не поражаетъ воображенія. Пригорокъ, рѣка, лѣсъ, лугъ— все это въ отдѣльности незначительно, но въ совокупности они представляютъ превосходный пейзажъ. Разумѣется, нужно обладать недюжиннымъ талантомъ, чтобы совладать со всѣми мелкими чертами природной красоты. Съумѣлъ-же графъ А. К. Толстой изъ мелкихъ чертъ черниговской малорусской природы создать прекрасный поэтическій образъ Украйны въ стихотвореніи: «Кто знаетъ край». Южная часть Малороссіи, точнѣе сказать, Новороссія, или мѣста бывшаго запорожскаго козачества, могутъ плѣнить художника своей необъятной ширью, своимъ степнымъ просторомъ. Много художественнаго матеріала даютъ и западныя окраины Малороссіи,—сумрачная, лѣсистая Волынь, гористая Подолія. Одинъ Днѣпръ представляетъ цѣлый міръ для художественнаго вдохновенія и творчества, міръ въ высокой степени своеобразный, оригинальный. Величественное впечатлѣніе производитъ эта царственная рѣка Малороссіи своей шириной, многоводностью, гористыми берегами, каменистыми порогами, плавнями, связанными съ ней историческими воспоминаніями и преданіями. Днѣпръ нашелъ мѣсто въ народной поэзіи. Въ «Кобзарѣ» Шевченка Днѣпру посвящено много превосходныхъ стиховъ. «Здается, кращого немае нычого въ Бога, якъ Днипро», писалъ Шевченко, и далѣе указывалъ, что Днѣпръ крутоберегій, широкій, какъ море, широкій и дужій, что онъ «гомонитъ» съ порогами, или «геть-геть соби роскинувсь, сіяе та горыть». Краткія поэтическія характеристики Днѣпра встрѣчаются также въ сочиненіяхъ Гоголя и въ стихотвореніяхъ Я. П. Щоголева.

Художественные элементы малорусскаго народнаго быта разнообразны и обильны. Для пейзажиста не малый интересъ представляетъ, напримѣръ, бѣлая малорусская хата, такъ ярко выдѣляющаяся на лугу, подъ лѣсомъ или надъ рѣкой, малорусское село съ дворами, представляющими нѣчто самостоятельное, со всѣхъ сторонъ огороженное, живописно-оттѣненное серебристымъ тополемъ, рябиной

или вербой. Какъ ни живописна, положимъ, крымская природа, къ ней ничего нельзя прибавить изъ быта крымскихъ татаръ, такъ какъ ихъ сакли безцвѣтны и безформенны, мало отдѣляются по цвѣту отъ пріютившихъ ихъ горныхъ скалъ и ущелій. Для жанриста много любопытнаго представляютъ малорусскія народныя ярмарки, храмовые праздники, семейныя торжества и гулянья, самый костюмъ малороссовъ, особенно малороссіянокъ, сохранившихъ въ глубинѣ Малороссіи, вдали отъ фабрикъ и заводовъ, много цвѣтнаго и оригинальнаго въ одеждѣ и украшеніяхъ.

Живописцы, избирающіе сюжетомъ историческія лица и событія, останавливаются преимущественно на такихъ историческихъ событіяхъ, которыя, во первыхъ, полны драматизма, во вторыхъ, хорошо извѣстны, въ мелочахъ разработаны людьми науки. Такъ, въ русской исторіи вниманіе поэтовъ и художниковъ привлекала преимущественно эпоха Іоанна Грознаго, полная движенія, трагизма, эпоха, хорошо намъ извѣстная изъ древнихъ актовъ, сочиненій Курбскаго и Грознаго, Домостроя и Стоглава. Эту эпоху въ поэзіи воспроизводили Лермонтовъ, В. Юрьевъ, А. Толстой, Мей, Чаевъ, въ живописи Невревъ и Рѣпинъ, въ скульптурѣ Антокольскій. Нельзя не признать, что вся исторія Малороссіи полна драматическаго элемента; исторія Малороссіи XVII ст. при томъ извѣстна въ подробностяхъ и мелочахъ. Такія лица, какъ Богданъ Хмельницкій, такія событія, какъ брестскій церковный соборъ, засѣданія братчиковъ, сами собой напрашиваются на полотно. Художнику не трудно было бы найти вдохновеніе въ событіяхъ, созданныхъ страстной борьбой за вѣру и народность.

«Боже мой, писалъ Трутовскій Рамазанову, сколько неразобранныхъ матеріаловъ представляетъ Малороссія художнику, какъ изображающему сцены, такъ и видописцу!—Всѣхъ тянетъ въ Италію; хорошо, конечно, пожить и поучиться тамъ; но не подобаетъ же русскому художнику ограничиться италіанскими сценами, когда въ Россіи есть свои прекрасные виды и сцены» [1]). Трутовскій обратился къ художественному воспроизведенію малорусской жизни, и въ этомъ отношеніи онъ составилъ себѣ почетную извѣстность. Всѣмъ извѣстны его превосходные рисунки изъ малорусскаго быта:

---

[1]) *Рамазановъ*, Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи, т. I, стр. 246.

«Подрѣзываніе сотовъ на пасѣкѣ», «Сцена у креста», «Возвращеніе съ праздника», иллюстраціи къ «Наймичкѣ» Шевченка и къ «Вечерамъ» Гоголя.

Число картинъ изъ малорусской жизни, представленныхъ на передвижныхъ художественныхъ выставокахъ, не велико. Всѣхъ выставокъ было двѣнадцать (тринадцатая на югъ еще не спускалась), и почти столько же было картинъ съ сюжетами изъ малорусской жизни. Главныя картины этого рода представлены были двумя художниками, немного пожившими въ Малороссіи въ молодости, А. И. Куинджи и И. Е. Рѣпинымъ. А. И. Куинджи родился въ Екатеринославской губерніи въ 1843 году, учился у Айвазовскаго [1]). Въ ученическихъ работахъ Куинджи замѣтна уже наклонность къ воспроизведенію явленій малорусской жизни. Такъ, въ рисункѣ «Рыбацкая хижина на берегу Азовскаго моря», 1869 года, рыбацкая хижина представляетъ типичную малорусскую степную хату, съ крутымъ верхомъ, выдавшейся наружу печной трубой и низенькими стѣнами подъ высокой соломенной шапкой. Рѣпинъ родился въ 35 верстахъ отъ Харькова, въ Чугуевѣ, въ 1844 году. Первые годы своей дѣятельности, всю эпоху пробужденія страсти къ искусству онъ провелъ въ мастерской малороссійскаго богомаза, гдѣ писалъ большіе образа для иконостасовъ по 5 рублей за каждый. Двадцати лѣтъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ ненастный ноябрскій день, съ нѣсколькими рублями въ карманѣ [2]). Громадное художественное дарованіе Рѣпина вскорѣ было замѣчено, и онъ быстро выдвинулся въ ряды первыхъ, самыхъ крупныхъ русскихъ художниковъ. Получивъ золотыя медали за свои академическія работы: «Іовъ и его друзья» и «Іаирова дочь», Рѣпинъ, по окончаніи курса академіи, путешествовалъ по Волгѣ, потомъ за границей. Памятникомъ рожденія Рѣпина въ Малороссіи служитъ одна только картина «Вечерницы»,—картина превосходная, какъ превосходны всѣ произведенія этого талантливаго, быстро работающаго художника; его же кисти «Бурлаки на Волгѣ», «Царевна Софья», «Крестный ходъ въ Курской губерніи», «Не ждали», «Смерть царевича Іоанна». Изъ другихъ художниковъ, участвующихъ въ товариществѣ передвижныхъ выс-

---

[1]) *Собко*, 25 лѣтъ русскаго искусства, стр. 19.

[2]) *Стасовъ*, И. Е. Рѣпинъ, въ «Пчелѣ» 1875 г., № 3.

тавокъ, изрѣдка Малороссіи касались Г. Г. Мясоѣдовъ, проживающій въ своемъ хуторѣ вблизи Харькова, Н. Д. Кузнецовъ, проживающій въ деревнѣ Степановкѣ, недалеко отъ Одессы, Н. Е. Маковскій, А. А. Киселевъ, М. П. Клодтъ и Дубовскій, повидимому, побывавшіе въ южной Россіи.

Лучшими картинами съ сюжетами изъ малорусскаго быта, сколько мы въ состояніи припомнить, были «Чумацкій трактъ» и «Ночь на Днѣпрѣ» Куинджи, «Вечерницы» Рѣпина, «На заработки» Кузнецова и «Зима» Дубовскаго.

Въ «*Чумацкомъ трактѣ*» (пятая передвижная выставка) широко раскинулась степь привольная; лентой вьется по ней чумацкій шляхъ. Много дней лилъ на него дождь и потому онъ размякъ и раскисъ. Широкія «мажи» чуть не до оси ушли въ грязь. Вдали на шляху виднѣется уютное и благодатное для степнаго странника-чумака убѣжище—шинокъ,—одинокая хата съ соблазнительной пляшкой на высоко поднятомъ дрючкѣ. Картина эта куплена П. М. Третьяковымъ, къ которому поступило почти все лучшее, что было на первыхъ передвижныхъ выставкахъ.

«*Ночь на Днѣпрѣ*» Куинджи по своей поэтичности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду русскихъ картинъ новаго времени. Передъ зрителемъ льется тихоструйный Днѣпръ. На крутомъ берегу стоитъ нѣсколько малороссійскихъ хатъ, залитыхъ луннымъ свѣтомъ; тамъ и сямъ высятся пирамидальныя тополи. Въ картинѣ есть слабыя стороны: такъ лунному свѣту приданъ излишній зеленоватый оттѣнокъ, тополи нѣжны и однообразны; но всѣ эти недостатки скрыты чудной южной ночью. Это граціозное и величественное произведеніе Куинджи пріобрѣло на югѣ Россіи большую популярность. Въ картинѣ Куинджи есть нѣчто увлекательное и очаровательное. Это мелодія въ краскахъ. «Ночь на Днѣпрѣ», если не ошибаемся, была на пятой передвижной выставкѣ.

«*Вечерницы*» Рѣпина служили украшеніемъ девятой передвижной выставки. Это большая картина, полная живости и юмора. Въ малороссійской хатѣ, освѣщенной двумя свѣчами, собралась толпа парубковъ и дивчатъ; на первомъ планѣ, лицомъ къ зрителю, танцуетъ дѣвушка; передъ ней «навприсядки» выдѣлываетъ колѣна парубокъ; музыканты скрипачи играютъ; вся толпа сидящихъ и стоящихъ внимательно смотритъ на танцующихъ. Всѣ смѣются, и

каждый смѣется по своему; у каждаго свое выраженіе, свое довольство, свой смѣхъ. Лица характерны, типичны. Въ художественной критикѣ недостаткомъ картины было поставлено грубое и некрасивое выраженіе лицъ, въ особенности стоящей на переднемъ планѣ танцующей дѣвицы. «Мы привыкли, сказано было по этому поводу въ «Художественномъ журналѣ» [1]), съ именемъ дѣвушки, особенно малороссійской, соединять въ нашемъ представленіи извѣстную красоту и грацію, конечно, не сценическую, не условную грацію, съ которой фигурировали въ большинствѣ случаевъ художники, писавшіе малороссіянокъ, но красоту и грацію натуральную, ту, какую въ единственномъ образѣ мы видимъ на этой же картинѣ у Рѣпина въ темномъ углу, въ одной прекрасной женской головкѣ... Жители юга, малороссы, красотой, какъ извѣстно, далеко не обижены. «Вечерницы» весьма крупное произведеніе новаго искусства, произведеніе замѣчательное по технической отдѣлкѣ, по обилію бытовыхъ подробностей, по вѣрности дѣйствительной жизни. Нужно впрочемъ замѣтить, что бытовыя подробности картины, такъ сказать, мѣстны; по крайней мѣрѣ мѣстнымъ характеромъ отличается убранство хаты, въ особенности оригинальное помѣщеніе свѣчей на веревочкѣ, подъ потолкомъ.

Украшеніемъ десятой передвижной выставки была, между прочимъ, большая картина Н. Д. Кузнецова «*На заработки*». Передъ зрителемъ разстилается вольная и широкая степь съ небольшимъ курганомъ на горизонтѣ. По шляху движется группа крестьянъ на заработки. Впереди идетъ рослый мужчина въ широкомъ соломенномъ брилѣ, сзади его кучка мужчинъ и женщинъ; расположеніе духа ихъ видимо веселое; имъ льститъ радостная надежда хорошаго заработка. Лица крестьянъ типичныя, характерныя. Вся обстановка картинъ напоминаетъ новороссійскія степи. Крестьяне изъ Новороссіи или юго-западнаго края. Въ восточныхъ частяхъ Малороссіи, въ частности въ Харьковщинѣ, соломенные брили не встрѣчаются; кромѣ того здѣсь для сохраненія воды на полевыхъ работахъ употребляютъ не горластые деревянные сосуды, какіе видимъ на картинѣ, а круглые цилиндрическіе деревянные баклажки.

[1]) Художественный журналъ, 1881 г., т. IX, стр. 229.

На двѣнадцатой передвижной выставкѣ вниманіе публики привлекала картина Н. Н. Дубовскаго «*Зима*». Это былъ дебютъ, первое выступленіе передъ публикой неизвѣстнаго до тѣхъ поръ художника,—дебютъ весьма удачный. Содержаніе картины очень просто. Двѣ деревенскія хаты и часть улицы, къ нимъ прилегающая,—все это подъ толстымъ слоемъ снѣга, ярко освященнаго лучами заходящаго солнца. Снѣгъ недавно только выпалъ, прямо на сырую землю, что видно изъ находящейся передъ воротами глубокой прорѣзи въ снѣгу, сдѣланной проѣхавшими санями. Хаты, тынъ, ворота малорусскіе. Кромѣ этихъ предметовъ, на картинѣ нѣтъ ничего болѣе, не видно ни одного живаго существа. Тѣмъ рельефнѣе выступаетъ хата съ тыномъ; тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе на зрителя производитъ уютная часть сельской улицы, засыпанная снѣгомъ, который подъ морозный вечеръ мѣстами бѣлѣетъ, мѣстами синѣетъ.

Въ большей или меньшей мѣрѣ заслуживали вниманія публики картины: «Послѣ дождя» Куинджи, «Слѣпцы» Ярошенка, «Изъ окрестностей Кіева» Мясоѣдова, «Пашня въ Малороссіи» Клодта, «Малороссійская деревня» Киселева, «Малороссіянка» Бодаревскаго, «Базаръ въ Малороссіи» Н. Маковскаго, «Рѣка Псёлъ» Н. Маковскаго, крошечный этюдецъ Мясоѣдова «Рѣка Лопань», «На пашнѣ» Н. Маковскаго. Нѣкоторыя изъ этихъ картинъ хорошо задуманы и хорошо исполнены, другія не болѣе какъ блѣдные, недодѣланные этюды, наброски, представляющіе весьма слабый интересъ, и то по отношенію къ другимъ однороднымъ по содержанію картинамъ. Такъ, этюдъ Мясоѣдова «Изъ окрестностей Кіева» представляетъ только группу густыхъ деревьевъ, освѣщенныхъ солнцемъ, и особенность этого глухаго малорусскаго лѣснаго мѣстечка обнаруживается при сравненіи его съ великорусской лѣсной глушью на картинахъ Шишкина; безотносительно-же къ другимъ лѣснымъ пейзажамъ этюдъ Мясоѣдова представляетъ лишь желто-зеленое пятно. Въ «Слѣпцахъ» Ярошенка къ Малороссіи относятся не самые слѣпцы, люди великорусскаго типа, а окружающая ихъ природная обста-

новка. Слѣпцы пробираются по тропинкамъ высокаго берега Днѣпра. Кіевскіе куполы и кресты еще виднѣются за ближней горой. Вдали—Заднѣпровье. Нужно замѣтить при этомъ, что лучшая часть картины это слѣпцы съ поводыремъ впереди. Въ картинѣ Куинджи «Послѣ дождя», какъ во всѣхъ картинахъ этого художника, главная сила въ переливахъ свѣта. Солнце то выглядываетъ въ разорванныя тучки и ласкаетъ при этомъ теплую благоухающую зелень луга, и небольшую горку, и рѣченку, только что успокоившуюся отъ дождевыхъ потоковъ, вбѣжавшихъ въ нее съ пригорковъ и полей, то снова скрывается за тучкой, и бѣгущая отъ тучки тѣнь застилаетъ поле, а тамъ снова солнце. «Пашня» Клодта и «Малороссійская деревня» Киселева, бывшія на седмой выставкѣ, отличались простотой содержанія, мягкостью и поэтичностью, причемъ одна картина какъ-бы дополняла другую. Были и слабыя вещи, напримѣръ, «Малороссіянка» Бодаревскаго, ни одной своей чертой не обнаружившая серьезнаго изученія малорусскаго женскаго типа. Такихъ малороссіянокъ можно рисовать съ любой великосвѣтской барышни, черноглазой брюнетки, нарядивъ ее предварительно въ малорусскій женскій костюмъ, съ неизбѣжными бусами на шеѣ и цвѣтами въ косѣ.

Мы перечислили почти все, что относилось къ Малороссіи на передвижныхъ выставкахъ картинъ. Если и есть пробѣлы,—а они конечно есть относительно первыхъ пяти выставокъ, о которыхъ мы имѣемъ за давностью лѣтъ скудныя свѣдѣнія,—то пробѣлы эти не измѣняютъ общаго впечатлѣнія скудости выставокъ относительно картинъ съ сюжетами изъ южно-русской природы и быта. Можно думать, что эта скудость явленіе, такъ сказать, временное; источникъ ея лежитъ отчасти въ молодости современной русской школы живописи. Современная школа живописи довольно основательно слыветъ національной, а разъ она національна,—ей предстоитъ еще широкое поприще для совершенствованія и развитія; пойдетъ она въ глубь, и въ ширь, и съ подъемомъ общественнаго развитія получитъ краевое направленіе, развѣтвится по всѣмъ центрамъ и

окраинамъ Россіи, особенно при благопріятныхъ условіяхъ развитія краевой жизни въ сферѣ искусства, напримѣръ, при возникновеніи мѣстныхъ рисовальныхъ училищъ, мѣстныхъ собраній произведеній изящныхъ искусствъ, при разностороннемъ и обстоятельномъ изученіи памятниковъ народнаго художественнаго и поэтическаго творчества.

Н. С.

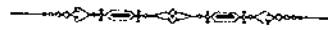

РОМАНОВСКОЕ СТАРОСТВО И СУДЬБА ЕГО ЖИТЕЛЕЙ.[1])

Разсматривая судебные процессы сельскихъ громадъ, путемъ которыхъ они отыскивали свою свободу или земельную собственность, намъ за частую приходится удивляться въ одно и тоже время слабости ихъ юридическихъ свѣдѣній и настойчивости въ веденіи дѣла. Обыкновенно объясняютъ это склонностію малорусскихъ крестьянъ къ сутяжничеству; но этимъ не исчерпывается вопросъ о причинахъ упорства крестьянъ въ такихъ ихъ искахъ, которые не ведутъ ихъ ни къ чему, кромѣ разоренія и самаго строгаго взысканія. Люди интеллигентные освоились уже съ мыслью, что положительное законодательство, хотя и является результатомъ стремленія къ истинѣ и справедливости, но не можетъ съ ними отождествиться, представляя лишь компромиссъ между чистымъ принципомъ справедливости, согласно понятіямъ данной исторической эпохи, и фактическимъ положеніемъ дѣлъ и обнаруживая большую или меньшую дисгармонію между понятіемъ о справедливости и существующимъ законодательствомъ. Крестьянскій умъ не знаетъ такихъ тонко-

---

[1]) Статья эта была помѣщена въ польскомъ журналѣ «Atheneum» (1884 г., іюль). По предмету своему она относится къ мѣстности нынѣшней кіевской губерніи и входитъ непосредственно въ область исторіи Украйны. Съ согласія автора, мы печатаемъ ее въ вольномъ нѣсколько переводѣ, не измѣняющемъ однако мысли автора, и съ значительными сокращеніями, не касающимися впрочемъ фактическихъ данныхъ. Подобныя монографіи могли-бы уяснить намъ поучительную судьбу землевладѣнія въ кіевской губерніи. Такого описанія особенно заслуживаютъ бывшія староства корсунское и бѣлоцерковское.—Перевод.

стей; ведя процессы съ богатыми и сильными людьми, крестьяне прежде всего склонны вѣрить, что неблагопріятный для нихъ исходъ дѣла зависитъ отъ вліянія сильной и заинтересованной стороны и бываетъ главной причиной несогласія судебныхъ приговоровъ съ понятіемъ о справедливости. Съ этой точки зрѣнія верховная власть въ глазахъ народа представляется какъ-бы обезсиленной этими вліяніями. Среди самаго разгара борьбы на Украйнѣ Хмельницкій говоритъ комиссарамъ Рѣчи Посполитой: «пусть король остается королемъ для того, чтобы казнить шляхту и пановъ, потому что эти королевята сильно бушуютъ»; въ одной украинской пѣснѣ императрица Екатерина II такъ отвѣчаетъ запорожцамъ на ихъ жалобы:

«Ой рада-бъ я, запорозци, вамъ добро вчинити,
«Та не можу за синодчиками въ синодъ приступити».

Внѣшнимъ признакомъ этого народнаго убѣжденія или ближайшимъ его послѣдствіемъ является общеизвѣстное превратное толкованіе законодательныхъ актовъ, имѣющихъ въ виду благо народа. Въ такихъ случаяхъ народъ обыкновенно думаетъ, что правду отъ него утаиваютъ, а открываютъ ему только часть оной, и то по вліянію людей знатныхъ и богатыхъ, по мѣстному термину, *пановъ*. Поэтому ничего нѣтъ обыкновеннѣе, какъ народныя волненія, сопровождающія такіе именно законодательные акты, которые въ большей или меньшей степени имѣютъ въ виду облегченіе народной участи. Иногда имъ предшествуетъ слухъ, лишенный реальныхъ основаній, но построенный на общемъ фонѣ народнаго міровоззрѣнія, и вызываетъ цѣлый рядъ народныхъ волненій. Такого рода явленіе мы видимъ на Украйнѣ въ 1855 году, когда поиски мнимаго указа о записываніи поселянъ въ козацкіе реестры вызвали цѣлый рядъ безпорядковъ, за которые тяжело расплатилось мѣстное населеніе. И при всемъ томъ въ такихъ случаяхъ, въ теченіи извѣстнаго времени, въ народѣ остается увѣренность, что не слухъ былъ вымышленъ, а корысть и злоба пановъ заглушили голосъ правды. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ корсунскихъ волненій 1855 года мнѣ приходилось слышать отъ простолюдья въ Корсунщинѣ, что окрестные священники будто-бы вымерли вслѣдствіе Божей кары за утайку упомянутаго указа о козачинѣ. Эта общая точка зрѣнія, эта увѣренность, что все, что справедливо по народнымъ понятіямъ, должно

быть и юридически обязательно, вызываетъ ту настойчивость въ процессахъ, которая на первый взглядъ кажется только страстью, въ дѣйствительности-же есть результатъ другихъ болѣе глубокихъ причинъ. Добиться правды не легко,—въ этомъ глубоко убѣжденъ народъ: по народной легендѣ, связанной съ памятникомъ дюку де Ришелье въ Одессѣ, этотъ умудренный жизнію мужъ, указывая рукою на море и держа бумажный свитокъ въ другой, тѣмъ самымъ говорилъ людямъ въ поученіе: «якъ маешъ зъ дужимъ битись, а зъ багатымъ судитись, лучше перехрестися, та й иди въ море, утопися». Но именно потому, что только постороннія вліянія, по мнѣнію нашихъ крестьянъ, затемняютъ правду и бываютъ причиной неблагопріятныхъ судебныхъ приговоровъ, не исчезаетъ въ нихъ надежда на успѣхъ, если не теперь, то впослѣдствіи.

Эти не многія общія разсужденія я счелъ не лишнимъ предпослать небольшему очерку одного изъ тѣхъ многочисленныхъ процессовъ по отыскиванію крестьянами давнихъ правъ и вольностей, какими такъ богата исторія Украйны. Дѣло происходило въ нынѣшней кіевской губерніи, въ сквирскомъ уѣздѣ, въ такъ называвшемся когда-то романовскомъ староствѣ; въ теченіи почти столѣтія эта мѣстность была театромъ попытокъ сельскаго населенія—искать юридическимъ путемъ возстановленія своихъ историческихъ правъ и облегченія постигшей его впослѣдствіи тяжелой участи. Краткій очеркъ этихъ попытокъ и составляетъ предметъ настоящей статьи, которая можетъ быть не лишена интереса, какъ страничка матеріаловъ для исторіи крестьянства кіевской губерніи въ текущемъ столѣтіи.

Въ былые годы Рѣчи Посполитой, въ промежутокъ между династическимъ соединеніемъ южной Руси съ Польшею по городельской уніи и включеніемъ первой въ составъ послѣдней по уніи люблинской, южно-русскія населенныя мѣстности, подъ названіемъ староствъ, отдавались въ управленіе и охрану, съ находившимися въ нихъ укрѣпленными замками, знатнымъ русскимъ людямъ. Послѣ люблинской уніи, съ распространеніемъ на Русь обще-государственныхъ польскихъ порядковъ, подъ тѣмъ-же названіемъ отдавались здѣсь населенныя и даже не населенныя земли въ пожизненное владѣніе преимущественно польскимъ панамъ. Такимъ образомъ староства въ дальнѣйшемъ и тѣснѣйшемъ смыслѣ означали

коронныя имѣнія, которыя король жаловалъ кому либо за заслуги въ пожизненное владѣніе. Вновь заселяемая мѣстность проходила иногда много стадій, пока становилась староствомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; вообще-же перемѣна староства обозначалась переломомъ въ судьбѣ населенія, а съ паденіемъ Польши уничтоженіе самыхъ староствъ послужило источникомъ крупныхъ безпорядковъ и процессовъ, подобныхъ тому, о которомъ я хочу разсказать.

Историческія свѣдѣнія о романовскомъ староствѣ очень скудны; они разбросаны на протяженіи трехъ вѣковъ и крайне отрывочны. Начало заселенія мѣстности староства относится къ послѣднему десятилѣтію XVI ст. Въ 1591 г. король Сигизмундъ III отдаетъ князю Николаю Ружинскому «пустопорожнія земли въ бѣлоцерковскомъ староствѣ» надъ рѣками: Сквирой, Раставицей, Ольшанкой, Упавой и Каменицей, иначе Каменкой [1]). На этой территоріи и возникло романовское староство, достигшее, по крайней мѣрѣ въ центральномъ своемъ пунктѣ, расширенія своихъ общественныхъ правъ и автономнаго управленія по магдебургскому праву. Образованіе романовскаго староства шло постепенно и на немъ отразились всѣ тѣ политико-общественныя перемѣны, какія переживала цѣлая страна.

Въ концѣ XVI столѣтія Украйна была мало заселена. Все то пространство, которое пожаловано Сигизмундомъ князю Николаю Ружинскому, т. е. значительная часть нынѣшняго сквирскаго уѣзда, заключало въ себѣ одни только урочища; почти всѣ ихъ имена встрѣчаемъ въ позднѣйшихъ названіяхъ селъ и мѣстечекъ, входившихъ въ составъ романовскаго староства. Уже въ 1603 году встрѣчаемъ на этой территоріи мѣстечка Романовку и Жидовцы и села: Чернявку, Кошлаки и Ерчики, затѣмъ Ставища [2]). Въ 1615 году заселилась Сквира, теперь уѣздный городъ. Люстрація 1616 года причисляетъ къ романовскому староству мѣстечко Романовку, Жидовцы, Матвѣевцы или Ставища, Ерчики, Кошлаки, Сквиру, Буки и Строковъ.

Заселеніе шло весьма быстро; на территоріи, занятой первыми пятью селами, существовало до того времени одно только неболь-

---

[1]) Рукопись—Перечень документовъ, относящихся къ границамъ романовскаго староства 1804 г.

[2]) Также.

шое поселеніе Малая Чернявка. Обиліе плодородныхъ земель и такъ называемыя тогда *слободы*, т. е. освобожденіе поселенцевъ отъ повинностей по отношенію къ владѣльцу на болѣе или менѣе продолжительное время (такъ Сквира, основанная въ 1615 году, пользовалась правомъ тридцатилѣтней «слободы»[1]), привлекали сюда поселенцевъ, не смотря на то, что мѣстность лежала на такъ называемомъ «Черномъ шляху»[2]), т. е. на пути набѣговъ татарскихъ и представляла большія опасности и затрудненія для колонизаціи. Въ люстраціи 1616 г. читаемъ слѣдующее: «Буки, село, за годъ передъ этимъ разрушено татарами. Въ настоящее время въ немъ осталось еще десять человѣкъ, которые живутъ въ ямахъ». Тоже самое происходило и въ другихъ поселеніяхъ. Ставище опустошено татарами въ 1606 году, Буки, Романовка, Кошлаки въ 1615 году; въ Кошлакахъ послѣ погрома «остался только одинъ крестьянинъ»[3]). Татарскіе набѣги были такимъ обычнымъ явленіемъ въ этой мѣстности, что документъ 1592 года, опредѣляющій территоріальныя границы староства, просто замѣчаетъ: «до самыхъ верховьевъ рѣчки Сквиры вдоль татарскаго шляху черезъ Раставицу»[4]). Но не одни татары разоряли новыя поселенія; тоже дѣлали и христіанскіе громители ислама. Въ люстраціи 1622 года значится: «Романовъ, или Романовка, мѣстечко, поселенное надъ самымъ Чернымъ шляхомъ, въ немъ двадцать подданныхъ; не платятъ никакого чинша на основаніи *слободы*, потому что разорены отрядомъ покойнаго пана Жолкевскаго»[5]).

При такихъ условіяхъ заселялась эта мѣстность; ея хозяйство, домашній бытъ и всѣ общественныя отношенія носятъ на себѣ ихъ отпечатокъ. Домашнее хозяйство слобожанина начинается въ ямѣ, старостинскія постройки еще въ 1765 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: «домъ построенъ надъ самой рѣчкой, изба съ комнатой и кладовой, кухня съ коморкой, амбаромъ и конюшня»[6]). Населеніе то разбѣгается, то возвращается, партизанскимъ, такъ

---

[1]) Рукопись—Люстрація 1616 г.

[2]) Baliński i Lipiński—Starożytna Polska.

[3]) Люстрація 1616 г.

[4]) Рукопись—Перечень документовъ 1802 г.

[5]) Baliński i Lipiński.

[6]) Рукопись—Люстрація 1765 г.

сказать, способомъ добывая земли и свободу, когда обстоятельства тому благопріятствовали, и при перемѣнѣ ихъ теряя поочередно и то и другое. Такъ во время люстраціи романовскаго староства 1765 г. управляющій дворянинъ Антоній Кобылинскій и громады этого староства, какъ мѣстечка Романовки, такъ и мѣстечка Сквиры, показали, что староство терпитъ много обидъ въ земельномъ отношеніи отъ своихъ сосѣдей. Громада романовская жаловалась, что терпитъ обиды отъ владѣльцевъ корнинскаго имѣнія, пановъ Проскуровъ, которые уже частью захватили и продолжаютъ все больше и больше отбирать къ своему Корнину земли, принадлежавшія съ давнихъ временъ къ Романовкѣ, косятъ сѣно на романовскихъ лугахъ, собираютъ хлѣбъ, выгоняютъ романовскихъ жителей изъ ихъ собственныхъ земель, бьютъ и не допускаютъ пользоваться ими, отъ чего часто происходятъ драки, а иногда и убійства крестьянъ. Такъ-же точно и мѣстечко Сквира, принадлежавшее къ тому-же старостве, принуждено было терпѣть земельные захваты на трехъ своихъ границахъ: 1) со стороны мѣстечка Володарки отъ пани Мнишковой, подкомарины литовской, которая съ большимъ азартомъ насильно отобрала сквирскія земли къ володарскому имѣнію и намѣтила себѣ границу до самой Сквиры, при чемъ володарскіе жители вытѣсняли сквирскихъ изъ этихъ земель, били и не дозволяли ими пользоваться; 2) со стороны паволоцкихъ имѣній князя Любомирскаго, брацлавскаго воеводы, и наконецъ 3) отъ бѣлоцерковскаго староства, гдѣ также послѣдовалъ значительный захватъ земель. Отъ всѣхъ этихъ причинъ должно было разбѣжаться какъ романовское, такъ и сквирское населеніе»[1]).

Сохранилось и до настоящаго времени мѣстное преданіе о такихъ сосѣдскихъ отношеніяхъ. Умершій два года назадъ старикъ Федько Грива разсказывалъ мнѣ, какъ его дѣдъ храбро сражался съ Проскурою за границы романовскихъ земель, которыя должны были простираться до «Острой могилы»: «мого дида, козака Гриву, прибавлялъ разсказчикъ, не брала куля, ажъ доприо срибнымъ гудзіомъ встреливъ ёго Проскура. Похилывся мій дидъ на кони и сказавъ: збавывъ ты, пане Проскуро, козакови Гриви викъ ёго молодецькій».

Уменьшеніе земельныхъ участковъ романовскихъ поселенцевъ, вслѣдствіе захватовъ сосѣдей, давало чувствовать себя еще сильнѣе

[1]) Люстрація 1615 г.

съ прекращеніемъ льготныхъ сроковъ, такъ называемыхъ *слободъ;* повинности мѣщанъ и крестьянъ усиливались по мѣрѣ того, какъ «степы широки, краи весели» осаживались селами, какъ новая колонизація все болѣе и болѣе увеличивалась и разросталось помѣщичье хозяйство. Романовка, не знавшая панщины и только платившая чиншъ въ началѣ XVII в.,—во второй половинѣ XVIII ст., кромѣ значительно увеличеннаго чинша (съ 3 и 6 грошей поднялся въ общемъ до $3^2/_3$ злота съ хозяйства), отбываетъ панщину и прядетъ мотки. Льготный срокъ давно уже исполнился для Сквиры и ея жители во второй половинѣ XVIII в. платятъ чиншъ, подорожное, отбываютъ панщину, мотки и др. Въ Черняжкѣ панщина была уменьшена, но за то увеличенъ чиншъ, достигавшій въ общемъ 13 злотыхъ съ хаты (въ Романовкѣ въ тоже время $3^2/_3$ злота). Впрочемъ и въ началѣ XVII в., не смотря на колонизаціонныя затрудненія, рядомъ съ временными льготами панщина вполнѣ уже господствовала въ пограничныхъ селахъ, щадя только новыя поселенія и центральное мѣстечко староства. Обычной нормой панщины здѣсь было въ то время лѣтомъ два, зимою одинъ рабочій день въ недѣлю въ пользу помѣщика [1]).

Эти немногія уцѣлѣвшія данныя едва-ли могутъ дать сколько нибудь полное и близкое понятіе о соціально-экономической жизни романовскаго староства. Кромѣ указанныхъ, оно переживало и другія перемѣны, особливо подъ часъ козакованья столь памятнаго въ западной Украйнѣ Семена Палія, котораго дѣятельность распространялась непосредственно и на романовское староство. Извѣстныя усилія польскаго короля Яна Собѣсскаго воскресить въ западной Украйнѣ угасавшее козачество, нужное ему для войны съ Турціею, выдвинули не кстати для поляковъ знаменитаго своею храбростію и предпріимчивостію фастовскаго полковника. Палій, получивъ полномочіе на вербованіе козацкаго полка, не ограничился вербовкой бродячихъ отрядовъ, но колонизуетъ Фастовщину, постепенно вытѣсняетъ шляхту изъ дворянскихъ имѣній и староствъ, то вступая отчасти въ ея права, то вводя въ занятыхъ мѣстностяхъ оригинальные козацкіе порядки. Козачее устройство сельскаго люда

---

[1]) Рукоп. люстрація 1616 и 1765 г.

приходилось этому послѣднему какъ нельзя болѣе по сердцу и съ увѣренностію гадать можно, что въ эту пору измѣнилось къ лучшему и положеніе сосѣдившаго съ Фастовщиной романовскаго староства, которое также нѣкоторое время находилось во власти Палія. А что это такъ, видно изъ того, что король Августъ II, жалуя въ 1710 г. романовское староство Бомбеку, замѣчаетъ, что оно осталось безъ владѣльца по смерти храбраго Палія [1]).

Судьба романовскаго староства послѣ Палія еще менѣе намъ извѣстна и объ ней можно судить лишь по общему ходу жизни Украйны въ это время и нѣкоторымъ позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, касающимся непосредственно самаго староства. Люстраторы 1789 г. говорятъ, что не смотря на то, что Романовка называется мѣстечкомъ, «ея жители если и имѣли какія нибудь частныя права и привилегіи, то ничѣмъ этого не доказали». Между тѣмъ Романовка въ исходѣ XVIII в. имѣла свой магистратъ, хотя единственнымъ памятникомъ его существованія, какой мнѣ удалось найти, является копія привилегіи Станислава-Августа 1791 г., явленной въ книгахъ романовскаго магистрата, въ переводѣ на русскій языкъ, принадлежащая одному изъ мѣстныхъ крестьянъ. XVIII столѣтіе было для Польши временемъ, когда явленія анархіи достигли своего апогея и въ тоже время вѣкомъ, когда жизненныя проявленія различныхъ элементовъ, входившихъ въ составъ Рѣчи Посполитой, особенно той ея области, какую мы имѣемъ въ виду, т. е. Украйны, значительно ослабѣли въ своемъ напряженіи. Паліево козачество съ его «товарищами» сохраняло еще нѣкоторыя черты стараго козачества, но ядро его составляли уже бродяги, проживающіе въ томъ или другомъ имѣніи. Вмѣсто поддержки со стороны свободныхъ земскихъ элементовъ, вмѣсто хуторовъ, козацкихъ «лугивъ та лукъ» встрѣчаемъ здѣсь зимнія квартиры; прежнее мѣщанство уже зачастую отбываетъ панщину, слобожане все рѣже встрѣчаются среди сельскаго населенія; панщины, мотковъ, осыповъ и т. п. уже не сдерживаетъ опасеніе, что «сейчасъ бунтъ и сейчасъ сорокъ тысячъ реестровыхъ на шеѣ» [2]). Замѣчается вырожденіе и среди того сословія, которое сломило въ свою пользу всѣ разнородные жизнен-

---

[1]) В. Б. Антоновичъ, Послѣднія времена козачества.

[2]) Twardowski, Wojna domowa.

ные элементы Рѣчи Посполитой. Отзывчивость къ умственнымъ движеніямъ XVI ст. смѣнилась у шляхты добровольнымъ подчиненіемъ іезуитской опекѣ; свобода восточной церкви цѣликомъ была принесена въ жертву протежированной уніи; вмѣсто военнаго оживленія «распускали пояса»; тѣхъ, которые когда-то поддерживали своего короля, смѣнили будущіе торговичане. Истратились и исчерпались всѣ силы, изъ которыхъ слагалась бойкая нѣкогда жизнь Рѣчи Посполитой; весь государственный организмъ разстроился и клонился къ полному упадку. Явились запоздалыя усилія небольшой партіи воскресить и обновить его, поднявъ самые угнетенные слои народонаселенія и прежде всего населеніе чрезвычайно многочисленныхъ городовъ и мѣстечекъ. Усилія этой партіи, среди которой Гугонъ Колонтай занималъ выдающееся положеніе, оживили на время надежды и центральнаго пункта нашего староства—Романовки, считавшей по люстраціи 1789 года «шестьдесятъ обывательскихъ домовъ и десять шляхетскихъ» [1]). Романовскіе шляхтичи и мѣщане увлеклись общими стремленіями къ златой вольности, возстановленію утраченныхъ правъ; ихъ дѣло принималъ близко къ сердцу и мѣстный ксендзъ, ревновавшій, по выраженію Колонтая, о народномъ благѣ. Съ старостой княземъ Любомірскимъ заключено временное условіе, а пока собирали документы и указанія, могущія поддержать права романовскихъ жителей. Хлопоты эти не остались безъ послѣдствій: Колонтай въ письмѣ своемъ къ романовцамъ 23 августа 1791 г., рекомендуя терпѣніе и благоразуміе, прибавляетъ: «въ скоромъ времени увидите себя вполнѣ счастливыми... Возобновительная привилегія скоро выйдетъ; панъ Бѣлобржескій дастъ вамъ знать, когда нужно явиться за ея полученіемъ» [2]).

И дѣйствительно, по «предложенію пановъ рады, состоящей при особѣ короля, и просьбамъ войта, райцевъ, бурмистра, судей и всего населенія города Романовки», король, во имя правъ, удѣленныхъ ему четырехлѣтнимъ сеймомъ, ссылаясь на давній титулъ города, выраженный въ различныхъ люстраціяхъ и пожалованіяхъ, и на то, что Романовка уплачиваетъ «подати, установленныя для

---

[1]) Baliński i Lipiński, Starożytna Polska.

[2]) Рукопись—письмо Колонтая къ членамъ романовскаго магистрата.

вольныхъ городовъ», признавая ее отягощенной позднѣйшими люстраціями 1765 и 1789 г., жалуетъ этому городу возобновительную привилегію.

Привилегія объявляетъ Романовъ вольнымъ городомъ и признаетъ «вольными людьми всѣхъ обывателей этого города, какъ теперь живущихъ и записанныхъ въ послѣдней люстраціи города Романовки и въ «тарифу домовъ», такъ и тѣхъ, которые могутъ здѣсь поселиться впослѣдствіи и войти въ городское сословіе; земли, заселенныя ими въ чертѣ этого города, ихъ дома, усадьбы, огороды, поля, нивы, лѣса, хутора и всю территорію этого города, принадлежащую ему по праву, признаетъ наслѣдственною собственностью этого города и осѣдлыхъ въ немъ мѣщанъ и выражаетъ желаніе, чтобы они были отмежованы отъ земель романовскаго староства и другихъ помѣстій».

Привилегія изъемлетъ кромѣ того изъ земянской и старостинской юрисдикціи всѣхъ городскихъ обывателей, «какъ шляхетскаго, такъ и мѣщанскаго происхожденія» и объявляетъ, что они будутъ судиться только передъ городскимъ урядомъ, съ правомъ аппелировать въ житомірскіе суды, или обращаться въ коронные ассесорскіе суды, смотря по сущности дѣла; далѣе обезпечиваетъ жителямъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій пользованіе правами, присвоенными вольнымъ городамъ по конституціи четырехлѣтняго сейма, и правомъ магдебургскимъ; всѣ повинности мѣщанъ ограничиваются поземельной податью въ казну Рѣчи Посполитой на основаніи сеймовыхъ постановленій. Тою-же привилегіею была пожалована печать городскому магистрату [1]), которая и понынѣ сохраняется у крестьянъ сосѣдняго села.

Но такое возстановленіе широкихъ общественныхъ и экономическихъ правъ романовцевъ оказалось для нихъ какъ-бы злой насмѣшкой судьбы; усилія горсти лучшихъ людей того времени, снабдившей тогда массу городовъ и мѣстечекъ подобными-же привилегіями, были лебединою пѣснію Польши. Новый и послѣдній ея раздѣлъ наступилъ скорѣе, чѣмъ запоздалыя попытки къ исцѣленію ея недуговъ могли быть примѣнены на дѣлѣ. Новый госу-

---

[1]) Рукопись—возобновительная привилегія короля Станислава-Августа 10-го ноября 1791 г.

дарственный режимъ ни мало не ослабилъ крѣпостническихъ стремленій польскихъ пановъ, а извѣстная энергія исполнительныхъ органовъ русской администраціи гораздо прочнѣе только гарантировала существованіе прежняго общественнаго порядка, чѣмъ ослабѣвшее правительство Рѣчи Посполитой.

Нѣкогда народъ пѣлъ:

«Эй вы ляхи, эй вы дуки!
Забрали вси наши луги и луки».

Теперь онъ отмѣтилъ свое крѣпостническое иго новою пѣснью:

«Була, була Польша, настала Вкраина,
Не заступить сынъ за батька, ни батько за сына».

При такомъ общемъ теченіи дѣлъ возобновительная привилегія Романовки не доставила никакого облегченія ея жителямъ. Тогдашній староста, князь Іосифъ Любомірскій, принуждалъ романовскихъ мѣщанъ къ отбыванію сельскихъ повинностей; отсюда возникаетъ процессъ по иску мѣщанъ еще во времена Рѣчи Посполитой. Въ отвѣтъ на жалобу, предъявленную мѣщанами, староста въ обширной информаціи указываетъ ошибочность пониманія ими ихъ древнихъ актовъ, ссылается на люстраціи 1765 и 1789 г., тѣ именно, которыми мѣщане наши были «обременены», по выраженію привилегіи 1791 г.; утверждаетъ, что если прежде въ Романовкѣ и не бывало панщины, то только временно, вслѣдствіе опустошенія, произведеннаго то татарами, то обозомъ Жолкевскаго; выражаетъ сомнѣніе въ подлинности привилегіи 1791 г. и во всякомъ случаѣ считаетъ ее нелегальною при отсутствіи первоначальной привилегіи и т. д., вслѣдствіе чего все дѣло передаетъ на судъ референдарскій, какъ единственный компетентный въ процессахъ между подданными и владѣльцами коронныхъ имѣній.

Своеобразное толкованіе княземъ старостою правъ и привилегій, относящихся къ романовскому дѣлу, ни мало не остановило романовскихъ мѣщанъ; начатый ими еще при существованіи Рѣчи Посполитой искъ все болѣе расширяется и охватываетъ цѣлое староство; сначала мѣщане доказываютъ, что одно изъ селъ староства, Чернявка основалась на романовской землѣ и потому на нее тоже должна распространяться привилегія 1791 г.; въ дальнѣйшемъ процессѣ, разбиравшемся уже въ сквирскомъ земскомъ и въ главномъ кіевскомъ судѣ, послѣ паденія Рѣчи Посполитой, видимъ

уже поселянъ цѣлаго староства, солидарно выступающихъ противъ старосты.

Суды признавали освободительное значеніе привилегіи 1791 г. лишь для города Романова; понимали и мѣстные жители, что статьи привилегіи выдѣляютъ Романовку изъ остальнаго староства; тѣмъ не менѣе всѣмъ хотѣлось свободы и искъ веденъ былъ отъ имени жителей всего бывшаго староства. «Не потрибенъ мени кожухъ безъ рукавивъ»,—отвѣчалъ одинъ изъ уполномоченныхъ отъ мѣстнаго населенія уже въ 1844 г., когда ему разъясняли компетентные люди, что хлопоты романовцевъ могутъ достигнуть желаемыхъ результатовъ только подъ тѣмъ условіемъ, если они исключатъ изъ процесса всѣ приселки. Въ находящихся у меня бумагахъ сохранились лишь слѣды первоначальной тяжбы романовцевъ по отыскиванію своихъ правъ. Тяжба разбиралась въ 1792 году въ судѣ ассесорскомъ, въ 1797 году въ брацлавскомъ магистратѣ; въ томъ-же году романовцы жалуются въ главный кіевскій судъ на побои, причиняемые официалистами старосты; но судъ «послѣ допроса» призналъ жалобы неосновательными. Въ 1799 г. староста требуетъ передъ сквирскимъ повѣтовымъ судомъ наказанія старостинскихъ жителей «за возстаніе противъ своего пана»; въ 1801 г. дѣло вновь рѣшается въ томъ-же судѣ, а въ 1801 и 1802 г. по иниціативѣ жителей староства—въ коммисіи, установленной въ силу декретовъ двухъ надворныхъ волынскихъ судовъ [1]). Пока такимъ образомъ обѣ стороны упорно пререкаются о взаимныхъ правахъ и обидахъ, коммисія, учрежденная для продажи казенныхъ имѣній въ кіевской губерніи, постановила въ 1811 г. продать въ частную собственность поселенія, входившія въ составъ романовскаго староства [2]).

Такого рѣшенія дѣла никакъ не ожидали наши поселяне и не съ разу могли ему повѣрить. Не смотря на всѣ свои судебныя неудачи, они хранили твердую увѣренность въ ненарушимости ихъ правъ, послужившую основою для оригинальной, смѣшаннаго характера, легенды, сложившейся въ ихъ средѣ. «Наши, разсказывали

---

[1]) Перечень документовъ этой коммисія за 1802 г.—рукопись.

[2]) Рукопись—Копія опредѣленія коммисіи, учрежденной въ кіевской губерніи для распродажи казенныхъ имѣній 8 марта 1811 г.

мнѣ романовскіе старожилы, тоже неблагоразумно вели себя. Однажды, уже при императрицѣ Екатеринѣ, знатнѣйшіе хозяева романовскіе пировали и, напившись, стрѣляли изъ пистолета съ криками: «vivat король!» Какой-то чиновникъ подошелъ къ нимъ и спросилъ, что значитъ этотъ возгласъ.

— Таке маемо право.

— Яке-жъ то право?

Романовцы показали ему свои документы; чиновникъ схватилъ ихъ и бросился бѣжать; пьяные напрасно его преслѣдовали.

— Після того, продолжалъ разсказчикъ, цариця Катерина проиэжала тутъ и везла зъ собою наше право; ночувала вона на Яхняньскихъ корчмахъ. Ото вона присылае до одного, нашого таки чоловика, щобъ иновъ узяти наше право.

— Якъ-то, каже той чоловикъ, то я маю ходити за своимъ правомъ? Наше право до насъ повинно прійти!

— Ото цариця за те розгнивалась и оддала наше право Сквыри, то Сквыра выйшла на городъ, а наше мищанство такъ и осталось.

Наступилъ однако часъ продажи бывшаго староства въ частныя руки и рѣшеніе правительства приведено въ исполненіе, староство распродано отдѣльными селами въ разныя руки. Въ Романовку и прилегавшія къ ней села, исполненныя еще надежды на возвращеніе свободы, являются собственники земель и душъ, вооруженные покровительствовавшимъ имъ закономъ; подозрительно и съ недоумѣніемъ смотрятъ они на селянъ, которые добиваются какихъ-то правъ путемъ безпрестанныхъ процессовъ и жалобъ, щекотливо относятся къ малѣйшему ихъ непослушанію, считая оное не иначе, какъ дерзостью, расправляются за все побоями, ревностно оберегаютъ свою власть надъ подданными. Въ виду суровой дѣйствительности наши старостинцы должны были понизить свои претензіи.

Въ 1816 г. жители Романовки обращаются въ земскій сквирскій судъ черезъ своего уполномоченнаго, Захара Пилипенка, и доказываютъ, что они, въ качествѣ бывшихъ старостинскихъ подданныхъ, должны оставаться государственными крестьянами и что потому ихъ нельзя отдавать въ собственность частнымъ владѣльцамъ. Но судъ отклонилъ это заявленіе, на основаніи опредѣленія

коммисіи, учрежденной для распродажи государственныхъ имѣній въ кіевской губерніи. Засѣдатель земскаго суда собралъ крестьянъ изъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ бывшаго романовскаго староства и объявилъ имъ отъ имени исправника, что они проданы на законномъ основаніи и потому должны навсегда остаться помѣщичьими крестьянами и повиноваться своимъ владѣльцамъ. «По силѣ нашихъ привилегій, насъ нельзя продавать и мы будемъ отыскивать свою свободу»,—отвѣтили крестьяне [1]). И они энергично продолжаютъ этотъ споръ жалобами передъ сквирскимъ уѣзднымъ судомъ на притѣсненія со стороны новыхъ владѣльцевъ: непомѣрныя работы, побои, иногда влекущія за собою смерть наказанныхъ, неуваженіе женской чести со стороны одного изъ помѣщиковъ и т. п.

Это было время сильнаго раздраженія умовъ; угроза безповоротнаго закрѣпощенія нашла себѣ представителей въ новыхъ владѣльцахъ,—давленіе съ одной стороны усиливало энергичный отпоръ съ другой. Движеніе въ этомъ направленіи вызывало отголосокъ и дальше среди населенія, находившагося въ подобныхъ-же условіяхъ. Жители мѣстечка Ставищъ бѣлоцерковскихъ, узнавъ о тяжбахъ и дѣлахъ романовскаго староства [2]), входятъ въ живыя сношенія съ людьми, заинтересованными въ одномъ дѣлѣ.

Мѣстечко Ставища, принадлежавшее къ бѣлоцерковскому старостству, было подарено въ 1773 г. въ собственность королю Станиславу-Августу, который впрочемъ обязался уважать существующую свободу мѣщанъ и селянъ въ имѣніяхъ, сдѣлавшихся его частной собственностью. Подаренное ему бѣлоцерковское староство король въ свою очередь даритъ коронному гетману, Ксаверію Браницкому 13 ноября 1774 г. Оживленные надеждами, какія пробудили среди старостинскихъ мѣщанъ постановленія четырехлѣтняго сейма, жители Ставищъ, подобно романовскимъ мѣщанамъ, обращаются въ 1791 г. къ центральной власти черезъ трехъ своихъ уполномоченныхъ. Дѣйствительно ставищане получаютъ подъ своимъ адресомъ печатный циркуляръ центральной полицейской коммисіи, относившійся къ организаціи вольныхъ городовъ, а въ 1792 г. три коро-

---

[1]) Рукопись—Резолюція перваго департамента кіевскаго главнаго суда 16-го іюля 1817 года.

[2]) Рукопись—Резолюція сената въ гражданскомъ искѣ жителей м. Ставищъ.

левскіе универсалы относительно выборовъ въ вольныхъ городахъ, въ которыхъ и ставищане названы мѣщанами. Поэтому они ведутъ свою тяжбу съ владѣльцами въ 1791 и 1792 г. въ ассесорскомъ судѣ [1]).

Неизвѣстно, обращались-ли и куда именно обращались они позже въ начатомъ искѣ, но въ то время, о которомъ мы говоримъ, застаемъ въ Ставищахъ необычное оживленіе. Рождественскія святки, закончившія 1814 и открывшія 1815 годъ, благопріятствовали свободному совѣщанію громадъ, торжественные обряды и праздничныя бесѣды оживляли сильно возбужденное общее настроеніе умовъ. 14 января 1815 г. мѣщане, въ количествѣ девяноста трехъ человѣкъ, заключаютъ договоръ съ избранными изъ своей среды уполномоченными, а 25-го апрѣля того-же года вновь заключаютъ такой-же договоръ и на немъ видимъ уже 146 подписей. Подписавшіеся обязались слѣдующими условіями: 1) по требованію уполномоченныхъ громада немедленно должна собраться въ назначенномъ мѣстѣ; 2) если уполномоченные будутъ нуждаться въ деньгахъ, то собирать складчину и отдавать все до послѣдней рубахи; уклоняющіеся отъ этого самовольно подвергаются денежному штрафу; 3) уполномоченные обязаны хлопотать и трудиться до послѣдней капли крови, не щадя ни имущества, ни жизни; 4) подписавшіеся должны до конца стоять на своемъ, не складывая вины другъ на друга, и обязательство это скрѣпить присягой.

Этотъ договоръ былъ засвидѣтельствованъ законнымъ порядкомъ въ таращанскомъ уѣздномъ судѣ. Вѣсть о томъ быстро достигла крестьянъ, проживавшихъ въ предмѣстьяхъ Таращи; они также собираются громадами, выбираютъ съ своей стороны двухъ уполномоченныхъ и подписываютъ подобное-же условіе.

Командированный губернскимъ начальствомъ совѣтникъ Саксъ напрасно объясняетъ ставищанамъ, что ихъ договоръ незаконный, и совѣтуетъ уничтожить его. На такое предложеніе его они отвѣчали, что не хотятъ брать назадъ своихъ подписей, опасаясь этимъ ослабить свое дѣло. Саксъ предложилъ крестьянамъ избрать трехъ довѣренныхъ лицъ, черезъ которыхъ обязался выслать изъ Таращи документы, относящіеся къ ихъ иску. Выборъ состоялся, но, явив-

---

[1]) Рукопись—сенатское рѣшеніе по дѣлу крестьянъ мѣстечка Ставищъ.

шись въ уѣздный судъ, выборные отказались отъ исполненія своего полномочія, по совѣту ихъ адвоката, шляхтича Сциславскаго[1]). Отсюда возникаетъ дѣло, изложеніе котораго выходитъ изъ предѣловъ настоящаго очерка, но которое свидѣтельствуетъ о степени напряженія возникшаго тогда въ крестьянской средѣ. — Возвратимся поэтому къ прерванному разсказу о романовскомъ искѣ.

Романовцы, какъ мы уже знаемъ, подали жалобы на притѣсненія и злоупотребленія со стороны владѣльцевъ. Естественно возникло дѣло, но не о возвратѣ имъ свободы, не о припискѣ ихъ къ казеннымъ крестьянамъ, а о справедливости предъявленныхъ ими жалобъ. Велось оно сперва въ сквирскомъ уѣздномъ, а затѣмъ въ главномъ кіевскомъ судѣ.

Сквирскій судъ, произведя разслѣдованіе, нашелъ жалобы крестьянъ неосновательными; «помѣщики, читаемъ въ его заключеніи, никому не причинили смерти, и хотя нѣкоторые изъ крестьянъ послѣ кратковременной болѣзни окончили жизнь, но помѣщики не причинили того ни побоями, ни какимъ другимъ способомъ; наказанія со стороны экономіи не назначались безъ вины, но соразмѣрялись съ важностью преступленія и крестьяне не подвергались притѣсненіямъ, такъ какъ употреблялись только для привычныхъ работъ, чему лучшее доказательство то, что они обрабатываютъ только земли, принадлежащія къ ихъ селу» и т. д. По жалобѣ жителей противъ одного изъ владѣльцевъ за обезчещеніе ихъ женъ и дочерей слѣдствіе выяснило, будто во время военнаго постоя тѣ-же самыя дѣвушки и женщины занимались пьянствомъ съ солдатами, безъ всякаго стѣсненія проводили время въ скрытыхъ мѣстахъ и даже бродили по кустамъ съ солдатами. Такъ какъ, по мнѣнію суда, все это вмѣстѣ взятое доказывало «лѣнь, нерадивость и дерзость» жалобщиковъ, то судъ постановилъ: 12 изъ жаловавшихся крестьянъ для усмиренія и примѣра наказать плетьми на мѣстѣ жительства и такому-же наказанію подвергнуть и тѣхъ 25 крестьянъ, которые признаны виновными въ дерзкихъ отзывахъ при объявленіи имъ закрѣпощенія. Писарь, составлявшій жалобы для крестьянъ, и другой, который писалъ полномочія, выданныя для веденія тяжбы, присуждены къ денежному штрафу.

---

[1]) Рукопись—Резолюція сената 3 января 1822 г.

Въ такомъ видѣ дѣло поступило на разсмотрѣніе и утвержденіе въ первый департаментъ главнаго кіевскаго суда. Приговоръ уѣзднаго суда былъ утвержденъ, но съ прибавленіемъ, что виновныхъ, по указу 22-го августа 1767 года, слѣдовало-бы наказать кнутомъ и сослать въ Сибирь и что только во уваженіе ихъ невѣдѣнія наказаніе ограничивается 50-ю ударами плетей. Главный судъ, основываясь конечно на объясненіяхъ помѣщиковъ, кромѣ означенныхъ главныхъ виновниковъ, поименовалъ еще 247, изъ которыхъ десятаго предоставилъ экономіи, по ея выбору, наказать тридцатью ударами плети «за единомысліе съ вышеозначенными крестьянами, выступившими съ бездоказательными претензіями на мнимую свободу, за неповиновеніе и дерзость противъ владѣльцевъ и за то, что подражали продерзости первыхъ». «Наказаніе, заключалъ кіевскій судъ, должно быть исполнено, въ присутствіи отряда войскъ, публично въ каждомъ селѣ, смотря по мѣсту жительства присужденныхъ, въ присутствіи уѣзднаго стряпчаго, который долженъ при этой экзекуціи объяснить значеніе указа 22-го августа 1767 г. и предупредить, что всякій, кто вновь окажется виновнымъ въ подобномъ преступленіи, подвергнется приговору по всей тягости означеннаго указа». Что касается писарей, то судъ рѣшилъ, что одинъ изъ нихъ долженъ быть отдѣльно привлеченъ къ суду, другой отданъ въ солдаты или, въ случаѣ негодности, сосланъ въ Сибирь [1]).

Поразительная вѣсть о приговорѣ разнеслась быстро среди крестьянъ и повергла ихъ въ ужасъ и отчаяніе. Начавъ дѣло въ надеждѣ возвратить себѣ свободу, или по крайней мѣрѣ прекратить злоупотребленія помѣщиковъ, они видѣли теперь печальную необходимость расплатиться за свои мечты ударами плети. Помню, много лѣтъ назадъ, еще во времена крѣпостнаго права, въ одномъ мѣстѣ корчму, наполненную въ праздничный день множествомъ народа. Начинало уже смеркаться; мѣстный лирникъ, сидя на столѣ, пѣлъ довольно извѣстную пѣсню:

«Ой содома, пане-брате».

Пѣсня оканчивалась словами:

«Ой ходимо, пане-брате, по-за крути горы,
«Хай тутъ выводяться круки та вороны».

[1]) Рѣшеніе кіевскаго главнаго суда перваго департамента 16 іюля 1817 г.

Все собраніе столпилось вокругъ лирника. Лирникъ игралъ, припѣвая:

...«А щожъ маемо, пане-брате, тепера робити,
«Иде черга на панщину ввесь тиждень ходити»...

Послышался звукъ колокольчика; лирникъ отложилъ въ сторону свою лиру, публика стояла неподвижно. Кто-то выглянулъ за дверь. Послышалось: «Ни, то въ сторону поихало».

Лирникъ оставилъ прерванную пѣсню и началъ новую:

«Нема въ свити правды, правды не зъиськати,
Що теперъ неправда стала панувати».

Тихо было въ корчмѣ, слышенъ былъ только голосъ лирника, прерываемый монотоннымъ акомпаниментомъ лиры...

«На судъ изъ нимъ стати, правды не зъиськати,
Тильки сribломъ-златомъ панивъ насыщати»...

Приговоръ главнаго кіевскаго суда былъ утвержденъ тогдашнимъ кіевскимъ губернаторомъ и затѣмъ въ 1819 года сенатомъ; воля императора Александра I оставила наказаніе лишь для главныхъ виновниковъ и освободила отъ него тѣхъ 247 человѣкъ, которыхъ въ излишней ревности привлекъ къ тяжкой отвѣтственности главный кіевскій судъ.

Для исполненія высочайше утвержденнаго приговора прибылъ отрядъ войска, прошелъ изъ села въ село и отсчиталъ главнымъ обвиненнымъ назначенные удары плети подъ звуки поученія, произнесеннаго чиновникомъ.

Таковъ былъ отвѣтъ современнаго порядка вещей на стремленія и попытки къ освобожденію крестьянъ нашего староства. И это было естественно. То было время, когда принципъ крѣпостничества всецѣло примѣняли даже во вредъ владѣльцу. Я имѣю подъ руками, въ числѣ прочихъ бумагъ, замѣтку, сдѣланную «для памяти» тогдашнимъ управляющимъ бѣлоцерковскихъ имѣній. Въ ней значится [1]): «подданнымъ слѣдуетъ немного помочь, потому что разомъ съ ними падаетъ доходъ». А между тѣмъ это совсѣмъ не былъ филантропъ-мечтатель, какъ то видно изъ параграфа четвертаго той-же замѣтки: «нужно препятствовать мѣщанамъ отдавать дѣтей въ школу, а тѣхъ, которые уже учатся, раскассировать».

---

[1]) Рукопись—Отношеніе владѣльца м. Ставищъ къ сквирскому уѣздному суду, 21 февраля 1832 г.

При такомъ общемъ порядкѣ вещей, при такой роковой развязкѣ спора нашихъ крестьянъ въ 1816 г., коллективная дѣятельность съ ихъ стороны прекращается на продолжительное время. Въ теченіи этого времени, рядомъ съ накопляющимся раздраженіемъ съ одной стороны и щекотливой подозрительностью съ другой, споръ ведется, такъ сказать, партизанскимъ образомъ. Ничтожная небрежность со стороны крестьянъ, напримѣръ привозъ льда для господскаго ледника изъ другаго мѣста, чѣмъ указанное надсмотрщикомъ, или медленная доставка помѣщику лѣснаго матеріала, все это разсматривается владѣльцемъ, какъ признаки угрожающаго бунта, выростаетъ въ донесеніяхъ полиціи уѣзднымъ предводителямъ дворянства, или губернатору, выставляется, какъ хроническое упорство, «вредный духъ вольности», гнѣздившійся среди старостинскихъ крестьянъ; припоминается дѣло 1816 г. и суровый приговоръ по этому дѣлу. Найболѣе неспокойныхъ крестьянъ ожидалъ исправительный домъ, куда помѣщики посылали того или другаго изъ своихъ крѣпостныхъ на нѣсколько мѣсяцевъ, до полу-года, «въ виду худой его нравственности и продерзкихъ поступковъ». Впрочемъ не одинъ только исправительный домъ стоялъ къ услугамъ помѣщиковъ; сенатскій указъ 10 марта 1822 г. объявляетъ, что губернское правленіе, не входя въ разсмотрѣніе причинъ недовольства со стороны помѣщика по отношенію къ его подданнымъ, обязано предоставленныхъ въ его распоряженіе крестьянъ отдавать въ рекруты безъ зачета, а въ случаѣ ихъ неспособности высылать въ Сибирь на поселеніе.

Случалось, что крестьянинъ, выведенный изъ терпѣнія надсмотрщиками, рѣзко отзывался къ нимъ или напоминалъ о своихъ правахъ вслѣдствіе принадлежности села къ прежнему старостству. Этого было достаточно для самой жестокой расправы, отъ которой не могли охранить никакія жалобы. Такой случай имѣлъ мѣсто въ 1823 г. въ одномъ изъ старостинскихъ селъ. Избитые экономомъ 4 крестьянина обратились съ жалобой въ уѣздный судъ. Началось разслѣдованіе, дѣло перешло въ кіевскую палату. Слѣдователи удостовѣрили, что экономъ отсчиталъ провинившимся всего десять или двѣнадцать плетей, не больше. Судъ нашелъ, что «такое наказаніе для введенія порядка и воздерживанія людей простаго класса, въ особенности въ то время, какъ панскій хлѣбъ, стоя на корнѣ, начи-

наетъ портиться, а сѣно уже сгнило, единственно по причинѣ неповиновенія крестьянъ»..., слѣдуетъ «за нужное и пристойное признать». Но этимъ онъ не ограничился и для внушенія повиновенія присудилъ каждаго изъ жаловавшихся крестьянъ къ наказанію десятью ударами плети.

Отданные всецѣло произволу помѣщиковъ и покровительствовавшихъ имъ властей, крестьяне хранили въ душѣ затаенное раздраженіе, иногда-же и надежды на улучшеніе ихъ быта, и проявляли то и другое въ тайныхъ совѣщаніяхъ и бесѣдахъ, въ небрежномъ отбываніи панщины, рѣзкихъ отзывахъ по адресу надсмотрщиковъ, въ безплодной похвальбѣ или общественномъ давленіи на тѣхъ, кто рѣшался принять должность асаула, обязаннаго по своей профессіи «выгонять» крестьянъ на панщину и наблюдать за работами. Кромѣ сыпавшихся экспромптомъ на асауловъ сарказмовъ и ругательствъ, въ народѣ жило язвительное для нихъ повѣрье, по которому, если кротъ роетъ нору, то чтобы удержать его, нужно сказать: «не крути, бо буде тоби, якъ осаули на тимъ свити».

Одною изъ формъ пассивнаго протеста крестьянъ были побѣги. Частные архивы переполнены подобными дѣлами. Отъ тягости крѣпостной жизни укрывались въ различныхъ мѣстахъ: то у крестьянъ или чиншевой шляхты сосѣднихъ селъ и на кіевскихъ кирпичныхъ заводахъ, то у владѣльцевъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, то, наконецъ, въ херсонскихъ степяхъ и въ «Бессарабіи». Кто попадалъ въ эти послѣдніи мѣста, тотъ уже могъ быть спокоенъ; случалось что такой бѣглецъ находится въ услуженіи у становаго пристава, который тѣмъ временемъ розыскивалъ бѣглыхъ по всѣмъ направленіямъ. Препятствіемъ къ побѣгамъ являлась не столько бдительность полиціи, сколько тоска по родинѣ.

Въ этихъ общихъ условіяхъ тогдашняго крестьянскаго быта жили и крестьяне бывшаго романовскаго староства; но ихъ чувства и стремленія не истощались въ одномъ пассивномъ сопротивленіи. Завѣтная ихъ мечта добиться такъ или иначе освобожденія отъ крѣпостной зависимости, на основаніи давней принадлежности къ староству и относившихся къ нему привиллегій, не покидала ихъ никогда и проявлялась при каждомъ благопріятномъ, по ихъ мнѣнію, случаѣ. Когда занявшій должность кіевскаго генералъ-губернатора, Желтухинъ, черезъ посредство уѣздныхъ судовъ, пригласилъ жителей об-

ращаться прямо къ нему съ жалобами на низшую администрацію, крестьяне бывшаго романовскаго староства засыпали его жалобами на помѣщиковъ, оставленными однако безъ всякихъ послѣдствій. Когда въ 1831 году былъ прочитанъ въ церквяхъ указъ, грозившій конфискаціею имущества тѣмъ помѣщикамъ, которые рѣшились-бы принять участіе въ возстаніи, и крестьяне во многихъ мѣстахъ поняли его такъ, что отобраніе имѣній частныхъ владѣльцевъ въ казну должно быть повсемѣстнымъ, романовцы не сомнѣвались, что такъ поступлено будетъ по крайней мѣрѣ съ бывшими старостинскими имѣніями. Начались совѣщанія, особливо въ сосѣднихъ Ставицахъ, раздавались угрозы противъ существующаго крѣпостнаго порядка, собирались складчины, выискивались надежные ходаки. До процесса однако на этотъ разъ не дошло. Серьезно принялись романовцы за отыскиваніе своихъ вольностей лишь въ 1844 г. Въ это время двое изъ романовскихъ жителей, Ѳома Дидусь и Максимъ Грива, обратились отъ имени своей громады къ губернскому прокурору съ просьбою оказать имъ покровительство, въ смыслѣ защиты отъ владѣльца, въ дѣлѣ отыскиванія свободы отъ его власти. Просьба основывалась на томъ, что царь, утверждая извѣстный уже намъ приговоръ кіевской судебной палаты по дѣлу, начатому крестьянами о причисленіи ихъ къ свободному сословію, въ тоже время предоставилъ имъ право вчать снова это дѣло въ сенатѣ, если они могутъ подтвердить его новыми доказательствами, которыхъ не имѣлось въ виду при его первоначальномъ разсмотрѣніи. Романовцы ссылаются, какъ на такіе документы, на королевскую привилегію 1557 г., на рѣшеніе ассеорскаго суда 1792 г. и брацлавскаго магистрата отъ 26 февраля 1797 года. Сверхъ того они просятъ прокурора оказать имъ законное содѣйствіе въ томъ, чтобы помѣщикъ не препятствовалъ имъ въ выборѣ уполномоченныхъ, которые продолжали-бы вести это дѣло,—заявляя, что впредь до рѣшенія дѣла будутъ выполнять всѣ обязанности, вытекающія изъ ихъ общественнаго положенія. Обставленное вполнѣ легально, прошеніе это было поддержано прокуроромъ, который черезъ губернское правленіе поручилъ сквирскому земскому суду и стряпчему, по справкамъ на мѣстѣ, оказывать крестьянамъ законное покровительство въ этомъ дѣлѣ. Предписаніе это переходитъ поочередно къ исправнику и становому. Отсюда возникаетъ обширная

переписка между помѣщикомъ и названными чиновниками. Помѣщикъ отвѣчаетъ уклончиво по содержанію просьбы, ссылается на продажу ему имѣнія казною, на прежнія резолюціи по дѣлу о старостве и т. д. Власти требуютъ, чтобы онъ согласился на выборъ уполномоченныхъ, или-же мотивировалъ свой отказъ. Поддержка со стороны правительства, оказанная крестьянамъ при началѣ дѣла, вызвала у нихъ предположеніе, что и самая сущность дѣла можетъ разсчитывать на такую-же поддержку; собираются складчины и въ тоже время громада на тайныхъ совѣщаніяхъ выбираетъ уже трехъ уполномоченныхъ: Гаврила Олексіенка, Григорія Олексіенка и Федора Сучка. Полиція дѣлаетъ помѣщику новый запросъ о томъ, согласенъ-ли онъ на состоявшійся выборъ уполномоченныхъ, и если нѣтъ, то почему именно. Въ пространной отпискѣ къ губернатору и полиціи помѣщикъ указываетъ на опасность покоровительства, оказаннаго до того времени прокуроромъ и наконецъ объявляетъ, что отказываетъ въ согласіи на выборъ представителей въ видахъ сохраненія порядка и спокойствія, о которыхъ онъ обязанъ заботиться въ качествѣ помѣщика.

Дальнѣйшія подробности этого новаго процесса, такъ повидимому благопріятно начатаго, намъ неизвѣстны; но изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ бумагъ узнаемъ, что одинъ изъ выборныхъ представителей (Гаврило Олексіенко) впослѣдствіи былъ отправленъ въ арестантскія роты для исправленія «дурной его нравственности и дерзкихъ поступковъ»; подъ 1852 г. встрѣчаемъ дѣло о побѣгѣ другаго изъ нихъ, Федора Сучка. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что это былъ эпилогъ веденнаго ими дѣла: «котори мали трохи кленки въ голови, погныли въ тюрмахъ»—говорилъ мнѣ Федько Грива, племянникъ одного изъ иниціаторовъ дѣла 1844 года.

Въ 1848 году произошли значительныя перемѣны въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ: объявлены инвентарныя правила, признававшія неотъемлемое пользованіе крестьянъ ихъ землями, бывшими до того времени въ рукахъ помѣщика, урегулировавшія отбываніе панщины и ограничивавшія произволъ помѣщичьей власти. Но правила эти далеко не были въ состояніи удовлетворить желаніямъ романовскихъ крестьянъ, считавшихъ себя въ правѣ получить нѣчто гораздо большее.

Освобожденіе крестьянъ должно было повидимому совершенно успокоить романовцевъ и положить конецъ многолѣтнимъ ихъ усиліямъ и исканіямъ; но именно оно возбудило въ ихъ средѣ новое движеніе, имѣвшее конечно цѣлью вмѣстѣ съ даруемою свободою получить по праву, безъ выкупа, принадлежавшія имъ когда-то на правахъ собственности земли. Въ концѣ 1862 г. у нихъ опять собираются складчины для продолженія старостинскаго дѣла, подаются соотвѣтственныя заявленія властямъ, которыя разсылаютъ по экономіямъ запросы о старинныхъ правахъ и привиллегіяхъ мѣстныхъ жителей. Романовцы опять, хотя тщетно, безъ послѣдствій, выдвигаютъ и пускаютъ въ ходъ свои «права»,—извѣстные уже намъ документы и на первомъ планѣ столь памятную имъ привиллегію 1791 г., явленную въ романовскомъ магистратѣ.

Не далѣе наконецъ, какъ въ 1882 г., вновь оживился вѣковой процессъ нашего уголка. Что было причиною оживленія именно въ это время старой традиціи, сказать трудно. Мнѣ передавали, что было гдѣ-то какое-то распоряженіе о представленіи юридическихъ документовъ на право владѣнія крестьянскими садами, разбросанными въ помѣщичьихъ лѣсахъ. Очень можетъ быть, что именно это распоряженіе, не имѣющее никакого практическаго отношенія къ данной мѣстности, напомнило романовцамъ ихъ «права» на земли вообще, имъ когда-то предоставленныя въ вѣчную собственность, а теперь ими на общемъ основаніи выкупаемыя. Какъ-бы ни было, пошли опять въ бывшемъ староствѣ толки, совѣщанія, бесѣды. Населеніе оживилось; крестьяне говорили: «коли батьки наши стояли за свое право, намъ за встыдъ було-бъ занехаяти таке дило». Собирая складчины на веденіе дѣла, крестьяне разсуждали, что если отцы ихъ могли рисковать для него спиною и самою жизнью, то сыновья не должны жалѣть нѣсколькихъ рублей, хотя-бы для того только, чтобы окончательно убѣдиться, имѣетъ-ли ихъ старинное право какое нибудь значеніе. Еще разъ вынуты были документы, на которыхъ долженъ былъ опираться искъ, еще разъ и не одинъ разъ сходились жители селъ прежняго староства и вели горячія, одушевленныя бесѣды, а среди этихъ заботъ и толковъ сильнѣе бились подъ грубыми свитками сердца потомковъ «вольнаго города Романова съ его прилеглостями». Но, не смотря на сильное возбужденіе и оживленіе, не смотря на радужныя мечты о широ-

кихъ послѣдствіяхъ вчинаемаго дѣла, порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ романовцы старались сохранить всѣ законныя формы. Кто, когда и какъ убѣдилъ ихъ въ безплодности и несвоевременности возобновляемаго иска, остается неизвѣстнымъ; но въ концѣ концевъ начатое дѣло было оставлено и, какъ кажется, предано уже вѣчному забвенію.

Такъ непримѣтно самъ собою замиралъ процессъ, который тянулся въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія съ различными перерывами, въ различныхъ формахъ, и никогда не приносилъ желаемыхъ практическихъ результатовъ. Какой-же слѣдъ оставили эти вѣковыя усилія не вооруженнаго, не бунчучнаго, сермяжнаго люда?—Здѣсь, какъ и во многихъ подобныхъ случаяхъ, истцы проигрывали вчинаемые въ различныхъ инстанціяхъ процессы; но приговоры общаго историческаго процесса стали наконецъ склоняться въ ихъ пользу и одною изъ важнѣйшихъ «*pièces justificatives*» въ этомъ большомъ дѣлѣ есть, несомнѣнно, засвидѣтельствованное въ различныхъ формахъ и мѣстахъ, не утраченное среди весьма тяжелыхъ жизненныхъ условій, чувство человѣческаго достоинства и право на согласныя съ этимъ достоинствомъ учрежденія.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1]).

VI.

Хозяйство у Балабухи шло плохо. Самъ онъ не любилъ ходить около него, любилъ больше книжку почитать, или просто полежать съ трубкою въ зубахъ. Прихожане не вызывались на добровольную помочь ему въ хозяйствѣ, какъ это водилось въ другихъ мѣстахъ, не рѣдко и на приглашенія его выорать поле или скосить хлѣбъ отвѣчали отказомъ и лишь въ силу давняго обычая убирали для него сѣно «толокою». Балабуха не любилъ бывать лично на полевыхъ работахъ и полагался во всемъ на слугъ и рабочихъ.

Настала въ хозяйствѣ горячая пора, началась уборка хлѣба. Тутъ-то именно и нуженъ былъ хозяйскій глазъ въ полѣ, а Балабуха и не думалъ о томъ. Олеся, не дождавшись, пока мужъ ея соберется выѣхать на ниву, стала часто напоминать ему объ этомъ.

— И чомъ бо ты, господарю, николи не выглянешъ, що тамъ робиться у тебе въ поли. Поихавъ-бы, та подивився, та роспорядивъ бы самъ... говорила Олеся.

— То й поиди: подивись, та й мени скажешъ.

— Отъ выдумавъ! Не такъ я зросла, щобъ на поле ѣздити.

---

[1]) См. «Кіевская Старина» 1885 г., январск. кн., стр. 133—156.

— Ажежъ други матушки ѣздять? Отъ подивись, якъ працюе Онисія Степановна: сама на поле побижить, сама всего догляне, сама й вечерю косарямъ зварить...

— А ты хочешъ, щобъ и я варила косарямъ вечерю, пидтыкавши спидницю, якъ та Мосаковська? Ну, сёго одъ мене не дождешъ. Це-бъ гарно було, щобъ я загорила, якъ цыганка. Це твое дило: ѣдь самъ, не линуйся. А то тильки знаешь, що зъ книжкою, та зъ люлькою вывернувшись лежать.

— Кому яка подоба: кому зъ люлькою, а кому зъ Баньковськимъ...

— А це що? Може зновъ не будешъ три дни говорити. Дався тоби той Баньковській... Вдягайся линъ та ѣдь у поле. Добра возовиця! Де сонце, а наймиты ще тильки возы лаштують. Багато вони тоби навозять, якъ самъ не доглянешъ.

И дѣйствительно, солнце высоко уже стояло въ небѣ, а наймиты все еще сновали по двору, отыскивали ярма и другія снасти, а волы, нѣсколько проголодавшіеся послѣ ночной пастьбы, стояли понапрасну.

Нехотя Балабуха поднялся съ канапки, вышелъ на дворъ и сталъ торопить наймитовъ ѣхать въ поле за перестоявшей давно въ копнахъ пшеницей. Пообѣдавъ наскоро, онъ велѣлъ запречь лошадей и поѣхалъ въ поле, чтобы разомъ посмотрѣть «озимину» и «ярину». Пріѣхалъ на озимыя поля, видитъ, тамъ работа идетъ, какъ мокрое горитъ: недожатая и переспѣлая пшеница осыпается, нѣсколько копенъ разбиты чужими или его же волами, собранныхъ старостою по селу жнецовъ было очень мало, высланные за снопами возы торчали у копенъ, волы бродили по сжатой нивѣ, одинъ забрался даже въ пшеницу, а наймиты спали подъ возами. Прикрикнувъ на наймитовъ, поощривъ насухо жнецовъ, Балабуха поспѣшилъ переѣхать въ ярину и тутъ увидѣлъ нѣчто еще болѣе печальное: просо заросло «щирицею», гречиха чуть-чуть поднялась и сохла отъ недостатка дождя, переспѣлый густой ячмень помяло и повалило вѣтромъ, овесъ уродился плохой, чуть не на половину съ сорной травой; его приходилось снимать на «голую» косу, но и на то косарей не нашлось. Вышелъ одинъ Прокопъ, прозванный «не вси дома», и усердно съ позаранку махалъ на право и на лѣво косой, не разбирая, что подъ косу попадало: овесъ, трава, лопухъ или просто бурьянъ. Косилъ онъ такъ, что даже коса трещала; но когда какъ нибудь

невзначай остановится, тутъ уже станетъ и стоитъ, устремивъ глаза въ одну точку, пока кто нибудь не окликнетъ его, или не дернетъ за рукавъ. Такъ было и теперь. Прокопъ съ косою въ рукахъ стоялъ неподвижно, когда къ нему подъѣхалъ Балабуха.

— Ще це ты, дурню, косишъ? окликнулъ его Балабуха.

— Овесъ, овесъ, батюшка, чуть не вскрикнулъ Прокопъ.

— Якій же то овесъ! Хиба не бачишъ, що то бурьянъ? А бачишъ, що то самый бурьянъ, то обминавъ-бы; бо на вищо намъ здався той бурьянъ.

— А справди бурьянъ. А я соби й байдуже, махаю, та махаю косою.

Пока Балабуха осмотрѣлъ «ярину» и переѣхалъ на «озимину», наймиты успѣли уже наложить возы снопами и тронулись съ поля. Балабуха, довольный хотя этимъ, прилегъ было подъ копной, спасаясь отъ сильной жары; но не успѣлъ онъ протянуться и отереть градомъ катившій съ него потъ, какъ увидѣлъ, что одинъ изъ возовъ, при выѣздѣ съ поля на дорогу, отъ крутаго поворота повалился на бокъ, при чемъ отъ сильнаго толчка лопнула подгнившая веревка и снопы разсыпались по полю. Балабуха поспѣшилъ туда и по осмотрѣ убѣдился, что не остается ничего другаго, какъ разбирать снопы и снова складывать на возъ. Выбранивъ порядкомъ наймитовъ и наказавъ имъ по перекладкѣ ѣхать съ большою осторожностію, Балабуха пошелъ посмотрѣть посѣянные тутъ-же ленъ и коноплю и снова залегъ подъ копной. Отъ усталости и жары онъ даже вздремнулъ, а когда очнулся, возы съ пшеницей были уже далеко, и онъ пустился за ними въ догонку. Но тутъ новая бѣда: на полдорогѣ одинъ изъ тяжело нагруженныхъ возовъ попалъ переднимъ колесомъ въ маленкую рытвину, старая ось треснула и возъ со всего размаху повалился на землю.

— Чортова справа коло дядьковаго воза! невольно воскликнулъ подъѣхавшій Балабуха.

— Стари возы, то й ламаются, замѣтилъ наймитъ и со злости сталъ бить ни въ чемъ неповинныхъ воловъ.

— За що ты, блазенъ, мучишъ худобу? вскричалъ на него Балабуха.—Стари возы, а ты молоденькій и раденькій, що дурненькій. Самъ, роззяво, не доглядивъ, а скотину бьешъ.—Що теперь въ свити Божому робити?

— А що-жъ робити? замѣтилъ старшій изъ наймитовъ. Треба комусь бигти до села, та воза позычати, а мы потягнемо по маленьку до дому.

Думать и возражать тутъ было нѣчего, и Балабуха, усѣвшись на свою разшатанную бричку, погналъ лошадей, чтобы скорѣе выслать старосту съ возомъ; но, проѣзжая по узкимъ улицамъ мѣстечка, зацѣпился за уголъ жидовской лавки, ось треснула, колесо отлетѣло въ сторону и Балабуха протянулся на развалинахъ своей брички, едва успѣвъ сдержать лошадей.

— Тифу на тебе, сатано, съ твоимъ господарствомъ! сказалъ онъ, поднимаясь въ виду сбѣжавшихся жидовъ.

Передавъ бричку и лошадей одному изъ подвернувшихся прихожанъ, раздосадованный Балабуха поплелся домой. Тутъ онъ послалъ горбатую свою Килину за старостою, а самъ съ досады принялся за трубку и сосалъ ее съ такимъ ожесточеніемъ, что изъ открытыхъ оконъ валилъ дымъ какъ-бы отъ начинавшагося пожара. Когда явился староста, Балабуха, разсказавъ ему о постигшихъ его приключеніяхъ, съ горечью прибавилъ:

— Бери соби, старосто, и поле, и хлибъ—чи съ половины, чи съ третины, якъ хочъ, щобъ я не мавъ того хлопоту. Цуръ ёму, пекъ ёму тому господарству! Бери воза та йдь мерщій въ поле, щобъ не валялись снопы по шляху.

Староста пошелъ собираться съ возомъ въ поле, а Балабуха, захвативъ подъ мышку книжку, побрелъ въ садъ, чтобы забыться на время отъ постигшихъ его хозяйственныхъ неудачъ. Онъ такъ былъ разстроенъ, что, придя домой, не спросилъ о женѣ и теперь, уходя изъ дому, не думалъ о томъ, гдѣ она находится: въ комнатахъ, или въ саду, или же гдѣ либо у знакомыхъ.

Между тѣмъ Олеся, оставшись одна, скоро соскучилась и стала думать о томъ, чѣмъ-бы развлечь себя. Придумала она пригласить станового пристава, Трофима Максимовича Ломачевскаго, и послала къ нему записку. Баньковскій не много уже прискучилъ ей; притомъ за Баньковскаго ей доставалось не разъ отъ мужа, и она рѣшилась повести атаку на станового. Ломачевскій былъ не первой уже молодости кавалеръ, но здоровый, плечистый, черноволосый, съ широкимъ лбомъ, длинными густыми усами и съ большими карыми блестящими глазами. Олесѣ не казался непріятнымъ даже короткій,

нѣсколько вздернутый носъ Ломачевскаго, а его развязность и всегдашняя веселость и прямо влекли ее къ нему.

Въ ожиданіи Ломачевскаго, Олеся вышла въ садъ, куда и звала его къ себѣ. Она взяла съ собой книжку и не большую работу, скорѣе для развлеченія, чѣмъ для занятія. Придя въ бесѣдку, Олеся принялась было читать; но глаза ея едва скользили по строкамъ, а голова занята была совсѣмъ другимъ. Взялась за вышиванье, но и эта работа скоро прискучила. Внизу шумѣла Рось; вплотную облегавшій бесѣдку дикій виноградъ не пропускалъ въ нее не одного солнечнаго луча и закрывалъ виды на горизонтъ и на скалистые берега Роси. Олесѣ наскучило сидѣть въ полумракѣ и духотѣ и она выдвинулась за порогъ бесѣдки, чтобы съ меньшимъ неудобствомъ дожидаться прихода гостя.

Вскорѣ показался Ломачевскій изъ-за скалъ и Олеся пошла къ нему навстрѣчу, издали кокетливо махая платкомъ. Замѣтивъ это, Ломачевскій любезно раскланялся и спѣшилъ поближе подойти. Олеся спустилась чуть не до половины горы и въ живописной позѣ остановилась на скалѣ, повисшей надъ водою. Ломачевскій нетерпѣливо пробирался къ ней по тропинкамъ и камнямъ.

— Чомъ вы такъ довго не приходили? заговорила къ нему Олеся, когда онъ былъ отъ нея въ нѣсколькихъ шагахъ. А я зосталась сама и трохи не вмерла зъ нудьги,—Марко Павловичъ поихавъ десь на поле, а я тутъ одна... Спасиби, що прійшли; отъ походимо трохи по садку.

Ломачевскій, добравшись наконецъ до Олеси, нѣжно приложился къ ея ручкѣ и сталъ рядомъ съ ней на обрывистой и острой скалѣ. Внизъ, съ боку скалы, спускалась узенькая, извивавшаяся между камней тропинка, по которой умѣлъ пробираться лишь Прокопъ, таская изъ Роси воду для поливки цвѣтовъ и деревьевъ. Олеся воспользовалась ею для перваго заигрыванья съ Ломачевскимъ.

— О, якъ бы мени хотилось спустиця по цій дорижци до самои Роси, та боюсь, що впаду! кокетливо заговорила она.

Моментально Ломачевскій повернулся въ бокъ, сдѣлалъ прыжокъ внизъ и молча протянулъ руку Олеси.

— Ой, боюся впасти! крикнула Олеся, занося ногу на лежавшій ниже большой камень.

Ломачевскій ловко схватилъ ее подъ руку и поставилъ на камень. Олесѣ понравилось играть въ испугъ и она съ камня спрыгнула на круто-спускавшуюся, усыпанную мелкими камушками тропинку. Ломачевскій взялъ ее подъ руку.

— Ой, упаду! Яка крута гора! крикнула Олеся, скользнувъ ногами по мелкимъ камушкамъ, и упала на руки Ломачевскому.

Ломачевскій схватилъ ее за талію обѣими руками и понесъ внизъ. Олеся закатила глаза вверхъ и, точно въ обморокѣ, повисла неподвижно на его рукахъ.

Тропинка, по которой съ большимъ трудомъ и невѣроятными усиліями спускался Ломачевскій, неся Олесю на рукахъ, выходила на узкую, поросшую густой травой ложбину и прорѣзывала ее вдоль до самаго берега Роси. Ложбина закрыта была съ трехъ сторонъ высокими скалами, по краямъ которыхъ лѣпились кусты дерезы, терна, шиповника и смородины. Все дно ложбины усѣяно было камнями, то совершенно скрывавшимися въ высокой травѣ, то выказывавшими кой-гдѣ свои острыя и плоскія верхушки. Прилегающій къ ней берегъ Роси представлялъ собою родъ залива, поверхность котораго почти сплошь покрыта была широкими листьями пышно раздвѣтшей водяной лиліи. Далѣе къ срединѣ вода тихо переливалась по камнямъ и чуть слышно шумѣла, точно ласкалась и играла съ ними. По самой серединѣ рѣки чуть-чуть возвышался надъ водой каменистый островъ, по краямъ и щелямъ котораго сердито и шумно била вода, а на другомъ берегу, подъ высокой гранитной стѣной, пріютилась мельница съ пятью быстро вращавшимися и шумѣвшими колесами.

Увидѣвъ, что насталъ конецъ придуманной опасности, Олеся быстро освободилась изъ объятій Ломачевскаго и пустилась къ берегу по зеленой ложбинѣ, перепрыгивая съ камня на камень. Ломачевскій бросился за ней, стараясь поймать ее.

— Отъ же не піймаете, сказала Олеся, устремляясь все ближе къ берегу и заманивая гостя въ такія мѣста, гдѣ между камнями стояла вода, закрытая широкой осокой, да высокимъ тростникомъ.

— Ба піймаю, съ увѣренностію сказалъ Ломачевскій и заскакалъ по камнямъ. Олеся съ легкостію серны перелетала съ камня на камень, подобравъ подолъ платья и шевеля листьями водяныхъ порослей. Ломачевскому никакъ не удавалось поймать ее, а это

вводило его еще въ большій азартъ. Ловкими прыжками Олеся забралась на камень, закрытый тростникомъ и, выглядывая оттуда, дразнила своего случайнаго обожателя. Тотъ прыгнулъ съ размаху чрезъ два камня, поскользнулся и чуть не бултыхнулъ въ воду, но успѣлъ удержаться, замочивъ лишь одну ногу.

Олеся хохотала, хлопала въ ладоши. Ломачевскій сдѣлалъ новое усиліе, прыгнулъ, какъ тигръ, и схватилъ Олесю за талію; но Олеся ловко извернулась и, сдѣлавъ еще два прыжка, выскочила на берегъ.

— А що, піймали! говорила она, стоя уже на берегу и, указывая на высунувшуюся изъ воды лягушку, добавила:

— Не піймали мене, то піймайте хоть цю жабу.

— Хиба вы зъ роду не бачили жабы? отзывался издали Ломачевскій, не рѣшавшійся пробираться на берегъ, чтобы опять не попасть въ воду.—И на що вамъ та жаба?

— Хочу подивиться, яки въ ней зубы, сказала Олеся.

— И де це вы бачили у жабы зубы?

— Не бачила, а хочу побачити. О то кавалеръ, що и жабы не піймае! Аще становый.

Пристыженный кавалеръ бросился ловить лягушку. Лягушка долго то ныряла въ воду, то выползала на камень, пока наконецъ не попала въ руки становаго. Замочивъ руки и ноги, онъ съ торжествомъ наконецъ вынесъ лягушку на берегъ и, поднявъ высоко вверхъ, направился къ Олесѣ. Олеся вскрикнула и пустилась удирать; Ломачевскій догналъ ее у скалы. Олеся прислонилась къ скалѣ, выкрикивала тоненькимъ голоскомъ, отмахивалась руками, а Ломачевскій все приставалъ къ ней, чтобы посмотрѣла, какія у лягушки зубы. Олеся вильнула въ бокъ и пустилась снова въ бѣгство, оборачиваясь назадъ и крича:

— Киньте жабу, а то втичу до дому!

Ломачевскій сжалился наконецъ и бросилъ лягушку въ воду. Не на шутку испуганная Олеся только теперь успокоилась, вытерла платкомъ навернувшіяся слёзы и присѣла на плоскомъ широкомъ камнѣ. Ломачевскій сѣлъ около нея и тяжело дышалъ. Олеся не дала ему отдохнуть, придумала новую затѣю съ цѣлью подзадорить его и вызвать на любезности.

— Ой, яки гарни квиточки ростуть онъ на скели! сказала она, кокетливо поглядывая то на скалу, то на кавалера.—Полизьте, та нарвить.

— Отъ захотилось въ Петривку мерзлого! отвѣчалъ усталый Ломачевскій.

— А у васъ мабуть и зимою лёду не выпросишъ.

— Ни, пани; я жартую. Але яки тамъ квитки? То такъ соби буръянъ.

— То вамъ здается. Мабуть вы линуетесь полизти, або боитесь, що не долизете.

Самолюбіе Ломачевскаго было задѣто; отговариваться долѣе казалось ему невозможнымъ и онъ, окинувъ глазами скалу и вытерши лице платкомъ, съ жаромъ и бодро сталъ подниматься вверхъ по отвѣсной почти стѣнѣ, хватаясь за кустики, за всякую зазубрину и щель, чуть-чуть держась на острыхъ и скользкихъ выпуклостяхъ каменной стѣны. Вверху, на широкомъ откосѣ скалы, въ узкихъ и частыхъ разсѣлинахъ, группами и отдѣльно, пестрѣли одуванчики, полевые васильки, ромашка, материнка, чебрецъ. Ломачевскій пробрался сквозь кусты терна и дерезы къ откосу скалы и всей пятерней дернулъ нависшіе цвѣты. Мелкіе каменки, перемѣшанные съ пескомъ и глиной, посыпались ему на голову и плечи. Олеся хохотала внизу, подзадоривая кавалера и любуясь его высокою и сильною фигурою, которая какъ-бы повисла на каменной стѣнѣ, прикрытая на половину зеленью. Ломачевскій рванулъ еще раза два, что попало подъ руку, и съ цѣлымъ кустомъ цвѣтовъ еще съ большею осторожностію сталъ спускаться внизъ. Глядя на него, Олеся сравнивала его съ принцемъ Ибрагимомъ, какимъ нарисовало послѣдняго ея пылкое воображеніе, и нашла сходство, но не полное: только глаза его блестятъ, какъ у Ибрагима, подумала Олеся про себя и слегка вздохнула.

Опасная экспедиція сошла для Ломачевскаго благополучно, но стоила ему большихъ усилій и даже мученій. Лице его раскраснѣлось, какъ-бы онъ сидѣлъ у костра, руки были исцарапаны, платье измято и испачкано, потъ катилъ съ него градомъ, волосы совсѣмъ прилипли къ мокрымъ вискамъ, глаза горѣли отъ сильнаго внутренняго волненія, весь онъ былъ измученъ и едва переводилъ дыханіе. Собравъ послѣднія силы и приведя въ кое-какой порядокъ сорванные цвѣты, онъ приподнесъ ихъ Олесѣ, комично опустившись передъ нею на одно колѣно. Ему естественно было ждать отъ Олеси особой любезности; но она лишь понюхала поднесенные ей цвѣты и бросила въ воду, сказавъ съ недовольной миной:

— Пфе, буръяномъ пахнуть!

— А не казавъ я вамъ, що скортило въ Петривку мерзлого?— замѣтилъ ей Ломачевскій.

— Та вже-жъ бачу, що и у васъ середъ зимы можно лёду выпросить.

— Добре, лёду! Вже и буръяномъ пахнуть? Потривайте-жъ, я вамъ отдячу: піймаю знову жабу, та таки вкину вамъ за рукавъ.

И съ этими словами Ломачевскій бросился къ водѣ за лягушкой. Олеся вскрикнула и полетѣла со всѣхъ ногъ на гору; Ломачевскій погнался за нею. Олеся вбѣжала въ бесѣдку, усѣлась у стола, схватила свою работу и стала вышивать. Разгоряченный Ломачевскій влетѣлъ въ слѣдъ почти за Олесей и, усѣвшись рядомъ съ нею, чувствовалъ, что не въ силахъ долѣе сдерживать себя. Олеся вся раскраснѣлась, грудь ея высоко поднималась.

— Киньте цю роботу; на що вона вамъ здалась? заговорилъ прерывающимся отъ волненія голосомъ Ломачевскій, наклоняясь къ Олесѣ.

— Якъ на що? отвѣчала она, кокетливо играя разгорѣвшимися глазами. Пошию та приберусь, то й покращаю.

— Вы й такъ гарни, залепеталъ Ломачевскій и, увлекаемый страстью, еще ближе придвинулся къ Олесѣ и обнялъ ее за талію. Олеся отодвинулась отъ него, онъ схватилъ ея работу; Олеся не выпускала изъ рукъ, онъ усиливался отнять. Завязалась борьба, въ разгарѣ которой Ломачевскій безцеремонно заключилъ Олесю въ свои объятія и сталъ покрывать лице ея горячими и звонкими поцѣлуями.

Какъ разъ въ это время Балабуха, направившійся въ садъ послѣ разговора со старостою, подходилъ къ бесѣдкѣ. Онъ издали видѣлъ, какъ юркнула въ нее жена, какъ вслѣдъ за нею влетѣлъ туда-же Ломачевскій, слышалъ даже ихъ оживленный споръ, закончившійся поцѣлуями, и тѣмъ скорѣе спѣшилъ къ бесѣдкѣ. Олеся и Ломачевскій, заслышавъ, что кто-то приближается къ бесѣдкѣ, замолкли и приняли самый серьезный видъ. Олеся поспѣшно схватила свою работу и стала такъ усердно вышивать, какъ будто ей нужно было окончить ее къ сроку. Ломачевскій сѣлъ на почтительномъ разстояніи и заговорилъ о какомъ-то грабежѣ, или разбоѣ, случившемся въ его станѣ и требовавшемъ скорой его поѣздки.

Когда Балабуха вошелъ, онъ любезно поздоровался съ нимъ и продолжалъ разсказъ; Олеся слушала, не отрывая глазъ отъ работы.

Балабуха гнѣвно взглянулъ на гостя и жену и усѣвшись, молча курилъ трубку. Въ душѣ у него все перевернулось вверхъ дномъ; но онъ не высказалъ этого ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ. Ему хотѣлось-бы схватить Ломачевскаго въ охапку и пустить его со скалы въ воду; но, будучи отъ природы робкимъ и еще болѣе флегматичнымъ, онъ отдѣлывался и на этотъ разъ, какъ и прежде, однимъ упорнымъ молчаніемъ.

— Часъ, здаеться, уже и чай пити, нерѣшительно произнесла Олеся, когда Ломачевскій кончилъ свой разсказъ, и съ этими словами поднялась съ мѣста и направилась изъ бесѣдки, приглашая гостя и мужа.

Балабуха и Ломачевскій послѣдовали за нею, не глядя другъ на друга и какъ-бы обдумывая каждый свое положеніе. Становому приходилось бывать и не въ такихъ дѣлахъ, и онъ скоро овладѣлъ собою и пустился разсказывать опять о происшествіяхъ въ своемъ станѣ. Олеся разсѣянно слушала, идя впереди; ее занималъ вопросъ: замѣтилъ-ли мужъ ея заигрываньe съ становымъ, или его молчаніе вызвано какими либо другими неудачами. Пришли наконецъ въ комнаты и сѣли за чай. Въ сборахъ къ чаю и за чаемъ Олеся ломала голову надъ безпокоившимъ ее вопросомъ и, порѣшивъ въ концѣ концевъ, что мужъ ничего не могъ видѣть, принялась по прежнему весело болтать съ Ломачевскимъ. Балабуха курилъ и не отозвался къ нимъ ни однимъ словомъ. Ломачевскій, часто входившій въ сношенія съ Балабухою, и по дѣламъ, и какъ знакомый, и впервые наблюдавшій его въ такомъ разстроенномъ видѣ и неестественномъ молчаніи, скорѣе сообразилъ, что Балабуха могъ подсмотрѣть или подслушать ихъ, и поспѣшилъ ретироваться домой, какъ только кончили чай. Остались мужъ съ женой вдвоемъ.

Олеся убирала стаканы и искоса поглядывала на мужа, выжидая, не заговоритъ-ли онъ самъ; но Балабуха и не думалъ говорить.

— Чи ты обламався въ дорози, що середъ двора стоитъ поламана паточанка? спросила Олеся, послѣ нѣкотораго раздумья, какимъ-то ненатурально высокимъ тономъ, обличавшимъ ея безпокойство и вмѣстѣ неискренность.

— Вмѣсто отвѣта Балабуха потянулъ къ себѣ стаканъ съ недопитымъ чаемъ.

— А що це й доси нема возивъ зъ снопами? Може де обламались, або перекинулись?—спросила опять Олеся и тѣмъ еще болѣе взбѣсила мужа.

Балабуха сердито повернулся на стулѣ, но не взглянулъ на жену и молча допивалъ свой чай.

— И чомъ це ты не обзиваеся? чи ты сердитый на кого, чи що? съ видомъ недовольства уже спросила Олеся.

Балабуха набилъ вновь трубку, закурилъ, легъ на кананкѣ и потянулъ къ себѣ книжку, лежавшую на столѣ.

— Чи вже дожали пшеницю, чи ще на завтра зостанеця? спросила вновь Олеся, понизивъ тонъ.

Балабуха по прежнему не отвѣчалъ и разсматривалъ книжку, какъ-бы она впервые была въ его рукахъ.

— Та говори бо, чого ты мовчишъ? почти крикнула Олеся.

— Пиди, спитай у Ломачевського, глухо проговорилъ Балабуха.

— Я й угадувала, що такъ буде. Безталанна я людина зъ такимъ чоловикомъ! съ искусственнымъ пафосомъ воскликнула Олеся.

Она все еще была убѣждена, что Балабуха ничего не видѣлъ и не слышалъ.

— Добра безталанна, що цмокалась зъ становымъ на ввесь садокъ, отрѣзалъ Балабуха.

— Ка-зна-що выгадуешъ. Може то свиня за тобою чмокала; онъ по грядкахъ ходить та плямкае.

— Може за тобою свиня на гору въ альтанку гналась, злобно передразнилъ жену Балабуха.

Тутъ только Олеся догадалась, что мужъ все видѣлъ и что ему все извѣстно. Требовалось одно изъ двухъ: или повиниться и чѣмъ нибудь задобрить мужа, или продолжать разыгрывать роль угнетенной невинности и закончить чѣмъ нибудь чрезвычайнымъ, что очистило-бы отъ всякаго подозрѣнія и заставило-бы мужа сдаться. Олеся избрала послѣднее и начала съ обыкновеннаго женскаго средства.

— Покаравъ мене Господь тобою! заголосила она вдругъ. Безталанна я! Не можна й зъ людьми поговорити, и съ этими словами

упала на стулъ и залилась слезами. Олеся плакала, а Балабуха неподвижно лежалъ и читалъ книжку.

— Кинь книжку, закричала она на весь домъ, а то я тебе покину!

— Що-жъ? Съ Богомъ Парасю, коли люди трапляюця! невозмутимо произнесъ Балабуха и, перевернувъ листокъ, потянулъ изъ трубки.

Олеся вскочила со стула, отворила дверь въ сѣни и крикнула было запрягать лошадей, но, вспомнивъ, что никого въ домѣ, кромѣ Килины, нѣтъ, да и бричка среди двора стоитъ разломанная, пришла еще въ большее раздраженіе и судорожно напяливъ шляпу на голову и захвативъ въ руки зонтикъ и перчатки, поспѣшно вышла изъ комнаты, не сказавъ мужу ни слова. Тотъ въ свою очередь даже не взглянулъ на нее.

Олеся прошла мимо оконъ, вышла за дворъ и оглянулась на крыльце. Ей казалось, что мужъ слѣдомъ побѣжитъ за нею, станетъ просить и молить, чтобы она вернулась въ комнаты; но мужъ даже не повернулся на канапкѣ. Олеся пошла внизъ по улицѣ, перебралась по плотинѣ чрезъ Рось и снова обернулась къ дому; но мужа не было видно. Она пошла по тропинкѣ по-надъ Росью, миновала монастырь, вышла на лугъ, зеленой лентой огибавшій поворачивавшія вправо горы, а съ ними и Рось. Тутъ тропинка повилась вкось по горѣ и Олеся, поднимаясь быстро, скоро очутилась на гребнѣ ея. Глазамъ ея представился восхитительный видъ: вправо въ ущельяхъ скалистыхъ горъ скрывалась родная Хохотва, а надъ нею красовалась расписанная сверху до низу бѣлою и зеленою краскою пятиглавая церковь и рядомъ домъ отца и садъ; влѣво по горѣ раскинулся Богуславъ и виднѣлся немилый домъ; внизу шумѣла и пѣнилась Рось, а за Росью тянулись ряды горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, который пронизывали лучи заходящаго солнца. Олеся заглядѣлась на эту картину и задумалась. Ей живо представилось все, что сейчасъ происходило между ею и Ломачевскимъ съ одной и мужемъ съ другой стороны. Къ первому она не питала любви, даже сильной симпатіи, ко второму не чувствовала особой ненависти и отвращенія. Это она ясно сознавала и понимала; но выступивъ за черту этихъ отношеній, она не могла уже себѣ дать отчета въ томъ, чего ей хочется и къ чему она стремится. Только инстинктивно она отгадывала и всѣми фибрами души ощущала, что въ глубинѣ

ся таится какое-то томительное чувство, которому не нашлось доселѣ удовлетворенія, какой-то внутренній огонь, который то и дѣло прорывается наружу и влечетъ ее то въ ту, то въ другую сторону. Она искала счастья, наслажденія, старала потребностью любви горячей, пламенной, ибо не любила доселѣ всей душей беззавѣтно, безгранично. Олеся вздохнула, глянула вправо, а тамъ гнѣздо родное, всего лишь рукой подать, и она пошла къ нему на перерѣзъ отдѣлявшаго ее поля..

Балабуха все лежалъ на канапкѣ и думу думалъ. Зашло солнце, смерклось на дворѣ, въ комнатѣ совсѣмъ стало темно. Балабуха ждалъ, что вотъ-вотъ скриппетъ дверь и войдетъ Олеся; но дверь не отворялась, Олеся не приходила. Балабуха всталъ, зажегъ свѣчку, отперъ комодъ и досталъ оттуда большую книгу въ листъ, въ солидной кожаной оправѣ, на манеръ «Четьихъ Миней». Это былъ его дневникъ. Дневникъ заведенъ имъ еще въ дни юности, по примѣру отца и общему обычаю грамотныхъ людей того и болѣе ранняго времени. Будучи студентомъ, Балабуха вносилъ въ свою записную книгу то канты, то вирши, то латинскіе и русскіе стихи. Въ особенности нравились ему стихи квадратомъ: «читай соби, говорилъ онъ въ похвалу имъ, на вси чотыри боки, а воно все одно выходить; така кумедія!»

Ставши священникомъ, Балабуха сперва началъ заносить въ дневникъ замѣтки о погодѣ, урожаѣ, чрезвычайныхъ происшествіяхъ, явленныхъ иконахъ и совершенныхъ ими чудесахъ, а потомъ сталъ довѣрять бумагѣ свои думы, впечатлѣнія дня и жизни, даже собственнаго сочиненія вирши, въ которыхъ изливалъ свои чувства по поводу семейныхъ и другихъ событій. Давно уже онъ не обращался къ дневнику и теперь чувствовалъ потребность излить въ немъ волновавшія его думы и чувства, вызванныя тягостными происшествіями дня. Проставивъ годъ, мѣсяцъ и число, Балабуха кратко изобразилъ свои хозяйственныя неудачи и въ жесткихъ выраженіяхъ осудилъ себя самаго, какъ безпечнаго и неумѣлаго хозяина. Дошла очередь до самаго главнаго и Балабуха задумался. Какъ ни тщательно пряталъ онъ свой дневникъ отъ посторонняго глаза, но назвать виновниковъ его горя ихъ собственными именами все таки не рѣшался. Послѣ нѣкотораго раздумья онъ подыскалъ для жены названіе *Хлои*, а для ея соблазнителя имя *Дафниса* и изобразивъ всѣ ихъ похож-

денія, въ концѣ со вздохомъ прибавилъ: «Господи, прости навиженну Хлою и сокруши ребра Дафнисови! Прискорбна есть душа моя наветь до смерти».

Сдѣлавъ эту запись, Балабуха почувствовалъ нѣкоторое облегченіе въ своей душѣ, но долго еще не могъ заснуть и только подъ утро его одолѣлъ крѣпкій, хотя тяжелый сонъ.

Весь слѣдующій и послѣдующій день прошли для Балабухи въ напрасномъ ожиданіи возвращенія жены. Всего болѣе мучила его неизвѣстность, гдѣ находилась Олеся, хотя по видимому и для него не могло быть сомнѣнія въ томъ, что она отправилась къ отцу. Балабуха старался даже не думать объ этомъ и усерднѣе прежняго занялся хозяйствомъ, дѣлами по благочинію и церкви. Олеся и не думала спѣшить къ мужу. Придя къ родителямъ, она расплакалась предъ ними, нажаловалась на неласковое обращеніе мужа и заявила, что до тѣхъ поръ не возвратится къ нему, пока онъ самъ не пріѣдетъ и не станетъ просить ее. Родители до крайности удивлены были поведеніемъ дочери и старались вразумить ее; но никакія убѣжденія ихъ не дѣйствовали на нее. Прошелъ день, минула ночь, Балабуха не пріѣзжалъ. Терлецкій сообразилъ, что онъ и совсѣмъ не пріѣдетъ, и предложилъ дочери ѣхать съ нимъ въ Богуславъ.

— Не поиду я, тату, до ёго, проговорила сквозь слезы Олеся; не поиду, поки не мине три дни: винъ по три дни не говорить зо мною, хочъ до стины говори.

Но прошелъ еще день, а Балабуха не пріѣзжалъ. Терлецкій велѣлъ запречь лошадей и поѣхалъ съ дочерью къ зятю.

Чтобы успокоить и расположить его къ примиренію съ дочерью, Терлецкій захватилъ кое-что въ подарокъ изъ своего хозяйства и между прочимъ два совершенно новые воза.

Балабуха встрѣтилъ тестя и жену такъ покойно и привѣтливо, какъ будто между имъ и женою ничего не случилось. Довольная такой легкой развязкой ссоры, Олеся ни словомъ не вспомнила о прошедшемъ и желая задобрить мужа, стала чаще навѣдываться въ кухню и присматривать за приготовленіемъ кушанья. Проку отъ этого, правда, было не много,—Килина больше ея смыслила по кухонной части и вообще въ хозяйствѣ; но Балабуха и тѣмъ былъ доволенъ, соображая, что чѣмъ больше жена будетъ занята, тѣмъ

менѣе всякая дурь будетъ лѣзть ей въ голову. Но участіе Олеси въ хозяйствѣ шло не долго; скоро и сама она увидѣла, что служитъ только помѣхою Килинѣ и, предоставивъ ей по прежнему все, перестала заглядывать въ кухню.

Потекла прежняя жизнь. Олеся не знала, какъ убить время, куда дѣваться отъ скуки. На радостяхъ, по случаю примиренія съ мужемъ, она запросила къ себѣ своихъ знакомыхъ и въ числѣ ихъ Ломачевскаго, давъ видъ, что справляетъ «обжинки». Ломачевскій сталъ опять бывать у нихъ въ домѣ, но держалъ себя какъ-то холодно и гуляя съ Олесею въ саду, все оглядывался по сторонамъ, не идетъ-ли гдѣ Балабуха.

Осенью прошелъ слухъ, что въ Богуславъ придутъ на зиму гусары. Всполошился весь городъ. Олеся то и дѣло глядѣла въ окна, каждый день наряжалась по праздничному. Какъ-то Килина, вернувшись съ базара, принесла извѣстіе, что гусары уже вступаютъ въ городъ. Олеся надѣла новое платье, причесалась, напялила кольца, броши и не отходила отъ оконъ. За Росью послышались звуки военнаго марша; гусары вступали въ городъ, направляясь въ рынокъ. Длинные ряды отлично откормленныхъ сѣрыхъ лошадей и синихъ мундировъ показались на противуположной горѣ съ блестѣвшими на солнцѣ аммуниціею и оружіемъ. Впереди ѣхали пѣсенники, за ними музыканты съ огромными мѣдными трубами на бѣлыхъ дорогихъ лошадяхъ. Сіяніе трубъ, горѣвшихъ на солнцѣ яркимъ огнемъ, блескъ обнаженныхъ сабель, перемѣшанные съ яркими цвѣтами бѣлой аммуниціи, синихъ мундировъ, желтыхъ снурковъ, красныхъ рейтузовъ, черныхъ блестящихъ киверовъ—все это вмѣстѣ создавало для Олеси какую-то ослѣпительную фантастическую картину, никогда ею не виданную и тѣмъ болѣе ее поражавшую. Звуки сильнаго оркестра разносились по всему мѣстечку, плыли плавно по Роси и тысячами переливовъ отдавались въ ущельяхъ горъ и скалъ. Рьяные кони весело гарцовали подъ нарядными всадниками, какъ-бы отбивая ногами въ тактъ музыки.

Олеся не выдержала и выбѣжала на крыльце, принявъ, въ ожиданіи гусаръ, сколь возможно болѣе граціозную позу. Гусары дѣйствительно должны были проходить мимо дома Балабухи. Оркестръ умолкъ; раздалась залихватская пѣсня; у Олеси всѣ мускулы задрожали. Въ средѣ пѣсенниковъ ее поразила фигура за-

пѣвалы, котораго она называла «страхопудомъ». Рослый, плечистый, съ длиннѣйшими усами, онъ цѣлой головой возвышался надъ другими. Въ рукахъ онъ держалъ предъ собой какой-то кругъ (бубенъ), весь увѣшанный побрякушками и разноцвѣтными лентами. Когда онъ самъ пѣлъ, кружекъ мѣрно раскачивался въ обѣ стороны и ленты свободно вились въ воздухѣ; но когда подхватывалъ хоръ, «страхопудъ» вертѣлся, какъ дѣтская мельница при внезапномъ порывѣ вѣтра: онъ прыгалъ вверхъ и внизъ, подавался вправо и влѣво, вертѣлъ головой и локтями и билъ съ жаромъ въ бубенъ, потрясая имъ въ воздухѣ и вызывая одушевленіе пѣсенниковъ. Хоръ еще не окончилъ, какъ грянулъ снова оркестръ. Олеся вся обратилась въ слухъ и зрѣніе, не помня, гдѣ она, не сознавая, что съ нею. Показались штабные; Олеся впилась глазами въ офицеровъ. Офицеры были какъ на подборъ: рослые, здоровые, статные, роскошно выхоленные. Скоро однако глазъ Олеси отличилъ между ними одного, и это былъ въ полномъ смыслѣ красавецъ. Высокій, стройный, съ необычайно нѣжнымъ лицемъ и яркимъ румянцемъ на щекахъ, съ чудными черными бровями и такими-же чуть пробившимися усами, далеко не закрывавшими прелестныхъ розовыхъ губъ. Его тонкія гибкія ноги змѣей обвивали статнаго коня. Коротенькій синій мундиръ, блестѣвшій серебромъ, какъ-бы прилитъ къ молодому тѣлу и обрисовывалъ нѣжныя его формы. Темные глаза сверкнули на Олесю изъ-подъ козырька глянцовитаго кивера. Конь сталъ на дыбы, граціозно согнувъ шею. Олеся взглянула, задрожала и какъ-бы замерла. Такая прелесть могла пригрезиться ей лишь во снѣ, или почудиться въ пламенныхъ мечтахъ.

Гусары проѣзжали. Жиды сбѣжались со всего мѣстечка и обступили ихъ лавами. Олеся видѣла дальше лишь черные кивера да синія плечи сквозь густую стѣну черныхъ жидовскихъ кафтановъ, но не сводила глазъ съ стройныхъ плечей того, который сразу причаровалъ ее къ себѣ. Скоро гусары спустились по улицѣ внизъ и только кивера, да подковы блестѣли вдали, а дальше и совсѣмъ скрылись изъ глазъ. Олеся глубоко вздохнула и пошла къ себѣ въ комнату.

Нестройныя мысли кружились въ головѣ Олеси одна за другой и всѣ онѣ вертѣлись около молодаго гусара. Гдѣ и какъ съ нимъ встрѣтиться, каково будетъ и чѣмъ можетъ кончиться ихъ

знакомство,—вотъ надъ чѣмъ думала Олеся вплоть до самаго обѣда. Но лишь кончился обѣдъ, она подсѣла къ мужу, обвила его шею руками и заговорила сладенькимъ голоскомъ:

— Знаешъ що, мій голобчику милый? Наихали ци гусары... Чи сякъ, чи такъ, а прійдеця зъ ними знатись. Може вони до насъ зайдуть, або насъ зъ ними куды попросять, не можно передъ ними абы-якъ показаться, а въ мене нема ни одной новой сукни. Пиду я въ крамныци, та наберу соби чогось на нову сукню.

Олеся метко отгадала слабую струнку своего мужа. Не смотря на наружную свою апатію, онъ былъ довольно самолюбивъ. Приходъ гусаръ въ свою очередь его занималъ, и онъ далеко не прочь былъ почваниться предъ гусарами своею женою. Но что дѣлать, когда сама-же Олеся всѣ деньги растранжирила?

— Нема грошей, голубко! со вздохомъ произнесъ Балабуха. Эхъ, колибъ ты знала...

— Або на квитокъ не можно взять? перебила его Олеся.—Хиба жиды не повирять?

— Про мене бери й на квитокъ. Будуть гроши, то отдамо, отвѣчалъ Балабуха, и протянулся по обычаю на канапкѣ.

Олеся, въ восторгѣ отъ такого скораго разрѣшенія затруднявшаго ее вопроса, разцѣловавъ мужа, бѣгомъ вышла изъ комнаты и полетѣла въ лавки набирать на платье. Ей непремѣнно хотѣлось, чтобы новое платье было сшито къ воскресенью, когда, какъ она надѣялась, гусары будутъ въ первый разъ въ церкви и, быть можетъ, зайдутъ и къ нимъ.

Къ воскресенью платье дѣйствительно было готово и Олеся, успокоившись на этотъ счетъ, въ ожиданіи невиданныхъ гостей, еще съ утра субботы занялась очисткой и убранствомъ дома. Въ сѣняхъ, передней и залѣ стѣны были выбѣлены, полы вымыты съ пескомъ, окна, двери вытерты, какъ нельзя лучше, цвѣты въ горшкахъ очищены, а расползшіяся вѣтки укрѣплены и подвязаны. Весь этотъ день Олеся была на ногахъ, все перебирала, вытрушивала, вычищала и разставляла по мѣстамъ. Въ воскресенье, нарядившись по лѣтнему, не смотря на наступавшую осень, Олеся пошла въ церковь, хотя съ разсчетомъ пришла едва-ли не позже всѣхъ. Офицеры-гусары гурьбой стояли у праваго клироса. Всѣ дамы и дѣвицы, сколько ихъ было въ Богуславѣ, явились, какъ

на смотръ. Каждую изъ нихъ брало любопытство посмотрѣть гусаръ и себя показать. Олеся прошла сквозь группу офицеровъ, шелестя своимъ новымъ шелковымъ платьемъ и стала впереди всѣхъ у царскихъ вратъ, но такъ, чтобы можно было искоса поглядывать на гусаръ. Оправляя свое платье, она какъ-бы нечаянно оглянулась на бокъ. Впереди офицеровъ стоялъ одинъ изъ нихъ, рѣзко отличавшійся отъ другихъ своею необычайною стройностію и красотою. Олеся сразу узнала того, кто такъ нежданно поразилъ ея взоръ и сердце. Теперь она лишь ближе и яснѣе могла разглядѣть дивныя черты его лица и всей фигуры. Взглянувъ на него, Олеся задрожала и едва устояла на ногахъ. Лице ея поблѣднѣло, дыханіе сперлось, сердце какъ-бы совсѣмъ замерло. Она ничего не слышала и не видѣла вокругъ себя, ничего не сознавала и не соображала. Прошло нѣсколько мгновеній, и сердце ея вновь забилось, почудились ей какія-то дивныя мелодіи, неземной ароматъ, необычайная сладость въ душѣ и будто рай небесный раскрылся предъ нею...

Служба окончилась, офицеры подходили ко кресту. Еще разъ мелькнулъ предъ глазами Олеси чистый, тонкій профиль, гибкій станъ, черная роскошная голова. Офицеры вышли изъ церкви, Олеся стояла какъ-бы въ чаду; ей хотѣлось не то плакать, не то прыгать и смѣяться.

Перебѣжавъ чрезъ улицу домой, Олеся бросилась къ зеркалу, поправила платье, волосы и сѣла у окна. Мимо ея оконъ по улицѣ валила густая масса мѣщанства въ перемежку съ гусарами. Олеся пристально глядѣла на пестрѣвшіе въ толпѣ синіе мундиры; но то все были рядовые гусары. Толпа все рѣдѣла; наконецъ позади всѣхъ показалась крупная фигура самаго Балабухи. Олеся поблѣднѣла. Она ждала, что въ слѣдъ за нимъ покажутся офицеры; но ихъ не было. За Балабухою шелъ лишь сторожъ съ ключами.

Балабуха вошелъ въ комнаты. Килина подала самоваръ; Олеся заварила чай, сѣла у стола и задумалась. Наливъ стаканъ и потомъ другой мужу, она все ждала гостей; но гости не приходили. Потухъ самоваръ, остылъ и перестоялся чай, Балабуха давно сосалъ трубку. Олеся встала, не пивши чаю, и велѣла убирать со стола.

Только спустя двѣ недѣли, въ воскресенье, послѣ обѣдни, офицеры зашли къ батюшкѣ на водку, какъ въ то время говорилось.

Олеся чуть не умерла отъ радости, увидѣвъ у своихъ оконъ предметъ своихъ мечтаній.

Небольшая, чистенько прибранная свѣтлица переполнилась гостями. Въ глазахъ Олеси заблестѣли мундиры, снурки, аксельбанты, эполеты, ордена. Гости входили и переходили отъ хозяина къ хозяйкѣ: гремѣли сабли, звенѣли шпоры, слышалось ловкое шарканье ногами и звонкій стукъ каблуковъ. Послѣ немолодого уже полковника съ курчавой головой, послѣ четырехъ солидныхъ офицеровъ съ окладистыми баками и геройскими усами, къ Олесѣ подлетѣлъ молодой красавчикъ, звякнулъ шпорами, щелкнулъ подковками, едва склонилъ свой гибкій станъ и проговорилъ:

Поручикъ Казанцевъ.

Олеся едва примѣтила, какъ раскрылись его чудныя, слегка прикрытыя чернымъ пушкомъ, красно-розовыя губы и блеснули бѣлые, нѣжные, какъ жемчугъ, зубы; его глубокіе темные глаза такъ и метнули на нее огнемъ, а его низкій, но звучный и мягкій голосъ откликнулся у нея въ самомъ сердцѣ.

— Ой зомлію, ой умру! промелькнуло у Олеси въ головѣ.

Полковникъ и старшіе офицеры повели съ Балабухою солидный разговоръ о городѣ, церкви, монастырѣ; Казанцевъ съ двумя другими, также молодыми офицерами усѣлись подлѣ хозяйки. Олеся никого не видѣла, никого не слушала, кромѣ одного Казанцева: забывъ всѣхъ и все, она впилась въ него своими глазами и ловила каждое его слово.

Подали чай, а разомъ съ чаемъ водку и закуску. Водка развеселила и безъ того веселыхъ гусаръ. Въ свѣтлицѣ раздавался говоръ, хохотъ, бряцанье сабель и шпоръ. Олеся въ упоеніи и восторгѣ то порхала по комнатамъ какъ птичка, то присаживалась и лепетала въ забытьи, что въ голову взбредетъ. Ея черные волосы и брови, ея карые глаза, горѣвшіе пламенемъ любви, рѣзче отвѣчивались при нарядномъ бѣломъ платьѣ и производили немалый эффектъ; ея стройная, граціозная фигура и роскошный бюстъ дразнили молодое воображеніе. На щекахъ горѣлъ румянецъ, лице сіяло радостью, упругая грудь то подымалась, то опускалась какъ-бы отъ сильнаго испуга. Молодые офицеры прильнули къ хозяйкѣ, и сама она не могла не замѣтить, что нравится имъ.

— Мабуть вы, панове, говорила между прочимъ Олеся, не сводя глазъ съ Казанцева, добре нудитесь въ нашому Богуслави. У насъ все жиды та мищане; зъ благородныхъ одни хиба служащи. Молодыхъ дамъ, баришень мало. Заскучаете вы зовсимъ.

— Ахъ, помилуйте, отвѣчалъ Казанцевъ! можемъ-ли мы скучать, когда вы въ Богуславѣ?

Пораженная столь смѣлымъ комплиментомъ, Олеся не нашлась, что отвѣтить, и только покраснѣла до ушей.

— Побачимъ, продолжала она; ось настане зима. Що тоди вы будете робить? Завянете зъ нудьги. Я за зиму трохи тутъ не вмерла.

— О, не безпокойтесь! заговорили другіе офицеры. Намъ не впервые жить въ такихъ маленькихъ городкахъ. Будемъ устраивать танцовальные вечера, катанья на тройкахъ, прогулки верхомъ.

— Коли я не вмію їздити верхи, замѣтила Олеся.

— А мы васъ выучимъ, подхватилъ Казанцевъ: это такъ легко, что и учиться собственно нечему.

— Та мене наши богуславськи дамы засміяли-бъ, якъ-бы я поихала верхи, сказала Олеся.

— А вы имъ подадите примѣръ; тогда и они послѣдуютъ за вами, замѣтилъ Казанцевъ и затѣмъ спросилъ:

— Вы однако согласны поучиться верховой ѣздѣ?

— А чомъ-же? Я знаю, що зъ мене будуть сміяться, але то мени байдуже.

И Олеся стала уже мечтать о томъ, какъ она очутится на борзомъ гусарскомъ конѣ и какъ Казанцевъ станетъ ее подсаживать, поддерживать и учить. Увлеченная такими мечтами, она схватилась со стула и съ нервною дрожью завертѣлась по комнатѣ. Казанцевъ и прочіе собесѣдники поспѣшили за ней.

— О, мы разшевелимъ вашъ Богуславъ! громко говорилъ Казанцевъ, вертясь подлѣ Олеси; всѣхъ поднимемъ на ноги, никому не дадимъ заснуть. Заведемъ клубъ, стянемъ всѣхъ и будемъ веселиться на пропалую.

Ни Олеся, ни ея мужъ, до котораго долетѣло слово клубъ, не разумѣли вовсе, объ чемъ толкуетъ развеселившійся Казанцевъ.

— Такъ, или не такъ, добавилъ его товарищъ Погожаевъ, а мы не допустимъ васъ скучать: будемъ собираться, веселиться, танцовать то у тѣхъ, то у другихъ. Надѣемся, и вы не откажете намъ въ своемъ участіи и пріемѣ.

— Зъ великою охотою, отвѣчала Олеся. Я сама люблю танци, та бида, що въ насъ нема доладнихъ музыкъ. Наши жидки якъ заграють, то вы не схочете й танцювати.

— Къ услугамъ вашимъ всегда готовъ нашъ полковой оркестръ, отозвался полковникъ, вслушавшись въ разговоръ.

— Дуже дякуемъ, отвѣчала Олеся, и обратясь къ своимъ собесѣдникамъ, прибавила: намъ сёго тильки и бракувало. Сподиваемось незабаромъ и до себе васъ просить.

— Мы всегда ваши гости, въ одно слово сказали оба офицера.

— Побачите нашихъ дамъ, добавила Олеся, вскинувъ глазами на Казанцева.

— Если они хоть немножко похожи на васъ, то мы вполнѣ счастливы, брякнулъ Казанцевъ, пристукнувъ каблуками.

Олеся опустила рѣсницы и вспыхнула яркимъ румянцемъ. Полковникъ всталъ; за нимъ поднялись офицеры; всѣ стали прощаться.

— Не забувайте-жъ насъ, просила Олеся всѣхъ и особо повторила это Казанцеву.

Гусары ушли, свѣтлица разомъ опустѣла и только густой дымъ дорогихъ сигаръ носился по краямъ ея. Олеся чувствовала себя какъ-бы въ сильнѣйшемъ угарѣ или опьяненіи: глазамъ ея мерещились блестящіе мундиры и чудная фигура Казанцева; его полные огня глаза какъ-бы свѣтились и теперь предъ ней, пышныя нѣжныя губы улыбались ей, а мягкій низкій голосъ ласкалъ ея душу и западалъ глубоко, глубоко въ ея сердце. Цѣлый день Олесѣ хотѣлось пѣть, играть или слушать музыку. Мечты роемъ вились въ ея головѣ. Какое-то непонятное, безпредѣльное счастье наполняло всю ея душу.

Не прошло нѣсколько дней, какъ Олеся начала приставать къ мужу, чтобы устроилъ вечеръ для гусаръ и пригласилъ всѣхъ знакомыхъ. Нечего было дѣлать, надо было раскошелиться, точнѣе прихватить гдѣ либо денегъ. Балабуха не скупился, когда добылъ денегъ: накупилъ вина, всякихъ «бакалій» и сластей, досталъ изъ погреба подаренный однимъ изъ подвѣдомыхъ священниковъ бочонокъ наливки. Олеся пожертвовала послѣдними гусями и индюками, какіе оставались еще на хозяйствѣ, позвала даже повара отъ богуславскаго жондцы. Нѣсколько дней Балабуха то ѣздилъ и ходилъ

съ приглашеніями, то разсылалъ записки. И ему и женѣ хлопотъ было немало.

Долго подготовлявшійся вечеръ наконецъ насталъ. Олеся нарядилась въ бѣлое атласное платье и ждала гостей. Съѣхались и сошлись всѣ богуславскіе знакомые, пріѣхали Олесины сестры, послѣ всѣхъ явились гусары. Оркестръ расположился подъ окнами,—въ домѣ не хватало для него мѣста.

Вечеръ былъ тихій и теплый, совсѣмъ почти лѣтній. Темнота южной ночи придавала эффектный видъ оркестру, его пюпитрамъ и трубамъ, освѣщеннымъ массою фонарей, присланныхъ самими офицерами. Оркестръ загремѣлъ, такъ что окна зазвенѣли. Олеся глянула въ окно на невиданную картину и стала, какъ причарованная. Обернулась назадъ, вся свѣтлица сіяла гусарскими мундирами. Старики давно усѣлись за карты, молодежь толпилась въ свѣтлицѣ. Около Олеси увивался Казанцевъ. Она забыла уже Ломачевскаго, а на Баньковскаго и взглянуть не хотѣла.

Начались танцы. Казанцевъ дирижировалъ ими. Съ первой кадрили, которую танцовала съ нимъ Олеся, онъ рѣшительно приворожилъ къ себѣ всѣхъ богуславскихъ дамъ и дѣвицъ. Всѣ они завидовали Олесѣ, а она чувствовала себя на верху блаженства. Богуславскіе кавалеры совсѣмъ стушевались; дамы и дѣвицы только и ждали приглашенія гусаръ. Офицеры обходились со всѣми чрезвычайно любезно и просто, шутили, смѣялись, говорили дамамъ комплименты, иногда съ легкой ироніей, которую дамы принимали за чистую монету. Мамаши разрядили своихъ дочерей, какъ только могли; каждая разсчитывала залучить жениха, но молодые офицеры найбольше увивались около Олеси. Она была бойчѣе, живѣе и веселѣе другихъ и танцовала лучше всѣхъ.

— Вамъ весело у насъ? спросила Олеся въ одномъ изъ танцевъ Казанцева.

— Я давно такъ не веселился отъ души, отвѣчалъ онъ.

— Такъ говорите, а потимъ будете сміяться зъ насъ. Мы такъ соби по просту, и дамы наши, якъ бачите, продолжала Олеся, глядя прямо въ глаза Казанцеву.

— Сохрани Богъ! Вами можно только восхищаться, безъ застѣнчивости проговорилъ Казанцевъ, искоса поглядывая на ея бѣлоснѣжную шею.

— Мени здаеця, що вы й теперь уже сміетесь зъ мене. Хиба жъ нема кращихъ одъ мене? спросила съ наивностію Олеся, вызывая на новый комплиментъ.

— Да лучше васъ трудно гдѣ либо найти, прошепталъ Казанцевъ чуть не надъ самымъ ухомъ Олеси.

Олеся потупила глазки, слегка улыбнувшись отъ удовольствія.

— У васъ чудное маленькое ушко, продолжалъ Казанцевъ еще тише.—Если-бы не при гостяхъ, я бы поцѣловалъ васъ въ ушко.

Олеся уже просто засмѣялась отъ радости.

— Я не знала, що вы такій... говорила она, чуть дыша.

— Какая прелестная у васъ талія! нашептывалъ Казанцевъ.

— Мабуть вы бачили кращи таліи тамъ въ Петербурзи, возразила Олеся, тая отъ счастья.

— Я вамъ скажу, и въ Петербургѣ такихъ мало,—добавилъ Казанцевъ.

Олеся подошла къ открытому окну и положила руку на подоконникъ. Маленькая пухлая ручка блестѣла, какъ мраморъ. Казанцевъ любовался ею, стоя рядомъ съ Олесею.

— Какая у васъ чудная ручка! Позвольте поцѣловать, сказалъ Казанцевъ, становясь всѣмъ корпусомъ предъ окномъ и накрывая своею ладонью руку Олеси.

Олеся едва замѣтно повела глазами назадъ. Изъ-за оконъ блестѣли трубы музыкантовъ. Оркестръ въ антрактахъ игралъ отрывокъ изъ оперы. Олеся едва слышала музыку; она только упивалась близостью Казанцева, чувствовала его горячую ладонь на своей рукѣ и искоса засматривалась на его ровный матовый лобъ, обрамленный взбитыми чорными кудрями, на его восхитительныя чорныя брови, подъ которыми, какъ двѣ искры, свѣтились чудные глаза. Все это сильно возбуждало ея нервы, волнами поднимало кровь. Олеся едва удержалась, чтобы не кинуться на шею Казанцеву, не впиться устами въ его чудныя брови. Чтобы какъ нибудь прійти въ себя и успокоиться, Олеся попросила Казанцева разсказать ей про Петербургъ, какъ тамъ веселятся люди, какіе бываютъ балы.

— О, у насъ въ Петербургѣ, началъ Казанцевъ такія дива, про какія только въ сказкахъ разсказываютъ: у насъ напримѣръ залы всѣ въ золотѣ, зеркала отъ пола до потолка и даже въ потолкѣ;

у насъ на балахъ танцуютъ разомъ сто паръ, а играетъ пять и больше оркестровъ на хорахъ.

— Хиба у вашихъ залахъ и хоры есть, неначе въ церквахъ?

— А какъ же! хоры кругомъ всей залы, а надъ хорами еще другіе хоры. Высота чуть не съ колокольню, что въ кіевской лаврѣ. Оттуда смотритъ публика, т. е. тѣ, что не танцуютъ, разные тамъ старики, старухи и всякая шваль. Да, у насъ не то, что здѣсь: напримѣръ, дамы при всѣхъ обнимаются и цѣлуются съ кавалерами.

— Не вже! крикнула Олеся, обративъ къ Казанцеву лице.

— Ей Богу, цѣлуются. Есть такой французскій танецъ: какъ скомандуетъ дирижеръ, такъ дамы всѣ и кидаются на шею своимъ кавалерамъ и цѣлуютъ ихъ въ губы, сказалъ Казанцевъ.

Олеся чуть не подпрыгнула: ей страхъ какъ захотѣлось погулять на такихъ вольныхъ балахъ. Однако она не совсѣмъ-то довѣряла Казанцеву.

— Вы жартуете. Мабуть глузуете надъ нами селянами.

— Ей, ей, не жартую. На то у насъ столица! Наши дамы не такія скромницы, какъ ваши: кутятъ съ кавалерами и любезничаютъ, не стѣсняясь.

Олеся только плечами пожимала. Казанцевъ умолкъ; ее потянули думы въ тѣ счастливые края.

— Чи не часъ уже столы накрывати? спросилъ Балабуха, подойдя къ Олесѣ.

— Може й часъ, сказала Олеся и вышла распорядиться.

Столы накрыли, гости усѣлись. Олеся сѣла между Казанцевымъ и Погожаевымъ. Пошли разговоры, шутки, прибаутки, а среди ихъ припрашиванья и услуживанья съ неизбѣжнымъ заигрываньемъ посредствомъ бросанія шариковъ и т. п. Офицеры ѣли шибко, пили на славу, но и дурачились не мало. Въ срединѣ ужина Олеся чувствуетъ, что ея ногу затрогиваютъ то съ одной, то съ другой стороны. Она оттолкнула ногу Погожаева и тихонько наступила башмачкомъ на ногу Казанцева. Казанцевъ бросилъ на нее продолжительный взглядъ, повелъ рукой подъ столомъ, нащупалъ ея руку и сжалъ такъ крѣпко, что Олеся чуть не вскрикнула. Ужинъ тянулся долго; много говорили и еще больше пили.

— Вашъ ужинъ вкуснѣе нашихъ, болталъ Казанцевъ. У насъ какъ подадутъ на столъ цѣлую серну, либо жаренаго медвѣдя,

такъ не знаешь, какъ и справиться съ ними. Да ужъ намъ надоѣли эти серны, да медвѣди; ваши гуси да индюки куда вкуснѣе.

— Не вже въ васъ йдять ведмедивъ?

Какъ-же, непремѣнно!

— И такъ таки подають на стилъ цилого ведмедя?

— Цѣлехонькаго, доложу вамъ. Лежитъ, какъ живой.

— Ну, вы, панове, мабуть зализли въ хмари. Я-бъ зроду не йла печеного ведмедя.

— Э, если-бъ вы попробовали только! Онъ такой вкусный, какъ конфекты съ вареньемъ, мололъ Казанцевъ.

— Хиба ведмедь солодкій? спросила Олеся.

— Ну, да, сладкій: съ одного боку сладкій, а съ другого кислый, добавилъ Погожаевъ.

— А съ третього? спросила Олеся и разхохоталась.

— А съ третьяго ветчина, медвѣжья ветчина, отвѣтилъ Казанцевъ.

Всѣ расхохотались.

Подъ конецъ ужина офицеры налегли на наливку и стали восхвалять молодую хозяйку, которая, какъ и самъ хозяинъ, были тутъ ни при чемъ. Пили за здоровье ихъ отдѣльно и вмѣстѣ. Казанцевъ присталъ, чтобы и Олеся выпила съ ними. Она на радостяхъ выпила рюмку, потомъ другую и тогда нащупала руку Казанцева подъ скатертью и нѣжно гладила ее своей пухленькой ручкой.

Ужинъ кончился, встали изъ-за стола и пустились снова танцовать. Потянулась безконечная мазурка. Ломачевскій и Баньковскій состязались съ Казанцевымъ и Погожаевымъ, и придумываемымъ тѣми и другими фигурамъ, казалось, не будетъ конца. Гости разъѣхались уже передъ разсвѣтомъ и долго вспоминали первый вечеръ съ гусарами.

Послѣ Балабухи въ честь гусаръ давалъ вечеръ исправникъ, послѣ исправника докторъ и т. д. Съ началомъ зимы пріѣхала жена полковаго командира, и они также устроили у себя вечеръ. Олесѣ пришлись какъ нельзя болѣе по вкусу и нраву эти оживленные вечера; она утопала въ удовольствіи, и хотѣлось-бы ей такъ жить хоть-бы до самой смерти.

Чтобы доставить себѣ и дамамъ новое развлеченіе, офицеры задумали устроить катанье. Выпалъ снѣгъ, открылась первая санная дорога. Офицеры наладили сани, подобрали лихія тройки, съ росписными дугами, съ поддужками, съ побрякушками, съ колокольчи-

ками и бубенчиками, и однажды послѣ обѣда забрали приглашенныхъ заранѣе дамъ и покатили съ ними въ лѣсъ. Офицеры разсѣлись по парно, каждый съ своей дамой; Казанцевъ сѣлъ съ Олесею. Поѣздъ тронулся съ мѣста: зазвенѣли колокольчики, загремѣли бубенчики; жиды высыпали смотрѣть, мальчишки бѣжали за санями за самый городъ, «сидухи» посхватывались съ своихъ мѣстъ и вытаращили глаза. Рьяные гусарскіе кони, загнувъ головы на бокъ, понеслись стрѣлой по чудесной мягкой дорогѣ. Казанцевъ велѣлъ своему кучеру остаться позади всѣхъ. Дорога шла по-надъ Росью, по косогору, перерѣзываемому крутыми западинами, глубокими узкими оврагами. Долины и горы засыпаны были свѣжимъ пушистымъ снѣгомъ. День выдался тихій, въ воздухѣ стоялъ легкій прозрачный туманъ, сквозь который лился тихій свѣтъ вечерняго солнца. Вдали отъ города, на крутыхъ высотахъ виднѣлся густой старый лѣсъ, сплошь покрытый инеемъ. Сумрачныя лѣсныя высоты исполинами выступали на отдаленномъ горизонтѣ, длинный поѣздъ мчался на встрѣчу имъ, гулъ колокольчиковъ и бубенчиковъ разносился по долинамъ и горамъ и заглушалъ стукъ лошадиныхъ копытъ и слабое шуршанье саней по мягкому снѣгу. Поѣздъ спустился на лугъ. Разбросанные на лугу столѣтніе дубы, покрытые инеемъ, выглядывали какъ гигантскіе канделябры, невѣдомою рукою здѣсь водруженные. За лугомъ начался молодой грабовый лѣсъ; двѣ высокія сплошныя стѣны его совершенно скрывали направившуюся въ глубину его дорогу. Поѣздъ понесся въ глубь лѣса. Чѣмъ далѣе онъ мчался, тѣмъ гуще и выше становился лѣсъ: появились громадной высоты клены и ясени и гигантскихъ размѣровъ дубы и липы. Вѣтви деревьевъ, обсыпанныя тонкимъ пухомъ инея, блестѣли тысячами переливовъ нѣжнаго серебристаго свѣта и давали восхитительный видъ. Лѣсъ стоялъ, какъ волшебная царица въ дорогомъ уборѣ. Ни одинъ видъ природы въ лѣтнее время не могъ сравняться съ дивною картиной мертвой зимы: то былъ фантастическій, тихій сонъ заснувшей природы.

Проѣхали добрыхъ пять верстъ, лошади порядкомъ взмылились, а поѣздъ съ прежней быстротой летѣлъ съ горы на гору. Въ глубинѣ лѣса, на одномъ изъ пригорковъ, въ легкомъ туманѣ обозначилась корчма, прикрытая толстой лавой снѣгу. На площадкѣ передъ нею какъ-бы кто раскинулъ роскошный цвѣтникъ: то былъ большой кругъ

густого терну, покрытаго, будто паутиной, пушкомъ снѣга и инея. Раскиданные вкругъ него кустики собачьей бузины, папоротника и бурьяну казались теперь дорогими цвѣтами, выкованными изъ серебра. Высокая, однимъ одна, береза опустила внизъ свои роскошныя тонкія вѣтви, точно распущенные волосы, посыпанные серебристой пудрой.

Олеся, сидя рядомъ съ Казанцевымъ, едва примѣчала дивную красу лѣса; она наслаждалась бесѣдою съ нимъ, любовалась его глазами и бровями. Вдругъ среди лѣса загремѣлъ оркестръ; Олеся вздрогнула.

— Де це грае музыка? спросила она.

— Это, вѣроятно, русалки поютъ: они знали, что мы пріѣдемъ въ лѣсъ, вотъ и встрѣчаютъ насъ, отвѣчалъ смѣясь Казанцевъ.

Повернувшись однако въ бокъ и вытянувъ голову впередъ, Олеся увидѣла у корчмы блестѣвшія трубы и синіе куртки гусаръ. Эффектъ былъ полный не для одной Олеси. Музыка разбудила сонный лѣсъ; эхо отъ оркестра раздавалось въ горахъ и долинахъ, какъ-бы разомъ играли нѣсколько оркестровъ.

Лошади остановились у корчмы, но устроиться въ ней для пированья оказалось невозможнымъ. Въ корчмѣ царили невообразимая грязь и смрадъ: у порога стояла бочка съ водкой; сивушный запахъ стоялъ въ воздухѣ, перемѣшанный съ запахомъ луку, протухлой рыбы и жидовскаго тряпья; полунагія жиденята валялись на земляномъ полу, оборванный жидъ въ засаленной ермолкѣ, патынкахъ и лансердакѣ, сновалъ по комнатѣ. Заглянувшія въ корчму дамы повыскакивали обратно, закрывая носы, хватаясь за виски. Офицеры вынесли изъ корчмы длинный столъ, накрыли его привезенной скатертью и поставили подъ старыми липами, на задней сторонѣ корчмы, вытащили и лавки и прикрыли ихъ коврами. Всѣ усѣлись вокругъ стола подъ покровомъ нависшихъ вѣтвей. Хлопнули пробки, шампанское полилось въ рюмки и стаканы, оркестръ заигралъ тушъ. Офицеры крикнули: за здоровье дамъ! дамы должны были выпить до дна. Опять хлопнули пробки, опять полилось вино,—выпили за здоровье гусаръ. Пили еще за здоровье полковницы, потомъ особо за здоровье каждой изъ присутствовавшихъ дамъ. Пошли веселые разговоры; офицеры курили, дамы закусывали, музыка играла; не замѣтили, какъ сумерки зашли. Гулянье удалось, какъ и самое

катанье. Всѣмъ было весело, никому не хотѣлось ѣхать домой. Сѣли вновь въ сани и понеслись дальше въ лѣсъ.

Туманъ разсѣялся, изъ-за лѣсу проглянула луна и освѣтила верхушки деревьевъ. Поѣздъ мчался, картины мѣнялись. Начинался старый дубовый и березовый лѣсъ; дорога шла въ непроглядную чащу его; высокія деревья мѣстами совсѣмъ закрывали ее нависшими вѣтвями. Но поднялась луна и освѣтила лѣсъ по горамъ и долинамъ, обливая своимъ свѣтомъ дальнія и близкія мѣста, каждое дерево, каждую вѣтку. Когда поѣздъ взлеталъ на высокій пригорокъ, вправо отъ дороги виднѣлась Рось, мѣстами скованная льдомъ и прикрытая снѣгомъ, мѣстами вовсе не замерзшая. Широкій раздолъ по обѣимъ ея сторонамъ блестѣлъ ослѣпительной бѣлизной, донося тихій шумъ и плескъ катящейся по камнямъ воды. Вокругъ царила мертвая тишина, въ воздухѣ чувствовалась постоянно освѣжающая влага.

Казанцевъ съ Олесею и на этотъ разъ ѣхали позади. Вино разшевелило ихъ думы и мечты; Олеся впилась глазами въ прекрасное лице Казанцева, освѣщенное матовымъ блѣднымъ свѣтомъ. Лице казалось какъ-бы выточеннымъ изъ слоновой кости; черные кудри оттѣняли мраморную бѣлизну его. Казанцевъ взялъ за руку Олесю и поцѣловалъ.

— Любишь-ли ты меня, моя ненаглядная, какъ я тебя люблю? прошепталъ онъ надъ самымъ ухомъ Олеси.

Олеся задрожала, схватила его руками за щеки, притянула къ своему лицу, впилась въ его уста своими горячими устами и будто замерла. Колыхнулись серебристыя вѣтви высокаго береста, задрожало марево луннаго блеска въ долинѣ, зашумѣла сильнѣе вода въ Роси. Олеся какъ-бы очнулась, придвинулась ближе къ своему милому, цѣловала его въ щеки, въ брови, въ глаза, обняла его за шею, опустилась на плечо и зарыдала, какъ дитя.

— Отъ чего ты плачешь, моя милая? еще тише пролепеталъ Казанцевъ.

— Одъ того, що люблю тебе. Теперъ я зрозумила, що до сёго часу никого не любила. Мени здавалось, що я любила, а я тильки сама себе дурыла. Якъ ты мене перестанешъ любити, то я вмру.

Казанцевъ нѣсколько встревожился; столь пламенная любовь немного испугала его; она вовсе не входила въ его разсчеты, ему

просто хотѣлось позабавиться отъ скуки. Но Олеся вновь кинулась ему на шею, вновь впилась въ его губы такъ, что ему наконецъ трудно было дышать. Вдругъ надъ самыми ушами ихъ зазвенѣлъ колокольчикъ; то поѣздъ повернулъ назадъ, и мимо ихъ пронеслись первыя сани. Олеся разняла руки, Казанцевъ оправился на мѣстѣ. Сани одни за другими промелькнули мимо ихъ и они снова очутились позади всѣхъ. Олеся прильнула щекою къ лицу Казанцева. Она была счастлива: ей хотѣлось ѣхать, летѣть безъ мѣры и конца. Глубокія долины, освѣщенныя яснымъ свѣтомъ луны, передвигались какъ дивныя декораціи. Олеся чувствовала, что сердце ея переполнено неизъяснимымъ блаженствомъ, что любовь залила всю ея душу, какъ весенняя вода заливаетъ луга. Вотъ засвѣтились окна въ корчмѣ, изъ чернаго дымаря вился клубьями дымъ. Корчма мелькнула предъ ихъ глазами, какъ картина въ быстро вращаемой попорамѣ. Олеся не спохватилась, какъ проѣхали лѣсъ. Скоро заблестѣли огоньки въ окнахъ жидовскихъ хатъ; поѣздъ очутился въ городѣ. По улицамъ сновали жиды, проходилъ какой-то обозъ, поспѣшавшій на ночлегъ. Олесѣ показалось, что ей снился какой-то чудный, сладкій, какъ радость, сонъ и что она какъ будто-бы проснулась. Поѣздъ остановился у квартиры Казанцева. Масса жидовъ, мальчишекъ и всякаго празднаго люда окружала ее; изъ оконъ билъ яркій свѣтъ подъѣздъ былъ также освѣщенъ, въ сѣняхъ гремѣлъ оркестръ, много саней столпились передъ домомъ. Приглашенные изъ окрестностей Богуслава офицеры встрѣчали возвратившихся съ катанья. По всему сдавалось, будто въ домѣ идетъ свадьба. И Олесѣ чудилось, будто она возвращается изъ церкви отъ вѣнца, что она повѣнчана съ Казанцевымъ. Она хотѣла этому вѣрить и даже какъ будто вѣрила. Въ довершеніе всего Казанцевъ, какъ женихъ невѣсту, заботливо высадилъ ее изъ саней и ввелъ подъ руку въ свою квартиру.

Гусары въ складчину давали вечеръ для своихъ богуславскихъ знакомыхъ и завезли дамъ просто на вечеръ. Квартира Казанцева избрана, какъ наиболѣе просторная. Къ пріѣзду катавшихся собрались здѣсь и мужчины. Обширная жидовская комната была прибрана и украшена: на стѣнахъ висѣли дорогіе ковры, группами и звѣздами расположены были ружья, сабли, клинки, штыки, кинжалы, пистолеты. На столахъ разставлены были батареи бутылокъ, стаканы съ чаемъ, тарелки съ закусками, вазки съ

десертомъ. Дамы разсѣлись въ перемежку съ кавалерами; Казанцевъ усадилъ Олесю за столъ и самъ сѣлъ рядомъ съ нею. Олеся цвѣла, какъ пышный цвѣтокъ; налитые счастьемъ глаза блестѣли, какъ яркія звѣздочки, лице горѣло огнемъ. Она оперлась о спинку канапы, впилась глазами въ лице Казанцева и ничего не видѣла, ничего не слышала.

— Золото мое, счастя мое! тебе я ждала, за тобою вмирала, тебе я шукала, литала за тобою, якъ сиза зозуля, и таки тебе знайшла,— думала Олеся, глядя въ глаза Казанцеву.

Гости выпили чай, закусили и снова принялись за чай. Принесли шампанское; захлопали пробки, полилось рѣкой дорогое вино. Офицеры чокались съ дамами, кричали: ура! Оркестръ гремѣлъ, въ комнатѣ поднялся гвалтъ, какъ-бы на полѣ битвы. Гусары поддержали свою славу по части выпивки, но когда затѣмъ перешли къ танцамъ, то въ обращеніи съ дамами стали позволять себѣ нѣкоторыя вольности, Казанцевъ-же и просто таки обнималъ Олесю въ танцахъ и прижималъ ее къ себѣ. Замѣтивъ это, дамы начали одна за другой уходить домой. Одна Олеся оставалась еще и готова была сидѣть хоть до разсвѣта, но и ее наконецъ увелъ мужъ почти насильно. Гусары проводили ихъ съ шумомъ.

Пышную зиму переживала Олеся. Она не замѣчала, какъ летѣло время, не спохватилась, какъ минулъ Филипповъ постъ и настали рождественскіе праздники. Эта зима была для нея какъ-бы настоящимъ благодатнымъ лѣтомъ: для нея какъ будто по лѣтнему свѣтило солнце, цвѣли пахучіе цвѣты, распѣвали соловьи. Казанцевъ съ товарищами заходилъ къ Балабухамъ чуть не каждый день, приглашалъ и ихъ къ себѣ. Олеся перевезла къ себѣ своихъ сестеръ, разсчитывая выдать ихъ за офицеровъ замужъ. Каждое воскресенье Олеся устраивала у себя вечеринки для гусаръ, танцовала до разсвѣта и вытрусила до чиста карманы своего мужа.

Придумывая все новыя развлеченія для своихъ кавалеровъ, Олеся начала возить ихъ въ гости къ сосѣднимъ священникамъ. Объ Рождествѣ съѣздили къ о. Мелхиседеку, а на Новый годъ задумали погулять у о. Харитона.

— Поидьмо до ёго, говорила Олеся гусарамъ; я вамъ покажу давню коханку свого чоловика. Описія Степановна нагодуе васъ такою гусятиною та поросятиною, якои вы не ûли и въ Петербурзи.

Та ще тамъ таки наливки та варенуха, що вже ни въ кого тутъ не знайдете, а гусей та поросятъ повенъ двиръ.

И гусары охотно покатили въ Ольшаницу съ Олесею и ея сестрами, захвативъ съ собою и самаго Балабуху, чтобы подчиненный ему о. Харитонъ былъ щедрѣе на угощеніе.

День былъ ясный, тихій и не очень холодный. Санная дорога стлалась скатертью по ровному полю. Гусары весело летѣли на тройкахъ въ дугу съ колокольчиками и бубенчиками. Въ Ольшаницѣ никто не ждалъ такихъ гостей. У о. Харитона собралась своя сельская компанія: зажиточнѣйшіе прихожане съ женами и дѣтьми, нѣсколько сельскихъ дьячковъ, прежнихъ сослуживцевъ Моссаковскаго, и его первый кумъ, нищій Шмидъ. Гости подвыпили уже порядкомъ; въ свѣтлицѣ шла шумная бесѣда. Столъ заваленъ былъ грудами паляницъ и книшей, среди которыхъ возвышались полумиски съ поросятиной и гусятиной, порѣзанной въ мелкіе куски. Тутъ-же, въ особыхъ полумискахъ, стояли пироги, сметана, яблоки и разные коржики и маковники. Гости закусывали, чѣмъ кто хотѣлъ, послѣ каждой рюмки, а рюмка то и дѣло ходила по рукамъ: Онисія Степановна потчивала женщинъ, о. Харитонъ угощалъ мужчинъ.

Вдругъ за дворомъ раздался звонъ колокольчиковъ, грохотъ бубенчиковъ; въ ворота влетѣли сани, запряженныя рослыми и рьяными конями, за ними другія, потомъ третьи. Колокольчики залились мелкою дробью у самыхъ оконъ. Вся компанія Моссаковскаго бросилась къ окнамъ и съ ужасомъ отскочила, завидѣвъ сани, переполненныя гусарами.

— Ой лишечко! Станови йдуть! крикнула одна молодица.

— Ой, москали! Та якъ ихъ багато! Це московська закуція! подхватилъ староста.

Всѣ гости о. Харитона кинулись въ разсыпную. Одни убѣгали чрезъ сѣни въ кухню и хижку, другіе прятались въ «кимнату», взбирались по лѣстницѣ на чердакъ, скрывались позади дома, а то и просто удирали домой. Нѣкоторые изъ молодицъ бросили въ свѣтлицѣ дѣтей и кинулись, какъ вспугнутыя птицы, куда глаза глядятъ. Нищій Шмидъ убѣжалъ въ клуню и зарылся въ солому. Запоздавшіе уходомъ попали на крыльцѣ въ группу гусаръ и дамъ и чуть не свалили ихъ съ ногъ. О. Харитонъ, перепуганный на

смерть, не зналъ, что дѣлать, и только бѣгалъ изъ угла въ уголъ. Онися, увидѣвъ чрезъ окно Олесю въ компаніи гусаръ, только ударила объ полы руками. Въ свѣтлицѣ былъ такой безпорядокъ, что она не знала, за что приняться: совсѣмъ растерянная, схватила фляжку съ водкой, всадила въ миску съ сметаной, выскочила въ спальню, швырнула миску на постель и попала въ своихъ малыхъ дѣтей. Дѣти закричали; Онися, не обращая на нихъ вниманія, выпихнула изъ спальни двухъ перепуганныхъ молодицъ въ свѣтлицу и въ полголоса пропищала:

— Берить стола, та выносьте черезъ двери!

Молодицы схватили столъ со всѣмъ добромъ и потащили, но не въ спальню, а въ сѣни. Гусары и ихъ дамы какъ разъ въ эту минуту ввалились туда, столъ со всѣми закусками застрялъ предъ ними въ дверяхъ и загородилъ имъ дорогу.

— Хорошая примѣта! замѣтилъ Казанцевъ: видно, что хозяинъ любитъ принимать гостей.

— И стричае насъ хлибомъ-силлю, прибавила Олеся.

— Эге, ще й съ пляшками та чарками! промолвилъ Балабуха, переступая порогъ.

Молодицы кое-какъ вытащили столъ и дали дорогу гостямъ. Гости вошли въ свѣтлицу, которую обыкновенно такъ чисто содержала Онисія Степановна. Теперь свѣтлица походила скорѣе на шинокъ: въ воздухѣ стоялъ водочный запахъ; трое забытыхъ крестьянками дѣтей валялись у печки и съ перепугу орали не своимъ голосомъ, по срединѣ валялись корки хлѣба, брошенныя подъ столъ кости, забытыя гостями шапки и рукавицы. На глазахъ у гостей о. Харитонъ собиралъ шапки и рукавицы; Онися схватила разомъ за руки троихъ дѣтей, выволокла ихъ въ «кимнату» и притворила двери. Балабуха съ Олесей, три ея сестры и десять гусарскихъ офицеровъ стояли предъ изумленными хозяевами.

— Извините! Кажется, мы не въ пору пріѣхали, заговорилъ Казанцевъ, обращаясь къ хозяину.

Хозяинъ стоялъ молча, опустивши руки и только посматривалъ съ изумленіемъ на раздѣвавшихся гусаръ и ихъ блестящіе, на его взглядъ даже смѣшные мундиры.

— Не во время и одинъ гость хуже татарина, продолжалъ Казанцевъ, а насъ такъ много.

О. Харитонъ какъ-бы не слышалъ сказаннаго.

— Мы, кажется, помѣшали вамъ; у васъ были гости, заговорилъ опять Казанцевъ.

О. Харитонъ только повелъ глазами въ сторону наймички, которая влетѣла съ вѣникомъ, чтобы подмести полъ.

На выручку о. Харитона, къ нему подошелъ Балабуха и трижды съ нимъ облобызался, поздравляя съ новымъ годомъ.

— Оце прыихали до васъ посыпать, та бачите, скильки насыпали вамъ гостей, заговорилъ онъ весело къ о. Харитону и сталъ знакомить съ нимъ нагрянувшихъ офицеровъ.

— Дуже ради; просимо покорно садиця, отвѣчалъ успокоенный о. Харитонъ.—Тильки выбачайте, по просту, по сильскому будемо васъ витати, добавилъ онъ, оглядывая офицеровъ.

Олеся между тѣмъ здоровалась съ Онисею и въ свою очередь представляла ей гусаръ. Первымъ подлетѣлъ Казанцевъ, брякнулъ шпорами, повернулся на каблукахъ и оставилъ замѣтный слѣдъ на глиняномъ полу. Тоже продѣлали всѣ другіе офицеры и вскованли полъ, какъ грядку подъ цвѣты.

— И де вона въ биса ихъ набрала стильки! думала про себя Онися, неуклюже отвѣчая на поклоны офицеровъ. Та ще й поодягали такъ, що, прости Господи, весь задъ видно. Тимъ-то мабуть вони и туляця коло грубы.

Олеся усѣлась на канапкѣ и закрыла носъ напрысканнымъ духами платкомъ; ея сестры переглядывались, перемигивались и пересмѣивались одна съ другой; гусары загоготали и завертѣлись по свѣтлицѣ, какъ у себя дома. Къ хозяину и хозяйкѣ они обращались съ разговоромъ и со всякими разспросами такъ, какъ-бы съ давнихъ поръ были съ ними знакомы.

— Здоровы-ли вы и какъ поживаете? присталъ къ Онисьѣ Степановнѣ Казанцевъ.

— Спасиби вамъ. Слава Богу, здорова до котрого часу, съ неохотой отвѣчала Онися, а между тѣмъ обвела гостей и стала соображать, сколько-то надо зарѣзать гусей и заколоть поросятъ для Олесиной компаніи.

— А ваши дѣти здоровы? Конечно, у васъ есть дѣти, продолжалъ Казанцевъ.

— Е, хвалити Господа, нехай Богъ не вменшае, и вси слава Богу здорови, отозвалась Онися, а про себя считала: по пивъ-гуски на кожного москалюгу, на благочинного пивъ-поросяты, на благочинну хиба курку, а на панпивъ зъ решты буде.

— Что-же, весело провели праздники? Бывали гдѣ въ гостяхъ? не отставалъ съ разспросами Казанцевъ.

Онися почти не слушала и все высчитывала: по пивъ-гуски зжеруть,—москалища здорови!—то пять гусокъ и порося, та треба мабуть зо три качки, або й билшъ, бо це зъ голодного краю гости.

— Ни, ще нигде не були въ гостяхъ. Мали йхати до батька писля завтра, едва собралась съ отвѣтомъ Онися, думая про себя: Ой пропадуть мои годовани гуси! Навезла Олеська цихъ пройдисвитивъ. А бодай ты була дорогою голову скрутила и соби и своимъ москалищамъ!

Къ довершенію огорченія, кто-то изъ офицеровъ, выглянувъ въ окно и завидѣвъ на дворѣ огромное стадо гусей, почти вскрикнулъ:

— Ахъ, какое множество у васъ гусей! Ей, ей полъ-двора! Я еще нигдѣ не видалъ столько гусей.

— Такъ воно и е! подумала Онися: це вона навезла сеси голодной галечи на мои гуси.

— Хвалити Бога, сёго року въ насъ гуси добре вывелись, поддержалъ офицера о. Харитонъ: та й поросятъ выплодилось чимало.

— Цей дурень самъ выкаже, чого имъ зувсимъ не треба знать, подумала Онися и добавила въ слухъ:

— Слава Богу, выплодилось багато, та половину вовки росхапали въ чагаряхъ.

— А все таки для госпожи благочинной на вечерю зоставили, поправилъ жену о. Харитонъ, осклабившись предъ Олесей.

— Какъ вижу, ваши вовки очень любезны, замѣтилъ Казанцевъ, если оставили еще на ужинъ. У насъ, какъ станутъ хватать, такъ ничего ужъ не оставятъ.

— Ну, что? какъ ваши волы да коровы? обратился къ о. Харитону одинъ изъ офицеровъ, чтобы сказать что нибудь.

— Слава Богу, вси цили, тильки безрога корова забигла десь у богуславськiй лисъ.

— А знайшли-жъ, чи й доси тамъ гуляе? съ усмѣшкой спросила Олеся, искоса подмигнувъ Казанцеву.

Онися замѣтила это и не на шутку обидѣлась.

— Вона зъ мене сміеться зъ своимъ паскуднымъ москалемъ. Потривай-же! думала Онися. Посьміюсь и я съ тебе и съ твого милого. Казавъ мени жидъ кравець, що ты ввечери нишкомъ одъ свого чоловика бигаешь до сёго гусара. Ижъ тоби отдячу.

— Что-то я никакъ не согрѣюсь, закинулъ одинъ гусаръ, вертясь по комнатѣ и потирая руки.

— И я, кажется, прозябъ, отозвался другой, подпрыгнувъ на каблукахъ.

Допоминаються по чарци, подумала Онися, а о. Харитонъ и прямо заявилъ:

— Треба по чарци та по другій, то й нагріетесь.

Онися вышла въ «кимнату» и вынесла большущую фляжку водки и миску пироговъ съ начинкою. Гусары съ ожесточеніемъ набросились на водку и въ одинъ мигъ опорожнили миску съ пирогами. Онися подбавила водки и пироговъ. Гусары пошли угощаться, не ожидая приглашенія со стороны хозяина. Поднялся говоръ, шумъ, какъ прежде въ компаніи мужичьей.

— Скажите, батюшка, обратился къ о. Харитону Казанцевъ: нельзя-ли у васъ достать какихъ либо музыкантовъ? Мы, знаете-ли, немножко потанцовали-бы у васъ.

— Де вже въ насъ достати музыкантивъ! Хиба покликати старого Шмида, промолвилъ нерѣшительно отецъ Харитонъ.

— Отъ выгадавъ людямъ на смихъ, замѣтила мужу Онися.

Олеся, закрывшись платкомъ, безъ удержу смѣялась. Онися глянула на нее, какъ будто пятакъ ей подарила.

— А чомъ-же? вздумалъ поправиться о. Харитонъ: тамъ якъ утне козака на лири, то й музыкъ не треба.

— Вотъ, вотъ, именно казака! воскликнулъ съ жаромъ Казанцевъ. Позовите въ самомъ дѣлѣ: я отродясь не танцовалъ подъ лиру. Это должно быть очень интересно.

Отецъ Харитонъ послалъ за Шмидомъ; но тотъ узнавъ, что его зовутъ играть предъ офицерами, схватилъ шапку въ охапку и бѣжалъ въ Чайки. Гусары вертѣлись съ дамами безъ музыки. Онися, глядя на вертѣвшуюся благочинную, смѣялась ей въ глаза. Танцы однако не клеились. Чтобы вознаградить гостей за эту неудачу, о. Харитонъ предложилъ офицерамъ, не желаютъ-ли они отвѣдать варенухи.

— Ахъ, да! это у васъ напитокъ какой-то. Пожалуйста; очень будемъ рады, отвѣчалъ за всѣхъ Казанцевъ.

— А вы ще зъ роду не пили? спросилъ о. Харитонъ.

— Съ роду не пилъ.—Но это, говорятъ, что-то очень оригинальное и очень вкусное, сказалъ въ отвѣтъ Казанцевъ.

— Не знаю, яке вже воно тамъ *вышчальне*, пояснялъ о. Харитонъ, а що смачне, то такъ. Та й мицне-жъ! Якъ ударить у голову, то й за ничъ не прочумаешся.—Ожъ зварить липъ намъ, Онисіе Степановно, варенухи; нехай гости покуштують, прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ.

Онися вышла въ кухню, распорядилась ужиномъ и послала за старостихой, чтобы та сварила варенуху.

Ужинъ поспѣлъ не скоро и гусары къ тому времени проголодались. За ужиномъ они ѣли не меньше, какъ прежде пили. Предусмотрительность Ониси была совсѣмъ не лишняя, иначе ей пришлось-бы краснѣть за недостатокъ кушанья. Припрашивать гусаръ въ питьѣ также не приходилось: они сами распоряжались водкой и наливками, извинялись даже въ этомъ предъ хозяиномъ, заявляя, что дѣлаютъ такъ, не желая утруждать его лишними хлопотами. О. Харитонъ въ отвѣтъ имъ только кланялся, приговаривая: «кушайте на здоровячко»! Къ концу ужина съѣдено и выпито было почти все. Гусары наклюкались до того, что едва ворочали языками; а тутъ вдругъ варенуха. Опробовали, вошли во вкусъ и пошли пить цѣлыми стаканами.

— Ну, да и сильный-же этотъ медвѣдь! проговорилъ не твердымъ языкомъ Казанцевъ, ознакомившійся съ иносказательнымъ названіемъ напитка. Если допить до конца, то вѣрно и въ дверь не попадешь.

Медвѣдь дѣствительно крѣпко стукнулъ по офицерскимъ головамъ; спертый воздухъ, табачный дымъ довершили остальное. Офицеры не соображали уже, что они говорятъ и что дѣлаютъ: разстегнули мундиры, развалились на стульяхъ, затянули солдатскую пѣсню, лѣзли къ хозяину и другъ къ другу цѣловаться, заговорили всякій вздоръ, произнося подъ часъ не совсѣмъ пристойныя слова. Отуманенный совсѣмъ Казанцевъ подошелъ къ Олесѣ, взялъ ее за талію и положилъ свою голову на ея плече...

Онисія Степановна вскрикнула и выбѣжала въ свою комнату; о. Харитонъ опустилъ глаза; Балабуха вскочилъ со стула и выта-

рацилъ глаза. Олеся вырвалась изъ рукъ Казанцева и отскочила отъ него.

— Олесю, одягайся! йдьмо до дому! крикнулъ Балабуха и съ этими словами выскочилъ на дворъ и велѣлъ запрягать лошадей.

Гусары не слушали Балабухи, подхватили Олесю и ея сестеръ и пошли танцовать. Подкованные каблуки взрывали смазанный глиною полъ, глина летѣла на стулья, поднялась пыль столбомъ. Балабуха едва могъ вырвать изъ рукъ мертвецки пьяныхъ гусаръ жену и свояченицъ, помогъ имъ одѣться и вывелъ на крыльце. Гусары накинули свои шинели, распрощались, какъ попало, съ хозяевами и пустились за своими дамами. Казанцевъ схватилъ Олесю подъ руку и хотѣлъ усадить ее съ собою, но Балабуха не допустилъ и, усѣвшись съ женой, крикнулъ кучеру: «пошелъ»! Сестры Олеси, вскочивъ въ ближайшія сани, ускакали за ними. Гусары съ большимъ трудомъ размѣстились въ оставшихся саняхъ и пустились догонять дамъ. Всю дорогу Балабуха не сказалъ женѣ ни слова; Олеся въ свою очередь молчала, молча и пріѣхали домой.

О. Харитонъ и Онися по отъѣздѣ гостей только руками разводили, стоя въ своей свѣтлицѣ. Дымъ стоялъ столбомъ, на столѣ страшный хаосъ, полъ изрытъ и загаженъ, точно стадо на немъ ночевало, стулья торчали въ разбродъ, иные были опрокинуты.

— Ну, та й наробила-жъ благочина! Правдиву закуцію навела. А той москалище при всихъ іи обнимае. Чортъ-ма ёму стыда й сорома, говорила Онися, срывая свою досаду.

— Звистно, господа, только и могъ добавить смирный всегда о. Харитонъ.

Спустя два дня Онися поѣхала въ Чайки съ своимъ родителямъ и разсказала все матери, а оттуда проѣхала еще къ Мелхиседеку и тамъ не пожалѣла языка, чтобы выставить Олесю съ самой дурной стороны. О. Мелхиседекъ не замедлилъ побывать у Балабухъ и передать благочинной, что разсказываетъ про нее Онися. А Онися всѣмъ твердила одно и тоже, прибавляя: «не боюсь я іи!», и даже бывшимъ у нея жидамъ портнымъ сообщила, что только знала о благочинной. Жидки разнесли тѣ вѣсти по цѣлому уѣзду.

Между тѣмъ Балабуха, по возвращеніи домой, не счелъ возможнымъ ограничиться и на этотъ разъ однимъ молчаніемъ. Войдя

въ комнату Олеси и притворивъ дверь, онъ приступилъ къ ней съ укорами. Олеся разсердилась и надулась.

— Якъ ты сердишся на мене, то три дни мовчишъ. Лучче зробишъ, якъ и теперъ мовчатимешъ, сказала она съ гнѣвомъ: хиба я винна, що пьяный Казанцевъ причепився до мене?

— Якъ-бы не була винна, то винъ-бы не чиплявся до тебе. Не дурно-жъ ты все тягнешъ мене до ёго въ гости: не дурно за нимъ двери у насъ николи не зачиняються. Я ёго не пущу въ свою хату, выжену, якъ собаку.

— Казанцевъ хоть говорить до мене; а ты по тиждню мовчишъ и слова до мене не промовишъ.

— Я и всихъ гусаривъ съ хаты повыгоню!

— Якій смиливый! Здаеться, гусаринъ не жидъ, або якій ляшокъ. Гусаривъ не безпечно зачипаты,—воны тоби й бороду одрижуть, сказала Олеся.

— Ну, вже-жъ и ты не будешъ пройзджатись зъ Каканцевымъ: я тебе не пущу.

— Я й сама пойду. Гусары не вовки, мене не ззидять.

— Побачимо. А тымъ часомъ щобъ ты знала, що я того не стерплю, щобъ ты кохалась та залицялась зъ якимсь пройдисьвитомъ, та вводила мене й себе въ славу.

— Атъ, нема намъ чого говорити зъ тобою. Йди лучше спати! крикнула Олеся и повернулась къ мужу спиною.

Балабуха хлопнулъ дверью и отправился спать. Весь слѣдующій день батюшка и матушка не говорили другъ съ другомъ ни слова. Балабуха занялся скопившеюся къ новому году отчетностію, Олеся приводила въ порядокъ свои спутанныя впечатлѣнія и изорванное гусарами платье. Она однако ни мало себя не винила.

Чи-жъ я винна, думала про себя Олеся, що той гусаринъ лучче одъ мого Марка, що полюбила я ёго такъ, що теперь мабуть и смерть не розлучить мене зъ нимъ? Чоловикъ сердиться, то й нехай соби сердиться; не хоче до мене говорити, то й я не буду до ёго говорити.

Не говорили и второй день Балабуха съ Олесею. На третій день вечеромъ запелъ Казанцевъ съ товарищами; Олеся какъ будто воскресла. Пошла веселая болтовня: припоминали Ольшаницу, варенуху, простодушнаго о. Харитона, смѣялись, хохотали, какъ ни въ

чемъ не бывало. Балабуха не выдержалъ, схватилъ шапку и пошелъ къ сосѣду священнику за Рось, откуда вернулся домой лишь въ полночь. Гости ушли; Олеся заперлась въ своей комнатѣ. Балабуха досталъ свой дневникъ и сталъ записывать впечатлѣнія минувшихъ дней. Много скорбныхъ чувствъ, безотрадныхъ, близкихъ къ отчаянію мыслей было вылито имъ на бумагу. Подъ напоромъ ихъ не выдержалъ Балабуха, всталъ съ мѣста, палъ на колѣни предъ образомъ и долго, горячо молился, обливаясь слезами,—молился о томъ, чтобы Богъ обратилъ обезумѣвшую жену на путь истины и послалъ въ его жилище миръ и покой.

Вмѣсто желаннаго мира и покоя въ слѣдующее воскресенье явился къ нему въ домъ Казанцевъ съ полковымъ оркестромъ. Это Олеся запросила нарочито офицеровъ на танцы, выписала снова своихъ сестеръ, пригласила нѣкоторыхъ городскихъ дамъ и задала жестокую вылиску. Балабуха руки опустилъ. Онъ сталъ впадать въ апатію, сидѣлъ въ своей комнатѣ съ чубукомъ въ рукахъ и безъ перерыву курилъ, совершенно безъучастно относясь къ затѣямъ жены и сводившей ее съ ума гусарской компаніи. Что ни воскресенье, появлялись всей гурьбой гусары съ оркестромъ, по всему дому раздавался гулъ, шумъ, гамъ, смѣхи и танцы. Балабуха сидѣлъ въ своей комнатѣ, ничего не слышалъ, ни чего не видѣлъ;его мысли летали гдѣ-то далеко, уходили въ глубь его души, замирали въ истерзанномъ сердцѣ. Въ свою очередь и на него собиравшаяся компанія привыкла не обращать уже никакого вниманія, какъ будто-бы онъ былъ содержатель заѣзднаго дома, или его совсѣмъ дома не было.

Олеся веселилась, когда неожидано на ея голову свалилось великое горе. Казанцевъ съ товарищами памѣтили въ винномъ погребкѣ жидовочку Хайку, дочь винарщика, молоденькую, шестьнадцати лѣтъ, дивной красоты. Гусары кинулись на новинку и скоро въ сердцѣ Казанцева мѣсто Олеси заступила Хайка. Казанцевъ съ товарищами сталъ рѣже бывать у Олеси и чаще появляться въ винарнѣ Шмуля, чтобы полюбоваться его восхитительной дочкой. Хайка до тѣхъ поръ подавала вино гусаралъ, пока не влюбилась на смерть въ Казанцева. Послѣдовало нѣмое объясненіе; Казанцевъ занялся Хайкой, чтобы довести новую интрижку до желаемаго конца. Цѣлую недѣлю Казанцевъ не показывалъ глазъ къ Олесѣ; по цѣлымъ часамъ она сидѣла у окна, тщетно высматривая его.

Казанцевъ не показывался. Однажды Олесю взяла страшная тоска, она накинула не себя шубу и пошла на рынокъ, въ надеждѣ гдѣ либо встрѣтить Казанцева и затянуть его къ себѣ. Былъ базарный день. Часть торгующаго люда уже разъѣхалась, очистивъ отъ запруды торговую площадь и проходящую чрезъ нее дорогу; остались продавцы, которые торгуютъ за полдень. По одной сторонѣ площади на утоптанномъ снѣгу разложено было необозримое множество всякой глиняной посуды, по другой сидѣли торговки съ бубликами, гречаниками, блинами, вареным мясомъ, жареной рыбой и паляницами, стояли столы мѣнялъ, лотки съ пряниками, маковниками, коробки офеней съ разнымъ товаромъ, а далѣе рядъ ушатовъ съ смолою и дегтемъ. Рядовые гусары сновали по рынку, иные несли на плечахъ вязки сѣна.

Олеся завидѣла издали гусаръ и у нея отлегло немного на сердцѣ,—мелькнула надежда встрѣтиться съ Казанцевымъ. И точно, какъ только она вышла на средину рынка, на встрѣчу ей вылетѣла изъ-за пригорка кавалькада офицеровъ, а по срединѣ ихъ самъ Казанцевъ. Кавалькада неслась, какъ вихрь, и на глазахъ Олеси пронеслась по обоимъ рядамъ торговцевъ и торговокъ. Тѣ едва успѣли отскочить. Затрещали подъ копытами лошадей горшки, миски, полумиски, яндолы, золійники, макитры, близнюки и глечики, полетѣли черепки на всѣ бока, зазвенѣли деньги мѣнялъ, покатились во всѣ стороны бублики и булки, разлетались по воздуху пряники, маковники, куски мяса и рыбы, брызги смолы и дегтя облѣпили покупателей и продавцевъ. Поднялся крикъ и гвалтъ невообразимый. Торговцы и торговки разсыпались, собирая и приводя въ порядокъ свой товаръ, разметанный во всѣ концы и на половину или совсѣмъ уничтоженный. Жиды кричали: *гвалтъ!* жидовки: *ай вей миръ!* бѣдныя «сидухи» плакали на весь базаръ, гончари и дегтяри отплевывались и отряхались, проклиная, на чемъ свѣтъ стоитъ, гусаръ. «Быйихъ сила Божа, тихъ проклятихъ москаливъ? И звидкиля вони взялись? Бодай вы роспропали, псяюги, бодай вы страшного суда не диждали!»...

Олеся тщетно махала платкомъ на Казанцева; Казанцевъ повернулъ прямо къ Шмулю, за нимъ поскакала вся кавалькада. Потерпѣвшіе кинулись къ позковнику, но тщетно: товаръ пропалъ «такъ и на сей день», какъ говорили они. Олеся прошла мимо

винарни, заглянула въ окна; Казанцевъ пилъ съ дружиною, отворачивая голову. Олеся все гуляла невдалекѣ и только подъ вечеръ подстерегла своего милаго на возвратѣ изъ винарни и затащила его къ себѣ. Весь вечеръ она хохотала надъ продѣлкой гусаръ. Но это была уже послѣдняя, одна изъ самыхъ дикихъ ихъ проказъ въ Богуславѣ. Настала весна; зазеленѣли вербы вдоль Роси, показалась трава надъ ея берегами. Казанцевъ принесъ Олесѣ страшную вѣсть: гусарамъ назначено выступать изъ Богуслава.

Олеся поблѣднѣла, какъ мѣлъ, потомъ, придя въ себя, зарыдала и бросилась Казанцеву на грудь. Казанцевъ сидѣлъ, молча, какъ истуканъ; онъ думалъ про свою Хайку.

— Мій милый, мій дорогій! Якъ ты пойдешъ, то я вмру, не переживу и одной годины безъ тебе. Цей домъ, и Богуславъ, будуть для мене гирше тюрьмы, гирше лютого пекла, говорила Олеся, рыдая.

— Не плачь, душа моя! Я тебя не забуду, никогда не забуду, утѣшалъ ее Казанцевъ.

— Та що мини зъ того, що ты мене не забудешъ, коли я тебе биляше вже не бачитиму?

— Я тебѣ оставлю мой портретъ. А тамъ, дастъ Богъ, я какъ нибудь пріѣду къ тебѣ и мы увидимся.

— Э-э-э!.. Пойдешъ та й забудешъ про мене. Я тебе ни за що въ сьвити не покину, пиду пишки сьлидкомъ за тобою!

— Вотъ несчастье! Пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ потащится, думалъ Казанцевъ, не выпуская изъ мысли Хайки.

— Я готова йти за тобою хочъ на край сьвита! Пиду за тобою, де ступить твоя нога, буду їздити за тобою и дивитись на тебе. Серце мое! не кидай мене, бо я вмру. Я тебе одного полюбила щиро, гаряче, якъ никого николи не любила! Возьми мене зъ собою! крикнула Олеся и опять пала на грудь Казанцеву и сжала его въ своихъ объятіяхъ.

Казанцевъ только поглядывалъ на двери: онъ очень боялся, чтобы какъ нибудь не вошелъ сюда Балабуха и не засталъ его въ такомъ положеніи.

— Милый мій, моя рыбонько! пойду я съ тобою! Визьми мене, а то сьлидкомъ буду бигти за твоимъ конемъ черезъ мисто.

Вотъ напасть, ей Богу! думалъ Казанцевъ, которому Хайка дала уже клятву, что уйдетъ съ нимъ отъ отца. Какъ же я буду выкрадывать обѣихъ разомъ?

— Ну, хорошо, хорошо, моя милая! сказалъ онъ потомъ Олесѣ. Не оставлю я тебя, возьму съ собою. И вотъ какъ: ночью я подъѣду къ вашему саду, а ты выйдешь ко мнѣ чрезъ садъ и мы укатимъ далеко, далеко!

Олеся вскочила съ мѣста, страшно захохотала, стала бѣгать по комнатѣ, ломала руки, закидывала голову назадъ, кидалась Казанцеву на грудь, рыдала и вновь начинала бѣгать по комнатѣ и хохотать. Казанцеву показалось, что она совсѣмъ сошла съ ума. Онъ выглянулъ въ сѣни, притворилъ двери и боязливо оглядывался во всѣ стороны, пока Олеся не успокоилась. Придя въ себя, она сѣла подлѣ Казанцева, положила голову на его плече и какъ будто заснула.

Послышался скрипъ дверей въ сѣняхъ: то Балабуха прошелъ въ свою комнату чрезъ сѣни. Казанцевъ тихонько приподнялъ голову Олеси, взялъ киверъ и какъ котъ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

— Ну, накликалъ-же я себѣ бѣду! думалъ Казанцевъ, удирая въ винарню къ жидовочкѣ Хайкѣ. Это какая-то сумасшедшая попадья; она пожалуй и въ самомъ дѣлѣ побѣжитъ за мною среди бѣлаго дня чрезъ весь Богуславъ, поплетется слѣдомъ за нами. Надѣлаетъ тогда хлопотъ, да и товарищи потѣшаться станутъ. Погоди же, матушка! я тебѣ отучу отъ непрошенныхъ нѣжностей.

Прошло недѣли двѣ послѣ того: зацвѣли сады, защелкали соловьи въ лугахъ и садахъ по-надъ Росью; распустилась весна, какъ пышная красавица-дѣвица. Олеся гуляла въ своемъ саду и только и думала о томъ, какъ она выѣдетъ изъ Богуслава съ своимъ милымъ. Только что она спустилась по дорожкѣ къ Роси, какъ ее догналъ Казанцевъ.

— Завтра на разсвѣтѣ выступаемъ, шепнулъ онъ на ухо Олесѣ: не спи, жди меня! Въ полночь я тихо подъѣду и постучусь въ окно. Будь готова и скорѣе открывай окно. Я тебя отвезу въ корчму, что въ лѣсу по дорогѣ въ Корсунъ. Тамъ ты будешь ожидать меня, я же возвращусь на время къ полку, такъ какъ мнѣ надо выступать съ полкомъ. Ну, а потомъ пошлю впередъ фургонъ, ты садись въ него, закрой окна и жди. Какъ только полкъ дойдетъ до корчмы, я сяду съ тобою и покатимъ вдвоемъ, моя милая! Пріѣдемъ въ

Петербургъ, увидишь тамъ дворцы... Будемъ танцовать на балахъ, каждый день шампанское будемъ пить, чортъ побери!..

У Олеси отъ радости и страха ноги задрожали. Она увела за руку Казанцева въ самую чащу вербъ и вишенъ и усѣлась съ нимъ на камнѣ у самой воды. Надъ головами ихъ распѣвалъ соловей, съ противоположнаго берега Роси доносился стукъ мельничныхъ колесъ и шумъ падавшей по нимъ воды, по срединѣ клокоталъ водопадъ, а у ногъ ихъ выступалъ изъ воды молодой очеретъ и острыми зелеными стрѣлками окаймлялъ широко раскинутое платье Олеси. Въ упоеніи восторга Олеся кинулась Казанцеву на грудь.

— Полно, полно, душа моя! Некогда; мнѣ пора домой, надо въ дорогу собираться.

Казанцевъ поцѣловалъ Олесю, схватился и бѣгомъ пошелъ на гору. Олеся сидѣла на камнѣ, какъ мертвая, потомъ встала и тихо побрела вверхъ. Ставъ у бесѣдки, она окинула глазами все за-Росье и свой садъ. Вечеръ горѣлъ тихимъ пламенемъ вечерняго свѣта, разливавшагося по скалистому берегу Роси, по густо-заросшему саду и отбивавшаго красноватымъ оттѣнкомъ на высокомъ холмѣ вдоль по Роси, гдѣ стоялъ монастырь, и на бѣлыхъ его стѣнахъ. Олеся восхитилась невольно, глядя на всю эту красу; но вспомнила мужа и почувствовала, что ей не жаль покинуть все это, какъ и его самаго. Дѣтей у нея не было, а мужа она не любила.

— Тебе тильки, мій милый, я люблю, тебе одного на всимъ свити! Тебе одного я не покину! мечтала Олеся, переносясь мысленно въ квартиру Казанцева.

Олеся поужинала вмѣстѣ съ мужемъ, но не промолвила къ нему ни слова и ушла не попрощавшись. Балабуха привыкъ къ этому и не удивился и на сей разъ. Затворившись потомъ въ своей спальнѣ, Олеся повынимала изъ сундука лучшія свои платья, достала кое-что изъ бѣлья и верхней одежи, завязала все въ большой платокъ, потушила свѣчку и, не раздѣваясь, легла на кровать и прикрылась одѣяломъ. Она ждала и чутко прислушивалась ко всему. Отъ крайняго возбужденія нервовъ ее попеременно бросало то въ холодъ, то въ жаръ. Часы пробили двѣнадцать, а Казанцева не было. Время тянулось, какъ тяжелая болѣзнь. Пробилъ и часъ, на дворѣ было тихо и мертво. Но вотъ послышался легкій стукъ колесъ на улицѣ; возъ подъѣхалъ и остановился, что-то зашуршало у плетня. Олеся вскочила

съ кровати, кровь ударила ей въ голову, ей казалось будто искры посыпались у нея изъ глазъ и вся комната какъ-бы молніей освѣтилась. Олеся кинулась къ окну и сразу разглядѣла въ темнотѣ стройную фигуру Казанцева; она раскрыла окно; Казанцевъ схватилъ ее подъ руки и вытащилъ изъ окна на огородъ.

— Тамъ за викномъ на стильци лежить моя одежа, прошептала Олеся; вытягни іи.

Казанцевъ насилу протащилъ чрезъ окно большущій узелъ, донесъ до плетня и бросилъ на возъ. Перепрыгнувъ потомъ самъ чрезъ плетень и пересадивъ Олесю прямо въ возъ, Казанцевъ въ одинъ прыжокъ усѣлся, схватилъ вожжи и ударилъ по лошадямъ. Лошади понеслись стрѣлой и Казанцевъ съ Олесей мигомъ очутились уже въ лѣсу.

Двѣ темныя стѣны свѣже распустившихся деревьевъ стояли по обѣ стороны дороги; на востокѣ обозначалась уже красноватая полоса. Казанцевъ гналъ лошадей изо всей силы; Олеся ухватилась за шею его руками, чтобъ не выпасть изъ воза.

— Чи памятаешъ, мое сердце, якъ мы летили цимъ шляхомъ зимою; якъ ты вперве сказавъ тутъ, що любишъ мене? нѣжно заговорила Олеся къ Казанцеву.

Казанцевъ гналъ лошадей и молчалъ.

— Чи памятаешъ, якій иній тоди выпавъ, якъ дивно сьвитивъ мисяць? Я все памятаю!—Памятаю той вечиръ и те мисце въ лиси, де ты признавався, що любишъ мене. А ты памятаешъ? спрашивала Олеся.

Казанцевъ молчалъ и пуще прежняго гналъ лошадей. Онъ спѣшилъ, ему надо было еще выкрасть Хайку, а на горизонтѣ занималась уже заря.

У темной стѣны лѣса забѣлѣла корчма.

А ось и та корчма, де гравъ колись оркестръ! А ось за корчмою и ти липы, пидъ которими мы пили шампаньске, говоритъ Олеся.

Казанцевъ подкатилъ къ корчмѣ и осадилъ лошадей. Поспѣшно соскочилъ онъ съ воза, снялъ Олесю и сталъ стучаться въ дверь. Корчмарь спалъ, какъ убитый. Казанцевъ дернулъ дверями такъ, что чуть не высадилъ ихъ.

Въ корчмѣ послышался хриплый голосъ жида: хто тамъ?—Ось заразъ, заразъ! отозвался жидъ.

Въ окнѣ блеснулъ огонекъ, скрипнули двери, въ дверяхъ показался заспанный жидъ.

— Пусть у тебя въ хатѣ посидитъ эта пани. Черезъ часъ я заѣду, сказалъ Казанцевъ.

— Про мене, нехай сидять соби хочъ и цилый день. Може треба конямъ вивса, або сина? спросилъ корчмарь.

— Ничего не надо, сказалъ Казанцевъ, вводя Олесю за руку въ корчму.

Жидъ поставилъ на столѣ маленькій огарокъ сальной свѣчки въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, прошелъ въ чуланъ, затворилъ за собой дверь и легъ спать. Казанцевъ обнялъ Олесю, поцѣловалъ и, выступая за порогъ, торопливо проговорилъ: прощай и жди! Чрезъ часъ я буду здѣсь.

Двери затворились; опорожненный возъ сильно застучалъ и вихремъ понесся назадъ. Стукъ колесъ затихалъ и наконецъ совсѣмъ замеръ. Олеся положила свой узелъ на лавку и сама сѣла въ концѣ стола. Въ корчмѣ стало тихо, и только спавшіе жиды сопѣли въ чуланѣ. Огарокъ шабасковой свѣчки чуть-чуть мерцалъ на столѣ. Олеся сидѣла, опершись локтемъ объ столъ и подперевъ голову ладонью. Чуть-чуть замѣтный свѣтъ отъ огарка падалъ на покрывшееся густой краской горячее ея лице. Черные глаза ея блестѣли какимъ-то необычайнымъ свѣтомъ подъ нависшими и слегка припухшими вѣками. Олеся сидѣла, будто мертвая, глядѣла на огарокъ и даже его не видѣла. Всѣ ея думы неслись въ слѣдъ за милымъ. Она не примѣчала огромной бочки съ водкой, стоявшей у порога, не чувствовала тяжелаго промзглаго воздуха въ корчмѣ.

Вдругъ огарокъ вспыхнулъ, затрещалъ, запалъ въ подсвѣчникъ и сразу погасъ.

Олеся рванулась къ нему, немного приподнялась и снова упала на лаву. Въ корчмѣ стало темно, Олеся очнулась.

— Боже мій! Де це я? Що це зо мною діеться? Я їхала, летила зъ нимъ, якъ птиця, на якихсь прудкихъ коняхъ, потимъ мы стали..., потимъ винъ вставъ зъ воза и всадивъ мене... кругомъ чорный лисъ... корчма, якійсь жидъ. Боже мій, я втикала зъ нимъ. Я теперъ въ корчми...

Олесѣ стало страшно. Она оглянулась вокругъ: окна едва обозначались легкимъ сѣрымъ свѣтомъ въ густомъ мракѣ: столъ,

лавки, стѣны, бочка—все было покрыто непроглядной тьмой: одна лишь огромная печь выступала изъ угла въ какомъ-то неясномъ очертаніи, наводившемъ страхъ. Олеся вспомнила, что она ждетъ Казанцева. Она повернула глаза къ окну, напрягла все свое вниманіе и стала прислушиваться, не застучитъ-ли возъ въ лѣсу.

Несвязныя мысли носились и путались въ головѣ Олеси, какъ въ лихорадкѣ. И чудится ей: шумитъ лѣсъ, а средь шума гдѣ-то далеко застучалъ возъ и все больше приближается къ корчмѣ; вотъ уже у корчмы мигнули рослые кони, кто-то встаетъ съ воза и бѣжитъ къ дверямъ; двери тихо отворились и на порогѣ сталъ Казанцевъ, освѣщенный чуть замѣтнымъ свѣтомъ.

Олеся схватилась съ мѣста и кинулась къ дверямъ. Казанцевъ исчезъ и она ударилась только руками въ черныя двери. Олеся оглянулась на комнату, черная бочка какъ будто шевельнулась, закачалась печь и темныя дверцы сами собой отворились...

Олеся вскрикнула и выбѣжала на дворъ. На дворѣ уже разсвѣтало. На востокѣ поверхъ лѣса разгоралась чудными, розовыми и желтыми полосами зарница. Свѣжій утренній вѣтерокъ обвѣялъ и освѣжилъ горячее лице Олеси: она пришла къ себя и начала оглядываться вокругъ. Верхушки лѣса освѣтились подъ чистымъ прозрачнымъ небомъ; внизу можно было разглядѣть широкую гладкую дорогу.

— Серце мое, милый мій! Чого ты такъ забарився? На що ты такъ мучишъ мене? шептала Олеся, тихо двигаясь подъ высокими липами.

Олеся сѣла на завалинѣ, свѣсивъ нѣсколько голову внизъ. Прямо передъ нею, внизу двухъ сходившихся за корчмою стѣнъ густого лѣса виднѣлось темное отверстіе,— то узенькая дорожка уходила въ чащу лѣса, какъ въ темный погребъ. Олеся заглянула въ эту темную продушину и ее охватилъ невыразимый страхъ. Разбойники, волки, вѣдьмы, русалки и всякія дива носились въ ея разстроенномъ воображеніи. Она отвела глаза отъ страшной продушины и повернула голову въ другую сторону. Тамъ у самой корчмы росли высокія березы съ густо нависшими вѣтвями и давали такую-же страшную тѣнь. Олесѣ припомнились вдругъ всѣ пугавшіе ее въ дѣтствѣ разсказы про цвѣтъ папоротника, про то, какъ нечистая сила стережетъ этотъ цвѣтъ, какими ужасами она стращаетъ людей, и передъ ея глазами запрыгали черныя рогатыя фигуры съ

козлиными лицами и бородами, съ острыми бѣлыми зубами, съ огненными глазами; особо два глаза, какъ два горящіе угля, сверкнули предъ ней въ темной чащѣ березняка... Олеся вскочила съ завалины и выбѣжала на большую дорогу, проходившую впереди корчмы. По краямъ горизонта, выдвигавшимся изъ-за вершины лѣса, разлился яркій свѣтъ восходящаго солнца и прогналъ всѣ ея страхи.

Становилось все яснѣе и свѣтлѣе; гдѣ-то далеко внизу надъ Росью защелкали соловьи; верхушки лѣса заблестѣли яркимъ свѣтомъ. Лѣсъ стоялъ еще подъ тяжелою росою и какъ-бы въ сладкой дремотѣ слушалъ соловьиныя пѣсни. На вѣтвистомъ дубѣ чуть слышно пронищала птичка, встрепенула крыльцами на вѣткѣ и стряхнула крупныя капли росы; откуда-то пронесся воробей, чирикнулъ на лету и порхнулъ подъ крышу. Олеся совсѣмъ опомнилась и начала ходить впередъ и назадъ по широкой дорогѣ.

— Отъ-отъ загуркотитъ шарабанъ, и я буду на вики счастлива! думала Олеся, посматривая на дорогу. А шарабанъ не гуркотѣлъ. Только птички щебетали на всѣ лады въ лѣсу и по лугу и наполнили воздухъ своими пѣснями.

Солнце выдвигалось изъ-за лѣса: лѣсъ открылся во всей утренней своей красѣ. Съ вершины горы, сквозь узкую прогалину пробился солнечный свѣтъ и яркимъ пламенемъ брызнули изъ-за горы какъ-бы раскаленные въ огнѣ и острые, какъ иглы, лучи его. Издалека, отъ города понеслись звуки оркестра и тихими мелодіями понеслись по долинѣ Роси и слились съ пѣснями соловья. Олеся услышала эти мелодіи, какъ сквозь сонъ, и вся задрожала.

— Гусары выступаютъ зъ города, подумала Олеся и засмѣялась. Она кинулась въ корчму, схватила свой узелъ и побѣжала по дорогѣ на встрѣчу гусарамъ.

— Отъ-отъ выскочитъ зза горы вороный конь! Отъ-отъ загуркотитъ шарабанъ! думала Олеся, спускаясь въ долину.

Она вышла на гору, а коня и шарабана нигдѣ не было видно, спустилась въ другую долину и вновь взошла на горку,—никто не ѣхалъ и не шелъ. Олеся устала и задыхалась. Она бросила тяжелый узелъ и упала на землю.

Солнце высоко поднялось на небѣ; лѣсъ горѣлъ яркимъ свѣтомъ; звуки военной музыки давно затихли. Впереди за холмомъ послышался стукъ колесъ. Олеся вскочила на ноги и побѣжала

впередъ. Изъ-за холма показался простой драбничатый возъ, а на возу сидѣлъ мужикъ.

— Тебе пославъ сюды Казанцевъ? спросила его Олеся.

Мужикъ вытаращилъ глаза, сдерживая разбѣжавшуюся лошаденку.

— Мене нихто не посылавъ; я самъ соби йду по своему дилу, отвѣчалъ онъ какъ-то нехотя.

— А далеко йдуть гусары? спросила вновь Олеся.

— А хиба я знаю. Вони выйшли кіивськимъ шляхомъ, а чи далеко одійшли, то про те хто ихъ тамъ знае, бо то зувсимъ въ другу сторону, отвѣчалъ мужикъ, искоса поглядывая на Олесю.

— Кіивськимъ! крикнула Олеся не своимъ голосомъ и не дослушавъ мужика, засыпала его новыми вопросами: а може ты стрився зъ якимъ гусарскимъ офицеромъ? Не йдуть сюды яки гусарськи офицеры? Чи не бачивъ ты чорного шарабана?

— Кажу вамъ, вси офицеры и шарабаны поихали кіивськимъ шляхомъ, пробурчалъ мужикъ и ударилъ по лошаденкѣ.

Олеся выпустила изъ рукъ узелъ и упала на него. Страшная мысль мелькнула въ ея головѣ: а може винъ пиддуривъ мене, насміявся зъ мене? Алежъ, чи винъ-же не кохавъ мене! Чи винъ-же не клявся, не присягався!

Олеся подняла тяжелый узелъ и уже не несла, а тянула его за собой. Взобралась она еще на одну горку; оттуда показался уже на горѣ Богуславъ и видна была вся дорога, до самаго Богуслава. Внизу по дорогѣ тамъ и сямъ сновали пѣшіе и проѣзжали на возахъ, но нигдѣ не видно было ни одного синяго мундира.

Олеся вновь упала на узелъ и зарыдала. Она рыдала громко, ломала руки, припадала головою къ землѣ, но только густой лѣсъ слышалъ ея рыданья, видѣлъ ея слезы. А солнце все выше и выше поднималось вверхъ.

— Що-жъ мени въ сьвіти Божому теперъ робити? громко говорила Олеся, какъ-бы прося у кого совѣта: де мени подити свій соромъ! Йти до батька въ Хохитву ще стыднише; треба вертатись до дому.

Изъ лѣсу боковой дорожкой выѣхалъ какой-то крестьянинъ на легонькомъ возку. Олеся подрядила его свезти ее въ Богуславъ, сѣла на возъ и поѣхала, обливаясь слезами. Въѣхала въ городъ.

По улицамъ, какъ угорѣлые, бѣгали и кричали жиды; у Шмулевой винарни копошилась огромная куча жидовъ и жидовокъ. Они сбѣжались сюда со всѣхъ концевъ разбросаннаго города: жиды яростно гергогали, жидовки вейкали и плакали. Олеся проѣхала въ свой дворъ. На встрѣчу ей со двора шелъ глуповатый Прокопъ. Увидѣвъ матушку, онъ простодушно закричалъ:

— Слава-жъ Богу, що вы вернулись! А мы думали, що вы втикли зъ офицеромъ. Батюшка побигли киньми доганяти гусаривъ. А той чорнявый гусаринъ, що ходивъ до насъ, укравъ Шмулеву Хайку.

— Хайку! крикнула Олеся на весь дворъ и подумала про себя: мене проминявъ на Хайку! Будь-же ты проклятъ тричи до вику!

Войдя въ свою комнату, Олеся сѣла у окна и какъ-бы окаменѣла. Ея лице осунулось и покрылось мертвенною блѣдностію, зрачки расширились, вѣки раскрылись, глаза горѣли огнемъ; подъ глазами залегли синіе кружки; губы посинѣли и засохли. Олеся сидѣла въ тяжкомъ раздумьѣ, ничего не видѣла и не слышала. Килина накрыла столъ, подала обѣдъ и просила Олесю къ столу; Олеся не слышала ея словъ, не видѣла ея самой.

Около полудня растворились двери, вошелъ мужъ блѣдный, какъ смерть, съ всклокоченною головою, съ неумытымъ лицемъ. Онъ остановился среди комнаты и лице его какъ будто прояснилось.

— Ты дома! крикнулъ онъ громко и бросился къ Олесѣ; ты не втикла зъ тымъ москалюгою!

Олеся подняла на него помертвѣвшія свои глаза, чуть слышно проговорила: «хотила втикти, та винъ мене пиддуривъ и покинувъ», и съ этими словами упала со стула на полъ, какъ мертвая.

Балабуха бросился къ ней, поднялъ ее, положилъ на постель, схватилъ графинъ съ водою, брызнулъ ей въ лице широкою струею, приложилъ намоченый платокъ къ ея головѣ. Олеся лежала безъ всякихъ признаковъ жизни, блѣдная, какъ полотно.

Пришелъ докторъ, велѣлъ раздѣть ее и уложить въ постель, приставилъ горчишники. Олеся лежала, какъ трупъ и только предъ вечеромъ начала тяжело дышать, не открывая глазъ. Балабуха стоялъ у ея постели, горько плакалъ и все смотрѣлъ на ея красивое блѣдное лице, на полныя круглыя руки, какъ-бы высѣченныя изъ мрамора. На дворѣ вечерѣло; скоро и совсѣмъ смерклось. Балабуха не сходилъ съ мѣста, цѣлый день ничего не ѣвши, и

все держалъ Олесину руку въ своей рукѣ. Настала ночь: Олеся не открывала глазъ, ея дотолѣ блѣдное лице покрылось темной краской, жаръ разлился по всему тѣлу. Въ домѣ все затихло и только изъ гостинной доносился мѣрный стукъ маятника. Перевалило за полночь; Олеся начала произносить невнятно безсвязныя слова.

— Олесю! Олесю! опамятайся! говорилъ Балабуха, приподнимая горячую руку жены.

Неожиданно Олеся открыла глаза, судорожно приподнялась и сѣла на постели. Большіе, мутные глаза блуждали, какъ у мертвеца.

— Ты прыихавъ! Ты не покинувъ мене? Милый мій, сердце мое! Я трохи не вмерла за тобою! Скорише, скорише йдьмо, свитае. Онъ бачишь мисяць злетивъ и сивъ на дереви. Сидлай кони, полетимо, якъ пташки, щобъ нихто насъ не піймавъ, та тилько мерщій, мерщій, мое миле серце!

Олеся обняла Балабуху и положила свою горячую голову на его плече. Балабуха зарыдалъ; слезы закапали и полились по щекѣ Олеси. Олеся упала на подушки и закричала въ безпамятствѣ:

— Ой не одъизджай! ой не покидай мене въ сёму лиси! Онъ ворушиться въ темряви стилъ, ворушиться груба. Зъ грубы щось дивиться на мене страшными червоными очима! Рятуй мене, мій милый!

Олеся закричала. Балабуха взялъ крестъ и приложилъ къ ея горячему лбу. Олеся закрыла глаза и снова стала, какъ мертвая.

— Боже мій, Боже мій! на що ты пославъ мени такій важкій хрестъ! Чимъ я Тебе прогнививъ? молился Балабуха, держа холодный крестъ надъ Олесею и осѣняя имъ ея лице и руки.

Стало разсвѣтать; слабый свѣтъ освѣтилъ комнату и блѣдное лице Олеси; она заснула тяжелымъ сномъ. Балабуха завѣсилъ простыней окно, вышелъ не надолго изъ комнаты, умылся, причесался и, вновь вернувшись, упалъ на колѣни у постели Олеси. Взошло уже солнце и насталъ день, а Балабуха все еще стоялъ на колѣняхъ и молился за Олесю, чтобы Господь простилъ ея грѣхъ, возвратилъ ей здоровье и далъ силы перенести тяжелое искушеніе.

Цѣлую недѣлю пролежала Олеся въ постели и Балабуха все это время не отходилъ отъ ея постели, утѣшалъ жену, сто разъ прощалъ ея вину, убѣждалъ ее мужественно перенести постигшее горе. Спустя недѣлю Олеся поднялась съ постели: она завяла и засохла;

лице утратило свѣжесть и какъ-бы почернѣло, щеки запали, ясныя очи померкли. Природа разцвѣла и разукрасилась зеленью, цвѣтами, Олеся ничего того не замѣчала и какъ-бы жила въ иномъ какомъ-то мірѣ. Ея душу, ея сердце, всю ее пришибло тяжкое горе. Цѣлые дни просиживала она въ саду надъ Росью, глядѣла на далекій просторъ и все впадала въ мрачную задумчивость, пока осенью не породила на свѣтъ Божій крохотную дочку. Балабуха опять разложилъ предъ собой свой дневникъ; думалъ, думалъ и съ великою тугою на сердцѣ только начертилъ въ немъ, вмѣсто всякой записки, большой во всю страницу крестъ, обозначивъ подъ нимъ протекшіе ужасные мѣсяцы.

И. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПЕКЕЛЬНЫЙ МАРКО [1].

(Малорусская легенда въ стихотворномъ переложеніи конца XVIII вѣка).

Въ 1879 году въ Одессѣ издана была не оконченная поэма на малорусскомъ языкѣ извѣстнаго малорусскаго писателя А. П. Стороженка, подъ заглавіемъ: *Марко проклятый*, на оригиналѣ которой другой малорусскій писатель, П. П. Гулакъ-Артемовскій надписалъ такой отзывъ: «зъ роду лучшого не читавъ, и до смерти вже не прочитаю». Въ этой поэмѣ художественно воспроизведена, хотя прозою, а не стихами, малорусская народная легенда о Маркѣ проклятомъ,—томъ отверженномъ за тяжкіе грѣхи скитальцѣ, котораго не принимаютъ ни земля, ни адъ и который, будучи осужденъ Богомъ на вѣчное странствованіе, живетъ одною жизнью съ народомъ и съ цѣлію загладить свои вины благотворитъ людямъ, впадающимъ въ бѣду, и всему народу, появляясь съ своею помощію въ критическіе для него моменты.

Какъ отдѣльный эпизодъ въ ряду безконечныхъ похожденій и приключеній Марка, въ поэмѣ (41—49) воспроизводится проникновеніе Марка въ адъ и переполохъ, который онъ произвелъ тамъ, разгоняя чертей и освобождая изъ адскихъ мукъ грѣшныя души.

Этотъ именно эпизодъ,—то, какъ по народной пословицѣ, «Марко товчеця по пеклу», и составляетъ сюжетъ помѣщаемаго нами стихотворенія: «Марко пекельный». Стихотвореніе принадлежитъ несомнѣнно концу XVIII вѣка; это очевидно по его языку и пріемамъ, сильно напоминающимъ извѣстныя пасхальныя и рожде-

[1] Записано въ 1835 году, въ темчинской станицѣ черноморскаго войска отъ козака 76 лѣтъ Вакулы Губы.

ственскія вирши того-же времени, о которыхъ установилась традиція, что они были говорены черноморцами Потемкину. Основная мысль стихотворенія, сущность его содержанія состоитъ въ изображеніи похожденій Марка въ адѣ съ цѣлію разрушить его, истребить его обитателей и извести изъ него грѣшныхъ. И цѣль, по легендѣ, почти достигнута, разоренное Маркомъ «пекло» запустѣло на долго, но опять является по грѣхамъ запорожцевъ. Отсюда видна не только сокровенная цѣль автора стихотворенія, но и кругъ слушателей или читателей, для которыхъ оно предназначалось. Цѣль его дидактическая, а писалось оно для запорожцевъ и всего вѣроятнѣе въ самомъ-же Запорожьѣ.

Стихотвореніе: «Марко некельный» воспроизводитъ лишь одну малѣйшую часть той обширной легенды о «Маркѣ проклятомъ», матеріалы которой, варьируемые до безконечности, покойный Алексѣй Петровичъ собиралъ болѣе 30 лѣтъ, и воспроизводитъ не только отлично отъ собранныхъ имъ повѣрій, но и внѣ всякой связи съ прочими частями легенды. Очевидно, стихотвореніе писано въ ту еще пору, когда легенда о Маркѣ имѣла живое обращеніе въ устахъ народа и въ объясненіи связи воспроизведенной ея части съ другими не настояло никакой надобности; притомъ-же эта часть имѣетъ здѣсь какъ-бы самостоятельный, цѣльный видъ и Марко не напрасно названъ здѣсь «некельнымъ», а не «проклятымъ»,— онъ является въ адъ не въ силу одолѣвающихъ его мукъ, а по особому повелѣнію св. апостола Петра, чтобы узнать и повѣдать людямъ о мукахъ претерпѣваемыхъ въ адѣ, избіеніе-жъ чертей и разореніе ада является какъ-бы мимоходомъ.

Стихотвореніе принадлежитъ времени, которое мы привыкли называть временемъ упадка и истощенія малорусской литературы, но которое на самомъ дѣлѣ есть только малоизвѣстное и мало обслѣдованное время. Побольше откроется такихъ произведеній, какъ печатаемое теперь и напечатанныя прежде, и мы должны будемъ значительно измѣнить взглядъ на происхожденіе новой украинской литературы.

Стихотвореніе захватываетъ одну изъ богатѣйшихъ и выдающихся народныхъ легендъ и въ этомъ наибольшій его интересъ. «Каждый народъ, говоритъ А. Н. Стороженко, имѣетъ своего скитальца: древніе греки Одиссея, французы Вѣчнаго Жида, Сантенера, испанцы Мильмота, у нѣмцевъ и англичанъ ихъ не перечтешь; у русскихъ Кащей безсмертный, а у малороссіянъ *Марко проклятый*; но, кажется, малороссійскій Марко заткнетъ за поясъ всѣхъ другихъ скитальцевъ». Но понятно, что сказано о цѣлой легендѣ, того нельзя примѣнить вполнѣ къ одной только ея части.

Передаемъ текстъ стихотворенія по списку не вполнѣ исправному, въ которомъ не одинаковый размѣръ стиха мѣстами спутывается и совсѣмъ теряется.

Сидайте-жъ, хлопци, вси гуртомъ,
А вы, дивчата, геть въ отдили,
Щобъ не було мижъ вами якои веремiи!
А якъ-же буде хто жартувати,
Того въ потилицю будемъ гнати!
Мовчить та слухайте,
Яку я вамъ буду казку казати:
Про хлопця молодця, козака-ярыгу,
Що Маркомъ прозывався,
Та ще й некельнымъ звеличався,
За те, що у Господа спасения зодбавъ,
Та чортивъ у пекли налякавъ;
Налякавъ такъ, що рогати й доси видъ козакивъ втикають,
Та знай одно, що тильки лають.
А запорозькiи якъ духъ почують,
То заразъ въ таръ-тары мандрують!

— — —

Бувъ соби козакъ Марко, ледарь завзятый,
Батька й матирь не поважавъ,
А все тильки пивъ та гулявъ:
На улицю до дивчатъ першимъ поспишався,
А у церкви послиднимъ зоставався,
Щобъ мерщiи можна було втикати,
Якъ нинъ на выходъ почне благословляти:
Зъ чужими жинками женихався,
Та старихъ людей цурався.
Зъ его буйною головою
Не було никому спокою.
Тильки разъ оцёму Марку
Святый Петро у сни зъявився,
Тоди, якъ винъ говивши запричастився
— «Ты теперъ, каже, новихъ грихивъ не маешъ.
А якъ проспеся, то виньять нахапаешъ. —
А якъ за тебе Господа благавъ,
Щобъ винъ тоби на покуту часъ давъ.

Теперъ-же сей часъ наступае.
И тоби ничого наминаця.
Та треба у пекло збираця.
А якъ, рекъ, тамъ трохи побудешъ,
То души спасения здобудешъ.
Та гляди, зъ чортами не братайся.
А найпаче люцифера цурайся:
Бо сей чортяка надъ чортами,
Якъ гетьманъ нижъ козаками».
—«А щожъ мени зъ чортами робити:
Чи ихъ христомъ хрестити,
Чи тилько по шиї бити?»...
—«У мене, каже, святый Петро.
Е на тебе велика надія,
Що ты мени чортивъ присупонишъ.
Та зъ пекла ихъ повыгонишъ.
Вони козачимъ багломъ завладили,
И бидни козаки давно не пили й не їли,
А въ запорожцивъ нема ни якои силы,
Ва позоставались одни тилько жилы.
Уси спасения у Господа благають,
А чорты ихъ въ рай не пускають:
Уси заставы скризь позапирали,
А стежки каминнямъ позакидали.
Якъ-же стали янголи литати,
Та козакивъ зъ багла вытягати,
То чорты почали ихъ тамъ зачипляти,
Щобъ до новихъ грихивъ намовляти.
У багло жинокъ напускали,
Щобъ козакивъ на нови грихи скушали.
Вже де яки почали женихаця,
Щобъ у пекли на викъ позостаця.
А иншихъ стали горилкою частувати,
Щобъ тильки спасения перестали прохати.
Я въ пекло тебе за-для того посылаю.

Що спасення души твоїй бажаю.
Будешъ ты тамъ зъ чортами жити.
Та на послузи волю ихъ чинити.
А якъ взвирыця тоби пекельна сила.
Тоди дамъ тоби багато дила.
Будешъ мени зъ пекла козакивъ вызволяти.
Та у рай заставы видчиняти—
Тимъ, що у Господа милости просили
Та спасення души заслужили,
Що видъ чортячихъ ласокъ жахались
И зъ видьмами не женихались.
И котрихъ чорты хотили частувати.
А вони имъ у вичи почали плювати.—
Та тихъ, що видёмъ за лопуцьки хапали.
Та въ пекельне огнище втягали.
Отъ сихъ козакивъ ты будешъ у рай пускати.
Де вони будуть Господа прославляти».
—Сказавши се, святый Петро десь дився.
А нашъ Марко ажъ у пекли опинився.
Ёго-жъ чорты якъ уздрили.
То мовъ галычъ кругомъ обсили.
Ничого не питають,
Тилки мовъ коты хвостами виляють.
Ажъ ось одинъ бисъ нагодився,
Та зъ крюкомъ до Марка схилився.
Та хотивъ вже ему витаня вчинити.
Щобъ крюкомъ за ребра зачепити.
Та тилко налагодивсь се зробити,
Якъ переставъ до разу жити.
А Марко узявши чортивъ крюкъ у руки.
Ставъ чортивъ оглядати,
Чи не кинеця хто вньять крюкомъ зачипати.
А чорти такъ полякались,
Що ажъ на вышче гилля позбиралисъ.
Та якъ коты замявкотали.

И хвостами ще більшъ замахали.
—«Се у васъ, каже Марко, таки звычаи,
Щобъ козакивъ такъ зустричати.
—Та за ребра, мовъ собакъ, чипляти?
Стривайте-жъ, я васъ помуштрую!»
Та сказавши, почавъ крюкомъ махати,
Та чортивъ зъ гилля, якъ груши збивати.
Чорты-жъ до Марка якъ не наближались
И якъ до єго вже не присикались,
Та не мали силы его зачепити,
Або чимъ вразити,
Бо Марка свята сила обороняла
И чортивъ геть видпихала.
А Марко знай одно—махае,
Та чортивъ зъ деревъ збивае.
Уже ихъ на гиллякахъ зосталося трохи,
Ростыкались уси, неначе блохи.
А котори по закуткахъ поховались,
Зъ переляку уси . . . . . .
Та на все пекло такъ накурили,
Що зостатись тамъ не було вже силы.
Марко хотивъ бувъ вже втикати,
Коли ось самъ люциперъ нагодився,
Та, глядючи, ще трохи не сказився.
—«Се, кричить, упьять на той свитъ гаяли.
Та зъ видьмами бенкетували?
Оковитки налигались,
Що ажъ по поясъ обидрались!
Геть берить мени заразъ митлы.
Та вычищайте все видтиль.
Одинъ чортяка митлу взявши,
Та до люципера пришкандибавши.
Ставъ такъ ёму отповидати:
«Се була у насъ, пане люциперу, бійка.
Та така, що якъ и пекло стало.

То сего у насъ николи не бувало!
Забривъ до насъ якійсь волоцюга.
Та вже нихто якъ казарлюга.
А мы хотили ему честь чинити.
Та крючми за ребра зачепити.
Якъ тилки цуцикъ заходився,
А винъ заразъ якъ схопився.
Та такъ бидолагу гепнувъ,
Що той до разу й gegнувъ.
Тоди почавъ ёго крюкомъ махати.
Та насъ зъ деревъ скидати.
Нивечити, та клинцювати.
Багато нашихъ, якъ бачите, побито,
А де яки хочъ и поховались,
Та страму на весь викъ набрались».
—«А дежъ се той казарлюга,
Розтриклятий волоцюга?»
—Кричить люциперъ, росходившись.
—«Та вы бо, каже куцый, тише.
Та держить голову понижче!
А то винъ крюкомъ разъ якъ влучить.
Той макитру вамъ зъ шіи злущить!
Ось дивиця, пане, винъ за кущомъ прихилився.
Та вже й на васъ крюкомъ намирився».
—«Ой, стривай, стривай, козаче!
Треба тутъ якось иначе,
Ставъ люциперъ самъ прохати:
Ничого тобі крючкомъ махати.
Та ходимъ лишъ до моеи хаты,
Буду я тебе витати,
И якъ запорожця пріймати.
За понивеченнихъ чортивъ не буду корити.
Бо вони справди за дило побити:
Треба-бъ було упередъ росшитати.
А не крюкомъ за ребра чиплити.

Тыжъ, куцый, чортивъ поховаешь,
Та зъ цилыхъ шкуры поздираешь,
Та у пекло даси наминати,
Щобъ можна було на ремень продати».
—«Якъ бы мене, каже Марко, такъ зустричали,
То й не булобъ чортамъ и печали.
Якъ же ты мене, люцинере, витаешь,
То я твого хлиба-соли не цураюсь».
И повивъ люцинеръ Марка у свій будинокъ,
А дорогою почавъ его питати,
Яка занесла у пекло нечиста мати.
«Дежъ, каже, твоя душа дивалась,
Що видъ чортивъ видцуралась?
Тоби ще черга на свити жити,
Та горилку коряками пити.
Чи може ты, козаче, сказився,
Що у мене въ пекли опинився?»
—«Казись ты зъ чортами
И жинка твоя зъ дитками!
А якъ я тутъ опинився,
То не самъ вже нагодився.
У насъ на тимъ свити усякъ знае,
Що душъ чимало въ пекло попадае.
А нихто не знае, якъ тутъ у васъ жити,
И яку роботу треба вамъ робити.
Отъ якъ я въ васъ наживуся,
Та до дому на той свитъ повернуся,
То вси люди будуть знати,
Якъ васъ зъ земли вытуряти,
Щобъ вы людей не губили,
Та и пеклабъ нами не гатили».
—«Та се ты, козаче, такъ кажешь,
Що нашои доброcти не знаешь.
Якъ бы чорты людей не звеселяли,
То вони доси усибъ пропали.

Якъ бы не чорты, чи булабъ у васъ горилка,
И цимбалы, бубны, та сопилка?
Чи вы вмилибъ танцювати,
Весилля гараздъ справляти?
А скильки чорты людямъ грошей пожичали.
Отжежъ и доси ни шага вы не оддали.
А не бійсь, якъ у жидивъ що набиръ забираютъ,
Незабаромъ и вертаютъ:
Бо жиды не будутъ довго ждати,
А йдутъ заразъ позывати.
А ты думаешь, велику користь маемъ
Видъ тихъ, кимъ мы некло набиваемъ?
На тимъ свити усо прогуляютъ,
А до насъ и безъ итанивъ втикаютъ.
А що запорожци,
Такъ ти прямо голи й боси,
Та ще й чортивъ на сьмихъ пидпимаютъ.
Давайте, кажутъ, одежу, що поздіймали,
Якъ не хочете, щобъ мы позамерзали!
А якъ запитаешь, що колись брали гроши,
То вони й кажутъ: ось нате вамъ в....
По праздникамъ то насъ ладаномъ ганяютъ.
А цилый тиждень тютюномъ закликаютъ.
А ничи такъ насъ поважаютъ,
Що на день сторицею поминаютъ.
Чогожъ тоби, козаче, насъ корити,
Якъ вамъ добре зъ нами жити!»
—«Та ты, люцинеру, бачу, добре милишъ.
Тилки до чортивъ мене не похилишъ».
—Увивши люцинеръ Марка у будинокъ.
Ставъ заразъ прохать сидати.
Та почавъ звычайно ласощами угощати.
«Ижъ, каже, ся страва то ласощи ваши,
А не чортячи наши.
Учора чорты мои на той свитъ литали,

Та у гетьманскихъ кухаривъ накрали».
Ажъ ось й пидручни чорты нагодилисъ.
Та съ переляку по стинкамъ потулились.
«Вы, каже люциперъ, сёго козака теперь не лякайтесь,
Бо винъ теперъ уже васъ не буде бити.
А почне горилку зъ нами пити.
Вы-жъ пана Марка звеселяйте,
Та у музыку ему заграйте».
Де взялась музыка, загудили бубны.
Чорты-жъ за роги брались,
Та въ дрибунець пускались.
А Марко сивъ на покути ще выше,
Та знай горилку зъ люциперомъ хлыще!
Чорты-жъ до бочокъ вже добрались,
Та й ни одъ чого не цурались.
Ажъ побачивъ Марко, що люциперъ почавъ белькотати,
Та якъ товаряка мучати,
Та потихеньку додолу спустився,
А тамъ якъ у пекли зникнився,
То й почавъ скризь искати,
Та пекельни багла озирати.
Розшукавши де багло козаче,
Винъ почавъ его обмиряти,
Та заслонивъ скризь шукати,
Що чорты кризь ихъ холодный огонь выпускають,
А гарячій напускають.
Уздривши-жъ той заслонъ, що чорты огонь впускають,
Та свое багло охолождають,
Винъ почавъ его видвертати,
Та зъ инчихъ багливъ огонь туды пускати.
А чорты знай бенкетують,
Та своеи биды не чують.
Якъ огонь у козачимъ багли переставъ палати.
Тоди почали й козаки приставати
Та гуртомъ помагати;

Якъ же послидній заслинъ видкрутили,
То такъ до разу чортивъ и затопили.
Чорты й не оглядились,
Якъ уси попеклись, та поварились.
Тильки де яки зъ люциперомъ повтикали,
Що биля дверей стояли.
Тоди янголи стали налитати,
Та козакивъ зъ пекла вызволяти,
Котри спасення у Господа зодбали
Тымъ, що покаяніе вчиняли.

Сто литъ пекло пустовало,
И такъ булобъ и пропало,
Та козаки почали грешити,
Та Господа гнивити.
Зъ сёго опьять чорты наплодились,
Та пекло почали робити,
Щобъ де було козацькимъ грихамъ жити.
А Марка й доси не забувають,
Та знай одно, що тильки лають.

Сообщ. **П. И. Зуйченко.**

Екатеринославъ,
іюнь 1885 г.

Библіографія.

Матеріалы для исторіи подольской губерніи. — Изд. редакціи Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. 1883 г.

Мы не разъ уже обращали вниманіе нашихъ читателей на обиліе историческаго матеріала, иногда очень цѣннаго, въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Въ ряду другихъ изданій этого рода немало такого рода матеріала дано и Подольскими Губерскими Вѣдомостями.

Въ настоящемъ году редакція этихъ Вѣдомостей стала печатать особыми прибавленіями историческіе акты и представила очень любопытные матеріалы для исторіи края, частью заимствованные изъ архива подольскаго губернскаго правленія, частью извлеченные г. Ролле изъ случайно доставшагося ему сборника, принадлежавшаго къ архиву бывшаго генералъ-губернатора Тутолмина. Вельможа этотъ имѣлъ помѣстья въ подольской губерніи, въ одномъ изъ которыхъ и былъ его архивъ, нынѣ исчезнувшій: остатки его циркулировали около мѣстечка Рашкова, гдѣ пріобрѣтенъ и сборникъ г. Ролле отъ старьевщика, какъ старая ненужная бумага.

Изданные теперь матеріалы относятся ко времени послѣ второго раздѣла Польши (1792—1795 года) и, хотя ихъ немного, представляютъ немалый интересъ. Всѣ они изъ времени г. губернаторства М. Н. Кречетникова (1792—1793 года) и касаются мѣръ приведенія въ русское подданство края, доставшагося Россіи по второму раздѣлу Польши.

Первый актъ—это секретнѣйшій рескриптъ императрицы Екатерины II, данный назначенному генералъ-губернаторомъ присоединеннаго края и начальникомъ въ немъ войскъ генералу Кречетникову при отправленіи его изъ Петербурга. Рескриптъ этотъ служилъ инструкціей для

Кречетникова и указывалъ, какія онъ долженъ былъ принять мѣры для того, чтобы переходъ края въ русское подданство совершился съ возможно большимъ спокойствіемъ. Здѣсь императрица прежде всего указываетъ предѣлы присоединеннаго края, знакомитъ Кречетникова съ современными политическими обстоятельствами, приведшими ко второму раздѣлу, и затѣмъ уже говоритъ о томъ, къ чему надо стремиться въ этомъ краѣ.

Такъ какъ время было еще военное и городъ Каменецъ еще не былъ взятъ, то въ рескриптѣ находится немало военныхъ распоряженій. Императрица высказываетъ надежду взять Каменецъ подкупомъ коменданта и лишь въ случаѣ крайности разрѣшаетъ употребить оружіе. Далѣе указывается, какъ поступать съ находящимися въ краѣ польскими войсками: императрица видимо желаетъ, чтобы они перешли на русскую службу, обѣщаетъ имъ сохраненіе жизни и всѣхъ преимуществъ; но не препятствуетъ имъ уйти и въ Польшу, оставивъ лишь оружіе.

Съ умиротвореніемъ края требовалось постепенно приводить его въ нормальный, такъ сказать, видъ и императрица рекомендуетъ сдѣлать это такъ мягко, чтобы новые подданные сочли за счастье свое присоединеніе къ Россіи. Особенно требуетъ она позаботиться о спокойствіи края, о порядкѣ въ дѣлахъ, правосудіи и т. п., чего никогда не было въ Рѣчи Посполитой.

Всѣ рекомендуемыя императрицею мѣры въ сущности логически вытекали изъ самаго факта присоединенія; но при этомъ она видимо желаетъ во всемъ, не исключая и религіи, сохранить *по возможности statum quo*, на сколько это не противорѣчитъ самой идеѣ русскаго подданства. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кречетникову приказано обстоятельно ознакомиться съ краемъ, составить вѣрную его карту, сдѣлать счисленіе крестьянъ всѣхъ разрядовъ, опись доходовъ, опись монастырей, школъ піаровъ и т. д. За послѣдними Кречетникову рекомендуется имѣть строгій надзоръ въ виду вредности ихъ ученія, основаннаго на французскомъ суемудріи.

Присоединенныя земли расписаны были по намѣстничествамъ съ раздѣленіемъ на губерніи и уѣзды. Новыхъ губерній образовано было три и въ нихъ назначенъ былъ извѣстный служебный персоналъ, согласно съ принятыми въ Россіи штатами.

Кречетниковъ долженъ былъ обнародовать манифестъ о присоединеніи края и привести жителей къ присягѣ. Не желающіе присягнуть могли выѣхать за границу, но теряли свои имущественныя права въ краѣ. Приводить крестьянъ къ присягѣ не указано, такъ какъ за вѣрность ихъ отвѣчали ихъ владѣльцы.

Въ рескриптѣ не находимъ никакого указанія на положеніе русскаго населенія въ присоединенномъ краѣ и отношенія къ нему господ-

ствовавшаго польскаго элемента, не смотря на то, что эти ненормальныя отношенія слишкомъ рѣзко заявили себя въ предшествовавшее двадцатипятилѣтіе и послужили поводомъ къ самому раздѣлу Польши.

За рескриптомъ слѣдуетъ указъ сенату о введеніи въ присоединенномъ краѣ русскаго управленія съ назначеніемъ чиновниковъ, которымъ даны значительныя преимущества по службѣ. Позднѣе Кречетниковъ переводилъ сюда чиновниковъ изъ внутреннихъ губерній, напримѣръ изъ знакомой ему Тулы. То былъ первый опытъ обрусѣнія, продолжающагося и доселѣ.—Рядомъ съ этимъ актомъ помѣщенъ и указъ синоду объ образованіи въ краѣ православной іерархіи.

Четвертое мѣсто занимаетъ указъ Екатерины 1793 г., служащій отвѣтомъ на донесеніе Кречетникова о томъ, что присоединеніе края совершилось благополучно. Императрица объявляетъ для края, собственно для владѣльческаго польскаго класса, нѣкоторыя финансовыя льготы.

За этими первостепенной важности актами слѣдуетъ ордеръ Кречетникова подчиненнымъ ему лицамъ о дѣятельности ихъ въ новомъ краѣ, а также отвѣтъ его на запросы оставшихся здѣсь мѣстныхъ властей, которыя, по новости дѣла, не могли сразу приспособиться къ русскому управленію. И тѣ, и другіе составлены, разумѣется, въ духѣ высочайшей инструкціи.

Напечатаннымъ актамъ предпослано небольшое предисловіе, уясняющее ихъ историческое значеніе. Мы отмѣтимъ одно обстоятельство, рѣзко бросающееся въ глаза.

Толеранція Кречетникова относительно присоединенной польской шляхты простиралась до того, что помѣщикамъ, которые сохранили имѣнія и въ Польшѣ, онъ разрѣшалъ принимать участіе въ образовавшихся тамъ избирательныхъ сеймикахъ, предшествовавшихъ Гродненскому сейму 1793 г. Помѣщики могли участвовать и въ этомъ сеймѣ, конечно, если имѣли на это право.

Кречетниковъ скончался въ маѣ 1793 г. и должность его исправлялъ старшій по немъ генералъ Дерфельденъ, отъ котораго имѣемъ здѣсь два ордера съ извѣщеніемъ о вступленіи въ должность; въ одномъ сверхъ того говорится объ учрежденіи комиссіи для разсчетовъ съ Польшей по продовольствію войскъ.

На мѣсто Кречетникова назначенъ былъ Т. И. Тутолминъ. Изъ актовъ, относящихся ко времени его управленія краемъ (1794—1795 г.) напечатано всего 8 и всѣ они сообщены г. Ролле. Это 6 указовъ Екатерины Тутолмину, одинъ указъ синоду и одна окружная архіепископская грамота. Всѣ эти документы касаются положенія уніатовъ и присоединенія ихъ къ православію.

Имъ предпослано весьма обстоятельное и дѣльное предисловіе, (стр. 90—127) авторъ котораго пользовался, кромѣ напечатанныхъ, еще документами изъ архива подольской духовной консисторіи и мало извѣстными, но по первоисточникамъ составленными статьями, напримѣръ протоіерея Троицкаго: *Мѣры, принятыя преосв. Іоанникіемъ для уничтоженія остатковъ уніи и присоединенія къ православію уніатовъ въ Брацлавской губерніи въ 1795—1796 г.* (Подольскія Епарх. Вѣдом. 1873—1874 г.) и другими.

А. М—чъ.

Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в., заключающихся въ книгахъ разрядного приказа. Составилъ Н. Н. Оглоблинъ. Москва. 1884 г.

Богатѣйшее собраніе матеріаловъ для исторіи Россіи представляетъ собою Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ. Онъ давно уже приступилъ къ описанію хранящихся въ немъ документовъ и выпустилъ ихъ уже 4 тома. Названное выше обозрѣніе есть оттискъ изъ IV-го тома такого описанія.

Авторъ назвалъ впрочемъ свой трудъ обозрѣніемъ, а не описаніемъ, и совершенно правильно, такъ какъ онъ далъ ключъ къ ознакомленію съ тѣмъ историко-географическимъ матеріаломъ, который хранится въ Архивѣ, но не описалъ его въ подробности.

Обозрѣніе даетъ болѣе систематичности, чѣмъ простое, такъ сказать, предметное описаніе; послѣднее дѣло сложное, требуетъ болѣе времени, издержекъ и труда, хотя даетъ больше предметнаго содержанія. Названный трудъ служитъ такъ сказать руководящею нитью для желающихъ познакомиться съ громадною массою архивныхъ документовъ и значительно облегчаетъ трудъ ихъ въ отысканіи матеріала, потребнаго для занятій каждаго.

Обозрѣніе состоитъ изъ небольшаго предисловія, въ которомъ сообщены свѣдѣнія о Разрядѣ и его дѣятельности, равно о распредѣленіи по его отдѣламъ завѣдыванія городами, и сдѣлана общая характеристика хранящихся въ немъ матеріаловъ.

Оставляя въ сторонѣ массу другихъ историческихъ данныхъ, представляемыхъ книгами Разряда, авторъ обозрѣнія обращается къ прямой своей задачѣ и перечисляетъ разнообразные источники для топографіи городовъ, заключающіеся въ Архивѣ: воеводскіе наказы, всяческія рос-

ниси, переписныя книги городовъ, монастырей, церквей, улицъ, даже дворовъ, строельныя книги и т. д. Подробно останавливаться на нихъ невозможно, такъ какъ для этого необходимо было-бы изложить примѣрную дѣятельность всей городовой администраціи.

Особыя главы посвящены характеристикѣ описаній и списковъ уѣздныхъ населенныхъ мѣстъ, также порубежныхъ мѣстъ и учрежденій; наконецъ авторъ указываетъ, какія свѣдѣнія хранятся какъ въ этихъ, такъ и въ болѣе спеціальныхъ источникахъ относительно гидрографіи Россіи, ея естественныхъ произведеній и статистики населенія.

По обширности подлежавшаго обзору матеріала, полнаго описанія разнообразныхъ его источниковъ нѣтъ, а есть лишь примѣрное, съ нѣкоторыми частнѣйшими указаніями. Говоря напримѣръ о какомъ либо видѣ книгъ, авторъ обыкновенно даетъ характеристику ихъ, затѣмъ перечисляетъ всѣ книги этого вида въ Архивѣ и для образца въ приложеніяхъ печатаетъ одну изъ такихъ книгъ, или покрайней мѣрѣ отрывокъ изъ нея. Къ сочиненію приложенъ и очень хорошо составленный географическій указатель.—Легко понять, какъ все это облегчаетъ работу въ Архивѣ будущимъ изслѣдователямъ.

Большинство сообщенныхъ авторомъ свѣдѣній относится къ сѣверо-восточной Руси; но въ архивѣ есть матеріалы, важныя и для исторіи южной Руси въ прежнемъ ея очертаніи и въ книгѣ Оглоблина есть на нихъ указанія. Много матеріаловъ указано для географіи Слободской и въ частности Бѣлогородской Украйны, собственно Малороссіи или гетманщины, Бѣлоруссіи и даже Новороссіи, въ частности городовъ: Брянска, (напримѣръ описаніе его крѣпости—стр. 22), Полоцка, Смоленска, Нѣжина, Канева и множества другихъ. Особенный интересъ представляютъ матеріалы, касающіеся топографіи Кіева, какъ напечатанныя почти цѣликомъ; это Роспись предположенныхъ починокъ въ кіевской крѣпости» 1681 г. и «Роспись Кіевскаго ограниченія» (т. е. границъ съ Польшею) 1686 г., составленная посольскимъ приказомъ изъ описной книги капитана О. С. Соломѣина и О. Наковальнина (стр. 156 и д. и прилож. XXX). Кіева же касается и «Росписной списокъ» 1682 г., изъ котораго авторъ привелъ лишь предисловіе (стр. 23 и другія мѣста, легко находимыя по указателю), и смѣтныя книги, тоже авторомъ лишь указанныя (см. стр. 27 и примѣчаніе, 49, 78, 187).

Кромѣ цѣльныхъ и болѣе или менѣе полныхъ свѣдѣній, въ книгѣ г. Оглоблина разсыпаны чуть не на каждой страницѣ мелкія историческія указанія, какъ напримѣръ о разселеніи малороссіянъ или, по прежнему ихъ названію, «черкасъ» внѣ черты ихъ осѣдлости, напримѣръ въ Курскѣ, въ Усердѣ (тамъ былъ козачій полкъ Коргова), около Путивля,

въ Староайдарскомъ городкѣ, на сѣв. Донцѣ, въ Бѣжецкой Пятинѣ и пр. (стр. 113).

Есть много указаній о положеніи сельскаго хозяйства въ Малороссіи: Опошня и тогда уже славилась своими садами, въ Кіевѣ произрослалъ виноградъ.

Всего однако не перечислить. Скажемъ коротко, что если Архивъ Министерства Юстиціи хранитъ въ себѣ неисчерпаемыя богатства для исторіи Россіи вообще, въ частности для исторіи южной Руси, то книга г. Оглоблина систематически знакомитъ насъ съ той частью этихъ богатствъ, обозрѣвать которую выпало на его долю. Она обличаетъ въ въ немъ кропотливаго и усидчиваго труженика, умѣющаго разобраться въ громадной массѣ изучаемаго матеріала, умъ строго логическій, пріученный къ послѣдовательности и систематизаціи, результатомъ которыхъ является строго научный характеръ изданія, основательность выводовъ, точность и ясность изложенія. Пожелаемъ отъ души успѣха молодому ученому въ его дальнѣйшихъ работахъ, съ удовольствіемъ отмѣчая, что онъ по рожденію и воспитанію принадлежитъ Кіеву.

А. М—чъ.

Д. Л. Мордовецъ. Оповидання. Спб. 1885 г.

Очерки, составляющіе эту книжку, рѣзко различаются между собою и по содержанію и по манерѣ. И немудрено: между двумя первыми и тремя остальными прошло двадцать пять лѣтъ. Первые разсказы—произведенія молодости автора. Они памятны читателямъ «Основы». Послѣдніе, кромѣ одного, появляются въ этой книжкѣ въ первый разъ.

Въ этотъ промежутокъ времени прошла почти вся литературная дѣятельность писателя. Этюды современной общественности, повѣсти, монографіи и историческіе романы, путевыя записки, статьи публицистическія и полемическія — сдѣлали имя г. Мордовцева популярнымъ. Въ ряду другихъ, его малорусскія произведенія стоятъ какъ то особнякомъ. Предназначенныя для другой публики, онѣ едва-ли даже извѣстны журнальнымъ читателямъ г. Мордовцева и никогда не пользовались тѣмъ шумнымъ успѣхомъ, какой выпадалъ на долю нѣкоторыхъ изъ его работъ. Но, отличаясь оригинальными чертами таланта автора, въ литературѣ малорусской, обреченной на спорадическое оживаніе и замираніе, онѣ были всегда на примѣтѣ.

Первые литературные опыты г. Мордовцева были на малорусскомъ языкѣ. Въ 1859 году, вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ, изданъ былъ имъ «Саратовскій Литературный Сборникъ», на половину составленный изъ его трудовъ. Подобно многимъ начинающимъ писателямъ, онъ выступалъ здѣсь въ качествѣ поэта. Въ поэмѣ «Козаки и Море» онъ рисовалъ картины морскихъ козацкихъ походовъ, набѣги на турецкіе берега, битвы, плѣнъ и бѣгство. Это юное произведеніе отзывалось слишкомъ мотивами Шевченка и козацкой поэзіи и было, какъ море, пространно. Тамъ же напечатанъ прекрасный переводъ гоголевской «Ночи наканунѣ Ивана Купала» и сборничекъ украинскихъ сказокъ, второй въ литературѣ послѣ собранія г. Жемчужникова.

Съ разсказа «Солдатка», повтореннаго въ «Оповиданняхъ», предъ нами писатель установившійся. Это повѣсть о горемычной долѣ солдатской жены дореформенной эпохи,—типѣ отошедшемъ теперь въ область исторіи. Изъ «Основы»-же взятъ симпатичный очеркъ «Дзвонарь» — повѣствованіе стараго причетника Тацитурнова, выгнаннаго изъ бурсы за чтеніе свѣтскихъ книгъ. Когда-то, въ шестидесятыхъ годахъ, оба эти разсказа изданы были въ формѣ народныхъ книжекъ. Тщательное письмо и чистота народной рѣчи отличаютъ ихъ. Эти свойства составляли какъ бы традицію той школы украинскихъ повѣствователей, которую мы назовемъ школою «Основы». Литературныя рамки расширились съ тѣхъ поръ, изображенія писателей обнимаютъ большій кругъ явленій, но, кромѣ двухъ-трехъ новѣйшихъ впередъ выдающихся талантовъ, новѣйшіе писатели въ письмѣ и языкѣ уступаютъ старымъ: въ то время у пишущихъ господствовало непосредственное изученіе живой народной рѣчи, замѣнившееся теперь изученіемъ книжнымъ.

Названные выше ранніе разсказы автора, грустные по темамъ, совершенно объективны. Ихъ скорбный тонъ вызванъ изображаемыми печальными явленіями жизни. Совсѣмъ иное дѣло лирическіе эскизы послѣднихъ лѣтъ, вещи чисто субъективныя, личныя, «печальныя наблюденія ума и горестныя замѣты сердца». Написаны они въ особомъ родѣ, составляющемъ своеобразную манеру автора. Не слѣдуетъ искать въ нихъ надуманныхъ тенденціозныхъ иносказаній, какихъ нибудь «аллегорій», всегда убійственно скучныхъ. Это—смѣняющіеся въ душѣ образы и думы, раны сердца, которыя вскрываются и издаютъ свой голосъ одна за другою. Образы родного края, его исторіи, его поэзіи, личныя воспоминанія, картины далекихъ полуденныхъ странъ, вѣчно юные библейскіе мотивы, голоса великихъ поэтовъ,—все, что легло на душу и отразилось въ собственной природѣ писателя, возникаетъ и звучитъ въ этихъ причудливыхъ арабескахъ. Писанныя какъ-бы для себя самого, эти са-

монаблюденія предполагаютъ конечно полную свободу концепціи, и грезы смѣняются въ нихъ неожиданно и пестро. Какъ вещи чисто личныя, онѣ улетаютъ мгновенно въ область личныхъ воспоминаній. Не разъ мысль писателя обращается къ усопшему нынѣ историку-поэту, съ которымъ его связывала многолѣтняя, искренняя пріязнь. Чтобъ отзываться на эти грезы натуры тонкой и нервной, надо быть немножко задѣтымъ этимъ лиризмомъ самому. Люди размѣренной мысли, практики жизни, прочитавъ эти эскизы, конечно пожмутъ только плечами. Мѣстами вредитъ имъ излишняя отрывочность и пестрота, но отдѣльные образы подкупаютъ поэзіей. Особенно искреннимъ лиризмомъ проникнутъ маленькій очеркъ «Скажи, мисяченьку!», изъ трехъ наиболѣе цѣльный и «выливнійся». Противникамъ литературнаго развитія малорусской рѣчи мы указали бы на ея гибкость, сказавшуюся здѣсь въ выраженіи сложныхъ чувствъ и оттѣнковъ душевныхъ движеній; но для такихъ доводовъ уши этихъ господъ устроены не совсѣмъ пригодно.

Когда отъ картинъ прошедшаго мысль писателя обращается къ современности, имъ овладѣваетъ не ребяческое сожалѣніе о перемѣнѣ старыхъ формъ жизни. Онъ сожалѣетъ не о томъ, что гибнетъ само собою, а о томъ, что гаснетъ подъ внѣшнимъ вліяніемъ, о тѣхъ дорогихъ и рѣзкихъ чертахъ духовнаго наслѣдія народа, дальнѣйшая жизнь и развитіе которыхъ были-бы общимъ пріобрѣтеніемъ. Въ злополучномъ вопросѣ о правѣ существованія языка болью отзывается уже необходимость доказывать правду его. Автору вспоминается божественное чудо, освятившее право слова и проповѣди, когда мидяне и пароляне услыхали благовѣствованіе на родномъ языкѣ...

Изъ всего сказаннаго ясно, что «содержаніе» эскизовъ г. Мордовцева не легко пріурочить къ обычному анализу. Въ этихъ грезахъ послѣ концерта Сарасате («Сонъ-не сонъ»), въ свѣтлую заутреню («Скажи, мисяченьку!») и предъ клѣткой съ старыми орлами («Изъ устъ младенцивъ») преобладаетъ лирическій порывъ, который мы и пытались характеризовать. Въ ряду многочисленныхъ произведеній даровитаго автора малороссійскіе разсказы отличаются своей задушевностью. Въ нихъ звучатъ тѣ струны, которыя ему какъ-бы родныя, ближе всего. Это служитъ порукою, что настоящее собраніе разсказовъ не будетъ его послѣднимъ словомъ «на миломъ языкѣ его родины».

Г.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 43. Спб. 1885.

Изданія названнаго общества идутъ съ изумительной быстротой; находясь въ рукахъ опытныхъ людей, они ведутся вполнѣ научно и даютъ матеріалъ, имѣющій большой историческій интересъ. Настоящій 43-й томъ «Сборника» содержитъ въ себѣ «Наказы депутатамъ отъ присутственныхъ мѣстъ въ коммисію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія». Свѣдѣнія о екатерининской коммисіи, собранныя и печатаемыя теперь «Обществомъ», обнимаютъ собою уже шесть частей, изъ которыхъ три первыя части (тт. IV, VIII и XIV) вышли подъ редакціей Д. В. Полѣнова, а остальныя (тт. XXXII, XXXVI и XLIII) подъ редакціей проф. В. И. Сергѣевича. Въ настоящемъ томѣ помѣщены наказы сената и синода, наказы многочисленныхъ коллегій, канцелярій, магистрата, полиціи, духовенства и академіи наукъ.

Не касаясь всѣхъ заключающихся въ немъ наказовъ, мы, согласно программѣ нашего изданія, отмѣтимъ только тѣ, которые касаются южной Россіи. Это пункты, данные малороссійскимъ духовенствомъ и малороссійской коллегіей своимъ депутатамъ. Особенно подробны и обстоятельны пункты духовенства, выражающаго въ нихъ свои завѣтныя желанія, которыя съ небольшой разницей были почти одинаковы въ епархіяхъ кіевской, черниговской и переяславской, у духовенства бѣлаго и монашествующаго. Всѣхъ пунктовъ около сотни, но они могутъ быть сведены къ нѣсколькимъ главнымъ.

На первомъ мѣстѣ вездѣ ставятся ходатайства о матеріальномъ обезпеченіи монастырей и церквей, расширеніи ихъ правъ и вольностей или о подтвержденіи прежнихъ. Духовенство проситъ разрѣшить ему вольную покупку и продажу имѣній и пріобрѣтеніе ихъ по завѣщаніямъ, опредѣлить его доходы отъ прихожанъ, подтвердить право свободнаго винокуренія и содержанія шинковъ, освободить имущество и принадлежащихъ ему крестьянъ отъ всякихъ денежныхъ платежей и натуральныхъ повинностей, при чемъ указывается нѣсколько частныхъ случаевъ, въ которыхъ нарушены интересы того или другого монастыря или церкви и испрашивается удовлетвореніе.

Духовенство заботилось не менѣе и о своихъ личныхъ правахъ и преимуществахъ, требуя, чтобы священно и церковно-служители, вмѣстѣ съ членами ихъ семействъ, пользовались правами дворянства и освобождались отъ всякихъ платежей. Всеобщую жалобу вызывали оскорбленія, причиняемыя духовенству мірянами, а наиболѣе частые поводы къ нимъ подавали широкія права по имуществу монастырей и церквей.

приводившія ихъ въ столкновеніе съ частными владѣльцами и вообще народной массой. Типичнѣе всего такая жалоба выражена въ пунктахъ черниговской епархіи: «нѣкоторые», сказано тамъ, «не пріемля въ уваженіе, что они церкви святыя сынове, которая правленію духовныхъ лицъ ввѣрена, не только никакого къ духовенству почтенія не имѣютъ, но и всякими язвительными словами отъ единой злобы, которая, не вмѣщаяся въ сердцѣ, на языкъ изливается, духовныхъ въ лице ругаютъ, часто и бьютъ, а временемъ и до смерти безчеловѣчными мучительствы убиваютъ, чего для, для пресѣченія душевредныя и соблазнительныя сея продерзости, соблаговолено-бъ было предписать ругателямъ такимъ найстрожайшіе законы и по законамъ штрафы».

Видное мѣсто въ пунктахъ духовенства занимаетъ и вопросъ о расширеніи правъ кіевскихъ митрополитовъ. Такъ, духовенство проситъ подтвердить древнее право выбора митрополита вольными голосами, какъ клиромъ, такъ и мірянами, позволить имъ титуловаться по прежнему митрополитами кіевскими, галицкими и Малыя Россіи, освободить ихъ отъ всякой зависимости отъ синода въ судебныхъ дѣлахъ, поручить ихъ вѣдѣнію епархіи могилевскую, черниговскую и переяславскую, также какъ и ставропигіальные монастыри кіево-печерскій и межигорскій, то подчинявшіеся митрополиту, то выходившіе изъ послушанія ему и, наконецъ, возвратить ему право назначать и рукополагать архимандритовъ въ вакантные монастыри по своему усмотрѣнію.

Заслуживаютъ вниманія и заботы духовенства объ образованіи. Такъ, напримѣръ, кіевское духовенство ходатайствуетъ о разныхъ льготахъ для кіевской академіи: о подтвержденіи ей права именоваться академіей, о томъ, чтобы никто не позволялъ себѣ самовольно наказывать виновныхъ студентовъ, а обращался-бы къ суду академіи, чтобы воспитанники академіи пользовались предъ другими преимуществомъ на полученіе мѣстъ и производство въ чины, а при постриженіи въ монашество трехгодичный искусъ былъ-бы ограниченъ шестью мѣсяцами, чтобы на воспитанниковъ академіи не распространялось условіе выбора ихъ въ священники мірянами, и они назначались бы въ приходы прямо начальствомъ; для матеріальнаго обезпеченія академіи испрашивалась такая же сумма, какая отпускалась для московской славяно-греко-латинской академіи, ректоръ-же и учителя просили, чтобы имъ выдали задержанное въ кіевской губернской канцеляріи жалованье за 1764—1768 гг., т. е. за 4 года. Духовенство черниговской епархіи въ свою очередь поручило своему депутату указать въ коммиссіи на необходимость увеличенія объема преподаванія въ черниговскомъ коллегіумѣ и расширеніи для него помѣщенія.

Говоря о нуждахъ и значеніи для государства академіи, какъ высшаго образовательнаго учрежденія, духовенство указываетъ на ея древность, говоря, что «начало кіевскихъ училищъ или школъ, при кіево-братскомъ Богоявленскомъ монастырѣ учрежденныхъ, простирается давностью своею *выше 1615 года*, какъ урядовая подлинная выпись изъ земскихъ кіевскихъ книгъ, въ ономъ монастырѣ имѣющаяся, доказываетъ». Указывая также на древность типографіи и услугу, оказываемую ею дѣлу православія, духовенство проситъ разрѣшить печатаніе, кромѣ русскихъ богослужебныхъ книгъ для снабженія ими церквей въ подвластной Польшѣ правобережной Украинѣ, еще учебниковъ для академіи и школъ и богослужебныхъ книгъ на греческомъ языкѣ, за которыми обращается въ типографію греческое духовенство. При этомъ упоминается между прочимъ, что въ вѣдѣніи кіевскаго митрополита находятся и другія типографіи, именно: типографія, бывшая сначала въ спасскомъ новгородъ-сѣверскомъ, а потомъ переведенная въ черниговской свято-троицкій ильинскій монастырь, типографія въ могилевской каѳедрѣ, въ виленскомъ и другихъ западно-русскихъ монастыряхъ, перешедшихъ въ унію.

Кіево-печерская Лавра и межигорскій монастырь, какъ независимыя ставропигіи, выступаютъ со своими отдѣльными «пунктами». Лавра, повторяя общія жалобы и просьбы всего духовенства, ходатайствуетъ о вознагражденіи ея за оставшіяся на польской сторонѣ ея имѣнія, состоявшія изъ 5 мѣстечекъ съ замками, 47 селъ съ 17 церквями, 7 хуторовъ, изъ которыхъ выходило 20 плуговъ, 36 мельницъ съ ступниками и нѣсколькихъ суконныхъ, бумажныхъ и желѣзныхъ заводовъ, и заключавшія въ себѣ 5620 крестьянскихъ дворовъ. Въ пунктахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщаются не лишенныя интереса подробности объ укрѣпленіи кіевскихъ пещеръ. Пещеры эти, «въ самой песковатой землѣ устроенныя», оставались невредимы и цѣлы въ теченіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ; поверхность горъ, въ которыхъ онѣ находятся, испоконъ вѣка была покрыта лѣсомъ, корнями котораго и связывалась почва. Но въ 1740 г., для какого-то палисадника инженерной командой земля на прилегавшихъ къ пещерамъ косогорахъ была взрыта и деревья вырублены; вслѣдствіе этого уже въ 1741 году вода отъ снѣговъ и дождей, просачиваясь внутрь и встрѣчаясь съ внутренней ключевой водой, сдѣлала вдругъ «немалое поврежденіе» горамъ при Ѳеодосіевой пещерѣ, а потомъ горы «начали часъ отъ часу индѣ знатно оплывать, а индѣ по немногу только посовываться къ берегу днѣпровскому». Въ 1750 году на укрѣпленіе горъ было ассигновано 20,000 руб., деньги были въ исходѣ, «а подчинки того Ѳеодосіевскаго буерака половинная только развѣ часть въ отдѣлкѣ находилась»; между тѣмъ опасность дальнѣйшаго сползанія угро-

жала по прежнему; таже опасность грозила и Антоніевымъ пещерамъ, такъ какъ большія земляныя трещины доходили уже до пещерной церкви; въ виду всего этого Лавра проситъ ассигновать для окончательнаго укрѣпленія горъ необходимую сумму денегъ. О томъ-же (т. е. объ укрѣпленіи его горъ) проситъ и межигорскій монастырь, ссылающійся на свою крайнюю бѣдность вслѣдствіе потери имѣній, оставшихся въ польскихъ владѣніяхъ, и отсутствія всякихъ доходовъ отъ прихода. Межигорская обитель дѣлаетъ при этомъ оговорку, что «хотя монастырь межигорскій и имѣетъ себѣ парохію—*войско запорожское*, съ добровольнаго его согласія, и туда, въ Сѣчь Запорожскую, посылаются отъ монастыря для служенія и преподачи требъ христіанскихъ іеромонахи и іеродіаконы, но оттоль, кромѣ того, что испрошено нѣкоторое число отъ доброхотныхъ дателей, бываетъ въ монастырь про росходъ рыбы да соли, болѣе никакихъ деньгами доходовъ въ полученіи не бываетъ, съ коихъ за соль, въ провоженіи ея въ монастырь, на таможенныхъ заставахъ и указная пошлина взимается». Скудость приходовъ заставляетъ монастырь молить о возобновленіи его церквей, матеріальномъ обезпеченіи братіи и освобожденіи отъ налоговъ, а также о соглашеніи его права на рубку дерева въ близлежащемъ лѣсу съ правомъ мѣщанъ кіевскихъ на земли, лежащія на 25 верстъ въ окрестностяхъ города, тогда какъ самъ монастырь лежитъ всего лишь въ 15 верстахъ отъ него. Какъ Лавра, такъ и межигорскій монастырь, считая себя только въ подчиненіи синода и ссылаясь на патріаршія грамоты, просятъ уволить ихъ отъ власти кіевскихъ митрополитовъ, идя такимъ образомъ въ разрѣзъ требованіямъ послѣднихъ и прочаго духовенства.

Не можемъ не отмѣтить въ заключеніе и враждебнаго отношенія малорусскаго духовенства къ Румянцевской описи; оно проситъ прекратить начатую ревизію, «съ подробнымъ всего описаніемъ сочиняемую, никогда въ Малороссіи небывалую и малороссійскимъ правамъ и стародавнимъ обычаямъ противную», возбуждающую будто бы только народъ, который, боясь новаго отягощенія его налогами, уходитъ за границу, т. е. въ Польшу, «гдѣ прежняя вольность содержится».

Пункты малороссійской коллегіи не многосложны въ сравненіи съ пунктами духовенства. Сама коллегія была учрежденіемъ смѣшаннымъ на половину изъ великорусскихъ, на половину изъ малорусскихъ чиновъ, потому ея заявленія не имѣютъ цѣльнаго, чисто мѣстнаго характера.

Прежде всего коллегія проэктируетъ раздѣленіе ея на 4 департамента: 1) императорскаго правительства или малороссійскаго генералъ-губернамента, съ высшимъ общимъ управленіемъ и надзоромъ; 2) военнаго комиссаріата, завѣдывающаго войскомъ; 3) камеръ-конторы, какъ финансово-административнаго учрежденія, и 4) и надворнаго суда, какъ высшей апеляціонной инстанціи для низшихъ земскихъ и гродскихъ судовъ. Въ административномъ отношеніи коллегія предлагаетъ дѣленіе страны на пять провинцій съ четырьмя уѣздами въ каждой. Сверхъ того она находитъ необходимымъ учредить должности нотаріусовъ для утвержденія гражданскихъ сдѣлокъ и адвокатовъ для веденія судебныхъ дѣлъ, обставить большей формальностью и строгостью совершеніе купчихъ крѣпостей на недвижимыя имущества, въ виду частыхъ подлоговъ въ документахъ, переложить государственные доходы съ душъ на земли, упорядочить городское самоуправленіе, учредивъ магистратъ въ каждомъ городѣ съ правомъ суда надъ гражданами и распоряженія хозяйствомъ, и раздѣлить горожанъ на хозяевъ и ихъ служащихъ, пригласить техниковъ для производства всякаго рода опытовъ въ добывающей промышленности и мануфактурѣ и лѣсничихъ для правильнаго лѣсоводства, ограничить право винокуренія необходимостью имѣть для этого 30 четвертей сѣву и лѣсу, устроить дороги и мосты. Вмѣстѣ съ тѣмъ коллегія обращаетъ вниманіе и на нужды каждаго сословія; она ходатайствуетъ о томъ, чтобы дворянство давалось только за особыя услуги государству, чтобы монастыри, церкви и духовенство были обезпечены доходами отъ приходовъ или жалованьемъ, чтобы послѣднему разъ навсегда была запрещена покупка земель и пріобрѣтеніе ихъ по завѣщанію (чего такъ настоятельно требовало духовенство и что, по настояніямъ шляхты, было запрещено ему еще въ эпоху польскаго владычества сеймовой институціей 1635 года, а потомъ по представленію гетмана Даніила-Апостола отмѣнено по постановленію верховнаго тайнаго совѣта 22 августа 1728 года); чтобы нѣсколько монастырей было назначено для призрѣнія увѣчныхъ и нищихъ, чтобы чиновникамъ для предупрежденія лихоимства опредѣлено было достаточное содержаніе, чтобы войско было урегулировано и сравнено въ правахъ съ великорусскимъ, чтобы число крестьянъ, записывающихся въ козачество было ограничено, чтобы свободный переходъ подсусѣдковъ (безземельныхъ свободныхъ людей) былъ подчиненъ контролю и сами они обложены особымъ налогомъ, сообразно съ занятіемъ каждаго, но

меньшимъ сравнительно съ пашенными поселянами, чтобы, наконецъ, данныя нѣжинскимъ грекамъ жалованныя грамоты на льготы были соглашены съ привилегіями горожанъ и безъ нарушенія вольностей послѣднихъ.

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ нужды и желанія южно-русскаго общества, которыя оно получило возможность выразить предъ правительствомъ въ пунктахъ наказовъ, данныхъ имъ своимъ депутатамъ, избраннымъ въ коммисію для сочиненія проекта Новаго Уложенія.

И. Каманинъ.

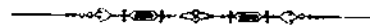

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ РАСКОПКИ.

1) Раскопка кургана «Мухина-гора».

Курганъ «Мухина-гора» находится екатеринославской губерніи, павлоградскаго уѣзда, въ артельской волости, въ двухъ верстахъ отъ с. Краснопавловки № 2 къ юго-востоку, на землѣ А. Е. Снѣгиревой, и въ двухъ верстахъ отъ станціи «Краснопавловки» курско-харьково-азовской желѣзной дороги. Прямо на западъ, на разстояніи полуторы версты отъ кургана, протекаетъ рѣчка Орелька, отдѣляющая здѣсь екатеринославскую губернію отъ губерніи харьковской; въ двадцати пяти саженяхъ къ сѣверу земля С. П. Суковкина, въ 200 с. полотно курско-харьково-азовской желѣзной дороги; на югъ ровная степная поверхность безъ особыхъ примѣтъ. Съ наружней стороны курганъ имѣетъ почти овальную форму съ небольшою площадкою на самой вершинѣ и со взвозомъ отъ запада къ востоку по сѣверной половинѣ его; весь курганъ поросъ травой и состоитъ исключительно изъ земляной насыпи, безъ примѣси камней. Свое названіе «Мухина-гора» онъ получилъ отъ бывшаго владѣльца Мухина, предшественника г-жи Снѣгиревой. По разсказамъ старожиловъ, въ давнее время на курганѣ стояла такъ называемая *каменная баба*. По точному измѣренію, въ окружности курганъ имѣетъ 115 сажень, а черезъ вершину, отъ одного края основанія и до другаго, 25 сажень. Не вдалекѣ отъ «Мухиной-горы» расположены еще четыре кургана, на землѣ С. П. Суковкина.

Раскопку кургана «Мухина-гора» я взялъ на себя по порученію императорскаго московскаго археологическаго общества въ виду грозившей кургану опасности быть потеряннымъ для науки. Дѣло въ томъ, что курганъ уже раскапывался съ практическою цѣлью отысканія зарытаго въ немъ, по народному преданію, клада, при чемъ научныя цѣли не могли имѣть мѣста. Раскопку велъ еврей Моисей Милославскій изъ Таганрога по особому условію и контракту съ владѣлицей А. Е. Снѣгиревой. Нечего и говорить о томъ, что раскопка велась на угадъ, способомъ самымъ простымъ, безъ всякихъ пріемовъ, выработанныхъ наукой: прокопана была сперва на сѣверо-восточной окраинѣ кургана яма почти такой формы, какую копаютъ теперь для покойниковъ, глубиною въ два съ половиной сажня: затѣмъ яма была оставлена, и еврей началъ копать траншею, шириною почти въ два аршина и длиною въ четыре сажня, по направленію отъ сѣвера къ югу. Въ траншеѣ еврей углубился на четыре аршина и открылъ здѣсь «ходы»; хотя это были не больше, какъ звѣриныя норы, но онъ тѣмъ съ большимъ жаромъ принялся за дѣло. Далѣе еврей наткнулся на скелетъ человѣка и, страшно испуганный этой находкой, оставилъ было на время свое предпріятіе; но страсть къ золоту превозмогла, и онъ вновь принялся за курганъ, какъ былъ неожиданно остановленъ въ своемъ предпріятіи... Со слезами на глазахъ Милославскій оставилъ курганъ. Такъ разсказываютъ тѣ четыре человѣка, съ помощію которыхъ еврей велъ раскопку и съ которыми онъ обѣщалъ подѣлиться кладомъ, такъ какъ работали они безплатно.

Курганъ «Мухина-гора» раскопанъ мной глухой траншеей, при чемъ глухая сторона ея оставлена на югѣ, а выходъ (двое воротъ по угламъ траншеи) открытъ былъ на сѣверъ, длина-же траншеи, отъ юга къ сѣверу, 14 саженъ, а ширина ея, отъ запада къ востоку, почти 7 саженъ. Раскопка въ теченіе восьми дней потребовала 288 рабочихъ и тридцати паръ воловъ для вывозки земли; общая стоимость работъ обошлась въ сто девяносто два рубля. Раскопка шла послойно. Всѣхъ слоевъ до материка (желтой глины) снято 28, при чемъ каждый слой равнялся полуторы четверти («штыхъ лопаты»); итого глубина раскопки равняется почти одиннадцати аршинамъ. При раскопкѣ веденъ былъ мною подробный дневникъ съ рисунками всѣхъ пластовъ земли и съ точнымъ указаніемъ

мѣста нахожденія каждой вещи, открываемой въ пластахъ, при чемъ измѣреніе производилось отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и восточной и западной стѣнѣ траншеи, смотря по положенію вещи до мѣстонахожденія ея.

Чтобы ознакомить читателей съ подробностями произведенной мною раскопки, я долженъ изложить ходъ работъ по дневнику. Матерія нѣсколько скучная, но я имѣю въ виду тѣхъ, которые сами пожелали-бы заняться подобнымъ дѣломъ, а такихъ, какъ я убѣдился опытно, находится не мало. Итакъ послѣдуемъ за дневникомъ.

Первый слой. Глубина—полторы четверти. На разстояніи двѣнадцати шаговъ [1]) отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи въ четырехъ шагахъ найдены черепки вмѣстѣ съ дномъ разбитаго *горшка*, изъ черной полуобожженной глины, безъ всякой орнаментики; на двѣнадцать шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи въ четырехъ шагахъ найдена верхняя челюсть *лошадинаго черепа*, лежавшая внизъ лбомъ и имѣющая двѣ четверти съ однимъ вершкомъ длины, и въ двухъ аршинахъ отъ челюсти къ западу, у самой западной стѣны траншеи, нѣсколько древесныхъ *углей;* на разстояніи одинадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи полуаршина найдены обломки *человѣческаго черепа съ позвоночной костью;* на разстояніи четырехъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи по прямому направленію къ центру найденъ *черепокъ горшка* изъ полуобожженной глины, безъ всякой орнаментики.

Второй слой. Глубина—три четверти. На разстояніи двадцати пяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи чрезъ центръ къ сѣверу и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найденъ черепокъ *горшка* изъ полуобожженной глины безъ всякой орнаментики; на разстояніи двадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи чрезъ центръ и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найдены *ребра человѣческаго скелета*; на разстояніи двадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по прямому направленію къ центру найдена *ручная кость человѣческаго скелета*; на разстояніи двадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направ-

[1]) Шагъ равняется двумъ аршинамъ.

ленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найдены три черепка разбитаго *горшка* изъ полуобожженной глины безъ всякой орнаментаціи; на разстояніи двѣнадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найдены обломки *реберъ человѣка;* на разстояніи двѣнадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи четырехъ шаговъ найдена нижняя челюсть *конской головы,* зубами внизъ; на разстояніи одиннадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи трехъ съ половиной шаговъ найденъ кусокъ хорошо сохранившагося дубоваго *дерева;* на разстояніи десяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію прямо къ центру найдены черепки разбитаго *горшка* изъ полуобожженной глины съ орнаментикой, положеннаго на угляхъ; на разстояніи осьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи по прямому направленію къ центру найдена верхняя челюсть *конской головы;* на разстояніи осьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найдены двѣ *конскія головы,* положенныя рядомъ одна возлѣ другой, въ обыкновенномъ видѣ, каждая по двѣ съ половиной четверти длины отъ зубовъ къ концу затылка; на разстояніи осьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найдены двѣ *конскія головы,* положенныя одна на другую, въ обыкновенномъ видѣ, каждая длины по двѣ съ половиной четверти; на разстояніи семи съ половиной шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи двухъ съ половиной шаговъ найдена *конская голова,* положенная въ обыкновенномъ состояніи и имѣющая длины нѣсколько менѣе двухъ съ половиной четвертей.

Третій слой. Глубина четыре съ половиною четверти. На разстояніи двѣнадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по прямому направленію къ центру найдены черепки разбитаго *горшка* изъ полуобожженной глины безъ всякой орнаментики; на разстояніи десяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи четырехъ

шаговъ найденъ обожженный скелетъ *лошади* вмѣстѣ съ древесными углями. На разстояніи девяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи по прямому направленію къ центру найдено *копыто лошади*; на разстояніи девяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи четырехъ шаговъ найдено *ребро лошади;* на разстояніи семи шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи двухъ шаговъ найденъ обломокъ *человѣческаго черепа*, положеннаго на углахъ изъ древесныхъ вѣтвей и нѣсколько восточнѣе отъ черепа кость *курицы*; на разстояніи пяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи двухъ шаговъ найдены *черепъ и кости лисицы*; на разстояніи трехъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи на растояніи двухъ шаговъ найденъ кусокъ сгнившаго *дерева*; на растояніи двухъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи двухъ шаговъ найденъ кусокъ хорошо сохранившагося берестоваго *дерева*; на разстояніи одного шага отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи одного шага найденъ небольшой *известковый камень*.

Четвертый слой. Глубина шесть четвертей. На разстояніи десяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи четырехъ шаговъ найдена позвоночная *кость быка;* на разстояніи девяти съ половиной шаговъ отъ южнаго конца траншеи по прямому направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи шести съ половиной шаговъ найдены черепки разбитаго *горшка* изъ полуобожженной глины; на разстояніи восьми съ половиной шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по прямому направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи шести шаговъ найдено *копыто лошади;* на разстояніи восьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи одного шага найденъ кусокъ *дубоваго дерева:* на разстояніи семи шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи

шести съ половиной шаговъ найдено *копыто лошади;* на разстояніи трехъ шаговъ отъ южной траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи одного шага найдена кость *курицы;* на разстояніи двухъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи двухъ шаговъ найдено нѣсколько *углей;* на разстояніи двухъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи двухъ шаговъ найденъ *черепъ и кости лисицы;* на разстояніи одного шага отъ южнаго конца траншеи и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи одного шага найденъ кусокъ *березы.*

Пятый слой. Глубина семь съ половиной четвертей. На разстояніи десяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи трехъ съ половиной шаговъ къ западу найдено *ребро лошади;* на древесныхъ угляхъ и нѣсколько восточнѣе отъ него кость *барана;* на разстояніи девяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи шести шаговъ найдена кость *быка;* на разстояніи семи шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи шести съ половиной шаговъ найдена *бронзовая пряжка;* на разстояніи трехъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи полутора шага найденъ кусокъ *дубоваго дерева*; въ вершокъ толщиною.

Шестой слой. Глубина девять съ половиной четвертей. На разстояніи десяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ къ западу найденъ небольшой гладко отполлированный *камень*, два вершка длины и въ половину этого ширины; на разстояніи восьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи шести съ половиной шаговъ найдены черепки разбитаго *горшка* изъ полуобожженной глины; на разстояніи восьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи пяти шаговъ къ востоку найдены куски *человѣческаго черепа* (лѣвая сторона): на разстояніи шести шаговъ

отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи шести шаговъ найдены *вѣнцы*, горшки изъ чистой, прекрасно обожженной глины, безъ орнаментики; на разстояніи четырехъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи пяти шаговъ найденъ *скелетъ человѣка*, съ ногами по колѣна. Положеніе скелета съ запада на востокъ (голова на западъ, ноги на востокъ), лицо вверхъ, руки на груди; длина всего скелета (до колѣнъ) шесть четвертей; ножныя кости имѣютъ по двѣ четверти съ однимъ вершкомъ; ручныя отъ локтя по полуторы четверти, голова вся раздавлена землей, кромѣ нижней челюсти съ зубами, плохо сохранившимися и небольшихъ размѣровъ; признаковъ гроба и другихъ принадлежностей не обнаружено; на разстояніи двухъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, наискось къ западу и отъ западной стѣны траншеи найденъ кусокъ *дубоваго дерева*, длиною въ аршинъ и толщиною въ два вершка, положеннаго наискось отъ угла къ стѣнѣ.

Седьмой слой. Глубина одинадцать четвертей. На разстояніи семи шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найденъ кусокъ *дубоваго дерева*, въ три вершка толщиною.

Осьмой слой. Глубина двѣнадцать съ половиной четвертей. На разстояніи одинадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи четырехъ шаговъ найдена одна половинка прямыхъ желѣзныхъ *удилъ*; на разстояніи девяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи пяти шаговъ найденъ кусокъ *дуба*, толщиною въ четверть, длиною въ полуторы четверти; въ юго-восточномъ углу, въ видѣ полукруга съ небольшимъ (менѣе, чѣмъ одинъ аршинъ) проходомъ съ сѣверной стороны, открыто два *бревна*: береза и берестъ, изъ коихъ береза начинается у самой средины южнаго конца и идетъ въ видѣ правильной полудуги отъ юга къ сѣверо-востоку, а берестъ начинается у восточной стѣны траншеи и идетъ въ видѣ полудуги отъ востока къ западу, поворачивая постепенно къ югу и почти сходится съ концомъ березы (не доходя менѣе, чѣмъ на аршинъ); толщина береста—полторы четверти, длина два

съ половиной аршина, толщина березы два съ половиной вершка, длина два съ половиной аршина.

Въ *девятомъ слоѣ* ничего не найдено.

Десятый слой. Глубина пятнадцать съ половиной четвертей. На разстояніи двѣнадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію чрезъ центру, и на разстояніи пяти шаговъ отъ правой стѣны траншеи найденъ неполный скелетъ *человѣка* (испорченный раскопкою кладоискателя еврея Милославскаго); отъ этого скелета сохранились только нижняя челюсть черепа съ прекрасно сохранившимися зубами и ноги отъ колѣнъ и ниже; длина костей, отъ колѣнъ съ кистями—двѣ четверти съ однимъ вершкомъ; положеніе на востокъ, безъ признака гроба и платья; вещей также не найдено никакихъ; на разстояніи осьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и на разстояніи семи шаговъ отъ восточной стѣны траншеи найдены двойныя желѣзныя *удила;* въ юго-западномъ углу траншеи найденъ кусокъ березоваго *дерева*, толщиною въ вершокъ.

Одинадцатый слой. Глубина семнадцать четвертей. На разстояніи двухъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и на разстояніи двухъ шаговъ, по направленію отъ западной стѣны траншеи къ восточной, найденъ скелетъ *человѣка* безъ головы; положеніе съ юго-востока на сѣверо-западъ; правая рука по-надъ правымъ бокомъ, лѣвая положена по животу, ниже груди, при чемъ пальцы ея протянуты нѣсколько дальше праваго бока; лицо вверхъ; длина всего скелета три аршина съ четвертью, длина правой руки пять четвертей; по бокамъ скелета признаки дерева; вещей не найдено никакихъ; въ юго-восточномъ углу траншеи найдены куски дубоваго *дерева*.

Двѣнадцатый слой. Глубина осьмнадцать съ половиной четвертей. На разстояніи четырехъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и на разстояніи трехъ шаговъ, по направленію отъ восточной стѣны траншеи къ западной, найдена лопатка *барана*.

Въ *тринадцатомъ* и *четырнадцатомъ слояхъ* не найдено ничего.

Пятнадцатый слой. Глубина двадцать три четверти. Въ юго-западномъ углу траншеи найдено нѣсколько кусковъ *угля*.

Въ *шестнадцатомъ* и *семнадцатомъ слояхъ* не найдено ничего.

Осьмнадцатый слой. Глубина тридцать шесть четвертей. Въ юго-западномъ углу найдены куски *угля*, а въ юго-восточномъ *рѣчныя ракушки*, длиною въ два съ половиной вершка каждая.

Въ *девятнадцатомъ слоѣ* ничего не найдено.

Двадцатый слой. Глубина тридцать девять четвертей. На разстояніи тринадцати шаговъ отъ южнаго конца по направленію къ центру и на разстояніи трехъ шаговъ отъ восточной стѣны траншеи, по направленію къ западной, найденъ *человѣческій черепъ*, окрашенный въ какое-то красное вещество, глазными отверстіями вверхъ, ртомъ къ востоку; ширина черепа черезъ затылокъ—одна четверть съ вершкомъ, длина двѣ четверти.

Двадцать первый слой. Глубина сорокъ съ половиной четвертей. На разстояніи тринадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и на разстояніи трехъ шаговъ, по направленію отъ восточной стѣны траншеи къ западной, найдена кучка *углей*, числомъ семь.

Въ *семи* остальныхъ слояхъ (всѣхъ двадцать восемь), кромѣ рѣчныхъ *ракушекъ*, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, не найдено ничего.

Послѣ двадцати осьми слоевъ снятой земли обнаружился материкъ, состоящій здѣсь изъ желтой глины, или такъ называемаго „глею". Въ самомъ материкѣ, послѣ того, какъ поверхность его была совершенно выглажена, обнаружено три черныхъ пятна: одно въ юго-восточномъ углу траншеи, у самой стѣны, другое у той-же стѣны, но ниже, на разстояніи осьми шаговъ отъ перваго, по направленію отъ юга къ сѣверу, и третье, самое главное, на двѣнадцать шаговъ ниже южнаго конца траншеи, на четыре шага сѣвернѣе центра и на два съ половиной шага по направленію отъ восточной стѣны траншеи къ западной, иначе отъ втораго чернаго пятна. Первыя два пятна имѣютъ видъ продолговатыхъ квадратовъ, по четыре съ половиной аршина длины и по два ширины каждое, а третье почти овальной формы съ небольшимъ квадратомъ, въ видѣ хвоста, по направленію отъ юга къ сѣверу. Сверхъ того, послѣ очистки насыпи всей траншеи, на разстояніи двухъ шаговъ отъ самаго центра кургана къ западной стѣнѣ траншеи, въ материкѣ обнаружено было еще пять черныхъ пятенъ, въ видѣ небольшихъ квадратовъ, въ одинъ аршинъ длины каждый. Послѣ вскрытія этихъ

послѣднихъ пятенъ оказалось, что здѣсь, въ самомъ материкѣ, на глубинѣ полутора аршина, устроено было *пять очаговъ*, въ аршинъ высоты и три четверти ширины каждый: два изъ нихъ расположены по канавѣ, идущей отъ востока къ западу, а три расположены по канавѣ, идущей отъ сѣвера къ югу и соединяющейся подъ прямымъ узломъ съ первой канавой; при чемъ расположеніе очаговъ, первыхъ двухъ и послѣднихъ трехъ, обращено въ разныя стороны: два на югъ отверстіями, а три на западъ. Въ одномъ изъ очаговъ найдено небольшое количество угля.

Въ томъ изъ трехъ черныхъ пятенъ, которое обнаружено въ юго-восточномъ углу траншеи, найдено два *человѣческихъ скелета*, положенные лицами вверхъ съ юга на сѣверъ, параллельно восточной стѣны траншеи, но притомъ такъ, что первый скелетъ, именно тотъ, что ближе къ стѣнѣ, положенъ выше втораго на двѣ четверти; при чемъ ноги перваго скелета, отъ колѣнъ, подложены подъ ноги втораго, а лѣвая рука того-же перваго скелета вложена въ правую втораго; правая-же рука все того-же перваго скелета, какъ и лѣвая втораго, положены какъ-бы на отлетъ, нѣсколько поодаль отъ скелетовъ; длина перваго скелета два аршина съ половиной, длина втораго два аршина три четверти; длина черепа перваго скелета полторы четверти, ширина одна четверть; длина черепа втораго скелета двумя вершками больше; подъ обоими скелетами, кромѣ кусковъ дерева, не найдено ничего.

Во второмъ черномъ пятнѣ, обнаруженномъ также у восточной стѣны траншеи, на разстояніи осьми шаговъ отъ перваго, найденъ одинъ *человѣческій скелетъ*, положенный также съ юга на сѣверъ, лѣвымъ бокомъ вверхъ, а правымъ внизъ; при чемъ колѣни скелета согнуты по направленію къ востоку, а ступни ногъ выворочены по направленію къ западу; руки положены одна на другую, лѣвая на правую, и откинуты отъ скелета по направленію къ востоку. Длина скелета три аршина и семь вершковъ, черепъ отъ затылка къ носу три четверти, черезъ макушку двѣ. Кромѣ признаковъ дерева возлѣ скелета не найдено ничего.

Третье черное пятно почти овальной формы; въ окружности имѣетъ пять саженъ, но глубины различной: съ восточной и западной сторонъ имѣетъ по одному аршину, съ сѣверной три четверти, а съ южной аршинъ съ четвертью, по направленію къ сѣ-

веру это черное пятно имѣетъ протяженіе въ видѣ продолговатаго квадрата, имѣющаго длины четыре аршина и ширины полтора. На глубинѣ одной четверти чернаго пятна, съ западной стороны, найдено два *угля* и нѣсколько сѣвернѣе отъ нихъ скелетъ *хомяка*, положенный съ юга на сѣверъ съ поворотомъ головы отъ запада къ востоку; длина всего скелета аршинъ; на глубинѣ двухъ четвертей чернаго пятна найденъ другой скелетъ *хомяка*, положенный по направленію отъ запада къ востоку, такой-же длины; во всемъ остальномъ пятнѣ до самаго материка не найдено ничего, кромѣ какого-то *бѣлаго вещества* (известь, мѣлъ или, быть можетъ, березовая кора—трудно опредѣлить), которое отдѣляло весь кругъ чернаго пятна отъ материка. Только въ продолговатомъ квадратѣ чернаго пятна (отъ центра на югъ на разстояніи семи шаговъ) найденъ полный скелетъ *человѣка*, на глубинѣ одного аршина отъ материка. Положеніе скелета почти такое-же, какъ и во второмъ черномъ пятнѣ: скелетъ положенъ правымъ бокомъ, внизъ по направленію отъ юга (голова) къ сѣверу (ноги), съ согбенными ногами въ колѣняхъ; разница лишь въ положеніи лица, которое обращено не къ востоку, какъ-бы слѣдовало по положенію скелета на правый бокъ, а на западъ, что даетъ поводъ думать, что голова умершаго какъ-бы насильственно выворочена; изъ рукъ правая протянута по-надъ правымъ бокомъ скелета, по направленію отъ юга къ сѣверу, но кисть ея загнута по направленію отъ запада къ востоку. Голова отъ подбородка къ концу затылка имѣетъ три четверти, черезъ макушку четверть; въ верхней челюсти черепа не достаетъ пяти зубовъ; носъ довольно поднятъ къ верху, но съ очень низко запавшею перепонкою. Подъ скелетомъ, кромѣ признаковъ дерева и въ небольшомъ количествѣ углей, положенныхъ у лѣваго бока, не найдено ничего.

Таковъ ходъ и результатъ произведенной мною раскопки кургана „Мухина-гора".—Теперь послѣ всего естественно спросить: къ какому времени относится сооруженіе названнаго кургана и какому народу нужно приписать его? Отвѣтъ можетъ быть только гадательный; вещами курганъ на столько бѣденъ, что разгадать по нимъ съ точностію, какой народъ насыпалъ его, едва-ли возможно. Мы не можемъ утверждать, чтобы курганъ былъ ограбленъ, хотя бы то и такимъ кладоискателемъ, какъ упомяну-

тый еврей Милославскій, такъ какъ всѣ черныя пятна, а это самое существенное въ курганахъ, были открыты въ цѣлости. Скорѣе можно думать, что бѣдность кургана указываетъ и на бѣдность самаго народа, соорудившаго его, что курганъ насыпанъ такимъ кочевымъ народомъ, сравнительно мало осѣдлымъ и мало культурнымъ, какъ извѣстные въ нашей исторіи половцы, иначе называемые куманями и кипчаками, народы тюрско-татарской породы, родственные съ печенѣгами, народы, имя которыхъ записано у нашихъ лѣтописцевъ уже подъ 898 годомъ [1]) Вырвавшись изъ степей азіатскихъ, близъ Каспійскаго моря, вытѣснивъ оттуда народъ узовъ или торковъ, разогнавъ печенѣговъ изъ нынѣшней юго-восточной Россіи, половцы заняли теперешнія придонскія и новороссійскія степи, по берегамъ Чернаго моря до самой Молдавіи [2])

Что вскрытый курганъ можно приписать половецкой народности, доказательства на это въ самомъ курганѣ. Прежде всего за половцевъ говоритъ самое мѣстонахожденіе кургана: курганъ находится въ предѣлахъ сѣверной части екатеринославской губерніи и у южной части харьковской, гдѣ между прочимъ и кочевали половцы. Далѣе на половецкую народность указываетъ курганъ и тѣмъ, что на немъ стояла каменная баба, что приписывалось и приписывается, если не исключительно, то главнѣйшимъ образомъ половцамъ. Подтвержденіе этому находимъ въ свидѣтельствѣ французскаго монаха Рубруквиса, проѣзжавшаго землю половцевъ уже въ XIII вѣкѣ. „У нихъ (половцевъ), говоритъ Рубруквисъ, есть обычай дѣлать изъ земли насыпь надъ могилою покойника и воздвигать ему *статую*, обращенную лицомъ на востокъ [3]) и держащую въ рукахъ чашу на своемъ животѣ“ [4]) Наши лѣтописи (напримѣръ новгородская подъ 1224 годомъ) склонны, повидимому, всѣ курганы приписывать однимъ половцамъ, насы-

---

[1]) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб., 1871 г., стр. 9.

[2]) Карамзинъ, Исторія государства россійскаго, Спб., 1818 г., стр. 71.

[3]) Здѣсь допущена нѣкоторая неточность: изъ множества каменныхъ бабъ, видѣнныхъ мною на курганахъ, далеко не всѣ обращены на востокъ, но нѣкоторыя на сѣверъ, на сѣверо-западъ и юго-западъ.

[4]) См. у Бержерова. Voyages faits principalement en Asie, т. I, ч. X.

навшимъ оные главнымъ образомъ надъ прахомъ своихъ князей или хановъ. Въ „Мухиной могилѣ", какъ мы видѣли, скрыто было восемь лошадей (по преимуществу головы и ноги: кочевнику нужна сообразительность лошади—въ головѣ и быстрота въ ногахъ), двѣ курицы, два барана, быкъ, лисицы, рѣчныя ракушки и два хомяка. Все это опять указываетъ на то, что курганъ насыпанъ былъ половцами: названныя животныя составляли и предметъ богатства и служили въ пищу половчину: „Главное богатство половцевъ, замѣчаетъ на этотъ счетъ Д. И. Иловайскій, состояло въ стадахъ рогатаго скота, верблюдовъ, овецъ и особенно въ конскихъ табунахъ. Почти сырое мясо было ихъ любимою пищею, а кобылье молоко любимымъ напиткомъ; пили также кровь убитаго животнаго. Вообще въ выборѣ пищи половцы, какъ истые дикари, не затруднялись; при случаѣ пожирали и мясо нечистыхъ животныхъ, каковы волки, лисицы, а также мясо хомяковъ, сусликовъ и другихъ землеройныхъ обитателей степи" [1]). „Якоже се и нынѣ при насъ половцы законъ держать отецъ своихъ, кровь проливати, а хвалящеся о семъ и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомяки и сусолы.... И полонина (русскіе у половцевъ) скоты, и кони, и вельблюды... и овци" [2]). Само собою разумѣется, что тѣже названныя животныя, которыя составляли предметъ богатства и служили пищею для половцевъ, могли быть приносимы ими и въ жертву, какъ поминки по умершемъ князѣ или ханѣ, что и обнаружилось при вскрытіи кургана: нѣкоторыя изъ найденныхъ костей животныхъ положены были на угляхъ и обожжены. Къ этому нужно прибавить лишь одну новую черту, неуказанную, кажется, ни нашими лѣтописцами, ни современными половцамъ путешественниками: принесеніе въ жертву человѣка. Въ третьемъ слоѣ кургана, на глубинѣ четырехъ съ половиной четвертей, между другими находками найденъ и обломокъ человѣческаго черепа, положенный на древесныхъ угляхъ. Не есть-ли это также жертва, гдѣ половцы вмѣсто животнаго употребили человѣка, быть можетъ какого-нибудь плѣнника?—Замѣчу еще, что раскопка кургана указываетъ

---

[1]) Иловайскій, Исторія Россіи. Москва, 1880 г., ч. 2, стр. 76.

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб. 1871 г., стр. 9.

на новый видъ пищи, не названной въ лѣтописи, рѣчныя ракушки и просо. Присутствіе ракушекъ въ курганѣ объясняется близостью р. Орельки, протекающей отъ кургана въ полуторѣ верстѣ на западъ: очевидно половцы ловили ихъ въ рѣчкѣ и употребляли въ пищу. Найденное же въ курганѣ просо свидѣтельствуетъ, что половцы не все-же были кочевниками: быть можетъ, подъ конецъ они стали и культировать землю. Открытые въ курганѣ пять очаговъ, видимо, указываютъ опять таки на тѣхъ-же половцевъ. „Языческая религія собственно половцевъ намъ весьма мало извѣстна. По всей вѣроятности, подобно другимъ тюркскимъ народамъ, они были преимущественно *огнепоклонники:* приносили коней, быковъ и овецъ въ жертву своему верховному божеству, творцу вселенной„ [1]). Статься можетъ, поэтому, что открытые пять очаговъ замѣняли у половцевъ жертвенные алтари. Что касается человѣческихъ скелетовъ, найденныхъ въ курганѣ, то изъ девяти только шесть можно считать половецкими: одинъ въ третьемъ слоѣ, положенный на угляхъ, другой въ одиннадцатомъ слоѣ, въ юго-западномъ углу траншеи, и четыре въ материкѣ; остальныя три скелета: одинъ во второмъ слоѣ, разбросанный по частямъ, другой въ шестомъ слоѣ съ ногами по колѣни, и третій въ девятомъ слоѣ, испорченный евреемъ Милославскимъ, мы склонны относить къ болѣе позднему времени, времени близкому къ намъ. По положенію этихъ скелетовъ (лицомъ къ востоку) можно заключить, что то были христіане; но какой національности они принадлежали, объ этомъ можно только гадать. Болѣе вѣроятнымъ представляется, что это скелеты запорожцевъ, павшихъ въ битвѣ съ татарами. На такое предположеніе наводитъ по крайней мѣрѣ скелетъ съ отрубленными по колѣни ногами.

Ужъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое, степь широкая,
Ничего-жъ ты, поле, не спородило.—
Заврадило, поле, ты могилушку,
Ты могилушку одинокую,
Что на самомъ верху той могилушки
Стоитъ кустикъ одинъ-одинешенекъ,

[1]) Тамъ-же, стр. 78.

Что подъ тѣмъ подъ кустомъ молодой козакъ лежитъ,
И порубленный и пострѣляпный,
Въ головахъ у него воронъ-конь его стоитъ...

Быть можетъ, эта-же могила приняла въ себя и какого-нибудь изъ чумаковъ, много лѣтъ ходившаго за рыбой на Донъ или за солью въ Крымъ, но внезапно застигнутаго смертью и погребеннаго товарищами въ высокомъ курганѣ среди степи зеленой.

Ой ходивъ чумакъ симъ рикъ по Дону,
Та й не було пригодоньки николи ёму;
Ой ходивъ-же винъ и въ день и въ ночи,
Занедужавъ чумаченько, зъ Крыму идучи;
Ой упавъ-же винъ, упавъ та й лежить,
Нихто ёго не спитае, що въ ёго болить.

. . . . . .

Отамане мій, жалуй ты мене:
Возьми мои волы й возы, поховай мене;
Бери волы, бери возы,
Зроби-жъ мени домовину хоть изъ рогозы.

. . . . . .

Ой у Самари вси дзвоны гудуть:
Оце-жъ того чумаченька на *курганъ* несуть.
Ой у Самари ударили въ дзвинъ:
Це-жъ по тому чумаченьку, що ходивъ на Динъ.
Ой у Самари ударили въ два:
Це-жъ по тому чумаченьку, що бувъ та нема.

Изъ шести скелетовъ, которые мы считаемъ половецкими, одинъ, что въ главномъ черномъ пятнѣ, безъ сомнѣнія принадлежалъ князю или хану, а остальные пять могли принадлежать если не его приближеннымъ, то русскимъ плѣнникамъ, которыхъ очень много было у половцевъ. „Половци-же, приемше градъ (Торъческъ), запалиша огнемъ, и люди разділиша и ведоша я у вежѣ къ сердоболямъ своимъ и сродникомъ своимъ. Мучими зимою, и оцѣпляемѣ у алъчбѣ и въ жажѣ; і въ бѣдѣ побледѣвше лици, и почернивше телесы; незнаемою страною, языкомъ іспаленомъ, нази ходяще и боси, ногы имуще избодены терньемъ. Съ слезами отвѣщеваху другъ другу, глаголюще: азъ бѣхъ сего города, а другии: азъ сего села; і тако съвъспрошахуся со слезами, родъ свой повѣдающе,

очи возводяще на небеса къ Вышнему, вѣдущему тайная" [1]). Что касается другихъ найденныхъ предметовъ въ курганѣ, кусковъ дуба, березы, береста, желѣзныхъ удилъ и одной бронзовой пряжки, то они одинаково могутъ быть отнесены какъ къ половцамъ, такъ и къ татарамъ, скиѳамъ, печенѣгамъ и другимъ полу-кочевымъ, полу-осѣдлымъ народамъ, населявшимъ нѣкогда нашъ югъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить мою глубую признательность г. землевладѣльцу с. Краснопавловки Г. И. Бѣлявскому, оказавшему мнѣ любезный пріемъ и много содѣйствовавшему въ понесенномъ мною трудѣ.

---

2) Раскопка кургана въ д. Вороной.

Еще въ прошломъ 1884 году, въ началѣ іюня мѣсяца, мнѣ пришлось производить раскопку кургановъ въ д. Вороной, екатеринославской губерніи, ново-московскаго уѣзда, любимовской волости, близъ днѣпровскихъ пороговъ Лаханскаго и Звонецкаго, въ имѣніи М. Н. Миклашевской. Изъ двадцати пяти кургановъ, вскрытыхъ здѣсь, я остановлюсь на томъ курганѣ, который помѣченъ въ моемъ дневникѣ № 11 (безъ названія). Это второй по величинѣ послѣ могилы Яцевой и остальныхъ пятнадцати кургановъ, находящихся въ данной мѣстности. Онъ стоитъ на полусклонѣ открытой степи, въ осьми верстахъ отъ д. Вороной и въ четырехъ верстахъ отъ р. Днѣпра, съ лѣвой стороны его. По внѣшнему виду курганъ продолговатъ, въ окружности имѣетъ 47 саж., а черезъ вершину, отъ одного конца основанія до другаго, 15 саж.; вершина—съ двумя продолговатыми воронками, выложенными внутри дикимъ камнемъ и заросшими травой,—глубиною въ одинъ сажень. Кругомъ, у основанія, весь курганъ обложенъ былъ дикимъ камнемъ, видимымъ впрочемъ только по мѣстамъ.

Раскопка произведена посредствомъ колодца, глубиною въ восемь съ половиной аршинъ, кругомъ въ 25 саж. съ отверстіемъ на сѣверо-западъ, шириной въ два сажня. Насыпь снималась послойно (всѣхъ слоевъ 18), причемъ каждый слой брался въ $1^1/_2$ четверти, а измѣреніе шло отъ центра въ разныя стороны, смотря

---

[1]) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб. 1871 г., стр. 151.

по мѣстонахожденію каждой вещи. При раскопкѣ обнаружено, что курганъ отъ перваго слоя и до пяти аршинъ глубины насыпанъ былъ изъ земли и гранитнаго камня, со строгою послѣдовательностію, т. е. за слоемъ земли слѣдовалъ слой камня, за слоемъ камня слой земли и т. д.; причемъ каждый слой камня такъ плотно укладывался, что и самыя мелкія щели были забиты щебнемъ; самые-же камни попадались иногда такихъ большихъ размѣровъ, что одинъ изъ нихъ едва въ состояніи были сдвинуть съ мѣста десять-двѣнадцать человѣкъ. По всему этому для разработки кургана потребовалось до 280 человѣкъ въ теченіи двѣнадцати дней, кромѣ 24 паръ воловъ.

Всѣхъ слоевъ снято съ кургана 18. Изложу ходъ работъ по порядку съемки.

Первый слой; глубина—полторы четверти. На глубинѣ полуторы четверти на разстояніи трехъ аршинъ отъ центра по направленію къ юго-востоку, найденъ *горшокъ* изъ полуобожженной глины, безъ признаковъ орнаментики.

Во *второмъ слоѣ* ничего не найдено.

Третій слой; глубина четыре съ половиной четверти; на глубинѣ четырехъ четвертей, на разстояніи трехъ съ половиной аршинъ отъ центра по направленію къ сѣверо-востоку, найдены черепки разбитаго *горшка* изъ пообужженной глины безъ признаковъ орнаментики.

Четвертый слой; глубина шесть четвертей; на глубинѣ шести четвертей обнаружено большое *кострище*, во весь кругъ кургана, т. е. въ 22 сажня въ окружности, толщиною отъ одного аршина (къ сѣверо-востоку) и до одной четверти (къ юго-западу); кострище состояло изъ толстыхъ березовыхъ деревъ съ хорошо сохранившеюся на нихъ бѣлою корою, положенныхъ стволами внизъ, вѣтвями на верхъ. По плотности кострище представляло такой мягкій слой, въ которомъ легко можно было провалиться, при самомъ осторожномъ хожденіи по немъ.

Въ *пятомъ слоѣ*—все тоже кострище.

Шестой слой; глубина девять четвертей; на разстояніи двухъ сажень отъ центра по направленію къ сѣверу найдены четыре обожженныхъ кости *лошади;* на той-же глубинѣ, на разстояніи полуаршина отъ центра къ сѣверу, найдены четыре ребра съ

четырьмя позвонками *лошади*; скелетъ ея имѣлъ длины безъ четверти два аршина, положенъ былъ вверхъ спиной.

Седьмой слой; глубина десять съ половиной четвертей; на глубинѣ десяти четвертей, на разстояніи трехъ аршинъ къ востоку найденъ хребетъ *лошади*, съ востока на западъ; остальныя части той-же лошади открыты въ безпорядкѣ: и выше и ниже десяти четвертей, съ юга на сѣверъ, и съ востока на западъ; между послѣдними костями обнаружены *угли;* на той-же глубинѣ, на разстояніи четырехъ аршинъ отъ центра по направленію къ востоку найденъ наконечникъ трехъ-граннаго желѣзнаго *копья,* длиною въ два вершка; на той-же глубинѣ на разстояніи пяти аршинъ отъ центра по направленію къ сѣверу найдены кости *собакъ,* а на разстояніи пяти съ половиной аршинъ отъ центра къ востоку—челюсти *лошади*, положенныя на камни; на той-же глубинѣ, въ юго-восточномъ углу, найдена кость *теленка;* на той-же глубинѣ на разстояніи четырехъ аршинъ и четырехъ вершковъ отъ центра по направленію къ юго-востоку найденъ желѣзный *топоръ* безъ обушка (уничтоженъ ржою), имѣющій около трехъ вершковъ отъ конца лезвія къ обушку и столько-же отъ одного конца лезвія къ другому; на той-же глубинѣ, на разстояніи четырехъ съ половиной аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найдена кость *лошади* и возлѣ нея желѣзный *гвоздь*; на той-же глубинѣ, на разстояніи четырехъ аршинъ съ четвертью отъ центра по направленію къ востоку, найденъ обломокъ *желѣзнаго ножа,* съѣденнаго ржавчиной, съ небольшой костяной ручкой и серебряной риховкой между ручкой и желѣзомъ; на разстояніи четырехъ аршинъ отъ центра по направленію къ югу найдена продолговатая желѣзная *трубочка*. (на подобіе цѣвки), около двухъ вершковъ длины, и на три четверти къ югу отъ трубочки—желѣзная *пряжка.*

Осьмой слой; глубина двѣнадцать четвертей. На глубинѣ двѣнадцати четвертей, на разстояніи трехъ аршинъ отъ центра по направленію къ юго-востоку, найденъ небольшой желѣзный *крючекъ;* на глубинѣ тринадцати четвертей, на разстояніи шести аршинъ и трехъ четвертей отъ центра по направленію къ сѣверу, найдена кость *лошади;* на той-же глубинѣ, на разстояніи девяти аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найденъ кусокъ сосноваго *дерева*, длиною больше аршина, и на одну четверть восточнѣе—

кусокъ такого-же дерева, длиною полтора аршина; видимо дерево положено было въ видѣ полукруга по направленію отъ юго-востока къ сѣверу-востоку.

Девятый слой; глубина тринадцать съ половиной четвертей; на глубинѣ четырнадцати четвертей, на разстояніи шести аршинъ отъ центра по направленію къ югу, найдены двѣ кости *лошади.*

Десятый слой; глубина пятнадцать четвертей. На глубинѣ пятнадцати четвертей, на разстояніи двухъ сажень отъ центра по направленію къ востоку, найдена ножная часть *человѣка* и на одинъ аршинъ отъ кости къ востоку куски желѣзнаго *кинжала.*

Одинадцатый слой; глубина шестнадцать съ половиной четвертей. На глубинѣ шестнадцати четвертей, на разстояніи десяти аршинъ отъ центра по направленію къ западу, найдены зубы *лошади,* на глубинѣ семнадцати четвертей на разстояніи девяти аршинъ отъ центра по направленію къ сѣверу, найдено ребро *лошади,* хорошо сохранившееся; на той-же глубинѣ, на разстояніи пяти аршинъ съ тремя четвертями отъ центра по направленію къ востоку, найдены желѣзный *гвоздь* и желѣзная *пряжка;* на той-же глубинѣ, въ юго-восточномъ углу, найденъ кусокъ сосноваго *дерева,* окрашеннаго въ красную краску, длиною въ три аршина и пять вершковъ.

Двѣнадцатый слой; глубина восемнадцать четвертей. На глубинѣ восемнадцати четвертей, на разстояніи одиннадцати съ четвертью аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найденъ желѣзный *кинжалъ,* въ изломанномъ видѣ, величиною съ полъ аршина; на той-же глубинѣ, на разстояніи четырехъ четвертей отъ центра къ востоку, найдены обломокъ желѣзнаго *копья, гвоздь* и кусокъ *дерева;* на той-же глубинѣ, на разстояніи шести аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найдены кость *быка* и возлѣ нея желѣзный *ножъ;* на той-же глубинѣ, на разстояніи пяти съ половиной аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найдены желѣзныя *удила* и возлѣ нихъ кость *лошади.*

Тринадцатый слой; глубина девятнадцать съ половиной четвертей; обнаруженъ слой желтой *глины* толщиною въ палецъ на пространствѣ всего кургана и поверхъ слоя глины березовыя вѣтви; на той-же глубинѣ, на разстояніи шести аршинъ отъ центра по направленію къ югу; найдены куски серебристаго *тополя* съ корою

хорошо сохранившеюся и съ большими камнями поверхъ тополя; на той-же глубинѣ, въ самомъ центрѣ, найдена желѣзная *пряжка* и на полъ-аршина восточнѣе отъ нея кость *лошади* (ребро); на глубинѣ двадцати четвертей, на разстояніи трехъ аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найденъ кусокъ серебристаго *тополя* съ корой, хорошо сохранившейся; на той-же глубинѣ, на разстояніи девяти аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найденъ кусокъ *желѣза;* на той-же глубинѣ, на разстояніи девяти съ половиной аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найдены желѣзный ободокъ изъ *сѣдла*, желѣзный гвоздь и одинъ позвонокъ человѣческаго *скелета;* на той-же глубинѣ, въ центрѣ подъ воронками, найденъ слой твердой *глины* вмѣстѣ съ кусками деревъ, костей и гвоздей; на той-же глубинѣ, на разстояніи семи аршинъ и двухъ четвертей отъ центра по направленію къ востоку, найденъ позвонокъ *человѣческаго скелета*; на той-же глубинѣ, на разстояніи семи аршинъ отъ центра по направленію къ югу, найденъ кусокъ *кремня*, въ полторы четверти длиною и въ полъ-вершка шириной; на той-же глубинѣ, на разстояніи четырехъ аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найдена небольшая *кость* неизвѣстнаго животнаго, разрубленная по поламъ. Ниже пяти аршинъ насыпи слой камней прекращается.

Четырнадцатый слой; глубина двадцать одна четверть. На глубинѣ двадцати одной четверти, отъ центра по направленію къ сѣверу, у самой стѣны, найденъ небольшой *кремневый камень*. Въ остальныхъ *четырехъ* слояхъ не найдено ничего.

Послѣ снятія насыпи въ восемь съ половиной аршинъ глубины обнаруженъ материкъ, состоящій здѣсь изъ желтой глины; въ самомъ центрѣ колодца, противъ воронокъ, которыми оканчивался курганъ на верху, найдено *черное пятно*, находившееся на 24 аршина къ концу колодца на востокъ и на 24-же аршина къ концу колодца на западъ. По формѣ черное пятно напоминало собой продолговатый полукругъ, расположенный прямой линіей на юго-востокъ, а дугой на сѣверо-западъ; причемъ прямая линія равнялась четыремъ съ половиной аршинамъ, а самая дуга девяти аршинамъ; глубина всего чернаго пятна, до материка, опредѣлялась тремя аршинами. Послѣ тщательнаго вскрытія чернаго пятна въ

немъ не оказалось ничего, кромѣ двухъ поломанныхъ *реберъ человѣческаго скелета* да верхней кости *скелета курицы* („кобылки").

Таковъ результатъ раскопокъ. Оставляю открытымъ вопросъ о томъ, какой народности приписать вскрытый курганъ, не имѣя для рѣшенія его достаточно данныхъ. Замѣчу лишь, что весь строй этого кургана много напоминаетъ разсказъ, записанный у извѣстнаго арабскаго путешественника половины X ст. Ибнъ-Фоцлана,— разсказъ о пріемахъ погребенія *русскими,* приходившими на Волгу для торговли съ болгарами, одного изъ знатныхъ ихъ русичей, умершаго здѣсь [1]). Этотъ-же курганъ напоминаетъ собой одинъ изъ тѣхъ кургановъ, которые насыпались въ честь *русскихъ*-же князей, убитыхъ гдѣ-нибудь на войнѣ, уже спустя много дней послѣ смерти героевъ. То курганы такъ называемой тризны. „И повелѣ (Олга) людемъ съсути могилу велику, и яко съспоша, повелѣ трызну творити. По семъ сѣдоша Деревлянѣ пити, и повелѣ Олга отрокомъ своимъ служити передъ ними" [2]). Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ черномъ пятнѣ, кромѣ двухъ реберъ, не обнаружено ни головы, ни ногъ, ни рукъ человѣка.

Д. И. Эварницкій.

Д. Богодаръ,
25 іюня 1885 года.

---

3) Раскопка кургана близъ с. Рыжановки звенигородскаго уѣзда, кіевской губерніи.

Попадающіеся въ «Кіевской Старинѣ» извѣстія о раскопкахъ и археологическихъ находкахъ подали мнѣ мысль сообщить и о произведенной много недавно раскопкѣ. Въ маѣ прошлаго года я раскопалъ одинъ изъ цѣлой группы кургановъ, лежащихъ на поляхъ мѣстечка Рыжановки у границы ихъ съ полями села Залѣскаго звенигородскаго уѣзда, кіевской губерніи. Поля эти составляютъ равнину, теперь безводную и безлѣсную, пространствомъ версты 3 въ длину и ширину. На ней возвышаются два большіе курганы и до 20 меньшихъ, во взаимномъ разстояніи отъ 150 до 300 шаговъ. Я раскопалъ одинъ изъ большихъ, высотою до 3½

---

[1]) См. А. Гаркави, Сказаніе мусульманскаго писателя о Слав. и Рус., Спб., 1870 г., 97—101.

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб., стр. 36.

саженей. Раскопка началась съ вершины и производилась крестообразно. Сверху находился слой чернозема, повидимому наноснаго или насыпнаго, перемѣшаннаго съ селитрой. Слой этотъ во многихъ мѣстахъ пробуравленъ былъ корнями росшихъ тамъ прежде деревьевъ. Отъ корней остались теперь только мѣстами наружныя оболочки, внутренность-же совершенно сгнила и унесена или съѣдена вѣроятно насѣкомыми и, какъ слѣды ихъ, остались полости развѣтвленныя и пустыя внутри, въ видѣ артерій; о деревьяхъ свидѣтельствовали не только остатки корней, но и попадавшіеся слѣды желудей. Мягкій черноземъ служилъ жилищемъ множества земляныхъ жабъ. На большей глубинѣ попадались кости разныхъ маленькихъ животныхъ: птичекъ, сусликовъ и т. п. Аршина на 2 глубины найденъ желѣзный наконечникъ пики, длиною около $^1/_3$ аршина, до того изъѣденный ржавщиной, что его можно было-бы сломать между пальцами. Я однако-жъ сохранилъ находку у себя. Далѣе древесныхъ корней уже не было, однообразный слой чернозема съ селитрой продолжается до $1^1/_2$ сажени глубины, затѣмъ прекратились слѣды корней, а вмѣстѣ съ тѣмъ перестала попадаться селитра. На днѣ кургана я нашелъ кучу красноватой глины высотою до 2 аршинъ, до того твердой, что пришлось ее разбивать топорами. На отлогихъ бокахъ этой глиняной кучи найдено нѣсколько кусковъ угля и остатки бараньихъ роговъ, а равно и куски желѣза, сильно заржавленые, какъ-бы обломки ножа. Подъ глиняной кучей лежала уже цѣлина, глубже по этому копать не было надобности; но за то продолжая крестообразную раскопку съ востока на западъ, я нашелъ, на 1 сажень ниже края подошвы кургана, лошадиныя кости въ безпорядкѣ, разбросанныя на черепкахъ глиняной посуды; костей головы и нѣкоторыхъ костей ногъ не доставало. Тамъ-же найдена часть мѣднаго кольца, въ діаметрѣ болѣе дюйма. Что касается до черепковъ глиняной посуды, то это были части урнъ огромныхъ размѣровъ, однѣ красноватаго цвѣта, другія темнаго, землистаго.

Вотъ все, что дала произведенная мною раскопка. Я не записной археологъ, велъ раскопку не по научнымъ правиламъ, предпринялъ ее, побуждаемый болѣе любопытствомъ, нежели опредѣленными научными цѣлями; но, кажется мнѣ, и я напалъ на такой пунктъ, гдѣ по остаткамъ костей, угля и разбитыхъ урнъ можно предполагать жертвенный алтарь древняго языческаго культа. Но при этомъ за-

гадкой для меня осталось присутствіе въ разрытомъ мною курганѣ огромной массы красноватой глины, чуждой мѣстному слою. Откуда она взялась и для какой цѣли сохранялась здѣсь? При раскопкахъ въ нашей мѣстности остатковъ древней глиняной посуды вообще попадается много: откуда-же она бралась? Неужели всегда первобытные народы получали ее отъ болѣе цивилизованныхъ? Вѣдь и кочевникамъ въ переходной періодъ извѣстны были нѣкоторыя ремесла. Можно поэтому допустить, что въ мѣстности раскопаннаго мною кургана имѣлъ временно осѣдлость какой-то кочевой народъ съ нѣкоторыми уже признаками культуры и что найденная мною глина заложена здѣсь именно для выдѣлки урнъ, но оставле на при внезапной передвижкѣ. Покидавшіе запасъ, быть можетъ, предполагая возвратиться, на всякій случай прикрыли покидаемое землею, что и дало начало кургану, а далѣе природа совершила свое дѣло. Вѣка прошли, пока курганъ покрылся дубовымъ лѣсомъ, пока лѣсъ былъ вырубленъ и замѣненъ пшеницей.

Высказываю мои предположенія, такъ сказать, мимоходомъ, не придавая имъ особаго значенія; настоящая-же цѣль моей замѣтки обратить вниманіе археологовъ на мѣстность, которая по всей видимости принадлежитъ къ древнѣйшимъ населеннымъ пунктамъ края и можетъ быть объектомъ ихъ изслѣдованій.

З.

Г. Звенигородка.
Мая 28 дня 1885 года.

НА МОГИЛѢ АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА СТОРОЖЕНКА.

(*Корреспонденція «Кіевской Старины».*)

Давно хотѣлось мнѣ побывать въ городѣ Брестѣ Литовскомъ, гдѣ провелъ послѣдніе годы жизни и сложилъ свои кости извѣстный малорусскій писатель Алексѣй Петровичъ Стороженко. Въ іюнѣ мѣсяцѣ текущаго года, возвращаясь изъ Варшавы въ Кіевъ, я рѣшился наконецъ исполнить свое желаніе.

Поѣздъ приходитъ въ Брестъ въ два часа по-полудни. Едва я успѣлъ выйти изъ вагона, какъ меня окружила толпа жидовъ-извощиковъ и гостиничныхъ коммиссіонеровъ съ обычнымъ азарт-

нымъ предложеніемъ своихъ услугъ. Наконецъ два наиболѣе энергичныхъ жидка выхватили у меня изъ рукъ чемоданъ, такъ что я, опасаясь за судьбу своихъ вещей, по-неволѣ послѣдовалъ за ними, расталкивая назойливо тѣснившихся около меня сыновъ Израиля.

Тощій конь, запряженный въ тряскую нейтычанку, еле тащилъ по сыпучему раскалившемуся песку. Три версты отъ вокзала до города показались мнѣ безконечными. Наконецъ мой возница остановился у подъѣзда стараго, крытаго гонтомъ, одноэтажнаго домика съ колоннами, надъ которыми прибита была вывѣска съ громкою надписью «Берлинская гостинница».

Не имѣя въ Брестѣ знакомыхъ, я спросилъ прежде всего, гдѣ живетъ городской протоіерей, разсчитывая разузнать у него кое-что меня интересующее, и, нѣсколько отдохнувши послѣ дороги, отправился къ нему. Такъ какъ его можно было видѣть только около шести часовъ вечера, то я употребилъ остававшійся до этого времени часъ на осмотръ города. Это названіе почти что не подходитъ къ Бресту: на песчаной равнинѣ тянутся по сторонамъ широчайшихъ улицъ полуразвалившіяся лачуги и только какой нибудь десятокъ домовъ напоминаетъ вамъ, что это городъ. Городское населеніе состоитъ почти исключительно изъ жидовъ; какъ я потомъ узналъ, здѣсь на пятьдесятъ тысячъ жителей не болѣе пяти тысячъ представителей другихъ національностей. То и дѣло шмыгаютъ мимо васъ грязные ободранные жидки, жаждущіе гешефта.

Увы! это не тотъ Брестъ, съ которымъ мы знакомы по исторіи западной Руси. Современный Брестъ не имѣетъ ничего общаго съ историческимъ Брестомъ. Дѣло было такъ. Когда Наполеонъ I познакомился съ топографіей западной окраины Россіи, то сказалъ о Брестѣ: «кто будетъ крѣпко стоять здѣсь, тотъ будетъ господиномъ всего этого края». Наше правительство воспользовалось указаніемъ великаго стратега: въ тридцатыхъ годахъ городъ со многими церквами и костелами на берегахъ р. западнаго Буга и р. Мухавца былъ срытъ и на мѣстѣ его воздвигнута была огромная неприступная крѣпость, а для города были отведены песчаные бугры, находящіеся въ значительномъ разстояніи отъ крѣпости. Пока во всемъ городѣ есть только одна православная церковь и одинъ костелъ.

Къ шести часамъ я возвратился къ о. протоіерею. Онъ любезно принялъ меня, назвалъ мнѣ нѣкоторыхъ лицъ, близко знавшихъ покойнаго Алексѣя Петровича, отъ которыхъ я могъ бы почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ его жизни и судьбѣ оставшихся послѣ него бумагъ, и разсказалъ то, что самъ зналъ про нашего писателя, котораго онъ не разъ видѣлъ по дѣламъ. Между прочимъ о. протоіерей подтвердилъ прежде дошедшій до меня слухъ, что въ бумагахъ покойнаго остались два неизданныя его произведенія: «Былое, но не минувшее» и «Чортъ на весилли».

Желая видѣть мызу, на которой провелъ Алексѣй Петровичъ послѣдніе годы своей жизни и мѣсто послѣдняго успокоенія его, я попросилъ о. протоіерея сопутствовать мнѣ туда, на что онъ обязательно согласился. На другой день, передъ вечеромъ, мы поѣхали на кладбище. По хорошо содержанному шоссе двѣ версты дѣлаются незамѣтно. Кладбище для уѣзднаго города болѣе чѣмъ въ порядкѣ—чистенькія дорожки, много деревьевъ, кустовъ, цвѣтовъ; почти въ центрѣ его церковь и около самой церкви, подъ тѣнью чуднаго каштана, лежитъ на нѣкоторомъ возвышеніи, огороженная желѣзной рѣшеткой, чугунная плита, подъ которой покоятся бренные останки незабвеннаго Алексѣя Петровича. На плитѣ простая выпуклая надпись: «брестскій предводитель дворянства, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Алексѣй Петровичъ Стороженко. 6-го ноября 1874 г.» Съ благоговѣніемъ преклонившись предъ могилой талантливаго человѣка, я попросилъ о. протоіерея отслужить панихиду. Заунывное пѣніе при заходящемъ солнцѣ, лучи котораго робко пробивались сквозь густую листву окружавшихъ насъ деревьевъ, производило на меня сильное впечатлѣніе и навѣвало грусть. Молча вышли мы за ворота кладбища и проѣхали къ мызѣ Горишинъ, принадлежавшей покойному. По дорогѣ пришлось переѣхать черезъ мостикъ, на который о. протоіерей обратилъ мое вниманіе. «Это былъ роковой мостикъ для Алексѣя Петровича. Въ октябрѣ 1874 г. одна половина его перекрывалась; Алексѣй Петровичъ, возвращаясь какъ-то поздно вечеромъ изъ города, въ темнотѣ попалъ именно на эту половину, провалился, сильно простудился, окунувшись въ холодной водѣ, слегъ и ужъ болѣе не вставалъ».

Мыза Горишинъ расположена въ очень миленькой мѣстности—кругомъ зеленѣющіе луга, а по нимъ раскиданы тамъ и сямъ

группы деревьевъ; на право отъ мызы видѣнъ форпостъ, одинъ изъ многихъ, окружающихъ крѣпость. Мыза представляетъ въ настоящее время самое печальное зрѣлище. Переходя изъ рукъ въ руки, она досталась наконецъ какому-то генералу; но наканунѣ перваго его сюда пріѣзда домъ, въ которомъ жилъ покойный Алексѣй Петровичъ, сгорѣлъ до основанія. Владѣлецъ былъ очень этимъ огорченъ и оставилъ мызу въ полномъ запустѣніи; до сихъ поръ, не смотря на то, что это случилось уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, лежитъ груда почернѣвшаго мусору и стоятъ, печально склонивши свои вершины, обгорѣвшія деревья. Въ саду, представлявшемъ при покойномъ, по разсказамъ бывавшихъ у него, «райскій уголокъ», остались только немногія деревья, насаженныя его трудолюбивою рукой, да видны углубленія на мѣстахъ прежнихъ куртинъ и дорожекъ. Нынѣшній арендаторъ мызы пользуется садомъ, какъ пастбищемъ, что придаетъ усадьбѣ еще болѣе унылый видъ опустѣнія. Тяжело было смотрѣть на такое состояніе того мѣста, которое такъ любилъ и объ украшеніи котораго столь усердно заботился покойный. Мы обошли садъ и поторопились вернуться въ городъ.

С—ко.

НАСТОЯЩЕЕ ИМЯ ПЕРВОЙ ФУНДАТОРКИ КІЕВСКИХЪ БРАТСКИХЪ ШКОЛЪ.

Въ фундаціонномъ актѣ 1615 г. на дворовыя мѣста, составляющія въ совокупности усадьбу кіево-братскаго монастыря, имя жертвовательницы написано въ такой формѣ («Памятники кіевской коммисіи, т. II): «я Галшка Гулевичовна Лозчина, маршалковая мозырская». Мужемъ ея, какъ извѣстно, былъ мозырскій маршалокъ Стефанъ Лозка, фамилія-же Гулевичовна означаетъ ея прозвище въ дѣвичествѣ. Не смотря на это, очень часто изслѣдователи первоначальной исторіи нашей академіи называютъ фундаторку Гулевич*евой*, что, очевидно, совершенно неправильно. Но такъ какъ они при этомъ равномѣрно употребляютъ и правильное написаніе, Лозчина или, по современной фонетикѣ *литературнаго* языка, Лозкина, то намъ достаточно ограничиться указаніемъ на эту несообразность, не входя въ ея подробное обсужденіе.

Иначе дѣло съ именемъ. Начиная съ болѣе давнихъ изслѣдователей академіи, до такого знатока мѣстнаго стариннаго языка, какъ М. А. Максимовичъ («О первыхъ временахъ Богоявленскаго братства», и др.), и до новѣйшихъ спеціалистовъ, къ тому-же профессоровъ самой академіи, какъ П. А. Лашкаревъ и С. Т. Голубевъ («Кіевская Старина» 1884 г. октябрь, 1885 г. январь),— всѣ они имя Лозкиной пишутъ неправильно. Начать съ того, что даже передавая его въ актовой формѣ, совсѣмъ безъ надобности вносятъ въ средину слова смягченіе, вмѣсто Галшка—пишутъ Гальшка. Здѣсь первый корень ошибки, ибо «Гальшку», по созвучію съ уменьшительнымъ малорусскимъ именемъ Галя, не трудно было отождествить съ послѣднимъ, т. е. принять его за архаическую форму *Анны*. Вѣроятно, эта ошибка отразилась далѣе, такъ что Гулевичовна-Лозчина можетъ значиться подъ именемъ Анны и въ современныхъ братскихъ помянникахъ. На самомъ дѣлѣ Анною она никогда не была, а имя это въ «Галшку» никогда не сокращалось, какъ можно видѣть напримѣръ изъ современной почти фундаціи монастыря почаевскаго Козинскою-Гойскою, которая такъ и пишется цѣликомъ Анною (Ганна).

Какое-же имя скрывается подъ формою Галшки?

Въ актахъ здѣшняго центральнаго архива XVI—XVII в. форма эта попадалась намъ въ существенно важномъ варіантѣ: Галжка, который могъ образоваться единственно изъ сокращенія нерѣдкаго тамъ-же полнаго имени Галжбета (польское Elżbieta), т. е. *Елисавета*. Это и есть настоящее имя Гулевичовны-Лозчиной. Это подтверждается подобнымъ-же примѣромъ относительно похищенной кн. Дмитріемъ Сангушкомъ княжны Острожской, дочери кн. Александра и Беаты, которая въ однихъ актахъ именуется сполна Елисаветою, а въ другихъ (и чаще) Галшкою. Но мы имѣемъ наконецъ и самое прямое доказательство правильности нашего мнѣнія. Въ житомірской гродской книгѣ 1617 и 1618 г., хранящейся въ центральномъ архивѣ подъ № 13, находимъ два документа, отъ 11 декабря 1618 г., существенно важныхъ для занимающаго насъ предмета. Оба они содержать жалобы шляхтича Дениса Лукаревскаго на вдову мозырскаго маршалка Лозки, урожденную Гулевичовну; одинъ изъ нихъ, № 617, касается нанесеннаго ею Лукаревскому оскорбленія, и здѣсь она названа *Галшкою*,

равно какъ въ актахъ той-же книги подъ № 413, 435, 437, 571, 572 (см. печатную Опись); въ актѣ-же подъ № 615 тотъ-же Лукаревскій жалуется на ту-же маршалковую по другому дѣлу, именуя ее *Галжбитою* (Опись, стр. 85). Тождество лица и имени не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Необходимо замѣтить, что современницею и едва-ли не сестрою Елисаветы была Анна Гулевичевна, находившаяся въ замужествѣ за другимъ Лозкою же: первая была женою *Стефана, маршалка мозырскаго*, а вторая *Николая, подчашаго кіевскаго*. Эта послѣдняя Гулевичова-Лозчина, овдовѣвши, была во второмъ бракѣ за Ярошомъ Кирдеемъ-Козинскимъ, жила еще въ 1651 году и занимала тогда у межигорскаго игумена Варнавы Лебедевича 2000 злотыхъ подъ залогъ имѣнія Красной-Луки, иначе Пикова, съ двумя руднями на р. Талѣ, т. е. въ нынѣшнемъ радомыльскомъ уѣздѣ къ югу отъ м. Иванкова; здѣсь-же ей принадлежали еще: с. Феневичи, Обчитель (теперь д. Оцитель) и не существующее нынѣ поселеніе Лавриновъ или Лавриновка,—очевидно, названное по имени ея мужа. Ей же, какъ видно изъ акта № 336 (годъ 1618), принадлежало имѣніе Мойсейковщина, теперь д. Мойсейки, къ сѣверо-востоку отъ Иванкова [1]). Елизаветѣ-же принадлежало имѣніе Рожовъ, теперь мѣстечко въ томъ-же уѣздѣ, но въ другой мѣстности, около кіево-житомирскаго шоссе.

Мужъ Елисаветы, кромѣ извѣстнаго по другимъ документамъ имени Стафана, въ двухъ актахъ книги № 13 названъ еще Юзефомъ; не столько изъ двуименности, употреблявшейся въ ту эпоху, какъ и въ удѣльной Руси христіанскаго времени, у православныхъ нашего края, сколько изъ полонизованной формы «Юзефъ» можно заключать, что онъ былъ католикомъ. Смерть его послѣдовала между 27 мая 1617 г., когда былъ выданъ позовъ ему лично, и 9 августа 1618 г., когда жена его имуется уже вдовою (таже опись, 1617 г. № 234 и 1618 г. №№ 413, 435—437, 571, 572).

---

[1]) См. также «Межигорскую Старину», № XI, стр. 80—86. Совпаденіе имени съ общепринятымъ доселѣ толкованіемъ имени братской фундаторки, при тождественности мужнихъ фамилій, ввело въ заблужденіе, между прочимъ, и рецензента этого изданія въ прошлой книжкѣ «Кіевской Старины» (См. 1885 г., іюль, стр. 500).

Возстановимъ-же истинное имя, дорогое не для одного Кіева, но и для всего русскаго просвѣщенія, оставимъ въ сторонѣ ничѣмъ незамѣчательную Лозчину Анну, жену Лаврина, а будемъ благодарно вспоминать навсегда жену Стефана-Юзефа,—*Гулевичовну-Лозчину Елисавету!*

Ив. Новицкій.

ЗАПИСЬ О КЛАДѢ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Нижеприведенный документъ доставленъ мнѣ обязательно г. Ц. А. Абрамовичемъ, который къ несчастью не могъ мнѣ сообщить данныхъ о мѣстности, въ которой онъ былъ составленъ. Документъ написанъ на полулистѣ сѣрой бумаги весьма не четкимъ почеркомъ XVIII столѣтія. Нижній лѣвый уголъ полулиста оторванъ и потому въ текстѣ не достаетъ нѣсколькихъ словъ, которыя замѣнены точками. Составитель былъ очевидно малограмотенъ—правилъ правописанія онъ не соблюдалъ, вслѣдствіе чего въ текстѣ сохранились особенности того областнаго говора, который составитель употреблялъ въ разговорной рѣчи. Желая сохранить этнографическія особенности подлинника, мы сохраняемъ его правописаніе. Не придавая серьезнаго значенія «записи о кладѣ», мы предлагаемъ документъ вниманію читателей изъ-за сохранившихся въ немъ бытовыхъ подробностей, представляющихъ характеристическія черты, относящіяся къ быту станичниковъ и разбойниковъ во второй половинѣ XVIII вѣка въ Слободской Украйнѣ, къ территоріи которой очевидно относятся упоминаемыя въ документѣ событія.

В. А.

Памятная грамота брату Петру Мухи.

Помнишъ братъ, куда ты к намъ ездилъ на любимой нашъ станъ? И ты помнишъ наша атаманская городище; помнишъ, тамъ надъ самою Нястуниюю былъ колодезь, а напроти яго стаяла бяроза, то такъ к Нястуни въ палавину гарадища на вастокъ нашижи бярозы паддоримъ (sic) ничи—нашъ атаманъ погринъ клада. Найдешъ, то за еты денги можно купить усю курскую губерню. Смотри братъ, нади! Насъ выганяли, то мы тую бярозу западный бокъ стясали тапарожъ и пробили съ пушки ядрожъ. А у верхнихъ въ 30-ти козацкихъ курганахъ, што къ дароги, нетъ сакровиша ничаго, толка въ большомъ кургана

закопаны наши все лишни худобы: тамъ ружи, три пушки, содла, новоски палили (sic), медный катель, а денихъ нету. На триоча (sic) мы схаранили своего ясавула Антошку Сиврюка,—ты яго зналъ; то у нагахъ закопали яму: на паминъ католъ сирибра, 12 тысичь палковыхъ, закопаны мелка на пол аршина, а въ головы поставили вядорный кушинъ медный ис золотомъ; католъ накрыли залезною досткою. Смотри, братъ; а можа я вярнусь. А мы таперъ пасхали у Бахмутъ . . . . . 30 у насъ убили салдаты, узяли . . . . . и 7 чилавекъ. Прощай братъ, Пятруша! 1779 года.

ПОРТРЕТЪ ГОНТЫ.

Въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1882 годъ была помѣщена прекрасно написанная проф. В. Б. Антоновичемъ, по современнымъ мемуарамъ, біографія уманскаго сотника Ивана Гонты, и къ ней приложенъ портретъ этого знаменитаго въ народной памяти героя Коливщины или Уманской рѣзни, сподвижника «козацького батька—отамана Зализняка», съ которымъ они въ 1768 году раскуривали «люльки» свои на пожарищахъ польскихъ городовъ и костеловъ и залили ляхской кровью всю правобережную Украйну. Приложенный портретъ, какъ сказано въ пояснительномъ къ нему текстѣ, представляетъ снимокъ, воспроизведенный въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ посредствомъ геліографіи, съ оригинала принадлежащаго тому-же профессору Антоновичу, самый же оригиналъ, какъ объясняетъ г. Антоновичъ, написанъ правдоподобно при жизни Гонты для церкви м. Володарки, кіевской губерніи, въ которой Гонта состоялъ старостою, хранился въ ней до 1847 г., пока не былъ пріобрѣтенъ въ собственность тамошнимъ помѣщикомъ, послѣ ссылки котораго достался съ аукціона г. Антоновичу. Въ автентичности означеннаго портрета не можетъ быть по этому сомнѣнія... Но слабость-ли кисти художника, писавшаго этотъ портретъ, или несовершенство сдѣланнаго Экспедиціею снимка, зависѣвшее отъ какихъ-либо случайныхъ причинъ, дали въ результатѣ-то, что на названномъ приложеніи къ «Кіевской Старинѣ», какъ кажется намъ, не бросаются въ глаза тѣ выдающіяся черты необычайной силы воли, мужества, ума и внѣшней велича-

вости и красоты, какія несомнѣнно присущи были знаменитому сотнику. Гораздо болѣе, какъ намъ кажется, отпечатлѣны эти черты на портретѣ Гонты, который намъ удалось видѣть недавно въ частныхъ рукахъ, но не въ оригиналѣ, а въ фотографическомъ снимкѣ. Здѣсь Гонта кажется совершеннымъ красавцемъ, лице у него открытое, въ высшей степени энергическое и умное, взглядъ быстрый, смѣлый; въ осанкѣ, чертахъ лица есть нѣчто, напоминающее польскій типъ; въ выраженіи лица столько живой, кипучей, непобѣдимой энергіи и такая могучая сила воли, что вы невольно изумляетесь, какимъ образомъ въ одномъ и томъ-же лицѣ соединилась красота Апполона и желѣзная энергія Петра... На этомъ портретѣ Гонта представленъ въ польскомъ кунтушѣ, но воротъ рубашки небрежно завязанъ простымъ снуркомъ; голова бритая, оселедецъ закинутъ за ухо...

Этотъ фотографическій снимокъ мы видѣли въ Харьковѣ, у отставнаго капитана тамбовскаго пѣхотнаго полка, В. А. Богдановича, который, на нашъ вопросъ, какъ досталась ему эта рѣдкая фотографія, разсказалъ слѣдующее:

Незадолго передъ объявленіемъ войны Турціи, въ 1876 г., тамбовскій полкъ былъ посланъ въ подольскую губернію для расквартированія. Баталіонъ, въ которомъ состоялъ г. Бовдановичъ, поставленъ былъ въ м. Немировѣ, брацлавскаго уѣзда. Солдаты и офиферы размѣстились здѣсь по домамъ обывателей, а командиръ баталіона, маіоръ М., занялъ квартиру въ старомъ заброшенномъ помѣщичьемъ домѣ. Здѣсь вниманіе командира и посѣщавшихъ его офицеровъ привлекли старинные портреты, висѣвшіе на почернѣвшихъ отъ времени стѣнахъ въ залѣ и столовой. На портретахъ были изображены родовитые предки владѣльца усадьбы; тутъ-же было нѣсколько поясныхъ портретовъ королей Рѣчи Посполитой, портреты какихъ-то римскихъ кардиналовъ, польскихъ примасовъ, и т. д. Но между всѣми этими портретами особенно выдавалось изображеніе какого-то козака, съ бритой головой, съ умной и интеллигентной физіономіей. Удивились офицеры, какъ могъ затесаться сюда, въ среду великомощныхъ и ясневельможныхъ магнатовъ и королей, этотъ простой козакъ, съ оселедцемъ на головѣ и простымъ снуркомъ на воротникѣ рубашки. Кто-бы это такой могъ быть? Сняли портретъ со стѣны, посмотрѣли, нѣтъ-ли подъ нимъ

какой подписи, заглянули на оборотную сторону и нашли тамъ польскую подпись: Znakomity Gonta (знаменитый Гонта). Но кто такой Гонта и какъ могъ онъ,—на видъ простой козакъ, попасть въ портретную галлерею богатаго польскаго пана,—никто изъ присутствующихъ про это не зналъ, потому что офицеры знаніемъ исторіи не отличались. Только уже послѣ, долгое время спустя, они узнали, что Гонта былъ уманскій сотникъ и рѣзался съ поляками... Тѣмъ не менѣе лице Гонты и его оригинальный нарядъ такъ понравились офицерамъ, что они рѣшили отослать портретъ его къ знакомому фотографу въ Харьковъ съ просьбою сдѣлать нѣсколько фотографическихъ съ него снимковъ, не ради чего-нибудь, а просто потому, что физіономія «козака» показалась имъ очень «интересною». Спустя три недѣли фотографъ прислалъ имъ обратно портретъ Гонты и снятыя съ него три фотографіи, изъ которыхъ одну взялъ себѣ г. Богдановичъ, другую маіоръ М., а третью поручикъ С.; подлинный-же портретъ повѣшенъ былъ на старое мѣсто, въ столовой помѣщичьяго дома въ Немировѣ. Скоро вслѣдъ за тѣмъ былъ объявленъ походъ противъ Турціи, и тамбовскій полкъ двинутъ былъ за Дунай однимъ изъ первыхъ. Во время похода карточки Гонты у маіора М. и поручика С., насколько намъ извѣстно, затерялись, и изъ трехъ фотографій, снятыхъ съ оригинала, сохранилась только одна—у г. Богдановича, который и показалъ ее намъ въ концѣ прошлаго года въ Харьковѣ.

Было-бы, конечно, въ высшей степени интересно узнать, сохранился-ли въ Немировѣ оригинальный портретъ Гонты, уцѣлѣлъ-ли онъ до настоящаго времени, и если уцѣлѣлъ, то желательно было-бы видѣть его въ печати и получить разъясненіе, почему владѣльцы Немирова рѣшились повѣсить въ своей столовой рядомъ съ портретами своихъ предковъ портретъ Гонты, который былъ заклятымъ врагомъ польскаго шляхетства...

Н. Добротворскій.

Примѣчаніе редакціи. Фотографическій снимокъ съ портрета, о которомъ говоритъ авторъ настоящей замѣтки, года два тому назадъ былъ присылаемъ намъ кѣмъ-то изъ Харькова съ поясненіями, совершенно сходными, и, если не ошибаемся, это именно былъ снимокъ, принадлежащій г. Богдановичу. Мы сличили его

тогда-же съ оригиналомъ, хранящимся у проф. В. Б. Антоновича, и преимущество во всѣхъ указываемыхъ авторомъ замѣтки отношеніяхъ оказалось на сторонѣ нашего оригинала. О поражающихъ чертахъ лица Гонты на этомъ портретѣ можно заключать изъ того, удостовѣреннаго всѣми видѣвшими его факта, что на него невозможно смотрѣть долѣе двухъ-трехъ минутъ, чтобы не почувствовать какого-то давящаго чувства страха предъ этой изумительной силой, отвагой, энергіей и нѣкоторой даже какъ-бы свирѣпостью лица, которыя такъ и бьютъ вамъ въ глаза. Но, всматриваясь въ портретъ, вы не замѣчаете, чтобы это была дикая, грубая сила; напротивъ, во всемъ лицѣ, особенно въ глазахъ и выдающемся челѣ свѣтится умъ и гордая, непреклонная самоувѣренность, а полуоткрытый ротъ съ покосившимися въ одну сторону губами и выдвигающимися зубами отражаютъ какую-то злую иронію и презрѣніе къ жизни. Только при взглядѣ на этотъ портретъ становится понятнымъ то феноменальное хладнокровіе, съ которымъ этотъ герой-мученикъ перенесъ лютѣйшую казнь, смѣясь и бросая шутками въ своихъ мучителей, когда съ него съ живого сдирали полосами кожу. И на этомъ портретѣ Гонта красавецъ, но это въ высшей степени своеобразная, мужественная, грозная красота. Одинъ изъ нашихъ знакомыхъ снялъ съ этого-же портрета копію и помѣстилъ ее у себя въ имѣніи (черниговской губерніи), въ комнатѣ, предназначенной для ночлега пріѣзжающихъ гостей. По словамъ его, каждый изъ нихъ, переночевавъ въ этой комнатѣ, жаловался на утро, что ему Гонта не давалъ спать, что и побудило радушнаго хозяина вынести портретъ въ другую комнату.

Въ общемъ очертаніе лица Гонты на кіевскомъ и немировскомъ оригиналахъ, какъ видно по фотографіи съ послѣдняго, весьма сходно; разница въ положеніи головы и рта, въ костюмѣ и отчасти въ характерѣ самой живописи: на портретѣ кіевскомъ штрихи нѣсколько проще и рѣзче. Но главная, какъ намъ кажется, причина разницы въ обоихъ портретахъ, которую усматриваетъ почтенный авторъ замѣтки, въ томъ, что онъ имѣлъ предъ собою не самые оригиналы, а съ одной стороны фотографію, весьма отчетливо сдѣланную, а съ другой геліографическій снимокъ, исполненный не совершенно удовлетворительно.

Тѣмъ не менѣе мы охотно присоединяемся къ желанію автора замѣтки, чтобы немировскій портретъ Гонты былъ сохраненъ и изданъ, съ поясненіемъ его происхожденія и дальнѣйшей судьбы, и въ этихъ видахъ даемъ мѣсто самой замѣткѣ.

КОБЗАРЬ КРЮКОВСКІЙ.

(Некрологъ).

Чувствуемъ себя обязанными занести въ историческую и этнографическую южно-русскую хронику еще одну утрату въ области отходящей въ вѣчность старины. Въ первыхъ числахъ іюля умеръ въ г. Лохвицѣ полтавской губерніи кобзарь Иванъ Кравченко (Крюковскій), отъ котораго мною записано было собраніе думъ, напечатанное въ 1884 году въ нашемъ журналѣ. Крюковскій былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей того типа историческихъ пѣвцовъ, о которомъ въ очень близкомъ времени останется только одна память. Отъ него добыто двѣнадцать варіантовъ думъ (девять мною и три другимъ лицемъ), пѣсни и псальмы. Если сравнивать его по количеству сохраненнаго имъ въ памяти историко-поэтическаго матеріала, то изъ извѣстныхъ кобзарей прійдется отвести ему чуть-ли не первое мѣсто. Но онъ уступалъ и Верссаю, съ его своеобразно-философскимъ умомъ и культомъ исторической пѣсни, и Андрею Шуту, благодаря которому дошли къ намъ думы о Хмельницкомъ. Варіанты Крюковскаго, впрочемъ, вполнѣ оригинальны и всѣ хорошаго качества. Такими признали ихъ столь глубокіе знатоки украинской народной поэзіи, какъ покойный Н. И. Костомаровъ и П. А. Кулишъ, нашедшіе въ нихъ новыя черты и счастливыя по силѣ выраженія. Въ своей средѣ Крюковскій пользовался репутаціей единственнаго старосвѣтскаго кобзаря на огромный районъ средней Полтавщины. Въ молодости онъ велъ подвижную жизнь и обошелъ съ бандурою почти всѣ украинскія мѣстности по лѣвобережью, пробираясь иногда на Донъ и на Черноморье. Бывалъ и на ярмаркахъ сельскихъ и даже городскихъ, какъ въ Харьковѣ и Ромнахъ, гдѣ иногда ему перепадало кое-что отъ дивившагося на него купечества. Лѣтъ двадцать назадъ, съ постепеннымъ вымираніемъ кобзарства, онъ пересталъ странствовать и

обратился къ жизни осѣдлаго ремесленника; по обычаю слѣпыхъ изъ народа онъ занимался выдѣлкой издѣлій изъ конопли. У него были ученики, но своихъ историческихъ думъ онъ имъ не передалъ, такъ какъ народъ не понимаетъ и не интересуется болѣе пѣснями этого рода.

Проѣзжая въ срединѣ минувшаго іюля черезъ Лохвицу и зайдя въ его хату, я не засталъ его болѣе въ живыхъ. У воротъ меня встрѣтилъ, стоящій постоемъ въ хатѣ, уральскій козакъ, одинъ изъ расквартированныхъ по городу. На вопросъ о хозяинѣ онъ сказалъ: «Старикъ, слѣпой? померъ. Четыре дня какъ зарыли». Изъ семьи кобзаря не было никого. Сыновья ушли въ Новороссію, на заработки, жена, запивавшая еще и при мужѣ, оказалась въ сосѣднемъ шинкѣ. Невольно вспомнились слова думы о козацкой хатѣ въ отсутствіи хозяина... Тутъ-же, на выѣздѣ изъ города, небольшой черный холмикъ на кладбищѣ обозначалъ могилу Крюковскаго.

Узявъ соби паняночку—
Въ чистимъ поли земляночку,
Та взявъ соби былиночку—
Въ чистимъ поли могилочку...

Кромѣ записанныхъ мною, Крюковскій зналъ еще три думы, которыхъ не вспомнилъ тогда. По счастію онѣ записаны отъ него, вмѣстѣ съ другими, художникомъ Порф. Денис. Мартыновичемъ, писавшимъ съ него этюдъ. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Мартыновичъ ознакомитъ съ ними интересующихся лицъ. Это думы «О козакѣ Голотѣ», «О Самарскихъ Братьяхъ» и шуточная «О козакѣ Мыхіѣ», еще неизвѣстная въ печати. Какъ дань памяти покойнаго народнаго пѣвца привожу здѣсь, записанную буквально со словъ Крюковскаго, часть его автобіографіи. Здѣсь встрѣтятся еще всѣмъ знакомые отголоски недавняго времени, черты крѣпостнаго произвола, которыя давно слѣдуетъ начать записывать, такъ какъ онѣ должны быть также отнесены къ чертамъ *историческимъ*.

«Я бувъ крипостный Крюковского пана;—отто я по пану Крюковскимъ и прозываюсь. Зъ трехъ литъ мене взято до двора и бувъ я при паничу. До десяти годъ я бувъ видющій. Пидрисъ мій паничъ, отдали ёго въ Гадячъ въ училище. И мене зъ нимъ отдали и одвезли мене зъ нимъ у Гадячъ. Обижа мене паничъ. Прийде оце зъ училища на кватырю, якъ зачне гратьця зо мною,

штиля мене то видсиль, то видтиль, скубе, щипа... Поставе було ракомъ: «стань на чотырехъ лапкахъ... А ну, чи повезешъ мене, Иванька?» Якъ попогрався оттакъ винъ зо мною пивтора года, та якъ заболили у мене очи, якъ заболили, то якъ ляжу ныць, та якъ полежу, такъ пидо мною такъ якъ ричка слёзъ набижить... Прыиде паничъ, «А, Ванька, се ты с... с... у...? Ванька у...! Та якъ почне мене скубти та бити, то въ мене слёзы такъ и бижать, такъ и бижать... Коли вже й йсти за слёзами не можва. Тоди винъ якъ побачивъ, шо вже, значить, не переливки, посыла зъ Гадяча письмо до дому въ Лохвицю, шобъ мене взяли до дому въ Лохвицю, а ёму щобъ другого малчика дали. Привезли мене до дому, стали батько призывать знахуривъ, жидивъ и жидивокъ. Жидивка була така, що каже: «выличу хлопця твого», та три мисяци, чи що, коло мене сидила, та ничого й не зробила. Люде кажуть, що въ Полтави е докторъ, то може спользувать. Повезли батько, царство имъ небесне, мене въ Полтаву; такъ той докторъ подививсь на мене, та й каже имъ: «що-жъ, попользую якъ небудь. Покинь ёго тутъ, а въ мисяць навидайся до мене». Такъ у мисяць батько прыихали. — «Не пускайте ёго на дворъ съ пивъ мисяця—одійдуть очи. Привезли мене, та не то пивъ мисяця, а й мисяць не пускали—не помагаеться. Возили у Катарнославъ. Тамъ побувъ пивтора года у больныци. Не помоглось. Повезли ще въ Кіивъ до Короваева; такъ той подывивсь-подывивсь, та й каже: «не выпользую, каже. Вичній калика винъ буде. Повыидавъ, каже, сахаръ чоловички» [1]). Ослипъ я. Перестали очи бачить. А якъ прыиде паничъ до дому, то чого було не робе изо мною изъ слипымъ?! Батько та мати було почують, що паничъ прыихавъ, то й журятьця: «оце вже прыихавъ, буде хлопця мучити». Разъ якъ узявъ мене ганять по двору у литку та въ жнива, такъ турлявъ мене, турлявъ... а тамъ русськи колодязь одкрыли, такъ винъ турлявъ мене, турлявъ та на колодязь и нагнавъ, такъ я туды й шелепнувъ. Такъ русськи тоди: «що вы, паничъ, дилаете? отъ малчикъ убився». Вытягли мене видтиля насилу живого. Довго пролежавъ я писля того... Такъ ото вже я якъ ослипъ, такъ батько та мати порадились та отдали мене въ Гапонивку до слипого до

---

[1]) Зрачки. Сахаромъ прежде задували въ глаза.

Ивана, таки Кравченка. И винъ Иванъ Кравченко и я Иванъ Кравченко. Винъ ще и Касьяномъ прозываетьця. Узявъ мене на три годы. За пивтора года вывчивъ гратъ»...

Къ сожалѣнію автобіографія кобзаря на этомъ обрывается. Онъ умеръ лѣтъ семидесяти. Но за то, что онъ сберегъ среди горькой своей жизни, за часть исчезающаго сокровища народной поэзіи, скажемъ о немъ обычнымъ утѣшительнымъ припѣвомъ стародавнихъ думъ: «слава его не вмре, не поляже!»...

В. Г.

УКРАИНСКІЙ ВАРІАНТЪ ПѢСНИ «ПРО ЯГНИЧКУ».

Въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» (стр. 517—523) г. Я. Г. напечаталъ двѣ народныя пѣсни, доставленныя ему г. Михаиломъ Загайскимъ изъ Галиціи, съ береговъ Збруча, изъ скалатскаго уѣзда. Вторая изъ нихъ, «Про сойку»,—въ значительно впрочемъ отмѣнномъ варіантѣ, безъ примѣненія къ Польшѣ и ляхамъ,—была напечатана въ одномъ изъ галицкихъ сборниковъ, у Вацлава зъ Олекса или Жеготы Паули,—навѣрно не упомню. Первая-же, «Про ягничку», ни въ одномъ сборникѣ не находится. Г. Я. Г. полагаетъ, что пѣсни эти происходятъ изъ Украйны и что здѣсь должны быть извѣстны ихъ варіанты. «Сойки» мнѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ не попадалось; другая-же пѣсня записана мною въ г. Таращѣ, и притомъ въ болѣе цѣльномъ видѣ.

Предположеніе г. Загайскаго, что пѣсня эта возникла въ эпоху, когда на Украйнѣ появились ксендзы-миссіонеры, «которые допускали разныя безчинства», можетъ найти нѣкоторое подтвержденіе въ томъ смыслѣ, что пѣсня имѣетъ въ виду духовныхъ лицъ уніатскихъ,—по крайней мѣрѣ, варіанты ея неизвѣстны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ унія не была прочно укоренена и исчезла еще съ половины XVII вѣка. На то-же указываютъ приводимыя ниже шуточныя пѣсеньки о «добродзіяхъ».

Вотъ какъ поютъ «Про ягничку» въ Таращѣ, на такъ называемомъ «Зарѣчьи»:

Ой погнала дивчинонька ягняточка въ поле,
Загубила ягняточко, — «нещаслива доле!

Треба мени вертатися,
Ягняточки пытатися,
Ягняты малого,
Ягняты малого».

Ой не найшла дивчинонька ягняты малого,
Надыбала попа въ лиси, попа молодого:
«И а чи мени вертатися,
И а чи мени пытатися,—
Боюся я ёго,
Боюся я ёго!»

—«Ой не бійся, ты дивчино, не бійся ты мене:
Знайду я те ягняточко, що ты загубила;
Пожартуемъ наедыни,—
Нехай наша журба гине,
Нехай пропада,
Нехай пропада!»

Жартовала съ попомъ довго,—не скажу никому,—
Цилувала-обнимала, та й прыйшла до дому.
Ой прыйшла я до домоньку,—мене мати била:
«Ой а де ты, суча дочко, ягнятко згубила?»
—Ой на-що-жъ вамъ ягняточко,
Буде въ мене дитяточко:
Исъ попомъ гуляла,
Съ попомъ жартувала.

—«Ой пиду я до владыки, буду позывати,
Нехай прескурвый знае, якъ дочку займати!»
—«Ой я твого, а владыки, та и не боюся,—
Есть у мене капшукъ грошей, то я й одкуплюся.
То-жъ парахвія моя,—
Нехай знае дочка твоя
Пастыра свого,
Пастыра свого!»

Я упомянулъ выше о шуточныхъ пѣсенькахъ относительно «добродзіевъ»,—такъ именуетъ и понынѣ народъ священниковъ, по уніатской памяти, въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ наиболѣе

упрочена была унія,—на Полѣсьи кіевской губерніи, гдѣ былъ центръ уніатской іерархіи, ибо кіевскіе уніатскіе митрополиты съ андрусовскаго мира пребывали въ Радомыслѣ. Здѣсь именно записаны и приводимыя пѣсеньки: первая въ с. Пилиповичахъ, мѣсто-же записи второй съ точностью не обозначено. Онѣ напоминаютъ намъ то отдаленное время господства уніи.

I.

Ой ты, попе-добродзію,
У мій бибъ [1]) не ходи:
Бо якъ зловлю,—переголю
Половину бороды!

II.

Варила добродзійка лемишку,
Та вдарила добродзія по писку [2]):
«Оце-жъ тоби, добродзію, лемишка,—
Не люби чужихъ жинокъ изтышка!»

Замѣчательно, что и эти пѣсеньки, подобно предъидущей, вовсе неизвѣстны на лѣвой сторонѣ Днѣпра, по крайней мѣрѣ здѣсь онѣ не попадались собирателямъ, хотя эти мѣстности изслѣдованы несравненно тщательнѣе, чѣмъ Правобережье.

Ив. Новицкій.

КЪ ПОРТРЕТУ АДАМА КИСЕЛЯ.

Адамъ Кисель, воевода кіевскій, представляетъ собою весьма крупную личность въ ряду южно-русскихъ дѣятелей XVII ст., той кровавой эпохи козацкихъ войнъ, которая рѣшила безповоротно судьбу Малороссіи и потрясла до основанія могущество Польши. Сынъ бѣднаго волынскаго шляхтича, владѣльца с. Нискеничъ (нынѣ волынской губерніи, владимірскаго уѣзда), онъ неустаннымъ трудомъ и стараніями, путемъ скупли, заимокъ, службы и соединен-

---

[1]) «Ходить въ бобъ» — то-же что «скакать въ гречку», въ одной лѣтописи XVII вѣка — «скочити черезъ плотъ»,—грѣшить противъ седьмой заповѣди.

[2]) По лицу.

ныхъ съ нею пожалованій составилъ себѣ огромное состояніе, владѣлъ обширными помѣстьями, массою селъ, хуторовъ, мельницъ и другихъ угодій на Волыни, въ черниговщинѣ и полтавщинѣ, отчасти въ кіевскомъ воеводствѣ, былъ подкоморимъ, старостою, каштеляномъ и воеводою, а въ концѣ концевъ достигъ званія сенатора и одинъ изъ русскихъ людей того времени носилъ это почетное званіе, къ которому не былъ допущенъ ни одинъ владыка русскій, ни даже самъ митрополитъ кіевскій, знаменитый своимъ происхожденіемъ, образованіемъ и способностями Петръ Могила. Но ни богатство, ни древность и знатность рода (Кисель производилъ свой родъ отъ Владимірова Святолда и это признавалось его современниками), ни высокое и вліятельное положеніе въ государствѣ и обществѣ не дали ему почетнаго мѣста въ исторіи. Кисель доселѣ не нашелъ своего біографа, не дождался даже отдѣльной и обстоятельной характеристики. Причина этого прежде всего въ личныхъ качествахъ Киселя и характерѣ его жизни и дѣятельности. Кисель не ознаменовалъ себя подвигами военными, ни какими либо громкими гражданскими дѣлами; на его долю выпала мало примѣтная и вмѣстѣ неблагодарная роль посредника и примирителя въ польско-козацкой распрѣ, дошедшей до крайнихъ предѣловъ, до борьбы на жизнь или смерть. Онъ повидимому искренно и съ увлеченіемъ старался примирить враждующихъ, склоняя ихъ къ уступкамъ, взывая къ самымъ возвышеннымъ мотивамъ, но не могъ возвыситься надъ ихъ радикально противуположными стремленіями и понять, что силится согласить несогласимое. Самъ Кисель былъ горячимъ защитникомъ политическаго единства южной Руси и Польши, но вмѣстѣ сторонникомъ польско шляхетскаго общественнаго строя, противъ гнета котораго направлены были всѣ усилія южно русскаго козачества. Въ періодъ крайняго возбужденія политическихъ страстей роль посредника, принадлежащаго по національности и вѣроисповѣданію къ одной изъ враждующихъ сторонъ, а по складу политическихъ убѣжденій и стремленій къ другой, въ высшей степени трудна и невольно возбуждаетъ подозрѣніе въ обѣихъ. Требовалось необычайное искусство, прямота, твердость, полное безпристрастіе, нѣкоторое даже самоотверженіе, качества, которыми не могъ похвалиться Кисель. Требовался кромѣ того личный высокій авторитетъ, доблести, заслуги; но и этого не имѣлъ

Кисель, хвалившійся при всякомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ лишь древностію своего русскаго рода, усиленное-же увѣреніе имъ обѣихъ противныхъ сторонъ въ своей исключительной преданности подрывало всякое довѣріе къ нему.

Кисель былъ человѣкъ образованный и рѣчистый, писалъ искусно и красно; но однимъ сладкоглаголаніемъ нельзя было расположить къ себѣ людей и пріобрѣсти ихъ довѣріе. Не вѣрили ему козаки, не довѣряла и польская сторона. Въ сенатѣ чуть не въ глаза называли его здрайцею, хлопомъ, русиномъ, а Хмельницкій на горячія увѣренія Киселя, что онъ кости и плоти русской, отвѣчалъ: «кость-то у тебя русская, да польскимъ мясомъ обросла!» Отъ своихъ такимъ образомъ онъ отсталъ и къ чужимъ не присталъ. Всю жизнь путемъ стяжаній, заискиванья, уклончивой политики Кисель добивался того, чтобы выдвинуться изъ бѣдной и мелкой русской шляхты, презираемой и гонимой, стать на ряду съ первостепенными чинами государства; но когда это положеніе цѣлымъ рядомъ усилій и жертвъ было наконецъ достигнуто, для Киселя не оказалось мѣста между гордыми польскими панами и они едва выносили его присутствіе въ своей средѣ. Онъ снизошелъ къ своимъ, но и тѣ его отвергли. Всѣ усилія Киселя стать между двумя противными сторонами, склонивъ ихъ къ примиренію, кончились ни чѣмъ. Положеніе по истинѣ трагическое!

Отзывы современниковъ установили за Киселемъ репутацію человѣка двуличнаго, мелкаго честолюбца, своекорыстнаго эгоиста, мечтавшаго покойно и съ честью усѣсться на краяхъ двухъ стульевъ; мы думаемъ, что неудача Киселя условливалась болѣе трудностію его политической роли, нежели его личными свойствами. Тогдашнее польско-русское общество представляло изъ себя два непримиримые лагеря, исключавшіе возможность всякаго компромисса: съ одной стороны Хмельницкій, представитель демократическихъ стремленій козачества и посполитства, во всеоружіи народныхъ силъ, взялся, по его собственному выраженію, «перевернуть Польшу вверхъ ногами», съ другой талантливый его соперникъ Іеремія Вишневецкій клялся истребить поголовно всѣхъ козаковъ. Ошибка Киселя въ томъ, что онъ не понялъ совершавшагося на его глазахъ рѣшительнаго историческаго момента; но эту ошибку повторяли, и гораздо съ большею неудачею, всѣ послѣдующіе сторонники союза съ Польшею и со-

храненія грозившаго гибелью народу *status quo*. Что имя Киселя перешло въ исторію въ мало привлекательномъ и слабомъ свѣтѣ, причиною сему не одна неудача его посреднической роли, но и то, что онъ, человѣкъ обыкновенныхъ способностей, стоитъ между двухъ такихъ высоко-даровитыхъ противниковъ, какъ Хмельницкій и Вишневецкій. Достойно вниманія, что одна и та-же южная Русь одновременно дала отъ себя такихъ несходныхъ дѣятелей. Хмельницкій, Вишневецкій и Кисель служили выразителями трехъ обуревавшихъ въ то время ее теченій: новаго радикальнаго, стараго ретроградного и либерально-консервативнаго. Представителемъ послѣдняго и былъ Адамъ Кисель.

Говоря объ немъ, мы съ уваженіемъ однако должны вспомнить о томъ, что онъ не измѣнилъ своей вѣры и народности среди всеобщаго увлеченія польско-католическимъ идеаломъ, и съ тѣмъ-же чувствомъ отнестись къ его напряженнымъ, хотя и безплоднымъ усиліямъ остановить братоубійственную борьбу; голосъ Киселя былъ почти единственнымъ голосомъ мира и любви среди всеобщаго дикаго ожесточенія, грозившаго превратить цвѣтущій край въ пустыню.

Ограничиваемся на этотъ разъ самымъ общимъ очеркомъ личности Киселя, надѣясь въ ближайшемъ будущемъ представить болѣе обстоятельное фактическое о немъ изслѣдованіе, и переходимъ къ ознакомленію читателей съ его портретомъ, снимокъ съ котораго здѣсь прилагается.

По духу своего времени, Кисель былъ набожнымъ человѣкомъ, строилъ церкви и монастыри. Въ 1642 г. имъ основанъ въ черниговскихъ его помѣстьяхъ максаковскій монастырь, а въ монастырской церкви, по обычаю того времени, поставленъ его портретъ во весь ростъ. При введеніи въ Малороссіи штатовъ для духовенства въ 1786 г. монастырь этотъ былъ закрытъ и долгое время оставался въ запустѣніи, пока наконецъ въ 1803 г. не былъ, по повелѣнію императора Александра I, переданъ стародубскимъ раскольникамъ. Къ тому времени портретъ фундатора обветшалъ и раскольники озаботились снять съ него точную копію, отмѣтивъ въ особой надписи судьбу монастыря и портрета. Разысканіемъ и сообщеніемъ намъ этого портрета мы обязаны А. М. Лазаревскому.

Копія портрета на холстѣ, размѣромъ 3 ½ аршинъ высоты и 2 аршина ширины. Въ верхней части, въ уровень съ голо-

вою, справа—видъ трехъ-купольной церкви съ колокольнею (купола высокіе конусообразные), и другой меньшей церкви съ трехъяруснымъ куполомъ, а слѣва—гербъ Киселя, состоящій изъ шатра изъ зеленой матеріи, на желтомъ полѣ, съ крестомъ на верху; надъ нимъ темный шаръ съ золотыми обручами, изъ-за котораго выглядываютъ зубчатыя стѣны замка. Одѣтъ Кисель въ красный, опушенный дорогимъ мѣхомъ, съ откидными красными-же рукавами кунтушъ, изъ подъ котораго выдѣляется богатой въ цвѣтахъ матеріи кафтанъ, съ широкой краснаго бархата обшивкой. Въ правой рукѣ перначъ, старой формы, съ острыми шипами, въ лѣвой огромная и широкая сабля въ ножнахъ, украшенныхъ золотомъ и серебромъ. Съ лѣвой стороны столикъ, на немъ книга въ пергаменной обложкѣ, а за нею большихъ размѣровъ шапка голубаго бархата, опушенная сивымъ барашкомъ и перевитая на крестъ золотымъ снуркомъ, съ золотою кистью на верху. По кафтану широкій, шерстяной либо шелковый поясъ съ золотыми кистями слѣва. На ногахъ сапоги желтаго сафьяна. Голова коротко острижена, волосы съ просѣдью, примѣтна начинающаяся лысина. Лице бритое, усы черные, не большіе, концы ихъ приподняты вверхъ.

По краямъ герба буквы: А, К, В, К, С, Н, что значитъ: Адамъ Кисель, воевода кіевскій, староста носовскій. Внизу портрета въ медальонахъ съ правой стороны помѣщена современная оригиналу надпись, гласящая о фундаторѣ и построенномъ имъ монастырѣ, а съ лѣвой позднѣйшая, отмѣчающая судьбу монастыря и портрета. Приводимъ обѣ надписи, съ соблюденіемъ ихъ правописанія.

1) «Ада́мъ зъ Брусы́лова Кисѣ́ль Свято́лдъ, на кисѣ́ль гра́дѣ гно́йнѣ, гу́щѣ и кобисцѣ́, воево́да кіе́вскій, ста́роста иносовскій, преставися ҂ахнг года̀; мужъ благочестывый и вѣры грекору́скія вели́кій бѣ побо́рникъ, во словесѣхъ бѣ сла́докъ, оукраинѣ пріятенъ, ѿ древняго и сла́внаго ро́да идій, Свято́лда, бывшаго иногда̀ рускаго гетьмана; оуфондовалъ монастырь максако́вскій, зъ наданьемъ маетностей ꙗокꙋ ҂ахмв».

2) «Сей максаковскій манастырь по волѣ Божіей упраздненъ былъ за императрицы Екатерины Алексѣевны. Впустѣ былъ 23 года. Съ сожалѣнія его опустѣнія, Никодимова монастыря игуменъ Евдокимъ збратіею випросили для возобновленія онаго монастыра на старихъ

обрядахъ оу императора Александра Павловича, которій благоволилъ имяннымъ повелѣніемъ перевесть съ Никодимова, за архіепископа Виктора, 1803 года августа 25 день. Совершено же водворенъ синодалнимъ членомъ и каммиссіи духовныхъ училищъ архіепископомъ Михаиломъ и разныхъ орденовъ и кавалеромъ, черниговскимъ и нежинскимъ, ево попеченіемъ и трудами».

Одного году не дожилъ Кисель до присоединенія Малороссіи. Тѣло его похоронено было въ родовомъ его имѣніи, въ с. Нискеничахъ въ церкви, имъ-же построенной; но во время наступившей войны за обладаніе Малороссіею было вырыто и выброшено изъ могилы. Богатый металлическій съ барельефами гробъ и мраморный бюстъ Киселя оставались въ церкви до послѣднихъ годовъ, настоящая-же ихъ судьба намъ неизвѣстна.

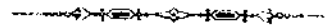

Поправка. На стран. 599 настоящей книжки напечатано: *Кто* знаетъ край; слѣдуетъ: *Ты* знаешь край.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XII. 1885 г.

Май, 1885 годъ.

стр.

I. ПАМЯТИ Н. И. КОСТОМАРОВА: I) Краткій очеркъ жизни и дѣятельности Н. И. Костомарова.—II) Библіографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова.—*Ѳ. Д. Николайчика.*—III) Н. И. Костомаровъ, какъ историкъ.—*В. Б. Антоновича.*—IV) Н. И. Костомаровъ, какъ этнографъ.—*В. Науменка* . . . . . I—XLIII

II. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. **А. Лазаревскаго.** I

III. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 21

IV. ПОЛЬСКО-РУССКІЯ СООТНОШЕНІЯ XVII В. ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ПРИЗМѢ. (По поводу повѣсти Г. Сенькевича «Огнемъ и мечемъ). **В. Антоновича** 44

V. «ПРОРОКЪ» — МНОГОВѢРЪ И СУДЪ НАДЪ НИМЪ ВЪ КІЕВѢ. (1825—1833 гг.). **Ор. Левицкаго** 79

VI. НА ПАМЯТЬ ТЫСЯЧЕЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ СЛАВЯНСКИХЪ ПРОСВѢТИТЕЛЕЙ. Проф. **Ѳ. Успенскаго** 107

VII. ПРОЭКТЪ УПОРЯДОЧЕНІЯ ДѢЛЪ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЛИТОВСКИХЪ ПРОВИНЦІЯХЪ 127

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Историческіе матеріалы изъ архива кіевск. губ. правленія. Вып. 8-й. Сост. Ал. Андріевскимъ. Кіевъ. 1885 г.—*И. Каманина.* — б) Н. Ѳ. Сумцовъ. Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Харьковъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—в) Ѳеодосія. Историческій очеркъ. Составилъ В. К. Виноградовъ. Ѳеодосія 1884 г.—*И. Каманина.*—г) Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи, выпускъ IV (дополненіе). Составилъ Н. Константиновичъ. Черниговъ. 1885 г.—*Дмитрія Багалѣя* 137

стр.

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Чума въ сѣверной части херсонской губерніи 1813 года.—*Н. И.*—б) Раскопки у трехсвятительской церкви въ г. Кіевѣ.—*В. Антоновича.*—в) Запорожская пещера надъ Днѣпромъ.—*Д. И. Эварницкаго.*—г) «Памятковый прочуханъ», или примѣненіе писаннаго закона въ сферѣ обычнаго права.—*В. Василенка.*—д) Одна изъ народныхъ примѣтъ погоды.—*О.*—е) Изъ исторіи развитія канцелярской переписки въ Малороссіи.—*С—ка.*—ж) Южнорусскіе священники, отыскивающіе права дворянства.—*Аполлинарія Зальесскаго.*—з) Образчикъ старинной малорусской эпитафіи.—Сообщ. *А. Лазаревскій* 153

Іюнь, 1885 годъ.

I. «ДАВЫДОВА БОЖЕНКА». (Изъ лѣтописной топографіи кіевскаго Полѣсья). **М. Андріевскаго** 183

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Окончаніе)*. 205

III. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОСЛѢДНИХЪ ГОДАХЪ ЖИЗНИ Н. И. КОСТОМАРОВА. **В. Беренштама** 219

IV. ОЧЕРКЪ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФ. А. О. КИСТЯКОВСКАГО. **Л. Бѣлогриця-Котляревскаго** 228

V. НѢСКОЛЬКО ВСТРѢЧЪ СЪ Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ. **А. Кулишъ.** 255

VI. ВОЗЗВАНІЕ КОНФЕДЕРАТОВЪ ВОЕВОДСТВА САНДОМИРСКАГО КЪ РУССКОМУ НАРОДУ. (Около 1733 года) 263

VII. НОВЕЛЛА БОККАЧЬО ВЪ ЮЖНО-РУССКОМЪ СТИХОТВОРНОМЪ ПЕРЕСКАЗѢ XVII—XVIII СТ. 273

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятники Русской Старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь. С.-Петербургъ, 1885 г. (Съ приложеніемъ художественнаго альбома).—*И. Беркута.*—б) А. Дмитріевскій. Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическій музей при кіевской академіи. «Прав. Обозр.» 1885 г. и отд. оттиски.—*Н. В.*—в) В. Б. Антоновичъ. Монографія по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I. Кіевъ. 1885 года.—*И. Каманина* 307

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Разгадка «малорусской исторической шарады».—*Читателя.*—б) Къ дѣлу о началѣ единовѣрія въ Кременчугѣ.—*Ивана Матченка.*—в) Изъ народныхъ воспоминаній объ О. М. Гладкомъ и возвратившихся съ нимъ запорожцахъ.—*В. Василенка.*—г) Черти въ продажѣ.—*Прибыльскаго.*—д) Случай изъ жизни Н. И. Костомарова.—*N.*—е) Какъ сажали въ старину людей

стр.

старыхъ на дубокъ.—*П. Литвиновой.*—ж) Памяти одного кіевскаго педагога.—*И. Каманина.*—з) Пѣсня на исходъ запорожцевъ за Дунай.—Сообщ. *П. И. Зуйченко* 329

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . . 161—761

Іюль, 1885 годъ.

I. ВОЕВОДСКІЯ «ВѢСТОВЫЯ ОТПИСКИ» XVII В., КАКЪ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРІИ МАЛОРОССІИ. **Н. Оглоблина.** 365

II. ОПЫТЪ ОБЪЯСНЕНІЯ МАЛОРУССКОЙ ПѢСНИ О ЖУРИЛѢ. **Н. Ѳ. Сумцова** 417

III. ОХОЧЕКОМОННЫЙ ПОЛКОВНИКЪ ИЛЬЯ ѲЕДОРОВИЧЪ НОВИЦКІЙ. **Н. Стороженка.** 431

IV. КЪ ИСТОРІИ ТЕАТРА ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. (Переписка каменецъ-подольскихъ актеровъ съ духовной католической властью по поводу воспрещенія послѣднею спектаклей на время великаго поста и произнесеннаго на актеровъ и актрисъ церковнаго отлученія). . . . 458

V. УНИВЕРСАЛЪ ГЕТМАНА РАЗУМОВСКАГО ОБЪ ОГРАНИЧЕНІИ ПРАВА ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯНЪ. Сообщ. **А. Лазаревскій** 477

VI. ПѢСНЬ НА СЛУЧАЙ ОТКРЫТІЯ ВЪ КІЕВѢ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ІЮЛЯ 15 ДНЯ 1834 ГОДА. Сообщ. **В. Науменко** . . 483

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изданный императорскимъ варшавскимъ университетомъ къ 6-му апрѣля 1885 года подъ редакціею ордин. проф. А. Будиловича. Варшава. 1885 года.—*И. Каманина.*—б) Священникъ Климентъ Ѳоменко. Неразъясненный вопросъ въ древнихъ сказаніяхъ о преніяхъ славянскихъ первоучителей съ козарскими евреями. Кіевъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—в) Его-же. Пещерные храмы въ Крыму. Кіевъ. 1884 года.—*И. Каманина.*—г) Межигорская старина. Кіевъ 1885 года.—*К. Цыбульскаго* . . . 491

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Молдавскія свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія и могилѣ Мазепы.—*В. А.*—б) Сербы въ Кіевѣ.—*А. А—скаго.*—в) Замѣтка о времени смерти князя Константина Острожскаго.—*Д. Гродецкаго.*—г) Дарственная запись Станислава Потоцкаго Вероникѣ Крепсъ.—*Ц. Г. Неймана*—д) Польское привѣтствіе Наполеону I отъ лица Бѣлоруссіи.—Сообщ. *С. Н. И.*—е) Малорусскія пѣсни по латыни.—*Ив. Новицкаго*—ж) Двѣ Галицкія пѣсни.—*Я. Г.*—з) Къ портрету Д. С. Бортнянскаго.—*И. Божерянова* 501

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . . 177—192

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портретъ Д. С. Бортнянскаго.

стр.

Августъ, 1885 г.

I. ГЕТМАНСТВО БРЮХОВЕЦКАГО. **С. Е.** 545
II. МАЛОРОССІЯ НА ПЕРЕДВИЖНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ КАРТИНЪ. **Н. С.** 597
III. РОМАНОВСКОЕ СТАРОСТВО И СУДЬБА ЕГО ЖИТЕЛЕЙ 607
IV. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст). *(Продолженіе).* **И. Левицкаго** 631
V. ПЕКЕЛЬНЫЙ МАРКО. (Малорусская народная легенда въ стихотворномъ переложеніи конца XVIII в.)—Сообщ. **П. Зуйченко** 682
VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Матеріалы для исторіи подольской губерніи. Изд. редакціи Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. 1885 г.—*А. М—ча.*—б) Собраніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в., заключающихся въ книгахъ разрядного приказа. Составилъ Н. Н. Оглоблинъ. Москва. 1884 г.—*А. М—ча.*—в) Д. Л. Мордовецъ. Оповиданя. Спб. 1885 г.—*Г.*—г) Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества, т. 43. Спб. 1885 г.—*И. Каманина* . . 693
VII ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Археологическія раскопки въ екатеринославской и кіевской губерніи.—*Д. И. Эварницкаго* и *З.*—б) На могилѣ Алесѣя Петровича Стороженка.—*С—ка.*—в) Настоящее имя первой фундаторки кіевскихъ братскихъ школъ.—*Ив. Новицкаго.*—г) Запись о кладѣ XVIII столѣтія.—*В. А*—д) Портретъ Гонты.—*Н. Добротворскаго.*—е) Кобзарь Крюковскій (Некрологъ).—*В. Г.*—ж) Украинскій варіантъ пѣсни «Про ягничку».—*Ив. Новицкаго.*—з) Къ портрету Адама Киселя. 707
ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Адама Киселя.

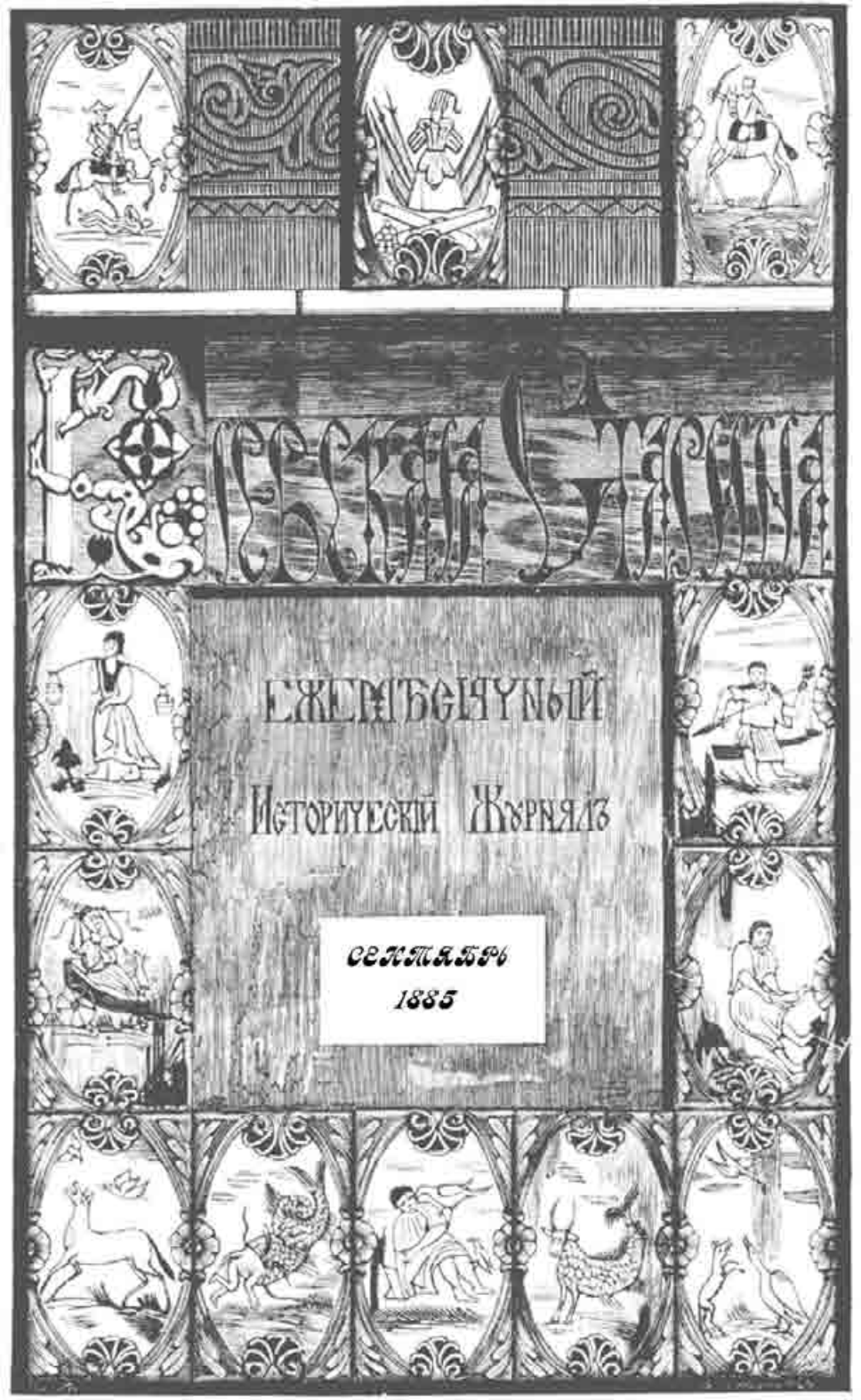
Русская Старина
ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Сентябрь
1885

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XIII. 1885 г.

Сентябрь, 1885 г.

стр.

I. КЪ ИСТОРІИ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИСІИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПРОЭКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ. **Дмитрія Багалѣя** 1

II. ДАРЪ ПЯТЬДЕСЯТНИЦЫ И НАШИ ПЕРВОУЧИТЕЛИ. (Посвящено памяти Н. И. Костомарова, сказано въ торжественномъ собраніи славянскаго общества 13 мая 1885 г.). **Ор. Миллера** 31

III. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653.—(Историко-біографическій очеркъ) 51

IV. МАЛОРУССКАЯ ПОХОРОННАЯ ПРИЧЕТЬ И МИОНЧЕСКОЕ ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ. **С. Брайловскаго** 73

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). *(Продолженіе)*. **И. Левицкаго.** 85

VI. ДВѢ ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Е. Ѳ. ФОНЪ-БРАДКЕ, СОСТАВЛЕННЫЯ ПО ОБРЕВИЗОВАНІИ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1850—1851 ГГ. 128

VII. ГРАМОТА ПАТРІАРХА АДРІАНА КІЕВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ ВАРЛААМУ ЯСИНСКОМУ. (По жалобѣ кіевскаго войта и мѣщанъ на незаконныя нѣкоторыя распоряженія митрополита). 139

IIIV. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 47. С.-Петербургъ. 1885 г.—*П. Каманина.*—б) А. Барбашевъ. Витовтъ и его политика до грюнвальденской битвы (1410 года). Спб. 1885 г.—*П. Каманина.*—в) Н. А. Кулишъ. Байда, князь Вишневецкій, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. С.-Петербургъ. 1885 г. *А. Степовича* 145

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Остатки братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ.—*К. Василенка.*—б) Стефанъ Яворскій въ двойной роли хва-

стр.

лителя и обличителя Мазепы.—Сообщ. *В. Науменко.*—в) Шуточные стихи начала прошлаго вѣка.—Сообщ. *В. Науменко.*—г) По поводу возстановленія кіево-межигорскаго монастыря, нѣсколько свѣдѣній къ его исторіи.—*Ал. Андріевскаго.*—д) Брошенный изъ-за угла камень.—*П. Кулиша.*—е) Пѣсня на князя Доминика Заславскаго.—Сообщ. *Н. С.*—ж) Изъ народныхъ разсказовъ о велитняхъ и пятницѣ).—з) Народная пѣсня о Шевченкѣ.—Сообщ. *Мих. Васильевъ.* 159

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728 — 1753 г.) *(Продолженіе)* . . . . . 193—208

Октябрь, 1885 г.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.

I. КОПНЫЕ СУДЫ ВЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ УКРАЙНѢ. **Александры Е.** 108

II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.—(Историко-біографическій очеркъ). *(Продолженіе)* 204

III. ДВѢ СТАРЫЯ УКРАИНСКІЯ ПѢСНИ И ПО ПОВОДУ ИХЪ. **Бориса Познанскаго** 220

IV. ИВАНЪ ПОДКОВА. Историческій разсказъ.—(Переводъ съ польскаго) 243

V. НѢСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВЪ КЪ ИСТОРІИ ГАЙДАМАЧИНЫ. **А. Скальковскаго** 277

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Александръ Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Кн. I—IV. Спб. 1881—1884 г.—*И. Каманина.*—б) А. А. Матвѣевъ. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи. Одесса. 1884 года.—*И. Каманина.*—в) Разсказы изъ русской исторіи XVIII в. по архивнымъ документамъ. А. Барсукова. Спб. 1885 г.—*К. Цыбульскаго.*—г) Александръ Андріевскій.—Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 9-й. Кіевъ. 1885 г.—*К. Л.* 319

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Историческіе матеріалы архива полтавской казенной палаты.—*Л. Падалки.*—б) Любопытныя рукописи одной частной библіотеки.—Сообщ. *А. А. Синицкій.*—в) Двадцатипятилѣтіе Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.—*В. Ястребова.*—г) Изъ народныхъ преданій о запорожцахъ.—*Я. П. Новицкаго.*—Изъ народныхъ разсказовъ въ Новороссіи.—д) Письмо Августа II, короля польскаго, къ Семену Палію.—Сообщ. *С—ко.*—е) Воспрещеніе гетманомъ Скоропадскимъ сборовъ на «ралець».—ж) Изъ письма въ редакцію (Пещера въ лебединскомъ лѣсу и остатки старинной

стр

живописи въ лебединскомъ монастырѣ).—*Мих. Васильева.*—з) Какъ разсудилъ панъ староста Каневскій—*Б. П.* 333

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . . 209—224

Ноябрь, 1885 г.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.

I. СТАРѢЙШІЯ РУССКІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ. **П. Кузьмичевскаго.** 371

II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.— (Историко-біографическій очеркъ). *(Продолженіе).* **И. Новицкаго** . . . 408

III. АВТОБІОГРАФІЯ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА, ПИСАННАЯ ДЛЯ «НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ». 431

IV. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1863 Г. **Б. Познанскаго.** 436

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). *(Окончаніе).* **И. Левицкаго** 466

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Л. В. Ильяшевичъ. Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства. Харьковъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—б) Великорусскій и малорусскій языки. Изъ чтеній д-ра Карла Абеля въ оксфордскомъ университетѣ по сравнительной лексикографіи. Перевелъ съ англицкаго Рудольфъ Диллицъ. Лейпцигъ и Берлинъ. 1885 г.—*Н. Дашкевича*—в) Изслѣдованіе о кладахъ волынской губерніи. Житоміръ. 1885 г.—*П. Голубовскаго* 520

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ народныхъ преданій о Гетманщинѣ, Запорожьѣ и Черноморьѣ. — Сообщ. *Порфирій Мартыновичъ.*— б) Письмо къ другу отъ офицера, находящагося въ Кіевѣ. — Сообщ. *В. Н. Ястребовъ.*—в) Старинныя орудія наказанія и исправленія.— *Ив. Новицкаго.*—г) Два слова о панѣ Каневскомъ. *Его же.*— д) Запрещеніе купальскихъ огней.—*П. Е.*—е) Вольныя литературныя упражненія въ южно-русскихъ судахъ XVII ст.—Сообщ. *П. Шеболдаевъ.*—ж) Годичное собраніе общества пр. Нестора и отчетъ о его дѣятельности за 1884—85 г.—з) Всенародное купанье вѣдьмъ въ озерѣ и судебная отъ того волокита.—*К. Цыбульскаго.* 535

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.). *(Продолженіе).* . . . . . 225—240

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

стр.

Декабрь, 1885 г.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.

I. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1863 Г. *(Окончаніе)*. **Бориса Познанскаго**. 571

II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.—(Историко-біографическій очеркъ). *(Окончаніе)*. **Ив. Новицкаго**. . . . 612

III. ЕВРОПЕЙСКІЙ БАНТИЗМЪ — РОДОНАЧАЛЬНИКЪ МАЛОРУССКОЙ ШТУНДЫ 638

IV. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. *(Окончаніе)*. **К. М.** 651

V. НОВѢСТЬ ОБЪ ОСАДѢ Г. МИХАЙЛОВА ГЕТМАНОМЪ САГАЙДАЧНЫМЪ ВЪ 1618 Г. 684

VI. ДВА ПИСЬМА ИСТОРИКА Н. А. МАРКЕВИЧА О СВОЕМЪ РОДОНАЧАЛЬНИКѢ МАРКѢ АВРАМОВИЧѢ. Сооб. **Петръ Дорошенко**. . . 689

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Малорусскія литературныя новинки 1885 года.—*W.*—б) Къ исторіи полемики между московскими и малорусскими учеными въ концѣ XVII ст., И. Шляпкина (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1885 г., октябрь).—*Н. С.*—в) Историческое значеніе базиліанскаго ордена въ Галиціи и его настоящія отношенія.—*Ѳ. Н.*—г) Холмскій народный календарь на 1886 годъ. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства. Кіевъ. 1885 г.—*Н. Каманина*. 699

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мазепа-князь и его шляхетскій и княжескій гербы.—Князя *А. В. Дабижи*.—б) Эпизодъ изъ жизни Т. Г. Шевченка.—*С—ка*.—в) Въ запорожскомъ захолустьѣ.—*В. Ястребова*.—г) Знахарство, шептанье и заговоры.—*И. Иванова*.—д) Городничій и св. Пятница.—*Н. Бакая*.—е) Мицкевичъ въ малорусскихъ передѣлкахъ и переводахъ.—*И. Новицкаго*.—ж) Французъ-путешественникъ на Украйнѣ.—*В. Г—ка*.—з) Іосифъ Григорьевичъ Михневичъ. *(Некрологъ)*.—и) Гайдамацкая пѣсня.—*В. Ястребова* 715

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728–1753 г.) (*Продолженіе*). 241–256

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XIII.

СЕНТЯБРЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

КЪ ИСТОРІИ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИСІИ

ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПРОЭКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ.

Въ исторіи внутренняго развитія нашего государства 1767-й годъ отмѣченъ одною изъ самыхъ смѣлыхъ по времени и широко задуманныхъ правительственныхъ мѣръ,—созывомъ со всѣхъ концевъ Имперіи выборныхъ депутатовъ, для составленія проэкта Новаго Уложенія, которое соотвѣтствовало-бы потребностямъ гражданскаго строя разнороднаго населенія государства. Какъ извѣстно, мысль о созывѣ депутатовъ и Новомъ Уложеніи принадлежитъ самой императрицѣ Екатеринѣ II. Сборнымъ пунктомъ для депутатовъ первоначально назначена была Москва. Всѣ губерніи, уѣзды и города, всѣ правительственныя учрежденія и мѣста, всѣ сословія должны были прислать сюда своихъ депутатовъ; депутаты призывались отъ дворянства и духовенства, отъ купечества и мѣщанъ, отъ однодворцевъ, отъ податныхъ солдатъ и служилыхъ людей, отъ государственныхъ черносошныхъ и ясачныхъ крестьянъ, козацкихъ войскъ и всѣхъ кочующихъ племенъ и народовъ. Всѣ депутаты должны были представить *наказы*, т. е. записки объ общественыхъ нуждахъ и желательныхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ. Депутатамъ усвоялось высокое значеніе, имъ присвоены были нѣкоторыя особыя права: они освобождались на всю жизнь отъ смертной казни и тѣлеснаго наказанія; ихъ имѣнія могли быть конфискованы только за долги; за преступленія противъ ихъ личности и собственности полагалось двойное наказаніе; сверхъ того они получали особые значки; имъ давалось также опредѣленное

жалованье. Самое избраніе въ депутаты обставлено было нѣкоторою торжественностью, названо «обрядомъ» и велось по особой инструкціи, которая, вмѣстѣ съ высочайшимъ манифестомъ о созывѣ депутатовъ, была отправлена во всѣ 20 тогдашнихъ губерній. Для сбора депутатовъ въ Москву назначенъ былъ полугодичный срокъ со дня обнародованія манифеста (14 декабря 1766 г.). 30-го іюля слѣдующаго года засѣданія коммисіи, образованной изъ депутатовъ, открылись въ Москвѣ; императрица вручила ей свой собственный наказъ, обрядъ управленія дѣйствіями коммисіи и генералъ прокурорскій наказъ; коммисія избрала для себя маршала и подраздѣлилась на нѣсколько частныхъ коммисій, дѣятельность которыхъ заключалась въ разборкѣ и обсужденіи депутатскихъ наказовъ и проэкта законовъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго благоустройства. 18 февраля 1768 года коммисія была переведена въ Петербургъ и засѣданія ея продолжались съ прежнимъ характеромъ до 18 декабря 1768 года, когда, по случаю турецкой войны, большое собраніе было распущено и остались только частныя коммисіи.

Какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ коммисія вела протоколы или дневныя записки своимъ засѣданіямъ, о правильности коихъ заботилась сама императрица. Теперь эти протоколы изданы императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ [1]), а вмѣстѣ съ ними начали издаваться и самые депутатскіе наказы [2]), которые вообще имѣютъ едва-ли не большее значеніе, чѣмъ самыя дневныя записки, такъ какъ въ нихъ и въ разъясненіяхъ къ нимъ разбросана такая масса фактическихъ данныхъ, по которымъ историкъ можетъ воспроизвести теперь картину тогдашней жизни со всѣми мѣстными ея особенностями. Къ сожалѣнію доселѣ издана лишь незначительная часть этихъ наказовъ, и сохранились-ли они всѣ въ цѣлости и какъ скоро могутъ быть изданы, намъ неизвѣстно. Тѣмъ болѣе для меня побужденій къ изданнымъ уже матеріаламъ

---

[1]) Въ IV, VIII, XIV, XXXII и XXXVI томахъ его «Сборника»; первые три тома изданы подъ редакціей Полѣнова, остальные—проф. Сергѣевича.

[2]) Систематическое изданіе ихъ начато съ XLIII тома, гдѣ помѣщены наказы, данные присутственными мѣстами: но и въ прежнихъ томахъ они помѣщались въ приложеніяхъ.

присоединить нѣсколько новыхъ, заимствуемыхъ мною изъ двухъ большихъ дѣлъ харьковскаго губернскаго правленія. Матеріалы эти рисуютъ намъ какъ самые выборы въ коммисію, какъ они происходили въ губерніи слободско-украинской, недавно передъ тѣмъ образованной изъ Слободской Украйны, или слободскихъ полковъ, такъ и дальнѣйшую роль выбранныхъ здѣсь депутатовъ. Тутъ мы видимъ губернію въ сословіяхъ и лицахъ, видимъ, кто и каковы были избиратели, какъ собирались они по группамъ и мѣстамъ, какихъ качествъ депутатовъ и кого именно избирали, какими волновались заботами, какія дѣлали заявленія и какъ эти заявленія проводились и поддерживались выборными въ самой коммисіи. Все это имѣетъ, какъ мнѣ кажется, не только мѣстный, но и общій историческій интересъ. Начнемъ съ открытія выборовъ.

Покойный Полѣновъ, одинъ изъ редакторовъ по изданію матеріаловъ екатерининской коммисіи, разсказавъ намъ исторію депутатскихъ выборовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, замѣчаетъ: «въ другихъ городахъ, и можно сказать почти повсемѣстно, выборы происходили такимъ-же образомъ, какъ и въ столицахъ»[1]. Относительно общаго порядка это совершенно вѣрно: вездѣ выборы происходили по одной и той-же инструкціи; но провинція въ примѣненіи инструкціи даетъ много характерныхъ и въ бытовомъ отношеніи интересныхъ подробностей. Такъ было и въ новообразованной слободско-украинской губерніи. Вотъ какъ начались и производились здѣсь выборы.

Въ то памятное время харьковскимъ губернаторомъ былъ Щербининъ. На его имя присланы и отъ него разсылались экземпляры высочайшаго манифеста о коммисіи для составленія проэкта Новаго Уложенія. Отдѣльными учрежденіями въ Харьковѣ были тогда Коллегіумъ, Вотчинная Контора и Духовное Правленіе; они первые и получили манифестъ. Губернія дѣлилась тогда на 5 провинцій, а каждая провинція на извѣстное число комиссарствъ; въ каждую провинцію было отправлено по 150 экземпляровъ манифеста и «обряда» выборовъ, а въ харьковскія комиссарства по 50. Разсылка производилась съ нарочными, посредствомъ эстафетъ. Начальники провинцій, по тогдашнему

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. IV, стр. 23.

названію «правящіе воеводскую должность», разсылали манифестъ комиссарамъ, комиссары по мѣстечкамъ. Въ три слѣдующіе затѣмъ воскресные дня манифестъ читанъ былъ въ церквахъ и ратушахъ; дворянамъ дѣлалась особая честь, каждому изъ нихъ давалось по одному печатному экземпляру. По общему отъ губернатора наказу жители мѣстечекъ должны были прислать своихъ повѣренныхъ въ комиссарства для выбора уѣздныхъ повѣренныхъ къ 15 марта, уѣздные повѣренные явиться въ провинціальные города для выбора провинціальнаго депутата къ 18 марта, дворяне и земельные собственники, не положенные въ окладъ, съѣзжаться въ провинціальные города къ 18 марта, а жители города Харькова и остальныхъ четырехъ провинціальныхъ городовъ приступить къ выборамъ 26 марта. Въ Харьковѣ выборы производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самаго Щербинина, въ провинціяхъ подъ наблюденіемъ «правящихъ воеводскую должность», а въ комиссарствахъ подъ наблюденіемъ комиссаровъ. Заготовлялись списки избирателей, баллотировочные ящики, шары и т. п. Все населеніе пришло въ необычное движеніе; выборы не касались лишь «подданныхъ», т. е. владѣльческихъ и монастырскихъ крестьянъ. Дворяне и жители городовъ *непосредственно* выбирали изъ своей среды депутатовъ, войсковые обыватели предварительно должны были выбрать повѣренныхъ, которые уже изъ своей среды выбирали депутата. Права послѣднихъ были такимъ образомъ ограничены по сравненію съ дворянами и горожанами, и сдѣлано это было, по всей вѣроятности, для того, чтобы каждое изъ этихъ сословій выставило по равному числу депутатовъ: дворяне 5, горожане 5 и войсковые обыватели тоже 5, всего 15.

Приступили къ составленію списковъ избирателей, въ томъ числѣ и дворянъ; но тутъ на первыхъ-же порахъ встрѣтилось неожиданное недоумѣніе. Дворянъ въ точномъ смыслѣ этого слова въ слободско-украинской губерніи изъ природныхъ жителей не оказалось; были только владѣльцы населенныхъ и не населенныхъ мѣстностей, выходившіе изъ рядовъ полковой и сотенной старшины. Но нашлось не мало пришлыхъ людей, которыхъ нельзя было не признать настоящими дворянами; то были въ большей части великорусскіе и иностранные, военные и гражданскіе чины, владѣвшіе крупною поземельною собственностію на территоріи слободско-украинской гу-

берніи, вмѣстѣ съ подданными и значительнымъ количествомъ настоящихъ крѣпостныхъ крестьянъ, большею частью переведенныхъ изъ сѣверныхъ губерній. Возникшее недоумѣніе разрѣшено, кажется, въ томъ смыслѣ, что обѣ означенныя группы землевладѣльцевъ соединились для выборовъ, но въ протоколахъ и на подписяхъ каждая шла подъ своимъ точнымъ названіемъ. Крупнѣйшими помѣщиками-дворянами оказались слѣдующіе: *въ харьковской* провинціи—графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ, имѣвшій 1,206 душъ крестьянъ, полковникъ Матвѣй-Куликовскій 878, маіорша Шидловская 1,325, княгиня Кантемирова 643, дѣйствительная статская совѣтница Спичинская 2,131, отставной секундъ-маіоръ Щербининъ 1,858; *въ сумской*—отставной полковникъ Степанъ Кондратьевъ 5,958, отставной секундъ-маіоръ Анненковъ (по женѣ Кондратьевой) 5,071, отставной ротмистръ Савичъ 709, отставной сотникъ Василій Савичъ 1,631, бунчуковый товарищъ Иванъ Лизогубъ 708, поручикъ сумскаго гусарскаго полка Куколь-Яснопольскій 622, полковникъ графъ фонъ-Волькенштейнъ 652, бунчуковый товарищъ Василій Полуботокъ 1,523, князь Голицынъ 4,514, духовникъ ея величества Дубянскій 1,792, князь Шаховской 797; *въ ахтырской*—вдова маіорша Анна Надаржинская 1,315, полковникъ гусарскаго ахтырскаго полка Подгоричани 642, вдова поручица Осипова 791, подпоручикъ преображенскаго полка Коновницынъ 905, отставной премьеръ-маіоръ Абаза 809; *въ изюмской*—маіоръ Зарудневъ 854, поручикъ Даниловскій 622, Осипъ Сошальскій съ братьями 605, Краснокутская 1,283, Екатерина Шидловская, вдова маіора, 747, Настасія Захаржевская, вдова полковника, 2,614; *въ острогожской*—бригадиръ Степанъ Тевяшовъ 2,657, полковникъ Тевяшовъ 4,256, судья Ѳедоръ Татарчуковъ 961, капралъ Александръ Ерошевскій 847. Значительная часть этихъ крупныхъ владѣльцевъ и часть мелкихъ уклонилась отъ выборовъ; тѣмъ не менѣе количество съѣхавшихся было все таки значительно. Въ Харьковъ пріѣхало 52 человѣка, не явилось 35 человѣкъ, послѣдніе заявили, что полагаются при выборахъ во всемъ на своихъ товарищей.

Въ числѣ ихъ нужно отмѣтить такихъ важныхъ владѣльцевъ, какъ графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ, графъ, генералъ-аншефъ Девіеръ, госпожа Дунинова, княгиня Софья Кантемирова, полковой обозный Иванъ Ковалевскій и нѣкоторые другіе. Изъ числа при-

бывшихъ 52 человѣкъ трое въ самомъ началѣ неизвѣстно куда улизнули; изъ нихъ сотникъ Голуховичъ и подпрапорный Краснокутскій вовсе не были разысканы, а подпрапорный Чернякъ, хотя и былъ разысканъ, но оказался пьянымъ, при началѣ выборовъ учинилъ замѣшательство и потому изъ собранія былъ выведенъ. Всѣ три изъ списковъ исключены. Оставшіеся затѣмъ приступили къ выбору изъ своей среды предводителя, и выборъ палъ на бывшаго харьковскаго полковника Матвѣя Куликовскаго. Вотъ что гласитъ объ этомъ дворянскій протоколъ. «По силѣ манифеста ея императорскаго величества отъ 14 декабря 1766 года, коимъ самодержавною ея властью повелѣно намъ нижеподписавшимся избрать въ коммисію о сочиненіи проэкта Новаго Уложенія депутата и прислать его въ столицу ея императорскаго величества въ сенатъ, мы помѣщики-дворяне и старшины прежней козацкой службы и старшинскія дѣти, имѣющіе во владѣніи своемъ недвижимыя имѣнія въ харьковскомъ уѣздѣ, по присланному при томъ манифестѣ «*обряду*», въ знакъ нашего всеподданнѣйшаго послушанія, прежде всего выбрали предводителемъ дворянства, для лучшаго между собой порядка, изъ своихъ собратій, нами признаннаго по чистой совѣсти способнымъ къ сей должности, отъ арміи подполковника, бывшаго слободскимъ козацкимъ полковникомъ, Матвѣя Прокофьевича Куликовскаго, давая ему власть на два года на случай какихъ-либо повелѣній, которая верховная власть можетъ дать нашему обществу». Приступивъ въ слѣдъ за этимъ къ выбору депутата, собраніе избрало въ это званіе того-же Куликовскаго, а на мѣсто его предводителемъ былъ избранъ секундъ-маіоръ *Дунинъ*. Въ сумской провинціи предводителемъ выбранъ отставной секундъ-маіоръ Александръ *Анненковъ*, а депутатомъ отставной поручикъ Андрей *Кондратьевъ*, въ ахтырской предводителемъ отставной полковникъ Александръ *Ершовъ*, депутатомъ товарищъ правящаго воеводскую должность полковой обозный Василій *Боярскій*; въ изюмской предводителемъ отставной секундъ-маіоръ Ѳедоръ *Кириловъ*, депутатомъ отставной секундъ-маіоръ Иванъ *Зарудневъ*; въ острогожской предводителемъ бригадиръ Степанъ Ивановичъ *Тевяшовъ*, депутатомъ полковникъ Степанъ Ивановичъ *Тевяшовъ*. Такимъ образомъ въ числѣ выбранныхъ оказалось четверо бывшихъ козацкихъ старшинъ и одинъ офицеръ регулярныхъ войскъ.

Одновременно почти происходили городскіе выборы. По спискамъ полиціи, въ Харьковѣ владѣвшихъ домами и занимавшихся торговлей, промысломъ и ремеслами жителей было 200; но на выборы явилась ровно половина, т. е. 100 человѣкъ; въ числѣ ихъ значительный процентъ составляютъ отставные сотники и подпрапорные расформированныхъ слободскихъ полковъ. Собравшимся предстояло выбрать городскаго голову для наблюденія за порядкомъ въ собраніи и депутата. Головою былъ избранъ отставной сотникъ Павелъ *Гуковскій*, а депутатомъ отставной-же сотникъ Илья Ивановичъ *Черкесъ*. Городскіе выборы шли безъ всякихъ затрудненій, даже безъ такого казуса, какой имѣлъ мѣсто на дворянскихъ выборахъ; но не такъ благополучно окончилось составленіе депутатскаго наказа. Когда наказъ былъ написанъ и подписанъ, нѣсколько горожанъ (пять отставныхъ сотниковъ, трое отставныхъ подпрапорныхъ и нѣкоторые другіе) подали губернатору Щербинину жалобу, въ которой заявляя, что наказъ, данный городскому депутату отставному сотнику Ильѣ Черкесу, они подписали подъ давленіемъ большинства «подлыхъ и безразсудныхъ» людей, которые внесли туда вовсе неподходящіе пункты, просятъ, чтобы онъ самъ разсмотрѣлъ этотъ наказъ и возвратилъ его для исправленія. Щербининъ возвратилъ наказъ съ приказаніемъ головѣ исключить изъ него нѣкоторые пункты, неприличные и вредные для губерніи, и въ другой наказъ уже не включать партикулярныхъ дѣлъ, которыя могутъ быть рѣшены судебными мѣстами.

Въ Сумахъ былъ избранъ депутатомъ войсковой обыватель Степанъ *Перекристовъ*, въ Ахтыркѣ отставной каптенармусъ Иванъ *Дзюба*, въ Изюмѣ казенный обыватель *Иванъ Веприцкой*, въ Острогожскѣ сотникъ Дмитрій *Синельниковъ*. Такимъ образомъ представителями ремесленниковъ, купцовъ и промышленниковъ оказались 2 сотника, одинъ каптенармусъ и двое войсковыхъ обывателей, т. е. бывшихъ слободскихъ козаковъ, и ни одного настоящаго мѣщанина. Объясняется это отчасти естественною склонностію отдавать въ выборахъ предпочтеніе людямъ выше другихъ стоящимъ, такъ что въ Петербургѣ и Москвѣ выбирали въ это время исключительно знатныхъ персонъ [1]), отчасти отсутствіемъ въ городахъ бывшей

---

[1]) Авсѣенко, Малороссія въ 1767 году, стр. 12—24.

Слободской Украйны старожилаго мѣщанства, такъ какъ они недавно еще были полковыми городами и въ нихъ преобладающую группу населенія составляли козаки, теперь войсковые обыватели; торговлею занималась и бывшая козачая старшина, ремесленники-же были большею частію изъ людей пришлыхъ.

Классъ войсковыхъ обывателей, т. е. прежніе выборные козаки, ихъ дѣти, родственники, свойственники, подпомощники и подсусѣдки, представлялъ собою самую многочисленную группу населенія губерніи; но и онъ долженъ былъ дать изъ своей среды только 5 депутатовъ. Это были по большей части жители мѣстечекъ и выбирали они не депутатовъ, а только повѣренныхъ, которыхъ отсылали въ комиссарства, гдѣ происходили новые выборы повѣренныхъ и только изъ ихъ среды уже въ провинціальныхъ городахъ выбирали уѣздныхъ депутатовъ. Выборы повѣренныхъ въ мѣстечкахъ и слободахъ и депутатовъ въ комиссарствахъ прошли вообще совершенно спокойно, за исключеніемъ простодушнаго заявленія обывателей слободы Межиричъ, въ которомъ мѣстныя власти на первыхъ порахъ готовы были усмотрѣть чуть не открытый бунтъ. Дѣло происходило такимъ образомъ.

Манифестъ, «обрядъ» и инструкція о выборахъ, по полученіи ихъ въ *Межиричъ*, были читаны здѣсь, какъ и вездѣ, три раза въ мѣстной церкви; войсковыхъ обывателей собралось до 400 человѣкъ. Все шло чинно, въ порядкѣ, выбрали и повѣреннаго—Демьяна Крамарева; но когда дошло до полномочій повѣренному, составленія наказа, заявленія общественныхъ нуждъ, то произошло нѣчто неожиданное: всѣ бывшіе въ сборѣ, исключая самаго незначительнаго числа, говорили одно, чтобы была у нихъ по прежнему козачья служба, а новоположенный окладъ былъ отмѣненъ, одинъ-же изъ обывателей, Яковъ Гринченко, громко сказалъ: «кто сей новый окладъ положилъ, тотъ чтобы пропалъ на вѣки»! Таковъ былъ наказъ обывателей ихъ повѣренному и никакого другаго составлять они не хотѣли! Не трудно понять, какъ межирицкіе обыватели додумались до такого заявленія. Такъ недавно они были еще козаками, несли почетную военную службу, жили вольно, управлялись и судились сами, не знали никакихъ податей и сборовъ, и вдругъ конецъ всему и подушный окладъ, отъ котораго не освобождались и вновь рождающіяся дѣти. Манифестъ призывалъ къ откровенному заявленію общественныхъ нуждъ; но какая другая могла сравниться съ этою?!

Такъ конечно разсуждали межирицкіе обыватели подъ вліяніемъ недавно произведенной радикальной перемѣны въ ихъ быту; имъ казалось, что стоитъ возстановить ихъ прежній козачій строй и всѣ общественныя ихъ непорядки, если они и были, устранятся сами собой. Начальствовавшій въ собраніи мѣстный комиссаръ, сотникъ Селеховскій собраніе закрылъ, Гринченка взялъ подъ караулъ и о случившемся донесъ правящему воеводскую должность Лосеву, а тотъ въ свою очередь поспѣшилъ донести губернатору Щербинину. Губернаторъ отдалъ приказъ объяснить межирицкимъ обывателямъ, что наказъ относится только къ ихъ общественнымъ неустройствамъ, что козачья служба уничтожена, а вмѣсто нея учреждены гусарскіе полки, по высочайшему повелѣнію, «для лучшей государственной пользы», что окладъ для нихъ положенъ и долженъ остаться въ своей силѣ, что всѣ нынѣшнія просьбы о возстановленіи козачьей службы останутся втунѣ, подобно тому, какъ оставлены безъ результата и прежнія, подававшіяся до конфирмаціи и признанныя безразсудными и прихотливыми, и что вносить теперь въ наказъ просьбу о возвращеніи козачьей службы значитъ дѣйствовать вопреки указу ея императорскаго величества. Высочайшій манифестъ, писалъ въ заключеніе губернаторъ, повелѣваетъ производить выборы «порядочно, съ учтивостью, тихостью, молчаніемъ». и приказалъ поименованныхъ въ донесеніи Лосева 15 межирицкихъ обывателей взять подъ караулъ и строго слѣдовать, по чьему наущенію они дозволили себѣ такое противодѣйствіе властямъ, а Гринченка заковать въ ручныя и ножныя кандалы и допросить особенно тщательно. Лосевъ, сдавъ свою должность прокурору Романову (за отсутствіемъ воеводскаго товарища), съ воинскою командою немедленно отправился на усмиреніе бунтовщиковъ. На дорогѣ онъ получилъ новое извѣстіе отъ того-же комиссара Селеховскаго, что межирицкіе обыватели, собравшись въ количествѣ 30 человѣкъ, явились въ комиссарское правленіе и съ крикомъ требовали освобожденія Гринченка. Это побудило Лосева прихватить еще болѣе военной команды и поспѣшить своимъ прибытіемъ въ Межиричъ. Изъ первыхъ распросовъ Лосевъ заключилъ, что главнымъ виновникомъ случившагося былъ самъ комиссаръ Селеховскій. Онъ первый внушилъ межиричинамъ мысль просить, чтобы имъ дозволили по прежнему ввозить въ сумскую провинцію крымскую соль и не облагали дѣтей ихъ до

7 лѣтняго возраста подушнымъ окладомъ. Слыша это отъ своего комиссара, обыватели пошли дальше и стали толковать о томъ, чтобы по прежнему была козачья служба «Я, заявляетъ Лосевъ, въ своемъ донесеніи губернатору, растолковалъ имъ, что подушный окладъ клонится къ ихней-же пользѣ и тѣмъ усмирилъ волненіе, комиссара-же удалилъ отъ должности». Тѣмъ не менѣе Лосевъ остался съ командою въ Межиричѣ и продолжалъ слѣдствіе. Главный обвиняемый Гринченко объяснялся, что приписываемыя ему слова онъ сказалъ спьяна; другіе заявили, что положеннаго на нихъ оклада они платить не въ состояніи, такъ какъ его положено больше, чѣмъ слѣдуетъ по ихъ имуществу; приходившіе требовать освобожденія Гринченка показали, что они дѣйствительно приходили *просить* объ освобожденіи Гринченка изъ-подъ караула, но когда имъ въ этомъ отказали, то они мирно разошлись по домамъ. Сдѣлавъ лично допросъ обвиняемымъ, Лосевъ отправилъ ихъ для дальнѣйшаго дослѣдованія и рѣшенія въ сумскую провинціальную канцелярію.

Передопрошенные здѣсь подсудимые дали болѣе обстоятельныя, но въ сущности тѣ-же показанія. Гринченко показалъ, что всѣ единогласно выражали желаніе о возстановленіи козачьей службы, а было-ли при этомъ подстрекательство съ чьей либо стороны, онъ не знаетъ, что его лично никто не подстрекалъ и что о томъ, почему не давали наказа повѣренному, онъ также неизвѣстенъ, а приписываемыя ему слова говорилъ не по чьему либо наущенію, а по простотѣ своей, озлобившись, что на него положили при раскладкѣ гораздо больше податей, чѣмъ это слѣдовало по его имуществу; притомъ слова эти относились къ раскладчикамъ, а не къ кому либо другому. Другой подсудимый, Романъ Ильченко объяснялъ, что когда обыватели заявили Селеховскому о возстановленіи козачьей службы, то онъ, замѣтивъ, что это невозможно, совѣтовалъ просить объ освобожденіи дѣтей до 7 лѣтняго возраста изъ подушнаго оклада, о свободѣ винокуренія и о позволеніи попрежнему ввозить въ сумскую провинцію крымскую соль. По словамъ Ильченка, обыватели послѣ этого сказали: «пусть-же нашъ повѣренный ѣдетъ въ Сумы и сговорится съ другими повѣренными; на чемъ они порѣшатъ, на то и мы согласимся», и повѣренный дѣйствительно поѣхалъ было въ Сумы, но на дорогѣ встрѣтилъ двухъ межирицкихъ писарей, которые ему сообщили, что въ Сумахъ пока

еще никого нѣтъ, и потому возвратился назадъ. Самъ повѣренный Крамаревъ подтвердилъ это, но прибавилъ, что когда онъ вернулся въ слободу, то обыватели съ шумомъ требовали возвращенія козачины. Комиссаръ Селеховскій оправдывался, что не онъ внушилъ обывателямъ просить объ уничтоженіи подушнаго оклада съ дѣтей и о ввозѣ по прежнему крымской соли, а наоборотъ они первые ему высказали это. Остальные показывали разно: одни признавались въ томъ, что требовали возвращенія козачьей службы, другіе запирались.

На основаніи этихъ данныхъ сумская провинціальная канцелярія мнѣніемъ положила: въ виду простоты обвиняемыхъ и того обстоятельства, что возмущеніе ихъ не имѣло дальнѣйшихъ вредныхъ дѣйствій, ограничиться наказаніемъ 22 обвиняемыхъ плетьми, въ присутствіи всѣхъ жителей Межирича, такому-же наказанію подвергнуть и Якова Гринченка, а Селеховскому, уже отрѣшенному отъ должности, учинить еще «репримантъ» въ канцеляріи, и наконецъ со всѣхъ обвиненныхъ взыскать 3 р. 84 к. за прогоны гусарамъ, развозившимъ донесенія и приказы по этому дѣлу. Рѣшеніе это основывалось на 1-мъ и 18-мъ пунктахъ Соборнаго Уложенія, трактующихъ объ умыслѣ на государево здоровье и скопѣ и заговорѣ на Государя, и на другихъ позднѣйшихъ указахъ, чѣмъ объясняется и строгость приговора [1]).

Но когда это мнѣніе было представлено на благоусмотрѣніе губернской канцеляріи, то эта послѣдняя съ нимъ не согласилась. Она нашла, что несомнѣнныя улики были только противъ двухъ обвиняемыхъ—Гринченка и Вечѣрка, остальные-же дѣйствовали по своей простотѣ и потому рѣшила: засчитать послѣднимъ въ наказаніе время пребыванія ихъ подъ карауломъ, взыскавъ кромѣ того съ каждаго по 50 коп. штрафныхъ денегъ, Гринченка наказать плетьми, Вечѣрку высѣчь ботожьемъ и съ нихъ-же взыскать и прогонныя деньги, а Селеховскаго вовсе не подвергать наказанію и сверхъ того возвратить ему прежнюю должность.—Такъ окончилось дѣло, возникшее по поводу выборовъ повѣреннаго въ Межиричѣ и

[1]) Такимъ образомъ, въ Слободской Украйнѣ, дѣйствующимъ законодательнымъ памятникомъ было Соборное Уложеніе и послѣдующія статьи въ противоположность Малороссіи, гдѣ дѣйствовалъ Литовскій Статутъ.

получившее совершенно незаслуженно громкое имя «возмущенія обывателей слободы Межиричъ при выборѣ депутата».

Въ немъ случайно проглянула реакція противъ новыхъ измѣненій жизни слобожанъ, которыя въ теченіи предшествовавшихъ 4-хъ лѣтъ быстро слѣдовали одно за другимъ. Еще въ 1763 году реформировалъ слободскіе полки сенаторъ князь Шаховскій, теперь реформу дополнялъ лейбъ гвардіи секундъ-маіоръ Евдокимъ Щербининъ. На этотъ разъ реформа состояла въ окончательномъ упраздненіи прежней козачьей службы и козачьяго самоуправленія и замѣнѣ прежняго военнаго строя населенія общимъ гражданскимъ. Козацкіе слободскіе полки, числомъ пять, были уничтожены, вмѣсто ихъ учреждены регулярные гусарскіе полки, а на содержаніе послѣднихъ установленъ подушный окладъ съ бывшихъ козаковъ, обращенныхъ теперь въ податное состояніе, съ именемъ войсковыхъ обывателей: 95 коп. положено было взимать съ тѣхъ изъ нихъ, которые пользовались правомъ винокуренія, 85 съ непользующихся этимъ правомъ, и по 70 коп. съ владѣльческихъ подданныхъ, иначе посполитыхъ крестьянъ. Хотя раскладка новаго налога производилась самими-же обществами бывшихъ козаковъ; но съ одной стороны не легко было платить деньги за то, что отбывали они доселѣ самой службой, съ другой и справедливость соблюдалась не всегда, и окладъ невольно вызывалъ ропотъ и недовольство. Впрочемъ и помимо того не могло безслѣдно отойти въ вѣчность такое учрежденіе, которое имѣло за собою продолжительную традицію, которое проникало собою всю народную жизнь, опредѣляло собою всѣ общественныя отношенія. Новые порядки, вводимые по приказу, не могли не вызывать глухаго раздраженія въ народной массѣ; защитники старины выходили, какъ свидѣтельствуетъ манифестъ императрицы Екатерины II, изъ среды прежняго правящаго класса; въ межирицкомъ дѣлѣ реакція исходитъ, какъ мы видимъ, изъ среды прежняго рядоваго козачества.

Но обратимся къ разсказу о выборахъ въ другихъ мѣстахъ слободско-украинской губерніи. Повсюду они совершались вполнѣ спокойно, безъ малѣйшихъ затрудненій. Въ харьковской провинціи депутатомъ былъ избранъ козацкій обыватель ольшанскаго комиссарства *Проконъ Гукъ*, въ ахтырской войсковой обыватель слободы Богодуховой *Михаилъ Бондыревъ*, въ сумской казенный обыватель суджанскаго комиссарскаго села Уланкова *Ѳедоръ Никифоровъ*, въ

изюмской казенный обыватель слободы Купянки *Семенъ Попадичевъ*, въ острогожской обыватель меловатскаго комиссарства слободы Калачей *Иванъ Водарской*. Съ депутатомъ харьковской провинціи вышелъ такой казузъ, что пришлось выбирать новаго депутата. Темная народная масса по своему понимала объявленную коммисію и выбираемыхъ въ нее депутатовъ: до пониманія общественныхъ, тѣмъ болѣе государственныхъ интересовъ ей было далеко, но у каждаго войсковаго обывателя были свои наболѣвшія мѣста, свои нужды, свои дѣлишки и ему казалось, что все можетъ устроить депутатъ, котораго нарочно требуютъ въ столицу къ самой царицѣ. Въ нѣкоторое самомнѣніе вдался и самъ депутатъ харьковской провинціи, Прокопъ Гукъ. Вскорѣ послѣ выборовъ на него послѣдовала жалоба со стороны ольшанскаго сотника Ковалевскаго, что онъ производитъ смуту, мѣшая полюбовному размежеванію между казенными обывателями и владѣльцами. Сотникъ прямо высказывалъ желаніе, чтобы Гукъ былъ отстраненъ отъ депутатскаго званія, ибо онъ «какъ мужикъ угрюмый и продерзкій, можетъ и въ коммисіи изблевать какого-либо мужицкаго яду». Гукъ, какъ видно, былъ себѣ на умѣ и пожелалъ воспользоваться выгодами своего положенія, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ былъ убѣжденъ, что, какъ депутатъ, онъ многое, если не все, можетъ сдѣлать. Пріѣхалъ онъ въ мѣстечко Золочевъ и взялъ съ жителей онаго себѣ на поѣздку въ Москву 5 рублей, другіе 5 рублей истребовалъ съ жителей села Удъ, а повѣреннымъ, выбраннымъ для межеванія земель, объявилъ, чтобы они не дѣлали развода до его возвращенія изъ Москвы. Когда, по доносу объ этомъ, ольшанскому комиссару приказано было произвести строгое слѣдствіе, Гукъ относительно послѣдняго обстоятельства отозвался лишь запамятованіемъ, чтоже касается денегъ, то въ полученіи ихъ и не думалъ запираться, объяснивъ лишь, что отнюдь не вымогалъ ихъ, а только говорилъ, что «ежели кто дастъ ему, въ томъ нужды нѣтъ». По словамъ Гука, на такое его обращеніе откликнулись жители многихъ селъ и слободъ, и кромѣ м. Золочева и села Удъ, онъ получилъ съ села Лопаки 2 рубля, съ села Деркачей 4 рубля, съ села Лозовой 1 рубль, съ мѣстечка Мерефы 5 рублей, съ села Островерховки 1 рубль 20 коп., съ села Тарановки 3 рубля, съ мѣстечка Соколова 1 рубль 50 коп., съ села Хорошева 2 рубля, съ села Безпо-

довки 3 рубля, съ села Хотомли 10 рублей, съ мѣстечка Салтова 3 рубля, съ села Волчьей 4 рубля, съ мѣстечка Перекони 3 рубля, съ мѣстечка Валокъ 4 рубля, съ села Очульцовъ 3 рубля, съ села Люботина 2 рубля, съ Песочнаго 1 рубль, съ села Сипалицовки 1 рубль, съ села Гавриловки 1 рубль 50 коп., съ села Пересѣчнаго 2 рубля. Всего такимъ образомъ было собрано имъ 66 рублей 20 коп., что на наши деньги равняется по крайней мѣрѣ 300 руб. Все это Гукъ трактовалъ на слѣдствіи, какъ «добровольныя приношенія»; но приносители показали, что требуя денегъ, Гукъ говорилъ: «*а если не дадутъ ему денегъ, то дѣло ихъ спатыметъ*». Недавній депутатъ былъ отрѣшенъ отъ депутатскаго званія и наказанъ плетьми при комиссарскомъ правленіи; деньги отъ него были отобраны, а на его мѣсто выбрали новаго депутата *Тимофея Капиноса*.

Такъ окончились выборы депутатовъ. Всѣхъ ихъ, какъ мы видимъ, было 15 человѣкъ: 7 старшинъ и дворянъ и 8 казенныхъ обывателей. Выбраннымъ депутатамъ вручены были: 1) прошенія объ общественныхъ нуждахъ и недостаткахъ, 2) наказы депутатамъ, съ прописаніемъ того-же прошенія и 3) уполномочія. На дорогу городскіе и обывательскіе депутаты получили прогоновъ на 2 лошади (на каждаго по 1 деньгѣ на версту); помимо того всѣмъ депутатамъ назначено было еще опредѣленное жалованье.

Послѣдуемъ теперь за харьковскими депутатами въ Москву и посмотримъ, какую роль они играли тамъ. Начнемъ съ депутатовъ-дворянъ.

Шляхетскіе депутаты принимали участіе и въ обсужденіи общихъ вопросовъ, но главное вниманіе ихъ было обращено на мѣстные вопросы, слишкомъ тѣсно связанные впрочемъ съ этими послѣдними. Изъ 5 дворянскихъ депутатовъ активное участіе въ коммисіи принимали четыре, о пятомъ-же, депутатѣ острогожской провинціи, ничего не сообщаютъ протоколы. Дѣятельнѣе всѣхъ оказался ахтырскій депутатъ Боярскій, и это, можетъ быть, потому, что онъ по должности своей (полковаго обознаго) хорошо былъ знакомъ съ мѣстными дѣлами. Инымъ представляется депутатъ изюмской провинціи, отставной секундъ-маіоръ Зарудневъ: ему принадлежитъ только мнѣніе по поводу проэкта о правахъ благородныхъ. Нако-

нецъ Кондратьевъ представилъ довольно обширную записку, касающуюся исключительно мѣстнаго вопроса о правѣ козацкихъ старшинъ владѣть крѣпостными. Записка Кондратьева была вызвана докладомъ депутата отъ козаковъ хоперской крѣпости Андрея Алейникова, который высказался въ пользу запрещенія купцамъ, приказнымъ и козацкимъ старшинамъ имѣть крѣпостныхъ; по его мнѣнію, слѣдовало-бы даже у старшинъ слободскихъ полковъ отнять и тѣхъ крестьянъ, коими они владѣли и отписать ихъ на ея императорское величество [1]). «На все это, говоритъ Кондратьевъ, я могъ-бы отвѣтить однимъ возраженіемъ, что депутатъ Алейниковъ говоритъ о томъ, чего уже нѣтъ; но для того, чтобы почтенное собраніе само удостовѣрилось, какъ депутатъ Алейниковъ мало знаетъ наши мѣстныя обстоятельства, я представлю, въ какомъ состояніи раньше была слободская губернія, какія и за что даны ей были права и преимущества, наконецъ какія учинены теперь перемѣны и какая отъ нихъ польза, какъ относительно всего государства, такъ въ особенности относительно самаго малороссійскаго края».

«Не прошло еще и двухъ столѣтій, какъ та страна, гдѣ нынѣ слободская губернія, была необитаемой и дикой пустыней; прилегая къ татарскимъ степямъ, причиняла она большее безпокойство великороссійскимъ границамъ, ибо кочевые татары, пробираясь чрезъ эти никѣмъ не охраняемыя пустыни, производили безпрепятственно свои набѣги внутрь Россіи. Блаженной памяти царь Алексѣй Михайловичъ, обративъ заботы на заселеніе своей обширной державы, воспользовался представившимся ему случаемъ и призвалъ изъ заднѣпровскихъ, разоренныхъ подъ владѣніемъ польскимъ малороссійскихъ городовъ, вольныхъ людей, давъ имъ позволеніе производить занятіе земель и угодій по собственному ихъ усмотрѣнію. Остававшіеся въ тѣхъ разоренныхъ мѣстахъ жители, видя таковыя монаршія щедроты и усердствуя россійской имперіи, вышли изъ-за Днѣпра и населили эту колонію на самыхъ татарскихъ бродахъ и перелазахъ. Государь сей, по необъятной обшир-

---

[1]) Въ послѣдствіи, отвѣчая Кондратьеву, Алейниковъ болѣе подробно изложилъ свои во многихъ отношеніяхъ замѣчательныя мысли.—См. Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VIII, стр. 369—375.

ности тѣхъ пустыхъ степей, не положилъ никакого предѣла владѣніямъ этихъ новыхъ поселянъ. Поэтому всякій занялъ столько земли и угодій, сколько онъ, по своему разсужденію, находилъ нужнымъ. Такъ народъ этотъ, поселившись слободами и соединивши гражданское устройство съ военнымъ, получилъ названіе слободскихъ полковъ и вмѣсто жалованья получилъ, сверхъ безграничнаго владѣнія землею, свободу торговать всѣмъ безпошлинно и безоброчно. Получивъ столь великія щедроты, слободскіе полки служили россійской державѣ какъ вѣрные подданные, безъ малѣйшаго поползновенія. Въ доказательство сего я могъ-бы привести множество грамотъ, но достаточно будетъ указать на жалованную грамоту императрицы Елисаветы Петровны, данную въ 1743 году. Указомъ-же 1735 года старшинамъ у козаковъ и козакамъ у старшинъ продажа и залогъ земель со взятіемъ указныхъ пошлинъ навсегда были дозволены. Нынѣ славнодержавствующая наша монархиня, простирая попеченіе свое на всѣ части врученной ей отъ Бога имперіи, всемилостивѣйше восхотѣла привести и эти полки въ состояніе возможнаго совершенства, сдѣлавъ ихъ, по примѣру прочихъ своихъ славныхъ войскъ, регулярными. Между другими попеченіями о пользѣ селеній, она установила, чтобы каждый отнынѣ свой удѣлъ или заимку зналъ, козакамъ-же, которые, продавая свои участки, занимали новые (что нѣкоторые дѣлали по нѣсколько разъ и такимъ образомъ не обрабатывали земли, а торговали ею), такую торговлю запретить, а оставшеюся свободною землею удовлетворять новоприбывшихъ или многосемейныхъ козаковъ, а также безземельныхъ бывшихъ старшинъ. Для приведенія всего этого въ дѣйствіе учрежденъ особый вотчинный департаментъ».

«Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что мнѣніе депутата Алейникова не согласуется ни съ прежними, ни съ новѣйшими постановленіями, на основаніи которыхъ заимочныя земли утверждены по размежеванію за ихъ владѣльцами въ вѣчное владѣніе. Что-же касается того, что будто-бы въ прежнія времена полковники бывшихъ козацкихъ полковъ, употребляя во зло свою власть, населяли на жалованныхъ козачьихъ земляхъ слободы вольными малороссіянами, то это едва-ли вѣроятно, потому что по всѣмъ жалованнымъ грамотамъ дозволено было дѣлать заимки во-первыхъ полковникамъ и старшинамъ, а потомъ уже ихъ потомкамъ; слѣ-

довательно, начальники ихъ, имѣя первое право занимать угодья, заняли столько, сколько имъ было потребно; впослѣдствіи-же нѣкоторыя земли пожалованы были имъ за вѣрныя и отличныя ихъ службы особыми, выданными имъ жалованными грамотами. Пріобрѣтенныя по этимъ грамотамъ и по заимкамъ земли были утверждены за ними указомъ 1734 года. Покупка-же старшинами крѣпостныхъ людей есть право, которое они, какъ природное шляхетство, имѣютъ по всѣмъ государственнымъ установленіямъ, да и по указамъ 1728 года покупка недвижимыхъ имѣній малороссіянамъ въ Великой Россіи, а великороссіянамъ въ Малой дозволена» [1]).

Эта записка чрезвычайно любопытна во многихъ отношеніяхъ. Въ ней изложена довольно отчетливо вся исторія происхожденія поземельной собственности въ Слободской Украйнѣ и въ основаніи своемъ эта исторія согласуется съ извѣстными намъ фактами. Несомнѣнно, что большинство поземельныхъ участковъ въ Слободской Украйнѣ *заимочнаго происхожденія* и что крупныя латифундіи возникли въ большинствѣ случаевъ путемъ такихъ-же заимокъ, какъ и мелкіе участки; но правы были, конечно, и тѣ, которые утверждали, что въ очень многихъ случаяхъ дѣйствовалъ здѣсь простой захватъ; имѣли основаніе жаловаться также и войсковые обыватели, окружныя земли которыхъ занимались старшиною и составили фондъ крупной поземельной собственности въ краѣ; но болѣе всего виноватъ былъ принципъ, легшій въ основу первоначальныхъ земельныхъ распорядковъ—принципъ *свободной заимки*, не могшій поставить никакой преграды возраставшему земельному неравенству и наоборотъ шедшій даже рука объ руку съ увеличивавшеюся все болѣе и болѣе сословною рознью.

Интересно, что вся аргументація Кондратьева направлена нѣсколько не по адресу его оппонента. Тотъ, какъ мы знаемъ, говорилъ исключительно о правѣ старшинъ владѣть крѣпостными людьми; Кондратьевъ-же объ этомъ не говоритъ почти ничего, ограничившись заявленіемъ, что это есть ихъ право, какъ благороднаго шляхетства. Но дѣло въ томъ, что дворянское достоинство бывшей старшины находилось еще, такъ сказать, подъ сомнѣніемъ: оно было

---

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VIII, стр. 296—299.

окончательно утверждено только жалованною грамотою Екатерины 1785 года. Ничего не возражаетъ также Кондратьевъ еще на одинъ важный доводъ Алейникова,—что полковники и старшины, населивъ на козацкихъ земляхъ слободы и хутора, *причиняютъ народу большое отягощеніе.*

Въ защиту той-же шляхетской поземельной собственности выступилъ и ахтырскій депутатъ Боярскій, возражая на мнѣніе ахтырскаго городскаго депутата Дзюбы. Бѣгство, постоянные переходы козаковъ въ слободскихъ полкахъ происходили, по его мнѣнію, не отъ притѣсненія старшинъ, а изъ нежеланія нести службу ея императорскаго величества. «Уклоняясь отъ государственныхъ нарядовъ, козаки, продавши или опустошивши свои заимки, поуходили въ подданство на слободы къ помѣщикамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они подговорили другихъ оставшихся и прельщали ихъ разсказами о шестилѣтнихъ и десятилѣтнихъ льготахъ, лѣсныхъ и другихъ, еще не обжитыхъ угодьяхъ, хуторахъ, мельницахъ, свободномъ винокуреніи и торговлѣ. Много было слѣдствій объ этихъ козацкихъ переходахъ, но старшина не была признана въ нихъ виновною».—«Уже въ мое время, продолжалъ далѣе Боярскій, въ царствованіе блаженной памяти государыни Елисаветы Петровны, тоже обвинена была въ этомъ слободская полковая старшина нѣкоторыми недоброжелательными людьми, такъ что была даже учреждена слѣдственная коммисія; но и тогда предсѣдательствовавшій въ ней генералъ-маіоръ Багрѣевъ не нашелъ за старшиною вины. И нынѣ учрежденная коммисія также не признала старшинъ виновными въ разореніи слободскихъ козаковъ, а усмотрѣла только нѣкоторые канцелярскіе непорядки».—«На этомъ, говорилъ Боярскій, я оканчиваю защиту слободской старшины; обращу только въ заключеніе вниманіе на непостоянство этого народа, который, оставивъ козаччину и поселившись у помѣщиковъ, не оставляетъ своей привычки и по прежнему странствуетъ отъ одного владѣльца къ другому, уходя изъ подданства не только многими семьями, но и цѣлыми деревнями, такъ что для удержанія его нужно употреблять цѣлыя команды. Но кромѣ этихъ лицъ есть много совершенно иныхъ; они съ начала поселенія живутъ на одномъ мѣстѣ, а многіе изъ нихъ и жизнь свою потеряли въ сраженіяхъ; потомки ихъ являются или штабъ и оберъ-офицерами и стар-

шинами, или-же простыми мѣщанами и гражданами со своими домами и выслуженными помѣстьями; и вотъ отъ сихъ-ли отобрать или (о сожалѣнія великаго!) и отъ церковныхъ служителей, а отдать бѣглецамъ?! О голосъ проразливый! Я на это долженъ былъ-бы отвѣчать господину депутату Дзюбину молчаніемъ, но къ возраженію меня обязываетъ наказъ». И ораторъ, приводя изъ него 9-й пунктъ межевой инструкціи для слободской губерніи, которымъ отъ всѣхъ требовалось укрѣпленія земельныхъ правъ крѣпостными документами, доказываетъ, что онъ не можетъ быть примѣняемъ къ бывшей полковой старшинѣ, такъ какъ она издавна покупала и продавала земли по партикулярнымъ письмамъ, которыя лишь съ 1734 года стали записываться въ крѣпостныя книги, между тѣмъ какъ эти частныя записи могли и вовсе не получаться, или теряться за отлучкою и смертью продавщиковъ, вслѣдствіе пожаровъ и по незначительности земельныхъ участковъ. Ораторъ признаетъ, что многіе изъ бывшихъ старшинъ владѣютъ безъ крѣпостей участками, состоящими въ войсковыхъ округахъ, и тѣмъ не менѣе настаиваетъ на томъ, что необходимо оставить за ними и эти участки, дабы ихъ не присвоили себѣ, подъ видомъ общественныхъ, войсковые обыватели [1]).

Въ поясненіе этой рѣчи нужно прежде всего сказать, что на территоріи слободскихъ полковъ, кромѣ частной земельной собственности, принадлежавшей старшинѣ и простымъ козакамъ ея, были обширныя пространства земель общественныхъ, что теперь, съ низведеніемъ козаковъ въ податное состояніе, земли эти отмежевывались отъ земель частныхъ для распредѣленія ихъ между войсковыми обывателями и обложенія налогомъ и что въ интересахъ послѣднихъ было сохранить возможно большее количество общинной земли; съ другой стороны старшина издавна захватывала какъ общественныя, такъ и частныя земли рядовыхъ козаковъ, приневоливая ихъ къ уступкѣ или продажѣ за самую ничтожную цѣну и на это раздавались постоянныя жалобы во всей Слободской Украйнѣ, какъ и въ гетманщинѣ. Теперь бывшей старшинѣ и бывшему козачеству пришлось свести окончательно земельные счеты,

---

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, № 10, стр. 371—373.

ибо всѣ участки, на которые не было крѣпостей и которые не могли быть признаны личною собственностію, подлежали безповоротной отмежевкѣ къ общественнымъ землямъ такъ названныхъ теперь войсковыхъ обывателей. Вотъ почему дворянскіе депутаты выбиваются теперь изъ силъ, чтобы оставить за бывшею старшиною и тѣ земли, на которыя она не имѣла никакихъ документовъ и которыя пріобрѣла между прочимъ путемъ захвата и подневольной уступки за ничтожную цѣну. Депутатъ Боярскій, такъ патетически отстаивавшій земельныя права дворянства, въ большей части недавней полковой старшины, въ точности только исполнялъ данный ему наказъ отъ той-же старшины. Рѣчь его, по характеру своему, должна быть названа софистической. Въ самомъ дѣлѣ, неужели постоянные переходы козаковъ и посполитыхъ можно объяснять исключительно только привычкою ихъ къ странствованію и бродяжничеству? Патетическія фразы о томъ, будто требованіемъ крѣпостныхъ документовъ хотятъ отнять земли у заслуженныхъ *осѣдлыхъ* воиновъ и почетныхъ гражданъ и мѣщанъ и отдать ихъ «бѣглецамъ», т. е. переходившимъ съ мѣста на мѣсто козакамъ и посполитымъ, ослабляются тѣмъ, что притязаніе на эти земли изъявляли такіе-же *осѣдлые* войсковые обыватели, владѣвшіе землями новоучрежденныхъ военныхъ округовъ, жившіе своими домами и заботившіеся о построеніи церквей и надѣленіи ихъ землей; притомъ эти послѣдніе заявляли свои права на земли, лежавшія въ чертѣ ихъ давней заимки и попавшія теперь такимъ или инымъ путемъ во власть отдѣльныхъ лицъ изъ старшинскаго сословія. Совсѣмъ не правъ также Боярскій, когда заявляетъ, что коммисіи, назначенныя для изслѣдованія обидъ, наносимыхъ старшиной рядовымъ козакамъ, вполнѣ оправдали ихъ [1]). Вообще-же заявленныя въ коммисіи просьбы и домогательства харьковскихъ дворянскихъ депутатовъ по мѣстнымъ вопросамъ не возвышаются надъ чисто сословными ихъ интересами, которые очень часто расходятся съ интересами другихъ слоевъ общества. Въ такомъ-же духѣ составлены были, конечно, и ихъ наказы. Въ этомъ убѣждаетъ насъ наказъ ахтырскихъ дворянъ. Они просятъ о льготной покупкѣ соли, объ освобожденіи отъ починки мостовъ и гатей по проѣзжимъ трактамъ, о разрѣшеніи продажи вина

---

[1]) См., напримѣръ, Полное Собраніе законовъ, томъ XVII, № 12,356.

въ Великороссіи, объ облегченіи постойной повинности, о запрещеніи подданнымъ переходить съ мѣста на мѣсто безъ владѣльческихъ отпускныхъ билетовъ, объ утвержденіи за владѣльцами, не имѣющими крѣпостей, ихъ земель, объ ассигнованіи прибавочной казенной суммы на содержаніе шляхетскихъ дѣтей въ харьковскомъ коллегіумѣ и внесеніи всего этого въ законы. Въ ряду этихъ петицій выдаются въ особенности домогательства прикрѣпленія «подданныхъ» къ землѣ, о чемъ давно хлопотали харьковскіе дворяне, и закрѣпленія за дворянами и такихъ земель, на которыя они не имѣли крѣпостныхъ документовъ.

Посмотримъ теперь, какую роль играли харьковскіе дворянскіе депутаты въ коммисіи при обсужденіи общихъ вопросовъ. По нимъ высказывали свои мнѣнія Боярскій, Куликовскій и Зарудневъ. Одинъ изъ этихъ общихъ вопросовъ—о дворянскомъ достоинствѣ—имѣлъ прямое отношеніе къ мѣстнымъ интересамъ слободско-украинскаго дворянства. По этому-то вопросу Боярскій и представилъ особую записку, въ видѣ примѣчанія на 36 статью II-й главы проэкта о разборѣ государственныхъ родовъ. Въ этой статьѣ говорилось отдѣльно о благородныхъ и чиновныхъ людяхъ, причемъ вторые не признаются дворянами. «Съ самаго начала существованія слободскихъ полковъ, говорилъ Боярскій, многіе изъ переселенцевъ были пожалованы за вѣрную и радѣтельную службу генералами, бригадирами, стольниками, полковниками и другими чинами, а также награждены деревнями и землями; иные, служа въ драгунскомъ тысячномъ полку, дослужились до штабъ и оберъ офицерскихъ чиновъ; теперь, по учрежденіи гусарскихъ полковъ, многіе опять получили такіе-же чины. Кромѣ того многіе изъ великорусскихъ помѣщиковъ и иностранныхъ офицеровъ женились на женахъ, дочеряхъ и внучкахъ этихъ лицъ, взявъ въ приданное деньги и другія владѣнія. Всѣ эти лица и съ самаго начала поселенія судились и судятся великороссійскими правами и земли свои, заимочныя и купленныя, продавали, закладывали, въ приданое или дѣтямъ въ наслѣдство отдавали, также точно, какъ и великорусскіе дворяне. Спрашивается, чѣмъ-же будутъ признаны всѣ эти лица—дворянами, чиновниками или офицерами? Въ указѣ блаженной памяти великаго государя Петра I отъ 24 января 1722 г. написано: «выслужившіеся въ оберъ офицеры суть дворяне, и дѣти, родившіяся отъ нихъ,

дворяне». Въ наказѣ ея императорскаго величества говорится: «военное искусство есть самый древнѣйшій способъ, коимъ достигали до дворянскаго достоинства». На этомъ основаніи всѣ, дослужившіеся до оберъ офицерскихъ чиновъ, въ томъ числѣ и потомки бывшихъ старшинъ, должны быть записаны въ дворяне [1]).

Такого-же мнѣнія былъ очевидно и Куликовскій, согласившійся съ подобнымъ мнѣніемъ депутата терскаго войска Никиты Миронова. Въ такомъ-же смыслѣ высказался и депутатъ изюмской провинціи Зарудневъ, съ тою только разницею, что въ своей аргументаціи онъ пользовался общими соображеніями и не прибѣгалъ къ примѣрамъ изъ жизни слободско-украинскаго дворянства. Напомнивъ объ указахъ Ѳеодора и Петра Алексѣевичей, дававшихъ дворянство за всякую службу, Зарудневъ вслѣдъ за тѣмъ перешелъ къ опроверженію тѣхъ четырехъ возраженій, которыя высказывались въ собраніи противъ дарованія дворянскихъ правъ лицамъ, выслужившимся въ военной или гражданской службѣ. Вотъ его главныя положенія: 1) «государь Петръ не имѣлъ *нужды* въ военныхъ людяхъ, а жаловалъ дворянствомъ, въ качествѣ самодержавнаго монарха, по своей милости; 2) правда, что само дворянство охотно теперь вступаетъ на службу, но полезно тѣмъ не менѣе жаловать дворянскимъ достоинствомъ иностранцевъ и другихъ вольныхъ людей, такъ какъ дворяне по хозяйственнымъ своимъ обязанностямъ принуждены скоро выходить въ отставку; 3) военная служба въ арміи и во флотѣ очень тяжела, такъ что полученное такимъ образомъ дворянство пріобрѣтается не легко; штатская служба также необходима, полезна и не легка; 4) жалованье и чины не замѣняютъ дворянскаго достоинства, ибо они даются до тѣхъ поръ, пока кто въ состояніи служить, а на потомство не распространяются. Только благодаря пожалованію дворянства, прежнія нестройныя ополченія замѣнились петровской гвардіей, сухопутной арміей и артиллеріей» [2]). Вопросъ о томъ, кого признавать дворянами, былъ самымъ существеннымъ пунктомъ въ преніяхъ коммисіи и вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Неродовитое дворянство естественно стояло за такіе

---

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXVI, III, № 31, стр. 328—329.

[2]) Ibid., стр. 183—186.

мнѣнія, какія выражалъ Боярскій, Заруднев и много другихъ депутатовъ. Во главѣ противнаго лагеря стоялъ знаменитый депутатъ ярославскаго дворянства, князь Щербаковъ, который проводилъ, такъ сказать, идею родоваго дворянства и желалъ по возможности затруднить доступъ къ нему разнымъ служилымъ разночинцамъ.

Кромѣ этого жгучаго вопроса дворянскіе депутаты слободско-украинской губерніи высказывали устно и письменно свои мнѣнія по вопросамъ о словесномъ судѣ [1]) и векселяхъ [2]), а извѣстный уже депутатъ Боярскій выступилъ съ заявленіемъ объ уничтоженіи пытки [3]), основываясь въ этомъ случаѣ на словахъ самой императрицы, которая въ своемъ наказѣ говоритъ, что пытка есть вѣрное средство осудить невиннаго, не обладающаго крѣпкимъ сложеніемъ, и оправдать виновнаго.

Изъ городскихъ депутатовъ слободской губерніи дѣятельную роль въ коммисіи для составленія проэкта новаго уложенія играли два депутата: харьковскій, сотникъ Черкесъ и ахтырскій, кантенармусъ Дзюбинъ или Дзюба. Но представителемъ собственно городскихъ или, вѣрнѣе сказать, купеческихъ интересовъ явился только сотникъ Черкесъ. Онъ былъ греческой націи и по всѣмъ признакамъ велъ обширную торговлю. Въ одномъ изъ засѣданій коммисіи депутатъ отъ коммерцъ-коллегіи Межениновъ предложилъ, чтобы заграничные товары доставлялись въ Россію исключительно только черезъ Балтійское море, при посредствѣ петербургскаго порта, такъ какъ теперь при провозѣ ихъ изъ Данцига, Кенигсберга и Бреславля черезъ Польшу берется очень много пошлинъ, которыя значительно возвышаютъ цѣну товаровъ [4]). Противъ этого-то мнѣнія выступилъ со своими возраженіями Черкесъ. Горячо и съ знаніемъ дѣла онъ доказывалъ необходимость сохраненія прежнихъ торговыхъ путей чрезъ Польшу и Крымъ въ Кіевъ, заявляя, что привозимыми въ этотъ городъ въ большомъ количествѣ товарами довольствуется вся Украйна и требуя только, чтобы путь изъ Крыма шелъ не чрезъ кремен-

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, приложеніе № 2, стр. 353—354.

[2]) Ibid., т. VIII, стр. 234 и 235.

[3]) Ibid., т. XXXII, стр. 65.

[4]) Ibid., т. VIII, стр. 50.

чугскую и переволочную таможни, а прямо ногайскою степью на одну изъ крѣпостей украинской линіи. Согласно съ первою половиною мнѣнія Черкеса высказались и депутаты: отъ города Нѣжина Костевичъ, отъ Кіева Гудима и отъ екатеринославской провинціи Бѣльченко, а къ ихъ мнѣнію присоединились почти всѣ малороссійскіе депутаты. Костевичъ заявилъ, что запрещеніе вести торгъ чрезъ пограничныя малороссійскія таможни убьетъ мелкую торговлю малороссійскихъ городовъ, между тѣмъ какъ пошлина на малороссійскихъ таможняхъ весьма умѣренна и берется не съ цѣны товаровъ, а съ возовъ, привозъ-же на малороссійскія таможни товаровъ происходитъ изъ многихъ европейскихъ и азіатскихъ земель. Но проэктъ новаго направленія крымскаго пути встрѣтилъ всеобщія возраженія. Дебаты Бѣльченка съ Черкесомъ выяснили, что первому не хотѣлось, чтобы новый путь отходилъ далеко отъ Нѣжина, а второму хотѣлось направить оный въ слободскіе полки [1]). Каждый своялъ за свое. Не удивительно, что запорожскіе депутаты, Головатый и Скопа, отстаивали прежнее направленіе крымскаго пути чрезъ Сѣчь, резонно возражая Черкесу, что никто не можетъ заставить ходить купцовъ на Кременчугъ и Переволочную, если они найдутъ этотъ путь неудобнымъ [2]). Заявленіями Черкеса собственно и исчерпывается сфера чисто городскихъ вопросовъ слободской губерніи и только косвенное отношеніе сюда имѣтъ рѣчь бахмутскаго депутата Селиванова, возстававшаго противъ предложенія бѣлгородскаго депутата, чтобы живущимъ въ бѣлгородской губерніи малороссіянамъ, однодворцамъ и другимъ лицамъ, была дозволена торговля безъ записки ихъ въ купеческое званіе, въ виду ихъ безземельности и того, что мелкая торговля является для нихъ единственнымъ средствомъ пропитанія [4]). Селивановъ выяснилъ, что въ такомъ дозволеніи вовсе нѣтъ надобности, такъ какъ бѣлгородскіе малороссіяне имѣютъ собственные дома, нерѣдко мыловаренные и кожевенные заводы, и ведутъ обширную торговлю, хотя и называютъ себя подданными разныхъ знатныхъ особъ [5]).

---

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VII, стр. 76.

[2]) Ibid., стр. 87—88.

[3]) Ibid., стр. 88—89.

[4]) Ibid., стр. 183—186.

[5]) Ibid., 210—211.

Что касается заявленій другаго городскаго депутата Дзюбы, то они касались исключительно положенія въ губерніи войсковыхъ обывателей, т. е. бывшихъ слободскихъ козаковъ, которые являлись преобладающей группой населенія не только въ малыхъ, но и въ большихъ городахъ. Въ трехъ рѣчахъ Дзюбы рѣзко высказался тотъ антагонизмъ, который издавна существовалъ между простымъ козачествомъ и выдѣлившеюся изъ его рядовъ старшиною; теперь онъ нашелъ исходъ для себя въ преніяхъ коммисіи. Какъ дворянскіе депутаты требовали, чтобы за бывшей полковою старшиною закрѣплены были земли, въ большей части захваченныя ею изъ общихъ и частныхъ козацкихъ земель, винили козаковъ въ бродяжничествѣ и домогались воспрещенія живущимъ на дворянскихъ земляхъ козакамъ и посполитымъ свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто, такъ Дзюба, становясь на защиту бывшихъ козаковъ, нынѣ войсковыхъ обывателей, обвиняетъ бывшую старшину въ присвоеніи земель козаковъ и обращеніи ихъ самихъ въ положеніе «подданныхъ». «Бѣгство козаковъ и посполитыхъ, говоритъ Дзюба, происходило и происходитъ отъ нестерпимыхъ обидъ и притѣсненій старшины, которая захватывала жалованныя козачьи земли, мельницы, сѣнные покосы, рощи и другія угодья, притѣсняетъ ихъ неуказными работами, большими поборами и напрасными побоями. На козачьихъ жалованныхъ земляхъ старшина и церковники устроили слободы, хутора и населили ихъ вольными козаками и посполитыми, съ которыми обращаются, какъ съ купленными крестьянами. Посему я предлагаю какъ старые, такъ и вновь населенные, въ противность жалованнымъ грамотамъ и указамъ, слободы и хутора отнять у старшины и церковниковъ и причислить къ владѣніямъ обществъ войсковыхъ обывателей, отъ чего въ службѣ ихъ произойдетъ приращеніе, а между ними наступитъ тишина и спокойствіе» [1]). Въ другой разъ Дзюба говорилъ подробно о монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ въ ахтырской провинціи, доказывалъ, что они пріобрѣтены и заселены такими-же путями, какъ и старшинскія земли, по допущенію старшинъ, [2]) и требовалъ, чтобы всѣ они возвращены были прежнимъ ихъ владѣль-

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, стр. 370—371.

[2]) Ibid., т. XXXVI, стр. 77.

цамъ, или просто бѣднымъ людямъ. Наконецъ въ послѣдней своей рѣчи тотъ-же депутатъ, настаивая еще съ большею силою на отнятіи у старшины неправильно пріобрѣтенныхъ ею земель, заявилъ, что справедливость требуетъ, чтобы тѣ изъ сыновей бывшей старшины, которые не пожелаютъ вступить въ службу, были положены въ подушный окладъ [1]).

Проэкты Дзюбы были крайне радикальны и не могли имѣть практическаго значенія. Дзюба мечталъ возвратомъ большей части крупной поземельной собственности прежнимъ мелкимъ ея владѣльцамъ возстановить древнее право на эти земли бывшихъ козацкихъ громадъ и разрубить такимъ путемъ тотъ гордіевъ узелъ, который тщетно пытались развязать бывшія прежде того разнаго рода коммисіи, въ одной изъ которыхъ въ качествѣ обвиняемыхъ должна была предстать едва не вся полковая старшина поголовно. У всѣхъ въ памяти было грандіозное слѣдствіе о маетностяхъ ахтырскаго полковника Перекрестова, ссылка его и обращеніе въ казну громаднѣйшихъ его пріобрѣтеній.

Войсковыя и козачія земли захватывала не одна полковая старшина, но и приливавшіе въ Слободскую Украйну великороссійскіе и иностранные, военные и гражданскіе чины. Крупная поземельная собственность дѣлала быстрые успѣхи, стѣсняя все болѣе и болѣе мелкую козачью. Но кромѣ экономическаго неравенства, бывшее рядовое козачество стѣснялось и неравенствомъ соціальнымъ, ибо для выдѣленія изъ среды его старшинскихъ дѣтей, кромѣ множества не нужныхъ должностей, была изобрѣтена новая должность подпрапорныхъ, соотвѣтствовавшая званію значковыхъ товарищей въ гетманщинѣ, а такими путями не только старшины, но и ихъ дѣти, переходили въ разрядъ дворянства.

Предложеніе Дзюбы хотѣло какъ-бы повернуть исторію назадъ; бывшее рядовое козачество устами его и другихъ депутатовъ стремилось исправить развившееся экономическое сословное неравенство; но было уже поздно. Радикальный проэктъ Дзюбы встрѣтилъ сочувствіе только среди однодворческихъ депутатовъ, которые высказали пожеланія, мало чѣмъ отъ него разнившіяся. Такъ, депутатъ сѣвской провинціи Петръ Гридинъ предлагалъ возвратить однодворцамъ

---

[1]) Ibid., приложеніе № 2, стр. 167—169.

тѣ земли, которыя были пріобрѣтены у нихъ вопреки запретительнымъ указамъ, а владѣльцамъ ихъ отвести вмѣсто того дачи изъ пустопорожнихъ государственныхъ земель [1]). Депутатъ хоперской крѣпости Алейниковъ предлагалъ, какъ мы уже знаемъ, отнять у старшинъ слободской губерніи ихъ подданныхъ и крестьянъ и запретить пріобрѣтать ихъ на будущее время. Но, кромѣ этихъ группъ, заявленія Дзюбы не могли встрѣтить сочувствія ни въ общественныхъ, ни тѣмъ болѣе въ правительственныхъ сферахъ; если одна часть дворянства (родовитая) и готова была противиться дарованію козацкой старшинѣ полныхъ дворянскихъ правъ, за то другая, достигшая его въ военной или гражданской службѣ, была вполнѣ на ея сторонѣ.

Перейдемъ наконецъ къ обывательскимъ депутатамъ. Изъ нихъ выдвинулось только двое: харьковскій Капиносъ и сумской Никифоровъ. Они представили два проэкта—о положеніи и правахъ войсковыхъ обывателей и о словесномъ судѣ.

Капиносъ, возражая на заявленіе дворянскаго депутата Боярскаго, что козаки переходили не отъ притѣсненій старшины, а съ цѣлью укрывательства отъ военной службы, говоритъ, что такое заявленіе вызвано желаніемъ оправдать своихъ собратій и укрѣпить такимъ путемъ земли, незаконно пріобрѣтенныя ими, ибо указы воспрещали старшинамъ покупать у подвластныхъ лицъ грунты, а они и сами совершали такія покупки и давали разрѣшеніе на это другимъ. «Въ виду сего, заключалъ Капиносъ, и я, въ согласіи съ депутатомъ Дзюбинымъ, признаю полезнымъ причислить эти земли къ обществамъ войсковыхъ обывателей [2]).

Въ такомъ-же смыслѣ, но еще болѣе опредѣленно высказался и Никифоровъ. Повторивъ извѣстную исторію поселенія слободскихъ полковъ и пожалованія въ общую и личную собственность козаковъ никѣмъ не занятыхъ земель для отбыванія военной службы, онъ переходитъ къ захватамъ и говоритъ, что «многіе помѣщики, живущіе въ сумскомъ полку, покупкою и разными происками пріобрѣли себѣ козачьи земли, а самихъ козаковъ обра-

---

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXVI, приложеніе № 1, стр. 163—166.

[2]) Ibid., т. XXXII, № 1, 14, стр. 381.

тили въ своихъ подданныхъ». Въ подтвержденіе послѣдняго Никифоръ указывалъ на случай въ мѣстечкѣ Пенѣ, обыватели котораго только по указу 1741 года, согласно ихъ жалобѣ, были опять приписаны къ козакамъ, по рѣшенію сената, прибавляя, что и въ настоящее время нѣкоторые владѣльцы покупаютъ козачьи грунты и обращаютъ себѣ въ подданство козаковъ. Для устраненія указаннаго зла Никифоровъ предлагалъ:

1) «Дабы впредь ни подъ какимъ видомъ въ сумской провинціи государственныхъ войсковыхъ слободъ въ подданство помѣщикамъ не обращать и обывательскихъ земель не покупать.

2) Исключить изъ подданства тѣхъ козаковъ и подпомощниковъ, которые живутъ и нынѣ на собственныхъ своихъ земляхъ, причислить ихъ къ обществамъ обывателей и обложить такимъ окладомъ, какой плотятъ другіе, годныхъ-же брать въ гусары; такой-же окладъ положить на дѣтей разночинцевъ, пользующихся правами, равными съ правами войсковыхъ обывателей.

3) Войсковымъ обывателямъ дозволять во всей слободской украинской губерніи продавать и закладывать другъ другу собственныя свои заимочныя и купленныя земли по старинному обыкновенію» [1]).

Другая записка Никифорова касается вопроса о винокуреніи и продажѣ вина. «Въ двухъ, говоритъ онъ, уѣздахъ сумской провинціи, суджанскомъ и миропольскомъ, свободное винокуреніе, продажа вина и соли запрещены съ 1753 г. и съ того-же времени учреждены питейные дома и казенная продажа соли. Питейный сборъ теперь отданъ на откупъ орловскимъ купцамъ, которые заботятся не о казенномъ интересѣ, а о собственномъ обогащеніи; эти откупщики держатъ у себя по 30 и болѣе цѣловальниковъ, которые причиняютъ разныя обиды обывателямъ. Между тѣмъ въ слободѣ Юнаковкѣ, принадлежащей князю Голицыну, подданные его малороссіяне пользуются и свободнымъ винокуреніемъ и продажею вина и соли, въ явный ущербъ свободнымъ обывателямъ. Мало того: упомянутые откупщики останавливаютъ жителей названныхъ уѣздовъ, когда они по необходимости поѣдутъ въ эту

---

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, приложеніе № 70, стр. 527—531.

слободу для продажи хлѣба, задерживаютъ подъ предлогомъ розыска контрабаднаго вина и забираютъ все то, что при нихъ находятъ, нападаютъ на обывательскіе дома будто-бы для обыска вина и тѣмъ причиняютъ несносные обиды». Въ виду сказаннаго Никифоровъ просилъ отъ имени своихъ избирателей, чтобы на будущее время всѣмъ обывателямъ, уплотившимъ 95 коп. оклада, была подтверждена свобода курить вино зимою и лѣтомъ, при чемъ онъ цифрами доказывалъ выгодность такого установленія для казны.

Послѣднимъ вопросомъ, выдвинутымъ харьковскимъ обывательскимъ депутатомъ Капиносомъ, былъ вопросъ о словесномъ судѣ. Капиносъ предлагалъ производить разбирательство въ гражданскихъ дѣлахъ на сумму до 50 рублей словесно, съ записываніемъ рѣшеній въ журналъ не позже двухъ-недѣльнаго срока, письменный-же судъ давать только тѣмъ, которые будутъ недовольны рѣшеніемъ словеснаго; но если недовольный окажется виновнымъ и при письменномъ разбирательствѣ, то съ него брать двойную судебную пошлину [1]).

И такъ два представителя отъ войсковыхъ или, какъ теперь они стали называться, казенныхъ слободъ слободско-украинской губерніи энергически отстаивали свои насущные интересы. Въ особенности Никифоровъ обставлялъ свои *disiderata* серьезными данными. Сходясь въ основныхъ положеніяхъ съ Дзюбою, онъ былъ практичнѣе его; всѣ его предложенія были удобоисполнимы и, какъ кажется, дѣйствительно могли принести существенную пользу войсковымъ обывателямъ, прекративъ или по крайней мѣрѣ значительно ограничивъ *на будущее* время то обезземеленіе слободскихъ козаковъ, которое стало замѣчаться еще въ самомъ началѣ XVIII вѣка. Предоставленіе льготъ по части свободнаго куренія и продажи вина и соли, конечно, отзывается исключительностью; но оно является совершенно естественнымъ для того времени, когда многое основывалось на частныхъ привилегіяхъ и изъятіяхъ. Вопросъ въ этомъ случаѣ шелъ о такой привилегіи, которая являлась чрезвычайно важной и почти необходимой въ хозяйственномъ быту. Вся та масса хлѣба, которая въ Малороссіи

---

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VIII, стр. 140.

оставалась отъ потребленія, шла исключительно на винокуреніе и только въ такомъ видѣ имѣла сбытъ на торговыхъ рынкахъ. Правда, это винокуреніе имѣло свои невыгодныя стороны, между прочимъ уменьшеніе лѣсовъ; но и система казеннаго кабака и казенной соли имѣла еще болѣе невыгодъ и открывала широкій путь злоупотребленіямъ.

Мысль Капиноса объ учрежденіи словесныхъ судовъ заслуживаетъ также вниманія. Тогдашніе письменные суды съ ихъ безконечнымъ бумажнымъ производствомъ, съ замысловатымъ крючкотворствомъ доморощенныхъ ходатаевъ по дѣламъ, дѣйствительно должны были возбудить противъ себя неудовольствіе у всѣхъ тѣхъ, кому выпадало несчастіе имѣть съ ними дѣло. А кому не приходилось судиться въ тотъ вѣкъ, когда существовавшіе законы оказывались недостаточными для огражденія личности и собственности! Словесный судъ, если-бы не оказался «милостивымъ» или даже «правымъ», то былъ-бы по крайней мѣрѣ «скорымъ».

Вотъ все, что мы могли собрать о выборахъ слободско-украинскихъ депутатовъ въ Екатерининскую коммисію для составленія проэкта Новаго Уложенія и тѣхъ мнѣніяхъ и желаніяхъ, какія они высказали тамъ какъ по общимъ, такъ и мѣстнымъ вопросамъ. Со временемъ мы надѣемся въ такомъ-же порядкѣ и видѣ изложить имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы о выборахъ и дѣятельности въ той-же коммисіи малороссійскихъ и запорожскихъ депутатовъ. Быть можетъ, наши свѣдѣнія и соображенія не лишними окажутся для будущаго историка Екатерининской коммисіи и онъ воспользуется ими для своего цѣльнаго и болѣе виднаго труда.

Дмитрій Багалѣй.

ДАРЪ ПЯТЬДЕСЯТНИЦЫ и НАШИ ПЕРВОУЧИТЕЛИ.

(Посвящено памяти Н. И. Костомарова, сказано въ торжественномъ собраніи славянскаго общества 13 мая 1885 г.).

Давно-ли отпраздновали мы тысячелѣтнюю годовщину кончины св. Меѳодія, и вотъ мы уже опять собрались, какъ и каждогодно, праздновать память великихъ братьевъ—на этотъ разъ нѣсколько позже обыкновеннаго, вслѣдствіе совпаденія дня 11-го мая съ предшествующею празднику Пятьдесятницы поминальною субботою. Когда мы торжествовали 6-е апрѣля, церковь оглашалась радостными звуками пасхальныхъ пѣсенъ. Нынѣшнее наше торжество многозначительно совпадаетъ съ «великимъ, какъ выражается церковь, и спасительнымъ днемъ, Пятьдесятницы праздникомъ». Мнѣ невольно припоминается проповѣдь, уже не мало лѣтъ тому назадъ произнесенная въ томъ-же Исаакіевскомъ соборѣ, гдѣ молились мы, по обыкновенію, и сегодня, нашимъ покойнымъ почетнымъ членомъ преосвященнымъ Хрисанѳомъ. День 11-го мая приходился тогда между Вознесеніемъ и Пятьдесятницей, и проповѣдникъ заранѣе указывалъ своимъ слушателямъ на ту церковную пѣснь, которую предстояло имъ вскорѣ услышать и которую мы уже слышали и вчера и сегодня: «*егда снисшедъ языки слія, раздѣляше языки Вышній, егда же огненніи языки раздаяше, въ соединеніе вся призва;— и согласно славимъ Всесвятаго Духа*». Проповѣдникъ налегалъ на то, что какъ раздѣленіе языковъ во времена языческаго нечестія привело человѣчество къ окончательному разъединенію, такъ тоже

самое множество языковъ, когда на всѣхъ этихъ языкахъ одинаково раздалось великое слово христіанскаго братства, послужило напротивъ того къ соединенію всѣхъ. Позже, изъ того, что̀ запало мнѣ въ память сердца отъ слова покойнаго проповѣдника, стала слагаться въ моемъ воображеніи такая икона св. первоучителей: Кириллъ и Меѳодій съ очами, устремленными въ высь, а передъ ними—надъ ними, въ видѣніи, то, что̀ совершилось тогда, въ десятый день по Вознесеніи Господа и о чемъ такъ обстоятельно говорится во вчерашнемъ и сегодняшнемъ Апостолѣ. Да будетъ позволено мнѣ напомнить и здѣсь его существенныя черты, приведя ихъ на томъ-же кирилло-меѳодіевскомъ языкѣ, который остается столь доступнымъ всѣмъ намъ, если мы не чужды церковнаго просвѣщенія:

«*И сїда скончавашася днїе пятдесятницы, бѣша вси Апостоли единодушно вкупѣ...*

«*И явишїася имъ раздѣлени языцы, яко огненни: сѣде же на единомъ коемъждо ихъ, и исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати...*

«*Бывшу же гласу сему, снидеся народъ и смятеся, яко же слышаху единъ кїждо ихъ своимъ языкомъ глаголющихъ ихъ. Дивляхуся же вси и чудяхуся, глаголюще другъ ко другу: не се ли вси сїи суть глаголющїи Галилеане; и како мы слышимъ кїждо свой языкъ нашъ, въ немъ же родихомся... слышимо глаголющихъ ихъ нашими языки величїя Божїя...*

«*Иниї же ругающеся глаголаху, яко вїномъ исполнени суть...*

Изъ того перечня сподобившихся св. дара народовъ, который приводится тутъ-же въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, совершенно ясно, что это не были только народы, пользующіеся или когда-то пользовавшіеся политическимъ могуществомъ, т. е. народы великіе, а собравшіеся со всѣхъ концовъ міра, всякаго рода народы. И хотя многіе изъ ихъ представителей поняли-бы, конечно, проповѣдь апостольскую и въ томъ случаѣ, если-бы она раздалась только на государственномъ языкѣ—римскомъ да на языкахъ двухъ разнородныхъ культурныхъ народовъ—грековъ и евреевъ, но Духъ святой проглаголалъ устами апостоловъ на *всѣхъ* языкахъ, такъ что не многіе только, но и *всѣ* безъ исключенія присутствующіе поняли *все*, и даже тотъ, кому былъ доступенъ тотъ или другой изъ первенствующихъ языковъ, могъ съ радостнымъ изумленіемъ замѣтить:

«Какъ это каждый изъ насъ слышитъ свое родное—тотъ языкъ, въ которомъ родился?» Но боговдохновенный повѣствователь замѣчаетъ при этомъ, что нѣкоторые напротивъ того стали глумиться, объясняя совершившееся чудо не чѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ опьяненія. Тутъ сказалась, конечно, та превозносящаяся низменность житейскихъ воззрѣній, для которой и самое содержаніе проповѣди евангельской есть только *юродство* или *буйство*. Не мало и въ наше просвѣщенное время такихъ политическихъ умниковъ, которымъ, если они захотятъ быть послѣдовательными, придется признать какою-то (это они кощунствуютъ, а не мы) сентиментальностью заботливость Верховной Премудрости о томъ, чтобы никто не былъ лишенъ отрады услышать благую вѣсть именно на томъ языкѣ, въ которомъ онъ родился, чтобы вѣсть эта могла такимъ образомъ проникнуть въ самую глубь его сердца, войти, такъ сказать, въ его плоть и кровь. И вотъ потому-то, что новое, дотолѣ неслыханное стало сразу для всѣхъ роднымъ и давно знакомымъ, сразу-же, по свидѣтельству св. повѣствователя, и крестилось тогда три тысячи—крестилось конечно такъ, что всѣ они въ самомъ дѣлѣ могли сказать: «елицы во Христа крестихомся, во Христа и облекохомся». Потому-то и оказалось возможнымъ то, о чемъ говорится далѣе въ Дѣяніяхъ апостольскихъ:

«*Вси же вѣровавши бяху вкупѣ и имяху вся обща. И стяжанія и имѣнія продаяху и раздаяху всѣмъ, его же аще кто требоваше* (Дѣянія ап., II, 44 и 45).

«*Елицы бо господіе сѐломъ или домовóмъ бяху, продающе приношаху цѣны продаемыхъ и полагаху при ногахъ апостолъ, даяшеся же коемуждо, его же аще кто требоваше* (IV, 34 и 35).

Если же старая закваска житейская все-же сказывалась въ нѣкоторыхъ и вносила разладъ въ новый жизненный строй, то достаточно было одного обличительнаго слова, только одного слова—чтобы сразу опять пробудить въ возрожденномъ человѣкѣ его внутренняго судію и довести этого грознаго судію до убійственнаго самосуда.

«*Мужъ же нѣкій, Ананіа именемъ, съ Сапфирою женою своею, продаде село и утаи отъ цѣны... Рече же Петръ: «сущее тебѣ не твое ли бѣ, и продáное не въ твоей ли власти бяше... Не чело-*

вѣкомъ солгалъ еси, но Богу. Слышавъ же Ананіа словесе сія, падъ издше: и бысть страхъ великъ на всѣхъ слышащихъ сія» (V, 1—5).

Дѣло именно въ томъ, что во власти каждаго было отдавать, или не отдавать, что тутъ и въ поминѣ не было никакого принудительнаго налога, такъ что всякая утайка была утайка у своей-же совѣсти, т. е. у того, кто въ ней пребываетъ и про кого не даромъ сказаны были и, позабытыя на минуту, опять возставали въ чуткомъ сознаніи первыхъ христіанъ предостерегающія слова: «страшно впасть въ руки Бога живаго!» Но сохраненіе въ христіанскомъ обществѣ такой чуткости сознанія съ ея карающимъ самосудомъ обуславливалось именно тѣмъ, чтобы какъ тѣ первые, такъ и новые христіане сами просили крещенія подъ продолжающимся напитіемъ все той-же, становящейся всѣмъ родною, западающей прямо въ душу, общедоступной проповѣди. Если-бы христіанство продолжало распространяться только этимъ апостольскимъ способомъ, то въ его спасительныя мрежи попадалъ-бы изъ окружающаго міра только отборный ловъ; изъ него образовались-бы дѣйствительно незыблемые устои новаго града Божія. На бѣду, послѣ разрушенія стараго Іерусалима, продолжалъ еще существовать старый Римъ, не даромъ-же и прозванный вѣчнымъ городомъ. Присвоивъ себѣ, вслѣдъ за другими правами, и верховное право указами назначать боговъ, императоры римскіе, хотя и превращавшіеся, подобно Новуходоносору, въ звѣря, не только сохранили, но и передали это право своимъ, уже переставшимъ преслѣдовать христіанъ преемникамъ. Изъ гонителей, въ силу разныхъ причинъ, имъ захотѣлось наконецъ обратиться, такъ сказать, въ августѣйшихъ меценатовъ христіанства, а затѣмъ уже вѣра Христова была объявлена ими государственнымъ исповѣданіемъ. Съ этихъ-то поръ явилась возможность креститься не ради Бога, а ради кесаря,—и вслѣдствіе этого крестящіеся во Христа стали наконецъ столь-же мало въ Него облекаться, какъ и приглашавшіе ихъ къ тому императоры. Для такихъ уже не оказывалось ни малѣйшей надобности въ проникающей прямо въ душу, общедоступной, да даже и ни въ какой проповѣди, такъ какъ дѣло было вовсе не въ усвоеніи себѣ христіанства, а только въ прочтеніи въ слухъ излюбленнаго государями символа вѣры. Вотъ тутъ-то безпрепятственно всплыло на верхъ и старое дѣленіе человѣчества на избранныхъ и на варваровъ, та-

кое-же наслѣдіе міра классическаго, какъ и то обоготвореніе кесаря, которымъ этотъ міръ завершился. Если-же среди *варваровъ* были только два *народа*—греки и римляне, то и среди всего множества языковъ были только два настоящихъ языка,—языкъ греческій и языкъ латинскій. Но государство, признавшее вѣру Христову своею указною вѣрою, не могло не признать языка и того народа, среди котораго родился Христосъ; и вотъ къ двумъ культурнымъ языкамъ языческой древности присоединился еще языкъ ветхо-завѣтнаго избраннаго народа—еврейскій. Мнимо-христіанскимъ оправданіемъ такого сближенія въ преимуществахъ послужила надпись на крестѣ Господнемъ, хотя она сдѣлана тѣмъ игемономъ римскимъ, которому евреи предали Христа. Отсюда та, упоминаемая въ житіяхъ нашихъ первоучителей, треязычная, какъ они ее называли, ересь, иначе ересь Пилатниковъ, или же распространившееся въ римско-христіанскомъ мірѣ ученіе о томъ, будто-бы слово Божіе можетъ быть проповѣдуемо только на трехъ языкахъ—римскомъ, греческомъ и еврейскомъ. Изъ того, что святымъ братьямъ это ученіе справедливо представлялось ересью и что самыхъ ярыхъ ея представителей они встрѣтили на латинскомъ западѣ, многіе заключаютъ, что эта ересь только тамъ и была и что христіанскій востокъ оставался ей совершенно непричастнымъ. Другіе смотрятъ на это нѣсколько иначе и считаютъ треязычную ересь не только съ особенною силою распространившеюся на западѣ, но отчасти заходившею и на востокъ. Такъ и въ различныхъ статьяхъ, вызванныхъ Меѳодіевскимъ праздникомъ, сказались эти двѣ различныя точки зрѣнія. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ числу отъявленныхъ противниковъ треязычной ереси относится знаменитый патріархъ Фотій—на томъ основаніи, что онъ однажды писалъ: «Франки заслуживаютъ порицанія, когда говорятъ, что молиться можно лишь на трехъ языкахъ». Но тутъ-же какъ будто ради сильнѣйшаго еще доказательства, что Фотій смотрѣлъ на дѣло совершенно также, какъ наши первоучители, приводится и то, что онъ вѣроятно подсказалъ императору Михаилу III и замѣчательныя слова о славянахъ, сохраненныя въ его посланіи къ Ростиславу велико-моравскому: «*да и вы причтетеся въ великыхъ языцѣхъ, иже славятъ Бога своимъ языкомъ*». Если-же это дѣйствительно слова не Михаила III, даже не Варды, а Фотія, говорится тутъ далѣе, то мы должны признать его какъ-бы Симеономъ

Богопріимцемъ славянской или греко-славянской идеи (Варш. Меѳ. Сборн., статья А. С. Будиловича, стр. 37). Думается, что *Богопріимцемъ* идеи можно назвать только представителя идеи въ самомъ дѣлѣ *Божественной*. Едва-ли такова та идея, которая высказана въ посланіи Михаила III, а именно, что славяне, услышавъ слово Божіе на своемъ языкѣ, чрезъ это получатъ право на сопричисленіе ихъ къ великимъ народамъ. Вѣдь не даромъ-же паннонскія житія приписываютъ эти слова императору византійскому, а не нашимъ первоучителямъ. Для нихъ, опиравшихся, какъ видно изъ тѣхъ-же житій, на апостола Павла, въ императорскомъ взглядѣ могло заключаться не что иное, какъ таже ересь, только расширенная въ пользу еще одного народа,—ересь *четырехъ-язычная*. Взглядъ Михаила III, хотя-бы внушенный и самимъ Фотіемъ, заключаетъ въ себѣ чисто государственное начало, признаніе права державнаго Рима надѣлять, если пожелаетъ, своими преимуществами и нѣкоторые изъ подвластныхъ ему народовъ. Наши-же первоучители дѣйствовали въ чисто церковномъ духѣ—въ томъ духѣ, который сказался въ словахъ великаго Апостола языковъ:

«Не лжите другъ на друга, совлекшеся ветхаго человѣка съ дѣяньми его и облекшеся въ новаго... идѣже нѣсть ни еллинъ, ни іудей... варваръ и скиѳъ, рабъ и свободъ, но всяческая и во всѣхъ Христосъ». (Колосс. III, 9—11).

Но хотя-бы слова Михаила III, сказанныя совершенно не въ этомъ духѣ, и не были ему внушены Фотіемъ, то этотъ послѣдній въ дѣлѣ обращенія болгаръ, въ которомъ ему несомнѣнно принадлежитъ первенствующее положеніе, не высказалъ-же особенной заботливости о проповѣди имъ на ихъ языкѣ и славянское богослуженіе установилось у нихъ уже усердіемъ учениковъ свв. Кирилла и Меѳодія. Не даромъ въ паннонскихъ житіяхъ о Фотіи и говорится только вскользь, и совершенно бездоказательнымъ греколюбіемъ отличается таже упомянутая выше статья, когда ставитъ нашихъ первоучителей въ полнѣйшую зависимость отъ мнимаго Фотіевскаго почина. Но тотъ-же избытокъ грекопоклонническаго учердія зашелъ тутъ и еще далѣе. Насъ увѣряютъ, будто первоучители наши и патріархъ Фотій «были люди не только одного круга и образованія, но и *сродныхъ настроеній, характеровъ*, міросозерцаній... люди крѣпкой и упругой воли, которая не останавливается ни передъ

какими трудностями и препятствіями, *кромѣ нравственнаго долга...»* (Варш. Меѳод. Сборн., ст. Будиловича, стр. 35) [1]).

Что наши первоучители, при всей своей настойчивости въ достиженіи своихъ цѣлей, никогда однако-же не дѣйствовали противъ совѣсти, не вступали въ сдѣлки съ міромъ, это не подлежитъ сомнѣнію, но что прямо противоположно поступалъ иногда Фотій, объ этомъ говорилъ не одинъ, на примѣръ, Герленрётеръ, про котораго можно сказать, что онъ иновѣрецъ и иностранецъ, но и такіе добросовѣстные русскіе ученые, какъ Ивановъ и Надеждинъ. Даже у П. А. Лавровскаго, при всемъ его пристрастіи къ Фотію, онъ является далеко не безупречнымъ по своему характеру. Всего-же откровеннѣе высказался о немъ никогда не кривившій душой и не утаивавшій никакой правды Хомяковъ.

«Тяжела, говоритъ онъ, была борьба для патріарха, избраннаго безъ сомнѣнія противозаконно и обезчещеннаго союзомъ съ развратомъ и мерзостями византійскаго двора...» «Человѣкъ бездушный и презрительный не менѣе самихъ папъ во всемъ, что касалось до его личнаго властолюбія, великій и правый во всемъ, что касалось до общихъ законовъ церкви»,—вотъ безпристрастный выводъ Хомякова о Фотіи (Соч. Хомякова, IV, 634—35).

Въ желаніи окружить знаменитаго патріарха сіяніемъ, будто-бы подобающимъ ему на равнѣ съ нашими первоучителями, низводимыми въ положеніе какъ будто-бы только исполнителей его плановъ, обнаруживается такое подобострастіе относительно грековъ, которое право стоитъ подобострастія передъ западомъ. Но въ другой юбилейной статьѣ культъ эллинизма зашелъ и еще далѣе. «Кириллъ и Меѳодій греки навѣрно менѣе удобны и симпатичны католикамъ, чѣмъ Кириллъ и Меѳодій славяне», говорится тутъ. «Для насъ въ этомъ знаменательномъ фактѣ греческаго происхожденія славянскихъ апостоловъ заключается весь смыслъ ихъ великаго подвига на пользу славянства. Чтобъ... облаготворить одинаково всѣ племена славянскія, надо было прежде всего стать выше всякихъ узко-племенныхъ стремленій и задачъ, всякихъ... чувствъ мѣстнаго патріотизма... Люди вполнѣ удовлетворяющіе... этимъ уловіямъ могли оказаться только у ближайшихъ высоко-культурныхъ православныхъ

---

[1]) Въ подлинникѣ безъ курсива.

сосѣдей славянъ на югѣ, у образованныхъ грековъ и болѣе ни у кого!» (Варш. Меѳод. Сборн., статья К. Я. Грота, стр. 4, 7—8).

Такими людьми однако-же оказались въ свое время апостолы совершенно, разумѣется, независимо отъ своей еврейской народности, а единственно въ силу того, что были учениками Христа и приняли въ видѣніи огненныхъ языковъ св. Духа. Такими оставались и ближайшіе ихъ послѣдователи, отцы первыхъ вѣковъ церкви, по происхожденію принадлежавшіе прямо даже къ варварскимъ народамъ. Но вѣдь они-то, эти отцы, какъ справедливо напоминалъ покойный Терновскій, на самомъ дѣлѣ и становились вдохновеннѣйшими провозвѣстниками той правды Христовой, съ которой долго боролась именно въ лицѣ греко-римлянъ унаслѣдованная ими отъ классической старины житейская мудрость. Она такъ и не уступила вполнѣ, какъ въ Римѣ, такъ и въ Византіи, «буйству» слова Христова и «пьянству» благодати св. Духа,—что справедливо и поставлено было на видъ въ нѣкоторыхъ юбилейныхъ статьяхъ совершенно иного пошиба, появившихся въ одномъ изъ нашихъ духовныхъ журналовъ.

«Не одни только латиняне, сказано тутъ, а также и греки держались треязычной ереси; въ этомъ случаѣ они совсѣмъ не отличались тою терпимостью, какую обнаруживала церковь въ древнѣйшія времена своего существованія. Уже въ VI столѣтіи существовали на этотъ счетъ нѣкоторыя ограниченія; греческій языкъ признавался господствующимъ языкомъ богослуженія, а другіе языки допускались лишь въ частныхъ службахъ. Въ палестинской лаврѣ св. Саввы, въ которой, при разнородности обитателей, должна была сильно ощущаться потребность богослуженія на разныхъ языкахъ, признавался языкомъ литургіи языкъ греческій, а другіе языки, какъ армянскій, допускались только въ частныхъ псалмопѣніяхъ и чтеніи евангелія. Ко времени дѣятельности Кирилла и Меѳодія монополія греческаго языка, какъ языка богослужебнаго, на востокѣ усилилась, что очевидно сильно затрудняло проведеніе дѣла первоучителей». («Странникъ», апрѣль, стр. 605).

Къ тому-же, какъ извѣстно, приходилъ въ своей исторіи православныхъ церквей и проф. Голубинскій, научнымъ образомъ обосновавшій то, что давно уже сказывалось въ дальнозоркомъ чутьѣ Погодина. Да вѣдь правду сказать, достаточно и одного черноризца

Храбра съ его нелишенными славянскаго лукаваго простодушія «отвѣтами о письменахъ», т. е. письменахъ славянскихъ, чтобы въ тѣхъ горделивыхъ умникахъ, отъ которыхъ отстаивалъ онъ эти письмена уже въ X-мъ вѣкѣ, разглядѣть прямыхъ предковъ того пресловутаго фанаріотства, которое ознаменовало и еще ознаменовываетъ себя ревнивымъ истребленіемъ всего славянскаго. Но къ этимъ предкамъ фанаріотовъ вовсе не принадлежали, по выраженію того-же духовнаго журнала, «два мужа... отстранившихся отъ исключительнаго служенія единой греческой церкви, сохранившихъ до конца извѣстную независимость: одинъ проникнутый духомъ любви Христовой ко всему міру, ко всѣмъ племенамъ и языкамъ, любившій и знавшій самые языки языковъ, миссіонеръ универсальнѣйшій въ самыхъ своихъ задаткахъ (Кириллъ), другой—сама мудрость жизни, мужъ, суровыми подвигами аскетизма выработавшій въ себѣ особую силу характера ...мужъ дѣла твердаго, выносливаго (Меѳодій)... Какая богатая школа практики и какая высокая школа къ выработкѣ терпимости!... Требовалось не обращеніе въ христіанство, не прививка его первыхъ началъ... требовалось нѣчто большее—утвержденіе вѣры, приспособленіе ея къ особенностямъ національной жизни, какъ желало того славянство («Странникъ», стр. 665).

Въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству паннонскихъ житій, послы отъ славянскихъ князей говорили въ Царградѣ, что есть у нихъ проповѣдники латинскіе и проповѣдники греческіе, но ни тѣхъ, ни другихъ они не понимаютъ. Имъ нужно было того-же, что дано было въ день Пятидесятницы всѣмъ и что вызвало въ каждомъ радостное недоумѣніе: «како мы слышимъ кійждо свой языкъ нашъ, въ немъ-же родихомся». Вотъ на это-то и были давно готовы откликнуться наши святые братья.

«Вы видите здѣсь, говорится въ томъ-же духовномъ журналѣ, тотъ-же вѣковѣчный вопросъ, что̀ въ христіанствѣ общаго и народнаго, и тотъ-же отвѣтъ, что во Христѣ Іисусѣ *нѣсть еллинъ, ни іудей... ни варваръ, ни скиѳъ, ни рабъ, ни свободь*... Великіе просвѣтители славянскихъ племенъ были величайшими проповѣдниками вселенскости, но это не была механическая вселенскость... а именно идея *братства* народовъ *въ свободѣ единаго христіанства*, въ свободномъ союзѣ *церкви*,—братства, которое и дается подвигомъ

и трудомъ *народовъ*, въ твердомъ началѣ духовной *самостоятельности* и въ свѣтѣ *единой* истины» («Странникъ», 673—674) [1]).

О той-же великой идеѣ единства въ разнообразіи должны были намъ напомнить и похороны, которые такъ скоро послѣдовали за свѣтлымъ праздникомъ 6-го апрѣля. Почти въ одинъ день со святымъ Меѳодіемъ—7-го числа—не стало Н. И. Костомарова. Утромъ 6-го ему еще напомнили о томъ, какой это праздникъ, и лучъ сознанья еще промелькнулъ у него на лицѣ. Дѣло въ томъ, что съ именами нашихъ первоучителей связывалось и самое начало поприща того человѣка, который умиралъ во время великаго всеславянскаго праздника. Мы можемъ теперь свободно вспоминать объ

---

[1]) Пріятно замѣтить, что въ томъ же Варшавскомъ Меѳодіевскомъ Сборникѣ, гдѣ помѣщены статьи А. С. Будиловича и К. Я. Грота, оказывается и статья Ѳ. Ѳ. Зигеля, также бывшаго слушателемъ В. И. Ламанскаго и моимъ, статья, гдѣ встрѣчаемся мы со взглядами, чуждыми всякаго подобострастія передъ Византіею. «Общеизвѣстно, говорится тутъ, стремленіе Карла Великаго и его преемниковъ подчинить себѣ сосѣднихъ славянъ; распространеніе христіанства давало только подходящій предлогъ къ завоевательнымъ войнамъ, а духовенство въ новообращенныхъ славянскихъ земляхъ дѣлалось надежною опорою иноземнаго владычества. Но и Византія въ этомъ отношеніи немногимъ уступала Франкамъ. Стоитъ только вспомнить нежеланіе константинопольскаго патріарха дать новокрещеннымъ болгарамъ епископа... политику греческаго духовенства послѣ завоеванія Болгаріи между 1018 и 1186 гг. (подробности, прибавлю отъ себя, можно найти у проф. Голубинскаго), чтобы придти къ убѣжденію, что и въ Византіи распространеніе христіанства считалось только средствомъ къ поглощенію славянъ. Если Византія дѣйствовала менѣе послѣдовательно и успѣшно, то причина заключается... въ сравнительной слабости, а не въ отсутствіи желанія. Такимъ образомъ на славянскій міръ, раздробленный и извѣрившійся въ самомъ себѣ, наступали съ запада и юга двѣ грозныя организованныя силы, глубоко убѣжденныя въ своемъ умственномъ превосходствѣ и полныя презрѣнія и ненависти ко всей славянской расѣ... Въ этотъ критическій для славянства моментъ и начинается дѣятельность солунскихъ братьевъ. Прекрасно образованные и проникнутые любовью ко всему человѣчеству, они стояли неизмѣримо выше всего духовенства какъ западной, такъ и восточной имперій. Между тѣмъ, какъ главы будущихъ обѣихъ церквей уже начинали свои препирательства изъ за догматическихъ тонкостей, между тѣмъ какъ властолюбіе и корыстолюбіе разжигали между ними ненависть, Кириллъ и Меѳодій, далекіе отъ всевозможныхъ постороннихъ цѣлей, несли христіанскую проповѣдь къ арабамъ, хазарамъ, славянамъ. Имъ не замѣчалось подготовлявшееся распаденіе церквей; они доказали своею жизнію, что ихъ идеаломъ было единство христіанства». (Варшавскій Меѳодіевскій Сборникъ, статья г. Зигеля, стр. 3—6).

этомъ роковомъ началѣ его поприща, потому что нѣсколько лѣтъ спустя наступила совершенно иная пора, та великая историческая пора Александра II, послѣ которой, что-бы тамъ ни было, не можетъ уже повториться то, что было съ Костомаровымъ. Да, что-бы ни было, а уже не бывать такому сожженію по приговору ученаго трибунала, какому подверглась первая магистерская диссертація Костомарова—диссертація объ уніи, въ которой тогда предосудительнымъ, вѣроятно, показался даже прибранный къ ней эпиграфъ:

О Боже мій нескончений!
Дивитися горе,
Що тепера на симъ світи
Вира виру боре.
О Боже мій нескончений!
Що ся теперъ стало?
Усе вира, усе вира,
А милости мало [1]).

На томъ-же началѣ широкой терпимости основывалось и общество, нѣсколько позже задуманное Костомаровымъ и отчасти уже осуществлявшееся въ Кіевѣ, общество, ставшее для него окончательно роковымъ, потому что въ тѣ невозможныя болѣе времена предосудительною могла показаться и печать Костомарова, которую приняли за печать общества, такъ какъ на ней значилось: «и уразумѣете истину и истина свободитъ вы» (Іоанна VIII, 32). Вотъ съ этимъ-то обществомъ и связаны были имена нашихъ первоучителей, цѣлью-же общества было достиженіе славянской взаимности. Самъ покойный историкъ счелъ возможнымъ еще при жизни сообщить о немъ свѣдѣнія въ «Кіевской Старинѣ» 1883 г. и сообщить ихъ настолько подробно, что въ неизданныхъ запискахъ его, хранящихся у вдовы Николая Ивановича, сказано почти тоже самое. Въ обществѣ этомъ, по словамъ Костомарова, вообще отвергалось іезуитское правило объ освященіи средствъ цѣлями. Далѣе-же, какъ онъ выражается, desiderata общества заключались вотъ въ чемъ:

[1]) Подробности этого дѣла можно найти въ автобіографической запискѣ Н. И. Костомарова, напечатанной въ майской книжкѣ «Русской Мысли» на 1885 годъ (стр. 205 и слѣд.).

1) Освобожденіе славянскихъ народностей изъ подъ власти иноплеменниковъ.

2) Организованіе ихъ въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ федеративной ихъ связи между собою.

3) Уничтоженіе всякаго рабства въ славянскихъ обществахъ, подъ какимъ-бы видомъ оно ни скрывалось.

4) Упраздненіе сословныхъ привиллегій и преимуществъ, всегда наносящихъ ущербъ тѣмъ, которые ими не пользуются.

5) Религіозная свобода и вѣротерпимость.

6) При полной свободѣ всякаго вѣроученія употребленіе единаго славянскаго языка въ публичныхъ богослуженіяхъ всѣхъ существующихъ церквей (нужно-ли пояснять по поводу этого пункта, что единый славянскій языкъ въ богослуженіи—этотъ камень преткновенія, столь наглядно выказавшійся на велеградскомъ праздникѣ—неизбѣжно ведетъ, какъ это и понимаютъ въ Римѣ, къ единству вѣроисповѣданія).

7) Полная свобода мысли, научнаго воспитанія и печатнаго слова.

8) Преподаваніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народностей.

«Этимъ собственно, добавилъ покойный историкъ, и ограничились тогдашнія наши *desiderata*. Нѣкоторыя изъ нихъ были приведены въ исполненіе, другія намѣчены и частію совершены императоромъ Александромъ II» [1]).

Когда тамъ на югѣ, въ стольномъ Кіевѣ, о старой славѣ котораго, какъ блестящемъ прологѣ къ русской исторіи, такъ сочувственно говорилъ въ одной изъ самыхъ первыхъ своихъ статей Ю. Ѳ. Самаринъ, когда тамъ, въ позже такъ названной Малороссіи или Украйнѣ, начертаны были эти пункты всеславянскаго кирилло-меѳодіевскаго братства, тогда въ другомъ, гораздо позднѣйшемъ историческомъ средоточіи Руси, въ Москвѣ все болѣе и болѣе обрисовывалась школа такъ называемыхъ славянофиловъ и вела, такъ сказать, съ высоты Кремля, насколько это тогда оказывалось возможнымъ, войну съ такъ называемыми западниками. Если-бы тогдашняя Костомаровская программа не была изъята изъ употреб-

---

[1]) «Кіевская Старина» 1883 г., февраль, стр. 226—227.

ленія, а дошла до Москвы въ своемъ подлинномъ видѣ, не должны ли-бы были, чтобъ быть послѣдовательными, согласиться съ нею тогдашніе, т. е. первоначальные наши славянолюбцы,—я разумѣю Кирѣевскихъ, Хомякова, Константина Аксакова и Юрія Самарина? Думаю, что смѣло можно отвѣтить: «да». Но согласятся-ли съ нею славянофилы теперешніе?—Будемъ надѣяться [1]).

---

[1]) Особыя подробности о тогдашнемъ славянскомъ обществѣ можно найти въ автобіографической запискѣ, продиктованной Н. И. Костомаровымъ Н. А. Бѣлозерской. «Пріѣхали мы въ Кіевъ на 1-й день Рождества (1845 г.); тутъ-то впервые явилась мысль о созданіи общества, которое-бы имѣло цѣлью распространеніе идеи славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ народовъ, на основаніи полной свободы и автономіи народностей.

Однимъ изъ основныхъ правилъ общества было вербовать въ члены людей подготовленныхъ, а идеи распространять, гдѣ можно.

Въ январѣ 1846 года я началъ читать лекціи по русской исторіи въ кіевскомъ университетѣ и, по своей увлекающейся натурѣ, не знавшей золотой середины, предался имъ всею душой. Полною жизнью жилось мнѣ въ то время. Идеи основаннаго мною общества поглощали меня до фанатизма. Я распространялъ ихъ, гдѣ могъ: съ каѳедры между студентами, въ частныхъ разговорахъ между профессорами университета и даже въ духовной академіи. Идеи общества быстро пошли въ ходъ. Однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ распространителей ихъ былъ Пильщиковъ, имѣвшій сильное вліяніе на молодежь какъ своимъ умѣніемъ обращаться съ нею, такъ и своею честною личностью.

Въ 1846 году пріѣхала матушка, и я поселился съ нею на Крещатикѣ. Къ этому-же времени относится мое знакомство съ Т. Шевченкомъ, которое совершилось необыкновенно быстро. На другой-же день мы говорили другъ другу «ты». Когда я сообщилъ Шевченку о существованіи общества, онъ тотчасъ изъявилъ готовность пристать къ нему; но отнесся къ его идеямъ съ большимъ задоромъ и крайнею нетерпимостью, что послужило поводомъ ко многимъ спорамъ между мною и Шевченкомъ.

Въ концѣ года пріѣзжалъ въ Кіевъ Савичъ (братъ профессора с.-петербургскаго университета)... и я завербовалъ его въ общество... Онъ измѣнилъ планъ своего путешествія и вмѣсто Парижа рѣшилъ ѣхать въ славянскія земли для распространенія идей общества (члены его съѣхались въ Кіевъ на зиму и постоянно собирались то у того, то у другаго). 28 декабря 1846 года было роковымъ днемъ... Собрались мы на квартирѣ Гулака... Шевченко и я горячились, мечтали о томъ, какъ разростается общество; Шевченко... выражался не совсѣмъ цензурно о существующемъ порядкѣ...» (тутъ-то и подслушали и донесли) (стр. 212).

О томъ, что ожидало Костомарова въ Петербургѣ, при допросахъ въ бывшемъ III отдѣленіи, мы узнаемъ, между прочимъ, слѣдующее изъ той же его записки:

Костомаровская программа вполнѣ выражала идею единства въ разнообразіи. Только соблюдая ту свободу жизни, которая и сказывается въ разнообразіи, единство будетъ оставаться тою чисто духовною, ненасильственною связью, какую и можетъ лишь допускать красугольная въ настоящемъ славянофильствѣ «правда внутренняя». Со смертью основныхъ, первоначальныхъ славянофиловъ, постигшею ихъ какъ разъ передъ наступленіемъ столь желаннаго ими для освобожденія крестьянъ, мало по малу въ ихъ ученіе о «правдѣ внутренней» стали проникать кое какія позаимствованія у «правды внѣшней», со свойственнымъ ей принудительнымъ началомъ единства, уже не щадящаго жизненныхъ разновидностей. Вотъ съ этою-то порою совпало окончательное развитіе возобновившейся съ новымъ царствованіемъ литературной дѣятельности Костомарова. Оставаясь вполнѣ вѣрнымъ себѣ, онъ, со своими южнорусскими единомышленниками, не то чтобы «давалъ, какъ оно кажется г. Кояловичу, большее значеніе славянскому единству, чѣмъ русскому» [1]), а понималъ это *русское* единство точно такъ-же, какъ и *славянское*, т. е. подъ условіемъ сохраненія всѣхъ входящихъ въ него разновидностей. При томъ подмѣнѣ внутренняго единства внѣшнимъ, который былъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ постороннихъ подмѣсей къ ученію умершихъ славянофиловъ, недоразумѣнія между тѣми, кто считалъ себя ихъ преемниками, и бывшими основателями кіевскаго кирилло-меѳодіевскаго общества все болѣе и болѣе обнаруживались. Вотъ эти-то недоразумѣнія и приводили южныхъ славянолюбцевъ къ осо-

---

«Орловъ подалъ мнѣ руку и сказалъ: очень радъ познакомиться съ вами, г. профессоръ! Мы имѣемъ объ васъ отличные отзывы, но къ сожалѣнію, у васъ нашли вещь очень преступную; намъ сообщено содержаніе: *вы толкуете о соединеніи славянскихъ народовъ противъ деспотизма!* Вѣдь, за это эшафотъ! Это не вы!... вы должны выдать намъ мерзавцевъ!...

— Не можете-ли вы изложить письменно, сказали далѣе Костомарову, что знаете о скрытыхъ цѣляхъ этого общества и вообще что знаете о славянствѣ?

Меня отвезли назадъ и я написалъ цѣлую диссертацію о славянахъ, цитировалъ Шафарика и другихъ славянскихъ ученыхъ. Диссертацію эту отнесли къ Дубельту, и онъ вскорѣ позвалъ меня къ себѣ.

— Зачѣмъ вы написали это?—спросилъ Дубельтъ.—Это годится для ученыхъ, а не для насъ. Это, мой добрый другъ, все поэзія, а васъ надобно отправить въ крѣпость на всю жизнь». (Русская Мысль 1885 г., май, стр. 212 и слѣд.).

[1]) Кояловичъ, Исторія Русскаго Самосознанія.

баго рода сдѣлкамъ съ такъ называемыми западниками, хотя послѣдніе по прежнему видѣли для насъ мало проку отъ общенія съ этимъ, будто какимъ-то особымъ, а въ сущности только отсталымъ славянскимъ міромъ. Но то и были именно только *сдѣлки*, и одному изъ главныхъ участниковъ того журнальнаго стана, къ которому по волѣ судебъ примкнулъ покойный Николай Ивановичъ, еще недавно пришлось, трактуя со своихъ культурныхъ высотъ о такомъ чудакѣ, какъ К. Аксаковъ, почти совсѣмъ обойти знаменитую рѣчь о немъ Костомарова. И въ самомъ дѣлѣ, въ этой рѣчи сказалось во многомъ такое согласіе съ только что схороненнымъ тогда знаменитымъ славянофиломъ, что г. Пыпину волей неволей приходилось скрывать эту невольную, но очевидную ересь своего сотрудника. Припомнимъ хоть слѣдующія слова этой рѣчи:

«Петровская реформа оторвала государственную сторону нашего національнаго быта отъ народной, привлекла къ первой, въ противорѣчіе съ послѣднею, образованность, поставила стѣну между классами народа и одну большую половину съ старою жизнію его отбросила за предѣлы развитія и исторіи, другую-же повела къ подражанію иноземщинѣ...»

«Русская мысль и съ нею русская наука... хотѣла было обратиться къ покинутой, отвергнутой, презрѣнной старой народности, когда западные учители позволили ей уважать то, что сдѣлалось достояніемъ черни, да не давалась ей эта народность, какъ отвергнутая Татьяна Онѣгину, когда презрѣвши деревенскую дѣвушку, онъ началъ на нее глядѣть иными глазами, коль скоро другіе стали уважать въ ней знатную барыню» (Рѣчь о К. Аксаковѣ).

Но вѣдь и позже Костомаровъ высказывалъ многое, вовсе не подходившее къ направленію того органа, въ которомъ онъ всего больше участвовалъ. Вспомнимъ хоть слѣдующее:

«Какъ въ глубокой древности древлянскіе послы говорили Ольгѣ, что ихъ послала земля, такъ въ смутное время московскаго государства... московскіе послы подъ Смоленскомъ говорили полякамъ, что ихъ послала земля съ своимъ приговоромъ и они сами могутъ быть только слѣпыми исполнителями ея воли... Не смотря на самодержавную власть царей, они сами все еще иногда питали уваженіе къ землѣ, собирали земскія думы и желали знать мысль и волю земли, которою управляли. Только съ преобразованіемъ Россіи на

западный образецъ забылось значеніе земли, подъ вліяніемъ новой бюрократіи, не имѣвшей съ землей ничего общаго по роду происхожденія» (« Начало единодержавія » —статья помѣщенная въ Вѣстникѣ Европы 1870 г., №№ XI и XII) [1]).

Если такой убѣжденный западникъ, какъ Бѣлинскій, почему-то хорошо отозвался о Костомаровскомъ « Саввѣ Чаломъ », то онъ уже совершенно иначе отнесся къ нему потомъ. Послѣ сожженія первой диссертаціи Костомарова ученымъ трибуналомъ за вольнодумство, вторая его диссертація подверглась со стороны знаменитаго критика глумленію—за выборъ такого нестоющаго просвѣщеннаго вниманія предмета, какъ народная словесность [2]).

Вполнѣ послѣдовательный въ своемъ увлеченіи западомъ Бѣлинскій, года два спустя, т. е. въ 1845 г. приводилъ слова Савельева Ростиславича: «когда настанетъ судъ исторіи, тевтонскій міръ отдастъ славянамъ все, что взято», и затѣмъ съ увѣренностью отвѣ-

---

[1]) Многимъ изъ мнимыхъ единомышленниковъ, конечно, не очень понравится и то, что только что напечатано въ автобіографической запискѣ Костомарова:

« Въ Ровно я сталъ непріязненно относяться къ полякамъ помѣщикамъ и къ жидамъ: бесѣдуя постоянно съ народомъ, я имѣлъ много случаевъ убѣдиться, какъ страшно бѣденъ и забитъ народъ на Волыни. По выѣздѣ оттуда, русскіе помѣщики, по сравненію съ польскими, казались мнѣ почти гуманными людьми, и самый народъ, по мѣрѣ приближенія къ Великороссіи, казался мнѣ болѣе живымъ и крѣпкимъ » (Русская Мысль 1885 г., май, стр. 209).

[2]) Въ своей автобіографической запискѣ самъ Николай Ивановичъ вспоминаетъ: « Бѣлинскій написалъ, что народныя пѣсни—такой предметъ, который можетъ занимать людей, которымъ нечѣмъ заняться или которые неспособны заняться чѣмъ либо другимъ, и съ презрѣніемъ отозвался о диссертаціи, называя ее потокомъ словъ » (Русская Мысль, май, стр. 206). Но замѣчательно также и отношеніе тогдашняго ученаго міра не только къ первой, но и къ этой второй диссертаціи Костомарова. Нѣкоторые изъ профессоровъ не хотѣли признавать ее, припоминаетъ онъ, такъ какъ самый предметъ диссертаціи казался страннымъ, неученымъ. Профессоръ филологіи Протопоповъ до конца остался при этомъ мнѣніи и даже Артемовскій-Гулакъ, хорошо знавшій по малорусски, долго спорилъ и насилу согласился. За меня особенно заступился преподаватель всеобщей исторіи Лунинъ, безспорно одинъ изъ лучшихъ и достойнѣйшихъ русскихъ профессоровъ того времени. Онъ говорилъ, что въ моей диссертаціи проводится настоящій взглядъ на исторію, что для исторіи всего дороже народный голосъ, выраженіе народнаго чувства и мысли. Слова Лунина многимъ показались дикими! « Хороша исторія! — говорили они.—Кому нужно знать, какъ чувствуетъ паробокъ или дивка? ».

чалъ на это: «что именно взято и кѣмъ, желательно-бы знать. Но кажется этого и самъ порицатель не вѣдаетъ» (Бѣл. IX, 437). Еще позже, въ 1847 г., въ отвѣтъ на замѣчаніе Ю. Ѳ. Самарина, что и на западѣ люди безпристрастные начинаютъ обращать сочувственное вниманіе на славянскій міръ, Бѣлинскій замѣтилъ:

«Если Сандъ избрала предметомъ своего сочиненія гуситскую войну, это могло произойти безъ всякаго отношенія къ важности или неважности славянскаго вопроса, а напротивъ именно оттого, что гуситская война—событіе чисто европейское, западное, католическое, славянскаго тутъ—только національное происхожденіе дѣйствователей да безплодный для нихъ исходъ героической впрочемъ борьбы. Когда дѣло борьбы взяло на себя германское племя, реформа восторжествовала надъ католицизмомъ» (Бѣл. XI, 360).

При всей своей гуманности Бѣлинскій такимъ образомъ отказывался понять, не смотря на то, что знаменитая западная писательница клала это прямо въ ротъ, все великое общественное значеніе безплодной гуситской борьбы, а равно и совершенное перерожденіе ея съ тѣхъ поръ, какъ плодоносно взялось за борьбу германское племя; точно также, при той-же своей гуманности, онъ не хотѣлъ понять глубоко соціальнаго смысла упрековъ Луи-Блана Вольтеру за его презрѣніе къ народу и съ ужасомъ восклицалъ по поводу ихъ: «святители! да это Шевыревъ» [1]).

Между тѣмъ, тамъ на «хохлацкомъ» югѣ, такъ докторально осмѣянномъ со своимъ гопакомъ и жупаномъ, тѣмъ-же Бѣлинскимъ, Шевченко пишетъ въ 1845 г. свою, къ несчастью не дошедшую до насъ поэму «Янъ Гусъ» и снабжаетъ ее сохранившимся, къ счастью, посвященіемъ «славному Шафарику». Тутъ тотъ-же самый тевтонскій міръ, который является у Бѣлинскаго въ качествѣ какой-то оклеветанной невинности, рисуется уже въ иномъ совершенно видѣ, а этому безполезному славянскому міру съ его, какъ казалось Бѣлинскому, героическими неудачниками гуситами, творческимъ воображеніемъ украинскаго поэта предвозвѣщается то чудо воскресенія мертвыхъ, о которомъ такъ вызывственно поэтически каждогодно гла-

---

[1]) Замѣчательно, что въ той-же своей автобіографической запискѣ Костомаровъ, слушавшій Шевырева въ Москвѣ, называетъ его лучшимъ тогда изъ профессоровъ московскаго университета.

сить намъ пророчество Іезекіиля, за чудной заутреней великой субботы. Позволю себѣ привести основныя черты изъ этого посланія Шафарику. Оно должно быть понятно намъ всѣмъ и въ подлинномъ языкѣ Шевченка малорусскомъ съ нѣкоторою примѣсью языка церковно-славянскаго, т. е. Кирилло-Меѳодіевскаго:

Запалылы у сусида
Нову добру хату
Сусидэ зли.—Нагрилыся
Та и полягли спати
И забули теплый попилъ
По полю розвіять...
А на давнимъ пожарыщи
Искра братства тлила—
Дотливала, дожидала
Рукъ твердыхъ та смилихъ...
И дождалась.—Прозривъ еси [1])
Въ попели глубоко
Огонь добрый, смилымъ сердцемъ,
Смилымъ орлимъ окомъ
И засвитывъ, любомудре,
Свиточъ правды, воли
И славянъ симью велыку
Во тми и неволи
Переличивъ до одного—
Переличивъ трупы
А не славьянъ. И ставъ еси
На велыкихъ купахъ,
На розпутти всесвитнёму
Іезекіилемъ!—
И, о дыво! трупы встали,
И братъ зъ братомъ обнялися
И проговорили
Слово тыхои любови
На вики и вики,

---

[1]) Прозрѣлъ еси—обращеніе къ Шафарику.

И потекли въ одно море
Славянскіи рики.
Слава тоби, любомудре,
Чеху славьянине,
Що не давъ ты потонути
Въ нимецькій пучини
Нашій правди!...

. . . . . .

Привитай-же въ своій слави
И мою убогу лепту—думу немудрую
Про чеха святого...
Про славнаго Гуса;
Пріими, отче,—а я пишкомъ
Богу помолюся,
Щобъ уси славьяне стали
Добрыми братами
И сынами сонця правды
И еретыками—
Оттакими, якъ Констаньскій
Еретыкъ велыкій!—
Миръ мірови подарують
И славу во вики.

Шевченко не даромъ назвалъ Гуса *еретикомъ*. Онъ дѣйствительно еретикъ передъ тѣмъ западнымъ міромъ, которому поклонялся Бѣлинскій. Но такимъ его признавалъ у насъ не только латинствующій Крижаничъ, такимъ считали его и думавшіе быть совершенно въ сторонѣ отъ Рима старинные русскіе люди, въ сознаніе которыхъ однако невозможнымъ образомъ проникалъ тотъ-же Римъ черезъ близкую къ намъ византійскую, т. е. восточную *Римскую* имперію. Гусъ, этотъ представитель вѣроисповѣднаго права *народа,* такой-же еретикъ передъ всѣмъ вообще греко-римскимъ міромъ, какъ и наши первоучители, представители вѣроисповѣднаго права *народовъ*. Въ сущности та борьба, которая ведется не со вчерашняго дня яко-бы на вѣроисповѣдно-христіанской почвѣ между западомъ и востокомъ, есть не что иное, какъ борьба междоусобная, а такая борьба всегда отличается особенною непримиримостью. Наши первоучители съ одной, Гусъ съ другой стороны стоятъ

между этими, ведущими междоусобную брань, западомъ и востокомъ, одинаково наслѣдовавшими, хотя и въ различныхъ видахъ слишкомъ многое отъ греко-римскаго дохристіанскаго государства. Наши первоучители и Гусъ находятся между ними, т. е. одинаково въ сторонѣ отъ обоихъ, потому что пребываютъ на чисто-христіанской безпримѣсной почвѣ, принадлежать *церкви*, какъ любилъ говоритъ Хомяковъ, просто *церкви*, подъ которою разумѣлось у него вселенское православіе. Конецъ междоусобной войнѣ положится только тогда, когда обѣ стороны перейдутъ наконецъ на эту, отъ нихъ независимую, въ самомъ дѣлѣ *церковную почву*. Тогда-то окажется наконецъ «едино стадо и единъ пастырь»,—пастырь не въ видѣ ни міродержавнаго папы, ни міродержавнаго кесаря, а въ прямомъ и подлинномъ смыслѣ зовущаго всѣхъ въ единеніе Духа Божія. Вотъ что представлялось въ духовномъ видѣніи и вдохновенному мыслителю славянофилу, когда, становясь и вдохновеннымъ пѣвцомъ, онъ взывалъ:

О братія! плѣнъ тяжелый духа,
Постыдный плѣнъ мы разорвемъ,
Всей силой нравственнаго слуха
Призывъ нашъ внутренній поймемъ!
Духъ братства, кроткій, величавый,
Духъ мира снова воскресимъ,
И скажемъ свѣту слово славы
Еще не слыханное имъ! [1]).

Ор. Миллеръ.

---

[1]) Стихи К. С. Аксакова.

АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ.

1580 (?)—1653 г.

(Историко-біографическій очеркъ).

I.

Адамъ Григорьевичъ изъ Брусилова Кисель Низкиницкій происходилъ изъ небогатаго дворянскаго рода сѣверо-западной Волыни, гдѣ ему принадлежало во владимірскомъ повѣтѣ имѣніе Низкиничи съ селищами Коневичами и Подгайцами [1]). Онъ былъ первымъ и единственнымъ представителемъ фамиліи, достигшимъ сенаторскаго званія и вліятельнаго положенія въ Рѣчи Посполитой. Не имѣя выдающихся знатностью предковъ за время принадлежности края Литвѣ и Польшѣ, тѣмъ болѣе кичился Адамъ Григорьевичъ предками болѣе древними, хотя и не засвидѣтельствованными документально,—русскими боярами кіевскаго великокняжескаго періода. При каждомъ удобномъ и даже почти неудобномъ случаѣ поминалъ онъ своего родоначальника, кіевскаго «воеводу» Святолда или Свентолдича, утверждая, что «потомки его покорились Болеславу лишь послѣ того, какъ родоначальникъ ихъ, которому поручена была защита Кіева, палъ въ самыхъ вратахъ города» [2]), и возводя такимъ

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. 6, стр. 635.

[2]) Nie pierwey posteritas Boleslao cessit, aż pierwey in porta ipsa, powierzony sobie maiąc Kiiów, przodek poległ.—Памятники, изданные кіевскою

образомъ начало своего рода ко времени нашествія на Кіевъ короля Болеслава Храбраго въ качествѣ союзника Святополкова противъ Ярослава, въ 1018 году. Современники этому вѣрили или по крайней мѣрѣ подавали видъ, что вѣрятъ, ибо въ ту эпоху всѣхъ одинаково обуревала страсть возводить начало своихъ родовъ ко временамъ самой отдаленной древности. Происхожденіе Киселей отъ Святолда признавалось даже оффиціально, и въ королевской грамотѣ 5 февраля 1646 г., которою возводится Адамъ Григорьевичъ въ званіе кіевскаго каштеляна, говорится объ «именитомъ и стародревнемъ родѣ Свентолдичей-Киселей, ведущемъ начало отъ русской княжеской фамиліи и подчинившемся польскому государству еще при королѣ Болеславѣ Храбромъ» [1]). Быть можетъ, существовало на самомъ дѣлѣ и передавалось въ родѣ Киселей какое-либо преданіе о переселеніи ихъ предковъ въ польскіе предѣлы въ это далекое время, когда Болеславъ, уходя предъ Ярославомъ изъ Кіева, «възма имѣнье и бояры Ярославлѣ и сестры его... и людій множьство веде съ собою» [2]), такъ что еще четвертъ вѣка спустя, когда женился въ 1043 г. на сестрѣ Ярослава король Казиміръ, то «вдасть за вѣно людій 8 сотъ, еже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава» [3]). Въ прибавочномъ прозвищѣ Святолдича не отказывали Адаму Григорьевичу даже столь скупые на всякіе титулы и величанія московскіе бояре въ своей съ нимъ перепискѣ [4]). Перешло это прозвище и связанное съ нимъ преданіе въ малороссійскія хроники XVIII вѣка, гдѣ встрѣчаемъ такія, напримѣръ, выраженія, какъ: «Адамъ Кисель, славнаго рода Святолда, бывшаго въ лѣто 1128 (sic) русскаго гетмана, фамиліантъ» [5]). Вошло оно и въ польскія геральдическія сочиненія тѣхъ-же временъ; такъ, Пѣсецкій

комісіею, т. I, отд. 3, № 7. Русскій переводъ этого мѣста въ Памятникахъ совершенно неправиленъ, также какъ и текстъ въ изданіи Гельцеля, Jakuba Michałowskiego Księga pamiętnicza, стр. 29: «posteritas Bolesława».

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 402.

[2]) Лаврентіевская лѣтопись подъ 1018 годомъ; Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. V, стр. 132.

[3]) Тамъ-же подъ 1043 г.; Полное собраніе, т. V, стр. 138.

[4]) Акты южной и западной Россіи, т. III, №№ 124, 128 (письма путивльскаго воеводы князя Долгорукаго); № 160 (отъ бояръ изъ Москвы).

[5]) Краткое описаніе Малороссіи (Лѣтоп. Самовидца по изданію 1878 г.), стр. 237.

говоритъ, что «кіевскій староста Кисель погибъ во время осады поляками этого города, когда онъ былъ подчиненъ еще русскимъ князьямъ. Позже, когда завоевали русскій край короли польскіе, Кисели всегда выступали въ качествѣ вѣрныхъ защитниковъ этого (т. е. польскаго) отечества». Любопытна у Нѣсецкаго легенда о происхожденіи самаго имени Киселей и началѣ ихъ герба, который пожалованъ имъ, по легендѣ, «самодержцемъ русскимъ Владиміромъ, около 1040 (sic) года, военачальнику Свентолдичу за удачную военную хитрость. Печенѣги, приступивъ къ Кіеву, не могли взять его тѣсной осадой и стремительнымъ нападеніемъ, ибо упорно и мужественно защищалъ его вѣрный военачальникъ Свентолдичъ. Видя, что города взять невозможно открытой силой, непріятель задумалъ принудить его къ сдачѣ голодомъ и для этого заступилъ всѣ пути, откуда только могли ожидать жители подвоза припасовъ. Свентолдичъ, понявъ намѣренія печенѣговъ, велѣлъ вырыть двѣ ямы, наполнить одну мукою, другую водой, и заквасить изъ этой муки тѣсто; когда напекли изъ него хлѣба, онъ велѣлъ метать его въ непріятельскій лагерь. Пораженные этимъ печенѣги, видя, что не могутъ побѣдить кіевлянъ ни силой, ни голодомъ, отчаялись въ успѣхѣ и отступили отъ города. За такую находчивость Владиміръ далъ Свентолдичу гербъ, а Киселемъ прозванъ онъ отъ квашенія (kiszenia) хлѣба» [1]). Не трудно узнать въ этой легендѣ искаженное преданіе начальной русской лѣтописи объ осадѣ печенѣгами Бѣлгорода въ 997 году; искаженіе крайне неудачно, ибо для печенія хлѣба, чтобы метать его къ врагамъ, не было никакой надобности заквашивать его въ нарочно для этого вырытыхъ ямахъ. По лѣтописной-же редакціи, эта подробность получаетъ опредѣленный смыслъ, и весь разсказъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ имени Киселей. Когда истощались уже у осажденныхъ съѣстные припасы, научилъ ихъ одинъ «старецъ» (т. е. почетный старикъ, одинъ изъ старѣйшинъ города) вырыть два колодца; въ одинъ поставили кадь съ «цѣжью» (жидкимъ сырымъ тѣстомъ), а въ другой съ медовой сытою, дали печенѣгамъ «талей» (заложниковъ), пригласили ихъ десять человѣкъ въ городъ и здѣсь говорили имъ: «Что можете створити намъ? Имѣемъ бо кормлю отъ землѣ: аще ли не вѣруете,

---

[1]) Korona Polska, т. II (по изданію 1738 г.), стр. 519.

да узрите своима очима». Затѣмъ при нихъ черпали изъ колодцевъ цѣжь и сыту, варили *кисель*, угостили имъ приглашенныхъ, отослали еще черезъ нихъ «корчагу цѣжи и сыты» печенѣжскимъ князьямъ, которые тоже варили и ѣли кисель. Это убѣдило ихъ въ безплодности осады Бѣлгорода, отъ котораго они и отступили [1]). Весьма вѣроятно, что именно этотъ лѣтописный разсказъ послужилъ первымъ поводомъ пріурочить происхожденіе фамиліи Киселей къ данному случаю и ко временамъ великаго князя Владиміра, впослѣдствіи-же непосредственный поводъ пріуроченія былъ забытъ и осталась только традиція о началѣ ихъ рода изъ кіевскаго княженія X—XI столѣтія.

Въ литовскомъ періодѣ наиболѣе раннее упоминаніе о Киселяхъ, отрывочное и недостаточно опредѣленное, относится къ первой трети XV вѣка: въ указанной грамотѣ 1646 г. упоминается Кисель Александръ, находившійся въ войскѣ короля Ягелла и павшій въ сраженіи его съ великимъ княземъ литовскимъ Свидригайломъ; Нѣсецкій къ этому добавляетъ, что мать Александра была урожденная княжна Четвертинская и что сыну его, имя котораго неизвѣстно, за отцовскія заслуги пожалованы королемъ имѣнія Низкиничи и Дорогиничи.

Свести представителей рода Киселей въ родословную таблицу представляется возможнымъ только съ конца XV—начала XVI ст., когда встрѣчаются о нихъ болѣе многочисленныя упоминанія, по большей части уже документальныя. Въ помѣщаемой таблицѣ мы ограничиваемся поколѣніемъ, жившимъ и дѣйствовавшимъ одновременно съ Адамомъ Григорьевичемъ, т. е. не заходимъ далѣе его сверстниковъ; Костомаровъ говоритъ, правда, объ участіи въ событіяхъ того времени и племянника его (безъ имени), но это не подтверждается современными документами, а упоминаемые историкомъ «Богдана Хмельницкаго» факты относятся въ нихъ къ брату Адама Николаю. Почти всѣ приводимыя здѣсь лица упоминаются у Нѣсецкаго, съ поясненіемъ ихъ генеалогическихъ отношеній, поэтому на него въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не ссылаемся, указывая только упоминанія другихъ источниковъ. Итакъ

---

[1]) Полное собраніе лѣтописей, т. I, стр. 55; т. V, стр. 123.

1. Никита (Кисель); извѣстенъ только по именованію сына его Никитичемъ. По принадлежавшимъ его сыну имѣніямъ, происходилъ въ прямой линіи отъ упомянутаго выше Александра и, судя по хронологическимъ даннымъ, приходился ему внукомъ, а можетъ быть и непосредственно сыномъ.
2. Тихно, земянинъ волынскій; дворянинъ королевскій при Жигимонтѣ I; упоминается въ волынской метрикѣ подъ 1528 г. (Нѣсецкій); женатъ на Гулевичевнѣ, вторая-же жена его Мышчанка, т. е. изъ фамиліи Мышка; въ 1545 году владѣлъ Низкиничами и Дорогиничами и домомъ во Владимірѣ [1]). 1
3. Димитрій, убитъ въ сраженіи съ татарами подъ Сокалемъ, т. е. въ 1519 году [2]). 2
4. Петръ, городничій витебскій 2
5. Гнѣвошъ, полковникъ въ государствованіе Жигимонта I; въ 1545 году былъ наиболѣе крупнымъ изъ совладѣльцевъ имѣній Хрѣнова и Чернева; убитъ въ сраженіи съ москвитянами подъ Оршей, т. е. въ 1568 году [3]); жена его Тризнянка (т. е. изъ фамиліи Тризна) 2
6. Янъ 4
7. Илья 4
8. Николай, Кисель-Дорогиницкій (? такъ у Нѣсецкаго), владѣлецъ имѣнія Гуцци, земскій витебскій писарь, въ 1647 году депутататъ сеймовый и избранъ былъ въ назначен-

[1]) Памятники, т. IV, отд. 2, стр. 24, 41, 113, 147.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 402.

[3]) Тамъ-же и Памятники, т. IV, отд. 2, стр. 17. Около того-же времени, въ 1552 году, упоминается еще Кисель Александръ, въ кіевскомъ воеводствѣ; ему принадлежала часть имѣнія Поринскаго, домъ въ городѣ Овручѣ, а другой въ замкѣ, также и двѣ замковыя городни. Нѣсколько позже, во время присяги на люблинскую унію 1569 года, во владимірскомъ повѣтѣ жилъ Кисель Андрей, а братаничи (т. е. сыновья брата) его, Григорій и Тимохъ, проживали при матери въ Литвѣ. По послѣднему указанію, ихъ можно принимать за сыновей Петра, въ такомъ случаѣ Андрей—четвертый сынъ Тихна. Родовое-же положеніе Александра совершенно неясно. Архивъ юго-западной Россіи, ч. IV, т. 1, стр. 36, 37, 41, 49; Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, т. I, стр. 21, 25.

ную сеймомъ коммисію для разграниченія округовъ велижскаго, усвятскаго и невельскаго [1]); впослѣдствіи подсудокъ земли витебской, наконецъ подкоморій дерптскій; былъ въ плѣну на Москвѣ, будучи взятъ при сдачѣ Витебска осенью 1654 года; женатъ былъ на Грудзинской. 4

9. Маріанна 4

10. Анна, въ первомъ бракѣ за Витебскимъ земскимъ писаремъ Гуркомъ, во второмъ за Громадскимъ 4

11. Григорій, подстолій владимірскій; отличался въ московскихъ войнахъ (Нѣсецкій). Самое раннее документальное упоминаніе о немъ, по тяжебному дѣлу съ владѣльцами сосѣдняго села Дегтева,—въ 1577 году. При Стефанѣ Баторіѣ былъ польнымъ писаремъ (т. е. секретаремъ штаба); тяжело раненъ въ сраженіи подъ Улой. Въ 1581 году жилъ уже на родинѣ: на завѣщаніи князя Курбскаго въ числѣ свидѣтелей подписался «Григорій Кисель Низкиницкій». Безъ всякаго еще титула подписался онъ на другомъ документѣ, въ 1588 году. Съ 1593 же и до 1613 года встрѣчаемъ его неизмѣнно въ выборной должности земскаго владимірскаго подсудка. Кромѣ Низкиничъ, другія его имѣнія не упоминаются, равно какъ не попадалось намъ упоминаній о немъ позже 1613 года [2]). Женатъ былъ, по Нѣсецкому, который ошибочно принимаетъ двухъ Киселей этого имени, на Ѳедорѣ Иваницкой. 5

12. Янъ, отъ котораго идутъ Кисели-Дорогиницкіе. Въ 1594 году подписалъ въ качествѣ свидѣтеля листъ Кирилла Терлецкаго на имѣніе луцкаго епископства Водирады во владимірскомъ повѣтѣ, объ отдачѣ его въ аренду Станиславу Кандыбѣ [3]) 5

---

[1]) Volumina legum, по изданію 1860 г., т. IV, стр. 60, § 64.

[2]) Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, т. I, стр. 200; Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. 1, стр. 91, 373, 468; ч. I, т. 6, стр. 320, 325. 328, 391, 413; ч. III, т. 1, стр. 44, 47, 51, 402; ч. VI, т. 1, стр. 198.

[3]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. 1, стр. 431.—Этотъ самый документъ подписалъ также Александръ Кисель-Дорогиницкій, но родового отношенія его къ предыдущему опредѣлить невозможно, если не признать его за одно лицо съ упоминаемымъ ниже (№ 23) сыномъ Яна, которому въ такомъ случаѣ въ

13. Адамъ-Францишекъ, первый изъ рода принялъ унію и построилъ базиліанскій монастырь въ Витебскѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ вышедшими изъ терпѣнія православными извѣстный ихъ преслѣдователь Іосафатъ Кунцевичъ, недавно канонизованный, въ качествѣ мученика, папою Піемъ IX. Въ сеймовой конституціи 1690 года, подтверждающей эту «недавнюю» фундацію, названъ однимъ только именемъ Адама [2]). 8
14. Петръ 8
15. Михаилъ 8
16. Самуилъ, хорунжій витебскій 8
17. Адамъ, которому и посвящена настоящая статья . . . 11
18. Николай, хорунжій новгородсѣверскій. Въ 1626 г., въ хоругви брата своего Адама, участвовалъ въ сраженіи противъ шведовъ и былъ тяжело раненъ пулею въ голову. Вѣроятно, принималъ непосредственное участіе въ усмиреніи козацкаго возстанія Павлюка подъ Боровицею: по крайней мѣрѣ, данный козаками 24 декабря 1637 г. присяжный листъ о покорности, явленъ 20 февраля 1638 года для внесенія въ актовыя книги Николаемъ Григорьевичемъ, уже въ приведенномъ выше званіи. Былъ посломъ на сеймахъ въ 1638, 1641, 1645, 1648 годахъ, а въ 1650 году избранъ маршалкомъ на сеймикѣ черниговскаго воеводства. Въ 1638 и 1641 году его избирали въ сеймовую коммисію по разграниченію воеводствъ кіевскаго съ черниговскимъ, въ 1646 г. по опредѣленію границъ съ московскимъ государствомъ и для ревизіи пріобрѣтенныхъ отъ Москвы по поляновскому договору имѣній. Въ 1649 г. былъ посланъ комиссаромъ къ козакамъ и былъ съ братомъ въ Переяславѣ у Хмельницкаго; во время збаражской осады

1647 году, во время московскаго посольства, слѣдуетъ дать не менѣе 74 лѣтъ, ибо для подписи документа онъ долженъ былъ быть уже совершеннолѣтнимъ.

[2]) Volumina legum, изданіе 1860 года, т. V, стр. 401, § 26. При этомъ освобождены отъ всѣхъ повинностей въ пользу войска находившіяся въ его владѣнія деревни: Жеребцяи, Пурызы и Яшкевичи, зъ озеромъ и рч. Селявицей, принадлежащія къ королевскимъ имѣніямъ и уступленныя Киселемъ новому кляштору.

начальствовалъ собственной хоругвью и участвовалъ въ неудачномъ парламентерствѣ Зацвилиховскаго къ Хмельницкому. Въ 1650 году получилъ, по уступкѣ отъ брата (т. е. съ вѣдома и согласія короля), староство черкасское. Тогда-же ѣздилъ единолично въ Чигиринъ для переговоровъ съ Хмельницкимъ. Въ 1651 году, при осадѣ козаковъ въ Винницѣ, былъ убитъ во время штурма, а по другимъ, болѣе точнымъ, извѣстіямъ, попалъ со своею хоругвью на устроенныя нарочно Богуномъ прорубы на р. Богу, гдѣ и утонулъ. Костомаровъ ошибочно распредѣляетъ относящіеся къ этому лицу факты между двумя лицами, считая новгородсѣверскаго хорунжаго племянникомъ Адама, брата-же его почему-то именуетъ Юріемъ [1]) . . 11

19. Петръ 12

20. Матвѣй; слѣдуетъ еще добавить: 12

21. Павла и 12

22. Гавріила, убитыхъ въ 1636 году, въ сраженіи со шведами подъ Гнѣвомъ (Möwe), гдѣ они были въ хоругви Адама Григорьевича [2]). 12

23. Александръ, подстолій черниговскій; посолъ на сеймѣ въ 1637 году, избранъ депутатомъ въ радомскій трибуналъ; въ 1647 году снова членъ сейма, избранъ комиссаромъ по проведенію границъ съ московскимъ государствомъ; участвовалъ въ посольствѣ Адама на Москву [3]).

Этими сверстниками Адама воеводы закончимъ его родословіе, добавляя лишь еще одну геральдическую подробность. Гербъ Киселей, изображенный на изданномъ въ іюльской книжкѣ «Кіевской

---

[1]) Богданъ Хмельницкій, см. въ указателѣ при III томѣ; Памятники, т. I, отд. 3, стр. 234, 312, 314, 316, 320, 328; т. II, отд. 3, стр. 50, 56; Архивъ юго-западной Россіи, ч. II, т. 1, стр. 284, 315; ч. III, т. 1, стр. 367; Jak. Michałowskiego Księga, стр. 259, 272, 451, 811, 815; Лѣтопись Грабянки, стр. 70. Vol. leg., т. III, стр. 449, § 42; т. IV, стр. 16, § 61; 45, § 5 и 6; Twardowski, Woyna domowa, стр. 68; «Кіевская Старина», 1882 годъ, февраль, стр. 377 (Дневникъ Освѣцима).

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 403.

[3]) Vol. leg., т. III, стр. 434, § 4; Акты южной и западной Россіи, т. III, № 120, стр. 116.

Старины » портретѣ, совершенно сходенъ съ описаніями его у древнихъ геральдиковъ по рисунку, но не по краскамъ. Окольскій, а за нимъ и Нѣсецкій, говорятъ, что шатеръ въ гербѣ не «зеленый въ желтомъ полѣ», какъ изображено на портретѣ, а пестрый, бѣлый съ чернымъ, поле-же красное; на верху шатра не крестъ, а золотой шаръ; надъ щитомъ «темный шаръ съ золотыми обручами» —это обычный геральдическій шлемъ.

II.

Годъ рожденія Адама Григорьевича съ точностью намъ неизвѣстенъ; судя же по тому, что въ 1648 г. онъ жаловался на свою старость, а также по участію его въ первомъ походѣ королевича Владислава на московское государство и въ южной арміи Жолкевскаго подъ Бушей, т. е. въ 1617 г., рожденіе его слѣдовало-бы отнести къ послѣднему десятилѣтію XVI вѣка [1]). Но по упоминанію самого-же Киселя въ письмѣ отъ 31 (21) мая 1648 г. къ примасу Андрею Лубенскому о томъ, что свою примирительную политику относительно козаковъ онъ позаимствовалъ отъ Жолкевскаго, можно заключать, что онъ служилъ подъ начальствомъ послѣдняго въ Украйнѣ еще до шведской и потомъ московской войны, такъ какъ съ этой поры утихаютъ козацкіе безпорядки,—т. е. въ послѣдніе годы XVI ст. Въ такомъ случаѣ рожденіе его придется отодвинуть къ *семидесятымъ* годамъ того-же вѣка, не позже во всякомъ случаѣ 1580 г. Ссылка Киселя на авторитетъ Жолкевскаго [2]) очень важна, и мы должны будемъ ниже воспользоваться ею подробнѣе.

Послѣ неудачи подъ Бушей, Кисель сопутствовалъ Жолкевскому подъ Орынинъ (1619 г.) и къ гибельной для Жолкевскаго Цецорѣ (1620 г.) Потомъ онъ участвовалъ въ хотинскомъ походѣ (1621 г.) и продолжалъ служить подъ начальствомъ гетмановъ великихъ Ходкевича и Конецпольскаго, сначала, какъ человѣкъ небогатый, «худопахолокъ», служилъ только «почтомъ», т. е. съ

---

[1]) Памятники кіевской коммисіи, т. I, отдѣлъ 3, № 7; Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. I, стр. 404; Буша нынѣ Яруга, мѣстечко могилевскаго уѣзда подольской губерніи, надъ Днѣстромъ.

[2]) Michał. Księga, стр. 30; Памятники, т. I, отд. 3, № 7.

нѣсколькими товарищами (poczet). Но шесть лѣтъ спустя, въ несчастной битвѣ противъ Густава-Адольфа, подъ Гнѣвомъ, онъ уже начальникъ хоругви, въ которой служатъ его родичи; изъ нихъ, какъ упомянуто, раненъ его родной братъ и убито два двоюродныхъ. Объ этомъ вспоминаетъ черезъ двадцать лѣтъ король Владиславъ, говоря, что самъ онъ былъ очевидцемъ мужественнаго поведенія Адама въ бою [1]).

Не знаемъ, когда именно умеръ Григорій Гнѣвошевичъ; но именно смерть его, по всей вѣроятности, вызвала Адама домой, въ Низкиничи, для полученія наслѣдственнаго имѣнія и приведенія въ порядокъ дѣлъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ его въ 1631 г. и притомъ безъ всякаго титула, простымъ земяниномъ [2]). Да и некстати было ему отправляться хотя-бы ко двору фанатическаго католика Жигимонта III, отъ котораго ему, какъ православному, трудно было ожидать какихъ либо милостей. Но король умеръ 30 апрѣля 1632 г., едва успѣвши передать только-что вернувшемуся изъ-за границы старшему сыну Владиславу свою наслѣдственную, хотя и фиктивную, шведскую корону. Кисель поспѣшилъ къ знавшему его королевичу, извѣстному религіозной терпимостью. Съ 27 іюня начался «конвокаціонный» сеймъ, задача котораго состояла въ разсмотрѣніи недостатковъ минувшаго правленія, причемъ *неокончательныя* сеймовыя рѣшенія передавались на предварительное разсмотрѣніе мѣстныхъ сеймиковъ, а утверждены могли быть только на «элекційномъ» сеймѣ, назначенномъ на 27 сентября. Самый выборъ короля долженъ былъ окончиться не позже, какъ черезъ шесть недѣль, т. е. до 9 декабря. О нѣкоторыхъ обстоятельствахъ этихъ сеймовъ необходимо упомянуть здѣсь подробнѣе, такъ какъ ими опредѣлилась будущая карьера Адама Григорьевича.

На конвокаціи заявлены были самыя настоятельныя требованія равноправности со стороны утѣсненныхъ при покойномъ королѣ исповѣданій; диссиденты разныхъ сектъ заключили на этотъ разъ политическій союзъ между собою, а затѣмъ и съ православными. Требованія послѣднихъ совпали съ требованіями явившихся на тотъ-же сеймъ козацкихъ пословъ; послѣдніе, кромѣ

---

[1]) См. примѣчаніе 1 и 2 на стр. 58.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. 6, стр. 635.

заступничества за православіе, просили также о возстановленіи ихъ правъ, недавно (1625 г.) ограниченныхъ договоромъ куруковскимъ или на Медвѣжьихъ Лозахъ. Мало того: они даже домогались, какъ люди рыцарскаго званія, допущенія ихъ къ участію въ избраніи короля, что было, конечно, отвергнуто шляхтою съ негодованіемъ. Относительно расширенія правъ даны неопредѣленныя обѣщанія подъ условіемъ вѣрной службы, тоже сказано и о греческой религіи. Почти столь-же малаго успѣха добились и защитники интересовъ православія изъ числа членовъ самого сейма: имъ и разновѣрцамъ обѣщано было новое разсмотрѣніе вопроса на элекційномъ сеймѣ; временно-же, до избранія короля и до сейма коронаціоннаго, пріостановлено было дѣйствіе стѣснительныхъ распоряженій прошлаго царствованія какъ противъ «разновѣрцевъ», такъ и противъ православныхъ, особенно противъ ихъ высшей іерархіи, возстановленной безъ участія и вопреки волѣ правительства и католическаго большинства; *обѣщано* было даже возвращеніе имъ епископскихъ каѳедръ, занятыхъ уніатами, равно многихъ монастырей и церквей, даже учрежденіе новыхъ епархій въ Бѣлой Руси. И все же, хотя постановленія конвокаціоннаго сейма не имѣли, какъ сказано, никакой окончательной силы, католическіе прелаты, подписывая эдиктъ каптуровый, т. е. установленіе порядка управленія во время безкоролевья, добавляли къ подписи оговорку, что они соглашаются на все изложенное «безъ нарушенія цѣлости правъ римско-католической церкви» [1]). По другому извѣстію, духовные сановники, въ видѣ уступки, рѣшились измѣнить формулу: «безъ нарушенія правъ моей епархіи» [2]). Останавливаемся на этомъ эпизодѣ въ виду его высокой важности для дальнѣйшихъ событій. Здѣсь впервые козачество, корпорація сословная, выступаетъ на *легальную* защиту интересовъ не сословныхъ вовсе, а общенародныхъ, выступаетъ не одно, какъ это было въ 1625 г., а въ союзѣ съ православною частью дворянства. На этой почвѣ,—хотя только на этой,—

[1]) Z zastrzeżeniem całości praw Rzymsko-katolickiego kościoła.—Piasecki, по изданію Бартошевича въ польскомъ переводѣ, стр. 363. У Костомарова (по рукописи), Монографіи т. IX, стр. 97, въ латинской формулѣ нѣтъ слова Romanae, но именно оно возбудило позже протестъ.

[2]) Костомаровъ, тамже, стр. 99: salvis juribus diocesiae meae.

оно необходимо сближалось съ православнымъ русскимъ дворянствомъ, по совпаденію требованій, что и не замедлило выразиться на ближайшемъ сеймѣ, а еще больше впослѣдствіи.

На элекційный сеймъ козаки выслали снова пословъ, съ заявленіемъ тѣхъ-же требованій о возстановленіи прежнихъ правъ (въ сущности никогда не упроченныхъ положительнымъ закономъ), съ письмомъ къ королевичу Владиславу, въ которомъ они предлагаютъ поддерживать его кандидатуру всѣми силами, и съ повтореніемъ просьбъ о возстановленіи правъ церкви православной, нарушенныхъ уніею. Имъ отвѣтили снова совершенно неопредѣленно, съ выговоромъ за неумѣстныя для шляхты выраженія и за «необычность» данной имъ отъ козачества инструкціи вообще.

Но послѣдній пунктъ козацкихъ просьбъ энергично поднятъ былъ и въ самомъ сеймѣ. Особенно выдѣлились здѣсь, какъ искусные защитники интересовъ православія, Воронич, Древинскій (извѣстный съ этой стороны и раньше, волынскій чашникъ, Лаврентій) и *Адамъ Григорьевичъ Кисель*, избранный теперь въ число «кантуровыхъ» судей, т. е. на время безкоролевья. Онъ переносилъ вопросъ съ почвы церковной на чисто политическую, доказывалъ, что декретами Жигимонта III противъ православныхъ 1627—1630 гг. нарушаются свобода и равноправность православныхъ шляхтичей (chodzi tu nie o wiarę, ale o miarę), ясно этимъ опредѣляя характеръ своихъ воззрѣній. При несомнѣнной своей набожности и преданности исповѣданію предковъ, онъ поворачивалъ вопросъ такъ слишкомъ круто въ видахъ парламентской тактики, употребляя современное выраженіе. Но въ то же самое время ясно обрисовывается передъ нами гордый сознаніемъ своей принадлежности къ господствующему въ Рѣчи Посполитой сословію представитель олигархіи, своего рода civis Romanus новаго времени, которому сословныя и политическія его прерогативы дороги если не въ большей, то въ одинаковой мѣрѣ, какъ и унаслѣдованная отъ предковъ вѣра... Другой изъ защитниковъ православія на этомъ сеймѣ, Древинскій, съ которымъ конечно Кисель имѣлъ предварительныя совѣщанія о распредѣленіи ролей, какъ это бываетъ между членами одной партіи во всякомъ законодательномъ собраніи, ставилъ въ свою очередь вопросъ внѣ обсужденія по существу, а на почву политическую. Кисель говорилъ, что дѣло сейма не богословское, волынскій-же

чанникъ доказывалъ, что оно и не юридическое, ибо права греческаго исповѣданія въ Рѣчи Посполитой основаны не на какихъ либо королевскихъ грамотахъ, а просто на ея древности. Въ этомъ его поддержалъ глава диссидентовъ Криштофъ Радзивилъ, и рѣшено было предоставить дѣло третейскому суду «короля шведскаго» (in partibus), т. е. королевича Владислава, котораго и просили объ этомъ депутаты православныхъ и уніатовъ, безъ участія католиковъ, ибо *формально* споръ шелъ только между двумя первыми исповѣданіями. Владиславъ составилъ особую коммисію изъ двухъ сенаторовъ и четырехъ пословъ, по его личному выбору, и призналъ необходимымъ, согласно заключенію коммисіи, утвердить окончательно данныя православнымъ фиктивно на конвокаціи временныя уступки. Такимъ оборотомъ сеймъ былъ поставленъ въ невозможность отказать въ утвержденіи, и по выборѣ Владислава въ короли онъ могъ дать въ пользу православныхъ дипломъ не отъ себя только лично, въ качествѣ короля, а на основаніи сеймового постановленія, т. е. имѣющій силу закона государственнаго. Дипломомъ этимъ узаконялась православная іерархія, въ 1620 г. возстановленная, но такъ, что ея представителей покойный король не только не признавалъ, а велѣлъ предавать суду; возвращались отъ уніатовъ захваченныя ими епархіи на Волыни и въ Червоной Руси, равно какъ многіе монастыри съ ихъ имѣніями и церкви; разрѣшалось учредить нѣсколько епархій вновь: все это подъ главенствомъ кіевскаго митрополита, посвящаемаго патріархомъ константинопольскимъ и отъ него зависимаго [1]).

Обратимъ теперь вниманіе на связь нѣкоторыхъ историческихъ событій, оказавшихъ непосредственное вліяніе на судьбы лица, которому посвященъ настоящій очеркъ.

Король Владиславъ IV не былъ ни ослѣпленнымъ фанатикомъ, подобно своему отцу, ни столь недальновиднымъ политикомъ, чтобы не видѣть, что разнузданная олигархія шляхты раньше или позже способна привести къ гибели его государство. На первыхъ-же порахъ, когда канцлеръ литовскій Альбрехтъ Радзивиллъ, фанатиче-

---

[1]) Весь ходъ этого дѣла на сеймахъ 1632 г. изложенъ у современника Пясецкаго, стр. 355—383, подробнѣе-же у Костомарова, по рукописямъ Императорской публичной библіотеки, Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 94—112 (изданіе 1884 года).

скій католикъ (тогда какъ его родственникъ, Криштофъ, польный литовскій гетманъ, былъ ревностнымъ кальвинистомъ), отказалъ приложить печать къ диплому православнымъ, король пригрозилъ при первой-же вакансіи назначить канцлеромъ «еретика», и напуганные прелаты сами поспѣшили склонить Радзивилла на уступку. Естественно, поэтому, было ему искать себѣ вѣрныхъ слугъ между некатоликами. Что касается взглядовъ его на шляхетское полновластіе, то онъ ихъ тщательно скрывалъ; извѣстно однако, что задуманная имъ подъ конецъ царствованія война противъ турокъ имѣла заднею мыслію увеличеніе постоянной арміи, съ цѣлью «приборкать» шляхту.

Такимъ образомъ, дѣйствуя въ пользу православныхъ, король не поступалъ противъ совѣсти. Но была тутъ и другая сторона, чисто политическая. Утверждалась іерархія, возстановленная Сагайдачнымъ, вождемъ козацкимъ, удовлетворялись тѣмъ самымъ и новыя ходатайства козаковъ по дѣламъ греческой церкви. Владиславу близко знакомо было козачество, приходившее къ нему на помощь подъ Москву въ 1618 г., въ числѣ 20 тысячъ, а три года спустя, однимъ козакамъ онъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ во время хотинскаго похода 1621 года. Теперь онъ снова нуждался въ козакахъ, ихъ нужно было приласкать, и послы ихъ возвратились съ сейма съ самой милостивой грамотой короля, а что имъ было обѣщано на словахъ гораздо больше сдѣланнаго,—видно уже изъ опасенія повѣрить это бумагѣ, но въ грамотѣ упомянуто: «*Послы ваши подробнѣе скажутъ обо всемъ*» [1]).

Въ то-же время, рядомъ съ козаками, греческую церковь защищало на сеймѣ и многочисленное еще тогда православное дворянство. Особенно энергичнымъ и искуснымъ защитникомъ, рядомъ съ престарѣлымъ уже Древинскимъ, выступаетъ Адамъ Кисель. Естественно ожидать, что именно въ немъ будетъ искать законоправнаго союзника православное козачество, что онъ въ свою очередь будетъ пользоваться у козаковъ авторитетомъ и вліяніемъ. Вотъ это-то обстоятельство и указываетъ въ немъ королю человѣка, который можетъ оказаться очень полезнымъ. Притомъ-же, это homo novus, не своенравный магнатъ, а рядовой шляхтичъ изъ небога-

---

[1]) Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 109—110.

тыхъ; что ни получитъ онъ въ будущемъ, куда ни выдвинется,— всѣмъ будетъ обязанъ лично королю, и нечего опасаться, что примкнетъ онъ, поднявшись выше, въ магнатской оппозиціи противъ короля: хоть-бы онъ даже и захотѣлъ, они его не примутъ, ибо онъ во-первыхъ выскочка, а во-вторыхъ схизматикъ.

Такая цѣпь неизбѣжныхъ послѣдствій извѣстнаго уже намъ ряда фактовъ должна была предначертать будущую дорогу Адама Григорьевича, опредѣлить въ общихъ чертахъ всю его судьбу.

Мы не рѣшились-бы, конечно, изложить всѣхъ этихъ соображеній, если-бы они основывались только на видимой ихъ логической послѣдовательности: это было-бы безплоднымъ гаданіемъ о томъ, что могло-бы случиться, *если-бы*... Но мы основали ихъ на разсмотрѣніи касающихся нашего предмета фактовъ за все послѣдующее двадцатилѣтіе, до самой смерти Киселя, и избрали такую предположительную форму изложенія лишь для того, чтобы яснѣе указать роковую связь этого послѣдующаго съ предъидущимъ, хранившимъ въ скрытомъ видѣ его ростки, которымъ оно, какъ все и всегда на свѣтѣ, заранѣе было въ общемъ уже опредѣлено...

III.

Послѣ коронаціи Владислава IV, въ началѣ 1633 г., Адамъ Григорьевичъ остался при его дворѣ, въ качествѣ «дворянина королевскаго»: такъ назывались тѣ изъ придворныхъ, которые не занимали особыхъ, опредѣленныхъ должностей,—ибо здѣсь были тѣ-же чины, что и коронные, государственные, напримѣръ маршалъ надворный, подскарбій надворный. «Дворянъ», по ихъ обязанностямъ, можно до извѣстной степени сопоставить со свитскими офицерами или даже флигель-адъютантами нашего времени; на нихъ возлагались самыя разнообразныя порученія, ихъ посылали всюду, гдѣ требовалось присутствіе довѣреннаго отъ короля и тѣмъ самымъ авторитетнаго лица. Адаму Григорьевичу на первый-же разъ пришлось выполнить порученіе сколько серьезное, столько-же и щекотливое: ему поручено было отобрать отъ уніатскаго епископа Почаповскаго и передать православному луцкому епископу Александру (Аѳанасію) Пузынѣ, согласно новому диплому, жидичинскую архимандрію съ ея богатымъ монастыремъ, имѣніями

Терниками и Теремнымъ, и церковью Богородицы на предмѣстьи въ Луцкѣ [1]).

Но вслѣдъ затѣмъ ему предстояло дѣло гораздо большей важности какъ въ чисто-политическомъ отношеніи, такъ равно и для него лично.

Московское государство до высшей степени тяготилось деулинскимъ перемирнымъ договоромъ 1618 г., заключить который оно вынуждено было крайнимъ упадкомъ силъ, оставивъ за Польшею захваченныя ею земли сѣверскую, черниговскую, а главное— первостепенную пограничную крѣпость Смоленскъ. Необходимость отдохновенія и устройства внутреннихъ дѣлъ заставляла Москву свято соблюдать ненавистный договоръ: она, подобно Россіи нашихъ временъ, по извѣстному выраженію покойнаго канцлера кн. А. М. Горчакова, «не будировала, но собиралась съ силами». Срокъ деулинскаго перемирія, заключеннаго на четырнадцать съ половиною лѣтъ, истекалъ въ іюнѣ 1633 г. Но смерть Сигизмунда III представилась московскому правительству удобнымъ случаемъ нарушить его раньше, и оно поспѣшило воспользоваться эпохою безкоролевья, надѣясь встрѣтить слабый отпоръ. Была снаряжена большая рать подъ начальствомъ того-же самаго боярина Михайла Борисовича Шеина, который сдалъ Смоленскъ въ 1611 г. и которому представлялась такимъ образомъ возможность загладить давнишнюю неудачу. Шеинъ энергически повелъ осаду и Смоленскъ, не смотря на мужественную оборону коменданта Станислава Воеводзкаго, близокъ былъ къ паденію.

Королю Владиславу IV приходилось собирать войско и спѣшить на выручку осажденнымъ. Немедленно по окончаніи коронаціоннаго сейма, какъ только король возвратился изъ Кракова въ Варшаву, сдѣланы были распоряженія о сборѣ войска къ Оршѣ и заготовкѣ военныхъ припасовъ. Стягивая всѣ наличныя силы на помощь близкому къ паденію Смоленску, королю необходимо было изыскать особыя средства для защиты земли сѣверской. Охрана границъ отъ стороны Путивля возложена была на Киселя. Отпра-

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. VI, т. 1. Жидичинъ, на р. Стырѣ, недалеко отъ Луцка къ сѣверу. У Костомарова (Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 99) архимандрія ошибочно названа Жидичевскою.

вившись въ Запорожье, онъ успѣлъ собрать двадцать тысячъ козаковъ, заставилъ москвитянъ снять осаду Чернигова и затѣмъ, соединившись съ ополченіями брацлавскаго воеводы Лукаша Жолкевскаго, старосты калушскаго и переяславскаго и владѣльца нѣсколькихъ нынѣшнихъ уѣздовъ полтавской губерніи, князя Іереміи Вишневецкаго, вмѣстѣ съ ними вторгнулся въ предѣлы московскаго государства. Задача этихъ войскъ состояла преимущественно въ томъ, чтобы препятствовать сбору въ порубежныхъ мѣстностяхъ новыхъ ополченій противъ главной арміи Владислава, которая наступала къ Смоленску, куда и успѣла прибыть во время, такъ что осаждающіе должны были отступить и перейти въ оборонительное положеніе. Отряды Вишневецкаго, Жолкевскаго и приведенные Киселемъ козаки также дѣйствовали вполнѣ успѣшно. Они опустошали огнемъ и мечемъ путивльскія, брянскія, сѣвскія, рыльскія, курскія, кромскія, карачевскія и болховскія волости московскаго государства [1]).

Война эта, какъ извѣстно, окончилась чрезвычайно успѣшно для Владислава и несчастливо для москвитянъ, въ особенности для Шеина лично. Отбитый отъ города, онъ окопался на приднѣпровскихъ возвышенностяхъ, сохранившихъ донынѣ имя Шеинова кургана, осажденъ былъ здѣсь поляками, и въ концѣ концевъ вся русская рать сдалась 4 февраля 1634 года на капитуляцію. Войскамъ данъ свободный пропускъ, но поляки забрали знамена, болѣе ста двадцати орудій и порохъ, запасы котораго были такъ велики, что еще во время осады города царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1654 году оставалось его 77 боченковъ, да взято гетманомъ Радзивиломъ 80 центнеровъ и разстрѣляно на «виваты» не мало [2]). Шеинъ былъ обвиненъ на Москвѣ въ измѣнѣ и осужденъ на смерть. Результатомъ его несчастнаго похода былъ договоръ «вѣчнаго докончанья», на рѣчкѣ Поляновкѣ, по которому Москва закрѣпляла за Польшей черниговскую, сѣверскую и смоленскую земли, даже со сдачею не взятыхъ еще городовъ, какъ Дорогобужа, Бѣлаго

[1]) Всѣ эти подробности изъ грамоты королевской, самаго-же Владислава. 1646 года. Архивъ юго-западной Руссіи, ч. III, т. 1, стр. 403—404.

[2]) Собраніе актовъ, изданіе виленской археографической коммисіи (1858 г.). стр. 51. 102.

и др., самые титулы «князя смоленскаго, черниговскаго» исключены у царя, а присвоены королю во всѣхъ дѣловыхъ бумагахъ съ московской стороны. Владиславъ-же съ своей стороны уступилъ Москвѣ одинъ звукъ пустой,—онъ отрекся отъ титула «нареченнаго царя московскаго» [1]). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что своими успѣхами Владиславъ въ весьма значительной степени обязанъ былъ диверсіи со стороны сѣверскаго пограничья, въ томъ числѣ Киселю съ его козаками.

И онъ это понялъ, и оцѣнилъ всю важность содѣйствія ему тѣхъ-же силъ въ будущемъ, если представится въ нихъ надобность. Адаму Григорьевичу пожалованъ былъ на ленномъ правѣ городъ Кобыщъ и Козаргродъ въ новообразованномъ черниговскомъ воеводствѣ, здѣсь-же дано ему богатое староство Носовское, и скоро мы видимъ его въ должности черниговскаго подкоморія, а главное—ему была поручена ближайшая административная власть надъ козачествомъ, въ непосредственной зависимости отъ великаго коронпаго гетмана, которымъ былъ тогда краковскій каштелянъ Станиславъ Конецпольскій [2]). Дѣятельность Киселя въ качествѣ главнаго комиссара надъ козаками заслужила впослѣдствіи благодарность короля. Но напрасно Костомаровъ полагалъ [3]), будто здѣсь Кисель «выступилъ посредникомъ между козаками и правительствомъ», будто онъ, въ августѣ 1631 г., явился на «вальную» (всеобщую) козацкую раду на рѣкѣ Русавѣ потому только, что узналъ о ея характерѣ, т. е. о допущеніи не однихъ реестровыхъ, но и посполитства, явился по собственному почину, въ качествѣ посторонняго медіатора.

---

[1]) Gołębiowski, Panowanie Władisława Jagełły, стр 11—13, 58—63; Piasecki, Kronika, стр. 390—393, 396—401: Памятная книжка смоленской губерніи на 1864—1865 годъ; Moraczewski, Strożytności Polskie, т. II, стр. 471—473. Одна изъ послѣднихъ грамотъ Владислава съ титуломъ московскаго царя, данная подъ Смоленскомъ въ 1634 г., относится къ Кіеву: подтвержденіе правъ шевскаго цеха на купленный имъ дворъ. Сохранилась въ подлинникѣ; русскій переводъ напечатанъ нами въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1870 года, № 57.

[2]) Королевская грамота 1646 г., Архивъ юго-западной Россіи, отд. III, т. I. стр. 404. Кобыща теперь мѣстечко Козары козелецкаго, а Носовка мѣстечко нѣжинскаго уѣзда.

[3]) Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 124—126.

Нисколько. Кисель присутствовалъ здѣсь въ самой недвусмысленной роли,—онъ былъ прямымъ представителемъ *правительства*. Кромѣ нѣсколько разъ уже цитированной грамоты 1646 года, имѣемъ о томъ свидѣтельство болѣе близкое. Годъ спустя, когда возставшіе подъ главенствомъ Павлюка козаки вынуждены были смириться, то въ присягѣ своей подъ Боровицею они должны были выразить раскаяніе въ убійствѣ своихъ старшинъ, «данныхъ имъ, властію его королевской милости, отъ комиссаровъ: подкоморія черниговскаго Адама изъ Брусилова Киселя, старосты посовскаго, и полковника королевскаго, сына брацлавскаго воеводы, Станислава изъ Потока Потоцкаго». Далѣе въ той-же присягѣ козаки говорятъ, что они уже обращались къ польному коронному гетману черезъ тѣхъ-же лицъ, «господъ комиссаровъ, которые предъ тѣмъ войско (т. е. козацкое) въ порядокъ устроили и старшинъ намъ назначили»[1]).

Мы настаиваемъ на этомъ, повидимому, мелочномъ фактѣ потому, что онъ представляется важнымъ съ нашей, біографической, точки зрѣнія: такой или иной характеръ участія лица въ извѣстныхъ событіяхъ, т. е. частный или оффиціальный, несомнѣнно долженъ быть принятъ во вниманіе при оцѣнкѣ этихъ дѣйствій съ ихъ нравственной стороны. Подробнѣе мы коснемся этого вопроса въ концѣ статьи, здѣсь-же отмѣтимъ только, что такое различіе, въ отношеніи къ Киселю, очень хорошо сознавали современные ему козаки. Они, въ виду соприкосновенія извѣстныхъ точекъ во взглядахъ обѣихъ сторонъ, относились къ нему съ извѣстнымъ сочувствіемъ и довѣріемъ, во всякомъ случаѣ совершенно иначе, чѣмъ къ тѣмъ, кто былъ имъ принципіально враждебенъ по всѣмъ пунктамъ. Король впослѣдствіи ставилъ Киселю въ заслугу, что во время козацкаго возстанія 1637 года онъ поспѣшилъ собрать нѣсколько сотъ человѣкъ войска, присоединился во главѣ этого отряда къ польному гетману Николаю Потоцкому и содѣйствовалъ ему въ подавленіи мятежа. Козаки, конечно, заслугою этого считать не могли; но не считали они такого образа дѣйствій Киселя и виною, не ставили ему этого лыка въ строку: на ихъ взглядъ, въ данномъ случаѣ, по выраженію незнакомой имъ поговорки, каждая изъ сторонъ faisait son métier. Этимъ и объясняется, что

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. I, стр. 368—369.

послѣ пораженія подъ Кумейками и Боровицею, они продолжали защищаться до послѣдней крайности и рѣшились выдать Павлюка съ четырьмя другими предводителями лишь послѣ того, какъ Кисель поручился имъ, что король помилуетъ выданныхъ плѣнниковъ [1]). Очевидно, Кисель пользовался у нихъ большимъ авторитетомъ, хотя и стоялъ въ рядахъ противниковъ.

Зналъ это хорошо онъ самъ, посылая козакамъ свое письмо при гетманскомъ универсалѣ, обѣщавшемъ прощеніе всей ихъ массѣ, если они покорятся и станутъ просить милости. Разсчитывалъ Адамъ и на то, что слово заступничества съ его стороны будетъ имѣть вѣсъ и передъ королемъ. Не принялъ онъ только въ разсчетъ одного: что самъ король въ Польшѣ того времени былъ не болѣе какъ маріонеткой, игрушкою въ рукахъ всесильной шляхты. На собравшемся въ февралѣ 1638 года сеймѣ послы проявили крайнее ожесточеніе противъ козаковъ, требовали совершенно уничтожить ихъ силою, а Павлюка, въ виду присвоенія имъ какъ-бы самостоятельной царственной власти надъ всей Украйной, порѣшили увѣнчать раскаленной желѣзной короной, давъ ему въ руки раскаленный-же скипетръ. Напрасно было горячее заступничество за нихъ со стороны Киселя. «Они сдались добровольно, говорилъ онъ: я поручился, что Рѣчь Посполитая даруетъ имъ жизнь; иначе они-бы защищались до послѣдней возможности. Если теперь, не смотря на мое поручительство, ихъ казнятъ, то это подорветъ вѣру въ слово не только поручителя, но и довѣрителя, то-есть Рѣчи Посполитой». Протестъ его не былъ уваженъ, и только король отмѣнилъ приготовленный Павлюку съ товарищами варварскій и въ то-же время буфонскій способъ казни, вмѣсто котораго имъ отрубили въ Варшавѣ головы и потомъ взоткнули ихъ на колья [2]).

Такъ подрывала сама шляхта предъ козаками авторитетъ единственнаго замѣтнаго лица изъ своей среды, которое могло имъ пользоваться! Послѣдствія нарушенія обѣщаній отъ имени правительства, данныхъ однимъ изъ признанныхъ его представителей,

---

[1]) Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 418. Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 146.

[2]) Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 155 (по рукописи Императорской публичной библіотеки).

не замедлили обнаружиться въ томъ иначе необъяснимомъ фактѣ, что вслѣдъ за только что полученнымъ тяжелымъ урокомъ, вслѣдъ за жестокими казнями въ лѣвобережной Украйнѣ, которыми Николай Потоцкій думалъ затращать населеніе и сдѣлать его безмольно покорнымъ, немедленно-же вспыхнуто новое народное возстаніе въ еще болѣе грозныхъ размѣрахъ. Связь этихъ двухъ фактовъ такъ рѣзко бросалась въ глаза, что ее тогда-же отмѣтилъ Пясецкій въ нѣсколькихъ лаконическихъ фразахъ. Историкъ этотъ, полякъ и католическій бискупъ, съ полускрытой, но горькой ироніей говоритъ о дѣятельности сейма 1638 года. Разсказавъ о возбужденіи жителей Гданска противъ сеймоваго постановленія о взиманіи и здѣсь пошлинъ съ товаровъ, подобно иностраннымъ портамъ, и о возникшей по этому поводу ожесточенной полемикѣ на письма и въ печати, намекнувъ далѣе о подкупахъ по этому дѣлу, Пясецкій продолжаетъ: «этому дѣлу никогда не пришлось-бы испытать недостатка въ защитникахъ; но не нашлось никого, кто-бы вступился за козаковъ, вождь которыхъ Павлюкъ съ товарищами своего плѣна напрасно ссылался на поручительство за его жизнь, данное черниговскимъ подкоморіемъ Адамомъ Киселемъ, и сложилъ во время этого сейма голову на плахѣ. Отняты всѣ вольности, наданныя обществу польскихъ козаковъ, и мѣстечко Терехтемировъ, а гетманамъ предложено снова отправиться противъ нихъ, перевести со свѣта тѣхъ, которые-бы вздумали сопротивляться приговору сейма, и тогда устроить милицію на новый ладъ. По этому-то козаки въ этомъ старательнѣе позаботились о своей безопасности». Передавъ затѣмъ очень сжато ходъ возстанія Гуни, Остранина и Скидана, историкъ передаетъ, что козаки, осажденные надъ рѣкой Старцемъ, долго не хотѣли вступать ни въ какіе переговоры, *вслѣдствіе несдержаннаго обѣщанія Павлюку* (даннаго Киселемъ) и не соглашались выдать никого изъ своихъ предводителей. Когда-же, наконецъ, имъ поручился самъ гетманъ, что на предстоящемъ сеймѣ имъ будутъ возвращены прежнія вольности, они также согласились до той поры соблюдать во всемъ предписанный имъ Рѣчью Посполитою порядокъ, т. е. куруковскій договоръ. «Но и этихъ обѣщаній имъ не сдержали: ибо когда они, обезпеченные завѣреніемъ въ свободномъ пропускѣ, оставили свой укрѣпленный лагерь и стали расходиться небольшими отрядами по домамъ, королевское войско избило

большую часть ихъ, а права ихъ и привиллегіи погрязли печально въ неопредѣленныхъ сеймовыхъ препирательствахъ» [1]).

По словамъ все той-же грамоты 1646 г., Кисель, послѣ козацкихъ возстаній, «посѣтивъ Запорожье и извѣдавъ всѣ козацкіе способы, предложилъ средства къ удержанію этого войска въ добромъ порядкѣ, которыя привели къ благопріятнымъ послѣдствіямъ». Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что поляки посылали на Запорожье, въ промежуткѣ двухъ возстаній, т. е. въ февралѣ 1638 г., полковника Мелецкаго, въ качествѣ комиссара, съ двумя полками реестровыхъ козаковъ, чтобы выгнать и вывесть оттуда всѣхъ бѣглецовъ и оставаться тамъ для сторожи. Походъ его кончился неудачею, а по его удаленіи здѣсь избранъ былъ въ старшіе Остранинъ. Сопутствовалъ-ли ему, теперь уже безъ званія комиссара, Адамъ Григорьевичъ, или же онъ посѣтилъ Запорожье осенью того-же года, вслѣдъ за усмиреніемъ Остранинова бунта,—во всякомъ случаѣ приведенное мѣсто грамоты указываетъ прямо на него, какъ на иниціатора тѣхъ стѣснительныхъ мѣръ въ отношеніи козачества, какія были введены у нихъ во время рады на Масловомъ-Ставѣ [2]). Въ этомъ убѣждаетъ и самый характеръ принятыхъ мѣръ: главною изъ нихъ, кромѣ перевода главнаго мѣста управленія козачествомъ, а слѣдовательно и артиллеріи, изъ лежащаго надъ Днѣпромъ Терехтемирова, откуда легко было увозить ее по водѣ въ далѣе лежащій Корсунь, было назначеніе козакамъ главнаго начальника и полковниковъ исключительно изъ шляхтичей, а именно такую мѣру предлагалъ Кисель и раньше того [3]).

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Kronika Piaseckiego, стр. 422—423: «Przywileje ich na wątpliwych obradach sejmów nedznie uwisły».

[2]) Теперешнее село Масловка въ каневскомъ уѣздѣ, около мѣстечка Козина и р. Руссавы.

[3]) Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 131, 177.

МАЛОРУССКАЯ ПОХОРОННАЯ ПРИЧЕТЬ
И МИѲИЧЕСКОЕ ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ.

Похоронныя причитанія вводятъ насъ въ область такъ называемыхъ *миѳовъ біологическихъ,* т. е. знакомятъ съ первобытными воззрѣніями на жизнь и смерть. Къ сожалѣнію, этотъ родъ народныхъ произведеній не обращалъ до сихъ поръ на себя должнаго вниманія: не только ученые въ своихъ изслѣдованіяхъ слегка касались ихъ, даже собиратели не давали имъ много мѣста въ своихъ сборникахъ среди другихъ произведеній народнаго творчества [1]). Только въ 1872 г. великорусская похоронная причеть, благодаря трудамъ Е. В. Барсова и содѣйствію общества любителей россійской словесности, явилась на свѣтъ въ полномъ своемъ видѣ и тотчасъ-же обратила на себя вниманіе. Г. Баталинъ на страницахъ Филологическихъ замѣтокъ прямо заявилъ, что «Причитанья» г. Барсова восполнили собою весьма значительный пробѣлъ, существовавшій до тѣхъ поръ въ сборникахъ памятниковъ народнаго творчества [2]). Не смотря на это заявленіе, причитанія не привлекли на

---

[1]) Изъ сборниковъ, въ которыхъ помѣщено нѣсколько образцовъ похоронной причети, можно назвать сборники Рыбникова и Шейна; кромѣ того нѣсколько плачей можно найти въ «Описаніи олонецкой губерніи» г. Дашкова.—Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1841 г., № 12.—Что касается ученыхъ, то въ своихъ изслѣдованіяхъ упоминаютъ о похоронной причети гг. О. Миллеръ, Буслаевъ и др. Объ этомъ подробно сказано у г. Барсова.—«Причитанья сѣвернаго края» т. I, введеніе.

[2]) См. Филологическія Записки 1873 г. т. II, ст. «Народное творчество».

себя особеннаго вниманія и не вызвали попытокъ изслѣдовать представляемый ими матеріалъ. Предположивъ произвести изслѣдованіе похоронной причети въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и посвятить особую статью великорусской похоронной причети [1]), я въ предлагаемой вниманію читателей статьѣ намѣренъ остановиться исключительно на причети *малорусской*, какъ ближайшей сестрѣ причети великорусской.

Если великорусская похоронная причеть нашла, хотя и поздно, своего настоящаго собирателя, то этого отнюдь нельзя сказать о причети малорусской: до сихъ поръ мы не имѣемъ по этой части ничего, подобнаго сборнику г. Барсова; есть только нѣсколько образцовъ малорусской причети въ сборникѣ г. Метлинскаго [2]) и у г. Терещенка [3]). Нельзя не пожалѣть, что г. Чубинскій, имѣвшій возможность собирать малорусскую причеть въ полномъ видѣ, не обратилъ на нее должнаго вниманія. Довольно подробно записавъ различныя повѣрья и обряды, связанные съ смертью, онъ далъ мало образцовъ похоронной причети, руководствуясь, вѣроятно, высказаннымъ имъ соображеніемъ объ однообразіи ея [4]). Такое заключеніе объ однообразіи малорусскаго «голосиння» надъ умершими слишкомъ поспѣшно и составлено по первому впечатлѣнію. Правда, въ каждомъ «голосинни» дѣйствительно *выражается неутѣшная скорбь по умершемъ и нежеланіе жить безъ него на бѣломъ свѣтѣ*. Но, во-первыхъ, не изъ однихъ-же только подобныхъ изліяній состоитъ малорусская похоронная причеть; во-вторыхъ, не эти изліянія составляютъ главное значеніе произведеній этого рода. Вотъ это-то главное въ содержаніи малорусской причети и просмотрѣлъ г. Чубинскій, чего, конечно ему въ вину никакъ нельзя ставить, потому что для этого нужна слишкомъ спеціальная подготовка. Дѣло въ томъ, что среди указаннаго г. Чубинскимъ однообразія изліяній въ мало-

---

[1]) См. Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XIII, стр. 227—231.

[2]) Народныя южно-русскія пѣсни, стр. 292—293.

[3]) Бытъ русскаго народа, ч. III, стр. 87 и др.

[4]) См. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалъ Чубинскаго, т. IV, стр. 697—713. Вотъ его подлинныя слова: обычай «голосинья» надъ умершими принятъ во всѣхъ мѣстностяхъ Малороссіи *и вездѣ отличается своимъ однообразіемъ*. Ibid., стр. 705.

русской причети тамъ и сямъ попадаются *выраженія*, на основаніи которыхъ можно прослѣдить вѣрованія, ведущія свое начало изъ глубокой старины. Эти-то, такъ сказать, оазисы миѳологическихъ вѣрованій, встрѣчающіеся въ марорусскомъ «голосинни», и составляютъ одну изъ важныхъ сторонъ его; они-то и были неполны въ представленныхъ до сихъ поръ образцахъ малорусской похоронной причети. Послѣднее обстоятельство, между прочимъ, побудило меня, не смотря не замѣчаніе г. Чубинскаго объ однообразіи, заняться собираніемъ малорусской похоронной причети съ тѣмъ, чтобы со временемъ (если тому поблагопріятствуютъ обстоятельства) издать ее, какъ существенное дополненіе великорусскихъ причитаній [1]).

Пользуясь отчасти собраннымъ мною самимъ матеріаломъ, отчасти матеріаломъ, даваемымъ другими собирателями, я постараюсь въ настоящей статьѣ указать оставшіеся въ малорусскомъ «голосинни» слѣды вѣрованій, составляющихъ достояніе общеславянское и восходящихъ ко временамъ отдаленнѣйшимъ.

Ни одно изъ явленій міра физическаго, доступныхъ наблюденію первобытнаго человѣка, не производило на него такого глубокаго впечатлѣнія, какъ смерть. Причина этого, по всей вѣроятности, заключается въ той таинственности, которою окруженъ переходъ отъ жизни къ смерти. Въ самомъ дѣлѣ, что доступно было въ этомъ великомъ послѣднемъ актѣ жизненной драмы младенческому уму первобытнаго человѣка?—Одинъ бездыханный трупъ доступенъ былъ внѣшнимъ чувствамъ его, обо всемъ-же остальномъ онъ могъ только гадать.

Всматриваясь въ явленіе смерти и ища разрѣшенія его, человѣкъ прежде всего долженъ былъ остановиться на самомъ актѣ смерти. Его прежде всего поражала рѣзкая перемѣна, происходившая въ организмѣ человѣка: вмѣсто полнаго тепла и жизненной силы организма передъ нимъ лежалъ холодный и неподвижный трупъ покойника. Нужно было подъискать какое либо объясненіе этой первой загадкѣ смерти.

Живя тѣсною жизнью съ природой, понимая ее по аналогіи съ своимъ собственнымъ существованіемъ, человѣкъ естественно,

---

[1]) См. Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, стр. 179 и слѣд.

для разъясненія своихъ недоразумѣній, долженъ былъ обратиться къ этой внѣшней природѣ. Наблюдая въ ней перемѣны дня и ночи и временъ года, онъ не могъ не замѣтить аналогіи между смертью и зимою съ одной стороны, между жизнью и лѣтомъ съ другой. Какъ лѣтомъ, при свѣтѣ и теплотѣ солнца, вся природа полна жизни и дѣятельности, такъ и тѣло человѣка оживляется внутреннею силою, огнемъ, заключеннымъ внутри его; наоборотъ, какъ зимою вмѣстѣ съ исчезновеніемъ солнечной теплоты и свѣта умирала вся природа, такъ и тѣло человѣка съ исчезновеніемъ внутренняго огня лишалось дѣятельности, цѣпенѣло. Отсюда естественнымъ путемъ возникло воззрѣніе, по которому жизнь отождествлялась съ свѣтомъ и солнцемъ, а смерть съ мракомъ и холодомъ [1]). Слѣды этого воззрѣнія, общаго славянамъ и индоевропейцамъ, находимъ и въ малорусской похоронной причети. Мать, оплакивая преждевременную смерть дочери, причитаетъ:

Зашло мое сонечко красное, [2]) т. е. жизнь дочери закатилась, подобно тому, какъ закатывается ежедневно солнце и вся природа погружается въ мракъ.

Съ другой стороны актъ смерти напоминалъ человѣку актъ сна. Отсюда переходъ къ воззрѣнію, что смерть есть сонъ. Подобное воззрѣніе было естественнымъ слѣдствіемъ болѣе ранняго, вышеупомянутаго, воззрѣнія, по которому смерть отождествлялась съ мракомъ [3]). Въ самомъ дѣлѣ, если смерть отождествлялась съ мракомъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была отождествляться и съ сномъ, въ который погружаетъ всю природу зимній мракъ. Указанія на такое отождествленіе смерти со сномъ, встрѣчающееся въ миѳологіяхъ и другихъ народовъ [4]), видимъ мы въ слѣдующихъ выраженіяхъ, съ которыми иногда обращаются къ умершимъ:

---

[1]) См. Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. I, стр. 182; Потебня, О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ, стр. 32.

[2]) Терещенко, Бытъ русскаго народа, ч. III, стр. 90; Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 70.

[3]) Аѳанасьевъ, Поэтическое возрѣніе, т. III, стр. 36—37; Потебня, О миѳическомъ значеніи нѣк. обр., стр. 34, 294—295).

[4]) См. Аѳанасьевъ, ibid., т. III, стр. 36; Шеппингъ, Миѳы славянскаго язычества, стр. 31.

Встань, моя матинко! встань, моя ридненесенька [1]).

Такъ объяснялъ себѣ первобытный человѣкъ актъ смерти. Но человѣческій разумъ въ явленіи смерти долженъ былъ открыть и другую сторону, болѣе внутреннюю. Помимо акта смерти нужно было еще объяснить таинственную силу, производящую самый этотъ актъ; объяснить-же себѣ эту силу младенченское сознаніе народа могло не иначе, какъ представивъ ее себѣ въ какомъ либо видимомъ образѣ. Изъ такихъ видимыхъ образовъ смерти малорусская похоронная причеть сохранила лишь указаніе на образъ смерти: птицы. Вотъ нѣсколько выраженій изъ малорусскихъ плачей, представляющихъ, по моему мнѣнію, слѣды первобытнаго воззрѣнія на смерть:

«Коли буде зозуля кувати, я буду еи питати: чи не бачила моеи неньки ридненькои? Скажи ій, зозуленько, якъ мни тошно, якъ мни гирко безъ неньки жити [2]).

На порози стояла,
Зозуленька кувала,
А я жъ про свого братика
Въ ней питала:
—Чи не бачила мого братика и проч. [3]).

Да соловеечки будуть щебетати, а я буду прислухатись, чи не до мене йде моя вирная дружина на пораду [4]).

Будуть пташками тамъ (т. е. на томъ свѣтѣ) литать, а мы будемо питать: чи не бачили нашои матуси дорогои? [5])

Во всѣхъ приведенныхъ здѣсь мѣстахъ изъ малорусскихъ причитаній птицамъ приписывается способность приносить вѣсти съ того свѣта. Такая способность тѣсно связана съ вѣрою въ вѣщихъ птицъ вообще, такъ распространенною у различныхъ народовъ и представляющею остатокъ глубокой старины [6]). Птицамъ приписывается спо-

---

[1]) Метлинскій, стр. 293; Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV. стр. 701; Терещенко, Бытъ русскаго народа, ч. III, стр. 93).

[2]) Метлинскій, стр. 293.

[3]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 703.

[4]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, стр. 183, № 1.

[5]) Ibid., стр. 184, № 2.

[6]) См. Аѳанасьевъ, т. I, стр. 508; Шерцля, Начало религій и слѣды монотеизма въ язычествѣ, Православное обозрѣніе. 1884 годъ, октябрь. стр. 294—295.

собность предсказывать смерть и приносить вѣсти съ того свѣта потому, что самая смерть представляется въ образѣ птицы. Вотъ почему я и считаю приведенныя выше выраженія малорусской причети за указанія на образъ смерти-птицы. Что касается другаго, болѣе поздняго образа смерти—антропоморфическаго, то въ извѣстныхъ мнѣ образцахъ малорусскихъ плачей нѣтъ указаній на него; но что у малороссокъ этотъ образъ существуетъ, доказываетъ I т. Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи, гдѣ мы находимъ различные антропоморфическіе образы смерти: она представляется то тощею женщиной-старухой, то женой въ бѣлой рубахѣ, съ распущенными волосами, то человѣческимъ скелетомъ, съ косою въ рукахъ [1]).

Умирая человѣкъ теряетъ внутреннюю силу, которая оживляла его. Эта сила называется *душою*. Народъ не могъ оставить безъ вниманія и эту вторую часть человѣческаго существа, имѣющую такое важное для него значеніе. Онъ долженъ былъ высказать свое воззрѣніе и на нее.

Извѣстно, что у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ существуетъ представленіе души въ образѣ вѣтра, на что указываютъ самыя названія души, сохранившіяся въ языкахъ этихъ народовъ [2]). Помимо вѣтра душа представлялась еще въ образѣ дыма или пара, облака, огня звѣзды и пр. Изъ этихъ многочисленныхъ образовъ души малорусское «голосиння» не знаетъ ни одного; есть только весьма незначительные слѣды воззрѣнія, по которому она сближалась съ звѣздою, огнемъ и т. п. Объ этихъ слѣдахъ я скажу ниже, когда поведу рѣчь о воззрѣніи на мѣсто загробнаго міра; а теперь упомяну еще объ одномъ вѣрованіи, весьма распространенномъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и встрѣчающемся въ малорусской причети, вѣрованіи, по которому душа по смерти человѣка можетъ принимать на себя образы различныхъ животнымъ. Изъ всѣхъ имѣющихся у меня подъ руками образцовъ

---

[1]) Ibid., стр. 217—219.

[2]) Сравн. сл. душа, лит. dausa, лат. spiritus, spirare (дуть и дышать), anima, animus, гр. ἄνεμος (вѣтеръ и душа), πνεῦμα и πνέω, ψυχή (=душа) и ψύχειν (=дуть), санкр. âna (душа) и anila (=вѣтеръ) образованы √ an. Такая-же тѣсная связь между понятіями души и вѣтра существуетъ и у народовъ не-индоеврейскихъ. Такъ kum. kih означаетъ и дуновеніе и душу, еврейское nefeš и rûach—вѣтеръ и душу и пр. (См. Шерцая, ibid., стр. 275).

малорусскихъ причитаній я нашелъ указаніе на подобнаго рода вѣрованіе только въ одномъ плачѣ дочери по матери. Плачъ этотъ записанъ въ г. Нѣжинѣ черниговской губерніи.

Дочь спрашиваетъ мать-покойницу, когда она къ ней въ гости прійдетъ и какъ:

Да коли ты до мене въ гости прибудешъ, да чи ты иттимешъ, чи летитымешъ, чи плеститимешъ? *Утонькою плестимешъ, буду ряску розгоняти, зозулею будешъ летиты, сады буду росхиляти, дорогою итимешъ, буду дориженьку промитаты, буду и воритички одчиняты* [1]).

Позволю себѣ сопоставить съ этимъ слѣдующія мѣста изъ плачей великорусскихъ:

Покажись-приди, надежная головушка,
Хоть съ-подъ кустышка приди да сѣрымъ заюшкомъ,
Изъ подъ камышка явись да горносталюшкомъ...
Хоть съ погоста прилети да черной галочкой,
Перелетной покажись да малой пташечкой...
Хоть съ чиста поля явись яснымъ соколомъ,
Со темныхъ лѣсовъ явись сизымъ голубемъ,
Хоть съ глубокихъ озеръ сѣрой утушкой [2]).

Способность оборачиваться, т. е. принимать всевозможные образы, нѣкоторыми изслѣдователями народныхъ произведеній (Афанасьевъ) считалась исключительнымъ свойствомъ мертвецовъ, что едва-ли вѣрно [3]). Оборачиванье-же въ частности въ *утку и зозулю* [4]) разбираемой причети можно объяснить миѳическимъ выраженіемъ вообще въ образѣ птицы-вѣтра [5]). Тутъ такимъ образомъ мы встрѣчаемся съ воззрѣніемъ, по которому душа переходитъ въ вѣтеръ

---

[1]) Записано въ Нѣжинѣ ученицей гимназистской Кл. Пирожниковой.

[2]) Барсовъ, Причитанія, т. I, стр. 19, 19—21; 65, 29—21; 171, 71—74

[3]) См. О. Миллера, Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности, ч. I, стр. 94, примѣчаніе 2.

[4]) О символическомъ значеніи этихъ птицъ въ малорусской поэзіи см. Объ историческомъ значеніи русскаго народнаго права, Н. И. Костомарова, стр. 67 и 84 и друг.

[5]) Въ отдѣльные вѣка язычества молніямъ придавался миѳическій образъ червя, гусеницы, а вѣтрамъ птицы». Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія. Сл. на пр., т. III, стр. 214 и др.

и носится вмѣстѣ съ нимъ, т. е. съ воззрѣніемъ, сотвѣтствующимъ вѣтрамъ Ведъ-*Марутамъ*, въ которыхъ толкователи Ведъ видятъ души усопшихъ [1]).

Одухотворяя всю природу, перенося на нее свои психическіе процессы (антропопатизмъ) и даже формы своей жизни (антропоморфизмъ), первобытный человѣкъ долженъ былъ надѣлить жизнью и бездыханный трупъ. Въ самомъ дѣлѣ, если все окружающее человѣка жило своею жизнью, то отчего-бы также не жить своею особою жизнью и трупу покойника? Сильно развитой у первобытнаго человѣка инстинктъ жизни не мирился съ мыслью о конечномъ уничтоженіи послѣ смерти, и вотъ явилось воззрѣніе, что со смертью жизнь земная не прекращается, но только принимаетъ новыя формы.

На существованіе подобнаго воззрѣнія указываютъ погребальные обряды какъ древнихъ народовъ, такъ и современныхъ дикарей.

Что касается малорусской причети въ частности, то и она сохранила слѣды подобнаго вѣрованія. Прежде всего самое названіе гроба, куда полагаютъ трупъ умершаго, въ малорусскомъ языкѣ весьма характерно. Такъ въ причитаньяхъ гробъ называется *хатой* [2]), иногда съ присоединеніемъ эпитетовъ *смутна* и *не весела*:

Охъ, моя дочечко! Та чого-жъ це ты таку хату забажала, смутну та не веселу [3]). Замѣчательна просьба, съ которой обращаются къ сосѣдямъ и дальнимъ родственникамъ, приглашая ихъ сдѣлать гробъ и вырыть могилу для умершаго. Поздоровавшись, обыкновенно говорятъ: «Прійдить, будьте ласкави, до насъ, та поможете построить моему батькови (чи тамъ матери) *нову хату; не схотивъ у старій жить*. Другое не менѣе характерное названіе гроба—*домовина*.

Изъ указаннаго ясно, что смерть считалась только переходомъ къ новой жизни, или, говоря языкомъ причети, переходомъ въ *нову хату*. Подобнаго рода воззрѣніемъ, очевидно, руководствовались при постройкѣ гробовъ въ древнее время: эти гробы, какъ показали раскопки кургановъ, имѣли видъ домика или шатра, смотря по тому, принадлежитъ-ли курганъ осѣдлому племени, или кочевому [3]).

---

[1]) Ор. Миллеръ, Опытъ .., стр. 94.

[2]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 706.

[3]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, стр. 186, № 1.

[4]) Шейковскій, Бытъ подолянъ, вып. 2, стр. 5.

Если покойникъ переходилъ только въ новый домъ и начиналъ только новую жизнь, то надо было позаботиться, чтобы эта жизнь была спокойна, чтобы въ новомъ домѣ не было ни въ чемъ недостатка. Отсюда возникло обыкновеніе полагать въ гробъ вмѣстѣ съ умершимъ различные предметы. Изъ имѣющихся подъ руками данныхъ мы узнаемъ, что въ Малороссіи въ гробъ кладутъ *деньги*, чтобъ окупить мѣсто [1]), *ладонъ* [2]) и *макъ*, если умершая—старуха, имѣющая внуковъ, «щобъ було чимъ на тимъ свити онукивъ обсыпать, якъ прыйдуть йсти просыть» [3]). Кромѣ того сюда нужно присоединить *поминки* [4]) и причитанья, съ которыми обращаются къ могилѣ: чи чуете вы, мій батеньку и моя матусенько? Чи вамъ тамъ лучче, чи намъ тутечки? [5])

Тоже вѣрованіе сказывается и въ слѣдующихъ вопросахъ, съ которыми обращаются къ умершимъ: доню моя, голубонько! да куды-жъ ты одъ мене одряжаешъся? [6]) или: куды-жъ це ты йдешъ, мене покидаешъ? [7]) Особенно это ясно выражено въ слѣдующихъ словахъ плача матери по дочери: иди, мое дитятко, *въ далеку дорогу* и пр. [8]). Ясно, что трупъ существа близкаго оплакивали; но плачъ этотъ былъ не надъ окончательно погибшимъ, а только надъ *отправившимся въ далекій путь*.

Если живые старались устроить какъ можно покойнѣе жизнь умершихъ въ новомъ жилищѣ, то и умершіе съ своей стороны должны были отвѣчать имъ выраженіемъ благодарности и расположенія. Разъ живые ходятъ къ покойнику на могилу съ различными приношеніями [9]), то и онъ долженъ явиться въ гости къ нимъ. Отсюда съ одной стороны вопросы, которые задаются покойнику почти въ каждомъ плачѣ: изъ якои стороны и коли намъ тебе въ

[1]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 702 и 710.

[2]) Въ борзенскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи, сообщилъ ученикъ И. Локоть.

[3]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 708.

[4]) Труды, т. IV, стр. 710; Терещенко, Бытъ русскаго народа, ч. III, стр. 119—126.

[5]) Терещенко, ibid., ч. V, стр. 30.

[6]) Записано въ Нѣжинѣ ученицей Кл. Пирожниковой.

[7]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, 183, № 3.

[8]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, ibid., стр. 186, № 3.

[9]) См. Радуницы у Терещенка, т. V, стр. 27 и др.

гости ждати?[1]) или: скажы-жъ мени теперъ, коли-жъ ты до мене въ гости прыйденъ? колы-жъ мыни столы застиляти да коли-жъ мыни тебе ждати?[2]), съ другой—вѣра въ возможность передавать поклонъ раньше умершимъ покойникамъ и надежда получать отъ нихъ вѣсточки. Такъ мать, обращаясь къ сыну-покойнику, говоритъ: понеси-жъ ты нашъ поклонъ дидови й баби[3]). Впрочемъ, должно замѣтить, что надежда на полученіе вѣсточки отъ умершихъ родственниковъ часто подрывается въ малорусской причети скептицизмомъ. Вы часто встрѣчаемся съ такими или подобными имъ выраженіями: видтиля не йдуть, письма не шлють й словесно не переказують[3]).

Достаточно, какъ кажется, подкрѣпивъ фактами, взятыми изъ малорусскихъ причитаній, высказанную выше мысль о существованіи въ нихъ вѣры въ продолженіе жизни и за гробомъ, перейду къ воззрѣнію на мѣсто, гдѣ будетъ происходить эта новая жизнь.

Задаться вопросомъ, гдѣ помѣщается новая обитель усопшихъ, и такъ или иначе рѣшить его необходимо нужно было народу, разъ онъ вѣрилъ, что жизнь происходитъ (хоть и въ иныхъ формахъ) и за гробомъ.

Малорусскія причитанья даютъ различные отвѣты на вопросъ о локализаціи новаго жилища отшедшихъ въ вѣчность предковъ. Такъ мать, оплакивая свою безвременно скончавшуюся дочь—невѣсту, причитаетъ: Богъ тебя взялъ, да будетъ Его святая воля! Молись у Него за меня грѣшную!.. Ты уже не здѣсь, а *тамъ, тамъ ликуешь* со святыми[4]).

Изъ этихъ словъ плача мы узнаемъ, что загробный міръ помѣщается у Бога. Подобное рѣшеніе вопроса о локализаціи загробнаго міра надо считать явленіемъ позднѣйшаго, христіанскаго времени. Древнѣйшаго-же воззрѣнія, бывшаго нѣкогда на мѣстѣ только что указаннаго, мы, къ сожалѣнію, не находимъ въ извѣстныхъ до сихъ поръ образцахъ южно-русскихъ причитаній. Это древнѣйшее

---

[1]) Метлинскій, южно-русскія народн. пѣсни, стр. 293.

[2]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, стр. 183, № 1, 184, № 1, 185, № 3, 186, № 2 и 187.

[3]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, стр. 185, № 2.

[4]) Ibid., стр. 183, № 3, 185, № 3.

[5]) Терещенко, Бытъ русскаго народа, ч. III, стр. 90.

воззрѣніе состояло въ томъ, что умершіе отправляются въ область великаго неба, въ сообщество солнца и звѣздъ. Предполагать такое именно древнѣйшее воззрѣніе малорусской причети на мѣстопребываніе умершихъ даетъ мнѣ право великорусская похоронная причеть, родная сестра причети малорусской, въ которой находимъ рядомъ стоящими оба воззрѣнія—и древнѣйшее, въ малорусской причети отсутствующее, и позднѣйшее [1]).

Предполагая нѣкогда существовавшимъ въ малорусской причети подобное воззрѣніе на страну умершихъ, я и сказалъ выше, что въ разбираемыхъ причитаньяхъ сохранились указанія на вѣрованіе, считающее душу звѣздою и огнемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если малорусская похоронная причеть подставила указанное воззрѣніе на страну мертвыхъ на мѣсто древнѣйшаго, сказывающагося хоть въ слѣдующихъ словахъ плача великорусскаго:

Пріубрался свѣтъ—надежная головушка
Къ красну солнышку на приберегушку,
Къ свѣтлу мѣсяцу на придрокушку [2]),

то отчего-же не предположить, что въ ней было и воззрѣніе на душу, соотвѣтствующее указанному только что воззрѣнію на міръ загробный. Вѣдь отправленіе души въ область краснаго солнца и свѣтлаго мѣсяца объясняется только воззрѣніемъ на ея существо. Признаніе въ душѣ силы свѣта и теплоты, представленіе ея огнемъ, звѣздою—все это неизбѣжно вело къ тому, чтобы мѣстомъ жилища душъ считать небо, воздушную сферу, гдѣ движутся небесныя стада—облака, гонимыя воющимъ вѣтромъ и освѣщаемыя блескомъ молній и небеснымъ огнемъ [3]). Таково объясненіе древнѣйшаго воззрѣнія на страну мертвыхъ.

Что касается воззрѣнія позднѣйшаго, смѣнившаго это древнѣйшее, то ясно, что оно возникло тогда, когда источникомъ свѣта сталъ считаться Богъ, а область небеснаго моря Его царствомъ [4]).

[1]) См. мою ст. въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ, т. XIII, стр. 255, 256.

[2]) Барсовъ, Причитанья, т. I, стр. 33, 35, и др.

[3]) Аѳанасьевъ, Поэтическое воззрѣніе славянъ на природу, т. I, стр. 62; т. III, стр. 192, 206, 208.

[4]) Такое рѣшеніе вопроса о локализаціи загробнаго міра могло сложиться у народа и подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ апокрифическихъ сочиненій, гдѣ есть указанія на пребываніе душъ у Господа. Такъ въ «Павловомъ видѣніи» душу праведника

Съ другой стороны загробный міръ помѣщается на землѣ, въ въ могилѣ, куда опускается гробъ. Жена, представляя себѣ бѣдствія, ждущія ее самую и ея дѣтей послѣ смерти мужа, высказываетъ желаніе удалиться изъ этого міра вмѣстѣ съ покойникомъ и проситъ его взять ее съ собою:

Ой прійми-жъ мене до себе
У сырую землю! [1])

Еще яснѣе высказывается то-же воззрѣніе въ словахъ дочери, оплакивающей мать. Спросивъ мать—покойницу: куды-жъ ты йдешъ,— дочь какъ-бы въ отвѣтъ продолжаетъ: яма глыбока... Туды витеръ не завіе, сонце не пригріе [2]). Тутъ мы, такимъ образомъ, встрѣчаемся съ воззрѣніемъ, по которому душа пребываетъ вмѣстѣ съ тѣломъ въ устроенной для нея *домовинѣ*. Подобное воззрѣніе не менѣе древне, чѣмъ и то, по которому душа отправляется въ надзвѣздный міръ [3]).

Въ заключеніе замѣчу, что малорусская причеть и вообще преданія малорусскаго народа не даютъ намъ никакихъ указаній на тотъ образъ загробнаго міра, который-бы напомнилъ намъ образъ, рисуемый первобытнымъ человѣкомъ [4]). Записанныя г. Чубинскимъ воззрѣнія малорусскаго народа на рай и адъ [5]) кратки и носятъ на себѣ слѣды вліянія воззрѣній христіанскихъ.

Этимъ я и заканчиваю настоящую статью, посвященную изслѣдованію малорусской похоронной причети. Сдѣланное обозрѣніе предлагаемаго сю матеріала должно привести насъ къ тому заключенію, что главныя, основныя воззрѣнія малорусскаго народа на смерть и жизнь вполнѣ соотвѣтствуютъ подобнымъ-же воззрѣніямъ не только всѣхъ славянскихъ народовъ, но и нѣкоторыхъ народовъ индоевропейскихъ.

Азовъ,
1885 г., іюля 12.

С. Брайловскій.

ника ангелъ возноситъ на небо. Въ вопросахъ Іоанна Богослова о живыхъ и мертвыхъ находятся такой вопросъ: «кало идетъ душа праведнича? Чадо, не слыша-ли Давида глаголяща: душа ихъ во благихъ водворится Господеви, и сѣмя ихъ наслѣдитъ землю? Чадо, не посидѣвши, душа праведнича идетъ къ Господу (Памятники старинной русской литературы, вып. III, стр. 115, 130.

[1]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 704.

[2]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, стр. № 2.

[3]) См. Котляревскаго, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, стр. 178.

[4]) См. Тейлоръ, Доисторическій бытъ человѣчества, 1868 г., стр. 401.

[5]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. I, стр. 195.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1].

VIII.

Вызванные траги-комическимъ приключеніемъ съ Олесею толки и пересуды мало по малу затихали, а далѣе и совсѣмъ были забыты, какъ забыты послѣдовавшій затѣмъ турецкій походъ, и голодный 30-й годъ, и комичное на взглядъ народный польское возстаніе. Строгія мѣры, принятыя потомъ противъ польскихъ пановъ, пробудили на время въ украинскомъ населеніи и духовенствѣ неясныя надежды на ослабленіе польскаго гнета, но этимъ надеждамъ суждено было осуществиться еще весьма нескоро. Протекло немало лѣтъ, пока духовенству блеснулъ первый лучъ надежды на улучшеніе его приниженнаго и бѣднаго положенія. Семья Моссаковскихъ увеличивалась съ году на годъ, исключительно почти дочерьми, и заставляла не разъ о. Харитона и Онисю задуматься надъ судьбою подростающихъ дѣтей, когда и собственное хозяйство и натуральная помочь прихожанъ, и ихъ грошовыя приношенія едва давали возможность сводить концы съ концами, при всей простотѣ ихъ жизни и незатѣйливой обстановкѣ. Какъ ни ничтожна была тогда потребность въ образованіи женской половины духовенства, но и о. Харитонъ понималъ, что нельзя ограничиться однимъ обученіемъ церковно-славянской грамотѣ и что надо-бы дать дочерямъ какую-то *эдукацію*, какъ говорило вокругъ самое мелкое шляхетство. Въ чемъ

[1]) См. «Кіевская Старина» 1885 г., августовск. кн., стр. 631—681.

могла состоять эта эдукація, этого онъ и самъ не постигалъ, но только смутно соображалъ и на примѣрахъ видѣлъ, что есть разница между тѣми дочерьми священниковъ, которыхъ отцы отдаютъ въ науку разнымъ шляхтянкамъ и тѣми, что ростутъ на волѣ, какъ его Онися, и что за эдукованныхъ поповенъ охотнѣе сватаются богословы—семинаристы. Въ этомъ заключалась смутная его надежда пристроить дочерей, когда придутъ въ возрастъ; но всѣ мечты его на этотъ счетъ разлетались въ прахъ, когда онъ оглядывался на свое бѣдное хозяйство. Вдругъ, въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ, прошелъ глухой слухъ, что священникамъ хотятъ назначить жалованье. Слухъ то возобновлялся, то затихалъ и даже совсѣмъ предавался забвенію. Старшей дочери Моссаковскаго минулъ тринадцатый годъ, а она еще и азбуки не знала. Будь, что будетъ, думалъ о. Харитонъ, а надо хоть самому учить, и онъ усадилъ свою Настуню за грамотку, т. е. церковно-славянскій букварь. Наука шла медленно, какъ всякое неосмысленное дѣло, и составляла истинную пытку для рѣзвой Настуни. Разъ какъ-то сидѣла она надъ грамоткою и твердила: *тма, мна, здо, тлю, тыю, ныю, тлю, тля*, въ то время, когда мать, перегнувшись до половины въ глубокій сундукъ, съ ожесточеніемъ переворачивала тамъ сувои полотна.

— И що воно, тату, оце *тлю, тля*? спрашивала дочь сидѣвшаго подлѣ нея отца.—Таке смишне...

— Эге, це бачъ не при насъ писано, отвѣчалъ о. Харитонъ. А отъ якъ насъ вчили, то все було приказують: *тыю, ныю, тлю, тля*—иззивъ вовкъ жидивське теля. Такъ се бачъ отъ противъ чого воно написано!

Настуня ничего, конечно, не могла понять изъ предложеннаго объясненія, но самое сопоставленіе и напоминаніе о томъ, какъ волкъ съѣлъ теленка у жида, очень ее разсмѣшило, и она громко захохотала; засмѣялся и о. Харитонъ, довольный своимъ объясненіемъ того, «противъ чого воно тамъ написано».

— И чого то вы регочитесь, глухо отозвалась изъ сундука Онисія Степановна.

— А якъ же, мамо, не сміятись? коли воно таке смишне, отвѣчала дочь, продолжая хохотать.

— Що-жъ тамъ таке смишне? спросила мать, высунувшись изъ сундука, и повернулась къ дочери.

— А якъ же, мамо, отвѣчала Настуся. Оце я читаю *тлю, тля*, а тато примовляють: иззивъ вовкъ жидивське теля.

— Атъ! нема твоему татови чого робыти, то выдумуе, замѣтила на это Онисія Степановна, сама едва удерживаясь отъ смѣху, и обратясь къ мужу, прибавила:

— Нема въ тебе роботы, то пишовъ-бы на тикъ, та подивився-бъ, чи вже намолотили хочъ на насиння.

— Якъ нема роботы! съ живостію возразилъ о. Харитонъ. А це-жъ хиба не робота? Отъ сижу та проказую.

— Та ка-зна-що росказуешь, добавила полушутя Онисія Степановна.

— Якъ ка-зна-що? оправдывался о. Харитонъ. А же-жъ и насъ такъ учили. Ца те воно наука.

— Така вже тамъ и наука. Мучилась и я колись надъ тою граматкою та часловцемъ, а выросла, то за роботою та письнями геть чисто забула. Отъ якъ-бы завдати нашу Настю до якои шляхтянки, хоть-бы до сеи Шемплиньскои, що въ Богуслави, то инша ричь. Навчила-бъ шити и вышивати, ще й танцювати, и якъ до людей обертатись и зъ ними обходитись. Добре, кажуть, учить. Прыйме якого стовбура, отъ хочъ-бы зъ Исаѣкъ о. Прокопа, а побуде вона въ неи рикъ, чи два, зовсимъ инакше выглядае: вміе выйти до свитлыци, до гостей привитатись и до ихъ що промовити. А то що тамъ те *зде, тлю?*

— То правда, Онисія Степановна, але на це треба грошей, а де ихъ въ Бога взяти?

— Аже-жъ кажуть, буде якесь тамъ жалування.

— Вже третій рикъ говорять, а до сёго часу нема. Мабуть и не буде.

— А мени здаеця, що скоро вже буде, бо отъ жидъ въ Богуслави набивався мени зъ своимъ товаромъ. Визьмить, каже, наборъ, а якъ дадуть вамъ жалування, то тоди оддасте. Инши, каже, батюшки вже й квитки намъ подавали, то не треба буде имъ хлопотатись за тимъ жалуваннямъ, сами у благочинного поберемо.

— Э, що тамъ жиды росказують! Имъ абы гроши. Не буде жалування, то й такъ мусять оддати ти, що квитки подавали. Жиды це добре знають.

— Та вони все знають: де що зробиця, або хто вмре, чи хто яку парафію зайнявъ, чи кого въ манастырь засадили, то все попередъ усихъ знають и всимъ росказують.

— Та то правда, але тутъ не така справа. Де столиця, а де якій Гершко, або Янкиль зъ своєю крамницею.

— Отъ-же побачишъ, коли не моя правда буде. Не дурно-жъ паны и люди вже говорять, що теперь попы забагатіють.

— Та то имъ жиды набрехали, а вони й вирять.

— Нехай жиды, а все таки моя правда буде. Ось побачишъ.

— Та вже-жъ побачимо, якъ хто живый того дижде.

— Це ты такъ, якъ той каже: не буду дивиця, нехай козыриця.

Такъ препирались между собою Онисія Степановна и о. Харитонъ, не разъ, порознь и вмѣстѣ, мечтавшіе о томъ, какой переворотъ въ ихъ жизни должно произвести давно ожидаемое назначеніе жалованья. На этотъ разъ ихъ мечты одинаково разогрѣвало желаніе отдать дочь въ науку въ Богуславъ, но теперь Онисія Степановна говорила прямо, какъ думала и соображала, а о. Харитонъ наоборотъ казался не вѣрующимъ своему близкому счастью и старался разувѣрить и свою жену. Вдругъ на дворѣ залаяли собаки, потомъ что-то затопало въ сѣняхъ, и въ свѣтлицу вошелъ длинноногій пономарь изъ с. Шандры, обносившій *курсорію* по благочинію. Поклонившись почтительно хозяевамъ, онъ молча вынулъ изъ бывшей у него въ рукахъ тряпицы, своего рода портфеля, какую-то, отчасти затасканную, въ четверо сложенную бумагу и съ радостною улыбкой направился подъ благословеніе къ о. Харитону.

— А що це буде? Що доброго вы намъ принесли? привѣтливо спросилъ пономаря о. Харитонъ, принимая изъ рукъ его бумагу.

— Та вже таке добре, що лучшого николи не було и не буде, сказалъ, весело осклабляясь, пономарь.

— Ой-же! Що-жъ воно таке? Чи не жалування, може? тревожно спросилъ о. Харитонъ, раскрывая дрожащими руками бумагу.

— Такъ воно и есть, отвѣчалъ пономарь, разносившій радостную вѣсть по благочинію и раздѣлившій уже свою и общую радость не съ однимъ изъ батюшекъ и своихъ собратій.

— Онисіе Степановно! чи чуете? воскликнулъ изумленный о. Харитонъ.

— А я тобі казала? А чія правда, а чія правда? А бачъ, а бачъ! заговорила Онися, схватившись со стула и дрожа отъ радости.

— Хвалити Господа милосердного, диждались мы Его святои ласки! продолжалъ благовѣстникъ пономарь, чуть не въ десятый

разъ въ одной и той-же формѣ выражавшій обуявшую его и всѣхъ радость.

— А що? А бачъ? А я тоби казала..., перебивала его Онися, подбѣгая къ мужу и щупая бумагу, какъ бы желая самымъ прикосновеніемъ удостовѣриться въ томъ, что ея и общія мечты и ожиданія наконецъ сбылись.

— Та постій! прерывалъ ее о. Харитонъ; дай прочитаю. Може воно ще й не зовсимъ такъ.

— Де вже воно не такъ, тараторила Онися. Казала тоби, що коли вже жиды, та и люди...

— Та ще й якъ! перебилъ ее въ свою очередь пономарь. Бильшъ якъ за два роки разомъ...

— Якъ-то? вскрикнула Онися. Це-бъ то...

— Та постій, кажу тоби. Дай прочитаю! прервалъ опять о. Харитонъ.

— Та такъ, батюшечка, одъ того часу, якъ воно призначено те жалування, говорилъ досконально знавшій дѣло пономарь.

— Але-жъ бо почкайте, нехай я на свои очи увирюсь; тутъ мабуть все написано, возразилъ ему о. Харитонъ, уже давно развернувшій консисторскій указъ.

И онъ сталъ слово за словомъ, строку за строкой вычитывать длиннѣйшій указъ, заключенный въ одинъ многосложный періодъ, съ неизбѣжнымъ подъ конецъ: *Приказали*. По мѣрѣ чтенія румянецъ широко разливался по щекамъ о. Харитона, лице его принимало опредѣленный радостный видъ, онъ во-очію убѣждался, что предъ нимъ не сонъ, а чистая дѣйствительность. Въ указѣ ясно было сказано, что жалованье назначается со дня воспослѣдованія о семъ высочайшаго повелѣнія, между тѣмъ какъ именно около двухъ лѣтъ прошло въ собираніи всѣхъ нужныхъ свѣдѣній въ расписаніи приходовъ по классамъ, въ составленіи штатовъ, правилъ выдачи, вычетовъ въ пенсіонный капиталъ и проч. и проч. О. Харитонъ просмотрѣлъ приложенные къ указу печатные штаты епархіи и убѣдился, что его приходъ положенъ въ 5-мъ классѣ, что жалованья ему 120 руб. въ годъ. Онъ умственно прикинулъ, сколько причтется ему за прежнее время, и сообразивъ, что на ассигнаціи это дастъ около 1,000 р., въ неописанномъ восторгѣ и умиленіи воскликнулъ:

— Слава тоби, Господи! Слава тобі! Отъ це-жъ не будемо мы вже билше паньскои ласки благати, не будемо й людямъ пастыряться,

по церковци, протягши руку, ходити та промовляти: «помилуй мя Боже, по вельци, дай, Грицьку, мирку пшеныци!» Не будемо на лубяныхъ возахъ, та въ мутузяныхъ шлеяхъ їздити. Скидайте теперъ, Онисіе Степановно, намитку та плахту! Вберу я васъ, якъ паву, посажу на дзиглику, та й буду дивитись на васъ... И дочку оддамо до пенсіи въ Богуславъ.

— Та ты лишь придивись, коли воно тамъ те жалування буде! Може ще якій рикъ мине, поки дадуть, остановила Онися разфантазировавшагося мужа.

— Ба ни, теперъ, поспѣшилъ сказать все знавшій пономарь, а о. Харитонъ, заглянувъ въ *курсорію*, т. е. циркуляръ благочиннаго, вычиталъ тамъ и день, въ который назначалось прибыть всѣмъ за полученіемъ жалованья, и окончательно увѣрившись во всемъ, сказалъ женѣ:

— Давайте-жъ намъ теперь, Онисю, доброго могорыча! и ласково попросилъ добраго вѣстника присѣсть.

Онися не замедлила принести водки и закуски. Выпили по одной, по другой, благословляли царя, синодъ, митрополита, поминали всѣхъ, кого только знали. Онися, взявъ первую чарку, перекрестилась большимъ крестомъ и, обращаясь къ иконѣ Господа Вседержителя, произнесла съ умиленіемъ:

— Господи, Господи! припомни оце цареви нашому, его жиночци и диточкамъ, чого тильки воны въ Тебе просятимуть.

— Дай Господи, дай Господи! повторяли, умиленно воздыхая, о. Харитонъ и гость.

— Отъ це вже третій день хожу, та пригадую соби, якъ то воно въ псалтыри читаеця: *благовестыти день отъ дне спасеніе Бога нашого*, сказалъ пономарь, выпивая на прощанье.

— Истинно такъ. Се отъ самого Бога спасеніе наше! воскликнулъ въ заключеніе о. Харитонъ, благословляя и отпуская съ миромъ пономаря-благовѣстника.

Скоро наступилъ срокъ полученія перваго жалованья. Къ Балабухѣ съѣхались священники, дьячки и пономари со всѣхъ числившихся въ его благочиніи 18 церквей. Огромный дворъ Балабухи переполнился пріѣзжими и представлялъ собою родъ ярмарки, или точнѣе выставки самыхъ разнокалиберныхъ бричекъ, вплоть до богуславскаго возка, набитыхъ сѣномъ или соломою, съ продыравленнымъ

иногда кузовомъ, съ проломаннымъ передкомъ, въ дышло и въ оглобли, убогой, въ большей части веревчатой упряжи, разномастныхъ и самаго различнаго роста лошадей съ цѣлымъ табуномъ стригуновъ и сосуновъ. Въ общемъ это была выставка убожества, простоты и даже просто неряшества. Промежъ бричекъ и лошадей торчали неуклюжія фигуры дьячковъ, пономарей, церковныхъ сторожей и просто хлопцевъ, отъ рала взятыхъ въ погоничи. Слышался говоръ людской, стукъ лошадиныхъ копытъ, ржаніе кобылъ и ихъ лошатъ. Батюшки входили и выходили, изъ раскрытыхъ оконъ благочиннического дома слышался веселый разговоръ, иногда дружный хохотъ. Собравшіеся батюшки обмѣнивались чувствами всѣмъ общей радости, смѣялись надъ прежнею своею бѣдою, толковали о томъ, кто что справитъ на полученныя деньги, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали наступленія раздачи жалованья. А Балабуха въ особой комнатѣ возился съ записями и кучками серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ, разложенныхъ на огромномъ столѣ. Наконецъ онъ показался въ свѣтлицѣ и громко произнесъ:

— А що-жъ, панотци! Гроши готови, але попереду годилось-бы намъ до церкви пійти та благодарственный молебинь соборомъ одправить.

— Добре, добре! До церкви ходимъ, загудѣло все собраніе.

И скоро всѣ съѣхавшіеся пестрой гурьбой направились въ церковь. Молились усердно, горячо и громко воспѣли, какъ пѣснь побѣдную, *Тебе Бога хвалимъ* и многолѣтіе государю императору Николаю Павловичу и всему царствующему дому, всероссійскому синоду, кіевскому митрополиту и всему православному духовенству.

Когда молившаяся компанія направилась изъ церкви въ домъ благочиннаго, жиды густой толпой провожали ее до двора. Имъ хорошо извѣстно было, что значитъ это необычное собраніе духовенства, иные и просто заинтересованы были въ немъ и приставали по пути къ своимъ должникамъ, но получали подчасъ не совсѣмъ лестный отказъ.

Наступила наконецъ раздача жалованья. Балабуха предварительно заявилъ, что принятіе всей суммы изъ казначейства не обошлось безъ подарка казначею и другимъ чинамъ за труды имъ, и тѣмъ тонко намекнулъ, что и ему отъ получателей слѣдуетъ

также что либо за трудъ, не говоря уже о покрытіи общаго расхода въ казначействѣ.

— А що-жъ? Треба було дати, отозвался о. Прокопъ. Се-бъ-то, якъ пишеця десь: не обротиши, каже, устенъ вола молотяща. То то вже зъ кожного зъ насъ по часточци.

— Та й ще прикинемо, отецъ благочинный; бо, якъ кажуть, вміешь брати, то вмій-же й давати, сказалъ о. Мелхиседекъ.

— Такъ, такъ! заговорили другіе батюшки, а за ними и честное дяковство и пономарство.

Балабуха, поблагодаривъ собраніе, удалился въ свою комнату, усѣлся за большимъ столомъ и сталъ звать причты по классамъ приходовъ. Входившіе расписывались въ книгѣ, получали каждый свою часть изъ готовыхъ кучекъ впередъ сосчитанныхъ денегъ и откладывали тутъ-же въ пользу благочиннаго—священники по два, по три рубля, а причетники по полтинѣ. иные и по рублю. Священникамъ отсчитывалось жалованье серебряными рублями, а причетникамъ исключительно почти мѣдными гривнами и пятаками, такъ какъ казначей всучилъ Балабухѣ чуть не цѣлый возъ мѣди. Получившіе выходили, на мѣсто ихъ входили другіе. Батюшки припасли длинные, грубаго холста, «капшуки», дьячки и пономари забирали гривны и пятаки въ полы кафтановъ и даже торбы отъ овса. Въ свѣтлицѣ пересчитывались деньги, звенѣли мѣдь и серебро. На лицахъ считавшихъ мѣнялись то глубокая сосредоточенность, то неописанная радость.

Раздача кончилась. Балабуха съ удовольствіемъ замѣтилъ порядочную кучку рублей и мѣдяковъ, оставленныхъ въ пользу его, и тѣмъ охотнѣе пригласилъ своихъ сослужителей раздѣлить хлѣбъ-соль, а дьячкамъ и пономарямъ выслалъ въ кухню двѣ бутылки водки.

— Що-жъ намъ зъ цёго? съ недовольствомъ замѣтилъ одинъ изъ послѣднихъ. Нема чимъ и горла гараздъ промочить. Ходимъ лишь въ Галилею, це-бъ то до жидивъ, та по своему заньемъ могорычъ.

И толпа убогихъ доселѣ, а теперь внезапно разбогатѣвшихъ по своему причетниковъ хлынула на дворъ, пряча деньги, куда кто могъ, и разбрелась группами по жидовскимъ заѣздамъ, а батюшки остались запивать свою радость у благочиннаго. Одно смущало ихъ радостныя чувства: вмѣстѣ съ назначеніемъ жалованья, изданъ синодальный указъ, которымъ требы раздѣлялись на обязательныя и

необязательныя, и за исполненіе первыхъ предписывалось не требовать платы отъ прихожанъ. Это въ сотый разъ выдвинуло вопросъ о неравномѣрномъ назначеніи жалованья, т. е. гдѣ больше приходъ, тамъ и жалованье было больше, и наоборотъ въ приходахъ меньшихъ и меньшее назначалось жалованье.

— Треба намъ, началъ Балабуха, сей указъ строго сполнять, щобъ не було одъ людей наруги та скаргъ.

— Добре сполнять тому, въ кого парафія сылна, замѣтилъ о. Петръ. Тому и за необязателни навидають стильки, що й до дому не донесе.

— Не по правди таки зроблено зъ цымъ жалуваннямъ, поддержалъ его о. Прокопъ. Я це й давно казавъ: въ кого й такъ багато, то тому ще билше...

— А же бачите, черезъ що то билше, прервалъ о. Прокопа благочинный. Въ кого билша парафія, въ того билше тихъ, бачте, обязателнихъ требъ, то винъ повиненъ билше трудитись безъ платы, черезъ те ёму и жалованя билше.

Вопросъ о неравномъ жалованьѣ разрѣшался теперь, «въ сходство указа», аподиктически. О. Тихонъ попробовалъ коснуться другой стороны дѣла. Онъ говорилъ:

— То-то-жъ заказано *требувать* за ти обязателни требы; ну, а якъ чоловикъ самъ дае, то хто-жъ не визьме? Даремне, здаетьця мени, то пишуть та приказують; бо хто-жъ схоче, щобъ я ёму даремне хрестивъ, винчавъ, або ховавъ? Якъ я за кого помолюсь, то то есть моя молитва, а хто мени па молитвы дасть, то то есть ёго жертва. Якъ-же могла бути тая жертва?..

— Розумне слово, замѣтилъ кто-то.

О. Мелхиседекъ пробовалъ возражать, указывая на то, что не вездѣ одинаково прихожане настроены въ этомъ дѣлѣ, предлагалъ даже въ замѣнъ безплатнаго исполненія обязательныхъ требъ возвысить плату за необязательныя; но о. Харитонъ, болѣе всѣхъ дорожившій добрыми отношеніями къ прихожанамъ, кротко замѣтилъ:

— Коли оце намъ полегшало, то треба, щобъ и людямъ легше стало.

Всѣ согласились съ о. Харитономъ; кто-то сказалъ какъ-бы про себя: «якось воно тамъ буде». Балабуха пригласилъ гостей къ столу. За обѣдомъ развеселившіеся батюшки много подшучивали другъ надъ другомъ по поводу расходовъ, какіе кому предстоятъ:

одинъ совѣтовалъ сосѣду купить самоваръ, вмѣсто мѣднаго чайника, другой—продать гончарамъ старую лѣнивую кобылу для безопасной перевозки горшковъ и въ замѣнъ купить лошадей у поссесора, тотъ—закрыть полученными въ додачу пятаками пробитый кузовъ брички, этотъ—пожертвовать постромки отъ шлей для колокольни и т. д. Всѣ веселились, ибо каждый видѣлъ теперь возможность, какъ говорится, «полатать старыя свои диры». Одинъ Балабуха смутно соображалъ, что ему едва хватитъ жалованья расплатиться съ жидами.

— А вамъ-бы, о. Харитонъ, варто булобъ проминять свою обичайку, та купить у якого пана каляску, сказалъ, обращаясь къ нему, о. Мелхиседекъ, намекая на крайне неприглядную и старую его бричку.

— А що вы думаете, не куплю? отвѣчалъ подкураженный о. Харитонъ. Отъ колибъ мени тильки оказію знайти, то й куплю, та ще до васъ тесю каляскою и въ гости прыиду.

Всѣ разсмѣялись отъ такой рѣшимости черезъ чуръ скромнаго и крайне простоватаго о. Харитона.

Обѣдъ кончился. Батюшки разбрелись по лавкамъ покупать гостинцы женамъ и дѣтямъ, неся полные карманы денегъ. Жиды встрѣчали ихъ низкими поклонами и тащили за полы, каждый въ свою лавку. О. Харитонъ рѣшилъ набрать для своей Ониси на платье такой-же матеріи, какую замѣтилъ на платьѣ благочинной, но плохо разглядѣвъ ее и вообще не зная въ этомъ толку, купилъ, что подсунула плутоватая жидовка. Довольный однако своей покупкой, о. Харитонъ пустился изъ города домой, постоянно ощупывая свои карманы. На дорогѣ догоняетъ его Баньковскій, бывшій уже теперь управляющимъ имѣніемъ графа Зазіемблы, лежавшимъ на пути въ Чайки. Баньковскій, какъ старый знакомый, съ обычною своею привѣтливостію, пригласилъ къ себѣ о. Харитона на медъ. Послѣдній не догадывался, что хитрый панъ такъ льстиво запрашиваетъ его къ себѣ не спроста, и охотно согласился; у Баньковскаго-же, при видѣ о. Харитона, возвращавшагося съ двухгодовымъ жалованьемъ, дѣйствительно блеснула мысль спустить ему свой старый, совсѣмъ негодный къ употребленію экипажъ. Подъ вліяніемъ этой мысли онъ пригласилъ даже о. Харитона пересѣсть въ его нетычанку, а погоничу велѣть слѣдовать за ними. О. Ха-

ритонъ чувствовалъ себя удобно и легко и не скрылъ этого отъ Баньковскаго. Баньковскій обрадовался и повелъ искусно рѣчь:

— Або вамъ це соромъ їздити на тому вози, та ще й матушку свою возити? Вы теперъ багати, маете, за що справити и не таку, якъ оце моя, наточанку.

— Якъ їи въ Бога справити? смущенно отвѣчалъ о. Харитонъ. Де тихъ майстривъ шукати?

— То готову купить, подзадоривалъ Баньковскій. Я-бъ на вашимъ мисти не то наточанку, каляску купивъ-бы. Нехай-бы сусиды завидували.

— А де-жъ намъ тои каляски шукати? возразилъ о. Харитонъ. Якъ-бы яка оказія, та ще по близу, то може й купивъ-бы.

— Ничого й шукати; купить у мене. Въ мене есть добра каляска; звычайно не нова, але колись дужо коштовала. Зъ Кракова спроважена. Теперъ дешево отдавъ-бы. Далебукъ, купить! Заидете, побачите и якъ въ цини зійдемось, заразъ и отдамъ. Перепряжете свои кони, сядете, якъ грапъ, вкотите въ свій двиръ, то матушка и не влизнае васъ.

— Прыидемо, побачимо, отвѣчалъ нерѣшительно о. Харитонъ.

Скоро между тѣмъ они очутились во дворѣ Баньковскаго. Тутъ только, высаживаясь изъ нетычанки, о. Харитонъ почувствовалъ, что у него порядкомъ шумитъ въ головѣ послѣ благочиннического обѣда. А Баньковскій, какъ только вошли въ комнаты, принялся усердно угощать о. Харитона. Выпили старки, угостились наливкой, закончили старымъ медомъ. О. Харитонъ совсѣмъ осовѣлъ. Баньковскій только этого и ждалъ, и тотъ часъ предложилъ смотрѣть экипажъ.

Экипажъ стоялъ въ сараѣ, и среди низенькихъ бричекъ и саней возвышался, какъ гора. На высокихъ загнутыхъ рессорахъ и огромныхъ колесахъ высоко поднимался запыленный кузовъ съ неимовѣрно высокимъ верхомъ. Широкія крылья круто загибались и спускались чуть не до самой земли. Приступки были откидныя, въ нѣсколько ступенекъ, и доходили также почти до земли. Чтобы взглянуть на козлы, надо было порядочно поднять голову вверхъ.

При первомъ взглядѣ на такую махину, о. Харитонъ нѣсколько смутился.

— Це можно справди, подумалъ онъ, сею каляскою налякати Онисю, въихавши въ двиръ. Подумала-бъ, що архіерей прыихавъ.

— А, то ладный повозъ! хвалилъ свое добро Баньковскій. Спробуй, ксенже, яки-то подушки, яки пружины!

Отецъ Харитонъ полѣзъ въ экипажъ и съ непривычки такъ нырнулъ въ подушки, что только пыль поднялась столбомъ.

— А мягко сидити, неначе на перини, та ще щось трошки нибы гойдае, промолвилъ съ высоты о. Харитонъ.

— Э, якъ поидете, тоди загойдае! подзадоривалъ Баньковскій. То такъ, якъ на крылахъ, якъ на гойдальци.

У о. Харитона разгорѣлись глаза; его въ особенности прельщала высота экипажа и мягкое сидѣнье. О прочности, легкости онъ не разсуждалъ; не то было въ его головѣ. О. Харитонъ вспомнилъ ѣдкую шутку Мелхиседека и свое, публично сдѣланное, заявленіе, и рѣшился купить коляску.

— А щобъ вы за нен взяли? спросилъ онъ Баньковскаго.

— Не дорого, не дорого, тотъ отвѣчалъ. Для пана ксіендза отдамъ за двѣстѣ злотыхъ, то значить тридцять рубливъ.

— Э, не варто! визмить двадцять пять, коли хочете.

— Буде мало, сказалъ было Баньковскій; но сообразивъ, что все равно придется отдать жидамъ въ ломъ за безцѣнокъ, замялся какъ-бы въ нерѣшительности.

— Та берить, повторилъ о. Харитонъ; добри гроши даю.

— Мало буде, повторилъ въ свою очередь Баньковскій, а глаза его говорили, что онъ только ломается.

— Та берить, громко сказалъ о. Харитонъ и съ высоты своего сидѣнья протянулъ руку къ Баньковскому.

— Ну, то такъ тилько для ксендза, бо я такъ пана ксендза шаную, закончилъ Баньковскій и, трепля по рукѣ о. Харитона, добавилъ:

— То еще для пана дамъ и хомоиты зе вписткимъ, тилько панъ додасть мнѣ за то три рубли.

О. Харитонъ безъ труда согласился на это. Ударили еще разъ по рукамъ и пошли запивать могорычъ.

Между тѣмъ Баньковскій велѣлъ очистить экипажъ и упряжь, перепречь лошадей о. Харитона и подъѣхать къ крыльцу. Когда о. Харитонъ, распрощавшись, вышелъ на крыльце, то снова какъ-бы задумался надъ своею покупкою: экипажъ казался ему цѣлымъ куре-

немъ, погоничъ торчалъ какъ-бы на вышкѣ, упряжь обвисла на маленькихъ лошадкахъ и сами онѣ напоминали не то овецъ, не то собакъ. Съ помощью Баньковскаго онъ взобрался на высокое, теперь открытое сидѣнье и утонулъ въ подушкахъ; подростокъ погоничъ съ высоты козелъ едва досталъ лошадей кончикомъ батога; лошадки понатужились, и громоздкій экипажъ, колыхаясь съ боку на бокъ, дребезжа и звеня, покатился по мягкой дорогѣ. Повѣвалъ легкій вѣтерокъ и освѣжалъ уставшаго и подпившаго о. Харитона. Онъ оглянулся вокругъ себя и невольно почувствовалъ въ себѣ какую-то важность, достоинство, превосходство—предъ кѣмъ и чѣмъ, въ томъ самъ онъ не могъ дать себѣ отчета.

— Нехай завидують! думалъ про себя о. Харитонъ; а тымъ часомъ налякаю добре мою паниматку, и обратясь къ погоничу, громко сказалъ: а ты гляди мени, якъ въидемо въ двиръ, жени коней пидъ самисенькій ганокъ.

— Ой, батюшко, коли не всижу на цихъ коелахъ! Здаеться, отъ-отъ упаду, отвѣчалъ погоничъ съ своей *вышки*.

— Держись, якъ хочешъ, та мерщій поганяй, бо вечиръ близько.

Солнце закатывалось за гору. Онисія Степановна сидѣла съ дочерьми и все высматривала, не ѣдетъ-ли мужъ. Вдругъ съ горки на плотину быстро скатился экипажъ и повернулъ прямо ко двору.

— Що це воно таке завертае въ нашъ двиръ? промолвила Онисія Степановна: повозъ панській, а въ ёму сидить якійсь батюшка.

Погоничъ разогналъ лошадокъ и влетѣлъ въ ворота, но, не привыкши въѣзжать длиннымъ экипажемъ, зацѣпилъ заднимъ колесомъ за столбъ, ось подломилась, экипажъ грохнулъ и застрялъ въ воротахъ, а погоничъ на переднихъ колесахъ подкатилъ къ крыльцу, повисши, какъ ракъ, на высокомъ козелкѣ. О. Харитонъ барахтался въ упавшемъ на бокъ кузовѣ, застегнутомъ фартухомъ.

— Бый ёго сила Божа! Що це за диво? вскрикнула Онися, но увидѣвъ у воротъ своего мужа, силившагося вылѣзть и стать на ноги, бросилась къ нему на помощь.

— Що це за визъ и де винъ взявся? спрашивала Онися, держа мужа подъ руку и помогая ему высвободиться.

— Отъ це лихо несподиване! восклицалъ о. Харитонъ, разгибая спину и растопыривъ руки. Тай бисова ёго дитина оцей хлопець!

Тай хитрый-же той проклятый Баньковскій! Отъ тоби й каляска! Отъ тоби двадцять пять карбованцивъ!

— Схаменись! Що ты верзешъ? Якій Баньковській? Яки карбованци? Може ты гроши згубивъ, борони Боже? сыпала вопросами Онися.

— Якъ-бы згубивъ, то не такъ жалко було-бъ.

— Охъ, мени лихо! Щожъ я буду чипити, що буду казати? продолжалъ о. Харитонъ.

— Яке лихо? Та ты роскажи мени, що це за каляска и де ты ii взявъ. Роскажи, не мучъ мене, кричала Онися.

— Нехай уже вамъ хлопець роскаже, а мене вже хочъ бийте, хочъ лайте, ничого вамъ не скажу.

По требованію матушки, хлопецъ, какъ зналъ, разсказывалъ исторію пріобрѣтенія экипажа, а о. Харитонъ все голосилъ:

— И на чорта я до того брехуна запхавъ! И якій мене нечистый до его записъ!

— Здуривъ на старисть, зовсимъ здуривъ, поучала его Онися, выслушавъ разсказъ хлопца. И де въ тебе той розумъ дився? Хто-жъ теперъ зведе й полагодить оцю машину? И на чорта вона намъ здалась! Двадцять пять карбованцивъ, та за упряжъ три, то то мало не сто рубливъ на погани, якъ-то кажуть, гроши!

Вошли въ комнату. Онися продолжала пушить мужа и сожалѣть о напрасно потерянныхъ деньгахъ.

О. Харитонъ сидѣлъ молча и уже не рѣшался поднести женѣ гостинецъ.

— А дежъ решта грошей? спросила наконецъ Онися. Дай сюды до рукъ, и высыпавъ на столъ изъ переданнаго ей мужемъ длиннаго «капшука» серебрянные рубли, принялась считать и складывать ихъ въ кучки.

— Щось мало, замѣтила она, окончивъ счетъ. Не вси гроши. Мабуть пропивъ въ Богуслави.

— Боронь Боже! На могоричъ пишло всёго злотый, та благочинному давъ за труды два карбованци, та купивъ самоваръ, та трохи сахару й чаю, та ще купивъ вамъ, Онисіе Степановно, гостинця: набравъ вамъ на плаття такои самои матеріи, якъ у благочинной.

При этихъ словахъ грозная доселѣ Онисія Степановна немного смягчилась и нѣсколько ласковымъ голосомъ спросила:

— А дежъ ти закупки? Може де погубивъ?

— Тамъ, душко, десь въ задку. Ось я пиду та принесу.

— Ой, дать-бы тоби по задку, шутливо проговорила Онися и пошла съ мужемъ разыскивать покупки въ торчавшемъ у воротъ кузовѣ коляски.

Вернулись въ домъ; зажгли свѣчку. Онися кинулась къ матеріи, развернула ее и распустила на рукѣ до самого полу. О. Харитонъ съ сладенькой улыбкой поднесъ свѣчку къ матеріи.

— Чи це воно на лице, чи мабуть на выворитъ? спрашивала Онися, присматриваясь къ матеріи.

Матерія была блѣдно-пепельнаго цвѣта съ мелкими блѣдно-желтыми цвѣточками, на легкомъ фонѣ которыхъ темными пятнами выдѣлялись причудливаго узора темно-зеленые листья, напоминавшіе прибитые морозомъ листья тыквы. Онися перевернула матерію на другую сторону и удостовѣрившись, что тамъ было лице, а здѣсь изнанка, взглянула еще разъ и со смѣхомъ отбросила на столъ.

— Та й набравъ-же ты доброго дива! воскликнула она.—Щось старе, або полыняле. Мабуть жидивка вкрывалась цеею матерією зъ пивъ-року. А узоръ зовсимъ неначе хто на чирини насыпавъ высивокъ, та притрусивъ гнилымъ листямъ.

— Ей-же Богу, Онисіе, таку саму сукню носить благочинна и навѣть багати богуславськи жидивки, взболтнулъ о. Харитонъ.

— То це ты мене прыривнявъ до жидивокъ та до своеи поганои благочинной? вскрикнула Онися.—Геть, бери іи, самъ носи, або благочинни подаруй. Стану я убиратись якоюсь рябою куркою.

— Коли-жъ така теперъ мода, робко отозвался о. Харитонъ.

— Добра мода! Вже й ты щось знаешь въ тихъ модахъ. Покинь вже! Пойду, та сама одвезу та переминю на щось инче, сказала Онися и прибавила тутъ-же: отъ тоби жалування! Пропало, що й радили.

Уже на утро работники сложили кой-какъ разломанную коляску и втащили въ сарай, гдѣ она служила пріютомъ для несущихся куръ, пока захожіе изъ Богуслава жидки, скупавшіе всякое старье по деревнямъ, не купили ее въ ломъ за треть цѣны. Баньковскому впрочемъ не прошла даромъ продѣлка его съ о. Харитономъ, и Онисія Степановна глубоко была убѣждена въ томъ, что его самъ Богъ покаралъ за причиненную имъ обиду. Дѣло было такъ.

Баньковскій, хотя носилъ громкое титло жондцы, на самомъ дѣлѣ былъ не выше эконома въ большихъ имѣніяхъ. У графа Зазіємбло имѣніе было небольшое; самъ онъ былъ скупъ и самъ смотрѣлъ за всѣмъ. Но онъ часто выѣзжалъ, и Баньковскій въ его отсутствіе спускалъ по немногу панское добро жидкамъ и деньги бралъ въ свою пользу. Какъ разъ въ эту пору, пользуясь отсутствіемъ помѣщика, Баньковскій тайкомъ запродалъ въ одно мѣстечко знакомому еврею нѣсколько четвертей помѣщичьей пшеницы и самъ отправлялъ ее на пяти возахъ чрезъ Ольшаницу за Рось. Но лишь только онъ проѣхалъ Ольшаницу, какъ на встрѣчу ему жидъ съ извѣстіемъ, что графъ невзначай возвращается домой по той-же дорогѣ и находится уже въ сосѣдней деревнѣ. Баньковскій повернулъ назадъ. Онъ могъ ускакать, но куда было дѣвать возы съ пшеницей? Графъ могъ ихъ настигнуть и тогда все открылось-бы. Что дѣлать? Куда дѣваться? Баньковскій бросился къ о. Харитону.

— Ой, ксенже, рятуйте! крикнулъ онъ, влетая въ комнату къ о. Харитону.

— Що тамъ таке? Може обламались въ дорози? спросилъ о. Харитонъ.

— Та де тамъ обламався! Тутъ таке дило, що може й самъ пропаду, якъ не порятуете мене.

И Баньковскій, горя отъ стыда, чистосердечно сознался въ своей продѣлкѣ о. Харитону и просилъ выручить его изъ бѣды.

— А чимъ-же я вамъ поможу? спросилъ о. Харитонъ.

— Тамъ, бачте, стоять возы за вашимъ дворомъ. Чи не можна у васъ переховати пшеницю на якій часъ?

— Душею радъ-бы зробить це для васъ; але якъ хто выявить, то й мени лихо буде.

— Атъ, хто тамъ выявить!

— А той самый жидъ, що вамъ сказавъ, то й грапови скаже. Вы не знаете тихъ жидивъ. А якъ самъ грапъ набижить, та знайде у мене, що тоди буде?

— Змилуйтесь, голубчику, порятуйте мене! вопилъ Баньковскій, хватая за руки о. Харитона. Куды хочте, диньте ту пшеницю.

— Хиба въ дзвиныцю, сказалъ о. Харитонъ, сжалившись надъ Баньковскимъ и выгораживая, хотя и неумѣло, себя.

— Истинно въ дзвиныцю! вскрикнулъ отъ радости Баньковскій. Тамъ и самъ грапъ не посьміе шукати. Тильки якъ найскорише, бо отъ-отъ грапъ наскочить.

О. Харитонъ схватилъ ключи, чтобы вмѣстѣ съ Баньковскимъ идти къ колоколнѣ, гдѣ расположились возы, какъ вдругъ предъ ними появилась Онисія Степановна, взволнованная сколько нахальствомъ Баньковскаго, столько-же и податливостію своего мужа.

— Якъ-то! заговорила она гнѣвно, и возвысивъ голосъ.—Щобъ у насъ переховувалась крадена пшениця, та ще въ дзвиныци? Я того не позволю.

О. Харитонъ руки опустилъ, Баньковскій сталъ красный, какъ ракъ.

— Онисіе Степановно! началъ онъ, немного оправившись. Яка-жъ то крадена пшениця? То такъ, напродажъ, звычайно, панська. Але-жъ то тилько черезъ ничъ, завтра заберу.

— А вы думаете, я ничого не чула? Чула все.

— Але-жъ моя кохана, моя злота, моя дрога, змилуйтесь!

— Яка я вамъ кохана? Есть у васъ коханка, отрѣзала грубо Онися, намекая Баньковскому на Олесю. А злота та дрога, то може ваша коляска, що пиддурили нею мого чоловика. Подивиця на неи, оттамъ въ возовни потрощена стоить, а коли не важко на возахъ, то й заберить зъ собою, та гроши вернить. Стыдно такъ панамъ робити, людей пиддурювати!

Баньковскій понялъ, что ему нечего ждать услуги отъ разгнѣванной матушки, онъ не могъ также снести и сыпавшихся на него обличеній и рѣшилъ поспѣшить къ возамъ, чтобы не потерять дорогаго времени.

— А, якъ сіе пани на мніе такъ гніева, то южъ трудна рада, сказалъ онъ, чтобы скрыть свой стыдъ, и прибавивъ: бувайте здорови! побѣжалъ къ возамъ.

— А тоби чортъ-ма стыда й сорома пускать до себе съ крадеными, та ще въ дзвиныцю! накинулась Онися на о. Харитона по уходѣ Баньковскаго.

— Коли-жъ чоловикъ бидкаеця, просить; якъ-же ёму не помогти?

— Бидкаеця... Злодій, ляхъ нечестивый, та ще й тебе пиддуривъ, гроши запапастивъ, засыпала Онися словами, какъ горохомъ. Баба ты плаксива! Ты-бъ, здаеця, й за жида душу оддавъ-бы.

О. Харитонъ рѣшился молчать, боясь возражать женѣ, и въ тоже время не чувствуя за собою вины, такъ какъ онъ просто хотѣлъ помочь человѣку въ бѣдѣ, а о томъ, что довело его до этой бѣды, не разсуждалъ. Иначе настроена была Онися: помимо всякихъ опасеній за укрывательство, ей и просто хотѣлось косвенно выдать Баньковскаго и тѣмъ отомстить ему за потерянныя на покупку коляски деньги. И дѣйствительно, Баньковскій тутъ-же попался. Не успѣлъ онъ повернуть возы отъ колокольни, какъ налетѣлъ графъ. Баньковскій придумалъ было какое-то объясненіе, но подводчики своими отвѣтами на распросы графа, болѣе по своей простотѣ, чѣмъ по злобѣ на Баньковскаго, выдали его. Графъ понялъ, въ чемъ штука, безцеремонно выбранилъ Баньковскаго и прогналъ его отъ себя. Онися торжествовала.

— Ото ёго Богъ за насъ покаравъ, ото ёму по ти правди! говорила она: не пиддурюй, не обманюй не крадь!

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, въ обстановкѣ окружнаго да и всего духовенства совершалась значительная перемѣна. Батюшки и матушки, заполучивъ деньги, какія и во снѣ имъ не снились, принялись «латать свои диры», производить тѣ или другія улучшенія въ своемъ домашнемъ быту: кто настилалъ полы, кто дѣлалъ пристройку къ дому, кто покупалъ нетычанку или иного названія бричку, на рессорахъ и безъ рессоръ, съ будкой и безъ будки; иные запасались къ зимѣ санями на подрѣзахъ, мѣняли упряжь, прикупали и вымѣнивали съ приплатой лошадей, шили шерстяныя, иные и шелковыя рясы, собачьи или волчьи шубы, бросали треухи изъ черныхъ или сивыхъ барашковъ и такія-же, высокія, съ плисовымъ дномъ и «пятакомъ» на немъ, шапки и шили новыя изъ темно-коричневаго плюша на подклейкѣ, на манеръ камилавокъ, оставляли въ небреженіи старыя, съ костяными, нерѣдко рѣзной работы, набалдашниками, предпочитая имъ новыя, укороченныя, московской продукціи, съ наперстниками аплике и даже чисто серебряными. Самыя закоренѣлыя въ старинѣ матушки снимали и прятали въ сундуки свои намитки и плахты, капоты и шлифроки, намиста и дукачи, а дочери ихъ горсеты и стрички, и обзаводились ситцевыми и шерстяными сподницами и платьями, головными платками — «матерьяными» и шелковыми, а иные чепцами, преданными потомъ забвенію. Покупалась и обновлялась мебель и столовая по-

суда, выносились «ослоны» и «скрыни» и замѣнялись стульями и диванами, уменьшалось число иконъ и увеличивалось число картинъ. Много было шуму и толковъ, насмѣшекъ и пересудъ по поводу начавшейся теперь перемѣны: державшіеся старины осуждали тѣхъ, которые стремились къ новизнѣ, пока сами не сходили на тотъ-же путь, теперь облегченный назначеніемъ жалованья. Даже Онисія Степановна съѣздила въ Богуславъ, перемѣнила купленную о. Харитономъ матерію и сшила себѣ платье у жидка «по журналу» и «зъ мысомъ», а о. Харитонъ съѣздилъ въ Кіевъ на контракты и купилъ нетычанку на заднихъ рессорахъ, да лично для себя крытую сукномъ баранью шубу. Всѣ спѣшили удовлетворить свои ближайшія, неотложныя надобности, не думая о будущемъ, и лишь немногіе догадались и свезли оставшіяся крохи въ единственное тогда кредитное учрежденіе—кіевскую контору государственнаго банка.

Осчастливленные жалованьемъ батюшки и матушки понемногу улучшали свой бытъ и совершенствовались съ внѣшней стороны, не думая о томъ, что теряли они, отдаляясь отъ старины и прилѣпляясь къ новизнѣ. Что сдѣлано или пріобрѣтено, даже съѣдено, или выпито однажды, то незамѣтно входило въ привычку и вкусъ. Потребности умножались, возрастали, привычки крѣпли, а средства оставались тѣже и первоначальный запасъ ихъ давно истощился. Прихожане, зная и часто толкуя о жалованьѣ, умѣряли свое усердіе по части приношеній. Многіе изъ батюшекъ подъ разными предлогами давно прибѣгли къ возвышенію платы за требы, но это возбуждало противъ нихъ прихожанъ; послѣдніе громко говорили о томъ въ домахъ, корчмахъ и на ярмаркахъ. Одинъ о. Харитонъ держался давняго правила: что дадутъ, за все спасибо; но и онъ чувствовалъ, что и жалованья и доходовъ уже не хватаетъ. Онися что ни день приставала къ нему: накинь та накинь на требахъ, якъ по иншихъ селахъ. О. Харитонъ только рукой махалъ. Онися рѣшилась сама приняться за это дѣло.

Однажды пришли два прихожанина «еднатись за вѣнчання». Послѣ обычныхъ переговоровъ, кто и на комъ женится, нѣтъ-ли между женихомъ и невѣстой родства и въ какой день свадьба, когда рѣчь зашла о платѣ и о. Харитонъ безмолвно согласился на предложенный рубль за повѣнчанье, Онися прервала отца жениха на полусловѣ:

— И що бо то вы даете такъ мало? Накиньте ще другого карбованця. Хиба не варто? Такій гарный у васъ парубокъ.

Мужикъ вскинулъ на матушку удивленными глазами и спокойно проговорилъ:

— Даемо, якъ и колись давали.

— Э, колись и гроши були не ти. Теперь, Господи, якъ все дорого стало: теперь и наймитъ дорогшій, и кинь, и вилъ, и визъ дорогшій, и хлибъ, и одежа, и все, до чого не кинься.

— Коли-жъ, матушечко, и на весилля треба грошей, та ще не абы якихъ. Теперь и горилка дорогша, и музыки дорогши, и хустки, й поясы, и кисныки, все-все, говорилъ мужикъ, какъ-бы передразнивая матушку.

Онися не осталась въ долгу. Чѣмъ болѣе старѣлась она, тѣмъ больше говорила. Казалось, что съ лѣтами у нея языкъ выросталъ и становился все длиннѣе и подвижнѣе.

И Господи! затараторила она: що то значить накинути карбованця для такого господаря, якъ вы. Вы и въ дорогу ходите, и пидъ фуру стаете, и коло хозяйства добре дбаете. Вамъ то ничого, а намъ той карбованець въ великій пригоди стане. Гроши кругли, такъ и котяться. Ей Богу, не зоглядисся, якъ и роскотяться. Теперь не пастачишься тихъ грошей, такъ и котяться, такъ и котяться, и хто ёго знае, куды вони диваються. Прикиньте таки карбованця!

Мужикъ помялся и попросилъ батюшку благословить могоричъ.

Что дальше, то меньше стѣснялась Онися въ переговорахъ съ прихожанами относительно требъ, а потомъ и самаго о. Харитона пріучила надбавлять гдѣ гривну, гдѣ пятакъ. Надбавленное однажды входило въ обычай, становилось правиломъ; громада потолковала и стала платить, но отношенія ея къ священнику стали колебаться.

Вырабатывался между тѣмъ проэктъ обезцеченія духовенства не однимъ жалованьемъ. На прихожанъ возложена обязанность строить новыя помѣщенія для причтовъ, гдѣ они были негодны, или оплачивать ихъ готовые дома, если они признавались годными, ремонтировать тѣ и другіе и сверхъ того обрабатывать часть ихъ полевой земли. Послѣднее совсѣмъ взбудоражило крестьянъ и если прежде они въ тихомолку говорили: «пипъ зъ живого и зъ мертвого дерь, та ще й жалуваня бере», то теперь громко вопіяли: «робили

панщину панамъ, а теперь ще й попамъ». При первомъ нарядѣ къ о. Харитону на работу, его прихожане пришли въ полное недоумѣніе.

— Чи се насъ за спасеніе души панъ пригнавъ до васъ, чи таки справди на панщину? спрашивали они батюшку.

— По правди сказати, я и самъ не розберу, отвѣчалъ о. Харитонъ.

Спустя годъ или два послѣ того по селамъ прошелъ слухъ, что панщина въ пользу помѣщиковъ будетъ уменьшена. Народъ заволновался и ждалъ этого, какъ манны небесной, какъ великой милости отъ Бога. Скоро какъ-то и въ Ольшаницу прибыла коммисія изъ предводителя дворянства, исправника и благочиннаго. Согнали людей въ церковь и прочли высочайшій указъ о введеніи такъ называемыхъ инвентарныхъ правилъ, которыми опредѣлялась и значительно уменьшалась «панщина», а одинъ печатный списокъ этихъ правилъ, съ подробнымъ обозначеніемъ, въ какомъ возрастѣ крестьяне обоего пола признавались годными къ работѣ, кто и сколько дней въ недѣлю долженъ отбывать панщины, какую и въ какой мѣрѣ долженъ исполнять работу, и чего не долженъ ни давать, ни работать, тутъ-же всенародно врученъ былъ о. Харитону, съ обязательствомъ ежевоскресно прочитывать и объяснять «правила» въ церкви, а равно читать и вообще по требованію прихожанъ. Вездѣ послѣдовало тоже.—Батюшки читали и объясняли; паны, видя уменьшеніе рабочихъ рукъ и дней, придумали жаловаться, что «попы бунтуютъ крестьянъ». Вышло запрещеніе объяснять «правила», а читать приказано лишь по требованію крестьянъ и только тѣ статьи, относительно которыхъ они будутъ недоумѣвать, не вдаваясь однако ни въ какія объясненія и толкованія. Пришло воскресенье. Прихожане о. Харитона ждали, что вотъ батюшка ихъ выйдетъ «на отпустъ» и еще разъ прочтетъ имъ «правила»; но чтенія не послѣдовало. Крестьяне пошушукались между собою и выйдя изъ церкви, остановились на паперти. Выходитъ о. Харитонъ; они почтительно поклонились ему, обступили его кругомъ и спрашиваютъ:

— А що-то, батюшечко, правилъ намъ сёгодни не вычитували?

— Бо заказано що недили читати, смущенно отвѣчалъ о. Харитонъ.

— Якъ-то, пробачайте, заказано! Але при насъ вамъ ти указы отдано, при насъ казали, щобъ вы намъ що недили прочитували и тлумачили.

— Та же-жъ такъ було, а теперь иначе: написано—тоди тильки вамъ читати, якъ вы того схочете и тильки то, що вы будете потребувати.

— Гм... дивно! сказали нѣкоторые изъ крестьянъ и всѣ разошлись.

Насталъ великій постъ; асаулы объявили по селу, чтобы всѣ сносили обычную дань пану яйцами. Крестьяне къ о. Харитону за разъясненіемъ; тотъ велѣлъ собраться въ церковь и вскорѣ самъ явился.

— Чого потрибуете? Що вамъ читати?

— Прочитайте намъ, батюшко, за яйця!

О. Харитонъ взялъ «правила», долго въ нихъ рылся и наконецъ громко прочелъ: «всѣ косвенные поборы и налоги отмѣняются».

Мужики выпучили глаза и въ недоумѣніи переглянулись.

— Та вы бо намъ, батюшечко, прочитайте за яйця.

— Та же-жъ я вамъ оце заразъ прочитавъ.

— Коли-жъ мы ничого не зрозумили. Скажить намъ, будьте ласкави, чи повинни мы давати яйця панови, чи ни?

— Ничого вамъ не можу казати, бо запрѣщено намъ. Отъ що належиця, я вамъ прочитавъ, а билшъ ничого не скажу.

О. Харитонъ самъ не догадался-бы прочесть именно этотъ параграфъ, но его наставилъ случайно бывшій у него священникъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи, болѣе его развитый и достаточно знавшій русскую грамоту.

Прихожане о. Харитона глубоко вѣрили его правдивости и честности, ничего не сказали, пожали только плечами и съ тѣмъ разошлись.

Настало лѣто. Панъ потребовалъ обычную дань ягодами, грибами, потомъ орѣхами. Мужики снова къ батюшкѣ, но онъ прочелъ имъ тотъ-же параграфъ. Мужики уже и не добивались объясненія, зная по разсказамъ на ярмаркахъ, что нѣкоторые изъ батюшекъ поплатились уже за объясненія. Въ Кіевѣ царилъ тогда грозный Бибиковъ; но и его обошли паны съ помощію уѣздной полиціи, замѣщаемой исключительно почти поляками. По доносу послѣдней одинъ священникъ, обвиненный въ произведеніи не существовавшаго бунта, въ одни сутки доставленъ былъ къ Бибикову на тройкѣ съ жандармами и по его настоянію лишенъ прихода. Это навело страхъ на всѣхъ батюшекъ и они рѣшились молчать. Доставалось, правда, и панамъ отъ того-же Бибикова за инвентари,—одного изъ нихъ

онъ вызвалъ въ Кіевъ, заставилъ выучить наизусть нѣсколько печатныхъ листовъ убійственнаго текста инвентарныхъ правилъ и только проэкзаменовавши лично, отпустилъ домой,—но злоупотребленія ихъ по выполненію инвентарныхъ правилъ открывались рѣдко, благодаря заступничеству и укрывательству закупленной полиціи. Дѣйствуя за одно съ нею, помѣщики-поляки въ большинствѣ старались парализовать дѣйствіе инвентарныхъ правилъ и оставить панщину на прежнемъ положеніи. Были между ними и такіе фанатики-патріоты, которые задались мыслію возбудить народъ противъ властей, вызвать его на волненія и тѣмъ доказать, что народъ грубъ, непокоренъ, бунтливъ, злоупотребляетъ дарованною ему милостію и что въ концѣ концевъ инвентари необходимо отмѣнить. Тѣ и другіе, съ помощію своихъ агентовъ, старались увеличить если не число рабочихъ дней, то самую работу, стали необыкновенно взыскательны и придирчивы, били и мучили нещадно за вину и безъ вины, стѣсняли крестьянъ въ выпасахъ скота, уменьшали количество пахатныхъ полей, или мѣняли лучшія на худшія, близкія на отдаленныя, сгоняли крестьянъ съ села съ хуторовъ, садовъ, пасѣкъ, отнимали левады, сѣнокосы, всякіе льготные клочки, запрещали ловлю рыбы, стѣсняли даже въ водопояхъ. При малѣйшемъ возраженіи или ослушаніи обзывали крестьянъ бунтовщиками, выставляли ихъ такими предъ властями, предавали болѣе предерзыхъ въ руки полиціи, въ колодкахъ и кандалахъ, или накликали полицію и цѣлыя коммисіи и войска на мѣста мнимаго возмущенія, навлекали страшныя наказанія и совершенное почти разореніе. Народъ почувствовалъ, что никогда ему не было такъ тяжело, какъ послѣ введенія инвентарей, а паны и всякая мелкая шляхта сознательно и безсознательно твердила мужикамъ, что все стало чрезъ инвентари, что пока не было инвентарей, и панамъ и людямъ было лучше. Отсюда слѣдовало, что виноватъ тотъ, кто ввелъ инвентари, т. е. правительство. Народъ извѣрился въ панахъ, теперь пересталъ вѣрить и чиновникамъ, посылаемымъ для его вразумленія и успокоенія. Волненіе росло и мѣстами прорвалось, приведя народъ къ новой бѣдѣ.

Въ Ольшаницѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, во все время жатвы, выгоняли на панщину ежедневно всѣхъ—стараго и малаго, мужескій полъ и женскій. Помѣщикъ не въ мѣру увеличилъ на этотъ годъ запашку: панскій хлѣбъ сжинался и свозился, крестьян-

скій пропадалъ на корню. Крестьяне возроптали; они собрались къ пану гурьбою и просили, «щобъ було по левентарю», т. е. чтобы, отработавъ ему указанное въ инвентаряхъ число дней, они могли въ остальные работать для себя. Панъ усмотрѣлъ въ этомъ ослушаніе и пригрозилъ розгами и плетьми, а нѣкоторыхъ для примѣра тутъ-же высѣкъ. Крестьяне на другой день совсѣмъ не явились къ пану на работу, а пошли на свои нивы. Произошли легкія схватки, а больше перебранка между ѣдущими на поле людьми и экономомъ и «сипаками», гнавшими ихъ на панскій ланъ. Помѣщикъ послалъ гонца къ становому, что у него въ имѣніи открытый бунтъ. Становой донесъ исправнику, исправникъ губернатору, и чрезъ нѣсколько дней въ Ольшаницу вступила рота солдатъ въ сопровожденіи исправника и другихъ полицейскихъ чиновъ. Собрали крестьянъ и, объявивъ ихъ бунтовщиками, потребовали безпрекословнаго повиновенія помѣщику. Тѣ стали оправдываться, возражать, ихъ обвинили въ упорствѣ и требовали выдачи зачинщиковъ. Всѣ думали и дѣйствовали одинаково и никто никого выдавать не могъ. Розыски, увѣщанія затянулись, а между тѣмъ куры, гуси, поросята, бараны и даже телки массами забирались на прокормленіе солдатъ, а сѣно и овесъ для лошадей начальства. Уже самъ помѣщикъ указалъ на старосту и его двухъ братьевъ, какъ на главныхъ бунтовщиковъ. Ихъ хотѣли арестовать, но они скрылись. Пошли розыски, угрозы всѣхъ пересѣчь и десятаго въ солдаты сдать.

Розыски продолжались, какъ однажды вечеромъ о. Харитонъ, разговаривая съ Описей, услыхалъ чуть замѣтный стукъ въ окно, а оглянувшись назадъ, увидалъ въ окнѣ мертвенно-блѣдное лице старосты.

— Выйдить, паноче, сюды, та такъ, щобъ нихто зъ наймитивъ не бачивъ, проговорилъ чуть слышно староста подъ окномъ.

О. Харитонъ вышелъ за уголъ своего дома и нашелъ тамъ старосту и его братьевъ, дрожащихъ отъ страха.

— Рятуйте, паноченьку! просили они, кланяясь до земли. Переховайте насъ де небудь, бо насъ шукають скризь, хотять бити та на Сибирь заслати.

— Боже мій! Дежъ я васъ сховаю? А якъ почнуть трусити и въ моій осели? прошепталъ о. Харитонъ.

Мнимые бунтовщики повѣсили головы. Но тутъ выбѣжала Онися и узнавъ, въ чемъ дѣло, торопливо заговорила:

— Ховайтесь въ дзвиныцю; въ дзвиныци не посьміють трусити. Йдить мерщій черезъ садокъ; ты, паноче неси ключи, а я достану хлиба та воды.

Черезъ нѣсколько минутъ староста съ братьями сидѣли въ коморкѣ колокольни; матушка принесла харчи, а о. Харитонъ заперъ коморку и колокольню на замокъ и тихонько съ Онисею вернулись черезъ садъ въ свой домъ.

Полицейскіе и солдаты обѣгали все село, искали по хатамъ, по коморамъ, хлѣвамъ и огородамъ, въ погребахъ и на вышкахъ; но староста Онопріенко и два его брата будто въ воду упали. Порѣшивъ, что они бѣжали изъ села, съѣхавшая коммисія учинила жестокую расправу съ ольшаницинoю громадою за крайнее ея упорство и укрывательство главныхъ зачинщиковъ мнимаго бунта. Согнали народъ на выгонъ, окружили цѣпью солдатъ и началась безпощадная порка. Сначала сѣкли по указанію помѣщика выдающихся ослушниковъ, потомъ били десятаго и наконецъ объявили, что такъ поступлено будетъ со всякимъ, кто не выйдетъ на панщину и окажетъ ослушаніе помѣщику. Хаты и господарство старосты и его братьевъ подверглись разоренію, семейства ихъ перешли къ сосѣдямъ. Коммисія удалилась, а солдаты еще нѣсколько дней оставались въ Ольшаницѣ для успокоенія жителей, какъ объявила коммисія.

Всю ночь и весь день просидѣли братья Онопріенки въ колокольнѣ. Въ слѣдующую ночь о. Харитонъ принесъ имъ запасъ продовольствія и нѣсколько денегъ и посовѣтывалъ бѣжать изъ села куда либо далеко, въ виду грозившей имъ великой бѣды. Братья залились горькими слезами.

— Тикайте, наставлялъ ихъ батюшка: тикайте на сахарни, ставайте на роботу та приносьте инколи гроши жинкамъ. Приходьте просто до мене въ глупую ничъ; застукайте въ викно, я до васъ выйду и зроблю, що тильки скажете, а тимъ часомъ тикайте, бо завтра завдадуть васъ туды, де козамъ рога правлять.

Братья упали къ ногамъ его; онъ благословлялъ ихъ и утѣшалъ и вывелъ чрезъ свой и сосѣдніе сады въ поле.

Три зажиточные хозяева, добрые отцы семействъ, степенные, уважаемые люди пошли по свѣту бурлаками. И не одинъ разъ въ году, въ темную ночь, кто-то тихонько стучался къ батюшкѣ въ окно, и каждый разъ мягкосердый панъ-отецъ выходилъ на стукъ, долго шептался, что либо бралъ отъ пришедшаго или ему давалъ, иногда-жъ провожалъ въ коморку колокольни на два-три дня. То приходили безталанные бурлаки, братья Онопріенки, подъ покровомъ батюшки видѣвшіеся съ своими семьями и поддерживавшіе ихъ существованіе.

Время шло, Моссаковскіе старѣлись, дочери ихъ подростали и увеличивали расходы родителей. Взяли они отъ польки учительницы старшую дочь и отвезли въ Богуславъ двухъ другихъ, а за тѣми слѣдовалъ еще цѣлый рядъ Палажекъ и Горпиновъ. Пастуня прошла нехитрую науку, выучилась пополамъ съ грѣхомъ по польски и немного по русски, отчасти вышивать и вязать, порядочно танцовать, а главное—дѣлать книксены и даже строить глазки. Не смотря на то, она внесла незамѣтно рѣзкую перемѣну въ протой домашній складъ жизни, начавъ съ того, что вопреки старосвѣтскому обычаю выходила смѣло къ гостямъ и садилась рядомъ съ ними.

Съ выростаніемъ дочерей росли и заботы Онисіи Степановны. Пуще прежняго налегла она на хозяйство, чтобы восполнять чувствовавшійся съ каждымъ годомъ недостатокъ средствъ: сама ѣздила къ рабочимъ на поле, стояла надъ ихъ шеей и отпускала ихъ домой лишь по заходѣ солнца. Слугамъ у нея просто житья не стало: она будила ихъ чуть не съ первыми пѣтухами, грызлась съ ними цѣлый день, заваливала роботой, а женскую прислугу морила до полночи и за полночь. Наймиты и особливо наймички отказывались служить у матушки.

Разъ какъ-то нанялась къ Онисьѣ Степановнѣ сильная, работящая дѣвка изъ Богуслава, Маруся. Она успѣвала за двоихъ; но, какъ говоритъ пословица: «хто добре везе, того й поганяють», то и Марусю матушка вздумала погонять и погоняла до тѣхъ поръ, пока та не бросила ее въ самую горячую пору, не дослуживши году.

Спустя нѣсколько дней Онисѣ понадобилось поѣхать въ Богуславъ на базаръ. Тутъ случайно она узнала отъ людей, что ея Маруся находится на службѣ у Балабухи. Онися позеленѣла отъ злости; для нея не могло быть сомнѣнія въ томъ, что

Маруся ушла отъ нея не сама по себѣ, но по подговору благочинной; она чувствовала притомъ всю невозможность найти въ рабочую пору наймичку, равно и обойтись безъ нея въ сложномъ хозяйствѣ, которое, съ уходомъ Маруси, пошло, какъ мельничное колесо, лишившееся одного зуба. Ничего не думая и не соображая, движимая однимъ лишь гнѣвомъ и желаніемъ во что-бы не стало отобрать Марусю, Онися бѣгомъ почти пустилась къ Балабухамъ, влетѣла къ нимъ съ азартомъ и послѣ не совсѣмъ любезныхъ привѣтствій приступила къ объясненію.

— Не годиться, госпоже благочинно, одмовляти у людей наймичокъ! говорила, между прочимъ, Онися. Теперъ жнива, треба хапати хлибъ на поли, треба комусь зварити и спекти дома, и коровы подоити, и овець доглядить, и кабанивъ нагодувати, и до череды одигнати. Въ мене велике господарство и великій скрутъ. Я не вмію до пивдня спати, а зъ пивдня по свитлыци похожати...

Олеся отнеслась къ своей противницѣ совершенно спокойно, даже насмѣшливо; это еще болѣе раздражило ее и она продолжала вычитывать, какъ по книгѣ:

— Въ мене симья, въ мене дочки; мени не можна обійтись безъ наймичокъ. Отъ взяла Настуню зъ пенсіи, теперъ Горпинку и Палазю одвезла. Дочки ростуть; треба для ихъ дбати, треба напрясти и пошити, та ще-бъ було-бъ зъ чого. Отъ выбрали конопли, часъ уже и ленъ брати... Що я безъ наймички робытиму? Отъ й сегодня сама й коровы доила, сама й пекла й варила...

Олеся только засмѣялась, выслушавъ всю эту дребедень. Онися не выдержала и прямо брякнула:

— Въ кого въ двори нема й поросяты, а въ хати нема й кішки, тому тильки смишки.

Олеся стала среди комнаты и выпучила на Онисю глаза.

— Чи вы прыихали въ гости, чи лаятись зъ нами? спросила она ее.

— Не лаятись, а по свою наймичку прыихала, сказала Онися.

— А коли такъ, то берить іи соби, вона мени не дуже потрибна, отвѣчала Олеся.

— Якъ вона схоче, то нехай йде зъ вами, добавилъ Балабуха, поднимаясь со стула, и отворивъ дверь въ кухню, кликнулъ Марусю.

Вошла Маруся. Онися приступила къ ней съ докоромъ и рѣшительнымъ требованіемъ возвратиться къ ней на службу. Та от-

вѣчала ей рѣзкимъ и грубымъ отказомъ и стремительно вышла за дверь. Пристыженная и раздраженная Онися, бросивъ хозяевъ, побѣжала за Марусею въ кухню, накинулась на нее съ бранью, приступала съ кулаками, грозила становымъ.

— Хочъ мене въ тюрму ведить, а я не пиду до васъ служити, отвѣчала рѣшительно Маруся.

— А коли сама не пидешъ, то тебе приведуть до мене, крикнула Онися, и съ этими словами вихремъ устремилась изъ кухни на крыльце, чтобы бѣжать къ становому.

— Прощайте, отець благочинный! сказала она Балабухѣ, стоявшему въ растворенной изъ свѣтлицы двери. Спасиби вамъ за вашу послугу. Я одъ васъ сего не сподивалась. Це мабуть вы одбили въ мене наймичку за колишнись гарбузы...

Балабуха, а за нимъ Олеся съ изумленіемъ смотрѣли на взбѣсившуюся Онисю. Она, едва кивнувъ имъ головою, стремглавъ полетѣла со двора прямо въ становую квартиру. Становой только посмѣялся надъ простодушною матушкою, и Онися съ скрежещущими зубами поѣхала домой. Только подъѣзжая къ Ольшаницѣ, она, придя не много въ себя, подумала было, не хватила-ли она черезъ край; но врожденная ей дикая гордость и старые счеты съ Балабухами не позволили ей сознать свою ошибку.

Молча вошла Онися въ комнату, возвратившись домой, и какъ ни допытывался у нея о. Харитонъ о причинѣ ея огорченія и разстройства, не сказала ему ни слова: ей было одинаково и стыдно и досадно за свою горячность и за свою неудачу.

На другой день, не успѣли пообѣдать, какъ явился отъ благочиннаго посланецъ съ письмомъ. Для о. Харитона это было полною неожиданностію, такъ какъ съ благочиннымъ у него не было никогда частной переписки. Не безъ волненія онъ распечаталъ письмо и едва могъ дочитать оное до конца. Балабуха сдержанно, но тѣмъ не менѣе сильно выговаривалъ о. Харитону за вчерашнюю выходку его жены, коротко изобразилъ произведенную ею бурную сцену, привелъ наиболѣе оскорбительныя ея фразы и въ заключеніе просилъ передать Онисіѣ Степановнѣ, чтобы она впредь избавила его отъ своихъ посѣщеній и не являлась къ нему въ домъ.

Пока о. Харитонъ разбиралъ письмо, Онися, зацѣпивъ большой мотокъ пряжи за ручку двери и столбикъ кровати, быстро

наматывала нитки на клубокъ. По посланцу она знала, отъ кого письмо, догадывалась и о томъ, по какому поводу оно прислано. Густая краска выступила на ея лицѣ, когда о. Харитонъ распечатывалъ письмо, но скоро она овладѣла собой и спокойно продолжала свою роботу.

— Охъ, Боже мій! Ой, що-жъ це вы зробили! вскричалъ о. Харитонъ, дочитавъ письмо.

— А те зробила, що треба було, отвѣчала Онися спокойно и твердо. Прочитала добру молитву и благочинни и благочинному.

— Ой, що-жъ вы тамъ робили, що казали? спрашивалъ о. Харитонъ, желая удостовѣриться, такъ-ли оно было, какъ писалъ благочинный.

— Що казала? Вылаяла на вси боки, та й поихала, коротко отвѣчала Онися. Нехай не одмовляють въ мене наймички.

— А бодай-же васъ Богъ любивъ! Що-жъ мы теперъ будемъ робити?

— Що робили, те й робитимемъ. Тильки-бъ и лиха, що зъ благочиннымъ полаялась.

— Ой, бодай-же васъ курка вбрыкнула. И треба було вамъ ѣхати та лаятись!

— Не за тимъ я ѣздила, щобъ лаятись. Поихала на торгъ; люди сказали, що Маруся въ Балабухи; я пишла та й вылаяла.

— Ой, бодай-же вамъ жаба на ногу настоптала, або мышь васъ переллякала! Наробили лиха; буде-жъ теперь намъ.

— Не мели ка-зна-чого языкомъ, бо я ще й тебе вылаю. Боюсь я дуже твого благочинного.

— Охъ, не кажить сёго, Онисіе Степановно! Вы не знаете, якъ винъ розгнивався. Пише, щобъ и нога ваша въ ёго доми не була.

— Отъ-то мени завгорить! Стану я ѣздити до его поганои гусарськои коханки.

— Добре вамъ такъ казати, а мени хочъ зъ парафіи втикай. Донече винъ мене на тихъ книгахъ та отчетахъ.

— А коли ты такъ его боишься, то одпиши ему визъ горшкивъ, якъ колись, то й пересердиця.

— Э, ни, вже горшками тутъ не одбудемо. Треба буде вамъ самимъ поихати та перепрохати.

— А бодай винъ не диждавъ, щобъ я его перепрошувала. Нехай Олеська прыиде та мене ще перепросить.

Переговорить свою супругу о. Харитону еще ни разу не удавалось, переубѣдить ее тѣмъ болѣе. Такъ было и на этотъ разъ. Но его опасенія не были плодомъ минутно навѣяннаго страха, или послѣдствіемъ его трусливаго характера. Онъ инстинктивно чувствовалъ и только не могъ выяснить ни себѣ, ни другимъ всю непрочность своего положенія. Время шло, образованіе въ духовенствѣ росло и брало верхъ надъ простотою прежняго времени. Съ каждымъ годомъ увеличивалось число молодыхъ священниковъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи. Обычай выбора священниковъ громадами давно утратилъ свое значеніе; епархіальное начальство назначало ихъ по своему усмотрѣнію. Штаты 1842 г. захватили священниковъ на приходахъ, какъ ихъ прежде распредѣлила судьба по выборамъ и другимъ вліяніямъ, при чемъ нерѣдко простой, нигдѣ не учившійся, или изъ низшихъ классовъ вышедшій священникъ занималъ большой приходъ и получалъ высшій окладъ жалованья и наоборотъ на меньшихъ приходахъ и окладахъ мѣстились молодые священники изъ окончившихъ богословскій курсъ. Епархіальное начальство, прекративъ производство во священники изъ неокончившихъ, раздавало приходы по успѣхамъ и заслугамъ, а при случаѣ и прежнихъ неучившихся священниковъ переводило съ большихъ приходовъ на меньшіе. Подобный случай былъ недавно въ богуславскомъ благочиніи и навелъ страхъ на о. Харитона. Теперь, послѣ грубой выходки Онисиа противъ Балабухъ, этотъ страхъ долженъ былъ еще болѣе усилиться. Стоило благочинному дать о. Харитону плохую отмѣтку въ клировыхъ вѣдомостяхъ, и тогда пиши пропало.

— Треба ûхати до благочинного на поклинъ, сказалъ послѣ недѣльнаго раздумья о. Харитонъ своей Онисѣ: бо якъ напише, якои вы поведенціи, то буде вамъ.

— А яке ему дило до моеи поведенціи? сердито вскрикнула Онисія: отъ нехай напише, якои поведенціи его Олеся! Оце буде добре.

И вже, про свою жинку не напише, а про васъ напише. Отъ прыидуть, визьмуть васъ та й посадять въ лебединській монастыръ на мисяць, або на два. Будете черныцямъ грубы топити та воду носити.

— Атъ, дурный! Ка-зна-що меле. Того ще зъ роду не бувало, щобъ попадь сажали въ манастыръ, а якъ тебе посадять, то по ти правди буде, щобъ ты не бувъ такій плохій; бо тоби, якъ тому собаци, хоть на хвистъ наступи, то ты все мовчатимешъ.

Прошла недѣля, пронесся слухъ о смерти богуславскаго протоіерея, а спустя двѣ недѣли Балабуха назначенъ на его мѣсто. Какъ заслышалъ объ этомъ о. Харитонъ, то чуть не обомлѣлъ.

— Отъ теперъ мы пропали! кричалъ онъ, бѣгая по комнатѣ. Ой моя лиха година та нещаслива! Треба йхати та перепросити Балабуху, поки само лихо не прыихало въ двиръ.—И о. Харитонъ велѣлъ запречь лошадей и покатилъ въ Богуславъ.

Балабуха принялъ его холодно и нѣсколько гордо. Не помогло ни поздравленіе съ протопопствомъ, ни униженное извиненіе за проступокъ Описіи Степановны. Балабуха далъ почувствовать о. Харитону, что онъ слишкомъ распустилъ свою жену, намекнулъ и о томъ, что самъ онъ держитъ себя слишкомъ просто съ своими прихожанами и бражничаетъ съ ними, что принимаетъ съ требами чужихъ прихожанъ и что въ метрическихъ книгахъ и другихъ записяхъ у него такой непорядокъ, что не мѣшало-бы къ нему прислать столоначальника для исправленій и разъясненій.

О. Харитонъ вышелъ отъ Балабухи, какъ пришибленный. Въ подтвержденіе какъ-бы сказаннаго Балабухою, встрѣтившій о. Харитона у воротъ протоіерея столоначальникъ духовнаго правленія шепнулъ ему, что собирается къ нему въ гости. О. Харитонъ поспѣшилъ домой и сообщилъ все женѣ. Онися только теперь почувствовала, что дала маху, особливо при извѣстіи, что столоначальникъ ѣдетъ къ нимъ въ гости.

— Знаю я, яки то гости, говорила она: теперь одчиняй комору й скрыни, души курей та гусей. И понисъ мене чортъ до теени Олеси!

— Ой, не одбудемо ёго курми та гусьми: доведеця вамъ, Описіе Степановно, карбованци доставати зъ скрыни, добавилъ о. Харитонъ.

Осенью, только что собрали хлѣбъ съ полей, пріѣхалъ въ Ольшаницу новоназначенный протоіерей ревизовать церковь. Онъ былъ очень строгъ, придирался ко всему, дѣлалъ замѣчанія и выговоры за все—за пыль, усмотрѣнную на жертвенникѣ и сосудахъ, за прорванныя ризы, за обтрепанное старое кропило, за оставленный сторожемъ въ алтарѣ вѣникъ. За все это досталось о. Харитону, и не мало своихъ карбованцевъ доложилъ онъ къ тѣмъ, что, по обычаю, давалъ староста за осмотръ церкви. Онися и не показывалась на глаза Балабухѣ; угощалъ его самъ о. Харитонъ. Только что протопопъ съѣхалъ со двора, какъ въ дворъ ввалился

столоначальникъ Крискентъ Харлампіевичъ Млинковскій съ четырмя дочерьми. За нетычанкою, на которой возсѣдалъ Млинковскій съ семействомъ, слѣдовалъ простой возъ, переполненный до верху мѣшками.

О. Харитонъ стоялъ на крыльцѣ и, замѣтивъ въѣзжавшаго гостя, подумалъ про себя:

— Ну, цей мене и объисть, и обипье, и обдере.—Онъ зналъ, что этотъ недавно переведенный откуда-то за взятки столоначальникъ имѣетъ обыкновеніе объѣзжать батюшекъ своего уѣзда и собирать съ нихъ дань всякою живностью и зерномъ.

— Добры-день, отче Харитоне! кричалъ ему издали веселый Млинковскій такимъ хриплымъ голосомъ, какъ будто онъ шелъ изъ пустой бочки.

— Доброго здоровья, Крискентъ Харлампіевичъ! Просимо до господы, отозвался къ нему придавленнымъ голосомъ о. Харитонъ.

Млинковскій проворно соскочилъ съ подкатившей къ крыльцу нетычанки, снялъ съ себя шинель синяго сукна, встряхнулъ ее на воздухѣ и снова надѣлъ, отряхнулъ рукой черные густые бакенбарды и сталъ въ засосъ цѣловаться съ хозяиномъ. За нимъ спрыгнули его дочери и начали также отряхать свои мантоны и платья.

— Выпряжи, хлопче, коня, та дай имъ сина, та засыпъ вивса, та напій, а потимъ рушай на ничъ до дому,—говорилъ столоначальникъ привезшему его наймиту сосѣдняго священника. А ты, старосто, знеси мишки въ оту комору, та йдь соби до дому. О. Харитонъ! одчинить старости комору, нехай позносить мишки, а вы вже, будьте ласкави, одвезете въ Богуславъ до моеи господы своими волами.

— Добре, добре! отозвался о. Харитонъ и побѣжалъ въ комнату за ключами отъ коморы.

Млинковскій распоряжался въ чужомъ дворѣ, какъ у себя дома. Пріучила его къ этому нужда и господствовавшій тогда всюду взглядъ на кормленіе отъ службы. Получалъ онъ жалованья сто рублей въ годъ, а въ семьѣ у него было семь дочерей и два сына. Чтобъ прокармливать такую огромную семью при столь ничтожномъ жалованьѣ, надо было имѣть особую изобрѣтательность и на недостатокъ оной не могъ пожаловаться Млинковскій. Сначала онъ самъ объѣзжалъ свою епархію, и самымъ дешевымъ способомъ: выѣзжалъ на нанятыхъ лошадяхъ въ ближайшее село, тутъ выпрашивалъ у

батюшки провизіи, потомъ батюшка отвозилъ его и провизію къ другому сосѣднему батюшкѣ, а тотъ, надѣливъ его, чѣмъ могъ, препровождалъ дальше. Когда возъ съ провизіею переполнялся, попавшій въ очередь батюшка долженъ былъ все собранное отослать прямо въ Богуславъ, а Млинковскій продолжалъ объѣздъ, пока наконецъ самъ не въѣзжалъ съ послѣдними мѣшками въ свой собственный дворъ. Теперь у него дочери повыростали; дома въ продовольствіи былъ большой расходъ и онъ придумалъ, подъ предлогомъ, чтобы дѣти дома не скучали, поразвезть ихъ на зиму къ батюшкамъ, особливо къ старымъ, у которыхъ метрики и отчеты были не совсѣмъ исправны. Приняты были при этомъ въ соображеніе и личныя отношенія священниковъ къ протоіерею. Млинковскій зналъ, что Онися вооружила противъ себя протопопшу, и задумалъ спихнуть ей на прокормленіе хотя-бы двухъ дочекъ, а если найдется мѣсто, то и всѣхъ четырехъ.

Пока панны отряхались и оправлялись, о. Харитонъ отперъ комору и выдалъ пріѣзжему хлопцу овса, а отъ сосѣдняго старосты принялъ провизію, при чемъ Млинковскій, какъ-бы желая помочь хозяину, самъ вышелъ въ комору и посчиталъ свои мѣшки съ мукой, крупой и зерновымъ хлѣбомъ, да мимоходомъ окинулъ глазомъ запасы о. Харитона.

— Теперъ хочъ и до господы та й по чарци, сказалъ въ заключеніе Млинковскій.

О. Харитонъ попросилъ гостей въ комнаты.

Млинковскій, войдя въ свѣтлицу, вторично трижды облобызалъ о. Харитона. Въ его лицѣ отражалось природное добродушіе, въ характерѣ было не мало веселости, въ маперахъ своего рода мягкости, которая дѣлала не столь чувствительными производимые имъ поборы. Широкая лысина на его головѣ свѣтилась, какъ полный мѣсяцъ. По краямъ лысины спускались густыя космы темныхъ волосъ. Въ густыхъ черныхъ бакенбардахъ лишь кое-гдѣ серебреными нитьями блестѣла сѣдина. Смуглое, красноватое лице, гладко выбритый синеватый подбородокъ и значительно выдавшійся кадыкъ— все лоснилось, какъ-бы смазано было оливой. Толстый, нѣсколько вздернутый, носъ фіолетоваго цвѣта напоминалъ красно-синюю бульбу, облитую масломъ. Исхудалое лице, мускулистая шея, съ выдавшимися жилами, костлявыя руки, обросшія вокругъ волосами,

все показывало, что Млинковскій много претерпѣлъ въ своей жизни нужды, голода и холода и что вмѣстѣ съ тѣмъ въ недолгій свой вѣкъ онъ осушилъ не одну бочку сивухи.

Четыре дочери Млинковскаго, красивыя брюнетки, усѣлись рядкомъ на стульяхъ. Млинковскій, сказавъ слова два въ видѣ привѣтствія, еще разъ поздоровался и поцѣловался съ о. Харитономъ, какъ-бы былъ близкій его пріятель или родственникъ.

— А де-жъ ваши дочки? Нехай лишь выходять до моихъ паннивъ, началъ гость. Та чи не можна-бъ, паноче, по чарци. Въ городи въ цей часъ уже пьють чай. Чи въ васъ такъ е самоваръ, чи ще й доси не спромоглись?

— Е й самоваръ и по чарци заразъ буде, отвѣчалъ о. Харитонъ, удивляясь нѣсколько поспѣшности столоначальника.

— А поки по чарци, звелить, паноче, запрягти волы, та одвезти мои мишки завидна до Богуслава, сказалъ Млинковскій.

— Добре, добре! заразъ, говорилъ о. Харитонъ, недоумѣвая, за что прежде схватиться: идти-ли звать своихъ дочерей, или велѣть воловъ запрягать.

Между тѣмъ Настуня и Палазя успѣли уже принарядиться и вышли въ свѣтлицу. Они поцѣловались съ паннами, усѣлись рядомъ съ ними, сложили руки и молчали, искоса оглядывая городскихъ барышень. Скоро вышла Онисія Степановна и поздоровалась съ гостями, а вслѣдъ за ней появилась наймичка съ водкой и закуской.

— Просю-жъ теперь по чарци, сказалъ о. Харитонъ, поднимаясь со стула и обращаясь къ Млинковскому. Но тотъ, замѣтивъ, что на столъ подана одна лишь водка, какимъ-то болѣзненнымъ голосомъ заговорилъ:

— Ой, коли-бъ вы знали, отче Харитоне, пославъ оце мене докторъ на села, на свиже повитря, та заборонивъ горилку пити...

— То може наливочки, вишнивочки або терниночки, промолвила Онися сладкимъ голоскомъ, какъ-бы проникшись состраданіемъ къ болѣзнующему гостю.

— Не можна, пани матко, ни вишнивки, ни дерниивки, а тильки хиба сливъянки. Сливъянка, каже докторъ, на груди пользуе.

— То що-жъ? Можно й сливъянки, сказала Онися, не понимая еще, въ чемъ дѣло.

О, поздоровъ Боже васъ! у васъ въ садку сливъ, якъ хмелю. Кажить лишень пляшечку-другу сливъянки принести, говорилъ Млинковскій, болѣе твердымъ голосомъ, какъ-бы уже облегчивъ грудь сливянкою.

— Бижи Настуню, сказала Онися старшей своей дочери, та наточи сливъянки.

— Та берить здорову яндолу, або макитру, добавилъ Млинковскій. Коли вже личитись, то треба добре личитись.

— У насъ въ городи, продолжалъ онъ, въ цей часъ уже чай пьють. Мабуть и у васъ уже самоваръ буде швидко.

— А не забаромъ буде, отвѣчала Онися и только теперь шепнула на ухо младшей дочери, чтобы распорядилась поставить самоваръ.

— Якъ-то воно не однаково у людей ведеться, говорилъ тотъ-же Млинковскій по поводу самовара, стараясь обезпечить себя и на дальнѣйшее время. Отъ у васъ на селахъ самоваръ ставлять тильки для гостей, а въ насъ въ городи чай пьють рано й вечиръ: встанемо въ ранци, повмываемось, повдягаемось, Богу помолимось, та заразъ и за чай. Вже, будьте ласкави, пани-матко, кажить завтра раненько наставити самоваръ, бо такій, бачите, у насъ звычай.

— А чомъ-же? отвѣчала Онися: поставимо самоваръ и завтра.

— А вже мабуть волы запряжени? обратился Млинковскій къ о. Харитону, намекая на отправку провизіи въ Богуславъ.

— Вже й мишки поскладани, сказалъ о. Харитонъ, глянувъ въ окно.

Млинковскій вышелъ на крыльце; о. Харитонъ послѣдовалъ за нимъ и оба дали наказъ погоничу, отправлявшемуся съ провизіею, куда доставить ее. Между тѣмъ и другой погоничъ, доставившій Млинковскаго съ дочерьми, накормивъ лошадей, выѣзжалъ со двора. Увидѣвъ его въ окно, Онися чуть въ обморокъ не впала: очевидно стало для нея, что Млинковскій располагаетъ пробыть у нея не малый часъ.

Гость и хозяинъ возвратились въ комнату. О. Харитонъ, которому самому хотѣлось уже выпить, взявшись за графинъ, обратился къ гостю съ вопросомъ:

— То, кажете, не можно вамъ цеей?

— Не можна, паноче, не можна. Хиба одну.

— Та що-жъ вамъ таке?

— Груди болять.

— А чимъ-же вы личитесь?

— Сливъянкою, паноче! кажу вамъ, сливъянкою. Сливъянка васъ выпользуе, казавъ докторъ. Отъ я й поихавъ по батюшкахъ та й личусь; де знайду сливъянку, то й личусь. Добре, що у васъ є сливъянка, та мабуть здорове барило.

— Е, хвалити Господа! говорилъ простодушный о. Харитонъ, а Онисю все передернуло отъ этого разговора.

Подали чай. Млинковскій выпилъ рюмку водки, заткнулъ графинъ пробкой и попросилъ вынести его совсѣмъ, чтобы не было соблазна болѣзнующему человѣку. Подали между тѣмъ сливянку. Млинковскій налилъ полный стаканъ и вытянулъ до дна, потомъ налилъ вновь и поставилъ стаканъ предъ собою.

— Чи це въ васъ, паноче, тильки дви хатины, якъ дви клитки? спросилъ онъ, послѣ минутнаго размышленія, и потянулся къ сосѣдней съ свѣтлицей комнатѣ.

— Е ще й третя, отвѣчалъ о. Харитонъ. Недавно перегородивъ сини пополамъ и зробивъ кимнатку для дочокъ. Млинковскій будто изъ любопытства прошелъ въ эту третью комнату, а осматривая ее и разставленныя въ ней кроватки, соображалъ, сколькихъ изъ своихъ дочерей онъ можетъ оставить батюшкѣ на прокормленіе. Вышло по его соображенію, что можно оставить только двухъ, потому что остальнымъ двумъ не было-бы гдѣ спать.

— Та й добра-жъ у васъ сливъянка! началъ вновь Млинковскій, возвратясь къ оставленному на столѣ стакану. Така добра, що я мабуть не швидко вырвусь зъ вашои хаты.

— Пыйте на здоровъячко та очунойте, тихо промолвилъ о. Харитонъ.

— Колибъ була знала таке лихо, була-бъ накидала полыню въ барило, подумала Онися: выдудлить оцей цыганъ усе барило.

— А коли вы обидаете? спросилъ Млинковскій у Ониси какъ-бы не взначай.

— Та вже-жъ не противъ ночи, а въ ранци, звычайно по сильски, сказала Онися.

— По сильски, якъ на дворі сьвитае. А въ насъ въ городи тоди ще сплять, а обидають ажъ о пивъ-дни, а въ ранци тильки чай пъють та снидають, пояснялъ Млинковскій, дѣлая соотвѣтственные

намеки относительно распорядка жизни оставляемыхъ дочерей; мы звыкли спати довго, а обидати въ вашъ полудень.

Панны перезнакомились и завели веселый разговоръ, бренчали на гитарѣ, а потомъ пустились танцовать. Млинковскій пропустилъ въ этотъ вечеръ въ свою утробу добрую «макитру» сливянки.

— Ну та й добра въ васъ сливъянка! говорилъ онъ, чмокая губами.

— Чи хочъ трохи вамъ полегшало, Крискентъ Харлампіевичъ? спросилъ о. Харитонъ.

— Ого, ще й якъ полегшало! Такъ неначе хто помазавъ медомъ по грудяхъ, та по животи.

— Чи не можна, пани-матко, обратился онъ къ хозяйкѣ, наточити ще макитру на ничъ? Въ мене, бачите, въ ночи якось въ грудяхъ закладае та й смага въ роти стае.

— То може водыци погожои на ничъ вамъ поставити? лукаво спросила Онися.

— Отъ-же й воду докторъ заборонивъ: вода, каже, животови не пользуе,— нашелся что сказать Млинковскій.

Послѣ ужина Онися должна была идти въ погребъ и наточить опять «макитру» сливянки. Млинковскій лѣчился такимъ способомъ до полночи, потомъ день и другой. Онися догадалась развести наливку водою. Млинковскій попробовалъ и вытаращилъ на матушку глаза. Та поняла, что значитъ этотъ взглядъ и, немного замявшись, сказала:

— Ця мабуть слабша. То, бачите, бувъ первакъ, трохи було зосталось, а це вже въ друге недавно наливали, такъ ще, знати, не настоялась.

— Нехай-же настоюеться, слегка улыбнувшись, сказалъ Млинковскій, а вы, паноче, одвезить мене до о. Прокопа.

О. Харитонъ вышелъ распорядиться отправкою гостя и заготовленіемъ для него провизіи, а возвратясь, счелъ нужнымъ на счетъ послѣдней вступить съ столоначальникомъ въ нѣкоторое объясненіе, такъ какъ слышалъ раньше о его разборчивомъ вкусѣ.

— Отъ то-жъ, Крискентъ Харлампіевичъ, просю приняти одъ мене де-що зъ нашого хозяйства; дома тамъ воно може здасться вамъ.

— Спасыби вамъ, спасыби, съ живостію произнесъ Млинковскій и прибавилъ какъ-бы про себя:

— Що здасться, а що може и не здасться. Чимъ тамъ васъ Богъ наградивъ?

— Мишокъ житнёго борошна, та мишокъ пшеничного звелишъ набрати вамъ, съ нѣкоторою робостію сказалъ о. Харитонъ; прыймить, будьте ласкави.

— За житню спасыби, а пшеничну визьму. Моя жинка не любить житнёго хлиба, такъ само слабіе, якъ и я. Одначе може свини зъидять. Звелить кинути на визъ мишкивъ зо два, або зо три, сказалъ Млинковскій.

— Добре, покладемо. Та будьте ласкави, не прогнивайтесь за мои книги, тихо проговорилъ о. Харитонъ.

— Тамъ щось вы наплутали, паноче, въ першій части о родившихся... Гмъ... Така плутанина... Розбиравъ я, розбиравъ, та насилу ладу давъ. Здається, у васъ уродилась картопля. Звелить кинути на визъ мишкивъ зо два, або зо три. Моя жинка страхъ якъ любить печену картоплю зъ масломъ. Отъ-же у васъ и масло повинно бути, сказалъ Млинковскій.

— Про це вже треба матушки спитати, съ нѣкоторою стыдливостью замѣтилъ о. Харитонъ.—Не знаю, чи зибрали тамъ масла, а кабанчика не давно кололи.

— Та й сало згодиться, подхватилъ Млинковскій; сало часомъ ще лучше. Не любить, правда, моя жинка того сала; ну, та вже нехай для неи буде масло, а для мене таки сало.

О. Харитонъ вышелъ въ спальню и шептался съ Онисею. Онися сердито огрызалась, но должна была согласиться на счетъ масла и сала.

Млинковскій между тѣмъ какъ будто что-то припоминалъ и когда воротился о. Харитонъ, заговорилъ вновь:

— Та й одчоты ваши поплутани. Господи, скильки я голову пополамавъ, поки до дила дійшовъ! Чи вродило такъ у васъ просо, або гречка? Моя жинка розвела курей, качокъ та индыкивъ, и самъ я, знаете, одъ хоробы личусь курми та индыками. Киньте зъ мишокъ проса, або гречки!

— Просо не вродило, отвѣчалъ о. Харитонъ, а гречка вдалась добра.

— Отъ и добре! воскликнулъ Млинковскій и добавилъ словами пѣсни: «нема-жъ мени ни словечка, нехай буде гречка».—Звелить-же, паноче, продолжалъ онъ, запрягти волы та вышлить мое

добро до Шандры,—я й самъ заразъ туды иду, а ця дви дочки мои, добавилъ Млинковскій, указывая на старшихъ дочерей и обращаясь къ Онисіѣ Степановнѣ, нехай трохи у васъ посидять. И имъ буде веселише и вашимъ дочкамъ не такъ може скучно. Отъ воно й буде гараздъ; я, бачте, визъ ихъ у гости до отця Мелхиседека, та думаю, нехай трохи повеселяться у васъ.

Онисія Степановна не знала, что и говорить, и только глаза выпучила на Млинковскаго.

— Прощайте, бувайте здорови! Завезете моихъ дочокъ, коли ваша ласка, до отця Мелхиседека, та кланяйтесь ёму одъ мене низенько, низенько, сказалъ Млинковскій, трижды цѣлуясь съ о. Харитономъ.

Усѣвшись въ нетычанкѣ о. Харитона съ двумя младшими дочерьми, Млинковскій, усердно кивая головою и размахивая картузомъ, направился въ дальнѣйшій объѣздъ. За нимъ потянулся со двора воловій возъ, наполненный мѣшками подаренной Моссаковскимъ провизіи.

Оставшіяся у Моссаковскихъ дочери Млинковскаго нисколько не стѣснялись своимъ въ нѣкоторомъ родѣ постойнымъ положеніемъ въ чужомъ, незнакомомъ имъ домѣ. Они проникались уже взглядами отца и смотрѣли на священниковъ, какъ на подначальныхъ ихъ батюшкѣ, и если отецъ на ихъ глазахъ вывозилъ цѣлые возы подобострастно предлагаемой провизіи, то они не считали не натуральнымъ гостить по цѣлымъ мѣсяцамъ въ домахъ тѣхъ-же священниковъ и потреблять ихъ провизію, считая это уже мелочью по сравненію съ тѣмъ, что доставлялось цѣлыми возами ихъ родителю. Сообразно этому, они держали себя у Моссаковскихъ, требуя себѣ всякихъ удобствъ, какъ должнаго. Онисія Степановна, стиснувъ зубы, волей-неволей должна была уступить имъ кровать, а сама спала въ кухнѣ на печи. Пробовала она, какъ-бы случайно забывши, не ставить самовара то утромъ, то въ вечеру; но панны-гостьи безцеремонно напоминали объ этомъ и чуть-чуть не приказывали. Одна наймичка должна была совсѣмъ оставить хозяйственную работу и все время мыть и гладить да служить гостямъ. Дочери о. Харитона все гуляли съ гостями и совсѣмъ отбились отъ работы. Ежедневно на обѣды и ужины потреблялись куры, утки и гуси и число ихъ быстро уменьшалось. Запасъ сахару и чаю вышелъ весь,

сколько его было дома. Онисія Степановна свезла въ Богуславъ на ярмарокъ цѣлый возъ муки и привезла домой голову сахару и фунтъ чаю; но сахаръ какъ-бы таялъ, чай разсыпался.

— Візьми, паноче, та одвези цихъ цыганокъ до Мелхиседека, бо вони намъ уха объидять, говорила Онисія Степановна мужу.

— Не смію, Онисіе Степановно. Млинковскій буде мстити и пидбивати противъ мене протопопа, отвѣтилъ о. Харитонъ.

— Коли ты не сміешъ, то я сама ихъ вытурлю зъ хаты.

— Эге, вытурлить, та таки стережиця, щобъ насъ не вытурили зъ парахвіи, замѣтилъ на это о. Харитонъ.

Какъ разъ въ это время глуповатый Прокопъ, наймитъ Балабухи, совсѣмъ обезумѣлъ, сошелъ со двора и сталъ скитаться по селамъ, поселяясь у священниковъ. Придетъ къ одному батюшкѣ, поживетъ съ недѣлю и идетъ дальше, или бродитъ по полямъ и лѣсамъ безъ шапки, прикрывъ голову мѣшкомъ. Забрелъ Прокопъ въ Ольшаницу, къ о. Харитону, вошелъ въ кухню и полѣзъ прямо на печь, какъ у себя дома.

— А чого це ты, Прокопе, прыйшовъ до насъ? спрашиваетъ его Онисія Степановна.

— Чувъ, що въ васъ велика ничъ та й прыйшовъ погритись, отозвался Прокопъ съ печи.

— А що-жъ ты дурно въ насъ хлибъ ѣстимешъ, чи що? спросила матушка.

— Я дурно хлиба нигде не ѣмъ: я стану у васъ за наймита, отвѣтилъ Прокопъ.

— Отъ и добре, подумала Онися; може одробить мени за мою Марусю. Вставай-же та йди на тикъ молотить, та зароби соби на обидъ, сказала Онися.

— Ось нагріюсь, то й пиду, откликнулся съ печи Прокопъ.

Наймичка подняла Прокопа на смѣхъ. Сбѣжались въ кухню панночки и смотрѣли на полуумнаго Прокопа, какъ на диво. Прокопъ нагрѣлся, слѣзъ съ печи, взялъ со стола кусокъ хлѣба и пошелъ на гумно. Тамъ молотили пшеницу рабочіе о. Харитона; они дали ему въ руки цѣпъ, наложили цѣлую кучу сноповъ и предоставили молотить отдѣльно отъ нихъ. Прокопъ замахалъ цѣпомъ, какъ машина, быстро переворачивалъ снопы, отбрасывалъ солому, сгребалъ зерно, вообще работалъ такъ, что другіе

рабочіе глядѣли на него съ удивленіемъ. Но прошло съ часъ времени и онъ вдругъ опустилъ цѣпъ, оперся на него и сталъ неподвижно, выпучивъ глаза къ верху. Рабочіе окликали его, шутили надъ нимъ, толкали подъ бока,—Прокопъ все стоялъ и глядѣлъ вверхъ. Спустя полчаса онъ очнулся и снова замахалъ цѣпомъ и молотилъ, пока не кончилъ отложенныхъ для него сноповъ. Матушка полюбопытствовала посмотрѣть его работу и осталась вполнѣ довольна. Она разсчитала, что Прокопъ работникъ хорошій, платы не возьметъ и предоставила ему жить у нея въ домѣ, сколько захочетъ.

Живетъ Прокопъ у о. Харитона недѣлю, живетъ другую, и работаетъ какъ волъ. Случится, иной разъ онъ куда-то уйдетъ на день, на два, но возвращается опять и лѣзетъ прямо на печь. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе странностей сталъ обнаруживать Прокопъ. Разъ схватилъ онъ косу и давай косить сухой буръянъ и крапиву въ огородѣ. Смотрятъ на него всѣ съ удивленіемъ и смѣются, а онъ все глушитъ крапиву и буръянъ.

— На що ты, Прокопе, косишъ крапиву? спрашивали его барышни.

— Ото добри въ васъ наймиты! Лито минуло, а вони й доси травы не выкосили, сказалъ въ отвѣтъ Прокопъ, и барышни покатились со смѣху.

Въ другой разъ Прокопъ пошелъ къ пруду, согналъ въ кучу всѣхъ гусей, какія были на водѣ и пригналъ во дворъ, прихвативъ по дорогѣ съ десятокъ чужихъ также свиней.

— Ото добри тутъ наймички! И доси гусей не позаганяли въ хливъ, кричалъ Прокопъ.

Всѣ хохотали до упаду.

Увидалъ онъ какъ-то сквозь отворенную въ комнатку барышень дверь, что у нихъ на колочкахъ много юпокъ и платьевъ, и задумалъ ихъ вымыть: всталъ ночью, когда всѣ спали крѣпкимъ сномъ, собралъ все, что висѣло на колочкахъ, втопталъ въ дѣжку и налилъ водою, потомъ выбралъ изъ ночовъ сушившуюся въ нихъ крупичатую муку, насыпалъ въ дѣжку поверхъ платья, воображая, что это зола, и пригнетилъ сверху каменьями, а самъ полѣзъ на печь спать. На утро проснулись барышни, хватились юпокъ, платьевъ, а ихъ нѣтъ. Подняли писк и крикъ, думали, что воръ забрался къ нимъ. Онися бросилась въ кухню и съ ужасомъ увидѣла, что и ея крупичатую муку кто-то забралъ. Принялись искать и не-

скоро нашли въ сѣняхъ въ дѣжкѣ и платье и муку... Нетрудно было догадаться, что то была робота Прокопа. Кинулись къ нему, а онъ только смотритъ.

— Та це-жъ я хотивъ вамъ попрати то позолити ваши спидички, говорилъ Прокопъ.

— А бодай тебе золила лиха година! крикнула Онися. Геть зъ мого двора, щобъ твого й духу тутъ не було. Йди соби къ нечистому, та ще й заразъ!

— Куды-жъ я пиду, коли въ мене своеи домы нема, завопилъ Прокопъ.

— Йди до своеи протопопши та й не приходь билше до насъ.

— Эге, йди до протопопши, коли протопопша такъ само проганяе, якъ и вы. Каже, що я дурный, що ничого не роблю и тильки хлибъ дурно ѝмъ. А поки бувъ розумный, то й не проганяла, одговаривался Прокопъ.

— На тоби твою свиту, та заразъ геть зъ моеи хаты, кричала Онися.

— Якъ-бы було куды йти, то й пишовъ-бы. А то куды я пиду? Батька нема, матери нема. Була въ мене колись мати та на степы втикла, а мене покинула...

Прокопъ сѣлъ на лавку и неожиданно заплакалъ, какъ дитя, утирая слезы кулакомъ. Прислуга и барышни смѣялись, рыданія Прокопа усиливались. Онъ поднялъ наконецъ голову вверхъ и страшно застоналъ, какъ-бы его кто душилъ, а глазами уперся въ потолокъ. Уже и слезы перестали литься, а Прокопъ стоналъ и вздрагивалъ, какъ-бы ему совсѣмъ конецъ пришелъ. Смѣхъ прекратился; всѣ бывшіе въ кухнѣ прониклись страхомъ и сожалѣніемъ, у иныхъ навернулись слезы, а Прокопъ все стоналъ и рыдалъ. Вдругъ онъ какъ-бы очнулся и заговорилъ дикимъ, страшнымъ голосомъ: мати втикла, мене покинула. Мати мене жалувала, гостинци мени носила, а теперъ нихто мене не жалуе, шматка хлиба не дае. Чужи люди скризь: я имъ роблю, а вони мене лають, ще й съ хаты проганяють. Куды я пиду, де подинусь? Ой, Боже мій! Ой, ой, ой! страшно вскрикнулъ Прокопъ и упалъ на землю, какъ мертвый. Служанки охали и крестились.

Черезъ минуту Прокопъ поднялся, взялъ свиту, накинулъ мѣшокъ на голову и побрелъ въ Богуславъ.

Позбавившись Прокопа, Онися рѣшилась выпроводить отъ себя и дочерей столоначальника. Она ограничила ихъ во всемъ, перевела на свой обыкновенный столъ, высказывала имъ прямо свое неудовольствіе на ихъ продолжительное пребываніе, въ разговорѣ съ мужемъ обзывала ихъ «злыдними» и такъ, чтобы имъ было слышно, а когда увидѣла, что ничто подобное не дѣйствуетъ на безцеремонныхъ барышень, то и прямо предложила имъ переѣхать къ о. Мелхиседеку, какъ говорилъ и самъ ихъ отецъ.

Какъ ни отговаривались и какъ ни вертѣлись барышни, однако въ концѣ концовъ пришлось, собирать свои платьица и перекочевывать въ другой заѣзжій для нихъ дворъ, къ о. Мелхиседеку.

— Ой, Описіе Степановно! говорилъ о. Харитонъ, когда барышни выѣхали за ворота. Коли-бъ часомъ съ того не вийшло чого. Росплодимо мы соби ворогивъ.

— Э, ихъ и такъ до ста-биса! Разъ родила мати, разъ и пропадати, сказала Описія Степановна.

И. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Двѣ записки сенатора Е. Ѳ. фонъ-Брадке, составленныя по обревизованіи херсонской губерніи въ 1850—1851 гг.

Въ 1850-1851 гг. былъ посланъ для обревизованія херсонской губерніи сенаторъ Егоръ Ѳедоровичъ фонъ Брадке, бывшій до этого попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, а впослѣдствіи занимавшій тотъ-же постъ въ Дерптѣ. Прибывши въ Херсонъ, сенаторъ, кромѣ устныхъ распросовъ, разослалъ своихъ чиновниковъ ревизовать дѣла въ слѣдующихъ учрежденіяхъ: въ канцеляріи губернатора, въ губернскомъ правленіи, въ херсонской городской думѣ, въ приказѣ общественнаго призрѣнія, въ коммисіи народнаго продовольствія, въ губернскомъ оспенномъ комитетѣ, во врачебной управѣ, въ казенной палатѣ, въ палатѣ государственныхъ имуществъ, въ попечительномъ комитетѣ о капиталѣ сельской промышленности, въ комитетѣ о конно-заводствѣ, въ строительной и дорожной коммисіи, въ губернской почтовой конторѣ, въ палатахъ гражданскаго и уголовнаго суда, въ совѣстномъ судѣ, въ присутственныхъ мѣстахъ уѣздовъ херсонскаго, одесскаго, тираспольскаго, ананьевскаго, александрійскаго, бобринецкаго и въ городскихъ управленіяхъ гг. Григоріополя, Дубосаръ и Очакова.

Къ сожалѣнію, у меня не имѣется хотя-бы черновыхъ отъ докладовъ чиновниковъ сенатору; попали только ко мнѣ въ руки двѣ черновыхъ отъ всеподданнѣйшихъ записокъ самого сенатора, которыя являются слѣдствіемъ ревизіи и, такъ сказать, краткимъ очеркомъ ея результатовъ, составленнымъ для общаго ознакомленія центральной власти съ мѣстными условіями осмотрѣнной сенаторомъ губерніи. Предоставляю читателю судить о цѣнности предла-

гаемыхъ его вниманію записокъ, скажу только, что помѣщаемыя записки Е. Ѳ. фонъ-Брадке не лишены значенія какъ для исторіи херсонской губерніи, такъ и для характеристики этого разумнаго сановника, который много потрудился на пользу просвѣщенія въ качествѣ перваго попечителя кіевскаго учебнаго округа. Не все то, что было предложено сенаторомъ, какъ необходимыя для благосостоянія губерніи мѣры, было приведено въ исполненіе. Можно пожалѣть о краѣ, не воспользовавшемся проэктированными разумными мѣрами, но это не уменьшаетъ цѣнности ихъ и заслугъ лица ихъ предложившаго.

Кромѣ этого значенія, записки интересны въ другомъ отношеніи: многое, что въ нихъ проэктировано, ждетъ еще и теперь своей очереди и могло-бы быть примѣнено съ пользою для края.

I.

Соображенія по сельско-хозяйственной промышленности херсонской губерніи.

Херсонская губернія по черноземной почвѣ своей, имѣющей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе двухъ аршинъ глубины, должна-бы принадлежать къ плодороднѣйшимъ губерніямъ Россіи; но недостатокъ дождей, жгучее солнце и сухіе южные вѣтры, не встрѣчающіе никакого препятствія въ безлѣсныхъ ея степныхъ пространствахъ, часто уничтожаютъ всѣ надежды селянина и производятъ совершенные неурожаи.

Впрочемъ, при огромномъ пространствѣ занимаемомъ губерніею, неудобства эти не относятся въ равной мѣрѣ ко всѣмъ ея уѣздамъ: уѣзды александрійскій и въ большей части бобринецкій и ананьевскій, находясь на сѣверѣ губерніи, менѣе онымъ подвержены, тираспольскій уже болѣе отъ нихъ страдаетъ, но одесскій и херсонскій уѣзды, особенно послѣдній, въ которыхъ грунтъ при меньшемъ слоѣ черной земли переходитъ болѣе къ хрящеватому и песчаному, наиболѣе чувствуютъ силу южныхъ вѣтровъ и палящихъ солнечныхъ лучей и рѣдкій годъ пользуются хорошимъ урожаемъ хлѣбовъ и травы, такъ что въ южной части херсонскаго уѣзда даже скотоводство (кромѣ овцеводства) начало дѣлаться затруднительнымъ.

Замѣчательно, что сельское населеніе херсонской губерніи съ самаго начала водворенія въ семъ краѣ угадало выгоды мѣстности; оно густо поселилось въ уѣздахъ сѣверныхъ, рѣдѣетъ по мѣрѣ приближенія къ югу, а самый югъ губернія своимъ населеніемъ единственно обязанъ мѣрамъ правительственнымъ и близости къ Черному морю, судоходнымъ рѣкамъ и къ одесскому порту, привлекающему легкостію и выгодностію заработковъ.

Когда въ царствованіе императрицы Екатерины правительство приняло первыя мѣры къ населенію вновь пріобрѣтеннаго края, дотолѣ почти исключительно находившагося подъ кочевьемъ разныхъ племенъ, то первые пришельцы пользовались полной свободой въ безконечныхъ степяхъ и не имѣли надобности заводить какое либо правильное хозяйство; дѣвственная почва, въ полной своей первобытной силѣ, давала имъ неслыханные урожаи; а когда разрабатываемые участки начинали уменьшать урожайность свою, то они бросали ихъ на десятки лѣтъ и безпрепятственно находили новыя цѣлины, приносившія имъ тѣ-же выгоды. Такимъ образомъ, произошло дикое хозяйство, которое сдѣлалось обычнымъ для новыхъ жителей и, по огромности степей, даже при увеличеніи заселенія, не требовало измѣненія. Сей дикій способъ хозяйства и по настоящее время продолжается во всѣхъ помѣщичьихъ и казенныхъ селеніяхъ херсонской губерніи и хотя въ уѣздахъ сѣверныхъ, особенно александрійскомъ и сѣверной части бобринецкаго, уже мѣстами начинаетъ встрѣчаться стѣсненіе въ землѣ и почва, слишкомъ часто обрабатываемая, начинаетъ отказывать въ произведеніи хорошихъ урожаевъ, но еще не дошло до той необходимости, которая могла-бы заставить жителей отстать отъ укоренившихся временемъ обычаевъ и даже дворянское сословіе начинаетъ въ сѣверныхъ уѣздахъ лишь помышлять о необходимыхъ измѣненіяхъ, но доселѣ еще не приступало ни къ какимъ дѣйствительнымъ мѣропріятіямъ. Колонисты, находясь подъ однимъ общимъ управленіемъ съ меннонитами, поселенными въ таврической и екатеринославской губерніяхъ и получая отъ начальства своего свѣдѣнія о предпринятыхъ послѣдними улучшеніяхъ, твердой ихъ хозяйственной системѣ и благопріятныхъ отъ того матеріальныхъ выгодахъ, убѣждаются въ необходимости учрежденія правильнаго хозяйства и сдѣлали къ тому нѣкоторые шаги.

Собственно-же положительная система полеводства учреждена единственно въ округахъ военнаго поселенія, для которыхъ еще въ 1829 г. утверждено вашимъ императорскимъ величествомъ положеніе о раздѣленіи земель на участки и производствѣ общественныхъ и поселянскихъ посѣвовъ и покосовъ, коимъ опредѣляются какъ послѣдовательность посѣвовъ и отдыха земель, такъ и обязанность каждаго поселянина въ отношеніи къ обработкѣ общественныхъ полей, для продовольствія людей и лошадей кавалерійскихъ полковъ, въ сихъ округахъ расположенныхъ.

Сей краткій очеркъ настоящаго положенія херсонской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи я счелъ долгомъ представить на высочайшее благоусмотрѣніе, предварительно разсмотрѣнія тѣхъ мѣръ, которыя могли-бы оказаться полезными для края, важнаго по своему положенію, своей плодородной почвѣ и значительности своего плоскостнаго содержанія, но въ которомъ въ послѣднее время часто повторялись общіе и мѣстные неурожаи, и такимъ образомъ, вмѣсто пользы, которую край сей долженъ былъ приносить государству своими запасами хлѣба и своимъ скотоводствомъ, начали оказываться затрудненія въ продовольствіи даже самыхъ жителей онаго, а скотоводство изъ года въ годъ приходитъ въ большій упадокъ. Обстоятельства сіи тѣмъ болѣе существенны, что они въ равной мѣрѣ относятся къ сосѣднимъ губерніямъ: екатеринославской и таврической, а отчасти и къ области бессарабской, къ константиноградскому уѣзду полтавской и балтскому уѣзду подольской губерніи.

Главнѣйшее условіе для благосостоянія сихъ губерній есть разведеніе лѣсовъ, коими доставится тѣнь отъ палящихъ солнечныхъ лучей и защита отъ гибельнаго дѣйствія южныхъ вѣтровъ,—дѣйствіе дождей будетъ продолжительнѣе и самые дожди будутъ повторяться чаще: ибо изысканіями и опытами доказано, что лѣса притягиваютъ дождь.

Увеличеніе количества воды для ближайшаго удовлетворенія людей и скота конечно важно для здѣшняго края, но въ томъ размѣрѣ, въ которомъ она уже имѣется, дальнѣйшее о семъ попеченіе относится болѣе къ частнымъ выгодамъ владѣльцевъ: лѣсъ-же составляетъ общую потребность и при постоянно увеличивающемся съ нѣкотораго времени

бездождіи, безъ благовременныхъ мѣръ къ разведенію лѣсовъ, благосостояніе всего края подвергается основательнымъ опасеніямъ.

Около 20-ти лѣтъ тому назадъ разведеніе лѣсовъ на степи считалось здѣсь дѣломъ невозможнымъ, всѣ опыты не удавались, солнце все сожигало; но одесскій ботаническій садъ въ маломъ размѣрѣ, меннониты таврической губерніи въ большемъ довели до убѣжденія, что главное условіе успѣха есть глубокая посадка и прегражденіе окрестъ оной всякаго произрастенія. Разными путями оба достигли до одной цѣли, а меннониты, понимая важность лѣсовъ для своего благосостоянія, приступили къ сему мѣрами твердыми и рѣшительными. Успѣхъ увѣнчалъ дѣло: разведенныхъ ими рощей уже пѣшкомъ обойти нельзя и посадки у нихъ всегда удаются; можно утвердительно сказать, что произращенныя ими лѣсныя рощи, даже въ нынѣшнихъ незначительныхъ размѣрахъ, принадлежатъ къ причинамъ того, что у нихъ не бываетъ совершенныхъ неурожаевъ. Министерство государственныхъ имуществъ, признавъ за сдѣланными менконитами насажденіями вопросъ о возможности разведенія лѣсовъ въ степяхъ новороссійскаго края окончательно рѣшеннымъ, сдѣлало въ 1848, 1849 и 1850 годахъ въ херсонской губерніи лѣсныхъ насажденій на пространствѣ 100 десятинъ; въ округахъ военнаго поселенія также производятся ежегодныя посадки; нѣмецкіе колонисты во всѣхъ селеніяхъ заводятъ лѣсныя плантаціи на возвышеніяхъ; нѣкоторые частные люди въ малыхъ размѣрахъ послѣдовали сему примѣру; но собственно дворянство, владѣющее несравненно большимъ пространствомъ земель, къ сему еще не приступало, за малыми развѣ, до меня не дошедшими, изъятіями; а потому дѣло это въ видахъ государственной пользы требуетъ повсюду усиленія, а въ дворянскихъ имѣніяхъ твердаго начала и постояннаго производства.

Другое обстоятельство, въ которомъ ежегодно оказывается болѣе необходимости, для упроченія благосостоянія края, есть переходъ отъ существующаго нынѣ дикаго хозяйства къ правильному учрежденію полеводства. Уѣзды херсонскій и одесскій, по изобилію земли, еще могутъ на довольно долгое время выдержать безъ значительнаго неудобства распашку на захватъ земель; но въ прочихъ уѣздахъ херсонской губерніи населеніе уже въ большей или меньшей мѣрѣ дошло

до той степени, что безотчетное обсѣмененіе полей должно привести ихъ къ конечному истощенію и сдѣлать впослѣдствіи неурожайность уже общимъ достояніемъ плодороднѣйшихъ частей губерніи. Привычка къ старому дѣдовскому обычаю и здѣсь беретъ верхъ надъ очевидностью и примѣръ огромныхъ матеріальныхъ выгодъ, извлекаемыхъ меннонитами отъ правильнаго полеводства, и сильное убѣжденіе, доставляемое близъ лежащими военными поселеніями, не производятъ никакого вліянія на безотчетныя предубѣжденія прочихъ обывателей. Здѣсь, какъ и почти во всѣхъ другихъ случаяхъ, государственное благо только можетъ истекать изъ направленія, указываемаго сильною волею правительства.

Разсматривая сельско-хозяйственный бытъ края, невозможно упустить изъ виду сословіе поселянское. Государственные крестьяне получили твердое устройство, они развиваются на указанномъ имъ пути и надобно надѣяться, что, при представленномъ имъ участіи въ собственномъ управленіи, они постепенно пріучатся отчетливо стремиться къ дѣйствительному благосостоянію на незыблемыхъ основаніяхъ. Колонисты не нуждаются въ особыхъ правительственныхъ мѣрахъ, существующія для нихъ постановленія вполнѣ соотвѣтствуютъ ихъ быту и даютъ способы къ полному развитію ихъ благосостоянія. Крѣпостное населеніе, состоя въ херсонской губерніи изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ и въ значительномъ числѣ изъ людей, долго ведшихъ бродяжническую жизнь и указами 1827 и 1828 годовъ прикрѣпленныхъ къ тѣмъ имѣніямъ, въ которыхъ они имѣли послѣднее свое пребываніе, въ настоящее время не требуетъ новыхъ мѣропріятій и нуждается только въ неукоснительномъ исполненіи существующихъ постановленій. Только одно изъ относящихся къ нимъ обстоятельствъ требуетъ разъясненія и дополнительнаго постановленія. 965-ю ст. IX т. Свода Законовъ опредѣляется крѣпостнымъ крестьянамъ работать на своихъ помѣщиковъ по три дня въ недѣлю, но о праздничныхъ и неспособныхъ къ работѣ ненастныхъ дняхъ въ законѣ не ясно упомянуто, что и даетъ основаніе нѣкоторымъ владѣльцамъ сіи дни не принимать въ расчетъ и требовать безусловно назначенныхъ закономъ дней въ дѣйствительную работу. Таковая возлагаемая на крѣпостныхъ крестьянъ тягость, по-

давшая въ херсонской губерніи поводъ къ жалобамъ и ропоту, по моему мнѣнію подлежала-бы отмѣнѣ.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, я осмѣливаюсь всеподданнѣйше повергнуть на высочайшее благоусмотрѣніе слѣдующія предположенія:

Относительно разведенія лѣсовъ:

1) Дать возможное усиленіе разведенію лѣсовъ въ казенныхъ селеніяхъ, употребляя на сей предметъ сверхъ суммъ, вообще по смѣтѣ министерства на лѣсоразведеніе назначаемыхъ, проценты съ особо имѣющагося капитала сельской промышленности, составляющаго нынѣ по херсонской губерніи 150,000 р. серебр., и проценты съ отдѣльнаго крестьянскаго капитала въ числѣ 23 т. рублей, сколько оныхъ будетъ оставаться отъ прочихъ лежащихъ на нихъ расходовъ.

2) Изъ сихъ-же процентовъ назначать въ опредѣленномъ количествѣ премія для тѣхъ казенныхъ крестьянъ, которые собственнымъ распоряженіемъ сдѣлаютъ лѣсныя насажденія.

3) Побудить колонистовъ къ усиленію своихъ лѣсныхъ насажденій, въ опредѣленныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ размѣрахъ.

4) Вмѣнить въ обязанность помѣщикамъ и владѣльцамъ земель дѣлать въ своихъ имѣніяхъ посадки лѣсовъ, полагая по количеству владѣемыхъ ими десятинъ, ежегодно на каждыя 10,000 десятинъ по полудесятинѣ, что, по числу состоящихъ въ херсонской губерніи 3½ милліоновъ десятинъ помѣщичьихъ земель, составитъ ежегодно 175 десятинъ.

5) Капиталъ сельской промышленности назначать въ ссуду, единственно на предметъ лѣсоразведенія, съ опредѣленіемъ на оной банковаго 4-го или даже 3-го процента, но съ выдачею сей ссуды только тѣмъ землевладѣльцамъ, которые, сверхъ предполагаемой въ предъидущемъ пунктѣ обязательной посадки, пожелаютъ сдѣлать въ опредѣлительномъ размѣрѣ особыя лѣсонасажденія.

Относительно введенія правильнаго полеводства:

1) Учредить правильное полеводство во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ херсонской губерніи, при чемъ принимать въ соображеніе высочайше утвержденное въ 1829 году положеніе для округовъ военнаго

поселенія, которое, по опыту многихъ лѣтъ, доставляетъ нѣкоторое ручательство въ правильномъ примѣненіи его къ мѣстностямъ края.

2) Возложить на попечительный комитетъ объ иностранныхъ поселенцахъ, поощрять колонистовъ ко введенію правильнаго полеводства, съ принятіемъ въ соображеніе, какъ означеннаго положенія 1829 года, такъ и хозяйственнаго устройства меннонитовъ въ таврической губерніи, увеличавшаго до высшей степени ихъ благосостояніе, причемъ вмѣнить въ обязанность комитету производить въ малыхъ размѣрахъ опыты удобренія полей, оказавшаго у меннонитовъ совершенно удовлетворительныя послѣдствія.

3) Поставить въ извѣстность дворянство и поземельныхъ владѣльцевъ херсонской губерніи о видахъ правительства къ упроченію ихъ благосостоянія, посредствомъ охраненія земель ихъ отъ совершеннаго истощенія, а введшихъ въ имѣніяхъ своихъ правильное полеводство удостоивать поощрительныхъ наградъ; обществу сельскаго хозяйства южнаго края поручить принять сей предметъ въ число главнѣйшихъ, предлежащихъ ему обязанностей.

Относительно работъ крестьянъ въ пользу ихъ владѣльцевъ:

Въ дополненіе къ 965-й ст. IX т. свод. закон. о сост. постановить правиломъ, что 1) вмѣсто опредѣленныхъ закономъ праздничныхъ дней помѣщики не имѣютъ права требовать отъ своихъ крестьянъ замѣны работъ, и 2) ежели въ день барщины будетъ ненастье, то барщина должна засчитываться крестьянину выполненною, хотя-бы дѣйствительно, по невозможности производства работы, оказалось необходимымъ оную отмѣнить.

Къ сему имѣю счастіе присоединить, что я полагалъ-бы полезнымъ напечатать въ достаточномъ числѣ экземпляровъ, для безденежной разсылки во всѣ селенія государственныхъ крестьянъ и колонистовъ и ко всѣмъ предводителямъ дворянства новороссійскаго края и бессарабской области, для руководства ихъ:

Извлеченіе изъ положенія о раздѣленіи земель на участки и производствѣ общественныхъ и поселянскихъ посѣвовъ и покосовъ въ округахъ военнаго поселенія кавалеріи, въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ, составленнаго въ 1829 году.

Изложеніе объ устройствѣ полеводства у меннонистовъ, поселенныхъ въ мелитопольскомъ уѣздѣ таврической губерніи.

Инструкцію для посадки лѣсовъ, составленную меннонитами таврической губерніи мелитопольскаго уѣзда.

II.

Соображенія по торговлѣ г. Херсона.

Г. Херсонъ, по расположенію своему при рѣкѣ Днѣпрѣ, имѣетъ въ отношеніи къ торговлѣ выгоды, общія всѣмъ городамъ, лежащимъ при судоходныхъ рѣкахъ, но положеніе его получаетъ особую важность отъ того, что до Херсона р. Днѣпръ допускаетъ сплавъ на плотахъ и баркахъ, а начиная отъ него уже способна къ морскому судоходству: при томъ верховья Днѣпра и впадающихъ въ него сплавныхъ рѣкъ пролегаютъ чрезъ губерніи, какъ напримѣръ, минскую, изобилующія строевымъ и дровянымъ лѣсомъ, который, кромѣ незначительнаго мѣстнаго употребленія, не имѣетъ сбыта. Таковое удобство мѣстности еще съ тридцатыхъ годовъ начало привлекать иногородное купечество, и какъ оно, такъ и херсонскіе купцы уже нынѣ понимаютъ предлежащія имъ выгоды, что между прочимъ доказывается и тѣмъ, что присягнувшій на вѣрноподданство изъ жителей Франціи купецъ Готронъ въ 1851 году употребилъ значительный капиталъ на устройство въ Херсонѣ лѣсопильнаго пароваго завода.

Взглядъ на сравнительное положеніе лѣсной торговли въ Херсонѣ показываетъ слѣдующее увеличеніе сплава къ херсонской пристани:

Въ 1842 году	байдаковъ и барокъ	86	на сумму	298,538
	плотовъ . . .	124	„ „	83,890
Въ 1850 году	байдаковъ и барокъ	264	„ „	794,846
	плотовъ . . .	354	„ „	187,371

Слѣдовательно, какъ сплавъ, такъ и цѣнность продуктовъ, увеличились почти въ три раза.

Съ 1838 года купцами Поповымъ и Горутой изъ Херсона были отправляемы разновременно корабли съ лѣсными издѣліями въ г. Тулонъ и г. Марсель и предпріятіе это доставило имъ выгоды. Смерть Попова, при неимѣніи въ Херсонѣ другихъ предпріимчивыхъ купцовъ,

остановила развитіе этой новой отрасли торговли; но однакожъ доказано, что въ южной Франціи лѣсныя издѣлія наши принимаются охотно и что торговля эта можетъ доставить значительныя выгоды.

Причины, деселѣ препятствующія возвышенію лѣсной промышленности г. Херсона до той значительности, которая указана ей мѣсто-положеніемъ города, состоятъ:

1) Въ новости края, по которому еще ни одна отрасль промышленности не получила надлежащаго развитія, въ недостаткѣ капиталовъ, а еще болѣе въ совершенной необразованности купеческаго сословія.

2) Въ препятствіяхъ мѣстныхъ, какъ то: Днѣпровскихъ порогахъ гирлахъ, находящихся въ Днѣпровскомъ лиманѣ

и 3) Въ нѣкоторыхъ стѣсненіяхъ торговли, произшедшихъ частію отъ малаго вниманія мѣстнаго начальства къ выгодамъ края, частію отъ недоразумѣній самого купечества и избранныхъ имъ городскихъ управленій.

Первая изъ сихъ причинъ могла бы быть устранена привлеченіемъ капиталовъ и болѣе образованныхъ лицъ купеческаго сословія, къ чему содѣйствовало бы дарованіе г. Херсону нѣкоторыхъ льготъ, другимъ городамъ Россійской имперіи при подобныхъ обстоятельствахъ предоставленныхъ.

Къ устраненію препятствій, происходящихъ отъ Днѣпровскихъ пороговъ, уже съ давняго времени принимаются мѣры Главнымъ Управленіемъ Путей сообщенія, по распоряженію коего нынѣ составляется и проэктъ къ сдѣланію гирлъ судоходными. Успѣшныя дѣйствія по симъ двумъ предметамъ могли бы наиболѣе содѣйствовать къ возвышенію торговли г. Херсона и къ выгоднѣйшему сбыту лѣсныхъ произведеній, нынѣ не приносящихъ государству никакой пользы.

Въ отклоненіе стѣсненій мѣстныхъ, я, по истребованіи нужныхъ соображеній, сообщилъ мнѣніе мое Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Ежели, при успѣшности предполагаемыхъ мѣръ, лѣсная торговля г. Херсона займетъ принадлежащее ей мѣсто, то, по неудобству доставленія пшеницы въ Одессу изъ нѣкоторыхъ мѣстъ херсонской и екатеринославской губерніи, большая часть земле-владѣльцевъ обратится къ херсонскому порту, чѣмъ цѣнность перевозки уменьшится и отклонится неудобство переправы чрезъ р. Бугъ, которая весьма затрудняетъ

транспорты съ хлѣбомъ, слѣдующіе въ Одессу изъ уѣздовъ александрійскаго, бобринецкаго и херсонскаго.

Прочіе за тѣмъ предметы торговли г. Херсона, какъ то: желѣзо, чугунъ, канаты, смола, деготь и другіе принадлежатъ къ внутреннему потребленію и едва-ли могутъ быть обращены въ торговлю заграничную.

Но къ важнимъ предметамъ заграничной торговли принадложитъ шерсть, которая съ учрежденіемъ въ Херсонѣ шерстомоекъ нынѣ продается одесскимъ купцамъ на сумму до 200 т. руб. сер. и при упроченіи судоходства и возвышеніи промышленнаго духа херсонскихъ капиталистовъ, минуя Одессу, можетъ сдѣлаться предметомъ прямыхъ сношеній херсонскаго купечества съ иностранными государствами. Шерстомойки эти весьма полезны городу, доставляя въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ выгодную работу бѣднѣйшему сословію здѣшнихъ жителей, а землевладѣльцамъ сбытъ такого произведенія, которое, особенно въ уѣздахъ херсонскомъ и южной части бобринецкаго, при частыхъ неурожаяхъ хлѣба обезпечиваетъ имъ вѣрный доходъ.

ГРАМОТА ПАТРІАРХА АДРІАНА КІЕВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ ВАРЛААМУ ЯСИНСКОМУ.

(По жалобѣ кіевскаго войта и мѣщанъ на незаконныя нѣкоторыя распоряженія митрополита).

Предлагаемый документъ имѣетъ весьма важную историческую цѣну въ отношеніяхъ, какія указаны будутъ ниже; но онъ написанъ такимъ тяжелымъ и темнымъ языкомъ, какой рѣдко встрѣчается и въ документахъ XVII в. Считаемъ поэтому необходимымъ, прежде приведенія текста документа, передать вкратцѣ его содержаніе, чтобы яснѣе было и самое его значеніе.

Кіевскій войтъ Іоаннъ Быковскій съ мѣщанами заносятъ на своего владыку жалобу въ Москву къ патріарху Адріану. Жалуются они, что владыка ихъ захватываетъ къ своей каѳедрѣ и монастырямъ земли и угодья, принадлежащія городу, что назначаетъ священниковъ къ церквамъ помимо воли и избранія прихожанъ, что приказалъ жить въ церковныхъ, прихожанами построенныхъ, школахъ студентамъ подвѣдомственной ему академіи, а они ведутъ себя такъ, что и житья кіевскимъ мѣщанамъ отъ нихъ нѣтъ, и суда на нихъ нигдѣ нельзя найти, что наконецъ отлучаетъ отъ церкви кіевскихъ мѣщанъ за малыя вины, по оговорамъ, и что отлученіе постигаетъ ихъ не рѣдко во время отсутствія ихъ по торговымъ и другимъ дѣламъ. Патріархъ по всѣмъ этимъ пунктамъ дѣлаетъ кіевскому владыкѣ внушеніе, отвѣчающее вполнѣ желанію челобитчиковъ, и самую грамоту велитъ передать въ магистратъ для общаго вѣдѣнія и руководства грядущимъ поколѣніямъ, а себѣ оставить съ нея лишь копію.

Въ исторіи кіевской іерархіи митрополитъ Варлаамъ Ясинскій извѣстенъ энергическимъ отстаиваніемъ своихъ каѳедральныхъ, а равно и монастырскихъ имѣній, захваченныхъ магистратомъ въ прежнее время. Отъ этого и весь сыръ боръ загорѣлся, тѣмъ болѣе, что по нравамъ того времени поземельные споры рѣдко обходились безъ кровавыхъ схватокъ между агентами и прислужниками одной и другой стороны. Еще недавно кіевскіе митрополиты были самосто-

ятельными, состоя лишь въ номинальной зависимости отъ константинопольскаго патріарха, и тогда магистрату судиться съ ними было трудно. Но уже предмѣстникъ Варлаама, Гедеонъ Четвертинскій призналъ надъ собою власть московскаго патріарха, и вотъ теперь кіевскій магистратъ спѣшитъ воспользоваться правомъ ближайшей аппеляціи къ суду патріарха и успѣваетъ въ томъ, какъ видимъ, вполнѣ.

Для насъ важно въ данномъ случаѣ не только признаніе патріархомъ права прихожанъ на выборъ священниковъ, но и косвенное упоминаніе о томъ, что такой порядокъ сохранялся еще въ концѣ XVII ст. въ самой Москвѣ. Важно и это офиціальное указаніе на тѣ непорядки въ кіевской академіи, о которыхъ мы знаемъ изъ частныхъ источниковъ. Относительно поземельныхъ споровъ между кіевскимъ владыкой и магистратомъ патріархъ лишь ссылается на данную по этому предмету особую царскую грамоту и рекомендуетъ митрополиту держаться въ предѣлахъ указаннаго. Что касается анаѳематствованія частныхъ лицъ «за малыя вины», то оно было тогда и послѣ въ большомъ ходу и вызывалось массою нравственныхъ проступковъ въ брачной жизни, бывшихъ послѣдствіемъ продолжительныхъ отлучекъ мужей — въ мѣщанствѣ по торговымъ, а въ козачествѣ по воинскимъ дѣламъ. Очень можетъ быть впрочемъ, что въ Кіевѣ въ то время анаѳематствованіе усилилось во время разгорѣвшейся борьбы между духовенствомъ и городскимъ обществомъ изъ-за земельныхъ владѣній. Патріархъ указываетъ митрополиту, что отлученію подлежатъ преступники противъ вѣры, а не противъ нравственности.

Помѣщаемая грамота любопытна наконецъ какъ образчикъ первыхъ, еще неопредѣлившихся отношеній всероссійскаго патріарха и недавно подчиненнаго ему, съ особыми преимуществами, кіевскаго митрополита.

Приводимъ текстъ грамоты по современному списку, хранящемуся въ библіотекѣ кіево-софійскаго собора.

Адріанъ, милостію Божіею, архіепископъ царствующаго града Москвы и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ о Святѣмъ Дусѣ сыну и сослужителю нашея мѣрности, преосвященному Варлааму, митрополиту кіевскому, галицкому и Малыя Россіи архипастырское благословеніе.

Всеблагій Богъ Творецъ нашъ и Спаситель Іисусъ Христосъ, въ миръ или въ тишину покоя человѣки вся водя и наставляя, миръ свой людемъ подаваше. Его-же и намъ, служителемъ Его, повелѣ имѣти и подавати христіанскому народу. Да яко-же (рече) азъ сотворихъ, Господь и Учитель, и вы творите. И все доброе въ людехъ мирнымъ союзомъ содержатся въ любви Іисусовой. Къ сему-же должни

въ благоразуміи сильніи немощи немощныхъ апостоловымъ учительствомъ носити.

Сего ради и твое преосвященство вѣсть всяко богомудрыми твоими ученіи, словесы и дѣлы, въ примирившемъ насъ Христѣ Іисусѣ, по Богу Отцу небесному, Боговрученныя тебѣ въ спасеніе люди руководствити, миръ имъ Іисусъ Христовъ подавая. Вѣдаеши бо, по Апостолу, яко строитель благодати Божія и подражатель о Господѣ вѣренъ, смиряти и смирятися, учити Духомъ и кротостію, да, яко дѣти, подсудственныя въ Дусѣ святѣмъ вамъ повинуются. И отцы и пастыри чадъ да не раздражаютъ: но въ любви Господни купно въ горнюю жизнь заповѣданѣ тещи поспѣшатся. Еже творите и сотворите.

О чесомъ и наша мѣрность по премногу, повсюду таковая слышавше, радуемся. Обаче многащи аще виною, аще истиною случаются въ людехъ разглаголства и разгласіе во временѣ и чинѣ, яко есть грѣхъ и не къ смерти, но и о томъ скорбъ бываетъ и, должно пещися, да будетъ.

Въ таковое убо непщуемъ, а не къ веліему оскорбленію преосвященству твоему, разглаголство,—твоея паствы кіевскія граждане, войтъ Іоанъ Быковскій, со всѣмъ мѣщанскимъ урядомъ, якобы учинишася и донесоша нашей мѣрности, яко имъ, войту и всему уряду жительствующему отъ православныхъ монарховъ, благочестивѣйшихъ нашихъ великихъ государей, царей всероссійскаго самодержавства и нынѣ отъ богохранимаго великаго государя нашего, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержавца, и многихъ государствъ и земель повелителя и обладателя, даны жалованныя грамоты въ состояніе ихъ кіевскихъ гражданъ, како имъ жити, и на какой земли, и чѣмъ владѣти, и хранити по опредѣленію свой ихъ чинъ, имѣніе и порядокъ, яко и всюду повелѣніемъ самодержцевъ и великихъ начальниковъ, письменнымъ указомъ, коему чину что дѣлати, и содержати грады и веси и угодія во прежитіе, состоятся; аще-ли кому что въ врежденіе и обиду отнятіемъ каковыхъ вещей и стяжаній, движимыхъ и недвижимыхъ, содѣетъ кто, тогда гражданскими правительствы и богомудрыми царскаго пресвѣтлаго величества указами и грамматами, кому что належитъ, безъ гнѣва и безъ всякаго разгласія оправдаются, мирствуются, своими кождый доволствуя. И таковыя ихъ

грамматы отъ царскаго пресвѣтлаго величества, благочестивѣйшихъ нашихъ царей данныя, свидѣтельствомъ извѣстнымъ изъ малороссійскаго приказа нашей мѣрности объявлены. Тѣмъ же и наша мѣрность по грамматамъ жалованнымъ, и кому что дано, и укрѣплено, тажде судимъ и содержати праведнѣ опредѣленная велимъ, да всякій чинъ духовный имирскій нѣкимъ ни отъ кого не обидѣлся бы, и по указному писменному предѣлу своимъ да владѣетъ, назираетъ и управляетъ: яко царскія грамматы комуждо, ради распредѣленнаго стяжанія, дадошася.

Да ониже кіевскіе мѣщане извѣстиша намъ, что прежде де сего при митрополитахъ кіевскихъ и при твоему уже бытіи бысть таковый обычай у нихъ, егда къ церкви которой во градѣ надобенъ парохіальный священникъ, и тогда они прихожане и *вси ихъ урядники по* любви, чтобы онъ былъ отецъ имъ и жертвоприноситель, избираютъ обще и о посвященіи во іерейство вамъ архіереемъ біютъ челомъ, и еще и при насъ отъ прихожанъ таковое челобитіе творится, еже бы въ томъ у нихъ парохіамъ роптанія и ради нелюбве въ духовности отлученія инуду не было. А нынѣ отъ тебе къ нимъ бываютъ присланы къ приходскимъ ихъ церквамъ священники сильно, не по ихъ избранію, и зѣло де имъ то во оскорбленіе бываетъ, яко не созыдаются въ Божіей любви.

Таже доносиша нашей мѣрности, яко при храмѣхъ Господнихъ, ихъ приходскихъ, живутъ поющіи и малыхъ дѣтей учащіи дьяки, а храмины ихъ строятъ прихоженя, и съ тѣми де церковными дьяками въ тѣхъ храминахъ велиши ты жити студентомъ, пришельцемъ изъ полскихъ городовъ вмѣстѣ, которыя хотятъ учитися въ школѣ мудростныхъ наукъ языкомъ латинскимъ. И они де студенты, живучи постойкою, многая сотворяютъ бѣдства и безчинства странная, а тѣхъ дьяковъ и малыхъ дѣтей, учащихся славенскаго нашего языка письменъ, бьютъ и бранятъ, и мѣщанъ, идущихъ къ церкви на пѣніе въ нощахъ, бьютъ и увѣчаютъ, и безчестятъ женъ и дѣтей. И, ради ихъ студентовъ плутовства и досадительныхъ обидъ къ церковникамъ, иногда и въ церквахъ пѣнія не бываетъ, а управы де на нихъ сыскати нѣгдѣ. Да они же де студенты, многочисленно собрався, въ нощахъ ходя по мѣщанскимъ дворамъ, крадутъ дрова, запасъ и всякія вещи, и отъ

того де имъ великая обида и разореніе чинится, а унять ихъ отъ того нѣкому.

И ты, въ Дусѣ Святѣмъ Сыне и сослужителю нашея мѣрности, о благостоятельномъ и любительномъ между людей мирѣ потщися, и научи евангельскимъ долгомъ оныя во упокоеніи, безъ роптанія и безъ обиды жити благочестно и смиренномудро. И о присылкѣ къ церквамъ ихъ священниковъ смотри лучшаго людемъ, чтобы было всѣмъ безъ стоны и ненависти, и благовременнѣ, и къ прошенію людскому во имени Господни снизходи. По Апостолу, малодушныя должно утѣшати. И студентомъ, когда они творятъ пакости людемъ, въ церковныхъ жилищахъ не вели жити, зане могутъ де быти при школахъ во особныхъ домѣхъ, и у мѣщанъ стояти, гдѣ кому придастся, а которыя будутъ студенты своеволять, и обиды и воровство чинить, о томъ во управленіе указъ въ грамматѣ царскаго пресвѣтлаго величества, имъ нынѣ данной, написано. Въ лучшество-же и твое преосвященство, еже-бы и ученіе было мудростное полезно, и дѣланіе всякому спасително, и не во укоренія, о семъ прирадѣй: да и число учениковъ множится, и слава Господня мудростными науками, и боговидными зрительствы, и проповѣдію вѣры православныя, въ церковномъ нашемъ благочестіи, на зрилищи земнокружія повсюду да сіяетъ. Отъ чесого здравіе многолѣтное и благоденственное, и спасеніе доброхвально, и царствія небеснаго наслѣдователно, писаніемъ святымъ и всѣхъ благомудрствующихъ, извѣстно бываетъ. Сего наша мѣрность твоему преосвященству и всѣмъ людемъ желающе, непрестанно Господа Бога молимъ и благословеніе наше глаголюще, миръ всѣмъ благодушие подаемъ, аминь.

Еще-же они мѣщане извѣстиша намъ, яко по нѣкоемъ оглаголаніи, и по малыхъ винахъ, отъ васъ клятва инымъ наносится. И они-де зѣло таковыхъ прещеній клятвенныхъ страшны, что ѣздятъ непрестанно по градамъ и по странамъ ради дѣлъ и промысловъ своихъ и чтобы въ такомъ прещеніи безвѣстно на нихъ или безвинно кому подъ клятвою не умереть и вѣчно не отщетится Творца Господа. И наша мѣрность вѣмы, яко твое архіерейство безъ причины сего не сотворишы; ибо, жестокое сіе слово для чего и на кого возлагается, извѣстенъ еси, что токмо развратникомъ святыя вѣры и противникомъ церкве, во иныхъ же вещехъ и дѣлахъ иначе наказуется во исправленіе, да и въ семъ

комуждо, аще не по веліей нуждѣ, споболиши благоразсуднѣ. Тѣмъ-же твое преосвященство паси Христово стадо любовію твоею, въ снабдѣніе всякаго благокрасованія и пользы христіанскія, и безпредѣлно никому-же вели творити что. По семъ умудривший тя Господь, и мудрствующаго о воли Его святой день и нощъ, и промышляющаго добрая и благоразумная предъ Богомъ и человѣки, умудритъ въ спасеніе и благохваленіе всегда. Сію-же нашея мѣрности граммату преписавъ, оставилъ-бы еси списокъ въ твоемъ приказѣ, а подлинную отдаждь войту Іоанну Быковскому и всѣмъ кіевскимъ урядникомъ и жителемъ въ судебную ихъ мѣщанскую избу, впредь ради будущихъ начальниковъ тамо совершеннаго отъ насъ оповеденія и извѣстія, и имъ благословенія нашего нынѣ, и въ предъ будущимъ жителемъ, въ крѣпость-же и утвержденіе благостояннаго и невреднаго всѣмъ житія.

Писася въ царствующемъ градѣ Москвѣ, міроздания 7207-го лѣта, Рождества-же во плоти Іисусъ Христова 1699-го, Індіктіона 7-го, мѣсяца апріллія 26-го днѐ.

Библіографія.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 47. С.-Петербургъ. 1885 г.

47-й томъ «Сборника», редакція котораго принадлежитъ г. Н. Дубровину, заключаетъ въ себѣ два отдѣла: въ первомъ помѣщена переписка Я. И. Булгакова (бывшаго русскимъ посломъ сначала въ Константинополѣ, съ 1778 по 1790 г., а потомъ въ Варшавѣ до 1792 г.) съ графомъ А. А. Безбородко и того-же Булгакова донесенія императрицѣ Екатеринѣ II о положеніи дѣлъ въ Турціи и Польшѣ, а во второмъ—рескрипты государыни и донесенія ей генераловъ М. В. Каховскаго и М. Н. Кречетникова по дѣламъ Польши въ 1792 году. Наиболѣе важный въ научномъ отношеніи и любопытный для читателя отдѣлъ книги это—первый; главное содержаніе въ немъ составляютъ оффиціальныя донесенія и частныя письма Булгакова, въ которыхъ онъ сообщаетъ о тѣхъ серьезныхъ препятствіяхъ, какія ему приходилось преодолѣвать при разрѣшеніи вопроса о присоединеніи Крыма и Кубани къ Россіи. Читая дипломатическую переписку этого сравнительно недавняго времени, невольно приходится обратить вниманіе на то, какъ скоро измѣняются интересы и положенія государствъ, какъ скоро политическіе друзья становятся врагами. Изъ бумагъ Булгакова мы видимъ въ данномъ случаѣ то отношеніе, въ какое поставили себя европейскіе дворы, узнавъ о намѣреніи императрицы расширить предѣлы Россіи на юго-востокѣ и занять побережье Чернаго моря. Сама потерпѣвшая Турція относилась къ этому пассивно: султанъ боялся войны, чтобы съ ней не потерять и престола, а государственные сановники заботились болѣе о сохраненіи накопленныхъ богатствъ и увеличеніи ихъ, нежели о сохраненіи достоинства своего повелителя и народа; всѣ-же вмѣстѣ боялись бунтовъ

и измѣны. Что касается до европейскихъ пословъ, то Булгаковъ найбольшую поддержку находилъ въ англійскомъ и австрійскомъ. Австрія заключила тогда союзъ съ Россіей, а посолъ Англіи добровольно и усердно хлопоталъ въ пользу мирнаго улаженія крымскаго дѣла: интересы ея не затрогивались тогда присоединеніемъ полуострова къ русскимъ владѣніямъ. Англійскій посолъ не только защищалъ интересы Россіи въ Крыму, но и горячо настаивалъ на совершенномъ изгнаніи турокъ изъ Европы. Франція, напротивъ, готова была побуждать Турцію къ войнѣ и оказать ей матеріальную поддержку; съ этой цѣлью она чуть было не заключила союза съ Пруссіей, и только готовность Россіи къ войнѣ да внутреннія неурядицы въ самой Франціи наканунѣ революціи заставили ее противъ желанія удерживать и Турцію отъ войны, которая могла причинить ей еще большія потери. Когда вскорѣ послѣ присоединенія Крыма возникли новыя замѣшательства въ Закавказьи, Франція обѣщала Турціи поддержку, требуя для себя только права сосредоточивать войска на островѣ Кандіи: но послы другихъ державъ остановили султана, убѣдивъ его, что если онъ разъ допуститъ высадку войскъ въ Кандіи, то долженъ будетъ навсегда оставить островъ въ рукахъ Франціи, который недавно и занятъ, но только уже англичанами, а не французами. Дѣятельно и долго интриговалъ противъ Россіи прусскій посланникъ, но, при полномъ нейтралитетѣ другихъ державъ, роль его выходила нѣсколько смѣшной, какъ это рѣзко бросается въ глаза въ письмахъ Булгакова. Впослѣдствіи, когда французско-прусскія интриги одержали верхъ и Турція объявила войну, русскій посолъ былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ, въ которомъ и просидѣлъ болѣе 800 дней. Выпущенный оттуда, онъ чрезъ Тріестъ возвратился въ Москву, а потомъ получилъ назначеніе въ Варшаву. Булгаковъ былъ человѣкъ глубоко образованный, умный и наблюдательный, и всѣ его письма и донесенія изъ Константинополя въ высшей степени интересны то по художественному изложенію ихъ, то по остроумной и мѣткой характеристикѣ лицъ и событій. Особенно любопытна сдѣланная имъ въ письмѣ къ графу А. А. Безбородко отъ 1 ноября 1781 года характеристика всѣхъ европейскихъ пословъ въ Константинополѣ: «французскій, говоритъ онъ, спѣсивится, голландскій ему угождаетъ, венеціанскій сбирается учиться грамотѣ, англійскій хвастаетъ, вѣнскій пишетъ, неаполитанскій церемонится, прусскій шутитъ, шведскій скучаетъ, а датскій молчитъ. Я чуть было и о себѣ не написалъ».

Въ письмахъ своихъ Я. И. Булгаковъ рѣзко нападаетъ также и на безобразія русскихъ «саврасовъ безъ узды» за границей. «Наши переселенцы», говоритъ онъ, «за правило себѣ взяли никому не повино-

ваться. Лучшее ихъ дѣло, пріѣхавъ сюда (письмо писано въ Константинополѣ), нахальствовать, бить всѣхъ, кто попадется, даже таможенныхъ надзирателей, и ничего нигдѣ не платить».

Вообще, чрезвычайно любопытная переписка Булгакова, хотя и не объясняетъ затрогиваемыхъ имъ фактовъ во всей полнотѣ, но все таки даетъ возможность уразумѣть интересы и цѣли политики нашей и сосѣднихъ государствъ, и именно съ этой стороны его переписка представляетъ важнѣйшій и существеннѣйшій матеріалъ для политической исторіи нашей въ то время.

Во 2-ю часть 47-го тома «Сборника» вошли рескрипты Екатерины II и донесенія ей генераловъ Кречетникова и Каховскаго о занятіи русскими войсками въ 1792 году нынѣшняго юго-западнаго края Россіи и собственно Польши для поддержанія партіи, недовольной и протестовавшей противъ конституціи 3 мая. Матеріалы этой части открываются указами государыни Кречетникову и Каховскому, въ которыхъ точно и подробно опредѣляется программа дѣятельности каждаго изъ нихъ. Занятіе польскихъ областей Екатерина въ своемъ указѣ называетъ «ударомъ, который поляки приуготовили собственному своему отечеству и который, посредствомъ насилія и коварства, въ 3-й день мая минувшаго 1791 года, съ полнымъ успѣхомъ совершили, ниспровергнувъ весь прежній въ ономъ порядокъ, превративъ республиканское правленіе въ монархическое, престолъ избрательный въ наслѣдственный и власти законно-установленныя въ ничтожество и тѣмъ самымъ разрушивъ до основанія всѣ связи, на которыхъ покоилась тишина и безопасность сосѣдей польскаго государства». Исполненіе указа вызвало донесенія генераловъ о постепенномъ занятіи ими польской территоріи, согласно начертанному Екатериной плану, о кровавыхъ столкновеніяхъ русскихъ войскъ съ польскими отрядами, открытіи въ занимаемыхъ воеводствахъ конфедерацій и наконецъ о засѣданіяхъ сейма. Въ заключеніе приведенъ указъ Екатерины съ изложеніемъ тѣхъ мѣръ, которыя долженъ былъ принять генералъ Кречетниковъ въ мѣстности, присоединенной къ Россіи по второму раздѣлу Польши и обнимавшей часть Литвы и юго-западнаго края. Послѣдній былъ раздѣленъ на губерніи: Изяславскую и Брацлавскую, а другія части бывшаго кіевскаго воеводства отдѣлены къ Черниговской и Екатеринославской губерніямъ.

Этотъ отдѣлъ «Сборника» не имѣетъ особаго значенія для политической исторіи, или исторіи гражданственности и внутренняго быта, и сохраняетъ цѣну, какъ матеріалъ для чисто-военной исторіи; но и для послѣдней значеніе его умаляется отсутствіемъ плановъ и картъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ происходили столкновенія, между тѣмъ о планахъ

и картахъ часто упоминается въ донесеніяхъ. Указанные документы не имѣютъ также интереса новизны; они хотя и появляются въ первый разъ (въ перепечаткѣ помѣщенъ только одинъ документъ, это—плакаты генерала Кречетникова отъ 14 іюня 1792 года), но содержаніе ихъ было раньше пересказано уже Н. И. Костомаровымъ въ его сочиненіи «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» (стр. 478 и слѣд.); здѣсь-же они отмѣчены въ перечнѣ источниковъ подъ №№ 18 и 19.

Къ польскимъ дѣламъ слѣдуетъ отнести и письма Я. И. Булгакова изъ Варшавы, начиная съ 1-го октября 1791 года. Эти письма помѣщены въ первомъ отдѣлѣ «Сборника», но по содержанію относятся ко второму; въ нихъ авторъ, со свойственной ему вѣрностью и живостью, рисуетъ темными красками положеніе дѣлъ въ Польшѣ. Но Булгаковъ не долго пробылъ въ Варшавѣ и въ концѣ 1792 года былъ замѣненъ Я. Е. Сиверсомъ; въ то же время и на мѣсто Каховскаго былъ назначенъ баронъ Игельстромъ. Г. Иловайскій въ своемъ изслѣдованіи «Гродненскій сеймъ 1792 года» говоритъ, что находящіеся у него подъ рукою неизданные матеріалы показываютъ, что императрица была недовольна ихъ образомъ дѣйствій въ Польшѣ.

И. Каманинъ.

А. Барбашевъ. Витовтъ и его политика до грюнвальденской битвы (1410 г.). Спб. 1885 г.

Исторія Литвы, имѣющая тѣсную связь съ исторіей южной Руси, хотя и вызываетъ къ себѣ вслѣдствіе этого полное вниманіе со стороны русскихъ историковъ, но не въ такой степени, въ какой можно было-бы его ожидать, судя по важности предмета. Кромѣ отмѣченныхъ нами въ свое время работъ по этой исторіи проф. В. Б. Антоновича и вызванныхъ ими нѣсколькихъ статей проф. Н. П. Дашкевича по культурной и политической исторіи западной Россіи, можно найти не болѣе десятка разновременно появлявшихся въ этой области изслѣдованій. Къ числу ихъ принадлежитъ и названное нами выше сочиненіе г. Барбашева.

Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе тѣмъ именно временемъ, на какомъ остановился В. Б. Антоновичъ, т. е. 1377 г., когда умеръ великій князь Ольгердъ. Своему изслѣдованію г. Барбашевъ предпосылаетъ общія замѣчанія о важности избранной имъ эпохи и оцѣнку источниковъ, послужившихъ матеріаломъ для его монографіи. Въ первой главѣ ея, авторъ, сказавъ сначала о господствѣ въ Литвѣ русской цивилизаціи, вѣры и языка, дѣлаетъ потомъ общій очеркъ могущества

Витовта, даетъ его характеристику и указываетъ на значеніе въ исторіи Литвы его и грюнвальденской битвы, не касаясь предшествовавшаго времени и тѣхъ полныхъ ума и энергіи литовскихъ князей, которые подготовили почву для развитія могущества и широкихъ замысловъ Витовта. Исторія этого послѣдняго начинается собственно со второй главы, обнимающей время съ 1377 по 1386 годъ, т. е. отъ смерти Ольгерда до брака Ягелла съ Ядвигой и перваго соединенія Литвы съ Польшей. Здѣсь излагается бѣгство лишеннаго наслѣдства Витовта къ рыцарямъ, послѣ убійства Ягелломъ его отца, принятіе имъ католичества, набѣги его въ союзѣ съ орденомъ на Литву и примиреніе съ Ягелломъ, передъ отправленіемъ того въ Польшу. Предметомъ третьей главы служитъ борьба Витовта съ Ягелломъ, при содѣйствіи крестоносцевъ, продолжавшаяся до тѣхъ поръ, пока Витовтъ не получилъ великокняжескаго титула и соединенныхъ съ нимъ правъ на занятіе отцовскаго удѣла и управленіе всей литовско-русской областью. Этой цѣли своей Витовтъ достигъ въ 1392 году, которымъ заканчивается настоящая глава и начинается четвертая. Обнимаемое послѣднею время съ 1392 по 1399 годъ Витовтъ провелъ частью въ борьбѣ за политическую независимость Литвы и Руси отъ Польши, частью въ попыткахъ распространить свою власть и вліяніе на княжества восточной Руси и самую Москву. Эти послѣднія попытки привели его къ необходимости искать себѣ покорнаго союзника въ средѣ татарскихъ хановъ, боровшихся за престолъ; одного изъ такихъ претендентовъ онъ взялъ подъ свое покровительство и выступилъ за него противъ дѣйствительнаго хана Золотой Орды. Побѣжденный татарами въ 1399 году на рѣкѣ Ворсклѣ, Витовтъ вынужденъ былъ умѣрить свои честолюбивыя стремленія и обратить все вниманіе на свои отношенія къ Польшѣ, гдѣ въ томъ-же году умерла королева Ядвига и положеніе Ягелла болѣе или менѣе колебалось; однако-же Витовтъ, послѣ нанесеннаго ему пораженія татарами, не могъ уже воспользоваться благопріятными обстоятельствами для утвержденія своей независимости и въ свою очередь вынужденъ былъ къ уступкамъ, при заключеніи новаго союза съ Польшей, подтвержденнаго имъ присягой въ 1401 году. Въ этотъ періодъ Витовтъ снова обращается къ расширенію предѣловъ своего государства и своего вліянія на востокѣ; въ то-же время у него возникаютъ пререканія съ Орденомъ, оканчивающіяся въ 1410 году битвой между Таненбергомъ и Грюнвальденомъ, которая окончательно сломила силу крестоносцевъ. Изложеніе этихъ событій составляетъ пятую и послѣднюю главу сочиненія г. Барбашева, планъ котораго мы передали вкратцѣ.

Почему авторъ остановилъ свое изслѣдованіе на 1410 годъ, рѣшить трудно. Начавъ разъ говорить о политикѣ Витовта, слѣдовало-бы вести дѣло до конца, такъ какъ политика этого князя въ послѣдніе годы его жизни обусловливается совершенно предшествовавшими событіями; но г. Барбашевъ не обнаруживаетъ въ настоящей своей книгѣ даже намѣренія когда нибудь возвратиться къ своему предмету впослѣдствіи. Что касается до выполненія авторомъ изложеннаго нами плана, то, при самыхъ скромныхъ требованіяхъ, оно далеко не соотвѣтствуетъ важности затронутаго вопроса. Хотя авторъ и ознакомился почти со всѣми главными русскими и иностранными трудами по исторіи Литвы вообще и исторіи Витовта въ частности и извлекъ изъ изданныхъ до сихъ поръ памятниковъ всѣ болѣе или менѣе важные факты, но расположилъ ихъ не по внутреннему содержанію и не соотвѣтственно своей задачѣ, а просто хронологически; въ результатѣ получилась масса всякихъ событій, читая которыя, трудно составить себѣ ясное и опредѣленное понятіе какъ о характерѣ самаго Витовта, такъ и о его политикѣ. Читатель, не знакомый раньше съ дѣятельностью Витовта, едвали пойметъ отчетливо изъ сочиненія г. Барбашева, чего хотѣлъ и къ чему стремился герой разсказа. Личность этого величайшаго изъ государей своего времени совершенно заслоняется неискусно расположенной громадой всякихъ историческихъ данныхъ о немъ, постоянными отступленіями автора отъ главнаго предмета разсказа и введеніемъ подробностей о второстепенныхъ лицахъ Витовтова времени. Авторъ въ предисловіи говоритъ, что главная цѣль его изслѣдованія «разъяснить, сколько возможно, хотя нѣкоторые изъ массы темныхъ и запутанныхъ, весьма важныхъ вопросовъ въ исторіи Литвы XIV и XV в. и возстановить факты какъ можно ближе къ дѣйствительности». Поэтому будто-бы его трудъ имѣетъ характеръ критическій. Но подобнаго характера мы не можемъ придать труду г. Барбашева, потому что двѣ, три выноски въ текстѣ, да столько-же приложеній въ концѣ книги, въ которыхъ авторъ высказываетъ свое собственное сужденіе о томъ или другомъ, часто второстепенномъ фактѣ, не измѣняютъ сдѣланнаго нами раньше опредѣленія сочиненія г. Барбашева: оно заключаетъ въ себѣ простой пересказъ лѣтописныхъ и актовыхъ данныхъ, но они переданы непослѣдовательно и совершенно не выработаннымъ языкомъ. Въ книгѣ г. Барбашева часто встрѣчаются рѣзкіе переходы въ изложеніи отъ одного предмета къ другому, безъ всякаго объясненія и видимой необходимости, много неудачныхъ выраженій и даже нѣсколько такихъ мѣстъ, гдѣ нельзя понять точный смыслъ выраженія. Мы не дѣлаемъ для доказательства справедливости нашего отзыва выписокъ изъ книги

г. Барбашева: на это потребовалось-бы много времени и мѣста, а между тѣмъ указанія на нѣкоторые промахи не исправятъ работы, которую уже если исправлять, то отъ первой до послѣдней строки. Авторъ сдѣлалъ одно—свелъ всѣ факты, касающіеся Витовта, во едино, представивъ, такъ сказать, черновую работу; за ней должна была слѣдовать такая группировка и объясненіе собраннаго матеріала, которая сама собой характеризовала-бы точно и ясно и личность Витовта и его политику—группировка, подъ которой мы разумѣемъ не только дипломатическія отношенія правителя, но и его дѣятельность по внутреннему управленію страной, чего вовсе не касается въ своемъ сочиненіи г. Барбашевъ.

И. Каманинъ.

И. А. Кулишъ. «Байда, князь Вишневецкій», драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. С.-Петербургъ. 1885 г.

Содержаніе настоящей драмы взято изъ жизни и дѣятельности князя Димитрія Вишневецкаго (изъ Вишневца, на Волыни), извѣстнаго въ народной южно-русской поэзіи подъ именемъ Байды, а также Ганжи Андыбера, представителя сѣрой козацкой массы XVI столѣтія. Послѣдній извѣстенъ почти только изъ народныхъ пѣсенъ, между тѣмъ о князѣ Вишневецкомъ мы имѣемъ и нѣсколько достовѣрныхъ историческихъ данныхъ, въ извѣстной мѣрѣ сходящихся и съ пѣсенными данными. Уже по одной этой причинѣ главнымъ лицомъ и по замыслу и по исполненію является въ пьесѣ г. Кулиша именно Байда, т. е. Димитрій князь Вишневецкій. О томъ, насколько Байда въ предлежащей драмѣ согласуется съ историческимъ княземъ Димитріемъ Вишневецкимъ, скажемъ послѣ, теперь-же приведемъ краткое содержаніе пьесы, чтобы читателю удобнѣе было слѣдить за дальнѣйшимъ разборомъ ея.

Драма открывается прологомъ, въ которомъ обнаруживается основной взглядъ автора на героя пьесы, какъ на рыцаря—носителя высшей правды, который потому-то и выведенъ на театральныя подмостки, что, говоря словами драмы,

«Боронючи народню Гиппократу,
Духовну зброю безъ устанку носимъ,
И се на лицедійную арену
Свою борбу за правду переносимъ».

Въ первомъ дѣйствіи, происходящемъ въ Вишневцѣ, являются слѣдующія сцены: первая, въ которой происходитъ столкновеніе между

княгиней Вишневецкой и ея сыномъ Байдой, которому по сердцу не двоюродная сестра его Катруся, выбранная для него въ невѣсты матерью, а Гальшка Острожская. Въ концѣ концовъ Байда рѣшительно отказывается отъ Катруси и возвращаетъ ей обручальное кольцо. Затѣмъ Байда принимаетъ пословъ: русскаго отъ царя Іоанна Грознаго и турецкаго, изъ которыхъ каждый старается склонить его на свою сторону. Въ слѣдующей сценѣ Байда узнаетъ о поруганіи и обезчещеніи его милой, Острожской княжны, Сангушкомъ, съ соизволенія ея дяди, и рѣшается отомстить имъ за это съ помощію козацкой черни, пирующей въ кабакѣ у Насти Горовой.

Во второмъ дѣйствіи представленъ этотъ пиръ, на которомъ ярко обнаруживается вражда зажиточныхъ козаковъ, или «дукъ» и «нетягъ», т. е. бобылей. Ганжа Андыберъ является представителемъ и покровителемъ этихъ послѣднихъ и дозволяетъ имъ по своему расправиться съ «дуками». Входитъ Байда, и Андыберъ наружно смиряется передъ нимъ. Но изъ слѣдующей сцены обнаруживается, что онъ измѣнилъ Байдѣ въ самую горячую минуту подъ Острогомъ.

Третье дѣйствіе переноситъ насъ въ садъ надъ Босфоромъ въ Турціи, куда Байда бѣжалъ, вслѣдствіе измѣны Ганжи. Съ Байдой находится и неразлучный, вѣрный слуга и другъ его Тульчинскій, тайно любящій Катрусю. Является княгиня Вишневецкая и сообщаетъ сыну обо всемъ, что случилось на Украйнѣ въ его отсутствіе: о ссорѣ князя Василія Острожскаго съ Андыберомъ, о бѣгствѣ послѣдняго на вишневецкія степи и разграбленіи имъ Настина кабака, о нападеніи на Украйну татаръ, страшно ее разорившихъ и угнавшихъ въ плѣнъ массу женщинъ, въ числѣ которыхъ была и Катруся. Къ счастью она попала въ руки султанши, которая и возвращаетъ ей свободу, написавши Байдѣ, чтобы онъ отдалъ ее Тульчинскому. Байду зовутъ на военный совѣтъ къ Падишаху, испуганному нападеніемъ на Царьградъ козаковъ. Байда измѣняетъ туркамъ и уплываетъ съ козаками, при чемъ спасаетъ жизнь своего врага Ганжи Андыбера, предводительствовавшаго козацкой силой и отрѣзаннаго турками отъ своихъ. Тѣмъ не менѣе ненависть Андыбера къ Байдѣ, какъ представителю, по его мнѣнію, козаковъ-дукъ и защитнику господскихъ порядковъ, производящихъ неравенство между козаками, до того велика, что онъ, забывши, чѣмъ обязанъ Байдѣ, вооружилъ противъ него козацкую чернь. Наряженъ судъ надъ Байдою, его винятъ въ томъ, что онъ допустилъ совершиться страшному преступленію въ глазахъ козаковъ,—помѣстилъ въ Сѣчи, на Хортицѣ, женщинъ: свою мать и Катрусю. По просьбѣ Байды, судъ разрѣшаетъ ему оправдываться «Божьимъ судомъ», т. е. поединкомъ съ козакомъ—не-

тягою. Выйти противъ него вызывается Андыберъ, но поединокъ не состоялся: ему помѣшало нападеніе на Украйну турецко-татарской силы.

Пятое дѣйствіе снова происходитъ въ Вишневцѣ. Ярмарка. Между козаками, толпящимися вокругъ кобзаря, показывается безрукій Ганжа Андыберъ, возвратившійся изъ татарскаго плѣна и съ начала не узнанный козаками. Разсказъ Андыбера о томъ, какъ онъ, сгарая жаждою козацкой воли, самъ себѣ отрубилъ руку, которою былъ прикованъ къ жернову, приводитъ козаковъ въ восторгъ, и они просятъ кобзаря сложить думу про Андыбера, про его ненависть къ дукамъ, про геройское освобожденіе изъ плѣна. Въ слѣдующей сценѣ Тульчинскій сообщаетъ княгинѣ Вишневецкой страшную вѣсть о возвращеніи Андыбера изъ плѣна, о томъ, какъ къ нему пристала вся казацкая чернь и какъ онъ грозитъ истребленіемъ всѣхъ «сриблянниковъ», т. е. зажиточныхъ козаковъ и князей Острожскихъ, Вишневецкихъ, Сангушекъ, Радивиловъ. Вѣсть эта тѣмъ ужаснѣе, что на Украйнѣ отсутствуетъ Байда, служащій у царя Ивана Грознаго. Въ слѣдующей сценѣ является возвратившійся изъ Великой Руси Байда, весь сѣдой, якобы отъ тяжкихъ условій службы грозному царю и его землѣ, гдѣ, по словамъ Байды «погибаетъ все, що встае за правду». Изъ словъ Байды обнаруживается также, что онъ жалѣетъ богатую и обширную Московскую Русь, заѣденную неправдою, но помочь ей было не въ его силахъ. Изъ всѣхъ своихъ исканій правды онъ пришелъ къ тому выводу, что ее можно найти лишь въ своей собственной «взбросеной хатѣ», и что такую хату онъ можетъ себѣ устроить лишь за Днѣпромъ, въ Молдовлахіи. Проще сказать, Байда задумалъ завоевать себѣ молдавскій престолъ съ помощію козаковъ и самого Андыбера, котораго онъ думаетъ одолѣть довѣріемъ и забвеніемъ прошлаго. Но Андыберъ не таковъ: онъ остался до конца вѣренъ себѣ, своей слѣпой и страстной ненависти къ «сребряникамъ» и предалъ Байду въ руки турокъ... Предъ походомъ Байды происходитъ обрученіе Самуся Тульчинскаго и Катруси. Послѣдняя сцена 5-го дѣйствія переноситъ насъ въ «судную свѣтлицу» надъ желѣзными крючьями, въ Царьградѣ. Между плѣнными оказывается и самъ Андыберъ, не смотря на его услугу туркамъ. Онъ сначала отказывается отъ принятія магометанства и готовъ безъ страха принять смерть; но, узнавши, что и Байда, также отказавшійся отъ принятія магометанства, будетъ зацѣпленъ за желѣзный крюкъ, готовъ даже измѣнить свое рѣшеніе и «потурчиться», лишь-бы насладиться зрѣлищемъ мученій ненавистнаго ему Байды. Сами турки дивятся такой лютой ненависти... Пьеса оканчивается пѣніемъ невольниковъ: «Годи тобі, князю Байдо, байдувати, сватай мою дочку та йди

царюватн» и проч.: это пѣніе «переходитъ варіяціями у високый національный гимнъ».

Теперь обратимся къ болѣе близкому и подробному разсмотрѣнію пьесы какъ со стороны языка, такъ и со стороны содержанія, въ связи съ общими воззрѣніями автора на украинскую исторію.

Зная направленіе и образъ мыслей названнаго писателя въ послѣднее время, рѣзкій поворотъ въ его воззрѣніяхъ на козачество и весь ходъ и смыслъ украинской исторіи, я, признаться, принялся за чтеніе поименованной выше драмы не безъ нѣкотораго предубѣжденія и долженъ сознаться, что оно и послѣ прочтенія книжки нисколько не разсѣялось. Это главное; но я начну съ мелочей.—Прежде всего въ драмѣ васъ поражаетъ крайняя напыщенность и дѣланность рѣшительно невозможнаго ни въ чьихъ устахъ языка; она просто бьетъ въ глаза даже непредубѣжденнаго читателя. Сплошь и рядомъ вы натыкаетесь на такія слова, которыхъ ни въ какомъ словарѣ не отыщете и конечно не ожидали встрѣтить въ малорусской книжкѣ. Таковы, напримѣръ, *индикгенатъ*, *можновладство*, *почезнути*, *чуррикнъ*, *вгрущати*, *нищакъ*, *аповъ*, *дионезный*, *карбазъ*, *опдръ*, *вильонъ*, *вравн*, *врс*, *верешъ*, *хлоню*, *недолимокъ*, *знарядде*, *бахматъ* и т. д. Конечно, по теченію рѣчи можно, хотя и не всегда, добиться смысла этихъ и множества другихъ подобныхъ словъ, можно догадаться, напримѣръ, что *пасовище* происходитъ отъ того-же корня, что и *пасу*, что *цешка* можетъ означать судебную повѣстку, что *гайдабура*—слово почти равнозначущее съ *гайдамакой* и проч.; тѣмъ не менѣе необходимость употребленія такихъ странныхъ словъ отъ этого нисколько не становится убѣдительнѣе.

Напыщенность языка дѣйствующихъ лицъ, особенно самаго Байды, стоитъ въ тѣсной связи съ воззрѣніями автора на его героевъ и вообще на историческія отношенія того времени. Такъ приторно-величественный тонъ рѣчей Байды является результатомъ взгляда автора на него, какъ на носителя высшей христіанской идеи, страдальца за правду, человѣка, далеко опередившаго свой вѣкъ въ своихъ политическихъ и общественныхъ взглядахъ и стремленіяхъ. «Ты, говоритъ Байда Тульчинскому, въ сердци маешъ бельведерски струны, гучни й дзвинки, якъ Зевсови перуны» (стр. 75). Въ свою очередь и Тульчинскій (сначала «чура», т. е. слуга Байды, а послѣ его кобратимъ) тоже изъясняется подъ стать Байдѣ и такъ-же переполняетъ свою рѣчь классическими и миѳологическими выраженіями. Въ одномъ, напримѣръ, случаѣ онъ говоритъ Байдѣ такъ:

Давно вже я вбачаю,
Що ты сумный, хмурный, мовъ Этна чорна,

Зитхаешъ стиха, мовъ той бурный кратеръ
Передъ розливомъ поломъя та лавы!..
Не смивъ тоби я зъ думкою видкрытись
И змалювавъ кгеоркгику (!) въ пустыни...

Или вотъ разговоръ Тульчинскаго съ Байдою:

Тульчинскій: Великий царь сей турчинъ любомудрый
И правды винъ жадае серцемъ щирымъ;
Та е на свити Геркулесъ великій,
Що правдою воюе вси языки.
Убивъ надъ Волгою страшного змія,
А другого надъ Каспіемъ глыбокимъ.
Его имямъ козакъ, мовъ талисманомъ,
За горами сягнувъ до Океана.

Байда: Ты про московського царя говоришъ...
Такъ, се потужный розумъ, серце праве!
Одно, одно...

Тульчинскій: Що винъ изъ Византіи
Пересадивъ слепыхъ вождивъ до себе?
Дарма. Во темна чернь, се «рядъ лукавый»,
А ницаки—се «рядъ прелюбодійный»:
Одъ Бога правды ницымъ серцемъ блудить,
Перелюбки зъ «отцемъ олжи» нечинне.
Поки шчо, мусить дика дича слухать
Своихъ слепыхъ пророкивъ Валаамивъ.
Якъ просвитиця правдою науки,
Не дасця хижакамъ у хижи руки (стр. 75).

Но основательное знаніе классической миѳологіи обнаруживаютъ не только Байда и Тульчинскій, а и турецкій сераскиръ и визирь. Вотъ, напр., слова сераскира (148 стр.):

Пышаюсь боемъ зъ украинськимъ левомъ:
Оборонявсь, якъ Бріарей сторукій,
И вергавъ смерть, немовѣ яка машина...

Напыщенная рѣчь визиря невольно смѣшитъ читателя. Вотъ что читаемъ на стр. 146:

Такъ, воины—игралище Фортуны,
А нацин—се филин по-пидъ витромъ...
Куды жене ихъ таемнича доля,
Предвичного недовидома воля?
Чого встають, киплять та й засипають,
И про свое вранне не памятають?

Вре боемъ хуртовинне Руське Море
И напирае на Стамбулъ потужный,
Немовъ, ёму на соромъ и на горе,
Воскресъ Олегъ той вищій, харалужный...

Кажется, и приведенныхъ выписокъ достаточно, чтобы видѣть напыщенность языка драмы, фантастичность историческихъ представленій г. Кулиша. Историческія изображенія въ его драмѣ до того преувеличены и просто раздуты, что даже то зерно правды, которое тамъ имѣется, именно глухая и разрушительная борьба неимущихъ козаковъ съ вельможами, владѣтельными князьями и вышедшими изъ среды ихъ козаками, какъ Байда, даже, повторяемъ, этотъ фактъ дѣлается почти неузнаваемъ въ историческихъ изображеніяхъ г. Кулиша и затемняется массою разныхъ произвольныхъ и чисто фантастическихъ дѣйствій, стремленій и воззрѣній, обнаруживаемыхъ дѣйствующими лицами. Я уже не говорю о томъ, совершенно небываломъ величіи, въ какомъ представленъ авторомъ Байда въ своемъ мѣстопребываніи—Вишневцѣ на Волыни. Изображеніе Дмитрія князя Вишневецкаго въ видѣ какого-то могучаго владыки, въ которомъ заискиваютъ властитель московской Руси и султанъ турецкій, слабо вяжется съ исторической дѣйствительностью. Желающихъ провѣрить наши слова отсылаемъ къ драмѣ г. Кулиша. Тамъ, на стр. 18—30, они найдутъ: и состязаніе московскаго посла съ турецкимъ и величавую полу-фантастическую обстановку, окружающую князя Дмитрія, и напыщенныя рѣчи, приправленныя всякими «Букефалами», «Ганнибалами» и пр. Изъ исторіи между тѣмъ извѣстно намъ совсѣмъ иное: князь Дмитрій, построивши укрѣпленіе на островѣ Хортицѣ (1556 г.), обращается съ просьбой о защитѣ отъ татаръ и турокъ къ русскому царю Ивану IV Грозному, отъ котораго и получаетъ «опасную грамоту» и жалованье; въ 1558 г. онъ совсѣмъ оставляетъ Литву и служитъ Іоанну IV, владѣя полученнымъ отъ него городомъ Бѣлевымъ три года, послѣ чего опять возвращается въ Литву и въ 1563 г. погибаетъ въ Молдавіи, куда онъ отправляется добывать корону съ 4-хъ тысячнымъ войскомъ; попавъ въ руки турокъ, онъ замученъ былъ ими въ Константинополѣ.

Изъ такихъ-то фактовъ жизни и дѣятельности Байды, князя Вишневецкаго, да изъ извѣстной народной пѣсни о смерти его въ Константинополѣ [1]) и умудрился г. Кулишъ составить свою фантастическую пьесу, полную самыхъ странныхъ и исторически невозможныхъ изобра-

[1]) См. напр., 3-й вып. «Сборника украинскихъ пѣсенъ» г. Лисенка, стр. 7.

женій, воззрѣній и рѣчей, въ родѣ рѣчи московскаго посла, который, говоря о величіи Іоанна IV, выражается такимъ образомъ (стр. 22):

«Великъ нашъ царь: одной полой покрылъ онъ
Ливонію со моремъ со Балтійскимъ,
Другою—*всю Сибирь* со Окіяномъ»...

Идеи и взгляды, высказываемые Байдою и Тульчинскимъ, не соотвѣтствуютъ ихъ времени. Укажемъ для примѣра на слѣдующія слова Байды по поводу появленія козаковъ у стѣнъ Царьграда:

Все, що робилы мы й робити будемъ—
Нищо передъ великимъ симъ моментомъ.
Теперъ-бы можна, братте, намъ пидняти
Усихъ невольникивъ и всю голоту
Болгарську, Кірецьку, Македонську, Сербську
Та й осяти столицю бесурменську».

На что одинъ изъ сподвижниковъ отвѣчаетъ ему:

«Тогди-бъ мы тинь Олега звеселили,
И щитъ его на брами поновили».

Еще покойный М. А. Максимовичъ называлъ представленія г. Кулиша объ Украйнѣ «болѣе идиллическими, чѣмъ историческими [1]), и это замѣчаніе оправдываетъ г. Кулишъ и новою своею драмою. На вымыслѣ построены все 3-е дѣйствіе и часть четвертаго. Совершенно произвольно также заставляетъ авторъ Байду пѣть извѣстную пѣсню: «Гомôнъ, гомôнъ по дуброви» (См. Сборникъ г. Лисенка, вып. II, стр. 16), пѣсню болѣе поздняго происхожденія. Пѣсню: «Ой гукъ мати», по содержанію касающуюся отношеній русскихъ къ полякамъ (см. Сборникъ пѣсенъ Гулака-Артемовскаго, № 39), авторъ преспокойно заставляетъ козаковъ пѣть послѣ побѣды надъ турками, при чемъ слова «вражихъ ляховъ» замѣнены словами «бесурменцивъ»...

Какъ драма, пьеса г. Кулиша мало удобна для сцены, въ ней дѣйствіе весьма часто мѣняетъ свое мѣсто (при 5 дѣйствіяхъ до 20 сценъ, при чемъ 11 разъ должна происходить перемѣна декорацій); иныя сцены черезчуръ коротки, напримѣръ, 6-я втораго дѣйствія, имѣющая особую декорацію: всего 2 листика печатныхъ! Масса разговоровъ, мало содѣйствующихъ движенію дѣйствія, дѣлаетъ пьесу нѣсколько вялой и, пожалуй, скучной, помимо всего прочаго, о чемъ говорилось выше.

Что касается дѣйствующихъ лицъ, то изъ нихъ болѣе другихъ отчетливо изображенъ Ганжа Андыберъ и пожалуй Байда и Тульчинскій; княгиня Вишневецкая и ея племянница Катерина—слишкомъ ужъ

---

[1]) Полное собраніе сочиненій, т. I, стр. 275.

шаблонны и блѣдны: первая со своей несокрушимой материнской любовью, вторая со своей голубиною кротостью и безжизненностью... Нѣсколько рѣзче очерчена Настя Горовая, степная шинкарка, съумѣвшая прибрать посѣщавшихъ ее козаковъ въ руки, но въ концѣ концовъ до полусмерти избитая Андыберомъ... Весьма недурны и, на мой взглядъ, правдивы сцены, изображающія отношенія между козаками «дуками» и «нетягами»; тутъ довольно наглядно представлена та рознь и глухая вражда, которая, какъ извѣстно, готова была ежеминутно воспламениться и проявиться между этими двумя классами козаковъ, постоянно появлявшимися и существовавшими при благопріятныхъ условіяхъ, на зло народному малорусскому идеалу полнаго равенства въ населеніи. Изъ козаковъ «нетягъ» ярче другихъ обрисованъ «турецкій святый». Это типичнѣйшій представитель казака «нетяги», столь несклоннаго къ упорному стяжанію и хозяйничанью, человѣкъ, для котораго гульба и воля дороже всего на свѣтѣ. Остальныя лица ничѣмъ не замѣчательны, и мы не будемъ останавливаться ни на нихъ, ни на другихъ отдѣльныхъ сценахъ.

Совѣтуемъ однако читателямъ ознакомиться съ разобраннымъ нами произведеніемъ; оно интересно уже по столь извѣстному въ нашей литературѣ имени сочинителя и попыткѣ его воспроизвести въ исторической драмѣ тѣ взгляды, которые отчасти извѣстны по его «Исторіи возсоединенія Руси». Какъ мы слышали, это не единственная его попытка, и мы можемъ вскорѣ ждать цѣлый почти рядъ произведеній въ томъ-же родѣ. Поживемъ, увидимъ.

А. Степовичъ.

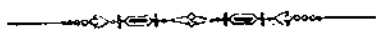

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ОСТАТКИ БРАТСТВЪ И ЦЕХОВЪ ВЪ ПОЛТАВЩИНѢ.

Маркивъ кинь, та не Марко на нимъ;
Маркова зброя, та не Маркова мова.

Этою народною поговоркою, записанною мною въ м. Нехворощи, константиноградскаго уѣзда, полтавской губерніи, считаю наиболѣе соотвѣтственнымъ предмету начать мои замѣтки объ остаткахъ братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ. Историкъ старѣйшаго изъ всѣхъ братствъ, свято-успенскаго львовскаго, Діонисій Зубрицкій закончилъ поучительную лѣтопись онаго такими словами: «стоитъ и нынѣ этотъ вѣковой дубъ и кое-когда даетъ отъ себя зеленые побѣги». Къ тѣмъ меньшимъ и позднѣйшимъ братствамъ, которыя въ XVII и XVIII столѣтіяхъ густою сѣтью покрывали всю правобережную и лѣвобережную Украйну, нельзя примѣнить и этого скромнаго отзыва. Говоря объ нихъ въ современномъ ихъ видѣ и положеніи, можно только повторить вышеприведенную народную поговорку:

Маркивъ кинь, та не Марко на нимъ;
Маркова зброя, та не Маркова мова.

Осталась форма, а богатое ея содержаніе исчезло; уцѣлѣли обычаи, а смыслъ, духъ ихъ затерялся или затемнился и самая память о прежней жизни братствъ утрачена въ живущихъ поколѣніяхъ.

Судьба этого выдающагося явленія въ исторіи южной Россіи интересовала меня давно и я съ любопытствомъ слѣдилъ за остат-

ками братствъ въ кіевскомъ Полѣсьѣ; но обстоятельства моей жизни и службы мѣшали правильному и послѣдовательному наблюденію, а тѣмъ болѣе записыванію наблюдаемаго. Съ нѣкотораго времени мнѣ пришлось перекочевать въ Полтавщину и не одинъ годъ колесить по ней во всевозможныхъ направленіяхъ. Я сталъ и здѣсь присматриваться къ интересовавшему меня всегда предмету, записывать видѣнное и слышанное, и плодомъ этого являются настоящія мои замѣтки объ остаткахъ братствъ въ Полтавщинѣ. Я не буду касаться въ нихъ ни исторіи, ни значенія братствъ въ минувшей жизни южно-русскаго народа, а передамъ только то, что приходилось мнѣ видѣть или слышать объ этомъ въ разныхъ пунктахъ Полтавщины, не обобщая фактовъ, не дѣлая изъ нихъ какихъ либо выводовъ.

Начну съ Золотоноши.

Здѣсь, повидимому, всего менѣе живыхъ слѣдовъ названнаго учрежденія; въ устахъ старожиловъ сохранились самыя смутныя о немъ преданія и разсказы. Но мнѣ случайно пришлось здѣсь наткнуться на письменный памятникъ одного изъ древнѣйшихъ братствъ Полтавщины и чуть не настоящую его лѣтопись. Въ золотоношской ремесленной управѣ сохранилась записная книга существовавшаго въ Золотоношѣ болѣе 200 лѣтъ братства и, благодаря любезности ремесленнаго головы, я имѣлъ возможность разсмотрѣть ее и сдѣлать изъ нея необходимыя выписки. Книга эта, въ кожаномъ переплетѣ, заключаетъ въ себѣ 115 полулистовъ сѣрой писчей бумаги и лишь незначительная часть ихъ остались чистыми, всѣ-же остальные покрыты записями различныхъ почерковъ и годовъ, начиная съ 1724 г. и кончая 1852 г. Книга заведена въ 1724 г., но записи въ ней начаты съ 1700 г. и за первыя 25 лѣтъ сдѣланы одною рукою,—по всей вѣроятности внесены сюда изъ прежнихъ отрывочныхъ замѣтокъ и даже по памяти. Поводомъ къ заведенію книги послужили начавшіеся въ братствѣ непорядки и упущенія. 1 генваря 1724 г. на общей сходкѣ, обсуждая положеніе своихъ дѣлъ, братчики усмотрѣли, что записи, а равно сборы и расходы велись непорядочно и на многихъ членахъ была недоимка, а потому рѣшили завести эту книгу на вѣчныя времена, а чтобы всѣмъ было извѣстно, съ какого времени, на какихъ основаніяхъ и съ какими цѣлями и правилами существуетъ братство, вписали въ книгу текстъ подлинной фундаціи, данной въ 1624 года золотоношскимъ цехамъ вла-

дѣльцемъ Золотоноши (котораго фамиліи въ книгѣ, къ сожалѣнію, невозможно разобрать) на учрежденіе ими братства и замѣнявшей, повидимому, уставъ его. Приводимъ этотъ любопытный документъ, какъ онъ записанъ въ книгѣ, т. е. безъ заглавія, въ которомъ обыкновенно выписывается весь титулъ того, отъ кого исходитъ документъ, на этотъ разъ отъ владѣльца и старосты Золотоноши.

«Чиню вѣдомо тимъ моимъ листомъ, кому-бъ о томъ вѣдать надлежало, теперъ и напотомъ будучимъ людямъ, ижъ въ року, теперъ идучому, тысяча шестьсотъ двадцать седмомъ, мѣсяца іюля девятнадцатого дня, подданные мои золотоноскіе, ремесла шевского, кравецкого и кушнѣрского, жадали мене о тое, жебымъ имъ, якъ по иннихъ мѣстахъ межи ремесниками, порядокъ учинилъ, то есть цехъ и братство мати. Що-жъ я видячи за речъ слушную и церкви божественной потребную, позволилъ и зъ ласки моеи даю, же имъ волно будетъ въ кождый рокъ два каноны меду, т. е. першій канонъ мають медъ ситити, кадей двѣ меду, ко дню свята урочистого Козмы и Демяна предъ запустами въ осенны, передъ Филиповыми, другій канонъ, также кадей двѣ меду, на веснѣ, на Воскресеніе Господне. Зъ которихъ то каноновъ вышъ помененные цехмистры съ братіею своею свѣчи ставитъ въ храмѣхъ Божественныхъ въ мѣстѣ Золотоноши, въ церкви Успенія Пресвятой Богородицы и въ церкви св. отца Ныколы, въ кождый рокъ повынни будутъ, и въ томъ имъ такъ я самъ, яко и арендаръ мой и иншій нѣхто зъ челяди моей замковой, жадной кривды и перешкоды чинить не маю и не мають. Такъ тежъ имъ позволяю и зъ ласки моеи даю, еслибы въ ремеслахъ ихъ одъ кого-бы колвекъ зъ нихъ шкода яка стала тому, хто-бы имъ роботу далъ, а было-бы неслушне зробленко, албо вкрадено што колвекъ зъ роботы, любо тежъ який вандровный ремесникъ которого колвекъ ремесла еслибы хотѣлъ потай ремесло робить, безъ вѣдомости и позволенія братерского, таковыхъ всѣхъ выступныхъ цехмистеръ, любъ на сходке братерской, любъ тежъ взявши трохъ братовъ, товариновъ своихъ, мѣетъ судить и ведлугъ проступку ихъ карать. Такъ тежъ который братъ, пришедши на сходку, мелъ-бы безчинновать и въ речъ непотребную удаватися и речъ брату своему перерывать, цехмистра съ братіею зневажать, такового кождого въ цеберъ или въ колоду всадить, и шесть грошей маетъ до скрыньки

дать. Зась сходку маютъ себѣ въ двохъ неделяхъ меть и каждый до скрыньки по полгроша маетъ давать. И за вшелякіе речи поточные, що ено будуть судить, цехмистръ съ братіею, ведлугъ порядку ремесницкого, якъ и по иншихъ мѣстахъ и братствахъ заховуетъ, до скрыньки братерской маютъ давать. За речъ злодѣйскую, любъ кривавую, цехмистры съ братіею своею на пана повинни будутъ отдавати. И еслибы цехмистры съ братіею своею въ речъ злодѣйскую и кривавую ремесниковъ попалыхъ, на которыхъ-бы мнѣ панувна (?) принадала, меля-бы затаить и мне не ознаймить, то таковый цехмистръ и зъ братіею своею вины копъ три заплатыты маютъ. Хто-бы тежъ зъ стороны, любъ ремесникъ, любъ не ремесникъ, зъ якими колвекъ фантами, будь зъ обовью, до маетности моей на роботу або на продажу пріѣдетъ, цехмистрови маеться обвѣстить и доходъ ему, якъ и по иншихъ мѣстахъ идетъ, отдати маетъ. А если-бы схотѣлъ фанты, албо обови продавать, маетъ цехмистра поеднать. Рѣзники, которые въ маетности моей рѣзью ся бавлютъ, если кто скуру яловичую, овечую, козовую, конскую, любъ и десятокъ скуръ зберетъ, на сторону не маетъ продавать, не ознаймивши цехмистрови и братіи, а кгды цехмистеръ любъ изъ братіи который до третого дня не купитъ, по трехъ днехъ обвѣстивши цехмистрови, же нѣхто не купилъ, волно и на сторону продать. А если-бы рѣзникъ по реченнымъ на сторону скуру продалъ безъ вѣдомости цехмистра и братіи, таковый вины заплатитъ копъ три. Зась хто изъ стороны пріѣдетъ до маетности моей скуръ скуповувать и мѣщанинъ мой ему-бы продалъ, теди цехмистру албо брату волно гроши, за що выторговалъ, одложить, а скуру до себе взять. Роботу замковую цехмистеръ межи братіею своею роздавать маетъ, що едно потреба будетъ, повиненъ будетъ зробить. А я ихъ одъ подводъ вшелякихъ и одъ повинностей мѣскихъ и одъ шарварковъ вшелякихъ вызволяю и до мѣскихъ подачокъ ихъ волними чиню на потомные часы и лѣта. Тилько ихъ одъ набору королевского, одъ кгвалтовное речи ку оборонѣ мѣской не вызволяю. Што я вышъ помененный мѣщанамъ и ремесникамъ ремеслъ шевского, кравецкого и кушнерского мѣста золотоноского даю имъ сей мой до цеху братерского листъ, для порядку братства ихъ, подъ печатью моею и подписомъ руки моей власной.—Писанъ въ Золотоношѣ, року Божого 1627, мѣсяца іюля 19 дня ruka własnaia».

Итакъ братство образовалось изъ цеховъ, хотя цехи, какъ и самое братство, могли существовать и существовали вѣроятно и раньше 1627 г. и только теперь получили разрѣшительный патентъ отъ владѣльца Золотоноши, чего требовало *jus dominium*. Слитіе цеховъ въ братство представляетъ обыкновенное явленіе въ то время въ городахъ и мѣстечкахъ всей южной Россіи. Оно облегчало учрежденіе братства изъ готовыхъ ассоціацій, члены которыхъ связаны были жизненными матеріальными интересами, усиливало его средства, возвышало и освящало его цѣль служеніемъ церкви и дѣлами христіанской благотворительности. Совѣтъ братства состоитъ здѣсь, какъ и вездѣ, изъ цехмистра, старшаго брата и ключника, источники доходовъ разнообразнѣе, чѣмъ въ обыкновенныхъ братствахъ. Вступалъ ученикъ въ обученіе мастерству какого либо цеха,—онъ вносилъ при этомъ въ братскую скрыньку *вступное*, выходилъ изъ ученія и—платилъ *вызвѣлокъ*, становился подмастерьемъ или младшимъ майстромъ,—платилъ часть братскаго взноса, а когда открывалъ самъ мастерскую, долженъ былъ уплотить весь *вписъ*, какъ самостоятельный членъ. Собранія братчиковъ происходили каждыя двѣ недѣли и при этомъ каждый вносилъ по полгроша. Бывали экстренныя и праздничныя собранія, и тогда братчики давали по желанію. Плата за свѣчи при погребеніи и сукно или покрывало надъ гробомъ, равно штрафы съ цеховыхъ за разныя вины шли также въ братскую кассу, и всѣ деньги шли на содержаніе и украшеніе церкви и на помощь бѣднымъ. Вступленіе въ ученики и въ мастера производилось посредствомъ изустнаго заявленія предъ братствомъ и сопровождалось *могоричемъ*. Условиться о вступленіи въ ученіе или въ мастера называлось *поеднать цехъ*, возобновить званіе цеховаго и вмѣстѣ братчика называлось *поновить цехъ*. Братскіе взносы дѣлались въ четвертой и половинной части, въ полномъ видѣ на всю жизнь и на вѣчныя времена. Всѣми такими записями переполнена братская книга 1700—1852 г. Записи идутъ не регулярно и иногда за предъидущіе годы позже послѣдующихъ, записывались преимущественно *поеднанія* братства и приходъ, а расходъ изрѣдка, исключительно почти на потребности церкви, изъ чего заключить должно, что мелкіе расходы велись безъ записи, или для нихъ существовала особая книга, которая не сохранилась. Къ концу прошлаго столѣтія въ братство вступаютъ захожіе ремесленники изъ великорос-

сіянъ. Впослѣдствіи понятія о братствѣ такъ затемнились, что въ 1847 г. въ цехъ, а слѣд. и въ братство записались 10 жидовъ и изъ нихъ 4 иногороднихъ. Послѣдняя запись 1852 г. принадлежитъ также еврею—Дувиду Лейбину Волынскому, послѣ чего братство, какъ видно, прекратило свое существованіе.

Нѣсколько иначе устроился и существуетъ до настоящаго времени *гончарный цехъ въ м. Хомутцѣ*, миргородскаго уѣзда. О времени основанія цеха не нашлось письменныхъ свѣдѣній, тѣмъ не менѣе гончарство существуетъ тамъ, какъ говорятъ, «зъ дидивъ, зъ прадидивъ». Установился традиціонный обычай, строго соблюдаемый, что поступившій въ цехъ не долженъ ни убивать животныхъ, ни снимать кожъ съ палыхъ, иначе его «вытруть зъ бумаги», т. е. вычеркнутъ изъ списковъ [1]). Цехъ имѣетъ крестъ съ изображеніемъ Распятаго Христа и св. Николая (патрона), и этотъ крестъ и цеховая скрынька находятся всегда въ домѣ цехмистра. Скрынька запирается двумя замками, а ключи хранятся у цехмистра и ключника. Гончары имѣютъ въ приходской церкви кіотъ съ образомъ св. Николая, нѣсколько хоругвей, и содержатъ въ церкви *4 ставника* (большія свѣчи), которые ежегодно возобновляютъ къ праздникамъ Рождества, Воскресенія Христова, Троицы и Покрова. На каждый ставникъ идетъ 9—10 фунтовъ воска, а «огарки» остаются для зажиганія при погребеніи и т. п.

Общія собранія цеха бываютъ во время рождественскихъ и свѣтлыхъ праздниковъ въ домѣ цехмистра. Обыкновенно обсуждаются вопросы о пожертвованіяхъ въ церковь деньгами или вещами въ видѣ хоругвей, ризъ, кіотовъ и т. п., при чемъ приводится въ извѣстность наличность кассы и иногда дѣлается раскладка съ каждаго хозяина по мѣрѣ надобности. Для взысканія налога избираются особые сборщики, которые вносятъ собранную сумму цехмистру и ключнику.

Въ теченіе года бываютъ экстренныя сходки для принятія новыхъ членовъ, или когда случится воровство глины у кого либо изъ гончарей и обнаружится виновный. Въ такихъ случаяхъ цехмистеръ собираетъ не менѣе 6—7 человѣкъ стариковъ и съобща производитъ

---

[1]) Такой-же обычай существуетъ еще и теперь во всѣхъ цехахъ въ заштатномъ городѣ Глинскѣ.

разборъ дѣла, а во время общихъ собраній рѣшаютъ всѣ съобща. Виновный подвергается денежному штрафу въ скрыньку 1—2 руб. Между тѣмъ разсказывали мнѣ: «було колысь робили такъ, що хто провиноватитця, то постановлять на *камиинци*, т. е. мелкіе острые камешки, щобъ не вадився красти чужои глины». Это наказаніе уничтожено въ 60-хъ годахъ, когда сталъ извѣстенъ манифестъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній по суду.

Цехъ издавна владѣетъ на правѣ собственности участкомъ около 8 десятинъ гористой возвышенности съ залежами гончарной глины. Участокъ этотъ при генеральномъ межеваніи показанъ за гончарнымъ цехомъ хомутецкаго и поповскаго обществъ, съ присоединеніемъ купленной цехомъ 1 десятины пахатной земли, прилегающей къ глинищамъ. Среди глинищъ есть большой деревянный крестъ, выкрашенный масляною краской, съ небольшою оградой. Прибывающіе для добыванія глины обыкновенно творятъ молитву, обращаясь къ кресту, и въ глинищахъ никогда не позволяется естественныхъ отправленій. Освященіе глинищъ происходитъ чрезъ каждые два года, съ молебствіемъ и водосвятіемъ при крестномъ ходѣ. Въ тотъ день на глинищахъ устраивается закуска, при чемъ изъ цеховыхъ суммъ уплачиваютъ священнику 3—5 руб. и покупается ведра 3 водки, а съѣстные припасы собираются натурой и даются «по усердію». На глинищахъ закуска бываетъ на-скоро: «абы перекусили робочи, що несуть процессію (хоругви)», а пиршествуютъ у цехмистра и вообще по домамъ.

На праздникъ приходятъ гончары изъ м. Поповки, которые съобща съ хомутецкими гончарами пользуются глинищами безплатно, если приписались въ цехъ. Вновь поступающій за записку въ цехъ уплачиваетъ единовременно 1 руб. 50 коп. въ скрыньку и угощаетъ братчиковъ по состоянію. Оставшіеся сиротами и изучившіе гончарство подъ руководствомъ хозяевъ являются къ цехмистру, и если хозяинъ засвидѣтельствуетъ объ успѣшномъ окончаніи ученія, способностяхъ и хорошемъ поведеніи ученика, то его принимаютъ въ цехъ, а онъ за «визвѣлку» (освобожденіе отъ ученія и вступленіе въ число самостоятельныхъ мастеровъ) вноситъ въ цехъ 15 к. Прекратившіе занятіе сыновья и внуки гончарей, если обращаются къ ремеслу предковъ, «поновляютъ» цехъ, т. е. вновь записываются и при этомъ уплачиваютъ

по 1 р. Въ числѣ хомутецкихъ обывателей есть нѣсколько десятковъ хозяевъ, не занимающихся гончарствомъ, но приписавшихся къ цеху такъ сказать для счета; тѣмъ не менѣе традиціонный обычай обязателенъ одинаково для всѣхъ братчиковъ.

Братскихъ учрежденій въ родѣ «шпиталя» (богадѣльни) на памяти старожиловъ не существовало; но существуетъ старый обычай, по которому если умираетъ братчикъ или кто-либо въ семьѣ, и по бѣдности не въ состояніи нанять людей для копанія ямы и устройства гроба, то обращаются къ цехмистру и тогда по распоряженію послѣдняго назначается на работу до 10 человѣкъ. Каждый обязанъ являться безъотговорочно по первому требованію, или вмѣсто себя поставить рабочаго. Къ состоятельнымъ людямъ собираются на погребеніе до 50 человѣкъ и забираютъ изъ церкви «всю процессію» (хоругви, ставники и значки), а для бѣдняковъ доставляются отъ цеха носилки, крестъ и «недогарокъ ставника». За работу и труды при погребеніи—плата не въ обычаѣ, но пользуются болѣе или менѣе обильнымъ угощеніемъ и «подарками» въ видѣ платковъ и «рушниковъ» или «хустокъ».

У нынѣшняго цехмистра хранятся приходо-расходныя книги и имянные списки гончарей съ 1836 г. Я имѣлъ возможность обозрѣть эти книги, но нашелъ лишь записи расходовъ на ставники къ праздникамъ, на сооруженіе кіотовъ и другія церковныя потребности, а также на водку при освященіи глиницъ. Тѣмъ не менѣе, по словамъ старожиловъ, при перестройкѣ церкви и возобновленіи иконостаса, пожертвовано цеховыхъ суммъ до 2,000 р., которые «ще предки заслужили». Эта сумма была роздана братчикамъ взаймы безъ всякихъ письменныхъ обязательствъ и долгъ записывается лишь въ приходо-расходную книгу. Теперь осталось въ долгу всего съ небольшимъ 30 р. Взыманіе процентовъ въ прямомъ смыслѣ не въ обычаѣ, но каждый заемщикъ приноситъ въ видѣ добровольнаго «пожертвованія» 10—15 % въ годъ.

Упомяну еще о *церковномъ* братствѣ въ с. *Панскомъ* (золотоношскаго уѣзда). Послѣ пожара церкви, братство устроилось (независимо церковно-приходскаго попечительства) главнымъ образомъ съ благочестивыми цѣлями—для содѣйствія церкви. Назначены ежегодные обязательные взносы отъ каждаго братчика не менѣе 1 р. Для усиленія средствъ братство варитъ и продаетъ медъ въ храмовой праздникъ

(8 ноября). Дѣлами завѣдываетъ «старшій братъ», избираемый ежегодно. Въ августѣ мѣсяцѣ старшій братъ, при участіи еще двухъ или трехъ, закупаетъ пудовъ до 20 сѣраго меда и выжимаетъ воскъ. Предъ праздникомъ очищенный медъ перевариваютъ съ водой, къ нему прибавляютъ мяты для запаха и разливаютъ въ бочку и боченки. Этотъ медъ распродаютъ въ день праздника по мелочамъ, а желающимъ отпускаютъ въ долгъ по нѣскольку квартъ. Выручка отъ меда поступаетъ въ братскую кассу. Составился капиталъ болѣе 200 р. и братчики разобрали оный безъ всякихъ документовъ; между тѣмъ уплата даже по частямъ происходитъ весьма неохотно, такъ что братство едва не распалось, тѣмъ болѣе, что за бывшимъ старшимъ братчикомъ осталось въ долгу до 50 р. Съ избраніемъ новаго старшаго братчика уже на второй годъ дѣло начинаетъ поправляться, и, наученные опытомъ, братчики порѣшили брать съ своихъ должниковъ векселя на данныя въ ссуду деньги [1]).

Есть еще зачатки *братства черноморскихъ матросовъ* въ заштатномъ городѣ Глинскѣ. Оттуда набирается матросовъ въ послѣднее время до 100 человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ разсказывали мнѣ, что, при благопріятной навигаціи, многіе возвращаются домой съ порядочными заработками, но за зиму успѣваютъ прожиться (а иные прокутить) настолько, что весной не имѣютъ средствъ двинуться въ путь и прибѣгаютъ къ займамъ на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Это навело ихъ на мысль устроить братство для взаимопомощи, съ ежегоднымъ обязательнымъ взносомъ по 5 р. отъ каждаго братчика. Такимъ образомъ скопился капиталецъ въ нѣсколько сотъ рублей, который разобрали въ ссуду нуждающіеся, безъ письменныхъ обязательствъ, но отъ уплаты иные отказываются, нѣкоторые-же умерли и взять нечего. Дѣло также чуть не рухнуло, но все таки удержалось. Нѣкоторые матросы обстоятельно бесѣдовали со мной и очень интересовались изысканіемъ способовъ къ укрѣпленію и расширенію предпріятія, высказавъ намѣреніе, по окончаніи навигаціи настоящаго года, воздѣйствовать на усиленіе взносовъ, тѣмъ болѣе, что на первыхъ порахъ по возвращеніи съ моря,

[1]) Въ такомъ-же родѣ существуетъ братство и въ с. Мельникахъ (золотоношскаго уѣзда).

для каждаго не будетъ стѣснительно отложить хоть десятокъ рублей. Многіе изъ матросовъ отличаются и развязностію и толковостію, такъ, что дѣло могло-бы значительно подвинуться, если-бы нашелся сочувствующій руководитель.

Молодецкіе или парубоцкіе братства существуютъ еще почти повсемѣстно, хотя дѣятельность ихъ ограничивается, главнымъ образомъ, содержаніемъ одного или нѣсколькихъ ставниковъ. Напримѣръ въ м. Хомутцѣ молодецкія братства существуютъ особо въ каждомъ приходѣ и избираютъ атамановъ отдѣльно. Въ одномъ приходѣ парубки имѣютъ въ церкви свою икону—Спасителя и звѣзду и держатъ 3 ставника. Отаманъ во время великаго поста дѣлаетъ раскладку на парубковъ «по состоянію» для сооруженія ставника, хоругви и т. п. Начинающій ходить на улицу парубокъ покупаетъ водку и угощаетъ братчиковъ, а также дѣлаетъ взносъ въ пользу братской кассы. Въ с. Павскомъ (золотоношскаго уѣзда) «молодецьке братство» варитъ медъ къ рождественскимъ и воскресенскимъ праздникамъ, имѣетъ въ церкви 6 ставниковъ, которые зажигаются на литургіи при чтеніи «Апостола», при чемъ парубки становятся съ ставниками въ два ряда отъ царскихъ вратъ и ставники горятъ до тѣхъ поръ, пока на клиросѣ пропоютъ «И всѣхъ и вся». Ежегодно, по рѣшенію братчиковъ, собираютъ со всѣхъ деньги на сооруженіе ставниковъ, хоругвей и т. п., въ дополненіе къ выручкѣ отъ меда. Во время рождественскихъ праздниковъ всѣ парубки собираются на первый день къ атаману, который угощаетъ ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ парубки преподносятъ ему подарокъ въ видѣ шелковаго платка или хорошаго пояса. Съ того-же дня и почти цѣлую недѣлю продолжается «колядна». Раздѣлившись на нѣсколько группъ, парубки ходятъ колядовать по домамъ своихъ товарищей, «хозяйскихъ» сыновей, болѣе или менѣе состоятельныхъ, собирая пожертвованія съѣстными припасами и деньгами. Передъ праздниками парубки нанимаютъ себѣ просторную хату, варятъ тамъ медъ и почти все время праздниковъ проводятъ тамъ-же, имѣя общій столъ изъ собранныхъ припасовъ, но конечно добавляютъ еще разныхъ овощей, запивая горѣлкой и медомъ. Мнѣ говорили, что сыновьямъ даже не особенно зажиточныхъ хозяевъ праздники обходятся рублей въ пять. Бѣдняки составляютъ особую компанію и несутъ болѣе скромные

затраты. Отправляясь колядовать, испрашиваютъ отъ священника благословеніе и берутъ у него церковный «воздушекъ», который кладутъ на столъ при входѣ въ избу. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напримѣръ Хоролѣ и Прилукахъ, парубки ходятъ колядовать со звѣздою болѣе или менѣе крупныхъ размѣровъ, вращающеюся и освѣщенною извнутри. Такая звѣзда называется «вертепомъ», но мнѣ приходилось слышать лишь самые незначительные отрывки изъ извѣстнаго «вертепа», текстъ котораго напечатанъ въ «Кіевской Старинѣ» за 1882 г. Въ молодецкомъ обществѣ с. Панскаго та особенность, что парубки рѣдко распѣваютъ колядки, но большею частію сидятъ въ шинкѣ и поютъ мірскія пѣсни. Атаманъ обязательно присутствуетъ при нихъ и старается уладить возникающія нерѣдко между ними ссоры и непріятности. Но прежнія патріархальныя отношенія все болѣе и болѣе теряютъ силу, и тяжбы переходятъ въ волостной судъ или къ мировымъ судьямъ [1]).

На остатки бывшихъ нѣкогда многочисленныхъ церковныхъ братствъ указываетъ не прекратившійся еще обычай *медоваренія*. Этотъ обычай держится теперь, сколько мнѣ удалось узнать, почти во всѣхъ селахъ на днѣпровскомъ побережьи золотоношскаго уѣзда и въ нѣкоторыхъ селахъ переяславскаго уѣзда. Въ городахъ Полтавщины медоваренiе давно вывелось, такъ что напримѣръ въ Золотоношѣ уже и старожилы не помнятъ, да и по цеховой книгѣ съ 1730 г. не упоминается ни единымъ словомъ. Вообще по разсказамъ въ разныхъ мѣстахъ можно вывести заключеніе, что старинное медоваренiе къ храмовымъ праздникамъ встрѣтило затрудненія и противодѣйствіе послѣ введенія откуповъ и потомъ акциза.

Въ упомянутыхъ мною мѣстахъ не вывелись также *общественные обѣды* въ храмовые праздники, какъ памятникъ существовавшихъ нѣкогда братствъ. Обыкновенно устройствомъ обѣдовъ завѣдываютъ такъ называемые «братчики», избираемые обществами. Они заботятся о прис-

[1]) Въ церкви с. Панскаго насчитываютъ до 20 хоругвей и значковъ, сооруженныхъ молодецкимъ братствомъ, и кромѣ того нерѣдко тамошніе «молодики» жертвуютъ хоругви въ церкви сосѣднихъ селеній. Въ Хомутцѣ, Рѣшетиловкѣ, Опошнѣ и многихъ другихъ мѣстахъ такъ же въ каждой церкви есть нѣсколько парубоцкихъ хоругвей, которыя носятъ собирательное имя «цехъ», а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «процессія».

каніи стряпухъ, собираютъ пожертвованія продовольственными припасами и покупаютъ нѣсколько ведеръ водки. Трапеза устраивается, смотря по времени года, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ на «цвинтарѣ» (погостѣ) или въ колокольнѣ, въ другихъ—занимаютъ для столовыхъ избу церковнаго старосты и нѣсколько сосѣднихъ. Во многихъ мѣстахъ еще храмовые праздники продолжаются два-три дня и не дешево обходятся каждому хозяину. Въ прежнее время «храмы» праздновались особенно широко, напримѣръ въ сс. Зубанахъ и Радаловкѣ, хорольскаго уѣзда. Туда наѣзжали и находили цѣлыя толпы крестьянъ изъ сосѣднихъ селеній миргородскаго и кобелякскаго уѣзда, а къ «панкамъ» и «полупанкамъ» съѣзжались родственники и пріятели, и пировали чуть не цѣлую недѣлю въ домѣ то одного, то другаго общаго знакомаго. «Судови панычи» изъ Хорола, Миргорода и Кобелякъ также исправно «храмовали», и потомъ долго разсказывались анекдоты или этюды храмовыхъ пиршествъ, событій и приключеній.

Современные ремесленные цехи въ городахъ существуютъ по правиламъ установленнымъ въ Сводѣ законовъ. Обрывки стародавнихъ обычаевъ встрѣчаются въ томъ-же традиціонномъ религіозномъ оттѣнкѣ, въ видѣ «ставниковъ», пожертвованія хоругвей и значковъ. Впрочемъ каждый цехъ имѣетъ обыкновенно свою хоругвь, погребальныя носилки, а иногда и сукно для прикрытія гроба. До учрежденія общихъ ремесленныхъ управъ, при смерти кого либо изъ цеховыхъ даннаго цеха, управный старшина (по прежнему цехмистеръ) чрезъ «молодчихъ» (братчиковъ, исполнявшихъ обязанности разсыльныхъ) собиралъ потребное число ремесленниковъ своего цеха и наряжалъ для копанія ямы и т. п. Теперь ремесленный голова назначаетъ въ нарядъ отъ каждаго цеха потребное число людей. Непринадлежащіе къ числу ремесленниковъ, просто сказать, торгуются съ старшиной за нарядъ рабочихъ для носилокъ, хоругвей, и т. п. Въ нѣкоторыхъ городахъ (напримѣръ, въ Прилукахъ) мнѣ недавно приходилось видѣть оригинальное погребальное шествіе: гробу покойнаго предшествуетъ нѣсколько такъ называемыхъ «поклитовъ» (имѣющихъ нѣкоторое подобіе полукруглой крышки гроба), возложенныхъ на носилки и покрытыхъ сукномъ того или другаго цвѣта съ украшеніями изъ крестовъ, бахромы, кистей и т. п. Такіе «поклиты» есть въ каждомъ цеху въ Прилукахъ, а въ Золотоношѣ

вывелись изъ употребленія около 15 лѣтъ, по настоянію одного изъ «батюшекъ». Мнѣ не пришлось узнать ничего относительно происхожденія этого обычая, но въ книгѣ золотоношскаго цеха записано въ 1826 г. сооруженіе «поклита». Въ средѣ прилуцкаго купечества и мѣщанства преднесеніе нѣсколькихъ «поклитовъ» и массы цеховыхъ хоругвей считается торжественнымъ похороннымъ обрядомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обходится въ нѣсколько десятковъ рублей. Въ Полтавѣ въ присутствіи общей ремесленной управы хранятся хоругви каждаго цеха и парадные жезлы цеховыхъ старшинъ и головы, съ тѣмъ различіемъ, что жезлъ головы выше другихъ и имѣетъ сверху посеребренный губернскій гербъ; на немъ навѣшены серебренные снурки съ кистьми, а на серебренномъ щитѣ изображена съ одной стороны цеховая эмблема (на плотнично-столярномъ: топоръ, циркуль и пила, на бондарскомъ—боченокъ и т. д.), а на оборотѣ означено названіе цеха. Въ дни торжественные голова и старшины становятся въ церкви съ своими жезлами (въ обыкновенныхъ костюмахъ), а носители церковныхъ хоругвей облекаются въ чемарки, на манеръ козачьихъ, обшитыя вокругъ, какъ и черные суконные пояса, серебренымъ галуномъ, а также имѣютъ черныя смушевыя высокія шапки съ краснымъ остроконечнымъ верхомъ, загибающимся на бокъ. Въ Прилукахъ хоругви хранятся также въ ремесленной управѣ, но при шествіи въ церковь въ торжественныхъ случаяхъ несутъ только одинъ жезлъ съ металическимъ уѣзднымъ гербомъ, а цеховые съ хоругвями одѣваются въ обычный костюмъ. Въ настоящее время въ Полтавѣ не наряжаютъ ремесленниковъ для похоронъ, а желающіе торгуются съ ремесленною управой, и послѣдняя нанимаетъ соотвѣтственное количество рабочихъ. Вообще современные цехи имѣютъ, можно сказать, исключительно фискальный характеръ, и братское единеніе поддерживается въ нихъ лишь по традиціи и носитъ религіозный характеръ въ слабой степени, такъ какъ въ средѣ ремесленниковъ значительный, иногда преобладающій процентъ составляютъ евреи, въ особенности въ Кременчугѣ, Переяславѣ, Ромнахъ и Полтавѣ.

К. Василенко.

СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ ВЪ ДВОЙНОЙ РОЛИ ХВАЛИТЕЛЯ И ОБЛИЧИТЕЛЯ МАЗЕПЫ.

Извѣстный южно-русскій ученый начала XVIII вѣка, митрополитъ Стефанъ Яворскій, мѣсто-блюститель патріашаго престола по смерти патріарха Адріана, занимая нѣкоторое время первостепенное мѣсто въ россійской іерархіи, съ высоты церковной каѳедры не разъ восхвалялъ добродѣтели Мазепы, восписывалъ ему похвалы и въ стихотвореніяхъ, которыя были тогда въ большой модѣ. То и другое можно найти въ собраніи его сочиненій. Но когда Мазепа измѣнилъ, Яворскому пришлось не только самолично предавать того-же Мазепу анаѳемѣ въ московскомъ успенскомъ соборѣ, но и прежнимъ стихотворнымъ способомъ выразить осужденіе ему. Яворскому принадлежатъ стихи: Jn vituperium Mazepae, помѣщенные въ неполной и не совсѣмъ исправной редакціи въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1883 г., въ замѣткѣ подъ заглавіемъ: «Современные стихи на измѣну Мазепы». Авторъ этой замѣтки приписываетъ ихъ неизвѣстному современнику, старающемуся выразить чувства Россіи по поводу измѣны Мазепы. Хотя текстъ стиховъ заимствованъ имъ изъ рукописнаго сборника, хранящагося въ синодальной библіотекѣ подъ № 5; но помѣщеніе въ сборникѣ стихотворенія въ ряду панегириковъ Яворскому ввело автора названной замѣтки въ заблужденіе и заставило его приписать стихи неизвѣстному лицу, когда авторомъ ихъ былъ самъ Яворскій. Въ этомъ, кажется, доселѣ не было заявлено никакихъ сомнѣній, и покойный профессоръ Ф. А. Терновскій въ своемъ изслѣдованіи о Стефанѣ Яворскомъ приписываетъ ихъ прямо ему (Труды кіев. дух. акад. 1864 г., № 1, 3 и 6). Приводя начало этого стихотворенія, онъ говоритъ: «конечно, въ тоже время, т. е. послѣ проклинанія Мазепы въ успенскомъ соборѣ 12 ноября 1708 г., Стефанъ написалъ стихи на измѣну Мазепы отъ лица всей Россіи» [1]), и дѣлаетъ ссылку на стр. 299—302 III-го тома проповѣдей м. Стефана.

Подтвержденіе тому я нахожу въ рукописномъ сборникѣ изъ библіотеки покойнаго М. А. Максимовича, принадлежавшемъ Варлааму Лящевскому, какъ видно изъ надписи на поляхъ

---

[1]) Труды кіевской духовной академіи 1874 г., мартъ, стр. 269.

рукописи: «ex libris Barlaami Laszczewski». Въ этомъ сборникѣ, содержащемъ главнымъ образомъ сочиненія Ѳеофана Прокоповича, помѣщены и нѣкоторыя другія мелкія сочиненія, среди которыхъ находятся: «Emblemata quaedam et symbola pro axornando monumento p. m. illustris: et. reverendis. Patris Barlaami Iasinski, D. G. Archiepiscopi Kiioviensis, Halicensis etc. etc. ab illustris. et reverendis. in X—to Patre D. G. Metropolita Rezanensi et Muromensi, Stephano Javorskj elaborata», и вслѣдъ за этими *emblemata et symbola* помѣщено: «*ejusdem authoris* carmina sclavonica in vituperium Mazepae». Кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что Варлаамъ Лящевскій, которому принадлежала эта рукопись, зналъ, кто былъ авторъ означеннаго стихотворенія.

Самый текстъ стиховъ, находящійся въ рукописи синодальной библіотеки и напечатанный въ «Кіевской Старинѣ», далеко не полонъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ искаженъ до отсутствія смысла. Судя по заявленію автора замѣтки П. Л., что стихи написаны съ поправками на оборотѣ листа съ другими стихами, поднесенными Стефану Яворскому, можно предположить, что это черновой набросокъ Яворскаго, дополненный и обработанный имъ впослѣдствіи.

Будетъ не лишне, кажется мнѣ, воспроизвести извѣстное уже стихотвореніе въ полномъ его видѣ по списку, въ точности котораго нельзя сомнѣваться.

Измя мя, Боже,—вопіетъ Россія—
Отъ ядовита и лукава змѣя,
Его-же ждаша адскія заклепи,
Бывша вожда Іванки Мазепы.

—

Ахъ, тяжку горесть терплю, мати бѣдна,
Утробу мою снѣдаетъ ехидна!
Кто ми дастъ слези, яко-же Рахилѣ,
Да плачу горко въ своемъ смутномъ дѣлѣ?
Се вторій грѣхъ, исполнь смертна яда,
Мазепа лютій уби моя чада.
Уподобися Россія Давиду,
Иже отъ сына терпяше обиду.

Авессаломъ сынъ бысть неблагодарній,
Подобенъ ему Мазепа коварній.
Азъ возлюбихъ тя, яко мати сина,
Откуду убо такова измѣна?
Къ нему бысть моя матерняя любы,
Тойжде изостри на мя люты зубы.
Азъ сотворихъ и съ велможи сидѣти,
Тойжде смертная сплете на мя сѣти.
Азъ, яко чадо, носихъ во утробѣ,
Тойжде хощетъ мя видѣти во гробѣ.
Азъ напоихъ я отъ камене меда,
Тойжде пагубна исполни мя вреда,
Толику на мя изринулъ есть злобу,
Лютѣ снѣдающь матерню утробу.
Азъ, любяще мати вышше мѣри,
Чаяхъ отъ него спасенія вѣрѣ.
Тойже бысть на мя бритва изощренна,
Отъ него-же есмь лютѣ уязвленна.
Како прелстихъся и не познахъ лиса,
Ангела выдомъ, прелестію бѣса!
Мнѣхъ, яко агнецъ, но волкъ ядовитій,
Овчею лестно кожею покритій,
Сладкій языкомъ, но мерзкій дѣлы,
Утаи на мя пагубніе стрѣлы.
Сахаръ во устахъ и сладкіе слова,
Въ сердцу желчь, въ рукахъ погибель готова.
О лицемѣре, о сатанинъ сыне,
Терніемъ острымъ красящійся крине!
Како простерти дерзнулъ еси длани,
Лютыми матерь уязвляя раны.
Аще-бы врагъ ми поносилъ сугубо,
Терпѣла-бы казни его любо;
Но отъ своего чада прелюбима—
О коль матери язва нестерпима!
За моя хлѣбы, за моя транезы

Горкія, враже, даеши ми слезы.
Что моя вина, что сотворихъ худо,
Чесо ради гониши мя, Іюдо?
Горе прокляту тебѣ лицемѣру,
Како смѣлъ еси измѣнити вѣру,
Юже подъ крестомъ и Евангеліемъ
Утвердилъ еси твоимъ лобызаніемъ!
Горе ти, горе злобы исполненну,
Подобенъ еси гробу повапленну,
Где очесомъ являесся красенъ,
Внутрь ядовитымъ червіемъ ужасенъ.
Горе ти, горе второму Каину,
Горе ти, горе погибелну сину.
Проліялъ еси звѣрски кровъ премногу,
Яже немолчно гласитъ на тя къ Богу.
Божіе храмы быша днесь вертепы
Отъ Свѣйскаго лва и волка Мазепи.

Сообщ. **В. Науменко.**

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ НАЧАЛА ПРОШЛАГО ВѢКА.

Хотя русская литературя 1-й половины прошлаго столѣтія можетъ быть охарактеризована по преимуществу названіемъ «дѣловой», имѣвшей ближайшее отношеніе къ вопросамъ внѣшней и внутренней политики, но въ тоже время она не могла вполнѣ отрѣшиться отъ тѣхъ проявленій человѣческаго духа, которыя, помимо всякихъ искусственныхъ пріемовъ, просятся наружу, какъ отголосокъ обыденной обстановки жизни съ ея печалями и радостями. Этого рода литературныя произведенія едва-ли имѣютъ меньшее значеніе для характеристики эпохи и литературнаго направленія въ тотъ или другой періодъ, чѣмъ тѣ громозвучныя оды, панегирики и пр., которые захватили почти все содержаніе литературы 1-я половины прошлаго столѣтія. Въ ряду этихъ произведеній не послѣднее мѣсто должно принадлежать тѣмъ шуточнымъ стихотвореніямъ, которыя являлись изъ подъ пера писателей, какъ пародія на хвалебную лирику, и представляли изъ себя начатки того сати-

рическаго направленія, которое широкой рѣкой потекло во второй половинѣ 18-го вѣка. Слишкомъ немного извѣстно такихъ стихотвореній, но это нисколько не значитъ, чтобы ихъ въ дѣйствительности было мало: они, какъ произведенія, не имѣвшія особенной цѣны въ глазахъ современниковъ, промелькнули, можетъ быть, только въ изустномъ пересказѣ, да иногда случайно попадали въ рукописный сборникъ, составленный какимъ-нибудь библіоманомъ своего времени.

Въ томъ-же рукописномъ сборникѣ Варлаама Лящевскаго, изъ котораго мною приведены выше напечатанные стихи на измѣну Мазепы, я встрѣтилъ одно шуточное стихотвореніе, которое, весьма вѣроятно, принадлежитъ перу Ѳеофана Прокоповича. Такое предположеніе является не невѣроятнымъ, такъ какъ изъ подъ пера Ѳеофана вышло не мало сатирическихъ стиховъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій. А между тѣмъ стихи эти въ указанномъ сборникѣ помѣщены среди сочиненій Ѳеофана; предъ ними «Emblemata et symbola» authore Theophane Prokop., а за ними панегирикъ Іоанну Криштофу его-же. Не имѣя возможности опредѣлить, по какому именно поводу, составлены были эти стихи, я ограничусь тѣмъ, что приведу ихъ цѣликомъ, а для интересующихся даже и мелкими литературными фактами прибавлю, между прочимъ, что на поляхъ этого стихотворенія рукою покойнаго М. А. Максимовича, которому принадлежала эта рукопись, написано, что стихи сочинены въ 1735 году.

ОТЪ ІЛІИ ІНТЕНДАНТА.

Честній отецъ Герасимъ,
Чимъ мы тебе украсимъ
За хлѣбецъ твой питейній,
Обиходецъ келейній?
Кто піетъ его, тотъ пляшетъ,
Да и рукою машетъ;
А я хоть отвѣдаю,
Что дѣлать не вѣдаю.
Хвалятъ тебе вси явно,
Хотя не весма славно;
Благодаренъ-же и я,
Вѣрній твой другъ Ілія.

ОТЪ НЕЙМАНА ЖИДА.

Беретъ мене на сіе питейцо оскома,
А то есть честній промыслъ отца эконома.
Люблю: сладко, пріятно,
Въ ротъ течетъ невозвратно.
Когдабъ прадѣди наши такого достали,
Въ пустыни на Мойсея вѣкъ бы не роптали,
Но взявшись за боки,
Всѣ-бъ поднялись вскоки.
Горко было бѣднимъ имъ, а намъ сладко нынѣ.
Хвалятъ тебе, батюшка, въ Карповской пустынѣ,
Хвалитъ самъ архіерей,
Кольми паче азъ еврей!

ОТЪ УЧИТЕЛЕЙ.

Солодъ твой, о экономъ, кажется садъ Ноевъ,
И сей бо дастъ напой лучше всѣхъ напоевъ.
Но тамъ отецъ насмѣшенъ, а сынъ подпалъ гнѣву,
А твоему порокъ тотъ не прилежитъ пиву.
И честенъ ты за сіе, не боишься срама,
Не какъ онъ обруганній отъ мерзкаго Хама.

ОТЪ КОЗАКА.

Бѣжитъ прочь жажда, бѣжитъ и печалній голодъ,
Гдѣ твой, отче экономъ, находится солодъ.
Да и чудо онъ творитъ дивнымъ своимъ вкусомъ,
Пьянъ я, хоть и омочусь однимъ толко усомъ.

ОТЪ МАЛЫХЪ ДѢТЕЙ.

Гдѣ ты, о бородушка,
Заручилъ солодушка,
Какова здѣсь не было?
Такъ то пріятенъ зѣло.
Гдѣсь ты ездилъ далеко,
Гдѣ птичіе молоко:
Понеже слово слово (sic)
Такъ сладко и здорово.

ОТЪ НОВГОРОДСКИХЪ ДВОРЯНЪ.

За честь твоего солоду
Лобизнемъ твою бороду,
Батюшка нашъ кормитель.
Никто не можетъ сказати
Въ якой стала благодати
Твоя намъ добродѣтель.
Когда трудовъ твоихъ пиво,
Что имѣется за диво,
Прилѣжно разсуждаемъ,
Новгородскія шалиги,
Которую пьють яриги,
Весма ужъ забываемъ.
Да то чудо весма странно,
Что хотя и непрестанно
Пивце то изъ бочки ліется
И течетъ по вся недѣли,
А намъ еще и доселѣ
Дивно какъ не припіется.

Сообщ. **В. Науменко.**

ПО ПОВОДУ ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ КІЕВО-МЕЖИГОРСКАГО МОНАСТЫРЯ, НѢСКОЛЬКО СВѢДѢНІЙ КЪ ЕГО ИСТОРІИ.

Люди, дорожащіе памятниками родной старины, не могутъ, конечно, не порадоваться возстановленію такой дорогой сердцу южно-русскаго народа святыни, какъ кіево-межигорскій монастырь, почти сто лѣтъ остававшійся въ запустѣніи и теперь возобновляемый благочестивою ревностью кіевскаго митрополита Платона.

Прекрасный уголокъ земли, богатый воспоминаніями своего славнаго прошлаго, претерпѣлъ было въ теченіи минувшаго столѣтія печальное водвореніе «мерзости на мѣстѣ святѣ»,— неудачную попытку превратить мѣсто «спасенія душъ» въ промышленное заведеніе—фаянсовую фабрику съ крѣпостными рабочими.

Тихая обитель, пріютившаяся въ этомъ живописномъ уголкѣ, на правомъ берегу Днѣпра, между горъ, священныхъ для южно-

русскаго народа, привлекала когда-то къ себѣ благочестивые помыслы людей, лучшіе годы своей безпокойной жизни проводившихъ на окраинахъ русской земли, въ далекихъ степяхъ Запорожья, въ неустанныхъ военныхъ подвигахъ, въ постоянной «боротьбѣ» за родную землю. Здѣсь, въ межигорскомъ монастырѣ, запорожцы искали «спасенія души», сюда стремились они «на прощу», на «послушаніе», здѣсь многіе изъ нихъ находили и вѣчное упокоеніе, отсюда они получали своихъ духовныхъ пастырей, проповѣдниковъ и учителей и сюда несли свои пожитки на поминъ души. Не могла на такомъ мѣстѣ утвердиться фабрика: видно, и надмогильные камни вопіяли противъ нея. Прошло уже больше 20 лѣтъ, какъ прекратилась дѣятельность фабрики и безобразный «шумъ колесъ ея умолкнулъ...» Исторія беретъ свое, и вотъ на нашихъ глазахъ Межигорье вновь готовится стать «тихою обителью». Не сомнѣваемся, что благостивая и трудящаяся братія, подъ руководствомъ энергичнаго игумена, умѣлаго хозяина и просвѣщеннаго человѣка, съумѣетъ оцѣнить значеніе исторической народной святыни и не замедлитъ возстановить ее въ надлежащемъ видѣ.

Въ виду-то готовящагося возстановленія межигорскаго монастыря слѣдовало-бы подумать и о составленіи по возможности полнаго сказанія о его прошлыхъ судьбахъ. Существующія сказанія далеко не отличаются такою полнотою, да есть въ нихъ, конечно, и фактическія неточности: одну изъ нихъ я и имѣю въ виду указать въ настоящей замѣткѣ. Вообще и пробѣлы и неточности въ этомъ случаѣ весьма естественны, такъ какъ для возстановленія исторіи межигорскаго монастыря нѣтъ самаго существеннаго матеріала— монастырскаго архива: онъ сгорѣлъ до тла, «такъ что ни единой бумажки не осталось», во время пожара 1764 года, совершенно опустошившаго Межигорье.

Мнѣ удалось найти въ архивномъ хламѣ кіевскаго губернскаго правленія нѣсколько дѣлъ, относящихся къ межигорской старинѣ [1]), и вотъ главнымъ образомъ одно изъ нихъ дастъ возможность документально исправить ошибку, вошедшую въ печатныя сказанія относительно одного изъ архимандритовъ этой обители.

[1]) Дѣла эти, числомъ II, войдутъ въ приготовляемый мною 9-й выпускъ «Историческихъ матеріаловъ изъ архива кіевскаго губернскаго правленія».

Въ числѣ архимандритовъ межигорскаго монастыря, управлявшихъ имъ съ 1732 г., показанъ, между прочимъ, у М. А. Максимовича [1]) архимандритъ *Никандръ*, какъ игуменствовавшій съ 1753 г., а у Е. Крыжановскаго [2])—*Никаноръ*; Н. Закревскій [3]), признавая послѣднее показаніе ошибочнымъ, называетъ тоже *Никандра*, какъ предшественника Гедеона Слонимскаго, причемъ говоритъ: «когда и чѣмъ кончилось игуменство архимандрита Никандра—неизвѣстно». Всѣ три автора называютъ этого архимандрита предшественникомъ Гедеона Слонимскаго, игуменствовавшаго якобы съ 1762 года. Имѣющееся у меня въ рукахъ дѣло 1769 г. «Объ оставшемся послѣ межигорскаго монастыря архимандрита *Никанора* имѣніи» даетъ возможность точно возстановить какъ имя предшественника Гедеонова, такъ и время и обстоятельства его кончины.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1768 года намѣстникъ межигорскій іеромонахъ Іессей доносилъ въ коллегію экономіи о «нечаянной того монастыря архимандриту *Никанору* отъ разбитія лошадьми смерти» и препроводилъ при этомъ опись имѣнію, оставшемуся послѣ покойнаго, и списокъ родственниковъ, которымъ должно было поступить это имѣніе по наслѣдству. Когда именно, т. е. какого числа умеръ архимандритъ—изъ дѣла этого не видно, но такъ какъ опись имущества его составлена 7-го февраля, то можно думать, что и смерть его послѣдовала въ первыхъ числахъ февраля.

И М. А. Максимовичъ, и Н. Закревскій, основываясь на одномъ и томъ-же источникѣ, на «Историческомъ извѣстіи о межигорскомъ монастырѣ», изданномъ въ 1830-мъ году, упоминаютъ впрочемъ и Никанора, говоря, что онъ былъ назначенъ *въ 1776 году* на мѣсто Иларіона Кондратковскаго, но «на пути де въ Межигорье убитъ былъ испуганными лошадьми». Надо думать, что этого другаго Никанора вовсе не было, что этотъ фактъ смерти «на пути», извѣстный уже автору «Историческаго извѣстія», относится именно къ тому Никанору, который ошибочно названъ Никандромъ и который былъ, дѣйствительно, предшественникомъ Гедеона.

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича т. II, стр. 281—283.

[2]) «Кіево-межигорскій монастырь» въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1863 г., № 23 и 24.

[3]) Описаніе Кіева Н. Закревскаго, т. II, стр. 491—494.

Имѣется у меня и другое дѣло, которое подтверждаетъ, что въ межигорскомъ монастырѣ игуменствовалъ предъ Гедеономъ не Никандръ, а Никаноръ, къ которому и надо отнести все то, что разсказываютъ М. А. Максимовичъ и Н. Закревскій о Никандрѣ: это—дѣло кіевской губернской канцеляріи 1759 года «по челобитью кіево-межигорскаго монастыря архимандрита *Никанора* съ братіею о выдачѣ въ тотъ монастырь съ представленныхъ на с. Евменки и на принадлежащія къ нему угодья крѣпостей выписи».

Зная годъ смерти архимандрита Никанора, можемъ теперь съ увѣренностію сказать, что архимандритъ Гедеонъ не могъ игуменствовать съ 1762 года, слѣдовательно не при немъ былъ и пожаръ 1764 года, о которомъ Н. Закревскій сообщаетъ на основаніи документовъ архива св. синода, и не ему принадлежитъ возобновленіе монастырскихъ построекъ: Гедеонъ могъ быть назначенъ игуменомъ не раньше февраля мѣсяца 1768 года, когда скончался Никаноръ.

О личности архимандрита Никанора весьма немногія свѣдѣнія можно извлечь изъ выше названнаго мною матеріала.

Отстаивая хозяйственные интересы своего монастыря, этотъ архимандритъ заключилъ въ 1757 году двѣ сдѣлки съ монастыремъ кіево-михайловскимъ: по одной покончилъ давнее спорное дѣло и учинилъ раздѣлъ боровъ и лѣсовъ между селами Евменкою и Боденьками, на которые одинаково претендовали оба монастыря; по другой—условился съ тѣмъ-же монастыремъ съобща отстаивать эти боры и лѣса отъ притязаній монастыря братскаго. Въ 1759 г. эти сдѣлки, вмѣстѣ съ другими монастырскими крѣпостями, представлены были въ кіевскую губернскую канцелярію для снятія съ нихъ копій и выдачи выписей «для объявленія въ полковомъ черниговскомъ судѣ и впредь ежели гдѣ въ прочихъ судебныхъ мѣстахъ случай когда востребуетъ»: подлинныхъ документовъ не хотѣлъ по всякимъ такимъ случаямъ выпускать изъ своего архива предусмотрительный архимандритъ, опасаясь, чтобъ «какимъ случаемъ попортиться и потеряться не могли».

Архимандритъ Никаноръ, по всей вѣроятности, былъ родомъ изъ гадяцкаго полка, гдѣ проживала и родная сестра его Ульяна, дѣти которой наслѣдовали и оставшееся послѣ него имѣніе. Всѣхъ этихъ дѣтей, племянниковъ и племянницъ архимандрита, было пять. Одинъ племянникъ и двѣ племянницы были «мужичого званія» и

жили въ гадяцкомъ полку, но трое дѣтей ихъ, т. е. внуковъ архимандрита, жили въ Кіевѣ и «содержаны были всѣмъ нужнымъ къ ученію отъ покойнаго архимандрита»: двое изъ нихъ учились въ кіевской духовной академіи, а одинъ находился «въ обученіи рукодѣльнаго снесарскаго мастерства». Племянница Пелагія была замужемъ за священникомъ фроловскаго монастыря Филиппомъ, а племянникъ Алексѣй Гладкій былъ «намѣстникомъ» (священникомъ) въ м. Гоголевѣ кіевскаго полка. Этотъ гоголевскій намѣстникъ и явился съ довѣренностями всѣхъ прочихъ родственниковъ за полученіемъ оставшихся послѣ архимандрита вещей, которыя и были выданы ему уже при архимандритѣ Гедеонѣ. Нѣкоторыя изъ вещей, значившихся въ описи, были удержаны въ монастырѣ, такъ какъ, по объясненію архимандрита Гедеона, представленному въ губернскую канцелярію, составляли не личную собственность покойнаго архимандрита, а монастырскую, занесены-же были въ опись братіею «по незнанію того, ошибочно, и за отлучкою знающихъ о томъ довольно іеромонаховъ въ Сѣчь запорожскую». Удержаны были въ монастырѣ: 1) ряса камлотная черная зъ лиштвами матеріальными вишневыми и ковдра вибойчатая подъ полотномъ на бавелнѣ, потому что справлены были на счетъ монастырской казны и въ книгѣ шафарской записаны; 2) одѣвало медвѣжое, покрытое зеленымъ сукномъ, взятое было архимандритомъ Никаноромъ въ свою келію изъ монастырской конюшни; 3) «чайникъ одинъ и горщикъ одинъ красной мѣди» дѣланы въ монастырѣ котляромъ Патермуфіемъ изъ монастырской мѣди; 4) Библія кіевской печати, подаренная печерскимъ типографомъ Самуиломъ Рубчановскимъ въ монастырь, а архимандритомъ взятая въ келію только «для прочету»; 5) часы столовые съ звонкомъ, подаренные «не собственно персонѣ оного архимандрита», а вообще для архимандритскихъ келій бывшимъ кошевымъ атаманомъ Алексѣемъ Бѣльскимъ; часы эти и исправлялись на счетъ казны монастырской; 6) полурясокъ лисій покрытъ китайкою: о немъ іеромонахъ Дорофей заявилъ, что де въ минувшемъ 1767 году архимандритъ Никаноръ, «будучи въ его келіи, при отходѣ, безъ всякого его дара, самъ по власти своей, на себе взялъ его шубу лисюю, покритую черною китайкою, зъ оною отишолъ въ свой покой, и хотя тогда было то ему, Дорофею, съ обидою, но яко тогда былъ онъ (архимандритъ Никаноръ)

первая власть въ монастырѣ, и такъ отдачи того требовать не смѣлъ, которую архимандритъ Никаноръ, за отлучкою его, Дорофеи, въ Сѣчь запорожскую, и перенилъ себѣ на полурясокъ».

Судя по составленной описи, собственное имущество архимандрита Никанора не отличалось сколько нибудь значительнымъ богатствомъ. Три шубы—лисья, пещовая и тхорова, кожухъ крымскихъ рудыхъ смушковъ, два полуряска, двѣ рясы и четыре кафтана—вотъ и вся одежда, бѣлья весьма немного, посуды сколько нибудь цѣнной и совсѣмъ почти нѣтъ, по крайней мѣрѣ серебряная вещь названа одна—«пакалъ въ пуделку маліованномъ».

Денегъ въ описи находимъ: «червонцовъ поединковыхъ 15 и имперіалъ въ 10 рублей единъ».

Книги—исключительно богослужебныя, числомъ 9.

Во время игуменства архимандрита Никанора, но въ его отсутствіе изъ монастыря, въ 1764 году въ іюнѣ мѣсяцѣ въ межигорскій монастырь присланъ былъ изъ Петербургъ по высочайшему повелѣнію «малороссіянецъ Антонъ Любимскій», съ тѣмъ, чтобы онъ, «по усмотренному въ немъ поврежденію ума», содержался въ монастырѣ подъ присмотромъ неотлучно, при чемъ на одежду ему велѣно выдавать изъ малороссійскаго скарбу по 50 рублей въ годъ. Этотъ загадочный «малороссіянецъ», не смотря на поврежденіе своего ума, 3 сентября того-же 1764 г. умудрился бѣжать изъ монастыря и послѣ тщательныхъ поисковъ нигдѣ не былъ розысканъ.

Время игуменства архимандрита Никанора представляетъ особенный интересъ, между прочимъ, потому, что именно въ это время тотъ безпокойный элементъ, изъ котораго формировались гайдамацкія шайки, нерѣдко находилъ себѣ пріютъ въ Межигорьи, что и заставляло заподозрѣвать самый монастырь въ укрывательствѣ гайдамакъ. На сколько архимандритъ Никаноръ обнаруживалъ въ этомъ отношеніи «слабое смотрѣніе»—трудно сказать; но, по всей вѣроятности, именно нѣкоторая слабость этого смотрѣнія породила тѣ «непорядки», которые, уже при архимандритѣ Гедеонѣ, обличалъ іеромонахъ Савва въ 1769 году [1]).

Ал. Андріевскій.

[1]) См. въ 6-мъ выпускѣ «Историческихъ матеріаловъ», стр. 30—41. Сущность доноса Саввы и заключается именно въ укрывательствѣ лицъ, разыскиваемыхъ властями.

БРОШЕННЫЙ ИЗЪ-ЗА УГЛА КАМЕНЬ.

Нѣкто, подписавшійся буквою N, напечаталъ въ іюньской книжкѣ «Кіевской Старины» статейку, подъ заглавіемъ: «Случай изъ жизни Н. И. Костомарова».

Въ этой статейкѣ г-нъ N опровергаетъ мой разсказъ о встрѣчѣ съ Костомаровымъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ по выходѣ въ свѣтъ 1-го тома «Исторіи Возсоединенія Руси», приводя изустный разсказъ самого Костомарова. По его словамъ, Костомаровъ назвалъ себя сыномъ человѣческимъ, а меня предающимъ его лобзателемъ, и этимъ будто-бы далъ мнѣ знать, что прочелъ уже 1-й томъ «Исторіи Возсоединенія Руси».

Не было надобности Костомарову давать мнѣ объ этомъ знать, такъ какъ онъ раньше, нежели кто либо въ столицѣ, имѣлъ въ рукахъ мою книгу, которую нынѣшній обладатель его библіотеки и найдетъ въ ней съ моею подписью.

Костомаровъ былъ выше такого пониманія литературныхъ отношеній, какое, вѣроятно, судя по себѣ, воображаетъ г-нъ N. Дружескій поцѣлуй его дѣйствительно былъ для меня неожиданностію. Это можетъ засвидѣтельствовать мое письмо къ нему о нашей встрѣчѣ. Если-же оно не сохранилось въ бумагахъ покойнаго историка, то сошлюсь на поименованныя въ моихъ воспоминаніяхъ семейства, въ которыхъ я бывалъ, въ Москвѣ, съ Костомаровымъ и къ которымъ Костомаровъ никогда безъ меня не ѣздилъ. Они знаютъ меня больше, чѣмъ г-нъ N. Пускай онъ спроситъ у нихъ: способенъ ли я пріѣзжать дружески, въ условленные дни, къ обѣду съ человѣкомъ, который бы назвалъ меня предателемъ?

Наконецъ, «случай изъ жизни Н. И. Костомарова», слѣпленный г-мъ N изъ двухъ описанныхъ мною сценъ свиданія, рѣзко противорѣчитъ изображенію Костомарова по отношенію къ его критикамъ, представленному весьма вѣрно г-мъ Беренштамомъ въ той же іюньской книжкѣ «Кіевской Старины».

П. Кулишъ.

ПѢСНЯ НА КНЯЗЯ ДОМИНИКА ЗАСЛАВСКАГО.

Въ свое время Владиславъ IV, король польскій, готовился къ войнѣ съ турками: онъ нанялъ значительное число охотниковъ за границею и расположилъ къ войнѣ умы любившихъ его малороссійскихъ козаковъ, которые были собраны и готовы по первому его распоряженію двинуться на турокъ. Но польскій сеймъ и противодѣйствовавшіе волѣ короля магнаты рѣшительно противились намѣреніямъ Владислава и между тѣмъ вели кровавую брань противъ козаковъ подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, обзывая послѣдняго бунтовщикомъ, хотя онъ былъ истинно преданъ королю Владиславу.

Нѣкоторые подвиги козаковъ за время этой борьбы были увѣковѣчены, какъ извѣстно, въ народныхъ пѣсняхъ. Одной изъ побѣдныхъ козацкихъ пѣсень является ниже помѣщенная. Она составлена, вѣроятно, послѣ несчастной для поляковъ битвы подъ Пилявцами 23 сентября 1648 г., когда они бѣжали, можно сказать, безъ выстрѣла отъ Хмельницкаго. Пѣсня эта сохранилась въ рукописи, въ Сѣнявской библіотекѣ, въ Галиціи, за № 379. Извѣстный польскій ученый Вацлавъ Александръ Мацѣевскій, во время своихъ занятій въ Сѣнявѣ въ августѣ 1845 г., нашелъ ее среди другихъ бумагъ и списалъ. Эта копія попала въ мое распоряженіе въ числѣ другихъ рукописей Мацѣевскаго. Вотъ самый текстъ пѣсни:

Доминикъ съ коникомъ лежить,
Козакъ до нёго бижить,
Лежати тоби, князю, не воёвати,
Не будешь бити козаки, мои браты,
Гой, не будешь, наниче, безъ серця и головы!
Вернися до дому съ ляхи, коли здоровый.
Познайте суды Бога святого, ляхове;
Де слава ваша, достатки и гетьманове?
Козакъ убогій теперъ бижить воёвати:
Покиньте своволю, а мійте назъ за браты.
Теперъ буде гораздъ, пойдемо на поганы,
Выбьемо усихъ, що тилько есть бисурманы.

Сообщ. **Н. С.**

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ О ВЕЛЕТНЯХЪ И ПЯТНИЦѢ [1]).

Велетни то були високи, високи люди, отъ якъ дерева. Якъ пиде, важуть, выбачайте, про себе, то... зверне верхъ дуба та й... Якъ теперъ люди хазяинують, такъ и тоди велетни хазяинували.

Разъ йде велетень, дивитьця, лизе що-сь по полю, а то були таки люди, якъ теперъ мы, орали соби—шисть воливъ, два погонычи и оратай, чи що тамъ. Велетень взявъ ихъ всихъ на долоню, та й приносе до батька.

— Що воно, каже, тату, таке?

— Де ты ёго взявъ? пита батько.

— Оттамъ на поли.

— Однеси, каже, сину, ёго туды, де ты взявъ, а тоди прыйди, то я тоби роскажу.

Той пишовъ, положивъ, де ихъ взявъ, и питаеця батька.

— Отто, каже батько, якъ мы помремо, то таки люди будуть писля насъ; нашихъ плугивъ не здоліють, та пороблять свои тай будуть орати.

Оттаки люди маленьки и поставали теперь, закончила разсказчица, и живуть соби слава Богу и доси; а посли насъ ще менчи будуть.

Одна дивка сидить пидъ пятныцю та пряде, та пряде. Коли чуе, щось подходе пидъ викно.

— А ты, дивко, прядешь?

— Пряду, каже.

А вона (пятница) якъ кине у викно цилый пучокъ веретенъ, та й каже:

— На-жъ, каже, ци веретена, щобъ ты уси до свиту запряла; а коли не запрядешъ, каже, то не будешъ у сьвити жить.

Та й пишла соби.—Дивка злякалась:

Що-жъ мени въ сьвити Божому робити теперъ? дума соби, бо хочъ якъ швидко пряди, а бильше двохъ, або трехъ починкивъ не напрядешъ.

---

[1]) Записано въ с. Лебединѣ, кіевской губерніи, чигиринскаго уѣзда, отъ Хивря Юхименкововой.

А та, може, штукъ зъ двадцать шпурнула веретенъ.—Що тутъ робить? Взяла вона та мерщій на одно веретено нитку, на друге нитку, на трете... абы швидче, абы швидче. Намотала вси до одного, взяла тай выкинула за викно, тай зачинилась.

Коли це, трехи перегодя, приходе пятниця пидъ викно знову. — А, каже, догадалась, каже, зрозумила, каже, що зробить: счастья маешь. Десь вывчилась добре, а то не жила-бъ у сьвити, знала-бъ ты якъ прясти пидъ пятницю.

А та дивка такъ ниць и впала.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ О ШЕВЧЕНКѢ [1]).

Уродився тай Шевченко,
Уродився тай удався,
Тильки дурный его розумъ,
Що въ салдаты записався.
—«Не самъ же я записався,
Записала мене мати,
Записала мене мати
Щей маленькимъ у салдаты».
—Ой повезли Шевченка
Тисною улицею,
Назадъ руки завязали
Та билою сырыцею.
Ой привезли Шевченка
До нового трахтиру,
Тамъ Шевченка розибрали,
Якъ мати народила;
Посадили на креселку,
Чорни кудри обстригали,
Чорни кудри обстригали,
А Шевченко умливае.
«Розвивайся, суховерхій дубе,
Бо на тебе морозъ буде,
Роздивайся, та Шевченку,

[1]) Записана отъ бывшаго кантониста въ с. Лебединѣ, кіевской губерніи, чигиринскаго уѣзда.

Бо на тебе пріёмъ буде!
Ой не плачъ ты, Шевченко,
Тай не плачъ, не журися,
Бери деньги бумажніи
Медъ-вина напыйся».
—Ой, ударився Шевченко
Та объ полы руками:
«Деньги мои бумажныи
Пропавъ же и зъ вами»!

Сообщ. **Мих. Васильевъ.**

6. Отъ Василя Матвѣенка, Ломоносового зятя, шинкаря .... ровского, за 2 стана горѣлки принято 4 р. 80 к., а передъ симъ у него-жъ отобралъ староста Федоръ за одинъ станъ 2 р. 40 к.

7. Отправленъ Грицко до Глухова для отійсканя теки зъ крѣпостми и другихъ паперовъ и книгъ; и чрезъ него-жъ писано къ Василку, до г. Скоропадского и до Андрея Липня; на дорогу дано ему 15 к., а на паперъ 50 к.

8. Рано стоящымъ въ деревняхъ нашыхъ компанѣйцамъ, 24 человѣкамъ, дано на 24 порціи ихъ компанѣйскихъ, а именно 19 р. 20 к. Послѣ обѣда ездилъ я до Гузовки для осмотру тамъ новопостроенной церкви Покрова Пресвятой Богородицы и тамъ-же былъ у вдовы Івановой Сулиминой [209]). Въ той поездцѣ Іванъ Григоровичъ згубилъ шаблю.

9. Были у насъ въ Перегонѣ значковые товарищи Леонтій Сорока и Семенъ Круковскій, комисаръ полковый, да писаръ сотенный погарскій Турокъ. Шинкарка погарская Ганна за шинковый долгъ отдала 3 р. 50 к., а еще на ней осталось давного долгу 1 р., да сего-жъ числа вновь взяла станъ горѣлки. Компанѣецъ, присиланный зъ Глухова зъ указомъ, отправленъ зъ роспискою о пріемѣ указу, чрезъ которого послано писмо и до Савіцкого, писаря отставного лубенского, стороны дѣла правного сводного и о сочиненіи прожектовъ, да до повѣренного Іліи Квитницкого, тако-жъ и до старости товкачовского о домовыхъ дѣлахъ, для пересылки зъ Глухова въ Перегонъ.

10. Оный компанѣецъ отехалъ, которому даны 10 к. на дорогу. Павелъ гузовскій, вчора пріехавшій, чтобъ его принять на староство, отехалъ и ему-жъ даны 60 к. Лукирка тако-жъ отехала, которой велѣли дать зъ Случка чвертку жита. Черницѣ чолнскіе запретили дрова возить изъ пущи для того, что намѣстникъ ихъ Варлаамъ Уманецъ умеръ.

11. Ради того запрещенія посиланъ староста къ городничему въ Олешенку, по возвратился зъ нѣчимъ. За покраденное сѣно наше евдоколцями забрали евдоколскаго сѣна возовъ зъ 10 и отвезли въ футоръ. Грицко возвратился зъ Глухова и привезъ писма

---

[209]) Говоритъ о вдовѣ одного изъ сыновей генеральнаго хорунжаго Ивана Сулимы. О жалобахъ этой вдовы на Ханенка см. Сулимовскій архивъ, стр. 107.

ко мнѣ и отъ Павла Скорупцы къ отцу его и къ Федору Шираю, которые къ нему при моемъ писмѣ отосланы въ Гриневъ.

12. Сего-жъ числа писалъ къ келарю Свѣнскому, за намѣстника въ монастырѣ чолнскомъ управляющему, чтобъ позволено по прежнему возить дрова на обиходъ нашъ домовый.

13. Івана Ханенка слѣпого жена Стефанида, Василя Солонины дочь, умерла.

14. Наняли у сагутевцювъ до окончанія зимной дороги возить дрова на десяти подводахъ зъ ихъ пущи за 8 гривень.

15. Отправленъ Стефанъ Каврайскій въ Глуховъ зъ 12 подводами для того, чтобъ оными подводами навозить тамъ дровъ, ліоду и забрать оттоль хлѣбъ, имѣючійся въ Кочергахъ; ему-жъ дано на пиво и прочіе нужды 2 р.

16. Отправлены подводы въ Курковичи для забраня оттоль шулъ, бруся и тину и для разобраня тамъ болшой свѣтлицы.

17. Получено писмо о сѣнѣ у Косика забранномъ отъ сотника погарского Соболевского.

18. Переехали на ночъ зъ Перегону въ Городище.

19. Исповѣдались и по милости Божіей причащались Святыхъ Таинъ въ церквѣ городиской, а по обѣдѣ віехалъ я къ Стародубу на ярмарокъ и ночовалъ въ Левенцѣ у Федора Корецкого.

20. Рано прибылъ въ Стародубъ и слушалъ обѣдни въ церкви Рождества Богородицы, а обѣдалъ въ своемъ домѣ зъ шваґромъ Федоромъ Корецкимъ, зъ которымъ и по ярмарку ходили доволно. Вечеромъ былъ у мене зъ женою своею шваґеръ Александръ Корецкій.

21. Рано у мене были полковая старшина, потомъ ходили по ярмарку, а передъ обѣдомъ пріездилъ ко мнѣ въ домъ обозного енералного Якова Лизогуба синъ, женившійся въ Смоленску на шляхтянцѣ Рачинской Татіанѣ, Ілія Лизогубъ, просилъ къ себѣ на вечеринку, почему и былъ я у него въ домѣ судіи полкового стародубовского Рубця на оной вечеринцѣ, гдѣ засталъ полковника Максимовича зъ старшиною полковою и другихъ мужеска и женска полу знатныхъ персонъ, и забавлялись даже до 12 часа.

22. Званы обѣдать къ полковнику Максимовичу, а передъ обѣдомъ былъ я у графа Івана Івановича Владиславича и у Григорія

Скорупны; потомъ обѣдали у полковника и доволно пили, а отъ него пошли къ Андрею Миклашевскому и тамъ пили, также игуменъ въ домъ пріехалъ, и за мною вслѣдъ и Андрей Миклашевскій зъ зятемъ своимъ Чарнолускимъ пріездили.

23. У войта стародубовского Коменка за пенку надлежащые всѣ сполна денги отобраны и за вино, передъ симъ для насъ купленное имъ, росплата 38 р. учинена; такожъ за разные покупки, на ярмарку справованные, расплатившись in summa 109 р. и простясь зъ полковникомъ Максимовичемъ и капитаномъ Ланкомъ и женою его, отехалъ зъ Стародуба и прибылъ въ Перегонъ въ 10 часу передъ полуночю.

24. Іванъ Гамалія, шваге́ръ изъ женою и дѣтми, прибылъ рано къ намъ въ Перегонъ и отобѣдавъ, поехалъ на Глуховъ въ свои украинскія деревни [210]).

25. Прибыли подводы зъ Товкачовки зъ пшеницею и просомъ. Писаны писма до полковника полтавского Кочубея, до Скоропадского, до Федора Чуйкевича, до сина Василя зъ нѣкоторою посилкою и до Іосифа племѣнника.

26) Противъ сего числа въ 6 часу по полуночи, родился мнѣ синъ и нареченъ по числу 24-му сего-жъ мѣсяца Іванъ и окрещенъ марта 3; воспріемниками были [211])... Зъ писмами вчора писанными и зъ нѣкоторою посилкою отправленъ въ Глуховъ Леонъ Булаховъ. Компанѣйцамъ на другой мѣсяцъ отданъ фуражъ и такъ уже всѣ зимные мѣсяци очищены.

27. Писаны писма зъ посилкою родинного хлѣба къ полковнику Максимовичу, къ Григорію Скоруппѣ и къ Федору Корецкому, а къ протчимъ безъ писемъ таковый-же хлѣбъ посланъ чрезъ Грицка и чрезъ Каврайского, который сего числа прибылъ зъ Глухова зъ разными писмами, такожъ и компанѣецъ зъ указомъ изъ канцеляріи енералной въ дѣлѣ Соколовского. Отправлены товкачовскіе люде обратно въ домы свои, чрезъ которыхъ посланы три куфи горѣлки, зъ Василіовки взятые, а въ оныхъ въ одной становъ 8, другой 7½, въ третей 7, да при нихъ-же отпущены и воли наши 8 тамошные,

---

[210]) Иванъ Михайловичъ Гамалѣя, жившій с. Великихъ Пескахъ, лохвитскаго уѣзда.

[211]) См. ниже 3 марта.

и о томъ такожъ и о протчемъ писано къ тамошнему старостѣ. Сдѣланъ контрактъ зъ маляремъ стародубовскимъ Василіемъ Григоріевымъ, который имѣетъ дѣлать до избы столовой въ Городищѣ шпалеры, и опому уговоренной цены дано половину, то есть 10 р., такожъ полусмакъ жита и полусмакъ конопель, а протчее должно быть отдано по отдѣлки тихъ шпалеровъ; онъ-же имѣетъ и коло оконъ звнутри малювать своимъ коштомъ. Сего-жъ числа рощотъ и росплатка учинена зъ комисаромъ сотеннымъ погарскимъ Зеленскимъ въ порціяхъ и раціяхъ за всѣ шесть зимные мѣсяцѣ, 1742 г. октоврія зъ 15, 1743 г. апріля по 16 число, и взята у него квитанція.

28. Позичены денги Петру Троеносенку до весенного Николая, а Кондрату Алексіенку до осѣнного и въ томъ взяты у нихъ облѣкги. Зъ винникомъ Гришаномъ за роботу его въ винницѣ на Василювцѣ росплатка учинена по щоту и дано ему денегъ 1 р. 35 к.

Мартъ.

1. Писаны письма въ Глуховъ къ г. Скоропадскому, къ Федору Чуйкевичу, до Матвѣя Холодовича, до сина и до Іосифа, такожъ доношеніе въ войсковую сперальную канцелярію противъ указу о поездѣ до Глухова, присланного чрезъ компанѣйця, чрезъ которого оное и тые писма отправлены. Уговорена жена дяка курковского Наталія дѣлать два килимы до новыхъ нашихъ свѣтлицъ и дано ей на харчъ полчвертки проса, полторы чвертки жита, да за цвѣты до прежде здѣланного килима велѣли ей заплатить 24 к. шинкарю курковскому. Староста отправленъ въ Лотоки; подводами-же повезено вчора туда-жъ жита осмачокъ 8 для продажи Федору Пригарѣ, да ему-жъ приказано дать чвертку жита женѣ..., которій сталъ у насъ въ Городищѣ робыть горѣлку въ винницѣ, и для отдачи той-же женѣ 20 к.

2. Надвечери прибыли къ намъ въ Перегонъ Федоръ самъ, а Александръ Корецкіе зъ женою и зъ ними попъ Алексій Хелкидоцкій.

3. Рано попріезджали въ домъ нашъ перегонскій Григоріева Скорупнина, Анастасія Шираевна, потомъ и мужъ ея, да Григорій Гамалѣя холопецкій зъ женою, сотникъ погарскій Соболевскій зъ женою и протчіе, а на остатокъ и вдовствуючая Григоріева Гамалінна зъ Борщева, въ которыхъ присутствіи синъ нашъ Іванъ окрещенъ, а воспріемниками были Федоръ Корецкій и Анастасія Гри-

горіева Скорупина; потомъ начали обѣдать, а между обѣдомъ пріехала бунчучная енералная Галецкая и другіе погарци, которые долго позабавившись въ ночь и повечерявши, розехались.

4. Сего числа отобѣдавши у насъ бунчучная, Скорупна зъ женою и Корецкій, розехались по домамъ, и я занемогъ на катарь и кашель.

5. Привезено зъ Стародуба отъ Карпа котляра новые три трубы, въ которыхъ вѣсу 16 фунтовъ.

7. Федору Корецкому сынъ родилъся и названъ Василіемъ; онъ-же крещенъ 13 дня сего мѣсяца.

6, 7, 8, 9 и 10 продолжалась болѣзнь моя зъ немалымъ кашлемъ, чего для никуда зъ дому не бывалъ.

11. Прибылъ жолдакъ зъ указомъ изъ Глухова, чтобъ мнѣ туда ехать для дѣла зъ Соколовскимъ, но на оный указъ учинено отъ мене отвѣтное доношеніе.

12. Зъ онымъ доношеніемъ тотъ жолдакъ отехалъ, а староста нашъ прибылъ зъ Лотоковъ и привезъ денегъ за медъ доправленныхъ 3 р., да провіантовыхъ 5 р. 80 к.

13. Отправленъ Грицко въ Глуховъ 14 дня для пріуготовленя тамъ меду и пива, которому дано 8 р. 10 к., и чрезъ него-жъ писалъ до Івана Гамаліи, до Федора Ширая, до Лишня, до Федора Чуйкевича, до Василя сина и до Іосифа племѣнника, и посланъ туда-жъ дзигарокъ Александра Корецкого.

14. Отправленъ Стефанъ Каврайскій въ Курковичи и въ Симіоновку за солодомъ на пиво и за протчими нуждами, чрезъ которого посланы 2 писма: 1, до Семена Іванова Пустоты, 2, до дозорци Ропского дворецкого, чтобъ позволено подрядить въ Карповичахъ сто конъ драпѣ.

15. Получилъ писма зъ Глухова чрезъ атамана компанѣйского полку чосникового Василя Соколовского, уволенного уже отъ службы компанѣйской, за которымъ писано отъ мене до есаула іхъ полкового Семена Іосифова, чтобъ его заслуженное все сполна было ему отдано.

16. Отправленъ староста перегонскій въ Стародубъ для вареня пива и за другими домашными потребами, которому между протчимъ велѣлъ въ Случку отобрать 2 р. 73 к. денегъ и держать въ росходъ въ Стародубѣ на що надобно.

17. Винникамъ заплату учинилъ за 20 становъ на Василювцѣ и за 15 въ Городищѣ вироблепныхъ куриломъ и дано ему за все 2 р. 10 к., да новому виннику, на Василювцѣ работаючому, Івану Столярову за 10 становъ 60 копѣекъ. Писалъ къ Іосифу племѣннику въ Глуховъ о розсиченю меду и о пивѣ въ ліодъ, и оное писмо отправлено чрезъ Чаусы въ Новгородокъ при писмѣ къ атаману новгородскому для отсылки въ Глуховъ. Привезено зъ Глухова три осмачки солоду, купленного въ Симіоновцѣ. Рахованъ Іосифъ Ноздра въ хлѣбѣ имѣючомся на его рукахъ, которого еще на немъ довелось, зъ скопщиною 1741 и 1742 годовъ, 70 осмачокъ, одна чвертка и четверушка жита, осмачокъ-же 30 зъ чверткою имѣлъ теперь отдать, а на 40 осмачокъ дать облѣкгъ, что имѣетъ отдати сего году въ сентевріи мѣсяци.

18. Писалъ въ Глуховъ до г. Скоропадского за Вовдею Василихою Сластіонвискою, а до Іосифа племѣнника объ ней-же и о меду и пивѣ, якъ и вчора, да до сотника шептаковского Манковского о козаку кистерскомъ Мартину Самсонову, которому позичены и 3 р. денегъ до Тройци, и взялъ у него-жъ облѣкгъ.

19. Получилъ писма зъ Глухова чрезъ Скрипова, служителя Івана Гамаліи юдиновского; да у мене-жъ, зъ Глухова ѣдучи, былъ прикажчикъ села, почеповского уѣзду, Лизогубовки, Симоновъ. Противъ сего числа почю превеликая пришла вода на греблю нашу городискую и сего дня весь день великая вода безперерывно на всѣ ставы ишла. Кравець изъ Стародуба присланъ и покроилъ кунтушъ зеленый канавацовый, а туда отправленъ Василь за разными потребами.

20. Ничего не случилось.

21. Принималъ лѣкарство. Староста возвратилъся зъ Стародуба, нѣчого тамъ не справивши.

22. Приездилъ жолдакъ Семенъ Галушка зъ указомъ, чтобъ я ѣхалъ въ Глуховъ, чрезъ которого отписалъ, что ехать за болѣзнію не могу, и того-жъ жолдака отправивъ, заплатилъ ему прогонныхъ денегъ 1 р. и на дорогу даны 40 к. Войтъ возвратилъся отъ возки бервеня, за которое на заплату дано ему денегъ 1 р. 90 к. Иванъ Ханенко слѣпый, обозного полкового кіевского Федора Ханенка синъ, а мой братъ, прибылъ къ намъ, которого жена Івана Ханенка слѣпого, Стефанида Солониновна умре сего году февраля 13.

23. За Дмитра Шебеду, господаря нашего василювского, подданному волости ропской, жителю будницкому Василю Кручлину заплатили мы долгу его 1 р. 70 к., а передъ симъ ему-жъ Шебедѣ дано 1 р. 50 к.

24. Зварено пиво въ Погарѣ зъ солоду семіоновского и привезено двѣ бочки и бочку квасу и поставлено въ ліодовнѣ въ дворѣ перегонскомъ.

25. Привезенъ и медъ разсиченный въ Погарѣ. Отправленъ кравець Никифоръ и мамка Ганка, которымъ дано—кравцю 60 к., мамцѣ 40 к. Посланъ поездъ по Василка въ Глуховъ 4 конѣ и протчее и дано на дорогу для коней 15 к.; да посланы-жъ писма до г. Скоропадского, до Василка и до Іосифа. Kavrajski castigatur.

26. Сего числа ввечеру жестокая припала была мнѣ коліка и продолжалась до полуночи, чего для въ церкви на всенощной быть не могъ. Проехалъ днемъ Федоръ Ширай зъ Глухова чрезъ Гринювку, а ночю прибылъ зъ Городища судія полковый Павелъ Скоруппа.

27. Въ сей день Въѣханія Господня по отправленной службѣ Божіей въ Городищѣ обѣдалъ у мене Павелъ Скоруппа, а потомъ отехалъ до Гринева. Надвечери женщина зъ Городища, Ничипора Семенцова жена, пришедъ въ дворъ мой перегонскій, галасовала и за то по чести наказана.

28. Отправлены писма въ Мглинъ до сотника Лисаневича стороны балясъ, чтобъ припомянулъ Максиму Турковскому и о птушкахъ, такожъ объ отсилки писма моего до Василя Гудовича зъ писмомъ къ нему-жъ отъ Федора Чуйкевича, где и стороны желѣза къ нему Гудовичу писано. Дана квитація Никону Вербіцкому, которій былъ командиромъ надъ 24 компанѣйцями полку старого чесниковского, стоявшими въ моихъ деревняхъ, что отъ нихъ жадной обиды нашимъ людямъ не показано.

29. Взятъ облѣкгъ у Осипа Ноздры на 40 осмачокъ жита, должного намъ отъ него, что имѣетъ оное отдать сего году въ сентевріи мѣсяцѣ, а теперь еще надлежитъ у него отобрать 25¾ осмачки.

30. Синъ Василь и племѣнникъ Іосифъ пріехали зъ Глухова.

31. Сего числа въ четвертокъ, по благости Божіей, удостоилъся исповѣдь имѣти и причащатися Святымъ Тайнамъ.

Апрель.

1. Виннику лотоковскому Гришку за 21 станъ горѣлки виробленной заплачено 1 р. 26 к.; въ томъ числѣ зачтено 20 к. тіе, что чрезъ старосту для жены его было дано. Мамкою быть сину нашему Івану приговорена Федоска Товкачиха и дано для си дѣтей корову, такожъ пшона и чвертку жита, а еще давать ей въ годъ 3 р. и чвертку жита.

2. Чубенокъ кушнѣръ и Гришко стелмахъ отпущены въ Стародубъ, которымъ за роботу дано Чубенку 40, а стелмаху 20 к., и на томъ-же Гришку стелмаху денегъ нашихъ 70 к. имѣется. Зъ Лотоковъ войтъ Федоръ Фурсовъ принесъ оробковъ 16 и глушаковъ (глухарей) 2.

3. Въ сей Свѣтлаго Воскресенія Господня праздникъ синъ мой Василь и другіе малые дѣти причащались въ церквѣ городецкой. Вечеромъ пріездила къ намъ Евдокія Бороздняпка, Григоріева Гамаліина, поздравляючи зъ праздникомъ, и звала къ себѣ въ Борщевъ къ завтрему. Въ вечеру-жъ привезъ ко мнѣ изъ енералной канцеляріи два указы полку стародубовского чесникового компанѣецъ Яковъ Юркевичъ 1) по челобитю Соколовскаго о прибытіи моемъ до Глухова на 12 число сего апріля, 2) по коммисіи переводу и своду книгъ правныхъ.

4. Въ пріемѣ тихъ указовъ и что по онымъ исполненіе учинено будетъ, дана тому-жъ компанѣйцу росписка и оный отправленъ. Мы рано отехали въ Борщевъ и тамъ, выслушавши обѣдни и по отправленной процессіи, кушали обѣдъ у Григоріиной Гамаліиной, а потомъ прибыли въ Перегонъ, где приходили къ намъ деревень нашихъ войти и мужики зъ праздничнымъ поздравленіемъ.

5) Писалъ писма въ Козелецъ 1) до госпожи Розумовской, 2) до дядка Федора Ханенка, 3) до обозного полкового Алексія Подвисоцкого, 4) до отца брата, 5) до Янушкевича въ Чернѣговѣ, 6(до старости товкачовского Паленского и зъ оными отправленъ племѣнникъ Іосифъ, которому на свободный пропускъ и пашпортъ данъ. Попы и причетники церковные, тако-жъ козаки городецкіе были у насъ зъ празничнымъ поздравленіемъ. Сего числа господарь, на футорѣ Василіовцѣ бывшій, Дмитро Шебеда зъ женою и дѣтми, уполъ, раковню горѣлки выпивши и пчолы пододравши, да и винника зъ собою увелъ.

6. Племѣнникъ Іосифъ, зъ помянутыми писмами отправленный до Козелця, отехалъ зъ приданнымъ ему козакомъ зъ Лукина, которому даны на дорогу конь и 50 копѣекъ.

7. Привезла Федориха дячиха зъ Курковичъ килимъ новый, за который за роботу и цвѣты заплачено ей 1 р. 10 к.

8. Писаны писма о брату Івану Ханенку до отца его, а моему дядкѣ, чтобъ ему опредѣлилъ селце Бобрикъ, до обозного Подвисоцкого и асаула Шума, до войта зъ громадою села Бобрика и до Мандрики сотника Кобизкого о дворѣ его жиломъ.

9. Братъ Іванъ Ханенко отехалъ къ своему дому, которому даны 6 р., медвѣдня и опанча старая. Сего-жъ числа даны 3 р. старостѣ перегонскому за службу его сегогодную, а передъ симъ за него-жъ перенялись мы Федору Пригарѣ, дяку лотоковскому, 3 р. Въ ввечеру ушолъ Каврайскій невѣдомо для чого.

10. Оставлены въ домѣ громадскихъ денегъ курковскихъ и лотоковскихъ 23 р. для громадскихъ-же росплатокъ. Заплачено виннику городецкому за 12 становъ виробленныхъ въ тамошней винницѣ. Посланъ Іванъ зъ Кизенкомъ и Халимоненкомъ въ Кистеръ свѣдителствовать тамошнего козака Мартина Самсонова, которому обѣщали визичить 50 р., а уже дали 25 р. Василковѣ, сину нашему, продавилась болячка и много матеріи вишло.

11. Рано віехалъ зъ дому перегонского и попасовалъ противъ Ковпинки, а потомъ въ 4 часу по полудни прибылъ въ Новгородокъ, где былъ у мене сотникъ зъ урядомъ, а потомъ и намѣстникъ зъ монастыря, отецъ Авксентій.

12. Были у мене Стефанъ жолдакъ муровщикъ и Тарасъ цегелникъ, зъ которыми чиненъ о ихъ работѣ рощотъ, а по рощотѣ постановили ехать имъ обоимъ на роботу въ Городище сего февраля 20 дня, о чемъ и къ женѣ писалъ чрезъ отправленного туда-жъ пикляра, которому въ задатокъ и даны 40 к. Зъ Гойскою подрядилъся на 15 четвертей вапны по 20 к. и данъ ей въ задатокъ 1 р. При віездѣ моемъ зъ Новгородка былъ у мене сотникъ, я же верхи заездилъ въ монастырь и видѣлъся зъ архимандритомъ Варлавою; потомъ отехавъ перевозилъся чрезъ Десну болѣе двохъ часовъ и зъ Пироговки отправилъ писмо къ атаману воронежскому Кирилу Слабѣю, включивъ писмо-жъ до Федора Чуйкевича, чтобъ оное отправилъ въ Грузкую. Таже при немаломъ дожчѣ принужденъ остано-

вится въ Богдановцѣ попасовать коней; а потомъ на силу доехалъ въ нѣсколко часовъ ночи до Гамалѣевского монастыря и тутъ на конюшенномъ дворѣ ночовалъ.

13. Рано видѣлъся зъ отцемъ архимандритомъ Софроніемъ Мігалевичемъ и у него чай пилъ; потомъ ходили зъ нимъ въ церковь и розговоръ имѣли о спорныхъ зъ Товкачовкою ихъ маетностей Дѣвицъ грунтахъ и розграниченіе тихъ грунтовъ чрезъ Ивана Даровского, господаря гетмана Скоропадского, чиненное видѣлъ и читалъ, въ которомъ ничего о княжихъ ланахъ не упоминается; оттоль-же въ въ 8 часу по полуночи віехавши, прибылъ въ Глуховъ въ 1 часу по полудни, въ домъ свой бѣлополовскій.—Theodorovicz avestatur. Вечеромъ былъ у г. Скоропадского и Валкевича и уже почю отъ нихъ пріехалъ.

14. Рано былъ у енерала и имѣлъ розговоръ о дѣлѣ Соколовского, где видѣлся и зъ отцемъ ігуменомъ глуховскимъ Никифоромъ Грибовскимъ, которій мнѣ сказовалъ, какъ оный Соколовскій публично въ канцеляріи мене безчестилъ въ суботу вербную; былъ-же я и въ генералной канцеляріи, где видѣлъся зъ полковникомъ Тютчевымъ, судіею Лисенкомъ, писаремъ Безбородкомъ, сотникомъ глуховскимъ Турянскимъ и Матвѣемъ Холодовичемъ; потомъ пріехавъ въ домъ, обѣдалъ зъ канцеляристомъ Закровецкимъ и Иліею Квѣтницкимъ, и весь день въ домѣ былъ безотлучно.

15. Поутру ездилъ къ брегадиру Іллину и полковнику Тютчеву, потомъ былъ и у подполковника Лодижинскаго. Послѣ обѣда писалъ къ старостѣ товкачовскому Паленскому противъ его писма о пріуготовленіи въ дорогу кримскую, о бывшомъ сторожу Алексѣ и о протчемъ, и посланы чрезъ подводчика товкачовского и чрезъ Прокопа Дмитренка пятеро коней нашихъ, 3 буланыхъ, да панюшкинъ и куцій; писалъ-же и о висилкѣ сюда Качановского. Вечеромъ былъ у г. Скоропадского и у Алексія Федоровича Семенова.

16. Былъ въ городѣ рано и слушалъ обѣдни въ церкви св. Анастасіи. Обѣдалъ со мною інформаторъ Юнгансъ, а надвечери былъ Квитнѣцкій.

17. Посилалъ зъ писмомъ до Якова Марковича сторони тесли Івашки и отвѣтъ получилъ, такожъ прислалъ онъ табакерку мою, которую я посилалъ къ нему въ Москву. Обѣдалъ у мене Стефанъ

Савіцкій, писарь старый полковый лубенскій, а послѣ того былъ у мене-жъ судія енералный г. Лисенко.

18. При писмѣ отъ войта нѣжинского Петра Стеріевича Тарнавіота прислалъ Романъ Яненко глуховскій двѣ барилци вина бѣлого и судацкого. Сей день весь былъ въ домѣ, какъ ради слабости моей, въ сюю ночь приключившейся чрезъ колотье въ правомъ боку, яко и для прежестокой непогоды и студеной сліоти во всѣ дни, а найпаче сее ночи и сего дня безпереривно продолжавшейся. Въ вечеру поздно пріехалъ ко мнѣ Федоръ Чуйкевичъ и у мене-жъ ночовалъ.

19. Оный-же Федоръ Чуйкевичъ и Ілія Квитницкій со мною обѣдали, а по обѣдѣ приходилъ ко мнѣ поручикъ Евдокимъ Алексіевъ Кишинскій, отправляючійся въ полкъ стародубовскій для завѣдованя описными и свободными маетностями, зъ тѣмъ обявленіемъ, что и въ деревняхъ въ Куровѣ и Чубаревѣ и въ Лотокахъ, для описѣ мужиковъ и грунтовъ, онъ быть имѣетъ. Я сегодня принималъ species, одъ доктора Бока присланное.

20. Оный-же поручикъ Кишинскій рано у мене былъ и розговоровалъ о томъ-же дѣлѣ. Писаны писма къ женѣ о нѣкоторыхъ домовыхъ дѣлахъ и что дѣлать—меморіалъ посланъ, тако-жъ до сина Василя о поѣздкѣ его къ Глухову, и включены тѣ писма къ сотнику для отсилки одтоль до Перегону.

21. Оные писма отправлены въ Новгородокъ козакомъ глуховскимъ. Сего числа рано прибылъ шваґеръ мой Іванъ Гамалія и сталъ квартерою въ моемъ домѣ.

22. Взяты у сидѣлца въ коморахъ (лавкахъ) нашихъ Ермолая Васильева перчатки за 80 к. и чаю полфунта за 40 к.

23. Отъ протедшого 17 числа первой разъ віехалъ зъ двора и былъ у ґенерала, а обѣдали въ домѣ; послѣ-же обѣда были у обозного енералного г. Лизогуба. Антоній музикантъ прибылъ въ Глуховъ. Івану Андріевичу Гамаліи подарилъ я книгу печатныхъ указовъ імператора Петра 1-го, съ 1714 по 1722 годъ состоявшыхся.

24. Пріехалъ зъ дому Стефанъ Каврайскій отъ жены зъ писмомъ.

25. Ради воспоминанія коронаціи ея імператорскаго величества было, послѣ службы Божой и казаня (проповѣди), отцемъ Никифоромъ Грибовскимъ, ігуменомъ монастыря Петропавловского глу-

ховского говоренного, соборное молебствіе зъ пушечною палбою, а потомъ былъ банкетъ въ домѣ генералскомъ, но на ономъ генералъ не присутствовалъ за болѣзнію. 25 сего-жъ числа веселье было дочерѣ покойного отца Мойсея Богаевского зъ пѣвчымъ государевымъ Гавриломъ Головнею.

26. Отецъ архимандритъ гамаліевскій Софроній Мигалевичъ посѣщалъ мене въ домѣ моемъ и вручилъ мнѣ копію розграниченья между ихъ маетностями—Великою и Малою Дѣвицями и селомъ Товкачовкою, въ полку прилуцкомъ 1715 году октоврія 14 дня чиненного гетмана Скоропадского господаремъ Іваномъ Даровскимъ. Сего-жъ числа отправленъ обратно Каврайскій въ домъ къ женѣ зъ писмомъ и чрезъ него послалъ по-троху чаю доброго и худшого зеленого и щоты костяніе.

27. Послѣ полдня зъ дожчемъ былъ весма великій градъ, болше голубиного яйца, и сего-жъ дня даже до вечера просидѣлъ у мене Данило Карпѣка, да и докторъ Бокъ мене-жъ болного посѣщалъ, а ввечеру прислалъ лѣкарства специесъ и пѣгулки.

28. Оные пігулки и специесъ принималъ я и весь день изъ избы никуда не виходилъ, а у Івана Гамаліи Іванъ медведовскій Бороздна обѣдалъ и долго забавлялъся. На лой и сталь до млина кочерезкого даны 10 к.

29. Присиланъ канцеляристъ изъ суда енералного, чтобъ мнѣ явится въ судъ по дѣлу Соколовского, Андрей Мефедовскій, и посѣщали мене-жъ інформаторъ Юнгансъ и Федоръ Чуйкевичъ. Поданы челобитные 2 на Соколовского и на членовъ, по его дѣлу въ судѣ засѣдающыхъ, и оные вручены Руновскому, писару полтавскому, для докладу самому енералу.

30. Посѣщалъ мене знову докторъ Бокъ. Принята еще часть огорода мѣщанина глуховского Почепця, за которую землю и за прежнюю поступили ему платить въ годъ 1 р 50 к. Молодому Трощинскому позичена кулбака молодецкая.

Маій.

1. Сидѣлцу въ нашихъ коморахъ, Ермолаю Василіеву тулянину даны за рукою моею двѣ карты: 1) о коморахъ, чтобъ за оные мимо насъ жадного платежа не давано; 2) что у него-жъ Ермолая, зъ первыхъ числъ генваря сего году забрано сахаромъ, чаемъ и

перчатками на 3 р. 25 к. Племѣнникъ Іосифъ прибылъ и зъ нимъ Качановскій, которіе и о томъ доносили, что конь буланый, названный пѣвень, не доведенъ до Товкачовки, здохъ на дорогѣ. Обѣдали у насъ Данило Карпѣка, Стефанъ Савіцкій и Іосифъ Гамалѣя, а Іванъ Андріевичъ Гамалѣя [212]) былъ зъ протчими на крестинахъ у полковника и коммендантa глуховского Делятура.

2. Отправлены двѣ письмѣ въ домъ: 1) до жены, 2) до сина Василя о скоромъ прибытіи его одтоль сюда до Глухова.

3. Слушаны мои челобитные передъ енераломъ, а въ судѣ опредѣленіе якоесь учинено о сочиненіи екстракта. Припималъ я знову проносные пѣgулки. Писалъ къ брату отцу Івану въ Козелецъ и до старосты товкачовского о разныхъ тамошнего господарства дѣлахъ.

4. Качановскій зъ Іваномъ Григоровичемъ отехали къ Товкачовцѣ, а оттоль имѣетъ Григоровичъ отехать до Лохвицѣ, куда на свободный пропускъ зъ оборотомъ пашпортъ, а что тамъ въ Лохвицѣ и Луцѣ справовать имѣетъ, меморіалъ ему-жъ отъ мене даны. Г. Скоропадскій посѣщалъ мене и совѣтувалъ побывать у генерала.

5. Рано былъ я у генерала и говорилъ сторони моихъ челобитенъ, потомъ былъ въ коммисіи переводу и своду книгъ правныхъ. Вечеромъ былъ у г. Скоропадского. Былъ у мене обозный полковый чернѣговскій Молявка.

6. Ездилъ въ коммиссію своду и просидѣлъ тамъ до полдни и предъ обѣдомъ былъ у насъ подполковникъ Федоровичъ Алексій Семеновъ. Пріехали зъ Луки Гаврило Емченко и Остапъ Запорожець зъ писмами и подали вѣдомость, сколко хлѣба приходного зъ млина лучанского на лице имѣется.

7. Писаны писма къ сотнику лохвицкому о дѣлѣ Остапа Никитенка зъ Коповою, до попа лучанского Федора Андріева о лѣсѣ и о томъ-же и о де-чомъ другомъ до Івана Григоровича. Послѣ полдня прибылъ зъ Перегону синъ Василь и привезъ денегъ 18 р. Рано были у мене обозный Алексій Подвисоцкій и асаулъ Шумъ полковый кіевскій.

8. Писалъ къ женѣ о домовыхъ дѣлахъ и отправилъ Леска въ домъ, чрезъ которого и де-которая посуда и полотенъ 3 штуки,

---

[212]) См. Примѣчаніе.

такожъ коляска и два возки, отправлены. Послѣ обѣда были у мене г.г. енералные подскарбій Скоропадскій, писарь Безбородко и старій канцеляристъ Холодовичъ; потомъ ко мнѣ-жъ пріездилъ полковникъ прилуцкій Григорій Галаганъ.

9. Былъ у мене рано Семенъ Чуйкевичъ. Обѣдали у насъ Іванъ Бороздна медведовскій и Стефанъ Савіцкій, а по обѣдѣ ездили въ борокъ, а оттоль были у насъ Демянъ Рубецъ и писарь суда енералного Іванъ Пиковець. 9 числа пришла зъ Клепалъ [213]) вѣдомость, что Івану Андріевичу Гамаліи дочь Елена родилась, которая крещена сего мѣсяца 15 числа. Воспріемниками были я зъ воеводшою путивльскою, Анастасіею Александровною, Андрея Михайловича Леонтіева женою, да Іосифъ Гамалія зъ тещею Івана Гамаліи, Маріею Зиновіевною Неплюевою [214]).

10. Полковникъ лубенскій, вчора прибывшій до Глухова, первый разъ былъ въ коммисіи книгъ правныхъ, а надвечери и я ему въ квартерѣ его визиту отдалъ.

11. Подскарбій енералный г. Скоропадскій отехалъ до Григоровки [215]) для свиданяся зъ генераломъ-маіоромъ Кейзерлингомъ и для раздѣлки о пожиткахъ, оставшыхъ по дочерѣ его, бывшой за генераломъ-маіоромъ Ливеномъ. Отправленъ въ домъ при писмѣ къ женѣ пріездившій ко мнѣ, просячійся на староство, Лаврентій Козачинскій. Іванъ Андріевичъ Гамалѣя отехалъ до Клепалъ, отпущенный до 24 числа сего маія, а вечеромъ былъ у мене полковникъ лубенскій г. Апостолъ.

12. Въ сей день Вознесенія Господня послѣ службы Божой были у генерала, потомъ обѣдалъ у мене Петръ Ласкевичъ и Стефанъ Савіцкій, а послѣ обѣда ездилъ съ нимъ-же до подскарбія г. Постелникова.

13. Мѣщанину глуховскому Івану Мандзенку за 15 локотъ штофу для жены и за 5 локотъ сукна для Грицка Дмитренка, передъ симъ взятые, заплатилъ и отдалъ сину его 21 р. Писмо до жены, которое отправилъ былъ чрезъ Лаврентія Козачинского, по-

---

[213]) Путивльскаго уѣзда; Клепалы Ив. А. Гамалѣя получилъ въ приданое за первою женою Марьею Аненковою.

[214]) По первому мужу Аненковою.

[215]) Конотопскаго уѣзда.

слалъ сего числа въ Новгородокъ чрезъ ундеръ-офицера гварнѣзону глуховского при писмѣ до сотника новгородского для отправы оттоль до Перегону.

14. На присланномъ отъ Гамаліи поездѣ отехалъ зъ Глухова и не доехавъ до села Холопкова, ось подъ коляскою зломалась, зачимъ принуждены медлѣть нѣсколько времени, а потомъ проехавъ село Віазіонку, за Клевеню попасали; оттоль-же проехавъ мимо Путивль и перевезлись чрезъ Сеймъ, прибыли до Клепалъ подъ часъ вечернѣ, где засталъ и тещу Івана Гамаліи Марію Зиновіевну Неплюеву и Іосифа Гамалію.

15. Въ 12-мъ часу прибыли туда-жъ воевода путивльскій Андрей Михайловичъ Леонтіевъ и жена его Анастасія Александровна, такожъ помѣщикъ, недалеко отъ Клепалъ мешкаючій, Вощининъ зъ женою своею Уліаною Василіевною, и крестили новорожденную дочь г. Гамаліи Елену, котороя воспріемниками были: я зъ воеводшою, а Іосифъ Гамалѣя зъ Неплюевою; потомъ обѣдали и доволно гуляли. Кума моя воеводша дарила мене хусткою и кошелкомъ, а я си стіонжкою золотою, у г. Гамаліиной взятою. Оные-же гостѣ того-жъ дни и розехались.

16. Послѣ обѣда и я отехалъ зъ Клепалъ въ 3-мъ часу пополудни и проехавъ Віазіонку, ночовалъ въ Дубровѣ.

17. Прибылъ въ Глуховъ въ 8-мъ часу пополуночи и просидѣли долго въ коммисіи; потомъ отехавъ зъ полковникомъ лубенскимъ, у него обѣдалъ, а поездъ п. Яна Гамалѣи отпущенъ обратно. Послѣ полдня были у мене архимандритъ гамалѣевскій отецъ Софроній Мигалевичъ, ігуменъ рихловскій Мнемнонъ Бороздна и сотникъ мглинскій Василь Лисаневичъ. Г. Скоропадскій возвратилъся изъ Григоровки.

18. Писалъ къ Івану Гамаліи и къ воеводѣ путивльскому Леонтіеву, благодарствуючи за компанію, имѣючуюсь въ Клепалахъ. Надвечери былъ я у г. Скоропадского и у полковника лубенского.

19. Писалъ къ женѣ о прибытіи си до Глухова, чрезъ козаковъ мглинскихъ.

20. Отдана штука полотна парусного наметнику для пришиваня полъ до намету, зъ такого-жъ полотна дѣланного. Канцеляристъ Богинскій обявлялъ мнѣ, что велѣно челобитную обратно отдать мнѣ, поданную отъ мене 29-го апріля.

21. Были на кушаню у писаря судового Івана Пиковця, ради именинъ жены его Елены, и доволно гуляли, где имѣлъ розговоръ изъ бригадиромъ и изъ полковникомъ Тютчевымъ, однакожъ въ домъ пріехалъ завременно.

22. Въ сей день святыя Пятидесятницы израна были зъ поздравленіемъ у генерала на министерскомъ дворѣ, потомъ заездили къ брегадиру. Обѣдни и другого набоженства слушали въ церкви святыхъ Анастасій, а послѣ обѣдни и весь день пробавили у писаря енералного Безбородка, ради крестинъ дочери его, новорожденной Александры, которой воспріемниками были ассесоръ Яковъ Івановичъ Денисовъ и подполковниця Семенова.

23. Обѣдни слушали у церкви святого Іліи, а послѣ процессіи были у сотника глуховского Турянского зъ маіоромъ Туровымъ и капитаномъ Шараповымъ и протчими на водкѣ; потомъ обѣдали у мене писарь полтавскій Руновскій и старый лубенскій Савіцкій, и весь день пробылъ въ домѣ.

24. Получилъ писма зъ дому: первое, чрезъ Павла Скорупну, который и обѣдалъ у мене; другое чрезъ Павла Булахова, зъ присилкою барила оцту, сома цѣлого и двохъ книгъ и щотки, и его-жъ Булахова отпустилъ зъ отвѣтнымъ писмомъ. Сего числа ввечеру бѣжалъ кухаръ Яковъ Варшаковскій и снесъ сѣрую свиту, кожухъ, шапку, поясъ, двѣ пары кошуль и три ножи кухарскіе, да у господинѣ Ганны своровалъ рубашку.

25. Наметнику для покупки тесемъ до полъ къ намету данъ 1 р. Возвратилъся Дмитро поповичъ юдиновскій зъ Москви, посиланный туда отъ Івана Гамаліи за справкою Клепалъ и другихъ деревень. Вечеромъ былъ у обозного енералного г. Лизогуба и на дворѣ купленномъ шваграа Івана Гамаліи.

26. Прибылъ Іванъ Гамалія въ Глуховъ и сталъ на своемъ купленномъ дворѣ. Надвечери были у мене г. подскарбій енералный Скоропадскій и полковникъ лубенскій Апостолъ.

27. Ничего не случалось.

28. Передъ обѣдомъ пріехала жена.

29. Кушали у насъ обѣдъ г. Гамалія, молодій Скоропадскій, Далони Покорскій, Павелъ Скорупна, Стефанъ Савіцкій, сотникъ мглинскій Лисаневичъ и весь день забавлялись; потомъ прибыла

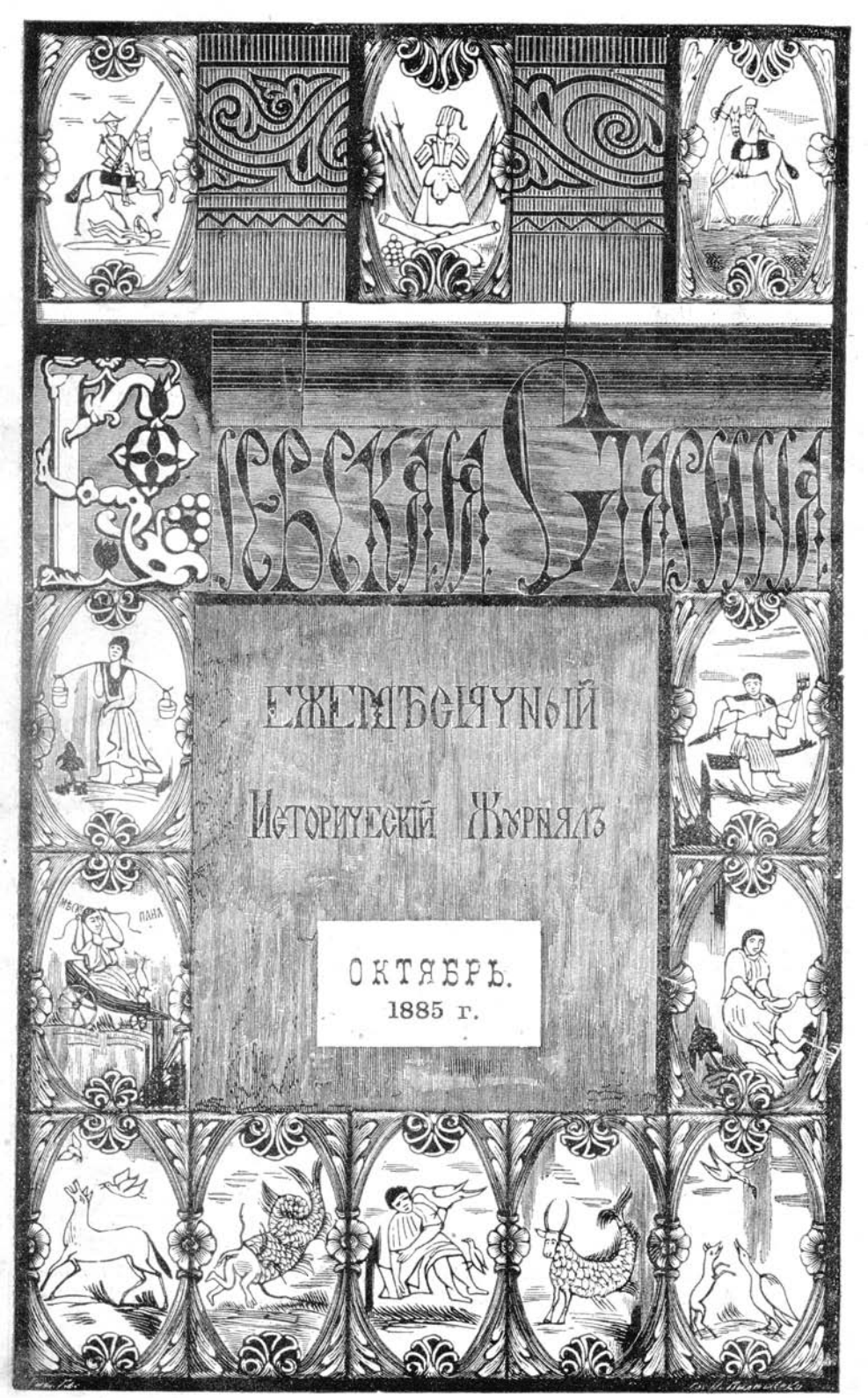

Кіевъ. Въ типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Октябрь, 1885 г.

стр.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.

I. КОННЫЕ СУДЫ ВЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ УКРАЙНѢ. **Александры Е.** 189

II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.—(Историко-біографическій очеркъ). *(Продолженіе)* 204

III. ДВѢ СТАРЫЯ УКРАИНСКІЯ ПѢСНИ И ПО ПОВОДУ ИХЪ. **Бориса Познанскаго** 220

IV. ИВАНЪ ПОДКОВА. Историческій разсказъ.—(Переводъ съ польскаго). 243

V. НѢСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВЪ КЪ ИСТОРІИ ГАЙДАМАЧИНЫ. **А. Скальковскаго** 277

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Александръ Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Кн. I—IV. Спб. 1881—1884 г.—*П. Каманина.*—б) А. А. Матвѣевъ. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи. Одесса. 1884 года.—*И. Каманина.*—в) Разсказы изъ русской исторіи XVIII в. по архивнымъ документамъ. А. Барсукова. Спб. 1885 г.—*К. Цыбульскаго.*—г) Александръ Андріевскій.—Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 9-й. Кіевъ. 1885 г.—*К. Л.* 319

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Историческіе матеріалы архива полтавской казенной палаты.—*Л. Падалки.*—б) Любопытныя рукописи одной частной библіотеки.—Сообщ. *А. А. Синицкій.*—в) Двадцатипятилѣтіе Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.—*В. Ястребова.*—г) Изъ народныхъ преданій о запорожцахъ.—*Я. П. Новицкаго.*—Изъ народныхъ разсказовъ въ Новороссіи.—д) Письмо Августа II, короля польскаго, къ Семену Палію.—Сообщ. *С—ко.*—е) Воспрещеніе гетманомъ Скоропадскимъ сборовъ на «ралець».—ж) Изъ письма въ редакцію (Пещера въ лебединскомъ лѣсу и остатки старинной живописи въ лебединскомъ монастырѣ).—*Мих. Васильева.*—з) Какъ разсудилъ панъ староста Каневскій—*Б. П.* 333

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . . 200—224

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1885 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XIII.

ОКТЯБРЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

объ изданіи журнала

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

НА

1886 г. (V годъ изданія) **1886 г.**

Журналъ «**Кіевская Старина**», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1886-мъ году ежемѣсячно, **1-го числа, книжками въ 12 и болѣе листовъ**, подъ тою-же редакціею и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Годовое изданіе журнала составитъ три большихъ тома, каждый по четыре книжки и около 800 страницъ, съ общимъ для всѣхъ указателемъ въ концѣ года.

Редакція располагаетъ запасомъ матеріаловъ и статей, вполнѣ достаточнымъ для продолженія изданія въ прежнемъ составѣ и характерѣ. Принятое обычаемъ поименованіе главнѣйшихъ изъ нихъ будетъ сдѣлано въ слѣдующей книжкѣ.

Условія подписки прежнія: подписная цѣна годовому изданію **въ 12 книжекъ 10 руб.**, съ пересылкою во всѣ города россійской имперіи и доставкою на домъ въ Кіевѣ, при полученіи изъ конторы редакціи **8 руб. 50 коп.**, при выпискѣ за границу **11 руб.** Полугодичная или по четвертямъ года подписка не принимается. Раз-

срочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ допускается лишь по полугодіямъ, или по предварительному соглашенію съ редакціею, въ виду нерѣдкихъ случаевъ недоплаты.

Гг. подписчиковъ нынѣшняго года, недоплатившихъ, или вовсе не внесшихъ подписной платы, редакція покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкою слѣдуемыхъ отъ нихъ денегъ, для заключенія счетовъ по изданію нынѣшняго года.

Гг. новымъ подписчикамъ, желающимъ имѣть полные экземпляры журнала за всѣ пять лѣтъ, дѣлается уступка 25% съ общей за всѣ годы подписной цѣны, выписывающимъ за 4 года одновременно 20%, за три 15% и за два 10%.

Адресъ: Въ редакцію «**Кіевской Старины**», Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель *Ѳ Лебединцевъ.*

КОПНЫЕ СУДЫ
ВЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ УКРАЙНѢ.

Немного повыше Новгорода-Сѣверскаго, въ Десну впадаетъ, съ лѣвой стороны, въ незначительномъ разстояніи одна отъ другой, нѣсколько рѣчекъ: Знобовка, Свига съ притокомъ Бычихой, Ивотка. Теперь уже почти нѣтъ лѣсовъ въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ у насъ пойдетъ рѣчь; но свойства почвы указываютъ, что тутъ были нѣкогда боры. Въ актахъ XVI вѣка упоминаются ивотскіе бортники; еще въ началѣ прошлаго столѣтія бортные урожаи играли видную роль въ хозяйствѣ теперешней очкинской волости.

Село Хильчичи очкинской волости (новгородской сотни, стародубскаго полка)—тотъ пунктъ, гдѣ совершился кровавый эпизодъ, описаніе котораго служитъ исходнымъ пунктомъ нашихъ замѣчаній и соображеній о копныхъ судахъ. Время, къ которому относится эпизодъ,—1722 годъ, а наказнымъ гетманомъ въ то время былъ полковникъ черниговскій Полуботокъ.

Въ одно зимнее утро, въ Филипповъ постъ, подъ Хильчичами происходила такая сцена. Толпа народа двигалась отъ Хильчичъ по направленію къ сосѣднему бору. Кромѣ разнаго случайнаго люда, толпа эта состояла изъ почтенныхъ вотчинниковъ Хильчичъ, Очкина, Кренидовки, Мефедовки, Олтаря, Зноби, Кривоносовки, Глазова—однимъ словомъ, большаго района, захватившаго не только теперешнюю очкинскую, но и часть протопоповской и жиховской волостей. Всѣ эти вотчинники съ атаманами, войтами, панскими старостами, собрались въ Хильчичи для самовольнаго отправленія правосудія, и теперь конвоировали осужденнаго ими преступника

къ мѣсту казни; священникъ далъ преступнику предсмертную исповѣдь, сама пани Кутневская не побрезгала пріѣхать на интересное зрѣлище. Преступникъ былъ «бортный злодій» Савка Розгоненко, сынъ одного хильчанскаго жителя, подданнаго пана Жоравки. Савку везли къ мѣсту казни на саняхъ, которыми управлялъ его собщникъ Якимъ Подоляка, хильчинскій подсусѣдокъ. Самозванные судьи и въ то-же время палачи далеко не имѣли вида безстрастныхъ исполнителей правосудія. Озлобленіе къ преступнику простиралось до того, что, не смотря на всѣ его мольбы, никто не далъ осужденному глотка воды. Его привезли къ соснѣ, которая должна была служить орудіемъ казни. Соучастникъ Подоляка долженъ былъ надѣть на шею осужденному петлю и тянуть его на сосну; «якъ оторветься, то тебе повѣсимъ», говорили подневольному палачу. Иные совѣтывали повѣсить обоихъ на одной веревкѣ черезъ вѣтку, и который перетянетъ, того и казнить. Конечно, это была только педагогическая угроза для Подоляки, такъ какъ настоящимъ преступникомъ въ глазахъ всѣхъ былъ лишь Савка Розгоненко. Тащить осужденнаго на сосну принялись многіе, въ томъ числѣ и хильчанскій дьякъ. Трупъ былъ оставленъ на деревѣ. Когда съ Савкой уже было покончено, разложили подъ той-же сосной Подоляку и били его батогами.

Разумѣется, до уряда скоро дошла вѣсть объ этомъ актѣ крестьянскаго самосуда, и началось дѣло. Слѣдствіе выяснило такія обстоятельства:

Савка Розгоненко былъ однимъ изъ тѣхъ отщепенцевъ, которые, перескочивши разъ черезъ преграду, какую ставитъ каждое общество своимъ членамъ, въ видѣ принятыхъ нормъ нравственности и права, затѣмъ уже неудержимо, какъ по наклонной плоскости, двигаются въ этомъ направленіи. Началъ онъ съ выдиранія пчелъ; затѣмъ, когда пришлось потерпѣть нравоученіе въ видѣ побоевъ отъ людей, которые заподозрѣли его, онъ сталъ мстить за побои: поджигалъ хлѣбъ, строенія, рубилъ бортныя деревья. Но его противообщественная дѣятельность сосредоточивалась главнымъ образомъ на выдираніи пчелъ изъ бортей. Не задолго до описаннаго нами роковаго финала, онъ подобралъ себѣ товарища Якима Подоляку, чрезъ котораго и раскрылось все. Познакомились они на молотьбѣ у Савкинаго батька. Разъ Савка повелъ Подоляку показать якобы

какую-то находку и привелъ его въ лозу на болото. Тамъ онъ показалъ ему полведра сотоваго меда и началъ его угощать: «мой то медъ, я самъ его промыслилъ», говорилъ Савка, когда Подоляка выражалъ ему свои сомнѣнія. Когда тотъ наѣлся, Савка сказалъ: «ужъ ты отъ мене не откараскаешься». Черезъ нѣсколько дней Савка пришелъ за Подолякой, приглашая его идти вмѣстѣ на промыселъ. Упорство Подоляки Савка сейчасъ-же побѣдилъ такимъ аргументомъ: «якъ ты не пойдешь? ûвъ еси со мною медъ». Когда смеркалось, они отправились: въ томъ-же мѣстѣ, на болотѣ въ лозѣ достали спрятанное ведро и лазиво, пришли съ ними къ соснѣ, выкресали огня и выдрали пчелъ; тамъ-же въ лозѣ и спрятали добычу. Съ этого дня они втеченіи нѣсколькихъ недѣль постоянно ходили на промыселъ: медъ ѣли сами, одно ведро продали. А между тѣмъ люди узнали, что у нихъ въ лѣсу не ладно; пошелъ слухъ на счетъ того, что Савка Розгоненко съ Подолякой часто не бываютъ въ полночь дома. Однимъ словомъ, «люди узяли обыскъ», т. е. принялись за предварительное слѣдствіе. Оба заподозрѣнные рѣшились по-добру по-здорову убраться отъ обыска изъ села и уѣхали въ Кульбаки къ дядькѣ Подолякиному, гдѣ Подоляка и думалъ остаться на житье. Черезъ недѣлю ночью они оба пріѣхали въ Хильчичи, что-бы еще выдрать пчелъ и захватить жену Подоляки и ея имѣніе съ собою въ Кульбаки. Но тутъ-то они и попались. Увидали и донесли атаману Полудѣ, что Подоляка пріѣхалъ и хочетъ ночью увезти свою жену. Это обстоятельство возбудило въ атаманѣ нѣкоторое сомнѣніе: тотъ велѣлъ привести Подоляку и сталъ его спрашивать, зачѣмъ онъ пріѣхалъ за женою ночью, когда онъ человѣкъ «незачепный» и могъ-бы сдѣлать это днемъ. Подоляка объяснилъ, что на нихъ съ Савкой Розгоненкомъ «пословица пала, бо пчолъ багато подрано». Сомнѣніе атамана обратилось въ опредѣленное подозрѣніе. Онъ сейчасъ-же ночью позвалъ войта, старосту и еще нѣсколькихъ человѣкъ изъ хильчанскихъ хозяевъ. Послали за Савкой, который, по словамъ Подоляки, остановился съ конемъ на одномъ гумнѣ; но ни коня, ни Савки уже тамъ не оказалось. Подоляку задержали, какъ «непевного» человѣка. На утро во дворъ атамана собрались всѣ козаки и мужики хильчанскіе допрашивать Подоляку. Пока шелъ допросъ, пришелъ одинъ изъ хильчанскихъ домохозяевъ и принесъ ужныцю:

«отъ, панове, откинена сіеи ночи моя ужныця, що украдена була о Покровѣ», Когда осмотрѣли ужныцю, она оказалась замазанной медомъ; тогда всѣ собравшіеся вотчинники сказали: «пойдемъ, кто мае пчолы близько, оглядымъ, чи нема кому шкоды». Пошли. Въ самомъ дѣлѣ, двое хозяевъ нашли своихъ пчелъ выкраденными той-же ночи, такъ какъ пчелы были еще живыя. О результатѣ осмотра сейчасъ-же было сообщено на атаманскій дворъ. «Знать то Савка Розгоненко пакости чинитъ, какъ и прежде чинивалъ», сказали люди, и рѣшились по шляхамъ разыскивать Савку. Пока они совѣтывались, подошелъ человѣкъ изъ Глазова и говоритъ: «чи нема у васъ шкоды якои? Мы поймали въ селѣ своемъ Глазовѣ злодія зъ конемъ и сами и зъ медомъ...» Оказалось, что глазовскіе люди его задержали и связали, и передали войту. Услыхавъ все это, хильчане рѣшились послать нѣсколькихъ домохозяевъ въ Глазовъ удостовѣриться, не ихъ-ли это злодій. Въ самомъ дѣлѣ, это оказался Савка Розгоненко. Его привезли въ Хильчичи въ атаманскій домъ. Собравшіеся тамъ люди сейчасъ-же послали за старостой пана Журавки, въ подданствѣ у котораго былъ Савка. Вмѣстѣ съ старостой пришли къ такому рѣшенію, что атаманъ долженъ послать въ разныя окрестныя села, въ Очкинъ, Крепидовку, Мефедовку, Олтарь, Знобу, чтобы вотчинники этихъ селъ на завтрашній день собрались въ Хильчичи. Въ Кривоносовку не посылали, такъ какъ староста пана Кутневскаго, кривоносовскаго владѣльца, самъ пріѣхалъ, прослышавъ, что пойманъ злодій, отъ котораго пострадали и пчелы пана Кутневскаго. Вскорѣ послѣ старосты пришелъ и еще одинъ житель Кривоносовки, и тогда староста пана Кутневскаго принялся допрашивать Савку, нѣтъ-ли у него товарищей, и велѣлъ бить его батогами. Савка показалъ, что у него есть товарищъ Иванъ Малиненко, съ которымъ онъ и выкралъ пчелы у пана Кутневскаго. Привели Малиненка и забили его въ колодки. Затѣмъ снова стали допрашивать Савку батогами, правду-ли онъ показалъ на Малиненка. Подъ батогами Савка сказалъ, что онъ наговорилъ на Малиненка «по злости»: Малиненка пустили, а Савку опять стали бить кіями, допытываясь его полнаго сознанія. Привели Подоляку, который разсказалъ все, что зналъ; тогда, наконецъ, и Савка сознался во всѣхъ своихъ преступленіяхъ. Въ то время, какъ избитый злодій уже сидѣлъ на землѣ, пріѣхалъ Михей

Антіохъ. Одинъ изъ присутствующихъ сказалъ ему: «се той злодій, що и твои, пане Михей, пчолы выкралъ и дерево зрубалъ». Тогда Михей, вставши съ санокъ, тоже ударилъ Савку нѣсколько разъ. «Що съ симъ злодіемъ будемъ чинити? много онъ людямъ подѣялъ шкоды»... спросили опятъ у Михея. Михей отвѣчалъ: «якъ збереться купа, повишаты обохъ безъ суда, безъ права; я когдась уже такого судилъ на Ивоти Ганжуля и велѣлъ повѣсити, да и пропалъ за собаку, *бо бортницкого злодія не ведуть на право миское, але сами вотчичи судять*» [1]). Послѣ того всѣ разошлись по домамъ. На другой день собрались приглашенные вотчинники изъ окрестныхъ селъ и составили купу на атаманскомъ дворѣ. Староста пана Журавки сказалъ купѣ: «що панове будемъ чинити? Повѣсити его, буде намъ всѣмъ недобре, выбьемъ его еще кіями да пустимъ, нехай онъ самъ сгинетъ безъ нашего грѣха». На это отозвался Иванъ Лизень, одинъ изъ пострадавшихъ: «подобно и ты, панъ староста, такъ хочешь, якъ Квѣтковскій староста, право намъ стерти, который, узявши его Савку у дворъ до себе за злодейство, право намъ стеръ и отпустилъ его. Конечно уже треба его повѣсити». Всѣ ухватились за это слово. Но староста продолжалъ: «Що се вы хочете діяти? вже радытеся его вѣшати? Чи не будете сему отрекатися напотимъ?» Всѣ отвѣчали: «не будемъ, воля Божія». «Ну, сказалъ староста, когда не будете отрекаться, запишитесь по имени». Всѣ согласились, и еще сильнѣе начали требовать казни преступника. Подрѣзъ изъ Звоби говорилъ: «повѣсьте злодѣя, и я, коли що буде, рубля прикину; и другіе по рублю *прикладными* обѣщались быть за смерть обвѣшаннаго». А Аврамъ, олтарскій войтъ, говорилъ: «повѣсьте его, уже що буде вамъ, тое и намъ». Хильчанскій-же атаманъ все уговаривалъ пустить преступника на покаяніе. Но на это сказалъ олтарьскій войтъ: «коли сего злодѣя пустите, такъ платите намъ селомъ шкоды, бо и въ насъ двое выкрадено пчолъ». И еще иные кричали на хильчанскаго атамана: «Когда ты за злодѣемъ тягнешь, такъ ты и самъ злодѣй, плати намъ заразъ 100 злотыхъ, бо и въ моего зятя комора теперь выкрадена». При этомъ былъ и братъ пана Кутневскаго, но не насту-

---

[1]) Припомнимъ кстати, что Литовскій Статутъ (вторая его редакція 1529 года) давалъ право «копѣ» казнить вора, пойманнаго на кражѣ съ поличнымъ.

палъ на злодѣя, а только говорилъ, что къ нему приходилъ Савка меду продавать, съ такимъ договоромъ, чтобъ о покупкѣ знали только они двое, и торговался на рубли да на талеры битіе, но тотъ отказался отъ покупки. Хотя большинство вотчинниковъ стояло на томъ, чтобы повѣсить преступника, но все-таки иные не рѣшались взять на себя это дѣло, и по окончаніи совѣщанія хотѣли разойтись по домамъ. Тогда староста пана Кутневскаго крикнулъ: «стойте, не йдите со двора», затворилъ ворота и всѣхъ понуждалъ непремѣнно повѣсить Савку. Наконецъ позвали попа, и послѣ исповѣди повезли преступника на мѣсто казни.

По разсмотрѣніи этого дѣла судъ нашелъ виновными въ самовольной расправѣ тридцать девять человѣкъ, «приводцевъ», тѣхъ, которые обѣщались вложить по рублю за смерть Савки. Троихъ изъ нихъ, какъ главныхъ зачинщиковъ, присудили къ «гарматному вязенню», т. е. сидѣнью на пушкѣ на цѣпи, при чемъ они-же должны были снять повѣшеннаго съ сосны, похоронить своимъ коштомъ и справить по немъ надлежащіе сорокоусты. Остальнымъ дано было по нѣскольку десятковъ ударовъ кіями.

Изложенное нами дѣло «о завѣшенномъ человѣку Савцѣ Розгоненку на соснѣ, подъ селомъ Хильчичами, за покражу пчолъ зъ бортей» взято изъ архива бывшей малороссійской коллегіи, хранящагося при харьковскомъ университетѣ. Каждый читатель, знакомый съ южно-русской исторіей, видитъ, что здѣсь идетъ рѣчь о томъ интересномъ историко-бытовомъ явленіи, которое профессоръ Иванишевъ представилъ вниманію ученаго міра подъ именемъ копныхъ судовъ. Изслѣдованіе Иванишева констатировало существованіе этого учрежденія въ правобережной Украйнѣ. Но существовало-ли оно и на остальномъ протяженіи, занимаемомъ малорусскимъ племенемъ? Въ частности, имѣло-ли оно мѣсто въ Украйнѣ лѣвобережной? Это, сколько намъ извѣстно, пока не ставилось наукой даже и въ видѣ простаго вопроса. А между тѣмъ поставить такой вопросъ, въ особенности-же рѣшить его утвердительно, значило-бы отнять у разсматриваемаго явленія случайный характеръ, слѣдовательно придать ему тотъ болѣе широкій и глубокій смыслъ, какой находится въ связи того или другаго явленія со всей національной исторіей. Правда, въ изданныхъ уже историческихъ матеріалахъ есть кой-какія указанія на то, что копные суды были и въ лѣвобереж-

ной Украйнѣ. Такъ въ Запискахъ черниговскаго статистическаго комитета, въ статьѣ г. Лазаревскаго (кн. 2-я, стр. 91): «Черты быта и нравовъ XVII—XVIII в.», есть одинъ актъ, въ которомъ упоминается «купа», собиравшаяся по поводу залома въ житѣ. Но здѣсь слово купа употреблено въ смыслѣ сельской громады, т. е. въ значеніи съуженномъ, производномъ, такъ что упомянутый актъ могъ-бы служить лишь косвеннымъ доказательствомъ того, что копный судъ не былъ чуждъ и лѣвобережной Украйнѣ. За болѣе прямое доказательство можетъ быть сочтенъ актъ, приводимый въ извлеченіи у архіеп. Филарета въ его историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи (кн. 7-я, стр. 77): здѣсь воевода стародубскій,—въ согласіи съ тѣмъ, что мы находимъ въ актахъ правобережной Украйны—велитъ «собирать мужовъ и купу учинить». Но мы все-таки не видимъ ни состава купы, ни другихъ подробностей, которыя могли-бы дать намъ непреложную увѣренность, что мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ-же самымъ явленіемъ. И только документъ, подробно изложенный нами выше, вполнѣ убѣждаетъ насъ, что копные суды имѣли мѣсто и въ лѣвобережной Украйнѣ, имѣли мѣсто даже и въ относительно позднее время, какимъ является начало XVIII вѣка.

Разумѣется, читатель, знакомый съ трудомъ Иванишева, замѣтилъ, что приведенный нами актъ имѣетъ то важное отличіе отъ актовъ Иванишева, что послѣдніе констатируютъ существованіе копнаго суда, какъ учрежденія легальнаго, признаннаго закономъ, въ видѣ Литовскаго Статута, учрежденія, рѣшенія котораго вносятся въ урядовыя книги и т. п., между тѣмъ, какъ копный судъ нашего акта является преслѣдуемымъ и караемымъ, какъ беззаконіе. Различіе важное, но не для нашей цѣли. По этому поводу надо сказать, что, во-первыхъ, копные суды и въ лѣвобережной Украйнѣ находили себѣ признаніе со стороны оффиціальной московской власти, какъ это видно изъ акта приводимаго у арх. Филарета (воевода стародубовскій велитъ «собрать мужовъ и купу учинить»). Вѣроятно въ XVII в. купа, или копа, настолько коренилась въ нравахъ южнорусскаго народа и потому являлась въ извѣстныхъ случаяхъ настолько необходимою, что если она даже и не имѣла легальнаго положенія въ признанной московскою властью системѣ судебно-административныхъ учрежденій, то все-таки завоевывала себѣ извѣстныя права. Впрочемъ, можетъ быть, копные суды и признавались

въ тѣхъ предѣлахъ, какіе отводились имъ Литовскимъ Статутомъ, а подвергались преслѣдованію лишь превышенія ими своихъ прерогативъ. Тотъ фактъ, что копные суды держались, не смотря на непризнаніе ихъ оффиціальной властью и даже преслѣдованіе, доказываетъ особенную живучесть этого учрежденія, зависѣвшую, конечно, отъ того, что оно не было учрежденіемъ привитымъ или заимствованнымъ путемъ польскихъ законодательныхъ вліяній, какъ склонны были думать нѣкоторые.

Но, можетъ быть, требуется доказать, что въ приведенномъ актѣ мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ тѣмъ-же самымъ копнымъ судомъ, который признавался Литовскимъ Статутомъ и признавался въ западномъ и юго-западномъ русскомъ краѣ. Доказательства на лицо. Судное собраніе называется и въ нашемъ актѣ купой, или копой. Это не собраніе сельской громады, не великорусскій деревенскій судъ стариковъ: это судное собраніе относительно большаго района, обнимающаго части трехъ теперешнихъ волостей—нѣсколько большихъ поселеній. Вѣчевой принципъ личнаго участія, а не представительства, характеризующій собою копный судъ, соблюдается и здѣсь: на судъ сзываются вотчинники, козаки и мужики, т. е. главы самостоятельныхъ хозяйствъ.

Но копное право, сведенное Иванишевымъ по актамъ копныхъ судовъ, допускало и представительство: съ одной стороны, въ видѣ такъ называемыхъ «стороннихъ людей» по одному, по два человѣка изъ трехъ селеній сосѣдняго копнаго округа, съ другой стороны, въ болѣе позднее время представительство помѣщичьей власти за своихъ крестьянъ. То-же мы видимъ и здѣсь. Отъ села Кривоносовки является панскій староста, который однако не приступаетъ къ допросу преступника, пока не является на копу еще одинъ кривоносовскій житель. По акту, приведенному Филаретомъ, копные судьи и называются также, какъ и въ актахъ Иванишева (и въ актахъ виленской археографической коммисіи т. VI), сусѣдями.

Та круговая отвѣтственность, которая связывала жителей копнаго округа, выражается и въ нашемъ актѣ: припомнимъ слова олтарьскаго войта: «коли сего злодѣя пустите, такъ платите намъ селомъ шкоды» и т. д. Крайне интересны въ этомъ смыслѣ слова Подрѣза знобовскаго: «повѣсьте злодѣя, и я, коли що буде, рубля прикину», равно обѣщаніе другихъ сложиться по рублю за смерть зло-

дѣя. Самый судебный процессъ, сколько можно прослѣдить его по нашему акту, по существу тотъ-же самый, съ какимъ мы знакомы по изслѣдованію Иванишева, хотя здѣсь эта сторона затемняется нѣсколько предварительнымъ вмѣшательствомъ сельской власти, въ лицѣ атамана. Не смотря на это, ясно и изъ нашего акта, что судебный процессъ слѣдуетъ тому-же началу частнаго права. Еще до вмѣшательства атамана, пострадавшіе вотчинники сами «узяли обыскъ», т. е. сдѣлали предварительное разслѣдованіе; затѣмъ всѣми дѣйствіями копы по отношенію къ судебному процессу руководили они-же. Сами дѣлали словесный допросъ подсудимаго, подвергали его судебной пыткѣ (въ видѣ битья батогами), наконецъ сами собственноручно и казнили. Наконецъ необходимо указать и на то, что самый объектъ преступленія по нашему акту есть тотъ традиціонный объектъ, который и Литовскимъ Статутомъ поручается копнымъ судамъ, и на практикѣ, сколько можно судить по сохранившимся актамъ, часто давалъ поводъ къ копнымъ судебнымъ собраніямъ.

Надѣемся, вышеуказаннаго болѣе чѣмъ достаточно для доказательства того положенія, что мы въ нашемъ актѣ имѣемъ дѣло съ копнымъ судомъ, и что, слѣдовательно, копные суды существовали и въ лѣвобережной Украйнѣ не только въ польскій, болѣе древній, періодъ ея исторіи, но и въ позднѣйшій московскій, даже не смотря на непризнаніе ихъ закономъ.

Иванишевъ въ своей извѣстной работѣ далъ самый основательный и добросовѣстный анализъ копнаго суда, какой только можно было дать по имѣвшимся у него матеріаламъ. Но онъ не свелъ типическихъ чертъ такъ хорошо разложеннаго имъ явленія; мало того, онъ самъ неумышленно затемнилъ результаты своего анализа, увлекшись неудачной мыслью отождествить копу съ сельской общиной. Извѣстно, что его работа даже и называется: «О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи». Между тѣмъ, ни о какихъ сельскихъ общинахъ, ни о чемъ, кромѣ копныхъ судебныхъ собраній, у него нѣтъ и помину. Конечно, если употреблять слово «община» для обозначенія всякой территоріальной связи, какого-бы происхожденія и характера эта связь ни была, то копа, разумѣется, можетъ быть сочтена представительницей такой связи. Но во всякомъ случаѣ выраженіе «сельская община»

имѣетъ смыслъ настолько опредѣленный, что пользоваться имъ такъ, какъ пользуется Иванишевъ, болѣе, чѣмъ неудобно.

Въ чемъ-же заключается сущность разсматриваемаго нами явленія?—Попробуемъ свести, по возможности сжато, все, что намъ представляется въ немъ типическаго. Будемъ пользоваться для этого актами Иванишева, напечатанными въ архивѣ юго-западной Россіи, нашимъ актомъ и актами виленской археографической коммисіи.

На всемъ протяженіи, занятомъ малорусскимъ племенемъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ ближе русскихъ его предѣлахъ, въ XVI и XVII вв. мы видимъ какія-то территоріальныя организаціи, довольно большихъ размѣровъ, захватывавшія въ свой районъ по нѣсколько большихъ населенныхъ мѣстъ, т. е. размѣръ ихъ долженъ былъ приблизительно соотвѣтствовать размѣру теперешней волости. Мы не имѣемъ свѣдѣній ни о какихъ другихъ функціяхъ организаціи, кромѣ судебной, и потому можемъ назвать эти союзы судебными округами, хотя съ словомъ округъ мы привыкли соединять предоставленіе объ искусственномъ подраздѣленіи, а здѣсь имѣемъ дѣло съ огранизаціями выросшими естественно. Не даромъ-же онѣ и назывались сосѣдствами. Но, употребляя слово «судебный», необходимо оговориться: здѣсь слово «судебный» должно имѣть болѣе широкій и даже нѣсколько иной смыслъ, чѣмъ это принято. Дѣло въ томъ, что если связь членовъ этихъ союзовъ не была искусственна, то она вмѣстѣ съ тѣмъ не была и только внѣшней. Она держалась на нравственныхъ основаніяхъ, на общемъ сознаніи этой связи; юридическимъ выраженіемъ этой нравственной связи была круговая порука и отвѣтственность. Связанные этой круговой порукой, всѣ члены союза обязывались блюсти за тишиной и безопасностью внутренней территоріи, предупреждая и затѣмъ судя и наказывая преступленія, нарушающія общественный миръ. Цѣлый округъ по отношенію къ другимъ округамъ и отдѣльныя части его по отношенію къ цѣлому союзу обязаны были выдавать преступниковъ, представлять ихъ на судъ, вознаграждать пострадавшаго и т. д. Все это отправленіе скорѣе полицейско-административнаго характера, если вообще къ понятіямъ и учрежденіямъ иного, такъ сказать, архаическаго строя, приложимы юридическія нормы, выработанныя при совсѣмъ иныхъ условіяхъ. Собственно судебныя функціи этого союза, какъ отчасти видно и

изъ изложеннаго нами подробно акта, а также и изъ изслѣдованія Иванишева, замѣчались въ слѣдующемъ. Если на территоріи копнаго округа совершалось преступленіе, *а преступникъ имъ былъ вовсе неизвѣстенъ*, или если фактъ связи его съ констатируемымъ преступленіемъ требовалъ доказательствъ, обиженный имѣетъ право созвать вѣче, копу, громаду. Всѣ полноправные члены копнаго округа, т. е. домохозяева, обязаны были отозваться на призывъ и явиться на коповище. Копное собраніе было чрезвычайно сильнымъ орудіемъ разслѣдованія. Не только въ тѣ времена, когда организація судебныхъ отправленій по необходимости была чрезвычайно элементарна, но даже теперь едва-ли правосудіе располагаетъ болѣе сильнымъ въ извѣстныхъ, конечно, предѣлахъ орудіемъ къ раскрытію истины. Прежде всего отношеніе членовъ копы къ дѣлу не было лишь формальнымъ, а внутреннимъ отправленіемъ правосудія, не юридическимъ обязательствомъ, но и нравственною обязанностью. Понятно, какую силу давало копѣ, какъ орудію судебнаго разслѣдованія, это ея отношеніе къ дѣлу. Но этого мало. Каждый членъ копы былъ въ то-же время представителемъ совѣсти всего своего дома, членовъ семьи и прочихъ домочадцевъ. Такимъ образомъ, всѣ жители копнаго округа поголовно участвовали въ раскрытіи преступленія, совершеннаго на ихъ территоріи. При тогдашнихъ-же условіяхъ жизни, и теперь еще отчасти сохраняющихся въ селахъ, когда каждый необходимо зналъ каждаго со всѣми его обстоятельствами, сохраненіе тайны дѣлалось вещью тоже невозможною, осуществимой лишь при совершенно исключительныхъ условіяхъ. Прибавьте къ этому всю силу внѣшней наблюдательности, которую обнаруживаютъ люди, стоящіе близко къ природѣ, что въ связи съ опытностью и совершеннымъ знаніемъ мѣстности и мѣстныхъ условій, дѣлало копу незамѣнимою въ искусствѣ отыскивать преступленіе «по знакамъ», «гнать слѣдъ» и т. п. Не мудрено потому, что государство (польское), естественно тяготѣя къ отнятію у копы ея старыхъ правъ, все-таки дорожило ею со стороны этой ея, такъ сказать, слѣдовательской функціи, на столько дорожило, что даже искусственно устраивало копы, гдѣ онѣ были уничтожены жизненнымъ процессомъ.

Но въ описываемое нами время копа была еще цѣльнымъ судебнымъ органомъ, хотя и съ ограниченнымъ кругомъ вѣдѣнія.

Мало того: она носила на себѣ явные и несомнѣнные слѣды того болѣе ранняго своего состоянія, когда она была не судебнымъ органомъ только, а какимъ-то инымъ учрежденіемъ, болѣе широкимъ и полнымъ. Этой-то стороны дѣла мы и хотимъ коснуться ближе. Впрочемъ, здѣсь необходимо предупредить читателя, что наша замѣтка уже выходитъ изъ исторической области въ тѣсномъ смыслѣ этого слова въ ту область, куда до сихъ поръ можно сказать еще не заглядывали настоящіе историки, но куда они обязательно должны были-бы обращаться за разъясненіемъ генезиса бытовыхъ формъ. Степень ихъ вниманія къ этой области, разумѣется, должна обязательно обусловливаться тѣмъ, насколько они вообще будутъ придавать значеніе изученію формъ общественной жизни по сравненію съ политическими событіями. Область, о которой идетъ у насъ рѣчь,—сравнительная этнографія, или этнологія, въ связи съ юридической археологіей.

Новѣйшія этнологическія изысканія, по отношенію къ происхожденію правовыхъ формъ и учрежденій, привели къ такимъ выводамъ. Государство, съ его свободнымъ отъ кровныхъ узъ характеромъ, съ его публичнымъ уголовнымъ правомъ, индивидуальной собственностью, личной отвѣтственностью за долгъ и преступленіе—есть продуктъ относительно поздняго времени, историческаго періода въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Этому времени предшествовали многіе вѣка такого общественнаго состоянія, когда люди сплачивались не въ государства, а въ относительно простые и небольшіе союзы для взаимной защиты и поддержанія общественнаго мира. Подобный союзъ въ его чистомъ видѣ удовлетворялъ всѣмъ несложнымъ потребностямъ тогдашняго человѣка: общій языкъ и культъ—его нравственнымъ потребностямъ, общій трудъ и собственность—потребностямъ матеріальнымъ. Съ правовой точки зрѣнія союзы эти характеризовались такими чертами (кромѣ упомянутой выше общности): взаимной отвѣтственностью за жизнь и собственность, изъ которой вытекало обязательство правовой мести за каждаго члена.

Основы, сдерживавшія такой союзъ, были двоякаго рода: въ болѣе ранній періодъ—кровное родство, позже—территоріальная связь, общая осѣдлость. Мы взяли самыя рѣзкія черты организацій того и другого типа, т. е. типа государственнаго въ противупо-

ложность съ болѣе первобытными организаціями для мира и защиты. Но жизнь, разумѣется, какъ и всегда, слишкомъ уклонялась отъ той простоты, которую мы допускаемъ въ нашихъ опредѣленіяхъ. Сложность явленія часто затушевывала рѣзкость его основныхъ чертъ; организаціи одного типа незамѣтно переходили въ организаціи другого типа, или, что еще для насъ важнѣе, входили однѣ въ другія. Такимъ образомъ союзы для мира и взаимной защиты, какъ случалось часто, не распадались подъ давленіемъ слагающагося государства, а входили въ него или цѣликомъ, или видоизмѣненныя подъ его вліяніемъ.

Входя въ государство, союзы для общественнаго мира и взаимной защиты дѣлаются уже историческимъ явленіемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Юридическая археологія указываетъ во множествѣ ихъ слѣды, и остатки ихъ въ состояніи переживанія держатся въ жизни народныхъ массъ еще и до сихъ поръ. Разумѣется, они не могли удержаться въ цѣльномъ видѣ. Историческій процессъ развитія государственной жизни уничтожилъ большинство ихъ функцій, подхвативъ одну какую-нибудь изъ нихъ и въ лучшемъ случаѣ оставивъ нѣкоторые слѣды, по которымъ научное изслѣдованіе можетъ возстановить генезисъ формы. Къ остаткамъ такихъ союзовъ принадлежатъ, прежде всего, большія задружныя семьи, затѣмъ братства, цехи и гильдіи, далѣе разные виды поземельной общины. Славянская юридическая археологія указываетъ на вервь (древне-русскую и юго-славянскую по Полицкому Статуту), чешскія организаціи společnoj ruku... и т. д. Сюда-же несомнѣнно относится и копа.

Что копа была нѣкогда цѣльной организаціей, союзомъ для общественнаго мира и взаимной защиты, косвеннымъ доказательствомъ этого можетъ служить тотъ этимологическій фактъ, что это самое слово *kuopa* у литовцевъ обозначало родовую общину [1]), и въ связи съ нимъ то соображеніе, что члены русской копы назывались сусѣдями (vicinae, тѣмъ терминомъ, которымъ и въ сѣверной Россіи и на западѣ назывались члены территоріальныхъ союзовъ). Но вѣрнѣе, конечно, тѣ прямыя доказательства, которыя можно

---

[1]) Мацѣевскій Hist. prawod. slow. IV, 138.

извлечь изъ анализа самой организаціи этого учрежденія. Собственно говоря, эти доказательства приведены уже выше, стоитъ только свести ихъ здѣсь. Мы знаемъ, что копа обязана была заботиться о мирѣ и безопасности въ предѣлахъ своей территоріи; въ извѣстномъ, указанномъ выше, смыслѣ она еще сохранила отвѣтственность за преступленія своихъ членовъ. Чрезвычайно важнымъ выраженіемъ взаимной связи и отвѣственности, имѣющемъ близкое родственное отношеніе къ древне-русской и древне-германской *виръ*, *головщинъ*, болгарской и хорватской *вражбъ*, сербской *кренинъ* служатъ тѣ денежные взносы, которые дѣлали члены копъ и на которые есть указанія въ актахъ. Припомнимъ слова Подрѣза злобовскаго изъ нашего акта: «повѣсьте злодія, и я, коли що буде, рубля прикину», и то, что другіе тоже обѣщались сложиться по рублю (на это-же есть указаніе и въ Актахъ виленской археографической коммисіи). Слова эти такъ и просятся на сопоставленіе съ извѣстнымъ темнымъ выраженіемъ «Русской Правды», вызывавшемъ такъ много толкованій: «аще кто вложится въ дикую виру»... Очевидно, члены копы несли другъ за друга и матеріальную отвѣтственность, хотя за недостаткомъ данныхъ и невозможно выяснить ея размѣръ и ближайшій характеръ.

Мы сказали, что могли, о предметѣ столь важномъ и совершенно почти ускользающемъ отъ вниманія нашихъ историковъ. Съ нашими средствами мы и не имѣли возможности выяснить явленіе въ настоящей его полнотѣ. Впрочемъ, смѣемъ думать, что и тѣмъ, что сказано нами относительно занимающаго насъ и несомнѣнно интереснаго вопроса, кое-что достигнуто. Прежде всего установленъ фактъ существованія копныхъ судовъ и въ лѣвобережной Украйнѣ, и не только въ польскій, но и въ московскій періодъ ея исторіи. Затѣмъ намѣченъ генезисъ этого явленія, указывающій, что мы имѣемъ дѣло не съ какой-нибудь случайно возникшей формой, а съ однимъ изъ многочисленныхъ проявленій общаго процесса разложенія, подъ давленіемъ государства, тѣхъ архаическихъ организацій, которыя обнимали собою всю догосударственную общественную жизнь. Правда, мы не имѣли возможности намѣтить даже главнѣйшія стадіи или моменты въ процессѣ этого разложенія; но по аналогіи съ дальнѣйшимъ, съ тѣмъ, какъ вліяло государство на превращеніе копнаго суда изъ уголовнаго судебнаго органа съ широ-

кими прерогативами въ спеціальный органъ полицейскаго разслѣдованія—процессъ указанный и Иванишевымъ—по аналогіи съ дальнѣйшимъ, говоримъ мы, можно представить себѣ и болѣе ранній ходъ этого процесса.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ указать еще разъ на то важное значеніе, какое имѣетъ для внутренней исторіи, для исторіи быта, самый тѣсный союзъ съ этнологіей, которая дѣлаетъ такіе большіе успѣхи на Западѣ и такъ слабо прививается къ нашей русской наукѣ.

Александра Е.

АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ.

1580 (?)—1653 г.

(Историко-біографическій очеркъ).

(*Продолженіе*) [1]).

IV.

Отъ времени сейма 1638 г., когда такъ позорно поступлено было съ Киселемъ и подорванъ былъ авторитетъ его передъ козаками, какъ лица правительственнаго, прекращаются и его оффиціальныя съ ними сношенія, вплоть до возстанія Хмельницкаго. Что касается отношеній частныхъ, они въ большей или меньшей степени зависѣли отъ общаго положенія и крестьянства и козачества въ краѣ. Повсюду въ это время крестьянское населеніе было подавлено и безгласно, осѣдлое козачество ограничено незначительнымъ числомъ, точно обозначенной территоріей, поселеніемъ исключительно на коронныхъ земляхъ; въ населеніи жило недовольство, глухая оппозиція, и одни только запорожцы, появляясь временами то тамъ, то здѣсь въ Украйнѣ, не прочь были слегка побезчинствовать въ имѣніи любого пана, лишь онъ былъ имъ въ данную минуту по силамъ. Такъ было, конечно, и въ имѣніяхъ Киселя; жалуется онъ напр. въ 1645 г. передъ судомъ,

---

[1]) См. «Кіевская Старина» 1885 г., сентябрск. кн., стр. 51—72.

что запорожцы въ имѣніяхъ его Носовкѣ, Кобыжчѣ, Козарахъ «...подданныхъ на кождый день бьютъ, деспектуютъ, меды, пива, горилки куповати собе, также рыбы, у своихъ шинкарокъ, которые зъ Запорожа припровадили, примушаютъ» [1])

Общественная дѣятельность Адама Григорьевича въ десятилѣтіе 1638—1648 г. получила новое направленіе, которое въ общемъ можно назвать дипломатическимъ, хотя собственно таковымъ оно становится лишь къ концу этого періода.

Еще въ 1638 г., состоя посломъ на сеймѣ, Кисель былъ выбранъ въ коммисію по разграниченію воеводствъ кіевскаго и черниговскаго. Въ той-же коммисіи участвовалъ онъ и въ 1641 г., но уже въ качествѣ сенатора, въ званіи каштеляна черниговскаго, и какъ на сеймъ онъ былъ избранъ волынскимъ воеводствомъ въ послы, т. е. членомъ сената въ моментъ выбора еще не былъ, то слѣдуетъ думать, что каштеляніе онъ получилъ въ половинѣ 1641 г. Въ промежуткѣ 1641—1645 гг., по словямъ грамоты слѣдующаго года, Кисель оказалъ услуги по успѣшному веденію дѣла въ коммисіи для установленія «вѣчныхъ» границъ съ государствомъ московскимъ [2]), съ которымъ въ ближайшемъ будущемъ предстояло ему свести знакомство непосредственное и побывать на Москвѣ.

Дѣло въ томъ, что въ это время у короля Владислава IV возникаетъ мысль о союзѣ христіанскихъ державъ противъ мусульманъ, объ изгнаніи турокъ изъ Европы, уничтоженіи татарской орды. Мысль эта возникала, быть можетъ, въ его умѣ еще до избранія его въ короли, подъ вліяніемъ пораженія поляковъ подъ Цецорой и собственнаго, годъ спустя, бѣгства отъ турокъ изъ подъ Хотина; но въ 1645 г., съ пріѣздомъ въ Польшу венеціанскаго посла Тьеполо, давно знакомаго Владиславу, обнаружилась на столько, что о замыслахъ короля противъ мусульманъ носились слухи даже въ Украйнѣ [3]).

Предпринимая что либо противъ турокъ, а тѣмъ болѣе противъ ближайшихъ сосѣдей татаръ, необходимо было позаботиться

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 393.

[2]) Niesiecki, т. II, стр. 520; Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 404; Volum. leg. (1860), т. III, стр. 449, § 42; т. IV, стр. 16, § 61; стр. 99, 96.

[3]) Богданъ Хмельницкій (4-е изданіе), т. I, стр. 202.

предварительно о безопасности Польши съ прочихъ сторонъ. Особенно важно было обезпечить себя отъ долголѣтняго непріятеля, московскаго государства, недавно униженнаго дважды и потому естественно враждебнаго до высшей степени; поляновское «вѣчное докончанье» соблюдалось, положимъ, свято, но трудно было на него положиться, какъ показалъ примѣръ послѣдняго безкоролевья. Необходимо было возобновить дружескія сношенія съ Москвою, по возможности закрѣпить ихъ, а если окажется возможнымъ, то заключить наступательный или хотя оборонительный союзъ противъ невѣрныхъ, набѣги которыхъ были опустошительны для обоихъ государствъ одинаково.

Нужно было подъискать способнаго человѣка для переговоровъ съ Москвою; и выборъ короля и его совѣтниковъ долженъ былъ сразу остановиться на Киселѣ. Кисель былъ человѣкъ русскій и православный, а это обезпечивало ему хорошій пріемъ; онъ долго прожилъ на пограничьи, въ коммисіяхъ о проведеніи границъ ознакомился съ ними подробно, зналъ причины, поводы и сущность порубежныхъ споровъ, наконецъ, по старой памяти, могъ сохранять извѣстное вліяніе на козачество вообще и въ частности на Запорожье, безъ дѣятельнаго участія котораго немыслимо было никакое предпріятіе противъ татаръ и которое правительству необходимо было теперь успокоить и задобрить, въ виду чувствовавшейся всѣмъ затаенной его враждебности.

Въ концѣ 1645 г. король вызвалъ Адама Григорьевича къ себѣ. Ближайшая цѣль вызова была, какъ оказывается, тогда уже извѣстна высшему кіевскому духовенству, а вскорѣ стала извѣстна и на Москвѣ по такому случаю. Посылалъ въ ту зиму митрополитъ кіевскій Петръ Могила посланцовъ на Москву, съ игуменомъ печерскимъ Иринархомъ во главѣ, просить царской милостыни на монастыри [1]).

---

[1]) Петръ Могила посылалъ Иринарха не съ пустыми руками; послѣдній представилъ въ даръ царю между прочимъ: «мро источающее отъ главъ преподобныхъ святыхъ отецъ нашихъ печерскихъ чудотворцовъ, Распятіе евтарное, коня аранского подъ сѣдло его царского величества, шесть возниковъ на упрягъ к рской клесницы, два ковра: единъ шолкомъ и златомъ тканъ, другой на червленицы шитъ золотомъ, меленку серебренную позолочену, вѣсомъ 2 фунта 42 золотника, и сосуды хрусталные, стекляные, различного мастерства, дѣломъ сотворенные. Кромѣ того игуменомъ отъ лавры поднесены «Треедь цвѣтная въ лицахъ» и «Акаонсты въ лицахъ», а боярынъ Предремирскій презентовалъ царю коня гнѣдого аранского».

На Москвѣ, какъ извѣстно, было въ обычаѣ распрашивать, ради вѣстей, каждаго пріѣзжаго изъ-за рубежа; спрашивали о новостяхъ и присланнаго Могилою печерскаго игумена Иринарха, а онъ показалъ, что слышалъ отъ митрополита: «рѣшено де отправить посломъ въ Москву Адама Киселя, для того, чтобъ великому государю московскому съ литовскимъ королемъ соединиться на Крымъ, и о томъ у литовскаго будетъ соймъ большой на шесть недѣль, нынѣ вскорѣ въ великомъ постѣ. Присылали къ польскому королю изъ окрестныхъ государствъ короли, чтобъ велѣлъ Нѣпръ отпереть; объ этомъ и о Запорожскихъ Черкасахъ договорено будетъ на соймѣ. Слышно, что нѣметцкіе короли согласились уже между собою противъ турокъ, а другъ съ другомъ не воевать имъ шесть лѣтъ, папа приглашаетъ къ тому-же союзу и литовскаго. На соймѣ-же будетъ докончанье и о спорныхъ порубежныхъ дѣлахъ съ Москвою; король хочетъ, чтобъ литовскіе люди ни въ чемъ съ великимъ государемъ расколы не чинили; а чинитъ расколу въ межевомъ дѣлѣ одинъ Вишневецкій, изъ-за своихъ имѣній, которыя отъ него отходятъ къ московскому государству; потому и поѣхалъ къ королю, тому четвертая недѣля (допросъ происходилъ 2 марта), хлопотать, чтобы ему взамѣнъ пожаловали имѣнія въ другихъ мѣстахъ. А Адамъ Кисель поѣхалъ къ королю съ Вишневецкимъ».

Вѣсти Иринарха были вѣрны относительно какъ поводовъ, такъ и цѣли посольства Киселя; но самое посольство его осуществилось только черезъ годъ. Сеймъ собрался лишь поздней осенью, и королевскіе планы потерпѣли на немъ полную неудачу: вся шляхта возстала противъ войны, противъ морскаго козацкаго похода, слѣдовательно и противъ какого-бы то ни было облегченія козачества; дѣло о посольствѣ Киселя, принятое сеймомъ только въ декабрѣ, было мотивировано не столько настоящими его цѣлями, сколько второстепенною,—необходимостью уладить спорныя дѣла о пограничныхъ земляхъ; однимъ и тѣмъ-же сеймовымъ постановленіемъ сейма онъ назначается и посломъ, и комиссаромъ по упомянутому предмету [1]).

Предназначая Киселя въ послы по весьма важнымъ дѣламъ и зная щепетильность московскаго правительства относительно сана прибывающихъ къ нему посланниковъ, король воспользовался первой

---

[1]) Volum. legum., т. IV, стр. 45, § 6.

представившейся вакансіей, чтобы повысить Адама Григорьевича, давъ ему званіе каштеляна кіевскаго [1]). Въ тѣхъ-же, очевидно, соображеніяхъ, грамота 5 февраля 1646 г., возводящая его въ это званіе, столь пространно излагаетъ заслуги предковъ Адама и его самого, такъ что, благодаря ей, сохранились для насъ нѣкоторые біографическіе факты, по другимъ источникамъ неизвѣстные.

О самомъ посольствѣ Киселя въ Москву, времени его пребыванія здѣсь, ходѣ переговоровъ и даже ихъ результатахъ свидѣтельствъ, современныхъ самимъ событіямъ, совсѣмъ нѣтъ; но свѣдѣнія этого рода получаются изъ переписки непосредственно слѣдующаго времени, конца 1647 и начала 1648 годовъ.

Съ Киселемъ, человѣкомъ русскимъ и православнымъ, хорошо владѣвшимъ, какъ видно изъ его писемъ, русскою письменною рѣчью того времени и книжно-церковною, московскимъ боярамъ не трудно было разговориться и сговориться, а потому и принято было посольство очень хорошо, какъ можно заключить изъ письма Киселя къ сѣвскимъ воеводамъ [2]). Съ своей стороны, Кисель старался быть любезнымъ и, въ чемъ можно, услужливымъ по отношенію къ Москвѣ. Такъ еще въ смутное время поляками увезены были изъ Москвы мощи кого-то изъ русскихъ князей и содержавшая ихъ мраморная гробница (или только надгробіе) съ надписью золотомъ; мощи были впослѣдствіи возвращены, но «камень мармуровый» оставался въ Варшавѣ. Кисель взялся выхлопотать возвращеніе и этого камня, и онъ былъ отосланъ черезъ его посредство изъ Варшавы въ Москву кружнымъ путемъ черезъ Кіевъ, черезъ имѣніе Киселя Кобыщу, а оттуда черезъ Путивль [3]).

---

[1]) Каштеляніи раздѣлялись на меньшія и большія; послѣднія пріурочены были къ главнымъ городомъ воеводствъ; независимо того, всѣ каштеляны, какъ и воеводы, имѣли опредѣленныя мѣста въ сенатѣ сообразно старшинству учрежденія ихъ должностей; чины воеводства черниговскаго, учрежденнаго только въ 1634 г., считались одними изъ младшихъ.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. III, стр. 107.

[3]) Что мощи принадлежали одному изъ князей (не Дмитрію-ли Углицкому?), заключаемъ изъ словъ Киселя въ письмѣ къ боярамъ: «Мощи честные..., въ свою отчину перенесенные, *отеческимъ* гробомъ пресвѣтлыхъ великихъ царей и господаровъ древныхъ совокупляшася». Въ письмѣ его-же къ путивльскому воеводѣ Юрію Долгорукому читаемъ: «Камень зъ написомъ, прилежащимъ мощемъ, *зъ Варшавы*

Московское правительство обнаруживало относительно Киселя почти небывалую любезность и предупредительность. Писалась, напримѣръ, сѣвскимъ воеводамъ государева грамота по такому пустячному поводу: «Какъ шолъ съ Москвы Адамъ Кисель, и въ Болховѣ у него Адама съ стану утекъ соболь съ чепью съ серебреною, а у брата его Александра Киселя гончая собака»,—вѣроятно изъ числа царскихъ подарковъ. Воеводамъ предписывалось, сыскавъ пропажу, доставить ее Киселю и о томъ къ государю отписать. И воеводы «малого звѣрка соболя, погибшого подъ Болховымъ», поймали и доставили Киселю, а Кисель «государской милости добрѣ обрадовался», усматривая въ этомъ маломъ «зракъ и образъ» благодати-же и незреченной милости его царскаго пресвѣтлаго величества [1]).

Поощренный ласковымъ пріемомъ въ Москвѣ, Адамъ Григорьевичъ не забылъ и своихъ личныхъ интересовъ. Пользуясь пограничнымъ положеніемъ своихъ лѣсовъ, особливо козерградскихъ и болѣе сѣверныхъ, задесенскихъ, для отпускной торговли [2]), онъ задумалъ выпросить себѣ позволеніе на выдѣлку поташа въ нетронутыхъ еще промышленностью «дикихъ черныхъ лѣсахъ» за рубежемъ, въ трубчевскомъ уѣздѣ нынѣшней орловской губерніи, съ удобнымъ сплавомъ по Деснѣ, да въ лѣсахъ недрыгайловскихъ (лебединскаго уѣзда, харьковской губерніи, на самой границѣ полтавской). И дѣйствительно ему было пожаловано право устроить въ первомъ мѣстѣ три буды, т. е. поташныхъ завода, и во второмъ мѣстѣ двѣ, съ той только убавкой противъ его просьбы, что право это дано ему не на семь лѣтъ, какъ онъ хотѣлъ, а всего на пять. Уже по возвращеніи его изъ Москвы въ Украйну, ему прислали сюда форму записи, какую онъ долженъ былъ дать отъ себя боярамъ въ соблюде-

---

до столици принесеннымъ», а въ письмѣ къ сѣвскимъ воеводамъ: «камень мармуровый, золотомъ писанный, о немъ же было его царского пресвѣтлого величества желаніе, штобы былъ *отданный*, да и сія крайняя *першихъ раздоровъ* не зоставала-бы *памятка*, егда вѣчный соузъ братства-дружбы есть закрѣпленный». Акты южной и западной Россіи, т. III, №№ 99, 111, 114, 135, 136, 143, 145, 146.

[1]) Архивъ южной и западной Россіи, т. III, №№ 109, 120.

[2]) Здѣсь, по видимому, принадлежала Киселю *Мена*, нынѣ мѣстечко остерскаго уѣзда, такъ какъ сюда, между прочимъ, онъ просилъ московскихъ бояръ высылать ему письма.—Архивъ южной и западной Россіи, т. III, № 178, стр. 75.

ніи условій пользованія, а условія эти заключались въ обереженіи бортныхъ или годныхъ на борти деревьевъ, непользованіи никакими другими земельными угодьями и рыбными ловлями, въ сохраненіи неприкосновенными межъ, концовъ и гранныхъ деревьевъ (граничныхъ, со знаками). Оговаривалось также, что Кисель устроенныхъ имъ за рубежемъ будъ не долженъ называть своими «и нѣчѣмъ въ королевского величества сторону не притягивать», и сверхъ того онъ давалъ отъ себя обязательство, которое въ устахъ «великаго и полномочнаго посла», пограничнаго чиновника и землевладѣльца, по отношенію къ сосѣднему иноземному монарху не можетъ не казаться нѣсколько страннымъ: «И я за его государскую милость до конца дней моихъ *работати всегда буду его царского величества достоянью*». Пожалованное право служило, по записи, только *лично* Адаму Григорьевичу, но отнюдь не его наслѣдникамъ. Впрочемъ, частью своего права Кисель поступился обратно еще раньше его окончательнаго оформленія. Дѣло въ томъ, что недрыгайловскіе лѣса принадлежали къ числу тѣхъ именно земель, которыя, по договору о разграниченіи, отходили къ Москвѣ изъ владѣнія Польши и изъ собственности князя Іереміи Вишневецкаго: устроить здѣсь гуты съ дозволенія московскаго государя значило возбудить противъ себя вражду могущественнаго, гордаго и неудержимаго въ самоволіи украинскаго магната, оспаривавшаго здѣсь каждую пядь земли отъ Москвы [1]). Кисель спохватился на счетъ этого, уже вернувшись въ Украйну, и писалъ отсюда въ Москву: «волю одступить двохъ недрыгайловскихъ будъ, а четвертую имѣти въ трубецкихъ лѣсахъ,—есть тому причина; аще ли же не будетъ на то царского произволенія, я на томъ престану, ито мнѣ даде щедротная ласка его царского пресвѣтлого величества; недрыгайловскихъ же одступаю». Въ другой разъ онъ выражается опредѣленнѣе, почему онъ не хочетъ имѣть будъ въ недрыгайловскомъ лѣсу: «Зъ братомъ не всегда миръ брату, азъ же безъ порока да пребуду». Кромѣ опасенія задраться съ непосильнымъ Вишневецкимъ, у Киселя была еще и другая причина, чтобы просить разрѣшенія устроить 4-ю гуту не въ недрыгайловскихъ, а въ трубчевскихъ лѣсахъ: во время тайныхъ переговоровъ Киселя съ боярами на Москвѣ, они предлагали уступить

[1]) Тамъ-же, № 96, 105, 106, 108, 110, 115, 152, 158.

Польшѣ Трубецкъ и Городища, взамѣнъ за Дорогобужъ, который представлялъ для московскаго государства гораздо большую цѣну, какъ выдвинутый аванпостъ въ сторону Смоленска, отстоящій отъ него не далѣе 100—120 верстъ. Кисель обѣщалъ тайно-же доложить объ этомъ королю и хлопотать въ смыслѣ желаній московскаго правительства, разсчитывая, конечно, что если эта замѣна состоится, то ему, опираясь на пожалованіе царя Алексѣя Михайловича, легко будетъ закрѣпить за собою трубецкія буды съ ихъ обширными «дикими лѣсами» въ полную или хоть лепную собственность. Потому-то онъ, представляя вопросъ о четвертой «будѣ на милостивое произволеніе царскаго величества, запись, какой отъ него требовали, написалъ все-таки не на три, а на четыре буды. Въ Москвѣ тоже были не безъ разсчета: отказъ отъ недрыгайловскихъ лѣсовъ приняли, а прибавить въ отмѣну не захотѣли, потребовали отъ Киселя другой записи, въ размѣрѣ первоначальнаго пожалованія въ трубецкомъ уѣздѣ [1]). Не пришлось, впрочемъ, Адаму воспользоваться и этимъ: отрѣзала отъ него московское пожалованье нахлынувшая вслѣдъ затѣмъ волна козацкаго возстанія, затопившая и черниговскія его маетности, нанесшая много ущерба и волынскимъ...

Справедливость требуетъ сказать, что личные интересы Киселя въ его посольствѣ выступали такъ сказать мимоходомъ и отнюдь не мѣшали ему въ переговорахъ о дѣлахъ государственныхъ. Въ одномъ только пунктѣ, притомъ едва-ли не въ самомъ важномъ, ему не удалось выполнить желаній короля и его ближайшихъ довѣренныхъ лицъ: Москва и слушать не хотѣла о *наступательномъ* союзѣ противъ мусульманъ; всѣ-же прочіе пункты переговоровъ, какъ-то: хроническіе споры о царскомъ и королевскомъ титулахъ, опредѣленіе границы обоихъ государствъ и удовлетвореніе порубежныхъ претензій той и другой стороны, обмѣнъ пограничныхъ властей вѣстями, особенно о движеніяхъ татаръ, и наконецъ заключеніе противъ нихъ оборонительнаго союза приведены Киселемъ къ результату вполнѣ почти благопріятному, хотя и не всѣмъ имъ суждено было осуществиться на самомъ дѣлѣ.

Титулы изстари составляли предметъ нескончаемыхъ споровъ между Польшею и Москвою, особенно со стороны послѣдней, видѣв-

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. III, №№ 143, 146, 159, 161, 167, 170, 173.

шей кровную обиду не только въ пропускѣ или искаженія хотя одного слова въ титулѣ царя, но также и въ добавкѣ всякаго слова въ титулъ королевскій, не имѣй оно даже никакого опредѣленнаго значенія въ смыслѣ претензіи на извѣстное право. Конечно, подобныхъ ошибокъ тщательно старались избѣгать въ перепискѣ собственно дипломатической, которую вѣдали люди спеціальные; но уберечься отъ нихъ въ взаимныхъ сношеніяхъ порубежныхъ властей обоихъ государствъ было почти невозможно, особенно при поселеніи на пограничьи поляковъ или хотя и русскихъ, но ополяченныхъ до забвенія своего языка. Кисель объяснялся однажды по этому поводу передъ московскими боярами вполнѣ основательно: «не всѣмъ далъ Господь розумѣти все, иные письма русского не знають, дячка вземши одъ церкви, повеливаеть писати; самъ писаное грамоты не прочтеть, какъ исправити маеть грамоту проступную? И сіе люди съименованные въ грамотехъ милостей вашихъ зъ проступками: ей Богу моему, што ни еденъ зъ нихъ русского писма не знаетъ». Въ виду постоянныхъ непріятностей изъ-за титуловъ, не разъ уже пытались установить для пограничныхъ сношеній возможно краткія ихъ формулы, которыми-бы никто не затруднялся. И въ этотъ разъ, согласно договору Киселя, раньше еще возвращенія его изъ Москвы, король издалъ универсалъ къ властямъ и жителямъ при московскомъ рубежѣ, которымъ настрого предписывалъ держаться условленной формулы, весьма нехитрой и нетрудной. Но въ Польшѣ отъ предписанія до точнаго исполненія было слишкомъ далеко; каждый староста, державца, частный владѣлецъ или его арендаторъ и даже управляющій считалъ какъ-бы своимъ правомъ и даже будто шляхетской обязанностью оставлять королевскіе приказы безъ вниманія и не исполнять ихъ, хотя-бы это могло нанести ущербъ интересамъ государства. Прописки въ титулахъ не прекратились и послѣ принятія упрощенной формулы, а Москва, возставая противъ нихъ для виду, на самомъ дѣлѣ врядъ-ли была-бы довольна совершеннымъ ихъ прекращеніемъ. Пользуясь прописками, можно было оставлять безъ удовлетворенія и даже безъ всякаго разсмотрѣнія по существу многія основательныя жалобы зарубежныхъ сосѣдей, и такихъ примѣровъ въ сношеніяхъ Москвы и Польши находимъ не мало. Пишетъ, напримѣръ, коронный хорунжій Александръ Конецпольскій объ ограбленіи гадячскихъ купцовъ княземъ Никитою Ивановичемъ

Одоевскимъ возлѣ Бѣлгорода; но на письмѣ его, вмѣсто резолюціи, помѣчено только: «взять къ прописнымъ листамъ»; жалуется «вице-администраторъ» королевскихъ украинныхъ имѣній, черниговскій подстолій Гульчевскій, объ убійствѣ москвитянами двѣнадцати королевскихъ крестьянъ, прилагая ихъ именной списокъ, а вмѣсто отвѣта по существу читаемъ: «государь указалъ и бояре приговорили: велѣть писать къ Адаму Киселю про всѣ тѣ прописные листы, которые объявились послѣ договору и послѣ королевской грамоты, которые королевскіе грамоты противъ договору розосланы, а тѣ всѣ прописные листы описавъ, князя Еремѣя Вешневетцкаго и иныхъ». Но была и другая, болѣе важная цѣль, для которой московскіе политики ловили всякую прописку въ титулѣ и ставили ее въ счетъ. Съ помощью прописныхъ листовъ всегда можно было возбудить, выражаясь по нынѣшнему, конфликтъ съ Польшею и по произволу довести дѣло до разрыва; извѣстно, что Москва и прибѣгла къ этому средству въ недалекомъ будущемъ, въ 1654 году. Люди болѣе опытные въ дипломатіи и предусмотрительные по отношенію къ политикѣ Москвы, въ томъ числѣ и Кисель, ясно понимали весь вредъ для поляковъ отъ допускаемыхъ ими прописокъ въ царскихъ титулахъ, сознавали могущую возникнуть отсюда серьезную опасность, и поэтому-то Адамъ Григорьевичъ предлагалъ на обсужденіе московскихъ бояръ очень дѣйствительную мѣру противъ описокъ, которыя ихъ, повидимому, такъ огорчали. Онъ находилъ нужнымъ назначить отъ обоихъ государствъ по одному или по два постоянныхъ пограничныхъ комиссара, рекомендуя предоставить имъ исключительное право взаимныхъ сношеній, всѣмъ-же прочимъ лицамъ запретить обращаться непосредственно къ зарубежнымъ властямъ, а дозволить имъ дѣйствовать только чрезъ комиссара своего государства. Наступившія событія помѣшали не только осуществленію, но даже и обсужденію предложенія Киселя; такъ оно и забылось безслѣдно [1]).

Не осуществилось и проведеніе въ натурѣ точной границы между обоими государствами, равно какъ и обмѣны земель нѣкоторыхъ владѣльцевъ, хотя по тому и другому дѣлу достигнуто

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. III, №№ 95, 96, 87, 101, 113, 160, 162 170.

было Киселемъ полное соглашеніе. Вопросъ объ уступкѣ Трубчевска въ обмѣнъ за Дорогобужъ былъ поставленъ совершено независимо отъ условленнаго разграниченія, и о немъ, какъ мы уже упоминали, долженъ былъ предложить Кисель королю въ секретномъ собраніи сенаторовъ. Кисель велъ оживленную переписку съ воеводами сѣвскими и путивльскими о высылкѣ уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ на межи и для осмотра предстоящихъ къ обмѣну имѣній. Въ свою очередь, воеводы и московскіе бояре писали къ Адаму по межевымъ дѣламъ и разнаго рода пограничнымъ столкновеніямъ, видя въ немъ не только посла, но и пограничнаго комиссара. Впрочемъ къ Киселю и послѣ того, какъ окончилась его миссія заключеніемъ договора, изъ Москвы продолжали относиться и по дѣламъ, не входившимъ въ область дѣйствій пограничной комиссіи, напр. о «прописныхъ листахъ», и это явственно свидѣтельствуетъ о довѣріи и нѣкоторомъ вліяніи, какія успѣлъ пріобрѣсть Кисель у московскихъ государственныхъ мужей. Къ нему, второму только лицу въ кіевскомъ воеводствѣ, обращаются изъ московскаго государства помимо старшихъ его по званію сосѣднихъ воеводъ кіевскаго и черниговскаго, какъ будто миссія его не закончилась съ отъѣздомъ изъ Москвы, какъ будто онъ все еще сохраняетъ права «великаго и полномочнаго посла». Понятно, что такое отношеніе къ Киселю иноземнаго правительства не могло не отражаться и въ его политическомъ отечествѣ [1]).

Особенною живостью отличались пограничныя сношенія Киселя съ московскими воеводами по сообщенію взаимно разнаго рода вѣстей, преимущественно о движеніяхъ татаръ. Обязательство этого рода вошло въ условія заключеннаго Киселемъ договора, и въ выполненіи его равно были заинтересованы обѣ стороны, одинаково терпѣвшія отъ набѣговъ крымцевъ, ногайцевъ и другихъ ордъ. Ближе другихъ, какъ видно, сошелся Кисель съ путивльскимъ воеводою, княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ. Въ генварѣ

---

[1]) Акты о порубежныхъ столкновеніяхъ очень многочисленны; они составляютъ болѣе половины документовъ III тома Архива южной и западной Россіи, между №№ 95 и 200. — Сношенія собственно съ Киселемъ и отсылка къ нему разнаго рода дѣлъ также, №№ 96, 107, 111, 113, 114, 119, 130, 143,—146, 149, 161, 162, 167, 183, 195, 196.

1648 г. онъ пишетъ ему, что по извѣстіямъ изъ Крыма, съ тамошними татарами воевали ногайцы и съ обѣихъ сторонъ «междуусобною бранею многіе пропали», что потомъ они помирились и тайно согласились между собою идти съобща на Польшу, что хотя султанъ, по силѣ существующихъ договоровъ, и не долженъ былъ позволить татарамъ нарушить миръ, но что въ виду извѣстнаго самовольства татаръ король приказалъ коронному войску выступить въ пограничныя мѣстности, пригласивъ присоединиться къ нимъ и мѣстныхъ разныхъ пановъ съ ихъ ополченіями, а потому и въ силу заключеннаго договора, въ случаѣ нападенія татаръ, московское войско должно съ своей стороны оказать помощь польскому. Кисель предупреждалъ также о хитромъ намѣреніи хана послать въ Москву съ изъявленіемъ будто-бы своей дружбы и совѣтовалъ не довѣрять ему, извѣщалъ, что султанъ запретилъ крымцамъ нападать на Польшу, косвенно намекалъ на нарушеніе Москвою договора чрезъ посылку царемъ хану «казны», замѣчая, что это возбудило неудовольствіе сенаторовъ и что ему Киселю приходится успокоивать ихъ тѣмъ, что нынѣшняя посылка была отпущена ранѣе заключенія договора и потому не служитъ нарушеніемъ онаго. Долгорукій именемъ царя обѣщалъ двинуть московскую рать до Днѣпра. Кисель благодаритъ за готовность къ помощи, увѣдомляетъ, что татары отступили домой, а потому и польскія войска пановъ тоже расходятся, кварцяное-же войско располагается въ черкасскихъ козацкихъ городахъ, гдѣ козаки «одного пулковника своего чигиринского здрадили». Это была первая вѣсть изъ Польши въ Москву о враждебныхъ замыслахъ Богдана Хмельницкаго, который здѣсь еще и не названъ по имени. Объ отходѣ орды на крымскую сторону Кисель почти одновременно извѣщаетъ и сѣвскаго воеводу, Замятню Ѳедоровича Леонтьева, благодаря притомъ его за сообщеніе вѣсти о движеніи въ Крымъ калмыковъ. Причину наружнаго миролюбія татаръ онъ указываетъ какъ въ готовности собравшагося противъ нихъ польскаго войска, такъ и главнымъ образомъ въ союзѣ Польши съ Москвою: «сходство братское и соединеніе великихъ пресвѣтлыхъ господарей нашихъ страшно есть не точію крымскому хану, но и турскому солтану». Въ мартѣ онъ снова пишетъ боярамъ, что имѣлъ порученіе дѣйствовать противъ татаръ совмѣстно съ великимъ гетманомъ и что хотя въ

этомъ помѣшала ему болѣзнь, но что теперь онъ долженъ съ тѣмъ же гетманомъ *разслѣдовать причины* бѣгства нѣкоторыхъ козаковъ на Запорожье и поступать сообразно поведенію крымцевъ. Важно здѣсь такое предупрежденіе: «ханъ прислалъ къ намъ договариваться о дружбѣ; если онъ дружится и съ вами, то дружба его прямая; если-же съ одними нами, лесть есть». Очевидно, Кисель ожидаетъ отъ Москвы полной взаимности, и на этотъ разъ не напрасно: еще до полученія его письма, бояре извѣщали, со словъ вышедшаго изъ орды полоняника, что ханъ уже обѣщалъ запорожцамъ помощь противъ Польши, «отдалъ приказъ коней кормить. А въ крыму голодъ большой, чернь татарская рада войнѣ, безъ нея нынѣшняго лѣта никакъ имъ не пробыть». Эти обоюдныя увѣдомленія о татарахъ продолжаются и во все то время, когда они присоединились уже къ Хмельницкому; съ польской стороны повторяются при этомъ просьбы о помощи, въ томъ числѣ и отъ кн. Іереміи, а воеводы, согласно царскому указу, такую помощь обѣщаютъ: еще 4 іюня, т. е. послѣ корсунской битвы, пишетъ Киселю въ этомъ смыслѣ Болховскій воевода[1]).

Въ этой перепискѣ обѣ стороны постоянно ссылаются на заключенный Киселемъ союзный договоръ, такъ какъ выполненіе его вызвало нѣкоторыя недоразумѣнія на первыхъ-же порахъ. Выше мы упоминали, что вслѣдъ за договоромъ въ Крымъ послана была царская казна, или такъ называемый «упоминокъ», представлявшій въ сущности ежегодную дань, которую доселѣ одинаково платила хану Москва, какъ и Польша, и выплату которой обѣ стороны взаимно обязывались теперь прекратить. Поляки, узнавъ о посылкѣ хану царемъ «упоминка», сочли это нарушеніемъ договора; бояре возражали, что казна была уже отпущена прежде подписанія договора. Такъ успокоивалъ сенаторовъ и Кисель. Но на Москвѣ сообразили, что прекратить теперь платежи хану, въ силу обязательства передъ Польшей, значитъ стѣснить себя въ будущемъ, а потому стали пріискивать возможность болѣе выгоднаго толкованія самого договора. Возможность эта и нашлась *въ одной буквѣ*. Въ условіи значилось, что «*нынѣ* обои великіе государи наши, чтобъ

---

[1]) Переписка о договорѣ и ссылки на него. Тамже, №№ 99, 107, 133, 134, 136, 146, 166, 182, 194; Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 206.

крымской ордѣ отъ насъ никакая причина не была, (согласились) по давному обычаю съ ними поступить», т. е. однажды, прежде чѣмъ договоръ войдетъ въ силу, уплатить «упоминокъ». Кисель толковали, что здѣсь надо разумѣть только *нынѣ*, а не всегда, бояре-же вмѣсто поступить «читали» поступать... Собственно говоря, условіе о прекращеніи «упоминковъ» хану было для короля Владислава и другихъ сторонниковъ войны съ невѣрными самымъ важнымъ пунктомъ договора. Оно должно было вызвать столкновеніе Крыма съ Москвою и превратить такимъ образомъ оборонительный по формѣ союзъ въ наступательный. Съ польской стороны платежъ дани прекращенъ еще съ 1645 г., и впослѣдствіи ханъ выставлялъ это обстоятельство главною причиною своего союза съ козаками; но въ Москвѣ, какъ видно, во время поняли эту ловушку. Москва хотѣла сохранить за собою, не смотря на трактатъ, полную свободу дѣйствій, чтобы воспользоваться потомъ обстоятельствами въ *свою только* пользу, какъ оно въ концѣ концевъ и случилось [1]).

Вскорѣ успѣхи козаковъ и всеобщее возстаніе на Украйнѣ заставили Киселя бѣжать отсюда, и съ той поры прекращаются его сношенія съ Москвою. Сношенія эти въ дипломитическомъ смыслѣ носятъ чрезвычайно оригинальный и даже странный характеръ. Хотя и сенаторъ, но изъ второстепенныхъ, Кисель пишетъ прямо къ думнымъ боярамъ, какъ бы въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, а эти гордые и еще болѣе чванные бояре тоже обращаются не къ сенаторской радѣ непосредственно, а все черезъ того же *Одама*. Понятно, это должно было поднять его авторитетъ и у себя дома, король долженъ былъ признать и оцѣнить его услуги, хотя едва-ли довѣрялъ ему *вполнѣ* свои планы относительно турецкой войны и расширенія для этого правъ козачества, не говоря уже о возможномъ усиленіи собственной власти на счетъ шляхты: въ этомъ пунктѣ Адамъ Григорьевичъ могъ-бы оказаться самымъ рѣшительнымъ противникомъ короля.

Наградою посольскихъ трудовъ Киселя было возведеніе его въ достоинство воеводы брацлавскаго, въ концѣ февраля 1648 г.,—

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. III, №№ 107, 111, 112, 117, 122, 124, 128, 133, 135, 136, 143, 146, 149, 164, 166, 167, 172, 181, 184, 187, 194.

съ этимъ титуломъ онъ пишется 16 марта, а 23 февраля подписался еще кіевскимъ каштеляномъ. Повышеніе было сдѣлано довольно значительнымъ скачкомъ: сначала предполагалось дать ему низшее по рангу воеводство черниговское, а въ Брацлавъ назначить отсюда Калиновскаго, но король былъ недоволенъ тестемъ послѣдняго, канцлеромъ Оссолинскимъ. На такое назначеніе указываетъ самъ Кисель въ письмѣ къ сѣвскому воеводѣ: «азъ же одъ господаря моего первѣе черниговскимъ, потомъ-же болшимъ браславскимъ воеводствомъ пожалованъ». При извѣстномъ уже отчасти намъ личномъ характерѣ Адама Григорьевича, повышеніе въ званіи и почетъ прямыхъ сношеній съ московскимъ правительствомъ неизбѣжно отразились усиленіемъ его шляхетской гордости, гонора. Долго не получая отвѣтовъ на разныя свои письма, онъ писалъ, будучи еще каштеляномъ, тому-же Леонтьеву: «честь моя и достояніе сенаторское терпитъ умаленіе, егда на грамоту мою доселя отвѣту не маю». Ставъ же воеводою, онъ начинаетъ учить вѣжливости и этикету самихъ московскихъ бояръ. Раньше онъ обращался къ нимъ по ихъ обычаю, т. е. къ одному лицу: ты, а къ нѣсколькимъ: вы; «тыкали» и они его. Но теперь Кисель находитъ это обиднымъ; начиная величать бояръ, согласно давно уже установившемуся въ Польшѣ и западной Руси обыкновенію, «милостями», онъ требуетъ того-же и въ отношеніи къ себѣ [1]).

Такое же чванство и хвастливость проявляются и въ нѣкоторыхъ письмахъ Киселя по поводу начинавшагося въ то время возстанія Хмельницкаго. Выше указано нами сообщенное имъ на Москву первое извѣстіе (23 февраля) объ измѣнѣ чигиринскихъ козаковъ своему полковнику, безъ упоминанія имени Хмельницкаго. 17 марта Кисель пишетъ въ Сѣвскъ болѣе подробно, что часть «козаковъ, черкасцовъ (т. е. реестровыхъ), тысяча или немногимъ больше, сбѣжали на Запорожье, а старшимъ у нихъ простой холопъ, нарицается Хмельницкій; намѣрены они поднять и донскихъ козаковъ, выйти въ море». Это было нарушеніемъ мира съ турецкимъ султаномъ, и потому, писалъ Кисель, «коронный гетманъ, и я съ нимъ, будемъ промышлять о томъ ворѣ». Кисель проситъ: «если Хмельницкій сбѣжитъ съ Запорожья на Донъ, то тамъ бы его не принимать, ни щадить, ни на море пустить». Недѣлей позже онъ пишетъ, что ему

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. III, стр. 170.

поручено «досмотриться, чесо ради бысть се», т. е. уходъ козаковъ за Пороги. Въ апрѣлѣ сообщаетъ, что реестровые козаки берутся сами изловить на Запорожьи «своеволного черкасца», и на томъ крестъ цѣловали. Здѣсь снова повторена просьба, если бы этотъ черкасецъ, т. е. Хмельницкій, появился на Дону и сталъ подбивать тамошнихъ козаковъ къ морскому походу, то схватить его, такъ какъ это будто бы входитъ въ условія союзнаго договора. Ссылка Киселя на договоръ въ этомъ случаѣ неправильна, ибо въ немъ прямо сказано, что хотя-бы даже донскіе или черкасскіе козаки учинили своевольно задоръ туркамъ, то это условій союза не касается. Особенно же любопытно письмо Киселя къ боярамъ отъ 24 апрѣля, въ которомъ онъ благодаритъ за сообщеніе вѣстей о пребываніи въ Крыму козаковъ и обѣщанной имъ оттуда помощи. «Но, говоритъ онъ, довлѣетъ вамъ знать, что никогда холопская рука, особенно измѣнническая, не въ состояніи подвизаться противъ своихъ господъ; и этотъ холопъ, черкасскій измѣнникъ, (Хмельницкій) если не сбѣжитъ на дняхъ со своею дружиною въ Крымъ, то поплатится головой: полемъ и Днѣпромъ пошли на него войска. Если даже станутъ помогать козакамъ поганцы,— Богъ съ нами и никто-же на ны; всѣ мы готовы, сенаторы и войска наши, при королевскомъ войскѣ, дастъ Богъ, будемъ привѣтствовать поганскіе головы острыми польскими саблями!»

Увы, прошло едва двѣнадцать дней, какъ разгромленъ Хмельницкимъ передовой отрядъ польскихъ войскъ на Жолтыхъ Водахъ, а еще черезъ десять дней разбита подъ Корсунемъ и вся польская армія, съ плѣненіемъ гетмановъ. При нихъ однако сенатора-Киселя не было, какъ не встрѣчаемъ его и раньше ни разу въ войскѣ съ самаго 1637 года. Меньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ хвастливаго письма о Хмельницкомъ, Кисель обращается къ нему-же съ дружелюбнымъ письмомъ, именуя его «издавна милымъ пріятелемъ». И далѣе онъ выступаетъ почти исключительно въ качествѣ дипломата; впрочемъ, лѣта его и подагра не дозволяли ему уже участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ [1]).

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Памятники кіевской коммиссіи, т. I, стр. 141; Архивъ южной и западной Россіи, т. III, №№ 137, 146, 163, 167, 170, 172, 177, 195—198; Michałowskiego Księga, стр. 20—24, 46.

ДВѢ СТАРЫЯ УКРАИНСКІЯ ПѢСНИ И ПО ПОВОДУ ИХЪ.

Изслѣдователями малорусской народности почему-то установлено мнѣніе, что въ правобережной Украйнѣ окончательно затерялась въ народѣ память объ историческихъ событіяхъ, нѣтъ у него ни думъ, ни пѣсень, ни даже сказаній о временахъ козачества. На самомъ дѣлѣ на правомъ берегу Днѣпра не встрѣчается кобзарей, распѣвающихъ старинныя думы, а только лирники, поющіе канты религіозно-нравственнаго содержанія. Но утверждать, что украинцы правобережные вполнѣ отрѣшились отъ прославленія героевъ своего края, отъ внесенія въ народно-устную исторію именъ и событій, почему-либо знаменательныхъ въ жизни народа, нельзя. Это было-бы равнозначуще отрицанію народнаго творчества. Нѣтъ, народъ украинскій никогда не переставалъ жить духовно, по своему созерцать совершающееся въ немъ самомъ и вокругъ него, относиться съ осужденіемъ или съ почитаніемъ къ тому или другому лицу, являющемуся въ его мнѣніи героемъ, мученикомъ, поборникомъ правды или угнетателемъ народа, попирающимъ лелѣемые имъ идеалы. Это нужно сказать вообще про малороссовъ—безразлично право или лѣвобережныхъ. Но дѣло вотъ въ чемъ.

Лѣвобережная Малороссія, какъ извѣстно, заселилась выходцами съ праваго берега Днѣпра. Это переселеніе совершилось почти поголовнымъ выселеніемъ во времена *руины*. Съ переселеніемъ перешла и вся устная исторія народа того періода исторической жизни его. Съ этимъ и остался почти до нашего времени лѣвобережный украинецъ. По присоединеніи Малороссіи къ московскому царству лѣвобережный украинскій народъ началъ все болѣе и болѣе отстраняться

отъ политико-исторической жизни края, все меньше и меньше сталъ участвовать въ ней, а между тѣмъ простой народъ и есть хранитель историческихъ устныхъ преданій. Исторія лѣвобережной Малороссіи послѣ Брюховецкаго представляетъ намъ цѣлый рядъ интригантскихъ продѣлокъ взаимоножирающейся старшины и почти никакихъ народныхъ движеній, запечатлѣнныхъ симпатіями массы или стремленіемъ къ олицетворенію ею своихъ идеаловъ. Простой народъ, въ чаяніи пришествія царства правды отъ своего идеала «билого царя», сторонился отъ всякаго доброхотнаго участія въ сварахъ грызущейся старшины, интригующей, вѣчно проискивающей «на Москвѣ» и постепенно подводился подъ режимъ сначала московскаго, а послѣ и россійскаго строя, пока наконецъ по волѣ Екатерины II не былъ закрѣпощенъ этой-же старшинѣ, раньше еще захватившей въ свои лапы земли и угодья. Сбылось, что писалъ Котошихинъ въ своихъ запискахъ (гл. VII, стр. 92) о пріѣзжавшихъ въ Москву изъ Малороссіи челобитчикахъ: «и имъ даютъ на то (вотчины, мельницы, луга) жалованные грамоты, а на церковное строеніе деньги и церковное одѣяніе, да имъ-же идетъ кормъ и питье и дается жалованье, смотря по человѣку; а дастца имъ жалованье и поденной кормъ для того, что еще они учинились въ подданствѣ вновѣ, и тѣмъ бы къ вѣчному подданству постояннѣе примапить, а какъ въ подданствѣ позастарѣютъ, и имъ такой чести и жалованья убудетъ». Забитой душѣ б. козака осталось только воспоминаніе прошедшаго, минувшей славы. И вотъ у него—лѣвобережца и повторялись изъ рода въ родъ пѣсни, думы и сказанія объ этомъ горько-славномъ прошедшемъ, пока и оно не вытерлось изъ памяти народной.

Не то было на правомъ берегу Днѣпра. Уцѣлѣвшіе «недобитки» временъ руины, пополняясь возвращающимися на старыя пепелища поселыниками, еще долго должны были субъективно участвовать въ политико-соціальной исторіи своего края, переживать разгромы ордынскіе, смуты и борьбу съ претендующими на обладаніе краемъ поляками. Для правобережной Украйны еще не скоро насталъ историческій моментъ устраненія массы отъ политическихъ движеній, еще долго пульсировало въ ней стремленіе отстаивать свой идеалъ, выраженный въ словахъ: «Знай ляше! по Случь наше», пока наконецъ и ее, эту бурную, непокорную Украйну, не прида-

вила мощная рука россійской власти. На Украйнѣ руина смѣнилась Паліивщиною, Паліивщина перешла въ Гайдамаччину, и только памятною всѣхъ болѣе Коліивщиною закончились проявленія политической жизни правобережной Украйны. Всѣ эти событія цѣлыми наслойками укладывались въ памяти народа, субъективно переживавшаго ихъ и, разумѣется, отдавшагося въ своемъ поэтическомъ творчествѣ воспѣванію дѣяній и героевъ этого времени. Т. Гр. Шевченко, истый сынъ правобережной Украйны, лучше всего имъ воспѣтаго воспѣлъ гайдамакъ, этихъ послѣднихъ рыцарей народной борьбы за свои идеалы. Украинецъ такъ и остался лицемъ къ лицу со своимъ историческимъ врагомъ паномъ-ляхомъ, которому окончательно отдала его въ кабалу крѣпостничества россійская сильная власть. По присоединеніи юго-западнаго края къ россійской имперіи, въ видахъ дипломатической надобности, все польское въ томъ краѣ было задобрено укрѣпленіемъ за панами вотчинной власти надъ подданными; эта панская власть окрѣпла подъ покровительствомъ имперской власти, край былъ разпаёванъ между вельможами польскими и даже «попадавшими въ случай» русскими. Народъ получилъ только нестѣсняемость вѣроисповѣданія. И такъ было до 1848 года, когда галиційскія событія подсказали нашимъ администраторамъ возможность и способъ противупоставленія полонизму въ краѣ силы народной массы, задабриваемой инвентарными правилами. А затѣмъ уже дожила Украйна до славнаго 1861 года, когда народъ былъ освобожденъ отъ крѣпостной зависимости, и наконецъ до 1863 года, когда онъ, подавивъ польское возстаніе, заслужилъ полный протекторатъ правительства въ дѣлѣ земельнаго развода съ панами.

Переживъ столько историческихъ событій и стоя и теперь лицемъ къ лицу со своимъ прежнимъ врагомъ ляхомъ, правобережный украинецъ остался и по сю пору политико-націоналистомъ, между тѣмъ какъ его братъ лѣвобережный малороссъ, устраненный отъ всякой политики, забывшій чуть не миѳическій для него въ настоящее время образъ ляха, всецѣло поглотился устроеніемъ своего домашне-семейнаго быта, сдѣлался, если такъ можно выразиться, не рискуя дать поводъ къ какой либо двусмысленности, только соціалистомъ; у лѣвобережнаго малоросса только и могли сохраниться думы о временахъ козачества временъ Хмельницкаго и болѣе раннихъ, потому что эта традиція не заглушалась въ немъ

новыми волновавшими его en masse рѣзкими историческими фактами. Все-же пережитое правобережнымъ украинцемъ составляло именно тѣ наслоенія, которыя придавливали собою память о совершавшемся раньше того. Эти наслоенія сдѣлали цѣлый кавардакъ въ народной традиціи. Намъ не разъ приходилось выслушивать разсказы, въ коихъ единовременно фигурировали Гонта и Хмельницкій, Екатерина «царыця» и Палій, Богданъ Хмельницкій и таже Екатерина съ Потемкинымъ.

На правомъ берегу Днѣпра нельзя найти полныхъ варіантовъ старинныхъ думъ (да и на лѣвомъ берегу со смертію послѣднихъ кобзарей они, кажется, изчезли); но въ 60-хъ годахъ встрѣчались пѣсни и разсказы про Палія, про Швачку, про Мороза, Желѣзняка, про Савву Чалаго и еще про многихъ, потерявшихъ свое имя, *лыцарей* гайдамацкаго цикла. Кромѣ того попадаются пѣсни запорожскія, старыя и дунайской Сѣчи, пѣсни бурлацкія, чумацкія и рекрутскія, пѣсни о панахъ, о панщинѣ, о военномъ поселеніи—однимъ словомъ обо всемъ томъ, что переживалъ народъ на Украйнѣ. Мы уже не говоримъ о пѣсняхъ обрядовыхъ, колядкахъ, веснянкахъ, нетривочныхъ, купальныхъ, въ которыхъ, кстати сказать, много еще сохранилось старо-языческаго и древне-русскаго.

Формы поэтическихъ сказаній и пѣсней правобережной Украйны отличны отъ склада старинныхъ думъ, но несомнѣнно въ тѣхъ и другихъ много общаго; иногда повторяются цѣлые отрывки прежнихъ думъ со вставкою только иныхъ именъ и при томъ въ новомъ музыкальномъ изложеніи. Это все продолженіе творчества одного и того-же народа, только при новосложившейся его исторіи.

Но есть и важные недостатки въ историческихъ пѣсняхъ правобережной Украйны — это извращеніе, иногда совершенное исчезновеніе собственныхъ именъ, смѣшеніе эпохъ и частыя географическія неточности. Въ старинныхъ думахъ тоже встрѣчается этотъ недостатокъ, хотя гораздо въ меньшей степени; при томъ-же въ думахъ, при цѣльности дошедшихъ до насъ варіантовъ, недостатки эти легко исправить. Не то совсѣмъ выходитъ съ тѣми обрывками историческихъ пѣсенъ и съ той амальгамой наслоеній, какія встрѣчаются въ пѣсняхъ Украйны.

«Царыця», понимай Екатерина II, призываетъ въ «столицю» запорожцевъ и изъ нихъ посылаетъ Хмельницкаго и Палія усмирять

Польшу. Въ Переяславѣ совершается воззваніе народа къ этой борьбѣ, молебствуютъ и затѣмъ идутъ съ Гонтою брать Умань, гдѣ основываютъ Сѣчь, которую разоряетъ «Потёмка» съ гетманомъ Браницкимъ, послѣ чего «проклятый» Мазепа уходитъ «житы пидъ турка» за Дунай...

Цѣлый кавардакъ.

Панъ староста Каневскій «у Кыеви» на рыночку убиваетъ дѣвушку.

«Ой у мисти *Прылубаси*» вмѣсто «*при рубасіи*», т. е. во время сѣчи, сабельной схватки.

Или: «Ой кинь пидо мною, сидло пидъ *зорёю*» — вмѣсто пидъ *джурою*.

Или въ словахъ: «Ой отдали коня та Соколовському,
«А Ясниському зброю»

выводитъ пѣсня какихъ-то Соколовскаго и Ясновскаго, когда между тѣмъ это ничто иное, какъ «коня сокола» и «яспенькую зброю».

Эта путаница понятій, кромѣ вышереченныхъ наслоеній массы впечатлѣній у народа, прожившаго нервно столько потрясавшихъ его событій, произошла еще и отъ того, что историческія преданія въ какой-бы то ни было формѣ не одобрялись и даже подавлялись на Украйнѣ поляками, не утратившими своей панской силы надъ украинцемъ и послѣ окончательнаго присоединенія юго-западнаго края къ имперіи... Понятно, что крѣпостной украинецъ не могъ открыто во всеуслышаніе воспѣвать героевъ борьбы его съ ляхами, т. е. не далекими предками его пановъ-помѣщиковъ.

Припоминаемъ слышанный нами такой разсказъ:

Г. Умань въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія былъ однимъ изъ болѣе видныхъ центровъ мѣстной шляхетско-польской жизни. Пышный дворъ богатаго магната Феликса (Szczęsny) Потоцкаго, нѣсколько урочныхъ ярмарокъ, имѣвшихъ большое значеніе для возникавшихъ тогда торговыхъ отношеній южнаго взморья, Одессы, съ плодородными Подоліею и Украйною, наконецъ знаменитая въ то время базиліанская коллегія, служившая мѣстомъ воспитанія шляхетской молодежи—все это въ совокупности придавало большое значеніе воздвигнувшейся послѣ гайдамацкаго погрома Умани. Всегда тамъ было много пановъ и всѣ они такъ или иначе жались ко двору Потоцкаго, какъ одного изъ виднѣйшихъ въ то время представителей недавно прекращенной самостоятельности

польской въ томъ краѣ. Послѣдняго короля польскаго Станислава-Августа Понятовскаго уже не было въ живыхъ. Магнаты были еще только болѣе или менѣе сильными, смотря по требованію дипломатіи, столпами польщизны въ краѣ. Устарѣвшій поэтъ Трембецкій, утратившій въ умершемъ королѣ сильнаго мецената, проживалъ въ то время при дворѣ Потоцкаго. День св. апостола Петра и Павла былъ особенно торжественнымъ днемъ въ г. Умани. Въ этотъ день обыкновенно совершался торжественный публичный актъ въ базиліанской коллегіи, чѣмъ, разумѣется, вызывался большой съѣздъ шляхты за учащеюся молодежью и также ради урочной въ тотъ день ярмарки. Послѣ акта все, что могло изъ съѣхавшейся шляхты, бывало въ гостяхъ во дворцѣ Потоцкаго и въ его заново отдѣланномъ, въ честь жены Софіи, роскошномъ саду Софіевкѣ, что нынѣ Царицынъ садъ.

Въ одинъ изъ такихъ съѣздовъ, въ большомъ собраніи высокородныхъ гостей пана Потоцкаго, Трембецкій вздумалъ прочесть новосочиненную имъ въ честь своего мецената хозяина поэму, въ коей описывались прелести Софіевки и доблести ея владѣльца и творца. Самое чтеніе происходило въ одной изъ роскошныхъ бесѣдокъ-колоннадъ сада. Разумѣется, всѣ присутствующіе подобострастно, съ одобряющими минами, слушали декламацію льстеца поэта. Самъ восхваляемый въ пышныхъ выраженіяхъ соленизантъ пышился, вслушиваясь въ цитаты его, можетъ быть, и неизвѣстныхъ и мало цѣнимыхъ имъ самимъ доблестей, таялъ отъ удовольствія. Кончилъ наконецъ поэтъ, тишина собранія, не успѣвшаго еще высказать своего одобренія, доказывала степень восхищенія слушателей. И вдругъ въ этой тишинѣ изъ ближайшей клумбы цвѣтовъ раздается заунывная пѣсня поливающаго цвѣты садовника-украинца:

«Ой ты Потоцький, воеводзький сыну!
Запропастывъ Польщу и всю Украину.
Думка въ тебе була, щобъ королемъ статы—
Пиновъ-же ты до царыци милости прохаты».

Представьте себе физіономіи гостей-шляхты, которой такъ рѣзко припоминаетъ простой *хлопъ* общеизвѣстную прикосновенность рода Потоцкихъ къ раздѣлу Польши! Представьте себѣ положеніе высоко парившаго поэта и наконецъ и самаго превознесеннаго чуть не до небесъ, за одну минуту передъ тѣмъ, пана Потоц-

каго! «*Хлопа*» сейчасъ-же схватили, но онъ отвѣчалъ, что пѣтая имъ пѣсня общеизвѣстна,—тѣмъ заканчивался слышанный нами разсказъ.

Изъ этого окончанія разсказа явствуетъ, что и тогда *схватывали* за пѣсню, за провозглашеніе неправящагося, но что народное творчество жило въ политической жизни края и не оминало совершающихся событій. Но какъ не схватывали, какъ не давили живое слово народнаго творчества, а оно все таки сохранилось въ народѣ и по наше время, какъ тлѣющая искра въ золѣ, какъ сохранились въ стрѣхахъ украинскихъ хатъ, загатахъ и омшаникахъ козацкіе давніе *спысы*, добытые изъ-подъ спуда въ 1863 году. Когда по ходу событій въ 1861 году для украинца ляхъ-панъ пересталъ быть подавляющею его симпатіи и идеалы грозою, тогда стали изъ-подъ спуда народной памяти выдобываться на свѣтъ Божій старинныя пѣсни и сказанія. Но на нихъ, какъ на запрятанныхъ *спысахъ* ржавчина, видна была сила подавленія въ теченіи долгаго времени историческихъ преданій народа. Сплошь и рядомъ эти добытыя пѣсни, сохранивъ всю поэзію и красу народнаго творчества, оказывались потерявшими свою опредѣленность, точность передаваемаго факта. Такъ древнія монеты со стертыми надписями представляютъ собою цѣну металла, иногда приблизительно эпоху ихъ генезиса, національное происхожденіе, но не даютъ возможности болѣе точной детерминаціи ихъ.

Я жилъ въ это время добыванія изъ-подъ спуда старыхъ пѣсенъ и преданій въ средѣ народа и по мѣрѣ силъ записывалъ эти цѣнности народной поэзіи. Помню, съ какою осмотрительностію пѣли и возстановляли въ своей памяти украинцы историческія свои пѣсни въ первые послѣ 1861 года. Нужно было внушить къ себѣ довѣріе, нужно было стать вполнѣ безопаснымъ въ глазахъ украинца, чтобы удостоиться послушать эти пѣсни. Исковерканные, не полные, затертые въ памяти отрывки, но все таки это были историческія пѣсни.

Переносясь памятью въ то недалекое прошлое моей жизни, я живо припоминаю эти сеансы, гдѣ съ одной стороны меня возбуждало чувство любопытства, а съ другой пѣвцамъ не давали развернуться подозрительность и недовѣріе ко мнѣ. Обыкновенно, особенно по началу, это бывало въ концѣ какой либо «бесѣды», какого нибудь урочнаго гулянья, по случаю свадьбы, заговинъ и т. п., и разу-

мѣется подъ вліяніемъ охмѣленія..., когда уже изчерпывался репертуаръ обыкновенныхъ, извѣстныхъ въ то время всѣмъ любовныхъ, чумацкихъ или иныхъ бытовыхъ пѣсень.

— Отъ-бы ще якои проспивать... отзывается кто нибудь изъ собесѣдствующихъ.

— Якои? спрашиваютъ другіе.

— Та оціеи—якъ бо іи?!.. «Ой ще не свитъ, ой ще не свитъ»... такъ ныначе. Тильки іи не выведемъ...

— А ну, а ну! Починайте! накидываемся на предложившаго. Ну те-жъ-бо, ну-жъ!..

— Гмъ! хто ёго знае... Це така, що... и упрашиваемый мотаетъ свѣсившеюся на грудь головою и какъ-то лукаво, особенно какъ-то улыбаясь чуть не однимъ усомъ, испытующе поглядываетъ вокругъ себя, какъ-бы спрашивая взоромъ другихъ.

— Ни! Нехай другимъ часомъ, часто обрывалъ упрашиваемый и на этомъ стоялъ упорно.

И дѣйствительно, другимъ часомъ и иногда въ той-же бесѣдѣ, при дальнѣйшей выпивкѣ, удавалось совершенно неожиданно услышать завѣтную пѣсню. Пѣвецъ какъ-то особенно дерзко взглядывалъ на собесѣдниковъ и съ какою-то рѣшимостію, бравурствомъ, пѣлъ затѣянную раньше пѣсню. Вставки и поправки и наконецъ постепенно захватывающее всѣхъ собесѣдниковъ участіе въ пѣніи доказывали, что пѣтое только мнѣ одному изъ присутвующихъ было по сю пору неизвѣстно.

Своевременно пѣсни эти записывались мною и отдавались извѣстнымъ мнѣ собирателямъ. Нѣкоторыя пѣсни вошли въ напечатанные сборники, но двухъ изъ записанныхъ мною тогда пѣсень я не встрѣчалъ въ печати и потому, пользуясь еще пока собственною памятью и памятью моихъ дочерей, я эти пѣсни здѣсь записываю. Самый напѣвъ ихъ, по моей просьбѣ, положенъ на ноты хорошимъ музыкантомъ и особенно способнымъ записывателемъ мотивовъ, чуть не подъ диктовку, Андреемъ Ивановичемъ Краснокутскимъ, коему здѣсь-же приношу мою признательную благодарность.

Вотъ первая изъ этихъ пѣсень:

Ой на биду, на горе козакъ уродився:
Въ чыстимъ поли, край дороги лянкамъ знадобився.
У недиленьку, вранци, тай славонька стала—

Взяли ляшки сиромаху, тай забилы въ кайданы.
Та на руки кайданы, а на ноги дыбыци—
Хотять ляшки сиромаху зо сьвита згубити.
Та на руки кайданы, на ноги дыбыци,
Тай вкинули сиромаху въ темную темныцю.
Прыизжае жовниръ, ставъ ёго пытати:
—Чы е въ тебе, сиромаха, отець, ридна мати?
—Ой великый лугъ батько, а Сичъ моя мати.
Доведетьця сиромаси въ неволи погибати.
—Та вы мини не паны, а я вамъ не хлопець!
—Догадайтесь, сыны вражи, що я запорожець.
Та збиралися люде, молоди молодыци...
«Вызволь, Боже, сиромаху зъ темной темныци!
Прилепула Галя зъ черными бровами,
Обиняла козаченька, тай поцилувала.
Прилепула друга—ся вже не такая:
Ся обняла козаченька, тай плакати стала.
«Ой та йвъ же я сласно, ходивъ я прекрасно...
«Доведетьця козакови погибнуть напрасно.
«Ой та й йвъ же я сласно, та ще йсти буду...
«Таки ляшкамъ, вражимъ сынамъ, поки живъ, не забуду.

Слышано въ Дударяхъ, Чернышахъ и въ Холоровѣ канев. уѣзда.

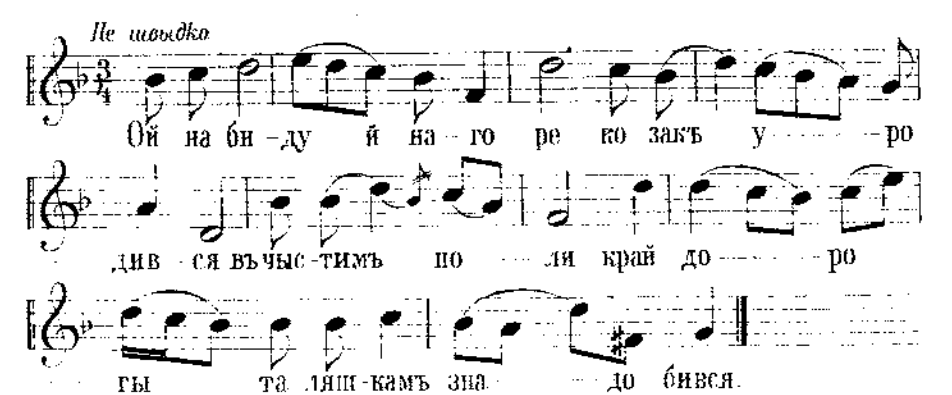

Записавъ эту пѣсню, я позволяю себѣ коментировать её, или, лучше сказать, записать то, какъ я ее понималъ, какое впечатлѣніе она произвела на меня при непосредственномъ принятіи ея отъ народа. Начертаніемъ программы коментированія записанныхъ

мною пѣсень я снимаю съ себя отвѣтственность въ недостаточности научной подготовки моей къ разработкѣ народной поэзіи. Я описываю здѣсь мои личныя впечатлѣнія, а потому и допускаю разныя licentiae poeticae, коимъ я самъ поддавался во время слушанія пѣсни.

Взмахиваю крыльями фантазіи и коментирую.

Гдѣ это *«въ чистомъ поли»*, *«край»* какой *«дороги»* и кто этотъ *сиромаха*, что *знадобився ляшкамъ?* Засѣли *ляшки* въ какой нибудь придорожной корчмѣ, нагрянули туда, узнавъ, что тамъ гуляетъ этотъ молодецъ-забулдыга, *сиромаха*, своего рода абрекъ того времени, и поймали его. Видно, не добромъ далъ онъ знать себя ляхамъ, а теперь и *знадобився* имъ, т. е. попалъ въ засаду, захваченъ внезапно.

Никто не могъ мнѣ назвать его, опредѣленно отвѣтить на мои распросы. «Такый-то уже бувъ соби», «такъ соби якійсь сердега», «мало ихъ отъ такихъ тоди тутъ вешталось»—все это были отвѣты, ничего не говорящіе.

Но разъ мнѣ пришлось услышать что-то болѣе опредѣленное, хотя все-таки мало объяснившее.

Свадьба въ самомъ разгалѣ. Всѣ гости на дворѣ, поразмѣстились на *присьбахъ*, около вынесеннаго нарочито изъ хаты стола съ *ослонами*, и такъ по просту на землѣ, *по-пидъ тыномъ*. Вотъ-вотъ возвратятся *молоди* отъ тещи и тогда будутъ опять звать въ хату, усаживать *за столъ* и *почнуть здоровувать*. Музыканты ушли съ *молодыми*. Я затесался въ кружокъ *молодыцъ*; подвыпивши и обнявшись съ ними, упиваюсь мелодіею *жиноцькои* пѣсни:

«Доки тебе не любила, гула, якъ голубка.
Гула, гула та голубонька—полепула въ поле!..
А летячи говорила—горе-жъ мени, горе!..
«Горе-жъ мени, горе! Несчастная доле!
«Утопыла головонько въ безоднее море!..

Засумовали пѣсня, и мы слушающіе и поющіе поникли охмѣлѣвшими головами и замолкли, какъ-бы вслушиваясь въ заунывную, вытянутую *«кумою Палажкою»* ноту...

«Ой на биду на горе козакъ уродився...

отозвался теперь Петровича въ близкомъ къ намъ кружкѣ сидящихъ около стола мужчинъ. Выпутавшись изъ объятій моло-

дыць, я устремился къ группѣ новыхъ пѣвцовъ, умостился съ ними и сталъ подтягивать.

Къ нашей группѣ подошла чуть не столѣтняя бабка жениха, *стара Козачка* (семью эту звали Козаченки) и втиснулась своимъ блѣднымъ, обрамленнымъ *намиткою зъ видборидьямъ* лицемъ въ кучу головъ съ раскраснѣвшимися, напряженными отъ пѣнія физіогноміями. Старуха все прислушивалась, какъ-бы что-то вспоминала и наконецъ прошамкала:

— О! Це про Мамая,—про Мамая... и сейчасъ-же ушла, какъ-бы устраняя себя отъ участія въ пѣніи.

Сколько я не допытывался у *бабусеньки*, сколько не допрашивалъ ее и въ тотъ день и послѣ—ничего такъ таки и не допытался.

«Мамай?! Оце усе таки про Мамая... Колысь то було, давно. Теперъ мало хто знае... Було, уси знали цю пісню... гмъ... Мамай, одно слово Мамай»... Вотъ тѣ отвѣты, какими подчивала меня бабуся, впрочемъ мало уже говорившая вообще. Разумѣла-ли она подъ этимъ словомъ «Мамай» имя собственное, или это было нарицательное для обозначенія ватажка гайдамака, какъ вотъ напримѣръ «Воронежскіе Мамаи», означающіе вообще татаръ, ногайцевъ, кочующій степной людъ—не знаю. А потому и фантазирую.

Мѣстечко старостинское среди заселяющейся на старыхъ *селищахъ* Украйны. Въ центрѣ крестьянскаго населенія, въ срединѣ густой зелени садовъ и левадъ, изъ-за которой проглядываютъ кое-гдѣ весело соломенныя крыши *чепурныхъ, билесенькихъ хатъ*, какъ струпъ на живомъ тѣлѣ, грязнымъ пятномъ размѣстился базаръ съ высокими, странной архитектуры, жидовскими домами—*заѣздами*, съ большою корчмою-ратушей на площади, съ мелкими лавченками ятками. Замокъ старостинскій на крутомъ берегу какой нибудь Роси, Расавы, Гнилаго Тикича или Тясьмина. Возобновленные валы и полисады кругомъ замка, *муры* и костёлъ, башня надъ подъемнымъ мостомъ, а въ башнѣ окна, задѣланныя желѣзною рѣшеткою, хоромы пана старосты, старыя тополи, съ сухими, обожженными при послѣднемъ нападѣ гайдамацкомъ вѣтвями, тюрьма подземная (темная темныця), надворная хоругвь козаковъ, гайдуки и пахолки.

Недиленька свята. Разряженные поселяне стягиваются къ старенькой деревянной, кой-гдѣ полатанной новою шелёвкою, треглавой

церковцѣ, куда ихъ сзываетъ лязгъ небольшаго колокола чуть-ли не на уніатское богослуженіе. Съ окрестностей тоже кой-кто пришелъ *побазарувать*. Суетная «*жидова*» забѣгала по-между возовъ, засуетилась, заторговала послѣ шабаша. Базаръ оживляется, кто *до церкви*, кто *въ ятки*, а есть и такіе, *що и до корчмы*.

И вотъ въ эту *недиленьку, въ ранци*, среди этой базарной толпы пролетѣла молва (*славонька стала*), что ляхи поймали *сиромаху*, какого-то неопредѣленнаго публикою, и *забили*, т. е. заковали въ *кайданы* на рукахъ и *дыбы* на ногахъ, и вкинули въ *темную темныцю*, т. е. въ подземную тюрьму [1]), результатомъ какого заключенія будетъ гибель этого сиромахи—*хотять ляшки сиромаху зо сьвита зубити*. Но кто онъ, этотъ пойманный сиромаха, публика еще не знаетъ, ей только извѣстенъ фактъ поимки. Но вотъ пріѣзжаетъ къ узнику *жовниръ* (не гайдукъ, не козакъ надворной хоругви, а *жовниръ*, по польски żołnierz), какъ-то отличающійся отъ обыкновенныхъ вооруженныхъ людей замка, и сталъ его *питати*, т. е. спрашивать. Очевидно, это какой нибудь чиновникъ польскій, административный или судебный, дѣлаетъ опросъ или допросъ заключеннаго. Публика жадно ловитъ отвѣтъ узника. Пойманный сиромаха

[1]) Наши потомки вѣроятно не съумѣютъ себѣ представить этого орудія пресга—*дыбы, дыбыци*. Это двѣ толстыя колоды, деревянныя, съ высѣками для ногъ, сбитыя на глухо деревянными гвоздями. Эти колодки-дыбы такъ еще недавно надѣвали, за недостаткомъ кандаловъ, на рекрутъ, при чемъ обыкновенно надѣвали одну колодку на двухъ человѣкъ, прихватывая каждаго за одну ногу. Я помню и другой видъ этого инструмента: также большія двѣ колоды со многими проймами, но одна колода неподвижно прикрѣплялась къ землѣ,

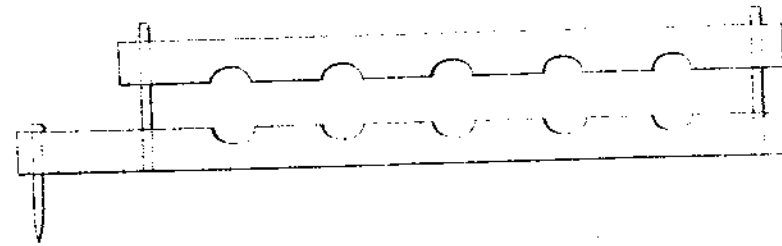

а другая надѣвалась на стержни и потомъ заклинивалась. Разбушевавшихся пьяницъ обыкновенно забивали одною ногою въ одну колоду, пока проспится. Инструментъ этотъ назывался *гусакъ* и употреблялся селянами и послѣ 1861 г.

бравируетъ передъ толпою и въ тоже время старается устранить себя отъ мѣстной, польской расправы; онъ, вѣроятно, знаетъ, что если назовется запорожцемъ, его не будутъ судить польскія власти, а отошлютъ въ Кіевъ, въ Конъ или сдадутъ коменданту крѣпости св. Елизаветы. Пошибъ безшабашнаго запорожца не оставляетъ его и онъ, бравируя, на вопросъ: *чи е въ тебе, козаченьку, отець, ридна мати?* заявляетъ, что *батько* его *великій лугъ*, а мати— *Січъ*. Но, видно, во мнѣніи толпы эта бравада не спасетъ обреченнаго, и толпа выражаетъ это свое мнѣніе, что вѣдь все-таки доведется добру молодцу *въ неволи погибати*, т. е. не избѣгнуть ему тяжкаго заключенія. Намекнувъ иносказательно на свое происхожденіе, пойманный вслѣдъ затѣмъ категорически объясняетъ, кто онъ, и какъ-бы заявляетъ отводъ о неподсудности.—Что-жъ еще вы меня не поняли, что-ли? какъ-бы говоритъ онъ: «*та вы мени не паны, а я вамъ не хлопець*», т. е. я не подчиненный вамъ, знать васъ не хочу, *догадайтесь, сыны вражи, що я запорожець*. Вотъ только изъ этого послѣдняго категорическаго объясненія публика узнаетъ, кто этотъ сиромаха, видитъ въ немъ симпатичный ей типъ *лыцаря, сироты бездомного*, отданнаго цѣликомъ борьбѣ съ нелюбимыми ляхами. Эта симпатія, сочувствіе къ сиромахѣ выражается словами пѣсни:

Збиралися люде, молоди молодыци...
«Вызволь, Боже, сиромаху зъ темнои темныци!

Особенно *молодымъ молодыцямъ* люба эта удалая фигура сиромахи запорожца: это не тотъ *похнюпа* свой мужъ, мужикъ гречкосѣй, апатично подставлявшій свою *потылыцю* подъ панскій кулакъ, смиренно запрягшійся опять послѣ Палівщины въ ярмо панской власти; нѣтъ, не таковъ этотъ *лыцарь сиромаха*, дерзкій, здоровый, съ чубомъ-оселедцемъ съ конскій хвостъ, съ этими *довгими, начепадюки двѣ, усами*. Да, не у одной изъ *молодыхъ молодыць*, затрепетало сердце при видѣ этого молодца. Но вотъ сквозь толпу протискивается *приглянувшая Галя зъ чорными бровами* и смѣло при всѣхъ обнимаетъ его и цѣлуетъ. Вслѣдъ за ней летитъ запоздавшая другая, взволнованная, испуганная, сконфуженная... Эта не съумѣла выразить свою любовь поцѣлуемъ, а только успѣла кинуться на шею добру молодцу и, сокрушенная тревогой, женскою стыдли-

востію, нервная, страстная, плачетъ на груди у своего милаго, рыдаетъ истерически—*ся вже не такая* (смѣлая, бойкая).

Ся обняла козаченьки, тай плакати стала,

кратко говоритъ пѣсня.—Такъ моему воображенію представляется эта картина. Но очень можетъ быть, что здѣсь изображена сцена того, практиковавшагося на Украйнѣ въ послѣднія времена ея заселенія, обычая, по которому преступникъ, осужденный на смерть, получалъ свободу и жизнь, если въ минуту казни являлась свободная женщина, желавшая повѣнчаться съ нимъ, и въ знакъ того давала ему поцѣлуй. Если хотите, заключительныя слова пѣсни, въ коихъ высказывается надежда еще *йсти* такъ *сласно*, какъ и прежде, оправдываютъ послѣднее предположеніе. Пѣсня оканчивается все-таки выраженіемъ непримиримости героя пѣсни къ ненавистнымъ ляхамъ:

Таки ляхамъ, вражимъ сынамъ, поки живъ, не забуду.

Обстоятельства занесли меня съ Украйны на по-Донщину. На этомъ новомъ мѣстѣ жизнь моя сложилась такъ, что я стоялъ внѣ непосредственнаго сближенія съ народомъ, и мои этнографическія занятія сами собою прекратились, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой они велись на Украйнѣ. Это произошло отчасти и отъ того, что мнѣ пришлось жить въ велико-русскомъ селѣ, чуждомъ для меня по народности, мало понятномъ въ его бытовомъ строѣ и потому мало меня занимавшемъ. Въ 1869 году мнѣ пришлось перевезти къ себѣ моихъ дочерей, 3 и 5 лѣтъ, остававшихся до той поры въ одномъ селѣ на Украйнѣ, въ той народной средѣ, коей я обязанъ настоящими моими воспоминаніями. Дочери мои, между прочими пріобрѣтенными ими въ селѣ знаніями, за три года нашей разлуки и ихъ жизни въ селѣ, научились пѣть украинскія пѣсни чисто по народному и вывезли изъ Украйны порядочный репертуаръ пѣсень, между коими были и незнакомыя мнѣ до той поры. При этомъ нужно знать, что въ селахъ, какъ и вездѣ въ мірѣ, публика тоже подвержена измѣнчивости вкусовъ и симпатій, что и въ селѣ дѣйствуютъ законы моды: какая нибудь новая пѣсня вдругъ ни съ того, ни съ сего входитъ въ моду, *припадае до смаку* деревенской публикѣ и долгое время преимущественно, до прискучиванія, поется всѣми и вездѣ. Случайно занесенный въ село чужой человѣкъ, часто даже прохожій бурлака, кутившій въ придорожной корчмѣ, кто нибудь болѣе

воспріимчивый изъ своихъ, на сторонѣ научившійся пѣть въ самую точку вкуса публики, приноситъ новую пѣсню и пѣсня эта поется всѣми. Вставляютъ припомянутыя части, варьируютъ, *выводятъ* её на всѣ лады и она становится своею, замѣняетъ въ сельскомъ репертуарѣ прежнюю какую либо пѣсню, пока въ свою очередь не уступитъ опять какой нибудь новой. Вслѣдствіе этого, такъ сказать, модничанья села, выходитъ то, что записавшій извѣстныя пѣсни въ селѣ черезъ нѣкоторый промежутокъ времени можетъ уже и не найти въ томъ-же селѣ этихъ пѣсень, а услышитъ новыя, до той поры имъ не слыханныя.

Проживая въ русскомъ селѣ, гдѣ нельзя было услышать и одного слова по малорусски, я съ великимъ наслажденіемъ прослушивалъ пѣсни моихъ дѣвочекъ, пѣтыя нѣжными дѣтскими голосами, но съ замѣчательною точностію народной украинской интонаціи. Занесенный впослѣдствіи на черноморское побережье Кавказа, я не разъ, выбившись на лодкѣ на широкую гладь моря, любуясь восхитительнымъ видомъ уступовъ горъ то зеленыхъ, то синѣющихъ, то бѣлѣющихъ снѣговыми вершинами, упивался звуками пѣтыхъ моими дочками заунывныхъ пѣсень далекой родины.

Между этими пѣснями была одна, которую я и прежде слыхалъ на Украйнѣ; она записана мною, кому-то отдана, но по сю пору не встрѣчалась мнѣ въ знакомыхъ сборникахъ, хотя ее можно-бы отнести къ пѣснямъ историческимъ. Это пѣсня про Бондаривну, жертву неукротимой страстности пана старосты каневскаго, Николая Потоцкаго, называемаго иногда просто *банитомъ* (banita по польски, съ латинскаго значитъ изгнанникъ). Этимъ послѣднимъ названіемъ обозначалось то, что человѣкъ этотъ былъ лишенъ покровительства законовъ. Всякій коронный чиновникъ обязанъ былъ такого человѣка при первой возможности арестовать и безо всякаго суда казнить, а убить безнаказанно могъ всякій, кому вздумается. На старостѣ каневскомъ тяготѣло около 150 уголовныхъ приговоровъ по различнымъ дѣламъ и по каждому изъ нихъ онъ, какъ не являвшійся въ судъ, уклоняющійся отъ закона, былъ приговариваемъ къ баниціи (banitia), т. е. лишенію покровительства закона. Но панъ сей, всегда окруженный вооруженною, преданною ему дружиною легко вербуемыхъ въ то смутное время головорѣзовъ, былъ недосягаемъ для безсильной польской

судебно-исполнительной и административной власти, особенно въ такомъ далекомъ уголкѣ королевства, какимъ была поднѣпровская Украйна.

На Украйнѣ можно было въ недавнее время услыхать много разсказовъ про самодурства этого шального магната. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ записаны уже и напечатаны (Голка Сторожевскаго, Стихотворенія Осташевскаго). Народъ-же въ его творчествѣ поэтическомъ увѣковѣчилъ память этого самодура-изверга въ пѣснѣ о Бандаривнѣ. Въ пѣснѣ этой разсказывается общеизвѣстный на Украйнѣ фактъ убійства паномъ старостою крестьянской дѣвушки Бондаривны.

Николай Потоцкій жилъ на Украйнѣ, нужно полагать, въ срединѣ прошлаго столѣтія, къ концу первой и въ началѣ второй половины его. Послѣ неудавшейся попытки Палія и Самуся колонизировать и занять для присоединенія къ московскому царству опустошенную Украйну, что было въ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія, на Украйнѣ опять водворилось безначаліе, опять начали ее терзать разные претенденты на обладаніе ею, пока наконецъ въ 1713 году по прутскому договору она не была отдана опять Польшѣ. Опять начинается новая колонизація или, лучше сказать, оккупація Украйны поляками, при чемъ, разумѣется, шляхта не съ разу вселяется въ край, а исподоволь подвигается съ Волыни и Полѣсья. Скорому поселенію шляхты на Украйнѣ мѣшала опасность столкновенія съ возникшимъ въ то время гайдамачествомъ. Запорожская Сѣчь разорена была передъ тѣмъ Петромъ Великимъ, главный, такъ сказать, легализированный пріютъ бѣглыхъ и недовольныхъ перенесенъ былъ на турецко-татарскую территорію въ Алешки, и вотъ все это недовольное, буйное, все непримиряющееся съ польскими порядками ютится по степнымъ балкамъ запорожской степи, по опустѣлымъ селищамъ южной Украйны, по камышамъ Выси и Синюхи и въ Черномъ лѣсу, на водораздѣльномъ между бассейнами днѣпровыхъ и бугскихъ рѣкъ кряжу. Отсюда дерзкими загонами эти мальконтенты, извѣстные подъ именемъ гайдамакъ, дѣлаютъ грозные набѣги на селившуюся на Украйнѣ шляхту и долго не даютъ ей устроиться на новыхъ мѣстахъ.

Панъ Николай Потоцкій былъ однимъ изъ этихъ вселяющихся на Украйнѣ колонизаторовъ. Волынскій магнатъ знатнаго рода,

онъ получаетъ титулъ каневскаго старосты и отправляется лично устраивать этотъ далекій отъ Волыни край. То, что онъ явился уже въ Каневщину не первый, или то, что ближайшая къ Каневщинѣ Украйна была уже до извѣстной степени заселена и имѣла возможно-устроенный видъ, доказывается уже тѣмъ количествомъ уголовныхъ приговоровъ, какое тяготѣло надъ этимъ самодуромъ. Значитъ въ томъ краѣ уже было кого обижать изъ такихъ, за кого заступался законъ (хлопъ былъ внѣ закона), значитъ были уже въ краѣ хоть какія нибудь юрисдикціи, въ которыхъ постановлялись приговоры. А такъ какъ для всего этого нужно было время и такъ какъ въ 1760 году мы встрѣчаемъ Николая Потоцкаго кающимся грѣшникомъ, строющимъ церкви въ Почаевѣ [1]); то мы и опредѣляемъ время жизни его на Украйнѣ концемъ первой и началомъ второй половины прошлаго столѣтія.

Забившись въ этотъ далекій уголокъ края, Николай Потоцкій, по натурѣ, какъ видно изъ разсказовъ, страстный и чудаковатый самодуръ, предается полному произволу, разнузданному разгулу, недосягаемый закономъ, не стѣсняемый мнѣніемъ людей далекаго отъ него его круга. Тутъ онъ всевластенъ, тутъ онъ безъ толку благодѣтельствуетъ, по капризу обижаетъ, тутъ онъ въ минуты невоздержнаго гнѣва и убиваетъ людей. Здѣсь онъ одѣвается въ козацкое платье, широкіе шаровары и отращиваетъ запорожскій оселедець [2]) и вообще дѣлаетъ, что дѣлали до него и послѣ него многіе польскіе паны—козакофильствуетъ. Въ послѣднемъ, т. е. въ козакофильствѣ это тотъ-же Тимко Падура, Михаилъ Чайковскій, Богданъ Залескій, Гощинскій и иные мелкіе козаколюбцы нашей эпохи—это все тоже, только при иной обстановкѣ, въ иной исторической рамкѣ. Онъ заселяетъ новыя села, привлекая поселянъ различными льготами, помощію при обзаведеніи хозяйства, тѣшится этими своими селами, пьетъ, гуляетъ въ нихъ, снаиваетъ громады и въ тоже время неравнодушенъ къ карымъ очамъ и чернымъ бровямъ своихъ поселянокъ. Имя одной изъ его амантокъ Приськи увѣковѣчивается въ названіи одного новозаселеннаго села—Прыцьки.

[1]) См. «Кіевская Старина», іюнь 1884 г., ст. «Почаевская успенская лавра, князь Н. С. Голицына.

[2]) Ibid.

Въ память пьяныхъ оргій съ этою Приською (чуть-ли это не та самая воспѣтая Бондаривна), цѣлою фразою наименовываются нѣсколько селъ: Николаевка, Потокъ, Піи, Прыцьки, Пивци [1]), что означаетъ: Николай Потоцкій пьетъ съ Приською пиво (Nikołaj Potocki pije z Pryśką piwko).

Въ разсказахъ, какіе мнѣ приходилось о немъ слышать, п. каневскій староста не вызываетъ абсолютной ненависти народа. Нѣтъ, что-то похожее на отношенія народа къ личности извѣстныхъ разбойниковъ сквозило въ слышанныхъ мною разсказахъ объ этомъ самодурѣ. За нимъ, какъ за популярнымъ эксцентрикомъ, признавалась какъ-бы извѣстная доля права кого-то высѣчь, самымъ оригинальнымъ образомъ кого-то разсудить въ спорѣ между собою, потѣшиться надъ «жидовою» и наконецъ даже причинить кому-то самую смерть при неумѣренной жалости или при вспышкѣ невоздержнаго гнѣва. Съ нимъ устраиваются состязанія въ находчивости, въ перехитриваніи его придирокъ, причемъ онъ сплошь и рядомъ бываетъ побиваемъ ловкостію какого нибудь незначительнаго, маленькаго человѣка, къ нему идутъ судиться въ трудно-разрѣшаемыхъ случаяхъ спора, къ его наконецъ личности пріурочиваются различнѣйшія курьезныя приключенія, на самомъ дѣлѣ случавшіяся вовсе не съ нимъ, а съ другими лицами. Вообще это популярная историческая личность этотъ п. староста каневскій среди заселявшейся вновь Украйны.

Мы позволяемъ себѣ очертить эту оригинальную личность, по тѣмъ впечатлѣніямъ, какія остались у насъ отъ всего читаннаго и слышаннаго о немъ, слѣдующимъ образомъ.

Не дюжинный по природѣ, съ нравственнымъ складомъ, отличнымъ отъ склада людей его круга, не ужившись на Волыни въ магнатско-шляхетской средѣ, Николай Потоцкій уходитъ въ далекій, не заселенный вполнѣ еще край и здѣсь создаетъ себѣ особое положеніе полновластнаго владыки, устраиваетъ своего рода statum in statu, гдѣ его воля, его желаніе—законъ и правило жизни. Недостаточно подготовленный для поддержанія въ себѣ и въ окружающемъ его міркѣ безусловно нравственнаго режима, онъ тѣмъ не менѣе соотвѣтствуетъ потребности нужнаго въ этомъ краѣ по

[1]) Села каневскаго уѣзда.

тому времени сильнаго устроителя, преданнаго своему дѣлу. Здѣсь обуеваетъ его козакоманія, онъ сходится съ приходящими къ нему посельниками, помогаетъ этимъ посельникамъ, любитъ ихъ, заслуживаетъ популярность, гуляетъ, пьетъ съ ними, влюбляется въ Приську Бондаривну преимущественно предъ другими временными коханками, воловодится съ нею до тѣхъ поръ, пока наконецъ въ минуту вспышки не застрѣливаетъ ее, а затѣмъ плачетъ, убивается по ней, тоску и угрызенія совѣсти заливаетъ все больше и больше виномъ, сразу послѣ этого-же процесса видитъ отшатнувшимся отъ себя любимый имъ, хотя-бы изъ эротизма, народъ, увидавшій и въ этомъ популярномъ человѣкѣ жестокаго пана-ляха, становится мрачнымъ пьяницею, ипохондрикомъ, пустившимся во вся тяжкая. Мрачный, вѣчно пьяный, съ осунувшимися чертами лица, съ отвисшею нижнею губою, онъ въ послѣднее время жизни его на Украйнѣ только неистовствовалъ. Пріѣзжая въ какое нибудь село, онъ сейчасъ-же устраивалъ съ соблюденіемъ всей обрядности «весилля». Намѣченную дѣвушку вѣнчали съ нимъ (священники это дѣлали, будучи угрожаемы пистолетомъ), устраивалась всеобщая попойка, и молодыхъ по чину, какъ слѣдуетъ, укладывали спать, при чемъ *молодой* п. староста былъ обыкновенно пьянъ. По утру на другой день молодожонъ жаловался своимъ приближеннымъ на неудобство быть женатымъ, требовалъ развода и разводъ этотъ устраивался очень просто: клевреты схватывали *молоду* въ мѣшокъ и топили въ ближайшей рѣчкѣ. И этакія звѣрскія продѣлки практиковались не разъ, пока наконецъ этотъ сумасшедшій извергъ какими-то судьбами не пошелъ въ почаевскую лавру каяться.

Бѣдная Украйна! чего ты только не вытерпѣла отъ разнаго рода властныхъ самодуровъ?!

Народъ въ пѣснѣ воспѣлъ случай убійства Бондаривны, причемъ, разумѣется, память ея украсилъ цвѣтами поэзіи и окружилъ ее вѣнкомъ своихъ симпатій. По словамъ пѣсни, п. Канёвскій, откуда-то явившійся (де не взявся), встрѣчаетъ Бондаривну *водящею передъ* въ хороводѣ. Онъ привѣтствуетъ ее снятіемъ шапки, обнимаетъ, цалуетъ и, напоминая о прежнихъ любовныхъ отношеніяхъ, спрашиваетъ, любитъ-ли она его и теперь, какъ и прежде. На это гордая красавица, очевидно никогда не любившая старосту, отвѣчаетъ дерзкою насмѣшкою, называетъ его псомъ. «*Якъ кохала тебе,*

пане, такъ теперъ кохаю,—де побачу межъ панами, за пса тебе маю». Нужно знать, что ругательство *песъ, собака, сука, сучка*, у народа имѣетъ особое значеніе; этими словами обозначается присущность ругаемому невоздержности въ половыхъ инстинктахъ, распущенность половая у женщинъ и ловеласничество, настойчивое достиженіе ласкъ любви у мужчинъ. «*Такый уже собака, такый песъ*... говорятъ про мужчинъ этого пошиба; *вона усе ривно, що отъ сучка*—про женщинъ. Такимъ образомъ обозваніе Бондаривною и старосты псомъ въ пѣснѣ имѣетъ особое значеніе, указываетъ намъ на ловеласничество въ характерѣ его, причемъ видно, что этой Бондаривнѣ субъективно приходилось испытывать нахальство п. Канёвскаго. Это было, такъ сказать, послѣднимъ отвѣтомъ на заискиванія ловеласа и притомъ отвѣтомъ вполнѣ оправдываемымъ какъ поведеніемъ его, такъ и сложившимся о немъ мнѣніемъ публики: *ціи вирни слова*. Брошенная публично въ глаза укоризна была такъ правдива, что п. старостѣ нечего было сказать, и онъ озлобленный, сконфуженный, съ угрозой какъ-бы прощается съ Бондаривною. Опытные, знавшіе неукротимость п. старосты люди предостерегаютъ Бондаривну, совѣтуютъ ей уходить. Она слѣдуетъ этому совѣту, кроется въ толпѣ уходящихъ людей, уже достигла какого-то моста, но высокая, стройная ея фигура выдаетъ ее преслѣдователямъ, которые схватываютъ ее, ведутъ къ ново-выстроенному дому п. старосты, гдѣ заставляютъ ее пѣть пѣсню. Можетъ быть, эта Бондаривна при своей красотѣ, обратившей вниманіе п. старосты, была одарена и хорошимъ голосомъ, плѣнявшимъ его въ числѣ прочихъ ея качествъ. Или можетъ быть эта *писенька* былъ плачъ, *тужиньня* осиленной дѣвушки, знавшей, что не добро ее ждетъ. Такъ или иначе, но бѣшеный панъ стрѣляетъ въ нее подъ правое ухо. Сразу прервалась пѣсня, *нѣма* стала Бондаривна, *оглохлая*, она уже ничего не услышитъ, ни вопля стараго Бондаря, прибѣжавшаго къ ней, лежащей на сырой землѣ, и ударившагося объ полы руками, ни погребальной музыки, ни причитыванія самаго старосты, проливающаго слезы и искренно жалѣющаго молодой роскошной (*пышной, пригожой*), какъ полная вишня и *червоная* роза, красы ея. Кровь, рѣкою текущая (*кривавая ричка*) и образовавшая кровавую дорожку (*кривавая стежка*) несчастной жертвѣ панской разнузданности, какъ-бы вопіетъ къ слушателю этой пѣсни, взывая о чувствѣ

жалости, о достойной мести и осужденіи этого сумазброднаго убійцы.

Вотъ она, эта самая пѣсня въ ея жалобномъ, какъ-бы погребальномъ народномъ напѣвѣ, такъ удачно, съ чисто народною интонаціею переданная мнѣ моими дочерьми и обязательно положенные на ноты г. Красноютскимъ.

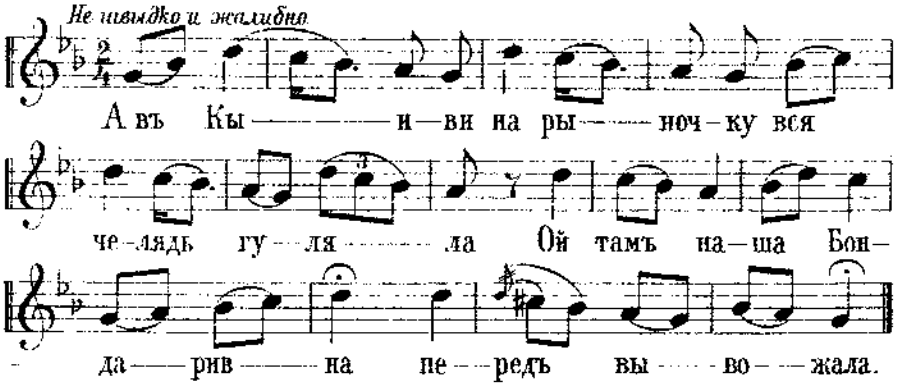

А въ Кыеви на рыночку вся челядь гуляла,
Отъ тамъ наша Бондаривна передъ вывожала.
Де не взявся панъ Канивській и, шапочку знявши,
Обнявъ нашу Бондаривну, обнявъ, поцилувавъ.
«Чи кохаешъ, Бондаривно, якъ перше кохала,
Якъ перше до намету було прихожала?»
—«Якъ кохала тебе, пане, такъ теперъ кохаю:
Де побачу межъ панами, за пса тебе маю».
—Якъ почувъ же панъ Канивській ціи вирни слова...
«Прощай, прощай, Бондаривно: оставайся здорова!»
Якъ почули ціи слова старенькіи люде—
«Тикай, тикай Бондаривно, лихо тоби буде!»
Якъ побигла Бондаривна, тай стала втикати;
А за нею два ляшеньки іи доганяти.
Якъ догнали Бондаривну на дубовимъ мосту...
«Шкода, шкода Бондаривно: высокого росту!»
Якъ привели Бондаривну до новои осельки,
Заставили Бондаривну спивати писеньки.
Молодая Бондаривна писеньки спивае,
А из-заду панъ Канивській ружье заряжае.

Якъ ударить Бондаривну пидъ правее ухо,
Стала наша Бондаривна нѣма и оглухла.
Прибигае старый Бондарь—вдарився объ полы...
Лежить наша Бондаривна тай на земли доли.
Ой лежала Бондаривна и часъ и годину,
Поки звеливъ панъ Канивській зробить домовину.
А въ нашои Бондаривны въ подыськахъ мережка...
Куды несли Бондаривну—кривавая стежка.
А въ нашои Бондаривны червоная стричка—
Куды несли Бондаривну—кривавая ричка.
Ой и звеливъ панъ Канивській музыци заграти,
Та якъ стали Бондаривну въ церкву провожати,
Молодая музыченька у скрыпочку грае,
А из-заду панъ Канивській очи вытирае.
«Молодая Бондаривна, якажъ бо ты пышна?!
«Якъ у лити у садочку червоная вышня!
«Молодая Бондаривна, якажъ ты пригожа?!
«Якъ у лити у садочку червоная рожа!..

(Слышана въ Дударяхъ каневскаго уѣзда)

Но въ слышанномъ мною народномъ разсказѣ объ этомъ событіи дѣло вышло иначе.

Само собою разумѣется, что это все не могло случиться въ Кіевѣ, гдѣ панъ староста Каневскій не могъ такъ своевольничать. По слышанному нами разсказу дѣло это было въ Потокѣ, мѣстечкѣ каневскаго нынѣ уѣзда. Панъ Потоцкій имѣлъ обычай разъѣзжать по своимъ маетностямъ и каждое посѣщеніе его знаменовалось повальнымъ пьянствомъ и всеобщимъ кутежемъ. Играла музыка, ставилось угощеніе всѣмъ, и молодежь пѣла и плясала, *звеселяла* пана. Панъ Потоцкій построилъ новый домъ въ Потокѣ и по этому случаю шло сугубое пьянство. «*Якъ уже, бувало, дуже опьяніе, то вже до нёго никого не допускають, такъ уже було й приказано: нихто не попадайся на очи. Заразъ бувало закрывають наметъ и становлять козака, щобъ никого не допускавъ до нёго, а то винъ пьяный бувавъ не самовитый*». Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Пьянаго пана старосту уложили въ новомъ домѣ и поставили на сторожѣ козака, чтобы никого не впускать въ домъ. «*Ну, а люде, звычайно, пьють, гуляютъ сами. Ну, и челядь гуляе.* Бондаривна

была въ числѣ гуляющихъ; была-ли она дѣвушка или покрытка, неизвѣстно; скорѣе послѣднее. Ей вздумалось пойти къ пану старостѣ. Козакъ *не посмивъ зупиныть* (очевидно она была вхожа къ старостѣ), *та тильки що увійшла въ двери, а винъ схопивъ рушныцю та торохъ въ неи. Народъ такъ и шарахнувсь, хто куды; де той и хмиль подився. Винъ* (т. е. староста) *самъ іи хоронивъ, поминавъ хороше, убивався за нею. Таке-то!*

Таке-то! скажемъ и мы, вторя разсказчику.

Борисъ Познанскій.

23 августа 1885 года,
г. Павловскъ.

ИВАНЪ ПОДКОВА[1].

Историческій разсказъ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

I.

Въ началѣ царствованія Стефана Баторія Баръ поднялся до значенія первоклассной крѣпости, особенно съ того момента, когда южная граница выдвинулась въ глубь степей. Сарницкій, писавшій въ концѣ XVI-го вѣка, утверждаетъ, что барская крѣпостца построена при самомъ входѣ въ Татарію—*in ipso aditu Scyphiae excitata.* Въ то время считали ее уже опаснымъ форпостомъ, въ которомъ могутъ держаться только отважнѣйшіе воины.

Къ югу отъ сказаннаго форпоста простирались пустынныя и печальныя степи, «пристанище дикаго звѣря», переходившія къ востоку въ дикія поля, а къ западу достигавшія береговъ Днѣстра. Чуть-ли не у самаго города разстилалась пустыня, которая сообразно времени года принимала соотвѣтствующій характеръ. Зимою снѣжныя мятели бѣшено бушевали на ея равнинахъ, и неистовый

---

[1]) Польская историческая литература богата произведеніями, сюжеты которыхъ заимствуются непосредственно изъ исторія южной Руси,—того ея періода, когда южная Русь находилась въ политическомъ единствѣ съ Польшею. Кромѣ несомнѣнныхъ научныхъ достоинствъ и иногда высоко-художественнаго изложенія, произведенія этого рода представляютъ для насъ и тотъ еще существенный интересъ, что даютъ намъ свѣдѣнія, почерпнутыя изъ источниковъ намъ недоступныхъ. Въ ряду польскихъ писателей нашего времени, посвящающихъ труды свои собы-

вѣтеръ, разбиваясь о городскія стѣны, производилъ гулъ, похожій на удары тарана, весной разстилался цвѣтистый коверъ, а надъ нимъ носились и щебетали разныя птицы, и воздухъ былъ полонъ звуковъ, пѣсенъ и аромата. Но уже въ іюнѣ, когда травы выростали въ ростъ человѣка, надо было удвоить бдительность, потому что изъ подъ Бѣлгорода или Очакова поднимался лукавый татаринъ и, скрываясь въ высокихъ бурьянахъ, пробирался по куяльницкой балкѣ кучманскимъ шляхомъ, который приводилъ его къ самому Бару. Поэтому часто приходилось жечь траву, чтобы избѣжать засады.

Въ это время степь представляла грозный и величественный видъ: днемъ клубы дыма поднимались надъ ней, а въ темную ночь милліоны огненныхъ языковъ летали въ воздухѣ, и горячая волна, подгоняемая вѣтромъ, плыла по равнинѣ, обнимала цѣлый горизонтъ.

Испуганный народъ выбѣгалъ изъ лѣсныхъ дебрей, тянувшихся въ окрестностяхъ Бара, и сторожилъ днемъ и ночью на опушкахъ лѣса, пока пожаръ не отодвигался отъ него, устремляясь къ берегамъ Чернаго моря. Выжженная равнина представляла картину полнаго опустошенія, прикрывшись, какъ трауромъ, чернымъ покрываломъ.

тіямъ и лицамъ южно-русской исторіи, выдаются по своей талантливости, эрудиціи, тщательному подбору и художественной обработкѣ историческаго матеріала, докторъ А. Кубаля и докторъ І. Ролле, пишущій подъ псевдонимомъ доктора Антонія и извѣстный нашимъ читателямъ по библіографическимъ отзывамъ о его трудахъ. Предлагаемый здѣсь разсказъ принадлежитъ перу послѣдняго и изданъ имъ въ 1880 г. въ Львовѣ вмѣстѣ съ двумя другими разсказами. Мы предлагаемъ этотъ разсказъ вниманію нашихъ читателей какъ потому, что онъ касается наиболѣе темнаго въ исторіи нашего козачества времени, такъ и потому еще, что онъ не печатался въ Россіи даже въ польскомъ текстѣ, а тѣмъ болѣе не являлся въ переводѣ на русскій языкъ и едва-ли кому либо, кромѣ записныхъ историковъ, извѣстенъ. Въ разсказѣ почтеннаго автора Подкова является далеко не въ такихъ яркихъ краскахъ, какъ въ пѣсняхъ народныхъ и козацкихъ лѣтописяхъ,—здѣсь роль его по видимому даже болѣе пассивная; но, помимо точки зрѣнія автора, виною тому конечно недостатокъ точныхъ историческихъ данныхъ. Къ сказанному авторомъ можно прибавить развѣ, что, по мнѣнію Пясецкаго, однимъ изъ мотивовъ казни Подковы было разореніе имъ Козлова (Евпаторіи), а Папроцкій, современникъ Подковы, разсказываетъ, что Подкова отбилъ у татаръ Ѳедора Букія.

Стараясь держаться въ переводѣ возможно ближе подлинника, въ тоже время я опустилъ ссылки автора на источники, сдѣлалъ кой-гдѣ отъ себя подстрочныя примѣчанія и тамъ-же привелъ письмо Филиппа Тальдуци, изданное въ 1852 г. Пшездецкимъ вмѣстѣ съ письмами Аннибала изъ Капуи.—Переводч.

Однакожъ, если въ окрестностяхъ перепадали дожди, снова покрывалась она буйной зеленью, среди которой разростались бурьяны—родъ будяковъ, названныхъ простымъ народомъ *перекати-поле* (Ergodium campestre) изъ семейства зонтичныхъ. Наеживши́сь, скромные метельчатые кустики выглядятъ довольно мило, но осенью, когда сѣверные вѣтры разгуляются въ степи, растеніе, подрѣзанное ихъ силой, склоняется на бокъ и съ скоростью птицы улетаетъ на югъ. Въ XV-мъ вѣкѣ татары уже занимались собираніемъ этихъ будяковъ, которые въ безлѣсныхъ мѣстахъ замѣняли имъ дрова. Непривычный видъ представляетъ степь во время передвиженія увядшаго растенія: небо пасмурное, свинцовое, тяжелое; буря воетъ протяжно и уныло, и цѣлая равнина какъ-бы двигается съ непріятнымъ шелестомъ, который производятъ катящіеся сухіе будяки. Заблудившійся путешественникъ испытываетъ непріятное чувство среди вихря крутящагося перекати-поля: конь пятится, жмется, преодолѣвая препятствія, и усталый останавливается, какъ вкопанный; безпокойство овладѣваетъ имъ до такой степени, что надо усилія воли человѣка, чтобы преодолѣть испугъ животнаго...

Вотъ въ одинъ изъ такихъ осеннихъ вечеровъ 1576 г. стража барскаго замка, выправленная въ степь на развѣдки, замѣтила больше десятка всадниковъ, медленно приближавшихся къ стѣнамъ города.

Кто эти путники?—угадать было трудно. Сѣрыя свитки, козацкія бараньи кучмы, отличныя лошади, блестящее вооруженіе—тяжелыя ружья, и бердыши, и пики, и даже свѣсившіеся у плечъ щиты, словомъ гости невиданные и совсѣмъ неожиданные въ той сторонѣ. Правда, съ недѣлю тому назадъ панъ староста выслалъ на развѣдки съ десятокъ черемисовъ, но тѣ совсѣмъ иначе были одѣты, и по формѣ ихъ одежды мѣстные жители сейчасъ узнали-бы ихъ. А въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ такъ часто заглядывали сюда непрошенные гости изъ Перекопа и другихъ татарскихъ кочевьевъ, что невольно поднималась тревога при видѣ этой маленькой кучки людей... А ну, если это авангардъ «чамбула» (загона)?

Между тѣмъ всадники смѣло съ знаками мира приблизились къ городскимъ воротамъ, и начальникъ отряда потребовалъ немедленнаго свиданія съ мѣстнымъ старостой.

Въ то время должность эту занималъ Николай изъ Пилявитовъ Бучацкій, иначе называемый Творовскимъ, истый охранитель гра-

ницъ Рѣчи Посполитой, жившій здѣсь больше, нежели въ родовомъ своемъ Бучачѣ; даже жена его, изъ дому Радзивилловъ, съ дѣтьми пересиживала въ пограничномъ городѣ; должно быть здѣсь было безопаснѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Пришелецъ, введенный къ старостѣ, назвалъ себя Иваномъ Волошиномъ, роднымъ братомъ недавно замученнаго господаря Ивони, а потому имѣющимъ несомнѣнныя права на волошскій престолъ, и просилъ помощи. Въ доказательство своихъ правъ представилъ онъ письма молдавскихъ бояръ съ ихъ печатями. Въ письмѣ къ пограничному старостѣ Рѣчи Посполитой заключалась просьба, чтобы онъ не отказалъ претенденту въ военномъ отрядѣ только до Днѣстра, а на противуположномъ берегу они уже сами будутъ ожидать новаго властелина. Такого-же содержанія было и другое письмо къ кн. Константину Острожскому.

Бучацкій попалъ въ очень неловкое и хлопотливое положеніе. Сначала онъ отдѣлывался отъ гостя ни къ чему не обязывающими любезностями, а въ концѣ, однако, попросилъ оставить крѣпость сейчасъ-же, если хочетъ избѣжать непріятностей, потому что Порта легко можетъ узнать о его пребываніи на границѣ, и тогда онъ не ручается за послѣдствія, но все-таки обѣщалъ увѣдомить обо всемъ короля и склонить его на сторону претендента.

Иванъ послушалъ благаго совѣта и двинулся въ окрестности Брацлава.

Дѣйствительно, не очень счастливое время выбралъ онъ для осуществленія своихъ плановъ. Стефанъ Баторій старался елико возможно скорѣе и миролюбивѣе покончить счеты съ востокомъ. Варвары въѣлись ему въ бока, изъ года въ годъ опустошая пограничныя провинціи. Едва успокоилась Украйна послѣ набѣга 1573 г., какъ новый чамбулъ наводнилъ южную провинцію, да такъ былъ ужасенъ и столько крови стоилъ намъ, что русскіе, подольскіе и волынскіе послы явились на сеймъ въ траурѣ, такъ засѣдали и въ палатѣ. Народъ до сихъ поръ поетъ печальную думу объ этомъ погромѣ... Кулишъ приводитъ отрывокъ изъ пѣсни о гетманѣ Ружинскомъ, получившей содержаніе изъ этой эпохи. Отрывокъ этотъ слѣдующій:

«Ой Богдане, Богдане, запорожськый гетьмане!
Ой чого жъ ты ходишъ въ чорнимъ оксамыти?

Гей булы въ мене гости татарове;
Одну ничку ночували,
Стару неньку зарубали,
А миленьку соби взяли...

Но и послѣ этого нападенія набѣги татаръ не прекращались. Малые отряды хищниковъ вторгались очень часто въ Польшу, не обращая вниманія на бдительность пограничной стражи. Король, занятый подъ Данцигомъ, готовясь къ войнѣ съ Москвой, внимательно слѣдилъ за югомъ. Онъ отправлялъ посломъ въ Цареградъ Яна Семинскаго, галицкаго каштеляна, снабдивъ его значительною суммою и поручая ему выхлопотать у падишаха приказъ, который сдержалъ-бы крымскихъ и бѣлгородскихъ хищниковъ.

Посолъ оттягивалъ отъѣздъ; король настаивалъ на своемъ.

«Желаемъ, писалъ онъ ему, чтобы ты ѣхалъ, какъ можно скорѣе, не взирая ни на какія обстоятельства... Вторично напоминаемъ и весьма желаемъ, чтобы твоя вѣрность выѣхалъ поскорѣе въ дорогу. Мы и такъ уже замедлили... исполни, не мѣшкая, то, о чемъ многократно пишемъ».

Приведенныя слова Баторія говорятъ о его энергіи, настойчивости. Но каштелянъ, забравъ ввѣрительныя грамоты и деньги на путешествіе, спокойно ожидалъ въ родномъ Рымановѣ на Руси, пока не пройдетъ буря послѣдняго чамбула.

И какъ въ самомъ дѣлѣ было ему ѣхать? Хищники бросились подъ Дубно, ища будто-бы кіевскаго воеводу (кн. Константина Острожскаго) и Шаха, наказнаго атамана, который недавно заступилъ дорогу и изрядно потрепалъ ихъ. Самъ Магометъ-Гирей, султанъ, сынъ крымскаго хана, участникъ похода, въ письмѣ, писанномъ изъ Ташлыка къ волошскому воеводѣ и перехваченномъ барскими козаками, яркими красками описываетъ свои подвиги. «Мы были подъ сорока зáмками, а не могли найти его; потомъ расположились подъ Дубномъ и приказали искать его по селамъ... Нѣтъ уже больше земли ихъ, какъ это мы видѣли теперь своими глазами». Говоря другими словами, нигдѣ не встрѣтили они сопротивленія. И Магометъ-Гирей, и младшій братъ его Доршъ-Гирей смѣло могли хвалиться небывалыми успѣхами. «Вторглись они, т. е. татары, писалъ въ то самое время князь Збаражскій коронному вице-канцлеру, между Кіевомъ и Бѣлою-Церковью и добрались до Дубна,

Ровно, Луцка и Перемышля, разорили кременецкое староство, имѣнія кіевскаго воеводы кн. Вишневецкаго и Збаражскихъ. При множествѣ людей шли смѣлѣе: людей, стада, скотъ, имущество, которыхъ не могли взять съ собой, жгли съ домами и гумнами; почти разорили землю, ничего не оставивши».

Набѣгъ удался, и орда ожидала на степяхъ, не удастся ли ей повторить его. И время для этого было вполнѣ подходящее. Прекрасный май облекъ украинскую землю въ пышныя одежды невыразимой прелести. Въ этомъ году (1577) весна была удивительно теплая; погода стояла прекрасная. Уже въ половинѣ февраля плуги сновали по полямъ, а послѣ дождливаго апрѣля зазеленѣли нивы, покрытыя восхитительнымъ ковромъ озимыхъ посѣвовъ; зацвѣли луга, деревья пріодѣлись въ снѣжные букеты, предсказывая обильный урожай. Пограничнымъ жителямъ улыбалась осенняя прибыль, но людскія надежды не всегда осуществляются.

Такъ и теперь хищные сосѣди привели въ страшное безпокойство бѣдный народъ. Уже въ первыхъ числахъ мая слуги барскаго замка, высланные на развѣдки, несли вѣсть, что Альби-Гирей, султанъ царевичъ, залегъ между Очаковымъ и Бѣлгородомъ съ силами въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ, а Сигаза и Бокай остановились съ десятитысячнымъ таборомъ на бѣлгородскихъ поляхъ. Бусурмане собирались сдѣлать нападеніе на Баръ, Липковъ, Каменицу, а спустя неполныхъ три недѣли остановились кошомъ подъ Сатановымъ и Олескомъ, очертивши окружность въ 120 съ лишнимъ верстъ. Бучацкій внушалъ предусмотрительность и предупреждалъ обо всемъ своихъ товарищей—пограничныхъ старостъ; послалъ также реляцію къ подольскому воеводѣ Николаю Мелецкому, но предусмотрительность ни къ чему не привела, потому что не было войска, почти все оно двинулось за королемъ.

Передъ нами списокъ военныхъ отрядовъ, собранныхъ съ украинскихъ земель. Было четырнадцать хоругвей въ 1,500 лошадей, а именно: хоругвь намѣстника Януша Збаражскаго, брацлавскаго воеводы; Николая Бучацкаго, барскаго старосты; Александра Вишневецкаго, черкаскаго старосты; Влодка, каменецкаго старосты, Крупскаго, воеводича бѣльскаго; Николая Язловецкаго, хмѣльницкаго старосты; Герберта, перемышльскаго старосты; Претвича, трембовецкаго старосты; Даниловича; Андрея и Якова Струсей;

Ланскоронскаго, скальскаго старосты и ротмистра Яворовскаго. Число небольшое, но достаточное для обузданія варваровъ.

Это рядъ именъ пограничныхъ рыцарей—мастеровъ военнаго ремесла, опытныхъ и знающихъ шляхи, какъ свой собственный домъ, потому что, вѣроятно, они больше проводили времени въ полѣ, нежели подъ своей кровлей. Хитрый татаринъ хорошо зналъ, что на пограничной межѣ не застанетъ главныхъ ея охранителей, а потому позволялъ себѣ безнаказано «плюндровать» земли Рѣчи Посполитой.

Какъ мы уже сказали, посолъ лѣниво собирался въ Турцію; онъ могъ легко оправдываться той безурядицей, которая господствовала кругомъ. И въ Рымановѣ не совсѣмъ безопасно оставаться, но все-же веселѣй, чѣмъ въ татарскихъ рукахъ. Все это, однакожъ, несказанно раздражало короля-рыцаря, и шляхта роптала, желая дать почувствовать ему, что онъ не защищаетъ землю, ввѣренную его опекѣ. А тутъ еще, къ довершенію бѣдъ, поднялъ голову и волошскій господарь. Изъ перехваченныхъ писемъ его стало извѣстно, что онъ у татаръ и уже не разъ просилъ султана, чтобы разрѣшилъ ему вторгнуться въ Польшу; одновременно онъ слалъ суплики къ подольскому воеводѣ, каменецкому старостѣ, объ обузданіи подданныхъ его королевской милости, т. е. козаковъ. Когда дѣло дошло до Стефана Баторія, послѣдній выслалъ сейчасъ-же напоминаніе каменецкому старостѣ Влодку, только что прибывшему изъ подъ Данцига.

Въ универсалѣ къ другимъ старостамъ король приводитъ списокъ обидъ, нанесенныхъ украинцами волошскому воеводѣ: «жгутъ ему села, забираютъ скотъ, людей и гонятъ въ нашу землю, грабятъ купцовъ; и наконецъ достойные люди, говоритъ далѣе, даютъ лошадей этимъ злоумышленникамъ и посылаютъ ихъ въ его земли; дальше уже онъ не знаетъ, что и дѣлать!... А въ владѣніяхъ господаря бьютъ турокъ, и этимъ подрываютъ его кредитъ у султана».

Король приглашалъ къ порядку, напоминалъ строгія предостереженія закона и одновременно, какъ знаемъ, отправилъ посольство въ Порту, чтобы она удержала своеволіе татаръ. Порта отвѣтила ему, что набѣги татаръ ни больше, ни меньше, какъ отплата за

насилія и пожары, производимые козаками въ предѣлахъ его султанской милости.

И такъ вся вина упала на козаковъ; отсюда поднялась буря на нихъ во всей Рѣчи Посполитой. Читатель, согласится, что Иванъ Подкова не такъ скоро могъ осуществить свои планы относительно волошскаго престола, если общественное мнѣніе въ Польшѣ дышало негодованіемъ противъ козаковъ.

II.

Даже теперь исторія не съумѣетъ рѣшить, какъ и когда на Днѣпровскихъ островахъ основалась дружина козацкихъ молодцевъ. Изслѣдователи прошлаго до сихъ поръ не соглашаются не только о времени рожденія, но даже объ имени, которое братство получило при крещеніи. Эта община представляла удивительную смѣсь разбойничьихъ инстинктовъ съ благородными рыцарскими стремленіями, страсть къ грабежу и готовность служенія свободѣ. Не будемъ добиваться разъясненія этого темнаго вопроса, иначе намъ пришлось-бы тронуть цѣлый арсеналъ противорѣчивыхъ мнѣній, борющихся въ умѣ самаго безпристрастнаго изслѣдователя: разбойники и хищники, защитники вѣры и наемники варваровъ, словомъ: добродѣтель и преступленіе.

А однакожъ трудно разстаться съ традиціями первой молодости... Думы Залескаго, пѣсни Падуры, повѣсти Чайковскаго такъ идеализировали козачество, что, не смотря на увѣренность, что это не больше, какъ фикція, душа съ сожалѣніемъ возвращается къ ней и оторваться не можетъ,—столько поэзіи, столько прелести въ тѣхъ козачьихъ судьбахъ!

Рядомъ съ поэтами и историки польскіе симпатичнѣе относятся къ козакамъ, описывая эпоху, предшествующую Хмельницкому. Папроцкій восторгается рыцарствомъ степныхъ юнаковъ; какъ другъ Зборовскихъ, онъ смотрѣлъ, видно, глазами Самуила, который самъ гетманствовалъ надъ козаками-молодцами. Бѣльскій добросовѣстно передаетъ факты, черпая ихъ чуть-ли не изъ первыхъ рукъ, но часто вырывается у него слово, дышащее горячей симпатіей къ козачеству... Любинскій выразительно и сильно описываетъ стычки и грабежи; Гейденштейнъ складно и плавно, тацитовскимъ стилемъ,

разсказываетъ событія, какъ были, но почему шли они по тому, а не другому пути—объ этомъ ни слова. Окольскій слишкомъ много страдалъ, чтобы удержаться на высотѣ безпристрастія. Подъ топоромъ толпы, поднявшейся на Низу, онъ видѣлъ гибель товарищей ордена и самаго ордена на Руси, и то въ то время, когда стоялъ во главѣ его.

За то противоположный лагерь взвалилъ на плечи разнузданнаго Запорожья религіозную миссію. Это мнѣніе поддерживали немногочисленные русскіе лѣтописцы, какъ Грабянка, Самовидецъ, Величко и позднѣйшіе: Ригельманъ, Конисскій и Маркевичъ. И однакожъ находимъ неоднократныя доказательства, что козаки грабили какъ польскихъ своихъ земляковъ, такъ и людей одной съ ними религіи, даже охотнѣе бросались на послѣднихъ, можетъ быть, потому, что меньше встрѣчали сопротивленія.

Гдѣ лежитъ правда? Развѣ будущее найдетъ ее! Въ настоящемъ очеркѣ мы можемъ остановиться только на нѣкоторыхъ чертахъ, которыя нужны намъ для характеристики почвы и обстановки, при какихъ выросъ герой нашей разсказа.

Еще острова за днѣпровскими порогами стояли пустыней, когда имя козаковъ пріобрѣло нелестную славу. Славянскій міръ заимствовалъ его у татаръ; козаками называли отважныхъ молодцевъ, хищниковъ, проводниковъ, если хотите, знающихъ хорошо степныя дороги въ пустыняхъ, которыя отдѣляли логовища варваровъ отъ поселеній славянъ. Въ половинѣ XV вѣка и даже раньше встрѣчаемъ съ одной стороны козаковъ рязанскихъ, путивльскихъ, смоленскихъ, а съ другой—азовскихъ, бѣлгородскихъ, крымскихъ, заволжскихъ, по образцу которыхъ образовались уже черкасскіе, брацлавскіе, барскіе, держащіе стражу въ форпостахъ на рубежѣ Рѣчи-Посполитой.

Впослѣдствіи, подражая татарамъ, козаки дѣлали набѣги на сосѣднія государства. Въ царствованіе Сигизмунда Стараго козаки смоленскіе вторглись въ Литву; черкасскіе и хмельницкіе гнались въ далекія степи или на бобровые гоны, или для ловли рыбы, а, можетъ быть, въ надеждѣ урвать что-нибудь изъ значительныхъ татарскихъ стадъ въ пустыни. Сознаніе собственности слабо было у нихъ развито, а счастливый грабежъ одобрялся рукоплесканіями. Разбойничій походъ называли въ Украйнѣ козакованіемъ, хожде-

ніемъ въ козаки, исканіемъ «козацкаго хлѣба», или, какъ Претвичъ называетъ, «залеганіемъ въ поле». Одинъ, другой походы, увѣнчанные успѣхомъ, находили усердныхъ подражателей. Читая исторію, мы видимъ, что первый Прецлавъ Ланскоронскій далъ толчекъ этимъ загонамъ (1516 г.). Во главѣ хорошо организованнаго отряда онъ пустился къ Черному морю, разорилъ Бѣлгородъ, лежащій надъ Днѣстромъ, и—съ тѣхъ поръ, заключаетъ Гваньинъ, начинаются у насъ козаки.

Еще раньше XV-го вѣка организуется колонизація молодцевъ на Низу. Извѣстно, что уже въ 1499 г. являются козаки, какъ торговцы, на кіевскомъ рынкѣ. Разгулу, разврату, пьянству ихъ нѣтъ предѣловъ. Обычай «баламумить женщинъ» сталъ общераспространенъ до такой степени, что взыскиваемыя за это пени составляли значительный доходъ митрополита и мѣстнаго воеводы [1]).

Въ началѣ XVI-го вѣка низовые козаки имѣютъ уже опредѣленную организацію: у нихъ есть и урядники, и атаманы, которыхъ не только русскіе, но и наши исторіографы возвышаютъ до званія гетмановъ и перечисляютъ ихъ въ династическомъ порядкѣ.

Со временемъ Низъ беретъ перевѣсъ надъ другими козацкими дружинами и освобождается отъ путъ, обязывающихъ къ уваженію закона въ то время, когда черкасскіе, брацлавскіе и барскіе товарищи переходятъ въ панскія или замковыя милиціи.

Надо признаться, что польское правительство того времени не думало серьезно о козакахъ. Для цивилизованнаго двора, представляющаго власть, дикія окраины казались таинственной, дикой и неизвѣстной землей. Иногда, но рѣдко проникали въ столицу глухія извѣстія о козакахъ, о ихъ удивительныхъ, преисполненныхъ чудеснаго приключеніяхъ, напоминающихъ фантастическія повѣсти. Бой не уставалъ на цѣлой юго-восточной пограничной линіи; люди гибли безъ ропота; а тамъ вверху не знали даже, какъ стоятъ

[1]) Только слишкомъ незначительную часть этого дохода давали козаки. Кулишъ, цитируя какого-то не указаннаго имъ автора, говоритъ: «привычка дѣлать непочестныя рѣчи съ бѣлыми головами вкоренилась тогда (1499 г.) въ Кіевѣ до такой степени, что пеня за это составляла одну изъ главныхъ статей дохода митрополита и воеводы». Но пеня за непочестныя рѣчи съ такъ называемыхъ гостей, которыми въ то время были турки, татары и армяне, превышала взысканіе съ христіанъ въ двѣнадцать разъ.—Вѣстникъ Европы, 1874 г., мартъ, стр. 23.

дѣла, увеличивается или уменьшается граница государства. Только жалобы дивана и татарскихъ хановъ, доходившія къ королю, хоть на минуту обращали вниманіе нашихъ дипломатовъ въ эту сторону. Масса жалобъ бусурманъ доказывала только, что тамъ на окраинахъ Рѣчи Посполитой какая-то толпа даетъ себя чувствовать татарамъ. Сигизмундъ Старый хотѣлъ упорядочить ее; Стефанъ Баторій не признавалъ ее подъ своей властью: «это, говоритъ онъ туркамъ, горсть разноплеменныхъ людей, ни отъ кого независимыхъ, безъ опредѣленныхъ законовъ и жительства».

И однакожъ эта горсточка безпрестанно повторяла: «мы тутъ!» и это свое существованіе обозначала кровавымъ слѣдомъ на шеяхъ татаръ: жгла ихъ улусы, разоряла новопостроенные города, задавала страху столицѣ могущественныхъ падишаховъ, а на Волощинѣ хозяйничала, какъ у себя дома, даже лучше, потому что своего дома не имѣла... И всегда громко признавала свою зависимость отъ его милости короля и Рѣчи Посполитой, ставя свои ставки на польскихъ границахъ. Однако мы отреклись отъ незаконнаго и непослушнаго ребенка—и отреклись, право, несправедливо.

Въ отношеніи козаковъ грѣшили пренебреженіемъ, а заслуживали они большаго вниманія. Какой закалъ былъ въ этой вооруженной кучкѣ людей! Они относились равнодушно къ холоду и голоду, нечеловѣческій трудъ не надламывалъ ихъ силъ, лишь бы осталась свобода да жизнь не въ ярмѣ, а всѣ неудобства забывались, ничего не значили, были какъ-бы необходимымъ условіемъ жизни—хлѣбомъ насущнымъ. Русскіе современные лѣтописцы умалчиваютъ о нищетѣ низовыхъ козаковъ, пускавшихся въ далекіе походы по безлюднымъ степямъ. Удалось предпріятіе, попадало кое-что въ мошну—козакъ сейчасъ-же все спускалъ; онъ по природѣ былъ расточителенъ, такъ какъ жизнь безъ завтрашняго дня представляла особенную прелесть для тогдашняго времени. Пришелъ завтрашній день,—голодный, вѣрно, безъ жалобъ переносилъ его. Польскіе историки гораздо больше говорятъ о козацкой выносливости. Папроцкій, вспоминая о подвигахъ Самуила Зборовскаго на Низу, прибавляетъ съ сочувствіемъ, что онъ часто ѣлъ жолуди, чтобы не умереть съ голоду, а однажды, вмѣсто того, чтобы идти въ Сороки, повернулъ въ Саврань только потому, что думалъ получить достаточно живности изъ Брацлава; тамъ голодъ донялъ ихъ до того, что рога,

какіе нашли, оленьи копыта, что по нѣсколько лѣтъ лежали, а также кости, какія могли найти, все это ѣли; однакожъ Богъ привелъ его благополучно въ отечество.

Гербовый Папроцкій ставилъ эти хлопоты разбалованному польскому паничу въ большую заслугу, бросая ее въ глаза польскому обществу и какъ-бы желая сказать: «смотрите, какого человѣка погубилъ тиранъ Замойскій, посягающій на нашу свободу!» Папроцкій поднималъ козачество до значенія формальной военной школы. «Много, говоритъ онъ, честныхъ бѣдняковъ ѣздитъ туда для упражненія въ рыцарскомъ дѣлѣ; и паничей русскихъ, подольскихъ не мало заѣзжаетъ, потому что хорошо могутъ изучить и боевой порядокъ, и рыцарское дѣло между козаками».

Если вверху отдѣлывались ничѣмъ «отъ козацкаго вопроса», то въ средѣ тѣхъ, что ближе стояли къ низовымъ козакамъ, постоянно думали о надлежащемъ устройствѣ ихъ. Евстафій Дашковичъ совѣтовалъ королю (1533 г.) устроить изъ нихъ охранную пограничную дружину; 20,000 коней, по его мнѣнію, достаточно было для обузданія набѣговъ орды, и за все это онъ просилъ только хлѣба и одежи. А между тѣмъ мы предпочитали платить татарамъ гарачъ, превышающій 15,000 червонныхъ злотыхъ, будто-бы за готовность ихъ идти на помощь по первому зову Рѣчи Посполитой, но помощи отъ нихъ почти никогда не имѣли! Хорошо понимали это современники, какъ доказываетъ восклицаніе Старовольскаго: «это жалованье (jurgelt), которое платили хану на сабли или кожухи, не что иное, какъ только прикрытое красивымъ титуломъ подданство, въ силу котораго требуютъ теперь отъ насъ опредѣленнаго чинша».

Государственные чины не послушали Дашковича, и, можетъ быть, имѣли основаніе, потому что онъ переходилъ на сторону Москвы и былъ человѣкъ ненадежный. Но спустя десять лѣтъ съ лишнимъ Яковъ Претвичъ,—слава и украшеніе границъ, выступилъ на краковскомъ сеймѣ въ защиту козаковъ. Дѣйствительно, рѣчь его служитъ поучительнымъ матеріаломъ для исторіи. Претвичъ изображаетъ печальное состояніе Украйны въ моментъ пріѣзда его на Подолье: «пустыни были тутъ вездѣ вокругъ укрѣпленій и тянулись даже ко Львову, Люблину и Перемышлю; коронная охрана находилась только въ Барѣ и Синявѣ, слѣдовательно громадное пространство границы было открыто. Татары въ продолженіи сутокъ

пробѣгали до 30 миль, далеко оставляя за собой пограничную стражу и, забравши въ ясыръ множество людей, съ такой-же быстротой убѣгали въ степь, пока въ Украйнѣ успѣвали оглянуться».

«Теперь-же, прибавляетъ пограничный рыцарь, совсѣмъ иначе: наши форпосты выдвинуты на 20 миль въ глубь степей и стоятъ близко одинъ отъ другаго, чтобы взаимно помогать другъ другу. Пограничные воеводы сформировали небольшіе отряды въ 200—300 человѣкъ, которые занимались козакованіемъ, т. е. шли въ засаду, подъ кровомъ ночи совершали свои переходы, а днемъ переживали въ балкахъ, густо заросшихъ травой. Какъ-то татарскіе набѣги стали рѣже, а колонизація быстро подвигалась, потому что народъ въ минуту приближающагося чамбула легко могъ укрыться въ крѣпостцахъ». Однако, не смотря на заслуги Претвича, Сигизмундъ-Августъ перевелъ его на трембовецкое староство (1552 г.) въ угожденіе крымскому хану, а барскіе козаки, такъ прекрасно организованные, вошли въ составъ мѣстной милиціи, причемъ число ихъ вмѣсто того, чтобы увеличить, уменьшили.

Кромѣ этихъ проэктовъ объ организаціи козачества было еще много другихъ, цѣлью которыхъ была защита восточныхъ границъ. Наскучили-бы мы читателю, выписывая всѣ существовавшіе проэкты. Каждый шляхтичъ считалъ своею обязанностію сказать что-нибудь относительно этого, а потому покончимъ на передачѣ содержанія одного проэкта, творцемъ котораго былъ мѣстный житель, о. Іосифъ Верещинскій, кіевскій епископъ. Проэктъ его носитъ неясное названіе *Publiki* и составленъ былъ велебнымъ пастыремъ для братьевъ—шляхты въ 1594 г., слѣдовательно въ такое время, когда на юго-восточной границѣ серьезно думали создать извѣстный *modus vivendi*. Авторъ начинаетъ свой проэктъ предостереженіями шляхтѣ объ опасности.

«Украйну, восклицаетъ онъ, которая длиннѣе и шире всей вмѣстѣ взятой Великой и Малой Польши, трусливо и подло потерять по одной только небрежности или отдать на растерзаніе варварамъ. Какъ-же помочь бѣдѣ? Основать въ этой Украйнѣ рыцарскія школы, а за Днѣстромъ крестоносцевъ по образцу мальтійскаго ордена для лучшей защиты государства отъ всевозможныхъ опасностей». А такъ какъ для приведенія въ исполненіе проэкта нужны средства, то о. Верещинскій предлагаетъ разныя подати, прежде

всего десятину, а если не хватитъ ее, то мыто и чоповое. «А гдѣбы, прибавляетъ, даже и этого чопового не дали на школы изъ боязни, что некѣмъ будетъ наполнить адъ, такъ какъ, по св. писанію, питухи и пропойцы не попадутъ въ царствіе небесное, то наконецъ, совѣтуемъ взять «кварту» [1]) съ украинскихъ старостъ, только по совѣсти, а то нѣкоторые ихъ милости даютъ чуть-ли не десятую часть».

Школа эта должна состоять изъ 2,000 гусаровъ и 3,000 козаковъ и въ ней надо поддерживать строгій порядокъ, а во главѣ ея поставить гетмана.

Натурально, проэктъ не вошелъ въ жизнь и остался лишь доказательствомъ, что только единичныя лица чувствовали потребность привести въ порядокъ пограничныя отношенія, но государственныя сословія были заняты другимъ и принимали такія заявленія равнодушно. Зачѣмъ за Днѣпромъ крестоносцы по образцу мальтійскихъ рыцарей, когда на Низу создалось братство, правда, не религіозное, но солидарное и при умѣломъ обращеніи съ нимъ послушное и сговорчивое?

Никому мы не жалѣли свободы, слѣдовательно здѣсь дѣло шло не о стѣсненіи ея и не о порабощеніи, а о томъ, чтобы направить отважное своеволіе на путь обязанности...

Религіознымъ мнѣніямъ не было тутъ мѣста, потому что козаки смотрѣли индиферентно на эти вопросы. Въ Сѣчи и нигдѣ въ окружности ея на 100 миль и больше не было церкви. Наконецъ Польша Сигизмунда и Баторія отличались такой вѣротерпимостью, какую теперь можно встрѣтить развѣ только въ Соединенныхъ Штатахъ [2]).

Единственную вину противъ козаковъ въ исходѣ третьей четверти XVI-го вѣка видѣли въ ихъ набѣгахъ на перекопскую и бѣлгородскую орды. Наши политики утверждали, что эти набѣги вызывали желаніе отмстки у нашихъ сосѣдей, отсюда столь частые

---

[1]) Кварта — четвертая часть доходовъ съ королевскихъ имѣній, пожертвованныхъ Станиславомъ Августомъ на военныя надобности Рѣчи Посполитой.

[2]) Положеніе автора о вѣротерпимости и свободѣ вѣры, но лишь относительно шляхты. Дѣдичи и державцы отнюдь не были равнодушны къ побѣгамъ ихъ подданныхъ на Запорожье, а что касается индифферентности козаковъ въ дѣлѣ вѣры, то она противорѣчитъ всей ихъ исторіи. Если тогда въ Сѣчи не было церкви, то виною тому было неустройство самой Сѣчи и т. ск. кочевая ея жизнь.

чамбулы. Близорукіе политики! Извѣстно, однако, что главнымъ источникомъ доходовъ варваровъ былъ нашъ народъ. Красивыя женщины, взятыя на польскихъ равнинахъ, продавались въ стамбульскіе гаремы чуть-ли не на вѣсъ золота, а мужчины, какъ невольники, работали на галерахъ Средиземнаго моря, на берегахъ сѣверной Африки, въ Аравіи, даже въ Персіи. Послѣ каждаго набѣга корабли заходили въ Крымъ съ оружіемъ, платьемъ, лошадьми и отплывали наполненные до бортовъ ясыромъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ значительная колонія турецкихъ купцовъ растянула свои шатры подъ Бѣлгородомъ. Они, по обыкновенію, снабжали татарскихъ грабителей провіантомъ и амуниціей, составляли планы походовъ, принимали на себя всѣ ихъ тяжести съ условіемъ, чтобы половина добычи была ихъ. Тутъ вы могли встрѣтить шпіоновъ и проводниковъ, знающихъ почти всѣ тропинки Легистана, тутъ попадались даже уполномоченные надзиратели цареградскихъ купцовъ, слѣдившіе за справедливымъ дѣлежомъ живой недоимки, а въ этой статьѣ самое главное мѣсто занималъ украинскій крестьянинъ, попавшій въ татарскія руки.

А потому, спрашиваемъ, бросили-ли-бы татары свое разбойничье ремесло, если-бъ козаки перестали нападать на ихъ улусы и разорять ихъ юрты? Никогда!.. Обезпечилъ-ли-бы насъ отъ набѣговъ орды платимый ей гарачъ? Никогда!.. А это по той простой причинѣ, что одинъ счастливый чамбулъ приносилъ имъ въ нѣсколько разъ больше выгоды. Взваливать-же всю вину на козаковъ было и несправедливо, и неполитично.

И однакожъ вся шляхта повторяла съ неудовольствіемъ вѣсти объ «украинскомъ своеволіи», требуя уничтоженія козачества. Баторій слалъ противъ него универсалъ за универсаломъ къ пограничнымъ старостамъ и кіевскому воеводѣ. «Приказали мы, пишетъ король въ одномъ изъ нихъ, ясневельможному Константину Константиновичу князю Острожскому, чтобы онъ исполнялъ договоръ, заключенный имъ съ перекопскимъ царемъ, двинулся на Днѣстръ и прогналъ оттуда низовыхъ лотриковъ, а попавшихся въ руки казнилъ смертью». Но русскій князь остался дома... Правда, что «надо было, какъ пишетъ Бартошевичъ, выйти изъ этого неопредѣленнаго положенія, обозначить права короны и указать

права и обязанности военнаго братства, возросшаго до политическаго значенія по безпечности Рѣчи Посполитой».

Поздно! Сеймъ въ 1589 г. учредилъ «порядокъ для низовыхъ козаковъ и Украйны», а спустя три года запорожскій атаманъ Косинскій заронилъ уже искру возстанія.

Невольно переходимъ мы за предѣлы эпохи, которая служитъ фономъ для теперешняго разсказа. Въ эту эпоху Низъ растетъ, мужаетъ и принимаетъ на себя миссію возводить претендентовъ на непривлекательный молдавскій престолъ. И въ этомъ запорожцы подражаютъ польскимъ королятамъ; здѣсь первый выступаетъ Дмитрій Вишневецкій, русинъ изъ рода ополяченныхъ князей, хотя самъ совсѣмъ равнодушный къ новой матери, и сюда этого русскаго приглашаетъ полякъ Ляскій, котораго молдавскія и реформатскія затѣи довели до банкротства. Испуганный разореніемъ, Ляскій пригласилъ козацкаго атамана; искатель приключеній и отважный князь сейчасъ-же является. Почему не попробовать счастья? Не удалось, и авантюристъ поплатился головой [1]), но это не отбило охоты къ подражанію. Наступаетъ цѣлый рядъ претендентовъ сейчасъ-же послѣ него, и то въ какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ. Запорожье сдѣлалось разсадникомъ самозванцевъ.

III.

Одною изъ симпатичнѣйшихъ фигуръ между самозванцами былъ Иванъ Волошинъ, прозванный Серпягой или Подковой. Первое имя дали ему современныя правительственныя корреспонденціи, второе народъ, третье-же нашъ историкъ Бѣльскій, который наибольше писалъ о немъ, и еще не такъ давно былъ единственнымъ источникомъ для событій того времени. Пользовались имъ русскіе лѣтописцы и исторіографы, а Боболинскій, изданный Иванишевымъ,

[1]) Кстати, ни одинъ русскій историкъ не описалъ подробностей смерти народнаго героя Байды, а у Папроцкаго, современника его, даже ровесника, хорошо знакомаго съ событіями того времени, вотъ какъ разсказано о ней: «волохи взяли Пясецкаго измѣной вмѣстѣ съ Вишневецкимъ и отправили въ Турцію; тамъ замучили ихъ ужасной смертью. Въ Цареградѣ надъ морскимъ заливомъ, идущимъ къ Галатѣ, были поставлены двѣ висѣлицы одна надъ другой; на нижней были укрѣплены два растопыренные крюка (на подобіе вилъ), а на верхней только гайка,

цѣликомъ переписалъ нашего автора. Ригельманъ въ своей исторіи поднимаетъ Подкову до званія гетмана и назначаетъ ему восьмое мѣсто въ ряду гетмановъ. Что гетманомъ онъ не былъ—это несомнѣнно[1]); сомнѣваемся даже, былъ-ли атаманомъ въ Сѣчи, потому что въ это время дружинами козаковъ предводительствовали Шахъ (у народа Захъ) и Арковскій, оба такъ часто упоминаемые въ универсалахъ Баторія.

Но познакомимся ближе съ претендентомъ на молдавскую корону. Нѣкоторые писатели доказываютъ, что молдаване назвали Ивана Подковаромъ, потому что онъ занимался кузнечнымъ ремесломъ передъ выходомъ на историческое поприще. По рожденію онъ былъ русинъ, волошиномъ-же названъ оттого, что жилъ въ Молдавіи и оттуда переселился въ Подолію. Подкова могъ быть даже роднымъ братомъ господаря Ивони; съ нимъ онъ пошелъ за Днѣстръ и оставался при немъ впродолженіи его кратковременнаго правленія. Когда это царствованіе кончилось, ему нечего было оставаться, а потому онъ задумалъ начать новую жизнь въ свободной и больше обезпечивающей человѣческія отношенія Рѣчи-Посполитой. Во время выѣзда сторонники убитаго господаря снабдили его вѣрительными письмами къ пограничнымъ панамъ съ просьбой такого содержанія: «помогите добраться ему только въ Молдавію, а остальное мы беремъ на себя». И имѣли они основаніе такъ писать, зная образъ мыслей нашихъ «можновладцевъ». Развѣ не ихъ хоругви вели двухъ Лопушняновъ Александра и Богданка? Помогали тѣмъ, почему не могли помочь теперь Ивану Подковѣ? Въ началѣ мы упоминали о пріѣздѣ его въ Баръ; но здѣсь онъ попалъ на Бучацкаго, человѣка прежде

къ которой была привязана веревка. При помощи веревки подняли Пясецкаго и быстро спустили съ высшей висѣлицы на низшую; онъ, падая, зацѣпился ребромъ за крюкъ, залился кровью и скоро умеръ, потому что поворотился головой внизъ. Послѣ него тоже сдѣлали съ Вишневецкимъ, но тотъ зацѣпился ребромъ и повернулся глазами вверхъ, а потому жилъ еще три дня, пока невѣрный не застрѣлилъ его изъ лука, такъ какъ Вишневецкій проклиналъ Магомета и его вѣру».—Папроцкій, «Гербы», стр. 557—548.

[1]) Говоря это, авторъ, конечно, понимаетъ слово гетманъ въ его позднѣйшемъ, а не первоначальномъ смыслѣ, когда онъ былъ лишь начальникомъ отряда въ походѣ, какъ въ Запорожьѣ XVIII ст. всякій такой начальникъ носилъ названіе полковника.

всего рыцарскихъ правилъ, который не игралъ въ политику,—попалъ притомъ въ такое время, когда желѣзная рука Баторія давала себя чувствовать уже на далекихъ окраинахъ. Король слалъ строгія приказанія старостамъ, предписывалъ сохраненіе порядка, рекомендовалъ бдительность. Потому-то Бучацкій такъ легко отдѣлался отъ претендента пустыми обѣщаніями, не рѣшаясь что-либо начать безъ воли короля. Хорошо еще, что позволилъ ему оставить крѣпость!

Иванъ двинулся въ Брацлавщину. Тамъ легче могъ онъ снестись съ запорожцами, которые собирались здѣсь обыкновенно на зимнія квартиры; наконецъ тутъ ожидалъ его преданный ему душой и тѣломъ молдаванинъ—землякъ Чапа.

Много лѣтъ тому назадъ, Чапа, выгнанный переворотами, бывшими насущнымъ хлѣбомъ въ его родной землѣ, очутился на украинскихъ степяхъ и какъ былъ онъ человѣкъ мирный, то забросилъ военное ремесло, женился на русинкѣ и поселился въ брацлавской волости. Хозяйство его шло не дурно, состояніе имѣлъ порядочное: большія стада гуляли въ полѣ, денегъ было довольно въ сундукѣ; дѣти воспитывались уже по-русски; гостепріимству научился у сосѣдей. При всемъ томъ Чапа хотя пустилъ корни въ новой землѣ, обезпечивающей ему миръ и счастье, но не забылъ стараго отечества и не разорвалъ съ нимъ связей.

Какимъ путемъ Подкова попалъ къ Чапѣ, сказать не съумѣю, но разъ усѣвшись подъ его кровлей, могъ жить спокойно и безопасно. Стараго волошина ослѣпили доводы, представленные претендентомъ, и письма бояръ, занимающихъ самое высокое положеніе въ Молдавіи. Кажется, не обошлось тутъ и безъ романа. У Чапы была красивая дочка; дѣвушкѣ понравился пришелецъ. Хотя одѣтъ онъ былъ очень скромно и окруженъ бѣдной свитой, однакожъ что-нибудь да значило, если родитель окружалъ его такимъ почетомъ, а таинственный видъ и внѣшность авантюриста были въ его пользу. Иванъ былъ высокаго роста, широкоплечій, неимовѣрной силы, потому что ломалъ подковы, какъ лепешки, кромѣ того пріятный въ обращеніи, кроткій; рѣчь его съ женщинами скромная, изысканная, и вообще онъ былъ деликатенъ и вѣжливъ... Дѣвушка увлеклась, но увлеченіе перешло скоро въ страхъ, когда она узнала, что избранникъ ея сердца есть прямой владѣлецъ волошской короны, если не *de facto*, то *de jure*.

Это открытіе, не смотря на нѣкоторый страхъ, еще больше воспламенило ея чувство. Старикъ Чапа подстерегъ привязанность дочери и очень обрадовался, зная, что Подкова отвѣчаетъ ей тѣмъ-же... Почему не стать-бы ей «домницей?» Но какъ добыть корону? Немировъ во всѣ вѣка былъ настоящимъ козацкимъ городомъ и лежалъ на межѣ; въ Немировѣ есть пріятели, а потому слѣдуетъ посовѣтоваться съ ними.

Сказано—сдѣлано.

Въ Немировѣ Чапа встрѣтилъ шляхтича, который тоже искалъ Подкову, тоже жаждалъ помочь ему, чтобы при благопріятно сложившихся обстоятельствахъ добиться положенія или по крайней мѣрѣ выгоднаго и покойнаго куска хлѣба.

Это былъ панъ Станиславъ Копыцкій, шляхтичъ собственнаго герба, во всякомъ случаѣ лицо историческое и притомъ интересное; происходилъ онъ изъ другаго конца Рѣчи Посполитой, изъ Помераніи; отсюда перекочевалъ на Подолію и поселился на волошской границѣ; служилъ во всевозможныхъ хоругвяхъ, но все какъ-то не удачно; съ Вишневецкимъ и Ивоней разорялъ Волощину; съ козаками былъ свой человѣкъ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ забрался первый разъ на Низъ и съ тѣхъ поръ каждый разъ, какъ на границѣ утихало и не было работы, возвращался на Запорожье. На Хортицѣ онъ обращался въ рѣчнаго или сухопутнаго запорожца, занимался рыболовствомъ съ такимъ-же удовольствіемъ, какъ сниманіемъ татарскихъ головъ или грабежемъ откормленныхъ стадъ на бѣлгородскихъ пастбищахъ. И въ плѣнъ очень часто попадалъ, но всегда счастливо вывертывался изъ него; родной языкъ почти забылъ, за то по русски говорилъ, какъ будто родился надъ Днѣпромъ; и по молдавски зналъ, и по турецки могъ не дурно разговориться; крова собственнаго не имѣлъ, все его имущество—добрый конь, не много оружія и копѣйка всегда въ запасѣ, потому что деньги и тогда много могли сдѣлать. Только что вернулся Копыцкій въ Баръ на зимнія квартиры изъ какого-то таинственнаго похода и привезъ нѣсколько новинокъ старостѣ о татарахъ, какъ послѣдній въ благодарность намекнулъ ему о Подковѣ.

Копыцкому того только и надо.

— Гдѣ? какъ? спрашивалъ заинтересованный.

— Ни съ чѣмъ поѣхалъ въ Брацлавщину, отвѣтилъ Бучацкій.

Спустя нѣсколько дней панъ Станиславъ Копыцкій шнырялъ уже по Немирову и съ осторожностію развѣдывалъ о Подковѣ; встрѣтился съ Чапой и скоро съ нимъ поладилъ. Съ этимъ-же волохомъ отправился онъ въ деревню къ Подковѣ, радуясь, какъ разсказываетъ Бѣльскій, его счастью и обѣщая помогать ему по мѣрѣ возможности, за что Подкова очень благодарилъ его и просилъ доказать на дѣлѣ свои обѣщанія, въ свою очередь обѣщая хорошо вознаградить его, если Господь поможетъ возвратиться въ отечество, куда призываютъ его на престолъ подданные.

Недолго продолжались совѣщанія въ домѣ Чапы: подвижный шляхтичъ сейчасъ вошелъ въ условія съ Шахомъ. Атаманъ зимовалъ тогда въ Немировѣ и бѣдовалъ, не зная, что ему дальше дѣлать съ собой, потому что ничего не было слышно о походахъ въ татарскія земли, а между тѣмъ королевское око зорко слѣдило и рука ослабляла энергію. Планъ Копыцкаго очень заинтересовалъ и обрадовалъ Шаха.

Копыцкій разбрасывалъ тогда не мало денегъ между молодцами, козачество весело гуляло, а мѣщане перешептывались, что будетъ какая-то робота. Копыцкій потиралъ руки отъ удовольствія, разсчитывая, сколько онъ получитъ барышей на затраченный капиталъ. Предпріятіе, правда, было рискованное, при неудачѣ можно было и шею сломать... Но уже такая природа пограничныхъ людей, такой ужъ тамъ царилъ обычай! На степяхъ рядомъ съ пограничнымъ столбомъ бѣлѣли груды костей предшественниковъ, которые здѣсь поскользнулись; послѣдователи ступали равнодушно по костямъ, даже не думая о томъ, что ихъ можетъ постигнуть такая-же участь. «Смерти бояться не слѣдуетъ, говаривали козаки, ея не избѣжишь». А окозачившаяся шляхта повторяла обыкновенно это мнѣніе и шла на проломъ впередъ. Шахъ только что сталъ дѣлать карьеру, такъ какъ еще недавно выбрали его атаманомъ; онъ хотѣлъ зарекомендовать себя съ хорошей стороны и привелъ съ собою 330 козаковъ. Чапа тоже собралъ небольшую кучку людей въ Брацлавщинѣ, и походъ быстро готовился. Весь отрядъ состоялъ наибольше изъ 500 человѣкъ. Съ такой горстью людей завладѣть Волощиной—сущее безуміе. Передъ тѣмъ самъ Подкова такъ думалъ; онъ собирался только развѣдать, желая въ другое время попытать счастья. Походъ начался въ концѣ 1576 г. и въ

началѣ 1577 г. Глубокій снѣгъ лежалъ на степяхъ; въ жизненныхъ припасахъ былъ недостатокъ, но храбрость города беретъ. По льду Днѣстра и Прута добрались козаки въ Волощину. Какое пространство страны они заняли, объ этомъ молчатъ лѣтописцы; но скоро козацкіе разъѣзды наткнулись на сильные отряды, которые собиралъ волошскій господарь Петръ Хромой для пріема непрошенныхъ гостей. Подкова отступилъ, довольствуясь грабежемъ, а козаки по своему въ концѣ концевъ опустошили побережья Прута, и пока волохи оглянулись, напастники были уже дома.

Претендентъ зажилъ опять у Чапы, снова глядѣлъ въ ясныя очи его дочки, а Копыцкій во главѣ 60-ти вооруженныхъ человѣкъ занималъ почетный караулъ при будущемъ князѣ и собиралъ козаковъ на квартиры въ Немировъ, хотя городъ принадлежалъ брацловскому воеводѣ Янушу Збаражскому и управлялся особымъ намѣстникомъ, назначеннымъ владѣльцемъ. Уже изъ этого видно, что князь смотрѣлъ снисходительно на своеволія запорожцевъ. Недавно жаловалась на него Порта королю, что прячетъ у себя козаковъ, которые дѣлаютъ ей большой вредъ. Но не одинъ Збаражскій потакалъ ихъ шалостямъ, по его слѣдамъ шли и другіе пограничные старосты. Бучацкій свободно пустилъ Ивана, Влодекъ Каменецкій молчалъ, какъ будто ничего не зналъ о походѣ. Оборскій, коронный стражникъ, который имѣлъ резиденцію въ Зиньковѣ, даже аплодировалъ; ему-ли стать на дорогѣ смѣлому наѣзду на враговъ Рѣчи Посполитой? ему, который, какъ поэтически выражается Нѣсецкій, «имѣлъ частыя и удачныя битвы съ невѣрными и часто онъ отъ нихъ и они отъ него въ торкмышовыхъ бинтахъ за столъ садились».

И все прошло-бы даромъ, если-бъ испуганный и обезпокоенный волошскій господарь не поднялъ большаго шуму. Онъ послалъ чауша съ вѣстью къ галицкому каштеляну, который все-таки еще не двигался изъ Рыманова, что козаки наѣзжаютъ на его землю и, если король не удержитъ ихъ, то нечего ожидать мира съ турецкимъ султаномъ. Семинскій приготовилъ реляцію королю, донося о препятствіяхъ, мѣшающихъ его посольству, а такъ какъ опасность надо было поскорѣе устранить, то одновременно извѣстилъ обо всемъ подольскаго воеводу. Мелецкій, какъ оберегатель границъ и коронный гетманъ, уже не могъ принять дѣло равнодушно; онъ

выслалъ тогда Яна Боболецкаго, ротмистра, во главѣ хоругви съ приказаніемъ унять авантюриста.

Бѣльскій такъ разсказываетъ исторію этого похода: «Боболецкій, разсчитывая найти Подкову въ Немировѣ, двинулся прямо туда и засталъ его тамъ, но Подкова своевременно остерегся и выѣхалъ изъ города, имѣя при себѣ пятьдесятъ пѣшихъ съ ружьями. Пріѣхавши на одинъ бродъ, въ который забрелъ по брюхо коню, онъ выстроилъ впереди себя стрѣлковъ. Когда Боболецкій подъѣхалъ къ этому броду и увидѣлъ построившихся людей въ хорошемъ, но неудобномъ для нападенія мѣстѣ, то повернулъ назадъ. Подкова тоже поѣхалъ за нимъ въ Немировъ. Боболецкій требовалъ у немировскаго намѣстника выдачи Подковы. Намѣстникъ отвѣчалъ ему: «я тебѣ выдать не могу, но и не запрещаю, возьми его, если можешь».

Отвѣтъ наивный, не правда-ли? Бѣльскій, кажется, вѣритъ всему, но вѣрить этому такъ трудно! Боболецкій, ротмистръ на Подольи, человѣкъ испытанный, во главѣ трехъ хоругвей, по крайней мѣрѣ 150 человѣкъ, хорошо конечно вооруженныхъ, привычныхъ къ способамъ войны на границѣ, отступаетъ передъ пятидесятью ружьями и ихъ предводителемъ, стоящими въ ручьѣ, образовавшемся вслѣдствіе весеннихъ разливовъ. Встрѣча кончилась ничѣмъ; обѣ воюющія стороны спокойно возвращаются въ городъ и бокъ о бокъ стоятъ на квартирѣ, вѣрно, въ наилучшемъ согласіи; королевское войско и козаки, можетъ быть, пьютъ подъ одной кровлей. Какъ-же этому повѣрить?

Настоящая комедія! Также понималъ ее и Стефанъ Баторій, такъ какъ, увѣдомленный обо всемъ, послалъ строгіе выговоры пограничнымъ старостамъ, при чемъ самый суровый достался князю Збаражскому. Король понялъ, что пограничные паны имѣютъ свою собственную политику, а онъ хотѣлъ безусловнаго послушанія, и въ упомянутомъ письмѣ приказывалъ, чтобы брацлавскій воевода немедленно поймалъ Ивана Волошина и отдалъ его въ руки шляхетнаго Валентія Маковецкаго, коморника.

Приказаніе свое король оканчиваетъ слѣдующей непривычной и многознаменательной угрозой: «если какъ нибудь иначе сдѣлаешь, чего мы о вашей вѣрности, какъ о нашемъ сенаторѣ, не хотѣли-бы думать, то какъ нибудь это не пройдетъ тебѣ, и ты

будешь имѣть достаточно хлопотъ отъ Рѣчи Посполитой... Мы принуждены будемъ приказать инстигатору (прокурору) поступить съ вашей вѣрностью, какъ съ нарушителемъ мира и спокойствія на границѣ». Приказъ, подписанный въ Мальбургѣ 5-го ноября, дошелъ, вѣроятно, на границу въ декабрѣ, именно въ то время, когда Подкова достигъ временнаго успѣха во вторичный свой походъ.

IV.

Претендентъ, окруженный небольшимъ отрядомъ, весной двинулся къ Днѣстру. Теперь онъ не держался уже польской границы и, боясь, чтобы не задержали его, утонулъ въ зеленыхъ степяхъ съ всегда вѣрнымъ ему Чапой и предпріимчивымъ Копыцкимъ. Шахъ во главѣ 600 молодцовъ ожидалъ Подкову на главномъ шляху, проторенномъ, какъ говоритъ Бѣльскій, и привѣтствовалъ его здѣсь пѣснями и музыкой. Радостно затрубили трубы, весело откликнулись имъ литавры. Козаки выглядѣли по праздничному, въ боевомъ строѣ, на превосходныхъ лошадяхъ, въ праздничныхъ жупанахъ, въ бараньихъ разноцвѣтныхъ кучмахъ, вооруженные самопалами, саблями, алебардами и копьями. Надо было произвести впечатлѣніе на волошскую чернь и напугать турокъ, которые не очень охотно сражались съ молодцами. Пословицы, сохранившіяся до настоящаго времени, отчетливо отпечатлѣваютъ ту боязнь османовъ, какую они чувствовали при встрѣчѣ съ запорожцами. Одна изъ нихъ, напримѣръ, выражается такъ: «у насъ (на Запорожьѣ) де кракъ (кустъ), тамъ козакъ, а де байракъ, тамъ и сто козакивъ». Другія, не менѣе характерныя слова, вложены въ уста падишаха [1]), который однажды выразился такъ: «когда кто-нибудь изъ сосѣднихъ государствъ объявитъ мнѣ войну, я сплю спокойно, но когда козаки ведутъ ее со мною, тогда долженъ безпрестанно прислушиваться однимъ ухомъ».

Атаманъ помнилъ это и не молчаливо, но съ пѣсней на устахъ входилъ въ Сороки. Чернь сейчасъ объявила его господаремъ; ей было все равно: всякій господарь съ Божьей-ли, ляшской или турецкой воли на то и княжилъ, чтобы обирать крестьянина. Вѣковой опытъ выработалъ это твердое убѣжденіе въ волошскомъ царапинѣ

[1]) Амуратъ III.

(въ родѣ нашихъ крестьянъ), а потому онъ уступалъ съ дороги, если могъ, прятался въ свой хуторъ, стоящій гдѣ-нибудь въ сторонѣ или нанимался въ пастухи, и велъ жизнь уединенную, на безлюдьи, захваченный-же нечаянно, дѣлалъ все, что ему приказывали, думая только объ одномъ, какъ-бы ускользнуть въ степь хоть съ одной душой, даже лишившись имущества. Возгласы и одобренія толпы немного значили, оставался на дорогѣ еще кто-то, кого надо было одолѣть, т. е. господарь съ горстью своихъ сторонниковъ и затяжнымъ турецкимъ войскомъ. Но первыя встрѣчи великолѣпно удались: на равнинѣ подъ Яссами заступилъ дорогу козакамъ Петръ Хромой, а впереди его шла турецкая артиллерія, хотя небольшая, но все-же грозная. Долго обѣ стороны смотрѣли другъ другу въ глаза, наконецъ у мусульманскихъ пушкарей не стало терпѣнія, и они открыли огонь. Нѣсколько моментовъ дымъ покрывалъ поле битвы, но вотъ онъ разсѣялся и... о чудо! непріятельскій лагерь какъ будто пропалъ, какъ будто весь полегъ. Волошская конница скачетъ, чтобы убѣдиться въ тріумфѣ, скачетъ отважно и слѣпо— и попадаетъ въ засаду. Козаки употребили хитрость: убѣдившись, что турецкія пули, кромѣ треску, не дѣлаютъ вреда, они припали къ землѣ, какъ мертвые, а когда непріятель приблизился, по командѣ поднялись, какъ одинъ человѣкъ, и ударили въ сабли и пики. Триста турокъ пало, а остальные въ бѣгствѣ искали спасенія. Теперь уже безъ сопротивленія побѣдители вошли въ Яссы, и городскія власти привѣтствовали ихъ. Подкова объявленъ господаремъ и принялъ названіе Ивана Воды. Шахъ назначенъ главнымъ предводителемъ всѣхъ военныхъ силъ, Чапа маршаломъ, а скромный Копыцкій буркулабомъ Хотина, т. е. губернаторомъ и комендантомъ крѣпости. Во всякомъ случаѣ тутъ безопаснѣе, Днѣстръ близко, а за Днѣстромъ Рѣчь Посполитая. Наконецъ и традиція была симпатична, потому что немного лѣтъ тому назадъ здѣсь были буркулабами и Ляскій, и Порайчикъ Доброколовскій. Счастливый организаторъ похода отправился въ новую резиденцію; предшественникъ уступилъ ему дорогу безъ протеста, т. е. просто убѣжалъ въ польскіе предѣлы и нашелъ гостепріимное убѣжище въ Коломыѣ, у Якова Струся.

Подкова началъ княжить съ 23-го ноября 1577 г.; княжилъ едва-ли два мѣсяца и, какъ человѣкъ спокойный и добрый, не отрубилъ ни одной головы, какъ это обыкновенно дѣлали его пред-

шественники. Удивляться имъ не слѣдуетъ, господари учились у турокъ; вступленіе на престолъ не имѣло прелести, если ступени трона не были забрызганы кровью противника. Оттого короткое и спокойное господарство Ивана не оставило слѣдовъ въ исторіи; въ ряду правящихъ господарей выглядитъ онъ, какъ-бы человѣкъ не той эпохи, но заблудившійся и не съ Запорожья, а изъ цивилизованной страны. Скромный украинскій подковаръ началъ свое правленіе актомъ милосердія; онъ приказалъ освободить всѣхъ узниковъ, «которые колвекъ были тамъ на скупѣ», т. е. предназначены въ продажу. Впослѣдствіи онъ послалъ къ султану, увѣдомляя его о своемъ избраніи и прося о хоругви. Это былъ актъ подчиненности и ленной зависимости; хоругвь съ полумѣсяцемъ, развѣвающаяся надъ господарскимъ дворцомъ, означала верховную власть Порты. Посланный однако не достигъ Цареграда: въ дорогѣ былъ пойманъ и задержанъ.

И только знаемъ объ Иванѣ Водѣ, какъ волошскомъ господарѣ.

И о дочери Чапы нигдѣ никакого извѣстія. Можетъ быть она не имѣла времени собраться изъ глухой брацлавской деревушки въ резиденцію къ своему возлюбленному въ коронѣ.

Лишенный престола Петръ не призналъ себя побѣжденнымъ. Онъ обратился прежде всего къ падишаху съ жалобой и просьбой о помощи, но получилъ не очень утѣшительный отвѣтъ.

— «Я тебя, отвѣчалъ султанъ, считаю своимъ подданнымъ и дамъ я тебѣ господарство, чтобъ ты служилъ мнѣ, гдѣ я тебѣ прикажу! И такъ приказываю тебѣ, чтобъ ты выгналъ тамъ этого лотрика, а если этого не сдѣлаешь, я возьму твою голову, и на твое мѣсто пошлю другаго».

Условіе довольно тяжелое, но въ молдавской исторіи обыкновенное. Несчастный Петръ употребилъ всѣ средства, на послѣднюю копѣйку собралъ войско и вступилъ въ новую борьбу съ Подковой. Употребилъ онъ забавную стратегическую хитрость, въ которой главную роль играло стадо скота; но именно оно, вмѣсто помощи, было причиной фатальной катастрофы. Детренизованный господарь приказалъ гнать передъ своимъ войскомъ стадо воловъ, желая смять имъ ряды Подковы. Но волы взбѣсились, испугавшись стрѣльбы, и вмѣсто того, чтобы броситься на ряды непріятеля, повернули назадъ и бросились на свою армію. Войско Петра, разби-

тое собственнымъ рогатымъ авангардомъ, разбѣжалось, оставивши довольно убитыхъ. Боболинскій утверждаетъ, что въ это время на полѣ битвы было 8,000 человѣкъ, но, вѣроятно, эта цифра увеличена по крайней мѣрѣ въ восемь разъ, чего не считаемъ даже нужнымъ доказывать читателю.

Петръ, однако, и теперь не потерялъ головы. Онъ отправился въ Семиградъ, откуда скоро обѣщали ему и помощь. Иванъ, увѣдомленный объ этомъ, рѣшилъ ретироваться съ честью. Но куда двинуться? На Запорожье трудно, потому что страшно было пускаться въ путь зимою по безлюднымъ, покрытымъ снѣгомъ степямъ, слѣдовательно надо было спасаться въ Брацлавщину; тутъ онъ пользовался всеобщею любовью, тутъ легко могли простить ему набѣгъ на Молдавію.

Подкова двинулся въ Немировъ. Козаки обѣщали не оставить его; отъ мѣщанъ онъ ждалъ снисходительной встрѣчи, потому что везъ съ собой большое богатство, и кромѣ того изъ Яссъ забралъ всѣ артиллерійскіе снаряды съ 14-ю цатью пушками. Въ концѣ января Подкова вышелъ изъ столицы.

А бѣдный Копыцкій, назначенный буркулабомъ? Слѣдовало и его извѣстить о намѣреніи удаляющагося господаря. Въ самомъ дѣлѣ, съ десятокъ козаковъ пробѣжали въ Хотинъ, и какъ разъ во время, потому что организаторъ похода чуть не поплатился жизнью за свою карьеру. Бывшій буркулабъ, узнавши объ ожидаемой помощи изъ Семиграда, воспомоществуемый Струсемъ, взялъ штурмомъ крѣпость, арестовалъ Копыцкаго и рѣшилъ отправить въ подарокъ Петру Хромому. Шляхтичъ, ни откуда не ожидавшій помощи, должно быть очень обрадовался, увидѣвши на дорогѣ молодцевъ, которые въ одну секунду разогнали волошскій конвой, ворвались въ городъ, изрубили буркулаба, ограбили лавки и съ освобожденнымъ Копыцкимъ потянули въ Подолію. Копыцкій сердечно поблагодарилъ козаковъ и отправился искать счастья въ въ другомъ мѣстѣ. Въ Немировѣ онъ не остался, зная, что тамъ нечего ожидать ему добра.

Брацлавскій воевода очень встревожился, когда донесли ему, что Иванъ Волошинъ, разыскиваемый коморниками, перешелъ границу Рѣчи Посполитой, во главѣ значительнаго отряда, съ значительнымъ числомъ пушекъ. Онъ далъ знать Мелецкому, и долго

они совѣтовались, какъ лучше поступить имъ. Это касалось ихъ обоихъ, такъ какъ Баторій подозрѣвалъ ихъ въ сочувствіи этому походу, и потому оба они были въ нѣкоторомъ сомнѣніи, какъ поступить имъ. Козаки, хотя своевольные и непослушные, все-же были сыновья одной матери, подданные Рѣчи Посполитой; для того-же, чтобы поймать «господарчика», надо было пролить братнюю кровь. Стали тогда пробовать, не удастся-ли какъ нибудь убѣжденіемъ успокоить бурю.

Съ этою цѣлью Збаражскій самъ пріѣхалъ въ Немировъ, расположился во дворцѣ, запросилъ къ себѣ Шаха съ старшиной и представилъ имъ все дѣло въ настоящемъ свѣтѣ, объясняя, въ какое самъ попалъ затруднительное положеніе. Атаманъ понялъ аргументацію и просилъ совѣта.

— Пусть Подкова ѣдетъ въ Варшаву, отвѣтилъ князь, король уважаетъ храбрыхъ людей, можетъ быть и ему проститъ.

Аргументъ этотъ убѣдилъ запорожца [1]). Не надо было, наконецъ, уговаривать Подкову; *ex*-господарь легко принялъ предложеніе. Прощаясь съ козаками, онъ благодарилъ ихъ за помощь, а пушки раздарилъ: двѣнадцать далъ воеводѣ, а двѣ гетману; гетманъ подарилъ ихъ комендату, и уже въ спискѣ XVII вѣка мы нашли среди «крѣпостныхъ гарматъ и амуниціи» замѣтку о пушкахъ Серпяги.

Подкова въ свитѣ князя поѣхалъ сейчасъ на Русь къ Мелецкому. Можетъ быть, одна дочка Чапы, ломая свои бѣлыя руки, прощалась съ возлюбленнымъ, не покидая надежды на будущее величіе и счастье,—не предчувствовала она печальнаго конца, который сулила судьба молодому герою. Въ ея дѣвичьей головѣ гостила другая тревога: идетъ далеко въ столицу, а тамъ столько красавицъ-ляшекъ... Вѣренъ-ли будетъ козакъ?

Подкова пустился къ Вислѣ, свободный, даже съ нѣкоторыми почестями. Съ нимъ было нѣсколько вѣрныхъ козаковъ; онъ пользовался такими симпатіями пограничной шляхты, что она не дала его

---

[1]) По свидѣтельству Гейденштейна (ч. I, стр. 286), Подкову выправилъ въ Варшаву не Мелецкій, но каменецкій капителянъ Николай Синявскій, и это намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ Мелецкій, самъ когда-то вводившій въ Молдавію Богданка, не могъ не сочувствовать продолжателю его предпріятія Подковѣ.

въ обиду. Прибылъ онъ въ Варшаву къ концу сейма, который собрался въ февралѣ 1578 г. Баторій принялъ его по своему сурово, какъ хищника и мятежника, приказалъ сейчасъ арестовать его, наложить на ноги оковы и держать подъ строгимъ карауломъ. Былъ-ли это соотвѣтствующій шагъ, вызванный необходимостью или крайностью? Нѣтъ. Иванъ Волошинъ не былъ исключительнымъ примѣромъ своеволія: онъ былъ звеномъ длинной цѣпи, тянувшейся въ продолженіи десяти съ лишкомъ лѣтъ; онъ протянулъ руку за господарской короной, какъ протягивали передъ нимъ Гераклидъ, два Лопушняна, послѣ нихъ Могилы—отецъ и сынъ, и всегда дѣлали это при помощи подданныхъ Рѣчи Посполитой. Долженъ-ли Подкова одинъ отвѣчать за всѣхъ? Печальная судьба досталась ему въ удѣлъ. Великій король не зналъ мѣстныхъ отношеній, голова его была полна проэктами о сильной и сконцетрированной власти, а тутъ какой-нибудь шляхтичъ на границахъ игралъ въ удѣльнаго князя, и было еще большое одолженіе съ его стороны, если онъ доносилъ верховной власти о сдѣланномъ поступкѣ, не желая санкціи и полномочія. А сколько у насъ «панятъ» и это обходили!

Баторій допускалъ, что козацкіе набѣги на Молдавію могутъ имѣть дурное послѣдствіе, что Польша будетъ имѣть сосѣдомъ кого нибудь другаго, а не христіанина. Однако можно было уже и тогда убѣдиться, что религіозныя мнѣнія тутъ были ни при чемъ. Господари греческаго вѣроисповѣданія также хорошо угождали Турціи, также низко кланялись ей, также принимали участіе въ набѣгахъ на Рѣчь Посполитую, какъ какой нибудь Балаклей, или Чапчаклей, или другой невѣрный.

Боболинскій утверждаетъ, что предположено было казнить виновнаго господарчика въ Варшавѣ, но король не хотѣлъ дѣлать непріятнаго собравшейся на сеймъ шляхтѣ. Не сдѣлали-ль этого, прибавляетъ Саликовскій, по просьбамъ за него рыцарскаго сословія? Всячески Подкову привезли въ Львовъ.

V.

Обстоятельства сложились для него несчастливо. Баторій, можетъ быть, помиловалъ-бы Подкову, по крайней мѣрѣ онъ колебался съ своимъ суровымъ приговоромъ и видимо склонялся къ

смягченію онаго; но въ то время дали ему знать, что новый претендентъ Александръ, какъ братъ Ивана, вторгнулся въ Молдавію, а когда онъ погибъ, сейчасъ выступилъ названный сынъ его Петръ. Это разсердило короля, и уже въ іюлѣ онъ писалъ къ запорожскимъ молодцамъ и ихъ старшинѣ, внушая имъ опомниться: «мы очень удивляемся, взываетъ онъ, что уже третьимъ походомъ въ Молдавію рѣшаетесь нарушить миръ молдавской земли и его милости турецкаго султана съ короной, которая заключила перемиріе на сеймѣ съ согласія всѣхъ чиновъ Рѣчи Посполитой... Напоминаемъ вамъ, чтобъ вы бросили эти походы въ Молдавію и вернулись назадъ; если сдѣлаете это, пріймемъ васъ съ лаской и благодарностью. Но если будете упорствовать въ своемъ намѣреніи и не захотите отказаться отъ него, будемъ принуждены признать васъ врагами короны»...

Одновременно чаушъ турецкаго султана Мурадъ-хана привезъ письмо, писанное въ половинѣ іюля 1578 г., интересное во многихъ отношеніяхъ: «пусть вамъ будетъ извѣстно, пишетъ въ немъ падишахъ послѣ титуловъ и поздравленій, когда получите это благословенное царское письмо, что намъ донесли, какъ дѣло доподлинно извѣстное, что козаки пакостники и главнымъ образомъ «голота» изъ польскихъ крѣпостей по Дунаю (?), границы нашего благословеннаго царства, живущая въ городахъ Манкерманѣ (Акерманъ), Черкескерманѣ (Черкасы), Кан-евѣ (Каневѣ) и Брацлавѣ недавно сдѣлали набѣги на молдавскую провинцію и нанесли ей большой вредъ. Извѣстно намъ также, что вашъ гетманъ, по имени Никола (Николай Мелецкій), схватилъ зачинщика вышеупомянутой голоты въ тотъ моментъ, когда она уходила уже въ свои убѣжища. Пусть ведутъ его къ королю, сказалъ онъ, а однакожъ допустилъ его возвратиться домой. Тотъ-же гетманъ поймалъ и задержалъ также всѣхъ соучастниковъ вышеупомянутаго преступника, самъ-же сейчасъ возвратился къ вамъ. Мы уже написали было и хотѣли послать соотвѣтствующее наше царское письмо, требуя, чтобы вы отдали намъ или живаго злодѣя, или его голову. Въ это время силистрійскій Давуръ, образецъ и украшеніе нашихъ великихъ правителей, слава котораго пусть всегда гремитъ, присылаетъ намъ въ великую Порту вмѣстѣ съ письмомъ вѣсть великаго воеводы, что опять появился какой-то голышъ, называющій себя братомъ

перваго мятежника, вторгнулся въ молдавскую землю во главѣ двухтысячной польской пѣхоты и козаковъ, далъ битву, занялъ базаръ близъ Яссъ и цѣлый городъ держитъ въ осадѣ... Когда получите это, счастливящее васъ, наше царское письмо, старайтесь доставить намъ, безъ потери времени и какъ можно скорѣе, живаго бунтовщика, который убѣжалъ къ вамъ и теперь въ вашихъ рукахъ, или его голову, а, если можете, отправляйтесь съ войскомъ въ крѣпости, въ которыхъ теперь находятся задорные люди, и уймите ихъ, главное, бросьте всѣ свои дѣла и, если имѣете достаточно силы, поспѣшите въ поле и примѣрно накажите дерзкихъ за набѣги. Но если вамъ угрожаетъ нападеніе враговъ, или мѣшаютъ другія ваши дѣла, или наконецъ самолично не можете выступить и собственными силами наказать тѣхъ хищниковъ, то извѣстите насъ, а мы сейчасъ вышлемъ несмѣтныя тысячи нашего войска для усмиренія злыхъ».

Письмо оканчивается угрозой, что если король не исполнитъ хотя одного изъ этихъ желаній, «то тогда поколеблется существующій между ними миръ въ своихъ основаніяхъ и народъ, и города пострадаютъ».

Слишкомъ мы преувеличивали силы Порты, а король жаждалъ какой угодно цѣной удержать съ нею хорошія отношенія! И такъ голова Подковы упала на львовскомъ рынкѣ въ присутствіи турецкаго посланника въ 1577 г. [1]).

---

[1]) Вотъ письмо о казни личнаго свидѣтеля этого событія, италіанца Филиппа Тальдуци, не чуждое, кажется, прикрасъ и вымысла, особливо въ предсмертной рѣчи, но тѣмъ не менѣе весьма интересное.

«Его милость король, выѣзжая изъ Варшавы, приказалъ отвести бывшаго молдавскаго господаря Подкову въ Раву, въ землѣ мазовецкой, и держать его тамъ подъ строгимъ карауломъ. Потомъ распорядился перевести его въ Львовъ, куда прибылъ чаушъ съ цѣлью домогаться головы Подковы, какъ о томъ публично говорили. Съ той-же цѣлью явился также посолъ волошскаго господаря, предложившій въ подарокъ королю 50 воловъ, четыре бочки мускателя (вина), двѣ малыхъ бочки соленыхъ лимоновъ и превосходную лошадь.

Въ понедѣльникъ 16-го іюня его милость король выѣхалъ рано изъ города, будто-бы на охоту. Предъ отъѣздомъ онъ далъ приказъ вооружить всѣхъ горожанъ, а гайдукамъ своей стражи затворить городскія ворота; но предъ тѣмъ еще приказалъ чаушу для личной его безопасности, а отчасти для устраненія подозрѣній того, что должно было случиться, такъ какъ немного подозрительнымъ казался на-

Что миръ не купленъ этимъ—извѣстно, а что смерть Ивана Воды была первымъ шагомъ къ братней распрѣ—тоже извѣстно. Съ тѣхъ поръ оставшаяся, едва замѣтная борозда размывалась съ теченіемъ времени потокомъ крови, разлитой обѣими сторонами въ непроходимую пропасть...

Даже высохшій польскій лѣтописецъ выписалъ какъ-бы эпитафію *ex*-господарю этими лаконическими, но много говорящими словами: «этого Подкову всѣ люди жалѣли».

Вѣрные козаки взяли тѣло казненнаго и повезли его на далекую Украйну. Передъ смертью Подкова просилъ похоронить его на родной землѣ...

И въ самомъ дѣлѣ былъ необычайный поѣздъ!

плывъ вооруженныхъ людей, прибывшихъ частью для привѣтствія короля, частью, можетъ быть потому, что слышали о пребыванія Подковы въ Львовѣ.

По отъѣздѣ короля и по принятіи всѣхъ мѣръ предосторожности около 14-го часа (перваго по полудни, считая отъ захода солнца) былъ приведенъ на площадь несчастный князь (il misero Principe), но не съ связанными руками, по особой милости, дарованной ему. По прочтеніи смертнаго приговора, барабанный бой и неописанный шумъ раздавался на рынкѣ. Прошедшись раза два по мѣсту казни, поглаживая бороду и посматривая на народъ безъ боязни смерти, Подкова просилъ его утихнуть, и по водвореніи спокойствія, обратился къ нему съ слѣдующей рѣчью: «Господа поляки! я иду на казнь и не знаю за что, такъ какъ не вѣдаю за собой никакой вины, заслуживающей такого конца. Знаю только одно, что я всегда сражался храбро, по рыцарски, противъ враговъ христіанскаго имени и всегда думалъ о пользѣ и выгодахъ края; моей постоянной мыслью было стоять стѣной и крѣпостью противъ невѣрныхъ, удерживать ихъ въ границахъ и не дозволять имъ переправляться черезъ Дунай, но я не могъ привести въ исполненіе своего задушевнаго желанія, Богъ вѣдаетъ, по какой причинѣ, преимущественно-же по винѣ того, которому довѣрился и пришелъ сюда. Надѣюсь однако на Бога, что онъ накажетъ измѣнника—пса за мою невинную кровь. Знаю только одно, что я долженъ умереть отъ руки этого (показывая на палача), потому что такъ приказалъ поганый песъ турокъ вашему королю, своему слугѣ, а вашъ король ему. Наконецъ, моя смерть не имѣетъ значенія; но помните, что пройдетъ не много времени и вы не избѣжите моей участи, и по волѣ этого поганаго пса будутъ отправлены въ Цареградъ ваши имущества, ваши головы и головы вашихъ королей». Далѣе, помолчавши съ минуту и оборотившись къ бывшимъ съ нимъ своимъ восьми козакамъ, онъ сказалъ: «послѣ моей смерти прошу васъ, не дѣлайте ничего дурнаго моимъ слугамъ и товарищамъ, такимъ-же честнымъ, какъ и я, и хорошо послужившимъ Рѣчи Посполитой, а потому не только не слѣдуетъ обижать ихъ,

Изъ міра цивилизаціи въ глухую степь горсточка храбрецовъ конвоировала скромный деревянный гробъ...

Народъ выходилъ, смотрѣлъ и, печально вздыхая, приставалъ къ кортежу безъ священника, безъ свѣчей и хоругвей.

И невольно у толпы раждался вопросъ, зачѣмъ везутъ кости на дикія поля, когда ихъ столько уже бѣлѣетъ на непосвященной землѣ! Тогда товарищи-молодцы разсказывали толпѣ печальную исторію—судьбу господаря козака и трагическую безславную смерть его...

Разсказы разносились по степямъ, повторялись въ немногочисленныхъ селахъ, въ частныхъ хуторахъ, въ полѣ при кострѣ, въ густой травѣ при засадахъ и, передѣланные народной фантазіей, просуществовали до настоящаго времени, не заключая въ себѣ ничего, кромѣ названія. Такъ черезъ три столѣтія крестьянинъ разсказываетъ ученому собирателю преданій, что въ каневскомъ лѣсу,

---

но надо даже наградить по степени заслуги». Затѣмъ прибавилъ: «еще васъ объ одномъ прошу; не дозволяйте прикасаться къ моему тѣлу этому лишенному чести человѣку (указывая на палача) не только при моей жизни, но и послѣ смерти, и разрѣшите сдѣлать мнѣ эту послѣднюю услугу моимъ людямъ, которые и остались здѣсь съ этою цѣлью».

Послѣ этого онъ замолчалъ, а въ народѣ былъ слышенъ плачъ; плакали главнымъ образомъ воины, пришедшіе сюда ради него, но не имѣвшіе возможности подать ему помощь, въ виду сильныхъ приготовленій къ подавленію сопротивленія. Одинъ изъ козаковъ подошелъ къ Подковѣ съ большимъ кубкомъ вина (нѣкоторые говорятъ, что онъ самъ попросилъ объ этомъ); довольно того, что, взявши кубокъ, выпилъ залпомъ и, повернувшись къ подавшему вино, сказалъ по мѣстному обычаю, что пьетъ за его и товарищей здоровье. Затѣмъ опять прошелся раза два и подошелъ къ плахѣ. Замѣтивши приготовленный пучекъ соломы, на которой долженъ былъ преклонить колѣни, онъ воскликнулъ: «Б-же, мой, неужели я недостоинъ преклонить колѣни на что-либо лучшее!» И, повернувшись къ своимъ людямъ, прибавилъ: «пойдите, возьмите между моими вещами оставшійся коверъ!»

Когда подослали коверъ, онъ ловко преклонилъ колѣни и, помолившись, крестясь русскимъ крестомъ (такъ какъ былъ православнаго вѣроисповѣданія), закрылъ глаза, ожидая смертнаго удара; но палачъ медлилъ. Тогда Подкова оборотился къ нему, говоря: «что ты дѣлаешь?

Палачъ отвѣтилъ ему:

— «Господинъ, надо поправить платье, чтобы оно не мѣшало».

— «Очень хорошо», сказалъ Подкова.

Поправивши платье и поручая себя Богу, онъ съ большой твердостью принялъ смертный ударъ. Кто-то изъ присутствующихъ (вѣрно, нарочно назначен-

недалеко отъ города, убиты два атамана—Грицко Кобзаръ и Подкова, что обоихъ тамъ похоронили и отсюда названіе мѣста «Кобзарова могила». Народъ, какъ-бы желая увѣковѣчить имена своихъ героевъ, дороги, по которымъ они ходили, крестилъ ихъ именами: въ самомъ дѣлѣ близъ названной мѣстности пролегаетъ «Серпягинъ шляхъ». Простонародіе считаетъ его зловѣщимъ и употребляетъ проклятіе: «чтобъ ты пошелъ дорогой Серпяги!» Намекъ на печальный конецъ Ивана.

Тридцать лѣтъ назадъ сему Изопольскій выискалъ нѣсколько пѣсенъ, которыя распѣвались по Днѣпру; въ этихъ пѣсняхъ воспѣвались подвиги Подковы. Какъ образецъ, приводимъ здѣсь краткое вступленіе одной изъ нихъ, подправленной нѣсколько самимъ собирателемъ:

Подувъ витеръ изъ города, изъ Львова, зашумилы вербы,
Заплакали козаченьки: ой, Боже-жъ нашъ милосердый!
Ой, у Львови дзвоны дзвонять и попы спивають;
Лежить трупъ козацкій, ёму похоронъ справляють.
Ой тамъ у городи, та въ Каневи, зъ жалю дуже плачуть,
Высыпають надъ Серпягою могилу, земли не настачуть... [1]).

ный для этого) поднялъ голову и три раза показалъ ее народу въ доказательство, что справедливость удовлетворена.

Въ тотъ моментъ въ народѣ были слышны такой плачъ и ропотъ, что не будь приняты заранѣе мѣры, можно было опасаться безпорядковъ. Это событіе произвело самое непріятное впечатлѣніе на народъ и много повредило королю въ глазахъ его подданныхъ, хотя потомъ все забылось, и время все стерло.

Люди Подковы, взявши его тѣло и пришивши къ нему голову, вложили въ зеленый ящикъ (гробъ), который, говорятъ, самъ Подкова приказалъ приготовить; затѣмъ занесли его въ ближайшую русскую церковь, и больше ничего не слышно объ этомъ».

[1]) Въ «Запорожской Старинѣ» Срезневскаго, изд. въ Харьковѣ 1833—1838 г., въ 1-й части, на стр. 33, приводится сходная отчасти съ этою пѣсня, начинающаяся такъ:

Ой у городи у Львови зашумилы вербы...

Тамъ-же, на стр. 34, приводится пѣсня о Подковѣ-же: «Охъ и сыла, сыла сылу подолила» и далѣе: «За ричкою, за быстрою, бьетця турокъ зъ молдавою». Въ Сборникѣ Мордовцева на стр. 183—185 и въ 1-й части «Запорожской Старины» Срезневскаго на стр. 123 приведены думы о Серпягѣ. Но и пѣсни и думы при первомъ чтеніи ихъ разятъ ухо сильною подправкою, если не совершенною

О соучастникахъ Подковы ничего не встрѣчаемъ въ исторіи. Одинъ Шахъ, запорожскій атаманъ, еще игралъ роль въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и Ригельманъ назначаетъ ему десятое мѣсто въ ряду гетмановъ. Дружина Ивана разбѣжалась во всѣ стороны; нѣкоторые изъ козаковъ зашибли въ этой авантюрѣ копѣйку, а народъ помаленьку выманивалъ ее и припрятывалъ.

Что народъ забиралъ привезенныя изъ Молдавіи богатства, доказываютъ жалобы, записанныя въ луцкихъ книгахъ подъ 1579 г.

Только всего и сохранилось въ преданіяхъ и исторіи объ Иванѣ Волошинѣ.

поддѣлкою. Ни тѣхъ, ни другихъ мы не находимъ въ позднѣйшемъ солидномъ Сборникѣ «Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова», изд. въ Кіевѣ въ 1874—1875 гг.

НѢСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВЪ КЪ ИСТОРІИ ГАЙДАМАЧЧИНЫ.

А мы того коника у твого пана купили,
Въ зелени диброви гроши поличили,
Въ холодни криныци могоричъ запили,
Пидъ гниляу колоду пана пидкотили.

Гайдамацкая пѣсня съ 1760-хъ годовъ.

О причинахъ появленія гайдамакъ на юго-западѣ Россіи, ихъ удалыхъ наѣздахъ, грабежахъ и разбояхъ, жестокомъ мщеніи всему, что носило имя пана-ляха, борьбѣ съ правительствомъ и конечномъ сходѣ со сцены, было писано очень много. Въ свое время и мы въ небольшой, давно забытой, а быть можетъ и мало кому знакомой книгѣ, подъ заглавіемъ «*Наѣзды гайдамакъ на западную Украйну* въ XVIII стол.» (Одесса, 8—1845, 230 стр.), предложили какъ свое объ нихъ мнѣніе, такъ и документы въ разъясненіе этого загадочнаго и во всякомъ случаѣ мрачнаго явленія въ жизни нашего народа, подкрѣпляя и пополняя нашъ разсказъ сочиненіями и преданіями потерпѣвшей стороны, т. е. поляковъ и евреевъ. Нынѣ мы хотимъ пополнить рядъ приведенныхъ въ названной книгѣ, въ извлеченіи и сокращеніи, подлинныхъ документовъ, касающихся гайдамакъ, новыми, почерпнутыми изъ доставшейся намъ части запорожскаго архива, въ которой цѣлыя тысячи бумагъ посвящены тому-же предмету. Удерживая прежнее наше мнѣніе относительно гайдамакъ, мы, за давностію времени, въ которое оно высказано (прошло съ тѣхъ поръ 40 лѣтъ), считаемъ необходимымъ припомнить оное вкратцѣ теперь, предварительно помѣщенія вновь подъисканныхъ документовъ.

Всѣ почти новѣйшіе наши историки, а тѣмъ болѣе авторы историко-беллетристическихъ произведеній придаютъ дѣствіямъ гайдамакъ политическую или хотя поэтическую окраску. Это, говорятъ они, были бойцы за русскую вѣру и народность противъ притѣснителей ихъ польскихъ пановъ. Нельзя, конечно, отрицать въ гайдамачествѣ присутствія политическаго элемента, той религіозно-національной вражды, какая зародилась въ украинскомъ населеніи по отношенію къ польскому панству гораздо раньше, выросла и окрѣпла въ эпоху кровавыхъ козацкихъ войнъ и имѣла и теперь немало поводовъ для своего проявленія; но съ другой стороны нельзя не видѣть въ немъ иныхъ инстинктовъ низкаго свойства, обыкновеннаго хищничества, свирѣпаго мщенія, дикаго своеволія, бродяжничества и склонности пожить на распашку хотя опаснымъ, но вмѣстѣ и завлекательнымъ путемъ грабежа и разбоя, причемъ жизнь чужая и собственная ставились ни вочто. Если въ массѣ гайдамацкія движенія носятъ на себѣ высшій отпечатокъ, то на дѣйствія частныхъ мелкихъ отрядовъ, особливо отдѣльныхъ лицъ нельзя подъ часъ иначе смотрѣть, какъ на проявленіе дикой порочной воли. Неудовлетворительный политическій и общественный строй всегда и вездѣ вызывалъ ожесточенные протесты, но, не говоря уже объ общей имъ насильственной формѣ, къ нимъ примѣшиваются обыкновенно дурныя общественныя и личныя страсти и затемняютъ и искажаютъ не рѣдко смыслъ протеста, поднятаго во имя высшихъ интересовъ. Эту сторону гайдамачества, которую такъ ярко рисуютъ находящіеся въ нашемъ архивѣ документы, забываютъ, кажется, наши историки и беллетристы, видя въ гайдамакахъ только народныхъ героевъ и борцевъ. Съ этой стороны гайдамачество представляетъ нѣкоторую аналогію съ тѣмъ, что въ тоже почти время, въ теченіи $^{3}/_{4}$ XVIII столѣтія, происходило на западѣ Европы. Во Франціи «нагрѣватели» (chauffeurs), въ Италіи «бандиты», въ Польшѣ «опришки», въ Сѣверной Америкѣ «живодеры» (ecorcheurs), въ Молдавіи и на Азовскомъ побережьѣ «харцизы», въ Буковинѣ «гайдуки и юнаки» дѣлали тоже, что и наши степные герои, и съ тою уже иногда подкладкою.

Появленіе всѣхъ этихъ протестантовъ и ихъ долговременное существованіе у насъ и въ другихъ государствахъ условливалось до нѣкоторой степени причинами одинаковыми, или сходными, ка-

ковы: безсиліе или халатность власти, какъ было у насъ, во Франціи и въ Англіи, политическія неурядицы, какъ въ Польшѣ и Австріи, особенно въ Буковинѣ, слабость или же отсутствіе соотвѣтственныхъ органовъ полицейско-административной власти, потворство низшихъ классовъ общества, иногда-же и прямая солидарность ихъ съ грабителями и наконецъ скудость народнаго продовольствія, особенно въ безмѣрныхъ степяхъ нашего края, въ гористыхъ частяхъ Карпатъ, въ горахъ Италіи и Шотландіи. «У насъ, писалъ кошевой Григорій Федоровъ оффиціально, войско низовое изъ давнихъ лѣтъ и нынѣ хлѣба не пашетъ, да и въ степныхъ мѣстахъ весьма малый родъ его бываетъ» [1]). Русское правительство давало войску запорожскому провіанта ежегодно по 1,300 четвертей; но это было лишь слабое подспорье къ пропитанію запорожцевъ, которое они, какъ и весь шатавшійся по степямъ, на устьяхъ Днѣпра и Дона, сбродъ и сидѣвшіе зимовниками получали отъ скотоводства, охоты на звѣрей и птицъ, рыболовства и самаго скуднаго огородничества.

Гайдамачество просуществовало болѣе полу-столѣтія: оно возникло на зыбкой почвѣ славившагося вольностями польскаго королевства и сошло со сцены съ водвореніемъ въ присоединенныхъ отъ Польши русскихъ областяхъ твердой русской власти. Въ исторіи гайдамачества первостепенной важности вопросомъ является вопросъ о той роли, какая принадлежитъ въ немъ Запорожью. Что въ немъ зародышъ гайдамаччины и что оно было ея ядромъ, это едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Запорожье было всегда носителемъ идеаловъ южно-русскаго народа и сюда устремлялось все недовольное панскими порядками или просто обездоленное судьбою; это была вмѣстѣ и единственная прочно организованная сила, къ которой можно было примкнуть и на которую можно было опереться не только въ массовыхъ движеніяхъ, но и въ частныхъ предпріятіяхъ противъ общенароднаго врага для наживы съ него. Запорожцы были вполнѣ свѣдущими въ военномъ ремеслѣ и потому они являются всегдашними почти организаторами гайдамацкихъ отрядовъ и наѣздовъ. Жалобъ на нихъ и разбирательствъ по нимъ мы имѣемъ цѣлые фоліанты въ нашемъ архивѣ. Но и само войско за-

[1]) См. мою «Исторію Новой Сѣчи», изданіе 2-е, 1846 г., ч. I, стр. 226.

порожское, прежде не ограниченное въ своихъ вольностяхъ, центральная власть теперь постепенно прибирала къ рукамъ и оно должно было, наконецъ, строго преслѣдовать гайдамакъ и казнить тѣхъ изъ своего «товариства», которые участвовали въ наѣздахъ гайдамацкихъ; въ уголовныхъ дѣлахъ нашего архива мы находимъ строгія наказанія «кіями» у столба, и штрафами, и даже *шубеницею* (висѣлицею), пойманныхъ на дѣлѣ, особенно съ поличнымъ, молодцевъ, по приговору Коша и даже куреней. Но тутъ Запорожье двоилось между исполненіемъ предписаній высшей власти и собственными традиціями и симпатіями къ страданіямъ народа, особливо въ роковой 1768 годъ. И собственныя его усилія, и мѣры номинальной гетманской власти, и кары войсковаго генеральнаго суда и кіевогубернской канцеляріи безсильны были побороть зло, пустившее глубокіе корни въ народѣ и имѣвшее основу въ общественномъ строѣ Польши; темныя подвижныя фигуры гайдамакъ тонули въ безбрежномъ морѣ запорожскихъ степей, въ недоступныхъ балкахъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ, въ недосягаемыхъ хуторахъ и зимовникахъ. Можно съ увѣренностію сказать, что лишь небольшая часть гайдамацкихъ продѣлокъ стала достояніемъ правосудія и сохранилась для насъ въ архивныхъ дѣлахъ, по которымъ можно съ любопытствомъ наблюдать и принимавшіяся противъ гайдамацкихъ набѣговъ мѣры, и размѣры причиняемаго ими въ короткое время зла, и самый, такъ сказать, процессъ гайдамацкихъ грабительствъ.

Для ознакомленія съ этими сторонами гайдамачества и пополненія предложенныхъ нами давно о семъ свѣдѣній, изъ огромной массы имѣющихся у насъ дѣлъ мы предлагаемъ на этотъ разъ вниманію читателей лишь девять документовъ. Это два ордера гетмана Разумовскаго, показаніе одного изъ гайдамакъ, пять писемъ польскихъ пановъ къ кошевому и одно кіевскаго генералъ-губернатора.

Первый изъ предлагаемыхъ нами документовъ, ордеръ гетмана Разумовскаго кошевому атаману Григорію Федорову (Лантуху) отъ 5 декабря 1755 г., заключаетъ въ себѣ рядъ мѣръ, направленныхъ къ обузданію гайдамакъ и прекращенію ихъ набѣговъ и грабительствъ, главнымъ-же образомъ къ строгому контролю надъ реестровыми сѣчевиками и живущими въ ихъ хуторахъ и зимовникахъ людьми. Всеобщая перепись какъ тѣхъ, такъ и другихъ, воспрещеніе принимать и держать безъ записи и людей подозритель-

ныхъ, обязательство для всѣхъ отлучаться не иначе, какъ съ билетомъ, притомъ не по одиночкѣ, а компаніями и съ обязательнымъ и отвѣтственнымъ старшиною, и наконецъ строгая отвѣтственность всѣхъ начальствующихъ за дѣйствія ихъ подкомандныхъ—таковы мѣры, принятыя противъ самаго «товариства» запорожцевъ, дабы оно не могло ни выдѣлять отъ себя гайдамакъ, ни смѣшиваться съ ними. Строгій судъ и кара ждали ослушниковъ этого распоряженія, особливо-же изобличенныхъ въ соучастіи съ гайдамаками. Универсалъ изъемлетъ ихъ отъ суда Коша и велитъ отсылать въ Глуховъ, въ генеральную войсковую канцелярію, дабы Кошъ не могъ дѣлать имъ послабленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возлагаетъ на обязанность и отвѣтственность Коша строгое преслѣдованіе гайдамакъ и поручаетъ даже понудить его къ этому двумъ особо командированнымъ въ Сѣчь лицамъ. Такая строгость вызвана съ одной стороны произведенными въ ту пору грабежами гайдамакъ въ турецкихъ и татарскихъ владѣніяхъ и настоятельными жалобами турецкихъ и татарскихъ властей, съ другой дошедшими до гетмана свѣдѣніями, что кошевая администрація потакаетъ грабежамъ гайдамакъ и дѣлится съ ними добычею. Собственно говоря, это не новый даже приказъ, а повтореніе прежнихъ, но неисполненныхъ распоряженій, самыя-же распоряженія и подтверждаются по поводу происходящихъ грабежей, подробности которыхъ читатели найдутъ въ самомъ ордерѣ. Языкъ и складъ его необыкновенно тяжелъ, какъ и всѣхъ вообще извѣстныхъ намъ бумагъ, исходившихъ изъ канцеляріи гетмана Разумовскаго; тѣмъ не менѣе мы приводимъ его цѣликомъ, какъ важный памятникъ мѣръ, какія принимались высшимъ правительствомъ къ обузданію гайдамакъ и самыхъ запорожцевъ.

Войска низоваго запорожскаго господину атаману, старшинѣ войсковой, атаманамъ куреннымъ и всему войску.

Въ неоднократно посланныхъ къ вамъ нашихъ ордерахъ уже довольно вамъ, войску запорожскому, изъяснено, сколь высокій ея императорскаго величества интересъ состоитъ въ томъ, чтобъ воровскія гайдамацкія партіи конечно искоренены и воровскіе ихъ замыслы пресѣчены, а похищенное въ турецкой области все отыскано и на обидную

сторону возвращено, и впредь запорожскіе козаки въ лучшемъ страхѣ содержались, дабы происходящія до сего отъ сосѣдственной державы неумолкаемыя жалобы прекращенными видѣть. Въ слѣдствіе чего и посланнимъ отъ насъ прошедшаго ноября отъ 2-го сего 1755 года, на основаніи височайшей ея императорскаго величества грамоты, ордеромъ велѣно вамъ возможними образы старатся, чтобъ какъ похищенныя гайдамаками у татаръ и у другихъ турецкихъ подданнихъ лошади, скотъ и протчіе вещи, а паче тѣ лошади, къ воровству которыхъ винился воръ Панко Щербина, онъ-же и Табащукъ, съ протчими сороку пяти человѣкъ гайдамаками, коихъ онъ показалъ быть изъ запорожскихъ-же козаковъ, всѣ сполна, а за убильемъ съ того числа по виноватыхъ, то есть сообщникахъ, изъ тѣхъ, у кого оные гайдамаки пристанъ имѣли и воровскія лошади укрывали, и кому продавали, и такъ давали лошадьми или денгами,—отысканы и въ турецкую сторону всѣ отданы были-бы, и всѣмъ прежнимъ претензіямъ тамошнимъ надлежащая сатисфакція доставлена, такъ и оговоренные упомянутымъ воромъ Щербиною, бывшіе съ нимъ на воровствѣ изъ запорожскихъ-же козаковъ гайдамаки и ихъ сообщники сысканы и за крѣпкимъ карауломъ отосланы были въ Глуховъ, хотя-бы они въ Сѣчи и наказываны были. Якожъ таковыхъ воровъ, не наказывая тамо, велѣно посылать въ Глуховъ въ генеральную канцелярію, для того-жъ самихъ тѣхъ куренних атамановъ, коихъ куреней козаки съ упоминаемымъ воромъ Щербиною въ товарищахъ на воровствѣ были, и въ держаніи и во укрывательствѣ воровъ оговорены, отправить съ довольными командами, и имъ, такожъ запорожскимъ полковникомъ Буго-Гардовому, Самарскому и прочимъ накрѣпко подтвердить, чтобъ они съ ихъ командами, во всѣхъ запорожскихъ зимовникахъ, пасѣкахъ и другихъ къ скрытію ворамъ гайдамакамъ удобныхъ мѣстахъ, учинили вѣрный-же обыскъ, поступая притомъ неослабно и съ найвящимъ прилежаніемъ, ничего не упуская, чтобъ къ успѣху въ ономъ служить могло, и всемѣрно старались-бы оныхъ всѣхъ воровъ и ихъ сообщиковъ переловить и похищенные ими лошади и другіе пожитки отыскать сполна, а за убылые съ виновныхъ тому лошадьми-жъ, или деньгами, подъ опасеніемъ, ежелибъ кто изъ оныхъ куренныхъ атамановъ поступалъ оплошно, тѣ сами забраны будутъ въ Глуховъ и поступлено будетъ съ ними по

указамъ ея императорскаго величества и малороссійскимъ правамъ безъ послабленія, и что потому у васъ происходить будетъ, къ намъ и вице-губернатору кіевскому репортовать, а особливо—кѣмъ и для чего сисканныхъ (посыланными для сыску гайдамакъ и для разоренія въ турецкихъ границахъ запорожскихъ зимовниковъ [1]), командами) гайдамакъ по наказаніи токмо отпущено свободно, а въ Глуховъ не отправлено, прислать къ намъ вѣрные отвѣты, а впредь, когда-бъ кто изъ гайдамакъ и ихъ сообщниковъ пойманы были, не чиня имъ никакого наказанія, отсылать въ Глуховъ непремѣнно. А чтобъ впредь такія воровскія партіи искоренить и непрестанные происходящіе отъ сосѣдственныхъ народовъ на запорожское войско жалобы прекращенными видѣть, а тѣмъ и пограничное спокойствіе доставить можно было, для того тѣмже ордеромъ велено вамъ, кошевому атаману, старшини войсковой, атаманамъ куреннымъ и всему войску низовому запорожскому, учинить повелѣнное уже распоряженіе, яко-то:

1) Чтобъ всему войску запорожскому учинены были имянные списки, какъ о наличныхъ, такъ и объ отлучныхъ, о коихъ вѣдать можно, кто гдѣ нынѣ и какъ давно въ отлучкахъ находится, а для способнѣйшаго учиненія тѣхъ списковъ къ явкѣ всему войску, каждому въ своемъ куренѣ, назнача сроки, какъ въ Сѣчи публиковать, такъ и во всѣ запорожскія жилища дать знать, такожъ кои и вновь приходить будутъ, тѣхъ-же по тому-жъ записывать въ реестры, кто въ который курень пожелаетъ, и таковые списки, всегда содержать исправно; а чтобы о служащихъ и живущихъ особенными жильями запорожскихъ козаковъ наемныхъ людяхъ, кои въ числѣ войска запорожскаго не состоятъ, извѣстно было, для того и объ оныхъ отъ ихъ хозяевъ требовать имянныя показанія и по тому-жъ учинить списки, у кого сколько и кто именно и по прозваніямъ въ услуженіи находится.

---

[1]) Въ 1791 году, когда «очаковская область», т. е. уѣзды херсонской губерніи между Бугомъ и Днѣстромъ были присоединены къ Россіи, наши землемѣры нашли многолюдныя селенія и даже городки: Ананьевъ, Бобриевцъ, Голтву и др., заселенные русскими и молдованскими выходцами, подъ властью сераскировъ еникаской орды.

2) Всѣмъ запорожскимъ козакамъ притвердить, чтобы впредь ни за какими нуждами изъ Коша, мимо вѣдома своихъ куренныхъ атамановъ и безъ пашпортовъ отъ войсковой запорожской канцеляріи, никуда не ѣздили, но брали-бы паспортъ и на заставахъ билетъ; а кто пожелаетъ отлучиться въ зимовникъ, тѣмъ тако-жъ давать билеты, что они въ числѣ войска запорожскаго изчисляются и гдѣ жить пожелали, а безъ таковыхъ билетовъ, а особливо изъ великороссійскихъ всякаго званія сумнительныхъ людей, въ зимовники и другія жилища не принимать и не держать, но гдѣ таковые люди явились, отсылать въ Глуховъ, и къ неотмѣнному по сему исполненію всѣхъ живущихъ особенными жилищами запорожскихъ козаковъ обязать подписками, подъ неотмѣннымъ наказаніемъ; а чтобъ подъ видомъ служащихъ бродящіе сумнительные люди скрываться не могли, для того запорожскими козаками, по числу имѣющихъ у нихъ служителей, на каждаго имя дать билеты, дабы они въ случаѣ посылки въ Сѣчь и въ другія мѣста внутрь запорожскихъ дачъ, за нуждами, оные для объявленія, гдѣ надлежитъ, давать могли и при обыскѣ гайдамакъ извѣстно быть могло, гдѣ, сколько, какихъ не подозрительныхъ людей.

3) Отправляющихся въ турецкую область за нуждами отпускать компаніями и подчинять изъ нихъ-же безсумнительнымъ людямъ въ смотрѣніе и приказывать, чтобъ въ чужихъ мѣстахъ въ рознь не разбивались и безъ вѣдома того старшины не отлучались и никакихъ обидъ, воровства и грабительства не причиняли, и другихъ отъ того отводили, и въ томъ обязывать подписками подъ наказаніемъ-же.

4) Всѣ имѣющіеся въ вольностяхъ запорожскихъ зимовники, пасѣки и другія запорожскія жилища чрезъ нарочныхъ описать, чія они имянно, и по перепискѣ, смотря по способности разстоянія, раздѣля на нѣсколько частей, опредѣлять надъ ними особыхъ старшинъ съ пристойными командами, которые ежечасто тѣ запорожскіе жилища объѣздили-бъ для обыску воровъ, гайдамакъ и всякихъ шатающихъ сумнительныхъ людей и по сиску отсылали-бъ въ Сѣчь, и протчее, какъ въ томъ нашемъ ордерѣ пространно выражено.

Чтобъ-же таковъ распорядокъ въ войскѣ запорожскомъ конечно учиненъ былъ непродолжительно, а между тѣмъ для сиску похищенныхъ у татаръ лошадей и самихъ воровъ и ихъ сообщниковъ посланы

были нарочные команды, при самихъ атаманахъ, и все выраженное въ ономъ ордерѣ исполнено, безъ всякія отмѣны, въ томъ велѣно васъ понудить сотнику миргородскому Зарудному, обще съ маіоромъ Федцовымъ, о чемъ всемъ тогда-же и ея императорскаго величества въ государственную иностранныхъ дѣлъ коллегію отъ насъ представлено; а сего декабря 1-го присланною къ намъ высочайшею ея императорскаго величества грамотою, оную учиненную нами, по силѣ грамоты ея императорскаго величества, объ искорененіи въ войскѣ запорожскомъ гайдамацкаго воровства и о прочемъ для воздержанія запорожскихъ козаковъ диспозицію апробовано и ожидается отъ насъ надлежащаго извѣстія, что по такому достаточному распоряженію отъ васъ, кошового и старшинъ, на первый случай учинено, слѣдовательно и потомъ какое исполненіе и во всемъ прилежаніе показано будетъ.

Да при той-же грамотѣ приложенъ экстрактъ изъ вѣдомостей, полученныхъ изъ Кіева отъ вице-губернатора тамошняго г. М. Костюрина, отъ 10 октября, о бытности вашей запорожскаго кошеваго атамана въ разѣздѣ, для сыску и поимки гайдамакъ, изъ котораго нами усмотрѣно, да и въ оной присланной къ намъ грамотѣ объявлено, что многое число гайдамакъ, именно до 300, и въ нынѣшнемъ лѣтѣ около запорожскаго Гарду находилось, изъ которыхъ де-хотя только 2 человѣка, бывшіе изъ запорожскихъ козаковъ, пойманы, но и тѣ, не отсылая въ Глуховъ, таможъ въ Гарду по приказу вашему повѣшены, и тѣмъ-де объ укрывательствѣ изъ имѣющихся между запорожскими козаками гайдамаковъ, тѣхъ и другихъ артелей товарищей (какъ въ оной грамотѣ выражено), вновь явное подозрѣніе подано, а чтобъ впредь смертныхъ казней отнюдь чинено не было, о томъ оною высочайшею ея императорскаго величества грамотою велѣно намъ строгое запрещеніе учинить.

Да найдено-жъ въ запорожскихъ табунахъ лошадей татарскихъ до 700, изъ коихъ къ возвращенію на татарскую сторону отобрано 300, а достальные-де одданы тѣмъ козакамъ, у которыхъ найдены, и самими вами, кошевымъ атаманомъ, съ командою раздѣлены. Въ запорожскомъ-же табунѣ имѣется до 150 воловъ татарскихъ, еще-жъ въ самой Запорожской Сѣчи, каневскаго куреня атаманъ, чрезъ своего кухаря и козаковъ, убилъ винкаря, послѣ котораго денегъ и по-

житковъ до 900 руб. съ вами кошевымъ атаманомъ раздѣлено и о томъ умолчано.

А яко сія вѣдомость получена опричь васъ, кошеваго атамана, и отправленнаго въ сѣчевой ретраншаментъ маіора Федцова, посторонне, отъ проѣжающихъ чрезъ запорожскія мѣста, для того оною ея императорскаго величества грамотою повелено намъ объ ономъ удостовѣриться, у кого надлежитъ, и взявъ у васъ, кошевого, и протчихъ, въ чемъ до кого по ономъ касается, отвѣты, накрѣпко приказать: лошадей и воловъ татарскихъ собрать всѣхъ и оныхъ къ возвращенію въ турецкую сторону имѣть въ готовности, а въ дѣйствительной отдачѣ поступить по ордеру вышеписанному г. М. Костюрина, которому, по посланному нынѣ къ нему указу, велѣно о томъ увѣдомить хана крымскаго и очаковскаго пашу и напротивъ того требовать отъ нихъ сиску и удовольствія по претензіямъ запорожскихъ козаковъ на татаръ, возвращеніемъ и платежемъ похищенныхъ татарами козацкаго скота и протчаго, чтобъ такимъ образомъ и обиженные изъ запорожскихъ козаковъ безъ награжденія не оставались. А что касается до смертнаго убійства въ Сѣчи шинкаря, то, по надлежащемъ объ ономъ изслѣдованіи, съ винными тому и въ сиску и возвращеніи, кому надлежитъ, оставшихся послѣ убитаго денегъ и пожитковъ, учинить по ея императорскому величеству о такихъ дѣлахъ указамъ.

А понеже намъ о всемъ выше выраженномъ произшествіи неизвѣстно, яко-же мы, какъ о бытности вашей, кошеваго атамана, въ разѣздѣ, для сиску и посылки гайдамакъ и сколько ихъ гдѣ сискано и поймано, и какое при поиску надъ оными гайдамаками нашедшими произшествіе имѣлось, такъ и сколько гдѣ татарскихъ лошадей и воловъ отискано и гдѣ подѣты, ни отъ васъ, ни отъ находящагося въ Сѣчи Запорожской для разныхъ дѣлъ сотника Заруднаго, доселѣ никакого рапорта въ полученіи не имѣемъ, и ежели подлинно такъ есть, что при запорожскомъ Гарду столь многое число гайдамакъ имѣлось, но оные не переловлены, да и пойманы два, то и тѣ также въ Гарду повѣшены, а изъ 700 татарскихъ лошадей только 300 къ возвращенію отобрано, а прочіе тѣмъ-же козакамъ, у коихъ найдены, отданы или между васъ и старшинами раздѣлены, а воловъ татарскихъ до 150 и нынѣ въ табунѣ запорожскомъ и мѣются, и сіе весьма предосуди-

тельно, ибо вамъ, кошевому атаману, чувствуя изъ прежнихъ нашихъ ордеровъ, сколь высокій ея императорскаго величества интересъ требуетъ того, чтобы гайдамацкія партіи, кои, по имѣющимся извѣстіямъ, изъ запорожскихъ козаковъ произходятъ, переловлены конечно и искоренены, и похищенное у татаръ и прочихъ турецкихъ подданныхъ все отыскано и на обидную сторону возвращено, а когда-бъ оныхъ гайдамакъ находящимся при васъ командамъ взять было невозможно, въ такомъ случаѣ слѣдовало требовать сикурсу отъ находящихся въ надлежащихъ мѣстахъ регулярныхъ и малороссійскихъ командъ, какъ о семъ въ прежнихъ нашихъ ордерахъ довольное наставленіе предписано, да и пойманныхъ воровъ гайдамакъ не только предавать смерти было не должно, но и не наказывая ихъ, надлежало отослать, въ силѣ прежнихъ нашихъ ордеровъ, въ Глуховъ, въ генеральную канцелярію: того ради, предлагаемъ вамъ, кошевому атаману, старшинѣ войсковой, атаманамъ куреннымъ, для чего о всемъ вышеписанномъ къ намъ ничего не рапортовано, прислать вѣрный отвѣтъ, а впредь, когда-бъ кто изъ гайдамакъ пойманы были, оныхъ не токмо смерти не предавать, дабы тѣмъ не подавать причины къ подозрѣнію на войско запорожское въ укрывательствѣ воровъ гайдамакъ, но и не наказывая отсылать въ Глуховъ за крѣпкимъ карауломъ, а между тѣмъ всѣхъ оныхъ отысканныхъ въ числѣ 700 татарскихъ лошадей, овецъ и воловъ, не приносяя никакой оговорки, собравъ всѣ, къ возвращенію въ турецкую сторону имѣть въ готовности и въ дѣйствительной отдачѣ поступить по ордеру кіевскаго вице-губернатора г. М. Костюрина, такожъ для сиску и посылки какъ тѣхъ воровскихъ партій гайдамацкихъ, надъ коими вами съ командой поискъ чиненъ, но оные ушли одни на островъ (Мигейскій), а другіе къ польской границѣ, такъ и тѣхъ, кои пошли въ Польшу и въ турецкую область, а оттуда еще не возвратились, но шатаются по берегу р. Буга, яко имъ въ наступившую зиму укрываться болѣе негдѣ, кромѣ запорожскихъ жилищъ, паки немедленно отправить нарочные команды, при самихъ старшинахъ войсковыхъ и куренныхъ атаманахъ, и имъ, такожъ и полковникамъ буго-гардовому и прочимъ всѣмъ накрѣпко притвердить, чтобы они всѣми мѣрами старались оные воровскіе гайдамацкіе партіи перехватывать, чтобъ онѣ уже нигдѣ укрыться не могли и ихъ спо-

собнѣе сискать было можно. Для того всѣмъ, живущимъ особенными жилищами, запорожскимъ козакамъ накрѣпко притвердить, дабы они, гдѣ-бы тѣ гайдамаки ни явились, по согласіи съ другими, въ сосѣдствѣ живущими запорожскими козаками, старались ихъ переловить, а буде сами они гайдамакъ переловить не могли, тогда давать знать вамъ, кошевому атаману, съ старшиною и командированнымъ для сиску оныхъ гайдамакъ командамъ, безъ и малѣйшаго замедленія, а вамъ тотъ часъ посылать сильныя, при надежныхъ старшинахъ и атаманахъ, команды и имъ притвердить, да и самимъ вамъ всемѣрно стараться, дабы конечно всѣ тѣ воры-гайдамаки перейманы и въ Глуховъ отосланы быть могли. А что касается до смертнаго убійства въ Сѣчи шинкаря Литвиненка и до раздѣлу между атаманомъ кошевымъ и атаманомъ каневскимъ оставшихся по тому шинкари денегъ и пожитковъ, то попеже о семъ, яко о кримѣнальномъ дѣлѣ, да и о роздѣленныхъ старшиною войсковою запорожскою съ козаками, подъ татарскими клеймами, лошадяхъ и скотѣ безъ изслѣдованія оставить не подлежитъ; для того предложено отъ насъ генеральной войсковой канцеляріи, чтобъ отъ той канцеляріи опредѣлено было нарочнаго старшину полковаго, и ему велѣно, обще съ сотникомъ Заруднымъ, по надлежащему, о всемъ изображенномъ въ экстрактѣ изъ вѣдомостей, изъ Запорожья полученныхъ, изслѣдовать, и кто въ томъ изобличится, тѣхъ для поступленія съ нимъ въ силѣ ея императорскаго величества указовъ и малороссійскихъ правъ, за крѣпкимъ карауломъ, отослать въ Глуховъ, въ генеральную войсковую канцелярію, а пожитки и деньги убитаго отискавъ, отдать свойственникамъ, а буде оныхъ не явится, то до резолюціи нашей содержать въ цѣлости тамъ-же въ войскѣ запорожскомъ, подъ надсмотрѣніемъ того-жъ сотника Заруднаго, онымъ-же пожиткамъ учинить вѣрную опись и прислать къ намъ при рапортѣ немедленно. А вамъ, кошевому атаману съ старшиною и съ куренными атаманами, приказываемъ: когда оный нарочный въ Сѣчь Запорожскую прибудетъ, того, кого онъ къ тому слѣдствію потребныхъ требоватиметъ, оныхъ безъ всякихъ сопротивленій выдать, и ежели-бъ до самаго васъ, кошеваго атамана и старшинъ, отвѣту касаться могло, то въ учиненіи отвѣту письменнаго не ослушаться и въ произведеніи того слѣдствія не токмо никакого препятствія и помѣшательства не

чинить, но и всякое вспомоществованіе показывать и посланныя досель въ войско запорожское о искорененіи гайдамакъ и ихъ партій и въ недопусканія къ собиранію оныхъ гайдамацтвъ, такожъ въ сочиненіи именныхъ списковъ всего войска и служителей, тамо находящихся, а особливо зимовниковъ, хуторовъ и пасѣкъ, прежними нашими ордерами, а паче по посланному ноября 2 сего 1755 году, исполнять безъ всякаго объясненія непремѣнно. Чтобъ-же васъ, кошеваго атамана съ старшиною и куренными атаманами, сотникъ Зарудный, какъ въ присылки къ намъ порученнаго симъ ордеромъ отвѣта и въ отисканіи всѣхъ раздѣленныхъ между запорожскими козаками татарскихъ лошадей и воловъ, такъ и въ отправленіи, для сиску и посылки выше объявленныхъ воровскихъ партій, командъ, при надлежащихъ старшинахъ и куренныхъ атаманахъ, понуждалъ, и для чего онъ сотникъ Зарудный о томъ не рапортовалъ,—о томъ прислалъ-бы къ намъ вѣрный рапортъ, а впредь о всѣхъ въ войскѣ запорожскомъ произхожденіяхъ къ намъ репортовалъ-бы, безъ упущенія по чисту, о томъ и нынѣ отъ насъ оному сотнику миргородскому Зарудному ордеромъ на крѣпко предложено.

Гетманъ: *графъ К. Разумовскій.*

Декабря 5-го 1755 году,
С.-Петербургъ.

Второй документъ касается наѣздовъ гайдамакъ на польскія области. Это также ордеръ гетмана Разумовскаго войску запорожскому, писанный спустя мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ предъидущаго, по почину пограничной коммисіи, учрежденной для разбора жалобъ и претензій польскихъ и русскихъ подданныхъ на польско-русскомъ рубежѣ. Онъ даетъ приблизительное понятіе о размѣрахъ грабежей, чинимыхъ даже мелкими партіями гайдамакъ. Сущность его въ приложенномъ къ нему экстрактѣ совершенныхъ гайдамаками разграбленій, сумма которыхъ въ незначительномъ районѣ и за короткій промежутокъ времени доходитъ почти до 300,000 польскихъ злотыхъ. Мы потому и приводимъ его не въ полномъ видѣ, но только въ слѣдующей существенной части.

«Въ бытность польскихъ комиссаровъ въ пограничной комиссіи, какъ письменно, такъ и словесно неоднократно представлено было, что

необузданность гайдамакъ, собираясь въ мигайскомъ островѣ [1]) въ 1757 г., въ многихъ польскихъ мѣстахъ разоренія, смертные убійства, отгонъ изъ подъ Умани польскихъ и татарскихъ 550 лошадей учинила. Въ тоже самое время, когда пограничная коммиссія была подъ польскимъ мѣстечкомъ Звенигородкою, деревню Стецкую, да въ ключѣ смилянскомъ, село Валяву ограбили [2]): волы, лошади и разные пожитки, забрали, да изъ подъ польскаго мѣстечка Немирова ночью нѣсколько сотъ лошадей отогнали. А на какую сумму отъ гайдамакъ польскихъ подданныхъ 1755 ноября съ 15 по 1757 годъ ноября-же 18 число, сверхъ прежнихъ, вновь приключено обидъ, о томъ экстрактъ при семъ включенъ».

Приводится затѣмъ слѣдующее исчисленіе всѣхъ причиненныхъ обидъ и разореній:

1) «Ясне-велможному воеводѣ и генералу земель кіевскихъ, Францишку Салезінему Потоцкому, ограбленіемъ мѣстечка Торговицы и деревень Гордашенки, Молодецкаго, Маньковки, Паланки, Нерубайки, Дмитрушекъ, Борщово-Петровки, Разсошокъ, Карачевецъ, Буковы, Каменки, Папужинецъ, Кіянки, Каменечего, Теплина, Тарнаджи, Ісаекъ, Грищановки, Мищурова, Глушки, Ташлика, Кривого, Березовой, Росоловецъ, Копіевки и протчихъ, такожъ отгономъ жолнерскихъ, козацкихъ подъ Уманю и Торговицею, на мающихся тамъ болотахъ и съ разнихъ мѣстъ лошадей, приключено убытка на . . . . . 120,777 зл. 20 гр.

2) Ясне-велможному Станѣславу Потоцкому, воеводѣ познанскому, ограбленіемъ деревень Бубновки, Зерделевки, Соколовки, Броджа, Каташина,

---

[1]) С. *Мигая* с. и *мигайскій островъ* на р. Бугѣ въ ананьевскомъ уѣздѣ херсонской губерніи, близь бывшаго *Гарду* запорожскаго, принадлежатъ гг. Скаржинскимъ.

[2]) *Звенигородка*—теперь уѣздный городъ кіевской губерніи, *Стецка*, т. е. *Стецовка* село того-же уѣзда. *Ключами* назывались нѣсколько селъ одного владѣльца, или части большихъ имѣній съ особыми управителями.

Жолтоновки, Мариновки, Завадовки, Крушиновки и протчихъ, приключено убыткъ на . . . . . 23,144 зл. —

3) Господину скарбнику добрянскому Гоголю, отъ ограбленія села Бабанки, приключено убытка на 8,312 зл. —

4) Господину Курдвановскому, бывшему въ Ягорлыкѣ на форпостѣ, заборомъ лошадей, ружья и протчихъ пожитковъ приключено убытка на . 720 зл. —

5) Господину Зелезнѣцкому отъ отрабленія села Закриничча заборомъ лошадей, платья и разнихъ шляхетскихъ уборовъ учинено убытка на . 9,117 зл. —

6) Господину Стеоану Дорожинскому отъ ограбленія-жъ села Полущъ заборомъ платья, лошадиныхъ уборовъ, седелъ и готовыхъ денегъ, приключено урону на . . . . . 9,819 зл. 20 гр.

7) Господинъ Троцкевичъ, которой въ томъ же селѣ въ самое грабительство былъ, въ платьѣ, готовыхъ денгахъ и во всѣхъ пожиткахъ имѣетъ убытка на . . . . . 1,088 зл. 15 гр.

8) Господинъ Рыбицкій въ ограбленіи слободы Веселаго Кута и въ заборѣ готовыхъ денегъ, платья и протчихъ движимостей имѣетъ убытка на . 10,557 зл 27 гр.

9) Войску коронному, партіи украинской, такожъ и разнымъ господамъ товарищамъ въ разнихъ мѣстахъ, отъ нападенія на зимніе квартеры въ Новоселицѣ бывшимъ, грабителства на доброволнихъ дорогахъ съ должности возвращающихся и забору лошадей, мундира, сѣделъ и готовихъ денегъ, всего на . . . . . 58,596 зл. —

10) Господину Либишевскому отъ ограбленія села Лубовницы приключено убытка на . . 694 зл. —

11) Господину Букаемскому злодѣи заграничные расколники въ покражѣ двухъ котловъ приключили убытка на . . . . . 200 зл. —

12) Подданному ясне-велможнаго Потоцкаго, кіевскаго воеводы, слободы Каменной-Криницы, къ

уѣзду уманскому принадлежащей, жителю Костинѣ, россійскіе гайдамаки съ слободы Терновки (между которими и житель терновскій, Бѣлой, данной ему отъ сотника Юрія паспортъ потерялъ), напали ночью и забрали разныхъ движимостей на . . 650 зл. —

13) Тѣ-же гайдамаки у Михаила Кривошейка и Федора близъ терновскаго млина взяли лошадей трое въ . . . . . 130 зл. —

14) Господина чесника брапскаго Лупижскаго напали на квартеру въ местечкѣ Ладыжинѣ гайдамаки россійскіе, которые особливымъ реестромъ означены, взяли червонныхъ 480 на . . 8,640 зл. —

15) У того-жь господина Лупижскаго въ тоже время забрато мужеска и женска платья, шабель, лошадиныхъ уборовъ, клейнотовъ и разныхъ пожитковъ на . . . . . 6,000 зл. —

16) Господину Богуславскому долгу по векселямъ надлежитъ отъ россійскихъ людей . . . 1,396 зл. —

17) Господину скарбнику овруцкому Спендовскому, грабленіемъ местечка Райгорода и разореніемъ отъ ватажка Швыдкаго и другихъ заграничнихъ россійскихъ гайдамакъ, приключено убытка на . . . . . 17,905 зл. —

18) Господину скарбнику новогородскому Антонію Хоецкому заборомъ трехъ лошадей, подъ Немеровымъ, приключено урону заграничними россійскими гайдамаками на . . . . . 900 зл. —

Всего на . . 269,143 зл. 86 гр.

Этотъ, какъ и предъидущій ордеръ гетмана заканчивается предписаніемъ Кошу объ отысканіи виновныхъ и ограбленнаго имущества и удовлетвореніи обиженныхъ возвратомъ похищеннаго въ натурѣ, или-же деньгами.

Приведенное сейчасъ исчисленіе гайдамацкихъ грабежей—одно изъ тысячи подобныхъ; оно наглядно показываетъ, до чего упалъ въ

половинѣ прошлаго столѣтія государственный и общественный порядокъ въ б. Рѣчи Посполитой, какъ мало обезпечены были въ ней имущество и личность каждаго. Но еще съ большею силою это исчисленіе рисуетъ намъ гайдамакъ и ихъ положеніе въ краѣ. Нѣсколько десятковъ отчаянныхъ головорѣзовъ проходятъ отъ нижняго теченія Днѣпра до Умани и Немирова, разоряютъ подъ рядъ десятки селъ такихъ магнатовъ, какъ воеводы кіевскій и познанскій, имѣвшихъ тысячи хорошо вооруженныхъ козаковъ, забираютъ и угоняютъ огромныя партіи лошадей и скота на глазахъ вооруженной татарской и городовой стражи, нападаютъ на офицеровъ короннаго, тутъ-же стоящаго войска и отнимаютъ у нихъ оружіе, лошадей, збрую и деньги, наносятъ пораженія партіямъ надворной милиціи, забираютъ въ панскихъ домахъ серебро, одежу мужскую и дамскую и съѣстные припасы, захватываютъ по пути все, что попадетъ подъ руку и успѣшно отбиваясь отъ вооруженной погони, скрываются со всѣмъ награбленнымъ въ днѣпровскихъ островахъ и запорожскихъ балкахъ. Приведенный экстрактъ представляетъ намъ только результатъ гайдамацкихъ наѣздовъ за короткое время и въ немногихъ пунктахъ воеводства брацлавскаго. Подробности этихъ наѣздовъ разсыпаны въ массѣ бумагъ и писемъ, которыми по каждой частной жалобѣ пересылались русскія и пограничныя власти между собою и съ Кошемъ. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, именно нѣкоего Юста, командовавшаго русскимъ отрядомъ на ново-сербской границѣ, къ запорожскому кошевому, со словъ польскаго комиссара Артынскаго, сообщается, что во время нападенія гайдамакъ на Умань въ іюлѣ 1757 г. захвачено ими съ пастьбы и на трактахъ лошадей: козачьихъ 135, драгунъ надворныхъ воеводы Потоцкаго 37, шляхтича Неоковскаго 26, Гоголя товарища хоругви короннаго гетмана 9, Хмельницкаго шляхтича 4, комиссара Сутинскаго жеребцовъ 4, бывшихъ въ Умани татаръ 222, по деревнямъ и дорогамъ жидовскихъ 40, да людей при томъ поколото 40 человѣкъ, не считая всякаго награбленнаго имущества частныхъ лицъ. А между тѣмъ въ Умани была резиденція Потоцкаго и центръ его милиціи, состоявшей изъ козаковъ и драгунъ.

Въ непосредственной связи съ приведенными двумя гетманскими ордерами стоитъ рѣдкое по обстоятельности и полнотѣ показаніе одного изъ главнѣйшихъ участниковъ упоминаемаго въ ордерѣ отважнаго похода гайдамакъ подъ Умань и Немировъ. Это показаніе нѣ-

коего *Герасима Котляра*, снятое съ него въ канцеляріи новопоселеннаго за чертою Новой Сербіи, на границѣ Запорожья, слободскаго козачьего полка. Снимите съ него грубую канцелярскую окраску, возвратите ему подлинный языкъ разсказа и его самобытную форму, это была-бы настоящая хроника, или просто эпопея гайдамачества. Котляръ не записной запорожецъ и въ Запорожьѣ, кажется, совсѣмъ не живалъ. Офиціально онъ значится мѣщаниномъ пограничной съ Запорожьемъ крѣпости св. Елисаветы, нынѣшняго Елисаветграда, херсонской губерніи. По недавнему учрежденію самой крѣпости можно заключать, что по рожденію и прежней жизни онъ принадлежалъ другому мѣсту, а какому именно, неизвѣстно, какъ и все его прежнее *curriculum vitae*. Судя по дальнѣйшимъ его дѣйствіямъ, это былъ человѣкъ бывалый и, быть можетъ, не новичекъ даже въ дѣлахъ разбоя и грабежа, ибо не могъ-же онъ съ разу примкнуть къ шайкѣ гайдамакъ и пуститься на самое отчаянное предпріятіе, а въ одномъ случаѣ взять даже на себя роль предводителя. Подговорилъ Котляра къ поступленію въ шайку гайдамакъ сожитель его, также елисаветскій мѣщанинъ Безпоясный, а расположилъ къ тому долгъ въ сто рублей, котораго нечѣмъ было покрыть. Начавъ съ этого, Котляръ съ полною повидимому откровенностью разсказываетъ о своихъ и его товарищей похожденіяхъ, отъ выхода изъ Мигійскаго острова шайки, въ которую онъ вступилъ для поправленія своихъ денежныхъ обстоятельствъ, и до возвращенія его изъ похода въ крѣпость св. Елисаветы. Походъ былъ въ высшей степени удаченъ, Котляръ возвратился съ богатою добычею. Все, что могло изобличить его, онъ вымѣнялъ или продалъ, пріѣхалъ съ товаромъ и деньгами, мечталъ поправиться и зажить, но... утонулъ, такъ сказать, у самаго берега. Его арестовали на мѣстѣ, не смотря на предложенные имъ богатые подарки, которые, кажется и выдали его. Въ высшей степени интересенъ разсказъ Котляра о дѣлежѣ добычи и поднесеніи изъ нея приличной части сѣчевой администраціи, вообще-же онъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ непосредственномъ участіи запорожской братіи въ гайдамацкихъ наѣздахъ. Разсказъ обширный, однообразный, утомительный по убійственному канцелярскому языку и формѣ, и тѣмъ не менѣе мы приглашаемъ читателя прочесть его отъ начала до конца: подъ грубою формою въ немъ хранится богатое содержаніе. Вотъ его текстъ.

1757 года, сентября 1 дня, присланный при ордерѣ отъ его высокородія, г. бригадира, крѣпости св. Елисаветы коменданта, А. И. Глѣбова, колодникъ, крѣпости св. Елисаветы мѣщанинъ, Герасимъ *Котляръ* допрашиванъ и показалъ слѣдующее:

Сего году, о праздники Сошествія святаго Духа, живущій здеся, при крепости святыя Елисаветы, мѣщанинъ, прозваніемъ *Безпоясній*, пришедъ къ нему Котляру, между разговорами сказивалъ, что Сѣчи Запорожской въ Мигійскомъ островѣ какъ онъ былъ для ловлѣ рибы, то видѣлъ, что гайдамацкая партія знатно въ Полщу на грабительство въ немаломъ числѣ збирается. То онъ Котляръ, вздумавъ, что на немъ болѣе ста рублевъ долгу остается и оныхъ заплатить нечемъ, спустя после праздника Сошествія святаго Духа четири дни, подъ видомъ якобы для отисканія на козаку войска запорожскаго, куреня сущевскаго, Івану Шульзѣ, долговыхъ денегъ, а умисленно для того единнаго воровства, взявъ въ здѣшняго крепости святія Елисавети магистрата пашпортъ, съ тѣмъ Безпояснимъ, на одной своей лошадѣ, запрягши въ телегу, въ тотъ Мигійскій островъ поехали. И не доезжая оного острова, въ стоящего на броду речки Синюхи въ карантинномъ домѣ прапорщика (а какъ зовутъ и прозываютъ, не знаетъ) явился и данній ему Котляру изъ магистрата пашпортъ объявилъ. И оной прапорщикъ тотъ пашпортъ прочтя, у себя оставилъ, а ихъ въ Мигійскій островъ пропустилъ.* Одъколя они поехали и прибывъ туда, оную воровскую гайдамацкую партію, въ шестидесяти пятихъ человѣкъ, при ататанѣ войска запорожскаго куреня дядковскаго Яковѣ Солоне нашли, въ которую и онъ Котляръ присталъ и съ ними въ томъ островѣ болѣе неделѣ жилъ. И чрезъ ту его, Котляра, битность еще къ нимъ гайдамаки прибавилися, и какъ всѣхъ семьдесять пять человѣкъ ихъ собралось (изъ коихъ онъ Котляръ знаетъ Сѣчи Запорожской козаковъ, куреней: мышастовскаго Григорія Калиту, Бурила, а имя не знаетъ, корсунскаго Федора Волка и Сукора, а имя не знаетъ, крыловскаго Івана Жаболду и малого Жаболденка, а имя не знаетъ, и Івана Малого, пашковскаго Андрѣя Караджу, роговскаго Ивана Бойка, поповичевскаго Федора Писменнаго, а другаго прозваніемъ Бороду, ивановскаго Григорія Писменнаго, батуринскаго прозваніемъ Малого, а имени не знаетъ, копеловскаго Сукура, бруховецкаго Савелія Кравця, калниболоцкаго Івана,

прозванія не знаетъ, васюринскаго, прозваніемъ Кузему, коневовскаго, прозваніемъ Павла, а протчихъ всѣхъ гайдамакъ, кромѣ вышеписанныхъ, какихъ оны куреней и какъ ихъ зовутъ и прозываютъ, не знаетъ), то всѣ, согласясь, въ Полщу, для разбитія состоящаго подъ полскимъ мѣстечкомъ Медвиномъ полского обозу, пеши пошли. И въ пути, близъ полского села Шестеринецъ, въ сумерки, какъ оны, гайдамаки, чрезъ плотину хотели переходить, то, знать по извѣстію, исъ того полского обозу до несколко человѣкъ поляковъ и ихъ козаковъ, не допуская чрезъ плотину переходить, толко что изъ ружей випалили, то прописаній вышше сего гайдамацкій атаманъ Яковъ Солонь на гайдамакъ закричалъ, чтобъ уходили, одъколя тогда-жъ оный гайдамацкій атаманъ зъ двома человѣки (а какъ ихъ зовутъ и прозиваютъ, не знаетъ) ушелъ, а съ нимъ Котляремъ осталось тамо семьдесятъ одинъ человѣкъ. И онъ Котляръ на тѣхъ своихъ товарищей закричалъ, дабы не уходили, а какъ остановилися и къ той полской партіи, закрича, вдругъ бросилися на списахъ, то оніе поляки и при нихъ козаки въ имѣющій тамо лугъ и въ болото съ лошадми вбѣжали, за коими оны гайдамаки ночью и не гнались, а толко около того лугу свой гайдамацкій караулъ, дабы ночью уйти не могли, поставили. А на утренній день, какъ стало видно, кого исъ техъ полскихъ хорунгъ [1]) и козаковъ въ томъ болотѣ нашли, то съ ихъ поляковъ плате и шабли поснимали и лошадей семъдесять зъ сѣдлами, да пистолетовъ тридцять пять паръ взяли. И при томъ, какъ стали тѣ хорунги и козаки отъ нихъ гайдамакъ бѣжать, тогда Сѣчи Запорожской, мышастовскаго куреня, Григорій Калита трехъ поляковъ закололъ, а болѣе тамо какъ онъ Котляръ, такъ и протчіе гайдамаки никого до смерти не убили. И отътудова оны, гайдамаки, сѣвши на лошадѣ, а которымъ не достало лошадей, пѣшіе тѣмъ-же, куда и въ Полщу ишли, трактомъ въ показанной Сѣчи Запорожской въ Мигійскій островъ, где всѣ-жъ злодѣи гайдамаки собраніе имѣли, пошли. И не доходя онаго, перешедъ чрезъ границу подлѣ Новой Сербіи, олшанскаго шанца верстахъ въ четырехъ остановилися и теми пограбленными лошадми, пистолетами и шаблями и протчимъ розделилися. И ему, Котляру, изъ оныхъ досталось лошадь

---

[1]) Хорунгъ—хоругвей, т. е. отрядовъ, въ родѣ эскадроновъ.

гнѣдая зъ сѣдломъ, да пара пистолетъ, епанча бѣлаго простаго сукна, да шапка полская съ сѣрою опушкою, шабля зъ желѣзною оправкою, протчимъ-же гайдамакамъ кому что досталося, онъ не знаетъ, да еще изъ тѣхъ грабленныхъ вещей,—какъ то и всегда у гайдамакъ бываетъ, что, будучи въ гайдамачествѣ, по приходѣ Сѣчи Запорожской въ Гардъ, тамо полковника гардового и старшину, дабы имъ гайдамакамъ въ оному Гарду пянствувать не запрещали и ихъ не ловили, даруютъ для гостинця,—шаблю, да ладовницю оставили. И по раздѣлѣ того, съ той ихъ гайдамацкой партіи пять человѣкъ, куреня корсунскаго Іванъ Жаболда, Іванъ Бойко и Ѳедоръ Волкъ, а двохъ, какъ звать не знаетъ, поехали Новой Сербіи въ показанной ольшанской шанецъ, а онъ Котляръ зъ шестидесяти семи человѣками поехалъ въ означенній Мигійскій островъ. И какъ по тракту, здешняго новопоселяемаго слободского козацкого полку чрезъ слободу Красную ехали, то изъ оной ихъ гайдамацкой партіи осталось въ оной слободѣ для пянства и взятія харчей болѣе сорока человѣкъ, а онъ Котляръ зъ двадцатью гайдамаками (и съ коихъ онъ, Котляръ, помнитъ запорожскихъ козаковъ, куреня мишастовскаго Грицка Калиту, Бурилу, а имя не знаетъ, васюринскаго Кузямку, Івановскаго Грицка Писменнаго, батуринскаго Остроуха, а имя не знаетъ, а другихъ, какихъ куреней и какъ имя и прозванія не знаетъ-же) поехали въ Мигійскій островъ и прибывъ туда, переночовали, а на другой день изъ вышеписанныхъ, зоставшихъ въ слободѣ Красной, гайдамакъ десять человѣкъ къ нимъ въ Мигійскій островъ прибыли (а протчіе гайдамаки, оставшіе въ показанной слободѣ, где дѣвалися, оніе прибившіе десять человѣкъ ему, Котляру, не объявляли) и переночовавъ въ ономъ, на другой день съ тридцяти человѣки, для отданія оставленнаго отъ подѣлу въ гостинецъ, въ Гардъ поехали. И прибывъ туда, гардовому полковнику, куреня брюховецкаго (а имя и прозванія не знаетъ), полскую шаблю зъ серебраною оправкою и ладунку, да есаулу гардовому, куренному величковскому Игнату Маидру шаблю зъ желѣзною оправкою, заведомо, что пограбленную ими въ Полщѣ, отдали. И тамо побывъ дни зъ два, поехали по прежнему въ тотъ Мигійскій островъ, где имъ веда злодѣйское пристанище по укривательству состоитъ. Куда по прибытіи отъ находящихся въ ономъ островѣ гайдамакъ (а какъ ихъ зовутъ и

которыхъ куреней, онъ не знаетъ) услыша, что Сѣчи Запорожской ивановскаго куреня козакъ Іванъ Неежжалій, собравши болѣе восмидесяти человѣкъ гайдамакъ, подлѣ рѣчки Добрянки въ балки состоитъ и намѣренъ де итить въ Полщу на грабительство, то и онъ Котляръ, взявъ свою лошадь, къ той рѣчки поехалъ. И какъ прибылъ въ балку, то злодѣйскую партію съ восмидесяти семи человѣка, при атаманѣ показанномъ Неежжалимъ, наехалъ и во оную присталъ. Въ которой партіи гайдамаки были: за асаула куреня платнеревскаго Кузма Таранъ, крыловскаго Іванъ Жаболда, да Купчикъ, медведовскаго Каневецъ, копеловскаго Грива и Чернецкій, мышастовскаго Грицко Калита, поповичевскаго Федоръ Писменній, леушковскаго Алексѣй Ковбаса, кущевскаго Яцко Зубъ, калниболоцкаго Кузма Козолупъ, пашковскаго Боровій, величковскаго Шарій, а протчіихъ гайдамакъ, какихъ куреней и какъ зовутъ и прозваніемъ, не знаетъ. Между которыми будучи, слышалъ онъ, Котляръ, что въ Полщѣ, подъ мѣстечкомъ Уманю не малое число татаръ съ лошадми находится и что ко онимъ они намѣренни итить и имѣющихъ лошадей ограбить, а подлѣнно-ли тамо татаре въ Уманѣ находятся, для провѣдованія гайдамака, житель слободы Добряяки, Волошиненко посыланъ былъ. Которой чрезъ три дни по развѣдованіи, что подленно немалое число татаръ съ лошадми подъ ономъ Уманю стоятъ, какъ обявилъ, тогда они, гайдамаки, и показанной Волошиненко, согласившися и переехавъ выше новопоселяемаго слободского козацкого полку слободы Ново-Архангельской въ бродъ, верхами поехали и чрезъ двое сутокъ отъ оной Уманѣ какъ верстъ за три приехали, то изъ онихъ татаръ съ лошадиними табуномъ девятнадцать человѣкъ наехали, которіе, оставя тотъ свой лошадиной табунъ, въ городъ Умань ушли, а они гайдамаки тотъ ихъ татарской табунъ въвесь (въ коемъ онихъ лошадей зъ стриженами было до четырехъ сотъ, а сколко доподлѣнно всѣхъ имѣлось, не знаетъ) пограбя, погнали. И по извѣстію одъ тѣхъ татаръ изъ оного мѣстечка Умани козаковъ человѣкъ до сорока или болѣе, какъ нагнавъ ихъ на степу, одъ мѣстечка Умани верстахъ въ двадцати, стали съ ружя ни нихъ палить и изъ гайдамакъ одного до смерти убили, а четырехъ поранили, тогда и они, гайдамаки, на нихъ выпаля изъ ружжя залпомъ и по своей злодѣйской ярости бросившись вдругъ всѣ

зъ списами, ихъ козаковъ кололи до смерти, и толко изъ нихъ ушло живыхъ пять человѣкъ, а сколко подлѣнно всѣхъ числомъ покололи, и изъ гайдамакъ хто сколко закололъ, какъ они по своему злодѣйству всѣ кололи, не знаетъ, а только онъ Котляръ изъ онихъ въ смерть одного козака закололъ. И потомъ тотъ табунъ занявъ погнали и перегнавъ чрезъ реку Синюху, не доехавъ Сѣчи Запорожской до Гарду верстъ за десятъ, оставя изъ тѣхъ Сѣчи Запорожской гардовому полковнику зъ старшиною пару лошадей, протчихъ-же всѣхъ лошадей они, гайдамаки, на восѣмъдесятъ девять человѣкъ разделили по жеребъямъ, и съ которыхъ ему Котляру досталось два мерина, одинъ серой, а другій половой, да кобыла сиво-желѣзая зъ жеребенкомъ. И по роздѣлѣ они, гайдамаки, кто куда захотѣлъ, съ тѣми лошадми въ розно разъихались, а атаманъ Неежжалій зъ гайдамаками Яковомъ Козолупомъ, Алексѣмъ Ковбасою, Кузмою Тараномъ впередъ для отдачи гардовому полковнику бруховецкаго куреня, прозваніемъ Шевцу, асаулу величковскаго куреня Игнату Мандру вышеписанныхъ, оставленнихъ имъ, двухъ лошадей поехалъ, а онъ-же Котляръ съ протчими гайдамаками (а въ коликомъ числѣ и кто именемъ были, не знаетъ) для отдачи доставшихъ имъ по роздѣлѣ лошадей въ гардовій табунъ поехали. И прибывъ тамо гардовымъ стадникамъ отдали, съ обявленіемъ, что оніе у нихъ лошади пограблении въ Полщи, въ уманской губерніи, и за то, чтобъ табунщики ихъ лошадей смотрѣли, дали двѣ кобили гнѣдіе. И по отдачѣ тѣхъ лошадей нѣкоторіе гайдамаки по запорожскимъ зимовникамъ разъехалися, а онъ Котляръ съ пятнадцатью человѣки (а какъ ихъ зовутъ, не знаетъ) въ Гардъ для пянства ездилъ и тамо съ оними гайдамаками у полковника всѣ явясь и о бытіяхъ на гайдамачествѣ въ Полщѣ обявясь, четыри дни, пянствуя, находилися. И отътоль онъ, Котляръ, поехалъ на бродъ реки Синюхи для взятія оставленнаго въ карантинномъ домѣ у стоящаго тамо афицера данного ему изъ магистрата пашпорта, съ намѣреніемъ, чтобъ, взявъ лошадей, коихъ ему изъ грабителнихъ достались, отвесть для продажи Новой Сербіи въ новомиргородской шанець, на бывшей тамо тогда ярманокъ. Однако, не доежжая онаго карантиннаго дому, встрѣтя его одинадцять человѣкъ гайдамакъ (а отколь они и какъ по имени и прозванію, не знаетъ) ему Котляру обявили, что вышедшій де изъ Полщи Федоръ

Швидкій Сѣчи Запорожской въ Мигійскомъ островѣ не малую гайдамацкую партію ити въ Полскую область, въ городъ Немеровъ, збираетъ съ намѣреніемъ на грабительство, то потому и онъ Котляръ въ тотъ островъ на другой день поехалъ и прибывъ туда, показанного Швидкого съ тою злодѣйскою гайдамацкою партіею въ шести-десять пяти человѣклхъ сыскалъ. И къ оной онъ Котляръ какъ присталъ, то жили въ томъ островѣ съ неделю, а атаманъ Швидкій отъ нихъ для покупки пороху и селитри въ полское мѣстечко Торговицю ходилъ и по возвращеніи своемъ одътоль еще съ собою сѣмнадцять человѣкъ гайдамакъ привелъ. И такъ уже ихъ собралось восѣмъдесятъ два человѣка, и съ которыхъ онъ, Котляръ, знаетъ Сѣчи Запорожской козаковъ, куреней: ивановскаго Павла Тарана, Грицка Письменнаго, переяславскаго прозваніемъ Полового, ирклѣевскаго Колмика, пашковскаго Андрѣя Гараджу, куреневскаго Мойсѣя Шевця, дву Ивановъ Бойковъ, незамаевскаго Карпа Кирпу, платнеревскаго Чабака, кислековскаго Григорія Злодѣя, батуринскаго малого Остроуха, поповичевскаго Безкровнаго, корсунскаго Бандурку, бруховецкаго Яцка Кравця, Савку Кравця, а протчихъ всѣхъ, какъ зовутъ и прозиваютъ и которыхъ куреней, не знаетъ. И тѣ всѣ, согласясь на то грабительство, въ показанной городъ Немеровъ пошли изъ Мигійскаго острова чрезъ рѣку Бугъ на бродъ и перешедъ ногайскій и полскій степы даже до лѣсу, состоящаго подъ полскимъ местечкомъ Хощеватымъ, ишли. И прибывъ въ тотъ лѣсъ, въ имеющой тамо посѣки чрезъ ввесь день находились. И услиша въ ономъ Хощеватомъ стрелбу и колоколную тревогу, оной гайдамацкой атаманъ Швидкій имъ обявилъ: «знать то де та тревога чинится къ собранію народа для поимки ихъ гайдамакъ». И какъ ночь пришла, то атаманъ со всѣми гайдамаками и онъ Котляръ исъ того леса ночью пошелъ, и следуя въ купи, не въ далнемъ одъ того местечка Хощеватого разстояніи, въ селѣ Могилномъ три пари воловъ съ возами, да у жида кобилу съ возомъ пограбили и харчевій запасъ, муку, пшено и масло коровье, и у коихъ гайдамакъ рубашекъ не было, съ обывателей снимали, да у жида-жъ шесть копѣекъ денегъ, да мыла меншокъ взяли. И по грабительствѣ того, какъ изъ села съ версту отошли, то показанній атаманъ Швидкій, оставя при харчевихъ возахъ сорокъ человѣкъ (а кто именно, за ночною порою знать не можетъ), самъ съ нимъ, Котляремъ, въ

сороку человѣкахъ гайдамаками (исъ коихъ онъ знаетъ Сѣчи Запорожской козаковъ бруховецкаго Савку Кравця, да Яцка Кравця-жъ, криловскаго Ивана Бойка, пашковскаго Андрѣя Гараджу, платнеревскаго прозваніемъ Чабака, незамаевскаго Карпа Кирпу, поповичевскаго Безкровнаго, переяславскаго Полового, а протчихъ гайдамакъ какъ ихъ по имени и прозванію, не знаетъ) для взятія въ состоящемъ впереди хуторѣ воловъ на харчь пошелъ, и разделясь на двѣ партіи, по двадцяти человѣкъ, однимъ велелъ онъ атаманъ до броду рѣчки Синюхи следувать, а самъ съ нимъ Котляремъ въ девятнадцяти человѣкахъ гайдамакъ въ показанной хуторъ пошелъ. И толко что въ тотъ хуторъ передъ свѣтомъ пришли и четири воли да кобылу съ возомъ взяли, то услишили стрелбу, и онъ атаманъ съ одинадцятью человѣки гайдамаки къ той стрелбѣ побежалъ, а девять человѣкъ при харчевихъ возахъ оставилъ. И какъ толко изъ оной рѣчки Синюхи къ броду приближились, тогда усмотрели, что на ихъ товарищей гайдамакъ, посланнихъ къ речки Синюхѣ, стоящія на дороги купци палять; то и онъ атаманъ съ нимъ Котляремъ и одинадцятью человѣки гайдамаки, къ своимъ товарищамъ гайдамакамъ поспеша, совокупилися и обще на тѣхъ купцовъ съ ружей стали палить, напротивъ чего и оные купци на нихъ палили. И притомъ какъ изъ нихъ гайдамакъ тѣ купци Яцка, а прозваніемъ не знаетъ, поранили, тогда они гайдамаки на нихъ залномъ випалили и, разъярясь, всѣ вдругъ бросились на списахъ на нихъ и начали въ томъ обозе грековъ купцовъ и ихъ фурманщиковъ немилостивно колоть, и съ коихъ и онъ Котляръ двухъ человѣкъ закололъ, а протчіихъ, какъ онъ видѣлъ, кололи атаманъ Швидкій, гайдамаки: незамаевскаго куреня Карпо Кирпа, пашковскаго Андрѣй Гараджа, криловскаго Іванъ Бойко, бруховецкаго Яцко Кравець, Савка Кравець, да поповичевого прозваніемъ Безкровній, а имя не знаетъ, батуринского Остроухъ, платнеревского Чабанъ, а хто именно и сколко кто, тожъ и другіе, кромѣ вишшеписанниихъ, хто оныхъ купцовъ кололи, какъ-то оны, по своей злодѣйской злой ярости, всѣ кололи, не знаетъ. И какъ всѣхъ кололи, тогда тотъ часъ гайдамаки куреня брюховецкого Яцко Кравець, вскоча на бричку, а на возъ, на коемъ была будка, атаманъ гайдамацкій Швидкій, и розрѣзавъ онія,—одну бричку и возъ, товари и пожитки на землю бросали и

изъ будки-жъ всѣ товари и пожитки, а изъ одной брички меншую половину товаровъ толко что на землю вибросили, тогда и оставленніи ихъ товарищи гайдамаки, сорокъ человѣкъ, при харчевихъ возахъ и къ нимъ при самомъ светѣ приехали. И въ то время оніе товари и пожитки всѣ гайдамаки на оніе вози какъ стали класть, то онъ Котляръ видѣлъ, что были лисіи три меха, горностаевіе, тхоревіе, бѣліе и чорніе сѣбѣрконіе мехи-жъ, и лисѣи горла, а сколко чего, онъ за темъ, что одинъ передъ другимъ всякъ, хватая, бросали на вози, тожъ и денегъ, серебранной и золотой монети, сколко взято, не знаетъ. И при той поклажѣ товаровъ какъ увидѣли, что полскіе, уманскіе и савранскіе козаки за ними гайдамаками погоню чинять и къ нимъ приближаются, тогда они гайдамаки, спѣша, чтобъ одъ той погонѣ уйти, одъ техъ возовъ съ пограбленними десятми лошадми съ возами во уходъ пошли. И одъ техъ возовъ съ версту отошли, или нетъ, то какъ та козацкая погоня къ нимъ приближася, даже до состоящей за рекою Бугомъ Описковой Стейки, стреляя на нихъ, гналися, а они гайдамаки противу пустя вози свои впередъ, въ отпоръ палбу чинили, точію какъ изъ ихъ гайдамакъ, такъ и изъ уманскихъ козаковъ ни одного человѣка не убили и не поранили, а толко при той Описковой Стейки исъ пограбленнихъ ими гайдамаками десяти лошадей восѣмъ уманскіе и савранскіе козаки одъбили и одътоля съ оними возвратилися, а они гайдамаки пошли полскимъ савранскимъ трактомъ и пришедъ до вершини реки Кодими, тамо́ оные пограбленніе въ показанних купцовъ товари избросали съ возовъ въ одно место, такожъ и денги атаманъ, червонцовъ до пяти, россійской рублевой турецкой и полской монетъ, на килимъ висыпалъ, а всего было по рощоту атаманскому сто рублевъ, да после того гайдамаки куреня крыловского Іванъ Бойко, незамаевского Карно Кирпа две бумажки, какъ-бы червонцы, принесли, то онъ атаманъ взялъ оніе и обявилъ якобы «личмани» [1]) и оних въ поделъ не представилъ, а протчіе всѣ вещи сто рублевъ денегъ роздѣлилъ онъ, атаманъ, всѣмъ. По которому роздѣлу досталося ему Котляру рубль и пять копѣекъ, и мѣхъ сѣбѣрковій единъ, тхоровій одинъ, горносталявого половина, кошечій чорной одинъ, куниця

---

[1]) Мѣдные для игры въ карты жетоны, или «личнаци».

видѣланная одна, смушекъ болгарскій одинъ, лисѣхъ горлъ десять, бѣлокъ недѣланнихъ пять, горносталя одинъ, тхоровъ два, а кому съ товаровъ въ подѣлъ недостало, то вмѣсто того исъ пограбленного въ техъ купцовъ платья, тожъ три ружья, пару пистолетовъ и протчіе въ подѣлъ давали, а сколко кому чего досталось какихъ вещей, не знаетъ. А часи золотіе карманніе, лисѣй мѣхъ и саміе лутшіе и съ товаровъ вещи, и двѣ пари пистолетъ атаманъ Швидкій оставилъ безъ роздѣлу для подарунку обрѣтающемуся Сѣчи запорожской въ Гарду полковнику зъ старшиною, какъ-то у нихъ гайдамакъ всегда бываетъ, что по возвратѣ изъ грабителства оную гардовую старшину даруютъ, и для того въ Гардъ какъ зъ гайдамачества прійдутъ, то даютъ они гайдамаки исъ пограбленнихъ пожитковъ старшинѣ, и потому ихъ гайдамакъ какъ полковникъ, такъ и старшина, хотя они гайдамаки, приходя въ Гардъ, въ базаре пянствуютъ и харчь покупаютъ, подъ караулъ не берутъ, да еще естли когда изъ Сѣчи запорожской для поиску ихъ гайдамакъ обездка бываетъ, то ихъ старшина скриваетъ.

По роздѣлѣ-жъ онихъ пожитковъ они гайдамаки, переночовавъ, пошли въ Мигейскій островъ, где самое ихъ гайдамацкое укривателное мѣсто состоитъ. И по приходѣ въ оной островъ на другой день оной атаманъ изъ гайдамакъ двухъ человѣкъ, одного Карпа, а другого какъ звать и прозваніемъ, не знаетъ, послалъ въ Гардъ за полковникомъ и за асауломъ гардовими, съ обявленіемъ, что де они гайдамаки прибыли зъ гайдамачества съ пограбленными изъ Полщи вещми, и дабы для взяття оставленнихъ имъ подарковъ пріежжали къ нимъ, гайдамакамъ, въ оній островъ, а его Котляра оній-же гайдамацкій атаманъ для покупки и привозу имъ, гайдамакамъ, за шестьдесятъ копѣекъ хлѣбного вина, на бродъ рѣки Синюхи послалъ. И онъ Котляръ, выкопавъ въ томъ островѣ закопанніе имъ денги восѣмъ рублей, кои онъ, напередъ того продавъ двѣ лошадѣ, получилъ и взявъ въ томъ островѣ у рыбалокъ возъ, туда и поехалъ, а по пріездѣ въ карантинномъ домѣ, у маркитанта, а какъ зовутъ, не знаетъ, оного вина за восемъ рублевъ и шестьдесятъ копѣекъ купя и тѣмъ гайдамакамъ чрезъ два дни въ оной островъ привезъ. И по приездѣ его Котляра въ оной островъ на другой день изъ Гарду асаулъ гардовій, куреня

величковскаго, Игнатъ Мандро, къ тѣмъ гайдамакамъ въ полдни приехалъ, гдѣ пероночевавъ они гайдамаки изъ оставленнихъ гайдамацкихъ вещей для подарку полковнику гардовому и оному асаулу зъ старшиною дали: часи золотіе карманніе, лисей мѣхъ, цепочку медную съ футляромъ, въ коемъ зеркало, табакирка и пороховая натруска, а еще что атаманъ гардовому асаулу давалъ, онъ не знаетъ, да гайдамаки каждій отъ себе ему-жъ асаулу давали смушки булгарскіе, куницы и другіе вещи (а что именно кто давалъ, не знаетъ), а онъ Котляръ далъ ему асаулу смушекъ булгарскій. Какъ-же продалъ оной Котляръ тѣмъ гайдамакамъ купленное вино рублевъ за пятнадцять или болѣе (а подлѣнно за сколко, не знаетъ): ружье за чотири рубли, рогъ пороховой за восѣмъдесятъ копѣекъ, шапку за едного рубля, списъ за пятьдесятъ копѣекъ, шаравары за два рубли и сорокъ копѣекъ, то на тѣ всѣ денги у онихъ товарищей своихъ покупилъ мехи тхоровіе, сѣбѣрковіе, лисѣи горлы, горносталъ и тхори недѣланніе (а сколко чего и у кого именно купилъ, не знаетъ) да вѣвчуру [1]) волчую у запорожского козака, куреня переясловского, прозваніемъ Полового, за шесть рублевъ. Которое поклавъ въ боченокъ, у оного забивъ дна, а другія положивъ въ сакви волосеніе и одинъ мешокъ, и нанявъ будущого тамо для рибной ловлѣ рибалку (а отъкуда онъ тотъ рибалка, не знаетъ; заведомо, что онъ для одъвозу), до карантинного дому поехалъ. И прибывъ во оной, явился въ состоящего тамо у оберъ-афицера, у коего и данной ему, Котляру, изъ магистрата пашпортъ находился, и оному объявилъ, что уже онъ Котляръ съ рибной ловлѣ едетъ въ домъ свой, въ крѣпость святія Елисавети. Тогда ему Котляру оной оберъ-афицеръ сказалъ, что однако де карантиннаго дому лекарь едетъ въ крепость-же святія Елисавети, а съ нимъ козацкой порожной возъ будетъ, то де и его Котляра свезетъ, почему онъ тѣмъ козакамъ какъ боченокъ, такъ сакви и мешокъ съ тѣми вещми въ вечеру на возъ положилъ, которыхъ вещей какъ оберъ-афицеръ, такъ и нихто не видалъ, а козаки хотя съ нимъ Котляремъ на возъ тотъ бочонокъ, сакви и мешокъ съ вещми и клали, но что въ онихъ есть, не спрашивали и онъ имъ не сказивалъ. Съ которымъ лекаромъ на томъ

[1]) Тулупъ, мѣхомъ вверхъ; вѣвчура волчая—шуба волчья.

козацкомъ возу онъ Котляръ даже до крепости святія Елисавети ехали, и какъ передъ заходомъ сонца къ крепости пріехали, то лекарь въ передѣ ихъ поехалъ на квартиру, а онъ Котляръ умишленно, чтобъ его нихто не видалъ и подъ караулъ не взялъ, а толко-бъ въ ночи сходя къ бургомистру Звенигородскому явиться, сказалъ тому козаку, чтобъ вдаль стать слободы и лошади попасть, гдѣ и пасли даже до ночи. А какъ смеркло, то они, запрягъ въ возъ лошади, поехали. И прибывъ въ домъ, боченокъ и сакви и мешокъ зложа, тому козаку за пять копѣекъ хлѣбного вина какъ далъ и оной выпилъ, тогда тотъ козакъ отъ него и поехалъ (а какъ его зовутъ и прозиваютъ и которого полку, не знаетъ), а онъ Котляръ, поужинавъ и выпивъ за пять-же копѣекъ вина, мало еще обождавъ, чтобъ попозняе было, вынявъ изъ саковъ исъ техъ гайдамацкихъ вещей сѣбѣрковій мѣхъ и куницу едну, къ магистратскому бургомистру Звенигородскому въ домъ его пойшолъ, и оное принесши, ему Звенигородскому въ руки отъдалъ. Которой бургомистръ его, где оное взялъ, спрашивалъ, и онъ ему бургомистру обявилъ, что де купилъ въ Мигейскомъ островѣ, почему оной бургомистръ, принявъ отъ него Котляра тѣ вещи и взявъ его, Котляра, и асаулця Якима Лозовенка съ собою, пошедъ въ домъ, и какъ толко съ нимъ онъ бургомистръ пришелъ въ домъ, то онъ Котляръ, какъ былъ пянъ, легъ въ сѣняхъ спать, а онъ бургомистръ зъ асаулцемъ пошелъ къ женѣ его Котляревой и тѣ въ боченкѣ и саквахъ всѣ вещи при женѣ его Котляра осмотря, взялъ вѣвчуру волчую (а еще что исъ товаровъ бралъ, не знаетъ), и оставля его Котляра въ домѣ исъ тѣми пожитками, пошелъ въ свой домъ, а поутру, еще до пробитія утренной зарѣ, онъ Котляръ, проспавшися, всталъ и пошелъ въ избу. Тогда жена его Котлярева сказала, что бургомистръ де Звенигородской приказалъ, когда онъ Котляръ проспится, тобъ де пришолъ къ нему Звенигородскому, почему онъ Котляръ тотъ часъ къ нему Звенигородскому въ домъ и пошелъ. И какъ толко въ избу вошелъ, то оной Звенигородской ему Котляру обявилъ, чтобъ ишелъ къ брегадирному канцеляристу Данилѣ Івановичу, и потому онъ Котляръ, пошедъ въ домъ и взявъ изъ тѣхъ гайдамацкихъ вещей сѣбѣрковой мѣхъ, чтобъ нихто не видалъ, подъ полу, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ оному канцеляристу Иванову подарить,

пошелъ, и толко что въ дворъ оного канцеляриста вошелъ, какъ за нимъ и оной бургомистръ въ слѣдъ на дворъ вошедши, ему Котляру сказалъ, чтобъ онъ въ его канцеляриста Иванова людскую избу ишелъ, а онъ де бургомистръ объ немъ Котлярѣ обявитъ, и бывъ у оного, объ немъ Котлярѣ Звенигородскій что говорилъ-ли, не знаетъ. А какъ одъ него канцеляриста онъ бургомистръ вишедъ, то сказалъ ему Котляру, чтобъ ишелъ съ нимъ въ домъ, почему онъ съ нимъ бургомистромъ и со взятіемъ для подарунку оному канцеляристу сѣбѣрковымъ мѣхомъ пошли. И по приходѣ въ здешнюю слободу бургомистръ Звенигородскій въ свой, а онъ Котляръ въ свой-же дворъ пошелъ, и какъ толко въ избу онъ Котляръ войшелъ; то вслѣдъ за нимъ магистратской асаулецъ Лозовенко пришедъ, взялъ его Котляра безъ тѣхъ гайдамацкихъ вещей и привелъ къ крепости святія Елисавети въ магистратъ, гдѣ и оддан подъ караулъ, а посля того погодя мало и оніе гайдамацкіе вещи какъ принесенни, то его Котляра, забивъ въ колодки, исъ того магистрата въ канцелярію его високородія господина брегадира и крѣпости святія Елисавети коменданта, Алексѣя Ивановича Глобова отосланъ, а одътоль сюда присланъ. Кромѣ-же вишеписаннаго на воровствахъ и грабительствахъ не бивалъ, пожегъ и смертноубійства не чинилъ и о всемъ показалъ праведно, въ чемъ и подписуюся своеручно».

«Подлинній черный допросъ по листамъ скрѣпилъ и съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ заднепрского слободского новопоселяемого за чертою Новой Сербіи козачего полку

Полковій писарь *Василій Семеновъ.*

Прочитавъ этотъ безхитростный, чуждый всякаго хвастовства и прикрасъ, а потому несомнѣнно правдивый разсказъ одного изъ участниковъ гайдамацкаго наѣзда и сопоставивъ его съ экстрактомъ гайдамацкихъ грабежей, приведеннымъ выше, невольно спросишь: какимъ образомъ такіе выдающіеся магнаты, какъ оба графа Потоцкіе или князь Четвертинскій, имѣвшіе у себя, по тогдашнему обычаю, не только огромную дворню, но сотни стрѣльцовъ для охоты и цѣлыя хоругви козаковъ и драгунъ, а въ должности управляющихъ имѣніями, или губернаторовъ, большею частію «товарищей» народовой гвардіи польской, могли допустить, чтобы шайка гайда-

макъ въ 80, а иногда въ 40 и менѣе человѣкъ, выйдя изъ запорожскихъ степей и овраговъ, могла перебраться за границу, пройти ихъ имѣнія и отъ Кодыми и Синюхи верстъ за 200 проникнуть въ глубь Подоліи, и съ массою добычи и цѣлымъ табуномъ лошадей благополучно, въ полномъ почти составѣ, возвратиться въ тѣже степи? Многое можно было-бы сказать въ отвѣтъ на этотъ вопросъ; но мы, держась въ предѣлахъ сообщаемыхъ нами документовъ, ограничимся только указаніемъ на ту панику, какую производило всегда нечаянное нападеніе гайдамакъ, на ту силу, опытность и искусство, какія сообщало имъ участіе прославленныхъ «лыцарей»-запорожцевъ, на ту наконецъ «ярость злодѣйскую», съ которой гайдамаки нападали и отбивались и о которой не по приказу-же допрашивавшихъ не разъ упоминаетъ въ своемъ показаніи гайдамака Котляръ. Польскіе магнаты и паны, чувствовавшіе на себѣ всю тяжесть гайдамачества и трепетавшіе при одномъ имени гайдамакъ, отлично понимали, что вся сила гайдамачества въ Запорожьѣ и что имъ самимъ не справиться съ этимъ страшнымъ бичемъ, а потому они обращались съ жалобами къ русскимъ властямъ, не безъ основанія разсчитывая посредствомъ ихъ произвести давленіе на Кошъ, и вмѣстѣ униженно заискивали у кошеваго, вполнѣ увѣренные въ томъ, что, при благосклонности кошеваго, въ Запорожьѣ, а не гдѣ либо, можно найти и самихъ нападавшихъ гайдамакъ и пограбленное ими панское добро. Въ подтвержденіе сказаннаго мы приведемъ тѣ пять писемъ польскихъ пановъ къ кошевому атаману, о которыхъ упомянули выше,—три изъ нихъ въ современномъ переводѣ сѣчевой канцеляріи, а два въ переводѣ, сдѣланномъ нами съ польскихъ оригиналовъ, находящихся у насъ. Добавимъ къ нимъ еще отвѣтное письмо кіевскаго генералъ-губернатора, вызванное письмами польскихъ пановъ.

Первое изъ помѣщаемыхъ писемъ относится къ 1764 году, къ той порѣ, когда мѣрами, принятыми относительно запорожцевъ, набѣги гайдамакъ были нѣсколько ослаблены, хотя далеко не прекращены, и когда обиженные получили уже возможность искать себѣ удовлетворенія. Письмо это принадлежитъ командиру «лебединской Луки» [1]), т. е. отряда народовой гвардіи, Казиміру Добр-

---

[1]) *Лебединъ* — мѣстечко и монастырь въ кіевской губерніи.

жанскому и писано имъ къ кошевому атаману запорожской Сѣчи, Филиппу Федорову. Оно живо характеризуетъ писавшаго и тотъ страхъ, какой наводило появленіе хотя-бы одного или двухъ гайдамакъ. Добржанскій пишетъ, когда страхъ давно уже прошелъ, пишетъ смѣло, нѣсколько даже грозно, но это потому, что онъ получилъ точныя свѣдѣнія какъ о лицахъ, его ограбившихъ, такъ и о томъ, куда попали его деньги и вещи. Вотъ что онъ писалъ.

Ясне-Вельможный Добродію!

Наѣздомъ прежнихъ лѣтъ охотниковъ запорожскихъ въ нашихъ польскихъ границахъ, преимущественно въ смилянской вотчинѣ его свѣтлости князя Станислава Любомірскаго, подстолія коронного, я ниже писанный, съ роднымъ братомъ моимъ Іосифомъ Добржанскимъ, подъ с. Вязовцемъ въ руднѣ [1]), Черницей называемой, отъ Мануйла ватажка, изъ куреня джерелѣевскаго потерпѣлъ значительную обиду и потери. На этой руднѣ упомянутый Мануйло, съ своимъ товарищемъ, ждалъ насъ уже два дни и, бросившись на насъ, отнялъ: готовыхъ денегъ 4,000 злотыхъ польскихъ, 5 лошадей, богатыхъ поясовъ 4, стоющихъ 4 червонцевъ, богатыхъ платьевъ 4 пары и ручнаго оружія 8 штукъ. Все это съ дорожними пожитками всего стоитъ слишкомъ 5,000 злотыхъ.

Потери моей до сихъ поръ получить не могу, хотя достовѣрно знаю чрезъ другихъ козаковъ, что не изъ другого, а именно съ джерелеевскаго куреня былъ Мануйло ватажокъ и его сообщникъ, кои меня и брата ограбили, и что по случаю его смерти мое имущество съ его собственнымъ добромъ перешли въ тотъ-же курень, или-же въ вѣденіе высокаго кошеваго начальства. Хотя-же упомянутые однокуренные козаки увѣряютъ, что Мануилъ за свои преступленія въ Сѣчи повѣшенъ, но я убѣжденъ, что мое добро съ нимъ-же не повѣшано, а потому, помня это, я прошу полнаго мнѣ удовлетворенія.

Я находясь на посту у своей команды, на «Лукѣ» лебединской, далъ козакамъ 2 лошади изъ отнятыхъ у гайдамакъ, меня ограбившихъ, и паспортъ на свободное слѣдованіе къ в. в. Надѣюсь, что и

---

[1]) Вязовецъ или Вязавокъ село черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи. *Рудня*—мѣсто, гдѣ добываютъ желѣзную руду. *Ватажокъ*—атаманъ гайдамацкаго отряда.

вы не оставите моей просьбы безъ удовлетворенія, иначе я вынужденъ буду самъ другими средствами вознаградить себя.

Нынѣ остаюсь съ приличнымъ почтеніемъ ясне вельможнаго пана нижайшій слуга

Казиміръ Добрянскій.

Итакъ командиръ отряда «гвардіи народовой», вмѣстѣ съ братомъ и вѣроятно съ слугою или двумя,—ибо съ нимъ было 5 лошадей, притомъ вооруженный, далъ себя ограбить двумъ гайдамакамъ, даже до снятія съ него и бывшихъ съ нимъ одежды! Теперь онъ храбро требуетъ себѣ полнаго удовлетворенія, грозитъ даже изъ своей рудни кошевому. Любопытно было-бы знать, какими другими средствами онъ надѣялся удовлетворить себя и удовлетворилъ-ли вообще. Такихъ свѣдѣній въ нашихъ бумагахъ не нашлось, а между тѣмъ если кто, то запорожцы могли тогда говорить о себѣ, что съ нихъ взятки гладки.

Иначе заговорили и болѣе важные паны спустя 4 года, когда доведенный ими-же, въ союзѣ съ латино-уніатскимъ духовенствомъ, до отчаянія украинскій народъ поголовно почти ушелъ въ гайдамаччину и затопилъ кровью свою родную землю. Слѣдующее письмо относится именно къ началу возстанія 1768 г. и даетъ свѣдѣнія о первыхъ дѣйствіяхъ гайдамакъ и ихъ предводителя Максима Желѣзняка. Вотъ что объ этомъ писалъ губернаторъ черкасскій Александръ Почельскій отъ 17 іюня того года запорожскому кошевому П. И. Калнишевскому:

Ясневельможный господинъ кошевой, въ сосѣдствѣ вѣрный другъ и благодѣтель!

Хотя мое искреннее желаніе было услужить вашему высокоблагородію въ доставкѣ 10,000 дряницъ и строевыхъ плитокъ въ Старую Сѣчь, но уже или моимъ несчастіемъ, или-же настоящая печальная пора мнѣ это воспретила, ибо Максимъ Железнякъ съ Медвѣдемъ Высокимъ, «съ кровавыми глазами», и 4 другихъ, которыхъ имена мнѣ неизвѣстны, распространили между людьми извѣстіе, будто они посланы нарочно изъ Коша, дабы всѣхъ поляковъ и жидовъ до единаго истребить, а имущества ихъ и доходы помѣщиковъ въ свою пользу забрать. Хлопство, шалостей и грабительства охочее, пристало и совокупилось съ этими

ватажками, въ числѣ болѣе 800 человѣкъ, которые уже болѣе 1,000 душъ убили, имущества и скотъ грабятъ, дома разоряютъ и уничтожаютъ. Меня тоже одно милосердіе Божіе защитило, что я съ женою, дѣтьми и нѣсколькими, въ командѣ моей находящимися поляками, сюда уже на русской сторонѣ спасся [1]); у меня, убогаго человѣка, грабители въ деньгахъ и пожиткахъ до 3,000 руб. ограбили. А съ имѣнія е. с. князя Сангушки захватили 148 воловъ, 50 отличныхъ коровъ и всякаго добра болѣе чѣмъ на 110,000 злотыхъ, кромѣ купеческихъ товаровъ, въ замкѣ черкасскомъ на складѣ находившихся. У поселянъ е. с. князя старосты черкасскаго на 40,000 разоренія учинено. Однимъ словомъ: страшно и подумать, какія насилія и грабительства дѣлаются, увѣряя всѣхъ, что они дѣйствуютъ по приказанію вашего высокоблагородія, нашего благодѣтеля! Но вскорѣ обманъ ихъ былъ обнаруженъ пришедшими сюда изъ Сѣчи козаками. Они показали, что это просто негодяи, а не высланные по вашему приказу люди, что вскорѣ еще болѣе обнаружилось, когда гайдамаки теперь грабятъ и зажиточныхъ хозяевъ, когда уже не стало панскихъ усадьбъ.

Вотъ почему я не могъ исполнить порученія в. в. на счетъ драницъ и дерева строеваго, которыя я уже и купилъ и моими деньгами заплатилъ, въ чемъ и сама громада черкасская засвидѣтельствуетъ. Но теперь, при нынѣшнихъ безпорядкахъ, ни лѣсу, ни денегъ отыскать не могу. Развѣ какъ самъ Господь Богъ успокоитъ нынѣшніе невзгоды и сохранитъ и мою жизнь, то не медля исполню ваши желанія, дабы доказать, что желаю сохранить сосѣдственную мою дружбу и снискать ваше расположеніе.

Двумя днями позже, именно 19 іюня 1768 г. о тѣхъ-же печальныхъ событіяхъ, т. е. общенародномъ возстаніи и его жестокихъ проявленіяхъ губернаторъ тарговицкій [2]) Яковъ Квяткевичъ, управлявшій одною изъ вотчинъ главнѣйшаго на Украйнѣ богача гр. Ф. С. Потоцкаго, писалъ слѣдующее тому-же кошевому, прося его помощи и защиты:

---

[1]) Письмо послано изъ Ирклѣева, золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи, на лѣвомъ берегу Днѣпра.

[2]) Тарговица м. подольской губерніи, извѣстное по конфедераціи, рѣшавшей паденіе Польши.

Во время настоящаго безпокойства польской конфедераціи [1]) началась мятежъ между народомъ въ чигринской, смѣлянской и лисянской «губерніяхъ» (вотчинахъ) и такъ распространилась, что уже и до уманской «губерніи» приближается. Уже не мало дворянства, почтенныхъ поссесоровъ, имѣнія Потоцкаго арендующихъ, жестоко убиваютъ, грабятъ все имущество и скотъ, увѣряя, что «войско запорожское», нарочно для этой цѣли изъ Коша отправленое, имъ помогаетъ, и къ мятежу народъ насильно принуждаютъ. А потому я чрезъ посредство вашихъ депутатовъ, прибывшихъ въ Архангелогородъ [2]) на пограничную съ польскимъ брацлавскимъ воеводствомъ коммисію, убѣдительнѣйше *у ногъ вашихъ* прошу ваше высокоблагородіе, чтобы, изъ уваженія къ сосѣдственной дружбѣ вашей къ его сіятельству, кіевскому воеводѣ (гр. Потоцкому), предписать бугогардовой поланкѣ, объѣздами запорожскихъ козаковъ по польской границѣ, гайдамакъ прогонять и удерживать и о томъ меня письменно извѣстить. Объ этомъ и самъ его сіятельство воевода писать къ вашему высокоблагородію будетъ.

Что касается до меня лично, то, въ случаѣ крайней опасности, я-бы просилъ позволенія воламъ моимъ и лошадямъ на запорожскихъ степяхъ около Гарду укрыть до тѣхъ поръ, пока, при помощи Божіей, эти смятенія прекратятся, за что я по смерть благодаренъ вашему высокоблагородію буду.

Этотъ Квяткевичъ, одинъ изъ не многихъ уцѣлѣвшихъ въ то время польскихъ дворянъ, былъ послѣ уманскимъ «губернаторомъ» на мѣсто убитаго Рафаила Младоновича.

Извѣстно, что охватившія тогда всю Украйну «смятенія» (характерный терминъ, получившій въ ту пору едва-ли не всеобщее

---

[1]) Разумѣется конфедерація барская, т. е. вооруженное собраніе въ Барѣ всей недовольной королемъ и русскою политикою шляхты, мечтавшей поднять всю Польшу и Украйну противъ Россіи для сохраненія шляхетскихъ вольностей. Извѣстно ближайшее участіе въ ней самаго папы и польско-католическаго духовенства, поднимавшихъ шляхту противъ короля по поводу дарованныхъ, по настоянію Россіи, вѣроисповѣдныхъ льготъ православному населенію Украйны и Бѣлоруссія, которое предъ тѣмъ поголовно приводимо было путемъ жесточайшихъ насилій въ унію.

[2]) Ново-Архангельскъ, городокъ херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда, тогда пограничный шанецъ ново-сербскаго военнаго поселенія.

употребленіе), поднятыя во имя Россіи, прекращены силою русскаго-же оружія. Недостойнымъ обманомъ гайдамаки захвачены были въ расплохъ; начался разборъ и жесточайшая расправа: гайдамакъ изъ запорожцевъ, какъ русскихъ подданныхъ, судили въ Кіевѣ и Глуховѣ, били кнутомъ и ссылали въ Сибирь, остальныхъ изъ украинскихъ крестьянъ предавали въ руки поляковъ. Два почти года продолжалось выискиваніе всѣхъ, кто какое либо принималъ участіе въ возстаніи и вмѣсто нелегальнаго истребленія поляковъ и жидовъ шло легальное истребленіе возставшихъ украинцевъ. Въ это время только и слышно было, что о казняхъ гайдамакъ, а не объ ихъ уже набѣгахъ. Но устали руки палачей, наступило затишье и запорожцы снова подняли голову, а съ ними ожило и гайдамачество,—неизбѣжное послѣдствіе продолжавшагося въ Украйнѣ, Волыни и Подоліи соціально-религіознаго гнета. Къ этому времени относятся приводимыя ниже въ современномъ переводѣ льстивыя письма двухъ польскихъ вельможъ, писанныя ими къ злополучному кошевому, П. И. Калнишевскому, который чрезъ два года былъ сосланъ въ Соловки, гдѣ долго томился и умеръ въ заключеніи.

Пишетъ графъ Федоръ Потоцкій [1]), генералъ-командиръ всей польской артилеріи, убогому Калнишу въ такихъ выраженіяхъ.

Ясневельможный, милостивый благодѣтель!

Возвѣщенная во всеобщую извѣстность многоразличными способами, а особливо чрезъ опубликованную декларацію протекція ея царской милости, найяснѣйшей императрицы обезпечиваетъ всему народу польскому сохраненіе его въ совершенномъ спокойствіи. Въ этой увѣренности утверждаетъ всѣхъ насъ и циркуляръ его сіятельства, князя [2]).

Но вотъ теперь собственные мои подданные, жители мѣстечка Чурилова, безъ всякой вины, лишились всего своего имущества, разграбленнаго кошевыми козаками; потери ихъ простираются до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, какъ въ этомъ удостовѣряютъ разслѣдованія, произведенныя на мѣстѣ.

---

[1]) Если не ошибаемся, это былъ братъ знаменитаго археолога *Ивана* и *Северина*, перваго попечителя харьковскаго учебнаго округа. *Потоцкій* Северинъ основалъ м. *Северинову* близъ Одессы.

[2]) Разумѣется русскій посолъ въ Варшавѣ, князь Петръ Федоровичъ Голицынъ.

Не можемъ поэтому не впасть въ тревогу, не можемъ не обратиться къ вамъ, ясневельможному пану благодѣтелю, представляющему собою найвысшую въ томъ пограничьѣ власть, съ нашею глубокою просьбою, дабы вы приказали какъ воздержать выходящихъ въ нашъ край, такъ и вознаградить столь тяжкую потерю моихъ подданныхъ возвратомъ имъ ихъ собственности.

Въ надеждѣ на это утверждаетъ насъ высоко цѣнимая нами сосѣдственная пріязнь ваша и то пріятнѣйшее расположеніе, ради котораго я готовъ навсегда быть, съ отличнымъ высокопочитаніемъ, вашимъ, ясневельможный панъ благодѣтель, сосѣдственно любящимъ пріятелемъ и нижайшимъ слугою

Ѳедоръ Потоцкій, староста смотрицкій,
корпуса коронной артиллеріи генералъ.

15 апр. 1773 г.
Городенька.

Другое письмо принадлежитъ князю Четвертинскому и написано въ тонѣ еще болѣе льстивомъ. Начнемъ съ адреса, который надписанъ въ слѣдующей формѣ:

Ясневельможному пану Калнишевскому, генералъ-лейтенанту, коменданту запорожскихъ войскъ, ясневельможному пану, любезнѣйшему сосѣду и благодѣтелю, въ арміи [1]).

Послѣ обычнаго обращенія, этотъ богачъ-магнатъ пишетъ Петру Калнишу слѣдующее:

Громкой молвой носится въ краѣ нашемъ ваша, ясневельможный панъ благодѣтель, справедливость, по поводу арестованія вами козаковъ, разорявшихъ въ прошломъ году наши дома и имѣнія.

Она будетъ тѣмъ славнѣе, если въ добавокъ къ этому, какъ уже вы и обѣщали, прикажете имъ-же удовлетворить потерпѣвшихъ, возвративъ заграбленное у нихъ.

А какъ и мое мѣстечко Марковка не избѣжало того-же несчастья, ибо и оно на другой день послѣ разоренія м. Джурина было также разграблено тѣми козаками, то довожу объ этомъ до вашего, ясне-

---

[1]) Кошевой съ отрядомъ запорожцевъ находился тогда, во время турецкой войны, въ русской арміи и стоялъ подъ Очаковымъ.

вельможный панъ благодѣтель, свѣдѣнія, дабы вы властію своею приказали и то мѣстечко мое Марковку вознаградить за причиненныя ему разоренія и потери по поданному тамошними мѣщанами, моими подданными, реестру.

Этимъ вы окажете истинную ко всѣмъ справедливость, которая служитъ украшеніемъ для самыхъ высокихъ должностей и которую я высоко цѣня въ вашей, ясневельможный панъ благодѣтель, особѣ, обязываюсь быть, съ глубокимъ уваженіемъ, вашимъ, ясневельможный панъ благодѣтель, нижайшимъ слугою.

Антоній Янъ-Непомукъ, князь Святополкъ-Четвертинскій, стольникъ брацлавскій, шамбелянъ его королевской милости [1]).

16 іюня 1773 г.
Изъ Марковки.

Два магната, такъ лебезившіе теперь предъ кошевымъ, раньше забѣгали съ жалобою и просьбою по тому-же дѣлу къ грозѣ гайдамакъ, казнившему ихъ тысячами послѣ уманской рѣзни, кіевскому генералъ-губернатору Федору Матвѣевичу Воейкову. Предъ нами письмо послѣдняго къ экономy одного изъ названныхъ магнатовъ, нѣкоему Радковскому, чрезъ котораго Воейковъ препровождалъ отвѣты графу Потоцкому и князю Четвертинскому. Письмо писано на польскомъ языкѣ, вполнѣ чисто и правильно. Безъ сомнѣнія на томъ-же языкѣ написаны были отвѣты и самимъ магнатамъ. Не можемъ не отмѣтить этого обстоятельства для характеристики русско-польскихъ отношеній того времени. Въ періодъ украинскаго возстанія 1768 г., когда польскимъ панамъ грозило поголовное избіеніе отъ разъяренныхъ крестьянъ, добивавшихся не чего либо другаго, а освобожденія отъ польскаго ига и подданства русской царицѣ, русскіе сановники обнаружили крайнюю заботливость о судьбѣ пановъ: Румянцевъ нѣжно оберегалъ и продовольствовалъ ихъ на лѣвобережьѣ, князь Прозоровскій въ предѣлахъ Ново-Сербіи, Кречетниковъ на границѣ Украйны и Волыни; русскія войска наводнили Украйну, задавили гайдамакъ и привели народъ въ покор-

[1]) Князь Антонъ Четвертинскій перешелъ на службу ко двору императрицы, выдалъ свою дочь Марію, извѣстную красавицу, за одного изъ русскихъ вельможъ и выстроилъ въ Одессѣ домъ на бульварѣ, въ которомъ теперь живутъ генералъ-губернаторы.

ность панамъ. Тѣхъ и другихъ, помимо требованій непонятной политики, связывали узы крѣпостничества и взглядъ на народъ, который для однихъ былъ «быдломъ», для другихъ «скотомъ». Но оберегаемые и спасаемые русскимъ оружіемъ польскіе паны, даже простые шляхтичи писали русскимъ сановникамъ не иначе, какъ на польскомъ языкѣ, а русскіе сановники отвѣчали имъ, какъ и въ данномъ случаѣ, на ихъ-же языкѣ. Приводимъ упомянутое письмо Воейкова въ переводѣ съ польскаго оригинала; оно имѣетъ ближайшее отношеніе къ дѣлу гайдамакъ.

Вельможный, милостивый панъ экономъ

Янушградскій!

Изъ вашего, вельможный панъ, письма, присланнаго изъ Мытницы и приложенныхъ къ нему писемъ ясне-освѣщоного князя Четвертинскаго и ясневельможнаго Потоцкаго освѣдомился я о жалобѣ вашей на грабежи, причиненные шайкою запорожскихъ козаковъ.

Изъ этой-то шайки пойманъ и доставленъ сюда одинъ, называющійся Иванъ Трещотка.

Но какъ онъ на допросѣ здѣсь зачинщикомъ и предводителемъ во всѣхъ тѣхъ злодѣяніяхъ называетъ нѣкоего волошина Григорача, проживающаго въ новороссійской губерніи въ м. Орликѣ [1]), то, для вѣрнѣйшаго разслѣдованія и розыска другихъ виновныхъ, онъ тотчасъ по доставкѣ его сюда отосланъ въ новороссійскую губернскую канцелярію. Въ этомъ смыслѣ отвѣты мои я. о. князю Четвертинскому и я. в. Потоцкому посылаю на ваши, вельможный панъ, руки, а что по этому дѣлу послѣдуетъ, о томъ, по полученіи донесенія изъ новороссійской губернской канцеляріи, не премину увѣдомить васъ, оставась притомъ вашимъ, вельможный панъ, покорнымъ слугою

Ѳ. де-Воейковъ.

7-го марта 1773 г. Кіевъ.

Какъ ни предупредителенъ былъ относительно князя Четвертинскаго и графа Потоцкаго грозный для гайдамакъ Воейковъ; но, видно, путь чрезъ него и новороссійскую канцелярію показался имъ кружнымъ, или вовсе не привелъ къ желаемой цѣли, и они, какъ

[1]) Нынѣ Ольвіополь, херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда.

мы уже видѣли, предпочли обратиться къ непосредственному начальнику запорожцевъ, кошевому атаману П. И. Кальнишевскому. Дѣло ихъ облегчилось еще тѣмъ, что какой-то жидъ корчмарь, чрезъ своего знакомаго въ кошѣ, провѣдалъ и извѣстилъ, что много награбленныхъ вещей отыскано у арестованныхъ козаковъ и ихъ пріятелей въ Орликѣ. Прибывшіе съ дозволенія кошеваго, находившагося тогда въ походѣ близъ Очакова, обиженные евреи и шляхтичи, согласились окончить миромъ столь пагубное для чести войска дѣло, и получить, вмѣсто потерянныхъ вещей въ натурѣ, денежное вознагражденіе, опредѣленное на сходкѣ куренныхъ атамановъ въ суммѣ 7,559 руб. 60 коп. 7-го іюля 1773 г. потерпѣвшіе, по собственному ихъ согласію, получили круглымъ счетомъ, серебренною монетою, 6,000 руб. и въ томъ выдали подъ присягою формальную квитанцію.

Такъ откупалась отъ польскихъ, жидовскихъ и другихъ претензій запорожская старшина, оберегая честь «славнаго низоваго товариства» и спасая самое его существованіе, на которое занесенъ уже былъ грозный мечъ. Она примѣчала собиравшуюся надъ сѣчевымъ братствомъ грозу и хотѣла предотвратить ее; но не въ силахъ ея было ни сдержать «сиромашную голоту», которая не знала ничего, кромѣ борьбы съ своими традиціонными врагами, ни остановить разношерстной голытьбы, наплывавшей въ Сѣчь изъ обѣихъ Украйнъ, Волыни, Подолья, Полѣсья, Бѣлоруссіи и даже съ береговъ Дуная отъ волоховъ, сербовъ, арнаутовъ и другихъ.

Бдительности сѣчевой администраціи относительно гайдамакъ или выходившихъ изъ Сѣчи, или скрывавшихся на ея территоріи неодолимую преграду поставляли безмѣрныя степныя пространства, непроходимыя плавни и камыши, масса гранитныхъ островковъ, пороговъ на Днѣпрѣ и Бугѣ и сотни балокъ и пещеръ, служившихъ надежнымъ пріютомъ какъ для самихъ гайдамакъ, такъ и для свозимой ими добычи. Что могли значить при этомъ требуемый свыше контроль благонамѣренной старшины, разъѣзды и объѣзды надежнаго «товариства» въ такихъ дебряхъ и пустыняхъ? Надо было пройти многія сотни верстъ прежде, чѣмъ отыскать какіе либо слѣды гайдамацкой шайки или случайно встрѣтить ватагу на пути. Но, при первомъ появленіи разъѣздовъ въ «вольностяхъ» запорожскихъ, опытные гайдамаки въ мигъ превращались въ рыболововъ,

охотниковъ на звѣря и куропатниковъ, сторожей и рабочихъ въ зимовникахъ, или даже самыхъ хозяевъ зимовниковъ и пасѣкъ. Отъ Сѣчи требовали невозможнаго. Гайдамачество видѣли только въ ней, а центръ его лежалъ далеко внѣ Сѣчи—въ политическомъ и соціальномъ положеніи русскихъ областей, входившихъ въ составъ Польши. Надо было измѣнить это положеніе сообразно обозначившимся съ ясностію народнымъ стремленіямъ, и гайдамаки исчезли-бы сами собою; но это было выше пониманія людей того времени, знавшихъ только интересы шляхты или дворянства и не доросшихъ до понятія объ интересахъ народныхъ. Зло однако было слишкомъ очевидно и разрослось слишкомъ широко, чтобы не принять относительно его мѣръ рѣшительныхъ. Рѣшили уничтожить то, въ чемъ видѣли корень зла, т. е. сѣчевое братство, или гидру своеволія и разбоевъ, какъ тогда выражались. Уничтожили и разорили Сѣчь; гайдамачество ослабѣло, но не уничтожилось, пережило самую Сѣчь и жило еще долгіе годы, пока не ослабѣли, хотя отчасти, причины его вызвавшія и ему благопріятствовавшія, пока не заселились новыми посельниками «вольности» запорожскія, пока не разбрелось и не вымерло все, что, не смотря на свою простоту, имѣло высшія представленія о свободѣ и личности человѣка, нежели заправители внѣшней и внутренней политики, пока наконецъ не выросли новыя поколѣнія, которыя воспитались въ понятіяхъ рабства и которымъ пришлось жить подъ новымъ, болѣе крѣпкимъ режимомъ.

Послѣ того, что сказано нами о широкихъ размѣрахъ и силѣ гайдамачества, о тѣхъ глубокихъ корняхъ, какіе оно пустило на Запорожьѣ и Украйнѣ, и безуспѣшности принимавшихся противъ него правительствомъ и сѣчевою администраціею мѣръ, жалкими покажутся тѣ слабыя попытки, какія дѣлало для обузданія его польское шляхетство, наиболѣе отъ гайдамакъ терпѣвшее. Нетрудная въ сущности борьба съ этими попытками составляетъ любопытный оттѣнокъ гайдамацкихъ подвиговъ. Два-три слова объ немъ и тѣмъ закончимъ наши случайныя, болѣе надлежащаго, можетъ быть, расширенныя замѣтки о гайдамакахъ, по поводу представленныхъ объ нихъ нѣсколькихъ документовъ. Польская молодежь, преимущественно полувоенная, такъ называвшіеся товарищи «гвардіи народовой», сыновья богатыхъ помѣщиковъ, конно съ копьями и саб-

лями дѣлали нерѣдко «подъѣзды» на Запорожье. Гайдамаки любили охотиться на нихъ и поджидали ихъ, какъ желанныхъ гостей: засѣвъ гдѣ нибудь въ балкѣ или въ лѣсу, они бросались на нихъ съ отвагой и увѣренностью, брали часто въ плѣнъ и выпускали на свободу за богатый выкупъ. Объ одномъ такомъ плѣнникѣ гайдамаки, по обычаю, сложили и пѣсеньку:

Панъ старосцицъ Козерадзкій [1]),
Винъ ûвъ хлибъ нашъ гайдамацькій.
Якъ пустили панича,
Безъ окупу и могорича,
То до дому такъ погнавъ,
Що й спасыби не сказавъ.

А. Скальковскій.

---

[1]) *Старосцицъ*, сынъ старосты; *Kozie-Rady*, помѣстье въ Велико-Польшѣ. Извѣстно, что старостами, т. е. владѣльцами коронныхъ имѣній бывали только магнаты и главные земскіе чины.

Библіографія.

Александръ Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Кн. I—IV. Спб. 1881—1884 г.

Читатели наши не разъ, вѣроятно, уже встрѣчались съ названіемъ этого изданія въ газетныхъ объявленіяхъ и ссылкахъ въ другихъ рабоботахъ. Оно громадно по объему, дорого по цѣнѣ, спеціально по назначенію и по всему этому мало кому доступно. Мы не имѣли доселѣ случая поговорить о немъ, а теперь приступаемъ къ нему тѣмъ охотнѣе, что въ вышедшемъ въ концѣ прошлаго года IV томѣ его помѣщено много матеріаловъ, касающихся исторіи южной Руси.

Настоящій представитель древняго рода бояръ Шереметевыхъ, просвѣщенный графъ С. Д. Шереметевъ, полковникъ и флигель-адъютантъ, задумалъ лѣтъ пять назадъ доброе и, къ сожалѣнію, очень рѣдкое у насъ дѣло—почтить свой славный родъ воспроизведеніемъ его жизни и дѣяній и тѣмъ послужить общему дѣлу разработки нашей исторической науки. Матеріала для этого въ его фамильномъ архивѣ, какъ показываетъ самое изданіе, находилось много, въ средствахъ для изданія онъ не поскупился, а для научной работы нашелся у него достойный дѣятель А. П. Барсуковъ, извѣстный, какъ и братъ его Н. П., многими цѣнными своими изслѣдованіями по русской исторіи. Плодомъ щедрости просвѣщеннаго графа и кропотливой, умѣлой работы г. А. Барсукова и является названное капитальное изданіе, доведенное впрочемъ едва-ли и до половины.

Прежде всего оно бросается въ глаза своей внѣшней роскошью: напечатано на прекрасной бѣлой плотной бумагѣ in quarto, крупнымъ и красивымъ шрифтомъ, снабжено отчетливыми и точными снимками съ картинъ и рукописей XVI и XVII вѣка во всю ихъ естественную

величину и закончено довольно обстоятельными, личнымъ, географическимъ и предметнымъ, указателями, которые, къ сожалѣнію, не принято у насъ прилагать къ такимъ изслѣдованіямъ и которые не всегда можно встрѣтить даже и въ изданіяхъ съ сырымъ матеріаломъ.

Внѣшности книгъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ содержаніе; это — исторія богатаго и знатнаго боярскаго рода, близкаго ко двору великихъ князей и государей, стоявшаго у кормила правленія и исполнявшаго всегда важныя государственныя обязанности. Исторія рода Шереметевыхъ есть нѣкоторымъ образомъ и исторія русскаго государства; съ этой точки зрѣнія смотритъ на свою задачу и г. Барсуковъ и, руководясь ею, излагаетъ съ большими или меньшими подробностями всѣ политическія событія въ тогдашней жизни Россіи, въ которыхъ принималъ участіе тотъ или другой членъ этого рода. Авторъ выпустилъ уже въ свѣтъ четыре объемистыя книги (около 450 страницъ каждая) своей исторіи, но довелъ ее лишь до первой половины царствованія Алексѣя Михайловича.

Первый томъ, вышедшій въ 1881 году, содержитъ въ себѣ разсказъ о службѣ Шереметевыхъ съ конца XIII вѣка при князѣ Даніилѣ Александровичѣ и до смерти Іоанна Грознаго, отъ гнѣва котораго нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось претерпѣть. Съ перваго появленія своего въ Россіи, Шереметевы то начальствуютъ надъ ратными людьми, то принимаютъ иноземныхъ пословъ, то сами отправляются къ сосѣднимъ государямъ въ качествѣ пословъ для заключенія мирныхъ договоровъ. Нѣкоторые изъ нихъ участвуютъ въ войнахъ съ Польшей и Литвой и потому имена ихъ очень часто встрѣчаются въ западно-русскихъ и польскихъ памятникахъ; они играютъ нерѣдко роль и въ судьбахъ южной Руси, и съ этой стороны сочиненіе г. Барсукова пріобрѣтаетъ значеніе и интересъ для мѣстнаго историка. Въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе важенъ второй томъ, обнимающій время отъ смерти Грознаго и до 1662 года; такъ, въ немъ разсказывается между прочимъ, объ управленіи Федора Ивановича Шереметева черниговскимъ воеводствомъ, куда онъ былъ назначенъ Годуновымъ, хотя скоро лишился довѣрія у подозрительнаго царя Бориса и былъ имъ сосланъ въ Сибирь. Другой изъ Шереметевыхъ, Петръ Никитичъ, отправленъ былъ, передъ приходомъ Лже-Димитрія I, противъ крымскихъ татаръ въ сѣверскую землю; онъ держался стороны Годунова до самой смерти послѣдняго и только въ Тулѣ призналъ самозванца царемъ. Въ третьемъ томѣ сообщаются подробности о службѣ Шереметевыхъ до 1650 года. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ изъ ихъ рода, именно Василіемъ Борисовичемъ, который, послѣ своего воеводства въ Сибири, былъ назначенъ царемъ въ

главные воеводы надъ отрядами, расположенными въ нынѣшней курской губерніи для защиты русской южной окраины отъ набѣговъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Назначеніе это совпало съ тѣмъ временемъ, когда начались переговоры Хмельницкаго съ царемъ о присоединеніи Малороссіи. Дѣятельность Шереметевыхъ въ этихъ обстоятельствахъ составляетъ содержаніе четвертаго тома. Приступая къ изображенію оной, г. Барсуковъ останавливается на двухъ важнѣйшихъ фактахъ того времени: смерти Хмельницкаго и разрывѣ между патріархомъ Никономъ и Алексѣемъ Михайловичемъ; на послѣднемъ фактѣ потому, что патріарху Никону въ дѣлѣ возсоединенія Малороссіи принадлежитъ немаловажное значеніе, ибо только подъ вліяніемъ его царь Алексѣй Михайловичъ окончательно рѣшился принять Хмельницкаго подъ свою высокую руку и вести войну съ Польшей и крымскимъ ханомъ, только послѣ долгаго совѣщанія царя съ патріархомъ отправлены были, наконецъ, въ 1653 году царская и патріаршая грамоты къ Хмельницкому о принятіи его въ подданство. Совѣты русскаго посла въ Варшавѣ, князя Бориса Репнина, сдѣлать уступки требованіямъ запорожцевъ не имѣли успѣха; между тѣмъ поляки вошли въ соглашеніе съ крымскимъ ханомъ и тотъ далъ имъ слово или въ конецъ разорить Украйну, или подчинить ее Польшѣ подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что паны помогутъ ему завоевать Астрахань. Нужно было охранять южную границу, и это важное дѣло было поручено Василію Борисовичу Шереметеву, съ подчиненіемъ ему воеводъ другихъ окраинныхъ городовъ, а также «черкасъ», т. е. козаковъ. Назначалось приведеніе присоединяющихся къ присягѣ, а между тѣмъ на другихъ пунктахъ Украйны открывалась война. Для защиты Кіева отъ Польши посланы были Куракинъ и Волконскій; но когда наступила война, когда польскія войска облегли многіе южно-русскіе города, когда Умани, защищаемой полковникомъ Богуномъ, грозила опасность со стороны гетмана Чарнецкаго, а въ г. Константиновѣ, на Волыни, стоялъ другой гетманъ на готовѣ, государь направилъ въ Кіевъ В. Б. Шереметева въ помощь Богдану Хмельницкому. Но прежде, чѣмъ онъ достигъ Кіева, по измѣнившимся обстоятельствамъ войны, ему указано было отъ царя двинуться въ Бѣлую-Церковь, а оттуда въ Чигиринъ на соединеніе съ Хмельницкимъ. Въ это время коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій, обходя Богуна, направился чрезъ Брацлавъ къ Кальнику и осадилъ Умань, гдѣ сидѣлъ тогда Томиленко. Шереметевъ и Хмельницкій должны были идти къ нему на выручку; но у Охматова ихъ окружили со всѣхъ сторонъ поляки и они съ трудомъ, при подоспѣвшей помощи Богуна, могли пробиться обратно къ Бѣлой-Церкви. Недовольный исходомъ столкновенія, царь отозвалъ Шереметева изъ Украйны въ 1655 году

но долговременное пребываніе этого умнаго воеводы въ Украйнѣ дало ему возможность понять особенность положенія въ то время Малороссіи и личный характеръ и стремленія народнаго вождя, желавшаго знать одного царя и одну его волю; сдерживая въ себѣ деспотизмъ, которому давали большую свободу его предшественники, онъ снискалъ себѣ любовь въ средѣ народа и у Хмельницкаго. Въ доказательство этого г. Барсуковъ приводитъ неизданное до сихъ поръ письмо гетмана къ воеводѣ, дышащее теплымъ чувствомъ, какое связывало этихъ двухъ выдающихся людей своего времени. Содержаніе писма важно также и потому, что въ немъ сообщаются политическія извѣстія: о неудавшемся нападеніи поляковъ на Кіевъ, о грабежахъ татаръ въ Брацлавщинѣ и о необходимости послать на Крымъ донскихъ козаковъ и калмыковъ, чтобы предупредить соединеніе хана съ поляками (стр. 157—159). Добрая память о Шереметевѣ въ Украйнѣ выразилась по смерти Хмельницкаго; украинцы просили царя прислать Василія Борисовича для успокоенія смутъ въ Малороссіи.

Кромѣ указанныхъ свѣдѣній въ трудѣ г. Барсукова есть не мало цѣнныхъ данныхъ и для исторіи сѣверо-западной Руси; тутъ сообщаются подробности о завоеваніи русскими Смоленска, Витебска, Минска, Вильны, Полоцка, Динабурга, Дерпта и Копенгаузена, говорится о намѣреніи даже царя идти подъ Варшаву; въ завоеваніи вышеозначенныхъ городовъ принимаютъ участіе и малороссійское козачество подъ начальствомъ нѣжинскаго наказнаго полковника Василія Золотаренка, брата наказнаго гетмана Ивана Золотаренка. Но именно въ эту пору и здѣсь между ратными людьми и козаками обнаружились столкновенія и споры; русскіе воеводы обвиняли козаковъ въ грабежахъ мирнаго населенія; козацкіе старшины постоянно жаловались на насилія русскихъ начальниковъ, позволявшихъ себѣ гнать ихъ изъ домовъ, грабить имущество, «рѣзать хохлы и бить кнутами». Починъ всѣхъ споровъ авторъ приписываетъ козакамъ, размѣщеніе которыхъ по квартирамъ царь велѣлъ вслѣдствіе этого дѣлать на далекомъ разстояніи отъ мѣста расположенія московскаго войска. Любопытныя данныя сообщаетъ авторъ о состояніи православія въ Витебскѣ и даетъ при этомъ списокъ всѣхъ церквей, которыя «учинены уніями», или прямо обращены въ костелы. Всѣ эти факты авторъ передаетъ потому только, что въ нихъ дѣйствующими лицами были то тотъ, то другой представитель рода Шереметевыхъ; чаще-же всего встрѣчается излюбленный малороссами Василій Борисовичъ Шереметевъ, то какъ полководецъ, то какъ дипломатъ.

Вообще содержаніе книги г. Барсукова очень богато данными для исторіи южной Россіи. Живой разсказъ автора, пересыпанный лѣто-

писными и актовыми меткими словами и выраженіями, читается легко и съ удовольствіемъ; но особенно книга цѣнна тѣмъ, что изобилуетъ цитатами изъ неизданныхъ доселѣ памятниковъ, представляющихъ высочайшій интересъ: изъ рукописей Московскаго главнаго архива министерства юстиціи, изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, изъ ненапечатанныхъ хроникъ XVII вѣка, хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ и проч. Многія подробности, такимъ образомъ, становятся извѣстными лишь съ выходомъ въ свѣтъ настоящей книги.

Если затѣмъ, при всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ достоинствахъ, почтенный трудъ г. Барсукова имѣетъ свою слабую сторону, то это развѣ то, что въ немъ домашней жизни рода Шереметевыхъ удѣлено весьма мало мѣста; она совершенно ускользаетъ изъ глазъ читателя въ изображеніи служебной дѣятельности представителей этого рода. Упоминаются, правда, такіе частные факты, какъ рожденіе, женитьба или смерь того или иного члена этой семьи; но не собрано тѣхъ мелкихъ данныхъ, изъ которыхъ слагается, такъ сказать, будничная жизнь человѣка и изъ которыхъ чертилъ свои богатыя картины домашняго быта такой изслѣдователь, какимъ явился у насъ впервые И. Е. Забѣлинъ. Въ книгѣ г. Барсукова мы не видимъ ничего, что свидѣтельствовало-бы о духовныхъ интересахъ и нуждахъ этихъ знатныхъ бояръ, не имѣемъ свѣдѣній объ ихъ воспитаніи, хозяйствѣ, будничной жизни, обстановкѣ дома, удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, не знаемъ, какъ распоряжались они въ своихъ имѣніяхъ, какъ относились къ своимъ крестьянамъ и сосѣдямъ по имѣнію и проч. Много этого рода данныхъ разбросано то тамъ, то сямъ въ сочиненіи; но будь они собраны вмѣстѣ, получилась-бы обстоятельная и яркая картина той именно жизни, которая вырабатываетъ характеры и привычки, которыя переносятся потомъ въ общественную среду и вліяютъ на складъ ея, испытывая, въ свою очередь, взаимодѣйствіе среды на себѣ. Однимъ словомъ, если служебная исторія рода Шереметевыхъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы сказали, и исторія русскаго государства, то исторія домашняго быта была-бы вмѣстѣ и бытовой исторіей боярскаго сословія. У насъ до сихъ поръ никакъ не могутъ уловить и опредѣлить точно сословный или народный характеръ,—и неудивительно, мало занимаются бытовой исторіей. Впрочемъ высказанное нами замѣчаніе окажется, быть можетъ, преждевременнымъ, такъ какъ работа далеко еще не окончена и указанный пробѣлъ можетъ восполниться въ слѣдующихъ томахъ.

И. Каманинъ.

А. А. Матвѣевъ. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Южной Россіи. Одесса 1884 года.

Это изданіе распорядительнаго комитета VI археологическаго съѣзда, бывшаго въ Одессѣ въ минувшемъ году. Мы не говорили о немъ въ свое время, ожидая общаго изслѣдованія того-же автора по вопросу объ антропологическихъ изысканіяхъ въ новороссійскомъ краѣ, которое имъ обѣщано, но не явилось доселѣ. Скажемъ нѣсколько словъ теперь, чтобы въ ожиданіи большаго не оставить безъ вниманія меньшаго.

Руководствъ по археологіи вообще и по кургановѣдѣнію въ частности у насъ нѣтъ почти вовсе, а вниманіе къ археологическимъ изслѣдованіямъ, интересъ къ раскопкамъ, съ каждымъ годомъ растетъ и поддерживается въ значительной степени періодически повторяющимися археологическими съѣздами. Чтобы помочь людямъ, посвящающимъ свой досугъ и средства археологическимъ изысканіямъ, особливо новичкамъ и начинающимъ въ этомъ дѣлѣ, авторъ и предпринялъ настоящій небольшой свой трудъ, составляющій лишь незначительную часть приготовляемой, какъ мы сказали, къ печати общей работы.

Прежде всего это не самостоятельный трудъ спеціалиста, но сводъ и переработка данныхъ, добытыхъ другими археологами, составленные съ практическою цѣлью дать пригодное руководство желающимъ заняться производствомъ раскопокъ съ научною цѣлью. Сообразно этому, сводъ начинается указаніемъ на два типа земляныхъ насыпей, подвергающихся раскопкамъ: на могилы-курганы и городища

Первый типъ авторъ разсматриваетъ по вѣкамъ: каменному, бронзовому и желѣзному, опредѣляетъ территорію вида или рода могилъ, причемъ описываетъ внѣшній видъ ихъ, окружающую мѣстность, внутреннюю обстановку и содержаніе и наконецъ пріурочиваетъ могилы къ извѣстному времени и племени. Авторъ сообщаетъ при этомъ общую инструкцію для курганной экскурсіи, составленную имъ самимъ, и спеціальную инструкцію для изслѣдованія кургановъ, составленную коммисіей, назначенной 3-мъ археологическимъ съѣздомъ и разработанную позже профессоромъ Самоквасовымъ, затѣмъ антропологическую инструкцію профессора А. П. Богданова и наконецъ инструкцію для изслѣдованія каменныхъ гробовъ и древнихъ кладбищъ съ обособленными урнами.

Въ связи съ вопросомъ о курганахъ южной Россіи авторъ ставитъ вопросъ о тѣхъ «безсмѣнныхъ стражахъ степныхъ могилъ», каменныхъ бабахъ, о которыхъ до сихъ поръ мы не знаемъ ничего опредѣленнаго, были-ли они «надгробными изображеніями покойниковъ, сокрытыхъ въ тѣхъ-же курганахъ, или изображеніями божества незнаемаго пантеона

невѣдомыхъ кочевниковъ древности». Говоря о каменныхъ бабахъ, авторъ знакомитъ съ наружнымъ видомъ извѣстныхъ до сихъ поръ экземпляровъ и сообщаетъ данныя объ ихъ территоріальномъ распространеніи; здѣсь онъ также даетъ программу для собиранія свѣдѣній о каменныхъ бабахъ, изданную графомъ А. С. Уваровымъ ради потребностей императорскаго московскаго археологическаго общества.

Второй типъ земляныхъ насыпей—городища, подраздѣляющіяся на собственно-городища, городки, сторожевыя городища и валы, разсматривается также подробно, какъ и преъидущіе археологическіе памятники, по родамъ и видамъ, и для изслѣдованія этого типа въ свою очередь предлагается авторомъ инструкція, выработанная упомянутой уже коммисіей на третьемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ.

Касаясь того или другаго типа насыпей, авторъ приводитъ въ выноскахъ всѣ болѣе или менѣе важныя, напечатанныя о нихъ, статьи и отдѣльныя сочиненія и заключаетъ это въ приложеніяхъ краткимъ спискомъ кургановъ въ Новороссіи и по Дону, давая такимъ образомъ матеріалъ для археологической карты южной Россіи, а также спискомъ вопросовъ по русской курганографіи, поставленныхъ въ программахъ на шести русскихъ археологическихъ съѣздахъ.

Изъ изложеннаго видно, что брошюра г. Матвѣева, представляя собою полный сводъ всѣхъ свѣдѣній, необходимыхъ при производствѣ раскопокъ, можетъ быть настольной книгой для людей знакомыхъ уже съ этимъ дѣломъ и тѣмъ болѣе руководствомъ для начинающихъ заниматься археологіей. Для этихъ двухъ цѣлей можемъ смѣло рекомендовать умѣло и добросовѣстно составленный г. Матвѣевымъ обзоръ. Намъ остается за симъ пожелать, чтобы и все его сочиненіе отличалось тѣми-же качествами ясности и систематизаціи и было-бы столь-же богато свѣдѣніями по части нашей юной археологіи, столь необходимыми у насъ, при отсутствіи въ нашихъ университетахъ каѳедръ по этой наукѣ, и чтобы свѣдѣнія этого рода обнимали не одну Новороссію, но касались-бы и другихъ частей нашего отечества, особенно-же Малороссіи, столь богатой курганами и могилами, важными для историко-археологическихъ изслѣдованій.

И. Каманинъ.

Разсказы изъ русской исторіи XVIII в. по архивнымъ документамъ. А. Барсукова. Спб. 1885 г.

Тотъ-же г. Александръ Барсуковъ, который ведетъ многотомное, богатое научными достоинствами и роскошное по внѣшности изданіе «Родъ Шереметевыхъ», выступаетъ съ интересною книгою «Разсказовъ изъ русской исторіи». Всѣхъ разсказовъ въ книгѣ шесть: пять въ обыкновенной повѣствовательной формѣ, одинъ въ формѣ письма къ издателю «Русскаго Архива». Четыре изъ нихъ имѣютъ эпизодическій характеръ и сюжеты ихъ заимствованы изъ слѣдственныхъ дѣлъ, производившихся въ Тайной Экспедиціи о разныхъ лицахъ, обвинявшихся по разнымъ поводамъ въ государственныхъ преступленіяхъ; таковы разсказы: «Іоасафъ Батуринъ», «Узникъ Спасо-Евѳиміева монастыря», «Батюшковъ и Оночининъ» и «Шкловскіе авантюристы». Разсказъ «Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ» въ сущности есть самостоятельный біографическій очеркъ этого могущественнаго въ свое время временщика; къ нему присоединенъ коротенькій разсказъ: «Гатчинскія преданія объ Орловѣ», записанный со словъ стараго гатчинскаго солдата.

Всѣ вообще разсказы написаны живо и умно, читаются легко и съ большимъ интересомъ; въ особенности завлекаетъ мастерской очеркъ личности кн. Гр. Гр. Орлова, обнаруживающій въ авторѣ большое знаніе той эпохи, обширную начитанность, знакомство съ рѣдкими источниками, русскими и иностранными, печатными и рукописными.

Описываемыя въ разсказахъ происшествія и лица относятся къ царствованіямъ императрицъ Елисаветы и Екатерины II, а главнѣйшій ихъ интересъ, которымъ они и подкупаютъ читателя, въ политическомъ ихъ оттѣнкѣ, въ рѣзкомъ переломѣ въ судьбѣ людей, по своему счастливыхъ и обезпеченныхъ, но заканчивающихъ жизнь въ печальномъ заключеніи и даже помѣшательствѣ. Есть-ли въ этомъ строго-историческій интересъ,—другой вопросъ; но разсказы о такихъ лицахъ и происшествіяхъ всегда будутъ привлекать къ себѣ предпочтительнѣе предъ скромными, скучными подъ часъ сюжетами изъ внутренней нашей исторіи, изъ жизни самаго народа. Въ этомъ, помимо болѣе или менѣе заманчивой формы, помимо искуснаго и дѣльнаго изложенія, заключается секретъ успѣха, какой имѣютъ этого рода разсказы и какой несомнѣнно должны имѣть появившіеся теперь разсказы г. Барсукова.

Тяжелое однако чувство остается въ душѣ по прочтеніи этихъ разсказовъ. Вотъ лица, выведенныя г. Барсуковымъ, ихъ проступки и судьба.

Подпоручикъ ширванскаго пѣхотнаго полка Іоасафъ Батуринъ въ 1740 г., во время пребыванія двора въ Москвѣ, обнаруживаетъ неясный

замыслъ на совершеніе государственнаго переворота низверженіемъ съ престола императрицы Елисаветы и возведеніемъ на престолъ великаго князя Петра Ѳедоровича и за это послѣ 4-хъ лѣтъ ареста попадаетъ въ Шлиссельбургъ, оттуда, послѣ 16-лѣтняго безвѣстнаго заключенія, за полуумныя письма на имя Екатерины и давно умершаго Петра III, врученныя караульнымъ для доставки по адресу, ссылается вѣчно въ Большерѣцкій острогъ, тамъ принимаетъ участіе въ бунтѣ Беніовскаго и погибаетъ въ стычкѣ съ китайцами.

Отставной бригадиръ баронъ Ашъ въ октябрѣ 1777 г. представляетъ состоявшему уже не у дѣлъ временщику царствованія Елисаветы И. И. Шувалову письмо умершаго отца своего, бывшаго петербургскаго почтъ-директора, въ которомъ этотъ послѣдній увѣряетъ Шувалова, что онъ есть сынъ императрицы Анны Іоанновны отъ Бирона, а слѣд. законный наслѣдникъ русскаго престола, и предлагаетъ къ его услугамъ для возведенія его на престолъ сына своего, подателя письма. Письмо это, суть котораго бригадиръ Ашъ отстаиваетъ горячо на допросахъ, приводитъ его къ заключенію въ Дюнамюндскую крѣпость, а новые допросы по его содержанію при имп. Павлѣ I-мъ къ «неисходному содержанію» въ суздальскомъ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ, гдѣ онъ и умеръ 80-лѣтнимъ старцемъ, въ началѣ слѣдующаго царствованія, на порукахъ бывшаго тогда владимірскимъ губернаторомъ, извѣстнаго писателя, князя И. М. Долгорукова.

Отставной гвардіи корнетъ Илья Батюшковъ 25 ти лѣтъ, страдавшій помѣшательствомъ, и малосмысленный подпоручикъ Александръ Опочининъ 17-ти лѣтъ, по частному доносу, обвиняются въ томъ, что говорили между собою и съ другими всякій вздоръ, начиная съ того, что Опочининъ есть сынъ англійскаго короля и имп. Елисаветы Петровны, и кончая тѣмъ, что Гр. Гр. Орловъ хочетъ обвѣнчаться съ имп. Екатериною II и стать императоромъ, но что они, корнетъ и подпоручикъ, могли-бы его убить, императрицу низвергнуть и вмѣсто нея возвести на престолъ великаго князя Павла Петровича. Послѣ тщательнаго *съ пристрастіемъ* допроса оба они ссылаются въ Сибирь—первый на казенныя работы, а второй на службу въ гарнизонѣ на иртышской линіи.

Не правда ли, удобные и благодарные для разсказа сюжеты? Прибавьте къ нимъ подробности тогдашняго ареста, заключенія и суда, распросныя и перекрестныя рѣчи, неизбѣжныя пытки, крайнюю подозрительность слѣдователей и судей, «продерзостныя и непристойныя слова» противъ высокихъ и высочайшихъ особъ, противорѣчіе и сумбуръ въ показаніяхъ, вырванныхъ изъ-подъ пытки, и затѣмъ лишеніе всего, ссылку въ Нерчинскъ или Мангазею, тяжкія оковы, вѣчныя работы,

или «неисходное содержаніе» въ Шлиссельбургѣ, Гогервикѣ и т. под. Во всемъ этомъ такъ много соли, остроты, тутъ каждый эпизодъ—цѣлая драма, высоко поднимающая нервы. Вспоминаются невольно пережитое къ счастію время грознаго «слова и дѣла», дворцовыхъ переворотовъ, неустановившагося государственнаго порядка, сильныхъ временщиковъ, безумной роскоши и веселія однихъ, страданій и голоданія другихъ. И ото всего этого, говоримъ мы, тяжелое чувство гнететъ душу. Достойно примѣчанія, что въ каждомъ изъ трехъ названныхъ разсказовъ исходнымъ пунктомъ и крайнею цѣлью «злодѣйственныхъ рѣчей» служатъ временщики: Разумовскій, Шуваловъ, Орловъ и что въ говорящихъ эти рѣчи усматривается тогда-же или впослѣдствіи «умовредительство». Такихъ «поврежденныхъ въ умѣ» людей много разсылалось тогда и въ наши южные монастыри на «неисходное содержаніе подъ крѣпкимъ карауломъ».

Въ числѣ разсказовъ, предложенныхъ г. Барсуковымъ, есть одинъ, который входитъ въ сферу нашихъ изслѣдованій и ради котораго мы заговорили о вышедшей книгѣ. Онъ озаглавленъ: «Шкловскіе авантюристы» и выдвигаетъ одного изъ сербскихъ авантюристовъ, невольно напоминающаго тѣхъ его соотчичей, которые призваны были колонизовать наши дикія мѣста, привить намъ высшую культуру и отъ которыхъ остались одни громкіе титулы, да щедро розданныя имъ земли. Главнымъ героемъ этого разсказа является темная личность генералъ-адъютанта Семена Гавриловича Зорича, а мѣстомъ дѣйствія мѣстечко Шкловъ, нынѣ могилевской губерніи. Читатель припомнитъ при этомъ ту вѣковую борьбу, которая происходила въ этихъ мѣстахъ на почвѣ вѣроисповѣдной и племенной между кореннымъ бѣлорусскимъ и преобладающимъ польскимъ населеніемъ и мелкіе случаи которой именно въ Шкловѣ и сосѣднихъ Оршѣ, Могилевѣ и Лоевѣ рѣзкими чертами отмѣтилъ въ своей безхитростной автобіографіи о. Илія Турчиновскій[1]). Въ то время, къ которому относится разсказъ о «Шкловскихъ авантюристахъ», Бѣлоруссія только была присоединена къ Россіи, по первому раздѣлу Польши, и православно-русское населеніе оной чаяло легче вздохнуть подъ русскимъ скипетромъ отъ тяжкихъ притѣсненій польскихъ пановъ и римскаго духовенства. Можно было ждать особыхъ для этого мѣръ со стороны новаго правительства, особыхъ владѣтелей и правителей, которыхъ дѣятельность была-бы посвящена облегченію участи забитаго и загнаннаго народа. Между тѣмъ вотъ что даетъ намъ указанный разсказъ о судьбѣ одного изъ названныхъ уголковъ

[1]) См. «Кіевскую Старину» 1885 г., февральск. кн., стр. 318—333.

Бѣлоруссіи. Владѣльцемъ Шклова становится сербскій авантюристъ Зоричъ, 11 мѣсяцевъ бывшій въ «случаѣ» при Екатеринѣ, обдаренный чинами и орденами, деньгами и землями и затѣмъ удаленный отъ двора. Сама императрица покупаетъ для него у князя Адама Чарторижскаго Шкловъ за 450 т. р., а онъ превращаетъ этотъ изстрадавшійся уголокъ въ мѣсто безумнаго разгула, пьянственныхъ оргій и наконецъ притонъ для выдѣлки и сбыта на громадныя суммы фальшивыхъ ассигнацій, въ чемъ и самъ, по собственнымъ словамъ благодѣтельствовавшей ему императрицы, оказался виновникомъ и участникомъ. Главные орудователи въ этомъ дѣлѣ, которыхъ пріютилъ у себя Зоричъ, италіанскіе выходцы, братья Аннибалъ и Маркъ графы Зановичи, были высланы за-границу, дѣло Зорича замято; тѣмъ все и кончилось. Зоричъ завелъ въ Шкловѣ училище, нѣчто въ родѣ кадетскаго корпуса для дѣтей польской шляхты, но директоръ этого училища, французъ Салморанъ «представлялъ ему комедіи и оперы и самъ сочинялъ тѣ комедіи», а жена его, бывшая актриса, также пѣла, играла на клавикордахъ, представляла комедіи для гостей и за все это поискивала въ концѣ концевъ съ Зорича 10 т. р. Училище имѣло 10 учителей и 60 кадетъ, а какова была въ немъ нужда, видно изъ того, что, по разсказу самаго директора, экономъ однажды, «отнявъ у женщины, среди улицы, корову, привелъ ее на кухню, велѣлъ убить и сдѣлать для кадетъ обѣдъ и ужинъ». Въ разсказъ введена масса лицъ, связанныхъ съ судьбою Зорича: русскихъ, поляковъ, жидовъ, французовъ, и это даетъ ему большое разнообразіе, живость и пикантность. Какъ характеристику этихъ авантюристовъ и самаго мѣста, авторъ приводитъ, въ видѣ эпиграфа, слова изъ «Путешествія въ Кіевъ» московскаго митрополита Платона, которыми и мы закончимъ обзоръ весьма интересной книги г. Барсукова. «Проѣхали мы, пишетъ митрополитъ, славное мѣстечко Шкловъ, но онаго осмотрѣть не могли, а только слышали, что зрѣніемъ таковыхъ жителей оскорбились-бы и взоръ, и духъ нашъ». **К. Цыбульскій.**

Александръ Андріевскій. Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 9-й. Кіевъ. 1885 г.

Содержаніе настоящаго выпуска «Историческихъ Матеріаловъ» столь же разнообразно, какъ и всѣхъ предъидущихъ выпусковъ. Почтенный издатель, какъ было уже не разъ замѣчено, не держится въ подборѣ печатаемыхъ документовъ предметнаго или иного порядка, а помѣщаетъ все, что сколько нибудь цѣннаго и въ цѣльномъ видѣ находитъ въ раз-

розненныхъ и неполныхъ архивныхъ дѣлахъ, сортируя уже извлеченное по роду дѣлъ и по годамъ.

Цѣлая треть настоящаго выпуска отведена дѣламъ, касающимся кіево-межигорскаго монастыря, подъ общей рубрикой «Межигорская Старина». Дѣла эти печатались въ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», были и отдѣльные съ нихъ оттиски и объ нихъ было сказано въ одной изъ предшествовавшихъ книгъ нашего журнала. За ними слѣдуетъ дѣло «о воровствахъ въ кіево-фроловскомъ женскомъ монастырѣ», потомъ извлеченія изъ дѣлъ о гайдамакахъ, нѣсколько дѣлъ о приписке кіевскихъ мѣщанъ въ козаки, два дѣла изъ разряда пограничныхъ, переписка о казенномъ виноградномъ садѣ, два дѣла о чародѣйствахъ и наконецъ такъ названная издателемъ «Архивная смѣсь», т. е. отдѣльныя архивныя бумаги, какъ напр. циркуляръ графа Румянцева, 1785 года, о встрѣчѣ графа Воронцова и Нарышкина, назначенныхъ ревизорами въ кіевское, черниговское и новгородъ-сѣверское намѣстничества, запись о расходѣ по дому главнаго народнаго училища въ Кіевѣ, публикаціи о розыскѣ бѣглыхъ монаховъ и проч.

Мы не будемъ передавать содержанія всѣхъ исчисленныхъ дѣлъ, изъ которыхъ большинство имѣютъ слишкомъ частное и условное значеніе для занимающихся мѣстною исторіею, а иныя, какъ напр. дѣло о воровствѣ въ флоровскомъ монастырѣ, помѣщены лишь потому, что подвернулись подъ руку издателя. Остановимъ вниманіе читателей на томъ, что въ настоящемъ выпускѣ имѣетъ несомнѣнный и болѣе общій историческій интересъ, а такой представляютъ собою извлеченія изъ дѣлъ о гайдамакахъ. Правда, это не цѣльныя дѣла о набѣгахъ гайдамакъ, или судѣ надъ ними, но лишь нѣсколько отрывочныхъ показаній, снятыхъ съ нѣкоторыхъ изъ гайдамакъ, разновременно пойманныхъ послѣ усмиренія возстанія 1768 г. и подвергавшихся допросу въ кіево-губернской канцеляріи; тѣмъ не менѣе мы находимъ въ нихъ любопытныя свѣдѣнія какъ объ извѣстныхъ уже предводителяхъ гайдамацкихъ отрядовъ этого времени, воспѣтыхъ въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ: Максимѣ Желѣзнякѣ, Шваченѣ и Журбѣ, такъ и о неизвѣстныхъ доселѣ Саввѣ Сачкѣ, Саввѣ Илыгинѣ и вообще о дѣйствіяхъ гайдамакъ, сновавшихъ подъ Кіевомъ и въ самомъ даже Кіевѣ. Есть показаніе самаго Журбы: онъ сынъ «подданнаго» кіево-михайловскаго монастыря, семь лѣтъ жилъ въ Запорожьѣ, потомъ былъ послушникомъ кіево-софійскаго каѳедральнаго монастыря и отсюда непосредственно попалъ въ гайдамаки и сталъ атаманомъ. По поводу именно этихъ любопытныхъ извлеченій мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Г. Андріевскій, помѣщая названныя показанія, замѣчаетъ, что онъ выбралъ ихъ изъ числа попадавшихся ему бумагъ о гайдамакахъ и даетъ имъ мѣсто потому, что онипо его мнѣнію, представляютъ «нѣкоторый интересъ». Позволимъ себѣ сказать, что это слишкомъ неопредѣленно, если несовершенно произвольно. Въ научномъ подборѣ матеріала такія общія, ничего не говорящія фразы не должны-бы имѣть мѣста; тутъ надо установить общую точку зрѣнія и по ней производить подборъ матеріала. Мы знаемъ, что выбралъ г. Андріевскій, но не знаемъ того, что онъ опустилъ и почему опустилъ. Между тѣмъ въ вопросѣ о гайдамачествѣ можетъ быть важно не только качество, но и количество дѣлъ. Если въ гайдамакахъ видѣть только разбойниковъ, грабителей, то появленіе ихъ должно быть послѣдствіемъ низкой степени благосостоянія массы народной въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ, а въ такомъ случаѣ количество и сила гайдамацкихъ набѣговъ должны быть обратно пропорціональны степени народнаго благосостоянія. Если напротивъ въ набѣгахъ гайдамакъ видѣть народное движеніе по мотивамъ религіозно-политическимъ, то возрастаніе и усиленіе набѣговъ должно свидѣтельствовать о степени религіозно-политическаго гнета, которому подвергался народъ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Въ томъ и другомъ отношеніи, на нашъ взглядъ, каждый листокъ бумаги, въ которомъ рѣчь идетъ о гайдамакахъ, всѣ эти доношенія, репорты, промеморіи и проч. разныхъ лицъ и учрежденій о появленіи въ томъ или другомъ мѣстѣ большихъ или малыхъ гайдамацкихъ партій, имѣютъ важное значеніе для исторіи и должны быть сохранены и подвергнуты изслѣдованію. Только имѣя возможно большее число фактическихъ, точно обслѣдованныхъ данныхъ о гайдамачествѣ за все время его существованія, можно было-бы установить безошибочный взглядъ на него и устранить ту двойственность въ немъ и рѣзкое отличіе, какое находимъ у нашихъ и польскихъ историковъ. Сопоставляя количество, силу, время и мѣсто гайдамацкихъ набѣговъ съ исторіей экономическаго положенія крестьянъ, разселеніемъ въ краѣ евреевъ, усиленіемъ уніи и религіознаго гнета, можно было-бы основательно разрѣшить вопросъ о томъ, были-ли гайдамацкіе набѣги протестомъ противъ религіозно-экономическаго гнета, противъ насилій католическаго и уніатскаго духовенства, противъ своеволія и обдирательства со стороны шляхты и евреевъ, или-же на гайдамакъ надо смотрѣть какъ на простыхъ разбойниковъ, стремившихся къ удовлетворенію личнаго произвола и корысти.

Основаніе къ разрѣшенію этого вопроса положилъ уже профессоръ В. Б. Антоновичъ, пришедшій въ своемъ изслѣдованіи о гайдамачествѣ,

на основаніи добытыхъ имъ изъ кіевскаго центральнаго архива актовъ, къ тому выводу, что «въ гайдамачествѣ видны постоянно въ различныхъ, смотря по времени и обстоятельствамъ, долгахъ, двѣ разнородныя стороны, сплотившіяся въ одно явленіе: народный протестъ противъ польско-шляхетскаго порядка и стремленіе къ удовлетворенію личнаго произвола или корысти». Но онъ-же, въ томъ-же своемъ изслѣдованіи, представилъ замѣчательную програму для подбора свѣдѣнія о гайдамакахъ, и намъ кажется, что г. Андріевскому, печатая однородные акты и именно съ того времени, на которомъ остановился г. Антоновичъ, слѣдовало-бы поруководиться его программою, а не выбирать акты потому лишь, что они, по его мнѣнію, представляютъ «нѣкоторый интересъ». Тогда быть можетъ и то, что имъ отброшено, какъ негодное, нашло-бы мѣсто въ его всячески почтенномъ трудѣ.

К. Л.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ АРХИВА ПОЛТАВСКОЙ КАЗЕННОЙ ПАЛАТЫ.

Въ 1878 году архивъ полтавской казенной палаты пострадалъ отъ пожара, при чемъ погибло весьма значительное количество дѣлъ, важныхъ для исторіи лѣвобережной Украйны XVIII ст. Вопросъ о томъ, что уцѣлѣло изъ прежняго архивнаго богатства названной палаты, не можетъ не представлять интереса для изслѣдователей мѣстной исторіи. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ и предлагается помѣщаемый ниже перечень уцѣлѣвшихъ отъ пожара историческихъ матеріаловъ. Перечень обнимаетъ матеріалы не избранные только, но всѣ относящіеся къ прошлому столѣтію, не исключая и такихъ, которыя заключаютъ въ себѣ лишь частныя данныя относительно минувшаго быта нашего края.

Всѣ историческіе матеріалы, находящіеся въ названномъ архивѣ, можно подраздѣлить на слѣдующія 6-ть группъ: I) двѣ связки румянцевской описи; II) 20 книгъ ревизіи 1763—64 гг., произведенной по универсалу гетмана Разумовскаго, по полкамъ; III) дѣла полковой гадячской канцеляріи; IV) дѣла прилукской счетной коммисіи; V) дѣла о завладѣніи и разныя другія и VI) ревизскія сказки 1782 г., первой ревизіи, произведенной по уѣздамъ.

I. Связки *румянцевской описи* заключаютъ въ себѣ вѣдомости:

1) *По сотенному мѣстечку Куренькѣ лубенскаго полка*: а) «о владѣніяхъ, съ показаніемъ, кто именно въ томъ мѣстечку владѣльцы

и какіе ихъ тамо дворы, жиліе или пріѣзжіе; такожъ какое ихъ владѣніе, подданные вѣчные ли, или ранговые, або подсусѣдки»; б) о состоящихъ въ мѣстечку козакахъ, ихъ состояніи и всемъ ихъ имуществѣ; в) «о изшедшихъ, удалившихся службы козачей или согнанниихъ зъ грунтовъ, или привернеииихъ во владѣнія партикулярныя», съ указаніемъ, «гдѣ оніе находятся, такожъ въ чіемъ владѣніи ихъ грунта, поля и лѣса состоятъ»; г) вѣдомости отъ сотенныхъ старшинъ «о состоящихъ въ ихъ владѣніи жилихъ дворахъ и къ онымъ дворамъ приналежитостяхъ и о подсусѣдкахъ и о протчемъ»; д) «вѣдомости о владѣніяхъ разныхъ чиновниковъ, которія оніе имеють по разнимъ крѣпостямъ».

2) *По сотенному мѣстечку Пирятину и первопирятинской сотнѣ лубенскаго полка:* а) «вѣдомости» о владѣніяхъ различныхъ частныхъ владѣльцевъ, большею частію составленныя по такой фомѣ: «вѣдомость (отъ такого-то) о жиломъ дворѣ или хуторѣ (если хуторѣ, то обозначено разстояніе между нимъ и полковымъ городомъ, также сотеннымъ мѣстечкомъ) и подсусѣдческихъ дворахъ, такожъ о жіючихъ въ техъ дворахъ подсусѣдкахъ и наемныхъ служителяхъ и о всѣхъ ко оному двору приналежитостяхъ и о подсусѣдскихъ имуществахъ». Въ числѣ владѣльцевъ встрѣчаются козацкіе старшины, значные козаки, чины духовные и военные (преимущественно грузинскіе князья); «вѣдомость о изшедшихъ и удалившихся службы козачей» и проч...

3) *По сотенному мѣстечку Устивицѣ миргородскаго полка:* а) вѣдомость о владѣніяхъ въ м. Устивицѣ по такой-же формѣ, какъ вѣдомость по м. Куренькѣ подъ литерою а; б) «сказки старожиловъ, м. Устивицы козаковъ, о томъ, кто именно изъ значащихся по ревизіи 1736 г. козаковъ умеръ, либо куда сойшолъ, и где оставшіеся по техъ грунта девалися»; в) вѣдомость о владѣніяхъ въ *с. Матяшахъ полка миргородскаго;* г) вѣдомость отъ войскового товарища Іосифа Заруднаго о маетности его въ *с. Злодіевкѣ, полка миргородскаго.*

4) *По второй полковой гадячской сотнѣ полка гадячскаго:* а) «о козакахъ и о ихъ состояніи и имуществѣ *с. Подставокъ* при р. Груни»; б) «о владѣльческихъ посполитыхъ и подсусѣдкахъ разночинническихъ» того-же села; в) о состоящихъ по компуту 1736 г. козакахъ (того-же села) и о ихъ грунтахъ и имуществѣ, куда оніе

козаки и какими случаями убыли, а грунта ихніе въ чіемъ владѣніи состоятъ»; г) «о козакахъ и ихъ состояніи *с. Подолокъ* сотни второй гадячской» и д) вѣдомости отъ 15 владѣльцевъ о своихъ владѣніяхъ по сотнѣ второй гадячской. Къ большинству «вѣдомостей» румянцевской описи (къ черновымъ) приложены копіи съ крѣпостныхъ актовъ на владѣнія. Въ обѣихъ связкахъ румянцевской описи заключается около 3 тысячъ листовъ.

II. *Книги ревизіи 1763—64 г.г. по полкамъ.* Всѣхъ такихъ книгъ въ архивѣ 20, относятся онѣ къ полкамъ гадячскому, лубенскому, миргородскому, переяславскому и прилукскому; книги громадныя, каждая въ себѣ заключаетъ около 1,000 листовъ. Записи ревизіонныя идутъ въ книгахъ по сотнямъ и обыкновенно въ такомъ порядкѣ: 1) «Ревизія сотни такой-то, коликое *число* имѣется въ оной сотнѣ *дворовъ* и въ тѣхъ дворахъ хатъ, особожъ бездворныхъ хатъ и въ нихъ мужска полу людей—*козаковъ выборныхъ и подпомощниковъ*, полковыхъ, канцелярскихъ и сотенныхъ служителей, сверхъ генеральнаго опредѣленія состоящихъ, съ означеніемъ каждому лѣтъ»; 2) «Ревизія сотни такой-то, коликое *число* имѣется въ оной сотнѣ разнаго духовнаго и воинскаго чина, такожъ и козачихъ *подсусѣдковъ и служителей* зъ ихъ дѣтьми и свойственниками, въ жилихъ дворахъ жіючихъ, особливо-же, сколко въ оной сотнѣ пріезжихъ разнихъ владѣльцовъ дворовъ и въ нихъ подсусѣдковъ, слугъ и работниковъ и ихъ дѣтей и свойственниковъ, съ означеніемъ каждому лѣтъ». Эти два отдѣла записей (о козакахъ съ подпомощниками и подсусѣдкахъ съ слугами и работниками) заканчиваются обыкновенно «*табелью сперечневою*», т. е. статистическою таблицею, въ которой сведены всѣ цифровыя данныя по предыдущимъ рубрикамъ. Затѣмъ идутъ *записи* 3) такъ называемыхъ *вольныхъ дворовъ*, т. е. дворовъ свободныхъ отъ общенародныхъ повинностей. Записи этихъ дворовъ произведены по такой формѣ: «коликое число имѣется въ сотнѣ (такой-то) жилихъ дворовъ малороссійскихъ старшинъ владѣльческихъ, офицерскихъ, значковыхъ товарищей, старшинъ сотенныхъ, полковыхъ и сотенныхъ канцелярскихъ служителей и уволенныхъ отъ общенародныхъ повинностей; такожъ (дворовъ) разнаго духовнаго чина, т. е. поповскихъ и дьяконскихъ и другого разного-жъ войскового званія чиновъ, а особливо церковнихъ причетниковъ, дьячковъ и пономарей, при церквахъ оставленнихъ и

жіючихъ въ шпиталяхъ, искалѣченныхъ и другихъ всѣхъ, кои только для единого извѣстія написаны». Отдѣлъ «вольныхъ дворовъ» также заканчивается общей статистической таблицей. Дальше въ книгахъ ревизіи 1763—64 г.г. слѣдуютъ записи *о посполитыхъ*. Записи эти обнимаютъ слѣдующія три экономическія группы посполитства: а) число въ каждой сотнѣ «дворовъ и бездворныхъ хатъ и въ нихъ мужеска полу людей *посполитыхъ владѣльческихъ*, такожъ тѣхъ посполитыхъ, не имѣющихъ мужеска полу дѣтей, вдовъ, съ означеніемъ тѣмъ всѣмъ мужеска полу людямъ лѣтъ»; б) число въ каждой сотнѣ «*посполитскихъ*, т. е. владѣльческихъ *подсусѣдковъ, однодворныхъ и ихъ служителей и работниковъ*, не имѣющихъ нигдѣ никакихъ и малѣйшой части грунтовъ, съ означеніемъ каждому лѣтъ»; наконецъ в) число *посполитыхъ, состоящихъ въ безповоротныхъ отлучкахъ*. Въ концѣ ревизіонныхъ записей почти каждой полковой сотни есть «вѣдомость, сколько зъ сотни посполитихъ въ отлучкахъ, яко-то въ Сѣчи и другихъ мѣстахъ, и безвѣстно зашедшихъ людей является, и повороту ихъ отлучкамъ не надежно, и съ какого году кто съ нихъ отлучился».

III. *Дѣла полковой гадячской канцеляріи* представляютъ собою вѣдомости о сборѣ денегъ по полковымъ сотнямъ съ козаковъ и посполитымъ на содержаніе полковой и сотенной старшины, войсковыхъ канцеляристовъ и на канцелярскіе расходы. Сохранились такія вѣдомости, начиная съ 1732 года и по 1749 годъ, но съ нѣкоторыми перерывами и далеко не по всѣмъ сотнямъ гадячскаго полка. Есть нѣсколько такихъ вѣдомостей, которыя не могутъ опредѣленно быть отнесены къ какому нибудь году, такъ какъ заглавныя надписи на нихъ совершенно истлѣли. За 1732 годъ сохранилось только «росписаніе, въ канцеляріи полковой гадячской учиненное», по которому предположено было взимать съ можнихъ по 20 коп., зъ суреднихъ по 11 коп., зъ убогихъ по 5 коп., съ крайне убогихъ по 3 и съ подсусѣдковъ по 2 коп.». За 1735 годъ уцѣлѣли вѣдомости о сборѣ денегъ по 8 сотнямъ гадячскаго полка, второй гадячской, лютенской, куземинской, ковалевской, коминанской, второй зеньковской, грунской и веприцкой. Эти вѣдомости составлялись уже въ сотенныхъ канцеляріяхъ и по большей части такъ озаглавлены: «вѣдомость (или свѣдѣніе) въ полковую гадячскую канцелярію сотни (такой-то), коликое число собрано

денегъ съ козаковъ грунтовыхъ, малогрунтовыхъ, убогихъ и нищетныхъ и съ подсусѣдковъ на старшину полковую и сотенную и другихъ служителей». Такія-же вѣдомости, или свѣдѣнія, имѣются въ архивѣ за годы 1736, 1737, 1739, 1740, 1741, 1745, 1746, 1748 и 1749; по нѣсколькимъ сотнямъ есть вѣдомости только за 1746 годъ.

IV. *Дѣла прилукской счетной коммисіи.* Эти дѣла «о зависимой на обывателяхъ полку прилукскаго недоимкѣ» имѣются въ архивѣ на лице за одинадцать лѣтъ сряду, 1766—1776 гг. Въ общей сложности они даютъ 2954 листа.

V. *12 дѣлъ о завладѣніи* представляютъ сотою маленькія дѣла, отъ 10 до 40 листовъ каждое, и всѣ они за 1777 г. Заглавія ихъ слѣдующія: 1) о завладѣніи пахатнаго поля церковью цибелскою; 2) сѣнокоснаго кута возпымъ суда подкоморнаго золотоношскаго; 3) пахатнаго поля козакомъ цибелскимъ; 4) лѣса посполитыхъ бунчуковымъ товарищемъ Лѣсаневичемъ; 5) плеца жителемъ цибелскимъ; 6) лѣса козачкою цибелскою; 7) сѣнной луки дочерьми умершаго козака цибелскаго; 8) плеца съ хатою поповичемъ Иваномъ Осинскимъ; 9) сѣнокосной левады козакомъ цибелскимъ; 10) лѣса и поля козаками цибелскими; 11) и 12) имѣній посполитыхъ удовствующею обозною полковою Петровскою и наслѣдникомъ умершаго генеральнаго подскарбія Марковича. Остальныя дѣла очень разнообразны по своему содержанію. Такъ, имѣемъ вѣдомости: 1) «о приходахъ и расходахъ прилукской полковой канцеляріи» за 1766—1768 гг.; 2) «третныя вѣдомости казначействъ прилукскаго, гадячскаго, лохвицкаго, зеньковскаго, роменскаго и глинскаго за 1782 годъ»; 3) «о захваченіи лѣкаромъ Фридрихомъ казеннаго подданнаго въ Сорочинцахъ», 1782 года; 4) «о неправильномъ записываніи въ подданство» 1797 года; 5) «о перечисленіи жителей села Васютинецъ въ козаки» 1797 года; «объ обложеніи окладами возвратившихся съ бѣговъ и пропущенныхъ въ ревизскихъ сказкахъ» 1782 года; 7) «объ исключеніи изъ подушнаго оклада нововыбранныхъ въ г. Лубнахъ въ почталіоны» 1797 года; 8) «объ исключеніи изъ подушнаго оклада 8 душъ крестьянъ по волости требуховской, лишне написанныхъ по ревизіи 1795 года»; 9) «о взысканіи по г. Золотоношѣ съ двойнообложенныхъ людей доимки» 1797 года; 10) «о перемѣщеніи

крестьянина Спиридона Гороваго коллежскимъ регистраторомъ Захаріемъ Гонкиномъ изъ переяславскаго уѣзда въ екатеринославскій уѣздъ кіевской губерніи», 1797 годъ; 11) «о перемѣщеніи крестьянина Павла Портнаго изъ за Домонтовичевой во владѣніе корнета Гоярина», 1797 года; 12) «о присылкѣ описей имѣніямъ и наличностямъ съ городскаго прилукскаго магистрата, состоявшихъ въ вѣдѣніи бывшей ратуши прилукской и о порученіи оныхъ имѣній въ смотрѣніе отставному значковому товарищу Ивану Пархомову», 1782 года; 13) «о заплатѣ денегъ подрядчикамъ за содержаніе на станахъ почтовыхъ лошадей за полкъ прилуцкій», 1742 года; 14) «о причисленіи лубенскаго жителя Максима Стронскаго въ купечество», 1796 года; 15) «объ отдачѣ въ наемъ глинскому городничему, маіору Шульгину казеннаго мѣста, бывшаго подъ сотенною канцеляріею въ м. Срибномъ», 1784 года.

VI. *Ревизскія сказки 1782 года* сохранились сполна по всѣмъ уѣздамъ полтавской губерніи. Изъ книгъ этой ревизіи обращаютъ на себя вниманіе двѣ: 1) «о великороссійскихъ владѣльческихъ крестьянахъ, отошедшихъ было въ кіевскую губернію съ гадячскимъ уѣздомъ», и 2) «священно и-церковнослужителяхъ уѣздовъ гадячскаго и зѣньковскаго». Не менѣе интересны и слѣдующія двѣ относящіяся къ послѣдующему времени книги: 1) «владѣнія и подданные густынскаго монастыря», 1785 года и 2) «ревизскія сказки и вѣдомости дополнительныя о приписныхъ по ревизіи 1782 года разнаго званія людяхъ, доставленніе при рапортахъ одъ гадячскихъ и зѣньковскихъ городскихъ и земскихъ судовъ въ прошедшихъ 1783—1787 гг. заселенія», 1795 года.

Сообщ. **Л. Падалка.**

ЛЮБОПЫТНЫЯ РУКОПИСИ ОДНОЙ ЧАСТНОЙ БИБЛІОТЕКИ.

Въ м. Хабномъ, кіевской губерніи, радомысльскаго уѣзда, у г. Цейдлера находится библіотека, какую трудно было бы предполагать въ такомъ глухомъ и заброшенномъ уголкѣ. Въ ней много рѣдкихъ польскихъ изданій, хранится немало и рукописей XVI, XVII и начала XVIII в. На эти-то послѣднія я и хочу обратить вниманіе лицъ, занимающихся мѣстною исторіею.

Много слышалъ я о библіотекѣ г. Цейдлера, но самому въ ней не пришлось побывать. Нѣкоторое знакомство мое съ нею относится лишь къ рукописному ея отдѣлу, но и объ немъ я могу судить лишь по тѣмъ немногимъ документамъ, какіе взяты изъ этой библіотеки и доставлены мнѣ для просмотра однимъ изъ моихъ знакомыхъ. Все это документы XVI и XVII в. Въ числѣ ихъ есть между прочимъ выписка изъ грамоты Сигизмунда I-го, 1509 г.; писана она латинскимъ шрифтомъ, но языкъ грамоты русскій. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о значеніи рукописей, хранящихся въ библіотекѣ г. Цейдлера, укажу лишь на нѣкоторыя изъ доставленныхъ мнѣ.

Вотъ рядъ позвовъ и протестовъ двухъ пановъ кіевскаго Полѣсья—*Трипольскаго* и *Барана* предъ кіевскимъ трибунальнымъ судомъ, 1595—1640 годъ. Тутъ цѣлая картина жизни того времени, когда нападеніе съ толпою собственныхъ подданныхъ на сосѣдей и уничтоженіе чужой собственности не только вынуждалось безсиліемъ власти и суда, но составляло въ нѣкоторомъ родѣ развлеченіе благородныхъ пановъ.

Вотъ «духовныця (духовное завѣщаніе) благородной госпожи Александры Вороновичовны Миколаевой Ободенской». Документъ 1649 г., писанъ по русски. Ободенская, распредѣляя свое громадное состояніе, озабочена въ особенности выкупомъ изъ «полона агарянскаго» сына своего Константия. На это святое дѣло она предназначаетъ деньги «зъ приходовъ отчинныхъ», а также нѣкоторые долги. Послѣдніе составляютъ такую значительную сумму, что на нее можно было выкупить не одного «полонянника». «Вначалѣ, говоритъ завѣщательница, его милость господинъ Іанушъ Тишкевичъ, воевода и енералъ землѣ кіевской, виненъ мнѣ чтиридесятъ тисящей золотыхъ полскихъ, за которые денги въ закладѣ Райгородокъ мѣстечко и село Жидовце имѣю отъ него. Повторне, велможная еи милость госпожа воеводина троцкая, Миколаевая Абрамовичова Елизавеоа Горностаевна, виновата мнѣ полской монети два десятъ тысящъ и двѣ тисящи и двѣстѣ золотихъ, а въ закладъ тѣхъ денегъ отдала мнѣ село Козаровичи, мѣстечко Хелминъ, Глѣбовку и Литвиновку. Его милость Станѣславъ Угорницкій, староста чернѣговскій, зъ женою своею Катериною Угорницкою-жъ виновати мнѣ на записъ полской-жъ монети девятьдесятъ тысящей золотихъ и чотири».

Вотъ еще инвентарь 1660 года, писанный Константиномъ Леономъ Ободынскимъ, тѣмъ самимъ, о которомъ мать хлопотала, чтобы освободить его изъ плѣна агарянскаго. Онъ забылъ языкъ матери и писалъ уже по польски. Приводимъ цѣликомъ этотъ инвентарь въ переводѣ.

I. Инвентарь села Козаровичъ, составленный по ихъ доходности въ 1660 году.

Въ Козаровичахъ находится 60 волоковъ, съ каждой волоки слѣдующія повинности: наличными деньгами чиншевыхъ 3 злота, мѣрка овса, 3 курицы, одинъ каплунъ.

Льну десятокъ, чиншевыхъ дровъ въ замокъ 16 возовъ; панщины каждую недѣлю, и зимою и лѣтомъ, два дня.

Итакъ чиншевыхъ наличныхъ денегъ съ Казаровичъ 180 золотыхъ.

Чиншевой овесъ, если считать мѣрку по злотому, получится 480 злотыхъ.

Куръ не считаю: я ихъ оставляю на размножоніе.

Десятокъ льну, считая по полузлотому, получится 30 злотыхъ.

Такую повинность обязанъ исполнить всякій, кто сидитъ на волокѣ.

Каждый, кто имѣетъ борти, долженъ, безъ всякой утайки, по стародавней осѣдлости и лежащихъ на ней повинностяхъ, дать меду, когда бываетъ его сборъ, столько, чтобы всего было 130 бѣльцевъ. Считая каждый бѣлецъ только по три злота, а иногда бываетъ и по пяти,—всего будетъ 390 злотыхъ.

Козаровскія мельницы всегда приносили каждый годъ доходу вмѣстѣ съ корчмой 1,200 злотыхъ.

Засѣвы на поляхъ, что обязаны собрать панщиной, соображаясь съ настоящимъ урожаемъ, который забрали ихъ милости межигорскіе отцы, т. е. 450 копъ, должны дать 900 злотыхъ, если считать каждую копу по два злота.

Луга, пруды, озера, третья рыба отъ каждаго (улова), *minimum* полагаю 300 злотыхъ.

Нѣкоторыми прудами пользовались отцы межигорскіе въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ и весь пожитокъ обращали въ свою пользу.

Обязаны дать двѣ телки—одну на Свѣтлый Праздникъ, а другую въ Рождество; считая каждую телку по 10 злотыхъ, получится 20 злотыхъ.

Такимъ образомъ Козаровичи каждый годъ должны давать сумму въ 3,500 злотыхъ.

II. Инвентарь с. Глѣбовки, по ея доходности.

Въ Глѣбовкѣ *plus minus* 40 лановъ, съ каждаго лана слѣдующія повинности: наличными деньгами два злота и 15 грошей; мѣрка овса, три курицы, одинъ каплунъ, десятокъ льну, возовъ восемь дровъ безъ панщины, панщины два дни каждой недѣли.

Если всѣ чиншевыя обязанности перевести на наличныя, можно положить сто злотыхъ.

Мельничка даетъ арендной платы, какъ и теперь, 100 злотыхъ.

Прудъ, который теперь спущенъ, даетъ во время спуска воды шесть бочекъ рыбъ; но это я оставляю для себя.

Льну 40 десятковъ. Считая по ползлотому, полагаю 20 злотыхъ.

Двѣ телки—одну въ Рождество, а другую въ Свѣтлый Праздникъ; за это я полагаю 20 злотыхъ.

Куръ оставляю на размноженіе.

Отъ бобылей, которые обязаны отбывать панщину одинъ день каждой недѣли и давать въ годъ чиншевыхъ 25 грошей, полагаю въ годъ 6 злотыхъ и 20 грошей.

III. Инвентарь Самуель-поля или Холма.

Эти не отрабатываютъ панщины, но даютъ на годъ по 5 злотыхъ и по 63 курицы, какъ слободяне.

Здѣсь должно быть волочниковъ 30; отъ каждаго по 5 злотыхъ, въ годъ будетъ 150 злотыхъ.

Еще тѣ, что живутъ отдѣльно дворами. Объ ихъ обязанностяхъ и о томъ, сколько они должны давать скота, спросить у людей, и тогда пусть внесутъ за все вмѣстѣ 200 злотыхъ.

Такимъ образомъ три мои имѣнія каждый годъ должны давать 4.266 злотыхъ и 20 грошей.

Константинъ Леоновъ Ободынскій manu propria.

Если такой-же интересъ могутъ представить и другія рукописи въ библіотекѣ г. Цейдлера, то занимающимся исторіею нашего края весьма не мѣшало-бы ознакомиться съ ними, а это тѣмъ болѣе возможно, что какъ мнѣ передавали, г. Цейдлеръ охотно готовъ подѣлиться ими въ интересахъ науки.

Сообщ. **Д. А. Синицкій.**

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ХЕРСОНСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1 іюля настоящаго года исполнилось ровно 25 лѣтъ со дня основанія Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. За истекшую четверть вѣка въ «прибавленіяхъ» къ нимъ помѣщено довольно большое число матеріаловъ, изслѣдованій и замѣтокъ по исторіи и географіи новороссійскаго края, могущихъ оказать важную услугу любителямъ мѣстной старины и ученымъ, при извѣстной скудости историческихъ данныхъ по херсонской губерніи. Особенно много матеріаловъ по мѣстной исторіи находимъ въ первые три года жизни юнаго изданія, потомъ замѣчается затишье, но съ 1875 года снова идетъ рядъ такихъ статей и матеріаловъ вплоть до 1885 г. Въ указанный промежутокъ времени, 1860—1885 гг., страницы «прибавленій» украшались именами покойныхъ В. И. Григоровича и Н. М. Мурзакевича, прот. С. Серафимова и здравствующихъ понынѣ священника Н. Неводчикова (теперь епископа Неофита), прот. Лебединцева и свящ. Никифорова. Предлагаемъ здѣсь списокъ статей и матеріаловъ по исторіи и географіи южной Руси, помѣщенныхъ въ «прибавленіяхъ» 1860—1885 гг.

а) Древняя исторія церкви на югѣ Россіи.

Иннокентій архіепископъ, «Насажденіе и успѣхи христіанства въ древнемъ Херсонѣ» (1860 г., № 1).

Н., «Мнѣнія ученыхъ о русскихъ письменахъ, въ Херсонѣ найденыхъ св. Константиномъ» (1861 г., № 3). Мнѣнія А. В. Горскаго, В. И. Григоровича, М. И. Сухомлинова, П. А. Лавровскаго и С. М. Соловьева.

Н., «Обрѣтеніе мощей священномученика Климента» (1861 г., № 4). Переложеніе сказанія очевидца съ примѣчаніями.

Н., «Херсонскіе священномученики» (1861 г., № 5).

«Инкерманская киновія» (1861 г., № 6).

Н., «Херсонскіе заточеники» (1861 г., № 7).

Иннокентія архимандрита, «Св. Іоаннъ, епископъ готеской» (1862 г., № 9). Приложенія: а) о епархіи готеской, б) старыя дѣла о епархіяхъ готеской, херсонской и сугдейской.

Прот. С. Серафимовъ, «Крымскіе христіане (греки) на сѣверныхъ берегахъ Азовскаго моря» (1862 г., № 4).

В. И. Григоровичъ, «Историческіе намеки о значеніи Херсона и его церкви въ VIII, IX и X стол.» (1864 г., № 19). Въ приложеніи два письма (919—920 гг.) патріарха Николая Мистика съ важными указаніями на участіе Херсонеса въ просвѣщеніи хозаръ (правдоподобно—славянъ).

б) Исторія іерархіи XVIII и XIX стол.

Для исторіи новороссійской іерархіи прошлаго столѣтія важнѣе другихъ обстоятельное, строго-научное изслѣдованіе свящ. Н. Неводчикова (нынѣ Неофита, епископа туркестанскаго): «Евгеній Булгаринъ, архіепископъ славенскій и херсонскій» (1875 г., №№ 7, 11, 12 и 13). Въ статьѣ этой много интересныхъ свѣдѣній по исторіи края вообще и южно-русскаго духовенства и церквей въ частности. Она издана въ томъ-же году отдѣльными оттисками, но, кажется, въ продажу они не поступали. Затѣмъ для XVIII в. и начала XIX в. находимъ слѣдующіе матеріалы и статьи:

Н. М. (Мурзакевичъ), «Матеріалы для исторіи новороссійской іерархіи. Къ свѣдѣніямъ о Евгеніѣ Булгаринѣ» (1878 г., № 20). Письма Б—са къ Потемкину и къ правителю канцеляріи послѣдняго, службы библіотеки Б—са, свѣдѣнія о пріемникѣ его, Никифорѣ (духовное завѣщаніе Никифора).

— Тоже. «Архіепископъ Амвросій Серебряниковъ» (1878 г., № 24). Отношенія его къ Потемкину,

— Тоже. «Митрополитъ Гавріилъ Бадони» (1879 г., № 2).

— Тоже. «Архіепископъ Аѳанасій Ивановъ. Архіепископъ Платонъ Любарскій. Архіепископъ Іовъ Потемкинъ» (1879 г. № 12).

— Тоже. «Архіепископы Ѳеофанъ Татарскій и Онисифоръ Боровикъ» (1879 г., № 13).

— Тоже. «Арх. Гавріилъ Розановъ» (1879 г., № 17). Къ статьѣ приложенъ списокъ литературно-ученыхъ трудовъ преосв. Гавріила.

— Дополнительныя свѣдѣнія о Гавріилѣ Бадони, впослѣдствіи митрополитѣ кишиневскомъ (1881 г., №№ 13 и 14).

«Противъ обливательнаго крещенія». Окружное посланіе Никифора, архіепископа словенскаго и херсонскаго (1871 г., № 1).

Н. Мурзакевичъ, «Епархія словенская и херсонская (1875 г., № 21). Перепечатка изъ IX тома зап. одесск. общ. ист. и древн. Списокъ архіереевъ съ 1775 г. по 60-е годы настоящаго столѣтія съ краткими свѣдѣніями о дѣятельности ихъ.

Письмо архіепископа Евгенія Булгариса правителю канцеляріи князя Потемкина В. С. Попову; въ письмѣ денежные счеты за домъ, библіотеку и проч. Дата: 18 іюня 1791 года (1875 года, № 23).

Священникъ Неводчиковъ, «Нѣсколько словъ о преосвященномъ Амвросіѣ Серебряниковѣ, епископѣ екатеринославскомъ и Херсонеса таврическаго» (1860 г., № 10). Приложенія: а) преосвященнаго Амвросія въ Бозѣ почившему свѣтл. князю Г. А. Потемкину, Таврическому, послѣднее цѣлованіе, б) покаянное моленіе къ Богу, его-же, в) письмо Амвросія къ Потемкину.

Протоіерей А. Г. Лебединцевъ, «О ѳеодосійской викарной епархіи» (1861 г., № 1). Приложенія: а) письмо преосвященнаго Іова, епископа ѳеодосійскаго, къ графу П. А. Зубову 29 іюля 1794 г., б) письмо его-же къ тому-же, безъ даты, в) копія съ высочайшаго указа графу Зубову объ отводѣ въ Ѳеодосіи дворца для жительства епископу, г) рѣчь преосвященнаго Моисея, епископа ѳеодосійскаго и маріупольскаго, при отправленіи тѣла князя Потемкина изъ Николаева въ Херсонъ, д) рѣчь того-же преосвященнаго при преданіи землѣ тѣла Потемкина.

— «Протоіерей о. Карпъ Павловскій» (р. 1774 г. + 1832 г.). 1861 г., № 12. Въ приложеніи 8 рѣчей и словъ протоіерея II—го. II—ій служилъ въ Николаевѣ, Херсонѣ и Елисаветградѣ. Въ статьѣ находимъ свѣдѣнія о чумѣ 1813 г. въ Елисаветградѣ, объ основаніи здѣсь духовнаго училища въ 1820 г., о началѣ военныхъ поселеній, о высочайшихъ посѣщеніяхъ 1823 и 1830 г., о землетрясеніи въ Елисаветградѣ въ 1829 г., о холерѣ 1830—1831 гг., о затмѣніи солнца 1831 г.

Письмо дюка де-Ришелье къ елисаветградскому протоіерею Карпу Павловскому 13 августа 1813 г. (1862 г., № 12).

Рѣчь М. П. Павловскаго 17 августа 1837 г. и письмо къ нему преосвященнаго Гавріила 14 іюня 1837 г. (1877 г., №№ 16 и 17).

Протоіерей П. Куницкій, «Нѣкоторое свѣдѣніе о жизни митрополита Гавріила Бадони» (1861 г., № 18).

Протоіерей А. Лебединцевъ, «Протоіерей о. Петръ Куницкій» (р. 1774 † 1837 г.) 1861 г., № 20. Въ приложеніи 11 словъ и рѣчей о. К—го и 4 письма къ нему разныхъ лицъ. Мѣста служенія: Новомиргородъ, Екатеринодаръ, Одесса, Яссы и снова Одесса; былъ первоприсутствующимъ молдовлахійской экзаршей дикастеріи и ректоромъ ясскаго духовнаго училища.

Рѣчь протоіерея П. Куницкаго при гробѣ экзарха Гавріила, митрополита кишиневскаго и хотинскаго 1 апрѣля 1821 года (1861 г., № 22).

Священникъ М. Крячковскій. Нѣсколько резолюцій преосвященныхъ Платона Любарскаго и Іова Потемкина (1869 г., № 2).

Письмо Никифора Ѳеотоки, архіепископа словенскаго и херсонскаго 1793 г. (1875 г., № 11).

Рѣчь, сказанная въ Херсонѣ протоіереемъ Г. Сарафиновичемъ графу Ланжерону 6 марта 1816 г.—Документъ, касающійся бѣглыхъ священниковъ въ серединѣ XVIII в. (1883 г., № 15).

Изъ статей объ архипастыряхъ настоящаго столѣтія, кромѣ указанныхъ выше статей Мурзакевича, слѣдующія посвящены памяти архіепископа Гавріила Розанова:

Письмо преосвященнаго Гавріила 12 ноября 1848 года (1860 годъ, № 11).

Протоіерея С. Серафимова. Воспоминанія о пастырскихъ путешествіяхъ преосвященнаго Гавріила (1861 г., № 22).

«Нѣкоторые отрывки моей біографіи»—статья самаго архіепископа Гавріила (1861 г., № 23). Въ приложеніи: «краткія свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ и о кончинѣ преосвященнаго архіепископа Гавріила».

Трудъ преосвященнаго Гавріила, подъ заглавіемъ: «Хронологико-историческое описаніе церквей херсонской губерніи», помѣщенный сначала въ Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., перепечатанъ въ «Прибавленіяхъ» 1878 г. (№ 13 и 14) и въ 1879 г. (№№ 12 и 14).

Но первое мѣсто по количеству біографическаго матеріала изъ архіереевъ херсонскихъ остается за преосвященнымъ Иннокентіемъ. О немъ находимъ слѣдующія статьи и матеріалы:

Письмо его къ А. С. Стурдзѣ (1860 г., № 1).

Переписка его съ нимъ-же (тотъ-же годъ, №№ 8 и 9).

Письмо ректора кіевской духовной академіи архимандрита Иннокентія, впослѣдствіи архіепископа, 18 января 1836 г. (тотъ-же годъ № 11).

Записка его о возстановленіи древнихъ святыхъ мѣстъ по горамъ крымскимъ. Предложеніе его херсонской епархіальной консисторіи 27 сентября 1848 г. Такое-же предложеніе 25 марта 1849 г. (1861 г., № 11).

Изъ «Замѣтокъ» преосвященнаго Иннокентія (1861 г., №№ 15—19, 22—23).

Протоіерея А. Лебединцева, «Воспоминанія о преосвященномъ Иннокентіѣ» (1862 г., № 1).

Протоіерея А. Логиновскаго, «О послѣдней поѣздкѣ въ Крымъ преосвященнаго Иннокентія» (тотъ-же годъ, № 2).

Письма преосвященнаго Иннокентія къ протоіерею Максиму Перепелицину (1848 г.), съ примѣчаніями протоіерея Серафимова (1878 г., №№ 6 и 21).

Протоіерей С. Серафимовъ. Нѣсколько свѣдѣній объ учрежденіи викаріатства въ херсонской епархіи въ 1852 г. (1878 г., № 19). Извлечено изъ писемъ преосвященнаго Иннокентія.

О преосвященномъ Дмитріѣ Муретовѣ находимъ статью въ 1883 г., № 23.

Наконецъ, въ № 22-мъ 1869 г. находимъ двѣ сводныя статьи протоіерея Серафимова:

1) Святители изъ воспитанниковъ кіевской духовной академіи со времени преобразованія ея въ 1819 г.

2) Воспитанники кіевской духовной академіи, служившіе и служащіе въ херсонской епархіи въ должностяхъ училищныхъ и епархіальныхъ со времени преобразованія академіи.

в) Исторія храмовъ, иконъ и монастырей.

Протоіерей А. Лебединцевъ. «Одесскій каѳедральный преображенскій соборъ» (1860 г., №№ 3—4).

Протоіерей І. Знаменскій. «О касперовской чудотворной иконѣ Божіей Матери (ibid. № 7).

Протоіерей А. Лебединцевъ. «Церковь св. Екатерины въ Одессѣ» (ibid. № 8).

Архимандрита Діонисія. «Свѣдѣнія о Бизюковомъ монастырѣ» (1862 г., № 6).

Священника А. Манжелея. Лѣтопись Вознесенской церкви села Петрова, александрійскаго уѣзда (1869 г., № 22).

«Свѣдѣнія о построеніи и освѣщеніи единовѣрческой Успенской церкви въ Одессѣ» (1875 г., № 3).

Протоіерей А. Серафимовъ. «Историческое описаніе херсонскаго Успенскаго собора» (1881 г., №№ 1, 3—5, 9, 12, 16—18).

П. Юрченко. «Храмы г. Херсона православные и инославные (1881 г., № 20).

Николаевская церковь села Черниковки, александрійскаго уѣзда (1883 г., № 9).

Протоіерей С. Серафимовъ. Одесская единовѣрческая Покровская церковь (1883 г., №№ 9—10, 12, 14, 18 и 24).

Протоіерей М. Вартминскій. «Краткая историческая записка о соборѣ г. Вознесенска (1884 г., № 12). Данныя о началѣ города.

Священникъ А. Черняговскій. «Историческая записка о херсонскомъ екатерининскомъ соборѣ» (1884 г., № 15). Опись церковныхъ древностей (между ними есть запорожскія); замѣчательныя надгробія.

В. Я—въ. Историко-статистическія матеріалы о церквахъ г. Елисаветграда: 1) Троицкой крѣпостной и 2) Греческой Владимірской (ibid.).

Протоіерей А. Корочанскій, «О Рождество-Богородичномъ соборѣ города Николаева» (1884 г., № 19).

«О церкви Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости въ г. Николаевѣ» (ibidem).

г) Статьи по исторіи и этнографіи края вообще въ связи съ церковной исторіей.

Пр. А. Лебединцевъ, «Ханская Украйна» (1860 г., № 6). Драгоцѣнныя данныя, почерпнутыя изъ архива херсонской консисторіи: періодъ подчиненія Ханской Украйны молдавской митропо-

ліи (съ 1760 г.), списокъ населенныхъ пунктовъ 1793 г.; нѣсколько грамотъ молдавскихъ архіереевъ.

«Изъ замѣтокъ священника, жившаго въ осажденномъ Севастополѣ» (1861 г. №№ 6—10).

Священника Н. Игнатьева, «Замѣтки о современномъ религіозно-нравственномъ состояніи молдавскаго населенія въ новороссійскомъ краѣ» (1861 г., № 9).

Протоіерей Н. Неводчиковъ, «Письма къ священнику херсонской епархіи о бамбардированіи Одессы» (1862 г., № 8).

М. Гребинскій, «Перечень событій, относящихся къ исторіи херсонской епархіи» (ibid., № 10).

Протоіерей Мих. Павловскій, «Профессоръ философіи въ новороссійской семинаріи поручикъ Яковъ Артемовъ» (1864 г., № 3). Приложенія: 1) посьмо А—ва къ петербургскому архіепископу Амвросію 1799 года 23 декабря, 2) привѣтствіе его императорскому величеству Павлу Петровичу на случай его прибытія въ екатеринославскую семинарію.

Священникъ Н. Неводчиковъ, «Воспоминанія о Е. А Хитрово» (1864 г., №№ 3, 5 и 7).

Священникъ В. Н. Никифоровъ, «Историко-статистическое описаніе прихода собора гор. Александріи» (1873 г.). Данныя объ основаніи города.

В. И. Григоровичъ, «Изъ записокъ антиквара о поѣздкѣ его на южныя побережья Днѣстра» (1874 г., № 18). Данныя о русскомъ населеніи приднѣстровья.

Священникъ В. Н. Никифоровъ, «Очерки александрійскаго уѣзда» (ч. I, №№ 22—24, 1878 г.). Въ 1-й части этого почтеннаго труда находимъ весьма интересныя свѣдѣнія по географіи уѣзда: рѣки, рѣчки и ручьи, озера и острова, топографія: могилы и курганы, городища; затѣмъ слѣдуетъ обстоятельный историческій очеркъ края съ древнѣйшихъ временъ; особенно цѣнныя свѣдѣнія сообщаются о заселеніи новороссійскаго края въ XVIII в.; во 2-й части дѣло идетъ объ административномъ раздѣленіи Новороссіи въ разныя времена, со дня присоединенія ея къ Россіи; есть данныя о военныхъ поселеніяхъ. Были отдѣльные оттиски.

Матеріалы для исторіи христіанской благотворительности въ Одессѣ: 1) наставленія А. С. Стурдзы сестрамъ общины сердоболь-

ныхъ сестеръ, 2) двѣ келейныхъ молитвы сердобольной сестры, сочиненныя Стурдзою (1877 г., № 17).

Памяти свѣтлой княгини Е. К. Воронцовой, «Слово архіепископа Платона и рѣчь протоіерея М. Павловскаго при погребеніи ея» (1880 г., № 10).

Протоіерей С. Патенко, «Городъ Новомиргородъ, его храмы и духовное управленіе» (1880 г., №№ 10, 13, 15 и 21).

Священникъ Г. Гуравскій, «Памяти графа Д. Е. Остенъ-Сакена» (1881 г., № 15).

Протоіерей С. Серафимовъ, «Матеріалы для исторіи херсонской епархіи съ учрежденія ея въ 1837 году до нашего времени» (1883 г., №№ 3 и 4). Содержаніе: 1) раздѣленіе екатеринославской епархіи, 2) прибытіе въ Одессу архіепископа Гавріила, 3) открытіе херсоно-таврическаго епархіальнаго управленія въ Одессѣ, 4) въ какомъ состояніи первый архипастырь херсонскій нашелъ церкви одесскія и прочія духовныя учрежденія, 5) высочайшее посѣщеніе Одессы въ 1837 году, 6) появленіе чумы въ Одессѣ въ 1837 году, 7) іереи съ истинно-пастырскимъ самоотверженіемъ—Ѳеофанъ Головченко и Ѳедоръ Самборскій.

Нѣсколько статей было посвящено въ «Прибавленіяхъ» *штундизму*, а именно:

Горжалчинскій А., «Штунды и штундизмъ» (1876 г., № 14). Дѣло о штундистахъ въ елисаветградскомъ уѣздѣ мировыхъ судей; село Злынка, какъ удобное мѣсто для развитія ереси; ученіе штунды и мѣры борьбы противъ него.

«Замѣтка о штундахъ» (1878 г., № 8). Судебное дѣло о Михаилѣ Ратушномъ и другихъ, разбиравшееся въ одесскомъ окружномъ судѣ 30 марта 1878 года.

Священникъ В. Н. Никифоровъ, «Нѣчто о штундизмѣ» (1881 г., №№ 5 и 8). Бесѣда автора съ Рябошапкою; отчетъ о судебномъ слѣдствіи по дѣлу о штундистахъ с. Любомирки, разбиравшемуся въ александрійскомъ съѣздѣ мировыхъ судей 17 іюня 1880 г.

Н. М. Ч., Краткій обзоръ книгъ и брошюръ, распространяемыхъ въ народѣ штундистами (1883 г., № 16).

Д. Протасовъ, «Штундизмъ и разборъ его ученія (1883 г., №№ 21—24).

Священникъ И. Зубовъ, «Къ вопросу о свѣдѣніямъ о малорусскомъ штундизмѣ» (1884 г., № 11).

Толкованіе штундистами XXIII главы Евангелія отъ Матѳея (1882 г., № 21).

Итакъ, изъ перечня, сдѣланнаго нами, можно убѣдиться, что «Прибавленія» къ Херсонскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ заключаютъ въ себѣ довольно матеріала по мѣстной исторіи и географіи, особенно для такого молодого края, каковъ херсонскій. Пожелаемъ, чтобы пытливость мѣстнаго духовенства въ этомъ направленіи росла и ширилась и впредь больше добывала такого цѣннаго матеріала, какой находимъ въ «Прибавленіяхъ» за истекшее первое 25 лѣтіе Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

В. Ястребовъ.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЙ О ЗАПОРОЖЦАХЪ.

Около 10 лѣтъ назадъ сему, въ с. Ольшанскомъ (екатеринославской губерніи) случилось мнѣ познакомиться съ двумя глубокими стариками, тамошними крестьянами, извѣстными въ народѣ по однимъ лишь именамъ. То были дѣдъ Андрей и дѣдъ Пилипъ. Оба они были люди бывалые, многое видѣвшіе, многое слышавшіе на своемъ долгомъ вѣку. Пилипъ много лѣтъ чумаковалъ, Андрей всю молодость провелъ въ бурлачествѣ, жилъ «въ забродахъ», т. е. на рыбныхъ ловляхъ у Азовскаго моря. Разъ какъ-то сошлись мы вмѣстѣ всѣ трое и разговорились. Пилипъ завелъ рѣчь о томъ, что пчеламъ теперь скудно жить, что въ степи вывелись терны, исчезли цвѣты, перестала родить гречка; Андрей вздохнулъ, покачалъ головою и началъ разсказъ о давней давнинѣ. Вспомнилъ онъ и дѣда своего, и отца, и свое дѣтство, жизнь въ забродахъ, товарищей бурлакъ. Съ воспоминаніемъ о дѣдѣ, въ его словахъ воскресли «Дикое поле», «Великій лугъ», Днѣпръ и Лиманъ, море, Дунай и Запорожье... По разсказамъ Андрея, дѣдъ его былъ запорожецъ, жилъ болѣе 100 лѣтъ. Рано лишился Андрей матери, поэтому дѣдъ его «съ пупку» вынянчилъ, выкормилъ и воспиталъ.

— Якъ бувъ я малымъ разсказываетъ Андрей, то за дидомъ бигавъ, якъ пидбилшавъ, дидъ за мною. Я горобцивъ деру, дидъ шапку

пидставля; я кони пасу, дидъ за пидпасыча. Дидъ любивъ розсказувать, я любивъ слухать... Винъ мени и заспива и казку роскаже и загадку. Якъ-бы не дидъ, не бувъ-бы я въ забродахъ, не знавъ-бы ни Лиману, ни моря, ни бурлакъ, не чувъ-бы про запорожцивъ, шо воно за люди и видкиля взялися. Винъ мени вси входы и выходы росказавъ.

— Откуда-же, запорожцы взялись? спрашиваю Андрея.

— Найшли видовсюды.

— Чого, якъ?

— А ось якъ,—росказувавъ покійный дидъ. Якийсь-то бувъ руській царь, шо стоявъ пидъ страхомъ у чужоземця... Це давня давнина... Ну-жъ, такъ отъ нашъ царь тому нѐпріятелеви и плативъ подать людьми; було займе, якъ отару овець, тай жене... Хто було пиде до нѐпріятеля, то уже й не вернеться: поминай, якъ звали. Отъ разъ нашъ царь пославъ тому супостатови людей самихъ одбирнихъ. Выйшли вони въ степъ, порадились и кажуть: «чого мы пидемо до проклятого кимлыка-мухамеда? На заризъ? Есть мижъ нами ковали, шевци, ткачи, ганчари, шаповалы; есть знахури, характерники. Давайте тутъ жить!» Подались вони въ байраки, кущи, повыкопували землянки и живуть.

— Ну, а царь?

— А що-жъ царь! пославъ тай байдуже. Тобъ треба гришми платить, а винъ людьми.

— Нуте, дальше, диду.

— Ну, и дали... На другій годъ опьять найшло людей, на третій опьять—стало циле військо. Отъ супостатьскій царь и пише нашому: чомъ ты, каже, людей до мене не гонишъ? А нашъ: «посылаю, каже, тоби що року...» Багато годивъ минуло, попереминялись и цари въ земляхъ, а люди все намножаються, та намножаються въ дикому степу. Ну, ставъ ото нѐпріятель докучать имъ: все на ихъ набигае, що придбають, все зъ ихъ обдере. Отъ давай вони биля ёго ворожить. Стилько не пошле війска, вони все и порубають. Характерники були... Тоди ото и стала ходить чутка, що живуть десь запорожци—таке страшне війско, що й не приступишь.

— А хто-жъ, диду, въ ихъ за старшого бувъ?

— Кошовый! Війско выбере характерника, тай орудуе винъ нимъ.

— А земля чія-жъ то була?

— Ничія, дика. Тутъ кишавъ звирь, гадъ, та птиця Божа. Була-то колись таки нашого царя земля, а потимъ турки чи татары завоювали.

— И довго, диду, жили тутъ запорожци?

— Поки одвоювали у турка землю. Одвоювали геть одъ Орели до моря шириною, и одъ Бога-рички до «Горилого пня» довжиною.

— А то що таке «Горилый пень»?

— А то туды пидъ Донцину, за Савуръ могилою. Була, бачте, могила, а биля неи дубъ, и такій товстенный, що насилу було пьять чоловика обіймуть; дубъ усохъ, такъ ёго и обпалили; стоявъ чорный середъ степу, высокій; видкиль не йдешь—маяче за сорокъ верстъ... Якъ сплюндровали Запорожжя, то биля того дуба живъ одинъ ватажокъ, а на Савуръ могили другій—Сава; ото винъ якъ схоче до себе покликати Саву въ гости, то почепе на дуба коныцю сина, дижде ночи тай пиднале. Побаче Сава огонь, — на коня тай тутъ...

— А якъ-же то сплюндровали, кажете, Запорожжя и коли то було?

— А це вже за Катерины,—царыця така була. Стали, бачте, вороги докучать царыци, шо буцимъ-бы то запорожци шкоду роблять; вона зибрала війско и послала на ихъ.

— И що-жъ?

— А що-жъ!.. Зійшлись ото москали, зійшлись и запорожци. Москали стриляють, а запорожци полы пидставляють... Понабирали повни заполы куль, тай пишли до царыци.

— Великій сьвитъ, матусю! кажуть; на тобя оци горишки, вони може згодятьця.

Вона здивувалась тай каже:

— Являйтесь ка мнѣ, я васъ угощу.

Зибрались ото запорожци до неи, а вона й пыта:

— Какъ вы живете, яловое запорожское войско, безъ женъ?

— Живемо, кажуть, не згирше, хиба тильки шо отъ сорочокъ никому прать...

Угостила ото вона запорожцивъ и пишла въ ихній станъ. Дывиця: хто зъ казакивъ чоботы квацюе дёгтемъ, хто матню лата, хто кашу варе, хто пужу бье, а инчій вуса круте...

— Что-же у васъ такое нестройное войско? пыта царыця конюового.

— Та такъ, каже, матусю, замиренье: ни противъ кого строиться...

Царыця-бъ и ничого, такъ совитныки въ неи... Бачять, що силою ничого не зроблять, то инчій способъ на ихъ придумали: ставъ Потёмка слободы населять, нимцивъ сажать... взяли вони и подались—де яки на Кубань, а де яки пидъ турка. Тутъ ще зъ туркомъ було! Прыйшли вони туда, а паша каже:

— Тоди я васъ прыйму, якъ заприсягнете служити вирно въ мойі земли.

— Добре, кажуть, согласни.

Стали ото збирать ихъ пидъ присягу, а у ихъ у кождого въ торбыни була христіянска земля; вони понасыпали въ чоботи тееи земли, пидійшли пидъ присягу и кажуть:

— На чыій земли стоимо, тому цареви и будемо служить!

Такъ вони и робили: було въ турецыни живуть, а помичъ дають своимъ хрещеним.

— А теперъ хиба ихъ тамъ уже нема?

— Есть, кажуть, та мало: выйшли колись звидтиль, и вже тутъ вони перевелись...

Александровскъ, екатер. губ. **Я. П. Новицкій.**
22 іюня 1885 г.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ ВЪ НОВОРОССІИ.

Въ Одессѣ, за угломъ Преображенской улицы, обращенной къ кладбищу, осенью 1869 г., сиживала съ другими попрошайками и сгорбленная худенькая старушка. Днемъ она, въ ожиданіи похоронъ и милостыни, грѣла тамъ на солнышкѣ свои старыя кости, или пряталась отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, а вечеромъ приходила въ одинъ изъ домовъ той улицы и, пригрѣтая ласкою христіанскаго семейства, словно оживала. Накормленная «борщикомъ» и чѣмъ Богъ послалъ и напоенная «чаечкомъ», она впалыми полупотухшими глазами, какъ могла, присматривалась къ теплому уголку, пріютившему ее на ночь, и ослабѣвшимъ слухомъ усердно прислушивалась къ разговору своихъ хозяекъ, почтившихъ ее именемъ бабушки. Словно бабушка настоящая, она любопытствовала знать, «що шые Оленка», или «що робить Лизаветка», приносила имъ гостинцы — «яблочко» или «бубличокъ», разсказывала имъ про

свою долгую жизнь, сперва довольную и счастливую, потомъ бѣдную и горькую, доканчиваемую съ весны до поздней осени на Преображенской улицѣ, а съ осени до весны на печи въ одномъ изъ подгородныхъ хуторовъ.

Одна изъ слушавшихъ разсказы бабушки, молодая, любознательная душа своими разспросами съумѣла вызвать ее на разговоры, чутко-внимательнымъ ухомъ уловить ихъ вполнѣ и по свѣжей памяти положить на бумагу. Съ согласія записавшей предлагаемъ здѣсь три разсказа, точнѣе народныя сказки, переданныя этою столѣтнею почти старухою, всю жизнь свою проведшую въ окрестностяхъ Одессы и, Богъ знаетъ, откуда туда забредшею. Въ нихъ ярко свѣтится общенародная малорусская мораль, а чистая, гладкая рѣчь показываетъ, что они долго находились уже въ народномъ обращеніи.

З л ы д н и [1]).

Роскажу вамъ, диточки, не баечку—ни, але правду. Въ еднимъ сели були два браты: еденъ багатый-багатый, такій що годи, а другій бидный. Бачите—меньшій бувъ багатый, а старшій бидный. Ото бачите—той сиромаха бидный робивъ тому багатому, такъ нибы якъ за наймита бувъ у нёго. Ото багатый лежить соби и спочивае, а бидному сказавъ молотити на насиння. Ото винъ сиромаха пишовъ на тикъ, тай ставъ молотити. Коли дывиця, ажъ ласочка все бига отъ стижка та до стижка, высмикне пшеныци изъ маленького стижка, тай несе въ великій до багатого. Ото винъ дывиця, дывиця, а дали каже: потривай-же, пидстережу-жъ я тебе, що ты таке за вира! Ото засивъ, тай піймавъ. Піймавъ, тай пытаеця его:

— А що ты, каже, таке? Кажи, бо якъ не скажешь, то задавлю.

— Ой, не дави мене, пусти!

— Ни, не пустю, доки не скажешь, що ты таке.

— Ой пусти! я скажу тоби, що я таке—я щастя твого брата.

— Ну, коли ты щастя мого брата, то скажи-жъ мини: де мое щастя?

— Твое щастя далеко, ёго нема тутечки: у брата скильки ты не будешь працювать, все будешь старчувать; а ты заразъ бери жинку,

[1]) Бѣдность, бѣдственная жизнь.

дитей, тай иди витцилъ; тай якъ будешь забиратися и злыдни захотятъ ити съ тобою, то ты возьми, та всади ихъ гарненько въ баклажокъ, та возьми на плечи, тай неси; а тамъ якъ будешь ити, то зобачишь, коло шляху фигура буде стояти, а коло фигуры кирныця, тоди ты возьми, тай пришпили ихъ у ти кирныци гарненько—нехай тамъ зостаюця, а самъ иди, навить не оглядуючись.

Ото-жъ бидный кинувъ ципъ, ввійшовъ до хаты тай каже жиньци:

— А що жинко, вдягай дитей, тай ходимъ; не хочу вже я більше у брата робити, ходимъ щастя шукати.

— А це що тоби таке сталося? куды-жъ мы пидемъ? тай вви що-жъ я дитей повдягаю?—стала жинка гримати на нёго.

— Ну, якъ ты не хочешь, то зоставайсь, роби братови, а я пиду; бо мого щастя нема тутычка.

— Нема що робить,—давай вони обое збирати тамъ де яке збижа, щобъ то дитей повдягати. Повдягали, помолились Богу, тай хотили, бачите, йти, а злыдни съ-пидъ припичка:

— И мы за вами!

— Що тутъ робити? дума чоловикъ; треба й злыдни забирати.

Тоди взявъ ихъ, гарненько повсажувавъ въ боклагъ, заткнувъ яки були дырочки, на плечи, тай понисъ.

Несе, несе, коли дывиця, ажъ кирныця и фигура коло неи. Отъ винъ тоди гарненько взявъ ихъ, спустивъ въ кирныцю, припилывъ тамъ ихъ, тай каже: сидить-же оттутъ, бисови злыдни! а самъ пійшовъ, не оглядаючись.

Отъ прийшовъ винъ до едного села, ажъ тамъ, дывиця, сидять люди коло корчмы; отъ винъ прийшовъ до нихъ ближче,—може спочити хотивъ, або що,—тай каже:

— Здорови, люди!

— Здоровъ будь, чоловиче!

— Зъ недилею будьте здорови!

— Спасыби,—видвичають.

— А куди тебе Богъ несе, чоловиче добрый?

— Иду, люди добри, чи не здыбаю де свого щастя, та добрихъ людей.

Ото, обизвався еденъ чоловикъ старенькій, сидивъ тамъ мыже людьми, бачите: коли хочешь, каже, чоловиче добрый, то йди до мене; я чоловикъ старый и баба моя стара, а хазяйство, хвалить Бога,

добре маю. Помремо, все тоби зостанеця, якъ тильки будешь насъ обхожувати до смерти. У насъ дитей нема, а мы уже стари, нема насъ кому доглядати и въ хазяйстви працювати.

Ото той бидный и ставъ у дида робити. А хазяйство въ ёго добре було,—були волы й коровы, и вивци, и свини—геть все було. Ото дидъ каже тому бидному:

— Возьми, сыну, та постанови соби землянку, бо баба удушлива, не може бути межи дитьми.

— Добре, каже, тату!—бачите, винъ ёго батькомъ кликавъ,—тай ставъ копати землянку.

Копае, ажъ дывиця, стоить казанокъ грошей; отъ винъ взявъ заховавъ ти гроши соби гарненько, тай мовчить. Ажъ не забаромъ умеръ дидъ, а тамъ перегодивши и баба вмерла, и ёму все лышилось. Тоди винъ ставъ такъ хазяювати, що годи; бавже ставъ багачемъ такимъ, що и сказати не можно. Ото выстроивъ соби двиръ такій, що годи; уже ставъ паномъ, купцемъ; уже до нёго и попы, и купци, и паны стали заизжати та гостювати, та напиватися, бо то у нёго були и напитки, и наидки, все; кони на стани таки, якъ зміи стоять,—сказано купцемъ-паномъ уже ставъ.

Ото стали люди казати тому братови, що твій братъ—чи Тимко, чи Иванъ—купцемъ-паномъ уже ставъ, такій багачъ, що годи: въ двори живе, дитей письма понаучовавъ и до нёго геть и попы, и купци, и паны вси заизжають, такій багачъ, що и сказати не можна.

— А ну, жинко, осидлаю я коня, каже той братъ, та поиду, побачу, що то люди плецуть, що винъ нибы такій багачъ ставъ.

Ото й поихавъ, прыизжае до села, тай пытаеця:

— Де тутъ такій и такій чоловикъ?

— Онде ёго двиръ, показали ёму.

Отъ винъ прыизжае до брамы, злизъ зъ коня, коли дывиця, ажъ ёго братъ похожае соби по подвирью съ купцями и панами, такій, що куды тоби! А дали якось и углядивъ, тай каже: «отъ и братъ мій прыихавъ!» Отъ той звійшовъ, привитався, пишли заразъ до господы, стали пити, гуляти, напиватися. Ото напивались тамъ день, другій, третій, а дали вже паны, попы, то що, порозъизжалися, тильки зосталися вони въ двохъ. Сидять соби за столомъ, та ще напиваюця. Ото пили, пили, а дали той братъ пытае:

— Скажи мини, брате, чого ты ставъ такій багатый? де ты свои злыдни дивъ? Бо, то бачите, ёго заздристь взяла.

— Гс, де! диво! каже той багатый—у кирныци пришпиливъ.

— У якои кирныци?—пытае зновъ той.

— А отъ у тои, що коло неи фигура стоить, коли бачивъ.

— Ну, помысливъ той, почикай-же, пійду-жъ я та одшпилю ихъ, прійдуть вони зновъ до тебе, не будешь ты такій панъ.

Ото вже ёму и не сидиця, заразъ ставъ турбуватись—тобъ то щобъ ѣхати до дому, щобъ скорише злыдни одшпилити. А той все втримуе:

— Не йдь, каже, братику, погостюй ще въ мене.

— Ни, брате, треба ѣхати до дому, бо въ мене хазяйство, треба доглянути; а тутъ въ ёго думка инша.

Ото попрощались гарненько, винъ сивъ на коня й поихавъ. Прыизжае до кирныци, дывиця, ажъ такъ—сидять тамъ злыдни пришпыляни. Отъ винъ взявъ, видшпиливъ ихъ, тай каже:

— Идить отъ цею дорижечкою, а тамъ буде село, а въ тимъ сели вашъ хазяинъ живе,—вамъ буде у нёго теперь добре.

— Цуръ ёму, пекъ ёму—щобъ мы до ёго вернулись; винъ насъ бувъ-бы занапастивъ на вики, якъ-бы ты не одшпиливъ; ты насъ вызволивъ, мы до тебе й пидемо, тай будемъ твои во вики виковъ!

Тай причепились до ёго. Та якъ причепились, то винъ ставъ ще гирший старець, нижъ братъ ёго бувъ перше.

Доля.

Въ одномъ селѣ була дивка, вже дохожала. Не случались, бачите, люди, ще не пришла пора іи. Отъ вона каже соби:

— Господи милостивый! мои диты та вже повыходили за мижъ, а я и доси дѣвую. Пиду я до церкви, та буду всю ничь молитися Богу, чи не скажуть мини святіи, де моя доля.

Отъ и зробила такъ: пишла до церкви, та якъ стали вже люди выходити, а вона взяла тай стала за дверима, а дякъ не бачивъ іи, тай зачинивъ церкву, а вона й зосталась. Отъ вона стала молитися Богу. Коли такъ якъ у пивночи—дывиця, ажъ прылитають янголи до Бога тай кажуть:

— Господи милостивый! тьма народилась, а тьма вмерла.

А Господь видвичае:

— Котри народились—долю дати, а котри вмерли—поховати.

Отъ вони й полетилы соби.

А дали знову прилитають:

— Господи милостивый! тьма народилась, а тьма вмерла.

А Господь знову видвичае, якъ перше. А вона все молитьця. А дали якъ стало сьвитати, знову янголи прилитають до Бога и кажуть, якъ и перше. Господь имъ знову такъ видвичае:

— Котри народились—щастя-долю дати, а котри вмерли—поховати.

Отъ вони й полетилы соби.

Тоди та дивка каже:

— Господи милостивый! всимъ долю кажешь дати; скажи-жъ мини, де моя доля, чи е вона въ мене, чи не мае?

А Господь ій видвичае:

— Цю ничь твоя сусидка матиме сына—ото твоя доля; якъ сповныця ему 16 годъ, винъ тебе визьме и ты будешь щаслива, добре тоби буде за нимъ; матимешь ты двохъ сынивъ и тоди винъ умре, а ты зостанешься вдовою, и ще по твоій смерти зъидять тебе собаки.

Отъ давъ Богъ сьвитъ, вона приходить до дому, ажъ тамъ сусидка сына мае. Отъ вона никому ничого не каже, та такъ того хлопця любить, що годи. А той хлопчина такъ хутко росте, та такій гарный стае. Та вже вырись велыкій, тай каже батькови:

— Тату, я хочу женитися.

— Добре сынку, женися, шукай соби на сели дивчину.

— Не хочу я на сели шукати, я визьму оцю нашу сусидку.

— Що ты? схаменись, вона тоби за бабу годиця, а не то, що жинка.

— Ничого, що баба, коли я ій люблю и хочу ій взяти, тай годи.

Ото батько й мати спиняли ёго, спиняли, а дали бачать, що винъ въ одну душу—визьму сусидку тай годи, тай кажуть:

— Ну, бери! нема що робити, але щобъ писля не жалкувавъ.

Отъ винъ посватався, а далй ôтбули весилля, и стали вони соби жати. Живуть такъ гарно, що годи: все село дывуеця, що вона така стара, а винъ ще хлопець, и такъ живуть гарно, що годи. Отъ давъ имъ Богъ и дитей,—було въ неи два сыны, та таки гарни. А дали винъ заслабъ та и вмеръ, а вона зъ дитьми зосталась, и такъ тыхъ дитей доглядае, такъ вони ростуть гарно; ото по-

выростали, вже велыки парубки. Коли це вона заслабла тай умерла, а якъ умирала, то призвала сынивъ, тай каже:

— Отъ, диточки, я вже умираю, але, глядить, по моій смерти ще мене собаки зъидять!

— Що це вы, мамо, кажете? Щобъ то мы дали васъ собакамъ зъисти? видвичають тіи сыны; та мы закличемъ коваля, щобъ вамъ домовину окувавъ, тоди поховаемъ.

Отъ ничого: вмерла вона, убрали іи такъ гарно, поклали на лавцы, а сыны заразъ зробили домовину таку гарну дубову, закликали коваля, окували іи такъ крипко, геть усю. Посходився народъ, щобъ то ховати покійныцю, коли тутъ вбигае въ хату сусидъ та якъ крикне: ой, стижокъ горить! то вси съ хаты, скильки було народу, повыбигали на той пожаръ, а мерця покинули. Де взялись собаки, вбигли въ хату, зволокли покійныцю зъ лавки, вытягли на двиръ, тай почали шматувати, а закимъ вони вернулися, вже тильки кисточки валяются по подвирью. Тоди взяли ти кисточки, позбирали, поскладали у ту домовину, тай поховали.—Отъ якъ то слово, що Господь сказавъ, сполняетця!

На все воля Божа.

Разъ мужикъ сказавъ жинци:

— Жинко! знаешь що, пиду я завтра въ лисъ, нарубаю дровъ, та повезу на базаръ; продамъ, та за тіи гроши куплю мяса, та въ недилю зваришъ борщъ добрый зъ мясомъ.

— Добре чоловиче, але кажи, якъ Богъ дасть, видвичала жинка.

— Та що тамъ ще «якъ Богъ дасть»! якъ захочу, такъ и зроблю.

— Знаю, чоловиче, якъ захочешь, такъ и зробишь, але-жъ, все таки такъ буде, якъ Богъ дасть.

— Ну, коли такъ, то я отъ заразъ запрягаю волы тай йду въ лисъ.

И мужикъ выбигъ съ хаты, запригъ волы, кинувъ сокиру на визъ и поихавъ въ лисъ.

— Отъ тоби буде, якъ Богъ дасть, коли я вже йду думае соби мужикъ.

Прыихавъ въ лисъ, нарубавъ дровъ, наложивъ на визъ, зашнуровавъ.

— Отъ тоби «якъ Богъ дасть», коли дрова вже на вози. Ну, тай допекла вража жинка; таки свое: «якъ Богъ дасть», тай годи. Ну, тай битиму-жъ колись.

Запригъ волы и поихавъ на базаръ. Тильки що выихавъ зъ лиса, де взявся отаманъ и кричить:

— Стій, куда ты? Скидай лышень дрова; тамъ греблю прорвало, треба гатити, туды йдь скорише, а не въ базаръ.

Почесався мужикъ, поскидавъ дрова съ воза и поихавъ на греблю. Проробивъ тамъ два дня, а на третій тильки вже къ ночи, голодный, придыбавъ до дому. Жинка уже спала, а винъ пидъихавъ тихенко до хаты и постукавъ въ двери.

— А хто тамъ? спыталась вона.

— Видчини, жинко—якъ Богъ дасть, сказавъ чоловикъ.

— А що, чоловиче, не на мое вышло? спытала жинка.

— Правда, жинко, правда; видъ цёго часу и поки въ сьвити буду жити, все буду казати: якъ Богъ дасть.

ПИСЬМО АВГУСТА II, КОРОЛЯ ПОЛЬСКАГО, КЪ СЕМЕНУ ПАЛІЮ.

Августъ Вторый, Божіею милостію король польскій и проч. и проч. и проч.

Благородный и истинно намъ любезный!

При первомъ извѣстіи о новой и неожиданной революціи на Украйнѣ и безпорядкахъ, поднятыхъ полковникомъ Самусемъ, мы отозвались къ вашей милости, обязывая васъ тотчасъ-же приложить всѣ силы и средства къ погашенію этого огня. Теперь, когда до насъ доходятъ достойныя вѣры предостереженія и сами собственными глазами видимъ, что этотъ пожаръ при помощи вашей все болѣе распространяется, мы должны тѣмъ болѣе удивляться, чѣмъ болѣе ожидали отъ васъ крѣпкой вѣрности и обычной покорности намъ и Рѣчи-Посполитой, что и признаемъ не безъ тяжкой печали. Теперь вашей милости напоминаемъ и этимъ листомъ нашимъ васъ предостерегаемъ, чтобы сами опомнились и другихъ, отклонивши отъ предпринятаго мятежа, къ должной покорности привели, отобранные города и крѣпости тотчасъ-же очистили и покорились законной власти, помня суровость права посполитаго, къ которому уже намъ пришлось-бы обратиться. Не сомнѣваемся, что доброта и милость наши королевскія смягчатъ васъ и устранятъ забывчи-

вость, на что, имѣя основанія надѣяться, желаемъ вашей милости отъ Господа Бога добраго здоровья. Данъ въ Торунѣ дня 10-го февраля мѣсяца 1703 года, царствованія нашего въ VI годъ.

Подлинникъ этого письма сохранялся среди рукописей въ ратушномъ архивѣ во Львовѣ; въ 1840 г. славный галицкій ученый Діонисій Зубрицкій отдалъ его знаменитому польскому ученому Вацлаву Александру Мацѣевскому, послѣдній снялъ съ него копію въ Варшавѣ 15-го сентября 1840 г., съ которой нынѣ это письмо и переведено для печати. **С—ко.**

ВОСПРЕЩЕНІЕ ГЕТМАНОМЪ СКОРОПАДСКИМЪ СБОРОВЪ НА „РАЛЕЦЬ".

Въ южной Россіи съ незапамятныхъ временъ существовали приношенія или сборы, носившія названіе *ралець* или на *ралець*. Обычай этотъ имѣлъ нѣкогда широкое разнообразное примѣненіе и удержался кое-гдѣ и теперь подъ тѣмъ-же, давно утратившимъ свой смыслъ названіемъ, какъ обломокъ глубокой старины.

Приношенія и сборы съ такимъ названіемъ дѣлались два раза въ годъ, въ праздникъ Рождества и въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова, и практиковались всюду, гдѣ только люди стояли въ постоянныхъ какихъ либо зависимыхъ отношеніяхъ: давали «на ралець» прихожане своему приходскому священнику, крестьяне помѣщику, мѣщане магистратскимъ чинамъ, козаки и посполитство сотенной и полковой старшинѣ, даже цеховые своему цехмистру и братчики своему старшему. Въ приходахъ, цехахъ и братствахъ приношенія этого рода всегда имѣли видъ добровольной жертвы и въ послѣднихъ двухъ не личный, а въ пользу учрежденій, у помѣщиковъ-же, полковой старшины и магистратовъ пріобрѣли съ теченіемъ времени значеніе обязательнаго сбора. Первоначальная форма приношеній была конечно натуральная и лишь постепенно, и то только въ козачьемъ и магистратскомъ мірѣ, перешла въ денежную опредѣленнаго размѣра. Предметы натуральныхъ приношеній были самые разнообразные: хлѣбъ, плоды, огородная овощь, медъ, воскъ, птицы и животныя, пища вообще въ сыромъ и приготовленномъ видѣ, иногда предметы искуственнаго производства, начиная съ пряжива и кончая покупными издѣліями. Само собою разумѣется,

что приношенія разнообразились въ содержаніи и количествѣ, смотря по состоянію и роду занятій приносителей, равно потребностямъ и вкусамъ тѣхъ, кому приношенія назначались, пока они не пріобрѣли наконецъ тамъ и здѣсь опредѣленную, устойчивую форму, съ перемѣной и даже утратой самаго названія.

Указать начало и происхожденіе приношеній и сборовъ на «ралець» едва-ли возможно; объ этомъ обычаѣ находимъ лишь случайныя упоминанія въ актахъ XVIII и XVII ст. и такихъ письменныхъ памятникахъ, какъ напр. Дневникъ Ханенка. Начало онаго, безъ спеціальнаго названія и пріуроченія къ извѣстнымъ праздникамъ въ году, относится, конечно, ко временамъ самымъ древнимъ. У всѣхъ народовъ существовалъ обычай первый сборъ земныхъ произрастеній приносить въ жертву божеству, которому человѣкъ считалъ себя обязаннымъ ими. Такой обычай былъ въ церкви ветхозавѣтной, перешелъ и въ ново-завѣтную, существовалъ у нашихъ предковъ-язычниковъ и потомъ христіанъ. Удержалось въ Малороссіи и доселѣ освященіе цвѣтовъ и вѣнковъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ 1-го августа, древесныхъ плодовъ и меду 6-го августа; существуетъ также приносъ такъ называемыхъ «мисочекъ» (вареникoвъ, пироговъ и куръ) именно въ праздники Рождества и Пасхи, во второй день, и указанія на этотъ обычай восходятъ даже къ XVI столѣтію. Понятно, что приносимое какъ-бы въ жертву Богу, шло и идетъ на пользу его служителей. Тоже чувство благодарности, которое руководило человѣкомъ въ жертвоприношеніяхъ, вызывало и первыя приношенія сидѣвшихъ на чужой землѣ тѣмъ, кому она принадлежала на правѣ собственности. Приношенія эти увеличивались, разнообразились и превращались въ опредѣленные сборы и налоги, натуральные, а затѣмъ денежные. Но и послѣ установленія всѣхъ такихъ сборовъ и повинностей существовали у нашихъ помѣщиковъ до послѣдняго времени нѣкоторые сборы, пріуроченные, какъ и въ XVII ст., къ праздникамъ Пасхи и Рождества Христова. Таковъ въ особенности сборъ каплунами и индюками именно къ этимъ праздникамъ, хотя ему и не присвоивался, кажется, спеціальный терминъ «на ралець». Сборы или жертвы въ цехахъ и братствахъ съ названіемъ «ралець» встрѣчаются во многихъ ихъ уставахъ и записяхъ, существуютъ и теперь, какъ напр. въ селѣ Дыбинцахъ, каневскаго уѣзда, кіевской губерніи и нѣкоторыхъ

селахъ губерніи полтавской[1]). Тотъ-же сборъ, въ видѣ налога на мѣщанъ въ пользу магистратскихъ чиновъ, производился въ Кіевѣ еще въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ практиковался въ отношеніяхъ козаковъ къ полковой и сотенной старшинѣ. Козачая старшина, народившаяся при Хмельницкомъ и окрѣпшая послѣ него, вмѣстѣ съ угодьями пріобрѣтала въ свое «послушаніе» и жившихъ на нихъ людей, становившихся, по тогдашнему названію, ихъ «подданными». Независимо отъ этихъ, всѣ жившіе въ сотнѣ или полку находились въ административномъ и судебномъ подчиненіи старшинѣ, а что касается козаковъ, то старшина пользовалась отъ нихъ не рѣдко такими-же почти повинностями, какъ и отъ «подданныхъ». Понятно отсюда появленіе и въ козачьемъ мірѣ подарковъ старшинѣ въ главные два праздника, превращенныхъ потомъ въ обязательный и притомъ денежный сборъ. Въ такомъ видѣ мы встрѣчаемъ этотъ сборъ въ началѣ XVIII ст. Сборъ былъ тягостнымъ уже потому, что былъ произволенъ, какъ и многіе другіе.

Несомнѣнное, офиціальное свѣдѣніе о существованіи этого сбора, съ спеціальнымъ названіемъ «ралець», даетъ сообщенное намъ обязательно А. М. Лазаревскимъ слѣдующее письмо гетмана Скоропадскаго къ черниговскому полковнику Полуботку, которымъ онъ поручаетъ ему воспретить этотъ незаконный сборъ.

«Припомнѣлисмо, за иными забавами, писати передъ симъ до вашей милости о томъ, ижъ бысь предложилъ во всѣ рейменту нашего полки указами, чтобъ теперъ, иле безъ бытности нашой при резиденціи, нѣгде ралцевой не вибѣрано належитости, такъ зъ козаковъ, которимъ въ два похода слѣдовати состоялъся указъ, яко зъ посполитихъ, которимъ самихъ стоялцовъ сустентовати будетъ не безтяжестно. Прето нарочно нынѣ сей нашъ до вашей милости листъ ординуючи, жадаемъ пилно, абысь ваша милость до н. п. полковниковъ цѣлихъ и наказнихъ написалъ именемъ нашимъ, дабы, если не велѣли въ полкахъ своихъ по давномъ обнкновенію ралцевой стягати повинности, уже оной занехали весьма; если-жъ забрана, то жебы тихъ грошей нѣхто зъ старшины нѣкуда рострачовать не важились: ибо за поворотомъ, дастъ Богъ, нашимъ роскажемъ

[1]) См. «Кіевскую Старину» 1885 г., сентябрь, стр. 159—171.

оніе любъ воспять людямъ, зъ которихъ стягано, поотдавати, любъ на яковіе общенародніе нужди въ кождомъ полку употребить для тихъ-же людей полегкости въ другихъ необходимихъ повинностяхъ. Да и тое доложить, что когда-бы хто зъ старшини сотенной чили полковой стягненную ралцевую належитость мѣлъ на свои тахловати привати, а тое на немъ доведется потомъ, теди не тилко затахлованное возвратити муситъ, але еще за тое и штрафованъ будетъ, декляруемъ; кгди-жъ и давно мы уже мислили, для предлежащихъ людскихъ трудностей, тіе ралцы отставити; да за забавами нашими пойшло тое въ запомнене по сей часъ. О томъ вашей милости предложивши, зичимъ ему-жъ доброго отъ Господа Бога здоровя. Зъ великого града Москви. Марта 30 дня. Вашей милости всего добра зичливый дріятель Іванъ Скоропадскій, гетманъ войска его императорского величества запорозского.

Письмо писано въ 1722 г., какъ это указывается Ханенкомъ въ его діаріушѣ (Чтен. въ моск. общ. истор. и древн., 1858 г., кн. 1, стр. 37). Нѣтъ сомнѣнія, что это письмо вызвано было слухами объ учрежденіи малороссійскій коллегіи, которая должна была, между прочимъ, «всему малороссійскому народу всѣ неправые суды и напрасныя отягощенія пресѣчь». Однимъ изъ «напрасныхъ отягощеній» былъ и *ралець*, собиравшійся въ пользу старшины два раза въ годъ, къ Пасхѣ и Рождеству. Письмо списано съ копіи, помѣщенной въ журналѣ генеральной канцеляріи за 1722 г.

ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

(*Пещера въ лебединскомъ лѣсу и остатки старинной живописи въ лебединскомъ монастырѣ*).

Въ кіевской губерніи, чигиринскомъ уѣздѣ одно изъ самыхъ древнихъ поселеній есть с. Лебединъ, памятное въ исторіи и народныхъ преданіяхъ. Близъ него существовалъ издревле мужской монастырь того-же названія, преобразованный въ концѣ прошлаго столѣтія въ монастырь женскій, а вокругъ него тянулся лѣсъ, извѣстный также подъ именемъ лебединскаго. Въ прошломъ столѣтіи, во время

насильственнаго распространенія здѣсь уніи, монастырь служилъ пріютомъ для оставшихся вѣрными православію, а лѣсъ служилъ убѣжищемъ для гайдамакъ. Отсюда извѣстность монастыря и лѣса. Не разъ мнѣ приходилось быть въ этой мѣстности, и я хочу сообщить свѣдѣнія какъ о тамошней пещерѣ, такъ и объ остаткахъ старинной живописи въ монастырѣ.

Пещера находится въ лѣсу между с. Лебединомъ и монастыремъ, вправо отъ дороги, ведущей изъ лебединскаго сахарнаго завода въ монастырь, во второмъ оврагѣ, при подъемѣ на «Сопи-гору», какъ разъ на границѣ между имѣніями графа Бобринскаго и помѣщика Роговскаго. Года четыре тому назадъ, при рытьѣ пограничной канавы, рабочіе засыпали входъ въ пещеру и съ тѣхъ поръ богомольцы не сворачиваютъ съ дороги и не осматриваютъ ее съ благоговѣніемъ, какъ это дѣлалось раньше. Пещера расположена на краю «садка», который по традиціи называется Андрійцевымъ. Входъ находится на юго-западной сторонѣ, передъ нимъ довольно обширная площадка, образовавшаяся, по видимому, изъ вынутой земли; передъ входомъ, лѣтъ 8—9 тому назадъ, росла роскошная калина. Внутреннее помѣщеніе состоитъ изъ двухъ комнатъ, по кубической сажени въ объемѣ, приблизительно; вторая комнатка расположена влѣво отъ первой, вправо-же находилось отверстіе, въ которое могъ свободно проползти человѣкъ, и судя потому, что въ этомъ каналѣ была усиленная тяга воздуха, сопровождаемая какъ-бы шумомъ пчелинаго роя, нужно полагать, что былъ еще другой ходъ изъ пещеры наружу, но куда онъ велъ, не знаю. Почва пещеры глинистая, твердая; стѣны въ видѣ правильныхъ плоскостей; какихъ либо признаковъ внутренняго убранства, конечно, не сохранилось, исключая только находившагося противъ входа четырехугольнаго углубленія въ стѣнѣ, служившаго, вѣроятно, полкой. Высота и глубина полки незначительны, всего 2—3 вершка, а ширина вершковъ пятнадцать; стѣны этого углубленія нѣсколько, кажется, закопчены дымомъ.

Кому принадлежала эта пещера, кто первый ее вырылъ и какое было назначеніе,—свѣдѣній объ этомъ доискаться нельзя. Близость монастыря указываетъ на то, что это было убѣжище кого либо изъ иноковъ, желавшаго подвизаться въ совершенномъ отчужденіи отъ міра. Къ этому-же приводитъ и слышанный мною на мѣстѣ слѣдующій разсказъ одной женщины.

«То ще було за панщины, тоди вольно було скризь пасти скотъ. Отъ мій братъ, якъ бувъ ще маленькимъ, пасъ съ другимъ хлопцемъ вивци въ цему лиси. Разъ пишли вони въ лисъ и набрели на ту печерю. «Давай, полиземо та побачимо, що тамъ таке», каже мій братъ тому хлопцеви. «Давай», каже. Довго спиричались вони, кому первому лизти, бо боялись, а дали й полизли. Увійшли у якусь погребицю; коли дивлятця, ажъ тамъ и горщечокъ, и мисочка, и ложечка; въ куточку малесенька иконочка, а коло неи чотыри свичечки навхрестъ; далій сундучокъ, а коло сундучка килимокъ. Взяли вони, розбили горщечокъ и мисочку, ложечку поламали, а свички забрали, тай вылазять; коли дивлятця, ажъ йде чоловикъ, увесь въ чорному, съ патеричкою въ рукахъ. «А чого вамъ, каже, треба? За вами и тутъ ничого не вдержитця... Постойте-жъ, я вамъ!» Хлопци давай драла, покидали и вивци и усе. Якъ узнали люди про ту печерю, почали ходити, але вже не бачили бильше того схимника, змандрувавъ десь мабуть».

Настоящій женскій, или «паннянскій», какъ говорятъ крестьяне, монастырь существуетъ сто съ лишнимъ лѣтъ и теперь извѣстенъ по существующему тамъ училищу дѣвицъ духовнаго званія. Въ немъ сохранились, между прочимъ, нѣкоторыя изображенія старинной мѣстной живописи, въ ряду которыхъ особенное вниманіе обращаетъ на себя картина страшнаго суда. Если послѣ богослуженія будете проходить черезъ колокольню, всегда застанете здѣсь кучки богомольцевъ, особливо женщинъ, съ любопытствомъ разсматривающихъ изображенныя на картинѣ муки грѣшныхъ. Коментаторомъ является находящаяся здѣсь черничка, объясненія которой богомольцы слушаютъ со вниманіемъ и нѣкоторымъ трепетомъ. Картина эта въ помѣщенныхъ на ней фигурахъ носитъ мѣстный колоритъ. Грѣшники богачи представлены въ видѣ польскихъ пановъ, въ кунтушахъ, съ широкими поясами; усердіе и холодность къ церкви изображены въ видѣ двухъ дѣвушекъ, собравшихся идти въ церковь. Обѣ въ малорусскихъ крестьянскихъ нарядахъ, но у одной получше, у другой хуже; это значитъ, что послѣдняя на скорую руку одѣлась и поспѣшила въ церковь, чтобы не опоздать, другая-же старалась получше одѣться, и поэтому опоздала. Тутъ-же показано и возмездіе,—ибо усердная къ церкви дѣвушка шествуетъ рядомъ

съ монахинями и участвуетъ въ ихъ славословіи, наоборотъ, хлопотавшая о нарядѣ, плачущая, отправляется въ адъ. Кромѣ этихъ, въ разныхъ мѣстахъ картины видно много другихъ человѣческихъ фигуръ, изображающихъ собою разные виды грѣха и добродѣтели, наказанія и награды, а въ числѣ ихъ выдаются изображеніе обѣда нечестивыхъ и благочестивыхъ людей, а также разнаго рода смертей—отъ огня, отъ воды и отъ водки; послѣдняя тяжелой булавой пригнетаетъ человѣка къ небольшой лужѣ и топитъ его. Но болѣе всѣхъ поразили меня, по загадочности своей тенденціи, двѣ фигуры, мужеская и женская, съ подписями: *кисель* и *кваша*. «Кисель» представленъ въ видѣ кавалера, одѣтаго въ красный кунтушъ, завитаго, нарумяненнаго, съ закрученными усами, «кваша» въ видѣ молодицы, неряшливо одѣтой и очень высоко «пидтиканой». Что означаетъ эта аллегорія, рѣшать не берусь, но заношу какъ фактъ изъ мѣстной живописи.

Въ числѣ иконъ, оставшихся отъ бывшаго мужскаго лебединскаго монастыря и хранящихся въ церкви, выстроенной на мѣстѣ прежней, георгіевской, есть нѣсколько ветхихъ и, можетъ быть, интересныхъ въ археологическомъ отношеніи. На одной изъ нихъ, изображающей Богоматерь, есть надпись, которой дословно сейчасъ передать не могу, но въ которой говорится, что икона написана для георгіевскаго монастыря; въ ней упоминается также игуменъ Мелхиседекъ, безъ сомнѣнія извѣстный въ исторіи Коліивщины Мелхиседекъ Значко-Яворскій, игуменъ мотронинскаго монастыря. Икона совершенно мѣстнаго художества; писалъ ее крестьянинъ села Лебедина Пипа, котораго потомки живутъ и доселѣ. Въ этомъ году окончательно «зруйнованъ» б. георгіевскій мужской монастырь, т. е. его ветхія постройки.

Пройдетъ десятокъ, другой лѣтъ и крыло времени замететъ слѣды прошлаго; прійдется, быть можетъ, пожалѣть о томъ, что своевременно не было сбережено, или записано.

Лебедин. сахар. заводъ
4-го августа 1885 г.

Мих. Васильевъ.

КАКЪ РАЗСУДИЛЪ ПАНЪ СТАРОСТА КАНЕВСКІЙ.

Подъ именемъ пана старосты каневскаго разумѣется Николай Потоцкій, владѣлецъ обширныхъ помѣстій на Волыни и Украйнѣ,

средины прошлаго столѣтія, извѣстный своею эксцентричьностью, проще сказать панскимъ самодурствомъ, то въ высшей степени забавнымъ и остроумнымъ, то подъ часъ крайне жестокимъ и дикимъ. О его расправѣ и судѣ ходитъ и доселѣ масса забавныхъ разсказовъ, и какъ дѣйствующими лицами въ нихъ являются не одни шляхтичи, но нерѣдко съ ними евреи, цыгане и малорусскіе крестьяне, то разсказы эти носятъ на себѣ всегда почти мѣстный историко-этнографическій колоритъ. Передаю одинъ изъ подобныхъ разсказовъ, слышанный мною въ давніе годы въ Каневщинѣ, на мѣстѣ дѣйствіи пана старосты каневскаго.

Како-то бѣдный шляхтичъ, возвращаясь изъ дальней поѣздки домой, остановился на ночлегъ въ жидовской корчмѣ. Въ дорогѣ онъ настолько издержался, что у него еле хватало расплатиться за этотъ послѣдній ночлегъ, а о сытомъ ужинѣ и думать было нечего. Былъ между тѣмъ «шабашъ», и хозяева-евреи, къ соблазну голоднаго шляхтича, усѣлись за праздничный ужинъ, за которымъ, въ числѣ другихъ кушаньевъ, была такъ любимая и польскими панами «*надзіевана*», т. е. фаршированная щука, приправленная лукомъ, перцемъ и другими пряностями. Гоноровому шляхтичу просить, конечно, никакъ не приходилось, но и заказать любимое кушанье было не на что, а между тѣмъ тутъ-же подъ бокомъ раздается стукъ посуды, чавканье ужинающихъ, и доносится возбуждающій аппетитъ пряный запахъ «надзіеваной». Не сидится голодному пану шляхтичу; начинаетъ онъ ходить по комнатѣ, а сквозь растворенную ея дверь видѣнъ въ другой комнатѣ и столъ съ ужинающими и аппетитная «надзіевана». Разобрало шляхтича! Сталъ онъ передъ дверью, потянулъ сильно носомъ и громко проговорилъ:

— А, то самый запахъ вартъ сто злотыхъ!

Евреи ничего не отвѣтили на это и какъ-бы вовсе не обратили вниманія на этотъ явственный намекъ шляхтича на то, что и онъ съ удовольствіемъ поѣлъ-бы, если-бы ему предложили.

Шляхтичъ прошелся по комнатѣ, остановился у самой двери, снова потянулъ носомъ и опять сказалъ то-же. Евреи молча продолжали ужинать.

— Или они глухи, или глупы, или совсѣмъ невѣжи, подумалъ про себя шляхтичъ.—Прошелся еще разъ взадъ и впередъ и вы-

тянувшись въ дверь, еще громче повторилъ прежнее восклицаніе. Евреи и впрямь какъ-бы оглохли.

— Гунство! Ися кревъ! пробормоталъ себѣ подъ носъ шляхтичъ и улегся спать.

— Добра оказія! то какъ разъ для пана старосты, подумалъ про себя хозяинъ еврей, мигомъ сообразившій, какой гешефтъ, съ помощію пана Каневскаго, можно сдѣлать изъ невиннаго восклицанія проѣзжаго шляхтича.

На утро собирается шляхтичъ ѣхать и зоветъ корчмаря-жида для расчета. Посчиталъ тотъ за сѣно, за овесъ, за комнату и постой—оказалось платы не много, какъ разъ по тощему карману шляхтича, и онъ сейчасъ-же платитъ.

— Ну, а еще триста злотыхъ!... говоритъ еврей.

— Какіе триста злотыхъ? удивленно спрашиваетъ шляхтичъ.

— А какъ-же! вельможный панъ вчора, какъ мы вечерю ѣли, такъ три раза нюхалъ и все говорилъ: вартъ сто злотыхъ! Ну, три раза по сто злотыхъ, то и будетъ триста злотыхъ. Развѣ панъ самъ такъ не говорилъ?

— Дай мнѣ покой съ тѣми жартами! сказалъ, смѣясь, шляхтичъ, вовсе не догадываясь о томъ, съ чего вздумалось простому жиду такъ непристойно шутить съ нимъ, шляхтичемъ.

— То не жарты, пане! отвѣчалъ еврей. Панъ самъ то говорилъ... А какъ панъ мнѣ не заплатитъ, то поѣдемъ до пана старосты...

Еврей вполнѣ былъ увѣренъ, что эта продѣлка понравится причудливому пану Потоцкому и что онъ самъ заплатитъ ему за его претензію къ шляхтичу, особливо, если этотъ шляхтичъ по чему либо ему извѣстенъ; а шляхтичъ въ свою очередь зналъ, что если онъ и не захочетъ ѣхать къ пану старостѣ, то по жалобѣ еврея тотъ отыщетъ его и въ десятомъ царствѣ и притащитъ къ себѣ на судъ. Какъ-же быть? Платить нечѣмъ, а жидъ не отстаетъ; волей-неволей пришлось ѣхать на судъ къ пану старостѣ.

Пріѣзжаютъ. Жидъ все разсказалъ, какъ было, и проситъ защиты у ясневельможнаго пана.

Пану старостѣ понравилась оригинальность этого позва и онъ велитъ шляхтичу платить еврею триста злотыхъ.

— Смилуйся, ясневельможный! благимъ матомъ кричитъ шляхтичъ. Да вѣдь это и на цыганскій судъ сдаться (отдать на рѣшеніе цыгана) и то можно...

— А! на цыганскій, такъ на цыганскій! Хлопци, чтобъ былъ сейчасъ здѣсь цыганъ! Гдѣ хотите, найдите! крикнулъ панъ староста, любившій все оригинальное, изъ ряду выходящее.

Разыскали цыгана. Панъ староста самъ разсказалъ ему, въ чемъ дѣло, и требовалъ немедленнаго рѣшенія. Цыганъ на минуту задумался, потомъ сказалъ:

— Ну, а есть-же у этого пана хоть сто злотыхъ, чтобъ уплатить жиду, если я присужу? Деньги на столъ! Иначе я не судья.

Шляхтичъ съежился. Судью онъ самъ предложилъ и покориться надо, а денегъ все-таки у него ни шеляга.

Видитъ панъ староста, что шляхтичъ чуть не плачетъ, догадался, что денегъ у него нѣтъ, вынимаетъ свои сто злотыхъ и кладетъ на столъ.

— Ну, жидъ, считай злотые и клади мнѣ сюда въ капшукъ, говоритъ цыганъ.

— Эйнъ, цвей, дрей... и такъ далѣе до ста считаетъ еврей и выкладываетъ злотые въ капшукъ цыгана. Задернулъ цыганъ завязочку у капшука, приподнялъ его, потрясъ деньгами и спрашиваетъ жида:

— Чуешъ, жиде, якъ брязчать гроши?

— Ну, цую, цую... отвѣчаетъ жидъ.

— Ну, а сколько ихъ тутъ?

— Ну, да сто-жъ злотыхъ.

Цыганъ повторилъ тѣже вопросы второй и третій разъ, побрякивая все деньгами, и получилъ тѣже отвѣты.

— Ну, слухай-же! сказалъ потомъ цыганъ жиду.—Ото-жъ панъ у тебе рыбы нанюхався, а ты грошей, якъ брязчать, наслухався, то й буде зъ васъ, а гроши я визьму соби за розсудокъ.

Всѣ присутствующіе и самъ панъ староста расхохотались отъ такого неожиданнаго рѣшенія. Жидъ поморщился; но не то его ждало впереди.

Гмъ! какъ-то глухо промычалъ панъ староста, что служило у него обыкновенно предвѣстникомъ какого либо оригинальнаго рѣшенія.—Сей нанюхався, той наслухався, вси посміялись, а мои злоти пропали!.. А щобъ жидъ ще й почухався, хлопци, дать ему сто нагаивъ!

Б. П.

Олена Андреевна Пиковцева, а послѣ и самъ Пиковець, и отужинавши вмѣстѣ, розехались по домамъ.

30. Израна былъ въ коммисіи, а послѣ обѣда никуда не виезджалъ, бо недомогалъ послѣ вчорашнего гуляня.

31. Обослалъ насъ судія енералный г. Лисенко свѣжою рибою, а п. Іванъ Гамалія трома карасями, у которого вечеромъ и были мы зъ женою. Отпущены лишные люди въ Перегонъ и принятій на господарство Семенко Шулякъ, чрезъ которого писано до Козачинского и послано въ домъ палубъ и два конѣ, такожъ хомутъ и шлея.

Юнь.

1. Обѣдали и весь день пробавили у Івана Гамаліи въ новокупленномъ его дворѣ. Хлопця малого Андрѣя отдалъ въ наученіе мастерства шмухлерского, которому майстеру поступлено за наученіе оного хлопця 6 р. и уже ему даны 2 р.

2. Обѣдали у писаря суда енералного Івана Пиковця, потомъ и послѣ обѣда зежжались въ коммисію.

3. Писалъ къ новопринятому старостѣ Лаврѣну Козачинскому зъ увѣщаніемъ, чтобъ не пянствовалъ и съ людми не дралъся и де которые вещи присилалъ-бы, якое писмо отправлено чрезъ Никиту Лагоденка.

4. Обѣдалъ у насъ Іванъ Гамалѣя зъ Іосифомъ Гамаліею и Павломъ Скоруппою, а вечеромъ былъ у насъ-же полковникъ Тютчевъ и доволно, ажъ до смерку, позабавилъся. Обослалъ насъ рибою Романъ Яненко.

5. Рано былъ я у енерала и обѣдали у насъ тѣ, що и вчора: послѣ обѣда были у насъ первей обозный енералный г. Лизогубъ зъ Іваномъ и Іосифомъ Гамаліями, потомъ Федоръ Чуйкевичъ, писарь енералный Безбородко и Матвѣй Холодовичъ, а надвечери были и панін бунчучная Оболонская, писарка судовая Пиковцева и Романа Яненка жена. Зрана обослалъ насъ судія енералный г. Лисенко рибою. Купчинскій съ товарищи бѣжали вчора.

6. Столповскій первый разъ былъ въ коммисіи, потомъ у мене онъ-же обѣдалъ; судія енералный Якимъ Горленко прибылъ въ Глуховъ.

7. Писалъ къ старостѣ товкачовскому, чтобъ сюда пріездилъ и о протчемъ, якое писмо вручилъ сотнику полковому прилуцкому

Лукомскому для пересилки въ Товкачовку. Обослалъ насъ рибою Іванъ Гамалѣя.

8. Писаря судового Пиковця жена обѣдала у насъ, а зрана былъ у насъ-же бунчучный енералный г. Оболонскій; вечеромъ-же были у Івана Гамаліи.

9. Обѣдалъ у насъ полку прилуцкого сотникъ монастирискій Іванъ Романовичъ, а послѣ обѣда на малое время былъ у г. Скоропадского, потомъ зъ полковникомъ лубенскимъ вкупѣ отехали въ коммисію.

10. Писано писмо къ архіерею чернѣговскому, преосвященному Амвросію Дубневичу, о дозволеніи заложить придѣлъ при церкви воздвиженской городецкой во имя святого апостола и евангелиста Іоанна и тое писмо включено въ пакетъ до писаря полкового чернѣговского Миткевича, о чемъ и къ нему особливое писмо писано-жъ.

11. Послѣ обѣда отехали до Кочергъ, где за прибытіемъ стали квартерою у бунчукового товариша Івана Филиповского и вечеромъ зъ женою были на греблѣ и на футорѣ Рубановскомъ.

12. Тамъ-же въ Кочергахъ обѣдни слушали, а по обѣдѣ, у оного-жъ Филиповского, былъ у мене значковый козакъ сотнѣ глуховской Іванъ Василенко (vulgo называемый Рудый), который держитъ въ заставѣ три кола млива отъ Стефана Миклашевского; зъ онымъ постановили греблю гатить общимъ коштомъ, и на то въ первый росходъ дано отъ мене осмъ рублей до рукъ Филиповского, о чемъ оттуду-жъ писалъ я и до Стефана Миклашевского, чтобъ онъ и мѣрочника на свою панщину отъ греблѣ не отривалъ; тамъ-же ковалю, що направку де которую коло нашего каменя чрезъ два годы дѣлалъ, данъ 1 р.

13. Зранку были у мене атаманъ и войтъ чаусовскіе, прибывшіе сюда за дѣломъ заводнымъ зъ евдоколцями о грунта у нихъ отнятые. Вечеромъ были капитанша Бранчинова, Иванова Гамалѣина и Пиковчиха у жены моей, а у Івана Гамаліи были брегадиръ Іліинъ, полковникъ Тютчевъ и подполковникъ Семеновъ, проводя Еропкина. Отправлено писмо въ домъ до Козачинского чрезъ козака даріевского, присланного зъ писмомъ отъ атамана погарского, Бѣляя, и писмо отъ г. Скоропадского въ Суворовъ.

14. Обѣдалъ у насъ Федоръ Чуйкевичъ, а по полднѣ былъ я зъ женою у бунчучного Оболонского, где былъ-же полковникъ Тютчевъ, Пиковцева, судія гадяцкій Родзянка и судія вакансовый Лазаревичъ.

15. Пріехалъ зъ дому Романъ Гапоновъ и де що попривозили. Обѣдалъ у насъ сотникъ полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій.

16. Писалъ въ домъ къ старостѣ Лаврѣну Козачинскому и до господаря перегонского Емеляна Шулика и послано на росплату за всѣ лѣтніе мѣсяци за порціи 23 р. битіе чрезъ — —. Зранку былъ у мене бунчучный Оболонскій, а обѣдалъ у насъ сотникъ березанскій Василь Думитрашко-Райча, которій и обявилъ о своемъ до С.-Ибурха отездѣ [216]). Староста товкачовскій Ілія Паленскій прибылъ и привезъ 30 руб. денегъ.

17. Писаны писма до С.-Ибурха, и именно до отца Тодорского, учителя придворного, до камергера Николая Андріевича Корфа, до секретаря Новоторжцова двѣ писми, въ одномъ зъ нихъ зъ включеніемъ табакерки и протчого, до Андрея Горленка и до Федора Мойсеевича Божкова, новопожалованного въ дворяне придворного уставщика, и оные писма и табакерка вручены помянутому сотнику Думитрашку. Вечеромъ былъ я у Івана Семеновича Хрущова, где засталъ и брегадира Ілина и подполковника Семенова.

18. Тотъ-же сотникъ Думитрашко отехалъ въ путь свой; я зъ женою обѣдалъ у Івана Гамаліи и до вечера въ карти играли. Федоръ Ширай прибылъ въ Глуховъ.

19. Рано былъ у енерала. Обѣдни слушалъ въ церкви святой Варвары. Обѣдали у мене Василь Гудовичъ, Семенъ Столповскій, да сотникъ прилуцкій Лукомскій, Романовичъ монастирискій и мглинскій Лисаневичъ, а потомъ пришолъ Федоръ Ширай, а послѣ Іванъ Гамалѣя, да ассесоръ Денисовъ, зъ которымъ пошолъ зъ двора моего и у него были. У полковника Ридера дочь рожденную въ семъ мѣсяцѣ крестили полковникъ лубенскій зъ енералшою Бибиковою.

20. Израна не былъ я въ коммисіи ради вчорашного пьянства. Обѣдалъ у насъ Федоръ Ширай. Староста товкачовскій отехалъ.

---

[216]) О Василѣ Дмитрашкѣ Ранчѣ, см. «Кіевскую Старину» 1885 года, т. XI, стр. 330.

21 и 22. Былъ послѣ обѣда въ судѣ енералномъ для слушанія дѣла челобитствующого о козачествѣ Емеляна Галактіонова и о разореніи ему учиненномъ отъ Василя Кулябки.

23. Рано поздравляли генерала Бибикова и генералшу тезоименитствомъ ея, чего для нѣкоторые у нихъ и на обѣдѣ были, въ томъ числѣ и жена моя.

24. Обѣдали у мене асаулъ полковый кіевскій Шумъ, хоружый полковый нѣжинскій Грива, сотникъ самарскій Журба; а послѣ обѣда ездилъ я къ Івану Гамаліи, а енералъ былъ у г. Скоропадского, где и Марко Марковичъ, прибывшый изъ С.-Ибурха, съ братомъ своимъ Яковомъ былъ-же.

25. Послѣ обѣда мылься у насъ въ банѣ Іванъ Гамалѣя. Куплено для кухара крашенины чорной 10 аршинъ за 42½ к. Хлопцямъ на поясы насистой матеріи за 30 к. Івану 8 аршинъ за 32 к.

26. Обѣдни слушалисмо въ монастырѣ, потомъ перве я самъ былъ у судіи енералного Горленка, потомъ зъ женою у Лисенка, а обѣдалъ въ домѣ и съ нами сотникъ монастирскій Романовичъ. Послѣ полдня былъ у насъ полковникъ лубенскій г. Апостолъ, зъ которымъ ездили по коммисіи нашей для нѣкоторыхъ розговоровъ до обозного генералного г. Лизогуба, где съ нами были и Семенъ Чуйкевичъ и Стефанъ Савіцкій.

27. Інформатору Юнгрансу за прошлогодекую сина нашого науку по число 20 маія сего году дано въ доплату 7 р. 30 к. Рано поздравляли генерала полтавскою баталіею, чего для и самъ онъ былъ въ церквѣ св. Варвары на молебствіи, которое служили зъ многими священниками два архимандриты: одинъ гамаліевскій, Софроный Мигалевичъ, другій нѣжинскій, Модестъ Велецкій.

28. Взято у Пуховича для жены на кунтушъ жолтогорящои рецети по 1 р. 10 к. за локотъ 15 и дано къ пошитю Недѣлченку.

29. Рано званы къ генералу на кушане для тезоименитства его імператорского высочества, великого князя Петра Федоровича. Обѣдню въ соборной церквѣ служилъ архимандритъ нѣжинскій Модестъ Велецкій, молебствіе оба: и онъ, и гамаліевскій, а по молебствіи випалено изъ 21 мартири. Кушали и доволно гулили у генерала, а между обѣдомъ прибылъ изъ С.-Ибурха синъ енералскій Петръ Івановичъ. Во время молебствія прибѣжалъ изъ Переюпу староста Омелянъ Шулякъ зъ тимъ извѣстіемъ, что поручникъ

Кишинскій отобралъ Куровъ и Чубаровъ, которого-жъ старосту сего числа отправилъ обратно изъ словеснымъ и писменнымъ приказомъ. Былъ вечеромъ у Івана Гамалія и у него-жъ видѣлъся зъ Пiроцкимъ.

30. Рано былъ у мене Ширай, потомъ войтъ стародубовскій Коменокъ зъ писаремъ своимъ майстрацкимъ, Савою Терлецкимъ, послѣ г. подскарбій енералный Скоропадскій и полковникъ лубенскій Апостолъ. По обѣдѣ былъ я у подполковника Ладыжинского стороны поручника Кишинского, а потомъ были у мене архимандритъ нѣжинскій Модестъ Велецкій и глуховскій петропавловскій ігуменъ Никифоръ Грибовскій.

Юль.

1. Писалъ къ Чижевскому, что отъ Пiроцкого будетъ отправленъ нарочный зъ писмомъ въ полковую лубенскую канцелярію, дабы чрезъ высланныхъ учиненъ былъ розборъ о спорѣ въ земляхъ зъ слобожанами его и футоромъ нынѣшнымъ Чижевского. Подана въ коммисію економіи челобитная на поручника Кишинского о отобранныхъ имъ деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ. Сего-жъ числа вечеромъ былъ у мене Петръ Лисаневичъ зъ женою своею, которую онъ понялъ въ Москвѣ зъ дому брегадира Ситина дочь.

2. По ранномъ обѣдѣ отехала жена къ дому, которую провожалъ я зъ синомъ за Березу, а оттоль возвратясь, получилъ писмо, что синъ малый весма боленъ въ Перегонѣ; послѣ обѣда-жъ былъ у подполковника Ладыженского стороны поданной отъ мене въ коммисію економіи челобитной.

3. На писмо вчора зъ дому полученное отправилъ отвѣтъ до жены, у мене-же обѣдали Василь Гудовичъ и сотникъ монастирскій Романовичъ, да мглинскій Лисаневичъ, а рано присылалъ полковникъ Тютчевъ служителя звать къ себѣ на завтре, потомъ у енерала будучого мене и самъ просилъ.

4. Обѣдъ кушали зъ енераломъ и зъ протчими у полковника Тютчева ради сегоднешнего тезоименитства его, а отголь пришедъ, засталъ въ дворѣ пріехавшого изъ дому нашего Петрока Троеносенка зъ тимъ извѣстіемъ, что куровци и чубаровци отъ всякого послушенства отказалися, на которое писмо писалъ къ женѣ, чтобъ войтовъ сискала къ себѣ и противныхъ смирила.

5. Весь день былъ въ домѣ и сочиняли проіектъ и дадикацію по коммисіи переводу и своду правныхъ книгъ, а послѣ полдня первей былъ у ассесора Денисова, потомъ заездилъ до Ласкевича и до двигармистра, а надвечери былъ у генерала и подавалъ челобитную о Куровѣ и Чубаровѣ, которую велѣлъ подать утро при собраніи другихъ.

6. Оную челобитную рано подалъ енералу, которую онъ и читалъ; по прочтеніи-же оной въ собраніи сообщено въ министерскую канцелярію и приказано писать доношеніе въ сенатъ, отбирать-ли таковые деревни въ економію, а въ економію указъ, чтобъ во владѣніи намъ тихъ деревень до указу не чинено никакого помѣшателства.

7. О таковой резолюціи и отъ Якова Івановича Денисова мнѣ объявлено, почему заходилъ я и въ канцелярію министерскую.

8. Поданъ репортъ о совершеніи въ переводной и сводной коммисіи правного дѣла, а другое доношеніе отъ коммисіи о отправленіи мене зъ тимъ дѣломъ и другими въ С.-Пбурхъ, и позволеніе получили той коммисіи персоны розездитись по домамъ. Писалъ къ архіерею чернѣговскому за отцемъ Іваномъ Подолскимъ и за синомъ его діакономъ, Іоанномъ-же, которому на дорогу и 1 р. данъ.

9. Рано подписанъ помянутый въ канцеляріи міністерской о Куровѣ и Чубаровѣ указъ. Рано-жъ отехали въ Дунаецъ до г. Скоропадского, куда прибылъ и енералъ зъ енералшою и другіе господа велико и малороссійскіе, где и кушали и весь день пробавили. Я надвечери, простившись тамъ зъ полковникомъ лубенскимъ, отехалъ до Кочергъ и прибылъ туда позно.

10. Обѣдалъ въ Кочергахъ у Стефана Миклашевского, по обѣдѣ былъ у Івана Филиповского, а надвечери оттоль отехавъ, прибылъ позно въ Семеновку и тутъ у Івана Пѣроцкого заночовалъ.

11. Отданъ изъ министерской канцеляріи стороны Курова и Чубарова въ коммисію економіи указъ. Енералъ сегодня зъ Дунайца поворотилъся, да и г. Скоропадскій зъ дѣтми одтоль прибылъ-же.

12. Виданъ изъ коммисіи економіи о томъ-же указъ къ поруччику Кіпинскому. Писалъ писма въ С.-Пбурхъ къ князю Никитѣ Юріевичу Трубецкому, къ секретарю Новоторжцову и къ

Василію Думитрашку вѣрующое писмо зъ приложенною челобитною въ сенатъ о дѣлѣ моемъ стороны деревень Курова и Чубарова.

13. Оный изъ коммисіи указъ отправленъ въ Новгородокъ чрезъ компанѣйца при Каврайскомъ, чрезъ которого о томъ-же и до жены писано. Рано толко побувалъ у генерала, а по обѣдѣ немогъ на диссентерію и на глисты. Ввечеру пожегналъся со мною Столповскій, да у мене-жъ були и сотники прилуцкій полковый Лукомскій и мглинскій Лисаневичъ.

14. Писма писанные въ С.-Ибурхъ включены въ одинъ пакетъ зъ челобитною и еще одно написанное до Думитрашка, и тотъ пакетъ, подписанный на его-жъ имя, отосланъ до Івана Тодорского, чтобъ включилъ въ свой пакетъ отцу брату своему Симону Тодорскому. Отправленъ въ домъ подводчикъ зъ двома наметами и посуда олѣйная чрезъ него-жъ послана при писмѣ къ женѣ.

15. Прибыли зъ дому Грицко и Каврайскій зъ писмомъ. Федоръ Ширай получилъ отпускъ отъ генерала въ домъ на каникулы. Сину Мандзенковому за 12 локотъ блакитного атласу и за аксамитъ чорный заплатилъ 12 рублей.

16. Грицко отправленъ и чрезъ него посланъ ордеръ поручика Кишинского и копія указу къ нему изъ коммисіи економіи о нечиненіи намъ препятствія во владѣніи деревень Курова и Чубарова. Генералу откланялся, токмо велѣлъ удержатися до нѣсколко дней.

17. Хоружый полковый нѣжинскій Грива женился на дочерѣ сотника глуховского Даміана Турянского, рожденной зъ первой жены, и вѣнчалъся зъ ею въ церквѣ святой Варвары. Федоръ Ширай рано, простившись со мною, отехалъ въ домъ свой.

18. Былъ у мене послѣ обѣда хоружый полковый нѣжинскій Грива съ прошеніемъ на свою свадбу, однако-жъ я у него не былъ, хотя другіе господа, да и самъ генералъ, на той свадбѣ были. Старостѣ локнянскому Якову Кучеру за камень у него взятый въ Кочерги—5 р.

19. Слушали дѣла, изъ суда генералного о Соколовского улицѣ и о протчемъ экстрактомъ представленного, потомъ обѣдалъ у мене Іванъ Гамалія зъ Коропцемъ. Ввечеру прибылъ зъ дому съ писмомъ Булаховъ.

20. Обѣдалъ я у Івана Гамаліи зъ обознымъ генералнымъ г. Лизогубомъ, а потомъ и у обозного генералного были. Іову Трубачу, що хлопця Андрея учитъ шмуклерства, даны еще 2 р.

21. Канцеляристъ войсковый, бывшій уже и сотникъ вакансовый, Іванъ Тодорскій преставился въ куренѣ канцелярскомъ на горячку и сего-жъ числа погребенъ въ церквѣ святого архангела Михаила. Сего-жъ числа рано получилъ я отпускъ въ домъ отъ генерала и послѣ обѣда прощалъся зъ брегадиромъ Ілинымъ, полковникомъ Тютчевымъ и протчими. Писма упомянутые подъ 14 числомъ сего мѣсяца отданы г. Денисову къ пересылки въ С.-Пбурхъ.

22. Подано доношеніе въ коммисію економіи о противности куровціовъ и чубаровціовъ и послѣ полдня въ 4 часу отехалъ зъ Глухова, простясь зъ г. Скоропадскимъ, и уже позно прибылъ на ночлегъ въ Локотки, где и ночовалъ въ гаю.

23. Рано поехалъ и, перевезшись чрезъ Десну, прибылъ подъ часъ обѣденъ до Новгородка, где былъ у мене сотникъ новгородскій и обѣдалъ, я-жъ посилалъ къ поруччику Кишинскому съ объявленіемъ о противности куровціовъ и чубаровціовъ, который имѣлъ посилати салдата, но не послалъ. Потомъ самъ я отехалъ передомъ, оставя обозъ поволѣ ити назадѣ, и прибылъ позно уже въ Грямячее; тамъ-же оставя своихъ 2 конѣ и взявъ почтовые лошадѣ за прогоны, отехалъ и прибылъ коло полуночи въ домъ свой до Перегону.

24. Послѣ службы Божой и молебствія заездили въ городнскій дворъ, потомъ обѣдали въ Перегонѣ купно зъ священникомъ отцемъ Михаиломъ, а по полдни посилалъ Іосифа зъ Семеномъ Шупкимъ въ Чубаровъ и Куровъ, чтобъ мужики до насъ явились, но не послушали.

25. О такомъ оныхъ непослушенствѣ писалъ къ поруччику Кишинскому и послалъ писмо въ Новгородокъ чрезъ Мартиненка, о томъ-же и въ канцелярію сотенную погарскую предложеніе послалъ, зъ копіею ордера, отъ оного поруччика отъ 13 числа сего мѣсяца писанного, и оное предложеніе въ Погаръ отправилъ чрезъ племѣнника Іосифа.

26. По тому предложенію, сказовалъ Іосифъ, послать имѣли зъ канцеляріи сотенной погарскэй нарочного зъ инструкціею о сиску въ Погаръ именно показанныхъ противниковъ зъ Чубарова и Курова.

27. Получилъ отъ поруччика Кишинского отвѣтъ и повторенный въ Куровъ и Чубаровъ ордеръ, чтобъ по прежнему тамошные мужики отдавали намъ надлежащее послушенство, зъ которымъ ордеромъ, тако-жъ и зъ прежнимъ посланъ паки въ Погаръ Іосифъ, чтобъ зъ нимъ кого отъ уряду послано въ тѣ деревнѣ, но и того оные мужики не послушали.

28. Рано отехалъ я въ Погаръ и писменно знову предлагалъ къ сотнику зъ урядомъ, чтобъ послали нарочныхъ по инструкціи, которіи куровцямъ и чубаровцямъ витолковали-бъ силу указу, къ поручику Кишинскому изъ коммисіи економіи писанного, и ордеровъ его къ нимъ писанныхъ. Я-жъ, отобѣдавши у сотника, поехалъ черезъ Куровъ, где засталъ мужиковъ въ собраніи, которіи какъ на самого мене порвались съ дубьемъ, такъ служителей моихъ, а особливо старосту Омеляна Шулика жестоко били, и на силу мы ушли отъ оного мужичого разбою. Прибывъ-же въ домъ, засталъ тутъ сотника мглинского Лисаневича, который у насъ и почовалъ.

29. Сочинена челобитная въ Глуховъ въ канцелярію енералную, въ Стародубъ—въ канцелярію полковую и въ Погаръ—въ сотенное правленіе о здѣланномъ вчора надъ нами отъ куровціовъ гвалтѣ. Рано пріехалъ къ намъ въ Перегонъ Федоръ Ширай зъ своею женою и молодіи Скорупны, Іванъ и Павелъ, отобѣдавши-же отехали, а надвечери пріездили зъ Погару отъ уряду присланные для осмотру на старостѣ побоевъ.

30. Послана челобитная въ погарскую сотенную канцелярію, а одтоль прислана ко мнѣ при писмѣ сотничомъ копія доездного доношенія, отъ писаря ратушного Барлуя, зъ товарищемъ въ Куровъ посиланного, сотнику поданного. Протопопъ погарскій отецъ Кибалчицъ былъ у мене въ Перегонѣ, которому и указъ архіерейскій врученъ о заложеніи придѣла во имя святого Іоанна Богослова при церквѣ городиской.

31. При писмѣ къ полковнику стародубовскому г. Максимовичу послана челобитная моя въ полковую стародубовскую канцелярію чрезъ Грицка и писмо до писара судового Косача, а въ Глуховъ такожде челобитная и писма къ гг. полковнику Тютчеву, подскарбію Скоропадскому, писарю Руновскому, Івану Пироцкому и къ Денисову, писанные подъ 29 числомъ сего теченія; вручены племѣннику Іосифу. Писалъ такожде въ Товкачовку чрезъ подводчика тамош-

нiго, который прiездилъ зъ Даниломъ Качановскимъ, и чрезъ того-жъ подводчика послана пряжа, 300 пасомъ, суконная. Посвящали столовую избу и комнату и свѣтелку, что при комнатѣ.

Августъ.

1. Рано отехалъ Iосифъ къ Глухову зъ вишенамѣненными писмами, которому и денегъ дано 50 к., а съ нимъ-же и подводчикъ товкачовскiй. Чрезъ Iосифа посланы до п. Скоропадского двѣ парусные полотны. Вечеромъ переехалъ я зъ Василкомъ въ дворъ городискiй, прiехавши зъ Василiовки.

2. Ездили на заворье до женцовъ, где видѣли премного вибитого якъ нашого, такъ и людского жита градомъ.

3. Писалъ полковникъ стародубовскiй, объявляючи, что посланъ указъ къ сотнику погарскому о забранiи предводителей къ бунтовству и розбойному нападку и присилки оныхъ въ полковую канцелярiю, и прислалъ на чисто переписанную челобитную для закрѣпи, которую, въ пакетъ включивъ, послалъ къ Турку при картѣ для отсилки въ Стародубъ. Сего числа и жена съ дѣтми переехала въ городискiй дворъ.

4. Получилъ писмо зъ Глухова зъ копiею повторного указу, зъ коммиссiи економiи къ поруччику Кишинскому 25 iюля посланного, и писалъ въ Глуховъ къ канцеляристамъ Андрею Липину и Тимофiю Закровiецкому, такожъ и до племѣнника Iосифа Ханенка, и тые писма отправлены чрезъ козака новгородского для отсилки оныхъ зъ Новгородка въ Глуховъ.

5. Былъ у насъ въ Городищѣ писаръ сотенный погарскiй, объявляючи, что отправленъ онъ съ командою для взятiя мужиковъ въ Куровѣ и Чубаровѣ, токмо никого не сыскалъ. Посланы при писмахъ моихъ къ полковнику стародубовскому г. Максимовичу и къ сотнику погарскому Соболевскому копiи повторного указу, изъ коммиссiи економiи къ поруччику Кишинскому посланного.

6. По имѣвшейся передъ священникомъ отцемъ Михаиломъ Пулчевскимъ исповѣди удостоились по милости Божiей святого причащенiя. Дано Гаврилку Чаплѣ василювскому на куплене куфи на горѣлку 34 к. Писалъ племѣнникъ Iосифъ зъ Глухова, что по поданной моей челобитной августа 3 дня учинена резолюцiя: послать указы о послушенствѣ куровцiовъ и чубаровцiовъ Кишинскому,

а о продерзости и нападеніи, отъ нихъ учиненномъ, въ полковую стародубовскую канцелярію о изслѣдованіи.

7. Сотникъ погарскій при писмѣ своемъ прислалъ обратно копію повторного указу, изъ коммисіи економіи къ поручику Кишинскому писанного, и объявляетъ, что мужики куровскіе и чубаровскіе пошлются въ полковую стародубовскую канцелярію подъ карауломъ безъ допросу о томъ повторномъ указѣ.

8. Былъ я зъ синомъ Василемъ на Василювцѣ и отобралъ тамъ денегъ валюшныхъ у Гаврила Чаплѣ 1 р. 30 к., изъ которыхъ заплатилъ винику за 6 становъ 36 к.

9. Посиланъ Каврайскій въ Погаръ для нѣкоторыхъ покупокъ, на якіе пошло 95 к.; онъ-же тамъ и челобитную подалъ на козаковъ куровскихъ Шмару и Зубова.

10. Послѣ полдня былъ у насъ сотникъ погарскій Соболевскій и обявлялъ, что противники куровскіе и чубаровскіе побраны подъ караулъ и пошлются до Стародуба завтра.

11. Ничего не случилось.

12. Писалъ писма въ Глуховъ до г. Скоропадского о теслѣ Івану и до Іосифа зъ прилогомъ писма и до старости товкачовского о нѣкоторыхъ домовыхъ дѣлахъ и оные писма отправлены нарочными лукинцями. Отписалъ и до Андрея Миклашевского, звавшого насъ на весѣля пасинка своего Василя Жураковского, понимаючого дочь у войта нѣжинского Тарнавіота.

13. Указы ко мнѣ 1 до полковника стародубовского, другій, третій до поручика Кишинского стороны курувцювъ и чубаровцювъ, да писма отъ г. Скоропадского, отъ племѣнника Іосифа и изъ С. П. Бурха отъ Андрея Горленка привезены ко мнѣ чрезъ компанѣйца старого чесникового полку, Лукіяна Петрова.

14. Оного компанѣйця зъ указомъ, до поруччика Кишинского надлежащимъ, отправилъ къ Новгородку, а самъ по обѣдѣ отехалъ зъ женою и синомъ до Стародуба, куда и прибылъ уже позно.

15. Рано былъ у полковника Максимовича и отдалъ ему указъ зъ енералной канцеляріи о куровцяхъ и чубаровцяхъ. Потомъ перво жена, а послѣ и я отехали до Нижніого на веселля къ Андрею Миклашевскому, который пасинка своего Василя Жураковского выправлялъ для женитбы въ Нѣжинъ на дочери тамошнего войта Петра Стеріевича, и тамъ въ Нижнемъ застали мы Федора Ширая

зъ женою, Григорія Скоруппу съ сыномъ Павломъ, Федора и Александра Корецкихъ зъ женами, Петра Іскрицкого и Сенюту попа, намѣстника стародубовского, зъ женою, где послѣ обѣда виправленъ молодый зъ своею ассистенціею, а протчіе отехали по домамъ, я-жъ зъ женою тамъ въ Нижнемъ и ночлегъ имѣли.

16. Тамъ-же послѣ службы Божой обѣдали и весь день пробавили, да уже ночю прибыли до Стародуба въ домъ свой.

17. Былъ я въ канцеляріи полковой, где мужиковъ куровскихъ начали допрашивать. Вечеромъ былъ у мене Григорій Скоруппа.

18. Приходили мужики куровскіе и чубаровскіе мене перепрошовать. А обѣдали у мене-жъ писари полковый и судовый, да Іванъ Скоруппа, потомъ пришелъ и Іскрицкій.

19. Знову былъ я въ полковой канцеляріи для присутствія при мужичихъ допросахъ, где былъ и полковникъ Максимовичъ.

20. Жена отехала рано, а у мене обѣдали канцеляристы Данило Короткій и Евфимъ Федорюченко, да попъ Алексій Хелкидоцкій.

21. Слушалъ обѣдни въ церкви святой Варвари, что при вознесенской церквѣ, потомъ заездилъ къ сотнику Коменку на водку. Обѣдали у мене атаманъ мглинскій Матвѣй Суханскій, да канцеляристъ Федорюченко. Надвечери заездилъ ко мнѣ дядя жены моей, Андрей Миклашевскій, а потомъ былъ я въ дворѣ своемъ у Петра Романова и у Гришки Гуриновского, послѣ-же и у Андрея Золотаря былъ за шаблею, которой на позолоту дано ему отъ насъ 4 червонія золотіи, а въ оной шаблѣ срѣбра вѣсомъ 184 золотники осмои пробы. 21 сего числа полковникъ полтавскій Василій Василіевичъ Кочубей преставилъся.

22. Подали куровци и чубаровци челобитную повинную въ полковую стародубовскую канцелярію, по которой опредѣлено: оную челобитную взнесть при доношеніи въ войсковую енералную канцелярію, а ихъ за порукою и подписками отпустить для исправленія подлежащыхъ имъ работъ. Вечеромъ былъ я у Андрея Миклашевского и съ онымъ и сожителницею его пожегнался.

23. Въ 9-мъ часу пополудни убрався я віехалъ зъ Стародуба и заездилъ до Гринева къ Федору Шираю, где и кушалъ, а оттоль поехавъ завременно прибылъ въ Городище.

24. Отправленъ въ Куровъ Грицко Дмитровъ и отданъ ему приказъ высылать тамошныхъ мужиковъ на пригонъ и самому ему

тамъ быть. Сего-жъ числа на ночь къ намъ прибылъ въ Городище Іванъ Гамалѣя со всѣмъ своимъ домомъ, едучи изъ Клепалъ до Юдинова.

25. Отобѣдавъ у насъ, оный-же Іванъ Гамалѣя отехалъ къ Юдинову. Я получилъ изъ канцеляріи полковой стародубовской при писмѣ полковничемъ копію челобитной, отъ куровціовъ и чубаровціовъ поданной, съ повинною о своихъ противъ мене и въ протчемъ преступленіяхъ.

26. Отправлено представленіе письменное въ полковую стародубовскую канцелярію стороны оной-же челобитной и вѣдомость послана въ сотню полковую стародубовскую, что въ деревнѣ Случку на скупляхъ нашихъ вибито градомъ жита копъ на 180, а въ Курковичахъ на 65. Сего-жъ числа війшло на приговъ зъ Курова 56, зъ Чубарова 26—на сѣнокосъ и на жнива и сѣвбу.

27. Отправленъ Василь Суходолскій въ Случокъ и до Стародуба зъ писмомъ къ Андрею Миклашевскому, ознаймуючи о проездѣ Івана Гамаліи къ Юдинову-жъ, и послано ему 6 кавуновъ.

28. Послано писмо къ Чеху въ Курковичи о привозѣ дубового бруса и о протчемъ. Были у мене лукинци стороны заводу своего зъ дарієвцями, недавно оными-жъ дарієвцями зачатого.

29. Послано чрезъ Омеляна Чеха 3 колеса въ Курковичи для придѣланя еще 3-хъ до нихъ и велено ему-жъ старатися бруса дубового вивезти.

30. Прибѣралъся, а 31 послѣ обѣда віехалъ къ Стародубу на сватбу до Андрея Миклашевского, и прибыли туда уже позно при великой дождевой непогодѣ, которая вчора и сегодня цѣлые дни продолжалась; мимоездомъ былъ у Петра Горленка въ Мироновцѣ [217]).

Septeврій.

1. Послѣ обѣдень зехались званныи гостѣ въ домъ Андрея Миклашевского, а послѣ полдня прибыли и веселные персоны, а именно Василій Жураковскій, пасынокъ его Миклашевского, зъ своею новобрачною женою Анною, нѣжинского войта Петра Стеріевича Тарнавіота дочерью и съ протчими, имъ при сватбѣ въ Нѣжинѣ

[217]) Петръ Акимовичъ Горленко женатъ былъ на внукѣ стародубского полковника Тимофея Алексѣева; Мироновка отдана была ему въ приданое.

ассистовавшими, и по обыкновенію, какъ вехала оная сватба, при играни полковой стародубовской музики, въ Городокъ и въ домъ, то начали банкетовать, что продолжалось при звычайныхъ веселныхъ забавахъ даже близъ полуночи.

2. И сего числа у отца и матки новобрачныхъ кушали и весь день даже до позна въ ночь веселились всѣ присутствовавшіе и пріежжіе гостѣ, а полковникъ Максимовичъ зъ своею женою отехалъ къ Фоевичамъ[218]) по указу.

3. Рано были у мене разные персоны мужеска и женска полу съ вѣзитою, въ томъ числѣ и новобрачные, а потомъ паки кушали въ домѣ Миклашевского и раздѣленъ былъ веселный коровай, а надвечери отехали зъ Стародуба и прибыли позно въ Левенку, где и ночовали, обще зъ Іваномъ Гамалѣею, въ домѣ Федора Корецкого.

4. У него-жъ Федора Корецкого и обѣдали, а послѣ обѣда Іванъ Гамалѣя отехалъ въ свой домъ, а я, заехавъ къ Александру Корецкому, у него-жъ и ночовалъ.

5. Послѣ обѣда у Александра Корецкого, где кушалъ съ нами и Петръ Горленко, отехали въ свой домъ до Городища и тутъ позно уже прибыли.

6 и 7 чиселъ пробавилъ въ домѣ въ Городищѣ.

8. Ездили въ Стечну для посѣщенія Феодоры Галецкой, генералной бунчучной[219]) и тамъ, по выслушаніи набоженства, у ея кушали и пробавили весь день, да уже позно въ домъ возвратились.

9. Жена еще вчора, а сего числа горше захоровала на голову, а вечеромъ

10 прибылъ отецъ Петръ Кибалчицъ, протопопъ погарскій, съ отцемъ Костантіемъ Гилемъ, священникомъ афанасіевскимъ погарскимъ и зъ діакономъ, въ Городище, для заложенія придѣла при здешней церквѣ.

11. По отправленіи всенощного бдѣнія и утренѣ и литургіи, отправа была отъ того-жъ протопопа погарского, зъ присутствующими священниками и діакономъ, съ церемоніею заложенія придѣла въ імя святого апостола и евангелиста Іоанна Богослова, хотя при великомъ дождѣ, и между протчимъ въ заложеніи того придѣла

---

[218]) Фоевичи—село новозыбковскаго уѣзда.

[219]) Вдова Семена Яковлевича Галецкаго. См. примѣч. 25.

положенъ камень подъ стѣною алтарною и въ немъ въ мѣстѣ висѣченномъ вложена оловяная таблица, а на оной напись таковая: «Въ імя Отца и Сина и Святаго Духа, основася сія церковь въ честь и память святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова, при державѣ благочестивѣйшей великой государыни императрицы Елисаветы Петровны, тщаніемъ и иждивеніемъ хоружого енералного Николая Ханенка, 1743 году сентемврія 11 дня». А по окончаніи той закладной церемоніи церковной кушали у мене протопопъ со всѣмъ священствомъ и причетниками церковными, а по кушаню, давъ протопопу 2 р., отцу Гилю 1 р., дякону и причетникамъ 65 к., отпущены они во свояси.

12. Отпущенъ житель лотоковскій Макаръ Ивановъ Коваль, которій приносилъ намъ оттуду письма отъ Федора Пригари, и чрезъ него-жъ Коваля посланъ нашъ отвѣтъ къ тому-жъ Федору Пригарѣ и писмо въ дѣлѣ его зъ Озерскимъ, до писаря полкового стародубовского писанное. Да отъ него-жъ Пригари присланные денги 9 р. 80 к. и куница приняты. Писма 1-е до г. Скоропадского противъ его писма и о теслѣ Іванцѣ, 2-е до племѣнника Іосифа писаны въ Глуховъ.

13. Оные писма отправлены въ Глуховъ чрезъ Отрошку, служителя Шираевого, а надвечери былъ и самъ Федоръ Ширай зъ братомъ своимъ Михайломъ и Павломъ Скорупною, едучи до Глухова.

14. Послѣ службы Божой и процессіи кушали у насъ священникъ Григорій борщевскій, и здешній городискій, и де которіе мирскіе люде, а рано сего числа отправленъ компанѣецъ до Новгородка зъ указомъ до поручника Кишинского и зъ писмомъ отъ мене до новгородского сотника, который вчора и ко мнѣ привезъ изъ войсковой енералной канцеляріи указъ стороны того-жъ поручника Кишинского и мужиковъ куровскихъ и чубаровскихъ, изъ коихъ нѣкоторые, въ томъ числѣ и Іванъ Лобъ, были у насъ въ Городищѣ.

15 и 16 ничего не случилось, кромѣ-что сего числа отправленъ Стефанъ Каврайскій зъ Іваномъ Лобомъ въ Стародубъ и чрезъ нихъ послано отъ мене о томъ-же Лобу писменное въ полковую стародубовскую канцелярію представленіе, да и до сотника новомѣского писалъ, припоминаючи о дѣлахъ съ Пригаровскимъ заводныхъ, чтобъ оные рѣшили.

17. Зъ ранку великая была стужа, а послѣ полдня немалій снѣгъ знатними пластами падалъ.

18. Давидъ Дударъ, Савкинъ отецъ, должныхъ намъ два рубли денегъ отдалъ, и еще на немъ 1 р. имѣется, и тотъ отдалъ. Шести теслямъ, которые работаютъ придѣлъ при церквѣ, дана плата 1 р. 25 к. за тиждень.

19. Рано отправленъ шапочникъ Максимъ, которому за роботу шапокъ и кучомъ дано 90 к. и чвертка жита; чрезъ него-жъ послана моя шабля добрая и писано о нѣсколкихъ домовыхъ дѣлахъ до Каврайского. Изъ Стародуба привезены два казаны винничные, направленные Карпомъ котляремъ, и 9 трубъ, а передъ симъ онъ-же направлялъ въ Курковичахъ трубу одну, а одну новую дѣлалъ. Ночовалъ я зъ синомъ на Василіовцѣ. Въ одномъ казанѣ дно новое приробленo.

20. Противъ сего числа згорѣла сосна наша съ пчолами бортная въ рощи, въ которой найпервей подрѣзовали медъ вчора; да въ Перегонѣ гумно Микруково згорѣло. Мы вже послѣ полдня зъ Василіовки прибыли въ Городище.

21. Писалъ къ Івану Гамаліи въ Юдиновъ о присилки мнѣ снѣцара, въ дворѣ его погарскомъ мешкаючого, для здѣланіи оконницъ. Ввечеру и самъ Іванъ Гамалѣя зъ женою и зъ дѣтми прибылъ къ намъ въ Городище и тутъ ночовалъ.

22. Обѣдалъ у насъ Гамалѣя, отехавъ къ Глухову, а одтоль имѣлъ слѣдовать до Клепалъ. Послѣ полдня былъ у насъ въ Городищѣ, мимоездомъ до Кролевца, сотникъ погарскій Соболевскій, которому на покупку двухъ футеръ заячихъ и троихъ замочковъ тулскихъ даны 4 р.

23. Прибыли лотоковскіе подводы, на которыхъ привезено данѣ меду пудъ 10 и 17 ф., да отъ войта Федора Фирсова пудъ за пенку, отъ Прокопа Коновала данѣ пудъ и зъ нашей сосни 38 фунтовъ, и того всего 13 пудъ и 7 фунтовъ, да бочку діогтю, куль опенковъ, лубку сушеныхъ черницъ и бочку брусницъ, бересту пять копъ.

24. Ездилъ я на Василіовку и тамъ оставилъ нового винника, зъ Лотоковъ привезенного, Івана Николаева зъ женою, да тамъ-же показивано отъ мене и отъ старосты Омеляна Шулика Іакову Товарницкому, что надлежитъ справовать. Видрали еще съ одной

Отъ редакціи.

Журналъ «**Кіевская Старина**» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени" и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Диптера, Корейво и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіев. Старина" принимается подписка на издающіяся во Львовѣ газеты:

1., „ДѢЛО." Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

2., „ЗОРЯ." Газета научно-литературная, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; цѣна съ пересылкою 6 р. за годъ и 3 р. за полугодіе. Адресъ редакціи: Львовъ, улица Фредра, № 3.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА."

1885 г. (IV ГОДЪ ИЗДАНІЯ.) **1885 г.**

Журналъ „**Кіевская Старина**", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Къ книжкамъ журнала въ неопредѣленные сроки прилагаются изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.**

Гг. подписчиковъ нынѣшняго года, не доплатившихъ, или вовсе не внесшихъ платы за нынѣшій годъ просятъ поспѣшить высылкою слѣдуемыхъ отъ нихъ денегъ,

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**", *Кіевъ, Трехъсвятительская улица, д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель **Ѳ. Г. Лебединцевъ.**

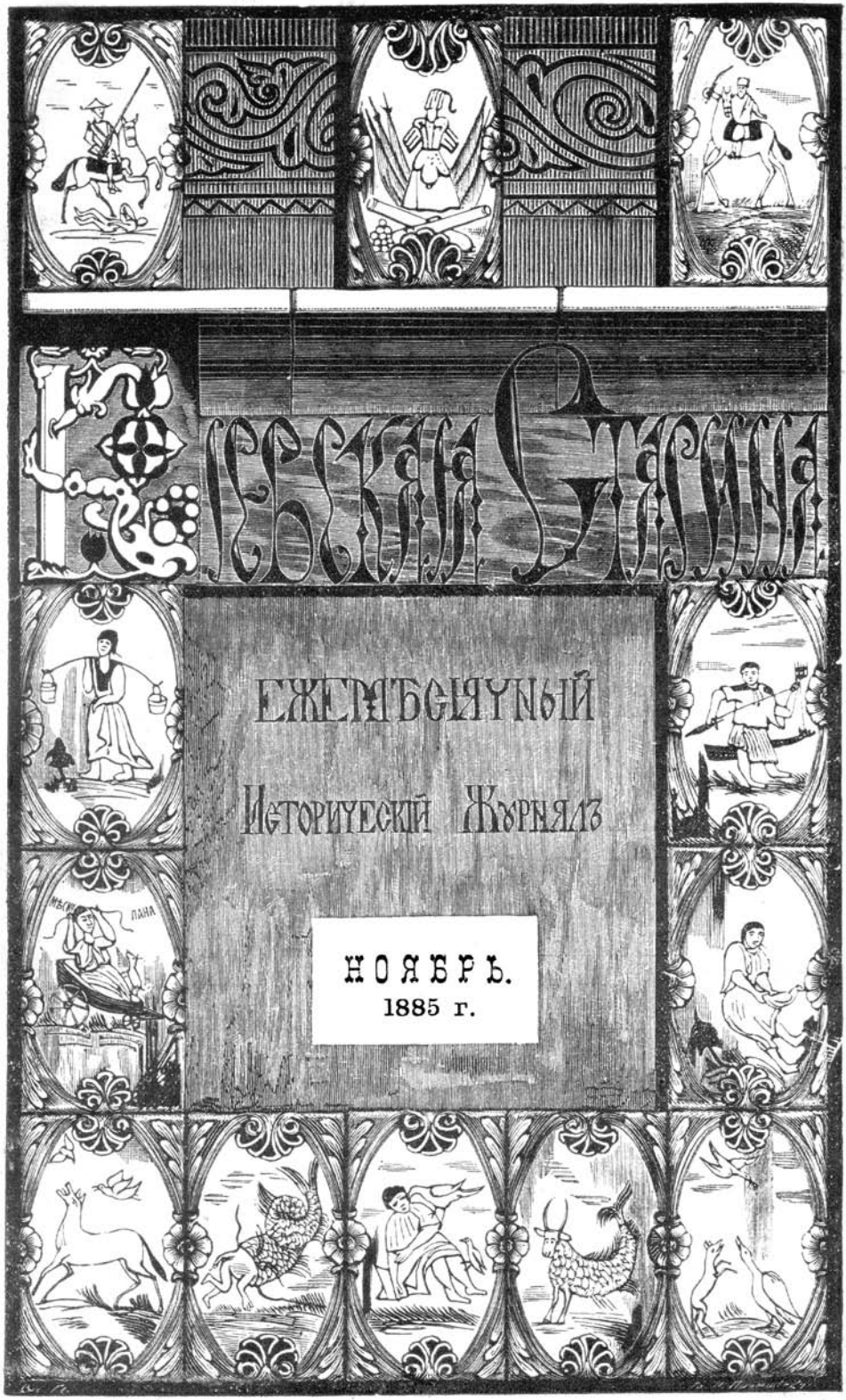

Кіевъ. Въ типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1885 г.

стр.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.

I. СТАРѢЙШІЯ РУССКІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ. **П. Кузьмичевскаго.** 371

II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.— (Историко-біографическій очеркъ). *(Продолженіе).* **И. Новицкаго** . . . 478

III. АВТОБІОГРАФІЯ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА, ПИСАННАЯ ДЛЯ «НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ». 431

IV. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1863 Г. **Б. Познанскаго.** 436

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). *(Окончаніе).* **И. Левицкаго** 466

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Л. В. Ильяшевичъ. Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства. Харьковъ. 1885 г.—*Н. Каманина.*—б) Великорусскій и малорусскій языки. Изъ чтеній д-ра Карла Абеля въ оксфордскомъ университетѣ по сравнительной лексикографіи. Перевелъ съ англійскаго Рудольфъ Дилицъ. Лейпцигъ и Берлинъ. 1885 г.—*Н. Дашкевича*—в) Изслѣдованіе о кладахъ волынской губерніи. Житоміръ. 1885 г.—*Н. Голубовскаго* 520

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ народныхъ преданій о Гетманщинѣ, Запорожьѣ и Черноморьѣ. — Сообщ. *Порфирій Мартыновичъ.*— б) Письмо къ другу отъ офицера находящагося въ Кіевѣ. — Сообщ. *В. П. Ястребовъ.*—в) Старинныя орудія наказанія и исправленія.— *Ив. Новицкаго.*—г) Два слова о панѣ Каневскомъ. *Его же.*— д) Запрещеніе купальскихъ огней.—*П. Е.*—е) Вольныя литературныя упражненія въ южно-русскихъ судахъ XVII ст.—Сообщ. *П. Шеболдаевъ.*—ж) Годичное собраніе общества пр. Нестора и отчетъ о его дѣятельности за 1884—85 г.—з) Всенародное купанье вѣдьмъ въ озерѣ и судебная отъ того волокита.—*К. Цыбульскаго.* 535

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.). *(Продолженіе).* . . . . . 225—240

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1885 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XIII.

НОЯБРЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

об изданіи журнала

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

НА

1886 г. (V годъ изданія) **1886 г.**

Журналъ «**Кіевская Старина**», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1886-мъ году ежемѣсячно, **1-го числа**, книжками **въ 12 и болѣе листовъ**, подъ тою-же редакціею и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Годовое изданіе журнала составитъ три большихъ тома, каждый по четыре книжки и около 800 страницъ, съ общимъ для всѣхъ указателемъ въ концѣ года.

Редакція располагаетъ запасомъ матеріаловъ и статей, вполнѣ достаточнымъ для продолженія изданія въ прежнемъ составѣ и характерѣ.

Условія подписки прежнія: подписная цѣна годовому изданію **въ 12 книжекъ 10 руб.**, съ пересылкою во всѣ города россійской имперіи и доставкою на домъ въ Кіевѣ, при полученіи изъ конторы редакціи **8 руб. 50 коп.**, при выпискѣ за границу **11 руб.** Полугодичная или по четвертямъ года подписка не принимается. Раз-

срочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ допускается лишь по полугодіямъ, или по предварительному соглашенію съ редакціею, въ виду нерѣдкихъ случаевъ недоплаты.

Гг. подписчиковъ нынѣшняго года, не доплатившихъ, или вовсе не внесшихъ подписной платы, редакція покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкою слѣдуемыхъ отъ нихъ денегъ, для заключенія счетовъ по изданію нынѣшняго года.

Гг. новымъ подписчикамъ, желающимъ имѣть полные экземпляры журнала за всѣ пять лѣтъ, дѣлается уступка 25% съ общей за всѣ годы подписной цѣны, выписывающимъ за 4 года одновременно 20%, за три 15% и за два 10%.

Адресъ: Въ редакцію «**Кіевской Старины**», Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель *Ѳ. Лебединцевъ.*

СТАРѢЙШІЯ РУССКІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ.

Юго-западная Русь—мѣсто организаціи русскаго театра.—Интермедіи Гаваттовича.—Вопросъ объ отношеніи ихъ къ устной народной словесности.

Первая интермедія и шутки *Uenspiegel'a* въ нѣмецкой редакціи и въ польскихъ передѣлкахъ.

Вторая интермедія и странствующая повѣсть о лучшемъ снѣ: устный украинскій разсказъ о цыганѣ и хохлѣ. *Прикладъ* и *выкладъ* Римскихъ дѣяній (*Gesta Romanorum*) и его первообразы: *Disciplina Clericalis*, арабскій и европейскій разсказы. Предполагаемая Бенфеемъ индійская параллель ихъ.—Дѣйствительные первообразы еврейскаго и арабскаго расказа индо-персидскій (*Sindibad Nameh*) и индо-китайскій (*Avadanas*). Обработка арабскаго разсказа у европейцевъ. Итальянскіе варіанты его. Варіантъ французскій, письмовника Курганова и устный великорусскій. Соображенія объ образованіи устнаго украинскаго варіанта; отношеніе его къ *Прикладу* второй интермедіи Гаваттовича.

Заключеніе: судьба мѣстно-народнаго элемента въ старинной письменности на Руси.

История начальнаго періода театра въ русскихъ земляхъ представляетъ до сихъ поръ крупные пробѣлы. Но существенныя черты этой исторіи уже достаточно выяснены трудами Тихонравова, Пекарскаго и другихъ. Русскій театръ—происхожденія, такъ сказать, вторичнаго, еще въ большей степени, нежели театръ другихъ новоевропейскихъ народовъ. Мѣстные зародыши драматической словесности и искусства, заключавшіеся въ языческомъ богослуженіи, бытовыхъ обрядахъ и играхъ, прибитые быстро перенесенною изъ Византіи христіанскою культурою, не успѣли на Руси развиться до степени настоящей драмы, подобной той, какую явила міру въ свое время цивилизація классическая. А въ то-же время слабость проникновенія въ русскія земли этой послѣдней цивилизаціи, которая едва коснулась черноморскихъ и, можетъ быть, прикарпатскихъ

ихъ закраинъ, была причиною того, что эти земли не получили и отголосковъ драматической словесности и искусства эллино-римскаго даже въ той степени, въ какой это имѣло мѣсто у новыхъ народовъ западно-европейскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ большая крѣпость преданія въ церкви восточной, сравнительно съ западной, помѣшала у насъ постоянному возрастанію драматическаго элемента въ богослуженіи, въ противность тому, что случилось въ западной Европѣ. Только въ юго-западной Руси, и то очень поздно и подъ вліяніемъ западно-европейскимъ, начало такой драматизаціи появилось въ видѣ такъ называемыхъ *пассій*, т. е. чтенія евангелій о распятіи Христа при нѣсколько драматической обстановкѣ,—да въ Новгородѣ появилось, тоже, вѣроятно, не безъ западнаго вліянія, начало религіозной драмы въ видѣ представленія исторіи «трехъ отроковъ и пещи огненной» въ Вавилонѣ. Представленіе это распространилось изъ Новгорода на сѣверъ Великой Руси и дошло до Москвы, но не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій, быть можетъ, если не навѣрно, вслѣдствіе разрушенія самаго мѣста его рожденія—Великаго Новгорода съ его культурою.

Мѣстомъ рожденія настоящаго русскаго театра приходится признать области западно-русскія, гдѣ историческія условія хотя и не благопріятствовали сохраненію политической независимости русскихъ племенъ, но за то, по крайней мѣрѣ одно время, въ XVI и половинѣ XVII в., давали достаточно простора для общественной самодѣятельности, корпоративной и личной, не говоря уже о сравнительной легкости сношеній съ болѣе развитыми въ культурномъ отношеніи странами. Здѣсь, гдѣ существовали самоуправляющіяся муниципіи съ образованнымъ мѣщанствомъ, гдѣ церковныя братства развились въ могучія культурныя корпораціи,—возникли и первыя русскія типографіи, первыя правильныя русскія школы, возникъ и правильный русскій театръ.

Театръ этотъ былъ заимствованъ въ готовомъ видѣ изъ западной Европы въ двухъ формахъ, которыя постепенно развились въ послѣдней въ теченіи среднихъ вѣковъ: въ формѣ религіозной драмы, *мистеріи*, съ подвидомъ ея—*морализаціей*, и въ видѣ *комической интермедіи*, которая уже рано стала рамкой для развитія вполнѣ національнаго и реальнаго театра. Изъ западно-русскихъ областей, вмѣстѣ съ переходомъ ученыхъ малоруссовъ и бѣлоруссовъ на службу

въ московское государство въ XVII ст., театръ перешелъ и въ области великорусскія, гдѣ постепенно и развился, правда, подъ новыми европейскими вліяніями, въ національное, если еще пока не вполнѣ народное учрежденіе,—между тѣмъ, какъ въ западно-русскихъ областяхъ, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ условій, національный театръ встрѣтилъ скоро помѣхи для своего развитія и въ Бѣлоруссіи не только остановился на формахъ XVII в., но почти вымеръ

Къ сожалѣнію, первоначальныя пробы драматической словесности въ западно-русскихъ областяхъ въ свое время почти не были ввѣрены типографскому станку и многіе погибли даже въ рукописяхъ. Такъ напримѣръ малорусскую *рождественскую драму* съ интермедіями мы имѣемъ лишь въ позднѣйшихъ спискахъ и въ редакціяхъ не раньше половины XVII в. [1]). О болѣе старой ея редакціи можно судить только приблизительно по списку этой драмы съ великорусскимъ отпечаткомъ въ языкѣ, напечатанному между прочимъ въ трудѣ профессора Тихонравова: «Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ», въ каковомъ спискѣ слѣдуетъ видѣть одну изъ пьесъ, принесенныхъ съ юга Димитріемъ Ростовскимъ и передѣланныхъ имъ для великорусскихъ зрителей. Еще болѣе пострадали первыя пробы вполнѣ свѣтской, комической драматической словесности на малорусскомъ языкѣ. О нихъ можно было до сихъ поръ получить краткія свѣдѣнія отъ польскихъ писателей, преимущественно отъ Крашевскаго, который читалъ рукописи или печатныя изданія старыхъ малорусскихъ интермедій нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ [2]).

Тѣмъ болѣе интереса представляетъ напечатаніе въ «Кіевской Старинѣ» за 1883 г., № 12-мъ, «Двухъ южно-русскихъ интермедій начала XVII в.», которыя по справедливости могутъ быть названы, по крайней мѣрѣ впредь до открытія другихъ, старѣйшими русскими драматическими сценами. Сцены эти были играны уже въ 1619 году и вслѣдъ за тѣмъ напечатаны, но въ изданіи, которое

---

[1]) См. у Н. Маркевича, «Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ». Кіевъ, 1860 г., стр. 31 и дальше; въ «Кіевской Старинѣ», 1882 года, октябрь, стр. 1 и слѣд., «Малорусскій Вертепъ», Гр. Галагана, и 1883 года, декабрь, стр. 547, «Къ вопросу о вертепной комедіи на Украйнѣ».

[2]) Wędrówki literackie, fantastyczne, historyczne J. Kraszewskiego, т. II, стр. 83—85.

сдѣлалось столь рѣдко, что до сихъ поръ даже спеціалисты могли знать ихъ только по короткому указанію г. Крашевскаго. Теперь, къ удовольствію всѣхъ любителей старинной письменности, полная копія съ этихъ сценъ, сдѣланная г. Крашевскимъ, напечатана въ «Кіевской Старинѣ». Книга, изъ которой г. Крашевскій сдѣлалъ выписки упомянутыхъ сценъ, носитъ полный титулъ: «Tragaedia albo wizerunek smierci przeswietego Chrzciciela, Przeslanica Bożego. Na pięc aktów rozdzielona. Przydane są y intermedia dwoie, napisany przez Iacoba Gawattowiecza Leopolitę, nauk wyzwolonych y Philozophiey Bakalarza. Odprawowany w Kamionce na jarmark, przypadający na dzień tegoz Iana swiętego Chrzciciela. Roku pan. 1619. Drukowany na przedmieściu Iaworowskiem u s. Mikołaia» (Трагедія, или образъ смерти пресвятаго Іоанна Крестителя, посланника Божія, въ 5 дѣйствіяхъ, съ прибавленіемъ двухъ интермедій, написанныхъ Яковомъ Гаваттовичемъ, Львовяниномъ, бакалавромъ свободныхъ наукъ и философіи. Представлена была на ярмаркѣ въ Каменкѣ, въ день того-же святаго Іоанна Крестителя, 1619 г., а напечатана у св. Николая на предмѣстьѣ яворовскомъ) [1]).

Отсылая наиболѣе любопытныхъ къ полному тексту, мы здѣсь скажемъ немного о формѣ этого старѣйшаго памятника русской драматической литературы, коротко напомнимъ его содержаніе, но остановимся подольше на вопросѣ объ его источникѣ и отношеніи къ словесности культурныхъ странъ, устной, обыкновенно называемой народною, и письменной.

Интермедіи Гаваттовича непечатаны были первоначально латинскими буквами; написаны онѣ стихами, со смѣсью стихосложенія силлабическаго съ топическимъ. Стихи по большей части съ рифмами, часто рифмуютъ даже двѣ половины стиха. Видно, что авторъ былъ книжникъ, но знакомый и съ народною пѣснію. Языкъ интермедій очень близокъ къ галицкому діалекту малороссійскаго народнаго языка, хотя тронутъ церковно-славянскимъ и польскимъ влія-

---

[1]) Къ сожалѣнію г. Т—овъ, сообщившій въ редакцію «Кіевской Старины» сдѣланный г. Крашевскимъ списокъ интермедіи, упустилъ случай получить отъ извѣстнаго польскаго писателя, теперь на долго заключеннаго въ прусскую крѣпость, обстоятельныя библіографическія свѣдѣнія о книгѣ, къ которой она помѣщается. Книга эта должна быть теперь большая рѣдкость. Въ польскихъ библіотекахъ въ Львовѣ, ни даже въ Институтѣ Оссолинскихъ она не находится.

ніемъ. Содержаніе интермедій незамысловатое, какъ и содержаніе подобныхъ-же западно-европейскихъ интермедій и комедій нѣсколько болѣе ранней эпохи. Въ первой интермедіи являются два крестьянина, Стецько съ горшками и Климко съ котомъ въ мѣшкѣ. Первый,—богатый мужикъ,—панимаетъ втораго къ себѣ на службу и обѣщаетъ его хорошо кормить, варя разную пищу въ купленныхъ имъ горшкахъ. Второй соглашается, хвастается своимъ умѣньемъ ловить звѣрей и предлагаетъ Стецьку купить у него лисицу, которую онъ будто-бы держитъ въ мѣшкѣ. Стецько желаетъ сначала осмотрѣть звѣрька, но убѣждается доводомъ, что звѣрекъ «ище быстрый, теперъ зъ ліса, утикъ-бы мини до біса», и послѣ торга покупаетъ звѣря. Климко уходитъ, обѣщая возвратиться, а между тѣмъ уноситъ горшки и одежу Стецька. Стецько не вытерпливаетъ, развязываетъ мѣшокъ,—и оттуда выбѣгаетъ котъ. Мужикъ плачется:

Бідна-жъ моя головонько!
Ось, ось мене грошей збавывъ, лихъ чоловікъ міхъ зоставивъ.
Ось, кота въ міху купывъ-емъ! Чомъ я такъ не мудрый бывъ-емъ,
Иже у тотъ міхъ не гледывъ-емъ, та що въ нимъ не осмотривъ-емъ?
О, бісу твоей матери! Кажуть, не каждому вери [1]).

Тѣмъ часомъ возвращается Климко, переодѣтый въ другое платье и приноситъ горшки, которые накрываетъ своею прежнею одежею и присыпаетъ травою. Стецько встрѣчаетъ его упреками, но Климко увѣряетъ его, что мошенничество устроилъ не онъ, и показываетъ ему на кучу съ горшками, увѣряя, что это лежитъ обманщикъ, котораго и совѣтуетъ отколотить, «палицею гараздъ по хребті», Стецько исполняетъ совѣтъ и бьетъ собственные горшки. Замѣтивъ свою оплошность, Стецько изливается въ жалобахъ и идетъ жаловаться къ пану. Климко вновь появляется на сценѣ и цинически провозглашаетъ:

Га, га, га, га, га, га! двократь одиного
Чоловика-мъ ошукавъ (обманулъ), призналъ-ся до того
Тотъ панъ, що знаетъ въ світі гараздъ махліовати (мошенничать)
Пойду ище та знайду, кого ошукати (обмануть).

Во второй интермедіи представлены три крестьянина: Максимъ, Григорій и Денисъ. Первые два продали на ярмаркѣ воловъ

1) Въ этой и дальнѣйшихъ выдержкахъ правописаніе памятника.

и довольны, что не будутъ болѣе справлять «шерварку» (дорожней повинности) на тѣхъ волахъ, и собираются служить на *флисѣ*, т. е. гнать плоты и суда на рѣкѣ. Ихъ догоняетъ Денисъ и предлагаетъ взять его въ компанію. Черезъ нѣсколько времени Денисъ проситъ ѣсть, говоря, что онъ забылъ хлѣба купить. Оказывается, что хлѣба нѣтъ и у товарищей. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, мужики слышатъ запахъ пирога и поискавши, находятъ пирогъ на травѣ. Денисъ замѣчаетъ, что пирогъ слишкомъ малъ для троихъ и предлагаетъ лечь спать, а послѣ присудить пирогъ тому, кто увидитъ найлучшій сонъ. Всѣ ложатся, и, пока два спятъ, Денисъ съѣдаетъ пирогъ и потомъ будитъ товарищей. Тѣ расказываютъ свои сны:

Максимъ. Гей, братъ, я-мъ [1]) въ небі бывъ. Гей, тежъ ся тамъ хороше мівъ,
Гей, гей, тожъ трудно сказати, що-мъ я моглъ огледати!
Та тожъ небо, якъ золотый замокъ, що такой роботы
Въ світі-мъ не видалъ красное [2]). Муры [3]) мѣетъ золотое [4])
Та каменями сажене дорогими: суть зелене,
Суть білые, червленое, суть блакитне [5]) та світное
Та и мустъ [6]) тамъ есть золотый. Та я соби передъ вроты
Стою, ажъ тамъ выкрикаютъ ангелы, ти же співають [7])
Хороше. Та святыхъ много стоитъ вельми; ось я того
Въ небі ся тамъ насмотрилемъ и Господа тамъ виділемъ
Бога, якъ седить за столомъ, а всі бьють передъ нимъ чоломъ.
Та ся и всі такъ жегнаютъ [8]), якъ мы въ церкви, та співають.
Потимъ Богъ Господь носити істи казалъ, та служити.
Що живее, ся рушило [9]). Отъ, братя, тотъ [10]) ся ми снило!
Денисъ. То южъ [11]) ці все выповідилъ?
Максимъ. Ище: бо-мъ тамъ внегъ зеглидивъ,

---

[1]) *Мъ* — сокращеніе изъ *емъ* (есьмъ).

[2]) Мівъ=имѣлъ.

[3]) Хотя латинская транскрипція Гаваттовича вообще точно передаетъ малорусское произношеніе, но иногда авторъ видимо сбивается на манеръ обычной у его современниковъ кирилловской транскрипціи, въ которой боролось фонетическое правописаніе съ традиціоннымъ церковно-славянскимъ, къ невыгодѣ обоихъ. Такъ «*красное*» и дальше *золотое*» написано вм. *красной* и *золотыи* и т. д.

[4]) Стѣны. [5]) Синіе. [6]) Мостъ. [7]) Поютъ. [8]) Кланяются. [9]) Задвигалось. [10]) Тотъ — сокращ. то-то=это. [11]) Уже.

Що потравы [1]) принесено, та й мене за столъ всажено.
Гей, было-жъ, было-жъ тамъ много істы! Не пребачу того.
Было мясо, поросята, были печены курчата,
Было тамъ и вареное, та было и смаженое [2]).
Все хорошо, и зъ юшкою [3]) білою та и жолтою.
И тісто было варене, смажоне та и печене,
И пироги тамъ были, та и борщика зварили.
Та была и капустая, и горохъ, была кашая,
Та была тамъ и ботвына, и вшелякая зверина.
Отъ такъ ся я въ неби мілемъ, на банкети, що тамъ былемъ.
Грицько. То я, братонку, въ пеклі [4]) бывъ. Ой тамъ-же біду терпивъ.
Чарневцы [5]) тамъ по голови были мя, та по хрептови
Літезнове [6]), та тамъ всіого виділемъ: посполъства [7]) много,
Суть тамо попы, панове, та наши побратинове.
Суть тамъ и лихое жонки, суть невеликі дітонки.
Вси гореютъ ажъ по уши. Біда-жъ тамъ и моеи души
Была; та на вічни віки, кажуть, будешь терпить муки.
То-ть ся мині лише снило; бидай ся тотъ не транило [8]).

Тутъ Денисъ разсказываетъ о себѣ: «я, братя, лежу, какъ вотъ идетъ ангелъ; вижу, а онъ пришедши ко мнѣ, вздернулъ меня за волосы и посадилъ на небѣ; то я тамъ видѣлъ тебя, какъ ты угощался. Просилъ я, чтобъ ты и мнѣ далъ чего нибудь хоть одинъ кусокъ, но ты не захотѣлъ, а все указывалъ мнѣ съ неба на тотъ пирогъ. Да и ангелъ говоритъ: «тутъ тебя не нужно, разъ ты увидѣлъ товарища, а другой сидитъ у самаго бѣса, въ томъ пеклѣ»,—да и поставилъ меня при огнѣ. А тутъ ты киваешь мнѣ и такія слова кричишь: «ты уже меня не увидишь; возьми пирогъ, что тамъ, да и ѣжь, ибо я буду терпѣть муки на вѣки вѣчные». Вдругъ ангелъ меня поставилъ здѣсь, такъ я пирогъ и съѣлъ.

Максимъ. Либой?! [9])
Денисъ. Ой такъ.
Максимъ. Ой Динису, иди-жъ ты собі къ бісу.
Коли не будеть пирога, будешь плакати на Бога.

---

[1]) Пища. [2]) Вареное въ соусѣ. [3]) Соусъ. [4]) Адъ. [5]) Горные діаволы. [6]) Летучіе бѣсы. [7]) Народъ. [8]) Дай Богъ, чтобы не случилось. [9]) Неужели.

Денисъ. Вшакожъ [1]) ты ся наівъ на небі.

Грицько. Якъ я, баламуто [2]), тебе почну палицею взбирати, не будешь ты жартувати [3]).

Денисъ. Ось біда! зъисти пирогъ казали, та ся розгнівали.

Максимъ. Иди-жъ, иди-жъ, скуде й прийшовъ, хоть бысь [4]) и до биса пошолъ!

Денисъ. Коли-мъ пирогъ зъімъ, не дбаю [5])... та южъ зо вами жегнаю [6]). (Убѣгаетъ, и тѣ за нимъ).

Мы должны начать наши разсужденія о вышеизложенныхъ интермедіяхъ съ нѣкоторой полемики съ почтенной редакціей «Кіевской Старины» [7]). Помѣщая у себя интермедіи Гаваттовича, редакція предпослала имъ нѣсколько замѣчаній, въ которыхъ между прочимъ признаетъ, что содержаніе ихъ, какъ и многихъ послѣдующихъ подобныхъ произведеній, «заимствовано изъ области чисто-народныхъ побасенокъ». Передавъ содержаніе первой интермедіи, редакція говоритъ: «народность сюжета въ этой интермедіи очевидна и мораль ея понятна: не торгуй кота въ мѣшкѣ, не довѣряйся всякому встрѣчному, но будь осмотрителенъ и остороженъ. Такіе сюжеты есть и теперь въ народныхъ сказкахъ». Вторая

---

[1]) Во всякомъ случаѣ. [2]) Слутьянъ, мошенникъ. [3]) Шутить. [4]) Сокр. изъ бы и еси. [5]) Не интересуюсь (вами болѣе). [6]) Кланяюсь, прощаюсь.

[7]) Въ сущности тутъ и никакой полемики нѣтъ. Помѣщая въ свое время интермедіи Гаваттовича, мы вскользь указали на ихъ народный, въ противуположность школьному, книжному, характеръ и отпечатлѣвшіяся въ нихъ національныя черты своего времени. Вопроса о заимствованности ихъ сюжетовъ мы не касались и не могли коснуться,—это требовало-бы многихъ и долгихъ справокъ, иначе нарочитаго изслѣдованія и такого внушительнаго научнаго аппарата, какой выдвинулъ авторъ настоящей статьи. Наши бѣглыя замѣчанія не теряютъ своего значенія, если разсматривать названныя интермедіи въ сферѣ чисто мѣстной, этнографической. Но почтенный авторъ пошелъ далѣе: онъ примѣнилъ къ нимъ методъ сравнительный, столь мало у насъ извѣстный и почти не практикующійся и отсюда получились столь любопытныя и важныя для нашей науки сопоставленія и выводы. Мы съ полною признательностію даемъ мѣсто его труду на страницахъ нашего изданія; но не можемъ вполнѣ согласиться относительно допускаемой имъ въ данномъ случаѣ мѣры и степени заимствованія. Что до сюжетовъ,—такъ; но обработка ихъ, особливо втораго, чисто мѣстная и никакой *Ulenspiegel* не могъ дать имъ той непосредственности и юмора, которыми проникнута 2 интермедіи, или того напр. *тени* обѣда во царствіи небесномъ, которое является въ устахъ одного изъ трехъ путниковъ — Максима. — Ред.

интермедія кажется редакціи «еще народнѣе по содержанію»... «Совершенно такого-же содержанія народный анекдотъ о цыганѣ и козакѣ весьма распространенъ и теперь и, помнится, мы встрѣчали его въ одномъ изъ малорусскихъ этнографическихъ сборниковъ». Въ обоихъ интермедіяхъ редакція видитъ «ярко выступающее народное міросозерцаніе и бытовыя черты своего времени».

Заключенія, въ родѣ вышеприведеннаго, можно-бы было счесть вѣрными только тогда, когда-бы все, что находится въ оборотѣ среди такъ называемаго народа, было продуктомъ его непосредственнаго творчества и отраженіемъ его быта. Между тѣмъ ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что въ такъ называемомъ «народномъ» у новоевропейскихъ націй весьма много «книжнаго» и весьма мало «бытоваго» и мѣстно національнаго по происхожденію, въ особенности въ области прозаической словесности: сказкахъ, новеллахъ, анекдотахъ. Едва-ли не большая часть произведеній послѣдняго рода, обращающихся у разныхъ новоевропейскихъ народовъ, даже въ устныхъ редакціяхъ, проникло въ народную среду изъ книгъ и при томъ принесено сравнительно недавно очень изъ далека, изъ Азіи, въ которой почти всегда изслѣдованіе открываетъ первоначальную индійскую родину сказаній.

Въ вопросѣ интермедій Гаватовича мы имѣемъ дѣло съ случаемъ такого-же рода. Намъ лично неизвѣстны устные украинскіе разсказы на тему первой интермедіи, а извѣстна только пословица: «кота въ мѣшку не торгують» (Номисъ, Украински приказки, присловья и т. п. № 10, 498). Но мы охотно допускаемъ существованіе подобныхъ разсказовъ и въ устной словесности украинскаго народа, жалѣя только, что они не попали въ печатные сборники. Разсказъ-же на тему второй интермедіи попалъ и въ сборникъ Аѳанасьева, и мы приведемъ его ниже. Но изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы эти разсказы непремѣнно послужили источниками для интермедій. При ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, скорѣе позволительно сдѣлать обратное предположеніе. Но еще вѣрнѣе будетъ сказать, что и старинныя письменныя редакціи интересующихъ насъ разсказовъ, и теперь обращающіяся на Украйнѣ устныя ихъ редакціи, имѣютъ *общихъ предковъ вовсе не мѣстнаго происхожденія* и даже въ послѣдней степени не европейскаго, при чемъ первые родоначальники ихъ могли и даже, пожалуй, должны были

быть устными расказами, но ближайшіе къ нашимъ, европейскіе, предки были уже письменные, книжные.

Для первой интермедіи Гаваттовича и родственныхъ ей анекдотовъ такимъ предкомъ послужила, по нашему мнѣнію, нѣмецкая книга о похожденіяхъ *Ulenspiegel'a*.

Ulenspiegel, или *Eulenspiegel* типическая личность, созданная воображеніемъ нѣмецкихъ остряковъ XIV—XV вѣка изъ разныхъ анекдотовъ какъ мѣстнаго устнаго происхожденія, такъ и книжнаго, иностраннаго. Это «шутникъ», устраивающій по большей части злыя, часто очень грязныя шутки разнымъ лицамъ, съ которыми онъ приходитъ въ столкновеніе. Такія типическія личности, которыхъ имена служатъ точкою прилѣпленія анекдотовъ извѣстнаго сорта, встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ, на востокѣ, какъ и на западѣ. Въ послѣднемъ, въ Англіи и Германіи раньше еще Ulenspiegel'a былъ попъ Амисъ (Der Pfaffe Amis), похожденія котораго стали рано предметомъ «народной книги», не забытой и до сихъ поръ и изъ которой нѣсколько анекдотовъ попало и въ сводъ похожденій Ulenspiegel'a, составленный въ началѣ XVI ст. Томасомъ Мурнеромъ и напечатанный въ 1519 г.[1]). Сводъ этотъ потомъ перепечатывался много разъ и переводился на разные языки, причемъ новые издатели выбрасывали или прибавляли разные анекдоты, сообразно собственному и своей публики вкусамъ. Имя *Eulenspiegel* и фигура его, съ совой (Eule) въ одной рукѣ и зеркаломъ (Spiegel) въ другой, стало популярнымъ на всемъ западѣ и дало отъ себя въ французскомъ языкѣ слова espiègle, espièglerie.

Въ Мурнеровомъ сводѣ исторій Ulenspiegel'a находимъ двѣ исторіи, которыя сведены въ одну въ первой интермедіи Гаваттовича. Въ первой (LV histori sagt, wie Ulenspiegel zu Lypzigk den kürsneren ein lebendigen katz, negt in ein hasenfell in einem sack, für ein lebendigen hasen verkauft) разсказывается, какъ Ulenspiegel, разсердившись на то, что въ Берлинѣ мѣховщикъ не заплатилъ ему денегъ за работу, которую онъ, придравшись къ буквѣ приказанія хозяина, выполнилъ такъ, что надѣлалъ изъ мѣху волковъ большихъ и малыхъ и испортилъ мѣхъ, рѣшаетъ отомстить мѣховщикамъ въ

[1]) Нѣмецкое критическое изданіе. Dr. Thomas Murners Ulenspigel, herausgegeben von J. M. Lappenberg. Leipzig, 1854 года.

Лейпцигѣ. Когда лейпцигскіе мѣховщики собрались на канунѣ Свѣтлаго Праздника (Fastnacht) и заявили, что охотно-бы поѣли дичи, Ulenspiegel беретъ у хозяина своего трактира кота, обшиваетъ его въ заячью кожу, показываетъ его мѣховщику изъ-подъ полы и продаетъ за 4 зильбергроша да за 6 пфениговъ мѣшокъ. Мѣховщикъ приноситъ покупку въ домъ своего цехмейстера, гдѣ собрались его товарищи. Эти захотѣли позабавиться охотой на зайца и выпустили кота въ огороженномъ саду, натравивъ на него собаку. Котъ вскочилъ на дерево, замяукалъ и убѣжалъ домой. Мѣховщики хотѣли побить проказника, но Ulenspiegel *перемѣнилъ свое платье и принялъ другой видъ*, такъ что *они его не узнали*[1]).

Другая исторія (Die LXXXVII histori sagt, wie Ulenspiegel macht, das ein fraw alle ire hefen enztwei schlug of dem markt zu Braman) соотвѣтствуетъ второй половинѣ первой интермедіи Гаваттовича. Здѣсь Ulenspiegel представленъ въ гостяхъ у епископа бременскаго, любителя шутокъ, который очень забавлялся своимъ гостемъ. Проказникъ, наконецъ, утомляется и напускаетъ на себя благочестіе, такъ что епископъ, наконецъ, досадуетъ. Тогда Ulenspiegel уславливается съ горшечницею, что онъ платитъ за всѣ ея горшки, если она будетъ исполнять все, что онъ ей прикажетъ знакомъ, епископу-же онъ говоритъ, что безъ словъ заставитъ продавщицу горшковъ побить свой товаръ. Епископъ держитъ пари противъ на 30 гульденовъ. Оба идутъ на рынокъ,—и Ulenspiegel начинаетъ движенія, которымъ баба горшечница подражаетъ, наконецъ дѣлаетъ ей знакъ бить горшки. Дома епископъ соглашается отдать 30 гульденовъ, если Ulenspiegel скажетъ ему, какъ онъ устроилъ свою штуку. Проказникъ объясняетъ свою немудрую хитрость. Епископъ приказываетъ ему молчать объ этомъ дѣлѣ и обѣщаетъ за то подарить быка. Подарокъ этотъ Ulenspiegel получаетъ изъ числа 16 быковъ, которые добываетъ епископъ отъ своихъ рыцарей и слугъ, обѣщавъ имъ открыть секретъ способа, какимъ Ulenspiegel получилъ силу надъ бабой горшечницей. Секретъ показался вассаламъ епископа не стоющимъ быковъ, но имъ пришлось утѣшиться тѣмъ, что шутку надъ ними сыгралъ ихъ господинъ (und trosten sich damit, es war ir gnediger her).

---

[1]) Lappenberg, op. cit., стр. 125—127.

Исторія Ulenspiegl'a переведена была и на польскій языкъ подъ именемъ Sowezrzał (Eule=Sowa и Spiegel=zrzadło, swierzadło, зеркало). Переводъ этотъ долженъ былъ появиться не позже начала XVII в. или даже конца XVI в., такъ какъ уже въ 1617 г. епископъ краковскій внесъ въ списокъ запрещенныхъ книгъ «Fraszki nowe Sowizrzałowe» и «Sowizrzałnowy» [1]). Въ библіотекѣ Оссолинскихъ, въ Львовѣ, находится очень старое изданіе подобнаго перевода, напечатанное въ началѣ готическими буквами, а въ концѣ обычными латинскими, но безъ означенія года и мѣста изданія, подъ заглавіемъ: «Sowizrzał Krotofilny y Smieszny. Urodzenie, żywot, postępki y dokonanie iego dziwna. W Brunszwiku na Bramie iaką osobą i postacią iest malowany. Z poprawą, słowy wyborniejszemi do Druku podany. in 8-o» (Библіотека Оссолинскихъ, № 16, 144). Здѣсь, на страницѣ 108—109, находимъ вполнѣ соотвѣтствующую LV исторіи Мурнерова Ulenspiegel'a исторію о томъ, iako Sowiżrzał w Lipsku żywą kotkę w zającą skurę zaszył, włozywszy ią do woru, kusznierzom za zywego zająca przeda.

Это даже не передѣлка, а почти дословный переводъ нѣмецкаго образца. Тоже самое надо сказать и о помѣщенной на страницѣ 163—165 польскаго изданія исторіи о томъ, iako Sowizrzał dokasał, iże jedna niewiasta swoie garce potłukła.

Тутъ дѣйствіе происходитъ также при дворѣ епископа бременскаго.

Эта послѣдняя исторія была впрочемъ разсказана по польски и отдѣльно отъ книги объ Ulenspiegel'ѣ и притомъ даже раньше появленія этой книги въ польскомъ языкѣ, а именно въ сочиненіи Луки Горницкаго «Dworzanin Polski», которая составляетъ собственно передѣлку книги гр. Б. Кастильоне (1478—1529) Il Cortegiano (перв. изд. 1528). Первое изданіе книги Горницкаго вышло еще въ 1566 г.. Въ библіотекѣ Оссолинскихъ находится переизданіе ея подъ заглавіемъ: Dworzanin Polski, Łukasza Gornickiego. Teraz nowo przedrukowany. w Krakowie. 1639. (Библіот. Оссол. № 5, 150). Здѣсь, на страницѣ 210—213, мы находимъ варіантъ шутки Ulenspiegel'a съ бабой, продающей горшки, съ тою только разницею, что здѣсь одинъ придворный (dworzanin) короля подшучиваетъ надъ дру-

[1]) Lappenberg, op. cit. 314—316.

гимъ, желающимъ научиться чернокнижію; шутникъ выдаетъ свой уговоръ съ горшечницей за пріемъ чернокнижія; довѣрчивый платитъ ему закладъ и потомъ посрамляется передъ королемъ.

Сходство между двумя изложенными выше шутками Ulenspiegel'a и содержаніемъ первой интермедіи Гаваттовича очевидно, не смотря на передѣлки, которыя потерпѣли обѣ темы, при сводѣ въ одну и въ приспособленіи къ условіямъ сцены. Врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что авторъ интермедій имѣлъ передъ собой исторію Ulenspiegel'a, какъ образецъ. Является только вопросъ: была-ли у Гаваттовича въ рукахъ польская редакція Ulenspiegel'a, или-же прямо нѣмецкій оригиналъ? Разрѣшеніе этого частнаго вопроса было-бы интересно, какъ облегченіе къ разрѣшенію общаго, очень интереснаго для исторіи культуры, а именно: *была-ли Польша и ея культура непремѣннымъ мостомъ для культурныхъ вліяній Запада на Малороссію и Бѣлоруссію, а черезъ нихъ и на Великороссію,* или-же *западно-русская культура черпала и непосредственно изъ западно-европейскихъ источниковъ, напримѣръ въ данномъ случаѣ изъ германскихъ?*

Въ разсматриваемомъ случаѣ не невозможно и послѣднее, т. е. прямое пользованіе Гаваттовича нѣмецкимъ оригиналомъ Ulenspiegel'a. Въ пользу такого предположенія говоритъ какъ ученый титулъ Гаваттовича, который онъ могъ получить въ какомъ нибудь германскомъ университетѣ и даже въ Краковѣ, такъ и раннее появленіе нашихъ интермедій, почти современное съ первымъ упоминаніемъ о появленіи польскихъ переводовъ Ulenspiegel'a. Но по неимѣнію другихъ, болѣе прочныхъ данныхъ, мы не рѣшаемся поддерживать это предположеніе и ограничиваемся выводомъ о томъ, что основа первой интермедіи Гаваттовича не мѣстная и устно-національная, «народная», а книжная западно-европейская [1]).

---

[1]) Замѣтимъ при случаѣ, что исторія Ulenspiegl'a была переведена (впрочемъ уже въ XVIII в., и именно въ 1791 и въ 1793 г.) на великорусскій языкъ, подъ заглавіемъ: *Похожденія хитраго и забавнаго шута Совѣст-Драла большаго носа.* Переведена съ польскаго, дополнена съ другихъ языковъ (см. указанія у Д. Ровинскаго, Русскія народныя картинки, т. IV, стр. 169, 352, 573) и проникла въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ и въ устные разсказы (см. напр. Садовникова, Сказки и преданія самарскаго края, № 32, Шутъ Максимка, а также новую брошюрку Edm. Veckenstedt, Sztukaris der Till Eulenspiegel der Litauer und Żamaiten und Schut Fomka, sein russiches Ebenbild. Leipzig. 1885).

Тоже сказывается, при ближайшемъ изслѣдованіи, и съ второй интермедіей.

Основы этой интермедіи дѣйствительно встрѣчаются въ устной словесности на Украйнѣ. Одинъ варіантъ на эту тему напечатанъ въ сборникѣ сказокъ Аѳанасьева. Варіантъ этотъ на столько въ своемъ родѣ характеренъ по редакціи, напоминающей манеру расказовъ пасичника Рудого Панька, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести его здѣсь въ полномъ переводѣ, тѣмъ болѣе, что онъ нуженъ намъ будетъ далѣе для сравненія съ иностранными варіантами.

Шелъ хохолъ [1]) съ покосу—и сошелся съ цыганомъ.

— А куда ты, чоловѣче, идешь?

— А домой, цыганъ.

— Пойдемъ-же со мной за товарища!

— Давай!

Вотъ они идутъ да на дорогѣ нашли жареного поросенка.

— А какъ-же, говоритъ, чоловѣче, мы поросенка будемъ ѣсть?

— Да какъ-же? разрѣжемъ да и будемъ ѣсть.

— Нѣтъ, чоловѣче, говоритъ цыганъ; или я больше съѣмъ, или ты,—и не замѣтимъ, а вотъ ужо ляжемъ спать, да кому лучшій сонъ приснится, тому и поросенка ѣсть.

— Давай!

Только человѣкъ и сторожитъ цыгана, пока тотъ заснетъ. Цыганъ захранѣлъ. Человѣкъ потолкалъ, потолкалъ цыгана,—тотъ спитъ. Вотъ тогда онъ вынулъ у него краюху хлѣба и съѣлъ всего поросенка, а послѣ легъ, да и спитъ себѣ хорошенько. Цыганъ схватился, да толкъ, толкъ того человѣка, тотъ проснулся.

— А какой-же тебѣ, чоловѣче, сонъ снился?

— А, побей тебя, цыганъ, ты меня разбудилъ, а мнѣ такой хорошій сонъ снился!

— Ну, расказывай-же, цыганъ, твой сонъ, а я свой припомню; ты меня такъ толкалъ, что я свой сонъ совсѣмъ забылъ.

---

[1]) Разсказъ записанъ въ бирюченскомъ уѣздѣ, воронежской губерніи, т. е. на восточной границѣ украинскаго племени, заселенной впрочемъ преимущественно выходцами съ западной Украйны. См. Аѳанасьева, Народныя Русскія Сказки, изд. 1873 года, кн. III, стр. 480—482.

— Ну, говоритъ, человѣче, мнѣ сонъ хорошій снился! Смотрю я: возлѣ насъ конь ходитъ, такой хорошій; новая на немъ уздечка, серебряныя удила, золотыя стремена, подушка на сѣдлѣ пуховая. Вотъ я сѣлъ на того коня, да побѣжалъ—только и видно! Бѣгу по полю, на полѣ стоитъ столбъ, около столба лѣстница. Я слѣзъ съ того коня, привязалъ его до столба, полѣзъ по лѣстницѣ; лѣзъ, лѣзъ въ гору, высоко, высоко! Смотрю, а тамъ небеса! Я влѣзъ на небеса, ходилъ, ходилъ по небесамъ, да и нашелъ домикъ. Отворилъ я немного двери того домика, а тамъ свѣтъ. Вижу, сидитъ самъ панъ-Богъ, ужинаетъ и говоритъ мнѣ: «иди, говоритъ, цыганъ, ко мнѣ ужинать!» Такъ я, человѣче, съ самимъ паномъ-Богомъ ужиналъ!.. Видишь, какой мнѣ сонъ снился!

— Да и мнѣ, говоритъ (хохолъ), въ такомъ-же родѣ, только немного не такой: всталъ я будто, и вижу: ходитъ бѣлая кобыла, да паршивая! Свитка на ней подвязана возжами изъ лозы, стремена нацѣплены, оброть на ней вся порванная. Такъ я сѣлъ себѣ на нее, да и поѣхалъ. Ѣхалъ, ѣхалъ,—ѣхалъ, ѣхалъ, даже скверно стало... Только смотрю: стоитъ столбъ, возлѣ столба лѣстница, а около той лѣстницы стоитъ привязанный конь, этакой хорошій! Новая на немъ уздечка, серебряныя удила, золотыя стремена, подушка на сѣдлѣ пуховая...

— Вотъ-же, человѣче, я на этомъ конѣ ѣхалъ!..

— Да. Такъ я, говоритъ, слѣзъ съ той кобылы, пустилъ ее по полю, да и полѣзъ по лѣстницѣ вверхъ. Влѣзъ высоко, высоко; смотрю небеса; вижу—стоитъ домикъ. Я отворилъ немного двери, смотрю, вы сидите съ паномъ-Богомъ и ужинаете. Вотъ ты, цыганъ, махнулъ на меня да и говоришь: «воротись, человѣче, и съѣжь поросенка!» Я воротился, съѣлъ поросенка, да и легъ, и спалъ хорошенько...

— Такъ ты съѣлъ поросенка?

— Да всего, говоритъ, съѣлъ. Посмотри: вотъ только косточки остались!

— А, дурень! Да вѣдь это только сонъ мнѣ такой снился!

— А я, говоритъ, не зналъ; ты-жъ на меня махнулъ, чтобъ я воротился да съѣлъ поросенка.

— Пусть-же тебя поѣстъ лихая година! Чортъ съ тобою дурень! Чтобъ тебя сырая земля не приняла! Не пойду я съ тобой за товарища; отчураюсь!..—Да и пошелъ цыганъ изъ дому.

Но, не смотря на совпаденіе нашей интермедіи съ устнымъ разсказомъ въ народной украинской словесности, содержаніе первой все-таки взято не изъ области послѣдней, а изъ книжной и при томъ иностранной литературы, изъ которой пошла на Украйну и основа устнаго разсказа.

Въ нашей старинной письменности мы находимъ еще одинъ варіантъ исторіи о лучшемъ снѣ, варіантъ болѣе близкій къ содержанію интермедіи, чѣмъ въ тотчасъ приведенной устной сказкѣ. Мы разумѣемъ одинъ изъ *прикладовъ*, помѣщенныхъ въ сборникѣ *Римскія дѣянія*. Сводный списокъ русской редакціи этого сборника изданъ въ 1878 г. петербургскимъ обществомъ любителей древней письменности по рукописи XVII вѣка. Тутъ, въ II вып. на страницѣ 229, находимъ «*Прикладъ, чтобъ мы блюлись ѿ лести діаволести, дабы насъ не прелестилъ*»—слѣдующаго содержанія [1]).

Шли нѣкогда три товарища путемъ, и прилучися имъ въ нѣкоторое время, что не имѣли подьѣсть, развѣ ся единъ малъ хлѣбецъ обрѣли купить. А есть-ли имъ захотѣлось велми и реша межъ собою: какъ аще мы сей хлѣбецъ раздѣлимъ на три части, тожъ кождо насъ своею долею сытъ не будетъ, того дѣля подумаемъ, что намъ съ тѣмъ хлѣбомъ чинить. Реклъ имъ изъ нихъ одинъ: положимся здѣсь на дорогѣ и поспимъ, и кому изъ насъ налебній и дивной сонъ видится, тотъ весь хлѣбъ да съестъ. И рекли ему друзіи товарищы: произволяемъ тому быти, а почали спать. Тогды онъ, которой ту раду видѣлъ, воставши, какъ они спали, весь хлѣбъ съѣлъ, что не маленькой дробинки не оставилъ товарищамъ, и потомъ пробудилъ онъ свои товарыщы, глаголя: востаните скоро, оуже часъ есть, чтобы каждо свой сонъ исповѣдалъ. Реклъ первый товорыщъ: милые, дивенъ ми сонъ видѣлъ: едину дробинку [2]) злату, спущену съ небесъ, по ней же и ангелы схождаху съ небеси и восхождаху. И сошедши взяли душу мою и тѣло, и какъ былъ тамъ, видѣлъ есмь святую Тройцу, Отца и Сына и святаго Духа; и такову радость имѣла душа моя, которой ниже око видѣ когда, ниже оухо слыша, какову азъ радость тамъ имѣлъ; то есть мой сонъ. Потомъ другій:

---

[1]) Для удобства не спеціалистамъ мы нѣсколько приспособляемъ нашу транскрипцію къ обыкновенной.

[2]) Драбинка—лѣстница по малорусски.

азъ видѣлъ, что діаволъ душу мою исторгнулъ осѣками изъ моего тѣла и взяли ю во адъ, и зло бысть мнѣ тамъ, и рекли мнѣ: доколѣ будетъ Богъ на небеси, толико долго будешь на томъ мѣстѣ. Потомъ третій: слышите мой сонъ: видѣлъ есьми, что нѣкоторый ангелъ пришелъ ко мнѣ и реклъ ми: пріятелю, хощети ли видѣти, идѣже твои товарыщи? И азъ отвѣчалъ ему: радъ есмь и хощу видѣти, ибо имамы между собою единъ хлѣбъ делить, а знать, что уже (съ) хлѣбомъ ушли. И онъ мнѣ реклъ: есть тотъ хлѣбъ подлѣ васъ, а сего дѣля иди по мнѣ. И велъ мя до улицы небесной, и вложилъ только главу свою въ небо, яко-же ми повелѣлъ, и видѣлъ, что ты еси въ небѣ былъ, яко-же повѣдалъ ми еси, и сидѣлъ еси на златомъ столцѣ, а имѣлъ еси предъ собою брашна приправна и вина доволно. И реклъ ми ангелъ: се товарыщъ твой имать здѣ будетъ пребывать и во вѣки, ибо кто единою внидетъ въ небо, оуже во вѣки изъ него не выйдетъ. Потомъ рече ми: иди еще со мною и покажу тебѣ, идѣже другой товарыщъ твой. Егда-же идохъ за нимъ, и велъ мя до вратъ ада, и тамо паки видѣхъ тебя въ мукахъ тяжкихъ, якоже и самъ повѣдалъ еси, и рекохъ къ тебѣ: товарышу милый, жаль мнѣ тебя, что еси въ таковыхъ мукахъ пребываеши, и ты мнѣ отповѣдалъ, что дондеже Господь Богъ въ небѣ будетъ царствовати, толико долго имашь здѣ пребывати, ибо сіе заслужилъ еси; по семъ паки скоро: и зъежь весь хлѣбъ, ибо отселѣ ни мене, ни товарыща моего не оузришь. Егда-же азъ оуслышахъ сіе, воставши, снѣдохъ хлѣбъ, якоже ми велѣлъ еси».

Списокъ, по которому издана первая половина памятника, изъ коего мы привели сейчасъ выписку, сдѣланъ въ Бѣлоруссіи, въ Могилевѣ. Но въ трудѣ г. Пыпина «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (183—194) указываются другіе списки, уже безспорно украинскіе, какимъ кажется намъ и оригиналъ списка г. Тихонравова, по которому петербургскіе издатели «Римскихъ дѣяній» дополнили могилевскій списокъ. Да кромѣ того изъ упоминанія Галятовскаго видно, что «*Римскія дѣянія*» распространены были и на Украйнѣ. Извѣстно-же, что этотъ сборникъ есть ничто иное, какъ западно-европейская средневѣковая, первоначально латинская (*Gesta Romanorum*) компиляція различныхъ исторій, большею частью восточнаго происхожденія, которыя христіанскіе моралисты старались приспособить къ своимъ дидактическимъ

цѣлямъ, хотя очень часто довольно неудачно. Вотъ и выше приведенный расказъ о трехъ спутникахъ объясняется въ могилевскомъ спискѣ «Римскихъ дѣяній» слѣдующимъ образомъ:

Выкладъ, сіирѣчь толкованіе причти сея. Наймилейшая братія! Сихъ трехъ товарыщей можемъ разумѣти три рода человѣческіи: первое сарацыны и жиды, другое богатыхъ и сильныхъ свѣта сего, третіе можемъ разумѣти совершеніе, которое въ боязни Божіи живутъ; круглымъ-же хлѣбомъ разумѣемъ царство небесное, которое имать бысть раздѣлено на три рода человѣческіе по дѣламъ ихъ, единымъ болши, и другимъ менши. Первый родъ человѣческій сарацыны, жиды спятъ въ гресѣхъ своихъ, а вѣруютъ, что имутъ быти въ себѣ, такожде и сарацыны обѣщаніемъ Магометовымъ, егоже законъ и вѣру держатъ, имже обѣщалъ въ небѣ царствовать. Жидове тако-жъ вѣруютъ черезъ законъ Моисеовъ спасеніе наслѣдить. Та ихъ вѣра и надежда есть, яко второй товарыщъ, ему-же видѣлось то, что въ адѣ были суть богатые и сильные свѣта сего, которые во адъ нисходятъ, идѣже во вѣки мучитися будутъ имутъ, обаче-же они не брегутъ... Третій товарыщъ—добрый христіанинъ, который не во гресѣхъ и не въ злой вѣрѣ спитъ, но въ добрыхъ оучинковъ чуетъ совѣтомъ ангела, то есть Духа святаго и тако животъ свой водитъ, что будетъ имѣть хлѣбъ, то есть царствіе небесное, въ немъ-же онъ и всякъ христіанинъ Бога и ближняго любя и будетъ пребывати во вѣки вѣковъ безконечно. Аминь [1]).

Нечего и распространяться о томъ, какъ бѣлыми нитками пришитъ къ *прикладу* такой *выкладъ* и на сколько искусственно это толкованіе передаваемаго намъ сводчиками «Римскихъ дѣяній» анекдота, подавшаго къ нему поводъ. Тѣмъ не менѣе это толкованіе сохранило на себѣ слѣды источника, изъ котораго перешелъ въ христіанскую среду занимающій насъ анекдотъ или «прикладъ». Ближайшимъ источникомъ этого приклада въ Gesta Romanorum обыкновенно считается XX глава или разсказъ, сочиненія Петра Альфонса *Disciplina Clericalis.* Петръ Альфонсъ былъ еврей, крещенный въ началѣ XII вѣка аррагонскимъ королемъ Аль-

---

[1]) См. латинскій сводъ Gesta Romanorum, изд. Osterley, Berlin, 1872, caput 106. Старѣйшія латинскія редакціи «Римскихъ Дѣяній» относятся къ XIII в. См. Dunlop-Liebrecht, Geschichte der Prosadichtungen, 198.

фонсомъ I. Онъ составилъ подъ именемъ *Alfonsus de Clericali Disciplina*, въ видѣ разговоровъ отца съ сыномъ, собраніе анекдотовъ съ нравоучительными выводами. Анекдоты эти почерпнуты изъ восточной письменности и разсказовъ и въ свою очередь послужили источникомъ для европейскихъ новеллистовъ, поэтовъ, а за тѣмъ и разсказчиковъ устныхъ народныхъ сказокъ [1]). У Альфонса соревнованіе въ лучшемъ снѣ происходитъ между двумя горожанами и однимъ селяниномъ, которые шли вмѣстѣ въ Мекку (Dictum est de duobus burgensibus et rustico causa orationis Meccam adeuntibus...). Разсказъ приведенъ для подкрѣпленія правила: не обманывай товарища, чтобъ самому не быть обманутому; въ немъ селянинъ съѣдаетъ хлѣбъ, который у него хотѣли выманить горожане [2]).

Уже самое мѣсто дѣйствія въ разсказѣ Альфонса переноситъ насъ въ мусульманскую среду. Но мы имѣемъ еще болѣе основанія утверждать, что тема разсказа, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ перешелъ въ среду христіанскую, сложилась окончательно у мусульманъ. Въ арабскомъ сборникѣ апологовъ и сказокъ: *Nozhetol—odeba ve selvet ol goreba* (Радость языко-вѣдовъ и пиръ иноземцевъ) находится разсказъ, который переведенъ по нѣмецки Гаммеромъ въ его выборѣ восточныхъ разсказовъ, изданномъ подъ именемъ «Розоваго масла» (*Rosenoel*). Въ арабскомъ разсказѣ, какъ и въ выкладѣ, или нравоученіи (moralisatio) къ повѣсти о лучшемъ снѣ въ Gesta Romanorum, представлены, но только безъ всякой аллегоріи, а прямо, магометанинъ, христіанинъ и еврей. Путешествовали они вмѣстѣ; на дорогѣ нашли дукатъ и не могли согласиться, какъ его подѣлить. Еврей сдѣлалъ предложеніе купить на него муки, масла и сахару и сдѣлать родъ *халвы*, которую товарищи вмѣстѣ-бы и съѣли. Предложеніе было принято. Но когда халва была готова, еврей сказалъ: опять мы заспоримъ изъ-за большихъ или меньшихъ кусковъ. Я думаю, друзья мои, лучше всего будетъ, если мы ляжемъ спать и увидѣвъ сны, халву дадимъ тому, кто увидитъ лучшій сонъ.

---

[1]) Критическое изданіе Fr. Wilhelm Val. Schmidt: Petri Alfonsi Disciplina clericalis. Berlin, 1827. Изданіе старофранцузской передѣлки въ стихахъ. Le Castoiement ou instruction d'un père à son fils сдѣлано въ первый разъ въ собраніи Барбазана Fabliaux и повторено въ новомъ изданіи *Méon'a*, т. II.

[2]) Cap. XX; Schmidt, стр. 63, 142 и др.

Товарищи согласились и на это предложеніе, но пока они спали, еврей съѣлъ халву и легъ себѣ спокойно. Когда всѣ проснулись, мусульманинъ сталъ разсказывать, что ему явился во снѣ пророкъ, повелъ его въ рай и показалъ всѣ его великолѣпія. При этомъ случаѣ мусульманинъ сдѣлалъ длинное и широкое описаніе подстилокъ изъ розъ, благоуханій, потоковъ изъ меду и молока, прекрасныхъ мальчиковъ и черноокихъ гурій съ постоянно возобновляющимся дѣвствомъ.— «Это прелестно! воскликнулъ еврей: ты, право, достоинъ съѣсть халву!» Христіанинъ разсказалъ затѣмъ, какъ ему явился Господь Іисусъ, присудилъ его за грѣхи къ аду и показалъ ему адскія муки, которыя христіанинъ затѣмъ и описалъ.— «Это тоже интересный сонъ, вскричалъ еврей, сонъ не недостойный халвы. А мнѣ, друзья мои, явился Мойсей и сказалъ мнѣ: твои товарищи, мусульманинъ—въ раю, а другой, христіанинъ—въ аду, оба тамъ, откуда никто не возвращается на землю. Такъ съѣдай ты халву, чтобъ она не испортилась. Вотъ этому совѣту я и послѣдовалъ точно» [1]).

Такая редакція разсказа сложилась, очевидно, въ средѣ мусульманской, но ужъ тронутой скептицизмомъ. Религіозно-правовѣрное настроеніе, которое должно бы было, какъ это видимъ напримѣръ въ морализаціи Gesta Romanorum, отдавать призъ состязанія своему единовѣрцу, въ арабскомъ варіантѣ начинаетъ уступать мѣсто бытовой сатирѣ, съ нѣкоторой даже ироніей надъ самими религіозными вѣрованіями: представители религій, изъ которыхъ одна занята образами рая, а другая ада, попадаютъ въ просакъ передъ представителемъ религіи, которая въ сущности не знаетъ ни рая, ни ада, а потому дастъ просторъ вполнѣ земнымъ поползновеніямъ.

Въ духѣ еще болѣе безцеремонной практичности, но съ рѣзкимъ противухристіанскимъ направленіемъ, обработана занимающая насъ тема въ еврейскомъ изданіи «Исторія Іисуса» (*Sefer Toledoth Jeschuah annolzeri*); издана она по латыни Гульдрихомъ въ Лейденѣ, 1705 г., подъ заглавіемъ *Historia Jeschuae Nazereni a Judeis blasphemé*

---

[1]) Rosenoel, erstes Flaeschen, oder Sagen und Kunden des Morgenlandes, aus arabischen, persischen und türkischen Quellen gesammelt. Von Hammer, II, 303, CLXXX. По словамъ Гаммера сборникъ Nozhetolodeba заключаетъ въ себѣ много расказовъ-прототиповъ новеллъ Бокаччіо и др. европейскихъ сводчиковъ странствующихъ сказаній.

corrupta etc). Здѣсь, на стр. 51, разсказано, какъ во время путешествія по землѣ, Іисусъ, Петръ и Іуда нашли въ гостинницѣ только одного гуся; Іисусъ предложилъ состязаніе о снѣ, и пока два первые спали, Іуда съѣлъ гуся [1]).

Такимъ образомъ, слѣдя нить преданія различныхъ редакцій сюжета нашей интермедіи, мы вышли изъ національной малороссійской области и пришли въ область арабско-еврейскую. Но и тутъ нашъ путь остановиться не можетъ. Сравнительнымъ изслѣдованіемъ такъ называемой народной словесности и старинныхъ повѣстей, сказокъ и т. п. установлено, что большая часть сказаній арабскаго міра, изъ которыхъ значительная часть перешла и къ европейцамъ, въ свою очередь пришла къ арабамъ съ болѣе далекаго востока, изъ Индіи.

Ревностный распространитель теоріи усвоенія европейскихъ народныхъ сказаній изъ Индіи, Бенфей сближалъ занимающую насъ исторію о трехъ снахъ съ разсказомъ о дѣлателяхъ львовъ въ V книгѣ Паньчатантры [2]). Разсказъ этотъ представляетъ сатиру,—по всей

---

[1]) Названное сочиненіе очень рѣдко, хотя и крайне интересно, между прочимъ и потому, что заключаетъ въ себѣ еврейскіе варіанты тѣхъ сказаній о путешествіи Христа и апостоловъ, какія находимъ въ устной словесности разныхъ народовъ и какихъ особенно много въ украинской народной словесности (см. Малорусскія народныя преданія и разсказы, стр. 110—129). Въ виду рѣдкости этого сочиненія, мы считаемъ нелишнимъ выписать здѣсь всю исторію о лучшемъ снѣ, для большаго удобства сравненія этого еврейскаго варіанта съ другими: «Venerunt itaque inde in diversorium. Quaerit ibi Jesus ex hospite: Estne tibi unde hi edant? Respondit hospes: non mihi suppetit, nisi ancerculus unus affatus. Sumit ergo Jesus anserem illisque apponit, ajens: anser hic exiguus nimis est, quam ut a tribus comedi debeat; dormitum eamus et ille qui somniarit somnium optimum, comedet anserem solus. Decumbunt igitur, tempesta vero nocte surgit Jehuda et anserem devorat; mane itaque illis surgentibus Petrus ait: somnio mihi visus fui assidere solio filii, Dei Schaddai; Jesus ait: ego sum Filius ille Dei Schaddai, et somniavi te prope me sedere, ecce ergo me praestantius quid somniasse te, quare meum erit anserem comedere; jehuda tandem ajebat: ego quidem ipsemet in somnio comedi anserem. Quaerit ergo anserem Jesus, sed frustra, Jehuda enim devorabat illum.

[2]) Th. Benfey, Pantschatantra, т. II, стр. 332—334; объясненія въ I томѣ, стр. 488—493. Паньчатантра, т. е. пять книгъ,—часть сборника индій-

вѣроятности первоначально буддійскаго происхожденія,—на браминскую богословскую премудрость, съ претензіями на чудотворство, но лишенную обыкновеннаго здраваго разума. Дѣйствіе его происходитъ среди четырехъ браминскихъ сыновей, изъ которыхъ три изглубили мудрость своего сана, а четвертый ничему не учился, а имѣлъ только здравый смыслъ. Товарищи рѣшили идти въ міръ, чтобъ ученою мудростію добыть богатства, и двое изъ нихъ сначала предлагали не принимать въ компанію не ученаго, чтобъ не дѣлиться съ нимъ добычею, но, по совѣту третьяго, рѣшаютъ, что нельзя обидѣть сверстника. Между тѣмъ по дорогѣ они встрѣчаютъ останки льва и рѣшаютъ оживить ихъ, съ помощью своихъ чудотворныхъ познаній.

— Да вѣдь это левъ! замѣчаетъ здравомысленный неучъ; вѣдь если его оживить, такъ онъ насъ всѣхъ умертвитъ!

— Фи, невѣжда, отвѣчаетъ ученый,—въ моей рукѣ наука не должна оставаться безплодной!

— Подожди, по крайней мѣрѣ, немного—попросилъ неучъ, пока я взлѣзу на близъ стоящее дерево.

Конечно, левъ умертвилъ всѣхъ трехъ ученыхъ, а здравомысленный только послѣ его ухода слѣзъ съ дерева и сказалъ: «лучше здравый разумъ, нежели такое знаніе. Здравый разумъ лучше науки; кто не имѣетъ здраваго разума, съ тѣмъ случается, какъ съ этими дѣлателями львовъ».

Ради авторитета Бенфея, мы привели здѣсь, въ нѣкоторомъ сокращеніи, этотъ разсказъ, но не можемъ не замѣтить, что знаменитый ученый въ данномъ случаѣ тоже нѣсколько уподобился браминскимъ богословамъ, заводя слишкомъ далеко методъ сравненія, до предположенія связи между раскасомъ Панчатантры и повѣстью о лучшемъ снѣ, на томъ только основаніи, что въ обѣихъ исторіяхъ изъ нѣсколькихъ товарищей наиболѣе простой на видъ сказывается благоразумнѣйшимъ. Обѣ исторіи принадлежатъ къ одному роду, но непосредственной связи между ними не видно.

скихъ сказокъ и басень, составленнаго между 2 и 5 столѣтіемъ по Рождествѣ Христовомъ, котораго одинъ сводъ былъ переведенъ въ 6 столѣтія на персидскій языкъ, дальше на сирійскій, арабскій, еврейскій, греческій, латинскій и др. и потому имѣлъ огромное вліяніе на сказанную литературу и словесность азіатскихъ и европейскихъ народовъ, какъ показано въ классическомъ трудѣ Бенфея.

Гораздо яснѣе такая связь между разсказомъ о лучшемъ снѣ и одною изъ басенъ персидскаго сборника «Синдибад-Наме». Какъ извѣстно, этотъ сборникъ есть одна изъ редакцій исторіи о семи мудрецахъ, которая обошла всѣ переднеазіатскіе и европейскіе языки средневѣковой эпохи [1]). Сборникъ этотъ, о которомъ упоминаетъ арабскій писатель X столѣтія Масуди,—индійскаго происхожденія. Уже въ XI в. былъ сдѣланъ его переводъ греческій (Syntipas) съ сирійскаго перевода, сдѣланнаго по тексту,—предполагаютъ арабскому,—персіанина Музы. Двѣ теперь извѣстныя персидскія редакціи: a) въ восьмой ночи *Tûti-nâmeh* и b) *Sindibâd-nameh*, относятся къ XIV в.,—первая къ 1329, вторая къ 1375 г. Въ этой второй находится и разсказъ, который имѣетъ аналогію съ занимающей насъ повѣстью о лучшемъ снѣ. Онъ помѣщенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ описано, какъ царь собираетъ мудрецовъ, чтобъ посовѣтоваться съ ними о воспитаніи сына, которое шло до того очень неудачно. Мудрецы дѣлаютъ скептическія замѣчанія; но одинъ изъ нихъ, Синдибадъ, совѣтуетъ не отчаиваться. Мудрецы предлагаютъ ему задачу воспитанія царевича, и Синдибадъ расказываетъ сначала басню о томъ, какъ лисица подвела обезьяну, и сравниваетъ себя съ послѣднею: но потомъ, когда мудрецы продолжаютъ расхваливать его, говоритъ.

«Если я не мудрѣе васъ, то я по крайности не ниже васъ опытностью. Ваше положеніе и мое, въ этомъ отношеніи, напоминаетъ мнѣ исторію верблюда, волка, лисицы и тыквы. Когда

---

[1]) Основаніемъ сборника служитъ исторія о томъ, какъ у царя (индійскаго) послѣ долгой бездѣтности родится сынъ, который поручается воспитанію мудрецовъ (или наконецъ одного мудреца, Синдабада) и какъ, по окончаніи воспитанія, царевичъ, для избѣжанія фатальной опасности, долженъ молчать въ теченіи извѣстнаго срока; между тѣмъ царская фаворитка покушается соблазнить царевича, а будучи отвергнута, какъ Пентефріева жена, обвиняетъ его въ покушеніи на все; царь приговариваетъ сына къ смерти, но мудрецы, поочередными разсказами, заставляютъ царя откладывать казнь, между тѣмъ, какъ жена своими разсказами усиливается достигнуть исполненія приговора, пока наконецъ фатальный срокъ проходитъ, послѣ чего еще слѣдуютъ разсказы разныхъ дѣйствующихъ лицъ. Совокупность разсказовъ, изъ которыхъ многіе перешли въ устную словесность разныхъ народовъ, образуетъ сборникъ. Лучшіе изъ новѣйшихъ трудовъ о немъ: D. Comparetti. Ricerche intorno al libro di Sindibâd. Milano, 1869, id Intorno al libro dei sette savi di Roma. Pisa. 1865. A. D'Ancona. La storia dei sette savi di Roma. Pisa, 1864.

мудрецы пожелали слышать эту исторію, Синдибадъ расказалъ имъ ее въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Одинъ старый волкъ и лисица, близкіе друзья, путешествовали вмѣстѣ. Прошли они немного и встрѣтили верблюда, который присоединился къ нимъ, и всѣ три направились къ деревнѣ верблюдовъ. Весь ихъ запасъ пищи на дорогу состоялъ изъ одной тыквы. Долго шли они по горамъ и долинамъ, пока жажда не сдѣлала ихъ глаза черными. Наконецъ они пришли къ пруду и сѣли на берегу. Вытащили они тыкву и послѣ нѣкотораго обсужденія, согласились, что плодъ этотъ достанется тому, кто окажется старѣйшимъ изъ нихъ.

Волкъ заговорилъ первый:

— Индіецъ, таджикъ и турокъ знаютъ, что мать моя породила меня на свѣтъ за недѣлю раньше, чѣмъ Богъ создалъ небо и землю, время и пространство, слѣдовательно я имѣю наиболѣе права на эту тыкву.

— Да, сказалъ старый и хитрый лисъ: я ничего не имѣю противуставить этому резону, такъ какъ въ ту ночь, когда мать родила васъ, я былъ на лицо, чтобъ прислуживать ей, я засвѣтилъ факелъ, который горѣлъ до утра у вашей колыбели.

Верблюдъ приступилъ въ свою очередь и, нагнувъ голову, проглотилъ тыкву, говоря: нельзя отрицать столь очевидную вещь, какъ то, что кто имѣетъ шею, лапки и спину, какъ у меня, того мать породила не вчера и не въ прошлую ночь.

Мудрецы выразили вновь удивленіе уму Синдибада, и всѣ согласились, что только онъ способенъ принять на себя трудную задачу, которая имъ предложена (воспитаніе царевича) [1]).

Такъ какъ вся основа *Sindibad-nameh* индійская, то и этотъ разсказъ долженъ быть индійскаго происхожденія. Впрочемъ мы

---

[1]) Asiatic journal. New series. 1841, vol. XXXV. p. 175. Sindibad Nameh. Это англійское резюме персидской поэмы передано и въ болѣе доступномъ публикѣ изданіи Revue Britannique. 1842. Mai - Juin. Приведенное мѣсто см. стр. 171—173. Недавно появился новый полный англійскій переводъ Клоустона, The book of Sindibad, но мы еще не имѣли его подъ рукою. Не смотря на всѣ наши усилія, не могли мы добыть еще одного персидскаго варіанта занимающей насъ исторіи въ *Mesnewi* поэта Джеллал-Ед-Динъ-Руми; ссылка на него у *Osterley*, Gesta Romanorum, кажется, невѣрна.

имѣемъ другой варіантъ его, хотя и отличный, но все-таки близкій по своей основѣ и еще болѣе привязывающійся къ Индіи. Мы разумѣемъ одну изъ повѣстей, которую въ ряду другихъ разсказовъ, заимствованныхъ китайскими буддистами изъ индійскихъ оригиналовъ, помѣстилъ Ст. Жульенъ въ своей «*Авадана*», сборникѣ индійскихъ сказокъ и апологовъ въ китайскихъ редакціяхъ. Это повѣсть о «куропаткѣ, слонѣ и обезьянѣ, или о скромности и почтительности».

«Нѣкогда обитатели Джамбудвипы (южной Индіи) не знали, что нужно оказывать предупредительность и почтеніе къ старикамъ. Добродѣтельные мужи пробовали обратить ихъ мудрыми рѣчами, но безуспѣшно. Тогда Бодисаттва (Будда) преобразился и принялъ видъ куропатки. Эта птица имѣла двухъ близкихъ друзей: одинъ былъ большой слонъ, а другой обезьяна. Друзья жили вмѣстѣ подъ деревомъ *пипала* (священная смоковница). Разъ они разговорились и сказали: «мы не знаемъ, кто изъ насъ долженъ быть признанъ главою».—Нѣкогда, сказалъ слонъ, я видѣлъ, какъ это дерево не достигало до моего брюха, а теперь видите, какъ оно велико. Изъ этого слѣдуетъ, что я долженъ быть признанъ старѣйшимъ изъ насъ.—А я, сказала обезьяна, я могу, сѣвши на землю, подняться съ помощью моихъ рукъ на верхушку того дерева, слѣдовательно на меня надо смотрѣть, какъ на начальника.—А я, сказала птица, я жила посреди пипалъ, я ѣла плоды ихъ и выбросила съ моимъ пометомъ зерна, изъ которыхъ выросло это дерево; отсюда можно заключить, что меня слѣдуетъ признать за самаго старшаго.—Слонъ вновь заговорилъ и сказалъ: «почести должно отдавать самому старшему». Тотчасъ-же онъ сталъ позади обезьяны, а птица стала впереди. Такъ какъ они ходили въ такомъ порядкѣ, то другія животныя, видя ихъ, спросили ихъ объ основаніяхъ такого распорядка. «Таковы, отвѣчали трое, знаки почтительности и уваженія, должные тѣмъ, кто старше возрастомъ».

Животныя усвоили это правило, а люди послѣдовали ихъ примѣру [1]).

[1]) Les Avadânas, contes et apologues indiens etc., trad. par M. Stanislas Julien. 1859, t. II, 17—20, № LXXVII.

Еслибъ передъ нами находилась только эта послѣдняя исторія, то въ ней трудно было-бы и заподозрить первообразъ занимающаго насъ разсказа о лучшемъ снѣ,—такъ различно въ обѣихъ повѣстяхъ все, кромѣ выведенія на сцену трехъ спутниковъ. Но персидская редакція связываетъ обѣ повѣсти несомнѣнными узами родства, хотя моральный характеръ обѣихъ восточно-арійскихъ редакцій и очень различенъ. Въ индѣйской сказкѣ рѣзко выступаетъ дидактическая цѣль: роли распредѣлены совершенно произвольно для этой цѣли, безъ всякихъ реально-художественныхъ заботъ о соотвѣтствіи ихъ съ характерами выведенныхъ животныхъ, которыя выбраны только по росту, для проведенія мысли, что величина и сила должны уступать возрасту. Персидская редакція точно каррикатура на индійскую: честныя въ индійской редакціи животныя тутъ спѣшатъ перехитрить другъ друга и при томъ не изъ за абстрактнаго блага, почести, а изъ за лакомаго куска; торжествуетъ, правда, прямота, но въ формѣ нахальства.

Съ такимъ характеромъ повѣсть, съ подставкою людей вмѣсто животныхъ, усвоена была отъ персіянъ семитами—евреями и арабами. Мы не беремся окончательно рѣшать, кто изъ нихъ прежде усвоилъ и обработалъ эту повѣсть: евреи или арабы; ограничиваемся только замѣчаніемъ, что еврейская редакція въ *Historia Jeschuae Nazareni* кажется намъ ближе къ редакціи Синдибадъ-Наме: въ ней нѣтъ ни рая, ни ада, а разсказываемые сны имѣютъ цѣлью выставить относительное величіе спорящихъ, какъ въ персидской редакціи ихъ старшинство. Арабская редакція во всякомъ случаѣ дальше отступила отъ персидской какъ въ подробностяхъ, такъ и въ характерѣ, при чемъ поднялась отъ сомнительной морали персидскаго варіанта на извѣстную философскую высоту. Редакція эта носитъ на себѣ слѣды состоянія мусульманскаго міра позднѣйшей половины эпохи крестовыхъ походовъ, приблизительно времени отъ Саладина до императора Фридриха II Гогенштауфена, когда обнаружилась для многихъ безплодность первоначальнаго искренняго фанатическаго столкновенія магометанъ и христіанъ. Арабская редакція нашей повѣсти представляетъ своего рода сатирическую параллель къ знаменитой сказкѣ *О трехъ перстняхъ*, увѣковѣченной потомъ въ драмѣ Лессинга «Натанъ мудрый», и къ рѣзко скептическому трактату de tribus impostoribus (о трехъ обманщи-

кахъ, основателяхъ трехъ переднеазіатскихъ религій), а потому имѣетъ важное культурно-историческое значеніе.

Какъ видно на примѣрѣ Петра Альфонса и Gesta Romanorum, христіанская литература овладѣла арабской редакціей повѣсти съ цѣлью морализаціи и аллегорическаго прославленія своей религіи. Но аллегоріи въ родѣ тѣхъ, какія представлены нами выше въ выдержкѣ изъ «Римскихъ Дѣяній», слишкомъ искусственны, чтобъ стать популярными, а потому въ послѣдующихъ свѣтскихъ европейскихъ передѣлкахъ этой исторіи вѣроисповѣдныя соображенія были оставлены, мѣсто ихъ въ нѣкоторыхъ редакціяхъ заняли соображенія національныя, а такъ какъ мораль, которую прямѣе всего можно вывести изъ этой басни, довольно двусмысленная, то вся эта исторія обратилась въ послѣдующихъ обработкахъ въ потѣшную сказку (facetia, conte à rire, Schwank) въ лучшемъ случаѣ въ тему, удобную для междунаціональнаго сосѣдскаго пересмѣшничества.

Мы не станемъ обозрѣвать здѣсь многочисленныхъ варіантовъ этой исторіи въ письменной и устной словесности разныхъ европейскихъ народовъ [1]). Всѣ эти варіанты по большей части передаютъ довольно голо одинъ скелетъ разсказа, рѣдко одѣвая его какими нибудь живыми бытовыми и этнографическими подробностями. Исключеніе составляютъ отчасти только варіанты италіанскіе, между которыми выдается особенно старый варіантъ Джиральди Чинтіо, новеллиста XVI ст. († 1573 г.), редактора свода разсказовъ подъ заглавіемъ *Gli Hecatommithi*, и народный сицилійскій разсказъ, помѣченный ниже въ выноскѣ: «Монахъ и послушникъ».

---

[1]) Указаніе этихъ варіантовъ можно найти у Le Grand' Aussy, Fabliaux ou contes du XII et XIII s. I, 312—315 (Les deux bourgeois et le vilain) и особенно у Oesterley, Gesta Romanorum, № 106 (traumbrod). По русски нѣкоторыя указанія см. у Пыпина «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ», стр. 190, и въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1856 г., № 14, 61—62. Послѣ упомянутыхъ трудовъ варіанты нашей исторіи появились у G. Pitrè, Biblioteka delle tradizioni populari siciliane, 1875, VI, 296—300 (Lu Monacu e lu fratellu, ср. A. Longo, anedotti siciliani, LVII: Il siciliano, il calabrese ed il napoletano) и VII, стр. 405—407 (I tre amici; ср. Casaliechioi chi cerca d'ingannare il più delle volte resta ingannato) и Vittorio Imbriani, La Novellaja Fiorentina, Livorno, 1877, стр. 616—617 (тоже I tre amici).

Новелла Чинтіо отклоняется наиболѣе отъ основной темы, представляя довольно длинную повѣсть о состязаніи въ голодное время изъ за-пирога между философомъ, астрологомъ и солдатомъ. Сначала каждый изъ трехъ говоритъ о своемъ благородствѣ (nobiltà). Философъ указываетъ на то, что онъ знаетъ всѣ вещи въ природѣ; астрологъ напоминаетъ философу, что тотъ занимается вещами измѣнчивыми, тогда какъ онъ самъ изучаетъ вещи вѣчныя и постоянныя; солдатъ скромно отказываетъ себѣ въ знаніяхъ, но обращаетъ вниманіе своихъ ученыхъ товарищей на то, что безъ защиты, которую даетъ имъ, а равно и законамъ и обществу, мечь, они не жили-бы безопасно, и наконецъ предлагаетъ состязаніе о лучшемъ снѣ, пока пирогъ будетъ въ печи. На утро философъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ, какъ господинъ природы (il maestro della Natura) извлекъ изъ хаоса рядъ твореній, отъ стихій до человѣка; астрологъ разсказалъ о видѣнныхъ имъ восьми небесахъ, а солдатъ о томъ, что ему грезилось совершеніе имъ двухъ военныхъ подвиговъ: похода на защиту отечества и поединкѣ за честь дѣвушки, послѣ чего онъ для подкрѣпленія силъ съѣлъ пирогъ. Въ концѣ своего повѣтствованія солдатъ призналъ превосходство сновъ за двумя учеными и предоставилъ имъ столковаться о пирогѣ. Когда наконецъ ученые согласились подѣлить его по поламъ, оказалось, что пирога нѣтъ. Солдатъ признается, что съѣлъ его въ дѣйствительности, и читаетъ ученымъ длинное наставленіе о томъ, какъ они должны довольствоваться насыщеніемъ своего ума и видѣніемъ вещей абстрактныхъ [1]). Мораль, какъ видимъ, нѣсколько похожая на мораль басни о дѣлателяхъ львовъ.

Устный сицилійскій разсказъ (Lu Munacu e lu frateltu) подходитъ къ подобному-же украинскому не только потому, что въ немъ дѣйствуютъ два лица, что попадается и въ другихъ варіантахъ, напр. въ приводимомъ дальше французскомъ, но и по манерѣ разсказа, хотя дѣйствующія лица и вообще подробности редакціи сицилійской совсѣмъ другія. Здѣсь представлены монахъ и послушникъ въ странствіи для проповѣди. Разъ имъ попалось село мало

---

[1]) De gli Hecatommithi di M. Giovanbattista Gyraldi Cinthio nobile Ferrarese. Parte prima. 1565. Deca prima novella, III, p. 230. Съ новеллы Чинтіо былъ сдѣланъ нѣмецкій переводъ, изданный въ 1614 году.

благочестивое, въ которомъ они заработали только одну рыбку. Монахъ предложилъ состязаніе сномъ и на утро съ такимъ-же детальнымъ *смакомъ* разсказываетъ о небесной музыкѣ, какою угостили его ангелы, архангелы, серафимы и потомъ всѣ святые и объ удовольствіи полета на крыльяхъ ангеловъ, съ какимъ цыганъ украинской редакціи повѣствуетъ объ ужинѣ съ паномъ Богомъ [1]).

Объ украинскомъ устномъ разсказѣ слѣдуетъ, не боясь укора въ пристрастіи, сказать, что онъ, при сравненіи съ другими, даже съ италіанскими, отличается особенною живостью изложенія и реалистическимъ пошибомъ, виднымъ въ желаніи представить этнографическія черты дѣйствующихъ лицъ, особенно цыгана. Сказанное сейчасъ можетъ быть подтверждено сравненіемъ вышеприведеннаго украинскаго разсказа съ упомянутымъ французскимъ, который можно принять за типъ свѣтской редакціи повѣстей о лучшемъ снѣ въ Западной Европѣ. Мы воспроизводимъ здѣсь эту редакцію цѣликомъ, какъ таковую, для сравненія со всѣми вышеприведенными, а также потому, что есть основаніе предполагать, что именно подобная редакція послужила исходною точкою и для сложенія нѣкоторыхъ восточно-европейскихъ варіантовъ.

«Испанецъ и гасконецъ ночевали во Франціи въ одной гостиницѣ. Когда они оба потребовали ужинъ, хозяйка сказала имъ, что у нея есть одинъ хорошій кусокъ барана и одна куропатка. Каждый хотѣлъ получить куропатку, которая была вполнѣ изжарена и готова къ столу. Такъ какъ гости были близки къ ссорѣ, то хозяйка, чтобъ помирить ихъ, сказала, что у нея нѣтъ ничего, кромѣ этой куропатки, и что если они не хотятъ ѣсть ее вмѣстѣ, то нѣтъ способа удовольствовать ихъ обоихъ. Но, повѣрьте мнѣ, прибавила она, обойдитесь безъ нея на этотъ вечеръ, а завтра утромъ тотъ, кто увидитъ лучшій сонъ, съѣстъ ее. А въ ожиданіи я вамъ дамъ хорошій кусокъ баранины и много салату, что все будетъ достаточно для вашего ужина. Гости принимаютъ предложеніе, ужинаютъ и идутъ спать. Тѣмъ часомъ гасконецъ, распустивъ глаза на всѣ стороны, замѣтилъ, гдѣ поставили куропатку, всталъ ночью и съѣлъ ее. Испанецъ промечталъ всю ночь, выдумывая

---

[1]) Отмѣтимъ кстати, что это описаніе ѣды на небѣ составляетъ принадлежность *только* украинскихъ варіантовъ, устнаго и Гаваттовича.

хорошій сонъ на завтра. Когда они встали, испанецъ пришелъ къ хозяйкѣ и говоритъ, что онъ имѣлъ великолѣпный сонъ, что онъ видѣлъ открытыя небеса, что ангелы встрѣтили его очаровательною гармоніей и подняли его къ небу, гдѣ онъ весь былъ окруженъ славой. Вы не могли, сказалъ онъ гасконцу, видѣть во снѣ ничего лучшаго. Я видѣлъ хорошо, какъ вы отправились въ рай, отвѣтилъ гасконецъ, и такъ какъ я подумалъ, что вы не вернетесь оттуда, то и съѣлъ куропатку съ полнымъ правомъ» (a bon compte) [1]).

Очень похожую, только сокращенную, редакцію даетъ нѣкогда столь любимый, а теперь крайне рѣдкій «Письмовникъ Н. Курганова» подъ № 225. «Двое, русакъ да полякъ, будучи въ трактирѣ, спросили ужинать. Хозяйка имъ сказала, что у ней только осталось небольшой кусокъ баранины и одна жареная куропатка. Каждому хотѣлось поѣсть дичинки, и долго о томъ между собой ссорясь, напослѣдокъ согласились покушать баранины, а куропатку съѣсть завтра, кому изъ нихъ привидится лучшій сонъ, и пошли спать. Русакъ, примѣтя, гдѣ положена была та птица, и вставъ ночью, ее убралъ. Полякъ выдумалъ по утру сказать великолѣпный сонъ: я, братъ, былъ ангелами взятъ на небо въ вѣчное блаженство и тебѣ не удастся видѣть такъ хорошаго сна.

«А я видѣлъ, какъ ты полетѣлъ въ рай, отвѣчалъ русакъ, и послѣ того съѣлъ куропатку, думая, что ты уже оттуда не возвратишься».

У насъ нѣтъ теперь подъ рукою «Письмовника» Курганова, и мы не можемъ заняться вопросомъ объ его источникахъ, но очевидная близость кургановской редакціи къ вышеприведенной французской даетъ, кажется намъ, достаточно основаній предполагать,

---

[1]) Un Espagnol et un Gascon en dispute pour une perdrix въ Nouvaux Contes à rire. Amsterdam. 1699 года, стр. 265.—Кстати обратимъ вниманіе на ошибку въ указаніи на это рѣдчайшее изданіе, которая сдѣлана у Le Grand' Aussy въ примѣчаніи къ *фаблео*—les deux bourgeois et le vilain и которую повторяютъ всѣ новѣйшіе писатели объ этомъ предметѣ, въ томъ числѣ Oesterley и г. Пыпинъ, показывая названный выше conte à rire на стр. 273. Разсказъ этотъ нѣкоторыми подробностями (напримѣръ вмѣшательствомъ хозяйки трактира и раздѣленіемъ ѣды на ужинъ и завтракъ) подходитъ къ нѣкоторымъ италіанскимъ варіантамъ (напримѣръ I tre amici) и едвали-ли не пошелъ изъ Италіи. Наиболѣе старый французскій разсказъ, помѣщенный въ собра-

что Кургановъ взялъ свой разсказъ или прямо съ него, или съ какой нибудь его копіи или перевода.

Намъ кажется, что великорусскій устный варіантъ пошелъ отъ Кургановскаго. Въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ у Аѳанасьева (Русскія народныя сказки, III, 491—493) варіантъ этотъ не составляетъ самостоятельной исторіи, а входитъ, какъ эпизодъ, въ разсказъ о томъ, какъ русскій трижды надулъ татарина: разъ на лошади, причемъ жестоко ободралъ лошади татарина кожу на ногахъ, другой на поочередномъ ношеніи другъ друга на рукахъ, причемъ татаринъ представленъ слишкомъ уже глупымъ, а русскій наглымъ, въ третій на курицѣ. «Пришло село; татаринъ съ русскимъ остановились здѣсь ночевать. Изъ съѣстнаго у нихъ была только курица. Какъ двумъ нельзя быть сытымъ одною курицею, то и положили съѣсть ее одному, кому достанется по договору. Татаринъ говоритъ: «давай русскій спать, и кто увидитъ лучше сонъ, тому и курицу ѣсть». Вотъ и лягли. Татаринъ сталъ выдумывать сонъ; пока онъ думалъ, а русскій съѣлъ курицу и заснулъ. Татаринъ выдумалъ наконецъ сонъ, разбудилъ русскаго и спрашиваетъ, что онъ видѣлъ во снѣ? Русскій заставилъ впередъ татарина разсказать сонъ. Татаринъ и говоритъ: «ахъ, русскій! хорошъ сонъ я видѣлъ; будто-бы меня взяли на небо; на небѣ видѣлъ я много ангеловъ; какъ тамъ хорошо!»—«Ну, говоритъ русскій, а я видѣлъ, какъ тебя взяли на небо, подумалъ, что ты оттуда не воротишься, и съѣлъ курицу-то!»—Бѣдный татаринъ остался безо всего, не захотѣлъ странствовать съ русскимъ и ушелъ отъ него (Записано въ моршанскомъ уѣздѣ, тамбовской губерніи).

Украинскій устный разсказъ о *цыганѣ и хохлѣ*, очевидно, принадлежитъ къ одному болѣе тѣсному кругу съ тремя послѣдними разсказами: французскимъ, кургановскимъ и устнымъ велико-

---

ніи Le Grand' Aussy, есть очевидно непосредственная передѣлка изъ П. Альфонса; послѣдующій затѣмъ по времени, помѣщенный у Chappays, Les Facetieuses journées (Paris, 1584 г., стр. 151), есть прямое заимствованіе италіанской новеллы изъ Gonello Scelta di facezie, buffonerie, motti e burle (издано много разъ; мы сравнивали по веронскому изданію 1586 г., стр. 49). Характеристичная особенность варіанта I tre amici состоитъ въ томъ, что въ немъ подъ конецъ всѣ товарищи хохочутъ надъ находчивымъ путникомъ и всѣ угощаютъ его на слѣдующей станціи.

русскимъ, при всѣхъ своихъ литературно-художественныхъ отличіяхъ, которыя читатель самъ, вѣроятно, замѣтилъ и безъ нашихъ указаній. Но само собою разумѣется, что два послѣдніе разсказа не могутъ быть даже и заподозрѣны въ возможности быть родителями, ни прямыми, ни посредственными, украинскаго разсказа. Скорѣе возможна филіальная связь этого послѣдняго съ французскимъ, или подобнымъ ему, или сицилійскому съ италіанскимъ, особенно при посредствѣ какого нибудь польскаго или балканскаго варіанта. Къ сожалѣнію, намъ по крайней мѣрѣ, не извѣстенъ ни одинъ польскій, ни вообще западно-славянскій варіантъ, хотя подобные разсказы навѣрное существуютъ и въ устныхъ, а можетъ быть и въ старинныхъ письменныхъ произведеніяхъ поляковъ и другихъ западныхъ славянъ. Замѣтимъ также, что въ извѣстныхъ намъ варіантахъ нѣмецкихъ, которые должны-бы были стать посредниками между французскими и вообще романскими, и польскими и др. западно славянскими варіантами (какъ это замѣчается во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ), въ данной исторіи выводятся три лица, а не два, какъ въ французскомъ, сицилійскомъ и украинскомъ разсказѣ [1]). Изъ варіантовъ балканскихъ у насъ нѣтъ ни одного подъ рукою, хотя на существованіе ихъ есть литературное указаніе. Такъ г. Пыпинъ въ указанной выше статьѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1856 г., № IV, говоритъ о «болгарскомъ анекдотѣ», въ которомъ «болгаринъ такимъ-же образомъ обманываетъ турецкаго ходжу», но не называетъ источника этого своего показанія, что тѣмъ болѣе жаль, такъ какъ болгарская письменность разбросана въ разныхъ, совсѣмъ почти невозможныхъ къ собиранію изданіяхъ. Анекдота, подобнаго цитируемому г. Пыпинымъ, не находимъ мы и въ единственномъ до сихъ поръ извѣстномъ указателѣ болгарскихъ сказокъ и новеллъ г. Сырку въ Archiv. für die Slavische Philologie (B. IV, 130—133) Г. З. Стояновъ изъ Пловдива письменно сообщаетъ намъ, что въ Болгаріи существуетъ подобный устный разсказъ по турецки и по болгарски,

---

[1]) Goedeke, Deutsche Dichtung im Mittelalter, 1871 года, стр. 166, (басня Ульрика Боннера) Camerarius († 1574 г.) у Lange, Democritus ridens, Ulmae, 1689 года, стр. 107 (съ подставкою Юпитера и Плутона вм. христіанскихъ лицъ). Всѣ эти нѣмецкіе варіанты книжные.

но въ немъ дѣйствуютъ три лица,—дервиши у турокъ, и просто путники у болгаръ, предметъ спора—пирогъ. Такимъ образомъ, покамѣстъ мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго о возможности посредничества балканскихъ народовъ въ передачѣ въ украинскую область италіанскаго или-же прямо арабскаго разсказа о лучшемъ снѣ,—посредничества, которое въ другихъ случаяхъ, напр. въ дѣтѣ распространенія новеллы объ уступчивомъ мужѣ, котораго пѣтухъ научилъ не слушаться жены, можетъ быть доказано [1]). Впрочемъ италіанскій образецъ нашего разсказа могъ дойти въ Украйну и прямымъ путемъ, такъ какъ до конца XV в. отношенія италіанцевъ къ украинцамъ были, благодаря колоніямъ на Черномъ морѣ и поселеніямъ италіанцевъ въ торговыхъ пунктахъ на Днѣстрѣ и Днѣпрѣ, гораздо болѣе близки, чѣмъ это обыкновенно думаютъ.

Надо впрочемъ отмѣтить одну черту въ украинскомъ разсказѣ о цыганѣ и хохлѣ, которая даетъ основаніе считать редакцію этого разсказа древнѣе, если не хронологически, то морфологически, чѣмъ редакція сицилійская и французская въ Nouvaux contes à rire. Мы разумѣемъ упоминаніе о лѣстницѣ, по которой цыганъ и потомъ хохолъ взлѣзли на небо. Эта лѣстница существуетъ въ Gesta Romanorum, куда она попала, какъ очевидно изъ описанія ея, изъ библейскаго разсказа о видѣніи Іакова; но она атрофировалась въ варіантѣ сицилійскомъ и Nouvaux contes à rire, очевидно образовавшемся постепенно изъ приклада Gesta Romanorum. Сказанное даетъ основаніе предполагать, что разсказъ о цыганѣ и хохлѣ образовался самостоятельно изъ этого приклада, параллельно тому, какъ образовались изъ него разсказы романскіе.

Такимъ образомъ теперешній устно-народный разсказъ во всякомъ случаѣ происхожденія не мѣстнаго и не устнаго, а иностраннаго и книжнаго, и появился на Украйнѣ не раньше появленія въ ней Gesta Romanorum, т. е. ни какъ не раньше XVI вѣка. Сравнивая этотъ разсказъ съ интермедіей Гаватговича, мы видимъ,

---

[1]) Новелла эта тоже индійская, попала въ 1001 ночь, потомъ къ итальянцамъ, балканцамъ и къ намъ. См. Benfey, Orient und Occident, II, 133—171; Вука Караджича, Српске нар. припов., № 3, Erben, Sto prostonar pohodek, № 75; Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія, стр. 75—76; Аѳанасьевъ, № 139; Kolberg, Lud., т. VIII, стр. 216; Ровинскій, Русскія народныя картинки, т. V, стр. 189.

что редакція его позднѣе редакціи интермедій, уже по одному тому, что въ немъ выведено два лица, а не три. Сама-же эта интермедія, не смотря на юмористическія украшенія ея, явно близка къ прикладу «Римскихъ дѣяній», такъ что можетъ быть вопросъ только о томъ, съ какой редакціи этихъ дѣяній передѣлывалъ ее Гаваттовичъ, прямо-ли съ латинской (что очень вѣроятно) или съ польской, или-же съ нѣмецкой [1]).

Впрочемъ, какъ относительно этой, такъ и относительно первой интермедіи, возможенъ еще одинъ вопросъ, а именно: не нашелъ-ли Гаваттовичъ обѣ эти интермедіи въ готовыхъ передѣлкахъ изъ разсказовъ объ Ulenspegel'ѣ и трехъ путникахъ въ драматическую форму на нѣмецкомъ языкѣ, или на польскомъ?

Мы не имѣетъ подъ рукою всѣхъ нужныхъ матеріаловъ для рѣшенія послѣдняго вопроса, какъ потому, что въ томъ провинціальномъ мѣстѣ, въ которомъ мы пишемъ настоящую статью, нѣтъ всѣхъ изданій по исторіи нѣмецкаго и даже польскаго театра, такъ и потому, что исторія польскаго театра и даже новеллъ на польскомъ языкѣ слишкомъ мало разработана до сихъ поръ даже съ чисто матеріальной стороны. А потому мы оставляемъ этотъ вопросъ открытымъ: faciant meliora potentes.

---

[1]) Польская редакція Gesta Romanorum теперь неизвѣстна ученому міру. Между тѣмъ трудно предположить, чтобъ этотъ памятникъ, переведенный на всѣ почти европейскіе языки (кромѣ итальянскаго и испанскаго, на которыхъ впрочемъ значительная часть его повѣстей существуютъ въ другихъ редакціяхъ) не былъ переведенъ въ свое время на польскій языкъ. По крайней мѣрѣ нѣкоторыя русскія рукописи этого сборника носятъ заглавіе въ такомъ родѣ: «Исторія изъ римскихъ дѣяній новопереведена и списана съ друкованой (или печатанной) польской книжицѣ и языка на рускій (или словенскій)». А одно заглавіе говоритъ еще болѣе детально: «Исторіи розмаитыя... выписано изъ римскихъ и изъ иныхъ книгъ... Печатаны въ Краковѣ въ типографіи пана Войтека Секѣльновича, типографа его королевскаго величества польскаго, въ лѣто отъ Христова Рожденія 1663-е. Нынѣ-же милостью великаго Бога съ польскаго языка на словенскій переведены въ лѣто 7199 (1691) году» (Пыпинъ, Очеркъ лит. ист. стар. повѣстей, стр. 183—185). Петербургскіе издатели рукописи Римскихъ Дѣяній, на которой *уже въ настоящемъ столѣтіи* кто-то сдѣлалъ надпись: «Древнія повѣсти съ прикладами или собраніе разныхъ полезнозабавныхъ исторій съ уравненіями, то есть прикладовъ, или примѣровъ съ выкладами, или нравоучительными выводами, писанныхъ словено-польскимъ нарѣчіемъ для забавы и пользы чтущихъ

Оговаривая сами пробѣлы въ нашемъ изслѣдованіи, мы считаемъ нашу цѣль достигнутою, если мы смогли намѣтить главнѣйшія точки соприкосновенія интермедій Гаваттовича какъ съ письменною, такъ и устною словесностью разныхъ народовъ, и основы генеалогіи темъ этихъ интермедій, и тѣмъ убѣдили читателя въ иностранномъ и книжномъ ихъ происхожденіи.

Мы потому между прочимъ считаемъ нужнымъ настаивать на этомъ послѣднемъ положеніи и даже нѣсколько горячо полемизировать съ противнымъ мнѣніемъ, высказаннымъ редакціей «Кіевской Старины», что предположивъ туземно-народное содержаніе старѣйшихъ русскихъ драматическихъ сценъ, мы получили-бы всю исторію русскаго театра и даже всей культуры на Руси совсѣмъ не такой, какова она была въ дѣйствительности.

О, если-бы наша литература, хотя-бы даже одна драматическая (что, конечно, невозможно) началась съ мѣстно-народнаго содержанія! Тогда совсѣмъ иное мѣсто, и въ прошломъ, и въ настоящемъ, занималъ-бы нашъ народъ на культурно-исторической сценѣ.

Въ дѣйствительности мы видимъ, что письменность на Руси, возникшая при церковно-византійскомъ вліяніи, началась съ вполнѣ отрицательнаго отношенія къ мѣстно-народному содержанію и даже удалялась отъ него и по формѣ, своимъ иностраннымъ, церковнославянскимъ языкомъ. Правда, довольно скоро послѣ своего начала, эта письменность, какъ и вообще культура на Руси, стала проникаться свѣтскими интересами и сближаться съ мѣстно-народною жизнью: въ лѣтописаніи, въ которомъ и трудно было совсѣмъ уже забыть эту послѣднюю, въ поэзіи (Слово о полку Игоревѣ) и даже

и слышащихъ. Въ Могилевѣ, 1688 года», предполагаютъ, что собственно польскаго перевода и не было, а польскій языкъ, упоминаемый въ указанныхъ заглавіяхъ былъ западно-русскій языкъ, казавшійся польскимъ или славяно-польскимъ московскимъ грамотѣямъ. Но изъ самыхъ упомянутыхъ заглавій видно, что нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно сдѣланы не москвичами, а западными русскими, которые никакъ не могли смѣшать своего языка (русскаго или словенскаго, какъ въ старину иногда его звали) съ польскимъ и никогда не назвали-бы кирилловскаго шрифта книжицы польскимъ (латинскимъ-же шрифтомъ русскія книги тогда не печатались). Нѣтъ, друкованныя польскія книжицы Римскихъ Дѣяній должны были быть въ XVII вѣкѣ.

въ самой церковной живописи (старыя мозаики и особенно фрески кіевскія). Но эта эвомоція скоро какъ-то оборвалась на всѣхъ пунктахъ вмѣстѣ съ концемъ кіевскаго періода русской исторіи. Какъ произошелъ этотъ обрывъ, почему и даже въ какой степени онъ былъ великъ, это еще довольно темно и останется темнымъ, пока не будетъ разработана, какъ слѣдуетъ, исторія Руси въ XIII—XV вв., но только обрывъ въ культурномъ развитіи Руси послѣ XII в., и въ томъ числѣ ослабленіе вниманія къ свѣтскому и мѣстно-народному элементу, въ литературѣ даже въ Кіевской Руси того времени составляетъ фактъ очевидный. Замѣчательно, что даже византійская свѣтская культура и византійскіе опыты «возрожденія» очень мало коснулись тогдашней Руси, даже кіевской.

Только въ XVI в. уже западно-европейская свѣтская культура и западно-европейское «возрожденіе», принявшее въ себя струю византійскаго классицизма, начинаетъ проникать на Русь, конечно, вначалѣ на западъ ея, хотя въ своей болѣе отсталой, архаической формѣ, и порождаетъ здѣсь болѣе реалистическое направленіе въ литературѣ, которое постепенно приводило къ сближенію письменности съ мѣстно-народною жизнью въ содержаніи и формѣ. На первыхъ порахъ, напр. въ драматической литературѣ, впервые возникшей у насъ прямо подъ западнымъ вліяніемъ, первые опыты были чисто переводные, и мѣстный народный элементъ явился въ нихъ только, какъ нѣкоторая ретушировка. Это имѣло мѣсто не только въ драмахъ, сначала вполнѣ клерикальныхъ, но и въ комедіяхъ. При этомъ замѣчательно, что первый опытъ этихъ комедій, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и *первый опытъ писанія на чисто-народномъ русскомъ языкѣ*, интермедіи Гаваттовича явились на почвѣ, вполнѣ отрѣшившейся отъ условій старѣйшей русской литературы: авторъ ихъ человѣкъ заграничнаго, западнаго воспитанія и врядъ-ли православный, а по всей вѣроятности католикъ, какъ докторъ Скорина, первый переводчикъ *Руской Библіи;* произведеніе его является при драмѣ католической, писанной на языкѣ польскомъ. Только спустя извѣстное время подобныя произведенія являются о бокъ съ православною церковною драмой, переведенной съ латин-

скаго или польскаго на языкъ церковно-славянскій съ народными примѣсями. Мы разумѣемъ *вертепныя* интермедіи, которыя къ половинѣ XVIII в. начинаютъ развиваться въ комедію бытовую (у Довгалевскаго даже съ соціально-политическимъ оттѣнкомъ), между тѣмъ какъ рядомъ съ религіозной драмой пробуетъ утвердиться на сценѣ драма національная (Милость Божія, Украйну свободившая).

Но тутъ наступаютъ новыя условія, задержавшія дальнѣйшее развитіе южно-русскаго театра противъ тѣхъ надеждъ, какія онъ сталъ было подавать въ XVII—XVIII вв.

П. Кузмичевскій.

АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ.

1580 (?)—1653 г.

(Историко-біографическій очеркъ).

(*Продолженіе*) [1]).

V.

Страшныя пораженія, нанесенныя Хмельницкимъ польскимъ войскамъ, заставили встрепенуться короля и всю Рѣчь Посполитую. Послѣ разгрома подъ Корсуномъ пришлось вступить съ нимъ въ переговоры, и веденіе ихъ было возложено на Киселя, въ качествѣ комиссара Рѣчи Посполитой. Ходъ этихъ переговоровъ обстоятельно изложенъ у Костомарова, въ его монографіи: «Богданъ Хмельницкій»; мы не будемъ слѣдить за ними въ общемъ ходѣ событій того времени, лишь отмѣтимъ здѣсь въ порядкѣ времени и въ общихъ чертахъ факты, имѣющіе прямое біографическое значеніе.

Выѣхавъ изъ Задвѣпровья въ апрѣлѣ 1648 г., Кисель пробывалъ недолго въ своемъ волынскомъ имѣніи Гущѣ, откуда велъ первые переговоры съ Хмельницкимъ, посылая письма черезъ монаховъ Гущскаго монастыря, преимущественно черезъ Петронія Ласка. Отсюда онъ поѣхалъ въ Варшаву на конвокаційный, созванный по случаю смерти короля Владислава, сеймъ, начавшійся 16 іюля. Представивъ въ засѣданіи 17 числа отчетъ о своемъ посольствѣ въ

[1]) См. «Кіевская Старина» 1885 г., октябрск. кн., стр. 204—219.

Москву, относительно упорядоченія границъ и союза противъ татаръ, Кисель изложилъ вкратцѣ (summarie) и свои переговоры съ Хмельницкимъ, при чемъ коснулся причинъ возгорѣвшейся козацкой войны и постигшихъ въ ней польскую армію неудачъ. Первыя онъ указывалъ въ исконной враждебности татаръ, и безъ того уже пустившихся въ набѣгъ на польскія владѣнія, а также въ притѣсненіи козаковъ и обремененіи ихъ повинностями, вторыя-же, по его мнѣнію, произошли отъ неосмотрительности командовавшихъ войсками гетмановъ и излишней поспѣшности, съ какою рѣшились они углубиться такъ далеко въ Русь, волнуемую подговорами, имѣя слишкомъ мало войска, да и то раздвоеннаго; много повредили и раздоры гетмановъ между собою. На запросъ относительно королевскихъ листовъ, предписывавшихъ козакамъ строить челны и идти на море, Кисель отозвался невѣдѣніемъ, прибавивъ только, что отъ гетмана Потоцкаго онъ слыхалъ, будто такіе листы были даны давно уже, когда замышлялась война противъ Турціи, и что Хмельницкій выдалъ ихъ предъ козаками за только-что полученные [1]). Трудно судить, въ какой мѣрѣ правдиво показаніе Киселя о «невѣдѣніи» его по послѣднему пункту...

Любопытно, что, несмотря на непріятныя сейму заявленія Киселя, никто не рѣшился предъявить ему самому возникшаго въ это время противъ него весьма важнаго обвиненія, въ оказаніи имъ помощи козакамъ. Обвиненія эти возникли изъ показанія плѣннаго козацкаго эмиссара Яремы Кончевича, который, говоря о присылкѣ козакамъ оружія, пороху и снарядовъ отъ разныхъ лицъ, и между прочимъ отъ владыкъ: львовскаго Арсенія Желиборскаго и луцкаго Аѳанасія, оговорилъ въ томъ-же и Киселя. Относительно его онъ высказался лишь въ послѣднемъ допросѣ [2]), и это даетъ поводъ думать, не навели-ли Ярему на обвиненіе Киселя вопросы самихъ слѣдователей и не былъ-ли Кисель и безъ того въ подозрѣніи у поляковъ, хотя весьма возможно, что слухъ о присылкѣ Киселемъ въ Бровары пороху, двухъ пушекъ и пятидесяти гаковницъ для козаковъ былъ распущенъ ихъ-же начальствомъ, для поднятія

[1]) Памятники, т. I, отдѣлъ 3, №№ 7, 15, 17, 38; Michałowski, №№ 14, 22, 32, 40, 54 (дневникъ сейма).

[2]) Памятники, т. I, отд. 3, №№ 11 и 13; Michałowski, №№ 48 и 49.

духа возставшихъ. Какъ-бы ни было, но показаніе Яремы, не бывъ опровергнуто и будучи опубликованнымъ (оно было внесено въ книги города Галича), должно было только усиливать недовѣріе поляковъ къ Киселю. Нечего поэтому удивляться, что, когда въ сеймовомъ засѣданіи 23 іюля, зашла рѣчь о выраженіи благодарности Киселю за понесенные труды и успѣшные переговоры съ козаками, депутаты заспорили прежде о томъ, въ какой формѣ выразить ее: коллективно, отъ всего сейма, или-же частно, отъ каждаго члена порознь, а потомъ «такъ и оставили это дѣло, ни на чемъ не остановившись», какъ сказано въ дневникѣ сейма (стр. 122).

На сеймѣ рѣшено было учредить особую коммисію для переговоровъ съ козаками: но и тутъ безъ Киселя обойтись было не возможно; онъ былъ поставленъ во главѣ коммисіи [1]) и поспѣшилъ уѣхать, не дожидая конца конвокаціи; сеймъ закрытъ 1 августа, а слѣдующій день застаетъ Киселя на Полѣсьи, въ Ровнѣ. Изъ коммисіи ничего правда не вышло: вмѣсто переговоровъ, начались небольшія стычки, а окончилось все жестокимъ пораженіемъ поляковъ подъ Пилявцами. До извѣстной степени виною возобновившейся войны была излишняя медлительность самого Киселя, который подвигался на встрѣчу Хмельницкому словно въ потьмахъ, блуждая изъ стороны въ сторону, потерявъ цѣлый мѣсяцъ на переходъ отъ Ровна до Старо-Константинова. Онъ дѣйствовалъ съ крайнею осторожностью, боясь нарушить чѣмъ нибудь перемиріе, сдерживалъ свой двухтысячный отрядъ отъ сшибокъ съ козаками, вступалъ съ ними въ переговоры, настойчиво требовалъ соблюденія перемирія отъ начальниковъ польскихъ войскъ; но все это не приводило ни къ чему. Вокругъ его кипѣло и переливалось недисциплированное народное возстаніе, возникали и разсыпались отряды, номинально признававшіе главенство Хмельницкаго, но дѣйствовавшіе совершенно самостоятельно, такъ что часто онъ не зналъ даже о ихъ существованіи; съ другой стороны въ рядахъ польской арміи дисциплина, слабая и прежде, упала теперь до крайности, въ замѣнъ

[1]) При немъ были познанскій подстолій Александръ Сельскій, перемышльскій подкоморій Францишекъ Дубравскій и мозырскій подкоморій Михаилъ Обуховичъ. Michałowski, стр. 163; Памятники, стр. 238; Дневникъ похода комиссаровъ у Михаловскаго, № 70.

плѣненныхъ Хмельницкимъ гетмановъ, правительство, помимо даровитаго и особенно ненавидѣвшаго козаковъ князя Іереміи Вишневецкаго, назначило еще трехъ военачальниковъ, равныхъ по власти; Вишневецкій-же былъ слишкомъ гордъ, чтобъ подчиниться Заславскому, Остророгу или молодому Конецпольскому, и слишкомъ упрямъ и непокоренъ, чтобы соблюдать не имъ заключенное перемиріе. Глядя на главныхъ начальниковъ, какъ они спорили между собою и не уступали другъ другу, каждый начальникъ подъѣзда (небольшого самостоятельнаго отряда) тоже никого не слушалъ, былъ самъ для себя главнокомандующимъ. На глазахъ Киселя берутъ козаки городъ Острогъ; онъ успѣваетъ договориться съ ними, что его не только пропустятъ черезъ городъ, но и будутъ служить авангардомъ, очищать путь къ Хмельницкому. Стороны обмѣнялись заложниками, какъ вдругъ нападаетъ на городъ отрядъ Сокола изъ войска Вишневецкаго; козакамъ кажется, что Кисель и переговоры ведетъ, и войну,—они убиваютъ нѣсколько заложниковъ, и только отъ плѣнника узнаютъ о своей ошибкѣ. Не успѣли отойти комиссары дальше, минуя Острогъ, сюда является новый подъѣздъ Голуба и Аксака и сжигаетъ предмѣстье. Между тѣмъ, далеко позади комиссарскаго лагеря являются пришлые или возникаютъ мѣстные козацкіе отряды, берутъ Луцкъ, Клевань, Олыку. Между поляками распространяются всяческія клеветы и обвиненія противъ Киселя, не только въ письмахъ намекаютъ на его измѣну, но во всемъ войскѣ возбуждена къ нему жесточайшая ненависть: когда онъ догналъ наконецъ войска, то прибывшій съ нимъ отрядъ наслушался здѣсь такихъ вещей, что почти всѣ его бросили. «Осталось только при немъ, презрительно пишетъ одинъ изъ очевидцевъ, нѣсколько десятковъ его собственной сволочи» (chałastry). А съ другой стороны коритъ Хмельницкій, перехватившій письмо Киселя въ Москву, дружелюбное къ ней и предостерегающее отъ вѣроломства козаковъ; вдобавокъ кто-то «изъ первыхъ пановъ» чернитъ Киселя передъ Хмельницкимъ: «вамъ онъ говоритъ одно, а здѣсь въ Варшавѣ другое». Львовскій архіепископъ Красновскій договаривалъ и то, чего не рѣшались, быть можетъ, сказать другіе: «Кисель въ переговорахъ извиняетъ содѣянное козаками зло и на этомъ основываетъ трактаты; извиняетъ и самихъ враговъ,—на то онъ *Русинъ*». На просьбы Киселя, чтобы враждебныя войска не сближа-

лись, отвѣчали ему съ насмѣшкой, что «при обнаженной саблѣ быстрѣе идутъ переговоры». Нападали открыто на обозъ Киселя, хватали находившихся тамъ въ плѣну или въ заложникахъ значныхъ козаковъ и рубили имъ головы. Самого его съ отрядомъ задержали насильно въ общемъ лагерѣ. Чѣмъ больше было у шляхты хвастливой самонадѣянности, тѣмъ презрительнѣе относилась она къ старшему своему комиссару, т. е. посланнику. Необходимы были жестокіе уроки Пилявецъ, а еще болѣе Збаража и Зборова, чтобы заставить ее образумиться, и тогда только стали соблюдать въ отношеніи Киселя хоть нѣкоторую внѣшнюю сдержанность [1]).

Вслѣдъ за пилявецкимъ пораженіемъ (23 сентября), откуда Кисель отступилъ послѣднимъ [2]), собрался сеймъ для избранія короля. На немъ пришлось выступать и Киселю, и рѣчи его здѣсь заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Въ засѣданіи 10 октября шла рѣчь о средствахъ для достиженія мира съ козаками. Кисель не отрицалъ мѣръ, предложенныхъ другими, но находилъ ихъ несвоевременными палліативами и настаивалъ на немедленномъ въ тѣхъже видахъ избраніи короля: «необходимость заставляетъ вступить снова въ переговоры съ козаками; но невозможно вести ихъ отъ имени «Рѣчи Посполитой», а надо прежде избрать короля, не говорю—того или другаго (т. е. королевичей), а кого Богъ на душу положитъ. Хмельницкаго въ надписяхъ ему титулуютъ «старшимъ войска Рѣчи Посполитой», а онъ подписывается «старшій войска короля его милости». Благоволите увѣдать, что у этихъ хлоповъ *majestas Reipublicae* ничего не стоитъ. «А що то есть Ржечъ Посполита? говорятъ они, и мы также Ржечъ Посполита! Але король, то у насъ панъ». Король, повторяю, это для нихъ нѣчто божественное. Да всякому притомъ, и мнѣ самому, больше будетъ охоты идти при государѣ: онъ будетъ личнымъ свидѣтелемъ и цѣнителемъ трудовъ каждаго. Скажу открыто, что думаю, какъ въ свободной республикѣ: какая намъ теперь отъ Рѣчи Посполитой благодарность? Всѣ вы только браните насъ,—слава Богу, что хоть не бьете!»

Такъ, подъ давленіемъ личныхъ непріятностей, здравый смыслъ взялъ въ Киселѣ верхъ надъ шляхетскими воззрѣніями. Ѣдко за-

[1]) Michałowskiego Księga, №№ 63—92. Памятники, т. I, отд. 3, №№ 40—46, 50, 52.

[2]) Michał., стр. 207 и 236.

кончилъ онъ свою вторую рѣчь въ этотъ день. «Вы боитесь злоупотребленій королевской власти, хлопочете о гарантіяхъ? Есть и на это средства. Но если, вмѣсто скорѣйшаго избранія короля, станемъ заниматься возможными злоупотребленіями, то и права наши пойдутъ къ дьяволу, и вольности къ двумъ чертямъ, а наши шеи—подъ острую саблю пана Богдана!» Много еще разъ приходилось говорить Киселю на этомъ сеймѣ, то отвѣчая иногда на личные нападки, то чаще по дѣламъ государственнымъ. Не одинъ только ораторскій талантъ обнаруживалъ онъ, но и серьезное политическое пониманіе, и гражданское мужество. Зная о всеобщей почти враждѣ къ нему, онъ упорно настаивалъ на мѣрахъ, какія основательно считалъ необходимѣйшими, и не стѣснялся громить сеймъ за то, что каждый здѣсь хочетъ избирать короля для себя лично, по своему вкусу, а не для государства. Подъ такое обвиненіе вполнѣ подходилъ, между прочимъ, и родной братъ Адама, Николай, который тоже настаивалъ на скорѣйшемъ избраніи короля, но по совершенно инымъ мотивамъ, чисто эгоистическимъ. «Поскорѣе, говорилъ онъ, надо намъ такого государя избрать, чтобы съумѣлъ укротить непріятеля: въ томъ для меня умиротвореніе, кто меня водворитъ въ моемъ дому». Засѣданія сейма были необычайно бурны, въ преніяхъ господствовалъ полный безпорядокъ, говорили, что кому вздумается, подъ часъ даже такое, о чемъ, по замѣчанію составителя дневника, «sromota i pisać», сидѣли послы, по его-же выраженію, «na tych bajkach», другъ друга укоряя: одинъ напр. намекалъ другому, что онъ подкупленъ, а тотъ отвѣчалъ, что «я-де не состою, подобно вамъ, при чужихъ сервизахъ», и т. д. Неудивительно, что при господствѣ такихъ взглядовъ и такого порядка зрѣло обдуманныя предложенія Адама Григорьевича, хотя и находили многихъ сторонниковъ, но не были принимаемы сеймомъ, и избраніе короля затянулось на семь недѣль.

Смѣлыя рѣчи Киселя на сеймѣ, его здравые политическіе взгляды оцѣнили избранный наконецъ въ короли Янъ Казиміръ и близкіе къ нему сановники. Еще до формальнаго его избранія, лишь только состоялось на сеймѣ предварительное соглашеніе, тотчасъ былъ посланъ отъ него къ Хмельницкому Смяровскій. Въ то-же самое время Хмельницкій, въ свою очередь желавшій избранія въ короли Казиміра и извѣщенный о благопріятномъ вліяніи

его желанія на ходъ сеймовыхъ дѣлъ, поспѣшилъ изъ-подъ осажденнаго имъ Замостья послать къ сейму письмо въ примирительномъ духѣ черезъ іезуита ксендза Гунцель-Мокрскаго. Послѣдній прибылъ въ Варшаву еще до закрытія сейма, но уже послѣ торжественнаго нареченія короля и присяги его на *пакта-конвента*. Черезъ Мокрскаго были предъявлены Хмельницкимъ и главныя условія мира: всеобщая амнистія, уничтоженіе уніи, подтвержденіе «старинныхъ» козацкихъ вольностей и подчиненіе козаковъ непосредственно королю, помимо гетмановъ. На другой-же день, 25 ноября, король, съ согласія сейма, послалъ Хмельницкому благопріятный отвѣтъ, а около мѣсяца спустя тотъ-же отвѣтъ повторенъ подробнѣе и опредѣленнѣе: теперь король благодаритъ Богдана за прекращеніе военныхъ дѣйствій и отступленіе отъ Замостья, обѣщаетъ изъять козачество изъ-подъ власти коронныхъ гетмановъ и уладить вѣроисповѣдный вопросъ согласно желанію козаковъ. Для установленія подробностей обѣщана была особая коммисія, которая должна была привезти Хмельницкому подтвержденіе его въ гетманскомъ достоинствѣ, булаву и знамя [1]).

Во главѣ этой-то коммисіи поставленъ былъ опять Адамъ Григорьевичъ Кисель; при немъ состояли: львовскій подкоморій Войцехъ Мясковскій, брацлавскій подкоморій князь Захарій Четвертинскій, мозырскій подкоморій Ѳедоръ-Михаилъ Обуховичъ, новгородсѣверскій хорунжій Кисель Николай, брацлавскій подчашій Зеленскій, недавній королевскій посланецъ Смяровскій и другія второстепенныя лица. Королевское письмо къ Хмельницкому привезъ кармелитъ ксендзъ Лентовскій, замѣнившій въ этой обязанности умершаго къ этой порѣ іезуита Мокрскаго. Посольство отправилось, по обычаю того времени, съ великою пышностью: свита Киселя превышала двѣсти человѣкъ, Кисель везъ съ собою богатые серебряные сервизы, ему сопутствовала даже его жена. Очевидно, будущій кіевскій воевода надѣялся на благопріятный исходъ своей миссіи, разсчитывалъ по ея окончаніи возвратиться на свои пепелища, остаться въ своихъ украинскихъ владѣніяхъ.

---

[1]) Дневникъ сейма, Michal., стр. 235, 237, 249, 311, 312, 354, 359, 360; тоже 213, 214, 217—219 и 369. Акты южной и западной Россіи, т. III, № 243, особенно стр. 284—285.

Надежды его не оправдались, посольство окончилось столь-же неудачно, какъ и въ предыдущемъ году.

Причина этой неудачи заключалась главнымъ образомъ въ личныхъ взглядахъ Киселя на развернувшееся теперь возстаніе и на способы къ его усмиренію. Въ возстаніи Хмельницкаго онъ видѣлъ лишь стремленіе козаковъ добиться облегченія своего положенія и возстановленія своихъ старинныхъ правъ, но никакъ не хотѣлъ признать за нимъ значенія общенароднаго движенія; точнѣе говоря, онъ признавалъ законность требованій однихъ лишь козаковъ и знать не хотѣлъ того, чего именемъ козачества добивалось теперь все поспольство, или чернь. Коренная его ошибка заключалась въ томъ, что онъ не въ состояніи былъ надлежащимъ образомъ оцѣнить разницу между козацкими движеніями конца XVI и первой трети XVII вѣка, когда дѣло шло только о правахъ козаковъ, сначала однихъ реестровыхъ, потомъ по преимуществу «выписчиковъ», т. е. исключенныхъ изъ реестра, и нынѣшнимъ возстаніемъ общенароднымъ, когда козачество отождествило свои сословные интересы съ интересами всего крестьянства. Теперь центръ тяжести перемѣстился, дѣло было уже не въ козакахъ, а въ самихъ настоящихъ хлопахъ; но именно этого Кисель понять не могъ по своимъ шляхетскимъ убѣжденіямъ. «Неразумная чернь, писалъ онъ о народѣ къ примасу Лубенскому, увлечена Хмельницкимъ, будто онъ ей благопріятствуетъ»,—и не обращалъ никакого вниманія на интересы народной массы, а относительно козаковъ выражался такъ: «козаки угнетены болѣе простыхъ хлоповъ, съ ними обращаются какъ не можетъ быть хуже». Изыскивая затѣмъ способы къ умиротворенію козачества и усмиренію самаго возстанія, Кисель не зналъ, что дѣлать, на что рѣшиться: совѣтовалъ напримѣръ еще въ началѣ возстанія занять укрѣпленныя мѣста наемными войсками, какъ можно скорѣе войти въ сношенія съ Москвой, чтобы удержать ее въ дружбѣ, но и тутъ успокоиться не могъ: «одна кровь, одна вѣра,—трудно на нихъ полагаться»; предлагалъ обратиться къ Портѣ, чтобы она воздержала хана отъ помощи козакамъ, но и въ этомъ не считалъ себя увѣреннымъ и, возвращаясь снова къ тѣснѣйшему союзу съ Москвою, заключалъ: «а то, что намъ приключилось отъ нашихъ хлоповъ, приходится молча проглотить, козакамъ-же открыть Эвксинскій Понтъ и наконецъ заключить съ ними договоръ, какъ это ни

тягостно» [1]). Но именно договоръ съ козаками и трудно было заключить, потому что требованія Хмельницкаго были, какъ мы уже видѣли, совсѣмъ иныя.

Другою причиною неудачи, какую потерпѣла коммисія, назначенная для переговоровъ съ Хмельницкимъ, была медленность, съ какою она двигалась въ ту пору, когда надо было выигрывать каждый день и часъ. Мы прослѣдимъ ея путь по дневнику одного изъ ея членовъ, Войцеха Мясковскаго [2]).

Кисель уѣхалъ изъ Варшавы раньше другихъ, Мясковскій догналъ его уже въ Кобринѣ; по пути черезъ Гущу и Корецъ, комиссія достигла границы кіевскаго воеводства, р. Случи, которая теперь, по предварительному уговору съ Хмельницкимъ, служила демаркаціонною линіею между польскими и козацкими войсками. На Случи, въ Звягдѣ, комиссаровъ встрѣтилъ полковникъ Донецъ съ сотникомъ Тышею и четырьмя стами козаковъ, назначенныхъ имъ въ конвой. Въ Новоселкахъ, имѣніи жены Киселя [3]), послы прожили цѣлую недѣлю въ ожиданіи отвѣта отъ гетмана, къ которому послали въ Чигиринъ Четвертинскаго, извѣщая о своемъ прибытіи. Уже здѣсь Киселю пришлось наткнуться на непріятности отъ крестьянъ, относившихся къ своимъ помѣщикамъ крайне враждебно. Чѣмъ далѣе подвигались комиссары, тѣмъ путь ихъ становился труднѣе. Край оказался опустошеннымъ въ конецъ, трудно было достать что либо съѣстное или фуражъ для лошадей. Въ Бѣлогородкѣ комиссары узнали, что ихъ не хотятъ впустить кіевляне въ городъ; населеніе всюду относилось къ нимъ въ высшей степени непріязненно: чуть кто изъ свиты комиссіи отлучится въ сторону, такъ на него и нападутъ; нѣсколько человѣкъ было убито по дорогѣ еще въ Черняховѣ. Извѣстія о Хмельницкомъ получались самыя неблагопріятныя. Въ Бѣлгородку къ Киселю пріѣзжалъ на секретный разговоръ митрополитъ изъ Кіева, а съ нимъ чернецы; они-то и вѣсти передавали, разсказывали о

---

[1]) Памятники, т. I, отд. 3, № 75 Michał. Ks., № 14.

[2]) Памятники, т. I, отд. 3, № 57; Niemcewicz, Zbiór pamiętników o dawniej Polsce, т. IV; Michałowskiego Księga, № 103.

[3]) Гуща имѣніе Киселя, теперь Гоща мѣстечко острожскаго уѣзда, на р. Горынѣ; Корецъ мѣстечко новоградволынскаго уѣзда; Звягель нынѣ Новоградъ-Волынскъ; Новоселки село кіевскаго уѣзда, на Ирпенѣ, къ востоку отъ м. Бышева. Черняховъ мѣстечко недалеко къ сѣверу отъ Житоміра.

сношеніяхъ Богдана съ молдавскимъ господаремъ, которыя черезъ нихъ-же ведутся, и проч. Черезъ нѣсколько дней ѣздилъ Кисель къ митрополиту «подъ Кіевъ», для новыхъ переговоровъ.

Дождавшись возвращенія изъ Чигирина Четвертинскаго, комиссары, минуя Кіевъ, направились окольнымъ путемъ, по приглашенію гетмана, въ Переяславъ. Не обошлось и теперь безъ приключенія: по пути въ с. Лѣсники, въ имѣніи князя Корецкаго Ходосовкѣ [1]), тамошніе козаки съ мужиками заступили имъ дорогу, схватили подъ уздцы лошадь козака, несшаго воеводскій знакъ за санями Киселя. Послы едва откупились, давъ нѣсколько талеровъ за козака и за себя, и переправившись въ Трипольѣ черезъ Днѣпръ, чрезъ Вороньковъ прибыли наконецъ въ Переяславъ 19 (9) февраля.

Былъ сильный морозъ, не смотря на то Хмельницкій выѣхалъ на встрѣчу посламъ за версту отъ города, съ большою свитою полковниковъ, асауловъ, сотниковъ, и съ военной музыкой, при значкѣ, подъ бунчукомъ и краснымъ знаменемъ. При въѣздѣ въ городъ поѣздъ былъ встрѣченъ салютаціей изъ пушекъ. Но вслѣдъ за тѣмъ, на обѣдѣ у гетмана, начались колкія замѣчанія со стороны его самого и полковниковъ по адресу Вишневецкаго, Конецпольскаго, Чаплинскаго и всѣхъ вообще ляховъ.

На другой день происходило на площади торжество врученія гетману присланныхъ королемъ инсигній, въ присутствіи московскаго и венгерскаго пословъ, козацкой старшины и народа. Кисель началъ было говорить приличную случаю рѣчь, но его перебилъ кропивенскій полковникъ Джеджалій. При первомъ-же упоминаніи о королѣ онъ закричалъ: «Король якъ король, але вы, королевята, князёве, броите много, и наброилысьте. И ты, Киселю, кость зъ костей нашихъ, одщепывся, а прыстаешъ зъ ляхамы». Скандалъ былъ полный: кое-какъ удалось прекратить его самому гетману, и то благодаря лишь тому, что прочіе полковники не поддержали напившагося спозаранку товарища. Кончать рѣчи Киселю такъ и не пришлось. Онъ вручилъ Хмельницкому королевскую грамоту на гетманство и кредитивную грамоту комиссаровъ; обѣ грамоты были тутъ-же про-

---

[1]) Ходосовка и Лѣсники—села, а Триполье мѣстечко кіевскаго уѣзда; Вороньковъ—село переяславскаго уѣзда.

чтены вслухъ. Послѣ того Адамъ Кисель вручилъ Богдану усыпанную бирюзою гетманскую булаву, а братъ его Николай красное знамя съ государственнымъ гербомъ, т. е. бѣлымъ орломъ. Хмельницкій благодарилъ «по-козацки» и пригласилъ участниковъ церемоніи на обѣдъ.

Адамъ Григорьевичъ и здѣсь началъ съ ораціи, поздравляя гетмана съ полученными сегодня отъ короля милостями, а эти милости были велики: полная амнистія всего содѣяннаго, возстановленіе свободы древняго греческаго исповѣданія, увеличеніе числа реестроваго войска, съ возвращеніемъ давнихъ его правъ и вольностей, наконецъ признаніе за Хмельницкимъ гетманскаго достоинства и власти. Перечисляя все это, Кисель убѣждалъ гетмана доказать свою признательность королю, а для этого усмирить волненія, предупреждать дальнѣйшее кровопролитіе, не принимать подъ свое покровительство простыхъ хлоповъ, а приказывать имъ быть въ послушаніи у своихъ пановъ. Въ заключеніе воевода требовалъ приступить безъ замедленія къ установленію подробностей договора. Хмельницкій выразилъ благодарность королю, но отъ немедленнаго начатія переговоровъ съ комиссарами отказался: «войско, говорилъ онъ, не въ одномъ мѣстѣ, полковники и старшина далеко; безъ нихъ я не могу и не смѣю ничего сдѣлать, иначе рискую своей головой». Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ упрековъ, все болѣе и болѣе рѣзкихъ, за прежнія и новыя несправедливости и жестокости поляковъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всѣхъ вообще. Гетманъ напоминалъ о выдачѣ Чаплинскаго, о наказаніи Вишневецкаго, грозилъ новою борьбой на жизнь и смерть: «Либо мнѣ съ запорожскимъ войскомъ придется пропасть, либо погибнуть лядской землѣ, всѣмъ сенаторамъ, дукамъ, королькамъ и шляхтѣ!» Въ концѣ онъ сообщилъ о своемъ письмѣ къ литовскому гетману Янушу Радзивилу, въ которомъ грозилъ, въ случаѣ повторенія Радзивиломъ истязаній плѣнныхъ козаковъ, посадить на колъ четыреста находящихся у Хмельницкаго плѣнныхъ ляховъ. «Такую-то закуску, восклицаетъ комиссаръ Мясковскій, преподнесъ онъ намъ передъ плюгавымъ своимъ обѣдомъ, поразивъ насъ въ самое сердце бѣшенымъ своимъ ядомъ и злостью!» Въ томъ-же тонѣ отзывались за обѣдомъ и полковники, «словно гадины изъ болота», а одинъ изъ нихъ чуть не хватилъ булавою ксендза Лентовскаго, обозвавъ при этомъ одинаковымъ браннымъ словомъ и ксендзовъ,

и поповъ. Отмѣчаемъ это обстоятельство собственно какъ указаніе на то, что миролюбивые взгляды духовенства, выразившіеся въ обмѣнѣ визитовъ съ Киселемъ и тайныхъ съ нимъ совѣщаніяхъ, не раздѣлялись въ средѣ козачества; оно видѣло, что высшіе представители духовенства готовы совсѣмъ упустить изъ виду соціальную сторону общаго съ козаками дѣла, а тѣмъ болѣе не замолвять и слова объ интересахъ народной массы, подданства; между тѣмъ, эти именно интересы воспреобладали и въ козацкой средѣ, видѣвшей въ нихъ залогъ самосохраненія. Когда, при слѣдующемъ свиданіи, Кисель обращался къ гетману очень мягко и со слезами, убѣждая его не подчинять невѣрнымъ «русской земли, и вѣры, и святой церкви», а также «отступиться отъ черни, *чтобы мужики пахали, а воевали одни козаки*»,—Хмельницкій объяснился напрямикъ: «Я выбью изъ лядской неволи весь русскій народъ: до сихъ поръ я воевалъ за свою обиду, теперь стану воевать за православную вѣру. Мнѣ въ этомъ поможетъ вся чернь по Люблинъ и Краковъ, и я ея не отступлю, ибо *это наша правая рука*. Иначе, *уничтоживъ хлоповъ, вы ударите и на козаковъ*».

Приведенныя слова Киселя и Хмельницкаго открываютъ намъ разницу въ ихъ взглядахъ на основные пункты переговоровъ; въ ней и заключалась главнѣйшая причина несговорчивости Хмельницкаго, которой не могли понять и оцѣнить ни Кисель, ни его товарищи комиссары. Помимо того Хмельницкій не могъ не видѣть, на какую неожиданную имъ самимъ высоту вознесли его одержанные имъ успѣхи. Всенародная встрѣча его въ Кіевѣ, съ крестами и хоругвями, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ, высокій почетъ, оказанный ему бывшимъ въ то время въ Кіевѣ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, присылка отъ короля и сейма пышнаго посольства, униженно просившаго о мирѣ, одновременное прибытіе посла семиградскаго князя Ракочія, а также царскаго посольства изъ Москвы, какъ-бы признававшихъ побѣдоноснаго гетмана независимымъ владѣтелемъ—все это возвышало духъ Хмельницкаго, окрыляло его мечты о независимомъ существованіи его народа, давало ему поводъ и основаніе расширять свои требованія, быть въ нихъ твердымъ и непреклоннымъ. Честолюбіе гетмана разыгрывалось, самоувѣренность его усиливалась; одно воспоминаніе о томъ, что пришлось вынести отъ поляковъ ему самому, козачеству

и народу, приводило его въ гнѣвъ и ярость, хмѣль довершалъ остальное. Понятно, каковъ могъ быть тонъ его рѣчей въ отношеніи къ посламъ и каково обращеніе съ ними. Отвѣчая на рѣчи Николая Киселя, Хмельницкій говорилъ: «Правда, что я малый, незначущій человѣкъ; но даровалъ мнѣ Господь, что сталъ я самодержавнымъ повелителемъ Руси». И онъ велъ себя въ переговорахъ съ комиссарами не ниже сего достоинства. Съ каждымъ разомъ обнаруживается въ немъ все большее высокомѣріе; въ особенности онъ далъ это почувствовать, отпуская венгерскаго посла въ присутствіи Четвертинскаго и Николая Киселя. Положеніе комиссаровъ становилось невыносимымъ; они окончательно отчаялись въ успѣхѣ дѣла и стали подумывать, какъ-бы хотя самимъ цѣлыми выйти изъ бѣды. Ихъ держали какъ-бы въ плѣну. Киселя вовсе не допустили видѣться съ московскимъ посломъ Унковскимъ. Унковскій самъ просилъ разрѣшить ему повидаться съ Адамомъ, но также получилъ отказъ. И съ другими комиссарами онъ видѣлся только въ церкви, гдѣ разговоръ поневолѣ ограничивался простымъ обмѣномъ вѣжливостей. Даже венгерскій посолъ, отъѣзжая, сказалъ: «Каюсь, что приходилъ я къ этимъ свирѣпымъ скотамъ, которыхъ ничѣмъ убѣдить невозможно». Чего могли добиться послы польскіе?...

Послѣ всего они рѣшили просить лишь о выдачѣ плѣнныхъ, особенно взятыхъ въ силу капитуляцій въ Кодакѣ и въ Барѣ; но Хмельницкій, дававшій по этому пункту при предварительныхъ сношеніяхъ благопріятныя надежды и даже распорядившійся собрать всѣхъ плѣнниковъ въ Переяславъ, теперь и въ этомъ оказывался такъ-же несговорчивымъ. Всѣ убѣжденія комиссаровъ по этому предмету были, по выраженію одного изъ нихъ, «сказкой, разсказываемой глухому тирану». Гетманъ обѣщалъ освободить плѣнныхъ только тогда, когда убѣдится, что ни отъ ляховъ, ни отъ Литвы не будетъ ему никакой зацѣпки. Поэтому не могло быть рѣчи и о выкупѣ, хотя Адамъ Григорьевичъ предлагалъ на это свои серебряные сервизы, цѣною въ двадцать четыре тысячи флориновъ, и всѣ прочіе послы изъявляли готовность помочь ему по мѣрѣ силъ и возможности. Только предъ самымъ отъѣздомъ Хмельницкій дозволилъ комиссарамъ видѣться съ плѣнниками въ своемъ дворѣ, запертомъ на это время для черни. При этомъ свиданіи Кисель отдалъ плѣннымъ мѣшокъ съ пятью-шестью стами червонцевъ,

только что полученный имъ, какъ прощальный даръ, отъ Хмельницкаго.

Усиленныя старанія, просьбы и убѣжденія Адама Григорьевича по дѣлу о мирѣ не остались однако совершенно безъ всякихъ послѣдствій, и Хмельницкій, первоначально намѣревавшійся отпустить комиссію съ однимъ только письмомъ къ королю, согласился наконецъ изложить предварительныя условія мира, до новаго съѣзда на рѣкѣ Русавѣ ко дню св. Тройцы. Какъ ни казались тягостны и унизительны комиссарамъ предложенныя условія, но послѣ долгихъ безплодныхъ упрашиваній они вынуждены были ихъ принять, лишь-бы не подвергнуться и самимъ задержанію и получить возможность изложить лично королю все положеніе дѣлъ. Притомъ-же они надѣялись, что перемиріе, хотя и теперь уже они находили его «подозрительнымъ и невѣрнымъ», удержитъ до поры до времени Хмельницкаго въ Приднѣпровьи, а это позволитъ Польшѣ собраться съ силами [1]).

Неудачи и огорченія, испытанныя Киселемъ въ его посольствѣ къ козакамъ, совсѣмъ разстроили его здоровье. Уже при послѣднемъ свиданіи съ Хмельницкимъ онъ не могъ встать съ саней и не входилъ въ домъ, такъ что отпускъ комиссіи происходилъ во дворѣ. Дорожныя неудобства, при его преклонныхъ лѣтахъ, еще болѣе усилили припадки хирагры и подагры, такъ что на ночлегахъ его вносили и выносили въ жилье на носилкахъ. Плохимъ вознагражденіемъ за постигшую неудачу было для Адама Григорьевича повышеніе въ сенаторскомъ рангѣ назначеніемъ его на воеводство кіевское. Назначеніе это онъ получилъ вовсе не по зборовскому договору, обязывавшему назначать въ русскія провинціи особъ греческой вѣры [2]), какъ утверждаетъ Костомаровъ, а за пять мѣсяцевъ еще до этого договора. Оно вызвало въ Варшавѣ важныя подозрѣнія и сплетни противъ Киселя, извѣстіе о которыхъ сохранилъ бывшій здѣсь тогда царскій посланецъ, дьякъ Григорій Кунаковъ.

«Февраля въ 26 день, повѣствуетъ московскій дьякъ, вѣдомо королю и панамъ радѣ учинилось, что воевода кіевскій Янушъ

---

[1]) Условія эти въ дневникѣ Мясковскаго, въ иной нѣсколько редакціи у Михаловскаго подъ №№ 101 и 102; также Памятники, т. I, отд. 3, № 61.

[2]) Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 209; ср. противорѣчіе тамже, стр. 89.

Тишкевичъ умеръ; и король *того-жъ числа* послалъ къ Адаму Киселю привилье на воеводство кіевское, и печатныя пошлины отъ того привилья велѣлъ король дать изъ своей шкатулы. И паны рада о томъ удивляются, и чаютъ отъ короля съ Адамомъ Киселемъ какого умышленья, и совѣтуютъ, межъ себя раздѣлясь, и нелюбовь межъ пановъ-радъ большая. А шляхта многіе и мѣщане говорятъ, сѣтуя, что паны-рада въ своемъ нелюбьѣ всѣ Рѣчь Посполитую губятъ и такую великую черкасскую и татарскую войну ставятъ ни во что; видя непріятельскую саблю на головахъ своихъ, о оборонѣ панства не промышляютъ. А та бѣда и злое разоренье и кровопролитье учинилось отъ ихъ-же панской гордости и отъ налогъ: которою чашею они пышные паны зъ жидами поили бѣдныхъ черкасъ, нынѣ ту самую чашу сами многіе пьютъ и впередъ будутъ пить, а подлѣ нихъ и невинные убогіе люди погибаютъ. И о томъ паны-рада скорбятъ, что Адама Киселя послали къ Богдану Хмельницкому въ коммисарахъ: чаютъ отъ него, ради православной вѣры, къ войску запорожскому доброхотѣнья; и *паны-рада и шляхта* Адама Киселя зовутъ здрайцою».

Говорили тому-же дьяку «многіе люди, будто Казиміръ король желаетъ, чтобы Богданъ Хмельницкій пановъ-радъ сломалъ и королю послушныхъ учинилъ, чтобы паны-рада и шляхетство были во всей его королевской волѣ; и тайные приказы отъ короля къ Адаму Киселю были, а о чемъ, того паны-рада не вѣдаютъ. Сказывали также, будто о томъ, чтобы Адаму Киселю воеводство кіевское дать, писалъ къ королю Богданъ Хмельницкій [1]).

Что дьякъ писалъ не съ вѣтру, потвержденіе тому находимъ и въ другихъ памятникахъ того времени. Такъ въ пасквилѣ противъ короля, изложенномъ въ формѣ письма къ нему отъ Хмельницкаго, послѣдній говоритъ между прочимъ, что онъ былъ только послушнымъ орудіемъ, точнымъ исполнителемъ воли короля Владислава, Яну-же Казиміру онъ напоминаетъ: «ты приказывалъ мнѣ, государь, призывалъ меня итти съ войскомъ къ Варшавѣ и ожидать у Замостья дальнѣйшихъ извѣстій и распоряженій; и какъ только дошла до меня вѣсть о счастливомъ избраніи твоемъ на королевство, я тотчасъ отступилъ съ войскомъ». Здѣсь-же указывается и на дѣятельность Киселя:

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. III, № 243, стр. 296.

«сносился со мной, но осторожно, г. кіевскій воевода Кисель; постоянно велись между нами тайныя сношенія, я получалъ отъ него наставленія по всѣмъ дѣламъ и предостереженія обо всемъ, что ни предпринимала противъ меня Рѣчь Посполитая [1]). Другой пасквиль, въ латинскихъ стихахъ, направленъ прямо противъ Киселя, и предостерегая отъ него, какъ отъ змѣи, кроющейся въ травѣ, обвиняетъ его въ возбужденіи козаковъ къ войнѣ даже и въ то время, когда они сами того не хотѣли.

Ne sit anguis, Poloni cavete, in herba,
Vel vos Kisiel seducat per mollia verba.
.... nollint Cosaci amplius bellare,
Tamen ipsis indicit arma ostentare [2]).

Обвиненія въ измѣнѣ не составляли тайны для самаго Адама Григорьевича; въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ къ подканцлеру Радзѣіовскому, защищая еще разъ свою политику относительно козаковъ и настаивая на правильности своихъ взглядовъ, Кисель говоритъ: «всегда я этого держался, всегда твердилъ это устно и письменно, и за то меня называли «здрайцею» невѣдающіе, что творятъ, сами приводящіе къ погибели отечество и насъ всѣхъ [3])».

Были-ли какія нибудь дѣйствительныя основанія къ обвиненіямъ Киселя въ измѣнѣ Рѣчи Посполитой, или-же послѣднія являются безпричинною клеветою, а въ такомъ случаѣ что именно подавало къ ней поводъ и поддерживало вѣру въ нее?

Приведенныя свидѣтельства показываютъ, что короля Яна Казиміра, какъ и его предмѣстника Владислава, подозрѣвали въ намѣреніи произвести рѣшительный государственный переворотъ, а

---

[1]) Michałowskiego Księga, № 237.

[2]) Берегитесь, поляки, змѣи въ травѣ, сведетъ васъ Кисель своими мягкими рѣчами... Не хотятъ козаки больше воевать, а онъ поджигаетъ ихъ подвигать оружіе.—Тамъ-же, № 215.—Авторъ пасквиля не пощадилъ здѣсь и матери Адама:

Adde, quod matrem, olim magnam meretricem,
Nunc habeat monacham, sed incantatricem.

Прибавь, что онъ имѣетъ мать, нѣкогда великую блядь, теперь-же хотя и монахиню, но вѣдьму.

[3]) Michałowskiego Księga, № 211.

именно ограничить власть шляхты и подчинить ее волѣ короля, съ помощью козаковъ. Въ запуганномъ козацкими бунтами воображеніи шляхты рисовались два заговорщика на ея вольности, изъ которыхъ одинъ возсѣдалъ на престолѣ на берегахъ Вислы, не обладая властью монарха, а другой, не коронованный, повелѣвалъ на берегахъ Днѣпра, главнымъ-же ихъ агентомъ былъ Адамъ Кисель. Подозрѣнія эти возникли изъ тяжкаго для шляхты козацкаго бунта и основывались на секретной перепискѣ съ Хмельницкимъ Яна-Казиміра предъ избраніемъ послѣдняго въ короли, на сильной поддержкѣ, оказанной гетманомъ кандидатурѣ королевича и на непонятномъ для всѣхъ отступленіи Хмельницкаго отъ Замостья, «изъ послушанія, какъ онъ объявлялъ, королю». Эти обстоятельства, въ связи съ личными качествами избраннаго въ короли бывшаго іезуита и кардинала, отъ котораго Хмельницкій, какъ защитникъ православной вѣры, не могъ ждать ничего добраго, привели и біографа Богдана къ тому предположенію, что «*между нимъ и Яномъ-Казиміромъ*, до избранія послѣдняго въ короли, *существовало*, посредственно или непосредственно, *что-то тайное*, намъ теперь неизвѣстное» [1]). Что касается Киселя, то разъ подобное подозрѣніе зародилось, онъ пристегивался самъ собою, какъ главный посредникъ въ переговорахъ между королемъ и Хмельницкимъ, близкій послѣднему по вѣрѣ и національности.

Но если-бы и дѣйствительно Янъ-Казиміръ имѣлъ одинаковыя съ Владиславомъ IV намѣренія ограничить шляхетское самоволіе, то все, что мы знаемъ объ Адамѣ Киселѣ, показываетъ въ немъ болѣе сторонника шляхетскихъ вольностей, чѣмъ власти королевской, особенно опирающейся на козаковъ, людей, по взгляду Киселя, хотя и рыцарскаго ремесла, но все таки по происхожденію плебеевъ. Различая ихъ отъ крѣпостныхъ хлоповъ, сходясь съ ними въ пунктѣ защиты правъ и свободы греко-русскаго исповѣданія, Кисель въ своемъ заступничествѣ за козаковъ противъ ихъ принципіальныхъ враговъ, въ родѣ Вишневецкаго, всегда опирается только на соображенія общегосударственнаго характера. Не козаки сами по себѣ, по его мнѣнію, заслуживаютъ вниманія, а только та польза, какую можетъ извлекать изъ нихъ Рѣчь Посполитая, и

[1]) Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 51—52.

тотъ вредъ, который, какъ онъ основательно видѣлъ, произошелъ-бы для государства отъ ихъ уничтоженія, а еще болѣе былъ причиняемъ Рѣчи Посполитой ихъ враждебностью. «Если мы и поразимъ козаковъ, говорилъ онъ, побѣда неизбѣжно будетъ самою жестокою. Но если одна сторона падетъ окончательно, должна утомиться при томъ и другая: а невѣрные будутъ со стороны подстерегать насъ недремлющимъ окомъ. Очистимъ только дороги поганцамъ, сами уничтоживши свою силу». А Хмельницкому писалъ онъ тогда-же, что «нечего ждать и русской вѣрѣ, коль скоро насъ Руси (т. е. православнаго русскаго *шляхетства*) не станетъ [1])». При такихъ взглядахъ на шляхту и козачество, на ихъ взаимныя отношенія и на объемъ вольностей той и другаго, немыслимо было Киселю принимать участіе въ предпріятіяхъ короля, которыя имѣли-бы автократическую подкладку. И дѣйствительно Владиславъ не посвящалъ его вполнѣ въ свои планы. Будучи посломъ на Москвѣ и заключая извѣстный намъ договоръ, Кисель самъ видѣлъ въ немъ только актъ внѣшней политики, безъ всякаго соотношенія его къ политикѣ внутренней. Переговорамъ королевскимъ съ козаками въ 1646 и 1647 годахъ онъ былъ положительно непричастенъ, вопреки общей молвѣ слѣдующаго затѣмъ времени, нашедшей себѣ отраженіе въ приведенныхъ пасквиляхъ; бѣгство и возстаніе Хмельницкаго, имѣвшее прямую причинную связь съ этими переговорами, были для Адама Григорьевича неожиданностью, и онъ, какъ мы видѣли изъ переписки его съ московскими воеводами и боярами, не придавалъ имъ въ началѣ никакого серьезнаго значенія. Этого никакъ не могло быть, если-бы онъ посвященъ былъ во всѣ подробности сношеній съ козаками Владислава IV. Что-же касается Яна-Казиміра, то онъ еще менѣе могъ довѣрять Киселю всѣ свои секреты. Въ этомъ отношеніи весьма важно для насъ одно указаніе, само по себѣ мелочное: во время споровъ о скорѣйшемъ избраніи короля, Кисель сначала настойчиво защищалъ кандидатуру *котораго-либо* изъ двухъ братьевъ Владислава, т. е. или Яна-Казиміра, или-же Кароля, доказывая, вопреки сильнѣйшей оппозиціи многихъ членовъ сейма, что одинъ изъ нихъ долженъ отказаться отъ кан-

---

[1]) Michałowskiego Księga, стр. 608.

дидатуры, по *ихъ* взаимному соглашенію[1]). Видя однако, что добиться единогласія сеймующихъ по этому предмету очень трудно, онъ далъ понять, въ засѣданіи *7 ноября* 1648 г., что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ *отвергнуть обоихъ королевичей*, а избрать третьяго кандидата, но все таки торопиться съ этимъ[2]). Очевидно, Адамъ Григорьевичъ ставилъ здѣсь интересъ государства далеко выше личныхъ интересовъ Яна-Казиміра. Но послѣдній уже вошелъ тогда въ сношенія съ Хмельницкимъ: письмо гетмана, въ которомъ онъ высказывается за Казиміра, писанное къ жителямъ Замостья, послано оттуда Вишневецкимъ въ Варшаву *6 ноября*. Изъ сопоставленія этихъ данныхъ можно съ достовѣрностью заключить, что въ тайныхъ переговорахъ королевича съ козацкимъ гетманомъ Кисель въ это время не принималъ никакого участія, и не встрѣчается ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы образъ его дѣйствій измѣнялся впослѣдствіи. Всѣ сношенія Киселя съ Хмельницкимъ или происходили открыто, при свидѣтеляхъ, или о нихъ былъ имъ представляемъ отчетъ королю и сенату, съ приложеніемъ переписки. Единственное исключеніе составляетъ интимная бесѣда между ними 25 (15) февраля 1649 г. въ Переяславѣ, когда они пробыли довольно долго наединѣ, запершись. Тогда шла рѣчь объ освобожденіи плѣнниковъ, но въ очевидцѣ всего поведенія Адама Григорьевича въ эту пору, коммисарѣ Мясковскомъ, тайная бесѣда не возбуждала ни малѣйшаго подозрѣнія. «Запирался съ Хмельницкимъ воевода на полтора часа, пытаясь смягчить закаменѣлое его сердце. Но ничто не помогло»! Самая неудача говоритъ здѣсь въ пользу Киселя, ибо для каждаго ясно, что гетманъ оказался-бы сговорчивѣе по второстепенному, относительно неважному пункту о плѣнныхъ, если-бы воевода имѣлъ возможность сдѣлать ему какія либо серьезныя тайныя уступки со стороны короля. Подъ какимъ-бы давленіемъ со стороны старшинъ ни находился тогда Хмельницкій, всѣ они предпочли-бы уступки въ пользу всего козачества ничтожной гарантіи, представляемой имъ удержаніемъ четырехъ-сотъ плѣнныхъ, большая часть которыхъ состояла изъ взятыхъ въ Кодакѣ простыхъ драгуновъ.

---

[1]) Тамже, стр. 245, 258, 260.

[2]) Тамже, стр. 302.

Въ глазахъ поляковъ обвиненія противъ Киселя находили опору въ трехъ обстоятельствахъ: его исповѣданіи, незнатности происхожденія и наконецъ лично-пріязненныхъ отношеніяхъ съ Хмельницкимъ. Это явно и открыто выразилось въ сеймовыхъ рѣчахъ послѣдующаго времени, въ концѣ 1650 г. Когда было прочтено письмо кіевскаго воеводы, въ которомъ онъ доказывалъ неизбѣжность уничтоженія церковной уніи, то раздались голоса: «какъ козелъ не будетъ бараномъ, такъ *схизматикъ* не будетъ искреннимъ защитникомъ католиковъ и не можетъ охранить шляхетскія вольности, будучи одной вѣры съ бунтовщиками хлопами...» — «Для схизматиковъ, возмущались паны, для глупаго хлопства дѣлать рабами шляхту, не позволять ей вѣрить, какъ повелѣваетъ Духъ святый, а пусть вѣритъ, какъ предписываетъ пьяная сумасшедшая голова Хмельницкаго»?! — «Вотъ проявился какой докторъ чертовской академіи, бранили Киселя, *холопъ, недавно отпущенный на волю*, хочетъ отнять у поляковъ даръ Божій, вѣру святую»[1]).

Личныя отношенія Киселя и Хмельницкаго во все время ихъ переговоровъ, въ началѣ 1649 г. и впослѣдствіи, носили несомнѣнно дружественный характеръ, что видно даже изъ самого тона ихъ переписки, хотя она имѣла значеніе оффиціальное, т. е. велась между главнымъ комиссаромъ Рѣчи Посполитой и гетманомъ войска запорожскаго, точнѣе говоря, владыкою южной Руси, и предназначалась по этому для свѣдѣнія не только адрессатовъ, но и многихъ другихъ лицъ съ обѣихъ сторонъ. Кисель основательно придавалъ поддержанію пріязни и довѣрія значеніе политическое, въ своихъ письмахъ къ королю и разнымъ панамъ неоднократно доказывалъ ихъ необходимость для успѣшности переговоровъ съ козаками, или-же жаловался, что враждебныя столкновенія отдѣльныхъ самовольныхъ лицъ изъ поляковъ съ козаками, колеблютъ довѣріе къ нему въ козацкой средѣ и тѣмъ наносятъ вредъ дѣламъ государственнымъ. Съ своей стороны Хмельницкій хорошо понималъ, что во всемъ составѣ сената и вообще среди вліятельныхъ польскихъ пановъ одинъ только Кисель, хотя и по нуждѣ, но все-же искренно желалъ мирнаго окончанія распри съ козаче-

---

[1]) Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 272 (по Коховскому, Climacter I, стр. 211). Современная передѣлка Коховскаго, изд. Рачинскимъ.

ствомъ. Правда, Хмельницкому не разъ приходилось упрекать Киселя и въ вѣроломствѣ, но это дѣлалось вообще по адресу противной стороны въ случаяхъ неожиданнаго нападенія на козаковъ во время веденныхъ Киселемъ мирныхъ переговоровъ. Такіе упреки имѣли одно дипломатическое значеніе: Хмельницкому нужно было выставлять свою правоту, а козаковъ жертвами вѣроломства, не только въ глазахъ короля и болѣе солидныхъ по уму и характеру пановъ, но также и въ глазахъ сосѣднихъ монарховъ, помощи которыхъ они заискивали. Пріемъ дипломатіи, не составляющій особенности той эпохи; онъ употреблялся и раньше, практикуется не въ меньшей мѣрѣ и на нашихъ глазахъ... Обѣ стороны одинаково хорошо знали ему цѣну въ отношеніи самихъ себя: Кисель не обижался взводимыми на него обвиненіями, признавая ихъ формальную основательность, а Хмельницкій, вслѣдъ за самыми горькими жалобами на мнимое вѣроломство Киселя, снова вступалъ съ нимъ въ хорошія отношенія. Даже и въ Переяславѣ, среди самыхъ рѣзкихъ выходокъ противъ комиссаровъ, какъ представителей Польши, гетманъ добродушно обращался къ женѣ Киселя, предлагая ей, полусерьезно, полушутя, чтобы она «отреклась отъ ляховъ и осталась съ козаками, потому, какъ говорилъ онъ, что ляшская земля погибнетъ, а Русь скоро станетъ господствовать, въ этомъ еще году» [1]).

Пріязненное отношеніе гетмана лично къ Адаму Григорьевичу, а вѣроятно и взаимно, находило себѣ прочное основаніе въ полной солидарности ихъ взглядовъ и желаній по одному изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ польско-козацкой распри, именно въ одинаковомъ признаніи необходимости обезпечить свободу и права православной церкви и совершенно уничтожить унію. Кисель, давно стремившійся къ этой цѣли, хотя въ менѣе широкихъ, быть можетъ, предѣлахъ, долженъ былъ *по убѣжденію* даже защищать козаковъ, какъ единственную силу, которая могла дать опору стремленіямъ православной шляхты въ церковномъ вопросѣ. Хмельницкій тоже понималъ, что въ этомъ вопросѣ Кисель для него не комиссаръ правительства, даже не медіаторъ, а прямой и вполнѣ надежный союзникъ. Онъ не могъ не цѣнить по достоинству и не воздавать

---

[1]) Michałowskiego Księga, стр. 374

справедливой дани уваженія гражданскому мужеству, съ какимъ боролся Кисель за свои и его религіозныя убѣжденія, за свободу ихъ выраженія и права исповѣданія, навлекая на себя, какъ мы видѣли, даже обвиненія въ измѣнѣ. Эта сторона дѣятельности Адама Григорьевича была оцѣнена и государственными людьми Москвы, которые въ свою очередь указывали на нее гетману [1]).

Такимъ образомъ, если не дружественныя, то по крайней мѣрѣ не враждебныя лично отношенія между кіевскимъ воеводою и козацкимъ вождемъ объясняются вполнѣ естественно и достаточно тѣми обстоятельствами, которыхъ не скрывалъ ни отъ кого ни тотъ, ни другой, ибо ихъ и скрывать не было вовсе надобности. Нигдѣ ни малѣйшаго указанія, даже намека, не встрѣчаемъ мы на существованіе между ними какихъ-либо тайнъ, которыя могли-бы быть поставлены въ вину Киселю, какъ сенатору Рѣчи Посполитой и ея уполномоченному для переговоровъ съ козаками. Самый мелочной анализъ разнородныхъ современныхъ документовъ не даетъ матеріала даже для самой тѣни подозрѣнія Киселя въ измѣнѣ своему государству, своему правительству. Ожесточенныя нападки и обвиненія противъ него на эту тему окончательно должно признать клеветою, происхожденіе и распространенность которой объясняются очень легко, при томъ напряженномъ до высшей степени состояніи, въ какомъ находилась тогда вся Польша, при самой ожесточенной борьбѣ партій, происходившей одновременно на почвѣ церковной, національной и сословной. На Киселя должны были сыпаться обвиненія отовсюду, больше чѣмъ на кого-бы то ни было другаго, по тому только одному, что онъ, по своимъ убѣжденіямъ, не принадлежалъ

---

[1]) Послѣ того какъ комиссары, вернувшись изъ Переяслава на Волынь, представили королю отчетъ о своей миссіи, король посылалъ Хмельницкому письмо отъ себя въ примирительномъ духѣ, которое повезъ Сиряровскій. Послѣдній былъ задержанъ козаками, ограбленъ и избитъ, а впослѣдствіи и совсѣмъ убитъ, по подозрѣнію въ шпіонствѣ со стороны Киселя, но слуга его Ольшевскій, пробравшійся на Волынь къ Киселю, показывалъ впослѣдствіи, что хотя Хмельницкій сердитъ на Киселя за письмо, посланное имъ въ Москву во вредъ козакамъ, которое самими москвитянами передано гетману, но что онъ-же предостерегалъ его и совѣтовалъ ему оставаться въ Гущѣ, если не хочетъ погибнуть съ прочими панами,— ибо за него предстательствомъ царь московскій.—Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 90; Michałowskiego Księga, №№ 114 и 115; Памятники, т. I, отд. 3, стр. 358, 389, 393, 403, 407, 413—429.

цѣликомъ ни къ тому, ни къ другому изъ двухъ великихъ лагерей, на какіе главнымъ образомъ распадалось все населеніе Польши и южной Руси въ эту революціонную эпоху. Его народность этнографическая не совпадала съ національностью государственною, членъ сословія привиллегированнаго—религію имѣлъ онъ общую съ плебеями. Образъ дѣйствій и мыслей его не удовлетворялъ сполна требованіямъ ни одной изъ сторонъ, обѣ надѣялись перетянуть его къ себѣ совсѣмъ, но обѣ-же, обманутыя въ своемъ ожиданіи, взводили на него всяческія обвиненія, которыми до такой степени проникнуто большинство писаній того времени, что они находятъ себѣ невольное отраженіе даже въ трудахъ современныхъ намъ историковъ...

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

АВТОБІОГРАФІЯ
Т. ГР. ШЕВЧЕНКА, ПИСАННАЯ ДЛЯ „НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ“.

Въ свое время издатель «Народнаго Чтенія» обратился къ Т. Гр. Шевченку съ просьбою написать свою біографію для журнала, имъ издаваемаго. Не будучи въ состояніи написать ее такъ, какъ хотѣлось-бы, онъ обратился за помощью ко мнѣ и отдалъ мнѣ свою рукопись. Я написалъ отъ его имени то, что напечатано, по его ободреніи, въ «Народномъ Чтеніи», а недоконченная автобіографія поэта лежала въ моихъ бумагахъ, забытая мною, до 1885 года. Снявъ съ нея точную копію, я подаю ее къ печати въ томъ предположеніи, что найдется много цѣнителей таланта нашего поэта, которые поинтересуются знать, въ какомъ первоначально видѣ была его автобіографія, извѣстная всѣхъ по редакціи «Народнаго Чтенія» и многимъ ея перепечаткамъ.

Въ этой копіи соблюдено правописаніе подлинника. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что Шевченко прописныя буквы вообще писалъ почти въ ту-же мѣру, что и строчныя, а иногда увеличивалъ строчную букву. Отъ этого выходитъ, что онъ какъ будто не обращалъ вниманія, гдѣ слѣдуетъ употреблять тѣ и другія, хотя съ нимъ это случалось.

Подлинный автографъ Тараса Григорьевича подаренъ мною ревностному собирателю родныхъ памятниковъ П. И. Зуйченку.

П. Кулишъ.

Тарасъ Шевченко сынъ крепостного кресть(я)нина Григорія Шевченка. Родился въ 1814 году февраля 25. Въ селѣ Кириловкѣ звенигородского уѣзда кіевской губерніи. Въ имѣніи помѣщика [1]) Василія Васильевича Энгельгардта. На осьмомъ году лишившись отца и матери, приютился онъ у дьячка въ школѣ въ видѣ школяра попи-

[1]) Было написано «Павла», но зачеркнуто.

хача. По многотяжкомъ двухлѣтнѣмъ испитанія, прошелъ онъ Граматку, Часловецъ, и наконецъ Псалтирь. Дьячокъ убѣдившись въ досужествѣ своего Школяра *Попихача*, посилалъ [1]) его во мѣсто себя читать псалтирь По усопшихъ крепостныхъ душахъ, за что и платилъ ему десятую копѣйку [2]) яко поощреніе. Но не смотря на столь лестное къ себѣ вниманіе суроваго Спартанца учителя, въ одинъ изъ многихъ дней и ночей [3]) когда спартанецъ учитель съ своимъ другомъ Іоною *лимаремъ* были мертвецки Пьяни, Школяръ *попихачъ* беззазрѣнія совѣсти обнаживъ задняя своего наставника и благодѣтеля всипалъ ему великую дозу березовои каши. Поместившись до отвалу, и похитивши какую то Книжечку *съ кунштиками* въ туже ночъ бѣжалъ въ мѣстечко лысянку, гдѣ и нашелъ себѣ учителя живописи [4]) отца діякона тоже спартанца. Терпѣливо бродяга школяръ носилъ изъ Тикича три дня ведромъ воду и ростиралъ мидянку на желѣзномъ листѣ и на четвертый день бѣжалъ. бѣжалъ онъ въ село Тарасовку къ дьячку маляру славившемуся [5]) въ околоткѣ изображеніемъ великомученика Никиты и Ивана воина, у послѣдняго для большаго эфекта рисовалъ онъ на лѣвомъ рукавѣ двѣ солдацкіе нашивки. Къ сему то апелесу обратился Школяръ бродяга съ твердымъ намѣреніемъ перенести всѣ испитанія только бы хоть малость научиться его великому искуству. Но увы! апелесъ посмотрѣлъ внимательно на лѣвую ладонь бродяги, отказалъ ему наотрѣзъ. не находя въ немъ таланта нетолько къ малярству или къ Шевству ниже къ бондарству.

Потерявъ всякую надежду сдѣлатся когда небудь хоть посредственнымъ маляромъ, съ сокрушеннымъ серцемъ бродяга возвратился въ с(в)ое родное село съ намѣреніемъ нанятся въ погонычи, или пасти громадскую *ватагу* и ходя за стадомъ овецъ и свиней читать краденую книжечку *съ кунштиками*.

---

[1]) Зачеркнуто «онъ».
[2]) Зачеркнуто «въ».
[3]) Зачеркнуто «какъ и».
[4]) Зачеркнуто «отц».
[5]) Зачеркнуто «озобра».

И это незбилось. Помѣщику Павлу Васильевичу Энгельгардту, только что наслѣдовавшему достояніе побочнаго отца своего, понадобился расторопный мальчикъ, и оборваны(й) школяръ бродяга попалъ прямо въ тиковую куртку въ такіе-же шаровары и наконецъ въ комнатные козачки. Въ должности козачка онъ втихомолку Срисовивалъ украденнымъ у ко(в)торщика карандашомъ, картины суздальской школы украшавшіе Панскіе покои. Странствуя съ обозомъ за своимъ [1]) *дидичемъ* въ Кіевъ, Вильно, и въ Петербургъ, На=постоялыхъ дворахъ кралъ онъ изображенія разныхъ историческихъ героевъ, какъ-то. Соловья разбойника. Кульнева, Кутузова, козака Платова, и протчихъ, съ намѣреніемъ скопировать ихъ на досугѣ точъ въ точъ.

Случай и досугъ представился въ Вильнѣ. Это было въ 1829. году Декабря 6. Панъ и пани уѣхали въ *рисурсы* на балъ [2]) дворянского собранія по случаю тезоименитства N. П. въ домѣ все успокоилось, уснуло. Тогда онъ развернулъ свои [3]) краденные сокровища, и выбравъ изъ нихъ козака Платова Принялся благоговѣйно-Тщательно копировать. уже дошелъ до маленькихъ козачковъ гарцующихъ около [4]) дюжихъ копитъ коня козака Платова, какъ растворилась дверь; Панъ и пани возвратились съ балу. Панъ съ остервіненіемъ выдралъ его зауши надавалъ пощочинъ, за то дискать что онъ могъ нетолько домъ, городъ сжечъ. На другой день панъ велѣлъ Кучеру Сидоркѣ випороть его хорошенько, что и было исполнено сугубо.

Въ 1832. году въ С.-Петербургѣ, понеотступной его прозьбѣ помѣщикъ законтрактовалъ его на четырѣ года, разныхъ живописныхъ дѣлъ цеховому [5]) мастеру, нѣкоему Ширяеву. Ширяевъ былъ ретивіе всякого дьячка-Спартанца. Но несмотря ни накакіе стисненія онъ въ свѣтлые лѣтніе ночи бѣгалъ въ лѣтній садъ рисовать съ безобразныхъ неуклюжихъ статуй. (Достойное украшеніе Петроваго сада.) [6]) Въ одинъ

[1]) Слово «свои» надписано карандашомъ.

[2]) Далѣе, до буквъ N. П. включительно приписка сбоку карандашомъ.

[3]) Зачеркнуто «ноп».

[4]) Слово «цеховому» надписано сверху.

[5]) Слово «около» надписано сверху вмѣсто зачеркнутаго у.

[6]) Въ этомъ саду и въ то-же время началъ онъ дѣлать этюды въ стихотворномъ искусствѣ, изъ многочисленныхъ попытокъ, онъ впослѣдствіи напеча(талъ) только одну балладу *Причина*.—Прим. Шевченка.

изъ этихъ сеансовъ познакомился онъ съ художникомъ Иваномъ Максимовичемъ Сошенкомъ. Съ которымъ и до сихъ поръ въ самыхъ искреннихъ братскихъ отношеніяхъ. По совѣту Сошенка онъ началъ пробовать портреты съ натуры акварелью. Для многочисленныхъ пробъ терпѣливо служилъ ему моделью его землякъ и другъ иванъ Козакъ Нечепоренко Дворовый человѣкъ Тогоже Энгельгардта. Однажды Тотъ же Энгельгардтъ увидѣлъ у Нечепоренка работу своего Крепоского артиста которая ему вѣрно очень понравилась потому что онъ началъ употреблять его для снятія пор(тре)товъ съ своихъ любимыхъ любовницъ, за которые иногда и награждалъ рублемъ серебра неболіе.

Въ 1837 году И. М. Сошенко представилъ его конференцъ секретарю а. художествъ В. И. Григоровичу, съ целію освободить его отъ горестного состоянія. В. И. Григоровичъ просилъ о немъ В. А. Жуковского, а В. А. Ж. превaрительно узнавши [1]) отъ [2]) помѣщика, просилъ К. П. Брюлова написать В. А. Жуковского портретъ для императорской фамиліи съ целью разигранія его въ лотарею въ царскомъ семействѣ. Великій Брюловъ охотно согласился. Портретъ написанъ. В. А. Жуковскій съ помощію Графа М. Ю. Велгорскаго устроили лотарею въ 2,500 рублей асигнаціями и этою ценою была куплена свобода Т. Ш. Въ 1838 году апреля 22.

Съ тогоже дня началъ онъ посѣщать класы а. художествъ и вскорѣ здѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ—Товарищей великого [3]) Карла Брюлова.

Въ 1844 году удостоился онъ званія свободнаго художника. А въ 1847 году былъ арестованъ вмѣстѣ съ Костомаровымъ, Кулишемъ и многими другими по доносу студента К. У—та нѣкоего Петрова [4]). безъ суда и слѣдствія разослали ихъ въ разные крѣпости [5]). и 30 маія того же года [6]) изъ Каземата Третьяго отдѣленія Т. Г. Шевченко [7])

---

[1]) Зачеркнуто повторенное слово «узнавши».

[2]) Слово «самаго» приписано карандашомъ.

[3]) Зачеркнуто «Б» передѣланное на «Ка».

[4]) Зачеркнуты слова «Въ томъ-же году».

[5]) Отъ слова «безъ суда» до слова «крѣпости» приписано сбоку, подъ крестикомъ.—Тутъ поэтъ неправъ: и судъ и слѣдствіе были.

[6]) Слова «того-же года» надписаны сверху.

[7]) Слова «Т. Г Шевченко» надписаны сверху.

былъ сосланъ въ [1]) орскую крѣпость и потомъ въ Новопетровское укрѣпленіе съ строжайшимъ запрещеніемъ писать и рисовать.

Въ 1858 году 22 августа Походатайству Графини Анастасіи Толстой Освободили его изъ Новопетровского укрѣпленія. И по ея же ходатайству всемилостивійше повелѣно быть ему подъ надзоромъ полиціи въ столицѣ и заниматся своимъ художествомъ.

Въ 1858 году лѣтомъ послѣ долгой и тяжкой разлуки увидѣлъ свою прекрасную родину Крепостныхъ братьевъ и сестру, и, благополучно осенью [2]) возвратился въ а. художествъ гдѣ благодаря правящихъ академіею, съ любовью истинного художника занимается гравюрою аква Тинта и аква Форта.

Послѣ долгихъ двухлѣтнихъ проволокъ главный цензурный комитетъ разрѣшилъ ему напечатать только тѣ [3]) изъ своихъ сочиненій которые были напечатаны до 1847 года вичеркнувши изъ нихъ десятки страницъ (прогресъ)

1860 года въ первой половинѣ генваря. .

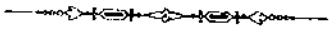

[1]) Зачеркнуты слова «киргизскіе степи».

[2]) Слово «осенью» написано сверху.

[3]) Слово «тѣ» надписано сверху.

ВОСПОМИНАНІЯ
О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1863 ГОДА.

Въ 1861 году по обстоятельствамъ я вышелъ изъ университета и поселился въ глухой деревушкѣ каневскаго уѣзда, кіевской губерніи; но моя связь съ Кіевомъ, знакомство и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ дружба съ университетскою молодежью Кіева не прерывались. Изрѣдка я навѣдывался въ Кіевъ, видѣлся тамъ съ друзьями и знакомыми, по разсказамъ болѣе или менѣе точнымъ, а то и просто по разнымъ слухамъ зналъ кіевскія дѣла; зналъ, что и какъ волновало умы молодежи и смекалъ, куда и кто изъ моихъ знакомыхъ тянется своими симпатіями. Зналъ я, напримѣръ, что польская университетская молодежь почти вся потянулась къ польскому дѣлу, что подъ вліяніемъ студентовъ изъ Царства Польскаго (koroniarzy) прежняя гминная студенческая организація разстроилась и замѣнилась новою чисто уже польскаго политическаго характера. Вмѣсто прежней группировки студентовъ по гимназіямъ, что имѣло смыслъ товарищества по ученію помимо національности, явилась группировка по провинціямъ, при чемъ примѣнилось дѣленіе старой Польши. Образовались такимъ образомъ три группы студентовъ подъ названіями: *Корона, Литва и Русь*, и этимъ уже точно опредѣлялось политическое ихъ направленіе. Въ это именно время въ польской студенческой группѣ, носившей названіе *хлопомановъ*, произошелъ расколъ и тѣ изъ нихъ, коимъ движеніе въ пользу Польши казалось нелѣпымъ, отстранились отъ своихъ товарищей, высказавъ имъ откровенно свое политическое

credo и преданность дѣлу народа на Украйнѣ, а не польскимъ мечтаніямъ. Но такихъ вдумывавшихся въ происходившее броженіе и понявшихъ суть дѣла было не много, большинство-же не съумѣло оторваться отъ традиціонной идеи борьбы за *ойчизну*, не могло отрѣшиться отъ всего всосаннаго въ себя съ молокомъ матери, а это всосанное было: смутныя мечты о возстановленіи Польши, удалая борьба, жажда приключеній со всею ихъ заманчивостію для молодыхъ, полныхъ силъ и жизни, людей.

Варшавскія событія, имѣя кромѣ письменныхъ и печатныхъ коментаріевъ, живыхъ истолкователей въ лицѣ кіевскихъ студентовъ изъ Царства Польскаго, рефлексивно отозвались и на польскомъ обществѣ юго-западнаго края и скорѣе всего, разумѣется, на самой воспріимчивой, наиболѣе впечатлительной части его — университетской молодежи. Въ концѣ 1862 г. уже все польское у насъ было охвачено патріотическимъ энтузіазмомъ и всецѣло отдалось дѣлу пропаганды и ажіотажа. Недоумѣвая о томъ, какимъ образомъ, какими именно путями возстаніе явится у насъ на Украйнѣ, мы всѣ вообще жители того края, начиная отъ властей и оканчивая простымъ народомъ, чуяли приближеніе чего-то необычайнаго, пожалуй не опаснаго, но тѣмъ не менѣе весьма тревожнаго.

Рѣшаясь изложить мои воспоминанія объ этомъ, пережитомъ и мною, тревожномъ времени, я не коснусь предшествовавшихъ возстанію проявленій постепенно возбуждавшагося польскаго задора, начиная отъ пѣнія гимновъ и траура и оканчивая разнаго рода продѣлками по освобожденію арестованныхъ гимназистовъ, по пріобрѣтенію оружія, по распространенію прокламацій и т. п.,—все это было уже описано и разсказано гораздо подробнѣе и лучше, чѣмъ могъ-бы я это сдѣлать,—а перейду прямо въ 1863 годъ; но и здѣсь не жди отъ меня, читатель, полнаго изложенія хода возстанія въ кіевской губерніи и его подробностей, я передамъ только то, что мнѣ извѣстно о немъ по моимъ личнымъ наблюденіямъ, либо по разсказамъ другихъ, передамъ въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ мнѣ приходилось наблюдать или слышать.

Въ январѣ 1863 года мнѣ случилось пріѣхать въ Кіевъ. Польской университетской молодежи было еще много тамъ, но они уже менѣе всего походили на студентовъ. Длинные ботфорты, чамарки и кожаные пояса, кинжалы и револьверы подъ полами вер-

хняго платья придавали имъ воинственный и вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальный видъ. «Короняржей» въ Кіевѣ уже не было, они или уѣхали въ Царство Польское, или, какъ мнѣ разсказывали, разсѣялись по шляхетскимъ домамъ юго-западнаго края. Бывшаго до того времени антагонизма между университетскою молодежью и ихъ старшимъ поколѣніемъ—помѣщиками и вообще панами теперь уже не существовало. Молодежь то и дѣло каталась изъ Кіева въ уѣзды или водилась съ пріѣзжавшими въ Кіевъ помѣщиками; между пылкимъ молодымъ и старымъ консервативнымъ поколѣніями установились единство и полное согласіе въ одушевлявшихъ ихъ чувствахъ и стремленіяхъ. Повсюду чувствовались симптомы скораго наступленія чего-то рѣшительнаго, всѣми ожидаемаго, но мало кѣмъ уясняемаго отчетливо. Общее увлеченіе польской молодежи мечтами о возстаніи, ея подготовка къ нему такъ были для всѣхъ видимы и такъ мало скрываемы, что становилось непонятнымъ отношеніе тогдашней администраціи края ко всему происходившему на ея глазахъ.

Впрочемъ военно-полицейскій надзоръ въ Кіевѣ былъ усиленъ тогда, какъ нельзя болѣе. Послѣ 9-ти часовъ вечера нельзя было уже пройти и одного квартала, чтобы не натолкнуться на какой либо обходъ, или разъѣздъ, и все это опрашивало прохожаго, а то и провожало до воротъ или подъѣзда дома, куда направлялся онъ. Разъѣзды казаковъ и драгунъ сновали повсемѣстно, отряды полицейскихъ съ пѣхотными солдатами тоже. Полиція знала всю подноготную готовившагося возстанія, какъ знаетъ зоркій игрокъ карты своего партнера, имѣющаго простодушную манеру держать ихъ совершенно открытыми. Но что говорить о полиціи?.. всякій, не закрывавшій глазъ на происходившее въ городѣ, могъ указать если не всѣхъ, то многихъ изъ тѣхъ, которые задумали уже идти въ повстанье,—такъ это все было откровенно и демонстративно.

Между прочими знакомыми встрѣтился я въ Кіевѣ и съ тѣми изъ моихъ бывшихъ товарищей, съ которыми приходилось прежде квартировать вмѣстѣ. Изъ числа послѣднихъ нѣкоторые, какъ я догадывался, были если не вожаками въ замышляемомъ возстаніи, то по крайней мѣрѣ стояли близко у корня дѣла. Въ бытность мою студентомъ, въ кругу моихъ товарищей поляковъ я считался не

только хлопоманомъ, но и хохломаномъ, и какъ я былъ исповѣданія православнаго, то потому мое отстраненіе отъ дѣла польскаго не было почитаемо отступничествомъ, въ какомъ укоряли поляки другихъ, отвернувшихся отъ польской справы. Съ послѣдними студенты поляки разошлись до враждебности, со мною напротивъ сохраняли товарищескія отношенія, нисколько не скрывая отъ меня того, о чемъ они постоянно толковали между собою.

Понятно, что при первыхъ-же нашихъ встрѣчахъ заходила рѣчь о предстоявшей рухавкѣ. Я не переставалъ доказывать безполезность и опасность предполагаемой затѣи. Со мной спорили, меня старались переубѣдить, говорили съ жаромъ, съ увлеченіемъ, и, признаюсь, не разъ въ юной душѣ моей чувствовался какой-то неясный откликъ молодой энергіи и энтузіазму, стоющимъ болѣе толковаго дѣла; но переубѣдить меня все-таки не могли. Тогда предложено было мнѣ свиданіе съ нѣсколькими лицами, въ домѣ, кажется Кардашова, гдѣ въ 1866 году помѣщалась лыбедская часть: «тамъ, говорили мнѣ, разъяснятъ тебѣ весь планъ нашихъ дѣйствій, и тогда ты уже навѣрно согласишься съ нами въ возможности удачи дѣла».

Въ назначенное время за мною зашелъ бывшій ко мнѣ ближе другихъ Вицекъ (Викентій Василевскій) и мы съ нимъ отправились въ эту конспиративную квартиру. Комнаты этого довольно большаго дома были пусты и безъ мебели, такъ что не на чемъ было и присѣсть. Мы уже застали тамъ Готфрида Пршеднелскаго и Антона Юрьевича и сейчасъ-же началась рѣчь о дѣлѣ возстанія. Говорилъ Антонъ Юрьевичъ, спокойный, серьёзный, умный; съ первыхъ словъ его для меня ясно было, что ему извѣстно все то, что мною говорилось при разныхъ встрѣчахъ въ Кіевѣ съ поляками товарищами противъ возстанія. Онъ соглашался съ большею частію моихъ доводовъ, а сущность ихъ была проста и ясна: Украйна край русскій, народъ не довѣряетъ полякамъ и при первой вспышкѣ пойдетъ противъ нихъ; при малочисленности собравшихся въ рухавку и думать нельзя было о какомъ либо столкновеніи съ войсками, даже и безъ участія народа. «Все это вѣрно, говорилъ мнѣ Юрьевичъ, все это мы сами сознаемъ; но у насъ дѣло зашло уже слишкомъ далеко, эрекція (sic) у насъ столь сильна, что теперь удержать насъ отъ движенія уже нельзя, а остается только по возможности лучше направлять дѣло». «Очень можетъ быть, продолжалъ онъ, что мы

пропадемъ, что все окончится полнѣйшимъ фіаско; но чтобы мы ни сдѣлали, все это останется яркою чертою въ нашей исторіи и традиціи и поддержитъ духъ борьбы для будущихъ поколѣній»...

Я слушалъ молча; ничего новаго во всемъ сказанномъ для меня не было; я видѣлъ одно,—что эрекція духа слишкомъ сильна въ этихъ юныхъ энтузіастахъ, чтобы чѣмъ нибудь можно было ихъ удержать отъ неминуемой гибели.

Меня обѣщали посвятить во всѣ тайны предположенныхъ дѣйствій, разсказать все до подробностей, на честное слово, что я не открою никому ничего изъ того, что услышу здѣсь. Я отвѣчалъ, что не принадлежу ни къ какой партіи людей и не имѣю ни надобности, ни охоты бѣжать съ доносомъ къ кому-бы то ни было; но не стану и таить узнанное, если по моему пониманію сочту это необходимымъ. «Вотъ чѣмъ могу отвѣтить на довѣріе, оказываемое мнѣ»! закончилъ я.

Нуженъ-ли ужъ очень былъ я имъ, или, можетъ быть, моя откровенность такъ ужъ плѣнила ихъ, но только послѣ моего отвѣта они долго упрашивали меня отказаться отъ только что высказаннаго, дать имъ слово не открывать ихъ тайны и выслушать ихъ планъ дѣйствій. Я остался при своемъ.

— Значитъ ему не слѣдуетъ ничего разказывать, закончилъ сердито Юрьевичъ.

Я ничего не отвѣчалъ. Мнѣ было скорбно на душѣ, я искренно жалѣлъ этихъ хорошихъ самихъ по себѣ людей и добрыхъ товарищей, какое-то щемящее сердце предчувствіе давило меня, чуялось, что эти люди кидаются въ омутъ, сознавая, что мало имѣется шансовъ не утонуть въ немъ.

Мы молча попрощались и даже поцѣловались, у меня глаза были полны слезъ. Пшедпелскій немилосердно теръ носъ, что у него означало волненіе, добрый Вацекъ сталъ мрачнымъ и только Юрьевичъ сохранилъ обычное ему спокойствіе и холодность.

Больше я ихъ не видѣлъ. Тяжелое мое предчувствіе сбылось: всѣ трое были прибиты крестьянами въ д. Соловіевкѣ въ день выхода изъ Кіева въ числѣ другихъ повстанцевъ—Пшедпелскій на повалъ топоромъ, а Юрьевичъ и Василевскій оглушенные ударами и искалѣченные. Эти двое впослѣдствіи выздоровѣли: первый бѣжалъ изъ крѣпости за границу, а второй и до сихъ поръ въ Сибири,

гдѣ послѣ освобожденія отъ каторжныхъ работъ, какъ медикъ, остался фельдшеромъ въ какомъ-то военномъ отрядѣ въ Забайкальѣ.

Скоро послѣ разсказаннаго я выѣхалъ изъ Кіева и совершенно ничего не зналъ, когда и какъ думаютъ дѣйствовать поляки, хотя, учавствуя въ общемъ настроеніи общества края, вмѣстѣ съ другими предчувствовалъ что-то недоброе со стороны ихъ. Ходъ вспыхнувшаго въ Царствѣ Польскомъ возстанія извѣстенъ былъ по газетамъ и простой народъ какъ-то тревожно прислушивался къ доходившимъ до него слухамъ и все съ большимъ недовѣріемъ поглядывалъ на пановъ. Становые пристава приказывали приходившимъ для наряда сотскимъ, а при случаѣ и волостнымъ старшинамъ *пильновать* пановъ и обо всемъ подозрительномъ немедленно доносить имъ. Народъ былъ предупрежденъ даже о возможности въ его средѣ пропаганды со стороны поляковъ; между крестьянами пошелъ или пущенъ кѣмъ либо слухъ, что паны бунтуютъ потому, что царь далъ волю мужикамъ. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы крестьяне сами, помимо нарочитаго приказа, зорко слѣдили за панами.

О распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ уѣздной полиціи я зналъ непосредственно отъ сотскихъ и старшинъ; но какъ сами крестьяне стали подозрительны относительно пановъ, это я имѣлъ случай испытать на себѣ самомъ, хотя мои близкія отношенія къ крестьянамъ не оставляли мѣста никакому подозрѣнію.

Въ свѣтлый праздникъ возвращался я на неподкованной лошади домой съ другаго конца села. Лошадь то и дѣло скользила по глинистой грязи и въ одномъ мѣстѣ шлепнулась такъ, что я слетѣлъ съ сѣдла въ ровъ, при чемъ выпустилъ и поводья. Лошадь поднявшись побѣжала, побрякивая стременами, а я уже дошелъ ко двору пѣшкомъ. Дома лошади не оказалось, а искать ее ночью не было возможности, тѣмъ болѣе, что лошадь эта была куплена мною не задолго передъ тѣмъ, къ двору не привыкла и сама воротиться домой не могла. Весь слѣдующій день я разыскивалъ ее въ окрестностяхъ, причемъ успѣлъ побывать и въ томъ селѣ, гдѣ жилъ ея прежній хозяинъ. Къ вечеру я очутился въ с. Чернышахъ; при входѣ въ село попался мнѣ на встрѣчу мѣстный сотскій, несшій большую вязанку сѣна съ экономическаго тока для лошадей прибывшаго туда становаго пристава. Разсказавъ сотскому о моей бѣдѣ, я узналъ отъ него, что лошадь моя находится въ с. Пшенишникахъ

у тамошняго старосты и что онъ сотскій, бывъ тамъ, самъ видѣлъ, какъ староста гарцовалъ на ней, проѣзжая по селу изъ конца въ конецъ.

Пришлось отправляться въ Пшенишники за лошадью; но прежде, чѣмъ идти туда, я рѣшилъ повидаться съ знакомымъ мнѣ становымъ, и вмѣсто просьбы о розыскѣ, попросить удостовѣреніе о пропажѣ у меня лошади, что вмѣстѣ съ тѣмъ служило и удостовѣреніемъ моей личности. Становой приставъ сейчасъ-же написалъ мнѣ удостовѣреніе и я немедленно отправился, куда мнѣ слѣдовало. Кстати случился какой-то попутчикъ и подвезъ меня, истомленнаго цѣлодневнымъ хожденіемъ, къ самому волостному правленію въ Пшенишникахъ. Но тамъ никого изъ властей не оказалось, а бывшій на мѣстѣ сторожъ, объявилъ, что старшина и писарь у шинкарки на *беседи*; тотъ-же сторожъ удостовѣрилъ меня, что лошадь моя дѣйствительно у иваньковскаго старосты. Иваньковъ—это часть села Пшенишниковъ, вытянувшаяся по глубокому оврагу; итти туда было далеко, и я направился къ шинкаркѣ, у которой проводили время волостный старшина и писарь. Тутъ застаю цѣлую компанію и вдобавокъ распренъяную. Волостный, взявъ у меня удостовѣреніе становаго, долго мялъ его въ рукахъ и затѣмъ спряталъ за пазуху.—«Завтра, сказалъ онъ не твердымъ языкомъ, придетъ писарь и прочтетъ бумагу!» А писарь, успѣвшій уже нализаться до потери сознанія, въ безчувственномъ состояніи лежалъ тутъ-же въ смежной комнатѣ. Мое объясненіе и просьбы ни къ чему не привели. Но вдругъ кто-то изъ присутствовавшихъ узналъ и назвалъ меня; меня тотъ часъ пригласили за столъ; красивая шинкарка принялась угощать. Собесѣдники успокоивали меня, что лошадь моя сыта, ибо сами они видѣли, какъ староста набралъ для нея нѣсколько охапокъ сѣна изъ провозимыхъ экономическихъ фуръ. Но мнѣ не бесѣдовалось, тѣмъ болѣе, что подогнать себя до степени охмѣленія всей компаніи не было повода, а при существовавшей разницѣ настроенія не имѣлось никакой охоты. Кое какъ выпутавшись изъ-за стола и отпросившись отъ угощенія, я наконецъ направился къ выходу. Старшина косѣющимъ языкомъ напутствовалъ меня послѣ уже понятою мною фразою:

— А що про коняку... то воно звисно, коли становый пише, то мы й отдамо; а то ще треба буде роспитатьця, яка це коняка, за чимъ це вона осидлана, якъ це воно выходить, коли тее...

Я не дослушалъ конца фразы и очутился за дверью шинка въ совершенной темнотѣ.

Иду на Иваньковъ и долго странствуя по дворамъ и отбиваясь отъ злыхъ собакъ, нахожу наконецъ старосту, и опять таки въ шинкѣ и въ большой компаніи. На мое привѣтствіе: «Христосъ воскресе!» нѣсколько голосовъ отвѣтили: «Воистину воскресъ!» Бойкій разговоръ при видѣ чужаго человѣка затихъ и меня пропустили къ спрашиваемому мною старостѣ. Это былъ еще молодой осанистый человѣкъ, хотя и сильно выпившій, но еще вполнѣ сознающій себя. Я сказалъ ему о томъ, что ищу убѣжавшей и задержанной имъ моей лошади. Выслушавъ это, староста вдругъ принялъ начальническій видъ и приказавъ двумъ изъ присутствовавшихъ заступить мнѣ выходъ, двухъ другихъ посылалъ покараулить лошадь.

— А то я знаю такихъ, прибавилъ онъ: одинъ оце намъ стане зубы заговорювать, а другій тамъ поворожить. Отъ мы тутъ ёго роспитаемо по своему!

Въ корчмѣ окончательно всѣ замолкли и понадвинулись къ намъ, ожидая чего-то любопытнаго. И тѣ даже, которыхъ староста посылалъ къ лошади, подошли послушать и посмотрѣть, что изъ всего этого выйдетъ. Я просто недоумѣвалъ отъ этой неожиданности и вмѣстѣ съ тѣмъ зло разобрало меня.

Въ краткихъ, но сильныхъ словахъ я объяснилъ старостѣ всю нелѣпость его приказа.

— Я одинъ, а васъ много; не за тѣмъ я пришелъ сюда, чтобы уходить отъ васъ; я по дѣлу, по нуждѣ пришелъ. Такая бѣда со всякимъ случиться можетъ, а ты, не распросивъ, накинулся на меня. Спроси вотъ старыхъ, почтенныхъ людей, хорошо-ли ты дѣлаешь?!

— А вжежъ треба попереду роспитати,—отозвалось разомъ нѣсколько голосовъ.

Староста опѣшилъ: онъ былъ новенькій и не въ мѣру горячій. Я разсказалъ обстоятельно все дѣло и сослался на удостовѣреніе становаго, оставшееся у старшины, при чемъ разумѣется, объяснилъ, кто я и откуда. Меня слушали внимательно, но не безъ нѣкотораго, какъ я могъ примѣтить, недовѣрія. Староста не нашелся, что отвѣчать; но одинъ изъ слушавшихъ, протиснувшись ко мнѣ, пустился въ распросы, приправленные простодушною хитростью:

— Ну, якъ що ты зъ Дударивъ, такъ кого ты тамъ знаешъ?

— Всѣхъ знаю, отвѣчалъ я. Кого тебѣ нужно?

— Ну, а знаешъ ты дида Максима старого, винъ тамъ у васъ коваль, чи що?!

— Знаю, только онъ не коваль, а столяръ...

— Це такъ! Ну, а скилько у нёго сынивъ?

— Два сына—одинъ Филиппъ, другой Акимъ.

— Такъ, эгежъ! А що-жъ винъ и доси вдовіе?

— Былъ-ли онъ вдовъ, не знаю; но у него есть жена и это ея сыновья.

— Ну, це вже зовсимъ вирно! А скажи мени, якъ же ты ёго знаешъ?...

— Какъ-же мнѣ и не знать его, если моя жена приходится внукой дѣду Максиму. Это-жъ его Володьки дочь...

— А що, Юхиме, допитався ридни! Теперъ купуй горилки!— отозвался кто-то изъ компаніи.

Оказалось, что мы родичи съ этимъ самимъ допросчикомъ и еще съ однимъ изъ присутствующихъ. Личность моя была вполнѣ удостовѣрена. Родичи сочли нужнымъ похристосоваться со мною и, какъ это обыкновенно бываетъ, всѣ какъ-бы раздѣляли радость открытія этой близости во мнѣ, до той поры чужомъ и даже въ чемъ-то подозрѣваемомъ человѣкѣ. Сейчасъ-же я долженъ былъ принять въ угощеніе отъ родичей рюмку водки, при чемъ по обычаю подносили и другимъ. Староста былъ въ неловкомъ положеніи и желая какъ нибудь вывернуться, заявилъ было претензію относительно вознагражденія за прокормъ лошади; но я осадилъ его окончательно, намекнувъ ему о томъ, какъ онъ, по словамъ разсказывавшихъ мнѣ въ волости, набралъ помѣщичьяго сѣна съ возовъ, ѣхавшихъ въ панскій дворъ, и имъ кормилъ мою лошадь.

— Вотъ завтра, сказалъ я, схожу въ экономію, спрошу, сколько положатъ за сѣно, которымъ ты кормилъ мою лошадь, столько и заплачу, а съ тебя будетъ и того, что ты цѣлый день гарцовалъ на ней...

Слова мои вызвали смѣхъ въ публикѣ и замѣчанія на счетъ «облызня».

Новообрѣтенные родичи пригласили меня къ себѣ ночевать; началось новое угощеніе. Староста привелъ туда лошадь и просидѣлъ съ нами далеко за полночь. Тутъ-то въ разговорахъ я и узналъ,

что лошадь моя, по ея выѣздкѣ и сѣдловкѣ, была признана всѣми за такую, на какой ожидаются, по разъясненіямъ становаго, задумавшіе бунтовать паны, которыхъ всѣхъ велѣно было сейчасъ-же ловить и доставлять въ становую квартиру.

— Намъ такъ приказано, щобъ за панами приглядати, а особливе за такими, що будуть збиратьця по килька чоловикъ та щей верхами...,—разъясняли мнѣ мои собесѣдники.

Тутъ-то я понялъ и внезапный азартъ старосты, мирно теперь попивавшаго въ нашей компаніи, и загадочный смыслъ напутственныхъ словъ волостнаго, напившагося до невозможности ворочать языкомъ, но не забывшаго о томъ, какъ ему надо «приглядать за панами», которые ѣдятъ «верхи». Дѣйствительно, не случись этого, нечаяннаго обрѣтенія родичей, мое положеніе могло-бы стать на нѣкоторое время очень жуткимъ.

Въ другой разъ въ эту-же весну мнѣ пришлось натолкнуться на двухъ прохожихъ солдатъ пьянствовавшихъ въ придорожной корчмѣ, которые объясняли бывшимъ тамъ крестьянамъ, что теперь они имѣютъ право всякаго попавшагося имъ поляка, да еще и *католика*, сейчасъ-же арестовать и, *завернувъ ему вязы назадъ*, доставить въ становую квартиру. Компанія слушала ихъ не безъ довѣрія: на лицахъ слушателей выражалось:

— А хто ёго знае, може й такъ!

Масса подобныхъ случаевъ, происходившихъ въ разныхъ пунктахъ кіевской губерніи, показываетъ, что готовившееся возстаніе не было секретомъ и для простаго народа. Догадки объ немъ и даже болѣе опредѣленныя свѣдѣнія распространялись въ народѣ и другимъ, болѣе близкимъ ему путемъ, чрезъ панскую прислугу, чрезъ рабочихъ на фольваркахъ и т. п. Всѣ были въ напряженномъ ожиданіи возстанія; но никто не зналъ, гдѣ и какъ оно начнется.

Возстаніе обнаружилось наконецъ выходомъ банды изъ Кіева и разгромомъ оной въ его окрестностяхъ. Вотъ какъ дошло до меня первое о томъ глухое извѣстіе.

Въ селѣ, въ которомъ я въ то время жилъ, возникло недоразумѣніе или, лучше сказать, споръ между однимъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ, П. Х—скимъ и служившимъ у него работникомъ, молодымъ парнемъ, крестьяниномъ того-же села К—цею. Этотъ парень, будучи посланъ паномъ Х—скимъ куда-то съ письмомъ,

въ дорогѣ потерялъ письмо, а въ немъ, какъ заявилъ панъ, было 40 р. денегъ. Х—скій хотѣлъ вычесть потерянныя деньги изъ жалованья К—цы, который былъ единственною поддержкою вдовы матери и ея малолѣтнихъ дѣтей. Панъ Х—скій былъ неумолимъ и дѣло перешло къ мировому посреднику. Задача была не легкая: во 1-хъ не было никакого основанія не довѣрять парню въ его заявленіи о потерѣ письма, во 2-хъ не имѣлось ровно никакихъ доказательствъ на то, что въ письмѣ были 40 рублей, въ 3-хъ панъ Х—скій самъ былъ виноватъ отчасти въ этой потерѣ, ибо посылая съ деньгами 16—17 лѣтняго парня, не вложилъ письма въ какую-либо сумку и не приказалъ ему по крайней мѣрѣ покрѣпче беречь его, какъ денежное. На самый безпристрастный взглядъ казалось, что Х—скій долженъ раздѣлить потерю пополамъ и половину получить съ К—цы, но не единовременнымъ удержаніемъ жалованья, а въ теченіи извѣстнаго срока.

Возникшій казусъ, по желанію пана Х—скаго, предстояло разрѣшить трейтейскимъ судомъ у предводителя дворянства. Наканунѣ назначеннаго дня я съ парнемъ К—цею поѣхалъ къ мировому посреднику въ с. Краснополку, верстахъ въ 10—12 отъ м. Кагарлыка. Переночевавъ тамъ, мы съ мировымъ посредникомъ собрались ѣхать къ предводителю дворянства въ с. Ніи. Лошади были уже поданы, какъ вдругъ нѣсколько крестьянъ вводятъ во дворъ неизвѣстнаго человѣка съ осѣдланною лошадью въ поводу и заявляютъ, что этого человѣка они поймали на полѣ, что «воно щось не певне», такъ какъ у него черезчуръ ужъ исправная сбруя на лошади и «лошадь на четыре ноги кованная», да и ѣхалъ онъ «манивцемъ», т. е. по полю, а не по дорогѣ.

Доказательства «непевности», т. е. подозрительности были на лицо, но приведенный спокойно сказалъ намъ свое званіе и фамилію, пояснилъ, что онъ самъ изъ с. Василевщины, васильковскаго уѣзда, ѣздилъ въ м. Потокъ къ извѣстному лекарю Потабеньку за совѣтомъ въ его болѣзни и въ доказательство показалъ намъ завернутый въ измятую бумажку какой-то бѣлый порошокъ, похожій на соду.

— А что мнѣ пришлось ѣхать чрезъ поле, прибавилъ онъ, такъ это потому, что я сбился съ дороги, блуждалъ цѣлую ночь и уже по дню встрѣтившіеся люди указали мнѣ этотъ путь, какъ кратчайшій. Но тутъ за мной стали гоняться верховые и привели меня сюда.

Говорившій это, одѣтъ былъ въ короткую, до колѣнъ, толстаго сукна чамарку и высокіе сапоги, подпоясанъ широкимъ ремнемъ. Сильный загаръ лица его доказывалъ, что онъ не мало времени провелъ подъ степнымъ вѣтромъ, ничѣмъ не закрытый отъ весенняго солнца. Будь это въ разгаръ возстанія, мы-бы не усумнились, что имѣемъ дѣло съ повстанцемъ, но о началѣ возстанія мы ничего еще не знали и ничто-же сумняся, повѣрили незнакомцу на слово, а доставившимъ его крестьянамъ посовѣтовали отпустить его съ миромъ. Только позже уже мы могли догадаться, что совѣтъ нашъ былъ поспѣшенъ и не къ лицу пойманнаго.

Въ Ніяхъ, куда мы вслѣдъ за тѣмъ отправились, намъ пришлось ожидать. Было воскресенье (28 апрѣля) и предводитель дворянства уѣхалъ съ утра въ ржищевскій костелъ къ обѣднѣ. Когда наконецъ онъ пріѣхалъ, вмѣстѣ съ паномъ Х—скимъ, то, при взглядѣ на нихъ, я съ разу замѣтилъ, что оба они чѣмъ-то встревожены. Одинъ изъ нихъ что-то тревожное шепнулъ и мировому посреднику. Всѣ какъ-то замялись; по порывистымъ ихъ движеніямъ можно было догадаться, что имъ не до разбора дѣла, по которому мы съѣхались; вдобавокъ панъ Х—скій объявилъ, что онъ согласенъ на все, хотя-бы и раздѣлить грѣхъ по поламъ, какъ я предлагалъ, причемъ у него вырвалась непонятная для меня фраза:

— И такъ уже все потеряно!

Я не понялъ, въ чемъ собственно дѣло, удивился этой неожиданной для меня податливости пана Х—скаго, не понималъ, чего ради выражено имъ какое-то отчаяніе изъ-за двадцати рублей; но тѣмъ не менѣе поблагодарилъ его отъ имени К—цы въ возможно приличной формѣ и даже внушилъ послѣднему выразить свою благодарность.

— Богъ зъ тобою, Богъ зъ тобою! Мы не таки зли люде, якъ вы про насъ думаете,—сказалъ какъ-то чувствительно и сенсаціонно панъ Х—скій въ отвѣтъ на благодарность К—цы.

Меня оставляли обѣдать, но я торопился домой и, почему-то чувствуя себя лишнимъ въ этой компаніи, собрался ѣхать. Пока К—ца запрягалъ лошадей, панъ Х—скій и мировой посредникъ, отведя меня въ уголъ залы къ фортепьяно, разсказали неожиданныя новости: что въ Кіевѣ молодежь открыла возстаніе, что собравшіеся тамъ вышли будто за Куренёвку, по направленію къ

Мостищамъ и тамъ имѣли столкновеніе съ войсками, причемъ была жаркая схватка, стоившая много жизней съ обѣихъ сторонъ, что дѣло рѣшено картечью, что молодежь, не смотря на храбрость, перебита почти вся—и пѣхота, и ходившая въ аттаку на пушки кавалерія, и наконецъ что все это стало извѣстно черезъ прибывшихъ въ Ржищевъ на пароходѣ пассажировъ.

Какъ послѣ оказалось, дѣло было далеко не такъ; но это были вѣсти, передаваемыя по первымъ слухамъ, притомъ людьми лично заинтересованными въ дѣлѣ.

Это извѣстіе косвенно встревожило и меня. Дѣло въ томъ, что у помѣщицы, имѣніе коей находилось въ моемъ завѣдываніи, были взрослые сыновья, которые, чего добраго, могли быть увлечены общимъ движеніемъ и попасть въ рухавку, а это значительно измѣняло мои отношенія къ этой семьѣ. Все это я передумалъ, ѣдучи домой, и потому порѣшилъ на другой-же день, т. е. въ понедѣльникъ, 29 апрѣля, отправиться для разъясненія дѣлъ въ Кіевъ. Хотя въ то время пребываніе въ Кіевѣ безъ установленнаго вида было не безопасно со стороны полиціи, но ѣхать было нужно, и я на другой день въ м. Ходоровѣ сѣлъ на попутный пароходъ. Передъ моимъ отъѣздомъ вернувшаяся отъ *череды* работница передавала намъ слухъ, что вчера «*ляхи спалили багато силъ по за Кагарлыкомъ и рижуть народъ*». Это тотъ самый Кагарлыкъ, въ десяти верстахъ отъ коего я ночевалъ прошлую ночь.

По пути къ Кіеву на пароходѣ ничего я не слыхалъ и, какъ обыкновенно, въ 6 часовъ передъ вечеромъ высадился на пристани на Подолѣ, оттуда пошелъ по Александровской горѣ и черезъ Крещатикъ на Новое Строеніе, по направленію къ Кузнечной улицѣ, въ домъ Куперника, что теперь Кистяковскихъ. По мѣрѣ приближенія къ концу Крещатика и къ началу Большой Васильковской я все болѣе и болѣе, среди треска экипажей и обычнаго уличнаго гула, сталъ отличать звуки какой-то музыки впереди себя, пока наконецъ, при поворотѣ отъ Бульонскаго переулка, не наткнулся на громадныя толпы народа, загромоздившаго во всю ширь улицу, причемъ явственно услышалъ мотивъ погребальнаго марша, который игралъ военный оркестръ, и увидалъ въ передней части толпы церковныя хоругви. Одинъ изъ тянувшихся въ хвостѣ толпы извощиковъ объяснилъ мнѣ, что это хоронятъ козака, убитаго поля-

ками и «произведеннаго за то въ офицерскій чинъ» (!). Дойдя въ толпѣ до угла, я повернулъ на Шулявскую улицу и скоро попалъ въ домъ Куперника.

Знакомыхъ мнѣ супруговъ я засталъ встревоженными: воспитанникъ ихъ ушелъ въ рухавку и вчера уже видѣли, какъ его связаннаго, съ скровавленнымъ лицемъ, вели по городу въ числѣ другихъ пойманныхъ инсургентовъ; одинъ изъ ихъ сыновей по сю пору не возвратился изъ поѣздки въ Одессу и неизвѣстность того, что сталось съ нимъ, сильно тревожила семью [1]). Всѣ были поражены ужасомъ и подъ вліяніемъ его относились съ укорами ко всему молодому поколѣнію. Свѣдѣнія имѣлись самаго неопредѣленнаго и противорѣчиваго свойства: одни съ полнымъ отчаяніемъ говорили о гибели всего дѣла и всѣхъ, въ разсказахъ другихъ о геройской якобы стычкѣ съ козаками въ Романовкѣ проглядывала какая-то тѣнь надежды на возможность успѣха. «Разумѣется, что при такой храбрости можно многое сдѣлать, но, представьте, такая неудача на первомъ-же шагу!» разсуждалъ одинъ панъ, встрѣченный мною въ томъ-же семействѣ.

Тяжело мнѣ было съ этими людьми и я пошелъ ночевать къ не полякамъ, къ людямъ стоящимъ внѣ польскихъ симпатій. Тамъ хотя тоже не пришлось мнѣ услышать ничего точнаго, опредѣленнаго, но за то я былъ свободенъ отъ тажелаго удручающаго чувства при видѣ чужаго горя.

На другой день съ утра я опять зашелъ въ туже польскую семью на Кузнечной улицѣ, но тамъ еще спали. Вышедши изъ воротъ, я увидалъ, что по Жандармской и Жилянской улицамъ, пересѣкающимъ Кузнечную, бѣжалъ народъ по направленію къ Большой Васильковской улицѣ. Я пошелъ тудаже. Оказалось, что бѣгутъ смотрѣть на плѣнныхъ поляковъ.

---

[1]) Нѣкоторыя польскія семейства, имѣя молодыхъ взрослыхъ сыновей и опасаясь ихъ увлеченія въ рухавку, благоразумно удаляли ихъ на это время изъ Кіева въ Одессу. Всѣ посторонніе полагали, что они въ возстаніи, куда-бы можетъ быть они и попали-бы, если-бы не этотъ родительскій маневръ. Я помню одного пана, который на разспросы пановъ-же о сынѣ отвѣчалъ: «il est a present dans des districts mèridionaux». Онъ не вралъ, сынъ его былъ въ Одессѣ, но вопрошающіе, понимая подъ словомъ: districts уѣздъ и зная о возстаніи въ таращанскомъ уѣздѣ, успокаивались относительно патріотизма семьи.

Было на что посмотрѣть! Это было то историческое возмездіе, которое эти горькіе люди выслужили себѣ въ исторіи этого края. Шерръ въ этой картинѣ нашелъ-бы преблагодарнѣйшую тему для эпизода-акта въ его комедіи всемірной исторіи. Но не обладая живымъ юморомъ этого сатирика-историка, я съ сожалѣніемъ и отвращеніемъ смотрѣлъ на эту процессію. Во всю ширину Васильковской улицы, отъ тротуара до тротуара, медленнымъ шагомъ двигались двѣ шеренги инсургентовъ со связанными въ локтяхъ руками; шеренги состояли изъ многихъ паръ сострунепныхъ, локоть къ локтю, по двое повстанцевъ въ различныхъ костюмахъ, между которыми преобладали чамарки темнокоричневаго толстаго сукна и большіе сапоги. За каждою такою парою шелъ, держа въ рукѣ связующую пару веревку, крестьянинъ-украинецъ съ огромной дубинкой, очевидно только что сдѣланной, не успѣвшей обвѣтриться. Вслѣдъ за этими двумя шеренгами тянулось десятка полтора подводъ, на которыхъ помѣщались по 3 и 4 человѣка инсургентовъ, тоже связанныхъ по рукамъ и также съ двумя при каждомъ возу сторожами-крестьянами, вооруженными дубинками. Вся эта процессія была оцѣплена пѣхотными солдатами съ верховыми двумя офицерами. Толпившаяся на обоихъ тротуарахъ городская чернь ругала конвоируемыхъ поляковъ, глумилась всячески надъ ними, бросала камнями въ нихъ и если-бы не цѣпь солдатъ, кажется, готова-бы была растерзать ихъ. Все это были высунувшіеся на улицу кучера, дворники и сторожа, разные подмастерья, оторвавшіеся отъ работы мальчишки и вообще городская голытьба. Много, разумѣется, можно сказать въ оправданіе этого раздраженія городской черни, этихъ смутно понимаемыхъ инстинктовъ массы, своего рода патріотизма; но мнѣ сугубо претило это безцѣльное битье лежачаго, и я радъ былъ-бы закрыть глаза на происходившее предо мною.

Вся эта демонстраціонная процессія, сопровождаемая все болѣе и болѣе возраставшею въ размѣрѣ толпою зѣвакъ и ругателей, направилась тихимъ шагомъ въ Липки къ старшему полиціймейстеру. Я, разумѣется, не нашелъ удовольствія сопровождать ее и повернулъ назадъ.

Между связанными поляками я разглядѣлъ нѣсколько знакомыхъ, хотя и неизвѣстныхъ мнѣ по фамиліи лицъ, двухъ-же изъ нихъ

я хорошо зналъ: это были поссесоръ изъ с. Сухолѣсъ п. П—скаго и братъ жены моего дяди Антона С—цкаго, жившій въ с. Соколовкѣ около Саливонокъ. Оба значитъ изъ Бѣлоцерковщины, а потому полагаю, что это были тѣ, которыхъ крестьяне забрали въ полѣ и по домамъ въ бѣлоцерковскихъ имѣніяхъ гр. Браницкихъ.

Толкаясь по Кіеву, я успѣлъ между тѣмъ по разнымъ разсказамъ уяснить себѣ болѣе опредѣленно начало и ходъ событій этихъ дней. Вотъ въ какомъ видѣ представлялись они по устной молвѣ.

Въ ночь на 27 апрѣля изъ Кіева должно было выйти до 300 человѣкъ инсургентовъ—100 человѣкъ конныхъ и до 200 пѣшихъ. Конные должны были выйти изъ дома Ольшанскаго, на Владимірской улицѣ, такъ какъ онъ содержалъ манежъ для обученія верховой ѣздѣ и выѣзжалъ верховыхъ лошадей. У него было около 60 лошадей, остальные должны были присоединиться къ нему въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ Кіева выходитъ старая житомірская дорога. Тамъ-же былъ назначенъ сборный пунктъ и для пѣшихъ, которые должны были выйти изъ города въ раздробь. Навербовавшій себѣ десякокъ охотниковъ *eo ipse* становился десяточнымъ и уже обязанъ былъ собрать и вывести свой десятокъ на сборный пунктъ. Особая партія на трехъ фургонахъ направлялась по васильковской дорогѣ. Каждый изъ десяточныхъ назначалъ особый сборный пунктъ для своего десятка. Все это дѣлалось ради того, чтобы обойти полицейскій надзоръ и безпрепятственно выйти изъ города.

А между тѣмъ кіевская полиція, желая избѣгнуть столкновенія съ повстанцами въ городѣ, нарочно будто устранила себя отъ препятствованія имъ выхода въ поле. Изъ всѣхъ повстанцевъ захватила одного только Грузинскаго, скоропостижно умершаго въ арестантской лыбедскаго участка, что особенно безпокоило повстанцевъ, такъ какъ онъ былъ казначеемъ партіи.

Такъ-ли оно, или иначе было, но только въ ночь съ 26 на 27 апрѣля инсургенты вышли изъ Кіева. Говорили, что администрація только обманута была маршрутомъ: выхода повстанцевъ ожидали черезъ Куреневку по дорогѣ въ Мостищи, а они пошли на Бѣличи.

Къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Кіева почти непосредственно за городомъ начинаются лѣса. Въ эти-то лѣса и направлялись повстанцы, разсчитывая на удобство открыть партизанскую войну въ этой,

покрытой лѣсами и пересѣченной болотистыми рѣками, мѣстности. Вышедшая партія состояла въ большей части изъ юношей, привыкшихъ къ городской жизни, мало способныхъ къ пѣшеходству, обутыхъ въ ботинки варшавскаго издѣлія или въ франтовскіе ботфорты отъ Клюга или Блюнка. Ни мѣстности, ни расположенія къ нимъ населенія они вовсе не знали. Нѣкоторые изъ будущихъ партизановъ, при первомъ-же выходѣ изъ Кіева темною ночью, съумѣли заблудиться и, проплутавъ до утра по ярамъ, тихонько побросали оружіе и возвратились въ городъ на свои квартиры; другіе на первомъже десяткѣ верстъ подбили непривычныя къ долгой ходьбѣ ноги и падали отъ изнеможенія и полнѣйшей невозможности продолжать путь.

Собравшіеся за городомъ инсургенты торопились идти поскорѣе далѣе, такъ что многихъ не дождались. Имъ очевидно скорѣе хотѣлось добраться до лѣсу. Партія конная обогнала пѣхоту, еще не доходя Бѣличъ. Подъ самой Романовкой повстанцы уже почуяли погоню за собою и бѣгомъ бросились на плотину чрезъ Ирпень. Плотина эта, перепруживая собою здѣсь болотистую рѣчку Ирпень, образуетъ небольшой прудъ и имѣетъ два моста—одинъ около мельницы, а другой надъ шлюзомъ для спуска лишней воды. Мѣсто это было заранѣе извѣстно вожакамъ и представляло традиціонное въ стычкахъ поляковъ съ донскими козаками удобство столкновенія. Донцы слишкомъ самонадѣянно бросились по плотинѣ и въ концѣ оной наткнулись на разобранный мостъ и на выстрѣлы повстанцевъ. Здѣсь вотъ и былъ убитъ несчастный станичникъ—козакъ, котораго, какъ выше упомянуто, торжественно хоронили въ Кіевѣ. Козаки отступили и сейчасъ-же дали знать въ Кіевъ о «значительныхъ силахъ» (?) мятежниковъ, оказавшихъ будто-бы непреоборимое сопротивленіе и укрѣпившихся въ лѣсу за Романовкою. Пришлось послать изъ Кіева болѣе стойкую силу—два эскадрона глуховскихъ драгунъ, которыхъ козаки, успѣвшіе тѣмъ временемъ пошпырять около Романовки, повели на шоссейный мостъ въ обходъ разоренной плотины. Повстанцы-же за это время успѣли забраться поглубже въ лѣсъ по дорогѣ на Бородянку и добрались туда передъ вечеромъ. Передъ тѣмъ черезъ Бородянку успѣла пройти конная партія Ольшанскаго по направленію къ Хабному.

Если-бы не задержка въ Романовкѣ и потеря времени на требованіе донцами подкрѣпленія, то, разумѣется, войска настигли-бы

повстанцевъ, далеко не допустивши ихъ до Бородянки. Но времени много ушло на обходъ по шоссе Романовки и кромѣ того отрядъ войскъ въ преслѣдованіи постоянно останавливался, изъ опасенія наскочить на засаду. Козаки, шедшіе цѣпью впереди отряда, то и дѣло натыкались на приставшихъ и падавшихъ отъ изнуренія инсургентовъ и каждый разъ задерживали отрядъ увѣдомленіями о встрѣчахъ съ непріятелемъ.

Измученные непривычнымъ (верстъ 60) переходомъ повстанцы добились въ экономическій дворъ гр. Понятовскаго въ Бородянкѣ и тамъ задумали остановиться и защищаться, будь что будетъ. Дѣйствительно вслѣдъ за ними начали показываться изъ лѣса къ селу козаки, а затѣмъ явился и отрядъ драгунъ. Разсказывали, что командовавшій отрядомъ баронъ Тизенгаузенъ, убѣдившись за время цѣлодневнаго преслѣдованія въ безсиліи повстанцевъ и по человѣколюбію щадя жизнь ихъ и своихъ солдатъ, не началъ сразу атаки на экономическій дворъ, а хотѣлъ дать имъ время убраться опять въ лѣсъ, разсчитывая на то, что само собою шайка разсѣется отъ изнуренія и будетъ переловлена, безъ употребленія въ дѣло оружія, но будто-бы солдаты начали роптать и стали рваться на повстанцевъ. Ропотъ еще болѣе усилился, когда со стороны послѣднихъ раздались выстрѣлы изъ экономическаго двора; драгуны открыли тогда огонь, а козаки для освѣщенія боя зажгли двѣ хаты. Произошла ожесточенная схватка. Результатъ боя не подлежалъ сомнѣнію—около 70 инсургентовъ, оставшихся изъ цѣлой 150—200 человѣкъ партіи, были плѣнены. Остальная часть партіи была подобрана приставшею по пути и частію перебита ружейными выстрѣлами.

Крестьяне подгородныхъ селъ, встревоженные этимъ необычнымъ дѣломъ, пособляли войскамъ въ подбираніи приставшихъ поляковъ и препровождали плѣнныхъ.

Кіевляне съ нетерпѣніемъ ждали вѣстей о ходѣ дѣла. Два козака, одинъ раненый, другой убитый, были отвѣтомъ для любопытныхъ и причиною преувеличенныхъ слуховъ о «большомъ сраженіи». Нашлись однако между кіевлянами такіе, которые рискнули поѣхать на мѣсто этого сраженія. Разсказывали про какихъ-то братьевъ Ж—выхъ, великосвѣтскихъ денди, которые наняли лихача и поѣхали посмотрѣть на «сраженіе». Крестьяне задержали ихъ

гдѣ-то на шоссе и связанныхъ привели въ Кіевъ, не довѣряя ихъ объясненіяхъ о томъ, что они не поляки, не мятежники и т. д.

Итакъ дѣйствія части кіевскихъ повстанцевъ, начавшіяся въ 12 часовъ ночи съ 26 на 27 апрѣля длились менѣе сутокъ, ибо уже до 12 часовъ ночи съ 27 на 28 апрѣля все было кончено въ дѣлѣ возставія, а для многихъ и вообще въ семъ мірѣ.

Столько-же почти времени воевала и та партія, которая выѣхала на трехъ брикахъ по васильковской дорогѣ. Къ ночи съ 27 на 28 апрѣля вся она, въ числѣ 21 человѣка, неподвижно лежала въ безчувственномъ видѣ около волостнаго правленія въ с. Соловіевкѣ.

Если можно говорить о людяхъ и ихъ достоинствѣ безъ отношенія къ совершеннымъ ими ошибкамъ или проступкамъ, то я долженъ здѣсь сказать, что эти 21 человѣкъ были лучшіе люди изъ среды польскаго общества того времени и вообще были хорошими людьми. Это была передовая молодежь того края, порвавшая все со шляхетскими соціальными традиціями, ясно понимавшая несостоятельность этихъ традицій и мечтавшая, въ случаѣ успѣха возстанія и возстановленія политической независимости Польши, пересоздать ея государственный и общественный строй на иныхъ, болѣе широкихъ началахъ равенства сословій и личной свободы. Но мечты ихъ такъ и остались мечтами, а сами они пали жертвами неумолимой исторической правды. На нихъ, какъ на дѣтяхъ несправедливыхъ отцевъ, лежалъ грѣхъ традиціонной панско-польской неправды по отношенію къ Украйнѣ и они отвѣтили за грѣхи отцевъ своихъ.

Я помню нѣсколько фамилій этихъ *жирондистовъ*, какъ ихъ называли до возстанія въ средѣ университетской молодежи. Вотъ они: два брата Василевскіе, Викентій и Алексѣй, Готфридъ Пржеднельскій, два брата Пржездземірскихъ, Антонъ Юрьевичъ, Болеславъ Петынскій, Костюшко, Избинскій, Адольфъ Перетятьковичъ, Стржемечный, Бобовскій, Бесядовскій и какой-то одесскій мѣщанинъ Стрѣльченко. Остальныхъ не знаю. Изъ этихъ извѣстныхъ мнѣ остались живыми — Викентій Василевскій, Антонъ Юрьевичъ и Болеславъ Петынскій.

Вотъ эта-то партія жирондистовъ въ ночь съ 26 на 27 апрѣля выѣхала на трехъ брыкахъ, запряженныхъ каждая четверкою лошадей, изъ дома Зименка на Кузнечной улицѣ и направилась по

васильковскому почтовому тракту. Всѣ были достаточно вооружены и притомъ въ брыкахъ имѣлся еще запасъ ружей для вооруженія ожидаемыхъ новобранцевъ. Не доѣзжая Василькова, они повернули вправо съ почтовой дороги, чтобы объѣхать этотъ городъ, и черезъ с. Илисецкое выбрались къ Мотовиловкѣ, гдѣ на Перепетовомъ полѣ развернули красное знамя и стали кормить лошадей. Вѣроятно, это было условленное мѣсто встрѣчи съ партіей, появившейся было на поляхъ между Гребенками, Винницкими Ставами, Пологами и Ковалевкой. Но, вмѣсто ожидаемой партіи своихъ, они увидѣли скакавшихъ къ нимъ вооруженныхъ крестьянъ, изъ коихъ Салиновскій волостной старшина, Иванъ Шадура, былъ при саблѣ, такъ что они приняли его за солдата. На всѣ ихъ попытки войти въ переговоры Шадура кричалъ только: «сдавайтесь, а то мы васъ перевяжемъ, какъ уже многихъ такихъ перевязали». Это дало понять повстанцамъ, что ожиданія ихъ тщетны, и они, усѣвшись въ брыки, повернули на западъ на Фастовецъ, причемъ, предполагая въ Шадурѣ солдата, нѣкоторые нѣсколько разъ брали его на прицѣлъ ружей, но были удержаны товарищами. Въ Фастовцѣ громада была повидимому сговорчивѣе: съ нею могли говорить, успѣли даже вручить ей одинъ экземпляръ золотой грамоты. Но тѣмъ не менѣе доносившіяся и изъ среды этой сговорчивой громады угрозы и выкрикавшій объ арестованіи ихъ Шадура вполнѣ выяснили партіи, что дѣло ея стоитъ плохо; тогда рѣшено было выбиться на почтовую житомирскую дорогу и ѣхать на Волынь для соединенія съ Ружицкимъ. Петынскій, родомъ изъ Карабагина, взялъ на себя указаніе дороги къ нему, а послѣ и на почтовый трактъ.

Изъ Фастовца повстанцы поѣхали на Фастовъ, а оттуда на Дѣдовщину. Шадура отъ нихъ отсталъ, но за то увязался какой-то отставной солдатъ, не отстававшій отъ нихъ и заскакивавшій все впередъ для того, чтобы оповѣщать по селамъ о появленіи мятежниковъ и тѣмъ подымать цѣлыя громады крестьянъ. Какъ злой рокъ, преслѣдовалъ ихъ этотъ солдатъ и до того надоѣлъ имъ, что они не выдержали и выстрѣломъ изъ ружья убили подъ нимъ лошадь. Но онъ добылъ гдѣ-то другую и все-таки не отставалъ отъ нихъ и поднималъ по пути народъ.

Всюду по селамъ, чрезъ которыя направлялась партія, поднялась страшная суета, по церквямъ били въ набатъ, на видимомъ

пространствѣ поля то и дѣло скакали верховые, показывались кучками пѣшіе вооруженные крестьяне, держась однако на далекой дистанціи, такъ, что нельзя было переговариваться съ ними, что еще болѣе усиливало ужасъ положенія повстанской партіи. Гнавшіеся за нею крестьяне придумали наконецъ способъ пресѣченія ей пути: стали разламывать мостики на попутныхъ переѣздахъ черезъ ручьи и мочары. Добрыя четверки не разъ вырывали загрязавшія брыки, но въ одномъ мѣстѣ, между Дѣдовщиной и Турбовкой, передняя, наиболѣе тяжелая брыка такъ увязла, что не было никакой возможности ее вытащить. Вечерѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ усугублялся ужасъ положенія бѣжавшихъ. Повстанцы порѣшили пригрузить тонь еще одною брыкою и такимъ образомъ переправить третью; но пока это устраивали, наступила ночь. «То состояніе, въ какомъ мы были уже въ Соловіевкѣ, окруженные толпою крестьянъ, наконецъ самый моментъ нападенія ихъ на насъ—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что мы испытали въ эту ночь», разсказывалъ Петынскій, возвратившійся впослѣдствіи изъ Сибири. «Во всѣхъ селахъ, окружающихъ небольшое пространство полей, слышно, идетъ страшная тревога, раздается колокольный звонъ, пылаютъ костры, то и дѣло перебѣгаютъ по отсвѣту костровъ тѣни, доносятся вопли перепуганныхъ женщинъ и грозные оклики мужчинъ—и посреди этой адской грозной сумятицы мы—такіе маленькіе, ничтожные, горсточка какая-то, поприжавшаяся съ лошадьми къ уцѣлѣвшей брыкѣ, въ ужасѣ, страхѣ, какомъ-то состояніи оцѣпененія, въ этой темной ночи, въ этой неизвѣстности».

Въ Соловіевкѣ, куда наконецъ добрались перепуганные повстанцы, ихъ встрѣтило все село и послѣ недолгихъ переговоровъ препроводило ихъ въ волостное правленіе. Окруженные толпою крестьянъ, повстанцы шли пѣшкомъ по улицѣ. На брыкѣ, наполненной оружіемъ, сидѣлъ Бобовскій, держа въ рукахъ ружье. Окружающіе шайку крестьяне тиснулись къ брыкѣ, заглядывали туда; то и дѣло изъ гудящей толпы вырывались угрозы и ругательства. Вдругъ, среди этого гама, раздался выстрѣлъ, затѣмъ другой [1]).

---

[1]) Кто первый выстрѣлилъ, неизвѣстно. Говорили, что лакей мѣстнаго помѣщика Михаловскаго бѣжалъ къ толпѣ съ ружьемъ и, упавъ, нечаянно выстрѣлилъ; по другимъ разсказамъ выстрѣлъ послѣдовалъ также случайно, когда надви-

Толпа шарахнулась отъ брыки, но кто-то крикнулъ въ этотъ моментъ: «бый ихъ смертельнымъ боемъ», и крестьяне кинулись на повстанцевъ съ топорами, дубьемъ и косами. «Едва я заслышалъ этотъ крикъ, разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи Петынскій, какъ раздался смертельный храпъ шедшаго со мною рядомъ Пржеднельскаго, кѣмъ-то и чѣмъ-то убитаго на повалъ. Но не успѣлъ я оглянуться на него, какъ вслѣдъ затѣмъ самъ потерялъ сознаніе отъ нанесеннаго мнѣ чѣмъ-то тяжелымъ удара». Въ нѣсколько мгновеній вся шайка была перебита и избита, изувѣчена и ограблена. Крестьяне не знали жалости и пощады; въ свою очередь они дѣйствовали подъ вліяніемъ страха, самозащиты, традиціоннаго озлобленія и ненависти, по импульсу охватившей всѣхъ ярости, при звукѣ выстрѣловъ и крикѣ: «бый ихъ смертельнымъ боемъ!» Словомъ: это были потомки тѣхъ, которые; умирая, говорили: «закрый мени, мамо, очи, щобъ я того поганого ляха не бачивъ»!

Когда прибылъ на мѣсто происшествія отрядъ козаковъ, то изъ цѣлой шайки двѣнадцать человѣкъ нашелъ совершенно мертвыми, девять человѣкъ сохраняли лишь слабые признаки жизни, а двое изъ нихъ скоро умерли. На всѣхъ видны были слѣды нанесенныхъ побоевъ, тяжелыхъ ранъ, сильнаго увѣчья; у многихъ головы были разсѣчены не однимъ, а двумя тремя ударами топора, всѣ вообще инсургенты были ограблены и раздѣты до нага. Петынскій, по его словамъ, оглушенный ударомъ, пришелъ въ сознаніе отъ боли, которую кто-то изъ крестьянъ причинилъ ему, стараясь сорвать съ шеи крестикъ на золотой цѣпочкѣ, неподдававшейся усиліямъ грабителя и врѣзавшейся въ тѣло жертвы.

Прибывшія власти распорядились похоронить мертвыхъ, а живыхъ перевезли въ м. Брусиловъ. Послѣднее сдѣлано было отчасти въ виду не остывшаго волненія соловіевцевъ и увеличивавшагося стеченія народа изъ окрестныхъ селъ.

нувшіеся къ брыкѣ крестьяне стали таскать изъ нея оружіе и кто-то нечаянно задѣлъ за взводъ одного ружья. Второй выстрѣлъ сдѣланъ былъ Бобовскимъ, державшимъ между колѣнъ заряженную двухстволку, но нарочно или нечаянно, также неизвѣстно.

Таковъ былъ трагическій исходъ этой такъ называвшейся *соловіевской партіи* возстанія, по слышаннымъ мною разсказамъ, состоявшей, какъ я выше говорилъ, изъ лучшихъ молодыхъ силъ, увлекшихся нелѣпымъ мятежемъ.

Возвращаюсь къ моимъ въ тѣ дни странствованіямъ по Кіеву, давшимъ мнѣ возможность кое-что видѣть и слышать изъ происходившаго въ то время.

Выше я упомянулъ, что въ числѣ проведенныхъ по Кіеву связанныхъ повстанцевъ я увидѣлъ нѣкоего С—цкаго, приходившагося мнѣ съ родни. Это былъ братъ жены моего дяди, жившей около Бѣлой-Церкви въ селѣ Соколовкѣ недавнею вдовою послѣ смерти мужа. Дядя этотъ воспитывалъ меня и былъ для меня, рано осиротѣвшаго, отцомъ. Тетка арендовала имѣніе у гр. Браницкаго Соколовку, а хозяйничалъ за нее ея братъ, вотъ этотъ самый С—цкій. Я съ ужасомъ представлялъ себѣ положеніе несчастной женщины, брошенной среди взбудораженнаго населенія безъ всякой помощи и притомъ скомпретированной выходомъ изъ ея дома ея роднаго брата въ повстанье. Я сейчасъ-же порѣшилъ отправиться туда для оказанія посильной помощи, тѣмъ болѣе, что относительно своей семьи я былъ спокоенъ, ибо уже стало извѣстно, что повстанье въ кіевской губерніи подавлено, а въ мѣстности, гдѣ я жилъ, и ничего не было.

Но для того, чтобы ѣхать въ Бѣлоцерковщину, нужно было имѣть какой-либо письменный видъ, и я порѣшилъ взять подорожную и сейчасъ-же ѣхать. Для этого я отправился къ старшему полиціймейстеру г. Кіева, знавшему меня лично, полковнику Ивенсену.

Въ канцеляріи полиціймейстера шла страшная суета. Я попалъ туда сейчасъ-же послѣ отправленія приведенныхъ мятежниковъ. Полиціймейстеръ уѣхалъ куда-то, чуть-ли не къ коменданту крѣпости, куда отправили плѣнныхъ; чины канцеляріи завалены были спѣшною перепискою, вызванною повстаньемъ; то и дѣло принимали и посылали бумаги, двое какихъ-то чиновниковъ съ полицейскимъ служителемъ перебирали и переписывали сваленныя въ углу канцеляріи оружіе и вещи, отобранныя отъ повстанцевъ; стояли какіе-то крестьяне, входили и выходили козаки, нѣсколько лошадей коихъ я замѣтилъ во дворѣ еще. Мнѣ оставалось только стоять и ожидать прибытія полиціймейстера, тѣмъ болѣе, что только послѣ личныхъ

объясненій съ нимъ я могъ разсчитывать получить свидѣтельство на проѣздъ или подорожную. На меня никто не обращалъ вниманія, и я отъ нечего дѣлать сталъ разсматривать повстанское оружіе и аммуницію. Какого только оружія и чего только тамъ не было! Двуствольныя охотничьи ружья отъ высшаго разбора до самыхъ мизерныхъ, старыхъ, поразстрѣлянныхъ въ стволахъ, одностволки всевозможнѣйшихъ калибровъ отъ огромнаго шведскаго до малопульныхъ, новенькіе, красивой отдѣлки и со сковками и даже завязками патронташи, охотничьи торбы, самодѣлковые ранцы, широкіе пояса кожанные, какіе-то ножи, тесаки, сабли, подобіе не то сабель, не то шпагъ, многіе старинной роскошной отдѣлки, но многіе съ самодѣльными ручками, умотанными бичевкою... цѣлая коллекція!

Пріѣхалъ наконецъ полиціймейстеръ; я объяснилъ ему откровенно всю сущность моего къ нему дѣла. Онъ все выслушалъ и затѣмъ не посовѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Бѣлоцерковщину, не далъ свидѣтельства на полученіе подорожной.

— Поѣзжайте-ка вы сейчасъ-же домой, а то и у васъ тамъ можетъ быть неблагополучно. Теперь всего можно ожидать,— напутствовалъ меня хорошій человѣкъ, Ивенсенъ.

На другой день 30 мая я уже ѣхалъ на пароходѣ изъ Кіева внизъ по Днѣпру. Между пассажирами слышны были разговоры о совершившихся событіяхъ, всѣхъ интересовало дѣло возстанія. Пониже Стаекъ, около Гребенивъ, мы увидѣли около лѣса людей, вооруженныхъ блестѣвшими на солнцѣ косами. Пароходная публика догадалась, что это была облава на укрывавшихся въ лѣсу мятежниковъ. Такія облавы устраивались тогда во многихъ мѣстахъ кіевской губерніи, хотя часто и никакихъ мятежниковъ въ лѣсу не находили.

Выѣзжая изъ дому въ понедѣльникъ, я распорядился, чтобы во вторникъ и среду въ м. Ходоровѣ на берегу меня ожидали лошади и чтобы лодочникъ Матвѣй былъ съ лодкою къ приходу парохода. Такъ дѣлалось всегда, ибо въ Ходоровѣ пароходъ тогда не приставалъ къ берегу, а бралъ и сажалъ пассажировъ на ходу. Обыкновенно издали можно было видѣть выѣхавшую на встрѣчу лодку; но на этотъ разъ лодки не видно было, а виднѣлся въ дали нагруженный людьми паромъ и суетящаяся на берегу, у

мѣста переправы, толпа людей. Я обратился съ просьбою къ капитану высадить меня непосредственно на берегъ. Пароходъ причалилъ къ глубокому берегу, не доѣзжая мѣстечка Ходорова, и меня ссадили на берегъ.

По клейкому грунту берега я направился къ пристани мѣстечка. Издали уже я могъ разсмотрѣть, что масса людей усаживалась на паромъ и что толпа увеличивалась подбѣгающими изъ улицъ. Что-то непонятное для меня совершалось тамъ. Чѣмъ-то испуганы эти люди, отъ кого-то бѣгутъ они. Нѣсколько человѣкъ обратили на меня вниманіе и пошли ко мнѣ на встрѣчу. Отъ нихъ я узналъ, что это народъ «утикае» на лугъ за Днѣпръ отъ приближающихся «ляховъ», которые за Кагарлыкомъ «попалили села и рижутъ людей».

Не помню, какъ уже я съумѣлъ убѣдить ихъ, что никакихъ ляховъ не можетъ быть здѣсь, что тѣ, которые дѣйствительно бунтовали, уже усмирены и я самъ лично видѣлъ ихъ связанными въ Кіевѣ, что нѣтъ никакого основанія бѣжать куда-бы то ни было, а слѣдуетъ быть совершенно спокойными. Все это я разсказывалъ, спрашивая о причинахъ тревоги и отвѣчая на множество вопросовъ, мнѣ предложенныхъ, и въ то-же время, вспоминая слова полиціймейстера, искалъ глазами кого нибудь изъ своихъ выѣхавшаго или наконецъ вышедшаго за мною изъ дому. Но никого не было сегодня здѣсь, а вчера выѣзжали, какъ объяснилъ мнѣ подвернувшійся рыбалка—лодочникъ Матвѣй. Пришлось идти пѣшкомъ домой. Я могъ-бы зайти къ ходоровскимъ панамъ и тамъ добыть лошадей, но такъ какъ меня провожали допытывавшіеся про ляховъ крестьяне, то я и не захотѣлъ заходить въ Ходоровъ. Насколько я успѣлъ успокоить ходоровцевъ, не знаю; но уже то, что кучка любопытныхъ проводила меня въ сторону отъ берега рѣки, значитъ, въ противоположную направленію бѣгства, доказывало отчасти довѣріе ихъ къ моему разсказу.

У себя дома я засталъ тоже тревогу. Помѣщичій дворъ, черезъ который мнѣ пришлось проходить, былъ пустъ и оставленъ всѣми служащими. Первымъ живымъ существомъ, попавшимся мнѣ въ глаза, былъ нашъ коваль Довбаненко, чего-то ради тягавшій по своему двору большущую «скрыню»,—родъ сундука, въ которомъ прячется весь женскій скарбъ. Впослѣдствіи выяснилось, что это

онъ «рятувавъ свою худобу», предполагая нести и прятать куда-то скрыню, но въ испугѣ никакъ не попадая съ нею въ ворота. Осмотрѣвшись, я увидалъ не одного Довбаненка, занятаго подобнымъ дѣломъ: у подошвы бугра, на которомъ я стоялъ, копошились во дворѣ Кухаренковъ, что-то вынося на улицу, какъ на пожарѣ. Во дворѣ дѣда Максима видно было также не мало народу и доносился оттуда громкій говоръ. Я окликнулъ одного изъ Кухаренковъ, а онъ, вмѣсто отвѣта, поднялъ высоко шапку и звалъ меня къ себѣ. Не успѣлъ я сойти съ бугра, какъ по селу послышалось еще нѣсколько окликовъ, въ которыхъ я могъ разслышать мое имя; на встрѣчу мнѣ выбѣгали со дворовъ и садовъ люди обоего пола, и пока я дошелъ до двора Максима, меня окружила цѣлая толпа сбѣжавшихся отовсюду селянъ: сбѣгались и тѣ, что выползали на бугры высматривать идущихъ ляховъ, сбѣгались и женщины, а съ ними и дѣти подростки. У многихъ мужчинъ были косы набиты *на правець*, т. е. не подъ угломъ, а прямо на косьяхъ, у нѣкоторыхъ были на длинныхъ палкахъ набиты долота, а у двухъ или трехъ *ратыща* съ копьевыми наконечниками—*спысами*.

Зная по Ходорову сущность дѣла, я прямо, безъ разспросовъ, началъ успокаивать своихъ селянъ, повторяя все то, что предъ тѣмъ разсказывалъ ходоровцамъ. Испуганныя и грозныя физіономіи прояснялись по мѣрѣ моего разсказа о Кіевѣ и извѣстныхъ мнѣ событіяхъ.

— О це, спасыби вамъ, що насъ успокоилы, а то де яки и зовсимъ поперелякувались. Якъ прыбигъ Пылынъ одъ корчмы, якъ заверещыть на все село: ляхи идуть! такъ народъ—хто куды попавъ, той за дитей, той за худобу... такъ и полохнулись вси въ ростычъ... разсказывали мнѣ на всѣ лады провожавшіе меня ко двору успокоенные селяне.

Послышались взаимныя подшучиванія, насмѣшки надъ растерявшимися до безпамятства, до смѣшнаго. Около своей хаты я увидѣлъ брата моего, набивавшаго косу *на правець* и никакъ не умѣвшаго устроить это. Онъ, оказалось, до того растерялся, что забылъ даже про имѣющееся въ домѣ ружье. Залаявшая собака обратила вниманіе брата на насъ, подходящихъ цѣлою гурьбою, и онъ, какъ видно, только тогда и пришелъ въ себя, когда увидалъ меня. Селяне не отставали отъ меня, довели меня до самыхъ воротъ

и тутъ уже распрощались со мною. Подходя отъ воротъ къ хатѣ, я увидалъ жену, идущую изъ сада съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, заплаканную, встревоженную. Она, оказалось, сидѣла, запрятавшись, въ терновникѣ. Прибѣжали хлопець — работникъ и дѣвка—работница изъ-за огорода, гдѣ они сидѣли, спрятавшись въ провальѣ.

Не смотря на всю безъосновательность этой паники, я былъ не мало взволнованъ, хотя и крѣпился, чтобы имѣть возможность успокоить другихъ. Смѣшно и нелѣпо было это мое волненіе, но въ такія минуты невольно поддаешься общему настроенію. Скажу однако, я былъ сильно польщенъ ролью успокоителя этой сотни— другой моихъ односельцевъ, этимъ довѣрчивымъ обращеніемъ ихъ ко мнѣ въ минуту всеобщей паники, этимъ восклицомъ о моемъ прибытіи, какъ-бы долженствовавшемъ разрѣшить гнетущее ихъ сомнѣніе. Я былъ преисполненъ тогда любви къ этому довѣряющему мнѣ люду, и явись въ тотъ моментъ надобность положить голову свою за него, я-бы не задумался...

Подавленный всѣми этими впечатлѣніями, сидѣлъ я за столомъ въ ожиданіи обѣда, какъ вдругъ вбѣгаетъ въ хату Аріонъ (Илларіонъ, работникъ) и говоритъ:

— Идить, дядьку, тамъ якась жинка выглядае зъ жита по-за токомъ и кличе васъ.

— Яка жинка?

— А хто іи знае: гукнула васъ, та знову сховалась въ жито, отвѣчалъ Аріонъ.

— Ужъ не повстанецъ-ли какой переодѣтый?! подумалъ я. Вотъ еще нелегкая принесла его!—Я пошелъ на токъ. Дѣйствительно изо ржи показалась голова въ «очипкѣ», а затѣмъ и физіономія. Это была работница одного изъ помѣщиковъ нашего селя, пана Х—скаго; она махала рукой и звала меня къ себѣ. Подойдя къ плетню, я былъ отъ засѣянной рожью нивы, въ которой пряталась эта баба, шагахъ въ трехъ: пѣшеходная только тропа отдѣляла ростущую рожь отъ моего плетня. Я окликнулъ бабу. Она юркнула въ рожь и высунулась, придвинувшись незамѣтно поближе ко мнѣ. Прерывающимся отъ страха голосомъ объяснила мнѣ работница, что ея панъ и пани слезно просятъ меня сейчасъ прійти къ нимъ.

— Тамъ таки перелякани, що страхъ! Плачуть обое. Ажъ умирають, таки полякани. Та просили, щобъ вы житами по-за селомъ пройшли, щобъ нихто васъ не побачивъ.

— Добре! скажи, що заразъ прыйду, отвѣчалъ я коротко.

Пришлось идти, по разумѣется не «житами» и не по-за селомъ, а прямо чрезъ село, улицею.

На улицѣ опять окружили меня селяне, большею частью тѣ, которые еще не видались со мною. Хотя паники уже не было, но порядокъ обыденной жизни былъ сильно нарушенъ и хозяева, предоставивъ своимъ женамъ приводить разбросанный скарбъ въ порядокъ, собирались кучками, обсуждая событія какъ настоящаго дня въ своемъ селѣ, такъ и тѣ, про которыя я успѣлъ имъ разказать. По мѣрѣ приближенія къ дому пана Х—скаго сопровождавшая меня компанія увеличивалась, разспрашивая меня, слушая мои разсказы и въ свою очередь разсказывая о томъ, что здѣсь у насъ происходило и что было слышно со стороны.

Воображаю себѣ, что перечувствовалъ этотъ жалкій панъ Х—скій, называвшій меня всегда гайдамакою и не разъ разносившій про меня нелѣпѣйшія сплетни, увидѣвъ меня приближавшагося къ его дому съ вооруженною толпою «хлоповъ». Изъ состраданія къ нему я предложилъ сопровождавшимъ меня не йти со мною, но остаться на улицѣ, чтобы не перепугать пана на смерть.

— И то правда! Хай винъ пропаде и безъ насъ! отвѣчали мнѣ изъ толпы, и я одинъ вошелъ во дворъ пана Х—скаго.

Таже баба выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу. Оказалось, что вся прислуга бросила панскій дворъ, остались только эта баба, да еще горничная изъ шляхтянокъ.

Злосчастный панъ былъ встревоженъ до крайности. Онъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, ломалъ руки; родимое синебраговое пятно на его лицѣ даже побѣлѣло. Несчастная его жена, больная и добрая женщина, была въ обморокѣ и при ней суетилась также испуганная, красивая Люця, горничная. Увидавъ меня панъ Х—скій бросился ко мнѣ, неистово какъ-то схватилъ за обѣ руки и, рыдая, завопилъ:

— Спаси насъ, панiе! Погибли мы! Что будетъ съ нами?!

Хотя я и не видѣлъ никакой опасности для пана Х—скаго, хотя я и не думалъ, что съ нимъ можетъ случиться что нибудь

дурное, но этотъ его испугъ, это отчаяніе, этотъ обморокъ его жены, эти испуганныя, рыдающія дѣти—все это поразило меня и я какъ-то помимо воли началъ соображать, ужъ не дѣлается ли тутъ чего дѣйствительно угрожающаго имъ, но мнѣ по сю пору неизвѣстнаго. У ногъ моихъ валялась баба Кулина и, рыдая, причитала:

— Зглянытесь на Бога! Пожалійте диточекъ малихъ, паню: бачте, якъ вони вбиваютьця. Рятуйте ихъ, вызволяйте, Христа ради!...

Я рѣшительно не понималъ, въ чемъ дѣло, и вмѣсто успокоенія, началъ распрашивать, что такое, гдѣ, когда? Панъ Х—скій опять зарыдалъ, но за то жена его очнулась и я подошелъ къ ней. Ея видъ подсказалъ мнѣ, что дѣлать. Я и началъ съ успокоенія: увѣрялъ, что никакой опасности не предвидится для нихъ, что никто и не помышляетъ о причиненіи имъ какого-то ни было зла, что на селѣ все спокойно и т. д. Бѣдная женщина только всхлипывала и глотками пила поданную ей воду изъ стакана.

Еле-еле кое какъ удалось мнѣ успокоить этихъ горькихъ людей, объяснить имъ, что никто и не думаетъ причинять имъ какого-бы то ни было насилія. По ихъ разсказу выходило такъ, будто въ тотъ день съ утра вдругъ вся прислуга бросила ихъ, рабочіе, пригнавъ лошадей и воловъ съ поля, съ угрозами ушли со двора, а за тѣмъ на селѣ началась какая-то тревога и громкіе крики, что къ селу подступаетъ вооруженная банда, при чемъ мужики угрожали будто-бы сжечь живьемъ пана и его семью, если только поляки тронутъ хоть одного мужика. На мои однако распросы Х—скіе не могли назвать ни одного изъ угрожавшихъ, ни даже принесшихъ извѣстіе о приближеніи банды, а указывали на всѣхъ вообще:

— Вѣдь это не секретъ, ибо всѣ мужики такъ говорятъ, такъ уже ихъ настроили! Виновны-ли мы будемъ, если вдругъ сюда явится какой нибудь отрядъ повстанцевъ? Можно-ли все это валить на насъ?! Это ужасно!..

Успокоивъ, какъ могъ, пана Х—скаго, его жену и семью, я возвращался домой. Меня опять провожали крестьяне, не безъ ироніи отзывавшіеся о панѣ Х—скомъ. Я сказалъ моимъ провожатымъ только о томъ, что панъ Х—скій жалуется на рабочихъ, бросившихъ дѣло; но на это совершенно справедливо мнѣ отвѣтили, что не только панское, но и свое дѣло побросали въ напавшей на всѣхъ тревогѣ и что конечно теперь опять пойдутъ въ работу.

Наконецъ я опять дома; снимаю сапоги съ истомленныхъ отъ долгой ходьбы ногъ, выпиваю рюмку водки и сажусь обѣдать. Было далеко за полдень, часовъ около пяти. Но видно не судилось мнѣ успокоиться въ тотъ день: не успѣлъ я поѣсть борщу, какъ послышался лай собаки и какой-то топотъ, а затѣмъ въ воротахъ показалось трое верховыхъ. То были наши-же селяне; они вызывали меня на дворъ. Но за ними показалось нѣсколько человѣкъ пѣшихъ съ косами, дубьемъ, списами и т. д.

— Такъ такъ-то ты насъ пиддурюешъ! кричали они на весь дворъ. Казавъ, що ляхивъ уже нема, що вони вже повъязани, а вони вже Медведовку спалили и оце вже пидступають до Грушева. Це ты умисне такъ? Теперъ-же йди зъ нами, а то хоть и верхомъ йдь. Нема..., а вони отъ и тутъ! А винъ намъ баки забивъ! Хиба дурно проглаголали...

— Что-же это такое? недоумѣвалъ я и порѣшилъ ѣхать.

Пока я одѣвался, одинъ изъ вошедшихъ ко мнѣ крестьянъ, не говоря ни слова, схватилъ висѣвшее на стѣнѣ ружье и принялся испытывать шомполомъ, есть-ли зарядъ; но я вырвалъ у него ружье и прогналъ его самаго изъ комнаты. Меня все это до того взорвало, что я, кажется, готовъ былъ драться не только съ волновавшими край ляхами, но и съ этими пристающими ко мнѣ съ угрозами и съ докорами моими односельцами. Вскочивъ на коня, я поскакалъ изъ воротъ прямо на гору, опережая моихъ соратниковъ и догоняя тѣхъ, которые побѣжали впередъ . . . . . Все оказалось вздоромъ: никакихъ *ляхивъ* не было, а была какая-то команда солдатъ, своимъ появленіемъ всполошившая нѣсколько селъ. Изъ Грушева бѣжали люди къ Днѣпру и не скоро успокоились.

Ѣхалъ я домой одинъ уже, безъ компаніи, весь измученный физически и нравственно; совершенно ослабленный, сидѣлъ я въ сѣдлѣ, опустивъ поводья. Послѣ цѣлодневнаго волненія не стало силъ, какая-то апатія овладѣла мною и я, заснувъ мертвымъ сномъ, не слышалъ гуканья вооруженной сельской молодежи, цѣлую ночь перекликавшейся по буграмъ вокругъ села.

Б. Познанскій.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(ОКОНЧАНІЕ) [1]).

IX.

Бѣда нежданно свалилась на голову о. Харитона. О. Харитонъ постарѣлъ, посѣдѣлъ, сталъ недомогать. Онъ исхудалъ и высохъ отъ тяжелыхъ трудовъ и хлопотъ, отчасти и отъ аскетическаго выдерживанія всѣхъ постовъ, которые строго блюли батюшки стараго времени. Многолѣтнія службы и требы въ приходѣ при всякаго рода погодѣ надломили преждевременно его и безъ того не особенно крѣпкую натуру. Когда-то и гдѣ-то закралась къ нему простуда, и какъ другихъ медикаментовъ, кромѣ воды іорданской, да ладону херувимскаго, о. Харитонъ не признавалъ, то болѣзнь стала хроническою, и онъ все покашливалъ да жаловался на колики въ бокахъ и въ груди.

Разъ какъ-то въ началѣ лѣта прошелъ слухъ, что епархію будетъ объѣзжать архіерей, викарій митрополита. Не замедлило и офиціальное о томъ оповѣщеніе вмѣстѣ съ маршрутомъ. О. Харитонъ, получивъ указъ, заглянулъ въ маршрутъ; въ маршрутѣ стояла Ольшаница. У него и руки опустились.

— Ой Боже мій! Ой Господи! Отъ теперъ протопопъ пидставить мини стильчика, говорилъ онъ, разводя руками: кажуть ще, що архіерей сердитый и не любить старихъ батюшокъ.

[1]) См. «Кіевская Старина» 1885 г., сентябрск. кн., стр. 84 - 127.

— Чого ты бидкаешся! Чи то мы зроду не бачили архіерея? говорила Онисія Степановна: нехай соби йде.

— Нехай... а якъ винъ мене пережене на малу парафію, або зовсимъ съ парафіи зсадить? возразилъ о. Харитонъ.

— Нехай попереду мене зсадить; то батькивська парафія. Що то? хиба ты що вкравъ, а бо вбивъ кого, борони Боже! успокаивала мужа Онися.

Но гроза надвигалась; день за днемъ сокращался срокъ пріѣзда владыки.

— Архіерей йде! Архіерей въ Карапишахъ, архіерей въ Богуславі! Тамъ служить и ночуе, а по снидании въ Вильшаницю! Готуйте, отче Харитоне, великій обидъ, та вина доброго припасайте!

Такія наконецъ вѣсти приходили къ о. Харитону отъ скакавшихъ чрезъ Ольшаницу въ Богуславъ благочинныхъ, священниковъ, становыхъ приставовъ, діаконовъ и дьячковъ.

У о. Харитона голова кругомъ шла. Около двухъ недѣль уже онъ не зналъ покоя, бѣгалъ, суетился, хлопоталъ. Прежде всего онъ не зналъ порядка встрѣчи владыки: съ протоіереемъ Балабухою былъ въ ссорѣ, благочинный былъ изъ молодыхъ, изъ ближайшихъ сосѣдей священниковъ никому при встрѣчахъ бывать не случалось,— приходилось ѣхать «на десятое село» распрашивать, совѣтоваться, просить наставленія во всякой мелочи. Очистка церкви внутри и снаружи, поправка огорожи, приведеніе въ лучшій порядокъ собственнаго дома и двора заняло не мало времени; записываніе метрическихъ и приходно-расходныхъ книгъ по день пріѣзда владыки стоило еще большихъ усилій и хлопотъ. Приходилось собирать отдѣльныя на клочкахъ замѣтки за цѣлые мѣсяцы, многое припоминать самому, или распрашивать у церковниковъ, у Ониси, прислуги и даже на селѣ,—когда напримѣръ приносили крестить такое-то дитя, кто были при этомъ воспріемниками «въ первой парѣ» и какъ звать кума или куму, или-же когда погребали такую-то бабу, либо вѣнчали такихъ-то и кто были при томъ поручителями. Суммы свѣчныя, кошельковыя, вѣнчиковыя и разныхъ другихъ наименованій, особый сборъ за церковное покрывало для умершихъ, за свѣчи, отъ пасѣки церковной, отъ колядниковъ, отъ сестричекъ и т. д., и т. д.—все это нужно было приводить въ извѣстность, провѣрять, сводить, подводить итоги и пр. и пр. Староста

перезабылъ многіе мелкіе расходы, инымъ купленнымъ или пожертвованнымъ вещамъ не могли цѣны опредѣлить. Въ добавокъ писавшій подъ диктовку о. Харитона полуграмотный пономарь сбивался въ цифрахъ, ошибался въ словахъ, ставилъ кляксы, дѣлалъ поправки и подчистки. Глядя на все это, о. Харитонъ только охалъ и вздыхалъ, безнадежно покачивая головой. Приготовленіе обѣда не менѣе смущало его. Какъ знать вкусъ владыки, что и какъ приготовить для него, чтобы онъ былъ доволенъ? Выборъ вина въ особенности затруднялъ о. Харитона; въ винѣ онъ толку совсѣмъ не зналъ, а на выборъ жида положиться никакъ нельзя. Какъ разчесть наконецъ, на какое число душъ готовить обыкновенный мясной обѣдъ,—сколько прибудетъ съ архіереемъ пѣвчихъ, иподіаконовъ, діаконовъ и сопровождающихъ его духовныхъ и свѣтскихъ лицъ? Долго думалъ обо всемъ этомъ о. Харитонъ и наконецъ, поручивъ старостѣ достать во что-бы то ни стало ко дню пріѣзда владыки найлучшей рыбы и предоставивъ Онисѣ всѣ соображенія и заботы по изготовленію обѣда, самъ съѣздилъ въ Богуславъ, купилъ бутылку мадеры собственно для владыки и нѣсколько бутылокъ сантуринскаго и тенерифу для остальныхъ гостей и, считая свои приготовленія оконченными, ждалъ дальнѣйшаго, по собственному признанію, какъ волъ обуха.

День пріѣзда архіерея въ Ольшаницу начался превеликою суетою, какой никогда въ ней не бывало. По наказу Онисіи Степановны чрезъ старостиху съ самаго ранняго утра со всѣхъ концевъ села потянулись ко двору батюшки «жиночки» со всякою живностью, какъ-бы устраивался общественный обѣдъ; несли куръ, поросятъ, масло, сало, сыръ, яйца и сметану, нарочито испеченные паляницы и книши. Лучшіе хозяйки взялись готовить обѣдъ примѣрно на полсотни душъ. На огородѣ развели костры, приставили большущіе горшки. Въ кухнѣ шла особая стряпня; тутъ пекли, тамъ варили. На дворѣ стоялъ шумъ и гамъ, дымъ разстилался по всему огороду.

На колокольнѣ съ позаранку расположились охотники звонить; они-же должны были наблюдать за появленіемъ архіерейскаго поѣзда на богуславской дорогѣ. Независимо отъ того двое верховыхъ были поставлены на той-же дорогѣ и для той-же цѣли. Не

умѣлые наблюдатели только портили дѣло и вызывали преждевременную тревогу.

Около полудня стоявшіе на колокольнѣ, замѣтивъ на дорогѣ отъ Богуслава большой столбъ пыли и скакавшихъ верховыхъ, безъ дальняго разсужденія ударили въ колокола. О. Харитонъ поспѣшилъ въ церковь, надѣлъ ризы, взялъ кадило и вышелъ къ воротамъ погоста. Колокола гудѣли. Народъ со всего села устремился къ церкви. Напряженіе его было необычайное, ибо, отколѣ стоитъ Ольшаница, въ ней не видали архіерея. Прошло не мало времени въ томительномъ ожиданіи; прискакалъ верховой съ крикомъ: «ûде, ûде», спустя немного другой съ тѣмъ-же окрикомъ; но затѣмъ никого и ничего. Тутъ минуты кажутся часами: народъ истомился, звонившіе ослабѣли, о. Харитонъ едва держался на ногахъ. Вдругъ пономарь взбѣгаетъ на колокольню и видитъ, что въ самомъ концѣ села съ холма на плотину спускаются три огромныя жидовскія балагулы, тяжело нагруженныя, запряженныя каждая шестерней и поднимавшія вокругъ себя облака пыли.

— То жиды ûдуть, крикнулъ онъ съ колокольни на весь погостъ.

Звонъ замолкъ, въ толпѣ послышался смѣхъ, о. Харитонъ блѣдный, какъ смерть, поплелся въ церковь, едва передвигая ноги. Такая-же напрасная тревога повторилась еще разъ: на этотъ разъ проѣзжалъ большимъ цугомъ, со множествомъ прислуги и припасовъ, какой-то богатый панъ, направлявшійся на ярмарокъ въ Потокъ.

О. Харитонъ совсѣмъ выбился изъ силъ. Ему очень хотѣлось встрѣтить владыку патоцкъ, но теперь онъ убѣдился, что безъ подкрѣпленія ему не обойтись. Побрелъ онъ домой и лишь только выпилъ «единую точію стомаха ради», какъ вдругъ сильнѣйшій звонъ и крики: «ûде, ûде». О. Харитонъ не успѣлъ чѣмъ нибудь закусить и побѣжалъ со всѣхъ ногъ въ церковь. Едва успѣлъ онъ накинуть на себя ризы и выйти за погостъ, какъ подкатилъ прежде всѣхъ благочинный, за нимъ становой, потомъ протоіерей, далѣе исправникъ, три фургона съ пѣвчими, одинъ съ иподіаконами, особо протодіаконъ и конторщикъ. Показалась наконецъ блестѣвшая на солнцѣ архіерейская карета, а за нею тянулся длинный рядъ нетычанокъ и бричекъ; то ѣхали собранные въ Богуславъ окрестные священники, провожавшіе теперь владыку далѣе по тракту.

Огромный поѣздъ запрудилъ улицу около церкви, занялъ и весь выгонъ вокругъ погоста. Карета остановилась у воротъ; протоіерей съ благочиннымъ подбѣжали къ каретѣ и приняли подъ руки владыку. Владыка, совсѣмъ еще не старый, хотя сѣдой, видной наружности, довольно полный, но съ здоровымъ и румянымъ лицемъ, бодро выступалъ впередъ. На немъ блестѣла шелковая фіолетовая ряса, на груди сіяла дорогая въ каменьяхъ панагія и звѣзда. Протоіерей, почтительно наклонившись, что-то тихо сказалъ владынѣ, вскинувъ глазами на отца Харитона, а перепуганный о. Харитонъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и неподвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ.

— Что-же ты не подойдешъ ко мнѣ съ крестомъ? спросилъ владыка, взглянувъ въ сторону о. Харитона.

О. Харитонъ судорожно какъ-то двинулся съ мѣста, но отъ страха ноги у него подкосились, онъ зашатался и едва не упалъ.

— Ты боленъ, или пьянъ? съ недовольствомъ уже спросилъ владыка.

— Ни, тильки трохи злякався, невнятно произнесъ о. Харитонъ и затрясся всѣмъ тѣломъ, дико поводя глазами.

Владыка ничего не разслышалъ и не понялъ. Положеніе его въ виду собравшейся массы народа становилось крайне неудобнымъ. Присущая ему вспыльчивость, подогрѣтая дурнымъ отзывомъ протоіерея объ о. Харитонѣ, готова уже была проявиться со всею силою, но владыкѣ удалось пересилить себя, и онъ спокойно сказалъ:

— Благочинный! возьми у него крестъ и открой за него входъ во храмъ.

Благочинный, взявъ изъ рукъ о. Харитона крестъ, поднесъ архіерею. Архіерей приложился ко кресту и, окропивъ себя освященною водою, направился въ церковь. Дьячки затянули: *Достойно есть*, ихъ поддержали священники, а скоро подхватили архіерейскіе пѣвчіе, подбѣгавшіе одинъ за другимъ. Маленькая церковь огласилась неслыханнымъ гуломъ и ревомъ сильныхъ басовъ. О. Харитонъ плелся за благочиннымъ и, когда вошли въ церковь, не зналъ, гдѣ ему стать. Пѣніе окончилось, нескладный звонъ продолжался, хрипъ разбитаго большаго колокола непріятно разилъ слухъ. По знаку, данному благочиннымъ, о. Харитонъ зачиталъ эктенію дрожащимъ голосомъ и съ испугу перепуталъ лицъ

царской фамиліи. Неудовольствіе владыки росло и, когда послѣ многолѣтія онъ вошелъ въ олтарь, въ сопровожденіи всего духоховенства, первымъ его словомъ былъ рѣзкій выговоръ о. Харитону за искаженіе эктеніи:

— Ты царской фамиліи не знаешь, говорилъ владыка; въ соблазнъ народъ вводишь. А колоколъ у тебя, точно разбитый котелъ.

— То, в...в...ваше преосвященство, хлопци на Великдень якъ зачали гателить, та й розбили,—робко, путаясь въ словахъ, отозвался о. Харитонъ.

— Что онъ говоритъ? спросилъ, недоумѣвая, владыка.

Благочинный поспѣшилъ передать по русски слова о. Харитона. Это однако не успокоило владыку, нашлись напротивъ новые поводы къ замѣчаніямъ и неудовольствію его на о. Харитона. Владыка взглянулъ на раскрытый антиминсъ,—антиминсъ былъ старый, самимъ временемъ измятый и почти истлѣвшій. Запасные дары оказались засохшими и нѣсколько какъ-бы заплеснѣвшими; жертвенникъ покрытъ былъ пылью, нанесенною сильнымъ вѣтромъ чрезъ открытое вверху окно, которое въ торопяхъ забыли закрыть.

— Это что? спросилъ владыка, указывая рукой на жертвенникъ.

Вмѣсто отвѣта о. Харитонъ посмотрѣлъ вверхъ и только головой покачалъ.

— Ты небрежешь о домѣ Божіемъ, говорилъ раздраженный владыка, у тебя колокола разбиты, церковь ветхая, антиминсъ совсѣмъ непригодный, святыя Тайны въ небреженіи, вездѣ пыль, грязь. Ты недостойный стражъ дома Божія!.

У о. Харитона душа замерла.

— Покажи книги, отчетность! гнѣвно крикнулъ владыка.

О. Харитонъ раскрылъ сперва метрики, потомъ приходо-расходныя книги. Привычный глазъ архипастыря сразу усмотрѣлъ неудовлетворительное положеніе записей. Лице его принимало все болѣе строгій видъ. Въ добавокъ, когда о. Харитонъ, подносе книги, приблизился къ владыкѣ, его выдала злосчастная, выпитая имъ рюмка водки.

— Отъ тебя водкой несетъ! вскрикнулъ владыка, отодвигаясь въ сторону. Ты пьешь?

— Ни, ей-же Богу. То такъ одну тилко для смилости, дрожа отъ страха, произнесъ о. Харитонъ въ свое оправданіе.

— У тебя и книги неисправны; ты не умѣешь вести записи церковныя, говорилъ владыка, продолжая перелистывать книги.—Гдѣ ты учился?

— Дома, у батька, едва проговорилъ о. Харитонъ; а на священика мене экзаменувавъ духовникъ въ лаври.

— Знаю я ваши экзамены; по нуждѣ терпѣли васъ старыхъ невѣждъ. Теперь не та пора: многіе окончившіе безъ мѣстъ; погонимъ васъ дураковъ на меньшіе приходы или совсѣмъ удалимъ, грозно сказалъ владыка.

— Мене вильшаницька громада обрала на парахвію, съ дуру болтнулъ о. Харитонъ, вспомнивъ слова Ониси.

— Что онъ говоритъ? спросилъ архіерей у благочиннаго, не понимая простой рѣчи силившагося чѣмъ либо поддержать себя о. Харитона.

Благочинный неумѣло пояснилъ; архіерей вспыхнулъ, весь побагровѣлъ и указавъ на почистки, помарки и кляксы въ книгахъ, загремѣлъ на весь олтарь:

— Ты еще смѣешь указывать мнѣ громаду? А какое имѣетъ право громада выбирать васъ? Теперь не тѣ времена; забудьте ваши старые порядки. Мы перечистимъ васъ, старые пьяницы, лѣнтяи, неучи.

— Простить владыко ствяый, заговорилъ было о. Харитонъ, кланяясь архіерею въ поясъ; но раздраженный до нельзя владыка, обозвавъ скороговоркой и его лично дуракомъ, пьяницею и неучемъ, неожиданно закончилъ:

— Сними ризу съ себя; ты недостоинъ встрѣчать и провожать меня, не хочу больше видѣть тебя.

При этихъ словахъ о. Харитонъ совсѣмъ покачнулся на ногахъ, съ перепугу ему показалось, что владыка совсѣмъ лишаетъ его сана. Владыка въ свою очередь смутился и, недоумѣвая, какъ раздѣлаться съ этимъ простакомъ іереемъ, котораго онъ не могъ понять иначе, какъ сильно выпившимъ, и предупредить могущій случиться всенародный соблазнъ, сказалъ благочинному снять съ о. Харитона ризу, а самъ направился въ царскія врата.

— О, несчастный-же я! Пропавъ-же я теперь зовсимъ. За яку оце провину зъ мене санъ знимають?! бормоталъ про себя о. Харитонъ, разоблачаясь подъ наблюденіемъ благочиннаго, и какъ ни увѣрялъ его послѣдній, что тутъ никакого снятія сана нѣтъ, ни-

что уже не могло успокоить о. Харитона: разоблачившись, онъ стоялъ, какъ громомъ прибитый, ничего не видя и не соображая, но только судорожно одергивая рукава и полы рясы.

Владыка между тѣмъ, выйдя изъ царскихъ вратъ и осѣнивъ всѣхъ своимъ благословеніемъ, обратился къ прихожанамъ съ напоминаніемъ о необходимости привести въ большее благолѣпіе и исправность обветшавшую церковь, усердно посѣщать ее и молиться. Набожные прихожане хотя мало понимали недостаточно простую рѣчь владыки, но съ благоговѣніемъ слушали ее и усердно крестились. Осѣнивъ ихъ еще разъ по тремъ сторонамъ крестнымъ знаменіемъ, владыка направился къ выходу. Всѣ бросились лобызать благословящую его десницу, что надолго задержало его въ церкви и даже по выходѣ изъ нея. Пришедшій нѣсколько въ себя о. Харитонъ, руководимый благочиннымъ, направился было къ владыкѣ, что-бы просить его удостоить его домъ своимъ посѣщеніемъ и принять отъ него хлѣбъ-соль; но прежде чѣмъ онъ могъ сдѣлать эту попытку, слабо увѣренный въ ея успѣхѣ,—къ владыкѣ успѣлъ протиснуться сквозь толпу помѣщикъ ольшаницкій, представлявшійся гдѣ-то раньше архіерею, и пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ. Приглашеніе дѣлалось и согласіе давалось на столько громко, что благочинный, разслышавъ то и другое, посовѣтовалъ о. Харитону покориться судьбѣ, отложивъ всякое попеченіе о приглашеніи владыки къ себѣ въ домъ.

Владыка дошелъ наконецъ до воротъ ограды церковной; тутъ ждала его щегольская карета помѣщика, запряженная цугомъ. Панъ съ изысканною почтительностію и любезностію приглашалъ владыку проѣхать въ его экипажѣ, владыка въ свою очередь, отплачивая за любезность, пригласилъ пана садиться съ собою. Карета тронулась, собравшееся духовенство отвѣсило низкій поклонъ, о. Харитонъ стоялъ убитый горемъ, теряя послѣднюю надежду на поправленіе приключившагося ему несчастія.

Никто не послѣдовалъ за отъѣзжавшею каретою въ панскій дворъ. Приглашать священниковъ къ обѣду съ архіереемъ не въ обычаѣ было тогда и у русскихъ помѣщиковъ, а что до крестьянъ ольшаницкихъ, впервые видѣвшихъ у себя архіерея, то они только многозначительно переглянулись между собою и покачали голо-

вами, увидавъ рядомъ съ архіереемъ «нечестиваго», по ихъ выраженію, пана-ляха.

Все, что было у церкви, направилось отсюда во дворъ о. Харитона. То былъ съѣздъ, какого нельзя было увидѣть и во время свадьбы. Всевозможные экипажи, отъ коляски и фургона до простаго воза, переполнили дворъ ольшаницкаго батюшки. Протоіереи и іереи, протодіаконъ, діаконы и иподіаконы, полицейскіе чины и цѣлая орава пѣвчихъ—все это ринулось въ домъ настоятеля прихода, отвѣтственнаго теперь предъ всѣми и во всемъ отъ угощенія до смазки, притомъ не однихъ колесъ. Столы накрыты были не только во всѣхъ комнатахъ, но даже въ сѣняхъ, а погоничей усадили обѣдать на дворѣ подъ окнами дома. Начался обѣдъ. Все, что было приготовлено десятками рукъ, все поглотили болѣе нежели полсотня голодныхъ ртовъ, считавшихъ себя въ правѣ насыщаться чѣмъ и сколько угодно на счетъ одного, виновнаго отнюдь не тѣмъ, что на его улицѣ праздникъ. Чѣмъ ниже ступенью были гости, тѣмъ они были прихотливѣе и нахальнѣе. Протодіаконъ требовалъ все наливки, маленькіе пѣвчіе пунпу съ аракомъ, даже погоничи домогались паляницъ и ни за что не хотѣли ѣсть ржаного хлѣба. Въ короткое время все, кажется, было выпито и съѣдено; не обошлось и безъ *поручнаго* протодьякону, дьяконамъ, костыльникамъ, конторщику, регенту и даже пѣвчимъ. Только уже подъ вечеръ тронулась архіерейская карета съ панскаго двора, а за нею и весь поѣздъ.

О. Харитонъ, выпроводивъ гостей, какъ слегъ въ постель, такъ и не вставалъ уже съ нея, съ мѣсяцъ повалялся и Богу душу отдалъ.

Осталась Онисія Степановна вдовою съ двумя дочерьми и однимъ сыномъ. Не задолго передъ архіерейскимъ пріѣздомъ она похоронила отца и мать, скончавшихся въ глубокой старости, а теперь пришлось хоронить и мужа. Въ домѣ поднялся великій плачъ: плакала Онисія Степановна, рыдали дѣти. Сошлись со всего села бабы и молодицы, столпились у гроба батюшки и заголосили на весь дворъ.

— Де-жъ я теперь динусь, куды я голову зъ сиротами прихилю? Выженуть мене зъ хаты, выженуть зъ осели. Несчастна я на вики! причитала Онисія, оплакивая своего мужа и чувствуя всю безпомощность своего положенія.

Собралась между тѣмъ во дворъ батюшки ольшаницкая громада. Запылали костры въ огородѣ: громада ставила общественный обѣдъ. Съѣхались сосѣди-священники: лаконически, иносказательно говорили они по поводу смерти своего собрата:

— Не додержавъ справы, сердега! сказалъ одинъ.

— Не вмеръ, то болячка вдавила, замѣтилъ другой.

— Ни сей согрѣши, ни родители его, добавилъ третій.

— Та що вже казати? возразила Онисія Степановна. Якъ-бы таки не той проклятый машлутъ (маршрутъ), ще довго живъ-бы мій старенькій. А то якъ заглянувъ въ той, Господи прости, машлукъ, чи що, такъ заразъ и охоловъ.

Онисія Степановна такъ и осталась при этомъ мнѣніи о причинѣ смерти ея мужа, и никто переубѣдить ее въ этомъ не могъ.

Кончились похороны. Съѣхавшіеся батюшки совѣтовали Онисіѣ Степановнѣ, не теряя времени, ѣхать въ Кіевъ и просить митрополита, по старому обычаю, оставить приходъ за сиротами, пока явится женихъ для старшей дочери о. Харитона. Скорая и подвижная во всемъ Онисія Степавнона на четвертый день послѣ похоронъ отправилась уже въ путь съ прошеніемъ, заготовленнымъ однимъ изъ родственниковъ, бывшихъ на погребеніи. Всю дорогу думала она о томъ, скоро-ли допустятъ ее къ митрополиту, уважитъ-ли онъ ея просьбу, кому поручитъ въ наблюденіе приходъ, какъ устроиться ей съ чужимъ, скоро-ли и кого-то Богъ пошлетъ въ зятья и каково будетъ ей жить и ладить съ нимъ. Между тѣмъ неотступное горе давило ее, и она не знала покоя ни на одну минуту.

Въ Кіевѣ Онисія Степановна нашла пріютъ на Старомъ Городѣ у одного родственника пономаря. На другой день по прибытіи, вставъ рано, съ восходомъ солнца, она прежде, чѣмъ идти въ лавру къ митрополиту, зашла помолиться сперва въ Софійскій соборъ, а оттуда черезъ площадь въ Михайловскій монастырь. Въ послѣднемъ мѣстопребываніе владыки-викарія, имя котораго стало неразлучно для Онисіи Степановны съ воспоминаніемъ о смерти ея мужа. Запавшая ей въ голову злосчастная ревизія, при взглядѣ на окна владычнихъ покоевъ, возстала предъ нею во всѣхъ мелочахъ. Онисія Степановна пришла въ неописанное волненіе: слезы душили ее, руки и ноги дрожали, лице и губы судорожно сжимались, въ ней со всей силой поднялась природная «завзятость».

— Укоротили вика моему напотцю; пиду та хочъ вылаюсь, якъ колись у Балабухи.

И она порывисто устремилась къ владычнымъ покоямъ, поднялась по лѣстницѣ, вошла въ переднюю; но тутъ келейникъ объявилъ ей, что владыка на молитвѣ, что затѣмъ онъ будетъ читать акаѳистъ великомученицѣ Варварѣ, а «подача» будетъ уже послѣ акаѳиста. Услыхавъ слова: молитва, акаѳистъ, подача, Онисія Степановна какъ-бы отъ сна очнулась, повела глазами вокругъ, какъ-то злобно махнула рукою и повернула къ дверямъ. «Нехай ихъ судить Богъ!» проговорила она, сходя съ лѣстницы и соображая, что-то про себя. Келейникъ удивленно смотрѣлъ на столь раннюю просительницу, не понимая, къ кому или къ чему относятся сказанныя ею слова.

Длинный путь въ лавру раннимъ и свѣжимъ утромъ вывелъ Онисію Степановну изъ того крайняго возбужденія, въ которомъ она рѣшалась на дикую, отчаянную выходку, могшую лишь повредить ей. Успокоивала ее и надежда на извѣстную всѣмъ доброту и сострадательность митрополита, котораго такъ и звали милостивымъ, отцемъ вдовъ и сиротъ. Пока она доплелась до лавры и достигла владычнихъ покоевъ, тамъ «подача» приходила уже къ концу. Обширная передняя, стѣны которой всѣ увѣшаны были образами и священными картинами, напомнила Онисіѣ Степановнѣ ея скромную свѣтлицу и подѣйствовала на нее ободряющимъ образомъ. Послѣдніе просители выходили отсюда. Дверь въ залу была раскрыта; тамъ у стола сидѣлъ въ креслѣ митрополитъ. Это былъ глубокій старецъ, воплощенная кротость и благость, святой жизни человѣкъ. Маленькую фигуру его въ большомъ креслѣ, обращенномъ спинкою къ окну, едва можно было разглядѣть издали. Простая черная ряска прикрывала изможденное строгимъ постомъ тѣло его; костлявыя старческія руки непрерывно передвигали зерна скромныхъ четокъ; черная скуфейка на головѣ съ вышитымъ напереди крестикомъ была единственнымъ внѣшнимъ отличіемъ, напоминавшимъ скорѣе о его схимничествѣ, нежели о его высокомъ санѣ. Стоявшій въ передней келейникъ поспѣшно направилъ Онисію Степановну въ залу. При входѣ ея, послѣдній проситель, какой-то убогій пономарь, повернулъ отъ владыки къ порогу. Благословляющая рука владыки только что опустилась и тихо шевелила четками, усталыя вѣки закрылись, полураскрытыя губы что-то шептали;

то была обычная молитва праведнаго старца, которую онъ творилъ непрерывно между словомъ и дѣломъ. Благоговѣйный страхъ проникъ въ душу Онисіи Степановны и подавилъ въ ней чувство скорби и какого-то озлобленія.

Онисія Степановна приблизилась къ столу, владыка поднялъ на нее свои кроткіе глаза. Она отвѣсила низкій поклонъ и, принявъ благословеніе, быстро вынула изъ-подъ платка привезенную съ собою паляницу и положила ее на столъ.

— Это что? ласково спросилъ владыка, удивленный такимъ приношеніемъ.

— Хлибъ святый, зъ дому привезла. Прыймить, владыко святый! отвѣчала Онисія, не считая нужнымъ говорить что-либо другое въ объясненіе предковскаго обычая, котораго она свято держалась.

— Спасибо тебѣ! Да, именно хлѣбъ святой, даръ отъ Господа, о Немъ-же живемъ, движемся и есьмы, сказалъ владыка, взялъ хлѣбъ, поцѣловалъ и снова положилъ на столъ.

Это глубоко тронуло Онисію Степановну.

— Вдова? спросилъ владыка, принимая прошеніе.—Какъ фамилія, гдѣ служилъ мужъ, давно-ли померъ? Сколько осталось сиротъ?

Онисія Степановна громко зарыдала и упала къ ногамъ владыки.

— Встань, не плачь! говорилъ ей участливо владыка. На все воля Божія, все отъ Господа. Всѣ туда пойдемъ. Матерь Божія, царица небесная, утѣшитъ тебя, приметъ сиротъ твоихъ въ свой святый покровъ.

Онисія Степановна, кое-какъ давъ отвѣты на предложенные владыкою вопросы, жалкими словами рисовала свою безпомощность, пока владыка, щуря свои старческіе глаза, пробѣжалъ ея прошеніе.

— Ну, что-жъ? Хорошо: я оставлю приходъ за сиротами. Ищи жениха для старшей дочери, а пока наблюдающаго назначимъ. Третью часть жалованья и доходовъ тебѣ опредѣлимъ,—ну и будетъ съ тебя, ласково говорилъ владыка, просмотрѣвъ прошеніе.

— Чи не можна, владыко святый, оддилити половину? робко спросила Онисія Степановна.—Въ мене дви дочки, ще й сынокъ въ школи вчиться.

— Довольно, довольно съ тебя! А впрочемъ какъ съ наблюдающимъ уладишь. Иное дѣло зять, у него также могутъ быть дѣти и ему половины было-бы мало. Вѣдь твои-же дѣти, твои внуки бу-

дутъ. Только живите мирно, не спорьте, любите другъ друга, и Господь не оставитъ насъ,—кротко поучалъ владыка.

Онисія Степановна въ умиленіи преклонила голову. Владыка, благословляя ее большимъ крестомъ, положилъ руку на голову и тихо, глубоко сердечнымъ тономъ говорилъ:

— Ну, вотъ видишь: Господь милосердый печется о сирыхъ чрезъ насъ грѣшныхъ! Хранитъ Господь сира и вдову. Молись Господу, пречистой Матери Его, святымъ угодникамъ печерскимъ, и Господь пребудетъ съ вами. Иди съ миромъ!

Никогда въ жизнь свою Онисія Степановна не испытывала такой сладости и мира въ душѣ, съ какими вышла отъ праведнаго старца. Успокоенная и ободренная, она поспѣшила въ обратный путь, неся съ собой радостную вѣсть.

Скоро всюду стало извѣстно, что ольшаницкій приходъ оставленъ за сиротами, и къ осени стали навѣдываться къ Моссаковскимъ окончившіе курсъ семинаристы. На Покровъ явился настоящій женихъ Петръ Завиновскій и сдѣлалъ предложеніе старшей Моссаковской, Настунѣ. Онъ окончилъ курсъ по второму разряду и, только сватаясь на сиротѣ, могъ разсчитывать на полученіе ольшаницкаго прихода, считавшагося въ числѣ лучшихъ. Женихъ не былъ привлекателенъ и по наружности: бѣлокурый, полный, немного сутуловатый, онъ имѣлъ блѣдно-зеленоватое лице, отвислыя губы и приплюснутый носъ; но Настунѣ, какъ сиротѣ, не приходилось перебирать. Она дала слово, и еще до заговѣнъ на Филипповъ постъ Онисія Степановна справила свадьбу. Свадьба была сиротская, безъ музыки, безъ танцевъ. Гости поужинали и скоро разъѣхались по домамъ.

Онисія Степановна надѣлила дочь и зятя всѣмъ, что было нужно для хозяйства: дала три пары воловъ, двѣ коровы и телку, пару лошадей, двѣсти рублей денегъ и много мелочей, отъ брички и плуга до топора, отъ овцы и свиньи до курицы. Сама она съ меньшею дочерью и сыномъ перебралась въ недавно передѣланную изъ сѣней комнату съ особымъ ходомъ, а молодымъ предоставила остальное помѣщеніе.

Привыкши всю жизнь распоряжаться всѣмъ у себя въ домѣ, Онисія Степановна не думала выпускать изъ своихъ рукъ хозяйство: всѣ ключи отъ коморы, кладовой, погреба и пр. она держала

у себя, зятю передала, и то лишь изъ прилики, ключи отъ конюшни, а молодая хозяйка, Настуня, осталась безо всего. Но послѣдняя характеромъ вышла въ мать, и прежнее зависимое положеніе не могло не огорчать ее на первыхъ уже порахъ. Еще менѣе могъ сносить такое положеніе зять, и скоро въ только что устроившейся семьѣ начались мелкія несогласія, споры и укоры, предвѣщавшія полный разладъ.

Началось съ кухни, или стола. Онисія Степановна кормила зятя, по старому порядку, борщемъ и кашей, зятю-же хотѣлось чего нибудь и лучшаго. Вкусы ихъ не сходились; каждый разъ за столомъ теща и зять перекидывались словами, выражавшими взаимное недовольство. Зять распорядился ставить утромъ и вечеромъ самоваръ, теща считала это не идущимъ къ лицу его барствомъ. Зять, видя, что теща скупится зажарить курицу или утку и держитъ его на черномъ хлѣбѣ, когда и пшеничной муки у нея вдоволь, сталъ добывать изъ Богуслава говядину на жаркое и крупичатую муку на булки, принося это какъ-бы въ подарокъ и подмогу; теща усматривала въ этомъ личное оскорбленіе, да и вообще считала это баловствомъ и совсѣмъ излишнею тратою.

Тѣже препирательства и съ дочерью. Разъ Настуня взяла ключи отъ коморы и кладовой и не отдала ихъ матери. Онисіѣ Степановнѣ скоро понадобились ключи: она повела рукой у пояса, гдѣ у нея всегда висѣли ключи, ключей не оказалось. Она побѣжала къ дочери.

— Настуню! Чи це ты мени не оддала ключивъ, чи я ихъ де загубила? спрашивала Онисія Степановна.

— Ни, не оддала, сказала спокойно Настуня.

— То дай-же сюды, торопливо сказала мать.

— На що вамъ, мамо, ключи! отвѣчала дочь. Я буду выдавати харчъ до пекарни.

— А то навищо! крикнула Онисія Степановна.

— Та тымъ, що вы годуете насъ борщемъ та кашею, отозвался зять, покраснѣвши до ушей.

— Ото велыки паны понаиздили въ Вильшаныцю! отрѣзала съ разу теща. Якъ забагатіете, то тоди и будете їсти пундыки. Попереду придбайте, та тоди й коверзуйте. Въ мене збыткивъ не було й не буде.

— Зять вспыхнулъ; лице его покраснѣло отъ гнѣва, онъ поднялъ голову вверхъ и твердо произнесъ:

— Коли сказати правду, то господыня въ доми моя Настуня, а не вы.

— Хто? Настуня, а не я! Я тридцять литъ тутъ господынею. Мои коморы, мое добро въ коморахъ. Наорить, насійте, та тоди будете господарями, затрещала взбѣшенная теща, и обращаясь къ дочери, крикнула: оддай сюды ключи!

— Настусю, не давай! крикнулъ зять.—Въ комори сыръ, масло, всяке добро, а вы насъ годуете кашею съ саломъ, добавилъ онъ, обращаясь къ тещѣ.

— Не ваше масло, не вашъ сыръ. Я сыръ продамъ, та грошей зароблю. Въ мене е дочка, въ мене е сынъ, есть у мене для кого дбати, та й соби на старисть де чого треба, огрызалась Онисія Степановна.

— Та що вы, мамо, такъ бидкаетесь? Хиба мы имъ, або вамъ боронимо жити при насъ? Хиба мы коли васъ съ хаты выгнали-бъ, чи що? отозвалась Настуня.

— А ты думала ще мене зъ хаты выганять! Зась тоби! не дождешъ цёго. Я тутъ господыня, а не ты! закричала еще сильнѣе мать.

Пошли споры о домѣ, о землѣ, огородѣ. Первая схватка вышла ожесточенною, ей казалось и конца не будетъ. Вдругъ Онисія Степановна вспомнила, что ее давно ждутъ въ кухнѣ, и въ пылу распри крикнула дочери:

— Дай сюды ключи! мени не до тебе.

Дочь замялась, мать бросилась къ ея карману, выхватила ключи прежде, чѣмъ та спохватилась удержать ее и, хлопнувъ дверью, быстро ушла въ кухню.

Семейное согласіе было нарушено самымъ рѣшительнымъ образомъ. Дочь и зять, придя въ себя, не знали, какъ и чѣмъ поправить дѣло. Едва удалось Настунѣ кое-какъ успокоить мать и испросить у нея прощеніе. Но это было не надолго. Пройдетъ два-три дня и снова какая нибудь зацѣпка съ той или другой стороны и опять новыя, еще болѣе сильныя сцены. Онисія Степановна ни на волосъ не уступала изъ своихъ правъ и власти и всю вину валила на непокорность дочери и зятя; въ простотѣ души своей она была убѣждена, что такъ на роду ей написано, что таково всегда и вездѣ положеніе тещи, и не разъ въ часы раздумья

за шитьемъ или пряденьемъ, припоминая давно забытыя пѣсни, она мурлыкала про себя:

Ой, пиду я до дочки, наберуся бидочки;
А пиду я до сына, лихая-жъ моя година!

Въ свою очередь Настуня и ея мужъ, по самой молодости своей, не могли додуматься до истинной причины мучившаго ихъ семейнаго раздора и всю вину онаго приписывали непомѣрной скупости матери и ея безпокойному характеру. Два поколѣнія съ несходными понятіями, съ различными привычками и вкусами сошлись на почвѣ нрава, плохо разграниченнаго, до крайности спутаннаго. Столкновенія возникали чуть не каждый день и при невоздержности обѣихъ сторонъ, при грубости нравовъ и пріемовъ доходили чуть не до драки, принимали дикій, омерзительный видъ. Старая матушка поражала зятя своею придирчивостью и неугомонностью въ спорахъ. Стоило чѣмъ нибудь задѣть ее, какъ поднимался неустанный крикъ на нѣсколько часовъ. То и дѣло выбѣгала она изъ своей комнаты въ комнату дочери, оттуда въ свѣтлицу и осыпала новою бранью и укорами зятя и дочь, когда тѣ думали, что спору насталъ конецъ. Зять потерялъ всякое терпѣніе и, когда теща однажды, сдѣлавъ подобную вылазку и накричавшись до сыта, юркнула въ свою комнату и захлопнула за собою дверь, досталъ молотокъ и гвозди и сталъ заколачивать дверь. Теща кричала изъ-за стѣны:

— Забиваете одъ матери двери; я васъ достану и черезъ двери!

Съ тѣхъ поръ семья и видимо для всѣхъ раздѣлилась на двѣ половины: въ кухнѣ стряпали двѣ служанки, столъ готовили отдѣльно, Онисія Степановна обѣдала съ младшею дочерью, Палажкою, рано, зять съ Настунею въ полдень. А ключи все таки остались въ рукахъ старой хозяйки: она держала ихъ въ сундукѣ подъ замкомъ и сама ходила въ кладовую, въ погребъ и комору. Къ рождественскимъ святкамъ какъ-то помирились; ѣли кутью вмѣстѣ и обѣдали первые два дня вмѣстѣ-же, а потомъ опять пошло все на рознь. Говѣючи, дѣти просили у матери прощенія, а потомъ бранились за «кухлики», за право продавать просфоры для «спасенниковъ». Въ Пасху христосовались, разгавливались, обѣдали, даже въ гости ѣздили вмѣстѣ, а потомъ вышла цѣлая катавасія. Приш-

лось огородъ орать, а огородъ былъ большой, въ нѣсколько десятинъ, на левадѣ. Зять предлагалъ матери не раздѣлять огорода,—пусть де все будетъ общее,—на самомъ дѣлѣ онъ не признавалъ даже за нею права на третью часть огорода. Теща ни за что не соглашалась. Зять поупрямился и, выславъ свой плугъ, велѣлъ орать весь огородъ. Онисія Степановна слѣдила за работой и, когда наймиты дошли до указанной межи, грозно потребовала не касаться ея части. Наймиты не слушались; она схватила палку и стала бить воловъ, не пуская ихъ впередъ по бороздѣ. Поднялся крикъ, прибѣжалъ батюшка и велѣлъ погонять. Старая матушка разставила руки впереди воловъ и не трогалась съ мѣста. Батюшка прикрикнулъ на наймитовъ, погоничъ махнулъ батогомъ, волы тронулись, матушка растянулась поперекъ на землѣ. Погоничъ плюнулъ, бросилъ кнутъ и пошелъ ко двору, за нимъ послѣдовалъ плугатарь. Матушка вскочила на ноги, повынимала «занозы» и нагнала воловъ на вспаханную часть, а сама пошла домой.

— Це кара Господня, а не теща! кричалъ зять проходившей мимо тещѣ.

— Геть зъ моеи господы, щобъ твого духу тутъ не було! отвѣчала ему теща.

На другой день она уже орала свою часть огорода своими-же волами.

Отразивъ столь мужественно покушеніе зятя относительно огорода, Онисія Степановна нашла необходимымъ оградить себя относительно полевой земли и для этого изыскала способъ болѣе дѣйствительный, чѣмъ выдѣленіе ей третьей, сиротской части. Не медля ни мало, она отправилась въ Кіевъ и выпросила себѣ мѣсто просфирни при ольшаницкой церкви, а съ нимъ, сверхъ 15 руб. годоваго жалованья, четвертую часть указнаго поля и тотчасъ-же принялась пахать и сѣять, какъ простой сельскій хозяинъ.

Стычки съ зятемъ не прекращались, напротивъ еще болѣе участились. Не привыкши уступать кому-либо и легко прощать мнимыя свои обиды, старая матушка повела скрытную атаку на зятя съ цѣлью выжить его совсѣмъ изъ Ольшаницы, а для этого она участила свои сношенія съ громадою, ослабѣвшія со смертью мужа. По праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, а иногда и въ будни, являлись къ ней изъ села «жиночки» то съ подарками, то съ работой,

то просто въ гости, а она ихъ угощала водкой и наливкой и за чаркой жаловалась на зятя и разсказывала, какъ онъ ее обижаетъ и какой онъ не добрый для нея; «жиночки» слушали ее съ участіемъ, передавали слышанное своимъ мужьямъ и возбуждали ихъ противъ молодого батюшки. Спустя немного о. Петръ Завиновскій и въ самомъ дѣлѣ сталъ замѣчать въ своихъ прихожанахъ какое-то глухое недовѣріе къ себѣ и недоброхотство, отнюдь не догадываясь, что все это идетъ отъ той-же тещи. А теща готовила ему новое огорченіе, новый ущербъ.

Зацвѣли деревья въ саду; можно было ждать богатаго урожая ягодъ и фруктовъ. О. Петръ съ женою, гуляя въ саду, любовались цвѣтомъ, мечтали о томъ, какъ приготовятъ разныхъ наливокъ, а излишекъ продадутъ. Вдругъ Онисія Степановна заявляетъ имъ, что ей слѣдуетъ также третья часть сада, какъ и огорода, и выдѣлила для себя лучшую часть, гдѣ росли большія и болѣе плодовитыя деревья, а зятю и дочери предоставила молодой «вишникъ» и густо поросшія, также молодыя сливы. О. Петръ и Настуня не придали этому значенія и, когда поспѣли ягоды, безъ церемоніи рвали и ѣли ихъ на пространствѣ всего сада. Онисія Степановна сначала только ворчала, потомъ стала дѣлать по временамъ замѣчанія, а наконецъ и просто поселилась въ саду и стала стеречь свою часть. Молодые супруги перестали ходить въ садъ; но вмѣсто ихъ появились пріѣхавшіе на каникулы къ о. Петру два меньшіе его братья, ученики уѣзднаго училища. Отъ нихъ никакъ нельзя было уберечь поспѣвшія уже совсѣмъ черешни. Только что выйдетъ изъ саду Онисія Степановна за какимъ нибудь дѣломъ, они уже на деревьяхъ и безпощадно обрываютъ ягоды. Бранилась она, кричала, гонялась за ними,—ничто не помогаетъ: нарвавъ ягодъ, юркіе школяры, какъ бѣлки, спускались съ дерева внизъ и, какъ легкія серны, убѣгали на край сада, къ рѣкѣ, въ чащу вербъ.

Онисія Степановна пустилась на хитрость: разъ усѣлась она подъ вишнями, положивъ около себя длинную хворостину, потомъ прилегла, вытянулась и прикинулась спящею. Школяры тотчасъ одинъ на вишню, другой на черешню и давай ягоды рвать. Мгновенно схватывается Онисія Степановна и летитъ къ нимъ съ хворостиной. Сидѣвшій на вишнѣ предпочелъ, при первомъ подступѣ Онисіи Степановны, спрыгнуть на землю и, получивъ два-три под-

затыльника, удралъ изъ сада, а забравшійся на черешню успѣлъ подняться такъ высоко, что Онисія Степановна при всѣхъ усиліяхъ никакъ не могла достать его своей длинной тычиной, а онъ, дразня ее, приговаривалъ изъ сказки объ Ивасикѣ-Телесикѣ:

Гуси, гуси-лебедята,
Визьмить мене на крылята!

Раздраженная Онисія Степановна въ безсильной злобѣ побѣжала къ зятю и выбранила его на всѣ лады.

Настало время уборки хлѣба: зять не могъ не замѣтить, что къ нему съ меньшимъ усердіемъ, нежели къ тещѣ, идутъ прихожане на работу, что ей помогаютъ за одно угощеніе, а къ нему иные не идутъ и за деньги. Пришло время ссыпать въ засѣки намолоченное зерно, прятать огородину въ погребъ; поднялись новыя ссоры изъ-за ключей, мать и дочь чуть не подрались изъ-за нихъ среди двора. Завиновскій увидѣлъ, что ему житья не стало и поѣхалъ къ Балабухѣ жаловаться на тещу. Протопопъ, выслушавъ жалобу молодаго батюшки и зная нравъ его тещи, посовѣтовалъ ему искать другаго прихода. Завиновскій такъ и сдѣлалъ: съѣздилъ въ Кіевъ и послѣ долгихъ усилій получилъ другой приходъ.

— Це кара Господня, а не теща! повторялъ зять, раздраженный на выѣздѣ изъ Ольшаницы спорами о томъ, что можетъ онъ взять съ собой, какъ свою собственность, и чего не долженъ брать.— Правдива теща, а не мати! восклицалъ онъ.

— А ты правдива завина, а не зять! отвѣчала ему Онисія Степановна, видимо торжествовавшая свою побѣду надъ непокорными дѣтьми.

По выѣздѣ ихъ, она тотчасъ отбила дверь изъ своей комнаты, заколоченную зятемъ, и почувствовала себя опять полною хозяйкою во всемъ домѣ, и дворѣ, и даже въ приходѣ. Приходъ, по силѣ первой резолюціи митрополита, переходитъ къ младшей ея дочери, Палажкѣ, и Онисіѣ Степановнѣ небольшаго уже труда стоило испросить новое о семъ распоряженіе.

Палажка была красивѣе Настуни и характера гораздо болѣе мягкаго. Скоро явился и къ ней женихъ, молодой «богословъ», Василій Лопатинскій. Онисія Степановна справила свадьбу также экономно, какъ и свадьбу старшей дочери, и поспѣшно выправила молодаго зятя «на постригъ», а когда онъ вернулся по посвященіи

домой, не замедлила взять его сразу въ руки, что впрочемъ не представило для нея и особаго труда.

Лопатинскій былъ человѣкъ тихій, спокойный и замѣчательно доброй души. Онъ почиталъ Онисію Степановну, какъ опытную хозяйку и мать горячо любимой имъ жены, уступалъ и угождалъ ей во всемъ. Это былъ совсѣмъ другаго покроя человѣкъ, нежели старшій зять: любилъ онъ почитать, подумать и даже помечтать, изрѣдка выѣзжалъ въ гости и не имѣлъ особаго расположенія къ занятіямъ хозяйственнымъ. Онисія Степановна взяла въ свои руки все хозяйство, командовала слугами и распоряжалась всѣмъ, какъ было при жизни о. Харитона. Все собранное съ своей части огорода, поля и сада она переводила на деньги и копила ихъ даже и тогда, когда не для кого стало копить, когда сынъ ея уже выросъ, окончилъ курсъ и самъ сталъ священникомъ.

Зять радъ былъ, что есть кому въ домѣ распорядиться и за всѣмъ присмотрѣть; онъ понималъ даже, что отдѣленіе въ пользу тещи третьей части сада, поля и огорода въ значительной степени окупается ея неусыпною дѣятельностью и опытностью въ хозяйствѣ. Жена въ свою очередь настроена была одинаково съ нимъ и ни въ чемъ не противорѣчила матери. Онисія Степановна, по собственнымъ ея словамъ, жила, какъ рыба въ морѣ. Всѣ ключи висѣли у нея около пояса, все исполнялось по ея желанію и приказу, ничто не дѣлалось безъ ея распоряженія или согласія; вставала она, какъ и прежде, съ пѣтухами, будила прислугу и, пока зять и дочь еще спали, успѣвала все сдѣлать, всѣмъ распорядиться по дому и хозяйству. Лѣтомъ она ѣздила сама на лугъ и поле къ косарямъ, гребцамъ, жнецамъ, присутствовала при свозкѣ хлѣба, запашкѣ и сѣвбѣ и наблюдала за всѣми и всѣмъ. Любила она наѣхать невзначай и всполохнуть рабочихъ, когда они, усталые отъ работы и зноя, растянутся гдѣ-либо въ тѣни и заснутъ крѣпкимъ сномъ; тутъ старая матушка грянетъ надъ ними, какъ громъ, нашумитъ, накричитъ, а иного и кнутикомъ хлестнетъ. За то и ненавидѣли ее рабочіе, а въ особенности домашняя прислуга, понимая, что не она хозяйка въ домѣ. Наймиты и наймички всѣми способами увиливали отъ непосильной работы, отгрызались отъ старой матушки непочтительными и бранными словами, или мстили ей какой-нибудь злой шуткой.

Разъ Онисія Степановна выѣхала въ поле безъ погонича и далеко уже за полдень, пробыла тамъ до вечера и, уже въ сумерки возвращаясь домой, велѣла одному изъ наймитовъ сѣсть на козелокъ и править лошадью.

Наймитъ предложилъ матушкѣ ѣхать «навпростець», чтобы скорѣе доѣхать домой.

— Про мене, поганяй и навпростець, сказала матушка, ничего не подозрѣвая.

Пока ѣхали дорогой, наймитъ даже придерживалъ лошадь; но какъ только свернули на невспаханное поле, чтобы выѣхать на другую дорогу, онъ погналъ лошадь изо всѣхъ силъ. Бричка запрыгала по кочкамъ и впадинамъ, матушка подпрыгивала съ нею, какъ мячикъ, и качалась съ боку на бокъ, такъ что даже духъ ей захватывало. Она стонала, охала и наконецъ крикнула наймиту:

— Та не жени такъ коняку, бо ты зъ мене духъ выпрешь.

— Та то вона сама такъ до дому рветця; мабуть пить хоче, чи що, пробормоталъ наймитъ и въ потьмахъ стегалъ лошадь по ногамъ.

Лошадь мчалась, въ поперегъ поля то и дѣло попадались то глубокія, отъ дождя запавшія борозды, то высокія обрывистыя межи. Бричка то западала въ глубь, такъ что матушка ударялась лицемъ о спину наймита, то переваливалась черезъ межу и съ такою силою ударялась сперва передними, потомъ задними колесами, что оси едва не отбивались. Матушка чуть зубовъ не поломала, языка не перекусила, а при одномъ перевалѣ черезъ межу такъ сильно грохнулась вмѣстѣ съ бричкой, что изо всѣхъ силъ закричала:

— А бодай тоби въ печинкахъ такъ гупало! И нараяла-жъ пакостна людина ûхати на впростець. Придержуй коняку, кажу тоби, та вважай на межахъ.

Наймитъ увѣрялъ матушку, что онъ сдерживаетъ лошадь всѣми силами, но что въ потьмахъ трудно разглядѣть, гдѣ межа, а потому совѣтовалъ ей приподыматься и держаться руками за края брички. Но едва матушка поднялась, какъ бричку толкнуло, матушка шарахнулась назадъ и едва не вывалилась изъ брички.

— Бый тебе сила Божа! вскрикнула она, велѣла остановить лошадь, слѣзла съ брички и пошла пѣшкомъ, а наймитъ задыхался отъ смѣху, пока не выбрались на дорогу.

Онисія Степановна такъ и не догадалась, что это отплата ей за ея придирки и притѣсненія въ работахъ, а наймитъ, возвратясь домой, долго хохоталъ надъ тѣмъ, какъ онъ старую матушку возилъ по межамъ и чуть не отбилъ ей «печинокъ».

Скопидомство, бережливость и прямая скупость Онисіи Степановны служили для нея самой источникомъ безпокойства и мученій, огорчали ея дѣтей и становились предметомъ насмѣшекъ, злословія и брани у чужихъ. Разъ какъ-то она поѣхала въ Богуславъ за горшками и прочей глиняной посудой и не взяла съ собой погонича, не желая понести ущербъ въ хозяйствѣ; но на обратномъ пути лошадь понесла съ горы, бричка опрокинулась и горшки всѣ перколотились.

— Отъ теперъ смійтесь зъ мене, говорила Онисія Степановна зятю и дочкѣ, возвратясь домой: привезла я зъ ярмарку одного цилого глечика.

— А треба було доконче самимъ ûхати, сказала дочь.

— Э, дочко; добре, що вы соби сидите, та книжечки читаете.

Однажды осенью Онисія Степановна повезла въ тотъ-же Богуславъ самолично продавать капусту, картофель и морковь. Протопопша, проѣзжая черезъ базаръ и завидѣвъ свою давнишнюю соперницу на простомъ возу, подошла къ ней, какъ-бы къ совсѣмъ незнакомой, торговалась долго, давая полцѣны, ничего не купила и, насмѣявшись вдоволь, отошла. Возвратясь домой, Онисія Степановна разсказала о томъ дѣтямъ, изругавшись надъ протопопшею. Зять огорчился и не совѣтовалъ матери, чести ради, самой ѣздить по базарамъ.

— На що вамъ той клопитъ здався? говорилъ онъ.—Чи мы вамъ хлиба жалуемо, чи що?

— Про це не скажу, не пожалуюсь, але мени часъ и на смерть дбати, щобъ було за що мене поховати; нехай помянуть мою душу по смерти на мои труда, отвѣчала Онисія Степановна.

Чувствовала она, что надо милостыню подавать; но ей жаль было и хлѣба и денегъ, и она раздавала нищимъ то черствый хлѣбъ и засохшіе пироги, то такія старыя и затертыя деньги, которыхъ даже жиды не брали и которыя она для этой цѣли нарочно откладывала. Нищіе знали ея милостыню и неохотно протягивали къ ней руки.

Уходили годы; у молодыхъ появились дѣти. Понадобилось расширить помѣщеніе. О. Василій пристроилъ къ дому еще двѣ комнаты, а Палазя воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ убранствѣ дома и не отстать отъ другихъ. Размѣстивъ висѣвшіе въ свѣтлицѣ сплошными рядами образа и перенеся значительную долю ихъ въ комнату матери, подъ предлогомъ, что у нея мало иконъ, и даже въ кухню, она увѣшала стѣны свѣтлицы разными бумажными картинками въ рамкахъ, пріобрѣтенными мужемъ въ Кіевѣ. Отлучаясь то въ поле, то въ городъ, мать и не спохватилась, какъ дочь перестроила по своему весь домъ и особенно свѣтлицу. Тамъ образа остались лишь по угламъ, а на стѣнахъ красовались изображенія красивыхъ женщинъ съ котенками, кроликами да птичками.

— А ты нечестива! Заразъ мени повинай образы, накинулась было Онисія Степановна на свою Палазю, замѣтивъ перемѣну, и долго спорила съ нею, упрекая ее въ подражаніи протопопшѣ, въ небреженіи о спасеніи души, неуваженіи къ святынѣ и т. под., но потомъ освоившись съ новинкой, когда никого не бывало въ свѣтлицѣ, по долгу оставалась и сама предъ нечестивыми картинками и, любуясь ими, восклицала:

— Тай гарни-жъ, хиря ихъ матери, оти панны, котики та кролики! Зовсимъ неначе живи. Воно було-бъ зовсимъ до ладу, коли-бъ не ти голи груди и плечи. Чортъ-ма имъ стыда й сорома! Зовсимъ, якъ було колись Олеська выходить до гусаривъ.

Любила Онисія Степановна своихъ внучатъ, когда они поднялись на ноги, ласкала и нѣжила ихъ и берегла пуще своего глаза: сама ихъ кормила и поила, умывала и причесывала, одѣвала и раздѣвала и укладывала спать. Лѣтомъ цѣлый день они игрались при ней въ саду, а она стерегла вишни и груши отъ хлопцевъ. Берегла она внучатъ, какъ сказочный змій «цилющу воду»: никто не смѣй тронуть ихъ, ни прислуга, ни даже мать; такъ и набросится на каждаго, а наймичку подъ часъ и палкой потянетъ.

Крестьянскихъ дѣтей Онисія Степановна ненавидѣла и единственно за то, что многія изъ нихъ крали у нея въ саду груши и яблоки. И сѣкла-же она ихъ больно, поймавши въ саду,—крапивой, бурьяномъ, вѣтками вишенъ или сливъ, драла за вихры, подзатыльники давала. Иногда она «острахъ» дѣлала: возьметъ въ одну руку

грушу, въ другую розгу, выйдетъ за садъ, розгу спрячетъ за спиной, а грушей манитъ проходящихъ хлопчиковъ, и только который руку протянетъ,—она его розгой. Такъ хлопцы десятой улицей обходили садъ.

Старѣлась Онисія Степановна и становилась годъ отъ году все сердитѣе и злѣе. Съ утра до ночи только и слышенъ былъ въ домѣ ея голосъ: бранила она прислугу, грозилась на внучатъ, приставала къ зятю, грызла голову дочери. Наймички перестали бояться ея и смѣялись надъ ней въ глаза. Скаредность ея дошла до крайнихъ предѣловъ,—она жалѣла чего нибудь съѣстнаго даже для внучатъ, которыхъ такъ любила. Остались напримѣръ отъ обѣда пироги, «бабуня» снесетъ ихъ въ кладовую и запретъ на замокъ. Придетъ вечеръ, внучата просятъ ключей, «бабуня» не даетъ и даже сердится. Старшая внучка побѣжитъ бывало вечеромъ къ бабушкѣ, сядетъ около нея на постели, ласкается, болтаетъ, а какъ бабушка вздремнетъ, вытянетъ потихоньку у нея ключи, и тотчасъ за пироги. О. Василій, тайно отъ тещи, заказалъ сдѣлать другіе ключи къ замкамъ отъ кладовой и всякихъ въ ней сундучковъ. Долго такимъ образомъ избѣгали лишнихъ столкновеній съ подслѣповатой уже старухой и ея неустаннаго ворчанья. И тѣмъ не менѣе много еще всякой другой возни съ нею было: не смѣй безъ нея ничего сварить, или испечь, ни горсти муки взять. Запарила наймичка квашу и поставила на печи. Вошла Онисія Степановна въ кухню, когда въ ней никого не было, увидѣла горшокъ, пожелала заглянуть и нечаянно опрокинула горшокъ. Тутъ вошла наймичка, матушка на нее мокрымъ рядномъ: и какъ смѣла запаривать квашу, не спросясь, и зачѣмъ на краю печи ставитъ, и откуда муку взяла, и пр. и пр.

Пошла Онисія Степановна жаловаться дочери на наймичку; вдругъ видитъ, кладовая отперта, и внучка оттуда что-то забираетъ. Она съ разу догадалась, въ чемъ дѣло, и какъ ни увѣряла внучка, что бабуня сама отперла кладовую и только забыла запереть, ничто не помогло. Онисія Степановна страшно разсердилась, избранила зятя и дочь, грозила бросить ихъ совсѣмъ и перейти къ сыну.

— Вси мене тутъ обижають, вси на мене кричать, та ще обманюють мене, поробили инши ключи, все забирають, выкрадають!.. Нема мени тутъ догоды и спокою; покину васъ та пиду до сына.

«Догодить» Онисіѣ Степановнѣ было очень трудно, особливо въ пищѣ. Стара она стала: повыпадали у нея зубы, желудокъ не варилъ, и она все попрекала дѣтей, что и «паляныци у нихъ тверди, и пироги не пухки, и вареники не знать яки, и каша хрущить, неначе зъ пискомъ зварена». И приправляла она эти попреки особою желчью. Подали однажды жареную курицу за обѣдомъ; Онисія Степановна уязвляла дочь такими словами:

— Це ты, доню, такъ спекла курку, щобъ я моими опеньками ничого не вгрызла. Хочете, щобъ я зъ голоду вмерла, та щобъ добро мое вамъ швидче досталось.

На слѣдующій день дочь приготовила вареники; но мать и съ ними справиться не могла и со злости говорила:

— Це ты, дочко, такихъ вареныкивъ наварила, що ними тильки вдавитьця. Це вы мабуть хочете, щобъ я наилась тихъ вареныкивъ та швидче вмерла, а вы-бъ забрали мои гроши.

Зять и дочь успокоивали старуху, что никто изъ нихъ не желаетъ ей смерти и не думаетъ о наслѣдствѣ; но на этотъ разъ старуха вышла почему-то изъ себя и, перечисливъ всѣ испытанныя отъ нихъ огорченія, сказала наконецъ:

— Цуръ вамъ, пекъ вамъ зъ вашимъ добромъ! Пиду до сына.

Послѣ полудня Онисія Степановна надумалась идти къ сыну, взяла палку и побрела со двора. Пока вышла за село, уже устала. За селомъ, при самой дорогѣ, стояла могила, гдѣ похоронены были побитые повстанцы. Онисія Степановна взобралась на могилу и долго на ней сидѣла, поджидая, не будетъ-ли кто проѣзжать и не подвезетъ-ли ее къ сыну. Но никто не проѣзжалъ, а солнце уже садилось. Возвращаться къ дочери не хотѣлось, а идти къ сыну уже поздо, хотя и не такъ далеко. Онисія Степановна сидѣла въ раздумьѣ. Солнце зашло, наступалъ мракъ, ей мерещились уже мертвецы, зарытые въ могилѣ. Оглянулась она назадъ: изъ дому никто не шелъ догонять ее и просить.

— Та й запекли ихъ души! нихто не доганяе мене, говорила Онисія Степановна про себя, и все таки сидѣла и ждала.

Вдругъ у выѣзда изъ села показалась наймичка. Онисія Степановна даже привстала на могилѣ. Наймичка замѣтила ее и подошла къ могилѣ.

— Чи це ты за мною, чи ягнятъ може шукаешь? спросила матушка.

— Та за вами-жъ, не за кимъ-же, сказала наймичка.

— А чи дуже плачуть тамъ за мною?

— А вже-жъ плачуть. Якъ-бы не плакали, то не послали-бъ мене за вами.

Свела наймичка «стару матушку» съ могилы и повела ее домой. Матушкѣ было неловко, она тихонько прошла въ свою комнату и не выходила ужинать съ дѣтьми.

На другой день Онисія Степановна попросила у зятя лошадей и дѣйствительно переѣхала къ сыну, но скоро опять возвратилась назадъ.

Одряхлѣла Онисія Степановна, сгорбилась, стала какъ будто ниже и едва ходила. Она еще не разъ оставляла дочь и переѣзжала къ сыну, но черезъ недѣлю опять возвращалась въ Ольшаницу. Ее тянуло въ домъ и село, гдѣ она вѣкъ свой прожила. Уже старшія внучки повыростали и повыходили за мужъ, а Онисія Степановна все живетъ и живетъ, какъ будто смерть о ней забыла, и старческими причудами морочитъ и своихъ и чужихъ.

Олеся, жена Балабухи, не смотря на титулъ протопопши, такъ и осталась Олесею. Въ ней сохранилось прежнее желаніе рядиться и молодиться, неудовлетворенное чувство любви, непонятное стремленіе къ чему-то лучшему, изящному и прекрасному. Для всего этого мало было пищи въ уѣздной глуши, а то, на что наталкивалась она здѣсь, при отсутствіи образованія и развитія, только извращало чистыя въ своей основѣ природныя наклонности и дѣлало ее предметомъ злыхъ пересудъ и язвительныхъ насмѣшекъ. Своего рода прогрессъ и вѣянія уѣздной жизни коснулись и ея, но лишь внѣшней стороной. Прежде всего самъ Балабуха, а за нимъ и Олеся постепенно усвоили себѣ русскій языкъ, и иначе и не могло быть въ ихъ положеніи; появились нѣкоторыя улучшенія и перемѣны въ обстановкѣ домашней, въ распорядкѣ будничной жизни, но за тѣмъ все осталось по прежнему,—тѣ-же стремленія, таже злоба дня.

Послѣ страшной катастрофы съ Казанцевымъ Олеся исхудала и потемнѣла, краса ея отцвѣла и, какъ цвѣтъ, опала: Олеся стала накрашиваться и набѣливаться. Балабуха постарѣлъ и посѣдѣлъ и на причудливую жену только рукою махнулъ. Онъ располнѣлъ, какъ-то осунулся, сталъ еще апатичнѣе и безотвѣтно покорялся

прихотямъ и затѣямъ жены; въ обществѣ другихъ сидѣлъ молча, курилъ трубку и по цѣлымъ вечерамъ тянулъ крѣпкій пуншъ съ ромомъ.

Дочь Олеси, также Настя, какъ и старшая дочь Ониси, подросла и стала очень красивою дѣвушкой. Она начала учиться играть на фортепьянѣ у одной дамы въ богуславскомъ пансіонѣ; Олесѣ приходилось купить фортепьянъ. Фортепьяномъ надѣлилъ старый другъ ея Баньковскій, давно женившійся на какой-то шляхтянкѣ. Фортепьянъ былъ старый и плохой; Баньковскій починилъ его кое-какъ съ помощью костельнаго органиста и спустилъ, по старой дружбѣ, за сто рублей.

Фортепьянъ даже для первоначальной игры оказался неудовлетворительнымъ, вмѣсто опредѣленныхъ звуковъ, пріятной гармоніи, онъ издавалъ какой-то разящій ухо шумъ и стукъ. Приходилось, что ни мѣсяцъ, звать органиста настраивать фортепьянъ, но настройка столько-же помогала разбитой и поломанной машинѣ, сколько старой лошади канчуки цыгана. Между тѣмъ Олеся сама очень любила музыку и не смотря на дурныя качества фортепьяна, охотно слушала, когда дочь разыгрывала немудрые вальсы, мазурки, или пѣла русскіе романсы да украинскія пѣсни.

Разъ лѣтомъ Олеся пошла съ Настею въ лавки покупать ленты. Въ мелкихъ городкахъ бываетъ одна такая лавка, гдѣ всего можно достать. Въ Богуславѣ такую лавку содержалъ юркій, изворотливый, всеобъемлющій, все и всѣхъ знавшій жидъ Волько съ не менѣе проворной и говорливой своей Сурой. Двери и единственное въ ихъ лавкѣ окно всегда завѣшены были сверху до половины красною матеріею, которая уменьшала на половину естественный свѣтъ и давала товарамъ особую окраску. Олеся и Настя вошли въ лавку. Проворная, черняваяСура придвинула къ прилавку два стула, и дамы усѣлись. Послѣ яркаго наружнаго свѣта они очутились, какъ въ погребѣ, и долго не могли ничего разглядѣть въ темной «крамницѣ»; но среди мрака жидовскаго закутка вдругъ зазвенѣлъ чудный баритонъ. Олеся глянула по сторонамъ и примѣтила въ противуположномъ концѣ магазина, около прилавка, молодаго блондина. Неизвѣстный кавалеръ, высокій, ровный, какъ струна, торговался съ Волькомъ. Короткій пиджакъ охватывалъ его ровный, тонкій, будто выточенный станъ. Удлиненное лице кавалера

напоминало отчасти нѣмца, отчасти поляка и было очень оригинально. Съ полныхъ щекъ падали на грудь русые, мягкіе, какъ шелкъ, бакенбарды. Изъ-подъ мягкихъ, лоснившихся усовъ выдавались румяныя полныя губы. Высокій лобъ немного подался назадъ, а отъ него, подымаясь вверхъ, разсыпалась по головѣ и падала на плечи роскошная золотистая грива съ мягкими кудрями по концамъ. Проворный блондинъ громко и оживленно разговаривалъ съ Волькомъ. По его малорусской рѣчи, перемѣшанной съ русскою, по его нѣмецкому акценту видно было, что это чужеземецъ. Олеся поспѣшно опустила вуаль на лице. Сура загромоздила весь прилавокъ картонками. По всему прилавку заблестѣли разноцвѣтныя ленты—пунцовыя, палевыя, голубыя. Сура распускала и вытягивала ленты, работала языкомъ, выхваляя свой товаръ. Олеся не слышала ни одного ея слова и напрягла слухъ въ сторону заинтересовавшаго ее блондина. Волько мололъ языкомъ не хуже своей Суры, выхваляя показываемыя имъ матеріи для лѣтняго костюма; онъ быстро разворачивалъ ихъ, спускалъ концы ихъ съ прилавка, увѣрялъ, что это крѣпкія и не линючія матеріи, дергалъ ихъ руками, грызъ зубами, слюнилъ даже языкомъ, а въ промежуткахъ ловко заводилъ совсѣмъ побочные разговоры и распрашивалъ покупателя обо всемъ, какъ будто сидѣлъ съ нимъ гдѣ либо въ гостиной.

— Пане Ганушъ, наберить оціеи парусины. Не будете жалкувати. Ей Богу, це загрянична! Отъ подивиться, яка вона мицна та густа: ажъ лущить, ажъ гуде въ рукахъ.—Ну, а якъ-же вамъ живеться въ нашій сторони? Чи привыкли вы до нашои Миронивки? говорилъ и спрашивалъ Волько, дергая въ рукахъ конецъ парусины, какъ будто онъ хотѣлъ ее перервать.

— Привыкаю потроху. Я бувавъ въ сьвитахъ и куды попаду, заразъ привыкаю. Але, Вольку, покажи лишъ мени кращои матеріи, сказалъ Ганушъ: я ваши жидивськи нарови добре знаю,—вы показуете попереду що найпоганше.

Волько опрометью бросился къ стулу, вскочилъ на него, досталъ съ полки еще двѣ штуки матеріи и быстро развернулъ ихъ на прилавкѣ, одну за другой.

— Це вже така матерія, що й за границею ридко де можно знайти. Ай, ай! що то за матерія, що за матерія! Це аглицька мате-

рія.—А чи тильки дочокъ директоровихъ учите на фортепьяни, чи й сына? прикинулъ Волько, разворачивая и вторую штуку матеріи.

— Вчу дочокъ и сына; а коли хочешъ, то й тебе вывчу, отвѣтилъ Ганушъ и прибавилъ: але ты зновъ доставъ такого, що годиться носити погоничамъ та лакеямъ. Знайди лишень ще кращого.

— Ей Богу, кращого вже нема на сьвити. А якого вамъ кращого треба? Це вже французська матерія, по половини зъ шовкомъ,— болталъ Волько и мимоходомъ закинулъ: а чи дорого вамъ платить директоръ за дитей? и разомъ съ этимъ проворно высунулъ языкъ, полизалъ кончикъ матеріи и показалъ Ганушу: отъ подивиться: ей Богу, не злиняе до самои вашои смерти.

— О, швидко-жъ мени прыйдеться вмерти, сказалъ Ганушъ.

Олеся и Настя усмѣхнулись и ненамѣренно переглянулись съ Ганушемъ. Ганушъ пристально взглянулъ на дамъ.

Между тѣмъ Сура сыпала словами, какъ горохомъ:

— Пани, що я вамъ скажу! берить оци червони стрички. Це таки добрящи, таки гарни! Дай мени, Боже, такъ добре на сьвити жити! Бодай мени смерть така гарна була, якъ оци стрички. Це зъ Бердичева, контрабанда,—сказала Сура Олесѣ на самое ухо.

Олеся перебирала въ рукахъ ленты и вовсе не слушала, что говорила Сура: она любовалась статною фигурою Гануша, прислушивалась къ его музыкальной рѣчи, ловила глазами его граціозныя движенія, присматривалась къ его тонкимъ бѣлымъ пальцамъ и блестѣвшимъ на нихъ золотымъ кольцамъ. Изъ распросовъ Волька она догадалась, что это былъ учитель музыки у директора мироновскаго сахарнаго завода.

Волько еще разъ поднялся къ полкѣ и досталъ еще двѣ штуки матеріи. Ганушъ выбралъ наконецъ одну изъ нихъ; Волько поспѣшно схватилъ аршинъ и такъ проворно махалъ имъ да натягивалъ матерію, что успѣлъ обмѣрить покупщика на полъ-аршина. Ганушъ расплатился, взялъ матерію подъ мышку, накинулъ на свои взъерошенные кудри нѣмецкій картузикъ и выскочилъ изъ магазина, напѣвая какую-то арію.

Олеся теперь только перевела духъ и могла разсматривать ленты и соображать, что тараторила ей Сура.

— Кто это? спросила у нея протопопша.

— Це, вельможна пани, чехъ; учить грати на фортепьяни дитей у директора въ миронивськи сахарни, отвѣчала Сура. Прозывають ёго Ганушъ. То добрый паничъ, дас намъ торгувати. Вже не разъ бувъ въ нашому магазыни зъ самымъ директоромъ и зъ ёго двома сынами. А яки гарни паничи! Тамъ таки гарни, що я ще зъ роду такихъ не бачила. Оце недавно въ мене директорша набрала стричокъ та блондъ на пятнадцять карбованцивъ. Визьмить, пани, оци стрички та блонды. Сама директорша взяла ихъ цилу штуку.

Протопопша накупила тѣхъ-же лентъ и блондъ, которыя брала директорша, и вышла съ дочерью изъ «крамницы». Только что пришли они домой, Настя тотчасъ побѣжала въ залу и стала вертѣться предъ зеркаломъ. Она осмотрѣла свое красивое личико, свои черныя брови, повернулась бокомъ, взглянула на талію и все думала объ интересномъ Ганушѣ, напѣвая какую-то мазурку.

Настя повернулась на одной ногѣ и выбѣжала изъ залы. Вошла мать, стала передъ зеркаломъ и подняла вуаль. Потъ облилъ ея лице, обильно присыпанное пудрою. Она вытерла лице платкомъ, пудра сошла, и въ зеркалѣ показалось поблекшее и потемнѣвшее лице, и синіе кружки подъ глазами. Олеся придвинула голову ближе къ зеркалу и стала присматриваться къ своимъ густо напомаженнымъ волосамъ; въ черныхъ, блестящихъ нѣкогда волосахъ обозначались тонкія серебристыя линіи. Взглянула она на талію; сѣренькое платье обвисло на бокахъ. Олеся припомнила сухое темное лице Ониси и содрогнулась. Увы, и она уже походила отчасти на Онисю, а Ганушъ стоялъ передъ ея глазами, какъ живой, съ роскошнымъ откинутымъ бѣлымъ лобомъ, съ гривою льва на головѣ.

— Боже мой! неужели я его люблю? думала Олеся, стоя предъ зеркаломъ. И отъ чего онъ стоитъ предо мной и не выходитъ у меня изъ думы?

Олеся достала пудру и напудрила лице; лице побѣлѣло и посвѣжѣло.

— Но талія моя не имѣетъ круглоты... Платье обвисло и болтается, подумала Олеся. И выйдя поспѣшно изъ залы въ спальню, распорола подкладку въ платьѣ, подложила ваты въ соотвѣтственныхъ частяхъ, наскоро зашила и надѣвъ платье, вышла къ зеркалу опять. Но тамъ мѣсто было уже занято: предъ зеркаломъ вертѣлась Настя, примѣряла купленныя ленты, надѣвала ихъ на голову, за-

вязывала ими шею. Заслышавъ шаги матери, Настя убѣжала къ себѣ въ комнату; на ея мѣсто предъ зеркаломъ стала мать и поворачивалась съ боку на бокъ. Талія была теперь полнѣе и получила нѣкоторую округлость. Олеся почувствовала себя какъ-бы помолодѣвшею и усмѣхнулась про себя.

Между тѣмъ въ залу опять влетѣла Настя, напѣвая и приплясывая вмѣстѣ.

— А посмотри Настя, хорошо-ли на мнѣ сидитъ платье въ таліи. Мнѣ кажется оно сзади немного оттопырилось, говорила мать, выпяливъ бокъ передъ зеркаломъ.

— Нѣтъ, мама; мнѣ кажется, что оно выдалось какъ-то спереди, отвѣчала Настя, глядясь въ зеркало черезъ плечо матери.

Олесѣ стало какъ-то веселѣе и она затянула мотивъ изъ мазурки. Настя пустилась въ приплясъ черезъ залу. Олеся попробовала сдѣлать тоже, но почувствовала сразу, что ноги уже не тѣ стали.

— Сядь, милая Настя, за фортепьянъ и сыграй что нибудь, а я послушаю, сказала мать, схватывая на лету дочь за руку.

Настя сѣла и начала наигрывать польки да вальсы, а мать тихонько ходила по залѣ и мечтала о Ганушѣ: ей казалось, что у ней сердце еще не умерло, что оно хочетъ любить и можетъ любить.

Долго мечтали и дочь и мать, и предметъ мечты у обѣихъ былъ одинъ и тотъ-же. Между тѣмъ пришелъ Балабуха, бывшій гдѣ-то на требѣ, и всѣ усѣлись пить чай. За чаемъ Олеся сообщила мужу, что встрѣтила случайно въ лавкѣ у Волька учителя музыки изъ чеховъ.

— Такъ что-же? спросилъ Балабуха.

— А видишь-ли, изподтишка начала Олеся, прекрасный случай для нашей Насти...

— Ужъ не замужъ-ли выйти? спросилъ Балабуха, слегка улыбнувшись.

— Замужъ ей слишкомъ еще рано, отвѣчала Олеся, но такъ подъучиться музыкѣ. У нашей Насти талантъ.

— Да есть-ли талантъ у этого учителя, хорошо-ли онъ знаетъ музыку?

— О, про это, я думаю, и спрашивать нечего. Довольно того, что онъ чехъ, да и директоръ не сталъ-бы держать кого нибудь.

— Такъ что-же?

— А то, что поѣзжай ты завтра въ Мироновку и предложи этому учителю,—фамилія его Ганушъ,—не согласится-ли онъ два-три раза въ недѣлю пріѣзжать къ намъ, на нашихъ конечно лошадяхъ, давать уроки Настѣ. Кстати и съ директоромъ можешь познакомиться, сдѣлавъ ему визитъ. Намъ нужно съ такими людьми знакомиться. Наша Настя почти уже невѣста, а у директора, говорила Сура, два взрослыхъ сына и оба такіе прекрасные, я-же ни за что не отдамъ своей Насти за духовнаго.

Настя покраснѣла при этомъ до ушей.

— Да; но можетъ быть это дорогой учитель и много потребуетъ за уроки? какъ-то нерѣшительно возразилъ Балабуха.

— А хотя-бы и много. У насъ одна дочь, притомъ у нея и способность и любовь къ музыкѣ. Надо пользоваться случаемъ; другой подобный случай, пожалуй, и не представится, а потому завтра-же поѣзжай. И не думай и не говори ничего! закончила Олеся по своему, по прежнему.

Балабуха замолкъ. Онъ давно уже привыкъ молча дѣлать то, чего потребуетъ жена.

На утро Балабуха отправился въ Мироновку и, прежде чѣмъ говорить съ учителемъ, зашелъ къ директору. Директоръ, нѣмецъ, радушно и почтительно принялъ Балабуху и не препятствовалъ ему войти въ переговоры съ учителемъ. Ганушъ въ свою очередь согласился ѣздить на уроки за плату не особенно высокую. Прощаясь съ директоромъ, Балабуха просилъ его быть знакомымъ и къ удовольствію своему замѣтилъ, что предложеніе его было принято охотно. Что до Гануша, то онъ далъ слово пріѣхать на слѣдующій-же день въ послѣобѣденную пору.

Между тѣмъ Олеся по отъѣздѣ мужа принялась за свое обычное занятіе, чтеніе зажигательныхъ романовъ. Къ этому времени число читающихъ даже въ Богуславѣ значительно увеличилось, да и самыя книги были уже не тѣ. Олеся добыла гдѣ-то на этотъ разъ: «Похожденіе трехъ мушкатеровъ» и «Семь смертныхъ грѣховъ» и читала попеременно эти завлекательные романы, не зная, которому изъ нихъ отдать преимущество. Въ промежуткахъ она приводила себѣ на память милый образъ Гануша и варила для него варенье, нетерпѣливо ожидая возвращенія мужа.

Къ обѣду воротился и мужъ. Привезенное имъ извѣстіе обрадовало, но вмѣстѣ и раздосадовало отчасти Олесю. За чѣмъ отложилъ до завтра свой пріѣздъ этотъ противный Ганушъ? подумала она и дала полную волю своимъ о немъ мечтамъ, о томъ, какова будетъ ихъ встрѣча и что можетъ быть потомъ.

На слѣдующій день, лишь только окончили обѣдъ, Олеся открыла шкафъ, выбрала посвѣжѣе платье и принялась рядиться въ ожиданіи интереснаго гостя. Украдкой отъ мужа и дочери, запершись въ своей спальнѣ, она подрисовала себѣ брови и губы, сильно напудрила и тщательно вытерла лицо, подложила ваты въ приготовленномъ платьѣ, причесалась и одѣлась совсѣмъ. Но едва только она вышла изъ спальни, какъ видитъ, что дочь въ свою очередь вынимаетъ изъ шкафа новое найлучшее свое платье.

— А это зачѣмъ? спросила Олеся, какъ-бы въ недоумѣніи, свою дочь.

— Да вѣдь скоро пріѣдетъ гость; надо-же одѣться, отвѣчала Настя, слегка покраснѣвъ.

— Ну, вотъ выдумала. Этотъ гость будетъ пріѣзжать къ тебѣ два раза въ недѣлю. Спрячь это платье, оно слишкомъ нарядно. Надѣнь попроще, а можешь быть и такъ, какъ теперь одѣта.

— Но вѣдь вы, мама, надѣли новое платье: отчего-же мнѣ нельзя? сказала Настя уже сквозь слезы.

— Я хозяйка въ домѣ, это другое дѣло, а ты еще ученица: тебѣ надо учиться, а не рядиться. Ты еще дитя.

— Какое я дитя? Мнѣ шестьнадцать лѣтъ.

Настя надулась: она вышла въ залу и совсѣмъ расплакалась, но подумавъ, что у нея будутъ красные глаза, между тѣмъ какъ Ганушъ можетъ вскорѣ пріѣхать, перестала плакать, утерла слезы и пошла въ садъ.

Мать съ нетерпѣніемъ ждала гостя и, хотя держала въ рукахъ книгу, но все поглядывала въ окно.

Спустя около часу во дворѣ послышался стукъ, и у крыльца остановилась легенькая, свѣже лакированная венгерка. Съ нея ловко соскочилъ Ганушъ, весь закутанный въ бѣлый, длинный до земли плащъ съ капюшономъ на головѣ для предохраненія отъ пыли. Олеся окрикнула мужа, сидѣвшаго въ кабинетѣ, и по давней привычкѣ схватилась за сердце; но сердце не билось уже по прежнему...

Вошелъ Ганушъ; Олеся слегка приподнялась въ креслѣ и приняла его очень тонно. Балабуха здоровался съ нимъ, какъ уже знакомый. Ганушъ былъ въ чорномъ свѣжемъ костюмѣ, а на груди у него блестѣла бѣлая, какъ снѣгъ, сорочка. Онъ казался теперь Олесѣ еще красивѣе и она, уставя на Гануша свои глаза, любовалась его изящнымъ оживленнымъ лицемъ, пока мужъ обмѣнивался съ нимъ первыми фразами. Ганушъ сносно говорилъ по русски. Оказалось, что онъ не первый годъ въ Россіи, былъ во многихъ русскихъ городахъ, а съ малорусскою рѣчью ознакомился, живя въ Мироновкѣ.

— Позвольте-же просить васъ познакомить меня съ моей будущей ученицей,—сказалъ Ганушъ послѣ нѣкотораго времени, оглядываясь вокругъ.

— Она, кажется, въ саду, сказала Олеся, и подойдя къ выходившему въ садъ раскрытому окну, окликнула Настю. Настя живо отозвалась, проворно вошла въ залу, сдѣлала реверансъ и зардѣлась, какъ маковка. Ей было стыдно и досадно, что она не въ новомъ платьѣ, какъ ей хотѣлось.

— Позвольте опробовать вашъ инструментъ. Онъ старинной конструкціи, но иногда въ старыхъ фортепьянахъ бываетъ хорошій тонъ, сказалъ Ганушъ, обращаясь къ хозяйкѣ, и проворно откинувъ крышку фортепьяна, сѣлъ и сильно ударилъ по клавишамъ. Фортепьянъ зашипѣлъ и забреньчалъ и вмѣсто чистыхъ и ясныхъ звуковъ послышались глухіе и сиплые и даже просто стукъ клавишей. Ганушъ сдѣлалъ кислую гримасу и примолвилъ:

— Фортепьянъ хорошо настроенъ, но очень уже старъ и разбитъ. Желая затѣмъ показать свое искусство предъ дамами, Ганушъ заигралъ какую-то шумную пьесу; взялъ *forte*, потомъ *fortissime*, фортепьянъ застоналъ подъ сильными его пальцами; но на половинѣ пьесы почувствовалась вся непригодность инструмента и полное несоотвѣтствіе его таланту артиста; клавиши мѣстами только стучали, струны давали гармонію, напоминавшую жужжаніе шмелей; въ довершеніе всего въ басахъ лопнула струна и жалобно зашипѣла. Ганушъ не выдержалъ, захохоталъ и пересталъ играть. У Олеси покраснѣли уши.

— Видишь? обратилась она къ мужу: для такого учителя намъ надо купить новый фортепьянъ.

Балабуха съ испугу машинально провелъ рукою по карману.

— Надо, надо купить новый фортепьянъ для такой прелестной ученицы, сказалъ Ганушъ, сдѣлавъ граціозный поклонъ въ сторону Насти.

Настя покраснѣла. Балабуха нерѣшительно какъ-то спросилъ, сколько можетъ стоить хорошій новый фортепьянъ.

— А рублей пятьсотъ, шестьсотъ, отвѣчалъ Ганушъ.

У Балабухи и руки опустились, трубка повалилась на полъ и самъ онъ тяжело вздохнулъ. Ганушъ замѣтилъ это и поспѣшилъ оговориться:

— Впрочемъ можно найти порядочный фортепьянъ и за триста рублей.

У Балабухи отлегло немного на душѣ: онъ соображалъ про себя, откуда и эти триста рублей взять. Ганушъ между тѣмъ спрашивалъ хозяйку, можно-ли найти въ Богуславѣ какого либо фортепьяннаго мастера, который починилъ-бы старый фортепьянъ, пока купленъ будетъ новый.

— Здѣсь при костелѣ есть хорошій органистъ; онъ можетъ починить этотъ фортепьянъ, пока купимъ новый; но только гдѣ купить? въ свою очередь спросила Олеся.

— А вотъ я въ скоромъ времени поѣду въ Кіевъ, и если вамъ угодно, радъ служить, сказалъ Ганушъ.

— Ахъ, премного вамъ благодарна, сказала Олеся: я такъ люблю музыку, что не могу жить безъ нея. Я сама хотѣла-бы выучиться играть на фортепьянѣ.

Балабуха и Ганушъ съ изумленіемъ взглянули на нее.

— Теперь я попрошу мою ученицу сѣсть за рояль, сказалъ Ганушъ, обращаясь къ Настѣ: извините, я хочу сдѣлать вамъ маленькій экзаменъ, ознакомиться съ вашими познаніями, пріемами въ игрѣ.

— Мнѣ неловко послѣ васъ садиться за фортепьянъ. Вы такъ чудно играете, а я лишь кое-какъ бреньчу, сказала кокетливо Настя.

Она перешла залу, совсѣмъ не по ученически выпятила грудь впередъ, граціозно покачала головкой и сѣла за фортепьянъ. Ганушъ раскрылъ «Школу музыки» и попросилъ проиграть сперва гаммы, а потомъ нѣкоторыя маленькія пьесы. Настя кокетливо закачала плечами и быстро заметала пальцами по клавишахъ, разыгрывая указанныя Ганушемъ пьесы. Клавиши несносно стучали, струны жалобно визжали. Настя играла и смѣялась.

— О, съ васъ выйдетъ артистка! У васъ несомнѣнный талантъ; къ тому-же у васъ такіе прекрасные длинные пальчики, именно для фортепьяна созданные, сказалъ Ганушъ, искоса поглядывая то на пальцы, то на румяное красивое личико Насти.

Олеся нахмурила брови: ей очень хотѣлось самой сидѣть на мѣстѣ Насти и разговаривать съ Ганушемъ. Ганушъ между тѣмъ собирался домой и потянулся за фуражкой.

— Ахъ, что вы! какъ можно? Оставайтесь у насъ чай пить, непремѣнно, поспѣшила остановить его Олеся и велѣла подать самоваръ въ садъ. Ей хотѣлось обставить себя, какъ можно поэтичнѣе, чтобы разшевелить и привлечь къ себѣ сразу сердце Ганушa.

Скоро поданъ самоваръ; Олеся пригласила Ганушa въ садъ. Вышли изъ залы на высокое крыльце, обсаженное вьющимися растеніями; широкія ступени вели отсюда въ цвѣтникъ, хорошо устроенный и чисто содержанный. По другую сторону цвѣтника стояла недавно устроенная бесѣдка съ широкимъ проходомъ насквозь. Цвѣтникъ изрѣзанъ былъ извилистыми дорожками, между которыми красовались роскошныя клумбы цвѣтовъ. Надъ всѣмъ работала искусная рука садовника, приходившаго съ панскаго двора и работавшаго болѣе въ чаяніи молитвъ, чѣмъ за деньги.

Солнце было предъ закатомъ и косыми лучами освѣщало садъ и цвѣтникъ. Въ воздухѣ было тихо и тепло. Политые цвѣты блестѣли на влажныхъ клумбахъ, распространяя вокругъ пріятнѣйшій ароматъ. Отъ бесѣдки длинными гирляндами вились ряды цвѣтовъ по обѣ стороны широкой дорожки внизъ до самаго берега Роси.

— Ахъ, какая у васъ здѣсь благодать! восхищался Ганушъ, стоя на крыльцѣ. Сколько цвѣтовъ! Какіе виды на рѣку и дальше! Вы тутъ живете, какъ въ раю.

— О, да, я люблю цвѣты! хвастливо замѣтила Олеся. Мы съ Настей съ утра до вечера возимся здѣсь, сами даже поливаемъ.

Олеся пригласила гостя дальше. Обошли цвѣтникъ и вошли въ бесѣдку. По срединѣ, на столѣ, шипѣлъ самоваръ; вмѣстѣ съ чайнымъ приборомъ красовались двѣ небольшія вазки съ свѣжимъ вареньемъ. Олеся занялась чаемъ, Ганушъ оглядывался во всѣ стороны и любовался видами. Чрезъ широкія двери бесѣдки видно было все Заросье со скалами, вербами и мельницами у берега Роси.

— Ахъ, какіе чудные виды! восклицалъ Ганушъ, глядя на Заросье. Ну, это просто картина, написанная дивнымъ художникомъ и вставленная въ зеленую раму. Это вы, конечно, выбрали здѣсь мѣсто для бесѣдки, прибавилъ, въ видѣ комплимента уже, Ганушъ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Выбирали мы съ-обща, но это мѣсто дѣйствительно я указала, самодовольно произнесла Олеся, щурясь глазами на Гануша.

— О, у васъ дивный вкусъ! Вы настоящая артистка, сказалъ съ паѳосомъ Ганушъ.

— Не хотите-ли къ чаю моего варенья? какъ-бы въ благодарность спросила его Олеся и прибавила: сама готовила.

— Если вы сами варили, то нельзя отказаться, съ сладкой миной сказалъ Ганушъ, и потянулъ къ себѣ вазку съ малиновымъ вареньемъ.

Однако онъ такъ много оказалъ вниманія труду любезной хозяйки, что скоро въ вазкѣ осталось только двѣ ягодки на днѣ. Балабуха велѣлъ подать рому и когда ромъ былъ принесенъ, налилъ Ганушу чуть не полстакана. Пражскій мѣщанинъ оказался и на этотъ счетъ способнымъ и сталъ тянуть пуншъ за пуншемъ, оказавъ не меньшее вниманіе предложенію хозяина, какъ и хозяйки. Балабуха закурилъ трубку, Ганушъ сигару. Ароматъ малины смѣшался съ запахомъ сигары и рому и защекоталъ старые нервы Олеси. Не стѣсняясь подпившимъ уже гостемъ, она подлила и себѣ немного рому. Пуншъ скоро охмѣлилъ и раздразнилъ ее, и она желала удалить изъ бесѣдки и мужа и дочь, чтобы остаться одной съ Ганушемъ. На дворѣ смерклось; густой мракъ опустился на Рось и скалы. Было тепло, даже душно. Мѣстечко затихло; только вдали вода шумѣла, перебѣгая по камнямъ и поэтично гармонируя съ тихимъ вечеромъ и яркими звѣздами, блестѣвшими на небѣ и отражавшими свой блескъ въ водѣ.

Принесли лампу, зажгли свѣчи. Балабуха и Ганушъ все бесѣдовали и попивали пуншъ. Толковали о сахарномъ заводѣ, о доходахъ отъ него, о поднявшихся на все цѣнахъ, о директорѣ и его семьѣ. Ганушъ пустился въ разсказы о Прагѣ и заграничной жизни вообще. Балабуха порядочно захмѣлѣлъ, откинулся на стулѣ и все сосалъ свой длинный чубукъ.

Наста! тебѣ, кажется, пора уже спать. Иди, милая, въ комнату! изысканно нѣжно сказала Олеся, обращаясь къ Настѣ какъ-бы къ маленькой.

А Настѣ не хотѣлось уходить отъ Гануша: она рада была-бы до свѣта слушать его и глядѣть на него.

— Иди-же, душечка, къ себѣ въ комнату, да распорядись, чтобы намъ принесли сюда закусить, сказала опять Олеся Настѣ.

Настя сдѣлала кислую мину и раскланявшись съ Ганушемъ, ушла изъ бесѣдки.

Олеся пересѣла со стула на скамейку, чтобы быть ближе къ Ганушу. Дымъ отъ его сигары несся прямо ей въ лице. Она втягивала его въ себя, пила глотками чай съ ромомъ, но чувствовала, что ни близость завлекательнаго кавалера, ни дымъ сигары, ни даже пуншъ не зажигаютъ уже прежнимъ огнемъ разбитаго и очерствѣвшаго сердца: въ немъ не пылало, какъ прежде, яркое пламя, но лишь тихо искрился потухавшій огонекъ...

Олеся чуть замѣтно вздохнула. Ганушъ занялся пуншемъ и лишь изъ приличія удѣлялъ ей нѣсколько словъ. Олеся такъ и не рѣшилась на этотъ разъ повести на него атаку.

Послѣ закуски хозяинъ и гость выпили еще по пуншу и только уже около полуночи Ганушъ вспомнилъ, что ему пора домой. Изъ бесѣдки Ганушъ шелъ уже не твердыми шагами, а Балабуха только сопѣлъ и отдувался.

— Ахъ, какой пріятный человѣкъ этотъ Ганушъ! Ужъ ты сердись, не сердись, а онъ очень, очень понравился мнѣ, говорила Олеся своему мужу по отъѣздѣ гостя.

— Гмъ... да... очень пріятный человѣкъ, бормоталъ нагрузившійся Балабуха, поглаживая свою сѣдую бороду.

Спустя два дня Ганушъ пріѣхалъ на урокъ. Волосы его были сильно напомажены, отъ него на всю залу несло духами. Олеся такъ напудрила лице и нарумянила щеки, что даже прислуга шепталась въ кухнѣ, отъ чего это матушка стала «така гарна, якъ писанка».

Настя на этотъ разъ украдкой отъ матери надѣла таки новенькое платье и сѣла съ Ганушемъ за урокъ. Органистъ успѣлъ уже кое-какъ поправить и вновь настроить фортепьянъ; урокъ шелъ безъ особыхъ препятствій, довольно даже живо, чему много способствовала взаимная заинтересованность учителя и ученицы. Настя кокетничала, Ганушъ заигрывалъ, поправляя ее и перекладывая ея пальчики съ клавиша на клавишъ. Олеся замѣтила это и съ завистью

посматривала на дочь; въ взбалмошной головѣ ея внезапно блеснула мысль учиться самой на фортепьянѣ.

— Два раза въ недѣлю я буду сидѣть рядомъ съ нимъ плечо о плечо, дышать съ нимъ одной струей воздуха, глядѣть ему прямо въ глаза, прикасаться его рукамъ! мечтала своенравная, легкая, какъ вѣтеръ, Олеся, и страстно взглянула на Гануша.

Кончился урокъ. Олеся и въ самомъ дѣлѣ подошла къ Ганушу и, глядя ему въ глаза, промолвила:

— Мосье Ганушъ! Вы такъ прекрасно учите, а я такъ люблю музыку, что мнѣ очень хотѣлось-бы и самой выучиться играть на фортепьянѣ. Учите и меня разомъ съ Настей. Выучусь,—будемъ играть въ четыре руки.

Ганушъ вытаращилъ на нее глаза и подумалъ, не спятила-ли она совсѣмъ съ ума на старость. У Балабухи отъ изумленія широко раскрылись глаза.

Правда, Маркъ Павловичъ, это было-бы хорошо? сказала Олеся, обращаясь къ мужу. Ахъ, какъ я люблю музыку! Какъ я люблю музыку, это даже выразить трудно. Выучусь,—Настя будетъ играть, я буду аккомпанировать, а ты будешь слушать.

Бѣдный мужъ не зналъ, куда глаза дѣвать отъ стыда; но ему хорошо было извѣстно, что противурѣчить женѣ въ какой угодно ея блажи по меньшей мѣрѣ безполезно. Все равно она поставитъ на своемъ и еще больше наглупитъ. А чего добраго, вспомнитъ Казанцева и полетитъ къ нему за три девять земель. Балабуха тяжело вздохнулъ, махнувъ рукой, что означало у него: дѣлай, какъ хочешь, мнѣ все равно.

Послѣ нѣкотораго раздумья Ганушъ пригласилъ Олесю садиться съ нимъ за фортепьянъ и сталъ раскладывать по клавишамъ сухіе малоподвижные ея пальцы, объяснять и проходить съ нею простѣйшую гамму. Настя смѣялась у нихъ за спиною. Олеся стучала своими окостенѣвшими пальцами по клавишамъ, искоса поглядывая на сочныя малиновыя губы Гануша, и сбивалась на каждой нотѣ. Ганушъ давился отъ смѣху, Балабуха сосалъ чубукъ и апатично глядѣлъ на безумствовавшую жену.

Добрый часъ мучился Ганушъ съ своею старой ученицей и едва могъ одолѣть одну гамму. Вставъ изъ-за фортепьяна, онъ вытеръ потъ на лбу и лицѣ, а его ученица, веселая и довольная,

принялась готовить чай. Пошло опять нескончаемое подливаніе рому, что очень на руку было потерявшему всякій куражъ Балабухѣ.

Комичные уроки старой ученицы шли безъ пропусковъ; Ганушъ бралъ за нихъ лишніе рубли, заѣдалъ ихъ вареньемъ, запивалъ чаемъ съ ромомъ и засиживался подолгу, утѣшая безталаннаго Балабуху нескончаемыми разсказами, а старая ученица, счастливая въ своихъ нелѣпыхъ мечтахъ, хлопотала лишь о томъ, чтобы приготовить своему учителю какъ можно лучшаго варенья, и перетрясала все мѣстечко, разыскивая вновь поспѣвавшія ягоды и фрукты.

Разъ какъ-то у Насти разболѣлись зубы и она не могла брать урока, Балабуха ушелъ кого-то исповѣдывать, Ганушъ и Олеся были вдвоемъ, чего послѣдняя давно съ нетерпѣніемъ дожидала. По окончаніи урока, она пригласила своего учителя пройтись съ ней по саду, пока поспѣетъ самоваръ. Съ заранѣе обдуманною мыслью она увела Гануша далеко отъ дома, на край сада, къ самому берегу Роси. Перебалтывая всякую всячину, она вдругъ, настроивъ себя на высшій тонъ, обратилась къ своему кавалеру съ такими словами:

— Мосье Ганушъ! вы счастливый человѣкъ. Я вамъ завидую.

— Первый разъ слышу, что я счастливъ. Можетъ быть стану счастливъ съ вашего легкаго слова, какъ съ легкой руки.

Олеся обрадовалась; въ словахъ Гануша ей послышался намекъ на то, чего она добивалась и къ чему вела теперь рѣчь.

— Вы много видѣли, вездѣ перебывали, всю Европу изъѣздили. А мы бѣдные сидьмя сидимъ въ этихъ трущобахъ, какъ затворницы въ монастыряхъ. Что это за жизнь! Вы сами видите, съ кѣмъ мы соприкасаемся, съ кѣмъ намъ вести знакомство. Кругомъ по селамъ простое бѣдное священство, въ Богуславѣ одни лишь только жиды. Охъ, тяжела наша жизнь! Какъ увидишь просвѣщеннаго человѣка, то не наглядишься на него, не наговоришься съ нимъ.

Олеся посмотрѣла на Гануша сладенькими глазами. Ганушъ вспомнилъ тѣ темные и голодные углы, въ которыхъ онъ проживалъ въ Европѣ, и промолвилъ:

— Правда, что наша жизнь, жизнь артистовъ разнообразна и полна веселья; театры, концерты намъ даже прискучаютъ. Мы, какъ птицы вольныя, всюду порхаемъ, все щебечемъ и поемъ.

— Какъ жаль, что я не родилась артисткой, а можетъ быть и родилась, да не удалась... Вы вольный человѣкъ, а у меня на шеѣ домъ, хозяйство, какіе-то волы да коровы. Ахъ, неприглядна наша жизнь!

— А я радъ былъ-бы гдѣ нибудь осѣсться. Сказать вамъ правду, надоѣла уже мнѣ эта скитальческая жизнь.

— Если не мнѣ, то можетъ быть дочери достанется, подумала Олеся.

Разговоръ въ такомъ тонѣ продолжался; Олеся и Ганушъ, обогнувъ садъ, незамѣтно очутились у бесѣдки, гдѣ ихъ ожидалъ самоваръ. Олеся приготовила чай, сѣла противъ Гануша, оперлась рукою объ столъ и пристально глядѣла ему въ глаза.

— Знаете-ли вы, какъ насъ замужъ выдаютъ? Пріѣдетъ какой нибудь семинаристъ, скажетъ два-три слова и выходи за него, потому что другой можетъ и не случиться. И идешь замужъ безъ искренней горячей любви; идешь, лишь-бы выйти.

Глядя на серебрившіеся кой-гдѣ волосы гостепріимной хозяйки, Ганушъ думалъ, что она ведетъ рѣчь на счетъ своей дочери. Но хозяйка продолжала:

— Вотъ я вышла за своего протопопа: думала, что люблю его, а потомъ вышло...

Олеся махнула рукою.

— Мосье Ганушъ! скажите, вы любили хоть разъ въ жизни искренно, горячо? спросила она гостя и еще ближе наклонила къ нему голову черезъ столъ.

Гануша поразили эти неожиданныя слова; онъ даже поднялъ голову.

— Я... я... Было всего въ моей жизни, говорилъ Ганушъ, которому такія слова въ устахъ старой бабы казались просто противными.

Олеся стала пробовать силу своихъ глазъ, сладко глядя Ганушу въ упоръ.

— Говорите, пожалуста, смѣло. Мы тутъ одни: насъ никто не увидитъ, не подслушаетъ. Что до меня, то я безъ любви не могу жить. О, какъ тяжело жить безъ милаго! сказала Олеся и вздохнула, опустивъ глаза на столъ.

Ганушъ большими глотками допилъ чай, забылъ даже о любимомъ имъ варенье и поспѣшно вышелъ изъ бесѣдки.

Олеся выскочила вслѣдъ за нимъ.

— Какой чудный вечеръ! Надо пройтись, погулять, говорилъ какъ-бы про себя Ганушъ. Но Олеся пристала къ нему съ новыми вопросами.

— Скажите, мосье Ганушъ, какихъ вы любили: блондиновъ, или брюнетокъ?

— Да такъ: одинъ годъ блондинку, а другой брюнетку, чтобъ не наскучило, отвѣчалъ Ганушъ.

— Широкое-жъ у васъ сердце. А какія женщины вамъ больше нравятся: блондинки или брюнетки?

— Одинаково и блондинки и брюнетки, были-бы молоды и красивы.

Олеся повернула по дорожкѣ внизъ къ берегу, увлекая съ собою и своего спутника.

— А скажите, опять спросила она его, не любили-ли вы троихъ разомъ?

Случалось и по четыре. Утромъ увидишь одну красивую дѣвушку и полюбишь, вечеромъ другую еще краше, и опять влюбишься...

— Такъ вы такой! Съ вами значитъ и гулять страшно.

— Совсѣмъ не страшно: я кроткій, какъ агнецъ, и не кусаюсь. Я уже съѣлъ свои зубы.

— Какъ рано! А можетъ быть вы не присмотрѣлись къ своимъ зубамъ.

— Не знаю: вотъ придемъ въ комнаты, погляжу въ зеркалѣ.

Ганушу просто опротивѣлъ такой разговоръ. Олеся подошла къ нему, взяла его подъ руку и молча шла съ нимъ по дорожкѣ.

Дошли до берега. Отсюда вверхъ шла узкая тропинка на крутой отвѣсъ скалы.

— Какія чудныя здѣсь картины! Вотъ-бы взобраться на этотъ утесъ и взглянуть на Заросье! сказалъ Ганушъ, и съ этими словами, высвободивъ свою руку, пустился вверхъ по тропинкѣ. Олеся бросилась бѣгомъ въ обходъ и пока Ганушъ, взобравшись на скалу, любовался видомъ на Заросье, неожиданно очутилась подлѣ него.

— О, и вы тутъ! удивленно сказалъ Ганушъ.

— Да, я такъ люблю природу, что невольно послѣдовала за вами.

Олеся тяжело дышала. Ганушъ не зналъ уже, какъ ему отдѣлаться отъ навязчивой бабы. Между тѣмъ на Роси показался утлый челнокъ; красивая «дивчина» гонялась на немъ за утками, направляя ихъ къ берегу. Утки не слушались, кружились по водѣ

между камнями. Челнокъ попадалъ на быстрое теченіе, въ самый водоворотъ, гдѣ вода клокотала и шумно пѣнилась. Волны качали челнокъ, какъ щепку. Дивчина распѣвала на всю рѣку чуднымъ звонкимъ голосомъ и ловко кружилась челномъ между камнями. Ганушъ заглядѣлся на эту картину и внимательно слушалъ веселую мелодію. Непослушныя утки переплыли Рось и подплыли къ протопопскому саду. Дивчина повернула челнокъ къ берегу. Ганушъ спрыгнулъ съ камня и побѣжалъ съ горы. Олеся поспѣшила за нимъ. Они были уже на берегу, когда дивчина, чернявая и румяная, какъ калина, встала на челнѣ, чтобы выскочить на берегъ. Ганушъ залюбовался ею и во весь голосъ крикнулъ:

— Замочишся, чорнобрива! Тривай, я тебе пересажу на берегъ.

И онъ схватилъ дивчину обѣими руками за станъ и перенесъ на сухой берегъ, ущипнувъ ее за щеку. Дивчина засмѣялась и запищала.

— Мосье Ганушъ! Что вы дѣлаете? Теперь-же я знаю, что вы любите «чорни брови та кари очи», крикнула Олеся.

— Вы угадали. Ой очи кари, чорни брови! Хто-жъ васъ не любить? сказалъ Ганушъ, комично вздыхая и глядя прямо въ глаза Олесѣ.

У Олеси были «чорни брови, кари очи», и она кокетливо опустила глаза внизъ и наклонила голову къ землѣ.

Пора было возвращаться домой. Олеся и Ганушъ шли молча. Послѣ всего происходившаго Олеся невольно задумалась: она вспомнила, какъ когда-то въ этомъ самомъ мѣстѣ становой, по одному слову ея, гонялся за лягушкой и рискуя головой, взбирался на крутой обрывъ за цвѣтами, которыя она бросила въ воду; вспомнила это Олеся и пожалѣла, что ея карія очи и чорныя брови на вѣки утратили свою чарующую силу.

Когда вошли въ домъ, Балабуха сидѣлъ уже въ залѣ. Ганушъ сообщилъ ему, что онъ завтра ѣдетъ въ Кіевъ и можетъ купить для Насти новый фортепьянъ. Балабуха съ нелегкимъ вздохомъ вручилъ ему деньги.

Уже поздненько распрощался Ганушъ.

— Смотрите-же, мосье Ганушъ, выберите для насъ хорошій фортепьянъ, напоминала Олеся, стоя на крыльцѣ.

— Для васъ выберу самый лучшій, крикнулъ Ганушъ уже за воротами.

Балабуха пошелъ въ комнаты, а Олеся долго еще сидѣла на крыльцѣ, перебирая въ мысляхъ своихъ все случившееся въ этотъ вечеръ.

— Ужъ если я не причарую его глазами да бровями, то причарую нѣжными словами да лаской. Онъ любитъ чорныя брови: не даромъ-же онъ такъ засматривался на эту чернявую «дивчину». Можетъ... можетъ быть, и мои брови еще не «злиняли». Надо однако сдѣлать ему какой нибудь презентъ. Что-бы такое? Да, онъ любитъ цвѣты; вышью ему подушку съ цвѣтами.

Такъ закончила свои думы Олеся и съ тѣмъ пошла ко сну.

Больше недѣли, съ ранняго утра до поздней ночи, Олеся и Настя работали надъ подушкою и окончили ее къ самому пріѣзду Гануша. Въ торжественной позѣ Олеся поднесла ему этотъ дорого стоившій ей презентъ. Ганушъ очень былъ доволенъ подаркомъ, но принялъ его, какъ должную дань за свои хлопоты по покупкѣ фортепьяна.

Новый фортепьянъ оказался дѣйствительно хорошимъ. Ганушъ накупилъ притомъ новыхъ нотъ и привезъ ихъ съ собой для своей молоденькой ученицы. Въ первый-же пріѣздъ ему захотѣлось поиграть самому на хорошемъ и хорошо настроенномъ инструментѣ. Ганушъ сѣлъ за рояль и началъ играть аріи изъ оперъ, а потомъ сонаты Бетховена. Олеся сидѣла въ креслѣ и заслушалась; она чутьемъ сразу поняла глубокую музыку, чарующія мелодіи. Богатые аккорды, симпатичныя аріи разогрѣли и разшевелили ея чувствительную отъ природы душу. Безмолвно скрестила она руки на груди и замерла. Ганушъ игралъ съ увлеченіемъ, съ душею: его артистическая душа выливалась въ звукахъ рояля. Вдругъ онъ перемѣнилъ мелодіи, заигралъ и запѣлъ свои родныя пѣсни. Не сильный, но мягкій симпатичный баритонъ наполнялъ небольшую залу то веселыми, то грустными мотивами. Отъ чешскихъ пѣсенъ Ганушъ перешелъ къ украинскимъ. Выливавшіеся изъ груди его, родные для Олеси звуки охватили ея душу и сердце. Ганушъ не уставалъ, онъ игралъ и пѣлъ, мѣняя пьесу за пьесой, и въ концѣ всего запѣлъ балладу Шуберта «Лѣсной царь». Его мягкій голосъ сталъ, какъ бархатъ. Съ неподражаемымъ чувствомъ и умѣньемъ онъ передавалъ звуками, какъ манитъ къ себѣ чарами таинственный голосъ «лѣснаго царя». Олеся впервые въ своей жизни слышала истинно высокую

музыку, артистическое пѣніе: ея душа проснулась и задрожала, и ей чудились свѣтлый мѣсяцъ и дивный лѣсъ, весь покрытый инеемъ, залитый голубоватымъ фантастическимъ свѣтомъ, а изъ глубины этого лѣса, со дна долины, забросанной деревомъ, доносился чарующій, какъ самая любовь, таинственный голосъ, и рисовался чей-то дивный образъ. Съ ея очей скатились двѣ слезы. Ганушъ кончилъ; Олеся вскочила съ кресла и протянула къ нему руки, какъ протягиваютъ ихъ въ молитвѣ. Ея глаза блистали не земнымъ огнемъ; она быстро перебѣжала залу и вскрикнула:

— Боже мой! почему меня не учили играть и пѣть? Я была-бы счастлива всю жизнь.

Олеся чуть не крикнула Ганушу: учите меня играть, учите меня пѣть! Но опомнилась и какъ будто чего-то устыдилась. И дѣйствительно она чувствовала теперь стыдъ за все то, что недавно говорила въ саду Ганушу, чуть не признавшись ему въ любви, и она готова была просить у него прощенія за все сказанное ею въ тотъ вечеръ. Ей стало стыдно, что она задумала брать уроки музыки на старость и совсѣмъ не ради музыки. Кровь кинулась ей въ лице; она ходила по залѣ и все прислушивалась къ дивной игрѣ Гануша, пока наконецъ не выбилась совсѣмъ изъ силъ, упала въ кресло и закрыла глаза рукой.

Въ Олесѣ сказалась не просто романтическая, но быть можетъ и дѣйствительно артистическая душа, заброшенная въ сельскую глушь и утратившая высшій даръ Божій въ мертвой бездушной жизни.

Съ тѣхъ поръ Олеся часто просила Гануша играть и пѣть помимо урока, прекратила свои уроки музыки и упивалась его чудной игрой и пѣніемъ.

Недѣлю спустя собрался наконецъ отдать визитъ Балабухѣ директоръ сахарнаго завода Шмидтъ. Это былъ крѣпкій плечистый нѣмецъ, съ русою бородою, на половину уже сѣдою. Визитъ его былъ очень короткій, но, прощаясь съ Балабухою, онъ просилъ его быть семейно знакомымъ.

Олеся была очень рада этому, она надѣялась найти тамъ хорошаго жениха для Насти.

Скоро Балабухи отправились въ Мироновку. Собираясь туда, Олеся позаботилась принарядить Настю, а сама одѣлась скромно, какъ приличествовало ея лѣтамъ. Осматривая себя предъ зеркаломъ

она примѣтила въ своихъ волосахъ новыя сѣдины и со вздохомъ произнесла:

— Пора уже мнѣ дать дорогу Настѣ!

И дѣйствительно, лишь слегка напудрившись сама, она заботливо причесала своими руками дочь, вдѣла ей новыя серьги въ уши, помогла надѣть платье, пришпилила разные бантики, нацѣпила на шею золотой медальонъ, поправила на головѣ локоны, оглядѣла кругомъ, еще разъ что-то поправила и съ чувствомъ расцѣловала красивую Настю.

Мироновка была недалеко и Балабухи скоро очутились тамъ. Они прошли по свѣтлому и широкому корридору огромнаго каменнаго зданія до квартиры директора и вошли въ переднюю. На право была кухня и дверь въ ней на этотъ разъ была совсѣмъ раскрыта. Въ кухнѣ на полу стояла цѣлая батарея кувшиновъ съ молокомъ, а около нихъ возились двѣ женщины, съ перваго уже взгляда не мѣстнаго происхожденія. Старшая изъ нихъ, сухая и тонкая, съ длинной шеей, сбирала съ кувшиновъ сметану, младшая, блондинка, съ нѣжнымъ лицомъ, наливала въ молочникъ изъ кувшина молоко. На обѣихъ были дешевенькія, пестрыя и короткія ситцевыя платья и бѣлые фартушки подъ самую шею. Олеся была увѣрена, что это ключница и горничная, и громко спросила:

— А дома-ли директоръ или деректорша?

— Дерехтора нéма, откликнулась старшая женщина. Пошоль на фабрикъ, а дерехторша дома, и съ этими словами она отворила дверь на лѣво и рукой приглашала гостей войти туда.

Гости вошли на лѣво и очутились въ большой залѣ. Высокія двери и окна напоминали нѣсколько казармы. Стѣны были чисто выбѣлены, но зала казалась какъ-бы пустою, такъ мало было въ ней мебели, да и та собрана была какъ-бы изъ разныхъ рукъ. Въ сосѣдней комнатѣ чрезъ дверь видны были некрашеные табуреты и такіе-же столы. Только чисто вымытые полы, большія зеркала, богатыя занавѣси на окнахъ и раскошные ковры показывали зажиточность хозяевъ крартиры.

Скоро къ гостямъ вышли видѣнныя ими двѣ женщины, но уже безъ фартушковъ. Олесѣ и Настѣ все казалось, что это слуги; но старшая изъ нихъ, пригласивъ гостей садиться, и сама сѣла на

канапѣ рядомъ съ протопопшею, а около нея на стулѣ присѣла младшая. Только тогда гости догадались, что это хозяйка и ея дочь.

Сидѣли сначала молча. Дѣло въ томъ, что директорша нѣмка, недавно еще поселившаяся здѣсь, едва умѣла склеить нѣсколько малорусскихъ фразъ, примѣшивая къ нимъ и русскія слова. При видѣ гостей она растерялась и долго подбирала слова, пока наконецъ, обращаясь къ Олесѣ, проговорила:

— Фи туже любитъ музикъ? Ви учитъ гратъ въ фортепьянъ.

— Я очень люблю музыку, отвѣчала Олеся, я артистка въ душѣ, но врядъ-ли когда выучусь играть. Вотъ моя дочь играетъ, хотя и еще учится.—А вы играете? спросила она въ свою очередь директоршу.

— О, я вже старій. Я граль та вже забуль, сказала директорша.

Настя чуть не разсмѣялась и насилу удержалась.

— А вы любите музыку? спросила Настя барышню нѣмку,

Та только плечами пожала; она слова по русски не разумѣла.

— Вона добре грать. Мосье Ганушъ дуже вчиль. Вона любитъ музикъ, отвѣтила за нее мать.

— Скажите, не скучно вамъ здѣсь въ селѣ послѣ за-границы? спросила директоршу Олеся.

— Я николи скучно. Я маю багато робить, о, багато робить! Рано робить, день робить и поночи робить. О, я не скучно! А ви не скучно къ Богуславъ?

— Намъ въ Богуславѣ навѣрно скучнѣе, чѣмъ вамъ здѣсь въ селѣ. У васъ здѣсь много служащихъ, пожалуй еще и семейныхъ, есть съ кѣмъ время проводить, сказала Олеся.

— Ни, ни. Въ насъ вси паничъ, нема жинка, нема дочка. Вси паничъ. А часъ не треба водить? Часъ робота нужно, пояснила въ отвѣтъ директорша.

— Ну, да и попались-же мы! Придется вѣрно долго слушать такую пріятную бесѣду, подумала Олеся и едва не зѣвнула. И что этотъ противный Ганушъ нейдетъ? Хотя-бы онъ выручилъ и поигралъ на фортепьянѣ.

Ганушъ не приходилъ. Бесѣда становилась не подъ силу и хозяйкѣ и гостямъ; обѣ стороны мучились и не знали, какъ дальше быть. Олеся глянула въ окно; у самаго зданія разбитъ былъ большой и прекрасный цвѣтникъ.

— Ахъ, сколько у васъ цвѣтовъ! Какія роскошныя клумбы! Позволите выйти полюбоваться? спросила она хозяйку, готовая бѣжать не только въ садъ, но и куда угодно.

— Просимо: я буду показать вамъ квитка, сказала хозяйка, и сама обрадовавшись неожиданному облегченію своего положенія, повела гостей въ садъ, точнѣе огородъ, недавно разбитый и тщательно воздѣланный.

Кромѣ прилегавшихъ къ дому клумбъ, переполненныхъ разнообразнѣйшими цвѣтами и красиво огражденныхъ черепицей и низенькимъ переплетомъ изъ прутьевъ орѣшника, весь огородъ представлялъ необозримое море роскошнѣйшей зелени, разсѣянной по грядкамъ, раздѣленнымъ тщательно подметенными и усыпанными желтымъ пескомъ дорожками. Грядки на всемъ пространствѣ огорода окаймлены были широкими рядами всякаго рода цвѣтовъ, отъ резеды, левкоевъ и астровъ до георгиній и рѣдчайшихъ розъ.

На грядкахъ, за щитами цвѣтовъ, на тучномъ, едва тронутомъ грунтѣ разрослись на полномъ привольѣ заботливо выхоленныя и умѣло культированныя огородныя и садовыя растенія: морковь, салатъ, петрушка, салдерей, сахарный горошекъ, щавель, спаржа, помидоры, цвѣтная капуста и пр. Въ промежуткахъ выроставшей и созрѣвавшей зелени виднѣлись желтыя полосы давно засохшей клубники и земляники. Здѣсь и тамъ разбросаны были молодыя, недавно привитыя деревья-груши, яблони, шпанской вишни, морелей и абрикосовъ, а по краямъ дорожекъ кусты крижовника, черной и красной смородины. Словомъ: это было хозяйство и культура, какія нашимъ богуславскимъ гостямъ на умъ не приходили. Но во всемъ этомъ имъ близки и понятны были лишь цвѣты, да порядокъ и чистота, и не понятнымъ оставался трудъ и знаніе, которыя полагались въ основу всей жизни нѣмецкими выходцами.

— Ахъ, сколько у васъ цвѣтовъ и какіе роскошные, какіе рѣдкіе цвѣты! воскликнула Олеся, обходя клумбы цвѣтника.—Это вы съ дочерью насадили столько цвѣтовъ и ходили около нихъ?

— Ни, ни, я маю багато робота. То мой два сынъ копавъ грядки, сами садивъ. О, вони любитъ квитку! пояснила директорша.

Осмотръ и распросы пошли дальше; но скоро и этотъ новый матеріалъ для разговоровъ истощился, и хозяйка, какъ и гости очутились снова въ крайне стѣсненномъ, почти безвыходномъ положе-

ніи по непониманію другъ друга. На выручку имъ съ фабричнаго двора показался Шмидтъ вмѣстѣ съ Ганушомъ; за ними шли два молодые сыновья директора. Хозяйка повела гостей на встрѣчу имъ, Послѣдовало рукопожатіе и представленіе незнакомыхъ другъ другу.

Сыновья Шмидта, высокіе и стройные, привлекли сразу вниманіе Олеси и Насти необычайно нѣжнымъ цвѣтомъ лица и яркимъ румянцемъ на щекахъ. Одѣты они были въ простую парусину, но любопытное око Олеси примѣтило на нихъ такія тонкія, изящно сшитыя и отлично вымытыя и выглаженныя сорочки, какихъ ей еще не приходилось видѣть. Старшаго изъ сыновей звали Густавомъ, меньшаго Генрихомъ.

— Вотъ-бы залучить одного изъ этихъ красавцевъ для моей Насти! подумала Олеся.

Хозяинъ пригласилъ гостей въ комнаты. Общество сразу оживилось; и Шмидтъ и его сыновья, постоянно обращаясь среди рабочихъ, хорошо усвоили малорусскую рѣчь, понимали и даже отчасти говорили по русски, вслѣдствіе частыхъ дѣловыхъ сношеній съ разными властями. По просьбѣ Олеси Ганушъ сѣлъ за фортепьянъ и принялся играть съ обычнымъ искусствомъ. Инструментъ былъ хорошій, а высокая зала давала прекрасный резонансъ. Олеся и Настя повеселѣли.

День былъ праздничный, пора вечерняя. Къ директору стали приходить одинъ за другимъ служащіе на заводѣ, разныхъ національностей и профессій. Вошли два француза сахаровары, за ними два поляка съ конторы, пожилой толстый нѣмецъ Монтагъ и механикъ англичанинъ. Зала наполнилась гостями, но имъ трудно было разговориться, по неимѣнію общаго, для всѣхъ одинаково доступнаго языка. Кромѣ мужчинъ съ однимъ изъ французовъ пришла его сестра, немолодая дѣвица, но не умѣла говорить ни по нѣмецки, ни по малорусски. Французъ и англичанинъ говорили также по нѣмецки, какъ самъ Шмидтъ по русски. Объяснялись, какъ кто могъ, дополняя недостающее кивками, пантомимами. Въ залѣ слышалась самая пестрая рѣчь, перемѣшанная, ломанная, исковерканная, до крайности подъ часъ странная и даже смѣшная.

Подано было пиво въ хрустальныхъ кружкахъ съ металлическими ободками. Всѣ заводскіе накинулись на пиво и скоро развеселились. Балабухѣ чувствовалось не по себѣ въ этой чуждой для

него, пестрой и темной компаніи, Олеся и Настя напротивъ были очень довольны ею и даже нѣсколько польщены этимъ новымъ знакомствомъ.

Новые люди, невиданные типы, свобода и непринужденность въ обращеніи и даже эта смѣшная рѣчь—все это имѣло для нихъ большой интересъ и своего рода пріятность. Имъ казалось, что они заѣхали за три девять земель отъ своего Богуслава, находятся за границей.

Натянувшись пива, заводскіе труженики задумали танцовать. Ганушъ сѣлъ за фортепьянъ и ударилъ по клавишамъ. Олеся съ любопытствомъ посматривала, кто пригласитъ Настю. Танцы начались нѣмецкимъ вальсомъ въ два *па;* за тѣмъ танцовали кадриль. Къ Настѣ подошелъ старшій сынъ Шмидта Густавъ; Олеся обрадовалась.

— Завидный женихъ для Насти! Какого прелестнаго зятя буду имѣть, подумала она, становясь въ кадрили противъ дочери съ старымъ Монтагомъ. Настя стала рядомъ съ Густавомъ; парочка вышла на заглядѣнье. Олеся любовалась ею.

— Поздравляю тебя, сказала она тихонько дочери, проходя мимо ея въ кадрили.

Настя самодовольно улыбнулась и покраснѣла до ушей.

Отъ кавалера Олеси несло пивомъ и крѣпкимъ запахомъ грошевыхъ сигаръ; но Олеся терпѣливо выносила непріятный запахъ и привѣтливо разговаривала съ своимъ солиднымъ кавалеромъ, не подозрѣвая, что танцуетъ съ фабричнымъ столяромъ. Монтагъ своею мускулистою рукою такъ крѣпко обнялъ Олесю за талію и прижалъ ее къ себѣ, что она чуть не вскрикнула. Когда въ кадрили Монтагъ подавалъ руку своей дамѣ, Олесѣ казалось, что ее схватываютъ желѣзные щипцы. Старый столяръ сбивался въ фигурахъ, иногда медвѣжьею ногою наступалъ на платье своей дамы и платье трещало; но Олеся какъ-бы вовсе не замѣчала этого и танцовала съ увлеченіемъ молодости.

Кадриль окончилась, подали чай съ закусками и ромомъ, а послѣ чаю принялись снова за танцы. Танцовали вальсъ, потомъ польку и лянсье, въ промежуткахъ опять кадриль, а въ заключеніе излюбленный нѣмцами гроссъ-фатеръ, въ которомъ приняли участіе и супруги Шмидты. Подали вновь пиво и портеръ; подгулявшіе ме-

ханики чокались кружками, тянули пиво, болтали, выкрикивали, шумѣли, какъ-бы въ какой нибудь «Баваріи». Въ залѣ стоялъ гулъ, изъ котораго слышались лишь отрывочныя, большею частью исковерканныя слова на различныхъ языкахъ. Разговоръ перешелъ на почву національную; представители каждой народности превозносили свои добрыя стороны и порядки, выставляли своихъ героевъ и подшучивали надъ другими. Слышались громкія историческія имена, разсказывались забавные анекдоты, не обошлось и безъ ходячаго *Friedrich heraus.* Веселая компанія то жарко спорила, то громко хохотала. Заводскіе кавалеры не забывали и дамъ, но когда хмѣль сильно уже зашибъ ихъ головы, стали позволять себѣ и разныя вольности, обличавшія простую и грубую среду, изъ которой они вышли, но получавшія особую комичность отъ ломаннаго языка, на которомъ они объяснялись. Разгулявшійся англичанинъ, становясь въ смѣшную позу передъ Настей, съ паѳосомъ выкрикивалъ гдѣ-то слышаное имъ: «Гопъ, чорнобрива, та хороша, та похожа на мене!». Монтагъ, дѣлая масляные глазки Олесѣ и трепля ее по плечу, каждый разъ начиналъ: «Мой старый попадь» и спорилъ съ Олесей, что иначе онъ и не можетъ называть ее, такъ какъ у нея есть еще «молодой попадь», т. е. Настя. Зяхмѣлѣвшій французъ, перекидываясь съ Настею разными комплиментами, покушался обнять ее за талію и свалившись на стулъ, чуть не усадилъ ее къ себѣ на колѣни. Въ заключеніе старый Монтагъ сталъ потѣшать публику фокусами, которые дѣлалъ съ помощью платка, рукавовъ и собственныхъ пальцевъ. Хитро перепутавъ свои всѣ десять пальцевъ, онъ приблизилъ ихъ къ стѣнѣ; тѣнь отобразила смѣшную человѣческую фигуру, съ впалыми губами, съ острымъ птичьимъ носомъ. Монтагъ пояснилъ, что это старый сельскій нѣмецкій учитель, и такъ забавно раскрывалъ за него ротъ, качалъ головою и пѣлъ нѣмецкія пѣсни, что всѣ гости отъ смѣху брались за бока.

Уже о полночи Балабухи распрощались съ радушными нѣмцами и уѣзжая просили къ себѣ какъ всю семью Шмидта, такъ и ихъ гостей.

— Ахъ, какъ весело было сегодня у директора! говорила Олеся, пріѣхавши домой. Какъ у нихъ все просто, натурально, безъ церемоніи. Всѣ веселятся, забавляются, какъ кому нравится, ничѣмъ не стѣсняясь.

— Но очень уже безцеремонно, по мѣщански, замѣтилъ Балабуха.—Это компанія совсѣмъ не по насъ.

— А развѣ веселѣе бываетъ въ вашей духовной компаніи?

Балабуха хотѣлъ было многое сказать женѣ о новыхъ знакомыхъ, которыхъ она ему навязала, но предпочелъ промолчать и отправился спать. Олеся и Настя, оставшись вдвоемъ, долго еще разговаривали между собой по поводу проведеннаго ими вечера.

— Ахъ, какіе это прелестные кавалеры, сыновья директора! говорила мать. Это не то, что наши семинаристы. Противные, только полы начкаютъ. Ни сѣсть, ни стать, ни комплимента сказать не умѣютъ, а танцуютъ, будто кадиломъ кадятъ.

— Что, и говорить, мама? Шмидты за границею воспитывались, тамъ даже родились, поддержала ее дочь.

— А что, Настя, котораго изъ нихъ ты выбрала-бы себѣ въ женихи: Густава или Генриха? спрашивала мать.

— Затрудняюсь, мамо, отвѣчала дочь. Оба они хороши, но старшій, Густавъ, какъ будто красивѣе: у него волосы темнѣе и вьются кудрями. Генрихъ очень уже бѣлый и румяный, совсѣмъ какъ барышня. Это не въ моемъ вкусѣ.

— Да, и я на твоемъ мѣстѣ выбрала-бы Густава. У него чудные каштановые усики, носъ продолговатый и лице мужское. Изъ него выйдетъ видный, статный мужчина. И характеръ у него тихій, спокойный: съ отцемъ онъ говоритъ такъ почтительно, а съ матерью очень нѣжно и часто руки ей цѣлуетъ.

— А я, мамо, замѣтила, что Генрихъ строптивъ и даже сердитъ. Мать велѣла ему танцовать съ француженкою, но онъ не захотѣлъ, а въ кадрили даже крикнулъ на свою сестру.

— Это совсѣмъ не хорошо, если мужъ непослушный и сердитый, да еще съ характеромъ. Мужа лучше имѣть такого, который во всемъ слушался-бы тебя.

— Но если я, мамо, буду любить своего мужа и онъ меня также...

— Э, не знаешь ты мужчинъ. На любовь ихъ трудно полагаться: женится, охладѣетъ и станетъ тебя въ хозяйство запрягать.

— Ахъ, сохрани Богъ! Я не терплю этого хозяйства также, какъ и вы.

— Скареды они, эти мужчины! Все въ свои руки загребаютъ, ничего у нихъ не выпросишь. А какая жизнь безъ денегъ! Да и

на то-ли намъ жизнь дана, чтобы возиться въ кухнѣ? Хочется пожить, повеселиться, а они, эти противные мужья, все только охаютъ, что расходъ большой, да деньги прячутъ. Нѣтъ, когда ты выйдешь за Густава замужъ, возьми его сразу въ руки.

— Э, да когда еще это, мамо, будетъ!

— Нѣтъ, я уже теперь вижу, что Густавъ будетъ твой, что онъ сдѣлаетъ тебѣ предложеніе.

Между матерью и дочерью разговоръ въ такомъ родѣ тянулся безъ конца; только на разсвѣтѣ они заснули и проспали до полдня.

Въ слѣдующее воскресенье семья Шмидтъ отдавала визитъ Балабухамъ. Въ ожиданіи этого визита Олеся и Настя по цѣлымъ днямъ толковали о томъ, какія надѣть имъ платья, какія приколоть бантики, какія выбрать серьги, брошки и т. д. Мать кромѣ того особо наставляла дочь, какъ ей выйти къ гостямъ, кому и какъ кланяться, какъ и сколько разъ цѣловаться съ директоршей и ея дочерью, какъ выгибать талію предъ Густавомъ, вскидывать на него глазки и опускать ихъ внизъ. Она даже практиковала дочь во всѣхъ этихъ фокусахъ и дочь продѣлывала ихъ какъ-бы уроки.

Семья Шмидтовъ пріѣхала въ щегольской коляскѣ, запряженной парой вороныхъ. Впереди сидѣли мать съ дочерью, противъ нихъ Густавъ и Генрихъ съ огромными букетами въ рукахъ. Балабухи засуетились; дорогіе ихъ гости скоро появились въ залѣ. Олеся выступала важно на встрѣчу имъ, волоча за собою длинный шлейфъ чернаго шелковаго платья. За ней вышла Настя, повторивъ въ точности уроки матери. Густавъ съ изящнымъ поклономъ подошелъ къ Настѣ и подалъ ей букетъ; Генрихъ приподнесъ букетъ Олесѣ. Дочь и мать были въ восторгѣ и благодарили, каждая по своему, любезныхъ кавалеровъ. Настя, любуясь букетомъ, разглядѣла на краяхъ его начальныя буквы своего имени и фамиліи, составленныя изъ мелкихъ цвѣтовъ, вскинула своими черными глазами на Густава и вся раскраснѣлась.

— Обобрали-же вы свой цвѣтникъ для насъ, говорила Олеся, приглашая гостей садиться и искоса оглядывая чистенькіе, но простые костюмы директорши и ея дочери.

— О, нишого! въ насъ дуже квитокъ. Ми вси любимо квитокъ, сказала директорша.

Пошелъ разговоръ о цвѣтахъ, но скоро былъ исчерпанъ. Олеся перемѣнила тему.

— А вашъ мужъ здоровъ? спросила она директоршу.

— Мусъ? Здоровый, здоровый: вже погнали пастись на трава, отвѣчала директорша, смѣшавъ мужа съ верховымъ его конемъ, котораго звали Мусомъ и который предъ тѣмъ едва не издохъ.

Генрихъ и Густавъ разсмѣялись; они передали матери по нѣмецки вопросъ Олеси; мать и сама расхохоталась.

— У васъ хорошій фортепьянъ? спросилъ Густавъ Настю.

— Фортепьянъ порядочный, но я плохо играю, хотя очень люблю музыку, отвѣчала Настя.

Густавъ открылъ крышку фортепьяна и, взявъ нѣсколько аккордовъ, похвалилъ инструментъ.

— Сыграйте намъ что нибудь, пожалуста, безъ церемоніи, приглашала Густава Олеся.

Густавъ сѣлъ и заигралъ простенькій вальсъ. Директорша и дочь ея Амалія похвалили фортепьянъ. Настя предложила Амаліи попробовать самой. Амалія слегка покраснѣла и робко съиграла польку, едва дотрогиваясь пальцами до клавишей. Кавалеры просили Настю сыграть. Настя долгонько церемонилась, но потомъ съиграла, и весьма не дурно, варіацію. Ганушъ предложилъ ей съиграть съ нимъ польку въ четыре руки; Настя охотно согласилась. Когда они усѣлись за фортепьянъ и заиграли, Олеся и мадамъ Шмидтъ обѣ съ одинаковымъ повидимому вниманіемъ слѣдили за игрой, но каждая думала свое.

— Мой Густавъ лучше играетъ, думала директорша.

— Славнаго зятя буду имѣть, говорила про себя Олеся.—Когда нибудь поцѣлуюсь съ нимъ хоть по праву матери.

Подали кофе; но директорша и Амалія, отвѣдавъ его, замѣтно поморщились. Олеся жаловалась, что негдѣ хорошей коровы купить; мадамъ Шмидтъ вызвалась уступить ей одну изъ своихъ.

Послѣ кофе гости скоро попрощались и уѣхали, приглашая Балабухъ навѣщать ихъ почаще.

По отъѣздѣ гостей Настя бросилась къ букету и съ сіяющимъ отъ радости лицемъ показала матери свой вензель на букетѣ. Мать разсмотрѣла поднесенный ей Генрихомъ букетъ и нашла на

немъ свой вензель. Обѣ были польщены вниманіемъ и обѣ радовались, хотя далеко не одинаково.

— Ой, мамочко! да какъ-же хорошъ Густавъ въ чорномъ. Мнѣ показался онъ теперь гораздо красивѣе Гануша.

— О, какъ можно! Ганушъ красивѣе. У Гануша темные глаза и фигура полнѣе.

— А у Густава глаза голубые, какъ небо. Я такъ люблю голубые глаза.

— Будетъ, будетъ твоимъ Густавъ. Только надо намъ хорошенько принять ихъ, устроить для нихъ балъ.

— Надо, мамочко, надо, да еще, какъ можно, скорѣе. Ахъ, какъ мнѣ хочется потанцовать, да еще съ Густавомъ!

Олеся схватила Настю обѣими руками за щеки и начала цѣловать ее изо всѣхъ силъ, приговаривая.

— Золото мое, дорогая моя! Какъ я буду жить безъ тебя? Густавъ завезетъ тебя куда нибудь далеко и я останусь одна. Милая моя, другъ мой! Какъ мнѣ горько будетъ разставаться съ тобой?

У Насти на глазахъ выступили слезы, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ она уже собиралась выѣзжать съ Густавомъ въ далекіе края, за границу.

На другой день Олеся и Настя разсуждали уже о томъ, какія платья приготовить имъ для бала.

— Для меня, я думаю, довольно будетъ сшить легенькое бареже вое, пожалуй розовое, сказала Настя.

— О, какъ можно! тебя нужно получше нарядить. Я думаю сшить для тебя бѣлое атласное платье. Бѣлый цвѣтъ тебѣ къ лицу, ты брюнетка.

— А вамъ, мамо, найлучше, кажется, идетъ черный, либо сѣрый цвѣтъ.

— Вотъ еще выдумала! Развѣ я старуха? Мой цвѣтъ зеленый, и я сошью для себя шелковое зеленое платье.

— Хорошо бѣлое атласное, хорошо зеленое шелковое. Вы прекрасно придумали, мама; но на такія платья нужно много денегъ. Дастъ-ли, папа, денегъ?

— Мы не привыкли и спрашивать папу. Нужно, такъ и давай. А вѣдь намъ нужно показать тебя предъ Густавомъ: можетъ быть онъ повезетъ тебя и за границу.

— Ой, мамочко моя! крикнула Настя и кинулась цѣловать свою мать.

Къ задуманному балу Настя принялась вышивать покрышку на табуретъ къ фортепьяну, а Олеся третью подушку на диванъ. За вышиваньемъ они обдумывали, какую отдѣлку дать платьямъ, высчитывали, сколько надо матеріи, какіе и на что кружева, ленты и цвѣты, не забыли духовъ, перчатокъ и бѣлыхъ атласныхъ башмачковъ и наконецъ прикинули, во что все это обойдется. Сумма, вмѣстѣ съ стоимостью пріема гостей, выходила большая; но это никогда не стѣсняло Олесю, и она повела атаку на мужа.

— Знаешь-ли, Маркъ Павловичъ, начала Олеся.—Замѣтила я, что старшій сынъ директора Густавъ очень засматривается на нашу Настю. Партія была-бы прекрасная. Но надо дать имъ возможность сблизиться, а для этого хорошо было-бы намъ устроить вечеръ и пригласить нашихъ новыхъ знакомыхъ.

— Кого? этихъ мѣщанъ?! чуть не вскрикнулъ Балабуха.

— Какихъ мѣщанъ? Не думаю, чтобы такъ можно было назвать директора и его семью: мѣщане въ такихъ экипажахъ и на такихъ лошадяхъ не ѣздятъ.

— Еще мы не знаемъ, чьи это лошади, чей экипажъ... Денегъ мы ихъ не считали, да и что намъ до того, что они богатые. Намъ надо своего берега держаться. И такъ уже мои прихожане говорятъ, что у насъ бываютъ только ляхи да полиція. А если-бы ты знала, какъ смотрятъ на этихъ фабричныхъ наши духовные, которые ближе ихъ знаютъ. Бурлаки, говорятъ, мастеровые. И такъ оно и есть: твой кавалеръ Монтагъ—простой столяръ, англичанинъ—слесарь. Хорошее знакомство! Еще кто знаетъ, что такое самъ Шмидтъ и его жена. Такимъ знакомствомъ, чего добраго, можно уронить домъ, оттолкнуть отъ себя своихъ и повредить своему дитяти. Семинаристы уже обѣгаютъ насъ, никто и не заглянетъ.

— Очень нужно! Я уже сказала, что за духовнаго ни за что не отдамъ своей дочери.

— Думаешь, за нѣмца лучше? Что-жъ? отдавай и за нѣмца. Да возьметъ-ли еще этотъ Густавъ Настю? У тебя вѣдь такъ: «ори, мели, ôжъ!»

— Выдумай еще что. Ужъ я тебѣ говорю: Густавъ ухаживаетъ за Настей; но надо ихъ сблизить, а для этого надо вечеръ устроить.

— Про меня, устраивай, приглашай, кого хочешь.

— Да, но мнѣ нужны деньги: надо самой одѣться, Настю принарядить. Для нея я хочу сшить бѣлое атласное платье, а для себя зеленое шелковое.

— Атласное бѣлое, зеленое шелковое, да еще вечеръ! Вѣдь это сотни двѣ рублей.

— Не меньше.

— Двѣсти рублей, когда у меня и двадцати нѣтъ! Гдѣ мнѣ ихъ взять? И безъ того куча долговъ.

— А ты думаешь безъ денегъ дочь пристроить!

— Да за кого пристраивать? Это такъ: ни «сѝло, ни пало, дай бабо, сало». Посмотрѣлъ кто-то на Настю, давай вечеръ, давай новыя платья. Ужъ какъ ты себѣ хочешь, а денегъ я не дамъ, потому что ихъ у меня нѣтъ.

Олеся приставала, не слушая никакихъ резоновъ; Балабуха возвысилъ голосъ такъ, что жена и дочь только глаза вытаращали на него.

Разговоры и споры о вечерѣ и деньгахъ возобновлялись не разъ. Балабуха стоялъ на своемъ, Настя утратила всякую надежду на вечеръ и бѣлое атласное платье, о которыхъ столько мечтала; но Олеся рѣшила поставить на своемъ. Она перестала говорить съ мужемъ и настроила къ тому-же и дочь. Балабуха не поддавался,— его приводила въ отчаяніе куча долговъ. Олеся стала запирать буфетъ и лишила мужа сперва рому къ чаю, къ чему онъ многими годами привыкъ, а затѣмъ и водки, безъ которой онъ и за обѣдъ не могъ приняться. Балабуха пробовалъ украдкой отъ жены посылать за ромомъ и водкой, но Олеся зорко слѣдила за этимъ и перехватывала то деньги, то водку и ромъ. Когда наконецъ и это не дѣйствовало, Олеся стала накидываться на мужа съ укорами, крикомъ и плачемъ и подбивала къ тому-же и дочь. Обѣ заголосятъ такъ, будто покойникъ на столѣ. Балабуха не выдержалъ, полѣзъ въ комодъ, досталъ послѣдніе пятьдесятъ рублей, бросилъ ихъ на столъ и сказалъ:

— Вотъ вамъ послѣднее, а тамъ дѣлайте, какъ хотите.

— Мы и въ долгъ наберемъ, когда не станетъ денегъ, сказала съ улыбкою Олеся.

Когда затѣмъ сѣли обѣдать, на столѣ, по прежнему, стоялъ графинчикъ съ водкой, и Олеся любовно заговаривала съ мужемъ. Повеселѣла и Настя и мечтала уже о балѣ и платьѣ и бѣлыхъ атласныхъ башмачкахъ. Сидѣлъ, надувшись и молча, только самъ Балабуха и три дня не говорилъ съ женою.

Тотчасъ послѣ обѣда мать и дочь побѣжали къ Сурѣ и надѣлали ей заказовъ. Оказалось, что многаго и у Суры не было; но ее уговорили съѣздить нарочно въ Кіевъ и добыть во что бы то ни стало. Содрала-же потомъ Сура съ протопопши...

Позвали Мошка снимать мѣрки и шить платья. Мошко принесъ засаленныя картинки модъ.

— Тебѣ, Настя, нужно декольте, вотъ какъ на этой картинкѣ, сказала мать.

Настя глянула на картинку: тамъ оголенныя плечи, грудь до половины открыта и руки чуть не до мышекъ.

— Ой, мамочко! мнѣ будетъ казаться, что я голая, вскрикнула Настя.

— Это-то и хорошо! У тебя бюстъ прекрасный, руки и плечи полныя и бѣлыя: ихъ стоитъ показать, поучала мать.

— Ни за что въ свѣтѣ! Мнѣ стыдно будетъ выйти къ гостямъ, возражала невинная Настя.

— Глупенькая ты: не знаешь ты мужчинъ. Густавъ скорѣе сдѣлаетъ тебѣ предложеніе, сказала Олеся Настѣ на ушко.

Настя вспыхнула, какъ пламя, а все-таки согласилась открыть свои прелести.

Насталъ день бала. Олеся и Настя засвѣтло еще одѣлись и расхаживали по залѣ, оглядывая свои наряды въ зеркалѣ. Настя распустила по плечамъ роскошные черные локоны. Въ локонахъ красовался букетъ изъ свѣжихъ розъ, который прекрасно шелъ къ ея чернымъ бровямъ и матовому нѣжному лицу. Розовые букетики на груди и плечахъ кокетливо скрадывали однообразіе бѣлаго наряда. Настя вся блестѣла въ нѣжныхъ тонахъ и тѣняхъ, кружилась, вертѣлась предъ зеркаломъ и сердилась на солнце, что оно не идетъ на покой.

Солнце закатилось; въ домѣ зажгли огни. Пришли жидки и заиграли въ сѣняхъ на «добры-вечиръ». На дворѣ послышался

стукъ экипажей, а за тѣмъ въ сѣняхъ, въ прихожей, топотъ входившихъ гостей.

— Бѣги, Настя, въ свою комнату; выйдешь потомъ, когда гости будутъ въ залѣ; я скажу, что ты еще одѣваешься, говорила тихо Олеся Настѣ.

Настя мелкими шажками выбѣжала изъ залы и притворила дверь.

Долго топтались наѣхавшіе гости въ прихожей, раздѣваясь и оправляясь, наконецъ стали входить въ залу одинъ за другимъ. Прежде всѣхъ влетѣлъ Ганушъ, совсѣмъ какъ актеръ на сцену. Онъ былъ во фракѣ, въ палевыхъ перчаткахъ, лакированныхъ ботинкахъ, напомаженный, завитый, стройный, какъ тополь. Олесѣ казалось, что въ залѣ солнце взошло: она чуть не кинулась ему на шею.

За Ганушемъ вошли Густавъ и Генрихъ, также разодѣтые; но появившіяся за ними мать и сестра одѣты были такъ просто, что при видѣ ихъ Олеся даже нахмурилась.

За семьей директора потянулся длинный рядъ служащихъ на заводѣ: французъ съ сестрою, пожилой дѣвицей, его компатріотъ, фокусникъ Монтагъ, еще какой-то нѣмецъ помоложе, три сахаровара изъ Хохотвы—родственники Шмидтовъ, три конторскихъ поляка и англичанинъ—слесарь. Вошли и еще два старые нѣмца въ засаленныхъ сюртукахъ, узкихъ и короткихъ пантолонахъ со штрипками, точь въ точь музыканты.

Пошло представленіе всей этой сахарной компаніи. Олеся встрѣчала всѣхъ привѣтливо, подавала руку даже старымъ столярамъ. Спустя нѣсколько минутъ появились кое-кто изъ богуславскихъ знакомыхъ: докторъ съ тремя незамужними и не молодыми сестрами, становой съ женой, учитель съ дочерью и два-три офиціалиста изъ панскаго двора. Балабуха зналъ, какая будетъ компанія и пригласилъ сосѣда священника, чтобы было съ кѣмъ перекинуться словомъ, душу отвести отъ непроходимой нѣмчуры. Но Олесѣ и этотъ единственный батюшка-гость сталъ поперекъ горла и, при появленіи его, она, взглянувъ сердито на мужа, шмыгнула въ комнату Насти.

— Настя, выходи! Уже всѣ гости съѣхались, говорила мать нетерпѣливо ожидавшей ее дочери.—Да и гостей-же набралось! А какъ хорошъ Ганушъ, во фракѣ! какая у него фигура!

— А Густавъ во фракѣ? спросила Настя.

— А какъ-же! Тамъ въ залѣ чистая заграница. Только, знаешь, на мое горе затесался къ намъ этотъ заросянскій попище, да еще съ сыномъ семинаристомъ, откровенничала мать.

— Ну, плохой-же знакъ—при выходѣ съ попомъ встрѣтиться, въ тонъ ей сказала дочь; но тутъ уже сама мать закрыла ей пальцемъ ротъ.

Музыка заиграла маршъ; Настя вышла, а за нею мать.

При появленіи Насти въ залѣ все затихло. Всѣ устремили на нее глаза, а старые нѣмцы въ короткихъ рейтузахъ, схватившись со стульевъ, вытянулись, какъ предъ директоромъ. Настя поздоровалась съ дамами и стала около стола. Къ ней потянулась длинная процессія сахарныхъ кавалеровъ, молодыхъ и старыхъ.

Настю интересовала только семья Шмидтовъ и любезность свою съ ничи она начала съ того, что присѣла къ Амаліи; но и Амалія была для нея нѣмой, и она для нея такой-же. Подали чай, гости разбрелись по залѣ. Настя, намолчавшись съ Амаліею, встала. Къ ней подошелъ Густавъ. Настя окинула его взглядомъ и пришла въ неописанный восторгъ. Послѣ непродолжительнаго ихъ разговора жидки-музыканты, по условному знаку Густава, заиграли вальсъ. Густавъ гибкой рукой обвилъ по таліи Настю, и легкимъ вѣтромъ понеслась по залѣ красивая парочка. Обутыя въ изящные бѣлые башмачки крохотныя ножки Насти мелькали, какъ молнія весной, въ легкой тѣни атласнаго шлейфа. Каштановые кудри Густава гармонировали съ черными, мелко вьющимися локонами античной головки Насти. Матово-бѣлая ея шея переливалась чудными тѣнями, какъ блескъ атласнаго ея платья. Двое карыхъ глазъ брызгали искрами, двое голубыхъ глазъ тихо сіяли, какъ утренняя зоря, и будто знойный день обнялся съ тихою звѣздною ночью, или вечерняя заря темнаго неба слилась съ утренней зарей на бѣлесоватомъ фонѣ зачинающагося дня. Отъ восхищенія Олеся закрыла глаза и наклонясь къ директоршѣ, съ неподдѣльнымъ чувствомъ сказала:

— Не правда-ли, какая чудная пара!

Директорша только покачала головой, а сказать что либо не смогла,—это было слишкомъ для ея ломанной малорусской рѣчи.

Сдѣлавъ нѣсколько туровъ, Густавъ ловко шаркнулъ предъ Настей и усадилъ ее на стулъ. Густава смѣнилъ Ганушъ и Настя

снова закружилась въ вихрѣ опьяняющаго танца. Въ движеніяхъ Гануша было больше продуманнаго изящества и граціи; львиная грива бѣлыхъ кудрей качалась ровною волной на могучихъ плечахъ, его статная фигура рисовалась въ просторной залѣ, какъ на освѣщенной сценѣ. Олеся любовалась имъ и завидовала красѣ и молодости дочери. Глубокій вздохъ внезапно вырвался изъ ея груди.

— Отъ чего я не такъ молода? За чѣмъ не вѣчно молодъ, не вѣчно цвѣтетъ человѣкъ? За чѣмъ отцвѣтаютъ пышные цвѣты? думала она, склонивъ голову на грудь.

Завертѣлись по залѣ другія пары. Фабричные кавалеры сильно отбивали тактъ, какъ-бы танцовали гдѣ либо въ загородной «австеріи». Насидѣвшись вдоволь, они спѣшили размять свои привыкшіе къ мускульной работѣ члены. Вся зала закружилась, завертѣлась. Семинаристъ подошелъ къ Настѣ; съ кислою миной она сказалась уставшей, но охотно за тѣмъ стала въ парѣ съ однимъ изъ старыхъ худыхъ нѣмцевъ въ узенькихъ и короткихъ панталонахъ со штрипками и потертомъ сюртукѣ съ таліею на спинѣ. Маленькій ростомъ онъ вытянулъ къ ней свои костлявыя руки, какъ исхудалый жидовскій козелъ, силящійся достать верхушку пышнаго розоваго куста. Настя порхала съ воздушною легкостью; старый нѣмецъ болталъ около нея своими тонкими ногами, стучалъ здоровенными сапожищами. Настя смѣялась и все таки думала про себя, что танцуетъ съ заграничнымъ кавалеромъ.

Въ концѣ вечера тотъ-же старенькій нѣмецъ пригласилъ Олесю на кадриль. Олеся важно выступала съ нимъ въ кадрили, хотя частенько закрывала носъ платкомъ,—такъ сильно разило отъ него нюхательнымъ табакомъ. Когда за тѣмъ въ слѣдующей кадрили сталъ съ Олесею Ганушъ, она ожила, просіяла и подумала про себя: а можетъ быть, а можетъ быть! всего бываетъ на свѣтѣ.

Счастливая, сіяющая Настя весь вечеръ почти танцовала съ Густавомъ; сдавалось, что онъ не выпускалъ ее изъ своихъ рукъ.

— Слава Богу, слава Богу! не пропали даромъ мои хлопоты и издержки, думала Олеся, глядя на Настю съ Густавомъ.

Въ полночь подали ужинъ. Гостей было много, всѣ не помѣстились за столомъ, и кавалеры разбились на пары и каждый угощалъ свою даму. Густавъ сѣлъ съ Настей у маленькаго сто-

лика подъ зеркаломъ. Олеся глянула на нихъ и мигнула Настѣ глазами; Настя прищурила къ ней масляные глазки.

Слава Богу, слава Богу! славнаго буду имѣть зятя, думала уставшая Олеся.

Масса голодныхъ желудковъ, въ большей части нѣмецкихъ, поглотила ужинъ безъ остатка. Насытившіеся гости продолжали и послѣ ужина танцовать, а въ заключеніе столяръ Монтагъ показывалъ на стѣнѣ зайчиковъ и стараго учителя нѣмца. Гости разъѣхались уже на разсвѣтѣ, а усталыя хозяйки спали весь слѣдующій день до самаго вечера.

Всю зиму ѣздили Густавъ и Генрихъ къ Балабухамъ въ гости, какъ близкіе, почти свои люди. Объ Рождествѣ и на масляной Олеся давала ради Густава вечера. Дѣло шло уже совсѣмъ къ вѣнцу, какъ сдавалось Олесѣ.

Разъ какъ-то послѣ Пасхи Олеся и Настя поѣхали къ Шмидтамъ въ гости. Весна стояла во всей красѣ. Настя сгарала отъ любви къ Густаву, Олесѣ хотѣлось поглядѣть на Гануша. Они въѣхали въ фабричный дворъ и остановились около дома, въ которомъ была квартира Шмидтовъ.

— Тутъ вѣрно уже распустились весенніе цвѣты, сказала Олеся, выходя изъ экипажа: прелестные должны быть тюльпаны, нарцисы и піоніи. Заглянемъ, Настя, прежде въ цвѣтникъ.

И обѣ они направились къ высокому частоколу, которымъ огороженъ былъ садъ. Но интересовавшій ихъ цвѣтникъ оказался даже невскопаннымъ. Земля на грядкахъ чернѣла, а на дорожкахъ проросталъ бурьянъ. Клумбы были пусты: въ нихъ безнаказанно рылись свиньи.

— Что за диво! Отъ чего это Густавъ и Генрихъ не опорядили и доселѣ цвѣтника? въ недоумѣніи спрашивала Олеся.

Вошли въ прихожую, раздѣлись, повѣшали верхнее платье и бѣгомъ въ залу. Настя надѣялась встрѣтить Густава, Олеся Гануша. Но зала была пуста. Изъ сосѣдней комнаты вышелъ сторожъ, какой-то старичекъ.

— Что-же это такое! крикнула Настя и почувствовала, что у нея сердце заколотилось въ груди.

— Куда-же дѣвались Шмидты? спросила Олеся сторожа.

— Вчора выихали геть зовсимъ.

— Какъ? куда? спросила Олеся.

— Богъ ёго знае, що воно сталось. Тутъ заиздивъ до дирехтора нашъ панъ, та якъ почали шварготити, та якъ почали кричати, та трохи не побились. А другого дня дирехторъ знявся зъ мисця та й выихавъ зъ симъею десь далеко, за границю, чи що, сказалъ сторожъ.

Настя, какъ стояла, такъ и упала на полъ. Олеся, шатаясь, присѣла на низкій подоконникъ и прислонила голову къ стѣнѣ.

— Воды! принеси, диду, воды! крикнула она сторожу.

Сторожъ принесъ въ кувшинѣ воду. Олеся набрала въ ротъ воды и брызнула въ лице Настѣ; Настя раскрыла глаза. Олеся вывела ее подъ руку и усадила въ экипажъ. Вернулись онѣ изъ-за границы въ Богуславъ, убитыя горемъ.

— Уѣхали, не попрощавшись даже! заговорила Олеся, когда стали подъѣзжать уже къ лѣсу.

Настя слова не сказала и только плакала.

Бывшій на нѣмецкомъ балу у Балабухъ семинаристъ, большой юмористъ, возвратясь съ каникулъ въ Кіевъ, съ классной каѳедры разсказалъ товарищамъ о всѣхъ его дивахъ. «Богословы», кончавшіе курсъ, долго потѣшались его разсказами и разнесли недобрыя вѣсти о Балабухахъ по всѣмъ угламъ. Съ тѣхъ поръ никто изъ ищущихъ невѣстъ «богослововъ» не заглядывалъ къ Балабухамъ въ домъ, а послѣ комично окончившейся исторіи ихъ съ Шмидтами отъ нихъ отшатнулись и богуславскіе знакомые. И стоялъ ихъ домъ, какъ опустѣлый, зачумленный.

Послѣ улетѣвшаго такъ внезапно Густава Настѣ пришлось долго выжидать жениховъ. Восемь еще лѣтъ Олеся варила съ Настею варенье, вышивала всякіе цвѣты да почитывала «Собраніе иностранныхъ романовъ». Съ горя и великой тоски за милымъ Густавомъ Настя выучилась курить, а сосѣди тихонько говорили, что она даже попивала съ мамою пунши съ ромомъ, легенькіе впрочемъ. Въ длинные зимніе вечера она разыгрывала на фортепьянѣ шумныя фантазіи, а мать ходила по залѣ, слушала музыку и передумывала всю свою жизнь, свои радости, свои удачи.

Спустя восемь лѣтъ въ Богуславъ пріѣхалъ на службу немолодой уже становой, вдовецъ съ тремя дѣтьми. Настя понравилась ему и онъ скоро посватался за нее. Отказа не послѣдовало, и скромная свадьба,

безъ музыки, безъ танцевъ, отбылась въ шумномъ нѣкогда домѣ Балабухъ. Пріѣхали изъ церкви молодые, подано шампанское и чай, маленькая компанія родныхъ потолкалась изъ угла въ уголъ и скромный ужинъ закончилъ брачное торжество. Собралась Настя ѣхать въ чужую хату, въ готовую семью стараго вдовца; Олеся провожала ее горькими слезами.

— Прощай, моя дорогая доню, другъ мой, пріятельница моя! Теперь я одна останусь, какъ былинка въ полѣ. Съ твоею молодостью я какъ будто второй разъ переживала свою молодость. Спасибо тебѣ! приговаривала Олеся, обнимая и цѣлуя Настю.

Разоренный Балабуха не могъ дать за Настею никакого приданаго и напутствовалъ ее лишь родительскимъ благословеніемъ.

Балабуха посѣдѣлъ и даже побѣлѣлъ. Олеся высохла, сморщилась, какъ грибъ, но и въ старости осталась такой-же проворной и говорливой. На седмомъ десяткѣ лѣтъ она почувствовала, что силы ея слабѣютъ, фантазія замираетъ и сонъ бѣжитъ отъ нея. Ночью просыпалась она въ четвертомъ, даже въ третьемъ часу и чтобы освѣжить свои нервы и прогнать тоску, принималась за чай и пила его по четыре раза въ день. Служанка ставила иногда для нея самоваръ и въ самую полночь. Кажется, что и живетъ она только чаемъ, да еще куреньемъ, къ которому пристрастилась давно. И теперь она любитъ веселую молодую компанію, по цѣлымъ вечерамъ глядитъ, какъ танцуетъ молодежь, слушаетъ музыку и все читаетъ романы. Беззаботная жизнь надолго сберегла ея силы. Балабуха уже оглохъ, но видитъ хорошо. У Олеси цѣлы еще всѣ зубы, а о смерти она не любитъ ни слушать, ни говорить.

И. Левицкій.

Библіографія.

Л. В. Илляшевичъ. Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства. Харьковъ. 1885 г.

Исполнившееся въ апрѣлѣ настоящаго года столѣтіе со дня пожалованія императрицей Екатериной II грамоты русскому дворянству ознаменовалось во всѣхъ почти губерніяхъ, кромѣ обычныхъ въ такихъ случаяхъ молитвъ, постановленіями дворянскихъ депутатскихъ собраній объ увѣковѣченіи дня празднества какими-либо полезными дѣлами. Къ числу разнообразныхъ проявленій этого празднества относится изданная г. Илляшевичемъ книга.

Она открывается небольшой главой, въ которой авторъ разсматриваетъ «русское дворянство до 1785 года». Здѣсь въ исторической послѣдовательности изложена его судьба, отъ времени призванія князей, и намѣчены главныя фазы его развитія. Будучи весьма кратокъ въ началѣ, конечно, по недостатку источниковъ, авторъ подробнѣе говоритъ о законодательствѣ относительно дворянъ въ правленіе Петра I и его преемниковъ, цитируя высочайшіе указы, или приводя цѣликомъ царскія и императорскія грамоты. Екатерининская «грамота на права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства» воспроизведена въ книгѣ г. Илляшевича цѣликомъ и составляетъ собою какъ-бы отдѣльный параграфъ въ первой главѣ. Время возникновенія собственно харьковскаго дворянства и его первоначальный характеръ опредѣляются г. Илляшевичемъ во второй главѣ, озаглавленной имъ: «Слободская Украина». Здѣсь онъ говоритъ о колонизаціи лѣваго берега Днѣпра въ началѣ XVII вѣка и о военномъ характерѣ первыхъ поселеній, управлявшихся полковниками, сотниками, есаулами и проч. и носившихъ потому наименованія полковъ и сотенъ. Переходя за тѣмъ

къ указанію на заслуги козацкой старшины, авторъ отмѣчаетъ преданность и вѣрность ея престолу и подтверждаетъ это печатаніемъ въ текстѣ тѣхъ царскихъ, жалованныхъ за эту вѣрность, грамотъ, которыя хранятся въ харьковскомъ депутатскомъ собраніи. Такихъ грамотъ семь: 1) грамота царя Алексѣя Михайловича отъ 19 февраля 1668 года; 2) грамота того же царя отъ 5 мая 1669 года; 3) грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевичей отъ 25 февраля 1695 года; 4) грамота Петра I отъ 7 марта 1700 года; 5) другая такая-же грамота; 6) грамота того-же царя отъ 28 февраля 1700 года и 7) грамота Елисаветы Петровны отъ 22 ноября 1743 года. По содержанію грамоты эти болѣе или менѣе однообразны и различаются тѣмъ, что даются разнымъ полкамъ слободско-украинской губерніи: харьковскому, сумскому, ахтырскому и изюмскому; предметомъ пожалованія служатъ льготы дворянству по винокуренію и питейной торговлѣ, также какъ и разнаго рода преимущества вообще въ промышленности и торговлѣ. Г. Иллашевичъ сообщаетъ при этомъ краткій и сухой перечень войнъ, участіе въ которыхъ дало возможность харьковскому дворянству доказать свой патріотизмъ и пріобрѣсти означенныя въ грамотахъ права, съ какими они дожили до преобразованія слободской губерніи въ харьковское намѣстничество. Указъ объ этомъ преобразованіи также приведенъ въ текстѣ во всей полнотѣ. Собственно исторію «харьковскаго дворянства» г. Иллашевичъ начинаетъ съ 1780 года, когда произведены были первые выборы въ мѣстныя судебно-административныя учрежденія по правиламъ «учрежденія о губерніяхъ», изданнаго въ 1775 году. Эта исторія занимаетъ вторую часть книги и содержитъ въ себѣ исключительно разсказъ о пожертвованіяхъ дворянъ въ военное время, о снаряженіи ими ополченій, о поднесеніи государямъ всеподданѣйшихъ адресовъ по поводу разнаго рода торжественныхъ или печальныхъ событій въ государствѣ и о пожертвованіяхъ на устройство среднихъ, мужескихъ и женскихъ, учебныхъ заведеній, а также и университета. Подробнѣе авторъ останавливается на крестьянской реформѣ и отношеніи къ ней дворянства и мрачными красками рисуетъ критическое положеніе помѣщичьихъ хозяйствъ послѣ реформы, нуждавшихся въ легкомъ и дешевомъ кредитѣ. На необходимости такого кредита авторъ особенно настаиваетъ и высказываетъ упрекъ правительству за открытіе крестьянскаго банка прежде дворянскаго. Особенное вниманіе читателя этой книги останавливаетъ на себѣ произнесенная въ 1785 г., по поводу пожалованія ими. Екатериной грамоты и производства первыхъ дворянскихъ выборовъ, предводителемъ дворянства Хорватомъ рѣчь, въ которой онъ приглашалъ харьковскихъ дворянъ ходатайствовать предъ высшею властью о разрѣшеніи дворянству подвергать суду и представлять

къ наградамъ своихъ выборныхъ представителей, принимающихъ участіе въ судѣ и управленіи губерніею. По поводу этой рѣчи авторъ говоритъ, что хотя предложеніе Хорвата, скрѣпленное подписями дворянства, не было санкціонировано правительствомъ, но нерѣдко примѣнялось на практикѣ. Авторъ впрочемъ не приводитъ примѣровъ такого примѣненія и приходится вѣрить ему на слово. Съ большею подробностью г. Иллашевичъ говоритъ о судьбѣ представителей харьковскаго дворянства въ главномъ комитетѣ по устройству быта крестьянъ, предъ ихъ освобожденіемъ. Увлеченные величіемъ реформы харьковскіе представители, вмѣстѣ съ тверскими и ярославскими, опередили намѣренія правительства и въ поданномъ ими адресѣ требовали освобожденія крестьянъ съ землей, введенія земскихъ учрежденій, суда присяжныхъ и большей или меньшей свободы печати. Всѣ эти реформы были впослѣдствіи правительствомъ совершены, но въ моментъ освобожденія крестьянъ признаны преждевременными, и авторы адреса высланы на родину съ отдачею ихъ подъ надзоръ мѣстнаго начальства.

Къ книгѣ г. Иллашевича приложены гербы уѣздовъ харьковской губерніи, со списками бывшихъ въ нихъ предводителей дворянства, и списокъ лицъ, внесенныхъ въ дворянскую родословную книгу слободско-украинской губерніи въ 1786 году. Въ приложеніяхъ мы находимъ указанія на существовавшіе порядки выборовъ въ 1775, 1783 и 1801 годахъ, а равно положеніе о земледѣльческихъ совѣтахъ, въ которомъ дворянство видѣло лишь мертвящій бюрократизмъ вмѣсто дѣла и настаивало на необходимости сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ, которые и заняты въ настоящее время разработкой подлежащихъ ихъ компетенціи вопросовъ. Въ спискахъ предводителей дворянства обращаетъ на себя вниманіе та особенность, что должности предводителей дѣлаются какъ-бы достояніемъ двухъ, трехъ семей; мы то и дѣло встрѣчаемъ имена предводителей изъ одной и той-же семьи, слѣдующія одно за другимъ въ теченіи извѣстнаго періода времени и смѣняющіяся именемъ другой семьи, также занимающей мѣсто болѣе или менѣе продолжительное время. Случается и такъ, что предводители одной семьи, уступивъ сначала свое мѣсто другимъ, потомъ опять возвращаются къ власти. Здѣсь невольно уже видится намъ или борьба партій, или борьба семей.—Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги г. Иллашевича, озаглавленной: «исторія харьковскаго дворянства».

Исторія-ли это? Въ такомъ-ли подборѣ фактовъ ея сущность?

Возьмемъ для примѣра періодъ наибольшаго развитія правъ дворянства. Какъ извѣстно, по «учрежденію о губерніяхъ» 1775 и по грамотѣ 1785 годовъ, дворянство призвано было къ участію въ судѣ и управленіи

губерніей; оно обязано было выбирать изъ своей среды предсѣдателей и засѣдателей въ обѣ судебныя палаты, засѣдателей въ совѣстный и верхній земскій суды, судью и засѣдателей въ уѣздный судъ и наконецъ капитанъ-исправника съ засѣдателями въ нижній земскій судъ. Отсюда ясно, какое громадное вліяніе предоставлено было дворянству, какая преобладающая роль въ судѣ и управленіи губерній была дана ему. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что милліонная масса крестьянскаго населенія губерніи также находилась въ полномъ распоряженіи дворянства и послѣднее такъ или иначе должно было давать направленіе нравственной и экономической жизни этой массы. Такимъ образомъ вліяніе дворянства должно было распространяться на всѣ сферы мѣстной жизни и потому опредѣленіе характера этого вліянія, его формъ и размѣровъ и должно составить истинную исторію дворянства; только судя по дѣятельности дворянства въ мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, по его распоряженію и пользованію производительными силами края на пользу государственную и мѣстнаго населенія, мы можемъ опредѣлить заслуги дворянства для отечественной цивилизаціи и культуры и рѣшить вопросъ, на сколько оправдало оно довѣріе правительства, возлагавшаго на него важныя и серьезныя обязанности и только потому дававшаго ему широкія привилегіи, большею частью которыхъ дворянство продолжаетъ пользоваться и теперь. Работа громадная и не подъ силу одному человѣку; не мыслима она безъ подготовительныхъ изслѣдованій по исторіи отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ, не мыслима безъ тщательнаго разбора и изученія архивовъ губернскихъ правительственныхъ учрежденій, а также архивовъ фамильныхъ. Понятно, что указанныя нами выше требованія не могутъ быть примѣнены къ настоящему труду г. Илляшевича, который касается, и то лишь отчасти, отношенія харьковскаго дворянства къ крупнымъ государственнымъ событіямъ. Соотвѣтственно этому, книгу г. Илляшевича съ большею точностью можно было-бы назвать не исторіею харьковскаго дворянства, а только очеркомъ его отношеній къ извѣстнаго рода событіямъ и фактамъ въ жизни государственной. Но если строго судить, то и такимъ очеркомъ ее назвать нельзя; скорѣе это сводъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о дворянствѣ вообще, а также грамотъ, указовъ, всеподданѣйшихъ адресовъ и другихъ оффиціальныхъ актовъ, касающихся харьковскаго дворянства.

Въ частности въ первой главѣ своего труда, въ общемъ очеркѣ исторіи дворянства до грамоты 1785 года, авторъ хотя и отмѣчаетъ три періода въ развитіи дворянства, но не слѣдитъ за тѣми внутренними причинами, которыя вызывали и дѣлали необходимымъ переходъ, напр., княжеской дружины въ служилый классъ и этого послѣдняго въ со-

словіе; въ особенности этотъ пробѣлъ даетъ себя чувствовать въ изложеніи исторіи третьяго періода, начавшагося съ реформами Петра Великаго. Точно также и во второй главѣ, имѣющей цѣлью изслѣдовать происхожденіе харьковскаго дворянства, авторъ собралъ весьма недостаточно матеріала и не обозрѣлъ даже того, что напечатано до сихъ поръ по исторіи южно-русскаго дворянства вообще въ отдѣльныхъ монографіяхъ и въ нашихъ періодическихъ историческихъ изданіяхъ; въ результатѣ и получилось то, что процессъ образованія и выдѣленія казацкой старшины изъ посполитства, его внутренняя борьба при этомъ и переходъ въ дворянство остался совершенно не разъясненнымъ. Въ третьей главѣ та-же невыясненность и неопредѣленность задачи у автора.

Книга г. Иллишевича должна тѣмъ болѣе напомнить намъ о необходимости серьезныхъ подготовительныхъ работъ по исторіи сословія, которое долго шло во главѣ своего народа, составляя, такъ сказать, его умъ и душу.

И. Каманинъ.

Gross und klein-russisch. Aus Ilchester-Vorlesungen über vergleichende Lexicographie gehalten an der Universität Oxford von Dr. Carl Abel. Im Auftrage des Versassers aus dem englischen übers. von Rudolf Dielitz. Leipzig und Berlin. 1885. (*Великорусскій и малорусскій языки. Изъ чтеній д-ра Карла Абеля въ оксфордскомъ университетѣ по сравнительной лексикографіи. По порученію автора перевелъ съ англійскаго Рудольфъ Дилицъ. Лейпцигъ и Берлинъ. 1885*).

Авторъ названной книги составилъ уже себѣ репутацію своими оригинальными работами по языковѣдѣнію, которыя теперь собраны въ недавно явившейся большой его книгѣ: *Sprachwissenschaftliche Abhandlungen.* Онъ заявляетъ притязаніе на установленіе особаго направленія въ лингвистикѣ. Новѣйшее языкознаніе обязано своими успѣхами признанію законосообразности въ измѣненіи звуковъ, изученію физіологической стороны человѣческой рѣчи. Абель—представитель психологической филологіи, если можно такъ выразиться. Онъ изучаетъ языкъ не только при помощи внѣшняго метода; онъ думаетъ, что въ наукѣ о языкѣ надо выдѣлить, какъ особую отрасль знанія, изслѣдованіе значенія словъ и содержанія языка, которое является выраженіемъ мыслительной дѣятельности народовъ; по его мнѣнію, рядомъ съ грамматикою, какъ ученіемъ о соединеніи мыслей, должно поставить изученіе словаря по понятіямъ, какъ сокровищницы мыслей, въ которой можно видѣть тонкое отображеніе

ступеней чувствованія и разнообразныхъ развѣтвленій мысли. Абель желаетъ поставить параллельно грамматическимъ лексикографическія занятія: по его мнѣнію, должно производить совмѣстно систематическій и общій анализъ словъ, формъ и синтаксическихъ соединеній и присоединить къ этому изученіе мыслей языка, т. е. значенія словъ, привести въ связь лексикографическія категоріи съ грамматическими выраженіями. Все это, по его взгляду, характеризуетъ духъ языка и при такой постановкѣ изученіе языка обращается въ орудіе выясненія народнаго духа. Языкъ каждаго народа представляетъ выраженіе этого духа, отличающагося индивидуальными особенностями. Систематетическое изложеніе мысленнаго содержанія языковъ можетъ дать какъ-бы фотографію національныхъ характеровъ. Абель обращаетъ вниманіе на сравнительное изслѣдованіе словъ, выраженій однородныхъ понятій въ различныхъ языкахъ и старается выяснить своеобразные оттѣнки въ значеніи словъ, выражающихъ одни и тѣже понятія, приводя въ связь такое своеобразіе съ національною сокровищницей мысли. Въ видѣ опыта Абель довольно давно уже подвергъ анализу нѣкоторыя синонимическія выраженія въ древнихъ и новыхъ языкахъ (напримѣръ, терминологію любви) и выказалъ себя мастеромъ въ выясненіи значенія словъ.

Слѣдя за измѣненіемъ этого значенія, онъ обратился къ исторіи первобытной человѣческой рѣчи и разума. Онъ остановилъ вниманіе на консерватизмѣ египетско-коптскаго зыка и считаетъ этотъ языкъ древнѣйшею изъ уцѣлѣвшихъ формъ человѣческой рѣчи, сохранившею въ свѣжести, полнотѣ и живости первобытныя черты. Знакомство съ этимъ языкомъ навело Абеля на открытія по вопросу о происхожденіи языка. Абеля поразилъ двойной противорѣчивый смыслъ (Gegensinn) первоначальныхъ словъ, и онъ указалъ на то, что языкъ не всегда отличается одинаковою доступностью пониманію. Повсюду человѣкъ достигаетъ постепенно все большаго и большаго совершенства въ выработкѣ языка, приходитъ къ лучшему согласованію звуковъ съ понятіями. По мнѣнію Абеля, разысканія въ этомъ направленіи доставляютъ занимающимся вопросомъ о происхожденіи языка, этой одной изъ облеченныхъ тайной загадокъ человѣческаго существованія, новый матеріалъ. Абель старается объяснить чудо образованія языка простымъ процессомъ: первоначально одинъ и тотъ-же звукъ могъ имѣть различныя значенія, которыя опредѣлялись интонаціей, ситуаціей и жестами говорившаго; только постепенно данный звукъ пріобрѣталъ опредѣленность, отчетливый смыслъ.

Привлеченіе славянскихъ нарѣчій въ кругъ сравнительнаго изученія такимъ широко повидимому образованнымъ филологомъ не лишено интереса, какъ заслуживаютъ вниманія и общія его соображенія въ одной

изъ статей его «Sprachwissenschaftliche Studien». Въ этой статьѣ Абель разсуждаетъ о возможности установленія общаго литературнаго языка для славянъ: разсмотрѣвъ съ сравнительной точки зрѣнія алфавитъ, орѳографію, грамматическій строй, лексическій составъ и литературы различныхъ славянскихъ нарѣчій, Абель пришелъ къ выводу, что только русскому языку суждено стать общимъ литературнымъ языкомъ славянъ.

Въ разсматриваемой книжкѣ Абель поднимаетъ не менѣе интересный вопросъ о великорусской и малорусской вѣтвяхъ русской народности, и читатель вправѣ ожидать интересныхъ разысканій отъ филолога, заявляющаго большія претензіи и читавшаго спеціальный курсъ по сравнительной лексикографіи въ оксфордскомъ университетѣ.

Посмотримъ, въ какой мѣрѣ удовлетворяетъ этимъ ожиданіямъ книга Абеля, обратившая на себя вниманіе за границей и вызвавшая не мало рецензій.

Въ 1-й главѣ своей книги авторъ желалъ выяснить исторически разницу между двумя главными вѣтвями русской народности, великорусскою и малорусскою. Онъ говоритъ, что какъ повсюду на европейскомъ материкѣ, за внѣшнимъ единствомъ языка, почти всѣ европейскія расы представляютъ пеструю смѣсь разнородныхъ элементовъ, такъ и на Руси смѣшеніе племенъ значительно и большинство русскаго народа не того происхожденія, какое обозначаетъ его имя. Славянскія и финно-татарскія племена слились подъ общимъ наименованіемъ, полученнымъ отъ господствовавшихъ надъ ними шведовъ, которые назывались людьми веселъ или людьми моря — «Rodsharlar», «Rods-Folk», «Ross-Folk». Это названіе было передѣлано финнами въ «Ruotsi», а славянами въ «Rus». Точно также и въ Нормандіи пришельцы съ сѣвера долго назывались «Ruothrer», т. е. «Ruderer» или «Russen». Финская часть территоріи, покоренной норманнами, не носила названія Руси; она называлась «Суздалемъ» и «Московіей» и получила наименованіе Руси 250 лѣтъ назадъ, когда полуфинская Москва присоединила къ себѣ часть славянской Руси. Когда тамъ зародились планы сближенія съ Западомъ и поглощенія южно-славянской части, князья финской земли придали названію Русь классическое окончаніе *ія*, чтобы приблизиться къ западной культурѣ. Такое претвореніе обусловливалось и политическими соображеніями. До присоединенія Украйны Новгородъ и смежная сѣверо-восточная часть славянской территоріи были единственными славянскими землями, принадлежавшими Московіи. Въ восточныхъ частяхъ Московіи и Суздаля еще при Олеаріи, въ концѣ XVII вѣка, держалась финская рѣчь: значитъ, Москва не могла ославяниться въ теченіи 500 лѣтъ. Точно также въ XVIII вѣкѣ на коренное различіе между славянами и московитами ука-

залъ *Abbé Chappe d'Auieroche*. Эта медленность процесса ославяненія обусловливалась многими причинами—обширностью территоріи, приливомъ финновъ съ востока, татарскимъ нашествіемъ, подъ вліяніемъ котораго Москва обратилась, по выраженію Буслаева, въ полутатарскій лагерь. Изъ этого лагеря были предпринимаемы завоеванія сѣверо-восточной славянщины въ интересахъ монголовъ и съ монгольскою помощью. Подкрѣпивши себя славянскими элементами при помощи татаръ, Москва ударила потомъ на общаго сюзерена. Но, не смотря на способность азіатскихъ племенъ быстро усвоять чуждые языки, ославяненіе было неполное. И теперь еще въ сѣверной и восточной частяхъ этихъ нѣкогда финскихъ и татарскихъ земель милліоны сельскаго населенія говорятъ плохо по русски. Теперь, говоритъ Абель, въ европейской Россіи считаютъ 40 милліоновъ финно-татарскаго населенія и 15 милліоновъ чисто славянскаго.

Славяно-руссы глубоко отличаются отъ своихъ финно-татарскихъ соотечественниковъ происхожденіемъ, исторіей и культурой; финно-руссы начали скрывать свое турецкое происхожденіе со времени европеизированія Москвы при Петрѣ, когда формально было воспрещено говорить, что въ Сибири и другихъ азіатскихъ земляхъ живутъ соплеменники финно-руссовъ. На не-славянское происхожденіе московитовъ указывалъ нѣмецкій ученый Миллеръ; къ нему присоединился Тредьяковскій, но оба пострадали, въ особенности послѣдній, получившій сотню ударовъ. Екатерина II отнеслась неблагосклонно къ Штриттеру за ту-же мысль.

Абель утѣшаетъ московитовъ въ этомъ несовсѣмъ почетномъ происхожденіи: онъ указываетъ на множество достойныхъ уваженія качествъ московитскаго характера, благодаря которымъ нечего стыдиться элементовъ, которымъ московиты обязаны своимъ происхожденіемъ. Хотя московиты не чистые славяне и не лишены недостатковъ, но все-же это даровитая, предпріимчивая и мужественная раса, которая можетъ указать на свои чрезвычайные успѣхи во многихъ отношеніяхъ. Было-бы совершенно ошибочно считать московитскую или финно-татарскую расу низшею по сравненію съ западными славянами болѣе чистой крови. Какъ ни разнятся оба элемента, но каждый изъ нихъ имѣетъ прекрасныя стороны въ своемъ національномъ характерѣ. Слѣдуетъ затѣмъ у Абеля характеристика обѣихъ русскихъ народностей. Какъ извѣстно, 25 лѣтъ назадъ была представлена такая сравнительная характеристика покойнымъ Костомаровымъ, очеркъ котораго извѣстенъ Абелю. Послѣ Костомарова данныя для характеристики южно-руссовъ были собраны Чубинскимъ, и изложеніе этихъ данныхъ на нѣмецкомъ языкѣ было помѣщено въ «Russische Revue». Абель рѣзко оттѣняетъ отсутствіе особой взаимной симпатіи между обѣими русскими расами, обусловленное глубокимъ раз-

личіемъ между ними. Оффиціальнымъ и литературнымъ языкомъ, говоритъ онъ, сталъ языкъ финно-руссовъ, и славянинъ ропщетъ между прочимъ и на это угнетеніе его роднаго языка. По словамъ Абеля, печатаніе книгъ на славяно-русскомъ языкѣ воспрещено, его нельзя услышать ни въ театрѣ, ни въ концертахъ; но, преслѣдуя славяно-русскій языкъ у себя, великоруссы поддерживаютъ его денежными пособіями въ земляхъ Габсбурговъ (!). Абель касается затѣмъ русскаго вопроса въ Галичинѣ, упоминаетъ о недавнемъ тамошнемъ политическомъ процессѣ и по обычаю впадаетъ въ неточности. Подъ вліяніемъ польскихъ утѣсненій, говоритъ онъ, галицкіе русскіе тяготѣютъ къ тому самому Петербургу, котораго нерѣдко такъ трепещутъ въ Кіевѣ.

Въ слѣдующихъ главахъ Абель пытается научно доказать противоположность обѣихъ русскихъ народностей, связывая такимъ образомъ филологическій экскурсъ съ историческимъ очеркомъ.

Абель говоритъ о томъ, какъ человѣкъ, усвояя высшій и болѣе развитой языкъ, преобразуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всю свою духовную сущность. Усвоеніе чуждыхъ языковъ бываетъ двоякое: полное, безъ измѣненій, или-же съ видоизмѣненіемъ грамматики, причемъ терпитъ духовное значеніе словъ. Финно-руссы, принимая славянскій языкъ, не приняли однако вмѣстѣ съ тѣмъ славянскаго *способа мышленія*; они придали другой оттѣнокъ славяно-русскимъ словамъ, которыя въ звуковомъ отношеніи остались безъ измѣненій. Абель отмѣчаетъ, какъ одно и тоже понятіе развилось въ обоихъ языкахъ съ совершенно различныхъ сторонъ, какъ самостоятельно воспользовались финно-руссы полученными корнями. Авторъ производитъ анализъ понятія о добрѣ и злѣ въ обоихъ языкахъ, но при этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, впадаетъ въ ошибки, не имѣя очевидно надлежащихъ свѣдѣній обо всѣхъ оттѣнкахъ значеній. Произнося слово «лихой», въ Кіевѣ, говоритъ Абель, смотрятъ на злой умыселъ, а въ Москвѣ «ударяютъ» съ сочувствіемъ на смѣлость дѣянія. Такимъ-же способомъ Абель анализируетъ значеніе словъ «братъ» и «другъ», названіе жены, слово «случай». Онъ придаетъ, повидимому, большое значеніе своей попыткѣ противопоставленія одного языка другому въ отношеніи идей, какъ начинанію; основательное-же сравнительное изслѣдованіе словарей обоихъ языковъ дѣло будущаго; оно покажетъ, въ какой степени ославянились финны.

Кромѣ двухъ русскихъ языковъ и многихъ другихъ національностей, въ Россіи, говоритъ Абель, есть еще одна національность, составляющая высшіе классы. Она состоитъ изъ смѣси всѣхъ расъ, соединенныхъ подъ скипетромъ царей, и этотъ высшій слой является однимъ изъ интеллигентнѣйшихъ, мужественнѣйшихъ и самыхъ предпріимчивыхъ

типовъ человѣческихъ породъ. Ему Россія обязана своими необыкновенными успѣхами въ политикѣ и на войнѣ. Каково-бы ни было происхожденіе этихъ фамилій, онѣ отличаются чрезвычайнымъ обиліемъ талантовъ. Въ то время, какъ низшіе слои народа въ Россіи болѣе удалены отъ культуры, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ, высшіе классы общества поравнялись въ интеллигенціи со своими собратами въ другихъ земляхъ, если не превосходятъ послѣднихъ. Императоръ Николай сдѣлалъ славянскій языкъ обычнымъ языкомъ этихъ высшихъ классовъ взамѣнъ западныхъ языковъ, но не могъ вытѣснить изъ русскаго языка заимствованій: по иностраннымъ образцамъ составлено безчисленное количество словъ и грамматическихъ комбинацій. Оттого ни въ какой другой странѣ высшій культурный языкъ не отличается такъ существенно отъ народнаго. Не можетъ быть словаря богаче русскаго словами сложными и производными; въ другихъ языкахъ не можетъ быть болѣе аналитическаго, правильнаго и строго послѣдовательнаго построенія предложенія, но языкъ крестьянъ рѣзко отличается отъ русскаго литературнаго языка.

Затѣмъ слѣдуетъ глава, уже не имѣющая отношенія къ заглавію книги Абеля. Руководясь мнѣніемъ, что для выясненія того, какъ данный языкъ понимаетъ извѣстное излюбленное представленіе, надо привлекать въ кругъ наблюденія всю группу относящихся къ этому представленію понятій, Абель анализируетъ въ русскомъ языкѣ выраженія понятій «Gentleman» и «gentlemanly», «Nobleman» и «noble». Онъ затрогиваетъ тонкіе вопросы касательно соціальныхъ и моральныхъ понятій, дѣлаетъ интересныя сопоставленія, старается обнаружить достойныя изученія характерныя воззрѣнія и свойства русскаго народнаго духа. Абель производитъ сравнительный анализъ выраженія понятія свободы въ русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ. Этотъ анализъ показываетъ, какъ при родственности языковъ между ними могутъ быть чрезвычайныя различія въ мысленномъ содержаніи. На основаніи такого сравненія Абель открываетъ въ русскомъ языкѣ выраженіе нѣкотораго превознесенія идеала личной необузданности и въ этомъ видитъ одну изъ причинъ замедленія развитія политической свободы въ Россіи. Латинскій языкъ представляетъ противоположность въ этомъ отношеніи. Русское слово *воля* соотвѣтствуетъ латинскому «*licentia*». Римскій типъ самый свободный изъ этихъ трехъ и въ тоже время обнаруживаетъ самообладаніе и вниманіе къ правамъ другаго.

Изъ представленнаго очерка содержанія книги Абеля можно видѣть, что авторъ поставилъ для рѣшенія весьма интересную задачу. Но сравнительныя изслѣдованія по систематической лексикографіи могутъ

имѣть цѣну лишь при основательномъ знакомствѣ съ этимологіею. Къ сожалѣнію, Абель этого не обнаруживаетъ и книга его повергаетъ читателя въ разочарованіе. Постоянно встрѣчаются неточности и грубыя ошибки, а иногда и инсинуаціи, которыя характезируютъ представленія о Россіи, слагающіяся за границей. Абель создаетъ небывалыя слова, напримѣръ «padrûsche» въ Малороссіи, «doblestwennik», «dobrischtsche», считаетъ «drug» и «drusya» различными словами, «drûgi» по его мнѣнію—«Rekanuschaft»; онъ выдумываетъ небывалые титулы, напримѣръ, «patschotni tschelowék», «patschótni sekretar», пишетъ «patschótini». Далѣе, Абель обнаруживаетъ непониманіе этимологіи: онъ считаетъ слова «хорошій» и «гиршій» происшедшими отъ одного корня, отмѣчаетъ двоякій смыслъ слова «благой», не зная, что въ обоихъ случаяхъ слова разныхъ корней. При этомъ онъ пускается въ разсужденіе объ общемъ законѣ, извлеченномъ имъ изъ изученія египетскаго языка, именно о законѣ, по которому одно и тоже слово можетъ имѣть первоначально совершенно противоположныя значенія. Слово «баръ» Абель считаетъ древнѣйшею формою слова «боярин» и думаетъ, что того-же корня и «рабъ», и по этому поводу вновь обращается къ излюбленному имъ египетскому языку, въ которомъ находитъ въ изобиліи перестановку звуковъ; при этой перестановкѣ производныя часто имѣютъ тоже значеніе, что и корень, а часто противоположное. Въ подтвержденіе Абель приводитъ аналогіи изъ языковъ англійскаго и латинскаго (напримѣръ *carpere—precari*, латинское *clamare* и русское *molč-ati* и т. п.). Иной разъ Абель не знаетъ того, что въ малорусскомъ языкѣ есть слова, соотвѣтствующія указаннымъ у него великорусскимъ. Далѣе, самъ Абель признаетъ, что великорусскій, или финно-русскій языкъ не только дочь малорусскаго, но и булгаро-славянскаго, на которомъ проповѣдывалось евангеліе; оттого нѣкоторыя слова сохранили въ Московіи первоначальное значеніе, утраченное въ Кіевѣ; вообще церковный языкъ повліялъ на языкъ финновъ болѣе, чѣмъ на родственное нарѣчіе славянъ. Наконецъ, самъ-же Абель указываетъ на то, что хотя въ финно-русскомъ языкѣ нѣтъ слѣда многихъ корней, но немало отсутствуетъ и финно-русскихъ словъ въ языкѣ славянъ.

Мы видимъ, что книга Абеля представляетъ неудачную попытку примѣненія къ лексическому изученію русскаго языка той не новой теоріи о неславянскомъ происхожденіи великорусской народности, которая 20 съ лишнимъ лѣтъ назадъ была развиваема въ Парижѣ прославленнымъ польскимъ патріотомъ Духинскимъ (недавно напечатана его біографія и отпразднованъ юбилей его дѣятельности). Теорія Духинскаго была неоднократно повторяема польскими, французскими, нѣмецкими и нѣко-

торыми другими публицистами и публицистами-историками, когда была на руку имъ. Абель кромѣ того ссылается на Костомарова, раздѣляя неосновательное мнѣніе послѣдняго о близости новгородскаго нарѣчія къ малорусскому; но такъ какъ Абель плохо знакомъ съ исторіею, то заходитъ слишкомъ далеко. Ссылка на д'Отроша, который былъ опровергнутъ уже при Екатеринѣ, и на другіе вымыслы освобождаютъ рецензента отъ обязанности останавливаться подробно на этомъ смѣшеніи вымысловъ съ достовѣрными фактами. Замѣтимъ только, что вопросъ объ этнографической организаціи русскаго племени, поставленный отчетливо впервые, если не ошибаемся, Щаповымъ въ его статьѣ: «Этнографическая организація русскаго народонаселенія» (Библіотека для чтенія 1864 г.), еще не порѣшенъ, но тѣмъ не менѣе и теперь можно составить научное мнѣніе о томъ, и во всякомъ случаѣ безпристрастный научный изслѣдователь скорѣе согласится съ словами Реслера, почтеннаго знатока исторіи придунайскихъ земель. Въ заключеніи своей статьи «Zeitpunkt der slavischen Ansiedlung an der unteren Donau», помѣщенной въ LXXIII томѣ «Извѣстій историко-филологическаго отдѣленія вѣнской академіи наукъ», Реслеръ говоритъ:

«Подчиненіе, обращеніе, ославяненіе слѣдовали быстро одно за другимъ. Постепенно Русь ославянила большую часть народовъ отъ истоковъ Волги и Дона до Ледовитаго моря и образовала изъ нихъ однообразную массу. Такъ возникъ путемъ колонизаціи, переселенія и всевозможнаго ославяненія такъ называемый великорусскій народъ, въ которомъ финская кровь составляетъ, вѣроятно, весьма значительную процентную долю. Объ этомъ финскомъ происхожденіи русскихъ въ послѣднее время, подъ вліяніемъ политической національной ненависти польскихъ писателей, пущены въ обращеніе преувеличенія, которыя нашли откликъ также и въ нѣмецкихъ научныхъ произведеніяхъ. По словамъ этихъ произведеній, только весьма немногіе великоруссы подлинные славяне, въ большинствѣ же ихъ течетъ финская или татарская кровь; однако, если оставить въ сторонѣ всю безпокойную политику и страсти тѣхъ, для которыхъ финнъ или татаринъ или монголъ—существо, достойное отвращенія [1]), то можно будетъ только сказать, что славянство русскаго народа увеличивается по направленію отъ сѣвера къ югу и напротивъ убавляется въ обратномъ направленіи, а также по направленію къ востоку, и въ той же степени становится интенсивнѣе смѣшеніе съ

---

[1]) Изобрѣтеніе Катрфажемъ race prussienne, какъ финскаго народа, составляетъ найлучшую параллель къ выходкамъ противъ туранскаго русскаго народа, распространенію которыхъ въ Германіи содѣйствовалъ между прочимъ Кинкель.

чуждыми, по большей части туранскими составными частями. Несмотря на нѣкоторыя натянутыя попытки людей, поддающихся въ этнологіи своей ненависти, попытки слишкомъ ярко выставить различія между малоруссами — «подлинными славянами», и великоруссами — «туранцами и азіатами», различіе между обоими племенами теперь не болѣе различія между швабами и пруссаками. Въ народѣ восточной Германіи течетъ нѣсколько капель славянской крови, но побѣдила германская сущность; точно также и въ Россіи славянство вполнѣ превозмогло все чуждое финновъ». Прибавимъ къ этому, что въ древнее время могло и не быть смѣшенія русскихъ съ финнами, а могло происходить отодвиженіе послѣднихъ.

Н. Дашкевичъ.

Изслѣдованіе о кладахъ волынской губерніи. Житоміръ. 1885 г.

Нечего говорить о важности археологическихъ открытій и изслѣдованій для рѣшенія весьма многихъ историческихъ вопросовъ; но масса дѣлаемыхъ и сдѣланныхъ открытій безвозвратно погибаетъ и погибала для науки. Нельзя поэтому не отнестись сочувственно ко всякой попыткѣ собрать свѣдѣнія объ археологическихъ находкахъ въ той или иной мѣстности. Разсматриваемая брошюра принадлежитъ перу г. Орлова и есть результатъ его кропотливыхъ изысканій въ архивѣ волынскаго губернскаго правленія. Брошюра состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой говорится о всѣхъ тѣхъ находкахъ въ области археологіи по волынской губерніи, свѣдѣнія о которыхъ могъ авторъ извлечь изъ архива, причемъ въ началѣ приводятся свѣдѣнія, почерпнутыя изъ другихъ источниковъ. Во второй части приводятся данныя о старинныхъ пушкахъ, которыя были находимы въ той-же области и отчасти сохраняются и въ настоящее время. Въ третьей части авторъ приводитъ заклинанія, употребляемыя населеніемъ при открытіи кладовъ.

Содержимое находимыхъ кладовъ большею частію относится къ періоду позднѣйшему, къ XV—XVIII вѣкамъ и преимущественно состоитъ изъ монетъ польскихъ, брандебургскихъ, голландскихъ, нидерландскихъ, австрійскихъ, испанскихъ и ливонскихъ. Эти монеты опредѣляютъ районъ торговыхъ сношеній польско-литовскаго государства. Судьба всѣхъ этихъ кладовъ была самая различная. Для опредѣленія степени ихъ археологическаго значенія всѣ эти находки отсылались по большей части въ археологическую коммисію, которая или не признавала за ними никакой важности, и въ такомъ случаѣ или отсылала обратно владѣльцу или отправляла на монетный дворъ, или оста-

взяла у себя, уплачивая ихъ стоимость. Иногда случалось, что ученыя учрежденія не согласовались во взглядахъ на значеніе той или иной находки. Такъ въ 1878 г. въ дубенскомъ уѣздѣ, близъ мѣстечка Варковичъ, крестьяне села Конюшекъ нашли кладъ изъ 38 серебряныхъ монетъ. Археологическая коммисія признала ихъ не имѣющими никакого археологическаго значенія, а между тѣмъ кіевскій университетъ, куда исправникъ по ошибкѣ отправилъ часть клада, пріобрѣлъ ихъ для своего минцъ-кабинета. Бывали случаи нахожденія очень древнихъ монетъ. Такъ въ 1836 г. были найдены 92 штуки древней серебряной монеты, которыя отъ времени даже слиплись одна съ другой. Тоже самое случилось и въ 1839 г.. Въ обоихъ этихъ случаяхъ мѣстное губернское начальство признало за собою право опредѣлить научное значеніе этихъ находокъ и на основаніи своихъ научныхъ знаній опредѣлило возвратить ихъ владѣльцамъ. Многіе клады представлялись по начальству, и затѣмъ дальнѣйшая судьба ихъ остается неизвѣстной. Ученыя учрежденія въ своихъ приговорахъ не выставляли мотивовъ ни признанія, ни отрицанія археологическаго значенія за находимыми кладами, а между тѣмъ интеллигентному, но не ученому, находчику интересно было-бы знать, что онъ нашелъ, каково значеніе найденнаго, для чего нужно это найденное. Одно денежное вознагражденіе не можетъ прельщать всѣхъ, а потому многое находимое или переплавливается или идетъ дѣтямъ на игрушки. Указанія и разъясненія о значеніи каждой находки, хотя бы краткія, мало по малу уничтожили-бы въ массѣ общества мнѣніе о находимыхъ древностяхъ (особенно если онѣ не изъ благородныхъ металловъ), какъ о хламѣ, никуда негодномъ, неизвѣстно для чего пріобрѣтаемомъ учеными; увеличилось-бы несомнѣнно желаніе находить и сохранять находимое. Словомъ, явилось-бы болѣе сознательное отношеніе къ дѣлу, какъ у мѣстнаго начальства, такъ и у болѣе или менѣе интеллигентныхъ находчиковъ. Все это несомнѣнно послужило-бы ко благу арсеологіи и исторіи.

Значеніе археологическихъ данныхъ увеличивается по мѣрѣ уменьшенія количества историческаго матеріала, которымъ располагаетъ изслѣдователь прошедшихъ судебъ жизни народной. Поэтому для историка особенный интересъ пріобрѣтаютъ находки, проливающія свѣтъ на древнѣйшій періодъ русской исторіи, для котораго источники не особенно многочисленны. Въ разбираемой брошюрѣ есть нѣсколько интересныхъ данныхъ въ этомъ смыслѣ. Такъ напр. въ одномъ курганѣ были найдены однажды серебряныя гривны; были находимы также испанскія монеты X в. Особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе послѣднія. На послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ г. Ка-

валевскій, какъ извѣстно, привелъ данныя о существованіи въ Испаніи въ татарскій періодъ русскихъ рабовъ. Указанныя монеты говорятъ о лучшемъ времени, когда, можетъ быть, русскіе бывали тамъ, какъ предпріимчивые купцы.

Желательно было-бы, чтобы и въ другихъ мѣстахъ были предприняты такія-же изслѣдованія о кладахъ. Г. Орлову нужно воздать благодарность за его полезный и интересный трудъ.

П. Голубовскій.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЙ О ГЕТМАНЩИНѢ, ЗАПОРОЖЬѢ И ЧЕРНОМОРЬѢ.

Вымираютъ старые люди, унося съ собой память о быломъ. Но народная память живуча и цѣпка: какой нибудь столѣтній или девяностолѣтній старикъ (а такіе въ простолюдьѣ не рѣдкость и теперь), въ дѣтствѣ своемъ слышавшій разсказы о старинѣ отъ своего отца и даже дѣда, также столѣтняго, своими воспоминаніями вдругъ перенесетъ васъ лѣтъ за полтораста или сто назадъ, въ иной соціальный и даже политическій строй жизни, и вы чувствуете себя на время въ средѣ людей иного склада, иныхъ воззрѣній, соразмѣряете минувшее съ настоящимъ, наблюдаете ростъ и измѣненія народной жизни, подъ часъ наталкиваетесь на обрывки фактовъ историческихъ, на мелкія черты, дорисовывающія извѣстныя вамъ изъ исторіи событія, или слышите вѣчно юную народную мораль въ примитивныхъ формахъ слова. Любопытно и важно знать, какъ смотритъ нашъ народъ самъ на себя, какъ видитъ онъ себя въ прошедшемъ, что, хранитъ изъ своего духовнаго наслѣдства въ старой памяти людей живущихъ и что изъ него кладетъ въ основу нарождающихся поколѣній; но еще важнѣе сохранить эту чистую, безпримѣсную рѣчь людей старыхъ, вымирающихъ. Сохранить ихъ разсказы въ неподдѣльной чистотѣ въ такую пору, когда родная рѣчь въ устахъ пишущихъ искажается и въ самомъ народѣ измѣняется отъ всякаго рода примѣсей, есть своего рода пріобрѣтеніе.

Съ этою мыслью я приведу здѣсь одинъ изъ такихъ разсказовъ, записаный мною на полтавскомъ побережьѣ, въ с. Вереміевкѣ, золотоношскаго уѣзда, отъ козака Грицька Ганчаря. Разсказъ этого 90-лѣтняго старика даетъ намъ затемненныя преданія о запорожцахъ, гетманщинѣ и черноморцахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ образчикъ простой, нѣсколько тяжеловатой, но замѣчательно чистой народной рѣчи.

Мы назвали преданія, сохранившіяся въ приводимомъ разсказѣ затемненными, не только по неясности очертанія событій, которыхъ они касаются, но и потому, что въ нихъ смѣшиваются событія болѣе отдаленной эпохи съ событіями эпохи позднѣйшей; но это нисколько не умаляетъ достоинства разсказа въ смыслѣ историческаго преданія и мы даемъ ему значительную цѣну. Это одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ разсказовъ, который устами разсказчика четвертаго поколѣнія въ опредѣленной нисходящей линіи переноситъ насъ въ XVII вѣкъ. Въ томъ мѣстѣ разсказа, гдѣ говорится объ ожидавшемся нашествіи турокъ и дѣлаемыхъ противъ нихъ заградахъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, равно о великомъ бѣгствѣ народа съ правой стороны Днѣпра въ полтавщину и черниговщину, отъ чигиринской Ведмедовки «и туды вверхъ Днипра ажъ до Нижена», мы имѣемъ дѣло несомнѣнно съ движеніемъ большой турецкой арміи, вызваннымъ затѣями Дорошенка и кончившимся осадою Чигирина. Разсказъ живо рисуетъ намъ вызванный этимъ движеніемъ переполохъ въ населеніи обѣихъ сторонъ Днѣпра и даетъ указаніе на неизвѣстныя намъ доселѣ мѣры загражденія турецкой арміи перехода за Днѣпръ.

Въ дальнѣйшей части разсказа преданіе спутываетъ два однородныя событія, отстоящія однако другъ отъ друга на разстояніи 66 лѣтъ, т. е. разореніе Сѣчи, произведенное по приказу Петра В. прилуцкимъ полковникомъ Галаганомъ, въ слѣдъ за измѣною Мазепы, и другое, совершенное Текеліемъ, по повелѣнію Екатерины II. Но всматриваясь ближе въ частности этого преданія, нельзя не видѣть, что, перенося черты одного событія на другое, въ большей части своей оно относится къ первому разоренію Сѣчи. Во 1-хъ до этого разоренія доживаетъ очевидецъ его, первоначальный разсказчикъ, вышедшій въ Запорожье мальчикомъ, спустя 7 лѣтъ послѣ отступленія турокъ отъ Чигирина; во 2-хъ онъ помнитъ тѣ

самовольства, которыя производили московскія рати, что никакъ не идетъ ко временамъ Екатерины II. Кромѣ того слово *москаль* употребляется здѣсь еще въ первоначальномъ смыслѣ власти, правительства, націи, а не въ позднѣйшемъ смыслѣ солдата или войска; въ самомъ разсказѣ слышится жившая тогда рознь и даже озлобленіе и передается о такихъ жестокостяхъ надъ попавшимися въ руки «москаля» запорожцами, которыя возможны были только въ то далекое и свирѣпое время.

Высокій интересъ имѣетъ исторически вѣрная часть разсказа о дѣйствіяхъ запорожцевъ при осадѣ Очакова, о выселеніи одной части ихъ въ Черноморье, о привольѣ и довольствѣ ихъ здѣсь и наконецъ о томъ, какъ передававшій всѣ эти преданія, разбогатѣвъ въ Черноморьѣ, въ глубокой старости вспомнилъ свою родину—полтавское побережье и явился туда съ семью возами рыбы, чтобы раздать ее въ милостыню своимъ землякамъ.—Вотъ самый разсказъ, записанный мною съ буквальною точностію.

То бувъ случай ще зъ-замолоду, уже литъ 70 тому буде. Чумаковали мы. Пишлы у Хведосій стрилкою черезъ Стомку. Тамъ припало намъ ночувать. Наварили мы соби вечерять и вечеряемъ. Ажъ прмиздить до нашои валки чумачокъ, изъ хлопцемъ, и симъ визъ при ёму. Пытаетьця: «Господа чумаки, позвольте й мени ночувать коло васъ, бо въ мене симья мала, боюся самъ».—«Добре», кажемо. Повыпрягавъ винъ волы, стали мы зъ нимъ балакать. Пытаетьця винъ насъ, зъ якихъ мы мистъ? Мы кажемъ, шо полтавськои губерніи, зъ такихъ-то мистъ—зъ Веремієвки. А винъ намъ говоритъ: «И я зъ Веремієвки, зъ Погорилого, Иваненко». Пытаетьця насъ, чи багато вже теперъ хатъ на Погорилому? Мы ёму сказали, шо бильшъ якъ 50 хатъ буде. А винъ намъ говоритъ: «Э—э, тоди якъ я бувъ у Веремієвци, то на Погорилому тилько 2 хаты було: наша, Иваненкова, та ще Пистунъ живъ, а на Тимченкахъ симъ хатъ було». Мы его пытаемось: «скилки-жъ вамъ, дидусю, годъ теперъ»? Каже: девьятдесятъ чотыри. Якъ я утикъ зъ Веремієвки, то тоди мини 7 годъ тилько було. А якимъ побытомъ утикъ зъ Веремієвки, то ось якъ: не було въ мене ни батька ни матери, а тилько живъ я при братови, та при сестри. Дви сестры було въ мене, одна замижемъ. Се було письля Весиднои: у Тимченки пишовъ братъ и

сестры пишли на весильля, а мене дома покинули. А въ насъ на току пшеныци багато намолоченои, и недомолоченои стигъ. У Пистуна сусида нашого 40 свиней. Тоди вольни луги були и все ходило по общому. Мене покинули пшеныци глядить, шобъ не вбиглы Пистунови свыни,—одного покинули. Коли приходить до мене товаришъ, такый же, якъ и я, хлопець, гратьця. Зачали мы гратьця, забулись теси й пшеныци. Зима була велика, а передъ Всеидною ростало. У насъ изъ Тимченокъ ричка текла зъ горовои воды, Ровецьке звалась. Такъ воно е й теперъ. Граемось мы съ тимъ хлопцемъ—якъ оглядивсь я, шо мене покинули пшеныци стерегти, пишовъ на тикъ, ажъ пшеныця розбита, и молочена, и не молочена, по всимъ току. Якъ занявъ я ти свыни изъ собаками, та нагнавъ ихъ ажъ на Ровецьке. А вода у Ровецькому якъ замерзла, то крыга тилько осталась такъ, якъ исъ чоловика заввышки одъ дна, а вода збигла у ричыще. Якъ нагнали мы свыни на той лидъ, якъ завалили лидъ, то такъ ти свыни до одной и пропали. Теперъ радимось мы изъ тымъ хлопцемъ, шо его робить? А мини ще тилько 7 литъ. Каже: нумъ тікать за Днипръ у Польщу [1]).—Ну-мъ, кажу: рамно и такъ бье братъ мене дурнисинько, а теперъ уже вбъють мене на вики, то буду вже тікать.

Теперъ ото радуты були коло Днипра у насъ, за-кгля осторожности одъ турка. Якъ турокъ ишовъ на нашъ край війною, то наши побережане за-кгля осторожности Днипръ полонили. Понасыпали радуты, поставили сторожу коло Днипра, рубали крыгу, шобъ присна вода йшла—не давали ій замерзать, шобъ туркови не дать на цей бикъ перейти. Та не тилько тутъ у насъ полонили Днипръ, и въ Кременчуци, та ажъ до самыхъ порогивъ скризь отака сторожа стояла радутами. То тоди турокъ тилько дійшовъ до Ведмедивки, тай завернувсь назадъ.

Якъ турокъ ишовъ тымъ краемъ, Польщею [2]), то ти люде, съ тихъ слобидъ зъ Мыхайливки, то зъ Княжого, то-що, зъ усихъ тихъ слобидъ, боячеся турка, тикали сюды. Весь мыръ витьтиль тикавъ сюды. И туды вверхъ Днипромъ, ажь до Нижена тикавъ народъ съ того боку.

---

[1]) На правый берегъ Днѣпра, въ нынѣшнюю кіевскую губернію. Тогда это были польскія владѣнія. Мѣстечко Веремівка стоитъ надъ Днѣпромъ, въ южной части золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи.

[2]) Кіевскою губерніею.

За моеи молодости то стари люди якъ згадували за те времья, то, було, росказують такый случай, шо якъ одна жинка та чотырехъ туркивъ убила. Отъ якимъ родомъ воно й було. На тимъ боци, недалеко й видсиль, верстъ за 40 стояла у лиси хатка. У тій хатци живъ чоловикъ изъ жинкою. Находять на той край турки. Чоловикъ злякавсь туркивъ, забравъ тилько двое дитокъ, тай утикъ, а жинку таку, шо отъ-отъ розсыплетьця, покинувъ у хати на Божу волю, бо іи не можно було ни на коня посадить, ни на визъ покласти. Якъ осталась та жинка сама, дитину изродила, зачала себе очищать, окропы гріе, а бачить у викно, шо прибигло два турки киньми. Кого боялась, тихъ два й прыбигло. Ажъ одинъ съ коня та въ хату. Вона той окрипъ, шо грила, стривши турка на порози, якъ лыне ему межи очи, такъ винъ и не кавкнувъ. Та трупъ его сховала. А другій жде-жде,—не выходыть товаришъ, тай соби въ хату. Такъ вона и тому такъ. А посли вньять два прыбигло, вона й тихъ такъ. Однимъ мечемъ повоювала,—усе окропомъ таки. Було и нашъ покійный дидъ невистокъ своихъ якъ зачне лаять, то все було каже: «Шо вы скверни б..... Отъ, говорыть, жинка була шо вона чотырёхъ чоловика турка вбила... Такъ ото жинка!»

Такъ оттожъ, кажу, весь мыръ виттиль тикавъ сюды у Гетьманщину. Оце Гетьманщина була—нашъ край, та іи й поныни Гетьманщиною дражнять. Якъ оце й сееи войны зъ Туркомъ [1]), якъ пидводу треба, або що доставить куды,—а наши побережане тамъ були, то заразъ: «А подай гетьманьцивъ»!

Такъ ото воно ся дидова Иваненкова бесидка діялась саме въ той часъ, якъ тогобицьки люди, письля турецькои колотнечи, вертались исъ цёго боку, зъ Гетьманщины, на свои миста. Такъ, каже, добигаемъ съ тимъ хлопцемъ до Днипра, ажъ коло Днипра багато людей тогобицькихъ изъ возами й зъ усимъ ганьнямъ [2]), зъ чимъ тикали, вертаються на той бикъ. Такъ я, каже, нышкомъ, шо мене нихто й не бачивъ, зализъ у те ганьня у ихне, а той хлопець вернувсь назадъ,—тому мабуть не страшно було. Отъ мене, каже, и перевезли на той бикъ, ажъ у Боровыцю [3]). И пробувъ я въ тій

[1]) Во время послѣдней русско-турецкой войны.

[2]) Домашній скарбъ: горшки и т. п.

[3]) Село черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи.

Боровыци симъ годъ, а тамъ товаришъ лучивсь, та повивъ мене ажъ у Запорожжа.

Отъ и жили вони у тимъ Запорожжу, вже не знаю стильки литъ жили, ажъ поки зруйнували Сичу Запорозьку. Каже, що посьлидьне время москаль налйгавъ запорозьця сылно. Ненавыдивъ винъ запорозьцивъ и гетьманьцивъ. То збытки и попереду сылни робивъ и беззаконіи всяки: худобу грабувавъ, жинокъ одъ чоловикивъ одимавъ... Збытки, сказано, беззаконіи робивъ усяки. А запорожець щежъ воленъ тоди бувъ. Такъ вони запорозьця и оббрехали цареви. Якже й оббрехали?—Узяли, наризали зъ лошятъ волосся зъ хвостивъ та зъ гривъ, а гусары запорозцемъ не тронени и не зачиплени ничого, та взяли те волосся, та у четверти позакладали и позашивали тай послали цареви, що отъ стико и отъ стико запорожець гусаривъ перебивъ. Оце ихни й волосы. А тоди гусары въ косахъ ходили, напутрювали, оттака голова була... Царь, прочитавши ихъ бумаги, каже: «попудь ёго, того запорозьця»!

Уже москаль налйга на Сичу. А дидъ таки тамъ бувъ. Налйга москаль, кошовый каже своимъ запорозьцямъ: «а що», каже, «паны-молодьци, здаймось!» А було тамъ между ихъ два хлопци, та добрыхъ мабуть. Выйшли вони на валъ, тай кажуть: «батьку! поки сьвитъ соньця насъ не возьмуть!» Одинъ каже: «я воды не дамъ», а другій: «я огню не дамъ» [1]). А винъ имъ отвича: «жалко»!.. Тамъ у Гетьманщини наши родители: батьки й матери, сестры й браты. То знущаеться сылно, а то ще й дужче знущатиметься зъ нихъ москаль». Такъ уже имъ прыйшлось, що треба й покорытьця.

Положили черезъ Днипръ пантонный мистъ до ихнего начальства, до московського. Главна старшина запорозька, побравши корогвы, знамена, вангелию, й хрестъ, и все, пишли поклонитьця московському начальству. Коли си два хлопци дивлятьця зъ валу, а вже Москва запорозьцямъ червони шапки надйва, и червони палчатки [2]), и червоны чоботы,—значить лублять ихъ сердешнихъ. А ихъ ще багато осталось у городи, 40 тысячъ,—такъ вони взяли, та башту забили, мистъ порвали, и москаля въ Сичу не пустили, та дожидають ночи. Дождались. Якъ узяли ночнои добы у судна

---

[1]) Значитъ, нельзя будетъ выстрѣлить изъ ружья.

[2]) Перчатки.

убиратьця, а москаль тамъ десь черезъ Днипръ перекинувъ цепъ (дидъ казавъ и де, та не згадаю), а ничъ темна, и вони думали, що запорожець дурень: не вмитиме, якъ пройти. И вырештовали черезъ цепъ бильшъ якъ сто пушокъ. Думка така, що якъ торгне запорожець судномъ у цепъ, то вдарять зъ пушокъ, щобъ ёго тамъ затопить. Такъ не таки ти й запорозьци були: возьмуть судно порожне, та нагрузять ёго землею, та каминнямъ, та ще чимъ, та й пустять за водою, щобъ черезъ цепъ торгнуло. То судно торгне цепъ, а вони зъ пушокъ и завалять, думають, що то судно зъ запорозьцями, а запорозьци тимъ часомъ и проскакують за цепъ. Тамъ уже за цепомъ не страшно запорозцеви. То такимъ побытомъ живыми й проскочили уси 40 тысячъ, та до турка и втекли, у Турещину. А Турещина—якъ за Бериславъ, такъ и Турещина вже була: Чорна Долина, Гайманъ, Сирогозы, то то все була Турещина. И вони ти запорозьци упросились до турка. Теперъ-же имъ треба присягти туркови. Ото вже имъ дано кутъ сюды, Олешки то-що. Теперъ тамъ понаселювано Бо-зна стилько слобидъ. Ото кошовый пославъ у свою прежню землю запорозьцивъ чоловика два, або й три набрать земли теси, де вони жили, зъ Запорожжя, запорозьскои земли. Теперъ уси, стильки ихъ тамъ було, 40 тысячъ, коженъ соби у свои чоботы земли теси взявъ, запорозькои. Повзувалися и пишли на присягу до салтана. И присягають такъ: на чій земли стоимо, тому й вируватимемъ и служитемемъ. А вони на своій на запорозькій земли стоять, туркови клятьбы не дають ни якои. Присягли тай живуть.

А Крымъ турецькій тоди бувъ. Хотя й издили туды наши малороссіяне по силь, такъ у турка ту силь брали. 10 рубливъ заплатить, та й набира на визъ, хочъ и 200 пудивъ, та вывезе за башту, тай насыпа на два й на три возы, щобъ легче везти, тай иде до дому, а турокъ зъ своими провожателями ажъ до Береславу провожа, щобъ що не пообижало.

Теперъ уже Москва налйга, щобъ Крымъ одибрать отъ туркивъ. Запорозьци порадились мижъ собою: «мы своему цареви присягали, на ёго земли»,—а вже москали понудили турка видсиль зъ Чорнои Долины, зъ Гайманивъ, уже турокъ заперся у Перекопи, а палата царська була на Гаймани,—Долина Гайманъ е. Теперъ москаликъ найшовсь такій,—думали дурачокъ дуже, а винъ мабуть

розумнишій всихъ бувъ: постригли ему волосы, такъ повыстригали, абы-якъ,—те покине, а те остриже,—та вбрали ёго у лахмитьтя у скверне въ таке, торбы понавишували старчецьки, такъ якъ старци ходять. Пишовъ винъ у Перекипъ до туркивъ. Вони зъ ёго кглузують, изъ малороссіянського старця... а винъ упавъ у ривъ отой и ставъ кричать. Турки ёго й вытягли того дурника зъ рову, та ажъ три дни, кажуть, вони зъ ёго кглузували, зъ того старця. Якъ вытягли ёго зъ рову, винъ и скрывся, та до арміи... Якъ давъ знать начальствови, стильки чого треба на той ривъ, стильки драбинокъ, стильки тарасу,—такъ винъ роздививсь, той дурникъ. А запорозьци все це й знають, що робитьця. Поихало два запорозьци у палату до царя на Гайманъ. Кажуть: «дайте намъ ту землю, що мы жили въ ній, такъ мы безъ ничого той Крымъ визьмемъ». «Не можна, каже царь, бо заселено вже слободами те ваше мисце, а есть, каже, у мене земли коло Чорного Моря, то ти я вамъ дамъ».—Такъ вони й согласились; тилько часть согласились, а часть у Турещыни остались, ажъ поки Гладкій ихъ виттиль не вывивъ. Такъ ище ти одъ царя не прыихали, а ци вже знають, що коло Чорного Моря подаровано имъ земли.—Ну, такъ кавалерію, каже, обвивъ запорожець Сывашемъ, а пихоту той дурникъ провивъ черезъ валъ. Той ривъ закидали, а на валъ драбинки поставляли, та й вылизла армія. Ничъ темна, а були таки, що пообертали пушки на ихню-жъ сторону, тилько одной угловой не обернули, и позаклепували у пушокъ пановки. Якъ вылизла музыка зъ барабанами, а запорозьци виттиль выихали Сывашемъ, а си зъ моря пиши..., такъ вони якъ зъ сіи угловои пушки выстрелили, то чимало вылущили, а тамъ посередъ крипости могила стояла, то якъ стрельнула бонба, якъ попала на ту могилу, то такъ якъ ривъ перекопало щось. Такъ воно й поныни есть. Оце стильки чумакувавъ я, то все той ривъ е.

Такъ ото той дидъ тамъ и бувъ усе въ тихъ компаніяхъ. А якъ уже кончилась война, то имъ дано й землю тамъ, коло Чорного Моря; оттожъ вона Черноморіею й звецьця. И винъ, той дидъ бувъ уже у Катырнодари жителемъ. То тутъ винъ бувъ Иваненко, а тамъ у запорозьцивъ Бурдунисъ. Такъ винъ и насъ пидмовлявъ до себе въ Катырнодаръ,—Бондаря Якова и мене. Той уже жонатый бувъ, а я ще. Каже було дидъ: «въ мене хазяйство велике,—

три заводы рыбнихъ, по 16 чоловика у кожному заводи,—дочка одна, більшъ никого..., такъ ябъ, каже, отдавъ за васъ хлопци й дочку ». Я не схотивъ черезъ те, що боявся батька, що буде проклёнъ якій великій, що безъ ёго видома пишовъ, а той Бондарь жонатый бувъ.

Такъ той Бурдунисъ симъ возивъ рыбы не на продажъ визъ, а роздававъ по слободамъ милостину. Зъ однимъ тильки хлопцемъ ѣздивъ. Та днивъ два зъ нами пробувъ винъ; такъ уже зрадївъ, що своихъ вереміевцивъ побачивъ...

Сообщ. **Порфирій Мартыновичъ.**

ПИСЬМО КЪ ДРУГУ ОТЪ ОФИЦЕРА НАХОДЯЩАГОСЯ ВЪ КІЕВѢ.

Предлагаемая вниманію читателей эпиграмма на кіевское общество есть произведеніе нѣкоего офицера Уманскаго, квартировавшаго съ полкомъ въ Кіевѣ въ концѣ прошлаго столѣтія (умеръ въ 20-хъ годахъ нынѣшняго). Оригиналъ печатаемаго стихотворенія сообщенъ мнѣ М. К. Буховецкимъ, землевладѣльцемъ елисаветградскаго уѣзда, къ которому перешла и библіотека Уманскаго, находившагося въ родствѣ съ нимъ. Библіотека эта состоитъ изъ сатирическихъ журналовъ прошлаго столѣтія, сочиненій Вольтера въ русскомъ переводѣ и проч., что обнаруживаетъ въ нашемъ авторѣ вкусъ къ отрицанію и сатирѣ; особенности-же правописанія его указываютъ на малороссійское его происхожденіе. Предлагаемое «Письмо къ другу» не отличается ни большими достоинстами стиха, ни особенной остротой насмѣшки, которая носитъ характеръ преимущественно личный и только изрѣдка колетъ пороки общественные. Эти послѣднія черты и данныя о составѣ тогдашняго кіевскаго общества даютъ «Письму» нѣкоторое право на вниманіе любителей кіевской старины. **В. Я.**

Я тебѣ далъ обѣщанье
Написатъ, какъ здѣсь живемъ.
И вотъ длинное посланье:
Всіо найдешъ подробно въ немъ.
Не сатиры острымъ жаломъ,
Правды я пишу перомъ.

Тутъ пристрастья нѣтъ нимало;
Я ни съ кѣмъ здѣсь незнакомъ.
Не касаясь ничьей чести,—
Это стыдно и грѣшно,—
Хвалю доброе безъ лести,
А надъ тѣмъ, что всѣмъ смѣшно,
Я смѣюсь, но не по модѣ.—
Мнѣ гнусна злословія тѣнь.
До обѣда на разводѣ
Маршируемъ каждый день,
Вечера-же провождаемъ
Завсегда между собой.
Не за тѣмъ, что мы не знаемъ,
Какъ прійти на дворъ чужой,
Но во всѣхъ домахъ здѣсь съ тономъ,—
Испыталъ я самъ не разъ,—
Угощаютъ лишь бостономъ
И злословятъ на заказъ.
И невѣжества оттѣнки
И разврата вѣчной храмъ,
Напримѣръ у Иваненки,
Твоимъ встрѣтятся глазамъ.
Не ищи тутъ благородства,
И ума, и красоты:
Лишь полдюжины дородствомъ
Славныхъ дамъ нашелъ-бы ты.
Видя ихъ, они какъ вольны,
Какъ раскрашены притомъ,
Ты подумалъ-бы невольно,
Что пришелъ въ недоброй домъ.
И со всѣмъ тѣмъ эти балы
Совершенно безъ стыда
Посѣщаютъ генералы
И дѣтей возятъ сюда.
Вотъ П... для модели

И курьезный князь другой,
Вотъ Ивановъ посѣдѣлой
Съ своей горлицей женой.
Естьли-бъ самъ ты повстрѣчался
Жены модной съ муженькомъ,—
Хоть грѣшно, но разсмѣялся-бъ
Надъ столѣтнимъ голубкомъ.
А она вся завитая,
Вся разряжена, въ духахъ,
Безпрестанно присѣдая,
Ходитъ будто на гвинтахъ,
Поминутно лобизаетъ
Лобъ супруга съ сѣдиной
И удачно представляетъ
Роль циганки молодой.
А Н... супруга,
Въ пятьдесятъ почти ужъ лѣтъ,
Позабывъ свои недуги,
Плѣнить хочетъ также свѣтъ.
И сестры ея дородны,
Пара красныхъ дочерей,
Коя очень часто плодны,
Подражаютъ во всемъ ей:
Открываютъ все для взора,
Забывая смертный часъ.
Боже! насъ спаси отъ мора
И отъ вѣчныхъ сихъ заразъ!
Вотъ какія тамъ красотки!
То не сказки, суща быль.
Лучше взять-бы имъ всѣмъ чотки
И приняться за псалтирь,
Чтобъ простилъ Богъ согрѣшенья,
Не лишилъ послѣднихъ зубъ.
Но еще имъ въ угожденье
Здѣсь составился и клубъ.

И мнѣ много-бъ было дѣла
Членовъ всѣхъ его назвать,
Но двухъ-трехъ лишь для примѣра
Опишу, чтобъ могъ понять,
Какъ на свѣтѣ часто ложно
Имена вещамъ даютъ,
И безстыдно и безбожно
Благородствомъ низость чтутъ.
Здѣсь все то, что не въ кафтанѣ,
А во фракѣ, въ башмакахъ,
Что не ходитъ въ сарафанѣ,
Все въ почтенныхъ ужъ людяхъ!
Вотъ вамъ Мусманъ для примѣра:
Какъ уваженъ и почтенъ!
Шинковать была вся сфера,
Для которой онъ рожденъ;
Но, узнавъ, при помощи науки,
Тайны древнія жидовъ,
Коей главныя всѣ штуки,
Какъ отъ водочныхъ паровъ
Отдѣлять червоныхъ, злотовъ,
Сталъ довольно онъ богатъ,
Потомъ взялъ для оборотовъ
Христіанство на прокатъ.
И теперь съ полмилліономъ,
Позабывъ корчму, гдѣ взросъ,
Роль играетъ онъ барона,
Ходитъ, гордо вздернувъ носъ;
Но, при всѣхъ его стараньяхъ,
Видѣнъ все въ немъ еще жидъ:
Чтобъ вписался кто въ собранье,
Какъ онъ кланяется, льститъ!
Проситъ: дайте, не скупитесь
Шесть червончиковъ на балъ,
Въ волю вы навеселитесь,

А намъ, бѣднымъ, капиталъ.
Подъ личиной благородства
Обираетъ всѣхъ онъ такъ
Для жены своей дородства
И смѣется самъ въ кулакъ.
Съ нимъ директоръ Бурлянскій,
Славный брюхомъ господинъ,
Для всѣхъ армій провіантскій
Можетъ быть въ немъ магазинъ.
Онъ по дыму угадаетъ,
Ужинъ гдѣ, или обѣдъ,
И туда въ мигъ поспѣшаетъ,
Гостя лакомство гдѣ ждетъ.
Реймерсъ въ клубѣ тожъ вельможа,
Эйзеншмитъ съ нимъ нѣмчура —
Отвратительная рожа,
Записные шулера;
И ужъ многимъ отъ искусства
Ихъ осталася сума;
На лицѣ у нихъ распутства,
Это общества чума!
Вотъ Шіяновъ, мужъ всѣмъ нужный,
Славится здѣсь ремесломъ,
Люди въ немъ всѣ очень трудны,
Въ нуждахъ ихъ спасенье въ ніомъ.
Пятдесятъ только процентовъ
Съ нихъ по дружбѣ онъ беріотъ
И бесъ всякихъ документовъ
Подъ закладъ даіотъ.
Вотъ директоры какіе!
Ихъ портретъ съ натуры снятъ.
Спекулянты удалые —
Знаютъ, деньги какъ достать.
Жаль, что наши генералы,
Благосклонны бывъ для нихъ,

Записаться въ клубы, балы
Удостоили всѣхъ ихъ.
Правда, въ обществѣ разбора,
Такъ, какъ въ службѣ, нѣтъ въ чинахъ,
Но герою подлѣ вора
Всіо некстати ужъ стоять
И не должно генералу
Плутамъ дружбой дѣлать честь.
Но заглянемъ въ клубну залу
И посмотримъ, кто здѣсь есть?..
Кто тамъ, въ уголъ уклонившись
Съ крѣпкой думою одинъ,
На бостонъ взоръ устремивши?
Экеъ-картежникъ Сухотинъ;
Вспоминаетъ прежне время,
Щастья, ласки для него;
Теперь старыхъ картъ ужъ бремя
Все имѣнье у него.
Вотъ всѣхъ глупостей образчикъ
Князь Кудашевъ, блудный сынъ,
Городскихъ вещей разсказчикъ,
Въ котильонѣ командиръ.
Какъ среди болотъ лягушка,
На вола чтобъ походить,
Такъ Пановъ—хвастунъ, болтушка,
Дуется и всѣхъ смѣшитъ.
За нимъ рядомъ Сербутовскій
И его товарищъ, другъ
Тихоновъ, какъ котъ заморскій,
Промышляютъ у старухъ.
Также рѣзко суетится
И Черкуцкій инвалидъ
И ужъ слишкомъ онъ гордится,
Что на немъ Анна виситъ.
Посмотрите, какъ мараетъ,

Своей пудрой всѣхъ Шиповъ!
Много денегъ проживаетъ,
Слыветъ графомъ у жидовъ,
Представляетъ селадона,
Прельщать милыхъ хочетъ то-жъ
И въ павлиныхъ на ворону
Перьяхъ очень онъ похожъ.
Поглядимъ на чудесныхъ
Въ клубъ собравшихся красотъ:
Рѣдко встрѣтишь здѣсь примѣтныхъ —
То старуха, то уродъ.
Полыневы двѣ сестрицы,
Тучной Гравиныхъ терцетъ,
Сносны всѣ имѣютъ лицы,
Но ужъ слишкомъ много лѣтъ;
Всѣ ужимки ихъ неловки
И весьма нескроменъ видъ,
Притомъ въ звукахъ очень громкихъ
На полынь мольва трубитъ.
Вотъ Воейкова и съ Перской
Обѣгаютъ залу въ кругъ—
Не красивы, и не мерзки,
Но отъ нихъ несносный духъ;
Словно въ бусахъ щеголяютъ,
Глазки ищутъ жениховъ,
Видъ невинности являютъ,
Но ужъ міръ сталъ не таковъ!
И титулъ невѣстъ небесныхъ
Имъ согласно далъ ввесь свѣтъ.
Вотъ и Марченкова прелестна.
Всѣхъ глаза за нею въ слѣдъ.
Съ нею Ширкова изрядна
Украшаетъ здѣшный пиръ,
Лошакова то-жъ пріятна
И танцуетъ, какъ зефиръ.

Еще истинно прелестныхъ
Дамъ три иль четыре есть,
Кои рѣдкимъ посѣщеньемъ
Клубу дѣлаютъ ту честь.
Но какой контрастъ поносной
Зрѣть П. . . . . тоже тутъ,
Гуріяловыхъ курьіозныхъ,
Всіо ихъ царство и компутъ,
Михайловской шлюхѣ кстати
Не въ клубъ ѣздить, а въ балетъ,
Или прыгать на канатѣ,—
Много денегъ соберетъ.
Соболевская амурку
Палыгать хочетъ тоже власть;
Точно вывѣска въ цилюрнѣ
Реймерсова ей подъ стать.
Вотъ толкаетъ Захаржевска
Всѣхъ—ей тѣсенъ цѣлой міръ,
Ей-бы въ полкъ преображенской—
Былъ-бы первый гренадиръ,
И тамбуръ-мажоръ нарядный
Изъ ней можетъ тоже быть,
Лишь одѣть въ мундиръ парадный,
Поучить прямо ходить.
Ростомъ съ башню вавилонску,
Одна въ полѣ побѣдитъ.
Вотъ кокетка Калиновска
Взглядовъ нѣжныхъ не щадитъ.
Остальныхъ отъ лихорадки
Приписать можно-бъ подъ рядъ,
Или въ нугалину на святки;
Здѣсь и клубъ, и маскарадъ.
Теперь только танцовальный
Залъ представь ты: тѣсенъ міръ,

У дверей пару квартальныхъ
Но ужъ свѣтъ... Письмо кончаю.
Въ караулъ мой день вступать.
Послѣ-же я обѣщаю
Продолженье написать.

Сообщ. **В. Н. Ястребовъ.**

СТАРИННЫЯ ОРУДІЯ НАКАЗАНІЯ И ИСПРАВЛЕНІЯ.

Въ октябрской книжкѣ «Кіевской Старины» г. Борисъ Познанскій привелъ краткое описаніе и рисунки двухъ видовъ деревянныхъ оковъ, употреблявшихся въ нашемъ краѣ еще въ недавнее время. Считаемъ не лишнимъ дополнить эти небезъинтересныя для мѣстной археологіи свѣдѣнія.

Дыбы, описанныя г. Познанскимъ, отличались отъ прочихъ подобныхъ орудій тѣмъ, что составляли способъ *ареста* и не лишали заключеннаго возможности двигаться, другія-же были неподвижны и употреблялись, какъ мѣра наказанія. Дыбы надѣвались на одну ногу даже и тогда, когда въ нихъ заключали не по двое, а даже и одного человѣка. Онѣ назначались для замедленія движеній, въ предупрежденіе побѣга, т. е. играли ту-же роль, какъ напримѣръ пушечное ядро у тулонскихъ каторжниковъ. Судя по выраженію приводимой ниже пѣсни, можно думать, что иногда надѣвались дыбы и на обѣ ноги, т. е. на каждую порознь. Подобный инструментъ употреблялся также для заключенія рукъ арестованнаго и назывался по аналогіи уменьшительными формами: дыбки, дыбыци, дыбъята. Но первоначальное назначеніе ихъ собственно для ногъ видно изъ латинскаго названія *compes*, какое даютъ имъ древніе польскіе хронисты. Для рукъ употреблялось также сходное орудіе «*скрыпыци*»; онѣ дѣлались изъ изогнутой въ двѣ параллельныя полосы дубовой пластины, которыя въ этомъ положеніи высушивалась; руки привязывались въ углы изгибовъ. Въ народной пѣснѣ о «джыгунѣ», котораго подвергаютъ наказанію за непомѣрное ловеласничество, упоминаются, по разнымъ ея варіантамъ, различныя виды этихъ иструментовъ.

Ой джыгуне, джыгуне, який ты ледащо:
Ведуть тебе до пана, самъ не знаешъ за що.

Тоди буденъ знати, якъ будуть карати,
Якъ будуть *на ноги дыбы набивати*.
Ой на ноги дыбы, *на руки дыбыци*,
Ото-жъ тоби, джыгуне, за ти молодыци;
Ой на ноги дыбы, *на руки дыбята*,
Ото-жъ тоби, джыгуне, молоди дивчата.

Гусакъ, по польски *Gąsior*, бывалъ и иной совершенно формы, чѣмъ описанный г. Познанскимъ. По упоминанію польскаго агронома конца XVII вѣка, Якуба-Казимира Гаура (Skład, albo skarbiec znakomitych secretów Oeconomii ziemiańskiey), виновный заключался въ гусакъ не за ногу, а за шею и за руки. Такой гусакъ состоялъ изъ нѣсколькихъ досокъ, вставленныхъ ребромъ одна на другую между вбитыхъ въ землю по обѣимъ концамъ паръ кольевъ. Отверстія для шеи и рукъ находились въ выемкахъ двухъ смежныхъ досокъ, ниже аршина высоты, такъ что заключенный долженъ былъ стоять на колѣняхъ или какъ-бы на четвереськахъ. Иногда, въ усугубленіе кары, ему отпускалось въ этой позѣ еще и тѣлесное наказаніе розгами или кіями.

Колода отличалась отъ гусака тѣмъ, что дѣлалась не изъ досокъ, а изъ брусьевъ, отверстія находились въ ней ниже, было ихъ не по три, а по четыре: въ среднія вдѣвались ноги виновнаго, а въ боковыя его руки. Колода дѣлалась гораздо длиннѣе гусака, всѣхъ отверстій бывало въ ней много, какъ что въ одну колоду сажали одновременно по нѣскольку человѣкъ. Положеніе человѣка въ колодѣ было, вѣроятно, еще тягостнѣе, чѣмъ въ гусакѣ, гдѣ онъ могъ свободно передвигать ноги, въ колодѣ-же онъ не могъ пошевельнуть ни однимъ членомъ, оставаясь неизмѣнно въ сидячемъ положеніи, причемъ ноги были приподняты отъ земли, корпусъ согнутъ подъ острымъ угломъ, а руки притянуты на одну линію съ ногами.

На Полѣсьи оригинально пользовались иногда, не въ видѣ кары уже, а въ видѣ насилія и самоуправства, для заключенія побѣжденнаго непріятеля оградами, какъ онѣ здѣсь и до сихъ поръ дѣлаются. Этотъ первобытный способъ огорожи, такъ называемое *ворье*, состоитъ изъ ряда кольевъ, вбитыхъ попарно на 8, 10 и больше аршинъ одни отъ другихъ. Каждая пара переплетается крѣпко накрестъ, въ двухъ или трехъ мѣстахъ своей высоты, въ

каждой парѣ одинаково, *каблучками*, т. е. свитою вдвое свѣжей лозой, иначе называемой *ужовками*. На каблучки каждыхъ двухъ смежныхъ паръ кольевъ, находящіяся на равныхъ высотахъ, кладется концами по жерди, и ограда готова. Вотъ на эти-то жерди, на нижнюю или среднюю, клали чьи нибудь ноги, перекладывали на нихъ верхнюю жердь и связывали концы жердей, такъ что заключенный оказывался въ такомъ положеніи, какъ въ формѣ гусака, описанной г. Познанскимъ. Въ актовыхъ овручскихъ книгахъ встрѣчаются иногда «протестаціи» въ такомъ родѣ: жалуется, напримѣръ, околичный шляхтичъ на своего сосѣда, шляхтича-же, что послѣдній, въ отсутствіе жалобщика, поссорился съ его женою, избилъ ее, сорвалъ головную повязку,—что считалось у шляхты, какъ и теперь въ народѣ, великимъ безчестьемъ,—и наконецъ ввязалъ ея ноги между ворыны, жерди. Послѣдній способъ наказанія употреблялся нерѣдко, до недавняго даже времени, въ сельскихъ братствахъ и цехахъ для провинившихся противъ правилъ нравственности.

Куна считалась наказаніемъ наиболѣе легкимъ изъ всѣхъ перечисленныхъ, имѣющимъ болѣе характеръ позорящій, чѣмъ истязательный. Она бывала въ двухъ формахъ. Одна изъ нихъ представляла собою позорный столбъ, къ которому виноватый, въ стоячемъ положеніи, со связанными руками, прикрѣплялся желѣзнымъ обручикомъ за шею. Такой позорный столбъ выставлялся обыкновенно на видномъ мѣстѣ, въ видѣ поученія и примѣра всему мѣстному населенію и ради вящшаго стыда виновному. Иногда къ заключенію въ такую куну присоединялось публичное-же тѣлесное наказаніе. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, куною пользовались не только помѣщики и ихъ урядники, но въ нее заключали также по приговорамъ громады, или по требованію священника. Впрочемъ до весьма недавняго еще времени послѣдними употреблялась особая церковная куна, иной формы, какъ одинъ изъ видовъ эпитиміи. Она вывелась почти на нашихъ глазахъ; намъ еще не разъ приходилось въ дѣтствѣ слышать угрозы за шалости или непослушаніе, что «якъ видешъ до сповиди, то пипъ у куну замкне». Церковня куна это была небольшая желѣзная скоба на стѣнѣ колокольни, прикрѣпленная вертикально, совершенно такой-же формы и устройства, какъ употребляемыя и нынѣ скобы для запиранія воротъ съ

«дышлемъ». Этой скобою прихватывали виновнаго въ явномъ или только исповѣданномъ грѣхѣ за руку и запирали на замокъ, оставляя его въ этомъ положеніи всенародно, во время обѣдни, на одинъ или нѣсколько воскресныхъ дней, сообразно тяжести содѣяннаго и по усмотрѣнію священника.

По всей вѣроятности, въ обѣихъ формахъ куны первоначально употреблялись не желѣзные запоры, а деревянные, какъ во всѣхъ прочихъ описанныхъ здѣсь старинныхъ видахъ заключенія. Не мѣшало-бы нашимъ изслѣдователямъ обычнаго права обратить вниманіе на разсказы и преданія о различныхъ формахъ и видахъ уголовныхъ каръ вообще и о спеціальномъ примѣненіи нѣкоторыхъ изъ нихъ къ извѣстнымъ родамъ преступленій. Объ этомъ предметѣ надѣемся поговорить еще въ другой разъ.

Ив. Новицкій.

ДВА СЛОВА О ПАНѢ КАНЕВСКОМЪ.

(По поводу статьи: «Двѣ старыя украинскія пѣсни». «Кіевская Старина», октябрь).

Николай Потоцкій, староста каневскій, сынъ белзскаго воеводы, родился въ 1712 г., умеръ 15 іюня 1782 г.; о немъ имѣется достаточно свѣдѣній въ современныхъ документахъ, мемуарахъ и въ позднѣйшей польской литературѣ. Ограничимся здѣсь указаніемъ, что эта эксцентричная личность обращала на себя и въ свое время всеобщее вниманіе. Во время бытности въ Каневѣ короля Станислава-Августа въ 1787 г., запала однажды рѣчь за обѣдомъ о Потоцкомъ; многое разсказывалъ о немъ мѣстный базиліанскій «опатъ» (настоятель монастыря) Бонифатій Физикевичъ. Въ описаніи королевскаго путешествія, изданномъ Крашевскимъ (Podróż Króla Stanisława Augusta w 1787 r. do Kaniowa. Z listów Hr. Platera wydał J. I. Kraszewski), сообщается объ этомъ такъ: «По тому поводу, что Каневъ находился во владѣніи белзкаго воеводича Николая Потоцкаго, прославившагося на всю Польшу своими выходками и приключеніями, разбирали различные анекдоты о немъ и бывавшіе съ нимъ въ жизни случаи. Не оставили безъ вниманія и того любопытнаго превращенія, когда Потоцкій изъ владѣльца громад-

нѣйшихъ имѣній съ милліоннымъ доходомъ (т. е. въ 1 милліонѣ злотыхъ), содержавшаго до 3,000 надворнаго войска, вдругъ превратился въ базиліанскаго монаха, передавъ всѣ имѣнія роднымъ; а потомъ, выйдя изъ базиліанскаго ордена, сдѣлался мальтійскимъ кавалеромъ. Можно думать, что этотъ его поступокъ объясняется желаніемъ предоставить своей молодой женѣ, съ которою онъ однако не жилъ, но законнаго развода получить не могъ,—освобожденіе отъ брачнаго обѣта и право вступить въ новый бракъ».

Каневскимъ староствомъ владѣлъ Потоцкій уже съ 1738 г. Въ это время въ составъ староства, кромѣ Канева, входили села: Степанцы, Курыловка, Масловка, *Николаевка*, Македоны, Тулинцы, Грищинцы, Костянецъ, Бобрица, Селище, Пшеничники, Букринъ, Пищальники, Ромашки, Грушевъ, *Піи*. Это перечисленіе, значащееся въ визитѣ уніатскаго деканата за 1746 годъ, неполно. Изъ пяти селеній (Николаевка, Потокъ, Прицки, Піи, Пивцы), будто-бы основанныхъ и наименованныхъ Потоцкимъ въ честь одной изъ своихъ метрессъ—Приськи, здѣсь упомянуты только два. Но изъ этихъ же селъ Пруцки или Прицки, равно какъ и Піи (откуда и уменьшительное Пивцы, лежитъ по сосѣдству), существовали несравненно раньше, еще въ первой четверти XVII вѣка, какъ это видно изъ люстраціи 1622 г. Такимъ образомъ, легенда объ этихъ селахъ представляется апокрифомъ или, по крайней мѣрѣ, должна быть съужена: Потоцкій могъ основать только Николаевку и Потокъ, по своему имени и фамиліи, первую раньше, вторую-же послѣ 1749 года; ради Приськи переименованы развѣ Пруцки изъ Пруцекъ, хотя такой переходъ звуковъ (у въ і) и безъ того въ духѣ мѣстнаго говора. Вѣрнѣе, что самыя названія дали поводъ сложить изъ нихъ фразу «Николай Потоцкій съ Приськой пьетъ пивцо», подобно тому, какъ имена мѣстностей близъ Чернигова послужили матеріаломъ для анекдота о ходебщикѣ-офенѣ, который будто-бы излагалъ свой маршрутъ (Жуковка, Куликовка, Выбли, Черниговъ, Коты, Полуботки, Сядричи, Холявинъ, Сибережъ) въ такой уже черезчуръ оригинальной формѣ, что не представляется даже возможнымъ передать ее въ печати.

Пѣсня о «Бондаривнѣ», убитой каневскимъ старостою, извѣстна въ нѣсколькихъ варіантахъ, напечатанныхъ въ различныхъ малорусскихъ сборникахъ пѣсень. Но варіантъ г. Познанскаго пред-

ставляетъ значительныя различія въ подробностяхъ, а главное отличается совершенной цѣльностью, законченностью и нѣкоторыми особенностями склада, указывающими, что и напѣвы этой пѣсни весьма неодинаковы по мѣстностямъ. Къ сожалѣнію, напѣвы ея до сихъ поръ не были издаваемы ни разу, и въ этомъ отношеніи сообщеніе г. Познанскаго даетъ весьма интересную новинку. Въ виду многочисленности изданныхъ уже текстовъ (хотя и въ этомъ отношеніи остается сдѣлать гораздо больше того, что уже сдѣлано), и въ виду наводненія нашихъ селъ чуждыми имъ мотивами, собирателямъ слѣдовало-бы обратить особенное вниманіе на записи напѣвовъ. Особенно цѣнны такія записи, какъ сдѣланныя г. Краснокутскимъ, т. е. стремящіяся къ возможно точнѣйшей передачѣ особенностей народной интонаціи, отрѣшаясь отъ всевозможныхъ требованій музыкальной теоріи, примѣненіе которой къ изслѣдованію народной пѣсенности возможно будетъ и всегда въ будущемъ, лишь-бы только собраны были своевременно и въ достаточной полнотѣ *вполнѣ вѣрные* матеріалы. Большая часть нашихъ собирателей народной музыки тѣмъ именно и грѣшитъ, что не ограничивается записью, а *въ тоже время* разбираетъ напѣвъ, мысленно его аранжируетъ и т. д., а все это отражается невольными искаженіями народнаго мотива въ угоду требованіямъ теоріи, искаженіями мелкими, но нерѣдко лишающими его своеобразности, оригинальности, т. е. тѣхъ именно качествъ, которыя особенно дороги въ этнографическомъ отношеніи.

Ив. Новицкій.

ЗАПРЕЩЕНІЕ КУПАЛЬСКИХЪ ОГНЕЙ.

Не смотря на многовѣковыя преслѣдованія, многіе обряды языческой старины до сихъ поръ еще сохраняются въ Малороссіи. Къ числу такихъ обычаевъ принадлежитъ и празднованіе купала. Разведеніе купальскихъ огней, прыганіе черезъ зажженные костры и др. купальскіе обряды удержались у насъ не только въ глухихъ деревняхъ, но даже вблизи большихъ интеллигентныхъ центровъ; наприм. въ предмѣстьяхъ г. Харькова до настоящаго времени можно наблюдать упомянутое обыкновеніе. По всей вѣроятности обряды подобные купальскому удерживаются народомъ до нашихъ дней

собственно потому, что народъ не находитъ въ нихъ ничего языческаго, ничего противурѣчащаго религіи, а смотритъ на нихъ лишь какъ на простое развлеченіе въ своей однообразной трудовой жизни.

Въ прошломъ столѣтіи дѣломъ искорененія остатковъ языческихъ обрядовъ занимались архіереи, которые нерѣдко обращались къ паствѣ съ посланіями и увѣщаніями отстать отъ исполненія этихъ обрядовъ; но въ болѣе важныхъ случаяхъ, именно когда послѣдствіемъ исполненія какого либо обряда было какое либо несчастье, наприм. чья либо смерть, искалѣченіе и т. п., въ такихъ случаяхъ и гражданская власть принимала мѣры къ отмѣнѣ обряда.

Приводимъ распоряженіе, сдѣланное малороссійскимъ войсковымъ генеральнымъ судомъ въ 1769 году о воспрещеніи празднованія купала. Поводомъ къ его опубликованію, какъ увидимъ, былъ именно одинъ несчастный случай, который произошелъ въ мѣстечкѣ Ичнѣ, нынѣшняго борзенскаго уѣзда.

Указъ ея императорскаго величества, самодержицы всероссійской изъ генеральнаго суда въ полковую черниговскую канцелярію.

Введенное между невѣжества и вездѣ безъ всякого помѣшательства и воспрещеній распространяючоесь застарѣлое игрище, называемое купальенъ огонь, которое законами давно пресѣчь и истребыть велѣно, вмѣсто того, по потворству и упущеніямъ правительствъ, на коихъ должности сіе искорененіе должно залежить, открываетъ нынѣ неизбѣжные уже убійства случаи, о чемъ самымъ дѣломъ въ судѣ генеральномъ доказательство есть: что въ полку прилуцкомъ, въ мѣстечкѣ Ичнѣ, при разведенномъ собравшимися на таково игрище невѣжами огнѣ, когда оной при ночномъ времени съ обоихъ сторонъ одними противъ другихъ перескакиванъ, то одны противъ другихъ съ немалимъ по всей силѣ стремленіемъ на самомъ томъ огнѣ сбѣгшись, толь жестоко ударились, что одна съ того числа дѣвка на смерть убита въ самомъ томъ огнѣ, и хотя убійца, въ разсужденіи неумислу, отъ смертной казни увольняется, однакъ какъ за жестокимъ въ страхъ другымъ публичнымъ безъ пощадѣнія наказаніемъ и платежемъ головщизны, такъ и немаловременнымъ тюремнымъ содержаніемъ (наказанъ). А какъ по сему дѣлу и отъ малороссійской коллегіи велѣно отъ таковыхъ противозаконныхъ игрищъ не токмо воздерживать и до оныхъ невѣжествъ не допущать,

но и вовся искоренить, дабы оныхъ нигдѣ не было: того ради, по указу ея императорскаго величества и по опредѣленію генерального суда, какъ въ прочіе малороссійскихъ полковъ полковыя канцеляріи указы посланы, такъ и въ полковую чернѣговскую канцелярію велѣно послать сей указъ и предложить, дабы отнынѣ во всемъ томъ полку навсегда и вездѣ, во всякомъ мѣстѣ деревнѣ и селѣ, до послѣдняго поселенія, генеральное запрещеніе учинено впредь таковыхъ и законами запрещенныхъ игрищъ, отъ коихъ часто худіе случаи слѣдовать могутъ, отнюдь не дѣлать, съ притвержденіемъ неупустительного всѣхъ въ томъ оказавшихся жестокаго безъ пощади наказанія, и полковой чернѣговской канцеляріи непремѣнно исполнить по сему, а въ прочіе малороссійскихъ полковъ полковыя канцеляріи указы всѣмъ посланы. 1769 году, марта 12 дня[1]).

П. Е.

ВОЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ УПРАЖНЕНІЯ ВЪ ЮЖНО-РУССКИХЪ СУДАХЪ XVII СТ.

Съ концемъ XVI и началомъ XVII ст. наука и образованіе въ южной Руси сильно двинулись впередъ. Явились школы, типографіи, цѣлый рядъ ученыхъ, изощренныхъ въ діалектикѣ, цѣлый рядъ сочиненій, направленныхъ къ обличенію и пораженію католичества, въ лицѣ котораго православная домократическая Русь боролась съ католическо-шляхетскою Польшею. Духъ обличенія, злой сатиры, язвительной насмѣшки, легкой шутки возобладалъ въ тогдашней литературѣ и самомъ обществѣ. Но печать, при тогдашнемъ несовершенствѣ и дороговизнѣ типографскаго дѣла, не могла удовлетворять зародившемуся направленію, и рядомъ съ печатною литературою и помимо ея существовала гораздо болѣе обширная письменная литература, которая не стѣснялась уже никакими формами и рамками, вовсе не ограничивалась излюбленнымъ предметомъ обличенія, но проникала во всѣ сферы жизни своего даже общества, всюду находила предметъ для насмѣшки или шутки и воспроизводила забавное и смѣшное въ самыхъ разнообразныхъ формахъ человѣческаго слова.

[1]) Изъ Архива малороссійской коллегіи, состоящаго при харьковскомъ университетѣ.

Къ числу разнообразнѣйшихъ произведеній старинной южнорусской литературы этого рода, какъ низшую ея ступень, можно отнести тѣ, которыя мы отмѣтили въ заглавіи настоящей замѣтки. Происхожденіе ихъ слѣдующее. Все судебное производство и рѣшенія судовъ того времени заносилось въ такъ называемыя актовыя книги,—огромные фоліанты въ нѣсколько сотъ листовъ, переплетенные и скрѣпленные по листамъ. Каждое заносившееся въ эти книги дѣло начиналось съ верхней части листа; ему предшествовалъ какой либо замысловатый рисунокъ, нерѣдко фамильный гербъ истца, а затѣмъ начальная буква разрисовывалась перомъ въ огромныхъ размѣрахъ на разные лады. Но по окончаніи записи оставалось часто свободное мѣсто до конца страницы и листа, и это мѣсто судовые писцы, во избѣжаніе добавокъ и приписокъ, обязаны были перечеркивать и надписывать *чиста*, т. е. пустая страница, пустое мѣсто. На этихъ-то пустыхъ мѣстахъ канцелярскіе чиновники тогдашнихъ судовъ, помазавшіеся просвѣщеніемъ и чувствовавшіе наклонность къ литературнымъ занятіямъ, и дѣлали пробу своего пера. Это были шуточныя жалобы въ формѣ судебныхъ протоколовъ и рѣшеній, съ соблюденіемъ всей обстоятельности судоговоренія, важности декрета и строго дѣловаго языка. Тутъ обличался сбслуживецъ по столу въ небывалыхъ, большею частію въ мелочныхъ, не заключавшихъ въ себѣ состава преступленія дѣяніяхъ и присуждался къ суровому наказанію: «туремному увязенью, караню на горлѣ, или баницій», или какіе либо знакомые, пріятели между собою, представлялись тяжущимися изъ-за какого нибудь вздора и получали не менѣе суровый «вырокъ». Но, помимо личныхъ, хотя-бы и шуточныхъ счетовъ, въ жалобахъ этого рода проглядываетъ часто стремленіе язвить общественные пороки, подъ часъ самый судъ съ его криводушными и пристрастными рѣшеніями, съ его формалистикой, отцѣждающей верблюды и поглощающей комары. Въ такихъ случаяхъ нерѣдко олицетворяются неодушевленные предметы и ставятся на мѣсто дѣйствующихъ лицъ. Во всѣхъ упражненіяхъ названнаго рода много комизма по самой сущности дѣла, много разсыпано бытовыхъ чертъ и однообразно лишь одно: судебныя формы и дѣловой, убійственный языкъ. Этихъ упражненій въ актовыхъ книгахъ кіевскаго центральнаго (а вѣроятно и вилен-

скаго) архива такъ много, что изъ нихъ могъ-бы составится обширнѣйшій сборникъ памятниковъ литературы совѣмъ неизвѣстной.

Изъ огромнаго числа такихъ памятниковъ мы приводимъ здѣсь одинъ, представляющій, какъ кажется, шутку бѣдняка надъ самимъ собою, а быть можетъ и вообще шутку надъ бѣднякомъ, неумѣющимъ держать грошъ въ карманѣ. Грошъ олицетворенъ здѣсь въ видѣ пана, ведущаго тяжбу съ калитою (кошелькомъ), за небрежное его содержаніе присуждаемою къ уплатѣ пану грошу штрафа «два кротъ сто тисечи пенизей литовскихъ». Заглавіе и содержаніе этого памятника слѣдующее:

Зыскъ отъ пана гроша на калите отриманый.

Року тысеча шесть сотъ пятдесятъ пятого мѣсяца генваря тринадцатого дня.

На рокахъ судовыхъ земъскихъ луцкихъ на завтрее, по трохъ кроляхъ, святе рымъскомъ, въ року звышъ написаномъ приналыхъ и судовне одправовать зачатихъ, предъ нами Андреемъ Линевскимъ, судею, а Вацлавомъ на Конюхахъ Гулевичемъ, подсудкомъ, урядниками судовыми земъскими луцкими, кгды се приточала справа зъ реестру судового, за приволанемъ возного шляхетцкого, Валентого Павловского, межи цнотливымъ и у людей великихъ, стану шляхетского и посполитого, месце маючимъ грошемъ, а калитою безъ грошей, мачохою, позваною, за позвомъ земскимъ луцкимъ, отъ поводовое стороны на роки теперешние въ справе нижей менованой выданымъ. Теды становившися очевисто у суду умоцованый стороны поводовое, шляхетне уробленый черцовый пасъ, позваную, нжъ се, за потритнымъ презъ три дни возного вышъ менованого приволыванемъ, до права не становила и о нестаню своемъ судови нинешнему и стороне поводовой жадное ведомосты не дала, за чимъ оную, яко не сталую, а частокроть одъ пояса урываную, албо урезаную, зъ допусченя сурового на упадъ взыску речи въ позве нижей инсерованомъ менованое, зъ волнымъ однакъ тое справы арештомъ до звыклое годины вздалъ на позовъ, такъ се въ собе маючій: Тобе у людей зацныхъ, такъ стану шляхецкого, яко и посполитого, грошей сила маючихъ месца не маючой калите, зъ особы моее у людей великихъ месце маючое приказуемо, абы не

толко на термине бынъ означеномъ, але где тилько потреба укажетъ, на жалобу и правное понарте цнотливого и у зюдей вшелякихъ, стану свецкого и духовного, богатыхъ и убогихъ, а наветъ у нецнотливыхъ жидовъ и караимовъ месце маючого пана гроша, который тебе позываетъ о то, ижъ ты, зъ стародавныхъ вековъ взявши одъ килька тисечей летъ у людей розныхъ мужское и белоголовское плоти, у пояса пленипотента стороны поводовое будучи завишена, албо привязана, часто кротъ презъ мешкорезовъ урезана бываешъ, а часомъ тежъ уръвавшися въ болото впадаешъ, за чимъ мешкоризы и пяницы бынаймнѣй и мене не шануютъ, а въ болоте люде и быдлята розными конци на мене плюютъ, абысь теды на вшелякомъ термине стала, а болшей се при пленипотенте моемъ не привязовала, маетъ поводъ месце слушное у розное кондиции людей въ шкатулахъ, а тебе знаходши и марне пяницы и костыри стративши, ходятъ часомъ въ одныхъ кошуляхъ. А жебы поводъ мелъ тебе въ чомъ вздати, шацуетъ собе шкодъ на дви кротъ сто тисечей пинезей литовъскихъ (писанъ року тисеча шестъ сотъ пятъдесятъ пятого), которого вздания, ижъ позваная будучи о годины звыклое арештовой до арешту тое справы презъ того-же возного вышъ менованого прыволывана не арештовала и арештовать не хотѣла, а пречеченый умоцованный стороны поводовое на нею, яко несталой и права посполитого непослушной, просилъ и домавялъ се, прето судъ нинешній земъский луцкий, за нестанемъ позваное, а за домовенемъ се и правными поступъками умоцованого стороны поводовое прихиляючися, въ томъ до права посполитого въ далшомъ тое справы поступку въ способъ зыску суми два кротъ сто тисечей пинезей литовскихъ поводовое сторони на позванои вшелякихъ добрахъ, се где кольвекъ маючихъ, всказуетъ и присужаетъ, а на одираву и моцную и скутечную екзекуцию до Крыму до пана Яна одсылаетъ, што все для памети до книгъ земъскихъ луцкихъ есть записано. М. Р.

Кн. Луцкая зап. декрет. и потч. справъ, № 2843, л. 69 на обор.

Сообщ. **П. Шеболдаевъ.**

ГОДИЧНОЕ СОБРАНІЕ ОБЩЕСТВА ПР. НЕСТОРА И ОТЧЕТЪ О ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЗА 1884—85 Г.

27 октября сего года въ актовомъ залѣ университета св. Владиміра происходило скромное научное торжество. Существующее въ Кіевѣ историческое общество преп. Нестора лѣтописца имѣло свое годичное засѣданіе. Такія собранія принято называть торжественными; никакой однако торжественности на этомъ скромномъ праздникѣ научнаго общества не было теперь, какъ не было и прежде. Никого изъ высокопоставленныхъ лицъ, кромѣ супруги члена государственнаго совѣта, т. е. Г. Н. Галагана, Е. А. Галаганъ, никакой особой обстановки, ни одного экипажа у подъѣзда. Собрались труженики и любители науки и масса учащейся обоего пола молодежи. Предсѣдатель общества профессоръ В. Б. Антоновичъ только что возвратился изъ заграничной поѣздки, продолжавшейся нѣсколько мѣсяцевъ. Засѣданіе открыто чтеніемъ реферата члена общества П. Н. Житецкаго, подъ заглавіемъ: «Церковно-славянскій языкъ въ малорусской книжной рѣчи XVI—XVII ст.». Это отрывокъ изъ обширнаго, глубоко научнаго труда пользующагося заслуженною извѣстностію ученаго. Форма живой рѣчи, прекрасная, выразительная дикція въ соединеніи съ богатымъ содержаніемъ дали этому реферату особый интересъ, и онъ выслушанъ собравшеюся публикою съ большимъ вниманіемъ и живѣйшимъ любопытствомъ. За тѣмъ секретарь общества, профессоръ Н. П. Дашкевичъ прочелъ краткій отчетъ, который мы и приводимъ здѣсь цѣликомъ.

Общество наше постановило посвящать день преподобнаго Нестора лѣтописца годовымъ собраніямъ. Согласно этому, оно имѣетъ честь представить нынѣ вашему, м. м. г. г., просвѣщенному вниманію, отчетъ о своемъ составѣ и дѣятельности за 1884 и 1885 годы.

Наше воспоминаніе объ этихъ годахъ омрачено горестными потерями: историческое общество лишилось числившихся въ его составѣ четырехъ почтеннѣйшихъ дѣятелей русской науки, утратило двухъ почетныхъ членовъ: гр. А. С. Уварова и Н. И. Костомарова, и двухъ дѣйствительныхъ: Ф. А. Терновскаго и А. Ѳ. Кистяковскаго. Высокія научныя заслуги этихъ дѣятелей извѣстны присут-

ствующимъ, оцѣнены по достоинству русскою наукою и обществомъ, и воспоминающему о нихъ остается повторить общее признаніе этихъ заслугъ. Графу А. С. Уварову русская археологія чрезвычайно обязана какъ цѣнными въ высшей степени разысканіями въ ея области, такъ равно оживленіемъ и распространіемъ интересовъ археологіи въ нашемъ отечествѣ. Н. И. Костомаровъ, скончавшійся въ одинъ изъ дней празднованія памяти славянскихъ первоучителей, высказалъ нѣкогда здѣсь, въ Кіевѣ, горячее проникновеніе идеею первоучителей, занимаясь древнею исторіею славянства, но сосредоточилъ свои труды въ области отношеній русскаго и польскаго племени и вообще въ области русской исторіи. Безъ сомнѣнія вы, м. г., сами извѣдали весь высокій интересъ трудовъ Костомарова, оцѣнили мастерство возсозданія замѣчательнѣйшихъ событій отечественной исторіи, въ связи съ глубокимъ психологическимъ анализомъ и выясненіемъ общественныхъ теченій, обусловливавшихъ событія. Въ изученіи народной поэзіи Н. И. Костомаровъ не проявилъ такой-же исчерпывающей эрудиціи, но онъ былъ однимъ изъ начинателей этого изученія у насъ, указалъ на высокое историческое значеніе народной поэзіи и былъ превосходно знакомъ съ нею. Имя Ф. А. Терновскаго останется въ лѣтописяхъ русской исторической науки, которая будетъ помнить его, какъ одного изъ русскихъ византинистовъ и оригинальнаго историка религіозной жизни; оно будетъ жить въ частности въ памяти нашего историческаго общества: покойный былъ однимъ изъ основателей и дѣятельнѣйшихъ членовъ его; наконецъ, свѣтлый образъ покойнаго останется въ сердцахъ его знавшихъ и уважавшихъ высокія личныя достоинства его. А. Ѳ. Кистяковскій соединялъ съ многостороннимъ юридическимъ образованіемъ обширныя историческія познанія и основательное знакомство съ обычнымъ правомъ. Онъ удѣлялъ время и постоянному посѣщенію нашихъ собраній, принималъ участіе въ обсужденіи научныхъ докладовъ и самъ представилъ нѣсколько цѣнныхъ историческихъ сообщеній.

Воспоминаніе объ этихъ не устававшихъ въ своей трудовой жизни дѣятеляхъ науки, числившихся и состоявшихъ въ нашей средѣ, да послужитъ намъ однимъ изъ завѣтовъ, которыя оставляютъ славные дѣятели прошлаго смѣняющимъ ихъ поколѣніямъ!

Въ отчетное время историческое общество увеличило свой составъ, избравъ въ свои дѣйствительные члены: доцентовъ кіевской духовной академіи В. З. Завитневича и А. А. Дмитріевскаго, приватъ-доцента университета св. Владиміра С. И. Беха, профессора русской исторіи въ нѣжинскомъ историко-филологическомъ институтѣ М. Н. Бережкова и занимающихся южно-русскою исторіею и словесностью В. П. Горленка, К. П. Михальчука, К. И. Турчаковскаго и Ѳ. И. Николайчика.

Въ настоящее время состоитъ почетныхъ членовъ общества 13, дѣйствительныхъ 84.

Въ составѣ совѣта историческаго общества не произошло никакихъ перемѣнъ, за исключеніемъ принятія должности библіотекаря Ѳ. Я. Фортинскимъ. Вновь были избраны на три года: въ должность предсѣдателя общества В. Б. Антоновичъ, въ званіе товарища предсѣдателя И. И. Малышевскій, въ должность секретаря Н. П. Дашкевичъ и казначея С. Т. Голубевъ.

Дѣятельность историческаго общества за отчетное время проявилась въ сообщеніяхъ, читанныхъ его дѣйствительными членами въ засѣданіяхъ общества.

Въ 11 собраніяхъ были выслушаны сообщенія дѣйствительныхъ членовъ: Ѳ. Г. Мищенка (О царскихъ скиѳахъ), В. Б. Антоновича (О раскопкахъ у трехсвятительской церкви въ Кіевѣ), Н. П. Дашкевича (Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и болоховцахъ; Данныя для древне-русской исторіи въ IV-мъ т. Monumenta Poloniae), А. И. Соболевскаго (Замѣтка къ тексту «Слово о полку Игоревѣ»), О. П. Левицскаго (Черты соборнаго устройства западно-русской церкви въ XVI и XVII в.), В. Б. Антоновича (О записной книгѣ Михаила Мовчана), Н. В. Лучицкаго (О новыхъ данныхъ касательно возмущенія бывшаго въ 1687 г. на лѣвой сторонѣ Днѣпра; нѣсколько данныхъ о частныхъ архивахъ и въ особенности о документахъ архивовъ Стаховича и Селецкаго, касающихся вопроса поземельнаго и финансовой организаціи въ XVIII в.), В. П. Науменка (О хронографахъ южно-русскаго извода; О ново-открытой южно-русской повѣсти XVII в.), А. А. Андріевскаго (Объ отношеніяхъ между мѣщанами и козаками въ Кіевѣ въ XVIII в.), М. П. Истомина (О пограничныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши въ половинѣ XVIII в.), П. М. Каманина (О кіевскихъ войнахъ XIX в.), О. П. Левицкаго (О

«пророкѣ» Марцинкевичѣ въ Кіевѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ), М. И. Кулишера (Объ адатахъ кавказскихъ горцевъ), Н. Н. Крыжановскаго (Постановка вопроса о происхожденіи церковно-славянскаго языка и объ изобрѣтеніи славянской азбуки).

Библіографическія сообщенія были представлены Ѳ. С. Мищенкомъ (о XIII-мъ т. Записокъ одесск. общества ист. и древн. и о книгѣ Шрадера: «Сравненіе языковъ и древнѣйшая исторія») и Н. П. Дашкевичемъ (О книгѣ Abel'я: Gross und klein-russisch).

Въ память скончавшихся членовъ историческаго общества были представлены характеристики ихъ трудовъ. В. Б. Антоновичъ охарактеризовалъ научную дѣятельность графа А. С. Уварова и Н. И. Костомарова; заслуги Костомарова, какъ этнографа, помянулъ В. П. Науменко; воспоминаніе о Ф. А. Терновскомъ сообщилъ Ѳ. Я. Фортинскій, объ А. О. Кистяковскомъ И. В. Лучицкій и Ѳ. Г. Мищенко. Сверхъ того М. И. Кулишеръ прочелъ о дѣятельности К. Д. Кавелина, какъ этнографа.

Къ изданію II-го и III-го выпусковъ своихъ чтеній историческое общество не приступало. Скорѣйшее осуществленіе плана этого изданія, выработаннаго нарочно избранною для того коммиссіею, будетъ зависѣть отъ ускоренія пересмотра референтами сообщеній, какъ явившихся уже въ печати, такъ и остающихся еще въ рукописи.

Оживленію дѣятельности историческаго общества въ будущемъ могли-бы оказать содѣйствіе просвѣщенные чтители старины, сообщая свѣдѣнія о находкахъ, раскопкахъ и т. п. До настоящаго времени участіе постороннихъ лицъ ограничивалось принесеніемъ въ даръ библіотекѣ общества различныхъ изданій. За таковыя пожертвованія историческое общество считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить свою признательность г.г. Буличу, Н. К. Ренненкампфу, Дембовецкому и Дашкову, а также Церковно-Археологическому Обществу при кіевской духовной академіи.

Пожелаемъ, чтобы труды историческаго общества, а равно и вниманіе къ нимъ со стороны просвѣщенныхъ любителей историческаго знанія, возрастали вмѣстѣ съ укорененіемъ въ сознаніи той давно уже признанной истины, что «исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ, главная, необходимая... завѣтъ предковъ потомству, дополненіе, изъясненіе настоящаго».

Это великое значеніе отечественной исторіи было сознано въ нашемъ славномъ городѣ ранѣе, чѣмъ въ другихъ средоточіяхъ просвѣщенія на Руси: здѣсь подвизались начинатели русскаго лѣтописанія, труды которыхъ воспоминаются съ именемъ преподобнаго Нестора.

ВСЕНАРОДНОЕ КУПАНЬЕ ВѢДЬМЪ ВЪ ОЗЕРѢ И СУДЕБНАЯ ОТЪ ТОГО ВОЛОКИТА.

Лѣтнею порою 1833 г., въ знойный палящій день, на чигиринскихъ поляхъ, гдѣ въ былыя времена гарцовали отважные рыцари козаки и проходили несмѣтныя полчища турокъ и татаръ, въ трехъ верстахъ отъ с. Подорожняго, на берегу озера петроновскаго, стояла небольшая кучка обоего пола крестьянъ. Къ нимъ то и дѣло прибывали группы мужчинъ и средняго возраста женщинъ изъ того-же села. Въ самомъ озерѣ, невдалекѣ отъ берега, на возу, запряженномъ парою воловъ, стоялъ въ одномъ бѣльѣ, съ непокрытой головой, рослый, широкоплечій мужчина, лѣтъ 45-ти, и посматривалъ въ ожиданіи чего-то на берегъ. Собравшіеся о чемъ-то жарко толковали. Народъ сбился за симъ въ кучку; въ ней что-то продѣлывалъ другой рослый, нѣсколько моложе, мужчина; изъ кучки слышался женскій пискъ и визгъ, вокругъ раздавался смѣхъ и мужицкое галдѣнье. Вдругъ надъ головами столпившихся показалось что-то бѣлое на дюжихъ рукахъ стоявшаго въ срединѣ человѣка. Присмотрѣвшись ближе, можно было разглядѣть въ этомъ бѣломъ человѣческую фигуру, согнутую дугой. Ни рукъ, ни ногъ не было видно и только толстыя пряди волосъ съ непокрытой наклоненной головы падали внизъ, разсыпаясь въ безпорядкѣ. То была женщина-крестьянка, по прозванію Марія Дяченкова; была она въ одной рубахѣ и въ сидячемъ какъ-бы положеніи, ибо руки у нея были привязаны къ ногамъ. Крѣпкій мужчина несъ эту ношу къ возу; стоявшая на берегу толпа гоготала. Стоявшій на возу принялъ ношу; онъ продѣлъ между рукъ и ногъ женщины, по ея животу, толстую веревку и опустилъ женщину съ воза въ воду. Женщина взвизгнула, всей тяжестью своего тѣла нырнула въ воду, но снова быстро поднята вверхъ. Погруженіе повторено еще два раза и затѣмъ женщина

была вытянута на возъ. Погружавшій развязалъ ей руки и ноги и пустилъ ее къ берегу. Женщина плеталась по водѣ съ крикомъ и бранью, выбираясь на сушу; стоявшіе на берегу хохотали, отпуская шутки и остроты.

Пока переодѣвалась и повязывала голову Марія Дяченкова, связали Прасковью Харенкову, потомъ Пелагею Костенкову, а за ними Марью Сѣроштанову и Пелагею Вакуленкову и каждую изъ нихъ тѣмъ-же порядкомъ выносили на возъ, троекратно опускали въ воду и, развязавъ, отпускали на берегъ, при неустававшемъ смѣхѣ и шуткахъ стоявшей на берегу толпы. Агафія Гекалова и другія купались добровольно и не были подвергнуты связыванію по рукамъ и ногамъ и насильственному опусканію въ воду.

Что за необыкновенное явленіе? Чего ради собрался этотъ народъ подъ палящимъ зноемъ солнца вдали отъ села, на берегу озера? Что продѣлывалъ онъ съ этими связанными женщинами, чего добивался отъ нихъ, окуная ихъ въ воду, что хотѣлъ онъ этимъ путемъ узнать или получить отъ нихъ?

Стояли тогда страшные жары, была сильная, продолжительная засуха: огороды повыгорали, поля повысыхали. Народъ изстрадался, скотина измучилась, не находя нигдѣ корму. Ходили люди съ крестными ходами по полямъ, святили воду въ «криницахъ». Батюшка говорилъ: «молитесь! Богъ дождь пошлетъ». Молились, а дождя нѣтъ, какъ нѣтъ. Старики стали говорить: «Что толковать? Вѣдьмы дождь задерживаютъ. На нашей памяти бывало: опустятъ вѣдьму въ воду и дождь послѣ того идетъ». Толковали между собою по поводу сего выборный атаманъ с. Подорожняго Яковъ Терещенко (онъ-же Сосновскій) и сотскій Никифоръ Гекало и нашли, что надо у писаря спросить, а громадскій писарь Высоцкій сказалъ: «есть-де у него въ разсужденіи сего и приказъ отъ земскаго суда». Пошли къ священнику, о. Грушевскому, спрашиваютъ: какъ быть? старики говорятъ... и писарь сказывалъ, что и приказъ такой есть...—А коли такъ, говоритъ батюшка-наставникъ, то я благословляю и Богъ благословитъ.

И вотъ утромъ въ слѣдующій день сотскій Гекало даетъ десятнику Григорію Бережниченку приказъ: «иди, выгоняй бабъ! пусть сходятся къ сборнѣ, пойдемъ на озеро купать». Бабы сходились, пошла даже жена сотскаго Гекала, а за тѣмъ произведено извѣстное

уже купанье. Нѣкоторыя изъ окунаемыхъ въ озеро женщинъ тогда-же признаны были вѣдьмами, потому что не тонули въ водѣ. Имъ было стыдно, народъ смѣялся, а дождь все таки не пошелъ.

Бабъ отпустили. На томъ-бы и дѣлу конецъ, но пошла по селамъ молва, что вотъ де въ Подорожномъ купали бабъ: передавалось и переиначивалось происшедшее на всѣ лады, говорили, что не желавшихъ купаться бабъ били, вязали, топили, что многія притомъ изувѣчены, что производились непристойныя отыскиванія наружныхъ признаковъ вѣдёмства, крики, шутки и пр. Говорили, что самъ батюшка благословилъ купать и даже лично при купаньѣ находился. Стало все это извѣстнымъ въ сосѣднемъ селѣ Чаплинцахъ, гдѣ жилъ благочинный Березницкій. Тутъ раньше былъ писарь Высоцкій и «совѣтовалъ» тамошнему сотскому Евстратію Литвиненку также выкупать женщинъ, говоря, что такой у него писаря и приказъ отъ земскаго суда есть; но Литвиненко не рѣшился этого сдѣлать, такъ какъ при Высоцкомъ не оказалось самаго «повелѣнія судового». Былъ-ли благочинный дѣйствительно возмущенъ происшедшимъ въ подвѣдомомъ ему приходѣ безчиніемъ, имѣвшимъ противуцерковный и противурелигіозный характеръ, или онъ боялся отвѣтственности за умолчаніе о происшествіи, получившемъ общую извѣстность, но только вскорѣ отъ него поступилъ въ чигиринское духовное правленіе рапортъ о случаѣ въ с. Подорожномъ, а духовное правленіе отнеслось въ чигиринскій земскій судъ о производствѣ слѣдствія по сему дѣлу и преданія виновныхъ суду. Началось дѣло, длившееся цѣлыхъ пять лѣтъ.

Мы не будемъ слѣдить за ходомъ самаго дѣла, представляющимъ обычную въ тѣ времена медленность дѣлопроизводства и пререканія властей; отмѣтимъ лишь сущность добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ и судебное по нимъ рѣшеніе.

Обвинялись въ произведеніи всенароднаго насильственнаго и безчиннаго купанья женщинъ въ озерѣ извѣстные уже намъ атаманъ с. Подорожняго Яковъ Терещенко и сотскій Никифоръ Гекало. На слѣдствіи они показали все такъ, какъ было и какъ изложено выше. Разошлись лишь въ показаніяхъ относительно священника Грушевскаго: атаманъ утверждалъ, что батюшка благословилъ купать женщинъ, а сотскій этого не признавалъ и подтверждалъ лишь то, что ходили они къ батюшкѣ на совѣтъ и съ извѣщеніемъ,

что есть у писаря приказъ отъ земскаго суда купать по всѣмъ селамъ женщинъ для низведенія дождя. На очныхъ ставкахъ и при передопросахъ каждый изъ нихъ остался при своемъ и только атаманъ съ большею энергіею утверждалъ, нежели сотскій отрицалъ вѣрность его показанія. Писарь Высоцкій умеръ прежде, чѣмъ приступлено было къ слѣдствію, а это послѣдовало спустя годъ послѣ происшествія. Церковный староста, котораго благочинный и выставлялъ, какъ свидѣтеля суевѣрнаго безчинія, показалъ, что видѣлъ купанье лишь издали, случайно проѣзжая по полю, и никого и ничего въ частности не замѣтилъ. 15-ть крестьянъ изъ числа присутствовавшихъ подтвердили во всемъ показанія подсудимыхъ; сами потерпѣвшія женщины всѣ до одной удостовѣрили, что никакого насилія имъ, кромѣ привязыванія рукъ къ ногамъ и опусканія въ воду на канатѣ, не было дѣлаемо, и онъ въ общихъ показаніе, увѣчья онѣ не понесли, согласно съ подсудимыми, отвергая лишь дачу имъ благословенія на купанье женщинъ и личное свое въ томъ участіе.

Въ такомъ видѣ дѣло изъ земскаго суда передано въ уѣздный, который на основаніи подлежащихъ статей закона передалъ оное на рѣшеніе совѣстнаго суда въ Кіевѣ. Послѣдній въ половинѣ іюня 1838 г., ровно чрезъ пять лѣтъ отъ начала дѣла, постановилъ было оставить обвиняемыхъ, ради ихъ простоты, безъ всякаго наказанія, но потомъ на черновомъ докладѣ такое опредѣленіе было зачеркнуто и карандашемъ написано другое, которымъ судъ постановилъ: атамана Якова Терещенка и сотскаго Никифора Гекала подвергнуть наказанію каждаго десятью ударами плети чрезъ полицейскихъ служителей при чигиринскомъ уѣздномъ судѣ. Судъ мотивировалъ это новое свое рѣшеніе необходимостію дать острастку другимъ, во избѣжаніе повторенія подобныхъ случаевъ, а равно и тѣмъ соображеніемъ, что Терещенко и Гекало, хотя дѣйствовали по неразумію, но обязаны были, какъ начальственныя лица, отводить другихъ отъ подобныхъ суевѣрныхъ дѣйствій. Также взглянулъ судъ и на священника Грушевскаго, который, по его мнѣнію, обязанъ былъ отклонить своихъ духовныхъ чадъ отъ задумываемаго ими безчиннаго купанья, но, какъ удостовѣрено слѣдствіемъ, сего

что есть у писаря приказъ отъ земскаго суда купать по всѣмъ селамъ женщинъ для низведенія дождя. На очныхъ ставкахъ и при передопросахъ каждый изъ нихъ остался при своемъ и только атаманъ съ большею энергіею утверждалъ, нежели сотскій отрицалъ вѣрность его показанія. Писарь Высоцкій умеръ прежде, чѣмъ приступлено было къ слѣдствію, а это послѣдовало спустя годъ послѣ происшествія. Церковный староста, котораго благочинный и выставлялъ, какъ свидѣтеля суевѣрнаго безчинія, показалъ, что видѣлъ купанье лишь издали, случайно проѣзжая по полю, и никого и ничего въ частности не замѣтилъ. 15-ть крестьянъ изъ числа присутствовавшихъ подтвердили во всемъ показанія подсудимыхъ; сами потерпѣвшія женщины всѣ до одной удостовѣрили, что никакого насилія имъ, кромѣ привязыванія рукъ къ ногамъ и опусканія въ воду на канатѣ, не было дѣлаемо, никакихъ побоевъ и увѣчья онѣ не понесли и даже никакихъ будто-бы криковъ при томъ ихъ купаньѣ не было. Отъ священника Грушевскаго, требовалось особо письменное свидѣтельское показаніе, и онъ въ общихъ чертахъ показалъ согласно съ подсудимыми, отвергая лишь дачу имъ благословенія на купанье женщинъ и личное свое въ томъ участіе.

Въ такомъ видѣ дѣло изъ земскаго суда передано въ уѣздный, который на основаніи подлежащихъ статей закона передалъ оное на рѣшеніе совѣстнаго суда въ Кіевѣ. Послѣдній въ половинѣ іюня 1838 г., ровно чрезъ пять лѣтъ отъ начала дѣла, постановилъ было оставить обвиняемыхъ, ради ихъ простоты, безъ всякаго наказанія, но потомъ на черновомъ докладѣ такое опредѣленіе было зачеркнуто и карандашемъ написано другое, которымъ судъ постановилъ: атамана Якова Терещенка и сотскаго Никифора Гекала подвергнуть наказанію каждаго десятью ударами плети чрезъ полицейскихъ служителей при чигиринскомъ уѣздномъ судѣ. Судъ мотивировалъ это новое свое рѣшеніе необходимостію дать острастку другимъ, во избѣжаніе повторенія подобныхъ случаевъ, а равно и тѣмъ соображеніемъ, что Терещенко и Гекало, хотя дѣйствовали по неразумію, но обязаны были, какъ начальственныя лица, отводить другихъ отъ подобныхъ суевѣрныхъ дѣйствій. Также взглянулъ судъ и на священника Грушевскаго, который, по его мнѣнію, обязанъ былъ отклонить своихъ духовныхъ чадъ отъ задумываемаго ими безчиннаго купанья, но, какъ удостовѣрено слѣдствіемъ, сего

не исполнилъ. На такое рѣшеніе судъ испрашивалъ согласіе кіевскаго губернатора и, по полученіи онаго, сообщилъ кіевскому губернскому правленію для предложенія чигиринскому уѣздному суду относительно исполненія надъ подсудимыми Терещенкомъ и Гекаломъ присужденнаго имъ наказанія плетьми, а о священникѣ Грушевскомъ сообщилъ, съ препрожденіемъ всего слѣдственнаго дѣла, кіевской духовной консисторіи для сужденія о его поступкѣ. Окончательное рѣшеніе консисторіи о священникѣ Грушевскомъ намъ неизвѣстно, но изъ дѣла видно, что еще задолго до рѣшенія суда онъ былъ перемѣщенъ на другой приходъ.

Такъ кончилось это суевѣрное, слишкомъ обыкновенное въ нашемъ простомъ народѣ дѣло.

Много было писано у насъ о суевѣрномъ обычаѣ, послужившемъ и въ данномъ случаѣ основою для начатія дѣла; и въ печати и еще болѣе въ устныхъ разсказахъ много можно найти указаній на случаи подобные настоящему; но въ первый разъ мы натолкнулись въ одномъ изъ дѣлъ архива кіевскаго окружнаго суда на такой фактъ, формально обслѣдованный во всѣхъ его подробностяхъ. Пять лѣтъ держало это дѣло въ страхѣ жителей с. Подорожняго и ихъ пастыря духовнаго. Много исписано по нему бумаги и изведено чернилъ; много перепортили крови всѣ эти стряпчіе, судьи, слѣдователи, депутаты и болѣе всѣхъ суетившійся въ этомъ дѣлѣ благочинный Березницкій. А народъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на дѣйствія властей; рѣшеніе суда и принятыя Терещенкомъ и Гекаломъ плети не поколебали вѣковыхъ его вѣрованій. И теперь народъ вѣритъ, что именно вѣдьмы задерживаютъ дождь, что стоитъ выкупать вѣдьму въ водѣ, какъ дождь пойдетъ, и что которая женщина не тонетъ въ водѣ, та и есть вѣдьма. Не плетьми вышибаются подобныя вѣрованія...

К. Цыбульскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1886 г. на слѣдующіе журналы и газеты.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ."

(VIII ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Большой иллюстрированный журналъ, представляющій, въ картинахъ и текстѣ, **всѣ выдающіяся событія міровой жизни**.

Подписная цѣна на годъ 4 р. безъ доставки и 5 р. съ доставкою и пересылкою. Журналъ выходитъ еженедѣльно, т. е. 52 №№ въ годъ; всего около 1000 гравюръ и до 1200 страницъ.

Каждый № заключаетъ подробное и обстоятельное изложеніе событій истекшей недѣли.

Это необходимое изданіе: для семьи, публичныхъ и частныхъ библіотекъ, клубовъ, отелей.

Журналъ даетъ:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ въ которыхъ, въ теченіи года, помѣщаются наиболѣе выдающіяся беллетристическія произведенія корифеевъ иностранной литературы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, представляющія снимки съ новѣйшихъ капитальныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ съ выкройками въ натуральную величину. Въ годъ около 500 рисунковъ модъ съ описаніями.

Годовые подписчики «Иллюстрированнаго Міра» получаютъ, кромѣ всего, еще главную большую премію: РОСКОШНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ, состоящій изъ двадцати фотографическихъ снимковъ съ классическихъ произведеній знаменитыхъ художниковъ: русскихъ, италіанскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ. Каждая фотографія сопровождается портретомъ художника, его біографіею и описаніемъ картины.

Годовые подписчики, заявившіе свои требованія до 15 декабря, получаютъ съ 1 № журнала: ОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1886 г. Компактный, тщательно составленный, устраняющій необходимость пріобрѣтенія даже толстаго календаря.

Допускается подписка въ разсрочку: при подпискѣ 2 р., къ 1-му марта 1 р., къ 1-му іюля 1 р., и къ 1-му сентября 1 р.

Желающіе ознакомиться съ журналомъ, могутъ получить пробный № за двѣ 7-ми копѣечные марки.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 76.

Редакторъ-Издатель *В. П. Турба.*

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПУТЕШЕСТВІЙ и ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШѢ и НА МОРѢ

„ВОКРУГЪ СВѢТА".

(II ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Выходъ въ свѣтъ журнала «Вокругъ Свѣта» въ 1885 году ознаменовался еще небывалымъ успѣхомъ. Спросъ на журналъ былъ такъ великъ, что редакція принуждена была послѣдовательно выпустить до восьми изданій первыхъ №№.

Выполнивъ свою обширную програму и давъ своимъ читателямъ за ничтожную цѣну массу въ высшей степени интереснаго и полезнаго чтенія и рисунковъ, въ 1886 году редакція будетъ стараться сдѣлать свой журналъ еще болѣе полнымъ, интереснымъ и разнообразнымъ.

Въ 1886 году журналъ будетъ выходить еженедѣльно въ размѣрѣ 2 хъ печатныхъ листовъ, вмѣщая въ себѣ много интересныхъ и прекрасно выполненныхъ рисунковъ и иллюстрацій. Текстъ журнала будетъ состоять изъ романовъ (съ рисунками), полныхъ захватывающаго интереса, изображающихъ путешествія и приключенія во всѣхъ частяхъ свѣта: повѣстей, разсказовъ, этнографическихъ очерковъ, рисующихъ бытъ различныхъ народовъ; исторіи путешествій, а также новѣйшихъ открытій и изслѣдованій въ малоизвѣстныхъ странахъ; популярно-научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія, разсказанныхъ живымъ и понятнымъ языкомъ; исторіи мореходства, кораблекрушеній, пиратовъ, знаменитыхъ экспедицій, морскихъ сраженій и проч.; кромѣ того журналъ будетъ давать интересныя свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ всего свѣта, описаніе городовъ, корреспонденціи изъ далекихъ окраинъ, извѣстія о новѣйшихъ научныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, всѣ виды спорта и смѣсь. Особое вниманіе будетъ обращено на жизнь Россіи и народовъ, ее населяющихъ.

Годовое изданіе журнала «Вокругъ Свѣта» состоитъ изъ 50 №№, составляющихъ 2 объемистыхъ тома, вмѣщающихъ въ себѣ около 300 большихъ рисунковъ и нѣсколько законченныхъ иллюстрированныхъ романовъ.

Подписная цѣна: 3 руб. въ годъ съ пересылкой и доставкой, 2 руб. ½ года съ пересылкой и доставкой и 1 руб. въ 3 мѣсяца съ пер. и дост.

Иногородные подписчики адресуютъ: Москва, Редакція журнала «Вокругъ Свѣта».

„СТРАННИКЪ"

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЙ РЕДАКЦІЕЙ).

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей и по новой программѣ.—Въ минувшемъ 1885 году въ отдѣлахъ *богословскаго, философскаго, церковно историческаго, литературнаго и публицистическаго* содержанія были напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: **Сущность Христіанства**, какъ союза Бога съ человѣкомъ. Епископа *Никанора*.—**Христіанство и наука.** *Его-же*.—**Судъ Церкви и въ Церкви.** *Его-же*.—**Разности въ ученіи о Церкви** у православныхъ и папистовъ. Прот. *А. А. Лебедева*.—**Невидимый міръ.** Новая постановка вопроса объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ. *А. П. Лопухина*.—**О народномъ образованіи** въ древней Руси. Свящ. *Маркова*.—**Русскій Патріархъ** въ ежедневной придворной жизни и въ высшемъ государственномъ управленіи. *Н. Ф—ва*.—**Преосвященный Иринархъ.** *М. А. Куплетскаго*.—**Арсеній Мацѣевичъ** и его дѣло. *Н. Я. Морошкина*.—**Іезуиты въ Константинополѣ** въ XVI—XVII вв. *С. Четыркина*.—**Православіе въ остзейскомъ краѣ** въ текущемъ столѣтіи. *М. А. Куплетскаго*.—**Ревизія въ остзейскомъ краѣ** въ заграничной нѣмецкой характеристикѣ. *Его-же*.—**Изъ Путешествія въ св. землю.** Проф. *Кавальницкаго*.—**Правда противъ хулы** (въ защиту митроп. Серафима). Епископа *Никанора*.—Цѣлый рядъ статей (между прочимъ вся апрѣльская книга) былъ посвященъ **памяти св. Кирилла и Меѳодія** и между ними были поученія еп. *Никанора*, покойн. архіеп. *Тихона*, статьи св. *Маркова*, проф. *Будиловича*, *А. И. Пономарева*, *Лебедева*, *Качановскаго* и др. Повѣсти и разсказы: **Псалтырникъ.** *И. Гр. Наумовича*.—**Наканунѣ Рождества.** *Историческій разсказъ. Х.*—**Гдѣ уродился, тамъ и пригодился.** Памяти мужицкаго-пѣвца дьячка. *Н. Попова*.—**По окончаніи курса.** Изъ разсказовъ стараго священника. *П. Соловьева*.—Кромѣ этихъ статей, въ журналѣ ежемѣсячно велись отдѣлы: *Внутреннее обозрѣніе, Епархіальная Хроника, Церковная жизнь на западѣ* (у католиковъ и протестантовъ *и у славянъ* Австро-Венгріи) и въ земляхъ славянскихъ, *Обзоръ журналовъ*, Критическіе и библіографическіе отчеты о важнѣйшихъ явленіяхъ церковной и церковно богословской литературы, *Книжная Лѣтопись, Церковно-оффиціальная Хроника, Извѣстія и замѣтки.*

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписная плата: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересылкою заграницу восемь рублей. Адресоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: *А. Васильковъ. - А. Пономаревъ.*

Иллюстрированный журналъ для дѣтей

„РОДНИКЪ"

(V ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ 1886 году «Родникъ» будетъ выходить, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, со многими рисунками. Выборъ статей приноровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ и состоитъ главнымъ образомъ изъ *оригинальныхъ* очерковъ и разсказовъ изъ русской жизни и природы.

Въ видѣ *преміи* годовые подписчики на «Родникъ» 1886 г. получатъ тетрадь-альбомъ, подъ названіемъ:
«ПО РУССКОЙ ЗЕМЛѢ», состоящій изъ 10 картинъ художника *И. Н. Карагина* по этнографіи Россіи, съ соотвѣтствующимъ текстомъ.

Приложеніе къ «Роднику»: педагогическій сборникъ «*Воспитаніе и Обученіе*» будетъ выходить въ 1886 году по прежнему, книжками, 3 раза въ годъ.

Журналъ «Родникъ» Ученымъ Комитетами: Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, Министерства Народнаго Просвѣщенія и Святѣйшаго Синода рекомендованъ, допущенъ и одобренъ для среднихъ учебныхъ заведеній и для епархіальныхъ городскихъ и народныхъ училищъ.

Условія подписки на 1886 г. прежнія:

На годъ, съ дост. и перес. за 12 книгъ «Родника», съ отдѣльной преміей, 5 р., тоже съ приложеніемъ 3-хъ книгъ сборника „Воспитаніе и Обученіе" 6 р., на полгода безъ преміи и безъ сборника 3 р.

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ* — въ Главной Конторѣ «Родника», Никольская площ., д. 4 и въ книжн. маг. Фену и К° на Невскомъ; *въ Москвѣ* — въ книжн. магаз. „Сотрудникъ Школъ" Воздвиженка, д. Армандъ и «Начальная Школа», на Кузнецкомъ мосту. *Иногородныя* адресуютъ прямо: *Петербургъ, въ редакцію журнала* «Родникъ».

Редакторъ-Издательница *Е. Сысоева.*

„КОЛОСЬЯ"

ГОДЪ 3-й. БОЛЬШОЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ. **3-й ГОДЪ.**

Выходитъ ежемѣсячно, *безъ предварительной цензуры*, книгами около 25 печатныхъ листовъ, въ изящномъ видѣ.

Два года тому назадъ мы поставили себѣ трудную задачу: создать большой научно-литературный журналъ съ обширною программою, съ художественно прогрессивнымъ направленіемъ, основаннымъ на лучшихъ литера-

турныхъ традиціяхъ, съ цѣлями систематически воспитывать изящные вкусы и доставлять разнообразіемъ своего содержанія интересное чтеніе публикѣ столь же разнообразной. При этомъ исполненіе задачи соединено было съ другимъ еще болѣе трудным условіемъ—*не бывалою доселѣ дешевизною* для большихъ ежемѣсячныхъ изданій. Мы желали, что бы журналъ нашъ былъ доступенъ не только большимъ публичнымъ библіотекамъ и богатымъ людямъ, но чтобы онъ проникъ и въ скромное книгохранилище любаго сельскаго или городскаго училища, и въ среду небогатыхъ офицеровъ, въ семью священника, учителя чиновника, купца и т. д.—всюду, гдѣ люди не имѣютъ другихъ источниковъ эстетическаго наслажденія помимо художественной литературы.

Опытъ нашъ, по истеченіи двухъ лѣтъ, мы считаемъ вполнѣ удавшимся. За все это время мы получали массу сочувственныхъ отзывовъ о журналѣ и кругъ его читателей возрасталъ и продолжаетъ возрастать. Мы не прибѣгали ни къ какой заманчивой рекламѣ, которая, къ стыду нашего времени, и до сихъ поръ еще обусловливаетъ успѣхъ многихъ литературныхъ предпріятій спекулятивнаго характера, но за насъ рекламировало самое дѣло, само изданіе. Тотъ, кому попадалась хотя одна книжка журнала „**КОЛОСЬЯ**", невольно имъ заинтересовывался и становился постояннымъ его читателемъ.

Въ особенности большой успѣхъ журналу сдѣлали: романъ «*Порванныя цѣпи*»—книгами **Вѣры Тр—цкой**, «*Безъ руля*»—романъ **Н. Синельникова**, «*Кирджали*»—романъ **М. Чайковскаго**, «*Первыя волны*»—повѣсть **А. Курскаго**, поэмы и стихи **О. Н. Чюминой**, **Н. К. Никифорова**, «*Севастопольскія воспоминанія*—1853—1854 г.» проф. военной академіи Н. М. **Мазюкевича** и многія другія произведенія, какъ-то: лучшія драмы и комедіи, помѣщаемыя въ каждой книжкѣ, очерки, новеллы, историческія и научныя статьи, путешествія, критическіе очерки и т. д.

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи имѣется объемистый, вполнѣ законченный романъ, «Змѣя», принадлежащій перу одного изъ славныхъ героевъ минувшей войны, извѣстнаго своими военными очерками о подвигахъ русской гвардіи, частью которой онъ командовалъ. Романъ этотъ открываетъ передъ читателемъ самыя разнообразныя сферы общественной жизни. Тутъ и заграничная жизнь русскихъ аристократовъ, и закулисныя дипломатическія тайны и недавній политическій чадъ, кружившій голову молодежи, и подвиги героевъ на войнѣ. Авторъ пока находится далеко за границею, и мы не знаемъ, пожелаетъ ли онъ выступить подъ своею фамиліею или возьметъ псевдонимъ.

Съ внѣшней стороны журналъ «**КОЛОСЬЯ**» настолько изященъ, что никакихъ улучшеній по этой части намъ и обѣщать не приходится.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ: на годъ съ пересылкою и доставкою **8 р.**, на полгода **5 р.**

Оставшіеся экземпляры полнаго изданія «**КОЛОСЬЕВЪ**» за текущій годъ (около 300 экз.) высылаются по 5 р. за годъ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ деньги будутъ получены не позже 20 декабря.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ контору журнала «**КОЛОСЬЯ**» Большая Итальянская, д. 29.

Редакторъ-издатель *И. А. Баталинъ.*

ГОДЪ XII. **„ГАЗЕТА ГАТЦУКА"** ГОДЪ XII.

ЛИТЕРАТУРНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ и ПРОМЫШЛЕННАЯ.

Выходитъ въ 1886 году безъ предварительной цензуры.

«Газета А. Гатцука» — преимущественно политическая. Цѣль ея — предлагать въ сжатомъ видѣ возможно полный отчетъ за недѣлю по всѣмъ текущимъ вопросамъ жизни — политики, литераруры, науки, искуствъ и торговли. Эта въ своемъ родѣ лѣтопись даетъ возможность читателю имѣть все передъ глазами, не путаться среди нерѣдко противорѣчивыхъ и безсвязныхъ вѣстей и фактовъ, какъ-то бываетъ при чтеніи ежедневныхъ газетъ, и относиться къ событіямъ текущей жизни болѣе сознательно.

Насколько умѣло, мы, въ теченіе 11 лѣтъ, относились къ нашей задачѣ, объ этомъ пусть судятъ сами читатели. Для лучшаго осуществленія ея въ 12-й годъ изданія «Газеты», приглашены къ участію въ ней лучшія спеціальныя силы Россіи.

Рисунки будутъ помѣщаться въ «Газетѣ» только относящіеся къ интересующимъ въ данный моментъ событіямъ, лицамъ и предметамъ. Быть альбомомъ случайно набранныхъ за границей рисунковъ предоставляемъ нашимъ, такъ-называемымъ, иллюстрированнымъ журналамъ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ съ рисунками и выкройками въ натуральную величину будутъ прилагаться *6 разъ въ годъ.*

Для легкаго чтенія, кромѣ повѣстей и разсказовъ въ самой «Газетѣ», въ теченіи года прилагается *6 книгъ переводныхъ романовъ и повѣстей.*

Въ видѣ *подарка* разсылается подписчикамъ въ концѣ 1886 года *«Крестный Календарь»* на 1887 годъ и, необязательно, одинъ выпускъ иллюстрированныхъ *«Драмъ Шекспира»* въ лучшемъ переводѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на *1886* годъ: безъ доставки на годъ *4 руб.*; съ *доставкою-же и пересылкою* на годъ *5 руб.*, на полгода (съ января и іюля) *3 руб.*, на полгода *1 руб. 60 коп.*, на 1 мѣсяцъ *60 коп.* За границу на годъ съ пересылкой — *7 руб.*

Адресъ Конторы Редакціи: Москва, Никитскій бульваръ, д. В. Гатцукъ.

Редакторъ *А. А. Гатцукъ.*

сосни медъ въ рощѣ нашей. Староста посланъ въ чолнскій монастырь съ писмомъ о дровахъ.

25. Кравцю, въ дворѣ нашомъ стародубовскомъ мешкаючому. Максиму за купленную передъ симъ у него за 4 р. бочку діогтю доплачено 2 р. Прокопу, коновалу лотоковскому, что холошалъ 10 бичковъ и справлялъ коней, дано 20 к. Теслямъ 6-ти, придѣлъ церковный работаючимъ, далъ 1 р. 25 коп. Писано писмо къ сотнику почеповскому о рибалцѣ чаусовскомъ Архипу и о племѣннику его, какой они породы.

26. На праздникъ къ намъ въ Городище пріездилъ отецъ протопопъ погарскій Кибальчицъ, зъ священникомъ николскимъ отцемъ Михаиломъ и діакономъ, где по службѣ Божой, соборомъ отправованной, была процессія, а потомъ у насъ всѣ священники и причетники обѣдали и до вечера просидѣли, а надвечери пріездилъ до насъ войтъ погарскій Климъ Пісоцкій зъ писаремъ ратушнымъ Барлуемъ. Сего-жъ числа опредѣленъ сынъ отца Михаила Іванъ дякомъ, а Іаковъ поповичъ паламаремъ.

27. Присланы зъ Погара два столяри для роблена окончипъ и швецъ Стефанъ, которому дано дѣлать для мене 1 сапоги, для сина Василя двое сапоговъ, двое бачмаковъ, и на подошвы дано 20 к.

28. Іванъ Маджуга, которій присталъ былъ служить къ намъ, отклонилъся, которому дано 30 к., и чрезъ него-жъ послана карта въ Стародубъ къ Гришку стелмаху, чтобъ купивши двѣ штуки крашенины прислалъ.

29. Отправленъ Каврайскій въ Стародубъ и въ Лотоки за нашими домовими, на письмахъ ему порученными, дѣлами и дано ему 20 к. Послѣ полдня отехалъ и я въ Курковичи, куда позно уже прибылъ. Зъ сего числа противъ

30 въ ночѣ вигорѣли всѣ комори въ Стародубѣ на ринку и церковъ соборная Рождества Христова звнѣ згорѣла и колоколня зъ дзвонами Ново-Николской церкви. Былъ на винничномъ заводѣ и осматривалъ тамошнего футора, а въ вечеру былъ у мене священникъ здешній курковскій, отецъ Семенъ Тимоновичъ. 30-жъ числа въ домѣ моемъ городискомъ былъ інженіръ прапорщикъ Молчановъ и описалъ тамошные всѣ хоромы наши для проезду монаршего, имѣючого быть на предбудущей веснѣ.

Октоврій.

1. По службѣ Божой былъ у мене священникъ курковскій отецъ Симеонъ Тимоновичъ и атаманъ, а значковый Козловскій у мене-жъ и обѣдалъ. Вечеромъ припровадили зъ Стративы Ярему Римара отъ Василя Рубця.

2. Рано передомъ отправилъ кухара въ Андрѣйковичи, а самъ, вислушавъ обѣдни въ Курковичахъ, туда-жъ отехалъ, а при отездѣ далъ Омеляну Чеху 4 р. на кухфи и другіе потребности къ винницѣ, оные-же деньги взяты у шинкаря Флора. Въ Андрійковичахъ отобѣдавъ, заездилъ въ Борщевѣ до Григоріевой Гамаліиной и позно уже прибылъ въ Городище.

3. Посилалъ старосту въ Стечну до Галецкой, бунчучной енералной, сторони выправи плотниковъ до Глухова, дабы оныхъ зъ еи и нашого владѣній вкупѣ виправлять.

4. Получилъ повторный указъ о поездѣ въ Глуховъ, отъ 27 сентабря чрезъ компанѣйця присланный, а первый указъ, отъ 7 сентабря писанный, дойшолъ мене въ Курковичахъ сего мѣсяца 1 числа.

5. Былъ у мене капитанъ 2 роти нарвскаго драгунского полку Александръ Петровъ синъ Карцовъ, которого и обослано зъ дому нашего сѣномъ, овсомъ, живностю и питемъ.

6. Пріездилъ ко мнѣ въ Городище полковый квартирмейстеръ рижского драгунского полку Хомутовъ, чтобъ приказать въ домѣ моемъ перегонскомъ занять квартеру для ночлегу того-жъ полку полковнику Петру Івановичу Олицу. Виправлена передомъ моя коляска дорожная и ящикъ къ Глухову. Умовляли старосту Омеляна Шулика на годъ за 10 р., токмо онъ еще совершенно не договорился, взялъ себѣ до разсужденія. Умовили столяровъ погарскихъ на зроблене 11 оконницъ двойныхъ и лиштовъ до 11 оконъ и одныхъ дверей, и за то имъ плати поступлено отъ всякого окна по 15 к., да на обоихъ осмачка жита.

7. Рано, простясь зъ домашними, віехалъ въ путь къ Глухову и переехавъ чрезъ Десну въ Каменѣ, попасалъ коней въ Кренидовцѣ, а оттоль прибылъ на ночъ въ Хилчицы, где и ночовалъ у товарища войскового Чорнацкого.

8. Одтоль віехавши рано, ехалъ при великой дождевой непогодѣ и самъ передомъ пріехалъ въ Шатрищи и сталъ на попасъ

у Іосифа Лукашевича, а потомъ нескоро уже возки прибыли и ради бывшого чрезъ весь день дожджа принужденъ тутъ-же и ночовать.

9. Рано віехавъ зъ Шатрищъ, слушалъ обѣднѣ въ Ямполѣ, а потомъ поехавъ оттоль, весь день за непогодою ехалъ къ Глухову и уже надвечери туда прибылъ, где въ дворѣ моемъ засталъ Федора Ширая и Павла Скорупу, которіи объявили, что назначено мене къ смотренію мостовъ, гатей и прочего по тракту отъ Глухова до Кіева.

10. Былъ первей въ канцеляріи генералной и тутъ виталъся зъ полковникомъ Тютчевымъ, потомъ у генерала и тамъ видѣлся зъ генералнымъ судею Лисенкомъ и асауломъ Валкевичемъ, где тожъ мнѣ обявлено, что и вчора Ширай. Отправлены конѣ сивые 4 и вороныхъ тоже 4 чрезъ Гамаліенка и козаковъ погарскихъ.

11. Чрезъ Юденка посланы въ домъ желѣза штабы 3, камень, вибойки локотъ 11, хустку блакитную, чаю фунтъ, хутро заячое, чулочки Івасевѣ, и за тое все дано 7 р. 18 к., да отъ доктора алоесъ, олѣекъ пинамоновыхъ, дріакву венецкую, каплѣ и мазь на сверботу, 2 волочки, цефалики, баранковъ 50, и о томъ всемъ, тако-жъ и отправѣ моей писалъ къ женѣ.

12. На сочиненномъ писмѣ о роздѣлѣ рубановскихъ добръ на 3 части подписались Валкевичъ за свою дочь, я за свою жену. Ширай за себе, за братовъ и сестеръ, за сотничку іченскую Стороженкову, нѣкоторыхъ Требінскихъ, а за Пиковчиху мужъ еи Пиковець, и такіе писма всѣмъ троімъ сторонамъ, особливо всякой, подаваны зъ тѣмъ договоромъ, чтобъ тые всѣ добра первей списать, а потомъ на равные части дѣлить.

13. Отобралъ я совсѣмъ къ отправѣ своей експедицію къ строенію мостовъ, гатей и прочего для шествія къ Кіеву ея і. величества. Іову трубачу, хлопця Андрушка обучаючому шмуклерства, данъ за науку 1 р., да бѣлой жички (пряжи) для офарбованія блакитнымъ цвѣтомъ—на чубы, серги и лѣйци до шестернѣ, два клубки въ 15 фунтовъ.

14. Отправленный при мнѣ канцеляриста войсковый Антонъ Яновскій отобралъ деньги на 7 подводъ, прогонные на весь путь до Кіева и обратно, зъ канцеляріи зборовъ. Ввечеру віехалъ я совсѣмъ зъ Глухова, а при віездѣ далъ 1 р. 50 к. Івану Мойсееву теслѣ въ отроботокъ, которого велѣлъ отправить въ домъ нашъ до Городища для роботы коло будинку, и объ немъ и о

прочемъ писалъ къ женѣ, да зоставилъ у сина Василя 2 р.—1 р. для его, другій для господинѣ Ганны. Віехавши зъ Глухова, ночовалъ я въ Семеновцѣ у Піроцкого, а возки отправлены до Обложекъ.

15. Рано заездилъ въ Дунаецъ и тамъ видѣлъся зъ г. Скоропадскимъ, одколь Павелъ Скоруппа поехалъ въ Рубановку для описѣ оной и прочего, а я отехалъ на Полошки и прибывъ въ Обложки, тутъ засталъ своихъ людей и де що тамъ роспорядивъ, поехалъ въ Тулиголовы, а оттоль прибылъ ввечеру до Кролевця.

16. Зъ Кролевця отправлены предложенія въ полки стародубовскій, чернѣговскій и нѣжинскій, да въ сотнѣ ямполскую, воронежскую, коропскую, новомлинскую и новгородскую о висилки работныхъ людей на дистанціи отъ Глухова до Кролевця, а на ночь прибылъ въ Алтиновку. Одселя, подъ сею датою, зъ Кролевця прописанною, отправленъ въ войсковую енералную канцелярію репортъ о дистанціи отъ Глухова до Кролевця.

17. Рано зъ Алтиновки поехавъ, обездили прямой трактъ въ правую сторону и намѣрали той обездки 9 верстъ, потомъ проехавъ Ксендзовку, поѣхали влѣво отъ болшого тракту и пріехавъ до Мостищъ, тутъ встрѣтилъся зъ синомъ покойного полковника полтавского Василія Кочубея, Семеномъ Кочубеемъ, возвращаючимся зъ Кіева, а послѣ прибывъ въ Батуринъ, тутъ сталъ квартерою у вдовы Стожковой и тутъ-же ночовалъ. Одселя отправлены предложенія въ полкъ чернѣговскій и въ сотнѣ новомлинскую, конотопскую и бахмацкую о висилки роботныхъ людей на дістанцію отъ Кролевця до Батурина и въ Батуринъ. О той-же дістанціи и въ войсковую енералную канцелярію репортъ на почтѣ отправилъ, въ которомъ включено къ Іосифу и въ домъ мой писма.

18. Віехавши зъ Батурина, мѣрили трактъ вправо, обезджая село Палчики, и намѣрили той обездки 13 верстъ и 400 сажень до мосту, что на Дочѣ, зъ чего явилось, что накладу токмо будетъ двѣ версти безъ ста сажень, переехавъ-же мостъ ветхый на Дочѣ, тутъ засталъ сотника борзенского Пантелимона Забѣлу, для строенія вновь того мосту отправленного; потомъ прибывъ въ Шаповаловку, тутъ пообѣдавъ и за розгряженною отъ дожча дорогою не рано пріехалъ въ Борзну и тутъ ставши квартерою въ домѣ сотничомъ, ночлѣгъ имѣлъ. Сего-жъ числа рано отпустилъ зъ Батурина коней верхового вороного и 2 гнѣдыхъ лисыхъ зъ кулбакою и протчихъ

въ Товкачовку, и послано къ тамошнему старостѣ писмо чрезъ Федора Шейну и чрезъ компанѣйця.

19. Зъ Борзны отправлены предложенія полку прилуцкого въ сотнѣ монастырскую, ічанскую, іваницкую, красноколядинскую и въ смѣлянскую полку лубенского о висилки людей на дістанцію отъ Батурина до Нѣжина. Одтоль поехавъ, обѣдалъ въ Комаровцѣ у священника отца Федора Коніскаго, а потомъ віехавъ зъ Комаровки, на 3 верстѣ обездили шляхъ болшый и паки на болшый зехали на 8 верстѣ отъ Нѣжина и прибывъ въ Нѣжинъ, сталъ квартерою у писаря майстратового Григорія Коніского.

20. Обѣдалъ у хазяина своего, а рано были у мене старшина полковая и войтъ Стеріевичъ зъ майстратомъ, послѣ полдня-же былъ и полковникъ у мене, зъ которымъ ездили осматривать мосту на Острѣ, потомъ и у него былъ.

21. Обѣдалъ у полковника и весь день у него пробавилъ, а рано учинили росписаніе, кому на которой дістанціи смотрѣть роботы.

22. Рано былъ у мене полковникъ, а обѣдалъ я у войта Стеріевича и до позна у него проседѣлъ, гдѣ при мнѣ получилъ онъ войтъ писма отъ синовъ своихъ изъ С.-Пбурха зъ сообщеніемъ печатного мирного трактату съ шведами.

23. Слушали зъ полковникомъ обѣднѣ въ церкви греческой, потомъ ездили за городъ, куда надлежитъ мосты дѣлать, осматривать и заездили къ архимандриту отцу Модесту Велецкому, а обѣдалъ въ квартерѣ.

24. Куплено бѣлого желѣза за 20 к. и конвісару (жестяннику) за роботу дано 20 к., Грицку кожухъ купленъ 1 р. 50 к., кухару шапка и рукавици 40 к., за губку 7 к., за двѣ судна 10 к. Обѣдалъ зъ полковникомъ у Івана Кумборлѣя, откупщика полковъ нѣжинского и чернѣговского.

25. Рано были у мене братство греческое стороны мощенія улицъ греческихъ, о чемъ предложено отъ мене писменно понуждать грековъ полковнику нѣжинскому и чтобъ онъ-же по всѣмъ дістанціямъ въ полку своемъ роботъ надсматривалъ. Рано отправилъ писма въ Глуховъ чрезъ коммісара полкового нѣжинского, Якова Малуху, до Скоропадского, до Руновского зъ приложеніемъ и челобитной на поручика Кишинского, да до сина Василя, и послалъ къ нему-жъ сахару голову, два чаи, шесть булокъ и собачку Шмигелского.

Отобѣдавъ на квартерѣ, віехалъ и мимоездомъ былъ у войта Стеріевича, потомъ прибылъ уже позно до Носовки.

26. Рано отправленъ репортъ въ Глуховъ о всемъ, что здѣлалось въ Нѣжинѣ, потомъ самъ отехалъ въ Адамовку до госпожи Розумовской, где засталъ сватбу отправляючуюсь племѣнницѣ еи Матронѣ зъ Григоріемъ Помаранскимъ, поповичемъ богословскимъ стародубовскимъ, чего ради я тамъ и обѣдалъ и до позна пробавилъ, да уже ночю отехавъ, прибылъ въ Козари, въ дворъ полковника кіевского и тутъ засталъ сватбу вдовы Борсучки, у которой понялъ дочерь писаръ полковый переяславскій Каніевскій [220]).

27. Рано поехавъ зъ Козаръ, прибылъ въ Козелецъ и тамъ сталъ квартерою въ дворѣ небожчика Николая Олховского, а обѣдалъ у асаула полкового Матвея Шума.

28. Обездилъ по-за городомъ Козелцемъ, осматривая удобного тракту до башти нѣжинской и обискалъ на Карашню. Полковникъ кіевскій Танскій прибылъ въ Козелецъ и былъ у мене, которому что надлежало, предлагалъ. Обѣдалъ у отца Івана и по обѣдѣ былъ у дядка Федора Ханенка старого. За ленту до трости и дзигарка даны 20 к., Роговскому 1 р.

29. Рано былъ у полковника и обѣдалъ у дяди Федора Ханенка. Вчора отправлены предложенія о висилки роботниковъ въ полки лубенскій, миргородскій, гадяцкій, переяславскій, да въ прилуцкій о бунчуковому товарищу Михайлу Марковичу.

30. Поутру приходили до мене писарѣ полковые Якимъ Каніевскій, новооженившійся на дочерѣ Борсуковой, и Зиновій Борсукъ кіевскій, зъ хлѣбомъ веселнымъ и зъ хусткою, и просили у себе отобѣдать, почему я и полковникъ Танскій у вдовы Борсуковой купно зъ старшиною полковою и обѣдали и до позна просидѣли. Сего-жъ числа отправлены репортъ въ Глуховъ о учиненномъ въ полку кіевскомъ дістанцій росписаніи, до переяславского полковника писма и въ чернѣговскую войсковую канцелярію предложеніе о висилки роботныхъ людей на показанные имъ дістанціи.

---

[220]) Вдова Якова Петровича Борсука, кіевскаго полковаго есаула. Ея дѣти: Зиновій—обозный кіевскаго полка и Якимъ—стародубскій полковникъ. Якимъ Каневскій—родоначальникъ дворянъ переяславскаго уѣзда, которые теперь пишутся Каніевскими.

31. Обѣдалъ я у полковника Танского, где при віездѣ зъ Козелца и веселные, писарь полковый переяславскій зъ женою и другіе, были. Получилъ 2 писма отъ госпожи Розумовской о увольненіи сотника носовского Карпа Шаулы отъ назначеннаго ему дѣла и на оные отвѣтовалъ.

Ноеврій.

1. Отправлено доношеніе въ Глуховъ о трактѣ новоустроенномъ отъ Комаровки степомъ до Борзны и о томъ-же къ бунчуковому товарищу Григорію Александровичу и судіи полковому нѣжинскому Гроновскому писано. Отдано въ полковую кіевскую канцелярію росписаніе о роботныхъ людяхъ на всѣ въ полку кіевскомъ имѣючіеся дістанціи и о томъ-же къ полковнику кіевскому Танскому писано. Прибылъ въ Козелецъ надъ роботными полку лубенского людми полковой командиръ Александръ Бутовскій, сотникъ чигириндубровскій. Я отехалъ зъ Козелца и въ Сокиринъ на ночъ прибылъ. Писалъ до старосты товкачовского о посылцѣ де-которой въ домъ и о томъ-же писалъ къ женѣ и до сина Василя въ Глуховъ.

2. Отобѣдавъ въ Сокиринѣ у шваграа Григорія Дмитріева Пароженка, отехалъ въ Семиполки, куда прибылъ и обозный полковый кіевскій Алексій Подвисоцкій и сотникъ остерскій Михайло Солонина. Тутъ ночовали. Зъ Семиполокъ отправленъ репортъ, подъ вчорашнею датою въ Козелцѣ писанный, о неприбытіи зъ полковъ роботныхъ людей и подводъ и о невидачи маіоромъ Рейцомъ и управителми биковской и чеховской волостей роботныхъ-же людей и подводъ на указанные дістанціи.

3. Зъ Семиполокъ рано віехали и осматривали роботъ, въ гатяхъ и мостахъ здѣланныхъ, и тутъ отпущены сотники козелецкій Барановскій и остерскій Солонина на свою дістанцію, а мы зъ обознымъ полковымъ кіевскимъ, прибывъ въ Димерку, обѣдали; одселя послано писмо до полковника переяславскаго, чтобъ сотника Лазаревича отправилъ къ Семиполкамъ, а зъ значковымъ однымъ 200 подводъ за Семиполки къ Броварямъ и пѣшихъ роботныхъ въ Козелецъ. Потомъ завременно прибыли въ Бровари, где застали сотника гоголевского Александра Солонину, которому данъ ордеръ къ сотнику леплявскому Лазаревичу, чтобъ откомендеровалъ 200 подводъ къ Броварамъ.

4. Рано віехали зъ Броваровъ и осматривали мосту основанного и по части здѣланного подъ Лисою горою, потомъ заехали на время въ слободу монастыря николского, а одтоль о полдни віехавъ, перевезлись къ Кіеву и, прибывъ на Подолъ передъ вечеромъ, стали квартерою въ домѣ полковника кіевского Танского, куда отъ перевозу провожалъ насъ зъ козаками сотникъ кіевскій Павелъ Гудимъ.

5. Скоро свѣтъ отехали къ Печерскому и тамъ первей были въ обоихъ пещерахъ, потомъ у генерала-губернатора, а по вислуханіи обѣдни въ великой печерской церквѣ, были на водки у отца архимандрита кіево-печерского Тимофея Щербацкого, а обѣдали у губернатора; потомъ знову были у монастырѣ печерскомъ у отца архимандрита и у отца Мойсея Якубовича и уже вечеромъ возвратились на Подолъ до квартери.

6. Ранной обѣдни слушали въ монастырѣ свято-михайловскомъ златоверхомъ и прикладывались къ мощамъ святыя великомученицы Варвары, потомъ были у архимандрита тамошнего Сylвестра Думніцкого и у економа Іосифа Миткевича, а одтоль прибывъ въ катедру свято-софѣйскую, слушали позной обѣдни, которую служилъ преосвященный Рафаилъ, митрополитъ кіевскій, а послѣ обѣдни, позванніи до палатъ митрополитанскихъ, у его преосвященства обѣдали, отобѣдавъ-же и отклонясь его преосвященству, были первей у намѣстника тамошнего Іеронима Миткевича, потомъ у писаря Модеста Стефановича, а послѣ у архидіакона Викентія Велгоцкого и до позна въ ночъ пробавили, да уже ночною порою одтоль прибыли на квартеру.

7. Обослано мене какъ зъ михайловского монастыря водкою, медомъ и пивомъ, такъ изъ печерского тѣмъ-же, а сверхъ того прислана отъ отца архимандрита печерского книга «Камень Вѣры». Я-жъ ездилъ къ губернатору отклонитись, который и обѣдать мене удержалъ у себе, а по обѣдѣ, отклонясь его высокопревосходительству, заездилъ въ печерскій монастырь и простясь зъ отцемъ Мойсеемъ, ігуменомъ больницкого свято-троицкого монастыря, отехалъ на Подолъ и тамъ былъ у генерала-маіора Петра Івановича Стрешнева.

8. Ранной обѣдни слушали въ церкви святого Николая Набережного и отобѣдавъ у сотника кіевского Павла Гудима, отехалъ зъ Кіева и, перевезшись, прибылъ завременно въ Броварѣ, тамъ-же

переменивъ подводы, отехалъ до Гоголева и прибылъ туда уже позно и сталъ квартерою у сотника тамошнего Александра Солонины.

9. Оттоль рано поехавъ, прибылъ передъ обѣдомъ до Свѣтилного къ полковнику кіевскому Танскому и тамъ обѣдалъ и ночовалъ.

10. Тамъ-же отобѣдавъ, віехалъ оттоль и прибылъ въ Семиполки передъ вечеромъ, куда едучому мнѣ принесъ затравленного зайця староста князя Никиты Юрьевича Трубецкого села Руднѣ. Въ Семиполкахъ ночовалъ.

11. Отселя отправлены репорти въ Глуховъ, 1-й о тракту, что лучшымъ винайденъ полковникомъ нѣжинскимъ Божичомъ чрезъ Сеймъ просто къ Батурину, нежели на греблю батуринскую, 2-й что капитанъ Житковъ изъ Расновъ не видаетъ подводъ и роботныхъ людей, а оные репорты подъ датою зъ Броваровъ 8 ноября Одселя-жъ и до полковника нѣжинского, и въ полковую чернѣговскую канцелярію, и къ бунчуковому Омеляновичу, къ маіору Рейцу и къ сотнику дѣвицкому Селецкому предложенія и ордери посланы. Послѣ полдня отехалъ зъ Семиполокъ и прибылъ въ Сокиринъ, где у шваграа Григорія Пароженка и ночовалъ.

12. Тамъ-же обѣдали, а послѣ обѣда прибыли въ Козелецъ.

13. Обѣдалъ у обозного полкового кіевского Алексія Подвисоцкого и до вечера у него забавлялъся, а оттоль проводили мене Семенъ Івановичъ Пустота, Антонъ Афендикъ, сотникъ чигиринъ-дубровскій Александръ Бутовскій, которіи купно зъ нами и вечеряли у отца Івана брата.

14. Обѣдалъ у мене Пустота, а потомъ онъ отехалъ въ монастырь, я-же ни въ домѣ и нигдѣ не вечерялъ.

15. У отца Івана брата обѣдалъ, потомъ въ лазнѣ мился и былъ у дядка Федора Ханенка старого, обозного полкового кіевского, которій пріобѣщалъ уже Івану, сину своему не видящому, Бобрикомъ позволити владѣть.

16. У іменинника сегоднешнего, асаула полкового кіевского, Матвѣя Шума обѣдали и до вечера просидѣли зъ обознымъ полковымъ Подписоцкимъ, зъ Пустотою, Афендикомъ, Бутовскимъ и другими, которіи мене и до квартери проводили.

17. Зъ ранку осматривалъ роботъ, потомъ былъ у дядка Федора Ханенка. Отправленъ ордеръ по почтѣ зъ приложенною копіею указа о другой дорозѣ отъ Комаровки къ Борзнѣ до судіи

полкового нѣжинского Гроновского и до бунчукового товарища Александровича. О томъ-же писано и до полковника нѣжинского Божича.

18. Отправлены писма въ Глуховъ до Скоропадского и до сина, которому и Алваръ новый посланъ чрезъ козака, отъ асаула Шума отправленного. Репортъ о побѣгѣ прилуцкого полку и о бумагѣ, сургучи и свѣчахъ доношеніе на почтѣ въ Глуховъ, а до сотника дѣвицкого Селецкого ордеръ и въ полковую прилуцкую канцелярію предложеніе о тихъ-же бѣглецахъ отправлены.

19. Команда пѣшихъ работниковъ гадяцкого полку сто человѣкъ отправлены къ сотнику гоголевскому на его дістанцію. Полковникъ кіевскій Танскій прибылъ въ Козелецъ вечеромъ.

20. Писаны писма въ С.-Пбурхъ до секретаря Новоторжцова, до Андрея Андреевича Горленка и до сотника березанского Думитрашка и въ одинъ пакетъ включены, зъ приложенною тамъ-же челобитною для подачи въ сенатъ о деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ, и тотъ пакетъ зъ оными писмами посланъ въ Адамовку къ Семену Івановичу Пустотѣ для отправленія отъ него въ С.-Пбурхъ. Роботные люде зъ полку миргородского 440 человѣкъ при значковомъ кирстѣ явились въ Козелцѣ, которыхъ велѣлъ распредѣлить на роботы на 3 дістанціи.

21. Ездили въ монастырь святого мученика Георгія Козелецкаго и тамъ, по вислушаніи обѣдни, у ігумена отца Гавріила Великошапки кушали и весь день пробавили, а зъ монастыря едучи, былъ я у Івана Покровского.

22. Обослалъ мене п. дядко Федоръ Ханенко яблоками свѣжими и сушеными яблоками-жъ и дулями; тако-жъ и швагръ Григорій Пароженко обослалъ хлѣбомъ и свѣжими яблоками и кругомъ соли.

23. Полковникъ кіевскій Танскій отехалъ до Козари; я чрезъ почту многіе получилъ указы изъ генералной канцеляріи. Листъ, писанный отъ мене подъ 20 числомъ до князя Никиты Юрьевича Трубецкого, врученъ Григорію Пароженку о Куровѣ и Чубаровѣ, который включилъ въ свой пакетъ до княгинѣ Анны Даниловны, для подачи самому князю. Сего-жъ числа помянутые свѣжіе и сухіе яблоки и дулѣ, соль и вялая риба, сомъ, коропъ и лящъ, отпущены до Товкачовки при Качановскому и при Гаврилу Емченку, о чемъ и писмо до старости писано, тако-жъ писанное до

Евдокіи Лизогубовны Григоріевой Стороженковой писмо отправлено сторони куплѣ ею Рубановскихъ добръ нашей части.

24. Рано отехалъ Качановскій. Я обѣдалъ у асаула полкового Шума и простилъся зъ Пароженкомъ и зъ сестрою, его женою, Евфиміею. Писано писмо до полковника Тютчева о посилки писемъ Пароженковыхъ, до князя Трубецкого и до княгинѣ его отправленныхъ.

25. Обѣдни и соборного молебствія слушали въ соборной Преображенской церкви; послѣ того-же всѣ старшины были у мене, обѣдали у мене-же протопопъ Николай Яловскій и намѣстникъ Яковъ Савицкій, да обозный Алексій Подвисоцкій, асаулъ Матвѣй Шумъ и сотникъ чигириндубровскій Александръ Бутовскій; потомъ, простясь зъ дядкомъ Федоромъ Ханенкомъ и другими свойственными, отехалъ изъ Козелця и прибылъ до Козари позно. При отездѣ зъ Козелца, вручены асаулу полковому Шуму 5 р., для отсилки въ Кіевъ, на покупку нѣкоторыхъ книжокъ, при писмѣ моемъ до сотника кіевского Павла Гудима. Отцу Івану брату оставлены 5 р.

26. Отправленъ репортъ о бежавшихъ полку переяславского роботныхъ въ Глуховъ, тако-жъ и писмо до полковника Тютчева зъ писмами Григорія Пароженка. Пріездилъ ко мнѣ бурмистръ нѣжинскій, Іванъ Радіоновъ, зъ писмомъ зъ майстрату и подалъ два указы зъ Глухова и прочее.

27. Чрезъ того-жъ бурмистра писаны писма къ капитану Параскевѣ, къ Антону Милорадовичу и къ Якову Жураковскому, чтобъ противъ своихъ дворовъ велѣли вымостить улици. Сего-жъ числа рано отехали зъ полковникомъ Михайломъ Танскимъ до Адамовки, къ госпожѣ Наталіи Демяновнѣ Розумовской и тамъ уже не застали на службу, гдѣ обѣдали и весь день пробавили, да уже ночю до Козари прибыли.

28. Сей весь день въ Козари пробавили и ездили на тутешную греблю для разсмотреня, какъ мосты дѣлать. При ордерѣ до бунчукового товарища Михайла Марковича послана инструкція и писмо къ полковнику переяславскому Сулимѣ, да въ полковую тамошную канцелярію предложеніе о висилки бѣжавшыхъ и недосланныхъ работниковъ зъ полку переяславского въ полкъ кіевскій на дістанціи.

29. Послѣ раннего обѣда, простясь съ полковникомъ кіевскимъ Танскимъ, віехалъ зъ Козарѣ и прибывъ въ Носовку, сталъ квар-

терою у госпожи Томашовской; потомъ ездилъ за городъ, осмотровалъ роботы и что еще дѣлать надлежитъ.

30. По службѣ и молебствіи, ради кавалерского св. апостола Андрея Первозванного праздника, званы обѣдать къ обозному полковому кіевскому Андрею Шаулѣ, бывшему сего числа именичнику и у него обѣдавъ, вечеромъ уже прибыли до квартери. Сего-жъ числа рано отправленъ въ полкъ переяславскій бунчуковый товаришъ Михайло Марковичъ по інструкціи для висилки въ полкъ кіевскій на дістанціи подводъ и роботныхъ людей, бѣжавшихъ и недосланныхъ.

Декабрь.

1. Посланъ компанѣецъ Панко въ Нѣжинъ и чрезъ него отправлено писмо къ полковнику нѣжинскому Божичу о присилки отъ него вѣдомости, сколко чего уже на всѣхъ дістанціяхъ въ полку его сдѣлано, а сколко того не додѣлано, и о протчемъ; да отправленъ ордеръ и інструкція до сотника Павла Жуковского, чтобъ зъ предложеніемъ въ полковую придуцкую канцелярію ехалъ за висилкою подводъ и роботныхъ людей, бѣжавшихъ и недосланныхъ.

2. Рано, по осмотрѣ работъ въ Носовцѣ и переездѣ чрезъ Володкову Дѣвицу и Кропивную, усмотрѣлъ весьма плохо здѣланные мосты и гатѣ, прибылъ въ Нѣжинъ передъ вечернями и сталъ квартерою у Івана Комбурлѣя, откупщика сборовъ, кушалъ-же у войта Петра Стеріевича. Другій компанѣецъ зъ Носовки отпущенъ до Товкачовки зъ овцами и баранами шліонскими.

3. Зъ поранку были у мене разные персоны, въ томъ числѣ и войтъ, который звалъ мене и обѣдать къ себѣ, где отобѣдавъ, мылся у его-жъ банѣ; потомъ имѣли съ нимъ розговоры стороны індукты и уже позно пришелъ въ квартеру.

4. Слушалъ обѣдни въ церкви св. Николая и былъ на водки у протопопы нѣжинского, отца Степана Волховского; потомъ многіе-жъ у мене были на водки. Обѣдалъ въ квартери, куда прибылъ ко мнѣ и полковникъ Божичъ, зъ которымъ просидѣли въ ночь долго.

5. Отправленъ компанѣецъ Панко въ Глуховъ, чрезъ которого посланы писма до г. Скоропадского, а въ ономъ включены до сына моего, до жены и до племѣнника Іосифа; да отправлены-жъ пакеты, изъ дому госпожи Розумовской присланные, о которыхъ отписали

до С.-Пбурха. Писано отъ мене до канцеляриста Андрея Лышня. Сего-жъ числа послано письмо къ асаулу полковому нѣжинскому, Стефану Костенецкому, о учиненіи слѣдствія противъ писма, отъ писаря нѣжинского г. Безбородка ко мнѣ писанного. Обѣдалъ я и до вечера пробавилъ у полковника нѣжинского Івана Пантелемоновича Божича, а передъ обѣдомъ былъ у отца архимандрита Модеста Велецкого, зъ обѣднѣ.

6. Передъ службою Божіею многіе приходили ко мнѣ зъ поздравленіемъ нынешняго моего тезоименитства, а именно: отецъ архимандритъ, полковникъ зъ старшиною, войтъ зъ майстратомъ и греческое братство; потомъ слушали обѣдни въ церкви св. Николая, а послѣ были у мене-жъ многіе духовные и мирскіе на водки, а иные и обѣдать остались, якъ-то: архимандритъ, полковникъ, протопопъ отецъ Стефанъ Волховскій, намѣстникъ отецъ Василій Великошапка, бунчуковые товарищи Василь Жураковскій, Заруцкій, сотникъ Павелъ Жуковскій, греки Іванъ Комбурлий и Велисаръ и пробавили при играню музыкъ войсковой и гражданской, также при пушечной палбѣ, до позна. Трубачамъ и музикантамъ даны 2 р.

7. Весь день пролежалъ въ квартерѣ ради вчорашнего шумства, а вечеромъ посѣщалъ мене Василь Жураковскій.

8. Рано зъ полковникомъ осматривали роботъ коло мостовъ въ городѣ и черезъ рѣку Остеръ и даже до вигону, черезъ Новое Мѣсто [221]), потомъ у его-жъ полковника обѣдали и надъ вечери былъ онъ у мене и простились; вечеромъ и войтъ былъ у мене.

9. Полковникъ въ домъ свой до Бурковки отехалъ. Отправлены писма въ Товкачовку до старосты и до Качановского о посилки жита въ Козелецъ, о чемъ писалъ и до асаула полкового кіевского Шума. Обѣдалъ въ квартери.

10. Посланы писма къ полковникамъ нѣжинскому и кіевскому о присылки вѣдомостей, сколко на которой дістанціи указанныхъ роботъ въ отдѣлкѣ и сколко и где чего не додѣлано и о протчемъ. Обѣдалъ у писаря полкового Василія Кулаковского зъ тещею его Евдокіею Лизогубовною Григоріевою Стороженковою, которая нарочно пріездила торговать у мене части нашей, въ рубановскихъ добрахъ имѣючейся.

[221]) Часть г. Нѣжина.

11. Службы Божіей слушали въ монастырѣ Благовѣщенскомъ; а потомъ званы къ войту нѣжинскому Петру Стеріевичу Тарнавіоту, у котораго купно зъ отцемъ архимандритомъ Модестомъ Велецкимъ, намѣстникомъ отцемъ Василіемъ Великошапкою и разными мірскими персонами обѣдали и до вечера просидѣли; а въ вечеру были у мене Евдокія Стороженкова, зъ зятемъ своимъ Кулаковскимъ, за тимъ-же о Рубановщинѣ дѣломъ; но не сошлись. Сего-жъ числа ввечеру черезъ нарочного зъ Глухова компанѣйця получилъ указъ, чтобъ роспустить въ домы роботныхъ людей.

12. Въ силѣ оного указу посланы писма, съ сообщеніемъ того-жъ указу копій, до полковниковъ нѣжинского и кіевского и съ требованіемъ вѣдомостей обстоятелныхъ о роботѣ здѣланной и недодѣланной и сколко зъ коихъ полковъ было людей на роботахъ и сколко не дослано было и о протчемъ, а въ полковые канцеляріи лубенскую, прилуцкую, переяславскую, гадяцкую, миргородскую, стародубовскую и чернѣговскую предложенія, чтобъ не висилано уже какъ бѣжавшихъ, такъ и недосланныхъ[222]).

1745 годъ.

Мѣсяцъ генварь.

1. Бунчуковый товарищъ Петръ Іскріцкій, при писмѣ своемъ поздравителномъ святами, прислалъ денегъ 190 руб., занятыхъ имъ у г. Скоропадского, о которыхъ пріемѣ я ему и отписалъ и облѣгъ ему послалъ чрезъ шираевского інспектора Жуковского. Обослалъ насъ сотникъ полку чернѣговского Романъ Журба зайцями 5-тю и птицами чрезъ нарочныхъ.

2. Къ нему Журбѣ отписано зъ благодареніемъ за оную обсылку и оные присиланные отпущены. Подражены подмосковные крестяне умершого Волинского дочери Маріи Артеміевны, села Воронова жители, Іванъ Михайловъ и Афанасій Василевъ подъ обозъ

---

[222]) Затѣмъ въ дневникѣ нѣсколькихъ тетрадей не достаетъ.

нашъ везти оный къ Москвѣ на 4 лошадяхъ, и договорено: давать имъ на двѣ пары лошадей 13 руб. денегъ [223]).

3. Послѣ обѣдни гг. Скоропадскіе молодые, а вмѣстѣ съ ними и синъ нашъ, тако-жъ и Яковъ Кондзеровскій и інформаторъ Юнгансъ отехали къ Глухову и ночовали въ Чаусахъ; и Кондзеровскому подарена матерія. Староста Павелъ Гузовскій наказанъ за пянство, а по наказаніи обѣщалъ онъ ничего пяного не заживать, поки у насъ въ службѣ будетъ.

4. Сискиваны куровци и чубаровци въ слушаніи указу сенатского, которіи уже ассекуровались впредь не быть противными; зъ тихъ-же деревень вистачена пенка, токмо зъ Курова не вистачено еще четырехъ берковцовъ.

5. Отправленъ обозъ полонъ зъ запасами къ Москвѣ при Івану Ялоцкому, и Івану Куатирку, и Грицку Климову, которымъ вручены и денги, какъ на заплатку извощикамъ, яко и имъ для корму лошадиного 18 р., а что въ томъ обозѣ отпущено, о томъ Ялоцкому врученъ реестръ. Сего-жъ числа принесенъ указъ изъ енералной канцеляріи чрезъ компанѣйця, чтобъ въ судъ генералный представить повѣренного къ слушанію рѣшенія по дѣлу Соколовского. Лотоковци [224]) привезли доски и деякую посуду польскую, такожъ и денги провіантовые на генварь мѣсяцъ 3 р. 23½ к., которые, такожъ и прежде собранные зъ владѣнія нашего 20 р. 73 к., вручены для содержанія священнику городискому отцу Михаилу Пулчевскому.

6. Послѣ службы Божой и по водоствятіи, кушали у насъ оба священника и отпущена передомъ къ Глухову подвода зъ деякими запасами, да лотоковскимъ де которымъ дано въ позыку жита осмачокъ 7, и оные-жъ отпущены, а чрезъ нихъ писано Івану Дащенку, писарю сотенному новомѣскому, въ изслѣдованіи о ихъ обидахъ, до Василія Березовского о учиненіи сатисфакціи за побои войта нашего старостою его медведовскимъ, до войта о присилки еще до 40 дощокъ липовихъ, до сотника мглинского Лиса-

---

[223]) Обозъ съ припасами отправлялся въ Москву, куда вслѣдъ долженъ былъ ѣхать и самъ Ханенко, въ числѣ депутатовъ, избранныхъ для присутствія при бракосочетаніи великаго князя. См. «Семейство Разумовскихъ», I. 67.

[224]) Крестьяне с. Лотоковъ.

невича, благодаря за птуши и обявляючи о своемъ отездѣ къ Глухову, а оттоль къ Москвѣ.

7. Вручены двѣ куницѣ и одинъ бобръ для чинбы въ Стародубъ Максиму Шапочнику, припечатанные, и ему-жъ за роботу дано 90 коп., а Гришку кравцю 12 коп. Послѣ обѣда отехали зъ дому къ Глухову и ночовали въ Чаусахъ.

8. Въ Чаусахъ явились зъ Лотоковъ и зъ Курганщины люде и привезли кожу медвежу отъ коновала и лубку липцу (меду) отъ дяка Федора Пригары, которымъ жебы выдано зъ гумна городецкого жита три осмачки зъ чверткою, о томъ писалъ къ гуменщику Пилипу, да и до Івана Дащенка писалъ-же, чтобъ по жалобѣ тамошнихъ людей изслѣдовалъ. Рано зъ Чаусъ отехали и попасали коней въ дворцѣ судіи енералного Лисенка въ Михайловцѣ, а оттоль по обѣдѣ прибыли въ Шатрищи и ночовали у Кирила Лукашевича.

9. Зъ Шатрищъ рано поехавши, прибыли въ Глуховъ о полднѣ, а вечеромъ былъ у г. Скоропадского, где видѣлъся съ енералнымъ писаремъ г. Безбородкомъ, и Яковомъ Марковичемъ, и обознымъ полковымъ лубенскимъ Іваномъ Кулябкою. и зъ судею переяславскимъ Лисаневичемъ.

10. Рано былъ у генерала и просилъ о дачи пашпорта на почтовые лошади къ Москвѣ и до С. П. Бурха, который и обѣщалъ дать таковый пашпортъ.

11. Обездилъ всѣхъ господъ велико и малороссійскихъ, въ томъ числѣ былъ и у писаря енералного г. Безбородка и у бунчукового Оболонского, и де которые изъ нихъ для подачи въ Москвѣ и С. П. Бурхѣ поприсилали писма.

12. Отъ генерала и генералши отобралъ писма и отклонилъся, такожъ отъ брегадира и полковника Тютчева, и отобралъ въ енералной канцеляріи пашпортъ и нѣкоторые дѣла, въ сенатъ и въ коллегію іностранную надлежащые, и со всѣми простилъся.

13. Рано былъ у п. Скоропадского и занялъ у него 16 червонныхъ. Обѣдни слушалъ въ церкви Преображенія Господня. Обѣдалъ въ домѣ, а съ нами и г. Скоропадскій; по обѣдѣ-же, простясь зъ женою и со всѣми, отехалъ по почтѣ въ путь свой, зъ синомъ Василемъ, и прибывъ на смерку въ Толстодубовъ, тутъ перемѣнилъ

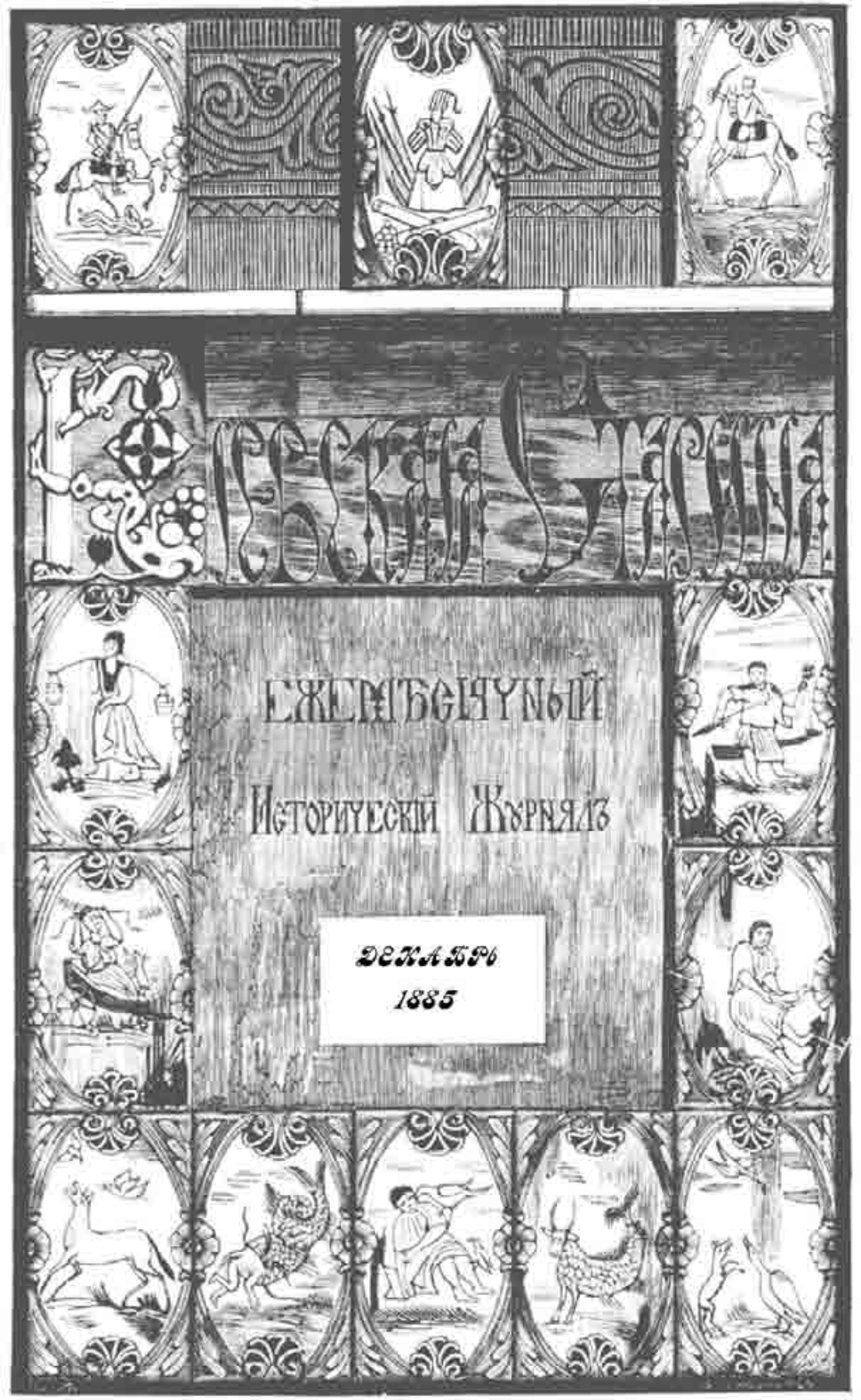
Русская Старина
ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Декабрь
1885

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XIII.

1885 г.

КІЕВЪ.
Типографія Т. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., соб. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XIII.

ДЕКАБРЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го ноября 1885 года.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА."

1886 г. (V ГОДЪ ИЗДАНІЯ) **1886 г.**

Журналъ «**Кіевская Старина**», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1886-мъ году ежемѣсячно, **1-го числа**, книжками **въ 12 и болѣе листовъ**, съ приложеніемъ по временамъ портретовъ южно-русскихъ историческихъ дѣятелей.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить между прочимъ слѣдующіе матеріалы и статьи: *Учебныя заведенія юго-западнаго края послѣ перваго польскаго возстанія* (современныя записки И. М. Сбитнева); *Годепорикъ*, или автобіографическія записки *И. Острожскаго-Лохвицкаго* (1761 — 1846 г.), обывателя г. Ксрочи; *Дневникъ С. И. Лашкевича*, черниговскаго обывателя (70-хъ годовъ XVIII вѣка); *Письма изъ осажденнаго Севастополя* (1853 — 1855 г.) къ архіеп. Иннокентію; *Очеркъ исторіи днѣпровскаго козачества* до половины XVII ст.,—рядъ статей проф. В. Б. Антоновича и имъ-же редактированныя *Записки Ѳ. Евлашевскаго* (1564 — 1604 года) и *Дневникъ похода Конецпольскаго противъ козаковъ 1626 г.; О вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу*, проф. Н. Ѳ. Сумцова; *О научномъ изученіи колядокъ*, его-же и *Антоній Радивиловскій* (очеркъ изъ исторіи южно-русской литературы XVII в.), его-же; *Выборъ малорусскихъ депутатовъ въ Екатерининскую коммисію*

Д. И. Багалѣя; *Люди Старой Малороссіи — Кулябки и Ломиковскіе*, А. М. Лазаревскаго; *Угорскіе русины, ихъ судьба, нравы и обычаи*, П. И. Феерчака; *Сатирическая литература актовыхъ книгъ XVII в.*, О. И. Левицкаго; *Неизданные матеріалы для исторіи Запорожья*, Д. И. Эварницкаго; *Запорожье въ памятникахъ устнаго народнаго творчества*, Я. П. Новицкаго; *Секретная переписка запорожскаго Коша*, А. А. Скальковскаго; *Двѣ поѣздки съ Н. И. Костомаровымъ*, В. П. Горленка; *Парѣжный* (историко-литературный этюдъ), его-же; *Неизданныя сочиненія Сковороды* (описаніе) *и Переписка Боровиковскаго съ родными*, его-же; *Историко-литературная дѣятельность А. Я. Стороженка*, Н. С—а; *Воспоминанія о Шевченкѣ*, Ѳ. Лободы и пр. Сверхъ того редакція надѣется усилить число переводныхъ и оригинальныхъ статей общедоступнаго чтенія.

Подписная цѣна на годъ съ пересылкою и доставкою **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 коп.**, за границу **11 руб.** Полугодичная или по четвертямъ года подписка не принимается. Разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ допускается лишь по полугодіямъ, или по предварительному соглашенію съ редакціею.

Выписывающимъ непосредственно изъ редакціи журналъ прежнихъ годовъ одновременно за 4 года дѣлается уступка 20%, за три 15% и за два 10%.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Петербурга, Москвы и Кіева. Иногородные адресуютъ: *Въ редакцію* «**Кіевской Старины**», Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель *Ѳ. Лебединцевъ.*

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XIII. 1885 г.

Сентябрь, 1885 г.

стр.

I. КЪ ИСТОРІИ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИСІИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПРОЭКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ. **Дмитрія Багалѣя** 1

II. ДАРЪ ПЯТЬДЕСЯТНИЦЫ И НАШИ ПЕРВОУЧИТЕЛИ. (Посвящено памяти Н. И. Костомарова, сказано въ торжественномъ собраніи славянскаго общества 13 мая 1885 г.). **Ор. Миллера** 31

III. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653.—(Историко-біографическій очеркъ) 51

IV. МАЛОРУССКАЯ ПОХОРОННАЯ ПРИЧЕТЬ И МИОНЧЕСКОЕ ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ. **С. Брайловскаго** 73

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). *(Продолженіе)*. **И. Левицкаго.** 85

VI. ДВѢ ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Е. Ѳ. ФОНЪ-БРАДКЕ, СОСТАВЛЕННЫЯ ПО ОБРЕВИЗОВАНІИ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1850—1851 ГГ. 128

VII. ГРАМОТА ПАТРІАРХА АДРІАНА КІЕВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ ВАРЛААМУ ЯСИНСКОМУ. (По жалобѣ кіевскаго войта и мѣщанъ на незаконныя нѣкоторыя распоряженія митрополита). 139

IIIV. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 47. С.-Петербургъ. 1885 г.—*П. Каманина.*—б) А. Барбашевъ. Витовтъ и его политика до грюнвальденской битвы (1410 года). Спб. 1885 г.—*П. Каманина.*—в) Н. А. Кулишъ. Байда, князь Вишневецкій, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. С.-Петербургъ. 1885 г. *А. Степовича* 145

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Остатки братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ.—*К. Василенка.*—б) Стефанъ Яворскій въ двойной роли хва-

стр.

лителя и обличителя Мазепы.—Сообщ. *В. Науменко.*—в) Шуточные стихи начала прошлаго вѣка.—Сообщ. *В. Науменко.*—г) По поводу возстановленія кіево-межигорскаго монастыря, нѣсколько свѣдѣній къ его исторіи.—*Ал. Андріевскаго.*—д) Брошенный изъ-за угла камень.—*П. Кулиша.*—е) Пѣсня на князя Доминика Заславскаго.—Сообщ. *Н. С.*—ж) Изъ народныхъ разсказовъ о велитняхъ и пятницѣ).—з) Народная пѣсня о Шевченкѣ.—Сообщ. *Мих. Васильевъ.* 159

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728 — 1753 г.) *(Продолженіе)* . . . . . 193—208

Октябрь, 1885 г.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.

I. КОПНЫЕ СУДЫ ВЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ УКРАЙНѢ. **Александры Е.** 108

II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.—(Историко-біографическій очеркъ). *(Продолженіе)* 204

III. ДВѢ СТАРЫЯ УКРАИНСКІЯ ПѢСНИ И ПО ПОВОДУ ИХЪ. **Бориса Познанскаго** 220

IV. ИВАНЪ ПОДКОВА. Историческій разсказъ.—(Переводъ съ польскаго) 243

V. НѢСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВЪ КЪ ИСТОРІИ ГАЙДАМАЧИНЫ. **А. Скальковскаго** 277

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Александръ Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Кн. I—IV. Спб. 1881—1884 г.—*И. Каманина.*—б) А. А. Матвѣевъ. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи. Одесса. 1884 года.—*И. Каманина.*—в) Разсказы изъ русской исторіи XVIII в. по архивнымъ документамъ. А. Барсукова. Спб. 1885 г.—*К. Цыбульскаго.*—г) Александръ Андріевскій.—Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 9-й. Кіевъ. 1885 г.—*К. Л.* 319

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Историческіе матеріалы архива полтавской казенной палаты.—*Л. Падалки.*—б) Любопытныя рукописи одной частной библіотеки.—Сообщ. *А. А. Синицкій.*—в) Двадцатипятилѣтіе Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.—*В. Ястребова.*—г) Изъ народныхъ преданій о запорожцахъ.—*Я. П. Новицкаго.*—Изъ народныхъ разсказовъ въ Новороссіи.—д) Письмо Августа II, короля польскаго, къ Семену Палію.—Сообщ. *С—ко.*—е) Воспрещеніе гетманомъ Скоропадскимъ сборовъ на «ралець».—ж) Изъ письма въ редакцію (Пещера въ лебединскомъ лѣсу и остатки старинной

стр

живописи въ лебединскомъ монастырѣ).—*Мих. Васильева.*—з) Какъ разсудилъ панъ староста Каневскій—*Б. П.* 333

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . . 209—224

Ноябрь, 1885 г.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.

I. СТАРѢЙШІЯ РУССКІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ. **П. Кузьмичевскаго.** 371

II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.— (Историко-біографическій очеркъ). *(Продолженіе).* **И. Новицкаго** . . . 408

III. АВТОБІОГРАФІЯ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА, ПИСАННАЯ ДЛЯ «НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ». 431

IV. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1863 Г. **Б. Познанскаго.** 436

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). *(Окончаніе).* **И. Левицкаго** 466

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Л. В. Ильяшевичъ. Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства. Харьковъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—б) Великорусскій и малорусскій языки. Изъ чтеній д-ра Карла Абеля въ оксфордскомъ университетѣ по сравнительной лексикографіи. Перевелъ съ англицкаго Рудольфъ Диллицъ. Лейпцигъ и Берлинъ. 1885 г.—*Н. Дашкевича*—в) Изслѣдованіе о кладахъ волынской губерніи. Житоміръ. 1885 г.—*П. Голубовскаго* 520

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ народныхъ преданій о Гетманщинѣ, Запорожьѣ и Черноморьѣ. — Сообщ. *Порфирій Мартыновичъ.*— б) Письмо къ другу отъ офицера, находящагося въ Кіевѣ. — Сообщ. *В. Н. Ястребовъ.*—в) Старинныя орудія наказанія и исправленія.— *Ив. Новицкаго.*—г) Два слова о панѣ Каневскомъ. *Его же.*— д) Запрещеніе купальскихъ огней.—*П. Е.*—е) Вольныя литературныя упражненія въ южно-русскихъ судахъ XVII ст.—Сообщ. *П. Шеболдаевъ.*—ж) Годичное собраніе общества пр. Нестора и отчетъ о его дѣятельности за 1884—85 г.—з) Всенародное купанье вѣдьмъ въ озерѣ и судебная отъ того волокита.—*К. Цыбульскаго.* 535

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.). *(Продолженіе).* . . . . . 225—240

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

стр.

Декабрь, 1885 г.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.

I. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1863 Г. *(Окончаніе)*. **Бориса Познанскаго** 571

II. АДАМЪ КІСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.—(Историко-біографическій очеркъ). *(Окончаніе)*. **Ив. Новицкаго** 612

III. ЕВРОПЕЙСКІЙ БАНТИЗМЪ — РОДОНАЧАЛЬНИКЪ МАЛОРУССКОЙ ШТУНДЫ 638

IV. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІИ. *(Окончаніе)*. **К. М.** 651

V. НОВѢСТЬ ОБЪ ОСАДѢ Г. МИХАЙЛОВА ГЕТМАНОМЪ САГАЙДАЧНЫМЪ ВЪ 1618 Г. 684

VI. ДВА ПИСЬМА ИСТОРИКА Н. А. МАРКЕВИЧА О СВОЕМЪ РОДОНАЧАЛЬНИКѢ МАРКѢ АВРАМОВИЧѢ. Сооб. **Петръ Дорошенко** . . . 689

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Малорусскія литературныя новинки 1885 года.—*W.*—б) Къ исторіи полемики между московскими и малорусскими учеными въ концѣ XVII ст., И. Шляпкина (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1885 г., октябрь).—*Н. С.*—в) Историческое значеніе базиліанскаго ордена въ Галиціи и его настоящія отношенія.—*Ѳ. Н.*—г) Холмскій народный календарь на 1886 годъ. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства. Кіевъ. 1885 г.—*Н. Каманина.* 699

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мазепа-князь и его шляхетскій и княжескій гербы.—Князя *А. В. Дабижи.*—б) Эпизодъ изъ жизни Т. Г. Шевченка.—*С—ка.*—в) Въ запорожскомъ захолустьѣ.—*В. Ястребова.*—г) Знахарство, шептанье и заговоры.—*И. Иванова.*—д) Городничій и св. Пятница.—*Н. Бакая.*—е) Мицкевичъ въ малорусскихъ передѣлкахъ и переводахъ.—*Н. Новицкаго.*—ж) Французъ-путешественникъ на Украйнѣ.—*В. Г—ка.*—з) Іосифъ Григорьевичъ Михневичъ. *(Некрологъ).*—и) Гайдамацкая пѣсня.—*В. Ястребова* 715

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728–1753 г.) (*Продолженіе*). 241–256

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВОСПОМИНАНІЯ
О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1863 ГОДА.

(*Окончаніе*) [1]).

На другой день весеннее солнце освѣщало уже совершенно успокоившееся наше село. Ни о какихъ ляхахъ и мятежникахъ не было ни слуху, ни вѣсти, и жизнь вошла въ свою колею.

Между тѣмъ мысль о положеніи моей тетки не оставляла меня, и я все таки порѣшилъ съѣздить къ ней. Для обезпеченія себя я взялъ у каневскаго уѣзднаго исправника свидѣтельство на проѣздъ въ Бѣлую-Церковь и обратно и вмѣсто хлопца, служившаго у меня, договорилъ для поѣздки со мною солиднаго домохозяина, Грицька Слипенка, причемъ позаботился и о томъ, чтобъ въ выданномъ ему изъ волости билетѣ было опредѣленно обозначено, куда и съ кѣмъ онъ ѣдетъ. Исправникъ посовѣтовалъ мнѣ во всѣхъ попутныхъ волостныхъ правленіяхъ являть наши билеты.

Шестого мая мы тронулись въ путь. Подробностей хода повстанскихъ похожденій въ Бѣлоцерковщинѣ я по ту пору не зналъ, кромѣ того, что одна шайка повстанцевъ перевязана около Мировки и Розаліевки. Путь намъ лежалъ на Кагарлыкъ, Гороховатку, Мировку, Розаліевку, а за Розаліевкою по упраздненной богуславской почтовой дорогѣ черезъ Красное на Саливонки; тутъ мы выѣзжали на кіевскій почтовый трактъ, а въ верстѣ отъ него находилась Соколовка, мѣсто жительство моей тетки.

---

[1]) См. «Кіевская Старина» 1885 г., ноябрьск. кн., стр. 436—465.

Первый опросъ былъ сдѣланъ намъ при проѣздѣ чрезъ Мировку. Это большое село и очень раскинутое. По срединѣ его огромный выгонъ; на немъ близъ дороги большой крестъ (фигура), а подлѣ него волостное правленіе. Глядимъ, у фигуры стоитъ курень, а изъ него выглядываютъ и къ намъ присматриваются люди. Лишь только мы приблизились къ куреню, какъ насъ остановили и потребовали билеты. Сторожей оказалось пять, и пока одинъ изъ нихъ носилъ въ волостное правленіе наши билеты, мы разговорились съ остальными четырьмя.

— Такъ у васъ, спрашиваю, были мятежники?

— Ге, тутъ на Вербивци (часть села) така баталія була! Сказано мятежныки! Такъ и свистять кули по-межъ народомъ... отвѣчалъ одинъ изъ стражи.

— Ну, и благополучно кончилось, никого не убили?

— Та людей Богъ милувавъ, якось никого не влучили, а ляхивъ багато побили, а той такъ побрали въ полонъ. Тамъ ихъ нанизали чоловика зъ пятьсотъ...

— Ого! Таки чимало! подъохочивалъ я разсказчика.

— А якъ-же! Тамъ ихъ сила була,—усе воины. Тай народу-жъ було сила: зъ усихъ силъ позбигалысь, такъ и вкрыли ихъ. Якъ гукнувъ нашъ таки конопиръ: «бийте ихъ вражихъ ляхивъ!»— такъ ихъ и вкрыто. Народу сила, звисно! Той того бье, той вьяже, а той убитого вже роздягае, та розпувае! Народъ зъюрмовався, озорився, такъ и рвуть, такъ и рвуть...

Я полюбопытствовалъ спросить, что-же дѣлали повстанцы.

— Що?! Вони було бумагу якусь давали людямъ, такъ наши не беруть. Положить *орудію* (sic), стали имъ казать, а вони и поклали. Ну, тутъ-то й вкрыто ихъ... А вони—хто проситься, на вколинки падае, а хто утикае... Такъ куды тоби! Сказано, народу сила!.. Зыкъ, гукъ—ажъ земля стугонить.

Меня не удовлетворяли эти общія фразы, мнѣ хотѣлось знать самый процессъ этой баталіи, и я спросилъ, какъ именно стрѣляли повстанцы въ народъ.

— Гмъ... Може который и хотивъ-бы стрелить, такъ не вспивъ, бо ихъ зразу стоптали, николи було имъ и разъ стрелить, отвѣчалъ разсказчикъ, очевидно забывъ, что раньше говорилъ о томъ, какъ свистѣли пули между народомъ.—А то може хто й стреливъ. Я

таки добре не знаю; казали, буцимъ-то пидъ соцькимъ коня вбито. Звисно, тамъ усёго не догледишъ... Тамъ таке страховиськo! Одно слово баталія! А мыру того, ажъ чорно!...

Разговоръ былъ исчерпанъ, намъ принесли посвидѣтельствованные билеты и мы поѣхали дальше.

Въ Розаліевкѣ «коловоротъ» былъ заново отдѣланъ: крѣпкія ворота, высокій плетень по бокамъ и, наконецъ, большой плетневый съ новенькою крышею шалашъ. Прислоненными къ плетню стояли нѣсколько косъ, набитыхъ «направець», пика и новое, невиданное мною до той поры оружіе—«питыхъ», совершенное подобіе солдатскаго штыка, воспроизведенное мѣстнымъ кузнецомъ и набитое на длинную палку[1]). Подъѣхавъ къ закрытымъ воротамъ, мы остановились; изъ шалаша, съ картами въ рукахъ, выскочилъ къ намъ молодой парень и громко крикнулъ:

— Стой! Видкиля козаки?...

Мы назвали себя.

— А билеты есть?...

— Есть, отвѣчаемъ мы, и подали свои билеты.

Глядимъ, а въ шалашѣ еще нѣсколько молодыхъ парней, также съ картами въ рукахъ: отъ скуки стражи, очевидно, развлекались игрой. Къ намъ подошли еще три парня и стали разсматривать наши билеты съ печатями сургучными, съ мѣста выдачи, и черными кончеными попутныхъ волостей. Но грамотныхъ между всѣми 7-ю стражами не оказалось.

— Ну, мабуть отъ-що: сидайте зъ ними ты, Микито и ты, Василю, тай поганяйте у расправу, порѣшилъ одинъ изъ стражей, очевидно, старшій между ними.

Микита и Василь взяли стоявшія у плетня косы и готовы были исполнить приказъ, одинъ изъ парней отпиралъ уже ворота... Но я не пожелалъ кататься въ расправу и возить съ собою лишнихъ десять пудовъ: парни здоровые, крупные, одни сапоги фунтовъ 30 пара.

— Возить я васъ не стану, сказалъ я стражамъ,—не моя вина, что между вами нѣтъ грамотнаго,—если-жъ вамъ такъ нужно, идите пѣшкомъ, а я поѣду за вами.

[1]) Въ одной коллекціи впослѣдствіи я видѣлъ такое-же оружіе, но съ добавленіемъ зазубрины, какъ въ крючкахъ, для ловли рыбы употребляемыхъ.

Стража озадачилась. Проѣхаться еще куда не шло, а ужъ промаршировать версты двѣ по жарѣ до расправы, да еще назадъ, охоты мало.

— Та якъ-же це?! заговорили мои конвойные, оглядываясь на своихъ товарищей.—Оце пишки такій сьвитъ ити?!

Тѣ также недоумѣвали.

Чтобы вывести себя и стражей изъ затрудненія, я заявилъ, что заѣду къ ихъ-же односельцу, старику Р—ню, котораго хата оттуда была видна, и что пока я буду кормить лошадей, они будутъ имѣть достаточно времени снести наши билеты въ расправу.

— А вы знаете Р—ня? съ плохо скрываемою радостію спросили меня стражи и всѣ уставились на меня вопрошающими физіономіями.

— Года четыре уже знаю! Вотъ его и хата! отвѣчалъ я, указывая рукою на стоявшую невдалекѣ хату и предлагая, кто имѣетъ охоту, проводить меня туда.

— Ну, такъ мабуть ничого й проводить васъ: вы люде звисни. То такъ, якъ то, бувае, хто иншій... Щобъ бувае якого матежника не пропустить. А такихъ людей ничого зупинять. Пропускайте ихъ, хлопци! вдругъ заговорили чуть не всѣ вмѣстѣ, обрадовавшись возможности не провожать насъ пѣшкомъ въ расправу.

Я соскочилъ съ брички, чтобы пѣшкомъ пройти до хаты Р—ня, и тутъ уже заговорилъ со стражниками, ихъ-же языкомъ:

— Це у васъ строго дуже! Такъ и вартуете тутъ? Усе одни, чи й перемина бувае?

— Що-жъ робить? Такій приказъ! Ни, якъ-же безъ перемины, тутъ запудишся: сутки одбудемо, а тоди пиши.

— Сутки програете у хвиля, а тоди пиши!...

Стражи дружелюбно разсмѣялись, но никто изъ нихъ не послѣдовалъ за мной ко двору стараго Р—ня.

Нѣмой сынъ Р—ня, красивый, высокій брюнетъ, всегда привѣтливо меня встрѣчавшій, и теперь, улыбаясь, отворилъ ворота, кивая головою и приглашая знаками моего спутника въѣзжать во дворъ. Увидѣвъ, что я смотрю на приставленную къ крышѣ хаты набитую *направець* косу, нѣмой замоталъ головой и поднявъ руки вверхъ, замахалъ ими, съ суровымъ видомъ, какъ-бы желая показать, что что-то страшное, грозное происходило съ этою косою.

Старикъ Р—нь — давній мой знакомый. Это былъ богатый крестьянинъ, патріархъ большой семьи. Въ трехъ избахъ, построенныхъ рядомъ съ старою хатою, жили особняками его три сына, имѣвшіе уже женатыхъ и замужнихъ дѣтей: одинъ сынъ жилъ въ томъ-же селѣ въ сторонѣ, а со стариками «на корню» жилъ самый меньшій ихъ сынъ, встрѣчавшій меня теперь нѣмой, тоже женатый. «Тринадцятеро правнучатъ приносили до насъ вечерю», хвалились однажды предо мной старики Р—ни, когда я заѣхалъ какъ-то къ нимъ объ Рождествѣ.

Семья эта издавна занималась чумачествомъ. Разсказывали, что въ 1853 году въ Молдавіи турки отбили у Р—ня 40 чумацкихъ возовъ и что старику предлагали выхлопотать изъ казны деньги за эту потерю; но онъ отказался, говоря: «у другихъ сынивъ на войни побили, и то платы не требують, а я за воливъ ставъ-бы домагатьця платы». Его хотѣли, говорятъ, представить къ наградѣ медалью; но онъ и отъ этого отказался, говоря: «хиба я салдатъ, щобъ мени мендалю носить!»

Во время моихъ поѣздокъ по дѣламъ я каждый разъ заѣзжалъ къ Р—ямъ и они всегда принимали меня дружески. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, мѣсяцевъ за пять до начала возстанія, вновь назначенный къ намъ становой приставъ, подозрѣвавшій меня, по моей національности, въ прикосновенности къ затѣваемому мятежу, поручилъ сотскому прослѣдить за мною. Сотскій явился къ Р—ню въ то время, когда мы сидѣли за ужиномъ. Поздоровавшись, онъ молча сѣлъ на лавкѣ и какъ-то конфузливо посматривалъ на насъ.

— Кажи, за чимъ прыйшовъ? спросилъ его хозяинъ.

Сотскій объяснилъ, что становой, ночующій у *двори*, т. е. у пана, послалъ его сюда посмотрѣть, что за люди ночуютъ здѣсь. Старикъ, сердито взглянувъ на посланца, съ важностію проговорилъ:

— Скажи ты тому, хто тебе пославъ, що нема никому дила до того, яки люди у старого Р—ня ночують. То роспитують въ корчми, а не въ господи, за моимъ хлибомъ-силью. Я такихъ, якъ винъ, багато вже переживъ, дей подивались, хто знае... А ёму до моихъ гостей зась!»

Сконфуженный такимъ *dicto acerbo*, сотскій поспѣшилъ удалиться; но расходившійся старикъ и послѣ ухода его долго не

могъ успокоиться и все ворчалъ: «Яке ёму дило?! Яки люди?! Люди, тай годи! У мене въ господи, не въ корчми!» и т. п.

Вотъ какой этотъ былъ старый Р—нь, къ которому я заѣхалъ покормить лошадей отъ сторожеваго пикета.

Нѣмой взялся устроить лошадей, а меня позвали въ хату; послѣ обычныхъ привѣтствій и прелюдій сошедшіеся члены семьи пустились въ разсказы о только что окончившемся разгромѣ повстанцевъ.

— Мы були на базари въ Германовци въ недилю, разсказывалъ одинъ изъ сыновей дида Р—ня. Ще якъ на базаръ йхали, то вже де хто базикавъ, що въ огруди, у нашого таки пана, збирались ляхи килька чиловика и що панъ самъ оддавъ имъ своихъ коней. Стали на ярмарку, коли прыбигае зъ Лопатыньщины верхомъ на кони чоловикъ, пиднявъ на ратище брыль тай гукае, що такъ и такъ, каже: уже, каже, ляхи Лопатыньщину спалыли и йдуть сюды и народъ рижуть. Такъ въ одну мить базаръ не знать де й дився; такъ народъ и посунувъ, хто куды! Прыбигаемо до господы, ажъ Омелько бижыть зъ косою, я соби зхопивъ вiйце (добавочный рычагъ при плуговой запряжкѣ быковъ), та за людьми. Отъ тилько що черезъ наше поле пройшли на Вербивець, ажъ тамъ мыра сила: такъ увесь степъ и захрясъ народомъ. Бижать звидусиль; тысячъ изъ симъ, або й бильше мыра, зъ усихъ силъ, хто на кони, а то бильше пишки, та все зъ косами, та зо списами. Якъ стали ляхи сближатьця до Вербивця, то мыровци взяли тай разибрали мистокъ на гребли. Никуды имъ сунутьця; вони й стали сумирятьця: «Мы вамъ, кажуть, землю подаруемо!» Отъ трое ихъ отдилылись, стали павколишки тай читають грамоту. А народъ усе тысне ихъ. «Покладить, гукають, оружжя, тоди будемо слухати!» Вони поодпимали одъ себе рушныци. Тутъ то ихъ и вкрыли. Зробився гамъ такый, шарварокъ, курява така. Де котри зъ нихъ выскочили зъ-за клуни, та якъ побачили, тай соби тикать. Такъ куды тамъ! Сила ихъ побито, багато...

— Бить-же за чимъ?—Такъ-бы повязать тай годи,—спрашивалъ я. А то такъ вперше чоловика бачишъ, та й убивать ёго...

— Колибъ-же то чоловикъ, а то ляхъ. Чорне таке, запыляне и обличчя не знать на нёму. Я погнався за однимъ, а винъ, гладкый ляшуга, давай утикать отъ мене; люди почали переймать, винъ бачить, що не втиче, выхопивъ зъ кишени гроши, тай тыче мени.

Я вже не хотивъ ёго й бить, ажъ тутъ де не взявся на кони Хроль (Щербакъ, янковецкій старшина), та якъ стусоне ёго ратищемъ межи плечи, винъ такъ и покотивсь. «Бый ёго вражу личину, не жалій!» гукнувъ до мене. Я ёго тарахъ по голови війцемъ, такъ и простягся мій ляхъ. Страхъ мене взявъ, самъ не спамятаюсь, стою, якъ вкопаный. Тутъ ёго вхопили; поки я очумався, ажъ винъ уже голый лежить, въ одну мить обидралы. Сказано, народъ розлютовався! Такъ и рвуть на шматки...

— Ну вже-бъ я такъ не потрапивъ бить чоловика, замѣтилъ я, пораженный разсказомъ.

— Такъ здаетьця, що не потрапивъ-бы! отвѣчалъ мнѣ разсказчикъ. Коли-жъ и самъ себе не помятаешъ, такъ злякаешься, такъ тебе трясця и бье.

— Ну, багато-жъ ихъ тутъ побито?

— Хто ёго знае: хто каже 20, а хто бильше. Та ихъ-то усихъ, кажуть, бильше не було, якъ пивторы сотни. Де яки верхами, а то на возахъ. Мужики усе позабирали, и коней и возы. Де хто пиджывывся.

Разсказъ повидимому оканчивался, какъ вдругъ отозвался другой братъ.

— А то у насъ въ сели одному голову знесено.

— Якъ це голову знесено? спросилъ я.

— Та бачите, одставъ одинъ ляхъ одъ своихъ, а за нимъ и вчепився соцькій житногорській. Винъ ёму уже й грошей дававъ, такъ ни: ухопивъ ёго коня за поводы тай верне. Ляхъ стрелывъ тай убивъ пидъ соцькимъ коня. Кинь упавъ, а соцькій висить на поводахъ; отъ ляхъ ударивъ вдруге зъ пистоля, такъ кулею й перебивъ ёму руку. Соцькій упавъ, а ляхъ дали, ажъ тутъ въ улыци наши таки мужики якъ наставили навхрестъ дви косы, такъ и зняли ему голову.

Все это разсказывалось съ подсказываніями и поправками другихъ членовъ семьи. Самъ хозяинъ молчалъ и вздыхалъ иногда; немного тугая на ухо жена его какъ-то вопрошающе поглядывала то на семью, то на меня, какъ будто по выраженію физіономій хотѣла вникнуть въ смыслъ разсказываемаго, а нѣмой ихъ сынъ, понимая, о чемъ идетъ рѣчь, иногда хлопалъ меня по плечу и какъ-бы поддакивая разсказчику, кивалъ головою, заглядывая мнѣ въ глаза.

— А я такъ ажъ въ очеретъ зъ дитиною забигла, вмѣшалась невѣстка Р—ней, жена нѣмаго, пользуясь паузою... Страхъ мене такый огорнувъ! злякалась, сижу въ очерети. Коли мати приходять тай кажуть: «иди уже, ничого нема, не бійся; уже ихъ побидылы, онде, кажуть, ведуть одного. Дохожу до хаты, коли глянула скризь ворота, ажъ и справди бижать люди до рову, жинки, дѣти. Я поклала дитину у люльку тай соби туды до людей. Дивлюся, ажъ ведуть ёго два мужики по-пидъ руки. Тамъ такій страшный, моя матинько, и Господи! Весь окривавленный, у одній сорочци; видъ ёму залипляный кровью та пыломъ, та ще кажуть косою на скризь пробитый. Довели ёго до рову, а винъ и впавъ: такъ стогне, та вьетьця на земли... Подумала я, що може ёму що сталося, що може въ ёго черна болисть, та й кажу до людей, що може ёго чимъ покрыть. А вони сміютьця: добра, кажуть, чорна болисть, коли косою въ груди наскризь пробитый. Почали ёго волокти, а деяки зачали було лаять та бить, та вже батько надійшли, та давай ихъ усовищувать, та таки й налаяли. «Що се вы, кажуть, прокляти, робите, Бога побійтесь! Винъ умирае, а вы знущаетесь надъ нимъ!» Такъ винъ лежавъ, ажъ поки староста не звеливъ одвезти до стану. Кажуть, всю дорогу живый бувъ.

— А то ще тутъ одного привезли було: той вже ледви дыхавъ, весь пораняный косами. Цёго вже й не везли у станъ; отъ тамъ за греблею й поховали.

Старикъ Р—нь прервалъ разсказы, велѣвъ собирать обѣдать. Ради меня остался обѣдать одинъ изъ отдѣльно живущихъ сыновей.

За обѣдомъ разговоръ продолжался на ту-же тему. Каждый членъ семьи вставлялъ свое слово, или-же передавалъ отдѣльный, видѣнный или слышанный имъ эпизодъ. Разсказывали напримѣръ о томъ, какъ гоняли повстанцевъ въ Васильковъ и въ Кіевъ и получали за каждаго по три рубля, при чемъ старый Р—нь замѣтилъ: «Я не звеливъ своимъ хлопцямъ водить ихъ—нехай вони на чужи руки перейдуть!» Не безъ удовольствія передавали о томъ, какъ Флоръ Щербакъ, заправлявшій всѣмъ дѣломъ, ни во что ставилъ становаго пристава и даже бранилъ его, когда тотъ удерживалъ разъяренный народъ.

— Ты, каже, самъ ляхъ, такъ тоби ихъ и жалко! А я тебе звяжу, та въ Кыивъ и приставлю!

Одинъ говорилъ, что Флору награда будетъ, а другой добавлялъ: «Та винъ и самъ себе уже наградивъ добре»; захватилъ будто-бы повстанскую кассу—мѣшка два серебрянныхъ денегъ. Но особеннымъ разнообразіемъ отличались разсказы о томъ, какъ содержали и караулили плѣнныхъ на мѣстѣ. Наиболѣе прочнымъ мѣстомъ ихъ заключенія признаны были такъ называемые «сторчовые» погреба. Опустятъ ихъ со связанными руками въ такой погребъ, прихватятъ сверху «лядою» (досчатою крышкою) и сидятъ около нея въ полной увѣренности, что никто не уйдетъ.

— Та щей докоряли имъ, прибавлялъ разсказчикъ. — Кричать вони, просятьця: змилуйтесь, розвяжить! А хто пидниме ляду, тай каже: а якъ мы просились у васъ колись: паночку, голубчику, змилуйтесь, не бийте! то насъ не милували? Отожъ вамъ по ти правди, бисови ляхи! Боялись мы васъ колись, а теперъ и вамъ уже одъ насъ страшно.

Покормивъ лошадей, мы распрощались съ радушными хозяевами и тронулись дальше.

Въ Розаліевкѣ я заѣхалъ въ расправу для явки билетовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для удовлетворенія моего расходившагося любопытства. Но, кромѣ двухъ косъ и одного ратища, я никого не увидѣлъ около расправы; видно, стража уходила обѣдать и даже писаря и старосты не было тамъ, а сидѣлъ какой-то глуповатый и заика сторожъ. Проѣзжаемъ мимо панскаго дома; тамъ слѣды недавняго погрома: окна повыбиты, рѣшетка кругомъ обширнаго двора поломана, двери на крыльцѣ висѣли на одной петлѣ наискось. Въ дворѣ не видно было никого, только какая-то баба стояла около плетня сада. На выгонѣ, за греблею, въ сторонѣ отъ дороги, виднѣлась среди зеленѣющаго дерну круговина вскопанной земли безъ всякаго возвышенія и около нея разсыпанная солома, запятнанная кровью. Около дороги играли дѣти; они и объясняли мнѣ, что «то ляхъ похованный въ земли лежить»...

Отъ Розаліевки до Краснаго 8—10 верстъ по старой богуславской дорогѣ. Красное принадлежало братьямъ Ревякинымъ, изъ которыхъ Петръ Ивановичъ достаточно извѣстенъ въ литературѣ, чтобы объ немъ нужно было распространяться. Жилъ онъ на окраинѣ села, въ особомъ хуторѣ, носившемъ названіе Волчьей

Долины. Я пожелалъ навѣстить его въ это тревожное время и мы направились къ крестьянской корчмѣ, отъ которой приходилось поварачивать по межѣ къ Волчьей Долинѣ. Тутъ мы остановились, чтобы распросить о судьбѣ моего добраго знакомаго. У корчмы сидѣлъ какой-то болѣзненный, блѣдный однодворецъ—изъ чиншевой шляхты, больше никого не было; бочка съ водкой, обыкновенная принадлежность корчмы, стояла у дверей сторчмя. Я сталъ его распрашивать про Ревякиныхъ. Онъ какъ-то вяло, какъ-бы нехотя разсказалъ, что ихъ обоихъ братьевъ крестьяне забрали и отвели въ Васильковъ, что семья меньшаго брата уѣхала туда-же и то еле выбралась, такъ какъ «громада» не давала лошадей запрягать и вся прислуга поразбѣжалась. На вопросъ мой, почему эта бочка стоитъ на дворѣ вверхъ краномъ, корчмарь объяснилъ, что во время тревоги мужики водку всю выпили, а новой привозить боятся. По межнику поѣхали мы все таки въ Волчью Долину. Грустно мнѣ стало. Я зналъ П. И. Ревякина, какъ человѣка вовсе не причастнаго къ какому-бы то нибыло польскому движенію, зналъ о его любви къ народу, и вдругъ этотъ самый народъ, не простившій ему того, что онъ панъ, вяжетъ его и на веревкѣ ведетъ въ одной компаніи съ людьми, заявившими выходомъ въ поле свои политическія вѣрованія, совсѣмъ не схожія съ его вѣрованіями.

Печальной и опустѣлой явилась мнѣ прежде привѣтливая, уютная пасѣка Петра Ивановича. Здѣсь онъ разводилъ садъ, ухаживалъ за пчелою, выслушивалъ нескончаемые разсказы *дѣда Омелька*, оживотворялъ и осмысливалъ ихъ въ даровитыхъ статьяхъ своихъ; здѣсь, въ этомъ уютномъ уголкѣ, въ тихій лѣтній вечеръ, слышны были рокотливые звуки гитары подъ искусными пальцами стараго гусара; сюда доносились изъ-за бугра, «зъ улыци», заунывныя мелодіи веснянокъ, такъ любимыхъ имъ; наконецъ въ общемъ здѣсь успокоился было, послѣ бурной гусарской юности, полный задушевнѣйшихъ пожеланій, ученый, хорошій человѣкъ, думавшій найти упокоеніе на лонѣ природы, въ общеніи съ любимымъ имъ народомъ... И вдругъ эта буря, ураганъ, вихрь, вызванный двумя противуположными вѣяніями національныхъ традицій, разрушаютъ его гнѣздо, сносятъ его самаго, уничтожаютъ созидаемый имъ себѣ міръ покоя и любви, и все это безо всякой вины его, безъ малѣйшей причины съ его стороны.

Грустно, не весело!

Разсказавъ Грицьку, какъ съѣхать съ бугра къ воротамъ сада, я, взявши кнутъ для обороны отъ могущихъ встрѣтиться собакъ, перелѣзъ черезъ ровъ и пошелъ садомъ прямо къ дому или, лучше сказать, хатѣ, гдѣ я бывалъ у Петра Ивановича.

Садъ былъ въ полной весенней красѣ: осыпавшійся уже цвѣтъ вишень смѣнился розоватымъ цвѣтомъ яблонь и бѣлымъ грушевымъ на стройныхъ деревьяхъ бергамотъ; трава между деревьями пестрѣла цвѣтами, внизу калина распустила до земли вѣтви, украшенныя букетами цвѣта, въ «тернику» заканчивалъ ночной концертъ соловей, въ вербахъ со въѣзда иволга отрывисто выводила свои фіоритуры и надъ всѣмъ этимъ хорошее майское небо. Но всѣ эти прелести уютнаго хуторка какъ-то еще больше грусти придавали моему настроенію, при мысли о томъ, какъ фатально нарушенъ этотъ любый покой хорошаго человѣка. Вотъ и красная тесовая крыша знакомой хаты... Двери заперты, никого не видно. Но вотъ послышался лай собачій, удаляющійся по направленію ко входу въ садъ. Это, очевидно, они заслышали стукъ колесъ моей повозки, спустившейся съ горы.

Я пошелъ за хату по направленію къ знакомой мнѣ пасѣкѣ и вскорѣ увидалъ изъ-за кустовъ согнувшуюся надъ чѣмъ-то фигуру Омелька дѣда. Онъ набивалъ ведро и тутъ-же сидѣла небольшая дѣвочка въ черной запасочкѣ и въ затасканной, но въ вышитой заполочью рубашкѣ; выцвѣвшіе волосенки ея, не державшіеся въ маленькихъ двухъ коскахъ, спадали пасмами изъ подъ слабо завязанныхъ ярко красныхъ «кисныкивъ» на загорѣлое личико. Она, повернувъ лицо въ сторону собачьяго лая, какъ-бы ожидала кого съ той стороны. Дѣдъ-же Омелько весь погрузился въ надѣваніе обруча на перетыканныя чакапомъ клепки ведра.

— Добры денъ вамъ! сказалъ я, подошедши къ самому дѣду.

Омелько выпрямился и не вставая съ земли, посмотрѣлъ на меня своимъ единственнымъ глазомъ изъ подъ нависшей рыжей густой брови.

— Добре здоровья!—отвѣтилъ онъ, сразу узнавъ меня.

— А Петро Ивановичъ де? спрашиваю Омелька.

— Де?! Лызень злызавъ Петра Ивановича,—отвѣтилъ какъ-то злобно дѣдъ Омелько, чѣмъ крайне удивилъ меня, такъ какъ я

зналъ его всегдашнее расположеніе къ Петру Ивановичу, который былъ всегда къ нему добръ, ласковъ и, можно сказать, взаимно расположенъ. Удивленный, я не нашелся ничего больше сказать, какъ только спросить о томъ, какъ это случилось.

— Та такъ, якъ звычайне злызуе... твердилъ хмурый дѣдъ и какъ-бы желая отвѣтить на выразившееся въ лицѣ моемъ изумленіе, продолжалъ:

— Такъ ёму й слидуе: винъ усе зъ ними (т. е. крестьянами) за пани-брата, усе: «голубе, голубе, та вы» — отъ тоби й голубе!— «Шапки не скидай», «сидайте, будьте ласкови!» А воно, сказано, мужикъ! Вони того не розуміють... Було все убиваетьця за ними... Якъ що тамъ якій у спашу попадетьця, заразъ записку пише до Владымира Ивановича, щобъ простили... Почавъ зъ ними ще толкуватись, усовищувать... «Я, каже, не полякъ, я, каже, служивъ, у мене, каже, хресты, мадали одъ царя». Росказуй мужикови! Дуже винъ тамъ розуміе! Я ставъ було казать: «бийте кажу, прямо, чортовихъ сынивъ по потылыци». Такъ куды тоби! ще й на мене одгукнувся. «Якъ це, каже, можно?! Вони, каже, якись-то граждане, таки, каже, якъ и я, люде», каже... Чорты, а не люде!.. Уже й батюшка имъ розказувавъ, усовищувавъ... такъ куды! сказано свиня! Пьяне—одно товче: «звеляно усихъ панивъ вязать и забирать». Все это ворчалъ Омелько какъ-бы самъ съ собою и, передохнувъ, опять продолжалъ:

— Такъ имъ дурнимъ панамъ и слидуе! Коли ты панъ, такъ паномъ и будь! Якъ-бы зачепивъ одного, другого по морди... О, го-го! Де-бъ та й хвабрость подилася! А то: косю, косю, а вони й геть-то. Вже й я имъ доказувавъ, а вони: «одійди, диду, одъ греха! за пана вступаешься, то й тоби буде». Такъ було прысикались, що тильки ну! Охъ, хо-хо! тильки що старисть моя, а то я-бъ показавъ имъ с..... сынамъ!

Слушая этотъ длинный монологъ Омелька, я начиналъ понимать, что этотъ суровый дѣдъ ругалъ Петра Ивановича за его миндальничанье съ мужиками, за то, что онъ не съумѣлъ, по его мнѣнію, держать себя, какъ слѣдовало-бы «пану», заслуженному офицеру, и тѣмъ допустилъ себя связать.

— То розбійники бувають... то вже инше дило... не унимался Омелько... воно тамъ, звисно, поживитьця чимъ хоче,—такъ уже

и загубить душу... А то ни! Намъ, кажуть, твого добра не треба, а тильки заберемо тебе, та оружія; намъ такъ одъ царя звелено! Отъ якои ще—одъ царя звелено! А де вони того царя бачили?! Стане винъ имъ велить?!. Нема у царя начальства, адноралиръ?! Я на Мертво-води у Вознесенському бачивъ покійного царя... Тамъ така парсуна, тамъ того адноралa зъ нимъ—Господи!..

При видѣ Грицька, въ сопровожденіи собакъ подъѣзжавшаго къ хатѣ, Омелько на минуту прервалъ свое изліяніе и предложилъ было мнѣ отдохнуть и покормить лошадей, но когда я отказался, заявивъ, что мы ночевали такъ не далеко, въ Розаліевкѣ, онъ опять за свое:

— А, въ Розаліевци... Тамъ, розказують, саме страженіе було. Ну, то вже такъ! О то саме бунтуе, коли воно у поле выйде, та ще ляхъ. А то Петро Ивановичъ ляхъ?! Военный, у кавалеріи весь, заслужчина на ёму, чинъ... а вони свое: «панъ, то й ляхъ». Сказано мужикъ—чортова голова...

Изъ всѣхъ этихъ бурчаній Омелька и болѣе опредѣленныхъ его отвѣтовъ на мои вопросы я понялъ, что дѣло тутъ было такъ:

Во время всеобщаго по селамъ переполоха крестьяне нѣсколькихъ селъ кинулись сначала къ центру движенія, сосредоточившагося около подходящей отъ Сухолѣсъ партіи повстанцевъ, причемъ хватали господскихъ лошадей съ поля и даже съ конюшни для болѣе скорой поѣздки. Когда съ выступившей открыто партіей около Мировки покончили, тогда вспомнили и о тѣхъ панахъ, которые остались по домамъ и которые также могли не сегодня-завтра пристать къ мятежу. Въ народномъ представленіи не различались уже паны подозрительные отъ неподозрительныхъ, польскіе отъ всякихъ другихъ, помѣщики отъ ихъ поссесоровъ, управляющихъ, экономовъ и пр., ихъ всѣхъ принялись вязать и доставлять въ становую квартиру. Достаточно было существовавшаго уже у крестьянъ убѣжденія, что бунтуютъ паны за отобраніе отъ нихъ крестьянъ, чтобы теперь, при общемъ возбужденіи, мысль о поголовномъ арестованіи пановъ не только явилась въ цѣлой массѣ народа, нахлынувшаго къ настигнутой шайкѣ повстанцевъ, но тотъ часъ-же была приведена въ исполненіе. Забирать своихъ пановъ казалось неудобнымъ и неловкимъ: какъ поднимать руки на человѣка знакомаго, съ которымъ вчера, а можетъ быть и сегодня еще съ утра со-

состояли въ обыкновенныхъ отношеніяхъ знакомства, а иногда дружбы и кумовства? Поэтому крестьяне смежныхъ селъ мѣнялись ролями: краснянцы отъ Мировки побѣжали въ недалекій отъ Краснаго поселокъ Волю и захватили проживавшаго тамъ какого-то пана, «Варшавяку якогось», который будто-бы ужъ былъ совершенно готовъ къ выступленію въ шайку, а жители этого поселка съ другими порѣшили взять краснянскихъ пановъ и прибыли съ этою цѣлью къ ближайшему къ нимъ П. И. Ревякину въ Волчью Долину. У Петра Ивановича они застали мѣстнаго священника. Ничего не подозрѣвая, Петръ Ивановичъ вышелъ и поздоровался съ прибывшими; но они тутъ-же заявили ему, что пришли связать его и доставить въ станъ. Изумленный Ревякинъ началъ объяснять имъ, что онъ не полякъ, что онъ русскій офицеръ и т. д., тоже толковалъ имъ и батюшка; но расходившіеся крестьяне, подогрѣтые водкою, можетъ быть именно тою, которая была выпита въ краснянской корчмѣ, ничего и слушать не хотѣли. Стали искать оружія, а у кого изъ помѣщиковъ, жившихъ въ деревнѣ, не было оружія? Нашли ружье, саблю, какой-то старинный пистолетъ,—этого достаточно,—хозяина связали и повели изъ села. По дорогѣ встрѣтили и другого Ревякина, Владиміра Ивановича,—онъ шелъ къ брату, схватили и его, пошли къ нему въ домъ, обыскали и также связали.

Воображаю себѣ положеніе семьи послѣдняго. Обоихъ братьевъ повели связанными въ Янковку, въ становую квартиру. Ихъ гнали все время пѣшкомъ, не смотря ни на какія увѣщанія. Владиміръ Ивановичъ былъ больной и падалъ по пути; его били и заставляли идти. Изъ стану Ревякиныхъ погнали въ Васильковъ и только тамъ ихъ освободили. Становой приставъ ничего не могъ сдѣлать для нихъ; въ виду разъяренной толпы онъ боялся что либо сказать въ защиту людей, въ невинности которыхъ былъ убѣжденъ. Таково было безсиліе власти административной въ этотъ моментъ всеобщаго возбужденія народа. Съ Петромъ Ивановичемъ становой былъ близкій пріятель и, по разсказу того-же дѣда Омелька, пилъ съ нимъ истинно по гусарски. Это можетъ быть усугубляло невозможность для него заступиться за пріятеля.

Не веселый я поѣхалъ отсюда къ цѣли моей поѣздки. Если такъ поступлено съ двумя русскими помѣщиками, то что могло быть съ польской семьей моей тетки? думалъ я, ѣдучи дальше.

Тетка была рада мнѣ и относительно покойна. Въ эту всеобщую сумятицу, благодаря храбрости своего лакея, она отдѣлалась короткимъ испугомъ да захватомъ 11-ти лошадей, которыхъ потомъ всѣхъ возвратили. Не обошлось впрочемъ безъ сцены нѣсколько комической. Вотъ какъ было дѣло.

Въ злополучный день 27 апрѣля послѣ обѣда поѣхалъ отъ нея изъ Соколовки мой родной дѣдъ, а ея свекорь въ Фастовъ, гдѣ онъ жилъ въ то время въ своемъ домѣ. Почти въ слѣдъ за нимъ, четверть часа спустя, тою-же дорогою поѣхалъ братъ ея Антонъ Сопотницкій въ мѣстечко Гребенки для разсчета съ какимъ-то евреемъ за проданную ему гречку. Сопотницкаго въ Гребенкахъ задержали, а на его лошадяхъ, въ сопровожденіи еще нѣсколькихъ верховыхъ, прискакала цѣлая компанія гребенскихъ крестьянъ въ Соколовку къ моей теткѣ и стала искать въ ея домѣ оружія. Оружія никакого не нашли, но въ шкафу, въ вещахъ покойнаго дяди—доктора, нашли акушерскіе большіе щипцы и обандероленную банку какихъ-то пилюль. Щипцы показались крестьянамъ оружіемъ, а завернутыя пилюли, по ихъ металическому блеску, *кулями*. Напрасно тетка увѣряла, что это заграничное какое-то лекарство, сыщики потребовали, чтобы она проглотила одну или двѣ пилюли. Тетка, не зная, какое это лекарство, долго отказывалась; но по настоятельному требованію сыщиковъ должна была одну пилюлю проглотить и готовилась повторить испытаніе, какъ вдругъ въ сѣняхъ произошла какая-то суматоха, какая-то ругань, и сыщики одинъ за однимъ стали улепетывать. Оказалось, что ѣздившій въ Бѣлую Церковь лакей моей тетки, Павелъ, долго служившій предъ тѣмъ въ Васильковѣ у исправника, самъ крестьянинъ изъ Гребенокъ, вдругъ покончилъ всю эту сцену, которая могла закончиться гораздо печальнѣе. Присмотрѣвшійся къ исправницкому обращенію лакей, обладавшій силою Самсона, узнавъ отъ перепуганныхъ горничныхъ, въ чемъ дѣло, грозно влетѣлъ въ домъ и съ словами «геть къ бисови матери!» началъ бить по шеямъ своихъ односельцевъ и швырять ихъ съ крыльца. Пораженные этою неожиданностію сыщики, можетъ быть знавшіе про силу Павла, сейчасъ-же предались бѣгству, кто верхомъ, кто въ экипажѣ Сопотницкаго, остальные пѣшкомъ.

Такъ благополучно прошла эта тревога для семьи моего дяди, самъ-же онъ пропутешествовалъ на веревкѣ въ Кіевъ, избитый

притомъ въ Гребенкахъ какимъ-то пьянымъ стражемъ. Въ Кіевѣ его продержали 1½ мѣсяца въ крѣпости, пока шла разборка ареванныхъ и была удостовѣрена полнѣйшая его безучастность въ дѣлѣ мятежа. Страшный испугъ, невзгоды въ пути и сильное душевное огорченіе не прошли для него даромъ: вернулся онъ изъ Кіева больной и вскорѣ потомъ умеръ.

Дѣдъ мой тоже не избѣжалъ столкновенія со встревоженными крестьянами села Гребенокъ. Старый, лѣтъ около 90, онъ уже плохо видѣлъ и слышалъ и ровно ничего не зналъ ни о затѣяхъ поляковъ на Украйнѣ, ни о совершающихся въ этой мѣстности событіяхъ. Ѣхалъ онъ отъ своей невѣстки, а моей тетки, въ нетычанкѣ, туго набитой мякиною, взятою имъ для своихъ коровъ. На козлахъ сидѣлъ кучеръ старикъ, чуть-ли не ровесникъ дѣда. Въ Гребенкахъ вдругъ останавливаетъ его цѣлая толпа крестьянъ, удерживаютъ его лошадей, что-то галдятъ. Дѣдъ, тугой на ухо, почти совсѣмъ уже оглохшій, допытывается у кучера: «чого имъ треба?» Кучеръ, стараясь перекричать толпу, объясняетъ дѣду, что ихъ «рештують».

— Га? Що таке? спрашиваетъ дѣдъ и наставляетъ ладонь руки къ уху, чтобы разслышать отвѣтъ, но, и разслышавъ, никакъ не можетъ понять, какъ и за что могутъ его арестовать.

Онъ видитъ предъ собою пьяную толпу мужиковъ въ заломленныхъ шапкахъ, видитъ, что они лѣзутъ къ нему безъ толку, что-то кричатъ, держатъ какія-то палки въ рукахъ (дѣдъ не досмотрѣлъ пикъ и косъ) и принимая все это за простое нахальство безчинной толпы, взволнованный, встаетъ съ экипажа и своею длинною палкою ударяетъ перваго попавшагося подъ руку нахала, приговаривая: «пречь, гунство, лайдакъ!».

Эта выходка дѣда, сама собой вполнѣ удостовѣрявшая то, что онъ стоитъ внѣ всего совершающагося, а равно и почтенная его наружность произвели неожиданное впечатлѣніе на толпу: получившій ударъ палкою былъ своими-же поднятъ на смѣхъ, остальные почтительно поклонились дѣду и безпрепятственно пропустили его. До самаго Фастова дѣдъ все допрашивалъ своего кучера о томъ, что такое было съ ними и разобравъ уже совсѣмъ слово «рештують», все еще спрашивалъ: «кого рештують?».

Повидавшись съ теткой, я порѣшилъ побывать и въ Бѣлой Церкви, желая узнать, что произошло въ это тревожное время тамъ, гдѣ я провелъ мое отрочество, гдѣ учился въ гимназіи и куда ѣздилъ на всякія святки и каникулы изъ университета.

Бѣлая Церковь съ ея графскимъ дворомъ, со всею массою служащихъ, все это общество, начиная отъ чуть не владѣтельныхъ особъ, самыхъ графовъ Браницкихъ, и оканчивая служащими самаго низшаго ранга, были мнѣ извѣстны и знакомы въ такъ недавнее время со всѣми ихъ взаимными соотношеніями, съ ихъ интересами, родствомъ, съ ихъ воззрѣніями и идеалами. Поддерживая отъ времени до времени мое знакомство съ бѣлоцерковцами, я отчасти зналъ о появленіи тамъ новыхъ вѣяній, о томъ, что и бѣлоцерковское панско-шляхетское общество отзывалось на всѣ проявленія варшавско-польскихъ движеній, что прежняя сутолока чисто матеріальныхъ взаимо-отношеній и интригъ служебнаго свойства хотя и въ большомъ, но все-таки исключительномъ кругѣ графскихъ офиціалистовъ замѣнилась напряженностію польскаго патріотизма, что прибывшіе туда, въ лицѣ ученыхъ агрономовъ изъ маримонтскаго училища, короняржи успѣли внѣдрить и въ этомъ особомъ міркѣ служащихъ польскій патріотизмъ и всѣ его порывы послѣдняго времени. Зналъ я, что въ послѣднее передъ тѣмъ время толки, напримѣръ, о томъ, кого изъ приближенныхъ графъ Владиславъ или графиня Александрова отличили въ послѣдній свой пріѣздъ изъ-за границы своимъ вниманіемъ, или о томъ, продлится-ли аренда съ десятой копѣйки такому-то и останется-ли такой-то управляющимъ такого-то ключа, послѣ того, какъ онъ по строгому учету контроля далъ чистаго дохода съ нѣсколькихъ селъ пять злотыхъ и т. п., смѣнялись разговорами о томъ, что говорилось на такомъ-то банкетѣ эмигрантовъ польскихъ въ Парижѣ, или Ниццѣ, или какъ принятъ проэктъ Велепольскаго въ Петербургѣ, или-же что задумываетъ кіевская молодежь... Зналъ я, что молодыя пани и паненки изъ романовъ старыхъ и новыхъ беллетристовъ прочитываютъ съ жадностію тѣ исключительно, гдѣ описываются герои движеній 1831 г., что имена Бема, Домбровскаго, Конарскаго, Лелевеля не сходятъ у нихъ съ языка, да и вообще вся польская исторія послѣдняго времени стала имъ болѣе знакомою, чѣмъ прежде, что

на фортепьянахъ, вмѣсто несмѣняемыхъ: Fille du regiment Chant sans parolles и La prière d'une vierge, разыгриваются задорныя мазурки и патріотическіе марши и пѣсни, что наконецъ быстрые глазки юныхъ красавицъ, подергиваясь пеленой задумчивости и мечтательности, останавливаются съ особымъ удовольствіемъ на стройныхъ фигурахъ молодыхъ людей, одѣтыхъ въ чамарки и высокіе сапоги. Однимъ словомъ я зналъ, что и панская бѣлоцерковщина не отстаетъ отъ общаго польско-патріотическаго увлеченія и что увлеченіе это въ послѣднее время демонстрировалось здѣсь также, какъ и въ Царствѣ Польскомъ, гимнами, трауромъ и поминаніемъ убитыхъ во время уличныхъ безпорядковъ въ Варшавѣ. Но какъ организовалось дѣло самаго возстанія, какъ осуществился самый выходъ въ поле, о томъ ничего я не зналъ. Думаю, что это все наскоро устроилось въ теченіи второй половины 1862 и первыхъ мѣсяцевъ слѣдующаго года и что именно это не было открыто мнѣ Юрьевичемъ и К° при нашемъ свиданіи въ Кіевѣ въ январѣ.

Въ это мое посѣщеніе Бѣлая Церковь была какая-то убитая, скорбная. О многихъ извѣстныхъ мнѣ и даже знакомыхъ я могъ сказать словами: «однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далеко!» Много молодыхъ людей вышли отсюда въ повстанье, многіе изъ нихъ были уже убиты подъ Мировкой, въ Соловіевкѣ и въ Бородянкѣ подъ Таращею, всѣ-же остальные, бывъ проведены съ посрамленіемъ по Украйнѣ, игнорированной ими, томились уже въ кіевской крѣпости. Много знакомыхъ мнѣ семействъ оплакивали своихъ сыновей и родственниковъ, много молодыхъ очей было подернуто слезами по тѣхъ, кто былъ имъ дороже ойчизны; много и много разсказовъ пришлось мнѣ выслушать здѣсь, и я, не принимая на себя отвѣтственности за ихъ правдивость, повторю ихъ ниже.

Бѣлоцерковское панство, ютившееся подъ крыломъ графовъ Браницкихъ, было увѣрено, что въ самомъ мѣстечкѣ не будетъ никакой народной расправы съ нимъ, какъ было въ другихъ мѣстахъ. Расправы и не было, но тѣмъ не менѣе это панство я засталъ въ ужаснѣйшемъ горѣ и просто отчаяніи. «Это ужасно! Все пропало! Погибли мы! Это кара Господня! Это новый шипъ въ терновомъ вѣнкѣ! Для нея съ нимъ все погибло! Мать по сю пору не пришла въ сознаніе! Намъ ужъ теперь ничего не осталось!» таковы были отвѣты на мои привѣтствія и распросы о семьѣ, о сестрѣ,

о дочери или матери встрѣчаемыхъ мною людей. А сколько драматическихъ сценъ прощаній поразсказано мнѣ?! Помимо несходства моихъ политическихъ убѣжденій съ убѣжденіями тѣхъ, которые стояли теперь предо мною, пораженные горемъ, я не могъ не проникаться живѣйшимъ сочувствіемъ къ постигшимъ ихъ бѣдствіямъ, видя въ нихъ не заблуждающихся только людей, но вообще людей, которымъ присуще все человѣческое, отъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ любви и скорби до ошибокъ включительно.

Много мнѣ было тогда поразсказано. Вотъ судьба таращанской партіи повстанцевъ. Собрались они гдѣ-то около Бараньяго поля и черезъ Луку и Кошевату намѣревались идти къ Таращѣ; но остановившись гдѣ-то въ яру между Лукою и Кошеватою, были разогнаны набѣжавшими на нихъ крестьянами. Сосредоточившись затѣмъ въ лѣсу, они выдержали будто-бы атаку эскадрона уланъ, засѣвъ за окопомъ лѣса, но были разбиты вновь напавшими на нихъ крестьянами, между коими особенно были храбры и настойчивы въ преслѣдованіи крестьяне села Кирдановъ. Очень многіе изъ повстанцевъ при этомъ убиты. Нѣкоего Ясинскаго (корнеяржа) крестьяне загнали на лошади въ р. Рось. Угрожаемый съ обоихъ береговъ, онъ нѣсколько разъ переплывалъ Рось и наконецъ, раненый нѣсколькими пулями, палъ на́ берегу. Окруженный, онъ просилъ не срывать съ него какого-то медальона; преслѣдовавшіе его согласились и отошли отъ него, но потомъ двое изъ нихъ вернулись и, видя его уже мертвымъ, сняли съ него медальонъ. Всѣхъ убитыхъ между Лукою и Бараньимъ полемъ насчитывали 138 человѣкъ, хотя число это мнѣ кажется преувеличеннымъ.

Раздраженіе народное противъ повстанцевъ было такъ велико, что съ ними расправлялись по своему иногда на глазахъ властей. Въ Таращу привели связаннымъ какого-то надсмотрщика винокуреннаго завода. Мѣстный исправникъ, знавшій его лично, приказалъ освободить его; но лишь только исправникъ удалился, какъ раздраженный его распоряженіемъ мѣщанинъ такъ удачно хватилъ повстанца подъ ухо, что онъ тутъ-же упалъ замертво.

Связываніе и доставка въ становую квартиру сидѣвшихъ въ своихъ усадьбахъ пановъ шли своимъ чередомъ, при чемъ не обходилось безъ сценъ комическихъ, при всемъ трагизмѣ положенія арестованныхъ. Арестовали пана, если не ошибаюсь, въ с. Зелень-

кахъ, каневскаго уѣзда. До становой квартиры было далеко, и крестьяне, не желая идти пѣшкомъ, взяли у пана бричку и его же лошадей; но какъ арестанту, притомъ политическому, по ихъ мнѣнію, ѣхать не полагается, то они привязали его на дрезинахъ сзади, а сами усѣлись въ бричку и, наблюдая за нимъ, какъ барышники за привязанными къ возу лошадьми, отъ времени до времени оглядывались на своего плѣнника, отпуская на его счетъ злыя шутки и остроты.

Въ другомъ гдѣ-то мѣстѣ препровождался въ числѣ плѣнныхъ нѣкій *К—скій* (я его мальчикомъ зналъ), очень красивый и крупный человѣкъ. Въ одномъ изъ попутныхъ селъ бабы и дѣвки, обступивъ плѣнныхъ, настойчиво требовали отпуска сего молодца.

— Оддайте намъ ёго! кричали онѣ, за нёго заберить усихъ ляхивъ зъ нашого села. Мы ёго гуртомъ будемо содержувать.. дывитьця, якый хорошій! верещали бабы и не отставали отъ него во все время слѣдованія партіи по селу и еще за селомъ.

Случай этотъ передавали мнѣ, кромѣ посторонныхъ, и такіе люди, которые сами были препровождаемы въ этой-же партіи.

Во время погрома подъ Мировкою черезъ Бѣлую-Церковь проѣзжалъ командированный изъ Петербурга офицеръ генеральнаго штаба Вл. К—вскій. Въ 15 верстахъ отъ Бѣлой-Церкви, въ с. Острійкахъ жилъ въ то время его отецъ, арендовавшій землю у гр. Браницкаго. Старикъ Гедеонъ К — вскій, боясь, чтобы сыновья его, одинъ студентъ кіевскій, а другой отставной артиллерійскій офицеръ, не попали въ общій водоворотъ затѣяннаго возстанія, съумѣлъ призвать ихъ къ себѣ въ Острійки и выдержалъ ихъ дома до злосчастнаго 27 апрѣля. При общемъ хватаніи пановъ захвачены были и они, вмѣстѣ съ отцемъ, препровождены въ Янковку, и тамъ, совмѣстно съ другими, посажены въ погребъ. Именно въ это время явился въ родительскій домъ проѣзжавшій черезъ Бѣлую-Церковь Вл. К—скій. Узнавъ отъ встревоженныхъ матери и сестры о плѣненіи отца и братьевъ, Вл. К—скій наряжается въ полную форму офицера генеральнаго штаба и на одной изъ привезшихъ его почтовыхъ лошадей, такъ какъ у нихъ въ экономіи всѣ лошади были разобраны крестьянами, отправляется въ Янковку въ квартиру становаго пристава; но тамъ, вмѣсто освобожденія отца и братьевъ, самъ попадаетъ въ погребъ

предварительно разоблаченный изъ формы. Крестьяне были убѣждены, что это продѣлка кого-либо изъ повстанцевъ. Хроль Щербакъ нарядился въ офицерскую форму, прицѣпилъ саблю и, рисуясь предъ своими, говорилъ: «отъ-бы бувъ одноралъ, такъ одноралъ!!». Не помню уже, какъ и кѣмъ выручен былъ попавшій не въ пору офицеръ.

Или вотъ случай въ особомъ родѣ. Препровождалась какая-то партія повстанцевъ подъ конвоемъ донскихъ козаковъ. Эскортъ этотъ около плотины догоняетъ ѣдущій на телѣгѣ, запряженной въ одну лошадь, какой-то оставной солдатъ въ порядочной степени подпитія. Подъѣхавъ къ партіи плѣнныхъ, солдатъ, замѣтивъ между ними мизернаго старичка, по болѣзни ѣдущаго въ хвостѣ всей партіи на подводѣ, накинулся на него:

— И этотъ мозглявый еще бунтуетъ!... Еще и везутъ его... дайте мнѣ его, я сейчасъ съ нимъ такимъ-сякимъ расправлюсь... Я его въ разъ пристрѣлю... Право, слово, пристрѣлю!

И солдатъ, схвативъ имѣвшееся у него ружье и варьируя на всѣ лады свою похвальбу, не то серьезно, не то шутя, то и дѣло прицѣливался въ старичка плѣнника. Конвоирующіе плѣнныхъ донцы, попривыкшіе уже къ такимъ демонстраціямъ, съ улыбкой посматривали на расходившагося солдатика. «Отстань, довольно», скажетъ ему кто нибудь, и идутъ дальше. А солдатикъ все пристаетъ. Между тѣмъ эскортъ вступилъ на узкую плотину; ѣхавшіе столпились. Солдатъ до тѣхъ поръ толкался съ своимъ ружьемъ, пока не задѣлъ нечаянно курокъ. Ружье выстрѣлило, лошади шарахнулись.

— Ребята! пятьдесятъ! крикнулъ хорунжій, и расходившемуся не кстати воину тутъ-же отпустили нагаекъ. Принявъ ихъ, какъ должное, солдатикъ бѣжитъ къ своей телѣгѣ, достаетъ изъ мѣшка хлѣбъ, бросаетъ его плѣннымъ и нажаривая лошадь кнутомъ, уѣзжаетъ по дорогѣ. Ружье такъ и осталось у козаковъ.

Таковы мелкіе, отдѣльные эпизоды разгрома и плѣненія партіи таращанской, оставшіеся у меня въ памяти. Общаго плана дѣйствій повстанцевъ какъ этой, такъ и другихъ партій никто не объяснилъ мнѣ тогда, не могъ я добиться его ни у кого и послѣ.

Ко времени пріѣзда моего въ Бѣлую-Церковь тамъ были уже свѣдѣнія объ участи партіи, истребленной въ с. Соловьевкѣ, равно о партіяхъ бердичевской, липовецкой и сквирской.

О липовецкой шайкѣ, бывшей подъ предводительствомъ Падлевскаго, разсказывали нѣчто болѣе интересное. Конная эта шайка была раздѣлена на шесть взводовъ (plutonow), по 50 человѣкъ въ каждомъ. Въ стычкѣ съ какимъ-то отрядомъ войскъ Падлевскій построилъ свой отрядъ повзводно, причемъ въ переднихъ двухъ взводахъ были простые шляхтичи, прислуга, объѣзчики, прикащики и т. п. люди низшаго ранга. Имъ не особенно довѣряли, потому ихъ и поставили въ первыхъ рядахъ. Падлевскій скомандовалъ «do ataku», самъ промчался наискось съ одного фланга передней шеренги на другой и врѣзался въ отрядъ войскъ; но за нимъ изо всего его отряда только и пошли эти два взвода людей черной кости, остальные-же 4 взвода родовитыхъ пановъ повернули тылъ и бѣжали. Разсказывавшіе мнѣ это офиціалисты гр. Браницкихъ съ озлобленіемъ указывали на такое недостойное поведеніе аристократовъ.

Повстанцами этой партіи повѣшенъ былъ смотритель ротмистровской станціи Такса; онъ, говорили, прочитывалъ письма къ мѣстнымъ панамъ, получавшіяся у него на станціи и тѣмъ озлобилъ ихъ противъ себя. Когда потомъ взятые въ плѣнъ повстанцы этой шайки были подвергнуты въ полевой коммисіи допросу относительно повѣшенія Таксы, они сваливали вину на тѣхъ изъ бывшихъ съ ними товарищей, о которыхъ знали, что они бѣжали за границу. Въ числѣ такихъ бѣжавшихъ и оговоренныхъ былъ и одинъ знакомый мнѣ юноша, извѣстный въ Кіевѣ подъ именемъ *Kazia*. Мать его вышла замужъ во второй разъ за доктора Ж—ля, а отцовское имѣніе, по случаю несовершеннолѣтія Казя и его сестры, находилось въ пожизненномъ владѣніи ихъ матери. Не пристроившись нигдѣ за границею и зная, что имѣніе его, какъ эмигранта, можетъ быть конфисковано, Казьо изыскалъ случай лично явиться въ Ниццѣ покойному государю и просилъ помилованія. Покойный государь сказалъ ему будто-бы такъ: «Я здѣсь только путешественникъ, въ государствѣ моемъ есть законы, по которымъ и опредѣлять степень твоей вины; но, какъ человѣкъ старшій лѣтами, совѣтую тебѣ возвратиться въ отечество и надѣяться на милость суда и снисхожденіе къ твоей молодости». Казьо такъ и сдѣлалъ: явился въ Россію и отдался въ руки властей. Его судили и, какъ на немъ тяготѣло обвиненіе въ

повѣшеніи Таксы, то полевой судъ приговорилъ его къ 4-хъ лѣтнему заключенію въ крѣпости. Онъ просидѣлъ лишь около 3 лѣтъ, бывъ освобожденъ прежде срока за послѣдовавшею амнистіею для лицъ замѣшанныхъ въ дѣлѣ польскаго возстанія.

Партія сквирская подъ предводительствомъ Геншеля, отбиваясь отъ насѣдавшихъ на нее крестьянъ, успѣла пробиться въ волынскую губернію и тамъ разсѣялась.

Вотъ то немногое, что мнѣ извѣстно стало тогда изъ разсказовъ въ Бѣлой Церкви о дѣйствіяхъ партій инсургентовъ.

Въ печати у насъ доселѣ нѣтъ обстоятельнаго описанія возстанія поляковъ на Украйнѣ въ 1863 году. Существуютъ, и то какъ рѣдкость, двѣ небольшія брошюрки сравнительно давняго уже времени: «Возстаніе поляковъ въ юго-западной Россіи въ 1863 г.» и «Записки украинца изъ времени польскаго возстанія 1861—1864 г.» Обѣ изданы въ Кіевѣ, первая въ іюлѣ 1863 г. группою профессоровъ кіевскаго университета, вторая принадлежитъ г. Чалому и представляетъ сокращенную перепечатку помѣщавшихся въ 1867 г. въ газетѣ «Кіевлянинъ» замѣтокъ этого автора. Обѣ эти брошюрки носятъ на себѣ сильный отпечатокъ настроенія того времени и отнюдь не даютъ сколько нибудь полнаго и точнаго описанія событій, которыхъ они касаются. Довольно сказать, что въ первой изъ этихъ брошюръ изъ 61 неполныхъ страницъ фактической сторонѣ дѣла не посвящено и 20 полныхъ страницъ, остальное занято опроверженіемъ газетныхъ сообщеній иностранныхъ газетъ и споромъ съ поляками, а 4 страницы изложенію золотой грамоты. «Записки украинца», изданныя позже, передаютъ отдѣльные эпизоды изъ времени возстанія исключительно почти въ васильковскомъ уѣздѣ, окрашены возбужденностью того времени и не даютъ намъ сколько нибудь обстоятельнаго описанія хода всего возстанія въ предѣлахъ даже кіевской губерніи.

Офиціальныя данныя, могущія объяснить планъ и представить весь ходъ повстанья во всемъ юго-западномъ краѣ, мирно почіютъ въ дѣлахъ б. военно-судныхъ коммисій, въ канцеляріяхъ кіевскаго генералъ-губернаторства и губернаторовъ трехъ губерній, и никто изъ кіевскихъ ученыхъ не задался доселѣ высоко интересною задачею представить публикѣ общую картину этого, волновавшаго край, со-

бытія. Приходится по неволѣ довольствоваться разсказами и воспоминаніями отдѣльныхъ лицъ. Рѣшился поэтому и я изложить мои отрывочныя, небогатыя фактическими подробностями воспоминанія, все, что извѣстно было мнѣ даже по слухамъ, надѣясь вызвать рядъ новыхъ свѣдѣній отъ лицъ болѣе меня знающихъ это дѣло. Пока-же, право, трудно сказать что либо опредѣленное о планѣ дѣйствій и намѣреніи повстанцевъ. Ни одна изъ сформировавшихся на Украйнѣ партій не демонстрировала даже своихъ намѣреній, ни чѣмъ не показала, къ чему именно стремились возставшіе.

— Что это за возстаніе? говорилъ мнѣ одинъ старый польскій вояка, участвовавшій въ возстаніи 1831 г.—Въ нетычанкахъ, какая-то толпа; понабирали мальчиковъ!.. Какія-то грамоты читаютъ! Вздумали брататься съ мужиками! Вооруженная сила должна быть ею вполнѣ, должна импонировать толпѣ, а не нѣжничать съ нею. Дайте мнѣ сотню вооруженныхъ всадниковъ... Ого, го! Ручаюсь словомъ стараго воина, что вдоль и въ поперекъ пройду Украйну, и никто изъ этой толпы не удержитъ меня! А то пошлялись сюда-туда со своими грамотами, и мужики забрали ихъ, какъ куропатокъ въ сѣтку. Вотъ Ружицкаго не задержали-же! Это совсѣмъ иное дѣло! А то шутовство, а не возстаніе!..

Дѣйствительно, это шутовство, подумалъ я, но въ тоже время и хорошо, что такъ случилось; ибо вздумай только повстанцы показать себя, какъ вооруженной силѣ подобаетъ, то навѣрное украинское хлопство въ пень вырѣзало-бы все польское на Украйнѣ. Но старый вояка по своему тоже былъ правъ: онъ не понималъ этого движенія, также какъ и мы его не понимаемъ. Ужъ если хотѣли читать золотую грамоту, могли читать ее безъ этого шутовскаго выступленія въ поле, безъ этихъ трудно объяснимыхъ шатаній безъ толку сюда и туда по украинскимъ селамъ и полямъ. Чтобы видѣть это шатанье, соберемъ въ памяти все извѣстное намъ, возьмемъ карту кіевской губерніи и просмотримъ ходы затѣянной игры.

Собирается одна партія къ востоку отъ Бѣлой-Церкви, толчется по полямъ между кіевскою почтовою дорогою и селами Винницкіе ставы, Гребенки, Пологи и тутъ перехватывается крестьянами подъ предводительствомъ Ивана Шадуры, саливонскаго волостнаго старшины.

На встрѣчу этой партіи, надо полагать, ѣдетъ изъ Кіева на трехъ нетычанкахъ партія, выставившая красное знамя на Перепетовскомъ полѣ; на нее натыкается тотъ-же Шадура съ нѣсколькими человѣками, и партія эта поворачиваетъ на сѣверо западъ и гибнетъ вся въ Соловіевкѣ.

Въ Шамраевкѣ собирается партія; направляется лѣвымъ берегомъ р. Роси на югъ, переходитъ въ Яблоновкѣ на правый берегъ рѣки, идетъ на Хвастовку въ Езерную, изъ Чупиры поворачиваетъ на востокъ на Насташку; вертится тамъ и въ Островѣ опять переходитъ на лѣвый берегъ Роси, идетъ на Сухолѣсы и оттуда степью, преслѣдуемая толпами крестьянъ, на сѣверо-востокъ, между селами: Блощинцами, Острійками, Узинымъ и Янковкою съ одной стороны, и Житногорами, Венцатовкою и Шпендовкою съ другой—выходитъ на Вербивець около Мировки и тутъ избивается и плѣняется.

Выходитъ партія изъ Богуслава, идетъ къ Бараньему полю, поварачиваетъ отъ Луки на сѣверъ, отбивается отъ уланъ въ лѣсу и поварачиваетъ на востокъ, гдѣ истребляется крестьянами подъ руководствомъ мироваго посредника Маслова и частью войскъ.

Тоже самое круженіе продѣлываетъ партія Падлевскаго, тоже и другая партія бердичевская. Только кіевскіе повстанцы да сквирская партія Геншеля держатся одного направленія на сѣверо-западъ въ лѣса и то вѣроятно потому, что ихъ въ такомъ направленіи гонятъ войска.

Если у нихъ былъ какой нибудь общій, выработанный заранѣе опредѣленный планъ, то какъ объяснить то, что шамраевская партія не идетъ на соединеніе съ Геншелемъ, а направляется въ сторону противоположную. Если предположить, что она намѣревалась сойтись съ богуславскою партіею, то опять таки чего ради въ верстахъ въ сорока отъ послѣдней изъ Насташки она повернула на востокъ, а не пошла на югъ.

Намъ неизвѣстны предводители шаекъ шамраевской и саливонской, но, право, кажется, будто участвовавшіе въ шайкахъ водятъ своихъ сотоварищей каждый въ мѣста своего жительства. Партія соловьевская поѣхала-же по указанію Пешинскаго изъ Фастова на Соловіевку, а это доказываетъ, что у ихъ предводители, Юрьевича, не было опредѣленнаго намѣченнаго маршрута.

Шутовство!

Изъ Бѣлой-Церкви поѣхалъ я тѣмъ-же путемъ домой. У насъ уже было все спокойно. Мы съ Грицькомъ Слипенкомъ разсказывали своимъ селянамъ слышанное и видѣнное нами и тѣмъ удостовѣрили, что никакихъ уже ляховъ, рѣжущихъ народъ и сожигающихъ села, нѣтъ и бояться нечего.

Но начавшееся въ краѣ волненіе не могло утихнуть въ нѣсколько дней. Учреждена была сельская стража, сама собою устроившаяся. На каждый десятокъ стражниковъ назначался одинъ десятникъ, надѣленный какимъ-то завалящимъ солдатскимъ ружьемъ со штыкомъ и нѣсколькими зарядами пороху и пуль. Такой десятникъ долженъ былъ являться въ случаѣ надобности верхомъ на лошади. Хорошъ онъ былъ въ крестьянской своей одежѣ и съ этимъ штыковымъ ружьемъ на конѣ! Всѣ стражники были переписаны и должны были быть на готовѣ по первому требованію къ выступленію. Они все побаивались, что ихъ *кудысь далеко поженуть.* Въ уѣздномъ городѣ появился и начальникъ сельской стражи. Разъ какъ-то онъ пріѣзжалъ и въ нашу волость, собиралъ стражу и съ нею одинъ день, въ самую рабочую страдную пору, прошелся по лѣсамъ, за что ему было послано немало зложелательныхъ словъ. У насъ стражники по двое отбывали сторожу около трактовой корчмы, но были не особенно ретивы въ исполненіи своихъ обязанностей.

Много разсказовъ ходило въ публикѣ, особенно въ Кіевѣ, объ этой сельской стражѣ, о ея придиркахъ къ проѣзжающимъ, о затруднительномъ положеніи послѣднихъ. Корчмы всегда стоятъ при проѣзжей дорогѣ, около нихъ поэтому и «вартовали» стражи. Вдругъ ѣдетъ кто либо одинъ, самъ-другъ, или-же цѣлой семьей; остановятъ проѣзжихъ, возьмутъ у нихъ билеты и понесутъ въ расправу, а путники ждутъ часъ-два среди пьяной компаніи, толпящейся всегда у корчмы, особенно-же въ праздничные дни. Вооруженная стража оглядываетъ, распрашиваетъ ихъ, пьяная толпа галдитъ, произноситъ непристойныя шутки, смѣется, иногда бранитъ и угрожаетъ, а путники, подъ часъ семейные, съ молодыми дѣвицами, съ малыми дѣтьми, выслушиваютъ все это, пока соберется стража отпустить ихъ, или пока самъ путникъ не догадается щедрой подачкой на водку откупиться отъ задержки и иногда глумленія. Въ такихъ разсказахъ ничего нѣтъ невѣроятнаго, ничего преувеличеннаго или

утрированнаго. Вѣдь эти сельскіе стражники были изъ той-же среды крестьянъ, которые 8 лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1855 году, водили по колючкамъ, погружали въ воду и били священниковъ, добиваясь прочтенія небывалаго манифеста о волѣ [1]).

Были впрочемъ и случаи забавные, гдѣ сами стражи попадали въ просакъ, или посрамлялись за свою придирчивость: у насъ въ селѣ было именно два такихъ случая.

Подъѣзжаетъ какъ-то разъ къ корчмѣ верхомъ на взнузданной веревочнымъ путомъ за нижнюю челюсть лошади какой-то солдатъ и заходитъ въ корчму выпить водки. Два стража, въ числѣ коихъ былъ и мой недавній спутникъ, Грицько Слиненко, стоя подъ навѣсомъ и посматривая на неосѣдланную, съ путомъ на нижней челюсти, лошадь, совершенно вѣрно пришли къ заключенію, что это «щось не певне», подозрительное. Пока они толковали на эту тему между собою, солдатъ, выпившій уже «чвертку», покрякивая и вытирая усы, вышелъ къ лошади. Стражи стали распрашивать его. Подбодренный «чверткою», солдатъ началъ бойко отбиваться отъ распросовъ, выругалъ стражей и тѣмъ вызвалъ въ нихъ извѣстную долю озлобленія.

— Ну, вже ты якъ хочъ лайся, а мы тебе рештуемъ и поведемо въ село до старосты; тамъ и роспитаемося.

Вышедшій изъ корчмы еврей-шинкарь поощрительно подмигиваетъ сторожамъ. Солдатъ задорно соглашается.

— Ну, что-жъ? Пойдемъ, пойдемъ на вашъ отвѣтъ, такіе сякіе сыны!.. Тамъ посмотримъ, какъ это ты меня, который Богу, государю служилъ, можешь «рештувать».

Подходятъ къ лѣсу; спускаются по тропинкѣ внизъ. Солдатъ твердитъ свое и грозитъ штрафомъ въ десять тысячъ.

— Посмотримъ, какъ это тебя похвалятъ; посмотримъ, какъ ты меня-то задержишь?! Вѣдь я отъ самаго командира, а ты меня, «рештувать!» Посмотримъ! Это тебѣ, братецъ, даромъ не пройдетъ. Тутъ самое нужное—мятежъ смирить, непріятель подступаетъ, а ты меня задерживать?! Десять тысячъ...

---

[1]) См. разсказы о семъ двухъ священниковъ въ «Кіевской Старинѣ», январь и апрѣль 1882 г.

Стражи задумались.—А что если въ самомъ дѣлѣ этотъ солдатъ спѣшитъ усмирять мятежниковъ?! Да еще эти десять тысячъ... «Тутъ халепы не обберешься»...

— Та мы, господа служба, не то що, а, звисно, дило таке, та знову-же и начальники пригрущають... А то про насъ..., стали сдаваться стражи. Солдатъ еще покобенился немного и наконецъ согласился простить имъ задержку; сѣлъ на лошадь и уѣхалъ.

Часъ спустя прибѣжали изъ Трахтемирова люди, догонявшіе «москаля», который, по разсказамъ пастушковъ, распуталъ лошадь на лужку при дорогѣ и поѣхалъ на ней. Лошадь была трахтемировскаго волостнаго старшины Вороны. Посланные кинулись вслѣдъ отпущеннаго нашими сторожами солдата и подъ Тулинцами на опушкѣ лѣса нашли спутанную лошадь, которую искали, а солдата спящимъ подъ кустомъ. Онъ наотрѣзъ отказался отъ лошади, и ее провели мимо нашихъ одураченныхъ стражниковъ домой, а солдатика и не трогали: «бо ще зъ нимъ халепа яка буде», разсуждали и гонцы.

Въ другой разъ, уже въ сентябрѣ, на зоркѣ, въ туманное сырое утро я былъ разбуженъ лаемъ цѣпной собаки и, вышедши на крыльцо, увидалъ около воротъ зовущихъ меня нашихъ стражниковъ. Вышедши на зовъ, я увидѣлъ какую-то рослую, крупныхъ размѣровъ, бабу, которая, предполагая во мнѣ какого либо начальника, грубымъ, совершенно мужскимъ голосомъ стала жаловаться на стражу, задержавшую ее. Стражники-же объяснили, что они въ этой бабѣ подозрѣваютъ мужчину, какъ по ея размѣрамъ, такъ и по голосу, а равно и по тѣмъ волосинкамъ, которые дѣйствительно рѣдѣли у нея на верхней губѣ и на подбородкѣ. Баба кричала, претендовала, что она черезъ задержку утеряла попутчика, что она сама не далекая, изъ Селища и т. д.

Я недоумѣвалъ, зачѣмъ привели ко мнѣ эту бабу, и прямо спросилъ объ этомъ стражниковъ.

— Та все таки вы люде письменни, то уже лучше насъ розберете.

— Що розберу? Чи мужикъ, чи баба?.. Розбирайте вже сами, а я вамъ...

Но баба не дала мнѣ окончить и, потерявъ терпѣніе, поспѣшила тутъ-же удостовѣрить стражей въ своей принадлежности къ прекрасному полу.

— Тьфу! проклята! Якажъ-то вже безецна!.. отплевывались мои стражники, отворачиваясь отъ рѣшительной, энергической бабы.

Послѣ долго подсмѣивались надъ ними въ селѣ и мужчины и бабы.

Стража наша, за все время своего существованія, кромѣ караула у корчмы, не совершила ни одной прогулки по байракамъ за ловлею исчезнувшихъ мятежниковъ и только два раза была призываема на службу, въ цѣломъ ея комплектѣ, въ числѣ 11 человѣкъ, съ коннымъ десятникомъ во главѣ.

Разъ какъ-то на первыхъ еще порахъ учрежденія стражи получается изъ волостнаго правленія бумага о томъ, чтобы къ вечеру вся наша сельская стража прибыла въ с. Потанцы къ волостному правленію, откуда всѣ стражники потапецкой волости будутъ сопровождать, въ качествѣ охранительнаго конвоя, военный транспортъ, слѣдующій изъ Переяслава.

Боже мой, какая суета поднялась въ селѣ! На сборный пунктъ собралось чуть не все село съ воплями и рыданіями. Народные толки о томъ, что стражниковъ «десь далеко поженуть», теперь по видимому сбывались. Стражники съ пиками и косами, у иныхъ ненабитыми еще, сбѣгались къ моимъ воротамъ и тутъ уже «споружались въ далеку путь». Кто набивалъ косу, кто подвязывалъ на плечи торбину съ харчами, кто надѣвалъ лучшіе сапоги, взятые у брата вмѣсто своихъ старыхъ, искривленныхъ. Всѣ мужчины были блѣдны, встревожены, бабы голосили и причитывали... Десятникъ, Иванъ Кухаренко, осѣдлалъ моимъ сѣдломъ лошадь и по моимъ указаніямъ прилаживалъ неуклюжее, тяжелое ружье за спиною на ремнѣ, причемъ снялъ штыкъ и заткнулъ за поясъ, какъ кинжалъ. Я было попробовалъ уговаривать бабъ, но уговоры не помогали, бабы не унимались.

— О цежъ таки дождалися лихои годины! якъ казали, такъ воно й сталося! Поженуть-же тебе, мій соколе, мій сыночку, дитино моя! Кохалажъ я, годувала, доглядала тебе, моя ты дитино, моя ты родино! Теперь же заженуть тебе, мій голубчику, моя ты дитина ридная! А хто-жъ тебе тамъ пожаліе, хто заступиться за тебе? Хтожъ мене тутъ на старисть заспокоить?! Выкохала тебе, выростила, всю надію на тебе покладала! А теперь... Яжъ тебе породила, слёзами своими змывала, трудами моими кормила! Охъ, мое-жъ лышенько! Пропащая головонька!—причитывала баба Сергѣ-

иха, а ей вторили прочія бабы, раздирая душу слышащихъ это нытье.

Я потребовалъ бумагу, прочелъ ее внятно и особо пояснилъ, что конвоировать будутъ только до корчмы у с. Николаевки, всего за тридцать верстъ. Бабы поунялись, не голосятъ, только всхлипываютъ. Настало время выступать. Вся толпа двинулась за стражей; староста Маіоренко упросилъ и меня ѣхать съ ними.

Всѣмъ селомъ мы проводили наше войско до корчмы на «шляху». Послѣдовалъ привалъ, пошла выпивка на прощанье, слышались пожеланія счастливаго пути, скораго возвращенія; провожаемые желали счастливо оставаться, кланялись, цѣловались, словомъ честь честью, какъ водится. Десятникъ Кухаренко взмостился на лошадь со своимъ ружьемъ, остальные побрали на плечи свои косы и пики, еще разъ приподнялись шапки и брыли, еще слова прощанья, и эта маленькая кучка людей отдѣлилась отъ толпы и стала удаляться въ поле по дорогѣ. Тихо стало у насъ, никто ни слова, стоятъ наши «бабы» и «жинки», поддерживая ладонями склоненныя на бокъ головы, провожаютъ грустными глазами эту горсточку своихъ мужей, сыновей.

Солнце уже сѣло за горизонтъ, только загорѣлася заря на западѣ. Вдругъ среди этой тишины чистымъ теноромъ залилась пѣсня стражниковъ:

Та пили-жъ пили козаченьки, та вже й напилися.
Осидлали коныченькивъ, тай въ степъ подалися...

Что-то дрогнуло во всѣхъ насъ, стоящихъ около корчмы и провожающихъ глазами нашихъ воиновъ, какъ-бы по мановенію камертона вдругъ бабы залились воплемъ и плачемъ.

Глупо, безъосновательно, смѣшно! скажешь ты, читатель, и будешь правъ; но мнѣ въ ту пору въ этой скорбной, но полной искренности сценѣ послышалось что-то глубоко грустное изъ далекаго прошлаго страны, изъ далекой ея исторіи, полной скорбей и страданій.

Наши мѣстныя соотношенія къ дѣлу польскаго мятежа потревожили насъ не болѣе, какъ дней на пять счетомъ. Проживали мы затѣмъ тихо и мирно, мало зналъ и слышалъ я о дѣлахъ повстанскихъ вообще, въ частности на Украйнѣ; только надо мною лично подозрѣнія полиціи не переставали тяготѣть, Господь самъ вѣдаетъ

изъ-за чего. Вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Бѣлой Церкви пріѣхалъ ко мнѣ старый Булахъ, помощникъ исправника, и сдѣлалъ у меня внезапный обыскъ. Это было что-то очень странное. Старикъ попросилъ меня проводить его по саду, показать ему имѣвшееся у меня по особому отъ полиціи билету ружье и затѣмъ пригласилъ меня и понятыхъ подписать актъ обыска, совсѣмъ уже готовый и привезенный имъ съ собою. Въ протоколѣ значилось, что при «внезапномъ и самомъ тщательномъ» обыскѣ у меня нигдѣ, ни въ погребахъ (у меня былъ всего одинъ погребъ), ни въ омшаникахъ (таковаго у меня вовсе не было) ничего не оказалось, что въ саду земля была только взрытая свѣжо на капустныхъ грядахъ и что на содержимое мною ружье имѣется у меня законное свидѣтельство. Старикъ Булахъ особенно какъ-то успокоивалъ меня.

— Это такъ, самые пустяки, право! Это такъ, Богъ знаетъ, что такое! говорилъ онъ.

Я самъ сознавалъ, что это Богъ знаетъ, что такое и считалъ нескромнымъ допытываться причины этого эксцесса полиціи, но тѣмъ не менѣе понималъ, на сколько все это компроментировало меня въ глазахъ моихъ односельцевъ, видѣвшихъ, что и со мною продѣлываютъ то-же, что и съ бунтующими ляхами.

Въ другой разъ случилось мнѣ узнать нѣчто болѣе непріятное для меня. Нужно было мнѣ повидаться съ нашимъ становымъ приставомъ, почтеннѣйшимъ толстякомъ Павломъ Ильичемъ Амморейскимъ. Я зналъ, что онъ будетъ въ Ходоровѣ, и поѣхалъ туда. Амморейскій останавливался всегда у ходоровскаго эконома и на этотъ разъ также. Когда я пришелъ туда, то на крыльцѣ засталъ нѣсколько сотскихъ и старостъ; нашъ сотскій Ѳедоръ Ковбаса былъ тутъ-же. Въ растворенной настежь передней я наткнулся на разсерженнаго Павла Ильича, только что преподнесшаго зуботычину мѣстному сотскому и въ разволочь его ругавшаго. Прогнавъ сотскаго съ глазъ и ворчаньемъ закапчивая свой репримандъ, старикъ пригласилъ меня въ другую комнату, любезно пожавъ руку. Мы наскоро переговорили съ Павломъ Ильичемъ о дѣлѣ, меня интересовавшемъ, и распрощавшись съ хозяиномъ, одновременно поѣхали со двора каждый своей дорогой. Отъѣхавъ немного отъ Ходорова, я нагналъ нашего сотскаго Ковбасу, успѣвшаго гдѣ-то на пути

немного клюкнуть. Онъ остановилъ меня, знаками давъ замѣтить, что хочетъ мнѣ что-то передать.

Я поѣхалъ шагомъ рядомъ съ нимъ, опустивъ поводья и закуривая трубку.

— Роспытувавъ про панивъ: якъ? що? чи не чуть чого? началъ Ковбаса.

— Хто роспитувавъ? спросилъ я.

— Та цей-же кабанъ годованый.

Я понялъ, что рѣчь идетъ о становомъ.

— А дали й каже: «чомъ це вы доси Б—са, цебъ то васъ, не звяжете, та не приведете до мене у станъ». Ій Богу! Та вже якъ ото вы пишлы въ горницю, та стали зъ нимъ за ручку чоломкатьця, а мы тильки зыркъ, зыркъ одинъ на одного. Тильки плечима здвигуемо! Отъ чудне! Я таки й кажу: треба ему, такъ нехай самъ и въяже. Чудне! Мене ажъ кортило натякнуть вамъ, якъ ото вскочили у двиръ, такъ вы й не оглянулись. Ну, думаю соби, отъ попався! Коли дивимося, ажъ за ручку! Чудне! Тильки вы такъ, щобъ нихто... ни Боже мій!

Я глубоко былъ взволнованъ тогда этимъ безпричиннымъ натравливаніемъ на меня мирныхъ моихъ односельцевъ, взбудораженныхъ теперь проявившеюся въ краѣ смутою; но, вдумавшись въ переданное мнѣ сотскимъ, ясно понялъ, какъ это крестьяне могли связать П. И. Ревякина, не поляка, и какъ это янковецкій становой приставъ не могъ освободить Ревякиныхъ по приводѣ ихъ въ станъ. Что-жъ? Вся Европа наблюдала свою политику относительно польскаго повстанья; неудивительно, что имѣлъ свою политику и стоявшій близко къ дѣлу, почтеннѣйшій Павелъ Ильичъ Амморейскій. Такіе народолюбцы, какими были тогда Петръ Ивановичъ и я, понятно, мозолили глаза полиціи, болѣе чѣмъ когда либо наэлектризованной въ сторону подозрительности, а эта подозрительность усиливалась безсовѣстнымъ наушничаньемъ пановъ, видѣвшихъ, кажется, въ насъ людей, въ свою очередь способныхъ натравить на нихъ народъ. Да, то было время смуты, крайняго возбужденія умовъ, а вмѣстѣ съ этимъ недовѣрія и подозрительности.

Но разъ я, спасая моего знакомаго отъ несправедливаго ареста, чуть было не предсталъ предъ становаго своею особою со связанными назадъ руками. Разсказъ объ этомъ случаѣ дастъ читателю

наглядное понятіе о томъ, какъ легко было у насъ въ то смутное время быть связаннымъ и попасть въ положеніе крайне непріятное и даже небезопасное. Вотъ какъ это было.

Проживавшій въ Кіевѣ сынъ помѣщицы нашего села (вдовы жандармскаго полковника), молодой и болѣзненный Яковъ Г—ль, имѣя надобность повидаться съ матерью, но напуганный ходившими и въ Кіевѣ преувеличенными слухами о самоуправствѣ крестьянъ, безъ толку задерживавшихъ на пути проѣзжихъ, письмомъ извѣстилъ меня о днѣ выѣзда своего изъ Кіева на пароходѣ и, во избѣжаніе задержекъ его по селамъ крестьянами, просилъ меня выѣхать къ нему на встрѣчу въ мѣстечко Ходоровъ и тамъ принять его съ парохода на лодку. По этой-то просьбѣ я не разъ отправлялся въ Ходоровъ и выѣзжалъ на лодкѣ къ пароходамъ, идущимъ изъ Кіева; но Г—ля все не было. Настало воскресенье: мнѣ надо было съѣздить въ с. Романки къ тамошнему священнику и я послалъ въ Ходоровъ только кучера съ лошадьми, поручивъ ему передать ожидаемому гостю, что самъ пріѣду туда уже изъ Ромашекъ и буду ждать его у одного изъ тамошнихъ помѣщиковъ, пана Я—скаго, домъ котораго стоялъ при самой дорогѣ. Пріѣзжаю изъ Ромашекъ къ пану Я—скому и жду съ нетерпѣніемъ Г—ля. Вдругъ вижу въ окно, что мой кучеръ Мусій мчится по дорогѣ куда-то за Ходоровъ, везя на моей бричкѣ человѣкъ шесть ходоровскихъ крестьянъ. Я подумалъ, что Г—ль опять не пріѣхалъ, и въ ожиданіи Мусія собирался уже выбранить его за то, что онъ развозитъ на моихъ лошадяхъ какую-то пьяную, какъ мнѣ показалось, компанію. Вышло не то: немного спустя является Мусій и съ испугомъ докладываетъ мнѣ, что «нашего паныча», т. е. Г—ля, «рештували, тамъ на мисточку, на базари, коло Ицька» и что арестовавшіе его ходоровскій староста Иванъ Черноморецъ и сотскій Василій Щука, приставивъ къ нему стражу, приказали ему Мусію свезти ихъ за Ходоровъ къ нѣкоему Малаховскому на свадьбу...

Не прощаясь съ хозяиномъ, я моментально вскочилъ на верховую лошадь, на которой ѣздилъ въ Ромашки, и помчался на базаръ. Мусій, догоняя меня, далеко остался сзади на парѣ лошадей.

Подъѣзжая къ базарной площади, я увидѣлъ издали, что домъ Ицька окруженъ вооруженною косами и пиками сельскою стражею, а передъ крыльцемъ стоитъ огромная толпа крестьянъ. Черный

цвѣтъ свитокъ и шапокъ мужчинъ пестрѣлъ цвѣтными повязками, лентами и шитыми рукавами сорочекъ прекраснаго пола. Толпа оживленно гудѣла, причемъ слышался болѣе громкій разговоръ около самаго крыльца какихъ-то подвыпившихъ мужиковъ. Два молодые парубка, съ блестящими косами направець, стояли симметрично, какъ настоящіе часовые, на ступенькахъ, а изъ дверей выглядывало двѣ-три головки жиденятъ въ ярмолкахъ и съ маленькими пейсиками.

Я медленно проѣхалъ въ толпу къ самому дому, у самаго крыльца слѣзъ съ лошади и привязалъ ее къ столбу. Принявъ по возможности спокойный видъ, я по обычаю чинно поздоровался съ народомъ шапкою.

— Де вы тутъ нашого паныча заарештували? нарочно улыбаясь, спросилъ я.—Де винъ тутъ?

— Та онъ тамъ у Ицыхи въ бебехи сховався! сказалъ кто-то.

— Тамъ у хати! проговорило много голосовъ.

Вдругъ сквозь толпу протискивается ко мнѣ прибѣжавшій отъ лавки Ицько и, не стѣсняясь присутствующими, кричитъ:

— Баците оцихъ свиней! Вони усихъ рестують! Мятезники! казуть. А воно, свиня, багато тямить! Дивитьця на ихъ! Якъ вони узе понапивались.

— Якъ-же не решитувать?! заговорилъ кто-то въ толпѣ. — Винъ може куды втикае, а мы ёго впустимо... Намъ звелено! Пропустыть такого не можно! И не сказавъ ничого, заразъ утикать до жыдивъ!

— Куды утикать? Хто утикавъ? Зъ тобою, свинею, буде ще тутъ говорить... ругался уже Ицько.

Не желая поддерживать своимъ присутствіемъ какъ объясненій крестьянъ, такъ и ругани Ицька, я пошелъ въ домъ.

Тамъ чуть не въ обморокѣ сидѣлъ бѣдный Яковъ Г—ль. Лица на немъ, что называется, не было. Блѣдный, съ расширенными зрачками своихъ карыхъ очей, онъ какъ-то неистово только сжалъ мнѣ обѣ руки и уставился на меня, какъ-бы вопрошая, что-же будетъ. Послѣ кіевскихъ разсказовъ о неистовствахъ крестьянъ онъ съ ужасомъ взиралъ на эту толпу и на эти косы и пики.

— Пожалуйста, скорѣе вызови становаго, или меня вези къ нему, только и могъ онъ проговорить.

Красивая Ицыха участливо смотрѣла на него; Ицько, раскраснѣвшійся послѣ только что оконченной имъ на крыльцѣ перебранки,

пыхтѣлъ и цмокалъ, продолжая бранить заочно всѣхъ мужиковъ, въ особенности-же старосту и сотскаго, и грозя все разсказать становому. Я соображалъ между тѣмъ, что предпринять и съ чего начать, чтобы высвободить положившагося на мою защиту не просто изъ рукъ стражи, но и отъ окружившей его толпы, наэлектризованной событіями недавнихъ дней и готовой на всякое буйство при первомъ необдуманномъ шагѣ, неосторожномъ словѣ съ чьей нибудь стороны. Я не сомнѣвался, что Г—ль, при высадкѣ съ парохода, не могъ подать никакого повода къ аресту, я понималъ, что подозрѣніе къ нему могло быть вызвано замѣченною кѣмъ либо четырехдневною подъ рядъ высылкою за нимъ и ожиданіемъ у берега лошадей, я допускалъ, что арестъ могъ быть совершенъ подъ возбужденіемъ выпитой старостою и сотскимъ чарки водки и что сами арестовавшіе, будь они здѣсь, не отказались-бы, можетъ быть, передать мнѣ моего знакомаго на руки; но меня смущала эта гулящая толпа, возбужденная и уже поднившая.

Сообразивъ, какъ мнѣ дѣйствовать, я вышелъ на крыльцо. Толпа потиснулась ко мнѣ, какъ-бы ожидая разрѣшенія интересовавшаго ее дѣла. Впереди всѣхъ стояли какія-то пьяныя рожи, болѣе солидные, степенные хозяева, даже знакомые мнѣ, отодвинулись подальше отъ меня, какъ-бы устраняясь отъ моего къ нимъ въ данномъ разѣ обращенія. Въ моменты бурныхъ движеній толпы, при всѣхъ уличныхъ безпорядкахъ и погромахъ все степенное, солидное отступаетъ на задній планъ, а вырываются впередъ худшіе элементы; тоже было и здѣсь: у крыльца были только такіе, у которыхъ путался уже языкъ и выражалась только навязчивость и желаніе пошумѣть или еще выпить, если возможно, на чей либо счетъ. Отстраняя ихъ каляканье и безсвязныя рѣчи, я обратился ко всему собранію съ такими словами:

— Рештували, такъ рештували—це ваше дило! Але отъ що скажить вы мени: що вы думаете дали зъ симъ панычемъ робить?

Толпа притихла и еще больше надвинулась къ крыльцу. Я продолжалъ:

— Заарештували, такъ треба мабуть кудысь ёго вести, чи везти.

Толпа стояла молча; только съ боковыхъ фасовъ дома подвинулись къ крыльцу еще нѣсколько стражниковъ съ косами.

— Тамъ уже становый, чи справникъ розбере; але треба того паныча на дорогу нагодувать, треба коней переминить, бо мои вже потомлени, треба й тимъ зибратьця, що попровадять ёго до стану, чи до повиту. Такъ кажить вы мени толкомъ, якъ вы думасте, коли й куды ёго одправлять, чи якъ тамъ?..

Толпа призадумалась надъ поставленными ей вопросами. Быть можетъ, кто нибудь подумалъ и о самомъ арестованномъ; но вопросъ о подводѣ для него и препровожденіи его верстъ за 25—30 въ станъ или въ уѣздный городъ, при неувѣренности, правильно-ли онъ арестованъ, не могъ быть чуждымъ для многихъ. Толпа однако молчала; никто изъ стражей и лѣзшихъ ко мнѣ пьяныхъ не могъ мнѣ дать отвѣта на мои вопросы.

— Та воно звисно! Правда! проговорилъ кто-то.

— Не то що погодувати, а може й чарку горилки схоче выпити... отозвался одинъ пьяный.

— Тоби абы горилка!—отстранилъ я пьянчужку и обратился къ стражникамъ:

— Що-жъ вы ничого не кажете? Чи вы, чи хто иншій провожатиме ёго въ станъ?

— Та мы що-жъ знаемъ! отвѣчали стражи. Намъ звелено стоять оттуть тай годи! Що мы знаемъ?!

— Та хто-жъ звеливъ?

— А хто? Староста та соцькій. Намъ звелили стоять на сторожи, а сами на вашихъ-же коняхъ поихали на весильля.

— Якъ-то на весильля? Оце такъ! Це порядки! Люде тутъ вартуй, а вони по весильлямъ будуть на чужихъ коняхъ розъизжать.

Въ толпѣ послышалось поддакиванье мнѣ, неодобреніе старосты и сотскаго за ихъ нераспорядительность.

Я окликнулъ Мусія и послалъ его за старостою и сотскимъ, а самъ продолжалъ переговариваться съ толпою на тему нераспорядительности мѣстнаго начальства. Нѣсколько разъ я входилъ въ домъ, чтобы удержать Ицька, рвавшагося къ толпѣ для перебранки, и добился таки того, что онъ ушелъ въ лавку.

Прошелъ добрый часъ, пока наконецъ явилось начальство въ лицѣ одного сотскаго Василія Щуки, мрачно притомъ пьянаго. Я накинулся на него изо всѣхъ силъ и требовалъ, чтобы онъ немедленно наряжалъ конвой и собирался самъ сопровождать аресто-

ваннаго, прибавляя, что и я ѣду съ нимъ и объясню становому все его поведеніе...

Щука струхнулъ не на шутку и пошелъ валить все на старосту. Но я не отставалъ отъ него и требовалъ немедленнаго рѣшенія дѣла.

— Та путе бо постойте! Дайте роспытатьця!—отбивался Щука.— Та же се Г—ленко? спрашиваетъ онъ меня.

— А хто-жъ иншій? Хиба ты не знаешъ, що пытаешься! отвѣчаю я.

— Зъ Дударивъ?

— Зъ Дударивъ.

— Та ёго-жъ уси тутъ знають? оглянулся онъ на толпу.

— А то-жъ и не знаемъ?! Знаемъ! Винъ самый, отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Такъ нехай винъ соби йде зъ Богомъ!—порѣшилъ Щука.

— Звисно, нехай йде соби! отозвались нѣкоторые изъ толпы.

— Идить, хлопци, по своему дилу, куды кому треба, обратился Щука къ стражникамъ.

— Такъ-бы и давно, сказалъ я, идучи въ двери дома.

— А то може-бъ хоть гарнець горилки на громаду поставивъ-бы..., послышалось въ толпѣ; но я прикинулся не слышавшимъ сего.

— Садись и поѣзжай! обрадовалъ я измученнаго тревожнымъ ожиданіемъ Г—ля. Онъ чуть не опрометью выскочилъ изъ дому, сѣлъ въ нетычанку и громко крикнулъ Мусію: «пошелъ!» Намучившійся чуть не цѣлодневнымъ ожиданіемъ, а можетъ быть и подвыпившій на свадьбѣ, Мусій сразу погналъ лошадей вскачь, что обратило вниманіе толпы, не успѣвшей еще разойтись.

— Отъ такъ одуривъ очевидячки! Такъ и выпустили матежника! Оце такъ такъ!.. послышались голоса въ толпѣ.

— Отъ такои ще выдумай! отвѣчалъ я, садясь въ сѣдло и прощаясь съ подошедшими ко мнѣ степенными домохозяевами; но тутъ-же почувствовалъ, что кто-то удерживаетъ меня за стремя. Я оглянулся на бокъ и вижу, что пьяный мужикъ трется около моего стремени, держась за него рукою.

— Отъ такъ-бы и вдержавъ за стремено! говорилъ онъ, давая видъ шутки и едва ворочая языкомъ.—Я также шутя отвѣчалъ ему:

— А я якъ-бы махнувъ конемъ, то ты-бъ волився-бъ ажъ до Шліомы (до угловаго дома).

Лошадь тронулась съ мѣста, пьяный болтался около нея; выходило, будто меня и въ самомъ дѣлѣ хотятъ задержать. Завидѣвъ это отъ своей лавки, Ицько опрометью бросился ко мнѣ и закричалъ болтавшемуся около меня пьяному:

— Сцо ты, свиня, до цоловика лизесъ! Якъ ты сміесъ зъ коня волокти! Свиню!

Толпа зашевелилась; стоявшіе поодаль, понявъ изъ крика Ицька, что меня тянутъ съ лошади, кинулись ко мнѣ. Я моментально спрыгнулъ съ сѣдла, сообразивъ всю неловкость и даже опасность моего положенія, и громко объяснивъ подошедшему Ицьку, что это только шутка, а въ тоже время чувствуя надобность чѣмъ нибудь замять неблагопріятное для меня впечатлѣніе въ толпѣ, сказалъ ему при всѣхъ, что хочу еще купить у него табаку и спичекъ, и отправился съ нимъ въ лавку, давъ подержать лошадь одному изъ стражниковъ.

Толпа тѣмъ временемъ топталась на мѣстѣ и какъ-то странно гудѣла. Едва я показался отъ Ицька, какъ увидѣлъ, что она подвигалась ко мнѣ, очевидно, успѣвъ на скоро и на всѣ лады продебатировать совершившееся. Я вошелъ въ толпу, какъ сейчасъ-же послышалась попритихшая укоризна мнѣ и сожалѣніе о томъ, что ни за что, ни про что выпущенъ на свободу мятежникъ.

— Ни, це таки винъ одуривъ насъ! Такъ выпустили дурнисенько! Було-бъ зразу звязать, такъ це-бъ було вирнійше! А вже-жъ звязать!.. слышались возбужденные голоса въ толпѣ около меня.

Я, стараясь быть совершенно спокойнымъ, на ходу отвѣтилъ:

— Це й нальгачивъ не стане, якъ вязать усихъ, що до васъ на мистечко пріиздять!..

Вдругъ въ толпѣ раздается рѣзкій женскій голосъ какой-то подвыпившей солдатки:

— Ось чуете, що винъ каже... що ихъ (разумѣй мятежниковъ) стильки, що й не перевяжешъ, що й нальгачивъ не стане на ихъ. Вяжить ёго, вражого сына, заразъ! Чого на ёго дивитьця!..

Какъ-бы по сигналу толпа стиснулась ко мнѣ. Морозъ пробѣжалъ у меня по спинѣ. Все это,—и этотъ голосъ въ ушахъ, и эта толпа, и эти косы надъ нею—все это, какъ молнія, мелькнуло въ моихъ мозгахъ и во всемъ моемъ естествѣ. Моментъ и я пропалъ-бы!.. Но я усиленно, въ одинъ мигъ, растолкнулъ нѣсколькихъ

человѣкъ и съ руганью, въ свою очередь освирѣпѣвшій, схватилъ эту пьяную вѣщунью за руку повыше локтя такъ сильно, что, казалось, пальцы мои сквозь шитый рукавъ сорочки впились до кости въ ея тѣло.

— Такъ це ты мене вязатимешь?!... Вяжить мене заразъ зъ цією..., що вами командуе! Вяжить, що-жъ вы дивитесь! А я іи не выпущу! Такъ ще сёго не було тильки, що-бъ пьяна баба мене вязала и вамъ приказувала! Що-жъ вы іи не слухаете? кричалъ я, не помня себя отъ волненія и все больше и сильнѣй сжимая въ рукѣ своей плечевую кость бабы. Я мало тогда помнилъ себя, вся сдержанность пропала, какое-то звѣрское чувство злобы кипѣло во мнѣ: я могъ въ тотъ моментъ убить кого нибудь или быть убитымъ, безъ всякаго сознанія. Толпа засуетилась и явились сейчасъ-же митигаторы—тѣ-же сторонившіеся до сихъ поръ степенные домохозяева.

— Та Господь зъ вами! Хто тамъ думае васъ вязать! Киньте вы іи! бачъ, бисове стерво, натягнетьця безъ пути, то й соби лизе до чоловика! Пишла геть! заговорили со всѣхъ сторонъ.—Ичъ яка навратилась! Геть зъ громады, свине!..

Я выпустилъ изъ рукъ бабу и, чуть не плача, началъ укорять близко знавшую меня толпу:

— Такъ отъ якои чести я заслуживъ у васъ! Я у васъ тутъ на всякъ день, вы до мене за всякимъ диломъ ходите! А теперъ така на мене наруга?! Не сподивався я сёго!

— Простить, будьте ласкови! бачите, яка погань выскочила! Ка-зна що таке, та й лизе! говорили мои заступники, успокоивая меня и извиняясь передо мною. Кончилось все тѣмъ, что надо было угостить и угоститься тутъ-же въ ближайшемъ шинкѣ, чтобы загладить всякое впечатлѣніе отъ нежданной тревоги и дать время разбрестись толпѣ. Поздо уже, никѣмъ и ничѣмъ не тревожимый, возвратился я домой.

Этимъ эпизодомъ я оканчиваю мое повѣствованіе о польскомъ возстаніи на Украйнѣ и о моей къ нему прикосновенности. Я не привнесъ сюда ни одного изъ тѣхъ отрывочныхъ, мелкихъ фактовъ, которые составляютъ содержаніе вышеназванныхъ двухъ брошюръ о возстаніи въ Украйнѣ 1863 г., но разсказалъ, какъ могъ, только то, что извѣстно было мнѣ по непосредственному наблюденію или по слухамъ. Все это мелко, блѣдно, не полно, отрывочно, статься можетъ, даже не точно. Не такое повѣствованіе намъ

нужно для оцѣнки этого событія, его причинъ и послѣдствій. Намъ нужна съ одной стороны подробная, фактическая, документальная исторія революціоннаго движенія 1863 г. и не въ одной кіевской, но и въ смежныхъ съ нею волынской и подольской губерніяхъ, во всемъ юго-западномъ краѣ; съ другой стороны намъ нужна бытовая, такъ сказать, сторона дѣла, полное во всѣхъ мелочахъ отраженіе рѣзко обозначившихся въ мѣстной жизни двухъ противуположныхъ теченій—панскаго, польскаго и народнаго, русскаго. Дать перваго рода повѣствованіе—дѣло нашихъ кіевскихъ ученыхъ и, конечно, заботы и содѣйствія высшей администраціи края; повѣствованіе втораго рода можетъ быть подготовлено лишь коллективно, по частямъ и мелочамъ, а такая работа доступна для всякаго, кто жилъ въ то время, видѣлъ и наблюдалъ. На эту-то послѣднюю работу я и желалъ-бы вызвать моими воспоминаніями людей того времени, и былъ-бы искренно радъ, если-бы и разсказанное мною было дополнено и даже исправлено.

Указанными двумя путями можно было-бы между прочимъ уяснить относительную напряженность революціоннаго духа въ Царствѣ Польскомъ и у насъ, степень внѣшняго вліянія и собственнаго возбужденія польскаго элемента въ нашемъ краѣ, изыскать причины сего послѣдняго, опредѣлить взаимоотношеніе пришлаго польскаго и кореннаго мѣстнаго элементовъ, обнаружившихъ такую рознь и вражду, и намѣтить точки и средства сближенія ихъ въ будущемъ. А пока, вдумываясь въ прошедшее, на основаніи доступныхъ мнѣ данныхъ, прихожу къ мысли, что есть разница въ импульсахъ, поднявшихъ поляковъ въ Царствѣ Польскомъ и въ нашемъ краѣ, что помимо внѣшнихъ вліяній, общихъ причинъ, революціонное движеніе шляхты въ юго-западномъ краѣ въ извѣстной степени носило на себѣ отраженіе начавшагося тогда пробужденія. Пробуждалась отъ моральнаго усыпленія и наша шляхта, но не имѣя иной, кромѣ польской почвы развитія, воспитавшись только на польской традиціи, ничѣмъ особеннымъ не приросши къ дѣлу общероссійскому, она и не могла иначе, какъ только въ направленіи чисто польскомъ и притомъ польско-патріотическомъ, воспрянуть отъ этого усыпленія. Нельзя не согласиться, что нашъ до-реформенный государственный строй поддержкою панской, а слѣдовательно польско-шляхетской власти

надъ бывшимъ когда-то крѣпостнымъ, вполнѣ обезличеннымъ въ гражданскомъ смыслѣ, русскимъ населеніемъ, поддерживалъ незыблемость польско-панскихъ традицій, по которымъ весь западный край считался *забраным*ъ. Русскій чиновникъ, и то въ весьма малой пропорціи, въ краѣ и солдатъ были плохими элементами обрусѣнія. Кіевскій университетъ мало поддерживалъ идею ассимиляціи края, да собственно говоря и ассимилироваться здѣсь не было съ кѣмъ. При общемъ, повторяю, возрожденіи духа въ Россіи польская шляхта направилась по пути, пріуготовленномъ ей своею ничѣмъ не нарушенной традиціею и, вызываемая увлеченіемъ въ Царствѣ Польскомъ, бросилась въ омутъ возстанія и безсознательно удовлетворяя этимъ потребность воспрянувшаго духа, продѣлала эту траги-комическую исторію *польскаго* возстанія на русской Украйнѣ.

Борисъ Познанскій.

27 сентября 1885 г.
Г. Павловскъ.

АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ.

1580 (?)—1653 г.

(Историко-біографическій очеркъ).

(*Окончаніе*) [1]).

VI.

Возвращаемся къ хронологической послѣдовательности событій. Польскіе комиссары, едва выпросивъ у Хмельницкаго въ Переяславѣ перемиріе до Духова дня, считали его недостаточно вѣрнымъ и обезпеченнымъ съ козацкой стороны. Оказалось однако, что поляки первые его нарушили, упомянутымъ уже нападеніемъ на подольскіе городки: Баръ и Межибожъ. Хмельницкому это было даже на-руку, такъ какъ давало возможность возобновить военныя дѣйствія, взваливъ отвѣтственность за нарушеіе мира на противниковъ. Съ приближеніемъ срока, назначеннаго для съѣзда комиссаровъ, получилось письмо къ нимъ отъ гетмана въ миролюбивомъ тонѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ появились на Волыни вооруженные отряды козаковъ съ открыто враждебными намѣреніями. Комиссары вынуждены были покинуть Гунцу; разболѣвшійся Кисель направился въ свои имѣнія на западной окраинѣ Волыни, его сопровождалъ Обуховичъ; посланецъ гетмана и слуга Смяровскаго нагнали ихъ въ Тайкурахъ, затѣмъ они остановились недалеко Владиміра, въ принадлежавшемъ Киселю имѣніи Гнойнѣ.

---

[1]) См. «Кіевская Старина» 1885 г., ноябрьск. кн., стр. 408—430.

Открывшіяся лѣтомъ военныя дѣйствія имѣли результатомъ, какъ извѣстно, обложеніе первой польской арміи подъ Збаражемъ, побѣду надъ второю арміею, состоявшею преимущественно изъ посполитаго рушенья и предводительствуемою самимъ королемъ, подъ Зборовомъ, и заключеніе здѣсь мирнаго договора, удовлетворявшаго всѣмъ главнымъ требованіямъ козаковъ. Число реестровыхъ увеличено до сорока тысячъ, занятыя козаками три воеводства, кіевское, черниговское и брацлавское, освобождены отъ стоянки коронныхъ войскъ, а всѣ должности и чины здѣсь постановлено предоставлять исключительно мѣстнымъ православнымъ шляхтичамъ, жительство евреямъ въ козацкомъ краѣ воспрещено, митрополиту кіевскому предоставлено мѣсто въ сенатѣ, унію обѣщано уничтожить постановленіемъ сейма.

Комиссары во время этихъ событій находились въ разныхъ мѣстахъ. Изъ нихъ Николай Григорьевичъ Кисель со своею хоругвью былъ въ томъ войскѣ, которое осаждено подъ Збаражемъ. Здѣсь, между прочимъ, 24 іюля произошла пріостановка военныхъ дѣйствій, во время которой сходились знакомые изъ обоихъ лагерей, разговаривали по пріятельски, причемъ поляки потчивали козаковъ изъ своихъ табакерокъ. Хмельницкій въ это время вызывалъ къ себѣ на свиданіе знакомца Николая Зацвилиховскаго, который въ 1646—1647 гг. былъ комиссаромъ по управленію козаками; ѣздилъ съ нимъ и Николай Кисель, но переговоры кончились ничѣмъ. Адамъ Григорьевичъ въ это время находился въ войскѣ королевскомъ: когда были постановлены условія договора подъ Зборовомъ и Хмельницкій выполнялъ присягу на вѣрность королю и Рѣчи Посполитой, формулу присяги читалъ ему воевода кіевскій [1]).

Послѣ отступленія Хмельницкаго въ Украйну и распущенія польскихъ войскъ, король, не дожидая даже сейма, отправилъ вновь комиссію къ козацкому гетману, и во главѣ ея снова поставленъ былъ Адамъ Григорьевичъ. Онъ поселился въ Кіевѣ, въ замкѣ, сюда же прибылъ въ ноябрѣ и Хмельницкій съ полковниками; обращеніе послѣдняго съ комиссарами было теперь самое дружеское и предупредительное, но къ самому существенному и щекотливому пункту

---

[1]) Michałowskiego księga, стр. 438. Ambr. Grabowski, Starożytności, т. I, стр. 265.

переговоровъ, къ способамъ водворить пановъ въ ихъ имѣніяхъ, гетманъ не приступалъ до полученія королевскаго универсала (16 января 1650) объ утвержденіи зборовскаго договора сеймомъ. Потомъ онъ издалъ и отъ себя универсалы о возвращеніи всѣхъ не вошедшихъ въ реестръ подъ власть ихъ прежнихъ пановъ, что вызвало, конечно, сильнѣйшее недовольство черни, укрощать которую приходилось Хмельницкому строгостями и казнями. Съ другой стороны, нарушали условія мира поляки. Недопущеніе сенаторами въ свою среду митрополита Сильвестра было оскорбительно для Руси, но само по себѣ едва-ли-бы вызвало вооруженное сопротивленіе. Гораздо сильнѣе дѣйствовало преслѣдованіе папами, вопреки объявленной амнистіи, крестьянъ, принимавшихъ участіе въ козацкой войнѣ. Многочисленныя казни такихъ крестьянъ, произведенныя княземъ Самуиломъ Корецкимъ въ своихъ волынскихъ имѣніяхъ, вызвали здѣсь возстаніе значительныхъ размѣровъ, сочувственно отозвавшееся въ козацкой средѣ и даже между окружавшими гетмана старшинами, изъ которыхъ въ этомъ отношеніи особенно выдавался знаменитый въ народной памяти брацлавскій полковникъ Данило Нечай, человѣкъ очень вліятельный и притомъ породившійся съ Хмельницкимъ черезъ брата своего Ивана, за котораго гетманъ выдалъ свою дочь Елену.

Трудно было положеніе и гетмана козацкаго, и воеводы кіевскаго, особенно послѣдняго. Онъ оставался однако въ Кіевѣ круглый годъ, продолжая постоянно сноситься съ Хмельницкимъ объ успокоеніи Украйны, о возстановленіи въ ней правильной администраціи согласно зборовскимъ условіямъ и о водвореніи возвращавшихся изъ бѣгства пановъ въ ихъ имѣніяхъ. То ѣздилъ отъ него къ Хмельницкому въ Чигиринъ митрополитъ для переговоровъ, то Хмельницкій пріѣзжалъ къ нему въ Кіевъ; отсюда вмѣстѣ ѣздили они на козацкую раду въ Переяславъ, и оба-же вернулись снова оттуда въ столицу воеводства, 23 (13) марта. Здѣсь собралось тогда много крестьянства и козаковъ, не попавшихъ въ реестръ, и потому принуждаемыхъ тоже возвратиться въ панское подданство. Среди этой толпы вспыхнулъ даже открытый бунтъ, толпа осадила замокъ, когда въ гостяхъ у воеводы находился гетманъ со старшинами. Едва удалось усмирить народное волненіе, а на другой день Хмельницкій созвалъ находившихся въ городѣ козаковъ на раду и въ

рѣчи своей къ нимъ, между прочимъ, клялся, что безъ общаго вѣдома не станетъ заключать съ Киселемъ никакого договора, что за Киселемъ нѣтъ никакой измѣны, а если-бы оказалась его неискренность, то гетманъ самъ прикажетъ его задержать; Хмельницкому удалось убѣдить козаковъ разойтись по домамъ, безъ нихъ должно было притихнуть и мѣстное поспольство. Населеніе однако было такъ враждебно настроено къ Киселю, что мѣщанство отказывалось выдавать провіантъ на содержаніе его самого со свитой и воеводинской стражи, и воевода долженъ былъ расходовать на это до ста талеровъ въ день изъ собственныхъ средствъ.

Въ маѣ гетманъ былъ снова въ гостяхъ у воеводы, причемъ между ними возникали пререканія за первенство въ столицѣ воеводства, но разстались друзьями, а нѣсколько зачинщиковъ волненій противъ воеводы было даже казнено. Кисель, не вполнѣ полагаясь даже на самаго Хмельницкаго, тѣмъ болѣе могъ оцѣнить на мѣстѣ окружавшія его трудности. Въ письмѣ къ вышедшему изъ плѣна коронному гетману Потоцкому, 4 апрѣля, онъ прямо указываетъ, что власть самаго Хмельницкаго не всегда соотвѣтствуетъ его желаніямъ; можно опасаться, чтобы чернь не взяла верхъ надъ нею и не возстала снова съ инымъ вождемъ. Поэтому Кисель уговаривалъ пановъ, чтобы они не торопились возвращаться въ тѣ по крайней мѣрѣ имѣнія, которыя лежатъ за Днѣпромъ, куда онъ не рѣшался ѣхать еще и самъ. «Мои слуги, говоритъ онъ, по особому якобы благоволенію, введены тамъ во владѣнія еще передъ сеймомъ, но и доселѣ они тамъ гости, а не хозяева, и я, свидѣтельствуюсь Богомъ, не получаю оттуда доходовъ ни обола, даже ни зерна на прокормленіе».

Въ іюнѣ Кисель былъ у гетмана въ Черкасахъ, и между ними по нѣкоторымъ пунктамъ состоялось соглашеніе, а именно относительно совмѣстнаго дѣйствія козаковъ и поляковъ противъ Москвы, въ союзѣ также съ татарами; кромѣ договоренныхъ здѣсь условій, Кисель указывалъ еще необходимость отпустить изъ Варшавы пребывающихъ тамъ козацкихъ пословъ съ наибольшею благосклонностью, послать Хмельницкому при королевскомъ письмѣ крупный денежный подарокъ, а главное—сохранять полное спокойствіе и неприкосновенность русскаго народа и его вѣры. Вскорѣ, въ концѣ іюля, прибыли къ Хмельницкому послы отъ коронпаго гетмана,

тоже для переговоровъ о московской войнѣ; приняты они были привѣтливо, но за обѣдомъ козацкій предводитель не выдержалъ, закончилъ знакомыми самохвальными угрозами, а на другой день, въ нетрезвомъ видѣ, велѣлъ было даже перетопить всѣхъ бывшихъ въ Чигиринѣ поляковъ; едва его упросила жена, а проспавшись онъ и самъ жалѣлъ о своей безразсудной выходкѣ. Послы Потоцкаго отпущены съ честью. 5 августа прибылъ къ гетману съ королевскимъ письмомъ Николай Кисель [1]), приглашая Хмельницкаго въ Аркліевъ [2]), гдѣ ожидали его Адамъ Кисель и митрополитъ Сильвестръ. Подробности свиданія ихъ и переговоровъ неизвѣстны.

Вообще 1650 годъ представляется сравнительно отраднымъ моментомъ въ жизни южной Руси этого времени. Дѣла шли мирно до открытія въ декабрѣ сейма, которому представлены были требованія козаковъ и извѣстное уже намъ письмо Киселя о необходимости уничтожить унію, вызвавшее бурю ругательствъ. Задорная враждебность сеймующихъ пановъ отнимала всякую надежду на сохраненіе мира: шляхта стала уходить изъ Украйны, бѣжалъ изъ своего воеводства и Кисель, котораго въ началѣ 1651 г. застаемъ снова въ Гущѣ [3])

И въ 1651 году первыми фактическими нарушителями мира были опять таки поляки. Какъ только выяснилось для всѣхъ открыто-враждебное настроеніе сейма къ козачеству, къ православному исповѣданію, даже къ самой мысли объ уступкахъ и лично къ тѣмъ, кто осмѣливался ихъ предлагать,—польный гетманъ Калиновскій пересталъ считать себя связаннымъ какими либо предыдущими переговорами. Начались съ обѣихъ сторонъ дѣятельныя приго-

---

[1]) Костомаровъ неточно передаетъ, будто Николай былъ посланъ не королемъ, а только своимъ братомъ, и будто приказаніе подпившаго гетмана «утопить!» относилось къ нему. Этотъ случай имѣлъ мѣсто за два дня до прибытія въ Чигиринъ Николая Григорьевича.

[2]) Теперь Ирклієвъ, мѣстечко залотоношскаго уѣзда, верстахъ въ тридцати за Днѣпромъ противъ Черкасъ.

[3]) Подробности о Киселѣ въ этомъ году см. преимущественно въ Памятникахъ, т. II, отд. 3, стр. 1—13; Michałowskiego księga, №№ 179, 181, 182, 184, 194, 197, 199—202; Акты южной и западной Россіи, т. III, стр. 372, 374, 398, 400, 401, 404, 408, 421, 422; Pamiętnik Jeniołowskiego, стр. 12—18.

товленія къ борьбѣ, которыя тѣмъ скорѣе должны были привести къ столкновенію, именно въ Брацлавщинѣ, гдѣ встрѣтились одинаково пылкіе представители той и другой стороны: ближайшій помощникъ Калиновскаго по начальствованію войскомъ, Станиславъ Лянцкоронскій, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ воеводою брацлавскимъ, тогда какъ мѣстнымъ козацкимъ полковникомъ былъ фанатическій ненавистникъ всего польскаго, до сихъ поръ наиболѣе живой въ народной памяти и поэзіи изъ всѣхъ козацкихъ предводителей, вліятельный Данило Нечай. Желая предупредить нападеніе поляковъ на территорію своего полка, Нечай поспѣшилъ двинуть козацкіе отряды къ ея предѣламъ, на границы воеводства подольскаго. Поляки тоже рѣшились на зимній походъ, что не было вообще у нихъ въ ходу, особенно въ козацкихъ войнахъ; уроки послѣднихъ лѣтъ не прошли для регулярнаго войска даромъ, начальники его поняли всѣ выгоды для нихъ подобнаго движенія, когда приходилось имѣть дѣло съ одними козаками и ихъ крѣпостцами, не опаясь ни татаръ, ни повсемѣстнаго народнаго возстанія. Самонадѣянный козацкій предводитель не ожидалъ отъ нихъ этого, и поплатился жизнью, завхаченный врасплохъ, ночью, въ послѣдній день масляницы, въ городкѣ Красномъ, а находившійся при немъ отрядъ былъ по большей части истребленъ, хотя остатки его, послѣ перваго пораженія, еще три дня храбро защищали укрѣпленіе. Такая-же участь постигла Ямполь, тоже взятый ночью, гдѣ погибло до шести тысячъ козаковъ и приставшихъ къ нимъ волоховъ; другіе городки сдавались то по первому-же требованію, устрашенные неожиданнымъ успѣхомъ поляковъ, какъ Мурахва и Черніевцы, то послѣ непродолжительной обороны, какъ Стѣна [1]).

Первая вѣсть о возобновленіи непріязненныхъ дѣйствій поразила Адама Григорьевича, ожидавшаго въ своей Гущѣ, какой оборотъ примутъ дѣла къ веснѣ, хотя онъ видѣлъ и раньше, что все клонится «скорѣе къ дракѣ, чѣмъ къ трактатамъ». Намъ слѣдуетъ отмѣтить одно его замѣчаніе въ письмѣ къ подканцлеру 23 (13) февраля: не имѣя еще никакихъ вѣрныхъ извѣстій о событіяхъ въ Брацлавѣ, а только смутные слухи (Красное взято 19 февраля), онъ умоляетъ, какъ и всегда, не начинать военныхъ дѣйствій, если

---

[1]) Дневникъ похода у Михаловскаго, № 223.

слухи эти невѣрны; въ противномъ-же случаѣ онъ первый совѣтуетъ забыть о самомъ существованіи комиссіи для переговоровъ, во главѣ которой стоитъ самъ, и требуетъ скорѣйшей присылки подкрѣпленій, предвидя, что эта стычка послужитъ только началомъ новой большой и кровопролитной войны [1]). Изъ приведенныхъ нами въ своемъ мѣстѣ подлинныхъ словъ письма, ясно видно, что Адамъ Григоровичъ вовсе не былъ сторонникомъ мира съ козаками во что-бы ни стало и какою-бы ни было цѣною. Онъ *предпочиталъ* мирный исходъ и настаивалъ на необходимости уступокъ въ тѣхъ размѣрахъ, безъ которыхъ миръ представлялся недостижимымъ. Но если обстоятельства дѣлали невозможнымъ продолженіе самихъ переговоровъ о мирѣ, то Кисель требовалъ соотвѣтственнаго напряженія силъ государства, чего именно такъ трудно было добиться отъ шляхты: она всегда относилась слишкомъ презрительно ко всѣмъ «хлопамъ», т. е. пешляхтичамъ, въ томъ числѣ и козакамъ, чтобы принимать противъ нихъ серьезныя мѣры. Посполитое рушенье и походъ подъ предводительствомъ самого короля въ 1649 г. вызывали всеобщую оппозицію, ибо шляхта считала позоромъ для своего государя становиться такимъ образомъ какъ-бы на одну доску съ предводителемъ мятежной черни. Зборовское пораженіе, гдѣ король былъ избавленъ отъ унизительнаго плѣна только личнымъ вмѣшательствомъ Хмельницкаго, давшаго сигналъ къ «згодѣ» въ самый разгаръ битвы, до начала какихъ либо переговоровъ, было наказаніемъ папскаго высокомѣрія. Кисель, зная козаковъ издавна и вблизи, заранѣе, хотя тщетно, предостерегалъ пановъ отъ ихъ пагубнаго заблужденія. «Это не та старинная Русь, убѣждалъ онъ, что выходила на войну съ лукомъ и рогатиной, а опытные воины, по искусству въ стрѣльбѣ изъ огнестрѣльнаго оружія превосходящіе квартяное войско».—«Сто нашихъ нѣмцевъ выстрѣлятъ, одного убьютъ, говорилъ онъ еще на сеймѣ 1648 г., а когда сто козаковъ выстрѣлятъ, навѣрно половина выстрѣловъ будетъ удачныхъ; шутить съ ними нельзя». Особенно-же безпокоила Киселя, съ самаго начала войны, возможность вмѣшательства въ нее государства московскаго, силы котораго были ему также знакомы, но на счетъ котораго большинство поляковъ имѣло самыя ошибочныя представленія.

---

[1]) Michałowskiego Księga, стр. 607.

На этотъ разъ впрочемъ Киселю приходилось говорить не втунѣ, какъ до сихъ поръ: сами шляхтичи, даже и далекихъ сѣверозападныхъ воеводствъ, имѣли случай ближе познакомиться съ дѣйствительными силами козачества, увидѣли необходимость двинуться противъ него всѣми силами; и вооруженія, и сборъ войскъ, и посполитое рушенье, — все приводилось весною въ исполненіе быстро и энергично.

Между тѣмъ событія въ Брацлавщинѣ принесли Адаму Григорьевичу новое глубокое огорченіе, вполнѣ личнаго характера. Въ рядахъ войска гетмана Калиновскаго находился братъ его Николай, начальствуя хоругвью. Послѣ побѣдъ въ Красномъ и Ямполѣ, польское войско приступило къ Винницѣ, гдѣ заперся съ небольшимъ отрядомъ полковникъ Богунъ, прославившійся въ обѣихъ арміяхъ, какъ неистощимый изобрѣтатель воинскихъ хитростей, настоящій маэстро партизанской войны. Не надѣясь удержаться противъ превосходныхъ силъ, онъ вывелъ однако свой отрядъ въ боевомъ строѣ на встрѣчу полякамъ и сталъ впереди крѣпости на бебегу рѣки Буга. Лянцкоронскій со своимъ полкомъ, въ составъ котораго входила и хоругвь Киселя, кинулся въ атаку, но они попали на приготовленную Богуномъ полынью, едва успѣвшую покрыться ледяной корою и прикиданную соломою. Лянцкоронскій едва успѣлъ спастись, получивъ однако нѣсколько жестокихъ ударовъ дубиною, а многіе изъ «товарищей» погибли, въ томъ числѣ два ротмистра, Мелешко и Николай Кисель. Въ письмѣ къ канцлеру, изъ Гущи, Адамъ Григорьевичъ такъ изливаетъ скорбь свою о погибшемъ братѣ: «единый дражайшій братъ мой, единая надежда постигнутаго горестями (utrapionego) дома моего, опора моей несчастной старости». Онъ ходатайствуетъ при этомъ, чтобы уступленное имъ брату черкасское староство было предоставлено за отцовскія заслуги сыну его, Владиміру Николаевичу, тогда уже кіевскому подстолію, равно какъ и пожалованное Николаю королемъ имѣніе Черніева (?). Но не надѣясь вѣроятно на успѣхъ своей просьбы въ это время, когда не нуждались въ его дипломатическихъ услугахъ, онъ переуступилъ староство отъ себя великому гетману Николаю Потоцкому. А въ то-же время смерть брата Николая послужила поводомъ для упрековъ Адаму и съ другой стороны: Хмельницкій, оставивъ письмо его безъ отвѣта, приказалъ

только передать изустно слѣдующее: «воевода обезпечилъ меня комиссіей и перемиріемъ, а брата своего послалъ воевать при Калиновскомъ и Лянцкоронскомъ; за эту-то неправду и погибъ его братъ, о которомъ я сожалѣю, какъ о достойномъ рыцарѣ и своемъ пріятелѣ: но самъ вѣдь онъ этого захотѣлъ» [1]).

Лѣтомъ наступила гибельная для козаковъ война берестечская, и хотя есть данныя, что Адамъ Григорьевичъ находился въ это время при королѣ, но о дѣятельности его до бѣгства козацкаго войска не имѣемъ никакихъ указаній, а потому не станемъ пересказывать и общаго хода событій, достаточно извѣстныхъ. Освѣщимъ говоритъ, между прочимъ, будто въ берестечскомъ лагерѣ Киселю пришлось испытать жестокое униженіе: его устранили отъ участія въ совѣщаніи о томъ, какъ слѣдуетъ поступить съ осажденными козаками, когда тѣ прислали бѣлоцерковскаго полковника Крысу съ просьбою о милости. Не смотря на это, когда польское войско вступило въ Украйну, а гетманъ Радзивилъ съ литовскимъ войскомъ занялъ Кіевъ, мы встрѣчаемъ Киселя, какъ мѣстнаго воеводу и старшаго комиссара неудачной, но не уничтоженной формально комиссіи, въ лагерѣ Потоцкаго. Къ нему первому и обратился Хмельницкій съ письмомъ, прося его посредничества въ переговорахъ; на первый разъ посланцамъ козацкаго гетмана Кисель, конечно, могъ дать только тотъ отвѣтъ, какой ему былъ продиктованъ гетманомъ коронным: отъ козаковъ требовали истребленія союзниковъ—татаръ, выдачи Хмельницкаго и безусловной покорности. Козаки знали, что говорится это больше ради внушенія страха, чѣмъ серьезно, а имъ самимъ нужно было только затянуть переговоры, пока соберется побольше народу, да подойдетъ орда. Хотя вслѣдъ за этимъ соединилось съ польскимъ войскомъ и литовское, но оба тетмана склонялись къ миру, въ виду крайне неблагопріятныхъ условій борьбы: вокругъ и на пути отступленія населеніе по прежнему кипѣло враждою, войско терпѣло недостатокъ въ продовольствіи, начинались эпидеміи, а сборища Хмельницкаго все росли, расположившись на степномъ привольи по рѣкѣ Узину и до Рокитны, опираясь на близь лежащую сильную по тому времени крѣпость, Бѣлую Церкрвь. Потоцкій видѣлъ невыгоды своего положенія, ко-

---

[1]) Michał. Ks., стр. 632.

торое, затянувшись до глубокой осени, грозило сдѣлаться безвыходнымъ, и потому не поддавался совѣтамъ крайнихъ ненавистниковъ козачества, которые притомъ-же потеряли своего могущественнаго вождя, Іеремію Вишневецкаго, незадолго умершаго во время этого похода. Рѣшено было вступить въ переговоры, къ Хмельницкому поѣхалъ сначала Маковскій. Прочтя польскія предложенія, гетманъ хотѣлъ отправить ни съ чѣмъ посла, вообще онъ отнесся вовсе не съ той покорностью, какой отъ него ожидали. Въ концѣ концовъ, польскіе вожди, по возвращеніи Маковскаго, согласились послать въ Бѣлую Церковь комиссаровъ, съ кіевскимъ воеводою [1]) во главѣ, такъ какъ Хмельницкій на отрѣзъ отказался ѣхать въ ихъ лагерь. Другіе комиссары были: смоленскій воевода Глѣбовичъ, литовскій стольникъ Гонсѣвскій и брацлавскій подсудокъ Косаковскій. При проѣздѣ черезъ толпившійся около крѣпости козацкій обозъ, чернь, не смотря на присутствіе сильнаго конвоя изъ козаковъ, осыпала комиссаровъ ругательствами и угрозами. Попробовалъ было Кисель уговаривать кричавшихъ, надѣясь, что они окажутъ уваженіе къ его сѣдинамъ, и ссылаясь на свое русское происхожденіе: «мы не ляхи, говорилъ онъ имъ, мои кости такія-же русскія, какъ и ваши», но здѣсь-то и пришлось ему выслушать горькій упрекъ: «кости твои точно русскія, да только слишкомъ обросли онѣ польскимъ мясомъ!»

Хмельницкій и старшины приняли комиссаровъ радушно и соглашались на большую часть предложенныхъ условій мира, такъ что переговоры заняли времени очень немного. Совсѣмъ иное дѣло было съ чернью, которая и слышать не хотѣла о возстановленіи помѣщичьей власти и барщинѣ. Когда стали читать договоръ и замѣчены были относящіяся къ этому предмету статьи, поднялся настоящій бунтъ не только противъ комиссаровъ, но и противъ самого гетмана и всей старшины. Всѣ должны были укрыться въ замокъ, къ которому стала приступать чернь, кидая каменьями и стрѣляя въ окна. Одна стрѣла едва не попала въ голову Киселю. Оставивъ пановъ внутри замка, Хмельницкій со старшинами кинулся усмирять мятежниковъ въ рукопашную, а Выговскій старался вра-

---

[1]) Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 423.—Снова, какъ о радѣ 1637 года, напрасно сказано, будто Кисель «вызвался» въ комиссары: источники объ этомъ умалчиваютъ, и это было-бы совсѣмъ не въ порядкѣ вещей.

зумить ихъ, указывая на неприкосновенность пословъ у всѣхъ народовъ и на то, что между комиссарами ляховъ нѣтъ, — двое изъ нихъ русины, а двое изъ литовскаго войска. «Правда, говорили иные, Кисель русскій, а то литовцы, обидъ они намъ никогда не дѣлали. Знали ляхи, кого послать. Вотъ если-бъ настоящіе ляхи пришли, тѣ-бы уже не вышли отсюда!» Пробывъ еще сутки въ замкѣ, комиссары едва могли выбраться изъ толпы, подъ прикрытіемъ козацкой старшины; ей проходилось прибѣгать къ оружію, и даже самъ гетманъ убилъ булавою нѣсколькихъ изъ нападавшихъ. Но лишь только прикрытіе оставило ихъ среди открытой степи, полагая достаточнымъ раздѣлявшее ихъ отъ скопища черни разстояніе, какъ вновь настигла ихъ толпа хлоповъ и татаръ, высадила ихъ изъ экипажей, обобрала всѣ бывшія при нихъ вещи, драгоцѣнности, обрывала даже дорогую обивку панскихъ рыдвановъ. Кисель съ Коссаковскимъ оцѣнивали свои потери въ тридцать, а Глѣбовичъ съ Гонсѣвскимъ въ сто тысячъ злотыхъ. Напрасны оказались и здѣсь увѣщанія Киселя, продолжавшаго доказывать грабителямъ, что они ему братья, находившіеся между ними татары возражали ломаннымъ нарѣчіемъ, что не уменьшало ироніи: «ляшка братка, а лоша не братка, и сукманка не братка». Этимъ еще не окончились труды и непріятности комиссаровъ вообще и въ томъ числѣ Киселя.

Ограбленные, они встрѣтили все войско, подвигавшееся отъ Германовки къ Бѣлой Церкви. Вслѣдъ за ними прибыли послы отъ козаковъ, заявляя о согласіи ихъ на договоренныя статьи и приглашая комиссаровъ къ своему лагерю для взаимной присяги. Въ пріемѣ этихъ пословъ польскими гетманами сказалось, между прочимъ, и то различіе воззрѣній, какое обнаруживалось въ другихъ случаяхъ между Киселемъ и его товарищами по сенату. Потоцкій относился къ козакамъ сдержанно и вѣжливо; онъ болѣе руководствовался требованіями политическихъ обстоятельствъ, чѣмъ порывами личнаго чувства. Такъ и въ началѣ этихъ переговоровъ онъ долженъ былъ убѣждать непримиримыхъ враговъ козачества, требовавшихъ битвы и окончательнаго его пораженія. «Русь, говорилъ онъ имъ, тогда только можетъ быть побѣждена совершенно, когда погибнетъ, когда весь край обезлюдѣетъ и граница королевства станетъ открытою для невѣрныхъ». Иначе относился къ нимъ Калиновскій, отражавшій

взгляды Вишневецкаго, Конецпольскаго и проч. Когда Потоцкій предложилъ казацкимъ посламъ садиться, чтобы слушать ихъ посольство въ собраніи начальствующихъ лицъ, Калиновскій рѣзко замѣтилъ, что не здѣсь сидѣть они достойны, а на тѣхъ кольяхъ, какіе онъ для нихъ приготовилъ [1]).

Враждебные лагери сблизились, а на другой день комиссары расположились на урочищѣ Острой Могилѣ, въ богатомъ шатрѣ, ожидая Выговскаго и полковниковъ для присяги. Но вмѣсто того явился черкасскій полковой судья Одынецъ съ одинадцатью товарищами, въ качествѣ представителей большинства войска; требуя отмѣны договоренныхъ пунктовъ о правѣ коронныхъ войскъ располагаться на стоянку въ козацкой торрироріи, о сокращеніи числа реестровыхъ на половину, до двадцати тысячъ, они начали наконецъ прямо требовать постановленія договора согласно зборовскимъ статьямъ. На возраженіе Киселя, что все уже договорено съ гетманомъ и окончено въ Бѣлой Церкви, они отозвались незнаніемъ, такъ какъ съ гетманомъ разминулись, ѣдучи отъ войсва, а оно ихъ послало съ такими именно требованіями. Кисель сталъ упрекать ихъ желаніемъ подчиниться турецкому султану, который ихъ обманываетъ, обѣщаетъ многое, а потомъ станетъ силою обращать въ мусульманство. Но напрасно онъ пытался подѣйствовать на ихъ религіозное чувство, они все ссылались на порученіе войска. «Мы уѣзжаемъ, сказалъ тогда Кисель, и призываемъ Бога во свидѣтели, что хотѣли поступить съ вами искренно, а вы платите намъ коварствомъ».

Переговоры были прерваны, заложники обоюдно возвращены. Пылкія головы съ обѣихъ сторонъ требовали сраженія. Но Потоцкій и Хмельницкій, оба люди опытные, одинаково видѣли сомнительность исхода, не рѣшались поэтому ставить всего на одну карту и оба одиново притворились невѣдающими, что дѣлается; они выжидали, одинаково разсчитывая воспользоваться успѣхомъ, если-бы онъ оказался на ихъ сторонѣ, или-же вмѣшаться во время, чтобы своимъ вліяніемъ и властью отвратить возможное пораженіе. 23 (13) сентября, подзадоренный вызовами татаръ, Радзивилъ напалъ на козацкое войско; но хотя онъ одержалъ верхъ, ему не

---

[1]) «Кіевская Старина» 1882 г., декабрь, Дневникъ Освюцима, стр. 548.

оказали поддержки. На утро Хмельницкій прислалъ остававшагося въ Бѣлой Церкви поляка Райтаровскиго, письменно извиняясь въ недоразумѣніи, происшедшемъ безъ его вѣдома и противъ его воли; онъ просилъ скорѣе выслать пословъ для окончанія договора. Отвѣтилъ ему, по приказанію великаго гетмана, Кисель. «Очевидно, писалъ онъ, что вы думаете искусно и хитро окружить насъ и довести до невыгоднаго положенія. Что это за презрѣнные хлопы являлись къ намъ вмѣсто заслуженныхъ козаковъ и требовали зборовскаго договора, о которомъ въ Бѣлой Церкви и помину не было? Впрочемъ, если искренно желаете мира, высылайте пословъ, для этого нужно не болѣе двухъ часовъ времени». Къ полудню, вмѣсто пословъ, польскій лагерь окружило все козацкое войско съ небольшимъ вспомогательнымъ отрядомъ татаръ, возобновилась битва жесточе вчерашней, а вечеромъ козацкій гетманъ прислалъ новыя извиненія. Такая-же кровавая комедія продолжалась и на слѣдующій день, опять безъ рѣшительнаго исхода.

Это обстоятельство должно было подѣйствовать примирительно на самихъ задорныхъ, особенно въ связи съ трехдневнымъ осеннихъ дождемъ, съ усиленіемъ въ обоихъ лагеряхъ эпидемической смертности и съ неблагопріятными для обѣихъ сторонъ извѣстіями: къ козакамъ замедлила орда, а литовцы узнали, что оставшаяся въ Любечѣ часть ихъ войска осаждена козаками. Между панами иные продолжали требовать рѣшительнаго сраженія. Убѣждать ихъ пришлось Киселю. «Если подъ Берестечкомъ, въ чужой землѣ,—толковалъ онъ имъ,—въ дурномъ мѣстоположеніи, оставленные гетманомъ и татарами, окруженные въ трое многочисленнѣйшимъ войскомъ, козаки все-таки не только не сдались, а ушли на нашихъ глазахъ и разрушили наши планы, то возможно-ли безъ труда покорить этотъ народъ въ его собственной землѣ? Удовольствуемся и тѣмъ, что можемъ хоть на время залечить раны отечества и пріискать средства, чтобы укротить поспольство и пріучить его къ повиновенію». Теперь подобныя рѣчи находили доступъ и къ тѣмъ, кто такъ недавно еще отказывался ихъ слушать. Притомъ-же самъ Кисель указывалъ на непрочность заключаемаго теперь мира, на его временный характеръ и неизбѣжность будущаго его нарушенія. Но едва-ли мы ошибаемся, полагая, что Кисель видѣлъ опасность нарушенія вовсе не въ томъ, что бѣлоцерковскими статьями оста-

нутся недовольны поляки, для которыхъ они представляли большой выигрышъ противъ зборовскихъ. За то ясно было ему, что такимъ миромъ не удовлетворится Украйна, у которой онъ отнималъ большую часть завоеваннаго съ невѣроятнымъ напряженіемъ силъ, а по нѣкоторымъ пунктамъ, именно по вопросу объ уничтоженіи уніи, новый договоръ давалъ Руси даже менѣе того, чего требовать считалъ себя вправѣ и самъ Кисель. Непрочность мира обнаружилась вскорѣ: не могъ утвердить его сеймъ, «сорванный» единымъ голосомъ подкрѣпленнаго унитскаго депутата Сицинскаго, а ровно черезъ полгода по его заключеніи (27 сентября новаго стиля) разразилась батогская катастрофа, и голова Калиновскаго, грозившаго сажать на колъ козацкихъ пословъ, была взоткнута на козацкую пику...

Участіе въ заключеніи бѣлоцерковскаго договора было послѣднимъ актомъ служебной дѣятельности Адама Григорьевича, о которомъ мы имѣемъ болѣе или менѣе подробныя извѣстія. Затѣмъ, нѣтъ даже прямыхъ указаній, гдѣ провелъ онъ остальное время своей жизни. Судя по тому, что на основаніи договора коронныя войска остались зимовать въ Украйнѣ, можно полагать, что и онъ провелъ зиму 1651—1652 г. въ своемъ воеводскомъ городѣ, Кіевѣ. Подтвержденіемъ этому можетъ служить и упоминаніе кіевскаго воеводы въ составѣ и даже во главѣ особой воммисіи для раскрытія виновныхъ въ возникавшихъ тогда по разнымъ мѣстамъ волненіяхъ и смутахъ противъ польскаго войска и для суда надъ ними [1]). Отсюда-же, т. е. изъ Кіева, написано повидимому и послѣднее изъ извѣстныхъ намъ писемъ воеводы къ королю, 23 января 1652 г., безъ означенія мѣста. Письмо это, сколько намъ извѣстно, не обращало на себя вниманія изслѣдователей; и точно, оно заключаетъ мало новыхъ фактическихъ указаній. Но для цѣли настоящей статьи оно представляетъ высокій интересъ, свидѣтельствуя, что теперь Кисель, оправившійся въ своей тяжелой борьбѣ съ преобладающими шовинистами на короля и его немногочисленныхъ сторонниковъ, разочаровался окончательно и въ самомъ королѣ. Янъ-Казиміръ къ этому времени изъ безпристрастнаго представителя верховной власти, какимъ онъ если и не былъ, то притворялся

[1]) Богданъ Хмельницкій, т. III, стр. 13, 14.

доселѣ, сталъ открытымъ сторонникомъ фанатическаго большинства, ультра-шляхетскаго и ультра-католическаго. И вотъ мы видимъ, что человѣкъ, котораго современники обоихъ борющихся лагерей постоянно обвиняли въ интриганствѣ, въ двоедушіи, не колеблясь высказываетъ монарху свой искренній взглядъ на печальное будущее отечества. Лично у него нѣтъ никакихъ побужденій къ подобной откровенности, онъ говоритъ только по обязанности; мало того: онъ не имѣетъ никакой надежды, что голосъ его будетъ услышанъ и принятъ во вниманіе. Это отражается въ самомъ тонѣ письма: вмѣсто горячихъ представленій, какими наполнены всѣ его прежнія письма, вмѣсто серьезной аргументаціи, здѣсь все проникнуто одной горечью, а изъ-за почтительной внѣшней формы сквозитъ не очень даже тщательно скрываемый сарказмъ... Вотъ возможно точный переводъ этого письма цѣликомъ:

«Всепресвѣтлѣйшій милостивый король! Хотя и всегда подозрительною была моя вѣрность Рѣчи Посполитой и не гражданиномъ, а предателемъ отечества меня зовутъ, но что-же съ этимъ подѣлать, если уже такъ повелѣваетъ человѣческій разумъ? Иному и быть не слѣдуетъ! Претерпѣть тягчайшее, то и есть признакъ спасеннаго: считай себя грѣшнымъ, когда тебя канонизуютъ. Но все-же, будучи какимъ-то плохимъ сенаторомъ и подданнымъ вашей королевской милости, я не въ состояніи умолчать о томъ, о чемъ говорить требуетъ и совѣсть, и голосъ оскорбленной природы. Ваша королевская милость соизволила дать Хмельницкому письменный выговоръ; но это въ немъ ничего хорошаго, а только еще болѣе злого возбудило. Сейчасъ-же прислалъ ко мнѣ за совѣтомъ, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ. Не мало провелъ я времени въ размышленіяхъ, пока собрался отвѣтить; но могъ посовѣтовать ему только то, чтобы онъ судилъ хладнокровно, не возставалъ болѣе противъ Бога и государя, не приводилъ къ окончательному опустошенію Украйну и не преступалъ-бы своей присяги. Не знаю, останется-ли онъ доволенъ такимъ совѣтомъ. Вижу только, что это невкусное для него посланіе вашей королевской милости возбудило въ немъ новые порывы, пылкіе замыслы и вызвало быструю перемѣну стремленій. Вѣроятно, обидится онъ и на меня за такое доброжелательство, станетъ издѣваться надъ моими совѣтами передъ всѣмъ козачествомъ, склоняя

его къ своимъ новымъ намѣреніямъ. И какъ понялъ я изъ письма его, копію котораго, не утаивая предъ вашей королевской милостью, при семъ прилагаю, позаботится онъ о татарахъ: не по желанію вашей королевской милости, а по собственному замышленію, привлечетъ и приведетъ ихъ на дальнѣйшую пагубу отечества. Свидѣтельствуютъ о томъ многочисленныя писанія самаго хана и султана нурадина, который имѣетъ на готовѣ шестьдесятъ тысячъ войска. Лишь-бы только далъ знать Хмельницкій, они навѣрное поспѣшатъ къ нему; я не увѣренъ даже, не кочуютъ-ли уже они гдѣ нибудь вблизи. Поэтому-то распространяются между посполитствомъ толки, будто нынѣшній сеймъ не принесетъ никакой пользы, а только замѣшательство въ государствѣ и злонамѣренное потрясеніе Рѣчи Посполитой со стороны ропщущихъ и возбужденныхъ противъ вашей королевской милости людей. Вѣрно-ли это, или нѣтъ, о семъ неизвѣстно мнѣ; но выдаютъ за вѣрное, да и самъ Хмельницкій преисполненъ увѣренности.

«Тому однако я удивляюсь, что войска вашей королевской милости гдѣ-то опочили и не подаютъ о себѣ слуха. Поступаютъ-ли они такъ ради козацкихъ бунтовъ, или-же не намѣрены помогать ни той, ни другой сторонѣ,—пусть разрѣшаетъ загадку Эдипъ. Вѣрнѣе ожидать, что все это столкновеніе взвалится на козаковъ, сеймъ-же пребудетъ сеймомъ, государь государемъ, и Рѣчь Посполитая останется Рѣчью Посполитой.

«Козаки-же новыя находятъ для себя примѣты и предзнаменованія въ благополучномъ перворожденіи потомка вашей королевской милости, предсказывая, что будетъ онъ въ мірѣ вторымъ Александромъ; толкуютъ, что понесетъ иго рабства его не только козачество, но и многіе народы. И дай Богъ такимъ предсказаніямъ счастливой удачи, чтобы сбылись они даже до самой Африки! Хмельницкій и пословъ своихъ намѣревался послать къ вашей королевской милости по этому случаю, но кажется передумалъ, въ силу того писанія (т. е. королевскаго выговора).

«И я, калѣка, радъ-бы хоть на костыляхъ отправиться и увидѣть вашу королевскую милость въ добромъ здравіи. Но не знаю, удастся-ли мнѣ это. Должно быть, мнѣ уже остается только взывать по святымъ церквямъ имя Господне, молясь о нуждахъ государства. Не имѣя на сей разъ донести ничего болѣе и не же-

лая отягчать себя грѣхомъ упоминанія о частныхъ дѣлахъ, настоящій листокъ мой (kartelusz) и себя самаго повергаю къ стопамъ вашей королевской милости, государя моего всемилостивѣйшаго» [1]).

Послѣдній годъ своей жизни провелъ Адамъ Григорьевичъ вдали отъ всякихъ общественныхъ дѣлъ, какъ вслѣдствіе совершеннаго отчужденія отъ него покровительствовавшаго ему ранѣе короля, такъ и вслѣдствіе тяжкой болѣзни, которою страдалъ онъ уже давно. Мы упоминали объ этомъ, разсказывая о его посольской поѣздкѣ въ Переяславъ въ началѣ 1649 г.; два года спустя, въ одномъ изъ писемъ къ Радзѣіовскому, онъ извиняется, что не пишетъ собственноручно, по причинѣ хирагрической опухоли руки. Умеръ онъ въ 1653 году, по словамъ Нѣсецкаго, малороссійскихъ хронистовъ XVIII вѣка и надписи на портретѣ, изданномъ при «Кіевской Старинѣ» [2]). Но ни одинъ изъ этихъ источниковъ не указываетъ ни мѣста его кончины, ни точной даты; только изъ упоминаній преемника его, Станислава Потоцкаго, съ титуломъ кіевскаго воеводы уже въ концѣ февраля 1653 г., видно, что смерть Киселя должна была послѣдовать въ самомъ началѣ этого года. Такъ велико, какъ видимъ, было забвеніе современниковъ, постигшее его еще при жизни, что даже въ недалекое время спустя панегиристъ Потоцкій приписывалъ ему участіе въ событіяхъ 1654 и 1656 годовъ. Составленное имъ фразистое Elogium цитируется Нѣсецкимъ; но оно не представляетъ никакого серьезнаго интереса по содержанію, а потому мы и не приводимъ его здѣсь.

Изъ посмертныхъ распоряженій Адама Григорьевича намъ извѣстно пока только одно, которымъ онъ предоставилъ кіевскому братскому монастырю съ его коллегіей нѣкоторыя свои имѣнія, лежащія по сосѣдству, именно Позняки за Днѣпромъ (на лугу близъ полотна желѣзной дороги), а по сю сторону упоминавшіяся уже выше Новоселки, тогда мѣстечко, съ принадлежавшими къ нему деревнями: Богушовка, Звонки и Зобковщина. Даръ этотъ, по стеченію судебъ, подтвердилъ монастырю въ 1670 году сынъ самаго непримиримаго политическаго противника Киселя,—польскій

[1]) Michalowskiego Księga pamiętnicza, № 245.

[2]) Kor. Polska, т. II, стр. 520; Лѣтопись Сатовидца, изд. 1878 года, стр. 237; «Кіевская Старина» 1875 г., августъ, стр. 749.

король Михаилъ Іеремієвичъ Вишневецкій [1]). Слѣдуетъ замѣтить, что Кисель состоялъ въ числѣ попечителей коллегіи, которымъ отдалъ ее «in patrocinium» митрополитъ Петръ Могила завѣщаніемъ своимъ 22 декабря 1646 г.; тѣмъ-же завѣщаніемъ онъ назначилъ Киселя однимъ изъ своихъ душеприказчиковъ, а должныя ему Киселемъ 55,000 злотыхъ отказалъ той-же коллегіи [2]).

Память о Киселѣ сохранилась до сихъ поръ въ Кіевѣ, въ наименованіи «Киселевкою» бывшей замковой горы, между Подоломъ, Андреевскимъ спускомъ, Воздвиженской улицей и урочищемъ Гончарами; почти вся она вошла въ ограду флоровскаго дѣвичьяго монастыря, и на ней теперь расположено монастырское кладбище, съ хорошо знакомою всѣмъ кіевлянамъ живописною церковью, на мѣстѣ прежняго замка. Имя Киселя связалось съ этой горою потому, вѣроятно, что онъ едва-ли не единственный воевода польской эпохи, проживавшій здѣсь дважды довольно подолгу, именно зимы 1649, весь 1650, и снова зиму 1651—1652 годовъ. Послѣ него ни одинъ воевода здѣсь уже не жилъ, а очень скоро погибъ и самый замокъ.

Намъ оставалось-бы теперь свести воедино отдѣльныя черты, характеризующія личность Адама Григорьевича Киселя, намѣченныя порознь въ предыдущемъ изложеніи, и, на основаніи послѣдняго, попытаться возстановить цѣльный его обликъ, съ какимъ онъ представляется намъ, въ смыслѣ дѣятеля общественнаго. Но мы не можемъ этого сдѣлать безъ нѣкотораго отклоненія въ сторону, безъ нѣкотораго оттѣнка полемики, имѣя въ этомъ отношеніи такое установившееся о Киселѣ мнѣніе, которое несогласно съ сдѣланными нами о немъ изслѣдованіями. Правда, въ исторіографіи южнорусской Киселю не было посвящено нарочитаго изслѣдованія, а потому и взгляды на него не высказывались съ достаточной законченностью и опредѣленностью; но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, гдѣ дѣятельность Киселя можетъ быть истолкована и оцѣнена

---

[1]) Памятники, т. II, отд. 1, стр. 242; Богушовка теперь предмѣстье мѣстечка Ясногородки, Новоселки село, а Звонкова деревня въ томъ-же кіевскомъ уѣздѣ, южнѣе; Зобковщины теперь нѣтъ.

[2]) Также, стр. 154—180.

двояко, прорывается у историковъ недостатокъ полнаго безпристрастія, и притомъ не въ пользу Киселя. Подобный взглядъ на Киселя въ нашей читающей публикѣ сложился особенно подъ вліяніемъ изслѣдованій Костомарова, въ трудѣ котораго о Богданѣ Хмельницкомъ на личность и характеръ дѣятельности Киселя набрасывается тѣнь нерѣдко одной какой нибудь фразой, иногда однимъ только словомъ. Говоря о козацкой радѣ 1637 года въ Корсунѣ, историкъ пишетъ: «послѣ этой рады Кисель писалъ коронному гетману, что для того, чтобы держать козаковъ въ послушаніи, лучшее средство—имѣть въ козацкомъ войскѣ *шпіоновъ*, и зная все, что у нихъ дѣлается, *подкупать* при надобности *старшинъ*, но постоянно *ссорить ихъ между собою*, чтобы не допустить между козаками единства и согласія». А нѣсколько ниже, въ описаніи кумейской битвы, читаемъ: «Кисель, русскій по происхожденію, православный по вѣрѣ, не могъ удержаться отъ слезъ и воздыханій, увидя своихъ единовѣрцевъ и земляковъ. Славные люди, говорилъ онъ, какъ смѣло, какъ бодро идутъ они на смерть! Зачѣмъ идутъ они на своего государя короля и Рѣчь Посполитую, а не на враговъ Христова креста?» Въ другомъ мѣстѣ находимъ, что тотъ-же Кисель этихъ-же козаковъ, «*выступивъ* посредникомъ между ними и правительствомъ», «*водилъ обѣщаніями*, назначалъ имъ сроки для уплаты жалованья, а когда эти сроки проходили, назначалъ другіе» и т. д. Или еще: «старшимъ у козаковъ былъ Томиленко, *патріотъ, прямодушный простакъ*, управляемый *лукавымъ* писаремъ своимъ Онушкевичемъ, *угодникомъ Киселя*» [1]). Отзывы о Киселѣ не только неблагопріятные, но даже противурѣчивые. А такихъ мѣстъ въ названномъ трудѣ нашего историка, въ первомъ и второмъ томѣ, найдется нѣсколько десятковъ. Объясняется это, положимъ, нѣкоторымъ субъективизмомъ автора и разнохарактерностію самихъ матеріаловъ для изученія той эпохи: гдѣ историкъ пользовался источникомъ польскимъ, пристрастно нападающимъ на Киселя, онъ склоненъ взять послѣдняго подъ свою защиту, и потому изображаетъ его въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ; гдѣ-же за основаніе принятъ источникъ русскій, содержащій жалобы на Киселя, напримѣръ, за нарушеніе данныхъ имъ обѣщаній или

---

[1]) Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 124, 125. 131, 144.

заключеннаго имъ договора, хотя это нарушеніе дѣлалось вовсе не имъ самимъ и вопреки его волѣ, людьми противной ему партіи, но такими-же представителями Рѣчи Посполитой,—историкъ слѣдуетъ такому источнику слишкомъ усердно, самъ проникаясь его предубѣжденіями. Но есть другая причина противорѣчивыхъ взглядовъ на Киселя и неправильной оцѣнки его дѣятельности; она лежитъ глубже, и читателю гораздо труднѣе ее замѣтить, чѣмъ субъективизмъ просто личный. Это, если можно такъ выразиться, субъективизмъ эпохи. Судя о прошломъ, намъ до высшей степени трудно проникнуться духомъ разсматриваемой эпохи, чтобы оцѣнить людей и факты съ такой точки зрѣнія, съ какой *должны были-бы* разсматривать ихъ *безпристрастные*, но *современные* имъ люди. Мы всегда готовы переносить туда взгляды и требованія *нашего* времени: пріемъ безспорно необходимый для правильнаго освѣщенія *событій*, въ отношеніи ихъ *причиннаго* вліянія на послѣдующій ходъ исторіи, но онъ оказывается неправильнымъ и негоднымъ въ примѣненіи къ *нравственной* оцѣнкѣ историческихъ *личностей*.

Примѣнимъ къ конкретному примѣру Адама Григорьевича Киселя только что высказанныя общія положенія.

Въ эпоху великой борьбы, въ которую пришлось Киселю жить и дѣйствовать, между борющимся сторонами было нѣсколько пунктовъ разногласій; но ни та, ни другая сторона не имѣли такихъ представителей, которые совмѣщали-бы въ себѣ всѣ принципы своего лагеря, ясно ихъ сознавая. Программы ихъ, какъ онѣ намъ представляются ретроспективно, на самомъ дѣлѣ никѣмъ тогда не были изложены и проводимы во всей полнотѣ и послѣдовательности; намѣчены они были всѣмъ историческимъ прошлымъ Польши и западной Руси, и осуществлялись *массами польско-католической шляхты* съ одной и *русско-православнаго хлопства* съ другой стороны.

Взаимная ихъ борьба обнаружила три пункта разногласія, и они были для всѣхъ ясны. Яркими представителями первой стороны являются люди, въ родѣ Іеремія Вишневецкаго, признававшаго въ тогдашней Рѣчи Посполитой только одну народность—польскую, одно исповѣданіе—католическое, одно правоспособное сословіе шляхетское; столь-же рѣзко выражаются тенденціи прямо противоположныя въ Данилѣ Нечаѣ, а еще болѣе, немного спустя, въ Пуш-

карѣ Мартынѣ. Мы говорили уже о томъ, что Кисель по отношенію къ этимъ пунктамъ двоился, что народность и вѣра влекли его въ одинъ лагерь, а воззрѣнія соціальныя въ другой. Онъ не былъ такимъ закоснѣлымъ приверженцемъ шляхетской замкнутости, какъ Вишневецкій, онъ готовъ былъ допустить предоставленіе полноправности козакамъ, хотя-бы даже въ очень большомъ числѣ, но все-же только въ смыслѣ сословія. Онъ и ранѣе отличалъ ихъ отъ посполитства, признавалъ необходимость иного къ нимъ отношенія, чѣмъ къ крестьянской массѣ. Но для Киселя немыслима была пушкаревская безсословность, въ этомъ отношеніи онъ не былъ впереди своихъ согражданъ шляхетскаго происхожденія.

За то была у Киселя, и притомъ съ характеромъ преобладанія, чрезвычайно важная политически и вполнѣ ясно имъ сознаваемая идея, та самая, которую Костомаровъ видитъ у Хмельницкаго, идея *государственности*. Для Киселя, сколько мы успѣли уяснить себѣ мотивы и побужденія его дѣйствій въ каждомъ одѣльномъ случаѣ, она всегда стояла на первомъ планѣ; девизомъ всей его общественной дѣятельности слѣдуетъ признать «salus Reipublicae—suprema lex», и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ цѣлою головою выше не только Пушкаря, но и Вишневецкаго со всею рукоплескавшею ему шляхтою.

И если только мы взглянемъ на Киселя съ этой именно точки зрѣнія, намъ сразу станутъ понятны и разрѣшатся всѣ кажущіяся противорѣчія въ его поступкахъ; напротивъ, въ нихъ обнаруживается замѣчательная выдержка и послѣдовательность, не допускающія даже и мысли о двуличіи и притворствѣ.

Начнемъ съ вопроса соціальнаго, раздѣлявшаго Киселя отъ его земляковъ и единовѣрцевъ, т. е. отъ тѣхъ изъ нихъ, кто не принадлежалъ къ шляхтѣ. Мы знаемъ, что онъ никогда не кривилъ душою въ этомъ отношеніи, никогда не давалъ козакамъ, въ переговорахъ съ ними, неисполнимыхъ обѣщаній. Напротивъ, онъ высказывался предъ ними откровенно и прямодушно. «Пусть воюютъ козаки, убѣждалъ онъ Хмельницкаго, а хлопы пусть пашутъ». Онъ соглашался на увеличеніе числа козаковъ, не стоялъ за ту или иную цифру, но требовалъ, чтобы цифра эта была опредѣленная, чтобы козачество не обращалось въ нѣчто растяжимое и не поглощало въ себя крестьянской массы. Во всѣхъ своихъ перего-

ворахъ и договорахъ онъ твердо и послѣдовательно настаивалъ, чтобы все посполитство, которое не войдетъ въ реестръ, было обращено къ послушанію своимъ господамъ. Но если такая послѣдовательность со стороны Киселя не представляетъ ничего неожиданнаго для тѣхъ, кто составилъ себѣ о немъ невыгодное понятіе, то этого нельзя уже сказать о его отношеніяхъ собственно къ козачеству. Судя по постояннымъ обвиненіямъ его современниками, можно-бы думать, что политика его по этому вопросу представляла рядъ неустанныхъ колебаній; язвительныя замѣчанія и намеки современныхъ намъ историковъ наводятъ на мысль, что онъ двоедушничалъ, старался услужить нашимъ и вашимъ въ одно и то-же время. А на повѣрку выходитъ иное. Если взять хронологическій рядъ фактовъ, независимо отъ придаваемаго имъ тѣмъ или инымъ источникомъ освѣщенія, то увидимъ, что и здѣсь взгляды Киселя оставались все время одни и тѣ-же; вся разница только въ объемѣ ихъ примѣненія въ разныя времена, согласно требованіямъ измѣняющихся обстоятельствъ; другое различіе сводится къ формѣ выраженія, но невозможно-же убѣждать одну изъ враждующихъ сторонъ тѣми-же самыми словами, какія приходится обращать къ другой. А сущность оказывается одинаковой.

Козачество не могло служить Киселю идеаломъ; чуть только оно принимало антишляхетскій наступательный характеръ, оно становилось ему несочувственнымъ, даже враждебнымъ. Но онъ не допускалъ при этомъ мысли о попыткахъ уничтожить козачество совершенно, видя ихъ безплодность и пагубныя послѣдствія, а главнымъ образомъ потому, что признавалъ существованіе козачества необходимымъ въ интересахъ самой Рѣчи Посполитой. Ratio status и здѣсь брала у него верхъ надъ другими соображеніями. По настоящему, можно даже удивляться, зная духъ и обстоятельства времени, той прямотѣ и откровенности, съ какими онъ излагалъ свои соображенія обѣимъ сторонамъ, не въ одинаковой только формѣ. Находясь въ *польскомъ* лагерѣ подъ Кумейками, онъ не старается скрыть предъ окружающими охватившей его искренней скорби при видѣ идущихъ на гибель козаковъ; воздавая должную дань ихъ воинской доблести, онъ сожалѣетъ только о ея ненадлежащемъ направленіи. Что-бы обратить ее на услуги государству, Кисель беретъ на себя исходатайствовать помилованіе вождю бун-

товщиковъ, Павлюку, и всю жизнь впослѣдствіи упрекаетъ тѣхъ, кто нарушилъ данное имъ слово. Десять лѣтъ спустя онъ предостерегаетъ короля Владислава противъ опасностей, какими грозятъ утѣсненія и несправедливости въ отношеніи козаковъ. Когда опасность разразилась, онъ спѣшитъ убѣждать своихъ сотоварищей по сенату, въ лицѣ примаса, что козачество это *malum necessarium*, а въ то-же время, для облегченія возможности достигнуть мирнаго исхода распри, рѣшается вступить въ непосредственныя сношенія съ козаками, единственный разъ по собственному почину, но это случилось во время безкоролевья. И теперь, и позже, обѣимъ сторонамъ онъ приводитъ одни и тѣ-же доказательства въ пользу мира, основанныя на соображеніяхъ государственныхъ. Канцлеру писалъ онъ (февраль 1651), что побѣда надъ козаками возможна только при чрезвычайномъ напряженіи противной стороны, что она до крайности ослабитъ силы государства вообще и даже въ случаѣ полнѣйшаго успѣха очиститъ только дорогу невѣрнымъ; это почти буквально то-же самое, что говорилъ Кисель раньше (февраль 1649) Хмельницкому, поставляя ему на видъ, что какъ Польша и Литва не въ силахъ противостать невѣрнымъ безъ помощи Запорожья, такъ не удержится противъ нихъ и козачество безъ опоры въ польскомъ войскѣ. Трудно, кажется, быть послѣдовательнѣе и выражаться болѣе опредѣленно.

Переходимъ къ вопросу вѣроисповѣдному. Никто и никогда не заподазривалъ искренности убѣжденій Киселя въ этомъ пунктѣ. Съ самой смерти Сигизмунда III онъ неизмѣнно выступаетъ защитникомъ православія на сеймахъ, а получивъ доступъ въ сенатъ, начинаетъ считать себя естественнымъ представителемъ и защитникомъ его интересовъ въ сенатѣ. Побужденій личныхъ здѣсь, конечно, быть не могло, напротивъ, отстаиваніе интересовъ слабѣйшей и даже преслѣдуемой стороны влекло за собою однѣ только невыгоды. Позже Кисель, котораго подчасъ выставляютъ человѣкомъ черезчуръ алчнымъ къ благамъ міра сего, основываетъ на свой счетъ монастыри въ Гущѣ, въ Максаковѣ, даритъ имѣнія кіевскому братству. Къ нему относился съ полнымъ довѣріемъ такой опытный человѣкъ, какъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила. Словомъ, приверженность его православію внѣ всякаго сомнѣнія. Но когда пришлось настаивать на необходимости уничтоженія уніи, Кисель прямо вы-

сказываетъ въ письмѣ къ королю (октябрь 1650 г.), что онъ вовсе не фанатикъ, что оба обряда въ его глазахъ равны, ибо сущность у нихъ одна и та-же[1]), но уничтожить унію необходимо, опять таки по соображеніямъ государственнымъ. И знаменательно, что Кисель, не стѣсняясь, высказывалъ подобный взглядъ Хмельницкому, убѣждая его, что исповѣдный вопросъ имѣетъ въ сущности только подчиненное значеніе: «не будетъ ничего, писалъ онъ ему въ февралѣ 1651 г., и изъ русской вѣры, коль скоро не станетъ насъ самихъ, представителей Руси»[2]). Кисель, какъ видимъ, ставилъ человѣка выше субботы...

Въ приведенныхъ словахъ Киселя къ Хмельницкому, онъ сопоставляетъ его съ собою, какъ одинаково *русскимъ и*, не стѣсняясь, цитируетъ это свое выраженіе въ письмѣ къ коронному вицеканцлеру. Вотъ въ этомъ именно пунктѣ, въ отношеніи вопроса національнаго, и является наибольше путаницы во взглядахъ на Киселя его современниковъ, а равно и нашихъ. Первые находили, что симпатіи Киселя, защитника православія и открыто причисляющаго себя къ Руси, должны всецѣло лежать по сторонѣ схизматическаго плебса, въ пользу котораго онъ измѣняетъ польскому государству; мы-же, перенося современныя намъ понятія въ XVII вѣкъ, затрудняемся понять, какимъ образомъ православный русскій могъ очутиться въ минуту борьбы въ польскомъ лагерѣ, и готовы признать его измѣнникомъ своему народному дѣлу. Но взглянувъ нѣсколько шире и всестороннѣе, приходится только признать, что у Киселя *народность*, въ смыслѣ этнографическомъ, не совпадала съ *національностью*, въ значеніи государственномъ. Патріотически защищая первую, сознательно обособлявшуюся въ то время только въ сферѣ церковной, Кисель тѣмъ менѣе склоненъ былъ поступиться второю. Съ этой послѣдней точки зрѣнія онъ былъ не только русскимъ патріотомъ, но еще болѣе патріотомъ Рѣчи Посполитой, внѣ которой онъ не могъ даже помыслить ни самого себя, ни своего русскаго патріотизма. Разрывъ съ нею, съ желаніемъ основать особое самостоятельное государство, а тѣмъ болѣе съ цѣлью подчиниться другому, въ глазахъ Киселя былъ ничѣмъ инымъ, какъ позорнымъ актомъ

[1]) Michałovskiego Księga, стр. 547.
[2]) Тамъ-же, стр. 608.

государственной измѣны. Чернь и представитель ея Пушкарь не мудрствовали, а прямо переходили подъ московскую державу, Хмельницкій рѣшился на этотъ шагъ только послѣ долгихъ колебаній, Кисель не сдѣлалъ-бы его никогда.

Чтобы лучше пояснить указанное нами различіе въ Киселѣ патріотизма народнаго отъ національнаго (столь часто и столь-же неосновательно смѣшиваемыхъ, замѣтимъ, и въ современной мѣстной жизни), попробуемъ показать соотвѣтственную параллель, взявъ за основаніе окружающія насъ обстоятельства. Допустимъ такое предположеніе. Намѣстникомъ Галиціи состоитъ мѣстный русинъ уніатъ, а въ подольской или волынской губерніи губернаторъ католикъ польской народности, хотя изъ русскихъ подданныхъ. Допускаемъ далѣе, что въ случаѣ войны между Россіей и Австріей, среди народа восточной Голиціи возникаетъ движеніе въ пользу перваго государства, а среди помѣщиковъ Подолья или Волыни въ пользу второго. Всякому станетъ ясно, что предположенные нами намѣстникъ и губернаторъ могли-бы отказаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, оставаясь при этомъ вѣрными подданными *своего* правительства и работая на его пользу тѣмъ, что каждый изъ нихъ старался-бы мирными средствами успокоить и удержать ту часть мѣстнаго населенія, которая готова принять сторону непріятеля. Поступая иначе, потворствуя такому движенію и даже присоединяясь къ нему, каждый изъ нихъ становился-бы государственнымъ измѣнникомъ.

Положеніе Адама Григорьевича во время возстанія Хмельницкаго было совершенно аналогично съ только-что изображеннымъ нами. И за то именно, что онъ не захотѣлъ стать измѣнникомъ ни своей народности, ни своему государству, заклеймили его таковымъ обѣ стороны, да продолжаютъ клеймить историки и доселѣ. Пора-же послѣднимъ понять, что для Киселя Русь вовсе не отождествлялась и не должна была отождествляться ни съ проблематическимъ козацко-русскимъ княженіемъ, ни съ Москвою. Въ послѣдней онъ могъ только видѣть государство единовѣрное и единоплеменное, но во всякомъ случаѣ иностранное; *политически* она представлялась столь-же чуждою его русско-патріотическимъ стремленіямъ, какъ чужда Вѣна для живущаго въ Украйнѣ поляка,

какъ чуждъ Петербургъ для русина, положимъ изъ Тарнополя или Коломыи.

Только съ такой точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать общественную дѣятельность Киселя, только она можетъ представить надлежащее основаніе для нравственной оцѣнки этой дѣятельности. Изслѣдованіе фактовъ показало намъ всю шаткость взводившихся на Киселя со всѣхъ сторонъ обвиненій, такъ какъ онъ высказывалъ и проводилъ свои идеи прямо, всегда оставаясь вѣрнымъ себѣ, что не исключаетъ, однако, въ его дѣятельности тѣхъ неизбѣжныхъ противорѣчій, которыя вытекали не изъ его личнаго характера, а изъ фальшивости самого положенія, изъ роковой коллизіи между его стремленіями русско-патріотическими и польско-государственными.

Такова *нравственная* сторона дѣла. Что-же касается *политической*, то въ этомъ отношеніи за Киселемъ слѣдуетъ признать глубокое пониманіе потребностей и интересовъ своего государства въ данную эпоху, какимъ обладали развѣ очень немногіе изъ его современниковъ. Видя вещи несравненно яснѣе своихъ сотоварищей по сенату, Кисель имѣлъ полное право плакаться на свою проницательность, которая позволяла ему предвидѣть и заставляла заранѣе предвкушать грядущія бѣдствія отчизны [1]). Но его замѣчательный умъ не принесъ должной пользы, всѣ усилія его и труды не оставили практическихъ послѣдствій. Не станемъ вдаваться въ подробныя объясненія этого факта, а только приведемъ нѣсколько строкъ польскаго писателя, въ которыхъ сжато и мѣтко выраженъ общій взглядъ на этотъ предметъ, раздѣляемый и нами въ значительной степени. «Люди, говоритъ онъ, которые не могли сдѣлаться великими въ Польшѣ, были-бы таковыми во всякомъ иномъ государствѣ. Представьте себѣ, напримѣръ, Яна Собѣскаго въ роли турецкаго султана, германскаго императора, или на мѣстѣ Людовика XIV: какимъ онъ показался-бы намъ великаномъ! Каждый изъ нашихъ государственныхъ людей вездѣ былъ-бы на своемъ мѣстѣ, но только не въ Польшѣ. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что въ Польшѣ неправильна была обработка самой почвы, на которой выростали ея политическіе дѣятели» [2]).

---

[1]) Памятники, т. 1, отд. 3, № 7.

[2]) T. T. Z Jeż, Z ciężkich dni, глава VIII, Biesiada Literacka, 1877 г., № 65, стр. 200).

Вотъ эта-то неподготовленность почвы и была причиною, что Адамъ Григорьевичъ Кисель, безспорно представлявшій всѣ задатки стать замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ, вмѣсто того осужденъ былъ обстоятельствами на горькую участь забытаго еще при жизни политическаго неудачника, а на могилѣ его не растетъ до сихъ поръ никакихъ цвѣтовъ, кромѣ плевелъ злословія...

Ив. Новицкій.

Европейскій баптизмъ—родоначальникъ малорусской штунды.

Въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ «Кіевской Старины» за минувшій и въ мартовской книжкѣ за нынѣшній годъ мы предложили по офиціальнымъ документамъ неизвѣстныя дотолѣ свѣдѣнія о появленіи и распространеніи штунды на югѣ Россіи и въ кіевской губерніи и цѣлымъ рядомъ несомнѣнныхъ данныхъ удостовѣрили непосредственную связь нашей штунды съ нѣмецкимъ, частнѣе прусскимъ баптизмомъ. Наше замѣчаніе о заносномъ характерѣ малорусской штунды вызвало возраженія со стороны тѣхъ изъ нашихъ публицистовъ, которымъ никакъ не хочется признать, что даже штундѣ мы выучились отъ нѣмцевъ; они продолжаютъ философствовать, что народъ-де, поступая въ своемъ развитіи, додумался самъ до штунды, когда на самомъ дѣлѣ, по евангельской притчѣ, *человѣкомъ спящимъ, пріиде врагъ и всѣя плевелы.* Возраженія эти настолько поверхностны и голословны, что мы не считали тогда, не считаемъ и теперь нужнымъ заниматься ихъ опроверженіемъ, ибо что можно возразить противъ фактовъ, противъ писемъ самихъ насадителей у насъ штунды? Но мы обѣщали тогда-же, для правильнаго пониманія явившейся у насъ штунды и ея тождества съ баптизмомъ, ознакомить читателей съ возникновеніемъ, современнымъ положеніемъ и видоизмѣненіями этой послѣдней секты на западѣ Европы и въ Новомъ Свѣтѣ и уяснить ея историческое начало и мѣсто въ ряду другихъ сектъ и ученій, волновавшихъ не одну Европу, но и отдаленный древній Востокъ. Исполняемъ наше обѣщаніе теперь, и думаемъ, что даже одного этого бѣглаго очерка достаточно будетъ для того, чтобы оріентироваться въ историческомъ и современномъ

представленіи о баптизмѣ и видѣть полную его отчужденность отъ насъ по времени и мѣсту.

Баптистами (отъ βαπτίζειν—крестить) называются тѣ сектанты, которые не признаютъ дѣйствительнымъ крещенія, совершаемаго въ прочихъ христіанскихъ обществахъ, утверждая, что дѣйствительное и истинное крещеніе существуетъ только въ ихъ сектѣ. Съ нѣмецкими *анабаптистами* [1]) временъ реформаціи и съ *меннонитами* [2]) баптисты не хотятъ имѣть ничего общаго и въ близкой связи съ ними не состоять, хотя нельзя не признать внутренняго ихъ сродства съ анабаптистами, особенно въ новѣйшемъ развитіи баптизма. При постоянномъ измѣненіи баптизма почти трудно представить общую его характеристику. Недопущеніе дѣтей къ крещенію, для котораго они не находятъ основанія въ св. писаніи, не заключаетъ еще въ себѣ ничего, особенно свойственнаго баптистамъ. Требованіе, чтобы крещеніе было совершаемо не чрезъ окропленіе, а чрезъ погруженіе, и притомъ въ проточной водѣ, не было, по крайней мѣрѣ, въ началѣ общимъ во всѣхъ отрасляхъ баптистской секты, и теперь его нѣтъ у нѣкоторыхъ американскихъ баптистовъ. Напротивъ, обычай перекрещивать всѣхъ поступающихъ въ баптистскую секту изъ другихъ христіанскихъ обществъ, существуетъ у всѣхъ баптистовъ, чѣмъ они отличаются отъ меннонитовъ; слѣдовательно по церковному воззрѣнію ихъ можно считать дѣйствительными анабаптистами, хотя подобно анабаптистамъ временъ реформаціи они не хотятъ усвоить себѣ это названіе, считая некрещенными всѣхъ крещенныхъ не по ихъ обряду. Впрочемъ въ баптизмѣ можно различать два главныхъ его вида: *старый баптизмъ* и *новый баптизмъ*. Первый получилъ свое начало въ Англіи и думаетъ, что въ немъ заключаются начала апостольской церкви, сохранявшіяся въ непрерывномъ преданіи отъ древней британской церкви до временъ Виклефа. Но исторически извѣстно, что начало баптизма не восходитъ дальше 1618 года. Происходя отъ англійскихъ *пури-*

---

[1]) *Анабаптисты* или перекрещенцы—секта, основанная Шторхомъ, современникомъ Лютера; во главѣ ея сталъ около 1520 года Мюнцеръ; потомъ она усилилась, имѣя во главѣ Іоанна Лейденскаго; послѣдователи ея истреблены въ 1535 году.

[2]) Секту *меннонитовъ* основалъ *Менно*, священникъ († 1561 г.) перешедшій въ 1534 году изъ католицизма къ анабаптистамъ.

танъ [1]) или *индепендентовъ* [2]), баптисты составляютъ секту, бывшую продуктомъ дальнѣйшаго поступательнаго движенія въ реформаціи. Подобно другимъ отраслямъ англійскаго протестантизма, они носятъ на себѣ сильный отпечатокъ реформаціи и упорно, въ духѣ англійской ортодоксіи, придерживаются буквальнаго смысла Библіи. Отдѣльно, внѣ связи съ текстомъ взятыя, большею частію малопонятныя мѣста св. писанія подвергаются у нихъ одностороннимъ толкованіямъ и даютъ поводъ къ новымъ формамъ секты.

Къ богословской наукѣ баптисты не питаютъ особеннаго уваженія, а съ нѣкотораго времени у нихъ проявляется піэтическое отвращеніе ко всякой однажды навсегда опредѣленной нормѣ вѣроученія, которую они считаютъ несообразною съ своимъ ученіемъ о всеобщемъ священствѣ и съ свободою такъ и иначе толковать св. писаніе. Вслѣдствіе этого религіознаго субъективизма, общаго всѣмъ формамъ баптизма, вѣроученіе и правоученіе баптистовъ подлежатъ постоянному измѣненію,—отчего въ Америкѣ почти съ каждымъ днемъ возникаютъ новыя формы баптизма. Въ Англіи при Кромвелѣ, послѣ недолговременной терпимости, баптистовъ преслѣдовали, какъ революціонеровъ, но при Вильгельмѣ III ихъ включили въ толерантъ-акты 1689 г., постановленные касательно диссидентовъ вообще. Съ этого времени они стали пользоваться правами, одинаковыми съ *пресвитеріанами* [3]) и конгрегаціоналистами. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ 1872 г. у англійскихъ баптистовъ было 2,612 церквей и 243,395 членовъ. Въ Америкѣ баптисты долгое время находились только въ Rhode-Island, числя у себя 17 общинъ

[1]) *Пуритане*—протестантская секта въ Англіи, мнившая возстановить евангельскую церковь въ ея первоначальной *чистотѣ* (puritas) въ противоположность господствовавшей епископской церкви Англіи.

[2]) *Индепенденты* или независимая секта, основанная 1610 г. Дэнономъ Робинсономъ въ Голландіи и распространившаяся въ Англіи и Америкѣ. Они признаютъ каждую отдѣльную общину самостоятельною и независимою въ церковномъ отношеніи отъ другихъ церквей и отъ высшей церковной власти.

[3]) *Пресвитеріанство*, возникшее въ Англіи изъ протестанства, даетъ каждому гражданину столько-же участія въ дѣлахъ церковныхъ, сколько въ дѣлахъ общественныхъ. Отвергая епископскій санъ и всякую церковную обрядность, оно во главѣ церковной общины ставитъ пресвитера, а пресвитеровъ подчиняетъ синоду. Подъ общимъ именемъ пуританъ въ 1649 г. они произвели въ Англіи междоусобную войну.

и 1,707 лицъ, принадлежащихъ къ ихъ сектѣ. Со времени войны за независимость, въ которой баптисты приняли живое участіе, къ нимъ стали переходить массами такъ, что теперь баптисты съ методистами составляютъ самую многочисленную секту въ Сѣверной Америкѣ.

Во внутреннемъ состояніи баптизма отражаются различныя направленія епископальныхъ и пресвитеріанскихъ церквей Англіи и производятъ столько-же самостоятельныхъ баптистскихъ сектъ. *Партикуляристы-баптисты* и *генералъ-баптисты* (универсаль-баптисты и баптисты свободномыслящіе, называемые также арминіанскими баптистами) составляютъ двѣ главныя партіи, восходящія почти къ самому началу англійскаго баптизма. Изъ нихъ первые придерживаются кальвинскаго ученія о предопредѣленіи, а послѣдніе, также какъ и *арминіане* [1]), отвергаютъ его. Первые гораздо многочисленнѣе; въ Англіи они имѣютъ отъ 12 до 13 тысячъ общинъ, въ Америкѣ до 8,000, между тѣмъ какъ у свободномыслящихъ баптистовъ въ Англіи только 120 общинъ, а въ Америкѣ около 1,000. Къ свободномыслящимъ баптистамъ, также какъ и къ арминіанамъ, проникли либеральныя богословскія мнѣнія, почему *унитаріи* [2]) обыкновенно причисляютъ ихъ къ своимъ сторонникамъ. Отвращеніе къ богословской наукѣ давно уже прошло у универсаль-баптистовъ, но изъ-за этого въ 1770 году отдѣлилась отъ нихъ ортодоксальная партія и образовала особое самостоятельное церковное общество съ собственною богословскою семинаріей, основанною въ 1798 году подъ названіемъ General-Baptist—New Connexion. Впрочемъ и партикуляръ-баптисты оставили уже прежнюю свою дикость и теперь имѣютъ хорошія богословскія училища и извѣстныхъ ученыхъ. Прежде они отказывались отъ гражданской и военной службы, но теперь перемѣнили свои мысли относительно этого предмета, а съ введеніемъ церковнаго пѣнія ничѣмъ не отличаются отъ пресвитеріанъ. Но за то они выдѣлили изъ своей

[1]) *Арминіане* – сектанты, получившіе свое названіе отъ голландца Арминія († 1609 г.), открыто возставшаго противъ Кальвинова ученія о предопредѣленіи и свободѣ.

[2]) *Унитаріи*—секта, отвергающая троичность лицъ въ Богѣ и признающая въ лицѣ Іисуса Христа одну человѣческую природу; основана въ XVI вѣкѣ Францискомъ Станкаромъ и Лелліемъ Социномъ. Церковное ея устройство и богослуженіе сходны съ протестантскимъ.

среды множество малыхъ партій, которыя отличаются старобаптистскимъ буквоѣдствомъ. Къ таковымъ принадлежатъ субботники или севентъ-дай-баптисты, сформированные въ 1773 г. Францомъ Бамфельдомъ, которые вмѣсто воскресенья празднуютъ субботній вечеръ, и тункеры (Tunker—утопленники), которые считаютъ правильнымъ только то крещеніе, которое совершено въ рѣкѣ или въ прудѣ и потому крещеніе, совершенное чрезъ окропленіе, повторяютъ даже надъ взрослыми. Послѣдняя партія, которая числитъ въ себѣ до 50 общинъ въ Сѣверной Америкѣ и очень равностно заботится о распространеніи своихъ правилъ, страдаетъ сильно библіолатріею, которая у нихъ доходитъ до подавленія мыслительности духа и соединяется съ піэтическимъ удаленіемъ отъ всего мірскаго. Слѣдуя буквѣ Библіи, они одѣваются въ апостольскую одежду, безъ пуговицъ, изъ простой, грубой матеріи и требуютъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они чуждались мірскихъ общественныхъ занятій и удовольствій. Сверхъ крещенія и причащенія, совершаемыхъ ночью въ заключеніе вечери любви, они признаютъ таинствами умовеніе ногъ, послѣднее помазаніе елеемъ и братское цѣлованіе. Послѣдователи тункеровъ набираются преимущественно изъ необразованныхъ классовъ народа. Съ тункерами близко сродны вейнбреннеріане (такъ называемые по основателю своему Вейнбреннеру) и пейсселіане (учрежденные въ 1774 г. нѣмцемъ Пейсселемъ), которые празднуютъ субботу, требуютъ безбрачія отъ «совершенныхъ» и въ Новомъ Ефратѣ, на р. Коллодіо, устроили большой анабаптистскій монастырь. Можно еще назвать Gard-scheld-баптистовъ или Anti-Tibions-баптистовъ, одну изъ фракцій партикулярбаптизма, которые отвергающихъ предопредѣленіе признаютъ потомками діавола и Евы, и *юмперовъ* (Springer), секты основанной въ 1803 г. Миллеркнехтомъ Альбрехтомъ; это смѣсь баптистовъ съ методистами, получившая свое названіе отъ методистскаго возрожденія и хвалящаяся своею совершенною безгрѣшностію. Прочія партіи пользуются буквою Библіи для того, чтобы возможнымъ образомъ облегчить себѣ иго реформатскаго православія. Таковы *реформедъ-баптисты* или «*ученики Христовы*», по своему основателю называемые также *камбеллитами*, которые не признаютъ предписаніемъ вѣры ничего такого, о чемъ нельзя сказать прямо: «такъ говоритъ Господь», и вмѣсто всякаго исповѣданія вѣры требуютъ исповѣданія только

крещенія во отпущеніе грѣховъ и возрожденіе. Затѣмъ слѣдуютъ безчисленные, происшедшіе отъ баптистовъ и пресвитеріанъ «христы» (Christian-Connexion), которые отвергаютъ ученіе о Тройцѣ, адѣ и діаволѣ, отвергаютъ празднованіе воскресныхъ и праздничныхъ дней, какъ нѣчто противное св. Писанію, не видятъ божественнаго учрежденія ни въ крещеніи, ни въ бракѣ и всѣмъ своимъ единовѣрцамъ дозволяютъ проповѣдывать. Наконецъ *Six-principles-баптисты,* которые находятъ, что все ихъ исповѣданіе вѣры достаточно выражено въ шести пунктахъ, которые заключаются въ ст. 1 и 2 гл. VI посланія къ евреямъ. Американскихъ баптистовъ въ 1872 года числилось около 4 милліоновъ, со включеніемъ сюда и тѣхъ, которые только посѣщаютъ богослуженіе баптистовъ, не состоя формальными членами баптистскихъ общинъ. По свѣдѣніямъ газеты «National-Baptist» дѣйствительныхъ баптистовъ въ 1872 г. было почти $1\frac{1}{2}$ милліона, ассоціацій числилось 820, церквей 18,397, духовныхъ лицъ 12,013. Устройство церквей у нихъ конгрегаціоналистическое или индепендентное, по которому всякая община сама себѣ глава и только по временамъ назначаются общія собранія для свободнаго совѣщанія съ другими общинами, принадлежащими къ союзу. Для противодѣйствія распаденію на мелкія отрасли, которое свойственно всякому индепентизму, въ Англіи въ 1813 г. основана такъ названная «Baptist-union», поставившая своей задачей всѣхъ партикуляръ и универсаль-баптистовъ, признающихъ такъ называемые евангелическіе члены вѣры, соединить во едино для взаимнаго братскаго общенія и для общей работы въ умноженіи царства Божія. Подобную цѣль преслѣдуетъ и происшедшая подъ вліяніемъ баптистскаго возбужденія евангелическая *Alliance*, котораи «дѣтей Божіихъ» всѣхъ наименованій хочетъ сплотить во едино на почвѣ 9 членовъ и которая въ недавнее время распространялась въ Германіи, Франціи, Италіи, Швейцаріи и Нидерландахъ.

За исключеніемъ малыхъ вышеупомянутыхъ фракцій, англійскіе и американскіе баптисты издавна оказывали много ревности въ дѣлѣ прекращенія торговли неграми, въ дѣятельности внѣшнихъ и внутреннихъ миссій, въ распространеніи Библіи и т. д., каковыя дѣла служатъ лучшимъ средствомъ, связующимъ между собою исповѣдниковъ одного и того-же наименованія. Церковная

узкость стараго баптизма смягчается въ массѣ и именно подъ вліяніемъ одного изъ знаменитѣйшихъ партикуляръ-баптистовъ Роберта Галла; въ новѣйшее время у большей части баптистовъ введено общеніе въ таинствѣ причащенія (open communion) съ вѣрующими членами другихъ церковныхъ общинъ. Извѣстно, что это открытое общеніе составляетъ одинъ изъ главныхъ спорныхъ пунктовъ между старымъ англо-американскимъ баптизмомъ и вышедшими изъ Германіи новокрещенцами, которые не допускаютъ у себя другихъ баптистовъ до причащенія, опасаясь, какъ-бы мірскіе христіане, отлученные по ихъ приговорамъ, не вошли опять въ ихъ общество святыхъ чрезъ таинство причащенія.

Это новокрещенское направленіе нужно тщательно отличать отъ стараго баптизма. Оно дитя недавняго прошедшаго и возникло изъ церковнаго реакціоннаго настроенія 50 годовъ. Его родина Германія и притомъ Германія больше лютеранская, чѣмъ реформатская, и именно давно уже настроенныя піэтически области Вестфаліи, Вупперталь и нѣкоторыя полосы Ганновера, Гессена, Нассау, Шлезвига и восточной Пруссіи. Первая баптиская община въ Германіи была основана въ 1834 г. въ Гамбургѣ купцемъ *Онкеномъ*, который вмѣстѣ съ нѣсколькими другими читателями Библіи убѣдился въ мнимой непригодности крещенія дѣтей и принялъ крещеніе отъ одного случайно бывшаго въ Гамбургѣ американскаго баптиста. Но распространяться здѣсь баптизмъ началъ только съ 1851 года. Старо-лютеранскія сепаритистическія общины и піэтическія Conventikel, какъ напр. основанный въ 1850 г. въ Эльберфельдѣ «братскій союзъ», постоянно выдѣляли изъ себя новые баптистскіе приходцы, которые посредствомъ своихъ неутомимо-дѣятельныхъ миссіонеровъ собирали около себя новыхъ приверженцевъ. Къ нимъ перешли и нѣкоторыя духовныя лица государственной церкви, преимущественно они встрѣтили сочувствіе въ низшихъ классахъ народа. Большая часть нѣмецкихъ баптистскихъ миссіонеровъ ремесленники, которые по праву общаго священства принимаютъ на себя проповѣдываніе, крестятъ и преподаютъ причастіе и пріобрѣтаютъ безчисленныхъ приверженцевъ посредствомъ раздачи Библій и религіозныхъ трактатовъ, посредствомъ союзовъ юношества, воскресныхъ школъ и назидательнаго чтенія Библіи. Основная черта этого баптизма обособленіе отъ національной церкви, называемой у

баптистовъ мірскою церковью, въ которой возрожденные и невозрожденные безразлично смѣшаны одни съ другими, и противодѣйствіе этой церкви государственной, огражденной полиціей и называемой у нихъ «Вавеломъ». Они хотятъ сформировать у себя видимую общину святыхъ, въ которую принимаются только истинно вѣрующіе или «чада Божіи». На этомъ основаніи они отвергаютъ крещеніе дѣтей и не крестятъ никого, доколѣ не убѣдятся въ личной его вѣрѣ по тщательномъ изслѣдованіи. Хотя они не отвергаютъ существованія вѣрующихъ и внѣ ихъ союза, но тѣмъ не менѣе признаютъ только себя народомъ Божіимъ избраннымъ, составляющимъ видимое общество вѣрующихъ. Главною задачей своей они поставляютъ мало по малу отнять у государственной церкви [1]) всѣхъ ея вѣрующихъ членовъ, чтобы она стала тогда дѣйствительно дѣломъ сатаны.

Въ годы реакціи государственная власть, чтобы оградить протестанское православіе, употребляла противъ баптистовъ мѣры преслѣдованія. Въ Мекленбургѣ ихъ облагали денежными штрафами, сажали въ тюрьму и высылали съ жандармами за границу, въ Шамбургъ-Липпе за участіе въ баптистскихъ собраніяхъ наказывали заключеніемъ въ тюрьму на два мѣсяца, за принятіе на себя духовныхъ обязанностей на 6 мѣсяцевъ. Тоже было въ Пруссіи, Курнессенѣ и Нассау. Коль скоро получались извѣстія о крещеніи ночью при свѣтѣ луны, о проповѣди къ народу и вечернихъ собраніяхъ, во время которыхъ участвующіе взаимно другъ другу преподавали причастіе, власти окружали мѣста баптистскихъ собраній и разгоняли, насильно брали у родителей-баптистовъ ихъ дѣтей и относили для крещенія. Съ 1854 г., когда составился такъ называемый союзъ угнѣтенныхъ, баптисты получили отъ прусскаго короля Фридриха Вильгельма IV обѣщаніе, что съ ними будутъ поступать болѣе кроткимъ образомъ. Но дѣйствительная терпимость наступила для нихъ въ Пруссіи только со времени регенства (1858 г.); съ этого времени и въ другихъ мѣстахъ начали поступать

[1]) Чтобы показать свое отличіе отъ государственной или господствующей въ государствѣ церкви, баптисты называютъ себя «общиной крещенныхъ» или просто общиной «христіанской», а членовъ господствующей церкви называютъ «міромъ», «нечестивыми».

съ ними лучше. Между тѣмъ, не смотря на всѣ преслѣдованія государственной власти, наклонность къ новому крещенію, или перекрещиванію возрастала больше и больше. Число баптистовъ въ Пруссіи въ 1854 году простиралось до 2,000, шесть лѣтъ позже ихъ было около 8,000. Въ 1862 г. въ Германіи ихъ числилось 47 общинъ, и вообще на европейскомъ материкѣ было около 760 пунктовъ, гдѣ въ большемъ или меньшемъ числѣ находились баптисты. Важнѣйшіе станціонные пункты въ Германіи, кромѣ Вестфаліи и Вупперталя, находятся въ Гамбургѣ, Шлезвигѣ, Берлинѣ, Мемелѣ, Тильзитѣ, Гильдейгемѣ, Эймбекѣ и Варбургѣ. Но главнымъ центральнымъ пунктомъ все-же остается гамбургская община. Каждые три года въ Гамбургѣ собирается общая конференція нѣмецкихъ фракцій. Она подраздѣляется на четыре меньшія фракціи: прусскую, сѣверо-западную, средне-нѣмецкую и южно-нѣмецкую. Основанная проповѣдникомъ Леманомъ (1882 г.) въ Берлинѣ община имѣетъ болѣе древній англо-американскій характеръ. Въ Вестфаліи и Вупперталѣ баптизмъ, напротивъ того, получилъ довольно мечтательный характеръ, въ особенности въ Эрбельфельдѣ, Раушенбушѣ и Рингсдорфѣ при участіи Кебнера. Съ южно-нѣмецкой фракціей состоятъ въ связи швейцарскіе баптисты, которыхъ средоточіемъ, также какъ и во времена Цвинглія, служитъ Цюрихъ. Въ Швецію и Данію миссія вышла изъ Гамбурга. Въ Швеція послѣдователи баптизма набираются преимущественно изъ лезарей (Laezaren), массами отдѣлившихся отъ государственной церкви. Что баптистская пропаганда можетъ болѣе и болѣе находить себѣ благопріятную почву въ Германіи и Скандинавіи, достаточно показываютъ успѣхи ея въ Пруссіи; здѣсь въ 1861 г. числилось 5,452 приверженца этой секты; въ 1875 г. число ихъ достигло 12,000. Изъ нихъ почти 6,000 приходилось собственно на Пруссію, 2,000 на Бранденбургъ, прочія на Померанію, Силезію и Прирейнскую область. Не смотря на различіе въ первоначальныхъ основахъ, нѣмецкій баптизмъ находится въ тѣсномъ общеніи съ баптизмомъ англиканскимъ и американскимъ.

Англо-американскій баптизмъ въ Европѣ и за Океаномъ производитъ умѣряющее воздѣйствіе на нѣмецкихъ баптистовъ. Меннониты, которые крещаются чрезъ окропленіе, по мнѣнію баптистовъ не принадлежатъ къ числу крещенныхъ; поэтому они причисля-

ютъ ихъ также, какъ лютеранъ и реформатовъ, къ бабельской или мірской церкви.

Сличая ученіе баптистовъ, въ особенности нѣмецкихъ, съ ученіемъ еретиковъ, появлявшихся въ древней христіанской церкви, нельзя не усматривать сходства въ ученіи баптистовъ съ лжеученіемъ *павликіанъ*, извѣстныхъ въ VII вѣкѣ христіанства, которые, считая только себя «христіанами», всѣхъ прочихъ вѣрующихъ во Христа, но не принадлежащихъ къ ихъ сектѣ, называли «римлянами», язычниками; устраняя іерархію, во главѣ своихъ общинъ въ Арменіи поставляли «пастырей» и «учителей», хотя ни тѣ, ни другіе не имѣли св. сана; кромѣ того они имѣли миссіонеровъ и нотаріевъ, изъ которыхъ первые заботились о распространенія евангелія, а послѣдніе объ умноженіи книгъ Новаго Завѣта. Они также, какъ и баптисты, отвергали всякую обрядность, почитаніе мощей, иконъ и креста, видя въ немъ только орудіе казни, не хотѣли имѣть у себя храмовъ, а однѣ молельни и допускали только внутреннее богослуженіе, состоящее въ ученіи и молитвѣ. Основываясь на томъ, что Іисусъ Христосъ называетъ себя живою водою (Іоан., гл. 6) и небеснымъ хлѣбомъ, питающимъ душу, они допускали одно духовное крещеніе и духовное причащеніе, состоящее въ принятіи Его слова съ вѣрою. Аскетизму, постамъ и безбрачію не придавали никакой цѣны, хотя сами вели жизнь простую и умѣренную, не предаваясь невоздержанію и страстямъ. Есть у баптистовъ сродство и съ еретиками XI вѣка, которые во Ѳракіи назывались *евхитами*, а въ Болгаріи *богомилами*. Не признавая храмовъ, иконъ, крестнаго знаменія и всѣхъ церковныхъ обрядовъ, богомилы Евхаристіей признавали участіе въ общей молитвѣ, свое крещеніе называли крещеніемъ въ духѣ, а православное крещеніе крещеніемъ только водою; отъ существовавшихъ въ греческой имперіи до XI вѣка павликіанъ отличались строгимъ аскетизмомъ; воздержаніемъ отъ мяса, брачнаго сожительства и пощеніемъ. Извѣстно, что павликіане подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ въ византійской имперіи, въ особенности при императрицѣ Ѳеодорѣ и при императорѣ Василіѣ Македонянинѣ въ IX вѣкѣ и, тѣснимые ихъ преемниками, въ послѣдствіи разселились въ Италіи, Франціи и въ другихъ странахъ Европы, чему въ особенности могли способствовать передвиженія европейскихъ народовъ во время крестовыхъ

походовъ. Отъ нихъ возникли въ XI и XII вѣкѣ сродныя ереси на западѣ Европы, извѣстныя во Франціи подъ именемъ *каѳаръ* (чистыхъ), *булгаръ, публиканъ* (павликданъ) и *ткачей*; въ XIII вѣкѣ изъ нихъ выродились *братья и сестры свободнаго духа* во Франціи, Германіи и Италіи, среди которыхъ ученіе павликіанъ и богомиловъ получило большее развитіе. Начала ихъ-же ученія лежали и въ основѣ проповѣди *Арнольда Брестійскаго, Петра Брюи* и вадьденсовъ, послѣдователей Петра Вальда, дѣйствовавшихъ въ XII вѣкѣ преимущественно во Франціи. Западные каѳары, также какъ и павликіане, замѣняли у себя крещеніе возложеніемъ рукъ и чтеніемъ Евангелія, а причащеніе вкушеніемъ простаго хлѣба съ молитвою «Отче нашъ», чуждались брака и употребленія мясной пищи, проповѣдуя общую дѣвственность, подобно «шалопутамъ», появившимся недавно на югѣ Россіи, и постоянное покаяніе. Нельзя сказать, чтобы принятое у баптистовъ перекрещиваніе было позаимствовано лишь у анабаптистовъ временъ реформаціи. Еще въ III вѣкѣ *новаціане*, которые были чистые пуритане своего времени, также принимали въ свою общину переходившихъ къ нимъ изъ православной церкви чрезъ крещеніе, вновь повторяя его и надъ крещенными. Ихъ то можно назвать также первыми анабаптистами. Послѣдователи Новаціана[1]) назывались каѳарами или чистыми, каковое названіе перешло уже отъ нихъ къ французскимъ каѳарамъ XI вѣка и каѳарамъ италіанскимъ, которые начало свое производили съ востока, именно изъ Булгаріи.

Такимъ образомъ занесенный къ намъ изъ Пруссіи въ недавніе годы баптизмъ, получившій у насъ названіе штунды, имѣетъ, какъ тамошнее явленіе, свой антецедентъ въ отдаленныхъ вѣкахъ христіанской церкви на западѣ и даже на востокѣ ея. Но если-бы мы захотѣли искать чего либо общаго съ этимъ ученіемъ въ нашей южно-русской церкви, то на всемъ протяженіи вѣковъ не найдемъ ничего подобнаго, кромѣ занесенной въ XI вѣкѣ изъ Болгаріи въ

---

[1]) Новаціанъ или Новатъ, бывшій пресвитеръ карѳагенской церкви и кандидатъ въ епископы Рима, воспрещалъ вступать во 2-й бракъ, крестить младенцевъ и падшихъ принимать въ церковь, которая, по его ученію, есть общество однихъ святыхъ. Послѣдователи его существовали до VI вѣка въ Италіи и Африкѣ.

Кіевъ на самое короткое время ереси *богомиловъ* и зашедшей впослѣдствіи съ запада ереси социніанской или такъ называемой аріанской, коснувшейся, и также не надолго, лишь верхнихъ слоевъ южно-русскаго общества XVII вѣка. На западѣ Европы баптизмъ возникъ и держался на почвѣ отрицанія авторитета церкви и личнаго толкованія Слова Божія; но ничего подобнаго не представляетъ намъ наша исторія. Благоговѣйный въ дѣлѣ вѣры нашъ народъ, берегшій ее въ теченіи вѣковъ и пролившій за нее потоки крови, жилъ всегда въ ближайшемъ общеніи съ церковію и, принимая ближайшее участіе въ ея судьбѣ и дѣлахъ, никогда не обнаруживалъ никакого посягательства на авторитетъ и руководительство своихъ пастырей и учителей, никакого стремленія къ вольному личному толкованію Слова Божія, ни малѣйшаго пристрастія къ его буквѣ. Но вотъ въ началѣ 70-хъ годовъ высылаются изъ Гамбурга нарочитые миссіонеры баптизма въ херсонскія нѣмецкія колоніи; они застаютъ тамъ случайныхъ малорусскихъ рабочихъ,— людей долгое уже время оторванныхъ отъ семьи и общенія съ церковію, овладѣваютъ ими безъ труда и превращаютъ ихъ въ орудіе распространенія своей ереси между народомъ, никогда не знавшимъ ересей. Ересь прилипаетъ и разносится, какъ зараза, расширяется и растетъ, мало чѣмъ сдерживаемая, отчасти какъ-бы покровительствуемая. Теперь она такъ уже распространилась, что при условіяхъ нашей соціальной и экономической жизни нечего и мечтать о томъ, чтобы искоренить и уничтожить ее, притомъ въ короткое время. Можно бороться съ этимъ зломъ, ограничивать его, ослаблять, но до полнаго подавленія его слишкомъ далеко. Главная роль въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ, конечно, нашимъ пастырямъ, ихъ проповѣди, увѣщаніямъ, разъясненіямъ, убѣжденіямъ; но имъ должны прійти на помощь всѣ прочія общественныя и правительственныя силы, иначе это запосное вѣроученіе, вкоренившись въ народѣ, можетъ сдѣлаться такою общественною язвою, размѣры и послѣдствія которой и предъугадать трудно.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

(*Окончаніе*) [1]).

X.

Переѣздъ изъ Лядавы въ Могилевъ.—Общій видъ города.—Прежняя и современная торговля.—Главнѣйшія историческія событія.—Немногіе остатки старины.—Село Бронница.—Берега Мурахвы.—Село Буша.—Древняя пещера.—Остатки валовъ и запорожское кладбище.

При выѣздѣ изъ с. Лядавы большая дорога, идущая къ Могилеву, постепенно подымается въ гору; широкій Днѣстръ съ его живописными берегами и какъ-бы нарисованною на скалѣ яркими красками пестрою лядавскою церковью остаются назади; обширные сады тянутся вдоль въѣзжей улицы и хотя они окопаны рвомъ, но это нисколько не мѣшаетъ прохожему, перебравшись чрезъ окопъ, полакомиться фруктами безъ позволенія хозяина и даже вынести небольшой запасъ на дальнѣйшій путь. Миновавъ сады, выѣзжаемъ на возвышенную равнину около 60—70 сажень надъ уровнемъ Днѣстра. Кругомъ, на сколько глазомъ можно окинуть, сплошнымъ ковромъ желтѣютъ поля и спѣлый, золотистый колосъ тихо и плавно колышется легкимъ вѣтеркомъ, словно волны на морѣ въ ясную погоду. Вездѣ покой, просторъ и тишина; на поляхъ ни души; но мы уже наканунѣ жатвы, и, быть можетъ, завтра уже эта чарующая тишина и спокойствіе будутъ нарушены, заволнуется тоже море, но иныя волны заходятъ по немъ, закипитъ

---

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., мартовск. кн., стр. 465—499.

на поляхъ дѣятельная работа, сразу прорвется золотой коверъ и другая картина смѣнитъ ту, которая очаровала насъ въ прекрасное іюльское утро на выѣздѣ изъ Лядавы. Поэтъ-художникъ, рисуя эту дивную картину, прибавилъ-бы къ ней серебристую пѣсню жаворонка, и огромнаго подольскаго орла, поднявшагося къ самому солнцу, и многое другое, оживилъ-бы ее снующими по полю людьми, пасущимися вдали стадами, рѣющими въ воздухѣ птицами, жужжащими насѣкомыми и ихъ музыкальными тонами; но мнѣ, простому смертному, лучше не вдаваться въ область искуства, не поддающуюся неискусному перу. Извинившись предъ читателемъ за это невольное отступленіе, возвращаюсь на могилевскую дорогу, тѣмъ больше, что разъѣзженная бричка трясетъ невыносимо, лошади идутъ тѣмъ невозможнымъ, самымъ утомительнымъ аллюромъ, какимъ ѣздятъ только евреи, а балагула на козлахъ поминутно оглашаетъ воздухъ рѣзкимъ «вью! вью!» и доводитъ своего сѣдока до крайняго раздраженія. Куда ужь тутъ слушать жаворонка и любоваться природой!

Тамъ и сямъ надъ дорогой, на золотистомъ фонѣ полей, обрисовываются строгіе контуры каменнаго креста съ распятіемъ, такъ называемой здѣсь «фигуры», обнесенной низенькой оградой; мѣстами «фигуры» указываютъ колодезь, но по большей части онѣ ставятся набожными жителями на межахъ ихъ полей. Вдали отъ дороги виднѣются другъ подлѣ друга рядъ хлѣбныхъ скирдъ оригинальной, спеціально подольской формы, какая не встрѣчается въ другихъ мѣстностяхъ южной Руси; издали кажется, будто это стадо какихъ-то огромныхъ, фантастическихъ животныхъ, послѣ отдыха, начинаетъ вставать на ноги. Кругомъ огромное поле засѣяно однимъ сортомъ пшеницы; видно, это владѣнія какого-то крупнаго помѣщика, у котораго не въ примѣръ прочимъ сохранились еще запасы отъ прежнихъ лѣтъ.

Но вотъ по лѣвой сторонѣ дороги сперва замѣчается глубокій, вырытый водою оврагъ, затѣмъ дорога проходитъ почти на краю обрыва, съ вершины котораго неожиданно открывается другой видъ: въ глубинѣ долины серебристою лентой вьется небольшая рѣчка въ зеленыхъ берегахъ; подъ горою надъ рѣчкой живописно раскинулось село, если не ошибаюсь, Ляшовцы, буквально утонувшее въ садахъ; небольшая церковь и чистыя бѣлыя хаты привѣтливо выгля-

дываютъ изъ массы зелени. Отъ села вдоль рѣчки потянулся за гору лѣсокъ. Въ общемъ получается картина, подобныя которой весьма часто встрѣчаются на Украйнѣ и которыя такъ милы сердцу южно-русса; что-то необъяснимо прелестное и безмятежное разлито здѣсь въ воздухѣ и на землѣ и при тепломъ іюльскомъ колоритѣ такъ и просится на полотно. Подобныя картины, при всей своей простотѣ и незатѣйливости, а можетъ быть именно благодаря этой простотѣ, оставляютъ въ душѣ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ напримѣръ великолѣпные виды днѣстровскихъ береговъ, и могутъ считаться одною изъ причинъ глубокой привязанности южно-русса къ родному краю.—Впрочемъ я опять отвлекаюсь въ сторону.

Мало по малу прежняя дорога уходитъ вправо отъ обрыва, Ляшовцы остаются позади и мы выѣзжаемъ на большую почтовую дорогу, обсаженную по краямъ деревьями. Тутъ движеніе замѣтно усиливается и по всему замѣчается приближеніе къ городу. День былъ праздничный, послѣ полудня; приходилось поминутно то сворачивать въ сторону передъ тяжело нагруженнымъ возомъ, то объѣзжать группу поселянъ въ живописныхъ праздничныхъ костюмахъ, при чемъ слышались обычныя привѣтствія на малорусскомъ и отчасти на польскомъ языкѣ. Это жители окрестныхъ селъ, окончивъ свои дѣла на могилевскомъ базарѣ и подкрѣпившись тамъ-же, толпами возвращались по домамъ; нѣкоторые изъ нихъ очевидно сомнѣвались въ національности проѣзжихъ сюртучныхъ людей и на всякій случай встрѣчали насъ обычнымъ польскимъ привѣтствіемъ. Дорога начинаетъ понемногу спускаться подъ гору, впереди показалось ближайшее къ Могилеву село Серебрія. При въѣздѣ въ это село, вниманіе наше привлекла близъ дороги масса камня, мусору, обгорѣлаго дерева—несомнѣнные слѣды сильнаго пожара. На вопросъ нашъ балагула сообщилъ, что жители Серебріи вообще пользуются очень дурною славой по всей окрестности, такъ что никто не рѣшится ночью проѣхать вблизи села. По словамъ его, еще не такъ давно на мѣстѣ указаннаго пожарища стояла корчма и содержавшій ее еврей вѣроятно извлекалъ хорошіе доходы изъ ея бойкаго мѣстоположенія на большой дорогѣ между Могилевымъ и такимъ селомъ, какъ Серебрія. Но въ одинъ прекрасный день, или вѣрнѣе сказать въ одну темную ночь неизвѣстные люди явились въ корчму, ограбили и вырѣзали всю семью хозяина, а корчму

сожгли, что-бы скрыть слѣды преступленія. Съ той поры всѣ со страхомъ обходятъ это мѣсто и никто не рѣшается возобновить такое выгодное заведеніе, можетъ быть и потому еще, что внутри села находится другое пободное.

Въ Серебріи, проѣзжая по мосту, перекинутому черезъ небольшую рѣчку Дерлу, которая дѣлитъ село на двѣ половины, мы съ удивленіемъ замѣтили необыкновенную пестроту костюмовъ въ толпѣ прогуливающагося народа: всюду видны были красныя рубахи на мущинахъ и яркіе, красные и желтые, сарафаны на женщинахъ. Возница объяснилъ намъ, что здѣсь заводъ, пивной или винокуренный, а на немъ цѣлая колонія рабочихъ великороссовъ. Вѣроятно такому обилію пришлыхъ людей, не связанныхъ съ мѣстностью и ея населеніемъ никакими интересами, и обязана Серебрія своею дурною славою. Подобное приходится наблюдать и въ другихъ мѣстностяхъ Подоліи.

Невдалекѣ отъ Серебріи встрѣчаемъ другое село, Немію, составляющее какъ-бы предмѣстье Могилева. Само по себѣ село это не представляетъ ничего замѣчательнаго, если не считать довольно красиваго и удобнаго мѣстоположенія по склону къ рѣчкѣ, да множества источниковъ чистой, холодной воды, которые на каждомъ шагу пробиваются изъ горы. Почти у каждой усадьбы замѣчается небольшая «керничка», по большой части неогороженная и отдѣланная ровно на столько, что-бы можно было зачерпнуть воды; всѣ онѣ сбѣгаютъ въ одно общее русло вдоль улицы и затѣмъ въ ту-же рѣчку, притокъ Днѣстра.

Въ концѣ села вниманіе проѣзжаго привлекаетъ великолѣпный фруктовый садъ, который постепенно переходитъ въ огромный паркъ, разбитый по всѣмъ правиламъ садоводнаго искусства на пространствѣ нѣсколькихъ десятинъ. Тщательно расчищенныя и высыпанныя бѣлымъ пескомъ дорожки вьются и перекрещиваются во всѣхъ направленіяхъ между группами разныхъ деревьевъ, тщательно подчищенныхъ въ видѣ рощъ, естественныхъ бесѣдокъ и т. д.; весь терренъ засѣянъ газонными травами. На всемъ видна искусная рука садовника; но напрасно она силилась сообщить всему натуральный видъ и создать природу въ миніатюрѣ—настоящая природа несравненно выше и прекраснѣе и съ трудомъ поддается подражанію. Тутъ, правда, всѣ атрибуты хорошихъ парковъ: и традиціон-

ныя дерновыя и каменныя скамейки, и таинственные гроты, и бесѣдки, которыя, кажется, такъ и манятъ гуляющихъ зайти отдохнуть подъ ихъ непроницаемою тѣнью, есть даже фонтаны и статуи. Въ глубинѣ парка цвѣтникъ и домъ владѣльца, украшенный рѣзьбою и другими украшеніями,—изящный и красивый на первый взглядъ, но не имѣющій какого нибудь опредѣленнаго стиля. По словамъ возницы, это владѣнія мѣстнаго пана маршалка (предводителя дворянства), который въ торжественныхъ случаяхъ открываетъ свой паркъ для публики, безъ различія національностей и сословій. Особенно дорожатъ этими днями могилевскіе евреи, которые, подобно всѣмъ своимъ единоплеменникамъ въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ, не имѣютъ не только деревца или кустика въ саду, но даже двора при домѣ, а только небольшой домикъ на улицѣ, и въ праздникъ принуждены гулять по тѣмъ-же грязнымъ или пыльнымъ улицамъ.

Миновавъ огромный хлѣбный магазинъ, трехъэтажное каменное зданіе съ разбитыми окнами, суровой казенной архитектуры, неподалеку отъ усадьбы пана маршалка, начинаемъ спускаться съ горы. Прямо передъ нами блеснулъ Днѣстръ, сперва показалось на бесарабскомъ берегу главное предмѣстье Могилева Атаки, а затѣмъ какъ въ панорамѣ разомъ открылся весь Могилевъ, длинной и узкой лентою протянувшійся вдоль берега на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Съ одной стороны городъ окаймляется широкою полосою Днѣстра, покрытаго галярами, паромами, плотами и мелкими лодками, съ другой улица утопаетъ въ сплошной массѣ садовъ и виноградниковъ, а за ними тянутся ряды скалъ до вершины горы и дальше вдоль берега, на сколько глазомъ окинуть.

За послѣднія двадцать лѣтъ, со времени описанія Аѳанасьева-Чужбинскаго, внѣшній видъ города очень мало перемѣнился. Въ характерѣ его и нынѣ преобладаютъ основныя черты старыхъ городовъ юго-западнаго края: въ центрѣ «рынокъ»—обширная, продолговатая площадь, окруженная рядомъ лавокъ, въ срединѣ площади сплошной корпусъ каменныхъ лавокъ, замѣняющій традиціонную ратушу, а въ ряду ихъ два-три хорошихъ магазина, какіе встрѣчаются только въ лучшихъ городахъ, всѣ-же остальные—маленькія, темныя коморки, въ которыхъ очень трудно разсмотрѣть цвѣтъ и качество покупаемыхъ товаровъ. Вся остальная площадь

занята базаромъ, причемъ торговля, по обычаю провинціальныхъ городовъ, производится до самаго вечера.—Въ общемъ Могилевъ чрезвычайно напоминаетъ Каменецъ, и сходство это еще болѣе увеличиваетъ оріентальный оттѣнокъ въ архитектурѣ—послѣдній видимый слѣдъ долговременнаго пребыванія здѣсь армянскихъ колонистовъ: тѣ-же старые каменные дома съ необыкновенно толстыми стѣнами, съ длинными балконами и мезонинами, съ низкой оригинальной крышей. Очень высокій, нерѣдко каменный заборъ, украшенный сверху острою крышею, которая почти на аршинъ выступаетъ по обѣ стороны, такъ что безъ особыхъ приспособленій нѣтъ возможности взобраться на него,—ограждаетъ почти всѣ, даже загородные, дома и сады. Такимъ образомъ каждое жилище совершенно изолировано и отъ улицы, и отъ сосѣдей, представляя подобіе маленькой крѣпости, какъ это можно видѣть въ Крыму и на Кавказѣ. Разумѣется, это не относится къ еврейскимъ жилищамъ, въ большинствѣ совсѣмъ не имѣющимъ ни двора, ни какой-бы то ни было усадьбы; тутъ и огораживать уже нечего. Новые дома строются по другому архитектоническому типу, по шаблонному типу нашихъ уѣздныхъ городовъ, можетъ быть болѣе удобному для жизни, но совершенно безцвѣтному и лишенному всякой оригинальности,—одного изъ условій правильнаго и самостоятельнаго развитія въ любомъ направленіи. Городъ постепенно растетъ и застраивается все дальше по берегу Днѣстра, разумѣется по новому типу; но старыя постройки прошлаго и XVII ст. несравненно прочнѣе современныхъ и, можно надѣяться, не скоро еще уступятъ разрушительному вліянію времени, если только на помощь послѣднему не придетъ еще болѣе разрушительный человѣческій инстинктъ нововведенія и уничтоженія старины.

Если въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ мало измѣнился внѣшній видъ Могилева, то едва-ли много больше перемѣнъ можно замѣтить и во внутренней жизни города, разумѣется въ смыслѣ естественнаго прогресса, а не обязательныхъ реформъ, и на сколько можетъ замѣтить посторонній наблюдатель, не посвященный въ тайны мѣстной жизни. Такъ напримѣръ переправа на паромахъ черезъ Днѣстръ и понынѣ остается почти въ такомъ-же примитивномъ состояніи, въ какомъ засталъ ее авторъ «Очерковъ Днѣстра». Пріѣзжаго точно также останавливаетъ цѣлая толпа мишуресовъ изъ

различныхъ заѣздовъ, стоящихъ рядомъ на рынкѣ и по въѣзжей улицѣ; но извощикъ или ямщикъ не обращаетъ вниманія ни на приглашенія мишуресовъ, ни на выборъ своего сѣдока и прямо везетъ къ тому хозяину, которому постоянно доставляетъ практику, за что получаетъ опредѣленный, заранѣе условленный процентъ. Даже цѣны на продукты и «станцію» остались тѣ-же, и мы встрѣчаемъ здѣсь ту-же баснословную поднѣстрянскую дешевизну. Есть правда одна или двѣ настоящія гостинницы, но добраться туда могутъ только окрестные помѣщики, часто бывающіе въ Могилевѣ и хорошо знакомые съ городомъ.

Впрочемъ Могилевъ, какъ уѣздный городъ и еще до недавняго времени главный торговый центръ губерніи, не могъ не подчиниться нѣкоторымъ культурнымъ потребностямъ времени: въ городѣ существуютъ нѣсколько училищъ русскихъ и еврейскихъ; на окраинахъ города, гдѣ повидимому ничего нѣтъ, кромѣ садовъ и виноградниковъ, на одномъ изъ домовъ мы замѣтили вывѣску: «библіотека и читальня». Очевидно въ публикѣ чувствуется потребность въ чтеніи, если находятъ возможнымъ содержать библіотеку. Легко можетъ быть, что здѣсь, какъ и въ большинствѣ уѣздныхъ городовъ, библіотека состоитъ главнымъ образомъ изъ собранія романовъ и повѣстей для легкаго чтенія и что читаютъ ихъ только дамы да учащаяся молодежь; но все-же это свидѣтельствуетъ о нѣкоторой долѣ умственнаго развитія общества. Сверхъ того мы застали въ городѣ передвижной циркъ, «комедію» и постоянную драматическую труппу изъ мѣстныхъ любителей евреевъ, представленія которой посѣщаются весьма усердно не только еврейскимъ, но и христіанскимъ населеніемъ Могилева и Атакъ. Намъ ни разу не удалось побывать на спектаклѣ этой труппы, но мѣстные жители говорятъ, что играетъ она весьма не дурно, значитъ во всякомъ случаѣ удовлетворяетъ до извѣстной степени потребности мѣстнаго общества въ болѣе культурныхъ развлеченіяхъ. Во время нашего здѣсь пребыванія, въ Атакахъ давала представленія русская заѣзжая труппа; могилевскія власти почему-то запретили ей играть въ городѣ, къ большому неудовольствію городскихъ жителей, которые были принуждены ѣздить на другой берегъ и ночью переправляться черезъ Днѣстръ. Наконецъ въ числѣ прочихъ рѣдкостей случайно попалась намъ на глаза на воротахъ армянскаго костела вывѣска постояннаго дантиста, весьма заманчиво

перечисляющаго всѣ привлекательныя стороны своего заведенія и оперирующаго съ помощью веселящаго газа—все по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Согласитесь, что это уже большой прогрессъ для уѣзднаго города; такой рекламы мы не встрѣчали даже въ Каменцѣ.

Что касается состава народонаселенія, то въ этомъ отношеніи Могилевъ и въ настоящее время представляетъ почти такую-же разнообразную смѣсь племенъ, какъ и во время его основанія. Если теперь исчезли греки, волохи и татары, то мѣсто ихъ заняли евреи и отчасти русскіе. Изъ прежнихъ жителей остались только малороссы, поляки и армяне; послѣдніе впрочемъ настолько ассимилировались съ мѣстнымъ малорусскимъ населеніемъ, что почти совершенно забыли свой языкъ. Въ настоящее время главный процентъ городскаго населенія составляютъ евреи, которые сперва овладѣли армянскою торговлею, а теперь захватили въ свои руки вообще всю торговую и промышленную дѣятельность въ городѣ и въ цѣломъ краѣ.

Торговля Могилева въ настоящее время сильно упала, благодаря отчасти проведенію одесско-балтской желѣзной дороги, а главнымъ образомъ застою или упадку промышленности въ краѣ. Правда, Могилевъ остается и теперь еще лучшею пристанью на Днѣстрѣ въ среднемъ его теченіи; и теперь еще сюда сплавляются различные сырые продукты изъ уѣздовъ: хотинскаго, каменецкаго, ушицкаго и отчасти могилевскаго, но теперь и торговые обороты дошли до минимума, и движеніе совершается только сверху внизъ, между тѣмъ какъ еще въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія сюда точно также шли товары и снизу, изъ Никополя, Румыніи и другихъ придунайскихъ мѣстъ. Въ настоящее время главными предметами сплавной торговли служатъ: пшеница и лѣсъ, затѣмъ уже въ меньшемъ количествѣ известь, гипсъ, спиртъ и другіе сырые продукты, да пожалуй сплавляются фосфориты до ближайшей австрійской желѣзной дороги. Впрочемъ этотъ послѣдній продуктъ идетъ за границу и другимъ путемъ, по волочиской линіи желѣзной дороги.

Между тѣмъ и самыя условія доставки товаровъ не мало способствуютъ упадку торговой дѣятельности Могилева. Русло Днѣстра все еще не расчищено и не приспособлено для правильнаго судоходства, не смотря на многочисленные проэкты въ этомъ смыслѣ и на неоднократныя присылки чиновниковъ водянаго и другихъ

вѣдомствъ для собиранія на мѣстѣ свѣдѣній по этому вопросу. Единственнымъ средствомъ передвиженія служатъ все тѣ-же первобытные плоты и галяры, которые подымаютъ довольно значительные грузы, но при сравнительно медленномъ ходѣ подвержены различнымъ случайностямъ, отчего товаръ нерѣдко портится или совсѣмъ погибаетъ при перевозкѣ въ приморскіе порты. Разумѣется, такія суда не удовлетворяютъ требованіямъ современной торговли и не могутъ выдержать конкурренціи съ желѣзными дорогами.

Было однако время, когда торговля Могилева находилась въ цвѣтущемъ состояніи. Первыя прямыя указанія на присутствіе въ Могилевѣ торговыхъ поселеній: армянскихъ, греческихъ, волошскихъ и татарскихъ относятся къ XVII ст. Но вѣроятно выгодное положеніе города на одной изъ лучшихъ днѣстровскихъ пристаней, на главномъ пути турецко-польской торговли, должно было раньше привлечь главныхъ дѣятелей этой торговли, тѣмъ болѣе, что подобныя колоніи существовали въ Каменцѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ еще со времени галицкихъ князей Даниловичей. Поэтому можно допустить, что иноземныя поселенія въ Могилевѣ начались гораздо раньше, можетъ быть со времени возникновенія города въ концѣ XVI вѣка, тѣмъ болѣе, что первыя документальныя извѣстія рисуютъ намъ эти колоніи въ видѣ правильно организованныхъ общинъ и братствъ со своими церквями, правами и привилегіями. На все это, конечно, требовался извѣстный промежутокъ времени. Дѣйствительно городъ съ самымъ разноплеменнымъ составомъ народонаселенія, среди котораго главный перевѣсъ брали греки и румыны, занимался исключительно торговыми оборотами въ большихъ размѣрахъ. Въ первое время, т. е. въ XVII ст. Могилевъ въ этомъ отношеніи взялъ верхъ надъ Каменцемъ, такъ какъ прежній путь къ Каменцу черезъ Румынію былъ и дальше и сопряженъ съ многими опасностями вслѣдствіе постоянныхъ неурядицъ въ Молдавіи, а потому караваны предпочитали ближайшій путь черезъ Могилевъ. Сверхъ того въ Каменцѣ существовала таможня, на которой заграничные товары подлежали хотя не большой пошлинѣ, между тѣмъ какъ Могилевъ былъ въ этомъ отношеніи *porto-franco;* вотъ почему на здѣшнемъ рынкѣ можно было найти самыя лучшія вина, колоніальные товары и всевозможныя восточныя издѣлія, а мѣстные торговцы ворочали огромными капиталами. Впрочемъ этотъ цвѣту-

щій періодъ продолжался не долго: начавшіеся вскорѣ польско-козацкія войны, набѣги татаръ и наконецъ самое положеніе города на границѣ съ татарскими степями—все это помѣшало дальнѣйшему развитію города [1]).

Одновременно съ греками и румынами поселились здѣсь для тѣхъ-же промышленныхъ цѣлей сербы, босняки и крымцы. Всѣ они составляли, вмѣстѣ съ кореннымъ малорусскимъ населеніемъ, одну общину, во главѣ которой обыкновенно стоялъ грекъ; поляки составляли отдѣльную корпорацію, что-же касается армянъ, то сперва они поселились здѣсь какъ гости, но скоро обжились и уже въ 1743 г. организовали свой собственный судъ съ войтомъ и райцами и получили особое помѣщеніе въ мѣстной ратушѣ. Наконецъ получаютъ отъ владѣльца Могилева, Франциска Салезія Потоцкаго, привиллегію, которая гарантируетъ имъ личныя и торговыя права, самоуправленіе общины, освобождаетъ отъ всѣхъ государственныхъ повинностей подъ условіемъ опредѣленнаго чинша въ пользу владѣльца. Съ того времени значеніе Могилева, какъ промышленнаго центра, быстро возрастаетъ, а пропорціонально съ тѣмъ увеличивается и народонаселеніе города, который въ этомъ отношеніи вскорѣ занимаетъ первое мѣсто въ цѣломъ воеводствѣ. Въ 1780 г. городъ получаетъ привилегію на двухнедѣльную ярмарку, на которой главнымъ предметомъ торговли изъ мѣстныхъ произведеній является готовая обувь и всевозможныя кожевенные товары: замша, сафьяны и др.

Кожевенное производство достигаетъ здѣсь такого развитія, что еще въ 1745 году мѣстные кожевники организуютъ особое братство сафьянниковъ по типу такого-же львовскаго братства, существовавшаго съ 1669 г. Братство много способствовало развитію этого промысла, который еще долгое время послѣ исчезновенія армянской общины въ Могилевѣ пользовался большею извѣстностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ развиваются и другія отрасли промышленности, значеніе Могилева все возрастаетъ, но вдругъ два случайныя обстоятельства въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія вызвали упадокъ его торговой и промышленной дѣятельности. Страшная чума, опустошавшая цѣлое Подолье въ 1770 г., посѣтила и

---

[1]) Dr. Antoni.—Zameczki Podolskie na kresach multańskich., str. 205.

Могилевъ и продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ: тоже самое повторилось въ 1786 г. и наконецъ въ послѣдній разъ въ 1812 г. Эта послѣдняя чума, хотя менѣе сильная, началась именно въ Могилевѣ, куда она была завезена вмѣстѣ съ мѣхами съ востока. Но еще сильнѣе отразились на благосостояніи и занятіяхъ жителей необыкновенные разливы Днѣстра, затоплявшіе почти цѣлый городъ съ предмѣстьями, садами и виноградниками, на довольно продолжительное время, при чемъ и торговое сословіе терпѣло большіе убытки, такъ какъ всѣ товары гибли или портились отъ воды. Крупныхъ наводненій было четыре въ промежутокъ между 1780—1860 г.; но больше другихъ причинило вреда второе по времени наводненіе 1785 года. Въ теченіи цѣлой недѣли городъ стоялъ подъ водою и понесенные убытки были такъ велики, что разорившіеся заграничные купцы оставляютъ свои жилища, продавая свое имущество евреямъ, которые начинаютъ прибывать сюда все въ большемъ количествѣ.

Впрочемъ богатый промышленный городъ довольно быстро оправлялся послѣ каждаго понесеннаго несчастья, такъ что даже пожаръ 1808 года, истребившій большую половину города,—новое наводненіе и чума злополучнаго 1812 года только ослабили на короткое время, но не могли окончательно подорвать значеніе Могилева до тѣхъ поръ, пока оставались въ городѣ иностранные колонисты и пока сохранялись во всей силѣ прежніе торговые пути и пріемы. Въ первой четверти текущаго столѣтія Могилевъ принадлежалъ къ числу наиболѣе оживленныхъ центровъ Подолья, благодаря отчасти присутствію въ немъ самостоятельной епископской каѳедры, а главнымъ образомъ быстрому росту торговаго движенія. До 1830 года въ Могилевѣ находилась одна изъ главнѣйшихъ таможень, открытая вѣроятно послѣ присоединенія края къ Россіи, и карантинъ; наконецъ, въ виду постоянныхъ недоразумѣній съ Турціею, въ Могилевѣ долгое время квартировалъ весьма значительный отрядъ русскаго войска. Главныя отрасли промышленности и торговли по прежнему находились въ рукахъ иностранныхъ торговцевъ-капиталистовъ. По словамъ ксендза Марчинскаго, румыны занимались разведеніемъ виноградниковъ, различныхъ плодовъ и лучшихъ овощей. Проживавшіе въ Могилевѣ греки занимались винодѣліемъ и торговлею: привозили мѣха изъ Москвы, Кіева и

Нѣжина, желѣзо изъ Тулы и Кіева, каменную соль и вина изъ Румынія и придунайскихъ странъ, сухую рыбу и т. д. Могилевскія гречанки вышивали золотомъ и серебромъ по кисеямъ и бумажнымъ матеріямъ, работы ихъ скупались бердичевскими евреями и расходились подъ названіемъ турецкихъ вышивокъ. Армяне выпасали на степяхъ бессарабскихъ огромныя стада овецъ и рогатаго скота; добытое изъ нихъ сало служило предметомъ значительной торговли, а шерсть отправлялась въ Германію. Изъ овечьихъ и козлиныхъ кожъ выдѣлывались разноцвѣтныя сафьяны и вывозились подъ видомъ турецкихъ товаровъ въ Броды и Литву, а масло до самаго Константинополя [1]). Въ добавокъ ко всему тутъ процвѣтало шелководство, и Могилевъ былъ центромъ этого производства во всемъ юго-западномъ краѣ.

Такъ было въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Теперь отъ прежней торговой славы Могилева осталось одно воспоминаніе. Послѣ наводненія 1860 г. греческіе и румынскіе купцы навсегда оставили Могилевъ и переселились въ приморскіе порты; мѣсто ихъ заняли евреи, которые мало по малу захватили въ свои руки всю промышленную и торговую дѣятельность города и, путемъ контрабанды и разнаго рода фиктивныхъ сдѣлокъ, совершенно измѣнили прежніе торговые пріемы. Оставались еще армяне, сохранявшіе свои старыя традиціи и пытавшіеся нѣкоторое время бороться съ новымъ элементомъ, но вскорѣ конкурренція оказалась имъ не подъ силу; болѣе состоятельные оставили торговлю или переселились въ другія мѣста, прочіе обѣднѣли, смѣшались съ мелкими мѣщанами и наконецъ совершенно расплавились въ массѣ мѣстнаго малорусскаго населенія, утративши свой языкъ и сохранивши только оригинальный этнографическій типъ да отличительныя черты своего племеннаго характера.

Причинами такого упадка были, какъ мы уже сказали, различныя естественныя катастрофы и наплывъ евреевъ, главнымъ-же образомъ замѣна прежней торговой системы новою, перемѣна въ направленіи главныхъ торговыхъ путей, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и наконецъ общій упадокъ промышленности въ цѣломъ краѣ, вызванный финансовымъ кризисомъ — результатомъ освобожденія

---

[1]) Zameczki Podolskie, str. 240.

крестьянъ. Многіе изъ промысловъ, которыми славился нѣкогда Могилевъ, исчезли совершенно, другіе держатся больше по традиціи, какъ напримѣръ шелководство, которое существуетъ еще въ незначительныхъ размѣрахъ, но стоитъ несравненно ниже, чѣмъ въ Бессарабіи. Нѣсколько евреевъ закупаютъ ежегодно весь шелкъ, какой производится въ окрестностяхъ Могилева, варятъ его, прядутъ и красятъ и въ такомъ видѣ пускаютъ въ продажу также подъ видомъ заграничнаго; о выдѣлкѣ тканей или даже лентъ никто и не думаетъ. Винодѣліе еще осталось какъ второстепенный промыселъ, но уже уступило первенство окрестнымъ виноградникамъ. Кромѣ торговли мелкой и крупной, которая вся почти сосредоточена въ рукахъ евреевъ, однимъ изъ промысловъ коренныхъ жителей является садоводство; почти каждый домовладѣлецъ имѣетъ довольно значительный участокъ земли подъ виноградникомъ и фруктовымъ садомъ, которые нерѣдко сдаетъ въ аренду промышленникамъ-евреямъ. Разнообразіе и дешевизна фруктовъ баснословная, базаръ буквально заваленъ ими, и если вамъ не нравится предлагаемый продуктъ, торговка ведетъ васъ въ садъ, тутъ-же на краю рынка, гдѣ можно выбрать что угодно прямо съ дерева. Послѣ винограда разводятся главнымъ образомъ лучшіе сорта яблокъ и венгерскихъ сливъ, которыя въ сухомъ видѣ и отчасти въ видѣ разнаго рода консервовъ составляютъ предметъ довольно значительной торговли.

Другую спеціальность Могилева, уцѣлѣвшую еще отъ прежнихъ временъ, составляетъ производство желтыхъ бумажныхъ фитилей, пропитанныхъ селитрою; дорожные фитили все еще приготовляются въ огромномъ количествѣ и подъ видомъ заграничныхъ расходятся отсюда, вмѣстѣ съ сухими фруктами, по всѣмъ ярмаркамъ южной Россіи.

Покончивъ съ промышленностью и торговлею Могилева, попробуемъ возстановить его историческую судьбу, пользуясь для этой цѣли какъ спеціальною, хотя по различнымъ причинамъ далеко неполною, монографіею этого города [1]), изъ которой мы заимствовали уже нѣкоторыя свѣдѣнія, такъ и разными мелкими данными, разсѣянными въ архивныхъ изданіяхъ, козацкихъ лѣтописяхъ и мемуарахъ.

---

[1]) D-r Antoni J. «Zameczki Podolskie na kresach multańskich».

Извѣстные понынѣ источники не даютъ намъ возможности точно опредѣлить время возникновенія Могилева. Первое документальное извѣстіе объ этомъ городѣ относится къ 1600 году; но есть основаніе думать, что городъ былъ основанъ раньше — въ концѣ XVI ст. Началомъ своимъ онъ обязанъ Іереміи Могилѣ изъ рода молдавскихъ господарей. По обычаю всѣхъ кандидатовъ на румынскій престолъ, Іеремія сперва поступилъ на службу въ Польшу, гдѣ занялъ приличную своему званію должность и былъ зачисленъ въ число польской шляхты. Въ качествѣ богатого пана, обладавшаго большими связями въ королевствѣ, Іеремія скупилъ обширное пространство земли надъ Днѣстромъ, путемъ зазыванія *на слободы* колонизовалъ свои владѣнія и столицу ихъ назвалъ Могилевымъ. Отсюда ему весьма удобно было слѣдить за ходомъ событій въ Молдавіи; но разъ сдѣлавшись господаремъ, онъ на всегда оставилъ свои подольскія владѣнія, и вскорѣ Могилевъ путемъ продажи достался польному гетману Мартыну Калиновскому, а черезъ два поколѣнія путемъ наслѣдства перешелъ въ родъ Потоцкихъ. Турецко-польскія и польско-козацкія войны, возникшія вскорѣ послѣ основанія Могилева, повліяли до извѣстной степени и на его судьбу.

Послѣ извѣстнаго пораженія, понесеннаго польскимъ войскомъ подъ Цецорою въ 1620 году, начальникъ польской артилеріи Шемберкъ, успѣвшій съ небольшимъ отрядомъ проскочить сквозь турецкія войска, ближайшимъ путемъ добрался въ Могилевъ, наскоро укрѣпилъ городъ и заперся въ немъ, опасаясь преслѣдованія; но турки довольствовались большой побѣдой и не считали нужнымъ преслѣдовать бѣглецовъ.

Очистивши Украйну отъ поляковъ, Хмельницкій, имѣвшій до того времени одного только, и то весьма непостояннаго и невыгоднаго союзника въ лицѣ крымскаго хана, считалъ необходимымъ заручиться болѣе прочнымъ союзникомъ изъ близкихъ сосѣдей. Выборъ его остановился на молдавскомъ господарѣ Василіѣ Лупулѣ. И дѣйствительно такой союзникъ долженъ былъ съ одной стороны гарантировать Украйнѣ безопасность, а при случаѣ и помощь со стороны Румыніи и Турціи, съ другой стороны парализовать вліяніе Польши на румынскія дѣла. Съ этою цѣлью Хмельницкій просилъ у Лупулы руку его дочери для своего сына Тимоша, подкрѣпивши свою просьбу согласіемъ, иначе говоря приказаніемъ султана. Но Лупула

оказался человѣкомъ безхарактернымъ, опасался Хмельницкаго, или-же просто не понялъ своей выгоды. Онъ и не смѣлъ ослушаться султана, и не хотѣлъ отдавать дочери, а изъявляя согласіе на предложеніе козацкаго гетмана, самъ въ тоже время просилъ помощи и защиты у польскихъ гетмановъ.

Сватовство тянулось около трехъ лѣтъ; Хмельницкій упорно стоялъ на своемъ, но наконецъ убѣдился, что только силою можетъ достигнуть цѣли и въ 1650 году самъ съ довольно значительнымъ войскомъ повелъ сына въ Молдавію знакомиться съ невѣстой. Состоялся договоръ между родителями, послѣ чего Хмельницкій возвратился на Украйну и на этотъ разъ переправлялся черезъ Днѣстръ у Могилева. Но этимъ дѣло не кончилось; господарь постоянно оттягивалъ свадьбу, пока наконецъ въ 1652 году Хмельницкій, потерявъ терпѣніе, категорически потребовалъ у него дочь, грозя въ противномъ случаѣ опустошить Молдавію, а между тѣмъ народъ румынскій, помнившій еще первый приходъ козаковъ, грозилъ выдать господаря Хмельницкому. Между тѣмъ Лупула обратился за помощью къ Польшѣ; по просьбѣ его, гетманъ Калиновскій съ десятитысячнымъ войскомъ расположился на Бугѣ, преграждая путь Хмельницкому. Произошла извѣстная батогская битва, въ которой поляки понесли страшное пораженіе, — по словамъ лѣтописца, ни одному не удалось спастись бѣгствомъ, всѣ легли на мѣстѣ. Послѣ того козаки съ татарами направились въ Молдавію и перешли Днѣстръ двумя отрядами, подъ Могилевымъ и Ямполемъ. Въ тоже время часть козацкаго войска, оставшаяся на подольскомъ берегу, заняла Могилевъ, причемъ коренные жители радостно шли на встрѣчу козацкому движенію, изгоняли своихъ пановъ и приставали къ козачеству.

На этотъ разъ свадьба наконецъ состоялась, а Могилевъ, наравнѣ съ другими подольскими городами, надолго оставался козацкимъ городомъ, избавленнымъ отъ всякой зависимости по отношенію къ прежнему владѣльцу и Рѣчи Посполитой. Могилевъ въ это время сталъ полковымъ городомъ, центромъ такъ называемаго подольскаго полка. Во время извѣстнаго жванецкаго похода, расположившійся въ Жванцѣ король, отрѣзанный уже со всѣхъ сторонъ союзнымъ войскомъ, но еще не подвергавшійся болѣе тѣсной осадѣ, часто посылалъ въ окрестности Могилева разъѣзды для поимки языка;

такъ какъ все Поднѣстровье находилось тогда въ рукахъ татаръ, а Хмельницкій съ козаками стоялъ въ окрестности Шаргорода.

По удаленіи татаръ и польскаго войска, Поднѣстровье начинало уже отдыхать и понемногу отправляться послѣ всѣхъ погромовъ, а между тѣмъ событія на Украйнѣ шли съ необыкновенною быстротою.

Въ 1657 году гетманомъ сдѣлался уже Иванъ Выговскій, не раздѣлявшій политическихъ взглядовъ стараго Хмельницкаго. Въ противуположность послѣднему, новый гетманъ разсчитывалъ именно путемъ союза съ Польшей, на правахъ свободной федераціи, обезпечить автономію Украйны. Все было подстроено, какъ нельзя лучше; но лишь только были обнародованы договорныя статьи, масса народонаселенія, и безъ того недовольная гетманомъ, совершенно отшатнулась отъ него, ища поддержки кто въ запорожской общинѣ, кто въ московскихъ воеводахъ. Послѣ гадячской рады 1659 года подольскіе полки, населеніе кторыхъ больше другихъ испытало на себѣ тяжелый гнетъ польскихъ пановъ, первые поднялись противъ гетмана. По словамъ лѣтописца «поднѣстряне, забужане и другіе украинскіе козаки собралися въ Браславлѣ и новаго гетмана Юрія Хмельницкаго паки себѣ поставили [1])». Вѣроятно въ числѣ поднѣстрянъ и жители Могилева принимали участіе въ избраніи новаго гетмана, враждебнаго Польшѣ, такъ какъ выгнанный имъ изъ Украйны польскій гетманъ Станиславъ Потоцкій въ концѣ осени того-же 1659 года пытался взять городъ приступомъ, но былъ отраженъ, хотя не съ особенно большою потерею [2]). Въ началѣ слѣдующаго года Потоцкій попытался вознаградить эту неудачу; онъ вмѣстѣ съ Выговскимъ, сохранившимъ санъ кіевскаго воеводы, и татарскою ордою осадилъ Могилевъ, въ которомъ находился гарнизонъ 8,000 козаковъ; но подольскій полковникъ Остапъ Гогель и миргородскій Кирило Андреевъ отразили приступы и прогнали поляковъ съ великимъ стыдомъ и поруганіемъ [3]). Во время битвы осажденными взятъ былъ въ плѣнъ бывшій кіевскій полковникъ

---

[1]) Краткое описаніе Малороссіи, стр. 255.

[2]) Памятники, часть IV, т. III, стр. 3.

[3]) Jerlicz—Latopisec.

Антонъ Ждановичъ, сподвижникъ Богдана Хмельницкаго, подобно Выговскому перешедшій на сторону поляковъ [1]).

Съ распаденіемъ Украйны на двѣ половины, когда гетманомъ правобережной Украйны избранъ былъ Павелъ Тетеря, сторонникъ Польши, все Поднѣстровье, въ томъ числѣ и Могилевъ, оказались не на сторонѣ союза съ Польшею, и лишь только въ Подолію, призыву Брюховецкаго, явился Сирко съ запорожцами, какъ всѣ поднѣстровскіе города, и между ними Могилевъ, подымаются противъ Тетери, истребляютъ оставленные здѣсь Яномъ Казиміромъ польскіе гарнизоны и приносятъ присягу на вѣрность царю [2]). На этотъ разъ освобожденіе Могилева отъ польской власти было весьма не долговременно, ибо тотчасъ по удаленіи Сирка въ степи поляки снова занимаютъ городъ; но при вторичномъ появленіи его въ Подоліи, вмѣстѣ съ русскимъ воеводою Касоговымъ, жители Могилева немедленно перебили поляковъ и евреевъ и вторично подчинились царю [3]).

Когда затѣмъ Дорошенко началъ, по выраженію лѣтописца, «подъ державу королевскую преклонять» приднѣстровскіе полки, жители Могилева также недовѣрчиво отнеслись къ новому гетману; его сторону приняли только мѣщане, болѣе другихъ дорожившіе спокойствіемъ и безопасностью города, между тѣмъ какъ козаки на этотъ разъ оказались за одно съ народною массою. Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи документальные матеріалы мало сохранили подробностей объ этомъ фактѣ; извѣстно только, что могилевскіе мѣщане выдали Дорошенку своего полковника Константина (грека, родомъ изъ Хіоса), очевидно агитировавшаго противъ Дорошенка; арестованный былъ отосланъ въ Чигиринъ, но вскорѣ бѣжалъ оттуда, навербовалъ въ Могилевѣ полкъ и отправился на службу къ Брюховецкому [4]).

Тоже настроеніе господствовало и три года спустя, когда Дорошенко, послѣ многихъ неудачъ въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ польскимъ, турецкимъ и московскимъ правитель-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 318—319.

[2]) Тамъ-же, т. V, 151.

[3]) Тамъ-же, стр. 201.

[4]) Тамъ-же, т. VI, стр. 167.

ствомъ, призналъ наконецъ протекторатъ Турціи надъ Украйною. Лишь только запорожцы, враждовавшіе съ Дорошенкомъ, выступили противъ него и подошли къ Чигирину, какъ шесть полковъ кіевскихъ и подольскихъ, бывшихъ подъ начальствомъ Суховія, въ числѣ ихъ и могилевскій полкъ, тотчасъ-же оставили гетмана и перешли на сторону запорожцевъ. Дорошенко былъ даже осажденъ союзными войсками и долгое время выдерживалъ осаду; но освободившись, благодаря турецкой помощи, онъ снова сталъ приводить въ повиновеніе подольскіе полки, и на этотъ разъ мы не видимъ уже сопротивленія съ ихъ стороны [1]).

Въ первыхъ числахъ января 1671 г., прибылъ въ Могилевъ львовскій и подольскій епископъ Іосифъ Шумлянскій, отправлявшійся въ качествѣ посла на извѣстную острожскую коммисію; онъ остановился въ Могилевѣ съ цѣлью зависѣвшими отъ него мѣрами склонить русское духовенство на сторону поляковъ. Узнавъ о такой агитаціи, Дорошенко приказалъ силою доставить владыку въ Чигиринъ; это вызвало сильную сенсацію въ населеніи, среди котораго особенно отличались набожностью и благочестіемъ иностранные купцы; по словамъ лѣтописца, Шумлянскаго «взято въ Могилевѣ зъ великою жалостію усего народу, зостаючого на тотъ часъ у Могилевѣ, а звлаща подъ часъ ярмарку богоявленского». По ходатайству митрополита гетманъ вскорѣ отпустилъ Шумлянскаго, но послалъ вслѣдъ за нимъ орду, отъ которой тотъ съ трудомъ успѣлъ спастись въ свою епархію [2]).

Вскорѣ послѣ того, собравшись наконецъ съ силами, поляки попытались было избавиться отъ Дорошенка и привести Украйну къ прежней отъ себя зависимости. Сперва отрядъ польскаго войска ворвался въ Брацлавщину, взялъ и «вырубилъ» посадъ въ Могилевѣ [3]). Вслѣдъ за тѣмъ оба польскіе гетмана, Янъ Собѣскій и Дмитрій Вишневецкій, снова вошли въ Брацлавщину и подъ ихъ давленіемъ, въ видѣ противовѣса Дорошенку, избранъ гетманомъ Ханенко, человѣкъ вполнѣ преданный полякамъ. Послѣ того разставлены польскіе гарнизоны въ важнѣйшихъ подольскихъ замкахъ; въ октябрѣ

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, стр. 105—106.

[2]) Тамъ-же, стр. 110.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. IX, стр. 419.

1671 г. поляки заняли Могилевъ и поставили гарнизонъ изъ 500 человѣкъ пѣхоты съ комендантомъ [1]). Всѣ эти гарнизоны предоставлялись правительствомъ въ распоряженіе Ханенка. Разсказывая объ этомъ, лѣтописецъ отмѣчаетъ, какъ нѣчто невиданное и необычное, что жолнеры «на тотъ часъ скромне заховалися съ людми, зъ гроша ся контентовали, тилко ежели сѣна узяли, где найшли» [2]).

Наконецъ переговоры Дорошенка съ Турціею пришли къ концу. Въ 1672 г. самъ султанъ съ огромными турецкими и татарскими силами вошелъ въ подольскую землю, соединившись съ Дорошенкомъ, безъ труда взялъ Каменецъ, послѣ чего коменданты прочихъ подольскихъ замковъ, въ томъ числѣ и могилевскаго, немедленно сдали ихъ гетману, выговоривши себѣ только право свободнаго отступленія со своими отрядами и пушками. Послѣ заключенія извѣстнаго бучацкаго договора, султанъ возвратился въ Турцію съ главными силами, оставивши довольно значительные гарнизоны въ Каменцѣ и во всѣхъ прочихъ замкахъ, причемъ главное вниманіе обращалось на охраненіе днѣстровскихъ бродовъ и пограничныхъ приднѣстровскихъ замковъ. Могилевъ скоро привлекъ особое вниманіе турецкаго паши, какъ городъ пограничный, расположенный вблизи извѣстныхъ днѣстровскихъ бродовъ и при томъ одинъ изъ богатѣйшихъ подольскихъ городовъ. Поэтому въ городѣ поставленъ гарнизонъ изъ нѣсколькихъ десятковъ турокъ; проэктировалось даже устроить постоянный мостъ на Днѣстрѣ, для облегченія торговыхъ сношеній, однако планъ этотъ не былъ исполненъ. Уже въ слѣдующемъ 1673 г. паша выводитъ гарнизоны изъ Могилева и прочихъ замковъ, за исключеніемъ Каменца и Бара, потому-ли, что не имѣлъ возможности удержать цѣлую провинцію, какъ это съ гордостью утверждаютъ польскіе историки [3]), или-же просто потому, что приднѣстровскіе города не подвергались теперь никакой серьезной опасности и потому самому не нуждались въ особой защитѣ, а въ крайнемъ случаѣ могли и сами дать отпоръ какому нибудь набѣгу. Теперь татары не смѣли больше вторгаться и разорять подвластный султану край, часть армянъ и другихъ

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. IX, стр. 578, 384.

[2]) Лѣтопись Самовидца, стр. 112.

[3]) Zameczki Pod., стр. 207.

иностранныхъ купцевъ переселились во Львовъ, а дальше некого уже было защищать туркамъ.

Господство турокъ надъ подольскою землею отразилось главнымъ образомъ удаленіемъ отсюда поляковъ; и народная масса, и козацкіе полки оставались на прежнихъ мѣстахъ; Могилевъ по прежнему остается полковымъ городомъ, полковникомъ въ немъ былъ тотъ-же Останъ Гоголь. Между тѣмъ польское правительство не хотѣло помириться съ потерею богатаго подольскаго края и, не смотря на бучацкій договоръ, дѣлаетъ рядъ попытокъ къ захвату того или другого пограничнаго замка. Въ первой такой попыткѣ, весною 1673 года, соединенныя турецко-румынскія войска вмѣстѣ съ Дорошенкомъ были разбиты гетманомъ Яномъ Собѣскимъ подъ Цецорою, послѣ чего остатки ихъ переправились черезъ Днѣстръ противъ Могилева и оттуда бѣжали въ Каменецъ [1]). Въ это время могилевскій полкъ держалъ еще сторону Дорошенка, но уже въ слѣдующемъ году снова начинаются неурядицы въ подольской землѣ.

Согласно плану Дорошенка, московское правительство рѣшилось наконецъ объединить въ однихъ рукахъ обѣ половины Украйны и поручило это дѣло бездарному лѣвобережному гетману Самойловичу. Извѣстно, какъ понялъ это порученіе Самойловичъ, перегонявшій силою цѣлые города и полки на лѣвый берегъ Днѣпра, предоставляя желающимъ занять опустошенную территорію; но масса народная, доведенная до отчаянія и не ожидавшая такого исхода, радостно встрѣчала новаго гетмана. Въ короткое время почти всѣ кіевскіе и ближайшіе подольскіе полки перешли къ Самойловичу и тутъ только узнали, какая участь ожидаетъ ихъ. Одно только Подвѣстровье стойко держалось на сторонѣ Дорошенка. Останъ Гоголь «держался при руцѣ Дорошенковой, и до Турчина чрезъ него поселство отправовалося» [2]), затѣмъ онъ вмѣстѣ съ другими подольскими полками, по распоряженію своего гетмана, идетъ на защиту Корсуня. Но послѣ того, какъ и турецкія войска отправились усмирять Кіевщину, Гоголь, видя себя предоставленнымъ собственнымъ силамъ, рѣшился въ крайности подчиниться полякамъ; казнилъ въ Могилевѣ присланнаго Самойловичемъ агента Завицкаго и призвалъ польскую

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, стр. 118.

[2]) Тамъ-же, стр. 122.

помощь [1]). Результатомъ этого призыва и полной руины края было появленіе въ Подоліи новоизбраннаго короля Собѣскаго, которому удалось на этотъ разъ разбить турокъ и отнять отъ нихъ Баръ, Могилевъ и Рашковъ, послѣ чего король отправился на коронацію въ Польшу, а въ завоеванныхъ городахъ оставилъ комендантовъ съ гарнизонами. Послѣ того большая часть Поднѣстровья фактически находится во власти турокъ, меньшая въ рукахъ поляковъ, Дорошенко совершенно устраненъ отсюда и держится только въ южныхъ кіевскихъ полкахъ.

Съ паденіемъ Дорошенка въ 1676 г. турки снова берутъ верхъ въ подольской землѣ, а такъ какъ сторонникамъ Польши не оставалось уже мѣста въ краѣ, то болѣе заслуженнымъ изъ нихъ даются новыя должности въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой; такъ Остапъ Гоголь сдѣланъ былъ козацкимъ гетманомъ въ Полѣсьи въ награду за то, что самъ подчинился королю. Впрочемъ гетманство его было весьма кратковременно. Послѣ извѣстной побѣды надъ турками подъ Вѣной, король назначилъ для остававшихся въ Подоліи козаковъ новаго гетмана Куницкаго. Тотчасъ были возстановлены всѣ прежніе полки и сотни, и новый гетманъ отправился въ походъ противъ турокъ въ Молдавію. Почти при началѣ похода козаки были настигнуты сильною бѣлгородскою ордою и Куницкій среди сраженія, оставивъ пѣхоту подъ начальствомъ полковника Могилы, самъ съ кавалеріею бѣжалъ въ Могилевъ. Между тѣмъ Могила энергично защищался, по окончаніи битвы счастливо переправился черезъ Прутъ со своими козаками и также явился въ Могилевъ. На собранной здѣсь козацкой радѣ Куницкій былъ приговоренъ къ смерти за бѣгство изъ табора, оставленнаго въ опасномъ положеніи, и тутъ-же казненъ, а на мѣсто его избранъ Могила въ 1684 г. [2]).

Нескончаемая борьба между правительствами, претендовавшими на обладаніе западною половины Украйны во второй половинѣ XVII в., привела только къ полному почти запустѣнію края, извѣстному въ народной памяти подъ характернымъ именемъ *руины*. Разумѣется, общей участи подвергся и Могилевъ.

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. IX, стр. 469.

[2]) Лѣтопись Величка, т. II, стр. 549.

Городъ этотъ, въ которомъ еще въ 1678 году числилось 606 домовъ, т. е. не менѣе трехъ тысячъ жителей, подъ конецъ руины, по точнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, заключалъ лишь 102 души христіанъ и 40 душъ евреевъ [1]). Не смотря однако на постепенную убыль народонаселенія, Могилевъ до самаго конца смутнаго періода принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ попыткахъ народонаселенія удержать въ странѣ козацкое устройство. Такъ въ 1702 году, когда вспыхнуло возстаніе крестьянъ въ правобережной Украйнѣ, по иниціативѣ козачества, вновь организованнаго Паліемъ, жители Могилева не только приняли въ немъ дѣятельное участіе, но и скомпрометировали себя гораздо больше, чѣмъ другія мѣстности, въ глазахъ польскаго правительства: они захватили въ плѣнъ единственнаго въ Подоліи офиціальнаго представителя Рѣчи Посполитой, подольскаго стражника Станислава Шидловскаго и судили его на своей громадской радѣ, отъ приговора которой бѣдный стражникъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Затѣмъ они записались въ составъ козацкаго поднѣстрянскаго полка, находившагося подъ начальствомъ Скорича. Неудивительно, что послѣ усмиренія возстанія поляками, могилевцы почти поголовно бѣжали за Днѣстръ, откуда потомъ выдачи ихъ безъуспѣшно требовали подольскіе дворяне отъ молдавскаго господаря [2]).

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда вновь оживились надежды народонаселенія, вслѣдствіе появленія Мазепы съ козацкими полками на правой сторонѣ Днѣпра, нѣкто Савва, начальникъ козацкой надворной милиціи тогдашняго владѣльца Могилева Морштына, объявилъ себя могилевскимъ полковникомъ, пополнилъ контингентъ своего полка приставшими къ нему крестьянами сосѣднихъ селъ и принялся весьма энергично изгонять и разорять шляхтичей. Съ большимъ трудомъ удалось русскимъ властямъ, по жалобѣ польскихъ гетмановъ, унять этого «самозваннаго» полковника [3]).

Въ послѣдній разъ наклонность могилевцевъ къ протесту проявилась во время движенія крестьянъ въ Подоліи, вспыхнувшаго по поводу неурядицы, происходившей въ Польшѣ во время безкоролевья

---

[1]) Книга гродская каменецкая, № 3,637, л. 6 на оборотѣ; Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. II, стр. 770.

[2]) Тамъ-же, стр. 430, 561.

[3]) Тамъ-же, стр. 708; Судіенко, Матеріалы для отеч. ист., т. II, стр. 122.

по смерти Августа II. Укрываясь передъ грозою подымавшагося возстанія, окрестные шляхтичи искали убѣжища въ Могилевѣ, но въ виду настроенія мѣстныхъ жителей они не чувствовали себя въ безопасности въ самомъ городѣ, переправились черезъ Днѣстръ и поселились въ Атакахъ. Впрочемъ эта мѣра предосторожности не спасла ихъ. Вскорѣ толпа возставшихъ крестьянъ появилась въ городѣ; по указанію мѣстныхъ жителей они направились въ Атаки и, не стѣсняясь нейтральною молдавскою территоріею, перебили четырнадцать шляхетскихъ семействъ и сожгли домъ, въ которомъ тѣ заперлись [1]).

Изъ числа извѣстныхъ намъ фактовъ это послѣднее событіе, въ которомъ историческія воспоминанія Могилева стоятъ въ органической связи съ исторіею цѣлаго края; за послѣдующій промежутокъ времени до конца XVIII ст. мы имѣемъ всего нѣсколько разрозненныхъ свѣдѣній о событіяхъ, такъ или иначе касавшихся Могилева, но событія эти носятъ уже характеръ случайный и жители самаго города играютъ въ нихъ исключительно пассивную роль.

Такъ въ 1739 г. во время русско-турецкой войны Могилевъ лежалъ на пути русской арміи, отправлявшейся за Днѣстръ для занятія Бессарабіи; отрядъ малороссійскихъ козаковъ, входившій въ составъ этой арміи и состоявшій подъ начальствомъ миргородскаго полковника Капниста и бориспольскаго сотника Афендыка, сжегъ городъ и разграбилъ имущество жителей [2]).

Въ роковой 1768 годъ жители Поднѣстровья не принимали участія въ смутахъ отдаленной отъ нихъ южной Кіевщины, тѣмъ не менѣе финалъ послѣдняго акта трагедіи разыгрался въ окрестности Могилева. Въ этомъ городѣ находилась главная квартира польскаго региментаря Ксаверія Браницкаго, уклонившагося отъ столкновенія съ гайдамаками подъ благовиднымъ предлогомъ охраненія границъ Польши отъ вторженія барскихъ конфедератовъ, укрывшихся въ Бессарабіи. Послѣ разгрома гайдамакъ русскими войсками подъ Уманью, предводители возстанія, оказавшіеся польскими подданными, были доставлены въ лагерь Браницкаго; назначенный послѣднимъ военный судъ приговорилъ къ смерти и предалъ казни

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. III, стр. 184.

[2]) Дневн. Зап. Якова Марковича, т. II, стр. 69.

плѣнниковъ въ селѣ Сербахъ въ окрестности Могилева. По приговору суда трупы казненныхъ были разсѣчены на части, которыя развѣшены на висѣлицахъ, построенныхъ для этой цѣли у въѣзда въ различные города и мѣстечка юго-западнаго края. По свидѣтельству современниковъ, у воротъ Могилева еще десять лѣтъ спустя виднѣлся черепъ Ивана Гонты, прибитый къ висѣлицѣ [1]).

Наконецъ послѣднее политическое событіе, связанное съ именемъ Могилева, относится къ 1792 году. Южное Подоліе въ это время было присоединено къ Россіи и та дивизія русскаго войска, которой предписано было занять Брацлавщину, вступала въ эту область черезъ Могилевъ [2]).

Въ настоящее время желающіе познакомиться съ историческою судьбою этого города принуждены черпать свои свѣдѣнія въ разныхъ сочиненіяхъ и источникахъ, относящихся вообще къ исторіи подольской земли; на мѣстѣ ничего нельзя узнать. Жители Могилева, занятые исключительно торговыми интересами, утратили всѣ старыя традиціи и воспоминанія о прежней жизни своего города, а наводненія, пожары и время истребили почти всѣ видимые памятники этой жизни. Теперь изъ памятниковъ старины можно указать только огромный домъ Потоцкихъ въ концѣ рынка, двухъэтажное каменное зданіе, выстроенное въ стилѣ старинныхъ коллегій при польскихъ монастыряхъ, съ гербомъ бывшихъ владѣльцевъ Могилева. Во время нашего пребыванія здѣсь домъ этотъ перестраивался, если не ошибаюсь, для костела. Рядомъ съ нимъ другой каменный корпусъ, относящійся къ тому-же времени и теперь обращенный подъ склады и магазины; два эти корпуса вѣроятно и составляли въ свое время могилевскій замокъ. Затѣмъ нѣсколько старинныхъ надгробныхъ плитъ съ армянскими надписями въ бывшемъ армянскомъ костелѣ, обращенномъ теперь въ польскій, двѣ-три церкви, теперь реставрированныя и только указывающія мѣсто прежнихъ церквей, да нѣсколько старыхъ памятниковъ на кладбищѣ, тоже по большей части армянскихъ—вотъ все, что удалось намъ найти.

Осмотрѣвши все, что можно было видѣть въ Могилевѣ, мы съ товарищемъ серьёзно задумались надъ вопросомъ: куда теперь

---

[1]) Записки Павла Младановича, издан. Рачинск., стр. 165.

[2]) Obraz Polaków i Polski w XVIII wieku, t. XVI, str. 93.

направиться? До окончанія моего отпуска оставалось всего нѣсколько дней, хотѣлось увидѣть еще что нибудь интересное на прощанье съ краемъ, поѣздка въ Ямполь къ порогамъ заняла-бы слишкомъ много времени, поэтому-мы рѣшились завершить свое путешествіе коротенькою экскурсіею въ Бушу, село верстахъ въ двадцати къ юго-востоку отъ Могилева, замѣчательное своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ и связанными съ нимъ историческими воспоминаніями. Буша расположена по берегамъ горной рѣчки Мурахвы среди горъ и въ разстояніи всего двухъ-трехъ верстъ отъ Днѣстра по прямой линіи отъ того мѣста, гдѣ онъ дѣлаетъ колѣно у мѣстечка Яруги. Раннимъ утромъ всѣ дорожные сборы и приготовленія окончены, разумѣется пришлось прождать около часу, пока явился напятый еще наканунѣ извощикъ; наконецъ вещи сложены на бричку и мы трогаемся въ путь по ужасной мостовой, напутствуемые поклонами и пожеланіями хозяина и мишуреса. Въ концѣ города проѣзжаемъ обширную площадь—цѣлое поле, на которомъ по разсказамъ старожиловъ еще не такъ давно могилевскія жительницы занимались спеціально разматываніемъ шелку сырцу; теперь при дорогѣ стоятъ казармы да два-три шинка и мелочныя лавочки, а на площади бродитъ скотъ; прежняго оживленія нѣтъ и слѣда.

По мѣрѣ удаленія отъ Могилева мѣстность принимаетъ все болѣе живописный и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы уединенный характеръ; кругомъ ни души, не видно ни села, ни хутора, ни одной хаты, а между тѣмъ горы окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ, подходятъ все ближе и ближе и тѣснѣе сдавливаютъ узкую и глубокую долину; дорога больше чѣмъ гдѣ нибудь напоминаетъ кавказскія дороги; крутые спуски и подъемы чередуются безпрестанно и не разъ сердце сильнѣе забьется при видѣ крутаго обрыва, съ котораго нужно спускаться. Вотъ, кажется, долина совершенно замкнута горами, дорогу закрываетъ огромная отвѣсная скала и дальше повидимому нѣтъ проѣзда, но кое какъ обогнувши утесъ, въѣзжаемъ въ другое ущелье, еще болѣе пустынное. Вокругъ только лѣсъ да скалы, не слышно ни пѣсни, ни голоса человѣческаго, только внизу въ глубинѣ ущелья шумитъ и пѣнится по камнямъ горная рѣчка, притокъ Днѣстра. Но вотъ наконецъ на склонѣ горы надъ лѣсомъ прямо передъ нами виднѣются развалины замка; тем-

ный силуэтъ ихъ съ ажурными башнями и стѣнами, напоминающими средневѣковыя развалины въ западной Европѣ, рѣзко выдѣляется на синемъ фонѣ іюльскаго неба и еще издали привлекаетъ вниманіе пустынника. Нѣсколько ниже прекрасный помѣщичій домъ, или вѣрнѣе дворецъ изящной современной архитектуры, окруженный садами, паркомъ и лѣсомъ. Дорога подходитъ къ самой господской усадьбѣ, а естественная скальная почва, сглаженная и расчищенная надлежащимъ образомъ, какъ нельзя лучше замѣняетъ мостовую; противъ двора по другую сторону дороги господская экономія—все каменныя массивныя постройки; дальше потянулись крестьянскія хаты. Это село Бронницы, владѣніе графовъ Витгенштейновъ. Имѣніе это вмѣстѣ съ значительнымъ участкомъ земли было подарено фельдмаршалу Витгенштейну, который поселился здѣсь подъ старость и занялся устройствомъ хозяйства. Какъ извѣстно, въ Германіи родовой замокъ считается необходимою принадлежностью каждаго аристократическаго рода. Вѣроятно къ такому роду причисляли себя и графы Витгенштейны: замокъ необходимъ, а между тѣмъ Бронницы имѣніе новое и господскій домъ не носитъ на себѣ слѣдовъ глубокой старины. Нужно какъ нибудь помочь дѣлу, удовлетворить фамильной дворянской привычкѣ и вотъ, уже въ первой половинѣ текущаго столѣтія, одинъ изъ наслѣдниковъ стараго фельдмаршала строитъ эти новыя развалины. Нужно отдать ему справедливость, мѣсто выбрано весьма удачно и самое выполненіе, по крайней мѣрѣ издали, ничего не оставляетъ желать. Планъ руины заимствованъ по всей вѣроятности изъ какого нибудь нѣмецкаго замка: высокая башня съ бойницами и отчасти поврежденнымъ зубчатымъ верхомъ, нѣсколько отдѣльно стоящихъ стѣнъ съ прорѣзанными въ нихъ окнами и бойницами, сквозь которыя видно небо—точь въ точь какія нибудь развалины на Рейнѣ. Все это поддѣлано весьма искусно, но все-же этой древности не достаетъ времени, да правдоподобно она и не просуществуетъ до той поры, когда безъ большой натяжки могла-бы быть причислена къ древностямъ края. Впрочемъ нужно замѣтить, что мы уже не въ первый разъ встрѣчаемся въ Подоліи съ подобнымъ фактомъ подражанія памятникамъ старины; припомнимъ замокъ у села Приворотья, неподалеку отъ Каменца.

Минуемъ Бронницы, дорога еще нѣкоторое время вьется среди горъ, затѣмъ мало по малу удаляется отъ приднѣстровской гряды и выходитъ на возвышенное плоскогорье.

Но вотъ равнина оканчивается и мы снова на краю обрыва. Въ глубинѣ передъ нами рѣчка Мурахва, по ширинѣ напоминающая Смотричъ; это одинъ изъ важнѣйшихъ притоковъ Днѣстра въ Подоліи. Берега Мурахвы нѣсколько ниже днѣстровскихъ, но характеры ихъ совершенно аналогичны: тѣже причудливыя скалы, тѣже ущелья по берегамъ какого нибудь ручья, съ тою только разницею, что здѣсь картину оживляютъ еще невырубленные лѣса. Горная порода здѣсь тоже известнякъ, но подъ нимъ уже обнажаются пласты крупнозернистаго песчаника и еще ниже залежи разноцвѣтныхъ гранитовъ, чего мы не замѣчали до сихъ поръ на Днѣстрѣ; это обстоятельство уже указываетъ на близость днѣстровскихъ пороговъ. Отсюда уже дорога все время пролегаетъ по нагорному правому берегу Мурахвы до самой Буши. Извѣстно, что съ 1450 года, т. е. со времени раздѣла подольской земли между Польшею и Литвою, рѣка Мурахва составляла границу между обоими государствами и вѣроятно нынѣшняя большая дорога, пролегающая въ очень удобномъ мѣстѣ, по водораздѣлу между Мурахвою и Днѣстромъ, служила и въ то время главнымъ путемъ сообщенія между литовскою Брацлавщиною и польскимъ Подоліемъ. Наконецъ минуемъ послѣднее боковое ущеліе, въ глубинѣ котораго притекаетъ рѣчка Бушка, впадающая въ Мурахву, спускаемся съ горы и въѣзжаемъ въ село—цѣль нашей экскурсіи.

Село Буша раскинулось на протяженіи нѣсколькихъ верстъ по берегамъ обѣихъ рѣчекъ, съ каждой стороны по одной только улицѣ, при чемъ съ одной стороны хаты спускаются къ водѣ, съ другой подымаются на гору, а выше по горѣ потянулись сады. При въѣздѣ въ Бушу замѣчается на Мурахвѣ рядъ каменныхъ мельницъ, вокругъ которыхъ копошатся евреи. На противуположномъ берегу, на *майданѣ*, среди села возвышается довольно большая и повидимому богатая церковь, а противъ церкви корчма, къ которой мы тотчасъ-же и направились. Нужно замѣтить, что, не смотря на весьма значительное протяженіе села, въ немъ существуетъ всего одинъ мостъ или плотина черезъ Мурахву, что конечно мало спо-

собствуетъ сокращенію разстояній для мѣстныхъ жителей, и это мы немедленно испытали на себѣ.

Оставивъ свои вещи на попеченіе извощика, мы съ товарищемъ тотчасъ-же отправились осматривать мѣстныя достопримѣчательности. Буша дѣйствительно имѣетъ свои достопримѣчательности; но добраться до нихъ не такъ легко, какъ это кажется съ перваго взгляда. Нужно прежде узнать, что именно можно видѣть въ селѣ, узнать-же это можно только послѣ долгихъ разговоровъ и распросовъ, да и то не каждый изъ мѣстныхъ жителей укажетъ вамъ, что нужно. Ближе всего, разумѣется, обратиться за свѣдѣніями къ священнику; такъ мы и сдѣлали, но священника не было дома; пошли къ старостѣ,—уѣхалъ въ городъ, отправились еще къ старшинѣ и тотъ въ саду за горою собираетъ спѣлые фрукты на продажу. *Жнива* въ полномъ разгарѣ, всѣ люди въ полѣ, въ селѣ ни души, у кого можно было-бы что нибудь распросить; не одинъ часъ прошелъ въ безплодныхъ странствіяхъ изъ конца въ конецъ села, пока не увидалъ насъ причетникъ мѣстной церкви и не взялся указать намъ, что нужно.

Въ углу при сліяніи рѣчки Бушки съ Мурахвою на горѣ виднѣются валы, остатки укрѣпленія; часть валовъ занята уже крестьянскими усадьбами, но контуръ городища еще ясенъ и планъ его легко можетъ быть возстановленъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ городища на той-же горѣ сохранилось старое козацкое кладбище, называемое здѣсь запорожскимъ; размѣры и форма каменныхъ крестовъ и плитъ, на половину вросшихъ въ землю, доказываютъ значительную ихъ древность. На нѣкоторыхъ памятникахъ сохранились еще надписи на церковно-славянскомъ языкѣ, но поверхность ихъ такъ сильно вывѣтрилась отъ времени, что нѣтъ уже никакой возможности разобрать эти надписи. Но помимо этихъ памятниковъ козаччины, главнѣйшую достопримѣчательность Буши составляетъ памятникъ болѣе отдаленной древности, единственный извѣстный понынѣ экземпляръ на южно-русской трррриторіи. Въ самомъ селѣ, на берегу Бушки, нѣсколько ниже впаденія въ нее горнаго ручья, находится пещера, правильно выкованная въ слоѣ песчаника; начинается она открытымъ корридоромъ, состоящимъ изъ трехъ небольшихъ камеръ, постепенно съуживающихся къ концу; стѣны корридора выкованы совершенно отвѣсно и сходятся подъ прямыми

углами; далѣе идетъ настоящая пещера довольно значительныхъ размѣровъ, постепенно углубляющаяся въ подпочву и также выкованная въ той-же горной породѣ. Входъ въ эту вторую половину заваленъ мусоромъ и доступъ въ нее весьма затруднителенъ. На стѣнкахъ переднихъ корридоровъ замѣчаются надписи 1824 и 1524 гг., первая на польскомъ, вторая на латинскомъ языкахъ; третья надпись, повидимому болѣе древняя, окружена вырѣзанною въ томъ-же камнѣ рамкою, но такъ сильно вывѣтрилась, что едва-ли можетъ быть прочитана. Но главный интересъ пещеры не въ этихъ надписяхъ и не въ связанныхъ съ нею преданіяхъ.

Вся стѣна первой камеры вправо отъ входа носитъ выкованный въ камнѣ весьма оригинальный и сложный рисунокъ, сдѣланный высокимъ рельефомъ 10—17 сентиметровъ. Рисунокъ изображаетъ дерево съ вѣтками, но безъ листьевъ; на вѣткѣ сидитъ пѣтухъ, представленный очень натурально, съ головой обращенной къ востоку. Прямо подъ нимъ стоитъ на колѣняхъ, на одномъ уровнѣ съ деревомъ, человѣческая, кажется, женская фигура, также обращенная лицемъ къ востоку и держитъ въ рукахъ чашу. По характеру выполненія фигура эта совершенно аналогична съ извѣстными у насъ каменными бабами: таже грубость отдѣлки, тотъ-же безобразный типъ лица и непропорціональность частей тѣла, тѣ-же подробности одежды, украшенія и атрибуты, съ тою только разницею, что каменныя бабы держатъ чашу у пояса, а эта въ уровень съ лицемъ, какъ-бы во время молитвы или жертвоприношенія. Позади этой фигуры въ нѣкоторомъ отдаленіи стоитъ фигура оленя, обращенная въ ту-же сторону; поза оленя совершенно натуральна: онъ представленъ стоящимъ на краю скалы и очевидно сдѣланъ съ натуры, но сдѣланъ также грубо и неумѣло, какъ и предшествующая фигура. Что касается техники, то, обративши вниманіе на характеръ вывѣтриванія, видимъ, что картина сдѣлана посредствомъ откалыванія отъ цѣлой стѣны довольно толстаго слоя камня, при чемъ оставлены рельефомъ только указанныя фигуры. Если припомнимъ символическое значеніе пѣтуха и оленя въ славянской миѳологіи, какъ олицетвореніе восходящаго солнца (пѣтухъ считался провозвѣстникомъ этого свѣтила, олень носилъ солнце на рогахъ,—такъ въ старыхъ колядкахъ и сказкахъ), если обратимъ вниманіе на положеніе всѣхъ трехъ фигуръ, обращенныхъ къ востоку,

то нельзя не видѣть въ этой картинѣ изображенія какого-то славянскаго языческаго обряда; можетъ быть это молитва или жертвоприношеніе за души умершихъ, покровителемъ которыхъ, какъ извѣстно, считалось восходящее солнце. По опредѣленію одного изъ спеціалистовъ по исторіи искусства, г. Кондакова, характеры выполненія фигуръ высокимъ рельефомъ и варварскій стиль картины опредѣляютъ хронологически происхожденіе этого рисунка въ періодъ, прямо предшествующій введенію христіанства въ краѣ, т. е. конецъ IX и начало X вѣка.

Разумѣется, никакихъ воспоминаній о древнѣйшемъ назначеніи пещеры не могло сохраниться, за то съ нею связаны два преданія, относящіяся къ болѣе поздней эпохѣ; одно изъ нихъ, относящееся уже къ текущему столѣтію, намъ удалось слышать на мѣстѣ, другое восходитъ ко времени козацкихъ войнъ и извѣстно въ исторіи. По словамъ нашего проводника, въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка владѣльцемъ Буши былъ польскій панъ Ромуальдъ Овсяный, человѣкъ необузданнаго нрава, чрезвычайно жестоко обходившійся съ крестьянами. Нѣсколько разъ поджигали его усадьбу въ селѣ, но панъ всегда успѣвалъ спастись; сознавая наконецъ опасность своего положенія и желая гарантировать себя отъ поджоговъ, панъ переселился въ пещеру, устроилъ въ ней двери, потолокъ покрылъ землею для предохраненія отъ огня и жилъ совершенно одинъ, но не измѣнилъ прежняго отношенія къ подчиненнымъ; на одной изъ стѣнъ пещеры можно еще прочесть польскую надпись, вырѣзанную въ камнѣ рукою Овсяного. Впрочемъ панъ не долго прожилъ въ такомъ уединеніи, вскорѣ его нашли повѣшеннымъ, послѣ чего пещера снова была заброшена, какъ оскверненное мѣсто, а деревянный потолокъ разобранъ; на стѣнахъ сохранились еще слѣды балокъ.

Въ настоящее время Буша многолюдное, но весьма обыкновенное село, но въ старину она была довольно значительнымъ городомъ. По свѣдѣніямъ Каховскаго, городъ состоялъ изъ двухъ частей по берегамъ Мурахвы и Бушки, съ замкомъ на высокой горѣ, отъ котораго валы сохранились и понынѣ; въ городѣ было семь церквей, теперь только одна. Благодаря своему положенію вблизи Днѣстра и на половинѣ пути между двумя такими центрами, какъ Могилевъ и Ямполь, Бушѣ приходилось испытывать почти всѣ постигавшія ихъ бѣдствія; все, что такъ или иначе касалось этихъ

городовъ, отражалось и на судьбѣ промежуточнаго пункта, состояніе котораго можно характеризовать словами малорусской пословицы: «живе, якъ горохъ при дорози, хто йде, той и скубне». Дѣйствительно Буша испытала на себѣ и татарскіе набѣги, и постои, и переходы польскихъ войскъ, наконецъ осады и полное разореніе; жителямъ ея случалось принимать участіе и въ общихъ народныхъ движеніяхъ.

Во время польско-турецкой войны въ 1617 году гетманъ Жолкевскій расположилъ здѣсь свою главную квартиру; 26 сентября того-же года въ Бушѣ заключенъ мирный договоръ съ турками, собиравшимися вторгнуться въ Подолію. По смыслу договора польское правительство отказывалось отъ протектората надъ Молдавідю и обѣщало усмирить козаковъ и даже совершенно истребить ихъ, если они не перестанутъ безпокоить турецкія земли [1]). Разумѣется, обѣщаніе это такъ и осталось обѣщаніемъ.

За годъ до хотинской войны, въ іюлѣ 1620 года, Бушѣ пришлось испытать набѣгъ татарской орды [2]), при чемъ татары по своему обыкновенію увели въ плѣнъ значительную часть жителей. Впрочемъ городъ понемногу оправился отъ этого погрома и въ 1648 году населеніе его пристало къ общему движенію Хмельницкаго; Буша сдѣлана была сотеннымъ городомъ брацлавскаго полка и, кажется, удержала это значеніе и впослѣдствіи.

Во время военныхъ дѣйствій 1653 г. въ Бушѣ заперлись поднѣстровскія сотни подъ предводительствомъ Гречки «опрышка» изъ Калуша; кромѣ козацкаго войка къ нему пристало много крестьянъ, собравшихся сюда изъ цѣлаго Поднѣстровья. Весною этого года выступилъ противъ нихъ изъ Шаргорода начальникъ польскаго войска Окунь съ 27 хоругвями (въ томъ числѣ 12 хоругвей молдавскаго господаря). Но при выступленіи изъ Шаргорода и приблизившись на разстояніе мили къ Бушѣ, Окунь приказалъ бить въ котлы и бубны и тѣмъ самымъ предупредилъ козаковъ о своемъ приближеніи; населеніе успѣло приготовиться къ защитѣ, такъ что поляки при первомъ штурмѣ встрѣтили сильный отпоръ и съ трудомъ ретировались [3]). Въ слѣдующемъ году тотъ-же Окунь возоб-

[1]) Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Введ. стр. 61.

[2]) Listy Żołkiewskiego, str. 147.

[3]) Памятники, ч. III, т. III, стр. 40.

новилъ свой походъ на Бушу и на этотъ разъ болѣе удачно, ограбилъ окрестности, при чемъ убито до 200 людей, и возвратился въ Шаргородъ, но самаго города не взялъ [1]).

Этимъ еще не окончились всѣ несчастья Буши; въ томъ-же году здѣсь разыгралась страшная кровавая драма, настолько выходившая изъ ряда обычныхъ военныхъ столкновеній, что слухъ о ней быстро облетѣлъ цѣлую Украйну и заставилъ содрогнуться людей самыхъ закаленныхъ и самыхъ привычныхъ ко всѣмъ ужасамъ войны. Въ 1654 году извѣстный начальникъ польскаго войска Чарнецкій, задавшійся цѣлью окончательно подавить козачество, предпринялъ новый походъ въ подольскую землю и на этотъ разъ ареной для своихъ дѣйствій избралъ Поднѣстровье. Народонаселеніе знало уже изъ предшествующаго похода, какъ безпощадно относился Чарнецкій къ побѣжденнымъ; поэтому жители селъ искали убѣжища въ городахъ и рѣшились защищаться до послѣдней крайности. Послѣ нѣсколькихъ переходовъ Чарнецкій осадилъ Бушу, гдѣ также укрылись жители окрестныхъ селъ — всего, вмѣстѣ съ козацкимъ гарнизономъ и мѣстнымъ населеніемъ, болѣе 16,000 человѣкъ. Съ такими силами можно было держаться нѣкоторое время, и осажденные рѣшились сопротивляться до послѣдней возможности. Первый приступъ былъ отраженъ; въ другой разъ полякамъ удалось взять нижнія ворота, но тутъ въ городѣ вспыхнулъ пожаръ, и осаждающіе снова были отбиты съ урономъ, а самъ Чарнецкій раненъ. Третій штурмъ также отраженъ съ большою потерею для поляковъ. Наконецъ видя, что обыкновенными средствами ничего нельзя достигнуть, Чарнецкій приказалъ раскопать греблю, спустилъ ставъ и по дну его прошелъ къ валамъ и занялъ господствовавшее надъ городомъ укрѣпленіе. Тогда жители, убѣдившись въ невозможности дольше защищаться и не желая отдаться живыми въ руки безчеловѣчнаго побѣдителя, раздраженнаго геройскимъ сопротивленіемъ, въ отчаяніи зажгли свои дома и начали убивать другъ друга; матери убивали дѣтей, а сами бросались въ огонь. Жена сотника Завистного зарѣзала своего мужа, который медлилъ покончить съ собою, послѣ чего сѣла на бочку пороху и зажгла его подъ собою. Между тѣмъ поляки ворвались въ городъ и немногіе, оставшіеся еще въ жи-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. X, стр. 326.

выхъ, были поголовно истреблены; въ этотъ злополучный день разомъ погибло болѣе 16,000 человѣкъ. Въ извѣстной намъ пещерѣ, входъ которой былъ закрытъ кустарниками, укрылись 70 человѣкъ со своими пожитками; убѣжище ихъ открыли, примѣтивъ по дорогѣ утерянныя бѣглецами вещи. Сами побѣдители были приведены въ ужасъ только что разыгравшимся актомъ народнаго отчаянія и не хотѣли дальнѣйшаго пролитія крови; полковникъ Целярій вошелъ въ переговоры съ укрывшимися въ пещерѣ, обѣщая пощадить ихъ если сдадутся добровольно; тѣ отказались, зная уже, какъ польскіе военачальники выполняютъ подобныя обѣщанія. Тогда Целярій направилъ въ пещеру протекающій вблизи ея ручей, и всѣ укрывшіеся тамъ погибли въ водѣ.

На этотъ разъ городъ не скоро оправился послѣ такого страшнаго погрома и долгое время лежалъ въ развалинахъ. Къ концу XVII и началу XVIII ст. онъ едва начинаетъ заселяться на-ново путемъ зазыванія на слободы къ мѣстному владѣльцу. 1702 годъ застаетъ Бушу именно въ моментъ этой новой колонизаціи; не смотря на то, новые поселенцы немедленно отозвались на призывъ Палія и приняли участіе въ общемъ народномъ возстаніи, а когда возстаніе было подавлено, они, подобно многимъ жителямъ Поднѣстровья, бѣжали въ Молдавію вмѣстѣ со своимъ осадцею, румыномъ Георгицею.

Бушею оканчивается наша поѣздка, въ качествѣ туристовъ, съ цѣлью ознакомленія съ краемъ; на ней я окончу свой разсказъ. Въ будущемъ году, если случится въ нашемъ банкѣ новый скандалъ, или послѣдуетъ для меня новое повышеніе по службѣ, постараюсь побывать на днѣстровскихъ порогахъ, а буде возможно пробраться Днѣстромъ къ морю, и тогда опять позволю себѣ подѣлиться съ читателями своими дорожными воспоминаніями.

К. М.

Повѣсть объ осадѣ г. Михайлова гетманомъ Сагайдачнымъ въ 1618 г.[1])

Полезна воспоминанію о преславномъ чудеси, како гетманъ Сагайдачный и Запороги градъ Михайловъ облегоша бранію и мнози отъ Запорогъ погибоша, Божіимъ судомъ искушени бывше, градъ-же невредимъ бысть молитвами Пресвятыя Владычици нашея Богородицы и заступленіемъ небесныхъ силъ архистратига Михаила и великаго чудотворца Николы.

Въ лѣто 7126 (1618) при государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея Россіи, король польскій и литовскій Жигимонтъ, хотя московское государство поглотити и конечному потребленію предати, а вѣру православную искоренити и превратити въ свою латынскую вѣру, посла сына своего Владислава со многими людьми и вои подъ царствующій градъ Москву, а на Украйну посла гетмана, именемъ Петра Конашевича Сагайдачнаго и съ нимъ Запороги до двадесяти тысящъ, который, яко начальной сему всепагубному воровству и разоритель московскаго государства, внезапу пріиде съ вои своими на Христово стадо, и, яко зміи и лютіи волцы хищницы, нападоша на градъ Ливны и Елецъ и разоренію предаша, люди-же Божіи, вкупѣ съ женами и дѣтьми, усты меча поядоша и сихъ кровію землю обагриша, а монастыри и церкви Божіи расхитиша и огнемъ сожгоша. Но еще злочестивіи крови христіанскія не насытишася, паки на достояніе Божіе вооружишася. Собрався въ сонмище сатанино, умыслиша напасти на область рязанскую и на прочіе грады, хотяще ра-

[1]) Заимствуемъ этотъ рѣдкій историческій памятникъ изъ рѣдкаго въ своемъ родѣ изданія Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1853 г., № 33-й, въ свое время заимствовавшихъ оный изъ Рязанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.

зорити ихъ, якоже Ливны и Елецъ. Михайла Дорошенко Цапырковъ (?) и товарищи его со многими вои пріидоша, грады поплѣниша— Лебедянь, Донковъ, Скопинъ, Ряской, а мужи, жены, дѣти до ссущихъ младенецъ, многими муками мучаще, посѣкоша, и нападоша на область рязанскую, посады пожгоша, люди и священники побиша, и ко граду Переяславлю рязанскому приступиша; но Божіею милостію и заступленіемъ Владичицы нашея Богородицы чудотворныя иконы Ѳедотіевскія и помощію страстотерпцевъ Христовыхъ Бориса и Глѣба и молитвами святаго Василія, епископа рязанскаго, на приступѣ мнози побіени быша, а прочія отшедше отъ града, воеваша рязанской уѣздъ, и паки къ Елцу поидоша и плѣниша воронежскій уѣздъ. Самъ-же окаянный всепагубный врагъ Петръ Сагайдачной внезапу пріиде съ Елца въ Шацкой градъ и въ Донковъ и отпусти предъ собою подъ градъ Михайловъ полковника Милостиваго, а съ нимъ тысящу человѣкъ, и повелѣлъ ему нощію пріити безвѣстно и взяти градъ Михайловъ украдомъ. Михайловскія-же ратныя люди въ то время немнози быша на городовой стѣнѣ, а инніи по городамъ на государевѣ службѣ въ Калугѣ и Серпуховѣ противу поганыхъ ляховъ. И долготерпѣливый Господь и Богъ нашъ, въ Тройцѣ славимый, и Пресвятая Владычица Богородица, христіанская державная помощница, и небесныхъ силъ воевода архистратигъ Михаилъ, и великій чудотворецъ Никола не даша конечному православнымъ христіаномъ потребленію быти, ожидая грѣшныхъ покаянія. Въ ту нощь, въ кую приходу Милостиваго ко граду быти, за десять поприщъ тучи и громи страшни быша съ дождемъ необычнымъ, и Милостивый съ Запороги тою нощію не дойде до града, а пріиде скорымъ приходомъ августа въ 12 день, и въ той-же день внезапу пріидоша во градъ Сапожковскаго города ратныя люди до 40 человѣкъ, кои шли со службы, и вышедъ съ вои сущими во градѣ, побѣдиша воюющихъ Запорогъ и побиша множество; полковникъ-же Милостивой отъиде отъ града съ великимъ страхомъ. Услышавше о семъ, начальникъ ихъ Петръ Сагайдачной наполнися многія ярости и пріиде ко граду Михайлову со всѣми собранными его вои, августа въ 16-й день; и того-же дня нощію пріидоша Михайлова города ратныя люди изъ Калуги и изъ Серпухова—черкесъ, стрѣльцевъ и козаковъ до 80 человѣкъ. Сагайдачный изготовися съ Запороги и приступи на

взятіе града августа въ 17-й день со многими злокозненными умыслы со всѣхъ странъ, а нарядъ постави съ двухъ странъ и повелѣ изъ наряду стѣну града горящими ядры зажигати, а во градъ изъ луковъ стрѣлы со огнемъ пущати безчисленно; приступаша-же ко граду два дни да нощь, приметая приметъ къ стѣнѣ града. Людіе градскія, видяще бѣду свою, ужасошася и изнемогающе отъ многихъ приступовъ, абіе вспомянуша, по писанію и Божію глаголу, како Господь Богъ за умноженіе грѣховъ восхотѣ погубити градъ Ниневію; егда-же людіе града того, услышавше отъ пророка Іоны о праведномъ гнѣвѣ Божіемъ, не точію сами воспріяша постъ и покаяніе, но и младенцемъ и скотомъ ясти не даша и вси отъ сердца покаяшася: тогда долготерпѣливый Владыка, Господь нашъ Іисусъ Христосъ не презри моленія ихъ и не погубя ихъ. Тако и града Михайлова начальникъ и вси людіе, видяще нападенія врага и изнемогающе вельми, покаяшася вси мужи и жены о грѣсѣхъ своихъ и воздѣвше руцѣ на небо, начаша молитися съ плачемъ и воплемъ глаголюще: Владыко человѣколюбце Царю! яко-же древле изліялъ еси милость твою на градъ Ниневію и избавилъ живущихъ въ немъ отъ погибели, тако и нынѣ, Владыко Царю, призри на ны грѣшныя отъ святаго жилища Твоего, удиви милость твою на насъ: не ищи въ насъ дѣлъ праведныхъ, не обрящеши бо въ насъ ничто-же доброе; но яко-же горькій плачь апостола Петра пріялъ еси, тако пріими и нашъ плачь малый, отъими рукописаніе грѣховъ нашихъ и губою милосердія отри прегрѣшенія наши по велицѣй Твоей милости, не презри горькихъ слезъ вопіющихъ къ тебѣ, сотвори второе избавленіе граду и людямъ нарѣченнымъ во имя Твое святое.

Тако плачущимъ и молящимся всѣмъ живущимъ во градѣ, явися въ то время чудо Пресвятыя Богородицы: пріиде въ соборную церковь архистратига Михаила нѣкто именемъ Митрофанъ и всѣмъ предстоящимъ въ церкви повѣда сице: случися мнѣ, изнемогшу на защитѣ града, воздремати и слышахъ гласъ, свыше глаголющъ ко всѣмъ сущимъ во градѣ: не бойтеся отъ находящихъ на вы враговъ, пріидохъ азъ, небѣсная Царица, на помощь къ вамъ; станите добрѣ и мужайтеся, а страхъ и ужасъ отриньте отъ сердецъ вашихъ. Слышавше сіе, жителіе града—священницы, клирицы, иночествующіе и вси люди возопиша отъ среды сердца, воздѣюще руцѣ на небо и молящеся Господу Богу и Пречистѣй Бого-

матери о ниспосланіи помощи ко избавленію отъ предстоящей погибели; а сущіи внутрь града ратныя люди, силою Божественною и заступленіемъ Богоматери, возмогоша и охрабѣшася, врата града отверзоша и устремишася съ воплемъ на враги, множество Запорогъ побиша, щиты, штурмы и приметы всѣ пожгоша, и бѣ явно видѣти преславную помощь Владычицы нашея Богородицы. Сагайдачный-же съ Запороги отступи отъ града со страхомъ, кричаще абіе гражданомъ: не блазнитеся о вашей силѣ и моемъ отходѣ, всячески утрѣ градъ вашъ, яко птицу, рукою моею возму, и пуста его положу и огню предамъ, а живущимъ въ немъ, малу и велику, повелю руку и ногу отсѣщи и повергнути псамъ.—И повелѣ всѣмъ своимъ Запорогомъ присягати на томъ, дабы, не взявъ града, прочь отъ него не отходити, и изготовивъ щиты, штурмы и приметы, пріиде на взятіе града августа въ 23-й день и обложи его со всѣхъ сторонъ снарядомъ. Жители-же града, видяще грозящую имъ погибель, взяша нерукотворенный образъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, да образъ Владычицы Богородицы Одигитріи, да образъ мѣстный небесныхъ силъ архистратига Михаила и великаго чудотворца Николы, преходя по стѣнамъ града, моляхуся тако: защитниче нашъ Господи, Господи, призри отъ святаго жилища Твоего на скорбь и озлобленіе людей Твоихъ, отжени и низложи враги наши, да не рекутъ намъ, гдѣ Богъ ихъ? Ты бо еси Богъ нашъ, иже гордымъ сопротивляешися, а на смиренныя окомъ милосердымъ призираеши; на Тя уповаемъ и отъ Твоея десницы избавленія чаемъ, Твоя бо держава неприкладна и владычество нерушимо. Избави градъ и люди Твоя отъ предстоящія бѣды и напасти.

Тако молящимся и плачущимся со священнымъ клиромъ всѣмъ людемъ явися чудо святаго Николы чудотворца. Пріиде въ соборную церковь архистратига Михаила нѣкто, именемъ Димитрій, портной мастеръ и повѣда священникомъ и всѣмъ предстоящимъ въ церкви: случися мнѣ во время утренняго пѣнія въ хижицы моей тонцѣ уснути, и пріиде ко мнѣ нѣкій человѣкъ старъ, власы на главѣ имѣя сѣдинами украшены и начатъ мя будити. Егда-же азъ яко бодрственъ быхъ, повѣда ми тако: почто у васъ во градѣ страхъ и ужасъ на всѣхъ и плачь неутѣшимъ? Выже не бойтеся, но молитеся и уповайте; услышана бо бысть молитва ваша и посылаетъ Богъ къ вамъ на помощь великаго чудотворца

Николу. И повелѣ мнѣ возрѣти на полуденную страну и, возрѣвшу ми, видѣхъ грядуща съ небеси великаго чудотворца Николу на воздусѣ: ризы на немъ быша бѣлы, яко снѣгъ, и на главѣ его вѣнецъ свѣтелъ, подобенъ злату. Отъ видѣнія сего ужасохся азъ страхомъ веліимъ и трепетенъ быхъ. Будящій-же повелѣлъ сказати священникомъ и всему міру, чтобы ходили со святыми иконы и кресты и молилися Богу и Преблагословеннѣй Владычицѣ Богородицѣ, и Богъ не предастъ васъ въ руки враговъ. Слышавше сіе, священницы и вси людіе взяша изъ соборныя церкви хоругвь, на ней-же написанъ нерукотворенный образъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, а на другой странѣ образъ небесныхъ силъ архистратига Михаила, да образъ защитницы нашея Богородицы запрестольный и другихъ церквей святыя иконы и поидоша на большой приступъ къ сторожевой башни, гдѣ Запороги приметъ приставиша къ стѣнѣ града, наполниша рвы ко граду землею и имѣяху лѣстницы готовы ради на градъ восхожденія; во градѣ-же и у ратныхъ людей зеліе въ то время истощась. И бишася вои и жителіе со враги ручнымъ оружіемъ и со стѣны града древомъ и каменіемъ метаху, а иніи, вышедъ изъ подградныя стѣны въ подкопы съ оружіемъ мечнымъ, многихъ Запорогъ побиша, и сами мнози за вѣру животъ свой положиша, а прочіи начаша зѣло изнемогати и скорбѣти. Пріидоша-же мнози Запороги и ко архангельскимъ вратамъ съ многими умыслы на взятіе града и начаша зажигати стѣну града. Въ то время принесоша во врата запрестольный образъ Владычицы нашея Богородицы, да хоругвь архистратига Михаила и образъ великаго чудотворца Николы, градскія-же воины и людіе начаша вопити съ плачемъ веліимъ о избавленіи града отъ погибели. И заступленіемъ архистратига Божія Михаила и великаго чудотворца Николы градскія вои со граждане охрабрѣшась, врата града отверзоша и начаша поражати враги со многою силою и одолѣніемъ. И бѣ видѣти преславное избранное воеводство Владыцицы нашея Богородицы, яко отроцы и жены устремишася на Запороги и множество ихъ побиша. Во истину совершися реченное: яко единъ гоняше тысящи. Такову крѣпость некрѣпкимъ и силу немощнымъ дарова Небесная Царица и заступница рода христіанскаго, яко минувшей нощи, а дню наставшу, щиты, штурмы и приметы, яже бяху привезли Запороги на взятіе града, и трупіева (?)

огню предаша, а священницы, клирицы, иночествующіе, начальникъ града и сущій съ нимъ людскій народъ, пришедъ въ соборную церковь, руки на небо воздѣюще, пѣша молебны, благодаряще со слезами Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу и Пренепорочной Матери Его, Владычицѣ нашей Богородицѣ, и небесныхъ силъ воеводѣ, архистратигу Михаилу, и великому чудотворцу Николѣ о преславномъ чудеси, о избавленіи града отъ предстоящія погибели. А всенагубный врагъ Сагайдачный съ остальными Запороги своими отъиде отъ града со страхомъ и скорбію августа въ 27-й день.

Чудо первое архистратига Михаила: егда стояше Сагайдачный подъ градомъ, въ то время нѣкто отъ Запорогъ умысли разрушити себѣ на потребу храмъ на посадѣ во имя архистратига Михаила, возлѣзе на храмъ и нача раскрывати и абіе взыде на него страхъ и ужасъ и погибе.

Чудо второе архистратига Михаила: егда поиде отъ града Сагайдачный съ Запороги, повелѣ на посадѣ храмы и домы вси сожещи. и жегоша всѣ храмы и посады, а на посадѣ стояша два храма во имя архистратига Михаила и Николы чудотворца въ великой тѣснотѣ среди дворовъ; и около ихъ вси домы погорѣша, а храмы милостію Божіею и заступленіемъ архистратига Михаила и великаго чудотворца Николы отъ огня невреждени быша.

И оттолѣ мы жители богохранимаго града Михайлова совершаемъ по вся лѣта торжественныя празднества въ тѣ дни, въ первый приступный день, августа въ 17-й день, чудо архистратига Михаила, а объ отшествіи отъ града Запорогъ августа въ 27-й день празднуемъ великому чудотворцу Николѣ.

Примѣчаніе. Подлинникъ приведеннаго документа, какъ отмѣчено въ свое время въ «Рязанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, хранился въ градскомъ соборѣ г. Михайлова и записанъ очевидцемъ монахомъ.

ДВА ПИСЬМА

историка Н. А. Маркевича о своемъ родоначальникѣ Маркѣ Аврамовичѣ.

Въ «Кіевской Старинѣ» за 1884 годъ (январьская книжка, стр. 51) помѣщена статья А. М. Лазаревскаго о родѣ Марковичей. Въ началѣ этой статьи почтенный авторъ говоритъ, что родоначальникъ Марковичей — Маркъ Аврамовичъ, по преданію, былъ выкрещенный еврей. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ однако указываетъ всего лишь на одинъ фактъ, который повидимому можетъ косвенно служить подтвержденіемъ вышеозначеннаго преданія; именно на стр. 74—75 дѣлается ссылка на журналъ генеральной канцеляріи 1723 года, гдѣ говорится, что на обѣдѣ у миргородскаго полковника шла рѣчь «о какихъ-то жидахъ новоокрещенныхъ, явившихся въ Малороссію». Едва-ли однако эти слова могли относиться къ Марковичамъ, ибо Маркъ Аврамовичъ, о которомъ существуетъ предположеніе, основанное должно быть только на его имени и отчествѣ, что онъ крестился, въ это время былъ уже давно въ могилѣ († въ 1712 году, въ августѣ); дѣти-же его и внуки въ это время, породнившись съ лучшими фамиліями тогдашней козацкой старшины и сами занимая довольно видные войсковые уряды, вполнѣ были представителями нарождавшейся тогда малороссійской аристократіи.

Другое мнѣніе о происхожденіи рода Марковичей считаетъ ихъ сербскими выходцами. Именно такъ думаетъ авторъ «Русской родословной книги» (изданіе журнала «Русской Старины», С.-Пб. 1873 и 1875 гг.). Но въ подтвержденіе своего мнѣнія, кромѣ того

указанія, что и доселѣ эта фамилія существуетъ въ Сербіи, авторъ никакихъ доказательствъ не приводитъ.

Извѣстный историкъ Малороссіи, Николай Андреевичъ Маркевичъ естественно былъ заинтересованъ происхожденіемъ и національностью своего родоначальника и собиралъ все, что только относилось къ этому предмету. Просматривая бумаги бывшаго черниговскаго губернскаго предводителя дворянства, покойнаго Александра Михайловича Марковича (родившагося въ 1790, † 1865 г.), о которомъ съ такимъ глубокимъ уваженіемъ отозвался въ концѣ вышеупомянутой статьи знавшій его лично А. М. Лазаревскій, я встрѣтилъ письма къ нему историка Маркевича. Два изъ этихъ писемъ относятся къ занимающему насъ предмету. Одно изъ нихъ собственно касается портрета Марка Аврамовича и лишь отчасти даетъ матеріалы для его біографіи, а другое почти цѣликомъ наполнено свѣдѣніями о немъ. Документальныя данныя, приводимыя въ этихъ письмахъ, опять таки прямо ничего не говорятъ о происхожденіи Марка Аврамовича, но они на мой взглядъ положительно говорятъ за то, что это не былъ выкрещенный еврей. А именно документы, бывшіе въ рукахъ Н. А. Маркевича, говорятъ, что уже отецъ Марка Аврамовича и его сестры, по мужу Бендычки, былъ владѣльцемъ земель и оселившихся на нихъ посполитыхъ крестьянъ, т. е. былъ державцею, помѣщикомъ того времени. О самомъ-же Маркѣ Аврамовичѣ въ этихъ документахъ говорится, что онъ былъ «славетный», т. е. знатный обыватель прилуцкій. Если-же къ этому прибавимъ, что дочь его была замужемъ сперва за генеральнымъ бунчучнымъ, а потомъ за гетманомъ, а два сына были женаты на полковничьихъ дочеряхъ, и это уже въ то время, когда малороссіяне придавали довольно большое значеніе родственнымъ связямъ, то мнѣ кажется, можно съ положительностію признать, что Маркъ Аврамовичъ, родоначальникъ нынѣшнихъ Марковичей и Маркевичей, не былъ выкрещенный еврей [1]).

---

[1]) Марковичи и Маркевичи происходятъ отъ одного и того-же родоначальника, Марка Аврамовича. Первые представители этого рода всѣ писали свои фамиліи черезъ *о*: «Марковичъ». Полонизировавшій свою фамилію, перемѣнивъ въ *о* на *е*, былъ, кажется, Иванъ Андреевичъ Маркевичъ (род. 1747, † 1814 г.), дѣдъ историка. Его потомки удержали это измѣненіе и до сихъ поръ. Старшая же отрасль этой фамиліи, и болѣе многочисленная, и нынѣ именуетъ себя правильно.

Считая упомянутыя письма Н. А. Маркевича интересными, какъ по занимающему насъ вопросу, такъ и по другимъ сообщаемымъ ими свѣдѣніямъ, а также и потому, что они отчасти характизуютъ и симпатичную личность нашего историка, съ разрѣшенія нынѣшняго владѣльца Марковичевскаго архива (въ с. Сварковѣ, глуховскаго уѣзда черниговской губерніи), Н. А. Марковича, привожу ихъ здѣсь цѣликомъ.

I.

1847 г. Генваря 27 дня. Радьковка.

Третьяго дня только я возвратился въ здѣшній уѣздъ и въ домѣ тестя моего засталъ ваше письмо, почтенный и милый сердцу моему Александръ Михайловичъ. Желанье ваше постараюсь выполнить; какъ нарочно я нашелъ на дняхъ живописца, крестьянина Софьи Гавриловны Писаревой, который весьма удачно снялъ портретъ красавицы со своей барыни; а кто можетъ передать такую красоту на холстъ сходно съ подлинникомъ, тотъ, по моему предположенію, можетъ сдѣлать снимокъ съ портрета предка нашего, весьма мною чтимаго, но не красавца. Между прочимъ, когда моя жена носила одного изъ моихъ сыновей, у меня въ то время былъ портретъ предка, и вотъ дѣло, относящееся къ физіологіи беременности: мой сынъ—вылитый предокъ. Дай Богъ, чтобъ былъ и такъ богатъ! Живописецъ Писаревой будетъ снимать портретъ жены моей, и если сниметъ его удачно, я договорю на копію со старика; а что возьметъ, о томъ предувѣдомлю васъ, и только дайте въ то время мнѣ знать, согласны-ли вы на цѣну [1]).

---

[1]) Копія съ портрета была снята для Ал. М. Марковича и сохранялась въ его сварковской усадьбѣ до пожара, бывшаго здѣсь въ 1872 году, отъ котораго всѣ портреты и библіотека (собранные Марковичемъ, авторомъ «Дневныхъ Записокъ») сильно пострадали; но все таки и донынѣ можно хорошо разсмотрѣть черты лица и одѣяніе Марка Аврамовича. Онъ изображенъ во весь ростъ и въ натуральную величину стоящимъ передъ аналоемъ съ молитвенными руками. На аналоѣ Распятіе и развернутая книга. Лицо съ высокимъ открытымъ лбомъ, обрамлено небольшою сѣдою бородою и длинными усами. Платье состоитъ изъ синяго кунтуша, подпоясаннаго узорчатымъ поясомъ, и наброшенной на плечи длинной кирси, опушенной горностаями. Кстати о другихъ старинныхъ портретахъ Марковн-

Вы желаете знать подробности о томъ, гдѣ и какъ я пріобрѣлъ этотъ портретъ. Вотъ вся повѣсть.

Предокъ нашъ строилъ дальнюю пятикупольную церковь и всѣ стѣны, съ лавками и безъ лавокъ, въ Густынѣ. Онъ умеръ въ глубокой старости, и положенъ былъ въ погребу монастырскомъ подъ главною пяти-купольною церковью, построенною гетманомъ Самуйловичемъ. Портретъ его, писанный съ мертваго, былъ поставленъ въ церкви съ лѣвой стороны, лицомъ къ образамъ иконостаса, къ сѣвернымъ вратамъ, у самаго амвона проповѣдника. Отвѣсно подъ портретомъ въ погребу поставленъ былъ гробъ старика.

Когда я учился у Павла Павловича Носенка, на Лапинцахъ, что подъ Прилукою, я часто бывалъ въ Густынѣ, и даже видалъ еще монаховъ, изъ которыхъ нѣкоторые доживали вѣка въ своемъ упраздненномъ монастырѣ; зданія еще не были тогда въ такомъ разрушеніи. Монастырскій фруктовый садъ еще былъ не вырубленъ, хотя деревья были стары; Маркевичевская церковь имѣла еще священника, купола были подъ крестами, глава не была наклонена; въ вышку было опасно ходить, но туда всходили, кто былъ похрабрѣе. Тамъ еще оставались книги и рукописи; ихъ послѣ перевезли въ черниговскій троицкій монастырь. Одна изъ нихъ: *лѣтопись густынская*, досталась мнѣ случайно. Я ввѣрилъ ее на время митрополиту Евгенію Болховитинову, но смерть его, которая отняла у насъ ученаго изыскателя древностей, отняла у меня рукопись драгоцѣнную; гдѣ она теперь, не знаю. Въ то время еще я видѣлъ полуразрушенную трапезу, зданіе предка-же моего, Ивана Степановича Мазепы. Тридцать два года спустя я сходилъ въ подвалы, нашелъ гробы Маркевичей, Горленковъ и одного Гудовича безъ кровель, скелеты безъ покрововъ, но галуны и даже шелковыя матеріи иныя уцѣлѣли, только цвѣтъ нѣсколько полинялъ. Меня водилъ туда самъ Варсонофій. Гдѣ стоялъ гробъ предка, тамъ

чей. Портретъ подскарбія генеральнаго Якова Марковича, сохранявшійся тоже въ с. Сварковѣ, сгорѣлъ во время сказаннаго пожара; гравюра съ него приложена къ «Дневнымъ Запискамъ». Портретъ-же гетманши Скоропадской, рожденной Марковичъ, съ котораго гравюра также приложена къ тѣмъ-же «Дневнымъ Запискамъ», сохраняется, рядомъ съ портретомъ ея мужа гетмана Скоропадскаго, въ гамалѣевскомъ монастырѣ (глуховскаго уѣзда, черниговской губерніи), котораго они были фундаторами.

куча костей, сброшенныхъ въ одинъ холмъ, какъ попало, и дѣтскія и крупныя вмѣстѣ. Одна изъ бумагъ, подлинная, мнѣ указываетъ, кто изъ Маркевичей, сколько далъ на монастырь и кто изъ нихъ въ немъ погребенъ [1]). Эта бумага—духовная запись, документъ на имѣнія, хранится у меня.

Возвратясь изъ Петербурга въ 1820-мъ году, я не нашолъ въ монастырѣ портрета предка моего. Но мнѣ тогда не время было отыскивать древности: мнѣ было 16 лѣтъ. Лучше всѣхъ древностей для меня въ то время были живые звуки, живые взгляды, живыя формы. Подъ старость только мы обращаемся къ тому, что было, и къ тому, что будетъ.

Въ 1829 году, возвратясь изъ Москвы, узналъ я, что одинъ изъ моихъ однофамильцевъ, предобрый человѣкъ, уже покойникъ (и хотя de mortuis aut bene, aut nihil—прости Господи мое прегрѣшеніе—дуракъ), наложилъ вполнѣ святотатственную руку, съ пригоршнемъ 25 цѣлковыхъ, на предка. Онъ купилъ его у попа, снялъ съ мѣста, освященнаго временемъ и переселилъ въ свою поганую лачугу. Спустя нѣсколько лѣтъ увидѣлъ я портретъ этотъ у моего сосѣда, тоже Маркевича; онъ купилъ его у того, я далъ ему билліардъ за предка; но какъ мой сосѣдъ до того времени имѣлъ всегда въ шкатулкѣ деньги, а принявъ билліардъ за предка, издержалъ эти деньги, да и вексель его на Голенковской пошолъ въ конкурсъ, то для обзаведенія денегъ снова онъ выпросилъ у меня, чтобъ я принялъ назадъ билліардъ, а портретъ возвратилъ-бы ему. Къ тому-же предокъ стоялъ въ столовой, мой старшій сынъ такъ испугался, такого крику надѣлалъ, увидѣвши пращура, что жена моя съ той поры стала враждовать къ предку. Не скоро послѣ того Варсонофій пріѣхалъ обновлять густынскій монастырь, и, какъ одного изъ главныхъ его строителей, я купилъ предка и возвратилъ ему древнее жилище его.

Что касается до надписи, я и самъ не могъ ее прочитать; но которыя буквы явственны, тѣ такъ и снимутъ на конію. Я помнилъ одно химическое средство давать цвѣтъ буквамъ, написаннымъ масляными

---

[1]) Въ густынскомъ монастырѣ похоронены еще сынъ Марка Аврамовича Иванъ, судья полковой прилуцкій, и его жена, рожденная Думитрашко-Ранчъ.

красками, когда ихъ стерло время. Подъ буквами, какъ подъ всякими красками, есть грунтъ; этотъ грунтъ получаетъ красный цвѣтъ, въ то-же время цвѣта другіе появляются по сторонамъ буквъ. Если я отъищу или припомню это химическое средство, то употреблю непремѣнно.

Мнѣ грустно, вспоминая о томъ, какъ долго не видѣлъ я васъ. Въ апрѣлѣ мнѣ хочется быть въ Глуховщинѣ, и тогда надѣюсь навѣстить сварковскаго хозяина. Въ это время Клевень долженъ быть восхитителенъ съ безконечными лѣсами, безбрежнымъ разливомъ, съ горами праваго берега и селами по окраинѣ. Все это хорошо, даже восхитительно, украшенное мастерскою рукою садовника, оживленное прелестнымъ присутствіемъ хозяина. Но вотъ что отнюдь не хорошо, вовсе не восхитительно: отъ Прилуки до Туровки близко, изъ Перервинецъ въ Прилуку должно ѣхать въ шести верстахъ отъ Туровки; лошадей у меня много, почта все стояла-бы тамъ, гдѣ вы-бы указали, и не смотря на все это, вы никогда не видѣли ни дому, ни саду моего; я ни разу еще не пожалъ руку вашу, какъ хозяинъ, много разъ пожималъ ее, какъ гость.

Обнимая васъ отъ всего преданнаго вамъ сердца, остаюсь навсегда и неизмѣнно вашъ

И. Маркевичъ.

Julie просила напомнить вамъ объ ней и благодарить за приписку.

II.

1848 г. Марта 25 дня.

Поздравляя васъ съ праздникомъ Благовѣщенія, спѣшу увѣдомить васъ, почтеннѣйшій Александръ Михайловичъ, что на дняхъ получилъ я 39 номеровъ подлинныхъ рукописей въ подарокъ изъ разныхъ мѣстъ. Въ числѣ этихъ рукописей есть совершенно новая для меня «лѣтопись Малороссіи», писанная въ гетманство Богдана Хмельницкаго, которую я на время отправилъ въ императорское московское общество исторіи и древностей россійскихъ. Переписка зятя Мазепы Дм. Горленка съ Головкинымъ, Шафировымъ, Голицынымъ и Шереметевымъ и много другихъ историческихъ и статистическихъ бумагъ. А между прочимъ подлинные документы, разъясняющіе то, что намъ было не-

понятно на щотъ нашего родоначальника Марка Авраамовича, котораго портретъ я возвратилъ монастырю густынскому. Зная, какъ для васъ интересно это, увѣдомляю васъ о столь важной для всѣхъ насъ находкѣ.

№ 1-й. Запись пана Ивана Маркевича (сына Марка) 1712 годъ, сентября 15. Въ ней сказано между прочимъ: «ижъ лѣсъ свой властный, никому ни въ чемъ не пенный и не заведенный, *по отцеви имъ зосталый за Сельцемъ* Будами... *небожчика* (покойника) *блаженной памяти пана Марка Авраамовича... помежъ лѣса Андрея Горленка*» (полковника прилуцкаго) и пр. По этому видно уваженіе къ старику.

№ 2. Запись Дмитрія Горленка на лѣсъ купленный у «*Марка Авраамовича, славетнаго* (славнаго) *обывателя нашего прилуцкаго*». Годъ 1701, октября 5 дня. Это доказываетъ, что онъ былъ землевладѣлецъ и еще знатный баринъ, но не служилъ, а просто жилъ въ Прилукѣ свободнымъ паномъ.

№ 3. Тяжба Анастасьи Марковны Скоропадской съ Горленкомъ. Вотъ любопытная изъ этого документа выписка. «Жона его, покойнаго пана гетмана Скоропадскаго, Анастасія Марковна здавна въ своемъ намѣреніи положила обѣщаніе монастырь дѣвичій, въ способномъ на тое мѣсцу, именуемомъ Харлампіева пустынька, якій теперь называется Гамалѣевскій, своимъ иждивеніемъ ново создати, и до онаго мельницъ зъ прочіими кгрунтами власною своею суммою покупила, также собственный свой *отеческій хуторъ, именуемый дубогаевскій* (с. Дубовый гай), *въ прилуцкомъ полку обрѣтаючійся, съ людьми тамъже на купленныхъ кгрунтахъ поселенными и съ приселками: Яблуновцемъ* (Яблоновка), *Бѣлошапкою, Дейманoвкою, Сергіевкою и двѣ Дѣвички къ нему* (т. е. дубогаевскому хутору) *належачими отдала*». И такъ этотъ Маркъ Авраамовичъ, главный строитель густынскаго монастыря, славный обыватель прилуцкій, былъ владѣлецъ посполитыхъ крестьянъ и выше названныхъ селъ, въ которыхъ нынѣ казенныхъ крестьянъ, отнятыхъ отъ монастыря Екатериною, числится 8,000 душъ въ однихъ уѣздахъ прилуцкомъ и пирятинскомъ. Бумага писана въ 1728 году, февраля 6 дня.

Годъ тому назадъ, между другими манускриптами, получилъ я одинъ документъ фамильный, по которому видно, что Маркъ Авраамовичъ

имѣлъ дѣтей: Андрея [1]), Федора [2]), Ивана [3]) и четырехъ дочерей, коихъ имена названы, но ихъ не помню, бумаги-же въ Туровкѣ; только помню, что отецъ выдалъ ихъ за двухъ генеральныхъ старшинъ: Гонзаревскаго и Миклашевскаго, за наказнаго гетмана Павла Полуботка (въ первомъ бракѣ) и за гетмана Скоропадскаго [4]).

Въ выше приведенномъ документѣ, № 3-й, оказывается, что у Марка Авраамовича была сестра, женщина богатая имѣніями *движимыми и недвижимыми*, на которыя совершила духовную запись въ Прилукахъ; ея фамилія была: *Бендычка*. Слѣдовательно, какъ сонаслѣдница Марка Авраамовича, она была дочерью владѣльца земель и крестьянъ, и отецъ ихъ Авраамъ былъ паномъ надъ посполитыми.

Всѣ эти документы подлинные и за печатями.

Между прочимъ мой одинъ сосѣдъ, почтенный старикъ Пав. Павл. Бѣлецкій-Носенко подарилъ мнѣ два труда своихъ весьма замѣчательныхъ, огромныхъ и важныхъ для филологовъ—грамматику и словарь языка малороссійскаго. Полнота ихъ такъ велика, что изъ всѣхъ моихъ древнихъ манускриптовъ я могъ выбрать только 40 терминовъ, пропущенныхъ въ его словарѣ. Съ этими пособіями намъ теперь легко понимать и разбирать древнія акты и лѣтописи, ибо туда вмѣщена и палеографія. Авторъ передалъ мнѣ законнымъ порядкомъ право собственности на эти труды свои, и я уже отнесся въ отдѣленіе россійской академіи наукъ; съ нетерпѣніемъ жду объ нихъ отвѣта.

---

[1]) Родился 1674 г. Сотникъ глуховскій 1709—1714 г., полковникъ лубенскій 1714—1729 г., подскарбій генеральный 1729—1740 г., обозный генеральный въ отставкѣ съ 1740 года, † 1747 г. Жена Анна Ивановна Маковская, дочь сотника кролевецкаго.

[2]) Бунчуковый товарищъ, наказной полковникъ прилуцкій, потомъ гадяцкій. Жена Екатерина Степановна Томара, дочь полковника переяславскаго.

[3]) Судія полковой прилуцкій, † 1724 г. Жена Екатерина Федоровна Думитрашко-Рапчъ.

[4]) У Марка Аврамовича было пять дочерей: 1) извѣстная Анастасія, гетманша; 2) Ирина, бывшая замужемъ за Степаномъ Михайловичемъ Миклашевскимъ, бунчуковымъ товарищемъ, сыномъ извѣстнаго полковника стародубскаго; 3) Пелагея; мужъ ея Андрей Кондзеровскій никогда не былъ генеральнымъ старшиною; онъ былъ господарь, т. е. домоправитель шурина своего гетмана Скоропадскаго; 4) Марина; мужъ ея Павелъ Имшенецкій; 5) Параскевія; мужъ ея Демьянъ Якубовичъ, бунчуковый товарищъ.

Что скажете вы о дѣлахъ европейскихъ? Европа превратилась въ Этну. Не найдете-ли Геркулеса, который зальетъ этотъ волканъ волнами океана, называемаго Россіею?

Я жду отъ васъ отвѣта съ нетерпѣніемъ.

Васъ вполнѣ уважающій и столько-же преданный

Н. Маркевичъ.

Моя Julie вамъ кланяется.

Сообщ. **Петръ Дорошенко.**

С. Баничи
Черниговской губ., глуховскаго у.

Библіографія.

Малорусскія литературныя новинки 1885 года.

Десять книжекъ и книжечекъ—таково скромное число этихъ новинокъ. Въ свое время мы бесѣдовали о важнѣйшихъ изъ нихъ, сборникѣ «Рада» и новостяхъ Мордовцева. Предъ нами теперь пачка брошюръ и Альманахъ «Нива», вышедшій въ Одессѣ.

Преобладаютъ поэты. Пять книгъ на языкѣ боговъ, изъ десяти напечатанныхъ, не слишкомъ-ли много? Въ словесности, стоящей болѣе нормально, не стоило бы, конечно, печалиться о появленія плохихъ виршей. Всегда и вездѣ плохихъ книгъ больше, чѣмъ хорошихъ. Пускай-бы тѣшились авторы и плакали издатели. Но тамъ, гдѣ все на счету, гдѣ все ставится въ строку, нестройные вопли самозванныхъ сыновъ музъ нельзя не признать рѣжущей ухо и ненужной музыкой. Кому и для чего нужна хоть эта безконечная и вялая болтовня, названная «Украинскими сказками», сочиненная въ Кіевѣ какой-то Наталкой Хуторнычкой? Кто станетъ тратить время на чтеніе «Першихъ (!) ліричныхъ творивъ» г. Жарка, которыми подарила насъ Полтава? Хромые стихи, отсутствіе представленія о размѣрѣ, избитыя передразниванья Шевченка и народныхъ мотивовъ. За отсутствіе таланта винить нельзя; но можно требовать, чтобъ, выступая съ ворохомъ стиховъ, «поэтъ» сказалъ-бы хоть что нибудь не съ чужаго голоса, хоть одно *свое* искреннее слово. Большинство пѣвцовъ не дѣлаетъ двухъ шаговъ, и еще какихъ шаговъ, внѣ заколдованнаго круга шевченковскихъ мотивовъ. Разумѣется, тутъ все дѣло въ слабости юныхъ силъ.

Поэма г. Кострицкаго «Нова Громада» выдѣляется по размѣрамъ и по пріему. Она посвящена еврейскому вопросу въ нашихъ селахъ и дышетъ ненавистью къ іудеямъ. Извѣстно, какими болѣзненными вспыш-

ками напоминаетъ о себѣ этотъ вопросъ, какимъ сложнымъ и труднымъ представляется его рѣшеніе. Кому-бы, кажется, пришло въ голову усугублять эту трудность стихотворной формой? Г. Кострицкій этой трудности не побоялся и рѣшаетъ еврейскій вопросъ въ стихахъ. Его стихи дѣловые. У него нѣтъ типовъ, но есть практическіе совѣты. Еще шагъ, и мы вернемся къ поэмамъ «О пользѣ стекла».

Нѣтъ сомнѣнія, что въ своей массѣ еврейское племя не знаетъ другого культа, кромѣ культа наживы. Какъ въ оны дни въ пустынѣ, оно поклоняется и теперь золотому тельцу. Безчисленными свидѣтельствами доказана также эксплуатація имъ сельскаго народа въ прошломъ и настоящемъ. Но г. Кострицкій въ своей ненависти къ жидамъ заходитъ слишкомъ далеко, когда приписываетъ всю удивительную метаморфозу изображаемаго имъ села одному только факту изгнанія Янкеля и Гершка: послѣ этого изгнанія село стало неузнаваемымъ: завелась прекрасная школа, съ учителями изъ мѣстныхъ людей, возникла общественная лавка, удѣляющая половину дохода на школу, мастерская необходимыхъ въ сельскомъ быту орудій и предметовъ, появилась, вмѣсто шинка, *господа*, родъ деревенскаго клуба, мѣсто встрѣчъ и отдыха. Для описываемаго эллизіума одного выселенія евреевъ слишкомъ мало... Справедливость требуетъ сказать, что въ этой дикой и неуклюжей поэмѣ есть мысли, свидѣтельствующія объ истинной любви къ сельскому люду и что языкъ разсказа непринужденъ и чистъ.

Къ области юдофобіи относится и фарсъ г. Бораковскаго «Влюбленный жидъ», о которомъ не стоило-бы упоминать, если-бы въ немъ, сквозь площадную грубость, не виднѣлась несомнѣнная комическая жилка. По части театра вышла еще драма «Неспарована Пара», скучный перифразъ хорошей старой пьесы «Доля» Стеценка. Въ Харьковѣ вышло новое изданіе сочиненій г. Кропивницкаго. Въ книгу не вошли почему-то пьесы «Глитай» и «По ревизіи», двѣ лучшія вещи автора, и комедія «Доки сонце зійде...», совсѣмъ не бывшая въ печати.

Въ одесскомъ альманахѣ «Нива» остановимся прежде всего на отрывкѣ изъ «Одиссеи» VI пѣсни въ переводѣ г. Нищинскаго. Уже переводомъ софокловой «Антигоны» г. Нищинскій обратилъ на себя вниманіе. Полный переводъ «Одиссеи», равный по достоинству напечатанному отрывку, поставилъ-бы его въ украинской словесности на очень почетное мѣсто. Въ переводѣ «Антигоны», точномъ, но нѣсколько суховатомъ, попадались изрѣдка маленькія увлеченія и неловкости. Неожиданно было появленіе въ эллинскихъ устахъ начала пѣсни «Ой не шуми луже...», или передача слова ἀνοῖξ (вождь) словомъ полковникъ. Въ прекрасныхъ гекзаметрахъ «Одиссеи» не замѣтно усилія; стихъ сво-

боденъ и легокъ, въ языкѣ нѣтъ ни одного натянутаго оборота, и, что важнѣе всего, переданъ превосходно общій духъ великаго произведенія древности, та спокойная ясность, та возвышенная красота, которыми, какъ лучами солнца, насквозь пронизано созданіе «всевидящаго слѣпца». Юношеская простота древней культурной жизни въ сравненіи съ новѣйшею европейскою, повидимому, представляетъ покуда болѣе подходящія условія для передачи на малорусскій языкъ созданій античнаго міра, чѣмъ западно-европейскихъ поэтическихъ произведеній.

Въ «Перепискѣ» Гоголя, по поводу перевода «Одиссеи» Жуковскаго, есть нѣсколько дивныхъ страницъ. Нельзя не вспомнить словъ великаго писателя, желая появленія полнаго труда г. Ницинскаго и его распространенія: «Одиссея есть именно то произведеніе, въ которомъ заключались всѣ нужныя условія, дабы сдѣлать его всеобщимъ и народнымъ. Оно соединяетъ всю увлекательность сказки и простую правду человѣческаго похожденія, имѣющаго равную заманчивость для всякаго, кто-бы онъ ни былъ».

Значительною оригинальною вещью одесскаго сборника является разсказъ г. И. Левицкаго «Чортяча Спокуса»,—повѣствованіе кишиневской вдовы мѣщанки о томъ, какъ ее сначала искушалъ демонъ пьянства, въ лицѣ коварныхъ сосѣдокъ, а потомъ чуть-ли не самъ нечистый, въ образѣ молодого цыгана Грегора, оказавшагося разбойникомъ, котораго она безумно полюбила. Начало разсказа растянуто и представляетъ не совсѣмъ стройное соединеніе юмора съ попыткой пьяницкой психологіи. Но съ появленія на сценѣ полудикаго Грегора весь складъ повѣствованія измѣняется совсѣмъ. Развитіе этой непобѣдимой, пламенной страсти изображено съ удивительной силой. Здѣсь прекрасный талантъ автора предстаетъ предъ нами во весь ростъ. Могучій, дикій образъ разбойника, съ его темной душой и вспышками страсти, нельзя забыть, и онъ останется однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ въ ряду лицъ, созданныхъ авторомъ «Двухъ московокъ».

Пьеса г. Старицкаго «Утоплена», какъ вещь назначенная для сцены, какъ канва для музыки, могла-бы стоять внѣ литературнаго разбора; но, появляясь въ литературномъ сборникѣ, она очевидно имѣетъ въ виду другой масштабъ. Какъ во всѣхъ передѣлкахъ этого автора, отличительная черта пьесы—сценичность, стремительность дѣйствія. Но что такое эта пресловутая сценичность?

Какъ въ романѣ, такъ и въ драмѣ обозначаются рѣзко два типа: психологическій и внѣшній (романъ или драма внѣшнихъ событій, приключеній). Только исключительнымъ талантамъ, какъ Гоголь, какъ Островскій, удается рука объ руку съ развитіемъ дѣйствія рисовать и харак-

теръ, и душевный складъ лицъ, и мотивы ихъ поступковъ. Комедія событій заботится только о непрерывающемся дѣйствіи, о неослабномъ сценическомъ движеніи. Ей не по силамъ да и некогда заниматься обрисовкой лицъ. Пусть зритель объясняетъ причины ихъ поступковъ, какъ хочетъ и умѣетъ. Онъ станетъ искать объясненія, во всякомъ случаѣ, потомъ, такъ какъ въ театрѣ онъ едва поспѣваетъ слѣдить за ходомъ дѣйствія. Прототипа пьесъ такого рода надо искать въ театрѣ маріонетокъ, а самаго блистательнаго развитія въ французской драматургіи, въ пьесахъ Скриба, съ ихъ условными, окаменѣлыми типами, необычайной быстротою дѣйствія и ловкостью завязки и развязки.

Все сказанное только отчасти относится къ пьесѣ г. Старицкаго, представляющей просто приспособленіе къ сценѣ извѣстнаго гоголевскаго разсказа. Погоня за сценичностью не могла окончательно убить поэтической стороны этой хуторской легенды; но доведенная до крайности въ другихъ отношеніяхъ, она есть ничто иное, какъ благополучное возвращеніе къ театру маріонетокъ.

Въ «Нивѣ» есть маленькій сборничекъ народныхъ пѣсень одесскаго уѣзда, представляющій интересную попытку собранія пѣсенныхъ мотивовъ, имѣющихъ обращеніе въ опредѣленномъ районѣ. Къ сожалѣнію, сборникъ очень не великъ. Сосѣдство народныхъ пѣсень очень не выгодно для цѣлой арміи «поэтовъ», испещрившихъ альманахъ своими пѣснопѣньями. Стихи этихъ господъ не удовлетворяютъ даже простѣйшему требованію соблюденія размѣра. У Мольера выведенъ гдѣ-то наивный буржуа, который изумляется не мало, узнавъ въ старости, что всю жизнь онъ говорилъ прозой. Бѣднякъ никогда не задумывался объ этомъ. Удивленіе гг. Незвистного, Ухача и друг., если-бъ имъ суждено было прозрѣть, было-бы гораздо основательнѣе. Вѣдь теперь они убѣждены серьезно, что пишутъ стихами. **W.**

Къ исторіи полемики между московскими и малорусскими учеными въ концѣ XVII ст., И. Шляпкина. (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1885 г., октябрь, стр. 210—252).

Въ борьбѣ съ католической Польшей за свободу вѣроисповѣданія малоруссы въ XVII ст. невольно усвоили себѣ нѣкоторыя ученія западной церкви, напримѣръ, ученіе о томъ, что пресуществленіе св. Даровъ на литургіи происходитъ во время произнесенія словъ Христа Спасителя: «пріймите, ядите» и проч. Статья г. Шляпкина о полемикѣ между московскими и малорусскими учеными представляетъ подробное изслѣдованіе о тѣхъ спорахъ среди духовенства и мірянъ, которые были вызваны появ-

леніемъ хлѣбопоклонной ереси въ Малороссіи и въ Москвѣ. Вопросъ о времени пресуществленія св. Даровъ вызвалъ въ XVII в. полемику и рѣзко выдвинулъ двѣ, тогда еще нѣсколько скрытыя, партіи православнаго духовенства—великорусскую и малорусскую. Г. Шляпкинъ указываетъ на то, что не только малорусскіе архіереи, но и въ самой Великороссіи, въ началѣ спора, многія высшія духовныя лица держались мнѣнія, что пресуществленіе совершается при произнесеніи словъ Спасителя: «пріймите, ядите» и проч. Митрополитъ казанскій, впослѣдствіи московскій патріархъ Адріанъ, раздѣлялъ это мнѣніе. Другой архіерей, митрополитъ Павелъ рязанскій, еще въ 1683 г. въ наставительной грамотѣ духовенству своей епархіи писалъ, что пресуществленіе св. Даровъ совершается при словахъ: «пріймите, ядите» и проч. Самъ Евфимій, столь усердно спорившій съ латинствующими малоруссами, въ своемъ «Воумленіи іереямъ» приписывалъ пресуществленіе словамъ Христа Спасителя и лишь впослѣдствіи исправилъ свое мнѣніе. Если принять, что «Слово о благоговѣйномъ слушаніи литургіи» (Синод. библ., № 147, л. 303) принадлежитъ патріарху Іоакиму, какъ писалъ въ оглавленіи этой рукописи владѣлецъ ея, св. Димитрій Ростовскій, то окажется, что и самъ патріархъ Іоакимъ требовалъ когда-то поклона при словахъ Христовыхъ. Тѣмъ болѣе выдается та настойчивость, съ которой патріархъ Іоакимъ сталъ въ концѣ 80-хъ годовъ преслѣдовать это мнѣніе о времени пресуществленія св. Даровъ, преслѣдовать въ Москвѣ Сильвестра Медвѣдева и его единомышленниковъ, а въ Малороссіи все высшее духовенство. По видимому, въ данномъ случаѣ на патріарха большее вліяніе оказали братья Лихуды и въ особенности инокъ Евфимій. Въ статьѣ г. Шляпкина довольно много мѣста отведено препирательствамъ патріарха Іоакима съ высшимъ малорусскимъ духовенствомъ о времени пресуществленія св. Даровъ. Возникшая по этому поводу въ Москвѣ полемическая литература проникла въ Малороссію и здѣсь сочувствіе было на сторонѣ Сильвестра Медвѣдева. Мазепа писалъ Шакловитому: «Книги ваша вельможность далъ мнѣ за великую тайну (т. е. «Манну» С. Медвѣдева и «Акосъ» Лихудовъ), но вижу, что уже давно по всему Кіеву ихъ знаютъ, такожде и въ Черниговѣ... Тіи же книги присланы митрополиту, ко архіепископу и архимандриту (п. Іоакимомъ)... желаютъ дабы одно разумѣли съ греками тѣми двѣма (т. е. Лихудами) и дабы оно свое разумѣніе на письмѣ прислали; но всѣ духовные (не только) подписатися на оно, что Медвѣдевъ правду пишетъ, а они (греки) ложь, но и умирати готовы. На ону греческую книжку, по указу митрополита и всего чина духовнаго, отписываетъ Монастырскій». Въ статьѣ г. Шляпкина личность и дѣятельность Монастырскаго впервые опредѣлены съ

точностію и полнотою, и въ этомъ отношеніи статья г. Шляпкина представляетъ серьезный научный интересъ, тѣмъ болѣе, что сообщенія его о полемической дѣятельности товарищей Монастырскаго, митрополита Гедеона, арх. Лазаря и архим. Варлаама, представляютъ повтореніе лишь извѣстнаго въ печати. Монастырскій—игуменъ кирилловскаго монастыря Иннокентій. Составленный имъ въ 1689 отъ имени кіевскаго митрополита отвѣтъ патріарху Іоакиму о времени пресуществленія св. Даровъ считался потеряннымъ. Онъ однако существуетъ въ рукописи, находящейся въ императорской публичной библіотекѣ, и г. Шляпкинъ приводитъ его полное заглавіе и дѣлаетъ изъ него любопытное извлеченіе. Отвѣтъ составленъ съ значительной фактической аргументаціей и съ ироніей. Такъ, Иннокентій въ концѣ своего отвѣта говоритъ о Лихудахъ малорусскимъ присловьемъ: «Лихій (Лихуды) доброму найдетъ чимъ досадити» и затѣмъ заключаетъ сочиненіе словами: «Безстыдно убо Лихудіевы клевещутъ на святую соборную малороссійскую церковь, нарицающе ей сыновъ быти македоніани». Въ 1690 г. Иннокентій пріѣхалъ въ Москву, въ свитѣ гетмана Мазепы, со многими другими духовными лицами, представился патріарху Іоакиму, и въ то время, когда другіе малорусскія духовныя лица «благочестно разглаголствоваху и... святѣйшему патріарху соединишася», Иннокентій Монастырскій, «родомъ жидовинъ, къ раздору церковному приложилъ, еще святѣйшаго Іоакима патріарха безчестити и безстыдно укоряти, таковыя ради вины, яко гнилъ удъ, проклятъ былъ и отосланъ». Высланный изъ Москвы, Иннокентій возвратился въ Малороссію и здѣсь оставался игуменомъ кирилловскимъ до смерти, послѣдовавшей въ 1697 г. Въ концѣ концовъ, малоруссы, какъ извѣстно, покорились, вполнѣ принявъ предложенное патріархомъ Іоакимомъ толкованіе о времени пресуществленія св. Даровъ.

«Исторія полемики о пресуществленіи, говоритъ г. Шляпкинъ въ концѣ своей статьи, показываетъ, что какъ въ расколъ, такъ и въ латинство, впадали лучшіе даровитѣйшіе люди своего времени. Въ сравненіи съ сторонниками православной партіи, исключая Лихудовъ, получившихъ образованіе за границей, латинствующіе стоятъ гораздо выше и по эрудиціи, и по гуманности своихъ взглядовъ; они требуютъ болѣе терпимости къ латинству, къ иновѣрнымъ, даже приносятъ за нихъ жертвы на просвомидіи (см. Остенъ). Въ самой полемикѣ они отличаются большей мягкостью и требуютъ убѣжденія словомъ, а не заточеніемъ или сожженіемъ. Не даромъ латинскій фанатикъ Петръ Артемьевъ, укоряя великоруссовъ въ жестокости, говоритъ: «нѣмые учители у дыбъ стоятъ въ Константиновской башнѣ; вмѣсто евангелія огнемъ просвѣщаютъ; вмѣсто апостола кнутомъучатъ» (Рукоп. акад. наукъ, № 191). Н. С.

Ueber die historische Bedeutung des Basilianerordens in Galizien und seine gegenwärtigen Verhältnisse. Von I. Iwanowicz. Leipzig, 1885. (Историческое значеніе базиліанскаго ордена въ Галиціи и его настоящія отношенія).

Три съ половиною года назадъ все русско-уніатское населеніе Галиціи совершенно неожиданно было поражено папскою буллою («Singulare praesidium», отъ 12 мая 1882 г.), по которой одинъ изъ богатѣйшихъ историческихъ монастырей края, базиліанскій добромильскій монастырь, основанный въ началѣ XVII в. Иваномъ Щаснымъ Гербуртомъ и женою его Елизаветою, княгинею Острожскою, передавался въ руки іезуитовъ. Оказалось впослѣдствіи, что передача подготовлена была интригами нынѣшняго провинціала галицкихъ базиліанъ, человѣка весьма небезъукоризненной жизни, старавшагося преступнымъ относительно русскаго народа усердіемъ къ латинству поддержать свое пошатнувшееся положеніе. Передача была названа въ буллѣ временною, для реформы яко-бы въ болѣе строгомъ христіанскомъ духѣ монашеской жизни. Но русскій народъ въ Галиціи по тяжелому историческому опыту зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Одно имя іезуитовъ не предвѣщало ничего хорошаго. Понятно поэтому, что всѣ галицко-русскіе патріоты, выражая въ данномъ случаѣ настроеніе всего русинскаго населенія, подняли страшную тревогу. Русинская періодическая пресса была впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ переполнена всесторонними обсужденіями совершившагося факта; собирались митинги, составлялись протесты, но ничто не помогло. Напротивъ, черезъ нѣсколько времени появились слухи, все настойчивѣе повторявшіеся и совершенно основательные, какъ оказалось впослѣдствіи, что участь добромильскаго монастыря готовится и другому богатому монастырю—лавровскому. Все населеніе Галиціи пришло въ крайне возбужденное состояніе. Во Львовѣ собралось «вѣче», на которое явились русскіе представители всѣхъ сословій и краевъ Галиціи; вѣче составило формальный протестъ противъ незаконныхъ дѣйствій папы и избрало изъ почетнѣйшихъ лицъ депутацію къ императору и папскому нунцію въ Вѣнѣ, для ходатайства объ отмѣнѣ насильственныхъ реформъ.

Въ чемъ-же однако дѣло? Отчего такой шумъ изъ-за двухъ какихъ нибудь монастырей? Отвѣтъ на эти вопросы даетъ лежащая предъ нами брошюра, написанная въ самый разгаръ патріотической борьбы, лицомъ (фамилія Ивановичъ—псевдонимъ), очевидно близко стоящимъ къ дѣлу и глубоко изучившимъ родную исторію.

Содержаніе брошюры дѣлится на три части: въ первой кратко излагается исторія появленія монастырей въ юго-западной Руси и Литвѣ вообще и въ Галиціи въ частности и культурно-историческое ихъ значеніе; вторая часть посвящена исторіи монастырей подъ польскимъ владычествомъ, до и послѣ брестской уніи; въ третьей разсматривается состояніе галицкихъ монастырей подъ австрійскимъ владычествомъ и обсуждается значеніе упомянутой выше папской реформы. Опуская первую часть и тѣ страницы второй, въ которыхъ говорится о разрядахъ русскихъ монастырей и ихъ устройствѣ до принятія уніи, остановимся нѣсколько на судьбѣ русско-литовскихъ и галицкихъ *уніатскихъ* монастырей.

Надо помнить, что галицкія православныя епархіи (львовская и перемышльская) позже всѣхъ другихъ приступили къ уніи. Хотя еще Сигизмундъ III, въ 1612 г., назначилъ въ Перемышль уніатскимъ епископомъ Крупецкаго, учителя Владислава IV, но рядомъ съ нимъ въ Перемышлѣ, какъ и въ Украйнѣ послѣ посѣщенія патріарха Ѳеофана при гетманѣ Сагайдачномъ, существовала православная іерархія, во Львовѣ-же до конца XVII в. и вовсе не было уніатскаго епископа. Окончательно введена унія въ Галиціи въ 1692—1700 гг., но двойственность іерархіи прекратилась только въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVIII в., при чемъ нѣкоторые монастыри еще долго держались православія. Только въ 1739 г. можно было сконцентрировать всѣ галицко-волынскіе монастыри въ особую *русскую* базиліанскую провинцію, заключавшую въ себѣ епархіи: владимірскую, луцкую, холмскую, перемышльскую и львовскую, т. е. области древнихъ галицкаго и владимірскаго княжествъ. На генеральномъ базиліанскомъ соборѣ въ Дубнѣ въ 1743 г. *русская* базиліанская провинція была присоединена къ *литовской* и отдѣлилась отъ нея опять въ 1783 г., послѣ того какъ по первому раздѣлу Польши въ 1772 г. Галиція отошла къ Австріи. Стало быть реформы монастырей, о которыхъ сейчасъ будетъ сказано, до 1739 года касаются только Литвы и Украйны.

По утвержденіи уніи, въ присоединенной церкви все остается нѣсколько времени по старому. Монастыри сначала не составляли никакой особой церковной организаціи, какъ и во время православія. Но уже во 2 е десятилѣтіе XVII в. папа обратилъ на нихъ вниманіе и рѣшилъ сблизить ихъ въ административномъ отношеніи съ католическими монашескими орденами. Орудіемъ реформы былъ избранъ бывшій кальвинистъ, затѣмъ ревностный католикъ Іосифъ Вельяминъ Рутскій, принявшій для сего случая греческій обрядъ и сдѣланный уніатскимъ митрополитомъ. Въ 1617 году имъ былъ созванъ соборъ въ Новгородкѣ, на которомъ рѣшено изъять монастыри изъ подъ юрисдикціи епископовъ и учредить должность протоархимандрита, которому подчинить управле

ніе всѣми уніатскими монастырями. Чтобы клиръ и народъ привыкъ къ новой организаціи, должность протоархимандрита долго переносилась на особу митрополита, такъ что существовалъ только принципъ отдѣльности базиліанскаго монашескаго ордена отъ епархіальныхъ властей, на дѣлѣ-же все шло по старому. Въ 1674 г. наконецъ было отнято званіе протоархимандрита у митрополита Кипріана Жоховскаго и избрано на эту должность особое лицо, непосредственно подчиненное римской куріи. Папа рѣшилъ установить полную автономію базиліанъ, конечно, для большаго приравненія ихъ къ латино-католикамъ. Была, впрочемъ, соблюдаема нѣкоторая постепенность въ дѣйствіяхъ по намѣченной реформѣ. Такъ митрополитъ продолжалъ предсѣдательствовать въ общихъ базиліанскихъ конгрегаціяхъ, принимать присягу отъ протоархимандрита при вступленіи послѣдняго въ должность и проч. Отдѣленіе базиліанъ отъ епархіальнаго духовенства повлекло за собою безпрерывныя взаимныя столкновенія духовныхъ властей, пагубное для внутренняго церковнаго мира соревнованіе ихъ въ присвоеніи себѣ авторитета и проч. Споръ до того тяготилъ уніатскую церковь, что даже короли не разъ обращались къ папамъ съ жалобами на высокомѣріе монашескаго начальства. Что касается внутренняго устройства ордена, то начало синодальнаго и избирательнаго правленія, составлявшія отличительную черту восточной церкви, такъ были сильны въ сознаніи самихъ базиліанъ, что папы не рѣшались посягнуть на нихъ даже въ періодъ польскихъ королей изъ дома Вазовъ, наиболѣе благопріятствовавшихъ римскому абсолютизму. Протоархимандритъ избирался настоятелями монастырей, а настоятели братіею. Перваго окружалъ совѣтъ такъ называемыхъ консульторовъ, вторыхъ—совѣтъ выборныхъ изъ братіи. Такъ какъ въ монахи поступали люди, получившіе образованіе въ школахъ, гдѣ господствовали польскій и латинскій языки, то естественно, что богослужебный языкъ славянскій былъ у базиліанъ въ большомъ пренебреженіи; службы Божіи отправлялись механически, безъ пониманія смысла читаемаго. Любопытно, что даже папы обратили на это обстоятельство вниманіе. Бенедиктъ XIV въ посланіи къ базиліанскому ордену отъ 20 апрѣля 1751 г. писалъ: «opus est, ut graecae (hoc est slavicae) linguae peritiam non istam quidam levem et extimam, sed illam vere perfectam et omnibus numeris absolutam, ad sanas candidasque auctorum sententias colendas necessariam, ediscatis et comparatis». Какъ ни тяжелъ былъ періодъ Вазовъ и послѣднихъ польскихъ королей для русско-уніатскаго населенія, въ смыслѣ полонизаціи и латинизаціи, однако авторъ брошюры имѣетъ достаточно данныхъ констатировать, что a) никогда папы не дерзали для реформъ передавать базиліанъ въ руки другаго, латинскаго ордена и b) никогда

не рѣшались устранять мірянъ (братствъ, особенно многозаслуженнаго для русско-украинскаго народа львовскаго ставропигіальнаго братства) отъ дѣлъ церковнаго управленія.

Періодъ австрійскаго господства былъ и есть гораздо благопріятнѣе для національности русской въ Галиціи, чѣмъ времена Польши. Для базиліанскаго ордена, скоро по присоединеніи Галиціи къ Австріи, настало время новыхъ реформъ, на этотъ разъ—въ духѣ древняго церковнаго устройства. Въ 1783 г., какъ было сказано, галицкіе базиліане изъяты были изъ подъ юрисдикціи литовско-русскаго протоархимандрита (въ 1795 г., послѣ 3-го раздѣла Польши должность эта вовсе уничтожена), а въ 1802 г. вышелъ императорскій декретъ «Ratio regiminis ab ordine sancti Basilii Magni servanda», заключавшій въ себѣ новую организацію базиліанскихъ монастырей. Они возвращены подъ юрисдикцію митрополита; самовластнаго протоархимандрита замѣнилъ провинціалъ, обязанный подчиняться соборнымъ орденскимъ постановленіямъ и обращаться во всѣхъ дѣлахъ къ совѣту и согласію консульторовъ. Внутренняя сторона монастырской жизни осталась прежнею, какъ послѣ реформы митрополита Рутскаго. Въ монастыри желающіе принимались чрезъ провинціала; для приготовленія къ монашескому званію они проходили общеобразовательныя среднія учебныя заведенія и слушали богословскія лекціи въ университетахъ львовскомъ и вѣнскомъ. Все шло благополучно до настоящаго времени. Реформированные базиліане выпустили изъ своей среды много заслуженныхъ мужей на поприщахъ науки, педагогіи, проповѣдничества и проч. Какъ вдругъ папская булла однимъ почеркомъ пера уничтожаетъ все то, съ чѣмъ народъ сжился, что пріобрѣло для него ореолъ наслѣдія отъ минувшихъ лучшихъ временъ...

Чтобы дѣло было яснѣе, необходимо не упускать изъ виду общаго положенія русиновъ въ послѣднее время. Пригрѣтый теплыми лучами австрійской конституціи, обездоленный исторически русинскій народъ проснулся въ послѣднія десятилѣтія. Изученіе роднаго прошлаго пробудило и укрѣпило въ немъ сознаніе народности, вѣру въ лучшее будущее. Послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ, русины наконецъ стали твердо на вѣрномъ пути мирнаго культурнаго труда, на почвѣ національнаго просвѣщенія и, не смотря на нѣкоторыя внутреннія несогласія, скорѣе недоразумѣнія, быстро идутъ впередъ въ умственномъ и экономическомъ отношеніи. Въ трудную и великую эпоху національнаго возрожденія русское населеніе въ Галиціи встрѣтило отъявленнаго врага во образѣ злаго генія украинскаго народа, все той-же польской шляхты. Масса народныхъ силъ принуждена была уклониться съ прямаго трудоваго пути въ сторону мелкой національной борьбы, до болѣзненности

развившей чувство этнической обособленности. Послѣднее обстоятельство имѣло, впрочемъ, ту хорошую сторону, что открыло для русиновъ въ полномъ свѣтѣ все громадное значеніе, въ смыслѣ національной самостоятельности, уцѣлѣвшаго отъ предковъ греческаго обряда, его богослужебнаго языка, его общесословнаго характера. Авторъ брошюры называетъ его «драгоцѣннымъ наслѣдіемъ отцовъ», и это, конечно, голосъ не его лично, но всего галицко русскаго народа. Вопросъ о базиліанскихъ галицкихъ монастыряхъ, съ ихъ отличнымъ отъ латинскихъ монашескихъ орденовъ устройствомъ, со связанными съ ними историческими преданіями (напр. въ другомъ угрожаемомъ со стороны латинства монастырѣ—Лавровскомъ, по преданію, покоятся кости русскаго князя Льва) по необходимости долженъ занимать у русиновъ видное мѣсто среди священныхъ національныхъ вопросовъ. Вотъ почему нежданная папская реформа произвела среди галичанъ столь тягостное, удручающее впечатлѣніе.

Г. Ивановичъ въ послѣдней части своей брошюры перечисляетъ всѣ вредныя послѣдствія этой насильственной реформы. 1) Такъ какъ въ завѣдываніе іезуитамъ съ монастыремъ добромильскимъ переданы всѣ его недвижимыя и движимыя имущества, запасы, денежныя суммы, облигаціи, грамоты, церковно-богословская библіотека и проч., то этимъ нарушено право собственности базиліанскаго ордена, монахамъ котораго именно и были жертвованы упомянутыя вещи, нарушена также воля жертвователей. 2) Такъ какъ въ буллѣ сказано, что монастырь былъ предложенъ папѣ провинціаломъ ордена, то папа принятіемъ этого предложенія призналъ за провинціаломъ власть самолично распоряжаться базиліанскими монастырями, т. е. нарушилъ Rationem regiminis; но рядомъ съ этимъ, передавъ добромильскій монастырь іезуитамъ, онъ умалилъ власть самаго-же провинціала; словомъ, внесъ путаницу во взаимныя отношенія духовенства. 3) Передавъ реформу монастыря въ руки латинскаго ордена, папа поступилъ вопреки историческимъ преданіямъ; что-же касается собственно іезуитовъ, то изъ всѣхъ латинскихъ орденовъ они менѣе всего годны для проведенія реформы, какъ вслѣдствіе традиціонной ненависти, питаемой къ нимъ русскимъ населеніемъ, такъ и вслѣдствіе совершенной противоположности устава Лойолы духу правилъ св. Василія Великаго. 4) Въ руки іезуитамъ переданъ новиціатъ. Въ то время какъ все галицко-русское духовенство—какъ бѣлое, такъ и черное—обязано пройти полный гимнастическій курсъ и богословскій факультетъ университета, для «новиковъ» добромильскаго монастыря почему-то время ученія и искуса ограничено 5—6 годами, 6 мѣсяцами и 6 недѣлями (для прохожденія

различныхъ подготовительныхъ ступеней). Послѣ такой подготовки не могутъ выйти «ученые и образованные помощники епископамъ», какъ того хочетъ папская булла. Но въ новиціатъ открытъ доступъ и лицамъ латинскаго обряда, подъ условіемъ перемѣны его на греческій; естественно, что эти люди всю жизнь будутъ тяготѣть къ латинству. Въ виду того, что іезуитскіе воспитанники уже отчасти введены и въ монастырь лавровскій, можно ожидать, что со временемъ и всѣ монастыри будутъ наполнены ими, и русскія обители, созданныя и обезпеченные русскимъ трудомъ и усердіемъ къ отеческой вѣрѣ, обратятся въ разсадникъ латинства.

Есть надъ чѣмъ призадуматься галицкимъ патріотамъ! Пожелаемъ имъ успѣха въ святой борьбѣ за народное дѣло.

Ѳ. Н.

Холмскій народный календарь на 1886-й годъ. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства. Кіевъ. 1885 года.

Названный календарь—изданіе братства, главная цѣль котораго поддержаніе и укрѣпленіе православія въ средѣ возсоединеннаго населенія Холмщины и Подлясья; этимъ опредѣляется характеръ самаго календаря. Онъ состоитъ изъ трехъ не равныхъ частей: собственно календарь—это 1-я часть (57 стран.), заключающая въ себѣ между прочимъ списокъ всѣхъ холмскихъ епископовъ и церковно-политико-историческій календарь, или перечень главнѣйшихъ событій въ древней христіанской и западно-русской церкви, частнѣе въ холмской епархіи; вторая часть состоитъ изъ 10-ти оригинальныхъ статей, извлеченій и перепечатокъ, уясняющихъ судьбы православія въ западно-русскихъ областяхъ вообще, въ частности въ Холмщинѣ и Подлясьѣ; въ третьей части помѣщены воскресные 8-ми гласовъ и праздничные тропари, кондаки, величанія, причастны и прокимны въ славянскомъ текстѣ и затѣмъ, въ видѣ приложенія, наставленія о поданіи помощи въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ и 8-мь пѣснопѣній церковныхъ съ нотами. Къ календарю приложенъ литографированный снимокъ древнѣйшей иконы Божіей Матери, находящейся въ холмскомъ каѳедральномъ соборѣ, а на обложкѣ на 1-й страницѣ изображенъ пріемъ папскаго посла княземъ галицкимъ Романомъ, на послѣдней-же видъ недавно сооруженной въ Холмѣ церкви во имя св. Кирилла и Меѳодія.

Такимъ образомъ преобладающее содержаніе холмскаго календаря церковно-историческое. Давъ самыя необходимыя календарныя свѣдѣнія

для практическаго употребленія въ церковно-религіозной жизни, братство пользуется календарною формою, какъ самою популярною, для распространенія въ средѣ мѣстнаго населенія, недавно возсоединеннаго отъ уніи къ православію, свѣдѣній, приспособленныхъ къ пробужденію въ немъ народнаго историческаго самосознанія, сознанія его древняго «благочестія», связи со всею южною и остальною Россіею, и въ этомъ отношеніи оно не пренебрегаетъ самыми мелкими историческими данными.

Начнемъ съ такъ названнаго братствомъ «церковно-политико-историческаго календаря». Тутъ собраны всѣ мельчайшія историческія данныя о минувшихъ временахъ Холмщины и Подлясья: когда и гдѣ основанъ какой либо городъ, когда и кѣмъ дана ему какая либо привилегія, построена церковь, учрежденъ монастырь или епископская каѳедра и проч, даже--когда и гдѣ упоминается въ лѣтописяхъ или отдѣльныхъ документахъ та или другая мѣстность. Въ общемъ всѣ эти свѣдѣнія, въ связи съ другими главнѣйшими и общеизвѣстными, оставляютъ въ читателѣ представленіе о Холмщинѣ и Подлясьѣ, какъ о древнѣйшахъ составныхъ частяхъ православной Руси. Представленіе это не измѣняется, а напротивъ усиливается отъ цѣлаго ряда другихъ данныхъ о завоеваніи поляками той или другой части этихъ земель, того или иного города или замка, о построеніи въ томъ или иномъ пунктѣ этихъ древне-русскихъ областей костела, основаніи кляштора, учрежденіи католической епископской каѳедры, коллегіи или училища. Тутъ мы видимъ рядъ мѣръ, систематически, въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ, предпринимавшихся польско-католическою пропагандою для совершеннаго ополяченія и окатоличенія кореннаго русскаго населенія, раньше всѣхъ подпавшаго подъ владычество Польши. Данныя того и другаго рода,—иныя доселѣ вовсе неизвѣстныя,—въ указанныхъ направленіяхъ имѣютъ весьма важное историческое значеніе, а свѣдѣнія о разныхъ польско-католическихъ съ цѣлью пропаганды учрежденіяхъ, о монастыряхъ и коллегіяхъ іезуитовъ, августинцевъ, доминиканъ, бернардиновъ и многихъ другихъ, въ первый разъ, хотя далеко не полно собранныя, можно назвать просто драгоцѣнными. Отъ свѣдѣній мѣстныхъ составитель перечня событій переходитъ къ даннымъ общей исторіи южной Руси и заканчиваетъ событіями мѣстными послѣднихъ годовъ, даже истекающаго 1885 года. Здѣсь сгруппировано великое и малое, все—отъ универсала Хмельницкаго о войнѣ противъ поляковъ и присоединенія Малороссіи до назначенія холмскимъ викаріемъ епископа Модеста и въѣзда его въ Холмъ 12 февраля 1882 г. Къ сожалѣнію не все здѣсь точно, напримѣръ, благословеніе будто-бы Петромъ Могилою Богдана Хмельницкаго на войну съ поляками 1633 г.; есть даже опечатки, неудобныя особенно въ изда-

нія для народнаго чтенія, какъ напримѣръ универсалъ Хмельницкаго о возстаніи противъ поляковъ съ датою 1468 г.

Собственно историческій отдѣлъ календаря состоитъ, какъ мы сказали, изъ 10 статей и начинается статьей г. Хрусцевича: «Романъ волыно-галицкій князь». Авторъ довольно подробно излагаетъ исторію борьбы этого князя за объединеніе русскихъ земель на юго западѣ Руси, но въ своемъ изложеніи не указываетъ на это значеніе дѣятельности князя Романа, а замѣчаетъ лишь мимоходомъ, что дѣятельность его была направлена къ этой именно цѣли. Намъ кажется, что такое замѣчаніе должно быть положено въ основаніе разсказа и служитъ точкой отправленія его; тогда самъ собой былъ-бы понятенъ каждый шагъ этого героя. Въ особенности это условіе необходимо должно быть выполнено въ статьѣ, предназначенной для народнаго чтенія. Страннымъ намъ кажется также объясненіе авторомъ причины жестокаго правленія князя Романа въ Галичѣ тѣмъ, что «въ общей сложности (?) бояре галицкіе были заражены дхомъ своеволія, благодаря близкому сосѣдству съ польской шляхтой и венгерской магнатами». Авторъ упускаетъ, мы думаемъ, изъ виду, что въ эпоху Романа шляхетство, какъ сословіе съ тѣмъ характеромъ, который его отличаетъ впослѣдствіи, едва только начинаетъ складываться, и что сами бояре галицкіе были еще проникнуты вѣчевымъ духомъ, составлявшимъ общую черту всѣхъ русскихъ городовъ; борьбу съ этимъ вѣчевымъ духомъ и приходилось вести князьямъ, стремившимся къ централизаціи и усиленію своей власти.

Въ связи со статьей г. Хрусцевича стоитъ другая коротенькая статья; это «Послѣднія времена холмскаго княжества и покореніе его Польшей», Е. М. Здѣсь также, какъ и въ очеркѣ г. Хрусцевича, представлены одни голые факты безъ мотивировки послѣднихъ. Большое число ихъ дѣлаетъ разсказъ неудобопонимаемымъ; въ массѣ собственныхъ именъ неподготовленному читателю трудно разобраться.

Въ историческихъ сборникахъ, предназначенныхъ для народнаго чтенія, должно, по нашему мнѣнію, отдавать преимущество біографическимъ очеркамъ, а не историческимъ, обнимающимъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени. Въ этомъ отношеніи лучше всего удовлетворяетъ указаннымъ требованіямъ «Повѣсть о нашествіи папистовъ на св. Аѳонскую гору». Повѣсть эта, не имѣющая мѣстнаго интереса, по объясненію редакціи, помѣщена въ календарѣ лишь для того, чтобы указать на размѣры борьбы и взаимныя отношенія католицизма и православія еще въ XIII вѣкѣ, дать истинно-вѣрующимъ читателямъ назиданіе, указавъ, какому наказанію подпадаютъ отступники отъ православія, и отрезвить тѣхъ людей, которые, благодаря историческимъ

обстоятельствамъ, сдѣлались врагами вѣры своихъ прародителей и упорно остаются въ своемъ заблужденіи.

Толковыя объясненія г. Л. къ рѣчи смоленскаго каштеляна Ивана Мелешка, произнесенной имъ на варшавскомъ сеймѣ 1589 года, въ присутствіи короля Сигизмунда III, много помогаютъ пониманію этого въ высокой степени интереснаго и важнаго документа, заимствованнаго г. Л. изъ «Актовъ западной Россіи». Въ живыхъ, полныхъ юмора, образахъ, сказанная своеобразнымъ, начинавшимся уже полонизоваться, русскимъ языкомъ XVI вѣка, эта рѣчь прекрасно воспроизводитъ литовскіе нравы и обычаи до люблинской уніи, отмѣчаетъ происшедшія послѣ нея перемѣны и указываетъ какъ на отношеніе мѣстнаго русскаго населенія къ своимъ цивилизаторамъ, такъ и на самый характеръ повшествъ, внесенныхъ поляками въ русскую жизнь.

«Насильственное введеніе уніи въ холмской Руси и преслѣдованіе народа за непринятіе уніи» весьма интересная статья, составленная на основаніи документовъ, хранящихся въ архивѣ холмской духовной консисторіи. Она обнимаетъ время распространенія уніи въ холмской епархіи послѣ 1626 года, когда епископскую каѳедру тамъ занялъ Меѳодій Терлецкій, такой-же ревностный распространитель уніи, какъ и полоцкій епископъ Іосафатъ Кунцевичъ. Авторъ этой статьи, свящ. С. С., подробно излагаетъ дѣятельность Терлецкаго въ борьбѣ его съ православіемъ, захватѣ церквей въ Холмѣ, Красноставѣ, Тышовцахъ, Парчовѣ Островѣ, Соколовѣ и т. д., въ дѣлѣ угнетенія народа и духовенства и насильственнаго навязыванія имъ спасительной уніи; но изложеніе его не вполнѣ научно и литературно, а главное недостаточно популярно. Во всякомъ случаѣ, статья важна по сообщаемымъ ею новымъ подробностямъ изъ исторіи уніи въ холмской Руси и вызываетъ желаніе, чтобы и самый первоисточникъ ея, хранящійся въ холмской консисторіи, былъ напечатанъ въ какомъ либо сборникѣ сырыхъ матеріаловъ. Нельзя при этомъ не пожалѣть, что о. С. С. не извлекъ изъ первой части VI тома «Архива юго-западной Россіи» факта о захватѣ епископомъ Терлецкимъ Преображенской братской церкви въ Люблинѣ и не поставилъ этого факта въ связи съ другими ему подобными.

Какъ бы дополненіемъ названной статьи служитъ небольшой очеркъ свящ. В. Якубовскаго: «Наша родная исторія». Авторъ приводитъ въ немъ изъ печатныхъ источниковъ жалобы разнымъ властямъ православнаго населенія русско-польскаго края на притѣсненія отъ католиковъ и уніатовъ; картина получается болѣе яркая изъ совокупности фактовъ обоихъ статей. Самый важный недостатокъ этой компиляціи—отсутствіе правильной группировки фактовъ по мѣстностямъ и времени.

«Набожность народа по южнорусскимъ и галицкимъ пѣснямъ» доказана г. Л. Янковскимъ вполнѣ убѣдительно, а литературныя достоинства статьи и многочисленные цитаты изъ пѣсенъ дѣлаютъ ее пріятной и легкой для чтенія.

Очеркъ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, составленный Иваномъ Холмскимъ, производитъ отрадное впечатлѣніе на читателя. Это едва-ли не лучшій изъ очерковъ, предназначенныхъ для народа, какіе намъ удалось прочесть по поводу праздника 6-го апрѣля; и въ календарѣ онъ также пріятно выдѣляется изъ остальныхъ статей своимъ вполнѣ логическимъ изложеніемъ и выработаннымъ языкомъ. Описаніе протоіереемъ Страшкевичемъ самаго празднованія въ г. Холмѣ показываетъ, что, проникнутое теплымъ чувствомъ участвовавшихъ въ немъ лицъ, оно вполнѣ удалось и должно было представлять умилительную картину, которая должна была произвести на зрителей впечатлѣніе и возбудить въ нихъ вопросы о причинѣ празднества и важности заслугъ св. братьевъ; на эти-то вопросы и стараются отвѣтить обѣ названныя статьи, хотя нѣсколько поздно.

Религіозныя потребности своихъ читателей редакція удовлетворяетъ предложеніемъ имъ въ третьей части календаря воскресныхъ и праздничныхъ тропарей и нотъ для такихъ, полныхъ самаго глубокаго религіознаго чувства, пѣснопѣній, какъ «Свѣте тихій», «Слава въ вышнихъ Богу», «Блаженъ мужъ», «Хвалите имя Господне», «Господи помилуй» и друг. Особенно важны здѣсь ноты, передающія древніе напѣвы этихъ молитвъ; они получаютъ такимъ образомъ историческое значеніе, какъ матеріалъ для исторіи русской музыки.

Холмскій календарь, скажемъ въ заключеніе, удовлетворяя почтеннымъ цѣлямъ, которыя преслѣдуетъ братство, съ интересомъ и пользою можетъ быть прочтенъ не одними мѣстными читателями, но и всѣми тѣми, которымъ дороги минувшія судьбы земли родной на отдаленныхъ ея окраинахъ. Не для однихъ тѣхъ, кто мало или вовсе незнакомъ съ этими судьбами, но и для тѣхъ, кто занимался ими нарочито, въ настоящемъ календарѣ найдется не мало новаго и интереснаго. Пожелаемъ братству наибольшаго распространенія его изданія и вмѣстѣ большаго еще вниманія къ научно-литературной обработкѣ статей и общедоступности ихъ изложенія.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

МАЗЕПА-КНЯЗЬ И ЕГО ШЛЯХЕТСКІЙ И КНЯЖЕСКІЙ ГЕРБЫ.

Сколько извѣстно, изслѣдователи малороссійской исторіи, писавшіе о Мазепѣ, оставили не выясненнымъ вопросъ о пожалованіи его княжескимъ титуломъ. Объ обстоятельствѣ этомъ историки наши упоминаютъ какъ-то вскользь, относя это къ области предположеній. По крайней мѣрѣ, прямаго указанія на намѣреніе Петра Великаго даровать гетману это достоинство нѣтъ ни у Соловьева, ни у Костомарова, если не считать ссылки на слова Мазепы, намекавшаго Орлику, что его «хотятъ уконтентовать княженіемъ римскаго государства, а гетманство взять».

Между тѣмъ сказанное подтверждается издающимся въ Нюренбергѣ «*Всеобщимъ большимъ Гербовникомъ*», весьма цѣннымъ подспорьемъ для изученія генеалогіи и геральдики. При ознакомленіи съ этимъ прекраснымъ трудомъ, вниманіе читателя останавливается на небольшой замѣткѣ, въ отдѣлѣ: «Hoher Adel Deutchland's», свидѣтельствующей, что пожалованіе княжескаго титула Мазепѣ дѣйствительно имѣло мѣсто [1]).

Въ тотъ критическій моментъ, когда волнуемый честолюбивыми мечтами гетманъ Иванъ Степановичъ колебался и лавировалъ между двумя противуположными теченіями, давленіемъ русскаго прави-

[1]) Siebmacher's Allgemeines grosses Wappenbuch, I, 3, III.

тельства и заманчивыми предложеніями польской партіи, сулившей ему мантію и права владѣтельнаго князя въ витебскомъ и полоцкомъ воеводствахъ,—германскій императоръ Іосифъ I, въ угоду царю Петру, возвелъ Мазепу, тогда уже россійскаго генерала, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера орденовъ св. Андрея Первозваннаго и Бѣлаго Орла, въ княжеское Священной Римской Имперіи достоинство. Это произошло во второй половинѣ 1707 года. Существующая по этому предмету императорская резолюція отмѣчена *въ Вѣнѣ 1 сентябремъ того-же года*, хотя сдѣланная на ней помѣтка: «nulla expeditio» и заставляетъ полагать, что жалованная грамота, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, не была отправлена по назначенію.

Тѣмъ не менѣе «Большой всеобщій Гербовникъ» считаетъ пожалованіе совершившимся фактомъ и на этомъ основаніи помѣщаетъ на ряду съ гербами имперскихъ князей и гербовой щитъ Мазепы, съ подписью: «Reichsfürst Mazepa» [1]).

Родовой гербъ Мазепы, по расположенію своихъ составныхъ частей, напоминаетъ древній гербъ «Курчъ», знамя князей Коріятовичей-Курцевичей. Онъ сообщенъ въ двухъ изображеніяхъ, рисунки коихъ при семъ прилагаются.

Въ первомъ изъ нихъ, почерпнутомъ изъ вполнѣ достовѣрнаго (authentischer) частнаго источника, въ червленомъ полѣ изображено подобіе опрокинутой серебряной буквы Т, по обѣимъ сторонамъ которой находятся два серебряные-же, другъ ко другу обращенные, полумѣсяца. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ, съ дворянскою-же на немъ короною и тремя серебряными страусовыми перьями. Наметъ червленый, подложенный серебромъ (фиг. А.).

Второй, княжескій гербъ, находящійся и въ «Slownik heraldiczny Krzyżanowskiego 1870 r.», являетъ нѣкоторое измѣненіе предыдущаго. Въ верхней его части помѣщенъ серебряный панцырь, а слѣва, вмѣсто полумѣсяца, золотая шестиугольная звѣзда. Это—путеводная звѣзда гетмана, съ такимъ блескомъ взошедшая и столь трагически закатившаяся. Щитъ обернутъ княжеской порфирой, подбитой горностаемъ и увѣнчанной княжеской шапкой (фиг. В.).

---

[1]) Ibid. tab., 186.

КНЯЗЬ МАЗЕПА.

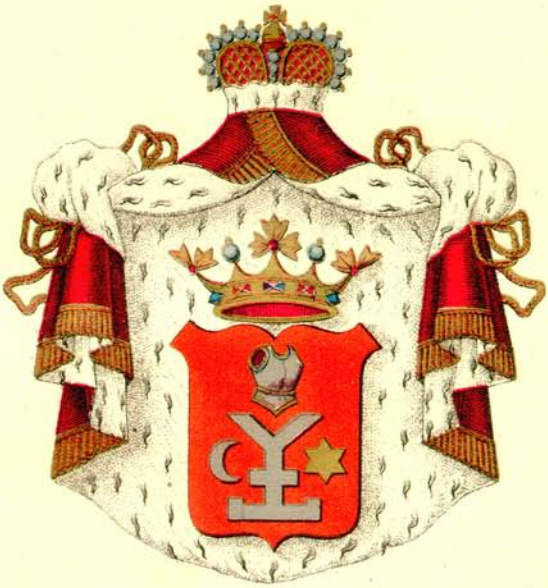

В

А

ЛИТОГР. Г.Т. КОРЧАКЪ-НОВИЦКАГО, КІЕВЪ.

Заимствуемъ изъ краткаго біографическаго очерка, сопровождающаго вышеописанные гербы, нѣсколько генеалогическихъ данныхъ, вполнѣ оставляя ихъ достовѣрность на отвѣтственности «Всеобщаго Гербовника».

Предки Мазепы принадлежали къ старинному шляхетству. Одному изъ нихъ король Сигизмундъ I пожаловалъ 1544 г. въ бѣлоцерковскомъ староствѣ хуторъ Каменецъ, утраченный сыномъ его, Ѳеодоромъ, за участіе въ возстаніяхъ Косинскаго и Наливайка. Степанъ, сынъ предыдущаго, бывшій въ 1629 году стольникомъ, (Truchsess von Czerniechow) отъ брака съ Магдалиной Мойковской имѣлъ сыновей Адама и Ивана. Старшій, козацкій полковникъ временъ Хмельничины, лишенный дворянства, былъ вновь возстановленъ польскимъ сеймомъ въ своихъ шляхетныхъ правахъ въ 1659 г. Онъ оставилъ потомство, существующее, какъ полагаютъ, и до сихъ поръ на Украйнѣ, но подъ иною фамиліей. Младшему-же суждено было играть видную роль въ историческихъ судьбахъ Малороссіи: это былъ, родившійся въ 1644 г. въ селѣ Мазепинцахъ, будущій гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа.

Въ заключеніе, нельзя не упомянуть о случайности, помѣстившей на страницахъ того-же изданія, рядомъ съ гербомъ Мазепы, гербъ другаго имперскаго князя, извѣстнаго герцога Марльборо. Странное, на первый взглядъ, сопоставленіе этихъ именъ, невольно однако наводитъ на мысль о нѣкоторомъ сходствѣ въ судьбѣ названныхъ лицъ. Параллель между обоими дѣятелями напрашивается сама собою.

Въ самомъ дѣлѣ, и тотъ и другой, благодаря своей неуклонной энергіи и дарованіямъ, изъ безвѣстныхъ пажей съумѣли достичь высшихъ государственныхъ должностей, на двухъ крайнихъ концахъ Европы. Мало того: и англійскій полководецъ, и украинскій гетманъ едва не стали одновременно русскими князьями.

Въ томъ-же 1707 году, когда Петръ I испрашивалъ этотъ титулъ для Мазепы, съ Англіей велись дѣятельные переговоры, съ цѣлью склонить королеву Анну, а слѣдовательно и герцога Марльборо, къ посредничеству между Россіей, Швеціей и Польшей. Государь повелѣлъ не жалѣть обѣщаній и денегъ, лишь-бы заручиться поддержкой вліятельнаго министра. Послѣдній охотно согласился содѣйствовать видамъ Россіи, но при этомъ заранѣе поспѣшилъ

выговорить себѣ крупное вознагражденіе. Благородный герцогъ испрашивалъ себѣ княжество въ Россіи.

Царь изъявилъ согласіе, приказавъ отвѣтить, что «если дукъ Малбургъ желаетъ княжества изъ русскихъ, то обѣщать ему изъ трехъ, которое похочетъ, *кіевское*, владимірское или сибирское». За благопріятный исходъ переговоровъ о мирѣ съ Швеціей, Марльборо получалъ пожизненный годовой доходъ въ 50,000 ефимковъ съ любаго изъ этихъ княжествъ и сверхъ того «камень-рубинъ, какого или нѣтъ, или зѣло мало такого величества въ Европѣ», да орденъ св. Андрея Первозваннаго [1]).

Эти любопытные переговоры далѣе платонической переписки не пошли, такъ какъ всемогущій герцогъ не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ. Удивительна иронія исторіи! Домогавшійся *русскаго* княжества, цѣною поддержки *русскихъ* интересовъ, честолюбивый лордъ оказывается прадѣдомъ яраго *руссофоба*, нынѣшняго консервативнаго министра по дѣламъ Индіи! Не уступая въ честолюбіи своему предку, лордъ Рандольфъ Чёрчилль, впрочемъ, расходился съ нимъ въ выборѣ средствъ: онъ ищетъ славы, эксплуатируя шовинизмъ своихъ согражданъ. Sic itur ad astra!...

Но чрезмѣрное честолюбіе, погубившее Ивана Мазепу, было также причиной паденія Джона Чёрчилля, перваго герцога Марльборо...

Князь **А. В. Дабижа.**

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

«Съ половины 1843 года и до своего ареста въ 1847 году Шевченко большею частію проживалъ въ Малороссіи, собирая матеріалы для изданія задуманнаго имъ альбома, подъ названіемъ «Живописная Украйна. Въ Малороссіи онъ принятъ былъ съ радушіемъ и хлѣбосольствомъ. Къ этому времени относятся воспоминанія Аѳанасьева-Чужбинскаго о Шевченкѣ, съ которымъ онъ познакомился 29 іюня 1843 года, въ Мосевкѣ, въ домѣ Татьяны Густавовны Волховской» [2]). Конецъ 1843 года Тарасъ Григорьевичъ провелъ въ

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XV, гл. III.

[2]) Петровъ, Исторія украинской литературы, стр. 310.

м. Яготинѣ у князя Репнина, а въ началѣ 1844 года онъ попалъ снова въ компанію «мочемордъ», не смотря на предостереженія княжны В. Н. Репниной. «Вскорѣ послѣ выѣзда изъ Яготина,—читаемъ у г. Петрова (стр. 312),—Шевченко опять является въ Мосевкѣ, какъ показываетъ дата подъ его стихотвореніемъ «Чигиринъ», написаннымъ въ Мосевкѣ 19 февраля 1844 г.». Слѣдующій эпизодъ, который я передаю со словъ моей бабушки, Марьи Давидовны Корсунъ, позволяетъ сдѣлать предположеніе, что Шевченко уже съ первыхъ чиселъ января гостилъ то въ Мосевкѣ, то у Закревскихъ, въ Березовой Рудкѣ.

12-го января 1844 года, въ день имянинъ Т. Г. Волховской, въ Мосевкѣ было большое празднество, съѣхалось болѣе полутораста душъ гостей, въ числѣ ихъ былъ и Тарасъ Григорьевичъ. Между прочими увеселеніями была устроена лоттерей въ пользу одной изъ присутствовавшихъ, нѣкоей Александры Ивановны Шостки, или, какъ ее обыкновенно называли, Шосточки. Разыгрывался портретъ этой госпожи, писанный Шевченкомъ.

Исторія этого, неизвѣстнаго доселѣ, художественнаго произведенія кисти Шевченка слѣдующая:

А. И. Шостка представляла собою особенный типъ того времени, нѣчто въ родѣ Марьи Дмитріевны Ахросимой въ романѣ «Война и Миръ». Это была небогатая дворянка, вдова бригадира, безъ особеннаго образованія, но съ острымъ умомъ и съ врожденнымъ тактомъ. Всѣ очень любили ее за ея веселый нравъ, и потому не было имянинъ, свадьбы, крестинъ и вообще какихъ либо празднествъ, на которыя не звали-бы Шосточку. Пріѣхавши куда-нибудь, она часто оставалась на нѣсколько дней и въ награду за сообщенныя новостишки и хозяйственные совѣты получала всегда разные подарки, въ видѣ съѣстныхъ припасовъ и всякихъ вещей. Едва успѣвала Шосточка привезть все это добро въ свой «куринь», какъ уже пріѣзжалъ чей-нибудь экипажъ за нею, и она снова летѣла собирать медъ и увеселять своихъ покровителей. Часто приходилось ей, конечно, исполнять роль свахи. Словомъ, она была вездѣ желанной гостьей, являлась для всякаго нужнымъ человѣкомъ.

Въ 1843 году съ нею приключилась бѣда: архіерей далъ ей книгу для сбора пожертвованій на одну церковь; она собрала рублей пятьдесятъ, но тутъ-то и попуталъ ее грѣхъ—взяла, да и растра-

тила чужія деньги. Положеніе было, конечно, пренепріятное, и вотъ она, чтобы выкрутиться изъ него, призналась какъ-то у Закревскихъ во всемъ чистосердечно и просила помочь ей. Глава «общества мочемордія», В. А. Закревскій увидѣлъ въ этомъ отличный случай позабавиться и потому на ея слезное признаніе отвѣчалъ: «Я вамъ помогу, душенька Александра Ивановна; но для этого нужно, чтобы вы согласились на мое предложеніе—пускай Тарасъ сниметъ портретъ съ васъ во весь ростъ, какъ есть, съ животикомъ и прелестными ножками; объ остальномъ не спрашивайте: это ужъ мое дѣло».—Нужно сказать, что Шосточка была огромнаго роста, очень толстая и неуклюжая.—Шосточка согласилась, и Шевченко сдѣлалъ ея портретъ: былъ представленъ садъ, клумба розъ и Шосточка, идущая по усыпанной пескомъ дорожкѣ подъ зонтикомъ въ черномъ шелковомъ платьѣ, нѣсколько подхваченномъ къ верху, чтобы видны были ноги, и въ бѣломъ чепчикѣ. Сходство портрета съ оригиналомъ было поразительное; въ художественномъ отношеніи эта работа Тараса Григорьевича отличалась замѣчательною тщательностью отдѣлки. Величиною портретъ былъ съ аршинъ въ вышину и четверти три въ ширину.

12-го января дешевые лоттерейные билеты быстро разошлись по рукамъ, собранная сумма съ излишкомъ покрыла растраченную Шосточкой и была тотчасъ-же передана въ ея распоряженіе; портретъ-же выиграла моя бабушка. Но, увы! одна ея знакомая, нѣкая Анна Корнѣевна Огроновичъ, двоюродная сестра Шосточки, послѣ безконечныхъ просьбъ просто вынудила подарить ей портретъ. А. К. Огроновичъ уже нѣсколько лѣтъ какъ умерла и работа кисти нашего великаго поэта пропала безслѣдно. Предполагаютъ, что Огроновичъ подарила портретъ своимъ родственникамъ, у которыхъ потомъ сгорѣлъ домъ и въ немъ, быть можетъ, и художественное произведеніе Тараса Григорьевича.

С—ко.

ВЪ ЗАПОРОЖСКОМЪ ЗАХОЛУСТЬѢ.

Извѣстно, что Новороссія не можетъ похвалиться ни оригинальностью народнаго быта, ни давностью и крѣпостью историческихъ воспоминаній, и покойный В. И. Григоровичъ не безъ основанія называлъ населеніе ея *невыласи*. И дѣйствительно, здѣсь часто затрудняешься сказать, на какомъ нарѣчіи говоритъ народъ, откуда взялись обыватели того или другого угла и къ какой національной группѣ принадлежатъ. Между тѣмъ именно это обстоятельство, т. е. отсутствіе этнографической цѣлостности и безпримѣрная пестрота населенія служитъ благодарнѣйшей почвой для распространенія трактирно-солдатской культуры, которая здѣсь глубже пускаетъ корни и даетъ пышнѣе цвѣтъ, чѣмъ гдѣ либо на югѣ Россіи, глуша послѣдніе, жалкіе остатки народной старины. Поэтому новороссійскому историку и этнографу приходится дорожить и крупинками народности и старины и торопиться собираніемъ ихъ, въ надеждѣ, что и лента вдовицы, спасенная отъ погибели, зачтется наукою.

Въ семи верстахъ отъ города Бобринца елисаветградскаго уѣзда, есть большое село Алексѣевка; оно расположено по обѣимъ сторонамъ р. Сугаклеи, праваго притока Ингула. Рѣчка эта въ настоящее время лѣтомъ пересыхаетъ, но, по словамъ старожиловъ, еще лѣтъ 25 назадъ была довольно многоводна и снабжала весь Бобринецъ рыбою, которой тогда ловилось втрое больше. По берегамъ Сугаклеи росли огромные камыши, о которыхъ теперь и помину нѣтъ, а по балкамъ, особенно по шляховой, чагари, состоявшіе преимущественно изъ черноклена, также груши, терна, ракиты, жостера и ордына, иначе проскурины (послѣдніе два и теперь есть кое-гдѣ). Водились въ Алексѣевкѣ и пасѣки и здѣсь считалось до 400 ней, но вслѣдствіе мора, постигшаго пчелъ въ 1863 году, пчеловодство прекратилось совершенно. Говорятъ, водились здѣсь дикія козы и лошади, а изъ гадовъ т. н. жовтобрюхи, большія змѣи, ютившіяся въ скалахъ на Вертіевой балкѣ.

Мѣстная почва—черноземъ, подпочва—красная глина, а ниже ея залегаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бѣлая глина, на Вертіевой балкѣ съ желтоватымъ оттѣнкомъ, а на «ливадѣ», т. е. въ фруктовомъ саду, принадлежащемъ экономіи, синеватая и розоватая. Въ сосѣднемъ имѣніи купца Кузнецова добывается фарфоровая глина

хорошаго качества, идущая на фабрики собственника земли, въ Москву и въ Ригу. Берега Сугаклеи представляютъ обнаженія гранита, господствующей мѣстной породы; попадается въ окрестностяхъ и песчаникъ, рыхлый, пригодный только для постройки оградъ.

По исповѣднымъ росписямъ считается въ Алексѣевкѣ 689 душъ мужескаго и 612 душъ женскаго пола. Въ селѣ церковь во имя Алексѣя человѣка Божія, сооруженная въ 1811 года въ честь патрона тогдашняго владѣльца имѣнія, Алексѣя Кирьякова, а въ 1824 году поновленная.

По обстоятельствамъ частнаго характера мнѣ довелось побывать въ Алексѣевкѣ нѣсколько разъ и убѣдиться, что село это имѣетъ не малый интересъ въ этнографическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Населеніе Алексѣевки бросается въ глаза красотой типа: высокимъ ростомъ, овальными лицами съ большими карими глазами и прямымъ, рельефнымъ носомъ, отличается высокимъ пониманіемъ собственнаго достоинства, что выражается, между прочимъ, обычнымъ разговорнымъ обращеніемъ «козаче»; въ здѣшнемъ костюмѣ, особенно женскомъ, довольно упорно держится народная старина, точно также и въ нравахъ, и въ обычаяхъ замѣтно сохраненіе многихъ древнихъ обрядовъ: на свадьбахъ пекутся коровай, лежень и дивень и приготовляется гильце, при въѣздѣ молодыхъ во дворъ зажигается костеръ, отцу молодой дарятъ борону съ бугаемъ изъ хлѣба, справляютъ веснянки, помнятъ Купайла Ивана и дивку Маринку и пр.

Прислушиваясь къ разговорамъ алексѣевскихъ жителей, я узналъ, что село раздѣляется на три части: 1) поселеніе на лѣвомъ берегу р. Сугаклеи или «Снѣжково», заселенное крѣпостными, выведенными (въ 1838 — 1840 гг., какъ видно изъ документовъ) изъ села того-же имени, находящагося въ валковскомъ уѣздѣ харьковской губерніи, 2) сѣверная часть поселенія на правомъ берегу или «хуторъ», заселенный бродягами въ разное время, не опредѣляемое въ точности и 3) южная часть право-бережнаго поселенія, называемая «запорожскимъ кутомъ»: это и есть коренная, давняя часть Алексѣевки, обратившая на себя мое преимущественное вниманіе.

Изъ разспросовъ старожиловъ я узналъ, что по народному преданію на мѣстѣ нынѣшней Алексѣевки и въ окрестностяхъ ея жило прежде семь запорожскихъ семействъ. Въ Вертіевой балкѣ и

теперь цѣлъ колодезь, называемый запорожскимъ; въ прежнее время, до «воли», мѣстные парубки, съ атаманомъ во главѣ, на Духовъ день приглашали духовенство служить здѣсь молебенъ и потомъ угощали духовныхъ лицъ; теперь, когда участокъ съ этимъ колодцемъ отошелъ къ госпожѣ Задонской, обычай этотъ прекратился, но алексѣевскіе хлопцы и нынѣ выбираютъ атамана на рождественскія святки и подъ его предводительствомъ ходятъ по домамъ со звѣздою, звоня въ колокольчикъ, собранныя-же деньги обращаются ими на сооруженіе новыхъ хоругвей и ризъ и на покупку четырехъ большихъ свѣчей, которыя зажигаются по большимъ праздникамъ при чтеніи евангелія.

Нѣкоторыя крестьянскія семьи Алексѣевки ведутъ свое происхожденіе отъ запорожцевъ; потомками послѣднихъ считаются: Гураля, Великій, Гавришъ, Бондаренко, Торопъ, Будякъ, Сова, Швидкій, Колонтаевскій, Лабза (онъ-же Вербовый [1]), Шадура и Брунька.

Отъ одного изъ нихъ, именно отъ Торопа, мнѣ удалось услышать небольшой разсказъ, который можетъ представить небольшую иллюстрацію эпохи гайдамачины. Торопъ этотъ знавалъ нѣкоего Козьму Яременка, который передавалъ о себѣ слѣдующее. Яременко въ молодости пришелъ изъ кіевщины на Сугаклею, гдѣ теперь Алексѣевка, и поступилъ къ запорожцамъ, жившимъ здѣсь, «за хлопця». Хозяева его (видимо, безсемейные) часто отлучались изъ дому неизвѣстно куда, а Козьма оставался въ зимовникѣ: запрутъ, уѣдутъ и ѣсть ничего не оставятъ, только паляницы на полкѣ, да высоко, достать не можетъ; смотритъ, смотритъ на нихъ Кузьма, поищетъ палочку, собьетъ одну палочкой и съѣстъ; возвратятся хозяева, спросятъ, что онъ ѣлъ, и когда тотъ простодушно сознается, чѣмъ и какъ питался, похвалятъ за догадливость. Попривыкнувъ къ хлопцу, стали хозяева и его брать съ собою. Пріѣдутъ на Кодыму (притокъ Висуни), сложатъ съѣстные запасы, покроютъ ихъ кожухомъ, оставятъ его стеречь, а сами поѣдутъ дальше. Скучно Кузьмѣ, ляжетъ онъ и лежитъ, ждетъ возвращенія хозяевъ. Про-

---

[1]) Есть и балка *Вербоеа*, гдѣ, по преданію, находился зимовникъ Вербового. Указываютъ еще старики на балки *Березнякову* и *Москаленкову*, какъ на мѣста жительства запорожцевъ *Березняка* и *Москаленка*. Имя послѣдняго и упоминаніе о зимовникѣ его встрѣчается и въ документахъ по имѣнію.

ходитъ сколько тамъ времени, подъѣзжаетъ къ нему отрядъ чужихъ запорожцевъ.

— Хто ты такій?

— Такій-то и такій.

— Звидкиля?

— Звидтиля.

— Хто твои хазяи?

— Таки запорожци, якъ и вы.

— Куды поихали?

— Не знаю.

И лягутъ спать. Выспавшись, встаютъ, крестя и почесываясь и неохотно сѣдлаютъ коней. Одинъ киваетъ на Кузьму и замѣчаетъ: «треба-бъ ёму дать щось на памъятования!» а другой возражаетъ: «э, винъ ще молодый!» Садятся на коней и уѣзжаютъ. Возвращаются хозяева хлопца.

— Що ты тутъ робивъ?—спрашиваютъ.

— Ничого—отвѣчаетъ тотъ—лигъ та й лежавъ.

— Не було никого?

— Не було никого. Були якись запорожци, отъ такъ, якъ и вы.

— Що-жъ вони робили?

— Ничого. Розсидлали коней, лягли спать, потимъ встали, посидлали коней и поихали дали.

— Не казали ничого?

— Ничого не казали. Тильки одинъ казавъ: «треба-бъ ёму дати на памъятування!» а другій одвитивъ: «та винъ ще молодый».

Смѣются запорожцы, спрашиваютъ:

— А ты-жъ знаешь, що воно значить: дати на памъятування?

— Ни, не знаю, отвѣчаетъ простодушный хлопецъ.

— Дурный ты, говорятъ они: ты-бъ имъ наваривъ каши, то вони-бъ поспидали та подякували-бъ тебе!

Другіе разы Яременко былъ уже умнѣе и поступалъ такъ, какъ учили его хозяева-запорожцы.

Изложеннымъ ограничивается разсказъ дѣда Торопа. Но кромѣ указанныхъ мною названій урочищъ и фамилій алексѣевскихъ крестьянъ, связываемыхъ съ запорожцами, мнѣ приходилось слышать въ Алексѣевкѣ еще имя Желѣзняка, только память о немъ въ Алексѣевкѣ какъ-то изгладилась почти безслѣдно. За то мнѣ уда-

лось найти нѣкоторыя данныя о Желѣзнякахъ въ документахъ по имѣнію, просмотрѣнныхъ мною, благодаря любезности управляющаго имѣніемъ, Э. К. Бострема. Древнѣйшій документъ по имѣнію снабженъ датою «19 мая 1777 г.». Это купчая, по которой «козакъ херсонской провинціи ингульскаго уѣзда», *Степанъ Евгеніевъ Желѣзнякъ* продавалъ надворному совѣтнику, Ларіону Спиридонову *Алексѣеву* свой зимовникъ при р. Камышеватой Сугаклеи, въ смежности зимовника козака Трофима Толстика, «со всѣмъ въ немъ строеніемъ и землею, съ лѣсы, съ сѣнными покосы и со всѣми принадлежащими къ тому угодьи, такъ, какъ я *владѣлъ въ бывшее запорожское правленіе*, нынѣ владѣю и обводомъ самолично показать имѣю; а взялъ я Степанъ съ него Ларіона за тотъ проданный мною зимовникъ съ строеніемъ и проч. денегъ 50 рублей».

Кромѣ купчей, тѣмъ-же 1777 годомъ помѣчены еще два документа: 1) «межа учиненная въ херсонской провинціи въ ингульскомъ уѣздѣ отмежеванной дачи надворнаго совѣтника и губернаторскаго товарища Ларіона Спиридонова Алексѣева» и 2) Планъ дачи Алексѣева. «Межа» и «Планъ» точнѣе купчей опредѣляютъ границы дачи, отведенной Алексѣеву «на 150 дворовъ, полагая на дворъ всѣхъ угодій удобной пахатной и сѣнокосной земли по 60 дес., всего 9,000 дес., да сверхъ того въ означенной дачѣ нашлось негодныхъ къ хлѣбопашеству и сѣнокосамъ каменистыхъ по рѣкамъ и балкамъ мѣстъ, береговыхъ крутыхъ горъ и большихъ дорогъ 1,200 дес.». Всего-же дача Алексѣева заключала 10,260 дес. На планѣ въ границахъ дачи показано нѣсколько зимовниковъ, а именно: 1) на правомъ берегу Ингула, безъ означенія—чей, 2) на правомъ берегу Сугаклеи, противъ Алексѣевки — зимовникъ *Толстиковъ*, упомянутый и въ купчей, 3) ниже по теченію рѣки—*бывшій* зимовникъ *Желѣзняковъ* и 4) еще ниже—зимовникъ *Москаленковъ*. Сверхъ того, внѣ границъ дачи—зимовникъ Павла *Рагозы*, на лѣвомъ берегу Ингула, и «дорога изъ зимовника *Друченкова*». Итакъ, надворному совѣтнику и губернаторскому товарищу отведены были земли, на которыхъ раньше хозяйничали запорожцы. Изъ нихъ Толстикъ, Москаленко и неизвѣстный по имени хозяинъ зимовника на Ингулѣ повидимому не заявили претензій на захватъ ихъ собственности и—на долго или нѣтъ—остались жить на нихъ, можетъ

быть, сдѣлавшись крѣпостными Алексѣева. Степанъ-же Желѣзнякъ, вѣрно, заупрямился и получилъ 50 р. отступного [1]).

Мои разспросы у мѣстныхъ старожиловъ о Степанѣ Желѣзнякѣ не привели ни къ какому положительному результату, но одинъ дѣдъ, по имени Петръ, по прозванію Воловикъ, упомянулъ разъ о *Яремѣ Желѣзнякѣ*, съ паденіемъ Запорожья ушедшемъ на Кубань; однажды онъ приходилъ оттуда въ свой зимовникъ, привезъ рыбы въ подарокъ бабкѣ Петра, которую зналъ еще дѣвушкой, потому что она жила въ сосѣдней хатѣ, и пробывъ всего нѣсколько дней, вынулъ изъ подъ пола бывшаго своего бурдія боченокъ золота и вернулся на Кубань.

Вотъ все, что удалось мнѣ узнать о Желѣзнякахъ въ самой Алексѣевкѣ. Но сохранилось воспоминаніе и о вождѣ Коліивщины, *Максимѣ* Желѣзнякѣ, такъ что, по всей вѣроятности, на Сугаклеѣ былъ семейный зимовникъ Желѣзняковъ. Память о Максимѣ Желѣзнякѣ уцѣлѣла въ с. Коротякѣ, сосѣдящемъ съ Алексѣевкой и составляющемъ родовую собственность Перепелицыныхъ, которые ведутъ происхожденіе отъ запорожца-же Климента Перепелицы. Нынѣшній владѣлецъ Коротяка помѣстилъ интересную статью о своемъ наслѣдственномъ бурдіѣ въ одной мѣстной газетѣ, и я позволю себѣ здѣсь воспользоваться его данными, почерпнутыми изъ разсказовъ дѣда, котораго авторъ помнитъ. «По словамъ дѣда, говоритъ г. П—нъ, его сосѣдями были: съ одной стороны козакъ Бузько, съ другой Островерхій (что видно и изъ документовъ), съ третьей Морква, а съ послѣдней богатый есаулъ Желѣзнякъ, Грицько. Имена Бузька и Морквы сохранились въ названіи урочищъ Бузовая и Морквина. Зимовникъ Григорія Желѣзняка былъ на Сугаклеѣ, гдѣ нынѣ село Алексѣевское... Этотъ Грицько былъ отцомъ извѣстнаго Максима Григорьевича Желѣзняка, руководившаго погромомъ въ кіевской Украйнѣ и разорившаго совмѣстно съ Гонтой

---

[1]) Упоминаемый здѣсь надв. сов. Л. С. Алексѣевъ далъ имя *Алексѣевки* селенію, прежде называвшемуся *Сугаклеей*. Онъ продалъ имѣніе въ 1782 г. Петру и Николаю Родзянкамъ за 100 р., а тѣ въ 1792 г. перепродали Никифору Ив. Кодинцу, Алексѣю и Василію. Степ. Кирьяковымъ уже за 12. 000 р. Въ купчей 1792 года село называется уже *Алексѣевкой* и съ этимъ именемъ перешло къ Алексѣю Кирьякову, наслѣдникамъ котораго оно принадлежитъ и теперь.

Умань въ 1768 г. Дѣду моему, продолжаетъ авторъ, было тогда 18 лѣтъ, два года онъ былъ уже реестровымъ козакомъ. Участвовалъ-ли онъ въ уманьской рѣзнѣ, не знаю,—объ этомъ дѣдъ не говорилъ, но еще мальчикомъ видѣлъ Желѣзняка въ лебединскомъ [1]) монастырѣ, у игумена Мельхиседека Яворскаго, подъ надзоромъ котораго дѣдъ мой началъ свое воспитаніе въ качествѣ круглаго сироты, восьми лѣтъ, потому что игуменъ былъ намъ съ родни. Впрочемъ, есть основанія предполагать, что дѣдъ мой не былъ исключеніемъ... Игуменъ навѣщалъ ингульскіе зимовники, да нѣтъ сомнѣнія,—и другіе. Владѣльцы зимовниковъ ѣздили въ Лебединъ, преимущественно на храмовой праздникъ, 23 апрѣля. Яворскій агитировалъ противу Польши и уніи, упорно вводимой базиліанами въ его время. Между жителями зимовниковъ онъ замѣтилъ особенныя способности, пылкое воображеніе, наклонность къ мечтательности въ Максимѣ Желѣзнякѣ, давалъ совѣты отцу и вѣроятно указывалъ сыну гетманскую булаву по обоимъ берегамъ Днѣпра и какъ чародѣй вызывалъ изъ могилы великую тѣнь Богдана. Возбужденное воображеніе Максима, хорошо грамотнаго пушкаря, поддавалось обаянію; и другіе сѣдоусые и черноусые козаки, обитатели зимовниковъ, слушали соблазнительныя рѣчи краснорѣчиваго энтузіаста, безкорыстнаго монаха, говорившаго близкимъ ихъ сердцу языкомъ. Возможно-ли сомнѣніе, чтобы они не трактовали о современной политикѣ, точнѣе—о стремленіи стѣсненнаго уже запорожскаго козачества, и создавали разгромъ Украйны съ помощью гайдамаки, направляя хищническіе его инстинкты... Помѣщикъ зимовника необходимо жертвовалъ деньги на оружіе, на самодѣлковыя

---

[1]) Не въ лебединскомъ, но въ смежномъ мотренинскомъ монастырѣ, котораго игуменомъ и былъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій. Доказано, что Мелхиседекъ никакого участія въ возстаніи 1768 г. не принималъ, а напротивъ удерживалъ отъ него народъ особыми посланіями изъ Переяслава, куда онъ укрылся отъ гоненій за полтора года до начала возстанія. Съ 1761 по 1769 г. онъ управлялъ украинскими церквями и монастырями, защищалъ ихъ отъ насилій католиковъ и уніатовъ, ѣздилъ ко двору въ Петербургъ и Варшаву, по возвращеніи оттуда былъ схваченъ и замурованъ на Волыни въ Грудкѣ, потомъ бѣжалъ и скрывался въ Переяславѣ, а въ началѣ 1769 г. былъ переведенъ въ Нѣжинскій монастырь.—Ред.

«ратовища», на обмундированіе голоты, войска Мелхиседека, летѣвшаго на убійство, на грабежъ католика»[1]).

Заимствуемъ нѣкоторыя данныя и о с. Коротякѣ изъ той-же статьи г. П—на. Вѣроятнымъ основателемъ зимовника Коротякъ (названнаго по балкѣ того-же имени) авторъ считаетъ прадѣда своего, отца Климентова, Степана, въ 1767 г. пропавшаго безъ вѣсти; здѣсь и родился въ 1750 г. Климентъ, ставшій потомъ хозяиномъ зимовника. По уничтоженіи Запорожья, обитатели зимовниковъ стали расходиться, но Климентъ Перепелица крѣпко сидѣлъ въ родовомъ бурдіѣ. Прошло два года, и вотъ на Сугаклеѣ явился, какъ мы видѣли, надворный совѣтникъ и губернаторскій товарищъ Алексѣевъ, а на Ингулѣ, на землѣ Перепелицы, нѣкій Бланкенагель, съ «билетомъ» на 3,000 дес. земли, выданнымъ кременчугской экспедиціей. «Бланкенагель, разсказываетъ г. П—нъ, возымѣлъ желаніе воспользоваться богатымъ, устроеннымъ зимовникомъ отцовъ моихъ, Коротякомъ... Что зимовникъ былъ большой и богатый, видно изъ того, замѣчаетъ онъ, что дѣдъ мой въ 1780 г., т. е. чрезъ пять лѣтъ послѣ уничтоженія Запорожья, построилъ на свое иждивеніе молитвенный домъ, гдѣ крещенъ мой отецъ въ 1786 г. попомъ Кирилломъ Брилевымъ, вывезеннымъ дѣдомъ изъ Молдавіи». Началось дѣло, подробности котораго автору остались неизвѣстными, но по документамъ видно, что черезъ два года Бланкенагелю выдали другой билетъ, въ которомъ граница его участка указана *по смежности* земель Климента Перепелицы и Островерхаго. Такъ Перепелица и оставался владѣльцемъ Коротяка. Вскорѣ потомъ онъ купилъ земли Бланкенагеля и Островерхаго, не изъ первыхъ уже рукъ, и заселилъ ихъ крестьянами, названными въ указѣ объ отставкѣ его «подданными его, малороссійской націи»[2]).

---

[1]) Имѣя въ виду столь вѣское свидѣтельство о мѣстѣ нахожденія зимовника Желѣзняка, какъ приведенное выше, нахожу возможнымъ отвергнуть указаніе г. Скальковскаго, что Желѣзняки жили «на рѣчкѣ *Громоклеѣ*, гдѣ теперь село Алексѣевское» («Наѣзды гайдамакъ», стр. 70), тѣмъ болѣе, что на Громоклеѣ нѣтъ ни одного населеннаго пункта съ этимъ названіемъ. Не на *Громоклеѣ*, а на *Сугаклеѣ* былъ зимовникъ Желѣзняка.

[2]) Статья г. П-на, подъ заглавіемъ «Прошлое», помѣщена въ Елисаветградскомъ Вѣстникѣ 1881 г., № 137 и 1882 г., № № 61, 62 и 63.

Имя Климента Перепелицы сохранилось и въ народной памяти. По сосѣдству съ Коротякомъ лежитъ с. Лозоватка, на балкѣ того-же имени, впадающей въ Ингулъ. Здѣсь тоже, по народному преданію, жили запорожцы, и по имени одного изъ нихъ, Лозяного, имѣвшаго пасѣку близь устья балки, будто-бы и урочище получило названіе. Какъ-бы то ни было, въ Лозоваткѣ хранятся еще кое-какіе разсказы о запорожской старинѣ, а между прочимъ о Перепелицѣ и сосѣдѣ его, Морквѣ, упоминаемомъ также въ документахъ. По одному сказанію, Климентъ Степановичъ получилъ прозваніе Перепелицы за свою страсть къ ловлѣ перепеловъ, на которую частенько отправлялся съ торбинкой черезъ плечо; по другимъ, кличка эта дана кому-то изъ его дѣдовъ запорожцами, въ насмѣшку за малый ростъ. Что-же касается до Климента Степановича, то онъ, точно также и супруга его, отличались, напротивъ, такой необычайной тучностью и тяжеловѣсностью, что въ праздникъ, для отправленія ихъ въ церковь, находившуюся тутъ-же, насупротивъ ихъ дома, надобилась пара воловъ. По преданію, онъ вырылъ кладъ и тѣмъ разбогатѣлъ.

О Морквѣ ходитъ разсказъ нѣсколько легендарный. Вблизи его зимовника былъ гай; однажды—говоритъ преданіе—отправился туда Морква со своими наймитами нарубить дровъ; только что принялся онъ за дѣло, вдругъ напалъ на него огромный полозъ; Морква сдавилъ его, но не могъ согнуть, потому что змѣй опирался на хвостъ. Кричитъ Морква наймитамъ, чтобы рубили хвостъ, но тѣ, недовольные хозяиномъ за крутое обращеніе съ ними, оставили его въ критическую минуту; долго боролся козакъ съ страшнымъ змѣемъ и наконецъ задушилъ его, но и самъ упалъ мертвый отъ напряженія силъ. Зимовникомъ его завладѣлъ тотъ-же Климентъ Перепелица.

Таковы народные разсказы о Перепелицѣ и о Морквѣ.

В. Ястребовъ.

ЗНАХАРСТВО, ШЕПТАНЬЕ И ЗАГОВОРЫ.

(Въ старобѣльскомъ и купянскомъ уѣздахъ харьковской губерніи).

Знахари и шептухи не составляютъ достоянія исключительно минувшихъ вѣковъ: ихъ можно встрѣтить и въ наше время и не только въ глухихъ слободахъ, но въ городахъ уѣздныхъ и губернскихъ, даже въ столицахъ. Есть, значитъ, и въ настоящее время классъ людей, прибѣгающій къ ихъ помощи, вѣрующій въ ихъ силу и знанія, существуютъ условія, вызывающія къ жизни этотъ родъ профессіи.

Не касаясь здѣсь вопроса о суевѣріяхъ и предразсудкахъ, почти вполнѣ поглощающихъ тѣ немногія реальныя знанія, какія дѣйствительно находятся въ распоряженіи знахарей, мы однакожъ должны согласиться съ тѣмъ, что, не смотря на всѣ усилія представителей современной медицины, до сихъ поръ среди сельскаго населенія значеніе знахарей и шептухъ еще далеко не подорвано. Воззрѣніе современной медицины на причины и происхожденіе болѣзней и способы лѣченія рѣзко отличаютси отъ воззрѣній крестьянъ (и однихъ-ли крестьинъ?) на тѣ-же предметы. Госпитальное лѣченіе въ особенности не симпатично народу: оно слишкомъ, такъ сказать, оффиціально, холодно и отрываетъ притомъ больнаго отъ дома. Все это нерѣдко отклоняетъ крестьянина отъ патентованной медицины и направляетъ его къ своимъ излюбленнымъ врачамъ, знахарямъ и шептухамъ. Здѣсь онъ не видитъ ничего страннаго, новаго; здѣсь все знакомо ему съизмала: молитва, шептаніе, святая вода, ножъ, веретено, рогачъ,—среди всего этого онъ возросъ и состарѣлся. Вѣдь въ деревнѣ каждая старуха, даже каждая молодая женщина-мать, знаетъ, какъ должно умыть ребенка отъ «сглазу» или какъ обвязать поясомъ отъ головной боли. Лѣкарь и лѣкарства свои, домашніе. Случилось серьезно заболѣть,—въ слободѣ не безъ знающихъ людей. Къ нимъ всегда смѣло можно обратиться за помощію и они не откажутъ въ ней; они помогутъ «не своими словами, а Господними духами». Такъ въ большинствѣ думаетъ и поступаетъ деревенскій житель, захваченный болѣзнію. Не откажется онъ и отъ земской медицины, если она у него подъ рукою, но во всякомъ случаѣ не забудетъ побывать и у знахаря, особливо если медицина окажется безсильною скоро побороть болѣзнь.

Хотя уже съ первыхъ вѣковъ христіанства въ Россіи церковные проповѣдники начали говорить противъ вѣры въ заговоры, хотя соборными постановленіями осуждены сношенія съ чародѣями, волшебниками и знахарями, хотя противъ нихъ со временъ Петра В. издавались нерѣдко строгіе гражданскіе законы, тѣмъ не менѣе всѣ эти мѣры не могли уничтожить того, что глубоко коренится въ міровоззрѣніи народа. Внутри и внѣ себя народъ замѣчаетъ много непонятныхъ, необъяснимыхъ для него, чудесныхъ явленій; до сихъ поръ онъ живетъ среди чудесъ; онъ окруженъ ими; онъ часто слышитъ о нихъ, онъ вѣритъ имъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣритъ, что и нынѣ, какъ и въ давнія времена, встрѣчаются избранники, которымъ доступно таинственное, высшее знаніе, которые владѣютъ вѣщимъ словомъ. Обратите вниманіе на лицъ, признаваемыхъ знахарями и знахарками. и вы найдете, что въ большинствѣ это люди пожилые, старики и старухи, глубоко-религіозные, трезвой, безупречной жизни и сверхъ всего сами искренно-вѣрующіе въ дѣйствительность своего лѣченія. Встрѣчаются между ними лица корыстолюбивыя и даже плуты и обманщицы; но такіе никогда не пользуются большимъ авторитетомъ среди своихъ односельчанъ, а практикуютъ чаще на сторонѣ.

Будемъ ли мы разсматривать знахарство, какъ неизбѣжную стадію въ ходѣ культурнаго развитія народа, взглянемъ ли на него, какъ на печальное слѣдствіе невѣжества народныхъ массъ, или же наконецъ признаемъ въ немъ внѣшнее выраженіе присущей человѣку потребности вѣрить въ возможность для него сношеній съ высшимъ міромъ,—во всякомъ случаѣ оно представляетъ и для археолога, и для историка, и для филолога, и психолога много интересныхъ сторонъ, а потому заслуживаетъ серьезнаго изученія; послѣднее же будетъ возможно и плодотворно лишь тогда, когда соберется достаточно полный для сравнительнаго изслѣдованія матеріалъ, пріуроченный къ опредѣленнымъ мѣстностямъ.

Живя долгое время въ одной и той же мѣстности и находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ народомъ въ районѣ двухъ уѣздовъ харьковской губерніи, купянскаго и старобѣльскаго, я, съ помощью близкихъ мнѣ лицъ, успѣлъ собрать массу этнографическаго матеріала и въ томъ числѣ до 150 заговоровъ и шептаній, изъ которыхъ болѣе половины неизвѣстны въ печати, а остальные являются болѣе или

менѣе цѣнными варіантами. Понимаю, что періодическое изданіе не можетъ обременить себя подобнымъ сырымъ матеріаломъ во всей его обширности; собираніе и приведеніе его въ извѣстность можетъ быть дѣломъ отдѣльныхъ сборниковъ. Тѣмъ не менѣе рѣшаюсь предложить читателямъ хотя незначительную часть записанныхъ мною заговоровъ и шептаній, желая показать съ одной стороны, какая масса подобнаго матеріала находится доселѣ въ живомъ народномъ обращеніи, а съ другой—въ какой непроглядной тьмѣ блуждаетъ еще нашъ народъ и какъ много усилій требуется для того, чтобы вывести его изъ такого мрака. Предлагая записанное мною, я воздерживаюсь отъ всякихъ обобщеній и выводовъ, толкованій и объясненій, считая все это преждевременнымъ; я даже не систематизирую моихъ наблюденій, а устанавливаю лишь нѣкоторые рубрики для порядка изложенія.

1) Шептанья и заговоры надъ водою.

Вода—главный и наиболѣе употребительный матеріалъ въ рукахъ знахарей и шептухъ. Она употребляется въ простомъ и освященномъ видѣ: въ первомъ случаѣ употребляются особыя нашептыванія надъ нею для приданія ей цѣлебной силы, во второмъ она должна дѣйствовать въ силу освященія. Мнѣ встрѣтился единственный случай нашептыванія надъ водою, предназначенною не для лѣченія, а для обыкновеннаго умыванія. Тутъ шепчутъ слѣдующія слова: «Святый Иване Купало! прыйди, скупайся въ сій води и освяти мени еи» [1]).

Вода, предназначаемая для лѣченія должна быть набрана до «схидъ сонця», непочатая, т. е. пока еще никто ее не почерпалъ. При этомъ говорится: «Здрастуй, вода Ульяно, земле Тытяно, колодизь Якивъ! Благослови воды набрати для молитвеного, хрищеного, причащеного (имя-рекъ)». Если вода для лѣченья берется въ рѣкѣ, то надо зачерпать противъ теченія, а въ колодцѣ—съ запада на востокъ, противъ солнца. Возвращаясь съ водою, не слѣдуетъ осматриваться назадъ.

Если нельзя ждать съ лѣченьемъ до утра, чтобы взять непочатой воды, то употребляется вода обыкновенная, но при слѣдую-

---

[1]) Слобода Штормовая, старобѣльскаго уѣзда, харьковской губерніи.

щемъ заговорѣ: «Господь иде впередъ, Матерь Божа посередъ, ангелы по бокамъ, а я хрещеный позаду святои брати воды. Добрывичеръ тоби, вода Ульяно, а земля Тытяно, а ничъ Марьяно! дайте мини святои воды отъ лихои биды».

Когда вода принесена въ хату, то, приступая къ лѣченію, говорятъ: «Первый денъ понедилокъ, другій день вивторокъ, третій середа—це на помичъ вода. Ты, земля Тытяно, и ты вода, Ульяно! очищала ты коринья и креминья, очищай ёго сердце и отъ крови, отъ костей, отъ нутра—живота» [1]).

2) Шептанья при неизвѣстности болѣзни.

Когда знахарь или знахарка не могутъ опредѣлить болѣзни, то говорятъ: «Стань ты, Пречистая, зъ помощами, а я со словами: видъ твоихъ очей, видъ твоихъ плечей, видъ билого тила, видъ жовтихъ костей, видъ червонои крови, видъ щирого сердця. Тутъ тоби не стояти, билого тила не псувати, червонои крови не пити, жовтои кости не ломити. Иди соби на очерета, на болота, де сонце не сяе, де мисяць не свите, де люди не ходять».

Или:

«Сынъ Божій, Сусъ Христосъ, отци святи кіевськи, печерськи, затворники святогорськи, пособите й поможите, вызволяйте и пристривайте цюю болисть прескверную, препоганую. А я іи стала узнавати, стала іи пристривати пріятными словами, Господьними молитвами; а ще пристриваю одъ сквернихъ ричей, отъ поганихъ очей. Тутъ тоби не бувати, червонои крови не пивати, жовтои кости не ламати, щирого сердця не тошнити, карихъ очей не мутити. Теперъ я стала васъ вызывати на очерета, на болота, де люди не ходятъ, де звоны не звонять, де христіянській гласъ не заходе, де й собаки не брешуть, де й дивка косою не мае,—тамъ тоби и викъ викувати».

Или:

«Господи Боже поможи! Мисяць на небесахъ, а ведьмидь у поли, а камень у мори; якъ тіи три браты збижаця, то тоди на тебе болисть буде нападаця!» [2]).

---

[1]) Слобода Ново-Оснпова, купянскаго уѣзда.

[2]) Слобода Преображенная, купянскаго уѣзда. Ср. Чубинскій, т. I, стр. 3.

3) Шептанья и заговоры отъ «призору», «пристриту» или «сглазу».

Если у ребенка лице разгорѣлось и онъ плачетъ, то мать, подозрѣвая, что это дѣлается съ «глазъ», умываетъ его изъ лохани и утираетъ своею сорочкою, или-же лижетъ языкомъ лице ребенка накрестъ, при чемъ три раза повторяетъ: «Якая мати породила, такая и отходила» [1]).

Отъ той-же болѣзни лечатъ такъ: берутъ святой воды и вливаютъ въ стаканъ или въ миску; если-же нѣтъ въ домѣ такой воды, то приносятъ непочатой и обливаютъ ею икону. Берутъ потомъ изъ печки ножемъ по одному девять горящихъ угольковъ и, бросая ихъ въ воду, читаютъ трижды «Отче нашъ». Затѣмъ, держа воду передъ больнымъ, говорятъ: «летилы сороки, ухватили уроки зъ раба Божого (имя), понесли на лиса, на болота; поти литали, поки уроки пропали». Погружаютъ руку въ воду и мокрою рукою дѣлаютъ знакъ креста на рукахъ, на ногахъ, плечахъ, лицѣ и на груди, произнося: «зъ твоихъ рукъ, зъ твоихъ ногъ, зъ твоихъ плечей, зъ карыхъ очей, зъ веселои головы, зъ щирого сердця, зу всихъ суставъ»; въ заключеніе брызгаютъ водою на лице, на грудь и крестообразно на всего больнаго. Оставшуюся воду выливаютъ въ святой уголъ, подъ иконы [2]).

Дѣлаютъ еще такъ:

Берутъ въ кружку непочатой воды, кидаютъ туда такъ-же ножомъ по угольку до девяти разъ, приговаривая: «не разъ, и не два, и не три», и т. д. Становятся потомъ предъ иконой, изображаютъ ножемъ крестъ надъ водою и говорятъ: «Вси святи до помочи,—пьятинка-матинка, станьте мени на помочи хрещеному и молитвеному (имя) шептати. На мори, на сан лежить дубъ, а въ тимъ дуби змія жирія; вона зажиреть и пролынеть хрещеного, молитвеного» (имя). Это шептаніе произносится три раза, а потомъ этой воды даютъ больному напиться, затѣмъ умываютъ его накрестъ и взбрызгиваютъ. Остальную воду выливаютъ подъ глухой край двери, приговаривая: «пишлы вроки на сороки» [3]).

---

[1]) Слобода Ново-Николаевка, купянскаго уѣзда.

[2]) Городъ Купянскъ. Ср. Чубинскій, т. I, стр. 133.

[3]) Слобода Ново-Николаевка, купянскаго уѣзда. Ср. Чубинскій, т. I, стр. 134.

Если кто заболѣетъ, то чтобы узнать, не съ глазу-ли эта болѣзнь, беретъ бабка въ чашку воды и, перекрестивъ себя и чашку, со словами: «Господи Исусе Христе, помилуй насъ!» опускаетъ въ воду три уголька и затѣмъ говоритъ слѣдующія слова: «Брала Матиръ Божа водыцю, брала и хрестами охрещала и отъ урокивъ помагала. И вроки, и пророки, и мужеськи и женськи, и хлопьячи и дивчачи, и подумани и погадани, и изъидыни и позавыстувани,— и тутъ вамъ не стояти на рабу Божому (имя), и червонои крови не мутити, и щирого серця не сушити». Если уголь потонетъ, а больной во время шептанія не почувствуетъ ничего особеннаго, значитъ болѣзнь не съ глазъ; но если уголь поплыветъ и закружится, а больной начнетъ зѣвать и потягиваться, то съ глазъ. Тогда, смотря по тому, какъ уголь кружится и при какомъ словѣ шептанья остановится, бабка разрѣшаетъ, кто сглазилъ, мужчина или женщина,— по зависти или по злобѣ. Этою водою умываютъ больного [1]).

То-же леченіе производится еще и въ такомъ видѣ. Знахарка говоритъ: «Богъ надъ землею, Богъ пидъ землею. Помилуй Господи, рабу (имя) одъ усихъ бидъ и напастей! Одъ скотины и одъ животины, одъ чорного и одъ билого глазу, одъ червоного и отъ синёго, на всихъ межахъ и на всихъ рубижахъ, на всихъ хрестахъ и на всихъ перехрестскахъ. Сохрани, Господи, и помилуй рабу (имя) одъ ковдуна и одъ ковдуныци!» Потомъ она дуетъ и плюетъ, полагаетъ три поклона, наливаетъ въ чашку непочатой воды черезъ уголь и опять шепчетъ: «одъ мужицького и одъ жиноцького глазу, одъ парубоцького и одъ дивчачого». Послѣ этого вода считается наговоренною и слѣдовательно цѣлебною; ее даютъ пить, а также обрызгиваютъ ею въ увѣренности скораго исцѣленія [2]).

Есть заговоръ въ такомъ тонѣ: «Лежала собака середъ дороги, роскидала чотыри ноги, пятый хвистъ, шеста голова,— нехай тоби Богъ помога!»

Говорятъ еще: «Урокъ, урочище! мужиче, жиноцьке, парубоцьке, дивоцьке, подумане, погадане и стрительне! Я васъ вызываю, выклыкаю изъ жилъ, изъ прижилъ» и т. д. (имя) [3]).

---

[1]) Хуторъ Нижній-Соленый, песчанской волости.

[2]) Слобода Нещеретова, старобѣльскаго уѣзда.

[3]) Слобода Ново-Осинова, купянскаго уѣзда.

Шептанье видоизмѣняется, сообразно лѣтамъ и настроенію шептухи и пріобрѣтаетъ характеръ молитвенный, напр.: «Господи мини поможи поворожити крещени, нарождени, молитвени (имя)! Спаситель, спаси еи душечку! Не сама я помогала: Матерь Божую прохала. Матерь Божая, поможи мини отъ урокивъ поворожити! Уроки, Божіи пророки, и найдени и напытани, и подумани и погадани, и часови и минутни, и мужицьки и жиноцьки, и дивоцьки и парубоцьки!» [1]).

Или еще:

«Мати Марія, бабушка Саломонія, на пути-дорози стояла, Христа пиджидала, Христа небесного, Сына любезного. Стали жиды Христа роспинати, въ руки и ноги гвозди забивати. Изъ нёго кровъ текла, якъ быстра рика. Приходили жоны мvроносыцы и плакали и рыдали, ёго слезами обливали, и говорили: на кого ты насъ теперь покидаешъ и оставляешъ?—Я васъ покидаю и оставляю на друга Христова, Ивана Богослова! Спаси и помилуй ёго (имя больного) отъ всякого дурного глазу, отъ воды потопа, и отъ звиря ядущого!» Больному даютъ воды до трехъ разъ, а остальную затѣмъ воду выливаютъ подъ пятку дверей и говорятъ: «щобы лыхо такъ крутилось, якъ крутяться двери» [2]).

Слѣдующее шептанье отличается отъ другихъ большимъ дробленіемъ общаго понятія объ *урокахъ*: «Уроки, уроки! вы витряни, вы водяни, вы глазни; вы мужицьки, вы жиноцьки, вы батькови, вы матерни, вы простудни, вы прозирни, вы подумани, вы й погадани, вы парубоцьки, вы й дивоцьки. Я васъ вышиптую, я васъ выклыкаю й вызываю зъ ёго (имя), я васъ высылаю на быстрый огонь, де мали диты, де викна не закрыти: тамъ же вамъ бувати, тамъ же вамъ и гниздо звивати, а въ новорожденного (имя) въ устахъ не стояти, жовтои кости не ламати, чирвонои крови не пивати, щирого серця не вьялити, билого тила не сушити» [3]).

4) Отъ испуга (переполоха).

Для лѣченія отъ испуга употребляются также различныя средства нашептыванія,—иныя для взрослыхъ, а иныя для дѣтей. Болѣе

---

[1]) Слобода Гусинка, купянскаго уѣзда.

[2]) Слобода Двурѣчная, купянскаго уѣзда.

[3]) Слобода Преображенная, купянскаго уѣзда.

простой способъ слѣдующій: когда звонятъ по мертвомъ и несутъ его къ могилѣ, надо ѣсть артосъ съ святою водою и приговаривать: «Тоди мій переполохъ зостане, якъ оцей мертвый (имя) встапе». Повторить три раза [1]).

Переполохъ выливаютъ. Знахарка наливаетъ въ миску немного воды; особо растапливаетъ воскъ и льетъ его въ воду, держа миску надъ головой больнаго; при этомъ шепчетъ:

«Господи поможи мини поворожити, переполохъ выливати (имя) хрещеному, нарожденому, и найденый и напытанный, подуманный, погаданный, одъ всякои звирины» [1]).

Для излеченія ребенка отъ испуга, просверливаютъ въ дверномъ притолкѣ на высотѣ роста дитяти дырочку, срѣзываютъ у больнаго съ головы накрестъ нѣсколько волосковъ, а также ногти на рукахъ и на ногахъ, кладутъ срѣзанные волоса и ногти въ дырочку и забиваютъ ее осиновымъ колышкомъ. Когда дитя переростетъ дырочку,—испугъ пройдетъ [2]).

Рекомендуется также: достать у трехъ первобрачныхъ по кусочку пасхи и ѣсть ее передъ принятіемъ пищи [3]), или перевернуть на больномъ ребенкѣ сорочку, надѣть ее передомъ назадъ [4]). Въ обоихъ случаяхъ испугъ пройдетъ.

5) Отъ безсонницы (крыклывцивъ, плаксывцивъ, мынныць).

Безсонницею взрослые люди въ простомъ народѣ не страдаютъ; у людей старыхъ это состояніе считается нормальнымъ и леченію не подлежитъ, но безсонница у малыхъ дѣтей, соединенная съ крикомъ, плачемъ, судорогами—истинный бичъ для матерей, подавленныхъ работою. И вотъ какое средство рекомендуется противъ этого: дитя, страдающее безсонницею, надо понести вечеромъ, какъ солнце зайдетъ, потомъ рано утромъ до восхода солнца, къ курамъ на насѣстъ, подержать его надъ спящими курами и три раза проговорить: «Якъ пиду я въ лисъ, а въ лиси зміивна, а въ неи сынъ Максымъ, а въ мене сынъ, (имя); мы-жъ покумаемось, мы-жъ по-

[1]) Слобода Ново-Николаевка, купянскаго уѣзда.
[2]) Свобода Гусинка, купянскаго уѣзда.
[3]) Городъ Купянскъ.
[4]) Слобода Пески, купянскаго уѣзда.

братаемось, мы-жъ посестримось. Зміивно, зміивно! возьми у мого сына (имя) мышныци, и ранни и пизни, и нични и полунични, и зоряни и вечирни!» Такъ надо дѣлать три дня подъ рядъ, «три зори утреннихъ и три вечирнихъ» и безсонница пройдетъ [1]).

Иная лекарка прежде, чѣмъ идти въ курятникъ, беретъ дитя на руки и, подойдя къ окну, качая ребенка, говоритъ: «Криклывци-плаксывци! пидить на вечерныци, де огни горять, де бесиды творять, тамъ и гуляйте! а одъ нарожденного, молитвенного, хрещеного младенця (имя) геть одійдить». А принесши ребенка въ курятникъ, говоритъ: «Курочки, курочки! симинастеньки, попилястеньки, рябесеньки и билесеньки, и жовтесеньки, возьмите мышныци и крыклывци, и плаксывци одъ нарожденного, хрещеного младеньця» (имя). Это повторяется три раза, съ слѣдующимъ добавленіемъ: «Яка ёго породила, то та ёго й отходила одъ криклывцивъ, и одъ плаксывцивъ, и одъ мышныць» [2]).

Приговариваютъ еще и такъ: «Куры, курыци! пришли мы до васъ на вечерныци; нате вамъ почныци, и криклывци, и плаксывци, и почни и денни, и подумани и погадани, и наслани и наспани, и ньидени,—зузульнасти, пепельнасти, и чорни и били, и ряби: на ваши, куры, очыци нате вамъ ночныци» [3]).

6) Отъ младенческой немочи (супротивника).

Младенческую немочь или «супротивника» выгоняютъ въ иныхъ мѣстахъ однимъ нашептываніемъ. Оно начинается молитвою: «поможи мени, Боже! Мати Христова, встань съ престола, пособи и поможи мини!» а затѣмъ знахарка выкликаетъ и вызываетъ болѣзнь: «я тебе вызываю и воскресною молитвою заклинаю, поименно называю: Грицько Кандыба! тутъ тоби не стояти, жовтои кости не ламати, червонои крови не спывати, бувати тоби на мори окіяни, тамъ живе гадина цариця; пора тоби туды давно явитьця!» Послѣ этого заклятія читается молитва: *Да воскреснетъ Богъ* [4]).

Въ иныхъ мѣстахъ къ заклинанію присоединяются обычныя и въ другихъ случаяхъ символическія дѣйствія. Знахарка нали-

---

[1]) Хуторъ Нижній-Соленый, песчанской волости.

[2]) Слобода Преображенная, купянскаго уѣзда.

[3]) Слобода Кузеновка, купянскаго уѣзда. Ср. Чубинскій, т. I, стр. 141.

[4]) Слобода Двурѣчная, купянскаго уѣзда.

ваетъ въ миску воды, бросаетъ три горящихъ угля и потомъ шепчетъ надъ этой водой: «Господи мини поможи нарожденному, хрещенному и молитвенному (имя) отъ младенчеського поворожити! Младенческе найдене, напытане, подумане, младенческе погадане, витрове, водяне, я тебе выговоряю изъ очей, изъ плечей, изъ грудей-пагрудей, изъ сердця-пасердця, изъ живота-паживота, изъ рукъ, изъ нигъ, изъ кости-пакости, изъ крови-пакрови, изъ семидесяти суставивъ. Я тебе выговоряю, молитвами выкливаю, вожемъ присикаю, тутъ тоби не бувати, крови не спывати, наглою смертью помирати: я тебе высылаю на очерета, на болота, тамъ тоби накупаться, тамъ тоби нагуляться, съ братичками повидаться» [1]).

Иногда при заговариваніи призывается святый Трифвонъ и льется вода изъ кружки за спину больному дитяти, или-же съ призываніемъ того-же святаго для изгнанія супротивника знахарка дѣлаетъ кусочкомъ ладана знаки креста на рукахъ и на лбу дитяти. Призывается также Матерь Божія, Іисусъ Христосъ, всѣ силы небесныя, печерскіе кіевскіе угодники [2]).

7) Отъ лихорадки (пропасныци).

Найбольшимъ разнообразіемъ отличаются заговоры и шептанья отъ этой, такъ обыкновенной въ крестьянскомъ быту болѣзни. Они имѣютъ въ большей части молитвенный характеръ; кромѣ ихъ особыя писанныя молитвы носятся больными на шеѣ; есть еще особыя какъ-бы симпатическія средства отъ этой болѣзни. Спеціальными цѣлителями ея считаются архангелъ Рафаилъ и преподобный Зосима соловецкій. Лихорадокъ считается 12-ть; онѣ дочери Ирода царя. Вотъ ихъ имена: Зябуха, Гнитыця, Плитія, Месора, Шашая, Чорна, Тынна, Дида, Ладо, Омуга, Утиха, Персанда. Въ другомъ заговорѣ онѣ носятъ слѣдующія названія: Трясовиця, Огневиця, Знобѣя, Паралѣя, Гарькуша, Крикуша, Черькетъ, Пухлѣя, Желтѣя, Дряхлѣя, Дремлѣя. Лихорадокъ впрочемъ насчитывается не одинаковое число: иногда ихъ считается 7, иногда 70, а иногда 77-мь. Вотъ заговоръ, отличающійся отъ другихъ найболѣе народнымъ складомъ рѣчи:

---

[1]) Слобода Гусинка, купянскаго уѣзда.

[2]) Слобода Нижняя Дуванка, купянскаго уѣзда.

«Ишовъ святый Оврамъ дорогою, зустривъ 70 змiивныхъ дочокъ. Святый Оврамъ пытае: «куда вы идете? христiаньску виру чого жовтите? Святый Оврамъ каже: «сыну мiй, Осакiй, бери сокиру, теши трость на щепки!» А змiивни дочки просять: «святый Овраме, не теши трости на щепки! Хто буде сее читати, того не будемъ и нападати» [1]).

Другой варiантъ этого заговора записанъ мною въ такомъ видѣ:

«Ишли Макарiй, Авраамiй и сынъ Исаакiй, та зострили 77 пропасныць. Говорять Макарiй, Авраамiй и сынъ Исаакiй: куда вы идете? А оны навстричу та съ дому не пускають, та выйшли изъ берега на круту гору, тѣ тамъ на крутiй гори и розбиглися [2]).

Наиболѣе полный изъ записанныхъ мною заговоровъ слѣдующiй:

«На осiянскiй гори, на святiй земли ѝхавъ Михайло; у ёго сынъ Авраамiй, на ёму великiй чинъ. Ишовъ Авраамiй—великiй чинъ въ путь дорогу; зостривъ винъ 77 женъ.—Куди вы йдете, прокляти жены? — Мы йдемо, Авраамiй великiй чинъ, въ Россѣю ласо наидаця, сладко напиваца.—Вернiця-жъ вы, прокляти жены, одъ нарожденного, молитвенного (имя). И якъ ты не зойдешь, буде тоби те, шо тiй жени, шо въ святу недилю хлибъ пече, и те, шо тому мужу, шо въ пятницю сiе та оре. Пропаснiця, пропаснiця! ты витряна, ты водяна, ты простудна, ты понатужна, ты напитана, ты й найдена, ты наспана, ты наслана, ты ночна, ты полуночна, ты зорена, ты полузорена, изойди-жъ ты зъ нарожденного (имя). И якъ ты не зiйдешъ, и мене не послухаешь, ты корни роспускаешь, гильля розвиваешь, и я съ тебе гильля обламаю, корни съ тебе повыкидаю, зъ нарожденного, молитвенного (имя). Тоби въ утроньку не стояти, краснои крови не пивати, жовтои кости не ламати, билого тила не сушити. Я-жъ тебе высылаю, на очерета и на болота, де людскiй гласъ не заходе, тамъ тоби пропадати». Это говорится надъ водою три раза. Больной долженъ пить эту воду и умываться ею [3]).

Не привожу молитвъ отъ лихорадки: народнаго въ нихъ мало, отдаютъ онѣ книжнымъ церковно-славянскимъ языкомъ старыхъ грамотѣевъ; но не лишне будетъ отмѣтить практикуемыя народомъ

---

[1]) Слобода Ново-Осиново, купянскаго уѣзда. Ср. Чубинскiй, т. I., стр. 120.

[2]) Слобода Нижняя—Дуванка, купянскаго уѣзда.

[3]) Слобода Преображенная, купянскаго уѣзда.

средства отъ лихорадки, проникнутыя тѣмъ-же духомъ суевѣрія и какого-то вѣдовства. Совѣтуютъ, напримѣръ, сдѣлать карбежъ, т. е. выстрогать четыреугольную палочку, длиною въ вершокъ, нарѣзавъ на ней столько насѣчекъ, сколько разъ трясла лихорадка, расколоть ее вдоль пополамъ, и одну половину вынесть на дворъ ночью и бросить ее съ слѣдующими словами: «Оставляю карбежъ, кидаю карбежъ, щобъ такъ мене зоставила, покинула пропасныця». При этомъ надо три раза плюнуть и дунуть отъ себя, другую-же половину во что нибудь завязать и носить зи пазухой. Если и послѣ этого будетъ трясти лихорадка, то на оставшейся половинѣ карбежа, послѣ перваго пароксизма, сдѣлать еще одну насѣчку, и лихорадка не повторится.

Рекомендуется еще повѣсить себѣ на шею мертвое путо, т. е. ту тесьму, которою связываютъ ноги умершихъ; но оно помогаетъ всего одинъ разъ, а далѣе теряетъ свою цѣлебную силу [1]). Нѣкоторые при погребеніи бросаютъ въ могилу, вмѣстѣ съ землею, ту ленточку (стёжку), которою завязываютъ воротъ рубахи, или-же берутъ съ могилы горсть земли и дома подкуриваются ею [2]). Иные выдергиваютъ изъ крыши той хаты, въ которой живутъ первобрачсоломы и накуриваются ею, или-же завязавъ въ новый платокъ деньги, бросаютъ его на перекресткѣ дороги [3]). Даютъ еще и такой совѣтъ: «На молодику прочитай за однимъ духомъ «Отчу», або зашый въ торбочку жабу и прычепи хворому на шыю, тилко такъ, шобъ винъ не знавъ [4]).

8) Отъ колики (колючки).

Для излеченія отъ колики, какъ символы, берутся остроконечные предметы: зубъ отъ бороны и рогачъ и ими колется больное мѣсто, причемъ знахарка шепчетъ: «колючка витряна, колючка водяна, прозирна, подумана, погадана, молвина, мужицька, жиноцька, парубоцька, дивоцька, хлопьяча, тутъ тоби не стояти, жовтои кости

---

[1]) Слобода Покровскъ, купянскаго уѣзда.

[2]) Городъ Купянскъ.

[3]) Слобода Ново-Николаевка, купянскаго уѣзда.

[4]) Слобода Покровскъ, купянскаго уѣзда.

не ломити, сердця не вялити, (имя) не сушити: ты пиды соби на очерета, на болота, де нихто не ходе, нихто не говоре и людскій гласъ не заходе». Приведенныя слова повторяются три раза [1]).

Варіантовъ этого заговора много; но все это перифразы, переиначиванья одного и того-же. Нѣкоторую особенность представляетъ слѣдующій заговоръ отъ той-же колючки:

«На мори на окіяни, ва острови на Буяни стоявъ золотый мистъ, а на мосту золотый дубъ, а на дуби золоте кресло. Тамъ сыдивъ святый мужъ Іосифъ. Къ ёму приходила Мати Марія: «годи тоби тутъ сидиты, иди съ золотымъ своимъ посохомъ колючку приколювати». Колючка, колючище! ты зъочна, ты врочна, пидвіяна, подумана, погадана! пиды на дыки степы, на болота на очерета, де люди не ходять, собаки не брешуть, пивни не спивають! [2]).

Вмѣсто зуба отъ бороны и рогача берутъ ножъ и имъ слегка придавливаютъ больное мѣсто, произнося непремѣнно три раза тѣ или иныя слова заговора, и послѣ каждаго раза трижды сплевываютъ [3]).

9) Отъ ломоты въ костяхъ (грызь).

Нашептыванье при леченіи этой болѣзни состоитъ иногда въ обращеніи къ мертвымъ, напримѣръ: «мертви, спите, не встаете; у васъ руки и ноги не болять, и голову не круте; дайте-жъ мини святои травы отъ лыхои биды, щобъ у крещеного, молитвеного раба Божого (имя) ничого не болило и голову не крутило» [4]). У другихъ оно начинается молитвою къ Матери Божіей въ слѣдующихъ словахъ: «пресвятая Диво Богородице, поможи мини и благослови грызь погрызти!» При чемъ знахарка слегка кусаетъ больной членъ, а затѣмъ шепчетъ: «Я не биле тило грызу, а грызь загрызаю. Грызь подумана, погадана, испита, изъидена, подорожня, полунична, витряна, прозирна! Я тебе выкликаю, я тебе загрызаю съ червонои крови, съ жовтои кости у молитвеного, крещеного раба Божія» (имя). Или же: Зубы, зубы! не хочете жабы ѣсты,—грызить грызь, а не кистку, грызь зъ колючкою гризовою, и встричною, и подума-

---

[1]) Слобода Ново-Николаевка, купянскаго уѣзда.

[2]) Слобода Штормовея, старобѣльскаго уѣзда.

[3]) Слобода Преображенная, купянскаго уѣзда.

[4]) Слобода Штормовая, старобѣльскаго уѣзда.

ною! Якъ писокъ на вилахъ не вдержитьця, такъ и колючка въ нарожденого и хрещеного (имя) не вдержитьця» [1]).

10) Отъ завины (боли въ животѣ).

«Завина»—это спазмы въ желудкѣ, или вздутіе живота. Если не помогаетъ ни рюмка водки съ перцемъ, ни лежанье на печи «животомъ до чириня», то прибѣгаютъ къ знахаркѣ. Знахарка беретъ ведро, переворачиваетъ его вверхъ дномъ, на дно наливаетъ воды, сыплетъ накрестъ соли, ставитъ на порогѣ подъ глухой край двери, мѣшаетъ накрестъ ножемъ и шепчетъ: «Вси святи на помочи! идить помогати хрещеному, молитвенному видъ завины шептати. Завина водяная, завина витровая, и стритеная, и подуманная, и погаданная, и въ смакъ соби зъидена, и въ смакъ соби спитая: пиды соби на очерета, на дыки степа, на темни лиса» и пр. По окончаніи шептанья знахарка даетъ пить больному слитую съ ведра воду, разведенную солью.

Та-же операція производится и инымъ способомъ. Больной ложится на спину; знахарка ставитъ ему на животъ миску съ водою, на миску кладетъ крестообразно двѣ ложки, веретено и ножъ; затѣмъ беретъ паклю, зажигаетъ и кладетъ въ кувшинъ, а кувшинъ опрокидываетъ отверстіемъ въ миску. Повторяется это до пяти разъ. Потомъ знахарка бросаетъ въ воду нѣсколько зеренъ пшена и кусковъ соли, разбалтываетъ одною ложкою, набираетъ ею-же изъ миски воды и обливаетъ ножъ, веретено и вторую ложку; а затѣмъ эту-же воду даетъ пить больному. При опрокидываніи кувшина съ горящей паклей произносятся каждый разъ слѣдующія слова: «Соняшныци, и витрови и водяни, и подумани и погадани! идить соби на хла (?) и на болота, де люде не ходять и пивни не спивають: тутъ вамъ не стояти, червоной крови не пити, жовтои кости не ломити, серця не сушити». Или-же: «Шепоту, шепоту по твоему (имя) животу, а съ твоего живота на попови ворота, а съ поповихъ воритъ та впъять тоби въ живитъ» [2]).

Было-бы въ высшей степени интересно и важно приведенные мною и существующіе въ печатныхъ сборникахъ заговоры и на-

[1]) Слобода Преображенная, купянскаго уѣзда.

[2]) Слобода Ново-Николаевка, купянскаго уѣзда; слобода Ново-Осинова, того-же уѣзда.

шептыванья въ болѣзняхъ сличить, и со стороны содержанія, и со стороны языка, съ тѣми, которыя въ огромной массѣ находятся въ уцѣлѣвшихъ рукописныхъ сборникахъ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Выводъ отъ такого сличенія былъ-бы, кажется, крайне неутѣшительный. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что собственно народъ нашъ въ этомъ отношеніи не подвинулся ни на шагъ впередъ. Тотъ-же глубокій мракъ облегаетъ его теперь, какъ и сто, двѣсти и болѣе лѣтъ назадъ.

И. Ивановъ.

ГОРОДНИЧІЙ И СВ. ПЯТНИЦА.

(Къ исторіи народныхъ суевѣрій).

Между остатками языческой древности, уцѣлѣвшими до нашихъ дней, не послѣднее мѣсто занимаетъ то почитаніе, съ какимъ относится народная масса къ пятницѣ, дню, посвященному въ языческій періодъ богинѣ плодородія Фреѣ или Сивѣ. Съ принятіемъ христіанства, память объ этой языческой богинѣ не могла, конечно, сразу исчезнуть, но въ тоже время не могла и остаться не тронутою новой религіей. Богиня Фрея смѣнилась св. Параскевою и Богородицею; но на ряду съ этимъ сохранилось и глубокое уваженіе къ дню пятницѣ.

На сколько почитаніе пятницы—явленіе распространенное среди русскаго народа, видно изъ слѣдующихъ словъ изслѣдователя «Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу», Аѳанасьева: «во многихъ мѣстностяхъ русскаго царства, говоритъ онъ, по пятницамъ бабы не прядутъ, не варятъ щелока, не стираютъ бѣлья, не выносятъ изъ печи золы, а мужики не пашутъ и не боронятъ, почитая эти работы въ означенный день за большой грѣхъ».

Въ Малороссіи почитаніе пятницы въ XVIII в. сопровождалось даже нѣкоторыми религіозными обрядами. Такъ «въ полку стародубовскомъ, по словамъ Духовнаго Регламента, въ день уреченный праздничный, водятъ жонку простовласую подъ именемъ пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ, и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкія ползы». Обычай этотъ не сохранился до настоящаго времени, но среди южно-рус-

скаго народа сохранилась глубокая вѣра въ карающую силу пятницы, которая распространяется на лицъ работающихъ въ этотъ день. Въ каневскомъ уѣздѣ кіевской губерніи существуетъ повѣрье, что пятница «здрала жинци шкуру и повисила ін на верстати за те, що вона ткала въ пятницю». Въ остерскомъ уѣздѣ черниговской губерніи пятница представляется молодицей, которая ходитъ по хатахъ и наблюдаетъ, кто изъ женщинъ прядетъ. «Якъ побачить, що жинка пряде, то вона зробить такъ, що тій пряси на обохъ рукахъ покорчить пальци!» [1]). Въ обоихъ этихъ случаяхъ указывается прямое отношеніе пятницы къ домашнимъ работамъ. Наконецъ, пятницѣ народное суевѣріе приписываетъ вліяніе на падежи скота, моръ и смерть. Въ одной малорусской сказкѣ говорится о томъ, какъ пятница предоставила возможность жить одному крестьянину въ теченіи 200 лѣтъ, а затѣмъ отобрала жизнь и отослала душу умершаго въ адъ.

Въ дополненіе къ тому, что извѣстно въ литературѣ о почитаніи пятницы въ Малороссіи, я сообщу еще одинъ фактъ, случившійся въ г. Золотоношѣ, полтавской губерніи, въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Сообщеніе это основано на оффиціальномъ дѣлѣ, находящемся въ архивѣ полтавскаго губернскаго правленія [2]). Вотъ суть этого дѣла:

Въ среднихъ числахъ іюля 1831 года, среди жителей Золотоноши распространился слухъ, что на чьей-то нивѣ во ржи, въ образѣ женщины, явилась св. Пятница, въ бѣлой намиткѣ, съ распущенными волосами. Повалилъ народъ смотрѣть св. Пятницу, пошелъ по своей охотѣ и человѣкъ городничаго. Пятница отличила его отъ другихъ, подозвала къ себѣ и велѣла ему передать городничему, чтобы тотъ немедленно явился къ ней. Поѣхалъ городничій, а Пятница говоритъ ему: «смотри, городничій! вотъ жито прекрасное, да некому его будетъ жать! Не чтутъ меня, св. Пятницы, и за то Богъ послалъ на людей моръ. Не допускай и ты работать по пятницамъ, а то и тебѣ не избѣжать смерти».

То было страшное время *первой* холеры въ краѣ. Люди гибли сотнями, тысячами. Народъ всюду волновался и хватался за всякій

---

[1]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. I, стр. 217.

[2]) Общая Опись, № 1,026. Дѣло о появившейся въ Золотоношѣ пятницѣ.

нелѣпый слухъ. Встревоженные слухомъ о явленіи пятницы городничему, обыватели Золотоноши не только простые, но и *благородные* на другой день устремились къ городничему съ распросами: «точно-ли онъ видѣлъ св. Пятницу и справедливо-ли, что она запретила по пятницамъ работать?» Городничій Худзинскій былъ крайне удивленъ. Тщетно онъ увѣщевалъ жителей не вѣрить такому нелѣпому слуху, убѣждалъ, стыдилъ ихъ; ничто не помогало... Молва о появленіи св. Пятницы распространяется все больше и больше. Настаетъ канунъ пятницы, и въ городѣ къ прежнему слуху добавляютъ, что «завтрешній день, въ пятницу, по приказанію городничаго, полицейскіе будутъ плетьми гнать рабочихъ съ полей».

Городничій смѣялся надъ глупыми выдумками; но на слѣдующій день, т. е. въ пятницу, возвратились съ полей женцы дворянина Любарця и Мойсѣенка, объявляя всѣмъ, что «работать въ полѣ нельзя, что тамъ десятскіе, по приказу городничаго, бьютъ и гонятъ всѣхъ вышедшихъ на работу». За женцами Любарця и Мойсѣенка «и протчіе всѣ, оставивши работы и пришедши въ городъ, произносили ужаснѣйшій ропотъ и негодованіе!»

Городничій заволновался. Видя, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, онъ произвелъ разслѣдованіе. Оказалось, какъ доносилъ онъ потомъ, «по добровольному показанію тѣхъ женцовъ», что они выдумали все это съ своей головы, для того, что имъ не хотѣлось на полѣ работать». Случился базарный день, городничій вывѣсилъ на базарѣ публикацію «о несправедливомъ слухѣ»; но читать мало кто могъ, и всѣ «остались въ прежнемъ заблужденіи». Городничій струсилъ, боясь народнаго возмущенія.

Обо всемъ случившемся онъ шлетъ этафетой донесеніе полтавскому губернатору, прося дальнѣйшихъ распоряженій. Губернаторъ рекомендовалъ два не одинаковаго характера средства: во 1-хъ дать при полиціи по 20 розокъ тѣмъ изъ крестьянъ, которые распустили слухъ о появленіи св. Пятницы, предоставляя впрочемъ исполненіе этого распоряженія на волю помѣщиковъ, а во 2-хъ просить распоряженія золотоношскаго протоіерея, чтобы священники выяснили народу, «сколь грѣшно передъ Богомъ предаваться подобному суевѣрію и вредно для себя».

Распоряженіе губернатора не вывело городничаго изъ затрудненія. Обратился онъ къ помѣщикамъ; но тѣ отказались сѣчь

крестьянъ,—была горячая рабочая пора, и они могли лишиться чрезъ это многихъ рабочихъ. Пошелъ онъ къ протоіерею, тотъ немедленно, что слѣдуетъ, предписалъ; но и проповѣди священниковъ мало имѣли успѣха. Прошло еще довольно времени, пока холера ослабѣла, и вызванный страшною болѣзнію слухъ самъ собою затихъ.—Такъ проглянуло и въ этомъ случаѣ древнее народное представленіе о пятницѣ, какъ о богинѣ плодородія: она помѣщается въ растущемъ хлѣбѣ и оттуда заявляетъ, «что хлѣба некому будетъ жать», такъ какъ за непочитаніе ея, св. Пятницы, Богъ послалъ на людей моръ; но вмѣстѣ съ симъ она-же обѣщаетъ прекратить моръ, если будутъ почитать ее, святую Пятницу.

Н. Бакай.

МИЦКЕВИЧЪ ВЪ МАЛОРУССКИХЪ ПЕРЕДѢЛКАХЪ И ПЕРЕВОДАХЪ.

Г. Иванъ Франко, помѣщающій съ нѣкотораго времени постоянныя корреспонденціи въ газетѣ «Kraj», въ № 46, посвященномъ памяти Мицкевича, касается вліянія этого поэта на малорусское образованное общество. Если судить объ этомъ вліяніи, говоритъ авторъ, по числу и качеству малорусскихъ переводовъ его произведеній, то оно представляется очень слабымъ. Но такое значеніе ложно въ самомъ основаніи. Вліяніе Мицкевича на «русинскую» интеллигенцію, съ первыхъ дней его литературной извѣстности и до нашего времени, гораздо глубже, прочнѣе и непосредственнѣе, потому уже, что языкъ его поэзіи понятенъ образованнымъ русинамъ не только Галиціи, но и Украйны, по крайней мѣрѣ вправо отъ Днѣпра. Малочисленные и очень далекіе по достоинству отъ подлинника переводы и передѣлки изъ Мицкевича на малорусскую рѣчь въ большей степени являются слѣдами, отголосками его вліянія, чѣмъ служили и служатъ его проводниками. По нимъ можно судить развѣ о томъ, какъ рано обнаружилось это вліяніе и какъ далеко оно простиралось; но въ нихъ слѣдуетъ видѣть только случайныя поэтическія попытки, нельзя придавать имъ значенія серьезнаго замысла переводчиковъ и перелагателей—ознакомить своихъ читателей съ общественными и политическими взглядами и идеалами Мицкевича. Вотъ почему, полагаетъ г. Франко, не

находили малорусскихъ переводчиковъ самыя капитальныя произведенія польскаго поэта, какъ Конрадъ Валленродъ, Гражына, Дзяды.

Вѣрное фактически, это замѣчаніе г. Франка грѣшитъ невѣрностью исходной точки. Какъ ни малочисленны и какъ ни мелки переводы и заимствованія изъ Мицкевича у южно-русскихъ писателей, но ихъ никакъ нельзя сопоставлять *количественно* съ его произведеніями въ подлинникѣ: мѣриломъ здѣсь можетъ быть только общій объемъ новѣйшей малорусской письменности, самъ по себѣ до сихъ поръ еще крайне необширный, безъ труда укладывающійся въ нѣсколько томовъ компактнаго изданія, формата гелертерскихъ Taschenbuch'овъ... При такомъ размѣрѣ и на долю Мицкевича приходится все-же замѣтный процентъ. Другое дѣло качество: *что* выбиралось изъ подлинника, и *какъ* переводилось. И если согласиться съ г. Франкомъ, что этотъ выборъ и переработка составляютъ отзвукъ непосредственнаго вліянія Мицкевича на южную Русь, то самое вліяніе это слѣдуетъ признать не только слабымъ, но и весьма поверхностнымъ...

Первый малорусскій переводъ изъ Мицкевича появился въ Харьковѣ, именно балада о панѣ Твардовскомъ, Гулака-Артемовскаго; это очень свободная передѣлка, въ которой сохраненъ только сюжетъ, но подробности обработаны совершенно своеобразно. Л. Боровиковскій былъ уже переводчикомъ въ настоящемъ значеніи (Сонеты и Фарисъ); Іеремія Галка, т. е. Костомаровъ, также перелагалъ кое-что изъ Мицкевича (До Маріи Потоцкои, Панычъ и дивчина). Что касается Шевченка, то г. Франко едва-ли не напрасно ищетъ слѣдовъ мицкевичевскаго вліянія въ его балладахъ, какъ Причина, Тополя, Русалка и другихъ: здѣсь скорѣе сказалось болѣе близкое вліяніе Жуковскаго съ его подражателями, въ свою очередь отражавшими романтиковъ нѣмецкихъ. Трудно также признать и вліяніе Дзядовъ или Валленрода въ поэмахъ Шевченка съ политической подкладкой, а совпаденія отдѣльныхъ подробностей «Сна» и стихотворенія Мицкевича «Petersburg» были неизбѣжны и легко объясняются тождественностью явленій, остановившихъ на себѣ вниманіе обоихъ поэтовъ.

Изъ позднѣйшаго времени г. Франко отмѣчаетъ переводы Кулиша (подъ псевдонимомъ Ломуса), Навроцкаго, Кузьмы Волынца въ львовской «Правдѣ» и наконецъ г. Старицкаго. За послѣднимъ

авторъ признаетъ «несомнѣнный поэтическій талантъ»; но вслѣдъ затѣмъ цитируетъ первое четверостишіе Воеводы (Czaty), превратившееся у переводчика въ двойное число стиховъ, и говоритъ о переводѣ: «сколько здѣсь лишнихъ прибавокъ, вставокъ, эпитетовъ, разящихъ фальшью подробностей! И при всемъ томъ стихотворная форма выдержана въ совершенствѣ. Такъ и видно, что здѣсь работалъ ремесленникъ формы, а не вдохновенный мастеръ».

Изъ галицкихъ переводчиковъ Мицкевича г. Франко отмѣчаетъ только Озаркевича и Павлина Свенцицкаго (Стахурскаго; псевдонимъ Павло Свій). Эта крайняя бѣдность переводовъ въ той именно части южно-русской земли, гдѣ непосредственное вліяніе Мицкевича наиболѣе сильно, говоритъ не въ пользу обобщеній автора, приведенныхъ въ началѣ настоящей замѣтки.

Ив. Новицкій.

ФРАНЦУЗЪ-ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ НА УКРАЙНѢ.

Существеннымъ подспорьемъ для бытовой исторіи, этнографіи и исторіи нравовъ признана давно такъ называемая литература путешествій. Рѣдкіе изъ современниковъ записываютъ и замѣчаютъ тѣ незначительныя обстоятельства, тѣ мелкія жизненныя явленія изъ которыхъ складывается обыденная, ежедневная жизнь. Глазъ присматривается къ нимъ, они кажутся столь обыкновенными и нормальными, что странно даже и думать отмѣчать и записывать ихъ. Оригинальныя особенности жизни всегда виднѣе человѣку постороннему, свѣжему. Вотъ почему впечатлѣнія путешественниковъ бываютъ особенно цѣнны, относясь ко времени исчезнувшему, знакомому намъ только по сухимъ документамъ и внѣшнимъ фактамъ. Замѣтки очевидцевъ какъ бы вводятъ насъ на время въ исчезнувшій міръ, окружая насъ его атмосферой.

Южно-русская исторіографія владѣетъ нѣсколькими такими источниками, относящимися къ XVI и XVII вѣкамъ. Не говоря уже о Боплапѣ и Эрихѣ Лясотѣ, поставившихъ себѣ прямою задачею систематическое описаніе, даже замѣтки такихъ случайныхъ очевидцевъ жизни нашего края, какъ Павелъ Алепскій или священникъ Лукьяновъ (въ началѣ XVIII вѣка) представляютъ драгоцѣнныя данныя и ничѣмъ не замѣнимыя живыя черты. XVIII вѣкъ,

столь любопытное переходное время, въ этомъ отношеніи, къ несчастью, очень бѣденъ. Правда, къ концу его и въ началѣ нашего столѣтія, появляется цѣлый рядъ путешественниковъ по Малороссіи; таковы: князь Шаликовъ, Гунъ, Измайловъ, Зуевъ, Левшинъ. Но ихъ записки носятъ самый поверхностный характеръ; авторами ихъ являются люди не только неспособные задумываться надъ окружающей жизнью, но просто предпочитающіе погоню за фразой хотя-бы безхитростному описанію видѣннаго и слышаннаго. Къ такимъ-же людямъ принадлежитъ и путешественникъ, впечатлѣніямъ котораго посвящается эта замѣтка. Мы не настолько однако богаты мемуарами и другими источниками, чтобы пренебрегать хотя-бы и мелочными набросками очевидцевъ прошлаго. Отъ нихъ все-же вѣетъ духомъ времени, а иногда, хоть безъ намѣренія авторовъ, выступаютъ его типическія черты. По этимъ соображеніямъ позволяемъ себѣ удѣлить нѣсколько строкъ рѣдкой и малоизвѣстной книгѣ графа де-Лагарда.

«Путешествіе изъ Москвы въ Вѣну», чрезъ Кіевъ, Одессу и Германштадтъ (Voyage de Moscou à Vienne, par le comte De Legarde. Paris. 1824) предпринято было де-Лагардомъ въ 1811 году. Данныхъ объ авторѣ во французской литературѣ мы не нашли, но изъ текста книги ясно выступаетъ его политическій и нравственный образъ. Онъ—роялистъ, оплакивающій прошлое и предпочитающій Франціи чужіе края, въ то время, когда въ ней господствуетъ «узурпаторъ». По средѣ, въ которой онъ вращается, это человѣкъ высшаго круга, вкусившій однако европейскаго просвѣщенія, отъ чего въ немъ сгладились тѣ черты тупого высокомѣрія, какими блещетъ наше доморощенное «хорошее общество». Подобно большей части людей своей среды, онъ скользитъ взглядомъ по явленіямъ жизни и со всего въ мірѣ любитъ срывать только «цвѣты удовольствій». Это что-то напоминающее, созданнаго Некрасовымъ фантастическаго графа Гаранскаго и не совсѣмъ чуждое пушкинскому графу Нулину, исправленному пощечиной добродѣтельной россіянки. Немногое сообщаемое имъ относится къ свѣтскому кругу и преимущественно къ жизни польскихъ магнатовъ, предъ которой онъ падаетъ ницъ. Познакомимся съ нимъ самимъ въ его отрывочныхъ замѣткахъ.

О Малороссіи въ нихъ рѣчь заходитъ съ Глухова, «прелестнаго города, нѣкогда резеденціи правительства, уничтоженнаго пожаромъ почти на двѣ трети». Тутъ онъ замѣтилъ только съѣденнаго имъ за обѣдомъ превосходнаго карпа и новыя румянцевскія постройки. Мало найдя что сказать о городѣ, онъ разсказываетъ о разныхъ подмѣченныхъ имъ на пути предразсудкахъ, между прочимъ о значеніи понедѣльника, какъ «тяжелаго дня». «Право досадно, замѣчаетъ недовольный монархистъ, что, по свидѣтельству Библіи, Богъ избралъ этотъ день для начала творенія. Конечно этому обстоятельству надо приписать всѣ случившіяся впослѣдствіи несчастія, начиная съ всемірнаго потопа и кончая французской революціей».

Въ Батуринѣ онъ посѣщаетъ могилу Кирилла Разумовскаго, умершаго за восемь лѣтъ передъ тѣмъ. «Хотя скульптура и посредственна, но изобиліе мрамора разныхъ цвѣтовъ, бронзы и позолоты показываетъ, какъ тщеславіе силится бороться съ властью забвенія и смерти». Онъ посѣщаетъ дворецъ Разумовскаго и передаетъ разсказы о жизни, которая тутъ текла. «Все, что могутъ произвести и выдумать азіатская роскошь и европейское великолѣпіе, соперничали въ этомъ мѣстѣ. Балы, спектакли, карусели, охоты при факелахъ, столы въ сто приборовъ, иллюминаціи, фейерверки, слѣдовали здѣсь одинъ за другимъ. Прибавьте къ этому безпрестанные салюты пушекъ и вы будете имѣть понятіе о мирной жизни этого тихаго уголка. А теперь, что осталось отъ всего этого?...» Гуляя по опустѣвшимъ заламъ гетманскаго дворца, онъ предается философствованію о тщетѣ всего земнаго. Эффектъ этихъ мечтаній къ сожалѣнію сильно ослабляется одной справкой: въ этомъ дворцѣ гетманъ никогда не жилъ и при жизни его онъ остался недостроеннымъ. Исторіографъ рода Разумовскихъ, г. Васильчиковъ повѣствуетъ объ этомъ подробно въ своемъ замѣчательномъ трудѣ.

Въ Кіевѣ графъ де-Лагардъ представляется генералъ-губернатору Милорадовичу, бывшему адъютанту Суворова, убитому впослѣдствіи въ Петербургѣ 14 декабря 1825 г. Тутъ-же знакомится онъ съ княземъ Ипсиланти, бывшимъ господаремъ Молдавіи и Валахіи, два года передъ тѣмъ поселившимся въ Кіевѣ. «Озабоченный весь благосостояніемъ своихъ подданныхъ, замѣчаетъ де-Лагардъ о князѣ

скорѣе наивно, чѣмъ зло, онъ не оставлялъ въ забвеніи заботъ о своемъ состояніи, которое громадно». У Милорадовича, дня черезъ два, путешественникъ былъ на великолѣпномъ балѣ. «Сады были иллюминованы до самаго низу горъ и въ чащахъ деревьевъ спрятаны были хоры музыки, которые сообщали этой прекрасной ночи какой-то волшебный колоритъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ разосланы были гонцы къ дамамъ изъ общества, которыя почти всѣ теперь въ деревняхъ. Генералъ открылъ балъ съ одной изъ прелестнѣйшихъ особъ, какихъ я видѣлъ въ жизни, госпожей Давыдовой, рожденной Аглаей де-Грамонъ. Ужинъ былъ великолѣпенъ. Въ два часа ночи былъ концертъ, въ которомъ соперничали между собой на віолончели и скрипкѣ Ромбергъ и Лафонъ. Потомъ танцовали до свѣта. Въ девять часовъ утра поданъ былъ въ саду завтракъ».

Черезъ два дня онъ пишетъ: «Генералъ Милорадовичъ возилъ меня вчера къ гражданскому губернатору Панкратьеву. Народу было мало и общество удалилось въ гостинную, уставленную цвѣтами, гдѣ рѣшили разсказывать по очереди разныя исторіи. Дамы потребовали, чтобъ исторіи были страшныя». Тутъ французъ-путешественникъ почувствовалъ себя въ своей сферѣ и развелъ разводы, которые хвастливо и приводитъ. Вспоминается невольно грибоѣдовскій «французикъ изъ Бордо, собравшій вкругъ себя родъ вѣча»,— картинка, списанная очевидно знаменитымъ комикомъ съ натуры.

Какими-то судьбами здѣсь-же, въ Кіевѣ, встрѣтилъ онъ генерала Шаплица, друга принца де-Линя, передавшаго ему любопытный эпизодъ изъ знаменитаго путешествія въ Крымъ Екатерины II. Императорская яхта стояла возлѣ Партенона, гдѣ, по предположенію, нѣкогда находился храмъ Ифигеніи. Шелъ споръ о большей или меньшей вѣроятности такого предположенія. «Принцъ, сказала императрица, обращаясь къ де-Линю, я дарю вамъ подверженную сомнѣнію землю!» Вмѣсто отвѣта принцъ бросился въ море и, достигнувъ берега вплавь, закричалъ: «Я вступаю во владѣніе, ваше величество!..» Земли, которыя императрица издали очертила рукою, остались собственностью рода принцевъ де-Линь.—Если ты удивляешься тому, что я разсказываю тебѣ, то что было-бы съ тобою, если-бы ты все это видѣлъ самъ?—Эти слова древняго автора не-

вольно навертываются на умъ, при встрѣчѣ съ такимъ изумительнымъ эпизодомъ этой изумительной эпохи.

Выѣхавъ изъ Кіева, въ Васильковѣ де-Лагардъ смотрѣлъ на ярмаркѣ цыганскіе танцы. Къ молодымъ цыганкамъ онъ обращается со словами упрека за ихъ «слишкомъ вольныя движенія, оскорбляющія стыдливость»,—упрекомъ едва-ли искреннимъ въ устахъ уроженца классической родины канкана.

Немного далѣе онъ встрѣчается въ дорогѣ съ графомъ де-Витомъ, управлявшимъ впослѣдствіи южно-русскими военными поселеньями. Въ примѣчаніи, прибавленномъ при изданіи книги въ 24 году, онъ пишетъ о немъ: «теперь генералъ-лейтенантъ, состоитъ начальникомъ одной изъ военныхъ колоній на югѣ Имперіи и цивилизуетъ, подчиняя европейской тактикѣ, дикіе народцы тѣхъ странъ». Читатели «Кіевской Старины» припомнятъ, быть можетъ, изъ любопытныхъ записокъ сенатора Стороженка, какого рода была эта цивилизація и во что обходилось «народцамъ» подчиненіе европейской тактикѣ.

Путь графъ де-Лагарда изъ Кіева лежалъ въ Тульчинъ, къ Потоцкимъ. По дорогѣ онъ мимоѣздомъ только взглянулъ на Бѣлую Церковь Браницкаго, владѣльца 80,000 душъ крѣпостныхъ крестьянъ и на Махновку, которою владѣлъ одинъ изъ Потоцкихъ. Этотъ Потоцкій, оказывается, положилъ основаніе нѣмецкой колонизаціи въ юго-западномъ краѣ. Онъ поселилъ у себя 300 семействъ нѣмцевъ, выписавъ ихъ, какъ рабочихъ для своихъ фабрикъ. Фабрики закрылись впослѣдствіи и состояніе владѣльца разстроилось, а нѣмцы остались жить въ краѣ.

Достигнувши Тульчина, графъ буквально плаваетъ въ эмпиреяхъ. Восторгу его и предъ красавицей Софіей Потоцкой, и предъ ея семьей, и предъ роскошью жизни буквально нѣтъ границъ. Для примѣра блаженной жизни, онъ приводитъ описаніе одного дня въ Тульчинѣ. «Встаютъ рано. Вставши, вы выбираете или купанье въ одной изъ красивыхъ рѣчекъ, бѣгущихъ въ паркѣ, или турецкую ванну. Въ десять часовъ возвращаетесь къ себѣ, завтракаете, занимаетесь чѣмъ нибудь и такъ проводите время до трехъ часовъ, когда всѣ сходятся къ обѣду. Столъ въ пятьдесятъ приборовъ накрытъ въ вымощенной мраморомъ оранжереѣ, посреди которой фонтанъ, падающій нѣсколькими струями, освѣжаетъ воздухъ и веселитъ глазъ. Стѣны

залы уставлены статуями тончайшей работы въ перемежку съ растеніями и цвѣтами всѣхъ странъ, которые, благодаря дорого стоющему уходу, на сѣверѣ Европы переносятъ васъ мыслію въ благоухающіе сады Италіи и Прованса. Пока подадутъ на столъ, общество гуляетъ въ прекрасной боковой галлереѣ; но вотъ входитъ графиня Софія съ дѣтьми и всѣ садятся. Для описанія обѣда надо особый талантъ, которымъ я не владѣю. Я перейду прямо на партеръ, близь оранжереи, гдѣ послѣ обѣда подается кофе и мороженое. Разговоръ дѣлается общимъ, группы смѣшиваются и раздѣляются, дебатируются проэкты вечернихъ прогулокъ и каждый отправляется къ себѣ приготовиться къ вечеру нѣсколькими минутами отдыха. Бьетъ шесть часовъ, всѣ сходятся въ залъ. У дамъ простые туалеты, такъ всегда къ нимъ идущіе. Подаютъ экипажи. Графиня ѣдетъ кататься верхомъ, въ сопровожденіи сыновей, m-me де-Витъ избираетъ линейку, въ которой, вмѣстѣ съ ней, удобно усаживается двѣнадцать человѣкъ. Аббатъ Шалантонъ, воспитатель дѣтей, ѣдетъ въ корзинкѣ вмѣстѣ съ графомъ Болеславомъ, дочери графини съ гувернанткой — въ большой англійской коляскѣ и всѣ отправляются пить чай въ какой нибудь изъ дальнихъ садовъ, при звукахъ музыки, спрятанной вдали, въ лѣсу, и сообщающей столько прелести и безъ того прекрасному вечеру. Общество разсыпается въ разныя стороны, кто гуляетъ, кто карабкается на гору, кто собираетъ растенія, и время, бѣгущее всегда быстро для счастливыхъ, близится къ ночи, дающей сигналъ къ отъѣзду. Возвращаются въ замокъ, чтобъ закончить вмѣстѣ вечеръ. Собравшись въ залъ, общество располагается такъ: на диванѣ графиня, окруженная дамами и пріѣзжими. Аббатъ играетъ съ кѣмъ нибудь въ шахматы въ углу, дѣти читаютъ или играются въ другомъ. Нѣсколько человѣкъ играетъ на бильярдѣ. Алланъ, живописецъ-шотландецъ, нашъ Рафаэль, набрасываетъ хорошенькіе эскизы въ альбомы дамъ. Между тѣмъ подаютъ ужинъ. Въ городѣ и въ деревнѣ это самый интересный моментъ дня. Обсуждается то, что сдѣлано, строятся планы на завтра: тутъ и воспоминанье и надежда, все вмѣстѣ. Поэтому въ бесѣдѣ болѣе непринужденности, кажется, какъ будто передъ двѣнадцатичасовой разлукой есть столько вещей, которыя надо сообщить другъ другу: разговоры дѣлаются оживленнѣе, умъ острѣе и

полночь бьетъ въ то время, когда хотѣлось-бы, чтобъ было не больше восьми часовъ».

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ проэктировалось основаніе въ Крыму новаго города Софіополя, гдѣ де-Лагарду заранѣе обѣщано было порядочное мѣстечко. Впрочемъ осуществленія этой, поддержанной прихлебателями, графской затѣи не случилось.

Посѣтитель Тульчина не задумывается ни на минуту о томъ, на чемъ стоитъ эта роскошь, кто играетъ въ этихъ, спрятанныхъ въ чащахъ, хорахъ музыки, кто своей работой и оброкомъ содержитъ дворцы и оранжереи. Мимо него скользятъ и такіе факты, объ одномъ изъ которыхъ онъ разсказываетъ нѣсколькими страницами ниже: «въ двадцати верстахъ отсюда (письмо изъ Бердичева) въ селѣ Иванковѣ совершено ужасное преступленіе. Графъ Каменскій, отецъ главнокомандующаго, находящагося теперь въ Валахіи, послалъ въ Лейпцигъ двухъ изъ своихъ крѣпостныхъ людей учиться музыкѣ. Эти молодые люди, кромѣ развитія своихъ дарованій, почерпнули тамъ идеи свободы и независимости, столь противорѣчащія тому состоянію, въ которое поставило ихъ происхожденіе. Когда они вернулись къ владѣльцу, онъ обходился съ ними сначала съ нѣкоторымъ уваженіемъ, на которое давалъ право ихъ талантъ. Но нѣсколько дней назадъ, за какой-то пустой проступокъ, графъ велѣлъ наказать ихъ батогами, что и было исполнено въ присутствіи всѣхъ ихъ товарищей. Несчастные юноши, послушные жаждѣ мести, ждали только, чтобъ настала ночь для исполненія своего замысла. Вооружась топорами, они проникли въ спальню графа, упрекали его за то, что онъ вывелъ ихъ изъ среды, въ которой судила имъ родиться несправедливая судьба, за то, что онъ, давъ имъ понять путемъ образованія истинное человѣческое достоинство, опять подчинилъ ихъ на вѣки самому унизительному рабству. Послѣ этихъ словъ они убили его и тотчасъ отправились въ Житомиръ, чтобъ сообщить о своемъ преступленіи властямъ и ждать заслуженной кары. Ихъ ждетъ наказаніе тремястами ударовъ кнута, а потомъ, если они перенесутъ его, ссылка въ Сибирь, въ каторжныя работы».

Владѣльцы Тульчина, у которыхъ жилъ путешественникъ, были конечно, одними изъ крупнѣйшихъ рабовладѣльцевъ въ свѣтѣ. По словамъ де-Лагарда, у нихъ въ то время было 165,000 крѣпостныхъ крестьянъ одного мужскаго пола. Прибавивъ къ этому

дѣтей и женщинъ, получится почти тройная цифра. Легко разыгрывать роль владѣтельной особы, опираясь на такія основы. Какъ примѣръ роскоши польскихъ магнатовъ, онъ приводитъ еще графа Плинскаго, у котораго въ имѣніи Иваново, на Волыни, между всякаго рода затѣями, было три труппы актеровъ — итальянская, французская и польская. Каждый спектакль кончался балетомъ, а содержаніе этого скромнаго развлеченія стоило владѣльцу не менѣе 100,000 рублей.

Изъ Тульчина, вмѣстѣ съ Потоцкими, де-Лагардъ переѣхалъ въ другое ихъ владѣніе, Умань. Подробно описываетъ онъ, конечно, насажденный Метцелемъ, по распоряженію Потоцкаго, знаменитый уманскій садъ. «Графъ предоставилъ ему неограниченныя суммы денегъ. Тысячи рукъ отданы были въ его распоряженіе, чтобъ исполнять его волю. Съ такими средствами можно исполнить всякій волшебный планъ. Этотъ садъ, насажденный въ честь Софіи Потоцкой среди пустынь Украйны, говоритъ о силѣ чувства, давшаго ему жизнь». Но о чемъ говорятъ эти тысячи рукъ, оторванныхъ отъ работъ для своихъ семей, отвѣта на это не даетъ путешественникъ; онъ весь предается восхищенію и собирается переводить на французскій языкъ поэму придворнаго поэта Потоцкихъ, «геніальнаго» Трембецкаго, воспѣвшаго Софіевку.

Въ Умани, какъ ни далека была жизнь обитателей замка отъ всякихъ тяжелыхъ воспоминаній и заботъ, нельзя было не услышать чего нибудь о еще недавней Коліивщинѣ и рѣзнѣ. Всѣ свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ почерпнуты имъ отъ обитателей замка, а потому отличаются конечно извѣстной точкой зрѣнія. Но курьезнѣе всего сообщенія о запорожцахъ, ихъ нравахъ и жизни, на которыя вслѣдъ за тѣмъ отваживается авторъ. Онъ сообщаетъ напримѣръ, что званіе кошеваго атамана доставалось только тому изъ козаковъ, кто, при особенной храбрости, продѣлалъ въ походѣ всѣ виды жестокостей. Гетману всѣ «племена» платили дань, не считая извѣстной доли добычи. Обиталища запорожцевъ, *курени*, были подземныя жилища (demeures souterraines); запорожцы разбоями наводили ужасъ на весь край и часто заставляли трепетать самый Кіевъ. Вообще въ старой Украйнѣ страдали бѣдные паны и блаженствовали сильные и кровожадные козаки.

Еще въ письмахъ изъ Тульчина попадаются постоянные намеки на какую то любовь, возгорѣвшуюся въ сердцѣ путешест-

венника къ одной изъ обитательницъ замка. Послѣ нѣкотораго пребыванія въ Умани, Потоцкіе уѣхали въ Петербургъ и бросили французскаго графа одного, можетъ быть вслѣдствіе его назойливости, посовѣтовавши ему заняться поэмой Трембецкаго. Но прошло нѣсколько недѣль, и одиночество показалось путешественнику ужаснымъ, о «геніальномъ» Трембецкомъ онъ началъ говорить съ раздраженіемъ и наконецъ рѣшился двинуться дальше въ «степи» и покинуть Украйну.

Де Лагардъ—одинъ изъ немногихъ иностранцевъ писавшихъ о нашемъ краѣ. Какъ и что онъ писалъ—мы видѣли. Нельзя не пожалѣть искренно, что между тѣмъ какъ о сѣверной и средней Россіи встрѣчаются теперь въ европейской печати очень и очень замѣтныя книги, южная Русь не привлекла до сихъ поръ вниманія ни одного наблюдательнаго иностранца. Мекензи Уолесъ и Леруа-Болье познакомили европейскую публику съ великорусскими городами и деревнями, съ исторіей государственныхъ учрежденій, съ народнымъ характеромъ. Южная Русь съ ея исторіей, народной словесностью, ея духовными силами остается для Запада совсѣмъ невѣдомой страной. Между Александромъ Дюма, открывшимъ въ Россіи породу людей, именуемыхъ *maltchiks*, и Уолесомъ, съ его добросовѣстными, продуманными этюдами — громадная разница. Между Де-Лагардомъ, посѣтившимъ Украйну въ началѣ нашего вѣка и Викторомъ Тиссо, писавшимъ о ней съ безцеремонной болтливостью семьдесятъ лѣтъ спустя, особенной разницы не замѣтно.

В. Г—ко.

ІОСИФЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ МИХНЕВИЧЪ.

(Некрологъ).

9-го октября сего года скончался въ Одессѣ, на 77-мъ году отъ рожденія, долгое время жившій тамъ въ отставкѣ, бывшій помощникъ попечителя сперва кіевскаго, а потомъ варшавскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ, Іосифъ Григорьевичъ Михневичъ. Симпатичная личность его такъ близка Кіеву, такъ памятна многимъ изъ нашихъ читателей и, по особымъ причинамъ, такъ малоизвѣстна вообще въ смыслѣ ученаго и общественнаго дѣятеля, что, рѣшаясь говорить объ немъ спустя два почти мѣсяца послѣ его смерти, я не

боюсь упрека въ запоздалости; доброе слово о такомъ человѣкѣ никогда не можетъ быть ни позднимъ, ни лишнимъ.

Покойный Іосифъ Григорьевичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ скромныхъ дѣятелей скромнаго по самой своей роли учебнаго вѣдомства, которыхъ служебная дѣтельность не блещетъ ни выдающимися научными трудами, ни иными громкими дѣлами, заставляющими говорить о себѣ во всеуслышаніе, но благотворныя дѣйствія которой чувствуются всѣми, подпадающими ея вліянію и такъ или иначе соприкасающимися съ нею. Въ теченіи сорокалѣтней почти его службы на его долю выпадала роль второстепенная, мало благодарная въ смыслѣ извѣстности роль *помощника;* но не въ этомъ причина его малоизвѣстности. Его отличали особыя качества души: ясный, спокойный, строго систематическій умъ, тихій, ровный, нѣсколько какъ-бы флегматическій характеръ, невозмутимое спокойствіе и самообладаніе, кроткое любящее сердце и доброта безграничная, и при этомъ особая скромность, какой не встрѣтишь на самомъ маленькомъ посту. Съ такими качествами люди не выдаются даже въ своемъ кругу, не производятъ шума и блеска, но создаютъ то, что требуется въ данную пору жизнью, наполняютъ своимъ трудомъ извѣстную сферу дѣятельности, производятъ много полезнаго и важнаго и привлекая къ себѣ симпатіи всѣхъ, соприкасающихся съ ними, оставляютъ въ нихъ, а не внѣ ихъ, долгую и самую свѣтлую память о себѣ. Такова именно была служебная дѣятельность Іосифа Григорьевича. Но кромѣ того съ нею и его именемъ связаны воспоминанія о важнѣйшихъ періодахъ въ жизни многихъ учебныхъ заведеній трехъ учебныхъ округовъ и вообще въ судьбѣ отечественнаго просвѣщенія. Все это вмѣстѣ даетъ намъ поводъ и основаніе посвятить Іосифу Григорьевичу особое посмертное слово, привести въ извѣстность его немаловажныя заслуги въ дѣлѣ нашего образованія и сказать нѣсколько словъ о немъ вообще, какъ о самой симпатичнѣйшей личности, подобную которой рѣдко можно было встрѣтить въ прежнее время и въ особенности теперь.

Сынъ священника с. Локачей, владимірскаго уѣзда волынской губерніи, Іосифъ Григорьевичъ родился въ апрѣлѣ 1809 года и прошелъ ту старую, давно отошедшую въ область преданій, духовную школу, въ которой, безъ особаго искусственнаго развиванія дѣтей, стройно организованнымъ кругомъ занятій, напряженнымъ

трудомъ получались твердыя положительныя знанія, а путемъ строгой дисциплины, путемъ нуждъ и лишеній вырабатывались твердый характеръ, сознаніе долга и привычка къ постоянному, усидчивому труду. Въ 1829 году онъ окончилъ курсъ волынской духовной семинаріи, со степенью студента, въ 1839 году—курсъ кіевской академіи, со степенью магистра, и тогда-же съ званіемъ баккалавра, по нынѣшнему доцента, оставленъ былъ при академіи на каѳедрѣ философіи. Это совпало съ открытіемъ въ Кіевѣ университета святаго Владиміра, куда перешелъ извѣстный впослѣдствіи, блестящій профессоръ философіи О. М. Новицкій; его-то мѣсто въ академіи и заступилъ Михневичъ, а спеціальностію его, если не ошибаемся, была исторія философіи. То было время цвѣтущаго состоянія кіевской академіи подъ руководствомъ знаменитаго ея ректора Иннокентія Борисова. Выборъ Михневича вмѣсто Новицкаго говоритъ уже о его способностяхъ, а работать надъ наукою, помимо собственнаго влеченія, было такъ отрадно и легко при ободряющемъ и возбуждающемъ вліяніи многоученаго, блестящаго ректора въ организованномъ имъ тѣсномъ кружкѣ талантливыхъ людей. Мы въ дѣтствѣ своемъ слышали о завлекательныхъ чтеніяхъ Іосифа Григорьевича, когда самаго его уже не было въ Кіевѣ. Печатаніе, по многимъ причинамъ, не было тогда въ ходу; тѣмъ не менѣе именно ко времени преподавательской службы Іосифа Григорьевича въ академіи относится небольшое его сочиненіе «О системахъ философіи Фихте и Гегеля». Менѣе чѣмъ чрезъ три года службы Іосифъ Григорьевичъ былъ уже экстро-ординарнымъ профессоромъ академіи, но спустя еще три года, именно въ началѣ 1839 года, онъ перешелъ на должность профессора философіи въ ришельевскій лицей въ Одессѣ. Служба въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ ту пору, да и гораздо позже представляла больше обезпеченія и другихъ не маловажныхъ выгодъ, преподавателей-же философіи и нарочито приглашали изъ духовныхъ академій; тѣ-же обстоятельства и для Михневича послужили поводомъ къ переходу на службу по министерству народнаго просвѣщенія. Лицею онъ посвятилъ 20 лѣтъ службы,—лучшіе годы своей жизни. Здѣсь ему пришлось принять на себя безраздѣльно весь курсъ философскихъ наукъ, какъ онъ установленъ былъ для лицея, именно: исторію философіи, логику, психологію и эстетику; но самое преподаваніе его продолжалось

лишь до того роковаго 1850 года, въ который философія, признанная, съ политической точки зрѣнія, вредною въ системѣ высшаго образованія, была исключена изъ нея. Въ этомъ году и именно по этому поводу Михневичъ былъ назначенъ инспекторомъ ришельевскаго лицея, въ каковой должности оставался до назначенія своего въ 1859 году на должность попечителя кіевскаго учебнаго округа. Свидѣтельствомъ преподавательскихъ трудовъ его въ лицеѣ осталась груда записокъ его по исторіи философіи, психологіи и эстетикѣ, не изданныхъ въ свое время и утратившихъ потомъ свое научное значеніе, въ печати-же появилась въ 1839 году рѣчь его въ лицеѣ «Объ успѣхахъ греческой философіи», а въ 1846 году—«Опытъ постепеннаго развитія главныхъ дѣйствій мышленія, какъ руководство къ первоначальному преподаванію логики». Послѣднее сочиненіе, отличавшееся особенною стройностію, ясностію и простотою изложенія, имѣло въ свое время ходъ и внѣ лицея. Въ 1874 году оно было исправлено и переиздано Іосифомъ Григорьевичемъ въ Одессѣ; но за кореннымъ измѣненіемъ построенія этой науки не могло уже имѣть хода. Несомнѣнно долженъ сохранить свое значеніе составленный имъ въ 1857 году «Историческій обзоръ сорокалѣтія лицея съ 1817 по 1857 гг., но намъ неизвѣстно, былъ-ли онъ въ свое время напечатанъ и остался-ли даже въ рукописи. О дѣятельности Іосифа Григорьевича въ должности инспектора лицея и отношеніи его къ учащейся молодежи самыя теплыя и свѣтлыя воспоминанія передалъ въ «Новостяхъ» извѣстный поэтъ и переводчикъ Петръ Вейнбергъ, самъ учившійся тогда въ лицеѣ. Сущность ихъ сводится къ любви, довѣрію и уваженію, какими окружали Іосифа Григорьевича всѣ учащіеся, о преподаваніи-же его тотъ-же Вейнбергъ отзывается, что «тѣ часы, въ которые воспитанники лицея сходились въ аудиторіи слушать живое слово любимаго профессора, его ясное, серьезное и увлекательное изложеніе, были лучшими часами въ ихъ студенческой жизни». Но какъ въ академіи, кромѣ профессорской должности, Іосифъ Григорьевичъ былъ сперва помощникомъ инспектора, потомъ помощникомъ секретаря, такъ и состоя на службѣ въ лицеѣ, онъ разновременно, а иногда и одновременно исполнялъ массу другихъ обязанностей какъ по лицею, такъ и внѣ его. Двадцать лѣтъ онъ велъ изданіе Новороссійскаго Календаря, издававшагося при учебномъ округѣ, былъ совѣтникомъ

правленія лицея и членомъ онаго по строительной части, состоялъ членомъ одесскаго общества исторіи, исполнялъ не разъ обязанности его секретаря, должность цензора, даже члена совѣта института благородныхъ дѣвицъ.

Съ переходомъ Іосифа Григорьевича на должность помощника попечителя кіевскаго и въ особенности варшавскаго учебнаго округа открылось широкое поприще для примѣненія на дѣлѣ его обширныхъ и разностороннихъ свѣдѣній и многолѣтней педагогической опытности. Лѣтъ десять или болѣе назадъ, когда впервые была учреждена безслѣдно канувшая въ вѣчность комиссія сокращенія государственныхъ расходовъ, какой-то газетный шутникъ, перебирая всѣ излишнія, по его мнѣнію, въ правительственномъ механизмѣ должности, должность помощника попечителя призналъ наиболѣе праздною и нужною лишь для составленія попечителю партіи въ ералашъ. Онъ былъ-бы очень разочарованъ въ своей фантазіи, если-бы ему пришлось стать въ положеніе Іосифа Григорьевича въ этой должности—сперва въ Кіевѣ, а потомъ въ Варшавѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь время службы Іосифа Григорьевича было временемъ ломки старыхъ порядковъ и замѣны ихъ новыми. Въ Кіевѣ ему пришлось служить съ Н. И. Пироговымъ и подъ конецъ съ Ѳ. Ѳ. Витте, въ Варшавѣ съ однимъ только Витте. Первый, не смотря на прославленную свою геніальность и большую жизненную опытность, былъ все-таки идеалистомъ и склоненъ былъ въ самомъ основномъ своемъ направленіи къ нѣкоторой односторонности и увлеченіямъ, втораго, при всемъ уваженіи къ его основательному образованію, гуманности и даже сердечности, нельзя иначе характеризовать, какъ словомъ: «горячка». Для перваго и еще болѣе для втораго Іосифъ Григорьевичъ былъ умѣряющимъ началомъ, тихимъ, добрымъ геніемъ, глубокимъ, незамѣнимымъ практикомъ.

Безконечное подниманье и такое или иное рѣшеніе всякаго рода педагогическихъ вопросовъ, вызванное Пироговымъ, отъ кореннаго измѣненія методовъ и пріемовъ преподаванія до знаменитаго въ свое время вопроса о томъ, сѣчь или не сѣчь, первыя попытки организовать дѣло народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ и возникшая въ слѣдъ за ними борьба между учебнымъ и епархіальнымъ вѣдомствами о правѣ завѣдыванія сельскими школами—нелегко доставались Іосифу Григорьевичу, на которомъ ле-

жала вся тяжесть невидимой подготовительной и такъ сказать процессуальной работы; но это было, можно сказать, ничто въ сравненіи съ тѣмъ громаднымъ, безконечнымъ трудомъ, какой достался на его долю въ Варшавѣ. Представьте себѣ радикальную ломку всего учебнаго дѣла въ краѣ, несовершенно еще умиротворенномъ, гдѣ учебныя заведенія всѣхъ видовъ и степеней пропитаны были насквозь духомъ ультра-католическимъ и даже революціоннымъ, вообразите быстрое, одновременное на всѣхъ концахъ Царства созиданіе на старыхъ обломкахъ новаго дѣла, которое должно было лечь въ основу всей жизни края, согласовано со всѣми другими въ немъ коренными реформами, отвѣчать новымъ относительно его видамъ правительства и въ тоже время удовлетворять истиннымъ потребностямъ разнообразнаго населенія Царства. Правда, основыя положенія учебной реформы были даны въ общемъ о ней указѣ и рядѣ другихъ указовъ 30 августа 1864 г., касавшихся учрежденія учебныхъ дирекцій, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній; но въ основу всѣхъ этихъ указовъ положена было равноправность въ дѣлѣ образованія національностей: польской, русской, литовской, нѣмецкой и еврейской, что, при ихъ чересполосности и смѣшанности, особливо въ городахъ и мѣстечкахъ, вызывало крайнюю запутанность и необычайныя трудности въ согласованіи ихъ отдѣльныхъ интересовъ съ общими видами правительства на постепенное введеніе въ нихъ русскаго языка. Закрывались и преобразовались или переносились изъ одного пункта въ другой существовавшія учебныя заведенія, возникалъ длинный рядъ другихъ,—не существовавшія въ Польшѣ женскія гимназіи и прогимназіи и учительскія семинаріи, гимназіи собственно русскія (въ Варшавѣ), русскія для населенія греко-уніатскаго, равно особыя учебныя заведенія нѣмецкія, литовскія и даже еврейскія. Для всѣхъ ихъ составлялись и пересоставлялись отдѣльные уставы и штаты, изготовлялись программы и учебники, писались инструкціи, правила, поясненія и дополненія, и въ тоже время разомъ понадобилась масса новыхъ помѣщеній, въ большей части устраивавшихся въ зданіяхъ закрытыхъ католическихъ монастырей; шла нескончаемая переписка, иногда и борьба объ отчужденіи этихъ зданій, составлялись планы и смѣты, испрашивались кредиты, шли безконечныя хлопоты объ обзаведеніи, объ

устройствѣ библіотекъ и пр. и пр. А тутъ школы сельскія и городскія, какъ грибы, десятками и сотнями возникали ежегодно во всѣхъ концахъ Царства съ широкимъ для всѣхъ и неограниченнымъ для школъ уніатскихъ пособіемъ отъ казны. Назначеніе и распредѣленіе этихъ пособій, выдѣленіе хозяйственной части школъ изъ прежняго завѣдыванія губернскихъ и уѣздныхъ управленій, снабженіе ихъ книгами и выборъ учебниковъ, иногда-же и устройство и пріобрѣтеніе для нихъ помѣщеній — все это переполняло черезъ край громадную и безъ того массу работы. И надо сказать, что вся эта работа всею своею тяжестью лежала главнымъ образомъ на Іосифѣ Григорьевичѣ. Покойный Ѳ. Ѳ. Витте, при его кипучей натурѣ, не зналъ отдыха, не допускалъ затяжки, промедленія; но онъ часто по дѣламъ крупнымъ выѣзжалъ въ Петербургъ, или въ разные концы и углы Царства, отвлекался засѣданіями въ Совѣтѣ управленія и Учредительномъ Комитетѣ, участіемъ въ разныхъ комиссіяхъ, личными сношеніями съ Намѣстникомъ и другими властями; весь гнетъ неустанной домашней работы лежалъ на Михневичѣ. Прибавьте ко всему, что всѣ прежнія бумаги и дѣла были на польскомъ языкѣ, что дѣлопроизводство и послѣ 1864 года, по крайней мѣрѣ по хозяйственной и счетной части, велось нѣкоторое время на томъ-же языкѣ, что канцелярія правительственной комиссіи народнаго просвѣщенія, съ которою Іосифу Григорьевичу приходилось ежедневно имѣть дѣло, была въ началѣ наполнена людьми, слабо владѣвшими русскимъ языкомъ, не понимавшими духа совершавшейся реформы и даже не сочувствовавшими ей, что подобныя лица находились и въ другихъ учрежденіяхъ, съ которыми надо было имѣть дѣло, и готовы были при всякомъ случаѣ поставить заковычку или выкинуть колѣнцо, что надо было перечищать ненадежный или непригодный въ большинствѣ служебный въ учебныхъ заведеніяхъ персоналъ и замѣнять его новымъ, что съ являющимися вновь кандидатами была также большая возня и что наконецъ наѣхавшіе со всѣхъ концевъ Россіи служащіе различныхъ вѣдомствъ своимъ непрошеннымъ участіемъ въ дѣлѣ народнаго образованія, иногда прямымъ вмѣшательствомъ и даже противодѣйствіемъ создавали массу новыхъ затрудненій. Ѳ. Ѳ. Витте ото всего приходилъ въ тревогу, кипятился, шумѣлъ; Іосифъ Григорьевичъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ и терпѣніемъ, но вмѣстѣ

съ одинаковымъ вниманіемъ относился ко всему великому и малому, отрадному и прискорбному. Его свѣтлому уму, такту, спокойствію, разсудительности, твердости и глубокой педагогической опытности учебная реформа въ Царствѣ Польскомъ обязана своимъ удачнымъ проведеніемъ, стройнымъ развитіемъ, быстрыми и прочными успѣхами,—обязана не менѣе, какъ и главному въ ней дѣятелю Ѳ. Ѳ. Витте, начинателямъ и заправителямъ оной Н. А. Милютину и князю В. А. Черкасскому. Но онъ остался въ тѣни, вся честь приписана имъ; справедливость требуетъ воздать каждому свое, и мы можемъ и считаемъ себя обязанными сказать это теперь, и говоримъ по ближайшему многолѣтнему нашему наблюденію.

Іосифъ Григорьевичъ прибылъ на службу въ Варшаву съ званіемъ директора отдѣленія коммисіи народнаго просвѣщенія, а въ 1868 г., съ учрежденіемъ учебнаго округа, переименованъ въ помощника попечителя и хотя послѣдняя должность была классомъ ниже, но по особому Высочайшему повелѣнію за нимъ по прежнему считалась служба въ IV классѣ.

Когда положены были первыя основы для дѣла, когда явились вновь устроенныя учебныя заведенія, Іосифъ Григорьевичъ по временамъ выѣзжалъ для осмотра ихъ; но ничего похожаго не было въ этихъ выѣздахъ на обыкновенныя ревизіи высшаго начальства. Не слѣдовало никакихъ предъувѣдомленій, не было никакихъ встрѣчъ и явокъ въ мундирахъ, шумныхъ овацій и торжественныхъ обѣдовъ, распеканцій, нотацій и слѣдующихъ иногда за ними трогательныхъ прощаній и проводъ. Пріѣзжалъ и отъѣзжалъ онъ, какъ обыкновенный гость, входилъ въ классы и школы, какъ любопытный посѣтитель, ко всему присматривался, все выслушивалъ, все наблюдалъ, обо всемъ распрашивалъ, и ничего не слышалось отъ него, кромѣ ласковаго указанія, кроткаго замѣчанія, мудраго совѣта и наставленія, иногда добродушной улыбки при видѣ того, надъ чѣмъ разразился-бы гнѣвомъ и выговорами иной начальникъ; даже похвалу и одобреніе онъ выражалъ въ самыхъ скромныхъ словахъ. Такимъ онъ былъ и всегда въ обращеніи со всѣми подчиненными, прибывавшими въ Варшаву по дѣламъ и являвшимися къ нему за совѣтами и содѣйствіемъ. Ко всѣмъ онъ относился съ одинаковымъ вниманіемъ и участіемъ, съ неподдѣльною ласковостію и простотою пріема и за это всѣ платили ему глубокимъ уваженіемъ и самою

искреннею привязанностію. Самъ Витте относился къ нему всегда съ безграничнымъ довѣріемъ, глубокимъ уваженіемъ и самыми искренними симпатіями.—Какъ знакомый, какъ членъ общества, это былъ рѣдкій по добродушію, прямотѣ и честности, радушію и гостепріимству человѣкъ. Господь благословилъ его такою-же семьею, состоявшею изъ жены, двухъ дочерей и одного сына, состоявшаго до конца 1868 г. въ должности правителя канцеляріи учебнаго округа и облегчавшаго отца въ его тяжелой работѣ. По истинѣ въ этой семьѣ царила Божья благодать и вѣяло отъ нея покоемъ и отрадой. Покойный Іосифъ Григорьевичъ былъ глубоко вѣрующій христіанинъ и искренно набожный человѣкъ; это былъ патріархъ немногочисленной, но рѣдкой семьи и могъ хвалиться истиннымъ семейнымъ счастьемъ.

Имѣя уже 63 года отъ рожденія и 38 лѣтъ службы, въ октябрѣ 1871 г. Іосифъ Григорьевичъ рѣшился выйти въ отставку. Главное и существенное по тому дѣлу, которому онъ посвящалъ послѣдніе годы своей службы, было сдѣлано, и онъ могъ съ чистою совѣстью удалиться отъ него; въ свою очередь семья могла считаться пристроенною[1]); исполненъ былъ всякій долгъ, оставались покои отдыхъ отъ долгихъ и тяжкихъ трудовъ. Обезпеченный пенсіею въ 5,250 р., Іосифъ Григорьевичъ переселился на жительство въ Одессу, къ старшей дочери; но проводилъ здѣсь только зиму, а на лѣто переѣзжалъ къ младшей дочери въ деревню. Это былъ въ собственномъ смыслѣ покой и отдыхъ, котораго достигаютъ весьма немногіе. Въ нихъ и провелъ Іосифъ Григорьевичъ цѣлыхъ 14 лѣтъ. Жизнь беззаботная, безмятежная, безпечальная—кому дается она? Это удѣлъ честныхъ, исполнившихъ свой долгъ, добродѣтельныхъ людей. Но насталъ и для Іосифа Григорьевича предѣлъ, котораго никто не переходитъ. Весною нынѣшняго года съ нимъ случился первый ударъ паралича. Лѣтомъ въ деревнѣ онъ оправился, окрѣпъ, слѣдовъ не осталось; но съ переѣздомъ въ Одессу ударъ повторился, и его не стало. Миръ праху его! Перомъ земля честному труженику, рѣдкому, въ собственномъ смыслѣ прекрасному человѣку!

---

[1]) Старшая дочь Марія жила давно въ Одессѣ въ замужествѣ за г. Отто, младшая Вѣра, не задолго предъ тѣмъ вышедшая замужъ за директора варшавской русской гимназіи А. Т. Теодоровича, съ выходомъ его въ отставку, поселилась въ имѣніи близъ Елисаветграда, а сынъ Николай хорошо устроился на службѣ въ Петербургѣ (нынѣ вице-директоръ канцеляріи министра путей сообщенія).

ГАЙДАМАЦКАЯ ПѢСНЯ.

Не славная Чута
Густыми дубами,
А славнійшая Чута
Знизу куринями.
Ай въ Чути, въ лиси
Козаки гуляли,
Зъ лядской области
Добычъ вони мали,
Що ляшкивъ, панивъ драли,
Де мужикъ багатый,
То й того не минали.
Памъятайте, ляшки,
Де козацкіи шляшки,
Та й не забувайте
И насъ споминайте,
Бо якъ мы живы будемъ,
То мы васъ не забудемъ,
Хочь у десять годивъ,
То до васъ прибудемъ.

Пѣсня эта записана въ мѣстечкѣ Сѣдневкѣ елисаветградскаго уѣзда со словъ столѣтняго старика, Ефима Корніенка (онъ-же Середа). *Чута*—лѣсъ въ александрійскомъ уѣздѣ, служившій притономъ гайдамакамъ, наравнѣ съ Чернымъ лѣсомъ.

В. Ястребовъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ и географическихъ именъ, упоминаемыхъ въ т. XI, XII, и XIII „Кіевской Старины“ [1]).

А.

Абель, проф. оксфордскаго у-та; разборъ его книги «Великорус. и малорусскій языки», XIII, 524—532.

Августъ II, король польскій, письмо его къ Сем. Палію, XIII, 360—361; упом., XII, 34, 360 и сл., 614, XIII, 42.

Августъ III, кор. польскій, XII, 36, 262 и сл., 330 и сл.

Адамовичъ, Симеонъ, протопопъ, XII, 589—590.

Александровичи, дворяне, XI, 782—783.

Александръ I Павловичъ, имп.; посѣщеніе имъ Кіева въ 1816 г., XI, 399—403.

Алексѣй Михайловичъ, царь и вел. кн., XI, 196—197, 708, 710, XII, 432, 436, 560, 564, 589, 595, XIII, 15—16, 216—217, 321—322.

Алексѣй Поповичъ, варіантъ думы о немъ, XI, 182—191.

Алексѣевка, с. елисаветград. у., XIII, 721—729.

Амфитеатровъ, Я. К, проф. кіев. дух. акад., XI, 773—776.

Анна, княгиня, супруга в. кн. Владиміра св., XI, 570.

Анна Іоанновна, имп-ца, XI, 579.

Анна Ярославна, супруга Генриха француз. короля, XI, 381.

Андреевъ, Кирилло, полков. миргородскій, XIII, 666.

Антоновичъ, В. Б., проф. у-та св. Владиміра; разборъ его монографій по южно-рус. исторіи, XII, 318—328; упом., XII, 573, 577, XII, 736, XIII, 148, 331, 562.

Апостолъ, Даніилъ, гетманъ, XI, 67, 579.

Аргуновъ, Иванъ, портретистъ прошлаго ст., XI, 309.

Аскоченскій, В. И., публицистъ 50-хъ годовъ, XI, 93—95, 270.

Афендыкъ, сотникъ бориспол., XIII, 673.

Б.

Бабичъ, Ѳома, депутатъ львов. 1569 г., XI, 282.

Бантышъ-Каменскій, историкъ, XII, 501—502.

Барановичъ, Лазарь, архіеп. черниг., XI, 4, 13—16, XII, 575, 590.

Барабашъ, наказ. гетманъ, XI, 702, XII, 58—59, 589.

Бартоломей, полковникъ, XI, 404—405.

Батюшковъ, П. Н., изд. памятниковъ холмской старины, XII, 307—314.

Безбородко, генер. писарь, XII, 10 и сл.

Безсоновъ, П. А., акад., XI, 5, XII, 429.

[1]) Римскія цифры означаютъ томъ, арабскія—страницы тома.

Беклемишевъ, соврем. худож., XII, 236.
Берлинскій, Максимъ, изыскатель кіев. древностей, XI, 588, 590.
Берхинъ, Іона, изслѣд. еврейской старины, XI, 569—573.
Берында, Памво, южно-русскій ученый XVII ст., XI, 9—10.
Бестужевъ, рус. поселъ при польскомъ дворѣ, XII, 36.
Бецкій, Ив. Ив., през. акад. художествъ, XI, 311.
Бобровъ, В. А., академикъ-граверъ, XII, 524.
Богдановичъ, В. А., его замѣтка о портретѣ И. Гонты, XII, 736—740.
Богданъ, господарь молдав, XI, 296.
Богдашевскіе, семейство штундистовъ, XI, 492—496, 501.
Богунъ, полков. козац. XVII ст., XI, 706, XIII, 619.
Богушкова слоб., имѣніе Томаръ, XII, 16—17.
Боккачіо, его новелла въ южно-рус. пересказѣ, XII, 273—306.
Боксъ, іезуитъ, XI, 442.
Болдаковскій, Василій, сотникъ бѣлоусскій, XII, 17.
Болеславъ III, король польскій, XI, 27.
— Храбрый, кор. польскій, XI, 25, XIII, 52.
— Тройденовичъ, кн. волынскій и галицкій, XI, 26.
Болобанъ, Гедеонъ, епископъ львовскій, XI, 273—274, 454.
— Герасимъ, штундистъ, XI, 495—509.
Болховитиновъ, Евгеній, митроп. кіевскій, XI, 92—93, 108, 177, 268, 276.
Бомбекъ, староста романовскій, XII, 614.
Борецкій, Іовъ, митроп. кіевскій, XI, 106, 272, 462, 680, 683.
Борисковичъ, Исаакій, еписк. луцкій и острожскій, XI, 462, 483.
Борисъ (Годуновъ), царь и вел. кн., XIII, 320.
— и Глѣбъ, князья, св., XII, 183—201.
Борки, с. кіев. губ., XII, 200.
Бородавка, гетманъ, XI, 679.
Бортнянскій, Д. С., духов. композиторъ; его портретъ при XII томѣ; зам. къ портрету, XII, 524—530.
Боуръ, генералъ-квартирмейстеръ, XI, 121—122.
Брагинцы, имѣніе Томаръ, XII, 18.
Брадке-фонъ, Е. О., сенаторъ; записка его по обревизованію херсон. губ. (1851 г.), XIII, 128—138.
Браницкіе, графы, XIII, 587—588.
— Ксаверій, региментарь польскихъ войскъ, XII, 620, XIII, 673—674.
Бродовичъ, Ѳеодосій, архипресв. луцкой уніат. капитулы, XII, 33—34.
Бронницы, с. под. губ., XIII, 676.
Бронскій, Христофоръ, южнорус. ученый XVI ст., XI, 7, 10—11.
Брюховецкій, гетманъ; исторія его гетманства, XII, 545—596; упом., XI, 62—63, 579, 713—714, XII, 16, 22—23, XIII, 667.
Бучневичъ, Лазарь, игуменъ полтавск. монаст., XII, 454.
Булгаковъ, Макарій, митроп. москов., XI, 93—95, 177 и слѣд.
Бутовичъ, Григорій, протопопъ нѣжинскій, XII, 565, 571.
Бучацкій Николай, староста барскій, XIII, 245, 248.
Буша, с. под. губ.; описаніе его, XIII, 675—683.
Быковскій, Іоаннъ, войтъ кіевскій, XIII, 139.
Бѣлинскій, В. Г., изв. критикъ, XI, 649—650, XIII, 46—47.

В.

Васильченко, Андрей Ник. (въ монашествѣ Антоній), старецъ воронеж., XI, 624—625, 631.
Вассіанъ, схимникъ кіево-печ. лавры, XI, 401—402.
Васютенко, Останъ, запорожскій кошевой, XII, 583—584, 592.
Вейсманъ-фонъ, ген.-маіоръ, XI, 120 и слѣд.
Великіе Бубны, с., имѣніе Крыжановскихъ, XII, 11, 17.
Великогагинъ, боярин москов., XII, 546—547, 558.
Венцловичъ, см. Стефановичъ.

Вересай, Остапъ, кобзарь, XI, 183.
Висконти, папскій нунцій въ Польшѣ, XI, 52.
Витовтъ, в. кн. литовскій, XI, 38.
Витгенштейны, графы, XIII, 676.
Витязенко, полков. полтав., XII, 579.
Вишневецкій, кн. Дмитрій (Байда), гетманъ, XI, 289, XIII, 151—158, 668.
— кн. Іеремія, XI, 705, XII, 50, 747—748. XIII, 67, 417—418, 424.
Вишневскій, Гедеонъ, еписк. полтавскій, XII, 338—343.
Владимірко Володаревичъ, кн. галицкій, XI, 474—476
Владиміръ Александровичъ, в. князь, XI, 609.
— святой, в. кн. кіевскій, XI, 177, 180; 569—573, XII, 117.
Владиславъ Ягайловичъ, король польскій, XI, 41.
Владиславъ IV, король польскій, XI, 101, 464, 682—704; XIII, 59—72, 204—219, 408.
Воейковъ, Ѳ. М, кіевскій ген.-губернаторъ, XIII, 314—316.
Войничъ, Павелъ, войтъ кіевскій, XII, 137—138.
Войтовцы, имѣніе Томаръ, XII, 17.
Волконскій, воевода переясл., XII, 564.
Воровичи, с. кіев. губ., XII, 185.
Вороная, с. новомосков. у.; раскопки близъ нея, XII, 722—727.
Воронцовъ, М. М., XII, 12.
Всеволодъ Ольговичъ, в. кн. кіевскій, XI, 475.
Выводцевъ, гофъ-медикъ, XII, 236—237
Выговскій, гетманъ, XI, 579, 711—713, XII, 5, 47—50, 561, 570, 572, XIII, 621—623, 666—667.
Высокинь, им. Томаръ, XII, 21.
Высочанъ, полков. лысянскій, XII, 578.
Вышгородъ, с. кіевской губ., XII, 183—204.
Вышенскій, Іоаннъ, полемистъ XVII ст., монографія о немъ; XI, 649—677; упом., XI, 3, 7, 11, 12.
Вяземскій, кн. А. А., генералъ-прокуроръ, XI, 118—119.

Г.

Гаваттовичъ, авторъ интермедій 1619 г., XIII, 374 и слѣд.
Гадячъ, г, XII, 578—580.
Галинъ, М., студ. военно-мед. акад., XI, 237.
Галицкая, слоб., XII, 446.
Галятовскій, Іоанникій, уч. XVII ст., XI, 13—15.
Гамалѣя, Григорій, полков. лубен., XII, 565, 569, 577—578, 588.
Гаркави, А. Я., оріенталистъ, XI, 569—573.
Гвинтовка, Матвѣй, полков. нѣжинскій, XII, 553, 558, 565, 569, 580.
Генрихъ Валуа, кор. польскій и фран., XI, 283—284.
Гешель, полякъ-повстанецъ 1863 г., XIII, 595.
Гервасій, еписк. переяславскій XIII ст., XI., 609—610.
Герцыкъ, Григорій, малор. полковникъ, XII, 502.
Гизель, Иннокентій, ученый XVII ст., XI, 13—15, XII, 573—574, 586—587, 590.
Гладкій, О. М., козацкій атаманъ; воспоминанія о немъ, XII, 344—350.
Глоба, Н. Я., послѣдній запорожскій писарь, XI, 123.
Гловачевскій, К. И., художникъ; біографія его, XI, 308—317.
Глѣбовичъ, воевода смоленскій, XIII, 621—622.
Глѣбовка, с. при Днѣпрѣ, съ древнею при немъ часовнею, XII, 183—204.
Глѣбъ, см. Борисъ.
Гнойна, имѣніе Киселей, XIII, 612.
Гоголь, Остапъ, козач. полковникъ, XII, 27, 436, XIII, 666, 670, 671.
Гозіусъ, кардиналъ, XI, 283.
Голицынъ, кн., любимецъ царевны Софіи, участникъ крымскаго похода, XII, 440.
Головатый, Антонъ, депутатъ войска запорож., XI, 132.
Голубевъ, С. Т., проф. кіев. дух. акад., его статья о началѣ кіевск. акад., XI, 85—116; отвѣтъ на нее, XI, 268—281; упом., XI, 651—652.
Голубинскій, Е. Е., проф. москов. акад., XI, 177 и сл., XIII, 38.

Голубы, дворяне, XII, 1—6.
Гонзаревскій, малор. генеральный старшина, XIII, 697.
Гонсѣвскій, стольникъ литов., XIII, 621—622.
Гонта, Ив., уманскій сотникъ; о портретахъ его, XII, 736—740; упом., XII, 40 XIII, 674.
Горленко, Андрей, прилуцкій полковникъ, XIII, 696.
— Лазарь, прилуц. полковникъ, XI, 62—63, XII, 585—587.
Городецкій, Платонъ, митроп. кіевскій, XI, 607—608, XIII, 178.
Гречаный, Степанъ, войсковой писарь, XII, 565, 588.
Гржимултовскій, познанскій воевода, XII, 31.
Григоріевичъ, Лука, рыхловскій игуменъ, XII, 453—454.
Григоровичъ, В. И., проф. варш. у-та, XI, 178, XIII, 721—729.
Гробище, с., имѣніе Новицкихъ, XII, 446.
Гудовичъ, графъ, XI, 386, 388.
Гукъ, Кондратъ, запорож. атаманъ, XI, 127, 130—132.
Гулакъ-Артемовскій, П. И., украин. пис., XII, 682, XIII, 748.
Гулевичъ, Галшка, фундаторка братск. школы въ Кіевѣ; разсужденія о ея личности и имени, XI, 86—94, 107—112, 269—281, XII, 500, 732—735.
Гумилевскій, Филаретъ, архіеп. черниговъ., XI, 10, 177.
Гунцель-Мокрскій, ксендзъ-іезуитъ, XIII, 414.
Гуня, гетманъ, I, 693—696.
Гурка, Лука, бресто-куявскій воевода, XI, 55.
Гуща, с., имѣніе Киселей, XIII, 408, 612, 616, 619.

Д.

Дадешкиліани, владѣт. князья Сванетіи, XI, 404—406.
Даніилъ-Романовичъ, князь галицкій, XII, 308.
Дашковичъ, Евстафій, каневскій и черкасскій староста, XI, 288—290.
Дворецкій, Василій, кіевскій полков. XVII ст., XII, 553—580.
Дейкунъ-Мовчаненко, помѣщикъ лубенскаго у., XI, 521—523.
Джеджелей, кропивенскій полковникъ, XIII, 417.
Дзѣдушицкій, графъ, польскій археологъ-меценатъ, XI, 169—170.
Диръ, см. Оскольдъ.
Дитмаръ Мерзебургскій, хроникеръ XII ст., XI, 181, 570.
Дмитрій Ивановичъ (Лжедмитрій I.), царь и в. князь, XI, 462, 679.
Довгалевка, с, им. Голубовъ, XII, 3.
Долгорукій, кн. В. М., генералъ-аншефъ, XI, 119, 123.
— кн. И. М., писатель, XIII, 327.
— кн. Ю. А., путивльскій воевода, XIII, 214—215.
Дорошенко, Петръ, гетманъ, XI, 61—63, XII, 16, 21—27, 132—133, 561, 571—572, 578, 582, 586—594, XIII, 667—671.
Достоевскій, Ѳ. М., XI, 665—666.
Дрозденко, сотникъ, XII, 593.
Дубельтъ, шефъ жандармовъ, XII, 257, XIII, 44.
Дубовскій, И. И, художникъ, XII, 604.
Дука, Александръ, гетм., XII, 27—28.
Думитрашко-Раичъ, переяславскій полковникъ, XII, 585—587.
Думницкій, Сильвестръ, ректоръ кіев. акад., XI, 588.
Дунинъ-Борковскій, графъ, владѣлецъ с. Лядавы, под. губ., XI, 484—485.
Дуличъ, полковникъ, XI, 127.
Дымеръ, м. кіев. губ., XII, 198.
Дѣвочка, Онисифоръ, кіев. митрополитъ конца XVI ст., XI, 443.

Е.

Екатерина I Алексѣевна, имп-ца, XI, 578.
— II Алексѣевна, имп-ца, XI, 118—119, 123, 124, 309, 580, 793—794, XII, 40, 43, 619, XIII, 1—30, 223, 527, 752.
Елисавета Алексѣевна, имп-ца, XI, 309, 588, XII, 36.

Ермоленко, Даніилъ, переяславскій полковникъ, XII, 565, 572, 577, 581.
Ефименко, П. С., писатель, XI, 394.
Ефремъ, переяслав. митрополитъ XI ст., XI, 178.

Ж.

Ждановичъ, Антонъ, кіевскій полковникъ, XIII, 666—667.
Жданъ-Рогъ, запорож. кошевой, XII, 581, 592.
Желеховскій, Евгеній, состав. перваго малорус.-нѣмец. словаря; некрологъ о немъ, XI, 594—596.
Желѣзнякъ, Максимъ, предв. гайдамакъ, XII, 40, XIII, 309—310, 726—727.
Желиборскій, Арсеній, львовскій епископъ, XI, 442, XIII, 409.
Желтухинъ, кіевскій генер.-губерн., XII, 626—627.
Животовскій, Василій, войсковой судья, XII, 587.
Жолкевскій, гетманъ коронный, XI, 463, XII, 611, 617, XIII, 59, 67.
Журавль, Илья, кобзарь, XI, 183.
Жученко, полковникъ, XII, 448.

З.

Забѣла, Петръ, первый генеральный судья, XII, 565, 569, 587.
Завитневичъ, изслѣд. южно-рус. литературы, XI, 8—9.
Залусскій, куявскій епископъ, XII, 38.
Залѣсскіе, дворяне, XII, 177—179.
Запорожье; разсказы о немъ и пр., XI, 785—790, XII, 54 и сл., 167, 170, 363—364, XIII, 294—318, 350—353, 721—729.
Зацвилиховскій, Николай, региментарь польскихъ войскъ, XIII, 613.
Зборовскій, Мартынъ, калишскій воевода, XI, 54.
Зеленскій, брацлавскій подчашій, XIII, 414.
Злоба, Тимоѳей, архим. супрасльскаго монастыря, XI, 405.
Злый, Иванъ, козацкій атаманъ, XI, 693—694.
Значко-Яворскій, Мелхиседекъ, игуменъ матрен. монаст., защитникъ православія на Украйнѣ, XIII, 367, 727.
Золотоноша, г.; братства и цехи въ ней, XIII, 160—162.
Золотаренко, нѣжинскій полков., XII, 550—551, 556, 558.
Зубрицкій, Діонисій, галицко-рус. ученый 40-хъ годовъ, XIII, 158.

И.

Ибнъ-Эль-Атиръ, арабскій писатель, XI, 570.
Иваненко, Петръ, войсковой канцеляристъ, XII, 448—450.
Иванишевъ, Н. Д., профессоръ у-та св. Владиміра, XII, 263—265, XIII, 195—203.
Иванъ Ростиславичъ (Берладникъ), князь-изгой, XI, 474—477.
Иващенко, соврем. этнографъ, XI, 183.
Ивенсенъ, кіев. полиціймейстеръ 60-хъ годовъ, XIII, 458—459.
Измайловъ В., авторъ «Путешествія въ полуд. Россію», XI, 581—592.
Изяславъ Давыдовичъ, в. кн. кіевскій, XI, 475.
Иларіонъ, мит. кіев., XI, 572, XII, 117.
Ильяшенко, лубен. полков., XII, 440.
Ильяшъ, козацкій полковникъ, XII, 58.
Инсиланти, кн., господарь румынскій, XIII, 751.
Иринархъ, печерскій игуменъ XVII ст., XIII, 207.
Ичня, м. борзен. у., XIII, 557—558.

І.

Іегуда, евр. раввинъ, XI, 569—573.
Іеремія II, патр. констант.; о времени пріѣзда его въ Украйну, XI, 86—116, 268—281, 443.
Іоакимъ, первый еписк. новгородскій, XI, 181.
Іоакимъ, патріархъ антіох., XI, 271. XII, 429.
Іовъ Желѣзо, почаевскій игуменъ, XI, 157—167.
Іоаннъ V, кор. португ., XII, 33 и сл.
Іосифъ I, имп. германскій, XIII, 716.

К.

Кавелинъ, К. Д., пов. ученый, XI, 421.
Кавецкій, Стан., владѣтель с. Лоевцы, под. губ., XI, 477—478.
Кагальничано, молдавскій ученый, XII, 502—505.
Казиміръ Ягайловичъ, король польскій, XI, 42—44.
— III., король польскій, XI, 26.
— IV., король польскій, XI, 44, 47, 50.
— Великій, король польскій, XI, 28, 31.
Калиновскій, гетманъ польскихъ войскъ, XI, 708, XII, 616, 419, 622—625, 664—665.
Калнишевскій, П. И., послѣдн. запорожскій кошевой, XI, 118—132-XIII, 309.
Каменецкій, завѣдывавшій типографіей Н. А. Кулиша, XI, 521—522.
Каменскій, М., генералъ-поручикъ, XI, 130.
Капланъ-паша, турецкій военачальникъ XVII ст., XII, 437.
Капнистъ, миргородскій полковникъ, XIII, 673.
Карамзинъ, Н. М., исторіографъ, XI,
Карлъ XII, король шведскій, XI, 579, XII, 335, 503.
Кафа, см. Ѳеодосія.
Каховскій, М. В., таврич. генер.-губерн. XVIII ст., XI, 534, 538.
Кашовка, с., имѣніе Тамаръ, XII, 21.
Кейтъ, правитель Малороссіи, XII, 8—9.
Кизимъ, козацкій полковникъ, XI, 457.
Кириллъ, см. Меѳодій.
Киркоръ, соврем. польскій археологъ, XII, 311.
Кисели, дворяне, XIII, 54—59.
Кисель, Адамъ, воевода кіевскій; его портретъ при XII томѣ; замѣтка къ портрету, XII, 745—750; біографія А. Киселя, XIII, 51—72, 204—219, 408—430, 612—638; упом., XI, 685, 692.
Кисель, Николай, новгородъ-сѣверскій хорунжій, XIII, 414, 613, 616, 619—620.
Кистяковскій, А. Ѳ., профессоръ у-та св. Влад.; некрологъ о немъ, XI, 406—415; очеркъ его науч. дѣятельности, XII, 228—254; упом., XII, 354, XIII, 563.
Кіево-Трехсвятит. церковь; раскопки около нея, XII, 163—167.
Кіевское общество прбд. Нестора лѣтописца; отчетъ его за 1884 г., XIII, 562—567.
Климентъ VIII, папа римскій, XI, 458.
Климентъ XIII, папа римскій, XII, 208.
Клищинцы, имѣніе Новицкихъ, XII, 445.
Кобылянскій, Антоній, управитель староства романовскаго, XII, 612.
Козарино, озеро гомельскаго у.; раскопки близъ него, XI, 573—577.
Козинская-Гойская, фундаторка почаевской обители, XII, 733.
Козловскій, И. Т., ученый XVII ст., XI, 13.
Коленко Герасимъ, полковникъ, XI, 127 и сл.
Комаровскій, Василій, бунчуковый товарищъ, XII, 19.
— Ираклій, троицкій архимандритъ, XII, 19, 20.
Конашевичъ-Сагайдачный, гетманъ; повѣсть объ осадѣ имъ г. Михайлова, XIII, 684—689; упом., XI, 91, 106—107, 277 и сл., 464, 679—682, 768.
Копецпольскій, Ал—дръ, коронный хорунжій, XIII, 212—213.
— Станиславъ, гетманъ польскихъ войскъ, XI, 683—684, 691—693, XIII, 68, 417.
Конисскій, Георгій, бѣлорус. епископъ, XII, 37, 208.
Кононовичъ, Савва, гетманъ, XI, 692.
Константинъ, могилевскій полковникъ, XIII, 667.
Кончевичъ, Ярема, козацкій эмисаръ, XIII, 409—410.
Копинскій, Исаія, кіев. митр., XI, 106, 108, 110, 272, 461—462, 685.
Копыстенскій, Захарія, учен. XVII ст., XI, 8—9, 94, 112.
Копыцкій, Станиславъ, польскій шляхтичъ XVII ст., XIII, 261 и сл.

Корецкій, кн. Самуилъ, XIII, 614.
Корсунь (таврическая), XII, 121—123.
Косаговъ, Георгій, козацкій атаманъ, XII, 561—581.
Косаговскій, брацлавскій подсудокъ, XIII, 621—622.
Косинскій, гетманъ, XI, 450—451.
Коссовъ, Сильвестръ, кіевскій митроп., XI, 13, 103, 272, XIII, 614, 616.
Костомаровъ, Н. И.; некрологъ о немъ, XII, I—XLIV; воспоминанія и разсказы о немъ, XII, 219—227, 255—262, 352—353; посвящена памяти Н. И. статья О. Миллера «Даръ Пятьдесятницы и наши первоучители», XIII, 32—50; упом., XI, 183, XII, 263, 501, 502, 740, XIII, 68, 184, 421, 527, 563, 616, 630, 632, 748.
Костюшко, польскій патріотъ, XI, 387—389.
Кострицкій, авторъ «Новой громады», XIII, 699—700.
Котляревскій, И. П., писатель, XI, 596—606.
Котляръ, Герасимъ, гайдамака; его показаніе, XIII, 293—306.
Кошевой, Иванъ, прилуцкій полковникъ, XI, 63.
Коширскій, кн., кіевскій воевода, XI, 299.
Кочубеи, дворяне, XII, 3.
Красинскій, Адамъ, каменецкій епископъ, XII, 39—40.
Красковскій, львовскій епископъ, XIII, 411.
Красный-Колядинъ, с., имѣніе Крыжановскихъ, XII, 11.
Красовскій, Василій, игуменъ кіево-кириллов. монаст. XI, 279.
Кременчугъ, г., XII, 338—343.
Кренсъ, Вероника, ея мемуары о Коліевщинѣ, XII; 572—574.
Крупецкій, перемышльскій епископъ, XIII, 706.
Кречетниковъ, М. М., кіевск. генер.-губ., XII, 40, 693—696.
Крыжановскіе, дворяне, XII, 7—13.
— Смарагдъ, епископъ, XII, 13.
Крюковскій, Ив., кобзарь, некрологъ о немъ, XII, 740—745.
Ксида, одес. купець, пропов. штунды, XI, 492.
Кублицкій, Константинъ, полтавскій полковникъ, XII, 587.
Кузнецовъ, Н. Д., соврем. художникъ, XII, 603.
Куинджи, А. И., соврем. художникъ, XII, 601—692.
Куликовскій, Мих., первый харьковскій предв. дворянства, XIII, 4.
Кулишъ, П. А.; 183, 521—522, XII, 262, 352—353, 740, XIII 184, 748.
Кунаковъ, Григорій, московскій дьякъ, XIII, 421—422.
Куницкій, гетманъ, XII, 27—29, 441, XIII, 671.
Кунцевичъ, Іосафатъ, полоцкій епископъ, XI, 459—460, XIII, 713.
Куракинъ, кн. А. Б., XII, 156—163.
— кн. Б. П. XI, 379—380.
Кураково озеро, XI, 767—773.
Кутузовъ-Голенищевъ-Смоленскій, кн., побѣдит. франц., XI, 782—763.

Л.

Лаверецкій, профес. акад. худож., XII, 236.
Лагардъ-де, графъ, путешественникъ по Россіи 1811 г., XIII, 749—757.
Ладыженскій, царскій стольникъ, XII, 583.
Лазаревскій, А. М., изслѣд. южнорус. старины, XII, 748.
— М. М., этнографъ, XI, 528.
Ласкъ, Петроній, монахъ Гущскаго монастыря, XIII, 408.
Ласси, фельдмаршалъ, XII, 332.
Лебединцевъ, П. Г., кіев. каѳедр. протоіерей, XII 164.
Лебединъ, м. кіев. губ., XIII, 364—367.
Леванда, І., кіев. каѳедр. протоіерей, XI, 589—590.
Левицкій (Нечуй), И. С., малорус. писатель; отзывъ о немъ Н. И. Костомарова, XII, 226—227; XIII, 701.
— Н. Ѳ. учитель кіев. 4-й гимназіи; некрологъ о немъ, XI, 357—363.

Лежайскій, Михаилъ, архимандритъ новгородъ-сѣвер. монаст., XII, 455.
Лентовскій, ксендзъ-кармелитъ, XIII, 414, 418.
Леонтій, митроп. кіевскій, XI, 178 и слѣд.
Леонтьевъ, З. Ф., сѣвскій воевода, XIII, 215, 218.
— кіевскій генер.-губернат., XII, 506, 562.
Лисаневичъ, мглинскій сотникъ, XI, 69.
Лещинскій, Филоѳей, архіеп., XII, 456.
Лизогубъ, Яковъ, черниговск. полковникъ; универсалъ его 1690 г., XI, 539—542; упом., XII, 16—18, 451—585.
Линь-де, принцъ, XIII, 752.
Литвяки, с., имѣніе Новицкихъ.
Лихопой, посолъ Сѣчи въ Москву, XII, 445.
Лобода, гетманъ, XI, 452.
Лоевцы, с. под. губ., XI, 477.
Лосенко, А. П., художникъ XVIII ст., XI, 309—310.
Лубенскій, Андрей, примасъ, XIII, 415.
Лупула, Василій, молдавскій господарь, XIII. 664—665.
Лысенко, Ѳедоръ, генеральный судья, XII, 18.
Львовъ, духов. композиторъ, XII, 526—529.
Любомірскій, кн. Іосифъ., брацлавскій воев., XII, 612, 615, 617.
— кн. Станиславъ, коронный подстолій, XIII, 308.
— кн. Юрій-Доминикъ, ушицкій староста, XI, 478.
Людовикъ (Венгерскій), польскій король, XI, 28—29.
— XV, французск. король; XII, 334 и сл.
Лютежъ, с. близъ Вышгорода, XII, 197—198.
Лядава, с. под. губ.; описаніе его, XI, 480—486.
Лянцкоронскій, Предславъ, гетманъ, XI, 288.
— Станиславъ, брацлавскій воевода, XIII, 617.
— Лясоцкіе, братья, штундисты, XI, 497 и сл.

М.

Магметъ-Чагинъ, крымскій посолъ, XII, 442.
Мазараки, дворяне, XI, 68—70, 80—82.
Мазепа, Иванъ, гетманъ; его отношенія къ полковнику И. Ѳ. Новицкому и переписка съ нимъ, XII, 442—457; о могилѣ Мазепы, XII, 501—505; отзывъ о немъ Стеф. Яворскаго, XIII, 172—175; упом., XII, 4, 6, 8, 16; о его гербѣ, XIII, 715, 718.
Макарій, патріархъ антіохійскій, XI, 102—104, 270.
Маковскій, Иванъ, кролевецкій сотникъ, XII, 4—6.
— К. Е., соврем. художникъ, XIII,
Максаковскій (черниговъ. губерніи) монастырь, XII, 748—749.
Максимовичъ, компанейскій асаулъ, XII, 440, 448.
— Іоаннъ, черниговъ. архіеписк., XI, 14, 16.
— М. А.; письма къ нему Т. Г. Шевченка, XI, 333—338; упом., XI, 85—86, 94—96, 106, 268, XII, 511, 517.
Малышевскій, И. И., профес. кіев. дух. акад., XI, 86, 108, 177, 268, 273, 281, 453.
Мандро, полковникъ, XI, 124—128, 130—132.
Маркевичъ, П. А., историкъ; его письма, XIII, 690—698.
Марковичи, дворяне, XIII, 690—698.
Мартыновичъ, Артемъ, нѣжинскій полковникъ, XII, 3.
— П. Д., соврем. художникъ, XII, 741—743.
Мартыновскій, Антоній, могилевскій архіеп., XII, 350—352.
Мартыновъ, Артемъ, нѣжинскій полковникъ, XII, 585—587.
Марцинкевичъ, Аѳанасій, шляхтичъ; судъ надъ нимъ, XII, 79—106.
Маценко, Иванъ, прилуцкій полковникъ, XI, 62—63, XII, 584.
Мацкевичъ, каменецкій епископъ, XII, 460—476.

Мацѣевскій, соврем. польскій ученый, XIII, 185.
Медвѣдь Высокій, гайдамацкій предводитель, XIII, 309—310.
Межигорскій монастырь, XI, 607—608, XII, 497—499, 703, XIII, 178—183.
Мелетій, александрійскій патр., XI, 271.
Мелецкій, полковникъ, XIII, 72.
Меньшиковъ, А. Д., фаворитъ Петра I, XI, 578.
Метлинскій, этнографъ, XI, 183—184.
Мечиславъ I, кор. польск., XI, 20—21.
Меѳодій и Кириллъ, св. славян. первоуч.; по поводу 1000-лѣтн. юбилея, XI, I—VI, XII, 107—126, XIII, 31, 37, 40.
Миклашевскій, генеральный старшина, XIII, 697—714.
Миклошичъ, Францъ, славистъ, XI, 755—760.
Миллеръ, исторіографъ XVIII ст., XI, 108, 268, 271, 276, 281, XIII, 527.
Милорадовичъ, спб. генер.-губерн., XIII, 751—752.
Мировичъ, Иванъ, переяслав. полковникъ, XII, 16.
Мироновъ, Матвѣй, секундъ-маіоръ; его путевой журналъ 1755 г., XI, 339—356.
Михаилъ III, имп. визант., XIII, 35—36.
— господарь молдав., XII, 217.
— Вишневецкій, кор. польскій, XII, 21, 25, XIII, 620.
Михайловъ, г. рязан. губ.; осада его Сагайдачнымъ въ 1618 г., XIII, 684—689.
Михайловъ, Ѳедоръ, войсковый писарь, XII, 587.
Михневичъ, I. Г., пом. попеч. варшав. учеб. округа; некрологъ о немъ, XIII, 757—765.
Мицкевичъ, поэтъ, XIII, 747—749.
Младановичъ, уманскій губерн., отецъ Вероники Крепсъ, XII, 512.
Мнишки, дворяне, XII, 612.
Многогрѣшный, Демьянъ, гетманъ, XI, 63, XII, 23—24, 431, 592.
Мобильонъ, изв. патеръ-издатель, XI,
Мовчаны, дворяне, XI, 61—71, 79—80.
Мовчанъ, Мих., прилуцкій асаулъ; его записная книга, XI, 57—84.
— Петръ, козацкій атаманъ, XI, 123.
— Ѳедоръ, прилуцкій полковникъ, XII, 433, 435.
Могила, гетманъ, XIII, 671.
— Іеремія, молдав. господарь, основат. Могилева-Под., XIII, 674.
— Петръ, кіевскій митроп., XI, 13, 112, 279, 281, 685, XIII, 206, 416—417, 629—634, 711—712.
Могилевъ-Под., г.; его описаніе и исторія, XIII, 657—675.
Могиленко, гетманъ, XII, 441.
Мойсеевка, с., имѣніе Крыжановскихъ, XII, 12.
Мокрицкій, И. Н., правитель канц. спб. об.-полиціймейст., XI, 527—530.
Мордовцевъ, Д. Л., соврем. пис., XII, 237.
Морачевскій, польскій историкъ, XI, 47.
Мороховскій, Илія, владимірскій еписк., XI, 442.
Москвинъ, Арсеній, кіев. митр., XI, 507.
Мотовило, іезуитъ XVII ст., XI, 446.
Муравьевъ (Амурскій), графъ, XI, 204.
Мурадъ, крымскій ханъ, XII, 439.
Мурахва. р., XIII, 677.
Мухина гора, курганъ въ павлоград. у.; раскопки въ ней, XII, 707—722.
Мыкъ-Городъ, городище близъ Радомысля, XII, 184.
Мѣлецкій, полковникъ польской службы, XI, 694—695.
Мясковскій, Войцехъ, львовскій подкоморій, XIII, 414—419, 426.

Н.

Нагаткинъ, И. И., капитанъ 1-го ранга, XI, 121.
Нагорное, с. под. губ.; описаніе его, XI, 486—489.
Наливайко, гетманъ, XI, 452.
Наполеонъ I, XI, 386—387, XII, 207, 514—515, 730.
Незамай, Юрій, войсковый судья, XII, 578—579.
Нелюбовичъ-Тукальскій, Іосифъ, кіев. митрополитъ, XII, 21, 561, 572, 586—587, 592.
Немія, с. под. губ.; опис. его, XIII, 654.
Нехаевка, с., имѣніе Новицкихъ, XII, 434.

Нехайки, с., имѣніе Томаръ, XII, 16, 17.
Нечай, Даніилъ, козацкій полковникъ, XIII, 617.
Низкиничи, с., имѣніе Киселей, XIII, 51, 60.
Никита, бѣлгород. еписк. XI в., XI, 179.
Николай I Павловичъ, имп., XI, 191—196, 200—205, XII, 211.
Нищинскій, авт. малоруск. перевода VI пѣсни Одиссеи, XIII, 700—701.
Новая Ушица, г. под. губ. XI, 465.
Новинкіе, дворяне, XII, 455—457.
— И. Ѳ., охочекомонный полковникъ; его біографія, XII, 431—457.
Новоселки, имѣніе Киселей, XIII, 51.
Новые Дятловичи, озеро гомельскаго у., XI, 573.
Нѣговскій, М. В., этнографъ, XI, 183—184.
Нѣжинъ, г.; его храмы, XII, 314—318.
Нѣсецкій, пис., авт. «Corony», XI, 69, XIII, 52—53, 59, 628.

О.

Обуховичъ, Ѳедоръ-Михаилъ, мозырскій подкоморій, XIII, 414.
Обухъ, Андрей, кіевскій земянинъ, XI, 96—99, 102, 260 и сл.
Овсяный, Ромуальдъ, владѣтель с. Буши, под. губ., XIII, 680.
Огаревъ, Евсевій, гадячскій полковникъ, XII. 589.
Одоевскій, кн. Никита Ивановичъ, XIII, 212—213.
Одынецъ, черкасскій полковой судья, XIII, 623.
Озаркевичъ, перев. Мицкевича на малорусск. языкѣ, XIII, 749.
Окунь, полковникъ, XIII, 681—682.
Ольдриджъ, негръ-трагикъ, XI, 237—238.
Опара, XII, 572.
Опошня, м. зеньков. у., XI, 579.
Ордынъ-Нащокинъ, русскій военачальникъ XVII ст., XII, 583, 589, 591.
Орловъ, кн., фаворитъ имп. Николая, XI, 205.
Оробьевка, с., имѣніе Томаръ.
Орышовскій, Янъ, гетманъ польскихъ войскъ, XI, 290.
Оскольдъ и Диръ, кн. кіевскіе, XII, 114—115.
Остерманъ, канцлеръ имп. Елисаветы, XII, 332.
Острожская, княжна Галшка, XI, 54—56.
— кн. Конст. Ив., XI, 45—46, 52, 279.
— кн. Констант. Конст., XI, 2, 7, 54—56, 95, 271, 281, 445—451, 454—455, XII, 206, 209, 511—512.
— кн. Янушъ Конст., XI, 446, 451.
Острый, гадячскій полковникъ, XII, 578—579.
Остряниинъ, гетманъ, XI, 695—696.
Оссолинскій, корон. канцл., XIII, 218.

П.

Павелъ Алепскій, діаконъ, авт. описанія путешествія патріарха Макарія, XI, 102—105, 115, 269.
— I, имп., XI, 309, 310.
Павловскій, охочекомонный полковникъ, XII, 435.
Павлюкъ, гетманъ, XI, 692—694, XIII, 70—72.
Падлевскій, полякъ-повстанецъ.
Паисій, патріархъ іерусалимскій, XI, 277.
Палій, Семенъ, бѣлоцерков. полковникъ; письмо къ нему короля Августа III, XIII, 360—361; упом., XI, 64—65, XII, 33, 613.
Панкратьевъ, кіев. губ., XIII, 752.
Панское, с. полтав. губ., XIII, 169.
Перетятковичъ, Криштофъ, польскій посолъ къ Выговскому, XII, 547—548.
Переяславская успенская церковь, XI, 608—610.
Петровскій, виленскій депутатъ на сеймѣ 1718 г., XII, 34.
Петровъ, Н. И., проф. кіев. дух. акад., XI, 274.
Петрушевичъ, галицкій ученый, XI, 171—173.
Петръ, господарь молдав., XI, 286, XIII, 263, 267—269.
— I, имп., XI, 379—380, XII, 33—35, XIII, 22.

— III, имп., XI, 588, XII, 12.
Писарева, С. В., жена правит. канцеляріи Д. Г. Бибикова, извѣстная въ Кіевѣ красавица, XIII, 672.
Пишчевичъ, А. П.; разсказъ его о чумѣ 1813 г., XII, 153—163.
Плетенецкій, Елисей, ученый XVII ст., XI, 94—95, 110, 112, 272, 281.
Поддипное, с., имѣніе Голубовъ, XII, 3.
Подкова, Иванъ, , XI, 483—287, XIII, 243—276.
Подставки, имѣніе Тамаръ, XII, 16.
Позняки, с. близъ Кіева, имѣніе Киселей, XIII, 628.
Полуботко, Павелъ, гетманъ, XIII, 697.
Полугеръ, Тимоѳей, атаманъ запорож., XII, 453.
Поповичъ, Иванъ, паволоцкій полковникъ, XII, 554.
Пессевинъ, іезуитъ XVII ст., XI, 438.
Потемкинъ, кн. Г. А., XI, 126—129, 532—534.
Потоцкіе, графы, XIII, 753—756.
Потоцкій, графъ Николай, гетманъ польскихъ войскъ, XI, 693, 706, XIII, 57, 69—71.
— Николай, канев. стар.; разсказы о немъ, XIII, 234—242, 367—370, 554—555; дарствен. запись его Вероникѣ Кресъ, XII, 512—514.
— Станиславъ, гетманъ польскихъ войскъ, XIII, 615, 619—623, 665.
— Францискъ-Салерій, владѣтель Могилева-Под., XIII, 660.
— Ѳедоръ, командиръ всей польской артиллеріи, XIII, 310—316.
Потѣй, Ипатій, кіев. уніат. митроп., XI, 280, 441—442, 449, 453—455.
Праховъ, А. В., проф. петерб. у-та, XII, 164.
Прерадовичъ, сербъ-эмигрантъ, XI, 381—385, 508—511.
Прилуки, г.; цехи и братства въ немъ, XIII, 169—171.
Прокоповичъ, Ѳеофанъ, архіеп. новгородскій, XI, 271, XIII, 276.
Проскуры, дворяне, XII, 612.
Протасевичъ, Валерій, виленскій епископъ, XI, 283.
Протасьевъ, Ѳедоръ, московскій посолъ, XII, 549—550, 557.
Пузына, Ал-дръ, луцкій епископъ, XIII, 65—66, 409.
Пулавскій, Іосифъ, староста, XII, 39.
Пыпинъ, А. Н., соврем. ученый и публицистъ, XIII, 95.
Пясецкій, польскій историкъ, XIII, 71.

Р.

Радзивиллъ, кн., предвод. диссидентовъ, (1766 г.), XII, 38.
— Альбрехтъ, литов. канцлеръ, XIII, 63—64.
— Криштофъ, XIII, 63.
— Янушъ, литовскій гетманъ, XIII, 418, 620, 623—624.
Радзѣевскій, коронный подканцлеръ, XIII, 423, 619, 628.
Радивиловскій, Антоній, ученый XVII ст., XI, 13.
Разумовскій, К. Г., графъ, гетманъ; универсалы и ордеры его, XII, 477—482, XIII, 277—292; упом., XI, 579, XII, 12, XIII, 751.
Ракочи, седмиград. князь, XII, 217, XIII, 419.
Ратушный, Михаилъ, витуидистъ, XI, 496.
Рейсъ-Ефенди, великій визирь турец., XII, 217.
Репнинъ, Борисъ, рус. посолъ въ Варшавѣ, XIII, 521.
Ретикъ, имѣніе Голубовъ, XII, 3.
Ржевусскій, Вацлавъ, краковскій воевода, XII, 38.
Ришелье, одесскій генер.-губерн., XII, 156, 161, 609.
Рогоза, Михаилъ, митроп. кіевскій, XI, 274, 443, 455.
Рогоща, с., имѣніе Томаръ, XII, 18, 21.
Романовское староство; судьба его жителей, XI, 607—630.
Ромодановскій, Гр. Гр., москов. воевода, XII, 555—557, 563—564, [illegible]
— Ѳедоръ, московскій воевода, [illegible] 26, 435.
Рубанъ, войсковый асаулъ, XII, [illegible] 445.
— Василій, историкъ, XI, 271, 276.
Рудольфъ II, имп. германскій, XI, 294—296.

ученый XVII ст., XI, 94.
Ставровскій, проф. у-та св. Владиміра, XI, 746.
Станиславъ Лещинскій, польскій король, XII, 262 и сл., 330 и сл., 616, 621.
— Понятовскій, польскій король, XII, 37, 41.
Старая Ушица, с. под. губ.; его описаніе и исторія, XI, 465—479.
Старицкій, М. П., соврем. писатель, XII, 226, XIII, 701—702, 748.
Старовъ, Н. Д., близкій пріятель Шевченка, XI, 237—238.
Стефановичъ, Гавріилъ, сербскій ученый XVIII ст., XI, 4.
Стефанъ Баторій, король польскій, XI, 283—287, 291—297, 457, XIII, 246 и сл.
— св., сурожскій епископъ, XII, 115—117.
Стороженко, А. Я., писатель; о могилѣ его, XII, 729—732; упом., XII, 682—683.
— Иванъ, прилуцкій полковникъ, XII, 445.
Строгановъ, графъ А. С., президентъ акад. худож., XI, 312—313.
Стягайло, Филиппъ, войсковой козац. старшина, XI, 117.
Суворовъ, А. В., свѣтл. кн. италійскій, фельдмаршалъ; анекдотъ о немъ, XI, 783.
Сулима, козацкій атаманъ XVII ст., XI, 691.
— переяслав. полковникъ XVIII ст., XII, 477.
Суша, Яковъ, уніат. епископъ холмскій, XII, 207, 308.
Сѣчь, см. Запорожье.
Сядрячи, с., имѣніе Томаръ, XII, 18, 21.

Т.

Тальдуци, Филиппъ, итальянецъ, письмо его о казни Ив. Подковы, XIII, 272—276.
Тарновскій, графъ, профессоръ краков. у-та, XII, 35.
Теремцы, с. кіев. губ., XII, 185.
Терлецкій, Кириллъ, луцкій епископъ, XI, 442, 449, 452, 670.
— Меѳодій, епископъ, XIII, 713.
Терновскій, Ф. А., проф. у-та св. Владиміра и кіев. дух. акад., XIII, 563.
Тетеря, гетманъ, XI, 71, 94, XII, 561—562, 565, 570—571, 579, XIII, 667.
Тимоѳей, константинопол. патріархъ, XI, 276.
Томаровка, имѣніе Томаръ, XII, 21.
Томары, дворяне, XII, 14—20.
Томиленко, гетманъ, XI, 691, XIII, 321.
Тредьяковскій, В. К., писатель, XIII, 527.
Тризна, Н. И., бунчуковый товарищъ, XII, 180—181.
Трощинскій, гадячскій полковникъ, XII, 456.
Трубецкой, князь, кіевскій воевода, XII, 433.
Трутовскій, соврем. художникъ, XII, 600—601.
Трясило, гетманъ, XI, 683—684.
Турчиновскій, Илія, свящ. XVIII ст.; автобіографія его, XI, 318—332.
Тышкевичъ, ист., XI, 442—496.
— Янъ, кіевскій воевода, XIII, 339.
Тяпкинъ, Василій, стольникъ, XII, 431, 591—592.

У.

Уваровъ, графъ А. С., археологъ, XIII, 563.
Урбанъ IV, римскій папа, XI, 380.
Урбанъ VIII, римскій папа, XI, 461, 689.

Ф.

Филимоновичъ, Меѳодій, мстислав. епископъ, XII, 552, 556—557, 572—579, 586—588, 590.
Филоненко, козацкій атаманъ, XI, 695.
Фотій, визант. патр. IX в., XIII, 35—37.
— констант. патріархъ XVII в., XII, 114—115, 119.
Фроловъ, москов. дьякъ, XII, 574.

Ружинскій, кн. Богданъ, гетманъ, XI, 289—290.
— Николай, XII, 610.
Румянцевъ-Задунайскій, графъ П. А., XI, 122, 126, 127, 130—131, XII, 139, 149—152.
Рутскій, Веніаминъ, кіев. уніат. митроп., XII, 217, XIII, 706.
— Янъ, епископъ, 442.
Рыжановка, с. звенигород. у.; раскопки близъ нея, XII, 727—729.
Рѣпинъ, И. Е., соврем. художникъ, XII, 236, 601—603.
Рябошапка, штундистъ, XI, 507.

С.

Саблуковъ, И. С., портретистъ прошлаго ст., XI, 309—310.
Садковскій, Викторъ, слуцкій епископъ, XII, 212.
Садовскій, Станиславъ, ушицкій староста, XI, 478.
Сакенъ, графъ Д. Е., XI, 204—205.
Самойловичъ, Иванъ, гетманъ; опись его имущества, XI, 776—779; упом. XI, 60, 62—64, XII, 3, 8, 16—18, 26 и сл., 442, 587, XIII, 670.
— Семенъ, гетманичъ, XII, 439—441.
Самоквасовъ, археологъ, XIII, 324.
Самусь, хозацкій полковникъ XVII ст., XII, 33.
Сангушко, кн., генералъ-лейт., владѣтель Кременца, XI, 386.
— кн., Дмитрій, XI, 54—56.
Сапѣга, Левъ, литов. канцл., XI, 449.
Сванетія; запорожцы въ ней, XI, 403—406.
Свенцицкій, малорусскій переводчикъ Мицкевича, XIII, 749.
Свидригайло, в. кн. литовскій, XI, 39.
Свѣчка, Василій, лубенскій полковникъ, XII, 445, 447.
Святославъ Всеволодовичъ, вел. кн. кіевскій, XII, 164.
Сербина, Войца, переяслав. полковникъ, XII, 434.
Серебрія, м. под. губ.; описаніе его, XIII, 653—654.
Сигизмундъ Кейстутовичъ, вел. князь литовскій, XI, 39.
— I, король польскій, XI, 45, 294, 296—297, 299, XIII, 339, 717.
— II, Августъ, король польскій, XI, 46, 49—55, 282—283, 299.
— III, король польскій, XI, 276, 437—438, 443, 457—459, 463, 610—612, 682—685, XII, 610, XIII, 59—60, 684, 706.
Сидловскій, полковн., XI, 121—123.
Сидоровъ, Захарія, глуховскій войтъ, XII, 585.
Силичъ, Аникій, черниговскій полковникъ, XII, 559.
Сильвестръ, монахъ, авт. первоначальной лѣтописи, XI, 571—572.
Сирко, кошевой запорожской Сѣчи, XII, 24, 27, 599, 561, 580, XIII, 667.
Сицинскій, унитскій депутатъ, сорвавшій сеймъ 1651 г., XIII, 626.
Скальковскій, А. А., авторъ «Новой Сѣчи», XI, 532, 793, XII, 163.
Скарга, іезуитъ XVII ст., XI, 285, 438.
Скиданъ, козацкій полковникъ, XI, 693—695.
Скорина, переводчикъ Библіи на русскій языкъ, XI, 445.
Скоропадская, гетманша, XIII, 695, 696.
— гетманъ; письмо его о сборахъ на «ралець», XIII, 360—364; упом. XI, 65, 67, 70, 75—76, XII, 457.
Сластіонъ, соврем. художн., XII, 236.
Слуцкіе, князья, XI, 668.
— кн. Семенъ, XI, 55.
Смотрицкій, Мелетій, ученый XVII ст., XI, 2, 9—10.
Смядынь, р., XII, 188, 195, 195.
Саковичъ, Кассіанъ, ученый XVII ст., XI, 94, 277.
Солтыкъ, Каетанъ, краковскій епископъ, XII, 38.
Солунь, родина св. Кирилла и Меѳодія, XII, 121—123.
Сомко, Якимъ, наказ. гетманъ, XI, 9, XII, 15, 546—555, 554—55.
Ставище, имѣніе Браницкихъ, XI, 620—621.
Ставровецкій, Кириллъ-Транквиллионъ

Х.

Ханенко, гетманъ, XII, 23, 26, 27, XIII, 668—669.
Хильчичи, с. стародубскаго полка, XIII, 189 и слѣд.
Хитрово, Богданъ Матвѣевичъ, царскій окольничій, XII, 563, 565.
— Яковъ, полтавскій воевода, XII, 577.
Хмельная, имѣніе Томаръ, XII, 16.
Хмельницкій, Богданъ-Зиновій, гетманъ; письма его къ гетману Сапѣгѣ, XI, 196—198; отзывъ его объ А. Киселѣ, XII, 747; упом., XI, 94, 301—302, 579—580, 608—610, 701—716, XII, 7, 52—76, 216, 310—311, 608, 747—748, XIII, 215—219, 321—322, 408—429, 612—636, 664—665, 711.
— Михаилъ, отецъ Богдана, XI, 452.
— Тимоѳей, сынъ Богдана, XIII, 664.
— Юрій, сынъ Богдана, гетманъ, XI, 579, 713, XII, 27—28, 438—439, 548—551, 557, 561.
Ходкевичъ, Григорій, литовскій гетманъ, XI, 445, 680.
Ходыка, Ѳедоръ, кіевскій войтъ, XI, XI, 768, XII, 683.
Хозары, XI, 570—572.
Холмщина, XII, 307—314.
Хомутецъ, с. миргород. у., XI, 164—168.
Хомяковъ, А. С., писатель-славянофилъ, XIII, 37.
Хорватъ, генералъ изъ сербскихъ выходцевъ, колонизаторъ Новороссіи, XI, 381—385, XII, 138, 505—506.
Хороборъ, с. под. губ.; описаніе его, XI, 471—472.
Хорошкино, имѣніе Новицкихъ, XII, 446.
Христіанъ VI, король датскій, XII, 336 и слѣд.

Ц.

Цвѣтковскій, учит. спб. ал-дровскаго кадет. корпуса, XII, 237.
Цесарскій, Иванъ, генеральный обозный, XII, 548.
Цыцура, переяславскій полковникъ, XII, 548.

Ч.

Чаадаевъ, кіевскій воевода, XI, 71, XII, 563—564.
Чаплинскій, брацлавскій подстароста, XI, 702, XII, 68, XIII, 417—418.
Чарнецкій, польскій воевода, XIII, 682.
Чарторыйскій, Августъ, русскій воевода, XI, 37.
— кн. Ал-дръ, волынскій воевода, XI, 52.
— Михаилъ, литовскій канцлеръ, XII, 37.
Чембей, татарскій мурза, XII, 593.
Черкасскій, кн. Каспулатъ, XII, 437.
Черніева, с., имѣніе Киселей, XIII, 619.
Черный, Герасимъ, войсковой писарь, XI, 129—130.
Чернявка, с., XII, 617.
Чернявскій, прилуцкій полковникъ, XI, 64.
Четвертинскій, кн. Захарія, брацлавскій стольникъ; письмо его къ П. И. Калнишевскому, XIII, 313—314; упом., XIII, 315, 316, 414.
— кн. Сильвестръ, могилевскій епископъ, XII, 35.
Чечуга, козацкій полковникъ, XI, 693—694.
Чубинскій, П. П., этнографъ, XI, 606, XIII, 75, 527.
Чугуй, козацкій предводитель, XII, 592—593.

Ш.

Шадура, И., волостн. старшина, нар. дѣятель въ возстаніе 1863 г., XIII,
Шамроцкій, Степанъ, лубенскій полковникъ, XII, 559.
Шевичъ, генер., сербск. выходецъ, XI, 381—385.
Шевченко, Т. Г.; пѣсня о немъ, XIII, 187—188: воспоминанія, XI,

224—239, XIII, 718—720; матеріалы для біографіи, XI, 519—530; письма, XI, 333—338; автобіографія, XIII, 431—435; упом., XII, 257, XIII, 43, 48, 49.
Шеинъ, Михаилъ Борисовичъ, русскій воевода, XIII, 66—67.
Шептицкій, Левъ, львовскій епископъ, XII, 208.
Шереметевъ, Борисъ, рус. посолъ во Львовѣ, XII, 32.
— кіевскій воевода, XII, 15—16, 571, 573, 576, 581—582, 586.
— волынскій губернаторъ (1794 г.), XI, 387—388.
Шереметевы, XIII, 323 и слѣд.
Шерстюкова, Марія Конст., козачка, XI, 621—623.
Шилановскій, Станиславъ, подольскій стражникъ, XIII, 672.
Шійкевичъ, Захарія, войсковой писарь, XII, 565, 569, 571, 579.
Шумлянскій, Іосифъ, львовскій и подольскій епископъ, XI, 442. XIII, 668.
Шуппъ, Карлъ, штундистъ, XI, 492.
Шутъ, Андрій, кобзарь, XI, 183.

Щ.

Щаповъ, изслѣдователь раскола, XIII, 531.
Щербакъ, Богданъ, войсковый асаулъ, XII, 571.
Щербининъ, харьк. губернаторъ, XIII, 34 и слѣд.
Щепановскій, Иванъ, правитель дѣлъ при литовскомъ генер.-губернаторѣ; его проэкты о католической церкви и каз. хозяйствѣ, XI, 746—754, XII, 127—136.
Щуровскій, Аѳанасій, переяславскій полковникъ, XII, 559.

Э.

Эммануель, инфантъ португальскій, кандидатъ на польскій престолъ, XII, 331 и сл.

Я.

Яворскій, Стефанъ, митроп. рязанскій; стихотвореніе его о Мазепѣ, XIII, 172—175.
Ягайло, король польскій и вел. кн. литовскій, XI, 29, 37—40, 46, 457—458.
Язловецкій, Юрій, коронный гетманъ, XI, 299.
Якубовичъ, полковникъ, XI, 126.
Яинце, с., имѣніе Товаръ, XII, 21.
Яновскій, В. В., помѣщикъ лубен. у., XI, 530.
Янъ-Казиміръ, король польскій, XI, 71—72, 704—705, 711, XII, 561, XIII, 413, 417, 421—429, 613, 625—628, 667.
— Собѣсскій, король польскій, XI, 64, 69, 72—73, XII, 25—32, XIII, 668—671.
Ярославъ (Осмомыслъ), кн. галицкій, XI, 476.
Ясинскій, Варлаамъ, кіевскій митроп., XII—455, XIII, 139.
Ясногородка, с. кіев. губ., XII, 185, 203.

Ѳ.

Ѳеодосія (Кафа), г., XII, 145—149.
Ѳедулъ, южно-русскій писат. XVI ст., XI, 7.
Ѳеофанъ, патріархъ іерусалимскій, XI, 87, 104—110, 270—276, 680, XIII, 706.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1886 г. на слѣдующіе журналы и газеты:

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

1886.—четырнадцатый годъ изданія—1886.

52 **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НУМЕРА**—каждый нумеръ въ два листа большаго формата (in folio) съ 8—10 рисунковъ.

52 **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ** «РОМАНЫ и ПОВѢСТИ» (ориг. и перев.) извѣстн. авторовъ.

12 **ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ НУМЕРОВЪ** «НОВѢЙШИХЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ», съ отдѣлами: «*Полезные совѣты*» и «*Кухонные рецепты*». Форматъ нумеровъ будетъ увеличенъ.

Двѣ безплатныхъ преміи:

1) «НАВОДНЕНІЕ». Большая художественно исполненная олеографія (въ 27 красокъ) съ картины профессора Шерреса (длина картины полтора аршина 14¼ вершк.). Цѣна картинѣ въ отдѣльной продажѣ 10 руб.

2) «СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1886 годъ», изящно отпечатанный въ три краски.

Въ 1886 г. журналъ будетъ печататься на роскошной (тоновой) бумагѣ, спеціально для журнала изготовленной.

Въ 1886 г. отдѣлъ по «Современнымъ событіямъ» будетъ значительно увеличенъ, какъ въ иллюстраціяхъ, такъ и въ текстѣ.

Въ 1886 г. журналъ будетъ печататься въ собств. типографіи, спеціально приспособленной для изящнаго выполненія рисунковъ новѣйш. способомъ.

Подписная цѣна на годъ: съ доставкой и пересылкой 8 р.—За границею 10 р.—Желающіе получить премію страховой посылкой доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 60 к.

Адресъ конторы и редакціи: Петербургъ, Николаевская, 19.

Редакторъ *П. Полевой*. Издатель *С. Добродѣевъ*.

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

(Годъ семнадцатый).

Съ 1-го января 1886 года «Новороссійскій Телеграфъ», по примѣру большихъ столичныхъ газетъ, будетъ выходить ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ.

Ежегодно улучшая нашу газету и постепенно увеличивая ея форматъ, мы достигли того, что «Новороссійскій Телеграфъ» сталъ на уровнѣ современныхъ потребностей читателя. Въ будущемъ году мы также намѣрены продолжать улучшенія по всѣмъ частямъ нашего изданія, но, кромѣ того, признали необходимымъ, въ виду того, что, при настоящей быстротѣ сообщеній и внезапности политическихъ событій въ Европѣ, всякая новость имѣетъ только интересъ минуты и при томъ сильно отражается на настроеніи тѣхъ или другихъ общественныхъ сферъ, выпускать съ 1-го января 1886 года «Новороссійскій Телеграфъ» ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ. Такимъ образомъ вмѣсто нынѣшнихъ 285 №№ въ годъ мы обѣщаемъ съ будущаго года выпускать не менѣе 350 №№.

Подписка принимается въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

Условія подписки:

	Безъ достав. и пересылк.	Съ достав. и пересылк.		Безъ достав. и пересылк.	Съ достав. и пересылк.
На 1 мѣс.	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣс.	7 р. 50 к.	9 р. — к.
» 2 »	2 р. 50 к.	2 р. 75 к.	» 8 »	8 р. 50 к.	10 р. — к.
» 3 »	3 р. 50 к.	4 р. — к.	» 9 »	9 р. 50 к.	11 р. — к.
» 4 »	4 р. 50 к.	5 р. 50 к.	» 10 »	10 р. 50 к.	12 р. — к.
» 5 »	5 р. 50 к.	6 р. 50 к.	» 11 »	11 р. — к.	13 р. — к.
» 6 »	6 р. 50 к.	7 р. 50 к.	» 12 »	12 р. — к.	14 р. — к.

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 руб.

Подписываться можно на какой угодно срокъ по цѣнамъ, означеннымъ въ приведенной выше разцѣнкѣ, съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Лица, подписавшіеся позже 1-го числа, получаютъ всѣ предъидущіе №№. Подписка съ промежуточныхъ чиселъ не допускается.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые (по 7 р. къ 1 января и къ 1-му іюня), или по четвертямъ года (по 3 р. 50 к. къ 1 ян-

варя, 1-му марта, 1-му іюня и 1-го сентября), т. е. всегда за мѣсяцъ впередъ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1885 года.

Иллюстрированный художественно-литературный журналъ

IV годъ „РАДУГА“ изданія.

Громадный успѣхъ нашего журнала въ 1885 году доказалъ на дѣлѣ, что «Радуга» сдѣлалась любимымъ журналомъ русской семьи: число подписчиковъ на «Радугу» въ 1885 году учетверилось противъ прежняго. Это самый полный еженедѣльный иллюстрированный журналъ Россіи, дающій около 4-хъ листовъ въ недѣлю самаго разнообразнаго текста, съ множествомъ изящныхъ гравюръ и великолѣпныхъ иллюстрацій, не смотря на чрезвычайно низкую подписную цѣну (5 р. въ годъ съ доставкой и пересылкой по почтѣ).

СОДЕРЖАНІЕ «Радуги»: романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія, путешествія, политическій отдѣлъ, новыя открытія, изобрѣтенія, музыкальныя новости, театральная критика, корреспонденціи, театральныя пьесы, какъ-то: комедіи, водевили, драмы, монологи, сцены, ноты, новѣйшія пьесы, танцы, марши, салонныя пьесы, романсы, дуэты и т. п. (болѣе 40 пьесъ въ годъ); семейныя и общественныя игры, интересныя занятія, фокусы, карточныя игры, пасьянсы, билліардная игра, новые танцы съ рисунками, спортъ, юмористическіе разсказы, анекдоты, юмористическіе рисунки съ текстомъ и безъ онаго, загадки, шутки, задачи, шарады, ребусы, шахматный и шашечный отдѣлъ, модные рисунки съ текстомъ, хозяйственные совѣты, гигіеническіе очерки для семействъ, новости, интересующія дамъ, почтовый ящикъ для открытой корреспонденціи гг. подписчиковъ между собою и много друг.

Въ 1886 году «Радуга» останется вѣрна своему направленію, то-есть останется чисто русскимъ журналомъ, безъ переводныхъ романовъ, а дастъ, какъ и до сихъ поръ, исключительно русскія оригинальныя литературныя произведенія, расширяя все болѣе и болѣе отдѣлы своей программы. Иллюстраціи будутъ исключительно лучшихъ художниковъ и извѣстнѣйшихъ граверовъ и будутъ печататься съ особою тщательностью и стараніемъ. Въ литературномъ отдѣлѣ примутъ участіе извѣстнѣйшіе литераторы, поэты и драматическіе писатели.

Годовые подписчики «Радуги» получаютъ безплатно заказанный за границею, въ одномъ изъ лучшихъ артистическихъ заведеній, художественный

«СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ», представляющій картину, исполненную на золотомъ фонѣ десятью красками.

Главной-же преміей для годовыхъ подписчиковъ предназначено высоко-художественное произведеніе, исполненное масляными красками хромо-олеографическимъ способомъ, знаменитая картина профессора Н. Зихеля ЮДИѲЬ. Вышина картины 1½ аршина, ширина 1 аршинъ. Эта картина по своему необыкновенному тонкому и изящному исполненію представляетъ собою совершенство олеографическаго искусства. Цѣна этой картины въ розничной продажѣ для неподписчиковъ «Радуги» назначена въ 10 руб. за экземпляръ. Надняхъ премія Радуги «Юдиѳь» будетъ выставлена въ нѣкоторыхъ магазинахъ и кіоскахъ Москвы, С.-Петербурга и нѣсколькихъ провинціальныхъ городовъ.

Подписная цѣна на «Радугу» со всѣми безплатными приложеніями съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи на одинъ годъ 5 руб., за ½ года 3 руб. За границею за 1 годъ 7 руб., за ½ года 4 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., затѣмъ три мѣсяца къ ряду по 1 р., но съ обязательствомъ исправнаго платежа. Подписавшіеся съ разсрочкою платежа получаютъ календарь по уплатѣ всей подписной суммы. Подписавшіеся до 15 декабря получаютъ художественный стѣнной календарь съ № 1-мъ «Радуги», остальные подписчики—въ началѣ февраля, такъ какъ при постоянно увеличивающемся числѣ подписчиковъ редакція заранѣе не можетъ опредѣлить необходимое количество экземпляровъ.

Подписка принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, въ С.-Петербургѣ, кромѣ того у Ф. Петрикъ, Невскій пр., № 8.

Гг. иногородные адресуютъ въ Москву, въ редакцію журнала «Радуга», Столешниковъ пер., д. Корзинкина.

Редакторъ *Д. А. Мансфельдъ*. Издатель *Л. Метцль*.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1886 г. (СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ) **1886 г.**

Цѣна за 12 книгъ съ гравированными лучшими художниками портретами ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ г. ЦИНЗЕРЛИНГА на Невскомъ, д. № 46, противъ гостиннаго двора, а въ Москвѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Мамонтова на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію «Русской Старины», въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7.

Продается книга: «ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА, АННА и ВИЛЛИМЪ МОНСЪ», соч. М. Семевскаго, съ портретами и рисунками. Цѣна два руб. 50 коп. съ пересылкою.

«СЛОВО и ДѢЛО», историческіе очерки М. И. Семевскаго, съ рисунками пытокъ въ XVIII в., третье изданіе. Цѣна два руб. съ пересылкою.

Подписавшіеся въ октябрѣ и ноябрѣ 1885 г. на «Русскую Старину» изд. 1886 г., могутъ получить соч. *М. И. Семевскаго* за одинъ руб. 50 коп. каждую книгу.

Лица, возобновившія подписку на «Русскую Старину» изд. 1886 г. (по 10 декабря 1885 г.), могутъ получить за одинъ рубль: «АЛЬБОМЪ портретовъ русскихъ дѣятелей, изд. ред. журнала «Русская Старина» (собраніе гравюръ Паннемакера, Маттэ, Матюшина, Грачева и друг.).

„БИБЛІОГРАФЪ“,

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ и ИСКУССТВА.

(2-й годъ изданія).

Выходитъ ежемѣсячно выпусками въ 48—64 страницы, 8°. Каждый нумеръ журнала состоитъ изъ двухъ отдѣловъ.

Въ 1 отдѣлѣ помѣщаются: 1) *историческіе матеріалы*—всевозможныя розысканія и сообщенія о литературныхъ и художественныхъ древностяхъ, о театральной старинѣ, статьи и замѣтки по исторіи книгопечатанія, книжно-торговой и издательской дѣятельности, извѣстія о писателяхъ и художникахъ, біографіи, некрологи и проч; 2) *техническія статьи* по части графическихъ искусствъ; 3) обозрѣніе *современныхъ* произведеній литературы, науки и искусства—рецензіи и замѣтки о новыхъ книгахъ, разборы сценическихъ произведеній и т. п.; 4) разныя мелкія замѣтки, извѣстія.

Во II отдѣлѣ, преимущественно *справочномъ*, помѣщается *полная библіографическая лѣтопись* за истекшій мѣсяцъ, въ которую входятъ: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) *указатель статей и періодическихъ изданій;* 3) *rossica*; 4) постановленія и распоряженія правительства по дѣламъ печати и т. п.; 5) объявленія.

Подписная цѣна за годъ: съ доставкою и пересылкою въ Россіи 5 р., за границу 6 р. Отдѣльно нумеръ 50 к.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: М. Вольфа, Г. Гоппе, «Новаго Времени» (А. Суворина), М. Стасюлевича и друг. Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію (С.-Петербургъ, Измайловскій полкъ, 1 я рота, д. № 22, кв. № 5).

Редакторъ *Н. М. Лисовскій.*

Самый дешевый иллюстрированный еженедѣльный журналъ

„ЛУЧЪ“.

Подписная цѣна съ книгами въ приложеніи: за годъ съ пересылкою 6 р., за полгода 3 р., за три мѣсяца 1 р. 50 к. Безъ книгъ за годъ 3 р., за пересылку картинъ прилагается 10 семикопѣечныхъ марокъ.

За шесть рублей подписчики получатъ:

1) Пятьдесятъ два нумера еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала; въ каждомъ нумерѣ будетъ передовая статья С. С. Окр—ца.

2) Двѣнадцать книгъ романовъ оригинальныхъ и переводныхъ.

Безплатные сюрпризы-преміи:

3) и 4) Картины: а) олеографическая большая картина русской школы, высокаго художественнаго исполненія: б) акварель—жанровая сценка.

5) Изящный альбомъ видовъ, снимковъ съ лучшихъ картинъ русскихъ художниковъ, жанровыхъ сценъ и т. п., печатанныхъ на лучшей бристольской бумагѣ. Гравюры эти, отдѣльно переплетенныя, составятъ цѣнный и изящный томъ.

6) «Завоеваніе Перу», сочин. Прескотта, переводъ съ англійскаго. Большой томъ.

Въ 1885 г. редакція дала «Завоеваніе Мехики» того-жъ автора. Оба эти сочиненія исполнены высокаго историческаго достоинства. По своей занимательности—они далеко превосходятъ интереснѣйшія произведенія беллетристики. Въ отдѣльной продажѣ «Завоеваніе Мехики» и «Перу» будетъ стоить 10 рублей.

Ни одинъ журналъ, кромѣ «Луча», не даетъ премій подобной цѣнности и достоинства.

На пересылку картинъ отдѣльно прилагается 10 семикопѣечныхъ марокъ.

Желающіе подписаться на одинъ журналъ «Лучъ» платятъ за 52 нумера три рубля.

Направленіе журнала, его характерныя особенности, его рѣчи и редакція останутся тѣ же самыя, что были въ теченіе пяти минувшихъ лѣтъ.

Нашихъ прежнихъ подписчиковъ просимъ поддержать наше изданіе и, если оно ими одобряется, рекомендовать своимъ знакомымъ.

Рекламъ и зазывательства въ газетахъ не будетъ. Наши теперешніе подписчики пусть будутъ нашими судьями и цѣнителями.

Адресъ редакціи: Спб., Николаевская, 41.

ГАЗЕТА „СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ“.

(*XIX годъ изданія*).

Открывая подписку на новый, *девятнадцатый* годъ своего существованія, *Современныя Извѣстія* не имѣютъ нужды говорить о своемъ направленіи, неизмѣнномъ во всѣ восемнадцать лѣтъ и извѣстномъ всей читающей Россіи. Содержаніе извѣстій и въ общемъ внѣшнее ихъ расположеніе также останутся прежнія, но послѣдуютъ нѣкоторыя добавленія. Съ переходомъ въ настоящую типографію оказалось возможнымъ немного удлинить форматъ и расширить текстъ.

Возстановляется прекратившійся было отдѣлъ *Періодической Печати*.

Шестнадцать лѣтъ назадъ (въ 1870 г.) *Современныя Извѣстія* ввели его первыя у себя. Задача этого отдѣла: представить движеніе общественной мысли въ Россіи. Такъ опредѣлили ее *Современныя Извѣстія* съ самаго начала, и такъ будутъ понимать ее въ послѣдствіи; забота будетъ приложена къ тому, чтобы изложеніе было точно и по возможности полно; чтобы отъ читателя не ускользнула ни одна свѣжая по общественнымъ вопросамъ мысль, кѣмъ бы ни была она высказана, единомысленникомъ или противникомъ, согласная съ *Современными Извѣстіями* или ратующая противъ нихъ, лишь бы она давала предмету новое освѣщеніе.

Возстановленъ будетъ, и притомъ въ большей полнотѣ, отдѣлъ торговыхъ извѣстій. Московскія *базарныя* цѣны уже появлялись на страницахъ *Современныхъ Извѣстій* въ прежнія времена. Но редакція имѣетъ въ виду давать картину всего московскаго рынка и товарнаго и фондоваго, въ полнотѣ.

Не оставлена будетъ безъ вниманія сельско-хозяйственная жизнь. Читатель найдетъ у насъ свѣдѣнія, въ которыхъ нуждается деревня,—та деревня, куда теперь устремляются сызнова бытовыя, просвѣщенныя силы изъ «отхожаго промысла», увлекшаго было ихъ на цѣлую четверть вѣка въ буржуазную сферу концессій и спекуляцій.

Приложено будетъ стараніе къ сосредоточенію свѣдѣній въ Дневномъ Обозрѣніи, и кромѣ обозрѣнія иностранной политики, подобнымъ образомъ ежедневно будетъ резюмироваться движеніе политическихъ и общественныхъ событій и внутри отечества.

Приняты всѣ мѣры и, кажется, вполнѣ обезпечены способы къ тому, чтобы доставка и пересылка газеты совершалась своевременно и безъ перерыва. Иногороднымъ подписчикамъ, въ частности, не будетъ задержки въ доставленіи газеты *ни одного дня* по полученіи отъ нихъ требованія и заявленія.

Съ доставкою въ Москвѣ: на 12 мѣсяц. 9 р., 11 мѣсяц. 8 р. 40 к., 10 мѣсяц. 7 р. 80 к., 9 мѣсяц. 7 р. 20 к., 8 мѣсяц. 6 р. 60 к., 7 мѣсяц. 6 р., 6 мѣсяц. 5 р. 40 к., 5 мѣсяц. 4 р. 60 к., 4 мѣсяц. 3 р. 70 к., 3 мѣсяц. 2 р. 80 к., 2 мѣсяц. 1 р. 90 к., 1 мѣсяц. 1 р. Съ пересылкою на

города: на 12 мѣсяц. 10 р., 11 мѣсяц. 9 р. 40 к., 10 мѣсяц. 8 р. 70 к., 9 мѣсяц. 8 р., 8 мѣсяц. 7 р. 30 к., 7 мѣсяц. 6 р. 50 к., 6 мѣсяц. 5 р. 70 к., 5 мѣсяц. 4 р. 80 к., 4 мѣсяц., 3 р. 90 к., 3 мѣсяц. 3 р., 2 мѣсяц. 2 р., 1 мѣсяц. 1 р.,

Примѣчаніе: Для выписывающихъ газету въ одномъ экземплярѣ, разсрочки и уступки противъ обозначенныхъ выше цѣнъ не допускаются.

Пріемъ подписки въ Москвѣ: въ Конторѣ Современныхъ Извѣстій, Знаменка, домъ Навродскаго, противъ Румянцевскаго музея; въ Конторѣ Товарищества М. Г. Кувшинова, на Варваркѣ; въ чайномъ магазинѣ торговаго дома К. Е. Киселева, Срѣтенка, домъ № 10.

Вмѣстѣ съ подпиской на *Современныя Извѣстія*, принимается тамъ же подписка на автобіографическія воспоминанія Н. Гилярова-Платонова (редакторъ *Современныхъ Извѣстій*), имѣющія выдти къ концу года въ двухъ томахъ (свыше 20 листовъ въ каждой) подъ заглавіемъ *Изъ Пережитаго*. Цѣна книги 3 рубля (съ пересылкой 3 руб. 50 к.). Выписывающіе *Современныя Извѣстія* на цѣлый годъ получаютъ *Изъ Пережитаго* за 2 руб. (съ пересылкой 2 руб. 50 коп.).

БОЛЬШАЯ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА.

ТРИДЦАТЫЙ „НЕВА" ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

52 нумера самаго большаго формата, въ два листа каждый нумеръ, съ изящными иллюстраціями и множествомъ разнообразныхъ и тщательно разработанныхъ статей по политикѣ, наукѣ, искусству, литературѣ и проч. и проч.

КЪ КИМЪ БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ:

12 книгъ избранныхъ романовъ и повѣстей, подъ общимъ названіемъ «Читальня», при чемъ каждая книга будетъ заключать законченный романъ, чего не дѣлаетъ ни одно періодическое изданіе въ Россіи, у которыхъ обыкновенно печатаніе романовъ затягивается на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ отдѣльной продажѣ эти книги будутъ стоить не менѣе двѣнадцати рублей, и сверхъ того, газетою, кромѣ большаго количества художественныхъ картинъ, гравюръ, плановъ и т. п., будетъ дано еще 3 большихъ роскошныхъ картины изъ русской жизни: два пейзажа и одна бытовая, художественно выполненныхъ масляными красками и стоющихъ пятнадцать рублей. Картины эти, вставленныя въ рамы, могутъ служить прекраснымъ украшеніемъ комнатъ. Желающіе получить картины не измятыми и не затерянными на почтѣ доплачиваютъ 1 р. 25 коп. деньгами.

Редакція и Главная Контора газеты «Нева»: С.-Петербургъ, Невскій пр., домъ № 64, противъ Аничкина Дворца.

«Нева» будетъ выходить еженедѣльно, №№ большаго формата, превышающаго, всѣ еженедѣльныя изданія, съ изящными иллюстраціями и заключать всѣ отдѣлы нашихъ газетъ и журналовъ, а именно: 1) оффиціальный отдѣлъ правительственныхъ распоряженій и узаконеній; 2) Внутреннія и иностранныя извѣстія: политическія обозрѣнія внутренней и иностранной жизни, законодательной дѣятельности и проч.; 3) Популярныя статьи по всѣмъ областямъ знанія: философіи, богословіи, государственному праву со всѣми его подраздѣленіями, политической экономіи, законодательству, естествознанію, финансамъ, промышленности, земледѣлію, торговлѣ и проч.; 4) Изящная словесность: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, мемуары, путешествія и проч.; 5) Статьи изъ области искусства—живописи, скульптуры, музыки и театра; критическія статьи и рецензіи по всѣмъ выдающимся явленіямъ; 6) Фельетоны изъ жизни; 7) Хроника столичная, провинціальная, судебная, финансовая, биржевая и торговая; 8) Критика и библіографія; обзоръ текущей печати: газетъ, журналовъ и проч.; 9) Смѣсь: анекдоты, шарады, общеполезныя свѣдѣнія, совѣты и рецепты изъ области искусства, ремеслъ, хозяйства сельскаго и домашняго, медицины и гигіены: пища, жилище, одежда, кухня, косметики и проч. проч.; 10) Корреспонденціи изъ Россіи и заграницы; 11) Почтовый ящикъ: отвѣты редакціи, переписка частныхъ лицъ между собою и проч., и 12) Объявленія и рекламы.

«Нева», независимо отъ изложеннаго, совершенно измѣнится и со стороны художественной. Новообразованная редакція не столько будетъ заботиться о количествѣ рисунковъ, сколько о ихъ качествѣ, главнѣе же всего о томъ, чтобы рисунки эти носили русскій характеръ, служили иллюстраціей русской жизни и пробуждали честныя мысли и хорошія возвышенныя чувства.

Подписная цѣна на газету «Нева» со всѣми безплатными преміями: Безъ доставки и пересылки на годъ 5 р, 50 к., на полгода 3 р., на три мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяцъ 70 к. Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи на годъ 7 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р. 50 к., на одинъ мѣсяцъ 85 к. Заграницу на годъ 9 р., на полгода 5 р., на три мѣсяца 3 р., на одинъ мѣсяцъ 1 р. 25 к.

Преміи получаютъ только годовые подписчики. Подписка съ разсрочкою допускается на слѣдующихъ условіяхъ: тотчасъ при подпискѣ уплачивается три рубля, въ концѣ марта—два рубля и въ концѣ іюня—остальные два рубля. Служащіе чрезъ своихъ казначеевъ или уполномоченныхъ вносятъ помѣсячно впередъ за каждый мѣсяцъ. Подписчики съ разсрочкою, уплатившіе въ срокъ подписныя деньги за годъ, пользуются всѣми преміями наравнѣ съ остальными годовыми подписчиками, Подписавшіеся на 10 экземпляровъ «Невы» получаютъ одиннадцатый со всѣми преміями безплатно.

КЪ СВѢДѢНІЮ ПРЕЖНИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ ГАЗЕТЫ «НЕВА».

Новый издатель, пріобрѣтя изданіе отъ кредиторовъ прежняго издателя, никакихъ обязательствъ послѣдняго въ отношеніи удовлетворенія прежнихъ

подписчиковъ на себя не принималъ. Не смотря на это, новая редакція готова оказать особыя льготы всѣмъ прежнимъ годовымъ подписчикамъ и согласна удовлетворить годовымъ экземпляромъ «Невы» со всѣми преміями всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которые вышлютъ до 1 января 1886 года въ главную контору газеты «Нева», вмѣсто полной подписной цѣны семь рублей, только четыре рубля, т. е. оплатятъ стоимость бумаги и почты.

„ВОЛЫНЬ",

Газета политическая, литературная и общественной жизни.

Вступая въ восьмой годъ своего существованія, съ будущаго 1886 года, газета «Волынь» будетъ выходить три раза въ недѣлю, по слѣдующей программѣ:

1. Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ югозападнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2. Телеграммы. 3. Городская хроника. 4. Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5. Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6. Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7. Новыя открытія и изобрѣтенія. 8. Библіографическій отдѣлъ. 9. Разныя извѣстія. 10. Биржевыя свѣдѣнія. 11. Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12. Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій и 13. Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ Конторѣ Редакціи, Бердичевская ул., д. Рубинштейна.

Подписная цѣна: Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россійской имперіи. На годъ 5 р., на полгода 2 р. 80 к., на три мѣсяца 1 р. 50 к.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики на перемѣну адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к.

Иллюстрированный журналъ „ТЕХНИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ"

новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ заводско-фабричной промышленности со спеціальными отдѣлами электротехники, винокуреннаго, пивовареннаго, сахарнаго, мукомольнаго, писчебумажнаго и кожевеннаго производствъ.

Программа журнала; 1) Узаконенія и распоряженія заводско-фабричныя. 2) Электротехника. 3) Винокуреніе. 4) Пивоваренное производство.

5) Сахарное производство. 6) Мукомольное производство. 7) Писчебумажное производство. 8) Кожевенное производство. 9) Технологія, какъ-то: кирпичное, крахмальное, маслобойное, мыловаренное, прядильное, свѣчное, суконное, ткацкое и проч. производства. 10) Химія, 11) Механика. 12) Горное дѣло и металлургія. 3) Техно-химическіе рецепты и наставленія. 14) Гигіена и санитарное дѣло. 15) Патенты. 16) Привиллегіи. 17) Вопросы и отвѣты. 18) Техническая библіографія. 19) Смѣсь. 20) Объявленія.

Журналъ выходитъ 15 и 30 числа каждаго мѣсяца, въ 4—5 печатныхъ листовъ большаго формата, со многими политипажами въ текстѣ.

Подписная цѣна на 1 годъ съ пересылкою 10 руб. «Техническій Обзоръ» за 1882, 1883, 1884 и 1885 гг. можно получать по 10 руб., съ пересылкою за каждый годъ.

Контора Редакціи «Техническій Обзоръ» въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., № 40.

Вышло изъ печати сочиненіе инженера *Тильмана* «ПОДРОБНОЕ РУКОВОДСТВО къ УСТАНОВКѢ и ПОСТРОЙКѢ ПАРОВЫХЪ КОТЛОВЪ» всѣхъ лучшихъ системъ, съ подробнымъ разсчетомъ паровиковъ, дымогарныхъ трубъ, арматуры и проч., съ указаніемъ надежныхъ предохранительныхъ правилъ противъ взрыва, а также съ указаніемъ на раціональное утилизированіе топлива и на новѣйшія усовершенствованія въ отопленіи паровыхъ котловъ сжиганіемъ дыма—чистѣйшаго и лучшаго горючаго матеріала.

1 большой томъ въ 40 печатныхъ листовъ, съ 406 политипажами.

Это замѣчательнѣйшее сочиненіе становится необходимымъ руководствомъ для каждаго заводчика, фабриканта, владѣльца паровыхъ котловъ, механика, техника, техническаго училища и проч.

Цѣна 6 рублей, въ Редакціи «Техническаго Обзора» въ Спб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА КНИГУ

„ПРАКТИЧЕСКІЕ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКІЕ РЕЦЕПТЫ“

1500

новѣйшихъ и полезнѣйшихъ открытій, усовершенствованій и патентованныхъ изобрѣтеній въ областяхъ: винокуреннаго, водочнаго, воскобойнаго, горчичнаго, клеевареннаго, кожевеннаго, косметическаго, красильнаго, красочнаго, крахмальнаго, лаковаго, маслобойнаго, машиннаго, механическихъ издѣлій, мукомольнаго, мыловареннаго, пивовареннаго, писчебумажнаго, сахарнаго, свѣчнаго, ситцепечатнаго, скорняжнаго, слесарнаго, спичечнаго, стекляннаго, суконнаго, уксуснаго, табачнаго, фарфороваго, фаянсоваго, шоколаднаго и прочихъ производствъ.

Подписная цѣна 2 рубля, въ переплетѣ 2 руб. 50 коп. Подписка принимается въ Редакціи журнала «Техническій Обзоръ», въ Спб.

Иллюстрированный журналъ раціональнаго веденія всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства съ цѣлью полученія наибольшаго дохода

„ПРОГРЕССИВНОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО",

издающійся при постоянномъ сотрудничествѣ профессоровъ высшихъ учебныхъ земледѣльческихъ заведеній и хозяевъ-практиковъ, подъ редакціей Л. А. Черноглазова.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ большаго формата съ безплатнымъ приложеніемъ литературно политическаго журнала «Еженедѣльный Обзоръ».

По примѣру истекающаго года, въ журналѣ «Прогрессивное Сельское Хозяйство» каждая отрасль сельскаго хозяйства будетъ имѣть свой отдѣлъ, который будетъ разрабатываемъ съ возможною полнотою. Программа: 1) Полеводство. 2) Лѣсоводство. 3) Скотоводство и птицеводство. 4) Садоводство и огородничество. 5) Пчеловодство. 6) Сельскохозяйственная механика и архитектура. 7) Вопросы и отвѣты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства. 8) Сельско-хозяйственная хроника. 9) Полезныя замѣтки для сельскихъ хозяевъ и хозяекъ. 10) Домашняя медицина, гигіена и санитарное дѣло. 11) Внутренніе и иностранные рынки. При статьяхъ помѣщаются политипажи въ текстѣ и отдѣльные рисунки.—Журналъ «Еженедѣльный Обзоръ» даетъ въ каждомъ номерѣ краткую, но обстоятельную характеристику выдающихся событій русской и иностранной жизни, романы, повѣсти, небольшіе разсказы изъ области наукъ, искусствъ и художествъ и т. п.

Благодаря сочувствію гг. хозяевъ, редакція, не смотря на значительный объемъ своего изданія (не менѣе 200 печатныхъ листовъ въ годъ), множество дорого стоющихъ рисунковъ и т. п., находитъ возможнымъ оставить прежнюю цѣну, т. е. съ доставкою и пересылкою шесть руб. въ годъ за оба изданія. По примѣру прошлаго года, лица, подписавшіяся до 1-го января, получаютъ при одномъ изъ первыхъ четырехъ № журнала разныя огородныя и цвѣточныя сѣмена.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Прогрессивнаго Сельскаго Хозяйства» за 1884 и 1885 гг. могутъ быть получены изъ редакціи по 6 р. безъ пересылки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА СБОРНИКЪ

„ПРАКТИЧЕСКІЕ НАСТАВЛЕНІЯ, УКАЗАНІЯ И РЕЦЕПТЫ",

примѣнимые въ домашнемъ, городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, состоящіе изъ: 1,000 полезныхъ наставленій и указаній относительно приготовленія разнаго рода съѣстныхъ припасовъ и консервовъ, а также и приготовленія мыла, помадъ, душистыхъ водъ, чернилъ, красокъ и проч.; выведенія раз-

личныхъ пятенъ, истребленія всякаго рода насѣкомыхъ; 250 домашнихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней; 500 средствъ на счетъ ухода и лѣченія лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней, птицъ и проч., и 250 полезныхъ замѣтокъ на счетъ разведенія цвѣтовъ, растеній, плодовъ и проч.

Тутъ-же продаются:

1) Культура пшеницы, монографія профессора Я. Н. Калиновскаго. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

2) Печатается сочиненіе Гравенгорста «Практическій насѣчникъ» съ 56 рисунками; переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Цѣна съ пересылкою 2 рубля.

Контора редакціи помѣщается въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., д. № 40.

ГАЗЕТА „ЗАРЯ"

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

«Заря» въ 1886 году будетъ выходить подъ той же редакціей, по прежней программѣ, ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ праздничныхъ, листками большаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою и пересылкою: на годъ 10 руб., на шесть мѣсяцевъ 6 р., на три мѣсяца 4 руб., на одинъ мѣсяцъ 1 руб. 50 коп.

Безъ доставки: на годъ 8 руб., на шесть мѣс. 5 руб., на три мѣс. 3 руб., на одинъ—1 р.

Заграничные подписчики прибавляютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяцъ.

Подписка считается съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца.

За перемѣну иногородняго адреса 20 коп.

За разсылку при газетѣ приложеній взимается по 5 р. за 1000 экземпляровъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 5 руб. и черезъ пять мѣсяцевъ вторые 5 руб.

Подписка принимается, въ Кіевѣ: 1) въ главной конторѣ «Зари»: Крещатикъ, зданіе Городской Думы. 2) въ Подольскомъ отдѣленіи конторы, Александровская, д. Серебренникова, 3) въ книжныхъ и музыкальныхъ магазинахъ Болеслава Корейво въ Кіевѣ и въ Одессѣ, 4) въ книжномъ магазинѣ Н. Оглоблина на Крещатикѣ.

Требованія по почтѣ адресуются непосредственно *въ Кіевъ, въ Главную Контору «Зари»*.

„КІЕВСКІЯ УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ“.

выходятъ въ концѣ каждаго мѣсяца книжками до 20 и болѣе печатныхъ листовъ.

Программа «Извѣстій» слѣдующая: Часть I—оффиціальная (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II—неоффиціальная: отдѣлъ I—*историко-филологическій;* отдѣлъ II—*юридическій;* отдѣлъ III—*физико-математическій;* отдѣлъ IV—*медицинскій;* отдѣлъ V—*критико-библіографическій*—посвящается критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной); отдѣлъ VI—*научная хроника*—заключаетъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣдѣнія. Въ *Прибавленіяхъ* печатаются матеріалы и переводы сочиненій, а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Цѣна за 12 книжекъ «Извѣстій» безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ коп., а съ пересылкою семь рублей. Подписчики «Извѣстій», при выпискѣ Приложеній, пользуются уступкою 20%.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе «Университетскихъ Извѣстій» 3 руб. сер., а студенты прочихъ университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ *В. Иконниковъ.*

ГОДЪ иллюстрированный журналъ XXIII.

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ Покровительствомъ **Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.** Рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія—для гимназій, уѣздныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ, состоящ. при IV отд. Собств. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи, Учебнымъ Комитетомъ для чтенія воспитанницамъ женск. учебн. заведеній **Императрицы Маріи,** Духовно-учебнымъ Управленіемъ рекомендованъ начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ и Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендованъ для библіотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинами, рас-

падался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила-бы вполнѣ пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14 лѣтъ, а вторая—для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ, другой же отдѣлъ заключалъ-бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленныя для семейнаго чтенія такъ, чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочлись-бы съ одинаковымъ интересомъ и пользой.

Въ отдѣлѣ для семейнаго чтенія въ 1886 году будетъ напечатана историческая повѣсть **В. С. Соловьева.**

При отдѣлѣ для **Семейнаго чтенія** будутъ разсылаться приложенія рисунковъ *новѣйшихъ рукодѣлій*, а къ отдѣлу **для дѣтей**—*рисунки техническихъ искусствъ* и *различныя игры и занятія*, **а также награды подписчикамъ, приславшимъ опредѣленное редакціей количество задачъ и рѣшеній.**

Награды будутъ состоять изъ сочиненій лучшихъ авторовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Кромѣ того *всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла* **«Семейныхъ Вечеровъ»** будетъ разослана въ концѣ года ПРЕМІЯ.

Подписная цѣна: Полный журналъ (24 книжки) безъ доставки 10 р., съ доставкою 11 р., Отдѣлъ для дѣтей (12 кн.) безъ доставки 5 р., съ доставкою 5 р. 50 к., Отдѣлъ семейнаго чтенія и юношества (12 кн.) безъ доставки 5 р., съ доставкою 5 р. 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію, уступается 1 руб.

Для земскихъ школъ, подписавшихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экз., уступается 2 р.

Разсрочка допускается, для лицъ, служащихъ въ казен. учрежденіяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ, для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній за ручательствомъ ихъ начальствъ, а для прочихъ подписчиковъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается: Въ редакціи журнала „Семейные Вечера", С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) улица, д. № 14, кварт. № 1.

Редакторъ-Издательница *С. Кашпирева.*

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА",

Ежемѣсячный журналъ, выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 листовъ большаго формата и убористаго шрифта.

Въ составъ его входятъ: I. Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ практической и научной медицины, общественной и частной гигіены. II. Избранныя и въ какомъ либо отношеніи примѣчательныя произведенія

иностранной литературы по всѣмъ отраслямъ клинической медицины, въ видѣ руководствъ, учебниковъ, компендіумовъ и лекцій, редактир. преимущественно профессорами-спеціалистами, рефераты и хроникв. III. Объявленія.

Годовая цѣна: съ доставкой и пересылкой 17 руб., безъ доставки и пересылки 15 руб., съ пересылкой за границу 19 руб.

Для гг. студентовъ университетовъ, фельдшеровъ и лекарскихъ помощниковъ съ пересылкой за годъ 14 р.

Въ конторѣ редакціи допускается разсрочка съ доставкой: при подпискѣ 7 р., 1 апрѣля 5 р. и 1 сентября 5 р., безъ доставки: въ тѣ же сроки по 5 р. Студенты вносятъ при подпискѣ 4 р., 15 марта 4 р., 1 мая 3 р. и 1 сентября 3 р. Допускается и другая разсрочка по соглашенію съ конторой.

Подписчики на 1884 г. получатъ безплатно «Медицинскій Календарь».

За 12 книгъ 1882 г. съ пересылкой 18 руб.

За 12 книгъ 1883 г. съ пересылкой 18 руб.

За 12 книгъ 1884 г. съ пересылкой 18 руб.

«Медицинская Библіотека» отдѣльн. кн. цѣна 3 р.

За перемѣну адреса прилагается 50 коп., при чемъ просятъ обозначать прежній.

Всѣ печатающіяся въ Медицинской Библіотекѣ сочиненія могутъ быть переплетены отдѣльно.

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ* у издателя Николая Львовича Вилькина, Знаменская, Озерной переулокъ, собственный домъ, № 12; въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы журнала «Медицинская Библіотека», на Рождественкѣ, противъ клиники, въ домѣ Фирсанова и въ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ Ординарный Профессоръ *И. М. Сорокинъ.*
Издатель *Н. Л. Вилькинъ.*

„РУССКІЙ АРХИВЪ".

Приближаясь къ четверти вѣка своего существованія и оставаясь непрерывно въ однѣхъ и тѣхъ-же рукахъ, «Русскій Архивъ» не имѣетъ надобности ни разъяснять своего направленія, ни прибѣгать къ посуламъ и зазывамъ. Ему остается извѣстить читателей лишь о внѣшней сторонѣ дѣла.

«Русскій Архивъ» будетъ выходить въ 1886 году двѣнадцать разъ въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ. Двѣнадцать выпусковъ «Русскаго Архива» 1886 года составятъ три большія книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1886 году съ пересылкою и доставкою на домъ—девять р.

Для Германіи одиннадцать рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ главной конторѣ «Русскаго Архива», близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175.

Въ Петербургѣ подписка на «Русскій Архивъ» открыта на Невскомъ Проспектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и «Новаго Времени».

Лица, желающія пополнить свое собраніе Русскаго Архива за всѣ двадцать три года изданія, могутъ знакомиться съ содержаніемъ особо изданной Росписи за первыя двадцать лѣтъ, которая была разослана подписчикамъ 1884 года и которую можно получать отдѣльно (по одному рублю съ пересылкою). Кромѣ того, на обертках нынѣшняго года печаталось подробное содержаніе Русскаго Архива за тѣ годы, которые еще имѣются въ продажѣ, а именно: 1874, 1877, 1878, 1879, 1880, 1881 и 1884 г. г. Нѣсколько полныхъ экземпляровъ 1885 года также еще находятся въ продажѣ. Остальныя годовыя изданія давно уже вышли изъ обыкновенной продажи, и нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлались книжною рѣдкостью, такъ что за нихъ приходиться платить двойныя цѣны.

Контора Русскаго Архива принимаетъ на себя составленіе полнаго собранія за всѣ двадцать три года, по цѣнѣ

ДВѢСТИ РУБЛЕЙ

съ пересылкою, но не иначе, какъ въ полугодовой срокъ по заявленіи и съ полученіемъ впередъ ста рублей.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ."

(VIII ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Большой иллюстрированный журналъ, представляющій, въ картинахъ и текстѣ, **всѣ выдающіяся событія міровой жизни.**

Подписная цѣна на годъ 4 р., безъ доставки и 5 р., съ доставкою и пересылкою. Журналъ выходитъ еженедѣльно, т. е. 52 №№ въ годъ; всего около 1000 гравюръ и до 1200 страницъ.

Каждый № заключаетъ подробное и обстоятельное изложеніе событій истекшей недѣли.

Это необходимое изданіе: для семьи, публичныхъ и частныхъ библіотекъ, клубовъ, отелей.

Журналъ даетъ:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, въ которыхъ, въ теченіи года, помѣщаются наиболѣе выдающіяся беллетристическія произведенія корифеевъ иностранной литературы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, представляющія снимки съ новѣйшихъ капитальныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ съ выкройками въ натуральную величину. Въ годъ около 500 рисунковъ модъ съ описаніями.

Годовые подписчики «Илюстрированнаго Міра» получаютъ, кромѣ всего, еще главную большую премію: РОСКОШНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ, состоящій изъ двадцати фотографическихъ снимковъ съ классическихъ произведеній знаменитыхъ художниковъ: русскихъ, италіанскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ. Каждая фотографія сопровождается портретомъ художника, его біографіею и описаніемъ картины.

Годовые подписчики, заявившіе свои требованія до 15 декабря, получаютъ съ 1 № журнала: ОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1886 г. Компактный, тщательно составленный, устраняющій необходимость пріобрѣтенія даже толстаго календаря.

Допускается подписка въ разсрочку: при подпискѣ 2 р., къ 1-му марта 1 р., къ 1-му іюля 1 р., и къ 1-му сентября 1 р.

Желающіе ознакомиться съ журналомъ могутъ получить пробный № за двѣ 7-ми копѣечные марки.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 76.

Редакторъ-Издатель *В. П. Турби.*

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПУТЕШЕСТВІЙ и ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШѢ и НА МОРѢ

„ВОКРУГЪ СВѢТА".

(II ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Выходъ въ свѣтъ журнала «Вокругъ Свѣта» въ 1885 году ознаменовался еще небывалымъ успѣхомъ. Спросъ на журналъ былъ такъ великъ, что редакція принуждена была послѣдовательно выпустить до восьми изданій первыхъ №№.

Выполнивъ свою обширную программу и давъ своимъ читателямъ за ничтожную цѣну массу въ высшей степени интереснаго и полезнаго чтенія и рисунковъ, въ 1886 году редакція будетъ стараться сдѣлать свой журналъ еще болѣе полнымъ, интереснымъ и разнообразнымъ.

Въ 1886 году журналъ будетъ выходить еженедѣльно въ размѣрѣ 2 хъ печатныхъ листовъ, вмѣщая въ себѣ много интересныхъ и прекрасно выполненныхъ рисунковъ и иллюстрацій. Текстъ журнала будетъ состоять изъ романовъ (съ рисунками), полныхъ захватывающаго интереса, изображающихъ путешествія и приключенія во всѣхъ частяхъ свѣта: повѣстей, разсказовъ, этнографическихъ очерковъ, рисующихъ бытъ различныхъ народовъ; исторіи путешествій, а также новѣйшихъ открытій и изслѣдованій въ малопзвѣстныхъ странахъ; популярно-научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія, разсказанныхъ живымъ и понятнымъ языкомъ; исторіи мореходства, кораблекрушеній, пиратовъ, знаменитыхъ экспедицій, морскихъ сраженій и проч.; кромѣ того журналъ будетъ давать интересныя свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ всего свѣта, описаніе городовъ, корреспонденціи изъ далекихъ окра-

инъ, извѣстія о новѣйшихъ научныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, всѣ виды спорта и смѣсь. Особое вниманіе будетъ обращено на жизнь Россіи и народовъ, ее населяющихъ.

Годовое изданіе журнала «Вокругъ Свѣта» состоитъ изъ 50 №№, составляющихъ 2 объемистыхъ тома, вмѣщающихъ въ себѣ около 300 большихъ рисунковъ и нѣсколько законченныхъ иллюстрированныхъ романовъ.

Подписная цѣна: 3 руб. въ годъ съ пересылкой и доставкой, 2 руб. ½ года съ пересылкой и доставкой и 1 руб. въ 3 мѣсяца съ пер. и дост.

Иногородные подписчики адресуютъ: Москва, Редакція журнала «Вокругъ Свѣта».

„СТРАННИКЪ"

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЙ РЕДАКЦІЕЙ).

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей и по новой программѣ.—Въ минувшемъ 1885 году въ отдѣлахъ *богословскаго*, *философскаго*, *церковно историческаго*, *литературнаго и публицистическаго* содержанія были напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: **Сущность Христіанства**, какъ союза Бога съ человѣкомъ. Епископа *Никанора*.—**Христіанство и наука**. *Его-же*.—**Судъ Церкви и въ Церкви**. *Его-же*.—**Разности въ ученіи о Церкви у православныхъ и папистовъ**. Прот. *А. А. Лебедева*.—**Невидимый міръ**. Новая постановка вопроса объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ. *А. И. Лопухина*.—**О народномъ образованіи** въ древней Руси. Свящ. *Маркова*.—**Русскій Патріархъ** въ ежедневной придворной жизни и въ высшемъ государственномъ управленіи. *Н. Ф—ва*.—**Преосвященный Иринархъ**. *М. А. Куплетскаго*.—**Арсеній Мацѣевичъ** и его дѣло. *И. Я. Морошкина*.—**Іезуиты въ Константинополѣ** въ XVI—XVII вв. *С. Четыркина*.—**Православіе въ остзейскомъ краѣ** въ текущемъ столѣтіи. *М. А. Куплетскаго*.—**Ревизія въ остзейскомъ краѣ** въ заграничной нѣмецкой характеристикѣ. *Его-же*.—**Изъ Путешествія въ св. землю**. Проф. *Кавальницкаго*.—**Правда противъ хулы** (въ защиту митроп. Серафима). Епископа *Никанора*.—Цѣлый рядъ статей (между прочимъ вся апрѣльская книга) былъ посвященъ **памяти св. Кирилла и Меѳодія** и между ними были поученія еп. *Никанора*, покойн. архіеп. *Тихона*, статьи св. *Маркова*, проф. *Будиловича*, *А. И. Пономарева*, *Лебедева*, *Качановскаго* и др. Повѣсти и разсказы: **Псалтырникъ**. *И. Гр. Наумовича*.—**Наканунѣ Рождества**. *Историческій разсказъ*. *Х.*—**Гдѣ уродился, тамъ и пригодился**. Памяти мужицкаго-пѣвца дьячка. *Н. Попова*.—**По окончаніи курса**. Изъ разсказовъ стараго священника. *П. Соловьева*.—Кромѣ этихъ статей, въ журналѣ ежемѣсячно велись отдѣлы: *Внутреннее обозрѣніе*, *Епархіальная Хроника*, *Церковная жизнь на западѣ* (у католиковъ и протестантовъ *и у славянъ* Австро-Венгріи) и въ земляхъ славянскихъ, *Обзоръ журналовъ*,

Критическіе и библіографическіе отчеты о важнѣйшихъ явленіяхъ церковной и церковно богословской литературы, *Книжная Лѣтопись*, *Церковно-оффиціальная Хроника*, *Извѣстія и замѣтки*.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписная плата: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересылкою заграницу восемь рублей. Адресоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: *А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.*

Иллюстрированный журналъ для дѣтей

„РОДНИКЪ"

(V ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ 1886 году «Родникъ» будетъ выходить, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, со многими рисунками. Выборъ статей принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ и состоитъ главнымъ образомъ изъ *оригинальныхъ* очерковъ и разсказовъ изъ русской жизни и природы.

Въ видѣ *преміи* годовые подписчики на «Родникъ» 1886 г. получатъ тетрадь-альбомъ, подъ названіемъ:

«ПО РУССКОЙ ЗЕМЛѢ», состоящій изъ 10 картинъ художника *Н. Н. Каразина* по этнографіи Россіи, съ соотвѣтствующимъ текстомъ.

Приложеніе къ «Роднику»: педагогическій сборникъ «*Воспитаніе и Обученіе*» будетъ выходить въ 1886 году по прежнему, книжками, 3 раза въ годъ.

Журналъ «Родникъ» Учеными Комитетами: Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, Министерства Народнаго Просвѣщенія и Святѣйшаго Синода рекомендованъ, допущенъ и одобренъ для среднихъ учебныхъ заведеній и для епархіальныхъ городскихъ и народныхъ училищъ.

Условія подписки на 1886 г. прежнія:

На годъ, съ дост. и перес. за 12 книгъ «Родника», съ отдѣльной преміей, 5 р., тоже съ приложеніемъ 3-хъ книгъ сборника „Воспитаніе и Обученіе" 6 р., на полгода безъ преміи и безъ сборника 3 р.

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ*—въ Главной Конторѣ «Родника», Никольская площ., д. 4 и въ книжн. маг. Фену и К° на Невскомъ; *въ Москвѣ*—въ книжн. магаз. „Сотрудникъ Школъ" Воздвиженка, д. Армандъ и «Начальная Школа», на Кузнецкомъ мосту. *Иногородные* адресуютъ прямо: *Петербургъ, въ редакцію журнала* «Родникъ».

Редакторъ-Издательница *Е. Сысоева.*

„КОЛОСЬЯ“

ГОДЪ 3-й. БОЛЬШОЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ. **3-й ГОДЪ.**

Выходитъ ежемѣсячно, *безъ предварительной цензуры*, книгами около 25 печатныхъ листовъ, въ изящномъ видѣ.

Два года тому назадъ мы поставили себѣ трудную задачу: создать большой научно литературный журналъ съ обширною программою, съ художественно прогрессивнымъ направленіемъ, основаннымъ на лучшихъ литературныхъ традиціяхъ, съ цѣлями систематически воспитывать изящные вкусы и доставлять разнообразіемъ своего содержанія интересное чтеніе публикѣ столь же разнообразной. При этомъ исполненіе задачи соединено было съ другимъ еще болѣе труднымъ условіемъ—*не бывалою доселѣ дешевизною* для большихъ ежемѣсячныхъ изданій. Мы желали, что бы журналъ нашъ былъ доступенъ не только большимъ публичнымъ библіотекамъ и богатымъ людямъ, но чтобы онъ проникъ и въ скромное книгохранилище любаго сельскаго или городскаго училища, и въ среду небогатыхъ офицеровъ, въ семью священника, учителя чиновника, купца и т. д.—всюду, гдѣ люди не имѣютъ другихъ источниковъ эстетическаго наслажденія помимо художественной литературы.

Опытъ нашъ, по истеченіи двухъ лѣтъ, мы считаемъ вполнѣ удавшимся. За все это время мы получали массу сочувственныхъ отзывовъ о журналѣ и кругъ его читателей возрасталъ и продолжаетъ возрастать. Мы не прибѣгали ни къ какой заманчивой рекламѣ, которая, къ стыду нашего времени, и до сихъ поръ еще обусловливаетъ успѣхъ многихъ литературныхъ предпріятій спекулятивнаго характера, но за насъ рекламировало самое дѣло, само изданіе. Тотъ, кому попадалась хотя одна книжка журнала **„КОЛОСЬЯ“**, невольно имъ заинтересовывался и становился постояннымъ его читателемъ.

Въ особенности большой успѣхъ журналу сдѣлали: романъ «*Порванныя цѣпи*»—книгами **Вѣры Тр—цкой**, «*Безъ руля*»—романъ **Н. Синельникова**, «*Кирджали*»—романъ **М. Чайковскаго**, «*Первыя волны*»—повѣсть А. **Курскаго**, поэмы и стихи **О. Н. Чюминой**, Н. К. **Никифорова**, «*Севастопольскія воспоминанія*—1853—1854 г.» проф. военной академіи Н. М. **Мазюкевича** и многія другія произведенія, какъ-то: лучшія драмы и комедіи, помѣщаемыя въ каждой книжкѣ, очерки, новеллы, историческія и научныя статьи, путешествія, критическіе очерки и т. д.

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи имѣется объемистый, вполнѣ законченный романъ, «Змѣя», принадлежащій перу одного изъ славныхъ героевъ минувшей войны, извѣстнаго своими военными очерками о подвигахъ русской гвардіи, частью которой онъ командовалъ. Романъ этотъ открываетъ передъ читателемъ самыя разнообразныя сферы общественной жизни. Тутъ и заграничная жизнь русскихъ аристократовъ, и закулисныя дипломатическія тайны и недавній политическій чадъ, кружившій голову

молодежи, и подвиги героевъ на войнѣ. Авторъ пока находится далеко за границею, и мы не знаемъ, пожелаетъ ли онъ выступить подъ своею фамиліею или возьметъ псевдонимъ.

Съ внѣшней стороны журналъ «**КОЛОСЬЯ**» настолько изященъ, что никакихъ улучшеній по этой части намъ и обѣщать не приходится.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ: на годъ съ пересылкою и доставкою **8 р.**, на полгода **5 р.**

Оставшіеся экземпляры полнаго изданія «**КОЛОСЬЕВЪ**» за текущій годъ (около 300 экз.) высылаются по **5 р.** за годъ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ деньги будутъ получены не позже 20 декабря.

Адресъ: С. Петербургъ, въ контору журнала «**КОЛОСЬЯ**» Большая Итальянская, д. 29. Редакторъ-издатель *И. А. Баталинъ.*

ГОДЪ XII. **„ГАЗЕТА ГАТЦУКА“** XII ГОДЪ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ и ПРОМЫШЛЕННАЯ.

Выходитъ въ 1886 году безъ предварительной цензуры.

«Газета А. Гатцука» — преимущественно политическая. Цѣль ея — предлагать въ сжатомъ видѣ возможно полный отчетъ за недѣлю по всѣмъ текущимъ вопросамъ жизни — политики, литературы, науки, искуствъ и торговли. Эта въ своемъ родѣ лѣтопись даетъ возможность читателю имѣть все передъ глазами, не путаться среди нерѣдко противорѣчивыхъ и безсвязныхъ вѣстей и фактовъ, какъ-то бываетъ при чтеніи ежедневныхъ газетъ, и относиться къ событіямъ текущей жизни болѣе сознательно.

Насколько умѣло мы, въ теченіе 11 лѣтъ, относились къ нашей задачѣ, объ этомъ пусть судятъ сами читатели. Для лучшаго осуществленія ея въ 12-й годъ изданія «Газеты» приглашены къ участію въ ней лучшія спеціальныя силы Россіи.

Рисунки будутъ помѣщаться въ «Газетѣ» только относящіеся къ интересующимъ въ данный моментъ событіямъ, лицамъ и предметамъ. Быть альбомомъ случайно набранныхъ за границей рисунковъ предоставляемъ нашимъ, такъ-называемымъ, иллюстрированнымъ журналамъ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ съ рисунками и выкройками въ натуральную величину будутъ прилагаться *6 разъ въ годъ.*

Для легкаго чтенія, кромѣ повѣстей и разсказовъ въ самой «Газетѣ», въ теченіи года прилагается *6 книгъ переводныхъ романовъ и повѣстей.*

Въ видѣ *подарка* разсылается подписчикамъ въ концѣ 1886 года «*Крестный Календарь*» на 1887 годъ и, необязательно, одинъ выпускъ иллюстрированныхъ «*Драмъ Шекспира*» въ лучшемъ переводѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на *1886* годъ: безъ доставки на годъ *4 руб.*; *съ доставкою-же и пересылкою* на годъ *5 руб.*, на полгода (съ января и іюля) *3 руб.*, на полгода *1 руб. 60 коп.*, на 1 мѣсяцъ *60 коп.* За границу на годъ съ пересылкой — *7 руб.*

Адресъ Конторы Редакціи: Москва, Никитскій бульваръ, д. В. Гатцукъ.

Редакторъ *А. А. Гатцукъ.*

„Историческій Вѣстникъ“

(*СЕДЬМОЙ ГОДЪ*).

«*Историческій Вѣстникъ*» будетъ издаваться *въ 1886 году* на тѣхъ же условіяхъ и по той же программѣ какъ и въ предшествовавшіе шесть лѣтъ (1880—1885).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями *десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ*.

Съ январской книжки «*Историческаго Вѣстника*» начнется печатаніе историко-бытовой повѣсти *графа Е. А. Саліаса*, подъ заглавіемъ «*Свадебный бунтъ*».

Кромѣ того, изъ обширнаго собранія матерьяловъ, находящихся въ распоряженіи редакціи, въ первыхъ книжкахъ «*Историческаго Вѣстника*» *1886 года*, будутъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Отрывокъ изъ семейной хроники. *К. А. Бороздина.*—Алазанская долина. Изъ кавказскихъ воспоминаній. *Его-же.*—Прошлое и настоящее «свободныхъ художествъ» въ Россіи. *Ѳ. И. Булгакова.*—Воспоминанія артиста объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. *Ѳ. А. Бурдина.*—Нашъ солдатъ въ пѣсняхъ поговоркахъ и сказаніяхъ. *Н. Д. Бѣлова.*—Русскій козакъ въ Лондонѣ. *Н. А. Бѣлозерской.*—Баронъ Исай Петровичъ Шафировъ. *Ѳ. А. Бычкова.*—Шевченко въ Оренбургѣ. (По новымъ документамъ). *Е. М. Гаршина.*—Тамбовская украйна въ XVII столѣтіи. *Н. И. Дубасова.*—Амазонская рота при Екатеринѣ II. *Г. В. Есипова.*—Записки *Раф. Мих. Зотова.*—Представитель русскаго романтизма. *В. Р. Зотова.*—Общественная жизнь въ Англіи въ концѣ прошлаго столѣтія. *Его-же.*—Бѣлая дама. Историческій разсказъ. *Е. П. Карновича.*—Кургановъ и его письмовникъ. *А. И. Кирпичникова.*—Княгиня Н. Б. Долгорукая. *Д. А. Корсакова.*—Я. А. Кудрявцевъ и его потомство. *Его-же.*—Отрывокъ изъ воспоминаній. *Н. В. Кукольника.*—Архіерейское нареченіе и хиротонія. *Н. С. Лѣскова.*—Эпизодъ изъ жизни И. И. Введенскаго *А. П. Милюкова.*—Дѣдъ Пушкина. *В. О. Михневича.*—Плѣнные англичане въ Россіи. *А. Н. Молчанова.*—Вѣчевой колоколъ. Д. Л. Мордовцева.—Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. *Л. И. Незеленова.*—А. Ѳ. Писемскій по его собственнымъ автобіографическимъ замѣткамъ. *П. Н. Полеваго.*—Полубарскія затѣи. (Театры и крѣпостные актеры). *М. И. Пылаева.*—Е. И. Семенова. Очеркъ изъ исторіи русскаго театра. *А. Н. Сиротинина.*—Городъ Гродно и Гродненская губернія во время послѣдняго польскаго мятежа. *С. Т. Славутинскаго.*—Воспоминанія *графа В. А. Соллогуба.*—Въ горахъ и долинахъ русскаго Тянь-Шаня. *Н. В. Сорокина.*—Природа и человѣкъ въ Средней Азіи. *Его-же.*—Воспоминанія стараго литератора. *А. В. Старчевскаго.*—Среди скитницъ. *П. С. Усова.*

Большая часть названныхъ статей будетъ иллюстрирована рисунками, объясняющими текстъ и воспроизведенными съ наиболѣе достовѣрныхъ оригиналовъ.

Въ приложеніи къ первымъ тремъ книжкамъ «Историческаго Вѣстника» 1886 года будетъ напечатана оригинальная драма изъ древне-римской жизни В. П. Буренина, подъ заглавіемъ «Смерть Агриппины». Обѣщанное для приложенія въ 1885 году, но не помѣщенное по недостатку мѣста, сочиненіе Сильвіо Пелико «Мои темницы» въ новомъ переводѣ А. Н. Дьяконова и съ иллюстраціями, будетъ непремѣнно напечатано въ 1886 году. Кромѣ того, для приложенія приготовленъ переводъ живыхъ и талантливыхъ очерковъ Перваноглу подъ заглавіемъ «Историческія картины Византійскаго государства».

Главная контора «Историческаго Вѣстника», въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленіе конторы въ Москвѣ, при московскомъ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ"

(шестидесятый годъ изданія).

Съ 1-го января 1886 года подписная цѣна на «Одесскій Вѣстникъ» понижена на два рубля.

Съ 1-го января 1886 года «Одесскій Вѣстникъ» будетъ выходить ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣ-праздничныхъ.

Съ 1-го января 1886 года «Одесскій Вѣстникъ», благодаря предпринятымъ улучшеніямъ въ типографіи, будетъ доставляться подписчикамъ въ Одессѣ на домъ не позже семи часовъ утра.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

I. Въ Одессѣ: 1) въ Главной Конторѣ „Одесскаго Вѣстника" (Ришельевская улица, домъ Бродскаго, бывш. Карузо, противъ дома Католической церкви).

2) Въ отдѣленіяхъ Главной Конторы:

а) при типографіи „Одесскаго Вѣстника" (Красный пер., д. Шварца);

б) въ Южномъ газетномъ агенствѣ (Екатерининская площадь, домъ Андреевской),

и в) въ книжныхъ магазинахъ: Бѣлаго, Распопова и Розова.

II. Въ Херсонѣ: въ Херсонскомъ Отдѣленіи редакціи и конторы „Одесскаго Вѣстника" (Потемкинская ул, д. Іолоса, въ магазинѣ г-жи Михайловой).

III. Въ Кишиневѣ: 1) Въ Бессарабскомъ Отдѣленіи редакціи и конторы „Одесскаго Вѣстника" (Николаевская д. Любимской, рядомъ съ д. Гроссмана) и 2) въ книжномъ магазинѣ О. М. Шаха.

IV. Въ Екатеринославѣ, въ Приднѣпровскомъ Отдѣленіи редакціи и конторы „Одесскаго Вѣстника“ (Харьковская ул., д. Чепурева).

V. Въ Елисаветградѣ на Большой ул., противъ бульвара, въ д. Шкловскаго.

Иногородніе могутъ адрессовать денежные пакеты непосредственно по почтѣ: «Въ Главную Контору „Одесскаго Вѣстника“, въ Одессѣ».

Условія подписки: Съ доставкой въ Одессѣ или пересылкой во всѣ города Россіи: на годъ 12 р., полгода 7 р., 3 мѣсяца 4., 1 мѣсяцъ 1 р. 30 к., Безъ доставки въ Одессѣ: На годъ 10 р., полгода 6 р., 3 мѣсяца 3 р., 1 мѣсяцъ 1 р.,

Заграничные подписчики доплачиваютъ за пересылку по 50 к. въ мѣсяцъ къ цѣнѣ безъ доставки.

Разсрочка подписной платы допускается для подписывающихся на годъ съ 1-го января по третямъ годамъ со взносомъ: 1-го января—4 р., 1-го апрѣля 4 р., и 1-го августа—4 р.

Въ кредитъ „Одесскій Вѣстникъ“ высылается казеннымъ и общественнымъ учрежденіямъ и служащимъ въ нихъ по письменнымъ оффиціальнымъ предложеніямъ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

«Сынъ Отечества»—газета политическая и литературная, *издается безъ предварительной цензуры*, выходитъ ежедневно, въ форматѣ большаго листа; воскресный № состоитъ изъ двухъ листовъ, посвященныхъ преимущественно беллетристикѣ, съ карриватурами.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: 1) Внутренній отдѣлъ: статьи по одному изъ современныхъ вопросовъ.—Толки газетъ.—Правительственныя распоряженія.—Главнѣйшія производства.—Судебный отдѣлъ.—Отчеты земства.—Народное образованіе.—Желѣзнодорожное дѣло.—Дѣятельность акціонерныхъ обществъ.—Отчеты техническихъ обществъ.—Промышленность и торговля.—Петербургская лѣтопись.—Внутреннія (общественныя) извѣстія.—Корреспонденціи.

2) Иностранный отдѣлъ: Политическое обозрѣніе.—Иностранныя извѣстія.—Иностранная (неполитическая) хроника.—Телеграммы какъ внутреннія, такъ и заграничныя.

3) Статьи по отраслямъ наукъ, искусствъ, художествъ и ремеслъ.

4) Критика, журналистика, библіографія.

5) Беллетристическій отдѣлъ: романы, повѣсти, разсказы и пр.

6) Замѣтки и наблюденія изъ общественной жизни.

7) Провинціальная лѣтопись.

8) Театральныя и музыкальныя извѣстія и общественныя увеселенія.

9) Биржевыя и торговыя извѣстія и курсы.

10) Зрѣлища, желѣзныя дороги.

11) Каррикатуры.

12) Смѣсь.

13) Объявленія внутри газеты и въ приложеніяхъ.

Подписная цѣна на газету. Для городскихъ: съ доставкою въ Петербургѣ по город. почтѣ на годъ 7 руб., полгода 3 р. 60 к., 3 мѣсяца 2 р., 1 мѣсяцъ 75 к. Для иногородныхъ: съ пересылкою на годъ 8 руб., полгода 4 р., 3 мѣсяца 2 р. 25 к., 1 мѣсяцъ 75 к.

Подписная цѣна за границею съ пересылкою 16 руб.

Подписка на газету «Сынъ Отечества» принимается *исключительно* въ главной конторѣ, находящейся въ С.-Петербургѣ, въ Почтамтской улицѣ, домъ № 4.

лошадѣ и отехалъ въ Сѣвскъ, куда прибывъ коло полуночи, немного опочилъ и передъ свѣтомъ оттуду поехавъ,

14. Прибылъ рано въ Любошу, оттоль въ Чаепку, а оттуду въ Сомово, где немного и опочивалъ.

15. Около обѣдовъ прибылъ въ Карачевъ, а надвечери въ Глотовъ, ночю-же въ Болховъ, и тутъ спочивали до всходу мѣсяця.

16. Зъ Болхова отехавъ рано, до Белiова прибыли во время обѣдное, и тутъ принуждены нѣсколко времени пробавить за неимѣнiемъ на почтѣ лошадей, потомъ прибыли ночю въ Лихвинъ.

17. Зъ Лихвина поехавъ рано, обѣдалъ въ Калуги, а оттоль поехавъ, проехали ночю почты: въ Добрахахъ, въ Линовѣ, въ Черничномъ и прибыли передъ свѣтомъ въ Пахру.

18. Зъ Пахри поехавъ, прибыли въ Москву въ 12-мъ полуденномъ часу и зъ позволенiя гг. Александра и Ивана Петровичовъ Толстыхъ [226]) сталъ квартерою въ ихъ домѣ и обѣдалъ у нихъ, купно зъ случившимися гостми гг. Дмитрiемъ Михайловичемъ (Голицынымъ?), покойного генерала фелдмаршала синомъ, капитаномъ гвардiи iзмайловского полку, княземъ Николаемъ Александровичемъ Шаховскимъ, поруччикомъ конной гвардiи и другими.

19. Былъ въ Кремлѣ и на троицкомъ подворьѣ, а обѣдалъ въ квартирѣ, трактованъ будучи столомъ гг. Толстыхъ. Подъ симъ числомъ писалъ къ генералу Ивану Ивановичу Бибикову и къ г. Скоропадскому о прибытiи своемъ въ Москву. Былъ рано и въ вечеру у г. статскаго совѣтника Демидова.

20. Слушалъ обѣднѣ первѣе въ великомъ успенскомъ соборѣ, где служилъ митрополитъ сербскiй Романъ, потомъ на конецъ обѣдни пришолъ въ чудовскiй монастырь, где служилъ и тамъ-же живетъ архiепископъ московскiй и владiмерскiй, преосвященный Iосифъ Волчанскiй, который звалъ мене къ себѣ до келiи, и у него-жъ тутъ обѣдалъ съ сотникомъ кролевецкимъ Огiевскимъ, да тамъ-же обѣдали и новоозначенные намѣстникъ троецкого сергiевского монастыря архимандритъ мгарскiй, отецъ (Іоасафъ) Горленко и казначей того-же монастыря.

21. Подряжены извощики до С.-Пбурха подъ припасы, три пары лошадей; отъ всякой пары давать имъ по 7 р. 50 к., да

---

[226]) Сыновья Петра Толстаго, зятя гетмана Скоропадскаго.

сверхъ того-жъ, что туда свезутъ и бочку горѣлки, дать имъ 4 р. 50 к.; а оные извощики помѣщика Тимофія Ігнатова Челищева крестьяне, жители деревнѣ Черничного, Афанасій Сидоровъ Шершинъ да Петръ Тимофіевъ, которымъ дано въ задатокъ 2 р.

22 и 23. Пробавлялись въ Москвѣ-жъ. Была сватба у г. Демидова; дочерь выдалъ за шляхтича смоленского Радванского.

24. Писалъ писма къ г. Скоропадскому, включа такъ-же и до жены и до Іосифа, и оные въ пакетъ подъ именемъ генералскимъ вручены сотнику глуховскому Турянскому для отсилки.

25. Отпущенъ обозъ до С.-Пбурха съ припасами при Івану Ялоцкому, которому для извощиковъ и для ихъ нуждъ 15 р. вручено, да при Антону Закревскому и кухтику Івану Рудому, куда оные рано и віехали. Вечеромъ былъ въ слободѣ нѣмецкой съ сотникомъ кролевецкимъ Огіевскимъ и синомъ у аптекаря Меера, которій ранлъ (совѣтовалъ) для дѣтей нашихъ учителя. Обѣдалъ у шваграа Івана Гамаліи.

26. Отпущены подводы наши домовые къ двору съ покупками исправленными, при Грицку Климову съ товарищи, и чрезъ нихъ-же отправлены писма до жены, включа тамъ до г. Скоропадского, до Іосифа и отъ Василя сина до Петра Скоропадского, и оному Грицку Климову на дорогу даны 4 р. Аптекарь Мееръ былъ у мене на квартерѣ и привезъ роспись, данную ему отъ пастора Іогана Филиппа Литке, чего имѣетъ дѣтей нашихъ обучати, а въ вечеру и я, у него будучи, видѣлъся и самъ розговаривалъ съ тѣмъ пасторомъ.

27. Послѣ обѣдни былъ у архимандрита богоявленского отца Герасима; потомъ въ монастырѣ заиконоспаскомъ предики слушалъ, а обѣдалъ у аптекаря Меера съ сотникомъ глуховскимъ; оттуду-же поехавъ, были въ дворцяхъ новомъ и въ Анинигофѣ, потомъ на бархатномъ дворѣ, послѣ Головкина графу Алексію Григоріевичу Розумовскому пожалованномъ. Были въ ренжереяхъ; тоже отехали въ велико-петровскій монастырь и тамъ мылъся въ банѣ; потомъ отецъ Пахомый, архимандритъ тамошный, своимъ поездомъ отпровадить мене въ квартеру приказалъ, а сотникъ глуховскій въ свою квартеру отехалъ. Писалъ до г. Скоропадского о учителю и ученіяхъ, т. е. о пастору слободскомъ.

28. Подрядилъ подводчиковъ до С.-Пбурха: пару лошадей по 7 р. 50 к., а именно для себе три лошади, а для сотника кроле-

вецкого Огіевского пару, дмитровского уезду, каменского стану, вотчины капитана Алексія Федорова сина Чурикова, села Сенежи, крестянъ Федора Парфенова и Гаврилу Николаева. Прибылъ на ночъ и сотникъ кролевецкій Огіевскій на мою квартеру; потомъ былъ у мене намѣстникъ симоновского монастыря Порфирій.

29. Рано былъ у статского совѣтника Василія Ивановича Демидова, который велѣлъ мнѣ поудержаться въ Москвѣ до 1 февраля. Потомъ былъ у маіора конной гвардіи Григорія Ивановича Корфа и вручилъ ему 4 пакеты, на імя брата его Николая Андріевича Корфа, дѣйствительнаго камергера и кавалера подписанные, а извощиковъ нанятыхъ отпустилъ. Василь Марковичъ пріехалъ въ Москву.

30. Прибылъ въ Москву сотникъ мглинскій Василь Лисаневичъ и былъ у мене рано. Обѣдни слушали въ монастырѣ Знаменскомъ и были тамъ у Оноприянъ, стоящыхъ тамъ квартерою, селитрянныхъ промышленниковъ. Архимандритъ високопетровскій отецъ Пахомій обослалъ насъ пивомъ.

31. Рано былъ я у г. Демидова, которій еще до суботы удержатся казалъ. Полковникъ Дѣтковичъ и сотникъ ірклѣевскій Алексѣй Требинскій віехали изъ Москви до С.-Пбурха.

Февраль.

1. Поутру ездилъ къ г. статскому совѣтнику Василію Ивановичу Демидову, который велѣлъ еще нѣсколко день поудержаться въ Москвѣ.

2. Послѣ обѣда надвечери переехалъ изъ двора гг. Толстыхъ въ Знаменскій монастырь и тутъ ночовалъ въ квартерѣ сотника мглинского Лисаневича.

3. Оттоль по службѣ переехалъ на бархатный дворъ въ квартеру сотника глуховского Даміана Турянского, которій купно зъ г. Демидовымъ сего-жъ числа отехалъ изъ Москви до С.-Пбурха. Я зъ синомъ ввечеру былъ у племѣнниковъ графа Розумовского, прибывшихъ въ Москву изъ Козелця.

4. Въ ямской конторѣ по утру былъ и подписанъ мнѣ пашпортъ на почтовые подводы, которыхъ 3 я взявъ, сего-жъ числа 4-го часу на первой четвертѣ и віехалъ зъ Москви, оставя сотника кролевецкого тамъ, давши ему-жъ на наемъ подводъ подъ сани сотника глуховского, или на заплату прогоновъ, десять р. денегъ;

самъ-же я поехавши изъ Москви, продолжалъ свою езду денно и нощно чрезъ 5, 6 и 7 числа по почтѣ и

8 числа въ 10-мъ часу предъ полуднемъ прибылъ въ С.-Петербургъ и, ставъ квартерою въ домѣ ассесора ревизіонъ-контори Івана Федоровича Маминца, нигде не бывалъ. Сего-жъ числа и обозъ мой прибылъ.

9. Отехалъ изъ квартири до дворца, где первей былъ у пѣвчого Кирила Стефановича Рубановского, потомъ у отца духовника Федора Дубянского и у него обѣдалъ съ архіереями: Платономъ Малѣновскимъ—крутицкимъ, Никодимомъ Сребніцкимъ, бывшимъ с.-петербургскимъ, а нынѣшнимъ переяславскимъ, Арсеніемъ Могилянскимъ, да съ архимандритами володимерскимъ Платономъ Петрупкевичемъ, іпацкимъ Симономъ Тодорскимъ, наименнованнымъ епископомъ с.-петербускимъ и архимандритомъ Александро-невскимъ Феодосіемъ Яновскимъ, такожъ зъ намѣстникомъ монастыря невского Досифеемъ, гдѣ присутственны были и камеръ-фуріеръ Ігнатъ Кириловичъ Полтавцовъ и дворянинъ Григорій Михайловичъ, а со мною были сотникъ глуховскій Турянскій и синъ мой Василь.

10. Былъ рано у графа Румянцова, потомъ въ дворцѣ и придворной церквѣ, а зъ церкви взявъ мене оберъ маршалъ Дмитрій Андріевичъ Шепелевъ, запровадилъ въ болшую салю, гдѣ стоялъ болѣе двухъ часовъ во время обѣда, а государыня изъ великою княжною изволила кушать подъ балдахиномъ, прочіи-же женска и мужеска полу, такожъ и духовные персоны обѣдали у другихъ столовъ, при игралной італіанской музыки. Писалъ до Скоропадского и до жены. Послѣ обѣда балъ начался въ галдарей салѣ, а потомъ въ 10 часу по полдни зажженъ былъ на Невѣ изготовленный фейерверкъ и иллюминація, на которую смотрѣлъ я въ квартерѣ Федора Івановича Коченевскаго, пѣвчого дворянина, где видался, такожъ и вчора у отца духовника, зъ г. секретаремъ Іваномъ Михайловичемъ Новоторжцовымъ.

11. Рано былъ у графинѣ Чернышевой Евдокіи Івановны и писмо отъ жены отдалъ, потомъ графу Розумовскому писма вручилъ. Обѣдалъ съ сотникомъ глуховскимъ Турянскимъ у Ігната Кириловича Полтавцова, и въ вечеру съ нимъ-же былъ у князя Никиты Юріевича Трубецкого.

12. Въ сенатѣ подалъ дѣло, присланное изъ войсковой генералной канцеляріи чернцовъ монастыря пустынно-николаевского кіевского, такожъ удостоеніе Федора Чуйкевича на деревнѣ. Сего-жъ числа писалъ на почтѣ въ Глуховъ, до г. Скоропадского, до Федора Чуйкевича, до Іосифа племѣнника и до жены.

13. Былъ у оберъ маршала Шенелева самъ, а у графинѣ Чернишовой съ синомъ, по обѣдѣ у секретаря Новоторжцова, въ вечеру у архіерея крутицкого Малиновскаго. Поддячіи сенатскіи обѣдали у мене.

14. Рано былъ у графа Румянцова и писма вручилъ, такожъ у архіерея переясловского Арсенія Могилянского и въ сенатѣ былъ же. Сотникъ мглинскій Василій Лисаневичъ прибылъ въ С.-Петербургъ и сталъ квартерою на Петровскомъ острову, въ домѣ архіерея велико-новогородского, на Карповцѣ. Василь сынъ былъ въ дворцѣ на куртаку, а я занемогъ изъ полдня.

15. Никуда изъ квартери не ходилъ, а обѣдали у мене сотникъ мглинскій Лисаневичъ и камординъ генерала и сенатора Бутурлина Николай Измайловъ.

16. Рано былъ у Александра Борисовича Бутурлина и писма вручилъ, такожъ у генерала фелдмаршала Василія Володимеровича Долгорукого, у графа Лестока, которому и писма отъ доктора Бока подалъ, такожъ у архимандрита отца Тодорского и у оберъ маршала. Обѣдали у мене полковникъ компанѣйскій Чеснокъ, сотникъ глуховскій Турянскій и два поддячіе сенатскіе, коимъ на извощика дано 20 к. Перебрались въ другіе хоромы.

17. Пріехалъ сотникъ кролевецкій въ Питеръ-Бурхъ и сталъ зо мною на квартерѣ. Я былъ въ церквѣ Петра и Павла, въ крѣпости. По обѣдѣ сидѣлъ у хозяина [226]).

Юнь.

16. Послѣ обѣда ездилъ на Василевскій островъ и будучи на бѣржи, купилъ стѣнные часы за 13 р.

17. Былъ у Пізевича, потомъ въ квартерѣ Петра Горленка. Куплены чашки чайные фарфуровые, 6 паръ, дано за оные 1 р. 40 к., за чайникъ 1 р., за чашечку до закусокъ 15 к.

---

[226]) Далѣе нѣсколько тетрадей опять не достаетъ.

18. Челобитная о Чаусахъ въ сенатѣ замѣчена. Обѣдалъ у дѣтей, потомъ былъ у Новоторжцова, где засталъ и Демидова съ женою и съ ними оттоль пріехалъ. На гербовую бумагу далъ 4 р. За сотню фліондерокъ дано 4 к.

19. За квартеру у Маминца росплатилъся и давъ имъ 1 р. 46 к., перешолъ оттоль на другую квартеру, въ слободку дворцовую, уговоренную на мѣсяцъ за 1 р. 50 к. Обѣдалъ у полковника Чоснока. Былъ у мене на сей квартерѣ канцеляристъ корчемной конторы Степанъ Будаевъ.

20. Купилъ на корабляхъ ½ фунта чаю за 55 к., цукровые фѣгуры въ слонку за 90 к., за книгу імператора Марка Аврелія 1 р. 20 к.

21. Изъ денегъ 350 р., оставленныхъ у мене, взялъ на росходъ Юнгансъ 50 р. Купилъ фарфурной посуды 10 штукъ, далъ 3 р., за анкеръ вина 4 р. 50 к.

22. Послѣ обѣда отехалъ зъ синомъ Василемъ до Пітергофа и на 16-ой верстѣ отъ Питеръ Бурха встрѣтилъ государыню, едучую верхомъ, и ея величество изъ графомъ Розумовскимъ о моемъ дѣлѣ припомнѣть изволила и поехала до С. П. Бурха, а я прибылъ въ Пітергофъ въ 11 часу. На сѣно для лошадей дано 12 к., за рыбу 35 к.

23. Рано ходилъ по огородамъ и дано огороднымъ и фонтаннымъ сторожамъ 14 к. Обѣдни слушалъ въ церкви придворной наметной [127]). Обѣдалъ у племѣнниковъ графа Розумовского, званный отъ учителя Носко. По обѣдѣ былъ у преосвященного Тодорского, а потомъ отехалъ изъ Пітергофа и прибылъ въ С. П. Бурхъ въ 1-мъ часу по полуночи. Мостового дано 3 к.

24. Рано былъ у графа Розумовского и учинилъ онъ мнѣ декляраціо дѣлъ, сказавъ дожидатися праздника. Писалъ писма до Скоропадского, до Іосифа, до Сумніцкого и до жены.

25. Нізевичъ у мене былъ, а вечеромъ приходили поддячіе Петръ Івановъ Деружкинъ зъ товарищи. Імператорское высочество прибылъ изъ Пітергофа.

26. Приходилъ ко мнѣ Петръ Горленко зъ сотникомъ Лисаневичемъ; потомъ у мене-жъ былъ учитель Носко зъ жалобою на

---

[127]) Паметъ — палатка.

Семена служителя, которого потомъ къ себе призывалъ и ему виговаривалъ.

27. Зъ полковникомъ Чоснокомъ обѣдалъ у Нізевича; потомъ заходили до Кучубеевъ, до Витвіцкого и подмуншенка Стрижова. На огурци 4 к.

28. Генералъ полицъмейстеръ графъ Антонъ Мануйловичъ Девіеръ преставилъся. Писалъ до Іосифа и до Сумніцкого съ включеніемъ писемъ, писанныхъ подъ числомъ 21 іюня до брегадира Илина и подполковника Семенова.

29. Въ сей день тезоименитства великого князя государя Петра Федоровича были допущены съ протчими до ручки его імператорского высочества, и его-жъ высочество изволилъ слушать обѣдни и молебствіе въ крѣпости, въ церквѣ Петра и Павла, а по молебствіи палено зъ многихъ пушокъ. Послѣ полдня былъ въ дворцѣ куртагъ, а въ вечеру публѣчная ужина при вокалной и інструменталной музикѣ. Я обѣдалъ въ своей квартерѣ съ полковникомъ Чоснокомъ и съ Петромъ Стефановымъ Протченкомъ и съ дѣтми.

30. Была французская комедія и мы были зъ полковникомъ Чоснокомъ и зъ сотникомъ Лисаневичемъ, который у мене и почовалъ.

Юлъ.

1. Генералъ поліцмейстеръ графъ Девіеръ съ приличною его чину церемоніею погребенъ въ александро-невскомъ монастырѣ. Я обѣдалъ у бунчучного Оболонского, ради его тезоименитства.

2. Рано были у мене бунчучный и сотникъ Тризна, писма намъ вручилъ. Обѣдалъ у мене Марко Андреевичъ Марковичъ [228]).

3. Государиня и великій князь изволили отехать въ Питергофъ. На харчъ данъ 1 р. На поправу мундира синового портному 16 к. Вечеромъ былъ у бунчучного.

4. Былъ у мене бунчучный. За направу двохъ паръ чоловъ 12 к.

5. Писалъ писма къ женѣ, къ Іосифу и до Скоропадского, а вобще зъ бунчучнымъ писали до старшины генералной и до протчихъ о депутаціи.

6. Съ оными писмами отправленъ въ Глуховъ по почтѣ значковый полку чернѣговского товарищъ Проконъ Затиркевичъ. Г-жа

---

[228]) Сынъ генеральнаго подскарбія Андрея Марковича.

Розумовская прибыла въ С. П. Бурхъ и стала квартерою на смолномъ дворцѣ, до которой и я зъ бунчучнымъ для визиты ездилъ.

7. На харчъ дано 40 к., на сѣно для коней 45 к. Рано знову были зъ бунчучнымъ у г. Розумовской; потомъ слушали обѣдни въ Невскомъ и тамъ-ке купно зъ нею у преосвященного С. П. Бурского обѣдали и вечеряли; потомъ ей провожали опять на ей-жъ квартеру и позно прибылъ на свою квартеру.

8. Коллегіи іностранной золотописецъ Андрей Івановъ сынъ Лоповъ взялъ пергаментъ для дѣланія диплюма, которому дано въ задатокъ 2 р.

9. Рано былъ въ сенатѣ и у дѣтей. За шесть ложечокъ принцметалныхъ 18 к. Поддячимъ 30 к. Федоръ Мойсеевичъ, головщикъ дворцовый, Божокъ представилъся.

10. Канцеляристъ Яскевичъ и войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ пріехали въ Питеръ. Былъ у бунчучного и зъ секретаремъ габинетскимъ видалъся въ церквѣ св. Сумеона.

11. Визитовалъ тело умершого Федора Божка въ квартерѣ его въ зимнемъ государевомъ дворцѣ. Отдана челобитная сотнику Тризнѣ для подачи въ сенатъ о падежѣ скота.

12. Помянутый Федоръ Божокъ погребенъ въ монастырѣ Невскомъ. За 24 тарѣлки цѣнинные 1 р. 60 к. Кравцю за перепитье черкески 65 к.

13. Обѣдалъ у г. Розумовской съ войтомъ нѣжинскимъ, который и у мене, оттоль заехавши, былъ на квартерѣ. За сосудъ мѣдный 26 к. За митье и починку платья 45 к., за лоскутки зеленого гатласу и за шовкъ 29 к.

14. Госпожа Розумовская со всѣми своими и бунчучный зъ своею женою отехали въ Питергофъ. Сыну Василю на бачмаки дано 53 к.

15. Полковикъ Чоснокъ съ сотникомъ Лисаневичемъ отехали до Питергофа.

16. Туда-жъ и я отехалъ зъ сотникомъ вибелскимъ Тризною. Прибыли въ Питергофъ надвечери и ужинали въ квартерѣ г-жи Розумовской у Пустоты; потомъ были у насъ на квартерѣ Журманъ, Борсукъ и Іванъ Николаевъ Groно.

17. Вчора и сего числа рано ходили по садамъ и огородамъ и везде. Обѣдали въ квартерѣ. Розышлось тамъ въ Питергофѣ на

сѣно 18 к., за вино и харчъ 51 к.; фонталщикамъ 27 к. Послѣ полдня первіе великій князь, потомъ и государиня изволили отехать до С. П. Бурха, а оттуду и мы поехавъ, нерано прибыли въ Питеръ ночю, а зъ нами и дѣти, которые у насъ и ночовали.

18. За вилуженіе четирехъ штукъ мѣдной посуды 30 к., да за два сосудци мѣдные-жъ купленные 26 к. За сѣно для коня 60 к.; табаки за 4 к.

19. Писаны писма до Скоропадского, до Івана Гамаліи, до сотника глуховского, до Іосифа, до Чуйкевича, до жены и въ Козелецъ до отца брата, да до обозного Алексія Подвисоцкого и до асаула Матвѣя Шуми полковыхъ кіевскихъ.

20. Дано Грицку Дмитрову и Івану Романову на чоботы 1 р., на харчъ 8 к. Рано былъ я у г. Розумовской; потомъ въ Невскомъ монастырѣ, а оттуду заехавъ ко мнѣ секретарь Новоторжцовъ, былъ въ моей квартерѣ и у полковника Василія Чеснока.

21. Былъ въ лѣтномъ дворцѣ и у графа Розумовского купно съ архіереями. На харчъ данъ 1 р.

22. Былъ въ сенатѣ, а оттоль заходилъ посѣтить болного пѣвчого Федора Івановича Коченевского, гдѣ видѣлъся зъ нами и префектъ кіевскій Михаилъ Козачинскій; оттуду былъ и у бунчучного. На перевозъ 4 к.

23. Прибылъ въ Питербурхъ архимандритъ братскій кіевскій Сильвестръ Кулябка. Я обѣдалъ на петровскомъ острову у поддячого корчемной конторы Стефана Будаева изъ Кіріякомъ Андріевичемъ Кондратовичомъ и въ банѣ у его-жъ мился, а ночовалъ на Карповкѣ у сотника мглинского. Писалъ еще писма до Скоропадского о томъ, что пашпорты на проездъ дѣтямъ въ чужіе краи дадутся изъ іностранной коллегіи, а до жены, обявляя ей поклонъ отъ графинѣ Чернишевой. Отехала г. Розумовская, а при ней и бунчучный зъ женою въ мизу, называемую Гостилецъ.

24. Рано былъ тамъ-же на Карповцѣ въ домѣ архіерея новгородского у братского архимандрита Кулябки, потомъ въ сенатѣ и въ іностранной коллегіи подалъ доношеніе о людяхъ, зъ дѣтми въ чужіе краи имѣючихъ отправитись. Послѣ полдня были у мене судіи полковые гадяцкій Родзянка и Лазаревичъ, зъ которыми и до стекляныхъ заводовъ ходили. Івану Сангурскому, бунчуковому

товарищу, отправляючомусь въ Украину, всѣ оные писма, что вчора и 19 числа писалъ, вручены для подачи въ Глуховѣ.

25. Куплены двѣ книги за 66 к., матеріи на картузъ за 15 к., огурцовъ за 10 к., за оправу другихъ двохъ книжокъ 20 к., сину Василю 10 к.

26. Былъ въ сенатѣ, обѣдалъ у дѣтей, потомъ былъ у секретаря Новоторжцова. Розышлось 12 к.

28. Ходили къ церквѣ св. Пантелимона, где и государыня изволила слушать обѣдни. За оправу двохъ книжокъ 20 к. За возокъ сѣна 60 к.

28. Сину Василю на бачмаки 30 к., кравцю за направу кафтана и картуза 20 к. Былъ рано у графа Розумовского, где государынѣ, при поднесеню нѣсколькихъ сосудовъ рожовой водки, кланялъся войтъ нѣжинскій Стеріевичъ. На харчъ дано 50 к. Были у мене сотникъ новгородскій Судіенко и Добронѣзкій.

29. Былъ рано у графинѣ Чернишовой, а по обѣдѣ былъ у мене бунчучный зъ судіею гадяцкимъ Родзянкою.

30. Генералъ, сенаторъ и кавалеръ, графъ Григорій Петровичъ Чернишевъ преставилъся. За книги указовъ імператрицы Екатерины и Петра II імператора «Зерцало юности» и Граціана 4 р. 50 к., за книгу Іакову Тимофіеву 45 к. Іванову 10 к., сину Василю 5 к.

31. Я обѣдалъ у бунчучного. Прокопъ Затиркевичъ прибылъ изъ Глухова. Pustota arestatus.

Августъ.

1. Былъ рано у князя Никиты Юревича Трубецкого и у Петра Івановича Шувалова, потомъ заходилъ въ домъ графа Чернишева и тѣло его видѣлъ умершого; потомъ ездилъ въ крѣпость и тамъ слушалъ водосвятія. Надвечери былъ у мене подканцеляристъ іностранной коллегіи Динисъ Никитинъ Латининъ съ товарищемъ.

2. Ходилъ въ сенатъ и въ коллегію иностранную, где и за печати, къ тромъ пашпортамъ приложенные, заплатилъ пошлины 75 к. На перевозъ 2 к.

3. Былъ у бунчучного и Пустоту посѣщалъ въ дворѣ графа Розумовского.

4. Писалъ писма до Скоропадского, до жены, до Чуйкевича, до Павла Скорупы, до Івана Гамаліи зъ посилкою къ нему по-

лученныхъ писемъ, и до Іосифа. Былъ рано у г. Розумовского. Кравцю на потребности до камзола 20 к. Бунчучный вечеромъ былъ у г. Розумовского зъ представленіями нѣкоторыми и розговоръ имѣлъ. На харчъ 35 к.

5. Генералу графу Чернишову отправовалось съ надлежащою, по его достоинству, церемоніею погребеніе и провождено тѣло пятма баталіонами отъ пѣхоты и кирасировъ до Невского монастыря, где при погребеніи и три залпы оные-жъ баталіоны бѣглымъ огнемъ стрѣляли. Надвечери отехалъ я въ Невскій монастырь, где и ночовалъ.

6. Тамъ-же въ Невскомъ монастырѣ исповѣдивалъся и на ранной службѣ Божой причащалъся, а по службѣ позной, которую служилъ преосвященный Феодосій, архіепископъ с. п. бурскій, обѣдали въ келіи отца намѣстника Софронія зъ дѣтми Скоропадского и моимъ сыномъ; потомъ ходили до библіотеки и въ семѣнаріумъ, где провожалъ насъ одинъ ученикъ ѳеологіи Сумеонъ Ігнатіевъ. Розышлось 12 ½ к.

7. Былъ въ сенатѣ и въ иностранной коллегіи. По обѣдѣ пріездилъ ко мнѣ бунчучный и съ нимъ были оба у преосвященного крутицкого.

8. Писаны писма до Скоропадского, до Іосифа и до жены зъ посилкою двохъ головъ цукру, полфунта чаю въ жестянцѣ, двохъ гребенцовъ слонового и рогового, 9 книжокъ русскихъ печатныхъ и манускрипта объ Украинѣ. Дано за полфунта чаю 1 р., за гребенецъ слоновый 18 ¾ к., на харчъ 28 к. Изъ Невскаго подворя перенеслись дѣти на другую квартеру на Василіевскій островъ въ 8-ю лѣнію, въ домъ нѣкоторого совѣтника Неплова.

9. Въ іностранной коллегіи отобралъ пашпортъ, сину моему для поезду въ чужіе краи данный, такожъ пашпорти для синовъ трехъ Скоропадского, двохъ Борковского, запечатанные купно зъ указомъ, въ генералную канцелярію подписаннымъ. Далъ за труди подканцеляристу Латинину 1 р. 50 к., писцу 50 к., сторожу 6 к., на сѣно 50 к.

10. Далъ дѣлать для жены колпакъ или чѣпокъ изъ парчи, отъ камзола синового оставшей. Писма и посилка въ домъ вручены Добропѣзкому, значковому полку стародубовского товаришу. Ялоцкому даны 10 к.

11. Былъ въ дворцѣ, где по службѣ Божой преосвященный архіерей тферскій, Митрофанъ Слотвинскій, звалъ мене къ себѣ, зъ которымъ на одной шлюбки отехали и у него купно зъ Лукою, намѣстникомъ Свѣнскимъ, оберъ-іеромонахомъ Іоасафомъ корпуса кадецкого и архимандритомъ новгородскимъ Афанасіемъ обѣдали; потомъ и у мене отецъ Лука былъ вечеромъ. Гребцамъ архіерейскимъ даны 10 к. Pustota ab aresto factus liber.

12. Былъ въ сенатѣ, потомъ зъ отцемъ Лукою заходили въ кадецкій корпусъ до отца Іоасафа. По обѣдѣ былъ у мене отецъ Панфутій, уставщикъ монастыря Невского. Розышлось 6 ½ к. Пѣвчій дворцовый Якимъ Мироновичъ, зъ которымъ вчора надвечери въ дворцѣ отца духовника видѣлись, умеръ нечаянно.

13. Былъ рано у сенатора г. Шувалова, потомъ въ сенатѣ и насилу выписка совершена о Чаусахъ. На сѣно 8 к.

14. Израна ездилъ на смолной дворецъ и былъ тамъ у г. Розумовского, и у Журмана, и Борсука, по обѣдѣ у пр. Тодорского и у бунчучного.

15. Рано былъ у преосвященного Могилянского, архіепископа переславского, да у генерала г. Румянцова; потомъ въ дворцѣ на службѣ Божой, где государыня изволила присылать пѣвчого Кирила Рубана спрошовать о дѣтяхъ Івану и Петру Скоропадского, и приведъ въ салю, были допущены до ручки государыни. Обѣдали у мене подполковникъ Куликовскій, полковникъ Чоснокъ, дѣти Скоропадского зъ Кондзеровскимъ и Юнгансомъ. На росходъ харчевый дано 30 к., на сѣно 17 к., на овесъ 15 к.

16. Камзолъ изъ кунтуша Івану Рудому велѣлъ дѣлать и штаны, и къ онымъ на потребности даны 20 к., да на сѣно и проч. 20 к. За митье платя и направу чолковъ 23 к.

17. Рано былъ я у Горленка, по обѣдѣ у мене бунчучный. Свѣтлѣйшій князь, ландъ-графъ госсенгомбурскій отехалъ изъ С. П. Бурха въ чужіе краи. На хлѣбъ, яблоки и груши дано 8 к.

18. Рано былъ у оберъ-маршала Шенелева, который велѣлъ дать реестръ о малороссіянахъ, кои могутъ быть при брачной церемоніи.

19. Отосланъ таковый реестръ къ оберъ-маршалу. Государыня и великій князь изволили въ зимный изъ лѣтного дворца переехать. Ночовалъ у мене писарь умершого генерала Бибикова, Михайло Петровъ.

20. Былъ въ сенатѣ и у бунчучного. Отданъ приказъ объ насъ оберъ-церемоніймейстеру графу Санти.

21. Началась израна церемонія шествія опредѣленныхъ знатныхъ, мужеска и женска полу, персонъ, такожъ ея імператорского величества съ новобрачными ихъ імператорскими высочествами до церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, называемой казанской, отъ зимного большого дворца, и слѣдовала оная церемонія мимо дворецъ по-надъ Невою и поворотила въ Миліонную, а оттоль мимо лугъ, противъ дворца имѣючійся, где и три театри были здѣланы для жареныхъ быковъ и для фонтанъ, и даже до самой церкви, коимъ трактомъ и всѣ полки какъ гвардіи пѣхотной и конной, такъ и кирасирскихъ и наполныхъ солдаты и райтары построены были. Слѣдовало-же одныхъ церемоніалныхъ каретъ, господскихъ и дворцовихъ, 135, всѣ по 6 лошадей, а въ которой государиня и новобрачные ехали, тамъ было 8 лошадей. Послѣ венчанія, которое отправовалъ архіепископъ новгородскій и велико-луцкій, преосвященный Стефанъ Калиновскій, говорилъ проповѣдь преосвященный епископъ псковскій и нарвскій Сумонъ Тодорскій, которые оба тѣми санами почтены 18 числа сего теченія. Потомъ оная-жъ церемонія послѣ троекратного изъ пушекъ, при церквѣ поставленныхъ и отъ полковъ въ строю стоявшихъ, залпу, слѣдовала и отъ церкви до дворца зимного такимъ-же, какъ и до церкви порядкомъ, и палено зъ корабля и изъ разныхъ другихъ судовъ, яко-то: яхтъ, галеръ и протчихъ зъ многихъ пушокъ, а въ вечеру были вездѣ по городѣ, и на судахъ, и въ крѣпости, и въ адмиралитействѣ, въ академіи, въ корпусѣ кадецкомъ и въ протчихъ мѣстахъ преизрядніе иллюмѣнаціи.

22. Обозный генералный г. Лизогубъ прибылъ въ С.-П-Бурхъ. Данъ Грицку на росходы 1 руб.

23. Рано были зъ обознымъ генералнымъ первей у графа Розумовского въ дворцѣ, потомъ и самой государинѣ кланялись и у ручки были, и обѣдали у приватного стола, при присутствіи ея величества, въ лѣтномъ дворцѣ, а по обѣдѣ были у князя Н. Юр. Трубецкого, у преосвященного переславского Арсенія Могилеанского и у матушки графа Розумовского.

24. У вице-канцлера графа Михаила Іларіоновича Воронцова были рано, а потомъ въ зимномъ дворцѣ и у духовника, а въ

томъ-же зимномъ дворцѣ и государыня съ новобрачными кушать и свадебную церемонію продолжать изволила.

25. Рано ездили до графа Алексія Петровича Бестужева-Рюмина, который по службѣ Божой представлялъ насъ предъ государыню на аудіенцію, потомъ заразъ и у ихъ императорскихъ высочествъ новобрачныхъ, великого князя и великой княгини аудіенцію имѣли, а послѣ обѣда были въ комедіалномъ домѣ на оперѣ италіанской, на которой и дѣвки италіанки и кастратъ при музикѣ италіанской-же пѣли преизрядно. Кравцю за пошите двохъ камзоловъ и одныхъ штановъ Рудому данъ 1 руб.

26. Рано были у Александра Львовича Наришкина, сенатора, а обѣдали и весь день пробавили у матушки графа Розумовского, ради именинъ ея.

27. Были у генераловъ фелдмаршаловъ графа Леси, князей Василія Володимировича Долгорукова и Ивана Юревича Трубецкого, а обѣдали у графа Румянцова; потомъ званы во дворецъ и были въ собственномъ машкарадѣ, потомъ и ужинали при столѣ императорскомъ въ салъ галдареи.

28. Въ вечеру были на комедіи французкой и въ опредѣленной ложѣ подъ № 6 смотрѣли на отправленіе оной комедіи.

29. По службѣ Божой были у Василія Ивановича Демидова, а по обѣдѣ у графа Андрея Ивановича Ушакова, у Евфимія Ивановича Владиславича и у графини Евдокіи Ивановны Чернышовой. За петлицы золотые, до кунтуша аксамитного взятые, заплатилъ 5 руб. 10 коп., за сѣтку 2 руб. 60 коп.

30. Государыня изволила быть на пабоженствѣ въ монастырѣ Невскомъ и тамъ кушать, а по обѣдѣ оттуду возвратясь, кончено въ дворцѣ зимномъ высокобрачную церемонію и первей зажженъ былъ на рѣкѣ Невѣ превеликій фейерверкъ, потомъ была ужина въ салъ галдареи пребогатая, а насъ по всѣмъ покоямъ государыни и високоновобрачныхъ вожено и показивано всякіе раритети (рѣдкости), украшенія и уборства и трактовано доволно.

31. Государыня изволила изъ С.-П-Бурха поехать въ Царское Село и въ Питергофъ. Мы были изранку прежде у генералши Солтиковой, потомъ у князя Александра Борисовича Куракина и у его-жъ обѣдали, а по обѣдѣ были у сенатора князя Алексія Дмитріевича Голицина.

Сентеврій.

1. Вечеромъ были у генералъ интенданта адмиралитейского Александра Ивановича Головина.

2. Писаны письма до Скоронадского, до племѣнника Іосифа и до жены. За старую квартеру заплатилъ 3 руб., да зъ Юнгансомъ и Савою Зинченкомъ росплатка учинена; Юнгансу дано 14 руб. 25 коп., Савѣ 74 коп. У секретаря Новоторжцова были на родинахъ и данъ родѣлѣ червонецъ.

3. Віехали до Интергофа по полдни и прибыли туда ночю.

4. Отведена тамъ квартера тая, въ которой прежде стоялъ бунчучный, а вечеромъ ходили по огородамъ и смотрѣли фонтанъ.

5. Изранку водилъ насъ везде по огородамъ и фонтаны велѣлъ пускать подмайстерій Григорій Федоровъ Рилевъ, а по обѣдѣ оттоль поехали и прибылы въ С.-П.-Бурхъ по полдни въ 8-мъ часу.

6. Былъ въ лѣтномъ дворцѣ и въ габинетѣ и по обѣдѣ зъ Гудовичемъ у архимандрита Петрункевича.

7. Рано припималъ лекарство и весь день содержалъ діету.

8. Въ дворцѣ лѣтномъ у великого князя и у великой княгинѣ были у ручки.

9. Посѣщали насъ въ квартерѣ прежде Іля Журманъ съ товарищи, потомъ графъ Мойсей Владиславичъ. Сину Василю купленъ платокъ италіанскій за 1 р. 50 к., да еще два платки дано 37 к.

10. Рано были у генерала Бахметова на Василіевскомъ острову и въ сенатѣ и въ кунстъ-каморѣ. Портному иноземцю, что дѣланъ сыну Василю богатый камзолъ, заплатилъ 5 р. 20 к.

11. Пущалъ мнѣ кровъ изъ жилы сафены хирургъ Гартманъ, которому данъ таляръ битый. Сину полковника Делятура Карпу Ивановичу позичены 50 р. Обозный генералный ездилъ за рѣку къ архіереямъ.

12. За направу сину Василю шубы дано портному 20 к.

13. Получены писма зъ Глухова чрезъ Сангурского и 50 р. денегъ, которые позичены были полковника Далятура сину Карпу Ивановичу.

14. Рано были у кн. Н. Трубецкого и у канцлера гр. Бестужева-Рюмина, потомъ въ дворцѣ у ручки государини и у гр. Розумовского.

15. Писалъ писмо къ женѣ чрезъ Ивантенки. Емѣху учителю 50 к.

16. Оберъ-прокуроръ сенатскій Иванъ Онуфріевичъ Брилкинъ пожалованъ губернаторомъ въ Астрахань. Писалъ писма въ Глуховъ чрезъ Делятурова сина и чрезъ саржанта гварнизону глуховского, Анисима Осмолова, до Скоропадского, до Чуйкевича, до Іосифа и до жены. Книжнику дано 50 к., розыйшлось 9 к., въ доплатку за диплюмъ 50 к. Обѣдали у Новоторжцова ради крестинъ сина, ему родившогося, Ивана, которій потомъ и умре. Бабѣ дано 12 к.

17. Баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ. За двѣ книжки дано 80 к. Былъ придворный маскарадъ.

18. Рано подалъ графу Алексію Григоріевичу Розумовскому краткій меморіалъ о нуждахъ нѣкоторыхъ малороссійскихъ. Писано писмо къ женѣ зъ посилкою въ барилцѣ включенныхъ 24 талѣрокъ цепиныхъ. По обѣдѣ были у барона Черкасова, потомъ на комедіи.

19. За указъ о Чаусахъ дано копіисту Деружкину 1 р. Знову были на комедіи.

20. За запечатованіе сного о Чаусахъ указу дано пошлины 28 к.

21. Рано вси, а въ вечеру я самъ былъ въ дворцѣ у графа Розумовского для розговору о поданномъ ему меморіалѣ. За сиръ и протч. даны 52 к.

22. Послѣ обѣда были у сенатора Шувалова, и данъ ему меморіалъ о дѣлахъ малороссійскихъ, въ сенатѣ имѣючихся. За чоботы Ялоцкому даны 50 к.

23. Взята матерія срѣброглавная полъ 5-та аршина, по 5 р. аршинъ. Писаны писма до Скоропадского, до Іосифа и до жены чрезъ Якова Лизогуба, отехавшого съ меншимъ Кочубеемъ Василіемъ. Государыня изволила быть на сватбѣ у князя Хованского въ домѣ князя Василія Никитича Репнина.

24. Рано подана термѣна челобитной для усмотренія графу Р. и копіи грамоты и писма, а князю Никитѣ Трубецкому меморіалъ о 5 дѣлахъ. Бунчучный съ нашими исправлялъ пункты о нуждахъ.

25. Писалъ къ женѣ, чтобъ Савѣ Зѣнченку заплатила 42 р. 50 к. за матерія у него взятые, да до Іосифа зъ писмомъ отъ отца Петрункевича архимандрита до Василя Думитрашка. Сину Василю на чоботы данъ 1 р., да за атласъ съ картинами и за географію

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

журнала

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

(1882—1906 г.).

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

СОСТАВЛЕНЪ

Членами Комиссіи: И. Ф. Павловскимъ, В. А. Щепотьевымъ, А. А. Явойскимъ и студентомъ Кіевскаго Университета Б. Д. Чигринцевымъ.

Полтава.

1911 г.

Оглавленіе.

Отъ составителей.

I. Археологія.

а) церковная 1

б) общая . . . . . 2.

II. Исторія и историческіе матеріалы.

а) церковная исторія . . . . . 10.

б) общая исторія . . . . . 22.

III. Художественная литература . . . . . 56.

IV. Исторія литературы.

а) матеріалы . . . . . 63.

б) статьи . . . . . 68.

в) статьи и замѣтки о И. П. Котляревскомъ . 74.

г) статьи и замѣтки о Т. Г. Шевченкѣ . . 75.

V. Географія и этнографія . . . . . 82.

VI Біографическій матеріалъ.

а) біографіи, характеристики и матеріалы къ нимъ . . . . . 100.

б) письма и переписка . . . . . 109.

в) воспоминанія . . . . . 115.

г) записки, замѣтки и дневники . . . 118.

д) рѣчи . . . . . 120.

е) некрологи . . . . . 120.

VII. Портреты, рисунки, статьи и замѣтки о нихъ . 124.

VIII. Библіографія . . . . . 128.

IX. Смѣсь, дополненія и поправки . . . . 190.

Алфавитный указатель авторовъ статей . . . . 203.

Приступая къ изданію настоящаго указателя, Полтавская Ученая Архивная Комиссія шла навстрѣчу давно назрѣвшей потребности, имѣя въ виду выдающуюся цѣнность и многосторонній интересъ историческихъ, этнографическихъ и иныхъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ журналѣ «Кіевская Старина». Для статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ послѣднемъ за первыя 10 лѣтъ его существованія, составители пользовались указателемъ, печатавшимся въ приложеніи къ журналу за 1893 годъ и изданнымъ въ томъ-же году отдѣльной книгой.

Въ настоящемъ указателѣ, какъ и въ предыдущемъ, обозначены всѣ статьи, матеріалы и замѣтки, помѣщенные въ журналѣ, исключая лишь такихъ мелкихъ сообщеній, которыя носьтъ чисто злободневный характеръ, въ родѣ небольшихъ отчетовъ о собраніяхъ научныхъ обществъ, о спектакляхъ, концертахъ и т. п.

Весь указатель раздѣленъ на 9 отдѣловъ, а именно: 1) Археологія, съ подраздѣленіемъ на церковную и общую, 2) Исторія и историческіе матеріалы, съ такимъ же подраздѣленіемъ, 3) Художественная литература, 4) Исторія литературы съ подраздѣленіемъ на а) матеріалы, б) статьи, в) статьи и замѣтки объ И. П. Котляревскомъ и 2) статьи и замѣтки о Т. Г. Шевченкѣ (послѣдніе два подотдѣла выдѣлены въ виду многочисленности біографическихъ, критическихъ и прочихъ статей и замѣтокъ объ этихъ писателяхъ), 5) Географія и этнографія, 6) Біографическій матеріалъ съ подотдѣлами: а) біографіи, характеристики и матеріалы къ нимъ, б) письма и переписка, в) воспоминанія, г) записки, замѣтки и дневники, д) рѣчи, е) некрологи, 7) Портреты, рисунки, статьи и замѣтки о нихъ, 8) Библіографія и 9) Смѣсь, дополненія и поправки. Послѣ заглавія каждой статьи, замѣтки и т. п. указаны годъ, мѣсяцъ и страницы журнала, на которыхъ эта статья помѣщена.

Буква Д, помѣщенная послѣ обозначенія страницъ, указываетъ, что статья или замѣтка помѣщена въ отдѣлѣ «Документы. извѣстія и замѣтки», который въ журналѣ имѣлъ особую нумерацію страницъ.

Фамилія, набранная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ фамилію или псевдонимъ автора, кромѣ отдѣла некрологовъ и библіографіи, гдѣ этимъ шрифтомъ набраны въ первомъ случаѣ фамиліи умершихъ, а во второмъ—авторовъ рецензируемыхъ книгъ. Такъ какъ непосредственнымъ продолженіемъ журнала «Кіевская Старина» явился журналъ «Україна», издававшійся въ 1907 году, то составители внесли въ указатель и статьи этого журнала. Къ концу книги приложенъ алфавитный указатель авторовъ статей и замѣтокъ.

Составители.

I. Археологія.

А) ЦЕРКОВНАЯ.

1. **А. В.** Бакотскій скальный монастырь (объясненіе къ рисункамъ) 1891, 10, 108—116.

2. **А. Л.** Къ исторіи культуры (латинская надпись на кіевской библіи 1758 г.) 1893, 11—324. (Д).

3. **Антоновичъ В.** Раскопки у Трехсвятительской церкви въ г. Кіевѣ 1885, 5, 163—167.

4. **А. С.** О Лаврской находкѣ 1899, 4, 58—60. (Д).

5. **Б.** Цѣнная находка въ Кіево-Печерской Лаврѣ 1899, 1, 47—50. (Д.).

6. **Бучневичъ В. Е.** Поправка надписи на иконѣ въ селѣ Жукахъ 1884, 9, 175—177.

7. **Бѣляшевскій Н.** Два замѣчательные предмета кіевскаго церковнаго-археологическаго музея 1888, 7, 133—135.

8. **В. Н.** Къ Исторіи церковныхъ и монастырскихъ архивовъ 1891, 7, 148—151.

9. **Вновь** открытая стѣнная живопись въ г. Новгородъ-Сѣверскѣ 1897, 6, 102—103. (Д.).

10. **Васильевъ Мих.** Изъ письма въ редакцію. (Пещера въ лебединскомъ лѣсу и остатки старинной живописи въ лебединскомъ монастырѣ. 1885, 10, 364—367.

11. **Возстановленіе** древней паперти Кіево-Софійскаго Собора 1862, 8. 387—390.

12. **Г. В.** Новое пріобрѣтеніе церковно-археологическаго музея 1888, 8, 32—33.

13. **Доманицкій В.** Слѣды погибшаго архива (Звенигородскаго Духовнаго Правленія) 1902, 12, 158—159. (Д.).

14. **Древній храмъ** въ г. Каневѣ 1904, 6, 125—126. (Д.).

15. **Залѣсскій Ап.** Церковная старина Пирятинскаго уѣзда 1889 7, 268—274.

16. **Здравомысловъ К.** Данныя архива святѣйшаго Синода о Кіевской церкви во имя св. апостола Андрея Первозваннаго 1897,—4, 1—12. (Д.).

17. **Каманинъ И.** Таинственный крестъ въ с. Молчанахъ (Подольской губ.) 1906,—3—4, 73—77. (Д.).

18. **Какъ** обращаются у насъ съ церковной стариной 1894, 2, 336—338. (Д.).

19. **Л. П.** Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный князь Владиміръ и св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? 1888, 5, 259—264.

20. **Л. П.** Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуна или Херсонеса, ихъ открытіе и значеніе (съ 2 картами) 1889, 4, 56—73.

21. **Л-въ П.** Открытіе древнихъ мозаикъ въ главномъ куполѣ Кіево-Софійскаго Собора 1884, 9, 162—165.

22. **Л-въ П.** Гдѣ подлинникъ Любе-

чской чудотворной иконы Божіей Матери 1883, 6, 385—387.

23. **Л-въ П.** Софія-Премудрость Божія въ иконографіи Сѣвера и Юга Россіи 1884, 12, 555—567.

24. **Лаврской** находки по поводу 1899, 5, 114. (Д).

25. **Лашкаревъ П.** Остатки древняго храма въ г. Переяславѣ 1889, 1 204—210.

26. **Левицкій Ор.** Исторія одного древняго Волынскаго храма 1903, 1, 70—90.

27. **Мердеръ А.** Мелочи архивовъ юго-западнаго края: часовня-памятникъ въ Каневѣ 1900, 12; 149. (Д.).

28. **Н. Ч.** Каменныя и глиняныя иконы княжеской эпохи 1899,—8 91—97. (Д.).

29. **Петровъ Н.** Библіотека барона, Шодуара и вновь откытое древнее изображеніе св. Бориса и Глѣба и, можетъ быть св. Владимира 1888, 8, 33—39.

30. **Траховъ Адріанъ.** Фрески Кіево-Кирилловской церкви XII в. (Рѣчь). 1883, 5, 97—110.

31. **Р-въ А.** Небесные архистратиги въ образѣ запорожцевъ. 1887, 11, 587—587.

32. **Рклицкій С.** Мазепина церковь въ с. Дегтяревѣ 1900. 6. 134—139. (Д).

33. **Расхищеніе** церковныхъ древностей на Волыни 1891, 1, 183.

34. **Старинная** церковь въ г. Лохвицѣ. 1904, 7—8, 25. (Д.).

35. **Церкви** старинной постройки въ Полтавской епархіи 1888, 11, 97—99.

36. **Щербина В.** Памятникъ Кіевскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря 1895. 12. 90—92. (Д.).

Б) ОБЩАЯ.

37. **А—въ.** Отрывочныя замѣтки о запорожской старинѣ 1884, 9, 165—168.

38. **А. В.** Запись о кладѣ XVIII столѣтія 1885, 8, 735—736.

39. **А. В.** Изъ археологическихъ поисковъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра 1886, 7, 560—562.

40. **А. В.** Археологическія изслѣдованія въ бассейнѣ Сулы 1886, 8, 763—766.

41. **А. А.** Одинъ изъ фактовъ утраты памятниковъ малорусской старины 1894, 7, 101—102. (Д.).

42. **А. Л.** Городецкій музей Волынской губерніи 1898, 4, 13—17. (Д.).

43. **А. Л.** Гетьманскіе дома въ Глуховѣ (съ планомъ) 1898, 1, 160—166.

44. **Александровичъ М. Н.** Кафельные памятники XVIII вѣка (посмертная замѣтка) 1883, 1, 211—213.

45. **Антоновичъ Б.** Зміевы валы въ предѣлахъ Кіевской земли (съ картой) 1884, 3, 355—370.

46. **Антоновичъ В.** Изъ археологической экскурсіи, село Кальникъ и его памятники старины 1887, 8, 761—765.

47. **Антоновичъ В.** Забытый городъ (изъ археологической экскурсіи) 1888, 4, 24—27.

48. **Антоновичъ В.** Обозрѣніе предметовъ великокняжеской эпохи, найденныхъ въ Кіевѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ, и хранящихся въ музеѣ древностей и мюнцъ—кабинетѣ университета св. Владимира 1888, 7, 117—132.

49. **Антоновичъ В.** Вопросы по археологіи и исторіи южной Руси, обсуждавшіеся на 3 археологич. съѣздѣ въ Кіевѣ 1899, 8, III—VII.

50. **Антоновичъ В.** Замѣчательный

кладъ. 1899, 10, 1—2. (Д).

51. **Антропологическій** типъ малороссовъ (предварит. сообщ.) 1895, 6, 323—331.

52. **А. С.** Объ антропологическомъ типѣ малороссовъ 1894,—4, 174—175. (Д.).

53. **Археологическая** лѣтопись (къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ, ученыя общества, изслѣдованія, раскопки и случайныя находки) 1901, 11, 137—152.

54. **Археологическія** экскурсіи 1896, 1, 20—21. (Д.).

55. **Археологическія** изслѣдованія и раскопки 1901, 9, 139—149. (Д.).

56. **Археологическія** изслѣдованія, раскопки и находки 1901, 10, 56—64. (Д.).

57. **Б. Н.** Памятники козацкой старины въ музеѣ Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей 1891, 11, 292—295.

58. **Багалѣй Д. И.** проф. Свѣдѣнія объ археологическихъ раскопкахъ въ Харьковской губ. 1901, 10, 53—56.

59. **Багалѣй Д. И.** VIII-й археологическій съѣздъ въ Москвѣ 1890, 3, 464—484.

60. **Багалѣй Д.** О децентрализаціи нашихъ историческихъ архивовъ 1893, 2, 346—355.

61. **Бакай Николай.** Уцѣлѣвшіе остатки архива К. Г. Разумовскаго 1886, 12, 743—746.

62. **Бны—къ В.** Надгробный запорожскій крестъ 1886, 3, 603.

63. **Бо—скій Н.** Бурты (чигир. у), какъ мѣсто археологическихъ находокъ 1896, 7—8, 9—12. (Д.).

64. **Боронковскій В.** Слѣды древнихъ поселеній 1892, 4, 122—123. (Д).

65. **Бѣлецкій-Носенко А.** „Зміевый валъ" въ Черниговской губ. 1898, 3, 95—98. (Д.).

66. **Бумаги** государственнаго архива въ Стокгольмѣ по дѣламъ Малороссіи 1896, 5, 53—54. (Д.).

67. **Бѣляшевскій.** 1900 г. въ археологическомъ отношеніи 1901, 1, 53—64, 2, 121—130, 3, 197—205, 5, 130—137. (Д.).

68. **Бѣляшевскій Н.** Замѣчательный кладъ великокняжеской эпохи 1901, 10, 120—132.

69. **Бѣляшевскій Н.** Къ вопросу объ охранѣ памятниковъ старины, 1902, 5, 148—156. (Д.).

70. **Бѣляшевскій Н.** 1901 годъ въ археологическомъ отношеніи 1902, 1, 59—62. (Д.).

71. **Бѣляшевскій Ник.** Нѣсколько новыхъ стоянокъ каменнаго вѣка по Днѣпру и его притокамъ 1891, 3 433—444.

72. **Бѣляшевскій Н.** Княжа гора 1890, 12, 494—503.

73. **Бѣляшевскій Н.** Первобытный человѣкъ на берегахъ рѣки Днѣпра вблизи г. Кіева 1890, 4 1—21.

74. **Бѣляшевскій Н.** Церковище возлѣ дер. Монастырскъ, Канев. у., Кіевской губ. 1889, 1, 210—213.

75. **Бѣляшевскій Н.** Могильникъ въ урочищѣ Остроня, близъ г. Заславля Волынск. губ. 1888, 10, 31—35.

76. **Бѣляшевскій Н.** Еще нѣсколько словъ о горѣ Киселевкѣ 1888, 9. 77 78.

77. **Бѣляшевскій Н.** Слѣды великокняжеской эпохи на горѣ Киселевкѣ. 1888, 8, 53—55.

78. **Бѣляшевскій Н.** Клады великокняжеской эпохи, найденные въ Кіевѣ 1888, 7, 136—143.

79. **Бѣляшевскій Н.** Археологическій

съѣздъ въ Кіевѣ 1899, 10, 107—120; 11, 270—276; 12, 399—412.

80. **Бѣляшевскій Н.** Раскопки на Княжей горѣ въ 1891 г. (съ 2 таблицами снимковъ) 1893, 1. 61—104.

81. **Бѣляшевскій Ник.** Раскопки на Княжей горѣ въ 1892 году 1893, 4, 134—142.

82. **Бѣляшевскій Н.** Собраніе древностей Ч. В. Хвойки въ Кіевѣ 1895. 5, 58—61. (Д.).

83. **Бѣляшевскій Н.** Археологическій съѣзъ въ Ригѣ 1896, 10, 20—64.

84. **Бѣляшевскій Н.** Случайныя находки на Княжей горѣ въ 1893 г. 1894, 5, 308—317.

85. **Бѣньковскій И.** Складъ древняго оружія въ д. Григоровкѣ 1904, 6, 116—117. (Д.).

86. **В. П.** Въ с. Субботовѣ памятники старины 1892, —3, 484—486. (Д.).

87. **В. Я.** Разоренная могила 1898, 9. 80—82. (Д.).

88. **В.—ій Д. К.** Нѣчто о древнихъ развалинахъ, находящихся на поляхъ села Васильевки, Полтавской губ. Хорольскаго уѣзда, 1895. 1, 5—6. (Д.).

89. **Волковъ Ѳ.** На Черноморьѣ палеолитическая стоянка 1899, 6. 167—168. (Д.).

90. **Волковъ Ѳ.** По поводу нашихъ Неолитическихъ находокъ съ церамикой домикенскаго типа 1900. 7—8, 235—245.

91. **Г.** Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской 1890, 10, 123—134.

92. **Г.** Старинная Южно-Русская гравюра 1890, 1, 47—59.

93. **Г. Ѳ.** Урны съ жженными человѣческими костями въ Хотинскомъ уѣздѣ и погребеніе мертворожденныхъ въ горшкахъ 1890, 9, 504—505.

94. **Гавриловъ М.** Уцѣлѣвшая старина 1883, 8, 757—760.

95. **Галагановскій.** Фамильный архивъ 1883, 11, 452—469.

96. **Городище** у с. Сахновки Черкас. у. 1899, 7, 39. (Д.).

97. **Данилевичъ В. Е.** Стоянка и мастерская каменнаго вѣка Могилевской губерніи, изслѣдованіе лѣтомъ 1893 г. 1895,—4, 12—18. (Д.).

98. **Дверницкій Е.** Археологическія изслѣдованія въ г. Владимирѣ-Волынскомъ и его окрестностяхъ 1887, 1, 36—50).

99. **Доманицкій В. Н.** Раскопки въ Кіевской губ. 1899, 9, 134—136. (Д.).

100. **Древности** Екатеринославской губ. 1902,—3, 236—237. (Д.).

101. **Дѣвичья** гора у с. Сахновки, Черкас. у. 1899, 9, 136—137. (Д.).

102. **Еврейская** торговля антикварными рѣдкостями 1891, 6, 488—489.

103. **Егоровъ И.** Село Курень и его старина 1904, 1, 135—140.

104. **Ефименко П.** Архивъ малороссійской коллегіи при Харьковскомъ Университетѣ 1882, 1, 193—198.

105 **Еще** одинъ изъ кіевскихъ валовъ 1896, 1, 22—23. (Д.).

106 **З.** Раскопка кургана близь с. Рыжановки звенигородскаго уѣзда Кіевской губ. 1885, 8. 727—729.

107. **Завитневичъ В. З.** Къ вопросу о выработкѣ критерія для классификаціи кургановъ по типамъ 1890, 5, 255—267.

108. **Зарѣцкій И. А.** Замѣтка о его альбомѣ украинскихъ древностей Д. Багалѣя (статья) 1888, 12. 148—149.

109. **Изслѣдованія** и раскопки (Роменскій у Полтав. губ.) 1902, 1, 67—68.

110. **Макаренко Н.** Письмо въ редакцію объ этой замѣткѣ 1902, 3, 242, (Д.).

111. **Изслѣдованіе** стоянки Каменнаго вѣка въ с. Городкѣ Ровенскаго у. Волынской губ. 1899, 2, 101—102. (Д.).

112. **Къ** Исторіи Кіевской археологической коммиссіи 1893, 12, 495—497. (Д.).

113. **Къ** археологическому съѣзду въ Харьковѣ, ученыя общества, изслѣдованія, раскопки и находки 1901, 12, 193—214. (Д.).

114. **Къ** вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала 1896, 1, 21—22. (Д.).

115. **Къ** вопросу о сохраненіи памятниковъ историческихъ лицъ 1891, 10, 136—137.

116. **Къ** свѣдѣніямъ о гибели провинціальныхъ архивовъ 1891, 4, 167—168.

117. **Кіева** старый планъ 1899, 7, 32—33. (Д.).

118. **Кіевской** археографической коммиссіи 250-ти лѣтн. юбилей 1893; 11. III—VI.

119. **Клады** въ Кіевѣ и его окрестностяхъ 1883 6 387—392, 7, 592—594; 8, 770—773.

120, **„Княжа** гора" городище у с. Пекарей Черкас. у. 1899, 2, 103—104. (Д.).

121. **Ковалевскій А.** Къ исторіи малороссійскихъ оффиціальныхъ архивовъ 1894, 3, 557—558. (Д.)

122. **Константиновичъ М.** Развалины Юрьевой божницы въ с. Старогородкѣ 1896, 11, 129—136.

123. **Корсунъ Г.** Находка плитъ въ м. Вороньковѣ Переяслав. у. Полт. губ. 1902, 3, 243—244. (Д.).

124. **Кудлаевичъ** Петръ. Земляные валы близь села Кудинки (Летичевскаго уѣзда, Подольской губ.) 1882 г. 6 535—543.

125. **Курганъ** въ Ананьевскомъ у. 1902, 3, 244. (Д.).

126. L. Неудачная археологическая экскурсія Н. Д. Иванишева 1890, 3, 533—537.

127. L. Заславская легенда (о мѣстныхъ развалинахъ) 1898, 6, 83—85. (Д.).

128 **Л. П.** Къ статьѣ г. Бѣляшевскаго 1889, 1, 213—217.

129. **Лазаревскій** А. Сулиминскій фамильный архивъ 1882, 11, 292—327.

130. **Лебединцевъ Г.** Слѣды поселенія запорожцевъ въ Сванетіи (изъ письма въ редакцію) 1885, 2, 403—406.

131. **Левицкій.** Ор. замка древняго въ Подоліи истребленіе 1899, 10, 15—16. (Д.).

132 **Линниченко** И. Л. Архивы въ Малороссіи (съ прилож. акта о смерти Шуйскихъ) 1888, 8, 349—380, 10, 193—214.

133. **Линниченко** И. Архивы въ Галиціи 1888, 8, 349—390.

134. **Лобода Ѳ.** Изъ археологической экскурсіи въ г. Владимиръ Волынскій 1886, 8, 766—769.

135. **Лоначевскій А.** Археологическая находка въ Гомельскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи 1885, 3, 573—577.

136. **Любецкій** Архивъ графа Г. А. Милорадовича въ приложеніи за 1895 г. 2, 3, 4; 1896. 1, 4, 5, 7—8, 10; 1898, 2, 3, 6.

137. **Ляскоронскій** Вас. Остатки древняго лукомльскаго городища въ м. Лукомлѣ, Лубенскаго уѣзда Полт. губ. 1893, 9, 426—437.

138. **Ляскоронскій** В. Археологическія раскопки близъ г. Лубенъ Полт. губ. въ урочищѣ Лысая гора (съ 3 таблиц. и планомъ) 1892; 11, 263—278.

139. **Ляскоронскій** В. Остатки древняго городища въ м. Снѣтинѣ, Лубенскаго у., Полтавской губ. 1896, 12, 327—336.

140 **М.** раскопки на Кириловской ул. въ Кіевѣ 1899, 1, 42—43. (Д.).

141 **М. К.** раскопки у с. Пастерскаго, Чигиринскаго у., Кіевской губ. 1899, 1, 44—45. (Д.).

142 **М—чъ** В. Изъ старыхъ бумагъ Холмскаго архива 1883, 2, 453—460.

143 **Малинка**. Изслѣдованія, раскопки и случайныя находки 1901, 6, 203—209. (Д).

144. **Мердеръ** А. Мелочи архивовъ юго-западнаго края: Золотые пятаки въ 60-хъ годахъ 1900, 1, 1. (Д).

145. **Мердеръ** А. Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края: Намогильный крестъ въ Арбахъ, какъ документъ 1900, 2, 68—70. (Д).

156. **Мердеръ** А. Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края: Бердичевскія подземелья (извлечено изъ архивнаго дѣла) 1900, 6, 144—146. (Д).

147. **Мердеръ** А. Тріумфальныя ворота въ г. Кіевѣ 1900, 10, 21—22. (Д),

148. **Мищенко** Ѳ. къ вопросу о царскихъ скиѳахъ 1884, 5, 55—76.

149. **Могила** подъ Любаремъ 1901, 2, 83—84. (Д).

150. **Молотовскій** кладъ (въ восточн. Галиціи) 1899, 5, 110—112. (Д).

151. **Молчановскій**. Н. Письмо къ редактору изъ Стокгольма (о бумагахъ шведскаго государствен. архива по исторіи Малороссіи) 1899, 4, 75—89.

152 **Мякотинъ** В. архивъ генеральнаго войскового суда 1898, 11, 137—149.

153. **Н. Б.** Археологическій съѣздъ въ Харьковѣ. 1902, 11, 326—334; 12 480—491.

154. **Н. Б.** у м. Триполья, Кіевскаго у. раскопки 1899, 1, 43—44. (Д).

155. **Н. Б.** археологическій съѣздъ въ Вильнѣ 1893, 10. 55—79.

156. **Н. Б.** Циркуляръ Херсонскаго губернатора (о сохраненіи древностей 1895,—6, 112—113. (Д).

157. **Н. В.** къ вопросу о децентрализаціи нашихъ историческихъ архивовъ. Судьба Румянцевской Описи Малороссіи 1892. 12, 453—461. (Д).

158. **Науменко** В. Вопросы по южно-русской Этнографіи и древней литературѣ, обсуждавшіеся на 3 археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ. 1899, 8. VIII—XIV.

159. **Находка** въ городищѣ „Княжа гора". 1899, 5, 112—114. (Д).

160. **Находка** у с. Конончи Черкас. у на городищѣ 1899, 10, 50—51. (Д).

161. **Находка** римскихъ монетъ 1898, 4. 12—13. (Д).

162. **Нейманъ** Ц. Разграбленіе большого кургана „Огюзъ" близъ села Нижнихъ Сѣрогозъ Мелитопольск. у. 1902, 4, 159—172.

163. **Новицкій** Ив. Старинныя орудія, наказанія и исправленія 1885,—11, 551—554.

164 **О. Л.** Историко-статистическіе матеріалы, своевременно не переданные въ Кіевскій центральный архивъ 1894, 11, 304—305. (Д).

165. **О. Л.** Находка клада въ Почаевской лаврѣ въ 1840 г. 1899, 1, 5—8. (Д).

166. **Онацкій** Д. Вниманію археологовъ 1887,—2, 366—368.

167. **Падалка** Л. Каменный затонъ и бѣлозерское городище на Днѣпрѣ съ картой 1891, 12, 384—390.

168. **Падалка** Л. Надъ великимъ лугомъ Днѣпровскимъ (изъ путевыхъ замѣтокъ) 1897, 5, 300—315.

169. **Падалка** Л. Историческіе матеріалы архива Полтавской Казенной Палаты 1885, 10, 333—338.

170. **Падалка** Л. Слѣды водопроводныхъ сооруженій въ Полтавской губерніи, и надъ рѣкою Высью на границѣ Кіевской и Херсонской губ. 1895, 4, 102—113.

171. **П-ко** Вл. Нѣсколько словъ о малороссійскихъ архивахъ 1905, 2, 136—138. (Д).

172. **Подземные** ходы въ Умани 1896, 1, 23—24. (Д).

173. **Памятники** древности въ окрестности Корсуня 1887, 10, 371—376.

174. **Петровъ** Н. О подземельи въ Кіевѣ возлѣ Б.-Житомирской и Б.-Владимирской улицъ 1902, 6, 157—161. (Д).

175. **Петровъ Н.** О нѣкоторыхъ монетахъ, приписывавшихся Ярославу Мудрому 1890, 12, 507—510.

176. **Площадки** съ росписными сосудами въ звенигородскомъ и уманскомъ уѣздахъ Кіевской губ. 1899,—11, 104—106. (Д).

177. **Прилучанинъ**. Какъ у насъ уважаютъ памятники прошедшаго 1893, 1, 167—169. (Д).

178. **Программа** для собиранія свѣдѣній объ архивахъ 1898, 7—8, 25—28. (Д).

179. **Раскопки** на городищѣ „Княжа гора" 1899, 5, 109—110. (Д).

180. **Раскопки** кургановъ у с. Волковцы Роменскаго у. Полтавской губ. 1899, 9, 133—134. (Д).

181. **Раскопки** кургановъ въ Роменскомъ у. Полтавской губ. у сс. Волковцы и Великія Будки 1899, 4, 55—56. (Д).

182. **Раскопки** кургана при д. Луговкѣ, Мглинск. у. Чернигов. губ. 1902,—4, 79. (Д).

183. **Раскопки** на верхней Юрковицѣ въ Кіевѣ. 1899, 6, 168—172.

184. **Раскопки** въ с. Ромашкахъ, Васильковскаго у. Кіевской губ. 1899, 6, 173. (Д).

185. **Раскопки** кургановъ у д. Луковки, Звенигородскаго у. Кіевской губ. 1899, 4, 54—55. (Д).

186. **Раскопки** кургановъ при сс. Райгородъ и Пруссы Черкаскаго у. Кіевской губ. 1899, 7, 35—36. (Д).

187. **Раскопки** близъ Екатеринослава 1902, 7—8, 25—26. (Д).

188. **Раскопки** близъ м. Каменки Ольгоп. у. Подольск. губ. 1899, 9, 132—133. (Д).

189. **Раскопки** у д. Приворотья-Маковскаго Кам.-Подольскаго у. 1899. 2. 99—101. (Д).

190. **Раскопки Д.** Эварницкаго въ Мелитоп. у. Таврической губ. 1902, 10, 28—29. (Д).

191. **Раскопки** Ковалева Кургана въ Ольгопольской волости Елисаветградскаго у. 1902, 11 111—112. (Д).

192. **Раскопки** въ с. Веселомъ Мелитопольскаго уѣзда проф. Д. Эварницкаго 1902, 11, 112—113. (Д).

193. **Раскопки** кургановъ въ окрестностяхъ г. Тирасполя Херсонской губ. 1899, 5, 107—108. (Д).

194. **Раскопки** въ с. Казацкомъ Херсонск. у 1899, 11, 103—104. (Д).

195. **Раскопки** у Андреевки, Елисаветградск. у. Херсонской губ. 1899, 4, 56—57. (Д).

196. **Раскопки** Кургановъ у. д. Самбросовки. Алекс. у. Херсонской губ. 1899, 7, 37—38. (Д).

197. **Раскопки** въ Херсонесѣ 1899, 4, 57—58. (Д).

198. **Раскопки** близъ с. Кулишовки Золотон. у. Полт. губ. 1899, 9, 131—132. (Д).

199. **Романовичъ**-Славатинскій А. Воспоминаніе объ архивѣ государственнаго совѣта 1888, 6, 409—458.

200. **Рѣдкая** древняя надпись 1882, 7, 190—192.

201. **С. А.** Новыя извѣстія о старыхъ фигурныхъ изразцахъ 1883, 3, 687—688.

202. **Сапожниковъ** къ исторіи Кіевскихъ золотыхъ воротъ 1886, 5, 163—168.

203. **Святославскій** И. Я. Два памятника Полтавской побѣды въ Бѣлогородщинѣ 1886, 6, 378—381.

204. **Синицкій** Д. А. Любопытныя рукописи одной частной библіотеки 1885, 10, 338—342.

205. **Свѣдѣнія** объ остаткахъ семейнаго архива Полуботковъ 1901, 4, 12—13. (Д).

206. **Смѣна** доисторическихъ эпохъ въ Галичинѣ 1900, 5, 73—76. (Д).

207. **Содержаніе** одного изъ чепинскихъ сборниковъ историческихъ бумагъ о Малороссіи 1891, 1,174—176.

208. **Соколовъ** В. Бѣлозерское городище на Днѣпрѣ 1892, 8, 225—245.

209. **Степовичъ** А. Лебединскій Будынокъ 1895,—11, 45—47. (Д).

210. **Стоянка** палеолитической эпохи у с. Селища, Каневск. у. Кіевской губ. 1902, 4, 78—79. (Д).

211. **Старинные** тракты, или дороги въ Южной Россіи 1882, 6. 543—546.

212. **Танковъ** А. А. Идолъ купалы въ г. Ахтыркѣ 1897, 6, 100—102.(Д).

213. **Твердохлѣбовъ** А. Осколки старины въ Зѣньковскомъ уѣздѣ 1905, 7—8, 59—74.

214. **Уваровой** П. С. граф. заключительный докладъ на XI археологич. съѣздѣ 1899, 9, 401—418.

215. **Х.** Замѣтка объ археологиской выставкѣ VII съѣзда въ Москвѣ 1890, 2, 347—349.

216. **Ханенко** А. Археологическая находка въ Черниговѣ 1883, 5, 174—178.

217. **Хатемкинъ**. Къ памятникамъ недавней стороны въ г. Козельцѣ 1898, 12, 413—424.

218. **Ч. В.** Нѣкоторые остатки старины въ Херсонщинѣ 1888, 9, 73—75.

219. **Ч. Н.** Археологическая находка 1887, 10.—381—383.

220. **Черниговскіе** архивы 1902, 2, 90—92. (Д).

221. **Шестой** археологическій съѣздъ въ Одесѣ 1884, 10, 337—346.

222. **Шляпкинъ** И. Интересная надпись 1890, 11, 333.

223. **Щербина** В. Нѣсколько словъ о валѣ въ Кудрявскомъ переулкѣ 1895, 11, 56—58. (Д).

224. **Зварницкій** Д. Островъ Хортица на рѣкѣ Днѣпрѣ (изъ поѣздки по запорожскимъ урочищамъ) 1886, 1, 41—90.

225. **Зварницкій** Д. Раскопка кургана въ д. Вороной 1885, 8, 722—727.

226. **Эварницкій** Д. И. Раскопка кургана „Мухина гора„ 1885, 8, 707—722.

227. **Эварницкій** Д. И. Запорожская пещера надъ Днѣпромъ. 1885, 5, 167—170.

228. **Яроцкій Я.** Цыганская гора вблизи с. Толкачей, Овручск. у., Волынской губ. 1902, 3, 240—242. (Д).

II. Исторія и историческія матеріалы.

А) ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ.

229. **А.** Челобитная монаха К. Печерской Лавры (1773 г.) 1893, 4, 156—161. (Д).

230. **А. А.** Просьба объ установленіи таксы на требы въ пол. XVIII в. 1891, 9, 492—493.

231. **А. А.** Митрофанъ Коринфскій митроп., въ Кіевѣ (1728—33) 1892, 5, 291—293. (Д).

232. **А. А.** Передача иконостаса изъ Кіево-Кирилловской церки въ с. Бортничъ (1796 г.) 1892, 5, 293—294. (Д).

233. **А. А.** Арестованіе водки, везенной изъ Полтавскаго монастыря въ Кіевск. Канцелярію „на поклонъ" (1775 г.) 1893, 2, 378. (Д).

234. **А. А.** Изъ прошлаго Кіево-Межигорскаго монастыря. 1894, 5, 356—357. (Д).

235. **А. А.** Наборъ въ Кіевѣ пѣвчихъ для предворной капеллы (въ 1758 г.) 1891, 3, 512—513.

236. **А. В.** Православный монастырь и его уніатская лѣтопись (Къ исторіи Сатановскаго монастыря Подольской епархіи). 1882, 2, 418—425.

237. **Актъ** объ избраніи сельскаго священника, 1713 г. 1898, 1, 11—12. (Д).

238. **А. Л.** Изъ отношеній Печерской Лавры къ Кіевской митрополіи въ XVIII в. 1894, 7, 100—101. (Д).

239. **А. Л.** Изъ жизни Печерской Лавры 1894, 10, 154—155. (Д)

240. **А. Л.** Договоръ прихожанъ съ причтомъ о замѣнѣ платы за требоисполненіе опредѣленнымъ жалованьемъ, 1838 г. 1896, 4, 2—8. (Д).

241. **А. Л.** Къ исторіи Малорусскаго духовенства 1896, 6, 88—90. (Д.).

242. **А. Л.** Келія св. Димитрія Ростовскаго 1898, 6, 85—86. (Д).

243. **А—скій Ал.** Васильковская таможня и городничіе монахи. 1883. 1, 193—202.

244. **Андреевскій А. М.** Предложеніе гетмана Мазепы Кіевскому войту и магистрату 1702 года (о не утѣсненіи причта и прихожанъ Успенской церкви г. Кіева) 1884, 9, 132—136.

245. **Андріевскій Ал.** по поводу возстановленія Кіево-Межигорскаго монастыря, нѣсколько свѣдѣній къ его исторіи. 1885, 9, 178—183.

246. **Арсеній** архимандритъ. Попытка основанія православной архіерейской кафедры въ Немировѣ въ XVIII ст. 1883, 4, 883—893.

247. **Архангельскій.** Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе Южной Руси къ концу XVI ст. (Историческій очеркъ) 1886, 5—6, 44—78, 237—266.

248. **Береза К.** Выборные священники 1882, 4, 166—168.

249. **Береза К.** Архіерейскія печати 1882, 5, 225—240.

250. **Береза К.** Изъ посмертныхъ бумагъ Могилевскаго архіепископа Анатолія Мартиновскаго. 1884, 6, 210—238.

251. **Береза К.** Записки Преосвященнаго Анастасія, Архіепископа Могилевскаго (о сельскомъ православномъ духовенствѣ западнаго края). 1887, 2, 313—338.

252. **Берхинъ** Іона. Еврейскій документъ о посольствахъ св. Владиміра для испытанія вѣръ. 1884, 12, 568—585.

253. **Борзаковскій П.** Майскія рекреаціи въ бурсѣ. 1896, 4, 176—205.

254. **Бѣляшевскій Н.** къ истореи Кіевской Академіи Кононъ Зотовъ въ Кіевской Академіи. 1893, 9, 438—439. (Д).

255. **Бѣляшевскій Н.** Вызовъ Кіевскихъ монаховъ и спеваковъ въ соборъ. 1893, 9, 439;—10, 167. (Д).

256. **Булаковъ Д.** Изъ галлереи отжившихъ типовъ. Дмитріево свапскій протопопъ Гомоновъ. 1903, 6, 423—455.

257. **Бучневичъ В. Е.** колоколъ „Кизикерманъ" 1896, 12, 747—749.

258. **В. А.** Изъ записной книжки Южно-русскаго священника 1725 г. 1886, 9, 191—194

259. **Василенко В.** Остат. братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ. 1885, 9, 159—171.

260. **Васильевъ** Михаилъ. Преданія о Лебединскомъ монастырѣ въ селѣ Лебединѣ 1887. 4, 784—788.

261. **В. Г.** Договоръ священника съ прихожанами сто лѣтъ назадъ. 1893, 11, 325. (Д.).

262. **В. Д.** Къ малорусскому переводу Евангелія 1903, 1, 10—11. (Д).

263. **Вишневскій** Д. Изъ быта студентовъ старой Кіевской Академіи. 1896, 1. 32—57; 2, 177 —208; 3, 309 —333.

264. **Вишневскій** Д. Средства содержанія профессоровъ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка. 1896, 6, 79—86. (Д).

265. **Вишневскій** Д. Искра Гавріилъ монахъ риторич. учитель Черниг. коллегіума и его столкновеніе съ префектомъ Кіевской Академіи Георгіемъ Донисскимъ 1897, 9, 60—67. (Д).

266. **Вишневскій** Д. Екатерины царицы письмо къ Кіевскому Митрополиту Іоасафу Кроковскому 1902, 5, 86. (Д).

267. **Вишневскій** К. Общее направленіе образованія въ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣ. 1904, 2, 179—200.

268. **В—ій** Д. К. Случай изъ гувернерской жизни (страничка изъ исторіи Переяславской Семинаріи за первую половину XVIII вѣка 1895, 1, 6 —9 (Д).

269. **Воспрещеніе** воспит. Кіевской Духовной Академіи и Семинаріи посѣщать Царскій садъ. 1902, 4, 17—18. (Д).

270. **Востоковъ** А. Жалоба Роменскаго духовенства на прототопопа Мартына Самойлова. 1887, 5, 189—195.

271. **Востоковъ** А. Актъ избранія Варлаама Ясинскаго архимандритомъ Кіево-Печерскаго Монастыря 1887, 7, 573—576.

272. **В. П.** О расширеніи предѣловъ Переяславской Епархіи въ 1756—1757 годахъ 1904, 12; 146—168. (Д).

273 **В. С.** Гавріила Кіевскаго Митрополита Пастырская увѣщательная грамота. 1902, 5, 95—98. (Д).

274. **V.** На пути въ Іерусалимъ (листокъ изъ путевыхъ замѣтокъ 1744 года). 1887, 5, 204—206.

275. **Галонтъ** Л. В. Кіевскій Митрополитъ Петръ Могила и его отношенія къ евреямъ. 1905, 5, 149—152. (Д).

276. **Г. Б.** Рогачевскій Иванъ, Лохвицкій протопопъ, и сынъ сотника Данило Забѣла въ Архангельской ссылкѣ въ 1713—1721 г. г. 1902, 6, 333—346.

277. **Гетманскіе** Проповѣдники (письмо Кіевскаго митрополита Тимофея Щербацкаго къ гетману Разумовскому съ посылкой проповѣдника) 1890. 1, 118—119.

278. **Г. К.** Къ исторіи ссылки Луцкаго епископа Діонисія Жабокрицкаго 1904, 4, 1—3. (Д).

279. **Гл.** Л. Къ Исторіи Кіевскихъ женскихъ монастырей 1896, 4, 9—13. (Д).

280. **Голицынъ** Н. С. Кн. Почаевская Успенская Лавра въ концѣ іюля 1855 года. 1882, 6, 365—380.

281. **Голомбіовскій** А. Изъ Кіевскаго прошлаго (слухъ о намѣреніи правительства „разорить" Межигорскій монастырь). 1892, 7, 451—453. (Д.).

282. **Голомбіовскій** А. Греческіе епископы самозванцы въ Россіи въ XVIII в. 1894, 5, 332—341.

282. **Голоса** духовенства объ украинскомъ переводѣ Еаангелія 1902, 4, 22—23, (Д).

284. **Голубевъ** С. Древнія и новыя сказанія о началѣ Кіевской Академіи (къ вопросу о томъ, можетъ ли Кіевская Академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія). 1885, 1, 85—116.

285. **Голубевъ** С. Очерки изъ исторіи Кіевской духовной Академіи за XVIII столѣтіе. 1889, 4, 1—26.

286. **Голубевъ** С. Западно-русская церковь при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ. 1898, 1, 1—34; 2, 240—264; 4, 397—420; 4, 26—50; 5, 202—221. 6, 309—346.

287. **Г. П.** 800 лѣтіе со дня освященія церкви Успенія Пресвятой Богородицы въ Кіевской лаврѣ. 1889, 9, 777—779.

288. **Грамота** патріарха Адріана Кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому (по жалобѣ Кіевскаго войта и мѣщанъ на незаконныя нѣкоторыя распоряженія митрополита) 1885, 9, 139—144.

289. **Гр. Моз.** Гайдамацкія движенія XVIII ст. и монахи кіевскихъ монастырей 1893, 5, 228—242.

290. **Г—скій** А. Изъ прошлаго Кіево-Печерской лавры 1892, 4, 126. (Д).

291. **Дабижа** Александръ князь. Малороссійская обитель на Аѳонѣ (есть рисунокъ) 1893, 1, 34—40.

292. **Д. В.** Кіевскій Митрополитъ Рафаилъ Заборовскій и его мѣры къ исправленію духовенства 1899, 3, 397—423.

293. **Д. Е.** Владимиро-Волынскій Мстиславскій соборъ XII в. и предстоящее его обновленіе (корреспонденція „Кіевск. Стар.") 1886, 4, 837—839.

294. **Давно** забытая древнѣйшая Кіевская святыня 1884, 11, 534—541.

295. **Два** документа по дѣлу передачи Почаевской лавры изъ вѣдѣнія

уніатовъ въ вѣдомство православное 1882, 9, 486—502.

296 **Два** документа о хозяйствѣ Кіевскихъ монастырей въ половинѣ XVIII ст. 1883, 8, 719—734.

297. **Два** документа къ исторіи 19 февраля 1861 года:

1) Циркулярное письмо канцеляріи оберъ-прокурора Свят. Синода епархіальнымъ архіереямъ.

2) Циркуляръ Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора чиновникамъ земской полиціи, разосланный съ резолюціей митрополита духовенству Кіевской епархіи 1901, 3, 132—140. (Д.).

298. **Двѣ** записки Дмитрія Ростовскаго о пріемѣ и сдачѣ имъ Елецкаго Черниговскаго монастыря 1882,10, 170—173.

299. **Для** исторіи Переяславской бурсы при Епископѣ Іовѣ Базилевичѣ (1771) 1091, 11, 76—78. (Д.).

300. **Для** исторіи церковнаго прихода 1901, 11, 80—83. (Д.).

301. **Для** исторіи церковнаго прихода 1901, 9, 78—82. (Д.).

302. **Добавка** къ замѣткѣ о спискѣ студентовъ Кіевской Академіи 1779 г. 1902, 3, 163. (Д.).

303. **Довнаръ**-Запольскій М. Къ исторіи Люблинской уніи 1896, 2, 56—59. (Д.).

304. **Документы** братства при церкви св. Николая въ г. Замостьѣ 1882, 7, 149—159.

305. **Доманицкій** В. Неудачное вѣнчаніе монаха 1901, 5, 74—75. (Д).

306. **Доманицкій** В. Похищеніе священническаго чина внѣ отечества 1903, 7—8, 15—17.

307. **Доманицкій** В. Два указа Митрополита Рафаила Заборовскаго (1733 и 1735 г. г.) 1904, 7—8, 7—10. (Д.).

308. **Дриженко** А. Старинная церковная утварь въ с. Позникахъ Лохвицкаго уѣзда 1903, 9, 102—104. (Д.).

309. **Дурново** Н. Холмская Русь и причины отпаденія отъ православія 1905, 7—8, 66—69. (Д.).

310. **Дьячки** старой Малороссіи 1897, 11, 38. (Д.).

311. **Е. А.** Архіерейскій подарокъ 1888, 12, 129—135.

312. **Европейскій** баптизмъ-родоначальникъ малорусской штунды 1885, 12, 639—650.

313. **Егоровъ** Іоаннъ. Синодикъ, писанный съ 1734 по 1813 г. 1903, 113—114. (Д.).

314. **Егоровъ** Иванъ. Оригинальная доставка церковнаго колокола 1905, 3, 226—230. (Д.).

315. **Егоровъ** Н. Страничка изъ жизни духовенства въ старой малороссіи (село Курень, Конот. у.) 1904, 10, 16—20 (Д.).

316. **Ефименко** П. Братство и союзы нищихъ 1883, 9—10, 312—317.

317. **Ефименко** П. Присяга духовенства 1884, 5, 151—153.

318. **Заботы** о брачныхъ союзахъ юношей духовнаго званія 1899, 12, 130. (Д.).

319. **Заказъ** Московскаго правительства Кіево-печерской типографіи въ 1669 г. 1896, 6, 73—79. (Д.).

320. **Залѣсскій** Аполинарій. Южнорусскіе священники, отыскивающіе права дворянства 1885, 5, 175—179.

321. **Запрещеніе** протопопамъ и намѣстникаиъ брать съ приходскихъ священниковъ „ралціевыя деньги„ 1903, 12, 139 (Д.).

322. **Ивановъ** П. Переселеніе заштатныхъ церковниковъ въ Новорос-

сію при Екатеринѣ II 1891, 5, 288—297.

323. **Изъ** исторіи Кіевской Академіи (В. Серебренниковъ Кіевск. ак-я съ половины XVIII в. до преобразов. въ 1819 г.) 1897, 12, 351—369.

324. **Историческая** святыня (крестъ Розумовскаго) 1902, 2, 107—108 (Д.).

325. **Каманинъ** И. Къ исторіи Кіево-Печерской Лаврской типографіи 1894, 8, 276—278. (Д.).

326. **Каманинъ** И. Борисоглѣбская школа 1895, 10, 10. (Д.).

327. **Каманинъ** И. Изъ Помянника Кіево-Софійскаго собора 1897, 10, 7—9 (Д.).

328. **Каманинъ**. Склепы въ Великой Лаврской церкви 1895, 10, 9—10. (Д.).

329. **Каманинъ** И. Черты изъ быта духовенства XVIII в. 1896, 1, 16—18. (Д.).

330. **Каневская** соборная церковь 1899, 5, 79—81. (Д.).

331. **Китицынъ** П. Священникъ, преданный суду за возмущеніе крестьянъ гр. Разумовскаго 1902, 7—8, 4—6. (Д.).

332. **Кіево** Братскаго монастыря дача Церковщина 1899, 6, 174—175. (Д.).

333. **Кіево**-Печерская Лавра въ ея прошедщемъ и нынѣшнемъ состояніи 1886, 5, 7, 8, 10, 11, 26—43, 293—306, 386—409, 613—618, 252—264, 500—519.

334. **К—ій** Ѳ. Индульгенція 1892, 11, 293—294. (Д.).

365. **Клебановскій** П. Богуславскій монастырь и его тяжелые дни (1808—1860 г.) 1892, 8, 217—224.

336. **К. О.** „Писанный крестъ“ 1887 11, 585—586.

337 **Коваленко** Гр. Грамота св. Ѳеодосія, архіепископа Черниговскаго. 1905, 5, 158—159 (Д.).

338. **Кому** въ дѣйствительности принадлежитъ проэктъ объ уничтоженіи сословности духовенства въ ю. з. краѣ 1900, 11, 69—71. (Д.).

339. **Контратъ** на постройку церкви конца XVIII вѣка 1884, 3, 422—424.

340. **Короленко** В. Договоръ монастыря со снѣцаремъ (1720) 1906, 7—8, 71—74. (Д.).

341. **Кравченко** К. О ново открытомъ славянскомъ богѣ Раѣ 1886. 9, 163—171.

342. **Крыжановскій** Е. Замѣтка на замѣтку о Почаевской Лаврѣ 1882, 11, 373—382.

343. **Кудринскій** Ѳ. Возсоединеніе уніатовъ въ м. Ратномъ Волынской губ. въ 1838 г. 1892, 3, 409—438.

344. **Кудринскій** Ѳ. Судьба Экзарха Никифора въ зап. Россіи 1895, 6, 399—419; 7, 1—19.

345. **Кудринскій** Ѳ. Дѣло о притѣсненіи православныхъ священниковъ со стороны польскаго пана (при Георгіи Конисскомъ) 1898, 7—8, 14—18. (Д).

346. **К—тъ** В. Давнишняя справка о крестномъ ходѣ въ г. Березенъ. 1887, 3, 581—583.

347. **Къ** бытовой исторіи малорусскихъ монастырей 1901, 2, 74—75. (Д.).

348. **Къ** изданію Евангелія на украинскомъ языкѣ. 1906. 3—4. 90—91. (Д.).

349. **Къ** исторіи быта сельскаго духовенства въ Подоліи 1897, 9, 67—70. (Д.).

350. **Къ** исторіи старыхъ обычаевъ, братствъ и колядъ на Волыни (Ре-

золюціи Модеста, архіеп. Волынскаго 1890—1891). 1901, 10, 15—18. (Д).

351. **Къ** исторіи Южно-Русскихъ братствъ (Основаніе церкви и братства при ней въ м. Срібномъ Полт. губ. Прилукскаго уѣзда). 1886, 9, 183—191.

352. L. Объ имени святителя нетлѣнно почивающаго въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. 1887, 5, 185—189.

353. L. По Пирятинскому уѣзду (кое-что изъ прежней жизни лѣвобережнаго священства). 1887, 4, 790—794.

354. **Л. А.** Еще свѣдѣніяо „дикомъ попѣ". 1887, 11, 577—580.

355. **Л. А.** Къ исторіи Кіевскаго Паломничества. 1890, 9, 476—497.

356. **Л. А.** Къ исторіи церквей города Остра. 1891, 11, 299—300.

357 **Лашкевичъ Ал.** Кіевскій пещерникъ XVIII ст. (подвижникъ Косифей). 1884, 7, 541—543.

358 **Л—въ П.** Многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII ст. 1884, 7, 545—546.

359 **Л—въ П.** Баптизмъ, или штунда, въ Кіевской губерніи. 1885, 3. 491—518.

360 **Л—въ П.** Еще одна изъ древнѣйшихъ церквей, въ Кіевѣ. 1887, 12, 779—782.

361 **Л—въ П.** Матеріалы для исторіи возникновенія и распространенія штунды въ Россіи. 1884, 10, 304—320.

362 **Лебедевъ Амф.** О борьбѣ духовныхъ властей въ бывшей епархіи Бѣлгородской съ суевѣріями .1890, 1, 21.

363 **Левицкій О.** Южнорусскіе архіереи въ XVI—XVII в. 1882. 1, 49—100.

364 **Левицкій Ор.** Социніанство въ Польшѣ и Юго-Западной Руси. 1882, 4, 5, 6, 25—57; 193—224; 401—432.

365 **Левицкій О.** Основныя черты внутренняго строя западно-русской церкви въ XVI и XVII в.в. 1884, 8, 627—654.

366 **Левицкій Ор.** Кандидатъ на священство изъ „Шкурниковъ". 1904, 4, 104—113.

367 **Левицкій** О. Украинское Евангеліе. 1905, 10, 30. (Д).

368 **Левицкій** Памфилъ Прошлое Переяславскаго духовнаго училища (бывшей Переяславской семинаріи) 1889, 2, 424—444.

369 **Леонидъ Архим.** Келейный лѣчебникъ преосвященнаго Варлаама Линицкаго 1890, 11, 326.

370 **Лилеевъ** М. Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. 1889, 8, 9, 376—401; 597—614.

371 **Липковскій** В. прот. Дѣло о суевѣріи священника (1805). 1901, 12, 329—345.

372 **Личковъ** Л. О посылкѣ межигорскихъ монаховъ въ Сѣчь въ 1770 г. 1901, 1, 6. (Д).

373 **Личковъ** Л. О зачисленіи „черногорскаго шляхетства молодыхъ людей" въ студенты Кіевской академіи въ 1757 г. 1901, 1, 6—7. (Д).

374 **Л—ій.** Къ исторіи учрежденія семинаріи въ Переяславѣ. 1888. 1—3, 35—36—39.

375 **Л. М.** Къ Характеристикѣ русской церковно-бытовой жизни въ первой трети XIX вѣка. 1904, 12, 408—443.

376 **Л. О.** Кіево-Выдубецкій перевозъ на Днѣпрѣ и его нежданная политическая роль. 1882; 11, 285—291.

377 **Л. О.** Слезно-рыдающее доношеніе малороссійскаго дидаскала. 1891, 9, 489—491.

378 **Л. П.** Почему Десятинная церковь извѣстна въ народѣ подъ именемъ Десятиннаго Николая 1883, 8, 755—757.

379 **Л. П.** Гдѣ жили первые Кіевскіе митрополиты: въ Переяславѣ или въ Кіевѣ. 1885, 1 177—182.

380 **Л. П.** Къ вопросу о началѣ Кіевской Академіи (отвѣтъ С. Т. Голубеву). 1885, 2, 268—281.

381 **Л. П.** Когда и гдѣ совершилось крещеніе Кіевлянъ при св. Владимирѣ 1887, 9, 175—185.

382 **Л. П.** О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго принятія христіанской вѣры при св. Владимірѣ 1888, 6, 265—283.

383 **Л. П.** Спасъ на Берестовѣ. 1888, 7, 8—11.

384 **Л. П.** Церковь св. Василія 1888, 7, 1—2.

385 **Ляментація** Кіево-Братскихъ монаховъ конца XVII в. 1884, 10, 353—357.

386 **Максимовъ** Евгеній. Къ вопросу о колонизаціонномъ значеніи монастырей въ Слободской Украинѣ. 1887, 9, 93—108.

387 **Маркевичъ** А. О Варвинской Иконѣ 1888, 11, 96—97.

388 **Матченко** Иванъ. Къ дѣлу о началѣ единовѣрія въ Кременчугѣ. 1885, 6, 338—343.

389 **Мацѣевичъ** Л. Процессъ стариннаго Церковнаго суда, выраженный въ малорусскихъ междометіяхъ. 1882, 1, 222—223.

390 **Мацѣевичъ** А. „Нѣчто о дикомъ попѣ“ 1886, 4, 821—826.

391 **Мердеръ** А. Видимая простота (обновившаяся икона). 1900, 7—8, 19. (Д).

392 **Мердеръ** А. Самосудъ старообрядцевъ 1839 года 1902, 1, 18—19. (Д).

393 **Мердеръ** А. Заботы генералъ-Губернатора Анненкова о строеніи въ юго-зап. краѣ православныхъ храмовъ 1903, 4. 8—9. (Д).

394. **Миллеръ** Ор. Церковь и Византійство (памяти Ф. А. Терновскаго и по адресу В. С. Соловьева) 1884, 11, 419—446.

395. **Миронъ**. Лѣтопись Подгорѣцкаго монастыря 1890, 7, 121—122—128.

396. **Модзалевскій** В. Договоръ прихожанъ с. Бѣлоусовки (Пирятин. у.) съ священникомъ 1742 г. 1905, 1, 10—11. (Д.).

397. **Модзалевскій** В. Лукьянъ Свѣчка въ роли похитителя церковныхъ денегъ въ Пирятинской церкви (нач. XVIII в.) 1905, 3, 469—479.

398. **Модзалевскій** В. Къ характеристикѣ отношеній между монахами Мгарскаго монастыря съ Лубенскими козаками въ 1649—1661 г. г. 1906, 3—4, 6—68. (Д.).

399. **М—чъ** В. Т. Письмо епископа Якова Суши къ гетману Выговскому съ цѣлью склонить къ уніи (изъ старыхъ бумагъ Холмскаго архива) 1883, 5, 111—126.

400. **Науменко** В. Стефанъ Яворскій въ двойной роли хвалителя и обличителя Мазепы 1885, 9, 172—175.

401. **Необычная** проповѣдь сельскаго пастыря въ Малороссіи 1903, 12, 128—131 (Д.).

402. **Новицкій** Я. Какъ готовилось Екатеринославское духовенство къ встрѣчѣ Имп. Екатерины II 1887, 4, 795—798.

403. **Новицкій** Я. П. Личный составъ и аттестація духовенства Александровскаго уѣзда Екатеринославской губ. по архивнымъ даннымъ 1814—22 г. г. 1889, 3, 725—730.

404. **Новый** завѣтъ на украинскомъ языкѣ 1902, 2, 106 (Д.).

405. **Н. П.** Холмскій музей церковныхъ древностей 1893, 10, 155—157.

406 **Н. П.** О Свято-Духовской церкви Кіево-Братскаго монастыря 1906, 3—4, 68—71. (Д.).

407. **Оглоблинъ** Н. Къ вопросу о началѣ Кіевской Академіи. „(Выпись изъ книгъ городскихъ воеводства Кіевскаго" 1593 г.) 1886, 3, 482—494

408. **Оглоблинъ** Н. Эпизодъ изъ исторіи обращенія Кіевскихъ уніатовъ 1889, 3, 716—725.

409. **Оглоблинъ** Н. Изъ бумагъ Д. А. Лохвицкаго (объ Ильинской и Христо-Воздвиженской церквахъ и объ открытіи Кіевскихъ древностей въ 1820—30-хъ г. г.) 1889, 7, 239—245—256.

410. **О. Л.** Къ исторіи Владимиро-Волынскаго базиліанскаго училища 1892, 10, 121—122. (Д.).

411. **О. Л.** Интересный приказъ о благопристойности духовенства въ началѣ прошлаго вѣка 1892, 11, 300—301. (Д.).

412. **О. Л.** Путешествіе малорос. іеромонаха Тарасія Калонпскаго въ Италію въ 1697 г. 1896, 5, 49—53. (Д.).

413. **О. Л.** Резолюція Имп. Екатерины II по жалобѣ малорос. священника 1902, 3, 101—103. (Д.).

414. **О. Л.** Портретная икона Чацкихъ въ м. Боромлѣ 1900, 4, 6—7. (Д.).

415. **О. Л.** О сектантахъ въ Кіевщинѣ. 1902, 10, 1—16.

416. **О. Л.** Къ исторіи Каневской соборной церкви 1903, 10, 9—14. (Д.)

417. **О. Л.** Изъ быта малорусскихъ сельскихъ пастырей XVII в. 1903, 12, 125—128. (Д.).

418. **О. Л.** Изъ сельской церковной лѣтописи 1905, 3, 222—223. (Д.).

419. **О. Л.** Старинныя публикаціи о бѣдныхъ монахахъ 1905, 4, 38—41. (Д.).

420. **Оленинъ** С. Объ изданіи книгъ Св. писанія на украинскомъ языкѣ 1905, 7—8, 65—66. (Д.).

421. **Ордеръ** правителя малороссіи А. Румянцева объ устройствѣ пѣвческой школы въ Глуховѣ. 1886, 11, 579—580.

422. **Орельскій** А. Къ Исторіи торговли кольцами св. Варвары въ Кіевѣ 1899, 12, 381—389.

423. **Орловскій** П., прот. Миссіонеры, распространяющіе унію въ Украинѣ въ 1776 г. 1892, 5, 285—288. (Д).

424. **Орловскій** П. прот. Благодарственное письмо Имп. Елизаветѣ Петровнѣ за возвращеніе Кіевской Каѳедрѣ митрополитанскаго титула 1892, 8, 263—264. (Д).

425. **Орловскій** П. прот. Садковскаго Виктора по дѣлу оффиціальные документы (1792 г.) 1892, 9, 414—420. (Д).

426. **Орловскій** Петр. прот. Приказъ уніатскаго митрополита Іасона Смогоржевскаго уніатскимъ священникамъ Бѣлоцерк. округа 18 дек. 1784 г. касательно платы за требоисправленіе. 1892, 12, 474—478. (Д).

427. **Орловскій** П. прот. Указъ Кіевской митрополіи о чинѣ поминанія въ богослуженіи гетмала Кирилла Разумовскаго 1893, 7, 142—143. (Д).

428. **Орловскій** Петръ прот. Харитатыва. 1894, 3, 382—402.

429. **Орловскій** П. прот. Къ исторіи южно-русскаго духовенства 1895, 11, 50—51. (Д).

430. **Орловскій** П. прот. Странствующій архіерей (1777—1778) 1896, 1, 78—100.

431. **Орловскій** П. прот. Къ исторіи малорусскаго духовенства 1896, 9, 49—64. (Д).

432. **Орловскій** П. прот. Евгенію митрополиту актъ признательности отъ дворянъ Кіевск. губ. 1899, 8, 46—49. (Д).

433. **Орловскій** П. прот. Погребеніе Кіевск. митроп. Рафаила Забаровскаго и Арсенія Могилянскаго. 1904. 7—8, 1—10.

434. **Орловскій** П. прот. Матеріалы для исторіи Кіевской дух. Академіи (1800—1802) 1904, 5, 61—68. (Д).

435. **Орловскій** П. прот. Чинъ изверженія изъ священства совершившійся въ Кіевской митрополіи въ XVII в. 1904, 12, 444—453.

436. **Орловскій** П. Матерьялы для исторіи Кіевской духовной Академіи. 904, 4, 6—13. (Д).

437. **Орловскій** П. прот. Звѣрская расправа игумена Лебединскаго монастыря съ монахинею. 1905, 4, 36—38. (Д).

438. **Орловскій** П. прот. Участіе запорожскихъ козаковъ въ возстановленіи православной южно-русской церковной епархіи въ 1620 году. 1905, 10, 133—141.

439. **Орловскій** П. прот. Кіевскій соборъ въ 1629 г. 1905, 7—8, 166—173.

440. **Осиротѣлые** колокола. 1882, 1, 218—220.

441. **Отношеніе** Святѣйшаго Синода къ малорусскому языку. 1900, 1, 21, (Д).

442. **П.** Къ исторіи обители Паисія Величковскаго. 1894, 5, 345—350 (Д).

443. **П. Л.** Святый Владимиръ Благовѣрный и равноапостольный князь Кіевскій (лѣтописное сказаніе) 1888, 7, 1—15.

444. **Павловскій** И. Ф. Изъ прошлаго Полтавшины. Несостоявшійся проектъ въ 1805 г. о назначеніи жалованья городскому духовенству въ Малороссіи. 1901, 10, 1—2. (Д).

445. **Павловскій** И. Ф. Приходскія школы въ старой Малороссіи и причины ихъ уничтоженія. 1904, 1, 1—40.

446. **Павловскій** И. Ф. Старообрядческій священникъ, бѣжавшій къ старообрядцамъ. 1904, 2, 53—55. (Д).

447. **Павловскій** И. Ф. Ходатайство о бѣдной вдовѣ Василевской, родственницѣ св. Ѳеодосія Угличскаго. 1904, 5, 60—61. (Д).

448. **Перетцъ** В. Грамота Кіевскаго митрополита Іосафа Драковскаго на утвержденіе скита близь м. Моровска, основаннаго игуменомъ Лубенскаго монастыря Серапіономъ, 1714 г. 1905, 7—9, 42—43. (Д.).

449. **Петровъ** Н. Забытыя иноческія обители (монастыри Холмскій и Замостьевскій въ общей судьбѣ русско-украинскаго монашества). 1882, 6, 8, 1—41, 199—242.

450. **Петровъ** Н. Что сдѣлалъ Кіевскій митр. Петръ Могила для украшенія великой церкви Кіево-Печерской Лавры. 1900, 3, 145—147. (Д.).

451. **Петровъ** Н. проф. Сенатскій указъ Кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому отъ 16 декабря 1742 г. въ отвѣтъ на его ходатайство о возстановленіи нѣкоторыхъ правъ южно-русскаго духовенства и Кіевской Академіи 1905, 9, 112—115. (Д.).

452. **Письмо** арх. Новгор. Ѳеофана Прокоповича къ арх. Кіевск. Рафаилу Забаровскому 8 марта 1734 г. (О способахъ къ улучшенію матеріальнаго положенія Кіевск. академіи). 1884, 3, 465—470.

453. **П—ко** В. Статистическія свѣдѣнія о церквахъ и православномъ населеніи русской части Малороссіи въ 1780 годахъ. 1905, 10, 7—8. (Д.).

454. **П—ко** В. Дѣло епископа Черниговскаго Ираклія и іеромонаха іереміи Гусаревскаго. 1905, 10, 5—7. (Д.).

455. **П—ко** В. Къ вопросу о доходахъ и расходахъ архіерейскихъ кафедръ въ 18 в. (доходы и расходы кафедры Переяславской въ 1771—1776 г.г.) 1905, 10, 1—5. (Д.).

456. **П—ко** В. Указъ императрицы Анны Ивановны правителю Малороссіи князю Шаховскому о бракахъ малороссовъ. 1905, 10, 1. (Д.).

457. **П—ко** В. Письмо въ редакцію (поправки къ статьѣ „Гервасій Линцевскій". Д. ст. 1904, 12.) 1905, 1, 17—18. (Д.).

458. **П—ко** В. Къ вопросу о судѣ надъ Мелхисидекомъ Значко-Яворскимъ 1905, 4, 46—47. (Д.).

459. **П—ко** В. Къ исторіи Кіево-Софійскаго собора 1906, 5—6, 8—9. (Д.).

460. **П—ко** В. Къ исторіи матеріальнаго положенія малороссійскаго духовенства въ 18 вѣкѣ. 1906, 5—6, 6—8. (Д.).

461. **П—ко** В. Изъ исторіи борьбы малороссійскаго духовенства за свои права въ 18 вѣкѣ. 1906, 9, 13—15. (Д.).

462. **П. М.** Традиціонная характеристика Кіевскихъ монастырей. 1883, 9. 10, 325—326.

463. **Подольское** епархіальное церковно-древлехранилище. 1890, 6, 551—552.

464. **Позволительный** листъ Ѳеодосія Углицкаго на установленіе братствъ и цеха въ м. Лѣткахъ 1897, 10, 7—9. (Д.).

465. **Полницкій** А. Избраніе прихожанами священника. 1895, 11, 53—54. (Д.).

466. **Полницкій** А. Распопъ Никола 1895, 11, 145—157.

467. **По** поводу 900 лѣтія Черниговской каѳедры. 1892, 9, 350—356, 10, 1—14.

468. **Поправки** къ надписямъ въ Черниговскомъ соборѣ. 1893, 10, 166, (Д.).

469. **Протопопъ** Комаръ и его вторичный бракъ 1882, 12, 607—613:

470. **Приказъ** 1788 г. объ обязательномъ ношеніи длинныхъ волосъ дѣтьми священно—и церковнослужительскими. 1893, 7, 143—144. (Д.).

471. **Проектъ** упорядоченія дѣлъ римско-Католической церкви въ литовскихъ провинціяхъ 1885, 5, 127—136,

472. **П—скій** Борисъ. Изъ письма въ редакцію о нѣмецко-хохлацкой штундѣ. 1884, 11, 543—544.

473. **П—скій** П. О Кіевскомъ Трехсвятительскомъ монастырѣ. 1896, 5, 40—46. (Д.).

474. **Раскольничьи** слободы въ Черниговщинѣ въ первой половинѣ XVIII в. 1886, 10, 398—400.

475. **Рклицкій** С. Какъ поминали въ церквахъ гетмана Разумовскаго 1900, 2, 63—65. (Д.).

476. **Рклицкій** С. Договоры прихожанъ съ священниками въ старой Малороссіи (по поводу договорнаго акта 1789 г.). 1901, 1, 115—124.

477. **Рклицкій** С. Указъ объ обязат. обученіи дѣтей священнослужителей въ школахъ латинскому языку 1723 г. 1903. 9, 111—112. (Д.).

478. **Рклицкій** Сергѣй. Три указа конца XVIII вѣка.

1) епископское взысканіе за неявку студентовъ семинаріи въ срокъ послѣ Рождественскихъ каникулъ.

2) Бракъ по обману и наказаніе за него священника.

3) Дѣло о обвѣнчаніи въ пянѣ въ жилой избѣ въ ночное врмя. 1903, 10, 2—6. (Д.).

479. **Русская** святыня на западѣ Европы. 1885, 2, 377—381.

480. **Саббатовскій** П. Записавшійся во власть помѣщика священникъ. 1883, 5, 184—185.

481. **Св.** мѵро въ старину и какіе съ нимъ случаи бывали. 1882, 10, 180—183.

482. **Свѣдѣніе** о ново-басонскихъ церквахъ въ 1768 г. 1898, 7—8. 22—23. (Д.).

483. **С—ко.** Н. О дозволеніи сыновьямъ священниковъ вступать въ козачье сословіе со званіемъ значковаго товарища. 1888, 1—3, 28—30.

484. **Синицкій** К. Завѣщаніе Тимофея Щербацкаго, митрополита Кіевскаго, Галицкаго и малыя Россіи. 1894, 9, 456—457. (Д.).

485. **Сластіоновъ** А. Церковное пѣніе и культура XVII и XVIII ст. въ Украинѣ и московіи 1905, 4, 48—54. (Д.).

486. **С. Н.** Къ исторіи малорусскихъ церковно-общественныхъ нравовъ XVIII столѣтія. 1884, 2, 332—333.

487. **С. Н.** Къ исторіи попытокъ сокращенія числа праздниковъ. 1891, 3, 503—506.

488. **С. П.** Указъ о проповѣдяхъ на малорусскомъ языкѣ. 1902, 2, 81—83. (Д.).

489. **Списокъ** студентовъ и учениковъ Кіевской академіи 1779 года. 1902, 1, 8—13. (Д.).

Добавка къ этой замѣткѣ 1902, 3, 163. (Д.).

490. **Старинные** проповѣдническіе амвоны кіевскихъ церквей. 1887, 5, 206—213.

491. **Стоимость** похоронъ Прилуцкой обывательки въ 1726 г. 1901, 4, 18—19. (Д.).

492. **Стоимость** похоронъ Барышевской обывательки въ 1756 г. 1901, 5, 85—86. (Д.).

493. **Стороженко** Н. В. Двѣ грамоты митрополитовъ Кіевскихъ Самуила Миславскаго (1783—1796 г.) и Іерофея Малицкаго (1796—1799 г.). 1890, 12, 511—514.

494. **Стороженко** Н. Записка Іоасафа Крюковскаго митрополита Кіевскго (1712). 1892, 2, 347—348. (Д.).

495. **Стороженко** Н. Чудотворная икона Божьей Матери въ с. Ржавцѣ. 1900, 7—8, 11—12. (Д.).

496. **Страшкевичъ** В. О базиліанахъ въ с. Маліовцахъ, Подольской губерніи. 1905, 2, 135—136. (Д.).

497. **Страшкевичъ** В. Къ характеристикѣ матеріальнаго положенія уніатскаго духовенства въ нач. XIX в. 1905, 3, 223—226. (Д.).

498. **Страшкевичъ** В. Къ исторіи пребыванія монаховъ—тратистовъ въ Россіи. 1905, 9, 108—109. (Д.).

499. **Сумцовъ** Н. Шпиталь въ м. Боромлѣ 1883, 9—10, 309—312.

500. **Т. А.** Покровская церковь въ Переяславѣ 1883, 7, 588—592.

501. **Танковъ** А. Греко-уніатскій монастырь въ Курскѣ. 1899, 11, 59—64. (Д.).

502. **Тарнавскій** А. По поводу 50-лѣтн. юбилея Почаевской лавры. 1883, 12, 681—663.

503. **Твердохлѣбовъ** А. Къ исторіи Скельскаго Монастыря 1886, 10, 392—398.

504. **Терновскій** Ф. Излишніе малороссійскіе монахи конца XVIII ст., какихъ они были качествъ и какъ доживали свой вѣкъ. 1882, 5, 329—337.

505. **Титовъ** О. Инструкція для Кіевской духовной академіи 1763 г. (Біевск. Епарх. Вѣд. 1893 г. № № 19, 20). 1894, 8, 282—286. (Д.).

506. **Тиховскій** Ю. Мнимая типографія Почаевскаго монастыря. 1895, 7—8, 1—25,; 9, 248—281.

507. **Т. П.** Березенская Вознесенская церковь (съ рисункомъ) 1889, 1, 215—229—231.

508. **Трублаевичъ** М. Воспоминанія о Приворотскомъ духовномъ училищѣ 50-хъ годовъ. 1899, 11, 167—184.

509. **Т—ъ** К. И. Къ исторіи Кіево-Никольскаго монастыря 1895, 6, 113—114. (Д.).

510. **Универсалъ** Кіевскаго Полковника Василія Дворецкаго 1660 г. (объ отдачѣ церкви Николая Доброго въ Кіевѣ бернандинскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ). 1885, 4, 743—745.

511. **Французское** письмо протоіерея Богаевскаго къ гр. П. А. Румянцеву. 1756 г. 1901, 6, 147—149. (Д.).

512. **Французъ** о Кіево-печерской Лаврѣ. 1900, 2, 80—81. (Д.).

513. **Харламповичъ** К. Острожская православная школа (ист. крит. очеркъ) 1897, 5, 177—207.; 6, 363—388.

514. **Храневичъ** В. Споръ о чудотворной Католической иконѣ. 1893, 9, 323—343.

515. **Храневичъ** В. Обращеніе русской церкви въ латинскій костелъ (эпизодъ изъ исторіи церковно-бытовыхъ отношеній между православіемъ и католичествомъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія). 1891, 12, 391—412.

516. **Храневичъ** В. Помѣщики и духовенство въ юго-западн. краѣ въ концѣ прошлаго столѣтія. 1892, 9, 357—388.

517. **Храневичъ** В. Нѣкоторыя черты изъ былой жизни духовенства Юго-западн. Края. 1893, 3, 399—411. 4, 78—97.

518. **Храневичъ** В. Волынское церковно-археологическое древлехранилище 1893, 7, 66—73.

519. **Храневичъ** В. Выборное начало въ средѣ Волынскаго духовенства въ концѣ XVIII и XIX вѣка. 1900, 5, 270—273.

520. **Храневичъ** В. Одобрительныя свидѣтельства для кандидатовъ священства на Волыни 1904, 6, 105—109. (Д.).

521. **Храневичъ** В. Скитальческая судьба Волынской семинаріи. 1896, 5, 225—248.

522. **Храневичъ** К. При старыхъ порядкахъ (изъ недавняго прошлаго Волынской духовн. семинаріи). 1896, 12, 287—326.

523. **Ц. С.** Второбрачіе Южно-русскихъ священниковъ конца XVIII вѣка и его историческіе прецеденты (по поводу протопопа Комара). 1883, 2, 429—444.

524. **Цыбульскій** К. Роковое чтеніе псалтыри (изъ быта и нравовъ старыхъ Кіевскихъ „спудеевъ"). 1884, 2, 336—342.

525. **Челобитная** митрополита Кіевскаго Варлаама Ясинскаго о безпокойствѣ, причиняемомъ Софійскому монастырю близостью дворовъ, населенныхъ военными людьми. 1894, 7, 122—123. (Д).

526. **Шр—ко** А. Договоры прихожанъ съ избраннымъ имъ священникомъ 1904, 2, 52—53. (Д).

527. **Штунда** въ Волынской губерніи. 1903, 6, 149—154. (Д).

528. **Щербина** В. „Правная грамота" Православнаго священника 1777 г. 1892, 11, 291—293.

529. **Эйнгорнъ** Виталій. Ив. Андр. Шмарковскій, протопопъ Глуховскій, и его сношенія съ Московскимъ Правительствомъ (1658—1673). 1892, 10, 51—62.

530. **Эпизодъ** изъ исторіи церковно-приходской школы въ с. Шамраевкѣ, Васильковскаго уѣзда. 1897, 6, 95—98. (Д).

531. **Ян—скій** Ив. Изъ прошлаго Полтавской епархіи (бытовыя картинки) 1898, 4, 1—3; 5, 39—45. (Д.).

532. **Яремичъ** Ст. Еще о памятникахъ искусства Кіево-Печерской Лавры. 1900, 10, 179—188.

Б) ОБЩАЯ ИСТОРІЯ.

533. **А.** Изъ уголовной хроники XVIII в. (мотивы двухъ убійствъ). 1893, 4, 155—156 (Д).

534. **А. А.** Страничка изъ прошлаго города Переяслава 1889, 8, 468—489—490.

535. **А. А.** Случай столкновенія Кіевскаго магистрата съ военнымъ начальствомъ (1773). 1891, 10, 127—129.

536. **А. А.** Табачная контрабанда среди Кіевскихъ мѣщанъ 1891, 11, 259—266.

537. **А. А.** Что претерпѣлъ въ Кіевѣ малороссіянинъ за „хожденіе при шпагѣ" (1849). 1891, 12, 473—474.

538. **А. А.** Вздорожаніе хлѣба въ 1765 г. 1891, 12, 474—476.

539. **А. А.** Распоряженіе генералъ-губернатора Глѣбова по случаю проѣзда турецкаго посланника черезъ г. Кіевъ (1764 г.) 1892, 1, 146—148 (Д).

540. **А. А.** Кіевскій магистратъ запрещаетъ сотнику торговать въ лавкахъ (1760). 1892, 4, 126—128 (Д).

541. **А. А.** Сотникъ Павелъ Гудимъ противодѣйствуетъ переходу козачаго двора въ мѣщанскія руки (1748). 1892, 6, 453—454 (Д).

542. **А. А.** Жалоба Переяславскаго полковника на укрывательство малороссіянъ въ Кіевѣ (1760). 1892, 8, 265—266. (Д).

543. **А. А.** Указъ изъ канцеляріи Московскаго университета отъ 26-го апрѣля 1768 г. о розыскѣ бѣжавшаго студента Кіевлянина. 1892, 8, 266—267. (Д).

544. **А. А.** Контроль Губ. Канц. надъ расходами Кіевскаго магистрата по исправленіи нѣкоторыхъ городскихъ надобностей. 1892, 9, 420—422. (Д).

545. **А. А.** Первые Кіевскіе Нотаріусы (1765—68). 1892, 11, 301—304. (Д).

546. **А. А.** Кіевской городской думы пререканіе съ администраціей по поводу одной изъ статей городскихъ доходовъ въ 1785—87 г. 1892, 9, 423—425. (Д).

547. **А. А.** Глуховскіе серебрянныхъ дѣлъ мастера сманиваютъ рабочихъ отъ Кіевскихъ мастеровъ (1780 г.). 1892, 12, 478—481. (Д).

548. **А. А.** Кабаки казенные въ Кіевѣ (1721—1734 г.г.). 1893, 2, 376—378. (Д).

549. **А. А.** Преслѣдованіе Кіевскимъ магистратомъ „неапробованныхъ въ медиціи людей". 1893, 2, 379—380. (Д).

550. **А. А.** Загадочное происшествіе на печерскомъ форштатѣ (1776). 1893, 7, 126—131. (Д).

551. **А. А.** Открытіе въ Кіевѣ Управы благочинія и первыя проявленія ея дѣятельности (1786). 1893, 9, 415—428.

552. **А. А.** Мѣры противъ умноженія нищихъ и бродягъ въ Кіевѣ въ 1764 г. 1893, 9, 450. (Д).

553. **А. А.** Мѣры противъ уменьшенія сборовъ въ Кіевскихъ казенныхъ кабакахъ (1775). 1894, 5, 353—356. (Д).

554. **А. А.** Днѣпровскій перевозъ въ Кіевѣ. 1897, 7—8, 26—33. (Д).

555. **А. А.** Конфискація заповѣдныхъ товаровъ въ Кіевѣ. 1898, 7—8, 18—22. (Д).

556. **А. А.** О назначеніи въ Кіевскую губернію провинціалъ—фискала. 1898, 9, 83. (Д).

557. **А. А.** Къ исторіи женскаго образованія въ Кіевской губ. (архивная справка). 1901, 3, 151—153. (Д).

558. **А. А.** Еще страничка изъ прошлаго г. Переяслава. 1901, 9, 277—303.

559. **А. В.** Поселенія запорожцевъ къ Банатѣ. 1882, 6, 349—552.

560. **Авантюра** XVI вѣка (изъ исторіи молдавскаго княжества). 1893, 6, 357—383; 7, 1—29.

561. **Акимовъ Е.** Полтава восемьдесятъ лѣтъ назадъ. 1896, 10, 7—12. (Д).

562. **А. Л.** Лѣтописныя замѣтки (1651—1749 г.г.). 1883, 3, 680—682.

563. **А. Л.** Желѣзнякъ (Псевдо). 1889, 1, 221—222.

564. **А. Л.** Сенютовичъ Т. М. учитель графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. 1889, 1, 223—224.

565. **А. Л.** Запоздалая ревность запорожья къ своему имени, 1889, 3, 740—741.

566. **А. Л.** Къ исторіи земледѣлія въ Малороссіи (свидѣтельство гетмана Разумовскаго). 1889, 4, 201—203.

567. **А. Л.** Опись имѣнія Бороздпъ (1638 г.). 1889, 12, 622—628.

568. **А. Л.** Записки 1801 г. о нуждахъ малороссійскаго дворянства. 1890, 8, 310, 311—316.

569. **А. Л.** Хмельницкій Б. Позднѣйшаго память о немъ въ с. Суботовѣ. 1891, 4, 164—165.

570. **А. Л.** Число крестьянскихъ дворовъ, находившихся во владѣніи козацкой старшины въ половинѣ XVIII в. (документъ 1743 г.). 1891, 8, 284—298.

571. **А. Л.** Свѣдѣнія о задунайскихъ запорожцахъ въ 1826 г. 1891, 11. 295—299.

572. **А. Л.** Сахно-Устимовичи и Апостолы (къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи). 1892, 9, 410—414. (Д).

573. **А. Л.** Свѣдѣнія объ участіи малороссійскихъ козаковъ въ усмиреніи пугачевскаго бунта. 1892, 10, 120—121. (Д).

574. **А. Л.** Къ исторіи будущаго Кіевскаго музея. 1893, 1, 169—171. (Д).

575. **А. Л.** Къ исторіи начальнаго обученія въ Харьковѣ, въ началѣ этого вѣка. 1893, 4, 153—155. (Д).

576. **А. Л.** Когда и какъ Кіевскій магистраторъ установилъ номера для извозчиковъ и денежный сборъ съ нихъ. 1894, 6, 519—520. (Д).

577. **А. Л.** Троцины (къ исторіи малорусскаго шляхетства). 1893, 11, 321—324. (Д).

578. **А. Л.** Историческія мелоги. 1894, 5, 357—360. (Д).

579. **А. Л.** Историческія мелоги. 1894, 6, 535—539. (Д).

580. **А. Л.** Пререканіе Кіевскаго магистратора съ губернской канцеляріей по поводу квартирной повинности въ 1759 году. 1894. 9, 444—446. (Д).

581. **А. Л.** Опущенная въ печати страница изъ лѣтописи Грабянки. 1894, 11, 297—300. (Д).

582. **А. Л.** Для чего и въ какой обстановкѣ пріѣзжалъ кн. Меньшиковъ въ Малороссію въ 1720 г. 1895, 2, 49—53. (Д).

583. **А. Л.** Черниговскій Коллегіумъ въ началѣ XVIII в. 1895, 10, 2—3. (Д).

584. **А. Л.** Къ свѣдѣніямъ о малорусской школѣ. 1896, 4, 8—9. (Д).

585. **А. Л.** Коронная служба въ гетманство Разумовскаго. 1896, 6, 86—88. (Д).

586. **А. Л.** Универсалъ гетмана Разумовскаго о прекращеніи старшинскихъ насилій. 1896, 7—8, 1—2. (Д).

587. **А. Л.** Хозяйство гр. П. А. Румянцева. 1896, 12, 81—85. (Д).

588. **А. Л.** Какъ основалась „Кіевская Старина". 1897, 3, 63—64. (Д).

589. **А. Л.** Харьковъ и Стародубъ въ 1808 г. 1797, 4, 13. (Д).

590. **А. Л.** Поѣздка въ Полтаву (П. Г. В-ову). 1897, 4, 67—77.

591. **А. Л.** Два поддѣльныхъ историческихъ документа. 1897, 5, 55—61. (Д).

592. **А. Л.** Универсалъ гетмана Гавріила Крутневича 1603 года. 1898, 1, 1—4. (Д).

593. **А. Л.** Къ исторіи Мазепинскаго замысла (Документъ). 1899, 2, 80—82. (Д).

594. **А. Л.** Малорусская кабальная запись 1725 г. 1899, 3, 138—139. (Д).

595. **А. Л.** Изъ семейныхъ отношеній нач. XVIII в. 1899, 4, 4—5. (Д).

596. **А. Л.** Показаніе о службахъ Лубенскаго полкового есаула Андрея Петровскаго (1678—1712 г.г.). 1899, 4, 7—12. (Д).

597. **А. Л.** Сотничій произволъ (документъ 1751 г.) 1899, 5, 75. (Д).

598. **А. Л.** Къ исторіи статутовыхъ судовъ въ лѣвобережной Малороссіи. 1901, 1, 3—4. (Д).

599. **А. Л-скій.** Еще извѣстіе о московскомъ походѣ Сагайдачнаго. 1886, 1, 200—201.

600. **Андр. А.** Кіевскіе Толмачи 1889, 5—6, 586—594.

601. **Андр. А.** Запорожскій старшина Антонъ Головатый въ Кіевѣ. 1890, 2, 341—344.

602. **Андр. Ал.** Изъ дѣлъ объ оскорбленіи гетманской чести. 1884, 12, 730—735.

603. **Андр-скій Ал.** Запорожскіе выборы и порядки половины XVIII в. (по современнымъ описаніямъ). 1883, 5, 127—139.

604. **Андріевскій** А. Кіевскія смуты средины прошлаго столѣтія. 1886, 12, 664—708.

605. **Андріевскій** А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ (1754—1766 г.) 1891, 4. 1—31; 5, 210—243; 6, 384—409—410- 422.

606. **Андріевскій** А. Указъ 1734 г. о бытіи въ Кіевѣ войтомъ Козьмѣ Кричевцу и свѣдѣніе объ испр. въ 1739 г. должн. Кіевскаго войта Быковскимъ. 1891, 5, 309—311.

607. **Андріевскій** А. Жалоба Кіевскаго магистрата на карантинныхъ откупщиковъ. 1891, 5, 311—313.

608. **Андріевскій** А. Объ учрежденіи въ Кіевѣ запаснаго хлѣбн. магазина (1754—56 г.г.). 1891, 6, 475—479.

609. **Андріевскій** А. Проѣздъ турецкаго посла черезъ Кіевъ въ 1775 году. 1891, 6, 479—481.

610. **Андріевскій** А. Кіевскій вооруженный мѣщанскій корпусъ въ 1790 г. 1891, 7, 129—131.

611. **Андріевскій** А. Судьба Кіевскихъ водяныхъ мельницъ. 1891, 7. 131—133.

612. **Андріевскій** А. Дѣятельность Кіевскаго Совѣстнаго Суда въ первый годъ его существованія (1782.) 1891, 7, 119—129.

613. **Андріевскій** А. Архивная справка о моровой язвѣ въ Кіевѣ въ 1770—71 г.г. 1891, 8, 305—314.

614. **Андріевскій** А. Архивная справка о составѣ Кіевскаго „Общества" въ 1782—1797 г. 1894, 2, 192—203.

615. **Андріевскій М.** „Давыдова Божелка" (изъ лѣтописной топографіи Кіевскаго Полѣсья) (съ планомъ) 1885, 6, 184—204.

616. **Антоній** I д-ръ. Савва Чаленко (изъ исторіи Гайдамачины прошлаго вѣка) (переводъ съ польскаго). 1887, 11, 471—490.

617. **Антоновичъ Вл.** Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569). 1882, 1, 1—48.

618. **Антоновичъ Вл.** Паны Ходаки, воротилы городского самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI—XVII ст. 1882, 2, 233—261.

619. **Антоновичъ В.** Уманскій сотникъ Иванъ Гонта (1768 г.). 1882, 11, 250—276.

620. **Антоновичъ В.** Неизвѣстный доселѣ гетманъ и его приказъ. 1883, 5, 140—145.

621. **Антоновичъ В.** Прилукскій полковой ассаулъ Михайло Мовчанъ и его записная книга. 1885, 1, 57—71—84.

622. **Антоновичъ В.** Польско-русскія соотношенія XVII в. въ современной польской призмѣ (по поводу повѣсти Г. Сенкевича „Огнемъ и Мечемъ). 1885, 5, 44, 78.

623. **Антоновичъ В.** Лѣтопись Яна Юзефовича, какъ источникъ для исторіи Южной Руси. 1887, 11, 529—536.

624. **Антоновичъ В.** Грановщина (Эпизодъ изъ исторіи брацлавской украйны). 1888, 1, 2 и 3, 75—93.

625. **Антоновичъ В.** Нѣсколько данныхъ о землевладѣніи въ южной украйнѣ въ XV ст. 1896, 10, 1—19.

626. **Апостола** гетмана ходатайство о назначеніи въ Глуховѣ второго док. 1902, 2. 88—89. (Д).

627. **А. С.** Какой юбилей имѣетъ право праздновать г. Переяславъ Полтавской губерніи. 1894, 4, 61—73.

628 **А-скій** А. Сербы въ Кіевѣ, 1885, 7, 505—511.

629. **Б.** О мѣст. Ратно нѣсколько данныхъ. 1892, 5, 288—231. (Д).

630. **Багалѣй Дм.** Состояніе полиціи въ малороссійскихъ городахъ XVIII в, 1882, 8, 379—382.

631. **Багалѣй Дмитрій.** Генеральная опись Малороссіи. Эпизодъ изъ дѣятельности перваго правителя малороссіи гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго. 1883, 11, 402—432.

632. **Багалѣй Дмитрій.** Займанщина въ лѣвобережной украйнѣ XVII и XVIII ст, 1883, 12, 560—592.

633. **Багалѣй Д. И.** Дополнительное свѣдѣніе о бывшихъ на Ладожскомъ каналѣ козакахъ. 1884, 10, 357—361.

634. **Багалѣй Д.** Наслѣдники запорожскихъ земель. 1885, 4, 783—790.

635 **Багалѣй Дмитрій.** Къ исторіи Екатерининской комиссіи для составленія проэкта новаго уложенія. 1885, 9, 1—30.

636. **Багалѣй Д. И.** Три черкасскія слободы XVIII в. по современному ихъ описанію 1887. 6—7, 559—566.

637. **Багалѣй Д. И.** Колонизація новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. 1889, 4, 27—55; 5, 438—484; 6—7, 110—148.

638. **Багалѣй Дм.** Реестръ заслуги музыки войсковой року 1711 октября. 1892, 11, 296. (Д).

639. **Багалѣй Д. И.** Къ исторіи ученія о бытѣ славянъ (крит. оцѣнка книги проф. Собѣстіанскаго „Ученіе о націон. особ-хъ характера и юридич. быта древнихъ славянъ. Харьковъ. 1892.) 1899, 10, 70—103; 11. 247—262; 12, 426—437.

640. **Бакай Николай.** Любопытный сборникъ документовъ въ Гадячѣ. 1884, 12, 735—739.

641. **Бакай Николай.** Южно-русскій дворянинъ XVIII вѣка. 1885, 4, 717—742.

642. **Бакай Николай.** Значеніе сельской громады въ судебномъ процессѣ конца XVII вѣка. 1886, 11, 567—569.

643. **Бакай Николай.** Поѣздка гетмана К. Г. Разумовскаго въ Батуринъ и Козелецъ. 1888, 6. 74—75.

644. **Барвинскій В.** Очерки изъ исторіи общественнаго быта старой Малороссіи. 1907, 11—12, 347—368.

645. **Барсуковъ А.** Правительственныя печати въ Малороссіи отъ временъ Стефана Баторія до Екатерины II (Историческая справка по документамъ архива департамента герольдіи). Съ одной таблицей рисунковъ. 1887, 9, 90—92.

646. **Барымовъ А.** Харьковскій Вертеръ (психологическо-юридическій очеркъ изъ Харьковской хроники начала тридцатыхъ годовъ). 1883, 5, 49—65.

647. **Безбородка** Андрея, старшаго канцеляриста, письмо къ бунчук. товаришу Григорію Скорутѣ 1736 г. 1902, 1, 15—16. (Д).

648. **Бершадскій С.** А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ рады великаго княжества Литовскаго. Отрывокъ изъ исторіи внутреннихъ отношеній Литвы въ началѣ XVI ст. 1888, 467—499; 10, 69—120; 11, 235—265; 12, 417—458.

649. **Б. И.** Царь Максимиліанъ въ Ковлѣ. 1887, 12, 798—799.

650. **Бибикова** Д. Г. Г. губ. внушительная рѣчь къ Кіевскимъ студентамъ въ 1834 году. 1897, 10, 11—12.

651. **Болгары** колонисты въ с. Борщаговкѣ. 1894, 104—105. (Д).

652. **Борзаковскій П.** Передъ реформой бурсы (изъ воспоминаній). 1898, 4, 1—25.

653. **Борисовъ В. В.** Предостереженіе Д. Г. Бибикова одному изъ русскихъ помѣщиковъ Кіевской губерніи. 1882, 9, 575—578.

654. **Бориспольскаго** мѣйскаго уряда акты 1612—1699, 1892 (приложенія) 4, 5, 6, 7, 10, 12.

655. **Боцяновскій Вл.** Публичная библіотека въ Житомирѣ (по поводу ея 25-ти лѣтія). 1891, 8, 254—283.

656. **Бѣляшевскій Н.** Взятіе и разореніе запорожской Сѣчи въ маѣ 1709 года. 1896, 5, 36—39. (Д.).

657. **Бѣляшевскій Н.** Артиллерійскій музей въ Петербургѣ 1896, 12, 75—78. (Д.).

658. **Бѣляшевскій Н.** Общество изслѣдователей Волыни. 1897, 1, 17—20. (Д.).

659. **Бѣляшевскій Н.** Расходы Рѣчи Посполитой на козацкихъ Пословъ. 1897, 6, 85—95. (Д.).

660. **Бѣньковскій И.** Утѣсненіе Кіевскихъ мѣщанъ военнымъ постоемъ 1763—64. 1895, 5, 65—70. (Д.).

661. **Бѣньковскій И.** Кіевскій обыватель грекъ Іотій. (1741—61). 1895, 7—8, 4—7. (Д.).

662. **Бѣньковскій И.** Пререканія изъ за формы письменныхъ сношеній (1751—53). 1895, 7—8, 7—9 (Д).

663. **Бучневичъ В. Е.** Гетьманскій городъ. 1885, 3, 578—580.

664. **Бучневичъ.** Пребываніе Карла УII въ Ромнахъ. 1904, 3, 111—113. (Д.).

665. **В. А.** Желѣзнякъ. Нѣсколько данныхъ о судьбѣ его послѣ ареста въ Умани. 1882, 12, 564—568.

666. **В. А.** Памятники прежнихъ отношеній пасомыхъ къ своему архипастырю. (Жалоба, поданная Кіевскому митрополиту крестьянами села Свиноѣдъ на злоупотребленіе державца Ивана Быковскаго). 1884, 12, 745—747.

667. **В. А.** Къ исторіи возстанія Наливайка. 1896, 10, 2—5. (Д.).

668. **Василенко В.** Изъ народныхъ воспоминаній объ О. М. Гладкомъ и возвратившихся съ нимъ запорожцахъ. 1885, 6, 344—350.

669. **Василенко В.** По Полтавщинѣ новые историко-статистич. матеріалы. 1893, 5, 311—318. (Д.).

670. **Василенко В.** Спорные вопросы въ исторіи Золотоноши 1893, 7, 133—136. (Д.).

671. **Василенко В.** Къ вопросу о призрѣніи слѣпыхъ и всякихъ нищихъ. 1904, 7—8, 131—151.

672. **Василенко Н.** Къ исторіи малорусской исторіо-графіи и малорусскаго общественнаго строя. (Замѣтка по поводу статей Мякотина „Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII ст. въ Р. Богат. 1894, № 2, 3 и 4). 1894, 11, 242—270, 12, 402—424.

673. **Василенко Н.** Первые шаги по введенію положеній 19 февраля 1861 года въ Черниговской губ. 1901, 3, 396—423; 4, 97—125; 11, 303—327.

674. **В.—Б. М.** Населеніе города Кіева въ 1742. 1888, 4, 1—10.

675. **В. Г.** Раздѣлъ посполитыхъ въ 1774. 1893, 12, 501—502. (Д.).

676. **В. Д.** Походъ козаковъ въ Сѣв. Россію въ началѣ XVII в. 1900, 5, 259—269.

677. **В. Д.** Печатное дѣло въ малороссіи въ началѣ XIX вѣка. 1900, 9, 83—88. (Д.).

678. **В. Д.** Къ начальной исторіи Кіевскаго народнаго училища. 1900, 10, 1—10. (Д.).

679. **В. Д.** Къ исторіи торговли въ малороссіи XVIII в. 1904, 11, 48—49. (Д.).

680. **В. Д.** Подати въ королевствѣ польскомъ въ 1717 г. 1904. 11, 52—53. (Д.).

681. **В. Д.** Цѣна продуктовъ въ Кіевщинѣ въ 1789 г. 1904, 11, 53—44. (Д.).

682. **Венгрженовскій С.** Свадьба Тимоша Хмельницкаго (эпизодъ изъ исторіи малорусско-молдавскихъ отношеній). 1897, 3, 469—493; 5, 26—51.

683. **Венгрженовскій Сергѣй.** Основаніе и названіе Ольгополя. 1892, 12, 471—472. (Д.).

684. **Верещинскій Іосифъ.** (Кіевскій бискупъ) Кіевъ триста лѣтъ назадъ. Способъ заселенія новаго Кіева и обороны бывшей столицы Кіевскаго княжества отъ всякой опастности безъ обремененія Его Величества короля и безъ затратъ для короны польской, объясненный господамъ посламъ будущаго Краковскаго сейма. 1894, 3, 403—425.

685. **Вишневецкаго** Александра князя листъ подданнымъ лоевскаго староства на бортную землю 1587 года. 1902, 1, 14—15. (Д.).

686. **Вишневскій Д.** Къ исторіи перевода и свода законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи. 1896, 7—8, 17—19 (Д.).

687. **Вишневскій Д.** Къ бытовой сторонѣ нашихъ учебныхъ заведеній XVIII в. 1897, 9, 72—73, (Д.).

688. **В—ко Н.** Къ вопросу о происхожденіи названія Полтавы. 1903, 4, 2—3. (Д.).

689. **Владимирскій-Будановъ М. Ф.** Проэкты Кіевской губернской канцеляріи, представленные въ Елисаветинскую и Екатерининскую законодательныя комиссіи. 1888, 5, 37—43.

690. **Владимирскій-Будановъ М.** Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. 1888, 7, 79—116.

691. **В. М.** Полтавскіе цехи въ концѣ 17 и началѣ 18 в. 1893, 12, 497—501. (Д.).

692. **В. Н.** Глуховская старина. 1900, 9, 95—97. (Д.).

693. **Воззваніе** конфедератовъ воеводства сандомирскаго къ русскому народу (около 1733 г.). 1885, 6, 263—272.

694. **Волынецъ.** Новыя открытія въ области древлеволынскаго бытописанія 1896, 10, 93—109.

695. **Волынецъ.** Почадѣвская лѣтопись. 1898, 4, 87—106.

696. **Волынская** революція 1-ой четверти XIX столѣтія (письма надворнаго совѣтника Опытова къ графинѣ Сторожиловой). 1883, 1, 121—144; 2, 319—365; 4, 774—828.

697. **Воспрещеніе** гетманомъ Скоропадскимъ сборовъ на „ралець". 1885, 10, 361—364.

698. **Востоковъ А.** Къ исторіи перваго крымскаго похода. 1886, 2, 267—278.

699. **Востоковъ А.** Козелецкая рада 1662 года. 1887, 2, 269—284.

700. **Востоковъ А.** Первыя сношенія Богдана Хмельницкаго съ Москвой. 1887, 8, 714—744.

701. **Востоковъ А.** Нѣжинская рада 1663 года. 1888, 5, 125—139.

702. **Востоковъ А.** Судъ и казнь Григорія Самойловича. 1889, 1, 41—63.

703. **Востоковъ А.** Изъ прошлаго города Кіева. 1889, 10, 185—190.

704. **Востоковъ А.** Судьба Выговскихъ и Ивана Нечая 1890, 1, 35—44 отъ редакціи 44—46.

705. **Востоковъ А.** Посольство Шакловитаго къ Мазепѣ въ 1688 году. 1890, 5, 199—226.

706. **В-цкій Н.** Очерки дереформеннаго быта въ Полтавскомъ Побережьи. 1896, 7—8, 113—132.

707. **В. Я.** Милыя шалости добраго стараго времени. 1895, 7—8, 22. (Д.).

708. **В. Я.** Кое-что о м. Вчорайше Кіевской губерніи Сквирскаго уѣзда. 1895, 7—8, 22—23. (Д.).

709. **Гавришъ В.** Десятилѣтіе Каневской публичной библіотеки (1878—1887). 1889, 8, 544—549.

710. **Галанта И. В.** Къ исторіи уманской рѣзни 1768 г. 1895, 11, 209—229.

711. **Г. В.** Кіевская публичная библіотека. 1888, 8, 27—31.

712. **Г. В.** Придворный бандуристъ въ бѣгахъ. 1888, 10, 21—23.

713. **Г. В.** Ученики переяславскихъ славяно-латинскихъ школъ въ 1744 году. 1888, 10, 23—26.

714. **Г. В.** Племянница Потемкина. 1888, 11, 72—77.

715. **Генеральной** канцеляріи распоряженіе о нарядѣ работниковъ и плотниковъ на постройку козелецкаго дома гр. Алексѣя Разумовскаго 1749 г. 1902, 1, 16—18. (Д.).

716. **Гетманское** представительство при русскомъ дворѣ. 1883, 9—10, 317—320.

717. **Г—ко В.** Французъ-путешественникъ на Украинѣ. 1885, 12, 749—757.

718. **Гл. Л.** Спискъ докторовъ медицины изъ Малороссовъ, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII ст. 1896. 3, 98—103. (Д.).

719. **Годовой** доходъ переяславской ратуши и урядниковъ въ нач. XVIII вѣка. 1901, 5, 87—88. (Д.).

720. **Голодъ** въ Полтавщинѣ въ 1833 и 34 году и мѣры, принятыя противъ него. 1886, 11, 580—585.

721. **Голосъ** запорожскаго депутата въ Всероссійскомъ собраніи депутатовъ 1768 г. 1883, 3, 683—687.

722. **Голубевъ С.** О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ. 1882, 6, 381—400.

723. **Голубовскій П.** Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимирѣ св. (Историко-Этнографическій очеркъ). 1888, 7, 26—68.

724. **Голубовскій П.** Новое изслѣдованіе о жизни французской королевы Анны Ярославны. 1896, 7—8, 12—16. (Д.).

725. **Голубовскій П.** Сообщеніе очевидца о великомъ пожарѣ въ Кіевѣ на Подолѣ 1811 года. 1896, 12, 72—75. (Д.).

726. **Голубовскій П.** Донскіе козаки на постоѣ въ Кіево-подольскомъ дѣвичьемъ училищѣ. 1897, 4, 14—15. (Д.).

727. **Горленко В.** Кіевъ въ 1799 г. 1885, 3, 581—592.

728. **Горновскій І.** Къ исторіи заселенія и устройства Екатеринославской губерніи. 1903, 3, 131—135. (Д.).

729. **Городня** мѣсто жидотрепанія XVIII в. 1883, 1, 208—210.

730. **Грамота** Максима желѣзняка. 1905, 3, 243. (Д.).

731. **Грушевскій М.** Волынскій вопросъ 1097—1102 г. 1891, 1, 32—55; 5, 259—272.

732. **Грушевскій М.** Барская Околичная шляхта до конца XVIII вѣка 1892, 2, 260—277.

733. **Грушевскій М.** Къ польско-украинскимъ отношеніямъ Галиціи. 1905, 7—8, 174—232.

734. **Г-скій** А. Изъ прошлаго Кіева. 1892, 4, 125. (Д.).

735. **Два** документа о состояніи малороссійскаго козачества въ половинѣ XVIII ст. 1882, 10, 126—133.

736. **Двѣ** записки сенатора Е. Ѳ. фонъ-Брадке, составленныя по обревизованіи Херсонской губерніи въ 1850—1851 г.г. 1885, 9, 128—138.

737. **Денежное** жалованье полковымъ и сотеннымъ урядникамъ и служителямъ. 1901, 9, 77. (Д).

738. **Денежныя** и натуральныя повинности въ пользу гетмана въ к. XVII вѣка 1899, 5, 76—77: (Д).

739. **Дешко** А. **П**. О Карпатской Руси (краткій этюдъ). 1887, 11, 537—548.

740. **Для** исторіи кампанейскихъ полковъ. 1901, 10, 10—12. (Д).

741. **Для** исторіи торговли въ старой Малороссіи. 1901, 5, 86—87. (Д).

742. **Добротворскій Н.** Изъ исторіи одного при—Сеймскаго села. 1887, 3, 565—571.

743. **Добротворскій Н.** Крестьянскія движенія въ Грайворонскомъ уѣздѣ Курской губ. въ 1861—62 г.г. 1887, 4, 657—680.

744. **Добротворскій Н.** Кудеяровъ Курганъ. 1889, 5—6, 607—609.

745. **Добротворскій Н.** Историческая справка о Глушковской суконной фабрики 1886, 12, 741—743.

746. **Добротворскій Н.** Къ Исторіи Глушковской фабрики 1889, 8, 532.

747. **Довнаръ-Запольскій М.** Жалованье запорожцамъ и количество полковъ ихъ до 1648 г. 1896, 2, 53—56. (Д).

748. **До** исторіи указа 1876 року про заборону українського письменства. 1907. 5, 135—151.

749. **Доманицкій В.** Новый документъ 1604 г. о самозванцѣ. 1899, 1, 8—13. (Д).

750. **Доманицкій В.** Матеріалы къ исторіи Польскаго возстанія 1831 г. (указы, распоряженія) 1901, 6, 149—157; 9, 89—94. (Д).

751. **Доманицкій В.** Приготовленіе къ встрѣчѣ Им. Александра 1-го въ Умани 1901, 6, 141—143. (Д).

752. **Доманицкій В.** Къ исторіи частныхъ пансіоновъ Кіевской губ. въ нач. XIX ст. 1901, 6, 450—459.

753. **Доманицкій В.** Какъ вводилось оспопрививаніе въ Уманскомъ уѣздѣ сто лѣтъ назадъ. 1902. 7—8, 1—4. (Д).

754. **Доманицкій В.** Къ исторіи м. Варвы, Лохвицкаго уѣзда. 1903, 7—8, 4—5. (Д).

755. **Доманицкій В.** Мѣры противъ холеры 1830 года. 1903, 7—8, 17—18. (Д).

756. **Доманицкій В.** Кораблекрушенія въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губ. 1903, 9, 112. (Д).

757. **Доманицкій В.** Жалоба Краснянской громады (1751 г.) на утѣсненія отъ Поляковъ. 1903, 11, 66—68. (Д).

758. **Допросъ** Григорія Герцека объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы. 1883, 3, 595—610.

759. **Драгомановъ М. П.** А. И. Герценъ и его отношеніе къ Польско-украинскому вопросу. 1906, 1, 1—35.

760. **Драгомановъ М.** Бакунинъ и русскіе прогрессисты 60-хъ годовъ въ вопросѣ о польско-украинскихъ отношеніяхъ. 1906, 3—4, 321—367.

761. **Драгомановъ М. П.** Отношеніе великорусскихъ соціалистовъ 70-хъ годовъ къ народно-федеральному на-

правленію. 1906, 5—6, 1—42; 7—8, 275—337.

762. **Драгомановъ.** Украинскій вопросъ въ его историческомъ освѣщеніи (извлеченіе изъ „Историческая Польша и великорусская демократія"). 1905, 11—12, 143—172.

763. **Д-скій А.** Система карательныхъ мѣръ въ запорожьи 1893, 1, 1—19; 2, 209—239; 3, 442—459.

764. **Д-скій В.** Сербскіе выходцы въ Новороссіи и ихъ духовенство. 1904, 3, 106—107. (Д).

765. **Д-скій В.** Опытъ составленія топографическаго описанія Кіевскаго намѣстничества въ XVIII ст. 1904, 5, 57—58. (Д).

766. **Е. А.** Къ „Турбаевской катастрофѣ" 1891, 4, 155—160.

767. **Е. Александра.** Конные суды въ лѣвобережной украинѣ. 1885, 10, 189—203.

768. **Евреи** козаки въ началѣ XVII вѣка. 1890, 5, 377—379.

769. **Е. К.** Посылка малороссіянъ въ ледяной домъ. 1894, 10, 136—141. (Д).

770. **Е. К.** Свидѣтельство современника о Наливайкѣ 1895, 2, 54. (Д).

771. **Е. К.** Харьковскій университетъ въ первые годы своего существованія 1899, 5, 155—180; 7, 1—23; 10, 93—106.

772. **Е. П.** Изъ эпохи крестьянской реформы на югѣ Россіи (народные слухи и толки о волѣ и землѣ). 1886, 1, 91—110.

773. **Е. С.** Гетманство Брюховецкаго. 1885, 8, 545—596.

774. **Есиповъ Г.** В. Путешествіе Имп. Екатерины II-й по Южной Россіи въ 1787 году. 1890, 11, 175—194; 12, 391—411; 1891, 1, 98—118; 2, 215—231; 3, 402—421: 4, 68—81: 5, 244—258: 7, 22—52: 8, 237—253: 9, 407—426, 11, 232—245: 12, 360—383; 1892, 2, 295—306: 3, 458—471: 5, 225—230.

775. **Ефименко А.** Двѣнадцать пунктовъ Вельямина. 1888, 10, 162—175, —182.

776. **Ефименко А.** Бѣдствія евреевъ въ Южной Руси XVII вѣка (по поводу книги Гретца „Исторія евреевъ отъ эпохи Голландскаго Іерусалима до паденія Франкистовъ".) 1890, 6, 397—408.

777. **Ефименко А.** Турбаевская катастрофа. 1891, 3, 373—401.

778. **Ефименко А.** Очерки исторіи правобережной украины 1894, 6, 387—413; 8, 187—206; 9, 293—325; 10, 62—89; 11, 167—189; 1895, 4, 76—101; 5, 165—185.

779. **Ефименко П.** Ссыльные малороссіяне въ Архангельской губ. 1708—1802 г.г. 1882, 9, 392—412.

780. **Ефименко П.** Шпитали въ Малороссіи 1883, 4, 709—727.

781. **Ефименко П.** Школа для обученія пѣвчихъ, назначавшихся ко двору 1883, 5, 169—174.

782. **Ефименко П.** Могила гетманцевъ въ г. Лебединѣ 1884, 4, 693—695.

783. **Ефименко П.** Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы 1888, 4, 52—63.

784. **Жалоба.** Конотопскаго сотеннаго уряда на священника Якова Костецкаго за отказъ хоронить умершаго сотеннаго атамана Данила Торянскаго 1754 г. 1901, 4, 16—18. (Д).

785. **Женитьба** разбойника Гаркуши послѣ бѣгства его съ каторги. 1895, 4, 18—19. (Д).

786. **Житецкій Ив.** Евреи въ Южной

России (Историческая справка). 1901, 1, 57—80: 7—8, 1—45.

787. Z. Полтавскій Земскій Музей. 1894, 11, 307—308. (Д).

788. Z. Фабрика фарфора Миклашевскаго 1894, 11, 309—310. (Д).

789. **Забавная** родословная. 1882, 1, 223—225.

790. **Залюбовскій Г.** Новомосковскія учебныя заведенія. 1889, 5—6, 595—604.

691. **Замѣтка** къ работамъ П. А. Кулиша по переводу „положенія о крестьянахъ" 1905, 5, 160. (Д.).

792. **Записка** Андрея Полетики объ его издержкахъ при веденіи тяжебнаго дѣла о селѣ Аксютинцахъ въ Глуховѣ и Сенатѣ 1748—1767 г.г. 1901, 6, 143—145. (Д.).

793. **Записка** о состояніи Подоліи въ 1843 году. 1896, 3, 87—94. (Д.).

794. **Записки** Кіевскаго мѣщанина Божка Балыки о Московской осадѣ 1612 г. (изъ лѣтописскаго сборника Ильи Кощаковскаго): 1882, 7, 97—105.

795. **Записки** барона Тотта о татарскомъ набѣгѣ 1769 года на Ново-Сербію. 1883, 9—10, 135—198.

796. **Запорожская** реляція о побѣдѣ надъ турецкимъ флотомъ въ Днѣпровскихъ гирлахъ 1884, 9, 129—131.

797. **Затуловскій М.** Равинскія книги временъ Хмельницкаго. 1896, 6, 98—100. (Д.).

798. **Затуловскій** В. Раввинскія книги временъ Хмельницкаго. 1904, 7—8, 17—18. (Д.).

799. **Затуловскій** В. Избіеніе евреевъ въ Малороссіи въ 1631—1632 г.г. 1905, 10, 8—9. (Д.).

800. **Защита** диссертаціи г. Иванова „Историческія судьбы Волынской земли". 1896, 1. 27—28. (Д.).

801. **Зозуля И.** Короповъ Хуторъ. 1889, 5—6, 604—607.

802. **Иваненка** Переяславскаго полковника пріятельское письмо къ погарскому земскому судьѣ Лашкевичу 1797 г. 1902, 1, 18. (Д.).

803. **Ивановъ П.** Переселеніе запорожцевъ на Тамань. 1891, 7, 133—141.

704. **Извѣстіе** о Мглинѣ 1455 года. 1902, 1, 13—14. (Д.).

805. **Изъ** временъ упадка запорожья. 1887, 8, 783—787.

806. **Изъ** недавняго прошлаго Слободской украины. 1896, 4, 71—84; 5, 206—224.

807. **Изъ** недавняго прошлаго (о постройкахъ въ м. Мотыжинѣ) 1896, 4, 16—17. (Д.).

808. **Изъ** писемъ помѣщиковъ Кіевской губерніи Кіевскому гражданскому Губернатору Панкратову. 1884, 1, 177—181.

809. **Изъ** практики старыхъ судовъ. „Невѣроятный извѣтъ отъ простолюдчивости по предосужденію". 1883. 8, 288—296.

810. **Изъ** Харьковскаго прошлаго. 1902, 7—8, 24—25. (Д.).

811. **Иконниковъ** В. Прошеніе гражданъ г. Нѣжина о запрещеніи евреямъ розничной торговли. 1898, 6, 86—89. (Д.).

812. **Иконниковъ** В. Кіевъ въ 1654—1855 г.г. 1904, 9, 213—274; 10, 1—64; 11, 155—216; 12, 516—685.

813. **Илличъ-Свитычъ** В. Дальневосточная украина 1905, 5, 161—197.

814. **Императоръ** Александръ I-ый и разжалованный въ рядовые генералъ Лошаковъ. 1888, 9, 71—73.

815. **И. Н.** Чума въ Сѣверной части Херсонской губ. 1813 г. 1885, 5, 153—163.

816. **Искоростъ**-древній Коростень или Скоростень. 1882, 6, 546—548.

817. **Историческія** названія улицъ въ Полтавѣ. 1901, 7—8, 24—25. (Д.).

818. **Какъ** былъ основанъ г. Сумы. 1901, 7—8, 24. (Д.).

819. **Какъ** получали запорожцы денежное и хлѣбное свое жалованье. 1883, 8, 751—755.

820. **Каманинъ И.** Послѣдняя самозащита г. Кіева. 1882, 7, 186—188.

821. **Каманинъ И.** Къ исторіи международныхъ отношеній Польши и Россіи. 1882, 7, 42—60.

822. **Каманинъ И.** Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебургскому праву. 1888, 5, 140—168; 8, 157—195; 9, 597—622.

823. **Каманинъ И.** Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ 1888, 7, 69—78.

824. **Каманинъ И.** Малоизвѣстныя историческія лица и событія конца XVIII в. 1891, 1, 165—173.

825. **Карпинскій И.** Къ юбилею Новгородъ-Сѣверской гимназіи. 1889, 5—6, 632.

826. **Катрухинъ А.** Изъ временъ нашествія шведовъ на Россію 1884, 7, 543—545.

827. **Кислицкій Е.** Мнимый бунтъ на Волыни въ 1789 г. 1902, 11, 283—300; 12, 420—434.

828. **Китицынъ П.** Острожское имѣніе. 1888, 4, 22—23.

829. **Китицынъ П.** Турецкое посольство въ 1793 г. 1888, 10, 26—29.

830. **Китицынъ П.** Малороссійская губернія. 1889, 8, 534—543.

831. **Китицынъ П.** Къ исторіи Кубанскаго войска. 1892, 9, 425—429. (Д.).

832. **Китицынъ П.** Полтавское дворянское ополченіе 1812—14 г.г. 1904, 7—8, 10—14. (Д.).

833. **Китицынъ П.** Къ вопросу о школахъ въ Малороссіи въ началѣ XIX в. 1904, 7—8, 14—17. (Д.).

834. **Кистяковскій А. Ѳ.** Докладъ графа П. А. Румянцева имп. Екатеринѣ II 1781 г. (о согласованіи нѣкоторыхъ особенностей внутренняго строя Малороссіи съ порядками новаго намѣстническаго управленія). 1884, 12, 693—702.

835. **Кіевское** представительство прежняго времени. 1882, 5, 178—192.

836. **Кіевская** пертурбація 1786 г. 1883, 4, 895—899.

837. **Кіевскія** лѣтописныя замѣтки XVIII и XIX ст. (изъ приписокъ къ подлиннику путешествія Вас. Григ. Барскаго). 1884, 4, 688—693.

838. **Кіевская** почта въ 1731 г. 1898. 1, 11. (Д.).

839. **Кіевъ** въ 40-хъ годахъ. 1899, 5, 66—68. (Д.).

840. **К—ъ К.** Самозванный флигель-адъютантъ солдатъ Семеновъ (1826 г.). 1882, 12, 519—526.

841. **Клебановскій П.** Воспоминанія о фирмѣ братьевъ Яхненко и Симиренко. 1896, 1, 101—114; 2, 251—262; 3, 358—377.

842. **Клебановскій П.** Къ исторіи польскаго возстанія въ Юго-западномъ краѣ въ 1831 г. 1905. 6, 424—467.

843. **Ковалевскій А.** О большомъ пожарѣ въ г. Нѣжинѣ въ 1797 г. 1894, 3, 558—559. (Д.).

844. **Ковалевскій А.** Къ исторіи пьянства въ Малороссіи. 1894, 8, 286—288. (Д).

845. **Ковалевскій А.** Первые шаги уѣздной администраціи по открытіи намѣстничествъ. 1894, 11, 303—304. (Д.).

846. **Козаки** въ партикулярной надобности. 1882, 4, 171—182.

847. **Комаровъ Н.** Гдѣ приготовлялись для малороссійскихъ казаковъ ружья въ пол. XVIII в. 1895, 3, 99—100. (Д.).

848. **Комаровъ** М. Запорожецъ Константинъ Вира. 1895, 5, 62—65 (Д.).

849. **Компанскій** М. М. Остропольь Новгородъ—Волынскаго у. Волынской губ. 1893, 11, 335—341 (Д.).

850. **Кондратовичъ Ѳ.** Задунайская Сѣчь (по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ) 1893, 1, 27—66; 2, 269—300; 4, 728—773.

851. **Короленко В.** Признаки украинской колонизаціи на Уралѣ. 1906, 7—8, 476—482.

852. **Короленко П.** Азовцы. 1891, 7, 53—74; 8, 171—194.

853. **Костомаровъ Н.** Поѣздка въ Бѣлую Церковь. 1882, 5. 241—256.

854. **Костомаровъ Н.** Матеріалы для исторіи Коліивщины или рѣзни 1768 г. 1882, 8, 297—321.

855. **Костомаровъ Н.** Жидотрепаніе въ нач. XVIII в. 1883, 1, 1—26; 3, 477—492.

856. **Костомаровъ Н.** Словечко по поводу замѣчанія о федеративномъ началѣ въ древней Руси. 1883, 4, 899—901.

857. **Кочергинъ** В. А. Залогъ крѣпостныхъ душъ. 1900, 12, 151—152. (Д.).

858. **Кр. Сф.** Особенности статистическаго изслѣдованія Курской губерніи (Курская губернія. Итоги статистич. изслѣдованія). 1889, 3, 582—612.

859. **Краузгару А.** Посольство Якова Смяровскаго къ Богдану Хмельницкому во время осады Замостья въ 1648 г. (по рукописнымъ источникамъ). 1894, 12, 445—460.

860. **Крыжановскій Е.** Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ. 1882, 2, 262—300; 3, 442—478.

861, **Ксендзенко Александръ.** Гетманская усыпальница, 1887, 2, 353—359.

862. **Кудринскій Ѳ.** Цеховыя братства въ мѣст. Степани (Волынской губ. Ровенскаго у.). 1890, 7, 88—104.

863. **Кудринскій Ѳ.** О достопримѣчательностяхъ Вишневецкаго замка. 1892, 10, 124—127. (Д.).

864. **Кудринскій Ѳ.** Къ исторіи бывшей Волынской гимназіи въ г. Кременцѣ. 1893, 7, 131—133 (Д.).

865. **Кудринскій Ѳ.** Риторика 20-хъ годовъ въ Волынской семинаріи. 1894, 12, 480—488 (Д.).

866. **Кулюмбашъ И.** Междуплеменныя соприкосновенія, 1887, 12, 795—798.

867. **Купчая** на домъ въ Кременчугѣ 1654 г. 1902, 4, 14 (Д.).

868. **Куриловъ Ив.** Воспоминаніе Роменскаго старожила объ Ильинской ярмаркѣ. 1893, 7, 47—65.

869. **Къ** исторіи Гадячскаго полка. 1901, 4, 15—16 (Д.).

870. **Къ** исторіи колонизаціи Новороссіи (Письмо знаменскаго священника Маркіанова о заселеніи нѣкоторыхъ мѣстъ бывшей Елисаветградской провинціи). 1885, 3, 531—538.

871. **Къ** исторіи Котельвы. 1901, 11 74—76. (Д.).

872. **Къ** исторіи крестьянъ (частное письмо 1780 г.) 1899, 5, 78—79 (Д.).

873. **Къ** исторіи народнаго волненія, бывшаго въ Гетманщинѣ вслѣдъ за поставленіемъ Мазепы гетманомъ. 1901, 2, 77—78 (Д.).

874. **Къ** исторіи освобожденія крестьянъ въ Малороссіи. 1898, 6, 77 -81. (Д.).

875. **Къ** исторіи освобожденія крестьянъ (брошюра М. Юзефовича—Нѣсколько словъ объ исторической задачѣ Россіи). 1901, 3, 131—132 (Д).

876. **Къ** исторіи пограничныхъ нашихъ сношеній съ крымскимъ ханствомъ. Путевой журналъ секундъ-маіора Матвѣя Миронова въ командировку его къ крымскому хану 1755 г. 1885, 2, 339—343—356.

877. **Къ** исторіи Польскаго возстанія 1831 г. 1) Отношеніе ген.-маіора Гельда Звенигородскому городничему, 2) Донесеніе ген.-лейт. Кайсарова. 1903, 11, 63—64. (Д.).

878. **Къ** исторіи славянофильства на Руси (изъ труда проф. Владимірскаго-Буданова „Исторія университета св. Владиміра"), 1892, 1, 131—136. (Д.).

879. **Къ** исторіи театра въ Юго-западномъ краѣ. (Переписка Каменецъ-Подольскихъ актеровъ съ духовной католической властью по поводу воспрещенія послѣдней спектаклей во время Великаго поста и произнесеннаго на актеровъ и актрисъ церковнаго отлученія). 1885, 7, 458—476.

880. **Къ** описанію Харьковской губерніи (программы). 1892, 7, 120—129 (Д.).

881. **Къ** реформѣ Сперанскаго. 1889, 4, 194—196.

882. **Къ** характеристикѣ эпохи уничтоженія козачества. 1882, 11, 382—389.

883. **Л**. Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства (записано со словъ разсказчика). 1888, 10, 149—161,

884. **Л. А**. Черниговъ 80 лѣтъ тому назадъ (замѣтки старожила) 1888, 8, 55—62.

885. **Л. А**. Къ исторіи Мазепинской измѣны. 1889, 12, 645.

886. **Л. А**. Въ какой обстановкѣ гетманъ Разумовскій объѣхалъ Малороссію въ 1752 г. 1890, 1, 117—118.

887. **Л. А**. Мысль императора Александра I объ учрежденіи въ Малороссіи казачьихъ полковъ. 1890, 1, 119—120.

888. **Л. А**. Полковничьи чиншевики 1891, 4, 161, 162—163.

889. **Лазаревскій Ал**. Отрывки изъ фамильнаго архива Полетикъ (съ портретомъ Григ. Андр. Полетики) 1881, 4, 97—116.

890. **Лазаревскій А.** Властная гетманша 1882, 1, 213—214.

891. **Лазаревскій А.** Полковникъ Искра, казненный Мазепой. Судьба его наслѣдства 1883, 11, 519—520.

892. **Лазаревскій А.** Универсалъ гетмана Разумовскаго объ ограниченіи перехода крестьянъ. 1885, 7, 476—482.

893. **Лазаревскій А**. Къ исторіи Черниговской типографіи, Письмо Черниговскаго архіепископа Антонія Стаховскаго къ гетману Скоропадскому 1720 г. 1886, 8, 574—575,

894. **Лазаревскій А**. Два документа къ исторіи Черниговской типографіи. 1886, 11, 571—579,

895. **Лазаревскій А.** Два акта для исторіи „руины" правобережной украины. 1672—1682 г.г. 1887, 2, 368—370.

896. **Лазаревскій А.** Универсалъ гетмана Скоропадскаго о переводѣ

„книгъ правнихъ“ на малорусскій языкъ. 1887, 4, 788—789.

897. **Лазаревскій** А. Запорожье въ концѣ XVIII в. (Современная записка) 1889, 12, 628—629—637.

898. **Лазаревскій** А. Къ исторіи селъ и селянъ Лѣвобережной Малороссіи. 1891, 1, 1—18.

899. **Лазаревскій** А. Полтавщина въ XVII вѣкѣ 1891, 9, 357—374.

900. **Лазаревскій** А. Изъ исторіи селъ и селянъ Лѣвобережной Малороссіи. 1891, 11, 216—231.

901. **Лазаревскій** А. Суды старой Малороссіи (съ приложеніемъ трехъ документовъ). 1898, 7—8, 75—115.

902. **Лазаревскій** А. Описаніе старой Малороссіи. Историческій очеркъ мѣстности, составлявшей Прилуцкій полкъ. 1900, приложеніе, 5, 6, 7—8, 9, 10, 11, 12; 1901, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7—8, 9, 10, 11, 12; 1902, 2, 3.

903. **Лазаревскій** А. Историческій очеркъ мѣстности, составлявшеи Полтавскій полкъ (неоконченная рукопись) 1903, 4, 97—107.

904. **Ланкастерское** училище въ Кіевѣ 1897, приложеніе 6, 7—8,

905. **Лапинъ** В. Харьковское Общество благотворенія въ 1812—1817 г.г. 1896, 4, 38—70; 5, 129—145; 6, 328—343; 7—8, 95—112.

906. **Лашкевичъ** А. Слѣды частной переписки Петра I-го съ Саввою Рагузинскимъ 1887, 6—7, 487—494.

907. **Л-вой** П. Очеркъ изъ жизни старосвѣтскихъ помѣщиковъ. 1904, 7—8, 176—212.

908. **Л—въ** П. Посмертный разсказъ отца Антонія Ковальскаго (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ Кіевской губ. 1855) 1882, 1, 174—192; 2, 386—396.

909. **Л—въ П.** Историческія замѣтки о Кіевѣ. 1884, 10, 227—253.

910. **Л—въ П.** Двѣ поправки къ статьѣ: „Свадьба Тимоша Хмельницкаго“. 1887, 6—7, 583—584.

911. **Лебединцевъ** П. **Г.** Записки о Козащинѣ. 1855, 1900, 7—8, 1—50.

912. **Левицкій О.** Анна-Алоиза, княжна Острожская, 1883. 11, 329—373.

913. **Левицкій О.** „Пророкъ Многовѣръ и судъ надъ нимъ въ Кіевѣ. (1825—1833). 1885, 5, 79—106.

914. **Левицкій О.** Ганна Монтовтъ (историко-бытовой очеркъ изъ жизни Волынскаго дворянства XVI в.). 1888, 1—2—3, 94—161.

915. **Левицкій О.** Транспортъ вещей Петра I, арестованный на Волыни въ 1701 г. 1890, 10, 143—147.

916. **Левицкій О.** Царскій посланникъ и панскій управитель. 1896, 4, 13—16 (Д).

917. **Левицкій О.** Тревожные годы. Очеркъ изъ общественной и политической жизни г. Кіева и Юго-Западн. края въ 1811—12 г.г. 1891, 10, 1—21; 11, 169—194; 1895, 11, 188—212; 12, 347—360.

918. **Левицкій О.** Эпизодъ изъ польскаго мятежа 1831 г. въ Кіевщинѣ. 1899, 4, 90—116.

919. **Левицкій О.** Очерки народной жизни Малороссіи во второй половинѣ XVII в. 1901, 1. 1—36; 2, 180—216; 3, 368—395; 5, 149—182, 7—8, 159—209, 9, 401—430, 10, 45—76, 11, 233—255, 12, 424—471.

920. **Левицкій О.** Изъ жизни учебныхъ заведеній Юго-Западн. края въ 1840-хъ г.г. 1906, 3—4, 421—432, 5—6, 72—87.

921. **Левицкій О.** О положеніи крестьянъ Юго-Западн. края во второй четверти XIX ст. 1906, 7—8, 231, 274.

922. **Левченко М.** Потомки запорожцевъ на островѣ Лети. 1882, 5, 344—345.

923. **Левченко М.** Гайдамацкій кутъ. 1882, 5, 345—348.

924. **Левченко М.** Гдѣ именно жили запорожцы во время подчиненія своего Крымскому хану (1709—34 г.г.). 1882, 6, 548.

925. **Лелетъ** В. Семейная драма въ Уманскомъ военномъ поселеніи. 1886, 5, 181—186.

926. **Леонидъ** архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ „Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга" („Русская Старина" 1888, Іюль). По поводу статьи И. И. Малышевскаго „О происхожденіи великой княгини русской Ольги св." („Кіевская Старина", 1889, іюль и августъ). 1889, 10. I—VIII.

927. **Леонидъ** архимандритъ. Отрывокъ изъ записокъ русскаго паломника первой половины XVII в. о Кіевѣ. 1890, 2, 344—346.

928. **Линниченко И.** Научное значеніе Западно-русской исторіи. 1889, 1, 187—203,

929. **Линниченко И.** Въ какомъ году впервые появились на Руси пушки. 1890, 1, 132—134.

930. **Листовскій И.** Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ. Его всеподданнѣйшее представленіе Государю Николаю Павловичу о разсрочкѣ недоимки помѣщичьимъ крестьянамъ Малороссійской губерніи. 1889, 1, 217—221.

931. **Личковъ Л.** Нужды статистики въ юго-западн. краѣ. 1898, 11, 192—206.

932. **Личковъ Л.** Къ вопросу о реформѣ оффиціальной статистики. 1902, 1, 1—34; 2, 215—227: 3, 494—517.

933. **Личковъ Л.** Къ вопросу объ экономическомъ изслѣдованіи юго-западн. края. 1903, 1, 102—114.

934. **Личковъ Л.** Новыя теченія въ сервитутномъ вопросѣ. 1903, 9, 364—403.

935. **Личковъ Л.** Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа 1903. 6, 456—486; 7—8, 132—172; 10, 92—127: 11, 338—388: 12, 540—624.

936. **Личковъ Л.** Юго-западный край по даннымъ переписи 1897 г. 1905, 9, 315—366.

937. **Личный** составъ Малорусской старшины 1725 г. 1904, 7—8, приложеніе.

938. **Л—ій О.** Потемкинъ и Черноморцы 1887, 9, 185—190.

939. **Л—ко И.** Жалоба Новомлинскаго сотника на Новомлинскаго намѣстника 1889, 7, 274—275.

940. **Л. М.** Замѣтки къ исторіи Кіевской казаччины. 1855 г. 1905, 1, 48—65.

941. **Л—нчо** Арк. Разсказъ о „турбаевской катастрофѣ" 1891, 9, 493—494.

942. **Л. О.** Путевыя замѣтки Н. Д. Иванищева, (бывшаго вице-предсѣдателя Кіевской археографической коммиссіи, ректора и профессора Кіевскаго университета) 1882, 10, 78—88.

943. **Л. О.** Кіево-Выдубицкій перевозъ на Днѣпрѣ и его нежданная политическая роль 1882, 11, 368—372.

944. **Л. О.** Заботы Петра I-го объ овцеводствѣ въ Малороссіи. 1889, 10, 179—182.

945. **Л. О.** Союзники Наполеона на Волыни 1812 г. 1894, 1, 134—135 (Д).

946. **Лобачевскій** В. Бугское козачество и военныя поселенія (лѣтописные наброски) 1887, 12, 591—626.

947. **Лобко А.** Попытка къ уравненію мѣръ и вѣса въ Малороссіи XVIII в. 1889, 7, 232—239.

948. **Лопулеску.** Русскія колоніи въ Добруджѣ (Историко-этнографическій очеркъ) 1889, 1, 117—154: 2, 314—336: 3, 685—704.

949. **Лотоцкій А.** Отчетъ гласнаго отъ крестьянъ о первомъ Черниговскомъ земскомъ собраніи 1865 г. 1895, 1, 1—5. (Д).

950. **Л. С.** Оспопрививаніе до Дженнера и леченіе ртутью въ старой Малороссіи 1895, 10, 3—5. (Д).

951. **Л-скій А.** Судебная инквизиція въ бывшей гетманщинѣ 1886, 1, 195—198.

952. **Луговой И.** Богданъ Хмельницкій и неблагодарная исторія 1888, 11, 395—400.

953. **Лучицкій И.** Кіевъ 1766 г. 1883, 1—3, 1—74.

954. **Лучицкій И.** Къ исторіи козачества въ началѣ XVIII в. 1891, 3, 506—508.

955. **Лучицкій И.** Гетманъ Мазепа и Остерскія общія земли 1892, 1, 110—118.

956. **Лучицкій И.** Къ исторіи торговли въ Малороссіи XVIII в. 1894, 4, 155—158. (Д).

957. **Лучицкій И.** Изъ недавняго прошлаго. 1901, 4, 1—25.

958. **Лучицкій И.** По поводу одного научнаго открытія (о рукописи арх. М-ва Юстиціи—описаніе „Берестейскаго Староства") 1900, 4, 127—138.

959. **Лучицкій И.** Крестьяне и крестьянская реформа въ восточной Австріи 1901, 3, 313—351, 5, 214—226.

960. **Лѣтописныя** замѣтки 1783—1811 г.г. 1897, 12, 65—66. (Д).

961. **Лѣтописныя** замѣтки о событіяхъ въ Новороссіи (1740—1806) 1890, 3, 60—64, 4, 65—69.

962. **Любецкіе** гончары въ 1615 г. 1902, 2, 89. (Д).

963. **Любовичъ Н.** Козацкое донесеніе объ угрожающемъ татарскомъ нападеніи на предѣлы Польши. 1893, 10, 157—158. (Д).

964. **Ляшенко А.** О Житомирской публичной библіотекѣ. 1892, 3, 499—503. (Д).

965. **Манойсскіе** козаки и ихъ земля. 1899, 9, 104—107 (Д).

966. **Максимовъ Е.** Страничка изъ исторіи Слободской Украйны (историч. прошлое Суджанскаго у.). 1886, 3, 467—481.

967. **Малороссійскіе** чины и должности и окладъ ихъ содержанія. 1883. 6, 381—385.

968. **Малышевскій И.** Происхожденіе русской великой княгини Ольги св. 1889, 7, 1—27; 8, 325—353.

969. **Манифестъ** имп. Екатерины къ православному населенію Польши 9 іюля 1769 г. 1882, 5, 308—311.

970. **Маркевичъ А.** Къ древней топографіи Кіева. 1887, 12, 782—787.

971. **Маркевичъ А.** Къ пребыванію Карла XII въ Бендерахъ. 1889, 12. 612.

972. **Маркевичъ А.** Дѣло о Марковичахъ въ тайной канцеляріи. 1891, 5, 298—303.

973. **Матеріалы** для исторіи гайдамачины. 1888, 11, 307—325.

974. **Матеріалы** для исторіи бывшаго запорожья. 1882, 8, 322—339.

975. **Матеріалы** для исторіи народнаго образованія (приложеніе къ статьѣ „Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ". „Кіевская старина" 1882, 2, 3). 1882, 5, 276—307, 6, 451—497.

976. **Маціевичъ Левъ.** Пребываніе имп. Александра I въ Кіевѣ въ 1816 г. 1885, 2, 399—403.

977. **Маціевичъ Л.** По вопросу о происхожденіи названія „Полтава". 1896, 7—8, 25—26. (Д.).

978. **Маціевичъ Л.** Изъ жизни Кіева въ началѣ исходящаго столѣтія. 1896, 9. 95—67. (Д.).

979. **Мельникъ К.** На Днѣстровскомъ побережьи. 1887. 8, 638—675.

980. **Мельникъ К.** Свѣдѣнія о походѣ въ Крымъ Михайла Дорошенка. 1896, 11, 274—286.

981. **Мердеръ А.** Городское ополченіе въ Кіевѣ 1863 г. 1900, 1, 2. (Д.).

982. **Мердеръ А.** Ходатайство обывателей г. Владиміра—Волынскаго (1869). 1900. 3, 143. (Д.).

983. **Мердеръ А.** Отношеніе судебныхъ учрежденій прежняго времени къ конокрадству.. 1900, 3, 143. (Д.).

984. **Мердеръ А.** Къ борьбѣ съ пьянствомъ въ Кіевской губ. въ 60-хъ г.г. 1900, 5, 80—81. (Д.).

985. **Мердеръ А.** Къ пребыванію Шамиля и его семейства въ Кіевѣ. 1900, 10, 22—23. (Д.).

986. **Мердеръ А.** Переселеніе нѣмцевъ колонистовъ съ Волыни на Дунай. 1900, 10, 24. (Д.).

987. **Мердеръ А.** Проэктъ учрежденія подъ г. Кіевомъ „пригородка" для богомольцевъ и евреевъ (1873). 1900, 10, 23—24. (Д.).

988. **Мердеръ А.** Бердичевскій полиціймейстеръ о помѣщикахъ, прибывшихъ на ярмарку. 1901, 3, 153. (Д.).

989. **Мердеръ А.** Изъ эпохи гоненій на усы и бороды. 1901, 5, 82. (Д.).

990. **Мердеръ** А. Заботы Кіевскаго генер.-губерн. гр. А. Д. Гурьева о помѣщичьихъ крестьянахъ. 1901, 5, 82—83. (Д.).

991. **Мердеръ** А. „Города Кіева Общей Думы" орудія, хранившіяся въ Кіевскомъ арсеналѣ. 1901, 5, 84—85. (Д.).

992. **Мердеръ** А. Отмѣна магистратскаго мундира въ Кіевѣ. 1901, 7—8, 15—16. (Д.).

993. **Мердеръ** А. Вывозъ пьявокъ за границу и заботы о сохраненіи тинистыхъ мѣстъ въ Кіевской губ. 1901, 7—8, 16—17. (Д.).

994. **Мердеръ** А. Къ заботамъ ген.-губ. Бибикова объ устройствѣ въ Кіевѣ постояннаго театра. 1901, 9, 85—88. (Д.).

995. **Мердеръ А.** Мѣры къ поддержанію порядка службы и духа подчиненности среди канцелярскихъ служителей (25 авг. 1838 г.). 1901, 9, 89. (Д.).

996. **Мердеръ А.** Ходатайство Кіевскихъ гражданъ о выселеніи изъ Кіева евреевъ (1830). 1901, 10, 12—13. (Д.).

997. **Мердеръ А.** Мѣры къ упорядоченію торговли и расчетовъ евреевъ съ христіанами. 1901, 10, 14. (Д.).

998. **Мердеръ А.** Прекращеніе переселенія евреевъ въ Сибирь 1901, 10, 14. (Д.).

999. **Мердеръ А.** Проектъ учрежденія транспортныхъ воловыхъ почтъ. (1841) 1901, 11, 65—69. (Д.).

1000. **Мердеръ А.** Попытка учредить въ Балтѣ комерческое собраніе и городскую общественную библіотеку. 1901, 12, 159—160. (Д.).

1001. **Мердеръ А.** Затрудненія въ Подольской губ. при обмѣнѣ обращавшейся иностранной и польской монеты на русскую (1844) 1901, 12, 161—162. (Д.).

1002. **Мердеръ А.** Проектъ выселенія евреевъ изъ селъ Кіевской губ. 1902, 2, 92. (Д.).

1003 **Мердеръ А.** Къ борьбѣ съ холерою въ 30 годахъ 1902, 2, 93. (Д.).

1004. **Мердеръ А.** Посѣщеніе Кіева Имп. Александрою Ѳеодоровною въ сентябрѣ 1828 г. 1902, 7—8, 15—23. (Д.).

1005. **Мердеръ А.** Къ правамъ евреевъ на владѣніе крѣпостными и на государственную службу (1828). 1902, 10, 7. (Д.).

1006. **Мердеръ А.** Скорбутъ и кровавый понносъ въ Кіевской губ. (1828) 1902, 10, 7—8. (Д.).

1007. **Мердеръ А.** Санитарныя мѣры въ Черкассахъ (1828). 1902, 10, 8. (Д.).

1008. **Мердеръ А.** Заботы администраціи о предотвращеніи перекупокъ сельскихъ продуктовъ (1823) 1902 10, 9. (Д.).

1009. **Мердеръ А.** Сомнѣнія встрѣчаемыя мѣщанскою управою, при требованіи отдѣльныхъ видовъ на жительство 1902, 11, 92—93. (Д.).

1010. **Мердеръ А.** Къ исторіи Немировской гимназіи 1903, 6, 154—156. (Д.).

1011. **Мердеръ А.** Къ исторіи нѣмецкихъ колонистовъ на Волыни 1903, 4, 9—10. (Д.).

1012. **Мердеръ А.** Тревога среди Дунаевскихъ колонистовъ (1831). 1903, 6, 157—158. (Д.).

1013. **Мердеръ А.** Мѣры къ ускоренію производства дѣлъ въ дореформенныхъ судахъ. 1903, 6, 159. (Д).

1014. **Мердеръ А.** Закрытіе Уманскаго Повѣтоваго Базиліанскаго училища въ ожиданіи холеры 1830 г. 1903, 7—8, 18—19. (Д.).

1015. **Мердеръ А.** Памятная записка Кіевскаго Губернатора о частыхъ воровствахъ и куреніи на улицахъ (1855) 1903, 11, 60—61. (Д.).

1016. **Мердеръ А.** Учрежденіе Комитета для вспомоществованія раненымъ офицерамъ (1855) 1903, 11, 62—63, (Д.).

1017. **Миллеръ Д.** Голштинскіе наборы въ Малороссіи 1892, 9, 293—312.

1018. **Миллеръ Д.** Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи. Превращеніе козацкой старшины въ дворянство 1897, 1, 1—31, 2, 188—220, 3, 351—374, 4, 1—47.

1019. **Миллеръ Д.** Пикинерія 1899, 12, 300—322.

1020. **Милорадовичъ гр.** Приглашеніе къ открытію университета св. Владимира и правила поступленія въ оный 1884, 7, 529—537.

1021. **Милорадовичъ Г. А.** Къ исторіи Литовскаго Статута, какъ дѣйствующаго законодательства въ Малороссіи 1896, 1, 11—16. (Д.).

1022, **Милорадовичъ В.** Дорогой хлѣбъ. 1895, 4, 174. (Д.).

1023. **Милорадовичъ В.** Къ вопросу о колонизаціи Посулья въ XVI и XVII в.в. 1899, 7, 79—89.

1024. **Миронъ.** Къ исторіи просвѣщенія въ Галиціи 1893, 10, 159—165 (Д.).

1025. **Мищенко Ѳ.** Былъ ли Геродотъ въ предѣлахъ южной Россіи. 1886, 6, 349—355.

1026. **М. К.** Путевые очерки Подоліи. 1884, 5, 1—32; 7, 359—391; 9, 53—81; 10, 254—275; 1885, 2, 465—489; 12, 651—683.

1027. **М. Н.** Споры Луцкихъ евреевъ съ мѣщанами во второй половинѣ XVII в. 1888, 1—2—3, 30—35.

1028. **М. Н.** Побожье въ XVII и XVIII в. в. Къ исторіи польскаго землевладѣнія въ Брацлавщинѣ 1890, 9, 456—476; 11, 303—316; 12, 412—433.

1029. **Модзалевскій В.** Слухи о назначеніи Кантакузина гетманомъ Малороссіи (1818). 1904, 6, 451—464.

1030. **Модзалевскій В.** Иванъ Чернышъ и Михаилъ Милорадовичъ. 1905 2, 134—135. (Д).

1031. **Модзалевскій В.** Къ исторіи отношеній между великорусскими офицерами и малороссійскими урядниками въ XVIII ст. 1905, 4, 41—43. (Д).

1032. **Модзалевскій В.** Зѣньковскій полковникъ Василій Шиманъ и его потомство. 1905, 7—8, 38—42. (Д).

1033. **Модзалевскій В.** Свѣдѣнія о количествѣ провіанта, выданнаго изъ магазиновъ Кіевской губ. на расквартированные въ Малороссіи полки (1715—1717). 1905, 9, 115—119. (Д).

1034. **Модзалевскій В.** Полтавская интрига 1714 г. 1905, 11—12, 173—185.

1035. **Молчановскій Н.** Бюджеты г. Кіева въ срединѣ XVIII в. 1898, 1, 64—83.

1036. **Молчановскій Н.** Три письма кошевыхъ атамановъ къ шведскимъ королямъ. 1899, 1, 1—5. (Д).

1037. **Молчановскій Н.** Донесеніе венеціанца Альберта Вимина о козакахъ и Богданѣ Хмельницкомъ. 1900, 1, 62—75.

1038. **Молчановскій Н.** Кіевское городское управленіе въ 1786 г. (по протоколамъ засѣданій городской думы). 1889, 5—6, 380—399; 7, 47—63.

1039. **Молчановскій Н.** Англійское извѣстіе 1736 г. о запорожцахъ. 1889, 11, 444—445—447.

1040. **Моравскій С.** Ѳедоръ Лисовскій 1709—1722 (очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи въ перв. половинѣ XVIII в.). 1891, 9, 427— 454; 10, 22—57.

1041. **М—чъ В. Т.** Изъ старыхъ бумахъ Холмскаго архива. Записка поданная ген-губ. Тутолину жидичинскимъ архимандритомъ Флоріаномъ Корсакомъ. 1883, 8, 735—737.

1042. **Мѣры** гетманскаго правительства Малороссіи въ 1727—1757 г. г. въ предупрежденіе голода. 1894, 3. 553—557. (Д).

1043. **Мѣры** противъ холеры 1831 г. (объявленіе Кіевскаго губернатора). 1903, 11, 72—73. (Д).

1044. **Мякотинъ В.** Дѣла по исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII в. въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ. 1891, 2, 300—314.

1045. № Старинный проектъ заселенія Украйны (1590 г.). 1895, 3, 295—341.

1046. № Семейная драма въ 1812 г. 1895,3, 342—370.

1047. **Наказы** малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. и акты о выборахъ депутатовъ въ комиссію сочиненія Уложенія. 1888, приложеніе, 1, 2, 3, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 12; 1889, 1, 2, 3.

1048, **Науменко В.** Къ исторіи открытія Немировской гимназіи. 1888, 12, 116—117.

1049. **Науменко В.** Къ исторіи Кіевскаго дворянскаго собранія. 1889, 2, 495—499.

1050. **Науменко В.** Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. 1889, 12, 642—644,

1051. **Науменко В.** Нѣсколько дан-

ныхъ о состояніи Кіевскаго учебнаго Округа въ 1835 г. 1890, 1, 127—130.

1052. **Науменко В.** Всеподданнѣйшій рапортъ о состояніи Университета Св. Владимира въ 1835 г. 1890, 2, 349—355.

1053. **Науменко В.** Проектъ церемоніала, предполагавшагося при закладкѣ зданій Университета Св. Владимира въ октябрѣ 1835 г. 1890, 8, 323—324.

1054. **Науменко В.** Справка о практическихъ занятіяхъ студентовъ по предмету россійской словесности въ первые годы жизни университета Св. Владимира. 1894, 4, 169—174. (Д).

1055. **Науменко В.** Дѣло о сочиненіи Мацѣевскаго „Pamietniki o dzelach, pismennictwie i prawobawstwie słowian". 1896, 2, 63—65. (Д).

1056. **Науменко В.** Коллегія Павла Галагана въ Кіевѣ 1896, 12, 418—433.

1057. **Н. Б.** Покупка греками на Украйнѣ—„дювокъ-чухонокъ„. 1893, 9, 440—441. (Д).

1058. **Н. Б.** Къ характеристикѣ московскихъ „ратныхъ людей", служившихъ въ малороссійскихъ городахъ. 1894, 7, 105—111. (Д).

1059. **Н. Б.** Выходецъ изъ полону Василій Віоленскій. 1894, 9, 448—451. (Д),

1060. **Н. Б.** Къ характеристикѣ козаковъ первой половины XVII вѣка 1896, 2, 59—61. (Д).

1061. **К. В.** Куда исчезъ домикъ въ Полтавѣ, въ которомъ Петръ Великій отдыхалъ послѣ полтавской побѣды? 1901, 12, 171—172. (Д).

1062. **Нейманъ Ц. Г.** Дарственная запись Станислава Потоцкаго Вероникѣ Крепсъ. 1885, 7, 512—514.

1063. **Нейманъ Ц.** Старая брацлавщина и ея люди 1889, 5 и 6, 532—547; 8, 264—281; 10 103—120.

1064. **Неосуществившійся** университетъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ (Два письма о немъ 1802—1803 г. г.). 1882, 3,592—597.

1065. **Н. Ив.** Еще объ Иванѣ Поповичѣ 1889, 11, 429—439.

1066. **Николайчикъ Ѳ.** Первыя козацкія движенія въ Рѣчи Посполитой (1591—1596). 1884; 3, 423—442; 4, 525—564.

1067. **Николайчикъ Ѳ.** Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора (съ картою). 1889, 10, 52—69.

1068. **Николайчикъ Ѳ.** Универсалъ гетмана Скоропадскаго о вечерницахъ, кулачныхъ бояхъ, сборищахъ подъ Ивана Купала и проч. 1719 г. 1894, 6, 541—543. (Д).

1069. **Николайчикъ Ѳ.** Цѣны на сукна, матеріи, сафьянъ, жемчугъ и пр. въ г. Стародубѣ въ началѣ XVIII в. 1894, 9, 451—456. (Д).

1070. **Никифоровъ В.** свящ. Куруковскій договоръ козаковъ съ поляками 1625 года. 1885, 4, 767—773.

1071. **Ни—къ Ѳ.** Какъ готовили Кременчугъ къ встрѣчѣ имп. Екатерины II. 1883, 2, 460—464.

1072. **Ни—къ Ѳ.** Старинныя поздравленія и выборы. 1883, 2, 464—466.

1073. **Н—й С.** Изъ сферы Кіевскаго городского хозяйства 2-й половины XVIII ст. 1887, 6, 7, 578—583.

1074. **Н. Л.** Дѣятельность шаритокъ въ Житомирѣ 1894, 7, 102—103. (Д).

1075. **Н. М.** Женщины при Чигиринскомъ дворѣ во второй половинѣ XVII в. Д—ра Антонія I. 1894, 1, 107—126; 2, 282—304; 2, 512—529.

1076. **Н. М.** Лѣвобережная Украина въ XV—XVII ст. 1896, 4, 85—101: 5 249—267: 6, 369—379.

1077. **Н. М.** Выборы въ Кіевскіе войты Григорія Пивоварова. Жалованье Кіевскихъ войтовъ. 1897, 2, 35—38. (Д).

1078. **Н. М.** Публичныя увеселенія и позорища въ Кіевѣ сто лѣтъ тому назадъ. 1897, 2, 38—39. (Д).

1079. **Н. М.** Польскій король Янъ-Казимиръ, Хмельницкій и греки. 1897, 4, 17—18. (Д).

1080. **Н. М.** Правныя книги и руководства Кіевскаго Магистрата и борьба за должность писаря въ 1763—1773 г. г. 1897, 3, 64—74. (Д).

1081. **Н. М.** Странствованія чумака, бурсака и раба. 1897, 10, 16—20. (Д).

1082. **Н. М.** Пререканія вѣдомствъ по поводу запорожья 1751 г. 1898, 1, 4—7. (Д).

1083. **Н. М.** Продажа Кіевскою дворянкою своей дочери въ крѣпостное состояніе. 1897, 5, 63—65. (Д).

1084. **Н. М.** Матеріалы для новѣйшей исторіи юго-западнаго края. 1) проэктъ поручика Нечая 1832 г. объ улучшеніи быта крестьянъ. 1899, 6, 408—432.

1085. **Новицкій И.** Настоящее имя первой фундаторки братскихъ школъ 1885, 8, 732—735.

1086. **Носъ-фонъ Ст.** Неизвѣстные памятники памятныхъ лицъ. 1882, 6, 552—554.

1087. **Носъ-фонъ Ст.** Письмо кн. Н. В. Репнина къ имп. Николаю Павловичу (по дѣлу сложенія недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской и Черниговской губерніи). 1882, 12, 557—563.

1088. **Носъ-фонъ Ст.** Изгонъ Іудеевъ начала XVII в. 1883, 1, 214—215.

1089. **Носъ С. Д.** Благодарственное письмо Григ, Андр. Полетики своимъ выборщикамъ за избраніе въ званіе депутата въ комисію для сочиненія новаго Уложенія. 1890, 11, 334—335.

1090 **Н. П.** Антифѣевка. 1893, 11, 326—327.

1091. **Н. И.** Опытъ обязательнаго обученія козацкихъ дѣтей грамотѣ въ Лубенскомъ полку къ 1762 г. 1906, 1, 1—5 (Д).

1092. **Н. С.** Мало извѣстныя и не извѣстные источники свѣдѣній о минувшей жизни Полтавшины. 1884, 4, 684—688,

1093. **Н. С.** Численность податныхъ сословій въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской въ 1835 г. 1895, 3, 98—99. (Д).

1094. **Н. С.** Угроза генералъ Губернатора кн. Я. И. Лобанова—Ростовскаго жителямъ Смѣлаго (Ромен. уѣзда) за ослушаніе 1811 г. 1895, 3, 97—99. (Д).

1095. **Н. С.** Матеріалы для исторіи. дворянскаго землевладѣнія въ Полтавской губерніи (изъ Яготинскаго архива кн. В. Н. Репнина) о задолженности С. М. Кочубея, бывшаго губ. пред. дворянства 1895, 3, 405—418.

1096. **Н. С.** Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. 1897, 4, 124—156: 6, 460—483: 10, 115—131: 11, 143—156: 12, 332—350.

1097. **Н. С.** Къ исторіи военныхъ поселеній въ новороссіи. 1897, 12. 69—70. (Д).

1098. **Н. С.** Къ исторіи народнаго образованія на Украинѣ въ первой четверти XIX в. 1900, 6, 391—397.

1099. **Нѣжинскихъ** купцовъ и мѣщанъ прошеніе о воспрещеніи польскимъ и австрійскимъ евреямъ розничной торговли на ярмаркахъ въ Малороссіи 1797 года. 1902, 7—8, 12—15. (Д).

1100. **Н. Ѳ.** Журнально газетные статьи и матеріалы по южно-русской исторіи. 1885, 1, 206—214; 3, 597—612.

1101. **Образованіе** Ландъ-милиціи въ Полтавской губ. въ декабрѣ 1806-го и о избраніи командующаго оною милиціею. 1888, 10, 30—31.

1102. **Объясненіе** Полковника И. Черняка о работахъ козаковъ на Ладожскомъ каналѣ. 1884, 5, 117—122.

1103. **Объ одномъ** изъ памятниковъ украинской старины („проэктъ свода законовъ для малорусскаго народа" въ 1-ой половинѣ 18 в.). 1905, 10 12—16. (Д).

1104. **О времени** поселенія бывшаго Черноморскаго козачьяго войска на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, и о происходившихъ перемѣнахъ по военному и гражданскому управленіямъ. Записка составл. по архивн. источникамъ, въ 1865 г., есауломъ Барилкомъ и хорунжимъ Кіяшкомъ. 1897, 5, 6. Приложеніе.

1105. **Оглоблинъ Н.** Воеводскія „вѣстовыя отписки" XVII в., какъ матеріалъдля исторіи Малороссіи. 1885 ,7, 365— 416.

1106. **Оглоблинъ Н.** „Кіевскій столъ" разрядного приказа. 1886, 11, 536—552.

1107. **Оглоблинъ Н.** Очерки изъ быта Украйны конца XVII столѣтія. I Сожженіе вѣдьмы 1887, 5, 92—124.

1108. **Оглоблинъ Н.** Изъ архивныхъ мелочей о Кіевѣ XVII в. 1889, 5—6, 578—585.

1109. **Оглоблинъ Н.** Розыскъ 1869 г. о злоупотребленіяхъ московскихъ ратныхъ людей въ Малороссіи. 1895, 12 271—306.

1110. **Одинецъ И.** Къ вопросу объ украинскомъ народничествѣ (опытъ програмныхъ вопросовъ для изученія украинской національной идеи). 1906 7—8, 338—376.

1111. **О. Л.** Бердичевская ярмарка (изъ воспоминаній шляхтича 1842 г.). 1893, 6, 428—458.

1112. **О. Л.** Два памятника изъ эпохи Богдана Хмельницкаго.

1). Универсалъ Хмельницкаго, возбуждающій чернь къ войнѣ.

2). Пасквиль по поводу заключенія мира съ козаками. 1888, 7, 14—18.

1113. **О. Л.** Изъ путевыхъ замѣтокъ Вел. кн. Николая Павловича (1816 года). 1896, 12, 78—80. (Д).

1114. **О. Л.** Документы изъ эпохи „Панованья Войска запорожскаго" въ Малороссіи 1897, 2, 42—43. (Д).

1115. **О. Л.** Сборъ съ православн. помѣщиковъ на постройку Кіевскаго костела. 1897, 5, 68—69. (Д).

1116. **О. Л.** Заботы о „наружномъ образованіи Кіевскихъ студентовъ въ 1840 г. 1898, 12, 77—80. (Д).

1117. **О. Л.** Ланкастерская школа въ м. Городищѣ, Черкасскаго у. въ 1840 г. 1898, 12, 80—82. (Д).

1118. **О. Л.** Стоимость школьнаго содержанія въ Кіевѣ и Ю. З. краѣ 60 лѣтъ назадъ 1900, 3, 141—142. (Д).

1119. **О. Л.** Истребленіе еврейскихъ безцензурныхъ книгъ и судебное пре-

слѣдованіе евреевъ за ихъ утайку. 1900,7—8, 1—3. (Д).

1120 **О. Л.** Кіевскаго и другихъ центральныхъ архивовъ къ исторіи учрежденія. 1902, 5, 81—86. (Д).

1121. **О. Л.** Неосуществившійся проэктъ общества распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ Малороссіи. 1903, 2, 69—70. (Д).

1122. **О. Л.** Розыски волшебниковъ и отравителей въ Нѣжинскомъ полку въ 1767—1777 г. 1903, 4, 1—2. (Д),

1123. **О. Л.** Къ исторіи винокуренія и винной торговли въ Малороссіи въ XVIII в. 1903, 11, 57—60. (Д).

1124. **О. Л.** Домашніе учителя изъ лицъ польскаго происхожденія въ юго-западномъ краѣ въ 1840-хъ годахъ. 1904, 11, 49—51. (Д).

1125. **О. Л.** Одинъ изъ питомцевъ Сѣчевой школы. 1905, 2, 128—131. (Д).

1126. **О. Л.** О тысячелѣтнемъ юбилеѣ г. Переяслава. 1905, 7—8, 47—52. (Д).

1127. **О. Н.** „Бунтъ" свирскаго магистрата. 1888, 8, 196—245.

1128. **Описаніе** бѣдствія, постигшаго Умань и всю Украину въ 1768 г. 1888, 3, 520—529.

1129. **О положеніи** украинской печати. 1904, 11, 54—60. (Д).

1130. **Ордеръ** гр. Румянцева Кіевскому Намѣстническому Правленію отъ 9 янв. 1783. 1895, 9, 67—68. (Д).

1131. **Орловскій П. Протоіерей.** Къ исторіи чумной эпидеміи въ Кіевѣ. 1770—1771 г. г. 1897, 6, 445—459.

1132. **Отвѣтственность** оцѣнщиковъ въ Кіевскомъ магистратѣ (1762 г). 1904, 2, 54—58. (Д).

1133. **Отвѣтъ** малороссійскимъ слобожанамъ (найденный въ глуховскомъ архивѣ) 1884, 11, 550—552.

1134. **Отдача** гетманомъ Разумовскимъ мѣстечекъ Носовки и Кобыжчи своей матери Натальѣ Демьяновнѣ. 1901, 4, 13—15. (Д.).

1135. **Отрывокъ** изъ записокъ Анонима 1768. (Казнь Гонты и усмиреніе „Коліивщины) 1882, 11, 349—353.

✓ 1136. **Отрывокъ** изъ исторіи Малороссіи, составленный А. Мартосомъ т. III глава V 1652—1653. 1895, 2, 186—194.

1137. **Отъ Редакціи** (нѣсколько словъ г. Корзону о коліивщинѣ) 1893, 1, 161—166.

✓ 1138. **Очеркъ исторіи** Юго-западной Руси 1885, 1, 19—56; 2, 282—307; 3, 437—464; 4, 678—716; 5, 21—43; 6; 205—218.

✓ 1139, **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. Первое дворянское собраніе. 1901, 11, 69—71. (Д.).

1140. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. О шелковичномъ заводѣ и казенномъ садѣ въ Константиноградскомъ уѣздѣ въ 1800--1805 г.г. 1901, 11, 71—73. (Д.).

1141. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. Актъ въ Полтавскомъ народномъ училищѣ 27 іюня 1803. 1901, 11, 73—74. (Д.).

1142. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. (о поселеніи малороссіянъ въ Крыму близъ Ѳеодосіи). 1902, 1, 7—8. (Д.).

1143. **Павловскій И. Ф.** Кременчугъ сто лѣтъ назадъ 1902, 6, 165—167. (Д.).

1144. **Павловскій И. Ф.** Статистика врачей въ Полтавской губ. 1804 г. 1902, 6, 168. (Д.).

1145. **Павловскій И. Ф.** Полтава въ

началѣ XIX вѣка (съ рисунками). 1902, 7—8, 111—164 9, 293—318.

1146. **Павловскій И. Ф.** Ромны, Гадячъ, Миргородъ и ихъ уѣзды сто лѣтъ назадъ. 1902, 7—8, 6—12. (Д.).

1147. **Павловскій И. Ф.** Прилука, Лубны и Кобеляки и ихъ повѣты сто лѣтъ назадъ 1902, 9, 99—103. (Д.).

1148. **Павловскій И. Ф.** О цѣнахъ въ Малороссіи на жизненные припасы въ концѣ 18 и въ началѣ 19 ст. 1902, 9, 103—104, (Д.).

1149. **Павловскій И. Ф.** О привитіи оспы въ Полтавской губ. въ нач. 19 ст. 1902, 9, 104—105. (Д.).

1150. **Павловскій И. Ф.** Заботы князя Куракина объ устройствѣ въ Полтавской губ. хлѣбныхъ магазиновъ. 1902, 9, 105—107. (Д.)

1151. **Павловскій И. Ф.** Переяславъ, Константиноградъ, Пирятинъ, Золотоноша и ихъ повѣты сто лѣтъ назадъ. 1902, 10, 9, 12. (Д.).

1152. **Павловскій И. Ф.** Хоролъ, Лохвица, Зѣньковъ и ихъ повѣты 100 лѣтъ назадъ. 1902, 11, 83—86. (Д.).

1153. **Павловскій И. Ф.** Объ учрежденіи фельдшерской школы въ Полтавѣ 1902, 12, 144—145. (Д.).

1154. **Павловскій И. Ф.** Дѣтскій пріютъ въ Полтавѣ на подобіе нынѣшнихъ „яслей“ 1902, 12, 145—147. (Д.).

1155. **Павловскій И. Ф.** Объ устройствѣ въ Полтавѣ заведенія для спасенія утопающихъ 1903, 1, 7—9. (Д.).

1156. **Павловскій И. Ф.** Проектъ основанія въ Лубнахъ скотоврачебной лѣчебницы 1903, 1, 9—10. (Д.).

1157. **Павловскій И. Ф.** Школа чистописцевъ, существовавшая въ Полтавѣ. 1903, 5, 93—94. (Д.).

1158. **Павловскій И. Ф.** Дѣло о государствен. измѣнѣ и нарушеніи общаго спокойствія въ Малороссіи въ 1807 г. 1903, 12, 136—138. (Д.).

1159. **Павловскій И. Ф.** Донесеніе Пирятинскаго нижняго з. суда князю Куракину (донесеніе, что все обстоитъ благополучно). 1904, 1, 3, (Д.).

1160. **Павловскій И. Ф.** Частныя пожертвованія Черниговскихъ дворянъ на организацію милиціи въ 1806 г. 1904, 2, 65, (Д.).

1161. **Павловскій И. Ф.** Ремесленное училище въ Черниговѣ, учрежденное сто лѣтъ назадъ. 1904, 2, 157—168.

1162. **Павловскій И. Ф.** Къ исторіи Полтавскаго ополченія 1812 г. 1904, 3, 110—111. (Д.).

1163, **Павловскій И. Ф.** Несостоявшійся проектъ учрежденія въ Кременчугѣ дворянскаго пансіона въ 1809 г. 1904, 4, 3—6. (Д.).

1164. **Павловскій И. Ф.** О приглашеніи на службу въ Грузію чиновниковъ изъ Малороссіи, 1904, 5, 58—60. (Д.).

1165. **Павловскій И. Ф.** О цѣнахъ на хлѣбъ, мясо, ягоды, воскъ и медъ въ Полтавской губ. 100 лѣтъ тому назадъ. 1904, 6, 119—120. (Д.).

1166. **Павловскій И. Ф.** Къ исторіи почтъ въ Малоросіи, 1904, 7—8. 19—20. (Д.).

1167. **Павловскій И. Ф.** Заботы кн. Репнина о Полтавскомъ театрѣ и о выкупѣ артиста Щепкина. 1904, 10, 217—226.

1168. **Павловскій И. Ф.** Полтавскій уѣздъ сто лѣтъ назадъ. 1904, 12, 142—143. (Д.).

1169. **Павловскій И. Ф.** Полтава въ XIX столѣтіи. 1905, 11—12, 228—342.

1170. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. Жалоба еврейскаго раввина въ думу о несоблюденіи евреями обрядовъ (1836 г.). 1906, 5—6, 20. (Д.).

1171. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. Договоръ между мѣщанами о добровольномъ поступленіи въ рекруты за плату (1839 г.). 1906, 5—6, 21. (Д.).

1172. **Павловскій И. Ф.** Вызовъ Полтавскихъ помѣщиковъ для управленія конфискованными имѣніями въ Волынской губ. 1906, 1—8, 79—80. (Д.).

1173. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. Донесеніе Петра Полторацкаго кн. Репнину о грабежѣ имѣній Муравьева-Апостола. 1906, 7—8, 80—81. (Д.).

1174. **Павловскій И. Фр.** Малороссійское козачье ополченіе въ 1812 году по архивнымъ даннымъ. 1906, 9, 1—20; 10, 137—154.

1175. **Павловскій И. Ф.** Къ исторіи еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ половинѣ XIX ст. 1906, 11—12, 589—597,

1176. **Павловскій И. Фр.** Взносы приказовъ общественнаго призрѣнія на Полтавскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ. 1907, 11—12, 278.

1177. **Павловскій И. Ф.** Полтавскій Комитетъ о земскихъ повинностяхъ. 1907, 11—12, 275—278.

1178. **Падалка Л.** Была ли на о. Томаковкѣ запорожская сѣчь (съ картой). 1893, 5, 243—262.

1179. **Падалка.** Къ вопросу о существованіи запорожской сѣчи въ первыя времена запорожскаго козачества, 1894, 5, 258—276; 6, 439—461.

1180. **Падалка Л.** Десятинщики Херсонской губ. (Ист. статистическій очеркъ) 1895, 9, 324—345.

1181. **Падалка Л.** Происхожденіе запорожскаго козачества. 1884, 8, 580—608, 9, 27—52.

1182. **П. Вл.** Князь Н. В. Репнинъ и Георгій Конисскій. 1905, 3, 242—243. (Д.).

1183. **П. Е.** Указъ Петра I-го о ссылкѣ Забѣлы и Загоровскаго 1887, 8, 777—779.

1184. **Первая** страничка изъ исторіи Полтавскаго Института благородныхъ дѣвицъ, 1900, 11, 283—290.

1185. **Переселеніе** Малороссіянъ въ Тамбовскій край въ половинѣ XVIII в. 1901, 2, 76—77. (Д.).

1186. **Перетцъ В.** Дѣло о жалованьѣ плѣннымъ козакамъ 1708 г. и просьба козаковъ о томъ же. 1905, 6, 234—237. (Д.).

1187. **Петлюра С.** Секретні циркуляри правительства на Кубані. 1834, 1843, 1848. 1907, 6, 347—350.

1188. **Петровъ Н.** Къ исторіи колонизаціи слободской Украйны. 1883, 4, 23—51, 6, 314—340.

1189. **Петровъ Н.** Изъ путешествія въ сѣверо-западный край. 1889, 2, 464—476, 3, 705—716, 4, 174—184, 6, 314—340.

1190, **Петровъ Н.** Прошеніе отставного прапоршика Землянскаго 1816 г. 1893, 1, 174. (Д.).

1191. **Петровъ Н.** Къ исторической топографіи Печерска и Клова 1896, 4, 17—22. (Д.).

1192. **Петръ I** въ русской Равѣ въ 1698 г. 1882, 1, 214—218.

1193. **Пирятинская** городская „армата“ въ 1691 г. 1899, 6, 127. (Д.).

1194. **Пискорскій В.** Изъ прошлыхъ лѣтъ Кіевскаго Университета (замѣтки о студенческихъ сочиненіяхъ въ 30-е годы) 1894. 4, 49—60.

1195. **Письмо** изъ Варшавы отъ 6 апрѣля 1790 г. 1883, 5, 178—181.

1196. **Письмо** князя Константина Острожскаго воеводы Кіевскаго къ сыну его Янушу, Каштеляну Краковскому 7 мая 1607 г. 1883, 11, 477—480.

1197. **Пишчевичъ Алекс.** Примѣчанія на Новороссійскій край. 1884, 1, 111—134.

1198. **Пишчевичъ А. С.** Южно-русскій городъ въ началѣ текущаго столѣтія. (Изъ дневныхъ записокъ). 1886, 1, 173—183.

1199. **Пишчевичъ А. С.** Бугскіе козаки и украинскіе уланы. 1886, 2, 387—394.

1200. **П—ко Вл.** Былъ ли игуменъ Значко-Яворскій организаторомъ украинскаго возстанія 1768 г. 1905, 1, 4—7. (Д.).

1201. **П—ко Вл.** Къ исторіи Коліивщины (матеріалы) 1905, 3, 236—242. (Д.).

1202. **П—ко Вл.** Къ вопросу о народныхъ реакціяхъ въ Украинѣ въ XVIII в. 1905, 7—8, 108—116.

1203. **П—ко Вл.** Изъ исторіи образованія на Украинѣ 1905, 9, 235—247, 10, 126—132.

1204. **П—ко Вл.** Конецъ старой Малороссіи (1733—1788 годы въ исторіи лѣвоб. Украйны). 1905, 11—12, 343—349.

1205. **П—ко Вл.** Къ исторіи взаимныхъ отношеній Малороссійскихъ свѣтскихъ и духовныхъ властей въ XVIII в. 1906, 1, 11—12. (Д.).

1206. **П. Л.** Населеніе Кіева въ прошломъ столѣтіи. 1884, 2. 352—354.

1207. **П. Л.** Гдѣ находился Кіевскій домъ Саввы Туптала Сотника? 1887, 2, 383—384.

1208. **П. Л.** Гадяцкая полковая канцелярія 40-хъ годовъ XVIII столѣтія, ея составъ и содержаніе. 1887, 8, 780—783.

1209. **П. Л.** Обезземеленные „вольные матросы" въ г. Никополѣ херс. губ. 1888, 12, 124—129.

1210. **Плотниковъ И.** Любечъ 27 іюля 1887 г. 1887, 9, 197—198.

1211. **П. Н.** Одесское общество исторіи и древностей въ 1881 г. 1882, 3, 616—618.

1212. **Повѣсть** объ осадѣ г. Михайлова гетманомъ Сагайдачнымъ въ 1618 году. 1885, 12, 684—689.

1213. **Подвысоцкій Н. свящ.** Село Сахновка Каневскаго уѣзда и кн. П. П. Лопухинъ. 1897, 7—8, 20—26. (Д.),

1214. **Познанскій Борисъ.** Императоръ Александръ I въ Бѣлой-Церкви у графини Браницкой. 1889, 4, 187—190.

1215. **Познанскій Борисъ.** Замѣтки о саранчѣ, бывшей въ Кіевшинѣ въ 1861 г. 1889, 9, 752—758.

1216. **Познанскій Б.** Кое-что о козачинѣ на Украинѣ въ 1855 г. 1905, 4, 139—159.

1217. **Поимка** Гаркуши въ Ромнѣ. 1885, 10, 404—407.

1218. **Полницкій А.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной долинѣ въ 1750 году. 1889, 5—6, 332—379.

1219. **Полницкій А.** Новороссійскій Сардананалъ (Гервасій Котъ). 1898, 5, 191—201.

1220. **Полницкій А.** Марья, въ жидовствѣ Маріяна. 1895, 12, 361—366.

1221. **Понятовскому** Станиславу

жалованная грамота на староство Богуславское (1777.) 1893, 5, 322—325. (Д.).

1222. **Попруженко Е.** Кіевская актовая рѣчь 1841 г. 1885. 4, 773—776.

1223. **Порш. М.** Із статистики України 1907, 7—8, 20—46.

1224. **Порш. М.** Статистика землеволодіння въ 1905 р. і мобілізація земельної власности на Украіні. 1877—1905 р. р. 1907, 11—12, 145—180.

1225. **Послѣднія** домогательства Малороссійскаго шляхетства. 1884, 1, 174—177.

1226. **Посѣщеніе** Кіева в. кн. Павломъ Петровичемъ и в. кн. Маріей Ѳедоровной (современное описаніе) 1883, 7, 539—562.

1227. **Походное** вооруженіе гетманскаго козака: 1901, 2, 78. (Д).

1228. **Правила** для кіевскихъ гимназистовъ, распубликованныя въ 1840 г. при содѣйствіи полиціи. 1900, 12, 147—148. (Д).

1229. **Представленіе** ген. губ. Воейкова о назначеніи докторовъ въ Кіевскую губернію (1766 г.). 1903, 12, 139—141. (Д).

1230. **Преслѣдованіе** лаптей колонизаторами Новороссіи 1886, 8, 754—756.

1231. **Придворные** гайдуки откуда набирались. 1902, 3, 162—163. (Д),

1232. **Прошеніе** малороссійскаго шляхетства и старшинъ, вмѣстѣ съ гетманомъ, о возстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи, поданное Екатеринѣ II-ой въ 1764 году. 1883, 6, 317—345.

1233. **Прошеніе** сотниковъ Черниговскаго полка о козачьихъ обидахъ, поданное имп. Елизаветѣ въ 1744 г. 1894, 4, приложеніе.

1234. **Протестація** вельможнаго его милости пана Стемпъковскаго, кашътеляна Браславскаго, противко Павлови Тетерови, аентови его милости пана Браславскаго 1894, 11, 306—307. (Д).

1235. **Проэктъ** казеннаго сельскаго хозяйства въ присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи областяхъ. 1885, 4,746—754.

1236. **Пузыревскій А.** Нѣсколько словъ о Каменецъ Подольской гимназіи 50-хъ годовъ. 1895, 12, 97—100. (Д).

1237. **Радакова Елена.** Гетманъ Даніилъ Апостолъ въ роли колонизатора. 1891, 6, 458—468.

1238. **Разсказъ** современника о приключеніяхъ съ нимъ во время „Коліивщины". 1887, 1, 51—64.

1239. **Рева И.** Изъ временъ польскаго возстанія 1863 г. 1885, 4, 790—791.

1240. **Рескриптъ** императора Павла объ опредѣленіи малороссійскаго дворянства въ военную службу. 1887, 11, 579.

1241. **Рклицкій С.** Запрещеніе бродяжничества монахамъ въ 1731 г. 1902, 11, 75—77. (Д.).

1242. **Романовское** староство и судьба его жителей. 1885, 8, 607—630.

1243. **Рудановскій Л.** Черниговская гимназія начала 40-хъ годовъ. 1894, 10, 90—110.

1244. **Рудковскій А.** Свѣдѣнія о Бугскихъ козакахъ. 1882, 11, 389—391.

1245. **Русовъ А.** Осада и взятіе Очакова (1788). 1888, 12, 543—598.

1246. **Русовъ А.** Злоключеніе трехъ

Кіевскихъ студентовъ въ прошломъ столѣтіи. 1904, 11, 336—361.

1247. **Руссетъ Елизавета.** Высшіе женскіе курсы въ бывшей гетманщинѣ. 1884, 1, 173—174.

1248. **Рыжковъ Н.** Открытіе главнаго народнаго училища въ Кіевѣ въ 1789 г. 1893, 7, 136—138. (Д.).

1249. **Рѣчь** запорожскаго войскового писаря имп. Екатеринѣ II. 1897, 12, 63—64. (Д.).

1250. **Рядная запись** 1-ой половины XVIII в. 1884, 3, 471—476.

1251. **Садовскій.** Столѣтіе Кіевской первой гимназіи, какъ учебнаго заведенія 1789—1889 г. г. 1888, 11, 423—429.

1252. **Свѣдѣнія** о массонскихъ ложахъ, бывшихъ въ Волынской губ. 1895, 11, 62—63.

1253. **С. Е.** Семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка 1891, 4, 56—67.

1254. **Секретное** предписаніе Кіевскаго губернатора звенигородскому городничему отъ 23 декабря 1834 г. 1903, 11, 73. (Д).

1255. **Сербинъ-Вукъ** Полковникъ Переяславскій (1675—1682). 1894, 1, 129—134. (Д.).

1256. **Сербы** въ Кіевѣ (1753—1754). 1885, 2, 381—385; 7, 505—511.

1257. **Синицкій Л.** Малороссія по разсказамъ путешественниковъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. 1892, 2, 226—259.

1258. **Синицкій Л.** Путешествіе въ Малороссію академика Гильденштедта и кн. Долгорукаго. 1893, 2, 274—292; 3, 412—441; 4, 29—40.

1259. **Скальковскій А.** Филиппъ Орликъ и запорожцы. 1882, 4, 106—132.

1260. **Скальковскій А.** Къ исторіи запорожья. 1882, 7, 178—180.

1261. **Скальковскій А.** Къ исторіи запорожья 1 „Порубежныя любезности" 1882, 10, 159—166.

1262. **Скальковскій.** Еще о бугскихъ козакахъ. 1882. 12, 598—602.

1263. **Скальковскій А.** Къ исторіи запорожья Внутренніе распорядки. 1882, 12, 527—537.

1264. **Скальковскій А.** Къ исторіи бугскихъ козаковъ. 1883, 5, 186—187.

1265. **Скальковскій А.** Еврейскій плѣнъ въ запорожьи 1770—1772 г. 1884, 1, 159—165.

1266. **Скальковскій А.** Дунайцы. 1885, 1, 117—132.

1267. **Скальковскій А.** Нѣсколько документовъ къ исторіи гайдамаччины 1885, 10, 277—318.

1268. **Скальковскій А.** Секретная переписка Коша запорожскаго 1734—1763. 1886, 2, 327—349.

1269. **Скальковскій А.** Какъ судили и рядили въ Сѣчи ззпорожской. 1886, 3, 604—621.

1270. **Скальковскій А.** Русскіе диссиденты въ Новороссіи. 1887. 4, 771—782.

1271. **Скальковскій А.** Астрономъ Эйлеръ въ Сѣчи запорожской въ 1770 г. (отрывокъ изъ напечатанной статьи моей надъ заглавіемъ „Первыя попытки изученія Новороссіи въ 1760—1774 г.г.) 1891, 10, 117—119.

1272. **С—ко.** Изъ исторіи развитія канцелярской переписки въ Малороссіи. 1885, 5, 173—175.

1273. **Скриленко А.** Екатеринославскій областной музей имени А. Н. Поля. 1905, 7—8, 52—57. (Д.).

1274. **Словарь** малорусской старины, составленный въ 1808 г. Ломиковскимъ В. 1894, 7, 8, 9. приложеніе; къ словарю—1894, 11, 310.

1275. **Смоктій А.** Городъ Умань и Софіевка (исторія г. Умани—Уманская рѣзня—Софіевка). 1882, 12, 420—437.

1276. **С. Н. И.** Польское привѣтствіе Наполеону I отъ лица Бѣлоруссіи. 1885, 7, 514—515.

1277. **С—овъ Н. Ѳ.** Къ исторіи цѣнъ въ Малороссіи. 1883, 12, 696—697.

1278. **Сокальскій Л.** Матеріалы къ исторіи національнаго движенія 60-хъ годовъ прошлаго вѣка. 1905, 2, 189—200.

1279. **С. П.** Рукописи Румянцевскаго музея по исторіи Кіева. 1882, 4, 158—160.

1280. **С—р—ъ И.** Изъ жизни малороссійскихъ колонистовъ на Сѣверномъ Кавказѣ. 1884. 7, 467—484.

1281. **Старый Прилучанинъ.** Къ Турбаевской катастрофѣ. 1891, 5, 312—313.

1282. **Степовичъ А.** Кіевъ по словарю Гарбеля. 1895, 11, 49—50. (Д.).

1283. **Сторожевъ В. Н.** Къ вопросу о южно-русской колонизаціи. 1890; 5, 379—380.

1284. **Сторожевъ В. Н.** Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в. 1889, 11, 327—349.

1285. **Сторожевъ В. Н.** Къ вопросу о колонизаціи лѣвобережной Украйны. 1890, 6, 544—549.

1286. **Сторожевъ В. Н.** Матеріалы для исторіи колонизаціи лѣвобережной Украйны. 1890, 9, 497—503.

1287. **Сторожевъ.** Десятня Коротояцкихъ и урывскихъ новаго выѣзда черкасъ 1653 г. (смотръ и раздача денежнаго жалованья коротояцкаго воеводы О. Ив. Сукина) 1892, 12, 463—468. (Д.).

1288. **Сторожевъ В.** Дѣло (2—22 октября 1694 г.) о пожалованіи двухъ черкасъ за выходъ и полонное терпѣнье деньгами и сукномъ изъ Галицкаго и Малороссійскаго приказовъ 1896, 7—8, 3—8. (Д.).

1289. **Стороженко Н. В.** Замѣтка А. И. Чепы о таможняхъ. 1890, 12, 514—515.

1290. **Стороженко А.** Очерки Переяславщины. 1891, 11, 195—215.

1291. **Стороженко А.** Къ исторіи Кіева и его окрестностей въ XV и XVI в.в. 1892, 2, 339—347. (Д.).

1292. **Стороженко А.** Кіевъ триста лѣтъ назадъ 1894, 2, 204—230.

1293. **Стороженко А.** Фастовская типографія. 1895,112, 83—88. (Д.).

1294. **Стороженко А.** Къ исторіи мѣстечка Борисполя Полтавской губ. 1897, 3, 507—518.

1295. **Стороженко А.** Гдѣ жили Переяславскіе Торки? 1899. 2, 283—290.

1296. **Стороженко. Н.** Къ исторіи овцеводства въ Малороссіи 1890, 3, 540—542.

1297. **Стороженко Н.** Рынокъ въ г. Острѣ (1690 г.). 1892, 2, 348. (Д.).

1298. **Стороженко Н.** Въ г. Нѣжинѣ первая аптека. 1892, 3, 497. (Д,).

1299. **Стороженко Н.** Замѣтка къ знанію надлежащая о малороссійскомъ полковомъ и сотенномъ судѣ. 1893, 3, 538—539. (Д.).

1300. **Стороженко Н. В.** Эпизодъ

изъ исторіи малорусскихъ крестьянъ 1888, 6, 76—78.

1301. **Стороженко Н. В.** Къ исторіи землевладѣнія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. 1888, 7, 11—13.

1302. **Стороженко Н. В.** Изъ исторіи Нѣжинскихъ грековъ. 1890, 6, 540—544.

1303. **Стороженко Н. В.** Полуботокъ или Свѣчка? (Эпизодъ изъ исторіи малороссійскаго землевладѣнія 2-й половины XVII в.) 1890, 12, 434—447.

1304. **Стороженко Н. В.** Реформы въ Малороссіи при гр. Румянцевѣ. 1891, 3, 478—493; 9, 455—465.

1305. **Стороженко Н. В.** Отрывки изъ фамильныхъ преданій и архивовъ 1891, 2, 320—334; 5, 303—309; 7, 141—147.

1306. **Стороженко Н. В.** Мельницы въ г. Козельцѣ (универсалы XVII в.) 1892, 3, 496—497. (Д.).

1307. **Стороженко Н. И.** Кирилло-Меѳодіевскіе заговорщики. 1906, 2, 135—152.

1308. **Страничка** изъ жизни коллегіи Павла Галагана 1901, 12, 177—178. (Д.).

1309. **Струнина Л.** Первыя воскресныя школы въ Кіевѣ. 1898, 5, 287—307.

1310. **Судьба** просвѣтительныхъ учрежденій Кіева. 1890, 11, 317—322.

1311. **Сулима Семенъ.** Замѣтки стараго Кіевлянина (Кіевъ въ 1812 и 1824 г.). 1882, 12, 614—624.

1312. **Сумцовъ Н.** Къ исторіи Слободско-украинскаго чумачества. 1884, 3, 493—498.

1313. **Сумцовъ Н.** Архивная справка по поводу „Записокъ И. М. Сбитнева" 1887, 3, 571—574

1314. **Сумцовъ Н.** Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южную и западную Россію григоріанскій календарь. 1888, 5, 235—258.

1315. **Счетъ** судебныхъ издержекъ по дѣлу крестьянки съ сосѣдомъ за порубку лѣса 1723 г. 1901, 7—8, 9. (Д.).

1316. **С—ъ** 2 случая изъ борьбы крестьянъ съ евреями за аренду казенныхъ земель. 1884, 10, 346—351.

1317. **Сѣверянинъ.** Къ столѣтію Новгородъ Сѣверской гимназіи. 1888, 9, 63—70.

1318. **Сѣцинскій Е.** Картина изъ временъ крѣпостного права. 1899, 4, 152—154.

1319. **Т. А.** Еще о Гаркушѣ. 1886, 11, 569—571.

1320. **Танковъ А.** Изъ недавней исторіи малорусскаго казачества. 1898, 5, 46—51. (Д.).

1321. **Твердохлѣбовъ А.** Судьба табачной фабрики, заведенной при Петрѣ I-мъ въ Ахтыркѣ. 1886, 9, 178—182.

1322. **Твердохлѣбовъ А.** Эпизодъ изъ предсмертной борьбы запорожья за цѣлость своихъ владѣній. 1886, 12, 749—756.

1323. **Твердохлѣбовъ А.** Наслѣдственное полковничество (Переписка по поводу борьбы двухъ полковничьихъ родовъ за полковничій рангъ.) 1887, 5, 152—170.

1324. **Твердохлѣбовъ А.** Инструкція войсковому канцеляристу Григорію Губчицу, отправленному въ Санкт Петербургъ за дѣлами малороссійскими. 1888, 11, 82—84.

1325. **Теличенко И.** Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. 1888, 1—3, 244—270.

1326. **Теличенко И.** Изъ исторіи финансовъ въ малороссіи и слободской Украйнѣ. 1888, 3, 10—15.

1327. **Теличенко И.** Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія свода законовъ. 1888, 9, 415—466; 10, 22—63—68.

1328. **Теличенко И.** Скорбный листъ малороссійской коллегіи. 1889, 2, 445—458.

1329. **Теличенко Ив. В.** Универсалъ гетмана Разумовскаго относительно порядка избранія сотниковъ. 1890, 4, 163—166.

1330. **Теличенко И.** Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи. 1890, 8, 161—191; 9, 390—419; 10, 94—122; 11, 251—272; 12, 471—493; 1891, 1, 73—97; 2, 232—254.

1331. **Т—ій К. И.** Краткій очеркъ исторіи города Умани, 1888, 8, 381—394.

1332. **Т. П.** Пятидесятилѣтіе Немировской гимназіи. 1888, 12, 101—115.

1333. **Т. П.** Къ исторіи польскаго театра въ Кіевѣ. 1890, 6, 533—540. см. также поправку „К. Ст." 1890, 10, 152.

1334. **Три документа** къ исторіи экономическихъ отношеній въ Малороссіи XVIII столѣтія. 1884, 1, 143—148.

1335. **Три документа** къ исторіи бунта въ Малороссіи въ 1687 г. 1884, 306—314.

1336. **Тумасовъ Н.** Исторія Кіевской второй гимназіи. 1902, 1, 35—62; 2, 188—214; 3, 391—416; 4, 136 158; 5, 244—267; 6, 449—469; 7—8, 165—192.

1337. **Туренко М. А.** Историческія записки о войскѣ Черноморскомъ (со времени поселенія онаго на всемилостивѣйше пожалованной землѣ до 1831 г.) 1887, 3, 494—536, 4, 721—746; 5, 125—151: 6—7, 335—378.

1338. **Тутковскій П.** Берестовецкій вулканъ (изъ полѣсскихъ экскурсій). 1895, 7—8, 67—84.

1339. **Т—ъ К. И.** Матеріалы, относящіеся къ исторіи Звѣринецкаго квартала Печерской части г. Кіева. 1895, 7—8, 14—20. (Д.).

1340. **Тындытниковъ** Семенъ. Безсоновское туранство малороссіянъ. 1886, 2, 395—398.

1341. **Тысячелѣтіе** Кіева. 1882, 3, I—VI.

1342. **Удѣльный** періодъ и его изученіе. 1883, 2, 301—318.

1343. **Указатель** книгъ и статей по исторіи Южной Россіи за 1881 г. 1882, 1, 199—203, 2, 396—401.

1344. **Указатель** личныхъ именъ къ „Наказамъ малороссійскихъ депутатовъ". 1889, 9, 1—XX.

1345. **Указъ** имп. Екатерины II объ учрежденіи малороссійской коллегіи. 1883, 8, 738—740.

1346. **Указа** 1876 р. про заборону украіньского письменства найближчі відгуки. 1907, 6, 249—268.

1347. **Украинскіе** козаки при осадѣ Дюнкирхена 1646 г. 1889, 5, 74—75. (Д.)

1348. **Украинскіе** переводы манифестовъ 17 октября (съ прибавленіемъ къ нему доклада гр. С. Ю. Витте) и 3 ноября. 1905, 11—12, 68—78.

1349. **Универсалъ** Черниговскаго Полковника Лизогуба 1690 г. (въ разрѣшеніе земельныхъ претензій польской шляхты, изгнанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ) 1885, 3, 538—542.

1350. **Успенскій Ѳ.** Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря IX и X в.в. 1889, 5—6, 253—294.

1351. **Уставъ** Кіевскаго цирюльническаго цеха 1767 г. 1883, 11, 470—476.

1352. **Ф.** г. Балта (Подольской губ.) Историческія замѣтки. 1904, 6, 605—609.

1353. **Фисенко А.** Кобелякское повѣтовое училище. (1808—1835) 1887, 10, 387—398.

1354. **Фотинскій О. А.** Экскурсія по Волынской губ. для описанія Памятниковъ старины. 1900, 12, 196—206. (Д.).

1355. **Харламповичъ К.** Борьба школьныхъ вліяній до Петровской Руси. 1902, 7—8, 1—76; 9, 358—394: 10, 34—61.

1356. **Хвойко В.** Къ вопросу о славянахъ. 1902, 6, 495—505.

1357. **Херсонская** старина 1902, 9, 139—140. (Д.).

1358. **Хижняковъ В.** Черниговская старина (по архивнымъ бумагамъ городской думы) 1899 г. 6, 367—407.

1359. **Хмельницкій** въ представленіи Кромвеля. 1882. 1, 212.

1360. **Ходатайство** Потемкина о замѣнѣ запорожской старшинѣ смертной казни заточеніемъ въ монастырь. 1887, 9, 191—193.

1361. **Храневичъ В.** Присяга на вѣрность Имп. Павлу въ Западномъ Краѣ. 1892, 7, 109—113.

1362. **Хроника** Кіевской общественной жизни по дневнику митрополита Серапіона (1804—1824 г.г.) 1884, 7, 423—466.

1363. **Цеховъ** къ исторіи 1899, 6, 132—133. (Д.).

1364. **Ц. К.** Движеніе народнаго образованія въ Юго-западномъ Краѣ. 1884, 8, 725—731.

1365. **Цѣлебныя** воды въ Константиноградѣ. 1886, 10, 402—403.

1366. **Чайковскій** Михаилъ и козакофильство. 1886, 4, 763—777.

1367. **Чалый.** Бѣлоцерковская гимзія (1862—1969) 1900, 11, 218—224; 12, 401—410.

1368. **Чалый М. К.** Двѣ ревизіи (Немировская гимназія въ концѣ 40-хъ годовъ.) 1883, 2, 444—453.

1369. **Чалый М.** Вторая Кіевская гимназія. 1900, 4, 16—50; 6, 288—309; 7—8, 66—88.

1370. **Чеважевскій В.** Право „презенты" и его значеніе въ исторіи Юго-западнаго края. 1888, 5, 50—53.

1371. **Чепа Адріанъ.** Записка о малороссійскихъ чинахъ. 1897, 4, 5 (приложеніе).

1372. **Черепинъ В.** Родная исторія (по поводу книги Грушевскаго „Очеркъ истор. укр. народа") 1905, 5, 228—233.

1373. **Черниговская** лѣтопись по новому списку (1587—1725) 1890, 4, 70—80; 5, 81—96: 6, 97—110.

1374. **Черниговскій** воспитательный домъ 70 лѣтъ назадъ. 1896, 11, 46—47. (Д.).

1375. **Ш. А.** Дѣятели слободской украйны прошлаго вѣка. 1891, 6, 423—445.

1376. **Шафрановъ П. А.** О статьяхъ Богдана Хмельницкаго 1654 г. 1889, 11, 369—391.

1377. **Шафрановъ П.** Замѣтка о Павлѣ Тетерѣ. 1890, 7, 128—129.

1378. **Шафрановъ П.** Къ исторіи народнаго образованія въ Южно-русскихъ губерніяхъ, 1902, 11, 77—83. (Д.).

1379. **Шаховскаго А. И.** Князя распоряженіе о раздѣленіи малорос. козаковъ на выборныхъ и подпомощниковъ 1735 г. 1902, 2, 83—88. (Д.).

1380. **Шимановъ А.** Главнѣйшіе моменты изъ исторіи землевладѣнія Харьковской губ. (матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи), 1882, 11, 191—228: 12, 401—419: 1883, 1, 67—88: 3, 555—594; 6, 249—267.

1381. **Шимановъ.** Предсмертная поземельная борьба запорожья. (Эпизодъ изъ его пограничныхъ споровъ съ слободской украиной). 1883, 12, 609—636.

1382. **Шр-ко А.** Реестръ вѣновной 1774 года. 1903, 6, 159—163. (Д.).

1383. **Шугуровъ Н.** Отзывъ гр. Разумовскаго по поводу неурожая. 1891, 12, 470—472.

1384. **Шугуровъ Н.** Предписанія кн. Репнина по поводу холеры въ 1830 г. 1893, 10, 153—155. (Д.).

1385. **Шугуровъ Н.** Адріолли и Матейко (какъ авторы рисунковъ и картинъ изъ Малорус. быта.) 1894, 1, 93—106.

1386. **Шульгинъ Я.** Очеркъ „Коліивщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ годовъ. 1890, 2, 185—220; 3, 381—481, 4, 22—52; 5, 268—306; 6, 409—426. 7, 1—21; 8, 192—223.

✓ 1387. **Шульгинъ Я.** Нѣсколько данныхъ о школахъ въ правобережной Украинѣ въ половинѣ XVIII в. 1891, 7, 97—118.

1388. **Шульгинъ Я.** „Правда" о Коліивщинѣ польскаго историка г. Корзона. 1893, 1, 126—160.

1389. **Щербина.** Жалованная грамота гр. Ф. Х. Браницкому на Бѣлоцерковское староство. (1774, дек. 13). 1893, 4, 161—165. (Д.).

1390. **Щербина В.** Сѣчевая школа. 1891, 9, 491—492.

1391. **Щербина В.** Савва Чаленко и Игнатъ Голый. 1891, 10, 119—122.

1392. **Щербина В.** Великорусскіе чиновники въ Кіевѣ въ 20-хъ годахъ XVIII ст. 1891, 11, 302—304.

1393. **Щербина В.** О происхожденіи слова „Коліивщина". 1893, 2, 356—358. (Д.).

1394. **Щербина В.** Духовное завѣщаніе гр. А. В. Браницкой. 1893, 6, 513—517. (Д.).

1395. **Щербина В.** Къ исторіи воеводскаго управленія въ Кіевѣ. 1893, 8, 303—306. (Д.).

1396. **Щербина В.** Три Шелеста (изъ исторіи Коліивщины.) 1893, 11, 235—240.

1397. **Щербина В.** Эпизодъ при выборахъ въ законодательную коммиссію 1767 г. 1896, 7—8, 20—24. (Д.).

1398. **Щербина В.** Грамота Богдана Хмельницкаго относительно частнаго землевладѣнія. 1894, 10, 149—151. (Д.).

1399. **Щербина В.** Іеремія Вишневецкій и козацкое землевладѣніе. 1894, 10, 148—149. (Д.).

1400. **Щербина Ф.** Бѣглые и крѣпостные въ Черноморіи. 1883, 6, 233—248.

1401. **Щербина Ф.** Колонизація Кубанской области. 1883, 12, 529—545.

1402. **Щербина Ф.** Исторія самоуправленія у Кубанскихъ козаковъ. 1884, 2, 223—246.

1403. **Зварницкій Д.** Жизнь запорожскихъ козаковъ по разсказу современника—очевидца. 1883, 11, 497—510.

1404. **Эварницкій Д.** Число и порядокъ запорожскихъ Сѣчей. 1884, 4, 589—608.

1405 **Эварницкій Д.** Топографическій очеркъ Запорожья. 1884, 5, 33—52; 6, 177—200; 7, 392—422.

1406. **Эварницкій Д.** Архивные матеріалы для исторіи Запорожья. 1886, 7, 520—536.

1407. **Эйнгорнъ В.** Кіевскій воевода П. И. Шереметевъ и нѣжинскій магистратъ (1666—1669 г.г.). 1891, 11, 246—258.

1408. **Экстренные** расходы изъ суммъ малороссійской колегіи. 1882, 5, 312—315.

1409. **Эпизодъ** изъ польско-украинскихъ отношеній среди петербургскаго студенчества въ началѣ 60-хъ г.г. 1903, 7—8, 21—25. (Д.).

1410. **Юбилейныя** празднества на Волыни (впечатлѣнія очевидца). 1892, 6, 1—IV.

1411. **Яковлевъ А.** Бунтъ черкасцевъ и каневцевъ въ 1536 г. 1907, 1, 81—96.

1412. **Яковлевъ А.** З історії реґістраціи українських козаків въ 1-й пол. XVI в. 1907, 3, 265—279.

1413. **Яковлевъ А.** Намістники, державці і старости господарського замку. Черкасьского въ кінці XV і в XVI в.в. 1907, 9, 340—354.

1414. **Яремичъ Ст.** Памятники искусства въ XVI и XVII в.в. въ Кіево-Печерской лаврѣ. 1900, 6, 378—390.

1415. **Яроцкій П.** По Волынскому Полѣсью (изъ записной книжки).1898, 7—8, 1—35.

1416. **Ярошевичъ А.** Малороссы по переписи 1897 г. 1905, 6, 411—423.

1417. **Ястребовъ В.** Херсонесъ Таврическій. 1883, 5, 30—48.

1418. **Ястребовъ В.** Домашнее воспитаніе начала нашего столѣтія. 1884, 2, 333—336.

1419. **Ястребовъ В.** Греки въ Елисаветградѣ (отрывокъ изъ исторіи колонизаціи 1754—1777). 1884, 4, 673—684.

1420. **Ястребовъ В.** Очаковская зима по современному описанію. 1884, 8, 731—732.

1421. **Ястребовъ В.** Въ запорожскомъ захолустьѣ. 1885, 12, 721—729.

1422. **Я. Ш.** Пробуждающійся край (Л. Василевскій. Современная Галиція). 1900, 12, 466—487.

1423. **Ящуржинскій Ц.** Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. 1888, 7, 16—25.

1424. **Ѳ. В.** Кіевъ въ 1787 г. и дѣдъ покойнаго Н. Д. Бунге. 1895, 9, 64—66. (Д.).

1425. **Ѳедотовъ-Чеховскій А.** Инструкція гетмана Даніила Апостола малороссійскимъ судамъ. 1887, 1, 139—154.

1426. **Ѳедотовъ-Чеховскій А.** Каштелянъ Брацлавскій Василій Запровскій въ полонѣ у татаръ. 1887, 2, 360—365.

1427. **Ѳедотовъ-Чеховскій А.** Волынская полоненница XVI в. и ея „орменскій" обожатель. 1887, 5, 200—204.

1428. **Ѳ. Н.** Къ характеристикѣ шляхетскаго-козачаго быта XVIII в. (два партикулярныхъ письма). 1885, 4, 776—782.

1429. **Ѳ. Н.** Отношеніе Роменцевъ къ ремесленному образованію 90 лѣтъ тому назадъ. 1898, 4, 5—6. (Д).

1430. **Ѳ. Ѳ.** Практика смертной казни въ старой Малороссіи. 1901, 7—8, 1—3. (Д.).

1431. **Ѳ. Ѳ.** Къ исторіи „войскового скарба". 1901, 7—8, 3—4. (Д.).

III. Художественная литература.

1432. **Антоній І.** д—ръ. Украинскія женщины (переводъ съ Польскаго). 1883, 6, 268—309.

1433. **Антоній І.** д—ръ. Страшный Іосифъ (переводъ съ польскаго). 1883, 9—10, 39—87.

1434. **Антоній І.** д—ръ. Иванъ Подкова. Историческій разсказъ (переводъ съ польскаго). 1885, 10, 243—276.

1435. **Антоній І.** д—ръ. Судьба красавицы (Софія Глявоне-Витте Потоцкая). 1887, 1, 99—138.

1436. **Антоній І.** д—ръ. На Шпаковомъ шляху. Разсказъ изъ быта Подоліи начала XVIII вѣка (переводъ съ польскаго) 1887, 4, 693—720.

1437. **Артемовскій Гуланъ** П. П. Сочиненіе (съ предислов. А. Потебни). 1888, 5, 184—208.

1438. **Барвинокъ Ганна** Половинщикъ. (Этнографическій разсказъ). 1888, 12, 478—492.

1439. **Барвинокъ Ганна.** Молотники (Бытовой разсказъ). 1888, 6, 314—364.

1440. **Барвинокъ Ганна.** Русалка (Этнографическій разсказъ). 1889, 7, 64—109.

1441. **Браиловскій С.** Кудоярова пещера (разсказъ преданіе). 1894, 11, 207—241.

1442. **Будянська Ол.** Завороженный Хутиръ. 1905, 11—12, 210—227.

1443. **В. Н.** Максимовича М. Л. неизданныя малорусскія стихотворенія 1898, 11, 33—44. (Д.).

1444. **Ваченко Писонецкій К.** Чернокнижникъ (изъ разсказовъ бабушки) 1893, 11, 280—297.

1445. **Винниченко.** Антрепенеръ Гаркунъ-Задунайскій (оповидання). 1903, 3, 395—438.

1446. **Винниченко В.** Сила и краса (оповидання). 1902, 7—8, 227—281.

1447. **Винниченко В.** Биля машыны (оповідання). 1902, 12, 435—458.

1448. **Винниченко В.** Контрасты. 1904, 10, 81—111.

1449. **Винниченко В.** Голота (повисть). 1905, 1, 117—188; 2, 209—262.

1450. **Винниченко В.** „Мнимый господинъ" (малюнокъ зъ натуры) 1905, 4, 117—138.

1451. **Віроучителя** сектанта сповідь. 1907, 6, 286—313; 7—8, 47—91; 9, 355—378.

1452. **Григоренко Гр.** Воно саменьке (Психологичный нарысъ). 1906, 3—4, 368—384.

1453. **Грыгоренко Грыцько.** Пересельци (зъ дому и до дому). 1900, 11, 291—325.

1454. **Гринченко Б.** Пидъ тыхымы вербамы (повисть). 1902, 2, 228—297; 3, 417—493; 4, 25—109.

1455. **Гринченко Б.** Хвесь преславный гайдамака. 1900, 6, 398—402.

1456. **Гринченко Б.** Покупка. 1900, 9, 358—362.

1457. **Гринченко Б.** Паліи. 1900. 7—8, 225—234.

1458. **Гринченко Б.** Середъ темной ночи (повисть) 1901 5, 227—281; 6 383—448; 7—8, 103—168.

1459. **Гулакъ—Артемовскій П. П.** Стихотвореніе. 1896, 1, 18—20. (Д.).

1460. **Гулакъ—Артемовскій.** Неизданныя сочиненія (изъ рукописи въ Петербургѣ въ имп. публичн. библ.) 1897, 3, 476—501.

1461. **Гулакъ—Артемовскій П. П.** Нѣсколько стихотвореній, 1903, 9, 99—102. (Д.).

1462. **Добровольскій А.** Ярема (разсказъ изъ запорожской жизни). 1894, 7, 10—31; 8, 152—175.

1463. **Днипрова Чайка.** Чудный. (оповидання). 1904, 5, 231—263.

1464. **Доманицкій В.** Неизвѣстное стихотвореніе К. Думитрашка. 1905, 5, 152—155.

1465. **Е. Ш.** Спомынки (разсказъ). 1902, 5, 230—243.

1466. **Забила В.** Неизданное стихотвореніе (съ предисл. М. Комарова). 1888, 4, 15—18.

1467 **Іоссе Генрихъ.** Младшій братъ Очеркъ изъ Галицкой жизни (перев. съ польскаго). 1889, 10, 143—160.

1468. **К—чъ Владимиръ.** Судьба (разсказъ). 1898, 7, 33—69.

1469. **Какъ** поймали Наполеона Бонапарта въ Лебединскомъ уѣздѣ (изъ разсказовъ старожила). 1896, 10, 40—44. (Д.).

1470. **Каро Я.** Беата и Гальшка. Историческій разсказъ изъ польско-русской жизни XVI в. (переводъ съ нѣмецкаго Н. М.). 1890, 1, 95—116; 2, 305—319; 3, 485—525.

1471. **Карпенко Карый И.** По надъ Днипромъ (драматич. картины), 1899, 2, 209—282.

1472. **Карпенко-Карый.** Пидпанкы (драма). 1899, 6, 317—366.

1473. **Карпенко-Карый И.** Сава Чалый (трагедія). 1899, 8, 210—264; 9, 312—340.

1474. **Квитка.** Бой-жинка, драмат. сочиненіе. 1893, 10, 124—152.

1475. **Квитка Г. Ѳ.** Неизданный разсказъ. 1887, 1, 91—98.

1476. **Кобылянська Ольга.** „За готоръ" (нарысъ зъ сільского жыття). 1903, 1, 137—151.

1477. **Кобылянська О.** Ніоба (новеля). 1905, 6, 361—410; 7—8 75—107; 9, 248—316.

1478 **Комарова Галына** Роксолана 1904 6, 597—604.

1479. **Комаровъ М.** Неизданное стихотвореніе Гребенки. 1886, 9, 176—177.

1480. **Комаровъ М.** Неизданныя стихотворенія К. Думитрашка. 1894, 9, 459—463. (Д.).

1481. **Коцюбинській.** Пидъ минаретами. Оповидання. 1905, 3, 373—422.

1482. **Коцюбинській М.** Дорогою ціною (оповідання). 1902, 1, 103—167

1483. **Коцюбинській М.** Fata morgana (зъ сильскихъ настроивъ). 1904, 3, 383—412.

1484. **Костомаровъ Н. И.** Сорокъ лѣтъ (народная малорос. легенда). Послѣдняя глава прибавлена гр. Л. Н. Толстымъ. 1902, 5, 173—207: 6, 347—391.

1485. **Кременскій А.** Обманутый солдатъ. Стихотвореніе Руданскаго. 1882, 6, 556—558.

1486. **Кропивницкій М.** Передъ волею. Драма въ 5 діяхъ. 1900, 4, 51—126.

1487. **Кропивницкій М.** Розгардіяш (твора на 4, дії). 190 7—8, 436—75.

1488. **Кудринскій Ѳ.** Замчисько (разсказъ). 1893, 5, 384—397.

1489. **Кудринскій Ѳ.** Дядько-землякъ (разсказъ). 1895, 11, 181—258.

1490. **Кудринскій Ѳ.** Шаронъ (разсказъ). 1896, 11, 137—165.

1491. **Кудринскій Ѳ. А.** О. Алипій (разсказъ). 1897, 7—8, 185—226; 9, 239—271.

1492. **Кудринскій Ѳ.** Хапунъ (разсказъ). 1898, 12, 309—344,

1493. **Кудринскій Ѳ.** Божій часъ (изъ недавняго прошлаго). 1892, 12, 361—378.

1494. **Кудринскій Ѳ.** Старцы. Полѣсская легенда. 1893, 12, 417—426.

1495. **Кудринскій Ѳ.** Утопленница (этнографическій разсказъ). 1894, 4, 91—127; 5, 236—257.

1496. **Кудринскій Ѳ.** Пошисть (разсказъ изъ быта крест. Черниговъ. губ.) 1895, 7—8, 156—184.

1497. **Лазаревскій Б.** Святий городъ Повисть. 1903, 4, 108—131.

1498. **Левенко В.** Старе и нове (оповідання). 1900, 6, 333—377: 7—8, 89—141.

1499. **Левицкій И.** Старосвѣтскіе батюшки и матушки (повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). 1884, 1, 83—110; 5, 88—116; 6, 267—288; 8, 655—680; 12, 586—620; 1885, 1, 133—156; 8, 630—681; 9, 85—127; 11, 466—519.

1500. **Левицькый М.** За коліивщины. 1901, 6, 460—497.

1501. **Левицьный М.** Сачитаръ (оповидання). 1903, 5, 302—314.

1502. **Левицкая-Пащенко** Юлія. Порченная (бытовая повѣсть). 1888, 8, 289—314: 9, 500—522.

1503. **Лисакъ-Таморенко** Невесели сильски малюнкы (оповидання батюшкы) 1902, 1, 63—72: 1904, 6, 506—530.

1504. **Лотоцкій А.** Руданскаго С. В. Крохи литературнаго наслѣдія (стихотворенія). 1902. 12, 147—155. (Д.).

1505. **Лѣсковъ Н.** Печерскіе антики (отрывокъ изъ юношескихъ воспоминаній). 1883, 2, 235—268: 3, 493—527; 4, 691—708.

1506. **Любка** или Сватанье въ с. Рихмахъ. Оперета въ 4 дѣйств. 1900, 1, 76—124.

1507. **М. Л.** Останній Гирей. 1904, 4, 74—103.

1508. **Майорскій П.** Дрибни нарысы зъ життя простого люду. 1904, 2, 201—210.

1509. **Майорскій П.** До наукы (нарысъ зъ жыття простого люду).1904, 9, 292—303.

1510. **Майорскый П.** На бурякахъ (нарысъ). 1905, 3, 461—468.

1511. **Марковичъ** Александръ Михайловичъ. Малороссійкая свадьба. Неоконч. повѣсть изъ жизни малорусской старшины половины XVIII. вѣка. 1897, приложеніе 3, 4.

1512. **Маркевичъ Д.** Онъ присягалъ 1891, 3, 422—432.

1513. **Маркевичъ Д.** „На Вовчомъ хуторѣ". 1889, 8, 428—435.

1514. **Марко-Вовчекъ.** Чертова пригода. 1902, 10, 141—156.

1515. **Мачтетъ Г. А.** Бѣлая панна. (изъ дѣтскихъ воспоминаній неудав-

шагося поэта 1889, 1, 90—116; 2, 337—387.

1516. **Мерцъ С.** Святъ-вечиръ. Оповідання. 1904, 7—8, 111—130.

1517. **Миронъ** „Слава Богу, для начала и это хорошо" (эпизодъ изъ жизни Прикарпатскаго народа) 1888, 10, 121—148).

1518. **Миронъ.** Чума. 1889, 5—6, 400—437.

1519. **Миронъ.** Милліонеръ. Картинка изъ Галицкой жизни. 1890, 5, 307—326; 6, 427—451.

1520. **Миронъ.** Полуйка (оповидання) 1899, 5, 260—282.

1521. **Мырный П.** Морозенко (повисть). 1898, 3, 366—396.

1522. **Мирный Панасъ та Билыкъ Иванъ.** Пропаща сыла, повисть. 1903, 3, 492—531; 4, 24—54; 5, 231—285; 6, 395—422; 7—8, 65—131; 9, 297—397; 10, 37—91; 11, 241—283.

1523. **Науменко В.** Два рукописныя стихотворенія М. А. Максимовича. 1891, 12, 480—482.

1524. **На** рубежѣ. Повѣсть (переводъ съ польскаго) 1888, 1—3, 180—243; 4, 64—99: 5, 209—234: 6, 365—388: 8, 315—348; 9, 523—566.

1525. **Нейманъ Ц.** Тры сестры, царевичъ, степъ и море. 1902, 5, 282—300.

1526. **Непыйвода М.** Биля огныща. Оповидання. 1903, 10, 128—139.

1527. **Непыйвода М.** Хто жъ выненъ? 1904, 4, 114—130.

1528. **Непыйвода М.** На вокзали (нарысъ). 1905, 5, 198—204.

1529. **О. Л.** Неизданное стихотвореніе Е. П. Гребенки. 1897, 1, 10—11. (Д.).

1530. **Отецъ** Петръ (изъ разсказовъ старожила). 1896, 11, 44—46. (Д.).

1531. **Оржешко Элиза.** Вѣдьма (Полѣсскій разсказъ) (переводъ съ польскаго). 1886, 2, 278—326; 4, 684—707; 5, 79—107; 6, 490—519; 8, 693—726; 9, 81—102.

1532. **Остоя.** Нечистая сила. Повѣсть. (Перев. съ польскаго К. М.)- 1889, 4, 152—173; 5—6, 507—531; 7, 188—220; 8, 491—514.

1533. П. **А. І.** Неизданныя стихотворенія П. П. Гулака Артемовскаго. 1901, 5, 75—80. (Д.).

1534. **П. С.** Рождественскій вечеръ въ деревнѣ (Бытовой очеркъ) 1895, 1, 103—119.

1535. **Пахаревськый Л.** Довгый рядъ днивъ. (Оповидання). 1905, 11—12, 186—197.

1536. **Пахаревськый Л.** Тыхеньке жыття. (Оповидання). 1906, 3—4, 433—444.

1537. **Петкевичъ З. А.** Сельскія недоразумѣнія (переводъ съ польскаго К. М.). 1889, 1, 155—186; 3, 645—664.

1538. **Перекыдько Петръ** Перелякъ. (Малюнокъ зъ натуры). 1904, 7—8, 152—160.

1539. **Пильченко** Княжа крыныця (сцены зъ XVII вику у 4-хъ діяхъ и 7-ми одминахъ) 1901, 10, 133—168; 11, 200—232.

1540. **Познанскій Борисъ.** Что слышалось и что видѣлось. 1886, 5, 108—129.

1541. **Познанскій Борисъ.** „Полячка" (Видѣнное и слышанное) 1890, 2, 361—390.

1542. **Познанскій Борисъ** .Попокъ— (повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ) 1894, 1, 52—74: 2, 245—266: 3, 480—511. 5, 318—331: 8, 230—254: 9, 380—395.1898, 10, 33—61: 11, 150—191: 12, 367—412. 1899, 1, 30—80: 3, 424—443; 4, 117—151: 5, 199—248: 7, 90—130.

1543. **Познанскій Б.** Картынкы сучасного селянскаго побыту. 1900, 2, 207—247.

1544. **Познанскій Б.** Симсотъ первый и симсотъ вторый законъ. Разсказъ 1900, 10, 163—178.

1545. **Полницкій А.** Насильно обвѣнчанный дьякъ (разсказъ изъ давняго прошлаго) 1895, 10, 72—87.

1546. **Полницкій А.** Сербы въ гетманщинѣ (повѣсть) 1896, 6, 307—327, 7—8, 64—94: 9, 197—228.

1547. **Ракитинъ Н.** Академическій комисаръ, 1894, 7, 79—99: 8, 207—229: 9, 354—379.

1548. **Репьяхъ Омелько.** Не судивъ Богъ-Разсказъ, 1890, 8, 282—309.

1549. **Рогова О.** Сынъ Гетмана. Историческій Романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. 1890, 2, 221—254: 3, 419—443: 4, 53—83; 5, 227—254: 6, 452—477: 7, 22—58: 8. 224—263: 9, 420—455: 10, 27—48: 11, 273—303.

1550. **Ротарь** П. Темнота. 1906, 5—6, 178—190.

1551. **Руданскій С.** Изъ неизданныхъ стихотвореній. 1883, 2, 471—473.

1552. **Руданскій** С. „Край пещеры два дубочкы", баллада. 1902, 9, 343—357.

1553. **Савченко Иванъ.** (Крестьянинъ) Дѣдушкинъ вексель (изъ дѣтскихъ воспоминаній) 1884, 5, 158—168.

1554. **Сарнецкій Николай.** Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники (переводъ съ польскаго Н. М.). 1889, 12, 547—581.

1555. **Скольскій И. П.** Два стихотворенія П. П. Гулака Артемовскаго. 1887, 12, 799—802.

1556. **Смоктій А.** Картинки народной жизни (изъ эпохи перехода отъ козачества къ крестьянству). 1883, 9—10, 199—236.

1557. **Сосновскій Мих.** Панська круча. Разсказъ. 1905, 5, 292—308.

1558. **Станиславскаго А. Г.** Стихотвореніе. 1903, 2, 76—77.

1559. **Старицкая Л.** Живая могила (Малорусская легенда) 1889, 10, 70—102.

1560. **Старицкій М. П.** Богданъ Хмельницький (историчня драма). 1897, 4, 78—123: 5, 208—289.

1561. **Старицкій М.** Передъ бурей. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. 1897, 1, 32—91: 2, 221—274; 3, 396—451: 4, 48—66: 6, 389—444: 7—8, 96—184: 9, 336—393: 10, 46—114: 11, 157—241: 12, 370—448.

1562. **Старицкій М.** Оборона Буши (драма) 1899, 3, 325—396: 4, 32—74.

1563. **Старицкій М.** Остання ничъ (драма) 1899, 10, 50—92.

1564. **Старицкій М.** Маруся Богуславка (драма) 1899, 11, 185—227: 12, 323—380.

1565. **Старыцькый М.** Лыхо (картынка зъ життя голодныхъ) 1901, 5, 301—316.

1566. **Степанецъ Богданъ.** Омелько Пацюкъ на курорти (оповідання). 1904, 1, 65—122.

1567. **Степовичъ А.** Неизданное стихотвореніе Ал. Толстого. 1899, 8, 45—45. (Д.).

1568. **Труба Иванъ.** Буде паномъ. 1904, 12, 506—515.

1569. **Турчинскій.** Тарасъ изъ Ворохты. Изъ быта гуцуловъ (Переводъ съ польскаго К. М.) 1888, 11, 326—363, 12, 493—542.

1570. **Украинка Леся.** Прыязнь (оповидання) 1905, 10, 11—72.

1571. **Федьковичъ Осипъ.** Довбушевъ кладъ (Гуцульская легенда). 1886, 8, 739—746.

1572. **Федьковичъ Осипъ.** Надъ Днѣстромъ (разсказъ изъ народной жизни на Буковинѣ) 1890, 7, 105—116.

1573. **Франко Иванъ.** Батькивщина. 1904, 11, 296—335.

1574. **Хатемкинъ А.** Земській гласный, разсказъ· 1900, 12, 431—465.

1575. **Чернявскій.** Въ незнану далечинь (оповидання). 1903, 11, 431—440.

1576. **Чернявськый М.** Пидъ похылою вербою (оповидання) 1902, 9, 395—400.

1577. **Чернявськый М.** Въ затышку (разсказъ). 1902, 10, 92—99.

1578. **Чернявськый М.** Степовый сокілъ (разсказъ) 1902, 11, 223—234.

1579. **Чернявськый М.** Собака (оповидання) 1902, 12, 382—393.

1580. **Чернявськый М.** Тополи (оповидання) 1903, 7—8, 221—227.

1581. **Чернявськый М.** Uae victis (оповидання) 1905, 4, 36—89.

1582. **Чернявськый М.** Весняна повидь (повисть). 1906, 1, 73—128; 2, 153—212.

1583. **Чыгрынець В.** Злодій (повість) 1900, 5, 274—278.

1584. **Щербина В.** Два неизданныя малорусскія стихотворенія Е. П. Рудыковскаго. 1894, 7, 115—122. (Д.).

1585. **Щоголевъ.** Послѣднее стихотвореніе Я. И. Щоголева. 1901, 1, 19—21. (Д.).

1586. **Ю. Т. „Шпыгачкы,** або по московському эпиграммы". Забытыя стихотворенія Г. Ѳ. Квитки. 1893, 8, 296—300. (Д.).

1587. **Яворницкій Д.** Наша доля Божья воля (повисть). 1901, 1, 81—114; 2, 234—282; 3, 426—460; 4, 50—96.

1588. **Яновская.** Доля (риздвяне оповидання). 1901, 1, 37—56.

1589. **Яновская Л.** Городянка. 1901, 7—8, 249—276; 9, 331—362; 10, 77—119; 11, 256—302: 12, 375—423.

1590. **Яновская Л.** Идеальный батько. 1900, 9, 375—403.

1591. **Яновская Л.** На зеленый Клынъ. Комедія у 5 діяхъ. 1900, 5, 191—258.

1592. **Яновська Л.** За высокымъ тыномъ (разсказъ). 1902, 11, 301—325.

1593. **Яновська Л.** Дарочка (оповідання). 1903, 2, 245—266.

1594. **Яновська Л.** На святъ вечиръ (Раздвяне оповидання) 1906, 1, 129—133.

IV. Исторія литературы.

А) МАТЕРІАЛЫ.

1595. **А. Л.** Гр. Ф. Квитка, какъ сотрудникъ „Современника". 1896, 3, 94—98. (Д.).

1596. **А. Л.** Къ вопросу о Грабянкиной лѣтописи. 1897, 2, 41—42. (Д.).

1597. **А. Л.** Богданъ Хмельницкій. Анонимная поэма 30-хъ годовъ. 1898, 11, 50—56. (Д.).

1598 **А. С.** Украинская дума въ польской литературѣ. 1899, 6, 123—125. (Д.).

1599. **Барацъ Г.** Повѣсти и сказанія древнерусской письменности, имѣющія отношеніе къ евреямъ и еврейству (два разсказа Кіево-Печерскаго патерика) 1906, 3—4, 399—411.

1600. **Библія** въ переводѣ П. А. Кулиша. 1901, 7—8, 23. (Д.).

1601. **Болсуновскій К.** Малороссійскія Рождественскія вирши (извѣстныя въ окрестностяхъ села Ксендзовки, Кролевец. у. Черниговъ. губ., списаны со словъ А. П. Порохонской). 1889, 1, 234—236.

1602. **Б—мъ В.** Малороссійская легенда въ обработкѣ Н. Костомарова и гр. Л. Толстого. 1902, 4, 1—4. (Д.).

1603. **Боржсковскій В.** Преданіе и пѣсня объ экзаменѣ дяка въ старинной малороссіи. 1892, 6, 456—458. (Д.).

1604. **В. Г.** Три лекціи А. Перовскаго. 1888, 9, 76—77.

1605. **В. Н.** Сонъ, стихотвореніе Кіевскаго студента конца 40-хъ годовъ. 1892, 4, 128—130. (Д.).

1606. **В. Н.** Малорусская пѣсня въ изданіи 1794 года. 1899, 3, 6. (Д.).

1607. **Василенко** В. Изъ Полтавской рукописной библіотеки (три стихотворенія) 1900, 1, 3—9. (Д.).

1608. **Вашкевичъ Г.** Переводъ Кулиша на украинскій языкъ манифеста 19 февраля 1861 г. и положенія о крестьянахъ. 1905, 2, 324—341; 3, 423—460.

1609. **Вашкевичъ Г.** Неосуществившійся журналъ Кулиша „Хата". 1898, 7—8, 5—6. (Д.).

1610. **Вирши** на Рождество Христово, 1882, 11, 398—400.

1611. **Вишенскій Іоаннъ.** Неизданныя сочиненія (приложеніе къ статьѣ Житецкаго „литерат. дѣятельность Іоанна Вишенскаго"). 1890, 6, 111—120.

1612. **Вишенскій Іоаннъ.** Сочиненіе (приложеніе къ статьѣ Мирона „Іоаннъ Вишенскій") 1889, 4, 21—63.

1613. **Владимира св.** Южно-русское житіе XVII в. (съ пред. П. В. Владимирова). 1889, 2, 11—20.

1614. **„Власть** тьмы" на малорусскомъ языкѣ. 1896, 1, 28—29. (Д.).

1615. **„Вояжъ** по Малой Россіи г генерала отъ инфантеріи Беклешова" (стихотвореніе). 1890, 3, 458—463.

1616, **Выдержки** изъ сборника Украинскаго Дѣвичьяго монастыря. 1883, 8, 760—764.

1617. **В. Я.** Вирша объ освобожденіи крестьянъ. 1893, 6. 525—528. (Д).

1618. „Gaudeamus igitur". Кіевской Академіи. 1882, 2, 431—434.

1619. **Г. Б.** Стихотвореніе ссыльнаго украинца половины XVIII в. 1906, 5—6, 12—15. (Д.).

1620. **Гоголя Н. В.** предки. 1902, 1, 22—23. (Д.).

1621. **Гоголя** о предкахъ. 1902, 3, 174—176. (Д.).

1622. **Гоголя** украинофильство. 1902, 9, 115—119. (Д).

1622. **Голосъ** Малороссіи конца XVIII в. (стихи по поводу назначенія Кречетникова малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ). Съ пред. А. Л. 1890, 3, 454—457.

1624. **Гринченко Б.** Нѣсколько дополненій къ статьѣ И. Франка объ украинской литературѣ (XIX в.) 1902, 3, 171—173. (Д.).

1625. **Гринченко Б.** Необходимое поясненіе (къ отчету о присужденіи преміи Н. И. Костомарова за лучшій малорусскій словарь) 1906, 7—8, 74—78. (Д.).

1626. **Для исторіи** „Основы" (отрывокъ изъ письма М. М. Лазаревскаго, 9 янв. 1863 г.). 1901, 7—8, 12—13. (Д.).

1627. **Довгалевскаго Митрофана** интерлюдіи XVIII в. 1897, 9, 10—11. Прилож.

1628. **Дорошенко П.** Гоголя Н. В. неизданное письмо къ А. С. Данилевскому. 1902, 3, 532—536.

1629. **Дополненіе** къ Пасхальной виршѣ. 1882, 9, 567—571.

1630. **Двѣ малорусскія оды** изъ эпохи наполеоновскихъ временъ (1807—1812) (съ предисл. О. Лев—аго). 1886, 1, 187—195.

1631. **Драматическое** произведеніе XVIII в., найденное въ рукописяхъ Смоленской духовной семинаріи. 1897, приложеніе 7—8, 9.

1632. **Егоровъ І.** Вирши о смерти въ синодикѣ XVIII ст. 1903, 6, 168—169. (Д.).

1633. **Еще** одинъ старый списокъ пасхальной вирши. 1900, 11, 76. (Д.).

1634. **Житецкій П.** Малорусскія вирши историч. содержанія. 1892, 9, 313 332.

1635. **Житецкій П.** Старинная запись народныхъ малорусскихъ думъ съ сбзоромъ варіантовъ къ нимъ. 1892. 12, 391—408.

1636. **Зуйченко П. И.** Пекельный Марко. (Малорусская легенда въ стихотворномъ переложеніи конца XVIII вѣка). 1885, 8, 682—692.

1637. **Интересная** находка (открытая въ сѣв. Италіи рукопись на пергаментѣ заключающая въ себѣ молебны, псалмы и молитвы IX в. и церков. календарь). 1901, 1, 16, (Д.).

1638. **К—ъ И.** Политическая сатире конца XVIII в. 1890. 5, 369—373.

1639. **Каллашъ В.** Южно-русскій списокъ „Александріи" конца XVIII ст. 1887, 10, 377—379.

1640. **Клебановскій П.** Маляръ—стихотворецъ (Заборовскій) 1902, 5, 94—95. (Д.).

1641. **Костомарова** Магистерской диссертаціи объ уничтоженіи, 1903, 7—8, 25—26, (Д.).

1642. **Крымскій А.** Къ исторіи бродячихъ сказаній о мудрыхъ судьяхъ. 1896, 10, 12—15. (Д.).

1643. **Кулишъ П.** Брошенный изъ-за угла камень. 1885, 9, 184.

1644. **Кудринскій Ѳ.** Сказаніе о царѣ Соломонѣ. 1897, 5, 316—338.

1645. **Л. А.** Рукописное евангеліе будто бы гетмана Сагайдачного. 1891, 4, 165—157.

1646. **Л—й О.** Отголоски польско-русской борьбы XVII ст. въ мелочахъ будничной жизни (стихотворный памфлетъ въ актовыхъ книгахъ XVII ст.). 1887, 3, 575—579.

1647. **Л. М.** Струтинскій Фока Назарьевичъ священникъ и его полемическая замѣтка противъ „Кіевск. губернск. Вѣдомостей". 1903, 1, 5, (Д.).

1648. **Л. М.** Пѣсня дяка про свою долю. 1903, 1, 5—6. (Д.).

1649. **Лавровскій Л. Я.** Стихотворное житіе преподобн. муч. Макарія, архимандрита Овручскаго и Каневскаго игумена. 1904, 3, 413—444.

1650. **Лазаревскій А.** Образчикъ старинной малорусской эпитафіи. Епитафіонъ о дѣйствіяхъ въ жизни и преставленіи Николая Ивановича Тризны, бунчуковаго товарища (р. 1694 г. † 1776 г.). 1885, 5, 180—181.

1651. **Левицкій О.** Находка въ области старинной южно-русской письменности. 1886, 3, 398—601.

1652. **Левицкій О.** Вирши о Мазепѣ и Чернышѣ 1710 г. 1897, 11, 33—37. (Д.).

1653. **Левитскому Н. В.** посвященное стихотвореніе. 1902, 12 214—215. (Д.).

1654. **Лобода Ѳ.** Вирша о сожженіи Мліевскаго ктитора Даніила Кушнира. 1886, 5, 202—205.

1655. **Лотоцкій А.** Изъ литературной полемики В. И. Аскоченскаго. 1894, 10, 145—148. (Д,).

1656. **Маленькая** замѣтка о мертвыхъ душахъ. 1903, 3, 155. (Д.).

1657. **Малорусская ода** 1807 г. 1900, 1, 10—11. (Д.).

1658. **Малорусская** историческая шарада. 1885, 3, 592—593.

1659. **Малорусская** политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла 1885, 4, 791—795.

1660. **Малорусскія** изданія 1882 г. 1883, 6, 353—366: 11, 484—493.

1661. **Марковскій М.** Южно-русскія интермедіи изъ польской драмы „Comunia duchowna. S.s. Borysa y Hleba. 1894, 7, 32—45.

1662. **Максимовича М. А.** списокъ стихотвореній. 1904, 10, 9—11. (Д.).

1663. **Милорадовичъ В.** Къ вопросу объ источникахъ „Вія". 1896, 9, 45—48. (Д.).

1664. **Маркевичъ А.** Образчикъ малорусскихъ эпитафій XVIII в. 1883, 6, 393—396.

1665. **Маркевичъ А.** По поводу стихотворенія, приписываемаго Руданскому. 1903, 2. 74—75. (Д.).

1666. **Максимовичъ** подъ фирмою Кулиша. 1901, 5, 73. (Д.).

1667. **Миронъ.** Червонорусскія вирши XVIII в. 1891, 9, 478—484.

1668. **Миронъ.** Громникъ южно-русскій. 1892, 3, 482—484. (Д.).

1669. **Миронъ.** Банкетъ духовный. 1392, 4, 59—70.

1670. **Миронъ.** Вирши на воскресеніе Христово. 1892, 4, 119—122. (Д.).

1671. **Миронъ.** Южно-русская пасхальная драма. 1896, 6, 380—412; 7—8, 1—29.

1672. **Мова** старшины до громады (стихи 1854 г.). 1902, 10, 15—17. (Д).

1673. **Н-п-в-да М.** крестьянинъ. На 19-е февраля 1861 г. 19 ф ма. ор. 1901 года (стихотвореніе) 1[illegible] 8, 9. 10, 19—20. (Д.).

1674. **Н. В.** Памятникъ украи 1884, литературы конца XVIII вѣка. 1891, 1, 154—161.

1675. **Науменко В.** Къ исторіи га-

зетно-журнальн. дѣла въ Кіевѣ. 1884, 11. 529—534.

1676. **Науменко В.** Пасхальная вирша. 1892, 4, 116—119. (Д.).

1677. **Науменко В.** Новелла Бокачіо въ южно-русскомъ стихотворномъ пересказѣ XVII—XVIII стол. 1885, 6, 273—306.

1678. **Науменко В.** Пѣснь на случай открытія въ Кіевѣ Университета святого Владимира іюля 15 дня 1834 г. 1885, 7, 482—490.

1679. **Науменко В.** Шуточные стихи начала прошлаго вѣка, 1885, 9, 175—178.

1680. **Науменко В.** Рукописный альбомъ Андрея Ищенка. 1780—82 г. г. 1889, 2, 488—495.

1681. **Науменко В.** Сатира на пановъ въ началѣ 60 годовъ. 1890, 3, 542—546.

1682. **Науменко В.** Рождественская вирша. 1896, 1, 9—11. (Д).

1683. **Науменко В.** Нѣсколько словъ объ альманахѣ. „Gwiazda" (1846—49 г. г.). 1896, 2, 61—63. (Д).

1684. **Науменко В.** Замыслъ на попа по рукописи 1798 года (стихотвореніе). 1899, 10, 3—8; 12, 128—130. (Д).

1685. **Науменко В.** Пасхальная вирша по старой записи. 1900, 10, 14—20. (Д).

1686. **Науменко В.** Тетрадки альбомы начала XIX в. 1900, 10, 10—14. (Д).

1687. **Н—ко В.** Стихи на Рождество Христово. 1891, 12, 477.

1688. **Новыя** оперы на сюжеты изъ повѣстей **Н. В.** Гоголя. 1896, 1, 28. (Д).

1689. **Н. П.** Рукописныя замѣтки на поляхъ книги „Миръ человѣка съ Богомъ" Инокентія Гизеля Кіевской печати 1669 года. 1892, 1, 148—154. (Д).

1690. **О четвероевангеліи** въ переводѣ на малорусскій языкъ Ф. Морачевскаго свѣдѣнія. 1902, 9, 93—99. (Д).

1691. **Образцы** старо-семинарской поэзіи (съ пред. П. Левицкаго). 1889, 11, 450—454.

1692. **О. Л.** Рождественскія вирши въ спискѣ XVIII ст. 1889, 1, 242—244.

1693. **О. Л.** Письмо и стихи Варлаама Ясинскаго. 1890, 3, 537—539.

1694. **О. Л.** Пасхальная вирша въ спискѣ XVIII ст. 1890, 5, 375—377.

1695. **О. Л.** Рождественская вирша въ рукописи XVII в. 1895, 1, 9—10. (Д).

1996. **О. Л.** Рекреаціонный діалогъ 1896, 5, 46—49. (Д).

1697. **О. Л.** Басня о стрекозѣ и муравьѣ въ южно-рус. редакціи 1743 г. 1902. 10, 1—4. (Д).

1698. **О. Л.** Де-що про украиньску прокламацію 1847. року. 1907, 4, 81—85.

1699. **Отрывки** изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря (1682—1775). съ предисловіемъ А. М. Лазаревскаго 1889, приложеніе, 4, 5, 6.

1700. **„Основы"** къ исторіи. 1899, 4, 1—3: 5, 73—74. (Д).

1701. **Отношенія** Тургенева къ украинской литературѣ. 1902, 4, 21—22. (Д).

1702. **П. В.** Рѣдкая книжка (слово противъ вражды, пристрастной къ доносамъ—Филарета, еп. Черниговскаго). 1902, 5, 86—88. (Д).

1703. **П. Е.** Псальма XVIII столѣтія. 1887, 8, 777.

1704. **Панегирикъ** Кочубеямъ. (I-ой половины XVIII в.). 1887, 6—7, 495—509.

1705. **Пасхальная** вирша „говоренная черноморцами его свѣтлости великому гетману князю Потемкину на Свѣтлый день праздника Пасхи" (въ 1786—1787 г.). 1882, 4, 168—171.

1706. **Перетцъ В.** „Filar Wiary", вновь найденное сочиненіе Лазаря Барановича. 1898, 7—8, 50—74.

1707. **Перетцъ В.** Ksiega smierci, архіеп. Лазаря Барановича. 1898, 9, 225—233.

1708. **Перетцъ В.** Вирши историческія по ркп. начала XVIII в. 1899, 8, 49—56. (Д).

1709. **Петлюра С.** Вірша 1786 року на київських ченців. 1907. 9, 379—388.

1710. **Петровъ Н.** Правило увѣщательное пияницамъ къ покаянію и трезвости ихъ, пѣваемое не въ церквахъ, но въ школахъ, 1779 года. 1907, 3, 383—389.

1711. **Печать** на югѣ Россіи. 1889, 4, 214—215.

1712. **Плачъ** дворянина (Сатира конца XVIII в.). 1889, 10, 194—196.

1713. **Пономаревъ С. И.** Вирша на Рождество Христово. 1882, 12, 624—626.

1714. **Пономаревъ С.** Нѣжинскій журналъ Н. В. Гоголя. 1884, 5. 143 146.

1715. **Правила** Погарскаго благороднаго собранія (рукописный памфлетъ 1817 г.). 1888, 11, 68—72.

1716. **Прокоповичъ Ѳеофанъ.** Слово въ день св. равноапостольнаго князя Владимира. 1888, 7, приложеніе.

1717. **Протестъ** украинскихъ писателей 1858 г. противъ „Иллюстраціи". 1902, 2, 148—149. (Д).

1718. **Пушкина** стихотвореній малорусскіе переводы. 1899, 5, 307. (Д.).

1719. **Разговоръ** Великороссіи съ Малороссіей (литературный памятникъ второй половины XVIII вѣка) (съ предисловіемъ Н. И. Петрова). 1882, 2, 313—365; 7, 137—148.

1720. **Рудневъ А.** Рождественская вирша. 1905, 1, 12—14. (Д.).

1721. **Ростовецкій Василій.** Сочиненіе „Критика Польскаго Царства". (Малорусская политическая сатира XIX вѣка). 1887, 6—7, 510—522.

1722. **Рукопись** XI вѣка. 1904, 12, 163—164. (Д.).

1723. **Сатира** на дворянскихъ депутатовъ. 1888, 1, 2, 3, 25—28.

1724. **Стороженко Н.** „Свячена вода" стих. А. И. Псіолъ. 1894, 2, 323—324. (Д.).

1725. **Селивановъ А.** Вертепъ въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губ. 1884, 3, 512—515.

1726. **Скорбь** Кіевлянъ о потерѣ магдебургскаго права (1835 г.) (современное стихотвореніе). 1882, 5, 352—357.

1727. **Сластіонъ О.** Вирши сатирическія 1786 г. 1899, 11, 69—74. (Д.).

1728. **Словарь** книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка (приложен. къ ст. П. Житецкаго „Очеркъ литературн. исторіи малор. нарѣчія въ XVII в.)". 1888, 8, 9. 10, 12, приложеніе.

1729. **С. Н. И.** Вопль Мазепы. 1884, 12, 658—672.

1730. **С. Н. И.** Старинный кантъ. 1886, 8, 770.

1731. **Современные стихи** на измѣну Мазепы. 1883, 7, 596—598.

1732. **Сонъ** Пресвятой Богородицы, по списку генеральнаго войскового судьи Савы. 1887, 10, 357—360.

1733. **Справка** о сочиненіяхъ Квитки. 1893, 8, 307—308. (Д.).

1734. **Старинный сборникъ** XVII в. 1902, 2, 106—107. (Д.).

1735. **Старинное** малорусское стихотвореніе. 1889, 10, 161—172.

1736. **Ставровскій К. А.** Стихотворный памятникъ нашествія Шведовъ на Украйну. 1883, 3, 688—690.

1737. **Стороженко А.** Старинное поученіе переяславскому семинаристу при вступленіи его въ Кіевскую Академію. 1892, 1, 141—144. (Д.).

1738. **Судъ Божій** надъ душою грѣшника (южно-русская религіозная драма конца XVII столѣтія. Съ предисловіемъ Ц. Г. Неймана). 1884, 6, 289—315.

1739. **Сумцовъ Н. Ф.** Параллели къ повѣсти Н. В. Гоголя „Вій". 1892 3, 472—477.

1740. **Сумцовъ Н.** Рѣчь Ивана Мелешка, какъ литературный памятникъ. 1894, 5, 195—213.

1741. **Суплика**, або замыслъ на попа. 1885, 3, 543—550.

1742. **Тарновскій Александръ.** Вертепъ въ Духовщинѣ (уѣздномъ городѣ Смоленской губерніи). 1883, 3, 659—667.

1743. **Тиховскій Ю.** Слово о полку Игоревѣ. 1893. (Приложеніе) 10.

1744. **Т—овъ М.** Двѣ южно-русскія интермедіи начала XVII в. 1883, 12, 652—664.

1745. **Тяпинскій Василій.** Предисловіе къ печатному евангелію, изданному въ западной Россіи около 1570 года (съ предисловіемъ П. Владимирова). 1889, 1, I—II. 1—9.

1746. **Целляріусъ Б.** Два типа и 2 сцены изъ минувшей жизни Южно-Русскихъ монастырей. 1883, 3, 672—680.

1747, **Цыссъ А.** Кто авторъ рукописныхъ стихотвореній о Полтавѣ. 1900, 6, 143—144. (Д.).

1748. **Шрамченко А.** Сонъ Пресвятой Богородицы (по списку 18 вѣка). 1906, 9, 10—12. (Д.).

1749. **Шугуровъ Н.** Неосуществившееся изданіе малорусскаго альбома. 1893, 2, 367—375. (Д.).

1750. **Ящуржинскій Хр.** „Письмо" Апокрифъ. 1891, 11, 300—302.

Б) СТАТЬИ.

1751. **Антоновичъ В. Б.** Къ вопросу о галицко-русской литературѣ. 1900, 3, 396—423.

1752. **Багалѣй Д.** Каразинъ Назарій Алекс. и его Колоколъ, 1892, 11, 163—175.

1753. **Багалѣй.** Историческія повѣсти и статьи Квитки. 1893, 8, 215—244.

1754. **Багалѣй Д.** Къ юбилею украинскаго философа Григорія Саввича Сковороды. 1894, 8, 268—276. (Д.).

1755. **Багалѣй Д. И.** Украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода. 1895, 2, 145—169; 6, 272—300.

1756. **Барацъ Г.** О библейско-агадическомъ элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ начальной русской лѣтописи, 1907, 3, 362—382: 4, 41—60: 6. 314—346.

1757. **Василенко Н.** Бодянскій I. М. и его заслуги для изученія Малороссіи. 1903, 1, 1—50: 3. 295—322: 5,

315 346; 10, 140—152: 11, 389—430; 12, 701—735.

1758. **В. Г.** (Изъ письма въ редакцію). Къ редакторской дѣятельности Ѳ. Г. Лебединцева. 1888, 5, 65—66.

1759. **В. Д.** Науковий аналіз проф. Т. Флоринського. 1907, 5, 172—179.

1760. **Гавриловъ.** Характеристика польскихъ и южно-русскихъ теченій послѣдней четверти XVII в. въ связи съ общимъ направленіемъ тогдашней франц. литературы. 1900, 4, 1—15: 5, 174—190.

1761. **Галаганъ Гр. П.** Малорусскій вертепъ (съ предисловіемъ П. И. Житецкаго) при статьѣ приложены нотная часть вертепной драмы и рисунокъ вертепнаго ящика) 1882, 10, 1—38.

1762. **Галицко-русскій** „savoir vivre". 1891, 2, 281—299.

1763. **Г. В.** Юношеское письмо и портретъ Гоголя. 1890, 11, 321—332.

1764. **Г—ко В.** Одинъ изъ стихотворцевъ-обывателей начала вѣка (Горленко Иванъ Андреевичъ) 1897 3, 502—508.

1765. **Глаголь.** Памяти Г. Ѳ. Квитки. 1893, 8, 290—293. (Д.).

1766. **Глаголь.** Макаровскій М. М. (Къ пятидесятилѣтію его сочиненій). 1893, 12, 488—495. (Д.).

1767. **Гоголь,** какъ художникъ. 1902, 6, 435—448.

1768. **Голубовскій П.** Нѣсколько соображеній къ вопросу о князѣ Турѣ. 1891, 10, 58—81.

1769. **Гринченко Б.** А. Е. Крымскій, какъ украинскій писатель. 1903, 1, 115—136.

1770. **Гринченко Б.** Неосторожность въ важномъ дѣлѣ (объ украинской стилистикѣ). 1903, 9, 404—446.

1771. **Г. Я.** Къ исторіи галицко-русской письменности (нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину). 1883, 8, 645—663.

1772. **Д. А.** По поводу 25-лѣтія сценической дѣятельности М. Л. Кропивницкаго. 1896, 12, 434—440.

1773. **Даниловъ В.** Землякъ и предтеча Гоголя (Нарѣжный) 1906, 3—4, 385—398.

1774. **Даниловъ В.** Кулишъ П. А. и „Кіевская Старина" подъ ред. Ѳ. Г. Лебединцева. 1907, 7—8, 202—211.

1775. **Даниловъ В.** Къ характеристикѣ И. Г. Кулжинскаго и его литературной дѣятельности. 1907, 10, 20—43.

1776. **Дашкевичъ Н.** Малорусская и другія бурлескныя (шутливыя) Энеиды. 1898, 9, 145—188.

1777. **Дикаревъ М.** Малорусское слово „паляниця" и греческое „pelanos". 1899, 10, 31—49.

1778. **Доманицький В.** Українська преса в 1906 р. 1907, 1, 48—65.

1779. **Доманицький В.** Українське література в 1906 році. 1907, 2, 102—127.

1780. **Дорошенко Д.** Іван Тобилевич (Карпенко-Карий). 1907, 10, 116—128.

1781. **Е. К.** Тимоѳей Бордулякъ (критич. ст.). 1903, 4, 79—96.

1782. **Ефименко П.** Образцы обличительной литературы въ Малороссіи. 1882, 3, 538—559.

1783. **Ефремовъ С.** Въ поискахъ новой красоты (замѣтки читателя). 1902, 10, 100—140; 11, 235—282; 12, 394—419.

1784. **Ефремовъ С.** Въ борьбѣ за просвѣщеніе. 1902, 2, 313—346.

1785. **Ефремовъ С.** Поэтъ гражданинъ. (Грабовскій). 1903, 2, 323—348.

1786. **Ефремовъ С.** Пѣвецъ борьбы и контрастовъ (И. Франко) 1903, 11, 284—332; 12, 625—701.

1787. **Ефремовъ С.** Торжество украинской пѣсни. 1904, 1, 141—155.

1788. **Ефремовъ С.** На мертвой точкѣ. 1904, 5, 305—338; 6, 567—596.

1789. **Ефремовъ Сергій.** Бытописатель пореформенной Украины. 1905, 1, 98—116.

1790. **Ефремовъ Сергій.** Литературный Бонавентура. 1905, 2, 302—323; 4, 90—116.

1791. **Житецкій П. И.** Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ (Рѣчь, читанная на актѣ въ коллегіи П. Галагана 1-го октября 1882 г.). 1882, 11, 277—291.

1792. **Житецкій П. И.** Очеркъ литературной исторіи Малорусскаго нарѣчія въ XVII в. 1888, 1—3, 162—179; 4, 1—21; 5, 169—183; 6, 389—408. 8, 246—288; 9, 567—596; 12, 401—416.

1793. **Житецкій П. И.** Литературная дѣятельность Іоанна Вишенскаго, 1890, 6, 494—532.

1794. **Житецкій П.** О языкѣ и поэтическомъ стилѣ народныхъ малорусскихъ думъ. 1893. 1, 23—60.

1795. **Житецкій П.** Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи. 1892, 2, 189—205.

1796. **Житецкій П. И.** Малорусскія вирши нравоописательнаго содержанія. 1892, 4, 37—58; 5, 157—175.

1797. **Житецкій П.** Отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ. 1892, 10, 15—34.

1798. **Житецкій П.** Старинная запись народныхъ малорусскихъ думъ съ обзоромъ варіантовъ къ нимъ. 1893, 1, 95—125; 2, 293—318.

1799. **Житецкій И.** Изъ первыхъ лѣтъ жизни Пушкина на югѣ Россіи. 1899, 5, 283—306.

1800: **Житецкій И.** Украинськи оповидання А. П. Стороженка. 1905, 9, 367—382.

1801. **Ирпенскій Г.** Малороссы въ Петербургѣ. 1903, 6. 507—516.

1802. **Каллашъ Вл.** Къ исторіи малорусской литературы 20—30 годовъ XIX в. 1900, 5, 149—159; 9, 363—374; 11, 245—282.

1803. **Кириллъ и Меѳодій**—просвѣтители славянскіе. 1885, 4, I—VI.

1804. **Кевскіе** славянисты сороковыхъ годовъ. 1897, 2, 176—187.

1805. **Ковалько П.** Очерки національныхъ типовъ въ Украинской народной словесности. (Черты типа еврейскаго) 1883, 3, 667—672.

1806. **Колтоновская Е.** Современный малорусскій театръ. 1904, 10, 112—124.

1807. **Костомаровъ Н.** Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ XI вѣка? 1882, 8, 362—368.

1808. **Костомаровъ Н. И.** Кулишъ П. А. и его послѣдняя литературная дѣятельность. 1883, 2, 221—234.

1809. **Крымскій А.** Филологія и Погодинская гипотеза. 1898, 6, 347—365; 9, 234—266; 1899, 1, 9—29; 6, 307—316; 9, 277—311.

1810. **Крымскій А.** Іоаннъ Вишенскій, его жизнь и сочиненія. 1895, 9, 211—247; 10, 1—47.

1811. **Крымскій А.** Къ вопросу о старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаніяхъ. 1896, 10, 65—76.

1812. **Кудринскій Ѳ.** „Stabat mater dolorosa“ въ народной поэзіи Волынской губерніи. 1893, 11, 327—332. (Д.).

1813. **Кудринскій Ѳ.** Философъ безъ

системы (опытъ характеристики Г. С. Сковороды). 1898, 1, 35—63; 2, 265—282; 3, 436—456.

1814, **Кузьмичевскій П**. Старѣйшія русскія драматическія сцены. 1885, 11, 371—407.

1815. **Кулишъ П. А.** и его сотрудничество въ „Искрѣ". 1904, 2, 239—256.

1816. **Лазаревскій А.** Прежніе изыскатели малорусской старины. 1894, 12, 349—387. (Я. М. Маркевичъ), 1895, 2, 170—186. (А. И. Мартосъ).

1817, **Лазаревскій Ал.** Кому принадлежитъ редакція сборника малорусскихъ пословицъ изд. въ 1864 г. 1897, 1, 14—15. (Д.).

1818. **Лебединцева Ѳ. Г.** къ литературной дѣятельности. 1888, 4, 28—31.

1819. **Левицкій Ор.** Аѳанасій Заруцкій, малорусскій панегиристъ конца XVII и начала XVIII ст. 1896, 3, 378—398.

1820. **Леонтовичъ В.** Грыцько Грыгоренко (критич; статья). 1903, 6, 487—506.

1821. **Л. М**. Замѣчательный экземпляръ книги Митрополита Кіевскаго Евгенія Болховитинова „Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ". 1904, 9, 275—291.

1822. **Л. О.** Къ вопросу о южно-русскихъ апокрифахъ. 1887, 12, 775—779.

1823. **Лонгиновъ.** Мусинъ-Пушкинскій сборникъ 1414 г., какъ источникъ для изученія Слова о полку Игоревѣ. 1893, 11, 223—234.

1824. **Максимовичъ М.** Споръ о вѣщемъ Боянѣ. 1898, 11, 222—253.

1825. **Максимовича М. А.** отзывъ о поэмѣ Пушкина „Полтава". 1899, 5, 249—259.

1826. **Марковъ Н.** Г. Ѳ. Квитка Основьяненко. Историко-литературный очеркъ. 1883, 6, 193—211.

1827. **Матушевскій Ф.** Жертвы переходной эпохи (А. Свыдныцькый „Люборацьки"), 1902, 7—8, 193—226.

1828. **Милорадовичъ В.** Этногр. элементъ въ повѣсти Гоголя „Заколдованное мѣсто" 1897, 9, 55—60. (Д).

1829. **Мировець В.** Життя і твори Віктора Забіли (співець власного горя). 1906, 5—6, 88—177.

1830. **Миронъ.** Іоаннъ Вишенскій. (Новыя данныя для оцѣнки его литературной и общественной дѣятельности). 1889, 4, 141—151.

1831. **Миронъ**. Къ исторіи апокрифическихъ сказаній. 1891, 11, 267—275.

1832. **Миронъ**. Къ исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній. 1894, 12, 425—444.

1833. **Михайлогорскій**. Не лишнее слово о виршахъ. 1888, 4, 100—108.

1834. **Михальчукъ К**. Филологическое недоразумѣніе (о формѣ им. п. мн. ч. прилагат. въ малорус. яз. на ое и т. п.). 1896, 4, 102—125.

1835. **Михальчукъ К**. Что такое малорусская (южно-русская) рѣчь? 1899, 8, 135—195; 9, 111—112.

1836. **Науменко В.** Происхожденіе малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ. 1883, 6, 212—232.

1837. **Науменко В**. Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. 1888, 1—3, 271—282.

1838. **Науменко**. Квитка-Основьяненко. 1893, 8, 155—189.

1839. **Науменко**. Квитка, какъ малорусскій писатель передъ судомъ критики, 1893, 8, 245—268.

1840. **Науменко В.** Ученическое со

чиненіе Н. В. Гоголя. 1894, 1, 127—128. (Д.).

1841. **Науменко В.** Еще объ ученическомъ сочиненіи Н. В. Гоголя. 1894, 2, 341—342. (Д.).

1842. **Науменко В.** Слово о полку Игоревѣ, какъ памятникъ дружинной поэзіи древней Руси. 1895, 12, 259—270.

1843. **Науменко В.** Подведемъ итоги! (къ вопросу о литерат. языкѣ въ Галиціи). 1899, 8, 265—276.

1844. **Науменко В.** Рѣшенъ ли проф. Т. Ц. Флоринскимъ вопросъ о книжной малорусской вѣчи? 1900, 1, 125—155.

1845. **Науменко В.** Морачевскій Ф. С. и его литературная дѣятельность, 1902, 11, 171—186; 12, 459—479.

1846. **Нечуй-Левицький** І. Сьогочасна часописна мова на Украіні. 1907, 1, 1—49; 2, 183—237; 3, 280—331.

1847. **Н. Ѳ.** С. Поэзія Н. Ѳ. Чернявскаго. 1904, 1, 123—134.

1848. **Н. Ш.** Туманскій и Мицкевичъ. 1899, 3, 297—302.

1849. **Овсянико-Куликовскій.** Потебня, какъ языковѣдъ-мыслитель. 1893, 7, 30—46; 8, 269—289; 9, 342—363.

1850. **Отчетъ** о присужденіи преміи Н. И. Костомарова за лучшіи малорусскій словарь. 1906, 5—6, 191—230.

1851. **Пачовський М.** Літературна мова на Украіні. 1907, 4, 61—73.

1852. **Петровъ Н.** Старинный южно русскій театръ и въ частности вертепъ. 1882, 12, 438—480.

1853. **П. С.** Кіевская поэзія 50 лѣтъ назадъ. 1891, 12, 478—479.

1854. **П. С.** Отвѣтъ на вопросъ о малорусскихъ одахъ изъ времени Наполеоновскихъ войнъ. 1886, 4, 809—814.

1855. **П—ський Л.** Украінський театр в 1906 р. 1907, 1, 66—71.

1856. **Пчилка О.** Стороженко Николай Ильичъ на родинѣ. 1902, 1, 168—179.

1857. **Пчилка О.** Украинскія колядки. 1903, 1, 152—175; 4, 132—160; 5, 192—230; 6, 347—394.

1858. **Равита Ф.** Ѳома Падура (критическій очеркъ). 1889, 9, 727—751.

1859. **Ротаръ Ив.** Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII в. 1900, 10, 1—38; 11, 189—217; 12, 347—400.

1860. **С—ко.** Очеркъ литературной дѣятельности А. Я. Стороженка. 1886, 5, 1—25; 8, 639—692; 10, 299—329; 11, 445—471.

1861. **С—ко. А. В.** Леонардъ Совинскій (опытъ посмертной характеристики). 1888, 6, 284—312.

1862. **С. Р.** Харьковская журналистика начала настоящаго столѣтія. 1892. 8, 168—198.

1863. **Срезневскій Вс.** Украинскій альманахъ. 1893, 1, 20—33.

1864. **Старицкая-Черняховская.** М. М. Коцюбинскій (опытъ критическаго очерка) 1906, 9, 83—123; 10, 269—330.

1865. **Старицька-Черняхівська Л.** Двадцять пьять років украінського театру. 1907, 10, 44—95; 11—12, 280—346.

1866. **Степовичъ А.** Къ вопросу о происхожденіи думъ. 1893, 1, 105—109.

1867. **Стешенко І.** Історія украінської драми. 1907, 1, 56—80; 2, 147—182; 3, 332—361; 4, 14—40; 5, 152—171; 6, 269—285; 7—8, 101—143; 9, 311—339; 10, 1—9; 11—12, 369—435.

1868. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Іоанникій Голятовскій (къ исторіи южно-русской

литературы XVII в.). 1884, 1, 1—20; 2, 183—204, 3, 371—390; 4, 565—688,

1869. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Слободско-украинское дворянство въ произведеніяхъ Г. Ѳ. Квитки. 1884, 6, 201—209.

18[illegible]. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Иннокентій Гизель. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). 1884, 10, 183—226.

1871. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Характеристика южно-русской литературы XVII вѣка. 1885, 1, 1—18.

1872. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Іоаннъ Вишенскій (южно русскій полемистъ начала XVII ст.) 1885, 4, 649—677.

1873. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Очеркъ исторіи апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. 1887, 6—7, 215—268; 9, 1—54; 11, 401—455,

1874. **Сумцовъ.** Квитка, какъ этнографъ. 1893, 8, 190—214.

1875. **Сумцовъ Н. Ф.** Нѣкоторыя черты сходства „Слова о Полку Игоревомъ" съ южно-славянскими старинными пѣснями. 1893, 7, 74—89.

1876. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Дума объ Алексѣѣ Поповичѣ (посвящается памяти Ѳеофана Гавриловича Лебединцева). 1894, 1, 1—20.

1877. **Сумцовъ Н.** Дополненіе къ статьѣ о думѣ про Алексѣя Поповича. 1894, 2, 324—326. (Д).

1878. **Сумцовъ Н. Ѳ.** О вліяніи малорусской схоластической литературы XVII в. на великорусскую раскольническую литературу XVIII в. и объ отраженіи въ раскольнической литературѣ масонства. 1895, 12, 367—379.

1879. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Напрасная тревога. 1904, 10, 148—154.

1880. **Сумцовъ М.** Історічні зразки украіньского літературного еднання.

1881. **Твердохлѣбовъ А.** Къ литературной исторіи разсказа „Вусы". 1890, 10, 148—151.

1882. **Тиховскій Ю.** Такъ называемая „краткая Кіевская лѣтопись". 1893, 9, 364—474.

1883. **Тиховскій Ю.** Прозой или стихами написано „Слово о Полку Игоревомъ"? 1893, 10, 29—54.

1884. **Тиховскій Ю.** Имя автора „Героическихъ стиховъ о славныхъ военныхъ дѣйствіяхъ войскъ запорожскихъ". 1893, 6, 517—518. (Д).

1885. **Тиаченко-Петренко Е.** Думы въ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ. 1907, 7—8, 144—185.

1886. **Успенскій Ѳ. М.** На память тысячелѣтія годовщины славянскихъ просвѣтителей (рѣчь) 1885, 5, 107—126.

1887. **Франко Ів.** Откровеніе св. Степана (студія над одним мало відомим апокрифом). 1906, 7—8, 377—405.

1888. **Ф. Іван.** Вій, Шолудивий Буняка і Юда Іскаріотській. 1907, 1, 50—55.

1889. **Харламповичъ К.** Новая библіографическая находка. Статья кн. А. М. Курбскаго „о силогизме" 1900, 7—8, 211—214.

1890. **Черепинъ В.** Д. В. Марковичъ (критич. статья). 1903, 3, 439—461.

1891. **Шенрокъ В.** Къ исторіи текста „Мертвыхъ душъ". 1902, 7—8, 95—110.

1892. **Штепенко В.** Нѣсколько словъ о колядкахъ. 1894, 9, 446—448. (Д).

1893. **Шугуровъ Н.** Квитка Илья Ивановичъ, неизвѣстный писатель конца прошлаго и начала текущаго столѣтія. 1890, 3, 444—453.

1894. **Юбилейное** чествованіе памяти Гр. Сав. Сковороды въ Харьковѣ. 1894. 12, 461—474.

1895. **Ю. Т.** Указатель первыхъ печатныхъ проблесковъ малорусской литературы, до появленія „малороссійскихъ повѣстей" Гр. Квитки въ Россіи и „Русалки Днѣстровой" изд. М. Шашкевичъ въ Австріи. 1893, 8, 293—296. (Д).

1896. **Янчукъ Н.** Замѣтка о старыхъ рукописныхъ пѣсенникахъ. 1888, 10, 1—20.

1897. **Я. В.** Къ 300—лѣтнему юбилею Ивана Ѳедорова, перваго московскаго типографа. 1883, 12, 693—696.

1898. **Ящуржинскій Хр.** Свадьба малорусская, какъ религіозно-бытовая драма. 1896, 11, 234—273.

В) СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ О И. П. КОТЛЯРЕВСКОМЪ.

1899. **Боцяновскій Вл.** Къ вопросу объ источникѣ водевиля Котляревскаго: „Москаль-Чаривныкъ". 1894, 10, 151—154. (Д.).

1900. **Бучневичъ В. Е.** Нѣсколько словъ о домикѣ Котляревскаго въ Полтавѣ. 1884, 10, 352—353.

1901. **Бучневичъ В. Е.** Памятникъ Котляревскаго. въ Полтавѣ. 1889, 8, 550.

1902. **Василенко Н.** Къ біографіи Котляревскаго 1902, 4, 1—5.

1903. **Вергиліева** Энеида, на малороссійскій языкъ переложенная И. П. Котляревскимъ. 1898 (приложеніе) 9. 10. 11. 12.

1904. **Гаврышъ В.** Къ проекту памятника Ив. Петр. Котляревскому въ Полтавѣ. 1897, 3, 76—77. (Д.).

1905. **Горленко В.** Изъ бумагъ Котляревскаго (письма къ нему) 1883, 5, 146—154.

1906. **Гринченко Б.** Измѣненія текста „Энеиды" И. П. Котляревскаго. 1897, 3, 74—76. (Д).

1907. **Дашкевичъ Н.** Вопросъ о литературномъ источникѣ украинской оперы И. П. Котляревскаго „Москаль-Чаривныкъ" 1893, 12, 451—481.

1908. **Два** письма о Котляревскомъ. 1898, 7—8, 1—3. (Д.).

1909. **Два** неизвѣстныхъ письма И. П. Котляревскаго. 1900, 9, 93—95. (Д.).

1910. **Дмитріевъ Н.** Къ исторіи открытія памятника Котляревскому въ городѣ Полтавѣ. 1903, 10, 153—167.

1911. **Доманицкій В.** Ода Сафо в перекладі Котляревськогс І. 1907, 7—8, 234—236.

1912. **Домикъ** Котляревскаго въ Полтавѣ (рисунокъ) 1898, 7—8. Статьи къ рисунку тамъ же (VII—XI и 152—154).

1913. **Ефремовъ С.** Праздникъ украинской интеллигенціи. 1903, 10, 168—202.

1914. **Житецкій П.** Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея. 1899, 10, 1—30; 11, 127—166; 12, 277—300; 1900, 1, 16—45; 2, 163—191; 3, 312—336.

1915. **Котляревскій.** Энеида его соч. на малор. языкѣ, по списку 1799 г. съ варіантами по первопечатнымъ изданіямъ Парпуры 1797 г. и Котляревскаго 1809 г. 1900, приложеніе 1. 2, 3, 4.

1916. **Котляревскій И. П.** Записка его о первыхъ дѣйствіяхъ въ Турецкую войну 1806 г. съ предисл. Вс. Срезневскаго. 1900, 12, 323—346.

1917. **Къ** біографіи Котляревскаго. 1903, 10, 1—2. (Д.).

1918. **Л. П.** Нѣсколько словъ о п

мятникѣ Котляревскому въ Полтавѣ. 1903, 3, 139—141. (Д.).

1919. **Малинка А.** Къ вопросу объ источникѣ „Москаля-Чаривныка“ Котляревскаго. 1903, 7—8, 1—4. (Д.).

1920. **Музей** имени Котляревскаго вь Полтавѣ. 1905, 2, 147—148. (Д.).

1921. **Науменко В П.** Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Котляревскаго. 1888, 11, 374—394.

1922. **Павловскій И. Ф.** Котляревскій въ роли церемоніймейстера. 1903, 3, 139. (Д.).

1923. **Павловскій И. Ф.** Участіе Котляревскаго въ формированіи малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ 1812 г. 1905, 6, 309—320.

1924, **Павловскій И. Ф.** Къ біографіи Котляревскаго. 1905, 10, 1—10.

1925. **Павловскій И. Фр.** Къ біографіи И. П. Котляревскаго. 1905, 11—12, 65—66. (Д.).

1926. **Павловскій И. Фр.** Къ біографіи И. П. Котляревскаго. 1906, 7—8, 78—79. (Д.).

1927. **Перетцъ В.** Къ изслѣдованію о литературномъ источникѣ оперы И. П. Котляревскаго „Москаль-Чаривныкъ“. 1894, 3, 549—551. (Д).

1928. **П—ко В.** И. П. Котляревскій ученикъ Екатеринославской семинаріи. 1905, 7—8, 46—47. (Д.).

1929. **По** поводу постановки памятника надъ могилой И. П. Котляревскаго. 1896, 3, 103—106. (Д.).

1930. **Р.** Остатки домика Котляревскаго въ Полтавѣ. 1891, 6, 485—486.

1931. **Русовъ Александръ.** Какая роль „вознаго„ въ „Наталкѣ-Полтавкѣ“. 1904, 1, 41—64.

1932. **Сластіоновъ А.** Къ вопросу о музеѣ имени И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. 1905, 10, 43—47. (Д.).

1933. **Состояніе** могилы И. П. Котляревскаго. 1900, 10, 25. (Д.).

1934. **Срезневскій Вс.** Знакомство И. И. Срезневскаго съ И. П. Котляревскимъ. 1899, 1, 1—8.

1935. **Срезневскій В.** Къ біографіи И. П. Котляревскаго (съ письмомъ его). 1905, 6, 239—242. (Д.).

1936. **Стешенко И.** Котляревскій И. П. и Осиповъ въ ихъ взаимоотношеніи. 1898, 7—8, 1—82.

1937. **Стешенко И.** Котляревскій И. П въ свѣтѣ критики. 1898, 7—8, 83—151; 9, 267—316; 10, 1—32.

1938. **Стешенко И.** Древнѣйшій списокъ (1820) Наталки-Полтавки И. П. Котляревскаго 1901, 4, 1—9. (Д.).

1939. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Къ предстоящему юбилею „Энеиды“ И. П. Котляревскаго. 1897, 1, 7—10. (Д.).

Г) СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ.

1940. **Автобіографія** Т. Г. Шевченка, писанная для „Народнаго Чтенія“ (съ краткимъ предислов. П. Кулиша). 1885, 11, 431—435.

1941. **Автографы** Т. Г. Шевченка. 1901, 6, 157. (Д).

1942. **А. Г.** Маленькое поясненіе къ „Кобзарю“ Т. Г. Шевченка. 1887, 3, 583—585.

1943. **А. Л.** Новое свѣдѣніе о пребываніи Т. Г. Шевченка въ Раимскомъ укрѣпленіи. 1891, 2, 334—335.

1944. **А. Л.** Новопетровское укрѣпленіе (къ рисунку Т. Г, Шевченка). 1899, 2, 291—295.

1945. **Андруши** село. Рисунокъ Т. Г. Шевченка. 1890, 6, (тамъ же статья, 554—557).

1946. **А. Р.** Къ поправкамъ текста „Кобзаря“ Шевченка. 1905, 4, 28—29. (Д).

1947. **Бабичъ А.** Загадочный портретъ Шевченка 1887, 6—7, 577.

1948. **Беренштамъ В.** Т. Г. Шевченко и простолюдины его знакомцы 1900, 2, 248—260.

1949. **Б. Н.** Субботовская церковь. (Къ рисунку Т. Г. Шевченка) 1890, 9, 506—508.

1950. **Борьба** изъ-за Шевченка. 1900 1, 24. (Д).

1951. **Билыкъ И.** Тревога надъ свѣжей могилой Шевченка. 1886, 4, 708—728.

1952. **Бѣлозерскаго В. М.** письмо къ Т. Г. Шевченку. 1905, 2, 139—140. (Д).

1953. **Бѣлозерскій Н.** Т. Г. Шевченко по воспоминаніямъ разныхъ лицъ (1831—1861 г. г.). 1882, 10, 66—77;

1954. **Бѣляшевскій Н.** Разсказы крестьянъ с. Пекарей о Т. Г. Шевченкѣ. 1894, 2, 165—181.

1955. **Бюстъ** Т. Г. Шевченка. 1900, 12, 156. (Д).

1956. **Васильевъ М.** Народная пѣсня о Шевченкѣ. 1885, 9, 187—188.

1957. **Васильевъ М. К.** Т. Шевченко въ легендѣ. 1900, 6, 141—143. (Д).

1958. **Васильевъ Н.** Къ біографіи Т. Г. Шевченка. 1896, 2, 129—151.

1959. **В. Г.** Картины, рисунки и офорты Шевченка 1888, 6, 80—85.

1960. **В. Д.** Нѣкоторыя данныя для біографіи Т. Г. Шевченка. 1901, 2, 65—68. (Д).

1961. **Вещи,** принадлежащія Шевченку. 1900, 1, 23—24. (Д).

1962. **Видъ** Почаевской Лавры. Рисунокъ и автографъ Шевченка. 1897, 2. (о рисункѣ статья тамъ-же, 347—350).

1963. **В. Н.** Письма М. М. Лазаревскаго къ Т. Г. Шевченку (1858—1859) 1901, 2, 283—300. (Поправка къ этой статьѣ 1901. 3, 157, (Д).

1964. **В. Н.** Къ исторіи могилы Т. Г. Шевченка. 1902, 2, 73—77. (Д).

1965. **В. Н.** Три письма Шевченка къ А. И. Лизогубу. 1903, 2, 63—68. (Д).

1966. **Воспоминанія** современника Т. Г. Шевченка 1900, 12, 154 (Д).

1967. **Время** написанія Шевченкомъ картины „Катерына". 1896, 4, 1—2. (Д).

1968. **Герна К. И.** Письма къ М. М. Лазаревскому о Шевченкѣ. 1899, 2, 67—73. (Д).

1969. **Г-ко В.** Эпизодъ о памятникѣ Шевченку и о его могилѣ въ Полтавскомъ земскомъ собраніи. 1883, 1, 218—220.

1970. **Г-ко В.** Иллюстраціи Шевченка. 1888, 1—3, 8—11.

1971. **Горленко В.** Альбомы и рисунки Шевченка въ собраніи В. В. Тарновскаго 1886, 2, 402—409.

1972. **Гробъ** Т. Г. Шевченка въ Кіевѣ у Христо-Рождественской церкви 7 мая 1861 года (Рисунокъ) 1894, 2, 165. (тамъ-же статья, 314—317).

1973. **Густынскій** монастырь. (Три рисунка Шевченка), Чигиринъ съ суботовскаго шляху (рисунки и статья) 1890, 2, 356—358.

1974. **Даниловъ В.** „Лілея" Шевченка и „Lilie" Эрбена. 1907, 5. 180—188.

1975. **Даценко Г.** Нѣсколько словъ о Т. Г. Шевченкѣ. 1893. 2, 257—261

1976. **Два** письма Шевченка (1840—1847) 1891, 2, 209—214.

1977. **Доманицкій.** Письмо В. В.

Тарновскаго къ Т. Г. Шевченку. 1901, 2, 72. (Д).

1978. **Доманицкій** В. Какъ читается Шевченко. 1904, 7—8, 18—19. (Д).

1979. **Доманицкій** В. До бібліографіи литератури про Т. Шевченка 1906, 9, 5—10. (Д/.

1980. **Доманицкій В.** Критичний розслід над текстом „Кобзаря" Шевченка 1906, 9, 21—82; 10, 198—268, 11—12, 331—564.

1981. **Допросъ** Т. Г. Шевченка въ 1847 г. (изъ рукоп. замѣтокъ Н. А. Ригельмана). 1902, 2, 181—187.

1982 **Д—ръ Г.** Поминки по Шевченку въ Петербургѣ. 1898, 4, 7—9. (Д).

1983. **Дѣло** 1857 г. о Шевченкѣ. 1902, 2, 146—147. (Д).

1984. **Еще** строки Шевченка. 1902, 2, 73. (Д).

1985. **Забіла Я.** Шевченка автографи и нові твори, знайдені в' архиві Департамента Поліції 1907, 7—8. 1—19.

1986. **Зарянко Н.** Воспоминанія Н. И. Усковой о Шевченкѣ. Съ примѣчаніями М. К. Чалаго. 1889, 2, 297—313.

1987. **Изъ** воспоминаній Т. Г. Шевченка (запись Г. Н. Честаховскаго). 1895. 2, 139—141.

1988. **И-й.** Къ біографіи Т. Г. Шевченка. 1890, 2, 334—337.

1989. **И. Н.** Исключеніе Т. Г. Шевченка за его самовольную отлучку. 1882, 3, 608—609.

1990. **Каминскій Ѳ.** Еще щепотка на могилу Шевченка. 1885, 3, 519—530.

1991. **Карташевскій В. Я.** Изъ воспоминаній о Т. Шевченкѣ. 1900, 2, 61—63. (Д).

1992. **Катерина.** Рисунокъ Т. Шевченка. 1896, 2. (къ рисунку—тамъ же статья, 79. (Д).

1993. **Кибальчичъ Н. М.** Коротенькое воспоминаніе о Шевченкѣ. 1887, 3, 585—586.

1994. **Кибальчичъ Над. М.** Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ (изъ разсказовъ моей матери). 1890, 2, 175—184.

1995. **Комаровъ М.** Библіографич. указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Г. Шевченка. 1886, 3, 570—571, 4, 778—786.

1996. **Комаровъ М.** По поводу одного стихотворенія, припысываемаго перу Т. Г. Шевченка. 1889, 5—6, 618—621.

1997. **„Комора** въ Потокахъ" (рисунокъ Шевченка и статья). 1891, 12, 507—508.

1998. **Косаревъ Е.** Извлеченіе изъ дѣлъ и памяти. 1893, 2, 243—257.

1999. **Кр—ський М.** „Марія" Т. Шевченка (Аналітична проба). 1907, 4, 1,—13.

2000. **Крымскій А.** Шевченко въ народныхъ разсказахъ. 1896, 2, 51—52. (Д).

2001. **Къ біографіи** Т. Г. Шевченка. 1885, 2, 333—338.

2002. **Къ исторіи** послѣдней любви Т. Г. Шевченка. 1899, 10, 25—26. (Д).

2003. **Къ помѣщаемымъ** двумъ рисункамъ Т. Шевченка. 1892, 2, 323—324. (Д).

2004. **Лазаревскаго Ѳ. М.** Изъ воспоминаній о Шевченкѣ. 1899, 2, 151—167; 4, 1—7.

2005. **Л—ъ.** П. Нѣкоторыя допол-

ненія и поправки къ біографіи Т. Шевченка. 1882, 9. 560—567.

2006. **Лебединцева Ѳ. Г.** Два письма къ Т. Шевченку, 1898, 11, 45—. (Д).

2007. **Левицкій О.** Археологическія экурсіи Т. Г. Шевченка (въ 1845—46 г.). 1894, 2, 231—244.

2008. **Лобода Ѳ.** Знакомство мое съ Т. Г. Шевченкомъ и мои о немъ воспоминанія. 1887, 11 563—577.

2009. **Любов Ів.** Автографи Шевченка в Московському Румянцевскому Музеі. 1907, 2, 137—146.

2010. **Маркевичъ Ал.** Письмо въ редакцію. Стихотвореніе „Хома та Ерема" (продиктованное автору Шевченкомъ). 1895, 2, 48—49 (по поводу о стихотворенія. 1895, 3, 100—101).

2011. **Матушевскій Ф.** Посѣтители могилы Т. Г. Шевченко. 1903, 2, 267—294.

2012. **Мацѣевичъ Левъ.** Метрическая выпись о рожденіи и крещеніи Т. Г. Шевченка. 1891, 2, 315—316.

2013. **Мацѣевичъ Л.** Два неизданныя письма Т. Г. Шевченка. 1895, 2, 43—48. (Д).

2014. **Мелочи** изъ жизни Шевченка. 1897, 2, 31—35. (Д).

2015. **Мердеръ А.** Шевченко и Буяльскій домагаются вакансіи учителя рисованія въ Кіевскомъ Университетѣ. Публичная живописная школа Буяльскаго. 1901, 6, 139—140. (Д).

2016. **Михайловская** и Покровская церкви въ г. Переяславѣ Полтавгуб. (2 рисунка Т. Г. Шевченка и статья А. Стороженка). 1891, 2, 337—351.

2017. **Могила** Т. Г. Шевченка (рисунокъ) 1898, 2.

2018. **Народная** пѣснь о Шевченкѣ. 1901, 5, 81—82. (Д).

2019. **Науменко В.** Къ вопросу о научномъ изданіи. „Кобзаря" Шевченка. 1899, 2, 314—319. (Д).

2020. **Науменко В.** О приписанномъ Шевченку стихотв. „Славянамъ". 1899, 7, 1—3. (Д).

2021. **Науменко В.** Приведеніе въ порядокъ могилы Т. Г. Шевченка. 1906, 9, 17—20. (Д).

2022. **Н. Н. Д.** На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. Изъ путевой книжки. (Бесѣда автора о Шевченкѣ). 1889. 3, 561—581.

2023. **Н. Н. Д.** Къ біографіи Т. Г. Шевченка. 1889. 3, 730—733. см. также замѣтку А. С. Л. 1889, 4, 190—193.

2024. **Невѣста** Т. Г. Шевченка. 1904, 6, 121—122. (Д.).

2025. **Невѣста** Т. Г. Шевченка (письмо А. Кулишъ въ редакцію „Биржевыхъ Вѣдомостей"). 1904, 7—8, 24. (Д.).

2026. **Неизвѣстный** портретъ Т. Г. Шевченка. 1901, 4, 27. (Д.).

2027. **Н—ко В.** Письмо И. С. Тургенева къ А. Д. Оболонскому по поводу выкупа родичей Т. Шевченка изъ крѣпостной зависимости. 1892, 2, 319—320. (Д.).

2028. **Н—ко В.** Письмо Т. Г. Шевченка къ А. Д. Оболонскому. 1892, 2, 320—321. (Д.).

2029. **Н. М.** Арестъ Т. Г. Шевченка въ 1859 г. 1899, 2, 143—150.

2030. **Новопетровское** укрѣпленіе съ хивинской дороги (рисунокъ Т. Шевченка). 1899, 2 (тамъ же статья къ рисунку, 291—295).

2031. **Новый** фотографическій пор-

третъ Т. Г. Шевченка. 1900, 9, 98. (Д.).

2032. **Н. Ш**. По поводу одного стихотворенія Т. Шевченка. 1893, 8, 300—303. (Д.).

2033. **Н. Ш**. Свѣдѣнія по вопросу о мѣстѣ погребенія Т. Шевченка и о первомъ посмертномъ изданіи его сочиненій. 1899, 2, 168—184.

2034. **Н. Ш**. Изъ воспоминаній. М. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ. 1899, 6, 433—439.

2035. **Нѣсколько** новыхъ матеріаловъ для біографіи Шевченка. 1893. 2, 240—273.

2036. **Оберучевъ К.** Къ біографіи Т. Г. Шевченка. 1900, 2, 157—162.

2037. **О** памятникѣ Шевченку. 1898, 2, 41—42. (Д.).

2038. **Переводъ** стихотвореній Шевченка на сербскій языкъ. 1899, 7, 30—31. (Д.).

2039. **Переводъ** стихотвореній Шевченка на чешскій языкъ. 1899, 2, 90—91. (Д.).

2040. **Письмо** Шевченка къ Дубельту. 1902, 4, 61. (Д.).

2041. **Піуновой** (Шмидгофъ) Е. Б. воспоминанія о Шевченкѣ. 1892, 2, 321—323. (Д.).

2042. **Племянникъ** Т. Шевченка. 1901, 1, 16—17. (Д.).

2043, **Полное** изданіе „Кобзаря" Т. Г. Шевченка. 1906, 2, 21. (Д.).

2044. **Поминки** по Шевченкѣ въ Лондонѣ въ 1861 г. 1896, 2, 52, (Д).

2045. **Поминки** по Шевченкѣ, Костомаровѣ и Кулишѣ въ Петербургѣ. 1897, 4, 15—17. (Д.).

2046. **Пономаревъ С**. Восемь писемъ Шевченка. 1883, 2, 401—408.

2047. **Пономаревъ С.** Изъ писемъ Максимовича къ Шевченку. 1884, 4, 644—648.

2048. **По** поводу одной записки Шевченка. 1903, 2, 68. (Д.).

2049. **Портретъ** Шевченка, писан. Рѣпинымъ. 1893, 2.

2050. **Разсказъ** Орскихъ старожиловъ о Шевченкѣ. 1895, 11, 60—61. (Д.).

2051. **Рисунки**. Шевченка (статья). 1889, 10, 184—185.

2052. **Рилицкій С**. Три дѣла о рядовомъ линейнаго Оренбургскаго № 1 баталіона Тарасѣ Шевченкѣ. 1905, 2, 201—208.

2053. **Родственникъ** Т. Г. Шевченка. 1901, 6, 164. (Д.).

2054. **Родственники** Т. Г. Шевченка, 1901, 3, 160. (Д); 4, 27—28 (Д); 1904, 10. 24—27. (Д).

2055. **Русовъ А**. Коллекція рисунковъ Т. Г. Шевченка (статья). 1894, 2, 183—191.

2056. **Русов О.** Спомини про пражське видання „Кобзаря". 1907, 2, 125—136.

2057. **Свѣдѣнія** о неизвѣстныхъ будто бы произведеніяхъ Шевченка. 1899, 3, 133—135. (Д.).

2058. **С. Е**. Новый автографъ Шевченка. 1905, 4, 28—29. (Д.).

2059. **С—ко**. Эпизодъ изъ жизни Т. Г. Шевченка. 1885, 12, 718—720.

2060. **Сластіонъ О**. Къ Шевченковской коллекціи. 1899, 9. 99—102 (Д).

2061. **Смоктій А.** Взгляды народа на Т. Шевченка. 1882, 8, 371—373.

2062. **Смоктій А**. Воспоминаніе о Шевченкѣ. 1883, 9—10, 320—322.

2063. **Союзъ** имени Шевченка. 1905, 11—12, 91—93. (Д.).

2064. **Стороженко А**. Михайловская

и Покровская церкви въ г. Переяславѣ Полтавской губ. (къ рис. Шевченка). 1891, 2, 337—351.

2065. **Стороженко Н. И.** Первые четыре года ссылки Т. Шевченка. 1888, 10, 1—21.

2066. **Стороженко Н.** Новые матеріалы для біографіи Шевченка. 1893, 3, 460—469; 1896, 3, 421—435; 1900, 9, 297—326.

2067. **Стороженко Н.** О стих; „Славянамъ", приписываемомъ Шевченку. 1899. 12, 123—125. (Д.).

2068. **Суботовская** церковь (рисунокъ Шевченка и статья). 1890, 9, 506—508.

2069. **Судьба** родственниковъ Т. Г. Шевченка. 1901, 5, 94—95. (Д.).

2070. **Сумцовъ Н. Ѳ.** О мотивахъ поэзіи Т. Г. Шевченка. 1898, 2, 210—228.

2071. **Сухановъ-Подколзинъ Б.** Воспоминанія о Шевченкѣ его случайнаго ученика. 1885, 2, 229—240.

2072. **Талько-Грынцевичъ** Ю. Д. Поѣздка въ Кириловку. Замѣтка къ біографіи Шевченка. 1889, 9, 758—763.

2073. **Т—овъ М.** Письма Шевченка къ Бр. Залесскому (1853—1857). 1883, 1, 161—176; 3, 611—622; 4, 853—866.

2074. **Три** картины Т. Г. Шевченка (Черниговскій музей). 1901, 9, 99—100. (Д.).

2075. **Три** письма Т. Г. Шевченка, 1894, 2, 320—323. (Д.).

2076. **Т—скій М.** Т. Шевченко и замѣщеніе кафедры живописи въ Кіевскомъ университетѣ. 1907, 2, 250—253.

2077. **Хата** Т. Г. Шевченка въ с. Кириловкѣ (рисунокъ) 1892, 2. (тамъ же замѣтка, 323—324, Д).

2078. **Чалый М.** Посѣщеніе Шевченкомъ сахарнаго завода Яхненка и Симиренка. 1889. 2, 459—464.

2079. **Чалый М.** Изъ переписки Т. Г. Шевченко съ разными лицами (съ примѣчаніями М. К. Чалаго). 1897, 5, 151—175: 3, 452—475.

2080. **Часы** Т. Г. Шевченка. 1899. 7, 11—12. (Д).

2081. **Честаховскаго** письма, писанныя въ 1861 году о похоронахъ поэта Шевченка 1898, 2, 167—193.

2082. **Честаховскаго Н. Г.** изъ воспоминаній о Т. Г. Шевченкѣ. 1895, 2, 142—144.

2083. **Шевченка В. Г.** письмо къ Т. Г. Шевченку. 1904, 2, 61—63, (Д).

2084. **Шевченка Т. Г.** письмо къ В. И. Григоровичу. 1899, 10, 9—11. (Д).

2085. **Шевченко Т. Г.** по воспоминаніямъ полковника Косырева. 1898, 2, 36—41. (Д).

2086. **Шевченка** неизданное стихотвореніе „Славянамъ", съ предислов, Стороженка. 1897, 10, 1—5.

2087. **Шевченка Т.** письмо къ брату Никитѣ. 1905, 6, 237—239. (Д).

2088. **Шевченка** письма къ кн. В. Н. Репниной. 1893, 2. 261—273.

2089. **Шевченка Т. Г.** портретъ 1892, 2. (тамъ же замѣтка, 323—324, (Д).

2090. **Шевченко** въ Академіи Художествъ. 1892, 7, 119—120 (Д).

2091. **Шевченко** на эстрадѣ 1901, 9. 96, (Д).

2092. **Шевченко** на языкѣ будущаго (эсперанто). 1900, 10, 28. (Д).

2093. **Шевченко Т. Г.** Художникъ (автобіографическ, повѣсть) 1887, 1, 1—35: 2, 193—236; 3, 385—411.

2094. **Шевченко Т. Г.** Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали (подпись „Дармограй") 1887. 6—7, 269—334 8, 589—626; 9, 55—89.

2095. **Шевченко Т. Г.** Никита Гайдай (отрывокъ изъ драмы). 1887, 10, 277—288.

2096. **Шевченко Т. Г.** Музыкантъ (повѣсть) 1887, 12, 627—695.

2097. **Шевченко Т. Г.** Капитанша 1887, 4, 589—620: 5, 1—25.

2098. **Шевченко Т. Г.** Безталанный (поэма) 1887, 11, 456—470.

2099. **Шевченко Т. Г.** Слѣпая, 1886, 6, 307—338.

2100, **Шевченко Т. Г.** Наймычка 1886, 8, 577—612; 9, 1—36.

2101. **Шевченко Т. Г.** Варнакъ. 1886, 4, 410—442.

2102. **Шевченко Т. Г.** Близнецы. 1886, 10, 199—251. 11, 409—444 12, 589—626.

2103. **Шевченко Т. Г.** Княгиня (разсказъ 1853 г.) 1884, 3, 391—422.

2104. **Шугуровъ Н.** О рисункахъ Т. Г. Шевченка, исполненныхъ по порученію Кіевской Археографической Комиссіи, въ волынской губ. 1894, 2, 318—319 (Д).

2105. **Эпизодъ** изъ авторско-издательской дѣятельности Шевченка 1884, 12, 743—744.

2106. **Эпизодъ** на могилѣ Т. Шевченка 1896, 2, 230—241,

2107. **Ярцевъ А.** Шевченко и Щепкинъ. 1898. 2, 194—209.

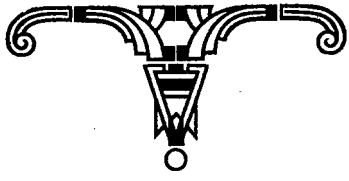

V. Географія и этнографія.

2108. **А. А.** Оригинальное вѣнчаніе 1766 г. 1893, 12, 502—504. (Д).

2109. **Абрамовъ И.** О колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговской губерніи. 1906, 1, 5—11. (Д).

2110. **Авенаріусъ Н.** Замѣтка къ статьѣ „О шелудивомъ Бунякѣ", 1887, 11, 584.

2111, **А. К.** Свадебныя пѣсни, записанныя въ подольской губерніи. 1897, 3, 375—395.

2112. **А. Л.** Конотопская старина по устному преданію. 1901, 1, 1—3. (Д).

2113. **А. Л.** Пригласительныя старинныя на свадьбу письма (1729—1735 г. г.). 1899, 6, 133—135. (Д).

2114. **А. Л.** Князь Потемкинъ и малорусскія пѣсни. 1891, 12, 482—484.

2115. **А. М.** Еще варіантъ малорусской баллады о Бондаривнѣ. 1905, 10, 9—12. (Д).

2116. **А. М.** Пѣсня на освобожденіе отъ панщины въ 1861 году. 1905, 9, 110—112. (Д).

2117. **Андріевскій А.** Письмо къ тремъ діаволамъ. 1884, 6, 340—342.

2118. **Андріевскій М.** Перепетовское поле (разысканіе въ области лѣтописной топографіи, съ приложеніемъ карты.) 1882, 9, 436—356.

2119. **Андріевскій М.** Лѣтописный Юрьевъ на Руси (топографическое разысканіе, съ приложеніемъ карты). 1883, 9—10, 1—38.

2120. **А. Т.** Забытый уголокъ Приворсклія. 1892, 3, 494—496. (Д).

2121. **Аѳанасьевъ. Г.** Легенды, относящіяся къ берегамъ Буга около Винницы. 1898, 4, 10—12. (Д).

2122. **Бакай Н.** Городничій и св. пятница (къ исторіи народныхъ суевѣрій). 1885, 12, 744—747.

2123. **Барсовъ Н. И.** Три малорусскія пѣсни изъ періода Крымской кампаніи. 1885, 4, 795—798.

2224. **Ба—скій.** Пѣсня запорожцевъ о выселеніи въ Турцію по уничтоженіи Сѣчи. 1882, 6, 554—555.

2125. **Ба—скій Г.** Пѣсня черноморскихъ козаковъ на взятіе Измаила. 1882, 6, 555—556.

2126. **Б. Н.** Медико-топографическая и этнографическая работы д—ра Дела—Флиза. 1889, 7, 256—268.

2127. **Боржковскій Валеріанъ.** „Парубоцтво", какъ особая группа въ малорусскомъ сельскомъ обществѣ- 1887, 8, 765—776.

2128. **Боржковскій Валеріанъ** Лирники. 1889, 9, 653—708.

2129. **Боржковскій В.** Цѣлебный источникъ 1792. 4, 123—125. (Д).

2130. **Брайловскій С.** Малорусская

похоронная причеть и миѳическое ея значеніе. 1885, 9, 73—84.

2131. **Б—скій И. Ф.** Преданія о крестахъ подлѣ с. Брикова (острожскаго уѣзда). 1891, 8, 316—317.

2132. **Бурачковъ Пл.** Замѣтка по исторической географіи южно-русскихъ степей. 1886, 4, 659—683.

2133. **Быстровъ Б.** Къ южно-русскимъ пѣснямъ (матерьялы по этнографіи южнорусовъ). 1895, 2, 234—256.

2134. **Бытовая** малорусская обстановка въ документахъ XVII—XVIII ст. 1887, 10, 336—356.

2135. **Бѣляшевскій Н.** Нѣсколько словъ о переживаніяхъ въ области внѣшней культуры. 1892, 5, 105—111.

2136. **Бѣляшевскій Н.** Этнографическій музей въ Варшавѣ. 1897, 7—8, 1—7. (Д.).

2137. **Бѣньковскій И.** Рождественскія святки на Волыни. 1889, 1, 236—242.

2138. **Бѣньковскій И.** Изъ народныхъ разсказовъ, характеризующихъ національные типы. 1890, 8, 324—326.

2139. **Бѣньковскій Ив.** Разсказъ о вовкулакахъ, 1894. 12, 495—497. (Д).

2140. **Бѣньковскій Ив.** Разбойникъ Добрушъ (изъ народныхъ устъ). 1895, 5, 8—12. (Д).

2141. **Бѣньковскій И.** Обычаи и повѣрья, пріуроченные къ „Велыкодню" 1895, 5, 70—76.

2142. **Бѣньковскій И.** Народные обычаи пріуроченные къ Спасу. 1895, 7—8, 9—14. (Д).

2143. **Бѣньковскій И.** Дѣвичій праздникъ св. Андрея. 1895, 12, 100—103. (Д).

2144. **Бѣньковскій Ив.** Повѣрья, обычаи, обряды, суевѣрія и примѣты пріуроченные къ „Риздвянымъ Святкамъ". 1896, 1, 1—9. (Д)

2145. **Бѣньковскій Ив.** Интересный обычай во время жатвы. 1896, 7—8, 20. (Д).

2146. **Бѣньковскій Ив.** Смерть. погребеніе и загробная жизнь, по понятіямъ и вѣрованію народа. 1896, 9, 229—261.

2147. **Бѣньковскій И.** Осина въ вѣрованіяхъ и въ понятіи народа на Волыни. 1898, 7—8, 6—9. (Д).

2148. **Бѣньковскій И.** Повѣрья и суевѣрія. относящіяся къ охотѣ. 1898, 7—8, 9—14. (Д).

2149. **Бѣньковскій И.** Народный взглядъ на „нечистую" женщину 1899, 6, 128—131. (Д).

2150. **Бѣньковскій И.** Стрѣлянье въ кресты (изъ народныхъ суевѣрій) 1902, 6, 161—162. (Д).

2151. **Бѣньковскій И.** Судъ св. Юрія (изъ народныхъ устъ). 1902, 6, 163—165. (Д).

2152. **Бѣньковскій И.** Изъ области народныхъ вѣрованій о выходцахъ съ того свѣта. 1902, 9, 108—110. (Д).

2153. **Бѣньковскій И.** Кармалюкова долина (изъ народныхъ преданій). 1902, 12, 156—157. (Д).

2154. **Бѣньковскій И.** Татарская долина (изъ народныхъ преданій). 1902, 12, 157—158. (Д).

2155. **Бѣньковскій Ив.** Народныя повѣрія, суевѣрія и примѣты, пріуроченныя къ „Благовѣщенію 1903, 5, 98—100. (Д)

2156. **Бѣньковскій Ив.** Легенды о горохѣ. 1903, 5, 100. (Д).

2157. **Бѣньковскій И.** Повѣрья и обрядности родинъ и крестинъ. 1904, 10, 1—3. (Д).

2158. **Бѣньковскій Ив.** Макъ въ народной демонологіи на Волыни. 1905, 4, 34—36. (Д).

2159. **Бѣньковскій Ив.** Якъ сатана збірав закони по землі (изъ народныхъ устъ). 1906, 9, 15—17. (Д).

2160. **В. А.** Подольская легенда о Бунякѣ. 1892, 6, 444—445. (Д).

2161. **Варіантъ** пѣсни о Кармелюкѣ. 1889, 8, 533.

2162. **Варіантъ** пѣсни про дурня. 1900, 9, 89—92. (Д).

2163. **Варіанты** къ пѣснѣ о Бондаривнѣ. 1902, 5, 99—101. (Д).

2164. **Василенко В.** Празднованіе, понедѣльника въ Малороссіи. 1887 1, 180—182.

2165. **Василенко В.** Для характеристики "Богатырей". 1892, 12, 461—463. (Д).

2166. **Василенко В.** По поводу малороссійскаго народнаго орнамента. 1902, 11, 67—73. (Д).

2167. **Василенко В.** Деревня и ея развлеченія (очерки и наблюденія). 1904, 4, 131 –148.

2168. **Васильевъ М.** Великій грѣшникъ (сказка). 1884, 9, 172—175.

2169. **Васильевъ М.** Двѣ сахарозаводскія пѣсни. 1886, 10, 407—408.

2170. **Васильевъ М.** Рекрутчина въ малорусской пѣснѣ. (этнографическій очеркъ). 1889, 8, 354—376; 9, 615—630.

2171. **Васильевъ М.** Къ малорусскимъ похороннымъ обрядамъ. 1889, 5—6, 635—637.

2172. **Васильевъ М.** Къ повѣрьямъ о цѣлебномъ значеніи змѣя. 1889, 5—6. 634.

2173. **Васильевъ М.** Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья. 1890, 8, 317—322.

2174. **Васильевъ М.** Украинскій варіантъ о происхожденіи табака. 1893, 3, 547—548. (Д.).

2175. **Васильевъ М.** Легенды о Боткинѣ проф. 1899, 9, 102—104. (Д).

2176. **Венгрженовскій С.** Еще кое-что о Кармелюкѣ. 1886, 7, 553—559.

2177. **Венгрженовскій Сергѣй** Легенда. 1892, 12, 470—471. (Д).

2178. **Венгрженовскій Сергѣй** Политическая сатира. 1892, 12, 469—470. (Д).

2179. **Венгрженовскій Сергѣй** Молитва. 1892, 12, 468—469. (Д).

2180. **Венгрженовскій С.** Языческій бытъ въ Брацлавщинѣ „гоныты шуляка". 1895, 9, 282—323.

2181. **Венгрженовскій С.** Рабочіе волы въ Брацлавщинѣ и ихъ номенклатура. 1898, 7—8, 36—49.

2182. **Вечеръ** въ день Ивана Купала. 1897. 6, 98—100. (Д).

2183. **В. Д.** По поводу одной мнимо народной пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. 1905, 5, 156—157. (Д).

2184. **Взаимовліяніе** украинскихъ погребальныхъ причитаній и бытовыхъ пѣсенъ. 1905, 3, 230—236. (Д).

2185. **В. К.** Собачья доля (легенда). 1904, 10, 3—7. (Д).

2186. **В. К.** „Ликы" моего села. 1902. 9, 319—342.

2187. **Владимирскій-Будановъ М.** Привязываніе убійцы къ трупу убитаго. (Изъ старой судебно-уголовной практики). 1888, 1—2—3, 20—21.

2188. **В. М.** Деревенская оргія (картина сельской свадьбы). 1894, 12, 488—491. (Д).

2189. **В. М.** Двѣ народныя пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. 1886, 7, 570—573.

2190. **В. Н.** Пѣсня о Турбаевской катастрофѣ. 1903, 10, 14—16. (Д),

2191. **В. П.** Къ вопросу объ убійствѣ стариковъ. 1902, 2, 93—94; 4, 23—25. (Д).

2192. **Вс. С.** Пѣсня „Грыцю, Грыцю, до роботы". 1894, 2, 326—327. (Д).

2193. **В—ый Н.** Платье и бѣлье малорусской паніи XVIII ст. 1905, 7—8, 43—44. (Д).

2194. **Г.** Двѣ галицкія пѣсни. 1885, 7, 517—523.

2195. **Галантъ И.** Молитва въ память уманьской рѣзни. 1895, 3, 92—97. (Д).

2196. **Г. А. М.** Какъ сватались сто лѣтъ назадъ. 1898, 6, 92. (Д).

2197. **Гетманское** приглашеніе на свадьбу. 1882, 12, 613—614.

2198. **Гильченко Василій.** Преданія связанныя съ Лебединомъ и его окрестностями. 1897, 7—8, 7—16. (Д).

2199. **Г—ко В.** Визитъ Кармелюка. (Изъ письма въ редакцію). 1883, 2, 466—471.

2200. **Г—ко В.** Сто семь лѣтъ южно-русской этнографіи. 1884, 3, 505—507.

2201. **Г—овъ М.** Полъ неодушевленныхъ предметовъ. 1884, 4, 698.

2202. **Голубовскій Петръ.** По поводу замѣтокъ по исторической географіи южно-русскихъ степей. (Отвѣтъ г. Бурачкову). 1886, 5, 168—173.

2203. **Горленко В.** Бандуристъ Иванъ Крюковскій (Текстъ 9 думъ съ біографической замѣткой). 1882, 12, 481—518.

2204. **Горленко В.** Варіантъ пѣсни о правдѣ 1883, 8, 769—770.

2205. **Горленко В.** Кобзари и лирники. 1884, 1, 21—50; 12, 639—656.

2206. **Грабина А.** Изъ народныхъ устъ. 1883, 12, 701—703.

2207. **Грабина А.** Саврадимка (пѣсня). 1884, 11, 552—554.

2208, **Грепачевскій А.** Великодни писни. 1904, 4, 15—17. (Д).

2209. **Грепачевскій А.** О крашанкахъ и писанкахъ. 1904, 4, 17—18 (Д).

2210. **Даниловъ Вл.** Древнѣйшее малорусское причитаніе. 1904. 12, 148—153. (Д).

2211 **Даниловъ Владиміръ.** Къ исторіи украинскихъ духовныхъ стиховъ 1905, 1, 7—10. (Д).

2212. **Даниловъ Владиміръ.** Носители похоронныхъ причитаній въ Малороссіи. 1905, 4, 30—33. (Д).

2213. **Даниловъ В.** Отзвукъ былины о змѣеборствѣ Добрыни Никитича въ украинскомъ фольклорѣ. 1905, 9 104—108. (Д).

2214. **Даниловъ Вл.** Одна глава объ украинскихъ похорончыхъ причитаніяхъ. 1905, 11—12, 193—209.

2215. **Даниловъ В.** Народныя картинки на темы изъ украинской жизни 1906, 2. 23—28. (Д).

2216. **Даниловъ Вл.** Символика птицъ и растеній въ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ. 1906, 11—12, 611—628.

2217. **Данилів В.** Додатки до огляду украінських лубяних співанників та малюнків. 1907, 3, 390—393.

2218. **Данилів В.** Порівняння смер-

ті і весілля в украінських погрібових голосіннях. 1907, 6, 351—355.

2219. **Даниловъ** В. О собираніи украинскихъ похоронныхъ причитаній 1907, 7—8, 224—231.

2220. **Двадцатипятилѣтіе** Московской этнографіи и первый этнографическій концертъ. 1893. 5, 308—311 (Д).

2221. **Двѣ** лирницкія пѣсни, 1889. 12, 637—642.

2222. **Десятынъ Г.** Украинскій Геліосъ (Народныя преданія о Солнцѣ) 1882, 10, 177—180.

2223. **Добротворскій Н.** Малорусская пѣсня у великорусскихъ крестьянъ 1886, 11, 585—588.

2224. **Довнаръ-Запольскій** М. Современное дѣло о знахарствѣ. 1892. 3, 498—499. (Д).

2225. **Докладъ** объ измѣненіи правилъ по изданію и распространенію народныхъ популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ. 1904, 12, 157—162. (Д).

2226. **Доманицкій.** Вѣнчаніе вокругъ „дижи" (случай двукратнаго вѣнчанія одной и той же четы) 1901, 2, 72—74. (Д).

2227. **Доманицкій В.** Историко-этнографическія мелочи изъ матеріаловъ З. Доленги-Ходаковскаго, 1904, 9, 86—89. (Д).

2228, **Доманицкій В.** Сельская сатира (пѣсни) 1902, 5, 88—93. (Д).

2229. **Доманицкій В.** Пѣсни о Нечаѣ. 1905, 1, 66—88.

2230. **Доманицкій В.** Баллада о Бондаривнѣ и панѣ Каневскомъ. 1905, 3, 480—494.

2231. **Дума** о Хмельницкомъ и Барабашѣ съ мотивомъ. 1888, 7, 15—23.

2232. **Егоровъ Ив.** Изъ народной памяти 1904, 3, 103—106. (Д).

2233. **Е—ко П.** Старинные способы возвратить языкъ нѣмому и разсѣять ложные слухи. 1884, 6, 353—354.

2234. **Е. П.** Къ статьѣ „Судъ надъ вѣдьмами" 1883, 12, 697—700.

2235. **Е. П.** Запрещеніе купальскихъ огней. 1885, 11, 556—558.

2236. **Е. П.** Къ исторіи семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ, 1886, 3, 593—598.

2237. **Е. П.** Околдованіе начальства. 1886, 5, 175—178.

2238. **Ефименко П.** Откуда взялись запорожцы. (Народное преданіе). 1882, 12, 582—593,

2239. **Ефименко П.** Упыри (изъ исторіи народныхъ вѣрованій. 1883, 6, 371—379.

2240. **Ефименко П.** Судъ надъ вѣдьмами 1883. 11 ,374—401.

2241 **Еф. П.** Попытка околдовать волостной судъ. 1884, 3, 508—509.

2242, **Еф. П.** Затерявшаяся пѣсня о событіяхъ 1696 года. 1886, 5, 173—175.

2243, **Житецкій П.** Смѣна народностей въ Южной Россіи. 1883, 5 1—29; 6, 399—452: 8, 561—579; 9, 1—26: 11, 371—418.

2244. **Житецкій П.** Творцы и пѣвцы народныхъ малорусскихъ думъ. 1892, 11, 213—231.

2245. **Ж—ій Іосифъ.** Народное преданіе о болотѣ „Замглай". (Черниговгуберніи). 1893, 6, 521—524. (Д).

2246. **Журинъ Г.** Изъ разсказовъ о запорожцахъ и гайдамакахъ. 1886, 8. 758—560.

2247. **Заговоръ** отъ бешыхы (записанъ въ д. Ново-Александровкѣ, Бах-

мутскаго уѣзда, Екатеринославской губ.). 1906, 1, 12—13. (Д).

2248. **Заговоръ** отъ скарлатины. 1900, 1, 16—17. (Д).

2249. **Залѣсскій А.** Варіантъ пѣсни о Нечаѣ. 1887, 8, 787—788.

2250. **Залѣсскій А.** Изъ быта крѣпостного времени. 1888, 6, 78—79.

2251. **Запорожская** пѣсня 1883, 11, 523.

2252. **Зуйченко П. И.** Пѣсня на исходъ запорожцевъ за Дунай. 1885, 6, 363—364.

2253. **Ивановъ.** Знахарство шептанье и заговоры (въ старобѣльскомъ и купянскомъ уѣздахъ. Харьковской губ.). 1885, 12, 730—744.

2254. **И—въ П.** Кое-что о „вовкулакахъ" и по поводу ихъ. 1886, 6, 356—364.

2255. **Изъ** народныхъ разсказовъ о велетняхъ и пятницѣ. 1885, 9, 186—187.

2256. **Изъ** народныхъ разсказовъ о Новороссіи. 1885, 10, 353—360.

2257. **Изъ** области народныхъ суевѣрій. Илія Човпыла, бѣсамъ въ службу записавшійся. 1882, 2, 429—431.

2258. **Изъ** области народныхъ преданій, повѣрій и разсказовъ. 1888, 12, 142—143.

2259. **Ильяшевичъ В.** Къ преданіямъ о гр. Потоцкомъ. 1892, 8, 264—265. (Д).

2260. **Императоръ** Александръ III о народномъ костюмѣ. 1896, 1, 24—25. (Д).

2261. **И. Н.** Заговоры на просо и пшеницу. 1884, 12, 747—748.

2262. **И. О.** Волынская бывальщина. 1887, 10, 384—387.

2263. **Ир. Ж.** Лубочныя картинки на малорусскія темы. 1890, 12, 503—507.

2264. **Исаевичъ С. Н.** Еще разсказецъ о вовкулакахъ и чаровникахъ. 1883, 12, 700.

2265. **Исаевичъ С. Н.** Малорусскія народныя игры окрестностей Переяслава (съ предисловіемъ В. Горленко). 1887, 6—7, 450—486.

2266. **Каковскій Юр.** Игры молодежи въ деревнѣ Леоновкѣ Кіевскаго уѣзда. 1892, 6, 445—451. (Д).

2267. **Каминскій В.** Этнографическіе матеріалы, записанные въ с. Будкахъ, винницкаго уѣзда. 1904, 9, 77—85. (Д).

2268. **Каминскій В.** Праздникъ Пасхи въ селѣ Косаревѣ, Дубенскаго уѣзда, Волынской губ. 1906. 3—4, 299—320.

2269. **Каминскій Вяч.** Къ народной демонологіи (изъ с. Косарева, Дубенскаго уѣзда Волынской губ.). 1906, 5—6, 9—12. (Д).

2270. **Каминскій Ѳ.** Къ матеріаламъ, сообщеннымъ г. Савичемъ о „семилѣтнихъ богатыряхъ". 1889, 5—6. 632—633.

2271. **Канадскіе** русины. 1899, 9, 107—110. (Д).

2272. **Кармелюкъ.** Переводъ съ польскаго. 1886, 3, 495—560.

2273. **Катрухинъ А.** Изъ народныхъ разсказовъ о слободско-украинскихъ помѣщикахъ. 1885, 8, 326—329.

2274. **Катрухинъ А.** Разсказъ о происхожденіи табаку, 1890, 8, 326—329.

2275. **К. В.** Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья. 1890, 8, 322—323.

2276. **К—ій Ѳ.** Вирши про панщину. 1892, 11, 294—295.

2277. **К—й О. Р.** Изъ народныхъ разсказовъ о кладѣ. 1884, 11, 545—550.

2278. **Кисилевъ Лука** (протоіерей) Вымирающіе типы украинской деревни. 1884, 3, 515—522.

2279. **Кистяковскій А. Ѳ.** Къ исторіи вѣрованія о продажѣ души черту. 1882, 7, 180—186.

2280. **Китицынъ** П. Святочные подарки отцу протоіерею. 1892, 8, 268. (Д).

2281. **Ков.-Кол.** По поводу „Новаго народнаго обычая". 1902, 7—8, 23—24. (Д).

2282. **Коліивщина** въ пѣсняхъ. 1882, 9, 582—589.

2283. **Колядка** и вирши. 1883, 12, 713.

2284. **Колядки** на Подоліи. 1899. 2, 73—78, (Д).

2285. **Колядки** (собр, въ Подольщинѣ). 1904, 1, 9—11. (Д).

2286. **Коляды** и щедривки. 1887, 1, 182—188.

2287. **Корниловичъ** В. Пѣсни, записанныя въ Волынской губерніи 1900, 1, 11—16. (Д).

2288. **Корниловичъ М. И.** О пѣсняхъ про волю. 1900, 4, 11. (Д).

2289. **Корниловичъ** П. Изъ области мѣстнаго народнаго творчества. 1898, 10, 8—13. (Д).

2290. **Кошовикъ К.** Живой упырь въ борьбѣ съ умершими упырями. 1884, 1, 169—171.

2291. **К. П.** Фатальная вдова (уголовно-психологическая тема въ украинской народной пѣснѣ.) 1888, 12, 459—477.

2292. **Кравченко,** Изъ народныхъ разсказовъ о проклятыхъ дѣтяхъ. 1889, 9, 772—774.

2293. **Крашановскій М.** Пѣсенный отголосокъ давно минувшей уніи. 1884, 1, 181—182.

2294. **К—скій А.** О музыкѣ думъ и пѣсенъ Остапа Вересая. 1882, 8, 283—287.

2295. **Кудринскій Ѳ.** Къ вопросу о порчѣ малорусскихъ пѣсенъ. 1893, 11, 332—334. (Д).

2296. **Кудринскій Ѳ.** О Кирикѣ и жадномъ попѣ. 1894, 3, 543—548. (Д).

2297. **Кудринскій Ѳ.** Сказка о Котофеѣ, 1895, 2, 59—64. (Д).

2298. **Кузьмичевскій Н.** Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности. 1886, 2, 210—236; 3, 444—466.

2299. **Кузьмичевскій П.** Малорусскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ. 1887, 3, 412—438; 4, 626—648.

2300. **Кузьмичевскій П.** Шолудивый Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ. 1887, 8, 676—713; 10 233—271.

2301. **К—шъ В.** Варіантъ пѣсни о Томиленкахъ. 1887, 6—7, 585—586.

2302. **Къ** вопросу о собираніи этнографическихъ матеріаловъ. 1898, 3, 98—99. (Д).

2303. **Къ** вопросу о малорусскомъ языкѣ. 1904, 11, 60—64. (Д).

2304. **Лазаревскій Ал.** Лубенщина и князья Вишневецкіе. 1896, 1, 115—127; 2, 209—229; 3, 334—357.

2305. **Лазаревскій А.** Запорожская пѣсня, записанная нѣмцемъ отъ нѣмца. 1883, 9- 10, 322—324.

2306. **Л—въ П.** Разсказы старыхъ людей о старыхъ временахъ. 1884, 8, 715—725.

2307. **Лебединецъ Г.** С. Еще пѣсни о попадьѣ, не взлюбившей бороды. 1884, 6, 356—358.

2308. **Левитскій** Н. Къ статьямъ проф. Н. Ѳ. Сумцова „Культурныя переживанія". Къ вопросу о церковныхъ и монастырскихъ пасѣкахъ. 1890, 1, 126—127.

2309. **Левицкій И.** Украинскіе юмористы и шутники (этнографическій очеркъ). 1890, 9, 373—389; 10, 74—93; 11, 233—250; 12, 448- 470.

2310. **Левицкій О.** Старинныя воззрѣнія на самоубійство и отголосокъ ихъ въ народныхъ обычаяхъ Южной Руси. 1891, 12, 345—360.

2311. **Левицкій О.** Очеркъ стариннаго быта Волыни и Украины. 1889, 4, 92—123; 11, 350—368; 1891, 1, 19—39; 2, 269—280.

2312. **Левицкій Ор.** Взглядъ на ремесло палача въ старой Малороссіи. 1899, 12, 390—398.

2313. **Левицкій О.** Обычныя формы заключенія браковъ въ Южной Руси въ XVI и XVII в.в. 1900, 1, 1—15.

2314. **Левицкій Ор.** Обычай помилованія преступника, избраннаго дѣвушкой въ мужья. 1905, 1, 89—97.

2315. **Левицкій Ор.** Сговоръ малолѣтнихъ (страница изъ исторіи брачнаго права на Украинѣ XVI в.). 1906, 1, 64—72.

2316. **Легенда** о Паліѣ. 1888, 5, 47—49.

2317. **Ленчевскій Л.** Похоронные обряды и повѣрья въ Староконстантиновскомъ у. Волынской губ. 1899, 7, 70—78.

2318. **Линденбергъ С.** Нѣсколько заговоровъ. 1894, 12, 493—495 (Д).

2319. **Линниченко И. А.** Замѣтка о старыхъ и новыхъ „копачахъ". 1888, 12, 149—150.

2320. **Линниченко И. А.** Два дѣла о волшебствѣ. 1889, 10, 172—179.

2321. **Литвинова** П. Какъ сажали въ старину людей старыхъ на лубокъ. 1885, 6, 354—356.

2322. **Литвинова** П. Какъ землянцы потеряли свою „вольницу". 1886, 6, 381—384.

2323. **Литвинова** П. Криница—богиня плодородья у сѣверянъ. 1884 4, 695—697.

2324. **Литвинова** П. Закрутки и заломы. 1899, 3, 139—141. (Д).

2325. **Литература** народнаго самоврачеванія въ Малороссіи. 1901, 2, 78. (Д).

2326. **Личковъ Л.** Происхожденіе слова „мацапура". 1901, 1, 5. (Д).

2327. **Личковъ Л.** Письмо въ редакцію (по поводу открытія въ Кіевѣ Южнаго отдѣла Географическаго Общества). 1901, 7—14. (Д).

2328. **Л. К.** Купальскіе обряды въ сквирскомъ уѣздѣ. 1903, 6, 163—166. (Д).

2329. **Л. М.** Малорусское нищенское причитанье. 1903, 1, 6—7. (Д).

2330. **Л. М.** Преданія жителей мѣст. Мѣляновичи, Волынской губерніи. 1903, 2, 70—72. (Д).

2331. **Л. М.** Бида (лирныцька пісня). 1903, 9, 106—110. (Д).

2332. **Л. М.** Якъ царь Олександер ослобонив кріпаків. 1907, 11—12, 279.

2333. **L.** О. По поводу „турецкихъ анекдотовъ въ украинской народной словесности". 1886, 10, 388—391.

2334. **Лысенко Н. В.** О торбанѣ и музыкѣ пѣсенъ Видорта. 1892, 3, 381—387.

2335. **Л—ье Ольга.** Закляті гроші (сказка Екатер. губ.). 1897, 7—8, 16 20. (Д).

2336. **М. А.** Какъ началось знакомство Великоруссовъ съ пѣснями малороссійскими. 1886, 8, 761—763.

2337. **Маковскій Е.** Изъ разсказовъ о Кармелюкѣ. 1884, 4, 698—701.

2338. **Маковскій Е.** Загадочное преданіе. 1884, 5, 170—172.

2339. **Малинка.** Кобзарь Петро Гарасько и лирникъ Максымъ Прыщенко. 1893, 9, 441—450. (Д).

2340. **Малинка А.** Хожденіе со звѣздою и вирши на Рожд. Христово. 1894, 2, 332—335, (Д).

2341. **Малинка А.** Легенда о Спасителѣ и ап. Петрѣ. 1894, 2, 335—336. (Д).

2342. **Малинка.** Разсказы о вѣдьмахъ. 1894, 3, 551—553, (Д).

2343. **Малинка А.** Лирникъ Евдокимъ Мыкитовичъ Мокровизъ. 1894, 9, 434—444.

2344. **Малинка А.** Польскій бунтъ на Волыни 1864. (Пѣсни о бунтѣ). 1895, 7—8, 24—31. (Д).

2345. **Малинка А.** Лирникъ Андрій Карпіенко. Его пѣсни (5). 1895, 9, 59—66. (Д).

2346. **Малинка А.** Родыны и хрестыны (м. Мринъ Нѣженск. у.). 1898, 5, 254—286.

2347. **Малинка А.** Лирникъ Ананій Гомынюкъ. 1898, 10, 1—8. (Д).

2348. **Малорусскіе** домашніе лечебники XVIII ст. 1890, 1, 2, 3 (приложеніе).

2349, **Манжура И.** Запорожское расхищеніе (двѣ пѣсни о томъ. кому достались запорожскія земли). 1882, 2, 435—436.

2350. **Манжура И.** Легенда и три пѣсни о Семенѣ Паліѣ. 1882, 3, 611—615.

2351. **Манжура И.** Панщина въ пѣсняхъ и молитвѣ. 1882, 5, 357—363.

2352. **Манжура И.** Украинская гетера. 1883, 1, 217—218.

2353. **Манжура И.** Талавиря (Пастушеская пѣсня). 1883, 4, 907—908.

2354. **Манжура И** „Приказка о нюхаряхъ". 1888, 8, 53—55.

2355. **Манжура И.** О богатыряхъ. 1888, 8, 50—53.

2356. **Манжура И.** Рождественская „вечеря". 1889, 1, 236.

2357. **Манжура И.** Легенда „о Петровомъ батогѣ". 1889, 9, 763—765.

2358. **Манжура И.** Полозъ (къ статьѣ Н. Ѳ. Сумцова „культурныя переживанія" К. С. 1890, 5). 1890, 10, 151—152.

2359. **Манжура И.** Крещенскія скачки въ Екатеринославской губ. 1891, 9, 486—489.

2360. **Маркевичъ А.** Историческое средство противъ конокрадства. 1884, 7, 546—547.

2361. **Маркевичъ А.** Загадочная пѣсня 1884, 7, 554.

2362. **Маркевичъ А.** Мѣры противъ вечерницъ и кулачныхъ боевъ въ Малороссіи. 1884, 9, 177—180.

2363. **Маркевичъ В.** Знахарки новаго типа. 1891, 12, 413—429.

2364. **Марковскій М.** Бродячій анекдотъ въ малорусской народной словесности. 1895, 12, 94—96. (Д).

2365. **Мартыновичъ Порфирій.** Изъ народныхъ преданій о гетманщинѣ,

запорожьѣ и черноморьѣ. 1885, 11, 535—543.

2366. **Мартыновичъ Порфирій**. Украиньски запыси. 1904, 2, 257—313; 3, 452—477; 4, 149—191; 5, 339—399; 6, 531—566; 7—8, 11—50; 9, 304—321; 10, 65—80; 11, 227—259.

2367. **Матушевскій Ф**. Изъ погибшаго архива (объ играхъ на Тройцу и Купала). 1902, 6, 168—170. (Д).

2368. **Мацѣевичъ Л**. Поляки и Русины (къ исторіи ихъ бытовыхъ отношеній). 1882, 2, 301—312.

2369. **М. В**. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. 1890, 7, 8, 9. (Приложеніе).

2370. **М. Г**. Дѣтячи забавкы та гры усяки. 1904, 7—8, 51—105.

2371. **Мердеръ А**. Колдовство въ 1863 г. 1900, 1, 1—2. (Д).

2372. **Мердеръ А.** Изъ мѣстныхъ нравовъ и суевѣрій. 1900, 1, 2—3. (Д).

2373. **Мердеръ А**. Приворотныя средства. 1901, 7—8, 18—19. (Д).

2374. **Милорадовичъ В.** Рабочія пѣсни Лубенскаго уѣзда, собранныя въ 1890—93 г. 1895, 10, 10—22. (Д).

2375. **Милорадовичъ В.** Историческая пѣсня (о борьбѣ козачества съ Поляками). 1895, 11, 43—45. (Д).

2376. **Милорадовичъ В.** Сказки о жабахъ. 1896, 11, 37—40. (Д).

2377. **Милорадовичъ В**. Прощаніе рекрута и рекрутскія пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. 1897, 7—8, 80—95.

2378. **Милорадовичъ В**. Снѣтинская старина. 1897, 9, 319—335; 10, 6—26.

2379. **Милорадовичъ В.** Замѣтка по поводу Валлонскаго и Сицилійскаго сборниковъ по фольклору. 1898, 7—8, 3—5. (Д).

2380. **Милорадовичъ В.** Замѣтки о малорусской демонологіи. 1899, 8, 196—209; 9, 379—400.

2381. **Милорадовичъ В**. Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. 1900, 1, 46—61; 2, 192—206; 3, 337—372; 5, 160—173; 6, 310—332; 7—8, 51—65.

2382. **Милорадовичъ В.** Лѣсная Лубенщина. 1900, 9, 247—296: 10, 39—82.

2383. **Милорадовичъ В.** Варіанты пѣсни о дѣвицѣ-воинѣ. 1900, 5, 82—86. (Д).

2384. **Милорадовичъ В.** Варіантъ пѣсни про голоту. 1900, 9, 88—89. (Д).

2385. **Милорадовичъ.** Украинская вѣдьма (очеркъ). 1901, 2, 217—233.

2386. **Милорадовичъ В.** Житье бытье Лубенскаго крестьянина. 1902, 4, 110—135; 6, 392—434; 10, 62—91: 1903, 2, 182—217; 3, 349—377; 7—8, 1—64; 1904, 5, 264—304: 6, 465—505.

2387. **Милорадовичъ В.** Малорусскіе народные повѣрья и разсказы о пятницѣ. 1902, 5, 269—281.

2388. **Милорадовичъ В**. Средняя Лубенщина. 1903, 9, 245—296, 10, 1—36: 11, 209—240: 12, 518—539.

2389. **Милорадовичъ В.** Степная Лубенщина. 1903, 2, 179—200: 3, 348—382: 4, 36—73.

2390. **Михалевичъ В**. „Проводы" (народная сатира). 1905, 6, 242—247. (Д).

2391. **Миронъ.** „Воянцка писня". 1888, 12, 143—148,

2392. **Миронъ**. Замѣчательныя колядки. 1889, 1, 231—233.

2393. **Миронъ.** Пѣснь о свѣтѣ. 1889, 3, 741—744.

2394. **Миронъ.** Сожженіе упырей въ с. Нагуевичахъ въ 1831 г. 1890, 4, 101—120.

2395. **Миронъ.** Мистерія страстей Христовыхъ. 1891, 4, 131—154.

2396. **Миронъ.** Къ объясненію одной колядки. 1891, 12, 476.

2397. **Морозъ Д.** Какъ справляли черноморцы свое новоселье на Тамани и какія были по сему случаю рѣчи и пѣсни (современная рукопись). 1883, 1, 203—207.

2398. **М—ра И.** Къ статьямъ проф. Н. Ѳ, Сумцова „Культурныя переживанія". Къ вопросу о кумовствѣ. 1890, 1, 124—126.

2399. **М—ра.** Къ повѣрьямъ о „богатыряхъ". 1891, 8, 325—326.

2400. **М—ра И.** Къ повѣрьямъ о томъ, что ужъ любитъ молоко и сосетъ коровъ. 1890, 4, 161—162.

2401. **М—ра Ив.** Преданіе о „борцахъ". 1893, 6, 518. (Д).

2402. **М. С.** Образчикъ современнаго пѣсеннаго творчества малорусскаго народа. 1903, 3, 135—138. (Д).

2403. **М. Щ.** Дѣтскій эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла (изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика). 1894, 10, 48—61; 11, 279—295; 12, 388—401; 1895, 1, 120—138; 3, 371—384; 5, 199—213; 6, 332—349.

2404. **Мякотинъ В. А.** Дѣло о волшебствѣ. 1890, 12, 515—517.

2405. **N.** Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія по воспоминаніямъ дѣтства. 1882, 9, 457—485; 10, 39—65.

2406. **N.** Подляская злополучница. 1883, 4, 905—907.

2407. **N.** Судъ Божій надъ Епископомъ, истор. легенда съ предисловіемъ. 1893, 3, 485—492.

2408. **N.** Черты народной жизни въ Малороссіи нач. XVIII вѣка. 1895, 1, 10—16. (Д.)

2409. **Народная** пѣсня и ея гонители. 1902, 11, 105—107. (Д).

2410. **Народное** преданіе о взятіи Бендеръ. 1887, 11, 584—585.

2411. **Народное** творчество въ Малороссіи и попытки сохраненія его памятниковъ. 1902, 9, 133—136. (Д).

2412. **Народный** разсказъ „про щастье". 1889, 4, 196—199.

2413. **Науменко В. П.** Костомаровъ Н. И., какъ этнографъ. 1885, 5, XXXV—XLIV.

2414. **Н. Б.** Малоизвѣстные художественные уголки Малороссіи. 1894, 2, 338—340, (Д).

2415. **Н. В.** Указъ Кіевскаго митрополитанскаго коллегіума о кулачныхъ бояхъ и вечерницахъ. 1891, 2, 317—320.

2416. **Нейманъ Ц.** Еще объ украинской злополучницѣ. 1883, 5, 187—189.

2417. **Нейманъ Ц.** Куплетныя формы народной южно-русской пѣсни. 1883, 8, 599—644.

2418. **Нейманъ Ц.** Малорусскій пѣсенникъ XVIII вѣка (изъ собранія рукописей Т. В. Кибальчича). 1884, 5, 153—158.

2419. **Нейманъ Ц.** Малорусская баллада о Бондаривнѣ и панѣ Каневскомъ. 1902, 3, 347—390,

2420. **Несвицкій А. А.** Еще о Турбаевской катастрофѣ, пѣсни про убійство въ Турбаяхъ „Базилевцивъ" помѣщиковъ. 1895, 11, 54—56. (Д).

2421. **Несторовскій Петръ.** Матеріалы по этнографіи Бессарабскихъ русиновъ. 1905, 10, 73—125.

2422. **Николайчикъ Ѳ.** Новыя свадебныя малорусскія пѣсни въ общемъ ходѣ свадебнаго дѣйствія. 1883, 2, 366—400.

2423. **Николайчикъ Ѳ.** Отголосокъ

лирницкаго языка (къ статьѣ Валеріана Боржковскаго „Лирники“ Кіев. Ст. 1889 года сентябрь). 1890, 4, 121—130.

2424. **Н. М.** о происхожденіи слова „кацапъ“. 1901, 12, 472—477.

2425. **Новицкій И.** Еще по поводу народной пѣсни о взятіи Торческа или же Азова. 1882, 9, 412—435.

2426. **Новицкій И.** Малорусская пѣсня по латыни. 1885, 7, 516—517.

2427. **Новицкій И.** Украинскій варіантъ пѣсни „про ягничку“. 1885, 8, 743—745.

2428. **Новицкій Я.** Изъ народныхъ преданій о запорожцахъ. 1885, 10, 350—353.

2429. **Новицкій И.** Два слова о панѣ Каневскомъ (По поводу статьи „Двѣ старыя украинскія пѣсни“ „Кіев. Старина“ 1885 г. октябрь). 1885, 11, 554—556.

2430. **Новый** народный обычай (плата за невѣсту). 1902, 6, 172, (Д).

2431. **Номисъ** М. Крашанки въ старину. 1898, 4, 9—10. (Д).

2432. **Носъ (фонъ) С.** „Покрытка“. 1882, 2, 427—429.

2433. Notus. Курьезный бракъ. 1882, 5, 349—352.

2434. Notus. Пѣсня о панщинѣ. 1883. 11, 520—522.

2435. **Н. Р. Л.** Къ разсказамъ о шелудивомъ Бунякѣ. 1891, 8, 299—304.

2436. **Н. Ш.** Картины изъ малорусскаго быта на Кіевскихъ выставкахъ. 1894, 3, 537—543. (Д).

2437. **Нѣсколько** словъ о томъ, какъ приготовляютъ писанки и крашанки. 1903, 9, 105—106. (Д).

2438. **О.** Одна изъ народныхъ примѣтъ погоды. 1885, 5, 172—173.

2439. **Обрядъ** „вывода“ новобрачной въ Подоліи. 1898, 6, 81—82. (Д).

2440. **О.** В. Изъ области народныхъ повѣрій. 1883, 8, 774.

2441. **Одинъ** изъ предметовъ стариннаго малороссійскаго щегольства. 1891, 9, 484—486.

2442. **О. Л.** Праздникъ Цереры (изъ воспомин. польск. шляхтича). 1897, 12, 311—331.

2443. **О. Л.** Заговоръ отъ лихорадки. 1898, 1, 10—11. (Д).

2444. **О. Л.** Воспрещеніе повѣнчаннымъ молодымъ жить врозь до свадьбы. 1900, 2, 65—67. (Д).

2445, **О. Л.** Къ исторіи народнаго повѣрья о „скарбахъ“. 1903, 5, 90—92. (Д).

2446. **Олтаржевскій Юрій.** Воспоминанія старожила о Кармелюкѣ. 1886, 6, 371—378.

2447. **Олтаржевскій Юрій.** Изъ народныхъ вѣрованій. (Разсказъ, записанный въ Кіевѣ). 1887, 5, 195—197.

2448. **О** малорусскомъ національномъ типѣ. 1902, 3, 177—181. (Д).

2449. **Ом—скій Александръ.** „Гнѣдко“ варіантъ Кармелюка. 1883, 6, 393.

2450. **Ом—скій Александръ.** Изъ народныхъ повѣрій о чортѣ. 1883, 11, 513—515.

2451. **Орловъ И.** Нѣкоторыя мелочи изъ народныхъ преданій. 1884, 6, 355—356.

2452. **О. С.** Народныя преданія, связанныя съ селомъ Слобидкою—Межыривською, Литинск. уѣзда. 1903, 11, 68—72. (Д).

2453. **О** собраніи народныхъ легендъ. 1900, 3, 152—154. (Д).

2454. **Парубоцкія** громады въ Полт. губ. 1902, 4, 14—17. (Д).

2455. **П. Е.** Жертва купальскаго огня. 1887, 9, 190—191.

2456. **Петровскій Д.** Къ малорусскимъ пѣснямъ объ освобожденіи крестьянъ. 1888, 4, 18—19.

2457. **П. Л.** Актъ „побратимства" въ церковной метрикѣ. 1887, 10, 383—384.

2458. **П. Л.** Нѣсколько чертъ быта днѣпровскихъ лоцмановъ. 1889. 8, 515—523.

2459. **„Плачъ** на бѣдствія украинскія". Старинное еврейское стихотвореніе. 1895, 10, 5—7. (Д).

2460. **П. О.** Замѣчательный праздникъ въ г. Холмѣ. 1886, 11, 561—567.

2461. **Побережье** Подоліи. 1898, 9, 65—74. (Д).

2462. **Подольская** пѣсня о панщинѣ. 1901, 3, 140—144. (Д).

2463. **Подольской** епархіи карта. 1898, 4, 17. (Д).

2464. **Познанскій Борисъ.** Двѣ старыя украинскія пѣсни и по поводу ихъ. 1885, 10, 220—242.

2465. **Познанскій Б.** По поводу статьи Неймана о Бондаривнѣ. 1902, 5, 96—98. (Д).

2466. **Пономаревъ Иванъ.** Запорожская пѣсня. 1887, 6—7, 587—588.

2467. **Пономаревъ Иванъ.** Запорожская пѣсня. 1887, 12, 803—804.

2468. **По** поводу рецензіи на книгу Б. Д. Гринченка. „Литература украинскаго фольклора. 1901, 10, 18—20. (Д).

2469. **Потебня А.** Малорусскіе домашніе лечебники XVIII в. 1890, 1, 91—94.

2470. **Похороны** запорожца въ 1772 г. 1898, 2, 43—47. (Д).

2471. **П. П.** „Парубоцки громады". въ г. Маякахъ, Херсонской губ. 1901, 7—8, 19—20; 12, 157—158. (Д).

2472. **П. П.** Нѣкоторыя дѣтскія игры въ Маякахъ Херсонской губ. 1902, 9, 401—407.

2473. **Прибыльскій.** Черти въ продажѣ. 1885, 6, 350—352.

2474. **Программа** для собиранія коллекцій дѣтскихъ игрушекъ и матеріаловъ по дѣтскимъ играмъ и забавамъ (Полт. губ. Вѣд. №. 124). 1901, 7—8, 13—15. (Д).

2475. **П—скій Борисъ.** Воронежскіе хохлы (Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій). 1885, 4, 613—648.

2476. **П. Т.** Озеро Свитязь и народное преданіе о немъ. 1901, 3, 144—150 (Д).

2477. **Пч. О.** Отживающая или начальная форма „Вертепной драмы"? 1883. 4, 903—905.

2478. **Пѣсня** изъ крѣпостного быта „про галанцивъ". 1899, 4, 5—7. (Д),

2479. **Пѣсня** о Кармелюкѣ. 1887, 11, 588—589.

2480. **Пѣсня** „про дурня", варіантъ 1899, 12, 126—128 (Д).

2481 **Пѣсня** про Кытай. 1900, 10, 28—29. (Д).

2482. **Пѣсня** про Филиппа Орлика 1882, 11, 395—398.

2483. **Пѣсня** сахарно-заводская 1889, 8, 533—534,

2484. **Радловъ В**, В. академикъ о народномъ костюмѣ. 1896, 1, 25. (Д).

2485. **Р—въ А.** Изъ народной характеристики цыганъ. 1886, 1, 198—200.

2486. **Рклицкій С**. Еще о колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговщинѣ 1905, 2, 22—23 (Д).

2487. **Р. Л. Н**. Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. 1893, 6, 459—473.

2488. **Рождественскіе** обычаи въ Угорской землѣ. 1900, 3, 148—149. (Д).

2489. **Розмова** Хведора та Даныла про Каина та про Авеля (записана въ Лубенскомъ уѣздѣ). 1892, 12, 472—474. (Д).

2490. **Р. С**. Село Ивановка (Опытъ этнографической характеристики малорусскагс поселенія въ Новороссіи). 1888, 11, 51—68.

2491. **Русины** въ Америкѣ. 1900, 2, 74—75. (Д).

2492. **Русовъ А. А**. Торбанисты Грегоръ. Каэтанъ, Францъ Видорты. 1892. 3, 336—380.

2493. **Русовъ А.** Нѣсколько словъ о значеніи трудовъ и творчества Лисенка для малорусскаго народа. 1903, 12, 483—517.

2494 **Русов О**. Це-що про „панів" у колядках. 1907, 7—8, 231—234.

2495. **Рыльскій Ѳадей**. Къ изученію украинскаго народнаго міровозрѣнія 1888, 11, 266—306; 1890, 9, 341—372; 10, 1—26; 11, 125—232; 1903, 4, 1—23: 5, 161—191.

2496. **Савичъ** А. Замѣтка о малорусскихъ „семилѣтнихъ богатыряхъ или близнецахъ", 1889, 3, 733—739.

2497. **Сахонова** А. Про вовкулакивъ (записала въ м. Веркіевкѣ, Нѣжин. уѣзда). 1894, 6, 543—545 (Д).

2498. **Свадебные** и другіе народные обычаи въ Червоной Руси столѣтъ назадъ. 1898, 5, 245—253.

2499. **Свѣдѣніе** о картѣ Малороссіи полов. XVIII в., инженера Дебоскета 1890, 8, 316—317.

2500. **Синицкій Д**. Погребеніе на саняхъ. 1894, 9, 457. (Д).

2501 **Сказаніе** о Бондаренкѣ по народнымъ преданіямъ. 1882, 3, 530—537.

2502. **Сластіоновъ А. Г.** Кравченко Михайло, кобзарь, и его думы. 1902, 5, 303—331.

2503. **Смоктій А**. Кармелюкъ. 1882, 10• 183—189.

2504. **Смоктій А**. Украинская злополучница. 1883, 1, 215—217.

2505. **С. Н.** Пѣсня на князя Доминика Заславскаго• 1885, 9, 185.

2506. **С. Н.** Изображеніе галернаго раба XVI вѣка. 1891, 3, 511—513.

2507. **С. Н**. Къ исторіи пословицъ 1887, 8, 779—780.

2508. **Сорокинъ Гавріилъ.** Свадьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки, Александр. у. Херсонской губ. 1890, 9, 193—200.

2509. **Степовичъ А.** Замѣтка къ статьѣ „Малорус. лечебники XVIII в." (1890, 1). 1890, 4, 155—159.

2510. **Степовый Н**. Малорусская народная одежда. Козелецкій уѣздъ. 1893, 12, 444—450.

2511. **Степовый Н**. Малорусская народная одежда. Нѣжинскій уѣздъ съ рисункомъ. 1893, 5, 272—284.

2512. **Стороженко Н. В.** „Малорусскія суевѣрія, коимъ мало кто вѣрилъ", собранныя въ 1776 г. (рукопись А. И. Чепы). 1892, 1, 119—130.

2513. **Стояновъ А.** Южно-Русская пѣсня о событіи XI вѣка. 1882, 7, 81—96.

2514. **Стрижевскій И.** Свадьба въ деревнѣ. 1896, 3, 289—308.

2515. **Стрижевскій Гавріилъ**. Сборникъ малорусскихъ сказокъ. 1905, 7—8, 117—165.

2516. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Къ исторіи Южно-Русскихъ свадебныхъ обычаевъ. 1883, 510—514.

2517. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Новый варіантъ думы „Алексѣй Поповичъ". 1885, 1, 182—191.

3518. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Малорусскія фамильныя прозванія. 1885, 2, 215—228.

2519. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Религіозно-мифическое значеніе малорусской свадьбы. 1885, 3, 417—436.

2520. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Опытъ объясненія малорусской пѣсни о Журилѣ. 1885, 7, 417—430.

2521. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу. 1886, 1, 17—40.

2522. **Сумцовъ Н**. Ѳ. Научное изученіе колядокъ и щедривокъ. 1886, 2, 237—266.

2523. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Досвѣтки и посидѣлки. 1886, 3, 421—444.

2524. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Коломыйкы. 1886, 4, 635—658.

2525. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Малорусскія пьяницкія пѣсни. 1886, 6, 267—292.

2526. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Мѣстныя названія въ Украинской народной словесности. 1886, 10, 265—298.

2527. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Къ исторіи малорусскихъ ремесленныхъ издѣлій. 1886, 12, 746—747.

2528. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Малорусская географическая номенклатура. 1886, 7, 456—489.

2529. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Туръ въ народной словесности. 1887, 1, 65—90.

2530. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Культурныя переживанія. 1889, 1, 64—89; 2, 403—423; 3, 665—684; 4, 124—140; 5—6, 485—506; 7, 28—46; 8, 402—427; 9, 631—652; 10, 18—51; 11, 281—327; 12, 582—603; 1890, 1, 60—90; 2, 320—333; 4, 84—100; 5, 327—341; 6, 478—493; 7, 59—87; 10, 49—73.

2531. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Писанки. 1891, 5, 181—209; 6, 363—483.

2532. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Мертвая рука. 1891, 482—483.

2533. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Къ объясненію Малорусскихъ гаданій. 1891, 8, 314—316.

2534. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Современная малорусская этнографія. 1892, 1, 1—10; 2, 206—225; къ 1 кн. поправки см. 2 кн. 349. (Д). 3, 409—423; 4, 22—36; 5, 176—192; 7, 85—94; 8, 141—159; 9, 333—349; 10, 35—50; 11, 176—187; 1895, 2, 195—206; 5, 186—198; 7—8, 36—49; 9, 88—96; 1896, 7—8, 133—150; 9, 262—274; 11, 166—177.

2535. **Сумцовъ Н.** Вмѣсто введенія къ I выпуску современной малорусской этнографіи. 1893, 3, 528—531.

2536. **Сумцовъ Н.** О Добрынѣ и Маринѣ. 1893, 3, 546—547. (Д.).

2537. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Легенда о грѣшной матери. 1893, 5, 195—208.

2538. **Сумцовъ..** Народныя пѣсни объ отравленіи змѣинымъядомъ. 1893, 11, 241—261.

2539. **Сумцовъ Н.** Легенда о благочестивомъ живописцѣ. 1894, 10, 20—24.

2540. **Сумцовъ Н.** Пѣсни и сказки о живомъ мертвецѣ. 1894, 3, 440—458.

2541. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Обычай ломать скорлупу яйца. 1897, 12, 70—71. (Д).

2542. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Новая наука г. Безсонова. 1897. 1, 112—124.

2543. **Сумцовъ Н.** Изученіе кобзарства. 1904, 10 11—16. (Д).

2544. **Сумцовъ Н.** Изъ старинныхъ отзывовъ о малороссахъ. 1904, 2, 58—60. (Д).

2545. **Сумцовъ Н.** Исторія и этнографія Малороссіи, какъ предметы преподаванія въ Харьковскомъ университетѣ. 1906, 5—6, 37—43. (Д).

2546. **Существуетъ** ли Южно-русскій стиль? 1903, 7—8, 5—15 (Д).

2547. **Сѣлецкій** Арсеній. Колдовство въ юго-западной Руси въ XVIII ст. 1886, 6, 193—236.

2548. **Тарновскій Александръ.** Ребъ Лейбъ—Суресъ (изъ еврейскихъ легендъ). 1883, 7, 473—491.

2549. **Т. Д.** Изъ народныхъ устъ, (одна пѣсня и два разсказа). 1884 5, 172—176.

2550. **Тиховскій** Ювеналій. Двѣ мнимо-народныя пѣсни о панщинѣ и и повстаньѣ. 1889, 5—6, 626—631.

2551. **Тиховскій Ю.** Пѣсня про рекрутчину. 1893, 7, 139. (Д).

2552. **Трутовскій К. А.** Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи. 1889, 9, 585—596.

2553. **Т—овъ М.** Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности 1, Пѣсня о взятіи Азова. 2, Степанъ Разинъ—козакъ Герасимъ. 1882, 11, 229—249. 3. Вертепная комедія, 4. Песиголовци. 1883, 12, 546—559.

2554. **Туркевичъ.** Заговоръ отъ рожистаго воспаленія (бышыхы). 1905, 11—12, 66—67. (Д).

2555. **У** Гуцуловъ. 1889, 9, 765—770.

2556. **Украинская** пѣсня на китайской границѣ. 1901, 1, 18 (Д).

2557. **У. О. К. Ф.** Кобзарь Остапъ Вересай и его думы и пѣсни. 1882, 8, 259.

2558. **Употребленіе** табаку по народнымъ повѣрьямъ. 1888, 4, 20—22.

2559. **Хатемкинъ. А. Г.** Пѣсни молодежи въ современной деревнѣ. 1897, 9, 272—318.

2560. **Хатемкинъ А.** Преданія о зміевомъ валѣ 1898, 10, 13—18. (Д).

2561. **Хатемкинъ А. Гр.** Приворотныя средства. 1900, 4, 8—9. (Д).

2562. **Хатемкинъ А. Гр.** Своеобразныя молитвы. 1900, 4, 10—11. (Д).

2563. **Храневичъ В.** Шуточная народная пѣсня. 1894, 7, 111—115. (Д).

2564. **Храневичъ В.** Старинная коляда. 1899, 6, 125—127. (Д).

2565. **Х. Я.** Легенда о сотвореніи земли и злыхъ духовъ. 1897, 7—8, 72—79.

2566. **Ц. К.** Панская блажь, холопская напасть, а чиновничья пожива. 1884, 8, 742—747.

2567. **Цыбульскій К.** Всенародное купанье вѣдьмъ въ озерѣ и судебная отъ того волокита. 1885, 11 566—570.

2568. **Ц. Х.** Задунайскія народныя преданія: I. Про Палія та Мазепу; II. Про Антона Головатаго, Онупрія Шпака и царицю Катерину. 1882, 9, 579—582.

2569. **Чалый М.** Очерки народной жизни (1862 г.). 1897, 6, 484—512; 7—8, 1—52.

2570. **Чернышевъ Н.** Къ вопросу о „парубоцтвѣ", какъ особой общественной группѣ. 1887, 11, 491—505.

2571. **Чернышевъ Н.** Опытъ истолкованія обычая „Понедилкуванья“ 1887, 4. 763—771.

2572. **Чикаленко Е.** Лирникъ Василій Морозъ. 1896, 3, 79—87. (Д).

2573. **Что** значитъ слово „гомель„ 1901, 10, 10. (Д).

2574. **Шафарукъ И. А.** Волынская бывальщына. 1885, 2, 385—391.

2575. **Ш—въ Н.** Батуринъ (изъ путевыхъ впечатлѣній). 1894, 10, 40—47.

2576. **Шейнъ П. В.** Приглашеніе къ содѣйствію въ собираніи памятниковъ народнаго творчества. 1888, 4, 32—36.

2577. **Шиманскій Ц.** Поправка къ разсказу о Бондаренкѣ. 1882, 11, 393—395.

2578. **Ш. Я.** Убійство упыря въ Кіевщинѣ во время чумы 1770 года. 1890, 2, 338—340.

2579. **Щепотьевъ Влад.** Про песыголовця та коваля. 1903, 10, 16—18. (Д).

2580. **Щербина В.** Къ исторіи малорусскихъ фамильныхъ прозваній. 1894, 8, 278—282. (Д).

2581. **Щербина Ф.** Наговоры отъ болѣзней у черноморцевъ. 1883, 7, 586—588.

2582. **Яблоновскій Вл.** Какъ молятся наши старики-крестьяне. 1904, 10, 20—22 (Д).

2583. **Яблоновськый Вол.** Весилля въ с. Отакахъ (этнограф. нарысъ). 1905, 5, 205—257.

2584. **Яблоновськый В.** Маленькі додатки до матеріалів, записаных въ с. Отаках. 1906, 5—6, 15—20. (Д).

2585. **Я. В.** Народное преданіе о Саввѣ Чаломъ. 1887, 9, 194.

2586. **Яворскій Юльянъ.** Громовыя стрѣлки. Очеркъ по исторіи южнорусскаго фольклора. 1897, 7—8. 227—238.

2587. **Ястребовъ В.** Пѣсня о сербѣ. 1884, 12, 757—758.

2588. **Ястребовъ В.** Гайдамацкая пѣсня. 1885, 12, 766.

2589. **Ястребовъ В.** Гайдамацкій бандуристъ. 1886, 10. 379—388.

2590. **Ястребовъ. В.** Святочныя пѣсни Елисаветградскаго и Александрійскаго уѣздовъ, Херсонской губ. 1894, 2, 327—332. (Д).

2591. **Ястребовъ. В.** Народныя пѣсни Херсонскаго края. 1894, 3, 559—569. (Д).

2592. **Ястребовъ.** Варіанты сказки о невѣрной женѣ. 1894, 4, 159—165. (Д).

2593. **Ястребовъ В.** Какъ баба замирала. 1894, 12, 492—493. (Д).

2594. **Ястребовъ В.** Святочная народная драма „Тронъ“ (въ Херсон. губ.). 1895, 2, 55—59. (Д).

2595. **Ястребовъ В.** Нѣсколько словъ о писанкахъ. 1895, 4, 5—8. (Д).

2596. **Ястребовъ В.** Къ библіографіи малорусскихъ сказокъ. 1895, 5, 51—58. (Д).

2597. **Ястребовъ Василій.** Сказка о человѣкѣ. понимавшемъ разговоръ животныхъ. 1895, 6, 109—111. (Д).

2598. **Ястребовъ В.** Обрядовое постриженіе дѣтей. 1895, 10, 1—2. (Д).

2599. **Ястребовъ В.** Новыя данныя о союзахъ неженатой молодежи на югѣ Россіи. 1896, 10, 110—128.

2600. **Ястребовъ В.** Изъ разсказовъ о дикихъ лошадяхъ на югѣ Россіи. 1896, 10, 5—7. (Д).

2601. **Ястребовъ В**. Къ повѣрьямъ относительно пчелъ. 1897, 5, 65—66. (Д).

2602. **Ястребовъ В**. Свадебные обрядные хлѣбы въ Малороссіи 1897, 11, 281—288.

2603. **Ящуржинскій**. Малорусскія причитанія надъ умершимъ. 1888, 1—3, 11—16.

2604. **Ящуржинскій Х.** Гаданія на канунѣ Андрея Первозваннаго (30 ноября). 1888, 11, 77—81.

2605. **Ящуржинскій Х.** Бѣлорусскія колядки. 1889, 2, 477—485.

2606. **Ящуржинскій Х**. Приношенія въ церковь и дары служителямъ церкви. 1889, 4, 184—186.

2607. **Ящуржинскій Х.** Весенніе хороводы, игры и пѣсни. 1889, 5—6, 621—626.

2608. **Ящуржинскій Х.** Народный праздникъ св. мучениковъ Маккавеевъ 1889, 8, 524—527.

2609. **Ящуржинскій Х.** Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи. 1890, 1, 130—132.

2610. **Ящуржинскій Х.** Замѣтка о купальскомъ празднествѣ въ Уманскомъ уѣздѣ, 1890, 11, 326—331.

2611. **Ящуржинскій Х.** Колядки. 1890, 12, 517—521.

2612. **Ящуржинскій Х**. О превращеніяхъ въ малорусскихъ сказкахъ 1891, 3, 445—462; 4, 28—96.

2613. **Ящуржинскій Хр.** Уніатская колядка. 1892, 1, 144—145. (Д).

2614. **Ящуржинскій Х.** Народныя пѣсни про мужей—пьяницъ. 1892, 3, 492—494. (Д).

2615. **Ящуржинскій Хр.** Повѣрья и обрядности родинъ и крестинъ. 1893, 7, 74—83.

2616. **Ящуржинскій Хр.** Культъ хлѣба въ малорусскихъ колядкахъ 1893, 12, 408—416.

2617 **Ящуржинскій Хр.** Колядки религіозно-апокрифическаго содержанія. 1895, 2, 207—217.

2618. **Ящуржинскій Х**. Рождественская интермедія (коза). 1898, 10, 73—82.

2619. **Ѳедотовъ-Чеховскій А. А.** Бракоразводный казусъ конца XVI ст. 1887, 1, 177—180.

2620. **Ѳ. П.** Остатки преданія о Гонтѣ. 1901, 7—8, 4—9. (Д)

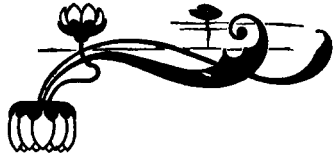

VI. Біографическій матеріалъ.

А) БІОГРАФІИ, ХАРАКТЕРИСТИКИ И МАТЕРІАЛЫ КЪ НИМЪ.

2621. **Абрамовъ Иванъ.** Дѣдъ П. А. Кулиша. 1905, 5, 157. (Д).

2622. **Автобіографія** южно русскаго священника 1-ой половины XVIII ст. 1885, 2, 318—332.

2623. **А. Л.** На комъ былъ женатъ Мазепа. 1888, 5, 43—45.

2624. **А. Л.** Распредѣлительная запись имѣній графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго между его сыновьями. 1891, 8, 317—325.

2625, **А. Л.** Перечень имѣній гр. П. В, Завадовскаго (1739—1812), 1895, 7—8, 20—22. (Д).

2626. **А. Л.** Черты характера гр. П. А, Румянцова. 1896, 12, 80—81. (Д).

2627. **А. Л.** Рубанъ Василій Григорьевичъ. 1897, 1, 12—14 (Д).

2628. **А. Л.** Чаша Богдана Хмельницкаго. 1897, 1, 16. (Д).

2629. **А. Л.** Кресты гетьмана Сагайдачнаго. 1899, 4, 7. (Д).

2630. **А. Л.** Гдѣ теперь находится могила Кочубея и Искры? 1898. 7—8 23—24. (Д)

2631. **Л. Л.** Предки П. А. Кулиша. 1898, 9, 62—65. (Д).

2632. **Антоновичъ** В. **Б.** Костомаровъ Н. И. какъ историкъ. 1885, 5, XXVII—XXXIV.

2633. **Антоновичъ В.** Протоіерей Алексѣй Андріевскій. 1892, 1, 11—22.

2634. **Антоновича В. Б.** о 30-ій ученой дѣятельности 1895, 6, I—IV.

2635. **Антоновича В. Б.** 35-ти лѣтній юбилей профессорской дѣятельности 1905. 10, 17—19. (Д).

2636. **Архимандритъ Арсеній.** Добрашевичъ Софроній, архимандритъ новой Сербіи. 1884, 10, 276—304.

2637. **А. С.** Къ біографіи А. П. Стороженка. 1900, 4, 4—5. (Д).

2638. **А. Т.** Гетьманъ Разумовскій въ нуждѣ. 1886, 9, 182—183.

2639. **Багалѣй Д. И.** Коллекція рукописей покойнаго профессора А. Д. Кистяковскаго. 1891, 3, 494—503.

2640. **Багалѣй Д.** Замѣтка о рукописяхъ Г. С. Сковороды. 1894, 9, 463. (Д).

2641. **Балабушевичъ В,** О днѣ смерти князя Василія Константина Константиновича Острожскаго. 1882, 10, 175—177.

2642. **Барсуковъ Александръ.** Къ біографіи Г. Н. Теплова. 1887, 1, 169—172.

2643. **Безбородка А. А.** князя по поводу столѣтія со времени смерти. 1899, 5, 77—78. (Д).

2644. **Бибикова Д. Г.** къ характеристикѣ (6. генералъ Губернаторъ юго-западнаго края 1838—1852). 1882, 7. 61—80.

2645. **Богдановича И. Ѳ.** памятникъ въ Курскѣ. 1890, 7, 129—132.

2646. **Божеряновъ И. Н.** Къ біографіи В. Л. Боровиковскаго, 1884, 6, 372—382.

2647. **Божеряновъ И.** Гловачевскій Кириллъ Ивановичъ, художникъ (біографическій очеркъ). 1885, 2, 308—317.

2648. **Боровиковскій В. Л.** Художникъ (1758 (?)—1825 г.). 1884, 4, 701—708

2649. **Боровиковскій Ив.** Краткія свѣдѣнія къ біографіи В. Л. Боровиковскаго. 1884, 9, 155—162.

2650. **Бородавку** гетмана какъ звали 1900, 6, 139—141 (Д).

2651. **Бранденбургъ Н.** Памяти Н. Я. Тарновскаго (къ исполнившемуся году со дня смерти). 1899, 11, 110—116. (Д).

2652. **Булашевъ Г.** Фальковскій Ириней коадьюторъ Кіевскій 1883. 1, 89—120: 5, 66—96; 8, 664—718.

2653. **Бѣлогрицъ-Котляревскій Л.** Очеркъ научной дѣятельности А. Ѳ. Кистяковскаго. 1885. 6, 238—254.

2654. **V.** Крашевскій Іосифъ Игнатій. 1887, 4, 799—802.

2655. **V.** Платонъ Акимовичъ Лукашевичъ. 1889, 1 245—246.

2656. **В. Г.** Молдавскія свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія и могилѣ Мазепы 1885, 7, 501—505.

2657. **В. К.** О происхожденіи гетмана Павла Тетери (письмо Э. Руликовскаго къ М. Александровичу) 1888, 6, 69—74.

2658. **В. А.** Къ біографіи Петра Конашевича Сагайдачнаго. 1892, 117—118. (Д).

2659. **В. А.** Къ біографіи Саввы Чалаго 1892, 8, 259—262 (Д).

2660. **Вашкевичъ Г.** Къ біографіи Н. И. Костомарова. 1898, 11, 207—217.

2661. **В. Г.** Справка о Г. Н. Тепловѣ 1887, 2, 372—377

2662. **В. Г.** Гриценко, французскій поэтъ. 1891, 6 486—488.

2663. **Вербицкій-Антіоховъ Н. Л.** (къ 35-лѣтію писательской дѣятельности). 1905, 2, 140—145. (Д).

2664. **В. И.** Къ біографіи Ивана Мазепы. 1896, 7—8, 19. (Д),

2665. **В. Н.** Памяти Алексѣя Петровича Стороженка (къ 25-лѣтію со дня смерти). 1899, 12, 121—123 (Д).

2666. **Ворниковъ.** Къ характеристикѣ Карпенка-Караго. 1902, 12, 213—214. (Д).

2667. **Востоковъ А.** Чернякъ Иванъ, Полтавскій полковникъ. 1889, 10, 1—17,

2668. **Галагана Г. П.** для біографіи матеріалы. 1898, 9, 188—224.

2669. **Г. Б. П. П.** Чубинскій въ Архангельской губ. 1903, 7—8, 228—239.

2670. **Г. В.** Ко дню столѣтія кончины послѣдняго кошевого войска запорожскаго Петра Кальнишевскаго. 1903, 10, 203—207.

2671. **Геевскаго.** Степана Лукича автобіографія (1813—1862), съ предисловіемъ Багалѣя. 1893, 9, 375—400; 10, 91—111; 12, 427—443; 1894, 4, 26—48; 6, 514—534.

2672. **Гоголя Н. В.** для біографіи новые матеріалы. 1895, 11, 61—62 (Д.).

2673. **Гоголь** и В. Я. Ломиковскій. 1897, 11, 41—42. (Д).

2674. **Гоголь** и Богданъ Залѣскій. 1899, 10, 17 (Д).

2675. **Гордіевскій І.** священ. Святитель Ѳеодосій Углицкій. 1903, 9, 348—362.

2676. **Горленко В.** Еще о Боровиковскомъ. 1884, 7, 538—541.

2677. **Горленко.** Нѣсколько данныхъ о Боровиковскомъ. 1894, 10, 141—145. (Д).

2678. **Гродецкій Д.** Замѣтка о времени смерти кн. Константина Острожскаго. 1885, 7, 511—512.

2679. **Гулакъ-Артемовскій.** Замѣтка о П. П. Гулакѣ-Артемовскомъ. 1893, 6, 520—521. (Д).

2680. **Гулака-Артемовскаго** памяти. 1895, 10, 113—118.

2681. **Гулака-Артемовскаго.** П. П. стихотвореній къ тексту. 1905, 1, 14—15 (Д).

2682. **Дабижа А. В.** Роспись рода Горленковъ, составленная по фамильнымъ и поминальнымъ спискамъ, грамотамъ и документамъ Горленковскаго архива. 1886, 6, I—XII.

2683. **Дабижа А.** Горленки. (Очерки Прилуцкой старины). 1887, 2, 237—268; 10, 199—232.

2684. **Дабижа А.** Шпага Карла XII. 1896, 12, 65—70 (Д).

2685. **Даниловъ В.** Матеріалы для біографіи Н. И. Костомарова. 1907, 11—12, 225—274.

2686. **Два** документа для исторіи семейства Разумовскихъ. 1890, 4, 156—161.

2687. **Два** универсала Спиридону Шираю 1688 г. (къ характеристикѣ Мазепы). 1901, 2, 79—81. (Д).

2688. **Дворжецкій-Богдановичъ П. В.** Денъ, бывшій курскій губернаторъ. 1889, 7, 275—280.

2689. **Д. Д.** Голубовський П. проф. (посмертна згадка). 1907, 4, 74—80.

2690. **Доманицкій В.** Библіографическій указатель соч. А. Я. Конисскаго, написанныхъ по-малорусски. 1901, 1, 131—151.

2691. **Дорошенко Д.** До 25-літн. ювилею артистичної діяльности М. Садовського. 1907, 5, 65—76.

2692. **Д—ръ Б.** Маркевичъ Болеславъ Михайловичъ въ роли сельскаго педагога. 1884, 12, 751—757.

2693. **Ефименко П.** Глоба, послѣдній писарь войска запорожскаго. 1882, 8, 368—371.

2694. **Ефименко П.** Библіографическій указатель трудовъ П. П. Чубинскаго. 1884, 5, 138—142.

2695. **Ефименко П. С.** Автобіографическая замѣтка Я. Шеголева. 1904, 10, 7—9. (Д).

2696. **Житецкій П.** Памяти Георгія Конисскаго. 1895, 2, 257—264.

2697. **Загоровскій А.** Нѣсколько данныхъ и соображеній по поводу писемъ митрополита Арсенія къ протоіерею П. Г. Лебединцеву. 1901, 4, 42—49.

2698. **Залюбовскаго Гр. Ан.** изъ жизни страничка. 1900, 1, 17—19. (Д).

2699. **Иконниковъ В. С.** Александръ Андреевичъ Беклешовъ (1743—1808), малороссійскій военный генералъ—губернаторъ, кіевскій военный губернаторъ, генералъ-прокуроръ. 1890, 2, 255—304.

2700. **Іевлевъ П.** Къ біографіи П. П. Чубинскаго (пребываніе его въ Архангельскѣ). 1902, 10, 13—15. (Д).

2701. **Калнышевскаго П.**, кошевого къ исторіи заточенія въ Соловецкомъ монастырѣ. 1902, 12, 141—142. (Д).

2702. **Каманинъ И.** Мазепа и его „прекрасная Елена.“ 1886, 11, 522—535.

2703. **Каманинъ И.** Къ біографіи Г. Н. Теплова. 1888, 11, 84—96.

2704. **Каразина** къ біографіи. 1900, 3, 156. (Д).

2705 **Каразина В. Н.** чествованіе памяти въ Харьковскомъ университетѣ по случаю 50-ти лѣтія со дня его кончины. 1892, 12, 438—452.

2706. **Каргопольцевъ И.** Памяти Филарета (Архіепископа Черниговскаго). 1886, 4, 831—836.

2707. **Кивлицкій Е.** По случаю 10 лѣтія со дня смерти Александра Степановича Лашкевича. 1899, 11, 243—248.

2708. **Кисель Адамъ**, воевода Кіевскій. 1580 (?)—1653 г. (историко-біографическій очеркъ) 1885, 9, 51—72; 10, 204—219; 11, 408—430; 12, 612—638.

2709 **Киселя Адама** къ біографіи дополненіе. 1886, 4, 826—831.

2710. **Кистяковскій А. Ф.** Чубинскій Павелъ Платоновичъ (род. 15 янв. 1839 г. ум. 14 янв. 1884. 1884, 2, 343—349.

2711. **Китицынъ. П.** Малоизвѣстный историческій родъ. 1884, 6, 342—344.

2712. **Коваленко Гр.** Очеркъ жизни и дѣятельности украинскаго этнографа и народнаго врача С. Д. Носа. (1829—1900). 1901, 9, 363—400.

2713. **Комаровъ М.** Ухачъ-Охоровичъ Константинъ Францовичъ (изъ письма въ редакцію) 1886, 5, 186—187.

2714. **Комаровъ М.** Къ біографіи В. Н. Забѣлы. 1886, 9, 171—176.

2715. **Комаровъ М.** Къ біографіи А. П. Стороженка. 1900, 3, 173—311.

2716. **Комаровъ М.** Библіографическій указатель музыкальной и литературной дѣятельности Н. В, Лисенка. 1904, 1, (приложеніе).

2717. **Конюскевичъ** Павелъ, тобольскій Митрополитъ. 1895, 6, 273—271.

2718. **Костомарова А.** Послѣдніе дни жизни Н. И. Костомарова. 1895, 4, 1—19.

2719. **Костомарова Н. И.** краткій біографическій очеркъ. 1885, 5, I—IX.

2720. **Костомарова Н. И.** о затерянной рукописи (см. отвѣтъ на эту замѣтку Кіев. Стар. 1891, 3, 543—544) 1891, 2, 316—317.

2721. **Костомарова Н. И.** къ біографіи. 1896, 1, 25—27. (Д).

2722. **Кочубея и Искры** могила гдѣ теперь находится? 1899, 2, 82—83. (Д).

2723. **Кошовикъ К.** Семенъ Гаркуша (1772—1784). 1883, 3, 528—554.

2724. **Кременецкаго** Гавріила м. въ біографіи, 1899, 3, 142. (Д).

2725. **Кудринскій Ѳ.** Ѳаддей Чацкій 1893, 2, 319—345.

2726, **Кудринскій Ѳ.** А. Неудачныя предпріятія народолюбки. (къ біографіи Н. С. Соханской—Кохановской). 1900, 10, 83—122.

2727. **Кулишъ А.** Нѣсколько встрѣчъ съ Н. Костомаровымъ. 1885, 6, 255—262.

2728. **Кулиша П. А.** для біографіи матеріалы. 1897, 5, 339—362.

2729. **L.** Пропавшія рукописи Н. И.

Костомарова 1889, 10, 183—184.

2730. **Л. А.** Сабля Мазепы. 1883, 1, 213.

2731. **Л. А.** Записки о послѣднихъ годахъ жизни гр. Ал. К. Разумовскаго въ Малороссіи, его кончинѣ и похоронахъ (1818—1822) 1894, 3. 426—439.

2732. **Лазаревскаго** Александра Матвѣевича отрывки изъ автобіографіи. 1902, 6, 470—494.

2733. **Лазаревскій А.** Документальныя свѣдѣнія о Саввѣ Тупталѣ и его роднѣ. 1882, 8, 382—384.

2734. **Лазаревскій А.** Забѣла Иванъ Петровичъ, знатный войск. товарищъ (1665—1703) (отрывки изъ семейнаго архива. 1883, 7, 506—538.

2735. **Лазаревскій А.** Люди старой Малороссіи 1. Лизогубы. 1882, 1, 101—125. 2, Милорадовичи. 1882, 3, 479—498. 3. Миклашевскіе, 4. Свѣчки 1882, 8, 243—258. 5. Марковичи 1884, 1, 51—82. 6. Голубы 1885, 5, 1—20. 7. Крыжановскіе 1885. 5, 7—14. 8, Кулябки. 9: Ломиковскіе. 1886, 1, 1—16. 12. Афендики, 13. Левенцы 14. Лѣсницкіе 1886, 7, 443—455. 15 Бороздны, 1887, 6—7, 378—395. 16. Раковичи, 17. Оболонскіе, 18. Мануйловичи. 1887, 8, 627—637. 19. Жуковскіе, 20. Носенки—Бѣлецкіе, 21—Трощинскіе 1888, 11, 364—373.

2736. **Лазаревскій Ал.** Иванъ Романовичъ Мартосъ (1760—1831). 1895 10, 48—81.

2737. **Лазаревскій Ал.** Прежніе изыскатели малорусской старины Алесандръ Михайловичъ Марковичъ (р. 1790—1865). 1897, 1, 92—111: 2, 275—310.

2738. **Лазаревскій Ал.** Замѣтки о. Мазепѣ (по поводу книги Ѳ. Уманца „Гетманъ Мазепа") 1898, 3, 457—485: 4, 131—167: 6, 395—411.

2739. **Лашкевичъ А.** Родъ Вишневскихъ. 1887, 5, 73—91.

2740. **Лашкевичъ А. С.** Свѣдѣніе о Головатомъ Иванѣ, бывшемъ судьѣ запорожскомъ. 1887, 6—7' 586—587.

2741. **Лашковъ Ѳ.** Шагинъ—Гирей, послѣдній Крымскій ханъ (историч. очеркъ) 1886, 37—80.

2742. **Л—въ Ѳ.** Дмитрій Высокопреосвященнѣйшій (Муретовъ, архіепископъ Херсоскій). 1883, 12. 704—713.

2743. **Лебединцева Ѳ. Г.** памяти (по поводу 10 лѣтія со дня смерти). 1898, 3, 315—317.

2744. **Левитскій О.** Пасѣка Хмельницкаго, 1882, 7, 174—177.

2745. **Левицкій О. И.** Автобіографическая „сказка" малороссійскаго лѣтописателя Стефана Лукомскаго. 1890, 9, 478—485.

2746. **Литература** о В. Н. Каразинѣ. 1905, 9, (приложеніе).

2747. **Личковъ.** Пасѣка Богдана Хмѣльницкаго. 1901, 1, 4—5. (Д).

2748. **Л. М.** Замѣтка о Леонтовичѣ Мелетіи, Харьковскомъ архіепископѣ. и о мѣстахъ его первонач. образованія. 1903, 2. 72—74. (Д).

2749. **Л. М.** Къ біографіи Серапіона Александровскаго, Кіевскаго митрополита. 1903, 4, 4—8. (Д).

2750. **Л. М.** Савичъ Н. И. (прикосновенный къ дѣлу украинскаго Кирилло-Меѳод. Общества). 1904, 2, 229—238.

2751, **Л. М.** Замѣтка объ Антоніи Рафальскомъ, Митрополитѣ Новгородскомъ и С.-Петербургскомъ. 1904 11. 46—48. (Д)

2752. **Луговой А.** Н. В. Гоголь въ Гадячской ратушѣ. 1886, 1, 206—208.

2753. **Лучицкій И.** Труды А. Ф. Кистяковскаго въ области исторіи и обычнаго права. 1895, 1, 64—87.

2754. **Ляскоронскій В.** Поповичъ Иванъ, Паволоцкій полковникъ. 1889, 5—6, 570—577.

2755. **Мазепы** къ родословной. 1886, 12, 757—759.

2756. **Мазепы** Ивана домъ. 1899, 9, 115. (Д).

2757. **Максимовича М. А.** памяти, отъ редакціи. 1898, 11, 218—221.

2758. **Максимовича М. А.** къ первому Кіевскому юбилею 1871 г. 1900, 12, 143—146. (Д).

2759. **Максимовичъ М.** Воспоминаніе о Тимковскихъ. 1898, 11, 254—272.

2760. **Максимовичъ М. А.** Автобіографія. 1904, 9, 322—356.

2761. **Манжуры И. И.** памяти (по поводу 10-лѣтія со дня смерти). 1902, 5, 102—104. (Д).

2762. **Маркевичъ А.** Марковичи. 1890, 10, 11, приложеніе.

2763. **Маркевичъ А.** Къ біографіи Аѳанасія Заруцкаго, 1896. 4, 22. (Д).

2764. **Мацѣевичъ Левъ.** Автобіографія свящ. Аполлонія Сендульскаго. 1896. 1, 58—77.

2765. **Мердеръ А.** Къ характеристикѣ Кіевскаго военнаго губернатора Княжнина, 1902, 9, 112. (Д).

2766. **Метлинскаго А. Л.** объявленіе. 1899, 4, 14. (Д).

2767. **Милорадовичъ Графъ.** Грамота Петра I Черниговскому архіепископу Іоанну Максимовичу, (объ измѣнѣ Мазепы и избраніи новаго гетмана). 1884, 8, 747—748.

2768. **Милорадовичъ Г. А.** графъ. Родословная дворянъ и князей Кочубеевъ. 1888, 8, 46—50.

2769. **Миронъ.** Шумлянскій Іосифъ, послѣдній православный епископъ Львовскій, и его „метрика". 1891, 6, 337—362, 7, 1—21.

2770. **Модзалевскій В.** Генеральный судья Иванъ Чернышъ и его родъ. 1904, 3, 315—347; 4, 1—35: 5, 193—230.

2771. **Модзалевскій В.** Къ родословной гетмана Даніила Апостола. 1904, 12 140—142. (Д).

2772. **Молчановскій Н.** Нѣсколько данныхъ о смерти и наслѣдствѣ Мазепы. 1903, 1, 91—101.

2773 **N.** Случай изъ жизни Н. Костомарова. 1885, 6, 353—353.

2774. **Науменко В. П.** Памяти И. Ѳ. Тимковскаго М. А. Максимовича и П. А. Антоновича 1891, 10. 133—136.

2775. **Науменко** Кистяковскій А. Ѳ. (и списокъ его трудовъ) 1895, 1. 1—43.

2776. **Науменко В.** Маленькое недоразуменіе (о біографіи Квитки) 1896, 4, 23. (Д).

2777. **Науменко В.** Замѣтки для будущаго біографа М. А. Максимовича 1896, 10, 15—17. (Д). 11, 48—50. (Д).

2778. **Науменко В.** Скорбная страничка изъ жизни М. А. Максимовича. 1898, 11. 273—307.

2779. **Науменко В.** Кореницкій Порфирій-забытый малорусскій писатель. 1899, 10. 11—14. (Д).

2780. **Науменко В.** Памяти В. С. Гнилосырова. 1901, 2, 301—307.

2781. **Н. Б.** Новые альбомы Де-ля-Флиза. 1891, 3, 508—511.

2782. **Н. В.** Нѣсколько мелочей изъ жизни А. П. Стороженка 1886, 5, 178—181.

2783. **Некрасова Е.** Марченко Анастасія Яковлевна (Т. Ч. или А. Тембризовъ, 1830—1880). 1889, 11, 392—422.

2784. **Николайчикъ Ѳ.** Библіографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова. 1885, 5, IX—XXV.

2785. **Николайчикъ Ѳ.** Родъ Лашкевичей и дневникъ одного изъ нихъ 1887, 12, 697—716.

2786. **Н. О.** Къ біографіи Тимофея Цыцуры. 1889, 9, 770—772.

2787. **Новицкій И.** Князья Ружинскіе (памяти М. А. Максимовича). 1882, 4, 58—84.

2788. **Новые** историческіе матеріалы о Богданѣ Хмельницкомъ. Съ предисловіемъ И. Каманина. 1882• 7, 18—24.

2789. **Носъ-фонъ Ст.** Мѣсторожденіе Семена Палія. 1882, 3, 609—611.

2790. **Н. С.** По поводу тридцати лѣтія служебной дѣятельности А. А. Потебни. 1887, 6—7, 567—572.

2791. **Оберучевъ К.** Къ біографіи Некрасова. 1903. 1, 176—180.

2792. **Одинъ** изъ Мазепинцевъ (Прилуцкій Полковникъ Дмитрій Горленко). 1889, 10, 190—194.

2793. **О. Л.** Къ біографіи гетмана Павла Тетери, 1894, 11, 305—306. (Д).

2794. **О** могилѣ Григорія Ѳед. Квитки—Основьяненка (Харьк. Вѣд. 1893, № 178). 1893, 8, 297—298.

2795. **Онацкій Д.** Къ родословной Полуботковъ. 1887, 2, 365—366.

2797. **Орловскій П.** прот. Грановскій протопопъ Іоаннъ Страцкій, какъ поборникъ православія на Украинѣ во второй половинѣ XVIII в. 1895, 11, 119—144; 12, 328—360.

2797. **Орловскій П.** Прот. Преосвященный Викторъ Садковскій, Архіеп. Минскій, Коадъюторъ Кіевской Митрополіи съ 1785 по 1796. г., Управляющій правосл. церквами и монастырями въ предѣлахъ бывшаго царства Польскаго. 1897, 7, 20—54.

2798, **О** Сагайдачномъ новый документъ 1902, 11, 73—75. (Д).

2799. **Павловскій И. Фр.** Потомокъ Семена Палія на службѣ въ Полтавскомъ депутатскомъ собраніи. 1903, 6, 166—168. (Д).

2800. **Павловскій И. Фр.** Математикъ М. В. Остроградскій подъ надзоромъ полиціи. 1904, 11, 45—46. (Д).

2801. **Павловскій И. Фр.** Декабристъ Яковъ Драгомановъ. 1907, 5, 218—220.

2802. **Памятка** о сидѣніи Полуботка съ товарищами подъ карауломъ въ Петербургѣ 1901, 9, 100—102.

2803. **П. Вл.** Гервасій Линцевскій. 1904, 12, 408—443.

2804. **Петровъ Н.** Къ біографіи св. Ѳеодосія Углицкаго, архіеписк. Черниговскаго. 1902, 11, 86—92. (Д).

2805. **Петровъ Н.** Къ біографіи философа Сковороды. 1903, 4, 10—18. (Д).

2806. **Петлюра С.** До юбилея М. К. Заньковецькоі 1907, 11—12. 34—63

2807. **П. Л.** Михаилъ, Митрополитъ Кіевскій XII в. 1892, 12, 323—336.

2808. **П. М.** Гавриловъ Александръ Ипполитозичъ. 1889, 1, 246—247.

2809. **Подолянинъ.** Старинный южно-русскій дворянскій родъ Слупицъ и ихъ помѣстье Купа 1886, 7, 563—570.

2810. **Полницкій А.** Селимовецъ (Шаховъ, помѣщикъ Харьков. губ.). 1898, 6, 411—452.

2811. **Полонскаго** поэта о происхожденіи. 1899, 2, 85. (Д).

2812. **Полуботокъ** въ оковахъ. 1902, 4, 11—13. (Д).

2813. **Поминка** о Н. А. Маркевичѣ (къ столѣтію годовщины рожденія его). 1904, 9, 89—90. (Д).

2814. **Пономаревъ С.** Альбомъ М. А. Максимовича. 1882, 1, 152—173.

2815. **Пѣтуховъ Е.** Къ біографіи А. А. Котляревскаго. 1894, 4, 165—169. (Д).

2816. **Пять** документовъ рода Савичей. 1887, 9, 153—158.

2817. **Рудченка** Ивана Яковлевича о жизни и дѣятельности краткія біографич. свѣдѣнія. 1907, 7—8, 92—100.

2818. **Румянцева-Задунайскаго П. А.** Графа. для біографіи матеріалы. 1895, 3, 385—404.

2819. **Савичъ А.** Народные разсказы объ Осипѣ Михайловичѣ Гладкомъ 1889, 2, 485—487.

2820. **Самуила** митрополита Кіевскаго къ біографіи. 1897, 9, 70—72. (Д).

2821. **Свириденко С.** Памяти И. Я. Рудченка. (очеркъ). 1906, 3—4, 412—420.

2822. **Секретное** предписаніе объ арестѣ В. М. Бѣлозерскаго. 1904, 2, 63—65. (Д).

2823. **Сердюковъ И. И.** Автобіографическая записка. 1896. 11, 178—224; 12. 337—373.

2824. **Снальковскій** Аполлонъ Александровичъ (по поводу девяносто лѣтія его жизни). 1898, 1, 150—159.

2825. **Сковороды** житіе, описанное его другомъ М. И. Ковалѣнскимъ (съ предисловіемъ Н. Сумцова). 1886, 9. 103—150.

2826. **С—ко. А.** Къ свѣдѣніямъ о Иванѣ Куцкевичѣ (козацкомъ гетманѣ) 1883, 6, 379—381.

2827. **С—ко. Н. В.** Стороженки (фамильная лѣтопись). 1884, 2, 205—222.

2828, **С—ко.** На могилѣ Алексѣя Петровича Стороженка (корреспонденція „Кіевской Старины"). 1885, 8, 729—732.

2829. **С. Н.** Полтавскій Губернскій Маршалъ С. М. Кочубей. 1894, 1, 135—141. (Д).

2830. **Современный** отзывъ кіевлянъ о В. И. Аскоченскомъ. 1883, 6, 396—398.

2831. **С. П.** На могилѣ Лазаревскаго А. М. (въ 20-й день по его кончинѣ). 1902, 5, XXIX—XУX.

2832. **С. П.** Труды Лазаревскаго А. М. 1902, 5, XXXI—LII.

2833. **Степсвичъ А.** Къ біографич-матеріалу о А. А. Котляревскомъ. 1892, 3, 478—482. (Д).

2834. **Стешенко И.** Къ столѣтію годовщины рожденія М. А. Максимовича. 1904, 9, 347—377.

2835. **Сторожевскій Ник.** Дѣло о Богдановичѣ П. И. (типографщикъ и переводчикъ). 1891, 11, 308—312.

2836. **Стороженко А.** Замѣчательный универсалъ гетмана Мазепы. 1892, 1, 138—141. (Д).

2837. **Стороженко А.** Родіонъ Григорьевичъ Дмитрашко полковникъ Переяславскій. 1893, 4, 1—28.

2838. **Стороженко А.** Сводъ данныхъ о Янѣ Орышевскомъ, запорожскомъ гетманѣ временъ Стефана Баторія. 1897, 1, 125—145.

2839. **Стороженко Н.** Два эпизода изъ слѣдовательской дѣятельности Алексѣя Петровича Стороженко. 1884, 12, 723—730.

2840. **Стороженко Н.** Новицкій Илья Ѳедоровичъ, охочекомонный полков- 1885, 7, 431—457.

2841. **Стороженко Н. В.** Къ исторіи рода Свѣчекъ. 1887, 11, 580—584.

2842. **Стороженко Н. В.** Вакуленко. Семенъ, сотникъ Пирятинскій (1696—1720). 1891, 1, 119—153.

2843. **Стороженко Н.** Къ родословію Алексѣя Петровича Стороженка. 1893, 2, 358—360. (Д).

2844. **Стороженко Н.** Разумовскій Кириллъ Григорьевичъ графъ въ роли челобитчика въ сенатъ. 1893, 2, 361—367. (Д).

2845. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Орѣховскій Станиславъ 1888, 11, 215—234.

2846. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Памяти Ѳ, Г. Лебединцева. 1889, 3, I—VI.

2847. **Сумцовъ Н.** Памяти Калнышевскаго. 1899, 5, 72. (Д).

2848. **Тарновскій Ф.** Могила Петръ, Кіевскій митрополитъ (біографическій очеркъ). 1882, 4, 1—24.

2849. **Тарновскій Ф. А.** Серапіонъ митрополитъ кіевскій, 1883, 9—10, 88—134.

2850. **Тарновскаго В. В.** Лазаревскаго А. М. и Шугурова Н. В. памяти. 1902, 7—8, 282—292.

2851. **Тетери** гетмана булава. 1901. 4, 9. (Д).

2852. **Тихій Н.** В. И. Каразинъ, 1905, 1, 1—47; 2, 263—301; 3, 349—372; 4, 1—35; 5, 234—291; 6, 321—360; 7—8, 1—58; 9, 383—389.

2853. **Титовъ А.** Во что обошлась опись библіотеки Иринея Фальковскаго послѣ его смерти. 1883, 8, 767—769.

2854. **Титовъ** А. Еще нѣсколько словъ объ имуществѣ Иринея Фальковскаго. 1884, 12, 740—743.

2855. **Фойницкій И.** Кистяковскій А. Ф., какъ криминалистъ. 1895, 1, 88—102.

2856. **Чалый М.** Къ біографіи А. Марковича. 1894, 5, 342—345. (Д).

2857. **Чалый М.** Къ характеристикѣ гр. В. А, Перовскаго. 1900, 2, 70—73. (Д).

2858. **Чеважевскій В.** Еще объ одномъ портретѣ кисти Боровиковскаго. 1884, 11, 544—545.

2859. **Чествованіе** памяти Богдана Хмельницкаго во Львовѣ. 1905, 11—12, 110—111. (Д).

2860. **Шенрокъ.** П. А. Кулишъ. (біографическій очеркъ). 1901, 2, 153—179; 3. 461—492; 4, 126—152; 5, 183—213; 6, 344—382; 7—8, 46—102; 9, 304—330; 10, 18—44.

2861. **Шр—ко А.** Навроцкій А. А. (статья по поводу смерти). 1902, 12 351—381.

2862. **Ш—ровъ Н.** У могилъ П. А. Кулиша и В. М. Бѣлозерскаго. 1899, 9, 356—378; 10, 19. (Д).

2863. **Шугуровъ Н.** Трутовскій К. А. и его картины и рисунки изъ малорусскаго быта. 1889, 5—6, 609—618.

2864. **Шугуровъ Н. В.** Тимковскій Илья Ѳеодоровичъ, педагогъ прошлаго времени. 1891, 8; 212—236; 9, 375—406, 10, 82—97.

2865. **Шугуровъ Н.** Печальная ошибка (письмо въ редакцію) по поводу портрета И. Ѳ. Тимковскаго, помѣщеннаго въ № 9. „К. Ст." 1891 г.) 1891, 12, 472—473.

2866. **Щепкина М. С.** выкупъ изъ крѣпостного состоянія. 1897, 10, 9—11. (Д).

2867. **Щербина В.** Богославскій полковникъ Кондратъ Шелестъ. 1895, 12, 89—90. (Д).

2868, **Щербина В.** Первый Кіевскій археологъ М. Ѳ. Берлинскій. 1896, 12, 395—417.

2869. **Щербина Ф.** Къ біографіи Н. И. Костомарова. 1895, 4, 63—75.

2870. **Эварницкій Д.** По поводу картины С. И. Васильковскаго. 1886, 1, 184—187.

2871. **Эварницкій Д.** Письмо въ редакцію (о неточностяхъ письма Г. И. Дмитренко о Кальнишевскомъ). 1904, 1 6—9. (Д).

2872. **Я. Г.** Вагилевичъ Иванъ Николаевичъ (судьба одного Галицко-Русскаго ученаго). 1883, 7, 453—472.

2873. **Ѳ. Н.** Родина Кальнишевскаго. 1892, 5, 249—277.

Б). ПИСЬМА и ПЕРЕПИСКА.

2874. **А. А.** Письмо Черниговскаго Губернатора Андрея Милорадовича въ защиту Кіевскаго протоіерея Леванды 1894, 1, 141—143. (Д).

2875. **А. Л.** Два письма А. И. Чепы, собирателя к. XVIII в. письменныхъ памятниковъ по исторіи Малороссіи. 1890, 5. 264—269.

3876. **А. Л.** Два письма Наталіи Демьяновны Разумовской къ сыну Алексѣю Григорьевичу. 1743—1748 г. 1890, 11, 332—334.

2877. **А. Л.** Письма Д. М. Велланскаго. 1897· 11. 289—310.

2878. **А. Л.** Два письма Ѳ. В. Чижова къ Г. П. Галагану. 1900, 12, 137—143. (Д).

2879. **А. Л.** Письмо Петербургскаго архіепископа Сильвестра Кулябки къ брату, Лубенскому Полковнику Ивану Петровичу Кулябкѣ. 1893, 1. 171—172 (Д).

2880. **А. Л.** Современное письмо о смерти. Ал. Мих. Будлянскаго (1819), 1893. 3, 535—538. (Д).

2881. **А. Л.** Письмо Феодосія, святителя углицкаго. 1896, 10, 1—2. (Д),

2882. **А. Л.** Письмо Мазепы о заселеніи правобережнаго приднѣпровья въ к. XVII в. 1898, 5. 52, (Д).

2883. **А. Л.** Письмо воронежскаго сотника Холодовича къ намѣстнику Черниговской „катедры". Саввѣ Шпаковскому, 1721 г. 1889, 5, 46—47.

2884. **А. Л·** Письмо Н. В. Шугурова 1901, 12, 153—155 (Д).

2885. **А. Л.** Четыре письма О. М. Бодянскаго· 1889, 11, 446—450.

2886. **Андр.** А. Переписка Леонтьева М. И. Кіевскаго генералъ—губернатора, по поводу назначеніи ему жалованья (1743 г.) 1892, 3, 486—492. (Д).

2887. **Анненкова А. В.** письмо Кіевскому генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову. 1894, 4, 153—155. (Д).

2888. **Аракчеева** графа письмо къ Г. И. Лисаневичу (1817—1820) съ предисловіемъ В. Я. 1884. 12, 673—692.

2889. **Арсенія** Митрополита Кіевскаго письма къ прот. Лебединцеву съ примѣчаніями свящ. І. Гордіевскаго. 1900, 10, 123—162.

2890. **Багалѣй Д. И.** Письмо Ходаковскаго къ З. Я. Карнѣеву 1891, 6, 469—475.

2891. **Багалѣй Д. И.** Письма къ Гр. П. Данилевскому. 1903, 1, 51—69: 2, 218—244: 3, 378—394· 4, 55—78: 5, 286—301.

2892. **Бадровъ А**. Письмо гр. Кирилла Разумовскаго къ матери 1893, 11, 334—335. (Д).

2893. **Б—ій Д**. Письмо М. С. Щепкина къ Д. П. Гавриленку. (1837 г), 1902, 12, 142—144. (Д).

2894. **Бодянскаго и Кулиша** къ Г. П. Галагану два письма 1903, 2, 77—78. (Д).

2895. **Блудовой** Антонины Дмитріевны, графини, лисьма къ прот. Петру Гавриловичу Лебединцеву. 1902, 1, 73—102.

2896. **Булгарина Ѳ.** письмо о Гоголѣ. 1893, 5, 321—322. (Д).

2897. **Бѣдновъ В**. Письмо Полтавскаго Полковника Андрея Горленка къ Кіевскому митрополиту Тимоѳею Шербацкому. 1906, 3—4, 72. (Д).

2898. **Бѣдновъ В.** Письмо генеральнаго обознаго Семена Васильевича Кочубея къ митрополиту Кіевскому. 1906, 3—4, 72—73. (Д).

2899. **В. Г.** Письмо Ив. Носа къ Прилуцкому Полковнику Д. Горленку о свадьбѣ его сына. 1892, 1, 136—138. (Д).

2900. **В. Н.** Письмо Ив. Танскаго къ В. А. Гоголю. 1897, 10. 13—16. (Д).

2901. **В. Н**. Письмо Ивана Вагилевича къ сенатору А. Я. Стороженку. 1898, 1, 7—8. (Д).

2901. **В. Н.** Письмо В. В. Порскалова къ Н. В. Шугурову. 1902, 9, 114,—115. (Д).

1903. **Воронинъ А**. Письмо А. Ф. Воронина къ Г. П. Галагану. 1904, 3, 108—109. (Д).

2904. **Галаганъ Г. П.** Два письма 1859 г. (къ исторіи освобожденія крестьянъ) 1895, 9, 68—70. (Д).

2905. **Галагана Г. П**. письма къ Н. Д. Бѣлозерскому 1898, 9, 61—62. (Д).

2906. **Галагана Г. П.** частная переписка. Письма Ригельмана, Метлинскаго, Бодянскаго, Кулища 1899, 5, 181—198; 6, 440—454: 7, 24—32 9. 341—355.

2907. **Галагана Г. П**. письмо о малороссійскомъ будынкѣ въ с. Лебединцѣ, Прилукскаго уѣзда. 1904, 7—8, 1—7. (Д).

2908. **Ганки В**. письмо къ министру нар. просв. гр. Уварову. 1892. 2, 333—339. (Д).

2909. **Гладкаго Осипа**. Кошевого письмо къ А. А. Скальковскому. 1883, 4, 902—903.

2910. **Гоголь М. И**. Письма къ Кулишу и Д. С. Каменецкому 1897, 12, 67—69. (Д).

2911. **Голомбіевскій А.** Письмо Мазепы къ окольничему Л. Р. Неплюеву. (1689 г.). 1892, 5, 297—298. (Д).

2912. **Горленко В**. Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка (письма В. И. Чарныша, А. И. Чепы, В. Г. Полетики и замѣтки къ нимъ). 1893. 1, 41—76.

2913. **Грабянки** Евдокіи Ивановны, жены Гадяцкаго полковника Григорія, письмо къ брату своему Ивану Забѣлѣ. 1894, 4, 158—159. (Д).

2914. **Гребенки Е. П**. письма къ роднымъ. 1898, 12, 425—446.

2915. **Григоровича** Вас. Ив. письмо, 1824 г. 1899, 6, 133—137. (Д).

2916. **Деллена А. К**. письмо къ П. В. Павлову. 1897. 12, 71—74. (Д).

2917. **Доманицкій**. Письмо А. Л. Метлинскаго къ Н. И. Костомарову о проэктѣ общества для изданія мало-

русскихъ народныхъ книгъ. 1901, 2. 68—72. (Д).

2918. **Дорошенко П.** Два письма историка Н. А. Маркевича о своемъ родоначальникѣ Маркѣ Авраамовичѣ. 1885, 12, 690—698.

2919. **Завадовскаго П. В.** графа три письма, 1775 и 1776 г. г. 1890, 9, 491—494.

2920. **Завадовскаго П. В.** графа письмо къ Л. Алексѣеву, кавказскому губернатору. 1892, 6, 455—456. (Д).

2921. **Иванишева Н. Д.** проф. письмо барону Шодуару. 1898, 11. 56—57. (Д).

2922. **Иконниковъ В.** Письмо С. А. Неплюева къ новобрачной дочери. 1888, 1—3, 21—25.

2923. **Имшанецкаго М.** письмо къ гр. Галагану, 1864 г. (одинъ изъ борзенскихъ предводителей дворянства). 1901, 11, 78—80 (Д).

2924. **Иннокентія** письма 1820—1825 г. г, (матеріалы для исторіи Кіевской Духсвной Академіи). Съ предисл. Л. В. 1882, 3, 499—519.

2925. **І. Г.** Къ біографіи Андрея Николаевича Муравьева и письма его къ протоіерею П. Г. Лебединцеву. 1901, 10, 1—17.

2926. **І. Г.** Письма Н. В. Закревскаго къ протоіерею П. Г. Лебединцеву. 1902, 7—8, 77—94.

2927. **Квитки Г. Ф.** три письма къ М. А. Максимовичу. 1883, 6, 346—352.

2928. **Квитки** письма къ А. А. Краевскому. 1893, 11, 214—222; 12, 376—384.

2929. **Костомарова Н. И.** записка къ Д. Г. Лебединцеву, 1904, 9, 90—91. (Д).

2980. **Костомарова** письма къ В. М. и Н. М. Бѣлозерскимъ. 1897, 10, 132—142.

2931. **Кулиша П. А.** письма къ В. Тарновскому (1855—1858). 1898, 4, 107—131; 12, 353—366.

2932. **Кулиша** письма къ Д. С. Каменецкому (1857—65). 1898, 5, 222—244, 6, 366—394; 7—8, 132—144; 12, 345—362.

2933. **Кулиша** письма къ И. Ф. Хильчевскому (1858—1876). 1898, 1 84—149.

2934. **Кулиша** переписка съ Владиміромъ Барвинскимъ (1871 г.) 1898, 10, 83—117.

2935. **Кулиша П. А.** письма къ Шевченку. 1898, 2, 228—239.

2936. **Кулиша П. А.** письма къ О. М. Бодянскому. 1846—1877). 1898, 2, 283—313.

2837. **Кулиша П. А.** письма къ В. В. Тарновскому—сыну. 1899, 1, 81—100.

2938. **Кулиша П. А.** письмо къ М. А. Максимовичу. 1899, 7, 6—8. (Д).

2939. **Кулиша П. А.** изъ писемъ къ С. Д. Носу. 1899, 4. 8—31.

2940. **Кулиша П. А.** письмо въ Буковину. 1861 г. 1899, 4, 3—4. (Д).

2941. **Кулиша П. А.** письма къ М. В. Юзефовичу. 1899, 2, 185—208; 3, 303—324.

2942. **Кулиша П. А.** письмо къ М. Грибовскому. 1900, 11 71—74. (Д).

2943. **Кулиша П. А.** письма къ А. Ѳ. Кистяковскому. 1902, 2, 298—312; 3, 518—531; 4, 6—24.

2944. **Кулиша П. А.** и **Л. М.** Жемчужникова письма къ Остапу Вересаю, съ пред. О. Пчилки. 1904, 2, 211—228.

2945. **К—шъ В.** Письмо О. М. Бодянскаго къ А. В. Шишацкому—Илличу. 1887, 4, 782—784.

2946. **Лазаревскій А.** Письмо Н. И. Костомарова. 1891, 9, 478—479.

2947. **Лазаревскаго А.** и прот. П. Г. Лебединцева два письма къ Костомарову. 1903, 5, 85—88. (Д).

2948. **Лебединцева** Арсенія, протоіерея, бывшаго благочиннаго церквей южнаго берега Крыма, письма къ Иннокентію, архіеп. Херсонскому и Таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій во время осады Севастополя. 1896, 1, 1—9; 2, 152—176; 3, 263—288; 4, 1—37; 5, 146—175; 6, 279—306; 7—8, 30—63.

2949. **Лебединцева Ѳ. Г.** Письма къ брату въ Кіевъ (1865—1867). 1898, 3, 318—365; 4, 51—86; 5, 169—190.

2950. **Лебединцева** Петра Гавріиловича изъ переписки съ митрополитомъ Кіевскимъ Платономъ. 1902, 10, 17—33.

2951. **Левандовскій І.** Четыре письма Евгенія, митрополита Кіевскаго, къ архимандриту Мелетію, ректору Кіевской Академіи. 1883, 6, 310—316.

2952. **Левандовскій І.** Четыре письма митрополита Кіевскаго Евгенія къ ректору Кіевской Академіи, архимандриту Мелетію. 1884, 2, 297—304.

2953. **Левицкій Ор.** Письмо Петра I о Полтавской побѣдѣ. 1891, 1, 162—164.

2954. **Лизогуба А. И.** письма къ Г. П. Галагану. (1853). 1899, 3, 131—133. (Д);

2955. **Лукашевичъ П.** Письмо Лукашевича къ генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову. 1893, 3, 539—546. (Д).

2956. **Митрополита** Кіевскаго Варлаама Ясинскаго письмо къ Петру I о переяславскомъ епископствѣ. 1904, 5, 53—55. (Д).

2957. **Мазепы** гетмана два письма къ Гадячскому полковнику, писанныя во время зимовки въ Дубно въ декабрѣ 1705 г. 1901, 4, 10—11. (Д).

2958. **Максимовича М. А.** письма къ С. П. Шевыреву. 1896, 9, 275—294.

2959. **Максимовича М. А.** Письмо къ NN. 1898, 11, 44—45. (Д).

2960. **Максимовича М. А.** письмо 1854 г. 1899, 2, 84—85. (Д).

2961. **Маркевича Н. А.** письмо къ Г. П. Галагану 1857 г. 1899, 2, 78—80. (Д).

2962. **Марковича Ал.** письма по поводу. 1899, 4, 28—30. (Д).

2963. **Марковича А. В.** письмо къ Д. С. Каменецкому. (1858). 1899, 4, 14—16. (Д).

2964. **Марковича А. В.** два письма къ Т. Шевченку и П. Кулишу. 1899, 5, 68—71. (Д).

2965. **Мартоса** Ивана Романовича частная переписка (1817—1830). 1896, 6, 344—368; 10, 77—92; 11, 225—233; 1897, 7—8, 53—71; 1898. 6, 453—472; 7—8, 116—131.

2966. **Мацкевичъ** Александръ, протоіерей. Изъ письма, писаннаго вскорѣ послѣ смерти митрополита Іосифа Симашко. 1884, 6, 332—340.

2967. **Мацѣевичъ.** Письмо Изм. Ив. Срезневскаго къ А. Левшину. 1892, 10, 123—124 (Д).

2968. **Милорадовича А. М.** письмо къ Н. М. Стороженку. 1888, 1—3, 16—19.

2969. **Михайлова** Якова Евдокимо-

вича (впослѣдствіи Іустина, епископа Владимірскаго письма къ Александру Иван. Бѣлюгову, 1823—27. (матеріалы для исторіи Кіевской Духовной Академіи). 1882, 7, 106—136.

2970. **Науменко В.** Переписка М. А. Максимовича съ П. Г. Лебединцевымъ (1864—1873). 1904, 9, 378—413; 10, 125—147; 11, 260—295; 12, 454—505.

2971. **Н. М.** Изъ семейныхъ архивовъ (изъ писемъ кн. Лобанова Ростовскаго и кн. Репнина, 1811—1819). 1893, 7, 90—99.

2972. **Н. М.** Письмо діакона Іосифа Симашки, впослѣдствіи митрополита Литовскаго, къ своему брату, 24 февраля 1821 г. 1897, 1, 11—12 (Д).

2973. **Н. М.** Благодарственное письмо кн. А. Меньшикова Кіевскому дворянству 6 ноября 1709 г. за поздравленіе съ Полтавской побѣдой. 1897, 5, 61—63. (Д).

2974. **О. Л.** Письмо гетмана Скоропадскаго къ митрополиту Іосифу Кроковскому въ 1712 г. 1904, 11, 51—52. (Д).

2975. **О. Л.** Письма Ѳеофана Прокоповича къ Кіево—Печ. архимандриту Іоанникію Сенютовичу. 1899, 11, 65—66. (Д).

2976. **Орловскій П.** протоіерей. Переписка атамана П. Калнышевскаго съ кіевскимъ митроп. Арсеніемъ Могилянскимъ. 1893, 7, 139—142. (Д).

2977. **Перетцъ В.** Письмо гетмана Ив. Выговскаго къ Кая—бею 1659 г. 1905, 6: 232—234. (Д).

2978. **Перетцъ В.** Списокъ с перенятаго писма вора Мазепы. 1905, 6, 234. (Д).

2979. **Петлюра С.** З переписки Хведора Квітки з Антоном Головатим. 1907, 7—8, 186—201.

2980. **Петровъ Н.** Письмо господина Искры графу Платону Александровичу Зубову 17 февраля 1794 г. 1893, 1, 172—173; 2, 380. (Д).

2981 **Петровъ Н.** Интимная переписка Ѳеофана Прокоповича съ Яковомъ Маркевичемъ. 1882, 6, 498—508.

2982. **Письмо** 1781 г. Глуховскаго адвоката изъ Петербурга о тамошней жизни. 1890, 2, 337—338.

2983. **Письмо** 1801 г. изъ Чернигова о тамошнихъ новостяхъ. 1890, 3, 539—540.

2984. **Погодина М. П.** письмо къ М. А. Максимовичу. 1904, 9, 71—77 (Д).

2985. **Полетики Г. А.** Частная переписка (1750—1784). Съ предисл. Ал. Лазаревскаго. 1893, 3, 493—527; 4, 98—119; 5, 209—227; 6. 491—506; 10, 112—113; 11, 248—316; 1894, 4, 128—145; 6, 498—513; 10 111—135; 1895, 5, 239—262; 6, 350—366: 7—8, 85—99.

2986. **Пономаревъ С.** Письма Гоголя къ В. В. Тарновскому (1833—1834). 1883, 3, 623—629.

2987. **Пономаревъ С.** Письма С. Т. Аксакова къ Максимовичу. 1883, 4, 829—852.

2988. **Прозоровскаго,** князя, письмо къ Л. Алексѣеву (къ исторіи заселенія Новороссіи). 1892, 6, 455. (Д).

2989. **Рамазанова Н.,** художника, письмо къ Кукольнику. 1903, 9, 104—105. (Д).

2990. **Ригельмана Н. А.** два письма къ Вячеславу Ганкѣ и Людевиту Штуру. 1897, 1, 1—4. (Д).

2991. **Румянцева П. А.** графа переписка о возстаніи въ Украйнѣ 1768 г. 1882, 9, 523—552; 10 89—119; 1883, 9—10.. 254—286.

2992. **Румянцева П. А.** письмо къ Г. Я. Макарову. 1901, 10, 9—10 (Д).

2993. **Румянцева-Задунайскаго** графа, два письма къ кіевскому оберъ-коменданту Я. В. Ельчанинову. 1904, 1, 4. (Д).

2994. **Сахновской** Евдокіи, жены полкового обознаго, четыре письма къ мужу (1743—1744). Съ предисл. А. Б. 1891, 1, 177—183.

2995. **С—кій В.** Письма А. А. Краевскаго къ Г. Д. Квиткѣ. 1894, 5, 350—353. (Д).

2996. **С—ко Н. В.** Два письма Богдана Хмельницкаго къ П. Сапѣгѣ, воеводѣ виленскому, гетману Литовскому, 1885, 1, 196—198.

2997. **С—ко.** Письмо Августа II, короля Польскаго, къ Семену Палію 1885, 10, 360—361

2998. **Срезневскаго И. И.** изъ переписки (1829—1839), 1901, 6, 317—343: 7—8, 210—248,

2999. **Степовичъ А.** Два письма П. А. Антоновича къ Г. П. Галагану 1904, 6, 109—114. (Д).

3000. **Степовичъ А.** Письмо П. А. Кулиша къ Г. П. Галагану. 1902, 1, 4—6· (Д).

3001. **Сторожевъ В.** Двѣ отписки миргородскаго полковника Гавріила Бѣлаша. 1982, 5, 294—296. (Д).

3002. **Стороженка** Алексѣя Петровича, письмо къ А. А. Краевскому. 1893, 6, 319. (Д).

3003. **Стороженко Н. В.** Письмо графа Румянцева—Задунайскаго къ генералъ—прокурору князю А. А. Вяземскому о награжденіи малороссіянъ чинами. 1891, 1. 176—177.

3004. **Стороженко Н.** Письмо П. Лукашевича къ князю Н. Репнину 1893, 5, 320—321. (Д).

3005. **Стороженка Н. И.** одно изъ послѣднихъ писемъ, 1908, 2, 21—22. (Д).

3006. **Страшкевичъ В.** Письмо графини Александры Браницкой министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія А. Голицыну съ ходатайствомъ о базиліянахъ. 1905, 1, 11—12. (Д.)

3007. **Титовъ А.** Письма Кулиша къ О. М. Бодянскому (1846—1847). 1897, 9, 394—408; 10, 27—45; 11, 242—280: 12, 449—462.

3008. **Трощинскаго Д.** четыре письма къ князю Я. И. Лобанову-Ростовскому, 1886, 12, 709—716.

3009. **Хмельницкаго Богдана** сосѣственно пріятельское письмо къ царю Алексѣю Михайловичу. 1884, 11, 541—542.

3010. **Холодовича** воронежскаго сотника, письмо къ намѣстнику черниговской „катедры", Саввѣ Шпаковскому, 1721.

3011. **Чепы А. И.** письмо къ В. Полетикѣ. 1901, 10, 8—9. (Д).

3012. **Щербацкаго** Тимофея, арх. Кіево-Печ. лавры письмо къ митроп, Кіевскому Рафаилу Заборовскому. 1896, 7—8, 24—25. (Д).

3013, **Юркевича П. Д.** письмо къ прот. П, И. Катранову. 1891, 11, 304—307.

3014. **Ястребовъ В. Н.** Письмо къ другу отъ офицера, находящагося въ Кіевѣ. 1885, 11, 543—551.

3015. **Ѳаворова Наз. Ант.,** протоіерея, проф. Университета Св. Владиміра, письма къ прот. П. Г. Лебединцеву, 1901, 11, 169—190; 12. 346—374.

В) ВОСПОМИНАНІЯ.

3016. **А. Л.** Памяти А. В. Марковича. 1892, 9, 405—409.

3017. **А. Л.** Къ поминкамъ по Сковородѣ. 1894. 11. 296—297. (Д).

3018. **А. Л.** Памяти Н. М. Бѣлозерскаго. 1897, 1, 146—150.

3019. **А. Л.** Отрывки изъ Черниговскихъ воспоминаній (1861—1863) 1901, 3, 352—367; 5, 282—300.

3020. **Барв—вскій Н. Я.** Изъ школьныхъ воспоминаній о Кіевѣ, 1884, 3, 498—505.

3021. **Беренштамъ. В.** Воспоминаніе о послѣднихъ годахъ жизни Н. И. Костомарова 1885, 6. 219—237.

3022. **Бодянскаго О. М.** двадцатицятилѣтіе со дня смерти 1902, 9, 408—410.

3023. **Борзаковскій П.** Въ началѣ реформы бурсы (изъ воспоминаній 1903, 9. 327—357.

3024. **Борзаковскій.** Въ бурсѣ-семинаріи (изъ воспоминаній). 1903, 7—8, 173—220.

3025, **Бѣловольскій свящ.** Дѣятель старой бурсы. 1904, 7—8. 161—175.

3026. **Вашкевичъ Г.** Изъ воспоминаній о Н. И. Костомаровѣ 1895, 4, 34—62.

3027. **Веселовскій Алексѣй** Воспоминанія о А. А. Котляревскомъ, 1888, 9, 395—414,

3028. **Волкъ-Карачевскій.** Сорокъ лѣтъ назадъ (изъ воспоминаній мироваго посредника перваго призыва 1901, 4, 26—41.

3029. **Воспоминанія** о покойномъ А. А. Потебнѣ. 1892, 2, 324—331. (Д).

3030. **Горленко В.** Двѣ поѣздки съ Н. И. Костомаровымъ. 1886, 1. 111—123.

3031. **Григоровичъ-Барскій** В. Г. (150 лѣтіе смерти) 1897, 10, 4—6. (Д).

3032. **Д. К. М.** Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ (письмо въ редакцію 1891. 7, 75—84.

3033, **Дорошенко Д. П.** Куліш (10 років зо дня смерти). 1907. 2. 238—249.

3034. **Ефремовъ С.** Памяти Лесевича. 1905. 11—12, 350—358.

3935. **Ильяшевичъ Вик.** свящ. Изъ воспоминаній священника о. Никофора Хмѣлевскаго объ упраздненномъ Базиліанскомъ училищѣ въ г. Умани 1892. 8, 160—167.

3036. **Каманинъ И.** Памяти Ивана Петровича Новицкаго 1890. 9, 486—491.

3037. **Каманинъ И.** Открытое письмо К. В. Богуславскому 1901, 9. 94—95. (Д).

3038. **Каманинъ И.** Поминки по А. А. Востоковѣ. 1892, 2, 307—311.

3039. **Кирицъ Н.** Память объ Антонѣ Головатомъ въ с. Сдободзеѣ Тираспольскаго уѣзда. 1890, 2, 346—347.

3040. **Кистяковскій О. Ѳедоръ.** Воспоминанія (1808—185 г.) 1895, 1, 44—63; 2, 218—233; 4, 114—130; 7—8, 185—210; 9, 346—366; 10, 113—118; 11, 244—258; 12, 380—396.

3041. **Клебановскій П.** Богуславско-Духовное училище (по школьнымъ воспоминаніямъ). 1894, 9, 415—433; 10, 25—37; 11, 271—278.

3042. **Кониский.** Изъ воспоминаній стараго Полтавца. 1900. 3, 149—152 (Д).

3043. **Костомаровъ Н.** Изъ прожитыхъ на Волыни дней. 1884, 2. 325—332.

3044. **Красновъ В.** Могила гетмана Дорошенко (изъ дѣтскихъ воспоминаній). 1900, 7—8, 5—10. (Д).

3045. **Кулиша.** Памяти. 1900, 3, 155. (Д).

3046. **Куракина** Бориса Ивановича князя, семейная хроника и воспоминанія (род. 1676—ум. 1727). 1884, 6, 104—129: 11, 478—498: 12, 621—638.

3047. **Л.** Изъ воспоминаній о быломъ (со словъ разсказчика). 1889, 8, 527 –531.

3048. **Л. Б.** Похороны А. М. Лазаревскаго. (впечатлѣнія очевидца) 1902, 5, XX XXVIII.

3049. **Лазаревскій А.** По поводу ста лѣтъ отъ смерти гр. Румянцова 1896. 12, 374—394.

3050. **Лазаревскій А.** Изъ семейной хроники Берловъ. 1899, 1. 101—133.

3051. **Леси и Гали,** воспоминанія дѣтства о дядѣ П. А. Кулишѣ. 1905, 2, 342—348,

3052. **Лобода Ѳ.** Изъ воспоминаній о Н. Д. Иванишевѣ. 1887. 12, 788—794.

3053. **Лободовскій М.** Три дня на хуторѣ у Пантелеймона Александровича и Александры Михайловны (Г. Барвинокъ) Кулишъ. 1897, 4, 162—176.

3054. **Лотоцкій А.** Памяти протоіерея В. Я. Гречулевича (по поводу 30-я со дня смерти) 1900, 6. 279—287.

3055. **Марковичъ Дм.** Замѣтки и воспоминанія объ Аѳанасіи Васильевичѣ Марковичѣ. 1893, 4, 50—77.

3056. **Маркевичъ.** Изъ воспоминаній о польскомъ мятежѣ 1863 г. 1889, 7, 280—285.

3057. **Мои** воспоминанія о въ Бозѣ почившемъ 7 сентября 1892 г. Исидорѣ, Митрополитѣ Новгородскомъ и С.-Петербургскомъ 1892, 10, 127—130. (Д).

3058. **Морозъ Д.** Изъ моего давнопрошедшаго. 1895, 5, 131—154; 6, 301—322.

3059. **Науменко В.** Навроцкій Александръ Александровичъ (по поводу 10-лѣтія со дня смерти, съ 5 стихотвореніями). 1902, 10, 157—169.

3060. **Науменко В.** Памяти В. Л. Беренштамъ. 1906, 2, 257—267.

3061. **Недоборовскій Зосимъ.** Мои воспоминанія. 1893, 2, 179—200.

3062. **Недоборовскій Зосимъ.** Нѣсколько страничекъ изъ моихъ воспоминаній. 1894, 7, 46—60.

3063. **Нищенскаго П. И.** Памяти. 1901, 4, 28—29. (Д.).

3064. **Номисъ М.** Нѣсколько замѣтомъ къ автобіографической запискѣ И. И. Сердюкова, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины" за 1896 г. 1897, 4, 157—162.

3065. **Носъ-фонъ Ст.** Украинскій Соломонъ (Его кейфъ и судъ, по фамильнымъ воспоминаніямъ). 1883, 7, 492—505.

3066. **Носъ Степанъ.** Страничка изъ моихъ воспоминаній о (Салтановскомъ). 1893, 6, 509—513. (Д.).

3067. **Н. М.** Памяти Н. И. Гулака. 1900, 2, 261—272.

3068. **Н. С.** Памяти Кн. В. Н. Репниной. 1892, 2, 311—313.

3069. **Н. Ш.** Изъ воспоминаній, изданныхъ не для публики. 1895, 5, 214—238.

3070. **О. Л.** Панъ Презесъ (изъ воспоминаній подольскаго шляхтича). 1898, 10, 118—135.

3071. **Павловъ Пр.** свящ. Изъ воспоминаній священника о жизни и службѣ въ военномъ поселеніи. 1884, 9, 168—172.

3072. **Пирожковъ Н.** д-ръ мед. Воспоминанія объ Анатоліи архіепископѣ Могилевскомъ и Мстиславскомъ. 1883, 7, 573—578.

3073. **П—нъ Ф.** Изъ воспоминаній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ. 1885, 1, 200—205.

3074. **Подорожный Н.** Изъ памятной книжки (воспоминаніе о Н. И. Костомаровѣ). 1895, 4, 20—33.

3075. **Познанскій Б.** Воспоминанія о польскомъ возстаніи въ Украйнѣ 1863 г. 1885, 11, 436—465; 12, 571—611.

3076. **Познанскій Борисъ.** Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. 1889, 11, 225—256.

3077. **Познанскій Б.** Картины моего прошлаго. 1892, 2, 278—294; 4, 89—104.

3078. **Пономаревъ С.** Памяти Мих. Мих. Левченка. 1902, 2, 77—81. (Д.).

3079. **П—скій Борисъ.** Воспоминаніе изъ недалекаго прошлаго (о школѣ и грамотности въ Кіевской губерніи) 1885, 2, 241—267.

3080. **Пулевичъ Н. А.** Воспоминанія объ Африканѣ Александровичѣ Шпирѣ, философѣ, урож. Херсон. губ. 1895, 7- 8, 50—66.

3081. **Радецкій В.** свящ. Кіевская духовная семинарія въ первой половинѣ XIX ст. (воспоминанія) 1097, 10, 96—115; 11—12, 181—221.

3082. **Самчевскаго Іосифа** воспоминанія 1800—1886 г. 1893, 10, 1—28; 11, 185—213; 12, 353—375; 1894, 1, 21—51; 2, 267—281; 4, 74—90; 5, 214—235; 6, 414—438; 7, 61—78; 8, 133—151; 9, 326—353.

3083. **Сембратовича Романа** (украинскаго дѣятеля) памяти 1906, 1, 13—15. (Д.).

3084. **Семенцовъ Р.** Воспоминанія—картинки изъ временъ польскаго возстанія 1863 г. 1894, 8, 255—267.

3085. **Сикорскій Василій Пр.** Изъ воспоминаній потерпѣвшаго во время крестьянскихъ волненій 1855. 1882, 4, 85—105.

3086. **Симоновъ М.** (номисъ). Нѣсколько словъ къ воспоминяніямъ объ А. В. Марковичѣ. 1893, 9, 450—451. (Д.).

3087. **С—ко.** Изъ фамильныхъ преданій. 1885, 4, 782—783.

3088. **Случай** съ Марковичемъ, историкомъ Малороссіи, въ Лебединѣ. 1897, 1, 4—7. (Д.).

3089. **Сокальскій Н. П.** Въ неволѣ у англичанъ. (1859). 1904, 3, 415—451.

3090. **Сокольскій П.** Изъ воспоминаній о Харьковскомъ университетѣ конца 40-хъ годовъ. 1906, 2—6, 63—71.

3091. **Соколовъ Н. И.** Одесскій протоіерей. Воспоминанія и автобіографія его. 1906, 1, 36—63; 2, 213—230; 3—4, 275—298; 5—6, 43—62; 7—8, 406—435; 9, 124—136; 10, 155—197; 11—12, 565—588.

3092. **Сорокинъ Г. И.,** священникъ Учитель дружище (школьныя воспоминанія) 1902, 5, 208—229.

3093. **Старицкаго М. П.** воспоминанія (къ біографіи Лысенка) 1903, 12, 441—482.

3094. **Стороженко.** На могилѣ Е. П. Гребенки. 1900, 7—8, 10—11. (Д.).

3095. **Стороженко Н. И.** (по поводу 30-тилѣтія его профессорской дѣятельности) 1901, 12, 478—484.

1096. **Судьенка М. О.** памяти 1901, 9, 83—85. (Д.).

3097. **Сумцовъ Н. Ф.** Памяти Манжуры. 1893, 10, 80—90.

3098. **Уманецъ Ѳ.** Къ воспоминаніямъ Іосифа Самчевскаго. 1894, 12, 491—492. (Д.).

3099. **Г.** Воспоминанія Подольскаго Старожила о временахъ крѣпостного права. 1898, 2, 47—51. (Д.),

3100. **Чалаго М. К.** Воспоминанія, 1889, 1, 1—40; 2, 388—402; 3, 613—644; 4, 74—91· 5—6, 295—331, 7: 149—187; 8, 436—467; 9, 709—726, 10, 121—142; 11, 257—280; 12, 495—545. 1894, 5, 277—307; 6, 462—495. 7, 1—9; 8, 176—186; 9, 396—414; 10; 1—19; 11, 190—206; 12, 333—348.

3101. **Чалый М.** Юные годы П. А. Кулиша. 1897, 5, 291—299.

3102. **Ш—въ Н.** Къ воспоминаніямъ объ Аф. Вас. Марковичѣ. 1893, 5, 263—271.

3103. **Шугуровъ Н.** Воспоминанія Егора Ѳедоровича Тимковскаго. 1894, 3, 359—381; 4, 1—25.

3104. **Ю. Г.** Изъ воспоминаній о духовной школѣ 70-хъ годовъ. 1902, 11, 187—222.

3105. **Юнге Екатерина.** Воспоминаніе о Н. И. Костомаровѣ. 1890, 1, 22—34.

3106. **Ѳ—лъ Іер.** Изъ воспоминаній священника К—ской пустыни. 1887, 12, 717—760.

Г) ЗАПИСКИ, ЗАМѢТКИ И ДНЕВНИКИ.

3107. **А. Л.** Дневникъ гетманича Апостола. 1894, 11, 300—303, (Д).

3108. **А. Л.** Отрывокъ изъ дневника В. Я. Ломиковскаго 1895, 11, 210—243.

3109. **А. Л.** Дневникъ Я. И. Костенецкаго. 1899, 6, 137—140. (Д).

3110. **Апостола** Петра Даниловича (сына гетмана) дневникъ (май 1725—май 1727) (съ предисл. А. Л. 1895. 6—8- 100—155,

3111. **А. Ш.** Изъ воспоминаній о П. П. Гулакъ-Артемовскомъ. 1889, 2, 499—503.

3112. **Боренштамъ В.** Изъ школьныхъ лѣтъ А. С. Лашкевича. 1899, 11, 249—289.

3113. **В. А.** Записки Карла Хоецкаго (1768—1776). 1883, 1, 145—160 3, 630—646; 11, 433—451; 12, 593—608.

3114. **Василенко.** Изъ бумагъ сенатора М. П. Миклашевскаго 1891, 1, 120—129; 3, 526—532; 4, 148—153; 1891, 10, 129—139.

3115. **Галагана Г. П.** отрывокъ изъ дневника 1845 г. 1899, 11, 228—242.

3116. **Галагана Г. П.** отрывки изъ дневника. 1902, 3, 156—158. (Д.),

3117. **Г-ко В.** Воспоминанія г-жи Смирновой о. Н. В. Гоголѣ. 1886, 2, 381—387.

3118. **Евлашевскаго Ѳедора,** Новгородскаго подсудка, дневникъ (1564—1604). Съ предисловіемъ В. Антоновича. 1886, 1, 124—160.

3119. **Кибальчикъ Над.** Въ двухъ пансіонахъ. 1892, 6, 323—350.

3120. **К—чъ С.** Дмитрія Ростовскаго Свят. Мнимо-найденный дневникъ (по поводу газетныхъ извѣстій). 1882, 9, 571—575.

3121. **Максимовича М. А.** мысли о Н. Г. Репнинѣ и объ ополченіи 1835 г. 1898, 5, 45—46. (Д).

3122, **Марковича Якова,** генеральнаго подскарбія дневникъ, (1717—1767). Въ приложеніи за 1891, 1892, 1893. 1894, 1895 и 1896 г. г.

3123. **Мемуары,** касающіеся исторіи юга Россіи съ предисл. В. Б. Антоновича 1889, 5, 6. 8, 9. II. (приложеніе),

3124. **М. Н.** Отъ Случи до Буга Путевыя замѣтки Эд. Хлопицкаго (съ Польскаго) 1990, 5, 342—363.

3125. **Н. Г.** Замѣтка по поводу записокъ А. А. Солтановскаго 1869, 11, 158—180.

3126. **Освѣцима Станислава** дневникъ (въ извлеченіи и переводѣ) съ предисловіемъ Б. А., (1643—1651). 1882, 1, 125—151; 2, 366—385; 5, 257—275, 6, 433—450; 9, 503—522; 11. 328—348; 12, 538—556.

3127. **Острожскаго-Лохвицкаго И. Ѳ.** ново-оскольскаго дворянина, записки (съ добавленіемъ замѣтокъ сына его Петра Ивановича) (1771—1846). 1886, 2, 350—370; 3, 361—369; 4, 729—762, 5, 130—145, 10, 330—368; 11, 472—499, 12. 627—663.

3128. **Отрывокъ** изъ дневника Полтавскаго помѣщика. (1834—1835). 1893 6, 398—427.

3129. **Писаревъ С.** Путевыя замѣтки отъ Смоленска до Кіева. 1887, 3, 537—244.

3130. **Рощаховскаго К. А.** Мемуары времени освобожденія крестьянъ. 1887, 6—7, 396—450.

3131. **Рѣгорь Фр.** Изъ Львова въ Коломыю (изъ путевыхъ записокъ) 1887, 1, 10—31,

3132. **Рѣгорь Фр.** Изъ Коломыи въ Косовъ (изъ путевыхъ записокъ) 1896, 9, 295—310.

3133. **Савченко И.** Отрывокъ изъ записокъ бывшаго крѣпостного 1899, 9, 57—59. (Д).

3134. **Сбитнева Ивана Матвѣевича** записки (изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г. русскихъ школъ въ замѣнъ польскихъ) 1884, 2, 285—312; 3, 439—468; 4. 649—666; 5, 52—72.

3135. **Селецкаго** Петра Дмитріевича записки. 1884, 2, 247—296; 3, 443—464: 4, 609—643; 5, 77—86; 6, 239—266: 7, 485—504; 8, 609—626: 9, 82—103.

3136. **Солтановскаго** Автонома Акимовича, отрывки изъ записокъ 1892, 4, 71—[illegible] 5, 231—248: 6, 420—437; 7, 95—108: 8, 199—216: 8, 389—404 11, 232—246; 12, 409—425; 1893, 3, 470—484; 4, 120—133, 5, 292—307: 7, 100—125: 9, 401—417; 11, 262—279; 12, 385—407; 1894, 1, 34—92 3. 459—479.

3137. **Стороженка А. Я.,** сенатора, изъ записокъ. Военное поселеніе кавалеріи въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ. 1884, 11, 447—477.

3138. **Сулимы Акима** Семеновича, генеральнаго судьи, записки. 1885, 1, 135—142.

3139. **Тиверцевъ** По Днѣстру (путевые замѣтки) 1899. 1, 13—20.

3140. **Ханенка** Николая, генеральнаго хорунжаго, дневникъ 1727—1753 г. Съ предисл. А, Лазаревскаго. Въ приложеніи 1884. 3—6, 8—11; 1885, 3—4, 6—7, 9—12; 1886, 1, 4—5, 7—12,

3141. **Ханенка** Николая дневникъ (съ предисл. А. Титова) 1896, 7—8. 151—196.

3142. **Чайковскаго** Михаила (Садыкъ Паши) записки 1891, 1, 40—72 2, 255—268: 7, 463—477: 4, 117—130: 6. 273—287: 6, 446—457: 7, 85—96: 8, 195—211: 9, 466—477: 10, 98—107: 11, 276—291: 12. 430—449: 1892, 8, 246—258: 10, 104—117.

3143. **Щербина В.** Записки Андрея Петровича Рудыковскаго. 1892, 4, 1—21.

3144. **Щербина В.** Записки Евстафія Петровича Рудыковскаго. 1892, 5, 193—224; 6 363—398; 7, 55—84.

3145. **Ярославскаго В. И.** Записки. 1887, 9, 109—152; 10, 289—330; 11, 506—528.

Д) РѢЧИ.

3146. **Бибикова Д. Г.** рѣчь къ дворянству Юго-западнаго края. 1882, 6, 530—545.

3147. **В. Ю.** Рѣчь князя Н. Г. Репнина и дѣло объ ея напечатаніи. 1890, 7, 117—123.

3148. **Капниста В. В.,** автора „Ябеды". рѣчь въ Полтавскомъ дворянскомъ собраніи. 1886, 12, 717—722.

3149. **Лашкевичъ А. С.** Рѣчь малороссійскаго генералъ-Губернатора кн. Н. Гр. Репнина къ дворянству Черниговской и Полтавской губерніи. 1887, 1. 172—177.

3150. **Максимовича М. А.** рѣчь надъ гробомъ генералъ фельдмершала князя Сакена. 1887, 10, 331—335.

3151. **Репнина Н. Г.,** малороссійскаго военнаго губернатора, рѣчь, произнесенная при открытіи дворянскихъ выборовъ въ Черниговѣ, 25 сентября 1823 г. 1890, 5, 373—375.

3152. **Рѣчь** „о поправленіи состоянія" Малороссіи. 1882, 10, 119—125.

Е) НЕКРОЛОГИ.

3153. **Александровъ** Владимиръ Степановичъ. В. Н—ко. 1894, 2, 311—313.

3154. **Андріевскій** Алексѣй Александровичъ. Каманинъ И. 1902, 9, 413—433.

3155. **Артемовскій - Гулакъ К. П.** Ше—хинъ С. 1903, 7—8, 28—29. (Д.).

3156. **Беренштамъ В. Л.** 1904, 12, 686—695.

3157. **Бершадскій С. А.** 1896, 5, 268—278.

3158. **Борисовъ Е. И.** 1900, 6, 148—149. (Д.).

3159. **Боярская** (Богемская) Е. П. 1900, 6, 154. (Д.).

3160. **Бѣлозерскій Вас. Мих.** 1899, 3, 143. (Д.).

3161. **Васильчиковъ** Александръ Алексѣевичъ. Г. 1890, 7. 134—135.

3162. **Вересай Остапъ.** 1890, 7, 132—134.

3163. **Воробкевичъ Исидоръ.** Мировецъ В. 1903, 11, 88—91. (Д.).

3164. **Врецьона** Григорій. 1901, 12, 176. (Д.).

3165. **Галаганъ Г. П.** 15 авг. 1819 года, 25 сент. 1888 года. Ѳ. Мищенка 1888, 12, 1—22.

3166. **Гатцукъ** Алексѣй Алексѣевичъ. Н—ка В. 1891, 12, 468—469.

3167. **Глѣбовъ** Леонидъ Ивановичъ. Науменка. 1893, 12, 483—487.

3168. **Головацкій** Иванъ Федоровичъ. 1899, 5, 88. (Д.).

3169. **Гордѣенко** Егоръ Степановичъ. 1897, 4, 20—21. (Д.).

3170. **Горленко** Василій Петровичъ. Дорошенка Д. 1907, 5, 214—217.

3171. **Гулакъ** Николай Ивановичъ. 1899, 10, 17—18. (Д.).

3172. **Гульбенко В. Г.** 1905, 4, 74. (Д,).

3173. **Дабижа** Александръ Васильевичъ, князь. В. Г. 1899, 8, 61—63. (Д.).

3174. **Данилевскій Г. П.** 1891, 1, 184.

3175. **Деркачъ Г. І.** 1900, 9, 100. (Д.).

3176. **Дикаревъ М. А.** 1899, 12, 131. (Д.).

3177. **Долгоруковъ Н. Д.** князь. 1899, 6, 149—151. (Д.).

3178. **Думитрашко** Константинъ Даниловичъ. Ѳ. Лободы. 1886, 5, 188—191.

3179. **Есиповъ** Григорій Васильевичъ. 1899, 5, 89. (Д.).

3180. **Жегота** Паули (этнографъ). А. Л. 1895, 11, 58—60. (Д.).

3181. **Желеховскій** Евгеній. 1885, 3, 594—596.

3182. **Житинскій** Людвигъ. В. Антоновичъ. 1900, 6, 147—148. (Д.).

3183. **Загорскій И. А.** 1904, 10, 34—35, (Д.).

3184. **Каминскій Ѳ. И.** 1891, 5, 313—314.

3185. **Карповъ Г. Ѳ.** 1890, 6, 552—553.

3186. **Начала** Стефанъ. К. Х. 1889, 2, 503—506.

3187. **Кистяковскій А. Ѳ.** И. Лучицкаго. 1885, 2, 406—415.

3188. **Киркоръ А. Г.** К. ученый изслѣдователь Литвы и Бѣлоруссіи. Н. Янчука. 1887, 6—7, 539—555.

3189. **Конисскій** Александръ Яковлевичъ. Матушевскій-Ефремовъ. 1901, 1, 125—130.

3190. **Коперницкій** Исидоръ Станиславовичъ. В. А. 1891, 12, 462—465.

3191. **Корніенко** Василій Онисимовичъ Сьогобочній Гр. 1905, 1, 15—17. (Д.).

3192. **Корсунъ** Александ. Алексѣев. В. П. Науменка. 1891, 12, 450—461.

3193. **Косачъ М. П.** 1903, 11, 84—85. (Д.).

3194. **Коссакъ** Юлій. 1899, 3, 143—145. (Д.).

3195. **Крюковскій** Кобзарь. В. Г. 1885, 8, 740—743.

3196. **Кулишъ П. А.** Номисъ. 1897, 3, 1—2.

3197. **Лагода И. Н.** 1905, 4, 72—74. (Д.).

3198. **Лазаревскій** Александръ Матвѣевичъ. 1902, 5, III—XIX.

3199. **Лашкаревъ** Петръ Александровичъ. 1899, 9, 118. (Д.).

3200. **Лашкевичъ** Александръ Степановичъ. 1889, 12, 485—494.

3201. **Лащенковъ Н. А.** протоіерей. 1896, 11, 48. (Д.).

3202. **Лебединцевъ** Даніилъ Гаврилозичъ. 1897, 4, 19—20. (Д.).

3203. **Лебединцевъ** Петръ Гавриловичъ. Науменко В. 1897, 2, 329—344.

3204. **Левицкій** Николай Ѳеодосіевичъ (памяти одного педагога) И. Каманина. 1885, 6. 357—363.

3205. **Ленартовичъ** Ѳеофилъ. Стороженка А. 1893, 4, 165—168. (Д.).

3206. **Леонидъ** Архимандритъ. Н. Сумцова. 1891, 12, 466—467.

3207. **Малышевскій И. И.** 1897, 2, 345—346.

3208. **Маркевичъ А. И.** Ше-хинъ С. 1903, 7—8, 240—244.

3209. **Марковичъ** Марія Александровна (Марко Вовчок) Д. Д. 1907, 7—8, 218—223.

3210. **Мачтетъ** Гр. Алек. 1901, 9, 102—103. (Д.).

3211. **Мизко Н. Д.** П. Ефименка. 1882, 12, 594—598.

3212. **Михневичъ** Іосифъ Григорьевичъ. 1885, 12, 747—765.

3213. **Молчановскій** Никандръ Васильевичъ. 1907, 1, 97—105.

3214. **Нищинскій П. И.** 1896, 4, 126—128.

3215. **Новицкій** Иванъ Петровичъ. 1890, 8, 329.

3216. **Новицкій** Орестъ Марковичъ. 1884, 7, 547—554.

3217. **Огоновскій** Омельянъ, Н—ко. В. 1894, 12, 475—479.

3218. **Опатовичъ С. И.** протоіерей. В. Б. 1892, 6, 438—443.

3219. **Роле** Іосифъ Іосифовичъ В. А. 1894, 2, 305—310.

3220. **Ротарь** Иванъ. 1905, 4, 74. (Д.).

3221. **Рыльскій** Ѳаддей Ростиславовичъ. 1902, 10, 40. (Д.).

3222. **Рыльскій** Ѳадей Розеславовичъ. О. Л. 1902, 11, 335—349.

3223. **Савичъ А. А.** 1902, 9, 119 (Д.).

3224. **Сембратовичъ** Сильвестръ, кардиналъ. 1899, 10, 20, (Д.).

3225. **Семевскій** Михаилъ Ивановичъ. Н. В. 1892, 4, 112—125.

3226, **Сендульскій** отецъ Аполлоній, священникъ села Силокъ, Острожскаго уѣзда, А. Тарновскій. 1882, 10, 166—170.

3227. **Симоновъ М. Т.** (номисъ) В. Н. 1901, 2, 308—311.

3228. **Скальковскій** Аполлонъ Александровичъ. 1899, 2, 85—87. (Д.).

3229. **Ставровскій** Алексѣй Ивановичъ, 1882, 12, 626.

3230. **Старицкій М. П.** (памяти товарища), Пчилка О. 1904, 5, 400—449.

3231. **Стороженко** Ник. Ильичъ. Пчилка Олена. 2906, 2, 241—256.

3232. **Тарновскій** Николай Яковлевичъ. Н. Б. 1898, 12, 82—84. (Д,).

3233. **Тарновскаго** Вас. Вас. памяти. Н. Ш. 1899, 7, 131—133.

3234. **Терновскій** Филиппъ Алексѣевичъ. 1884, 6, 48.

3235. **Тобилевичъ К. А.** 1904, 10, 34. (Д.).

3236. **Тобілевича Івана** памяти (Карпенка-Караго). Петлюра С. 1907, 9, 19—30.

3237. **Трутовскій** Константинъ Александровичъ. Шугуровъ Н. 1893, 4, I—VI.

3238. **Устыяновычъ** Корныло. Мировецъ В. 1903, 11, 85—88. (Д.).

3239. **Ханенко** Александръ Ивановичъ. А. Л. 1895, 9, 367—368.

3240. **Хильчевскій** Иванъ Филипповичъ. 1899, 2, 87. (Д.).

3241. **Чалый М. К.** (посмертна згадка). Д—ко Д. 1907, 3, 394—399.

3242. **Черневъ** Николай Павловичъ. 1899, 11, 116—120. (Д.).

3243. **Чернышевъ Н. Н.** Ѳ. М. 1888, 5, 60—65.

3244. **Шараневичъ** Исидоръ, проф. 1902, 1, 27—28. (Д.).

3245. **Шимановъ** Андрей Львовичъ. 1901, 9, 103—104. (Д.).

3246. **Шугуровъ Н. В.** 1901, 12, 485—490.

3247. **Щоголевъ Я. И.** 1898, 7—8, 29. (Д.).

3248. **Юзефовичъ М. В.** 1889, 7, 29.

3249. **Юзефовичъ М. В.** 1893, 6, 507—508.

3250. **Ястребовъ В. Н.** 1899, 3, 146. (Д.).

3251. **Ястребовъ** Владимиръ Николаевичъ. 1899, 10, 121—126.

3252. **Ѳедотовъ - Чеховскій** Александръ Алексѣевичъ (1806—1892). Каманинъ И. 1892, 11, 279—290.

VII. Портреты, рисунки, статьи и замѣтки о нихъ.

3253. **А. Л.** Безбородко Андрей Генеральный писарь. р. 1711—1780. (потр. и статья). 1890. 1, 135—140.

3254. **А. Л.** Бороховичъ Михайло, Гадяцкій Полковникъ. 1687—1704. (портр. и статья). 1890, 3, 547—551.

3255. **А. Л.** „Тепловка". Страница изъ исторіи Стараго Батурина (рисунокъ и статья) 1890, 11, 335—343.

3256. **А. Л.** Илляшенко Максимъ Полковникъ Лубенскій (XVII в.) (портретъ и статья). 1891, 1, 186—189.

3257. **А. Л.** Маркевичъ А. В. (портретъ и статья) 1892, 9, 405—409.

3258. **А. Л.** Замѣтки о портретахъ Мазепы (къ рисунку) 1899, 433—462.

3259. **Андреевской** церкви видъ въ 1809 г. 1897, 4.

3260. **Андріевскій** Алексѣй Александровичъ (къ некрологу) 1902, 9.

3261. **Анна** Ярославна (портретъ и статья) 1884, 7. 555—560.

3162. **А. С.** Мамай (изображеніе зепорожца, 2 рисунка и статья). 1898, 3, 486—492.

3263. **Беренштамъ В. Л.** (портретъ). 1906, 3,

3264. **Б. Н.** Десятинная церковь. (съ рисунками). 1888, 7. 3—8.

3265. **Вожеряновъ И.** Бортнянскій Д. С. (портретъ и статья). 1885, 7, 524—530.

3266. **Борковскій Василій** Генельный обозный (портретъ и статья) 1894, 3, 358, 530—536.

3267. **Бѣляшевскій Н.** Сани въ похоронномъ обрядѣ. (рисунокъ и статья). 1893, 4, 143—148.

3268. **Вишневецкая** княгиня, Раина Могилянка (портретъ и статья), 1887, 11, I—X.

3269. **Г.** Рисунки изъ путешествія Импер. Екатерины II въ южную Россію (статья). 1891, 10, 126—127.

3270. **Гонты** жены (портретъ и статья). 1883, 9—10 т. 327—127.

3271. **Горленко В.** Старинные малороссійскіе портреты. (статья). 1882, 12, 602—606.

3272. **Горленко В.** Перовскій Алексѣй Алексѣевичъ (съ портретомъ) 1888, 4, 109—124. (см. также замѣтку 1890, 11, 336.).

2373. **Греческія** музы въ малорусскомъ изображеніи (рисунокъ и статья). 1884, 4, 709—714.

3274. **Группа** членовъ 3-го археологич. съѣзда въ Кіевѣ 1874 г. 1899, 8.

3275. **Дабижа А. В.** князь. Мазепа —князь и его шляхетскій и княжескій гербы (рисунокъ и статья) 1885, 12, 715—718.

3276. **Дабижа** Александръ кн. Даръ Мазепы Гробу Господнему (рисунокъ и статья) 1893, 11, 317—321.

3277. **Двѣ** таблицы къ статьѣ Бѣляшевскаго о раскопкахъ на княжей горѣ. 1892, 1.

3278. **Добротворскій Н.** Гонта (портретъ и статья) 1895. 4, 1—5.

3279. **Е. К.** Портретъ Костомарова (портретъ и статья) 1895, 4, 1—5.

3280. **Ермиловъ Владимиръ.** Шепкинъ Михаилъ Селяновичъ. какъ артистъ и человѣкъ (портретъ и статья) 1889, 6—6, 548—569.

3281. **Замѣтка** о казацкихъ знаменахъ (къ рисунку). 1890, 10, 163—157.

3282. **Карта** острова Томаковки 1893, 5. (къ статьѣ Падалки, тамъже).

3283. **Картинка** изъ временъ крѣпостного права (рисунокъ и статья) 1899, 4, 152—154.

3284. **Квитки** портретъ. 1863, 8.

3285. **Кисель** Адамъ (портретъ и статья). 1885, 8, 437—750.

3286, **Кистяковскій** (портретъ) 1895, 1.

3287. **Кіевская** Академія и ея студенты (1698—1702) рисунокъ со статьей. 1882, 2, 437—448.

3288 **Козаки** с, Лемешей, Козелецкаго уѣзда. (рисунокъ). 1893, 12. (къ статьѣ Степового тамъ-же).

3289. **Козачки** с. Талаевки Нѣжинскаго уѣзда (рисунокъ) 1893, 5, (къ статьѣ Степового тамъ-же).

3290. **Конисскаго** Георгія портретъ. 1895, 2. 259.

3291. **Константиновичъ М.** Развалины Юрьевой божницы въ с. Старогородкѣ (рисунокъ, планъ и статья). 1896, 11, 129—136.

3292. **Кравченко** Михайло, кобзарь (портретъ къ статьѣ о немъ) 1902, 5.

3293. **Кулиша П. А.** домъ въ х. Мотроновкѣ (рис. къ статьѣ). 1899, 8, 356.

3294. **Кулиша П. А.** могила (рис. къ статьѣ). 1899, 9, 361.

3295. **Лазаревскій А.** Старинные малороссійскіе портреты. 1882, 5, 337—342; 11, 173—175.

3296. **Лазаревскій** Александръ Матвѣевичъ (портретъ къ некрологу) 1902, 5.

3297, **Левицкій Ор.** Новый храмъ въ старомъ украинскомъ стилѣ (рисунокъ и статья 1906, 11—12, 598—610.

3298. **Лысой** горы три таб. и планъ (къ статьѣ Ляскоронскаго „археолог. раскопки"). 1892. 11, 263—278.

3299. **Мазепы,** о портретахъ (статья) 1883, 7, 594—596.

3300. **Мазепа** (портретъ и статья) 1887, 1, 188—191,

3301. **Мазепа** Иванъ, гетманъ (портретъ къ статьѣ А. Л.) 2899, 3.

3302. **Максимовичъ М. А.** (портретъ) 1904, 9.

3303. **Малоросійскій** скитъ св. пророка Иліи (рисунокъ къ статьѣ А. Дабижа тамъ же) 1893, 1.

3304. **Могила Петръ** (портретъ и статья) 1882, 4, 175—176.

3305. **Мстиславова** храма фасодъ на волыни (рисунокъ) 1792, 6.

3306. **Новицкій** Илья Федоровичъ (портретъ и статья) 1886, 9, 194—198.

3307. **Н. Ч.** Каменныя и глиняныя иконки княжеской эпохи (рисунокъ и статья) 1899, 8. 91—97. (Д),

3308. **Н. Ш.** Тимковскій И. Ѳ. (портретъ и статья) 1899, 12. 413—415.

3309. **Острожскій** Константинъ (портретъ и статья) 1883, 12, 714—716.

3310. **Острожская** Софія, княгиня (портретъ и статья) 1883, 11, 523—528.

3311. **Острожскаго** Константина кн. надгробіе въ великой церкви Кіево-Печерской Лавры. (къ статьѣ С. Яремича „Памятники искуства въ К-печ. Лаврѣ"). 1900, 6.

3312. **Палѣя** жена (портретъ къ статьѣ А. Л. „Антонъ Танскій, Полковникъ Кіевскій 1712—1734). 1894, 4.

3313. **П. Г.** Запорожсхій храмъ въ Новомосковскѣ (рисунокъ и статья) 1881, 1—3, 41—48.

3314. **Полетика В. Г.** (портретъ къ статьѣ Горленка „изъ исторіи южно-рус. общества нач. XIX в.") 1893. 1.

3315. **Потебня** Александръ Афанасьевичъ. 1892, 1.

3316, **Потѣй** Ипатій, Кіевскій уніатскій Митрополитъ (портретъ и статья) 1884. 9, 180—182.

3317. **Пчилка О.** Николай Ильичъ Стороженко (портретъ и статья) 1906, 2, 231—256.

3318. **Репнинъ Н. Г.** кн. (портретъ и статья) 1897, 12. 473—480.

3319. **Сапожниковъ Д.** Загадочные портреты (статья). 1884, 8, 732—742.

3320. **Симоновъ М. Т.** (номисъ) портретъ 1901, 3.

3321. **С—ко** А. Старинные малороссійскіе портреты (статья) 1882, 9, 577—579.

3322. **Сковорода Григорій** (къ статьѣ Д. Багалѣя) 1895, 2.

3323. **Снимки** съ образовъ Спасителя (Дубенской Крестовоздвиженской пустыни церкви г. Ковеля; рисунокъ и статья) 1900, 5, 130—132. (Д).

3324. **Снимки** съ подписи, съ печати на перстнѣ Родіона Дмитрашка (къ статьѣ А. Стороженка). 1893 4.

3325. **Спицынъ А.** Мѣдный поясъ Кавказскаго типа, найденный въ Кіевск, губ. (рисунокъ и статья). 1899 10, 56—58. (Д).

3326. **Старицкій М. П.** (портретъ), 1904, 5.

3327. **Стороженко А.** Князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій, по народному прозвищу Дайда, (портретъ и статья). 1897, 2, 519—524.

3328. **Стороженко Н.** Стороженко Полковникъ Иванъ и бунчуковый товарищъ Григорій (портреты и статья) 1890, 4, 167—178.

3329. **Таблица** съ рисунками предметовъ, поступившихъ въ собраніе В. В. Тарновскаго. (рисунокъ и статья) 1899. 5, 121. (Д).

3330. **Тарновскій В. В.** Лазаревскій А. М. и Шугуровъ Н. В. (портретъ и статья) 1902, 7—8, 282—292.

3331. **Терлецкій** Кириллъ (портретъ и статья) 1884, 10, 366—369.

3332. **Торбанъ,** Кобза (къ статьѣ Н. Лисенка) 1892, 3.

3333. **Туптало** Савва Григорьевичъ (портретъ и статья) 1882, 7, 194—198.

3334. **Хмельницкій** Богданъ (портретъ и статья). 1882, 1, 226—231.

3335. **Хмельницкаго** Богдана памятникъ (рисунокъ со статьей „историческій очеркъ его сооруженія") 1888, 7, 145—156.

3336. **Церковь** въ воскресный день (къ некрологу Ю. Коссака) 1899, 3, 145. (Д.).

3337. **Цимбалистовъ** Андрей. Еще о портретѣ Мазепы (статья) 1887, 2, 370—372.

3338. **Ширай С. Я.** (портретъ и статья) 1887, 10, 398—400.

3339. **Я. Ш.** Полуботокъ Павелъ, полковникъ Черниговскій (1705—1724) портретъ и статья. 1890, 12, 522—538.

VIII. Библіографія.

3340. **А. А.** Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія Вып. 1-й Изд. редакторъ неоф. части „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей". Кіевъ 1882 г. 1882, 1, 203—204.

3341. **А. А.** Историчеекіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып 2-й Изд. редакторъ неоф. чаети „Кіевекихъ Губернскихъ Вѣдомостей". Кіевъ 1882 г. А. 1882, 7, 171—173.

3342. **А. А.** Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 3-й. Издалъ редакторъ неоф. части „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей". Кіевъ 1882 г. И. Новицкій 1882, 11, 354—360.

3343. **Abel** Karl gross unh klein—russisch. Leipzig und Berlin, 1885. Н. Дашкевичъ. 1885, 11, 524—532.

3344. **Абрамовъ И.** Черниговскіе малороссы. Бытъ и пѣсни населенія Глуховскаго уѣзда. С. П. Б. 1905 г. В. Даниловъ. 1906, 9, 1—4.

3345. **Абрамовъ Я. В.** Жизнь замѣчательныхъ людей Біографическая библіотека Ф. Павленкова. В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность Біографическій очеркъ. С. П. Б. 1891 г. Д. И. Багалѣй 1891, 6, 799—503.

3346. **Автономія** України в соціально-демократичній прессі (изъ журналовъ 907 г.) Садовський В. 1907, 2, 256—261.

3347. **Авчинниковъ А.** Первые народные представители Екатеринославской губерніи В. Д овъ. 1906, 9, 4.

3348. **Адресъ-календарь** г, Елисаветграда и Елисаветградскаго уѣзда на 1894 г. Елисаветградъ 1893 г. 1894, 2, 357.

3349. **Адресъ-календарь** Кіевской губерніи на 1888 годъ, съ адресами квартиръ и алфавитнымъ указателемъ фамилій. Изд. Кіев. губ. статист. комитета. Кіевъ 1888 г. 1888, 1—3, 48.

3350. **Адресъ-календарь** и справочная книжка Полтавской губерніи на 1894 г. ц. 1 р. А. Р. 1894, 8, 291—292.

3351. **Айналовъ Д. и Рѣдинъ Е.** Древніе памятники искусства Кіева: Софійскій соборъ, Михайловскій и Кирилловскій монастыри. Харьковъ 1899 г. В. Щербина 1899, 11, 95—97.

3352. **Акинфіевъ И. Як.** Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія. Екатеринославъ 1889 г. Г. З. 1889, 4, 220—225.

3353. **Акинфіевъ И.** Путешествіе по югу Россіи и сѣверному Кавказу.

Екатеринославъ 1893 г. ц. 50 к. 1894, 2, 356.

3354. **Аксаковъ С. Т.** Исторія моего знакомства съ Гоголемъ со включеніемъ всей переписки съ 1832 по 1852 г. М. 1890 г. А. Степовичъ. 1891, 1, 190—193.

3355. **Аксаковъ И. С.** въ его письмахъ томъ 4-й СПБ. 1896 г. А. А. 1897, 11, 49—57.

3356. **Акты,** издаваемые Виленскою археографическою комиссіей т. XII. Акты главнаго Литовскаго трибунала В. 1883 г. XX+651+67 ц. 2 р. В. И. 1883, 7, 563—566.

3357. **Акты,** издаваемые Виленской археографической комиссіей т. XIII. Акты главнаго литовскаго трибунала Вильна 1886 г. И. Каманинъ 1886, 11, 558—560.

3358. **Акты,** издаваемые Виленскою археографическою комиссіей. Томъ XV-й. Декреты главнаго литовскаго трибунала. Вильно. 1888 г. И. Каманинъ, 1889. 5—6, 645—648.

3359. **Акты,** издаваемые Виленскою археографическою комиссіей. Т. XVI-й Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. Вильна 1889 г. т. XVII. Акты Гродненскаго земскаго суда. Вильна 1890 г. И. Каманинъ. 1891, 9, 495—500.

3360. **Акты,** издав. Виленскою комиссіей для разбора древнихъ актовъ. Т. 24. Акты о боярахъ. Вильна 1897 г. И. Каманинъ 1898, 6. 97—99.

3361. **Акты,** издаваемые Виленскою комиссіей для разбора древнихъ актовъ. Т. XXIX Акты о евреяхъ. Вильна 1902 г. О. Л. 1903, 4, 57—62.

3362, **Акты,** издаваемые Виленской комиссіеи для разбора древнихъ актовъ т. 23. Акты Холмскаго городскаго суда Вильна 1896 г. И. Каманинъ. 1896, 22, 94—95.

3363. **Акты,** Московскаго государства, изданные Императорской академіей наукъ, подъ редакціей Н. А. Попова. Т. 1. Разрядный приказъ. Московскій столъ 1571—1634. 1890 г. Д. И. Багалѣй. 1891, 4, 171—173.

3364. **Акты,** относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографической комиссіей. Т. XII СПБ. 1882 г. В А. 1882, 9, 555—556.

3365. **Акты,** относяшіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографической комиссіей Т. 14 (Дополненіе къ III тому) СПБ. 1889 г. Ив. Н. 1889, 9, 781, 788.

3366. **Album**. du Monde illustrè la Russie et les russes Н. Ш—ъ. 1895, 9, 74—76.

3367. **Александровичъ М. Н.** Остерскій уѣздъ. Вып. 1-й. Историческое описаніе. Ч. 1-я. До окончанія смутъ въ восточной украинѣ 1669 г. Кіевъ 1881 г. 1882, 1, 204—206.

3368. **Александровъ В.** Складка, Альманахъ Року Божого 1887 № 1 Харьковъ. З. 1887, 5, 172—176.

3369. **Александровъ А.** Памяти В. И. Григоровича. Варшава 1902. Н. В. 1902, 12, 200—201.

3370. **А. М.** Кіевскій храмъ св. ап. Андрея Первозваннаго. Н. М. 1898, 10, 31—32.

3371. **Андерсен.** Казки. Перекладала М. Загірня Б. 1906. ц. 65 к. Е. Віченко. 1907, 7—8, 257—259,

3372. **Андреевъ П.** Иллюстриро-

ванный путеводитель по юго западнымъ желѣзнымъ дорогамъ К. 1898 г. Н. Ш. 1898, 12, 98—100.

3373. **Андріевскій А.** Объ отношеніи Т. Г. Шевченка къ жизни. Одесса В. Мировецъ. 1903, 4, 65—67.

3374. **Андріевскій А.** Историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Сост. редакт. неоф. части „Кіев. Губ. Вѣд," Кіевъ 1882 г. В. А. 1883, 3, 651—653.

3375. **Андріевскій А.** Историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернекаго правленія. Вып. I Кіевъ 1883. В. А. 1883, 11, 493—495.

3376. **Андріевскій А.** Историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 6-ой. Кіевъ 1884 г. Ц. Н. 1884, 7, 523—524.

3377. **Андріевскій А.** Историческіе матеріалы изъ архива губернскаго правленія. Вып. 7-ой. Кіевъ 1884 г. К. Цыбульскій. 1884, 12, 719—722.

3378. **Андріевскій А.** Историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 8-й. Кіевъ 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 5, 137—140.

3379. **Андріевскій А.** Историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 9-й. Кіевъ 1885 г. К. Л. 1885, 10, 329—332.

3380. **Андріевскій А.** Историческіе матеріалы. Изъ Кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 10. Кіевъ 1886. К. Цыбульскій. 1886, 4, 789—794.

3381. **Андріевскій А.** Матеріалы для исторіи южно-русскаго края въ XVIII столѣтіи (1715—1774 г.), извлеченные изъ старыхъ дѣлъ Кіевскаго губернскаго архива и изданные Императорскимъ обществомъ исторіи и древностей. Одесса 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 10, 155—157.

3382. **Андріевскій А.** Историческая записка о златопольской гимназіи, составленная ко дню 50 лѣтняго юбилея ея въ августѣ мѣсяцѣ 1887 г. Кіевъ 1887 г. В. П. 1887, 11, 557—559.

3383. **Андріевскій М. А.** Козацкая дума о трехъ азовскихъ братьяхъ въ пересказѣ, съ объявленіями, разборомъ и картою. Одесса, 1884 г. Ц. Нейманъ. 1884 5, 130—138.

3384. **Андріяшевъ.** Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ 1887 г. П. Голубовскій. 1888, 7, 12—17.

3385. **Андріяшевъ А.** Кіевскій народный календарь на 1889 г. Годъ 25-й. Амартолъ. 1889, 1, 276—281.

3386. **Анненская А.** Н. В. Гоголь (біографическій очеркъ). СПБ. 1891 ц. 25 к. изд. Павленкова Х. Я. 1894, 7, 127—128.

3387. **Антикварный** каталогъ № LI. Колекція сочиненій, б. частью на русскомъ языкѣ, имѣющихся въ продажѣ въ книжномъ магазинѣ и антикварной торговлѣ Н. Киммеля въ Ригѣ. 1892 г. Т. 1892, 12, 498—500.

3388. **Антонинъ** іеродіаконъ. Кіево-Подольская Успенская соборная церковь. К. 1891 г. А. Л. 1893, 12, 507 509.

3389. **Антоновичъ В. В.** Археологическая карта Волынской губерніи Москва 1900 г. Е. С. 1903, 1, 45—48.

3390. **Антоновичъ В.** Археологическая карта Кіевской губерніи. М. 1895 г. Н. Б. 1896, 3, 129—132.

3391. **Антоновичъ В. Б.** Археоло-

гическая карта Кіевской губерніи. М. 1895 г. Н. Г. 1896, 3, 129—132.

3392. **Антоновичъ В. Б. и В. А. Бецъ.** Историческіе дѣятели юго-западной Руси въ біографіяхъ и портретахъ. В. И. Составили по коллекціи В. В. Тарновскаго. Кіевъ 6 р. 1883, 4, 878—882.

3393. **Антоновичъ В. Б.** Монографіи по исторіи западной и юго-западнай Россіи. Т. I. Кіевъ 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 6. 318—328.

3394. О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ Подольской губерніи. Одесса 1886 г. П. Голубовскій- 1887, 10, 369—370.

3395. **Армашевскій П. Я. Антоновичъ Вл. Б.** Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца въ мартѣ 1896 г. Кіевъ 1897 г. съ 2 рис. Н. М. 1897, 4, 40—41.

3396. **Арсеній** еп. Псковскій. Изслѣдованія и монографіи по исторіи молдавской церкви. СПБ. 1904 г. Н. П-въ. 1904, 9, 114—117.

3397. **Арсень Б.** Украинській спиваныкъ. 100 писень зъ нотами. Одесса 1904. В. Мировець. 1904, 6, 132—136.

3398. **Артемовскаго-Ґулака.** недруковани твори. Сообщ. Романчукъ Ю. (Записки Наукового Товариства ім. Шевченка LX miscellanea) В. Д. 1905, 3, 203—204.

3399. **Археографическій** сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго учебнаго округа. Т. XI. Вильна 1890 г. И. Каманинъ. 1891, 10. 495—500.

3400. **Археологическія** извѣстія и замѣтки. №№ 1—6. М. 1893 г. Б. 1893, 10, 177—180.

3401. **Археологическія** извѣстія и замѣтки, издаваемыя Императорскимъ Московскимъ археологическимъ обществомь 1893 г. №№ 7—12. Б. 1894, 5, 380—383.

3402. **Археологическая** лѣтопись Южной Россіи 1903 г. №№ 1—6. 1904 г. №№ 1—5. В. Д. 1905, 4, 12—14.

3403. **Архивъ** князя Воронцова книга двадцать пятая М. 1882 г. Д. Багалѣй. 1882, 7, 160—164.

3404. **Архивъ** Мотыжинскій. Акты Переяславскаго полка XVII—XVIII в. в. Изд. Андрея и Александра Савицкихъ. Кіевъ 1890 г. А. М. 1890, 9, 519—521.

3405. **Архивъ** юго-западной Россіи, издаваемый временной комиссіей для разбора древнихъ актовъ. ч. 1 Томъ XV. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси (1322—1648). Кіевъ 1883 г. И. Каманинъ. 1884, 12, 708—716.

3406. **Архивъ** юго-западной Россіи, издаваемый комиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ. ч. VII т. I. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. Кіевъ 1886 г. И. Каманинъ. 1887, 8, 752—757.

3407. **Архивъ** юго-западной Россіи ч. первая т. VII. Памятники литературной полемики православныхъ южно-руссцевъ (sic) съ латино-уніатами. Кіевъ 1887 г. И. Новицкій, 1888, 4, 1—9.

3408. **Архивъ** юго-западной Россіи, издаваемый комиссіей для разбора древнихъ актовъ и проч. Кіевъ

1888 г. И. Новицкій. 1890, 5, 382—388.

3409. **Архивъ** юго-западной Россіи. ч. VII т. 2. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. К. 1890 г. ц. 2 р. В. М. 1892, 10, 131—156.

3410. **Архивъ** юго-западной Россіи ч. 8 т. I и II Н. М. 1895, 3, 103—112.

3411. **Архивъ** Государственнаго Совѣта т. IV. Царствованіе Александра I. Журналы по дѣламъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, СПБ. 1896 г. Н. С. 1897, 4, 34—37.

3412. **Архивъ** Государственнаго Совѣта т. IV. СПБ. 1898. Н. С. 1898. 4, 24—25

3413. **Архивъ** Государственнаго Совѣта т. IV. Царствованіе Александра I. Н. С. 1900, 4, 25—27.

3414. **Архивъ** юго-западной Россіи ч. VII т. III. Акты о заселеніи южной Россіи. XVI—XVIII в. К. 1905, I, Ч. 1907, 4, 86—99.

3415. **Аѳонскій П.** Что такое унія, какъ она началась и какъ окончилась? (Историческій разсказъ для народнаго чтенія) Минскъ 1889 г. Его-же: Православныя святыни города Минска. И. Каманинъ. 1889, 9, 792—793.

3416. **Багалѣй Д.** Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. Кіевъ 1882 г. П. Голубовскій. 1882, 6, 519—523.

3417. **Багалѣй Д.** Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства въ XVI—XVIII ст. Изд. историко-филологическаго общества при Императорскомъ харьковскомъ университетѣ. Харьковъ 1886 г. В. А. 1886, 3, 582—588.

3418. **Багалѣй Д.** Очерки изъ исторіи колонизацій и быта степной украины московскаго государства т. I. Исторія колонизаціи. Москва 1887 г. И. Каманинъ. 1889, 1, 250—259.

3419. **Багалѣй Д.** Заселеніе харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Рѣчь, сказанная на актѣ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ 1889 г. И. Каманинъ. 1889 7, 309—310.

3420. **Багалѣй Д. И.** Замѣтки и матеріалы по исторіи Слободской Украйны Хар. 1893 г. ц. 1 руб. Ѳ. Титовъ. 1894, 3, 581—583.

3421. **Багалѣй Д.** Опытъ исторіи Харьковскаго университета т. I. (1802—1815) С. Р. 1894, 11, 312—316.

3422. **Багалѣй Д. И.** проф. Украинская старина (очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго харьковскаго быта и культуры) I. Харьковъ 1896 г. И. Каманинъ. 1897, 1, 28—29.

3423. **Багенскій Ч.** Указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскимъ въ „Трудахъ этнографическостатистической экспедиціи Императорскаго Русскаго географическаго общества въ западно-русскій край (прилож. къ учен. зап. Казан. унив. за 1900 г. декабрь) Кіянинъ. 1901, 2, 98—101.

3424. **Baron de Bay**. Rapport sur le conqres international d'Anthropoloqie de Moscou. P. 1893. Souvenir du conqres international d'Anthropoloqie de Moscou, P. 1893. La bijouterie des qots en Russie. P. 1892, Rapport sur les decouvertes toites par M. savencow dans la Siberie orientale. P. 1894. Ѳ. В. 1894, 12, 503—504.

3425. **Baron de Bay**. Kiev. La

mère des villes russes. vinqt-quatre qravures hors texte Paris. 1896. Н. М. 1897, 2, 49—51.

3426. **Барабашъ А.** Витовтъ и его политика до грюнвальденской битвы (1410 г.) СПБ. 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 2, 148—151.

3427. **Baranovicz** Lazarz. Ksieqa smjerci albo krzyz Ghrystusow. Новгородъ-Сѣверскій 1676 г. М. М. 1891, 1, 202—206.

3428. **Барацъ Г.** Очеркъ происхожденія и постепеннаго затѣмъ упраздненія въ Россіи совѣстныхъ судовъ и суда по совѣсти. СПБ. 1893 г. Н. В. 1883, 7, 149—150.

3429. **Барацъ Г.** Слѣды іудейскихъ воззрѣній въ древне-русской письменности. Слово Кирила Философа. Одесса 1894 г. А. Л. 1894, 6, 561—562.

3430. **Барвинокъ Ганна.** (О. М. Кулишева) Оповидання зъ народныхъ устъ). Кіевъ 1902 г. В. Мировець. 1903, 5, 127—130.

3431. **Барвинскій О.** Исторія Руси. Часть IV Львовъ 1882 г. Коштомъ и заходомъ товариства „Просвѣта" цѣна 16 крейц. (12 к.) В. А. 1883, 2, 649—651.

3432. **Барвинскій** Александръ. Исторія Руси часть V Львовъ 1884 г. В. А. 1884, 8, 708—710.

3433. **Барвінський** Олександер. Історія України-Русі. У Львові 1904 р. В. Д. 1905, 5, 113—118.

3434. **Барвінський** Олександер. Історія України Руси (з образками). У Львові 1904 р. В. Д, 1905, 5, 113—118.

3435. **Barwinskij** profes. Das Yolksleben der Ruthenen Wien. 1898 Н. М. 1898, 4, 28—29.

3436. **Барвінський Б.** Зъїзд галицького кн. Данила з угорьским королем Белею IV 1250 р. Львов. 1901 р. Н. М. 4902, 1, 38—39.

3437. **Барсовъ Е. В.** Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Москва 1887 г. т. I—II. В. Науменко. 1888, 7, 1—12.

3438. **Барсуковъ** А. Разсказы изъ русской исторіи XVIII в. по архивнымъ документамъ СПБ. 1885 г. К. Цыбульскій. 1885, 10, 326 -329.

3439. **Барсуковъ** А. Родъ Шереметевыхъ кн. I—IV СПБ. 1881—1884 года. И. Каманинъ. 1885, 10, 319—323.

3440. **Барсуковъ А.** Родъ Шереметевыхъ, книга пятая. СПБ. 1888 г. И. Каманиинъ. 1888, 6, 59—62.

3441. **Барсуковъ Н.** Жизнь и труды М. П. Погодина. СПБ. 1893 г. К-цъ. 1893, 11, 342—345.

3442. **Барсуковъ Н.** Жизнь и труды М. П. Погодина кн. VIII. А. Л. 1895, 3, 129—131.

3443. **Барсуковъ Н.** Жизнь и труды М. П. Погодина кн. IX. А. Л. 1895, 5, 105—106.

3444. **Барсуковъ Н.** Жизнь и труды М. П. Погодина кн. X. 1896, 6, 101—105.

3445. **Барсуковъ Н.** Воспоминанія о Н. Костомаровѣ и А. Майковѣ. СПБ. 1898 г. X. 1898, 3, 120—123.

3446. **Батюшковъ Н. Н.** Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. СПБ. 1890 г. И. Новицкій. 1890, 6, 558—565.

3447. **Батюшковъ П. Н.** Волынь.

Историческія судьбы юго-западного края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерстѣ внутреннихъ дѣлъ. СПБ. 1898 г. И. Каманинъ. 1888, 11, 49—53.

3448. **Батюшковъ П. Н.** Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія. Вып. 7-й Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецкая губ.). СПБ. 1885 г. (съ приложеніемъ художественнаго отдѣла). Изд. министерства внутреннихъ дѣлъ. И. Беркутъ. 1885, 6, 307—314.

3449. **Батюшковъ П. Н.** Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія. Вып. VIII. Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецкая губерніи варшавскаго генераль-губернаторства) СПБ. 1885 г. ц. 15 р. Ѳ. Лобода. 1886, 4, 796—804.

3450. **Батюшковъ П. Н.** Русь. Историческія судьбы русскаго забужья. СПБ. 1887 г. Т. Цыбульскій. 1887, 11, 549—557.

3451. **Бахталовскій Георгій.** Посадъ Вилковъ, Историко-статистическій и бытовой очеркъ. Кишиневъ 1881 г. Гр. Д—нъ. 1882, 8, 358—361.

3452. **Береженого** Богъ береже, Оповідання селянське про скотську чуму. 1900, 4, 30—31.

3453. **Бережковъ М.** Марковъ М. Е. и его рукописный сборникъ о черниговской старинѣ. Нѣжинъ 1902 года. Н. В. 1902, 12, 198—200.

3454. **Бережковъ М.** Блаженный Игорь Ольговичъ, князь Новгородъ-Сѣверскій и великій князь Кіевскій. Историческій очеркъ. Черниговъ 1893 г. И. Каманинъ. 1894, 3, 587.

3455. **Беретти А.** О строющемся соборѣ во имя св. Владиміра въ Кіевѣ. Кіевъ 1884 г. А. К. 1884, 6, 323—326.

3456. **Бертье-Делагаръ.** Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологической Комиссіей № 12. Древности Южной Россіи. Раскопки Херсонеса. СПБ. 1893 г. № 14. Древности сѣверо-западного края. В. Ястребовъ. 1894, 6, 546—554.

3457. **Берхинъ.** О статьѣ его: „О посольствахъ Владиміра св. для испытанія вѣръ". П. Голубовскій. 1885, 3, 569—573.

3458. **Бершадскій С. А.** Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до люблинской уніи (1388—1569). СПБ. 1883 г. В. А. 1883, 12. 665—671.

3459. **Бершадскій С. А.** Шауль-Юдичъ Валь изъ Бреста—Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія. Историч. легенда. СПБ. 1889 г. И. Каманинъ. 1890, 6, 565—569.

3460. **Бестужевъ-Рюминъ К.** Русская исторія т. II вып. 1. СПБ. 1886 года. И. Каманинъ. 1886, 1, 167—168.

3461. **Биберштейнъ Гр.** Народныя преданія въ Подоліи. Графъ Мотыка. Каменецъ-Подольскъ 1882 г. Н. П. 1882, 5, 321—323.

3462. **Библіографическая** замѣтка Божерянова. 1886, 2, 419—420.

3463. **Библіографическая** замѣтка о новыхъ матеріалахъ, касающихся исторіи Малороссіи. П. Ивановъ. 1892, 12, 483—494.

3464. **Библіографическія** замѣтки. I (Жур. М. Н. Пр. 1893 г. 1—9). И. 1893, 10, 180—184.

3465. **Biblioteka** Warszawska за 1898 годъ А. С. 1899, 5, 90—94.

3466. **Билиловський К.** Складка. Альманахъ на спомынъ В. С. Александрова. Харьковъ. М. Кононенко. 1896, 110—112.

3467. **Билиловський К.** Складка. Альманахъ. СПБ. 1897 г. М. Кононенко. 1898, 2, 68—71.

3468. **Бирчак** Володимир. Урвана пісня (новела). Львів 1904 р. П. Е. 1905, 4, 6—8.

3469. **Бігдай А.** Матеріалы къ изученію Кубанскаго казачьяго войска. Пѣсня кубанскихъ козаковъ вып. 1—3. Пісні чорноморські вып. 4. Пѣсни линейскія. Москва. Н. Ш. 1897, 7—8, 42—43.

3470. **Блекловъ С.** За фактами и цифрами. Записки земскаго статистика М. 1894 г. ц. 1 руб. Л. С. Л. 1894, 5, 384—385.

3471. **Блонскій С. А.** Народныя школы съ малорусскимъ языкомъ. Житоміръ 1905 г. С. Е. 1905, 7—8, 5.

3472. **Bobrzynski S. i Smolka.** Jan Dluqosz, jeqo zycie i sanowisko w pilmiennictwie (Бобжинскій и Ст. Смолка. Янъ Длугошъ, его жизнь и положеніе въ письменности) Krakow 1893 года. Н. М. 1894, 7, 124—126.

3473. **Бобиковичъ** Олекса. „Настоящі" Комедия. В. Д. 1904, 1, 33—37.

3474. **Бобринскій** Григ. Александ. Курганы и случайныя крхеологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы. Дневники пятилѣтнихъ раскопокъ. СПБ. 1887 г, В. Ястребовъ. 1887, 10, 361—365.

3475. **Бобринскій** Александръ Гр. Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи 2 ч. СПБ. 1890, 4, 189—190.

3476. **Бобринскій** Ал. Гр. Дневникъ раскопокъ 1887—1889 о курганахъ Звенигородскаго и Роменскаго уѣздовъ. Курганы и случайныя археологическія находки близь мѣстечка Смѣлы т. 2 ц. 8 руб. 1894, 11, 316—320.

3477. **Бобринскій** Алексѣй Гр. Курганы и случайныя археологическія находки близь мѣстечка Смѣлы т. III. (Дневникъ раскопокъ 1889—1897). СПБ. 1901 г. Н. Б. 1901, 10, 36—42.

3478. **Бобровскій П. О.** Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I. Историч. изслѣдованія по архивнымъ документамъ. СПБ. 1890 г. Арк. Л—нко. 1890, 4, 180—182.

3479. **Богдановичъ А. Е.** Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. В. Перетцъ 1895, 10. 30—32.

3480. **Богородицкій В.** Діалектическія замѣтки. III говоръ села „Сушки" Золотоношскаго у. Полтавской губерніи. Казань 1901 г. К. Михальчукъ. 1901, 7—8, 48—54.

3481. **Bolsunowski K.** Najdawniejsze pomniki chrzescijanstwa na Rusi. М. К. 1901, 3, 178—179.

3482. **Болсуновскій К.** Каталогъ предметовъ, выставленныхъ въ университетѣ св. Владимира во время XI археологическаго съѣзда. К. 1899 года. И. Каманинъ. 1899, 10, 31—32.

3483. **Bolsunowski.** Solidy Boleslawa z napisem slawianskim. Кіевъ 1887 г. И. Каманинъ. 1888, 7, 26—29.

3484. **Болсуновскій К.** Свинцовыя пластинки съ условными знаками церковныхъ праздниковъ. М. 1899 г. И. Каманинъ. 1899, 10, 31—32.

3485. **Болсуновскій К.** Сфрагистическіе и геральдическіе памятники юго-западнаго края. Б. 1899 г. И. Каманинъ 1899, 10, 31—32.

3486. **Bonnel** Ernst Beiträge zuz Alterthumskunde Russlands. (Эрнестъ Конель. Дополненія къ археологіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ до 400 года по Р. Х. составленныя преимущественно по извѣстіямъ греческихъ и римскихъ писателей. Т. 1. СПБ. 1882 г.) В. А. 1882, 7, 167—171.

3487. **Bon ecki Adami.** Poczet rodow w wilkiem ksiestwie Litewskiem w XV i XVI wieku. Warszawa 1887 г. О. Л. 1887, 6—7, 523—526.

3488. **Boratynski** Ludwik. Ste-Batory i plan ligi przeciw Purkom (1576—1584) W. Krakowie 1903 Н. М. 1903, 12, 171—175.

3489. **Боровиковскій М.** Новый отечественный курортъ (по р. Днѣстру —историческое "Побережье" Подоліи —мѣстечко Каменка) Од. 1894 г. Щербина 1894, 12, 508.

3490. **Бразоль Григорій.** Объ учрежденіи волостныхъ и сельскихъ судовъ. Замѣна ихъ мировыми судебными учрежденіями. Харковъ 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 6, 342—345.

3491. **Брикнеръ А.** Потемкинъ. СПБ. 1891 г. ц. 2 р. 50 к. Z. 1892, 3, 512—514.

3492. **Брошюры** за послѣдніе годы. 1897, 42, 88—92.

3493. **Бубликъ В. Д.** Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ. И. Ж. 1888, 8, 49—50.

3494. **Будиловичъ А.** Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изданный Императорскимъ Варщавскимъ университетомъ къ 6-му апрѣля 1885 г. Варшава 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 7, 491—493.

3495. **Будиловичъ А.** Русская православная старина въ Замостьѣ. Изд. Холмскаго Св. Богородицкаго братства. Варшава 1886 г. П. Голубовскій. 1886, 9, 151—155.

3496. **Будиловичъ А.** свящ. Историческій очеркъ Михеевской св. Парасковіевской церкви въ связи съ обзоромъ окатоличенія и ополяченія завепрянской Руси. Варшава 1893. А. Л. 1893, 12, 509.

3497. **Буковинскій** Альманахъ. Черновцы 1885 г. Л—тъ. 1886, № 8, 735—738.

3498. **Булгаковскій Д. Г.** Пинчуки. Этнографическій сборникъ. СПБ. 1890. 1891, 2, 361—363.

3499. **Булгаковъ Ѳ. И.** Альбомъ русской живописи. Картины В. Д. Орловскаго. СПБ. Н. Шугуровъ 1889, 5—6, 658—660.

3500. **Булгаковъ Ѳ. И.** Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографическаго искусства т. I съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1890 г. И. Ж. 1890, 7, 155—158.

3501. **Булгаковъ Д.** Слѣдуетъ-ли въ числѣ просвѣтителей древней курской области считать св. Петра, митрополита московскаго (Критико-библіографическая замѣтка по поводу изданія г. Девріена „Россія" т. II. 1904, 7—8, 32—43.

3502. **Bouillet.** Dictionaire universel d' Histoire et de Geoqrahie. Paris 1893. В. А. 1893, 1, 178—180.

3503. **Burnier** Gharles. En Russie. Paris et Lausanne. 1893. В. Г. 1893, 12, 510—511.

3504. **Бучневичъ В. Е.** Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава 1882 г. Ив. Матченко 1883, 5, 161—164.

3505. **Бучневичъ В.** Кременчуг и посадъ Крюковъ Полтава 1891 г. Ѳ. Николайчикъ. 1892, 5, 306—309.

3506. **Бучневичъ В. Е.** Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава 1902 г. О. Л. 1902, 11, 114—123.

3507. **Буцинскій И. П.** О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ. 1882 г. 1883, 1, 183—184.

3508. **Буцинскій И. П.** О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ 1882 г. В. Антоновичъ 1883, 2, 417—428.

3509. **Бѣловетцъ П. И.** Очаковъ. Краткій историческій очеркъ военныхъ дѣйствій русскихъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ у стѣнъ очаковской твердыни. Севастополь 1902 г. И. Б. 1903, 2, 117.

3510. **Бѣлокуровъ С. А.** Юрій Крижаничъ въ Россіи М. 1903 г. Ал. Маркевичъ 1903, 6, 207—209.

3511. **Бѣлозерскій Н.** Добавки и поправки постояннаго читателя „Кіевской Старины" 1884, 5, 146—151.

3512. **Бѣляшевскій Николай.** Монетные клады Кіевской губерніи Кіевъ 1889. П. Голубовскій. 1889, 10, 205—207.

3513. **Бѣляшевскій Н.** Археологическая лѣтопись 1900, 1, 47—60.

3514. **Василенко.** Къ вопросу о толковомъ словарѣ украинской народной терминологіи Харьковъ 1902 г. Б. Гринченко 1903, 1, 25—28.

3515. **Василенко В.** Этнографическіе матеріалы, собранные въ Полтавской губерніи. Опытъ толковаго словаря народной технической терминологіи по Полтавской губерніи Харьковъ 1902 г. Б. Гриченко. 1903, 1, 25—28.

3516. **Василенко В. И.** Метереологія и земледѣліе по украинскимъ народнымъ воззрѣніямъ, съ программою для собиранія матеріаловъ. Полтава 1902 г. Л. С. Л. 1902, 12, 197—198.

3517. **Василенко Н.** (редакція) Матеріалы для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта старой Малороссіи В. 1-й (Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка 1729—1730) Черниговъ 1901 г. 1901, 12, 185.

3518. **Василенко В. И.** Мѣстечко Опошня, Зѣньковскаго уѣзда, Полтавской губ. Статистико-экономическій очеркъ. Изд. Полтавскаго губернскаго статистическаго комитета. Полтава 1889 г. Н. В. 1891, 6, 503—504.

3519. **Васильчиковъ А. А.** Семейство Разумовскихъ т. IV СПБ. 1887 г. V. 1887, 4, 760—762.

3520. **Васильчиковъ А.** Семеиство Разумовскихъ т. 5. 1895, 2, 76.

3521. **Waclaw X.** O cudownym obrazie Najsw. Maryi P. Bertczowskiej. Krakov 1897, Н. М. 1898, 4, 30—31.

3522. **Веберъ М.** Историческій очеркъ освободительнаго движенія въ Россіи и положеніе буржуазной демократіи Б. 1906. М. Порш. 1907, 5, 235—240.

3523. **Weber-Lutkow.** Schlummernde Seelen. 1900, 4, 18—24.

3524. **Вейнбергъ Л.** Обзоръ замѣчательнѣйшихъ древностей Воронежской губерніи. А. Л—нко 1892, 1, 166—170.

3525. **Венгеровъ С. А.** Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ СПБ. 1886—8. Вып. 1—13. Г. 1888, 12, 72—74.

3526. **Венгеровъ С. А.** Критико-біогра-

фическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ т. V СПБ. 1897. 1897, 11, 62.

3527. **Werenka D.** Bukowinas Entstehen und Aufbluhen. Maria Fheresias Zeit. Ith. Wien 1892. И. Лучицкаго 1893, 3, 549—560.

3528. **Верещагинъ В.** Русскія иллюстрированныя изданія 18 и 19 столѣтій СПБ. 1898. Н. Ш. 1898, 7—8, 30—36.

3529. **Вержбицкій.** Памятная книжка Курской губерніи на 1893 г. ц. 1 р. 30 к. Ѳ. Титовъ. 1894, 6, 557—560.

3530. **Вержбицкій Т. І.** Краткое описаніе г. Житоміра Изд. 2. Житоміръ 1889. 1889, 10, 218—219.

3531. **Верзиловъ А.** Очеркъ торговли южной Руси съ 1480—1569. Черниговъ 1898. Н. В. 1899, 9, 119—121.

3532. **Веселовскій Ал.** Этюды и характеристики, М. 1894 г. А. Степовичъ. 1894, 11, 325—327.

3533. **Виданэ** „Просвіти"—Руська письменність: твори Івана Котляревського, Петра Артемовського-Гулака, Евгенія Гребінки. Львівъ 1908 ц. 40 к. Доманицкій. 1904, 12, 168—179.

3534. **Wierzbowski** Fheodorus. Biblioqraphia Polonica XV ac XVI ss. Varsoviae 1889—94. А. Стороженко. 1894, 4, 187—190.

3535. **„Wiz i perewiz"**, czyli Ukraina galycyjska w prawdziwem oswietlemu przez Ukrainca. Lwow. 1904. Н. 1905, 1, 44—47.

3536. **Викулъ П.** Столѣтіе учрежденія православной епархіи въ Подоліи. 1895, 5, 102—103.

3537. **Викулъ и Якубовичъ.** Подольскіе архипастыри (изъ VIII в. трудовъ Подольскаго епарх. историко статист. комитета) Н. М. 1895, 12, 121—122.

3538. **Викъ.** (1798—1898) Кыивъ 1900 ц. 2 р. В. Н. 1901, 1, 37—40.

3539. **Виленскій** календарь на 1885 г. Вильна 1884. И. Каманинъ 1885, 4, 760—765.

3540. **Виленскій** календарь на 1886 г. Вильна 1885 г. И. Малышевскій. 1886, 2, 375—377.

3541. **Виленскій** календарь на 1887 г. Вильна 1886 г. И. Малышевскій. 1887, 2, 340—352.

3542. **Виленскій** календарь на 1889 г. (6-й годъ изданія) Вильна 1888 г. цѣна 30 к. Н. Т. 1889, 3, 533—534.

3543. **Виленскій** временникъ. Изд. Виленскаго генералъ-губернат. управленія. Проф. Карскій. Бѣлоруссы. Введеніе въ изученіе языка и народной словесности. 1904, 4, 45—47.

3544. **Виноградовъ В. К.** Ѳеодосія. Историческій очеркъ. Ѳеодосія 1884 г. И. Каманинъ. 1885, 5, 145—149.

3545. **Visla** 1887—1888 г. Н. Ѳ. Сумцовъ. 1889, 10, 214—217.

3546. **Вишневскій Д.** Кіевская Академія въ половинѣ XVIII ст. 1904, 2, 80—84.

3547. **Владимировъ П. В.** Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. СПБ. 1888 г. А. Степовичъ. 1889, 2, 513—521.

3548. **Владимировъ М. М.** Первое столѣтіе города Екатеринослава 1787—9 мая 1887 г. Матеріалы для историческаго очерка. Екатеринославъ 1887 г. В-о. 1887, 12, 761—766.

3549. **Владимирскій Будановъ М. Ф.** Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 2 съ дополненіями. Кіевъ 1888 г. И. М. 1888, 4, 9—12.

3550. **Владимирскій Будаковъ М. Ф.** Исторія университета св. Владимира. Т. I Университетъ св. Владимира въ царствованіе Императора Николая I Кіевъ 1884 г. Б. Цыбульскій. 1884, 11, 512—517.

3551. **Владимирскій** сборникъ въ память 900 лѣтія крещенія Россіи. Кіевъ 1888 г. П. Голубовскій. 1889, 12, 646—654.

3552. **Wlast Jozef.** Opowiadania historyczne z dziejów okolicu Sluczy jej doplywow. Краковъ 1897 г. 1897, 9, 77—78.

3553. **Вниманію** г.г. любителей рыбной ловли. К. 1892 г. 16 ст. К—цъ. 1893, 11, 345—346.

3554. **В—новъ А. и свящ. В. Антоновъ** Памятная книжка Кіевской епархіи (Кіевскій епархіальный календарь Кіевъ 1882 г. Н. П. 1882, 8, 340—349.

3555. **Вовчекъ М.** Сестра. Б. Я. 1904, 2. 181—183.

3556. **Вовчокъ М.** Кармелюкъ. Б. Я. 1904, 12, 181—183.

3557. **Волжскій** странникъ (псевдонимъ) Вып. I Н.-Новгородъ (1899) ц. 40 к. В. Д. 1901, 9, 125—128.

3558. **Волконскаго** С. Г. (декабриста) записки. Андр. А. 1902, 3, 197—206.

3559. **Волланомъ** собранныя угро-русскія народныя пѣсни. (Записки Императорскаго Географич. общества по отдѣленію этнографіи т. XIII вып. 1) СПБ. 1875 г. В. Горленко. 1886, 1, 168—172.

3560. **Волынскій** историко-археологическій сборникъ Вып. II Житоміръ 1900 г. Ор. Левицкій. 1901, 11, 95—109.

3561. **Волынскій** историко-археологическій сборникъ Вып. I Почаевъ-Житоміръ 1896 г. Н Бѣляшевскій. 1896, 11, 52—61.

3562. **Волынскій** народный календарь на 1890 г. Годъ 2-й изд. Ѳ. И. Досинчука. Житоміръ 1889 г. Арк. Л—нко 1890, 2, 368—370.

3563. **Volff Jósef.** Rod Gedimina. Краковъ 1888 И. Каманинъ. 1886. 11, 553—555.

3564. **Воронежскій** юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа. Изд. Воронежскаго статистическаго комитета. Воронежъ 1886 г. т. I—II. Н. С. 1887, 3, 550—555.

3565. **Воронежскій** губерніи, памятная книжка на 1893 г. Воронежъ 1893 п. 1 р. 25 к. А. Степовичъ. 1893, 5, 353—356.

3566. **Воскресенскій Н. В.** Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей (1838—1888) Историческій очеркъ т. I Воронежъ 1888—1890 Н. В. 1891, 7, 132—154.

3567. **Воспоминанія** и дневники А. М. Грабовскаго. А. Л. 1899, 2, 124—126.

3368. **Вотковъ А.** Іовъ Базиле вичъ епископъ переяславскій, и участіе его въ церковно-политической жизни польской Украины. К. 1903 г. С. И. 1904, 7—8, 43—60.

3569. **Врабель М.** Русскій соловей, народная лира или собраніе народныхъ пѣсней на разныхъ угро-русскихъ нарѣчіяхъ. 1890. А. К. 1892, 6, 459—475.

3570. **Въ** защиту слова. Сборникъ 2 изд. СПБ. 1905 г. С. Е. 1905, 7—8.

3571. **Въ** историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Кн. 16 вып. IV. Кіевъ 1902 г. Н. В. 1903, 2, 112—116.

3572. **Выдавныцтво** „Викъ". На вичну память Котляревському. У Кыиви. 1905, 4, 14—27.

3573. **Выдавныцтво** „Викъ". На вичну память Котляревському Литературный збирныкъ Б. Я. 1904, 12, 181—183.

3574. **Выставка** древностей представляемыхъ Императорской Археологической комиссіей на воззрѣніе Государя Имлератора. 1896, 10, 31—33.

3575. **Высокопреосвященнѣйшій** Макарій, митрополитъ московскій и коломенскій. М. 1882 г. Л. Т. 1882, 12, 576—582.

3576. **В. Я.** Одесскія юбилейныя изданія. 1894, 10, 156—158.

3577. **Г.** Библіографическое извѣщеніе. 1885, 2, 415—416.

3578. **Галагана** Павла коллегіи ежегодникъ съ 1 откября 1901 г. по 1 октября 1902 г. Н. М. Ш. 1902, 11, 126—127.

3579. **Галайда** Гнатъ. Про сыритъ. 1904, 2, 92—93,

3580. **Галантъ И.** Къ исторіи поселенія евреевъ въ Польшѣ и Руси вообще и въ Подоліи въ частности. Е. Кашировскій, 1898, 3, 115—117.

3581. **Halban** Alfred Dr. Zur geschichte des deutschen Rechtes in Podolia, Wolhynien und der Ukraine. Berlin 1896. Н. М. 1897, 2, 55—58.

3582. **Galicya** przedstawiona slowem i olówkiem w opracowamu Boleslawa Limanovskieqo z rysunkami Wlodzimiera Fetmaj era. Lwow 1892 Н. Ш. 1894, 3, 585—587.

3583. **Galicia** w obrazach. Zebral Wozniak. Н. Ш. 1900, 6, 168—169.

3584. **Hammard.** Reise durch Oberschlesien zur russich-kaiserlichen Amee nach der Ukraine und zum Feldmarschall Rumanzow Sadunaiskoy. Gotha 1787. С. Е. 1891, 7, 160—168

3585. **Гамченко** Сергѣй. Житомірскій могильникъ. Археографическое изслѣдованіе житомірской группы кургановъ, Житоміръ 1888. Н. Б. 1889, 5—6, 655—658.

3586. **Гамченко С.** Древній поселокъ и могильникъ въ урочищѣ „Стуга" близъ с. Студенца. Житоміръ 1900, 6, 165—166.

3587. **Hauser** Leopold. Monoqrafia miasta Przemysla. Przemysl 1883. В. А. 1883, 2, 647—649.

3588. **Ге Г. Н.** Историческій очеркъ существованія города Николаева при устьѣ Ингула (1790—1890). Сост. по порученію Николаевской городской думы къ празднованію юбилея, николаевскимъ секретаремъ. Николаевъ 1890 г. С. Е. 1891, 7, 155—157.

3589. **Heleniusz.** Wspomnieme polskich czasow. Н. М. 1895, 7—8, 43—46.

3590. **Гейсманъ П. А.** Варшавскій военный журналъ 1904 г, Русскія войска и конфедераціи въ Польшѣ въ 1767 и 1768 г. Вл. П—ко. 1905, 1, 42—44.

3591. **Генеральное** слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцкаго полка 1729—1730 г. г. Изданіе Полтавскаго губернскаго статистическаго комитета Полтава 1893 г. 45 стр. В. М. 1894, 4, 176-186.

3592. **Генеральное** слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка 1729—1730 г. г. Сообщилъ Н. Василенко (оттискъ изъ VII кн. „Чтеній въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца)" К. 1892 г. В. М. 1894, 4, 176—186.

3593. **Георгіевскій** Александръ Кіево-Подольская церковь Николая Добраго. К. 1891. А. Л. 1893, 12, 507—509.

3594. **Гильтебрантъ** Петръ. Гедеонъ Балабанъ и его три книги И. Каманинъ. 1900, 11, 87—89.

3595. **Гиляревскій А.** свящ. Русскій путешественникъ по св. мѣстамъ Василій Григорьевичъ Барскій М. 1889 г. (Оттискъ изъ „Чтеній въ Общ. любителей Духовнаго Просвѣщенія") 1884 г. ц. 50 к. Ив. Новицкій. 1890, 2, 359-363.

3596. **Гинцбургъ А. Б.** Русская правда, текстъ изданный по запискамъ, съ предисловіемъ и краткимъ объяснительнымъ словаремъ. СПБ. 1888 г. П. Голубовскій. 1889, 3, 760—762.

3597. **Глибивъ.** Твары. Выдавныцтво Викъ. У Кыиви 1904 № 14. М. П—скій 1905, 5, 118—121.

3598. **Gloqer.** Z. Piesni ludu Krakov 1892. В. Перетца. 1893, 2, 381—385.

3599. **Hovelacque** et. F. Herve Repherehes ethnoloqiques sur le Morvan. P. 1794.. Ѳ. В. 1894, 11, 323—325.

3600. **Гоголь.** Сочиненія изд. подъ ред. Тихонравова V т. Москва 1889—90. Г. 1891, 3, 528—534.

3601. **Гоголь.** Сочиненія изд. подъ ред. Тихонравова и Шенрока, т. VI VII. Е. Пѣтуховъ. 1896, 7—8, 27—30.

3602. **Головацкій** Яковъ. Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ. Съ прилож. географической карты. Вильна 1884 г. Ѳ. Ни—ка. 1884, 4, 649—652.

3603. **Голубевъ С.** Кіевскій митрополитъ Потръ Могила и его сподвижники. (Опытъ историческаго изслѣдованія). Т. I. Кіевъ 1883 г. 1225 стр. П, Л. 1883, 8, 741—742.

3604. **Голубевъ С.** Исторія Духовной академіи. Выпускъ первый. Періодъ до-могилянскій. Кіевъ 1886 г. И. Каманинъ. 1887, 5, 176—179.

3605. **Голубевъ С.** Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви. К. 1894 г. Ѳ. Титовъ 1894, 6, 560—561.

3606. **Голубевъ С.** Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. т. II. К. 1898 г. О. Л. 1898, 12, 85—92.

3607. **Голубевъ С.** Къ исторіи Кіевской трехсвятительской церкви за вторую половину XVII стр. К. 1899 г. О. Л. 1899, 5, 94—97.

3608. **Голубевъ С.** Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст. В. Д. 1902, 2, 135—137.

3609. **Голубовскій П.** Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX-XIII в. Кіевъ 1884 г. В. А. 1884, 7. 505—508.

3610. **Голубовскій П.** Исторія сѣверной земли до половины XIV в. Кіевъ 1881 г. Д. Багалѣй. 1882, 2, 405—407.

3611. **Голубовскій П.** Половцы въ Венгріи. Историческій очеркъ. Кіевъ 1890 г. Н. М. 1890, 3, 571—572.

3612. **Голубовскій.** Исторія Смоленземли до началѣ XI ст. В. А. 1896, 1. 66—69.

3613. **Горленко** Іосафа, епископа бѣлгородскаго, записки Ѳ. Титовъ. 1893, 10, 168—172.

3614. **Горленко В.** Шевченко-живописца и граверъ (приложеніе ко Все-

мірной Иллюстраціи). 1893 г. № 4. 1893, 6, 531—536.

3615. **Gorski** Wladyslaw Pobóq· Powiat moqylowski w qubernii Podolskiej. w Krakowie 1902. Н. М. 1903, 10, 46—50.

3616. **Gorski**. konstanty. Wojna Pziezy Pospolitey Polskiey z Furcya w latacp. 1672—1673. Warszawa 1890. Н. М. 1890, 166—168.

3617. **Горчаковъ Е**. кн. Кіевъ, съ приложеніемъ плана г. Кіева. Москва 1885 г. V. 1886, 5, 150—153.

3618. **Господа** Нашого Іисуса Христа Святе Евангеліе від Матеея. В. Н, 1907, 1, 106—113.

3619. **Гошкевичъ В**. Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ. К. 1890 г. Н. Б. 1890, 4, 182—184.

3620. **Гошкевичъ Вл**. Клады и древности Херсонской губерніи кн. I. Херсонъ 1903 г. Ф. М-сяій. 1903, 9, 147—148.

3621. **Грабина А. Т.** Тывуртіевы выгадкы. В. Д. 1900, 12, 171—172.

3622. **Грабина А. Т**. Мужычкы жартъ въ 1-й от. К. 1904 г. ц. 20 к. В. Д. 1904, 10, 39—42.

3623. **Грановскій А.** Полтавская епархія въ ея прошломъ и настоящемъ О. Л. 1902, 5. 121—129.

3624. **Граховъ Я**. Краткій историко-статистическій обзоръ Екатеринославской гимназіи и подчиненныхъ ей учебныхъ заведеиій. Одесса 1856 года. Г. З. 1888, 1—3, 39 45.

3625. **Гринченко Б.** Этнографическіе матеріалы собранные въ Черниговской губерній в. I. Л. 1895, 12, 111—113.

3626. **Гринченко Б**. Этнографичеэліе матеріалы, собранныя въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Черниговъ 1896 г. А. Л. 1896. 11, 61—62.

3627. **Гротъ К. Я.** Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. А. Л. 1896 12, 86—90.

3628. **Гринченко Б. Д.** Каталогъ музея украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Н. Б. 1900, 12, 161—164.

3629. **Гринченко Б.** Литература украинскаго фольклора (1777—1900). Олытъ библіографическаго указателя. Черниговъ 1901. Н. Шугуровъ 1901, 9, 105—115.

3630. **Гринченко** Б. Старинный малорусскій письмовникъ. О. Л. 1902, 3, 191—196.

3631. **Гринченко** Б. Драмы и комедіи. Д. Д.1903, 2, 108—111.

3632. **Гринченко**. Хто робить, той и має (оповідання про Джемса Гарфильда. (СПБ. В. Мировець. 1903, 5, 134—136.

3633. **Гринченко Н**. Буря на мори. Кыивъ 1903, М. Павловскій. 1903, *1*—8, 76—78.

3634. **Гринченко Б.** Пысання т. I. Кыивъ 1903 р. П. I. Г. 1904, 12, 175—198.

3635. **Гринченко** Б. Пысання т. I. 1903 р. ц. 1 р. 50 к. Л. Старицкая Черняховская. 1904, 01, 73—115.

3636. **Гринченко** Б. Тяжким шляхом. Про українську прессу К. 1906. В. Д. 1907, 1, 117—120.

3637. **Грінченко** Б. Народні вчителі і вкраїнська школа. К. 1906. В. Д. 1907, 1, 117—120.

3638. **Грінченко** Б. Українські народні казки для дітей К. 1907 ц. 65 к. Е. Віченко 1907, 7—8, 257—259.

3639. **Грінченко** Б. Перед широ-

ким. сьвітом. Б. 1907 ц. 1 р. С. Петлюра. 1907, 7—8, 237—246.

3640. **Гротъ К. Я.** Моравія и мадьяры съ половинѣ IX до начала X вѣка. СПБ. 1881. В. И. 1882. 2, 408—412.

3641. **Гротъ К. Я.** Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII вѣкѣ. (1141—1173). Варшава 1889. П. Г. 1890, 10, 158—165.

3642. **Грушевскій М.** Южно-русскіе господарскіе замки. П. Г. 1890, 8, 333—334.

3643. **Грушевскій М.** Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV ст. ю. 1891 г. П. Р. 1892, 9, 430—438.

3644. **Грушевскій**. Барское староство Н. М. 1895, 3, 103—112.

3645. **Грушевскій**. Виїмка з жерел. до історії України-Русі Н. М. 1895, 12, 122—123

3646. **Грушевський М**. проф. Історія України-Русі. Т. I—III. Львів 1898—1800. В. Доманицкій, 1902, 12, 186—193.

3647. **Грушевскій М.** Історія України-Русі томъ IV. У Львові 1903. Доманицкій. 1982, 12, 163—171.

3648. **Грушевскій М.** Оповидання. Б. Я. 1904, 12, 181—183.

3649. **Грушевський** Мыхайло. Оповидання. Выдавньцтво „Бикъ". У Кыиви 1904. Л. Ш. 1905, 121—127.

3650. **Грушевський М.** Спірні питання староруської етнографії. СПБ. Тип. Императврской Академіи наукъ 1904. В. Д. 1905, 3, 198—200.

3651. **Грушевський М.** Про старі часи на Україні В. Д—ий. 1907, 4, 99—102.

3652. **Грушевскій М.** Единство или распаденіе Россіи. Ікс. 1907, 7—8, 250—253.

3653. **Грушевскій М.** Національный вопросъ и автономія СПБ. 1907. Ікс. 1907, 7—8, 250—253.

3654. **Грушевскій М.** Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ. СПБ. 1907. ц. 1 р. М. Ж. 1907, 7—8, 253—257.

3655. **Губаноьъ Т.** (изданіе) Хома Боець. Въ кого сердце щыре, той въ несчастяхъ гыне. Опера у четырехъ діяхъ и пьяты картынахъ. К. 1904. ц. 15 к. 1604, 10, 39—42.

3656. **Губернскія** Вѣдомости, какъ пособіе при изученіи русской исторіи и этнографіи Н. Сумцова. 1885, 2, 391—399.

3657. **Gubernatis** A. Dictionaire international des écrivains au jour livraisons XI et XII. (Florence, Paris, Leipziq 1889 20). Н. М. 1890, 4, 185—189.

3658. **Gubernatis.** Dictionnaire internationale. ілг. XI—X. Н. Молчанивскаго. 1889, 12, 655—661.

3659. **Hunvalfy**. Paul. Die Inqern cder Madyaren. Yien und Teschen. 1881. П. Голубовскій. 1882, 8, 355—358.

3660. **Гульдманъ В. К**. Справочная книжка Подольской губерніи. Каменецъ-Подольскій 1888 г. Н. Молчановскій. 1888, 1—3, 1—5.

3661. **Гульдманъ В. К**. Подольская губернія. Опытъ географическаго статистическаго описанія. Изд. Подольскаго губернскаго статистическаго комитета. Каменецъ Подольскъ. 1889 г. Ц. Нейманъ. 1890, 1, 156—163.

3662. **Гульдманъ.** Населенныя мѣ-

ста Подольской губерніи. Каменецъ-Подольскъ 1893 г. 636 стр.

3663. **Гульдманъ.** Памятники старины въ Подоліи. Каменецъ-Подольскъ 1901 г. Н. Бѣляшевскій. 1902, 1, 33—37.

3664. **Гульдманъ В. К.** Настольно-справочная книжка для г. г. землевладѣльцевъ и арендаторовъ (помѣстное землевладѣніе въ Подольской губерніи) Изд. 2. Каменецъ 1903 г. Л. С. Л. 1903. 187—189.

3665. **Гуровъ и Бродскій.** Замѣтки и матеріалы по вопросу о старозаимочномъ крестьянскомъ землевладѣніи Харьковской губерніи (отвѣтъ на записку харьковской казенной палаты по тому же вопросу и извлеченіе изъ такъ называемыхъ старозаимочныхъ процессовъ, производившихся въ судебныхъ учрежденіяхъ харьковскаго округа) Харьковъ 1883 г. Дм. Багалѣй. 1884, 2, 305—316.

3666. **Гуровъ В. В.** Сборникъ судебныхъ рѣшеній, состязательныхъ бумагъ, грамотъ, указовъ и другихъ документовъ, относящихся къ вопросу о старо-заимочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей Слободской Украйны при участіи Е. К. Бродскаго. Харьковъ 1884 г. Багалѣй. 1884, 8, 702—708.

3667. **Давидовичъ** Б. **С.** Судьбы православія и русской народности на Волыни въ послѣднее столѣтіе (1796—1896). Рѣчь, читанная на юбилейномъ актѣ Волынской духовной семинаріи 1896 г. 20 сентября, посвящается Волынскому духовенству. Почаевъ 1896 г. К. Х—чъ. 1897, 2. 51—53.

3668. **Данилевскій Г. П.** по литературной перепискѣ. Харьковъ 139 г. А. Л. 1894, 1, 154—155.

3669. **Дашкевичъ Н.** Замѣтки по исторіи литовско русскаго государства. Кіевъ 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 1, 164—167.

3670. **Двадцатипятилѣтіе** Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостей. В. Ястребовъ. 1885, 10, 342—350.

3671. **Двадцатипятилѣтіе** изданія подольскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей (1862—1866 г.) Каменецъ-Подольскъ 1887 г. 20+15 (Отд. оттискъ изъ Под. Епарх. Вѣд. 1887 г. № 1). А. Л. 1889. 1, 264—266.

3672. **Двадцать** пять лѣтъ дѣятельности земства въ Полтавской губерніи съ 1866—1892 г. Изд. Полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества. Полтава 1893 г. Л. С. Л. 1894, 9, 464—467.

3673. **Дворницкій Е. Н.** Памятники древняго православія въ г, Владимирѣ-Волынскомъ. Въ пользу Владимирскаго братства. Кіевъ 1889 г. И. Каманинъ. 1889, 11, 465—467.

3674. **Дворянскій** адресъ календарь на 1897 годъ изд. Н. В. Шапошниковъ СПБ. 1896 г. 1897, 3, 88—90.

3675. **De-Wamme E.** Равноапостольный князь Владиміръ святой. Ровно 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 7, 29—33.

3676. **Дебольскій Г. С.** протоіерей. Житіе св. равноапостольнаго князя Владимира. СПБ. 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 7, 29—33.

3677. **Дебагорія** Мокріевича воспоминанія СПБ. 1906 г. С. П—ра 1907. 9, 389—392.

3678. **Девятисотлѣтіе** русской іерархіи, епархіи и архіереи 888—1888 г,

Сост. по официальнымъ и историческимъ дачнымъ. Н. Д. Москва 1888 г. П. Л. 1889, 1, 272—275.

3679. **Демидовъ** санъ-Донато. Еврейскій вопросъ въ Россіи СПБ. 1883 г. 1884, 1, 155—158.

3680. **Демуцький Н.** Лира и іи мотивы Кыйив 1903. В. Д. 1903, 11, 109—111.

3681. **Демченко Ив.** Украинське весилля Одесса 1905. В. Даниловъ 1906, 5—6, 3—5.

3682. **Denkschriften** des kaiserlichen Akademie Wissenschaften in Wien. 1884. Н. Сумцовъ. 1885, 4, 755—760.

3683. **Десятилѣтіе** Харьковской общественной библіотеки (1886—1896) Н. М. 1898, 5, 71—73.

3684, **Дикаревъ М. А.** Воронежскій этнографическій сборникъ Воронежъ 1891 А. Степовичъ. 1892, 12, 494—495.

3685. **Дикаревъ А.** Воронежскій этнографическій сборникъ. Воронежъ 1891 г. К. Михальчукъ 1893, 5, 334—353.

3686. **Дикаревъ** Митрофан. Збірник фильологичної секції наукового товариства імени Шевченка. В. Н—ко. 1904, 4, 39—43.

3687. **Диковъ П.** Списокъ землевладѣнія въ Гродненской губерніи. Изд. Гродненскаго Губернскаго Статистическаго комитета Гродна 1890. М. Довнаръ-Запольскій. 1891, 10, 164—165.

3688. **Dubold Yladimir.** Ein Beitrag zur Antropologie der Kleinrussen. Dorpat 1886 г. В. А. 1888, 6, 52—55.

3689. **Дмитріевскій А.** Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическіи музей при Кіевской Духовной Академіи „Правосл. Обозр." 1885, 6. 314—318.

3690. **Дмитренко И. И.** Сборникъ историческихъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго казачьяго войска 3 тома. СПБ. 1896 г. А. Л. (съ 7 документами). 1898, 1, 13—22.

3691. **Дмитренко И.** Сборникъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго казачьяго войска СПБ. 1898 г. А. Л. 1899, 2, 109—119.

3692. **Дмитріевъ Ѳ.** Исторія города Брянска Орелъ 1894 г. П. Голубовскій. 1895, 7—8, 52—55.

3693. **Дмитровъ Н.** Першій Русско-американскій календарь. 1897, А. Л. 1897, 11, 61—62.

3694. **Добротворскій Н. А.** Кустарные промыслы Курской губерніи. Курскъ 1886, г. Н. С 1887, 1, 157—161.

3695. **Добрывъ А.** Біографіи русскихъ писателей средняго и новаго періодовъ СПБ. 1900 г. ц. 2 р. В. Д. 1901, 1, 35—37.

3696. **Добрянскій Ф.** Описаніе рукописей Виленской публичной библіотеки, церковно славянскихъ и русскихъ Вильна. 1886 г. Н. П. 1882, 3, 564—572.

3697. **Довнаръ-Запольскій М.** Бѣлорусское Полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ Вып. I. Пѣсни пинчуковъ Кіевъ 1895 г. А. Крымскій. 1896, 1, 30—37.

3698. **Докучаевъ В. В.** Методы изслѣдованія вопроса, были ли лѣса въ южной степной Россіи (Докладъ въ торж. собр. И. В. Э. О. 31 октября 1888 г.) СПБ. 1889 г. 1890. 1, 163—164.

3699. **Документы** Московскаго архива Министерства Юстиціи т. 1. М. 1897 г. Т. Н. 1899, 5, 99.

3700. **Долопчевъ В.** Опытъ словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи (преимущественно въ Южной Россіи) Одесса 1886 г. А. С—чъ. 1888, 9, 63—64.

3701. **Дорошенко Д.** Указатель источниковъ для ознакомленія съ Южною Русью СПБ. 1904 г. Доманицкій. 1904, 9, 104—113.

3702. **Дорошенко Д.** Народная украинская литература. Сборникъ отзывовъ на народныя украинскія изданія. СПБ. 1904. В. Д. 1904, 12, 184—186.

3703. **Досинчукъ Ѳ. И.** Волынскій календарь на 1889 г. Годъ 1-й. Амартолъ. 1889, 1, 276—281.

3704. **Драгомановъ Михайло.** Розвідки про українську народню словесность. В. Д. 1900, 3, 169—172.

3705. **Драгомановъ М.** Листи до Ів. Франка і иншихъ Львів 1906. Д. Дорошенко. 1907, 5, 228—232.

3706. **Драгомирецкій В. С.** Галицкая Русь и русско-польскія отношенія. Петроградъ 1897. Н. М. 1897, 3, 87—88.

3707. **Древности** сѣверо-западнаго края. Вып. 1. Изд. Императорскаго археологическаго комитета СПБ. 1890. В. Я. 1890, 11, 355—356.

3708. **Древности.** Труды Императорскаго Московскаго Общества томъ XI выпускъ III. Москва 1887 г. В. Я. 1888, 5, 42—44.

3709. **Древности.** Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго общества т. XV. 1895, 11, 82.

3710. **Дремцовъ.** Т. Г. Шевченко. Мотивы поэзіи. Переводы „Кобзаря". Вып. 1 Вятка 1902. Ф. М. 1903, 2, 102—107.

3711. **Дренякинъ.** Бѣлгородъ съ уѣздами. Историко-статистическій очеркъ Харьковъ 1882 г. В. А. 1883, 1, 179—180.

3712. **Дружининъ В.** Г. Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка СПБ. 1889 г. А. М. 1889, 4, 225—230.

3713. **Dubiecki** Maryan. Пограничная крѣпость Кудакъ. Н. М. 1900, 10, 30—34.

3714. **Дубове** листя. Альманахъ на згадку про П. О. Кулиша. В. Мировецъ. 1903, 5, 121—127.

3715. **Dunin-Karvicki** Iozef. Szkice obyczajove i historyczne. Warszava. 1882. (Іосифъ Дунинъ-Карвицкій. Очерки нравовъ и исторіи) 1882, 4, 148—149.

3716. **Егоровъ** Александръ. Екатеринославское блуканье. (1777—1791) Екатеринославъ 1887 г. Г. З. 1887, 4, 753—756.

3717. **Едлинскій М.** Анатолій Мартыновскій, архіепископъ Могилевскій. и его литературные труды. Кіевъ 1889 г. Н. М. 1890, 1, 164—166.

3718. **Ежегодникъ** коллегіи Павла Галагана. Н. Ш. 1900, 11, 89—92.

3719. **Ежегодникъ** коллегіи Павла Галагана. Годъ 9 К. 1903, В. Д. 1904, 10, 36—39.

3720. **Ежегодникъ** коллегіи Павла Галагана. Годъ X. (1 окт. 1904—1 окт. 1905) Н. Ш. 1905, 10, 56—58.

3721. **Елпатьевскій К.** Учебникъ русской исторіи съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. 2-е изд. исправл. и дополненное СПБ. 1891 г. П. Г. 1891, 8, 332—338.

3722. **Енохинъ С. А.** На вику, як на довгій ниви. Елисаветградъ 1903 г. В. Мировецъ. 1903, 4, 63—64.

3723. **„Епархіальныя** Вѣдомости" южно-русскихъ губерній въ 1890 г. (Волынскія, Воронежскія, Донскія, Кишеневскія, Курскія, Минскія, Подольскія, Полтавскія, Таврическія, Херсонскія и Черниговскія) Иродіонъ Житецкій. 1891, 9, 508—516.

3724. **Етнографічний** збірник. Видає комисія наукового товариства імени Шевченка. В. Д. 1900, 5, 100—102.

3725. **Ефименко. А.** Исторія Украйны и ея народа. СПБ. 1907 г. ц. 50 к. М. Ж. 1907, 7—8, 246—249.

3726. **Ефименко. А. Я.** „На Украинѣ". Очерки и разсказы в. 1 и 2 ц. 55 к. В. Д. 1901, 2, 96—98.

3727. **Еще** нѣсколько словъ о сборникѣ „Дубове лыстя". С. Ше—хинъ. 1903, 7—8, 67—76.

3728. **Еще** объ украинскихъ народныхъ разсказахъ на французскомъ языкѣ. П. К—ій. 1888, 12, 74—77.

3729. **Жарко Я.** Байки. СПБ. 1899 г. И, 1899, 7, 23—24.

3730. **Жарко. Я.** Про холеру и якъ видъ неи стерегтыся. Катеринодаръ 1905 г. Врачъ. 1905, 7—8, 1—5.

3731. **Жерела** до історіи України—Русі. Видае комісія археографічна наукового товариства ім. Шевченка. Т. І. Львів 1895. В. Щербина. 1896, 7—8, 37—41.

3732. **Жерела** до історії України-Руси. Вид. Наук. Тов. ім. Шевченка. т. II. Львів 1897. В. Щербина. 1898, 1, 25—27.

3733. **Жигаревъ С.** Русская политика въ восточномъ вопросѣ. 1898, 5, 66—68.

3734. **Живая** Старина. Изд. Императорскаго русскаго географическаго общества. СПБ. 1892 вып. 1—4. А. Степовичъ. 1893, 7, 145—147.

3735. **Живая** Старина, изд. Императорскаго Этнографическаго общества, вып. 2—4. СПБ. 1890—1891. В. Я. 1892, 5, 299—303.

3736. **Живая** Старина. Изд. при Императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ подъ редакціей. В. И. Ламанскаго СПБ. 1890 г. Вып. 1, В. Я. 1891, 5, 322—327.

3737. **Жуковскій В. П.** Юмористическіе разсказы и сцены изъ малорусскаго народнаго быта. Кіевъ 1884 г. В. Г—ко. 1884, 1, 154—155.

3738. **Журналы** агрономическаго совѣщанія при Кіевской губернской управѣ. К. 1907. В. Садовський. 1907, 9, 396—398.

3739. **Забѣло Я.** Описаніе Лубенской покровской ярмарки 1891 г. Полтава 1892 г. Р. 1892, 3, 514—516.

3740. **Завадскій**. Владимірскій Кіевскій кадетскій корпусъ. 1851—1901 г. 1902, 1, 39—40.

3741. **Завитневичъ.** Великій князь Кіевскій Святославъ Игорьевичъ и историческое значеніе его богатырскихъ подвиговъ Кіевъ 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 7, 17—20.

3742. **Завитневичъ.** О мѣстѣ и времени крещенія св. Владимира и о годѣ крещенія кіевлянъ. Кіевъ 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 1—3, 16—23.

3743. **Загирня М.** Мудрый учитель. Оповидання про Сократа. СПБ. 1903. В. Мировецъ. 1903, 10, 47—48.

3744. **Загоскинъ Н.** Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Казань 1892 г. ц. 50 к. Н. В. 1892, 4, 144—147.

3745. **Загоскинъ Н. П.** Наука исторіи русскаго права. Ея вспомогательныя знанія и литература. Казань 1891 г. Y. 1891, 12, 485—492.

3746. **Заклинскій** Корнило. Сноше-

нія императора Рудольфа II съ козаками и ихъ участіе въ войнѣ угро-турецкой 1594—1596 г. Львовъ 1882 г. В. А. 1883, 1, 181—183.

3747. **Zakrzewski V.** Pawinski Adolf 1840—1896. Zarys dizejow zywota i pracy. Petersburg. 1897. А. С. 1898, 1, 31—32.

3748. **Залѣсскій.** Археологическая этнографическая и художественная выставка въ г. Полоцкѣ. В. Перетцъ. 1893, 1, 187—188.

3749. **Замѣтка** о старопечатныхъ книгахъ харьковской духовной семинаріи. Н. Сумцовъ. 1888, 89—90.

3750. **Записки** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей. Т. XIII, Одесса 1883 г. И. Л. 1884, 6, 320—322.

3751. **Записки** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей т. XIV, Одесса 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 11, 555—558.

3752. **Записки** „товариства імени Шевченка ч. I. Н. М. 1895, 11, 6.

3753. **Записки** науковаго товариства т. VII Н. М. 1895, 12, 119—121.

3754. **Записки** наукового товариства імени Шевченка т. XI и XII. Н. М. 1896, 10, 33—36.

3755. **Записки** наукового товариства імени Шевченка т. IX и X. Л. 1896. Н. М. 1896, 5, 63—66.

3756. **Записки** наукового товариства імени Шевченка т. VIII (1895, кн. 4) Львовъ 1895. Н. М. 1896, 2, 73—75.

3757. **Записки** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей т. XVI-й Одесса 1893 г. 1894, 2, 347—349.

3758. **Записки** наукового товариства імени Шевченка. Томъ XIII (1896. кн. V) Н. М. 1897, 1, 27—28.

3759. **Записки** наукового товариства імени Шевченка (у Львові) т. XIV (1897, кн. VI) т. XV (1897 кн. I) Н. М. 1897, 5, 74—77.

3760. **Записки** наукового товариства імени Шевченка у Львові т.т. XVI и XVII (1897, кн. II и III) Н. М. 1897, 7—8, 37—40.

3761. **Записки** Императорскаго русскаго археологическаго общества т. VIII вып. 1 и 2 (нов. серія) Труды отдѣленія русской и славянской археологіи книга I. СПБ. 1896. 1897, 9, 78—79.

3762. **Записки** накуового товариства імени Шевченка т. 22, 23, 24. Н. М. 1898, 11, 64—67.

3763. **Записки** Императорскаго Одесскаго общ. исторіи и древностей т. 20 Одесса 1897 г. В- Щербина. 1898, 6, 105—108.

3764. **Записки** наукового товариства імени Шевченка, т. XVIII, XIX, XX, XXI Н. М. 1898, 4, 19—23.

3765. **Записки** наукового товариства ім. Шевченка т. т. XXV—XXX А. М. 1899, 12, 138—148.

3766. **Записки** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей т. 21. Од. 1898 г. L. 1899, 3, 171—173.

3767. **Записки** наукового товариства В. Д. 1900, 12, 165—171.

3768. **Записки** наукового товариства імени Шевченка В. Д. 1900, 10, 34—43.

3769. **Записки** наукового товариства В. Д. 1900, 11, 85—87.

3770. **Записки** наукового товариства имени Шевченка т. XXXVII—XXXVIII. У Львові 1900, V. В. Д. 1901, 2, 92—96.

3771. **Записки** наукового товарист-

ва імени Шевченка (I—III томи за 1901 рік) Львів 1901. В. Д. 1901, 7—8, 54—57.

3772. **Записки** наукового товариства імени Шевченка т. т. 42—45 Львів 1901—1902. В. Д. 1902, 6, 179—185.

3773. **Записки** наукового товариства ім. Шевченка т. т. 46 и 47 Львів 1902. В. Д. 1902, 9, 156—159.

3774. **Записки** наукового товариств ім. Шевченка томи LI, LII, LIII. У Львові 1903 р. В. Д. 1903, 9, 134—139.

3775. **Записки** наукового товариства ім. Шевченка у Львові т. т. XLVIII. XLIX и L 1902 (кн. 4, 5 и 6 за р. 1892) В. Д. 1903, 3, 179—185.

3776. **Записки** наукового товариства імени Шевченка. Доманицкій 1904, 3, 135.

3777. **Запольскій М.** Сѣверо-западный календарь на 1888 г. Изд. газеты „Минскій Листокъ" Минскъ 1888 г. 1888, 10, 17—22.

3778. **Запольскій М.** Календарь сѣверо-западнаго края на 1889 г. Москва 1889 г. Н. Т. 1889, 1, 275—276.

3779. **Запорожская** рукопись о кладахъ. Кіевъ 1903 г. В. Доманицкій. 1903, 11, 103—106.

3780. **Зарѣцкій И.** Гончарный промыселъ въ Полтавской губ. П. 1894 г. Изд. Полтавскаго губернскаго земства. Щербина. 1894, 12, 507—508.

3781. **Захарченко М. М.** 1) Кіевъ теперь и прежде. Сост. инспекторъ Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ. Изд. С. В. Кульженко. Кіевъ 1888 г. цѣна 10 р. стр. 276. 2) Кіевъ теперь и прежде Кіевъ 1888 г. (стр. 290+XI) ц, 12 р. въ переплетѣ 3) Кіевъ теперь и прежде. Кіевъ 1888 г. (стр. 290+XVI) ц. 6 р. въ переплетѣ. Н. М. 1890, 1, 141—156.

3782. **Захарченко М. М.** Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ 1838—1888 г. Кіевъ 1888 г. Н. М. 1889, 11, 467—475.

3783. **Zbiòr** wiadomosci do antropologji krajovej. Изд. краковской академіи наукъ т. XIII и XIV. Краковъ 1889—1890 г. В. А. 1891, 11, 313—319.

3784. **Zbiòr** wiadomosci do antropologji krajowej tom XII Krakow 1888 г. В. А. 1889, 4, 217—220.

3785. **Zbiòr** wiadomosci do antropologji. Tom XI Krakow 1887 г. В. А. 1888, 1, 23—27.

3786. **Zvygrodzki** (von) Michael. Die Mutter bei den Yölkern des arischen Stammes München 1886 г. Н. Н. Чернышевъ. 1887, 9, 159—174.

3787. **Зенкевичъ Хр.** Тридцатилѣтіе керченской Александровской гимназіи Керчь 1894 г. А. С. 1894, 10, 163—164.

3788. **Sichler** Léon. Histoire de la littérature russe dépuis les origines jusqu'a nos jours. Paris 1886 г. Г. К—шъ 1887, 6—7, 530—532.

3789. **Зографъ** проф. Русскіе народы, рис. Бѣлянкина ч. 1 в. 1—3 Москва В. Я. 1895, 5, 99—100.

3790. **Иваницкій С.** Переяславскій епископъ Гервасій Линцевскій и начало возсоединенія уніатовъ въ западной или польской Украинѣ (1757—1769) Каменецъ-Подольскъ 1904. Вл. П—ко. 1905, 4, 1—6.

3791. **Ивановъ В.** „Харьковскій сборникъ". Литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому календарю" на 1894 г. Вып. 8. Н. Б. 1894, 9, 470—471.

3792. **Ивановъ Д. Л.** Вліяніе русской колонизаціи на природу ставропольскаго края. Н. С. 1886, 12, 735—736.

3793. **Ивановъ П.** Игры крестьянскихъ дѣтей въ купянскомъ уѣздѣ (съ предислов. проф. Н. Ѳ. Сумцова) Харьковъ 1890 г. И. Каманинъ. 1890, 6. 569—570.

3794. **Ивановъ.** Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XV в. Одесса 1895 г. В. А. 1896, 2, 69—71.

3795. **Иващенко В.** Историческій очеркъ Умани и Царскаго Сада. А. Л. 1895, 5, 100—101.

3796. **Игнатовъ И.** Галлерея русскихъ писателей (Изд. Скирмута) М. 1901 г. ц. 3 р. 50 к. В. Д. 1901, 5, 107—108.

3797. **Извѣковъ Н.** свящ. Высокопреосвященный Іосифъ (Сѣмашко) митрополитъ литовскій и виленскій. Вильна 1889 г. И. Каманинъ. 1889, 4, 232—233.

3798. **Извѣстія** Кирилло-Меѳодіевскаго братства за 1880—1884 годы съ приложеніемъ. 1886, 5, 156—162.

3799. **Извѣстія** Императорской Археологической комиссіи Вып. 1 СПБ. 1901. Н. Б. 1902, 2. 120—123.

3800. **Извѣстія** Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при московскомъ унизерситетѣ т. ЕХХХIII (Красновъ—травяныя степи сѣвернаго полушарія) М. 1894. В. Я. 1894, 12, 501—503.

3801. **Извѣстія** о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1901 г. Кременчугъ 1902 г. Л. С. Л. 1902, 10, 49—51.

3802. **Извѣстія** о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1902 г. (іюнь—августъ) Л. С. Л. 1902, 12, 196—197.

3803. **Извѣстія** отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ 1902 г. кн. 3 и 4. СПБ. 1902 г. В. Д. 1903, 4, 67—68.

3804. **Извѣстія** таврической ученой архивной коммиссіи, вып. 5—6. Симферополь 1888 г.; вып. 7—8 1889 г. вып. 9—10 1890 г. Арк. Л—нко. 1890, 12, 538—544.

3805. **Извѣстія** таврической ученой архивной коммиссіи № 11 годъ 5. Симферополь 1891. И. Каманинъ. 1891, 5, 332—335.

3806. **Извѣстія** таврической ученой архивной коммиссіи № 20—21. 1895, 2, 74—76.

3807. **Извѣстія** таврической архивной коммиссіи № 22. А. Л. 1895, 10, 33—36.

3808. **Извѣстія** Таврической ученой архивной коммиссіи № 26 (годъ 11-й.) Симферополь 1897 г. И Каманинъ. 1897, 6, 118—120.

3809. **Изданія** статистическихъ комитетовъ южной Россіи въ 1891 году, Кіевскаго, Волынскаго, Черниговскаго, Полтавскаго, Воронежскаго. Кубанскаго, „Кубанскій сборникъ“ и „календарь Черниговской губ.“ Р. 1891, 11, 319—324.

3810. **Изданія** общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ: 1) экономическое изслѣдованіе района новоселицкихъ вѣтвей и 196 таблицъ. Кіевъ 1890. 2) О постройкѣ херсонскихъ вѣтвей Кіевъ 1891 г. Н. М. 1892, 11, 311—314.

3811. **Измаильскій** А. А. Какъ высохла наша степь. А. Л. 1895, 3, 131—133.

3012. **Изслѣдованія** о кладахъ Во-

лынской губерніи Житомиръ 1885 г. П. Голубовскій 1885, 11. 532—534.

3813. **Изъ** исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV вѣка. „Книга царствъ" въ собраніи рукописей библіотеки Новороссійскаго университета. М. Г. Попруженко. Одесса 1894 г. 1894, 3, 579—581.

3814. **Изъ** украинской старины. Рисунки акад. Васильковскаго и Н. С. Самокиша. Ш. Л. 1900, 6, 155—160.

3815. **Иконниковъ В.** Опытъ русской исторіографіи К. 1891—1892 т. I. ч. 1—2. Н. В. 1893, 4, 169—184.

3816. **Илляшевичъ Л.** Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго дворянства И. Каманинъ. 1885, 11, 520—524.

3817. **Илляшевичъ Л.** Шебелинскій бунтъ С. 1887, 6—7, 522—528.

3818. **Иллюстровъ I.** Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1904. О. Л. 1904, 2, 90—92.

3819. **Иловайскій Д.** Розысканіе о началѣ Руси, исправленное и дополненное, съ присоединеніемъ вопроса о гуннахъ. Москва 1882 г. Н. П. 1882, 9, 556—558.

3820. **Иловайскій Д.** Дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и гунско-болгарскому. П. Голубовскій. 1886, 6, 345—347.

3821. **Иловайскій Д. И.** Историческія сочиненія, часть вторая 1859—1897. Москва 1897 г. Н. М. 1897, 6, 108—111.

3822. **Иловайскій Д.** Вторая дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-гуннскому. М. 1902 г. Н. М. 1902, 11, 123—124.

3823. **Ильницкій Л. В.** Опись книги кіевскаго центральнаго архива № 13 (офиціальное изданіе архива). Кіевъ 1882 г. В. А. 1882, 12, 572—574.

3824. **Императорскаго** русскаго историческаго общества сборникъ т. 95. СПБ. 1895. И. Каманинъ. 1897, 1, 29—30.

3825. **Исторической** польской литературы новости. А. С. 1897, 3, 78—82.

3826. **Истринъ В.** Греческая запись о набѣгѣ казаковъ на Константинополь въ началѣ XVII в. 1898, 7—8, 50—51.

3827. **J.** Antoni D-r. Z przeszloscè Polesia kiewskiego Warszawa 1882 r. B. A. 1882, 10, 149—154.

3828. **J.** Antoni D-r. Opowiadania historyszne, serya trzecia. T. 1—2. Warszawa 1882. B. A. 1882, 12, 569—572.

3829. **J.** Antoni D-r. Niewiasty kresowe. warszawa 1883 r. B. A. 1883, 4, 873—876.

3830. **J.** Antoni D-r. Opowiadania historyczne, serya siodma Lwòw 1891. M. Г. 1891, 7, 157—158.

3831. **Ivanovicz J.** Ueber die historische Bedeutung des Basilianerordens. Leipzig. 1885. Ѳ. Н. 1885, 12, 705—710.

3832. **Jelinek E.** Ukrajinskè dumy. Y Praze. 1888. А. Степовичъ. 1888, 9, 61—63.

3833. **Jegovski.** Ostatnia staroscina Zvinogrodzka. kraków 1888. B. A. 1889, 2, 527—530.

3834. **Іогансонъ.** Кіевскій календарь на 1889 г. Амартолъ. 1889, 1, 276—281.

3835. **Іосифъ,** митрополитъ литовскій. Записки, изданныя Император-

ской академіей наукъ, по завѣщанію автора. Т. I—III СПБ. 1883 г. А. К. 1884, 7, 511—523.

3836. **Календарь** Черниговской губ. на 1894 г. ц. 1 р. А. Р. 1894, 8, 291—292.

3837. **Календарь** на 1903 г. Православный русско-американскій. Р. 1903, 9, 149.

3838. **Календарь** „Просвіти" на рік 1908. С. Петлюра. 1907, 11—12, 439—441.

3839. **Каманинъ И.** Переписи еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ въ 1765—1791 г. г. Н. М. 1891, 3, 514—524.

3840. **Капельгородський Н,** Українці на Кубані. К. 1907. С. Петлюра. 1907, 10, 129—132.

3841. **Капнистъ П. И.** графъ Сочиненія. М. 1901. т. I и II. А. С. 1901, 4, 46—48.

3842. **Karwicki S.** Ze starego autoramentu Warszawa 1899. Н. М. 1898, 9, 89—90.

3843. **Karwicki S.** Z moich. wspomnien I—II Warszawa 1901. Н. М. 1902, 1. 37—38.

3844. **Каргопольцевъ И.** Путеводитель по Днѣпру и его порогамъ. Екатеринославъ 1888 г. И. Ж. 1888, 11, 15—16.

3845. **Карнаушенко П. В.** Изъ Малороссіи. Задушевне слово дорогой памяти любому царю Олександру II на 1 марта 1897 г. Одесса 1897 г. В. Н—ко. 1897, 7—8, 50—51.

3846. **Карпенко-Карый.** „Збирныкъ творивъ" и „Наймычка". Иг. Ж 1888, 9, 65—68.

3847. **Карцовъ В.** и Мазаевъ М. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. СПБ. 1891. А. Л—ило. 1892, 2, 363—364.

3848. **Карый И.** Три пьесы. Херсонъ 1886 г. 1887, 2, 342—345.

3849. **Карышевъ.** Русская фабрично-заводская промышленность. (Русское Богатство 1894. 11. 12). С. Ч—ій. 1895, 3, 112—125.

3850. **Касиненко Ю. И.** Сочиненія т. I. Лубны 1898. О. Л. 1899, 3, 173—174.

3851 **Каталогъ** военно-ученаго архива главнаго штаба. Дополненіе къ матеріаламъ о войнахъ, въ которыхъ участвовали русскіе войска, и матеріалы по исторіи Россіи. Вып. III СПБ. 1890 г. А. Л. 1891, 8, 342—343.

3852. **Каталогъ** военно-ученаго архива главнаго штаба вып. V. СПБ. 1893. Д. Багалѣй. 1893, 11, 346—349.

3853. **Квитка** (Основьяненко). Малороссійскія повѣсти. С. 1887, 10, 366—367.

3854. **Квитка Г. Ѳ.** Сочиненія т. 3. Повѣсти и разсказы Харьковъ 1888 г. В. Г. 1889, 10, 207—210.

3855. **Киркоръ.** Живописная Россія. Т. III. СПБ. 1883 г. Литва. Бѣлоруссія. 1884, 8, 681—701.

2856. **Кіевской** Духовной академіи труды. 1896 г. №№ 1—12. 1897, 2. 53—55.

3857. **Кіевскаго** городского комитета попечительства о народной трезвости отчетъ за 1900—1901 г. г. Л. С. Л. 1902, 12, 193—196.

3858. **Кіевской** губерніи памятная книжка на 1902 г. Л. С. Л. 1902 3, 206—208.

3859. **Кіевскія** Епархіальныя Вѣдомости 1893 и 1894 г. г. А. Л. 1895, 9, 80—96.

3860. **Кіевскій** календарь юго-западнаго края за 1899 г., иллюстрированный альманахъ-ежегодникъ. Н. III. 1899, 4, 40—42.

3861. **Кіевскій** сборникъ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая. К. 1892. ц. 2 р. 50 к. В. Н—ко. 1892, 7, 136—139.

3862. **Кіевъ** и университетъ св-Владимира при императорѣ Николаѣ I. (1825—1855) Н. М. 1896, 12, 90—94.

3863. **Книги** относящіяся къ южнои Россіи. 1892, 1, 172—188; 6, 477—478; 9, 465—471; 12, 502—506.

3864. **Кобрыньска Н.** Выборецъ. Выдавныцтво „Викъ" № 43 Кывъ 1904. В. К. 1905, 6, 229.

3865. **Kowalewsky M.** Mariage omong the early slavs Lond. 1890. В. 1892, 5, 278—284.

3866. **Коваленко.** О народной медицинѣ въ Переяславскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. (въ „этнографическомъ обозрѣніи" 1891, IX) Н. С. 1892, 1, 163—164.

3867. **Коваленко** Олекса Украинськый декламаторъ „Розвага" Кывъ 1905. В. Д—ий. 1906, 3—4, 57—60.

3868. **Козловскій** Мартинъ Литургическій календарь луцко-житомирской епархіи и костеловъ подольской губерніи на 1888 г. Житомиръ 1887, Михаленко-Юрковскій. 1888, 5, 62—64.

3869. **Козминскій Д.** Описаніе ризницы и библіотеки черниговскаго архіерейскаго дома. Н. Б. 1894, 9, 463—464.

3870. **Kolberg** Oskar. Pokuciè Obraz etnograficzny. Ц. Нейманъ. 1884, 3, 482—487.

3871. **Коллегіи** Павла Галагана ежегодникъ годъ 8-й Кіевъ 1903 г. 1903, 11, 98—103.

3872. **Коломый** Підета. Восток і Запад Повість. В. Д. 1904, 1, 31—32.

3873. **Кольцовъ А. В.** Пѣснь на малорусскомъ языкѣ. Степовичъ. 1893, 1, 184—186.

3874. **Комаровъ М.** Українська драматургія Одесса 1906. В. Д—ий. 1907, 1, 114—117.

3875. **Комаровъ М.** Покажчикъ новоі українськоі літератури (1798—1883 р.) В. Науменко. 1883, 4, 867—873.

3876. **Комаровъ М.** Дополненіе къ „Покажчику новоі українськоі літератури" М. Гавриловъ. 1883, 8, 748—750.

3877. **Комаровъ М.** Нова збирка народныхъ малоруськыхъ прыказокъ, помовокъ и проч. Одесса 1890 г. А. Степовичъ. 1890, 11, 347—349.

3878. **Комаровъ М.** Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ (библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Шевченка) Одесса 1903 г. В. Д. 1904, 5, 79—90.

3879. **Комаровъ М.** Лысенко Н. В. Указатель музыкальной и литературной дѣятельности. 1904, 1, 1—25.

3880. **Комаровъ М.** Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. 1904, 2, 78—80.

3881. **Кониський О.** Тарас Шевченко-Грушівський Львовъ 1898. Н. М. 1898, 4, 25—28.

3882. **Конисскій А.** Жизнь украинскаго поэта Т. Г. Шевченка Н. М. 1898, 9, 90—91.

3883. **Конисскаго** Перебенди О. Я. Твори т. IV Одесса 1903 г. 1903, 4, 64—65.

3884. **Константиновичъ Н.** Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи

вып. IV (дополненіе) Черниговъ 1885 г. Дмитрій Багалѣй. 1885, 5, 149—152.

3885. **Коперницкій.** Русскіе горцы въ Галиціи. Краковъ 1889 г. Ц. Нейманъ. 1889, 5—6. 661—663.

3886. **Копылъ** (козакъ) На чуже посягны, то й свое выставъ. М. 1904. В. Д. 1904, 10, 42—43.

3887. **Корвинъ-Піотровскій К. В.** Календарь Черниговской губ. на 1887 годъ. Ѳ. Н. 1887, 4, 756—759.

3888. **Корвинъ-Піотровскій К. В.** Календарь Черниговской губ. на 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 1—3, 6—10.

3889, **Корифеи** украинской сцены К. 1901 ц. 65 к. Ш. 1901, 11, 111—112.

3890. **Корольковъ Конст.** Столѣтній юбилей Екатеринослава 9 мая 1787—1887. Екатеринославъ 1887 г. В. О. 1887, 12, 761—766.

3891. **Костомаровъ Н. И.** Богданъ Хмѣльницкій. Историческая монографія. изд. 4-е исправлен. и дополненное СПБ. 1884 т. 1—3. В. А. 1884, 6, 315—320.

3892. **Костомаровъ Н. И.** Эллины Тавриды историч. драма въ 5-ти дѣйст. СПБ. 1884 г. В. Г—го. 1884, 9, 137—141.

3893. **Костомаровъ Н. И.** Литературное наслѣдіе. СПБ. 1890 г. Я. Ш. 1891, 5, 315—321.

3894. **Котляревскаго А. А.** Сочиненія т. 2 и 3-й. СПБ. 1890. А. Степовичъ. 1892, 7, 131—132.

3895. **Котляревскаго И. П.** Малороссійская опера Наталка Полтавка, Провѣренный текстъ ред. Стешенка. Кіевъ 1903. Б. Гринченко 1903, 7—8, 56—60.

3896. **Коцюбинскій М.** Оповидання т. перший. Кыив 1903. В. Поточный 1903, 10, 38—47.

3897. **Кранихфельдъ В.** Шевченко Т. Г. пѣвецъ Украины и Запорожья (1814—1861) (очеркъ) В. Д. 1901, 5. 101—103.

3898. **Красильниковъ Ф. С.** Малороссія и малороссы (географ.-этногр. очеркъ) Москва 1904. В. Доманицкій. 1905, 1, 49—51.

3899. **Kraszewski J.** Cet czy licho Warszawa 1884 т. 1, 2. S. 1884, 3, 487—489.

3900. **Краткій** историческій очеркъ кіевской губернской типо-литографіи 1799—1899. Н. М. 1900, 11, 92—103.

3901. **Краткая** опись предметовъ, находящихся въ древнехранилищѣ православнаго свято-Владимирскаго братства въ Владимирѣ-Волынскомъ (Изд. Свято-Владимирскаго братства) К. 1892 г. Каманинъ. 1892, 8, 269—273.

3902. **Кревецький І.** Коріфеї російкої критики і українське письменство. В. Г. Бєлінський Львів 1905. С. Петлюра. 1907, 9, 394—396.

3903. **Кропивницкаго М.** драмы „Олеся“ по поводу. Глаголь. 1893, 3 560—566.

3904. **Крымськый А.** Изъ повистокъ. и эскизивъ. М. 1902. А. Нестеровскій. 1902, 11, 124—126.

3905. **Крымськый А.** Пальмове илля. И. Стешенко. 1902, 2. 131—135.

3906. **Крымськый А.** Изъ повистокъ и эскизивъ. К. Я. 1904, 12, 181—183.

3907. **Крымськый А.** Древне-Кіевскій говоръ. В. Д. 1907, 4, 102—105.

3908. **Кубанскій** сборникъ. Труды областн. статист. комит. т. 4. Екатеринодаръ 1897. Е. К. 1898, 6, 103—104.

3909. **Кубанская** область въ произведеніяхъ Пушкина. 1899, 7, 26—28.

3910. **Куджевскій М.** полковникъ. Опытъ военно-историч. изслѣдованія о казачествѣ. вып. I. Кіевъ 1896 г. Z, 1897, 9, 79—81.

3911. **Кузьминъ А.** Запорожская сѣчь. М. 1902. ц. 40 коп. П. 1902, 6, 189—191.

3912. **Кулаковскій Ю. А.** Карта Европейской Сарматіи по Птоломею. Е. К. 1900, 1, 38—39.

3913. **Кулида Д.** Збирныкъ творнвъ 1 кныга 1903 г. ц. 40 коп. С. Е—мовъ. 1904, 5, 90—94.

3914. **Кулишъ П. А.** „Хуторна поэзія" и „Крашанка" Львовъ 1882 г. Н. П. 1882, 6, 509—519.

3915. **Кулишъ П. А.** „Байда, князь Вишневецкій", драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. СПБ. 1885 г. А. Степовичъ. 1885, 9, 151—158.

3916. **Кулѣшъ П.** Украинскія народныя преданія. А. Л. 1895, 12, 111—113.

3917. **Кулішъ П.** Дзвін, староруські думи і сьпіви. Женева, 1893. В. Науменко. 1896, 4, 28—32.

3918. **Кулишъ П. А.** Воспоминанія дѣтства (повѣсти). Бахмутъ 1899 г. 1899, 9, 121—122.

3919. **Кулишъ П.** Хуторни недогарки. Х. 1902. С. Е—мовъ. 1902, 3, 210—216.

3920. **Кульженко С.** Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ. П. Голубовскій. 1899, 12, 92—96.

3921. **Кулябко С. Н.** Тарасъ Григорьевичъ Шевченко (по книгѣ Чалаго и по „Кобзарю") 1884 г. В. Г—ко. 1883, 12, 675—676.

3922. **Куриловъ И. А.** Историко-статистическое описаніе Роменскаго Свято-Духовскаго собора. Ромны 1887 г. Ѳ. Н. 1888. 4, 12—15.

3923. **Куриловъ И.** Роменская ста, рина. Ѳ. Николайчикъ. 1898, 11, 58—64.

3924. **Курисово**-Покровское мѣстечко Балайтолкъ) Статистическое описаніе поселенія, составленное статист. отдѣленіемъ при Херсонской губернской земской управѣ. Одесса 1883 г. В. А. 1883, 11, 495—496.

3925 **Курской** губерніи памятная книжка на 1892 г. ц. 1 р. 20 к. А. Степовичъ. 1892, 7, 132—133.

3926. **Кустари** и ремесленники Полтавской губ. по свѣдѣніямъ 1898 и 1900 г. г. Л. С. Л. 1902. 1, 29—33.

3927. **Къ новоселью** городской публичной библіотеки въ Одессѣ. (1829 1883). Одесса 1883 г. 1884, 3, 491—492.

3928. **Лазаревскій А.** Историческіе очерки селъ Конотопскаго уѣзда. Юго-восточная часть уѣзда. Черниговъ 1886 г. Э—ь 1887, 10. 368—369

3929. **Лазаревскій А.** Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка. (1729—1730 г.) Черниговъ 1892 г. В. М. 1893. 8, 309—318.

3930. **L'** Anthropologie. Tome sixième, année 1895. В. А. 1896, 4, 24—26.

3931. **Лаппо-Данилевскій** Скиескія древности. В. Ястребовъ. 1888, 7, 22—26.

3932. **Лаппо-Данилевскій** и Мальмбергъ. Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Императ. Архивн. комиссіей 1893 г. В. Ястребовъ. 1895, 1, 20—34.

3933. **Лаппо И. П.** Земскій судъ во великомъ княжествѣ литовскомъ въ концѣ XVI в. В. Д. 1898, 2, 73—77.

3934. **Латышевъ В. В.** Дополненія и поправки къ собранію древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря. Ѳ. Г. Мищенко. 1880, 7. 136—141.

3935. **Латышевъ В. В.** Греческія надписи найденныя въ 1881—88 г. г. на берегахъ Кимерійскаго Босфора и Херсонеса Таврическаго СПБ. 1890. Ѳ. Г. Мищенко. 1890, 7, 136—141.

3936. **Лашковъ Ѳ.** Сельская община въ Крымскомъ ханствѣ. Симферополь 1887 г. П. Голубовскій. 1888, 1—3, 11—16.

3937. **Лащенковъ Н. А.** протоіерей, Христофоръ (Сулима), первый епископъ Слободско-Украинскій и Херсонскій. Харьковъ 1895. А. Л. 1896. 1, 41—45.

3938. **Лебедевъ А.** О брачныхъ разводахъ по архивнымъ документамъ Харьковской и Курской духовныхъ консисторій. М. 1887 г. Д. И. Багалѣй. 1888, 4, 19—21.

3939. **Лебедевъ А.** Духоборцы въ Слободской Украйнѣ. Харьковъ 1890 г. Н. В. 1891, 10, 165—166.

3940. **Лебедевъ А. С.** Историческія разысканія въ южно-русскихъ архивахъ. Москва 1885 г. И. Каманинъ 1886, 12, 732—735.

3941. **Лебедевъ А. С.** Историческія разысканія въ южно-русскихъ архивахъ. В. 1-й. Москва 1886 г. Н. С. 1887, 6—7, 528—530.

3942. **Лебедевъ А. Н.** Лѣтописецъ Русскій (Московская лѣтопись). Е. К. 1896, 1, 46—50.

3943. **Lebinski** D—r. Materyaly do slovnika historycznego jezyka i starozytnosce Polskieh Poznan 1889 г. А. Стороженко. 1890, 11, 344—347.

3944. **Левицкій.** Галицко-русская библіографія за 1887 г. Львовъ 1888 г. Миронъ 1888, 5, 32—33.

3945. **Левицькый И.** Повисти й оповиданя т. I. СПБ. 1899. J. S. 1899, 11, 80—93.

3946. **Левицькый Иванъ.** Повисти й оповидання. т. II. Старосвитськи батюшкы и матушкы. 1900. 7—8, 40—41.

3947. **Левицкій И.** Повісті і оповідання. т. III К. 1901. В. Черепинъ. 1902, 2, 124—131.

3948. **Левицкій И. Ем.** А. Барвѣнскій въ исторіи культурнаго движенія рус. народа на Прикарпатю. Львовъ 1901. С. Е. 1902, 2, 137—138.

3949. **Левицькый И.** Рыбалка Панасъ Круть. Кыивъ 1903 р. М. Павловський. 1903, 7—8, 76—78.

3950. **Левицкій Ив. Ем.** Галицко-русская библіографія XIX ст. съ увзглядненіемъ русскихъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ. 2 тома Львовъ 1888—1895 1 т. 7 р, 50 к. 2 т. 31 р.—А. Л. 1896, 4 27—28.

3951. **Левицкій И. Г.** Галицко-русская библіографія XIX столѣтія съ увзглядненіемъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ. (1801—1886 г.). Львовъ вып. I—II. 1887 г. III 1888 г. 1888, 5, 25—32.

3952. **Левицкій И. С.** (Нечуй) Кайдашева семья Кіевъ 1887 г. И. Ж. 1888, 1—3, 45—48.

3953. **Левицькый М.** За коліивщыны. Оповиданя. Кыивъ 1903 г. М. Павловскій. 1903, 7—8, 76—78.

3954. **Левицкій О.** Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII в. княземъ Мстиславомъ

Изяславичемъ. К. 1892 г. И. Каманинъ. 1892, 8, 269—273.

3955. **Ленорманъ Ф.** По поводу библіографической замѣтки. С. Л—ва о соч. его „Руководство къ древней исторіи Востока" И. Каманинъ. 1890, 5, 380—381.

3956. **Леонидъ** архимандритъ. Библіографическія замѣтки. 1898, 11, 440—444.

3957. **Леонтовичъ Ѳ. И.** Очеркъ исторіи литовско-русскаго права. Образованіе литовскаго государства 1894. Н. В. 1895, 1, 39—41.

3958. **Леонтьевъ А. П.** Опытъ указателя книгъ и статей, относящихся къ Херсонской губерніи. Херсонъ 1890 г. В. Я. (См. „отвѣтъ моему рецензенту". А. Леонтьева К. С. 1881 августъ, стр. 352—356). 1891, 1, 194—196.

3959. **Леонтьевъ И.** Памятная книжка Волынской губ. на 1902 годъ. Житомиръ 1901 г. Л. С. Л. 1902, 4, 41—45.

3960. **Леопардовъ Н.** и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ и предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. I. Кіевъ 1890 г. Н. Б. 1890, 12, 544—546.

3961. **Леопардовъ Н.** и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. 2. Кіевъ 1891 г. Н. А. 1891, 3, 538—540.

3962. **Леопардовъ Н.** и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Вып. III и IV (въ одномъ томѣ) Кіевъ 1891 г. Н. Б. 1891, 12, 496—502.

3963. **Леопардовъ Н.** и Черневъ Н. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Серія вторая, вып. I. К. 1891 г. вып. II. К. 1893 г. Н. С. 1894, 3, 583—585.

3964. **Леопардовъ Н. А.** Коллекція древнихъ предметовъ и монетъ, пожертован. церковно-археологическому музею при Кіевской Духовной академіи. 1895, 6, 123—126.

3965. **Лещенко И. В.** Описаніе Шпиковскаго имѣнія Н. П. Балашева въ Подольской губерніи. Немировъ 1896 г. Н. М. 1897, 2, 58—61.

3966. **Л. Ж.** Запорожская сичъ съ новымъ содержаніемъ. В. Д. 1905, 1, 47—48.

3967. **Лилеевъ М. И.** Изслѣдованіе изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и Стародубьѣ XVII—XVIII в. в. вып. 1, Кіевъ 1895 г. В. Иконниковъ 1897, 4, 22—32.

3968. **Лилеевъ.** Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ. 1898, 5, 68—71.

3969. **Линевичъ Д. М.** О разверстаніи и хуторскомъ хозяйствѣ. Винница 1901 г. Л. С. Л. 1903, 5, 136—137.

3970. **Линниченко.** Современное состояніе вопроса объ обстоятельствахъ крещенія Руси. П. Голубовскій. 1888, 1—3, 16—23.

3971. **Липранди.** Въ дебряхъ Полѣсья. 1899, 5, 101—102.

3972. **Лисенко С.** Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской г. вып. III. Промыслы Лохвицкаго уѣзда. Изд. Полтавскаго губернскаго земства. Полтава 1904. Л. С. Л. 1904, 12, 180—181.

3973. **Лисовскій А.** Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Полтава 1890 г. А. Степовичъ. 1891, 9, 505—506.

3974. **Лисовскій А. Н.** Главные

мотивы въ поэзіи Шевченка. И. Стешенко 1896, 10, 23—31.

3975. **Литературный** сборникъ, издаваемый Галицко-русскою матицею, подъ редакц. Б. Дѣдицкаго. В. I. Львовъ 1886 г. Y. 1886, 12 728—732.

3976. **Литинскій М. Н.** „Койросъ Подолія" (Судьбы Подоліи) и исторія тамошнихъ евреевъ въ Россіи ч. 1. Одесса 1895. Н. М. 1897, 12, 84—86.

3977. **Лихачевъ Н.** О разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ М. 1893. В. Б. 1894, 10, 162—163.

3978. **Lozinski.** Ylad. Przekupien Lvovski v XVII vieku. И. Л. 1888, 10, 25—28.

3979. **Лонгиновъ А.** Памятникъ древняго православія въ г. Люблинѣ, —православный храмъ и существовавшее въ немъ братство. Варшава 1883 г. 1883, 9—10, 290—294.

3980. **Лонгиновъ А.** Червенскіе города. Истор. очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червоной Руси. Варшава 1885 г. П. Голубовскій. 1886, 5, 146—149.

3981. **Лопаревъ Хр.** Слово о погибели русской земли (вновь найденный памятникъ литературы XIII в.) СПБ. 1892 г. А. Л—нко. 1892, 6, 476—477.

3982. **Лопатинъ** и Прокунинъ. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ 2 части, часть 1 и 1-й вып. 2-й части Москва 1889 г. А. Степовичъ. 1889, 11, 461—465.

3983. **Лотоцкій А.** Гдѣ обучалось Подольское духовенство до учрежденія духовной соминаріи. Кам.-Подольскъ 1898 г. В. Д 1899, 2, 127—128.

3984. **Лотоцкій Н.** Народное образованіе въ Подоліи. В. Д. 1900, 9, 121—123.

3985. **Лотоцкій** свящ. Виннице-Браиловскій женскій монастырь и его святыни. В. Д. 1901, 2, 101—103.

3986. **Л. П. Г.** Описаніе Кіево-Софійскаго каѳедральнаго собора Кіевъ 1882 г. Н. П. 1882, 5, 319—321.

3987. **Л. П.** Кіево-Михайловскій Златоверховный монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 4, 765—766.

3988. **Л. С. Л.** Крестьянское хозяйство въ Кіевской губ. (По поводу брошюры И. М. Ревы „Кіевскій крестьянинъ и его хозяйство" К. 1893 г.) 1894, 5, 361—375.

3989. **Лубочная** украинская литература Гр. Сьогобочный. 1905, 4, 8—12.

3990. **Лучицкій И.** Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ съ XVIII в. Д. Багалѣй. 1883, 2, 409—415.

3991. **Лучицкій И.** Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII в. (Полтав. губ.) К. 1884 г. Д. Багалѣй. 1884, 9, 141—148:

3992. **Лучицкій И.** Сябры и сябринное землевладѣніе въ малороссіи СПБ. 1889 г. И. Новицкій. 1889, 7, 293—306.

3993. **Лыпа И.** Багаття (Украинскій альманахъ) 1905 року. Одесса, Л. Жигмайло. 1906, 2, 34—43.

3994. **Лыхо** зъ горилкою М. 1909 г. ц. 3 к. (изд. Сытина) В. Д. 1901, 5. 105—107.

3995. **Львовъ Л.** Отношенія между Запорожьемъ и Крымомъ. 1896, 6, 105—107.

3996. **Лѣтопись** историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ. I. Посвящается 25 лѣтію Импер. Новороссійскаго у-та. Одесса 1890 г. А. М. 1891, 1, 200—201.

3997. **Любавскій М. М.** Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ литовско-русскомъ государствѣ. Н. В. 1895, 1, 41—42.

3998. **Любичъ Е.** Изъ жизни. Одесса 1902 г, Б. Л. 1902, 10, 51—52.

3999. **Любовичъ Н.** Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи (по неизданнымъ источникамъ). Варшава 1883 г. 1884, 3, 477—482.

4000. **Любовичъ Н. Н.** Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в. Варшава 1888 г. И. Каманинъ. 1889, 7, 310—311.

4001. **Любопытная** книжка конца XVIII ст. Ц. Г. Нейманъ. 1884, 7, 525—529.

4002. **Ludvik** Finkel wspolnie z Henrykiem Sawcsynskim Lwow. Bibliografia historyi polskej. 1896, 6, 107—109.

4003. **Ляскоронскій В.** Иностранные карты и атласы 16 и 17 в.в., относящіеся къ Южной Россіи. К. 1898. Н. М. 1898, 9, 88—89.

4004. **Ляскоронскій В.** Бопланъ и его историко-географическіе труды относительно Южной Россіи К. 1901 г. ц. 3 р. 60 к. В. К. В. 1902, 7—8, 76—79.

4005. **Ляцкій Е.** Рецензія на „Бѣлорусское Полѣсье" М. Довнаръ Запольскаго. А. Крымскій. 1896, 1, 38—42.

4006. **Мазановъ Петръ.** Указатель статей, помѣщенныхъ въ неоффиціальной части „Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей" за 25 лѣтъ изданія ихъ съ 1863—1888. Полтава 1888 г. А. Л. 1889, 1, 264—266.

4007. **Maiewskego** Erazma drobne prace i notatki Warszawa 1897 г. А. С. 1898, 1, 32—33.

4008. **Макаровського** Михайла Поэмы Львів. Стешенко. 1902, 6, 187—189.

4009. **Максимовичъ. И.** Сборникъ свѣдѣній о родѣ Максимовичей. Рига 1897 г. А. Л. 1898, 2, 64—66.

4010. **Макарій** (митрополитъ Московскій и Коломенскій) Исторія русской церкви т. X. СПБ. 1881 г. М. 1881, 3, 576—580.

4011; **Макарій,** митрополитъ Московскій. Исторія русской церкви. т. XI. СПБ. 1882 г. Патріаршество въ Россіи. П. М. 1882, 4, 149—152.

4012. **Макарій** (митрополитъ Московскій и Коломенскій) Исторія русской церкви т. XII. СПБ. 1883 г. (съ портретомъ покойнаго автора) Т—ій. 1883, 5, 155—160.

4013. **Малорусскія** литературныя новинки 1885 г. V. 1885, 12, 699—702.

4014. **Малышевскій И.** Житіе св. равноапостольнаго князя Владимира въ Кіевѣ. Кіевъ 1887 г. П. Голубовскій. 1888, 7, 29—33.

4015. **Малышевскій И.** Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ 1887 г. Кіевъ. П. Голубовскій. 1888, 12, 61—65.

4016. **Малышевъ В.** Жизнеописаніе русскихъ военныхъ дѣятелей т. I вып. 4-й. СПБ. 1887 г. Генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Андреевичъ графъ Милорадовичъ. М, 1888, 9, 68—69.

4017. **Манджура Иванъ**. Степови думы та спивы СПБ. 1889 г. В. Г. 1889, 9, 788—790.

4018. **Маниковскій Ѳедоръ.** Историко-статистическое описаніе Кіево-Флоровскаго Вознесенскаго монастыря Кіевъ 1894 г. Гл. 1895, 12, 113—115.

4019. **Маркевичъ А.** О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. В. 1-й Одесса 1883 г. П. Голубовскій. 1883, 8, 744—748.

4020. **Маркевичъ А.** Двадцатипятилѣтіе новороссійскаго университета. Историческая записка и академич. списки Одесса 1890 г. А. С—чъ. 1891, 9, 506—507.

4021. **Маркевичъ А.** проф. Южная Русь при Екатеринѣ II. Одесса 1893 г. В. Я. 1894, 4, 192.

4022. **Маркевичъ.** Городъ Качибей или Гаджибей, предшественникъ города Одессы. Одесса 1894 г. В. Я. 1894, 4, 190—192.

4023. **Марко Вовчекъ**. Кармелюкъ, Невильнычка, Сестра, Чумакъ, Сынъ, Два сыны, Не до пары. К. 1904. Выдавныцтво „Викъ". №№ 37 и 38, В. К. 1905, 6, 230—231.

4024. **Марковъ.** О достопамятностяхъ Чернигова. Черниговъ 1882 г. П. Голубовскій. 1883, 8, 742—744.

4025. **Марковъ Е.** Отъ Кіева до Бриндизи Путевые очерки. Гл. 1—11. В. Я. 1897, 7—8, 45—50.

4026. **Марковичъ А.** Историческая и статистическая записка о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществахъ черниговской губ. Черн. 1894 г. А. Л. 1894, 12, 506—507.

4027. **Марковичъ Д.** У наймы. На вовчому хутори. Выдавныцтво „Викъ" № 42. 1904 г. Кыивъ В. К. 1905, 6, 229—230.

4028. **Марковичъ Д.** По степамъ и хуторамь. М. 1898. С. Н. 1899, 7, 20—23.

4029. **Мартыновича П. Д.** художника малюнкы до Энеиды Котляревскаго. Выдання Полтавськои городськои думы року 1903. А. Сластіоновъ. 1903, 11, 107—109.

4030. **Матвѣевъ А.** Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Южной Россіи. Одесса 1884, И, Каманинъ. 1885, 10, 324—325.

4031. **Матеріалы** для исторіи Подольской губерніи. Изд. редакц. Подольскихъ губерн. Вѣдомостей 1885 г. А. М—чъ. 1885, 8, 693—696.

4032. **Матеріалы** для историко-статистическаго описанія Екатеринославской епархіи. Церкви и приходы XVIII ст. Вып. I. Екатеринославъ 1880 г. 573 стр. 1882, 3, 560—564.

4033. **Матеріалы** для исторіи воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе акты, изд. воронежскаго статистическаго комитета т. I. Воронежъ 1887 г. Т. Шнейдеръ. 1887, 11, 559—562.

4034. **Матеріалы** для оцѣнки земель херсонской губерніи т. II. Елисаветградскій уѣздъ. В. Я. 1887, 2, 339—342.

4035. **Матеріалы** для оцѣнки земельныхъ угодій. собранные Черниг. статистич. отдѣленіемъ при губернск. земск. управѣ т. XV. (Кролевецкій уѣздъ). А. Русовъ. 1888, 1—3, 28—39.

4036. **Матеріалы** по археологіи Россіи изд. Императорскою Археологическою комиссіею Древности Южной Россіи № 9 СПБ. 1891—92 г.г. В. Я. 1892, 10, 159—161.

4037. **Матеріалы** по археологіи Россіи, издав. Импер. Археолог. Комиссіею № 11—Древности юго-западнаго края. Раскопки въ странѣ Древлянъ. В. Антоновича СПБ. 1893 г. В. Ястребовъ. 1893, 8, 318—321.

4038. **Матеріалы** къ оцѣнкѣ земель Полтавской губерніи в. XVI. Изд. Полтавскаго губ. земства. Н. А. 1895, 5, 79—95.

4039. **Materyaly** antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne wyd. komis. antropolog. Akademii umiejetnosci w Krakowie. T. 1. Krakow 1896. А. Л. 1898, 2, 66—67.

4040. **Матеріалы** по археологіи Кіева. Древнія гирьки. К. 1898 г. Ѳ. М. 1898, 7—8, 40—44.

4041. **Матеріяли** до украинсько-руської етнольогії т. I Львів. А, Малинка. 1899, 7, 17—20.

4042 **Матеріалы** по исторіи русской картографіи в. I. Е. К. 1900, 1, 38—39.

4043. **Materyaly** antropologiczne i etnograficzne. wydawane staraniem komisyi antropologicznej Akademii umiejetnosci w Krakowie т. IV Krakow 1900. Н. Б. 1901, 1, 22—27.

4044. **Материяли** до українсько-руської етнольогії Виданнє етнографичної комисії за редакциєю Хв. Вовка т. II (1899) т. III (1900). А. Малинка. 1901, 9, 116—124.

4045. **Матченко И. П.** Св. равноапостольный князь Владиміръ просвѣтитель Руси. СПБ. 1889 г. П. Голубовскій. 1889, 12, 646—654.

4046. **Маценко В. А.** Прилукщина. Историческое и статистическое описаніе территоріи прилуцкаго уѣзда Полтавской губ. Въ 2-хъ частяхъ, съ картой уѣзда и планомъ города. Ромны 1888 г. Ѳ. Н. 1888, 12, 67—71.

4047. **Межигорская** старина. Кіевъ 1885 г. К. Цыбульскаго. 1885, 7, 497—500.

4048. **Межовъ В. И.** Русская историческая библіографія за 1865—1876 г. включительно, т. 1—2 СПБ. 1882 г. Н. П. 1882, 9, 559.

4049. **Мельникъ К.** Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль, въ Екатеринославѣ вып. 1 К. 1893 г. 11, 349—351.

4050. **Мемуары**, относящіеся къ исторіи Южной Руси вып. II (1-я полов. XVII ст.) пер. К. Мельникъ. Кіевъ 1896 г. Н. М. 1898, 3, 82—84.

4051. **Милорадовичи** 1) объ этомъ родѣ дворянъ и графовъ Кіевъ 1871 г. 2) Сказаніе объ этомъ родѣ дворянъ и графовъ Кіевъ 1884 г. А. Лазаревскій. 1884, 10, 331—332.

4052. **Милорадовичъ** Андрей Степановичъ, покоритель Мачина въ 1771 г., губернаторъ Черниговскаго намѣстничества (1791 г.) съ приложеніемъ 57 писемъ къ нему. Изд. 2. Черниговъ 1887 г. А. Л. 1887, 5, 171—172.

4053. **Михайловскій** (Кіевскій златоверхов.) монастырь. Историческій очеркъ отъ основанія его до настоящаго времени Кіевъ 1889 г. П. Голубовскій. 1889, 8, 556—559.

4054. **Михайловъ В.** Въ память празднованія 900 лѣтія крещенія русскаго народа. Москва 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 9, 55—61.

4055. **Михалевичъ И.** Подольская гимназія въ Винницѣ. Каменецъ-Подольскъ 1890 г. И. Каманинъ. 1890, 10, 171—172.

4056. **Михалевичъ И.** Каменецъ-По-

дольская гимназія. Историч. записка о 50 лѣтнемъ существованіи ея (1833—83). К.-Подольскъ 1883 г. В. И. 1884, 6, 323.

4057. **„Михайловецъ“.** Ежемѣсячный журналъ, издаваемый Михайловскимъ артиллерійскимъ училищемъ № 2, 3, 4, 5, 6 за 1905 г. Мик. Стасюкъ. 1905, 10, 58—59.

4058. **Минхъ А.** Народные обычаи, суевѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ Саратовской губерніи СПБ. 1890. А. Л—нко. 1892, 2, 361—363.

4059. **Мицкевичъ** въ малорусскихъ передѣлкахъ и переводахъ. И. Новицкій. 1885, 12, 747—749.

4060. **Michov H.** Die altesten Karten von Russland. Hamburg 1884—91. N. S. 1885, 2, 367—369.

4061. **М. Л.** Поминки по пр. Филаретѣ, епископѣ Рижскомъ, въ Кишиневской духовной семинаріи, съ портретомъ его. Кишиневъ 1882 г. Л. С. 1882, 12, 576—582.

4062. **Можетъ-ли** не подлежать сомнѣнію, что октрытое во Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ изображеніе князя есть древнѣйшее изображеніе св. князя Владимира П. Л. 1889, 4, 233—236.

4063. **Мончаловскій О. А.** Литературное и политическое украинофильство. Львовъ 1898 г. Н. М. 1899, 4, 44—48.

4064. **Мордовцевъ Д. Л.** Оповиданя. СПБ. 1885 г. Г. 1885, 8, 698—700.

4065. **Мордовцевъ Д.** Сагайдачный историческая повѣсть. СПБ. 1882 г. В. А. 1882, 10, 134—142.

4066. **Мордовець Д.** Козаки и море, Поэма СПБ. 1898. W. 1897, 12, 92—94.

4067. **Мордовець Данилъ.** Палій, воскресытель правобережнои Украины СПБ. 1902 г. В. Черепинъ. 1903, 1, 29—38.

4068. **Морозенко.** Оповидання Панаса Мырного К. 1904 г. ц. 8 к. В. К. 1904, 11, 115—116.

4069. **Moszynska** Iózeía. Kupajlo. W Krakowie 1881 Ив. Новицкій. 1882, 6, 527—529.

4070. **Мочульскій В.** Малороссійскія и Петербургскія повѣсти Гоголя. Одесса 1902. В. Н. 1902, 9, 153—154.

4071. **Музыкантовъ П.** Богданъ Умельницкій въ войнахъ съ поляками. Состав. по „Исторіи козаковъ“ Чарновскаго. Кіевъ 1889 г. И. Каманинъ. 1889, 8, 564—566.

4072. **Мукаловъ Н.** Географія Кіевской губерніи (учебное пособіе по родиновѣдѣнію). Кіевъ 1883 г. 1883, 5, 164—166.

4073. **Мухинъ Н.** Кіево-братскій училищный монастырь. 1893 г. 2—50. Ѳ. Титовъ. 1895, 2. 77—79.

4074. **Мыкола Дидъ.** Неначе свитъ перевернувся. (вирши). С. Е. 1902, 3, 216—218.

4075. **Мирный П.** Повія, романъ ч. 1—а. В. Горленко. 1883, 6, 366—370.

4076. **Мирный П.** Збираныця зъ ридного поля. Прыповисткы, оповидання и драматычни творы. Кіевъ 1886 г. Борисъ Познанскій. 1886, 7, 542—547.

4077. **Мырный Панасъ.** Кныжка перша творивъ. У Кыиви 1903. В. С. 1903, 6, 202—205.

4078. **Мырный П.** Лыхый попутавъ (оповидання). Кыивъ 1903 р. М. Павловскій. 1903, 7—8, 76—78.

4079. **Мырный Панасъ.** „Морозенко“. Б. Я. 1904, 12, 181—183.

4080. **Мыронъ И.** Абу-Каземови капци. С. Р. 1900, 6, 167—168.

4081. **Мышлаевскій А.** Крѣпости и гарнизоны южной Россіи въ 1718 г. СПБ. 1897 г. А. Л. 1898, 6, 94—96.

4082. **М—чъ. В. Т.** Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими современными событіями на Руси. Варшава 1883 г. Фратеркулюсъ 1883, 9—10, 294—297.

4083. **Мякотинъ В.** Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ СПБ. 1889 г. Н. Любовичъ. 1891, 3, 524—528.

4084. **Мякотинъ В. А.** Крестьянское землевладѣніе въ Полтавскомъ у. въ 1767 г. СПБ. 1895 г. Н. Василенко. 1896, 3, 107—121.

4085. **Надлеръ В.** проф. Одесса въ первыя эпохи ея существованія. Одесса 1893 г, В. Я. 1894, 1, 159.

4086. **Народныя** иллюстрированныя изданія повѣстей Н. В. Гоголя. Н. Шугуровъ. 1894, 1, 211—212.

4087. **Науменко В.** Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г. А. Степовичъ. 1889, 10, 210—214.

4088. **Научная** критика, памфлетъ или пасквиль (по поводу брошюры, г. И—ва „В. Н. Каразинъ, мнимый основатель Харьковскаго университета") Д. И. Багалѣй. 1905, 9, 83—100.

4089. **Неграмотный М.** и Самойленко Ѳеодоръ. Дванадцять чародійныць. Малороссійская опера-феерія въ 3 діяхъ. К. 1904 г. ц. 40 к. В. Мировець. 1904, 6, 130—132.

4090. **Недѣльскій Стеф.** Уніатскій митрополитъ Л. Кишка и его значеніе въ исторіи. К. 1895, 6, 190—192.

4091. **Необходимое** объясненіе по поводу. рецензіи г. Гринченка. В. Василенка 1903, 2, 118—120.

4092. **Neyman C.** Dumy ukrainskie. А. А. С—ко. 1886, 5, 153—156.

4093. **Нидерле,** д-ръ. Человѣчество въ доисторич. времена. СПБ. 1889 г. В. А. 1898, 3, 105—108.

4094. **Niederle** K. d-r. Vestnik slovanskych starozitnosci. Н. Б. 1898, 12, 100—101.

4095. **Николайчикъ Ѳ. Д.** Городъ Кременчугъ. Историческій очеркъ. СПБ. 1891 г. Н. В. 1891, 11. 333—334.

4096. **Новицкій Григорій.** Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ, сочиненное въ 1715 г. СПБ. 1884 г. Н. Ѳ. Сумцовъ. 1895, 3, 551—552.

4897. **Новицкій И. П.** Указатель къ изданіямъ кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ т. II. Имена географическія К. 1883 г. О. Л. 1884, 6, 509—511.

4098. **Новицкій Орестъ.** Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе. Изд. 2-е передѣланное и дополненное. Кіевъ 1882 г. Н. П. 1882, 4, 140—147.

4099. **Новороссійскій** календарь на 1891 годъ. Одесса 1890 г. 1891, 2, 365—367.

4100. **Новыя** народныя иллюстрированныя изданія повѣстей Н. В. Гоголя. Н. Ш. 1895, 6, 128—129.

4101. **Новыя** статистико-географическія данныя объ Одесскомъ уѣздѣ. И. Каманинъ. 1888, 10, 1—13.

4102. **Новѣйшія** статистическія изданія Полтавскаго губернскаго земства. Л. С. Л. 1894, 3, 570—579.

4103. **Нѣкоторыя** данныя по вопросу о заработкахъ населенія Подольской губ. на земляхъ частновладѣльческихъ и въ сельско-хоз. промышленныхъ предпріятіяхъ. К. 1907 г. М. Порш. 1907, 11—12, 441—446.

4104. **Нѣсколько** словъ польскому. рецензенту малорусскихъ книжекъ. Б Познанскій. 1886, 12, 737—741.

4105. **Обзоръ** дѣятельности министерства земледѣлія и госуд. имуществъ за 3-й годъ существованія. СПБ. 1897 г. Н. М. 1897, 10, 21—24.

4106. **Обзоръ** изданій разныхъ обществъ естество-испытателей Х. 1897 г. А. Черняховскій. 1898, 9, 91—94.

4107. **Обзоръ** сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 1901 г. Полтава 1902 г. Л. С. Л. 1902, 10, 49—51.

4108. **Обзоръ** украинскихъ изданій за 1902 годъ. С. Е—мовъ. 1903, 1, 48—53.

4109. **Обзоръ** украинскихъ изданій 1904 г. В. Поточный. 1905, 5, 124—127.

4110. **Обозрѣніе** Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостей. 1890, 6, 579—583.

4111. **Общества** любителей изученія Кубанской области извѣстія. Вып. 1. Екатеринодаръ 1899. Е. К. 1899, 11, 93—94.

4112. **Оглоблинъ Н. Н.** Обозрѣніе историко - географическихъ матеріаловъ XVII и нач. XVIII в., заключающихся въ книгахъ разряднаго приказа. Москва 1884 г. А. М—чъ. 1885, 8, 696—698.

4113, **Оглоблинъ Н. Н.** Провинціальные архивы въ XVII в. (очеркъ изъ исторіи архивнаго дѣла въ Россіи) СПБ. 1886 г. И. Каманинъ. 1888, 5, 33—37.

4114. **Огоновскій Омельянъ**. Коротка исторія литературы русскои Н. С. 1887, 2, 345—349.

4115. **Одесса** 1794—1894 г. изд. городского обществ. управл. 1895 г. ц. 6 р. А. С—чъ. 1896, 2, 71—73.

4116. **Одинцевъ И. Ѳ.** Уніатское богослуженіе въ XVII и XVIII вѣкахъ по рукописямъ Виленской публичной библіотеки. Вильна 1886 г. А. Цыбульскій. 1886, 12, 723—728.

4117. **Окрестности** Кіева—„Пустыни". 1900, 5. 102—103.

4118. **Олесь О.** З журбою радість обнялась СПБ. 1907 г. Л. П—ський. 1907, 2, 261—264.

4119. **Описаніе** документовъ и бумагъ хранящихся въ Московскомъ архивѣ мин. юстиціи кн. Х. М. 1896 г. Н. В. 1898, 2, 71—72.

4120. **Описаніе** рукописнаго отдѣленія Виленской публичной библіотеки вып. II. Вильна 1897 г. И. Каманинъ. 1897, 6, 114—118.

4121. **Описаніе** рукописнаго отдѣленія Виленской публичной библіотеки вып. III. Вильна 1898 г. И. Каманинъ. 1898, 6, 99.

4122. **Описаніе** рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ в, II. Н. И. Петрова. Москва 1897 г. С. Ѳ. Титовъ. 1898, 10, 30—32.

4123. **Орѣшниковъ.** Археологич. извѣстія и замѣтки, изд. Имп. Московскимъ Археологич. обществомъ 1—12-й. В. Ястребовъ. 1895, 2, 80—82.

4124. **Осадчій Т.** Щербановская волость Елисаветград у. Херс. губ. Историко-этнографич. и хозяйственно-статистич. описаніе. Херсонъ 1891 г. В. Ястребовъ. 1892, 2, 359—361.

4125. **Осадчій.** Виноградники Херсонской губерніи. В. Василенко. 1893, 1, 180—184.

4126. **Осадчій.** Кіевское общество

сельскаго хозяйства (1876—1901) К. 1901 г. Л. С. Л. 1902, 5, 133—139.

4127. **О сервитутахъ** и разверстаніи въ юго-зап. краѣ нѣсколько словъ. Л. С. Л. 1902, 3, 209—210.

4128. **Основьяненко Грицько**. Повѣсти и разсказы т. IV Харьковъ 1890 г. 1891, 3, 534—538.

4129. **Островерховъ Н. Л.** Каменецъ Подольскъ. Ив. Н. 1882, 11, 363—365.

4130. **Островскій М.** Вирне средство отъ пьянства и запоя (Разсказъ малоросса) Житом. 1901 г. ц. 20 к. В. Д. 1901, 5, 105—108.

4131. **Острогорскій.** Учебникъ русской исторіи, элементарный курсъ. Для III класса гимназій и реальныхъ училищъ. СПБ. 1891 г. П. Г. 1891, 8, 338—342.

4132. **Откликъ** въ пользу голодающихъ. Одесса 1892 г. ц. 2 р. А. Маркевичъ. 1892, 2, 357—359.

4133. **Отчетъ** благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1901 г. СПБ. 1902 г, В. Д. 1902, 9, 154—156.

4134. **Отчетъ** благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. В. Поточный. 1904, 1, 27—31.

4135 **Отчетъ** благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1903 г. СПБ. 1904 г. 1904, 9, 117—123.

4136. **Отчетъ** Замостьскаго святоникольскаго церковнаго братства за время съ 6 мая 1882 г. по 9 мая 1883 г. Замостье. Посторонній. 1883, 7, 566—572.

4137. **Отчетъ** Императорской Археологической комиссіи за 1882—1888 г. СПБ. 1891 г. ц. 5 р. В. Я. 1892, 10, 156—158.

4138. **Отчетъ** Императорской Археологической комиссіи за 1889 г. СПБ. 1892 г. В. Ястребовъ. 1893, 8, 392.

4139. **Отчетъ** Императорской Археологической комиссіи за 1892 г. съ 75 политипажами 1894 г. ц. 2 р. В. Ястребовъ. 1895, 1, 24—28.

4140. **Отчетъ** Императорской Археологической комиссіи за 1898 г. СПБ. 1901 г. Б. 1902, 5, 129—132.

4141. **Отчетъ** Императорской Археологической комиссіи за 1891 г. В. Я. 1894, 6, 654—557.

4142. **Отчетъ** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей съ 14 ноября 1884 г. по 14 ноября 1885 г. Одесса 1886 г. И. Каманинъ, 1886, 5, 347—483.

4143. **Отчетъ** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей съ 14 ноября 1886 г. по 14 ноября 1887 г. Одесса 1888 г. 1888, 5, 39—42.

4144. **Отчетъ** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей В. Я. 1895, 7—8, 55—58.

4145. **Отчетъ** Императорской публичной библіотеки за 1888 г. СПБ. 1891 г. В. Науменко. 1892, 5, 303—306.

4146. **Отчетъ** Императорской публичной библіотеки за 1889 г. СПБ. 1893 г. В. Науменко. 1893, 7, 151—154.

4147. **Отчетъ** Императорской публичной библіотеки за 1892 г. СПБ. 1895 г. В. Науменко 1896, 7—8, 41—44.

4148. **Отчетъ** Императорской публичной библіотеки за 1893 г. СПБ. 1896 г. В. Науменко. 1897, 1, 23—24.

4149. **Отчетъ** о состояніи коллегіи Павла Галагана съ 1 октября 1890 г.

по 1 октября 1894 г. К. 1894 г. Щербина. 1894, 11, 327—329.

4150. **Отчетъ** холмскаго православнаго свято-богородицкаго братства за 1884—5 (шестой) г. К. Цыбульскій. 1889, 7, 547—552.

4151. **О фрескахъ** лѣстницы Кіево-Софійскаго собора СПБ. 1888 г. Н. С. 1888, 7, 20—22.

4152. **Очеркъ** о результатахъ дѣятельности Кременчугскаго городскаго общественнаго управленія за шестнадцать лѣтъ съ 1872 по 1888 г. Кременчугъ 1888 г. Э. Н. 1889, 7, 312—315.

4153. **Павелъ** Алеппскій, архидіаконъ. Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в. М. 1896—98. Савва. 1899, 8, 70—83.

4154. **Pawinskiego G.** Т. I. Liber quitantiarum Alexandri regis ab a. 1502 ad 1506. Warszawa 1897. А. С. 1898, 1, 32.

4155. **Павленко-Павлусь** Гр, Свитла Зоря. В. Мировецъ. 1904, 4, 43—45.

4156. **Павлик М.** Михайло Драгоманів. М. Ж. 1907, 5, 224—228.

4157. **Павловскій И. Ф.** Историческій очеркъ Петровскаго Полтавскагс кадетскаго корпуса (1840—1890) По оффиціальнымъ даннымъ. Полтава 1890 г. Н. В. 1891, 2, 367—370.

4158. **Павловскій** Очеркъ дѣятельности св. Михайловскаго братства въ с. Деньгахъ, Золотоношскаго у. съ 1890 по 1900 г. 1902, 3, 218—220.

4159. **Павловъ** проф. Номоканонъ при большомъ требникѣ. А. Л. 1898, 5, 65—66.

4160. **Paygert** (von) Cornelius. Die sociale und virtschaftliche sage der Galizischen schuhmacher. Leipzig 1891. Н. М. 1892, 12, 495—498.

4161. **Палеографическій** изборникъ (матеріалы по исторіи южно-рус. письма въ XV—XVIII в.) К. 1899 г. В. Щербина. 1899, 10, 29—31.

4162. **Палимпсестовъ И.** Степи юга Россіи были ли искони степями и возможно ли облѣсить ихъ. 1890, 5, 395.

4163. **Памятки** українсько-руської мови і літератури видає комісия археогр. Науков. Тов—ва ім. Шевченка т. I. Апокріфи старозавітні Львів 1896. В. Щербина. 1897, 9, 74—77.

4164. **Памятни** українсько-руської мови і літератури, Видає комісия археографична наукового товариства ім. Шевченка т. I—II. Качановскій. 1900, 1, 36—38.

4165. **Памятная** книжка Волынской губерніи на 1888 годъ. Изд. Волынскаго Губерн. статист. комитета. Сост. подъ редакц. И. Ф. Мацкевича. Житоміръ 1887 г. А. С—чъ. 1888, 11, 57—60.

4166. **Памятная** книжка Волынской губ. на 1889 г. Изд. Волынскаго губернскаго-статистическаго комитета. Сост. подъ редакц. члена—секретаря комитета И. Ф. Мацкевича. Житомиръ 1888 г. Арк. Лященко. 1889, 10, 219—220.

4167. **Памятная** книжка Волынской губерніи на 1890 г. Изд. Волынскаго статист. комитета. Сост. подъ ред. члена—секретаря И. Ф. Мацкевича. Житомиръ 1889 г. Арк. Л—нко. 1890, 2, 370—371.

4168. **Памятная** книжка Волынской губерніи. Изд. Волын. губерн. статист. комитета. Сост. подъ редакц. члена—секретаря комитета И. Ф. Мацкевича. Житомиръ 1890 г. Арк. Л—ка. 1891, 4, 173—174.

4169. **Памятная** книжка Гродненской губерніи на 1890 г. Изд. Гродн.

статист. ком. Гродно 1889 года. М. Довнаръ-Запольскій. 1891, 10, 164—165.

4170. **Памятная** книжка Кіевской губерніи на 1897 г. Изданіе Кіев. г. статист. комитета. Годъ изданія пятнадцатыи. Кіевъ 1897 г. Н. М. 1897, 2, 61—62.

4171. **Памятная** книжка Кіевской губерніи за 1904 г. 1904, 2, 84—86.

4172. **Памятная** книжка конотопскаго земства 1865—1890 г.г. Кіевъ 1890 г. Н. В. 1891, 2, 363—365.

4173. **Памятники,** изданные Кіевскою комис. для разбора древнихъ актовъ т. I—III. К. 1898 г. О. М. 1899, 2, 119—121.

4174. **Папковъ А. А.** Упадокъ православнаго прихода (XVIII—XIX). Дурдуковскій. 1900, 3, 160—162.

4175. **Папковъ А. А.** Очеркъ исторіи з-русскихъ православныхъ братствъ. В. Дурдуковскій. 1900, 5, 95—100.

4176 **Партыцкій О.** Темни мѣстця въ „Словѣ о полку Игоревѣ", У Львовѣ 1883 г. П. Голубовскій. 1884, 8, 710—714.

4177. **Парфененко Х. Я.** Современные фотографо-этнографическіе альбомы. О. Сластіонъ. 1900, 1, 29—36.

4178. **Pastrnek** Bibliographische veborsicht über die Slavische Philologie 1876—1891. Берлинъ 1892. А. Степовичъ. 1894, 5, 383—384.

4179. **Пелипець.** Вивчарь. И. Ж. 1888, 4, 23—24.

4180. **Perwolf Iozef.** Polácі a Rusini (Поляки и русины. Очеркъ проф. Первольфа) Б. Н. К—ой. 1882, 10, 142—149.

4181. **Петровъ Н. И.** Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія. Кіевъ 1884 г. Г. 1884, 4, 664—672.

4182. **Петровъ Н.** Пчела Почаевская, изборникъ назидательныхъ поученій и статей, составленныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ Лавры Почаевской (1581—1651) Почаевъ 1884 г. С. Голубевъ. 1885, 1, 157—167.

4183. **Петровъ Н.** Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Вып. I, М. 1891 г. А. Л. 1893, 4, 191—193.

4184. **Петровъ Н. И.** Отчетъ церковно-археологическаго общества при Кіевской Духовной академіи за 1895 г. 1895, 6, 123—126.

4185. **Петровъ Н.** Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в. К, 1895 г. Ѳ. Титовъ. 1896, 2, 76—78.

4186. **Петровъ Н. И.** Историко-топографическіе очерки древняго Кіева. Кіевъ 1897 г. В. Щербина. 1898, 2, 58—63.

4187. **Петровъ** проф. Кіевъ, его святыни и памятники СПБ. 1896 г. В. Щербина. 1898, 2, 58—63.

4188. **Петровъ Н. И.** Значеніе Кіевской Духовной Академіи въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи съ учрежденія Св. Синода въ 1721 г. и до половины XVIII в. К. 1904 г. В. Д—скій. 1904, 6, 128—130.

4189 **Петровъ Н. И.** Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Духовной Академіи. Отдѣленіе II (1721—1795), т. I. (1721—1750 г.) ч. I—Н К. 1904 г. ц. 3 р. 50 к. В. Д—скій. 1904, 7—8, 60—65.

4190. **Петроновъ** Бердичевъ. И. Н. 1882, 11, 363—365.

4191. **Петрусь З.** Русалочка. И. Ж. 1888, 4, 23—24.

4192. **Петрушевичъ А. С.** Иванъ Ѳеодоровъ, русскій первопечатникъ.

Историко-библіографическое разсужденіе. Львовъ 1883 г. 1883, 12, 671—675.

4193, **Петрушевичъ А. С.** Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 до конца августа 1772 г. ч. 1. Львовъ 1887 г. К. Шнейдеръ. 1887, 12, 773 774.

4194. **Петрушевичъ А. С.** Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 до конца августа 1772 г. ч. 1. Львовъ 1887 г. В. А. 1888, 6, 45—52.

4195. **Pierling.** La Russie et le Saint—Sieqe. Paris 1897. Е. К. 1898, 6, 100—102.

4196. **Письма** и бумаги Петра Великаго. т. I и II. И. 1894, 3, 590.

4197. **Письма** В. И. Туманскаго и его неизданныя стихотворенія. Черниговъ 1891 г. Z. 1892, 1, 164—166.

4198. **Pic** I. L. Dejine naroda ruskégo Y Praze. 1889 г. Н. М. 1890, 8, 334—336.

4199. **П. Л.** Городъ Чернобыль (Кіев. губ.) описанный отставнымъ военнымъ. Кіевъ 1884 г. В. Г—ко. 1884, 1, 149—151.

4200. **Планъ** Кіева, составленный въ 1695. Изданіе кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ. К. 1893 г. В. Щербина. 1894, 1, 155—159.

4201. **Платоновъ** Іоаннъ прот. Каменскій свято-успенскій женскій монастырь и его святыня. Черниговъ 1893 г. Н. Б. 1894, 9, 469—470.

4202. **Powszeshna** wystawa we Lwowie w r. 1894. Н. Ш—въ. 1895, 7—8, 37—43.

4203. **Powszeshna** wystawa krajowa 1894 r. Lwow 1897. Н. М. 1897, 12, 81—83.

4204. **Подолякъ Федь.** Осинни квитки. Одесса 1903 г. ц. 20 к. С. Е-мовъ. 1904, 5, 90—94.

4205. **Полевой П.** Русская исторія для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Курсъ систематическій. СПБ. 1890 г. П. Г. 1890, 9, 515—519.

4206. **Полевой П:** Русская исторія. Курсъ элементарный. СПБ. 1892 г. П. Г. 1892 11, 305—309.

4207. **Polek Johann.** Joseph's Reisennach Galizien. Czernowitz. 1895. Н. М. 1897, 1, 24—26.

4208. **Поликарповъ.** Краткое описаніе изслѣдованія рѣки Днѣпра отъ Смоленска до Лимана, произведеннаго днѣпровскою описной партіею въ 1875—1883 г, СПБ. А. Л. 1889, 2. 532—533.

4209. **Pölmann. N.** Beitrag zur altesten Geschichte des Kosaken tums. München. 1888. И. Л—ко. 1889, 5—6, 663—666.

4210. **Полницкій А.** Историческая записка объ открытіи Елисаветградскихъ духовныхъ училищъ. Одесса 1890 г. А. Степовичъ. 1891, 2, 360—361.

4211. **Полное** собраніе русскихъ лѣтописей. Томъ шестнадцатый. Лѣтописный сборникъ, именуемый лѣтописью Авраамки. СПБ. 1889 г. П. Г. 1890, 5, 391—394.

4212. **Полтавскій** адресъ-календарь на 1887 г., составленный подъ редакціей секретаря полт. губер. статист. комит. Д. А. Трощинскаго. Н. Н. Бакай. 1887, 3, 545—550.

4213. **Полтавской** губерніи къ оцѣнкѣ земель матеріалы. Вып. 1—15. СПБ. 1889—1882 г. А. 1893, 2, 397—398.

4214. **Полтавской** ученой архивной комиссіи труды. Вып. IV. Полтава

1907 ц. 75 к. Д. Д. 1907, 10, 132—134.

4215. **Полюй І.** Нові і перемінні зьвізди. У Відні 1905. В. Н—ко. 1905, 9, 100—102.

4216. **Пономаревъ С.** Земляки (достопамятные уроженцы Черниговской земли). Черниг. 1898 Шугуровъ. 1901, 10 27—36.

4217. **Попко Иванъ.** Терскіе казаки съ старо-древнихъ временъ. Историческій очеркъ. вып. І. Гребенское войско. СПБ. 1880. В. А. 1882, 2, 401—404.

4218. **Поплавскій В.** и А. Лященко. Повторительный курсъ русской исторіи (отъ Владимира св. до Іоанна IV) Житомиръ. П. Голубовскій. 1888, 12, 65—67.

4219. **По поводу** 25 лѣтія „Филологическихъ записокъ". Н. С. 1882, 3, 586—588.

4220. **Поповъ А. Н.** Вторая учебная экскурсія Симферопольской мужской гимназіи въ Бахчи-сарай и его окрестности. Симферополь 1888 г. Н. Б. 1889, 3, 762—764.

4221. **Поповъ Н.** Жизнь А. С. Пищевича, имъ самимъ описанная 1764—1805 г. Въ трехъ частяхъ. Съ предисловіемъ. Москва 1885 г. В. Ястребовъ. 1886, 8, 727—731.

4222. **Поповъ Н.** Извѣстіе о похожденіи Симеона Степановича Пишчевича. 1731—1785 г. Изд. Имп. общества исторіи и древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ. Москва 1884 г. В. Я. 1884, 10, 321—328.

4223. **Постниковъ В.** Южно-русское крестьянское хозяйство М. 1891 г. А. Русовъ. 1892, 3, 504—508.

4224. **Потебня А. А.** Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ. Варшава 1883г. Ц. Нейманъ. 1884, 5, 657—663.

4225. **Потебня А.** Библіографическіе матеріалы для біографіи Александра Аѳан. Потебни. В. П. 1893, 1, 186—187.

4226. **Поточный В.** Обзоръ украинскихъ изданій 1903 г. 1904, 3, 122—131.

4227. **Потто В. А.** Кавказская вой на въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. СПБ. 1887 г. т. І. вып. 1—4. О. 1887, 6—7, 526—528.

4228. **Похилевичъ** Лаврентій. Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій. Статистическія и историческія замѣтки о всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ въ этихъ уѣздахъ и съ подробнымн картами ихъ. Кіевъ 1887 г. И. К. 1888, 10, 16—17.

4229. **Похилевичъ** Лаврентій. Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій. Статистическія и историческія замѣтки о всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ въ этихъ уѣздахъ и съ подробными картами ихъ. Кіевъ 1887 г. Н. В. 1891, 6, 504—507.

4230. **Провідник** по виставі краевіи у Львові з особливим оглядом на відділ етнографичний. Н. Ш—въ. 1895, 7—8, 37—42.

4231. **Пречистенская** ярмарка въ с. Васильевѣ (Яновщинѣ Н. В. Гоголя) Полтав. уѣзда 6—8 сент. 1901 г. Опытъ статист. изслѣд. Полтава 1904 г. Л. С. Л. 1904, 12, 179—180.

4232. **Przeglad** archeologiczny orqan c. k. konserwatoryum pomnikow, oraz Towarzystwa archeol. krajow. we Lwowie Zesz. 1—3. Lwów, 1882—1883. Н. Д. 1885. 1, 167—173.

4233. **Przewodnik** naukowy i literacki. Lwow. 1896—1898. 3 тома. 1899, 4, 36—40.

4234. **Приходскія** фундушевыя училища въ юго-западномъ краѣ: ихъ возникновеніе, и средства содержанія. К. 1900. В. Д. 1901, 1, 30—35.

4235. **Программа** для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, составленная при этнографическомъ отдѣлѣ Имп. общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Москва 1887 г, О. 1887, 12, 766—767.

4236. **Протопоповъ.** Св. Владиміръ равноапостольный кн. Кіевскій и всея Руси. Москва 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 8, 53—54.

4237. **Прохоровъ В.** Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые по Высочайшему соизволенію. СПБ. 1881 г. ц. 15 р. В. И. 1882, 2, 412.

4238 **Пругавинъ А.** Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ. М. 1907. С. П—ра. 1907, 6, 356—358

4239. **Ptaszynski A,** (major). Ksiega pamietnicza. 1769—1763 przepisal d—r. Antoni J, 1881. Ив. Н. 1882, 5, 325—326.

4240. **Пташицкій С.** Князья Пузыны. СПБ. 1899. И. Каманинъ. 1899, 10, 33.

4241. **Пташицкій С.** Щорговская библіотека графа Литавара-Хребтовичъ. М. 1899. И. Каманинъ. 1899, 11, 94—95.

4242. **Pulaski** Kazimierz. Szkice i poszukiwania historyczne. Krakow 1889. В. А. 1889, 1, 267—272.

4243. **Pulaski** Kazimierz. Szkice i poszukiwania historyczne. Petersburg. 1898. А. С. 1898, 1, 30—31.

4244. **Путятинъ** Графъ. Перекличка альманаховъ и дополненіе къ нимъ (съ 1794—1850 г.) ц. 2 р. 25 к. И. 1894, 3, 590.

4245. **Пухальскій И.** Катерына. Драма перероблено съ „Катерыны" Шевченка. Полтава 1903. В. Д. 1903, 11, 111—113.

4246. **Пыпинъ.** Матеріалы для біографіи А. А. Котляревскаго. 1895, 7—8, 46—47.

4247. **Пѣтуховъ.** Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Изслѣдованіе съ прибавленіемъ „поученій" Серапіона по древнѣйшимъ спискамъ СПБ. 1888 г. Голубовскій. 1888, 11, 29—36.

4248. **Рада,** украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ 1884 г. Г. 1885, 1, 174—176.

4249. **Radde** g. und E. König. Das Ostufer des Pontus. В. Ц. 1905, 2, 84—85.

4250. **Радичъ В.** Запорожская старина (историч. разсказы из журн. „Всходы)" СПБ. 1900. В. Д. 1901, 9, 115—116.

4251. **Радкевичъ Г.** Библіографич. указатель литературы по геологіи губерній Кіевскаго учебнаго округа: Кіевской, Волынской, Подольской, Черниговской и Полтавской. Кіевъ 1896. П. А. 1896, 6, 109—110.

4252. **Разсказъ** о св. равноапостольномъ князѣ Владимірѣ, и о крещеніи русскаго народа М. 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 7, 33—34.

4253. **Рафальскій Т.** Сборникъ узаконеній и распоряженій по зем-

левладѣнію въ зап. губерніяхъ. 1895, 12, 123—124.

4254. **Regel Y.** Analecta byzantino-russica 1891. П. Г. 1892, 8, 281 284.

4255, **Regester** zloczyncow grodu Sanockiego 1554—1638. Lwow 1891, Н. М. 1891, 12, 492—496.

4256. **Регесты** и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи т. I. О. Л. 1900, 3, 162—166.

4257. **Rehor** Lidova lecba u halicskych. Malorusuv. Н. С. 1892, 1, 163—164.

4258. **Рогова И. О.** Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть для юношества. Изд. А. Ф. Девріена СПБ. 1888 г. О. Л. 1889, 2, 521—526.

4259. **Родникъ,** журналъ для дѣтей. Іюль 1888 года. Въ память 900 лѣтія крещенія Руси. П. Голубовскій. 1888. 9, 55—61.

4260. **Родословная** князей Святополкъ на Четвертнѣ Четвертинскихъ. Жит. 1892. Щербина. 1894, 12, 509.

4261. **Рождественскій А.** свящ. Южно-русскій штундизмъ. Изслѣдованіе СПБ. 1889 г. Съ указаніемъ именъ Н. М. 1890, 3, 559—567.

4262. **Романовъ Е. Р.** Бѣлорусскій сборникъ. Сказки. Витебскъ 1887 г. Хр. Ящуржинскій. 1888, 12, 77—82.

4263. **Романовъ В.** свящ. Объ изученіи нашей церковной старины. Полт. 1900 г. Н. Б. 1901, 5, 103—105.

4264. **Rocznik** Kolka Naukowego Tarnopolskiego za rok. 1892—1893. Е. К. 1896, 5, 69—72.

4265. **Rosznik** Kolka naukoweqo Tarnopolskieqo za rok 1895. Tarnopol 1896. А. Л. 1896, 11, 62—64.

4266. **Р. С.** Кіевъ и его прошлое. Херсонъ. 1888 г. И. Ж. 1888, 8, 50—51.

4267. **Рубинштейнъ С.** Хронологическій указатель указовъ и правительственныхъ распоряженій по губерніямъ западной Россіи, Бѣлоруссіи и Малороссіи, за 240 лѣтъ, съ 1652 по 1892 г. 1894, 9, 467—468.

4268. **Rubruquis** guillaume. Deux voyage en Asie an XIII-e siecle envoyé de Saint Louis et Marco Polo marchand venitien Paris Delagrave 1888. П. Голубовскій. 1889, 2, 530—531.

4269. **Руданьского** Степана твори т. I. Кіевъ 1902. А. Н. 1903, 1, 38—44.

4270. **Румянцевъ Е.** графъ. (Письма графин. Е. М. Румянцевой къ ея мужу граф, П. А. Румянцеву-Задунайскому 1762—1779 г.) Изд. графъ Д. А. Толстой. И. Житецкій. 1888, 10, 183—192.

4271. **Рункевичъ С.** Матеріалы для исторіи Минской епархіи. Минскъ 1892 г. Н. В. 1893, 7, 148—149.

4272. **Русиновъ В.** Несподивана халепа. Драма въ II діяхъ. Полтава 1901 г. ц. 15 коп. В. Д. 1901, 12, 183—185.

4273. **Русиновъ В.** Прыхожа. Сцена въ I діи. Переклавъ и переробывъ зъ сочиненія Н. В. Гоголя „Лакейская" Полтава 1901 г. ц. 5 к. В. Д. 1901, 12, 183—185.

4274. **Русовъ С.** Малорусскія женщины XV.—XVII вѣка. В. Н. 1904, 10, 43—44.

4275. **Русская** историческая библіотека, издаваемая археографич. комиссіей, томъ 8-й СПБ. 1884 г. О. Л. 1884, 10, 328—330.

4276. **Русская** военная сила. Очеркъ

развитія выдающихся военныхъ событій отъ начала Руси до нашихъ дней. Сост. обществомъ офицеровъ генеральнаго штаба въ Москвѣ I—II 141. Вып. I. До-Монгольскій періодъ М. 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 10, 22—25.

4277. **Русская** историческая библіотека, издаваемая археографической комиссіей т. VII. Памятники полемической литературы въ западной Руси кн. 2. СПБ. 1882 г. И. Новицкій. 1883, 11, 481—484.

4278. **Русскій** Антропологическій Журналъ СПБ. 1901.1902, 2, 141—142.

4279. **Русскимъ** матерямъ, сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ цынги и тифа въ Воронежской губ. М. 1892 г. ц. 1 р. А. С. 1894, 2, 352—353.

4280. **Русскія** древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. К. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. V. Курганы, древности и клады домонгольск. періода. Щербина В. 1897, 5, 77—83.

4281. **Русскія** лѣтописи: 1) Лѣтописецъ патр. Никифора, 2) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, 3) Хроника Русская. Н. Т. 1899. 5, 100.

4282. **Rutovski** Tadeusz. Kleski elementarne galicyi (Lwow 1890) Н. М. 1890, 10, 168—170.

4283. **Ruch** Kalendarz encyklopedyczny na 1889 rok. Варшава 1889 г. И. Новицкій. 1889, 8, 566—574.

4284. **Рыльскій Т.** Про Херсонськи заробиткы. Выдавныцтво „Викъ" П-скій М. 1905, 5, 121—122.

4285. **Рѣдинъ.** Харьковъ, какъ центръ художественнаго образованія юга Россіи. Хар. 1894 г. Н. Ш—въ. 1894, 5, 375—380.

4286. **Рѣпинъ И. Е.** Русскіе художники Н. Ш. 1895, 4, 31—35.

4287. **Рѣпинъ И.** Альбомъ картинъ и рисунковъ. Н. Ш. 1898, 10, 23—24,

4288. **Sawszynsky H.** Bibliografia Historyi Polskiej. Czesc 1. Lwow 1891. Любовичъ Н. 1893, 10, 173—176.

4289. **Sadok** Baracz. Wiadomosc o malarzach bazylijanskich И. Н. 1882, 5, 323—324.

4290. **Салтыкъ-Романскій Юл.** Вѣнецъ славянскихъ поэтовъ. Сборникъ памятниковъ поэзіи славянскаго мира т. I. Слово о полку Игоря древне-славянская (?) поэма XII в. съ переводами: на русскій (новорусскій?), чешскій, польскій. Львовъ (30—140 стр.) А. Степовичъ. 1889, 2, 527—528.

4291. **Самоквасовъ Д. Я.** Исторія русскаго права. Вып. 2-й. Происхожденіе русскихъ славянъ. Варшава 1884 г. М. 1884, 11, 507—512.

4292. **Сапуновъ А.** Витебская Старина. Витебскъ 1883 г. В. И. 1883, 9—10, 287—290.

4293. **Сапуновъ А.** Витебская Старина, т. IV. Витебскъ 1885 г. И. Каманинъ. 1886, 4, 786—789.

4294. **Сапуновъ А.** Витебская старина, т. V. Матеріалы для исторіи Полоцкой епархіи ч. I. Витебскъ 1888 г. Н. Петровъ. 1889, 5—6, 654—656.

4295. **Сатаньньська** помста, драма въ 4 діяхъ (з нотами для спививъ) соч. Михновскаго. В. Д. 1901, 11, 112—115.

4296. **Сборникъ** Имп. Русскаго Географическаго общества т. 40 СПБ. 1884. П. Голубовскій. 1884, 9, 148—151.

4297. **Сборникъ** Императорскаго Русскаго историческаго общества, т.

43, СПБ. 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 8, 701—706.

4298. **Сборникъ** Имп. Русскаго историческаго общества т. 47. СПБ. 1885 г. И. Каманинь. 1885, 9, 145—148.

4299. **Сборникъ** Императорскаго Русскаго историческаго общества т. 54-й СПБ. 1886 г. В. Н. 1887, 8, 745—750.

4300. **Сборникъ** Имп. Русскаго историческаго общества т. 68. СПБ. 1889 г. Д. И. Багалѣй. 1891, 6, 490—499.

4301. **Сборникъ** Импер. Рус. историческаго общества т. 93. СПБ. 1894. Ястребовъ 1894, 11, 320—323.

4302. **Сборникъ** Имп. Рус. историческаго общества т. 55—101. Протоколы Верховнаго тайнаго совѣта Н. Василенко. 1900, 9, 101—121.

4303. **Сборникъ** историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. И. В. канцеляріи Вып. II. СПБ. 1889 г. Д. И. Багалѣй. 1891, 4, 169—171.

4304. **Сборникъ** историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ Кіевскаго центральнаго архива при у—тѣ св. Владимира И. Каманинымъ и М. Истоминымъ. К. 1890 г. Я. III. 1890, 11, 349—354.

4305. **Сборникъ** лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи, изд. комиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевскомъ, Подольскомъ, Волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Кіевъ 1888 г. И. Новицкій. 1890, 3, 568—571.

4306. **Сборникъ** малорусской орнаментики. 1882, 11, 365—367.

4307. **Сборникъ** матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. управленія кавказскаго учебнаго округа. Вып. 6, 1888 г. Вып. 7, 1889 г. Тифлисъ А. Степовичъ. 1889, 7, 307—309.

4308. **Сборникъ** матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа (изд. управ. Кавказ. учебн, округа) вып. 15 и 16. Тифлисъ 1893 г. Степовичъ А. 1894, 7, 128—132.

4309. **Сборникъ** отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи наукъ томъ 47. Сочин. А. А. Котляревскаго т. I. СПБ. 1889 г. А. Степовичъ. 1889, 8, 553—556,

4310. **Сборникъ** отзывовъ библіотечной комиссіи Кіевскаго общ. грамотности о книгахъ для народнаго чтенія. Вып. II к. 1804 г. В. Д. 1904, 12, 184—186.

4311. **Сборникъ** палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ Виленскомъ центральномъ архивѣ и Виленской публичной археографич. комиссіи В. I. (1332—1548) Вильна 1884 г. И. Каманинъ. 1885, 2, 357—361.

4312. **Сборникъ** по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ. т. IX. Прилукскій уѣздъ. Полтава 1891. Р. 1892, 3, 510—512.

4313. **Сборникъ** свѣдѣній по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ. т. I. Зѣньковскій уѣздъ. ч. 1—2. Полтава 1882—83 г. В. Г—ко. 1883, 12, 677—680.

4314. **Сборникъ** статистическихъ свѣдѣній по Екатеринославской губерніи т. II. Бахмутскій уѣздъ. Екатеринославль 1886 г. Н. С. 1887, 1, 155—157.

4315. **Сборникъ** топографическихъ свѣдѣній о курганахъ и городищахъ, въ Россіи; Волынская губернія СПБ. 1888 г. Изд. Имп. археологической комиссіи. В. Я. 1891, 9, 504—505.

4316. **Сборникъ** Харьковскаго историко-филологическаго общества т. 2. Харьковъ 1890 г. И. Каманинъ. 1890, 9, 512—515.

4317. **Сборникъ** Харьковскаго историко филологическаго общества т. 3. Харьковъ 1891 г. И. Каманинъ. 1891, 8, 327—332.

4318. **Сборникъ** Харьковскаго историко-филологическаго общества т. 4. Харьковъ 1892. Каманинъ. 1893, 4, 185—190.

4319. **Сборникъ** Харьковскаго историко-филологическаго общества т. 5. Харьковъ 1893 г. Каманинъ И. 1894. 2, 355—356.

4320. **Сборникъ** Харьковскаго историко-филологическаго общ. т. 8. Харьковъ 1896. Каманинъ И. 1896, 7—8, 30—37.

4321. **Сборникъ** Харьк. ист.-филологич. общ. т. 9 и 10 1899. Н. Т. 1899, 8, 84—85.

4322. **Сборникъ** Харьковскаго историко-филологическаго общества т. 12. Харьковъ 1900. Каманинъ. 1901, 1, 27—30.

4323. **Swit** tygognik 1907, №№ 1—2. Садовскій. В. 1907, 1, 120—123.

4324. **Свѣдѣнія** о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Императорской Академіи Наукъ въ 1903 г. т XX. 1904, 12, 186—188.

4325. **Swiatowit** Rocznik archeologii т. III. Warszawa 1901. В. 1901, 6, 179—180.

4326. **Swiatowit** Rocznik archeologii т. IV, Warszawa 1902. Бѣляшевскій Н. 1902, 6, 175—179.

4327. **Sebillot** Paul. Les travaux publies et les mines dans les traditions et les superstistion de tous les pays P. 1894. Ѳ. В. 1894, 12, 505—506.

4328. **Селецкій А. К.** Острожская типографія и ея изданія. Историческая монографія, въ 2-хъ частяхъ. Почаевъ 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 1, 161—164.

4329. **Сельскій** кредитъ въ Полтавской губерніи, в. I. Статист. Бюро Полтавскаго Губернскаго Земства 1894 г. 1895, 4, 35—36.

4330. **Сельскаго** хозяйства въ Полтавской губерніи обзоръ за 1900 г. Полтава 1901, ц. 1 р. 20 коп. Л. С. Л. 1902, 7—8, 74—76.

4331. **Семейная** хроника. Записки Аркадія В. Кочубея 1790—1873 С.-Петербургъ 1890 г. Ал. Лазаревскій. 1894, 1, 145—153.

4332. **Семеновъ П.** Живописная Россія т. 5. Малороссія и Новороссія Н. Ш. 1898, 5, 53—60.

4333. **Семеновъ** П. Извѣстія Рус. географич. общ. т. 33, вып. 3. Черняховскій А. 1898, 12, 96—98.

4334. **Сементовскій А. М.** Бѣлорусскія древности. Вып. I СПБ. 1890 г. Арк. Лященко. 1890, 3, 573—576.

4335. **Сениговъ I.** О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. СПБ. 1884 г. П. Голубовскій. 1885, 3, 559—563.

4336. **Сергѣевичъ В.** Русскія юридическія древности т. I и II. Н. В. 1895, 2, 67—74.

4337. **Сергѣевичъ И.** Аксаковъ въ его письмахъ и поѣздка въ Малороссію А. Л. 1895, 10, 36—42.

4338. **Сеферовскій Н.** Двадцатипятилѣтіе Лубенской гимназіи Н. Т. 1898, 7—8, 54—59.

4339. **Сибиряковъ** (изданіе) Путь—дорога, научно-литературный сборникъ

въ пользу общества вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ СПБ. 1893 г. ц. 3 р. 50 к. Степовичъ А. 1894, 2, 351—352.

4340. **Сикорскій И.** проф. Психопатическая эпидемія 1892 г. въ Кіевской губерніи Н. В. 1893, 6, 536—538.

4341. **Сикорскій И. А.** Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ терновскихъ хуторахъ. Кіевъ 1897. Н. М. 1897, 10, 24—26.

4342. **Симоновъ М.** Замѣтки къ юбилейной по случаю 25 лѣтія Лубенской гимназіи запискѣ К. 1898. Н. Т. 1899, 1, 83—64.

4343. **Сиповскій В. Д.** Св. Равноапостольный князь Владиміръ и крещеніе Руси СПБ. 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 9, 55—61.

4344. **Скабичевскій А. М.** Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890) Изд. Ф. Павленкова СПБ. 1891 г. В. Щербина. 1891, 9, 500—504.

4345. **Скальковскій А.** Исторія новой сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго. Изд. 3, ч. I. Одесса 1885 г И. Каманинъ. 1886, 4, 794—796.

4346. **Скальковскій А.** Исторія новой сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго. Изд. 3, часть II. Одесса 1885 г. И. Каманинъ. 1886, 8, 732—735.

4347. **Скальковскій А.** Исторія новой сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго. Изд. 3, часть III. Одесса 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 10, 372—374.

4348. **Скиданъ В. В.** Путеводитель по Одессѣ и ея окрестностямъ. Одесса 1889 г. Н. Т. 1889, 2, 533.

4349. **Славянскій** ежегодникъ. Изданіе Кіевскаго славянскаго общества. Вып. 6-й К. 1884 г. Т. Ф. 1884, 5, 123—136.

4350. **Славянскія** извѣстія 1890 г. о. „Заграничной Руси" Ир. Ж—ій. 1891, 8, 343—351.

4351. **Slovansky** prehled. I v. Praze. В. Д. 1898, 11, 67—69.

4352. **Slovansky** prehled. II. В. Д. 1898, 12, 101—104.

4353. **Slovansky** prehled. r. I c. 3. В. Д. 1899, 1, 64—65.

4354. **С—ловъ Н.** Ченстоховская чудотворная икона Богородицы и церковь во имя св. Кирилла и Меѳодія въ г. Ченстоховѣ. Вильна 1881 г. Н. П. 1882, 3, 572—576.

4355. **Слѣды** мегалитическихъ построекъ въ украйнѣ Львовъ 1886 г. П. Голубовскій. 1887, 10, 369—370.

4356. **Слѣпушкинъ М.** О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи 1894. Каманинъ. 1895, 2, 82—84.

4357. **Smolka** Stanislav. Kiejstu i jagello. 1888. П. Г. 1890, 7, 141—147.

4358. **Соболевскій А.** проф. Очеркъ русской діалектологіи. III. — мало-русское нарѣчіе. Михальчукъ К. 1893, 9, 453—487.

4359. **Сокальскій П.** Къ исторіи русской музыки. Харьковск. Губернск. Вѣдомости 1887 г. №№ 62—63. 1887, 6—7, 532—538.

4360. **Сокальскій П.** Русская народная музыка, великорусская и малорусская въ ея строеніи, мелодическомъ и ритмическомъ, и отличія ея отъ основъ современной гармонической музыки. Харьковъ 1888 г. А. Степовичъ. 1889 3, 752—756.

4361. **Соколовъ Е. И.** Библіотека

Имп. Общ. Исторіи и древностей Россійскихъ. Вып. 2.—Описаніе рукописей и бумагъ, поступившихъ съ 1846 по 1902 г. М. 1905 г. ц. 5 р. С. М. 1906, 3—4, 45—52.

4362. **Соколовъ Н.** Островоротная или остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ. Историч. изслѣдованіе съ 8 рисунк. Вильна 1883 г. К. Ц. 1884, 2, 321—324.

4363. **Сорокинъ Г. И.** свящ. Мѣстечко Дмитровка. Опытъ историко-статистическаго и этнографическаго описанія. Изд. Херсонской Губ. земской управы. Н. В. 1891, 2. 356—360.

4364. **Списки** Черниговскихъ дворянъ 1783 г. Матеріалы для исторіи мѣстнаго дворянства. Черниговъ 1890 г. Н. В. 1891, 1, 197—200.

4365. **Списокъ** населенныхъ мѣстъ Кіевской губ. Кіевъ 1896. Ал. А—чъ. 1896, 10, 18—23.

4366. **Списокъ** населенныхъ мѣстъ Полтавской губерніи, изд. Полтавскимъ Губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіемъ въ 1887 г. 1889, 12, 654—655.

4367. **Списокъ** церквей и духовенства холмско-варшавской епархіи. Варшава 1886 г. К. Цыбульскій. 1886, 10, 374—378.

4368. **Споминки** про житье и дѣятельность Володиміра Барвѣньскаго Львовъ 1884 г. В. Г—ко. 1884, 3, 489—491.

4369. **Спрогисъ И. Я.** Географическій словарь древней Жомойтской (Жмудской) земли XVI столѣтія. Вильна 1888 г. И. Каманинъ 1888, 11, 56—57.

4370. **Срезневскій Вс.** Изъ первыхъ лѣтъ научно-литерат. дѣятельности И. И. Срезневскаго (1831—1839) 1898, 3, 117—120.

4371. **Срезневскій И. И.** Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ Харьковскую гуернію. Харьковъ 1883 г. В. А. 1883, 8, 165—167.

4372. **Stankiewicz M.** Bibliografia litevska od 1547 do 1701 r. Krakov 1889. А. Л—нко. 1892, 1, 170.

4373. **Старина** и новизна кн. 1. СПБ. 1887. Н. С. 1897, 5, 83—84.

4374. **Старинна** исторія Галичины. Написавъ Омельянъ Партицкой. т. першій. Фра-Моріель. 1895, 1, 28—33.

4375. **Старицкій М.** Не судилось. Драма. Н. Костомаровъ. 1883, 9—10, 297—300.

4376. **Starkl I.** Lowictwo. Н. М. 1896, 5, 66—69.

4377. **Статистическ.** бюро Полтавскаго Губ. Земства. Обзоръ сельского хозяйства въ Полтавской губ. за 1899 г. Полтава 1901. ц. 1 р.—20 коп. Л. С, Л. 1902, 6, 185—186.

4378. **Статистич.** ежегодникъ Полтавскаго губернскаго земства. Полтава 1901. Л. С. Л. 1902, 7—8, 69—74.

4379. **Стелецкій Н.** свящ. Харьковскій Коллегіумъ до преобразованія его въ 1817 г. Харьковъ 1895 ц. 1 р. Ѳ. Титовъ. 1896, 3, 121—129.

4380. **Sternal** Tadeusz. Oblezenie Kamienca v powiesci i historyi 1890, Н. М. 1890, 5, 394—395.

4381. **Stecki** Tadeusz. Z boru i stepu. Obrasy i pamiatki. Н. М. 1890, 9, 509—512.

4382. **Стоповичъ А.** Ежегодникъ

коллегіи Павла Галагана 1898. Н. В. 1900, 3, 166—168.

4383. **Степовичъ А.** Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана 1900—1901. Ш. 1901, 11, 109—111.

4384. **Степовыкъ О.** Корыстни звирятка, СПБ. 1899. С. Н. 1899, 11, 97—98.

4385. **Степъ.** Херсонскій беллетрыстичный сбирникъ 1886 г. В. Я. 1887, 1, 162—164.

4386. **Столпянскій П. К.** Матеріалы къ исторіи русской литературы и науки въ XVIII вѣкѣ, выпускъ I, опытъ библіогр. указателя книгъ по географіи, изданныхъ въ Россіи въ царствованіе имп. Екатерины II. Оренбургъ 1903. Доманицкій В. 1905, 3, 191—198.

4387. **Стороженко Н. В.** Западнорусскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII вѣка (изслѣдованіе по архивному матеріалу) И. Новицкій. 1890, 5, 382—388.

4388. **Стороженко Н.** Геніальный горемыка (Шевченко). Т. 1898, 7—8, 51—52.

4389. **Стороженко Н.** Мелочи для біографіи Т. Шевченка. 1898, 10, 31.

4390. **Строевъ И. М.** Библіографическій словарь и черновые къ нему матеріалы. Приведены въ порядокъ и изданы подъ редакціей академика А. Ѳ. Бычкова. СПБ. 1882 г. Н. П. 1882, 7, 164—167.

4391. **Studzinski C.** Geneza poetycznych utworow M. Szaszkewicza. В. Д. 1899, 4, 42—44.

4392. **Суворинъ А. С.** Хохлы и хохлушки СПБ. 1907. Петлюра С. 1907, 5, 233—235.

4393. **Сулимовскій** Архивъ. Фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей. Кіевъ 1884 г. Издатель А. Лазаревскій. В. А. 1884, 10, 332—336.

4394. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Къ исторіи Южно-Русской литературы XVII столѣтія, в. I. Лазарь Барановичъ. Харьковъ 1884 г. Ѳ. Н. 1884, 11, 526—528.

4395. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 5, 140—144.

4396. **Сумцовъ Н.** Разборъ этнографическаго труда Е. Р. Романова. В. Я. 1894, 12, 498—501.

4397. **Сумцов М.** Леонардо з Винчи. Харьк. 1907 г. ц. 25 к. Д—ко Д. 1907, 9, 392—394.

4398. **Сурмаченко.** Нисенитници К. 1902. Е—мовъ С. 1902, 9, 142.

4399. **Суходольскій А. Л.** Помста, або Загублена Доля, драма. В. Д. 1904, 1, 37—40.

4400. **Сѣдлецкой** губ. памятная книжка на 1892 г. А. С. 1893, 3. 570.

4401. **Сѣцинскій Е.** Бакота, древняя столица Понизья (Каменецъ - Подольскъ 1889 г.) Древнѣйшія православныя церкви въ Подоліи. Церковь-замокъ въ с. Сутковцахъ Летичевскаго уѣзда. (Каменецъ-Подольскъ 1889 г.) Н. М. 1890, 6, 573—575.

4402. **Сѣцинскій Е. I.** Городъ Каменецъ Подольскъ. Историч. описаніе 1895 2 р. Н. М. 1895, 9, 132—134.

4403. **Сѣцинскій Е.** Историч. свѣдѣнія о приходахъ и церквяхъ Подольской епархіи. I. Каменецкій уѣздъ. Кам. Подольскъ 1895. Антоновичъ В. 1896, 5. 55—58.

4404. **Таврической** ученой комиссіи извѣстія № 14. Симферополь 1891. Каманинъ И. 1892, 5, 311—313.

4405. **Таврической** ученой Архив-

ной комиссіи извѣстія №. 15. Симферополь 1902. Каманинъ И. 1892, 9, 460—464.

4406. **Tadeusz**. Wiadomosci statystyczne o stosunkach krajovych. Lwow 1881, И. Житецкій. 1882, 12, 574—576.

4407. **Таировъ И.** Старинные документы на владѣніе землями г. Кіева. К. 1894 Щербина. 1894, 12. 509—512.

4408. **Танкеръ Б.** Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 г. М. 1891. Каманинъ И. 1892, 3, 508—510.

4409. **Тарановскій Ѳ. В.** Обзоръ памятниковъ магдебурскаго права зап.-рус. городовъ литовской эпохи. Варшава 1897. Н. В. 1898. 2, 72—73.

4410. **Тарновскій.** Топографическіе и статистическіе матеріалы съ приложеніемъ 4 картъ юго-западнаго края. К. 1882.. И. Н. 1882, 10, 154—158.

4411. **Тарновскаго В. В.** коллекціи украинскихъ древностей каталогъ К. 1898. 1899, 4, 31—35.

4412. **Татарскій І.** По поводу сочиненія его о Симеонѣ Полоцкомъ. Кіевъ 1887, П. 1888, 4, 21—22.

4413. **Теодоровичъ Н.** Мѣстечко Грицевъ Заславскаго уѣзда Волынской губерніи. Историческіи очеркъ. Почаевъ 1892 г. 1894, 2, 353—355.

4414. **Теодоровичъ Н.** Городъ Заславль Волынской губерніи. Историческій очеркъ. Почаевъ 1891. Каманинъ И. 1894, 2, 353—355.

4415. **Теодоровичъ Н.** Городъ Кременецъ Волынской губерніи. Церковно-историческій очеркъ. Почаевъ 1890 г. Каманинъ. 1894, 2, 353—355.

4416. **Теодоровичъ Н.** Городъ Владиміръ Волынской губерніи. въ связи съ исторіей Волынской іерархіи (историч. очеркъ). Каманинъ И. 1894, 2, 353—354.

4417. **Теодоровичъ Н.** Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ т. IV. Староконст. уѣздъ Почаевъ 1899. Каманинъ И. 1899, 6, 156—158.

4418. **Теодоровичъ Н.** Волынская Духовная семинарія. Поч. 1901 г. В. Храневичъ. 1901, 6, 166—175.

4419. **Теодоровичъ Н.** Волынь въ описаніи городовъ, мѣстечекъ и селъ т. V. О. Л. 1904, 2, 86—89.

4420. **Терещенко М. С.** Орыся, Черкассы 1903. ц. 25 к. В. Д. 1904, 10, 39—42.

4421. **Тилло А. А.** Проникаютъ ли отроги Карпатъ въ предѣлы Европейской Россіи. П. А. 1895, 6. 127—128.

4422. **Тимченко Е.** Русско-малороссійскій словарь т. I. А.—О. К. 1897, Стешенко. И. 1898, 9, 84—88.

4423. **Тиховскій** Ювеналій. Указатель неоффиціальной части Волынск. Епарх. Вѣдомостей за 20 лѣтъ ихъ существованія (1867—1887). Почаевъ 1888 г. А. Л. 1889, 1, 264—266.

4424. **Тихомировъ Н. Д.** Галицкая митрополія. Церк.-историч. изслѣдованіе. СПБ. 1895. 1896. 1, 45—46.

4425. **Тихомировъ И.** Рецензія книги Ляскоронскаго „Исторія Переяславской земли". 1898, 7—8. 52—54.

4426. **Тобилевичъ Ив.** (Карпенко-Карый). Драмы и комедіи томъ I—2. Одесса 1897, Ѳ. М. 1898, 7—8, 44—50.

4427. **Тобилевичъ Ив.** (Карпенко-Карый. Драмы и комедіи т. III. Одес-

са 1903. П. Г. 1903, 6, 197—202.

4428. **Тобилевичъ Иванъ.** (Карпенко Карый). Драмы и комедіи томъ IV Гор--скій. Н. 1903, 9, 139—146.

4429, **Тогобочній И.** Борци за мріи. Драма на 5 дій. Харьк. 1903. В. Д. 1904, 10, 39—42.

4430. **Токмаковъ И.** Историко-статистическое описаніе города Мглина Черн. губ. Съ гербомъ и 2 чертежами г. Мглина XVII—XVIII ст. Кіевъ 1888 г. А. Л. 1888, 10, 13—14.

4431. **Толмачевъ И. Н.** Юго-запад. край Статист. обозрѣніе, томъ I, восточное полѣсье. Кіевъ 1897. 1897, 10, 26—30.

4432. **Толстой И. И.** Древнѣйшія русскія монеты Великаго княжества Кіевскаго. СПБ, 1882 г. Н. П. 1882, 4, 132—140.

4433. **Толстой И. и Н.** Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ исскуства. Вып. I. Классическія древности южной Россіи. СПБ. 1889 г. Ѳ. Мищенко. 1889, 5—6, 640—644.

4434. **Толстой И. и Н.** Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. 2. Древности Скиѳосарматскія. СПБ. 1889 г. Ѳ. Мищенко. 1890, 3, 552—559.

4435. **Толстой И. и Н.** Кондаковъ Русскія древности въ памятникахъ искусства—Вып. 4. Христіанскія древности Крыма, Кавказа и Кіева. СПБ. 1891, Щербина В, 1892, 1, 155—159.

4436. **Topolnicki** Mapa do dziejów Polski. Львовъ 1888 г, Ц. Нейманъ. 1889, 9, 790—792.

4437. **Торнау Н.** баронъ. Учебный атласъ цо русской исторіи. СПБ. 1894 г. W. 1894, 10, 163.

4438. **Tretlak** jòzef. Historya wojny Chocimskiej 1621 г. Lwów. 1889. Н. М. 1890, 5, 388—391.

4439. **Трыста** найкращыхъ украинскихъ писень. Кыивъ 1904 р. Выдавныцтво Викъ. В. К. 1905, 6, 228—229.

4440. **Трыста** украиньскыхъ писень. Б. Я. 1904, 12, 181--183.

4441. **Труды 4-го** археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. т. 2. Казань 1891, 11, 334—338.

4442. **Труды VI** археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1884 г.) т. I. Одесса 1886 г. В. Ястребовъ, 1887, 4, 747—753.

4443. **Труды VI** археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1884 г.) т. II. Одесса 1888 г. В. Ястребовъ 1888, 8, 35—39.

4444. **Труды** археографической комиссіи Московск. археологическаго общества подъ ред. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Н. Василенко. 1900, 2, 82.

4445. **Труды** девятаго арх. съѣзда т. I. Б. 1895. 11, 80—82.

4446. **Труды** общества изслѣдователей Волыни. т. I. Житомиръ 1902. О. Л. 1902, 10, 41—48.

4447. **Труды** перваго съѣзда врачей Кіевской губерніи 1893 г. Н. М. 1895. 1, 36--38.

4448. **Труды** комитета для историко статистическаго описанія Подольской епархіи. Вып. III. 1886 г. Каменецъ-Подольскъ. 1887 г. И. Каманинъ. 1887, 8, 757—760.

4449. **Труды** комитета для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи. Выпускъ 4. Каменецъ-Подольскъ 1889 г. И. Каманинъ. 1890, 8, 337—338.

4450. **„Труды** этнографическо-статистической экспедиціи“ Чубинскаго въ сравненіи съ другими подобными. В. Г. 1884, 2, 349—351.

4451. **Труды** перваго съѣзда сельскихъ хозяевъ Подольской губерніи въ г. Проскуровѣ 1896 года. Кіевъ, 1897. Н. М. 1897, 6. 111—114.

4452. **Труды** Подольскаго Епархіальнаго историко-статистическаго комитета. Вып. 8. Каменецъ-Подольскій 1897. 1897, 11, 57—61.

4453. **Труды** Подольскаго Епархіальнаго историко-статистическаго комитета. Вып. 6. Степовичъ А. 1894, 2, 350—351.

4454. **Труды** Подольскаго Епархіальнаго историко-статистическаго комитета (приходы и церкви Подольской епархіи) Вып. IX. В. Д. 1901, 4, 48—49.

4455. **Труды** по изученію Этнографіи Екатеринославской губ. 1) Сборникъ статей Екатеринославскаго научнаго общества по изученію края. 2) Бабенко В. А. Этнографическій счеркъ народнаго быта Екатеринославскаго края. 3) Бабенко В. Изъ этнографическихъ наблюденій въ Екатеринославской губерніи. 4) Каталогъ Екатеринославскаго областнаго Музея А. Н. Поля. Даниловъ Владиміръ. 1905, 10, 51—56.

4456. **Труды** Полтавской ученой архивной комиссіи. Вып. I. Полтава 1905. В. Н. 1905, 9, 103.

4457. **Труды** Полтавской ученой архивной комиссіи Вып. 2. Полтава 1906. Сотниченко. 1906, 3—4, 52—56.

4458. **Труды** съѣзда подольскихъ сахароваровъ по вопросу о принятіи мѣръ по обезвреживанію заводскихъ отбросовъ и сточныхъ водъ. Н. М. 1895, 1, 33—36.

4459. **Трутовскій** Древности. Труды Импер. Моск. Археол. общ. т. XVII М. 1900. Б. 1901, 3. 177—178.

4460. **Трутовскій В. К.** (редакція) Древности, труды Императорскаго Московскаго Археолог. общ. т. XIX вып, 1 и 2. М. 1901 г. Н. В. 1901, 12, 179—183.

4461. **Тутковскій Т.** Юго-Западный край. Вып. 1-й. Кіевъ 1893 г. 1894, 5, 386.

4462. **Тутковскій** Юго-Западный край. Вып. 2. К. 1895. 1896, 4, 26.

4463. **Турцевичъ.** Хрестоматія по исторіи западной Россіи. Вильно. 1892. П. Г. 1892, 11, 305—309.

4464. **Турцевичъ.** Ар. Русская исторія въ связи съ исторіей Вел. Княж. Литовскаго П. Голубовскій. 1895, 9, 77—80.

4465. **Т—ъ И.** Быль и легенды о могилѣ Аскольда съ приложеніемъ древнихъ плановъ Кіева (1638) и печерской его части (1695) Кіевъ 1897. Каманинъ И. 1897, 7—8. 41—42.

4466. **Уварова** граф. Матеріалы по археологіи Кавказа. Могильники Сѣвернаго Кавказа в. VIII. В. 1901, 3, 179—181.

4467. **Указатель** къ изданіямъ Имп. русскаго географич. общества и его отдѣловъ съ 1846 по 1875 г. СПБ. 1886 г. V. 1886, 7, 537—542.

4468. **Украінка Леся.** Думи и мрії. Львів 1899. Д. Д. 1902, 12, 201—203.

4469. **Украинскія** легенды въ французскомъ журналѣ. В. Горленко. 1888, 5, 37—39.

4470. **Украинскіе** народные разсказы на французскомъ языкѣ. П. К—ій. 1888, 8, 39—49.

4471. **Украинско**-русской литературы за 1898 г. обзоръ В. Д. 1899, 12: 153—157,

4472. **Украинскія** изданія 1900 г. Доманицкій. 1901, 3, 166—177; 4, 33—39.

4473. **Украинскіе** лубочные пѣсенники. Даниловъ Вл. 1905, 6, 213—228.

4474. **Украіньско**-руський Архив. Матеріали і замітки до історії національного відродження галицькоі Руси в 1830 та 1840 р. р. Львів 1907. Д—ко Д. 1907, 11—12, 436—439.

4475. **Уманецъ Ѳ.** Гетманъ Мазепа СПБ. 1897. Каманинъ И. 1898, 3, 108—115.

4476. **Успенскій Ѳ. И.** Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ Одесса 1890 г. В. Я. 1890, 7, 158—159.

4477. **Успенскій Ѳ.** Русь и Византія въ X вѣкѣ. Одесса 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 12, 61—65.

4478. **Устименко Т.** Село Зуевцы, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губ. П. 1894. Щербина. 1894, 12, 508.

4479. **Устиновъ И. А.** Литература о Харьковской губерніи (библіографическій указатель). Изд. Харьков. Статистич. кимитета. Харьковъ 1887 г. 1888, 4, 15—19.

4480. **Фабриціусъ В.** Кіевскій календарь на 1889 г. Годъ 6-й Амартола. 1889, 1, 276—281.

4481. **Фиминцынъ А. С.** Гусли, русскій народный инструментъ. Историч. очеркъ. СПБ. 1890 г. А. Степовичъ. 1891, 9, 516—518.

4482. **Фаминцынъ А.** Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа: балалайка, кобза, бандура, торбанъ, гитара СПБ. 1892, 1, 159—163.

4483. **Федоровъ М. П.** Хлѣбная торговля въ главнѣйшихъ русскихъ портахъ и Кенигсбергѣ. Москва 1888 г. А. Р. 1880, 4, 230—231.

4484. **Федорченко.** Въ чаду мрій К. 1902. Е—мовъ С. 1902, 9, 142—151.

4485. **Фелицынъ Е. Д.** Памятная книжка кубанской области, Екатеринедаръ 1881 г. Изданіе статистическаго комитета. 1882, 1, 206—209.

4486. **Фелицынъ Е. Д.** Кубанскій сборникъ. Труды кубанского областного статистическаго комитета т. I съ картой кубанской области. Екатеринодаръ 1883 г. 1884, 4, 652—657.

4487. **Фелицынъ Е. Д.** Кубанское козачье войско 1696—1888 года. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ. Воронежъ 1888 г. Н. М. 1890, 2, 363—365.

4488. **Фелицынъ Е. Д.** Библіогр. указатель литературы о Кубанской области. Петлюра 1904, 3, 131.

4489. **Фефербоймъ А.** (изд.) Николаевскій календарь и справочная книга на 1892 г. Николаевъ 1893. В. Я. 1894, 4, 192—193.

4490. **Филаретъ** Еп. Черниговскій. Историко - статистическое описаніе Черниговской епархіи. Черниговъ 1873 г. 1883, 3, 657—658.

4491. **Филевичъ И.** Исторія древней Руси т. I. Территорія и населеніе. Варшава 1896. Данилевичъ В. 1896, 9, 69—79.

4492. **Филевичъ И.** Исторія древней Руси т. I. Территорія и населеніе. Варшава Н. М. 1896, 9, 79—93.

4493. **Филевичъ И. П.** проф. По поводу теоріи двухъ русскихъ народностей. Львовъ 1902. Н. М. 1902, 4, 35—40.

4494. **Филипповъ.** Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества т. 108. Юрьевъ 1900 г. Ф. Матушевскій. 1901, 7—8, 29—47.

4495. **Finkel L.** Окору. Swietej Trojcy. М. Г. 1891, 7, 156—160.

4496. **Фортунатовъ К.** Національныя области Россіи СПБ. 1906. Гехтер М. 1907, 2, 254—246.

4497. **Филипченко.** 1) Мошногородищенское имѣніе Е. А. Балашевой Кіевской губерніи, Черкасскаго уѣзда. Кіевъ, 1896 г. Н. М. 1897, 2, 58—61.

4498. **Франко И.** Захаръ Беркутъ. Образъ громадскаго житя карпатской Руси въ XII вѣкѣ Львовъ 1884 г. Г. 1885, 2. 369—370.

4499. **Франко.** Безъ праци. Казка. Выдавныцтво „Викъ" М. П. 1905, 5, 123—124.

4500. **Франко Иванъ.** Збирныкъ творивъ т. Ш. Кыивъ 1905. Жигмайло Л. 1905, 7—8, 8—14.

4501. **Французскій** этюдъ о Мазепѣ В. Горленко. 1884, 12, 703—707.

4502. **Фридмъ Б. А.** Юридическія воззрѣнія и обычаи крестьянъ сѣверозападнаго края, преимущественно Ковенской губ. Вильна 1890 г. М. Довнаръ-Запольскій. 1891, 11, 338—340.

4503. **Халанскій**. Великорусскія былины Кіевскаго цикла. Варшава 1885 г. П. Голубовскій. 1886, 6, 339—342.

4504. **Chamiec K.** Ysrod stepow i jarow, Kultura przeddziejova. Б. 1901, 3, 181—183.

4505. **Ханенко.** Древнѣйшій планъ города Кіева 1638 г. Кіевъ 1896. В. Щербина. 1896, 12, 95—98.

4506. **Ханенко Б. И.** и В. Н. Древности русскія. Б. 1900. 6, 166—167.

4507. **Ханенко Б. И.** и В. Н. Древности Приднѣпровья. Б. 1900, 12, 164.

4508. **Ханенко Б. И.** и В. Н. Древности Приднѣпровья. Вып. IV (эпоха великаго переселенія народовъ). К. 1901 г. 1901, 6, 176—177,

4509. **Харламповичъ К.** Западнорус. школы XVI и нач. XVII ст. Казань 1898. 1899, 2, 127.

4510. **Харузинъ А.** Дневникъ антропологическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Москов. универ. 1890. вып. 3, 4, и 6. В. А. 1892, 4, 139—144.

4511. **Харьковскій** календарь на 1884 г. Изданіе Харьковскаго Губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей П. С. Ефименка. Харьковъ 1883 г. В. Г. 1884, 2, 317—321.

4512. **Харьковскій** календарь и памятная книжка на 1885 г. изданіе Харьковскаго Губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей П. С. Ефименко. Харьковъ. Д. Багалѣй. 1885, 3, 552—558.

4513. **Харьковскій** клленда рь на 1886 г. Годъ XIV съ видомъ г. Харькова въ началѣ XIX ст. ц. 1 р. Изд. губ. стат. комитета подъ редак. П. С. Ефименка. Ѳ. Н. 1886, 2, 377—380.

4514. **Харьковскій** календарь на 1887 г. и Харьковскій сборникъ (литературно-научное приложеніе къ календарю) Изд. Харьк. губ. стат. ком. подъ редакц. П. С. Ефименка. Ц. 1. р. 20 коп. Д. Чеп—ый. 1887, 3, 558 561.

4515. **Харьковскій** сборникъ, литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому календарю" на 1888 г. Вып. 2. Изд. харьк. статист. комитета подъ редак. В. И. Касперова. Харьковъ 1888 г. И. Каманинъ. 1889, 1, 259—263.

4516. **Харьковскій** сборникъ. Литературное приложеніе къ Харьковскому каленларю" иа 1889 г. вып. 3. Изд. Харьк. губ. статистич. комитета, подъ редакц. В. И. Касперова. Харьковъ. 1889 г. П. Г. 1890, 2, 371—373.

4517. **Харьковскій** сборникъ, литературно-научное приложеніекъ „Харьков. Календарю" на 1890 г. Вып, 4. Изд. „харьк. статист. комит. подъ редакц. В. И. Касперова. Харьковъ 1890 г. Н. В. 1890, 12, 546—549.

4518. **Харьковскій** сборникъ, литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому календарю" на 1891 г. вып. V подъ редакц. В. И. Касперова. Н. Ѳ. Сумцовъ. 1891, 10, 161—164.

4519. **Харьковскій** сборникъ. прилож. къ Уарьк. календарю на 1892 г. вып. 6-й. ц. 1 р. 20 коп. Н. В. 1892, 9, 439—449.

4520. **Харьковскаго** историко-филологическаго общества сборникъ т. 9. Харьковъ 1897. Каманинъ И. 1897, 2. 44=49.

4521. **Харьковскаго** истор.-филологич. общества сборникъ т. 10. Харьковъ 1897. Каманинъ И. 1898, 1, 27—30.

4522. **Хвальчевскій** Станиславъ. Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжества, составленная въ 1552—1555 1. изд. Виленской археолог. комиссіи. Вильна 1884 г. И. Каманинъ. 1885, 3, 564—568.

4523. **Хвойко В.** Поля погребеній въ среднемъ Приднѣпровьѣ. СПБ. 1901. Н. Б. 1902, 4, 54—58.

4524. **Херсонскія** губ. вѣдомости 1839—1888 г. Ястребовъ В. 1892, 3, 516—534.

4525. **Херсонскія** епархіальн. вѣдомости (прибавленія) 1885—1894. 1895, 4, 20—27.

4526. **Хлопецъ** та море. Лыстоноша. Розумный коваль. Оповидання Одесса 1903. В. Д. 11, 111—113.

4527. **Хойнацкій А. Ѳ.** Православіе на западѣ Россіи въ своихъ ближайшихъ (?) представителяхъ или Патерикъ Волыно-Почаевскій, въ двухъ частяхъ. Москва 1888 г. И. Л. 1888. 8, 51—53.

4528. **Хойновскій І.** Раскопки великокняжескаго двора древняго града Кіева въ 1892 г. К. 1893, ц. 4. Е. 1893, 5, 326=333.

4529. **Холмскій Братчикъ.** Городъ Холмъ и его древняя святыня—чудотворная икона Божіей Матери. Изд. Холмско-Богородицкаго православнаго братства. Варшава 1882 г. 1883, 3, 653—657.

4530. **Холмскій** народный календарь на 1885 г. Кіевъ 1884 г. Изд. Холмскаго Свято-Богородицкаго братства И. Каманинъ. 1885, 4, 760—765.

4531. **Холмскій** народный календарь на 1886 г. Изд. Холмскаго Свято-Богородицкаго братства И. Каманинъ. 1885, 12, 710—714.

4532. **Холмскій** народный календарь на 1888 г. Годъ IV изд. Холмскаго правосл. Св. Богородицкаго братства—Кіевъ 1887 г. Холмскій Старожилъ 1887, 12, 768—773.

4533. **Хроника** українсько-руського наукового товариства ім. Шевченка у Львові 1903. вып. 1 р. 1903. В. Д. 1903. 5, 131—134.

4534. **Ц. Г.** Сѣверный Вѣстникъ 1886 г. № 3. стр. 51—72. Басня Богдана Хмельницкаго А. С—ко 1886, 9, 158—162.

4535. **Цеглинскій** Григорій. Кара совісти, нар. драма. 5 д. В. Д. 1904, 1, 33—37.

4536. **Церковно**-приходская лѣтопись с. Глубочка, Житомирск, у., Волынской г. Почаевъ 1898. О. Л. 1899, 4, 48—50.

4537. **Ц—овскій В.** Кіевскій политехнич. институтъ имп. Александра II-го К. 1898. Н. М. 1898, 10, 30.

4538. **Чайченко** Васыль „Зъ народнёго поля" И. Ж. 1888, 4, 23—24.

4539. **Чайченко** Васыль. Зъ згадокъ про дитячи лита. Кіевъ 1888 г. И. Ж. 1888, 9, 69—70.

4540. **Чайковскаго** „Мазепа" В Г. 1886, 12, 759—762.

4541. **Чалый М. К.** Жизнь и произведенія Тараса Шевченка (сводъ матеріаловъ для его біографіи, съ портретомъ). Кіевъ 1882 г. Н. П. 1882, 8, 349—355.

4542. **Чарнецкій Н.** Историческія свѣдѣнія о бывшихъ въ м. Шаргородѣ духовной семинаріи и дух. училищѣ. 1895, 5, 103—104.

4543. **Casopis** Musea Kralovstvi ceského 1888 г. Выпускъ III—IV. Прага А. Степовичъ. 1889, 9, 794—796.

4544. **Часопись** Правнича. Мѣсячникъ для теоріи и практики. Выдаютъ: д—ръ К. Левицкій, д—ръ А. Горбачевскій, д—ръ Е. Олесницкій. Рочникъ I, числа 1—4. Львовъ 1889 г. Н. Шугуровъ. 1889, 11, 475—479.

4545. **Çàsopis** Musea kralovstvi çeskeho 1897—1898. А. С. 1899, 1, 58—60.

4546. **Часопись** Правнича В. Д. 1900, 5, 103—104.

4547. **Czechowski A.** Samuels von Skrzypna Twardowski. Н. М. 1895, 5, 95—99.

4548. **Черневъ Н.** Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ СПБ. 1888 г. Н. Б. 1888, 11, 53—55.

4549. **Черкасенко С.** „В старім гнізді" П—ський Л. 1907, 7—8. 259—265.

4550. **Çerny Adolf.** Mythiske bytosce luziskich serbow Budysin 1893. В. П. 1894, 3, 587—588.

4551. **Черниговскія** Губернскія Вѣдомости на нынѣшній годъ и новые въ нихъ историко этнографическіе матеріалы. Е. 1886, 8, 746—754.

4552. **Черниговская** памятка. Карманная справочная книжка на 189⁴/₅ г. ц. 75 к. А. Р. 1894, 8, 291—292.

4553. **Черниговская** памятка. Карманная справочная книжка на 189⁶/₇ г. Черниговъ 1896. А. С. 1897, 4. 37—40.

4554. **Черниговская** памятка (справочная книжка на 189⁸/₉ годъ) Н. Ш. 1899, 6, 152—156.

4555. **Черниговской** губ. архивной комиссіи труды 1897—98, вып. 1. 1899, 2, 122—124.

4556. **Черниговскаго** дворянства родословная книга изд. графа Г. Милорадовича. СПБ. 1901. А. Л. 1902, 4. 46—54.

4557. **Чернышевъ В.** Законы и правила русскаго произношенія. Варшава 1906. Кр—ський М. 1907, 6, 358—360.

4558. **Чернявськый М.** Донецьки сонеты. Бахмутъ 1898. И. Стешенко. 1898, 5, 60—65.

4559. **Чернявськый М.** „Зори", збирныкъ поэзій. У Кыиви 1903. В. Степовый. 1903, 7—8, 60—66.

4560. **Чернятинское** имѣніе въ литинскомъ у., Подольской губ., Кіевъ 1902. Я—чъ 1903, 3, 190—192.

4561. „**Çesky Lid.**" (чешскій народъ. Прага 1891 г.) годъ 1, книга 1. А. Степовичъ 1891, 12, 502—504.

4562. **Чижевскій Николай.** Старозаимочныя земли. Рѣшенія Харьковскаго окружнаго суда, по искамъ крестьянскихъ обществъ въ Харьковской Казенной Палатѣ о старозаимочныхъ земляхъ съ приложеніемъ жалованныхъ слободскимъ полкамъ грамотъ и другихъ документовъ. Изд. 1883 г. Багалѣй. 1884, 2, 305—316.

4563. **Ciszewski** Stanislaw. Krakowiacy т. I. В. П. 1895, 10, 29—30.

4564. **Czynski** Edward. Etnograficzno-statystyczny zarys liczenbnosci i rozciedlenia ludnosci polskiej. Ц. Нейманъ. 1888, 6, 55—59.

4565. **Чистовичъ И.** Очеркъ исторіи западно-русской церкви, Ч. I СПБ. 1882 г. И. М. 1882, 9, 552—555.

4566. **Чистовичъ И.** Очеркъ исторіи западно-русской церкви. Ч. 2. СПБ. 1884 г. И. Малышевскій. 1884, 11, 518—526.

4567. **Czolowski A.** Z przeszlosci Jezupola i okolicy. Н. М. 1892, 11, 309—310.

4568. **Чтенія** въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1884 г. книга 2-я Ѳ. Н. 1885, 2, 360—361.

4569. **Чтенія** въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ 1888 г. кн. I изд. подъ завѣдываніемъ д. чл. Н. А. Попова. Москва 1888 г. И. Каманинъ. 1889, 3, 756—760.

4570. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца (въ періодъ 1878—1887 г.) книга 2. Издана подъ редакціей д. чл. Н. П. Дашкевича и А. И. Соболевскаго. Кіевъ 1888 г. И. Каманинъ. 1889, 5—6, 648—654.

4571. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца кн. 4. Изд. подъ ред. Н. П. Дашкевича. Кіевъ 1889 г. И. Каманинъ. 1889, 11, 456—461.

4572. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца кн. 4. Изд. подъ редакц. Н. П. Дашкевича. Кіевъ 1890 г. И. Каманинъ. 1890, 7, 147—155.

4573. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца кн. пятая. Изд. подъ ред. М. Ф. Владимирскаго-Буданова. Кіевъ. 1891, Н. В. 1891, 10, 138—161.

4574. **Чтенія** въ историч. Сбщ. Нестора лѣтописца кн. 6. К. 1892. Я. Ш. 1892, 9, 449—460.

4575, **Чтенія** въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца, книга VII. Е. К. 1895, 3, 133—136.

4576. **Чтенія** въ Историч. Общ. Нестора лѣтописца. кн. 10. Кіевъ 1896. Н. В. 1896, 5, 58—63.

4577. **Чтенія** въ историч. обществѣ Нестора—лѣтоп. кн. 10 и 11. К. 1896. И. Ж. 1898, 10, 25—30.

4578. **Чтенія** въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца, книга XII. К. 1898. Н. В. 1899, 3, 163—171.

4579. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. кн. 17 вып. I. Кіевъ 1903, В—ко Н. 1903, 3, 185—187.

4580. **Чудиновъ А. Н.** Русская классная библіотека. Вып. I. Слово о полку Игоревѣ ц. 30 к. Вып. 2. Домострой Сильвестровскаго извода ц. 43. изд. Глазунова. СПБ. 1891 г. А. Степовичъ. 1891, 12, 504—505.

4581. **Шантръ Э.** Палеоэтнологическія изслѣдованія въ южной Руси, особенно же на Кавказѣ въ Крыму. В. А. 1882, 11, 360—362.

4582. **Шараневичъ И.** Галышка, княгиня Острожска, оповѣдане историчне. У Львовѣ 1880 г. Л. 1882, 1, 209—211.

4583. **Szaraniewicz J.** i Zacharjewicz J. Wyciecka do Zalukwi, Halicza i na Krylos. B. A. 1883, 4, 876—878.

4584. **Szaraniewicz J.** O latopisiach i kronikach ruskich XV и XVI w. B. A. 1883, 1, 176—179.

4585. **Szarlomski A.** Stanislawow i powiat Stanislawowski. H. M. 1890, 4, 174—179.

4586. **Шахматовъ А. А.** О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ. Н. В. 1898. 1, 22—24.

4587. **Schweiger** Lerchenfeld A. v. Zwischen Donau und Kaukasis. 1886. В. Я. 1887, 3, 555—558.

4588. **Швенцовъ А.** Описаніе Литинскаго у. Подольск. губ. Л. С. Л. 1902, 2, 139—141.

4589. **Шевченко Т.** Гайдамаки. Изданіе иллюстрированное художникомъ А. Г. Сластеномъ. СПБ. 1886 г. В Г—ко. 1886, 2, 370—375.

4590. **Шевченко Т. Г.** 1886, 3, 572—582.

4591. **Шевченко.** Альбомъ офортовъ. В. Г. 1891, 5, 483—484.

4592. **Шевченко.** Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей, коллекціи В. Тарновскаго. К. 1893. Н. III—въ 1893, 6, 531—536.

4593. **Шейнъ П. В.** Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Т. I. ч. I. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. СПБ. 1887. В. К—шъ. 1887, 8, 750—752.

4594. **Шейнъ П.** Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. СПБ. 1890. М. В. 1892, 5, 309—311.

4595. **Шелковъ К. П.** Харьковъ, историко статистическій опытъ Харьковъ 1881 г. 1882, 5, 317—319.

4596, **Шелковъ К. П.** Историческая хронологія Харьковской губ. Харьковъ 1882 г. 1883, 2, 416—417.

4597. **Шемякинъ В. И.** (редакторъ). Приходская Библіотека. Русская земля томъ V. Очерки Малороссіи. СПБ. 1896 г. Н. Ш. 1897, 7—8, 43—45.

4598. **Шемякинъ В. И.** Очерки Малороссіи. Приходская библіотека. 1900, 4, 28—29,

4599. **Шенрокъ В.** Ученическіе годы Гоголя. Москза 1887 г. В. Г. 1887, 3, 561—564.

4600. **Шенрокъ В.** Матеріалы для біографіи Н. В, Гоголя. т. I. М. 1892, Пѣтуховъ Е. 1892, 4, 131—139.

4601. **Шенрокъ В.** Матеріалы для біографіи Гоголя М. 1893. Пѣтуховъ Е. 1893, 3, 566—570.

4602. **Шенрокъ.** Матеріалы для біографіи Гоголя т. III. Е. Пѣтуховъ. 1895, 4, 27—31.

4603. **Шенрокъ.** Матеріалы для біографіи Гоголя т. 4. М. 1898. Е. П. 1897, 12, 86—88.

4604. **Шильдеръ-Шульднеръ Н. Ю.** Изъ юго-западнаго края. Современное положеніе и назрѣвшіе вопросы 1896 г 1895, 12, 115—119.

4605. **Шимановскій В.** Очерки по исторіи нарѣчій. Черты южно-русскаго нарѣчія въ XVI—XVII в.в. Варшава 1893. К. М. 1894, 2, 352.

4606. **Шимановскій В.** Звуковыя и формальныя особенности народныхъ говоровъ Холмской Руси. Обзоръ съ

приложеніемъ образцовъ народн. говоровъ. Варшава 1897 г. К. М. 1897, 5, 71—74.

4607. **Шляпкинъ И. А.** Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709). СПБ. 1891 г. А. Маркевичъ. 1891, 11, 324—333.

4608. **Шляпкинъ И.** Къ исторіи полемики между московскими и малорусскими учеными въ концѣ XVII ст. Н. С. 1885, 12, 702—704.

4609. **Schlumberger** Gustave. Un Empereur bisantin au dixieme siècle Nicéphore Phocas Paris. 1890. В. 1891, 5, 328—332.

4610. **Шмидтъ**, Рыльскаго полка штабсъ-капитанъ. Шпола. 1882. И. Н. 1882, 11, 363—365.

4611. **Шрамченко Н. А.** Воспоминанія и стихотворенія. Ш—розъ Н. 1901, 4, 39—46.

4612. **Шугуровъ Н.** О малорусской одѣ П. Данилевскаго, написанной по случаю нашествія французовъ. 1895, 7—8, 1—4.

4613. **Szujski.** Die Polen und Ruthenen in Galizien. 1882 г. В. А. 1882, 6, 523—526.

4614. **Schulze-Gaevernitz.** Die Kosaken von Kobeljaki. В. П. 1898, 7—8, 37—40.

4615. **Шухарутъ.** Крачунъ-Корочунъ. Н. С. 1887, 1, 161.

4616. **Шухевичъ** Володимиръ проф. Гуцульщина. у Львові. Вып. I—IV. 1899—1904. М. Р. 1905, 2, 73—122.

4617. **„Щаслывою** стежкою" Оповидання. Выдавныцтво Викъ. П—скій М. 1905, 5, 122—123.

4618. **Щегловъ В.** Историческая справка о полѣ Полтавскомъ и его настоящихъ памятникахъ. Полтава. 1890 г. Н. В. 1891, 3, 540—542.

4619, **Щеголевъ Я.** Ворскло, лірна поэзія 1883. В. Г—ко. 1884, 1, 151—154.

4620. **Щербачевъ В. С.** Обзоръ табаководства въ Россіи. Малороссія и Туркестанскій Край. 1894. В. Василенко. 1895, 7—8, 47—52.

4621. **Щербина Ф.** Земельная община, Кубанскихъ козаковъ. Воронежъ 1889 г. Н. М. 1890, 8, 330—333.

4622. **Щербицкій О. В.** Виленскій Свято-Троицкій монастырь. Вильна 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 3, 588—592.

4623. **Эварницкій Д. И.** Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, съ 55 рис. и 7 планами 2 части И. Житецкій. 1888, 11, 36—48.

4624. **Эварницкій Д. И.** Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ СПБ. 1888. И. Ж. 1888, 12, 71—72.

4625. **Эварницкій Д. И.** Очерки изъ исторіи запорожскихъ козаковъ и новороссійскаго края СПБ. 1889 г. И. Ж. 1890, 2, 366—368.

4626. **Эварницкій Д. И.** Публичныя лекціи по археологіи Россіи Ар-Л—нко. 1890, 4, 184—185.

4627. **Эварницкій Д. И.** Вольности запорожскихъ козаковъ, историко-топографическій очеркъ СПБ. 1890 г. В. Ястребовъ. 1891, 2, 352—356.

4628. **Эварницкій Д. И.** По поводу рецензіи „Вольности запорожскихъ козаковъ". 1891, 4, 174—177.

4629. **Эварницкій Д.** Исторія запорожскихъ козаковъ т. I. СПБ. 1892 г. И. 1894, 3, 589—590.

4630. **Эварницкій Д.** Ивачъ Дмитріевичъ Сирко, славный кошевой атаманъ войска запорожскихъ низо-

выхъ козаковъ СПБ. 1894. А. С—о. 1894, 10, 158—160.

4631. **Эварницкій Д. И.** Главнѣйшіе моменты изъ исторіи запорожскаго козачества А. Л. 1897, 3, 84—86.

4632. **Эварницкій.** Исторія запорожскихъ козаковъ 1686—1734 т. 3. СПБ. 1897. А. Л 1897, 12, 76—81.

4633. **Эварницкій Д. И.** Халера. Екатеринославъ 1905. Врачъ. 1905, 7—8, 1—5.

4634. **Эварницкій Д. И.** Малороссійскія народныя пѣсни. Даниловъ В. 1906, 7—8, 51—70.

4635. **Эйгорнъ** Виталій. Книги львовской печати въ Львовѣ въ третью четверть XVIII в. 1895, 5, 101—102.

4636. **Эйнгорнъ** Вит. О малороссійскихъ переписныхъ книгахъ 1666 г. М. 1895. А. Л. 1897, 4, 32—54.

4637. **Этнографическое** обозрѣніе кн. I подъ ред. Н. Я. Янчука. Москва 1889 г. Ц. Г. Нейманъ. 1889, 10, 198—204.

4638. **Этнографическое** обозрѣніе Москва 1889—1890 г. кн. I—VII. В. Я. 1891, 5, 322—327.

4639. **Этнографическое** обозрѣніе М. 1891 кн. 8—10. Я. Ш. 1892, 2, 350—357.

4640. **Этнографическое** обозрѣніе. Кн. 11 и 12. Я. Ш. 1892, 8, 273—281.

4641. **Этнографическое** обозрѣніе М. 1892. Кн. 13 и 14. Я. Ш. 1893, 2, 386—397.

4642. **Этнографическое** обозрѣніе кн. XV, XVI, XVII. В. Я, 1893, 12, 511—515.

4643. **Этнографическое** обозрѣніе. Кн. XVIII и XIX М. 1893 и 1894. В. Я. 1894, 4, 193—194.

4644. **Этнографическое** обозрѣніе. В. Ястребовъ. 1895, 3, 126—128.

4645. **Этнографическое** обозрѣніе. 1895 г. 1899, 7, 24—26.

4646. **Этнографическое** обозрѣніе. 1896—1897. 1899, 9, 122—127.

4647. **Этнографічний** збірник Львів т. I—V. Доманицкій В. 1899, 12, 148—153.

4648. **Юбилейное** изданіе на память 300 лѣтія основанія Львовскаго Ставропигіальнаго братства Я. Г. 1887, 5, 198—200.

4649. **Юдинъ П.** Къ біографіи Шевченка Н. М. 1898, 4, 31—33.

4650. **Южный** сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Одесса 1892. Ц. 2 р. 50 коп. Ястребовъ В. 1892, 7, 133—135.

4651. **Юницкій Н.** Фундуши и стипенд. Виленскаго округа, справочное пособіе. Ч. I. Выпускъ первый. Вильна 1884 г. 1884, 9, 152—154.

4652. **Юргевичъ В.** Историческій очеркъ пятидесятилѣтія Имп. Одесскаго общества исторіи и древностей 1830—1889 г. Къ юбилею общества 14 ноября 1889 г. Одесса 1889 г. П. Г. 1889, 6, 571—572.

4653. **Яблоновскій А.** Очеркъ исторіи Кіево-Могилянской Академіи въ связи съ общимъ развитіемъ западной цивилизаціи на Руси. Краковъ 1899—1900. Харламповичъ К. 1902. 7—8' 14—69.

4654. **Яворницкій Д.** Наша доля—Божа воля Д—въ. 1906, 5—6, 1—3.

4655. **Яворская П.** Марына (поэма) Кіевъ 1904. В. Д. 1905, 3, 200—203.

4656. **Яворская П.** Вирши украинськи. Кіевъ 1904. В. Д. 1905, 3, 200—203.

4657. **Яворскій Ю.** Изъ этнографической тетрадки 1830-хъ годовъ. Львовъ 1902. В. Д. 1902, 9, 152.

4658. **Ягичъ В.** Archiw für slawische Philologie. А. С—чъ. 1899, 5, 97—99.

4659. **Яковенко.** Т. Г. Шевченко, его жизнь и литературная дѣятельность (Біограф. очеркъ) изд. Павленкова СПБ. 1894 г. А. Л—кій. 1894, 8, 289—291.

4660. **Яновська Л.** Дзвинъ до церквы склыкае, та самъ у ній не бувае П, Г. 1903, 6, 206—207.

4661. **Янчукъ Н.** Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ. Составилъ по собраннымъ лично матеріаламъ. Москва 1886 г. В. Г. 1886, 10, 369—372.

4662. **Янчукъ Н. А.** Юбилейный сборникъ въ честь Всеволода Ѳед. Миллера. В. Д. 1900, 7—8, 29.

4663. **Jarganq** Ruthenische Revue. В. Д. 1904, 3, 142—146.

4664. **Яроцкій Я.** Изъ прошлаго Волыни. Вып. I. Н. Б. 1901, 6, 177—179.

4665. **Ясинскій** Михаилъ. Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства. Кіевъ 1889. И. Каманинъ. 1889, 8, 559—564.

4666. **Ястребовъ В. Н.** Отвѣтъ Д. И. Эварницкому 1891, 4, 177—180.

4667. **Ястребовъ В.** Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края, собранные въ Елисаветградскомъ и Александровскомъ уѣздахъ, Херсонской губ. Од. 1894 г. ц. 1 р, 50 к. Х. Я. 1894, 7, 127.

4668. **Яценко-**Хмѣлевскій В. И. Родословная записка фамилій Яценко-Хмѣлевскихъ. Хатемкинъ А. 1900, 2, 95—96.

4669. **Ѳедотовъ-**Чеховскій А. А. Акты Греческаго Нѣжинскаго братства. Кіевъ 1884 г. В. А. 1884, 12, 716—718.

4670. **Ѳоменко** Климентъ свящ. Неразъясненный вопросъ въ древнихъ сказаніяхъ о преніяхъ славянскихъ первоучителей съ казарскими евреями Кіевъ 1885 г. Пещерные храмы въ Крыму. Кіевъ 1884 г. И. Каманинъ. 1885, 493—497.

4671. **Ѳоменко К.** протоіерей. Кіевъ временъ Петра I. В. Д. 1903, 9, 146—147.

4672. **Ѳоменко К. И.** протоіерей. Изъ прошлаго Кіевской епархіи. Мѣстечко Ѳастовъ по описанію московскаго священника Іоанна Лукьянова. („Кіевск. епарх. Вѣдомости 1903 № 18). В. Д. 1903, 9, 146—147.

IX. Смѣсь, дополненія и поправки.

4673. **А А.** „Никому не принадлежащій“ табакъ въ погребѣ Кіевскаго магистрата (1723). 1892, 8, 267—268 (Д.).

4674. **А. В.** Процессы по дѣламъ объ азартной игрѣ. 1888, 1—3, 1—8.

4675. **А. В.** Дейнеки. (Объясненіе слова) 1889, 1, 222—223.

4676. **Азбучный** указатель личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1882 г. 1882, 3, 6, 9. 12; 1883 г. 4, 8, 12; 1884 г. 4, 8, 12, 1885 г. 12, 1886, 12, приложеніе.

4677. **А. Л.** Похищеніе дѣвицы и оскорбленіе полицейскаго офицера (1785) 1893, 1, 175—176. (Д.).

4678. **А. Л.** Дополненіе къ свѣдѣніямъ объ Антонѣ Танскомъ и его тещѣ. 1895, 2, 65—66. (Д.).

4679. **А. Л.** Листъ печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля на сборъ милостыни для выкупа у татаръ плѣнника. 1895, 2, 53—54. (Д.).

4680. **А. Л.** Поминка предковъ (Полетики) 1902, 3, 158—162. (Д.).

4681. **Ал. Андр.** За что оштрафованъ сотникъ Д. Дараганъ „держаніемъ на пушкѣ“. 1900, 4, 1—4. (Д.).

4682. **Анекдотъ** о Мечиславѣ Потоцкомъ. 1892, 9, 429—430. (Д.).

4683. **Антоновича В. Б.** о рефератѣ, читанномъ въ засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца. 3 апрѣля 1888 г, отчетъ. 1888, 5, 56—60.

4684. **Б. В.** Странное слово. 1889, 8, 543—544.

4685. **Бенефисъ** для малороссійскаго дворянства. 1882, 4, 173—175.

4686. **Библіографическій** указатель статей, помѣщенныхъ въ „Кіевской Старинѣ“ за первое десятилѣтіе 1883. (приложеніе) 3, 4, 5, 6, 7, 11.

4687. **Борковскій Іоаннъ**. Исповѣдь Маргаса. 1886, 3, 625—634.

4688. **Быковъ Н.** О федерализмѣ. 1905. 11—12, 95—102. (Д.).

4689. **Бѣлинскій С.** Нѣмецкій трингельдъ на южно-русской почвѣ. 1885, 1, 191—196.

4690. **Бѣляшевскій Н.** Вниманію фотографовъ—любителей. 1896, 6, 91—98. (Д.).

4691. **Бѣляшевскій Н.** Нѣсколько словъ къ фотографамъ—любителямъ. 1901, 5, 88—91. (Д,).

4692. **Бѣньковскій И.** О посѣщеніи императоромъ Александромъ I гор. Староконстантинова и дер. Григоровки. 1904, 6, 114—116. (Д.).

4693. **V.** Выставка картинъ Кіевскихъ художниковъ. 1889, 4, 203—205.

4694. **В. А.** Мѣщанская семейная драма прошлаго столѣтія. 1892, 7, 114—117. (Д.).

4695. **Василенко В.** „Памьятковый прочуханъ“ или примѣненіе писаннаго закона въ сферѣ обычнаго права. 1885, 5, 170—172.

4696. **Василенко В.** „Паньский бу-

дынокъ" въ д. Лебединцѣ, прилукскаго уѣзда. 1895, 6, 115—116. (Д.).

4697. **Василенко В.** Вѣсти о судьбѣ историко-статистич. матеріаловъ по Полтавщинѣ, 1896, 12, 70—71. (Д.).

4698. **Василенко В.** Приключеніе англійскаго путешественника въ Миргородщинѣ въ 1888 г. 1899, 3, 135—138. (Д.).

4699. **Василенко В.** Въ Лебединскомъ „будынкѣ" Г. П. Галагана. 1900, 7—8, 19—24. (Д.).

4700. **Васильевъ М.** Изъ письма въ редакцію. 1885, 1, 205.

4701. **В. Г.** Польскіе рисунки на украинскія темы. 1890, 11, 323—325.

4702. **В. Д.** По журналахъ. Огляд матеріялів по історії Украіни 1907, 3, 140—155.

4703. **Велецкій Н. К.** Псарь Севастьянъ (картинка) 1893, 1, 77—94.

4704. **Великоросса** письмо объ украинскомъ движеніи. 1905, 6, 248—252. (Д.).

4705. **Вергуна** лекція въ Москвѣ. 1902. 2, 110—114. (Д.).

4706. **Вишневскій Д.** „Дитя не человѣческаго подобія, но бѣсовскаго". 1896, 5, 39—40. (Д.).

4707. **Водяныя** мельницы виновницы быстраго теченія Днѣпра 1745 г. 1899, 10, 23—24. (Д.).

4708. **Волненія** крестьянъ въ Галиціи. 1902, 9, 142—144. (Д.).

4709. **Волынскіе** крестьяне въ Америкѣ. 1902, 11, 107—109. (Д.).

4710. **Вопросъ** о языкѣ на кустарномъ съѣздѣ. 1902, 5, 109—110. (Д.).

4711. **Вопросъ** о малорусскомъ языкѣ въ школахъ. 1901, 3, 162—163. (Д.).

4712. **Вопросъ** о національной автономіи на московскомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей. 1905, 10, 30—41. (Д.).

4713. **В. Н.** Изъ записной книжки. 1886, 2, 398—402; 3, 621—625; 4, 814—818.

4714. **В. Н.** Православные sui generis. 1904, 12, 153—156. (Д.).

4715. **Востоковъ А.** Приданое П. И. Шереметевой. 1888, 8, 39—46.

4716. **Высочайшій** подарокъ митр. Рафаилу Заборовскому, 80 бутылокъ пива, и переписка по этому поводу. 1904, 6, 117—119. (Д.).

4717. **В. Я.** На родинѣ Кармелюка. 1892, 10, 117—120. (Д.).

4718. **Г.** Бѣгуны отъ науки 1890, 4, 153—155.

4719. **Г.** Съ дороги. 1889, 4, 206—213.

4720. **Галицкихъ** русиновъ дѣла въ австрійскомъ парламентѣ. 1902, 12, 168—173. (Д.).

4721. **Гатцукъ А.** Письмо въ редакцію. 1883, 11, 516—518.

4722. **Г. В.** Картинки старины. Кіевскій спектакль начала XVIII вѣка. 1887, 4, 681—692.

4723. **Г. В.** Добрый починъ. 1887, 10, 379—381.

4724. **Гетманскій** слесарь. 1898, 6, 92—93. (Д.).

4725. **Гетманскій** рецептъ отъ кашля 1726 г. 1899, 12, 125—126. (Д.).

4726. **Гетманская** надворная корогва. 1901, 9, 78. (Д.).

4727. **Годичное** собраніе общества Пр. Нестора и отчетъ о его дѣятельности за 1884—85 г. г. 1885, 11, 562 566.

4728. **Горленко В.** Распродажа въ Вишневецкомъ замкѣ. 1884, 10, 361—366.

4729. **Дашкевичъ Н.** Историческое общество Нестора лѣтописца въ 1881 г. 1882, 3, 581—592.

4730. **Два слова** о цыганахъ въ предѣлахъ бывшей гетманщины. 1886, 10, 401—402.

4731. **Д—ій В.** Къ вопросу объ улучшеніи путей сообщенія въ Кіевѣ. 1904, 4, 13—15. (Д.).

4732. **Добротворскій Н.** Курскіе и Орловскіе кудеяры. 1888, 12, 117—123.

4733. **Доманицкій В.** Шекспировський фондъ и русько-украинська выдавнича спилка. 1903, 3, 141—148. (Д.).

4734. **Доманицкій В.** Колысь і тепер (Депутати з украіни в комісіи року 1767 і теперішні посли до державної думи). 1906, 5—6, 31—37. (Д.).

4735, **Доманицький В.** До історії „Тарасової книгарні". 1907, 11—12, 222—224.

4736. **Дорошенко П.** Служебная отписка по поводу рожденія урода. 1886, 7, 562—563.

4737. **Дорошенко Д.** Культурно-просвітна діяльність украінського громадянства за останні два роки. 1907, 11—12, 17—34.

3738. **Дорошенко Д.** Наукове товариство ім. Шевченка у Львові. 1907, 3, 156—168.

4739. **Дорошенко Д.** Украіна въ 1906 році. 1907, 1, 1—29.

4740. **Дорошенко Д.** Австрійська украина в 1906 році. 1907, 2, 73—96.

4701. **Дорошенко Д.** З украінського життя. 1907, 2, 97—101.

4742. **Древность** малороссійскаго табаководства. 1890, 6, 549—551.

4743. **Думитрашко** гвардіи капралъ въ побывкѣ на родинѣ въ г. Переяславѣ. 1900, 5, 71—73. (Д.).

4744. **Д. Щ.** Вишнивецкая библіотека. 1902, 3, 163—171. (Д.).

4745. **Дѣятельность** „Украінсько руської Видавничої Спілки". 1901, 1, 14—15. (Д.).

4746. **Дѣятельность** „Наукового товариства ім Шевченка" въ 1900 г. 1901, 5, 98—99. (Д.).

4747. **Дѣло.** объ отдачѣ сертука исключенному семинаристу (1818 г., 25 апрѣля) 1893, 1, 172. (Д.).

4748. **Е. А.** Два намѣстника. 1889, 7, 221—231.

4749. **Е. П.** Потребность въ біографическомъ словарѣ южно-русскихъ дѣятелей и нѣсколько словъ о его программѣ. 1886, 4, 805—809.

4750. **Ефименко А.** Письмо по поводу крит. замѣтки о брошюрѣ „нелюдымъ". 1905, 7- 8, 74—76. (Д.).

4751. **Е—ко П.** Переобмундированіе Воронежскихъ чиновниковъ конца XVIII ст. 1886, 7, 575—576.

4752. **Ефименко П.** Одинъ изъ протестовавшихъ. 1882, 3, 602—608.

4753. **Ефименко П.** Подозрѣніе, взведенное на проѣзжающихъ, въ отравленіи воды во время холеры. 1848, 1883, 7, 573—582.

4754. **Ефименко П.** Административное распоряженіе по поводу слуховъ о кончинѣ міра. 1883, 7, 583—585.

4755. **Еф. П.** Послѣдствіе клятвопреступленія. 1884, 3, 510—511.

4756. **Ефремовъ С.** Замѣтки на текущія темы. 1905, 2, 158—190; 3, 276—299; 4, 81—100; 5, 183—212; 6, 274—304. (Д.).

4757. **Ефремовъ** Къ современному положенію украинскаго дѣла въ Россіи. 1905, 11—12, 78—82. (Д.).

4758. **Ж. И.** Двѣ афиши Черниговскаго театра 20-хъ годовъ. 1889, 5—6, 631—632.

4759. **Замѣтки** по искусству. 1897, 6, 103—106. (Д.).

4760. **Заявленіе** народныхъ учителей (о желательности преподаванія въ украинскихъ школахъ на родномъ языкѣ). 1905, 11—12, 102—106. (Д.).

4761. **З. И.** По поводу слова "перемотъ". 1889, 10, 197.

4762. **Зиньковскій Т.** Зазывающее сообщеніе. 1883, 8, 773.

4763. **Злоупотребленія** при перемѣнѣ ассигнацій въ 1819 г. 1904, 4, 6. (Д.).

4764. **Изъ** литературныхъ нравовъ. 1889, 9, 780.

4765. **Изъ** Львовскаго университета. 1902, 5, 111—115. (Д.).

4766. **И. С. Н.** Вулканъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII ст. 1885, 3, 580—581.

4767. **К. А.** Судьба одного Кіевскаго сооруженія. 1884, 6, 344—353.

4768. **Карпова Г. Ѳ.** имени премія. 1891, 1, 184—185.

4769. **К. О.** Малороссійскія пьесы въ казармѣ. 1898, 3, 83—88. (Д.).

4770. **К—ко.** Панъ Янъ Монастырскій (раціональный хозяинъ-помѣщикъ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія). 1883, 1, 185—193.

4771. **Комаровъ А.** Дополненіе къ библіографич. указателю матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Г. Шевченка. 1887, 5, 180—184.

4772. **Комаровъ Г.** Изъ записной книжки. 1887, 3, 579—581.

4773. **Компанейскія** иголки. 1882, 2, 425—426.

4774. **Конкурсъ** на соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи въ 1500 р. и 500 р. 1889, 4, 215—216.

4775. **Конкурсъ** на соисканіе преміи имени А. Гильфердинга. 1889, 4, 216.

4776. **Конотопецъ.** Генеалогическій самообманъ (о Гатцукахъ). 1893, 3, 532—534. (Д.).

4777. **Крестоносъ.** (Бытовая картинка). 1898, 2. 52—54. (Д.).

4778. **Кудринскій Ѳ.** Дѣло о совращеніи въ католицизмъ княжны Любомирской. 1898. 2, 54—57. (Д.).

4779. **Кузьминъ Е.** Нѣсколько словъ о южно-русскомъ искусствѣ и задачахъ его изслѣдованія. 1900, 11, 326—332.

4780. **К—шъ В.** Малорусская „Паляниця" 1897, 9, 196—197.

4781 **Къ исторіи** старинной малорусской школы, 1892, 7, 118. (Д.).

4782. **Къ вопросу** о малорусскомъ языкѣ въ Галичинѣ. 1898, 9, 74—80. (Д.).

4783. **Къ положенію** дѣлъ въ Галиціи 1902, 10, 33—36; 11, 96—102. (Д.).

4784. **Къ исторіи** вопроса о русинскомъ университетѣ. 1902, 3, 184—186. (Д.).

4785. **Къ вопросу** о студентахъ-русинахъ Львовскаго университета. 1902, 2, 115—116. (Д.).

4786. **Къ украинскому** вопросу (о положеніи украинскаго слова). 1905, 7—8, 57—63. (Д.).

4787. **Къ украинской** печати и слову. 1905, 10, 23—28. (Д.).

4788. **Л.** Изъ прошлой жизни. 1888, 12, 135—142.

4789. **Л. А.** Отчего духъ геройства въ Малороссіи исчезъ? 1883, 4, 893—895.

4790. **Л. А.** Запорожцы посылаютъ изъ Петербурга въ Сѣчь за водкой. 1889, 1, 224—225.

4791. **Л. А.** Гдѣ и какъ продавались изданія Черниговской Ильинской типографіи въ прошломъ вѣкѣ. 1889, 4, 199—200.

4792. **Л. А.** Предположеніе объ открытіи французскаго пансіона для дѣтей въ Ромнѣ въ 1781 г. 1890. 9, 494—495.

4793. **Л. А.** Будто бы домъ Богдана Хмельницкаго. 1890, 3, 532—533.

4794. **Л. А.** Мамаевъ дубъ. 1891, 4, 163—164.

4795. **Л. Ж.** Хочетъ-ли украинскій народъ учиться на своемъ языкѣ? 1905, 7—8, 63—65. (Д.).

4796. **Левицкій О.** Необыкновенная ярмарка. 1883, 9—10, 301—309.

4797. **Левицкій Ор.** Историческая картина временъ Б. Хмельницкаго. 1897, 2, 39—41. (Д.).

4798. **Левицкій Ор.** Искъ о вырытомъ тайно кладѣ. 1905, 1, 1—4. (Д.).

4799. **Левицкій О.** Документальная небылица. 1896, 2, 242—250.

4800. **Левченко М.** Исчезнувшія и исчезающія въ Южной Россіи животныя. 1882, 8, 373—379.

4801. **Леонардовская** коллекція въ Кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ. 1894, 6, 539—541. (Д.).

4802. **Л—ій.** Гетманскіе клейноды. (1758 г.) 1882, 5, 343—344.

4803. **Л. И.** Князь Яблоновскій въ человкомъ положеніи. 1883, 5, 181—184.

4804. **Литвинова П.** Еще о старинныхъ трактахъ или дорогахъ въ Южной Россіи. 1883, 3, 682—683.

4805. **Литвинова П. Я.** Къ исторіи оспопрививанія въ Малороссіи. 1904, 5, 55—56. (Д.).

4806. **Личный** составъ малороссійской козацкой старшины въ 1725 году. 1904, 7—8, приложеніе.

4807. **Л. О.** Необычайная застава. 1882, 7, 192—194.

4808. **Л. О.** Панская „пыха" 1887, 9, 195—196.

4809. **Л. С. Л.** Къ вопросу о поднятіи нашей сельско-хоз. промышленности. 1902, 10, 17—21. (Д.).

4810. **Львовскаго** ученаго общества им. Шевченка петиція австрійскому рейхсрату объ учрежденіи самостоятельнаго малорусскаго университета во Львовѣ. 1902. 1. 1—4. (Д.).

4811. **Любичъ А.** Отпустъ. 1890, 10, 134—143.

4812. **Любопытный** документъ (письмо Н. Левитскому крестьянъ, переселившихся на Кавказъ.) 1901, 7—8, 25—26. (Д.).

4813. **Малорусскіе** переселенцы въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. 1901. 3, 163—164. (Д.).

4814. **Маркевичъ А.** Столбцы, принадлежащіе гр. М. М. Толстому (въ Одессѣ). 1889, 2, 506—512; 3, 746—751.

4815. **Мердеръ А.** Обида въ холерное время. 1900, 2, 70. (Д.).

4816. **Мердеръ А.** Кринолины и холера 1866 г. 1900, 2, 70. (Д.).

4817. **Мердеръ А.** Картежникъ, строгій къ самому себѣ. 1900, 3, 144. (Д.).

4818. **Мердеръ А.** „Картіожная игра и политическая злость". 1900, 3, 144 (Д.).

4819. **Мердеръ А.** Наказанный „пе-

реводчикъ" фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. 1900, 3, 144. (Д.).

4820. **Мердеръ А.** Ходарковскій скелетъ. 1900, 4, 8. (Д.).

4821. **Мердеръ А.** Нужды, не присвоенныя еврейскимъ жителямъ (холодъ, голодъ и пр.) 1900, 4, 8. (Д.).

4822. **Мердеръ А.** Случай въ Каменной Греблѣ (1846 г.) 1900, 5, 81—82. (Д.).

4823. **Мердеръ А.** Отношеніе станового пристава и земскаго судьи къ чудесному явленію (1846) 1900, 7—8, 17. (Д,).

4824. **Мердеръ А.** Недовѣріе, внушаемое молодымъ людямъ „изъ разныхъ мѣстъ" каневскимъ обывателямъ. 1900, 7—8, 16—17. (Д.).

4825. **Мердеръ А.** Средство къ отклоненію тучъ (1847). 1900, 7—8, 18. (Д.).

4826. **Мердеръ А.** Татаринъ-психіатръ на Волыни. 1900, 7—8, 18—19.

4827. **Мердеръ А.** 8-ми лѣтній герой (1837). 1900, 11, 74—75. (Д.).

4828. **Мердеръ А.** Янтарь, подобный „брилліанту" 1900, 11, 75. (Д.).

4829. **Мердеръ А.** Сѣверное—сіяніе въ Каменцѣ-Подольскомъ (1848). 1900, 11, 75—76. (Д.).

4830. **Мердеръ А.** 50 изображеній великаго кн. Александра Невскаго, пожалованныя Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ старшинамъ и стражникамъ. 1900, 12, 149—150. (Д.).

4831. **Мердеръ А.** Попытка возобновить обычай ношенія тѣльныхъ крестовъ въ ю.-з. краѣ. 1900, 12, 150. (Д.).

4832. **Мердеръ А.** Дарохранительницы и кіоты, пожалованные уѣзднымъ соборамъ юго-з. края, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ. 1900, 12, 150—151. (Д.).

4833. **Мердеръ А.** Вертоградъ въ костелѣ. 1901, 3, 153. (Д.).

4834. **Мердеръ А.** Бѣлая горячка (поводъ къ отставкѣ). 1901, 3, 154. (Д.).

4835. **Мердеръ А.** Кирпичныя шоссе. 1901, 3, 155. (Д.).

4836. **Мердеръ А.** Кіевскія магистратскія пушки. 1901, 3, 155—157. (Д.).

4837. **Мердеръ А.** О командированіи по Высочайшему повелѣнію художника Шурупова въ Кіевъ. 1901, 5, 83—84. (Д.).

4838. **Мердеръ А.** Утопающій на Крещатикѣ (въ іюлѣ 1848 г.). 1901, 6, 140—141. (Д.).

4839. **Мердеръ А.** Противохолерныя медали 1830 года. 1901, 7—8, 16. (Д.).

4840. **Мердеръ А.** Сыноубійство изъ мести (18 янв. 1845 г.). 1901, 7—8, 17. (Д.).

4841. **Мердеръ А.** Женщина съ твердымъ характеромъ (покушеніе на самоубійство). 1901, 7—8, 18. (Д.).

4842. **Мердеръ А.** Овруцкій археологъ 1840 г. 1901, 10, 14—15. (Д.).

4843. **Мердеръ А.** Способъ противъ распространенія нелѣпыхъ слуховъ (1844 г.). 1901, 12, 160—161. (Д.).

4844. **Мердеръ А.** Отзывъ предводителя объ одной дворянской семьѣ и ея отношеніяхъ къ крестьянамъ. 1901, 12, 162. (Д.).

4845. **Мердеръ А.** Происшествіе на Шпасанской фабрикѣ 1845 г. 1902, 1, 19. (Д.).

4846. **Мердеръ** А. Легкомысленный всадникъ съ сигарою (изъ архивовъ) 1902, 1, 19—20, (Д).

4847. **Мердеръ А.** Свадьба заплечнаго мастера. 1902, 5, 101. (Д.).

4848. **Мердеръ А.** Рожки въ хлѣбныхъ колосьяхъ (1838 г.) 1902, 5, 101—102. (Д.).

4849. **Мердеръ** А. Открытіе Волынскимъ аптекаремъ болотной бумаги. 1902, 6, 170—171. (Д.).

4850. **Мердеръ** А. Къ исторіи Кіевскихъ дворцоваго, кловскаго, виноградного и шелковичнаго садовъ. 1902, 9, 112—113. (Д.).

4851. **Мердеръ** А. Губительное на организмъ дѣйствіе рожковъ (1841 г.) 1902, 9, 113. (Д.).

4852. **Мердеръ** А. Къ исторіи учрежденія графомъ Потоцкимъ крестьянскихъ пріютовъ, 1903, 4, 10. (Д.).

4853. **Мердеръ** А. Благородное похищеніе денегъ. 1903, 6, 156. (Д.).

4854. **Мердеръ** А. Христіанинъ въ роли Гамана на еврейскихъ святкахъ „Пуримъ". 1903, 6, 156. (Д.).

4855. **Мердеръ** А. Уважительная причина къ опредѣленію въ одну изъ придворныхъ конторъ. 1903, 6, 157. (Д.).

4856. **Мердеръ** А. Дворяне татарскаго происхожденія въ юго-зап. краѣ въ 1840 г. 1903, 6, 158. (Д.).

4857. **Мердеръ** А. Жестокая расправа съ заподозрѣннымъ въ казнокрадствѣ. 1903, 6, 158—159. (Д.).

4858. **Мердеръ** А. Порфиръ, мѣдь и золото близъ д. Янковцы Махновскаго повѣта 1841 г. 1903, 7—8, 20. (Д.).

4859. **Мердеръ** А. Процессъ, веденный корпораціей кіевскихъ бѣдныхъ. 1903, 7—8, 20—21. (Д.).

4860. **Мердеръ А.** Въ поискахъ за приносящимъ счастье восковымъ крестикомъ 1854 г. 1903, 10, 8. (Д.).

4861. **Мердеръ** А. Незаурядные конокрады (1844 г.). 1903, 10, 6—8. (Д).

4862. **Мердеръ А.** Участіе помѣщика въ распитіи собственной шапки 1857 г. 1903, 10, 8. (Д.).

4863. **Мердеръ А.** Ожженіе лба, шутки ради (1855). 1903, 11, 61—62. (Д.).

4864. **Мердеръ А.** Сельчане, погребающіе мертвыхъ безъ священника 1845 г. 1903, 10, 9. (Д.).

4865. **Мердеръ А.** Свѣдѣніе о лабрадорѣ въ бассейнѣ р. Быстрѣевки при Каменномъ Бродѣ, въ радомысльскомъ и при Слипницахъ въ житомірскомъ уѣздахъ. 1903, 12, 131—133.

4866. **Мердеръ А.** Предположеніе о сломкѣ колодезной башни въ Подзамчѣ и крѣпостныхъ воротъ близъ турецкаго моста въ Каменцѣ. 1903, 12, 133.

4867. **Мердеръ А.** Кіевская контора первоначальнаго заведенія дилижансовъ и транспортовъ. 1903, 12, 134.

4868. **Мердеръ А.** Лѣченіе укушенныхъ бѣшеными животными (способъ Кабанца). 1904, 4, 4—6. (Д.).

4869. **Миллеръ О.** Даръ пятьдесятницы и наши первоучители (посвящено памяти Н. И. Костомарова, сказано въ торжественномъ собраніи славянскаго общества 13 мая 1885 г.) 1885, 9, 31—50.

4870. **Милорадовичъ** графъ. Неузнанная рукопись (По поводу статьи „Василій Леонтьевичъ Кочубей въ разсказѣ его современника 1708 г., помѣщенной въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины" 1883 г.). 1884, 2, 351—352.

4871. **М. К.** Меню Д. Мордовцева. 1906, 2, 28—29. (Д.).

4872. **Модзалевскій В.** Приданое знатной малорусской паніи XVIII в.

и расходъ на ея похороны и поминки. 1904, 12, 143—146. (Д.).

4873. **Модзалевскій В.** Что стоила козакамъ въ с. Зазирскъ тяжба съ Степаномъ Миклашевскимъ. 1905, 4, 43—46. (Д.).

4874. **Модзалевскій В.** Что стоитъ Андрею Полетикѣ процессъ за с. Аксютинцы. 1905, 7—8, 33—38. (Д.).

4875. **Мостипановъ,** архитекторъ. 1902, 4, 8—11. (Д.).

4876. **Мужской** пансіонъ Гедувна въ Кіевѣ. 1905, 2, 145—147. (Д.).

4877. **М—скій Ф.** Вопросы о народномъ просвѣщеніи въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. 1902, 12, 159—168. (Д.).

4878. **N.** Волынская бывальщина (2 случая изъ недавняго прошлаго). 1886, 6, 368—331.

4879. **Надпись** на книгѣ, посланной Метлинскимъ О. М. Бодянскому. 1899, 3, 141—142. (Д.).

4880. **Назидательный** образчикъ сѣдой старины. 1901, 4, 32. (Д.).

4881. **Науменко В.** Маленькое разъясненіе. 1889, 5—6, 666—669.

4882. **Науменко В.** Книжная рѣчь у малороссовъ и русиновъ. 1899, 1, 134—142.

4883. **Науменко В.** Ревнители русскаго языка въ Галиціи. 1899, 3, 444—452.

4884. **Науменко В.** Къ украинскому вопросу. 1905, 5, 148—149. (Д.).

4885. **Національно** - политическая дѣятельность галицкихъ русиновъ. 1901, 5, 97—98. (Д.).

4886. **Нелиповичъ Н.** Тарабарскій языкъ. 1903, 9, 110—112. (Д.).

4887. **Нефтяная** промышленность въ Галичинѣ. 1903, 12, 134—136. (Д.).

4888. **Ни—къ Ѳ.** Непривившійся на Полтавской почвѣ ревень. 1883, 8, 764—767.

4889. **Новицкій И.** Древній способъ публикаціи. 1882, 3, 597—601.

4890. **Новое** археологич, изданіе (Музей Имп. Одесскаго общ. ист. и др.). 1896, 1, 29. (Д.).

4891. **Носъ-фонъ Ст.** Невольное переселеніе и тоска по родинѣ, какъ подозрительное чувство. 1882, 7, 189—190.

4892. **Носъ-фонъ Степанъ.** Курта 1882, 8, 385—387.

4893. **Notus.** Скоромная водка. 1882, 1, 220—222.

4894. **Н. С.** Малороссія на передвижныхъ художественныхъ выставкахъ картинъ. 1885, 8, 597—606.

4895. **Н. С.** Картина В. Маковскаго „Мать и дочь", 1887, 1, 165—169.

4896. **Н. С.** Два слова о рисункахъ К. Трутовскаго. 1888, 6, 85—89.—

4897. **Нѣсколько** словъ, посвященныхъ І. Ралле. 1894, 2, 342—343. (Д.).

4898. **Нѣчто о** „всеславянахъ". 1902, 1, 25—27; 4, 31—32. (Д.).

4899. **Образчикъ** Малорусской „Покормежной". 1884, 1, 171—173.

4900. **Объ** открытіи подписки на памятникъ В. Н. Каразину. 1889, 7, 291—292.

4901. **Объясненіе** виньетки. 1883, 1, I-VI.

4902. **О. В.** Ребяческая забава въ серьезную минуту. 1884, 5, 168—169.

4903. **О—въ. И.** Волынская бывальщина. 1886, 4, 818—821.

4904. **Ограбленіе** гр. Станислава Потоцкаго 1780 г. подъ Кіевомъ. 1903, 11, 64—66. (Д.).

4905. **Одинъ** изъ колоколовъ Новгородсѣверскаго Спасскаго монастыря (къ исторіи литейнаго искусства въ старой Малороссіи). 1901, 10, 7—8. (Д.).

4906. **О. И.** Волынская бывальщина. 1884, 1, 165—168.

4907. **О. Л.** Аэролиты, упавшіе въ Овруцкомъ и Васильковскомъ у. въ концѣ прошлаго столѣтія. 1898, 4, 3—4. (Д.).

4908. **О. Л.** Покинутая жена (эпизодъ изъ эпохи Хмельницкаго). 1898, 5, 37—39. (Д.).

4909. **О. Л.** Разведеніе козъ въ старой Малороссіи. 1900, 1, 9—10. (Д.).

4910. **О. Л.** Старинная картина не на своемъ мѣстѣ. 1903, 5, 88—90. (Д.).

4911. **О. Л.** Непонятная тревога. (1840 г.). 1906, 5—6, 11—12 (Д.).

4912. **О. П.** Украинское слово и искусство. 1905, 7—8, 76—77. (Д.).

4913. **„Опасная** болѣзнь" въ Переяславскомъ полку въ 1750 г. 1900, 5, 69—71. (Д.).

4914. **Описаніе** атласа XVIII ст., подареннаго Черниговской гимназіи кн. Н. П. Голицынымъ. 1890, 4, 131—147.

4915. **Описаніе** Днѣпра. 1898, 3, 99 100. (Д.).

4916. **Опись** домашнихъ вещей бунч. тов. Григорія Фридрикевича. 1901, 2, 82—83. (Д.).

4917. **О—скій. І.** Письмо изъ Вѣны о кафельномъ производствѣ въ Галиціи. 1883, 2, 473—476.

4918. **Отказъ** въ выдачѣ о—ву „Просвіта" субсидіи. 1902, 7—8, 33—34. (Д.).

4919. **Отчетъ** гласнаго 1865 г. 1886, 2, 414—419.

4920. **Отъ** гражданъ г. Харькова докладная записка С. Ю. Витте по вопросу объ ограниченіи украинскаго слова. 1905, 6, 253—254. (Д.).

4921. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины.—Объ открытіи ртутной руды. 1901, 10, 2—3. (Д.).

4922. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины.—О минеральныхъ водахъ, открытыхъ въ Константиноградскомъ повѣтѣ. 1901, 10, 4—7. (Д.).

4923. **Павловскій И. Фр.** Объ иллюстраціяхъ Полтавской битвы. 1901, 12, 162—166. (Д.).

4924. **Павловскій И. Фр.** Изъ прошлаго Полтавщины. Объ открытіи въ Малороссіи торфа, каменнаго угля, мергеля и алебастра. 1901, 12, 166 171. (Д.).

4925. **Павловскій И. Ф.** Просьба подп. Пугачевскаго о перемѣнѣ его фамиліи. 1904, 1, 1—2. (Д.).

4926. **Павловскій И. Ф.** Современная переписка о землетрясеніи въ Малороссіи. 1904, 1, 2—3. (Д.).

4927. **Павловскій И. Ф.** О колоколѣ во время громоваго удара съ высоты упавшемъ. 1904, 2, 64. (Д.).

4928. **Павловскій И, Ф.** Предсказаніе Кобелякскаго дворянина о дороговизнѣ хлѣба. (1804 г.). 1904. 2, 64—65. (Д.).

4929. **Павловскій И. Ф.** Къ исторіи коннозаводства въ Полтавской губ. въ прошломъ столѣтіи. 1904, 7—8, 20—22. (Д.).

4930. **Павловскій И. Ф.** О землетрясеніи въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ въ 1838 г. 1905, 7—8, 44—46. (Д.).

4931. **Павловскій И. Фр.** Изъ прошлаго Полтавщины. Жалоба титулярн. совѣтника Бровка объ отказѣ наградить его орденомъ Владиміра 4 ст. 1906, 7—8, 91. (Д.).

4932. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины.—Отказъ губернатора принять въ подарокъ кубокъ отъ Харьковскаго дворянства (1837 г.) 1906, 7—8, 82. (Д.).

4933. **Павловскій И. Фр.** Стихотворецъ—попрошайка Арапосъ. 1907, 5, 221—223.

4934. **Панская** находчивость. 1889, 5—6, 637—638.

4935. **П. Б.** Какъ разсудилъ панъ Староста Каневскій. 1885, 10, 367—370.

4936. **Петлюра С.** Полтавскій семинаристъ въ плѣну у горцевъ. 1904, 7—8, 106—110.

4937. **Петлюра С.** З українського життя. 1907, 3, 129—139; 4, 20—36; 5, 59—64; 6, 77—94; 7—8, 1—17; 9, 31—41; 11—12, 64—84.

4938. **Петлюра С.** „Ucrainica" в журналі „Былое" за минулий (1906) рік. 1907, 5, 189—213.

4939. **Петлюра С.** З життя Австрійськоі Украіни. 1907, 10, 1—16.

4940. **Петлюра С** Політичні украіньскі партіі в Галичині. 1907, 4, 1—19; 5, 37—48.

4941. **Петровъ Н.** Самсоніевскій фонтанъ. 1896. 5, 33—36. (Д.).

4942. **Перетца В. Н.** письмо въ редакцію. 1897, 7—8, 34—36. (Д.).

4943. **Перетцъ В.** Проф. Къ вопросу объ учрежденіи украинскихъ каѳедръ въ университетѣ. 1906, 5—6, 43—49. (Д.).

4944. **П—ко В.** „Стужа" въ Малороссіи въ мартѣ 1748 г. 1905, 9, 115. (Д.).

4945. **П—ко Вл.** Дѣло объ избраніи войта въ Кіевѣ въ 1734 году. 1905, 11—12, 67. (Д.).

4946. **П—ко В.** Разведеніе табаку въ Малороссіи въ 1760-хъ годахъ. 1906, 5—6, 8. (Д.).

4947. **Поднесеніе** Черниговскимъ дворянствомъ малор. генералъ-губернатору золотой вазы. 1895, 6, 107—108. (Д.).

4948. **Познанскій** Борисъ. Разбойникъ Тараненко. 1890, 7, 123—128.

4949. **Позницкая** народная труппа на сценѣ народнаго дома вь Лохвицѣ. 1902, 2, 102—105. (Д.).

4950. **Полетика В.** Записка о малороссійскомъ дворянствѣ (1809). 1893, 2 приложеніе.

4951. **Положеніе** русиновъ въ Галиціи и Венгріи. 1904, 11, 67—70. (Д.).

4952. **Польскій** театръ въ Каменцѣ 1860—61 г.г. 1888 г. 9, 774—776.

4953. **Пономаревъ С.** Изъ письма въ редакцію и по поводу его. 1886, 2, 409—414.

4954. **Портреты** и картины изъ замка Вишневецкихъ. 1892, 2, 105. (Д.).

4955. **Посылка** гетмана Апостола въ Москву за лекарствами. 1889, 3, 739.

4956. **Потебня** А. А. Руководство къ обученію грамотѣ, составленное для малорусскихъ воскресныхъ школъ. 1899, 8, 1—12 (приложеніе).

4957. **Погибшая** библіотека. 1902, 4, 4—8. (Д.).

4958. **Премированный** словарь украинскаго языка. 1906, 1, 15—16. (Д.).

4959. **Проектъ** выкупа о—ва Хортицы, 1901, 5, 99—100. (Д.).

4960. **Пропускъ** греческихъ купцовъ черезъ Васильковскій форпостъ въ 1739 г. 1904, 2, 55—56. (Д.).

4961. **Просвітянин.** Товариство „Просвіта" в Одессі. 1907, 1, 30—47.

4962. **Прототипъ** П. И, Бобчинскаго. 1902, 9, 141—142. (Д.).

4963. **Разновидности** марцѣпанъ и ганнусковой горѣлки. 1883, 9—10. 237—253; 12, 637—651.

4964. **Ред.** По поводу письма Хоткевича въ „Літ.-наук. Вістникъ" (кн. 6). 1903, 7 8, 26—28. (Д.).

4965. **Родной** языкъ—родная и школа (совѣщаніе по народному образованію при Херсонской губерн. земской управѣ). 1905, 10, 21—23. (Д.).

4966. **Розогъ** казенная поставка 1849 г. 1899, 10, 23. (Д.).

4967. **Рудковскій А.** О дикихъ лошадяхъ въ Херсонской губерніи. 1882, 11, 391—393.

4968. **Русовъ А.** Къ вопросу объ украинской прессѣ. 1905, 11—12. 108—109. (Д.).

4969. **Русовъ А.** Къ изданію народной украинской газеты. 1906, 1, 16—17. (Д.).

4970. **Русовъ А.** Украинскія партіи. 1906, 3—4, 79—81. (Д.).

4971. **Русовъ** А. Къ вопросу объ организаціи въ Госуд. Думѣ національной украинской группы. 1906, 5—6, 24—26. (Д.).

4972. **С.** Картины малорусскаго содержанія на первой передвижной выставкѣ Академіи Художествъ. 1887, 6—7, 555—559.

4973. **Савченко Ив. П.** Ура безъ двухъ буквъ (Эпизодъ изъ жизни графа Браницкаго) 1884, 12, 749—750.

4974. **Самітний Гр.** У просвітян въ Одессі. 1906, 3—4, 85—87. (Д.).

4975. **Самый** несчастный народъ (письмо въ „Галичанинъ" Угроросса) 1901, 11, 85—88. (Д.).

4976. **Свидѣтельство** Полтавскаго полкового суда, выданное въ 1683 г. запорожцу, у котораго въ пьяной ссорѣ откушено было ухо, на возстановленіе „чести и доброй славы". 1890, 4, 163.

4977. **Симоновъ М.** (Номисъ) Разсказы. 1899, (приложеніе) 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

4978. **Симоновъ М.** (Номисъ). Какъ обѣднѣли Оболонскіе. 1901, 7—8, 10—12. (Д.).

4979. **Сл. Ук.** Московскій историческій музей. Географич. выставка 1892 года. 1892, 11, 296—299. (Д.).

4980. **Случай** на монастырской ярмаркѣ, 1757 г. 1899, 4, 12—13. (Д.).

4981. **Соборъ** вмѣсто собора (къ исторіи Кіевскихъ соборовъ). 1882, 2, 413—427.

4982. **Собраніе** рѣдкихъ церковнославянскихъ и русскихъ книгъ. 1895, 12, 92—94. (Д.).

4983. **Списокъ** приданаго, полученнаго дочерью Иваницкаго сотника Павла Миницкаго, Меланьей, при выходѣ въ 1748 г. замужъ за в. канц. Петра Стороженка. 1901, 6, 145—147. (Д.).

4984. **Стебніцький П.** З архива Д. Л. Мордовцева. 1907, 9, 285—310.

4985. **Сторожевъ В.** Цыцюры Тимоѳея листъ (1659). 1892, 2, 349. (Д.).

4986. **Сторожевъ В.** Ивана Самойловича гетмана листъ. 1892, 5, 297. (Д.).

4987. **Страшневичъ В.** О принадле-

жавшемъ базиліанамъ въ г. Римѣ домѣ. 1905, 9, 109—110. (Д.).

4988. **Строгая** генеральша 1893, 10, 165—166. (Д.).

4989. **Сумцовъ Н.** проф. Старая пѣсня отклоненія. 1906, 3—4, 81—85. (Д.).

4990. **С—чъ А.** Изъ школьнаго міра (нѣсколько словъ объ общежитіяхъ при сельскихъ училищахъ). 1889, 3, 744—746.

4991. **Съ** кого писалъ Рѣпинъ картину. 1902, 2, 108—109. (Д.).

4992. **Съѣздъ** представителей не государственныхъ народностей. 1905, 11—12, 93—95. (Д.).

4993. **Сьогобочный**. Украинскій языкъ, какъ подсобное средство. 1905, 11—12, 85—87. (Д.).

4994. **Т. А.** Традиціонный промыслъ Харьковскихъ коцарей. 1886, 6, 364—368.

4995. **Украинскій** языкъ на губернскомъ съѣздѣ Полтавской группы всероссійскаго союза учителей. 1905, 11—12, 88—91. (Д.).

4996. **Украинцы** въ Америкѣ. 1902, 3, 181—184. (Д.).

4997. **У. О. К. Ф.** Коденская книга и три бандуриста. 1882, 4, 161—166.

4998. **Успенскій Ѳ.** Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. 1889, 12, 604—621.

4999. **Федоровъ Гр.** Народный языкъ въ народной школѣ. 1905, 10, 19—21. (Д.).

5000. **Харламповичъ К.** Къ исторіи „поповой плѣши" или „гуменца". 1904, 12, 139—140. (Д.).

5001. **Харьковскіе** художники первой половины нынѣшняго столѣтія. 1899, 8, 59—61. (Д.).

5002. **Ходатайство** по вопросу о положеніи малорусской печати. 1901, 6. 160—162. (Д.).

5003. **Цыбульскій К.** Ненаучные пріемы въ научномъ дѣлѣ (по поводу газетнаго извѣстія о рѣдкомъ дѣлѣ). 1887, 2, 377—383.

5004. **Частная** инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія въ Галичинѣ. 1905, 7—8, 80—81. (Д.).

5005. **Черняевъ Н.** Справка объ авторѣ „топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества". 1886, 3, 601—602.

5006. **Чествованіе** 100-лѣтія малорусской литературы въ Екатеринодарѣ. 1898, 10, 18—20. (Д.).

5007. **Читатели** изъ народа и поэзія Кулиша. 1898, 3, 88—95. (Д.).

5008. **Читатель.** Разгадка „малорусской исторической шарады". 1885, 6, 329—337.

5009. **Шеболдаевъ П.** Вольныя литературныя упражненія въ южно-русскихъ судахъ XVII ст. 1885, 11, 558 561.

5010. **Широганскій В.** Къ вопросу объ изданіи украинской научно-популярной литературы. 1905, 11—12, 83—85. (Д.).

5011. **Щербина В.** Судьба одной знатной козацкой фамиліи. 1891, 10, 122—126.

5012. **Щербина В.** „Вымороченный человѣкъ". 1892, 11, 291. (Д.).

5013. **Ястребовъ В. Н.** Еще отписка о рожденіи урода. 1886, 8, 756—758.

5014. **Ястребовъ В.** О стельной коровѣ. 1897, 5, 66—67. (Д.).

5015, **Эпитафіонъ** вознаго Андрея Чечеля 1765 г. 1899, 11, 67—69. (Д.).

5016. **Эпитафія** д-ра Владиміра Александрова. 1901, 2, 88. (Д.).

5017. **Этимологическій** гимнъ (по поводу 25 юбилея общества Качковскаго во Львовѣ). 1900, 2, 80. (Д.).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

авторовъ статей и замѣтокъ.

А.

А. 229, 533, 3341, 4213.

А. Л. 41, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 2108, 2874, 4673.

Абрамовъ И. 2109, 2621.

А. В. 1, 38, 39, 40, 236, 559, 4674, 4675.

Авенаріусъ Н. 2110.

А—въ. 37.

А. Г. 1942.

А. Н. 2111, 3835.

Акимовъ Е. 561.

А. Л. 2, 42, 43, 238, 239, 240, 241, 242, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 1595, 1596, 1597, 1943, 1944, 2112, 2113, 2114, 2623, 2624, 2625, 2626, 2627, 2628, 2629, 2630, 2631, 2875, 2876, 2878, 2879, 2880, 2881, 2882, 2883, 2884, 2885, 3016, 3017, 3018, 3019, 3107, 3108, 3109, 3180, 3239, 3253, 3254, 3255, 3256, 3257, 3258, 3388, 3429, 3442, 3443, 3496, 3567, 3593, 3626, 3627, 3668, 3671, 3690, 3691, 3693, 3795, 3807, 3811, 3851, 3859, 3916, 3937, 3950, 4006, 4009, 4026, 4039, 4052, 4081, 4159, 4183, 4208, 4265, 4337, 4423, 4430, 4556, 4631, 4632, 4636, 4677, 4678 4679, 4680.

Александровичъ М. Н. 44.

А. М. 2115, 2116, 3765, 3996.

Амартолъ. 3385, 3703, 3834, 4480

А. Н. 4269.

Андр. А. 600, 601, 2886.

Андр. Ал. 602, 4681.

Андріевскій А. 245, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 2117.

Андріевскій А. М. 244.

Андріевскій М. 615, 2118, 2119.

Андр—скій Ал. 603.

Антоній І. 616, 1432, 1433, 1434, 1435, 1436.

Антоновичъ Вл. Б. 3, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 1751, 2632, 2633, 3182, 3508, 4403.

Апостолъ П. Д. 3110.

А. Р. 1946, 3350, 3836.

Арсеній архимандр. 246, 2636.

Артемовскій Гул. 1437.

Архангельскій 247.

А. С. 4, 52, 627, 1598, 2637, 3162, 3465, 3747, 3787, 3825, 3841, 4007, 4243, 4279, 4400, 4545, 4553.

А—скій Ал. 243, 628.

А. Т. 2120, 2638.

Ач—ъ Ал. 4365.

А. Ш. 3111.

Аѳанасьевъ. Г. 2121.

Б.

Б. 5, 629, 3400, 3401, 3485, 4140, 4445, 4459, 4504, 4506, 4507.
Бабичъ А. 1947.
Багалѣй Д. И. 58, 59, 60, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 1752, 1753, 1754, 1755, 2639, 2640, 2890, 3345, 3363, 3403, 3610, 3665, 3666, 3852, 3884, 3938, 3990, 3991, 4088, 4300, 4303, 4512, 4562.
Бадровъ А. 2892.
Бакай Н. 61, 640, 641, 642, 643, 2122, 4212.
Балабушевичъ В. 2641.
Балына 794.
Барацъ Г. 1599, 1756.
Барв—скій Н. Я. 3020.
Барвинокъ Ганна 1438, 1439, 1440.
Барвинскій В. 644.
Барсовъ Н. И. 2123.
Барсуковъ А. 645, 2642.
Барымовъ А. 646.
Ба—скій Г. 2124, 2125.
Б. В. 4684.
Береза К. 248, 249, 250, 251.
Беренштамъ В. Л. 1948, 3021, 3156, 3112.
Беркутъ. 3348.
Берхинъ Іона. 252.
Бершадскій С. А. 648.
Б. И. 649.
Билыкъ И. 1951.
Б ій Д. 2893.
Б. К. 3264.
Б. Л. 3998.
Б—мъ В. 1602.
Б. Н. 57, 1949, 2126.
Бны—къ 62.
Божеряновъ И. Н. 2646, 2647, 3462, 3265.
Болсуновскій К. 1601.
Боржковскій Вал. 1603, 2127, 2128, 2129.
Борзаковскій П. 253, 652, 3023, 3024.
Борисовъ В. В. 653.
Борковскій І. 4687.
Боровиковскій Ив. 2649.
Боронковскій В. 64.
Бо—скій Н. 63.
Боцяновскій Вл. 655. 1899.
Браиловскій С. 1441, 2130.
Бранденбургъ Н. 2651.
Б—скій И. Ф. 2131.
Будянсьна Ольга 1442.
Булаковъ Д. 256.
Булашевъ Г. 2652.
Булгаковъ Д. 3 501.
Бурачковъ Пл. 2132.
Бучневичъ В. Е. 6, 257, 663, 664, 1900, 1901.
Быковъ Н. 4688.
Быстровъ Б. 2133.
Бѣдковъ В. 2897, 2898.
Бѣлецкій-Косенко А. 65.
Бѣлинскій С. 4689.
Бѣловольскій 3025.
Бѣлогрицъ—Котляревскій Л. 2653.
Бѣлозерскій Н. 1953.
Бѣляшевскій Н. 7, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 254, 255, 656, 657, 658, 659, 1954, 2135, 2136, 3267, 3366, 3561, 3663, 4326, 4690, 4691.
Бѣньковскій И. 85, 660, 661, 662, 2137, 2138, 2139, 2140, 2141, 2142, 2143, 2144, 2145, 2146, 2147, 2148, 2149, 2150, 2151, 2152, 2153, 2154, 2155, 2156, 2157, 2158, 2159, 4692.
Б. Я. 3555, 3556, 3573, 3648, 4079, 4440.

В.

В. 3865, 4325, 4466, 4609.
В. А. 258, 665, 666, 667, 2160, 2658, 2659, 3113, 3190, 3219, 3364, 3374, 3375, 3417, 3431, 3432, 3458, 3486, 3502, 3587, 3609, 3612, 3688,

3711, 3785, 3794, 3796, 3823, 3827, 3828, 3829, 3833, 3891, 3924, 3930, 4065, 4093, 4194, 4217, 4242, 4371, 4393, 4510, 4581, 4583, 4584, 4613 4669, 4694.

Василенко В. 259, 668, 669, 670, 671, 1607, 2164, 2165, 2166, 2167, 4084, 4091, 4125, 4620, 4695 ,4696 4697, 4698, 4699.

Василенко Н. 672, 673, 1757, 1902, 4444.

Василенко 3114.

Васильевъ М. К. 10, 260, 1956, 1957, 2168, 2169, 2170, 2171, 2172, 2173, 2174, 2175, 4700.

Васильевъ Н. 1958.

Ваченко—Писонецкій К. 1444.

Вашкевичъ Г. 1608, 1609, 2660, 3026.

В. Е. 3218, 3977.

В—Б. **М.** 674.

В. **Г.** 261, 675, 1604, 1758, 1959, 2656, 2661, 2662, 2899, 3173, 3195, 3503, 3854, 4017, 4450, 4511, 4540, 4591, 4599, 4661, 4701,

В. **Д.** 262, 676 677, 678, 679, 680, 681, 1759, 1961, 2183, 3398, 3402, 3433, 3434, 3473, 3557, 3608, 3621, 3622, 3636, 3650, 3680, 3695, 3702, 3704, 3719, 3724, 3726, 3767, 3768, 3769, 3770, 3771, 3772, 3773, 3774, 3775, 3803, 3872, 3878, 3886, 3897, 3907, 3933, 3966, 3983, 3984, 3985, 3994, 4130, 4133, 4234, 4245, 4250, 4272, 4273, 4295, 4310, 4351, 4352, 4353, 4391, 4420, 4429, 4454, 4471, 4526, 4533, 4535, 4546, 4655, 4657, 4662, 4663, 4671, 4672, 4702,

Велецкій К. И. 4703:

Венгржековскій С. 682, 683, 2176, 2177, 2178, 2179, 2180, 2181.

Верещинскій Іосифъ 684.

Веселовскій Алексѣй 3027.

В. **И.** 2664, 3356, 3640, 4056, 4237, 4292, 3392.

Винниченко В. 1445, 1446, 1447 1448, 1449, 1450,

Вишенскій І. 1611, 1612.

Вишневскій Д. 263, 264, 265, 266, 686, 687, 4706.

Вишневскій К. 267.

В—ій **Д. К.** 88, 268.

Вічевно Е. 3371, 3638.

В. К. 2185, 2186, 2657, 3864, 4023, 4068, 4439.

В. **К.** В. 4004.

В—**ко Н.** 688.

Владимирскій—Будановъ М. Ф. 689, 690, 2187,

В. М. 691, 2188, 2189, 3409, 3591, 3592, 3929.

В. **Н.** 8, 692, 1443, 1605, 1606, 1963, 1964, 1965, 2190, 2665, 2900, 2901, 2902, 3227, 3538, 3618, 4070, 4274.

В. **О.** 3890.

В—**о** 3548.

Волковъ Ѳ. 89, 90.

Волынъ—Корачевскій 3028.

Волынецъ 694, 695.

Ворниковъ 2666.

Воронинъ 2903.

Востоковъ А. 270, 271, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 2667, 4715.

В. **П.** 86, 272, 2191, 3382, 4225, 4550, 4563, 4614.

Врачъ 3730, 4633.

В. С. 273, 4077,

Вс. С. 2192.

В. **Ц.** 4249

В—цкій Н. 706,

В—ый Н. 2193.
В. Ю. 3147.
В. Я. 87, 707, 708, 1617, 3707, 3708, 3735, 3736, 3789, 3800, 3958, 4021, 4022, 4025, 4034, 4036, 4085, 4137, 4141, 4144, 4222. 4315, 4385, 4396, 4476, 4489, 4587, 4638, 4642, 4643. 4717.
V. 274, 2654, 2655, 3519, 3617, 4013, 4467, 4693.
W. 4066, 4437.

Г.

Г. 91, 92, 2194, 3099, 3161, 3269, 3525, 3600, 4064, 4181, 4248, 4498, 4718, 4719.
Гавриловъ 1760.
Гавриловъ М. 94, 3876.
Гавришъ В. 709, 1904.
Галаганъ Гр. П. 1761, 2904, 3115 3116.
Галанта И. В. 710, 2195.
Галонтъ Л. В. 275.
Г. А. М. 2196.
Гатцукъ А. 4721.
Г. Б. 276, 1619, 2669.
Г. В. 12, 711, 712, 713, 714, 1763, 2670, 4722, 4723.
Г—го В. 3892.
Г. З. 3352, 3624, 3716.
Геевскій С. Л. 2671.
Геринъ К. И. 1968.
Гехтеръ М. 4496.
Гильченко Василій 2198.
Г. К. 278.
Г—ко В. 717, 1764, 1969, 1970, 2199, 2200, 3117, 3737, 3921, 4199, 4313, 4368, 4589, 4619.
Гл. 4018.
Глаголь 1765, 1766, 3903.
Гл. Л. 279, 718.
Голицынъ Н. С. 280.
Голомбіевскій А. 2911.
Голомбіовскій А. 281, 282.
Голубевъ С. 284, 285, 286, 722, 4182.
Г—овъ М. 2201.
Голубовскій П. 723, 724, 725, 726, 1768, 2202, 3384, 3394, 3416, 3457, 3495, 3512, 3551, 3596, 3675, 3676, 3692, 3741, 3742, 3812, 3820, 3888, 3970, 3980. 3024, 4014, 4015, 4019, 4045, 4053, 4054, 4176, 4218, 4236. 4247, 4252, 4259, 4268, 4276, 4296, 4335, 4343, 4355, 4464, 4477, 4503.
Гордіевскій І. 2675.
Горленко В. 727, 1905, 1971, 2203, 2204, 2205, 2676, 2677, 2912, 3030, 3271, 3272, 3559, 4075, 4469, 4501, 4728.
Горновскій І. 728.
Гор—скій Н. 4428.
Г. П. 287.
Грабина А. 2206, 2207.
Грепачевскій А. 2208, 2209.
Григоренко Грыцько 1452, 1453.
Гринченко Б. 1454, 1455, 1456, 1457, 1458, 1624, 1625, 1769, 1770, 1906, 3514, 3515, 3895.
Гр. Моз. 289.
Гродецкій Д. 2678.
Г—скій А. 290, 734.
Грушевскій М. 731, 732, 733.
Гуланъ-Артемовскій 2679.
Гуланъ-Артемовскій П. П. 1459, 1460, 1461.
Г. Я. 1771.
Г. Ѳ. 93.

Д.

Д. А. 1772.
Дабижа А. В. 291, 2682, 2683, 2684, 3275, 3276.
Данилевичъ В. Е. 97, 4491.
Даниловъ Влад. 1773, 1774, 1775, 1974, 2210, 2211. 2212, 2213, 2214, 2215, 2216, 2217, 2218, 2219, 2685. 3344, 4455, 4473, 4634.
Даценко Е. 1975.

Дашневичъ Н. 1776, 1907, 3343, 4729.
Д. В. 292.
Двериницій Е. 98.
Дворжецкій-Богдановичъ П. В. 2688.
Д-въ 4654.
Д. Д. 2689, 3209, 3631, 4214. 4468.
Д. Е. 293.
Демуцьній Н. 3680.
Демченко Ив. 3681.
Десятынъ Г. 2222.
Дешко А. П. 739.
Дикаревъ А. 3685.
Дикаревъ М. А. 1777, 3684, 3686.
Д—ий 3651, 3867, 3874.
Д—ій В. 4731.
Д—й В. 3867, 3874.
Д. К. М. 3032.
Д—ко Д. 3241, 4397, 4474.
Дмитріевъ Н. 1910.
Днипрова Чайка 1463.
Д—нъ Гр. 3451.
Добровольскій А. 1462.
Добротворскій Н. 742, 743, 744, 745, 746, 2223, 3278, 4732.
Довгалевскій М. 1627.
Довнаръ-Запольскій М. 303, 747, 2224, 3687, 4169, 4502.
Д—овъ. В. 3347.
Доманицкій В. 13, 99, 305, 306, 307, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 1464, 1778, 1779, 1911, 1977, 1978, 1979, 1980, 2226, 2227, 2228, 2229, 2230, 2690, 2917, 3533, 3646, 3647, 3701, 3776, 3779, 3898, 4386, 4472, 4647, 4733, 4734, 4735.
Дорошенко Д. П. 1780, 2691, 3033, 3170, 3705, 4737, 4738, 4739, 4740, 3741.
Дорошенко П. 1628, 2918, 4736.
Драгомановъ М. П. 759, 760, 761, 762.
Дриженко А. 308.
Д—ръ Б. 2692.
Д—ръ Г. 1982.
Д—скій А. 763.
Д—скій В. 764, 765. 4188, 4189.
Дурдуковскій В. 4174, 4175.
Дурново Н. 309.
Д. Ш. 4744.

Е.

Е. 4528.
Е. А. 311, 766, 4748.
Е. Александра 767.
Евлашевскій Ѳ. 3118.
Егоровъ Ив. 103, 313, 314, 1632. 2232.
Егоровъ Н. 315.
Е. К. 769, 770, 771, 1781, 3908. 3912, 3279, 3942, 4042, 4111, 4195. 4264, 4575.
Е—ко П. 2233, 4751,
Е—мовъ С. 3913, 3919, 4108, 4204, 4398, 4749.
Е. П. 772, 2234, 2235, 2236, 2237, 4603.
Ермиловъ В. 3280.
Е. С. 773, 3389.
Есиповъ Г. В. 774.
Ефименко А. 775, 776, 777, 778, 4750.
Ефименко П. С. 104, 316, 317, 779, 780, 781, 782, 783, 2238, 2239, 2240, 1782, 2693, 2964, 2695, 3211, 4752, 4753, 4754.
Еф. П. 2241, 2242, 4755.
Ефремовъ С. 1783, 1784, 1785, 1786, 1787, 1788, 1789, 1790, 1913, 3034, 4756, 4757.
Е. Ш. 1465.

Ж.

Жигмайло Л. 3993, 4500.
Ж. И. 4758.
Житецкій И. 1799, 1800, 4270, 4406, 4623.
Житецкій Ив. 786.
Ж—ій Ир. 4350.
Ж—ій Іосифъ 2245.

Житецкій Ир. 3723.
Житецкій П. И. 1634, 1635, 1791, 1792, 1793, 1794, 1795, 1796, 1797, 1798, 1799, 1800, 1914, 2243, 2244, 2696.
Журинъ Г. 2246.

З.

З. 106, 3368.
Забила В. 1466.
Забила Я. 1985.
Забѣло Я 3739.
Завитневичъ В. **З.** 107.
Загоровскій А. 2697.
Залѣсскій Ап. 15, 320, 2249, 2250.
Залюбовскій Г. 790, 2698.
Зарѣцкій И. А. 108.
Зарянко Н. 1986.
Затуловскій В. 798, 799.
Затуловскій М. 797.
Здравомысловъ К. 16.
З. И. 4761.
Зиньковскій Т. 4762.
Зозуля И. 801.
Зуйченко П. И. 1636, 2252.
Z. 787, 788, 3491, 3910, 4197.

И.

И. 3464, 3729, 4196, 4244, 4629.
И. Б. 3059.
И—въ П. 2254.
Ивановъ 2253.
Ивановъ П. 322, 803, 3463.
Иг. Ж. 3846.
И. Ж. 3493, 3500, 3844, 3952, 4179, 4191, 4266, 4538, 4539, 4577, 4624, 4625.
И—й 1988.
И. К. 4228.
Иконниковъ В. **С.** 811, 812, 2699, 2922, 3967.
И. Л. 3750, 3978, 4527.
Илличъ-Свитычъ 813.
Ильяшевичъ В. 2259, 3935.
И. М. 3549, 4565.
И. Н. 815, 1989, 2261, 4190, 4289, 4410, 4610.
И. О. 2262.
Ир. Ж. 2263.
Ирпенскій Г. 1801.
Исаевичъ С. Н. 2264, 2265.
И. С. Н. 4766.

І.

І. Г. 4925, 4926.
Іевлевъ П. 2700
Іоссе Генрихъ 1467.

К.

К. А. 4767.
Кановскій Юр. 2266-
Каллашъ В. 1639, 1802.
Каманинъ И. 17, 325, 326, 327, 328, 329, 820, 821, 822, 823, 824, 2702, 2703, 3036, 3037, 3038, 3154, 3204, 3252, 3357, 3358, 3359, 3360 3362, 3378, 3381, 3393, 3399, 3405, 3406, 3415, 3418, 3419, 3422, 3426, 3439, 3440, 3447, 3454, 3459, 3460, 3483, 3482, 3484, 3485, 3490, 3494, 3563, 3594, 3539, 3544, 3604, 3669, 3673, 3751, 3793, 3797, 3805, 3808, 3816, 3824, 3901, 3940, 3954, 3955, 3987, 4000, 4030, 4055, 4071, 4101, 4113, 4120, 4121, 4142, 4240, 4241, 4293, 4297, 4298, 4311, 4316, 4317, 4318, 4319, 4320, 4322, 4328, 4345, 4346, 4347, 4356, 4369, 4395, 4404, 4405, 4408, 4414, 4415, 4416, 4417, 4448, 4449, 4465, 4475, 4515, 4520, 4521, 4522, 4530, 4531, 4569, 4570, 4571, 4572, 4622, 4665, 4670.
Каминскій. В. 2267, 2268, 2269.
Каминскій Ѳ. 1990, 2270.
Каргопольцевъ И. 2706.
Каро Я. 1470.
Карпенко—Карый И. 1471, 1472, 1473.
Карпинскій И. 825.
Карташевскій В. **Я.** 1991.

Катрухинъ А. 826, 2273, 2274.
Качановскій 4164.
Кашировскій Е. 3580.
К. В. 2275.
Квитка Г. Ѳ. 1474, 1475, 3853, 3854.
Кибальчичъ Н. М. 1993, 1994, 3119.
Киелицкій. Е. 2707.
Кирицъ Н. 3039.
Кисилевъ Л. 2278.
Кислицкій Е. 827.
Кистяновскій 3040.
Кистяковскій А. Ф. 834. 2279, 2710.
Китицынъ П. 331, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 3719, 2280, 2711.
К—ій П. 3728, 4370.
К—ій Ѳ. 334, 2276, 2277.
КіININъ 3423.
К—ій О. Р. 2277.
К ко 4770.
К. Л. 3379.
Клебановскій И. 335, 841, 842, 1640, 3041.
К. М.4605, 4606.
К. О. 336, 4769,
Кобилянська Ольга. 1476, 1477
Коваленскій Л. 121, 843, 844, 845.
Коваленко Гр. 337, 2712.
Новалько П. 1805,
Ков —Кол. 2281.
К—ой **Е. И.** 4180
Колтоновская Е. 1806.
Комарова Г. 1478.
Комаровъ А. 4770.
Комаровъ Г. 4772.
Комаровъ М. 848, 1479, 1480, 1995, 1996, 2713, 2714, 2715, 2716.
Комаровъ Н. 847.
Компанскій М. М. 849.
Кондратовичъ Ѳ. 850.
Конисскій 3042,
Конокенко М. 3466, 3467.
Конотопецъ 4776.
Константиновичъ М. 122, 3291.
Корниловичъ В. 2287.
Корниловичъ И. 2289.
Корниловичъ М. И. 2288.
Короленко В. 340, 851.
Короленко П. 852.
Корсунъ Г. 123.
Косаревъ Е. 1988.
Костомарова А. 2718.
Костомаровъ Н. 853, 854, 855, 856, 1484, 1807, 1808, 3043, 4375,
Котляревскій И. П. 1915, 1916.
Коцюбинскій М. 1481, 1482, 1483.
Кочергинъ В. А. 857.
Кошовикъ К. 2290, 2723.
К. **П.** 2291.
Кравченко К. 341, 2292.
Красновъ В. 3044.
Краузгару А. 859,
Крашановскій М. 2293.
Кремнинскій А. 1486.
Кропивницкій М. 1486, 1487.
Кр. Сор. 858.
Кр—ській М. 1999, 4557.
Крыжановскій Е. 342, 860.
Крымскій А. 1642, 1809, 1810, 1811, 2000, 3697, 4005.
Ксендзенко Алексан. 861.
К—**скій А.** 2294.
К—**тъ** В. 346.
Кудлаевичъ П. 124.
Кудринскій Ѳ. А. 343, 344, 345, 862, 863, 864, 865, 1488, 1489, 1490, 1491, 1492, 1493, 1494, 1495, 1496, 1644, 1812, 1813, 2295, 2296, 2297, 2725, 2726.
Кузьминъ Е. 4779.
Кузьмичевскій П. 1814, 2298, 2299, 2300.
Кулишъ А. 2727.
Кулишъ П. А. 1643.
Кулюмбашъ И. 866.
Куриловъ Ив. 868,
К. **Х.** 3186.
К. **Ц.** 4362.
К—**цъ** 3441, 3553.
К—**чъ Влад.** 1468.

К—чъ Е. 3120.
К—шъ В. 2301, 2945, 4593, 4780.
К—шъ Г. 3788.
К—ъ И. 1638.
К—ъ К. 840.
К. Я. 3906.

Л.

Л. 883, 3047, 4625, 4582, 4788,
L. 126, 127, 352, 353, 2333, 2729, 3766, 4551.
Л. А. 354, 355, 356, 884, 885, 886, 887, 888, 1645, 2730, 2731, 4789, 4790, 4791, 4792, 4793, 4794.
Лавровскій Л. Я. 1649.
Лазаревскій А. 129, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 1816, 1817, 1650, 2004, 2304, 2305, 2732, 2733, 2734, 2735, 2736, 2737, 2738, 2946, 3049, 3050, 3205, 3295, 4051, 4331,
Лазаревскій Б. 1497.
Лазаревскій Ѳ. М. 2004.
Лапинъ В. 905,
Лашкаревъ П. 25.
Лашкевичъ А. С. 357, 906, 2739 2740.
Лашковъ Ѳ. 1741.
Л. Б. 3048.
Л—вой П. 907.
Л—въ П. 21, 22, 23, 358, 359, 360, 361, 908, 909, 910, 2306.
Л—въ Ѳ. 2742.
Лебедевъ Амф. 362.
Лебединецъ П. С. 2307.
Лебединцевъ Ѳ. 2006.
Лебединцевъ Г. 130, 430.
Лебединцевъ П. Г. 911.
Левандовскій І. 2951, 2952.
Левенко В. 1498.
Левицкій Н. В. 2308.
Левицкій О. 2744.
Левицкая—Пащенко Юлія 1502.
Левицкій И. 1496, 2309,
Левицкій М. 1500, 1501,
Левицкій Ор. И. 26, 131, 363, 364, 365, 366, 367, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 1651, 1652' 1819, 2007' 2310, 2311, 2312, 2313, 2314, 2315, 2745, 2953, 3297, 3560, 4796, 4797, 4798, 4799.
Левицкій Пам. 368.
Левченко М. 922, 923, 924, 4800.
Л. Ж. 4795.
Лелетъ В. 925.
Лекчевскій Л. 2317.
Леонидъ арх. 369, 926, 927.
Леонтовичъ В. 1820.
Леся и Галя 3051.
Л. И. 4803.
Лилеевъ М. 370.
Л—ило А. 3748.
Линденберъ Е. 2318.
Линниченко И. А. 2318, 2120,
Линниченко И. Л. 132, 133, 928, 929.
Липковскій В. 371.
Лисакъ—Таморенко 1503.
Листорскій И. 930.
Литвинова П. 2321, 2321, 2323, 2324, 4804, 4805.
Личковъ Л. 372, 373, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 2326, 2327, 2747.
Л—ій О. 374, 938, 4802.
Л—й О. 1646.
Л. К. 2328.
Л—ко А. 4168.
Л—ко И. 939, 4209.
Л—кій А. 4659.
Л. М. 375, 940, 1647, 1648. 1821, 2329, 2330, 2331, 2332, 2748, 2749, 2750, 2751.
Л—ико Арк. 941, 3478, 3524, 3562, 3804, 3981, 4058, 4167, 4372, 4626.
Л. О. 376, 377, 942, 943, 944, 945, 1822, 4807, 4808.
Лобачевскій В. 946.
Лобко А. 947,
Лобода Ѳ. 134, 1654, 2008, 3052, 3178, 3449.
Лободовскій М. 3053.

Лопачевскій А. 135.
Лонгиновъ 1823.
Лопулеску 948.
Лотоцкій А. 949, 1505, 1655, 3054.
Л. П. 19, 20, 128, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 1918.
Л. С. 950, 4061.
Л. **С. Л.** 3470, 3516, 3664, 3672, 3801, 3802, 3857, 3858, 3926, 3959, 3969, 3972, 4102, 4107, 4126, 4127, 4231, 4330, 4377, 4378, 4588, 4809,
Л—скій А. 599, 951.
Л. Т. 3575.
Л—**тъ.** 3497.
Луговой А. 2752.
Луговой **И.** 952.
Лукашевичъ П. 2955.
Лучицкій И. 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 2753, 3187, 3527.
Л. **Ш** 3649.
Л—**ъ** П. 2005.
Л—**ье Ольга** 2335.
Лысенко Ц. В. 2234.
Лѣсковъ Н. 1505.
Любичъ А, 4811.
Любовичъ Н. 963, 4083, 4288.
Любовъ Ив. 2009.
Ляскоронскій В, 137, 138, 139, 2754.
Ляшенко А. 964.
Лященко А. 4166, 4334.

М.

М. 140, 4010, 4291, 4016.
М. А. 2336.
Майорскій П. 1508, 1509, 1510.
Макаренко Н. 110.
Маковскій Е. 2337, 2338.
Максимовичъ М. А. 1759, 1760, 1824, 2759, 2760,
Максимовъ Е. 386, 966.
Малинка А. 143, 1919, 2340, 2341, 2342, 2343, 2344, 2345, 2346, 2347, 4041, 4044.
Малышевскій И. 968, 3540, 3541, 4566.
Маншура И. 2349, 2350, 2351, 2352, 2353, 2354, 2355, 2356, 2357, 2358, 2359.
Маркевичъ А. 387, 970, 971, 972, 1664, 1665, 2010, 2360, 2361, 2362, 2762, 2763, 3510, 4132, 4607, 4814.
Маркевичъ В. 2363.
Маркевичъ Д. 1512, 1513.
Маркевичъ 3056.
Марковичъ А. **М.** 1511.
Марковичъ Дм. 3055.
Марковичъ Я. 3122,
Марко-Вовчекъ 1514.
Марковъ Н. 1826.
Марновскій М. 1661, 2364,
Мартыновичъ Порфирій 2365, 2366.
Матушевскій Ф. 1827, 2011, 2367, 4494.
Матушевскій-Ефремовъ 3189.
Матченко И. 388, 3504.
Маціевичъ Левъ 976, 977, 978.
Мацѣевичъ 2967.
Мацѣевичъ А. 390.
Мацѣевичъ Л. 389, 2012, 2013, 2368, 2764.
Мачтетъ Г. Л. 1515.
М. В. 2369, 4594.
М. Г. 2370, 3830, 4495,
Мельникъ К. 979, 980,
Мердеръ А.27, 144, 145, 146, 147, 391, 392, 393, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000, 1001, 1002, 1003, 1004, 1005, 1006, 1007, 1008, 1009, 1010, 1011, 1012, 1013, 1014, 1015, 1016, 2015, 2371, 2372, 2373, 2765, 4815, 4816, 4817, 4818, 4819, 4820, 4821, 4822, 4823, 4824, 4825, 4826, 4827, 4828, 4829, 4830, 4831, 4832, 4833, 4834, 4835, 4836, 4837, 4838, 4839, 4840, 4841, 4842, 4843, 4844, 4845, 4846, 4847, 4848, 4849, 4850, 4851, 4852,

4853, 4854, 4855, 4856, 4857, 4858, 4859, 4860, 4861, 4862, 4863, 4864, 4865, 4866, 4867, 4868.

Мерцъ С. 1516.

М. Ж. 4156, 3654, 3725.

Миллеръ Д. 1017, 1018, 1019.

Миллеръ Ор. 394, 4869.

Милорадовичъ 1020, 2385, 2767, 4870.

Милорадовичъ В. 1022, 1023, 1663, 1828, 2374, 2375, 2376, 2377, 2378, 2379, 2380, 2381, 2382, 2383, 2384, 2385, 2386, 2387, 2388, 2389.

Милорадовичъ Г. А. 1021, 2768.

Мировець В. 1829, 3163, 3238, 3373, 3430, 3632, 3714, 3722, 3743, 4089, 4155.

Миронъ 395, 1024, 1517, 1518, 1519, 1520, 1667, 1668, 1669, 1670, 1671, 1830, 1831, 1832, 2391, 2392, 2393, 2394, 2395, 2396, 2769, 3944.

Михайлогорскій 1833.

Михалевичъ В. 2390.

Михаленко Юрковскій 3868.

Михальчукъ К. 1834, 1835, 3685, 4358, 3480.

Мищенко Ѳ. 148, 1025, 3165, 3934, 3935, 4433, 4434.

М. **К** 141, 1026, 4871, 3481.

М. **Л.** 1507.

М. М. 3427.

М. **Н.** 1027, 1028, 3124.

Модзалевскій В. 316, 317, 396, 397, 398, 1029, 1030, 1031, 1032, 1033, 1034, 2770, 2771, 4872, 4873, 4874.

Молчаловскій Н. 151, 1035, 1036, 1037, 1038, 1039, 2772, 3658, 3660.

Моравскій С. 1040,

Морозъ Д. 2397, 3058.

М. **П.** 4499.

М. **Р.** 4616.

М—**ра И.** 2398, 2399, 2400, 2401.

М. С. 2402.

М—**скій Ф.** 3620, 4877.

М—**чъ** А. 4031, 4112.

М—**чъ В. Т.** 142, 399, 1041.

М. **Щ.** 2403.

Мырный П. та Билыкъ И. 1522.

Мырный П. 1521.

Мякотинъ В. Л. 152, 1044, 2404.

Н.

№. 1045, 1046, 2405, 2406, 2407, 2408, 2773, 4878.

Н. 3535.

Н. А. 3964, 4038, 3961.

Науменко В. П. 158, 400, 1048, 1049, 1050, 1051, 1052, 1053, 1054, 1055, 1056, 1523, 1675, 1676, 1677, 1678, 1679, 1680, 1681, 1682, 1683, 1684, 1685, 1686, 1836, 1837, 1838, 1839, 1840, 1841, 1842, 1843, 1844, 1845, 1921, 2019, 2020, 2021, 2413, 2780, 2970, 3059, 2774, 2775, 2776, 2777, 2778, 2779, 3060, 3092, 3192, 3203, 3437, 3875, 3917, 3167, 4145, 4146, 4147, 4148, 4881, 4882, 4883, 4884.

Н. Б. 153, 154, 155, 156, 1057, 1058, 1059, 1060, 2414, 2781, 3232, 3390, 3477, 3585, 3619, 3628, 3791, 3799, 3869, 3960, 3962, 4043, 4094, 4201, 4220, 4263, 4523, 4548, 4664.

Н. В. 157, 1061, 1674, 2415, 2782, 3225, 3369, 3428, 3453, 3518, 3531, 3566, 3571, 3744, 3815, 3939, 3957, 3997, 4095, 4119, 4157, 4172, 4229, 4271, 4336, 4340, 4363, 4364, 4382, 4409, 4460, 4517, 4519, 4573, 4576, 4578, 4586, 4618.

Н. Г. 3125, 3391.

Н. Д. 3678, 4232,

Недоборскій З. 3061, 3062.

Нейманъ Ц. Г. 162, 1062, 1063, 1525, 2416, 2417, 2418, 2419, 3383, 3661, 3870, 3885, 4001, 4224, 4436, 4564, 4637.

Некрасова Е. 2783.

Нелиповичъ Н. 4886.

Непыйвода М. 1526, 1527, 1528, 1673, 3308.

Несвицкій А. А. 2420.

Нестеровскій А. 3904.
Несторовскій Петръ 2421.
Нечуй-Левицкій І. 1846.
Н. И. 1091.
Н. Ив. 1065, 3365, 4129, 4239.
Н—й С. 1073.
Никифоровъ В. 1070.
Николайчикъ Ѳ. 1066, 1067, 1068, 1069, 2422, 2423, 2784, 2785, 3505, 3923.
Ни--къ Ѳ. 1071, 1072, 4888, 3602.
Н—ко В. 1687, 2027, 2028, 2153, 3166, 3217, 3686, 3845, 3861, 4215.
Н. Л. 1074.
Н. М. Ш. 3578.
Н. М. 1075, 1076, 1077, 1078, 1079, 1080, 1081, 1082, 1083, 1084. 2029, 2424, 2971, 2972, 2973,. 3067, 3683, 3713, 3717, 3752, 3753, 3754, 3755, 3756, 3758, 3759, 3760, 3762, 3764, 3781, 3782, 3810, 3821, 3822, 3839, 3843, 3842, 3862, 3881, 3882, 3900, 3965, 3976, 4003, 4050, 4105, 4160, 4170, 4198, 4203, 4207, 4255, 4401, 4402, 4438, 4447, 4451, 4458, 4487.
4492, 4493, 4497, 4537, 4547, 4567, 4585, 4621, 4649, 3521, 3537, 3453, 3436, 3472, 3488, 3370, 3395, 3410, 3425, 3589, 3581, 3611, 3615, 3616, 3644, 3645, 3657, 4063, 4261, 4282, 4341, 4376, 4380, 4381.
Н. Н. Д. 2022, 2023.
Н. О. 2786.
Новицкій Ив. 163, 1085, 2425, 2426, 2427, 2429, 2787, 3342, 3407, 3408, 3446, 3595, 3992, 4277, 4283, 4059, 4069, 4305, 4387, 4889.
Новицкій Я. П. 402, 403, 2428.
Номисъ М. 2431, 3061, 3196.
Носъ-фонъ С. Д. 1086, 1087. 1088, 1089, 2432, 2789, 3065, 3066, 4891, 4892.
Notus 2433, 2434, 4893.
Н. П. 405, 406, 1090, 1689, 3461, 3554, 3696, 3819, 3914, 3986 4048, 4098, 4354, 4390, 4432, 4541.
Н-п-в-да М. 1673.
Н. Р. Л. 2435.
Н. С. 1092, 1093, 1094, 1095, 1096, 1097, 1098, 2790, 3068, 3411, 3412, 3413, 3564, 3792, 3866, 3941, 3963. 3694, 4114, 4151, 4219, 4257, 4314, 4373, 4608, 4615, 4894, 4895, 4896,
N. S. 4060.
Н. Т. 3778, 4281, 4321, 4338, 4342, 4348, 3542.
Н. Ч. 28, 3307,
Н. Ш. 1848, 2032, 2033, 2034, 2436, 3069. 3233, 3718, 3720, 3860, 4100, 4286, 4287, 4332, 4554, 4597. 3308, 3528, 3469, 3372, 3582, 3583.
Н. Ш—въ 4202, 4285.
Н. Ѳ. 1100, 1847.

О.

О. 2438, 4227, 4235
Оберучевъ К. 2036, 2791.
О. В. 2440, 4902.
О—въ И. 4903.
Овсянино-Кулиновскій 1849.
Оглоблинъ Н. 407, 408, 409, 1105. 1106, 1107, 1108, 1109.
Одинецъ 1110.
О. И. 4906.
О. Л. 164, 165, 411, 412, 413, 414, 415. 416, 417, 418, 419, 1111, 1112, 1113, 1114, 1115, 1116, 1117, 1118. 1119, 1120, 1121, 1122, 1123, 1124, 1125, 1126, 1529. 1692, 1693, 1694, 1695, 1696, 1697, 1698, 2442, 2443, 2444, 2445, 2793, 2975, 2994, 3070. 410, 2974, 3222, 3361, 3487, 3506, 3630, 3606, 3607, 3818, 3850, 4097, 4256, 4258. 4275, 4419, 4446, 4536. 4907, 4908, 4909, 4910, 4911.
Оленинъ С. 420.
Олтаржевскій Ю. 2446, 2447.
О. М. 4173.

Ом скій Ал. 2449, 2450.
О. Н. 1127.
Онацкій Д. 166, 2795.
О. П. 4912.
Орельскій А. 422.
Оржешко Элиза 1531.
Орловъ И. 2451.
Орловскій П. 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 1131, 2796, 2797, 2976.
О. С. 2452.
Освѣцимъ Ст. 3126.
О скій І. 4917.
Остоя 1532.
Острожскій-Лохвицкій 3127.

П.

П. 442, 8911, 4412.
П. А. 4251, 4421.
Павловскій И. Ф. 444, 445, 446, 447, 1139, 1140, 1141, 1142, 1143, 1144, 1145, 1146, 1147, 1148, 1149, 1150, 1151, 1152, 1153, 1154, 1155, 1156, 1157, 1158, 1159, 1160, 1161, 1162, 1163, 1164, 1165, 1166, 1167, 1168, 1169, 1170, 1171, 1172, 1173, 1174, 1175, 1176, 1177, 1922, 1923, 1924, 1925, 1926, 2799, 2800, 2801, 4921, 4922, 4923, 4924, 4925, 4926, 4927, 4928, 4929, 4930, 4931, 4932, 4933.
Павловскій М. 3633, 3949 3953, 4078.
Павловъ Ир. 3071.
П. А. І. 1533.
Падалка Л. 167, 168, 169, 170, 1178, 1179, 1180, 1181.
Пахаревскый Л. 1535, 1536.
Пачовській М. 1851.
П. Б. 4935.
П. В. 1702.
П- въ Н. 3396.
П. Г. 3313, 3641, 3642, 3721, 4131, 4205, 4206, 4211, 4254, 4357, 4427, 4463, 4516, 4652 4660.
П. Е. 1183, 1703, 2455, 3468.
Перекидько П. 1438.
Перетцъ В. 448, 1186, 1706, 1707, 1708, 1927, 2977, 2978, 3479, 3598, 3748, 4943, 4942,
Петкевичъ З. А. 1537.
Петлюра С. 1187, 1709, 2806, 2979, 3236, 3639, 3840, 3902, 4392, 4488, 4936, 4937, 4938, 4939, 4940.
Петровскій Д. 2456.
Петровъ Н. 29, 174, 175, 449, 450, 451, 1188, 1189, 1190, 1191, 1710, 1852, 2804, 2805, 2980, 2981, 4941, 4294.
Пильченко 1539.
Пирожковъ Н. 3072.
Писаревъ С. 3129.
Пискорскій В. 1194.
Пишчевичъ А. С. 1197, 1198, 1199.
П. І. Г. 3634.
Піуновъ С. Б. 2041.
П—ко Вл. 171, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 1200, 1201, 1202, 1203, 1204, 1205, 1928, 4944, 4945, 4946, 3590, 3790.
П. Л. 443, 1206, 1207, 1208, 1209, 2457, 2458, 2807, 3603, 3678, 4062.
Плотниковъ И. 1210.
П. М. 462, 2808, 4011.
П. Н. 2211.
П—нъ Ф. 3073.
П. О. 2460.
Подвысоцкій Н. 1213.
Подолянинъ 2809.
Подорожный Н. 3074.
Познанскій Бор. 1214, 1215, 1216, 1540, 1541, 1542, 1543, 1544, 2464, 2465, 3075, 3076, 3077, 4076, 4104, 4948.
Полетика В. 4950.
Полницкій А. 465, 466, 1218, 1219, 1220, 1545, 1546, 2810.
Пономаревъ Ив. 2466, 2467.

Пономаревъ Е. И. 1713, 1714, 2046, 2047, 2814, 2986, 2987, 3078, 4953.
П. П. 2471, 2472.
Попруженко Е. 1222.
Попруженко м. Г. 3813,
Посторонній 4136.
Потебня А. 2469, 4956.
Поточный В. 3896, 4109, 4134.
Порш. М. 1223, 1224, 3522, 4103.
П. Р. 3643.
П—ра С. 3677, 4238.
Прибыльскій 2473.
Прилучанинъ 177.
Прокоповичъ В. 1716.
Просвітянинъ 4961.
П. С. 1534, 1853, 1854,
П—скій Борисъ 472. 2475, 3079.
П—скій М. 2597, 4284, 4617.
П—скій П. 473.
П—скый Л. 1855, 4118, 4549.
П. Т. 2476,
Пузыревскій А. 1236.
Пулевичъ Н. А. 3080.
Пч. О. 2477,
Пчилка О. 1856, 1857, 3230, 3231, 3317.
Пѣтуховъ Е. 2815, 3601, 4600, 4601, 4602.

Р.

Р. 1930, 3739, 3809, 3837, 4312.
Равита Ф. 1858.
Радакова Е. 1237.
Радецкій В. 3081.
Радловъ В. В. 2484.
Ракитинъ Н. 1547.
Р—въ А. 31, 2485.
Рева И. 1239.
Репьяхъ Омельно 1548.
Рилицкій С. 32, 475, 476 477, 478, 1241, 2052, 2486.
Р. Л. Н. 2487.
Рогова О. 1549.
Романовичъ-Славатинскій А. 199.
Ростовецкій В. 1721,
Ротарь Ив. 1859,
Ротарь П. 1550.
Рощаховскій И. А. 3130.
Р. С. 2490.
Рудановскій Л. 1243.
Руданскій С. 1551, 1552,
Рудковскій А. 1244, 4967.
Рудневъ А. 1720.
Русовъ А. А. 1245, 1246, 1931, 2055, 2492, 2498, 4035, 4223, 4968, 4969, 4970, 4971.
Русовъ О. 2056, 2494.
Руссетъ Елиз. 1247.
Рыжковъ Н. 1248.
Рыльскій Ѳ. 2495.
Рѣгоръ Фр. 3131, 3132.

С.

С. 3817, 3853, 4972.
С. А. 201.
Саббатовскій П. 480.
Савва 4153.
Савченко Ив. 1553, 3133, 4973.
Савичъ А. 2496, 2819.
Садовскій 1251, 3346, 3738, 4323.
Самитный Гр. 4974.
Самчевскій Іос. 3082.
Сапожниковъ 202, 3319.
Сарнецкій. 1554.
Сахонова А. 2497.
Сбитневъ И. М. 3134.
Свириденко С. 2821.
Святославскій И. Я. 203.
С. Е. 1253, 2058, 3471, 3570, 3584, 3588, 4074, 4948.
Селиванов А. 1725.
Селецкій П. Д. 3135.
Семенцовъ Р. 3084.
Сердюковъ И. И. 2823.
С. И. 3568.
Сикорскій В. 3085.
Симоновъ М. 3085, 4977, 4978.
Синицкій Д. А. 204, 2500.
Синицкій К. 484.
Синицкій Л. 1257, 1258.

Скальковскій А. 1259, 1260, 1261, 1262, 1263, 1264, 1265, 1266, 1267, 1268, 1269, 1270, 1271, 2824.
С—ній **В.** 2995.
С—ко 1272, 1860, 2059, 2828, 2997, 3087.
С—**ко А. А.** 4092, 2826, 3321, 4534.
С—**ко А. П.** 1861.
С—**ко Н. В.** 483, 2827, 2828, 2996.
Скольскій И. П. 1555.
Скриленко А. 1273.
Сластіоновъ А. Г. 485, 1932, 2502, 4029.
Сластіонъ О. 1727, 2060, 4177.
Сл. Ук. 4979.
С. М. 4361.
Смонтій А. 1275, 1556, 2061, 2062, 2503, 2504.
С. **Н.** 486, 487, 2505, 2506, 2507, 2829, 4028, 4384.
С. Н. **И.** 1276, 1729, 1730.
С—о А. 4630.
С—**овъ** Н. Ѳ. 1277.
Сокальскій Л. 1278.
Сокольскій Н. П. 3089.
Сокольскій П. 3090.
Соколовъ В. 208.
Соколовъ Н. **И.** 3091.
Солтановскій А. А. 3136.
Сорочинъ Г. 2508, 3092.
Сосновскій Мих. 1557.
Сотниченко 4457.
С. П. 488, 1279, 2831, 2832.
Спицынъ А. 3325.
С. **Р.** 1862, 3421, 4080.
Срезневскій Вс. 1863, 1934, 1935.
С-р-ъ **И.** 1280.
Станиславскій А. Г. 1558.
Ставровскій Н. А. 1736.
Стасюкъ 4057.
Старицкая Л. 1559.
Старицкая-Черняховская Л. 1864, 1865, 3635.
Старицкій М. П. 1560, 1561, 1562, 1563, 1564, 1565, 3093.
Старый Прилучанинъ. 1281.
Стебницкий П. 4984.
Степанецъ Богданъ. 1566.
Степовичъ А. 209, 1282, 1567, 1866, 2509, 2833, 2999, 3000, 3354, 3532, 3547, 3565, 3684, 3734, 3832, 3873, 3877, 3894, 3915, 3925, 3973, 3982, 4087, 4178, 4210, 4290, 4307, 4308, 4309, 4339, 4360, 4453, 4481, 4543, 4561, 4580.
Степовый В. 4559.
Степовый Н. 2510, 2511.
Стешенко. 4008.
Стешенко И. 2834, 3905, 3874, 4422, 4558.
Стешенко І. 1867, 1936, 1937, 1938.
Стороженъ В. Н. 1283, 1284, 1285, 1286, 1287, 1288, 3001, 4985, 4986.
Стороженко. 3094.
Стороженко А. 1290, 1291, 1292, 1293, 1294, 1295, 1737, 2064, 2836, 2837, 2838, 3205, 3327, 3534, 3943.
Стороженко А. Я. 3137.
Стороженко Н. 1296, 1297, 1298, 1299, 1724, 2066, 2067, 2839, 2840, 2843, 2844, 3004, 3328.
Стороженко Н. В. 1289, 1300, 1301, 1302, 1303, 1304, 1305, 1306, 2512, 2841, 2842, 493, 494, 495, 3003.
Стороженко Н. И 1307, 2065.
Стороженскій Н. 2835.
Стояновъ А. 2513.
Страшкевичъ В. 496, 497, 498, 3006, 4987.
Стрижевскій Г. 2515.
Стрижевскій И. 2514.
Струнина Л. 1309.
Сулима А. С. 3138.
Сулима С. 1311.
Сумцовъ Н. О. 499, 1312, 1313, 1314, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 2516, 2517, 2518, 2519, 2520, 2521, 2522, 2523, 2524, 2525, 2526, 2527, 2528, 2529, 2530, 2531,

2532, 2533, 2534, 2535, 2536, 2537, 2538, 2539, 2540, 2541, 2542, 2543, 2544, 2545, 2546, 2547, 1739, 1740, 1939, 2070, 3682, 3097, 3545, 3656, 4989, 2845, 3206, 3749, 4096, 4518.
Сухановъ-Подколзинъ. 2071.
С—чъ. А. 3700, 4020, 4115, 4165, 4658, 4990.
С—ъ. 1316.
Сѣверянинъ. 1317.
Сѣлецкій Ар. 2547.
Сѣцинскій Е. 1318.
Сьогобочный. 3191, 3989, 4993.
S. 3899.
Sj. 3945.

Т.

Т. 3391, 4388.
Т. А. 500, 1319, 4994.
Талько-Гринцевичъ Ю. Д. 2072.
Танковъ А. А. 212, 501, 1320.
Тарнавскій А. 502.
Тарновскій А. 1742, 2548, 3226.
Тарновскій Ф. А. 2848, 2849.
Твердохлѣбовъ А. 213, 503, 1321, 1322, 1323, 1324, 1881.
Т. Д. 2549.
Теличенко И. В. 1325, 1326, 1327, 1328, 1329, 1330.
Терновскій Ф. 504.
Тиверцевъ. 3139.
Титовъ А. 2853, 2854, 3007.
Титовъ О. 505.
Титовъ. С. Ѳ. 4122.
Титовъ Ѳ. 3420, 3529, 3605, 3613, 073, 4185, 4379.
Тихій Н. 2852.
Тиховскій Ю. 506, 1743, 1882, 1883, 1884, 2550, 2551.
Т-ій К. Н. 1331, 4012.
Тиаченко Петренко. Е. 1865.
Т. Н. 3699.
Т—овъ М. 1744, 2073, 2553.
Т—П. 507, 1332, 1333.
Траховъ Ад. 30.
Труба Ив. 1568.
Трублаевичъ М. 508.
Грутовскій К. А. 2552.
Т—скій М. Т. 2076.
Тумасовъ Н. 1336.
Туренко М. А. 1337.
Турневичъ 2554.
Турчинскій 1569.
Тутковскій П. 1338.
Т. Ф. 4349.
Тыкдытниковъ С. 1340.
Тапинскій В. 1745.
Т—ъ К. И. 509, 1339.

У.

Украинка Лвся 1570.
Уманецъ Ѳ. 3098.
У. О. К. Ф. 2557, 4997.
Успенскій Ѳ. М. 1350, 1886, 4998.

Ф.

Ф. 1352.
Федоровъ Г. 4999.
Федьковичъ Ос. 1571, 1572.
Фисенко А. 1353.
Ф. Иванъ 1898.
Ф. М. 3710.
Фойницкій И. 2855.
Фотинскій О. А. 1354.
фра Моріель 4374.
Франко Иванъ 1573, 1886.
Фратерикулюсъ 4082.

Х.

Х. 215.
Ханенко А. 216.
Ханенко Н. 3140, 3141.
Харламповичъ К. 513, 1355, 1889, 4653, 5000.
Хатемининъ А. Гр. 217, 1574, 2559, 2560, 2561, 2562, 4668.
Хвойко В. 1356.
Химиняковъ В. 1358.
Холмскій Старожилъ 4532.
Храневичъ В. 514, 515, 516, 517.

518, 519, 520, 521, 1361, 2563, 2564, 4418.
Храневичъ К. 522.
Х—чъ Н. 3667.
Х. Я. 2565, 3386, 4667.

Ц.

Целлярiусъ Б. 1746.
Ц. К. 1364, 2566.
Ц. Н. 3376.
Ц. С. 523.
Ц. Х. 2568.
Цыбульскiй А. 4116.
Цыбульскiй Б. 3550.
Цыбульскiй Н. 524, 2567, 3377, 3380, 3438, 4047, 4150, 4367, 5003.
Цыбульскiй Т. 3450.
Цыссъ А. 1747.

Ч.

Ч. 3099, 3414.
Чалый М. Н. 1367, 1368, 1369, 2078, 2079, 2569, 2856, 2857, 3100, 3101.
Чайковскiй Мих. 1366, 3142.
Ч. В. 218.
Чеваневскiй В. 1370, 2858.
Чепа Адрiанъ 1371.
Чеп ый Д. 4514.
Черепинъ В. 1372, 1890, 3947, 4067.
Чернышевъ Н. 2570, 2571, 3786.
Черняевскiй М. 1575, 1576, 1577, 1578, 1579, 1580, 1581, 1582.
Черняевъ Н. 5005.
Черняховскiй А. 4106, 4333.
Честоховскiй Н. Г. 2082.
Читатель 5008.
Ч—iй С. 3849.
Чикаленко Е. 2572.
Ч. Н. 219.
Чыгрынецъ В. 1583.

Ш.

Ш. 3889, 4383.
Ш. А. 1375.
Шафарухъ И. А. 2574.
Шафрановъ П. А. 1376, 1377, 1378.
Шаховскiй А. И. 1379.
Ш—въ Н. 2575, 3102, 4202, 4230, 4285, 4592.
Шебалдаевъ П. 5009.
Шевченко В. Г. 2083.
Шевченко Т. Г. 2086, 2093, 2094, 2095, 2096, 2097, 2098, 2099, 2100, 2101, 2102, 2103.
Шейнъ П. В. 2576.
Шенрокъ В. 1891, 1860, 2860.
Ше—кинъ С. 3155, 3208, 3727.
Шимановъ А. 1380, 1381.
Шимансiй Ц. 2577.
Шкроганскiй В. 5010.
Ш. Л. 3814.
Шляпкинъ И. 222.
Ш. М. 4040.
Шнейдеръ Н. 4193.
Шнейдеръ Т. 4033.
Шрамченко А. 1748.
Шр—ко А. 526, 1382, 2861.
Ш—ровъ Н. 2862, 4611.
Штепенко В. 1892.
Шугуровъ Н. В. 1383, 1384, 1385, 1749, 1893, 2104, 2863, 2864, 2865, 3103, 3237, 3499, 3629, 4086, 4216, 4544.
Шульгинъ Я. 1386, 1387, 1388.
Ш. Я. 2578.
Ш—ъ Н. 3366.

Щ.

Щепотьевъ Вл. 2579.
Щербина 1389, 3780, 4149, 4260, 4407, 4478, 3489.
Щербина В. 36, 223, 528, 1389, 1390, 1391, 1392, 1393, 1394, 1395, 1396, 1397, 1398, 1399, 1584, 2580, 2867, 2868, 3143, 3144, 3351, 3731, 3732, 3763, 4161, 4163, 4186, 4187, 4200, 4280, 4344, 4435, 5011, 5012, 4505.
Щербина Ф. 1400, 1401, 1402, 2581, 2869.

Щоголевъ 1585.

Э.

Зварицкій Д. 224, 225, 226, 227, 1403, 1404, 1405, 1406, 2870, 2871.
Эйнгорнъ Виталій 529, 1407.
Э—ъ 3928.

Ю.

Ю. Г. 3104.
Юнге Екатер. 3105.
Ю. Т. 1586, 1895.

Я.

Яблоновскій Вл. 2582, 2583, 2584.
Я. В. 1897, 2585.
Яворницкій Д. 1587.
Яворскій Ю. 2586.
Я. Г. 2872, 4648.
Яковлевъ А. 1411, 1412, 1413.
Яновская Л. 1588, 1589, 1590, 1591, 1592, 1593, 1594.
Як—скій Ив. 531.
Янчукъ Н. 1896, 3188.
Яремичъ Ст. 532, 1414.
Ярославскій В. 3145.
Яроцкій П. 1415.
Яроцкій Я. 228.
Ярошевичъ А. 1416.
Ярцевъ А. 2107.
Ястребовъ В. 1417, 1418, 141[illegible] 1420, 1421, 2587, 2588, 2589, 259[illegible] 2591, 2592, 2593, 2594, 2595, 259[illegible] 2597, 2598, 2599, 2600, 2601, 260[illegible] 3014, 3251, 3931, 3932, 4037, 412[illegible] 4138, 4139, 4221, 4301 4442, 444[illegible] 4524, 5013, 5014, 3456, 3474, 367[illegible] 4123, 4627, 4644, 4650.
Я—чъ 4560.
Я. Ш. 1422, 3339, 3893, 4304, 457[illegible] 4639, 4640, 4641.
Ящуржинскій Хр. 1750, 1898, 260[illegible] 2604, 2605, 2606, 2607, 2608, 260[illegible] 2610, 2611, 2612, 2613, 2614, 261[illegible] 2616, 2617, 2618, 4262.
Ящуржинскій Ц. 1423.

Ѳ.

Ѳ. В. 1424, 4327, 3424, 3599.
Ѳедотовъ Чеховскій А. А. 142[illegible] 1426, 1427, 2619.
Ѳ—лъ Іер. 3106.
Ѳ. М. 3243, 4040, 4426.
Ѳ. Н. 1428, 1429, 2873, 3831, 388[illegible] 3922, 4046, 4152, 4394, 4513, 4568.
Ѳ. П. 2620.
Ѳ. Ѳ. 1430, 1431.
Ѵ. 3745, 3975.

Поправка: на стр. 114, № 3010 (письмо сотника Холодовича)— 1889, 5, 46—47.

Українці у приймах в чужій часописі.

(Згадка з минулого).

Це було на початку 1870-х років, коли в київській щоденній пресі самовладно панував відомий Віталій Шульгин з своїм „Кіевляниномъ“ і, як хотів, так і керував громадською думкою, бо не мав собі конкурента на цім полі. Правда, істнувала тоді в Київі ще з 1859 року й друга часопис,—„Кіевскій Телеграфъ“, що виходив тільки двічі на тиждень; але це була така убога газетина, що з її гадками ніхто не рахувався, та й виходила вона якось випадково: часом вийде, а більш спочиває. Коли хто нею й цікавився, то частіш усього з боку її коректурних промахів, бо вони були занадто курйозні. Ходили анекдоти про такі спростування редакції: надруковано—„всѣ кіевляне неисправимые онанисты“, а треба читати—„неисправимые оптимисты“, і т. и. А проте, в ті часи серед київського інтелігентного громадянства були вже чималі гурти, які одверто гидували „Кіевляниномъ“ і охочі були-б боротись в пресі з його лихими впливами, та не було відповідного органу, а закласти новий нічого було тоді й думати, бо за „единовластіе“ Шульгина в київській пресі горою стояв увесь тодішній керуючий Олимп. Більш за все ця монополія дошкуляла українцям, бо „Кіявлянинъ“ вів проти них запеклу боротьбу, окидаючи їх, трохи не щоденно, огидними наклепами та брехнею, а вони тільки коли-не-коли могли відповідати йому в столичній пресі, як от в „СПБ. Вѣдомостяхъ“, поки вони були під зарядом Корша, та в „Вѣстн. Европы“; отже почувалась пекуча потреба мати місцевий орган, коли не свій власний, то хоч-би й чужий, але не ворожий, в якому українці могли-б захищати свої інтереси, і який взагалі міг-би стати виразником ідей поступового напрямку і давати опір людожерній пропаганді „Кіевлянина“. А інтелігентних сил за-для праці й керування в такім органі було задосить. Український рух серед місцевої інтелігенції досяг тоді значних розмірів; він уже цілком вийшов по-за межі попередньої конспірації і одверто ступив на шлях утворення сталої національно-політичної партії з грунтовно обробленою програмою бездоганно поступового напрямку. На чолі старого вогнища українства, „Громади“, стояли такі видатні наукові сили, як професори Антонович, Драгоманів, М. Зібер,

Мищенко, Кістяковський, П. Житецький, Русов, Хв. Вовк; в „Громаді“ велись, при участя гуртків молодих співробітників, інтенсивні праці по складанню українського словника, збірці історичних пісень, які й були видані в 1874 р. під редакцією Антоновича й Драгоманова, по складанню популярних книжок для народньої просвіти і т. п. Як раз тоді повернувся до Київа з заслання відомий діяч П. Чубинський, щасливо завершивши свою славнозвістну етнографичну експедицію по цілій Україні, і зараз-же заходився за утворення тут Географичного Товариства, яке в 1873 р. й було утворене і зразу-ж привабило до себе сотні щирих співробітників. В серпні того-ж 1874 року, коли в Київі відбувся вперше Археологичний З'їзд, українці дружно виступили на ньому з цілою низкою поважних наукових докладів про справи українознавства і звернули велику увагу ученого світу.

Може, завдяки таким енергійним заходам, в ті часи українство помітно почало вабити до себе поступових освітних людей і не з українських кругів, які охоче допомагали йому і в Географичному Товаристві, і в инших справах та підприємствах культурно-громадського характеру. Власне за домогою таких дружніх елементів українцям (під фірмою Географ. Т-ва) пощастило блискуче виконати таку складну й велику справу, як одноденний перепис (1874 р.) населення Київа по широкій програмі. До цього ще треба згадати блискучу постанову в оперному театрі першої української опери „Різдвяна Ніч“ М. В. Лисенка, яка власними українськими силами відбулася на початку того-ж 1874 року і наробила великого шуму серед ворогів і прихильників українства. Це все робило чималу рекламу українству і викликало до його велику зацікавленість і співчуття серед місцевого громадянства, не кажучи вже про університетську молодь, серед якої істнувало тоді вже немало гуртків, що працювали над ріжними науковими та просвітними завданнями на користь українській справі.

Того-ж таки року несподівано з'явилась можливість виступити українцям і на публіцістичнім полі. Жінка професора Авд. Ів. Гогоцька придбала власну друкарню і купила ту саму часопис „Кіевск. Телеграфъ“, власник якої не знав, як її позбутись. Це була одна з тодішніх дам-патронес, що піклувалась благодійними завданнями, утворювала школи, приюти і вважалась за особу ліберального напряму. Не знати, якими власне побудженнями керувалась вона, беручись до видання часописи, чи цілком ідейними, чи, може, переважно меркантильними, а тільки до участи в редакції вона запросила й українців обіч з деякими росіянами, як от проф. Ол. Класовський, К. Овсяний, Ол. Ушинський і инші, але це були не чужі люде для українців, а навпаки добрі приятелі; а що до перших, то вони трохи не цілою громадою увійшли в редакцію: Антонович, Драгоманів, Зібер, Цвітковський, П. Житецький, П. Чубинський, Русов, В. Беренштам, Хв. Вовк, Я. Шульгин і чимало молодих співробітників. Друкарня й редакція містились в однім домі на Фундуклієвській вулиці, і цей будинок став ніби українським клубом: коли, бувало, туди

не зайдеш, то знайдеш там гурт земляків. Праця поновленого видавництва почалась влітку 1874 року і зразу-ж повелась так жваво та енергійно, що годі було й пізнати старого „К. Телеграфа". Варто було-б тепер переглянути старі числа цієї часописи за той недовгий час, коли нею керували українці. Там знайдеться чимало цінних та палких статей, писаних Драгомановим, Зібером, Цвітковським і иншими. За попередні часи „Кіевлянинъ" у Київі, а „Голосъ" в Петербурзі, в спільці з польськими газетами, накупчили стільки брехливих пліток про український рух, що треба було негайно братись за тяжку працю, щоб хоч трохи почистить цю Авгієву стайню. Як відомо, деякі польські публіцісти вже здавна нацьковували владу на українців-хлопоманів, які ніби-то готують на Україні нову коліївщину. Російські обскуранти твердили, що українці загрожують цілості Російської держави. „Кіевлянинъ" теж тремтів за цю саму цілість, бо недурно-ж він одержував казенну субсидію, і аж розпинався доказуючи, що Київ є гніздо „крайняго провинціальнаго патріотизма", і не стій він тут на сторожі, від „единої неділимої" не було-б уже й памяти. Кожне найневинніше культурне вчинання з боку українців він злістно перетолковував як замах на цілість держави, і гвалтував: caveant consules! Коли Київське Географичне Т-во ще тільки готувалось до проведення одноденного перепису населення м. Київа, „Кіевлянинъ" уже заздалегідь лякав киян, що ось, мовляв, „одно полуученое Общество рѣшило разослать по городу ночью юношей для открытія всѣхъ тайнъ"; а коли цей перепис блискуче був завершений, і Т-во навіть одержало за це подяку з боку адміністрації, та-ж часопис товкла таки своє, ніби-то члени Т-ва під час перепису „навязывали жителямъ малорусскій языкъ (не нарѣчіе)". З приводу Київського Археол. З'їзду і наукових докладів і дискусій на ньому, „Кіевлянинъ" брехав на місці, а „Голосъ" підбріхував йому в столиці, либонь „мѣстные изслѣдователи и любители малорусской поэзіи на смерть отбивались отъ насильственно объединительныхъ объятій великорусской туранской литературы". З приводу видання деяких популярно-наукових книжечок для народу на українській мові, „Кіевлянинъ" репетував, що ось, мовляв, українці хочуть цілком витіснити з шкіл російську літературну мову і тим відрізнити іранців і українців від туранців-великоросів. І таке оббріхування українців зустрівало їх майже на кожному кроці. Треба було негайно ці всі брехні розплутувати, відкидати, спростовувати, користуючись хоч не своєю, а позиченою часописю, і українці похапцем, але щиро, з захопленням повели цю прикру роботу [1]), сподіваючись значно поширити її з нового року, коли часопис мала виходити не двічі, а тричі на тиждень.

В відозві до громадянства в цей час видавниця хвалилась, що з нового 1875 року „газета будетъ совершенно преобразована и удовле-

[1]) Найголовніші статті такого полемичного змісту, які друкувались в „К. Телеграфі" 1874 р., наприкінці того-ж року вийшли й окремою книжечкою під назвою: „Выдумки „Кіевлянина" и польскихъ газетъ о малорусскомъ патріотизмѣ". Київ, 1874 р., 90 стор.

творить давно сознаваемой потребности существованія въ Кіевѣ частнаго литературно-политическаго органа, который, вполнѣ отражая текущую жизнь, относился бы къ ней съ возможной свободой критики". Відозва мала підписи Гогоцької і „постояннаго сотрудника" К. И. Кибальчича (мабуть, замісць редактора). Крім відомих уже нам співробітників, тут ще були зазначені професори С. С. Гогоцький, В. Г. Демченко, І. В. Лучицький і А. В. Романович-Славатинський.

З поновленими силами пустилась наша часопис в дальший плав, та й почала несподівано напорюватись на такі „камни преткновенія", яких до того часу не траплялось чомусь на її тихому чистоводі. Зараз-же, в половині січня, місцевий цензор Пузиревський одержав від начальника Головного управління по справах друку Григорьева конфиденціяльний наказ: „Вслѣдствіе дошедшихъ до Гл. Упр. нѣкоторыхъ свѣдѣній о газетѣ „К. Телеграфъ", предлагается вамъ при цензированіи означенной газеты относиться къ ней съ особой осмотрительностью и, между прочимъ, не допускать въ ней никакихъ статей, проводящихъ украинофильскія тенденціи". Значить, місцеві сикофанти уже встигли підбурити цензуру, і вона почала гадюкою сичати на часопис. Через місяць новий наказ цензора: „Прошу редакцію „К. Телеграфа" не помѣщать никакихъ разсужденій и изслѣдованій по рабочему вопросу". Тикнулась якось редакція міських справ, аж тут скарга з боку київського міського голови, що „К. Телеграфъ", без дозволу губернатора, подає відомости про засідання думи і, приводячи дискусії гласних, „тенденціозно подчеркиваетъ ихъ выраженія". Наслідок—наказ цензору: „требовать впредь предварительное разрѣшеніе губернатора на печатаніе статей о городскихъ и земскихъ собраніяхъ". З досади редакція хотіла трохи покепкувати над безмірною образливістю думських гласних і помістила жартовливий фельєтон „Незабудки", а цензору досталось на оріхи за його допущення. І так, куди не повернеться редакція, то все тільки й чує бувало: „а засы"

Це, звичайно, вязало їй руки і лякало видавництво. Помітно було, що над часописю нависають чорні хмари, і їй недовго животіти. „Кіевлянинъ" дихав важким духом на конкурента і обкидав його усякими наклепами, а то таки й доносами. Цензура все гірш чіплялась. А головна небезпека лежала в тому, що часопис мала лихого ворога в самій родині її видавниці. Старий Гогоцький, хоч сам був українського походження, з роду попович-подолянин, але не терпів українського „сепаратизма" і ще раніш, у „Вѣстникѣ" Говорського та в ріжних „Епарх. Вѣдомостяхъ" нераз виступав, як запеклий ворог українства. Як він міг допустити, що власна його жінка увійшла в спілку з українцями, невідомо; певно, вона не потрібувала його згоди на те, або-ж поманила його великими прибутками з часописі, бо старець-філософ був великий „сребролюбець", то й мовчав до якогось часу; а як помітив, що Шульгин поїдом їсть „К. Телеграфъ", та й начальство косо на нього поглядає, а Юзефович і К° готує вже бичі й скорпіони на українців, то й перелякався. Ходила чутка, либонь він сам вчащав до Юзефовича і без сорому скар-

жився на жінку, що вона, мовляв, звязалась з неблагонадійними людьми і, чого доброго, доведе своє комерційне підприємство до краху, а себе до великих збитків. Звичайно, наслідком усього того була якась опресія на видавницю, і налякана пані Гогоцька почала одверто порушувати попередні умови з редакцією, самовільно втручалась в редакційні справи, затримувала платню співробітникам, нарешті прислала до Цвітковського, як фактичного редактора, листа з рішучою пропозіцією: „или отрѣшиться отъ крайняго направленія, или съ 1-го августа редакція фактически перейдетъ въ другія руки". Звичайно, редакція не чекала, поки її виженуть, і в повному складі мусіла покинути часопис. Разом з українцями вийшли й деякі росіяне. Це сталося на прикінці липня 1875 року. Розігнавши таким чином людей, які за недовгий час підняли часопис на недосяжну височінь, пані Гогоцька гадала, що скликавши до редакції нових співробітників, між якими був і відомий Рева, що потім працював у „Кіевлянинѣ", вона може з ними й далі провадити видання, але така надія її омилила: часопис швидко дійшла до останнього занепаду, і її прийшлось зачинити.

Звичайно, таке нечемне поводження Гогоцької дуже обурило де-кого з українців, але більшість їх поставилась до цього пасажу цілком байдуже, або навіть жартовливо: нічого иншого, мовляв, і не можна було сподіватись від жінки Гогоцького. Такий настрій яскраво відбився в цікавому літературному творі, який склав з цього приводу один з бувших співробітників в стародавній формі „протестації" (скарги) актовою мовою і стилем XVII ст. Гадаю, що цей оригінальний твір вартий того, щоб зберегти його від забуття, і тому списую його тут достотно з авторського рукопису.

„Протестація розныхъ особъ противко пани Гогоцкои".

„Року 1875, м-ца июля 30. На вряде кгродскомъ, въ месте Е. Ц. М. Киевскомъ, пришодчи перед мене урожоные: Володимеръ Антоновичъ, Михайло Драгомановъ, Миколай Зиберъ, Олександеръ Класовский, Костентинъ Овсяный, Олександеръ Ушинскій, Юрій Цвѣтковскій, Павелъ Чубинский, Яковъ Шульгинъ, славетные: Федоръ Волкъ, Павло Житецкий, неробочий Иванъ Новицкий и неверный Волько Беренштамъ, обтежливе и праве зъ плачемъ оповедали, жаловали и протестовали напротивко вельможнои пани Овдоти Гогоцкои о то: ижъ оная пани Гогоцкая, маючи въ месте Новомъ Киевскомъ закладъ власний друкарский и провадячи книжками, а рачей паперами непотребными, гандель зъ розными купцами, яко хрестиянами, такъ тежъ и зъ жидами места Киевского, а умысливши для болшого зыску и лупезтва людей, того фалшу и шалберства несведомыхъ, уфундовати новый гандель безперестанный так, абы тые ее выробы друкарские що-тыйдень по три разы зъявлялися, абы тымъ лацней, а наветъ наперед гроши на увесь рокъ платячи, куповано,—подступнымъ а вельможности ее вцале непризвоитымъ способомъ насъ усехъ до тое непочтивое роботы намовила и привела; а кгды мы, презъ ее милость

будучи уведеные, до тое прикрое, мозольное а намъ незвычайное роботы удалися, а яко люди ку шалберству не звыклые, ведлугъ права бозского и людского и сумленя власного хотѣли ся есмо справовати, мнемаючи той гандель ее милости речю непочтивою быти, теды ее милость почала на насъ саркати, вобецъ многихъ розного стану особъ обелживыми словы чти нашей уймуючи, зневажати, а найбарзей неоддаванемъ плату умовленого намъ належного утемежати. Мы зась, яко люди съ працы рукъ своихъ жиючие, такъ того неизного темеженя, яко и на честь нашу наступованя не зносячи, а що найболшую доткливость чинило, незбожное лунезство многихъ людей невинныхъ и несведомыхъ обачивши, почали есмо ее милость просити, абы насъ одъ умовы и роботы своее уволнила, либо теж пременити ее на почтивую рачила; и ее милость, якобы намъ фольгуючи и на нашу прозьбу склоняючись, то намъ обецовала, ижъ фалшовъ а ни подступовъ ниякихъ чинити не будетъ. Мы зась, маючи взглядъ на мнеманые трудности, которые ее милость у своемъ гандлю менила быти, и на ее особу и станъ поважный, на то есмо згодили. Ведже дня близко прошлого, мѣсяца июля 26-го, ее милость листъ ущипливый и почтивости нашой уближаючий до насъ написавши, усехъ насъ, ничого того на себе не сподиваючихъ, якобы лотровъ якихъ и злочинцовъ, ничимъ впродъ не поведомивши, выгнати одъ себе грозила, яко жъ и въ самой речи кгвалтовне вытиснула и выгнала, чимъ насъ немилостиве и незбожне укривдила, а звлаща до шкодъ великихъ привела, которые мы собѣ у тысячу копъ грошей шацуемо. О што все тые вышменованые особы просили до книгъ записати. И есть записано".

Може, не всі наші читачі, але принаймні ті, що працювали над стародавніми актами, повинні признати надзвичайну артистичність цього жартовливого твору. Тут усе—форма, мова, стиль, кожний вираз—цілком утворено так, як зміг би скласти вправний канцелярист якого-небудь городского чи земського уряду XVII ст. Памятаю, що небіжчик В. Б. Антонович не міг доволі намилуватись, читаючи зо мною цей талановитий жарт.

До речі буде згадати тут і про його автора. Це був Ів. Петрович Новицький, більш відомий між українцями під жартливим прізвищем Жовтого Іра, безмірно талановита, але й безмірно безталанна людина. З його міг-би вийти видатний історик, яким він почасти й виявив себе в деяких працях, що друкувались в виданнях Київськ. Археографичної Комісії та в „К. Старині", видатний етнограф, статистик, публіціст, але це не збулось тільки, мабуть, через те, що він, на лихо собі і людям, слабував на звичайну російську хоробу, яка згубила так багато талановитих людей,—гірко запивав. Через те й займав він незначну посаду в Центральному Архиві, де в той час служило ще кілька таких-же, як і він, пияк, які поміж актовими книгами переховували пляшки з горілкою, і завідуючий Архивом Царевський, коли приходив його замикати, ніяк

не міг собі зрозуміти, через віщо це траплялось так, що його співробітники, начитавшись стародавніх актів, покотом лежали на столах і хропли на всі заставки. Стрівожений, він їх будив, а вони лаялись і нахвалялись викинути його через вікно. Багато й инших забавних анекдотів ходило тоді про їх витівки. В той час, коли Новицький склав „Протестацію", він уже в Архиві втеряв посаду і цілком справедливо найменував там себе „неробочим", бо живився тільки випадковим заробітком. То правда, що він був дуже дотепний робітник, тільки не надежний, і щоб скористувати як слід його дотепність, треба було вживати хіба таких засобів, яких приходилось, либонь, вживати П. Чубинському: замовивши Новицького на працю по обробленню етнографичних чи статистичних матеріялів, він завозив його до свого хутора, спочатку добре напував, потім замикав у робочій кімнаті, навіть чоботи з його скидав, щоб не втік, і не давав горілки, поки не скінчить завданої роботи. Завжди терплячи гірку нужденність (бо що заробить, те зараз і проп'є), наш бідолаха не перебірав заробітком і, наприклад, спокійно працював для „Кіевлянина", хоч і лаяв його за українофобство.

Взагалі, згадуючи про Новицького, приходиться жалкувати, що так без пуття загинула талановита українська людина.

Ор. Левицький.

ДНЕВНИКЪ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ХОРУЖАГО

НИКОЛАЯ ХАНЕНКА

1727—1753 Г.

Приложеніе къ журналу «Кіевская Старина.»

1884.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. **Корчакъ-Новицкаго**, Михайловская улица, с. домъ.

ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА.

(1727—1753 г.).

Дневникъ генеральнаго хоружаго Николая Ханенка, вмѣстѣ съ дневникомъ Якова Марковича, представляютъ собою два важнѣйшіе памятника для изученія исторіи Малороссіи средины XVIII в., когда политическая жизнь этой страны начала терять свои самобытныя формы и стала сливаться съ общерусскою жизнью. О существованіи дневника Н. Ханенка спеціалисты знаютъ уже лѣтъ тридцать, но интересъ нашъ къ историческимъ памятникамъ настолько не великъ, что объ изданіи его заботился одинъ только приснопамятный для малороссійской исторіографіи О. М. Бодянскій. Однакожъ и Бодянскому удалось напечатать лишь часть этого дневника, касающуюся первой половины 1722 г. и составляющую отдѣльное цѣлое [1]). Затѣмъ думалъ, говорятъ, о напечатаніи дневника Ханенка издатель „Русскаго Архива", но и эти думы не сбылись. Наконецъ изданію этого памятника суждено осуществиться на страницахъ «Кіевской Старины», чѣмъ исполняется давнишнее желаніе всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ возможность познакомиться съ нимъ въ рукописи.

Авторъ „Дневника"—генеральный хоружій Николай Ханенко принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени. Мы не будемъ говорить о происхожденіи Ханенковъ послѣ тѣхъ свѣдѣній по этому предмету, которыя собраны Бодянскимъ и помѣщены въ его

---

[1]) «Діаріушъ или журналъ случающихся при дворѣ п. Іоанна Скоропадскаго гетмана оказій и церемоній, такожъ и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ, начеснійся 1722 году и окончепный въ томъ-же году, въ мѣсяцѣ іюлѣ».— Чтенія въ моск. общ. ист. и др., 1858 г., кн. 1.

предисловіи къ „Діаріушу“; изъ этихъ свѣдѣній, основанныхъ преимущественно на семейныхъ преданіяхъ, видимъ, что отецъ Николая Ханенка—Данило Лаврентьевичъ былъ родной племянникъ извѣстнаго правобережнаго гетмана Михайла Ханенка. Послѣдній, отказавшись отъ гетманства въ 1674 г., сначала жилъ въ Кіевѣ, а потомъ перешолъ на лѣвый берегъ Днѣпра и оселился здѣсь, какъ кажется, въ Лубенскомъ полку въ г. Лохвицѣ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Яковомъ [2]). Вмѣстѣ съ нимъ конечно перешли на лѣвый берегъ Днѣпра и братья его—Сергѣй и Лаврентій. Старшій сынъ послѣдняго—Данило былъ женатъ, по семейному преданію, на дочери Ивана Ломиковскаго, бывшаго генеральнымъ писаремъ у Михайла Ханенка, когда тотъ былъ поставленъ отъ поляковъ гетманомъ. Затѣмъ когда Ханенки перешли на лѣвый берегъ Днѣпра, съ ними перешолъ вмѣстѣ и Ломиковскій; здѣсь онъ поступилъ сначала въ „дворяне“ къ гетману Самойловичу, а при преемникѣ его вступилъ въ кругъ генеральной старшины и пользовался особымъ довѣріемъ Мазепы, особенно когда съ 1700 г. сталъ генеральнымъ обознымъ. Свойство Данила Ханенка съ такимъ человѣкомъ должно было выдвинуть его изъ ряда „значковыхъ товарищей“, въ число которыхъ необходимо входилъ Данило Ханенко уже за одно свое родство съ какимъ ни на есть, но все гетманомъ—Михайломъ Ханенкомъ. Отъ этого брака и родился въ 1691 г. авторъ дневника [3]). По семейному преданію, отецъ Николая Ханенка убитъ былъ при взятіи Кизикерменя (1697 г.), а мать его умерла по тому же

---

[2]) Акты юго-западной Россіи, XII, 409. Въ библіотекѣ церковно археологическаго музея при кіевской духовной академіи, въ числѣ документовъ кириловскаго монастыря, имѣется дарственная запись 1676 г., по которой Михайло Ханенко, живя въ Лохвицѣ, подарилъ кириловскому монастырю «грунтъ свой въ Киевѣ при монастиру брацкомъ лежачій, купленный у п. Криштофа Искрицкаго». Запись подписана Михайломъ Ханенкомъ совмѣстно съ сыномъ его Яковомъ такъ: «сію карту, при печати моей, рукою моею я и сынъ мой подписуемъ». Означенный актъ, дающій единственное до сихъ поръ свѣдѣніе о жизни Михайла Ханенка на лѣвомъ берегу Днѣпра, указанъ въ Описаніи рукоп. музея, Н. Петрова, стр. 185. Съ этого акта и взято факсимиле Михайла Ханенка, приложенное къ изданію Вл. А. Беца: Историческіе Дѣятели юго-западной Россіи.

[3]) На одной изъ иконъ, находящихся въ церкви с. Городища, стародубскаго уѣзда, имѣется такая надпись: Nicolaus Chanenco signifer generalis parvae

преданію, еще раньше; такъ что Н. Ханенко остался сиротою въ младенчествѣ и взятъ былъ на воспитаніе въ семью дѣда Ломиковскаго [4]). Если преданіе не ошибается, то отсюда Николай Ханенко поступилъ въ кіевскую академію, гдѣ учился вмѣстѣ съ Яковомъ Марковичемъ [5]). Но кіевская академія должно быть не вполнѣ удовлетворила пытливый умъ Николая Ханенка, такъ какъ онъ ученіе свое доканчивалъ въ львовской академіи [6]). Ученіе свое Ханенко окончилъ, должно быть, въ 1710 г., такъ какъ обыкновенно въ этомъ возрастѣ оканчивали курсъ кіевскіе академисты. Въ это время той семьи, изъ которой Ханенко пошолъ въ школу, уже не существовало: дѣдъ его Ломиковскій ушелъ въ 1708 г. за Мазепою и затѣмъ, послѣ полтавскаго сраженія, бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Турцію, гдѣ по смерти Мазепы оселился въ Яссахъ [7]). Изъ дѣтей Ломиковскаго выпутался изъ бѣды одинъ старшій сынъ его—Иванъ,

---

Russiae, natur die 30 novembr. an. 1691, obiit in Deo die 27 m. ianuarii an. 1760. Iuliana de domo Korecka, uxor ejus, nata die 28 iulii an. 1715, obiit in Deo die 29 decembr. an. 1775. Описаніе черниговской епархіи, VII, 56.

[4]) Такъ говоритъ Бодянскій на основаніи семейнаго преданія, въ предисловіи къ Діаріушу (VII), а правнукъ Николая Ханенка, Михайло Ивановичъ Ханенко, напечатавшій часть бумагъ прадѣда въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1852 г., говоритъ (№ 33, стр. 338), что «неизвѣстно, чьей заботливости былъ обязанъ Николай Дмитріевичъ Ханенко своимъ воспитаніемъ». Думаемъ что естественнѣе всего было заботиться о воспитаніи Николая Ханенка его бабкѣ, вдовѣ Лаврентія Ханенка, которая была жива еще въ 1704 г., какъ видно изъ универсала Мазепы этого года: «просила насъ п. Анна Лищанка, Ханенчиха зъ сыномъ своимъ п. Федоромъ Ханенкомъ, на тотъ часъ сотникомъ козелецкимъ, о стверженє въ владѣніе еи селца Соловьевки, недалеко Хвастова будучого, по небожчику Лищцѣ, дядку еи рожопомъ, ей належного». Упоминаемый здѣсь Федоръ Ханенко былъ родной дядя Николая Ханенка, такъ какъ онъ называетъ послѣдняго «роднымъ братаничемъ своимъ" (Діаріушъ, VI).

[5]) Яковъ Марковичъ называлъ Ханенка «кондисципуломъ» (II 364).

[6]) Въ фамильномъ архивѣ Ханенка еще въ 1852 г. хранились аттестаты, выданные Николаю Ханенку, какъ изъ кіевской, такъ изъ львовской академій. Черниговскія Губернскія Вѣдомости, 1852 г., № 33.

[7]) См. духовное завѣщаніе Ивана Ломиковскаго въ Молодинѣ на 1844 г., (Харьковъ. 1843 г.) стр. 71—85. Бодянскій ошибается (Діаріушъ, VII), говоря, что Ломиковскій былъ прощенъ Петромъ В. Былъ прощенъ старшій сынъ его, тоже Иванъ.

благодаря тому, что женатъ былъ на дочери Апостола. Слѣдуетъ думать, что отчасти при помощи родства съ Апостолами, а отчасти по старой пріязни гетмана Скоропадскаго къ Ломиковскому, выдвинулся по службѣ и питомецъ послѣдняго—Ханенко. Скоропадскій и Ломиковскій были земляками—оба выходцы изъ-за Днѣпра и служили вмѣстѣ у Мазепы. Николай Ханенко, по его словамъ, началъ службу съ 1710 г., сначала въ рядахъ войска, а съ 1717 г. поступилъ въ генеральную канцелярію [8]). Здѣсь его способности скоро были замѣчены, такъ какъ Ханенко былъ искуснымъ „редакторомъ", выражаясь по нынѣшнему, а такіе люди въ канцеляріяхъ всегда имѣютъ цѣну. Въ 30 лѣтъ отъ роду (1721 г.) Н. Ханенко становится уже „старшимъ канцеляристомъ", т. е. главнымъ помощникомъ генеральнаго писаря по управленію генеральною канцеляріею. Должность старшаго канцеляриста или „реента" пользовалась большимъ значеніемъ и ее обыкновенно занимали близкіе къ гетману люди. Значеніе Ханенка и близость его къ Скоропадскому видны изъ напечатаннаго Бодянскимъ „Діаріуша", который велъ старшій канцеляристъ съ начала 1722 г. до „окончанія жизни" Скоропадскаго и гдѣ подробно описана послѣдняя поѣздка этого гетмана въ Москву.

По смерти Скоропадскаго, Ханенко съумѣлъ сохранить свое положеніе и скоро сталъ довѣреннымъ человѣкомъ у Полуботка, излагая на бумагѣ всѣ тѣ распоряженія, которыя диктовалъ ему черниговскій полковникъ, пытаясь отстоять „давнины". Насколько Полуботокъ цѣнилъ Ханенка, это видно изъ того, что не кого иного, а Ханенка онъ выбралъ для посылки къ царю „вѣстительныхъ грамотъ" о смерти Скоропадскаго, которыя тотъ и отвезъ Петру В., находившемуся въ это время въ терковскомъ походѣ. Вообще, какъ видно, Ханенко былъ у Полуботка подручнымъ человѣкомъ при исполненіи болѣе важныхъ распоряженій. Служебныя способности Ханенка Полуботокъ рѣшился наградить даже маетностями. Хотя малороссійская коллегія не признавала за Полуботкомъ права распоряжаться послѣдними, какъ распоряжались гетманы, и противъ этого трудно было и

---

[8]) Сказка о службахъ Николая Ханенка, напечатанная въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1852 г. № 33, стр. 340.

спорить; но у Полуботка было два-три человѣка такихъ, службу которыхъ трудно было наградить чѣмъ другимъ, кромѣ маетностей; въ числѣ ихъ былъ и Ханенко. Послѣднему маетности даны были на томъ основаніи, что будто-бы это дѣлалось по приказу умершаго Скоропадскаго. Такъ говоритъ самъ Ханенко, получивъ въ апрѣлѣ 1723 г. отъ Полуботка два погарскія села—Перегонъ и Дешковичи: „мнѣ оныя деревни, Перегонъ съ Дешковичами, опредѣлены съ приказу гетмана Скоропадскаго, въ награжденіе за наслѣдственныя наши (т. е. предковъ Ханенка) по той сторонѣ Днѣпра маетности, отшедшія въ польскую державу, универсаломъ старшины генеральной въ 1723 г., апрѣля 2 числа“ [9]). Разумѣется, при этомъ генеральной старшинѣ, т. е. Полуботку, приходилось вѣрить на слово, что онъ, отдавая Ханенку Перегонъ и Дешковичи, дѣлалъ это во исполненіе посмертной воли Скоропадскаго; но другого предлога для награжденія маетностями Полуботокъ не умѣлъ да и не могъ найти, такъ какъ самъ права на раздачу маетностей не имѣлъ. Расторопностью Ханенка Полуботокъ хотѣлъ воспользоваться и въ самый критическій для него моментъ: получивъ указъ о своемъ, вмѣстѣ съ Савичемъ и Чернышомъ, вызовѣ въ Петербургъ въ концѣ мая (1723 г.), Полуботокъ придумалъ послать депутацію, которая должна была явиться къ царю отъ имени „всего народа“ и отъ имени послѣдняго представить царю челобитную, главнымъ содержаніемъ которой было то ходатайство объ избраніи гетмана, которымъ такъ болѣлъ Полуботокъ. Эта депутація должна была предварить пріѣздъ Полуботка въ Петербургъ и показать царю, что тѣ настойчивыя напоминанія Полуботка объ избраніи новаго гетмана, съ которыми онъ уже нѣсколько разъ, послѣ смерти Скоропадскаго, обращался къ царю и его приближеннымъ, основывались на общемъ желаніи народа. Депутацію эту пришлось снарядить на спѣхъ: получивъ указъ о вызовѣ въ Петербургъ 22 мая, Полуботокъ наскоро снарядилъ депутацію „отъ всего народа“, состоявшую всего изъ пяти человѣкъ, которую и выправилъ въ Петербургъ 24 мая [10]). Въ числѣ депутатовъ находился

[9]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ стародубскаго полка 1729 года, рукопись.

[10]) Подробности см. въ Русскомъ Архивѣ 1880 г., кн. I, 178—181.

и Николай Ханенко, на способности котораго въ умѣніи подойти къ сильнымъ людямъ Полуботокъ главнымъ образомъ и возлагалъ свои надежды.

Никакихъ желательныхъ для Полуботка результатовъ Ханенко, разумѣется, не могъ добиться, а дождавшись Полуботка въ Петербургѣ, сталъ и здѣсь главнымъ его секретаремъ. Когда Петръ В., разгнѣванный поданными отъ Полуботка 13 сентября (1723 г.) челобитными [11]), задумалъ послать въ Малороссію А. И. Румянцева для разслѣдованія, насколько народъ участвовалъ въ этихъ челобитныхъ, Полуботокъ хотѣлъ предупредить оставшуюся въ Глуховѣ старшину о пріѣздѣ Румянцева, для чего поручилъ Ханенку составить подробную „меморію“ — что дѣлать въ виду прибытія Румянцева. Эту меморію долженъ былъ отвезти въ Малороссію бунчуковый товарищъ Быковскій; но не успѣлъ послѣдній выѣхать изъ Петербурга, какъ привезены были изъ Малороссіи, отъ Апостола, новыя челобитныя, слѣдствіемъ которыхъ былъ немедленный арестъ Полуботка и его товарищей; всѣхъ ихъ заключили „въ каменный замокъ петербургскій“. Въ числѣ арестованныхъ былъ и Ханенко. Дѣло Полуботка кончилось вмѣстѣ съ смертью Петра В. Указомъ 8 февраля 1725 г. [12]) арестованные малороссіяне были освобождены изъ подъ ареста, при чемъ большинству изъ нихъ назначено было жить безвыѣздно въ Петербургѣ, а Ханенку кромѣ того указывалось „быть въ гарнизонной школѣ учителемъ дѣтей офицерскихъ и солдатскихъ“. [13]) Это назначеніе Ханенка показываетъ, что и въ Петербургѣ на него смотрѣли какъ на человѣка, выдѣляющагося изъ среды другихъ своимъ образованіемъ.

Бодянскій говоритъ (Діаріушъ, IX), что сохранилось преданіе, что Ханенка „водили даже изъ крѣпости во дворецъ давать кому-то уроки“. Не знаемъ, на сколько это преданіе вѣрно, но несомнѣнно, что Ханенко въ Петербургѣ заслужилъ такое благорасположеніе властей, что его отпустили оттуда уже въ 1726 г. и отпустили съ исключительною милостью. Мы уже говорили, при какихъ условіяхъ Ханенко получилъ

[11]) Т. Ж., 198—199.
[12]) Полное Собр. Зак., VII, № 4651.
[13]) Марк. I. 68.

отъ Полуботка двѣ деревни около Погара: когда Ханенка арестовали въ Петербургѣ, малороссійская коллегія распорядилась эти деревни отобрать изъ владѣнія Ханенка, причемъ они были отданы въ завѣдываніе одного изъ бунчуковыхъ товарищей. Возвратить эти деревни Ханенку было трудно, такъ какъ тотъ актъ, по которому онъ ихъ получилъ, правительство не признавало законнымъ. Тѣмъ не менѣе отпуская Ханенка изъ Петербурга, за нимъ признали право и на возвращеніе въ его владѣніе Перегона и Дешковичей. Въ своемъ „доношеніи, поданномъ въ полковое стародубское правленіе въ 1729 г., при „генеральномъ слѣдствіи о маетностяхъ", Ханенко пишетъ, что, за отъѣздомъ его въ Петербургъ, малороссійская коллегія тѣ деревни отдала во владѣніе Парфена Пекалицкаго, а за „прибытіемъ моимъ" изъ С.-Петербурга въ 1726 года, *за указомъ* до коллегіи малороссійской *сенацкимъ*, паки оніе деревнѣ стали мнѣ прислушать». Кромѣ возвращенія деревень, Ханенку сдѣланы были въ Петербургѣ и другія обѣщанія; это видно изъ того, что поѣхавъ туда въ началѣ 1727 года, онъ подаетъ въ сенатъ „челобитную о чинѣ", при чемъ должно быть разумѣлось стародубское судейство, которое онъ и получилъ въ концѣ того года, поддержанный въ своемъ ходатайствѣ Апостоломъ. Послѣдній настолько цѣнилъ въ Ханенкѣ его секретарскія способности, что считалъ его какъ-бы необходимымъ спутникомъ при своихъ поѣздкахъ въ Москву. Получивъ неожиданно, напр., 2 января 1728 года, указъ иностранной коллегіи о немедленномъ прибытіи въ Москву къ готовившемуся бракосочетанію Петра II, гетманъ въ тотъ же день послалъ „указъ до судіи полкового стародубского Николая Ханенка и бунчукового товарища Петра Корецкого, дабы за полученіемъ онаго денно и нощно зъ Стародуба къ Москвѣ спѣшили, а для пропитанія въ Москвѣ взять Ханенку 60 рублей, да на подъемъ ему-жъ и Корецкому 40 рублей [14]).

Пробывъ десять лѣтъ на урядѣ судейства, Ханенко въ 1738 году получилъ урядъ полковаго обозного, на которомъ оставался тринадцать лѣтъ, пока въ 1741 году не поставленъ былъ генеральнымъ бунчучнымъ. Мы не будемъ говорить о дальнѣйшей службѣ Ханенка, о коей гово-

[14]) Рукописный журналъ генеральной канцеляріи за 1728 г.

рять какъ „Сказка о службахъ" его [15]), такъ и Дневникъ, а обратимся къ частной жизни автора Дневника.

Выпросивъ себѣ первыя маетности въ стародубскомъ полку и получивъ въ этомъ-же полку судейство, Ханенко тамъ-же нашелъ себѣ и жену. Женился онъ на дочери бунчуковаго товарища Петра Корецкаго. Корецкій былъ человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, составившій себѣ положеніе женитьбою на одной изъ дочерей стародубскаго полковника Михаила Миклашевскаго. Всего вѣроятнѣе, что Корецкій былъ выходецъ изъ праваго берега Днѣпра, пришедшій на лѣвый берегъ искать счастья. Здѣсь онъ пріютился въ Стародубѣ около Миклашевскаго, который, какъ и прочая высшая старшина въ Малороссіи, любилъ окружать себя подобными выходцами, которые въ такомъ положеніи назывались „дворянами". Были „дворяне" гетманскіе, были и полковничьи. У Миклашевскаго было нѣсколько дочерей; одна изъ нихъ, Настасья, была замужемъ за бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Гамалѣею, сыномъ и братомъ генеральныхъ урядниковъ [16]). Это былъ одинъ изъ видныхъ богачей стародубскаго полка. Въ 1706 г. Миклашевскій былъ убитъ при осадѣ Несвижа; вмѣстѣ съ нимъ убитъ былъ и зять его Гамалѣя. На вдовѣ послѣдняго женился Петръ Корецкій и этою женитьбою составилъ себѣ положеніе; при Скоропадскомъ онъ сталъ уже бунчуковымъ товарищемъ и получилъ отъ него нѣсколько маетностей. У Корецкаго, кромѣ двухъ сыновей, Федора и Александра, была дочь Ульяна, на которой и женился Ханенко. Этою женитьбою Ханенко породнился со всѣми богачами Стародубщины: Миклашевскіе, Шираи, Скорупы, Галецкіе, Максимовичи - были близкою роднею Ульяны Корецкой. Вмѣстѣ съ женитьбою, Ханенко получилъ отъ Апостола въ 1732 г. новыя маетности (села Чубаровъ и Куровъ) и вмѣстѣ съ послѣдними пріобрѣталъ уже такіе матеріальные достатки, какими обладали и стародубскіе его свойственники. Отъ брака съ Корецкою, Ханенко имѣлъ трехъ сыновей и пять дочерей. Старшій сынъ—Петръ умеръ въ дѣтствѣ, а два другіе, Василій и Иванъ, выросли. Получивъ

---

[15]) «Сказка о службахъ» Николая Ханенка напечатана въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1855 г., № 33.

[16]) См. Русскій Архивъ 1872 г., I, 439.

самъ образованіе довольно солидное для того времени, Ханенко хотѣлъ дать дѣтямъ образованіе еще лучшее; кіевская академія повидимому его уже не удовлетворяла и онъ задумалъ старшаго сына отправить для ученія въ одинъ изъ заграничныхъ университетовъ. Это намѣреніе Ханенка тѣмъ большее останавливаетъ на себѣ вниманіе, что онъ при этомъ думалъ объ университетахъ нѣмецкихъ. Заграничное воспитаніе для малороссіянъ первой половины XVIII в. было не рѣдкость; но оно ограничивалось преимущественно тогдашними польскими школами (Львовъ, Вроцлавъ и друг.), нѣмецкіе-же университеты оставались для малороссіянъ неизвѣстными до половины XVIII в. Въ нѣмецкіе университеты первый направилъ своихъ дѣтей, кажется, Михаилъ Васильевичъ Скоропадскій, зять Апостола. Но Скоропадскій былъ однимъ изъ первыхъ богачей въ Малороссіи, до котораго Ханенку было еще далеко. Поэтому рѣшеніе Ханенка отправить своего сына въ нѣмецкій университетъ показываетъ, какъ высоко этотъ человѣкъ цѣнилъ образованіе. Взглядъ Ханенка на цѣль и значеніе образованія изложенъ имъ въ „увѣщаніи", которое написалъ онъ сыну Василію предъ отправленіемъ его за границу: „обучаться-же тебѣ", писалъ Ханенко сыну, „латинскаго и французскаго языковъ, не забывая и нѣмецкаго, а если допуститъ время, хотя и другихъ какихъ: и такой успѣхъ въ оныхъ стараться получить, чтобъ могъ еси чинно и свободно оными разговаривать и самымъ изряднымъ стилемъ писать, найпаче-же и всякихъ высокихъ авторовъ на тыхъ языкахъ не токмо читать, но и переводить и толковать былъ-бы еси достаточенъ; а сверхъ языковъ долженъ еси обучаться совершенно церковной и свѣтской, генеральной и партикулярной исторіи, тако-жъ ученію поэтики, реторики съ стилемъ, логики, физики и метафизики, хотя по части да отъ математики, ариѳметики, логистики и астрономики, геометріи, тригонометріи и геометріи практики, то есть геодезіи, архитектуры воинской и гражданской, географіи, этики, экономики, политики, юриспруденціи и механики, да и протчаго; въ томъ числѣ хотя-бы какого и художества честнаго, напримѣръ фехтуры, т. е. живописства, музыки, либо какого другаго майстерства, что честному и ученому человѣку къ знанію и искуству благопристойно; чему-же изъ вышенаписанныхъ наукъ, либо художествъ,

обучатися будешь, то старайся, что-бъ въ томъ ученіи и искусствѣ получить тебѣ совершенную теорію и практику: дабы за возвращеніемъ твоимъ въ отечество наше показалъ еси въ самой вещи, яко не всуе въ чужихъ краяхъ было твое обращеніе и въ наукахъ не напрасно потеряно твое время“ [17]).

Слѣдуетъ думать, что „увѣщаніе“ написано было безъ всякой помощи со стороны какого нибудь профессіональнаго педагога, и тогда мы должны признать, что Ханенко, и по окончаніи своего ученія въ школахъ, продолжалъ учиться самъ—чтеніемъ тогдашняго литературнаго обихода и довелъ это ученіе до того, что могъ считаться однимъ изъ образованнѣйшихъ малороссовъ половины XVIII в.. Отправивъ сына за границу, Ханенко велъ съ нимъ непрерывную переписку, которая заслуживаетъ быть изданною, какъ интересный матеріалъ для исторіи мѣстной культуры [18]). Съ младшимъ сыномъ, Иваномъ, Ханенко повидимому не хотѣлъ разставаться и заботился о томъ, нельзя-ли ученіе его устроить дома. Въ концѣ 1756 г. Ханенко пишетъ къ старшему сыну, находившемуся въ это время въ Килѣ: „Не можно-ли тамъ достать какого добраго учителя, чтобъ сюда (въ Глуховъ) къ намъ выѣхалъ и *завелъ гимназію*, который здѣсь, собравши учениковъ, хоча съ 10, можетъ хорошую имѣть пенсію, ибо отъ всякой персоны можетъ получать по 3 рубли въ мѣсяцъ, что чрезъ годъ учинитъ ему доходу триста рублей, а сверхъ того и квартера дастся“. Но это желаніе Ханенка не осуществилось и черезъ два года (въ декабрѣ 1758 г.) младшій сынъ его отправленъ былъ для воспитанія въ Петербургъ, гдѣ, при посредствѣ Разумовскаго, Иванъ Ханенко учился подъ руководствомъ академика Модераха. Разумовскій вообще благоволилъ къ Ханенку, цѣня въ немъ ту опытность въ дѣлахъ, которой именно самъ не имѣлъ. Вслѣдъ за утвержденіемъ своимъ на гетманствѣ, Разумовскій взялъ Ханенка къ себѣ правителемъ учрежденной имъ „походной“ канцеляріи. А по прибытіи въ Малороссію новый гетманъ поставилъ во главѣ генеральной канцеляріи его-же Ханенка вмѣстѣ съ Петромъ Апо-

---

[17]) Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1852 г., № 34.

[18]) Часть писемъ къ Николаю Ханенку изъ заграницы напечатана въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 18[illegible]2 г.

столомъ и Василіемъ Рудовичемъ. Служба Ханенка награждена была универсаломъ 13 января 1752 г., по которому Разумовскій далъ ему села и деревни: Команъ, Лѣсконоги, Юхновъ, Городище, Чаусы, Случевскъ, Дарѣевскъ, Сопычи, Муравьи и Подище [19]).

Но старые дѣльцы не долго пользовались значеніемъ у Разумовскаго; они скоро были оттѣснены молодымъ генеральнымъ обознымъ Семеномъ Кочубеемъ, который вмѣстѣ съ Тепловымъ получили первенствующее значеніе въ управленіи Малороссіею. Къ старымъ дѣльцамъ Разумовскій обращался лишь по временамъ, поручая имъ завѣдываніе дѣлами, когда напр. уѣзжалъ въ Малороссію. Службу Ханенка Разумовскій хотѣлъ наградить, кромѣ маетностей, еще и повышеніемъ въ чинѣ: въ 1759 г. будучи въ Петербургѣ, гетманъ представлялъ о назначеніи Ханенка генеральнымъ писаремъ, причемъ, въ виду его старости, хотѣлъ имѣть двухъ генеральныхъ писарей, указывая другаго писаря въ лицѣ Якова Тарновскаго [20]). Но прежде, чѣмъ гетманское представленіе было разсмотрѣно, Ханенко умеръ. Умеръ онъ въ январѣ 1760 г., въ Глуховѣ, гдѣ оставался при правленіи дѣлъ, вмѣстѣ съ другимъ генеральнымъ старшиною, на время отсутствія Разумовскаго. Оставшіеся сыновья Ханенка, Василій и Иванъ, получили отъ отца настолько значительное наслѣдство, что становились одними изъ первыхъ богачей въ Малороссіи [21]). Въ 1783 г., за младшимъ, Иваномъ Ханенкомъ было записано 1322 крест. обоего пола, въ селахъ и деревняхъ: Городищѣ, Перегонѣ, Дешковичахъ, Чубаровѣ, Куровѣ и Васильевкѣ. У старшаго, Василія Ханенка было конечно не менѣе; имѣнія его въ это время находились въ селахъ: Дарѣевскѣ, Чаусахъ, Случевскѣ, Сопычахъ, Лѣсконогахъ, Лукинѣ, Муравьяхъ, Команѣ, Юхновѣ, Лотакахъ,

---

[19]) Обозрѣніе Румянцевской Описи, стр. 802. Кромѣ этихъ имѣній Николай Ханенко посредствомъ «скупли» пріобрѣлъ село Лотаки съ разными землями, на которыхъ поселилъ три слободы: Николаевку, Кургановку и Конончуковку. Лотаки съ слободами были утверждены за сыновьями Николая Ханенка въ 1761 г.—Тамъ же, стр. 760.

[20]) Діаріушъ, XIII.

[21]) Въ числѣ наслѣдства Николая Ханенка осталась между прочимъ, какъ говоритъ преданіе, и весьма значительная библіотека, которая была подарена, вслѣдъ за смертью ея хозяина, дочерьми послѣдняго (сыновья въ это время были на службѣ) новгородсѣверскому народному училищу, преобразованному затѣмъ въ гимназію.

Николаевкѣ, Кургановкѣ, Рубановкѣ, Рудовкѣ и Подищахъ. При открытіи новгородсѣверскаго намѣстничества, въ 1783 г., Иванъ Николаевичъ былъ избранъ первымъ погарскимъ предводителемъ дворянства. Старшій, Василій Николаевичъ жилъ въ это время, послѣ службы при Петрѣ III, отставнымъ майоромъ и старымъ холостякомъ, въ с. Чаусахъ [22]). Наслѣдство его перешло къ дѣтямъ Ивана Николаевича, у котораго отъ брака съ Софіей Григорьевной Горленко, было нѣсколько сыновей. Старшимъ былъ Александръ, къ которому по наслѣдству перешла между прочимъ и рукопись дневника его дѣда.

Рукопись „Дневника" писана на отдѣльныхъ тетрадкахъ въ 4-ку, мелкимъ, своеобразнымъ почеркомъ Н. Ханенка [23]), которыя въ позднѣйшее уже время переплетены въ одну книгу. Мы не знаемъ, въ какомъ видѣ оставленъ былъ дневникъ его авторомъ и съ какого времени начинался онъ; Водянскій, видѣвшій этотъ дневникъ въ 1858 г., пишетъ (Діаріушъ, VI), что дневникъ начинался съ 9 ноября 1719 г., но въ рукописи, съ которой печатается теперь этотъ памятникъ, онъ начинается съ 3 февраля 1727 г. и затѣмъ имѣетъ въ срединѣ значительные пропуски; такъ въ немъ не достаетъ, напримѣръ, цѣлыхъ семи лѣтъ (1734—1741). Настоящій владѣлецъ рукописи, Ал. Ив. Ханенко сообщаетъ намъ, что въ такомъ видѣ онъ получилъ эту рукопись въ подарокъ отъ дяди своего, тоже Ал. Ив. Ханенка, который, будучи человѣкомъ очень образованнымъ, цѣнилъ и берегъ дневникъ своего дѣда; можно догадываться, говоритъ теперешній владѣлецъ рукописи, что части послѣдней были растеряны еще дочерьми Н. Д. Ханенка, въ рукахъ которыхъ нѣкоторое время оставались всѣ бумаги и книги умершаго ихъ отца, такъ какъ сыновья послѣдняго, во время его смерти, находились на службѣ.

Дневникъ Н. Ханенка, какъ мы уже говорили, извѣстенъ между спеціалистами издавна; для нѣкоторыхъ работъ онъ уже служилъ и

---

[22]) Портреты обоихъ братьевъ хранятся у Ал. Ив. Ханенка. Портретъ отца ихъ, Николая Ханенка, не сохранился, а быть—онъ конечно былъ, потому что таковъ ужъ былъ обычай у малороссійскихъ пановъ, чтобы портреты хозяина и хозяйки зажиточнаго дома, писаные масляными красками, висѣли въ пріемныхъ комнатахъ.

[23]) Нѣсколько страницъ впрочемъ имѣется въ дневникѣ, писанныхъ постороннею рукою, должно быть подъ диктовку Н. Ханенка.

источникомъ [24]). Незначительная его часть была напечатана архіепископомъ Филаретомъ (Гумилевскимъ) въ Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ за 1865 г. (1732 и 1733 годы), причемъ ученый издатель снабдилъ напечатанный отрывокъ подробными примѣчаніями, въ которыхъ привелъ выдержки и изъ другихъ частей дневника.

Въ настоящее время печатается дневникъ Ханенка вполнѣ, насколько онъ сохранился, по подлинной рукописи, принадлежащей цѣнителю и знатоку мѣстной старины Ал. Ив. Ханенку, правнуку автора дневника. Нами удержано правописаніе подлинника, за исключеніемъ тѣхъ измѣненій, которыя мы признали нужнымъ сдѣлать для удобства при чтеніи, такъ напримѣръ нами прибавлена вездѣ въ предлогахъ буква ъ, находящаяся въ подлинникѣ, притомъ не вездѣ, въ видѣ надстрочнаго знака.

Въ приложеніи къ дневнику мы печатаемъ, для большаго знакомства съ личностью его автора, духовное завѣщаніе Н. Ханенка и нѣсколько его писемъ. Самый-же дневникъ снабженъ нами примѣчаніями, которыя восполняютъ отрывочный его характеръ.

Ал. Лазаревскій.

27 декабря 1883 г.
Кіевъ.

---

[24]) Болѣе другихъ пользовался дневникомъ Ханенка авторъ «Семейства Разумовскихъ».

1727 годъ.

Февраль.

3. Віехалъ зъ Глухова до Санктпітербурха.

5. Прибылъ въ Стародубъ.

14. Віехалъ зъ Почепа.

22. Прибылъ въ Москву.

26. Віехалъ зъ Москвы.

Мартъ.

6. Прибылъ въ Санктпітербурхъ.

8. Стали на квартерѣ въ домѣ стольника Глѣбова, на Васильевскомъ острову, въ пятой лѣніи. Сего-жъ числа подалъ доношеніе изъ малороссійской коллегіи и изъ генеральной канцеляріи въ сенатъ.

15. Подана челобитная въ сенатъ о чину и того-жъ числа резолюція учинена.

20. По той резолюціи о чину подписанъ въ сенатѣ протоколъ.

29. Далъ за печатку отъ рѣзби 4 р.

Апрѣль.

18. Указъ сенатскій отправилъ до Глухова въ малороссійскую коллегію о чину.

24. Генералъ-адютантъ, генералъ полиціймейстеръ и сенаторъ Антонъ Мануиловичъ графъ Девіеръ арестованъ.

26. Указъ присланъ зъ верховного тайного совѣта въ сенатъ о висилки за рубежъ всѣхъ жидовъ.

Май.

6. Въ 9 часу пополудни государыня імператрица Екатерина Алексіевна преставилась въ Санктпитербурхѣ, въ зимнемъ дворцѣ.

7. Скоро свѣтъ, публиковано манифесты о вступленіи на престолъ императора Петра II. и начали чинить присяги, а въ 8 часу пополуночи дано на salve новому імператору зъ 105 пушекъ; потомъ стрѣляно помѣнутно жалобно.

12. Свѣтлѣйшій князь пожалованъ генералиссімусомъ.

14. Публикація по всѣмъ Пітербурхѣ чрезъ лѣтавщиковъ и трубачей о имѣючомъ быть погребеніи ея імператорскаго величества 16 числа.

16. Погребеніе ея величества отправлено въ крѣпости въ церквѣ Петра и Павла зъ всякими достойными жалобнаго видѣнія церемоніями. Сего-жъ числа его імператорское величество Петръ II изволилъ переехать жить на Васильевской островъ въ домъ свѣтлѣйшого князя.

18. Отправленъ сержантъ сенатскій Андріанъ Мироновичъ Ігнатіевъ въ Глуховъ зъ грамотою и указомъ о имѣючомъ быть гетманѣ и о протчемъ.

Іюнь.

29. Імператорское величество изволилъ быть въ литургіи и на молебствіи ради своего тезоименитства въ церквѣ Ісакія Долмацкого, а по обѣдѣ спущенъ корабль и дано ему імя Петръ I и II, то есть первый и вторый.

Іюль.

29. Тайный совѣтникъ и міністръ Федоръ Василіевичъ Наумовъ отъехалъ зъ С. П. Бурха до Глухова для избранія гетмана, а при немъ поехали и канцеляристъ Іванъ Романовичъ и сотникъ Іваницкій Павелъ Міницкій.

30. Зъ сего числа противъ 31-го въ ночи погорѣли інбари и нѣкоторые судна купеческіе на Виборской сторонѣ, где бывалъ складъ изъ кораблей купеческимъ товарамъ.

Августъ.

1. Михайло Івановичъ Новоторжцовъ віехалъ за міністромъ Наумовымъ къ Глухову. Мнѣ зубъ болячій виривалъ штапъ-лікаръ Петръ Івановичъ.

5. Государственного канцлера графа Гаврила Івановича Головкина сожительница, графиня Домна Андріевна преставилась.

19. Отехалъ въ Пітеръ-гофъ на дамъ-шкотѣ суднѣ.

20. Оттолъ прибылъ до Аранибома въ вечеру.

22. Освѣщеніе церкви было въ Аранибомѣ, а потомъ свѣтлѣйшій князь съ своею фамиліею и съ многими господами, въ томъ числѣ былъ и Феофанъ, архіерей новогородскій, при пушечной стрѣлбѣ гуляли.

23. Ездилъ іа зъ Аранибома въ Кронштатъ и пани туда возвратился.

24. Зъ Аранибома прибылъ на ночь въ фаворитъ.

26. Прибылъ въ Санктъ-пітербурхъ.

Септеврій.

5. Свѣтлѣйшій князь пріехалъ зъ Аранибома совсѣмъ въ Пітербурхъ.

6. Верховнаго тайного совѣту дѣла и все, что было государево въ дворцѣ свѣтлѣйшого князя, вивезено въ лѣтній государевъ дворецъ.

7. Отданъ именный приказъ государевъ въ полки гвардіи, чтобъ никого, кромѣ маіоровъ Іосунова и Солтикова, не слушано. Сего-жъ числа ввечеру и імператоръ прибылъ въ лѣтній дворецъ.

8. Публикованы указы печатные, чтобъ князя Меншикова указовъ и партикулярныхъ писемъ нигде не слушано и самому князю Меншикову въ домѣ его сказанъ арестъ.

8. Сняты кавалеріи россійскіи зъ Меншикова и емужъ велено віездить прочъ изъ Санктъ-Пітербурха.

10. Сняты съ егожъ и другихъ государствъ кавалеріи и яхъ варвари, да й віехалъ со всею фамиліею.

11. Прибыли въ С. П. Бурхъ посланци малороссійскіе Семенъ

Лизогубъ и сотникъ сребрянскій Троцина и сотникъ Семенъ Галецкій [25]).

14. Оные посланци имѣли авдіенцію у государя въ дворцѣ лѣтнемъ. Лизогубъ говорилъ рѣчь, а потомъ и у стола государевого кушали.

28. Оные жъ посланци отправлены и дано имъ жалованне и чрезъ нихъ грамота до старшины и народа, а указъ до міністра Наумова изъ іностранной коллегіи отправлены.

Октоврій.

1. Стали квартерою на нітербурскомъ острову въ домѣ священника петропавловскаго Мины Григоріевича. Сего-жъ числа въ Глуховѣ выбранъ съ изрядною церемоніею гетманомъ полковникъ миргородскій Даніилъ Апостолъ.

---

[25]) *Семенъ Ефимовичъ Лизогубъ*—зять гетмана Скоропадскаго; въ 1708 г. пошелъ за Мазепою и возвратился уже только послѣ полтавскаго сраженія (см. показаніе Лизогуба, «Мазепа» Костомарова, стр. 418). Не былъ сосланъ, какъ другіе, только за свойство съ гетманомъ. Умеръ въ польскомъ походѣ въ 1734 г., оставивъ дѣтямъ огромныя земельныя владѣнія. Записки Марковича, I, 345 и 318.

Антонъ Трофимовичъ Троцина (р. 1662 † 1749) былъ сынъ козака м. Переволочной, взятый мальчикомъ въ пѣвчіе царевны Софіи Алексѣевны, въ Москву, откуда онъ выхлопоталъ отцу своему Трофиму (по малороссійски *Троцю*) сотничій урядъ въ м. Срѣбномъ и позволеніе заселить разоренное татарами с. Охонькя. Потерявъ голосъ и возвратившись въ Малороссію, бывшій пѣвчій, усвоившій себѣ по имени отца, фамилію Троцины, самъ сталъ срѣбрянскимъ сотникомъ въ 1707 г., когда отецъ его поставленъ былъ прилуцкимъ полковымъ судьею, и оставался сотникомъ болѣе тридцати лѣтъ, до 1734 г., когда передалъ сотничій свой урядъ сыну Николаю. Какъ человѣкъ бывалый, Антонъ Троцинъ часто бывалъ совѣтчикомъ у гетмана Скоропадскаго, посылавшаго его иногда и въ Москву добывать тѣ или другія нужныя ему свѣдѣнія.

Семенъ Яковлевичъ Галецкій—человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, если онъ не былъ сыномъ мазепинскаго «дворянина» Галецы (Величко, III, 444). Въ первый разъ встрѣчается въ 1704 г., когда получилъ отъ Мазепы нѣсколько крестьянскихъ дворовъ въ с. Михайловскѣ (при р. Бойнѣ). Въ 1709 г.—стародубскій полк. есаулъ, а потомъ—сотникъ погарскій, новгородъ-сѣверскій и наконецъ стародубскій (1712—1734). Будучи стародубскимъ сотникомъ, интриговалъ противъ тогдашняго стародубскаго полковника Александра Дурова и поѣхавъ по этому поводу въ 1734 г. въ Петербургъ, добился смѣщенія Дурова и кромѣ того полу-

4. Отъехали посланци малороссійскіе изъ Санктъ-пітербурха.

12. Ради рожденія государевого было торжество, по молебствію палено зъ пушекъ болше ста и полки бѣглымъ огнемъ, и на двохъ суднахъ убранныхъ съ пушекъ-же, а въ вечеру былъ фейверкъ и иллюминація, въ лѣтнемъ огородѣ.

Ноеврій.

20. Прибыли посланники отъ новоизбраннаго гетмана Апостола.

21. Онижъ были у разныхъ господъ министровъ и сенаторовъ.

30. Віехалъ іа зъ Санктъ-питербурха зъ Александромъ Левицкимъ и ночю поѣхалъ зъ Ямской.

1730 годъ.

24 мая въ Москвѣ. Ея императорскому величеству одклонился яспевелможный и того-жъ числа ради отклону кушалъ въ дворцѣ. Сего-жъ числа ея і. величество изволили публично віехать изъ Москви до Измайлова, куда едучій при каретѣ, въ ассистенціи зъ кавалергардами, енералъ Іванъ Іліичъ Мамоновъ умеръ нечаянно. Купчину московскому Дементію Прохоровичу въ доплатку за футро 2 р., розышлось 14 к.

Числа 25. За 21¼ золотника сѣтки сребной дано 5 р. 16 к. За 34 золотника сѣтки пестрой—7 р. 31 к. За два фунта кофе—46 к. За вецоване бритовъ 32 к. За жестянку до голенья [26]) 12 к.

Числа 26. Въ доплатку за 4 аршина таѳи Іву Петровичу дано 60 коп. (Того-жъ) числа за Тріодь цвѣтную и два букваря 1 р. 20 к. Енералъ-лейтенантъ Урбаповичъ былъ у мене въ квартерѣ.

чилъ урядъ генеральнаго бунчучнаго. Убитъ въ 1738 г., въ крымскомъ походѣ, вмѣстѣ съ лѣтописцемъ Грабянкою, бывшимъ тогда гадяцкимъ полковникомъ. По предстательству Ласси, урядъ Грабянки отданъ былъ сыну Семена Галецкаго—Петру.

[26]) Бритья.

27. За работу мундіру для дитины 2 р. 50 к. Дѣвкамъ—40. Хлопцямъ отездного 15 к. Капралу и людямъ господина Курбатова 30 к. Каченовскому на персону 60 к. За вино красное и бѣлое 75 к. За ленти кумѣ Наталіи Лаврентіевнѣ, да сестрѣ ее Аннѣ 57 к. За ленти жолтую и зеленую 1 р. 26 к. Сего-жъ числа віехали зъ Москви и ночовали о 25 верстъ.

28. На обѣднiй попасъ прибыли въ деревню Черничку о 44 версты. На сѣно и оброкъ пошло 25 коп. На ночъ прибыли въ деревню Пратву о 39 верстъ.

29. Прибыли на обѣдъ до деревни Гусева о 37 верстъ; одтоль въ Калугу и перевезшись ночовали. За починку колиски въ Калузѣ 30 коп.

30. Прибыли къ Доброму монастырю и перевезшись чрезъ Оку, обѣдали. Дано за рибу 21 к. Ночовали за Кинетю, перевезшись.

31. Прибыли на обѣдъ до Белiова. Тутъ-же куплены ножи столовiи и два кухенныхъ, за которые дано 1 р. 40 к. За оковку колиски 15 к. За рибу 27½ к. На ночъ прибыли до Болхова, и одтоль отехалъ панъ Петръ, полковникъ лубенскiй, на почтѣ зъ поддячимъ Урiиломъ, которiй данъ былъ зъ Москвы для конвоя. За три четверти меду 21 коп.

Іюнь.

1. Прибыли на обѣдъ до села Глотова. Одтоль віехавши, ночовали въ степу, одехавши 17 верстъ.

2. Обѣдали надъ нѣкоторою переправою, а ночовали подъ малою деревнею.

3. Прибыли на обѣдъ до Почти Любошской и одтоль отехалъ панъ Холодовичъ на почтѣ. По обѣдѣ прибыли за Сѣвскъ на ночъ о 3 версты.

4. По полдни прибыли въ Глуховъ.

5, 6 и 7. Прожилъ въ Глуховѣ.

8. Віехавъ зъ Глухова, прибылъ на ночъ въ Новгородокъ.

9. Одтоль віехавши, пріехалъ на ночъ въ Левенку [27]).

12. Взято у Іанченка поставъ сукна блакитного, за которое дано ему 5 червоныхъ да 25 к.

---

[27]) Село стародубского уѣзда.

18. У Павлика отобрано 5 р. за коня проданнаго сивострокатого, да 5 р., отобранныхъ у шинкаря Зайцутского. Мужикъ перегонскій [28]) утонулъ, рибу ловлячи.

19. Кошцѣ, одправленному въ Глуховъ, дано на дорогу 20 к.

20. За похоронъ утонувшаго чоловика дано 20 к. Студентамъ інтермедіантамъ 1 р.

21. Розышлось 24 к.

23. За цѣвку золота 1 р. 10 к. За раіонокъ мишурный 18 к., за полтора фунта баволны 24 к. За два баранки 90 к. За 150 аршинъ шнурка 1 р. 20 к. За три фунта мініи 36 к. За два аршина крашенины 8 к. Отданы пану Іану Миклашевскому [29]) р.

24. Розышлось на розницу 33 к.

Журналъ или щоденная записка іакого месяца і числа до іакой персоны и чрезъ кого іменно писано и о протчемъ, начатый року 1730-го.

Мѣсяца августа 9. Писано до пана полковника лубенскаго, привитствуючи о прибытіи его въ домъ зъ Москвы [30]). Того-жъ числа писано и до писаря полкового лубенского, пана Стефана Савицкого, зъ инстанціею за свойственнымъ панскимъ о невзятіи его, яко жилца и осѣлого, въ великани и тые писма посланы чрезъ Дмитра Тимченка и Гаврила Ясиченка. До пана Іана Гамалѣя въ Юдиновъ [31]),

[28]) Село Перегонъ стародубскаго уѣзда, принадлежавшее Н. Ханенку.

[29]) Иванъ Михайловичъ Миклашевскій, младшій сынъ стародубскаго полковника, отъ второй его жены Анны Швейковской. Умеръ бунчуковымъ товарищемъ въ 1740 г.

[30]) Петръ Даниловичъ Апостолъ, второй сынъ гетмана, оставленъ былъ въ Москвѣ въ качествѣ заложника, когда отецъ его отпущенъ былъ въ Малороссію послѣ Полуботковскаго дѣла. Воспитывался подъ надзоромъ Меншикова (Опис. обит. въ Рос. госуд. народовъ. Спб. 1799 г., IV, 314). Въ 1728 г. Петромъ II лично назначенъ лубенскимъ полковникомъ (Зап. Марк. I, 277, 296), но и затѣмъ оставался въ Москвѣ до 1730 г., когда отпущенъ былъ въ Малороссію и сталъ дѣйствительнымъ полковникомъ. Петръ Апостолъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Послѣ него остались, какъ слышно, записки писанныя на французскомъ языкѣ, хранящіяся у г. Алексѣева въ Екатеринославѣ.

[31]) Иванъ Андреевичъ Гамалѣя—единокровный братъ жены Н. Ханенка. Былъ женатъ первымъ бракомъ на падчерицѣ путивльскаго поѣзщика Семена Неплюева, Марфѣ Анненковой, за которою получилъ богатое приданое въ томъ-же уѣздѣ, а вторымъ бракомъ—на вдовѣ графа Гаврила Рагузинскаго. Въ 1743 г.

о присылкѣ тарадайки и о прибытіи его для посѣщенія въ Перегонъ, чрезъ чаусовскаго шинкаря Осипа. Того-жъ числа писано до пана сотника красноколядинскаго Марка Ангеліовскаго [32]), дабы въ свойственныхъ панскихъ пропалый конь вороній въ Талалаевцѣ [33]), если сыщется, былъ имъ отданъ, который листъ чрезъ ихъ-же и посланъ.

16. Зъ Глухова писалъ листъ чрезъ Данила Кроцкевича, служителя п. Малѣшевской, до пана Стефана Миклашевского [34]), въ дѣлѣ панѣ Малѣшевской зъ Якубовичемъ [35]). Листъ до пана Івана Гамалѣи [36]), 17 числа писанный, посланъ въ Семіоновку для отсылки оттоль въ Пѣски, который такъ ся имѣетъ: „мосцѣ пане Гамалѣя, мой велце ласкавый добродзію. Писалъ іа въ прошедшемъ 1729 году два раза до в. м., м. пана, упоминаючися, ижбысь в. м., м. панъ должніе мнѣ отъ васъ деньги 26 рублей изволилъ отдати; но по тихъ писмахъ моихъ не только отдачи денегъ, но і отвѣту отъ в. м., м. пана не получилемъ. Прето теперь чрезъ нарочного, нарочно пишучи до вм., м. пана, прошу, изволте, безъ болшой своей и моей турбаціи, въ упомянутомъ своемъ мнѣ долгу уістітись неотложно. Гдижъ в. м., м. панъ можешъ помнѣти, что и заставу мнѣ изволилесь давать—кубокъ срѣбный и рондзикъ, а іа не взялъ, дуфаючи слову вашему, что імѣлисте вскорѣ тотъ мой долгъ отдати, зъ потверженемъ теди прошу в. м., м. пана сему посланному должніе 26 рублей денегъ вручити для привозки оныхъ ко мнѣ, а іа-жъ

назначенъ членомъ генер. суда, а при отставкѣ получилъ чинъ генер. судья. Ему принадлежали три села въ стародубск. уѣздѣ—Юдиновъ, Борщовъ и Чеховка и с. Сеняновка, конотопск. уѣзда. Портретъ его хранится въ семьѣ недавно умершаго Г. Н. Гамалѣи, въ обоянск. уѣздѣ курской губерніи.

[32]) Поставленъ сотникомъ въ 1717 г. на мѣсто Леонтія Лашинскаго, по «инстанціи разныхъ высокихъ особъ», какъ сказано въ универсалѣ Скоропадскаго, а ходатайства (инстанціи) особъ явились потому, что Ангеліовскій «у двору государинѣ царевнѣ Нататіи Алексѣевнѣ знайдовался», вѣроятно пѣвчимъ.

[33]) Село роженскаго уѣзда.

[34]) Степанъ Михайловичъ Миклашевскій—второй сынъ стародубскаго полковника; умеръ около 1750 г.

[35]) Яковъ Демьяновичъ Якубовичъ—генер. есаулъ.

[36]) Иванъ Михайловичъ Гамалѣя, сотникъ лохвицкій, получившій по раздѣлу съ братьями село Великіе Пески, лохвицк. уѣзда, которое затѣмъ было продано имъ Ефиму Дарагану.

тогожъ посланного буду здѣсь дожидатись въ Глуховѣ. При семъ зостаю на завше вм., м. пану всего добра зичливий сватъ и новолнѣйшій слуга Николай Ханенко, судіа полковий стародубскій. Зъ Глухова августа 17 числа, 1730-го году". А прошлого 1729 году, іюля 22, къ нему о томже посилано, да марта 6 тогожъ году.

17. Посланы листы, еденъ до пана Петра Валкевича[37]), въ Конотопъ, привитствуючи его тамошнимъ пребываніемъ; другій до старости семіоновского Гузевича о видачи Василію Мглиевскому лошаковъ панскихъ.

19. Посланы листи зъ Глухова два чрезъ Евтуха Данченка, писаніе еденъ до пана полковника стародубского Наказного, а другій до пана отца панского.

20. Посланъ листъ чрезъ Скоробогатого, жителя погарского, до Мартина Лирского, чтобы онъ подрядилъ тесель баню и комору строити. Тогожъ числа писанъ листъ до пана Стефана Миклашевскаго о коровахъ, чрезъ Василя Мглиевского.

20. Посланъ листъ до пана Константина Леонтовича о одобрани въ пана Іул(і)ана Дриганта, при которомъ шабля и матарасъ сукномъ зеленимъ покритій, чрезъ значкового козака полку переяславского Безбородка для отданія вручено ему.

21. Писано въ Москву до пана Василя Максимовича[38]) и до кватермейстера Гофмана о антечцѣ и протчемъ.

22. Писано въ Москву-жъ до господина Николая Павловича Кристича и до пана Василія Максимовича, да до канцеляриста

---

[37]) Петръ Васильевичъ Валькевичъ—при Апостолѣ «ресентъ» генер. канцеляріи, а съ 1741 г. генер. есаулъ; умеръ въ 1758 г. Былъ извѣстнымъ дѣльцомъ своего времени. Современникъ о Валькевичѣ говоритъ: «Валкевичъ хотя былъ и дикаго нрава, такъ что ни съ кѣмъ не водилъ знакомства и обращенія, кромѣ тѣхъ, которые въ теченіе многаго времени могли доказать ему свою искренность и привычку къ его свойствамъ, но изобиловалъ разумомъ, а наипаче знаніемъ правъ. Государь императоръ Петръ Великій, познавъ его дарованія, при случаѣ взятія подъ стражу Полуботка съ товарищи, предлагалъ ему остаться при его императорской особѣ». Опис. обит. въ россійск. госуд. народ., IV, 324.

[38]) Кажется, рѣчь идетъ объ одномъ изъ трехъ сыновей генер. есаула Дмитрія Максимовича, который за измѣну съ Мазепою сосланъ былъ въ Архангельскъ, а сыновья его—Федоръ, Иванъ и Василій поселены въ Москвѣ. Василій Максимовичъ въ 1712 г. былъ сотникомъ волынскимъ, черниг. полка.

Кгалюховскаго чрезъ почту. Тогожъ числа за колпакъ 25 конѣекъ, за хустку, що въ Роиску, 20 коп.

23. Послани зъ Глухова корови двѣ да два маленькихъ волики въ Перегонъ чрезъ козаковъ сотни новгородской Евтуха Михеенка, жителя горбовского, да Тита Невмоцеева, жителя пирогов-ского, чрезъ которихъ и листъ до атамана тамошнего новгородского посланъ, чтобы онъ тихъ козаковъ переменивъ, а другимъ тіи корови для отводу въ Перегонъ вручивъ, въ которомъ листѣ писано и до Липского писмомъ о пріемѣ тихъ коровъ. Тогожъ числа господинъ Новоторжцовъ почтою побѣгъ въ Москву и оніе писма чрезъ него послани. Отъ пана Стефана Миклашевского двѣ корови зъ телятами приведены въ Глуховъ.

24. Писани два листи, одинъ до полковника лубенского, пана Петра Апостола, о позиченнихъ паномъ Петромъ Корецкимъ денгахъ. Другій до полковника гадяцкого, пана Григорія Грабянки, привитствуючи его рангомъ[39]). Тогожъ числа, писанъ листъ до сотника воронежского, пана Ивана Холодовіча, требуючи у него отвѣтствія противъ даннаго ему меморіалу, которій для отсилки врученъ атаману Локотковскому.

24. Даль за коня вороного 8 рублей Михайлу Цигану, заплатилъ-же 3 р., а 5 на мнѣ осталось.

25. Отклонился пану и отежаючи подарилъ коня гнѣдского пану Іакимовичу.

27. Прибылъ въ Перегонъ.

28. За 4 габелки постолки 1 р., за подошви 16 конѣекъ, на разніе покупки въ Погаръ конѣекъ 20, шевцю Мойсею дано 60 конѣекъ на шкуру.

29. Писанъ листъ до хоружого полковного стародубовского, пана Іакимовіча, въ дѣлѣ Ганона Садовничого, которій посланъ чрезъ негожъ Ганона. Тогожъ числа столяру даны 25 конѣекъ на дерево; золотару на мосендзъ 15 конѣекъ.

31. Послани листи, одинъ до хоружого полкового стародубовского пана Іакимовича, другій до пана Скоропадского[40]) въ Глу-

[39]) Указомъ 30 мая 1730 г. Грабянка, авторъ извѣстной хроники и железной брани, назначенъ былъ гадяцкимъ полковникомъ на мѣсто Гавриила Милорадовича, смѣщеннаго за насилія и взятки.

[40]) Михаилъ Васильевичъ Скоропадскій, племянникъ гетмана Скоропадскаго и зять Апостола, генеральный подскарбій съ 1741 г. Умеръ въ 1758 г.

ховъ, въ дѣлѣ Ігната Данченка, которіе отосланы въ Глуховъ чрезъ Григорія Данченка, а въ Стародубъ чрезъ Павлика. Тогожъ числа писанъ листъ до Александра Левицкого, сторони въ іармарку кролевецкомъ покупокъ, которій для отдачи прученъ Григорію Данченку. Тогожъ числа за два соми дано 60 копѣекъ.

Септеврій.

1. Продалъ пенку, берковецъ по 3 р., взялъ у пана Круковского 21 руб. съ пол.

2. За 5 фунтовъ ганину дано 3 к., батоги желѣза 28 коп., золотарю коп. 12.

3. Кровь пущалъ.

4. Цилюрнику за кровопущеніе 20 копѣекъ. Тогожъ числа зъ маляремъ Іодиновскимъ учиненъ договоръ на шпалери 4 р. и пол. и полчвертки жита, маляру, імя Григорій Боюровъ, которому дано въ задатокъ 1 р. и 10 кварть цеховыхъ горилки. Велѣлъ дѣлать лиинику погарскому Ивану Стрикицкому постромковъ 6 паръ, обротей 36 и попругъ 12 до попонъ, а 4 волосяныхъ до кулбакъ. Тогожъ числа 4 дано за крашенину 6 коп. Привезено отъ пана Косача 2 бочки соли, за которіе падлежитъ 5 рублей и 2 гривны.

5. Купилъ панъ въ бабы, жителки перегонской, подданной своей, хату старую за копу и деньги ей за оную отдалъ. Тогожъ числа писани два листи, единъ до сотника погарского Семена Соболевского, другій до атамана и войта, тамошнихъ-же погарскихъ, просячи дабы людей вислали на панскую новозачатую греблю, которіе посланы чрезъ Мартина Линского.

6. Писанъ листъ до отца ігумена стеченского чрезъ пана Леонтія Галецкого [41]), зъ посилкою 10 червоныхъ, одисканнихъ отъ пана Славуцкого. Мойсею шевцю погарскому зъ челядникомъ за работу чоботъ, черевиковъ, туфлювъ и протч. 1 р. 70 к.

7. Писанъ листъ до атамана городового новгородского, чтобы онъ ваши на панскіе денги купилъ осмачку и прислалъ въ Перегонъ, которій посланъ чрезъ стойчика зъ Стародуба.

---

[41]) Сотникъ бакланскій, братъ Семена Г. (см. примѣч. 25), получилъ этотъ урядъ «за вѣрность» при измѣнѣ Мазепы; но когда за насилія его сотникамъ Скоропадскій выслалъ своихъ чиновниковъ разслѣдовать жалобы бакланцевъ, то Галецкій отказался отъ уряда и принятъ былъ «подъ бунчукъ».

8. Писанъ листъ до старосты перегонского Линского о направленю печей и коменка и о протчемъ дворовомъ господарствѣ чрезъ подводника Грицка Шногурова. Віехали зъ Левенки и прибыли на ночь до Нижніого [42]).

9. Обѣдали въ Курозновѣ у пановъ Рубцовъ. По полудни прибыли до Ропска; тутъ на стенжки и проч. розышлось 25 к.

10. Віехали зъ Ропска, ночовали въ Курпановичахъ. у Василя Борозни [43]).

11. Обѣдали у пана Николая Борозни [44]) въ Клюсахъ, ночовали въ Бутовцѣ, и тутъ ось зломилась.

12. Прибыли въ Городню, где урядники съ хлѣбомъ насъ витали; оттуль прибыли на обѣдъ до Листвина, тутъ и ночовали.

13. По обѣдѣ позно уже віехали зъ Листвина и ночовали въ футорѣ пана Бурковского Хлѣбовцѣ.

14. Прибыли рано въ Бобровицю, вечеромъ былъ у полковника и прочіихъ чернѣговцовъ.

15. Коло полдня віехали зъ Чернѣгова и прибыли на ночь въ Красное [45]).

16. На обѣдъ прибыли въ Церковища. на ночь въ Іржавцъ [46]); стелмаху и на вижки 5 коп. даны.

17. Прибыли въ Козелецъ. На лямъцѣ 10 к. Алексію за Стефана 20 к., ту и ночовали.

18. Были у полковника [47]) и обѣдали. На розную подробицю розышлось 17 к.

19. За ведро дегтю 14 к. Виехали зъ Козелця, обѣдали въ Омеляновѣ, ночовали въ Димерцѣ [48]).

20. Прибыли въ Бровари; тутъ за рибу 14 копѣекъ, за овесъ 30 копѣекъ. Прибыли на Днѣпръ, где и ночовать мусѣли за попорченіемъ мосту.

---

[42]) С. Нижнее, стародубск. уѣзда, принадлежало Андрею Мих. Миклашевскому.

[43]) Сынъ генер. судьи Ивана Владиміровича Борозды, умеръ въ 1747 г. бунчуковымъ товарищемъ.

[44]) Братъ того-же генер. судьи, умеръ бунчуковымъ товарищемъ въ 1757 г.

[45]) Черниговскаго уѣзда.

[46]) Села Церковище и Ржавецъ—козелецкаго уѣзда.

[47]) Антонъ Танскій, зять Семена Палія.

[48]) Села остерскаго уѣзда.

21. На рибу, рижки и проч. 5 копѣекъ. Тутъ и сей день весь дніовали и ночовали, понеже въ сей день мостъ дѣлали. На сѣно 10 копѣекъ.

22. Рано переехали мостъ и прибыли въ монастырь никольскій на квартеру. На мосту и въ крѣпости роздалось 10 копѣекъ, на медъ и пиво 7 к., на кремѣня 2 к.

23. Были на пещерахъ, а обѣдали у отца архимандрита печерского. Розошлось 1 р. 35 к.

24. На овесъ для коней и на хлѣбъ для людей 70 копѣекъ. Обѣдали и весь день пробавились у отца Негребецкого.

Былъ на праздникѣ въ Китаи. На овесъ для коней и на хлѣбъ для людей 70 копѣекъ.

26. Былъ въ видубицкомъ монастырѣ и отправовалась панахида по покойномъ Миклашевскомъ и другихъ сродникахъ [49]. Дано монахамъ 4 рубли, да еще роздалось 30 копѣекъ. Тамъ обѣдали и весь день пробавили.

27. На мясо 15 копѣекъ. Обѣдалъ у отца ректора и пробавилъ весь день у учителей. Послѣ былъ у пана Войнича бурмистра и ночовали у пана Ѳедора Тихоновича Козелского, бурмистра-жъ.

28. Были у святой Софіи; тамъ розошлось 50 копѣекъ. Прислана зъ магистрату обсылка хлѣбомъ и протчимъ. Розошлось 16 копѣекъ. Дано на покупку разную рубль и 98 копѣекъ. Зъ монастыря Братского обсылка хлѣбомъ и протчимъ учинена. Зъ монастыря видубицкого прислано сѣна.

29. Были въ монастырѣ михайловскомъ для поклоненія мощамъ св. Варвары и тутъ у отца намѣстника Дезидерія обѣдали. Розошлось на нѣкоторіе покупки и проч. 31 к., на мясо 12 к. Обослала хлѣбомъ, виноградомъ, виномъ и орѣхами панѣ Козмина Іакимовичева и панъ Годуцкій хлѣбомъ, виномъ, календаремъ на 1731 годъ.

29. Отцу Ивану на дорогу 20 копѣекъ. Студентамъ 1 рубль 6 копѣекъ; студенту Білѣцкому 60 копѣекъ, за направу фузіи 20 копѣекъ.

---

[49]) Стародубскій полковникъ Михаилъ Миклашевскій († 1706 г.) въ видубицкомъ монастырѣ построилъ каменную церковь во имя св. Георгія Побѣдоносца и каменную трапезу съ церковью св. Преображенія Господня. Въ залѣ настоятельскаго дома видубицкаго монастыря хранится большой старинный портретъ Михаила Миклашевскаго. Соч. Максимовича, II, 251—253.

30. Дѣвцѣ Іакимовиччиной 10 копѣекъ. Зъ Майстрату обослано рибою и хлѣбомъ.

Октоврій.

1. Пренесеніе мощей святого Михайла, первого митрополита кіевского, зъ пещери преподобнаго Антонія въ великую церковь.— Обослано мясомъ зъ Майстрату; обѣдали у отца Негребецкого. Подалъ мнѣ указъ гетманскій панъ Козма Іакимовичъ.

2. Обѣдали у мене намѣстникъ и економъ никольскіе и отехалъ я на Подолъ для исполненія указа гетманского.

3. Обявлялъ на Майстратѣ универсалъ іасне велможного, данный Кузмѣ Іакимовичу на бурмистровство, обѣдалъ у пана Рогуцкого. Рутинскому на чоботи 30 копѣекъ.

4. Обѣдалъ у пана Козми Іакимовича.

5. Былъ знову на ратуши. Панъ Василь Іакимовичъ принеслъ цукрў голову и хлѣбъ; обѣдалъ у пана Козми Іакимовича. За сосудци для Василка 7 коп.

6. По бытіи на ратушу, обѣдалъ у пана Рогуцкаго, который мнѣ подарилъ дриакви, табаку и рукавици, а панъ Іакимовичъ пару лихтаровъ зъ подщипникомъ и щипцами, до сѣдла уборъ и потебенки и двѣ солянки крышталіовыя.—У него-жъ занялемъ 5 рублей. Чрезъ всю бутность, сколко былъ на Подолѣ, щоденно обсилано зъ майстрату всякою харчою. Женѣ пару ножиковъ и стонжки[80]) жена его дарила. При отклонѣ отецъ архимандритъ далъ мнѣ и женѣ, такожъ отецъ Негребецкій по книжцѣ. Двѣ псалтирки куплены за 1 рубль 20 копѣекъ. Отецъ економъ книжку и свѣчку подарилъ же.

7. Обѣдали у отца Васияна, намѣстника печерского, который такожъ далъ по книжцѣ обомъ намъ. Сего же числа были у енерала и пожеднавшись съ всѣми, отехали зъ Киева. Провожалъ насъ аптекаръ Гелтеръ и Козма Іакимовичъ ажъ за мостъ и прибылисмо на ночъ позно до Броваровъ; тутъ пошло на овесъ 36 копѣекъ.

8. Поехали зъ Броваровъ и прибыли на обѣдъ въ Димерку; тутъ на овесъ пошло и на проч. 18 копѣекъ. Одтоль прибыли на ночъ въ Омеляново.

---

[80]) Ленты.

9. На обѣдъ прибыли въ Козелецъ; тутъ на желѣзо 26 коп., да еще на желѣзо жъ 14 копѣекъ. За чотири дойници овса 68 копѣекъ дано.

10. Въ Козелцѣ весь день пробавили въ домѣ пана дядка[51]). Розишлось на розницу копѣекъ 20. Розишлось на роздачу разнымъ въ Козелцѣ 1 рубль 6 коп.

11. Рано обослано одъ полковника хлѣбомъ и мясомъ и протч. Розишлось на розницу 1 рубль 60 копѣекъ. Ковалямъ 25 коп., на діоготь, хлѣбъ и протч. 20 копѣекъ. Надъ вечери висхали зъ Козельца и прибыли на ночъ до Дешкова[52]).

12. На обѣдъ прибыли до Ржавця[53]), где отъ пана сотника козелецкого братъ его Петро принесъ барана. На ночъ прибыли до Церковницъ[54]); тутъ за овесъ дано 16 копѣекъ, ковалю 2 коп.

13. Обѣдали въ Середницѣ[55]); тутъ атаманъ принесъ трое курей и протч., оттоль писанъ листъ до сотника козелецкого пана Алексѣя—сторони верблюда и посланъ чрезъ козака Герасима, которому даны 10 копѣекъ. Прибыли на ночъ до Краснаго[56]); тутъ за двѣ мѣрочки овса 12 копѣекъ далемъ.

14. Обѣдали въ Колчевцѣ; за рибу и хлѣбъ 4 копѣйки. Перевознікамъ 6 копѣекъ[57]). Прибыли на ночъ въ Чернѣговъ и стали кватерою въ домѣ пана писаря[58]), гдѣ обослано насъ отъ пана судіи чернѣговскаго полкового[59]) овсомъ и сѣномъ, а отъ пана Булавки хлѣбомъ, рибою и сѣномъ.

15. Зъ дому ее милости панской, панеи Борковской[60]) дано

---

[51]) Федоръ Лаврентьевичъ Ханенко, сотникъ козелецкій уже въ 1705 году, потомъ полковой есаулъ; съ 1722 по 1737 г. полковой обозный. О немъ см. Описаніе черниговской епархіи, V, 193.

[52]) Село козелецкаго уѣзда.

[53]) Тоже.

[54]) Тоже.

[55]) Тоже.

[56]) Село черниговскаго уѣзда.

[57]) При селѣ Кольчевкѣ, подъ Черниговомъ, находился тогда переводъ чрезъ р. Десну.

[58]) Ивана Янушкевича.

[59]) Василія Каневскаго.

[60]) Жена Андрея Борковскаго.

трое саней новыхъ; обѣдалъ у пана судіи черниговского, а вечеромъ былъ у полковника.

16. Полгора четверика овса 37 копѣекъ, шлей четверо съ постронками 20 копѣекъ, вожокъ четверо 4 копѣйки. Писаны листы до отца Негребецкого и до Козмы Іакимовича, стороны кунтуша, забутого въ Кіевѣ, и посланы тие писма зъ Чернѣгова на почту. За чоботи Костѣ 30 копѣекъ, вина полинкового 3 кварти 24 копѣйки. Обѣдали у полковника и ажъ до ночи пробавили; переехали на Бобровицю и тутъ ночовали.

17. Студентамъ приходившимъ кумалбо данъ червоный; розвилось на розницу 12 копѣекъ. Дана псалтирка маленькая пана Борковского синамъ Михайлу и Василію[61]). Обѣдали у панеи Борковской, куда для опровоженя насъ приездили панъ судія зъ панею своею и панъ Іванъ Булавка. Прибыли въ Седневъ[62]) 4 часа по полудни, а въ Листвень[63]) въ 7-мъ часу, где вежаючимъ въ село, палъ конь молодій гнѣдій, издохъ.

Засталемъ тутъ п. п. Красовского и Лисаневіча.

18. Пробавили весь день гулянемъ.

19. Даровалъ мнѣ панъ Борковскій[64]) пару кобилъ, рижую и сивую, да сивого-жъ лошака и табакерку, а женѣ штофикъ жолтій и зеркало. Розвилось 1 рубль 17 копѣекъ. По обѣдѣ отъехали и прибыли на ночъ въ Городню.

20. Зъ Городнѣ прибыли въ Жабчичи[65]) и тутъ обѣдали; одтоль прибыли на ночъ въ Клюсы.

21. Зъ Клюсовъ приехали на обѣдъ до Куршановичъ; одтоль на ночъ до Соловіовки; едучи чрезъ Хоромное, покиненъ хорий конь, таранъ, а дѣвчина потеряла коралеве маниство.

22. Прибыли въ Роискъ на обѣдъ; тутъ у Роиску умовилемъ шабелника дѣлать для себе шаблю, а для пана судіи чернѣговского крижъ желѣзний подчернь, которому шабелнику, а именно Алексію Грановскому, даны 30 копѣекъ взадатокъ; зоставлена фляжка

---

[61]) Михаилъ и Василій Андреевичи Борковскіе, оба бунчуковые товарищи въ 1751 г.

[62]) Мѣстечко черниговскаго уѣзда, принадлежало тогда Лизогубамъ.

[63]) Село городницкаго уѣзда.

[64]) Андрей Васильевичъ, сынъ генеральнаго обозного.

[65]) Село городницкаго уѣзда.

пуздерковая круглая, чтобъ такихъ еще три придѣлано. Послано колесо до пана Василя Борозни въ Куршановичи, при писмѣ чрезъ войта хоромнинского, которому и о оставленномъ конѣ приказъ отданъ. Врученъ листъ Марку для пересылки въ Глуховъ, до брата Андрея Ханенка [66]).

23. Данъ молитвенникъ пану Мануилу Зѣневичу, дозорци ропскому. Розышлось копѣекъ 8. По обѣдѣ зъ Ропска виехали и едучи чрезъ Плавню, видѣли тамъ камень нашъ оставленный. Ночовали сами въ Курозновѣ, а возки въ Нижніомъ.

24. Прибылисмо рано въ Нижнее, гдѣ снѣдали; и писаны два листи, еденъ до атамана городового погарского о висилцѣ въ Стародубъ Мойсея шевця зъ 10 белками или зъ двома черными козьлами; другій до старосты перегонского о присилцѣ въ дворъ стародубовскій овса осмачокъ двохъ, чоботы сафяновыя, которіе шилъ Мойсей швець, юоовую одну шкуру, которая меншая, індиковъ 2 старихъ, гусей 2, курей 6, утокъ 4, каплуновъ тогорочныхъ 6, оцту, варива, которое вкисло, а именно сѣченой капусти и бураковъ по дежцѣ.—Прибылъ въ Стародубъ передъ вечеромъ.

25. Обѣдали у пана Андрея Миклашевского купно зъ капитаномъ Яковомъ Гавриловичемъ Лебедевымъ, зъ Глухова присланнымъ зъ грамотою милостивою о одставцѣ нѣкоторыхъ сборовъ.

26. Таяжъ грамота церемоніально публикована и благодарственный былъ молебенъ съ пушечною стрелбою, а потомъ гуляли у пана наказного (полковника) до ночи. Сего жъ числа, въ время обѣда, поданъ указъ отъ ясневелможного, чтобъ присилать старшину полковую и сотниковъ въ Глуховъ для вислушанія грамоты, присланной чрезъ новоопредѣленного въ стародубскій полкъ г. Александра Ивановича Дурова. Да сего жъ числа прибыла и панѣя Турковская зъ Мглина въ Стародубъ.

27. Обѣдали и гуляли весь день у пана Федора Ширая [67]) ради приезду панѣи Турковской [68]). Качановскому на чоботы дано 20 копѣекъ.

---

[66]) Андрей Федоровичъ Ханенко.

[67]) Федоръ Степановичъ Ширай, внукъ извѣстнаго войта стародубскаго Спиридона Ширая, основавшаго своею пеньковою торговлею богатство Шираевъ.

[68]) Жена Михаила Турковскаго, впослѣдствіи генеральнаго писаря.

28. Обѣдали и весь день гуляли у пана наказного.

29. Пошло на желѣзо 20 копѣекъ, ковалю 15 копѣекъ. Примовала паню Турковскую съ прочими у себе пани Скорупина [69]).

30. Писанъ листъ зъ инстанціею за парохіанами пиколскими о состроеніи имъ каплицы, до отца писаря катедры чернѣговской. Публикованы указы о невзиманю впредь полушокъ и малыхъ копіекъ съ 1728 году дѣланныхъ. Данъ 1 рубль полушками панее— 1 рубль полушками пропалъ. Алексію на рукавици 15 коп.

31. Вручены 67 копѣекъ полушками Павлику для росходу. Виехали зъ Стародуба къ Глухову и на дорозѣ встрѣтились зъ паномъ Маркомъ Андріевичомъ Марковичомъ, подскарбія енералнаго синомъ, которій того дня виездилъ до Стародуба для отправленія веселья зъ дочерью панеи Березовской Марою. Мы прибыли на ночъ до Кистра; тутъ за направу колеса ковалеви даны 4 копѣйки и ночовали у отца Климентія Боярского, бывшого погарского протопопа, священника свято-троецкого кистерского.

Декабрь.

7. Въ Погарѣ Алексію данъ 1 рубль, да ему-жъ на рукавици 15 коп. и за его-жъ заплачено 20 коп.; за его жъ перенявъся заплатилъ Ѳедору, Козми Іакимовича слузѣ, 5 рублей; и заплачено 1731 августа 4 дня, въ Глуховѣ, 6 рублей 35 коп. У Александра Левицкого 4 червоніи куфа горѣлки. На провозъ оной за подводу 3 рубля, на пошлину 1 рубль. Два червоныхъ на позолоту шаблѣ; на желѣзо 2 рубли. Мнѣ онъ же для жены дѣлалъ шапку зъ пудломъ.

Журналъ 1731 году.

Генварь.

1. Виехалъ рано зъ Перегону, обѣдалъ въ Чаусахъ, ночовалъ въ Мехедовцѣ; одселя въ вечеру писаны писма..... о посилцѣ тушъ свинихъ къ Николаю Павловичу и до Линского о разнихъ господарскихъ дѣлахъ; розпилось 2 коп.

---

[69]) Жена стародубскаго полковаго писаря Григорія Скорупы—Настасья Степановна, рожденная Ширай.

2. Прибылъ на обѣдъ въ Шатрищи; одтоль приехалъ позно въ Глуховъ и тутъ сталъ квартерою въ дворѣ его милости пана Андрія Миклашевского.

3. За сѣно 28 коп., за овесъ 16 коп., барабанщикамъ 10 коп. Ясневелможному клапялся зъ хлѣбомъ; по обѣдѣ былъ у доктора Бока и у Александра Левицкого. Цилюрниковѣ 5 коп.

Май.

19. Подана суплика ясневелможному на пана Івана Гамалѣю, що въ Пѣскахъ, о 26 руб., да на Алексія Михайловича, нѣжинского полку, о 20-ти рубляхъ.

Іюнь.

18. Панъ Константинъ Романовскій, въ Яремнѣ мешкаючій, обѣцалъ пять осмачокъ жита стародубской мѣры визичити, и далъ.

23. Посланы 5 руб. денегъ Козмѣ Іакимовичу въ Глуховъ, чрезъ сотника новгородского пана Христичевского.

Взялъ коня бѣлого, торгомъ, до пробы, въ 8 рублей, у войта новгородского Доморки.

25. Мойсею Шевцю, коміссару погарскому, данъ конь гнѣдій въ семи копахъ.

28. Взялъ у пана господара двору рейментарского присиланнаго Дениса Морозенка пару коньковъ гнѣденкихъ ad interim въ 14 руб. и о томъ до пана господара писалемъ. Алексію дано 1 р., да за шапку его-жъ доплачено 15 коп. Цѣвцѣ.

Іюля.

9. Взято въ позику жита 5 осмачокъ у урядниковъ майстратовихъ стародубскихъ и одослано въ Переголъ 4½ и въ Стародубѣ на росходъ змолото ½ осмачки.

15. Д. Pilatovich [70]) promiscit брусовъ дубовыхъ 60.

23. За полотна 21 локоть взятого будто—по 2 осмачки. Тарасу Довлѣтову, пасинку жителя стародубского, дано ad interim 10 к.

---

[70]) Леонъ Пилатовичъ, выходецъ «изъ заграницы», женился на дочери Спиридона Ширая, получилъ отъ Мазепы въ 1708 г. универсалъ на увольненіе его «отъ войсковыхъ походовъ и всякихъ посполитыхъ повинностей и подачекъ». Обозрѣніе Румянцевской Описи, 518.

25. Подрядилъ маляра погарского Оникія змаліовать коляску для дитины, да въ большой избѣ подмаліовать подъ шпалерами, также коло окопъ и дверей и въ противной маліованой издебцѣ попоправлять, где попортилось, и за тее все давать ему 1 рубль денегъ да чвертку жита.

27. Зоставленъ Стефану въ Перегонѣ 1 рубль, для росходу панеи.

При писмѣ до сотника шептаковского послано 14 фляшокъ и 5½ шрубки, да золотий грошей, чтобъ приправлено въ машевской гутѣ шрубки.

29. Прибылъ въ Глуховъ и кланялся ясневелможному, где засталъ въ домѣ рейментарскомъ чрезвичайного посланника, до солтана турецкого отправленного, князя Івана Андріевича Щербатова, мѣнѣстерскихъ дѣлъ канцеляріи правителя, полковника Романа Семеновича Тургенева.

30. Пополдни привезъ подъ карауломъ зъ Москви Василія Танского, полковника переясловского, капитанъ лейбъ гвардіи преображенского полку, Петръ Петровичъ Воейковъ, которому и слѣдовать о обидахъ полку переясловского, обще зъ господиномъ полковникомъ Тургеневымъ, поручено и зъ секретаремъ сенатскимъ Іваномъ Івановичемъ Топѣлскимъ [71]).

31. Тотже капитанъ зъ полковникомъ господиномъ Тургеневымъ былъ у ясневелможного и подалъ о Танскомъ грамоту.

Августа.

2. Одправленъ Качановскій въ домъ и чрезъ негожъ послана стадвина и писма до домашнихъ писаны.

3. Одправлены писма въ Москву и наши челобитніе по почтѣ чрезъ козака глуховского Ющенка.

Пану господару двору рейментарского заплачены 14 р. въ Глуховѣ за пару коней гнѣденкихъ.

4. Алексію данъ рубль, Федору слузѣ Козми Іакимовича за егожъ Алексія заплатилъ пять рублей въ Глуховѣ.

---

[71]) Василій Михайловичъ Танскій, слѣдствіе надъ которымъ кончилось тѣмъ, что въ 1735 г. онъ былъ «наказанъ публично и сосланъ въ сибирскіе города». Въ 1742 г. Танскій былъ прощенъ и получилъ переяславское полковничество обратно. Марк. I, 436 и II, 179 и 184.

7. Василю Вишнѣцкому старостѣ семіоновскому даны 2 руб.

8. Писалъ въ Москву къ Дмитрію Даниловичу Гурчину, обрѣтающемуся при домѣ ея высочества, государыни цесаревны и в. кн. Екатерины Іоанновны о тожъ съ комплементомъ, и до Петра Василіевича Курбатова въ дѣлѣ моемъ о Перегонѣ, а вручилъ оніе писма пану Петру Искрицкому. [72])

Віехалъ я зъ Глухова.

12. Прибылъ въ Луку.

13. Въ монастырь Мгарскій, въ которомъ confess. communicavi

14. Тутъ намѣстникъ отецъ Іоакимъ Литвишко приймовалъ мене зъ економомъ. Datum est aureum meum in monasterio.

Того-жъ 14 числа предъ вечеромъ прибылъ въ Лубнѣ, где послѣ прибылъ и его милость панъ полковникъ лубенскій [73]) и обослалъ мене на квартерѣ хлѣбомъ и проч.

15. Кушалъ у пана полковника, и его милость панъ Петръ Кулябка обослалъ мене хлѣбомъ, виномъ, медомъ и бараномъ. Вечералъ у пана Кулябки [74]).

16. Панъ Федоръ Василенко прислалъ коня сивого по давней своей обѣтницѣ.

17. Подано прошеніе пану полковнику лубенскому о млинѣ лучанскомъ и съ крѣпостей копіи.

18 Одехалъ въ Сорочинцѣ.

20. Захоровалъ. Сотникъ Хорольскій Стефанъ Родзянка прислалъ корову съ телямъ.

22. Віехалъ одтоль и прибылъ въ Миргородъ, где въ домѣ пана Якова Николаевича Дуніна пролежалъ 23 и 24 число и заледво по полднѣ собрался ехать въ Лубнѣ, куда и прибылъ коло заходу слонца, боленъ.

25. Принималъ лекарство проносное.

26. Принималъ лекарство крѣпительное. Сегожъ числа вручилъ его милости пану Стефану Савіцкому, писарю полковому лубенскому, 24 р. денегъ для отсилки къ господину Славую Требинскому, а 20 р. денегже томужъ пану Савіцкому доправить на пану Івану

---

[72]) Племянникъ гетманши Ульяны Апостолъ и зять Григорія Демьяновича Скоруны.

[73]) Петръ Апостолъ.

[74]) Зять гетмана Апостола, женатый на его дочери Аннѣ.

Гамаліи, до которого и листъ рейментарский о томъ одосланъ, поручилемъ, а доправя тіе 26 руб., к томужъ господину Славую одослать, жебы уплачены сполна 50 р. просилемъ, о чемъ подъ симъ числомъ писмо зъ цедулою до пана Славуя написано въ Лубнахъ и отдано для пересылки къ нему...

27. Его милость панъ полковникъ лубенскій прислалъ коня карого подарунку чрезъ свого конюшого, которому данъ 1 р. отгузного, а манталѣру золотий 1.

28. Віехалъ зъ Лубенъ.

29. Прибылъ въ Луку.

31. Купилъ у пана Александра Саковича 4 коней гнѣдыхъ за 60 р. и далъ ему рублей 20, а рублей сорокъ надлежитъ одослати до ярмарку борзенского. Онъ же панъ Саковичъ прислалъ и гатласъ алый.

Мѣсяцъ Септеврій.

1. Сторговалъ футоръ на Артополотѣ у Івана, Ігната и Василя и Зѣнця Сподинейковъ козаковъ, жителей брисявскихъ, за 60 руб. и далъ онымъ задатку два червоныхъ золотихъ, а былъ торгъ при Якову Манку, при діаку Данилу, при Александру Крячковому внуку и при другихъ.

2. Прибылъ въ Роменъ и обѣдалъ у панеи Марковичевой, а ночовалъ въ Смѣломъ.

3. На обѣдъ прибылъ въ Семіоновку [75]), где доставлены два коне, гнѣдий и вороний, да вручено писмо Роману Мостовенку, до сотника новомлинского писанное о облигѣ Алексія Михайловского на останніе 20 р. отъ него должніе и оному Роману приказалъ зъ тимъ писмомъ ехать въ Новые Млины и требовать у сотника резолюціи.

4. Прибылъ въ 2 часѣ по полудни въ Мутинъ, на ночь въ Кролевецъ.

5. Въ 12-мъ пополуденномъ часу превеликій въ Кролевцѣ учинился пожаръ, отъ которого многіе доми въ мѣстѣ и по-за мѣстомъ, также товары купеческіе, конѣ, возы и прочее, да и нѣсколко человѣкъ и одна жонка згорѣли. Ночовалъ у пана Стефана Бутовича.

---

[75]) С. конотопскаго уѣзда, принадлежавшее Гамалѣямъ.

6. Рано віехавши зъ Кролевца, прибыль въ Глуховъ въ 3-мъ часу пополудни.

8. Грамота прислана къ ясневелможному о виступленіи въ походъ.

9. Iterum febricitabam. 10. Idem pastus.

11. Рано передъ службами имѣлъ входъ свой церемоніалный его преосвященство, отецъ Рафаилъ архіепископъ кіевскій въ Глуховъ. Сегожъ числа коло вечерень віехалъ зъ Глухова.

12. Прибылъ хорій въ Новгородокъ.

13. Въ Перегонъ ночью.

14. Получилъ лестъ одъ полковника зъ полѣценемъ команди полковой, на которий учинилемъ отвѣтъ. Сего числа взяти у Ноздри, шинкаря чаусовского, девять рублей.

15, 16, 17, 18 и 19 прожилъ въ Перегонѣ, за 19 одтоль віехавши, прибылъ на ночь въ Левенку.

20. По обѣдѣ зъ Левенки прибылъ въ Стародубъ. Сегожъ числа на ночь перешолъ въ дворъ, купленний у Самусенка на черигговской улицѣ за 280 р.

21. За покупленную въ тотъ дворъ разную посуду дано 1 р.

22. Позичена будка блаитная пану Григорію Скорупѣ, для отвезенія дѣтей его Івана и Павла за границю, въ Полщу, для наукъ [76]).

23. Отправлены въ Глуховъ три писмѣ, одно до пана Скоропадского, другое до пана подскарбія енер. Марковича, третье до Пантелимона Юркевича зъ посилкою рубля для отдачи оного лѣкарю Вѣттиху, чрезъ козака Мих. Гриневича, жителя стародубского. Тогожъ числа посланы писма до его благородія, г. полковника стародубского, Александра Івановича Дурева въ походъ, въ разнихъ дѣлахъ, о чемъ въ канцеляріи полковой имѣются черные отпуски, чрезъ козака Александра Лущика, жителя лищицкого.

24. Оние писма отправлены къ полковнику. Сего числа едучимъ зъ двора панеи тещи ночю былъ случай жестокій, что носили конѣ и на силу отъ бѣды чрезъ мілосердіе Божіе спаслися.

25. За два кожухи 2 р., за сафянъ 1 р. 10 к., шевцю ad rationem 20 к.

---

[76]) См. примѣч. 69.

26. Алексію за черевики 15 к. Данъ Алексію кожухъ въ 1 р., за овчину емужъ 25, за рукавици 20, за 3 бруся, доски и протч. 54 к. далъ Янченокъ.

27. За семнадцать тертицъ 63 к., еще за нѣкоторую дворовую посуду 23 к.

30. Посланъ чайникъ мѣдный въ 5 фунтовъ, которій дѣланъ Карпомъ Котляромъ, въ Глуховъ до доктора Бока, чрезъ капрала Дмитрія Минина, сина Чиркова, осмой роти капитана Неплюева полку гварнѣзонного глуховского. Сегожъ числа прислано отъ городничого лицицкого Патермуфія стекло, шибы, глеки и проч. и двѣ гуски. Рано посѣщалъ мене графъ Гаврило Владиславичъ. [77]). За бочку соли Федору Янченку 3 р. 25 к., за шовкъ 10 к.

Октоврій.

1. Подрядили видрать дранѣ копъ 50, копу полуторной по гривнѣ, двосаженной по 15 к.; а подрядившихся человѣкъ зъ Лицичъ — одинъ Василь, прозиваемый Рощина, другій Федоръ Пишедченокъ, которимъ дано житной муки полусмакъ, безмѣнъ сала, безмѣнъ соли, крупъ ячныхъ два безмѣна, риби вялой чотири лящи, и что они видеруть, должны о томъ давать знать, жебы тое спискивать за погоды.

2. Пришло извѣстіе, что полковникъ имѣетъ быть 5 числа сего октября въ Стародубъ.

3. Отецъ городничій лицицкій прислалъ шибъ прозрачистыхъ шестдесятъ. Получено извѣстіе, что полковникъ зъ полкомъ почують коло Мишковки [78]).

4. Прибылъ господинъ полковникъ зъ полкомъ и зъ 4-мя сотнями въ Стародубъ зъ походу, въ 10-мъ часу предъ полуднемъ, на которого пріездъ зъ 5-ти пушокъ и козаки тихъ сотень бѣглымъ огнемъ палили.

---

[77]) Рагузинскій — племянникъ извѣстнаго серба Саввы Владиславича Рагузинскаго, вызваннаго Петромъ В. въ 1703 г., какъ человѣка хорошо знакомаго съ торговлею, съ цѣлію воспользоваться его знаніями для развитія внѣшней русской торговли. Савва Рагузинскій получилъ въ 1710 г., въ Малороссіи, богатыя имѣнія, которыя умирая оставилъ племяннику Гаврилу. Послѣдній былъ женатъ на дочери генер. бунчучн. Ивана Бороздны Аннѣ, и умирая оставилъ 1066 крест. дворовъ.

[78]) Село стародубскаго уѣзда.

5. Ісакъ Пузиръ оженилъся на Сависѣ, да у Тищенка на веселѣ, которій женилъ сина на дочерѣ Соболевского, сотника погарского былисмо. За бервеня до двора 36 к.

7. Прибылъ панъ обозный въ Стародубъ. Сынъ пана Григорія Скорупи Петръ, лѣтъ 15 отъ роду, умеръ. Прибыли служители отъ пана Саковича за денгами. Господинъ полковникъ хлѣбомъ и солю обослалъ на новоселя.

8. За драпь, лотоки и проч. 50 коп.

9. Прислалъ мнѣ господинъ полковникъ зъ коней злодѣйскихъ клячонку ріжую и коніонка вороного. Сего числа взяти у Радіона Янченка 40 р. денегъ въ отдачу пану Саковичу за конѣ, которіе деньги, также дзигарокъ и атласъ, сегожъ числа отправлены чрезъ людей пана Саковича, нарочно за тимъ присланнихъ.

10. Посланъ Іванъ Кошка въ Перегонъ и чрезъ него посланы помянутіе конѣ.

11. Извѣстили подрядчики на драпь, что видрали 20 копъ, а 30 копъ еще имѣютъ драть, копу по 15 к., которымъ дано въ задатокъ 1 р. 50 к. да хлѣба чвертку, соли безмѣнъ, сала безмѣнъ, два безмѣна крупъ.

12. Присланы зъ Перегону 15 р., взятіе у Ноздри, шинкаря чаусовского.

14. Расплатился за всѣ прежніе покупки зъ Федоромъ Янченкомъ, которому даны 5 р. 98 к. Маляру умовленному маліовать издебку зъ комнаткою, Сопроненку, перве дано 65 к., а сего числа 40 к., и того 1 р. 5 к., а еще ему доводится отъ издебки 1 р., кромѣ великой хати. На желѣзо и проч. 25 к. Зоставлены у Івана Кошки на расходъ дворовый 2 р.

15. Шклярамъ даны за роботу 8-ми оконъ золот. 4.

16. Степану Римару за роботу коло старой кулбаки, и до новой за послиска и что направовалъ де що золот. 1, а шаговъ 5. Семену слюсару въ отроботокъ напередъ дано золот. 1. Золотарю Антону Ярцевскому при росплатцѣ за 12 гузіковъ срѣбныхъ додано решти золот. 1.

17. Теслямъ перегонскимъ, Палашу зъ товарищемъ, даны на дорогу 10 к. Сегожъ числа віехалъ зъ Стародуба до Глухова и ночовалъ въ Мишковцѣ, откуду послано писмо и яблоки чрезъ Косовича.

18. Обѣдалъ въ Бучкахъ [79]), а на ночь прибылъ въ Новгородокъ.

19. Обѣдалъ въ Новгородку; прибылъ на ночъ въ Собичъ и почовалъ у Вѣлчика; на перевозѣ даны 3 к.

20. Передъ обѣдомъ въ Глуховъ прибылъ, а обѣдалъ у ясневелможного. Челяди даны на харчъ 3 к.

21. За колпакъ спалный 55 к. Посланы писма чрезъ козака новгородского до полковника, до пана тестя, до жени и до Иванця и до хоружого Данченка. На харчъ людямъ 5 к.

22. За канчукъ 8 к., за двое носковъ 8 к., за возъ дровъ 7 к., за овесъ 10 к., на харчъ 6 к., Алексѣю на рукавицѣ 20 к., венграмъ 50 к. Dux aegrotare caepit de noctu.

23. На харчъ людямъ 4 к. Купили у пана обозного енерального [80]), ради тезоименитства его. На свѣчки 1 к.

24. Одправлены писма вчора писанные до полковника, до пана тестя, до пана Стефана Миклашевского и до сотника новгородского зъ урядомъ, о козаку середнобудлянскомъ Федору Соколину.

24. Посланы писма въ Москву sub data 22 praesentis, писанные до Петра Василіевича Курбатова, до Василія Маркелловича Леонтева, до Урила, до п. п. Холодовича и Данченка, такожъ до полковницы нашей стародубовской, на почтѣ чрезъ куріера отъ капитана преображенского полку Петра Петровича Воейкова одправленного. Сегожъ числа прийшла вѣдомость къ Глуховъ о преставленіи государыни царевни Параскевіи Ивановни, сего октоврія 9 дня. Розыплось на харчъ 20 к. Подъ симъ числомъ писано писмо до полковника о той печалной вѣсти.

25. Подала панѣ Ломиковская [81]) челобитную на пана тестя въ судъ енеральный. На харчъ, дрова и овесъ пошло 24; за шкурку жовтую на митюкъ 30; за стюжечокъ шесть локоть 22.

Маленкая дочь Анастасія панѣ Скоропадской [82]) умерла на оспу и похована въ церквѣ святого Николая.

[79]) Село новгородсѣверскаго уѣзда.

[80]) Яковъ Ефимовичъ Лизогубъ, генер. бунчучный 1717—29, генер. обозный 1729—49. Въ 1749 г. онъ умеръ въ Петербургѣ и похороненъ въ Невской Лаврѣ. См. о немъ Кіевск. Стар. 1882, I, 115—119.

[81]) Должно быть дочь Апостола Татьяна, бывшая замужемъ за старшимъ сыномъ генер. обозн. Ломиковскаго, Иваномъ.

[82]) Жены Мих. Вас. Скоропадскаго. См. прилѣж. 40.

26. За двѣ желѣзные жаровнѣ данъ 1 р. 10 к., на харчъ пошло и проч. 28 к.

27. Писаны писма въ Москву до госпожи Толстой [83]), до пана Холодовича, до пана Борковского и до пана Данченка, чрезъ пана Андрея Горленка. Сегожъ числа подписана грамота въ коллегію иностранную, подъ датою нынешнего мѣсяца 29 числа, о удостоеніи, а удостоеніе вчора закрѣплено [84]). Розишлось на розницю 18. Взяты у доктора лекарства для себе и для хлопця, а ему надобно будетъ зъ Стародуба прислать оробковъ [85]).

28. Рано віехалъ зъ Глухова и прибылъ на обѣдъ въ Локотки, одтоль писалъ до пана Юркевича и до пана Стефана Косача. На мясо и на перевозъ дано 8 к. На ночъ прибылъ въ Новгородокъ.

29. Въ Новгородку за 4 лиці даны 30 к., на діоготь 5 к. Обѣдалъ въ Смячи у сотника шептаковского, прибылъ на ночъ въ Андрійковичи [86]).

30. Прибылъ въ Стародубъ о 12-й годинѣ полуденной.

31. Въ домѣ пана Андрея Миклашевского было весели, одправованное дочерѣ его паннѣ Еленѣ, за полковниченка кіевского пана Михаила Танского видаванной [87]).

Ноеврій.

1. Тоежъ веселле продолжалося.

2. Гуляли всѣ на веселіи званіи персоны, зъ перезвою ходячи, и въ домѣ пана Миклашевского.

3. Розехались зъ веселя пріежжіе гостѣ и молодіе до Козелца отехали. Сего числа бывшимъ на квартерѣ моей музікамъ кіевскимъ даны 20 к., трубачамъ кіевскимъ же 40 к., капеллѣ пана Корсака червоній золотій [88]).

---

[83]) Ульяна Ивановна, дочь гетмана Скоропадскаго.

[84]) Разумѣется „удостоеніе" маетностями, селами Чубаровымъ и Куровымъ.

[85]) Рябчиковъ.

[86]) Село стародубскаго уѣзда.

[87]) Михаилъ Антоновичъ Танскій, послѣ смерти своего отца былъ поставленъ на его мѣсто—кіевскимъ полковникомъ.

[88]) Говорится о Максимѣ Михайловичѣ Корсакѣ, одномъ изъ первыхъ стародубскихъ богачей. Отецъ его, смоленскій шляхтичъ Михаилъ Богдановичъ Корсакъ, женившись на дочери гетманича Семіона Самойловича, успѣлъ при Петрѣ В. полу-

4 и 5. Розишлось на розницю 40 к. Малярамъ ad interim 10 к.

6. За футерце [89]) бѣлее дано 80 к., за кожухъ бѣлій для немого 1 р., за мамсу Стефану 1 р. 10 к. Малярамъ за образъ 50 к. На розницю пошло 7 к.

7. Писаны писма: одно до сотника новгородского о присылцѣ швачки Макрины, другое до Івана Степанова, старости Серединой Буды [90]), о покупкѣ сто четвертей жита. Пивовару за зварене пива и за хмѣль даны 30 к. На розницю розышлось 11 к. Бондару 9 к.

8. Получена вѣдомость въ Стародубѣ о преставленіи въ Глуховѣ, зъ 1-го противъ 2-го числа сего ноеврія, ея м. панеи Михайловой Скоропадской Параскевіи Апостоловни гетмановны [91]). Заказано Могилевцю шевцю сдѣлать для панеи туфлѣ и для Василя молодика чоботи нѣмецкіе, которому шевцю дано ad interim 40 к.

9. Господинъ полковникъ принималъ насъ полчанъ у себе кушанемъ за воспоминаніе рочинъ [92]) его полковничества. Панъ Іскрицкій [93]) прибылъ въ Стародубъ. Розышлось 4 к.

10. Заплачено Мочоповнѣ за давній долгъ 2 р. 85 к., а осталось еще на насъ 2 р. Дано за овчину для Василя 22 к. За поясъ

чить царскую грамоту на всѣ тестевскія имѣнія, въ ущербъ другому сонаслѣднику Григорію Гамалѣю (см. Русск. Арх. 1875 г., 445). Имѣнія Макс. Корсака перешли сначала къ двумъ его сыновьямъ Василію и Михаилу, которые стали уже писаться Римскими-Корсаковыми, а по смерти ихъ за бездѣтствомъ,—къ ихъ сестрамъ Дарьѣ и Евдокіи, которыя имѣнія эти, какъ обремененныя долгами, продали въ 1793 г., родственнику своему генералу Ивану Ник. Римскому-Корсакову, за 200,000 р. Затѣмъ корсаковскія имѣнія перешли къ Ладомірскимъ.

[89]) Бѣличій мѣхъ.

[90]) Мѣст. новгородсѣверскаго уѣзда.

[91]) Дочь гетмана Апостола, бывшая замужемъ первымъ бракомъ за Мих. Вас. Дунинымъ-Борковскимъ. Ея портретъ хранится у П. И. Скоропадскаго.

[92]) Годовщины. Полковникомъ былъ въ это время Александръ Ивановичъ Дуровъ. См. примѣч. 25.

[93]) Петръ Григорьевичъ Искрицкій родной племянникъ гетманши Ульяны Васильевны Апостолъ. Отецъ Петра Искрицкаго, будучи сотникомъ Сумскаго полка, убитъ въ походѣ противъ Булавина. По смерти отца, Петръ Искрицкій переѣхалъ къ теткѣ, которая въ 1731 г. женила его на дочери стародубскаго богача Григорія Скорупы—Еленѣ, а затѣмъ съ помощью мужа, надѣлила и имѣніями въ настоящемъ Суражскомъ уѣздѣ. Въ 1732 г. Апостолъ отдалъ ему свои земли въ с. Дроковѣ (Ст.) и слободу Далисичи, около которыхъ самъ Искрицкій поселилъ нѣсколько новыхъ слободъ: Нов. Дроковъ, Слище, Росль, Искрицу и друг. Умирая въ 1771 г., онъ оставилъ своимъ наслѣдникамъ около 2,500 крест. об. пола.

Івану 60 к. Розышлось на розницю 9 к. Писано къ атаману новгородскому о присылцѣ Макрины и отсилцѣ листа до сотника новомлинского пана Івана Шишкевича, до которого писалемъ о долгу на Михайловскомъ Алексію имѣючомся. Подъ симъ же числомъ писалъ до его м. пана Скоропадского consolaterias. До варистой печи желѣза 16 к.

11. Чиненъ порахунокъ зъ мѣщаниномъ старод. Шагою о заборѣ разныхъ у него крамныхъ вещей, за которіе довелось ему 3 р. 97 к. Заплочено теды сего числа 1 р. 97 к., а остались виновати 2 р. За Савку Кожомяку перенялъся заплатить рѣзникъ стародубовскій Михайло Федоровъ 3 р. 10 к., а брать у него имѣемъ лоемъ и мясомъ отъ сего числа; бондару за набите кухви на медъ 8 к. Розышлось на розницю 8 к. Посланы писма до пана Скоропадского и пана Юркевича зъ посилкою листа Лисаневичового до сотника лохвицкого.

12. Еще дано въ заплату 1 р. тимъ лицицкимъ людямъ, которіи драпъ драли, а доводится имъ решти 2 р. Снѣцару [94]) за рямки 10 к., за зроблене свѣчъ восковихъ 29-ти дано 12 к. За двѣ тертици 7 к. Розышлось на розницю 11 к. За сѣчку 7 к.

13. Дано кравцамъ 10 к. Господинъ полковникъ прислалъ два зайци своего полову, а панъ Іванъ Миклашевскій одного зайця жъ. Малярамъ еще дано 50 к., на мясо 7 к., за замочокъ 4 к.

14. Шевцю, що нѣмецкіе чоботи шивъ и пошилъ Василю, дано еще 18 к., за мясо и проч. 9 к.

15. Томужъ шевцю дано 13 к., маляру 50 к.

16. Алексію кухару дано 20 к., снѣцару за дви стойки 12 к. У Савки Кожемяки взята шкура яловичая въ 8-ми гривнахъ.

17. Взялъ чернецъ до направы стѣнный дзегарь [95]), которому даны денгами 50 к., въ задатокъ; емужъ знову на свѣчки 10 к.

18 На розницю розышлось 15 к.

19. Даны въ дѣло ножи и вѣделки Кліованого сину и опому на желѣзо дано 6 к., на уголье 3 к., на сталь 10 к., золотарю 4 к., за тертицѣ 20 к.

22. Алексію даны на заплату шевцю за чоботы 20 к. Кравцю,

---

[94]) Столяръ.

[95]) Часы.

що ковдры [96]) перешивалъ, 12 к., на нитки 4 к., за вибойку до ковдеръ 88 к., за крашенину до ковдеръ же 24 к. За перебите баволны [97]) 3 к. Полковникъ позавчора обослалъ рыбою.

23. Далъ Алексію 1 р. 50 к., а прежде забралъ онъ же на слѣдуючій службы его рокъ 50 к., и того стало 2 р. сполна, а рокъ началъся отъ 8. Чубѣ даны 5 к. за чинбу лисиць. На молебствіе у Вознесенія 40 к., на молоко для дѣтей 3 к. Сего числа въ 3-мъ часу пополудни даровалъ мнѣ Богъ сина, которому дано имя Петръ по числу сего мѣсяца 25-му. Священнику за молитву 30 к., паламару 3 к.

24. За зроблене пѣрниковъ [98]) 90 к. Писаны писма зъ посылкою родинного хлѣба [99]).

25. Получилъ листъ отъ генерала де-Вейзбаха.

26. Vacant.

27. За сѣмъ щукъ рибы 55 к.

28. Одправлено крещеніе сину нашему Петру, которому воспріемникомъ былъ господинъ полковникъ стародуб. Александръ Івановичъ Дуровъ и ея м. панѣя Андріева Миклашевская [100]).

29. Трактованы были повчора гостѣ, для которыхъ вчора и сегодня пошло вина: у пана Івана Данченка взятого 11 гарцевъ за 6 р. 60 к.

30. Карпу кухару [101]) за трудъ его данъ сафянъ.

Декаврій.

1. Писано писмо до его сіятелства, господина генерала кавалера, графа фонъ Вейзбаха о парусной пробѣ.

2. Отправлено оное писмо въ Полтаву чрезъ козака сотнѣ полковой.

---

[96]) Одѣяла.

[97]) Шерсть.

[98]) Одинъ изъ видовъ сладкихъ закусокъ.

[99]) При рожденіи ребенка въ семействѣ родители его, извѣщая объ этомъ своихъ близкихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ посылали и хлѣбъ, называвшійся «родиннымъ».

[100]) Андрей Миклашевскій, старшій сынъ стародубскаго полковника, первымъ бракомъ былъ женатъ на княжнѣ Маринѣ Юрьевнѣ Четвертинской, а вторымъ—на вдовѣ Андрея Жураковскаго. Здѣсь говорится, кажется, о Четвертинской.

[101]) Повару.

3. Свѣцару дано задатку на шафу 20 к., чернецу перехожому 20 к., на розницю пошло 8 к. Писано писмо до полковника чернѣговского за паномъ Булавкою; да писанъ же отвѣтъ до пана сотника варвинского сторони коней, къ нему посилатись имѣючихъ.

4 Сего числа умовили мамку до Петруся на рокъ, а давать ей грошми пять копъ, запаску штаметовую, тры чвертки житной муки, а чвертка крупъ. Сего жъ числа пріездили ко мнѣ въ домъ панъ Дублянскій [102]) и Романовичъ, принеся вину свою въ томъ всемъ, чимъ мене поносилъ предлюдне.

5. Принолъ указъ отъ ясневелможного о приготовленюся въ походъ. За інбиру фунтъ дано 12 к, на розницю розышлось 8 к.

6. Розышлось на розницю 16 к. Зъ Стародуба віехалъ и ночовалъ въ Борщевѣ.

7. Прибылъ въ Погаръ и сталъ квартерою у Круковского.

8. На покупку кореній пошло 2 р. 27 к., за полотно 95 к., дѣвцѣ 90 к., за стіонжки два локтѣ зъ чверткою 1 р. 10 к., за сковороду и бублики 28 к. Взято у Пуховича въ Погарѣ 14 локоть гарнѣтури пополястой, по 6-ти гривенъ 5 к. за локоть, и того чинить 9 р. 10 к. на долгъ, за фляшу вина 50 к. Заплаченъ сей долгъ и еще лишку всего 13 р., 1734 г. іюня 28.

9. Былъ въ Перегонѣ у мене панъ тесть и отехалъ тогожъ дня ввечерѣ.

10. Дніовалъ тамъ же въ Перегонѣ.

11. Прибылъ въ Стародубъ.

12. Былъ у мене въ домѣ на кушаню панъ Леонтій Галецкій зъ женою. Сегожъ числа привезли въ Стародубъ славныхъ двохъ разбойниковъ, родныхъ братовъ Гришу и Тимошку Соколовыхъ, пойманныхъ въ описной слободѣ Зибкой [103]) 8 числа сего мѣсяца.

13 Отданъ камень хоружому пану Данченку млиновый.

14. По прибытіи въ Стародубъ по се число розышлось на розницю 72 к. Взято сукна на колиску для Петруся 3¼ локти за 1 р. 17 к., крашенины 3 аршины зъ четвертю за 16 к.

---

[102]) Павелъ Дублянскій, сначала стародубскій полковой писарь, а потомъ съ 1714 г. сотникъ новомѣстскій.

[103]) Настоящій уѣздный г. Новозыбковъ. Слобода Зыбкая, изъ которой возникъ теперешній Новозыбковъ, поселена въ 1701 г. по позволенію Миклашевскаго, около с. Людкова, на земляхъ с. Тростани.

15. Прислалъ мнѣ въ подарокъ меделянную суку молодую панъ Ігнатъ Данченко, приведенную зъ Москви. Помирилась наша панѣ матка и другіе претенсори зъ п. п. Миклашевскими въ претенсіи о рубановскомъ добрѣ [104]) и въ проч. Писанъ листъ до отца намѣстника Чолнского въ отвѣтъ противъ его писма, такожъ до пана Леонтія Галецкого, что перенялъ ся я за него платить Дробязцѣ 17 осмачокъ жита старод. мѣри, да и до пана Кондзеровского [105]) писалемъ отвѣтъ, что денги ему должніе на Пузиру доправлены.

16. Взялъ у мене въ долгъ швець 50 к., а емужъ даны за роботу 15 к., еще томужъ шевцю дано 5 к. въ долгъ.

17. Въ сей день тезоименитства ясневелможного правили за его здорове молебствіе. Розышлось на разную до двора покупку 40 к.

18. За сѣчку сими часы заплатилъ 21 к.

19. Взялъ у пана тестя 1 р. мелкими денгами.

20. Положилъ у Федора Янченка 2 червонныхъ, а взялъ 4 р. дробною монетою. Куплено до двора то дерево, то другое де що, за 47 к. Заплатилъ останніе два рубли тимъ лицицкимъ мужикамъ, которіе подрядились драть випускати, а осталось на насъ чвертка хлѣба, а на нихъ коло десятка копъ дранѣ. Привезено зъ степу возовъ 14 сѣна. Гармашу дано 6 к. Взято у Пузиря 10 попопокъ, по золотому, да 40 фунтовъ желѣза, пара фунтовъ по 3 к.

21. Взялъ Янченко 74½ фунта и полчвертки сахару канарского, фунтъ по золотому, до порахунку [106]).

22. За пошите рисіого куптуша Чубѣ 30 к., на нитки, крохмаль, гвоздя и проч. 9 к. За сито густее 26 к. Кравцямъ 18 к.

23. За вичинку медведя и пошите медвежого одѣяла 21 к. За кецу для Васенка 30 к. За направу чугунного казана 30 к.; на розницю въ расходъ дворовій 12 к. Сего числа получилъ писма зъ Кіева отъ Козмы Іакимовича, отъ Рогуцкого зъ солянками, зъ Козелца

---

[104]) Рѣчь идетъ о глуховскихъ имѣніяхъ, оставшихся послѣ глух. сотника Данила Рубана, на дочери котораго отецъ Настасьи Корецкой женатъ былъ первымъ бракомъ.

[105]) Андрей Кондзеровскій при гетманѣ Скоропадскомъ былъ его «господаремъ», т. е. домоправителемъ. Онъ былъ женатъ на родной сестрѣ гетманши Скоропадской.

[106]) Разсчетъ.

отъ пана дядка и отца брата [167]). Священнику за молитву зъ паламаремъ 12 к.

24. За 18 аршинъ крашенины 54 к. Теслѣ Палашу 5 к. Сего числа взялъ еще у Ноздри чаусовского 5 р. шинковыхъ денегъ; сего числа рощотъ и расплатка здѣлана зъ Федоромъ Яченкомъ.

25. Чрезъ слѣдуючіе святочные дни розышлось на всякіе домовые и другіе росходы 5 р. 58 к.

29. Былъ въ Топалѣ у графа [168]) и купилъ для енерала де-Вейзбаха 4 концы, а для себе 1—полотна парусного за 30 р., а денги еще не плачены.

Былъ въ Нижніюмъ, а 31 прибылъ въ Стародубъ.

Приписка на особомъ листикѣ:

Клача ржая приводу съ Погару воровъ—имеемъ одинъ Яковъ Грищенко, житель полку миргородского, села Бакумовки, другій воръ тогожъ товарищъ—Ленко Карповъ сынъ Харконенко, житель сотнѣ топальской, села Могилевца, да въ перегонского жителя Зенка Триносенка тогожъ приводу имѣется клача ржая, а приводъ тихъ лошадей августа 21 дня сего 1731 году; о вороненкомъ конику, якого онъ приводу, исправится не почему.

1731 году Сентев. 9. Зде выраженныя клачи ржіи и коникъ вороный приняты въ дворѣ нашомъ въ Стародубѣ.

1732 годъ. Мѣсяцъ Генварь.

1. По обѣднѣ поздоровляли полковника новымъ годомъ.

2. Обявленъ писаремъ суду полкового панъ Стефанъ Косачъ.

3. Избирали кандидатовъ на асаулство полковое и на хоружество значковое. Сегожъ числа одправленъ Антонъ Донъ въ Полтаву зъ писмами до его сіятельства, господина генерала и кавалера, графа фонъ-Вейзбаха и зъ 4-мя концами парусного полотна, которому и подорожняя енералская дана на подводы. Дня сегожъ въ вечерѣ, прибылъ зъ Глухова панъ прапорщикъ зъ печатными указами его императорскаго величества о наслѣдствіи и зъ формами

---

[167]) Подъ именемъ отца-брата разумѣется родной братъ по отцу автора Дневника—Иванъ Даниловичъ, бывшій священникомъ. См. Опис. Черниг. Епархіи, V, 192.

[168]) Рагузинскаго.

присягъ, такожъ и зъ унѣверсаломъ рейментарскимъ о виконанію той присяги [109]).

4. По службѣ Божой въ церквѣ соборной присягу чинили полковникъ, старшина полковая и прочіе чины духовные и мирскіе.

5. Розышлось на розницю 45 к., куплено дерева на 8 к.

6. По службахъ была процессія на рѣку и по одправленномъ водосвятіи, палено зъ 7 пушекъ, также и три сотнѣ: полковая, новомѣстская и топалская бѣглымъ огнемъ, которіи сегожъ числа присягали въ соборной церквѣ. Въ вечерѣ посѣщала полковница зъ дочерми пана тестя и паню тещу въ домѣ ихъ.

7. Заплатилъ за медъ въ домъ братскій петропавловскій 70 к. Прислала полковниковна Параскевія Александровна 16 золотниковъ срѣбра и полтину денегъ на зроблене табакерки. Сговорилъ снѣцаря для робленя шафы за 2 р.

8. Тожъ снѣцарю въ задатокъ данъ 1 р. Сего числа господа графи Гаврило и Мойсей Владиславичи [110]) и Іванъ Ивановичъ кушали у пана тестя, и мене въ домѣ моемъ посѣщали.

9. За водку заплачено 25 к., на мясо дано 7 к. Черницямъ заграничнимъ дано 20 к.

10. Віехалъ зъ Стародуба въ Глуховъ, забѣраючи дорогу, и прибылъ на ночъ въ Борщевъ [111]). Бабѣ, которая приходила одъ пана Максимовича зъ родиннымъ хлѣбомъ о родившоїся дочерѣ его Татіанѣ (якая родилась зъ 7 противъ 8 числа), дано 10 к.

11. Прибылъ въ Перегонъ.

12. Пріехалъ туда рано и обѣдалъ бывшій управитель почеповскій Гаврило Никифоровичъ Лукинъ, также п. н. Галецкій сотникъ полковый и меншой Леонтій. У шинкаря чаусовского Ноздри взяты 2 р. По обѣдѣ віехалъ зъ Перегону и прибылъ на ночъ въ Витемле, где подданые пана сотника полкового дарили насъ рыбою и вонами. Писанъ зъ Перегону писма до пана тестя и до жены, да до пана сотника варвинского зъ отправленемъ кобылицъ и лошатъ, всехъ 20 штукъ, а зъ тимъ велено одправить Грицка зъ козакомъ и дать имъ на покупку сѣна 1 р., да овса чвертку для лошатъ.

[109]) О принесеніи присяги.

[110]) Разумѣ́ніе.

[111]) С. Борщевъ стародубск. уѣзда, принадлежалъ Галалѣямъ, родным братьямъ, по отцу, жены автора Дневника.

Зъ Витемля писалъ къ Стефану и къ Івану Кощцѣ. Ночью въ Витемлѣ получено писмо отъ полковника, на которое

13. Писанъ отвѣтъ, такожъ и до хоружого Данченка зъ Мехедовки подъ датою зъ Шатрищъ. Зъ Мехедовки по обѣдѣ прибылъ въ Шатрища на ночъ.

14. Зъ Шатрищъ пріехалъ въ Глуховъ по полудни въ 3-мъ часу, и сегодня нигде не были. Розышлось на розницю 17 к.

15. Рано кланялись ясневелможному и обѣдали у столу гетманского. Положены въ карбоцу 60 к. Дано срѣбра 16 золотн. Петру Василіеву чеканщику для зробленя табакерки для полковниковой.

16. Обѣдали у отца Мойсея, капеляна войскового [112]), которому родилась дочь Тагіана, якой воспріемниками были панъ Андрей Марковичъ, подскарбій енеральный, и ясневелможная панѣ гетманова. Рано кланялся полковнику господину Тургеневу и асаулови енер. пану Мануйловичу, въ вечерѣ—панамъ хоружому и бунчужному енералнымъ. Я зъ рана кланялся полковнику и глуховскому коменданту Семену Тимофеевичу Кишкину да подполковнику Никифору Івановичу Лѣову, зъ хлѣбомъ и зъ звершою.

17. Пѣвчимъ гетманскимъ дано 50 к. Жолдакамъ 20 к. [113]). Слугамъ гетманскимъ 1 р. Обѣдалъ я у полковника и коменданта господина Кишкина.

18. Одкланившись ясневелможному, панчи отехали зъ Глухова до Стародуба, чрезъ которыхъ писалемъ до полковника, до пана тестя и до жены. Розышлось на розницю 26 к.

19. Писано писмо до сотника новомлинского пана Івана Шишкевича о долгу на Алексію Михайловскомъ, которого и обѣдъ своеручный вручилемъ пану Федору Чуйкевичу [114]) з писмо до тогожъ

---

[112]) О. Мойсей Богаевский былъ войсковымъ капелланомъ около 20-ти лѣтъ (1720—1749 г.) отъ него осталъ теперешніе дворяне Богаевскіе. См. Зап. Черн. Стат. Ком., кн. 2-я, 70—72.

[113]) Жолдакомъ называлась особая гетманская стража. Для поселенія сей этой стражи былъ отведенъ значительный земельный участокъ, въ которыхъ и возникло теперешнее с. Жолдаки, конотопскаго уѣзда.

[114]) Федоръ Чуйкевичъ бунчук. тов., сынъ Александра Чуйкевича, бывшаго полтавск. полковника, писаремъ при Скоропадскомъ. Женившись на дочери кролевецкаго протопопа Даніила Яковлевича, Федоръ Чуйкевичъ получилъ въ приданое слободу Грузскую подъ Кролевцомъ, которую впослѣдствіи передалъ также въ видѣ приданаго, бунч. тов. Андрею Войцеховичу, женившемуся на его дочери Аннѣ.

сотника пана хоружого енералного Горленка, писанное въ томже дѣлѣ. Взято у Мандзенка глуховского крепи чорной $3^{1}/_{4}$ локтя, да пузименту 5 золотниковъ, за що доводится ему 2 р. 30 к., да давныхъ 10 р. Дано на росходъ 30 к. Сей день праздновали въ Глуховѣ зъ пушечною стрѣлбою.

20. Писано писмо до пана Федора Чуйкевича, чтобъ, если доправить денги въ Новыхъ Млинахъ, заплатилъ з оныхъ Мандзенку 12 р. 30 к., Левченку 2 р. за потребы, до кунтуша взятіе, и себе-жъ ренту отобралъ, а остатокъ ко мнѣ прислалъ; на школы кіевскіе данъ двойный черьоній. Прибылъ Игнатъ Данченко въ Глуховъ. Заплатилъ за давніе стіонжки 10 к.

21. Дано на росходъ 30 к. Писано писмо въ Москву до пана Андрея Горленка, просячи о корреспонденціи и извѣстіе стороны даннаго ему моего меморіалу. Писано писмо до пана Федора Ширая [115]) о одобраню клевѣкорда у пана Івана Кулябки, и до пана Кулябки о видачи оного клевѣкорда. Да писалъ панъ Іскрицкій и карту мнѣ объ ономъ вручилъ. За $^{3}/_{4}$ бѣлокосу дано $41^{1}/_{2}$ к.

22. Пріехалъ полковникъ въ Глуховъ. Розышлось на розницю копѣекъ 9.

23. Онъ-же полковникъ былъ у ясневелможного и обѣдалъ зъ полчанами. Далъ на росходъ 30 к., цилюрнику 4 к.

24, 25, 26, 27. Розышлось на сѣно, овесъ и проч. 2 р.

28. Праздновано рожденіе ея імператорскаго величества зъ пушечною стрѣлбою, и сего-жъ числа прибылъ въ Глуховъ панъ Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій и Янушкевичъ, писарь черніговскій и Давидовичъ, тоаарищъ значковый, одпущенные зъ Москви. Чрезъ пана Холодовича прислана грамота о пожалованю пана Івана Борозны судею енералнымъ, а пана Турковского—писаремъ енер. полнымъ, да о пожалованномъ ему Холодовичу селѣ Пироговцѣ [116]).

---

[115]) Федоръ Ширай былъ женатъ на дочери Петра Кулябки, а слѣдоват. на внучкѣ тетк. Апостола (Петръ Кулябка женатъ былъ на Аннѣ Данил. Апостолъ). Иванъ Кулябка, у котораго нужно было взять «клевѣкорды», былъ братъ жены Федора Ширая. Впослѣдствіи онъ былъ полковникомъ лубенскимъ. См. примѣч. 67.

[116]) С. Пироговка глуховскаго уѣзда, недалеко отъ м. Воронежа, гдѣ Холодовичъ былъ сотникомъ.

Попу вѣкарію николскому отцу Тимофію данъ 1 р.

29. Розыплось на сѣно и проч. 22 к.

30. Его превосходительство, господинъ генералъ и ордена Александра Невского кавалеръ, Семенъ Григоріевичъ Нарышкинъ прибылъ въ Глуховъ по полдню, которого визитовалъ и ясневелможный на его квартерѣ. Розыплось на сѣно 21 к.

31. Писалъ письмо до жены чрезъ Григорія Данченка. Господинъ генералъ Нарышкинъ былъ у ясневелможного въ домѣ и вручилъ его ясневелможности грамоту о опредѣленіи маетности старшинѣ сперальной и прочимъ. На сѣно, овесъ и проч. розыплось 40 к. Одклонился ясневелможному въ вечерѣ.

Февраль.

1. Розыплось на сѣно и проч. 30 к. Господару дано 20 к., віехалъ я зъ Глухова и прибылъ на ночь въ Шатрищи.

2. Прибылъ на службу [117]) въ Камень надъ Десною и тутъ отобѣдавши, прибылъ въ Чаусы и въ Перегонъ, а зъ Перегону прибылъ ночю въ Стародубъ. За рыбу въ Каменѣ 6 к.

3. Праздновали тезоименитство ея і. величества и молебствовствовали зъ пушечною стрѣлбою, послѣ и при обѣдѣ у полковницы гуляли зъ стрѣлбою-жъ, а надъ вечери были у мене въ домѣ полковница и другіе, и гуляли.

4. Весь день пролежалъ послѣ вчерашнего гуляня.

5. Былъ у полковницы и прощался за позавчорашную при гульнѣ досаду. Одправлена баба въ Погаръ, которой дано сукна на кунтушъ темнозеленого за 2 р. 63 к.

6. Розыплось на мясо и проч. 20 к.

7. За меду 4 гарцы 20 к., за возъ лучины 17 к., на прочее 8 к. Прибылъ въ вечерѣ зъ Глухова полковникъ.

8. Дано Василю 10 к., Алексію 4 к., на мясо 10 к., за медъ 8 к., за желѣзо 12 к.

9. Писаны писма въ Глуховъ до его м. пана Скоропадского зъ посилкою кадриліи, до пана Юркевича и до пана Федора Чуйкевича о арестѣ на футоръ Михайловского, виданномъ зъ новомлинского уряду.

---

[117]) На обѣдню.

10. Дано лящицкимъ людямъ, которіи на дрань подрядились, вмѣсто полчвертки муки 20 к., а полчвертки еще имъ надлежитъ.

11. Снѣцару, который дѣлаетъ шафу, дано 30 к.: на розницю розышлось 14 к. Гришки Соколова умершого тѣло повѣшено за ребро на ⌣.

12. За мясо заплачено и на проч. розышлось 22 к., дано Василю 20 к.

13. Графина [118]) зъ полковниковою де-Фронбісовою обѣдали у полковника и гуляли, а послѣ у насъ вечеряли и ночевали. Розышлось на медъ, мясо и проч. 36 к.

14 к. Посалъ чрезъ Бардовского до графа 30 р., да 5 кусковъ полотна парусного. Писала панѣ матка и я до пана Івана Гамаліи въ Москву чрезъ денщика графского, который посланъ доганять графа Мойсея Ивановича. Пошло на розницю 7 к. Пытаны Соколовъ зъ товарищи жестоко.

15. Посланъ сторожъ въ Андрѣйковичи по сѣно для свезеня оного въ Стародубъ; пошло на харчъ 10 к., за медъ заплачено 19 к.

16. Дано Брезкуну за мясо, передъ симъ набранное, 20 к. Писалъ писмо къ діакону Протерію въ Лящичи, чтобъ позволено выпустить брусовъ сосновыхъ 200, да дубовыхъ 20, для которыхъ выпуску и людей велено одправить зъ Пятовска и другихъ деревень свободныхъ войсковыхъ. Розышлось на розницю 20 к.

17. Василю дано 10 к., за медъ заплачено 15 к.

18. Снѣцару отданы остальныя денги 70 к., да за дошки 15 к. Сей день пробивали у графа въ Топалѣ, одколь коло вечерень уже прибыли въ Стародубъ.

19. На рыбу и проч. пошло 16 к.

20. Въ вечерѣ были многіе гостѣ, которіе послѣ поехали до пана Івана Миклашевского.

21. За бочку соли цурки, да за пудъ бѣлой соли-жъ 4 р. дано.

22. За лѣйци (возжи) ременные пароконные 50 к. Посланы писма въ Глуховъ до его м. пана Скоропадского зъ термѣнами указовъ о калкуляціи денегъ.

23. Василю слузѣ дано 15 к., за ситце грибовъ 15 к., на розницю 10 к., за осмачку овса Гриневичу 30 к.

---

[118]) Анна Рагузинская, дочь бунч. товар. Ивана Бороздны. Второй мужъ ея—Ив. Андр. Гамалѣя.

24. Покроено Алексію и Василю двѣ епанчи нѣмецкихъ зъ парусного полотна 18 аршинъ, дано на нитки 4 к., за падло конское для собакъ дано 6 к., на розницю 3 к. Договорилъся зъ маляремъ обмаліовать шафу за 1 р. 40 к.

25. Дано за чоботы Івану, що з Вори (хуторъ), 25 к., хлопцю Степану 10 к. Зѣнцю хлопцю покроено вчера камзолъ и епанчу; пошло на тое парусного полотна 8½ аршина; за 10 дощокъ липовыхъ 17 к.

26. Розышлось на розницю 72 к.

27. Заплатилъ Мандзелку и Левченку глуховскимъ 14 р. 30 к., за медъ и проч. 12 к., за сѣчку 9 к.

28. Липицкимъ людямъ остатокъ за полчвертки жита заплачено 20 к. Маляру умовленному шафу маліовать дано 60 к. ad interim. Послано чрезъ Стефанового отца до сестеръ 2 р., да Дмитру коня вороностроватого.

29. За козла жовтого 40 к., на рибу 64 к., на медъ 22 к. Графъ Гаврило Владиславичъ зъ женою и полковница де-Фронбісова зъ дочерю обѣдали у насъ. Взяли у грека 2 фляшки легонского, 2 простого полинкового. Далъ кунтушъ свой откросный Стефану.

Мартъ.

1. За двѣ хустки блакитные 30 к., за полшята локтя камлюту 1 р. 30 к., у Пуховича взялъ локоть ленти за 50 к., которую подарилъ дочерѣ пана Николая Борозны, которого жена у насъ обѣдала.

2. Покреяны дитинѣ суконки, до которихъ на пювкъ 12 к., на шнурокъ 5 к. Посланъ козакъ новомѣстской сотнѣ въ Полтаву, чрезъ которого писалъ до сперала де-Безбаха, до ксенза канеляна его, сзунти, и до пана Тимоновича. За розные багателѣ (мелочь) кухенные 4 р. 2 к.

3. Греку Зефіру заплатилъ за вино бранное передъ симъ, и именно за 8 фляшокъ легонского и за чотири червоного полункового 4 р. 20 к. Фарбелницѣ [118]), которой дано луданъ фарбоватися, дано 20 к., за 8 тертицъ сосновыхъ 4 к., за хрѣнъ 5 к., за два камснѣ [120]) и девять фунтовъ желѣза 1 р. 29 к., за полотна простого 26 локоть 36 к.

---

[118]) Красильницѣ.

[120]) Камень - 50 фунтовъ.

4. Подрядился гончарскій атаманъ Авраамъ Жуковъ пѣчъ дѣлать и поставить въ хатѣ столовой, а въ сняхъ коменъ, пѣчъ-же покощованную, а коменъ зъ сенцей мурованый и за то все ему дать ровно 4 р., а сего числа онъ-же взялъ уже въ задатокъ 2 р. битые. Маляру, который отдѣлалъ шафу совсѣмъ уже, дано доплатки 80 к., Евтушку кравцю на шовкъ 4 к., за щуки и окунѣ рибу 22 к.

5. За разный наборъ у Лаврѣна дано ему 98 к., розыплось на розницю 37 к.

6. Розыплось на розницю 65 к.

7. Одправлено письмо до его м. пана Скоропадского о небезпечной ради распутицы дороги, требуя повторного указу, и послано въ Новгородокъ; розыплось на розницю 15 к.

8. Купилъ дворъ у Музики зъ хоромнымъ строеніемъ, въ тилу моего двора будучій, за 40 р. и въ задатокъ данъ 1 р., стелмаху 3 к., шевцю на задатокъ чоботъ нѣмецкихъ чорныхъ 20 к., інтроліогатору (переплетчику) 10 к., на нитки кравцямъ 6 к., на розницю 14 к.

9. Расплатка учинена зъ Янченкомъ и другими за сукно, рисѣ, шнурокъ, таоу, тако-жъ Леонисѣ, Шадрѣ, всего дано 11 р. 38 к. За медъ 8 к., на нитки 5 к., за сопиру 8 к., фарбилницѣ 20 к., шевцю 18 к., слесарамъ 4 к., ковалямъ на крушъ 10 к., за шнурокъ и нитки Іванцю до кунтуша 16 к., кравцю Карноуху 38 к. Заплатилъ за Пузира пану Скорупнѣ 20 р.

10. Шевцю за направу чоботъ 2-хъ паръ 18 к., кравцямъ за роботу 70 к., на нитки, гашники и шнурокъ 7 к., Макрипѣ на серванокъ 20 к., мамцѣ Петрусевой сего числа дано 30 к., а прежде дано-жъ 20 к., въ заплату умовленныхъ. Одправилъ Івана Кошку, давши ему кунтушъ гранатовый и коня ему-жъ уступилъ подарованного матцѣ.

11. Віехалъ зъ Стародуба, и при отездѣ вручены на росходъ 5 р. денегъ. Занялъ у Конончука 5 осмачокъ жита стародуб. мѣри и облѣгъ ему далъ.

12. Прислала мнѣ панѣ подушечку, вина и проч., а я ей послалъ подушечку-жъ, кошеліокъ, ангеит и дѣтямъ стіонжечки. Василю дана полтина на росплатку его за гоне (лѣченіе). Заплачено за медъ и рибу, зъ Погари привезенные, 18 к.

13. Віехалъ съ Перегону, обѣдалъ въ Гремячомъ, ночовалъ въ Пушкарахъ [121]. Розышлось 8 к.

14. Прибылъ на обѣдъ до Смячи и тутъ у пана сотника шептаковского обѣдалъ. Отель ехалъ на Шептаки и прибылъ на ночъ самъ въ Новгородокъ, а возки ночовали у млина пролевецкого.

15. Отдалъ войту новгородскому коня бѣлого и тутъ въ Новгородку сей день пробавилъ.

16. За рибу дано 35 к., ремесникамъ 6 к., Козлу на дорогу 6 к., на перевозъ 2 к. Віехалъ зъ Новгородка, на ночъ позно прибыли въ Локотки.

17. Попасовали въ Собичевѣ, на ночъ прибыли въ Глуховъ. Сего числа ясневелможная віехала зъ Глухова до Сорочинецъ [122].

18. Весь день пробивалъ въ дворѣ гетманскомъ. Получилъ писма вечеромъ отъ сотника погарского о затѣйкахъ старости севдоколского.

19. Былъ у его м. пана писаря и обозного енералныхъ. Цирулику за голеня 4 коп.

20. За дрова 14 к., на медъ 4 к., за оглоблѣ 2 к.

21. Розышлось на розницю 75 к.

22. Віехалъ зъ Глухова по полднѣ въ 6-мъ часу, ночовалъ въ Слоутѣ [123].

23. Прибылъ въ Новгородокъ ночю. Розышлось позавчора 30 к.

24. Въ Новгородку за овесъ 17 к., за рибу 26 к.

25. Слушалъ службы Божои въ монастырѣ новгородскомъ, и обѣдалъ тамъ-же; позно віехавъ, прибылъ на ночъ въ Смячъ. Вчора послано удостоеніе для подпису до асаула епер. пана Лисенка, чрезъ значкового козака новгородского Лукяна Василіева.

26. Прибылъ въ Перегонъ и ночовалъ.

27. Прибылъ ночю въ Стародубъ.

28. За пообмаліоване колѣсъ до карети и поправку карети 60 к.

29. Розышлось на розницю 8 коп.

---

[121]) Село новгородсѣверскаго уѣзда.

[122]) Село миргородскаго уѣзда, гдѣ была Апостоловская усадьба.

[123]) Село въ 12-ти верстахъ отъ Глухова.

30. Прислалъ Колчевскій 4 вуки рабы. Писалъ письмо до пана Андрея Миклашевского въ дѣлѣ пана Скоропадского о млинѣ и проч., что въ продажу. Послано письмо и до пана Борковского.

31. Данъ копъ гнѣдій кулябковскій Качановскому. Взято у Герасима Солодовника ¾ колодной мѣры на пиво солоду, а на хмѣль дано 20 к. и до броварь 2 возы дровъ., на крашениу докупить немому на юпку 8 к., на шнурокъ до дѣвчинского жупанка, да на гаплики до молодецкихъ 4 к. Розышлось на розницю 8 к., за яблокъ 10—4 к.

Апрель.

1. На крашениу и нитки до панеи кунтуша штофового 12 к. Розышлось на розницю 5 к. Кравцямъ дано 12 к. Дано Івану ворскому каѳанъ крашеновый зеленый и свиту бѣлую; нѣмому каѳанъ крашеновый-же. Дѣвчинѣ Улинѣ кунтушикъ суконный. Шевцю даны дѣлатись чоботи жовтіе и ежужъ на потребы дано 14 к.

2. Присланъ унѣверсалъ и листъ зъ Глухова о Белявицѣ. Розышлось на розницю 14 к. Писаны писма въ Глуховъ, одно до пана Скоропадского зъ посылкою виниѣ и расписки, ревнянцямъ отъ карповцовъ[114]) данной, и термѣнъ двохъ, да листи графа Савы Владиславича, другое до пана Юркевича, и о пересылцѣ оныхъ писемъ писано до сотника новгородского чрезъ козака тоей-же сотнѣ погребского Іосифа Колмиченка. Получены указы о высылкѣ 30 тысячъ роботниковъ на лѣшійную работу, въ томъ числѣ зъ полку стародубовского козаковъ 9 сотъ зъ лишкомъ, мужиковъ 2038, такожъ о постереганю, чтобъ люде не розыходились.

3. За рогожи и проч. 14 к., на шнурокъ хлопцямъ, на сталь, да на шнурокъ шовковый 9 к.

4. Отправлено вино фронтиніакъ въ Глуховъ при письмѣ до пана Скоропадского. Шевцю дано за работу 15 к. Розышлось 4 к.

5. Заплатилъ Лавріну за 10 фунтовъ гаиниу 30 к. Свѣчарцѣ на полтора фунта воску и на яръ 25 к. Домонтовичу за зроблене штофного кунтуша панеи 25 к.

6. За пугвицѣ Алексію и Василю 20 к. За офарбоване крашенины 20 к., за полотно подъ хлопячіе жупанки 20½ к., огородвику 15 к. Розышлось 19 к.

---

[114]) Д. Ревна и с. Карповичи—новезыбковского уѣзда.

7. За три пришенки 30 к., спѣцару 20 к. Максиму шапочнику за зроблене шапки 20 к.

8. Сповѣдалъся и причащалъся: розшилось на розницю 95 к.

9. Въ Новгородку панъ Даниило Кутневскій т. б. (день Пасхи) по всенощной умре[124]). Сего числа и вчора панѣ тещи жестоко была болна.

10, 11, 12. Розышлось на разные експенси 3½ р.

14. Маслостятіе отправилось надъ панею тещею, и сего числа віехалъ я зъ Стародуба и прибылъ въ Перегонъ. Далъ панъ Федоръ Ширай 15 р. на покупку шпалеръ[125]) въ С. П. Бурхѣ до избы, которой стѣны двѣ шириною по 13 аршинъ, другіе двѣ по 11½ аршина, а высотою всѣ по 6 аршинъ.

14. Лаврѣнъ сторговалъ у насъ 2 куфи горѣлки за 33 р. и далъ задатку 20 р., и осталось на немъ 13 р. и камень ганищу. Взялъ отъ шинкаря чаусовского Ноября 6 р., зъ томъ числѣ чрезъ руки Стефановского 3 р., одъ самого 3 р. и изъ тихъ велѣлемъ панѣи отдать 2 р. Віехалъ зъ Перегону и прибылъ на ночъ въ Каменскую Слободку[126]).

15. Прибылъ передъ обѣдомъ въ Новгородокъ и тутъ обѣдалъ. сотникови новгородскому отдалемъ должные 5 р. На ночъ прибылъ въ Богдановку. Розышлось 9 к.

16. Службы слушалъ въ Гамаліевцѣ[128]), обѣдалъ въ Собичевѣ. Прибылъ завременно въ Глуховъ и былъ у ясненьможного вечеромъ.

17. Слугамъ гетманскимъ таляръ битій, гобоистамъ 12 к., на сѣно 14 к., на овесъ 12 к., на харчъ людямъ 5 к.

18. На сѣно 13 к.

19. Отобралъ присяги зъ доношеніемъ изъ маніфестерской канцеляріи.

20. Отобралъ прогонныхъ денегъ и на проч. 36 р. 46 к. Дала на покупку двохъ кунцъ панѣ Ломіковская 3 р., а до архимандрита Донского при письмѣ хустку.

---

[124]) Бунчуковый товарищъ, бывшій сотникъ новгородсѣверскій, зять генеральнаго писаря Семена Савича, по женитьбѣ на его сестрѣ.

[125]) Обои.

[126]) Теперь с. Каменка, новгородсѣверскаго уѣзда.

[128]) Гамалѣевскій женскій монастырь около с. Лукотковъ, глуховскаго уѣзда, построенъ гетманшею Скоропадскою.

21. Подбіралъ писма у господъ разныхъ, да и експедицію совсѣмъ отобравши, одклонился ясневельможному и прочіимъ.

22. Віехалъ зъ Глухова въ 6-мъ часу пополуночи, прибылъ на почту (станцію) товстодубовскую въ 10-мъ часу, отоль въ Сѣвскъ по полдне въ 4-мъ часу; за двѣ осѣ 6 к., на розницю 4 к., тому що поддѣловалъ оси 5 к.; зъ Сѣвска віехалъ въ 7-мъ часу, въ полѣ о 20 верстъ за мостомъ зломалось колесо подъ возкомъ и за колесо въ деревнѣ дано 9 к., въ Сѣвску за подоски два и за 12 гвоздей 6 к.

23. Рано прибылъ на почту Любощевскую въ 4-мъ часу по полуночи. Отоль на почту до Чаенки прибылъ въ 11-мъ часу, въ Чаенцѣ пошу дано 10 к., зъ Чаенки прибылъ въ Сомовъ въ 3-мъ часу по полудне, тамъ на перевозѣ дано 4 к.. Прибылъ въ Карачевъ въ полдевятого часа, тутъ на діоготь и проч. 6 к.

24. Зъ Карачева прибылъ въ Глотовъ въ 11 часу, отоль віехалъ вполтретя часа по полудни, прибылъ въ Болховъ въ полдесята часа пополудни: тутъ на медъ 8 к., подячому и виборному 3 к.

25. Зъ Болхова віехалъ въ полтретя часа по полуночи, прибылъ въ Беліовъ въ десятомъ часу, тутъ за ось 4 к., за подоски 18 к., тымъ що поддѣловали двѣ осѣ 5 к., на розницю розышлось 10 к., ямщикамъ 1 к. Зъ Беліова віехалъ въ 1½ часа по полудни и претерпѣвши несносніе досады отъ дожча, бездорожя, темноти ночной, особливе на Тихвинскомъ лѣсу и горахъ, прибылъ на силу въ 12-мъ часу, то есть о полночи въ Тихвинъ.

26. Тутъ обехавши генерала маіора артилеріи Матвія Матвіеича Витверта, прибылъ на попасъ подъ лѣсъ калужскій, за 21 версту отъ Калуги, и обѣдалъ надъ рѣчкою Желовъ, протокомъ идучою. За рыбу на Окѣ подлѣ деревнѣ Машковыхъ 5 к., за цібулю 1 к. Въ Калугу прибылъ ночю въ 11-мъ часу; тутъ въ Калузѣ на розницю розышлось 13 к.

27. По полуночи въ второмъ часу віехалъ зъ Калуги и прибылъ на почту до Добрыхъ въ 11-мъ часу; тутъ обѣдалъ и розышлось на розницю 14 к.; отоль поехалъ въ 12-мъ часу и проехавши другую почту въ Липовѣ, да тамъ-же переменивши лошадѣ, прибылъ на почту до Черничного и тутъ ночовалъ.

28. Въ 3-мъ часу пополуночи віехалъ зъ тоей почты и на дорозѣ встрѣтившись зъ куріеромъ кіевскимъ Павломъ Соколовскимъ, который одправленъ зъ С. П. Бурха въ Царградъ сего

апріля 22 д.; перемѣнилъ лошадѣ и прибылъ на почту въ Пахру въ 10-мъ часу и тутъ обѣдалъ. Розыплось на розницю 8 к., за колесо 10 к. Прибылъ въ Москву въ 7-мъ часу пополудни и сталъ квартерою на Мясницкой, въ домѣ переводчика Іностранной Коллегіи Лва Петровича Грузинца.

29. Целюрику за голене 10 к., на прочее розыплось харчевое 40 к. Ужиналъ и ночовалъ у пана шваграа Івана Гамаліи.

30. Обѣдалъ въ домѣ и зъ гостми. Розыплось на розницю коп. 10. Дана хустка сдвабная[128]) У(ріилу) подячему.

Май.

1. На двѣ осѣ до коляски 30 к. Алексею данъ 1 р., Николаю Евдокименковому козаку на его нужди данъ 1 р., а прежде 50 к. Куплены двѣ пари куницъ для панеи Ломиковской за 5½ руб., которые вручены для отвозки пану Ігнату Данченку.

2. Даны пану Ігнату Данченку 10 талѣрокъ, двѣ таци[129]) малїе зломанїе, полумисокъ одинъ старій, цѣнованые[130]), для обмѣна въ рядахъ на 12 талѣрокъ и одну тацу цѣнованую жъ, и въ доплатку, що надлежатиметь, даны 2 р. За сапоги заплочено 75 к. У его жъ оставлены при меморіалѣ 2 казанки мѣдные. Данъ 1 р. іноземцѣ Николая Мануйловича Мотонія[131]) женѣ, Елисаветѣ Василіевнѣ, alias Вилимовнѣ, на кошулки дѣтямъ и за запинанки[132]) по парѣ имъ здѣлать, да дочере-жъ ся маленкой Катеринѣ дано въ гостинецъ 20 к. На харчъ и иную розницю дано 30 к. Еще дано козаку Николаю Евдокименкову на ножъ и проч. 10 к. Вручены писма пану Ігнату Данченку, писанные до ясневелможного, до пана Скоропадского зъ отаѣтами одъ Толстой, до пана тестя, до жены и до Стефана, зъ подписомъ на пакетѣ до п. Юркевича. Тому, що выходилъ зъ ямской пашпортъ, дано 20 к. Віехалъ зъ Москви

---

[128]) Шелковая.

[129]) Блюдо.

[130]) Оловянные.

[131]) Грекъ Мотоній былъ родоначальникомъ дворянъ Мотонисовъ. Одинъ изъ сыновей его, по женитьбѣ на Жураковской, получилъ богатыя имѣнія около Нѣжина (с. Лиовъ Рогъ и друг.).

[132]) Кошулка—рубашка, запинанка—родъ фартушка.

въ 6-мъ часу по полдни и прибылъ на почтовой станъ въ село Чорное за полночь, одтоль віехалъ—

3. Въ 4-мъ часу пополуночи и прибылъ на другой станъ до Пешокъ въ 10-мъ часу. Зъ Пешекъ прибылъ въ Клинъ въ 2-мъ часу по полдни, и тутъ призивалъ мене къ себѣ и потчовалъ воевода здешный Глѣбъ Прокофіевичъ Радищевъ, до котораго я привезъ и писмо отъ брата его Афанасія Прокофіевича Радищева. Зъ Клину віехалъ въ 4-мъ часу по полудни и за сѣмъ верстъ одъ Клину, въ ємщицкой слободѣ, зломались подъ коляскою дроги и подушка, и покамисть поддѣлали починку, пробавилъ до 7 часу. Заплатилъ плотникамъ и кузнецовѣ 10 к., а въ 7-мъ часу віехавши, прибылъ до Завидова на почту въ 12-мъ часу, то есть о полночи. Одтоль в 3-мъ часу пополуночи віехавши прибылъ—

4. Въ Городню въ 7-мъ часу по полуночи, а одтоль въ Тверь въ полодинадцата часа. Одтоль віехалъ въ 2-мъ часу и переехазъ чрезъ Мѣдное, зъ перемѣною коней, прибылъ позно въ Торжокъ.

5. Зъ Торжка рано поехавши, перемѣнилъ почту въ Видропуску и прибылъ въ Волочокъ по полудни, а одтоль до Хотѣлова. Въ Волочку на діоготь, хлѣбъ, медъ и на проч. на другихъ почтахъ розыплось 29 к.

6. Зъ Хотѣлова рано прибылъ до села Едрова, где за мазницю з діогтемъ дано 15 к., одтоль до Зимніого и до Зажолобичъ, а одтуду цѣлую ночь ехавши, прибылъ—

7. Рано до Крестца; тутъ встрѣтились два геодезисти, изъ адмиралтейства на Воронежъ посланные: Федоръ Алексіевичъ Зубовъ да Александръ Даниловичъ Поповъ, которіе обижали, что панъ Андрей Полуботокъ въ С. П. Бурхѣ стоитъ квартерою въ Пушкарской Морской, на адмиралтейской сторонѣ, подлѣ Ивановского рынку. Тутъ въ Крестцахъ да въ Заяцовѣ на хлѣбъ, мясо и пиво 15 к. Зъ Крестца прибылъ до Заяцова и переехавшись за деревнею Красным Станкомъ, до 5 верстъ сухимъ путемъ уехавши, прибылъ передъ свѣтомъ въ Бронницы.

8. Рано зъ Бронницы судномъ пустившись, водою прибылъ въ Новгородъ въ 10-мъ часу передъ полуднемъ; тутъ розыплось на хлѣбъ, медъ и уксусъ и проч. 35 к. Зъ Новгорода, хоча и противная была погода, віехалъ въ 1-мъ часу по полудни и съ нуж-

дою днемъ ехали водою, и ночью, когда утишилась противная погода, то поспѣшне ехали.

9. Рано прибылъ до Сосвинской Пристани въ 5-мъ часу по полуночи: отоль взявши почту, поехалъ перспективою и прибылъ до почты зъ деревнѣ Грядкахъ, зъ Грядокъ до Любанъ и до Тіосни, одкуду ночю поехавши,

10. Пріехалъ рано до Іжоры, и тутъ за рибу дано 5 к., на прочее дорогою розышлось 7 к. Зъ Іжоры прибылъ въ С. П. Бурхъ въ 4-мъ часу по полудни и заехалъ на квартеру пана Андрея Полуботка [124]) въ Морской Пушкарской и тутъ ночовалъ. Сегожъ числа ея и. величество изволила въ адмиралтействѣ заложить корабль въ сто пушокъ и назено въ пріездъ ея величества з 31, а по заложеніи зъ 51 пушекъ.

11. Рано былъ у Петра Василіевича Курбатова [125]) и вручилъ партикулярніе къ нему писма. По обѣдѣ представилъ онъ же писма надлежащіе въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ и партикулярніе графу Головину и поотбѣралъ оные отъ мене. Сего же числа былъ я и у панича на Петербурскомъ Острову, а вечеромъ былъ въ дворцѣ въ дежурной князя Алексія Ивановича Шаховского, на дежурствѣ тогда бывшого, которому и писма вручилъ и до позна у него-жъ пробавилъ.

12. Представилъ мене Петръ Василіевечъ графу Остерману, которому и писмо вручилъ; потомъ былъ въ коллегіи иностранной. Сего-жъ числа видѣлся зъ сыномъ полковника нашего старод. Іваномъ Александровичомъ Дурновымъ, которому и писма отца, и сукно, и матерію и ленту, зъ Стародуба присланные, вручилъ.

13. Рано перевезлъся на Петербурскій Островъ въ квартеру Павла Апостола [126]). За перевезеніе бутарю, извощикамъ и перевощикамъ 38 к.

14. Рано были у генерала Ушакова, которому и писмо гетманское вручилъ; потомъ были въ дворцѣ, где камеръ-лікей Іванъ

---

[124]) Сынъ Павла Полуботка, бунчуковый товарищъ, умеръ въ 1734 г.

[125]) Секретарь коллегіи иностранныхъ дѣлъ. См. Акты Сенат., Баранова, II, № 2351.

[126]) Павелъ Апостолъ—внукъ гетмана и сынъ старшаго сына послѣдняго—Ивана, отъ брака его съ Еленою Михайловною Корсакъ (см. примѣч. 88). Онъ воспитывался въ Спб. на казенный счетъ и былъ потомъ прапорщикомъ гвардіи

Федоровичъ Котляревскій принималъ насъ въ своей квартерѣ. Тамѣеш въ домѣ обѣдали и весь день въ домѣжъ пробавили.

15. Былъ у коллегіи и послѣ у канцеляристовъ въ домѣ Новоторжцова и Леонтіева и до позна у нихъ пробавилъ. Гребцямъ Петра Василіевича Бурбатова, которіе мене судномъ егожъ отвезли на квартеру, дано 20 к. Розышлось отъ прибытія въ С. П. Бурхъ по се число на разный расходъ 1½ р.

16. Былъ въ домѣ у Петра Василіевича по обѣдѣ и вручилъ въ моемъ дѣлѣ партикулярное къ нему отъ гетмана письмо, и листъ гетманскій же принялъ онъ же надлежащый въ коллегію иностранную, о удостоеніи моемъ въ опредѣленіи деревень. Розышлось на перевозъ 13 к.

17. Рано былисмо въ домѣ ея высочества, государыни цесаревны Елисаветъ Петровны и въ 11-мъ часу предъ полуднемъ, по одправленіи обѣднѣ, вручилъ ея-жъ высочеству письмо отъ гетмана, на которое изволила обѣщать дать отвѣтъ. Данъ 1 р. на покупку дротовъ и прочого, до направы коляски надобного, да Алексію на перевозъ 3 к.

18. Рано были з паничемъ[121]), у его сіятельства графа Гаврила Ивановича Головкина. Обѣдали у насъ Новоторжцовъ и Леонтіевъ. Розышлось на мясо и проч. 75 к. По обѣдѣ были послы китайскіе въ домѣ графа Головкина, отдавчи визиту его сіятелству.

19. Ея і. величество и всѣ господа трактованы были въ домѣ молодного графа Бѣрона, которій княжну Меншикову поялъ, и домъ его подлѣ зимнего государского дворца, что былъ прежде корабелного майстера Шклева. Былъ у отца Платона Маліновского архимандрита іпацкого и въ егожъ домѣ кушалъ. Розышлось 4 к. Отдалъ листъ генер. фелдмаршалу фонъ-Миниху.

20. Были у князя Дмитрія Михайловича Голицина и у преосвященного новгородского зъ паничемъ и писма поотдавали и меморіалъ своихъ нуждъ преосвященному подалемъ, который

семеновскаго полка; умеръ въ 1742 г. Единственная дочь его Катерина была замужемъ первымъ бракомъ за полковникомъ Кондратіемъ Бутаковскимъ, а вторымъ— за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Матвѣемъ Крамнымъ. Въ концѣ XVIII в. она вела большой процесъ съ Римскими-Корсаковыми за имѣніе, слѣдовавшее ея бабкѣ, Еленѣ Корсакъ.

[121]) Подъ именемъ »паничка« вездѣ разумѣется Пав. Ив. Апостолъ.

насъ своею баркою даже до квартеры отослалъ. Сего числа писано отъ мене письмо до ясневелможного подъ вчорашнею датою съ объявленіемъ о пріездѣ моемъ въ С. П. Бурхъ, чрез рейтара кіевского. За мите платя и на милю дано 15 к.

21. Рано былъ у князя Алексія Михайловича Черкаского и подалъ письмо гетманское. Службы слушалъ въ церквѣ Исаакія. Розыплюсь на розвицю 12 к. Въ 1-мъ часу по полдни изволила ея і. величество воспріять маршъ водою до Ладожского каналу, и въ 3-мъ часу изволила прибыть въ Невскій монастырь, гдѣ палено на салве зъ пушекъ, и когда изволили ея і. величество всесть въ судно Торжкого, на которомъ и імператорскій штандартъ былъ, при дворцѣ въ С.-П Бурхѣ, то дважди зъ суденъ, такожъ зъ адмиралтействѣ и въ крѣпости палено по одиножди зъ пушокъ, въ адмиралтействѣ зъ 77, а въ крѣпости зъ 77, а зъ суденъ дважди по 17 пушокъ, и того за двома разами палено въ обохъ крѣпостяхъ и зъ суденъ зъ 188 пушокъ. По полдни былъ въ нашой квартерѣ панъ Андрей Полуботокъ, которому и парти поніе подарилемъ. Розыплюсь сегодня 11 бутилокъ вина и полапкера, за который дано 2 р. 25 к.

22. Ездили на Василіевскій островъ къ Петру Василіевичу, токмо оного не застали въ домѣ. Сегожъ числа по полдни былъ у насъ на квартерѣ камеръ ліокай ея і. высочества Іванъ Федоровичъ Котляревскій и позабавилъся годинъ зъ 4.

23. Никуда зъ квартери не бывали ради зешкой чрезъ весь день непогоды. За направу туфлювъ дано 6 к.

24. Ея і. величество изволила возратится зъ походу, не доехавъ ладожского каналу за великою противною погодою верховою, которая перейти пороговъ не допустила на Невѣ, а во время приисствія въ С. П. Бурхъ такожде палено зъ пушекъ 188. Были у Петра Василіевича на Василевскомъ острову. Fungi ibidem relicti [138]). На перевозъ 5 к. себѣ, за двѣ бутелки 4 к., на перевозъ Алексію 2 к. Алексію на его нужди 10 к. Вечеромъ були у отцевъ архимандритовъ іпатского и донского.

25. Писма писанные въ Глуховъ до ясневелможного, до пана Скоропадского, до господина Пасека и до пана Юркевича подъ

---

[138]) Тамъ оставлены грибы.

вчерашною датою, и до пана тестя, до жены, до полковника нашого, до пана Андрея Миклашевского и до пана Скорупы и до Стефана въ Перегонъ подъ нынешнимъ числомъ, вручены въ коллегіи иностранной для отправы до Глухова на почтѣ. Сегожъ числа и виску въ коллегіи читалъ, учиненную по челобитю Корсаковому [139]) и по нашихъ спорныхъ челобитныхъ. Яхта императорская пришла зъ походу и палено на приходъ зъ пушекъ. Сегожъ числа князю Шаховскому подалъ письма въ моемъ дѣлѣ, писанные отъ гетмана, генерала де-Вейзбаха и пана Скоропадского, такожъ и мое прошеніе зъ копіею челобитной спорной противъ Корсака. На перевозъ пошло 10 к.

26. Былъ въ коллегіи и подалъ письмо, за мною отъ гетмана къ Василію Васильевичу Степанову [140]) тайному совѣтнику писанное. На перевозъ пошло 4 к. Купилъ двѣ бутылки фронтиніаку, дано 60 к., сыра аглинского 18 фунтовъ, фунтъ по 8 копѣекъ, дано 1 р. 44 к. Ея величество изволила быть въ адмиралтействѣ, и палено зъ пушекъ.

27. Былъ въ квартерѣ нашой Василь Федоровичъ Яворскій, камеръ юнкеръ ея высочества государыни царевни, е. і. зъ сдовымъ сержантомъ, а обѣдали тутъ, а послѣ были мы у графа Савы Владиславича, который насъ своею верейкою отослалъ ажъ до квартери, дано гребцямъ 25 к. Сего числа начали ходить по мосту, на Невѣ сдѣланномъ.

28. Обѣдню слушали у церквѣ Троицкой, а по полудни ездили графскою шлюпкою на Василевскій островъ и были у Петра Васильевича Курбатова, у Василія Васильевича Степанова и у переводчика Балошицкого. Розошлось 10 к.

29. Были въ дворцѣ и тутъ въ придворной церквѣ было молебствіе о состоявшемся трактатѣ зъ Персіею, да для тоей же оказіи поставлены были полки 3 гвардіи и нѣсколко пѣхотныхъ кругомъ дворца и другихъ палатъ, и первое палено зъ пушекъ на трехъ суднахъ, на Невѣ стоячихъ, потомъ зъ крѣпости и зъ адмиралтейства,

---

[139]) Максима Михайловича Корсака.

[140]) Василій Степановъ — членъ иностранной коллегіи и дѣлецъ своего времени. См. Архивъ Сената, Баранова, №№ 1659, 2728 и друг.

да знову зъ пушокъ передъ дворцомъ поставленныхъ, и всѣ полки палили бѣглымъ огнемъ трижды. Tandem былъ банкетъ въ дворцѣ. Панъ Горленко [111]) былъ у ручки государыни и у принцессы. Розышлось 5 к. Тамъ же въ дворцѣ подалъ я листъ отъ ясневелможного графу Левенвольду, оберъ гофъ-маршалу, и поруччику Ерголскому отъ Богдана Ивановича Пасска. Подъ симъ числомъ помѣченъ листъ гетманскій рукою Петра Василіевича Курбатова, въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ поданный передъ симъ, зъ удостоеніемъ мнѣ на деревнѣ Куровъ и Чубаровъ подписанный.

30. Были въ домѣ государыни царевны Екатерины Іоанновны, только не получили времени поклону отдать. Послѣ былъ въ коллегіи, и зъ рейстратури вийшолъ листъ гетманскій по записцѣ. На перевозъ и проч. пошло 13 к. По обѣдѣ были у капитана поручика семеновского полку Івана Івановича Косогова на Василевскомъ острову, а одтоль былъ я у князя Алексія Івановича въ домѣ и о своемъ дѣлѣ просилъ. Потомъ были зъ паномъ Андреемъ Горленкомъ въ домѣ ея і. высочества государыни цесаревны Елисаветъ Петровны, у духовника отца Костантія, и тутъ довго позабавились зъ компаніею, въ которой была и фрелина ея высочества Марія Михайловна Наришкина, господина генерала Семена Григоріевича Наришкина родная племянница, да гофъ-юнкеръ Алексій Григоріевичъ Жеребцовъ, такожъ сынъ оного отца духовника Алексій, которій на Украину отправляеться; и тамъ позабавились ажъ до полуночи.

31. Дано Алексію на желѣзо и проч. потребное до споряженя коласки 50 к.

Мѣсяцъ Іюнь.

1. Ея імператорское величество изволила переехать въ лѣтній новопостроенный дворецъ, и когда ея величество водою восприяла путь въ баржѣ, то зъ суденъ и въ крѣпости въ адмиралтействѣ палено зъ многихъ пушекъ. Рано были у графа Андрея Івановича

[111]) Андрей Андреевичъ Горленко, внукъ гетмана Апостола и братъ Іосафа, епископа Бѣлгородскаго, впослѣдствіи полковникъ полтавскій съ 1744 года по 1774. См. о немъ Русск. Арх. 1875, II, 257.

Остермана, потому и писма въ моемъ дѣлѣ отъ ясневелможного и отъ господина генерала графа фонъ-Вейзбаха вручилъ. Сегожъ числа графъ Сава Владиславичъ обослалъ мене виномъ краснымъ и водкою. Послѣ полдня былъ въ квартерѣ нашей Петръ Василіевичъ Курбатовъ, зъ которымъ и зъ другими доволно попили, и былъ я гораздо пьянъ.

2. Весь день пробывши въ домѣ, а въ вечеру былъ Новоторжковъ и привезъ паничу кормовые денги 45 р. на іюнь мѣсяцъ.

3. Розыплось на розницю 15 к., въ томъ числѣ на лекарство козаку 10 к., пилюрику 2 к.

4. Были въ дворцѣ лѣтнемъ, где церкви во имя святыя Троицы было посвященіе; послѣ въ огородѣ гуляли и по службѣ были въ салѣ приходной съ новопостроенныхъ будинкахъ, въ которой презрядные видѣли шпалери и прочее зѣло велелѣпное уборство. Обѣдали въ домѣ и рано передъ службою были и у графа Головкина, которому я и писма, за мною отъ гетмана и отъ генерала де-Вейзбаха писанные въ моемъ дѣлѣ, вручилъ. Розыплось на разный росходъ 48 к.

5. За ключикъ до шкарка 18 к., за книжечку латинского и нѣмецкого букваря 35 к., на гвоздики до чоботъ нѣмецкихъ 2 к. Одправлены писма на почтѣ до Глухова, и именно къ ясневелможному, зъ включеніемъ и писма отъ государини цесаревны и отъ енерала Ушакова, подъ датою 31 мая; до пана Скоропадскаго, подъ датою іюня 1; до жены подъ датою іюня 3, зъ включеніемъ и одъ полковничого сына писма; до пана тестя подъ нинешнимъ числомъ, да объ отправленіи оныхъ писемъ писалъ въ Москву къ подканцеляристу иностранныхъ дѣлъ коллегіи Урилу Ларіоновичу Іванову. Былъ сегожъ числа у Новоторжкова и Леонтіева, послѣ и у господина Бялошицкого—переводчика, а оттоль идучи на перевозъ, подрезалъ себѣ ногу, отчего занемогъ на ногу не помалу. На перевозъ поняло 11 к.

6. За болѣзнію поньною ногу за зъ избы не выходилъ. Подлячему Егору Афанасіевичу Іванову далъ 1 р. и баранко водки. Розыплось на розницю 23 к. Hac die abductus in fortalitium Petrus Mirovitz sub aresto in secretam cancellariam [115]. Писано писмо до его

[115] = Сегодня отведенъ въ крѣпость Петръ Мировичъ подъ арестомъ въ тайную канцелярію. Ср. Зап. Маркевича I, 391. Мы не знаемъ, въ какомъ родствѣ

м. пана Скоропадского о Алексіѣ Константиновy Яблонскомъ, мушенку.

7. Послалъ канцеляристу Леонтеву цигу (кубарь, волчокъ) и бутель вина красного, и сей день пробавилъ въ домѣ. На перевозъ челяди дано 4 к.

8. Былъ въ коллегіи и писалъ писмо къ Урілу въ Москву, чтобъ отправленный передъ симъ пакетъ въ Глуховъ вручилъ салдатамъ, отселя одправленнымъ, которіе зъ Петромъ Мировичемъ пріездили, одинъ преображенского полку Никита Шиповъ, другій гвардѣзоту глуховского. Обѣдалъ и въ лазнѣ (банѣ) мылся у отца Малиновского, которій и отправилъ мене на квартеру каретою. Пѣвчому малому государыни цесаревны Іванкѣ Павлову данъ 1 р. и хустка едвабная (шелковая). Былъ у насъ же и бандористъ слѣпій Григорій Михайловъ [113]. За 3 бутылки меду 12 к., на перевозъ 9 к., на хлѣбъ 4 к.

9. За перевезеніе коляски 30 к., за переправку червоныхъ чоботъ и за направу Николаевыхъ 20 к. Николаю козаку на цитваровое насѣне 5. к. Вчера написанное писмо до Урілла вручилъ солдатамъ помянутымъ. Сегожъ числа писалъ писма въ Глуховъ до его м. пана Скоропадского и до секретаря сенатского Івана Івановича Топілского, такожъ до Стародуба къ пану тестю, къ пану Федору Шираю и до жены—тамъ же поклонъ взразилъ и. и. Миклашевскимъ, Гамаліямъ и Корецкимъ пиваграмъ и пану Скорупнѣ, и отослалъ оные къ тимъ же салдатамъ чрезъ Кирила Семенова, служителя пана Павла Апостола. На перевозъ 5 к.

10. Посолъ китайскій, которій зъ свитою своею ездилъ до Пітергофа и до Кронштату, возвратилъся оттуду на яхтѣ дворцовой, на которой трубачи зъ лѣтаврами играли, и для проходу оной яхты

былъ Петръ Мировичъ съ переяславскимъ полковникомъ Иваномъ Мировичемъ (1696—1700), но вѣроятно это одинъ изъ его потомковъ. Вина Петра Мировича, за которую онъ сосланъ былъ въ Сибирь (см. ниже 16 іюля), остается неизвѣстною. Преосвященный Филаретъ Гумилевскій догадывается, что онъ былъ одною изъ «жертвъ» Бирона.

[113]) Григорій Михайловичъ Любистовъ бандуристъ-слѣпецъ императрицы Елисаветы Петровны. Въ 1742 г. онъ женился, въ слѣдующемъ году пожалованъ дворянствомъ, а потомъ произведенъ въ полковники (Марк. II. 182, 191). Въ 1749 г.

мостъ на Невѣ розвоженъ. За лимонъ дано 3 к., гребцамъ 3 к. Николаю козаку даны 5 к. По полдни ездили шлюбкою графскою на островъ его жъ графскій и тамъ также въ дворцѣ загородномъ графа Савы Владиславича гуляли годинъ зъ 5. Цилюрику 4 к.

11. Получилъ письмо отъ ясневелможного первое по отъездѣ зъ Глухова. Прийшла вѣдомость отъ пана Юркевича зъ Глухова, что жена пана Федора Ширая преставилась въ Стародубѣ маія 27. По полдни были въ домѣ преосвященного новгородского на Карповцѣ и тутъ изъ самымъ преосвященнымъ ходили по огороду и сами забавлялись годинъ зъ 6, а потомъ его-жъ преосвященство приказалъ всѣхъ насъ отвезть своею баржою.

12. Писалъ писма до ясневелможного и до п. Скоропадского да до п. Юркевича подъ вчорашнею, а до п. тестя и жены и до судового писаря Стефана Косача подъ нинешнею датою, зъ выраженіемъ поклону п. п. Гамаліямъ и п. п. Корецкимъ, которіе отправлены на почтѣ. За хлѣбъ французкій 8 к., на перевозъ и за пиво 20 к., за мите платя 10 к., за полапкерка бѣлаго вина 2 р. 50 к., за бутелку мушкателю 30 к., за фунтъ чаю 1 р. 50 к.

13. Принеслъ салдатъ глуховскаго гварнизону писма въ пакетахъ отъ п. Юркевича, въ которихъ изъ дому были писма; тому салдату дано 10 к. Сего-жъ числа ездили въ невскій монастырь, где по выслуханю службы Божой позваны въ келію архимандричую и тутъ по полднѣ въ 3-мъ часу перве кушали, потомъ ажъ до исходу 7 часу позабавили, таже въ началѣ 8-го отехали, и такъ туда, яко и назадъ ехали шлюбкою графскою. Были-же въ той компаніи преосвященные архіепископи крутицкій и нижегородскій, архимандриты чудовскій Колетій, іпатскій Платонъ Малиновскій и горицкій Іларіонъ, да Петръ александроневскій и другіе зъ мирскихъ и духовнихъ знатные, которыхъ всѣхъ трактовалъ ради отезду своего въ свою-жъ епархію до Казани преосвященный архіепископъ казанскій Іларіонъ Рогалевскій.

14. Былъ у его сіятелства князя Алексія Ивановича Шаховскаго и докладовалъ о писмахъ присланныхъ зъ Стародуба стороны

Любостовъ купилъ въ лубенскомъ полку у сыновей тамошняго полковника Василія Савича († 1714) дѣдовскія ихъ имѣнія, село Хорошки и д. Пулинцы и отцовскія—село Ходнѣевку и степь Строкачи (теперь село хорольскаго уѣзда).

Волуйця [144]), потомъ былъ въ коллегіи да у отца Іосифа Федоровича, священника воскресенского, что на Василевскомъ острову, болного, которій просилъ послать писмо къ брату его пану Ходорацкому въ Погаръ. На перевозъ и проч. пошло 9 к., за ленточки нитчаные 4 к., извощику за отвезене до кузнеца коляски 4 к., на литки 1 к.

15. Писалъ писма до п. тестя въ Ригу и вручилъ для отсылки графу Мойсею Ивановичу, да до жены и до Стефана Косача, писара суду полков. старод. и посланы оные до п. Юркевича въ Глуховъ. На перевозъ и проч. розышлось 9 к. По полдни были у Петра Василіевича, а послѣ у архимандрита іпацкого отца Малиновского зъ паничемъ, а ездили графскою шлюпкою.

16. Писалъ до ясновельможного стороны дѣлъ, что не могутъ быть рѣшены вскорѣ за немощію графскою, и о газетахъ французкихъ, да до судіи и писара енералныхъ [145]) стороны дворовъ ихъ, и отданы тіе писма отъ коллегіи іностранныхъ дѣлъ для отсылки. По полдни въ 4-мъ часу спущенъ въ адмиралтействѣ корабль или фрегатъ, названный Вагенмейстеръ, въ 46 пушокъ, и при спуску оного изволила и ея імператорское величество быть въ адмиралтействѣ на шлюпкѣ, и когда мимо судна на Невѣ и мимо крѣпость и къ адмиралтейству пріехать изволила, то во всѣхъ тихъ мѣстахъ изъ пушекъ палено. За оковане коляски кузнецу дано 70 к., да за привозъ тоей-же коляски 6 к. На перевозъ и на проч. розышлось 23 к. Гуляли въ огородѣ князя Меншикова, а послѣ были у Петра Василіевича.

17. За подроблене до коляски дроговъ плотнику дано 50 к., на перевозъ и проч. 22½ к. Въ вечеру былъ у сына полковника нашего корабелного подмастера Івана Александровича Дурова, котораго жена Катерина Андріевна зъ Кошеліовыхъ была болна и причащалась; а рано и въ 9-мъ часу по полудни былъ у князя Шаховского, который сего-жъ дня ездилъ въ невскій монастырь и уже позно возвратилъся.

18. По выслуханю обѣднѣ въ церкви Троецкой, где служилъ архіерей вологодскій, преосвященный Афанасій, былъ въ крѣпости

---

[144]) Село Волуенъ стародубскаго уѣзда.

[145]) Судья—Михаилъ Забѣла, а писаръ—Турковскій.

въ церкви святыхъ апостоловъ Петра и Павла, а возвратясь отоль засталъ въ своей квартерѣ Василія Маркелова Леонтева канцеляриста, которій у насъ и обѣдалъ и за полдень до 4-го часа позабавился. За редку, бѣлій хлѣбъ и на медъ 20 к.

19. Писаны писма въ Москву къ шваґру Івану Гамаліи подъ вчерашнимъ, и до Уріила Ларіоновича Іванова подканцеляриста іностр. коллеґіи подъ нинешнимъ числомъ и одираулены на почтѣ. Сего-жъ дня зрана былъ въ квартерѣ нашей отецъ Адамъ зъ лекаремъ ломовымъ преосвященного новгородского, а по обѣдѣ былъ камеръ ліокай Іванъ Федоровичъ Котляревскій, которій посланъ въ Москву. Розышлось на перевозъ, хлѣбъ бѣлій и пр. 16½ к. Рано былъ я у преосвященного новгородского за своимъ дѣломъ, токмо ничего не получилъ.

20. Былъ въ коллеґіи рано, а послѣ обѣда сплялъ къ Новоторжцову и Леонтеву, да не получилъ Новоторжцова, а отъ нихъ засхалъ къ Іпихову и отдоль пришовши, ночю захорогалъ жестоко на горячку. Розышлось на розницю 24 к.

21. Весь день былъ боленъ и послѣ обѣда принималъ прошокъ лубенскій contra lumbricos (противъ глистовъ). За хлѣбъ французкій 7 к.

22. Принималъ прошокъ одинъ, данный отъ лекаря дому преосвященного новгородского, послѣ которого пилю глисти болше двохъ аршинъ; потомъ обѣдалъ зъ сняткою и спинкою борщъ, отъ чего мнѣ повредило горше. Розышлось на розницю 26 к.

23. По полдни жестокій былъ парокезмъ, зперва зимно, а послѣ горячой фебри, и тривалъ (продолжался) болше десяти часовъ неотпустно, бо окончалъся ажъ въ 7-мъ часу по полночи на завтрее.

24. Лекаръ дому преосвященного новгородского давалъ прескрипцію, по которой посылалъ въ аптеку за лѣкарствомъ, якое и куплено за 50 к., и употреблялъ отъ жару. Розышлось на розницю 16 к.

25. Зъ полночи въ 11-мъ часу пущалъ мнѣ кровъ зъ правой руки тотъ-же лекарь и впустилъ на двѣ талѣрки, якая жестоко била худая. Посѣщалъ мене Іпиховъ зъ женою. Армашенку послана фляшка водки. На хлѣбъ бѣлій 8 к.

26. Присланъ листъ отъ преосвященного новгородского до графа Головкина, за мною въ моемъ-же дѣлѣ писанный. По обѣдѣ бывшему у мене помянутому лекарю архіерейскому далемъ за труды 1 червонный золотій. Розошлось 4 к.

27. Посѣщали мене перве Новоторжцовъ и Леонтіевъ, которому вчора дочь Евфимія родилась, послѣ переводчикъ иностранной коллегіи Петръ Михайловичъ Софоновъ. За хлѣбъ бѣлій и за дви лимони и проч. 8½ к.

28. Vacat.

29. Слушалъ обѣдни въ церкви троецкой, и въ дворцѣ были всѣ кавалери святого апостола Андрея Первозванного въ своемъ церемоніалномъ одѣянія, которіи ишли до церкви и зъ церкви по пари, а именно графъ Михайло Гавриловичъ Головинъ зъ графомъ оберъ гофъ-маршаломъ Левенвольдомъ, графъ фонъ-Биронъ оберъ-камергеръ зъ генераломъ фелдмаршаломъ графомъ фонъ-Минихомъ, князь Черкаской зъ посломъ цесарскимъ графомъ Вратиславомъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицинъ зъ вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ, за ними одинъ шолъ государственный великій канцлеръ графъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ, а потомъ ея імператорское величество, всѣ въ плащахъ зеленыхъ бархатныхъ, подбитыхъ бѣлими серебреними и несребреними матеріами. Колнѣры (воротники) у плащовъ парчовые золотые, а чрезъ колнѣры на цѣпяхъ (то есть лапцугахъ) золотыхъ у всякого висѣла на шіи кавалерія; шляпи зъ плюмажами бѣлими. Бачмаки бархатные чорные. Платье: кафтанъ золотій, камзолъ срѣбрный, штаны золотіе парчевые. По обѣдни кушать изволила государыня публично въ салѣ за однимъ столомъ зъ тими-жъ кавалерами, которіе у столу сидѣли въ шляпахъ и развѣ тогда толко поднимали шляпы, когда государыня пить изволила. До столу играла музика зъ пѣніемъ дамъ и кастратовъ, у другого стола кушала государыня принцесса зъ дамами и кавалерами, у третего генералы и прочіихъ чиновъ знатные мужескіе персоны. Послѣ обѣда приведенъ въ дворецъ посолъ китайскій съ съ своею свитою, а передъ обѣдомъ и между обѣдомъ палено зъ пушекъ доволно въ крѣпости и на суднахъ, передъ дворцомъ на Невѣ стоящихъ.

30. Далъ п. Косачу для переписки челобитную и универсалы. Вчора именинику Петру дано 25 к. На хлѣбъ бѣлій и на перевозъ 7 к.

Іюль.

1. Были у его сіятелства господина вице-канцлера графа Остермана, потомъ я былъ въ коллегіи и видѣлъ виписку на бѣло переписуючуюся. На перевозъ 3 к.

2. На бутилку меду 4 к. Былъ у мене Федоръ Інеховъ зъ тестемъ своимъ Іваномъ Ивановымъ.

3. Рано былъ я въ домѣ у Петра Василіевича Курбатова и о своемъ дѣлѣ просилъ, которій велѣлъ переждать сей тиждень, для того что пословъ имѣють отправляти. Сего-жъ числа подалъ челобитную въ коллегіи о мелницахъ до Перегона надлежавшихъ, что на рѣцѣ Борѣ, которыми нынѣ Корсакъ владѣетъ. За 5 книгъ, 4 латинскихъ и 1 граматку руско-нѣмецкую, дано 2 р. 27 к. зъ переплётомъ. На перевозъ пошло 12 к. На хлѣбъ бѣлій 2 к. Вручилъ письмо Алексію Требенскому для отсылки въ Ригу на почтѣ до пана тестя въ письмахъ отъ графа Савы Владиславича, а оное письмо написано подъ датою сего іюля 1 д.

4. Обѣдалъ у насъ ученикъ и переводчикъ академическій Василій Евдокимовичъ Ададуровъ, очень порядный молодецъ. На перевозъ пошло 6 к.

5. Былъ въ коллегіи; на перевозъ пошло 13 к., на бѣлій хлѣбъ 8 к. По обѣдѣ былъ у Інехова и у Егора Тимофіевича подлячихъ ін. коллегіи и женѣ Інеховой, ради именинъ ея, давъ 1 р.

6. На яхтѣ, отъ его сіятелства графа Головкина данной, поехали до Кронъштату въ 12-мъ часу, а прибыли въ Кронъштатъ въ 7-мъ часу по полудни. Передъ ѣздомъ дано Николаю козаку 10 к.

7. Капитанъ коммандоръ Ісаакъ Андріевичъ Брантъ прислалъ своего адютанта Іллина зъ поздравленіемъ и зъ 2 шлюбками, на которыхъ поехали перве въ военную гавань, и тутъ были у капитана караулного Бориса Козмича Лебедникова, а отоль попровадилъ насъ, и третую взявши шлюпку, капитанъ-лейтенантъ Александръ Артеміевичъ Возницынъ, которій былъ прежде кавалергардомъ, на корабль Ангутъ въ 96 пушокъ, потомъ въ Кронштатъ, и на корабль Петръ Первый и Вторый въ 110 пушокъ, которій

стоялъ на якорахъ между Кронштатомъ и купеческою гаванью, на морѣ совсѣмъ вооруженный, на якомъ въ то время было всякихъ людей зъ 500; и тутъ на кораблѣ все, что видѣть было и знать надобно, показивано. По полдни въ 7-мъ часу были въ обоихъ дворцахъ государевыхъ—въ старомъ квадратномъ и въ новомъ, что за церквою въ линіи зъ другими палатами, и все во всѣхъ покояхъ показивано.

8. Были рано въ мелницѣ, которою зъ канала, якій каменемъ викладивается, вѣтромъ витягаютъ воду. Дано за 3 кристалныхъ стаканы 21 к. Въ 10-мъ часу предъ полуднемъ віехали зъ Кронштату и что въ гаванѣ до вийстя (выхода) способной погоды не было, теды вышепомянутый капитанъ-коммандоръ господинъ Брантъ прислалъ свою десятя-веселную шлюпку, которая и яхту нашу зъ гаванѣ и далеко на море буксировала. Послѣ, одпустя шлюпку, пошли на паросахъ и прибыли въ Аранибомъ въ 12-мъ часу, где во всѣхъ палатахъ и въ церквѣ были и по огороду ходили; тутъ огородникъ поднесъ панничу полумисокъ огурцовъ и цвѣтовъ розныхъ. Въ 4-мъ часу по полудни поехали зъ Аранибома и прибыли до Питергофа въ 6-мъ часу и тутъ ходили въ каменныхъ палатахъ большихъ по всѣхъ покояхъ, тако-жъ въ гротахъ, и по правую сторону въ палатахъ, названныхъ Марли и Еремѣтажъ, где столъ на гирахъ и галѣрки подіймаются, и въ той-же сторонѣ по рощамъ и перспективамъ ажъ до позна гуляли.

9. Зрана пошли въ палаты, названные Монплезиръ, где во всѣхъ покояхъ и спальняхъ государевыхъ были и все преславное уборство видѣли, тако-жъ по городѣ и коло фонтанъ везде ходили; тутъ огородникъ поднесъ намъ по букету розныхъ цвѣтовъ, которому даны 10 к. Послѣ пришли опять къ гроту большому и тутъ показивано намъ фонтаны и где на дзвонкахъ водою куранти играютъ и на тихъ-же дзвонкахъ играли, толко на большіе фонтаны воды не пущано за оскудѣніемъ оной. Сего числа одехалъ князь Шаховскій въ Ригу. По полдни въ 3 часу віехали зъ Питергофа и не доехавши до Невы, за противною погодою, стали въ морѣ на якорѣ и тутъ ночовали.

10. Хотя зрана начали были лавѣровать, однако-жъ въ Неву ввойти за противною погодою не могли, и погодою-жъ взнесло яхту на мѣль, которую за ледво (едва) могли зъ мѣли сопхнуть на глу-

бозое мѣсто, чего ради поехалъ графскій человѣкъ Іванъ Семеновичъ, которій зъ нами и въ Кронштатѣ и въ другихъ былъ вышепомянутихъ мѣстахъ, до Питербурха и за обявленіемъ о томъ его графскому сіятелству, припроводилъ къ намъ до яхти шлюбку графскую и на другомъ шерботѣ люде для провожеия яхти, но понеже за противною погодою яхти вести было ни завозомъ, ни другимъ способомъ невозможно, того ради мы, останивши оную въ томъ-же мѣстѣ, на узморю, сами поехали на шлюбцѣ до С.-Питербурха и прибыли въ квартеру въ 8 часу по полудни. Тутъ въ квартерѣ засталъ я писмо отъ пана тестя зъ Риги на почтѣ присланное зъ дому графа Савы Владиславича, одъ которого (сказиваво) дважди зовучи на обѣдъ присилано въ суботу и въ недѣлю, тако-жъ картку засталъ одъ Василія Леонтіева, въ которой просилъ кушать къ себѣ на прошлую недѣлю.

11. Писаны и посланы писма чрезъ райтара кіевского Андрея Мейковского до аспевелможного, до п. Скоропадского и до п. Юркевича и до жены. За рѣкою былъ у п. Полуботка. На перевозъ пошло 8 к., на мило до платя 2 к.

12. Челобитная Федора Максимовича, сержанта семеновского полку гренадерской роти, при писмѣ генерала и кавалера и генерала адютанта г. Ушакова по указу ея и. величества отправлена въ сенатъ для слѣдствія и рѣшенія о добрахъ отца ихъ разобранныхъ и владѣемыхъ разными персонами[148]. — Розмилось на перевозъ 15 к., на бѣлій хлѣбъ 9 к. Данъ парикъ чорный п. Иосифу Грифскому и емужъ два галстухи и чоботи новіе нѣмецкіе, и отъ него взялъ платокъ пестрій едвабный.

13. Писаны писма въ Глуховъ до пана Скоропадского, въ Стародубъ до жены, до пана Андрея Миклашевского, до пана обозно-

[148]) Федоръ Дмитріевичъ Максимовичъ—сынъ генеральнаго есаула, который за измѣну (1708 г.) сосланъ былъ въ Архангельскъ. Старшіе его два сына Федоръ и Иванъ оставлены были въ Москвѣ и впослѣдствіи зачислены были въ гвардейскіе полки, Федоръ—въ семеновскій, а Иванъ—въ измайловскій. Послѣдній былъ убитъ въ турецкую войну при Аннѣ Ивановнѣ, а Федоръ въ 1741 г. назначенъ «за раны» стародубскимъ полковникомъ въ этомъ рангѣ онъ и умеръ въ 1756 году.

го полкового Кенмонтовского [15], до н. Григорія Гамалія, до писара судового Косача и до служителя Стефана въ Перегонъ, которые отправлены на почтѣ зъ іностранной коллегіи.—Въ 11-мъ часу по полудни посолъ китайскій зъ свитою своею былъ у его сіятельства графа Головкина государственного канцлера и при одобраню грамоты къ богдихану своему пожегналъ (простился) его сіятелства.—По полдни въ 2-мъ часу кушали у насъ трансляторы іностранной коллегіи господа Яковъ Стефановичъ Сенявинъ и Александръ Михайловичъ Болоховицкій, и у мене на горѣ были. Коло вечерень былъ я у пѣвчихъ государыни цесаревны и у духовника отца Константіна, отъ которого возвратился въ 8 часу по полудни. Пошло на перевозъ 10 к.

14. Пришли писма зъ Глухова въ пакетѣ, который прислалъ чрезъ своего денщика его сіятелство графъ Сава Владиславичъ, а другое писмо привезъ солдатъ гварнѣзону глуховского, сего числа пріехавшый оттоль. На перевозъ пошло 7 к., на хлѣбъ бѣлій 2 к., за полфунта тебу 65 к.

15. Рано ходилъ до его сіятелства графа Савы Владиславича и отдалъ писмо вчора писанное до пана тестя, для пересилки въ Ригу на почтѣ.—Въ 5-мъ часу пополудни изволила ея і. величество смотрѣть ботика, зъ которого причины покойный государь Петръ I началъ заводить флотъ россійскій, и когда оный ботикъ зъ крѣпости припроваженъ былъ къ дворцу, то на судахъ, противъ дворца стоячихъ, спущены флаги и палено зъ пушекъ, отдаючи ему честь, яко автору флота россійского. Послѣ знову оный ботикъ отпроваджалъ до крѣпости господинъ Мурзинъ. Посолъ китайскій віехалъ изъ С. П. Бурха. За поланкера меду дано 37 к., на перевозъ пошло 6 к.

16. Рано были у графа Головкина, послѣ въ дворцѣ. Обѣдали у насъ профессоръ математическихъ наукъ и календариста и секретарь академіи господинъ Георгій Крафтъ да Василій Евдокимовичъ Адодуровъ ученикъ академическій и забавились до 7-го часа пополудни.—Пополудни въ 2-мъ часу изволила ея і. величество отъѣхать

[15] Афанасій Ивановичъ Кенмонтовскій сынъ мглинского сотника и самъ тамошній-же сотникъ, потомъ обозный полковой. Былъ женатъ на дочери стародубского полковника Петра Лагана, убитаго подъ Чигирномъ при Самойловичѣ.

изъ С. П. Бурха до Питергофа и при віездѣ ея величества такъ зъ суденъ, противъ дворца стоячихъ, яко и въ крѣпости и въ адмиралтействѣ палено зъ многихъ пушекъ. Рано приеплалъ салдата зъ крѣпости Петро Мірозичъ, обявляючи, что назначено ему путь до Сибѣри, которому посланъ 1 р. На перевозъ и хлѣбъ бѣлій дано 4 к.

17. Писаны писма до п. Юркевича, до сотника воронежского п. Холодовича и до жены въ пакетѣ на імя писара судового Косача подписанномъ. Розыплось на перевозъ 17 к.

18. Сего числа помѣчены рукою Петра Василіевича Курбатова челобитная моя о мелницахъ, что на Ворѣ Корсакъ владѣеть, и по запискѣ въ реестръ подъ № 537 отдана въ повите канцеляристу Леонтіеву. На переволъ и за направу чоботъ 8 к.

19. Былъ рано въ коллегіи, по обѣдѣ у Інехова, и отнесены къ нему 2 бутелки вишниёвки, 1 водки, послѣ—у Егора Тимофіева, рейстратуру держащого. Розыплось 8 к.

20. Вручилъ рано писмо отъ преосвященнаго новгородского его сіателству графу Головкину інсталціалное за мною и о своемъ дѣлѣ его жъ сіателства просилъ.—Панъ Андрей Полуботокъ былъ у насъ.—Были зъ паничемъ у графа Савы Владиславича, токмо оного не застали; такожъ были и у почтъ-діректора Аша за газетами французкими.

21. Писаны писма подъ датою 17 сегожъ мѣсяца, до ясневелможного противъ полученного писма и до п. Скоропадского и купно зъ протчими одправлены чрезъ рейтара кіевского Семена Лисицина, зъ комиссіи іностранной въ Царградъ отправленного. Пошло на перевозъ 11½ к. Одъ полковниченка нашого принесено писмо къ отцу писанное. Даны пану Никитѣ Косачу жолтые чоботы.

22. Ихъ высочества государыни цесаревна Елисаветъ Петровна и принцесса Анна отехали въ Петеръ-Гофъ. Рано были у графа Савы Владиславича, по обѣдѣ въ дворцѣ лѣтнемъ, где стоявший на караулѣ семеновского полку гвардіи капитанъ лейтенантъ Іванъ Ивановичъ Косоговъ принималъ у себе и по огородахъ зъ нимъ же ходили. Виписку моего дѣла взялъ къ себѣ Петръ Василіевичъ Курбатовъ. Въ квартерѣ нашей безъ насъ былъ Василій В. Степановъ, тайный совѣтникъ.

23. Рано были у графа Головкина и въ егожъ домовой церквѣ службы Божой слушали. Послѣ обѣдни былъ у мене пѣвчихъ государини цесаревны. реентъ Іванъ Петровичъ зъ другими двума, потомъ былъ у мене копіистъ Іеховъ, которому за виписку еще данъ 1 р.

24. Рано былъ у Петра Василевича. tandem въ коллегіи и въ академіи у госп. Алодурова. По обѣдѣ посѣщалъ насъ на квартерѣ его преподобие отецъ Платонъ Малиновскій, архимандритъ іпатскій, зъ отцемъ Евпикіаномъ. На заплату за мите кошуль (рубахъ) и прочого 11 к., на бѣлій хлѣбъ 2 к.—Никита Косачъ началъ сего числа учитись въ академіи наукъ, котораго учить декляровано математики, логики и французкого языка.

25. За вѣдомости дано 4 к. По обѣдѣ былъ въ квартерѣ нашей тотъ же архимандритъ іпатскій троецкій, что при Костромѣ, и зъ нимъ посхали мы въ его домъ, где былъ въ лазнѣ (банѣ), потомъ пріехавши до квартеры на егожъ архимандрита колясѣ, застали тутъ принесенные писма зъ Глухова, которые принесъ отъ Петра Вас. Курбатова человѣкъ его. Розышлось на розницю 6 к.

26. Рано были у Петра Василіевича, но не заставили его въ домѣ, ходили до графа Остермана и одтель зъ нимъ пришли въ коллегію, где вручилъ я емужъ подлежащіе въ коллегію гетманскіе листы: 1) о обидахъ отъ поляковъ, 2) о кандидатахъ на бунчучество енералное, 3) о мирномъ трактатѣ, 4) о нѣкоторомъ колоднику. Позычилъ отцу архимандриту Платону Малиновскому книжки de officiis hominis, а у его вчора взялъ для прочитаня Sulpitii Severi hystoriam sacram. Пану Полуботку отдано писмо отъ пана Турковского, писара енералного. Николаю Евдокименкову козаку даны 50 к. на его нужды.—По полдни ездилъ паничъ къ графу Головкину на Каменный островъ зъ обявленіемъ, что присланъ до ся і. величества листъ отвѣтный отъ ясневелможного о великорослыхъ людяхъ противъ указу о томъ, за собственною рукою чрезъ капитана пруского посланного.

27. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного, до п. Скоропадского и до п. Юркевича, подъ вчорашнимъ числомъ, да до Стародуба подъ нынешнимъ до полковника нашего, до п. матки, до жены, до п. Скоруши, до писара судового Косача и до Стефана въ Перегонѣ. Были рано у графа Остермана, толко оного не

застали въ дому, отехалъ на свой островъ для отпочивку.—Куплена книжка латинская Cornelius Nepos, за которую дано 30 к.

28. Рано были у графа Остермана и оддалъ листъ писанный до ея і. величества отъ ясновельможного сторони великорослыхъ людей, за которыми прускій капитанъ посланъ, тогожъ графа Остермана я и въ своемъ дѣлѣ просилъ. Купилъ книжку названную de poenis haereticorum cum Stephano Javorskio disputatio, дано 24 к. Салдату глуховского гарнизону Герасиму Логвинову вручены вышеномѣченные писма и емужъ на дорогу дано 10 к.— Пополдни въ 5-мъ часу были у профессора Краса и у него до пол. 8-го часа забавились разными дискурсами о математическихъ и прочіихъ сціенціяхъ.

29. Дано Николаю козаку на его потребы 12., на перевозъ пошло 3 к. Зпову былъ въ домѣ графа Остермана и тутъ просилъ господина Курбатова о своемъ дѣлѣ.

30. Рано были у графа Головкина и тутъ обѣдню слушали. По обѣдни былъ въ квартери нашей Петръ Василіевичъ Курбатовъ на водкѣ.

31. Принималъ порошокъ ad expellendos lumbricos, данный отъ лекаря преосвященного новгородского. Писма, которые были отданы салдату глуховского гарнізону, отобравши у оного, отправили въ Москву на одинарной почтѣ коллегіи іностранной для пересылки одтоль до Глухова.

Августъ.

1. Отъ троецкой церкви на Неву по пристани, по отправленной службѣ Божой, была процессія и водосвятіе на зделанномъ тутъ при пристанѣ на суднѣ для священія воды мѣстѣ, а служилъ и освящалъ воду преосвященный архіепископъ сарской и подонскій Леонидъ, при ассистенціи архимандритовъ чудовского Колеты [148]), іпатского Малиновского и другыхъ.

2. Получилъ писмо съ Риги отъ пана тестя. Розыплось на перевозъ и пр. 24 к.

[148]) Ливерій Колетіи, греческій священникъ, былъ воспитателемъ дѣтей графа Кантемира. О немъ см. прилѣжаніе преосв. Филарета Гумилевского въ напечатанномъ отрывкѣ Дневника, Черниг. Епарх. Вед. 1865 года: также въ книгѣ г. Чистовича *Ѳеофанъ Прокоповичъ*.

3. Послѣ обѣда были въ банѣ у отца архимандрита іпатского Платона Малиновского, где изъ отцами Нероновичемъ префектомъ и Лукою Конопшевичемъ проповѣдникомъ, съ коллегіума московскаго прибывшими, видѣлися, изъ которыхъ отецъ Нероновичъ назначенъ епископомъ въ іркутскую епархію, а отецъ Конопшевичъ въ кадетскій корпусъ учителемъ.

4. Получилъ письмо отъ п. тетки изъ Риги, чрезъ нѣкоторого маіора іноземца привезенное. На перевозъ пошло 8 к., на проч. 6 к. Сегодня послѣ обѣда пошелъ въ монастырь невскій и тамъ, передъ вечернями пришедши, ночовалъ у отца Василія, священника тамошнего.

5. Послѣ утрени исповѣдалъся у духовника отца Герасима и причащалъся на службѣ Божой въ деревянной церкви; потомъ былъ у отца архимандрита и обѣдалъ у отца намѣстника Симона; по обѣдѣ былъ у отца економа и у господина Василія Кириловича Тредіаковского. Тандем побувавши у отца Василія священника, отъехалъ на колясках, отъ отца намѣстника и економа данныхъ. Отцу духовнику данъ 1 р. Розышлось на розницю 26 к. Ея імператорское величество изволила прибыть изъ Петергофа въ С. П. Бурхъ коло вечерень, и на пріѣздъ изъ многихъ пушокъ палено.

6. Были рано у графа Головкина, а панич былъ и во дворцѣ, где послѣ службы Божой пожалованъ господинъ Потоцкій кавалеріею Андрея Первозваного и офицери всѣ преображенского полку звапы къ столу, ради праздника ихъ полку. На медъ пошло $37\frac{1}{2}$ к.

7. Будучи рано у господина Курбатова, засталъ тутъ и графа Сапу Владиславовича, который за мною причинялся, толкожъ ни чего не успѣло. На перевозъ пошло 4 к.

8. Обѣдалъ у пана Полуботка, и потомъ заходилъ и до отца Малиновского, тамо оного въ домѣ не получилъ. На перевозъ пошло 8 к., на проч. 8 к.

9. Просилъ графа Головкина въ своемъ дѣлѣ, который сказалъ просить о вѣтницѣ, чтобъ зъ нами обще пріѣхали слушать моего дѣла. Рано былъ у насъ панъ Полуботокъ, по обѣдѣ господинъ Новоторжцовъ, деньги кормовіи паничу привозилъ. Книгу Телемака прислалъ установщикъ посаревнинъ Іванъ Петровичъ.

10. Vacat. 11. Рано былъ у Петра Василіевича, который казалъ мнѣ у себе и обѣдать, где и по обѣдѣ даже до 7-го часу забавлялись картами и разными розговорами. На перевозъ и проч. пошло 8 к. Сегодня сказалъ мнѣ Федоръ Дмитріевичъ Максимовичъ въ коллегіи иностранной, что братъ его двоюродный Іванъ Петровъ сынъ Максимовичъ, который обрѣтался въ Москвѣ, преставился тамъ въ недавнихъ числахъ: и именно сего августа 1-го числа[149]).

12. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного, до пана Скоропадского и до канцеляриста пана Юркевича, а въ Стародубъ до пана тестя, до жены и до Стефана чрезъ райтара кіевского Александра Бершова. За чолки и носки полотняные 14 к.

13. Получены листы отъ ясневелможного 5 въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ: 1) о неизманіи лишнихъ рацій и порцій сверхъ опредѣленнаго, 2) о мекленбурцахъ[150]), 3) о селѣтранныхъ и рудокопныхъ заводахъ, 4) о селѣ п. Холодовичу опредѣленномъ, 5) о видахъ Богу (?), да до мене писма отъ ясневелможного, отъ сотника воронежского п. Холодовича и отъ п. Юркевича.

14. Подалъ листы гетманскіе въ коллегію и вручилъ оные Петру Василіевичу. За мите платя 10 к., еще пошло 2 к.

15. Рано были у графа Головкина, службы Божои слушали въ Тройци. По обѣдѣ были у Петра Василіевича, одтоль былъ я у Івана Александровича Дурова, сына полковника нашого, въ дворѣ его, и у пана Полуботка. Розышлось на перевозъ и проч. 15 к.

16. Рано былъ у Петра Василіевича Курбатова и просилъ о дѣлахъ, о которыхъ писано теперь недавно отъ ясневелможного, и о своемъ дѣлѣ. Получилъ писмо отъ сотника голтвянского пана Федора Остроградского[151]). Былъ у Павла Івановича Апостола ліокай дворцовый Артемъ Івановичъ надъ вечери.

---

[149]) Ив. Петр. Максимовичъ въ 1708 г. поѣхалъ за Мазепою (вмѣстѣ съ дядею Дмитріемъ) и по смерти Мазепы назначенъ былъ Орликомъ—генеральнымъ писаремъ; возвратился въ Малороссію въ 1715 году, поселенъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ.

[150]) О стоявшихъ въ Малороссіи полкахъ, называвшихся мекленбургскими.

[151]) Федоръ Матвѣевичъ Остроградскій былъ впослѣдствіи, съ 1752 г., полковникомъ миргородскимъ. Онъ былъ правнукомъ извѣстнаго математика Михаила Васильевича Остроградского.

17. Были у графа Гаврила Головкина и отдано писмо отъ всевелможного благодарственное за прибавку паничевѣ жалованя. По обѣдѣ были у насъ господинъ Яворскій, камеръ-юнкеръ, князь Гагаринъ, камеръ-пажъ, и п. Пузировскій, смолянинъ, а рано панъ Андрей Полуботокъ. Розыплось на огурцы, хлѣбъ и проч. 14 к.

18. Пану Армашенку даны 30 к. Пополудни были зъ учителемъ Балталаромъ Бемомъ у Федора Дмитр. Максимовича, семеновского полку сержанта, въ квартерѣ его, въ Малой Морской. На перевозъ пошло 5 к.

19. Рано былъ паничъ у Андрея Ів. Ушакова, поздравляючи его тезоименитствомъ. Ея імператорское величество изволила быть у тогожъ господина Ушакова на обѣдѣ, где палено на пріездъ ея величества перве з 31, потомъ зъ 25, таже зъ 17. Послѣ мунтровалать рота семеноьского полку гренадерская, которая партіами палила зъ оружя и гранати бросала на воду болше годины дзигаровой, а между тѣмъ изъ пушокъ палено. Въ исходѣ-же 5-го часа по полудни изволила ея імператорское величество отехать зъ дому помянутого господина генерала Ушакова водою на лилюбкѣ въ дворецъ свой лѣтный, а на отездѣ ея величества выпалено зъ 45 пушокъ и музика камерная играла. Хлопцу Андрійду іменинику даны 25 к. Купленъ ключикъ до дзигарка, даны за оный 35 к., за фронціеръ 35 к., за карандашъ 15 к., на перевозъ 5 к. Графъ Головкинъ отехалъ зъ своей мизы, называемой Гоша.

20. Рано былъ паничъ у графа Остермана. Послѣ полдня прислана отъ отца М. книжка латинская моя, а къ нему я его книжку отпустилъ: Iosephi Binghami de antiquitatibus Ecclesiasticis.

21. Писалъ писмо въ отвѣтъ до сотника голтвянского пана Остроградского въ Москву и послано оное писмо къ подканцеляристу Уріилу. Данъ реестръ книгъ латинскихъ господину учителю Крафту, которіе надобно за моремъ покупить, а именно: 1., Cluverii introductio in univerzam geographiam—12, 2., Cellarii Geographia antiqua et nova—12, 3., Matthiae theatrum Histor.—4, 4. Cluverii epitome historiae totius mundi—4, 5., Puffendorphi introductio ad histor. Europ.—8, 6., Buddei Historia eccles. V. T.—4., 7., Veysmani Histor. eccles. N. T.—4, 8., Pistorii Florus Polonicus 12, 9., Iosephi Binghami Angli origines sive antiquitates eccles. 4, 10., Sulpitii Severi hist. sacra 8, 11., Nic. Bergius de statu eccles.

religionis Moschoviticae, 12., Ortodoxa confessio Catholicae atque Apostolicae Ecclesiae orientalis. Lipsiae. 1695. — 8, 13., Genius Stephani Iavorskii quondam Metropolitae Rezanensis et Muromiensis ex ejus opere posthumo Theosophico »Petra fidei« dicto in epistola familiari revelatus 1730—4. 14., Grammatica Latinogallica. 15., De logarythmis, tangentibus et secantibus. На перевозъ пошло 6 к.

22. Отослалъ писмо въ домъ графа Савы Владиславича для отсылки на почтѣ въ Ригу, до пана тестя писанное, которое намѣренъ былъ послать чрезъ маіора, зъ Риги пріездившого, господина Кезерлинга. На перевозъ 2 к.

23. Въ началѣ 9-го часа предъ полуднемъ изволила ся і. величество восприять маршъ до каналу Ладожского сухимъ путемъ и при віездѣ ся величества изъ С.-Пітербурха випалено зъ крѣпости зъ пушекъ 101, а въ адмиралтействѣ зъ 80. Былъ въ коллегіи, а одтоль возвратившись, засталъ у себе Івана Ісаева Іскуса, пѣвчого государини імператрицы, да Іакова Воробевского, пасынка Словинского, стародубскихъ. Пошло на перевозъ, на хлѣбъ и на медъ 19 к.

24. Обѣдалъ я у Івана Іскуса, у которого и другій пѣвчій Іванъ Максимовъ зъ женою обѣдалъ-же. За карти даны 7 к., на перевозъ 4 к. Николаю козаку 29 к.

25. Въ коллегіи Петръ Василіевичъ имѣлъ разговоръ о ігумену пустынно-николскомъ кіевскомъ отцу Іосифу Волчанскомъ, который назначенъ на епископію могилевскую. Розышлось на перевозъ и хлѣбъ французкій 11 к.

26. Vacat. Князь Шахонскій возвратился изъ Риги.

27. Полученъ пакетъ и листъ зъ Глухова о учиненномъ на писарей, асауловъ и прочіихъ служителей полковыхъ и сотенныхъ опредѣленія. Ея і. величество изволила возвратиться изъ Ладожского каналу въ С.-Пітербурхъ и прибыла въ исходѣ пятого часа по полудни и ради прибытія ся і. величества зъ многихъ палено пушекъ въ крѣпости и въ адмиралтействѣ. Пашичъ рано былъ у государини цесаревны и отдалъ листъ ясневелможного о обидахъ подданныхъ панскихъ, отъ полуриначъ [152]і дѣючихся. Послѣ обѣда

[152]) Жестечко Новорица, кролевецкого уѣзда, принадлежало въ значную с бственность Елисаветѣ Петровнѣ, когда она была цесаревною. Рядомъ находились имѣнія гетмана Апостола—Шабалтаевка, Хлепяевки и Лузина.

были въ квартерѣ нашей ея-жъ высочества пѣвчые и долго гуляли. Козаку Николаю Евдокименкову данъ еще 1 р. 50 к., а прежде подробицею видалось ему-жъ 2 р. 50 к., итого всего видано ему на его нужды ровно 4 р., а именно на дорогу ему сложенные 3 р. да отъ мене свой данъ 1 р. Алексію данъ 1 р. на его нужды. Розышлось на медъ, вино и проч. 1 р. 6 к.

28. За побѣляне ковша и кандѣйки мѣдныхъ дано 17 к., на перевозъ 4 к. Обѣдалъ у сержанта семеновского полку Федора Макеимовича, и весь день на той сторонѣ пробавилъ, а рано подалъ пакетъ въ коллегію отъ ясневельможного вора принесенный о служителяхъ. Видѣлъся зъ Гудовичемъ [153]) коло адмиралтейства.

29. Рано былъ у князя Шаховского, но за многолюдствомъ тамъ бывшимъ не получилъ времени ничего говорить. На перевозъ пошло 2 к.

30. Зрана были обще зъ паничемъ у князя Шаховского и поздравляли его возвращеніемъ и кавалерскимъ святого Александра Невского праздникомъ. Вручилъ я и письмо отъ Богаевского зъ Ошоцкаго до его сіятелства писанное, на которое злоцилъ мнѣ описать. Потомъ былъ въ домѣ графа Саваы Владиславича и вручилъ Алексію Николаевичу Требинскому, Славуя брату [154]), меморіалъ о нуждахъ моихъ для объявленія графу Савѣ Владиславичу. На перевозъ 4 к. Въ исходѣ 11 часа предъ полуднемъ палено зъ пушекъ въ крѣпости зъ 31, въ адмиралтействѣ зъ 30, ради поздрав-

---

[153]) Вѣроятно говорится объ Андреѣ Гудовичѣ, бывшемъ сотникѣ бакланскомъ, который потомъ сдѣлался почетнымъ »вожденгехъ« Меншикова и однихъ изъ усерднѣйшихъ его слугъ. Когда, по жалобамъ на Гудовича Апостолъ вызывалъ его въ Глуховъ, то онъ, отказываясь ѣхать, говорилъ: »лучше кланятся мнѣ въ гавосъ, нежели въ *посполитъ*«. Черниг. Листокъ 1863 г., № 8.

[154]) Три брата Славуй, Алексѣй и Максимъ вышли изъ Сербіи въ Малороссію при Петрѣ В. и получили здѣсь прозваніе Требинскихъ. О старшемъ изъ нихъ Славуѣ въ грамотѣ 1726 г. говорится, что онъ »былъ воеводою у венеціянъ у Конель-сонъ« и что »во время съ турки войны, служилъ онъ царскому величеству вѣрно въ Монтенегринахъ и Герцоговинѣ съ потераніемъ воеводства, отчизны и имѣнія своего«. За эту службу Славуй сдѣланъ былъ прилѣвскимъ сотникомъ. Около 1720 г. Славуй женился на вдовѣ лубенскаго сотника Василія Пиковяка (Еленѣ Лизогубъ), и думалъ было, пользуясь малолѣтствомъ пасынковъ, завладѣть маетностями ихъ отца (Лащовка, Мозолѣевка и Матвѣевка), которыя и утверждены были за нимъ Скоропадскимъ. Но старшій пасынокъ Иванъ Пико-

ленія кавалеровъ ордена святого Александра Невского и въ сее-жъ время пожалованъ кавалерією ордина святого Александра Невского генералъ полицемейстеръ Василій Федоровичъ Солтиковъ. Обѣдали у панича Николай Ивановичъ Пузиревскій, смоленскій шляхтичъ, управитель волостей дворцовыхъ, смоленскихъ, да Михайло І. Новоторжцовъ, которій привезъ паничу за двѣ трети года на квартеру и дрова 200 р., а послѣ пришелъ и стряпчій графа Г. І. Головкина Евфимъ Василіевичъ. За направу чоботъ дано 8 к.

31. Писанные писма подъ датою сего августа 29 дня одправлены сего числа до ясневелможного, до п. Скоропадского и до п. Юркевича на почтѣ. Послѣ полдня три полки салдацкіе, на лугу, подлѣ дворца лѣтного, одправовали екзерцицію, при которой и ея імператорское величество изволила присутствовать, а онкми полками комендировали генералъ-фелдъмаршалъ графъ фонъ-Миніхъ, генералъ-лейтенантъ и преображенского полку маіоръ лантъграфъ гессенъ-гамбургскій Людовикъ и генералъ-маіоръ и подполковникъ конной гвардіи князь Алексій І. Шаховскій. На перевозъ пошло 4 к. За вино 20 к. Сего-жъ числа былъ у Василія Федоровича Иворского, камеръ-юнкера, где имѣлъ честь видѣть и сожителницу его княжну Марію Семеновну. До дому пришедши, имѣлъ розговоръ зъ п. Андреемъ Горленкомъ.

Септеврій.

1. Зрана и за полдень былъ день весма свѣтлый и погодный. Былъ сегодня у отца Іосифа Федоровича, священника на Василевскомъ острову Воскресенского. Потомъ у отца префекта московского коллегіума, законоспасского, Іпокентія Нероновича, таже у

вень (впослѣдствіи писарь генеральнаго суда) успѣлъ въ 1731 г. выпросить у Апостола отцовскія имѣнія обратно. По этому случаю Алексѣй Требинскій и отправился въ Спб. хлопотать о наслѣдіи его съ братьями другими имѣніями, указывая на сс. Круподеринцы и Савинко. Коллегія иностранныхъ дѣлъ нашла, что «за прежнюю и нынѣшнюю службу Требинскихъ и для предбудущаго таковаго потребнаго случая и лучшаго утвержденія и ласканія всего тамошняго (сербскаго) благочестиваго народа, потребно ихъ, Требинскихъ, не въ скудости, но въ пристойномъ довольствѣ содержать», почему именнымъ указомъ и предписано было князю Шаховскому дать Требинскимъ въ лубенскомъ полку 70 дворовъ. Вслѣдствіе этого указа Требинскіе получили въ 1734 г. м. Оржицу и с. Плеховъ (лубенскаго уѣзда).

госп. Вишневского, полковника лантъ-милицкихъ полковъ, у которого и обѣдалъ. На перевозъ и хлѣбъ французкій бѣлій пошло 11 к.

2. Рано былъ у князя Шаховского, потомъ въ коллегіи. Уже совсѣмъ окончена и другая виниска зъ Корсаковымъ челобитьемъ сочиненная. Таже былъ у п. Полуботка, по которого требованію и копій двѣ зъ листовъ гетманскихъ, въ коллегію і. дѣлъ присланныхъ, о требованіи лишнихъ порцій и рацій и о мекленбурцахъ послалъ къ нему-жъ чрезъ Бяловского. На перевозъ пошло 4 к. Графъ Головкинъ пріехалъ зъ мизи (Ропши).

3. Обѣдали у панича гг. Курбатовъ совѣтникъ, переводчики Сенявинъ и Бялошицкій, да Новоторжцевъ и Леонтевъ канцеляристы, тако-жъ протопопъ петропавловскій Петръ Григоріевичъ и трактованы ради именинъ паничевыхъ, бывшихъ августа 30, а на водкѣ толко былъ оберсекретаръ Іванъ Юрьевичъ. Рано были у графа и въ его домовой церкви слушали службы Божой. Subebrii fuimus cum hospitibus per totam diem potati.

4. Послѣ полдня былъ на Василевскомъ острову у господина Бялошицкаго, а потомъ былъ у бандуриста дворцового Ермолая Санкевича, у котораго и вечеряли зъ паномъ Грифскимъ. На перевозъ пошло 16½ к.

5. Въ 9-мъ часу предъ полуднемъ ездили къ государыни цесаревнѣ Елисавефъ Петровнѣ поздравлять ея высочество тезоименитствомъ и тотъ часъ были допущены къ ручкѣ ея высочества, а въ 11-мъ часу послѣ молебствія, въ Троицы архіереемъ вологодскимъ Афанасіемъ Кондоиди отправленного, палено зъ крѣпости и въ адмиралитействѣ зъ пушекъ, а именно зъ 49 випалено. Подалъ письмо его превосходительству, господину генералу Андрею Ивановичу Ушакову отъ сотника голвянского п. Федора Остроградского и объ отвѣтѣ сказанномъ къ томужъ сотнику писалъ, включивъ писмо до Урінла. Розышлось на разницы 4½ к.

6. За мите рубашокъ прачцѣ 10 к., на перевозъ 3 к. Пріехалъ Козма Якимовичъ Кричевецъ и Павелъ Войничъ, бурмистры кіевскіе, въ С. П. Бурхъ.

7. Видѣлься рано на Василіевскомъ острову зъ оными прибывшими и писма чрезъ нихъ получилъ. На перевозъ пошло 2 к. Тіе жъ бурмистри и у насъ были. За книжку латинскую, называемую Hugo Grotius de veritate religionis Christianae, дано 64 к.

8. Весь день въ домѣ былъ +.

9. Былъ у меня рано Григорій Кременецкій и принесъ писмо отъ п. Михайла Забѣлы, судіи войск. спер., былъ же и п. Полуботокъ на водкѣ. За хлѣбъ французкій бѣлый 4 к. Сегожъ числа видѣлся зъ стряпчимъ графскимъ Ѣримомъ Василіевымъ и розговоръ имѣть стороны порученого ему отъ Корсака челобитя о деревняхъ. Тутъ же въ домѣ графскомъ видѣлъ мене графъ Сава Владиславичъ +. Корабль с. Александръ на Неву канатами стягнули, который, когда спущано въ адмиралитействѣ сего сентевр. 3-го числа, остановился на берегу и не пошелъ на воду. Послано писмо графское на почтѣ о поездѣ яспевелможного въ Сорочинци.

10. Слушалъ обѣдни на Василіевскомъ, где имѣлъ и первую проповѣдь отецъ Лука Конашевичъ: потомъ былъ въ квартерѣ бурмистровъ кіевскихъ Войнича и Кричегця и у нихъ обѣдалъ. Послѣ былъ въ домѣ преосвященного новгородского. Розышлось на перевозы 9½ к.

11. Ночю разломалъ мостъ на Василіевскомъ острову корабль, недавно спущеный. Я рано былъ въ коллегіи, потомъ до пѣвчихъ цесаревнинихъ зашедъ, тутъ и обѣдалъ. Розышлось на перевозъ 9 к., за хлѣбъ бѣлій французкій 4 к.

12. Обѣдали зъ нами бурмистры кіевскіе, по обѣдѣ былъ у преосвященного новгородского, подалъ чрезъ келейника Іллю Борисова писма отъ ігумена глуховского, да отъ п. Лисаневича. Ночовалъ на Василевскомъ Острову у тихъ же бурмистровъ. Розышлось на перевозъ и проч. 23 к.

13. Рано подалъ Петру Васил. Курбатову лисьмо отъ себе стороны дѣлъ моихъ, въ вечеру ежъ поданы писма чрезъ Григорія Кременецкого гетманское и отъ п. Забѣлы судіи спер. и листъ гетманскій же въ коллегію надлежащій, стороны относительно того жъ пана судіи дѣла о Райгородку и Царовцѣ [155]).

14. Кременецкій подалъ графу Головкину писмо гетманское о томъ же дѣлѣ.

[155]) Село Райгородокъ и деревня Царовка, пролевенского уѣзда, принадлежали «на войсковую артиллерію». Забѣла должно быть хлопоталъ получить ихъ «на урядъ».

15. Сездились къ графу Головкину, для слушанія дѣлъ, тайныя канцеляріи совѣтники господа Степановъ и Курбатовъ, куда являлись и п. п. Полуботокъ да Алексій, Славуевъ братъ, которымъ сказано, что дѣла ихъ слушаны. Зъ ночи до полдня была жестокая верховая погода, а по полднѣ обратилась изъ моря и превеликую воду погнала, такъ что пристани всѣ потопились, много отъ воду бревенъ рознесло и иныхъ шкодъ отъ оной же погоды здѣлалось не мало. На перевозъ Алексію 2 к., котораго посылалъ къ Якимовичу и къ Іліи Борисову на В. островъ. Наводненіе было великое и прибувала вода чрезъ 6 часовъ ровно, которой прибыло на полтрета аршина зъ вершкомъ: начала прибывать въ 1-мъ часу пополудни, а убывать въ 7-мъ, а погода и до ночи продолжалась такъ, что к пересадить было весма невозможно, чего ради и ночовали у насъ п. п. Полуботокъ и Алексій, Славуя братъ.

16. Былъ у насъ Кузма Кричевецъ и обѣдалъ тутъ, которому обявлены всѣ мои дѣла, въ коллегіи іностранной имѣючіеся.

17. Графъ Мойсей Ивановичъ, графа Савы Владиславича племѣнникъ, прислалъ водки анкерокъ. Сегожъ числа Гротъ, лікаръ, зъ Глухова прибывшій, былъ у насъ по обѣдѣ. Служителямъ, что принесли водку, даны 20 к.

18. Писаны писма до ясновельможного, до пана Скоропадского, до судіи енер. пана Забѣлы, до пана Юркевича, до сотника воронежского П. Холодовича, да подъ 13-мъ числомъ до жены и до Стефана, такожъ до Косача писара судового и въ одинъ пакетъ включенные: подписанный на имя канцеляриста старшого войскового пана Юркевича, а въ небытность его, кто зъ канцеляристъ при одправленіи дѣлъ оной енер. канцеляріи оставленъ, тотъ же пакетъ включенъ въ писмѣ до подканцеляриста Урила Ларіоновича въ Москву и одправленъ на почтѣ. Сего числа обѣдалъ у бурмистровъ, а ночовалъ у пана Полуботка.

19. Розмѣнялъ 4 червонные у Новоторжцева, за которые взялъ 8 р. 80 к. Дано за каламарь и песочницю 25 к. На перевозъ розошлось 11 ½ к. Рано былъ у Петра Василіевича и слышалъ отъ него, что на дѣло мое есть резолюція: потомъ былъ у князя Шаховского, который команды своей, полку конной гвардіи, два шквадроны, презрядно въ новое плате убранной и на изрядныхъ нѣмецкихъ коняхъ вороныхъ, презентовалъ передъ ея і. величествомъ на лугу

подлѣ лѣтного дворця, въ часу 12-мъ предъ полуднемъ. Послѣ обѣда зъ паничемъ былъ разговоръ о томъ, что не учится и поступаетъ не по приличію своему зъ учителемъ и въ прочемъ. Інехову дано водки. Графу Мойсею Івановичу вчора благодарилъ въ коллегіи за обсилку водки. Помѣнялъся зъ Балтазаромъ Бемомъ учителемъ на пуздерка (фляшки для водки).

20. Получилъ писма зъ Глухова, изъ дому, въ пакетѣ до пана Горленка подписанномъ, который привезъ на нашу квартеру графъ Мойсей Івановичъ Владиславичъ. Подячому Михаилу Годостамову дано водки. Писалъ писма къ графу Гаврилу Владиславичу, да до пана тестя, до жены и до Стефана въ Перегонъ, и посланы тіе писма чрезъ курієра, зъ дому графа Савы Владиславича на почтѣ одправленого. На перевозъ пошло 4 к., на мило до платя 2 к.

21. Писмо до пана сотника голтвянского, подъ 19-мъ числомъ писанное о томъ, что говорилъ панъ Федоръ Максимовичъ и чтобъ отобралъ два дикгарки у Анны Івановны, съ роспискою пана полковника миргородского [156], заплатя 6 р. данныхъ за направу, послалъ на почтѣ въ писмѣ до Урікла Ларіонова въ Москву. Обѣдалъ у бурмистровъ. Розыплюсь на перевозъ 11 к. Армашенку послана бутелка водки.

22. Козма Якимовичъ о моемъ дѣлѣ говорилъ мнѣ въ коллегіи; тутъ же видѣлъ князя Щербатого, который былъ посломъ къ султану турецкому.

23. Послѣ обѣда былъ у Петра Василіевича, который de legibus nostris discurrebat, quasi въ нихъ написано о видачи людей переходячихъ зъ мѣста на другое и о взиманіи хоча малого пожилого. Розыплюсь на перевозъ и проч. 3 к.

24. Послѣ обѣда былъ у насъ старый Гудовичъ [157], потомъ Іскусъ и Плешкового зятя пасынокъ Іаковъ, служащій при архимандриту троецкомъ. Въ 10-мъ часу по полдни были разные знаки на небѣ, бѣліе и черные, и многообразно перемѣнялись въ великой

[156]) Анна Ивановна Апостолъ, сестра паничка Апостола, о которомъ такъ часто упоминается въ дневникѣ Ханенка. — См. примѣч. 136. — Полковникъ миргородскій, Павелъ Даниловичъ Апостолъ, ея дядя.

[157]) См. примѣч. 153. — Старымъ онъ называется потому, что въ это время старшій его сынъ Василій былъ уже бунчуковымъ товарищемъ. Этотъ Василій впослѣдствіи былъ генеральнымъ подскарбіемъ и тайнымъ совѣтникомъ († 1764).

скорости и перебѣгалы отъ одной стороны на другую. На медъ пошло 8 к.

25. Рано былъ у князя Шаховского, который сказовалъ, что говорилъ о моемъ дѣлѣ Петру Василіевичу и еще говорить обѣщалъся. Обѣдалъ я у отца префекта Іннокентія Нероновича. За бумагу гербовую 6 к. На перевозъ пошло 7 к.

26. Послѣ обѣда былъ въ лазнѣ у Г. и тамъ почовалъ. На перевозъ пошлю 4 к. Обѣдалъ у насъ панъ Іванъ Івановичъ Косаговъ, капитанъ семеновского полку гвардіи [158]).

27. Былъ рано въ коллегіи, а одтоль чрезъ крѣпость ишолъ и бывъ въ церквѣ Петропавловской, видѣлъ тамъ костяное бѣлое паникадило, которое сдѣлано отъ самого блаженныя памяти Петра I. імператора. На перевозъ пошло 7 к., за бѣлій хлѣбъ 3 к. Послѣ полдня въ 7-мъ часу званые отъ Николая Івановича Пузыровского были первей у него на квартерѣ, а послѣ у нѣкоторого дворцового келлеймейстера Михайла Дмитріевича Колошина великого дворця и тамъ въ обоихъ мѣстахъ очинь много трактованы разными винами, и жестоко былъ пянъ, чего для и почовать принужденъ былъ у пѣвчихъ цесаревнипыхъ; тутъ же зъ нами былъ и нѣкоторый Іванъ Федоровичъ Маменсъ мушшенкъ.

28. Михайлу Михайлову Родостамову подячему кол. іное. за переписку трехъ листовъ далъ 25 к. За полтора ведра меду 38 к. На перевозъ 4 к. Послѣ обѣда былъ и вечерялъ у насъ Іванъ Петровичъ уставщикъ, чрезъ которого и книжку разговоровъ Паткуля зъ Герцомъ отослалъ.

29. Былъ въ коллегіи, где сказано, будто уже дѣло мое сдѣлано. На перевозъ пошлю 9 к., за голову цукру 53 к., шевцю 2 к. Алексію за чолки вовняніе 11 к. Кирилу іменинику 30 к. Вчорашного числа пополудни въ 11-мъ часу преставился священникъ церкви Воскресенія Христова, что на Василевскомъ острову, отецъ Іосифъ Федоровичъ.

---

[158]) Этотъ Косаговъ приходился племянникомъ женѣ гадяцкаго обознаго Максима Михайловича Ворозовича, которая овдовѣвъ слѣдовавшую ея часть мужниного имѣнія, мѣстечка Лютеньки (гадяцкаго уѣзда), передала въ 1726 г. этому своему племяннику. Косаговъ владѣлъ Лютенькою и въ 1760 г., будучи тогда генералъ-лейтенантомъ.

30. Писалъ писма до жены и до служителя Степана и оные отправлены чрезъ Гудовича. Сегожъ числа писано писмо къ ясневелможному и въ ономъ включенъ пакетъ отъ капитана поручика гвардіи семеновского полку Івана Івановича Косогова. Къ томужъ господину Косогову поехавши, званный ради тезоимелитства сына его Григорія, обѣдали у него: где послѣ обѣда напавши на мене адютантъ семеновского полку Іванъ, съ братами своими, Андріевы дѣти Воейковы, побили мене жъ, кунтушъ сѣбѣрковый разодрали, и табакерка срѣбная пропала. Тамъ я будучи, подарилъ іменинику молитовникъ печерскій въ пергаминѣ бѣломъ подъ маршесами позолочеными. Розыплось на перевозъ 10 к.

Октоврый.

1. Рано принесенъ пакетъ зъ коллегіи, который туда пришолъ на почтѣ зъ Глухова, и въ ономъ пакетѣ было гетманскихъ листовъ 6, въ разныхъ дѣлахъ въ коллегію іностранную, и до мене были отъ гетмана изъ дому писма. Весь же день сей пролежалъ въ дому боленъ. На вино ренское 10 к.

2. Посѣщалъ мене Алексій Славусевъ братъ и вышеупомянутый до гетмана пакетъ подъ датою 30-го сентеврія одправленъ на почтѣ. За конфору 4 к. Алексію, посиланному до Кричевця, на перевозъ 2 к. Зъ сочиненною челобитною ездилъ панъ Горленко до Петра Василіевича, просячи совѣту, токмо оного въ домѣ не получилъ.

3. Отослалъ помянутые 6 листовъ гетманскихъ чрезъ Григорія Кременецкого до рукъ Козмы Іакимовича, чтобъ подалъ въ коллегіи іностранной. И сего числа оный же Горленко ездилъ зъ челобитною моею до Петра Василіевича, которую совѣтовалъ обявить князю Шаховскому. За переписане оной челобитной далъ 10 к. Государыня изволила переехать въ зимній дворецъ.

4. Рано пани и панъ Горленко зъ челобитною моею ездили первей до князя Шаховского, который велѣлъ подать генералу Ушакову, а послѣ опижъ были и у Стефана Федоровича Апракесина, который просилъ зъ челобитемъ удержатися до утра. По обѣдѣ пріездили ко мнѣ адютантъ и подпоручикъ Іванъ и Василій Андріевы сини Воейковы просить прошенія, а потомъ былъ у менежъ и капитанъ поручикъ господинъ Косоговъ зъ женою о томъ же просячи. За мите плати портомои 10 к. Алексію на перевозъ 2 к.

5. Рано были собрались отъ нашей стороны ради примиренія Алексій Славуевъ братъ да бурмистры кіевскіе Кричевець и Войнич, но толко одинъ приходинъ адютантъ Воейковъ, просячи прощенія, что сегодня зъ пріятелми не собрались ради куртака. За хлѣбъ бѣлій дано 4 к.

6. И сегодня были бурмистры для тогожъ миротворенія, толкожъ отъ изобидившей стороны никто не бывалъ. Дано Грифскому 5 к.

7. Отвезъ паничъ зъ паномъ Горленкомъ челобитную и подалъ генералу Ушакову, а скоро оттоль пріехали, то господинъ Косоговъ присылалъ сержанта семеновского полку зъ прошеніемъ, чтобъ челобитя не производили. Господинъ Новоторжковъ просилъ панича и пана Горленка на завтра къ себѣ на обѣдъ, ради крестинъ дочери его предъ симъ бывшихъ. За бѣлій хлѣбъ дано 5 к. Послѣ полдня пріездили господинъ Косоговъ и Воейковы, такожъ панъ Полуботокъ, паки просячи о миротвореніе, которому назначили день прійдучій понеделковый, т. е. 9 числа сего мѣсяца. Подарилъ я паничу компасъ мосенжный (мѣдный).

8. Обѣдали паничъ и панъ Горленко у Новоторжцова и поздно уже оттоль прибыли.

9. Въ 5-мъ часу пополудни прибылъ господинъ Косоговъ зъ Воейковыми и Полуботкомъ и, по многихъ разговорахъ, помирилися я зъ оными на томъ уговорѣ, чтобъ табакерку и кунтушъ нагородили, а въ прочемъ всемъ зъ ними простилъся, на которомъ примиреніи были Іванъ Ивановичъ Косоговъ, капитанъ поручикъ семеновского полку и панъ Полуботокъ, а зъ моей стороны Николай Ивановичъ Пузировскій, бурмистры два кіевскіе, да наши домовіе. Пошло на вино и проч. 62 к. На мило до вимитя кунтуша 2 к.

10. Былъ панъ Горленко у Стефана Федоровича Ираксина, капитана гвардіи семеновского полку, зъ объявленіемъ, что помирились.

11. Писаны писма въ Глуховъ къ всевеможному, до пана Скоропадского и до пана Юркевича, до пана Іакова Марковича да въ домъ до пана тестя, до жены, до старшого Галецкого подъ числомъ 4, до Стефана Максимовича, до писаря судового Косача и до Стефана въ Переговъ, зъ цедулами до атамана город. погарского Белая и до Леонтія Галецкого, также писалъ до пана Скорупы

подъ числомъ 20 S—bris стороны пана Андрея Горленка. На нитки до дитинного платя 2 к.

12. Оные писма одправлены на почтѣ. Сего числа въ лазнѣ мылься и кровъ банками пущалъ зашкурную. На перевозъ и проч. розышлось 24 к.

13. Посилалъ Каленика до господина Косогова, упоминаючись о награжденіе школы, Воейковыми учиненной, которій обнадежилъ, что то исполнено будетъ. Александръ Г. обѣдалъ у насъ. За бутылку вина дано 20 к. Василю, который кровъ пущалъ, 25 к. На перевозъ и проч. 5 к.

14. Послѣ обѣда былъ у Петра Василіевича и подалъ писмо гетманское о резолюціи на дѣла, о которыхъ велѣлъ Петръ Василіевичъ подать себѣ меморіалъ. На перевозъ пошло 4 к. Бабѣ за мите кунтуша 4 к.

15. Подячіе і. коллегіи Інеховъ, Сисоевъ, Родостамовъ и Герасимовъ обѣдали у насъ и весь день пробавили. За французскій хлѣбъ бѣлый 5 к.

16. Былъ въ коллегіи, а послѣ въ академической камерѣ, где книги продаютъ. На перевозъ и проч. пошло 17 коп.

17. Въ коллегію подалъ меморіалъ о дѣлахъ, на которые надобна къ ясневелможному резолюція. Пошло на перевозъ 3 к. Послѣ обѣда былъ у мене Василій Андреевичъ Воейковъ, гвардіи семеновского полку подпоручикъ и привезъ срѣбную табакерку за мою, которая чрезъ нихъ въ домѣ господина Косогова пропала, а о сукнѣ братамъ имѣлъ говорить.

18. Писалъ писма въ Глуховъ до пана Забѣлы судіи енер., до пана Юркевича, да до жены въ Стародубъ и до писаря судового Косача зъ посилкою писемъ отъ Никиты Косача до матки и дяди его, а въ Москву до Урінла подканцеляриста, прося о пересилку оныхъ писемъ въ Глуховъ, да въ Москву жъ до сотника голтвянского пана Федора Остроградского и тудажъ послано писмо отъ преосвященнаго Іиноконтія Нероновича, епископа іркутского, до отца Феофилакта Журовского. За гаплики (крючки) до юпки 2 к.

19. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного и до пана Скоропадского и оные, такожъ вчора писанные, одправлены на почтѣ зъ коллегіи іностранной. За полтора ведра меду 37 ½ к. На тафту до шлафрочка дитяного 28 к., за пуговки и на юпкъ 22 к.

20. Купилены 3 книги латинскія: Virgilii omnia opera 46 к., Ciceronis epistola de officiis 30 к., Vocabula latino-slavono-germanica 25 к. За мите платя прачцѣ 10 к.

21. Подана челобитная въ коллегіи іностранной о селѣ на рангъ судейскій, а доношеніе велѣлъ Петръ Василіевичъ подать графу о опредѣленіи на кормъ и квартеру. Писано писмо до пана Скоропадского чрезъ райтара кіевского Николая. На перевозъ 2 к.

22. Обѣдали у графа Савы Владиславича, где былъ и полковникъ Вишневскій. Потомъ были у господина камеръ-юнкера и шталъ-мейстера ея высочества, государыни цесаревны Елисаветъ Петровны, Александра Івановича Шувалова и забавились въ ночъ до часа осмого. На перевозъ и проч. пошло 8 ½ к.

23. Подалъ доношеніе его сіятелству графу Головкину о опредѣленіи мнѣ зъ 2-мя козаками на кормъ и квартеру жалованя; за переписку оного доношенія и протчего писцу дани 10 к., на перевозъ 2 к. Ночовалъ у бурмистровъ кіевскихъ на Василевскомъ острову и выигралъ въ карти 39 ½ к.

24. Рано былъ у Петра Василіевича и просилъ такъ стороны мелницъ на Ворѣ (рѣчкѣ) до Перегона подлежащыхъ, яко и о ранговомъ селѣ, такожъ и о доношеніи поданномъ графу обявлялъ. На перевозъ и проч. пошло 8 к. За хлѣбъ французкій 5 к.

25. Послѣ полдня былъ у князя Шаховского и подалъ писмо отъ ясневелможного стороны дѣлъ, въ коллегіи іностранной имѣючихъся. За лебру паперу 8 к., на перевозъ 8 к., за вино 15 к., на шовкъ до шлафрока дитячого 9 к. Въ ночѣ посланъ въ ссылку Петръ Мировичъ.[159]).

26. Весь день пробавилъ въ квартерѣ и никуда не ходилъ.

27. Былъ въ коллегіи и унѣверсалу на урядъ мнѣ даннаго, такожъ и унѣверсалу Семіона гетманича на Найпутовичи, данного судіи полковому Самойлу Іванову, справлены копіи къ дѣлу [160]). На перевозъ пошло 7 к.

---

[159]) См. примѣч. 142.

[160]) Ханенко, какъ видно, старался выхлопотать себѣ какую нибудь частность «на рангъ» своего судейства и дознавъ, что одинъ изъ его предмѣстниковъ по судейству Самойло Ивановъ, владѣлъ селомъ Найпотовичами «на рангъ», т. е. лишь на время занятія должности, сталъ хлопотать объ этомъ селѣ и, какъ видно, успѣлъ. См. 20 дек. 732 г.

28. За шите у шлафрочка Василкового петель даны 5 к., за футро до тогожъ шлафрочка 45 к., за хлѣбъ французкій бѣлый и ржаный 8 к. Послѣ полдня ходилъ до князя Шаховского, да не засталъ. На перевозъ 10 к. За стелки 2 к. Писалъ писмо въ Москву до сотника голтвянского, по словамъ пана Максимовича, сержанта.

29. Ради рожденія ея высочества государини цесаревны Екатерины Ивановны палено зъ многихъ пушокъ въ 12-мъ часу и ея імператорское величество изволила обѣдать у ея жъ высочества государини царевны. У насъ обѣдали бурмистры кіевскіе и пробавили до позна. На вино пошло 20 к.

30. Выповши зъ коллегіи іностранной, былъ у преосвященного іркутского и у полковника Вишневского. На перевозъ пошло 9 к. Писмо до сотника голтвянского въ писмѣ до подканцеляриста Урила одправлено на почтѣ. Шевцю даны для подшитя сапоги и смужъ задатку дано 25 к., а отъ отдѣлки за сапоги всего уговорено 50 к.

31. За поланкерка меду 38 к. Подячому Іванову даны чорные шолковые чолки; отдалъ должныхъ Кирилу 70 к., занявши у пана Андрея Горленка 2 р.

Ноеврій.

1. Обѣдалъ зъ другими гостми у Кузми Іакимовича Кричевця, бурмистра кіевского, ради тезоименитства его и у нихъ же ночовалъ, factus ebriatus.

2. Зъ Василевского острова мимоходомъ вступилъ къ вотчинной коллегіи секретарю Епифану Мартиновичу и у него зъ часъ и болшъ просидѣвъ, пришолъ до квартери прямо. На перевозъ пошло 7 к.

3. Никуда зъ квартери не ходилъ. Салдату, что принесъ писма изъ Москви отъ Урила, даны 3 к.

4. Былъ въ коллегіи и выписку досмотрѣлъ о жалованѣ на кормъ и на квартеру. На мясо пошло 12 к., на перевозъ 4 к. Спрашовалъ Петръ Василіевичъ о сыну Стефана Корсупа, которій въ Гданску учится [163]).

5. Были рано у графа и тутъ обѣдне слушали. За хлѣбъ бѣлый французкій 4 к. Отослано писмо къ сержанту Максимовичу

[163]) Степанъ Корсунъ — сначала сотникъ сеймскій (мѣстечко Сейма, лозвинскаго уѣзда), а потомъ — лубенскій полковой хорунжій (1720 г.) и есаулъ (1732 г.).

отъ сотника голтвянского зъ Москвы полученное. По обѣдѣ были у Василія Федоровича Яворского камеръ юнкера, и уже одтоль пріехали въ 7-мъ часу пополдни.

6. За оправу двохъ книжокъ: Hugonis Grotii de veritate Religionis Christianae 36 к., Arithmeticae Lambergii 20 к. На перевозъ пошло 11 к. Подалъ сего числа въ вечеру князю Шаховскому меморіалъ о дѣлахъ гетманскихъ, въ коллегіи иностранной имѣючихся, и о своемъ дѣлѣ прошеніе.

7. Былъ у насъ изъ дворца ея высочества государини царевны Екатерины Іоанновны камеръ юнкеръ Василій Федоровичъ Яворскій, гофъ юнкеръ Василій Ивановичъ Толстой, камеръ пажъ князь Петръ Ивановичъ Гагаринъ, мушкенкъ Федоръ Кириловичъ Белецкій, да Иванъ Алексіевичъ, бандуристъ бывшій Петра II імператора, зъ которыми доволно гуляли и подпили были. На мило до платя даны 2 к.

8. Ради тезоименитства Михаила Ивановича Новоторжцова у него обѣдали многіе, въ томъ числѣ и я, да уже позно одтоль повернулся до квартери, пріехалъ зъ Василевского острова на графскомъ буярѣ зъ графскимъ же стряпчимъ Ефимомъ Василевимъ, у которого такожъ по пріездѣ немного посидѣлъ. На перевозъ пошло 8 к. Писма получены сегожъ числа зъ Глухова отъ ясневелможного и отъ прочихъ.

9. Отосланы писма до пана Полуботка и до пана Якимовича, зъ Глухова жъ принесенные. На перевозъ Алексію даны 3 к.

10. Отдалъ писмо въ коллегіи Василію Василіевичу Степанову, тайному совѣтнику, отъ господина полковника Афанасія Прокофіевича Родищева зъ Глухова присланное. Розышлось на перевозъ и проч. 16 к. Послѣ полдня былъ у сина полковника въ домѣ его въ морской пушкарской, зъ Егоромъ Тимофіевичомъ Борисовымъ, поддячимъ коллегіи иностранной, который содержитъ рейстратуру, и оній синъ полковничій обѣщалъ мнѣ сдѣлать лѣнію, да въ 2 аршина квадратную мѣру.

11. Устиму, графскому квартермейстеру, даны 15 к. на подошвы до чоботъ моихъ красныхъ, подъ которіе имѣетъ онъ дѣлать подошвы и подборъ.

12. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного подъ числомъ 9-мъ и до п. Юкевича о пересылкѣ писем[illegible]

до п. тестя, до жены и до Стефана въ Перегонъ, да другіе писма подъ числомъ 12-мъ до ясневелможного о обидѣ мнѣ, одъ Соболевского дѣючойся, до п. Скоропадского и до п. Юркевича о одсилцѣ еще писемъ въ Стародубъ и о исправленіи унѣверсалу,—въ Стародубъ до полковника, до обозного полкового п. Есимонтовского, до п. Андрея Миклашевского, до п. Валкевича, до п. Скоруппиной, до п. тещи, до жены, до п. Григорія Гамаліи, до Стефана въ Перегонъ и до писара судового Стефана Косача, включа всѣ оные писма къ нему въ подписанный пакетъ.

13. За зроблене чоботъ пришовъ осталные денги заплачены 25 к.; на подбой до тихъ-же чоботъ, на сѣрку, на хлѣбъ бѣлій французкій и проч. 8 к., за поланкирка меду питного 37 к. Вышеобявленные писма одправлены на почтѣ зъ коллегіи іностранной. Въ вечеру были у духовника государыни цесаревны и у пѣвчихъ; потомъ у Григорія Михайлова, слѣпого бандуриста, где доволно пѣто и пито, и позно уже одтоль пяніе пріехали въ квартеру.

14. Послѣ полдня были у насъ камеръ-юнкеръ государыни цесаревны Петръ Ивановичъ Шуваловъ, да Пименъ Василіевичъ и человѣка чотіры пѣвчыхъ. Послѣ прибылъ и мунпенкъ царевни государини Федоръ Кириловичъ Бѣлецкой, зъ которыми доволно пили и были жестоко пяны.

15. За хлѣбъ французкій бѣлій 4 к. Снѣгъ випалъ и морозить стало гораздъ.

16. Зъ поранку превеликій былъ туманъ отъ морозу и на водѣ и на землѣ. Въ коллегіи видѣлъся зъ п. Полуботкомъ. Розышлось на розницю 12 к.

17. Крига (ледъ) по Невѣ велми ишла и весь день и прошлую ночь снѣгъ ишолъ; зъ квартери никуда не ходилъ я сегодня.

18. Въ ночѣ малая Невка, що отъ митного двора, а другая, що отъ выборгской стороны, въ день по полдни въ 2-мъ часу стали. Алексію на его нужды 10 к., да у Козми Якимъ взялъ 20 к.

19. Сего числа чрезъ оные малые Невки люди переходили, а мы за негодою никуда зъ квартери не ходили, кромѣ что службы въ графской церквѣ слушали. За подшите подошовъ подъ червоные чоботы даны 16 к.

20. По полуночи въ 2-мъ часу Большая Нева стала, чрезъ которую и начали коло обѣдень люде ходити. Я чрезъ Малую Неву

переходилъ отъ митного двора и бывъ въ коллегіи, писалъ до Уріила и до сотника голтвянского въ Москву. Розышлось на розницю 9 к. За бутилку меду 4 к.

21. Послѣ службы Божой его сіятелство, графъ Головкинъ изволилъ мнѣ говорить, что дѣло мое о деревнѣ подписано и жаловане велено дать. По обѣдѣ былъ у Петра Василіевича и у него просидѣлъ до 10-го часа по полдни зъ Козмою Якимовичемъ, у которого на Василевскомъ острову и ночовалъ. Вигралъ въ карти у бурмистровъ 17 к. За поланкирка меду дано 37 к.

22. Весь день пробавилъ въ коллегіи, дожидаючись Полуботка, которій вчора говорилъ мнѣ, что князь Шаховскій требуетъ, чтобъ я былъ у него. Кремезницкому далъ 10 к. Обѣдалъ у тихъ-же бурмистровъ кіевскихъ. Извощику даны 3 к.

23. Писанъ листъ до ясневелможного и одправленъ на ординарной почтѣ. Извощику даны 3 к.

24. Ради тезоименитства государини царевны Екатерины Іоанновны палено зъ пушокъ въ крѣпости и въ адмиралтействѣ и всего выпалено зъ 69. Въ вечеру была везде по домамъ въ окошкахъ чрезъ выставлене свѣчъ иллюминація. Я былъ за болшою Невою, а послѣ въ коллегіи; одтоль-же пришедши, засталъ въ квартерѣ нашей Новоторжцова.

25. Грицку, п. Горленка служителю, за поднесенный хлѣбъ отъ него, 30 к., на извощика 4 к., на оселедцѣ 3 к.

26. Слушали обѣднѣ въ церкви троецкой, где пѣвчіе архирея новгородского спѣвали и посвященъ архимандритомъ невского монастыря намѣстникъ отецъ Симонъ. За хлѣбъ французкій и за кавяръ 8 к.

27. Рано былъ въ коллегіи. Послѣ обѣда заездилъ до князя Шаховского, но не засталъ, потомъ былъ у графа Мойсея Івановича Владиславича. На извощика пошло 4 к. Въ вечеру были у панича ездовые саржанты государыни царевны да Николай Івановичъ Пузыровскій. Писано писмо до п. Скоропадского зъ посилкою писма К. Б. За пять яблокъ 3 к.

28. За хвостики колошеи 4 к., на извощика 8 к. Посѣщалъ Алексія, Славуевого брата, который передъ симъ недомогалъ. Полковника нашего Дурова синъ прислалъ лѣнію и въ два аршина

29. За поланкирка меду 37 к., на извощика 5 к., на кавяръ 4 к. Петръ Василіевичъ мимоездомъ отъ графа былъ въ квартерѣ нашей. Посилалъ Григорія Кремезницкого къ Косогову и велѣлъ ему обявить прошеніе, написанное на Воейковыхъ, ежели за сукно награжденія не учинятъ.

30. Въ сей день торжествовали праздникъ кавалеріи россійской Андрея Первозваннаго и для того всѣ присутствующіе въ С. П. Бурхѣ того ордина кавалеры сездились въ дворецъ імператорскій, где послѣ обѣдни пили въ большую салу парами, а за ними и сама государыня въ церемоніалномъ кавалерскомъ плате, и у одного стола зъ ониими изволила кушать. Кавалеры-же именно были сіи: графъ Головкинъ—государственный канцлеръ, графъ Остерманъ—вице-канцлеръ, князь Черкаской, графъ Біронъ—оберъ-камеръ-геръ, генералъ-фелдмаршалъ графъ Христофоръ фонъ-Минихъ и графъ Левенволдъ—оберъ гофъ-маршалъ, а у другого стола кушали цесаревна и принцесса зъ разныхъ чиновъ дамами, у третого-же генерали и другихъ чиновъ мужескъ полъ. До столу играла камеръ музика, и дамы спѣвали, и 5 разъ палили зъ пушокъ, кромѣ того что заразъ послѣ обѣдни зъ многихъ пушокъ на поздоровленіе кавалерамъ палено. Въ вечеру везде въ окошкахъ свѣчи горѣли. Я обѣдалъ у бурмистровъ кіевскихъ и одъ нихъ вечеромъ уже пріехалъ. За хлѣбъ французкій 4 к., извощикамъ 8 к., прачцѣ 10 к.

Декабрь.

1. Былъ въ коллегіи, послѣ у князя Шаховского, токмо оного въ домѣ не получилъ. Розышлось на розницю 6 к.

2. Послѣ полдня въ 3-мъ часу былъ у князя Шаховского и писма отдалъ, передъ симъ отъ Косача писара судового присланныя, где изволилъ сказать, что и стороны дѣла моего графу Головкину и Петру Василіевичу говорилъ.

3. Рано были у графа Головкина и тамъ обѣдни слушали, одтоль пришедши обѣдали у насъ бурмистры и весь день мы въ домѣ пробавили. Былъ у панича Адодуровъ, а у мене Іскусъ зъ женою своею, да и Федоръ Максимовичъ въ вечеру былъ же.

4. Ввечерѣ были у бурмистровъ и доволно подпили, а одъ нихъ заехали до господина Сенявина и у него позабавились до позна. Писаны писма къ Глуховъ до ясневелможного, до пана Скоро-

падского, до Юркевича, въ Стародубъ до жены, до Стефана и до Косача.

5. Положилъ у Новоторжцова въ закладъ три червонихъ и взялъ мѣлкими 6 р. Были зъ Козмою Якимовичемъ у Сенявина, у Яна воскового майстера и у почтъ-мейстера Аша, где взялъ я и боченокъ мѣноговъ, токмо еще за оные не платилъ. На розницю розышлось 11 к.

6. Гостей принималъ у себе ради именинъ, на которое принятіе розышлось за вино, за рибу и прочое, до столу купованное, 8 р., и зъ тими жъ гостми весь день прогуляли и до пяна попили. На извожчика 8 к.

7. Ради рожденія государини принцессы Анны молебствовано и палено зъ крѣпости и въ адмиралитействѣ зъ пушокъ. Сей день никуда зъ квартери не ходилъ. Чрезъ Григорія Кремезницкого, который сего числа изъ С. П. Бурха одправился до Глухова, писалъ я до Уріила въ Москву, чтобъ ему исправилъ подорожную на одну почтовую подводу; ему жъ Григорію даны 10 к.

8. Алексій на свою потребу взялъ 27 к., на извощика пошло 3 к. Читалъ въ коллегіи сочиненіе грамоты на Перегонъ зъ Дешковичами.

9. Тезоименитство государини принцессы Анны праздновано и по молебствіи палено зъ пушокъ. Сегожъ числа пришли писма зъ Глухова отъ ясневелможного при двохъ листахъ въ коллегію иностранную и при писмахъ до канцлера и вице-канцлера и до князя Шаховского. Вечеромъ были зъ паномъ Горленкомъ у профессора его математического Крафта.

10. Рано вручилъ я два писма графу Головкину отъ гетмана о сербскомъ капитану Колатайчу и о резолюціи на присланные въ коллегію иностранную зъ прошеніемъ. Алексію для покупки потребностей къ поезду даны 22 к. По полднѣ вручилъ писма отъ ясневелможного и одъ пана Скоропадского князю Шаховскому, который обѣщалъся еще къ графу Головкину и господину Курбатову за мною инстанціовать (предстательствовать) въ дѣлахъ моихъ; потомъ былъ у бурмистровъ кіевскихъ. Поданы доношенія гетманскіе въ коллегію.

11. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного, до пана Скоропадского, до пана Юркевича и до пана Забѣлы, судіи енер.,

подъ числомъ 7-мъ; въ Москву до Кремезніцкого и до Урінла, чтобъ оному Кремезницкому всѣ помянутые писма, такожъ и пакетъ, отъ пана судіи зъ Глухова къ нему принесенный, тамъ въ Москвѣ вручилъ, и оные писма одправлены въ Москву на почтѣ зъ коллегіи іностранной. Обѣдалъ у бурмистровъ. Розышлось на извощика и проч. 14 к.

12. Рано былъ у князя Шаховского, въ дворцѣ, въ дежурной, где и Петра Василіевича Курбатова засталъ и говорилъ мнѣ князь, что половина дѣла моего сдѣлана. Да князь же посылалъ офицера въ Сенатъ, чтобъ одправлено изъ Сената указъ въ коллегію іностранную о рудокопныхъ и салѣтранныхъ въ Малой Россіи заводахъ, чтобъ 10-й долѣ не взымала. Сего числа было погребеніе генералу лейтенанту князю Семену Федоровичу Мещерскому въ монастырѣ невскомъ, куда ишли и 4 полки салдацкихъ пѣхотныхъ, и за тѣломъ ишли генералъ фелдмаршалъ графъ Христофоръ фонъ Миних и другіе генерали и штаны, и при томъ ходѣ руже несли всѣ солдаты обыкновенною погребалною церемоніею, а музыка жалобно играла и въ барабаны чрезъ сукно бито. За бутилку меду 4 к.

13. Былъ рано въ домѣ графа Остермана, но не получилъ отдать писма гетманского. На извощика пошло 4 к. Подарилъ Василію М. Леонтіеву каламарь (чернильницу) и пѣсочницю стеклянные, за которые дано 23 к. Послѣ полдня былъ у графа Мойсея Ивановича, который мене своими санями и отослалъ на квартеру.

14. Рано подалъ писмо гетмана графу Остерману и въ своемъ дѣлѣ просилъ. Раножъ отвезъ книжку Полуставецъ Новоторжцову, обѣщанный передъ симъ. Обѣдалъ у бурмистровъ. Розышлось 6 к.

15. Никуда зъ квартери не віездилъ. Былъ у насъ Алексій, Славуевъ братъ, и обѣдалъ.

16. Былъ въ коллегіи и читалъ сочиненіе грамоты на купленные грунта.

17. Праздновалисмо тезоименитство ясневелможного, а между тѣмъ пришелъ къ намъ господинъ поруччикъ Федоръ Ивановичъ Наковалнинъ, на почтѣ одправившійся въ Кіевъ, чрезъ которого писалъ я къ ясневелможному и до пана Скоропадского.

18. Рано были у ея высочества государини цесаревны Елисаветъ Петровны зъ поздравленіемъ рожденіемъ ея высочества и къ ручкѣ пожалованы. Послѣ полдня изволила ея імператорское

величество визитовать высокою своею особою ея высочество государыню цесаревну, а послѣ и у государынѣ царевни ея жъ величество быть изволила. Я у бурмистровъ снѣдалъ (завтракалъ). Розышлось 6 к.

19. На рогожи до обиваня оконъ, на гвоздки и проч. пошло 23 к. Былъ у князя Шаховского, где послѣ полдня былъ и Петр. Вас. Курбатовъ.

20. Пріймовалъ панъ Горленко слѣпого зъ пѣвчими меншими цесаревни. Рано былъ я въ коллегіи, где обявилъ мнѣ Петръ Вас., что грамоту о маетности на рангъ и приговоръ о жаловапю закрѣпилъ графъ Головкинъ. Былъ я у полковниченка нашого Дурова въ домѣ, а одтоль ездилъ въ домъ полковничій на Василевскомъ острову, будучій въ 21 линіи.

21. Куплено гарусу на лиштвы до опанчи лѣтной за 25 к., да на нитки и мило 2 к. При писмѣ до Урінла одправленъ пакетъ до пана Юркевича зъ листомъ отъ Полуботка. Сего числа званніи обѣдалисмо у Петра Василіевича Курбатова, ради тезоименитства его, и тамъ доволно удоволствованы.

22. Сей день весь въ квартерѣ пробавилъ, толко передъ вечеромъ ездили для осмотреня квартери, надъ Мойкою, князя Федора Григоріевича Волконского, да на Василевскомъ острову князя Мещерского умершого.

23. Обявленъ мнѣ приговоръ, подписанный о Перегонѣ руками графа Головкина, дѣйствительного тайного совѣтника Х. В. Миниха, тайного совѣтника Василія Василіевича Степанова и канцеляріи совѣтника П. В. Курбатова, который приговоръ и записанъ въ рейстратуру подъ симъ числомъ. Сегожъ числа панъ Андрей Полуботокъ отобралъ грамоты до гетмана и до генерала Наришкина о возвращеніи себѣ селъ Орловки, Казиловки и Коровинецъ [161]) и зъ нами пожегналъся. Розышлось 4 к.

[161]) Села Орловка (новгородъ-сѣверскаго уѣзда) и Казиловка (сосницкаго уѣзда) отданы были Мазепою генеральному обозному Дунину-Борковскому, по смерти котораго Мазепа эти села отнялъ у его вдовы для себя. Послѣ измѣны Мазепы, Павелъ Полуботокъ успѣлъ эти села выпросить себѣ, назвавъ ихъ »измѣничьими«. Черезъ 15—16 лѣтъ дѣти Борковскаго пожаловались Вельяминову, который и возвратилъ имъ эти села. Здѣсь, какъ видимъ, иностранная коллегія вновь отбираетъ ихъ у Борковскихъ для Полуботковъ. Село Коровинцы (роменскаго уѣзда) отдано было Мазепою въ 1689 г. лубенскому полковнику Иляшенку, по смерти

24 Розышлось на штофъ водки гданской 1 р. 50 к., за боченокъ міноговъ передъ симъ взятыхъ 1 р. 50 к., за хлѣбъ французкій и на извощика 13 к., за мите рубашокъ 10 к. Сего числа панъ Полуботокъ отехалъ къ Москвѣ.

25. Въ сей день Рождества Христова всенощное и утреню правили въ квартерѣ, а службы Божой слушали въ церквѣ домовой графа Головкина, и послѣ его и другихъ тутъ случившихъся поздравляли; потомъ графъ отехалъ въ дворецъ къ государынѣ, куда такожде и паничъ зъ паномъ Горленкомъ ездили. Послѣ обѣда были у господина Курбатова и у господина Стефанова. Писанные писма подъ завтрашнимъ числомъ до ясневелможного зъ привѣтствіемъ и зъ 2 цедулами о поздравителныхъ писмахъ и объ отвѣтѣ противъ посланной грамоты, взглядомъ требованія на генералъ фелдмаршала и проч., да до пана Скоропадского и Юркевича одправлены на почтѣ въ Москву къ Уріилу въ писмѣ до него подписанномъ. На извощика розышлось 7 к.

26. Рано ездили до князя Черкаского, до господина генерала Ушакова и до Стефана Федоровича Апраксина, а послѣ были зранажъ у вице канцлера графа Остермана. Розышлось зрана 9 к.

27. Были рано у князя Шаховского, а потомъ я былъ у графа Савы Владиславича и у Мойсея Івановича, одтоль заездилъ къ Алексѣю, Славуевому брату, и въ коллегію. На извощика пошло 4 к. Въ коллегіи видѣлъ подписанный приговоръ о видачи мнѣ жалованя подъ числомъ сего мѣсяца 22-мъ.

28. Ради рожденія жены моей были у мене гостѣ, для которыхъ принятія обѣдъ былъ готованъ. Пошло на мясо, медъ, пиво, вино и проч. 4 р. 65 к. Писалъ писмо въ Глуховъ до пана Скоропадского зъ цедулою о пол. и оное одправлено зъ писмами пана

котораго Мазепа отобралъ у дѣтей его Коровинцы для племянника Обидовскаго. Послѣ измѣны Мазепы село это выпросилъ себѣ Павелъ Полуботокъ, съ дѣтьми котораго одинъ изъ потомковъ Иляшенка, роменскій сотникъ Семенъ Остаповъ (родоначальникъ Ласкевичей) началъ за Коровинцы тяжбу, которую, какъ мы видимъ здѣсь, проигралъ. Это не помѣшало мужу внуки Остапова, Андрею Политикѣ предъявить къ Полуботкамъ, въ 1742 г., новый искъ за Коровинцы и въ 1749 году искъ этотъ выигранъ. Наслѣдники Полуботокъ—Милорадовичи пытались было возобновить тяжбу за Коровинцы, но по совѣту опытныхъ людей отказались отъ этого, и Коровинцы остались у потомковъ Иляшенка.

Андрея Горленка на почтѣ, чрезъ которую и до ясневелможного зъ коллегіи иностранной одправлена грамота о опредѣленіи на мѣсто Львова, въ судъ енералный, Івана Сенявина.

29. Рано ездили къ Архіерею новгородскому, но не получили его видѣть; потомъ заехали до бурмистровъ и у оныхъ снѣдали. Послѣ былъ я въ коллегіи и въ квартерѣ у Егора Тимофеева Борисова, который рейстратуру содержитъ. Купилъ пару запонокъ за 80 к. На извощика 5 к. Зъ сего числа въ ночѣ віехалъ зъ Санктъ Пітербурха князь А. І. Шаховскій въ указную себѣ до слободскихъ полковъ дорогу.

30. Получены писма зъ Глухова отъ ясневелможного, одъ пана Скоропадского и протчихъ, а при оныхъ и доношенія въ коллегію иностранную надлежащые.

31. Дано мнѣ жаловане зъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ 30 р. денегъ и косякъ лудану [162]) блакитного въ 14 р. Розышлось на извощиковъ 14 к. Въ вечеру былъ у Петра Василіевича и подалъ доношенія гетманскіе въ коллегію надлежащые.

Конецъ 1732 году.

Съ Богомъ годъ 1733.

Генварь.

1. Рано поздравляли графа Головкина и потомъ паничъ зъ п. Горленкомъ отехали во дворецъ, а я слушалъ обѣдни въ церкви троецкой, где архіерей новгородскій зъ прочіими служилъ молебствіе, по которого окончаніи палено зъ многихъ пушокъ въ крѣпости и въ адмиралтействѣ. Столъ былъ для господъ первѣйшихъ и дамъ во дворцѣ государини, при которого одправленіи палено многажды зъ 15 пушокъ; а въ 8-мъ часу по полудни былъ передъ дворцемъ на Невѣ фейерверкъ и везде по домамъ, а особливо все адмиралтейство убрано было фонарями преизрядно для иллюминаціи. Я послѣ того былъ у Петра Василіевича зъ бурмистрами кіевскими до 12 часа. Сегодня посѣщалъ мене нашего полковника сынъ Іванъ Александровичъ Дуровъ, зъ которымъ я и во дворцѣ былъ въ салѣ.

---

[162]) Шерстяная ткань.

Сего-жъ числа розышлось—дано Алексію и козаку Николаю по 50 к., итого 1 р., Петру хлопцю, слугамъ и проч. 50 к., людямъ Петра Василіевича 30 к., Алексію Войничовому 20 к. На хлѣбъ французкій 6 к. Паничу подарилъ купленные передъ симъ запонки.

2. За два календаря петербургскіе 24 к., за два трактаты зъ персидскимъ государствомъ россійской імперіи 24 к. На извощика 4 к.

3. Былъ въ коллегіи и видѣлъ сочиненіе грамоты на Перегонъ и протоколы въ моихъ дѣлахъ, тако-жъ грамоту сочиненную до гетмана о присягахъ. На извощика пошло 10 к., на мясо 12 к. Въ вечеру былъ у преосвященного іркуцкого Нероновича, а послѣ у уставщика государини цесаревны Івана Петровича.

4. Писано писмо къ Урілу подканцеляристу въ Москву, зъ одправою писма-жъ одъ мене до п. Полуботка, зъ листами къ немуже одъ енерала графа фонъ-Вейзбаха и одъ п. Турковского, писара енералного. Взялъ позыкою для переписаня книгу, зовемую »Літописецъ Келейній« покойного преосвященного Димитрія, ростовского митрополита,—у Івана Петровича, уставщика надъ пѣвчими государыни цесаревны, и къ нему о визыченю тоей книги писалъ карту, что по переписаню оную отдать я долженъ. Розышлось на извощика 7 к., на хлѣбъ бѣлій французкій и свѣчи 9 к.

5. Возили грамоту до подписи къ графу Головкину на Перегонъ написанную, но оная сего числа не подписана. Отецъ Адамъ въ 3-мъ часу по полудни въ домѣ архіерея новгородского на Василевскомъ острову умре. Куплено мяса за 20 к., на извощика 3 к. Былъ въ квартерѣ нашей Александръ Гудовичъ, до которого отъ отца чрезъ прапорщика Арсеніева присланы писма, но со мною не видѣлъся.

6. Въ 12-мъ часу по полуночи одправлено водосвятіе на Невѣ, противъ зимняго дворца, у мѣста нарочно для того устроенного, где и полки квадратами были устроены, и когда водосвятіе окончалось, то по учиненню ракетою сигналу випалено въ крѣпости и въ адмиралтействѣ зъ 41 пушки, а послѣ на ліоду зъ 21 пушки поставленыхъ палено-жъ, а потомъ полки бѣглымъ огнемъ и знову зъ тихъ-же пушокъ, а послѣ полки, тако-жъ и третій разъ зъ оныхъ же пушокъ и полки випалили; и тако оная церемонія благополучно окончалась. Паничъ (П. Апостолъ) обѣдалъ у графа Савы Влади-

славича, а у мене обѣдалъ Іниховъ и принесъ мнѣ копію протоколу о Перегонѣ зъ Демковичами. Извощику даны 3.

7. Обѣдни слушали въ церквѣ св. апостола Андрея Первозваннаго на Василевскомъ острову и обѣдалъ у бурмистровъ кіевскихъ, купно зъ Новоторжцовымъ и Леонтьевымъ и ихъ женами. Потомъ былъ у сина полковника нашего старод. Івана Александровича Дурова и отъ него вышедъ, заходилъ къ Алексѣ, Славуевому брату. Послѣ пришелъ на квартеру уже поздно. На извощика розышлось 10 к. Отца Адама, що у преосвященного новгородского былъ (Зерникава?), поховано въ невскомъ монастырѣ.

8. Писаны писма одъ мене до ясневелможного, до п. Скоропадского и до п. Юркевича въ Глуховъ и одправлены на ординарной почтѣ. На хлѣбъ французкій 8 к., на извощика 3 к.

9. Былъ рано у Петра Василевича, а послѣ въ коллегіи и зъ Кричевцемъ ходилъ по гостинному двору. Розышлось на розницю 11 к.

10. Грамоту открытую на Перегонъ закрѣпилъ государственный канцлеръ графъ Головкинъ. Сего числа пожегнались зъ преосвященнымъ епископомъ іркуцкимъ отцемъ Іннокентіемъ Нероновичемъ, у котораго до поздна гуляли, и уже въ 9-мъ часу по полдни пріехали въ домъ. Розышлось 12 к.

11. Отобралъ въ коллегіи грамоты 4, отворчатую на Перегонъ, да запечатанные до гетмана о опредѣленіи села на рангъ, о присягахъ и о селѣтрѣ, тако-жъ о томъ всемъ и до генерала Нарышкина три грамоты. Былъ рано у Александра Гудовича и у него обѣдалъ. Розышлось на розницю 17 к. Сторожу коллежскому 10 к. Сего числа посланы къ гетману и къ генералу Нарышкину на почтѣ грамоты о вистатченю 800 людей для рубки лѣсу и отведеню лѣсу въ полку чернѣговскомъ, албо о найму таковогo-жъ лѣсу у поляковъ.

12. Обѣдалъ у капитана гвардіи Івана Івановича Косогова и зъ нимъ простившись, былъ у другихъ зъ пожегнаніемъ (для прощанья). Былъ также и въ домѣ преосвященного новгородского за интересомъ пана Лисаневича, но ничего не получилъ. Вечеромъ былъ зъ п. Андр. Горленкомъ у духовника государини цесаревны, зъ нимъ и зъ другими того дому для пожегнаня, где въ квартерѣ слѣпого бандористы (Любистка) жестоко, при жегнаню, попили; тутъ-же былъ и Александръ Івановичъ Шуваловъ камеръ-юнкеръ.

13. Отобралъ въ коллегіи на пять ямскихъ подводъ прогоновъ до самого Глухова 18 руб. 15 коп., а о дачи зъ ямской канцеляріи подорожной на тые подводы послана въ ту канцелярію изъ коллегіи іностранной промеморіа, токмо-жъ написано въ подорожной двойные проговы и для того я нанялъ къ Москвѣ подводы двѣ пары за 7 р. 50 к. Далъ за труды Іпихову 4 р., Стражеву 1 р., Борисову 1 р., Новоторжцову 2 р., салдатамъ коллежскимъ 1 р., сторожу коллежскому старому 20 к., салдату посиланному за подорожною 10 к., копіистамъ коллежскимъ на общину ихъ 1 р. Розышлось 5 к. Обѣдалъ сего числа у его сіят. графа Савы Владиславича, который приказалъ отослать мнѣ на дорогу 6 бутелокъ вина красного, да поланкерка водки, а самъ изъ своихъ рукъ пожаловалъ чаю фунтъ. Графъ Мойсей Івановичъ далъ мнѣ вексель въ Москву на 50 р., и потомъ я у оныхъ отобравши писма, пожегнался и отойшовши былъ въ разныхъ мѣстахъ для отобранія писемъ и пожегнаня, въ томъ числѣ и у Івана Юркевича оберсекретаря, долго въ ночь просидѣлъ. Хлопцю его 10 к.

14. Обѣдни слушалъ въ графской церквѣ, а послѣ обѣда одклонился Василію Вас. Степанову, въ которого домъ московскій пріобѣщалъ прислать куфу горѣлки, потомъ сидѣлъ не мало у Петра Василіевича.

15. Рано взялъ другую подорожную зъ коллегіи іностранной на проездъ, которую и послалъ чрезъ салдата коллежского въ полицію, которому дано 22 к. для запечатованя. Покуплено—голову цукру 75 к., чолки валеніи 1 р. 10 к., на золото и кистѣ до грамоты маліованя 75 к., за кусокъ арапа табаку для пана Івана Марковича 1 р., для егожъ картузногожъ табаку 1 р., папѣръ 70 к., да два паніры подлѣйшого 42 к., за мелинчку для пана Скоропадского 1 р. 32 к., за два платки блакитные 90 к., за 500 оселедцовъ копченыхъ 50 к. Для покупки потребностей для дороги 2 р. Въ коллегіи со всѣми пожегнане учинивши, обѣдалъ у бурмистровъ кіевскихъ, а израна отклонился графу Головкину, въ вечеру же Петру Василіевичу, которому и поднесъ за труды 4 кубки срѣбные, а онъ мнѣ подарилъ кошулю (рубаху) колмицкую баранковъ бѣлыхъ. Радіону 50 к.

16. За поланкирка канарсенту 6 р., за два штофа гданской водки 3 р. Зоставилъ при писмѣ меморіалъ пану Горленку о дѣ-

лахъ, оставшихся въ коллегіи иностранной. Козмѣ Якимовичу вручилъ челобите пана Чернолуского и свой интересъ. Обѣдалъ у панича въ квартерѣ, а прежде обѣданя подписалисмо контрактъ. Послѣ, пожекгнавшись со всѣми, віехалъ въ 3-мъ часу по полудни и заездилъ къ Гудовичу, которому и писмо отъ себе вручилъ о доправцѣ 10 р. денегъ или 5 аршинъ сукна тонкого па адютанту семеновского полку Воейкову; потомъ заездили до отца Василія Щербацкого священника, что въ невскомъ монастырѣ, а отъ него прямо прибыли въ ямскую, гдѣ зъ паномъ А. Горленкомъ по доволныхъ розговорахъ пожекгнались и розехались въ полъ 8-го часа по полудни. Пану Грифскому позичилъ 2 р. При віездѣ зъ С. П. Бурской квартери Василю маляру, которій робилъ коло грамоты, да и обѣцалъ портретъ государыни, за роботу 1 р. Капралу коллежскому Пет. В. Соболеву 10 к., Дмитру хлопцю 20 к., Петру 10 к., молодикамъ Павла Івановича Апостола 40 к., на пиво въ ямской 3 к. Віехавши зъ ямской, прибыли до Іжоры въ началѣ 12-го часу, одтоль поехали въ полъ 4-го часа по полуночи о 30 верстъ.

17. Прибыли въ деревню Болотное, где спочивали, а одтуду въ деревню Чудово помѣщика Путилова въ 110 верстъ одъ Пітера, и тутъ ночовали; одтоль віехали по полуночи въ 3-мъ часу и прибыли

18. Въ исходѣ 7-го часа въ деревню Пудицу и тутъ обѣдали, о 25 верстъ отъ Сосниной пристаны и отъ ночлегу въ 34 версты; одтоль віехавши, прибыли въ 12 часу до Новгорода, о 45 верстъ, въ началѣ 5-го пополуднѣ, где на квартерѣ посѣщали мене Василій Федоровичъ Кудримонтовскій да отецъ Ефремъ. На пиво 3 к.

19. Былъ въ церквѣ соборной и видѣлъ тутъ лежащихъ нетленныхъ матку и сына князей фундаторовъ с. Софіи, той соборной церкви. Розышлось на розные покупки 98 к. Тамъ-же въ Новгородѣ пообѣдавши купно зъ Василемъ Федоровичемъ на моей квартерѣ, взялъ росписку у ямщиковъ и одехалъ одтоль по полдни во 2-мъ часу, а прибылъ въ Бронницы въ 4-мъ и тутъ стали на ночь о 25 верстъ; тутъ-же на пиво и проч. 5 к. Одтоль въ 11-мъ часу передъ полуночю поехали и прибыли.

20. Въ концѣ 8 часа до яму Крестцовъ, о 63 версти, где и обѣдали; тутъ на хлѣбъ, пиво и проч. розышлось 30 к.; тутъ-же зехалися зъ княгинею Хованскою, которой служитель Іванъ Івановъ

Сафдюковъ далъ намъ карты, да тутъ перелили карнасентъ въ другое бариляце не безъ убытку. Одтоль віехали въ 1-мъ часу по полудни и прибыли на ночь въ деревню Родвино помѣщика Лва Семіоновича Зіновіева, о 23 версты одъ Крестцовъ; тутъ въ Родвинѣ у крестятина Ефима Василіева куплено блюдцо и талѣрка цѣновые за 40 к. На хлѣбъ розышлось 3 к.

21. Въ 12 часу одтоль віехавши, прибыли въ 6-мъ по полуночи до Волдаи, о 36 верстъ, и тутъ обѣдали. На хлѣбъ и мясо пошло 13 к.; одтоль віехали въ 1-мъ часу по полудни и прибыли въ село Іодрово, о 24 версты, и тутъ ночовали; за постоялее дано 2 к.

22. Зъ Едрова віехавши въ 4 часу по полуночи, прибыли въ деревню Куженкину, о 27 верстъ, и тутъ обѣдали. Розышлось на пиво и проч. $6^{1}/_{2}$ к. Одтоль віехали въ 11 часу и прибыли въ Вышный Волочокъ 5-го часа по полудни; тутъ ночовали, о 47 верстъ одъ попасу. Розышлось $6^{1}/_{2}$ к.

23. Зъ Волочка въ 1-мъ часу по полуночи віехавши, прибыли на обѣдъ въ 8-мъ часу въ деревню Каменку князя Якова Василіевича Сибѣрского, о 47 верстъ; тутъ розышлось на мясо, квасъ и проч. 14 к. Одтоль віехавши въ исходѣ 12 часа, прибыли по полудни въ 5 часу до деревни Марьина князя Івана Алексіевича Долгорукова, о 41 версту отъ попасу обѣдного; тутъ розышлось на пиво и проч. 4 к.

24. Во 2-мъ часу віехавши зъ ночлегу, прибыли въ Тверь, о 38 верстъ, и тутъ обѣдали; тутъ-же розышлось на хлѣбъ и проч. $24^{1}/_{2}$ к. Одтоль віехали въ 2 часу и прибыли до Городнѣ въ 5-мъ часу, о 31 версту, и тутъ ночовали. Розышлось 3 к.

25. Въ 12 часу ночи віехавши зъ Городнѣ, прибыли до Клину въ полъ 8 часа по полуночи, о 55 верстъ; тутъ на мясо 14 к., тутъ-же обѣдалъ я у воеводы здешного Глѣба Прокофіевича Родищева, одъ которого и письмо къ брату его Афанасію Прокофіевичу въ Глуховъ отобралъ, такожъ и чолки валеные; жена оного воеводы именемъ Назаріевна. На пиво $2^{1}/_{2}$ к. Зъ Клину віехавши въ 2 часу по полудни, прибыли до Пешокъ въ полъ 6-го часа, за 31 версту.

26. Въ исходѣ 1-го часа по полуночи віехавъ зъ Пешокъ, прибыли до Чорной въ полнята часа, о 25 верстъ. Тутъ розышлось 4 к. Одтоль віехавши въ 8-мъ часу, прибыли въ Москву въ исходѣ 11 часа, и тутъ сталъ я квартерою на Мясницкой, на [illegible]

логодского и каширского архіерея, преосвященного Веніамина Сахновского; тутъ-же засталъ отца Іова, который былъ діакономъ при покойномъ Кролику. Ездилъ въ домъ графа Савы Владиславича, отдалъ писмо и ключѣ зъ С. П. Бурха присланные до Линда, потомъ былъ въ монастырѣ Богоявленскомъ у грека Савы Петровича и отобралъ у него по векселю графа Мойсея Ивановича Владиславича 50 руб. денегъ. Отъ него ездилъ до купчина Дементія Прохоровича и до невѣстки полковничей Катерины Андреевны въ домъ полковничій-же, за Пречистенскіми вороты, у Ілiи Обыденного будущій. На извощика пошло 4 к., Алексію дано 4 к., цилюрику 4 к. Зъ извощиками, нанятыми изъ С. П. Бурха, росплатка учинена, на которыхъ пошло всѣхъ денегъ 7 р. 85 к.

27. Рано ездилъ до Урінла подканцеляриста и зъ нимъ пріехавъ въ коллегію; тутъ кланявся ассесору Семену Ивановичу и писмо подалъ секретарю Івану Тимофіевичу Аврамову отъ Новоторжцова. Писана въ Ямскую промеморія о видачи мнѣ на двѣ почтовыя, а подъ люде на 3 ямскія подводы. На извощика пошло 6½ к. Подячему Емской канцеляріи 8 к., Миколаю Евдокимову 1 р. Куплены три футра, завойковое и шлямовое, лисіи да попеличое, дано за оные 36 р. Куплены 12 талѣрокъ, 8 полумисковъ (а до нихъ придано двѣ талѣрки старыхъ и полумисочокъ въ замѣнъ, и въ нихъ вѣсу пудъ, а въ придаточныхъ было 4⅓ фунта), дано за то 7 р. 48 к. За двѣ штучки івановского полотна 2 р. 6 к., за полотна сѣтчаного 30 аршинъ 90 к., за штуку полотна ровного 98½ коп. За осятра въ полтора пуда 1 р. 35 к. За двое дверецъ желѣзныхъ до печей 90 к., за заслонку желѣзную 45 к., за 17 фунтовъ кавяру 1 р. 36 к.

28. Обѣдалъ у полковника Василія Степановича Батурина, где и зъ сыномъ его Сергіемъ, салдатомъ ізмайловского полку, розговаривали по латинѣ; тутъ же обѣдалъ съ нимъ и сѣвчанинъ Іванъ Ивановъ Драній. На извощиковъ пошло 15 к. Вечерялъ у графа Ефима Ивановича Владиславича, купно зъ Николаемъ Павловичемъ Кристичемъ, и позабавилися разными розговорами до 12-го часа.

29. Куплены сани зъ козиркомъ, дугою и оглоблями за 5 р., за дровни подъ колиску дано 30 к., извощикамъ 26 к. Взялъ писмо у Николая Павловича заимное Трусевичево о доправкѣ на немъ десяти рублевъ. Вчера занялъ денегъ 30 р. у Савы Петровича

Діахра грека. За стонжки и тясму до шабли 2 р. 71 к., за цвѣтную тріодь 90 к., на росходъ харчевый и дрова и проч. розышлось 1 р. 50 к. Алексію до росчоту за службу его дано 4 р., за кошелки 2½ к. Павелъ Якимовичъ Якумопло далъ мнѣ на дорогу сира, закусокъ и чотиры рубли денегъ. За канчукъ 5½ к. Писалъ писма до пана Горленка и до Козми Якимовича въ Санктъ-Пітербурхъ и отправилъ оные на почтѣ зъ коллегіи іностранной. За пудъ мила 1 р. 40 к., за 3 золотники кокцинелли 20 к., за 25 аршинъ цвѣлиху пасистого 2 р. 50 к. Ввечеру былъ у ассесора Семена Іваповича и отобралъ у него писмо къ ясневелможному.

30. Салдатамъ, що привели почту, дано 15 к., за двѣ жестянки табаку 80 к., извощикамъ 12 к. Бувъ у генералши Фамипциной Софіи Казимировны и видѣлъся зъ дѣтми ея Андресмъ Юревичемъ и Евдокіею Юревною въ домѣ ихъ за Пречистенскими вороты; бувъ же и у отца Мины Григоріевича, ключара успенского, который мнѣ и полсіомти подарилъ; у него же видѣлъся зъ секретаремъ Семеномъ Перфиліевымъ и бывшимъ генерала Кортчина адютантомъ Іваномъ Даниловымъ Докторовымъ. За пиво на дорогѣ 20 к., за тюмъ китаю 7 р., за двѣ куницы 3 р. Сего числа віехалъ изъ Москви на почтѣ и переехалъ до свѣта три станы почтовые.

31. Свѣтомъ зъ Ликова, где станъ почтовый, выехавъ, прибылъ до Добрыхъ, а одтоль до Калуги; зъ Калуги около вечерень віехавъ и обехавъ обозъ пана Полуботка, приехалъ ночю Лихвинъ и прибылъ свѣтомъ до Беліова.

Февраль.

1. Зъ Беліова рано віехавъ, прибылъ около полдня до Болхова; одтоль, ради того, что пяный случился почтарь и что стала быть метель, принужденъ, заехавши въ сторону до села Локны помѣщиковъ графа Платона Мусина Пушкина и князя Григорія Волконского, тутъ ночовать, и уже одтоль

2. Свѣтомъ віехавъ, прибылъ до Глотова, а одтоль до Карачева въ 12-мъ часу пополудни; тутъ розышлось 4 к. Зъ Карачева въ началѣ 3-го часа выехавъ, прибылъ до Сомова смеркомъ, а одтоль до Чаепки, и тутъ ради метелицы принужденъ ночовать.

3. Зъ Чаепки въ 6-мъ часу пополуночи прибылъ на почту Любошскую въ 2-мъ часу по полдни, а одтоль до Сѣвска въ 8-мъ

часу. Зъ Сѣвска віехавъ въ 9 часу, прибылъ до Товстодубовской почты въ часу 5-мъ пополуночи, а одтоль въ 8-мъ до Есмани.

4. Въ Есмани службы Божой выслушавъ и пообѣдавъ (где розышлось на розницю 12 к.), прибылъ до Глухова въ 1-мъ часу по полдни и тутъ заразъ пошолъ до двора ясневелможного, где засталъ еще при концу обѣда; тутъ же засталъ ихъ милостей: пана Павла Апостола, полковника миргородского (который недавно оженившись въ Смоленску на дочерѣ тамошнего шляхтича Никола Юръевича Анделярта (Энгельгардта) именемъ Федорѣ, сюда въ сихъ дняхъ прибылъ), пана Петра Апостола, полковника лубенского зъ панею, пана Скоропадского, Богдана Івановича Пасека и прочіихъ многихъ; вручилъ ясневелможному 2 грамоты о присягахъ и о селѣтрѣ и партикулярныя писма, такожъ и другимъ, до которыхъ писма поотдавалъ. Вечеряли въ домѣ ясневелможного многіе, въ томъ числѣ и я. Тутъ же получилъ я вѣдомость, что синъ мой Петръ преставилъся въ Стародубѣ прошлого генваря 18, болѣзнію на болячку подъ горломъ.

5. Рано былъ у господина генерала Нарышкина и вручилъ его превосходительству грамоты 2, о томъ же, что и гетману. Сегожъ числа писаны писма до архидіакона катедры кіевской и до отца-брата въ Козелецъ и посланъ чай одъ преосвященного іркутского; одправлены писма и до Славуя.

6. Былъ у господина Пасека, потомъ у полковника лубенского на Бѣлополовцѣ [162]) и у пана обозного генералного; вечеромъ— у пана Бороздны, судіи генералного. Сегожъ числа вручилъ писма господину Мякинину и господину полковнику Радищеву отдалъ чолки, отъ брата его Глѣба Прокофіевича, воеводы клинского, присланные.

7. При суплѣцѣ моей ясневелможному презентовалъ грамоту, данную мнѣ на Перегонъ для записаня оной въ войск. енер. канцеляріи и для видачи мнѣ подлугъ оной унѣверсалу. Обѣдалъ у пана полковника лубенского. Розышлось 7 к.

8. Подалъ суплѣку на опредѣленіе мнѣ деревень удостоеныхъ о унѣверсалѣ, чтобъ владѣть оними до полученія указу и подтверженія противъ посланного въ коллегію іностранную удостоенія.

---

[162]) Предмѣстье г. Глухова.

Въ Москвѣ за притупей лосиній 40 к., за перчатки 60 к., за тертушку мушкатовой галки 4 к.

9. Писалъ писмо до пана дядка въ Козелецъ за жителемъ кіевского полку села Борокъ Юскомъ Слѣпченкомъ. Отъ Москви до Глухова на двѣ почтовые лошадѣ розышлось 5 р. 46 к. Сего числа прибылъ панъ Ігнатъ Данченко зъ возками моими зъ Москви до Глухова. Панеи полковниковой лубенской дана жестянка табаку.

10. Зоставлена у ясневелможного книжка рукописная моя разговоровъ генерала Паткуля зъ министромъ Герцомъ въ царствіи мертвыхъ, а поручена въ диспозицію пана Скоропадского, чтобъ не завалилась. Отобралъ у пана Скоропадского дукатъ и облѣкгъ, а ему надлежитъ переслать реверсъ его. Былъ въ банѣ пана Федора Савича [164]). Розышлось 8 к.

11. Вручилъ господину генералу Нарышкину грамоту въ дѣлѣ моемъ о ранговой маетности и у господина генерала обѣдалъ. Писалъ писма до жены и до Стефана и одправилъ передомъ чрезъ Алексія при двоихъ саняхъ. Емужъ Алексію даны на дорогу 20 к. Асауленку, що когдась ратовалъ мене, 10 к. Розышлось еще 9 к.

12. Отобралъ унѣверсалъ на маетности зъ канцеляріи, виданный на Перегонъ зъ Дешковичами. Обѣдалъ у пана Якова Марковича зъ панею его и дѣтми [165]). На припряжи до саней и проч. пошло 8 к. Отецъ Пясецкій, намѣстникъ братскій, былъ рано у мене въ квартерѣ. Писано писмо до господина Курбатова въ С. П. Бурхъ зъ обявленіемъ о женитбѣ пана полковника миргородского и зъ благодарствіемъ за показованную мнѣ тамъ милость и благодѣяніе. Левасоду даны 10 к. и платокъ.

13. Писаны писма въ С. П. Бурхъ до пана Павла Апостола, до пана Андрея Горленка, до Козми Якимовича Кричевця, зъ включеніемъ ему и писма до Петра Василієвича Курбатова; писаножъ до Каленика локая, зъ включеніемъ писма отъ Андрея Гудовича до сина его Александра, а всѣ подъ датою 6 числа сего мѣсяца. Писано въ Москву до Уріила, до Николая Павловича о доправленныхъ на Трусевичу 10 р. и до Якумоила, а тые писма одправлены на почтѣ чрезъ Ігната Данченка, въ Москву послан-

---

[164]) Сынъ генеральнаго писаря Семена Савича.

[165]) Авторъ »Дневныхъ Записокъ«.

ного. Емужъ писмо до графа Гаврила Владиславича належное вручено. Обѣдалъ я у ясневелможного и по обѣдѣ пожекгнавшись его ясневелможности и прочіимъ отклонившись, віехалъ зъ Глухова въ началѣ 5-го часа пополудни и прибылъ въ Новгородокъ

14, въ шестомъ часу пополуночи; тутъ засталъ я одного пана сотника толко. Тутъ же отданы 20 р. вдовѣ Новгородского, одъ сына еи отца Іова, съ С. П. Бурха присланные. Зъ Новгородка віехавъ въ 11-мъ часу предъ полуднемъ, прибылъ до Гримячого въ полъ 5 часа, а одтоль до Перегону въ 8 часу пополдни и тутъ засталъ жену зъ синомъ Василкомъ.

15. Весь день прожилъ въ Перегонѣ и передъ обѣдомъ ездилъ для осмотреня построенного на Бѣлявицѣ млина, а по обѣдѣ былъ на футорѣ Василювцѣ. На пиво и медъ 9 к.

16. Одъ шинкаря чаусовского Ноздри отобралъ денегъ рублей 19 и ему въ оныхъ до парахупку далъ росписку.

17. Віехалъ зъ Перегону и обѣдалъ у пана Григорія Гамаліи въ Борщовѣ, где изъ поруччикомъ інгермоландского полку Яковомъ Любимичомъ Полянскимъ позналяся. По обѣдѣ былъ въ банѣ и позно уже одтоль віехавши, прибылъ о полночи до Стародуба.

18. Подъ часъ обѣденъ былъ у полковника и по службѣ у негожъ былъ, а обѣдалъ у пана тестя; у мене зась въ домѣ вечеряли панъ тесть и Романъ Яненко глуховскій [166]).

19. У мене были многіе, чего для весь день пробавилъ въ домѣ, толко вечеромъ былъ у полковника и подалъ листъ ясневелможного въ моемъ інтересѣ о ранговой маетности и о Куровѣ и Чубаровѣ.

20. Первый разъ заездилъ въ канцелярію новопостроенную и тутъ засталъ полковника зъ всею старшиною; одтоль былъ у капи-

[166]) Романъ Яненко—глуховской мѣщанинъ, который женившись на дочери Петра Демьяновича Уманца (сынъ глуховскаго протопопа и внукъ нѣжинскаго полковника Филиппа Уманца) и получивъ часть тестевскихъ земель около села Есмани, поселилъ здѣсь слободу (теперешнее село Яновка), и разбогатѣвъ, при Апостолѣ былъ уже бунчуковымъ товарищемъ. У Яненка было двѣ дочери, изъ которыхъ одну, Прасковью, онъ выдалъ за Осипа Григоровича Туманскаго, а другую, Евфимію, за польскаго шляхтича Василія Романовскаго, который въ 1756 г. былъ »келеймейстеромъ гетманскаго двора«. Сынъ этого Романовскаго—Николай имѣлъ чинъ уже ротмистра; отъ отца онъ получилъ глуховское село Студенокъ (часть имѣній Петра Уманца), да женившись на дочери Кирилла Осиповича Закревскаго

тана надъ салдатами городъ содержащими команду имѣющого, потомъ у пана Стефана Ширая [167]). Матцѣ Аннушкиной даны 20 к.

21. Былъ въ канцеляріи, а первей у полковника; потомъ въ домѣ былъ у мене присланный отъ пана Андрея Миклашевского панъ Колленскій и отобралъ у мене денги 300 р., а 100 р. себѣ позыкою удержалъ, а на оные далъ облѣкгъ во отдачи тихъ денегъ въ априлѣ мѣсяцѣ остатныхъ чиселъ; о томъ же писалъ и писмо до пана Андрея Миклашевского, на что соизволеніе отъ него получилъ.

22. Музиканту отданы осталные за дворъ купленный денги 18 р. 32 к., а прежде дано ему 20 р. и осмачку жита въ 1 р. 68 к. Итакъ уже ему все уплачено. Посланы при писмѣ до его мил. п. Скоропадского купчая на грунта глуховскіе, отъ дочерей пана Андрея Миклашевского данная, и двѣ раздѣлочные писма чрезъ козака значкового Афанаса Десятовского; чрезъ тогожъ писалъ и до пана Юркевича и послалъ пашпортъ. Розышлось на розницю 4 к.

23. Отправлены плотники, присланные отъ пана Скоропадского для осмотреня будинковъ пана Федора Ширая, и чрезъ нихъ же дано отвѣтное писмо. Алексію кухару данъ 1 р. 50 к. на его нужды, да двѣ штучки китаю блакитного въ ценѣ 1 р. 40 к.

24. Получилъ писма двѣ отъ пана Скоропадского чрезъ служителя госпожи Толстой, да до пана Скоропадского жъ писалъ інстанціалное писмо за асауломъ. Писалъ чрезъ него жъ и до пана сотника глуховского. Розышлось сими днями на розницю 18 к. Господинъ полковникъ далъ мнѣ два стоги сѣна, которые на степу показаны чрезъ армаша.

25. Были въ обѣдни у Вознесенія Господня; тамъ же и молебенъ правили, где полковникъ обявилъ мнѣ о поездѣ своемъ до Глухова, куда и отехалъ онъ послѣ обѣда. Розышлось на розницю 75 к.

26. Параскевія Александровна полковниковна дала денги для заплаты за табакерку 1 р. 95 к., которую дѣлалъ чеканщикъ въ Глуховѣ.

Еленѣ, купилъ на деньги послѣдней, въ м. Салтыковой Дѣвицѣ и въ д. Крачковкѣ—1311 крестьянъ обоего пола. Всего у него было крестьянъ 1644 обоего пола.

[167]) Степанъ Спиридоновичъ Ширай—отецъ Федора. См. примѣч. 133.

27. Писалъ писмо до п. Горленка въ С.П.Бурхъ о попу перелюбскомъ, который содержится въ канцеляріи полковой стародубовской. Данъ 1 р. на галіонокъ панеи. За 4 безмены лою 80 к. Віехалъ по полдни зъ Стародуба до Перегону, куда прибылъ въ 9-мъ часу. Даны въ дворѣ на потребы 10 к., Василевѣ 10 к.

28. Вчора надъ отцемъ Стефаномъ Филиповичемъ, священникомъ городискимъ (села Городища) было маслосвятіе. Къ нему сего числа послалъ чаю и сахару. Десять свѣчъ прислалъ Іванъ, погарскій шафаръ (сборщикъ податей) гребелный. Были у мене войты куровскій и чубаровскій зъ громадами.

Мартъ.

1. Присылалъ п. Григорій Гамалія, просячи на именины жены своей до Борщова, куда отпустилъ жену, а самъ остался въ Перегонѣ.

2. Ездилъ до монастыря чолнского и тамъ ночовалъ. Розышлось на розницю 14 к. Писаны писма до п. сотника ічанского (Стороженка) и до Лисаневича, въ Ічню.

5. Зъ монастыря чолнского пріехалъ на обѣдъ въ Перегонъ, где засталъ Круковскую. У Івана Цілогузенка отобралъ за пенку денегъ 5 р. Сего числа по полдни преставился священникъ церкви Воздвиженія Честного Креста городиской отецъ Стефанъ Ігнатіевъ Филимоновичъ осмдесятолѣтный, который былъ родомъ зъ Уманѣ и священствовалъ при помянутой церкви болѣе сорока лѣтъ. Для поминокъ въ домъ того умершого священника станъ горѣлки и денегъ 1 р.

4. Погребали тогожъ отца Стефана въ церкви городиской, на которомъ погребеніи былъ протопопъ погарскій отецъ Петръ Кибалчичъ зъ другими священниками. У мене обѣдали п. Григорій Гамалія, п. Дзевулскій съ сожителницею, п. Григорій Антоновъ Гамалія и п. Косачъ, сотникъ бакланскій. За медъ и пиво у Івана шафара дано 96 к. Въ Перегонѣ-жъ у мене былъ и поруччикъ інгермоланского полку г. Полянскій.

5. Данъ 1 р. матерѣ Наума Евдокименка до рощоту, за взятые у тихъ казанъ и трубы мѣдные. Подрядилъ на цѣлый годъ жителей села Любца за десять возъ для воженя зъ ихъ лѣсу дровъ на футоръ мой, а одъ всякаго воза давать по 30 к.; и того въ

годъ винесетъ 3 р., которымъ любецкимъ жителямъ и даны 1 р. 50 к., а другіе такіе-жъ денги должны имъ отдатися въ полгода, и сей контрактъ здѣланъ зъ цѣлою околицею и отъ нихъ взято писмо. Да сего-жъ числа даны 3 р. того-жъ села Любца жителямъ Кондрату Степанову, Андрею Іванову Протченку и Данилѣ Подорожному на сто дубовъ на шулы, которіе должни оны выстачить, на что дали отъ сего и карту. Покроенъ мнѣ кунтишъ зъ сукна французскаго кравцами погарскими, до которого дано на шовкъ 5 к. За 20 локотъ полотна дано 26 к. для подбойки слугамъ.

6. Вісхалъ зъ Перегону и прибывъ въ Борщевъ, первей былъ у поруччика Полянского, потомъ зъ нимъ вмѣстѣ обѣдали у п. Григорія Гамаліи, куда прибылъ и п. Дзевулскій, и по обѣдѣ гуляли тамъ-же, а послѣ въ ночь до позна у поруччика при стрелбѣ, и жестоко были пяны.

7. Мойсею Оршавѣ шевцю даны сафянъ и козелъ для шитя чоботъ мнѣ, а панеи черевиковъ, да и старые сапоги червоные даны ему-жъ для переробленя. Въ Борщовѣ у п. Григорія-жъ, поснѣданю, послѣ знову были у поруччика и у него помирили драгуна зъ атаманомъ чаусовскимъ Сосновскимъ, за которого въ доплатку положилъ я своихъ 1 р. 33⅓ к., а онъ заплатилъ своихъ 3 р., потомъ одтоль отехалъ, жестоко подпившый и прибыли въ Случокъ, гдѣ и ночовали у Антона Хоменка.

8. Прибылъ коло обѣдень въ Стародубъ и сегодня вечеромъ, послѣ лазнѣ, посѣщали мы обое невѣстку полковничую Катерину Андріевну, прибывшую изъ Москвы позавчора. Целюрику 3 к., на потребы до жупановъ челядпихъ и дѣвкамъ 10 к.

9. За офарбоване сукна чезяди на черкески, да за 29 аршинъ крашенины дано фарбейнику 1 р. 40 к., пикляру за направу де чого 5 к. Жорову Мойсею случковскому въ задатокъ на грунтъ 2 р. да Рубану 1 р. Писана челобитная и писма до отца архимандрита Романа, до отца Іларіона Негребецкого, типографіи начальника, и до отца Іоиля Савицкого, писаря кіево-печерской лавры, подъ датою сего мѣсяца 5 числа о обидѣ мнѣ показанной отъ Гавріила, намѣстника монастыря чолнского; также писалъ и до Козми Іакимовича Кричевця.

10. Заплачены цехмистру ткацкому за полотно передъ симъ панеи тканное ровно 2 р. Бондарямъ, що направляли бочки до пива,

меду и до лазнѣ дано 60 к. Сего числа зъ челобитною и писмомъ отправленъ Семенъ Діоминъ до Кіева, чрезъ которого и до сотника козелецкого Алексія о дачи ему козака до Кіева писано; да ему-жъ Семену данъ и пашпортъ. Полковникъ пріѣхалъ въ Стародубъ зъ Глухова ввечерѣ.

11. Былъ рано у маіора інгермоландского драгунского полку Михаила Петровича Пущина, а потомъ у полковника нашего; послѣ-же обѣднѣ обѣдали у полковника обще зъ маіоромъ. У мене-жъ въ вечеру были п.п. Іванъ Миклашевскій, Скорупа, Ширай, Марко Марковичъ, Горленко и проч.

12. Посланы до Перегона къ Стефану на росходъ дворовый 2 р. Кравцямъ за роботу дано 10 к., слѣсарю 4 к., за 2 штуки крашеныны 42 к. На розницю пошло 15 к.

13. За 18 локотъ шнурка штучкового дано 72 к., Алексію на его потребы 22 к., Крашенинику 10 к. На розницю пошло 12 к. Куплено сукна зеленого 11 локотъ по 18 шаговъ, и того дано 3 р. 96 к. За крашенину и за фарбоване двохъ матерій крашенинику еще 82 к.

14. За пудъ соли бѣлой 40 к. За медъ и пиво у Ляшихи набранное 42 к.

15. Івану Данченку за вино, братое у него прошлого году 1731 на крестины Петрусевы, заплатилъ 6 р.

16. За 18 локотъ полотна лняного дано 36 к. За возъ лучины 12 к. Писано писмо до сотника варвинского п. Себастіановича[168]) о стадниннѣ.

17. За 20 штучокъ вялой рыбы Лавріну дано 30 к. Ему-жъ за набранные безъ мене панею розные вещи 2 р. 49 к. Золотаревѣ Антону въ позыку даны 30 к.

18. Обѣдали мы у панеи матки, а послѣ обѣда у мене былъ

---

[168]) Матвѣй Андреевичъ Себастіановичъ, внукъ прилуцкаго обозного Василія Севастьяновича (1674 г.) родоначальника Себастіановичей, въ настоящее время уже вымершихъ. Себастіановичамъ принадлежали слѣдующія имѣнія въ прилуцкомъ уѣздѣ: село Гурбинцы и деревня Игнатовка (съ 1674 г.), село Грицовка (съ 1709 г.) и село Брагенцы, поселенное въ началѣ XVIII в. отцомъ Матвѣя Себастіановича—Андреемъ, бывшимъ полковымъ писаремъ. Имѣнія Себастіановичей перешли въ большей части къ Брежинскимъ, по женитьбѣ одного изъ нихъ на дочери Ивана Андреевича Себастіановича.

первей отецъ Патермуфій, городничій лищицкій [169]) и подарилъ мнѣ книжечку Полуставецъ, а послѣ были маіоръ Пущинъ зъ женою и поруччикъ Полянскій и вечеряли у мене-жъ. За судацкого вина 2 гарцы 80 к.

19. За двѣ шапки молодецкіе Василю и Іванцю 70 к. За простій шнурокъ да на нитки и на шовкъ 20 к. Кравцямъ стародубовскимъ 12 к.

20. Писано въ одвѣтъ до п. Пасека [170]) о его дѣлахъ въ судѣ полковомъ имѣючихся, о Гойскомъ и мелнику печеницкомъ. Розышлось на розницю 19 к. Панюй даны 1 р. 40 к.

21. Макринѣ на серпанки и на чоботы 30 к. За зроблене свѣчъ и ставниковъ до Городища до двора нашого 62 к. На нитки, свѣчки и проч. 18 к. На медъ и пиво 6 к. За оправу книжки Тестаменту 20 к. За пудъ лою 90 к.

22. За полсть до ризъ 7 к. За бантайровій пузиментъ до ризъ-же за 26 локоть 1 р. 4 к. За три штучки крашенины 47½ к. Сего числа исповѣдались и причащались обое. Розышлось на розницю 1 р. 20 к. Зъ Ляшихою росплата учинена за дуклю, бранную на погребеніе Петрусевѣ, и за хустку, да за шнурокъ до куптуша молодецкого 2 р. 98 к. На корку и шовкъ 4 к.

23. Кравцямъ стародубовскимъ 12 к. Росплата учинена зъ кравцемъ Евтушкомъ; за розную прежнюю роботу дано ему 43 к. да за Алексія ему-жъ заплачено 40 к. За зроблене мнѣ двохъ шапокъ и третей паняи дано Максиму шапошнику 1 р. 5 к. На шовкъ, шнурокъ и свѣчки 11 к.

24. Свѣчарцѣ, що лоіовіи свѣчи дѣлала, 12 к. Отецъ Патермуфій, городничій лищицкій прислалъ куфу пива чрезъ своего служителя, которому и подводчикамъ дано 36 к. Сотники волоскіи, гарцовскій и пятовскій [171]) принесли 3 гусей, 4 курей и полтори копи

---

[169]) Лыщицкая волость (села Лыщичи—суражскаго уѣзда) принадлежала кіевской лаврѣ и управлялась, какъ и другія, монахами-городничими.

[170]) Богданъ Ивановичъ Пассекъ—одинъ изъ членовъ генеральнаго суда, отецъ извѣстнаго бѣлорусскаго генералъ-губернатора Петра Б. Пассека.

[171]) Села Гарцовъ и Пятовскъ—стародубскаго уѣзда. Какъ видно, въ это время еще существовали особые сотники »волоскіе«, вѣдавшіе тѣхъ »волоховъ«, которые, заходя въ Малороссію съ конца XVI в. съ военными отрядами, оставались здѣсь и селились частью между мѣстнымъ народомъ, а частью отдѣльными селами.

яецъ. Панъ сотникъ топальскій 5 паръ оробковъ. Писалъ до п. обозного, полковника стародубовскаго и послалъ указъ ясневелможного, присланный по челобитю п. Валкевича на полковника Дурова Розышлось на розницю 20 к.

25. Въ сей день Свѣтлого Воскресенія и Благовѣщенія на всенощномъ были въ церквѣ нашей приходской; службы Божой слушалъ въ соборѣ и былъ у полковника, обѣдали у панеи матки. Послѣ обѣда были у полковника-жъ, да у маіора Пущина, а послѣ знову у панеи матки.

26. Кравцямъ погарскимъ за роботу двохъ кунтушовъ панеи да мнѣ кунтуша и кафтана и за пошите кунтуша-жъ, да за ризы 2 р. 10 к. Сего числа весь день гуляли у полковника, а послѣ вечеромъ были у п. Федора Ширая, где капитанъ гварнѣзонный зъ офѣцерами інгермоландского полку поссорился. Сего-жъ числа привезенъ мнѣ одъ п. Борковского, при писмѣ, казанъ мѣдный зъ трубами, въ которомъ со всѣмъ вѣсу 53 фунта. Майстратовые и цехы приходили зъ хлѣбомъ святочнимъ, въ томъ числѣ одъ двохъ цеховъ положено 45 к.

27. Весь день были въ домѣ и обѣдали у мене поручникъ и прапорщикъ гварнѣзонные. Ввечеру былъ у п. Стефана Ширая зъ хлѣбомъ.

28. Обѣдали и весь день гуляли у п. Григорія Скорупы. Чрезъ прошедшіе святочные дни розышлось священникамъ, дякамъ и прочіимъ поздравителямъ 3 р. 50 к. Сего-жъ числа присланы чрезъ козака Козла отъ шинкара чаусовского Ноздри шинковыхъ денегъ 5 р.

29. Стефанъ зъ войтами перегоновскимъ и чубаровскимъ пріездилъ зъ поклономъ святочнымъ и положили мнѣ 1 р. 20 к. Да Стефанъ привезъ осѣнныхъ денегъ 3 р. 50 к. и зъ шинку перегонского 1 р. Тимохъ коваль за побой сина его положилъ 50 к. Заплочено за два гарци вина кримского, що передъ симъ на вѣру брали, 80 к. Сего-жъ числа отехалъ до Лищичъ и конѣ здѣлали причину подъ Кустичами, а потомъ прибылъ въ Лищичи и тамъ

› Волохами ‹ поселено въ первой половинѣ XVII село Волосковичи въ Сосницкомъ уѣздѣ; ими-же должно быть поселено и стародубское село Кустичи Волокитины, т. е. Кустичи волошскіе, названное такъ въ отличіе отъ другаго стародубскаго села—Кустичъ Бряновыхъ, поселеннаго должно быть выходцами изъ Брянска.

ночовалъ, да туда-жъ прибыли п.п. Якимовичъ, асаулъ полковый и Михайло Голембіовскій зъ женами.

30. Тамъ-же въ Лиличахъ обѣдали, а по обѣдѣ возвратилъся въ Стародубъ.

31. Рано былъ у полковника и видѣлъся въ первый разъ зъ полковницею, прибывшею зъ Москвы сего мѣсяца 29 дня позно.

Априль.

1. Были на крестинахъ въ домѣ панеи Березовской, у пана Марка Марковича, сина подскарбіевого, которому синъ родилъся Іванъ, 28 числа прошедшого мѣсяца, а оному воспріемниками были панъ Федоръ Ширай и панѣ Скоруппина; тамъ дано бабѣ 10 к. Сегожъ числа возвратившійся зъ Кіева Семенъ привезъ ко мнѣ писма отъ отца Негребецкого и писаря печерского отвѣтніе въ дѣлѣ о намѣстнику чолнскомъ, такожъ отъ архидіакона софѣйского.

2. Писаны писма въ Глуховъ за п. Лисаневичемъ до п. Скоропадского и до п. Юркевича зъ комплементомъ. Емужъ данъ 1 р. За возъ уголя дано 14 к. Да взято у Федора Янченка железа 3 каменѣ и 5 фунтовъ.

3. Писаны писма до Уріила подканцеляриста въ Москву, да до Николая Павловича Кристича; при писмѣ посланы 10 р. денегъ, у Трусевича доправленныхъ и одправлены для пересылки до п. Юркевича; такожъ и до п. Скоропадского писалъ зъ посылкою листа одъ п. Валкевича. Сегожъ числа дано срѣбро Антону золотарю на роблене килѣха (чаши) вѣсомъ 21 лотъ и 3 золотника. Да емужъ до прежде данныхъ въ позику 30-ти копѣекъ дано 20 к. въ заработокъ.

4. Писано до графини въ Топаль о видачи циганки и зъ тимъ писмомъ посланъ Антонъ Донъ. Вчора вечеромъ былъ я на квартерѣ у поручника інгермонландского полку Ігната Михайловича, зъ которымъ доволно посидѣлъ и розговоровалъ, а сего числа былъ у п. Андрея Миклашевского. За медъ, у Ляшихи передъ симъ братый, 17 к.

5. Віехалъ зъ Стародуба къ Архиповцѣ [172]) для розыску въ дѣлѣ о млинѣ козаковъ Рубаленковъ и прибылъ въ 9 часу до Буды, маетности п. Корецкого тестя моего. Въ домѣ при отездѣ дано

---

[172]) Село новгородъ-сѣверскаго уѣзда.

25 к. Одтоль віехавъ въ 2 часу по полдни, прибылъ въ Архиповку въ 7-мъ часу и тутъ первей заехалъ до п. Пекаліцкого, потомъ сталъ квартерою у священника архиповского отца Григорія Холинского.

6. Начали производить слѣдствіе и ездили для осмотру греблѣ Рубайленковъ и подтопленныхъ грунтовъ архиповскихъ. Обѣдалъ въ квартерѣ.

7. Обѣдали у п. Пекаліцкого, да сегожъ числа и Мовчанъ допрашиванъ по дѣлу Рубайленковъ о унѣверсалахъ и о протчемъ.

8. По службѣ окончили и подписали слѣдствіе и обѣдали у п. Косовича, где подарено мене и хусткою, потомъ отехали до п. Славуцкого въ Леоновку [173]), у которого и ночовалъ.

9. Рано одтоль віехавши, немного позабавился въ Курковичахъ, а оттуду поехавши, заездилъ въ дворъ п. Миклашевского понуровский, да и въ Буду, и пріехалъ надъ вечери въ Стародубъ; въ той поездцѣ розышлось 36 к.

10. До Стефана писано о Петроку и о протчемъ и до егожъ послалъ денегъ 1 р. на росходъ дворовый. Получилъ писма зъ С. П. Бурха одъ п. Горленка, при которыхъ и одъ графа Гаврила Владиславича до жены его присланное вручилъ п. Кровніцкому, при своемъ особливомъ писмѣ.

11. Розышлось на розницю 23 к.

12. Куплено свитъ двѣ для Параски и для баби, и запаску, дано 94 к.

13. Розышлось на розницю 50 к.

14. За зроблене ключика до клевікорда, которій подарилъ мнѣ п. Іскрицкій, дано 6 к. Данъ до оковки ящикъ на каламаръ, за которого роботу заплачено снѣцарю 8 к., на желѣзо 2 к.

15. Принималъ у себе гварнізонныхъ капитана, поручника и прапорщика зъ женами. Розышлось на мясо 26 к., на вино 86 к., за медъ 38 к., на мило до платя и на проч. 5 к. Ввечерѣ были зъ поручникомъ Полянскимъ у кума Никифора на крестинахъ и дано одъ панен 30 к., одъ мене 50 к.

16. Писано до п. Юркевича подъ вчерашнимъ числомъ, о томъ, чтобъ далъ вѣдомость, кто зъ Печерского былъ зъ святочнымъ при-

[173]) Деревня стародубскаго уѣзда.

вѣтствіемъ въ Глуховѣ, и включенъ пакетикъ для отсылки къ Москвѣ одъ маіора Пущина. Дано снѣцарю въ зароботокъ 20 к. Умовленъ слюсаръ дѣлать карабиновъ пару за 6 р., а особливо на мосіонзъ давать же коштъ; которому взадатокъ и данъ 1 р.

17. За 9 мѣховъ сѣчки 13 к., за курицю 3 к., на медъ 2 к., Макринѣ на полотно 24 к.

18. Были у мене на обѣдѣ невѣстка полковничая и дочка, такожъ князь Яковъ Александровичъ Щетинъ, капралъ ризского драгунского полку. Розышлось на розницю 5 к. Привезено зъ Перегону денегъ шинковыхъ 6 р., одъ шинкарки перегонской Марьи Олейницы рублей 3, а прежде о святкахъ отъ еижъ привезенъ 1 р. отъ куровского шинкаря Харитона паламаря 2 р. отъ чубаровского шинкаря Степана Клесунового 1 р.

19. Шевчисѣ, що у пана тестя въ дворѣ живетъ, дано 24 к., на мясо 10 к., на медъ 4 к.

20. Даны въ направу Евдашки, слюсара погарского, сыну, шабля, круцички, замковъ 2 нѣмецкихъ отъ дверей, замковъ одъ скринь; и емужъ дано до заработку 50 к., кромѣ зайшлихъ прежде за него 1 р. 30 к. За пошите свиты Парасцѣ 6 к. Даны ткатись цехмистру ткацкому обруси, за которые одъ локтя по 8 к., полотна—одно по 2 осмаки въ 20 пасомъ, другое въ 18 пасомъ, по 1-й к. одъ локтя. Дана отцу Алексію цукру голова и чаю. Маляру за обмаліоване доски до карети 4 к.

21. На мясо и проч. 19 к. Ковалямъ, що оковали коляску открытую, 50 к. Обѣдалъ у насъ сотникъ полковый Галецкій, а послѣ я мился въ лазнѣ у отца Алексія Халкидонского, потомъ у панеи тещи былъ. На медъ 9 к.

22. Обѣдали у полковника нашого зъ маіоромъ Пущинымъ и другими офицерами інгермонландского полку. На мясо дано 10 к. Одправленъ въ Перегонъ мелникъ печениковскій Іванъ, чрезъ которого писалъ я до Стефана.

23. Обѣдали у мене панея матка, да три поруччика інгермоландского полку Полянскій, Толбузинъ и Порошинъ и весь день у мене пробавили, а вечеромъ былъ я на Березовщинѣ [174]) и тамъ видѣлъся зъ п. Андреемъ Миклашевскимъ и панею его, зъ Корса-

---

[174]) Хуторъ около г. Стародуба, принадлежавшій Миклашевскимъ.

комъ и сестрою его, и велми пяный оттуду пріехалъ. Розышлось на мясо и проч. 29 к. На пиво и медъ 25 к. На вино 20 к.

24. Весь день пролежалъ зъ похмеля и никуда не виходилъ зъ дому, толко заездилъ ко мнѣ пожегнатся поруччикъ Полянскій.

25. Былъ въ канцеляріи и на майстратѣ, а обѣдалъ въ домѣ купно зъ панею маткою.

26. Панѣ Іванова Борозниня была у мене въ домѣ и Пузириха за своими дѣлами. Дано за три барки (вальки) до колясокъ 6 к. Антону Дону данъ 1 р. за псалтиръ и на дорогу.

27. Данъ рубль 1 Василю на покупку его нуждъ, да куплено 4 колеса и двѣ оглоблѣ, дано 14 к.

28. По одправленію въ соборѣ молебствія благодарственного о коронаціи ея імператорскаго величества, обѣдали приватно у полковника, а послѣ былъ я зъ женою у маіора господина Пущина и у п. Федора Ширая. На мясо дано 12 к., на пиво 4 к.

29. Панъ Федоръ Ширай, отезжая въ Глуховъ, заездилъ ко мнѣ и простилъся. Послѣ обѣда былъ у мене маіоръ Пущинъ зъ маіоршею, поруччики Бунаковъ и Бурдаковъ да прапорщикъ Скорятинъ и п. Скоруппа и долго пробавились. На вино пошло 40 к.

30. Рано былъ у мене Василь Романовичъ, зъ которымъ доволно розговоровали о скупленныхъ въ Случку мужикахъ и о прочемъ; онъ же подалъ мнѣ и писма одъ п. Покорского старого. Прибылъ въ Стародубъ г. генералъ квартермѣйстеръ лейтенантъ фонъ Штофель для заниманія лагеровъ для войскъ въ полку старод. Отъ отца Варсонофія, намѣстника свѣнского, принеслъ мнѣ служитель его, финжалъ фарфуровый и мисочку болшіе, гостинця. Розышлось на розницю 5 к., за виправу лисицѣ 3 к.

Май.

1. Писано писмо подъ вчерашнею датою до г. Пасека въ Глуховъ, зъ благодарствіемъ за неоставленіе корреспонденціею. За обмаліоване клевикорда 12 к.; еще 3 к. Писаны писма въ Глуховъ подъ датою прошлою апр. 27, до п. Скоропадского, до п. Юркевича, и подъ нынѣшнею—до п. Лисаневича.

2. Обѣдали у мене п. тесть и поруччикъ Бунаковъ, а послѣ обѣда былъ я у г. фонъ Штофеля, потомъ у капитана Петровского. Одправлено писмо до отца Варсонофія, намѣсника свѣнского, чрезъ

служителя его зъ благодарствіемъ за неоставленіе въ візитѣ и за присилку чашокъ.

3. Въ обѣднѣ были у праздника въ церквѣ Вознесенія Господня, а потомъ заездили до п. Скорупны, а обѣдалъ у мене капитанъ Петровскій зъ женою, послѣ обѣдажъ былъ у менежъ г. генералъ лейтнантъ квартермейстеръ фонъ Штофель. На мясо и проч. пошло 19 к., на вино 20, на пиво и медъ 19 к. Сего числа противъ завтрашнего, по полуночи въ 1-мъ часу, учинилъся пожаръ въ городѣ Стародубѣ, одъ которого многіе домы, въ томъ числѣ и войсковый дворъ и ратушъ згорѣли, а иные, отбороняючи одъ пожара, поломали.

4. У насъ обѣдали п. Валкевичъ и панѣ Тимофіева Жоравкова, которая изъ своими пожитками одъ пожару въ домъ нашъ ввезлася.

5. На мясо пошло 16 к. Кровь пущалъ зашкурную. Дано цѣлюрику 4 к. Посланы писма и крѣпости до п. Скоропадского такожъ писма до п. Юркевича чрезъ Гриневича, сторожа полкового.

6. Нигдѣ зъ дому не бывалъ, ради случившейся слабости. На мясо 6 к.

7. Хлопцю полотна на кошулю 9, к. на діоготь 5 к.

8. Послѣ раннего обѣда отехалъ къ Каташинскому манастиру и по дорозѣ былъ въ Нижніомъ и видѣлись зъ панею Андріевою, потомъ у графинѣ въ Топалѣ и тамъ одвѣвши, полдень поехали до манастыря и прибыли туда позно, где дали намъ келію у отца Дружины и вечеромъ видѣлъся зъ отцомъ архимандритомъ тамошнимъ—Давидомъ.

9. По одслушанной позной службѣ, обѣдали въ трапезѣ, а потомъ гуляли въ келіяхъ архимандричихъ, послѣ же и за монастыремъ надъ ліодовнею, а далѣе пожегнавшись, отехали я зъ женою до п. Василія Велинского въ Манюки [175]), а прочіе на Топаль. Въ переездѣ до манастыря и въ манастырѣ розышлось 1 р. 50 к.

---

[175]) Село Манюки, новозыбковскаго уѣзда, въ 1708 г., отдано было съ разрѣшенія Мазепы, стародубскому хоружему Федору Скоробогатому, по смерти котораго вдова его продала Манюки генеральному писарю Савичу. Племянникъ Скоробогатаго Василій Велинскій, получивъ урядъ стародубскаго хоружества, сталъ оспаривать Манюки у Савича, но послѣдній не обращалъ вниманія на этотъ споръ, пока не попалъ, по Полуботковскому дѣлу, въ петропавловскую крѣпость; восполь-

10. Въ Манюкахъ обѣдалъ, где хозяинъ подарилъ сину моему лисицю, а тудажъ по обѣдѣ прибыли отецъ архимандритъ Давидъ и панѣ Скоруппина зъ п. Іскрицкимъ и сожительницею его. Отецъ же архимандритъ подарилъ мнѣ и сину двѣ книжки латинскіе. Одтоль одехавши, ночовали въ Кривцѣ, въ дворѣ п. Федора Савича.

11. По ранномъ обѣдѣ зъ Кривца віехали и прибыли коло обѣда въ Топаль и тамъ позабавились годинъ нѣсколко, отехали до Медведова, где такожъ забавлявшись нѣсколко часовъ, поехали прямо до Стародуба и прибыли въ домъ о 12-мъ часу по полунощномъ. Умовленъ столъ робить и дано въ задатокъ 20 к.

12. Весь день пробавилъ въ домѣ маляра, уговоренного маліовать тарадайку, и дано ему въ задатокъ 50 к.

13. Въ сей день Пентикостіи (пятидесятницы) набоженства слушали въ церквѣ Святого Духа и обѣдали у панеи-матки, а вечеромъ въ домѣ и прибѣрались для принятія гостей.

14. Послѣ набоженства были въ домѣ моемъ на обѣдѣ полковникъ зъ женою своею, п. Скоруппа зъ женою же и протчіе мужеска и женска полу. Пошло на мясо 75 к., кухару 60 к. За пол-ока бѣлого соку 15 к., за сулейку чорного соку 20 к. Капитану Петровскому даны 2 р. За лой Бразкупу давный 40 к.

15, 16, 17—пробавили канцелярскими дѣлами.

18. Вибравшись послѣ полдня, віехалъ зъ Стародуба до Перегону и заехалъ первей до Левенки, а послѣ прибылъ о полночи въ Перегонъ.

19. Весь день пробавилъ въ Перегонѣ и былъ на Белявицѣ и на футорѣ Василювскомъ.

20. Обѣдали и весь день пробавили въ Борщевѣ у п. Григорія Гамаліи, а одтоль отехавши были за Ворою и осматривали грунту зъ Лукинцями розеханного, тамъ же и жита посѣяннаго осматривали; а ввечеру были у мене Леонтій Галецкій зъ женою и вечеряли.

21. Обѣдали мы у Леонтія Галецкого, а послѣ обѣда пріехалъ ко мнѣ атаманъ погарскій и другіе. На нитки фарбованные дано

зовавшись этимъ моментомъ, Велинскій поѣхалъ за Манюками въ Петербургъ и здѣсь по мировой съ Савичемъ, писанной 25 сентября 1725 г., въ крѣпости, добился, что Манюки были отданы ему, какъ наслѣдство его дяди.

6 к. Сего числа отобралъ я у Ноздры, шинкаря чаусовского, шинковыхъ грошей рублей 12, и квитанція ему дана. Да у Стефана старосты перегонского 3 р. за коня Триносенкомъ приведенного, злодѣйского.

22. Пріездилъ ко мнѣ Петко зъ женою въ Перегонъ, и принесъ сома свѣжого, такожъ былъ попъ николаевскій села Любца, волости дворцовой Артемонъ Федосіевъ о пропажи 28 брусовъ его дубовыхъ. П. Леонтій Галецкій далъ на 26 осмачокъ жита облѣкгъ. Сего числа Мойсея Жорова побилъ Романовичъ въ Случку. Віехалъ зъ Перегону послѣ полдня и тамъ при віездѣ дано 20 к. Ночовалъ въ Случку у бурмистра Хоменка.

23. Одтоль рано віехавъ, прибылъ въ Стародубъ рано и былъ у полковника, которій поехалъ на встрѣчу генерала маіора Артемія Григоріевича Загряжского. Дано маляру, малюючому таратайку, еще 60 к., да слюсару, которій штурмаки дѣлаетъ, еще 1 р. Студентамъ 10 к. Отобрано у ткацкого цехмистра полотно, которое ткалось въ 20 пасомъ локотъ 71½. Писано писмо до Константія, брата сотника золотоношского, сторони г. генерала лейтнанта квартермейстра Федора фонъ Штофеля.

24. Петру Триносенку данъ въ заплату службы его годовой, що наняли его до двора Куровци, 1 р., а передъ симъ даны емужъ дворовые чоботы. Сего числа заведенъ караулъ въ дворъ п. Миклашевского, где полковникъ стоялъ, и оттоль полковникъ віехалъ въ Андріенковъ дворъ за городъ, а оный дворъ очищенъ и занятъ въ квартеру г. генералу Загряжскому.

25. Отданы 15 р. п. Федору Шираю, которые онъ давалъ мнѣ въ С. П. Бурхъ на покупки, а панеи Скоруппиной отданыжъ 2 р. У Федора Янченка взялъ 5 р. въ задатокъ на пенку. Нанялъ роботниковъ до направки коморы, которымъ давать на день по 8 к. и харчъ, и уже даны имъ 16 к. По полдни въ 4-мъ часу пріехалъ въ Стародубъ г. генералъ маіоръ и кавалеръ и воинскій інспекторъ Артемій Григоріевичъ Загряжскій и сталъ въ дворѣ п. Андрея Миклашевского. Отдана моя пенка въ важницю, которой заважено 7 берковцевъ и два пуды, и отдана на руки Федору Янченку по 5 р. берковецъ, итого за 36 р.

26. Получилъ вчорайшого числа указъ зъ суда войскового енералного о поездѣ въ села монастыря новгородского. Даны маляру

еще 40 к., золотару 4 к., снѣцару 2 к. Розышлось 5 к. Сего числа первый разъ были въ новой за городомъ канцеляріи. Зъ Федоромъ Янченкомъ сошлись на пенку по 5 р. и уже по порахунку отошло къ намъ за медъ покупній и железо 20 р., а на немъ еще осталось 16 р. Писаны писма до сотника новгородского и до сотника воронежского п. Івана Холодовича, подлугъ указу суда енералного присланного. За обшите пасковъ зелнихъ Карноуху 4 к.

27. Обѣдалъ вмѣстѣ зъ п.п. Гамаліями у п. тестя, а по обѣдѣ былъ у полковника нашого. Рано послѣ службы былъ у енерала зъ прочіими. Розышлось на розницю 14 к.

28. До коморы куплено тертиць за 30 к. Пошло дранѣ.... За роботу поденщикамъ еще въ доплату дано 32 к. Обѣдали у отца Патермуфія, городничого лищицкого, и сегожъ числа прибылъ панъ Юркевичъ въ Стародубъ.

29. Енералу отнеслъ рыбы щукъ 20. Куплено діотю до Перегону за 20 к. Бабѣ досмотруючой дитины 20 к. На розницю пошло 10 к. Віехалъ зъ Стародуба около вечерень и прибувши до Левенки, тутъ и ночовалъ.

30. Віехалъ зъ Левенки рано и прибылъ предъ полуднемъ до Борщова, где и обѣдалъ, а одтоль о полдни прибылъ въ Перегонъ, а дитину Галю привезли вечеромъ.

31. Данъ въ Случокъ на шинкъ станъ горѣлки Ісаку Мигаліонку. Петру, маляру стародубскому, сину Михайла Лисого маляра, на покупку фарбъ до маліованя фурманокъ, колясокъ и протч. даны 2 р. Писано писмо до п. сотника варвинского о видачи стаднины моей моимъ же посланнымъ, которымъ и подорожная дана.

Мѣсяцъ іюнь.

1. Послѣ обѣда віехалъ зъ Перегону и попасовалъ коло Ковпинки, а потомъ прибылъ позно до Новгородка и сталъ квартерою у сотника.

2. Писалъ до полковника и до п. тестя о порушеню зъ Глухова п. обозного енералного. Далъ гончару задатку на поливаніе миски 20 к. Розышлось на розницю 5 к. За 13 фунтовъ желѣза 20 к. Ковалямъ и стелмаху 8 к.

3. За рибу 6 к., на зеля, перецъ и оливу 6 к. Розышлось на розницю $10^1/_2$ к. Михайлу Нестеренку, п. тестя родному брату, зъ

Бабы [176]), сотнѣ полку чернѣговского менской козаку, даны 20 к. Писалъ писма до полковника о Мархаленку, до жены, до тестя о роботникахъ, бывшихъ въ Брянску, и до Стефана, такожъ до атамана погарского, чтобъ зраховалъ (посчиталъ) старосту и обехавши грунтъ, здѣлалъ мапу (чертежъ).

4. Куплены въ Новгородку 20 мисокъ за 10 к., талѣрокъ 50 за 20 к., даны Гаевичу зъ Нѣжина 10 к., за 6 ящиковъ 15 к. Писано писмо до п. Чуйкевича о присилцѣ писемъ на футоръ Михайловского, въ Пекаровѣ [177]) мнѣ записанный. Мужикамъ левенскимъ Халимону Жайворонку и Данилу Кистереву зятю, которые были на работѣ въ Брянску и пошли на плитахъ до Переволочнои, дано въ займы 20 к.

5. Въ Новгородку за рибу карасѣ 3 к. Писано писмо до п. обозного енералного зъ прошеніемъ прощенія, что не моглъ его дождатися въ Новгородку. Тамъ же вручилъ сотнику наказному Демяну Нестеренку облѣкги Литвинковы на Івана Василенка, значкового товарища въ Богдановцѣ. Віехали зъ Новгородка и переѣхавъ Десну, обѣдали въ полѣ о 7 верстъ, а по полдни одтоль віехавши, прибыли завременно въ дворъ Дмитровскій спаского новгородского монастыря и тутъ сыскавши Дмитровского и зъ Вовны [178]) войтовъ допрашовали.

6. Посилали по войтовъ глазовского, пигаревского и жиховского и допрашивали ихъ по силѣ указу суда енералного, и опись въ дворцѣ Дмитровскомъ чинена всѣхъ движимостей.

7. Писаны писма до жены и до Стефана въ домъ, и до сотника наказного новгородского о присилцѣ выписки зъ ревизіялныхъ книгъ о селахъ монастирскихъ, да до Данила Зіневича посланъ отвѣтъ. Поехалъ Егоръ Андріевъ Немчиновъ, графскій прикащикъ, въ Глуховъ.

8. По полдни одправленъ Антонъ Донъ въ Глуховъ зъ писмами, а писма писаны въ С. П. Бурхъ до п. Горленка подъ числомъ іюня 5, до Новоторжцева и Маркелловича Леонтева подъ числомъ іюля 2, до Івана Александровича Дурова подъ числомъ апр. 18, до Киріака Андріевича Кондратовича подъ числомъ мая 30, до графовъ Гаврила и Мойсея Владиславичовъ мая 30, въ Москву до

---

[176]) Село сосницкаго уѣзда.

[177]) С. Пекаревъ, сосницкаго уѣзда. См. слѣд. стран., стр. 4 и 5.

[178]) С. Вовна новгородсѣверскаго уѣзда.

Уріила Іванова мая 30, въ Глуховъ до п. Скоропадского, до п. Пасека и Лукомского подъ числомъ іюня 7, да чрезъ тогожъ Дона посланы писма до подскарбія п. Маркевича и обозного зъ пунктами и до сотника новомлинского о футорѣ Михайловского, записанномъ мнѣ за долгъ въ Пекаровѣ. Дано Антону Дону 25 к.

9. Писано въ Новгородокъ по Маджугу и по Захарченка, да о цѣнѣ, почему теперь продается на торгахъ збоже. Віехали зъ Дмитровки послѣ полдня и не доежжая Жихова, ось зломалась, чего для въ Жиховѣ и заночовали въ дворѣ Петра ткача; тутъ подробили двѣ оси, за которые дано 3 к.

10. Прибыли въ Пироговку и тутъ обѣдни слушали, а пополдни ездили къ мелници Ігната Котляра, а сами стояли въ домѣ сина его Василя Котляренка.

11. Обявленъ указъ пироговцямъ и приказано, чтобъ надлежали и всякое послушенство отдавали графу Головкину. Зъ Пироговки о полдни віехали и заездили въ футоръ, который у монастиря одкуповуетъ путивецъ Борошновъ; послѣ въ слободку Красѣчну Юркевичовъ и въ Гуту [178]) ихъ же, потомъ прибыли въ Жиховъ и тутъ ночовали. Вечеромъ прибылъ зъ Глухова Е[illegible] Немчиновъ.

12. Обявленъ указъ жиховцямъ, чтобъ надлежали и всякое послушенство отдавали графу его сіятелству Головкину. И сего дня прибыли воспять до Дмитровки.

13. Пантелеймонъ Юркевичъ привезъ мнѣ шила штукъ разныхъ числомъ 23, да кубокъ стекляный, зъ которыхъ три штучки п. Холодовичу сотнику воронежскому даны.

14. Село монастырское Вовну отказали отъ монастыря и отдали во владѣніе графу Головкину.

15. Послано чрезъ новгородціовъ писмо писанное до Стефана Чорновского, старости поповского, о прибытіи его въ Новгородокъ. Сего числа совсѣмъ окончивши порученную намъ коммисію, розехались зъ Дмитровки, а одправа дѣла зъ доношеніемъ въ судъ енералный вручена канцеляристѣ войсковому Григорію Лизаневичу. Прибыли мы зъ п. сотникомъ воронежскимъ въ Новгородокъ.

---

[178]) Красична и Гута деревня новгородсѣверскаго уѣзда. Д. Гута возникла изъ стеклянаго завода (=гута), гдѣ и выдѣлывалось то стекло, о которомъ говорится подъ числомъ 13-мъ.

16. Обѣдали у Стефана Маджуги, а послѣ обѣда были и въ монастырѣ, одкуду и одехалъ сотникъ воронежскій. За рибу 8 к., за миски поливаные въ доплатку прежде данного задатку еще дано 10 к. Цилюрику 3 к.

17. Писано до Стефана и одправлена на подводѣ въ Перегонъ посуда, а именно мисокъ деревяныхъ 20, талѣрокъ 50, мисокъ поливаныхъ 14, приставокъ чотыри, горшикъ одинъ зъ кришкою, шила снопковъ 21, ящиковъ 5, рибы язиновъ 3, лящовъ 2, судакъ 1. Писаны писма до п. Скоропадского и до писаря Черняховского въ Глуховъ, а въ Стародубъ до писаря судового и до Семперовича. За шугалію въ Новгородку купленную дано 70 к., за сущики 12 к. Яковъ Литвишко уступилъ мнѣ пудъ мѣди, за которую доплачено 4 р. Віехалъ я зъ Новгородка послѣ вечерень и ночовалъ въ полѣ за Мамикиномъ о милю.

18. Передъ обѣдомъ прибылъ въ Перегонъ и писалъ въ Новгородокъ и до панеи въ Стародубъ, чтобъ пріездила до Перегону.

19. Былъ на футорѣ и одтоль поворочаючомуся, пришло извѣстіе, что Остапъ Косикъ жену свою убилъ, о которого сиску и о убитой осмотръ посланъ ордеръ до сотника погарского зъ урядомъ. Привезена мѣдь зъ Новгородка, у Литвишка купленная, 40 фунтовъ, такожъ и сущики. Дано маляру еще 10 к.

20. Осматривали тѣло убитой и велѣли описать пожитки, да и церкви осматривали жъ и иконостасу, чтобъ иконостасъ дѣлать, а церкву поправить. Взялъ у Ноздры за станъ горѣлки 2 р. 20 к. Сего числа зъ лукинцями розехали поле за Ворою и онымъ перегонского часть грунта уступлена за Могилою Дѣвкою, при бытности атамана городового погарского.

21. Тіежъ лучинци подали мнѣ прошеніе о томъ грунтѣ, на который обѣщано имъ отъ мене и писмо. Врученъ домъ въ опеку Косиковъ Якову Козлу, козаку городискому, и емужъ вручены облѣги всѣ и давные и сего-годные Косиковые для доправки денегъ.

22. Віехалъ рано зъ Перегону и въ Борщовѣ задержалъ мене п. Григорій (Гамалѣя), ради прибытія къ сему п. Яна Квитки, полковниченка харковского, а одтоль поехавъ послѣ полдня и прибылъ въ Случокъ, видѣлъся зъ Романовичомъ и розговоръ зъ нимъ имѣлъ; послѣ прибылъ еще завременно до Левенки и тутъ ночовалъ.

23. Пообѣдавши, зъ Левенки віехалъ и прибылъ до Стародуба; подано доношеніе въ канцелярію полковую о коняхъ, у Романовича взятыхъ въ спаши пшеници.

24. Прибылъ въ Стародубъ п. Іванъ Квитка и обѣдали вмѣстѣ у панеи тещи купно зъ п. Іваномъ Гамаліею. Обослано насъ узваромъ отъ п. Іскрицкого ради рожденія дочери его Татіаны. Розышлось на розницю 27 к. Снѣцару дано 6 к. Одехалъ п. Григорій Юркевичъ, писарь полковой стародубскій, въ Глуховъ.

25. По полученной вѣдомости о слабости дочери Ганны, отехала жена до Перегону. Дано за вичинку вовка и лисици 13 к. Розышлось 5 к. Лукирцѣ за мите кафтана бѣлого 10 к.

26. Обѣдали у мене п. Іванъ Квитка, обозный полку харковского и п. Іванъ Гамалія юдиновскій, зъ которымъ доволно пили, послѣ были у генерала квартермейстера фонъ Штофеля. Розышлось на покупку травы и проч. 27 к. На вино пошло 1 р. 40 к. За зроблене канчука на тростѣ Пищолцѣ дано 10 к.

27. Было молебствіе зъ пушечною стрѣлбою и при обѣду генерала стрѣляно зъ пушекъ и мѣлкого оружія. Былъ у мене п. Яковъ Полуботокъ и синъ полковника полку олонецкого драгунского, Лесли Юрія Федоровича, Давидъ.

28. Были крестины у п. Іскрицкого дочери новорожденной Татіаны. Воспріемниками были полковникъ Гаврило Ивановичъ Давидовъ зъ панею тещею моею, и п. Іванъ Миклашевскій зъ полковницею Дуровою. Розышлось на крестинахъ 30 к.

29. Обѣдни слушали у церкви Петра и Павла, а обѣдали въ домѣ. Розышлось 9 к. Алексію на его потребы даны 10 к.

30. Обѣдали дома, где и п. Федоръ Ширай обѣдалъ же. На мясо и проч. пошло 14 к. Снѣцару 3 к. за направу стула. Отехалъ п. обозный нашъ въ домъ свой.

Мѣсяцъ юль.

1. Слушали обѣдни въ церкви вознесенской. Послѣ былъ я у полковника. На мясо пошло 13 к. Сего числа г. генералъ Загряжской подъ Лищичи для смотренія полковъ отехалъ. Принесъ ткачъ серветъ 80 локотъ, локоть отъ роботы по 2 к., да полотна семдесятъ 1 локоть, отъ роботы за локоть по копѣйкѣ, и того 2 р. 31 к. Сего числа отдана мѣдь въ роботу Карпу Савеліеву котляру, а

именно ломаной разной мѣди 57 ф., да казанокъ зъ желѣзомъ чотиры фунта, и того 61 фунтъ зъ желѣзомъ. Посланы чрезъ Осипа Булахова два рубли до Степана въ Перегонъ на дворовые росходы и пять сотъ цвяшковъ. За вичинку чотырохъ габелковъ 16 к. Отехали обое мы до Левенки и тамъ ночовали.

2). За стіонжку чорную для жены, за шнурокъ до запасокъ, за шовку лотъ и на стручки дано 30½ к. Присланъ столъ и ложкоодъ п. Мануила Зиневича, дозорци (смотрителя) ропского. Былъ у мене г. генералъ лейтнантъ квартермейстеръ фонъ Штофель и позабавилъся чрезъ нѣсколко годинъ. Въ Перегонъ посланы пара шоръ, два столики, ослонъ и старая таратайка зъ двома колесами, 3 хомуты зъ 3-мя дугами.

3. Розышлось на розницю 15 к., за мясную руру зъ печенею...

4. Маляру на золото 8 к., за вичинку 10 овчипокъ бѣлыхъ полковника Веревкина 10 к. Обѣдалъ у полковника. Вчора по полдни отехала полковничая невѣстка Катерина Андріевна зъ Стародуба. Вчорашняго числа обѣдалъ у мене п. Іванъ Булавка бунчуковый и коммисаръ полку чернѣговского.

5. Былъ зъ рана у мене п. Селецкій, сотника полку нѣжинского дѣвицкого братъ, такожъ отецъ Іванъ, священникъ духовскій, которому дано 10 к., паламару 2 к., крашенинику за офарбоване полотна на крашенину 44 аршинъ дано 44 к., за крашенины 7 аршинъ 20 к.

6. Лучанѣ послѣ обѣда одправилися, которымъ дано на 2 кунтушы сукна да двѣ штучки китаю и штучку крашенины; Дацку Никитенку за Степана Кочержинского 80 к. На дорогу имъ 20 к., да ему жъ Дацку коня сивого лубенского дано.

7. Vacat. 8 числа отехалъ въ Семіоновку и едучи чрезъ Янжуловку, былъ тамъ въ дворѣ Шпетенковомъ. Бабѣ даны 10 к. Прибылъ до Семіоновки позно.

9. Былъ въ обозѣ его м. п. обозного войскового енералного и тамъ обѣдалъ, и по обѣдѣ п. обозный отехалъ до Курознова, а я позабавилъ у разныхъ п.п. бунчуковыхъ до смерку и уже позно прибылъ на квартеру до атамана семіоновского.

10. Рано пріехалъ ко мнѣ п. Борковскій, которому и тестаментъ меншій я отдалъ, а онъ мнѣ свой далъ же и провожалъ менежъ онъ и п. Полуботокъ. Отехавши зъ Семіоновки по полдни,

заездилъ до Желѣзного Мосту [180]) и тамъ Григорія Яворского велѣлъ наказать за матку, потомъ прибылъ въ Курковичи.

11. Прибылъ тудажъ п. Пекалицкій и отецъ Григорій Хоминскій, священникъ архиповскій, въ которого дѣлѣ писано писмо до асаулиной Яворской.

12. Тамъ въ Архиповичахъ мешкаючіи расколщики, называючіесь Неклюдовы и Россріи, Фома 1 р., Андрей 50 к., да зъ Лужка мужикъ 32 к., да еще другіе 22 к. Сторговалъ дворъ тамъ же у Архипа Ломаки зъ двома сѣножатми за 20 р.; даны ему тогдажъ 2 р., а послѣ въ Стародубѣ 4 р. Сегожъ числа прибылъ въ Стародубъ.

13. За траву 6 к., за 12 дощокъ липовковыхъ 29 к., крашенинику 20 к. Розышлось на розницю 4 к.

14. Ткачу за роботу 3 р., за канчукъ 12 к., за вино 40 к.

15. Былъ у полковника олонецкого полку Юрія Федоровича Лесли. Дано бандуристамъ 20 к. Даровалъ канчукъ на тростинѣ капитану олонецкогожъ полку Семену Федоровичу Лесли.

16. За мясо 16 к., за траву 10 к. Косику Остапу дробнихъ 1 р.

17. Его м. п. обозный енералный зъ ассистенціею былъ у мене въ домѣ. Сего числа Петрошу даны 20 к., которому родился синъ Іванъ. Взято вина 3½ gарца. Віехалъ я зъ Стародуба и прибылъ въ Случокъ, тамъ и ночовалъ.

18. Обѣдалъ у п. Григорія въ Борщовѣ; послѣ прибыли въ Перегонъ.

19. Былъ на футорѣ.

20. Одправлена экспедиція въ Глуховъ въ дѣлѣ Рубайленковъ чрезъ ихъ же и писалъ до п. Юркевича. Івану Храпковскому погарскому за Павлика заплочено 1 р. 30 к.

21. Получилъ писмо чрезъ войта бозкого [181]) Ничипора Черняіова одъ п. Федора Марковича и къ немужъ отвѣтовалъ. Обѣдали у мене въ Перегонѣ п. Іванъ Квітка, обозный полку харковского, зъ сотникомъ ізюмского полку города Царя Борисова, да п. Григорій Гамалія зъ панею. На мясо пошло 30 к., на муку 10 к., за калачи 4 к. Бабѣ дитячой даны 50 к.

---

[180]) Село новгородсѣверскаго уѣзда.

[181]) Д. Бозская стародубскаго уѣзда.

22. Тіежъ обѣдали, що и вчора. За вино въ Погарѣ купленное 1 р. Прясцѣ господинѣ 25 к. и на запаску, за медъ 60 к., на мясо въ Погарѣ 28 к., за медъ 60 к., на калачи 5 к., на свѣчи 5 к. Сегожъ числа вечеромъ прибылъ на футоръ Василіовку,

23. Обѣдали сегожъ числа на Василіовцѣ у мене Федоръ Марковичъ, Якимъ Троцкій и Лука Марковичъ и розговаровали о разныхъ рѣчахъ и грунтахъ, а по обѣдѣ и я ихъ провожалъ до Бозкои.

24. Обездили грунта и по разныхъ контроверсіяхъ обѣдали у менежъ.

25. Приходили къ помирковаию и не заключа розехались. Прошлой ночѣ побрали сѣно, на моей сѣножати купленное. Обѣдалъ я у Марковичовъ зъ товарищи, отъ нихъ прибылъ въ Перегонъ, где засталъ сотника бакланского п. Косача.

26. Одписовалъ до п. Корсака о сѣножати дарневской Москаленка. При віездѣ зъ Перегону далъ Мойсею Оршавѣ на расплатку за вино и на другие потребы 3 р. Самъ по обѣдѣ прибылъ до Стародуба, а жена отехала до Левенки.

27. На траву и проч. 6 к. Отвѣтное писмо послано до сотника погарского о курѣнчикахъ. Василю Янджулу далъ реестръ о покупкахъ въ Густинѣ [162]), а до Стефана писалъ о висилки чотирохъ куфъ горилки въ Семіоновку.

28. Карпу кухару далъ 1 р. и чвертку жита. Архипу Ломацѣ еще даны чотири рубли за дворъ купленный. На мясо 12 к.

29. У отца Івана духовского была свадба, которого и зятя его обослано зъ дому моего дробыною, хлѣбомъ и водкою. На мясо 18 к., на другую розницю розышлось 14 к. За столъ зъ Кривця привезенный дано 30 к. сверхъ прежнихъ 20 копѣекъ.

30. Данъ квитъ індуктовый одъ Павла Каленикова на пять куфъ. Прибылъ на ночъ въ Левенку. На чаплики и мило 3 к.

31. Обѣдалъ и дніовалъ и ночовалъ въ Левенци.

Мѣсяцъ августъ.

1. Пріехалъ зъ Левенки въ Стародубъ и одправилъ въ Семіоновку куфу горилки при писмѣ до Василя Янджула и къ немужъ квитъ на 5 куфъ індуктовій и подорожную людямъ при горѣлцѣ

[162]) Въ густынскомъ монастырѣ, прилуцкаго уѣзда, гдѣ въ это время была ярмарка.

одправленнимъ. Да посланы писма до п. обозного енералного и Борковского. Дано кравцямъ 15. Розышлось 5 к.

2. Спѣцару дано 10 к. Розышлось 6 к. Въ Случокъ Жорову дано барило горилки въ 66 квартъ цеховыхъ.

3. Писаны писма въ Глуховъ до п. Скоропадского и Юркевича зъ посылкою челобитной о млинахъ на Ворѣ. Послано до Перегона желѣза 18 фунтовъ, у Янченка взятого. Взято 40 фунтовъ лою у Брезкуна. Дано на gноти 3 к. Евдашцѣному сыну на желѣзо до столовъ 5 копѣекъ. Панеи 20 к., за роблене свѣчъ 10 к.

4. Дано до панеи шапки на повсть, на баволну и шовкъ 10 к. Розышлось 12 к. За вино Рибнику 40 к.

5. Степану рымару 1 р.

6. Прислано отъ одного чоловика 2 лящи, отъ Василя Котляревича 10 лящовъ, одъ хоружого Данченка щукъ 9. Розышлось на розницю 64 копѣйки. Сповѣдался и коммунѣковалъ. Обѣдали у полковника и отехали на ночъ въ Левенку. Максиму шапочнику за зроблене шапки панеи и Василковѣ 20 копѣекъ, за лучину и проч. 14 копѣекъ.

7. Обѣдали въ Левенцѣ, а по обѣдѣ віехали наши п. тесть и теща и жена къ Кіеву. Женѣ на дорогу даны 8 р. Я возвратилъся въ Стародубъ. Посланы козаки за нашими вслѣдъ.

8. Обѣдали у мене Данченко хоружій да Хомѣнскій и Багинскій. Куплена да неплачена фляша вина у п. Середи бурмистра. Розышлось на розницю 12 копѣекъ.

9. Розисковали по дѣлу Соколова. Былъ у маіора корпусу меклембурского Лепела. Куріеръ прибѣгъ до п. обозного съ походу отъ генерала Загряжского.

10. За роботу цѣны корпуса меклембурского драгуну 50 копѣекъ. За два фунты корки лимонной 24 копѣйки. За сѣно 5 к.

11. Петру маляру 40 копѣекъ. Розышлось на розницю 21 к. Полученъ указъ о виступленіи въ походъ до Мигновичъ.

12. Позичилъ п. Івану Квитцѣ, обозному полковому харковскому 30 р. За прироблене дишля до коляски 15 копѣекъ.

13. Даны цехмистру ткацкому Минѣ Григоріеву 4 основы на полотна, а платить за роботу отъ локтя по осмаку, да не достало втоку пяти фунтовъ. Пріехалъ енералъ Кейтъ... Дано на потребы до кафтана перешиваючогось 13 к.

14. Писано до п. Івана Гамалѣи въ Юдиновъ и послано цукру голова, да за негожъ перенялся за gарнецъ вина платити копу Греку. Пріехалъ п. обозный енералный. Розышлось на медъ и прочее 13 к. Алексію 4 к.

15. П. обозный енералный зъ командою своею переходилъ черезъ городъ. Обѣдалъ одинъ, а вечеряли два Гамаліи лохвицкіи.

16. Обѣдали Гамаліи, а послѣ обѣда Троцкій и Лука Марковичъ были, и другіе гостѣ гуляли зъ музикою. Алексѣй Алексіевичъ Мажаевъ изъ московского полку поручикъ былъ у менежъ и долго въ ночъ трактовали о грунтахъ Доболской (?) зъ Троцкимъ.

17. За брусницѣ 90 к., за соль 14 к. Лукирцѣ 12 к., на мило 2 к.

18. За Ярмолу п. Григорія Гамаліи заплатилъ 8 р. П. Александру (Корецкому) швагру своему позичилъ въ дорогу въ войско 30 р. Розышлось 9 к.

19. За виписѣ подписку (помощнику писаря) ратушному 50 к., за мясо 36 к. Офѣцери обѣдали; маляра Петра сестрѣ дѣвчинѣ 20 к. Цехмистру ткацкому за роботу скатертей 3 р.

20. Самому маляру Петру 40 к. Розышлось на розницю 27 к.

21. Данъ Янченку цукоръ 51¾ фунта за долгъ 10 р., и за желѣзо отойшло 35 к. За мясо и кури 12 к.

22. Ничего. Числа 33. За мясо и на другій росходъ 25 к. Спѣцару дано 10 к., передъ симъ емужъ 10 к.

24. За пару стременъ 30 к., за роботу отъ направы лихтаровъ мосенжнихъ мекленбурцю 20 к. Договорилъ расколщика оправлять книги до церкви левенскои пять, давать 1 р. 80 к., а дано задатку 50 к. За медъ Ляшисѣ заплачено 30 к., за пудъ соли 40 к.

25. Обѣдалъ у полковника, а послѣ отехалъ въ Левенку и тамъ въ лазнѣ мился, а одтоль прибыли въ Случокъ на ночъ до п. Коменка.

26. Слушали обѣднѣ въ Суходолѣ, а одтоль прибыли на обѣдъ до Борщова, зъ Борщова въ Перегонъ зъ п. Федоромъ (Шираемъ) швагромъ.

27. Былъ въ Городищѣ и за Ворою и на Бѣлявицѣ. На мясо 24 к.

28. Писаны писма въ Глуховъ чрезъ Коменка до п. Скоропадского, до судіи енералного Борозны и до Юркевича, и въ Почепъ за Кобузикомъ ковалемъ до поруччика Полянского, до Лукина и до сотника наказного Губчица.

29. Ездилъ до Курова и тутъ приходила до мене громада.

30. Былъ въ Василювцѣ.

31. Сими днями розышлось на розницю 45 к. Обослала Галецкая родинами за внука Петра.

Мѣсяцъ septеврій.

1. На вечерню отехалъ до Погари, и тамъ ночовалъ въ домѣ Панюшки.

2. По службѣ заходилъ до п. Григорія Черняка, а послѣ ко мнѣ и онъ и канцеляристъ Ливандовскій, да поруччикъ Козма Савватіевичъ Глотовъ пришли и обѣдали и долго гуляли, потомъ были у войта и ночовалъ въ Погарѣ на той же квартерѣ. На мясо и кури 10 к.

3. Получилъ писма зъ С. П. Бурха. На мясо пошло 17 к. Отехалъ зъ Погарѣ передъ обѣдомъ и пообѣдавши въ Перегонѣ, отехали на ночъ до Василіовки.

4. Въ Василіовцѣ обездили грунтъ между Чубаровомъ и Суворовомъ и въ Ісаевцѣ были.

5. Надъ вечери віехали зъ Василіовки въ Перегонъ. Дано на мясо 10 к.

6. Въ вечерѣ пришла вѣдомость о пріездѣ нашихъ зъ Кіева въ Буду.

7. Рано отехалъ п. Федоръ швагеръ, чрезъ которого и до жены о пріездѣ ея сюда въ Перегонъ писалъ, да писалъ противъ писма полковничого, что развѣ завтра віеду до Стародуба. Сего числа зъ Ровницкимъ да старостою евдоконскимъ да изъ лукинцями о спорнихъ грунтахъ договоръ заключили.

8. Пріехала панѣ въ Перегонъ; ездили въ Суворовъ до церкви, я по обѣдѣ былъ въ Чубаровѣ, послѣ въ Погарѣ и приказовалъ, якъ дворъ купленный у Сороки строити.

9. Надъ вечери віехалъ зъ Перегону и прибылъ коло полночи въ Левепку и тутъ ночовалъ.

10. Рано віехавъ оттуду, прибылъ въ Стародубъ, а послѣ обѣда у полковника своего былъ и отъ него къ генералу ходилъ.

11. Генералъ Кейтъ и два полки пѣхотни, первый московскій и бутирскій, вышли въ походъ до Переясловля. На мясо 21 к.

Слюсару за подѣлане муштука и проч. 16 к. Вечерялъ у маіора чернѣговского полку Петра Івановича Стрешнева зъ п. тестемъ.

12. Тогожъ маіора обослали водкою, вишніовкою и хлѣбомъ и двое картъ ему подарилъ, а послѣ обѣда онъ же былъ въ домѣ моемъ, которому сиръ и два кавуна поднесъ, а онъ мнѣ далъ часть »Розговоровъ въ государствѣ мертвыхъ«. Простясь, отехалъ въ Буду п. тестя, где и ночовалъ. Сего числа два полки пѣхотныхъ, чернѣговскій и суздалскій, пошли зъ Стародуба.

13. Данъ рондзикъ до переправи Пищолцѣ и емужъ дано 20 к. За мясо росплаченось 12 к., за медъ 12 к., за лихтарнѣ 2 к., за рогожи 12 к.

14. Петрошъ отпущенъ на время въ Перегонъ, которому дано на его нужду 20 к.

15. За мясо 6 к.

16. За мясо 7 к.

17. Отобрано у ткацкаго цехмистра двѣ штуки полотна, въ которихъ по 77 локотъ. За мясо 12 к. Обѣдали у мене панѣ теща, капитанъ Корнилий Трофимовичъ Шалигинъ зъ женою своею Василисою Андреяновною и асаулъ зъ асаулкою. За медъ 8 к.

18. За мясо 6 к. Золотарю 56 к. за вичищене сребра отъ евангелія.

19. На рибу 10 к. Шевцю 9 к. Кравцю 9 к., за Часловець 40 к. Аксамиту до евангеліи левенскои 3 чвертки, за который надлежитъ 1 р. 20 к. У Федора Янченка взято пудъ желѣза и 3 фунти.

20. На мясо 12 к., за медъ 8 к. Золотарю, которому данъ рондзикъ до передѣлования, дано 10 к. На крашенину до юпки 4 к., молодикамъ на баню 2 к., Алексію на его нужды 15 к.

21. На розницю 4 к. Костантій пріехалъ въ Стародубъ.

22. Розышлось на розницю 16 к.

23. Обѣдали у мене меклембурского корпуса пѣхотный маіоръ Лепелъ и отъ кавалеріи капитанъ Цибетъ. На мясо еще 23 к.

24. Прибылъ капитанъ Максимовичъ. На мясо и кури пошло 17 к. Дано кравцю на шовкъ 10 к. Дано еще інтролѣgатору 1 р.

25. Взято у Федора Янченка 500 грибовъ, которіе отосланы Славую по 7 к., за полтретя локтя штамету 55 к. На нитки до епанчи 3 к. За подшите вовками епанчи 25 к., на нитки 5 к.

26. Бондарю 16 к. Взято у Осипа Булахова 4 р., должные имъ Яружному за нитѣ. Былъ у капитана Цибета и у поручника Ліоне. Програлъ 50 к. Розышлось на розницю 11 к.

27. Рубайленки лубку меду принесли. Розышлось на розницѣ 18 к. Дано Карноуху за перешиване епанчи 22 к. До сего числа у Серединомъ дворѣ набрали 21 фляшу вина. Отехалъ Максимовичъ и я віехалъ зъ Стародуба до Перегону.

28. По обѣдѣ зъ Левенки віехавши, прибылъ въ Перегонъ на ночъ.

29. Позно віехали къ Мглину, ночовали въ Погарѣ; тутъ писано писмо до сотника погарского о визиченню деревнѣ. За медъ и пиво 49 к., на свѣчи и діоготь 6 к.

30. Обѣдали у Гетуна. На стенжки пянеи 30 к. Назадъ прибыли въ Перегонъ на ночъ.

Мѣсяцъ октоврій.

1. Отехалъ въ монастыръ чолнскій и видѣлся въ Погарѣ зъ маіоромъ Віттеномъ.

2. Учинено рѣшеніе о намѣстнику чолнскомъ Гавріилу за мою обиду. Помѣнялся я табакерками зъ отцемъ Варсонофіемъ, которій зъ другими черницями былъ у мене въ наметѣ (палаткѣ).

3. Розехалися зъ монастыря чолнского и обѣдалъ въ Романовцѣ. Одтоль заездилъ до Стечни и видѣлся зъ тамошнимъ ігуменомъ Гавріиломъ Великошапкою, куда надехали и отецъ Варсонофій зъ товарищи, а я заразъ отехалъ и прибылъ ночю въ Перегонъ.

4. Былъ на Василіовцѣ и возвратился на ночъ въ Перегонъ.

5. Пришло извѣстіе, что отецъ Варсонофій зъ товарищи прибылъ въ Ісаевку и для того отехалъ на Василіовку и тамъ ночовалъ.

6. Рано прибылъ въ дворецъ ісаевскій и тамъ послѣ чаю ездили по спорныхъ грунтахъ по-надъ Бозкою и Черемошною, тамъ же пообѣдавши отехали ко мнѣ всѣ въ Перегонъ, где и ночовали.

7. Ездили къ обѣднѣ въ Городище, а послѣ того обѣдали у мене-жъ въ Перегонѣ, а по обѣдѣ подарили отца Варсонофія хусткою и кошелкомъ и они коло вечерень отехали.

8. Дніовалъ въ Перегонѣ.

9. Віехалъ зъ Перегону и прибылъ до Стародуба.

10. Росплатка учинена зъ Федоромъ Янченкомъ за покупки, на ярмарку десятовскомъ [185]) справованные и за проч. 30 р. 48 к.

11. Остапу Качану на покупку дерева для робленя полукаретки дано 30 к.

12. Въ 11 часу по полуднѣ пожаръ былъ, згорѣлъ дворъ Черняковъ. По сее число на розную подробицю розышлось 1 р. 70 к.

13. За два кожухи мужеский и женский даны 80 к. Прислалъ Валкевичъ возовъ 10 сѣна, а ему позычено пять копъ дранѣ. Былъ я у маіора Лепела и долго сидѣлъ въ ночъ.

14. Ездилъ до Левенки, заплатилъ за 20 кафель 40 к., да за мясо прошлыми часы и за лой взиманный у Брезкуна 1 рубль 35 к. За 5 бочокъ солянихъ 10 к., на рогожи 12 к. Розышлось на розницю 7 к.

16. Розышлось на розницю 21 к., за пудъ салакуму 86 к. Пришолъ указъ всѣмъ въ походъ.

17. Писаны писма до отца Варсонофія, свинского намѣстника и отца городничого лищицкого зъ кгазетами. Алексію даны 3 к. За подкурене пари соболей 20 к. Максиму. Взялъ у Федора Янченка 50 р. Дано за сто оселедцовъ 35 к.

18. Дано Алексію 3 р. Розышлось на розницю 7 к.

19. Івану лучанскому на чоботы 22 к., на рукавицѣ 10 к., на розницю 7 к.

20. Кравцямъ 20 к., на розницю 8 к.

21. Крестили дитя служителя полковничого Микиты, сина Андрея. Данъ кумѣ 1 р. Попу, бабцѣ, дякону и паламару 41 к. Въ доплату покойному Стефану римару за роботу 32 к. Вечеромъ былъ у капитана Цибетъ и лейтинанта Ліоне. Сего числа снѣгъ випавъ.

22. Заплатилъ графу Гаврилу 50 р. и послалъ чрезъ Данила, писара его. За два чопы до винницѣ Качановскому данъ 1 р., у Жорова за горилку взятій. Привезены книги зъ Санктпитербурха. Послано писмо до Лишня о покупцѣ 20 пудъ меду.

23. Взялъ 100 р. у Михайла Словинского на жито, подрядившись чвертку по 50 к. Панъ Екимовичъ, асаулъ полковый стародубовскій, пожекгнался, въ походъ отходя. Програлъ въ карты 37 к., да еще пошло 3 к.

---

[185]) Ярмарка въ г. Стародубѣ въ десятую послѣ Паски пятницу.

24. Далъ Робаковскому на покупку жита 24 р., служителю, родинный хлѣбъ одъ панѣи Чернолузской привозившему, 10 к., а родилъся у еи синъ Петръ сего 21 числа.

25. Данъ рубль інтролѣgатору (переплетчику) до порахунку. На мясо 4 к. Одехалъ зъ Стародуба Василій Федоровичъ Милниковъ. Вечеряли у насъ Іскрицкій зъ женою.

26. Подметное писмо на полковника сискано и спалено. На рибу дано 10 к. Былъ капитанъ Блюхеръ у мене и панъ тесть, и обѣдали, также капитанъ Ленку.

27. Полковнику черезъ Якова цилюрика позыченъ Военный Уставъ, а п. Іскрицкому мовца полскій. Розышлось на розницю 45 к., на мясо 15 к. Былъ у мене капитанъ Ленку въ вечери.

28. Остапу Кочану дано на деревню для дѣланя колясви 30 к., черницю зъ Святыхъ Горъ 1 р. На мясо и на розницю пошло 28 к. Даны Брезкуну двѣ яловицѣ.

29. Далъ інтролѣgатору 50 к. Далъ Балдовскому на жито 20 осмачокъ 32 руб. Максиму шапочнику 20 к. Петрошу данъ 1 р.

30. Взято у Ляшихи полрубля. Панѣи дано на стенжки 40 к. Дано за коня капитану Цибету 15 р.

31. Взято у Ноздри 10 р. Дано за направу парика 50 к. Війшли меклембурци.

Мѣсяцъ ноеврій.

1. Послалъ въ Мглинъ на медъ чрезъ Дениса Лишня 10 р. Дано крашенинику за фарбоване крашенины 45 к., за мясо 8 к.

2. Писару судовому Косачу за дворъ сорокинскій погарскій ad interim 20 р. Взялъ у погарцовъ на коней до порахунку: у куровского Грицка Пахоменка 8 р. 57 к., перегонского Сидора Сѣдкового 10 р., чубаровского Василя Кизенка 4 р. Дано за медъ и пиво 15 к. Кравцямъ на нитки 5 к.

3. Писаны писма въ Глуховъ до п. дядка и до п.п. Пасека и Скоропадского за нихъ же и отправлены чрезъ козака одъ п. дядка присиланного, которому на дорогу дано 5 к.

4. Золотару Івану за позолоту до рондзика и шаблѣ данъ червонецъ и еще часть золота, томужъ золотару на живое срѣбро 30 к. Вчера и сего дня за мясо 20 к. Антону Дону, посланному

въ дѣлѣ п. Іана Миклашевского зъ інструкціею по Сейновича даны 50 к. На розницю розышлось 15 к.

5. vacat. 6. Писалъ писмо зъ газетами до отца Варсонофія, намѣстника свинского, и о одсилцѣ оного писма къ атаману. Дано Чубѣ за чинбу зайцовъ и куницѣ 9 к. На нитки до подшиваня шлямового кунтуша 3 к. Обѣдалъ у полковника, а послѣ былъ у г. совѣтника адмиралтейского, скуповуючого пепку, Андрея Федоровича Хрущова, которого сожителница Анна Александровна зъ Колтовска, а потомъ были у Спасибенка на весѣлѣ.

7. Рано былъ у капитана меклембурского Ланку. Золотару Івану за камушокъ, въ перстень вправленный, дано 10 к. Розышлось на розницю 6 к. Семенко, сынъ п. Івана Гамаліи юдиновского умре. Въ вечерѣ былъ у мене помянутый г. Хрущовъ зъ жоною.

8. На куры 16 к. Дякону почепскому Петровскому позичены 40 к. Пугачевскому даны 10 к. Обѣдалъ у полковника для воспоминанія принятія имъ полковои команды.

9. Шевскому цехмистру за роботу 4 паръ чоботъ 16 к. Івану Лучанскому на рукавици 10 к. Лаврину за рибу 9 к.

10. Алексію даны 2 р. За падло живодерамъ 5 к. За панчошки мнѣ и Василковѣ 17 к. Евтуху кравцю за роботу 20 к. Золотару Сергию до порахунку за роботу данъ 1 р. Взято у Парфененка 20 пудовъ меду въ 12 локошкахъ, которые и посланы въ Перегонъ.

11. Обѣдали у насъ полковникъ панъ, г. Хрущовъ зъ женою и прочіи, а послѣ обѣда были на весеелю у Гомяници. За пошите кунтуша—шубы дано 23 к.

12. Вечеромъ былъ купно зъ Василевичемъ у капитана Ланка и вигравъ тамъ въ карты 1 р. 60 к.

13. Обѣдали и весь день пробавили у п. Демяновичевой, а вечеряли дома. Прошлими днями розишлось на мясо и прочее.

14. Весь день пролежавъ, до сего-жъ дня былъ у меня Гомяниця зъ женою своею и зъ новобрачными зъ хлѣбомъ и подарками, которимъ дано 1 р., да былъ-же Никита Андріановичъ. Музикамъ 20 к.

15. Весь день пролежалъ дома; обѣдалъ зъ нами Іскритскій и взялъ книгу Пуфендорфъ, а у п. тестя Вадоменумъ медікумъ.

16. Парфененку даны за медъ 12 рублей.

17. Золотарю Івану Сергуну данъ на позолоту чирвоный, ему-жъ на живое срѣбро 18 к. Івану Пищолцѣ данъ до оправованя рондзикъ и 30 к. Отехалъ зъ Стародуба, почовалъ въ Левенцѣ.

18. Рано одтоль вісхавши, обѣдалъ въ Случку и тамъ за скопщину взято у Киселка конь и кобилка. На ночь прибылъ въ Перегонъ.

19. Отехалъ въ Погаръ и тамъ ночовалъ.

20. На силу приняли гнѣдого коня за Борщовцѣвъ въ 10 р., которій и посланъ чрезъ погарского человѣка, якому на дорогу даны 1 р. 50 к. Обѣдали у мене прапорщикъ тоболского полку Алексій Івановичъ Темиразовъ и сотникъ новгородскій Христичевскій. Драгуну дано 5 к. На рибу пошло 22 к.

21. Послѣ службы Божой посвящали дворъ и хати на Василіовцѣ. Священникамъ и прочіимъ причетникамъ дано 47 к. Іванъ Мелниченокъ отклонился, которому и дано 25 к. За Гришка Шрама Микрунова, на линіи работавшого, который долженъ былъ 11 осмачокъ овса, заплатили Куровци шесть рублей. Нѣмому данъ кунтушъ зеленій мой.

22. Вісхалъ зъ Перегону, былъ въ Левенцѣ, прибылъ въ Стародубъ. Переездомъ въ Случку за Рубанову кобилу велѣлъ заграбить у Романовичового подданного Клима Мигаля два копѣ, обѣдаючи у Коменка.

23. Ради тезоименитства у полковника нашего обѣдали, которому окончилось 63 года, и до позна гуляли.

24. За офарбованне габи 25 к., за вичинку лисицъ и зайцовъ Чубѣ 15 к. Розышлось на розницю 9 к. Прапорщикъ Темиразовъ и сотникъ новгородскій были у мене. За муку брашную передъ симъ у колачниковъ 36 к., за булки 24 к.

25. Даны до робленя Максиму шапочнику два муфи зъ медведя для мене и для Василка, а для шапеи зъ огонковъ куничихъ, да на шію ожерѣля съ огонковъ-же и кучму зъ чорного баранка. На нитки 3 к.

26. Купили до кузнѣ дворовой ковадло и мѣхъ за 3 р. 50 к. у коваля Силка, которому данъ 1 р. Кунтушъ мнѣ покроенъ зъ кофейного сукна, до которого дано на нитки и шовкъ 7 к. Василковѣ кунтушикъ, кафтаникъ и штаны покроены; на потребы дано

8 к. Куплено выбойки 3 локтя зъ 1/4, за которую дано 81 к. Далъ Плешковъ зять на пенку 10 р. Шабелнику дано 10 к. Посланы писма въ Глуховъ, чрезъ сторожа Івана Гриневича, до пана Скоропадского, до Валкевича и привилегіи и маппу, и до Юркевича.

27. Даны осталные Парфененку за медъ 10 р. Розышлось на розницю 6 к.

28. За шлеи до станка конского, що подкововать коней, 18 к., живодіорамъ 4 к. Розышлось 6 к.

29. За шкуру Чубѣ овечую 18 к. На питки и кузѣки 4 к. Карноуху 16 к., за 2 смушки бѣлихъ 8 к.

30. За пошите ковдри 20 к. Привозившему родинный хлѣбъ молодику 20 к., отъ п. Андрея Миклашевского, которому вчора родилась дочь Екатерина. На питкѣ Чубѣ и кравцю 10 к. На розницю розышлось 5 к. Куплено жита осмачокъ, дано за опое 14 р. 16 к. Дѣвцѣ за булки и за кури 18 к. Маляру Петру 3 р. 50 к.

Декабрь.

1. Confessus communicavi. Розышлось на розницю 46 к. За пошите кунтушика Васевѣ 10 к. За зелѣзо Евданцѣ 5 к.

2. Рано отехали до Нижнего на крестины и тамъ весь день пробавили и ночовали. Розышлось 55 к.

3. И весь день тамъ-же въ Нижніомъ пробавили и уже на ночь пріехали въ Стародубъ.

4. За роботу жупана и габяна блакитного для Івана Лучанского 20 к.

5. Віехали зъ Стародуба и пообѣдавши въ Левенцѣ, прибыли до Перегону.

6. Обѣдали у насъ въ Перегонѣ Григоріева Гамалінна, Дзевулская и Галецкая. Священнику зъ причетниками 25 к. Въ капунѣ на медъ 20 к.

7. Въ Погарѣ [164]) . . . . . .

---

[164]) За симъ въ рукопись вплетено нѣсколько листовъ чистой бумаги, вѣроятно въ замѣнъ утерянныхъ тетрадей Дневника. Между чистою бумагою вплетена тетрадка въ 12-ть страницъ съ «черными отпусками партикулярныхъ писемъ», изъ которыхъ нѣкоторые будутъ напечатаны въ приложеніяхъ. Затѣмъ начинается Дневникъ за 1742 г.

1742 году.

Мѣсяцъ генварь.

1. По поздравленіи г. генералу лейтенанту, генералу кригсъ-комиссару и кавалеру Александру Борисовичу Бутурлину, нынешнему малороссійскому главному командиру, нового году, слушали службы Божой въ церкви св. Николая, а молебствія публичного въ церкви св. Варвары, бывшого при однократной пушечной палбѣ. Потомъ обѣдали и до позна гуляли у оного-жъ г. генерала Бутурлина, а въ вечеру былъ феерверкъ съ пущаніемъ по землѣ и вверхъ многихъ ракетъ, которые дѣлали и справляли п. Максимъ Турковскій и п. Андрей Кондзеровскій.

3. Рано посѣщали насъ судія енералный, его м. п. Федоръ Лисенко зъ сожительницею своею, п. Якубовичъ, асаулъ енералный, и другіе; и весь день, послѣ вчерашнего гулянія, въ домѣ пробыть принужденъ.

3. Послѣ обѣда многіе посѣщали насъ въ квартерѣ, да и я къ нѣкоторымъ ездилъ.

4. Обѣдалъ я зъ женою у асаула енералного п. Якубовича и весь день у него пробавили, а оттуду какъ возвратился, то и у насъ гостѣ были.

5. Службы Божой и водосвятіе слушалъ въ церквѣ св. Николая; потомъ заездилъ до п. Андрея Миклашевского, а отголь возвратись въ домъ, вечерялъ зъ хоружимъ полковымъ черпѣговскимъ п. Леонтовичемъ. И. п. Федоръ и Александръ Корецкіи прибыли въ Глуховъ и стали квартерою въ домѣ полковника гадяцкого п. Галецкого.

6. Слушали обѣднѣ въ церкви св. Варвары, а потомъ какъ генералъ, такъ и прочіе гг. великороссійскіе и малороссійскіе пошли за процессією церковною къ водосвятію на рѣку, где устроенъ былъ полкъ глуховского гварнѣзону и сотня глуховская и пушки поставлены; и когда водосвятіе окончилось, то перве солдаты и козаки бѣглымъ огнемъ выпалили, потомъ зъ мартиръ и пушекъ многихъ палено. По водосвятіи были у генерала многіе господа, а также и мы на водцѣ у асаула енералного п. Якубовича; потомъ прибывъ, въ домѣ я обѣдалъ. Сего-жъ числа подписовали писма къ

Государыни и къ гг. сенаторамъ, чрезъ отправляючихъся депутатовъ въ С. П. Бурхъ посилаючіесь. Вечеромъ были у мене въ домѣ разные персоны, въ томъ числѣ и гг. подскарбій енералный Скоропадскій и полковникъ лубенскій Апостолъ.

7. Отклонились генералу наши депутаты и приняли свою експедицію.

3. Оные депутаты отехали въ путь свой зъ Глухова, чрезъ которыхъ и я писалъ до Михайла Івановича Новоторжцова секретаря, до канцеляриста Федора Афанасіевича Інихова и до судіи полкового миргородского Федора Остроградского о дѣлѣ моемъ, стороны жалованной грамоты на деревнѣ Куровъ и Чубаровъ.

9. На вечери сдили въ Дунаецъ [185]), для посѣщенія болного сына и тамъ почовали.

10. Рано одтоль возвратясь, слушали службы Божой въ церкви св. Николая; а потомъ будучому мнѣ у генерала, обявлено ехать по станамъ, для турецкого посла учрежденнымъ, даже до самого Кіева, свѣдителствовать заготовленные подводы, провизію и прочее. Сего жъ числа прибылъ изъ С. П. Бурха новопожалованный полковникъ, г. подполковникъ гусарского полку Божичъ, которому вручить клейноты полковые и опубликовать егожъ мнѣ поручено [186]).

11. Отобравши я по порученныхъ мнѣ оныхъ дѣлахъ інструкціи и указы, отехалъ зъ Глухова на почтѣ и прибылъ на сумерку въ Кролевецъ. Въ Глуховѣ сегодня трактовалъ у себе г. генералній подскарбій Михайло Василіевичъ Скоропадскій генерала Бутурлина и прочихъ. Въ Кролевцѣ взявъ у сотника подписку, что провизія для турецкого посла вся въ готовности, отехалъ на почтѣ къ Алтиновцѣ [187]), а оттоль до Батурина, куда прибылъ въ полночь, а передъ свѣтомъ тамъ же опостигъ мене полковникъ нѣжинскій Іванъ Пантилимоновичъ Божичъ. Одтоль же зъ Батурина писалъ въ войсковую енералную канцелярію о томъ, что пятого числа подводъ на станъ батуринскій зъ полковъ черниговского и прилуцкого не по-

[185]) Село глуховскаго уѣзда.

[186]) Иванъ Хрущовъ былъ назначенъ полковникомъ въ октябрѣ 1727 года, вмѣсто зятя Скоропадскаго—Толстого; схѣщенъ онъ былъ послѣ долговременныхъ жалобъ нѣжинскихъ полчанъ, за его «здирственныя прихоти». Въ архивѣ генеральной канцеляріи имѣется цѣлое дѣло, наполненное жалобами на Хрущова (№ 3804).

[187]) Село кролевецкаго уѣзда.

ставлено; о чемъ и тѣхъ полковъ къ полковникамъ отъ мене предложено писменно.

12. Въ 8-мъ часу пополуночи віехавъ зъ Батурина, прибыли въ Борзну купно зъ полковникомъ Божичомъ; и тутъ откушавши у сотника борзенского Пантелімона Забѣлы, разехались: онъ въ свой дворъ въ Буромку, а я къ Нѣжину, куда прибылъ уже почью и сталъ квартерою у судіи полкового Леонтія Грановского, за городомъ.

13. Рано былъ у полковника Івана Семеновича Хрущова и обявилъ ему інструкцію, данную мнѣ зъ войсковой енералной канцеляріи, объ отказѣ ему-жъ отъ деревень, на рангъ полковничества нѣжинского надлежащихъ, о опредѣленіи полковника Божича и о протчемъ. Потомъ обеждали зъ полковникомъ и нѣжинскимъ комендантомъ Михайломъ Петровичемъ Пущинымъ дворы, въ которыхъ провизія для турецкого посла заготовлена и станѣ (конюшни) для лошадей строены; и всего того осмотрѣвъ, обѣдали у оногожъ полковника Хрущова; а ввечеру, взявъ у него реверсъ о отездѣ его жъ до Глухова, чтобъ тамъ сталъ къ 18 числу сего генваря, и отобравъ отъ него перначъ, а прочіе клейноты приказавъ поутру отобрать, былъ у отца архимандрита нѣжинского Модеста Велецкого и, позабавившись вночь до нѣсколько часовъ, отехалъ по почтѣ до Посовки, где прибывъ по полуночи въ 1 часу, сталъ квартерою у обозного полкового кіевского Андрея Шаулы.

14. Рано явились у мене гварнѣзону глуховского поручикъ Михайло Фомичъ Диниськовъ и канцеляристъ войсковый Костенецкій, да сотникъ посовскій Карпъ Шаула и прочіи приставленныи къ заготовленію провизіи, подводъ и протчего для посла турецкого; и въ чемъ отъ мене усмотрѣна неисправность, о томъ отъ мене жъ писано въ полковыи канцеляріи нѣжинскую, кіевскую и переяславскую; да о томъ же и въ войсковую енералную канцелярію послалъ репортъ; а за сотникомъ кобизкимъ Мандрыкою посланъ по інструкціи ундеръ офіцеръ, чтобъ его взять въ Посовку за ослушаніе въ непоставки провизіи и протчего; потомъ зъ Посовки отехавъ и проехавъ Козарѣ, прибылъ въ Козелецъ по полудни въ 1-мъ часу, и обѣдалъ у брата отца Іоанна. Послѣ у полковника кіевского г. Танского и у дядка Федора Ханенка былъ, а квартерою сталъ въ домѣ князя Никиты Юревича Трубецкого.

15. Была у мене изъ села Лемешовъ[186]) новопожалованного дѣйствительного камергера Алексія Григоріевича Розумовского матка Наталія Демянова дочъ и вручила писмо для пересилки къ овому сину своему. Осматривалъ я квартеръ и стаень для турецкого посла заготовленныхъ; потомъ обѣдалъ у полковника, а по обѣдѣ былъ у асаула полкового Матвѣя Шума, у Іосифовой сватовой, у Івана Покорского и у п. дядка Федора Ханенка; а потомъ ночю отехалъ въ Посовку, где прибылъ по полуночи въ 1-мъ часу и сталъ квартерою у намѣстника тамошнего отца Малотина.

16. По пересмотрѣ пріуготовленныхъ въ Посовкѣ квартеръ и конюшень и прочего и пообѣдавши у оного жъ намѣстника посовского, отехалъ оттоль и прибылъ въ Нѣжинъ коло вечерень, где сталъ квартерою у Димитрія Николаева, откупщика индукты. Тутъ же въ Нѣжинѣ засталъ я уже прибывшого полковника Божича и у него въ кватерѣ, а въ домѣ здѣшнего войта Петра Стеріевича Тарнавіота до позна въ ночь забавлялись.

17. Рано приказъ отдалъ собрать полкъ и отведши отъ моей квартеры, зъ знаменами полковими и музикою и перначемъ, такожъ зъ сотенными корогвами, устроить въ монастырѣ; потомъ приехалъ ко мнѣ на квартеру полковникъ Божичъ и тутъ мало пообождавши, поки полкъ устроенъ, отехали зъ нимъ въ однихъ саняхъ къ манастырю, где за пріѣздомъ нашимъ, зъ музикою и приклоненіемъ знаменъ, честь отдана. Послѣ того весь полкъ зъ знаменами окружилъ насъ, а я зъ полковникомъ Божичомъ, ставъ при знакахъ полковыхъ и созвавъ всю старшину полковую и сотниковъ, обявилъ имъ и всему полку, что ея імператорское величество всемилостивѣйше пожаловала его, Божича, изъ гусарскихъ подполковниковъ полковникомъ въ полкъ нѣжинскій, и на то ему полковнику данный изъ войсковой енералной канцеляріи унѣверсалъ велѣлъ читать вслухъ, который и читалъ писарь полковой Василь Кулаковскій; а по прочитаню взялъ я большое полковое знамя, вручилъ полковнику, потомъ пѣрначъ и значокъ полковый; и стали оного полковника

---

[186]) Козелецкаго уѣзда, мѣсто рожденія Разумовскихъ. Еще десять лѣтъ назадъ на одномъ изъ огородовъ небольшаго владѣнія Тарховой, въ с. Лемешахъ видѣли мы кирпичный столбъ, обозначавшій по преданію то мѣсто, гдѣ находилась хата, въ которой родились Алексѣй и Кириллъ Разумовскіе.

поздравлять милостію ея императорского величества, и какъ по здешнему обычаю покрыли его шапками, то знову музика полковая играла. Потомъ я зъ полковникомъ и всѣ присутствовавшіе, якъ то: полковникъ и нѣжинскій комендантъ Михайло Петровичъ Пущинъ, полковникъ отставный гамбурского полку Зоть, подполковникъ Карнѣй Ивановичъ Басмановъ, нарвского драгунского полку маіоръ Богданъ Михайловичъ Приклонской и проч. многіе офіцери и старшина полковая и сотники, пошли въ церковь и слушали службы Божой и молебствіе, которое отправовалъ его преподобіе отецъ Модестъ Велецкій, архимандритъ здѣшнего манастыря нѣжинского, зъ многими священниками, монахами и мірскими, и по окончаніи оного молебствія была одиножды изъ 9 пушекъ пальба; потомъ отъ церкви пошли церемоніально зъ знаками полковыми, а полковникъ самъ имѣлъ въ рукахъ перначъ, при играню музики полковой до квартери его въ войтовъ домъ, тоже стали за кріуготовленными столами кушать и при пушечной палбѣ гуляли долго впочъ, а на остатокъ были еще и у отца архимандрита. Пришла свита посла турецкого.

18. У полковника-жъ Божича обѣдали; потомъ пролежалъ весь день въ домѣ послѣ вчерашнего трактаменту.

19. Рано пріехалъ въ Нѣжинъ генералъ маіоръ Даревскій; потомъ прибылъ и полномощный турецкій посолъ зъ всею своею свитою, которого встрѣчею и пушечною палбою почтено; онъ же вездилъ изъ своею музикою, а по прибытіи его въ квартеру были мы у него жъ, посла, зъ енераломъ маіоромъ Даревскимъ, зъ которымъ онъ лежа на своихъ подушкахъ, мало де що чрезъ переводчика говорилъ, а потомъ зъ нимъ же генераломъ и протчими обѣдали у полковника Божича.

20 и 21. Отправленіе чинили зъ маіоромъ Іаковомъ Любимовичемъ Полянскимъ въ полки чернѣговскій, прилуцкій, переяславскій и нѣжинскій о наборѣ подводъ подъ посла.

22. Учинили турки нападеніе на дворъ войта нѣжинского Тарнавіота и взяли у него двохъ дѣвокъ крещеныхъ, однужъ отпустили, а другую увели къ послу. Отправленъ отъ мене репортъ до Глухова въ войсковую енералную канцелярію.

23, 24, 25 и 26. За наборомъ подводъ же отправленія чинили.

27. Купалъ я зъ маіоромъ Полянскимъ у отца Стефана Олховского, протопопа нѣжинского.

28. Самъ поселъ зъ своею свитою ездилъ до деревнѣ Синяковъ и тамъ нападеніе учинилъ на дворъ полковника Зота и немалое разореніе тамъ починилъ. Сего жъ числа отъ комиссіи при поселствѣ турецкомъ обрѣтаючейся, чтобъ вмѣсто саней заготовлять подъ оное поселство телѣги и роспуски, обявлено.

29. Обявлено жъ, что поселъ турецкій совсѣмъ ити намѣренъ на Переволочную, о чемъ отъ насъ посланъ репортъ въ Глуховъ, чрезъ Стефана Карпѣку.

30. Явился сотникъ столинскій [189]) Іванъ Бобиръ къ подводамъ изъ полку чернѣговского набраннымъ. Одправлены писма въ Товкачовку [190]), до старосты тамошнего и до судника о стаднинѣ нашей.

31 Набѣрали вездѣ, у кого ни сискались, коляски, возы, колеса и роспуски.

Февраль.

1. Принесены чрезъ Стефана Карпѣку указы зъ Глухова до мене и до маіора Полянского, чтобъ для слѣдованія посла турецкого отъ Нѣжина до Переволочной учинить по опредѣленнымъ станамъ надлежащое приуготовленіе, чего для присланные зъ Глухова поручикъ Цурковъ и канцеляристъ Костепецкій по тракту на Прилуку, Пірятинъ, Лубнѣ, Хороль и потомъ къ Переволочной отправлены.

2. Для того жъ приуготовленія и судія полковый нѣжинскій Леонтій Грановскій, по инструкціи отъ насъ данной, тѣмъ же трактомъ отправленъ къ Переволочной; а ночю прислано требованіе отъ полковника Алсуфева, все ли уже по оному до Переволочной тракту заготовлено и не будетъ ли ни за чимъ остановки или неудоволствія поселству.

3. Въ 8-мъ часу предъ полуднемъ оный же полковникъ Алсуфевъ обявилъ, что поселъ знову на Кіевъ свой путь воспріемлетъ и на Переволочную не пойдетъ, о чемъ отъ мене и къ полковнику прилуцкому Галагану для сообщенія и въ другіе полевые полки писано.

---

[189]) Мѣстечко Стольное, сосницкаго уѣзда.

[190]) Село прилуцкаго уѣзда.

4. Турки ввечеру и вночъ долго отправляли свои молитви зъ музикою своею и бубнами ради байрама, завтра у нихъ праздноватись имѣючого.

5. Первей въ поселской квартери музика ихъ турецкая играла и самъ поселъ нѣкоторые свои церемоніи по ихъ набожелству отправлялъ, потомъ оная жъ музика и по другимъ квартерамъ до знатнѣйшихъ турковъ ходила зъ поздравленіемъ, а съ полдня стали собиратись къ походу и нѣкоторая знатная часть поселской свиты ночю изъ Нѣжина пошла до Носовки.—Василю, шведской націи столяру нѣжинскому, который договорилъся сдѣлать мнѣ шафу, даны 4 р., а еще ему надлежитъ додать 50 к.

6. По полуночи въ 8-мъ часу и самъ поселъ зъ останною свитою поднялъся зъ Нѣжина, которого препровождено зъ пушечною палбою и зъ командами драгунскою и козацкою. Оный же поселъ обѣдавъ въ Дѣвици (Володьковой), а на ночъ прибылъ въ Носовку. Объ опомъ виездѣ посла отправленъ репортъ нашъ въ Глуховъ и отвѣтъ противъ указу о посланныхъ отъ насъ въ полки обявленіяхъ, что уже поселъ на Кіевъ трактъ воспріялъ.

7. Мы зъ Нѣжина віехали, а поселъ зъ Носовки поднявъся, обѣдалъ въ деревнѣ Ставиское, а почовалъ въ Козелцѣ; мы же почовали въ Ставискомъ.

8. Зъ Козелца поселская свита рушила ночю, а самъ поселъ въ 8-мъ часу по полуночи, въ якомъ часу и я прибылъ въ Козелецъ; поселъ же на ночъ притягъ въ Семиполки и почюжъ одтоль поднялъся. Я почовалъ въ Сокиринѣ.

9. Обѣдалъ поселъ въ Димерцѣ, а въ Броварахъ прибравшись зъ своею свитою въ лучшее платя и прибравъ своихъ лошадей стройно, пошолъ спѣшно къ Кіеву и прибылъ въ Кіевъ въ 3-мъ часу по полудни, где его палбою зъ многихъ пушокъ и полки въ строй поставленные салютовали. Я и маіоръ прибыли на ночъ въ Бровари.

10. Посланы поруччикъ Денисьевъ и сотникъ носовскій Шаула въ Кіевъ, а оттоль какъ прибылъ къ намъ въ Бровари Стефанъ Карпѣка, то мы оттуду и сами отехали и прибыли на ночъ въ Димерку, где заехавъ въ дворецъ, застали тамъ маіора полку пѣхотного володимирского Николая Алексіевича Хомутова.

11. Рано прибыли въ Семиполки, где догналъ насъ и капралъ, въ Глуховъ посиланный, которій привезъ намъ указъ о провизіи

въ полку кіевскомъ заготовленной. Я заездилъ въ Секириню до Григорія Парженка и до сестри Евфиміи, у которихъ тамъ пообѣдавъ, прибылъ на ночъ въ Козелецъ и тутъ сталъ квартерою у князя Трубецкого домѣ.

12. По молебствіи и службѣ Божой, перве были многіе въ моей квартерѣ; потомъ обѣдали у маіора Полянского, а послѣ побувавъ у дядка Федора Ханенка и отца брата Іоана и простясь съ ними, отехалъ поздно зъ Козелця и прибылъ на ночъ до Козари.

13. Рано прибылъ въ Носовку, а передъ вечеромъ въ Нѣжинъ.

14. Обѣдалъ у полковника нѣжинского Івана Пантелимоновича Божича, а вечерялъ у полковника и коменданта Пущына.

15. Купилъ сукенка 20 локотъ за 5 р. 40 к., четири юои за 4 р. 50 к., да у значкового товариша Медовниченка взялъ трохъ суконъ за 19 р. 20 к. Обѣдалъ у коменданта Пущына, у которого и двигарокъ свой зъ портретомъ оставилъ для направы. Послѣ простясь съ нимъ на квартерѣ маіора Полянского, отехалъ позно и прибылъ ночю въ Комаровку; тутъ до свѣта почивалъ.

16. По полуночи въ 9-мъ часу прибылъ въ Борзну и сталъ квартерою у Стефановой Забѣлиной, а обѣдалъ у сотника тамошнего; потомъ заездилъ до Стефана Рыби, который имѣетъ за собою племянницю мою Іуліану, дочь Николая Забѣлы; а послѣ вечерень прибыли въ Батуринъ, куда позно прибылъ же и Федоръ Чуйкевичъ.

17. Прибылъ до Кролевця въ 11-мъ часу, а потомъ въ Глуховъ и былъ позно у генерала Бутурлина.

18. Обѣдалъ у генерала жъ и получилъ отпускъ въ домъ; а вечеромъ былъ у бригадира Иліина. Писалъ къ полковнику лубенскому въ Москву чрезъ полковника Телищева. Василку въ Дунасцъ отосланы панчошки и другія вещи.

19. Противъ сего числа ночю получилъ извѣстіе изъ С. П. Бурха генералъ Бутурлинъ, что пожаловано его въ дѣйствителные камергеры, чимъ его превосходителство всѣ и поздравляли. Писалъ я до полковника полтавского г. Кочубея, благодаря за присылку ленчика крымского и 2 паръ тебенокъ. Асаулъ енералный и. Якубовичъ отправленъ для учрежденія всякого приуготовленія подъ посла турецкого, слѣдовать имѣючого зъ Кіева на Переволочную, которому дана отъ мене коляска для поезду, взятая у откупщика индуктарского Дмитрія Николаева Сердюкова. Я виехалъ зъ Глухова въ

3-мъ часу пополудни и прибылъ въ Локотки въ ночъ 2 годинн, оттоль виехалъ о полночи и въ Ображѣевцѣ переменивъ санѣ и коней, прибылъ

20 числа въ Новгородокъ въ 7 часу по полуночи; тамъ видѣлъся зъ полковникомъ московского драгунского полку г. Львовымъ и у сотника былъ; оттоль передъ обѣдомъ отехавъ, прибылъ въ Перегонъ въ 10 часу предъ полуночю.

21. Во время обѣда сотникъ погарскій Соболевскій зъ женою своею и Григорій Покасъ зъ женою жъ прибыли къ намъ въ Перегонъ и тутъ отобѣдавъ, доволно времени пробавили.

22. За нѣкоторыми покупками посилана Петриха въ Стародубъ.

23. Былъ я зъ женою на Василіовцѣ. За леченіе хлопца шолудивого заплачено теперь полтину, а передъ симъ другую.

24. Пріездилъ изъ Новгородка муровщикъ Стефанъ Жолдакъ. Василіовскому одному человѣку позиченъ 1 р.

25. Муровщику Стефану Жолдаку въ задатокъ на роботу 1 р. 90 к., а передъ симъ ему жъ дано 3 р. 10 к., да горѣлки квартъ 32, и чрезъ него жъ посланъ стѣнный двигаръ для направы, при писмѣ до намѣстника монастыря новгородского отца Алексія и о присилкѣ къ намъ цегелника.

26. Писалъ въ Глуховъ до г. Скоропадского. П. Александръ Корецкій зъ женою прибылъ къ намъ въ Перегонъ и тутъ ночовалъ.

27. Отехалъ онъ же послѣ обѣда въ Левенку.

28. Писалъ до полковника лубенского и до господина Скоропадского о своемъ дѣлѣ.

Мартъ.

1. Оные писма отправлены въ Новгородокъ для пересылки оттоль въ Глуховъ. Сего жъ числа надвечери отехалъ я зъ дому, забираючи трактъ на полѣся и прибылъ въ Левенку около полночи; а оттоль зъ Александромъ Корецкимъ

2. Въ Стародубѣ позабавились за полдень, а потомъ віехавши прибыли на ночь въ деревню Стодолу и тутъ въ дворцѣ п. Івана Бороздны медведовского ночовали.

3. Оттоль рано поехавъ, переехавъ Рудню полковничую и прибыли въ Жовнецъ о полдни, а потомъ въ заводъ п. Корецкого [191]), где и ночовали.

---

[191]) Теперь деревня, Корецкій Заводъ, суражскаго уѣзда.

4. Пріехали рано въ слободу Александра Корецкого Упошовъ, и тамъ въ дворцѣ Давидовича коней кормили и обѣдали, а потомъ отехавши прибыли на ночь въ Лотоки, где сталъ квартерою у Федора Пригаровского.

5. Сисковали священника зъ Поповой Горы отца Тарасія Хандожку, передъ которымъ и исповѣдались. Былъ у мене въ квартерѣ сержантъ стародубского гварнѣзонного полку Герасимъ Григоріевъ, который зъ старостою моимъ Федоромъ Алексіевымъ подрался.

6. На службѣ Божой въ Лотокахъ причащались зъ Александромъ Корецкимъ и всѣ люде при насъ бывшіе. Послѣ обѣда ездили на слободу въ урочище Іминцкое и тамъ обще зъ Іваномъ Самойловымъ и Стефаномъ Пригаровскимъ и зъ людми лотоковскими розсматровали мѣстъ, подъ селидбою тамъ же будучихъ, а оттоль заездили къ Стефану Пригаровскому. За 20 пудъ меду заплачено Федору Пригаровскому 21 р. 54 к.

7. Писано отъ мене къ прапорщику Сидору Петровичу и къ другому прапорщику въ Мглинѣ стоящему, а имѣвшему прибыть въ Лотоки для слѣдствія о помянутомъ сержанту Григоріеву въ обидѣ и побояхъ, людямъ нашимъ отъ него показанныхъ. Отъехали подводы наши зъ досками липовыми и дубовыми, которые привозили въ Лотоки хлѣба 16 осмачокъ, якое зсипано въ имбарѣ у Димида, а поручено оное Федору Пригаровскому и Афанасу Сковиню. По полудни віехали и самы зъ Лотоковъ и повечерявши въ дворцѣ монастырскомъ на Поповой Горѣ, прибыли ночю въ Кузнецы и тамъ ночовали.

8. Прибыли въ заводъ Корецкого въ 10-мъ часу предъ полуднемъ, где за 4 пары садовъ до плуговъ украинскихъ дано 1 р. 60 к. руднику Афанасу Грибу, которому и пташина лотоковская дана для оробковъ, якыхъ паръ 10 къ празднику онъ обѣщалъ. Зъ заводу послѣ полдня поехавши, кормили лошадей въ Стодолѣ и оттоль прибыли въ Ярцевъ по полуночи къ Григорію Борознѣ.

9. Писалъ зъ Ярцова къ Івану Борознѣ въ Медведовъ о снѣцару Никитѣ; оттоль же поехавши, прибыли въ Стародубъ въ 10-мъ часу по полуночи, где погодя малъ часъ, была у мене старшина полковая.

10. Івану теслѣ (плотнику) на его нужды въ щотъ за роботу данъ 1 р. Коло вечерень визитовали насъ Григорій Скоруна, Іванъ Гамалѣя

капитанъ Ланкъ съ женою и протчіс. Отдалъ Гамалѣя должные намъ 6 р. 70 к. и отехалъ онъ же въ Юдиновъ.

11. На вечери віехали зъ Стародуба и прибывъ въ Левенку, тамъ ночовали.

12. Тамъ же въ домѣ Александра Корецкого видѣлась зъ нами бунчучная Галецкая, а потомъ отехала къ Погару; мы же отобѣдавши, отехали и прибыли въ Перегонъ на смерку. Ночю греблю нашу городискую порвало.

13. Получилъ указъ изъ енералной канцеляріи о врученіи полковнику стародубскому Федору Дмитріевичу Максимовичу полковыхъ клейнотовъ и команды, чего для и віехалъ по полудни зъ Перегону къ Стародубу, куда и прибылъ я о 2 години въ ночь, а полковникъ коло полуночи.

14. Подлугъ отданного вчора приказу собранъ полкъ зъ знаменами передъ мою квартеру, а потомъ какъ прибылъ и полковникъ ко мнѣ, то отдана ему честь отъ всего полку поднятіемъ ружья на караулъ и зъ музикою; потомъ пошолъ полкъ строемъ къ соборной церквѣ и какъ тамъ построился въ тріangулъ, то и я зъ полковникомъ пріехалъ цугомъ предъ полкъ, где отдана намъ честь, при играню музики, ружьемъ и випалено зъ трохъ штукъ. Потомъ какъ приступили всѣ сотенные корогвы къ полковымъ знаменамъ и старшина полковая, и сотники, и значковые посередъ строю, при знаменахъ, стали, то я, учинивъ обявленіе о опредѣленіи въ полкъ стародубовскій полковникомъ г. Максимовича, велѣлъ читать въ слухъ всѣмъ данный изъ войсковой енералной канцеляріи оному жъ господину полковнику унѣверсалъ, который и читалъ писарь полковый Стефанъ Петрункевичъ, а по прочтеніи уневѣрсалу, взявъ я перве болшое полковое знамя, потомъ значокъ полковый же, оные вручилъ полковнику; потомъ показавъ ему жъ лѣтаври и музику полковую и сотенные знамена, велѣлъ его всѣми знаменами окрить и по здешнему обычаю покрывъ его жъ шапками, окончали тую церемонію поздравленіемъ его, полковника, полученіемъ той императорской милости, при чемъ паки изъ пяти штукъ випалено, и пошли всѣ въ церковь, а по службѣ Божой было молебствіе при трократной изъ пушокъ палбѣ, а на остатокъ изъ мелкаго ружья козаки одинъ залпъ випалили. Потомъ обѣдали у полковника, и при многократной зъ мартировъ и мелкого ружья палбѣ, гулали до позна въ ночъ.

15. Старшина полковая и сотники рано у мене были, но потомъ весь день пробавилъ я въ домѣ ради вчерашного излишняго питя, посилалъ по откупщика зборовъ Гаврила Яковенка, жителя глуховского.

16. Получилъ указъ ехать въ Глуховъ. Передъ полднемъ былъ у мене въ домѣ полковникъ со всею старшиною и сотниками, а отъ мене пошедши, гуляли у обозного, судіи и писаря полковыхъ и у писаря судового Косача; потомъ у полковника купали, где случился и Григорій Бороздна ярцевскій, который для сына моего подарилъ малого коника.

17. Простившись зъ полковникомъ и прочими, отехалъ зъ Стародуба и мало давъ отдохнуть лошадямъ въ Случку, пріехалъ зъ попомъ Алексіемъ Хелкидоцкимъ еще завчасу до Перегону. Ночю знову порвало греблю городискую.

18. Принесенъ указъ зъ суда енералного, чрезъ нарочного компанѣйця, объ отвѣтствіи противъ пунктовъ по дѣлу Соколовского зъ Янушкевичемъ. Учиненъ контрактъ зъ подданнымъ монастыря новгородского Тарасомъ Юденкомъ дѣлать цеглу, за которую платы давать ему отъ всякой тысячи по 7 гривенъ, и дано ему-жъ задатку 4 р. Кравцю стародубовскому Евтуху дано дѣлать двѣ пари платя нового, и каѳанъ злотоглавный къ починки, и на потребы къ той роботѣ данъ 1 р. Писаны въ полковую стародубовскую канцелярію два представленія: 1-е о откупщикахъ сборовъ, что лишнее берутъ, чего и указами не повелѣно, 2-е о форпостѣ лотоковскомъ и о сержантѣ тамо стоячомъ Герасиму Григоріеву.

19. Отправлено доношеніе въ судъ енералный зъ отвѣтами по дѣлу Соколовского, чрезъ того-жъ компанѣйця, да и писма до г. бригадира Иліина, до Скоропадского и до Якубовича и до Романа въ дворъ, такожъ до Несторовича въ Новгородокъ о отсилки бочокъ до Глухова. Преднамѣненные же представленія въ полковую стародубовскую канцелярію посланы чрезъ сторожа Гриневича и писмо до Кочержинского. Микита снѣцарь, присланный отъ Івана Бороздны медведовского, началъ роботу въ Городищѣ. Римарь Ярема наказанъ за пянство и обѣщалъся впредь не пить.

20. Маляръ, изъ Грямячого присиланный, взялъ маліовать плащеницу до церкви городиской. Отобраны у Петрихи зъ шинку погарского за станъ оковитой (водки) 4 р., а за простой 2 р. Озер-

скій прислалъ должного 1 р., а до Багинского послана при писмѣ мѣра на стекло. Были у мене панѣкадилщикъ Никита Ивановъ и столяръ, зъ которыми договорилъся зъ панѣкадилщикомъ о вилитю бляхъ на шоры, а зъ столяремъ на роботу 7 дверей до нового будинку; а давать имъ задатку по 2 р. и по чвертцѣ муки житной. Сего числа взялъ Мойсѣй Оршава пивець для обученя хлопця зъ Лотоковъ Василя Пятина.

21. Вышепамѣненные задаточные денги 4 р., да 2 чвертки муки, такожъ три осмачки жита Марьѣ Украинцѣ обѣщанные, отправлены въ Стародубъ чрезъ Грицка. Писалъ до писаря полкового Петрункевича за Іваномъ Хряпковскимъ. Василь Мовчапенко суходолскій отпущенъ въ домъ.

22. Писалъ до капитана Берга стороны прапорщика Козми Львова, который на греблѣ на Ворѣ бралъ у нашихъ людей три конѣ въ подводу до Погари, и о заборѣ на торгу у людей нашихъ подводъ до Новгородка, для привезеня оттоль овса въ Погаръ.

23. Отправленъ до Мглина за стекломъ кухаръ Іванъ и дано ему 2 р. 10 к. и писмо до хоружого сотенного Тита Голяка. При указѣ ко мнѣ изъ войсковой генералной канцеляріи привезъ значковый товарищъ Данило Зиневичъ пѣрначъ полку стародубовского, для врученя оного полковнику стародубовскому г. Максимовичу.

24. Писалъ къ полковнику стародубовскому о полученіи пѣрнача и о присылки сторожа полівого для отрепортованія въ Глуховъ, такожъ о предложеніи въ сотню погарскую ордеръ, чтобъ давано, по требованіямъ моимъ, козаковъ зъ куреней перегонского, даріевского, случевского и чаусовского, и оное писмо отправлено чрезъ Данила Зиневича, за которого и рекомендацію цедулою писалъ. Господинѣ Василювской Варцѣ, которая отежала прошлого генваря 24, заплачено за ея службу, що надлежало, 90 коп. У шинкаря марковского (с. Марковска) за станъ горилки отобрано 2 р. 50 к.

25. Ночовали въ Городницѣ, где по слушанію всенощного и утренного пѣнія, а потомъ и литургіи, возвратились опять въ Перегонъ и тутъ какъ зъ городецкими попами обома, такъ и зъ отцемъ Алексіемъ, обще кушали обѣдъ.

26. Писалъ репортъ противъ указу стороны пѣрнача и чтобъ не ехать мнѣ въ Глуховъ передъ праздникомъ, о чемъ писалъ же и до г. Скоропадского.

27. Оные репортъ и писмо отправлены до Глухова сторожемъ поліовымъ, присланнымъ, при писмѣ отъ полковника стародубовского г. Максимовича, а самъ я по обѣдѣ зъ попомъ Алексіемъ, отехали къ Стародубу и прибыли уже туда позно.

28. Передъ службою Божою была у мене старшина полковая, а по службѣ, слушанной въ церквѣ Духовской, былъ у мене протопопъ, отецъ Іванъ стародубовскій, такожъ п. Александръ Корецкій зъ жоною, и потомъ отехалъ я къ полковнику; и какъ толко вехалъ въ дворъ, то зъ музикою честь мнѣ отдано, и полковникъ зъ всею старшиною встрѣтилъ передъ крилцемъ; а когда вошолъ я въ болшую избу, то випалено зъ трохъ штукъ, а послѣ велѣлъ принесть перначъ и оный вручивъ полковнику, зъ учиненнымъ ему поздравленіемъ; далѣе, за приуготовленнымъ болшимъ столомъ сѣвши, кушали обѣдъ и пили за високія здравія при пушечной палбѣ и даже до позна гуляли. При якой компанѣи былъ и братъ полковничій, п. Василь Максимовичъ, сотникъ волинскій (м. Волынки) зъ женою своею. По отездѣ же моемъ изъ оной компаніи, учинилась ссора, въ которой обозный полковый Юркевичъ и арестованъ былъ.

29. Кушали у мене п. Александръ Корецкій зъ женою, а между тѣмъ пріехалъ и полковникъ Максимовичъ, которого я упросилъ свободить отъ аресту обозного полкового Юркевича и отдать ему шабло, что и здѣлалось; и за приходомъ его и другой старшины полковой въ мой домъ, учинили прощеніе, и потомъ со мною простясь, полковникъ и братъ его Василій, сотникъ волинскій, такожъ старшина полковая отошли, а мы отехали на почъ до Левенки, куда въ вечеру прибылъ и Григорій Бороздна ярцевскій зъ своею женою.

30. Послано отъ старосты перегонского въ полковую стародубовскую канцелярію доношеніе на ратушю погарскую, что побрато людей нашихъ въ Погарѣ на торгу и послано въ Новгородокъ. Писалъ и до писаря полкового Петрункевича стороны опредѣленія козаковъ зъ ближныхъ куреней, чтобъ напомятовалъ полковнику, да и о томъ же доношеніе; такожъ писалъ до сотника тоналского Ляджула о присылки зъ Сытой Буды маляра Василя Пивоваренка; и рано отехавъ зъ Левенки, прибыли до Перегону коло полдня. Писанъ репортъ въ войсковую енералную канцелярію противъ указу присланного ко мнѣ о поездѣ для присутствія

въ коммиссіи своду книгъ правныхъ. Писаны письма въ Москву къ полковнику лубенскому Апостолу, къ Івану Гамаліи, къ Федору Корецкому, къ Петру Паскевичу, къ секретарю Новоторжцову, а въ Глуховъ къ гг. брегадиру Іліину, подскарбію Скоропадскому, асаулу Якубовичу, бунчучному Оболонскому енералнымъ, да до сотника мглинского Лисаневича и до старости нашого Поленского, въ Товкачовку.

Апрель.

1. Григорій Бороздна ярцевскій зъ женою своею, такожъ Никита Кореневъ, едучи къ Глухову, были у мене въ Перегонѣ и пообѣдавъ, въ путь свой отехали, при которыхъ отправленъ до Глухова-жъ и Іосифъ племѣнникъ и чрезъ него какъ предпомянутые писма, такъ и челобитная въ судъ енералный на Іваниху Миклашевскую Евдокію и сина ея Павла посланы; емужъ на дорогу дано 50 к., а Василку (сыну) послалъ 1 р.

2. Превеликая была стужа зъ жестокимъ вѣтромъ и метелю и продолжалась цѣлые сутки.

3. За роботу барвы (одежды) служителямъ заплачено кравцю погарскому Гришку 3 р. Пріездилъ мѣщанинъ погарскій Гордѣй Кружило зъ инструкціею о зборщикахъ, что берутъ лишнее, которому зъ владѣнія нашего и сказка дана.

4. Отецъ Михайло Пулчевскій, возвратясь зъ Стародуба, обявилъ, что по дѣлу ихъ никакой резолюціи не показано, такожъ и суворовскій (с. Суворова) прикажчикъ Самойло Семеновъ доносилъ, что и въ ихъ дѣлахъ ничего въ резолюцію не показано-жъ. Роздана служителямъ и служанкамъ барва, въ томъ числѣ Івану, теслѣ, кунтушъ блакитный, каѳанъ мамсовый, римару Яремѣ кунтушъ блакитный, каѳанъ мамсовый и поясъ коломійковый и протчимъ.

5. Прибылъ полевій сторожъ зъ Глухова и привезъ писма отъ г. Скоропадского, отъ г. Якова Марковича зъ Москви и календарь С. П. Бурскій, и отъ старосты товкачовского. Чрезъ тогожъ сторожа писалъ къ Кочержинскому, зъ посилкою писма до Голяки, хоружого сотенного мглинского, до Кудрицкого, зъ посылкою писма до Багинского, о сдѣланіи шила великого до оконъ, на которое и мѣра послана.

6. Привезены свѣчи и нѣкоторые покупки, справленные Ісакомъ Ляшонкомъ зъ Стародуба, а именно свѣчъ 49 позолочованыхъ и зеленыхъ.

7. За оные-жъ покупки послано къ Ляшонку 2 руб., чрезъ Ісака Мигалева, и писалъ къ Кочержинскому о присилки сукень и о протчемъ. Послѣ полдня отехалъ зъ дому къ Курковичамъ за дѣломъ зъ Лавриненками и Ломаками и мимоездомъ былъ въ Борщовѣ, у панеи Григоріевой, а на ночъ прибылъ въ Андрейковичи. Сего числа былъ у мене въ Перегонѣ комисаръ сотенній погарскій Сосновскій.

8. Прибылъ рано въ Курковичи, где былъ у мене священникъ отецъ Симеонъ Тимоновичъ и атаманъ Осипенокъ, зъ козаками, при которыхъ за продерзость бывшій дякъ курковскій Федоръ Карповъ наказанъ. Писалъ къ сотнику полковому Якимовичу о козаку Івану Михайлову сину Осипенку, чтобъ его оставлено при церквѣ курковской отправлять ктитарство и въ походъ нынѣ не наряжать, да до Гришка стелмаха писалъ же о разныхъ дворовыхъ потребахъ. Послѣ обѣда ездилъ въ слободу Ломакину и заставляючихся мелницъ и прочего осматривалъ и уже позно возвратилъся въ Курковичи.

9. Омеляну Чеху даны денги на заплату за станъ колесъ колясочныхъ, которыхъ два стана дѣлать подрядилъся на Ломакиной слободѣ колесникъ Мина Федьченокъ, станъ по 8 гривенъ, да на простіе колеса на 4 станы емужъ дано 1 р. 5 к. У шинкарки курковской Горпины взято денегъ шинковыхъ 2 р., впредъ до порахунку, а преждежъ она отдала Омеляну Чеху 1 р. 80 к., якіе далъ онъ въ задатокъ на драпь. Оной шинкарцѣ выдано по се число горѣлки нашой полтретя стана, а прежде одинъ станъ, взятый у попа курковского. У Омеляна Чеха отобралъ за проданное сѣно денегъ 2 р. 40 к., да онъ же роздалъ сѣна нашего курковскимъ жителямъ въ займи 12 возъ, которое они отдать въ осень будуть должны, и по дню роботать. Зъ Курковичъ послѣ обѣда отехавши, прибылъ завременно до Перегону.

10. Писалъ писма къ полковнику и подполковнику московского драгунского полку о томъ, что безъ бытности моей былъ въ деревняхъ моихъ на экзекуціи квартермистръ ротный Власевъ зъ драгунами (на которыхъ выдано сѣна пять возъ, овса четверть и за 8

шаговъ рибы) за нѣкоторые доимочные деньги, о чемъ отъ подполковника Ангеляра и отвѣтъ полученъ. Отправленъ Грицко въ Глуховъ по Василка.

11. О томъ же писалъ и до полковника стародубовского Максимовича и послалъ тое писмо чрезъ Антона Дона. Чрезъ скляра писалъ до Кудрицкого о Ломакиномъ закладномъ писмѣ чрезъ отправленного вчора до Глухова Грицка. Послалъ дзигарокъ старый срѣбный до направы въ новгородскій монастырь, и майстеру за роботу посланъ 1 р., а ему Грицку даны 30 к. Якову гончару погарскому за постановленіе въ новыхъ будинкахъ печей калузской, да другой зеленой, даны 2 р., а передъ симъ ему жъ за тую жъ роботу даны 2 р.

12. Писалъ въ Курковичи къ тамошнему священнику отцу Семену Тимоновичу о ктитару Івану Осипенку, чтобъ онъ смотрѣлъ строенія церковного, да и Россарію, что подсусѣдку нашему Сушаненку за 2 годы за службу не платить, до Омеляна Чеха—о денгахъ провіантовыхъ доимочныхъ и на меклембурцовъ, о колесахъ простыхъ, чтобъ присилалъ. Въ Лотоки писалъ чрезъ Сковпневого зятя объ немъ къ тестю его Афанасу Сковпню и до Федора Пригаровского о денгахъ за хлѣбъ и о протчемъ, да до рудника Афанаса Гриба въ заводъ п. Корецкого о плуговыхъ желѣзахъ, о полицахъ до лемешовъ и о зробленю треаршинной кухнѣ со всѣмъ и о присилки птушокъ [192]). Росплатка учинена зъ шклярами: новгородскому Семену Леонову за 13 оконъ болшихъ, а малыхъ 3 заплачено 2 р. 96 к. и чвертку жита, а шкляру стародубовскому, въ дворѣ нашемъ мешкаючему Яремѣ, за 5 болшихъ, да за пять меншихъ 1 р. 60 к., а на немъ осталось еще долгу нашого, что онъ долженъ впредъ отробить 70 к. и чвертка жита. Гришку кравцю погарскому за роботу его дана чвертка жита.

13. Посиланъ Косикъ въ Стародубъ за нѣкоторими нуждами, чрезъ которого писалъ и до Кудрицкого о присилки подлинного отъ Ломаки данного писма, и до Стефана Кочержинского о хлопцю Юску и о протчемъ, чрезъ него жъ Косика отосланы гусли п. писару полковому Петрушкевичу.

---

[192]) Т. е. птицъ, разумѣется здѣсь рябчиковъ и тетеревей, которыми, какъ видно, изобиловали тогда за-ипутскіе лѣса.

14. Оный Косикъ возвратилъся и привезъ многіе писма, въ томъ числѣ и отъ полковника Максимовича, сторони присиланной экзекуціи на деревню мою за доимочными денгами; онъ же привезъ дробь и порохъ, фарбованные (подкрашенныя) куници и протчее.

15. Въ Городищѣ, въ новомъ нашомъ будинку, посвятили двѣ избы, прихожую и науголную, къ старимъ будинкамъ стоячіе. Сего жъ числа имѣли исповѣдь передъ отцемъ Михаиломъ Пулчевскимъ, священникомъ городецкимъ, и на службѣ Божой причащались. Посланы въ закладъ до панеи Григоріевой Гамаліиной дукатъ въ 50 червонныхъ и мѣлкихъ 55 червонныхъ же, да 27 тарялей битыхъ, а отъ неи взяли въ позику денегъ 249 рублей, и сіе справовано чрезъ отца Алексія Халкидонского. Чрезъ присланныхъ зъ Лотоковъ людей Василя Маркова принесены провіантовые денги 7 р., а чрезъ Івана Курганского и Івана Куриленка, слобожанъ кургановскихъ, писано до Афанаса Сковпня и до Федора Пригаровского о хлѣбѣ нашомъ, тамъ въ Лотокахъ оставленномъ, и о протчемъ, и отпущены они обратно, а при отпуску дано имъ въ позику 20 к. Павлика Шмигелского женѣ болной дано въ задатокъ за ниву 10 к. и чвертку жита. Василко синъ нашъ пріехалъ изъ Глухова и попривозилъ де которые писма, тако жъ и указъ зъ суда енералного до Івановой Миклашевской, по челобитю жены, о денгахъ 200 руб.

16. Уговорили господаря на Василювцѣ Дмитра Шабалдина зъ женою его, на годъ давать ему платы 5 р. и ему-жъ и женѣ по свитѣ, а начали оны служить сего году на всеедной, то есть февраля зъ средныхъ чиселъ.

17. Паникадилщику Никитѣ Іванову, который дѣлаетъ до шоръ бляхи, дано еще три рубли денегъ, гарнецъ горѣлки, кромѣ того, что передъ симъ дано ему-жъ 2 р. и чвертку житной муки, да у него-жъ принято уже тѣхъ бляхъ и прочихъ штукъ числомъ 116, а въ нихъ вѣсу 15½ фунтовъ. Чрезъ того-жъ паникадилщика писалъ къ Кочержинскому, чтобъ взявши у Карпа котляра мѣди 4 фунта, вручилъ ему да велѣлъ-бы здѣлать до кулбакъ пряжокъ 6 паръ зъ валками, а до уздечокъ столкожъ, такожъ и стрименъ 2 пары болшіе для мене, меншіе для сина Василя.

18. Въ сей Свѣтлаго Воскресенія Господня день обыкновенного набоженства слушали въ церквѣ вознесенской городецкой, а послѣ

службы Божой кушали въ перегонскомъ домѣ; потомъ какъ поехали къ вечернѣ въ Городище, то встрѣтились зъ панеею Григоріевою Гамаліиною и по вечернѣ вечеряли купно зъ ею въ Городищѣ.

19. Слушали обѣдни въ Борщовѣ и тамъ-же у панеи Григоріевой Гамаліиной обѣдали; потомъ возвратились въ Городище и тутъ ночовали. Товкачовскіе подводы прибыли и привезли то сиръ, то масло и денги, а для Александра Корецкого пару лебедей.

20. Пробавили весь день въ Перегонѣ.

21. Сотникъ Соболевскій зъ урядомъ и зъ женою своею, такожъ канцеляристъ Покасъ, и Данило Роговичъ, и Леонтій Сорока зъ женами были у насъ въ Перегонѣ и тутъ кушали и до вечера пробавили.

22. Протопопъ погарскій зъ женою своею у насъ-же былъ послѣ обѣда и до вечера просидѣли.

23. Оный-же протопопъ знову былъ у насъ въ Перегонѣ, протестуючись на сотника погарского Соболевского о показанной ему обидѣ и безчестіи въ церквѣ.

24. Пріездилъ къ намъ въ Перегонъ дозорца гремяцкій Леонтій Максимовичъ за своимъ дѣломъ, что турбуютъ его черпци пустынно-николского кіевского монастыря за грунти въ селѣ ихъ Дѣвочкахъ, имѣючіеся въ полку переяславскомъ, о чемъ отъ нихъ запесена на него челобитная въ судъ енералный.

25. Въ сей день, ради коронаціи ея величества Елисаветы I імператрицы самодержицы всероссійской, совершитись въ Москвѣ имѣючей, были вездѣ, въ томъ числѣ въ Стародубѣ и въ Погарѣ благодарственныя молебствія, при пушечной, где есть артиллерія, палбѣ. Сего-жъ числа прибылъ къ намъ въ Городище зъ Погари генералъ-лейтенантъ и кавалеръ князь Василій Никитичъ Репнинъ зъ княгинею и зъ дѣтми, простуючись до Глухова, и ночовалъ въ домѣ нашемъ; а вечеромъ къ намъ-же пріехалъ и Александръ Корецкій зъ женою и ночовалъ у насъ въ Перегонѣ.

26. Оный г. генералъ рано, а Корецкій послѣ обѣда отъехали. Кравецъ Динисъ приездилъ зъ Стародуба и взялъ шить епанчу зимную Василковѣ, которому на потребы и за роботу дано 40 к.

27. Столяру Никитѣ, который дѣлаетъ окна до нового городецкого будинку, дано 1 р. 50 к. впредъ до щоту, що ему за роботу доведется.

28. Прислалъ Александръ Корецкій писмо, поручаючи мнѣ и о своей части, въ добрахъ Рубановскихъ спадаючой, дѣйствовать по моему разсмотренію [193]). Получилъ писма отъ судіи полкового чернѣговского Тимофія Сенюты и отъ архимандрита троецкого чернѣговского отца Іраклія Комаровского о томъ, что еще въ прошломъ 1741 году, въ юлѣ мѣсяцѣ, состоялась архіерейская резолюція состроить намъ при церквѣ крестовоздвиженской городецкой придѣлъ во імя святого Іоанна Богослова, противъ которыхъ писемъ отписалъ къ судіи Сенютѣ, а до писара полкового стародубовского Петрункевича писалъ стороны Іванихи Миклащевской, и стихотвореніе Данилевского послано.

29. Цегелнику новгородскому Тарасу Юденку еще дано въ заработокъ 50 к. Отецъ протопопъ погарскій былъ у мене и стороны придѣла во имя св. Іоанна Богослова учинилъ зъ нимъ постановленіе, когда оный надобно будетъ закладать.

30. Отправлены предъ симъ возки къ Новгородку зъ кухаремъ и Косикомъ.

Маій.

1. Старостѣ погарскому Федору Алексіеву, въ зачотъ службы его, дано рубли два денегъ. Сего числа по литургіи въ церкви городецкой отправованъ молебень благодарственный о коронаціи ея імператорского величества Елисаветы Петровны, самодержицы всероссійской, отправованной прошлого априля 25 дня въ Москвѣ; на которомъ молебствіи присутствовали священники отецъ Алексій Халкидоцкій, отецъ Михайло Пулчевскій и отецъ Григорій Костантіевъ, и я, и атаманъ городецкій зъ козаками и посполитими. Сего-жъ числа о полдни выехалъ я зъ Перегону къ Глухову и прибылъ смеркомъ до Новгородка, а по дорогѣ за Гримячимъ попалъся намъ кухаръ Яковъ Варшаковскій.

2. Въ монастырѣ новгородскомъ обѣдни и молебня благодарственного о коронаціи слушали, потомъ были въ келіи намѣстника Авксентія и отъехавъ отъ монастыря, встрѣтились о 3 версти отъ Новгородка зъ полковникомъ гадяцкимъ Петромъ Галецкимъ [194]),

---

[193]) См. примѣч. 104.

[194]) См. примѣч. 25.

зъ которымъ и возвратились паки до Новгородка, и у него обѣдали, а потомъ, пожегнавшись, отехали въ путь свой къ Пироговки и тутъ переправившись чрезъ Десну, заездили на пороховой заводъ (шостенскій) и прибыли позно въ монастырь гамаліевскій, где и ночовали.

3. Рано зъ Гамаліевки віехавши, попасали въ Собичевѣ, а одтоль прибыли до Глухова по полднѣ, откуду и одправленъ въ домъ Грицко зъ пятма копми. Былъ у г. Скоропадского и тамъ видѣлъся зъ асауломъ Валкевичемъ и бунчучнымъ Оболопскимъ енералными.

4. Писалъ писма въ Москву къ полковнику лубенскому г. Апостолу, къ Якову Марковичу, къ судіи полковому миргородскому Федору Остроградскому и къ Федору Корецкому и отправилъ опые чрезъ асаула полку лубенского Прійму. Да писалъ въ домъ, къ женѣ, о присилки Івана теслѣ въ Глуховъ и послалъ чрезъ писара дворового гримяцкого. Рано былъ у полковника Тютчева и у асаула енералного Якубовича, а въ вечерѣ у Скоропадского. Отъ войта нѣжинского Стеріевича присланъ бочонокъ вина.

5. Зранку ездилъ въ канцелярію енералную и тамъ видѣлъся зъ судею Лисенкомъ и писаремъ Безбородкомъ енералными; потомъ обѣдалъ у асаула енералного Якубовича зъ Федоромъ Чуйкевичемъ, где между обѣдомъ прибыла и жена писара суда енералного Івана Піковця, Елена Лизогубовна. Въ вечеру былъ у брегадира Івана Кондратовича Ілина, потомъ у коллежского совѣтника Постникова и уже позно въ ночь пріехалъ въ домъ.

6. Былъ въ енералной канцеляріи и коммисіи своду [185]). Обѣдалъ у Скоропадского и зъ пами Валкевичъ, Федоръ Чуйкевичъ и сотникъ волинскій Максимовичъ. На вечерѣ былъ у мене бунчучный енералный Оболонскій и при немъ прибывшій въ Глуховъ отецъ Петръ Кибалчичъ, протопопъ погарскій, былъ у мене.

7. Въ коммисіи свода чрезъ нѣсколко часовъ присутствовалъ, а потомъ, прибывъ въ домъ, писалъ писма: въ Козелецъ до п. дядка Федора Ханенка, до отца брата и до асаула полкового Шума, въ Нѣжинъ до коменданта Пущина о сукенку, чтобъ купилъ 13 локотъ,

[185]) Объ этой коммисіи см. книгу А. Ф. Кистяковскаго: «Права, по которымъ судился малороссійскій народъ», стр. 8 и слѣд.

до отца Ольховского, протопопы нѣжинского о шафѣ, а до старосты товкачовского о той-же шафѣ, чтобъ отобравши, прислалъ сюда на подводахъ, да и о тесляхъ и протчемъ, съ сообщеніемъ купчой на футоръ артополотскій. Якіе писма отправилъ чрезъ племѣнника Іосифа, которому и на дорогу даны 58 к. Василко сынъ отехалъ въ Дунаецъ.

8. По обѣднѣ, слушанной въ церквѣ веригинской, былъ у генерала-лейтенанта князя Василія Никитича Репнина и позабавилъся у него болѣе двохъ часовъ, а послѣ обѣда былъ у асаула енералного Якубовича, у которого и книжку, уставомъ писанную, да тетрадь о походахъ государя Петра Великого імператора и самодержца всероссійского взялъ; потомъ у енералнихъ писара Безбородка и бунчучного Оболонского былъ-же.

9. Обѣднѣ слушали въ церквѣ святого Николая, а потомъ были у священника той церкви Шолупины на водкѣ; я обѣдалъ у бунчучного и даже до вечера забавлялись въ карты. Послѣ былъ у обозного енералного г. Лизогуба. Сотникъ погарскій Соболевскій взятъ подъ арестъ въ мѣнистерскую канцелярію, а протопопъ погарскій-же выпущенъ на квартеру подъ карауломъ.

10. Писалъ писма въ домъ къ женѣ и къ старостѣ перегонскому, да къ сотнику мглинскому Лисаневичу, отъ которого присланы 5 паръ оробковъ. Сего числа асаулъ енералный Якубовичъ отехалъ зъ Глухова.

11. Посланъ компанѣецъ надворной корогвы зъ писмомъ моимъ до сотника красноколядинского Петра Максимовича за Прокопомъ Дмитровымъ синомъ, тамъ удержаннымъ, и копемъ строкатымъ. Служителю г. Скоропадского Петру даны чотыри рубли денегъ, которые занималъ на наши потребы Романъ Гапоновъ.

12. Зрана были въ домѣ писара енералного, который и осятриною свѣжою обослалъ мене, а обѣдалъ я у г. Скоропадского.

13. Были у мене на квартерѣ отецъ игуменъ петро-павловскій глуховскій отецъ Варнава Старжицкій и протопопъ кролевецкій Калиновскій. Ломаки отправились, чрезъ которыхъ и до жены я писалъ о дачи имъ денегъ 250 р.

16. Въ коммисіи своду сидѣли до 12 часа полуденного; обѣдалъ въ домѣ, куда по обѣдѣ приходилъ протопопъ Кибалчичъ зъ капраломъ караулнымъ. Інформаторъ пріездилъ зъ Дунайца [186]).

15. Отправлены писма въ Новгородокъ: 1-е до сотника, стороны дранѣ и дзигарка, 2-е до жены о домовыхъ потребахъ и о Івану теслѣ, который сего-жъ дня сюда прибылъ и попривозилъ де якое бѣлое плате; а чрезъ подводчика знову писалъ до жены о разныхъ домашныхъ пуждахъ и меморіалъ посланъ, да до Каврайского писано о присылки кулбакъ и байбарака Іосифового. Івану теслѣ на дорогу дано 50 к.

16. По обѣднѣ, рано слушанной въ церквѣ святои Варвары, былъ съ протчими первей у бригадира Ілина, потомъ у генерала князя Репнина; одтоль прибывъ въ квартеру, обѣдалъ у мене коллежскій совѣтникъ Афанасій Григоріевичъ Постелниковъ. Послѣ обѣда проезджалъся зъ попомъ Алексіемъ въ борокъ (лѣсокъ), а одтоль заездилъ къ писару суда енералного Пиковцю, где и Безобразова зъ женою засталъ, а оттуду заездилъ къ доктору Боку и взялъ 12 прошковъ; началъ оные принимать.

17. Сей весь день не выходилъ зъ двора, за употребленіемъ прошковъ, и рано вѣзитовали мене Огроновичъ и сотникъ березанскій Василій Думитрашко-Райча, по обѣдѣ писаръ полку лубенского Столповскій и Федоръ Чуйкевичъ. Передъ вечеромъ возвратилъся зъ Козелца племѣнникъ Іосифъ и привезъ писма отъ дядка, брата и протчихъ.

18. Привезенъ дзигарокъ старый зъ Новгородка. Былъ у мене полковника кіевского синъ Михайло Танскій, такожъ Романъ и Яковъ и откупщикъ стародубовскій Гаврило Яковенко. Принималъ я лекарство проносное.

19. Писано въ домъ чрезъ сина Наумового Евдокименкового и послано цукру голову, паперъ и сургучъ. Докторъ былъ, пущалъ мнѣ кровь зранку, и весь день промедлѣлъ я въ домѣ, не выходя никуда. Вечеромъ посѣщалъ мене п. Скоропадскій.

---

[186]) Воспитатель или гувернеръ дѣтей Мих. Вас. Скоропадскаго, съ которыми вмѣстѣ воспитывался и старшій сынъ автора дневника—Василій. См. ниже подъ числомъ 21-мъ.

20. Рано былъ у мене п. Думитрашко, сотникъ березанскій, а по обѣдѣ проезжалъся я въ поле, потомъ былъ у г. Скоропадского и у Валкевича; одтоль-же прибывъ въ домъ, вскорѣ потомъ пріехалъ ко мнѣ п. писаръ енералный Безбородко зъ судіею чернѣговскимъ Сенютою и уже позно отехали. Прибыли сего-жъ дня теслѣ и сторожъ нанятый зъ Товкачовки, изъ которыхъ послалъ двохъ зъ Романомъ за деревомъ до Кочергъ.

21. Послѣ лекарствъ первый разъ виехалъ зъ дому до комисіи и тамъ просидѣлъ до 12 часа; какъ прибылъ въ дворъ, то и Василка (сына) тутъ засталъ. Інформатору Юнкгансу за науку сина моего Василя прошлого 1741 году съ априля мѣсяца надлѣжащой плати часть, а именно 10 р. даны и за кулбаку, Василковѣ купленную, нѣмецкую заплатилъ 3 р. 50 к. інформатору-жъ, а послѣ поруччицѣ отдано 8 р. Писалъ къ женѣ чрезъ Іосифа и отправлены 2 конѣ въ домъ чрезъ него-жъ, кучерявый, строкатый и панюшка, а Грицка Дмитренка при себѣ удержалъ.

22. Взята спаляя (карета) наша дорожная для дѣтей г. Скоропадского, имѣючихся ехать до Хомутця, и велѣлъ оную вручить кому извѣстному. У Мандзенка златоглаву, до кунтуша зеленого на лиштвы, взяли поллоктя за 2 рубли. Пріехалъ въ Глуховъ генералъ-лейтенантъ Андрей Петровичъ Дебрини и сталъ квартерою въ домѣ Якова Марковича, въ городѣ. Писма зъ Козелця везенные пропали.

23. Послѣ обѣдень, слушанныхъ въ городѣ, обѣдалъ я купно зъ писаремъ енералнымъ Безбородкомъ у генерала-лейтенанта и кавалера князя Василія Никитича Репнина, и сего-жъ дня опять привезена коляска наша зъ Дунайця зъ Василкомъ, который и все свое попривозилъ.

24. Ради именинъ сина полковника Тютчева, обѣдали у него оба вышепоказанные генерали, брегадиръ Іліинъ и другіе зъ велико и малороссійскихъ персонъ и до вечера просидѣли, а оттоль пріехавъ въ домъ Скоропадского, имѣли зъ Валкевичемъ разговоръ сторони Рубановки.

25. Весь день въ домѣ ради вчорашнего шумства (пьянства) пролежалъ, нигде не бувалъ, толко надвечери проезджалъся въ поле.

26. Послѣ обѣда былъ въ коммиссіи; потомъ кушали у мене Федоръ Чуйкевичъ и Стефанъ Савицкій; по обѣдѣ-же былъ у мене-жъ секретарь министерской канцеляріи Василь Маркеллович Леонтіевъ.

27. Въ сей день Вознесенія Господня слушали обѣдни въ церкви св. Варвари, потомъ были у генераловъ Дебрини и Репнина; по обѣдѣ ездилъ я къ футору винадиному осматривать заводячихъся отъ нихъ для кошеня намъ сѣножатей.

28. Генералъ Дебрини отехалъ зъ Глухова; я былъ зрана въ коммиссіи, а по обѣдѣ оной коммиссіи дѣла перенесены въ домъ покойного Івана Мануйловича [197]).

29. Звано мене на свадбу въ домъ бывшой сотниковой Уманцовой, которая выдаетъ дочь свою за писаря полкового прилуцкого Івана Александровича. Сего числа началъ учить Василка по французку новый інформаторъ.

30. Пріехалъ зъ Городища Іосифъ и привезъ 30 р. денегъ и другое де-що. Я послѣ обѣда ездилъ до Сваркова, стороны маляра Петра Свѣдерского.

31. Тотъ-же маляръ былъ у мене и обѣщалъ отробить 7 р., должные отъ него отцу Алексію Хелкидонскому.

Мѣсяцъ Іюнь.

1. Посланъ въ домъ Іосифъ, чрезъ которого и писма къ женѣ и до Каврайского отправлены. Новому інформатору данъ 1 р. Косикъ бѣжалъ.

2. Ради тезоименитства ігумена петропавловского глуховского Никифора Грибовского обѣдали у него коммиссіанты, въ томъ числѣ и я, и до вечера гуляли. Тамъ-же видѣлся зъ сотникомъ полко-

---

[197]) Иванъ Мануйловичъ—человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, занималъ въ первой половинѣ XVIII в. видное мѣсто въ ряду войсковой старшины. Вывелъ Мануйловича въ люди его вотчимъ—Василій Ялоцкій, бывшій въ началѣ XVIII в. глуховскимъ сотникомъ, который, умирая, имѣнія свои (Бачевскъ, Семеновку и Степановку) передалъ пасынку. Послѣдній женился на дочери Алексѣя Турянскаго, который изъ глуховскихъ сотниковъ, послѣ измѣны Мазепы, поставленъ былъ генеральнымъ судьею. Съ помощью тестя Мануйловичъ въ 1714 г. сталъ глуховскимъ сотникомъ; потомъ въ 1727 г. назначенъ отъ Румянцева однимъ изъ трехъ «правителей генеральной канцеляріи», а когда, съ назначеніемъ Апостола въ гетманы, эта должность была упразднена, Мануйловичъ въ 1729 г. былъ сдѣланъ генераль-

вымъ прилуцкимъ Стефаномъ Лукомскимъ и протопопомъ тамошнимъ Богдановичемъ и, о чемъ надлежало, имѣлъ разговоръ. Куплено для сина Василка сукна василкового 4 локтѣ безъ чвертки за 4 руб. 65 к.

3. Весь день пробавилъ въ домѣ, ради вчорашнего шумства, и посѣщали мене сотникъ березанскій Думитрашко и Федоръ Чуйкевичъ. Отданы маляру Свѣдерскому два столы для маліованя и на фарбу 15 к.

4. Былъ въ коммиссіи свода и въ суду енералномъ по дѣлу Соколовского, тако-жъ и въ енералной канцеляріи. Припроважено компанѣйцями сотника яготинского Филипа Купчинского, которій поехалъ былъ къ Москвѣ мимо-вѣдомо канцеляріи енералной [108]). Кухару Якову Варшаковскому на рубашокъ 2 пары дано 44 коп. Ему-жъ да и Грицку Дмитренку даны черкески изъ парусного полотна.

5. Коло вечерень пріехала жена въ Глуховъ зъ дочерю Настусею. На всенощной были въ церквѣ святого Василія.

6. Передъ службами ездили съ поздравленіемъ праздника Пентекостіи (Пятидесятницы) къ генералу лейтнанту и кавалеру князю Репнину, а обѣдни слушали и вечернѣ зъ коленопреклоненіемъ въ церквѣ святого Николая, а потомъ обѣдъ кушали, зъ сотниками козелецкими—Алексіемъ Подвисоцкимъ и Василіемъ Думитрашкою Райчею березанскимъ, въ домѣ.

7. Сегодня обѣдъ кушали у генерала князя Репнина и послѣ обѣда долго забавлялись у его-жъ генералской квартерѣ, где и жиди металники разные свои фидлѣ показивали.

нымъ есауломъ и оставался на этомъ урядѣ до смерти въ 1740 г. Послѣ него осталась одна дочь, бывшая замужемъ за бунч. тов. Иваномъ Пироцкимъ, который продолжалъ начатый еще при жизни тестя процессъ за имѣнія съ генер. бунчучнымъ Демьяномъ Оболонскимъ, роднымъ племянникомъ Мануйловича (по сестрѣ Настасьѣ, жены сосницкаго сотника Василія Оболонскаго). Пользуясь милостями императрицы Елисаветы (см. Марк., II, 217, 230), Оболонскій процессъ выигралъ и отобралъ отъ Пироцкаго большую часть имѣній Мануйловича. Имѣнія эти впослѣдствіи перешли къ Красовскимъ.

[108]) Купчинскій ѣздилъ въ Москву съ доносомъ на Безбородка. См. Русскій Архивъ 1875 г., I, 313.

8. Писалъ въ домъ къ старостѣ перегонскому и къ Каврайскому, чтобъ отправили въ Товкачовку 11 куфъ горѣлки, и о протчемъ коло исправленія въ господарствѣ, и посланъ на пропускъ тоей-же горѣлки пашпортъ. Обѣдали у мене зъ женами маіоръ Полянскій, секретарь Леонтіевъ, канцеляристъ Покасъ, а надвечери былъ у мене-жъ и совѣтникъ Безобразовъ зъ женою, долго пробавили у насъ.

9. Былъ зрана въ коммиссіи и обѣдалъ въ домѣ. Гончару новгородскому, которій дѣлалъ пѣчи до будинку нашого городиского, дано 3 р., а прежде ему-жъ дано 4 р.

10. Писано въ домъ къ старостѣ и Каврайскому стороны Кизенка и Синицѣ и о другихъ господарскихъ дѣлахъ, и отправлено оное писмо чрезъ человѣка перегонского.

11. Писалъ писма въ Москву къ секретарю Новоторжцову, къ Петру Ласкевичу и къ судіи полковому миргородскому Федору Остроградскому о своемъ дѣлѣ, имѣючомся въ сенатѣ, о деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ. Ради тезоименитства отца Варпавы Старжицкого, соборного погарского, обѣдали у него и долго забавлялись; потомъ вечеромъ были у г. Скоропадского.

12. Чрезъ сотника старого козелецкого Алексія Подвысоцкого писалъ до полковника лубенского г. Апостола, а къ нему-жъ писанные въ маи мѣсяци писма, тако-жъ къ швагру Івану Гамалїи и къ Федору Корецкому о покупкѣ на нашу потребу цѣни (цинковыхъ) талѣрокъ 3 тузнѣ, полумисковъ 2 тузнѣ, въ томъ числѣ было-бъ посуди новомодной зъ кришками штукъ 6, ложокъ циновыхъ малыхъ тузней 2, болшихъ ложокъ 2, Василковѣ чулокъ бѣлыхъ нитныхъ и пестрыхъ по двѣ пары, да и писма къ секретару Новоторжцову и Ласкевичу, включенные въ одинъ пакетъ, вручены канцеляристу войсковому Стефану Бѣлоцерковцю, отправляючомуся къ Москвѣ. Синъ покойного Андрея Ханенка, а мой племѣнникъ Михайло Ханенко присланъ при писмѣ отъ п. Федора Чуйкевича.

13. Обѣдали у мене гг. подскарбій Скоропадскій и Валкевичъ асаулъ енералные, да изъ коммиссіантовъ нашихъ п.п. Семенъ Чуйкевичъ, Стефанъ Савицкій и Семенъ Столповскій, такожъ сотникъ березанскій Думитрашко.

14. Куплено сукно для жены у Мандзенка за 9 р. 60 к. и заплачено. Надвечери были у насъ судія енералный г. Лисенко зъ

своею женою и жена бунчучного Оболонского. Хлопецъ Іванъ перехристъ отосланъ, а Данило городискій пришолъ къ намъ.

15. Послѣ полдня отехала жена къ Товкачовцѣ, которую провожалъ я зъ синомъ Василемъ къ Слѣпороду; а потомъ заездилъ въ квартеру г. Якубовича, асаула енералного и былъ у асаула енералного-жъ г. Валкевича, где и зъ графомъ Мойсеемъ Івановичемъ Владиславичемъ и зъ Іваномъ Бороздною видѣлъся.

16. Поутру рано ездили къ генералу князю Репнину, который, при пожегнанюся зъ всѣми тамо бывшими, отехалъ поутру-жъ въ путь свой на коммиссію розграниченя зъ турками быть имѣючого. Послѣ обѣда ездили зъ г. Скоропадскимъ до графа Мойсея Івановича, где съ нимъ и зъ графинею, братовою Анною Борозновною, при нашемъ посиденю, перве пріехалъ полковникъ Тютчевъ, потомъ бунчучный Оболонскій и полковникъ стародубовскій Максимовичъ, и уже надвечери оттоль пріехали.

17. Поутру былъ у мене Павелъ Ивановъ сынъ Миклашевскій и говорили зъ нимъ о долгу 200 руб., отъ него женѣ моей належномъ, который потомъ далъ на имя жены моей и облѣкгъ на тіе денги, до первого сентября сего году. Двигармистру, въ домѣ г. Якубовича мешкаючому, далъ до исправленя часы мои серебряные карманные зъ портретомъ, а вчора взялъ другіе часы серебряные жъ ко исправленю чернецъ Меркурій.

18 Часы зъ портретомъ отобраны и дано за исправленіе 40 к. Писано писмо къ старостѣ перегонскому и Каврайскому о смотрѣніи дому, господарства и протчего.

19. Писалъ въ Москву до п. Ласкевича о дѣлѣ моемъ и включилъ писмо отъ Барановского, канцеляристи войскового, до отчима его, сотника козелецкого, Алексія Подвисоцкого. Писано жъ писмо до старости товкачовского Поленского, чтобъ онъ выслалъ зъ Товкачовки въ Григоровку 25 человѣкъ работныхъ, когда востребуетъ тамошный господаръ, зъ запасомъ на мѣсяцъ.

20. За роботу и прикладъ къ мундіру, сину Василевѣ Максимомъ кравцомъ дѣланному, дано 6 р., а еще за сукна василкового 3¾ локтя надлежитъ Мандзенку 4 р. 50 к. По обѣдни, слушанной въ церкви святой Анастасіи, заходили до попадѣ покойного отца Мойсея Богаевского, капеляна войскового жены, а оттоль къ писару енералному и къ бунчучному; потомъ я обѣдалъ зъ попомъ Алек-

сіемъ Халкидонскимъ у подскарбія енералного г. Скоропадского, а надвечери былъ у мене п. Іванъ Новицкій, товаришъ бунчуковый.

21. Зъ вчерашнего противъ сего числа, бѣжалъ сотникъ яготинскій Филипъ Купчинскій изъ своей квартери, невѣдомо куда. Пришолъ указъ изъ Сената въ войсковую енералную канцелярію о бытіи главнымъ коммендіромъ надъ міністерскою и енералною канцеляріями генералу лейтнанту Бибикову. Въ вечерѣ былъ у мене полковникъ стародубовскій г. Максимовичъ и долго въ ночъ просидѣлъ.

22. Рано былъ я у полковника стародубовского и зъ нимъ простился, а послѣ обѣда, коло вечерень, отехалъ зъ Глухова попъ Алексій Халкидонскій, которому въ росплату даны 4 р. 80 к. и чрезъ него жъ послано писмо до п. Андрея Миклашевского о брусѣ, дранѣ и 20 р. должныхъ. Писаны писма въ Товкачовку до старости и къ нему жъ для отсилки отправлены въ Золотоношу до сотниковъ тамошнего и крапивянского да значкового Леонтія Петровича и отъ Каврайского; въ Луку до тамошнего священника отца Федора и до старости лучанского жъ стороны сожженного двора Гаврилового, до п. Александра Саковича о Івану Григоровичу, и о купленю коней цуga, и до жены въ Товкачовку.

23. Оные писма отданы въ енералной канцеляріи канцеляристу Андрію Гуленку для отсилки оныхъ въ Прилуку, а одтоль въ Товкачовку. Писалъ до Алексія Подвисоцкого противъ его писма, зъ-подъ Карачева писанного, да до атамана погарского Бѣляя о Косику и до старости погарского о домашныхъ дѣлахъ, чрезъ Самойла, поповича суворовского. Пріехалъ зъ Москви сотникъ Іванъ Тодорскій.

24. Чрезъ оного жъ Тодорскаго получилъ и я писма отъ полковника лубенского и судіи міргородского Остроградского. Писма къ Подвисоцкому, къ Москвѣ, вручилъ для пересылки Богдановичу. Писалъ къ Каврайскому о домашнихъ дѣлахъ, и до атамана погарского стороны побою, учиненного Синицѣ отъ куровского жителя Бондаренка и стороны слѣдствія о Косику. Въ вечеру прибылъ нечаянно генералъ лейтнантъ Іванъ Івановичъ Бибіковъ, опредѣленный на правленіе въ Малой Россіи.

25. Компанѣйцю, посланному зъ указомъ до Івановой Миклашевской и до сина ея Павла, по челобитю жены моей о 200 р.,

данъ за сездъ 1 р. Рано у генерала Бибикова всѣ мы и великороссійскіе персоны были зъ поздравленіемъ прибытія его сюда.

26. Будучи званны къ г. генералу Бибикову, кушали у него обѣдъ, потомъ былъ я у г. Скоропадского. Вечеромъ прибылъ п. Іванъ Гамалѣя и ночовалъ въ моемъ домѣ.

27. Рано поздравляли генерала полтавскою викторіею. Службы Божой и молебствія въ церкви святой Варвары слушали; потомъ были у подскарбія Ушакова, тоже у генерала, и я ради п. Гамаліи отехалъ обѣдать въ домъ, где при окончаніи обѣда прибыла и жена зъ Товкачовки, а п. Гамалѣя отехалъ.

28. Отпущены теслѣ товкачовскіе въ Товкачовку и при выхъ Данило городискій, чрезъ которыхъ писалъ до старости товкачовского о домашныхъ дѣлахъ, и посланы желѣза до плуга, лемѣшъ и чересло. Писалъ въ отвѣтъ до асаула енералного п. Якубовича, сторони сѣножатій Вындиныхъ и о протчемъ. Отданы денги Роману Янченку за полотно швабское 12 р., да судіи енералному г. Лисенку за дворъ осталные 10 руб., изъ привевенныхъ женою зъ Товкачовки.

29. Послѣ службы Божой и молебствія, бывшого зъ пушечною палбою изъ 21 штуки, былъ банкетъ у генерала Бибикова, на которомъ были генералъ маіоръ Кезерлинъ зъ женою и другіе великороссійскіе и малороссійскіе господа; и при столѣ пушечная палба продолжалась долго и многіе здѣлались шумны.

30. Весь день съ похмеля пробавлялъся въ домѣ и въ коммиссіи не былъ.

Юль.

1. Былъ въ коммиссіи, где и доношеніе сочинили объ отпускѣ на канѣкулярные дни въ домы.

2. Едучи, по именному указу зъ Кіева, превелебный отецъ Симонъ Тодорскій къ Москвѣ, за прибытіемъ своимъ въ Глухова, былъ перве въ коммиссіи нашей, потомъ и въ домѣ моемъ, и сего жъ числа зъ дому моего отехалъ въ путь свой.

3. Писару суда енералного Івану Пиковцю родилась дочь Марфа.

4. Оное доношеніе отъ коммиссіи нашей подано генералу чрезъ ігумена петропавловскаго Никифора Грибовского. Сегожъ числа кушали генералъ съ протчими гг. великороссійскими и малорос-

сійскими у полковника Андрія Тимофіевича Тютчева, ради тезоименитства его, и весь день пробавили.

5. Жена, зъ панею судіиною Лисенковою, ездила къ полковници Тютчевой.

6. Обѣдали у сотника глуховского Турянского и долго тамъ пробавили; а потомъ были у писаря суда енералного Пиковця, котораго дочь новорожденная крещена сего-жъ числа, а воспріемниками были асаулъ енералный п. Валкевичъ и вдова Лисевичова, теща сотника золотоношского Костантія Леонтовича.

7. Сторговалъ у насъ футоръ, на Артополотѣ будучій, Матвѣй Чижевскій, зять Неижсалникъ, за 230 р. и далъ въ задатокъ 110 рублей. Сего-жъ числа прибылъ въ Глуховъ сотникъ золотоношскій Леонтовичъ.

8. Трактовалъ у себе генерала зъ протчіими гг. великороссійскими и малороссійскими писарь суда енералного Пиковець, ради крестинъ дочери своей, и доволно гуляли; потомъ ездилъ генералъ за городъ, где нововылитымъ пушкамъ дѣлалась проба чрезъ капитана артилерійского Бреклинга.

9. Весь день въ домѣ пробавилъ ради вчорашного шумства и ради отправленя жены въ домъ. Присланъ указъ въ коммиссію нашу на подаванное доношеніе наше, чтобъ не разездиться на каникулярные дни и сидѣть за дѣлами той коммиссіи поутру и по обѣдѣ.

10. Рано жена отехала въ домъ и я потомъ былъ въ коммиссіи и обѣдалъ зъ домашними у себе.

11. Подписаны указы въ полки и ко всѣмъ бунчуковымъ и войсковымъ товарищамъ о бытіи къ походу нечаянному въ такой готовности, чтобъ за полученіемъ повторного указу мощно было выступить въ 24 часа. Рано и по службѣ были у генерала, а обѣдалъ я въ домѣ.

12. Сотникъ березанскій Василій Думитрашко Райча кудась нечаянно отправленъ и отехалъ зъ Глухова. Повторное доношеніе зъ коммиссіи въ енералную канцелярію объ отпускѣ на каникулярные дни подписали. За шапку зеленую аксамитную, что здѣлана зъ сивымъ баранкомъ, дано 2 р.

13. Обѣдалъ со мною Стефанъ Савицкій, а надвечери былъ я у г. Скоропадскаго и у Валкевича, съ которымъ и о дѣлѣ нашем ъ стороны Рубановщини, розговаровалъ.

14. Привезено зъ Товкачовки 19 овчинъ чиненыхъ и шкуру дриданта вороного, да и Леска служителя утекшого; и сего-жъ числа отпущенъ туда подводчикъ, чрезъ которого къ старостѣ писано о разныхъ дѣлахъ.

15. Рано отехалъ зъ Глухова сотникъ золотоношскій Леонтовичъ и оставилъ мнѣ двоихъ коней, одного гнѣдого, другого буланого. Зрана-жъ слушали зъ енераломъ дѣла попа Лецковского Григорія, потомъ обѣдали у енерала-жъ; а послѣ обѣда и вчора по обѣдѣ слушали дѣла по челобитю матки Оболонского зъ Іваномъ Пѣродкимъ о добрахъ Ялонского [199]).

Іосифа Ханенка, племѣнника, рекомендовалъ въ войсковую енеральную канцелярію, при поданной отъ него челобитной, который и врученъ въ повитье канцеляристу войсковому Василю Туманскому.

17. По присланному указу въ коммиссію нашу позволителному розехаться оной коммиссіи членамъ до 15 августа, послѣдняя была сессія, потомъ члены духовные и мірскіе были у мене на водки, мірскіе-же и обѣдали.

18. По службѣ Божой были у генерала, а по обѣдѣ домашнемъ отехалъ я въ Кочерги, где осмотрѣвъ каменя Рубановского и грунту и приказавъ дѣлать ступникъ, ночовалъ у б. т. Филиповского. Изъ Перегону присланные косари вчора заведены на сѣножати Виндины, где при моей бытности почали оные и косить.

19. Рано зъ Кочергъ отехавъ, переездомъ былъ въ Зазѣркахъ, потомъ прибылъ въ Рубановку, где и обѣдалъ, а послѣ оттоль поехавъ, заездилъ до Дувайця, а оттоль прибылъ на сумерку въ Глуховъ.

20. Пришли разные указы изъ Сената, въ томъ числѣ и о благополучныхъ прогрессахъ россійской арміи въ Финляндіи, где шведы, подорвавъ свою крѣпость Фридриксъ-Гемъ, ретировались къ своимъ войскамъ, стоящимъ въ Сумахъ, подъ командою генерала Левенгоупта, о чемъ при публикаціи реляцій во время благодарственного молебствія была палба трикратная зъ 31 мартира всякой разъ; потомъ обѣдали у генерала и до вечерень гораздо веселились, а притомъ просилъ я генерала о позволеніи отехать въ домъ, что и получилъ. Сего-жъ числа рано былъ я зъ протчими у генерала

---

[199]) См. примѣч. о Мануйловичѣ, стр. 155.

маіора Петра Ивановича Стрешнева, 18 числа въ Глуховъ зъ женою прибывшого, а сего дня отселя въ Кіевъ отезжаючого, который зъ нами-жъ былъ у гг. генералныхъ писаря и бунчучного; а какъ проводили его паки въ квартеру, то онъ, простясь съ нами, и генералша отехали зъ Глухова передъ обѣдомъ. Я вечеромъ былъ еще и у г. Скоропадского и зъ Валкевичемъ видѣлъся.

21. Подрядилъ дѣлать себѣ наметъ (палатку) зъ парусного полотна за 3 р. 50 к. и далъ майстеру задатку 1 р., а Іосифу на разные росходы 1 р. 50 к. Максиму кравцю далъ въ заплату за синее сукно 4 р. 50 к., а за пошите картуза 1 р. 50 к. На вечерѣ былъ у бригадира Івана Кондратовича Іліина, потомъ у Скоропадского и Валкевича, и съ оными простилъся.

22. Въ 8 часу отехавъ зъ Глухова, коней кормилъ подъ монастыремъ Гамалѣевскимъ, а оттоль поехавъ и перевезшись чрезъ Десну, ночовалъ подъ Обичаевымъ футоромъ.

23. Рано прибылъ въ Новгородокъ, а оттоль въ Смячъ, где въ сотника шептаковского домѣ и обѣдалъ; съ полдня оттуду поехавши, прибылъ вечеромъ въ Городище, где засталъ и Александра Корецкого зъ женою, зъ которыми и вечеряли.

24. По службѣ Божой съ ними-жъ обѣдали, а потомъ онъ Корецкій зъ женою и отехалъ.

25. Во время службы Божой пріехалъ зъ женою своею Федоръ Корецкій, а передъ службою отехалъ зъ Павликомъ отецъ Алексій Хелкидоцкій, чрезъ которого послано предложеніе зъ коммиссіи нашей до сотника мглинского Лисаневича въ Стародубъ для отправленія оного одтоль. Я писалъ до писаря судового Косача о дѣлахъ суворовскомъ и городецкомъ, такожъ стороны доношенія старости нашего о подданныхъ нашихъ, грабленныхъ въ Погарѣ и посиланныхъ за овсомъ въ Новгородокъ и о Івану кравцю.

26. По обѣдѣ Федоръ Корецкій зъ женою своею отехали въ домъ свой. Сего-жъ числа отправленъ Каврайскій зъ Троеносенкомъ въ Лотоки, которому и приказъ написанный въ 8 пунктахъ данъ, что тамъ справовати надлежитъ.

27. Зранку былъ у мене откупщикъ сотни погарской Савва Пѣжинцевъ зъ претензіею о платежѣ за казаны василевскіе, городецкіе и за нѣкоторые шинки и о протчемъ, и обѣдалъ у мене; а

послѣ обѣда пріездилъ атаманъ погарскій Бѣляй зъ женою и вечерялъ у насъ.

28. Я по обѣдѣ зъ синомъ Василемъ ездилъ на Василювку, где при нашей бытности господарь тамошный поймалъ рой пчолъ, а сказовалъ, что два рои-жъ новые сѣли въ бортныхъ деревяхъ нашихъ, коло того-жъ футора найдуючихся. Мамцѣ Кукеѣ, которая кормила дочь Ефросинію, даны 3 р. и другое де-що. Жена ей-же дала за ея службу бывшую коло оной дитины.

29. Послѣ обѣда отехали до Левенки къ шваграмъ (Корецкимъ), а едучи встрѣтились зъ діакономъ Іваномъ Духовскимъ, которій зъ женою своею ехалъ въ домъ папъ, куда они и отехали, а мы перве въ Случокъ заездили, потомъ прибыли въ Левенку уже поздно и тамъ, отужинавши у п. Федора Корецкого, ночовали.

30. Рано посилали по попа Алексія и по Булавкина, хоружого полку чернѣговского, но оные не пріехали, о чемъ противъ писма того хоружого и отъ мене къ нему отписано. Тамъ-же писалъ я къ Косачу, писару судовому, поручаючи ему присутствовать отъ моей стороны при расположеніи порцій, на весь полкъ опредѣленныхъ, въ томъ числѣ что доведеться и на мое владѣніе. Да написана явочная челобитная отъ старости нашего перегонского на Василя Романовича, что онъ въ огородѣ нашемъ ягоды порвалъ и мене поносно ругалъ при томъ. На полученный зъ войсковой енералной канцеляріи указъ сочиненъ репортъ о взятыхъ у грековъ въ Нѣжинѣ подъ турецкое посолство колясках. Обѣдали у Федора, а вечеряли у Александра Корецкихъ и у него-жъ ночовали. Передъ вечеромъ тамъ-же въ Левенцѣ пріездилъ ко мнѣ зъ візитою войтъ стародубовскій Коменокъ, зъ своими мѣщанами.

31. Оные: писмо до Косача, явочная челобитная и репортъ въ войсковую енералную канцелярію противъ указу вручены Кочержинскому для подачи въ Стародубѣ въ полковую канцелярію. За личакъ Василку на колдру дано 2 р. Обѣдали у Александра Корецкого, а потомъ оттоль отехавши заездили въ Гриневъ, до Федора Ширая, и тамъ мало поседя отехали въ домъ и заледво уже коло полуночи прибыли въ Городище.

Августъ.

1. По службѣ Божой и по водосвятіи были у мене оба священники городецкіе зъ парохіянами и умовили нового дяка до здешней городецкой церкви, на такой-же кондиціи, якъ и прежные дяки служили. Никита скляръ отпущенъ до Івана Бороздны медведовского и на дорогу ему дано 50 к., сверхъ тѣхъ, что прежде ему дано въ заработокъ 1 р. 50 к. Діакону Духовскому Івану, Марьѣ Украинки мужу, дано сукно на рясу, тое что было для Ефимихи куплено.

2. Прибылъ зъ Товкачовки Степанъ Клесуновъ и зъ нимъ одинъ тамошній человѣкъ, чрезъ которыхъ прислалъ староста товкачовскій 120 р. денегъ, за футоръ нашъ Артополотскій, проданный Чижевскому, взятые, такожъ прислалъ килими и плахты.

3. Пріездилъ ко мнѣ въ Городище Федоръ Ширай, который у насъ и обѣдалъ, и уже съ полдня, послѣ бывшихъ съ городчанами разговоровъ о спорномъ грунтѣ, отехалъ. Писалъ я чрезъ суворовцевъ въ Глуховъ до г. Скоропадского и до племѣнника Іосифа.

4. Отправлены подводы до Новгородка для забранія печи одной и гончарей для ставленя печей, и писалъ о томъ, такожъ о присилки муровщика до Демяна Несторовича. Да писалъ до Івана Шепелича, завѣдуючого въ Новгородку, пакетъ почтою и до Іосифа племѣнника въ Глуховъ, стороны присланныхъ отъ него копій реляціи, тамо полученныхъ печатныхъ. Іванъ Григоровичъ посланъ въ Стародубъ и Левенку зъ писмомъ до Федора Корецкого и зъ дзигаркомъ его.

5. Посилалъ Кочержинского въ Борщовъ звать къ намъ въ Городище Григоріину Гамаліину на утро, да оттоль-же зъ Борщова пріездилъ къ намъ Осипъ Ятченко, стороны дѣла зъ Ломаками.

6. По исповѣди, передъ отцемъ Михаиломъ Пулчевскимъ отправленной, удостоились благостію Божіею причастія святыхъ таинъ, а обѣдали у насъ попы оба городецкіе, атаманъ погарскій Бѣляй, Кочержинскій зъ женою. Послѣ обѣда пріездила къ намъ-же зъ Борщова Григоріева Гамаліина, и повечерявши, паки отехала въ домъ свой.

7. Зъ панікадѣлщикомъ Никитою Івановымъ, который дѣлалъ бляхи мѣдные до шоръ шестерныхъ, чиненъ рощотъ, и по щоту

явилось, что здѣлалъ онъ всѣхъ штукъ большыхъ и малыхъ 231, вѣсу въ нихъ было 25½ фунтовъ, въ томъ числѣ нашей мѣди 10, у Карпа людвісара взято 4, а его панікадилщиковой было 11½ фунтовъ; забралъ же онъ передъ симъ, трома рази, денегъ 6 р., а теперь еще ему доплачено 1 р. 40 к.; и тако уже со всѣмъ роспплатка съ нимъ учинена.

8. Писалъ до Петра Багинскаго о присилки еще 50 шибъ аркушовыхъ (листоваго стекла) и на оные послано 2 р., такожъ и стекло битое послано для передѣлки. Послѣ полдня отехалъ зъ Городища къ Курковичамъ и ночовалъ въ Демянкахъ.

9. Рано ездилъ къ заводу своему винпычному и обездилъ сѣножати, а послѣ полдня писалъ писмо къ Багинскому за курковцями о показаніи имъ способу до купленя на церковную потребу гонты, да и о подрядѣ на нашу дворовую потребу дранѣ 50 копъ, пополамъ двосаженной и полуторной.

10. Былъ у мене рано Слоуцкій зъ хлѣбомъ, рибою и питьемъ и у мене-жъ обѣдалъ; а послѣ обѣда заездилъ ко мнѣ Демянъ Рубецъ и розговоровалъ на лице зъ Іваномъ Лавриновымъ Ломакою о дѣлѣ ихъ съ нимъ, а мене просилъ, чтобъ я не давалъ имъ Ломакамъ въ позику денегъ и хлѣба. Былъ тутъ-же у мене и Василь Тимоновичъ, зоставилъ облѣгъ и реестръ о должномъ хлѣбѣ Шейнѣ отъ курковцювъ у тамошнего священника Симеона Тимоновича.

11. Припроваженъ римаръ Ярема зъ Озаровки отъ Пилатовича, потомъ отдавъ я приказъ на писмѣ и на словахъ о разныхъ дѣлахъ тамошныхъ нашихъ, отехалъ зъ Курковичъ и проехавъ Демянки, какъ вездилъ въ Андрійковичи, то кухаръ Варшаковскій, будучи жестоко пянъ, скрился былъ, чего для припужденъ я былъ заночовать въ Андрійковичахъ; и какъ сысканъ и приведенъ онъ, кухаръ, то жестоко за пянство и за утечку наказанъ плетми.

11. Рано зъ Андрійковичъ поехавъ, заездилъ въ Борщевъ къ Григоріевой Гамаліиной, которой и денги у ней позиченные, 296 руб., отдалъ, а свои закладные червонные и таляри битые отобравъ, прибылъ въ Городище. Писалъ до Івана Гамаліи въ Юдиновъ о прибытіи его ко мнѣ въ Городище зъ Григоріемъ холопецкимъ.

12. Отправлены 4 подводы въ Новгородъ для забраня печи и гончарей и муровщика, о чемъ писано отъ мене и до атамана тамошнего Помаранского. Писалъ до Александра Корецкого о показаніи, где брать вапну и фарбу, о кухнѣ, рогожахъ и пташинѣ, въ заводѣ его оставленной, и о присылки шпалерника, зъ которымъ писмомъ отправлены подводы за желѣзомъ въ рудню Василя Гудовича, за Лищичи, называнную Кулажную, и за вапномъ и фарбою. Привезены отъ Багинского фляши къ пуздеркамъ приробливанные. — Получилъ писма зъ Козелца отъ Шума, асаула полкового кіевского, зъ пріобщеніемъ писемъ изъ Москви отъ сотника старого козелецкого Алексія Подвисоцкого, на которые писма какъ отвѣтъ къ Шуму, такъ и къ оному сотнику Алексію писалъ и пакетъ Шумовъ къ нему-жъ послалъ, включивши все оное въ пакетъ до племѣнника Іосифа въ Глуховъ, для отправи оттоль въ Москву. О пересылки чего до Глухова писалъ и къ сотнику новгородскому, да писалъ-же и до отца брата въ Козелецъ о сину его Іосифу.

13. Отправленъ козакъ кіевского полку Топалювскій, которій присланъ былъ зъ писмами отъ асаула Шума зъ Козелця, чрезъ которого писано и въ Нѣжинъ, къ протопопу тамошнему отцу Волховскому о шафѣ, тамъ для насъ дѣлаючойся. Оному козаку на дорогу дано 20 к.

14. Послана подвода при писмѣ до п. Александра Корецкого о присилки теслѣ Тригуба и мелника на время и о шпалернику.

15. Была у насъ панѣ Григоріева Гамаліина и обѣдала зъ нами, а по обѣдѣ она въ домъ, а мы отехали на ярмарокъ въ Погаръ, где де которые малые справляли покупки. Бабѣ глуховской Уліанѣ за еи службу годовую, теперь окончившуюся, заплатили два рубли денегъ.

16. Прибылъ къ намъ на обѣдъ Іванъ Гамалѣя зъ женою и дѣтми, тако-жъ Антонъ Ботарскій зъ женою, а надвечери и Григорій Гамалѣя холопецкій и тутъ у насъ же почовали.

17. Тѣ-же гостѣ, отъобѣдавъ, отехали въ домы свои. Антону ботарскому, ради рожденія ему дочери, дано 2 р. Муровщикъ новгородскій Стефанъ Жолдакъ началъ въ верхъ виводить комены (трубы).

18. Отправлены писма въ Глуховъ къ отсилки зъ Новгородка до г. Скоропадского и до племѣнника Іосифа о болѣзни жены, о чемъ и къ сотнику новгородскому писано.—Росплатка учинена зъ откупщиномъ сборовъ Савою Нѣжинцемъ за 1739, 40 и 41 года за казаны василювскіе и городискіе 8 р., да за шинкъ перегонскій тѣхъ-же годовъ 72 к. и отъ него взята квитанція. Писалъ къ полковнику стародубовскому г. Максимовичу о дѣлѣ суворовцевъ и цедулою о своихъ дѣлахъ, да до п. Алексія о присилки цефалики, камфори и протч.; того-жъ числа надвечери отехалъ на Василювку и тамъ ночовалъ.

19. Рано зъ Василювки отехавъ, прибылъ къ перевозу городискому и оттоль въ Чаусы, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ чрезъ Марковско проехавъ, прибылъ завременно въ Городище, где засталъ писма, принесенные зъ Глухова и зъ Стародуба. Вечеромъ привезено зъ Стародуба-жъ цефалики 3 слоики и камфори 3 лоты.

20. Господару василювскому Дмитру Никитину Шабалдану въ зачотъ заслуги его годовой дано 50 к. Виннику Гришану за горѣлки становъ 22 на Василювцѣ, самимъ имъ выробленные, дано платы 1 р. 32 к. и вручены дочцѣ его, мамцѣ. Вчорашного числа отойшолъ отъ насъ Тихонъ Павловъ, служивший годъ за возницю. Взяты зъ Василювки до двора городиского 2 станы горѣлки. Тесля Тригубъ Тимохъ прибылъ зъ Левенки и началъ робить коло пекарнѣ и другого заложенного строенія.

21. Повернулъся козакъ зъ Новгородка посланный зъ писмами, до Глухова писанными, и привезъ росписку, что тѣ писма отправлены.

22. Чрезъ Самойла, поповича суворовского, посланы въ Стародубъ для направы 2 мѣдные казаны и 6 трубъ до котляра Карпа, которому велѣно и еще новыхъ 4 трубы придѣлать; да чрезъ него-жъ послано на росплатку за разные вещы попу Алексію 85 к. и ремесникамъ 81 к., итого 1 р. 71 к. Посланъ-же мелникъ городискій туда-жъ въ Стародубъ для купленя каменя вершняка, при писмѣ до Гуриновского, а лукинскій Юденокъ въ Медведовъ до Івана Бороздны за шкляремъ Никитою зъ писмомъ-же.

23. Зъ теслею Тихономъ Тригубомъ учиненъ договоръ: платить ему за роботу на недѣлю по 30 к., а на мѣсяцъ по 1 р.

20 к. Гришко Литвакъ привезъ зъ Стародуба двѣ медвежые шкурки и одну овчую, за которыхъ чинбу дано 45 к.

24. Писалъ къ сотнику новомѣскому Силевичу о доправки должныхъ мнѣ денегъ на Федору Пригарѣ въ Лотокахъ и о присилки Івана Дащенка, до Ісака Ляшонка о покупки китайки блакитной штучки, до шваграа Александра Корецкого о Тригубу и о показаніи, где фарбу брать. Теслѣ Тригубу дана чвертка жита не въ зачотъ заплаты.

25. Писалъ къ сотнику мглинскому зъ урядомъ, чтобъ подрядили виточить липовыхъ балясъ 150 до будинку нашого городиского, и отправлено тое писмо чрезъ Погаръ.

26. Былъ у насъ въ Городищѣ судия полковый стародубовскій Андрей Рубецъ и отобѣдавъ взялъ свою дочь Варварку и отехалъ въ Стародубъ, которому дано отъ мене и меморіалъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ и о покупкахъ до Тищенка. Принесены денги зъ Лотоковъ отъ Федора Пригары 48 р., намъ должные, да отъ него-жъ взяли 31 тинфъ и 2 шостаки битіе, вмѣсто пяти таляревъ битихъ, впредь до щоту, а къ нему обратно посланы 33 тинфи и шостаками 125 тинфовъ. Получены писма зъ Глухова и лекарства отъ доктора Бока, для жены присланные.

27. Писаны писма 1) до сотника мглинского о виточеню балясъ 300, на которые и мѣрка послана, и чтобъ оное писмо отправлено зъ Стародуба зъ полковой канцеляріи; 2) до Самойла, поповича суворовского; 3) до Федора Пригары, дяка лотоковского, зъ отсылкою вышеобявленыхъ осталныхъ денегъ и о пріемѣ другихъ, 4) до Афанаса Сковпня и до Димида о медовой данѣ роковой, о доправки должного намъ хлѣба и о протчемъ, чрезъ Макара Іванова, жителя лотоковского. Гончаръ новгородскій началъ строити печи. Послѣ обѣда отехали зъ женою на Василювку и тамъ ночовали.

28. Зъ Василювки прибывши, засталъ писмо отъ Федора Ширая, чтобъ съехатся въ Стародубѣ для розговору зъ Валкевичемъ и Ланчихою (женою Ланка) о рубановскихъ добрахъ, о чемъ къ нему и отписано.

29. Рано отехалъ зъ Городища и выслушавъ обѣдни въ Лобкахъ, прибылъ въ Гринювъ, где отобѣдавши, поехали вкупѣ зъ Федоромъ Шираемъ до Стародуба и тамъ прибывши, заехали до Григоріевой Скорупиной, куда пріездила къ намъ и капитанша

Ланкова для помянутого розговору и постановили писать къ Валкевичу о прибытіи и его въ Стародубъ.

30. Зъ тимъ писмомъ нашимъ ездилъ къ Валкевичу Михайло Ширай и привезъ отъ него отвѣтъ. Рано были у мене судія и писарь полковые зъ другими, а отобѣдавъ у Скорупиной, какъ пришолъ въ свой домъ, то у мене-жъ была Іванова Миклашевская стороны долгу отъ ней намъ належного и войтъ зъ майстратовыми, а рано былъ Артемъ Тищенко. Потомъ заездилъ я до капитана Ланка и въ дворъ свой шинковный противъ важницы, а послѣ къ лѣкару Консу, которій сину моему и книжки одной нѣмецкой позичилъ и де которые далъ ему-жъ на болячку, а мнѣ на цингу лѣкарства. Таже отехавши зъ Стародуба, прибылъ въ Левенку позно и тамъ у Александра Корецкого заночовалъ.

31. Тамъ въ Левенцѣ обѣдалъ, что за дозчемъ ехать было нельзя, а по обѣдѣ пожегнавшись зъ обома Корецкими и взявши у нихъ два дзигарки до направы, отехалъ и прибылъ завременно въ Городище.

Septеврій.

1. Посланы книжки до Александра Корецкого: 1) Гербаръ [200]), 2) о перегринаціи князя Радзівѣла до Іерусалиму [201]), 3) Демокритъ, вѣршами полскими, и писмо къ нему-жъ писано.

2. По доношеніямъ отъ Афанаса Сковпня на Василя Глушачонка писалъ къ дядѣ его Озерскому о учиненіи справедливости, а на Стефана Пригаровского до сотника новомѣстского о изслѣдованіи, тако-жъ и по доношенію на Сковпня отъ жителей лотоковскихъ, и оные писма отправлены чрезъ Івана Дащенка и чрезъ Сковпня при писмѣ до Кудрицкого.

3. Писмо до капитана Козлова и хоружого полкового чернѣговского Івана Булавкина, писанное прошлого августа 26, о скуплѣ

---

[200]) Разумѣется вѣроятно или книга Папроцкаго: Herby rycerstwa Polskiego (Kraków, 1584) или Нѣсецкаго: Herby i familie rycerskie (Lwów, 1728—1743).

[201]) Извѣстное сочиненіе князя Николая Криштофа Радзивила (Сиротки) Hierosolimitana peregrinatio, имѣвшее нѣсколько польскихъ переводовъ, 1607, 1683 и другихъ г.г.

лотоковской и подлинные купчіе зъ точными копіами, посланы въ Погаръ чрезъ Каврайского. Мелникъ въ дворѣ Мовчановомъ въ Суходолѣ мешкавшый и Василь Мовчаненко за свои проступства наказаны кіемъ и посланъ мелникъ на Василювку, а Василю приказано быть при домѣ.

4. Поутру былъ у мене въ Городищѣ Сава Барлуй и взялъ купчую Івана Горленка лукинского зъ 2 старинными его-жъ купчими, да купчой шаповала погарского копію, а по обѣдѣ былъ у мене-жъ хоружій полку черниговского Іванъ Булавкинъ.

5. Послѣ обѣдни было молебствіе ради тезоименитства ея імператорскаго величества и обѣдалъ у мене хоружій полку черніговского Іванъ Булавкинъ.

6. Весь день прибирался къ ездѣ до Глухова и писано представленіе въ коммиссію слѣдствія о скупляхъ, взглядомъ скуплѣ нашей лотоковской [202]). Оставлены у Каврайскаго для росходу дворового 28 р. 38 к.

7. Рано поутру распорядивши де що надлежитъ въ дворѣ, отехалъ къ Глухову, а при отездѣ оставлены панси 5 р. Попасали коней противъ Ковпинки, прибылъ ночю въ Новгородокъ.

8. Купилъ 10 четвертей ванны у Гойской и данъ ей 1 р., а на покупку писчей бумаги въ Шатрищахъ данъ 1 р. хоружему сотенному новгородскому. Зъ Новгородка писано къ сину Василю и къ старостѣ перегонскому о посилки туда подводъ по оную купленную ванну. По выслушаніи въ монастырѣ обѣднѣ и отобѣдавъ у намѣстника, поехалъ и прибылъ позно въ монастырь гамаліевскій, где и ночовалъ.

9. Прибылъ въ Глуховъ и вечеромъ былъ у г. Скоропадского, где видѣлъся и зъ писаремъ Безбородкомъ и асауломъ Валкевичемъ енералными, такожъ зъ полковникомъ лубенскимъ г. Апостоломъ, прибывшими сее-же ночи зъ Москви въ Глуховъ; отъ него-жъ и писмо Павла Скорупы принялъ.

10. Рано былъ у генерала (которого и генералша ночю прибыла) и въ канцеляріи енералной и тутъ писалъ писма въ Москву къ Павлу Скорупѣ и къ Алексію Подвисоцкому, сотнику козелецкому; потомъ былъ въ коммиссіи, а оттоль заезжалъ посѣтить бол-

---

[202]) См. Сулимовскій архивъ, стр. 214 и 216.

ного писара полку лубенского Столповского. Обѣдалъ въ домѣ зъ сотникомъ мглинскимъ Лисаневичемъ; потомъ былъ у мене обозного енералного синъ Григорій Лизогубъ, зъ Москви пріехавшый. Отправлены Прокопъ и Грицко Дмитренки въ домъ зъ 4 конми, 2 возками и протчимъ, чрезъ которыхъ писано до жены, до сина Василя и до старости зъ Коврайскимъ о домовыхъ дѣлахъ, да къ Григорію Скоруппѣ, зъ приложеніемъ писемъ отъ сина его Павла зъ Москви. Жителю села Березы Гаврилу Тилогузенку, у которого гай на зрубъ наняли, дано рублей сѣмъ, а еще отъ насъ ему доводится 2 р.

11. Рано былъ у генерала, гдѣ видѣлъся и зъ камординомъ г. Разумовскаго Пустотою [203]), который прибылъ зъ Москви, и подано мнѣ писмо отъ сотника Алексія съ обявленіемъ, что Михайла Танского упевнено полковничествомъ кіевскимъ.

12. Писалъ къ асаулу полковому кіевскому Шуму и опое-жъ писмо Подвисоцкого сообщилъ. Сего-жъ числа отправленъ маіоръ Полянскій для отказу волостей ропской и бакланской зъ принадлежности въ владѣніе г. Разумовского.

13. Обѣдалъ у мене сотникъ полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій, зъ которимъ и о дѣлахъ товкачовскихъ розговоровали; а вечеромъ былъ я у полковника полтавского г. Кочубея, который пріехалъ въ Глуховъ 11 сего теченія.

14. Рано обослалъ мене тотъ-же г. полковникъ Кочубей бариломъ вина. По обѣдѣ генералъ отехалъ до Кролевця на ярмарокъ, а я былъ ввечеру у п. Скоропадского и имѣлъ зъ Валкевичемъ розговоръ о Рубановцѣ, токмо суетный.

15. Послѣ обѣда зъ Глухова віехалъ къ Кролевцю на ярмарокъ и ночовалъ въ Тулиголовахъ и оттоль писалъ къ сотнику новгородскому, зъ посилкою челобитной термѣны, такожъ до жены и до сина писма послалъ.

---

[203]) Семенъ Ивановичъ Пустота, управляя потомъ имѣніями матери Разумовскихъ въ козелецкомъ уѣздѣ, разбогатѣлъ, женился на дочери слабинскаго сотника Ивана Тризны и получилъ чинъ войсковаго товарища. Затѣмъ купилъ у Терлецкихъ часть села Баклановой Муравейки (подъ Черниговомъ) и по смерти своей передалъ это имѣніе сыну Демьяну, который былъ женатъ на дочери бунчуковаго товарища Андрея Войцеховича и имѣлъ уже чинъ титулярнаго совѣтника За бездѣтствомъ Демьяна Пустоты († 1788) Муравейка перешла къ Войцеховичамъ.

16. Прибылъ въ Кролевецъ рано и отобѣдавъ у Федора Чуйкевича, ходили по ярмарку и нѣкоторые малые покупки справлены; вечеромъ былъ у Івана Гамаліи, потомъ и онъ въ моей квартерѣ ужиналъ.

17. Зрану покуплены футра и протчіе покупки, а обѣдалъ у Івана Гамаліи купно зъ Федоромъ Шираемъ; да рано-жъ былъ и у генерала и читалъ вѣдомости о учиненной прошлого августа 24 зъ войскомъ шведского генерала фелтмаршала графа фонъ Леси капитуляціи.

18. Віехавъ зъ Кролевця, заездилъ къ полковнику полтавскому г. Кочубею, у которого и обѣдалъ, и пили доволно, потомъ отехавши, прибылъ на ночъ въ Полошки, где и ночовалъ у вдовы Івановой Филопенковой.

19. Рано прибылъ въ Глуховъ, где засталъ сина Василя, пріехавшого зъ дому, и не былъ на службѣ за немощію; въ церквѣ же соборной была публикація отвѣтной грамоты, чрезъ депутатовъ присланной, и вѣдомостей о прогрессахъ арміи нашей въ Финляндіи и молебствіе.

20. Рано былъ въ коммиссіи свода и обѣдалъ въ домѣ; да сего-жъ числа почалъ знову синъ Василь ходить для ученія французского языка къ інформатору. Сего-жъ числа Петру Гаврилову Ковалю, жителю глуховскому, позиченъ 1 р. на мѣсяцъ. Какъ хотѣлъ наказаніе учинить кухарю за пянство, то обявилось, что вина бочку страчено Іосифомъ, що и по осмотру такъ показалось.

21. Писалъ писма въ Москву къ п. Скорупнѣ зъ посылкою и отъ отца его писма-жъ, да къ Андрею Горленку, чрезъ служителя его. Інформатору, обучаючому сина нашего Василя по французскому, даны 2 р.

22. Дано для позлоты шесть кубковъ срѣбныхъ Александра Корецкого и три червонные золотару Івану Алберку іноземцю; да для насъ на роблене шести ложокъ—срѣбра выжоги 30 золотниковъ, тинфами 46, талярами битыми 13, въ ложцѣ старой 17 золотниковъ, и того всего 106 золотниковъ, который обѣщалъ всю ту роботу здѣлать за три неделѣ. Даны до здѣланя два кунтуши кравцю Неделченку, одинъ кармазиновый суконный, другій зъ меніоного канавацу.

23. Была публикація о дѣйствіяхъ благополучныхъ арміи імператорскаго величества въ Финляндіи и о учиненной зъ войскомъ шведскимъ капитуляціи по службѣ Божой и благодарственный молебень при трикратной пушечной стрелбѣ; потомъ былъ банкетъ у генерала при палбѣ-жъ зъ мартировъ; а послѣ обѣда жиды металники разные показывали фидлѣ. Зъ Винденками о забратю ими сѣна былъ споръ въ поранку.

24. Данъ шить мундиръ сину Василю красный и на потребы до того мундѣра кравцю Максиму даны 2 р. Позичилъ сынъ Василь у сотника глуховского Даміана Турянского сина книжку граматику нѣмецкую зъ русскимъ. Освобожденъ зъ канцеляріи міністерской атаманъ чаусовскій Бобовъ, который взятъ былъ туда по дѣлу зъ старостою евдоколскимъ Старжинскимъ.

25. Зъ писемъ, писанныхъ отъ нашихъ депутатовъ зъ Москви, пришло извѣстіе, что опредѣлены архіерсями въ Черигѣговъ: Амвросій Дубневичъ, въ Бѣлгородъ—митрополитъ яскій Антоній, санктъпітербурскимъ и шлютелбурскимъ архіепископомъ Никодимъ Сребрніцкий, митрополитомъ московскимъ и володимирскимъ епископъ могилевскій Іосифъ Волчанскій, крутицкимъ архіепископомъ Платонъ Малѣновскій да намѣстникъ Тройцы Сергіева монастыря Антоній Нарожневскій митрополитомъ сібирскимъ.

26. Учиненъ сговоръ дочери енералской Аскитереи Івановнѣ за полковника харковского Стефана Івановича Тевяшова, для якой оказіи и банкетъ былъ у генерала, при пушечной палбѣ, по обявленіи того сговора, и до позна гуляли доволно.

27. Ради вчорашного шумства принужденъ весь день, неисходно зъ дому, валяться и никуда не віеджалъ.

28. Писалъ до Максима Турковского стороны токаря, уговореного дѣлать 300 балясъ до будинку городиского, чтобъ тотъ токаръ не требовалъ отъ насъ къ той роботѣ человѣка, но самъ-бы себѣ наймалъ-ли, или другимъ образомъ сискалъ, а за то хотябъ ему надъ учиненный уговоръ и прибавить плати; и тое писмо для пересилки отдано сотнику мглинскому Лисаневичу.

29. Данъ крестъ деревяній церквѣ Воздвиженской городиской для оправы въ срѣбро золотарю Матвію Матюшу и срѣбра дано чарку да рубль, вѣсомъ о пять лотовъ зъ неболшимъ. Писаны писма: 1) до судінной полковой миргородской Параскевіи Остроградской

зъ отсилкою книгъ двохъ латинскихъ: Августина и о імператорахъ римскихъ, 2) до старости товкачовского о присилки денегъ и протчего. Званы на свадбу помянутого полковника Тевяшова, который вѣнчалъся зъ генералскою дочерю въ церквѣ Варвары святыя въ 5 часу по полдни, а послѣ былъ банкетъ у генерала при пушечной палбѣ и за полночъ гуляли.

30. Знову былъ банкетъ у генерала при пушечной палбѣ и такожъ до вечера гуляли.

Мѣсяцъ октоврій.

1. Писалъ писма въ домъ чрезъ Романа Гапонова и коней 7, такожъ разные вещи, въ томъ числѣ и полукенца 13 локотъ Александру Корецкому купленного, послано чрезъ него-жъ при писмѣ, да и до Ширая писалъ-же о Рубановцѣ; а у генерала и сегодня былъ банкетъ, отъ которого вечеромъ пріездилъ ко мнѣ въ домъ судія генералный Федоръ Лисенко. На покупку лоя и другихъ вещей розышлось сегодня 2 р.

2. Былъ я въ коммиссіи, обѣдалъ въ домѣ, а ввечеру присилалъ брегадиръ Іванъ Кондратовичъ Ілінъ просить на завтрее къ себѣ обѣдать.

3. Рано прибылъ староста товкачовскій Ілія Паленскій и привезъ денегъ 80 р. Обѣдали зъ генераломъ у брегадира, где и штатскій совѣтникъ Александръ Івановичъ Панинъ былъ зъ протчими нашими. Сего-жъ числа утѣкъ возница Ілія и знесъ кожухъ, черкеску зъ парусного полотна. чоботы, смушъ баранѣй, гребло, попону новую, Савкины штаны, обротей ремѣнныхъ 2, ветчины плѣчко.

4. Обѣдали зъ енераломъ у полковника Андрея Тимофіевича Тютчева. Куплено дранѣ 158, за которорую дано 1 р. 47½ к.

5. Генералъ купналъ обѣдъ у індуктаря Романа Яненка зъ протчими, а я не былъ тамъ, ради бывшихъ передъ тимъ частихъ трактаментовъ, и другіе наши не были-жъ. Конѣ Антонія Ботарского, которые были пропали, приведены зъ дому Піроцкого.

6. Подводы и теслѣ зъ Товкачовни пришли. Купчая Якову Чижевскому на футоръ Артополотскій написана и зъ старими на тотъ же футоръ купчими для отдачи ему вручена старостѣ товкачовскому Ілію Паленскому. На подводахъ токавчовскихъ привезено барановъ 4, гусей 10, утокъ 9, каплуновъ 23, фаску масла, фаску сира неповную, качковаловъ 5, плахту.

7. Старости-жъ товкачовскому дано клеймо железное коней и скотъ клеймовать, да двѣ лѣбри паперу на тамошный дворовый росходъ.

8. Посланы писма въ домъ до жены и до Каврайского зъ старостою о бѣжавшомъ паробку Іліи, о которомъ приложено писмо-жъ и до Григорія Бороздны въ Ярцевъ. Староста товкачовскій Паленскій отехалъ зъ Глухова обратно, которому на покупку подездковъ даны 30 р., и чрезъ него-жъ писалъ сотникъ полковый Стефанъ Лукомскій о дачи козака, когда востребуетъ.

9. Подскарбій енералный Константинъ Федоровичъ Ушаковъ простился со мною, отежджая въ Москву. Наметнику, которій зъ парусного полотна дѣлаетъ наметъ намъ, дано на тясму 1 р. 50 к., кромѣ прежде данного ему-жъ рубля денегъ.

10. Обѣдали у мене Андрей Думитрашко и Григорій Іваненко, бунчуковые товарищи, зъ сотникомъ мглинскимъ Лисаневичемъ, и зрана былъ у мене-жъ государыни пѣвчій Гаврило Матвіевичъ Головня, который у попадѣ Мойсѣевой засваталъ дочь. По обѣдѣ ездилъ къ Федору Савичу для посѣщенія въ его болѣзни, а отоль заездилъ къ капитану Бреклингу. Писма къ Москвѣ писанные до г. Новоторжцова 2, одно подъ 6, другое подъ 12 числами, зъ включеніемъ въ последнемъ табакерки и 15 червонцовъ, до Петра Лисаневича подъ 6, до п. Скурупны подъ 8 числами, запечатаны въ одинъ пакетъ, надписанный на имя Якова Марковича, зъ писмомъ къ нему-жъ, подъ датою 5 сего жъ мѣсяця, да особое писмо до отца Симона Тодорского, подъ числомъ 2-мъ и оные всѣ писма

11. Вручилъ пѣвчому вышеупомянутому Гаврилу Матвіевичу, который, за прибытіемъ своимъ въ Москву, обѣщалъ вручить въ цѣлости г. Марковичу. Сего числа ночю бѣжалъ кухаръ. За позументу золотого 5 цѣвокъ и полтретя золотника заплачено 7 р. 4 к., за 9 тертицъ 72 к., за роботу трохъ шапокъ 30 к. Писалъ писмо къ п. Скоропадскому чрезъ дядку дѣтского Івана Павлова.

12. Писаны писма къ женѣ и до старости зъ Каврайскимъ о домовыхъ дѣлахъ, да до Самоцвѣта о Антонію Ботарскомъ. Получилъ писмо и 2 календари Дунчевского отъ полковника полтавского г. Кочубея, чрезъ старосту его ярославского.

13. Оные писанные въ домъ писма и при томъ помянутій купленный золотій позументъ, тако-жъ писмо до Івана Гамаліи въ

Юдиновъ зъ включенными въ немъ оперою и феерверкомъ, при коронаціи въ Москвѣ отправованными, посланы чрезъ Антонія Ботарского, сего числа по обѣдѣ отехавшого. Дана дѣлатись шапка среброглавая для жены шапочнику Семену. Павлу Дембовскому чрезъ хлопця его посланы 30 к. Получилъ писмо отъ старости зъ дому и при ономъ прислано гусей 10, курей 30, цибулѣ и меду.

14. За роботу кунтуша красного суконного и канавацовой черкески, подшитой сѣбѣрками, кравцю Недѣлченку 90 к. даны. Писалъ къ женѣ и къ старостѣ о домовыхъ дѣлахъ и послано чрезъ Юденка шесть кожицъ баранихъ и плахта, да писалъ же до писаря судового стародубовского Косача о требуемыхъ теперь повторе на летные мѣсяца 60 порціяхъ и о протчемъ.

15. Обѣдали у мене архимандритъ новгородскій Варнава, ігуменъ глуховскій Никифоръ Грибовскій, ігуменъ рябцевскій Товія Сморжевскій, соборный печерскій Варнава Старицкій и другіе отъ духовного чина и сидѣли до позна, а ввечеру у мене-жъ были бунчучный Оболонскій и совѣтникъ Безобразовъ.

16. Золотаръ Албрихъ принесъ 6 ложокъ здѣланныхъ и 6 кубковъ Александра Корецкого вызолоченыхъ; отъ ложокъ-же дано ему за роботу 2 р. 84 к., а отъ кубковъ 1 р. 35 к., да еще ему-жъ дано срѣбра робить ложку болшую столовую и нашого срѣбра далось 33 золотника, а решту свою онъ приложить имѣетъ. Табакерку малую янтаровую до оправи въ срѣбро зъ шернеромъ и печать железную на вибиванье цѣны вирѣзать, что все здѣлать онъ отъ сего числа за двѣ недѣлѣ обѣщалъ.

17. Обѣдали у мене всѣ мірскіе персоны коммисіи перевода и свода книгъ правныхъ и до вечера просидѣли, зъ между которыхъ, ради домашной необходимой нужды, отпущенъ въ домъ свой 15 ноеврія—бурмистръ чернѣговскій Стефанъ Россовскій.

18. За цегли паленой и непаленой 460 заплачено 1 р. 18 к. Взято у Пуховича матеріи срѣброглавой полъ-локтя до кунтуша красного за 2 р.; да у другой крамарки мамсу для Грицка Дмитренка за 90 к. Посланъ Грицко зъ подводами и теслями въ Кочерги.

19. Прибылъ зъ Москви судія енералный Якимъ Горленко.

20. Въ 10-мъ часу предъ полуднемъ прибыла въ Глуховъ госпожа Розумовская, Алексія Григоріевича матушка, для которой

пріезду былъ у генерала публичной обѣдъ, где и мы зъ протчими обѣдали. Сего-жъ числа прибыли десять подводъ зъ разными запасами.

21. Господинъ генералъ Бибиковъ зъ госпожею Розумовскою былъ воспріемникомъ сину бунчучного енералного г. Оболонского Демяну отъ крещенія, и для того у него-жъ бунчучного былъ крестинный столъ и гуляли даже до вечера, а ввечеру провожали госпожу Розумовскую на ся квартеру, где доволно отъ сотника глуховского трактованы, потомъ былъ и у писара енералного г. Безбородка и уже позно пріехалъ въ домъ шуменъ.

22. Ради вчорашного шумства не віездилъ зъ дому никуда, а госпожа Розумовская, отобѣдавъ у сотника глуховского, отехала зъ Глухова въ путь свой, а мимоездомъ была у асаула енералного господина Якубовича; съ нею въ асистенціи отехали полковникъ кіевскій Михайло Танскій и братъ его Іосифъ, да полковника нѣжинского Божича синъ и Афендикъ, тако-жъ обозный полковый кіевскій Алексій Подвисоцкій и протчіе.

23. Привезенъ зъ Городища нѣкоторій домовый запасъ и чрезъ того-жъ подводчика писалъ къ женѣ и до Федора Ширая, зъ прилогомъ писемъ зъ Москви полученныхъ отъ Павла Скорупы, тако-жъ и до старости въ Перегонъ. Писалъ къ полковнику полтавскому г. Кочубею, противъ его ко мнѣ писма.

24. Золотарю Матяшу за зроблене креста до церкви городиской данъ 1 р. Писалъ къ Якову Марковичу въ Москву, зъ посилкою пакета на имя г. брегадира Федора Стефановича Вишневского, зъ писмомъ къ нему-жъ, отъ 23 сего теченія надписанного, и зъ включенными въ ономъ отъ Івана Гамаліи 4 писмами.

25. Отправлены въ домъ мой два компанѣйци надворной корогвы и чрезъ оныхъ писма до жены и до старости перегонского. По писму старости товкачовского Іліи Паленского о насланной туда горѣлцѣ для шинку зъ дому судіи енералного Горленка, писалъ къ нему судіи Горленку, зъ сообщеніемъ копіи писма старостиного, а къ старостѣ о томъ-же и о футорѣ продажномъ Данила Савина. Писалъ и къ Максиму Турковскому стороны 300 балясъ, подряженныхъ въ Мглинцинѣ дѣлать до будинку нашего въ Городище. Грицку на крашенину, на сѣрякъ и полотно дано 96 к. Вечеромъ былъ у асаула енералного Якубовича.

26. Писалъ къ старостѣ товкачовскому противъ его писма, чрезъ подводчиковъ присланного, и квіты индуктарскіе отъ его-жъ присланные къ нему обратно включены. Получилъ писмо отъ полковника полтавского чрезъ писаря его полкового Руповского. Обѣдалъ у асаула енералного г. Якубовича зъ полковникомъ Челищевымъ и женою его, зъ Валкевичемъ и Федоромъ Чуйкевичемъ; а по обѣдѣ пріехали туда-жъ бунчучный Оболонскій зъ тещею своею Родзянкиною и зъ дочкою еи, що за Лазоровичемъ; ввечеру-же прибыли туда-же посланные для дѣланія межи между Великою и Малою Россіею, Василій Силичъ Поляковъ и секретарь той-же коммисіи князь зъ грузиновъ.

27. Былъ у мене сотникъ волинскій Василій Максимовичъ и войтъ новгородскій зъ мѣщанами тамошными, прибывшими сюда просить о виключеніи города ихъ отъ вѣдомства коммисіи економіи. Подводы товкачовскіе отпущены и чрезъ оные послано до старости писмо.

28. Писано писмо до полковника лубенского Апостола о Василю Григоровичу, бывшему писару лохвицкому, въ обидахъ ему отъ сотника тамошнего дѣючихся. Прибыли зъ Москвы въ Глуховъ обозный полковый черніговскій Мулявка и сотникъ яготинскій Филипъ Купчинскій.

29. Прибылъ въ Глуховъ подскарбій енералный г. Скоропадскій, поворотясь зъ Хомутця. Пришли подводы зъ нѣкоторыми харчевыми вещми зъ Городища, при которыхъ привезена и господиня Ганна зъ двома дочками, нанятая на годъ за 2 р. 50 к. зъ нашею одежою; и чрезъ тые-жъ подводы писано до Каврайского о домовыхъ дѣлахъ.

30. Гончару, которій дѣлалъ печь въ лазнѣ и передѣловалъ въ свѣтлицѣ и въ людской, дано 80 к.

31. На викупъ кухаревого кожуха въ Есманѣ дано 62 к. Кравцю за позументъ 50 к. За греблю 15 к. Обѣдалъ у мене асаулъ полковый нѣжинскій Андрей Володковскій.

Ноеврій.

1. Писма мои до Якова Марковича въ Москву и до брегадира Федора Стефановича Вишневского вручены для пересылки Роману Яненку, індуктару глуховскому.

2. Онъ-же Ханенко прислалъ писмо до індуктара написанное, чтобъ отъ горѣлки нашей по ярмаркамъ не брано индукты. Обѣдали у мене сотникъ лохвицкій Василій Стефановичъ и мглинскій Василь Лисаневичъ. Іосифъ, отца Івана синъ, за его проступство наказанъ. Пришла вѣдомость въ Глуховъ, что ясневелможная госпожа гетманша Іуліана Іскрицковна Апостолова прошлого октоврія 29 пополуночи въ 3 часу преставилась въ Хомутцѣ.

3. Маляру Петру Свидѣрскому въ отроботокъ позиченъ 1 р. Пришло въ Глуховъ извѣстіе, что полковникова полтавская Василіева Кочубеева Марфа Івановна преставилась октоврія 29 съ дѣторожденія.

4. Получилъ писма зъ Москви отъ Андрея Горленка. Началъ писецъ гадяцкого полку переписовать книгу Розговоровъ въ царствіи мертвыхъ Кароля 12, короля шведского, зъ герцогомъ голштейнъ готторпскимъ Фридрихомъ.

5. Писару енералному Безбородку и старшому канцеляристѣ Холодовичу отказано отъ правленія дѣлъ канцелярскихъ, а поручено править писару полковому полтавскому Руповскому [204]).

6. Жена пріехала въ Глуховъ.

7. Рано бувъ у писара енералного Безбородка и слушали обѣднѣ въ церквѣ святыхъ Анастасій. Обѣдалъ въ домѣ.

8. Отправлены конѣ одны зъ Грицкомъ въ Товкачовку и теслѣ туда-жъ отпущены, другіе зъ Лескомъ въ Перегонъ, при писмѣ до Каврайского. Былъ публичный столъ у подскарбія енералного г. Скоропадского [205]), при которомъ кушали генералъ и протчіе господа великороссійскіе и малороссійскіе, въ томъ числѣ и я, и були шумны. Жена заболѣла на голову.

9. Ради шумства вчорашного весь день пробылъ въ домѣ.

10. Первый разъ былъ въ коммисіи, переведенной въ домъ гетманскій, и обѣдалъ у мене п. Савицкій. Кровь пущала жена банками.

11. Послалъ при писмѣ до Александра Корецкого кубковъ его визолоченныхъ 6 и печатку чрезъ Петра, старосту п. Федора Корецкого, за которыхъ позолоту заплачено 1 р. 35 к. Подано

---

[204]) Вслѣдствіе доноса яготинскаго сотника Купчинскаго.

[205]) По случаю смерти гетманши Апостоловой, тещи Скоропадскаго.

доношеніе енералу о забранныхъ Зарѣцкимъ, слугою Зубковского, 13 лошадяхъ. Обѣдали у насъ писаръ суда енералного Пиковецъ зъ женою своею и Федоръ Чуйкевичъ; а потомъ была и судіина енералная Лисенкова.

12. Писалъ въ Москву къ Якову Марковичу, къ Андрею Горленку и до п. Скорупны, и оные писма отпущены чрезъ маіора гварнѣзону глуховского Якова Любимовича Полянского, къ Москвѣ отправившогося.

13. Енералъ зъ протчими господами велико и малороссійскими, въ томъ числѣ и я, кушали у судіи енералного г. Лисенка и до вечера гуляли.

14. Обѣдалъ у мене Стефанъ Савіцкій, а вечерялъ Василь Стефановичъ, сотникъ лохвицкій.

15. Вечеромъ посѣщали жену мою болную енералного писаря Безбородка и асаула Якубовича жены, а при томъ-же посѣщалъ и подскарбій енералный г. Скоропадскій.

16. Послѣ полдня былъ я у г. Скоропадского и тамъ перве зъ нимъ однымъ, а потомъ и зъ Валкевичемъ доволный розговоръ имѣлъ о дѣлѣ взглядомъ роздѣлу о Рубановскихъ добрахъ.

17. Сего числа рано прибылъ изъ Москви гвардіи преображенского полку поручникъ Іванъ Шубинъ зъ указомъ изъ сената и зъ печатными манѣфестами и присягами о учиненномъ ея імператорского величества опредѣленіи наслѣдникомъ россійского престола его королевского высочества государя Петра, владѣлного герцога Шлезвизъ-Голштейнского, сына ея імператорского высочества, государыни цесаревны Анны Петровны, сестрицы ея імператорского величества; и потому, по отправленной въ соборѣ литургіи, была оныхъ указу и манѣфесту публикація, которые читалъ за писаря енералного управляющый писаръ полтавскій Андрей Руновскій. Послѣ отправованъ благодарственный молебень при трекратной изъ 51 пушки и гварнѣзонного глуховского полку бѣглымъ огнемъ палбѣ, а по молебствіи въ той-же церквѣ, по формѣ оной печатной присяги, учинили присягу на содержаніе оного ея імператорского величества опредѣленія въ наслѣдники высокоупомянутого ея величества племянника, его імператорского высочества государя Петра Федоровича. Потомъ были у генерала, токмо не обѣдали, а по обѣдѣ въ 5 часу пополудни, какъ сехались всѣ велико и малорос-

сійскіе господа къ генералу, то былъ банкетъ и много пили при многократной пушечной палбѣ даже до полуночи.

18. Ради вчорашного шумства не віездилъ я зъ дому весь день; присиланный-же ко мнѣ приговоръ, отъ енералной старшины зъ бунчуковими учиненный, о дачи прибывшому изъ Москви помянутому гвардіи поруччику Шубину тисячи рублей, и я закрѣпилъ. Сотникъ полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій зъ женою своею были у насъ для посѣщенія болной жены моей и у насъ-же обѣдали.

20. Прибылъ въ Глуховъ генералъ-маіоръ Даревскій и обѣдалъ у генерала Бибикова. Отправлено въ домъ писмо козакомъ глуховскимъ въ Шатрищи, а оттоль тамошнымъ о романисѣ водцѣ.

21. Обѣдали у мене Федоръ Чуйкевичъ и сотники полковъ стародубовского, мглинскій Лисаневичъ, чернѣговского Бѣлоускій Малинскій. Рано подана генералу челобитная стороны дѣла зъ Соколовскимъ. Надвечери прибыли зъ Товкачовки Качановскій и Грицко, приведшые 3 коней нашыхъ, и привезли разного збору денегъ 82 р.

22. Писаны разные писма: 1—въ домъ къ старостѣ и къ Кавpайскому, о всякихъ домовыхъ дѣлахъ; 2—въ Лотоки до Федора Пригари, зъ сообщеніемъ поданного намъ доношенія отъ тамошного слюсара нашого Савки о пропаломъ купленномъ его конѣ, чтобъ розискалъ; 3—до Афанаса Сковпня, стороны пограбленныхъ у него ляхами 13 коней; 4—до полковника стародубовского Максимовича о томъ-же дѣлѣ, чтобъ нарочного послалъ за границю къ шляхтичу Яну Зубковскому зъ енералскимъ писмомъ, о томъ къ нему писаннымъ, о чемъ ему полковнику и указомъ зъ енералной канцеляріи предложено; 5—до писаря судового Косача стороны расположенія чиненного на прошлые лѣтные мѣсяци порцій, а теперь на вінтерквартеру порцій и рацій чинитись имѣючого; 6—до намѣстника чолнскаго монастыря, Варлаама Уманця, о позволеніи дрова возить зъ пущи монастырской.

23. Зъ оными въ домъ и до намѣстника чолнского надлежащими писмами отправленъ Василь Мовчаненко, а въ Лотоки мужикъ слободы Імшицкой, пріездившый сюда нарочно. Вчорашного числа іродіаконъ монастыря новгородского Серапіонъ Годунъ, по писму ко мнѣ отъ намѣстника тамошнего Авксентія, отобралъ надлежащые Стефану Жолдаку муровщику, который дѣлалъ въ Горо-

лице комены, денги осталные 2 р., самъ-же онъ Жолдакъ передъ симъ забралъ 7 р. Писалъ къ старостѣ товкачовскому Паленскому, что привезены денги 82 р. и чтобъ Качановскому нѣкоторого огородця пустовского и кунтуша не боронилъ и ему-жъ бы далъ жита полусмакъ, ячменя и гречки по четверику, да отцу Івану, брату, отправилъ-бы всякой пашнѣ двѣ подводы, по первомъ зимномъ пути. Закрѣпили въ коммисіи доношеніе объ отпуску сотника полкового прилуцкого въ домъ до сроку прійдучого праздника Богоявленія Господня.

24. Вручены писма до полковника стародубовского Максимовича, зъ указомъ и писмомъ до Яна Зубковского о пограбленныхъ Зарѣцкимъ у Сковпня 13 коняхъ, до писаря судового Косача о расположеніи порцій и рацій, и до войта стародубовского Коменка о покупки вина лагонского бочки. За двигармистра заплачено кравцю Якубовичевому 1 р. 50 к. Полковникъ нѣжинскій Божичъ пріехалъ зъ Москви и енералъ-маіоръ Стояновъ.

25. Ради праздненства возшествія ея імператорского величества на престолъ, по службѣ Божой было благодарственное молебствіе при трократной изъ 51 пушки и отъ гварнѣзонного солдацкого полку и козаковъ бѣглымъ огнемъ палбѣ; а потомъ у генерала былъ публичный столъ и банкетъ при пушечной палбѣ. Играли въ лоть, почему я и проигралъ одинъ рубъ.

26. Присланъ указъ изъ суда енералного по дѣлу Соколовского, почему первей былъ я въ судѣ енералномъ, потомъ у генерала и представлялъ, что оное дѣло должно быть разсмотрено въ войсковой енералной канцеляріи.

27. Привезены де-которые вещи зъ дому и писма зъ объявленіемъ о домашнемъ поведеніи и о протчемъ. Жена була рано въ монастырѣ, а потомъ у бригадирши Іллѣной.

28. Рано была жена у генералши, потомъ обое были у бунчучного, а обѣдали у писаря суда енералного Івана Піковця; а по обѣдѣ были у насъ молодые пп. Скоропадскій зъ учителемъ Юнгансомъ. Полковникъ Божичъ отехалъ. Писалъ въ домъ о разныхъ домовыхъ дѣлахъ и до Андрея Миклашевского о утекшомъ служителю передъ симъ, а ныне въ домѣ его обрѣтаючомся Іллѣ; якое писмо, такожъ и отъ Максима Чернявского писмо до попа Алексія Хелкидоцкого, включено отъ мене въ писмо до писаря судового Косача.

29. Оные писма въ домъ чрезъ Іосифа Булахова, а въ Стародубъ чрезъ сторожа полкового отправлены.

30. По службѣ Божой въ церквѣ соборной читано описаніе печатное той церемоніи, якая была сего ноября 7 дня въ Москвѣ въ придворной імператорской церквѣ при публѣкаціи манѣфеста о опредѣленіи наслѣдникомъ россійского престола его імператорского высочества, великого князя государя Петра Ѳеодоровича и при воспріятіи-жъ его высочествомъ благочестивія греко-россійскія вѣры, потомъ было молебствіе, ради дня кавалеровъ святого Андрея, апостола первозванного.

Декабрь.

1. Прибыли зъ дому зъ писмами и обратно отправленъ подводчикъ зъ писмами-же, чрезъ которого и лѣбра паперу послана. Жена ездила до асаулши енералной Якубовичевой и тамъ долго забавилась.

2. Рано повернулъся Іванъ Кравець зъ Новгородка и привезъ мало купленной рыбы. По обѣдѣ посѣщалъ я господина Безобразова, а потомъ былъ въ судѣ енералномъ и крайную сентенцію обявили въ дѣлѣ Бергеровомъ зъ Козляницею. Полковникъ полтавскій пріездилъ въ Глуховъ.

3. Пришолъ указъ зъ сената о бытіи бригадиру Іллѣну первымъ членомъ въ судѣ енералномъ, да по немъ Безобразову и Алексію Федоровичу Семенову, а Постелникову подскарбіемъ енералнымъ.

4. Получилъ писмо зъ Москвы отъ Скорупцы и къ отцу его другое, которое при своемъ писмѣ до его и отправилъ въ Стародубъ. Посѣщалъ я полковника полтавского на его квартерѣ.

5. Рано просилъ енерала и протчихъ господъ велико и малороссійскихъ на завтрешный день кушать у мене ради моего-жъ тезоименитства. Привезено рибы зъ Новгородка купленной, а зъ Клевенѣ отъ Федора Мануйловича въ даръ присланной, небольшое число.

6. Коло обѣдень привезено зъ Стародуба вина бочку лагонского, войтомъ Коменкомъ за 38 р. купленную. По набоженствѣ кушали у мене генералъ зъ генералшою, брегадиръ Іллѣнъ, полковникъ Челищевъ зъ женами да полковникъ Тютчевъ и протчіе великороссійскіе и наши, и до позна ночь забавлялись.

7. Отпущены подводы въ домъ, чрезъ которые и писма посланы до Григорія Скорупцы отъ сина его Павла и отъ мене, до

войта Коменка о винѣ и пенцѣ, да до старости и до Каврайского о домовыхъ дѣлахъ. Банкетъ былъ у брегадира Іллина, но я на ономъ не былъ за вчорашнымъ шумствомъ.

8. Получилъ писмо зъ Москви отъ учителя его імператорского высочества, отца Симона Тодорскаго. Взяли у Мандзенка для панеи штофу 15 локотъ по 1 р. 20 к., да сукна 5 локотъ по 58 копѣекъ, итого на 20 р. 90 к.

9. Кушалъ у мене сотникъ минскій Лисаневичъ, а вечеромъ былъ у мене-жъ зъ Шептаковъ Фіалковскій. Прибылъ отъ Федора Ширая служитель зъ писмомъ ко мнѣ и зъ доношеніемъ въ енералную канцелярію, чтобъ ему не ехать въ Глуховъ.

10. Отданъ указъ зъ суда енералного, писанный подъ числомъ сего теченія 8-мъ, до Івановой Миклашевской и до сина еи Павла, о отдачѣ женѣ моей 200 рублей за материзну и 12 р. за убытки надлежащыхъ.

11. Писаны писма въ Москву до Якова Марковича, до Павла Скорупы зъ сообщеніемъ писма отъ Федора Корецкого, до архимандрита богоявленского монастыря Герасима о покупки разной посуды оловяной и мѣдной, да до отца Симона Тодорского, учителя великого князя Петра Феодоровича, и оные вручены Тодорскому сотнику для подачи въ Москву, кому надлежитъ, по подписямъ. Писалъ къ писарю судовому Косачу сторони колодника Сидора Мантулника, содержачогося въ секвестрѣ стародубовскомъ.

12. Оный сотникъ Тодорскій отехалъ къ Москвѣ. Данъ інстанціалный листъ до полковника нѣжинского Божича за канцеляристомъ войсковымъ Іваномъ Михайловскимъ о опредѣленіи его въ писари судовые. За попа Алексія Халкидоцкого, что онъ взялъ у Максима Чернявского хомутъ, заплачено ему 1 р. 10 к.

13. Призиванъ въ судъ енералный по дѣлу Соколовского и тамъ пересмотровалъ дѣла и много зъ судіями и зъ самимъ тимъ клеветникомъ имѣлъ розговоръ.

14. Прислана копія челобитной Соколовского и опредѣленіе въ судѣ енералномъ состоявшоеся, чтобъ мнѣ безъ сроку 7 дней по формѣ суда слушать улики его и говорить оправданіе, противъ чего для отвѣтствія сискалъ я повѣренного Ілію Квитницкого.

15. О окончаніи перевода и свода книгъ правныхъ. такожъ о отпускѣ на праздникъ коммисіалныхъ персонъ, подано генералу

доношеніе. Отписалъ къ Федору Шираю, что ему до праздника въ Глуховъ пріездить не надобно, а на якое-жъ число ему показано будетъ пріездить, о томъ къ нему пришлется указъ, и зъ тимъ писмомъ отпущеному слугѣ его даны 10 к., да сторожу Алексіевѣ на его нужды 20 к.

16. Чиненъ порахунокъ (разсчетъ) зъ сидѣлцами въ коморахъ нашихъ и по порахунку взяли у нихъ доплатки (кромѣ Павломъ Скорупною забранныхъ) 26 р. 72 к. Подана челобитная по дѣлу клеветномъ на мене отъ Соколовского.

17. Былъ въ судѣ енералномъ и подписали приговоръ въ дѣлѣ нѣмца Геера зъ Козляницею, а ввечерѣ слушали дѣла-жъ Демченковъ. Писано писмо до сотника золотоношского зъ пріобщеніемъ писемъ, отъ Каврайского присланныхъ.

18. Каѳанъ новый атласовый красный пошитъ, за которого пошите и за кунтуша женниного дано 1 р. 35 к. По службѣ Божой было благодарственное молебствіе ради рожденія ея імператорского величества при пушечной палбѣ зъ 51 пушки и бѣглымъ огнемъ отъ гварнізонного полку и отъ козаковъ сотнѣ глуховской при трократномъ залпѣ, потомъ былъ банкетъ у генерала и до позна доволно гуляли.

19. Заплачено за роботу ложки и табакерки нѣмцу Албриху 4 р. Посѣщали насъ въ вечеру писарь и бунчуковый енералные, да панів судіини Лисенкова, асаулина Якубовичева и бунчучная Оболонская, а потомъ полковниця Тютчева и писарка судовая Пиковцева. Попу стародубовскому старо-николаевскому Стефану Злотникову позичены 10 р. Писано къ сотнику лохвицкому, чтобъ Тимофію Логвинову позволилъ на нашомъ плацу строитись.

20. Полковникъ полтавскій г. Кочубей и ігуменъ петропавловскій Никифоръ Грибовскій были у мене зрана и полковнику-жъ позычены 3 р., книги Уложенье Воинскихъ Уставовъ и книга печатныхъ указовъ, и отданы опять. Вечеромъ пришли зъ дому конѣ зъ поездомъ зимнымъ. Отданъ хлопецъ Василь Шаповалъ на пять лѣтъ слюсару глуховскому Степану Борисову Почепцю, который для роботи ему своей поступилъ въ одномъ году суботу; намъ-же давать-бы ему хлопцю чрезъ всѣ годы одежу. Просилъ позволенія у генерала отехать въ домъ на праздникъ и вечеромъ былъ у г. Скоропадского, а зъ женою былъ у писаря енералного Безбородка.

21. Дѣло Демченковъ зъ Стефаномъ Миклашевскимъ рѣшили. Я отклонился генералу и зъ другими простился при отездѣ, а для отвѣту противъ Соколовского оставилъ повѣренного Ілію Квитницкого, которому и всѣ документы отдалъ, да ему-жъ даны ad interim 2 р. Въ 4-мъ часу пополудни віехалъ зъ Глухова и прибылъ до Шатрищъ въ 9-мъ и тутъ ночовалъ у Лукашевича.

22. Рано поехавши прибыли въ Мехедовку, где у Богуславского пообѣдавъ и попасъ коней, потомъ поехавъ прибыли въ Городище въ 10 часу по полдни.

23. Отослалъ указъ къ Федору Шираю зъ енералной канцеляріи, да писалъ до Курковичъ къ Роману, чтобъ горѣлку поспѣшно и добрую робыли.

24. Посвящали хоромы заднѣе, двѣ свѣтлицы, салю, сѣнцѣ и кладовую, а по обѣднѣ, позно уже отправленной, святый сегоденный вечеръ целебровали токмо зъ своими домашними.

25. Въ сей Рождества Господня день по всенощномъ и утренномъ пѣніи, такожъ по службѣ Божой, были у насъ священники зъ церковниками съ поздравленіемъ праздникомъ, и отецъ Михайло зъ нами обѣдъ купалъ, а по обѣдѣ былъ-же у насъ сотникъ бакланскій Василь Косачъ и долго посидѣвъ, отехалъ уже позно.

26. Войты всѣхъ селъ зъ громадами приходили къ намъ зъ поздравленіемъ праздникомъ, такожъ суворовскій прикажчикъ Самойло Семеновъ Поповичъ, которій и писмо принесъ зъ Глухова отъ г. Скоропадского, въ дѣлѣ ихъ суворовцевъ о грунта заводномъ.

27. Учинена росплатка зъ москалемъ Митрофаномъ Ісаевымъ, которому дано было прежде 2 р. денегъ, чвертку жита и 2 четверички крупъ, а теперь еще доплачено 6 р., двѣ чвертки жита, четверичокъ крупъ, 40 квартъ горѣлки, осьмъ квартъ олію, три безмѣна сала, 16 фунтовъ солы; сдѣлалъ-же онъ намъ дубовыхъ дверей 8 одинакихъ и двойныхъ, а одни липовые, да еще взялъ одны дѣлать двери дубовые простые, да поднялся здѣлать столикъ дубовый-же.

28. Отехали до Козелца племѣнники Іосифъ и Михайло, чрезъ которыхъ писалъ до обозного полкового кіевского Федора Ханенка, дядка, и до отца Іоанна, брата, да и пашпортъ имъ-же на проездъ далъ, а взяли они зъ собою коня сивого, одѣгало старое и санѣ лубяные да 50 копѣекъ.

29. Писалъ въ Глуховъ до г. Скоропадского и до Іліи Квитницкого, повѣренного, чрезъ Грицка, которого зъ 6 подводами туда-жъ до Глухова для возки сѣна и дровъ отправлено, и даны ему на дорогу 20 к.

30. Зрана прибылъ до насъ Федоръ Ширай, а потомъ Федоръ Корецкій зъ своею женою и обѣдали у насъ; вечеромъ-же Ширай отехалъ обратно въ домъ свой, а Корецкій у насъ и ночовалъ.

31. Прибылъ къ намъ-же и попъ Алексій Хелкидоцкій, чрезъ которого дана карта до Гришки Литвяка о прибытіи его къ намъ въ Городище; по обѣдѣ-же Корецкій и оный попъ отъ насъ отехали, а Кочержинскій у насъ вечерялъ и ночовалъ.

1743 годъ.

Мѣсяцъ генварь.

1. Получилъ писма отъ Максима Турковского стороны балясъ и отъ сотника тамошнего Лисаневича, зъ обсилкою птицами и зайцами, да отъ себе писалъ въ Лотоки къ Федору Пригарѣ о слюсару Савцѣ, взглядомъ пропалого коня его и чтобъ купилъ для насъ меду пудъ зъ десять, и до Сковиня, чтобъ присилалъ всячину въ здешный дворъ. Писалъ къ обозному полковому стародубовскому Юркевичу, поздравляючи и его новымъ годомъ и требуючи объ отпускѣ якого слюсара къ намъ для приправы замковъ до дверей.

2. Писалъ къ Івану Бороздне въ Медведовъ о присилки Микиты скляра для доконченя роботы имъ зачатой, до свято-михайловского священника Димитрія Зубрицкого, чтобъ представлялъ Івановой Міклашевской и сину еи Павлу о заплатѣ должныхъ женѣ моей 212 рублей денегъ. Зъ Стефаномъ Кочержинскимъ роздѣлка учинена въ долгу, отъ него намъ надлежащомъ, въ 10 р. 30 к., за которій приняли у него жита 6½ осмачки, а ему облигъ отдали. Зборщикамъ прошлого 1742 году за сентябрскую треть показанщина отъ двохъ василювскихъ, да отъ двохъ городискихъ казановъ 4 р. заплачена и квитанція у нихъ взята.

3. Ездилъ въ Гриневъ до Федора Ширая, где купно зъ Григоріемъ Скорупною и женою его, зъ Василемъ Завадовскимъ молодымъ, зъ молодымъ Скорупною, Павломъ, и Іваномъ Малішевскимъ,

обѣдали и весь день пробавили; а въ вечеру туда-жъ прибыли маіоръ Іванъ Василіевъ Труновъ и капитанъ Шараповъ зъ женою своею, и я зъ Павломъ Скоруппою отехалъ въ Городище.

4. Онъ же обѣдалъ у мене, а по обѣдѣ отехалъ, а потомъ прибыли до насъ въ Городище Григорій Скоруппа зъ женою и обозный полковый Юркевичъ и у насъ ночовали.

5. Рано оные гостѣ отехали. Куплены двѣ шкури чиненные, яловичая и шканиная (лошадиная), за которые даны 2 р. 55 к. Семенъ Тищенко, значный мѣщанинъ стародубовскій, преставилъся въ Стародубѣ.

6. Передъ службою Божіею прибылъ къ намъ въ Городище Григорій Гамалѣя холопецкій (изъ с. Холопца) зъ женою и зъ нами жъ обще были на набоженствѣ, а по обѣдѣ мало позабавившись, отехали. Сего жъ числа зъ Петромъ Романовымъ, который мешкаетъ въ дворѣ нашемъ стародубовскомъ, противъ важницѣ, рощотъ здѣланъ за два 1741 и 1742 годы, за наемъ двора, и дана ему квѣтанція. Ему жъ дано 2 р. 10 к. на покупку двохъ пудъ лою.

7. Былъ у насъ изъ Стародуба Антонъ Донъ и оттоль, тако жъ зъ Глухова получены писма отъ Андрея Лышня съ извѣстіемъ, что указомъ сенатскимъ повелѣно раздѣленные передъ симъ сотни совокупить [206]) и что зятя Лисенкового Кузмѣнского пожаловано сотникомъ менскимъ.

8. Пріездилъ къ намъ въ Городище войтъ стародубовскій Антонъ Коменокъ и отобѣдавъ зъ нами, учиненъ договоръ на пенку безъ браку по 7 р. берковецъ.

9. Рано синъ Василь ездилъ въ Борщевъ до Григоріевой Гамаліиной, а я по обѣдѣ до Чаусъ ездилъ же и, прибывъ въ домъ, засталъ тутъ старого отца Іоанна Святодуховского стародубовского и сина его-жъ Іоанна-жъ діакона Подолскихъ.

10 Писалъ писма къ преосвященному епископу чернѣговскому Амвросію Дубневичу: 1—зъ поздравленіемъ нового года и воспріятіемъ престола, 2—за оными отцемъ и синомъ Подолскими, зъ

---

[206]) Это распоряженіе было сдѣлано вслѣдствіе доноса Купчинскаго, который обвинялъ Безбородка, что послѣдній, желая увеличить число сотничьихъ урядовъ, за замѣщеніе которыхъ онъ будто-бы бралъ взятки,—убѣдилъ Румянцева (А. И.) подѣлить нѣкоторыя сотни пополамъ.

инстанціею о неоставленіи ихъ въ нуждахъ ихъ, которые писма имъ и вручены, и они-жъ отехали.

11. Послѣ полдня отехалъ я къ Курковичамъ и въ Андрейковичахъ у вдовы Івановой Хромченковой ночовалъ, где и зятя еи Потапа Богинского засталъ.

12. Прибылъ рано въ Курковичи и отобѣдавъ, ездилъ на футоръ свой, где заводъ винничный. Вечеромъ были у мене отецъ протопопъ погарскій Петръ Кибалчицъ и нашъ городискій священникъ отецъ Михайло, едучій въ Чернѣговъ, потомъ—Мойсей и Іванъ Ломаки.

13. Дякъ бывшій курковскій Федоръ Карповъ затиралъ горѣлку въ нашемъ винничномъ заводѣ. Писаны писма въ Глуховъ къ г. Скоропадскому, г. ассесору Динисову, къ Андрею Липню и Іліи Квитницкому, которые посланы въ Новгородокъ чрезъ козака курковского Артема Стукаленка при писмѣ къ сотнику, чтобъ оттоль нарочнымъ отправилъ до Глухова.

14. Припровадилъ къ заводу нашему курковскому Ужасъ Усикъ, житель семіоновскій, винника Клима Гаврилова, сосѣда Швеева зъ Семіоновки, которого умовили на нашой харчи по 8 к. отъ стану.

15. Віехавъ рано зъ Курковичъ, попасовалъ коней въ Кистрѣ у Семенихи Аршуковой и тамъ-же кушалъ, а потомъ въ превеликую метелицю прибылъ до Городища.

16. Понеже службы въ Городищѣ у насъ не было, то ездилъ я зъ Василкомъ до Борщова и тамъ отобѣдалъ у Григоревой Гамаліиной, купно зъ Павломъ Миклашевскимъ, который и денегъ 100 р., женѣ моей надлежащихъ, отдалъ мнѣ тамъ-же; оттоль прибывши, засталъ въ Городищѣ въ домѣ нашемъ сотника погарского Соболевского зъ женою, войта и писара Турка и Барлуя, пріездившихъ къ намъ зъ поздравленіемъ нового году.

17. На писмо панеи бунчучной Галецкой писалъ отвѣтъ сторони здохлой заграбленной клячи, да до обозного и асаула полковыхъ полку часникового о присилки 4 компанѣйцовъ въ мое владѣніе для полученія здесь порцій и рацій послалъ писмо чрезъ комисара полкового стародубовского Семена Круковского [207]).

---

[207]) Компанейскій полкъ Часныка стоялъ въ это время квартирами въ Стародубщинѣ.

18. Писалъ въ Лотоки къ Афанасу Сковиню о присилки пенки, дегтю и всего того, о чемъ прежде къ нему-жъ писано, да послана вѣдомость, сколко оттоль за порціи ежемѣсячно денгами платитись надлежитъ. Сего числа, будучому мнѣ рано у Перегонѣ, приключилась жестокая болѣзнь въ попереку и ледво оттоль пріехавъ, занемогъ жестоко, такъ что ни сидѣть, ни ходить, ниже самъ зъ боку на бокъ обернуться не могъ, чего для хотя и мазали спиритусомъ и парили въ коритѣ, однакожъ никакой ползы не учинилось, почему принуждены посилать по лѣкаря Копса въ Стародубъ.

19. Рано пріехалы въ Городище Федоръ Ширай и Павелъ Скорупна, которіи и обѣдали у насъ, да уже вечеромъ отехали, простуючи до Глухова. Сегожъ дня прибылъ и лекарь Копсъ и мазалъ мнѣ поперекъ нѣкоторымъ унгвентомъ и прошокъ красный въ чаю давалъ.

20. Оный-же лекарь весь день-же у насъ пробавилъ и такожде мене мазалъ онымъ унгвентомъ, по ползи мало здѣлалось.

21. Лекаря Копса отправили къ Стародубу, давъ ему за визиту 3 р., и хлѣба, а именно: осмачку жита, осмачку овса, чвертку пшеницы, станъ горѣлки, 4 гусей и 6 курей ему послали.

22. Возвратилъся зъ Копсомъ посиланный Грицко и привезъ отъ него лѣкарства—мнѣ спиритусъ и лаксативумъ, а женѣ для ползы во время рожденія.

23 и 24. Тая-жъ болѣзнь въ попереку продолжалась.

25. Андрей Ноздра посланъ зъ Барановскимъ въ Лотоки. Сего-жъ числа былъ у насъ въ Городищѣ священникъ погарскій отецъ Павелъ, которому и полусмакъ жита данъ.

26. Отпущены товкачовскіе подводы, на которыхъ привезено сиръ, масло, соль и протчіе дробязки, а на тѣхъ-же подводахъ отпущено въ Товкачовку двѣ куфы горѣлки—одну зъ Василювки не повную, въ которую долили въ Городищѣ полстана, а въ оной мѣры полдесята стана, другую зъ Городища, въ которой мѣры становъ 8 и квартъ 10. Прибыли компанѣйци. Сего-жъ числа синъ нашъ Василь отправленъ до Глухова зъ Іваномъ Кравцемъ и чрезъ него посланы писма до г. Скоропадского, до Юнghанса, до Федора Чуйкевича, до доктора Бока, до Квитницкого, до Іосифа, до Якова Маркевича, а въ дѣлѣ Кравцевомъ писалъ до нѣкоторого Бринцева. Кухаръ бѣжалъ.

27 и 28. Пробавили еще въ Городищѣ, а 29 начали перевозитись оттоль въ Перегонъ.

30. И сами въ Перегонъ переехали.

31. Сей день въ Перегонѣ уже пробавили.

Февраль.

1. Послѣ обѣда отехали зъ Перегону до Левенки и туда прибывши въ вечеру, стали у Александра Корецкого и тамъ застали на весѣля; женилъ онъ своего служителя перекреста Юрія.

2. Жена зъ Федора Корецкого женою ездила до Стародуба къ образу баликинскому [208]); а за поворотомъ ихъ оттоль обѣдали мы тамъ-же въ Левенцѣ, где еще привезъ отъ Павла Миклашевского староста его Новѣцкій 14 р., кромѣ тѣхъ 77 р., которые зъ конми привезлъ прежде въ Перегонъ; а по обѣдѣ отехали мы къ дому и прибыли позно уже въ Перегонъ. Тамъ-же въ Левенцѣ розочлись зъ Александромъ Корецкимъ о 47 червонныхъ, которые отъ него принявши въ 100 р., доплатили ему 3 р. 40 копѣекъ. Сего-жъ 2 числа ездилъ староста зъ Грицкомъ и Дмитромъ компанѣйцами въ Бугаевку и взявъ тамъ бѣжавшую зъ Лукина зъ дѣтми жонку, вдову Бондариху Анну Іваниху, и зъ меншимъ синомъ еи, тако-жъ зъ трома лошадми, припровадили еи въ Перегонъ, изъ которыхъ лошадей отдани кобила чалая лѣтъ 14—Корнѣю Лопазненку, цѣною въ пяти копахъ, а кобилку вороную, лѣтами противъ третого, въ пяти-жъ копахъ; коня-жъ рижого, лѣтъ биллъ 20, для прокорму взялъ Василь Здроченокъ.

3. Оная жонка Бондариха бѣжала, а кухаръ зъ Глухова при писмѣ отъ Василя присланъ. Сего-жъ числа были у насъ въ Перегонѣ ревѣзоры: значковый товаришъ Василій Хомѣнскій и асаулъ сотенный погарскій Іванъ Перегонецъ. Писмо получилъ отъ сотника погарского о бѣглыхъ.

4. Онымъ ревѣзорамъ отданы именные списки людей посполитыхъ деревень: Перегону, Демковичъ, Чубарова и Курова, да на скупляхъ жіючихъ въ Лукинѣ и въ Чаусахъ.

5. Курилу виннику заплачено за 10 становъ 60 к.

---

[208]) Объ иконѣ Божіей Матери, называемой Балыкинскою (с. Балыкинъ стародубскаго уѣзда) см. Описаніе черниговской епархіи, т. VII, стр. 61.

6. Отъ Василя Матвѣенка, Ломоносового зятя, шинкаря .... ровского, за 2 стана горѣлки принято 4 р. 80 к., а передъ симъ у него-жъ отобралъ староста Федоръ за одинъ станъ 2 р. 40 к.

7. Отправленъ Грицко до Глухова для отійсканя теки зъ крѣпостми и другихъ паперовъ и книгъ; и чрезъ него-жъ писано къ Василку, до г. Скоропадского и до Андрея Липня; на дорогу дано ему 15 к., а на паперъ 50 к.

8. Рано стоящымъ въ деревняхъ нашыхъ компанѣйцамъ, 24 человѣкамъ, дано на 24 порціи ихъ компанѣйскихъ, а именно 19 р. 20 к. Послѣ обѣда ездилъ я до Гузовки для осмотру тамъ новопостроенной церкви Покрова Пресвятой Богородицы и тамъ-же былъ у вдовы Івановой Сулиминой [209]). Въ той поездцѣ Іванъ Григоровичъ згубилъ шаблю.

9. Были у насъ въ Перегонѣ значковые товарищи Леонтій Сорока и Семенъ Круковскій, комисаръ полковый, да писаръ сотенный погарскій Турокъ. Шинкарка погарская Ганна за шинковый долгъ отдала 3 р. 50 к., а еще на ней осталось давного долгу 1 р., да сего-жъ числа вновь взяла станъ горѣлки. Компанѣецъ, присиланный зъ Глухова зъ указомъ, отправленъ зъ роспискою о пріемѣ указу, чрезъ которого послано писмо и до Савіцкого, писаря отставного лубенского, стороны дѣла правного сводного и о сочиненіи прожектовъ, да до повѣренного Іліи Квитницкого, тако-жъ и до старости товкачовского о домовыхъ дѣлахъ, для пересылки зъ Глухова въ Перегонъ.

10. Оный компанѣецъ отехалъ, которому даны 10 к. на дорогу. Павелъ гузовскій, вчора пріехавшій, чтобъ его принять на староство, отехалъ и ему-жъ даны 60 к. Лукирка тако-жъ отехала, которой велѣли дать зъ Случка чвертку жита. Черницѣ чолнскіе запретили дрова возить изъ пущи для того, что намѣстникъ ихъ Варлаамъ Уманецъ умеръ.

11. Ради того запрещенія посиланъ староста къ городничему въ Олешенку, по возвратился зъ нѣчимъ. За покраденное сѣно наше евдоколцями забрали евдоколскаго сѣна возовъ зъ 10 и отвезли въ футоръ. Грицко возвратился зъ Глухова и привезъ писма

---

[209]) Говоритъ о вдовѣ одного изъ сыновей генеральнаго хорунжаго Ивана Сулимы. О жалобахъ этой вдовы на Ханенка см. Сулимовскій архивъ, стр. 107.

ко мнѣ и отъ Павла Скорупцы къ отцу его и къ Федору Шираю, которые къ нему при моемъ писмѣ отосланы въ Гриневъ.

12. Сего-жъ числа писалъ къ келарю Свѣнскому, за намѣстника въ монастырѣ чолнскомъ управляющему, чтобъ позволено по прежнему возить дрова на обиходъ нашъ домовый.

13. Івана Ханенка слѣпого жена Стефанида, Василя Солонины дочь, умерла.

14. Наняли у сагутевцювъ до окончанія зимной дороги возить дрова на десяти подводахъ зъ ихъ пущи за 8 гривень.

15. Отправленъ Стефанъ Каврайскій въ Глуховъ зъ 12 подводами для того, чтобъ оными подводами навозить тамъ дровъ, ліоду и забрать оттоль хлѣбъ, имѣючійся въ Кочергахъ; ему-жъ дано на пиво и прочіе нужды 2 р.

16. Отправлены подводы въ Курковичи для забраня оттоль шулъ, бруся и тину и для разобраня тамъ болшой свѣтлицы.

17. Получено писмо о сѣнѣ у Косика забранномъ отъ сотника погарского Соболевского.

18. Переехали на ночъ зъ Перегону въ Городище.

19. Исповѣдались и по милости Божіей причащались Святыхъ Таинъ въ церквѣ городиской, а по обѣдѣ віехалъ я къ Стародубу на ярмарокъ и ночовалъ въ Левенцѣ у Федора Корецкого.

20. Рано прибылъ въ Стародубъ и слушалъ обѣдни въ церкви Рождества Богородицы, а обѣдалъ въ своемъ домѣ зъ шваґромъ Федоромъ Корецкимъ, зъ которымъ и по ярмарку ходили доволно. Вечеромъ былъ у мене зъ женою своею шваґеръ Александръ Корецкій.

21. Рано у мене были полковая старшина, потомъ ходили по ярмарку, а передъ обѣдомъ пріездилъ ко мнѣ въ домъ обозного енералного Якова Лизогуба синъ, женившійся въ Смоленску на шляхтянцѣ Рачинской Татіанѣ, Ілія Лизогубъ, просилъ къ себѣ на вечеринку, почему и былъ я у него въ домѣ судіи полкового стародубовского Рубця на оной вечеринцѣ, гдѣ засталъ полковника Максимовича зъ старшиною полковою и другихъ мужеска и женска полу знатныхъ персонъ, и забавлялись даже до 12 часа.

22. Званы обѣдать къ полковнику Максимовичу, а передъ обѣдомъ былъ я у графа Івана Івановича Владиславича и у Григорія

Скорупны; потомъ обѣдали у полковника и доволно пили, а отъ него пошли къ Андрею Миклашевскому и тамъ пили, также игуменъ въ домъ пріехалъ, и за мною вслѣдъ и Андрей Миклашевскій зъ зятемъ своимъ Чарнолускимъ пріездили.

23. У войта стародубовского Коменка за пенку надлежащые всѣ сполна денги отобраны и за вино, передъ симъ для насъ купленное имъ, росплата 38 р. учинена; такожъ за разные покупки, на ярмарку справованные, расплатившись in summa 109 р. и простясь зъ полковникомъ Максимовичемъ и капитаномъ Ланкомъ и женою его, отехалъ зъ Стародуба и прибылъ въ Перегонъ въ 10 часу передъ полуночю.

24. Іванъ Гамалія, шваге́ръ изъ женою и дѣтми, прибылъ рано къ намъ въ Перегонъ и отобѣдавъ, поехалъ на Глуховъ въ свои украинскія деревни [210]).

25. Прибыли подводы зъ Товкачовки зъ пшеницею и просомъ. Писаны писма до полковника полтавского Кочубея, до Скоропадского, до Федора Чуйкевича, до сина Василя зъ нѣкоторою посилкою и до Іосифа племѣнника.

26) Противъ сего числа въ 6 часу по полуночи, родился мнѣ синъ и нареченъ по числу 24-му сего-жъ мѣсяца Іванъ и окрещенъ марта 3; воспріемниками были [211])... Зъ писмами вчора писанными и зъ нѣкоторою посилкою отправленъ въ Глуховъ Леонъ Булаховъ. Компанѣйцамъ на другой мѣсяцъ отданъ фуражъ и такъ уже всѣ зимные мѣсяци очищены.

27. Писаны писма зъ посилкою родинного хлѣба къ полковнику Максимовичу, къ Григорію Скоруппѣ и къ Федору Корецкому, а къ протчимъ безъ писемъ таковый-же хлѣбъ посланъ чрезъ Грицка и чрезъ Каврайского, который сего числа прибылъ зъ Глухова зъ разными писмами, такожъ и компанѣецъ зъ указомъ изъ канцеляріи енералной въ дѣлѣ Соколовского. Отправлены товкачовскіе люде обратно въ домы свои, чрезъ которыхъ посланы три куфи горѣлки, зъ Василіовки взятые, а въ оныхъ въ одной становъ 8, другой 7½, въ третей 7, да при нихъ-же отпущены и воли наши 8 тамошные,

---

[210]) Иванъ Михайловичъ Гамалѣя, жившій с. Великихъ Пескахъ, лохвитскаго уѣзда.

[211]) См. ниже 3 марта.

и о томъ такожъ и о протчемъ писано къ тамошнему старостѣ. Сдѣланъ контрактъ зъ маляремъ стародубовскимъ Василіемъ Григоріевымъ, который имѣетъ дѣлать до избы столовой въ Городищѣ шпалеры, и опому уговоренной цены дано половину, то есть 10 р., такожъ полусмакъ жита и полусмакъ конопель, а протчее должно быть отдано по отдѣлки тихъ шпалеровъ; онъ-же имѣетъ и коло оконъ звнутри малювать своимъ коштомъ. Сего-жъ числа рощотъ и росплатка учинена зъ комисаромъ сотеннымъ погарскимъ Зеленскимъ въ порціяхъ и раціяхъ за всѣ шесть зимные мѣсяцѣ, 1742 г. октоврія зъ 15, 1743 г. апріля по 16 число, и взята у него квитанція.

28. Позичены денги Петру Троеносенку до весенного Николая, а Кондрату Алексіенку до осѣнного и въ томъ взяты у нихъ облѣкги. Зъ винникомъ Гришаномъ за роботу его въ винницѣ на Василювцѣ росплатка учинена по щоту и дано ему денегъ 1 р. 35 к.

Мартъ.

1. Писаны письма въ Глуховъ къ г. Скоропадскому, къ Федору Чуйкевичу, до Матвѣя Холодовича, до сина и до Іосифа, такожъ доношеніе въ войсковую сперальную канцелярію противъ указу о поездѣ до Глухова, присланного чрезъ компанѣйця, чрезъ которого оное и тые писма отправлены. Уговорена жена дяка курковского Наталія дѣлать два килимы до новыхъ нашихъ свѣтлицъ и дано ей на харчъ полчвертки проса, полторы чвертки жита, да за цвѣты до прежде здѣланного килима велѣли ей заплатить 24 к. шинкарю курковскому. Староста отправленъ въ Лотоки; подводами-же повезено вчора туда-жъ жита осмачокъ 8 для продажи Федору Пригарѣ, да ему-жъ приказано дать чвертку жита женѣ..., которій сталъ у насъ въ Городищѣ робыть горѣлку въ винницѣ, и для отдачи той-же женѣ 20 к.

2. Надвечери прибыли къ намъ въ Перегонъ Федоръ самъ, а Александръ Корецкіе зъ женою и зъ ними попъ Алексій Хелкидоцкій.

3. Рано попріезджали въ домъ нашъ перегонскій Григоріева Скорупнина, Анастасія Шираевна, потомъ и мужъ ея, да Григорій Гамалѣя холопецкій зъ женою, сотникъ погарскій Соболевскій зъ женою и протчіе, а на остатокъ и вдовствуючая Григоріева Гамалінна зъ Борщева, въ которыхъ присутствіи синъ нашъ Іванъ окрещенъ, а воспріемниками были Федоръ Корецкій и Анастасія Гри-

горіева Скорупина; потомъ начали обѣдать, а между обѣдомъ пріехала бунчучная енералная Галецкая и другіе погарци, которые долго позабавившись въ ночь и повечерявши, розехались.

4. Сего числа отобѣдавши у насъ бунчучная, Скорупна зъ женою и Корецкій, розехались по домамъ, и я занемогъ на катарь и кашель.

5. Привезено зъ Стародуба отъ Карпа котляра новые три трубы, въ которыхъ вѣсу 16 фунтовъ.

7. Федору Корецкому сынъ родилъся и названъ Василіемъ; онъ-же крещенъ 13 дня сего мѣсяца.

6, 7, 8, 9 и 10 продолжалась болѣзнь моя зъ немалымъ кашлемъ, чего для никуда зъ дому не бывалъ.

11. Прибылъ жолдакъ зъ указомъ изъ Глухова, чтобъ мнѣ туда ехать для дѣла зъ Соколовскимъ, но на оный указъ учинено отъ мене отвѣтное доношеніе.

12. Зъ онымъ доношеніемъ тотъ жолдакъ отехалъ, а староста нашъ прибылъ зъ Лотоковъ и привезъ денегъ за медъ доправленныхъ 3 р., да провіантовыхъ 5 р. 80 к.

13. Отправленъ Грицко въ Глуховъ 14 дня для пріуготовленя тамъ меду и пива, которому дано 8 р. 10 к., и чрезъ него-жъ писалъ до Івана Гамаліи, до Федора Ширая, до Лишня, до Федора Чуйкевича, до Василя сина и до Іосифа племѣнника, и посланъ туда-жъ дзигарокъ Александра Корецкого.

14. Отправленъ Стефанъ Каврайскій въ Курковичи и въ Симіоновку за солодомъ на пиво и за протчими нуждами, чрезъ которого посланы 2 писма: 1, до Семена Іванова Пустоты, 2, до дозорци Ропского дворецкого, чтобъ позволено подрядить въ Карповичахъ сто конъ драпѣ.

15. Получилъ писма зъ Глухова чрезъ атамана компанѣйского полку чосникового Василя Соколовского, уволенного уже отъ службы компанѣйской, за которымъ писано отъ мене до есаула іхъ полкового Семена Іосифова, чтобъ его заслуженное все сполна было ему отдано.

16. Отправленъ староста перегонскій въ Стародубъ для вареня пива и за другими домашными потребами, которому между протчимъ велѣлъ въ Случку отобрать 2 р. 73 к. денегъ и держать въ росходъ въ Стародубѣ на що надобно.

17. Винникамъ заплату учинилъ за 20 становъ на Василювцѣ и за 15 въ Городищѣ вироблепныхъ куриломъ и дано ему за все 2 р. 10 к., да новому виннику, на Василювцѣ работаючому, Івану Столярову за 10 становъ 60 копѣекъ. Писалъ къ Іосифу племѣннику въ Глуховъ о розсиченю меду и о пивѣ въ ліодъ, и оное писмо отправлено чрезъ Чаусы въ Новгородокъ при писмѣ къ атаману новгородскому для отсылки въ Глуховъ. Привезено зъ Глухова три осмачки солоду, купленного въ Симіоновцѣ. Рахованъ Іосифъ Ноздра въ хлѣбѣ имѣючомся на его рукахъ, которого еще на немъ довелось, зъ скопщиною 1741 и 1742 годовъ, 70 осмачокъ, одна чвертка и четверушка жита, осмачокъ-же 30 зъ чверткою имѣлъ теперь отдать, а на 40 осмачокъ дать облѣкгъ, что имѣетъ отдати сего году въ сентевріи мѣсяци.

18. Писалъ въ Глуховъ до г. Скоропадского за Вовдею Василихою Сластіонвискою, а до Іосифа племѣнника объ ней-же и о меду и пивѣ, якъ и вчора, да до сотника шептаковского Манковского о козаку кистерскомъ Мартину Самсонову, которому позичены и 3 р. денегъ до Тройци, и взялъ у него-жъ облѣкгъ.

19. Получилъ писма зъ Глухова чрезъ Скрипова, служителя Івана Гамаліи юдиновского; да у мене-жъ, зъ Глухова ѣдучи, былъ прикажчикъ села, почеповского уѣзду, Лизогубовки, Симоновъ. Противъ сего числа почю превеликая пришла вода на греблю нашу городискую и сего дня весь день великая вода безперерывно на всѣ ставы ишла. Кравець изъ Стародуба присланъ и покроилъ кунтушъ зеленый канавацовый, а туда отправленъ Василь за разными потребами.

20. Ничего не случилось.

21. Принималъ лѣкарство. Староста возвратилъся зъ Стародуба, нѣчого тамъ не справивши.

22. Приездилъ жолдакъ Семенъ Галушка зъ указомъ, чтобъ я ѣхалъ въ Глуховъ, чрезъ которого отписалъ, что ехать за болѣзнію не могу, и того-жъ жолдака отправивъ, заплатилъ ему прогонныхъ денегъ 1 р. и на дорогу даны 40 к. Войтъ возвратилъся отъ возки бервеня, за которое на заплату дано ему денегъ 1 р. 90 к. Иванъ Ханенко слѣпый, обозного полкового кіевского Федора Ханенка синъ, а мой братъ, прибылъ къ намъ, которого жена Івана Ханенка слѣпого, Стефанида Солониновна умре сего году февраля 13.

23. За Дмитра Шебеду, господаря нашего василювского, подданному волости ропской, жителю будницкому Василю Кручлину заплатили мы долгу его 1 р. 70 к., а передъ симъ ему-жъ Шебедѣ дано 1 р. 50 к.

24. Зварено пиво въ Погарѣ зъ солоду семіоновского и привезено двѣ бочки и бочку квасу и поставлено въ ліодовнѣ въ дворѣ перегонскомъ.

25. Привезенъ и медъ разсиченный въ Погарѣ. Отправленъ кравець Никифоръ и мамка Ганка, которымъ дано—кравцю 60 к., мамцѣ 40 к. Посланъ поездъ по Василка въ Глуховъ 4 конѣ и протчее и дано на дорогу для коней 15 к.; да посланы-жъ писма до г. Скоропадского, до Василка и до Іосифа. Kavrajski castigatur.

26. Сего числа ввечеру жестокая припала была мнѣ коліка и продолжалась до полуночи, чего для въ церкви на всенощной быть не могъ. Проехалъ днемъ Федоръ Ширай зъ Глухова чрезъ Гринювку, а ночю прибылъ зъ Городища судія полковый Павелъ Скоруппа.

27. Въ сей день Въѣханія Господня по отправленной службѣ Божіей въ Городищѣ обѣдалъ у мене Павелъ Скоруппа, а потомъ отехалъ до Гринева. Надвечери женщина зъ Городища, Ничипора Семенцова жена, пришедъ въ дворъ мой перегонскій, галасовала и за то по чести наказана.

28. Отправлены писма въ Мглинъ до сотника Лисаневича стороны балясъ, чтобъ припомянулъ Максиму Турковскому и о птушкахъ, такожъ объ отсилки писма моего до Василя Гудовича зъ писмомъ къ нему-жъ отъ Федора Чуйкевича, где и стороны желѣза къ нему Гудовичу писано. Дана квитація Никону Вербіцкому, которій былъ командиромъ надъ 24 компанѣйцями полку старого чесниковского, стоявшими въ моихъ деревняхъ, что отъ нихъ жадной обиды нашимъ людямъ не показано.

29. Взятъ облѣкгъ у Осипа Ноздры на 40 осмачокъ жита, должного намъ отъ него, что имѣетъ оное отдать сего году въ сентевріи мѣсяцѣ, а теперь еще надлежитъ у него отобрать 25¾ осмачки.

30. Синъ Василь и племѣнникъ Іосифъ пріехали зъ Глухова.

31. Сего числа въ четвертокъ, по благости Божіей, удостоилъся исповѣдь имѣти и причащатися Святымъ Тайнамъ.

Апрель.

1. Виннику лотоковскому Гришку за 21 станъ горѣлки виробленной заплачено 1 р. 26 к.; въ томъ числѣ зачтено 20 к. тіе, что чрезъ старосту для жены его было дано. Мамкою быть сину нашему Івану приговорена Федоска Товкачиха и дано для си дѣтей корову, такожъ пшона и чвертку жита, а еще давать ей въ годъ 3 р. и чвертку жита.

2. Чубенокъ кушнѣръ и Гришко стелмахъ отпущены въ Стародубъ, которымъ за роботу дано Чубенку 40, а стелмаху 20 к., и на томъ-же Гришку стелмаху денегъ нашихъ 70 к. имѣется. Зъ Лотоковъ войтъ Федоръ Фурсовъ принесъ оробковъ 16 и глушаковъ (глухарей) 2.

3. Въ сей Свѣтлаго Воскресенія Господня праздникъ синъ мой Василь и другіе малые дѣти причащались въ церквѣ городецкой. Вечеромъ пріездила къ намъ Евдокія Бороздняпка, Григоріева Гамаліина, поздравляючи зъ праздникомъ, и звала къ себѣ въ Борщевъ къ завтрему. Въ вечеру-жъ привезъ ко мнѣ изъ енералной канцеляріи два указы полку стародубовского чесникового компанѣецъ Яковъ Юркевичъ 1) по челобитю Соколовскаго о прибытіи моемъ до Глухова на 12 число сего апріля, 2) по коммисіи переводу и своду книгъ правныхъ.

4. Въ пріемѣ тихъ указовъ и что по онымъ исполненіе учинено будетъ, дана тому-жъ компанѣйцу росписка и оный отправленъ. Мы рано отехали въ Борщевъ и тамъ, выслушавши обѣдни и по отправленной процессіи, кушали обѣдъ у Григоріиной Гамаліиной, а потомъ прибыли въ Перегонъ, где приходили къ намъ деревень нашихъ войти и мужики зъ праздничнымъ поздравленіемъ.

5) Писалъ писма въ Козелецъ 1) до госпожи Розумовской, 2) до дядка Федора Ханенка, 3) до обозного полкового Алексія Подвисоцкого, 4) до отца брата, 5) до Янушкевича въ Чернѣговѣ, 6(до старости товкачовского Паленского и зъ оными отправленъ племѣнникъ Іосифъ, которому на свободный пропускъ и пашпортъ данъ. Попы и причетники церковные, тако-жъ козаки городецкіе были у насъ зъ празничнымъ поздравленіемъ. Сего числа господарь, на футорѣ Василіовцѣ бывшій, Дмитро Шебеда зъ женою и дѣтми, уполъ, раковню горѣлки выпивши и пчолы пододравши, да и винника зъ собою увелъ.

6. Племѣнникъ Іосифъ, зъ помянутыми писмами отправленный до Козелця, отехалъ зъ приданнымъ ему козакомъ зъ Лукина, которому даны на дорогу конь и 50 копѣекъ.

7. Привезла Федориха дячиха зъ Курковичъ килимъ новый, за который за роботу и цвѣты заплачено ей 1 р. 10 к.

8. Писаны писма о брату Івану Ханенку до отца его, а моему дядкѣ, чтобъ ему опредѣлилъ селце Бобрикъ, до обозного Подвисоцкого и асаула Шума, до войта зъ громадою села Бобрика и до Мандрики сотника Кобизкого о дворѣ его жиломъ.

9. Братъ Іванъ Ханенко отехалъ къ своему дому, которому даны 6 р., медвѣдня и опанча старая. Сего-жъ числа даны 3 р. старостѣ перегонскому за службу его сегогодную, а передъ симъ за него-жъ перенялись мы Федору Пригарѣ, дяку лотоковскому, 3 р. Въ ввечеру ушолъ Каврайскій невѣдомо для чого.

10. Оставлены въ домѣ громадскихъ денегъ курковскихъ и лотоковскихъ 23 р. для громадскихъ-же росплатокъ. Заплачено виннику городецкому за 12 становъ виробленныхъ въ тамошней винницѣ. Посланъ Іванъ зъ Кизенкомъ и Халимоненкомъ въ Кистеръ свѣдителствовать тамошнего козака Мартина Самсонова, которому обѣщали визичить 50 р., а уже дали 25 р. Василковѣ, сину нашему, продавилась болячка и много матеріи вишло.

11. Рано віехалъ зъ дому перегонского и попасовалъ противъ Ковпинки, а потомъ въ 4 часу по полудни прибылъ въ Новгородокъ, где былъ у мене сотникъ зъ урядомъ, а потомъ и намѣстникъ зъ монастыря, отецъ Авксентій.

12. Были у мене Стефанъ жолдакъ муровщикъ и Тарасъ цегелникъ, зъ которыми чиненъ о ихъ работѣ рощотъ, а по рощотѣ постановили ехать имъ обоимъ на роботу въ Городище сего февраля 20 дня, о чемъ и къ женѣ писалъ чрезъ отправленного туда-жъ пикляра, которому въ задатокъ и даны 40 к. Зъ Гойскою подрядилъся на 15 четвертей вапны по 20 к. и данъ ей въ задатокъ 1 р. При віездѣ моемъ зъ Новгородка былъ у мене сотникъ, я же верхи заездилъ въ монастырь и видѣлъся зъ архимандритомъ Варлавою; потомъ отехавъ перевозилъся чрезъ Десну болѣе двохъ часовъ и зъ Пироговки отправилъ писмо къ атаману воронежскому Кирилу Слабѣю, включивъ писмо-жъ до Федора Чуйкевича, чтобъ оное отправилъ въ Грузкую. Таже при немаломъ дожчѣ принужденъ остано-

вится въ Богдановцѣ попасовать коней; а потомъ на силу доехалъ въ нѣсколко часовъ ночи до Гамалѣевского монастыря и тутъ на конюшенномъ дворѣ ночовалъ.

13. Рано видѣлъся зъ отцемъ архимандритомъ Софроніемъ Мігалевичемъ и у него чай пилъ; потомъ ходили зъ нимъ въ церковь и розговоръ имѣли о спорныхъ зъ Товкачовкою ихъ маетностей Дѣвицъ грунтахъ и розграниченіе тихъ грунтовъ чрезъ Ивана Даровского, господаря гетмана Скоропадского, чиненное видѣлъ и читалъ, въ которомъ ничего о княжихъ ланахъ не упоминается; оттоль-же въ въ 8 часу по полуночи віехавши, прибылъ въ Глуховъ въ 1 часу по полудни, въ домъ свой бѣлополовскій.—Theodorovicz avestatur. Вечеромъ былъ у г. Скоропадского и Валкевича и уже почю отъ нихъ пріехалъ.

14. Рано былъ у енерала и имѣлъ розговоръ о дѣлѣ Соколовского, где видѣлся и зъ отцемъ ігуменомъ глуховскимъ Никифоромъ Грибовскимъ, которій мнѣ сказовалъ, какъ оный Соколовскій публично въ канцеляріи мене безчестилъ въ суботу вербную; былъ-же я и въ генералной канцеляріи, где видѣлъся зъ полковникомъ Тютчевымъ, судіею Лисенкомъ, писаремъ Безбородкомъ, сотникомъ глуховскимъ Турянскимъ и Матвѣемъ Холодовичемъ; потомъ пріехавъ въ домъ, обѣдалъ зъ канцеляристомъ Закровецкимъ и Иліею Квѣтницкимъ, и весь день въ домѣ былъ безотлучно.

15. Поутру ездилъ къ брегадиру Іллину и полковнику Тютчеву, потомъ былъ и у подполковника Лодижинскаго. Послѣ обѣда писалъ къ старостѣ товкачовскому Паленскому противъ его писма о пріуготовленіи въ дорогу кримскую, о бывшомъ сторожу Алексѣ и о протчемъ, и посланы чрезъ подводчика товкачовского и чрезъ Прокопа Дмитренка пятеро коней нашихъ, 3 буланыхъ, да панюшкинъ и куцій; писалъ-же и о висилкѣ сюда Качановского. Вечеромъ былъ у г. Скоропадского и у Алексія Федоровича Семенова.

16. Былъ въ городѣ рано и слушалъ обѣдни въ церкви св. Анастасіи. Обѣдалъ со мною інформаторъ Юнгансъ, а надвечери былъ Квитнѣцкій.

17. Посилалъ зъ писмомъ до Якова Марковича сторони тесли Івашки и отвѣтъ получилъ, такожъ прислалъ онъ табакерку мою, которую я посилалъ къ нему въ Москву. Обѣдалъ у мене Стефанъ

Савіцкій, писарь старый полковый лубенскій, а послѣ того былъ у мене-жъ судія енералный г. Лисенко.

18. При писмѣ отъ войта нѣжинского Петра Стеріевича Тарнавіота прислалъ Романъ Яненко глуховскій двѣ барилци вина бѣлого и судацкого. Сей день весь былъ въ домѣ, какъ ради слабости моей, въ сюю ночь приключившейся чрезъ колотье въ правомъ боку, яко и для прежестокой непогоды и студеной сліоти во всѣ дни, а найпаче сее ночи и сего дня безпереривно продолжавшейся. Въ вечеру поздно пріехалъ ко мнѣ Федоръ Чуйкевичъ и у мене-жъ ночовалъ.

19. Оный-же Федоръ Чуйкевичъ и Ілія Квитницкій со мною обѣдали, а по обѣдѣ приходилъ ко мнѣ поручикъ Евдокимъ Алексіевъ Кишинскій, отправляючійся въ полкъ стародубовскій для завѣдованя описными и свободными маетностями, зъ тѣмъ обявленіемъ, что и въ деревняхъ въ Куровѣ и Чубаревѣ и въ Лотокахъ, для описѣ мужиковъ и грунтовъ, онъ быть имѣетъ. Я сегодня принималъ species, одъ доктора Бока присланное.

20. Оный-же поручикъ Кишинскій рано у мене былъ и розговоровалъ о томъ-же дѣлѣ. Писаны писма къ женѣ о нѣкоторыхъ домовыхъ дѣлахъ и что дѣлать—меморіалъ посланъ, тако-жъ до сина Василя о поѣздкѣ его къ Глухову, и включены тѣ писма къ сотнику для отсилки одтоль до Перегону.

21. Оные писма отправлены въ Новгородокъ козакомъ глуховскимъ. Сего числа рано прибылъ шваґеръ мой Іванъ Гамалія и сталъ квартерою въ моемъ домѣ.

22. Взяты у сидѣлца въ коморахъ (лавкахъ) нашихъ Ермолая Васильева перчатки за 80 к. и чаю полфунта за 40 к.

23. Отъ протедшого 17 числа первой разъ віехалъ зъ двора и былъ у ґенерала, а обѣдали въ домѣ; послѣ-же обѣда были у обозного енералного г. Лизогуба. Антоній музикантъ прибылъ въ Глуховъ. Івану Андріевичу Гамаліи подарилъ я книгу печатныхъ указовъ імператора Петра 1-го, съ 1714 по 1722 годъ состоявшыхся.

24. Пріехалъ зъ дому Стефанъ Каврайскій отъ жены зъ писмомъ.

25. Ради воспоминанія коронаціи ея імператорскаго величества было, послѣ службы Божой и казаня (проповѣди), отцемъ Никифоромъ Грибовскимъ, ігуменомъ монастыря Петропавловского глу-

ховского говоренного, соборное молебствіе зъ пушечною палбою, а потомъ былъ банкетъ въ домѣ генералскомъ, но на ономъ генералъ не присутствовалъ за болѣзнію. 25 сего-жъ числа веселье было дочерѣ покойного отца Мойсея Богаевского зъ пѣвчымъ государевымъ Гавриломъ Головнею.

26. Отецъ архимандритъ гамаліевскій Софроній Мигалевичъ посѣщалъ мене въ домѣ моемъ и вручилъ мнѣ копію розграниченья между ихъ маетностями—Великою и Малою Дѣвицями и селомъ Товкачовкою, въ полку прилуцкомъ 1715 году октоврія 14 дня чиненного гетмана Скоропадского господаремъ Іваномъ Даровскимъ. Сего-жъ числа отправленъ обратно Каврайскій въ домъ къ женѣ зъ писмомъ и чрезъ него послалъ по-троху чаю доброго и худшого зеленого и щоты костяніе.

27. Послѣ полдня зъ дожчемъ былъ весма великій градъ, болше голубиного яйца, и сего-жъ дня даже до вечера просидѣлъ у мене Данило Карпѣка, да и докторъ Бокъ мене-жъ болного посѣщалъ, а ввечеру прислалъ лѣкарства специесъ и пѣгулки.

28. Оные пігулки и специесъ принималъ я и весь день изъ избы никуда не виходилъ, а у Івана Гамаліи Іванъ медведовскій Бороздна обѣдалъ и долго забавлялъся. На лой и сталь до млина кочерезкого даны 10 к.

29. Присиланъ канцеляристъ изъ суда енералного, чтобъ мнѣ явится въ судъ по дѣлу Соколовского, Андрей Мефедовскій, и посѣщали мене-жъ інформаторъ Юнгансъ и Федоръ Чуйкевичъ. Поданы челобитные 2 на Соколовского и на членовъ, по его дѣлу въ судѣ засѣдающыхъ, и оные вручены Руновскому, писару полтавскому, для докладу самому енералу.

30. Посѣщалъ мене знову докторъ Бокъ. Принята еще часть огорода мѣщанина глуховского Почепця, за которую землю и за прежнюю поступили ему платить въ годъ 1 р 50 к. Молодому Трощинскому позичена кулбака молодецкая.

Маій.

1. Сидѣлцу въ нашихъ коморахъ, Ермолаю Василіеву тулянину даны за рукою моею двѣ карты: 1) о коморахъ, чтобъ за оные мимо насъ жадного платежа не давано; 2) что у него-жъ Ермолая, зъ первыхъ числъ генваря сего году забрано сахаромъ, чаемъ и

перчатками на 3 р. 25 к. Племѣнникъ Іосифъ прибылъ и зъ нимъ Качановскій, которіе и о томъ доносили, что конь буланый, названный пѣвень, не доведенъ до Товкачовки, здохъ на дорогѣ. Обѣдали у насъ Данило Карпѣка, Стефанъ Савіцкій и Іосифъ Гамалѣя, а Іванъ Андріевичъ Гамалѣя [212]) былъ зъ протчими на крестинахъ у полковника и коммендантa глуховского Делятура.

2. Отправлены двѣ письмѣ въ домъ: 1) до жены, 2) до сина Василя о скоромъ прибытіи его одтоль сюда до Глухова.

3. Слушаны мои челобитные передъ енераломъ, а въ судѣ опредѣленіе якоесь учинено о сочиненіи екстракта. Припималъ я знову проносные пѣgулки. Писалъ къ брату отцу Івану въ Козелецъ и до старосты товкачовского о разныхъ тамошнего господарства дѣлахъ.

4. Качановскій зъ Іваномъ Григоровичемъ отехали къ Товкачовцѣ, а оттоль имѣетъ Григоровичъ отехать до Лохвицѣ, куда на свободный пропускъ зъ оборотомъ пашпортъ, а что тамъ въ Лохвицѣ и Луцѣ справовать имѣетъ, меморіалъ ему-жъ отъ мене даны. Г. Скоропадскій посѣщалъ мене и совѣтувалъ побывать у генерала.

5. Рано былъ я у генерала и говорилъ сторони моихъ челобитенъ, потомъ былъ въ коммисіи переводу и своду книгъ правныхъ. Вечеромъ былъ у г. Скоропадского. Былъ у мене обозный полковый чернѣговскій Молявка.

6. Ездилъ въ коммиссію своду и просидѣлъ тамъ до полдни и предъ обѣдомъ былъ у насъ подполковникъ Федоровичъ Алексій Семеновъ. Пріехали зъ Луки Гаврило Емченко и Остапъ Запорожець зъ писмами и подали вѣдомость, сколко хлѣба приходного зъ млина лучанского на лице имѣется.

7. Писаны писма къ сотнику лохвицкому о дѣлѣ Остапа Никитенка зъ Коповою, до попа лучанского Федора Андріева о лѣсѣ и о томъ-же и о де-чомъ другомъ до Івана Григоровича. Послѣ полдня прибылъ зъ Перегону синъ Василь и привезъ денегъ 18 р. Рано были у мене обозный Алексій Подвисоцкій и асаулъ Шумъ полковый кіевскій.

8. Писалъ къ женѣ о домовыхъ дѣлахъ и отправилъ Леска въ домъ, чрезъ которого и де-которая посуда и полотенъ 3 штуки,

---

[212]) См. Примѣчаніе.

такожъ коляска и два возки, отправлены. Послѣ обѣда были у мене г.г. енералные подскарбій Скоропадскій, писарь Безбородко и старій канцеляристъ Холодовичъ; потомъ ко мнѣ-жъ пріездилъ полковникъ прилуцкій Григорій Галаганъ.

9. Былъ у мене рано Семенъ Чуйкевичъ. Обѣдали у насъ Іванъ Бороздна медведовскій и Стефанъ Савіцкій, а по обѣдѣ ездили въ борокъ, а оттоль были у насъ Демянъ Рубецъ и писарь суда енералного Іванъ Пиковець. 9 числа пришла зъ Клепалъ [213]) вѣдомость, что Івану Андріевичу Гамаліи дочь Елена родилась, которая крещена сего мѣсяца 15 числа. Воспріемниками были я зъ воеводшою путивльскою, Анастасіею Александровною, Андрея Михайловича Леонтіева женою, да Іосифъ Гамалія зъ тещею Івана Гамаліи, Маріею Зиновіевною Неплюевою [214]).

10. Полковникъ лубенскій, вчора прибывшій до Глухова, первый разъ былъ въ коммисіи книгъ правныхъ, а надвечери и я ему въ квартерѣ его визиту отдалъ.

11. Подскарбій енералный г. Скоропадскій отехалъ до Григоровки [215]) для свиданяся зъ генераломъ-маіоромъ Кейзерлингомъ и для раздѣлки о пожиткахъ, оставшыхъ по дочерѣ его, бывшой за генераломъ-маіоромъ Ливеномъ. Отправленъ въ домъ при писмѣ къ женѣ пріездившій ко мнѣ, просячійся на староство, Лаврентій Козачинскій. Іванъ Андріевичъ Гамалѣя отехалъ до Клепалъ, отпущенный до 24 числа сего маія, а вечеромъ былъ у мене полковникъ лубенскій г. Апостолъ.

12. Въ сей день Вознесенія Господня послѣ службы Божой были у генерала, потомъ обѣдалъ у мене Петръ Ласкевичъ и Стефанъ Савіцкій, а послѣ обѣда ездилъ съ нимъ-же до подскарбія г. Постелникова.

13. Мѣщанину глуховскому Івану Мандзенку за 15 локотъ штофу для жены и за 5 локотъ сукна для Грицка Дмитренка, передъ симъ взятые, заплатилъ и отдалъ сину его 21 р. Писмо до жены, которое отправилъ былъ чрезъ Лаврентія Козачинского, по-

---

[213]) Путивльскаго уѣзда; Клепалы Ив. А. Гамалѣя получилъ въ приданое за первою женою Марьею Аненковою.

[214]) По первому мужу Аненковою.

[215]) Конотопскаго уѣзда.

слалъ сего числа въ Новгородокъ чрезъ ундеръ-офицера гварнѣзону глуховского при писмѣ до сотника новгородского для отправы оттоль до Перегону.

14. На присланномъ отъ Гамаліи поездѣ отехалъ зъ Глухова и не доехавъ до села Холопкова, ось подъ коляскою зломалась, зачимъ принуждены медлѣть нѣсколько времени, а потомъ проехавъ село Віазіонку, за Клевеню попасали; оттоль-же проехавъ мимо Путивль и перевезлись чрезъ Сеймъ, прибыли до Клепалъ подъ часъ вечернѣ, где засталъ и тещу Івана Гамаліи Марію Зиновіевну Неплюеву и Іосифа Гамалію.

15. Въ 12-мъ часу прибыли туда-жъ воевода путивльскій Андрей Михайловичъ Леонтіевъ и жена его Анастасія Александровна, такожъ помѣщикъ, недалеко отъ Клепалъ мешкаючій, Вощининъ зъ женою своею Уліаною Василіевною, и крестили новорожденную дочь г. Гамаліи Елену, котороя воспріемниками были: я зъ воеводшою, а Іосифъ Гамалѣя зъ Неплюевою; потомъ обѣдали и доволно гуляли. Кума моя воеводша дарила мене хусткою и кошелкомъ, а я си стіонжкою золотою, у г. Гамаліиной взятою. Оные-же гостѣ того-жъ дни и розехались.

16. Послѣ обѣда и я отехалъ зъ Клепалъ въ 3-мъ часу пополудни и проехавъ Віазіонку, ночовалъ въ Дубровѣ.

17. Прибылъ въ Глуховъ въ 8-мъ часу пополуночи и просидѣли долго въ коммисіи; потомъ отехавъ зъ полковникомъ лубенскимъ, у него обѣдалъ, а поездъ п. Яна Гамалѣи отпущенъ обратно. Послѣ полдня были у мене архимандритъ гамалѣевскій отецъ Софроній Мигалевичъ, ігуменъ рихловскій Мнемнонъ Бороздна и сотникъ мглинскій Василь Лисаневичъ. Г. Скоропадскій возвратилъся изъ Григоровки.

18. Писалъ къ Івану Гамаліи и къ воеводѣ путивльскому Леонтіеву, благодарствуючи за компанію, имѣючуюсь въ Клепалахъ. Надвечери былъ я у г. Скоропадского и у полковника лубенского.

19. Писалъ къ женѣ о прибытіи си до Глухова, чрезъ козаковъ мглинскихъ.

20. Отдана штука полотна парусного наметнику для пришиваня полъ до намету, зъ такого-жъ полотна дѣланного. Канцеляристъ Богинскій обявлялъ мнѣ, что велѣно челобитную обратно отдать мнѣ, поданную отъ мене 29-го апріля.

21. Были на кушаню у писаря судового Івана Пиковця, ради именинъ жены его Елены, и доволно гуляли, где имѣлъ розговоръ изъ бригадиромъ и изъ полковникомъ Тютчевымъ, однакожъ въ домъ пріехалъ завременно.

22. Въ сей день святыя Пятидесятницы израна были зъ поздравленіемъ у генерала на министерскомъ дворѣ, потомъ заездили къ брегадиру. Обѣдни и другого набоженства слушали въ церкви святыхъ Анастасій, а послѣ обѣдни и весь день пробавили у писаря енералного Безбородка, ради крестинъ дочери его, новорожденной Александры, которой воспріемниками были ассесоръ Яковъ Івановичъ Денисовъ и подполковниця Семенова.

23. Обѣдни слушали у церкви святого Іліи, а послѣ процессіи были у сотника глуховского Турянского зъ маіоромъ Туровымъ и капитаномъ Шараповымъ и протчими на водкѣ; потомъ обѣдали у мене писарь полтавскій Руновскій и старый лубенскій Савіцкій, и весь день пробылъ въ домѣ.

24. Получилъ писма зъ дому: первое, чрезъ Павла Скорупну, который и обѣдалъ у мене; другое чрезъ Павла Булахова, зъ присилкою барила оцту, сома цѣлого и двохъ книгъ и щотки, и его-жъ Булахова отпустилъ зъ отвѣтнымъ писмомъ. Сего числа ввечеру бѣжалъ кухаръ Яковъ Варшаковскій и снесъ сѣрую свиту, кожухъ, шапку, поясъ, двѣ пары кошуль и три ножи кухарскіе, да у господинѣ Ганны своровалъ рубашку.

25. Наметнику для покупки тесемъ до полъ къ намету данъ 1 р. Возвратилъся Дмитро поповичъ юдиновскій зъ Москви, посиланный туда отъ Івана Гамаліи за справкою Клепалъ и другихъ деревень. Вечеромъ былъ у обозного енералного г. Лизогуба и на дворѣ купленномъ шваграа Івана Гамаліи.

26. Прибылъ Іванъ Гамалія въ Глуховъ и сталъ на своемъ купленномъ дворѣ. Надвечери были у мене г. подскарбій енералный Скоропадскій и полковникъ лубенскій Апостолъ.

27. Ничего не случалось.

28. Передъ обѣдомъ пріехала жена.

29. Кушали у насъ обѣдъ г. Гамалія, молодій Скоропадскій, Далони Покорскій, Павелъ Скорупна, Стефанъ Савіцкій, сотникъ мглинскій Лисаневичъ и весь день забавлялись; потомъ прибыла

Олена Андреевна Пиковцева, а послѣ и самъ Пиковець, и отужинавши вмѣстѣ, розехались по домамъ.

30. Израна былъ въ коммисіи, а послѣ обѣда никуда не виезджалъ, бо недомогалъ послѣ вчорашнего гуляня.

31. Обослалъ насъ судія енералный г. Лисенко свѣжою рибою, а п. Іванъ Гамалія трома карасями, у которого вечеромъ и были мы зъ женою. Отпущены лишные люди въ Перегонъ и принятій на господарство Семенко Шулякъ, чрезъ которого писано до Козачинского и послано въ домъ палубъ и два конѣ, такожъ хомутъ и шлея.

Юнь.

1. Обѣдали и весь день пробавили у Івана Гамаліи въ новокупленномъ его дворѣ. Хлопця малого Андрѣя отдалъ въ наученіе мастерства шмухлерского, которому майстеру поступлено за наученіе оного хлопця 6 р. и уже ему даны 2 р.

2. Обѣдали у писаря суда енералного Івана Пиковця, потомъ и послѣ обѣда зежжались въ коммисію.

3. Писалъ къ новопринятому старостѣ Лаврѣну Козачинскому зъ увѣщаніемъ, чтобъ не пянствовалъ и съ людми не дралъся и де которые вещи присилалъ-бы, якое писмо отправлено чрезъ Никиту Лагоденка.

4. Обѣдалъ у насъ Іванъ Гамалѣя зъ Іосифомъ Гамаліею и Павломъ Скоруппою, а вечеромъ былъ у насъ-же полковникъ Тютчевъ и доволно, ажъ до смерку, позабавилъся. Обослалъ насъ рибою Романъ Яненко.

5. Рано былъ я у енерала и обѣдали у насъ тѣ, що и вчора: послѣ обѣда были у насъ первей обозный енералный г. Лизогубъ зъ Іваномъ и Іосифомъ Гамаліями, потомъ Федоръ Чуйкевичъ, писарь енералный Безбородко и Матвѣй Холодовичъ, а надвечери были и панін бунчучная Оболонская, писарка судовая Пиковцева и Романа Яненка жена. Зрана обослалъ насъ судія енералный г. Лисенко рибою. Купчинскій съ товарищи бѣжали вчора.

6. Столповскій первый разъ былъ въ коммисіи, потомъ у мене онъ-же обѣдалъ; судія енералный Якимъ Горленко прибылъ въ Глуховъ.

7. Писалъ къ старостѣ товкачовскому, чтобъ сюда пріездилъ и о протчемъ, якое писмо вручилъ сотнику полковому прилуцкому

Лукомскому для пересилки въ Товкачовку. Обослалъ насъ рибою Іванъ Гамалѣя.

8. Писаря судового Пиковця жена обѣдала у насъ, а зрана былъ у насъ-же бунчучный енералный г. Оболонскій; вечеромъ-же были у Івана Гамаліи.

9. Обѣдалъ у насъ полку прилуцкого сотникъ монастирискій Іванъ Романовичъ, а послѣ обѣда на малое время былъ у г. Скоропадского, потомъ зъ полковникомъ лубенскимъ вкупѣ отехали въ коммисію.

10. Писано писмо къ архіерею чернѣговскому, преосвященному Амвросію Дубневичу, о дозволеніи заложить придѣлъ при церкви воздвиженской городецкой во имя святого апостола и евангелиста Іоанна и тое писмо включено въ пакетъ до писаря полкового чернѣговского Миткевича, о чемъ и къ нему особливое писмо писано-жъ.

11. Послѣ обѣда отехали до Кочергъ, где за прибытіемъ стали квартерою у бунчукового товариша Івана Филиповского и вечеромъ зъ женою были на греблѣ и на футорѣ Рубановскомъ.

12. Тамъ-же въ Кочергахъ обѣдни слушали, а по обѣдѣ, у оного-жъ Филиповского, былъ у мене значковый козакъ сотнѣ глуховской Іванъ Василенко (vulgo называемый Рудый), который держитъ въ заставѣ три кола млива отъ Стефана Миклашевского; зъ онымъ постановили греблю гатить общимъ коштомъ, и на то въ первый росходъ дано отъ мене осмъ рублей до рукъ Филиповского, о чемъ оттуду-жъ писалъ я и до Стефана Миклашевского, чтобъ онъ и мѣрочника на свою панщину отъ греблѣ не отривалъ; тамъ-же ковалю, що направку де которую коло нашего каменя чрезъ два годы дѣлалъ, данъ 1 р.

13. Зранку были у мене атаманъ и войтъ чаусовскіе, прибывшіе сюда за дѣломъ заводнымъ зъ евдоколцями о грунта у нихъ отнятые. Вечеромъ были капитанша Бранчинова, Иванова Гамалѣина и Пиковчиха у жены моей, а у Івана Гамаліи были брегадиръ Іліинъ, полковникъ Тютчевъ и подполковникъ Семеновъ, проводя Еропкина. Отправлено писмо въ домъ до Козачинского чрезъ козака даріевского, присланного зъ писмомъ отъ атамана погарского, Бѣляя, и писмо отъ г. Скоропадского въ Суворовъ.

14. Обѣдалъ у насъ Федоръ Чуйкевичъ, а по полднѣ былъ я зъ женою у бунчучного Оболонского, где былъ-же полковникъ Тютчевъ, Пиковцева, судія гадяцкій Родзянка и судія вакансовый Лазаревичъ.

15. Пріехалъ зъ дому Романъ Гапоновъ и де що попривозили. Обѣдалъ у насъ сотникъ полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій.

16. Писалъ въ домъ къ старостѣ Лаврѣну Козачинскому и до господаря перегонского Емеляна Шулика и послано на росплату за всѣ лѣтніе мѣсяци за порціи 23 р. битіе чрезъ — —. Зранку былъ у мене бунчучный Оболонскій, а обѣдалъ у насъ сотникъ березанскій Василь Думитрашко-Райча, которій и обявилъ о своемъ до С.-Ибурха отездѣ [216]). Староста товкачовскій Ілія Паленскій прибылъ и привезъ 30 руб. денегъ.

17. Писаны писма до С.-Ибурха, и именно до отца Тодорского, учителя придворного, до камергера Николая Андріевича Корфа, до секретаря Новоторжцова двѣ писми, въ одномъ зъ нихъ зъ включеніемъ табакерки и протчого, до Андрея Горленка и до Федора Мойсеевича Божкова, новопожалованного въ дворяне придворного уставщика, и оные писма и табакерка вручены помянутому сотнику Думитрашку. Вечеромъ былъ я у Івана Семеновича Хрущова, где засталъ и брегадира Ілина и подполковника Семенова.

18. Тотъ-же сотникъ Думитрашко отехалъ въ путь свой; я зъ женою обѣдалъ у Івана Гамаліи и до вечера въ карти играли. Федоръ Ширай прибылъ въ Глуховъ.

19. Рано былъ у енерала. Обѣдни слушалъ въ церкви святой Варвары. Обѣдали у мене Василь Гудовичъ, Семенъ Столповскій, да сотникъ прилуцкій Лукомскій, Романовичъ монастирискій и мглинскій Лисаневичъ, а потомъ пришолъ Федоръ Ширай, а послѣ Іванъ Гамалѣя, да ассесоръ Денисовъ, зъ которымъ пошолъ зъ двора моего и у него были. У полковника Ридера дочь рожденную въ семъ мѣсяцѣ крестили полковникъ лубенскій зъ енералшою Бибиковою.

20. Израна не былъ я въ коммисіи ради вчорашного пьянства. Обѣдалъ у насъ Федоръ Ширай. Староста товкачовскій отехалъ.

---

[216]) О Василѣ Дмитрашкѣ Ранчѣ, см. «Кіевскую Старину» 1885 года, т. XI, стр. 330.

21 и 22. Былъ послѣ обѣда въ судѣ енералномъ для слушанія дѣла челобитствующого о козачествѣ Емеляна Галактіонова и о разореніи ему учиненномъ отъ Василя Кулябки.

23. Рано поздравляли генерала Бибикова и генералшу тезоименитствомъ ея, чего для нѣкоторые у нихъ и на обѣдѣ были, въ томъ числѣ и жена моя.

24. Обѣдали у мене асаулъ полковый кіевскій Шумъ, хоружый полковый нѣжинскій Грива, сотникъ самарскій Журба; а послѣ обѣда ездилъ я къ Івану Гамаліи, а енералъ былъ у г. Скоропадского, где и Марко Марковичъ, прибывшый изъ С.-Ибурха, съ братомъ своимъ Яковомъ былъ-же.

25. Послѣ обѣда мылься у насъ въ банѣ Іванъ Гамалѣя. Куплено для кухара крашенины чорной 10 аршинъ за 42½ к. Хлопцямъ на поясы насистой матеріи за 30 к. Івану 8 аршинъ за 32 к.

26. Обѣдни слушалисмо въ монастырѣ, потомъ перве я самъ былъ у судіи енералного Горленка, потомъ зъ женою у Лисенка, а обѣдалъ въ домѣ и съ нами сотникъ монастирскій Романовичъ. Послѣ полдня былъ у насъ полковникъ лубенскій г. Апостолъ, зъ которымъ ездили по коммисіи нашей для нѣкоторыхъ розговоровъ до обозного генералного г. Лизогуба, где съ нами были и Семенъ Чуйкевичъ и Стефанъ Савіцкій.

27. Інформатору Юнгрансу за прошлогодекую сина нашого науку по число 20 маія сего году дано въ доплату 7 р. 30 к. Рано поздравляли генерала полтавскою баталіею, чего для и самъ онъ былъ въ церквѣ св. Варвары на молебствіи, которое служили зъ многими священниками два архимандриты: одинъ гамаліевскій, Софроный Мигалевичъ, другій нѣжинскій, Модестъ Велецкій.

28. Взято у Пуховича для жены на кунтушъ жолтогорящои рецети по 1 р. 10 к. за локотъ 15 и дано къ пошитю Недѣлченку.

29. Рано званы къ генералу на кушане для тезоименитства его імператорского высочества, великого князя Петра Федоровича. Обѣдню въ соборной церквѣ служилъ архимандритъ нѣжинскій Модестъ Велецкій, молебствіе оба: и онъ, и гамаліевскій, а по молебствіи випалено изъ 21 мартири. Кушали и доволно гулили у генерала, а между обѣдомъ прибылъ изъ С.-Ибурха синъ енералскій Петръ Івановичъ. Во время молебствія прибѣжалъ изъ Переюпу староста Омелянъ Шулякъ зъ тимъ извѣстіемъ, что поручникъ

Кишинскій отобралъ Куровъ и Чубаровъ, которого-жъ старосту сего числа отправилъ обратно изъ словеснымъ и писменнымъ приказомъ. Былъ вечеромъ у Івана Гамалія и у него-жъ видѣлъся зъ Пiроцкимъ.

30. Рано былъ у мене Ширай, потомъ войтъ стародубовскій Коменокъ зъ писаремъ своимъ майстрацкимъ, Савою Терлецкимъ, послѣ г. подскарбій енералный Скоропадскій и полковникъ лубенскій Апостолъ. По обѣдѣ былъ я у подполковника Ладыжинского стороны поручника Кишинского, а потомъ были у мене архимандритъ нѣжинскій Модестъ Велецкій и глуховскій петропавловскій ігуменъ Никифоръ Грибовскій.

Юль.

1. Писалъ къ Чижевскому, что отъ Пiроцкого будетъ отправленъ нарочный зъ писмомъ въ полковую лубенскую канцелярію, дабы чрезъ высланныхъ учиненъ былъ розборъ о спорѣ въ земляхъ зъ слобожанами его и футоромъ нынѣшнымъ Чижевского. Подана въ коммисію економіи челобитная на поручника Кишинского о отобранныхъ имъ деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ. Сего-жъ числа вечеромъ былъ у мене Петръ Лисаневичъ зъ женою своею, которую онъ понялъ въ Москвѣ зъ дому брегадира Ситина дочь.

2. По ранномъ обѣдѣ отехала жена къ дому, которую провожалъ я зъ синомъ за Березу, а оттоль возвратясь, получилъ писмо, что синъ малый весма боленъ въ Перегонѣ; послѣ обѣда-жъ былъ у подполковника Ладыженского стороны поданной отъ мене въ коммисію економіи челобитной.

3. На писмо вчора зъ дому полученное отправилъ отвѣтъ до жены, у мене-же обѣдали Василь Гудовичъ и сотникъ монастирскій Романовичъ, да мглинскій Лисаневичъ, а рано присылалъ полковникъ Тютчевъ служителя звать къ себѣ на завтре, потомъ у енерала будучого мене и самъ просилъ.

4. Обѣдъ кушали зъ енераломъ и зъ протчими у полковника Тютчева ради сегоднешнего тезоименитства его, а отголь пришедъ, засталъ въ дворѣ пріехавшого изъ дому нашего Петрока Троеносенка зъ тимъ извѣстіемъ, что куровци и чубаровци отъ всякого послушенства отказалися, на которое писмо писалъ къ женѣ, чтобъ войтовъ сискала къ себѣ и противныхъ смирила.

5. Весь день былъ въ домѣ и сочиняли проіектъ и дадикацію по коммисіи переводу и своду правныхъ книгъ, а послѣ полдня первей былъ у ассесора Денисова, потомъ заездилъ до Ласкевича и до двигармистра, а надвечери былъ у генерала и подавалъ челобитную о Куровѣ и Чубаровѣ, которую велѣлъ подать утро при собраніи другихъ.

6. Оную челобитную рано подалъ енералу, которую онъ и читалъ; по прочтеніи-же оной въ собраніи сообщено въ министерскую канцелярію и приказано писать доношеніе въ сенатъ, отбирать-ли таковые деревни въ економію, а въ економію указъ, чтобъ во владѣніи намъ тихъ деревень до указу не чинено никакого помѣшателства.

7. О таковой резолюціи и отъ Якова Івановича Денисова мнѣ объявлено, почему заходилъ я и въ канцелярію министерскую.

8. Поданъ репортъ о совершеніи въ переводной и сводной коммисіи правного дѣла, а другое доношеніе отъ коммисіи о отправленіи мене зъ тимъ дѣломъ и другими въ С.-Пбурхъ, и позволеніе получили той коммисіи персоны розездитись по домамъ. Писалъ къ архіерею чернѣговскому за отцемъ Іваномъ Подолскимъ и за синомъ его діакономъ, Іоанномъ-же, которому на дорогу и 1 р. данъ.

9. Рано подписанъ помянутый въ канцеляріи міністерской о Куровѣ и Чубаровѣ указъ. Рано-жъ отехали въ Дунаецъ до г. Скоропадского, куда прибылъ и енералъ зъ енералшою и другіе господа велико и малороссійскіе, где и кушали и весь день пробавили. Я надвечери, простившись тамъ зъ полковникомъ лубенскимъ, отехалъ до Кочергъ и прибылъ туда позно.

10. Обѣдалъ въ Кочергахъ у Стефана Миклашевского, по обѣдѣ былъ у Івана Филиповского, а надвечери оттоль отехавъ, прибылъ позно въ Семеновку и тутъ у Івана Пѣроцкого заночовалъ.

11. Отданъ изъ министерской канцеляріи стороны Курова и Чубарова въ коммисію економіи указъ. Енералъ сегодня зъ Дунайца поворотилъся, да и г. Скоропадскій зъ дѣтми одтоль прибылъ-же.

12. Виданъ изъ коммисіи економіи о томъ-же указъ къ поруччику Кіпинскому. Писалъ писма въ С.-Пбурхъ къ князю Никитѣ Юріевичу Трубецкому, къ секретарю Новоторжцову и къ

Василію Думитрашку вѣрующое писмо зъ приложенною челобитною въ сенатъ о дѣлѣ моемъ стороны деревень Курова и Чубарова.

13. Оный изъ коммисіи указъ отправленъ въ Новгородокъ чрезъ компанѣйца при Каврайскомъ, чрезъ которого о томъ-же и до жены писано. Рано толко побувалъ у генерала, а по обѣдѣ немогъ на диссентерію и на глисты. Ввечеру пожегналъся со мною Столповскій, да у мене-жъ були и сотники прилуцкій полковый Лукомскій и мглинскій Лисаневичъ.

14. Писма писанные въ С.-Ибурхъ включены въ одинъ пакетъ зъ челобитною и еще одно написанное до Думитрашка, и тотъ пакетъ, подписанный на его-жъ имя, отосланъ до Івана Тодорского, чтобъ включилъ въ свой пакетъ отцу брату своему Симону Тодорскому. Отправленъ въ домъ подводчикъ зъ двома наметами и посуда олѣйная чрезъ него-жъ послана при писмѣ къ женѣ.

15. Прибыли зъ дому Грицко и Каврайскій зъ писмомъ. Федоръ Ширай получилъ отпускъ отъ генерала въ домъ на каникулы. Сину Мандзенковому за 12 локотъ блакитного атласу и за аксамитъ чорный заплатилъ 12 рублей.

16. Грицко отправленъ и чрезъ него посланъ ордеръ поручика Кишинского и копія указу къ нему изъ коммисіи економіи о нечиненіи намъ препятствія во владѣніи деревень Курова и Чубарова. Генералу откланялся, токмо велѣлъ удержатися до нѣсколко дней.

17. Хоружый полковый нѣжинскій Грива женился на дочерѣ сотника глуховского Даміана Турянского, рожденной зъ первой жены, и вѣнчалъся зъ ею въ церквѣ святой Варвары. Федоръ Ширай рано, простившись со мною, отехалъ въ домъ свой.

18. Былъ у мене послѣ обѣда хоружый полковый нѣжинскій Грива съ прошеніемъ на свою свадбу, однако-жъ я у него не былъ, хотя другіе господа, да и самъ генералъ, на той свадбѣ были. Старостѣ локнянскому Якову Кучеру за камень у него взятый въ Кочерги—5 р.

19. Слушали дѣла, изъ суда генералного о Соколовского улицѣ и о протчемъ экстрактомъ представленного, потомъ обѣдалъ у мене Іванъ Гамалія зъ Коропцемъ. Ввечеру прибылъ зъ дому съ писмомъ Булаховъ.

20. Обѣдалъ я у Івана Гамаліи зъ обознымъ генералнымъ г. Лизогубомъ, а потомъ и у обозного генералного были. Іову Трубачу, що хлопця Андрея учитъ шмуклерства, даны еще 2 р.

21. Канцеляристъ войсковый, бывшій уже и сотникъ вакансовый, Іванъ Тодорскій преставился въ куренѣ канцелярскомъ на горячку и сего-жъ числа погребенъ въ церквѣ святого архангела Михаила. Сего-жъ числа рано получилъ я отпускъ въ домъ отъ генерала и послѣ обѣда прощалъся зъ брегадиромъ Ілинымъ, полковникомъ Тютчевымъ и протчими. Писма упомянутые подъ 14 числомъ сего мѣсяца отданы г. Денисову къ пересылки въ С.-Пбурхъ.

22. Подано доношеніе въ коммисію економіи о противности куровціовъ и чубаровціовъ и послѣ полдня въ 4 часу отехалъ зъ Глухова, простясь зъ г. Скоропадскимъ, и уже позно прибылъ на ночлегъ въ Локотки, где и ночовалъ въ гаю.

23. Рано поехалъ и, перевезшись чрезъ Десну, прибылъ подъ часъ обѣденъ до Новгородка, где былъ у мене сотникъ новгородскій и обѣдалъ, я-жъ посилалъ къ поруччику Кишинскому съ объявленіемъ о противности куровціовъ и чубаровціовъ, который имѣлъ посилати салдата, но не послалъ. Потомъ самъ я отехалъ передомъ, оставя обозъ поволѣ ити назадѣ, и прибылъ позно уже въ Грямячее; тамъ-же оставя своихъ 2 конѣ и взявъ почтовые лошадѣ за прогоны, отехалъ и прибылъ коло полуночи въ домъ свой до Перегону.

24. Послѣ службы Божой и молебствія заездили въ городнскій дворъ, потомъ обѣдали въ Перегонѣ купно зъ священникомъ отцемъ Михаиломъ, а по полдни посилалъ Іосифа зъ Семеномъ Шупкимъ въ Чубаровъ и Куровъ, чтобъ мужики до насъ явились, но не послушали.

25. О такомъ оныхъ непослушенствѣ писалъ къ поруччику Кишинскому и послалъ писмо въ Новгородокъ чрезъ Мартиненка, о томъ-же и въ канцелярію сотенную погарскую предложеніе послалъ, зъ копіею ордера, отъ оного поруччика отъ 13 числа сего мѣсяца писанного, и оное предложеніе въ Погаръ отправилъ чрезъ племѣнника Іосифа.

26. По тому предложенію, сказовалъ Іосифъ, послать имѣли зъ канцеляріи сотенной погарскэй нарочного зъ инструкціею о сиску въ Погаръ именно показанныхъ противниковъ зъ Чубарова и Курова.

27. Получилъ отъ поруччика Кишинского отвѣтъ и повторенный въ Куровъ и Чубаровъ ордеръ, чтобъ по прежнему тамошные мужики отдавали намъ надлежащее послушенство, зъ которымъ ордеромъ, тако-жъ и зъ прежнимъ посланъ паки въ Погаръ Іосифъ, чтобъ зъ нимъ кого отъ уряду послано въ тѣ деревнѣ, но и того оные мужики не послушали.

28. Рано отехалъ я въ Погаръ и писменно знову предлагалъ къ сотнику зъ урядомъ, чтобъ послали нарочныхъ по инструкціи, которіи куровцямъ и чубаровцямъ витолковали-бъ силу указу, къ поручику Кишинскому изъ коммисіи економіи писанного, и ордеровъ его къ нимъ писанныхъ. Я-жъ, отобѣдавши у сотника, поехалъ черезъ Куровъ, где засталъ мужиковъ въ собраніи, которіи какъ на самого мене порвались съ дубьемъ, такъ служителей моихъ, а особливо старосту Омеляна Шулика жестоко били, и на силу мы ушли отъ оного мужичого разбою. Прибывъ-же въ домъ, засталъ тутъ сотника мглинского Лисаневича, который у насъ и почовалъ.

29. Сочинена челобитная въ Глуховъ въ канцелярію енералную, въ Стародубъ—въ канцелярію полковую и въ Погаръ—въ сотенное правленіе о здѣланномъ вчора надъ нами отъ куровціовъ гвалтѣ. Рано пріехалъ къ намъ въ Перегонъ Федоръ Ширай зъ своею женою и молодіи Скорупны, Іванъ и Павелъ, отобѣдавши-же отехали, а надвечери пріездили зъ Погару отъ уряду присланные для осмотру на старостѣ побоевъ.

30. Послана челобитная въ погарскую сотенную канцелярію, а одтоль прислана ко мнѣ при писмѣ сотничомъ копія доездного доношенія, отъ писаря ратушного Барлуя, зъ товарищемъ въ Куровъ посиланного, сотнику поданного. Протопопъ погарскій отецъ Кибалчицъ былъ у мене въ Перегонѣ, которому и указъ архіерейскій врученъ о заложеніи придѣла во имя святого Іоанна Богослова при церквѣ городиской.

31. При писмѣ къ полковнику стародубовскому г. Максимовичу послана челобитная моя въ полковую стародубовскую канцелярію чрезъ Грицка и писмо до писара судового Косача, а въ Глуховъ такожде челобитная и писма къ гг. полковнику Тютчеву, подскарбію Скоропадскому, писарю Руновскому, Івану Пироцкому и къ Денисову, писанные подъ 29 числомъ сего теченія; вручены племѣннику Іосифу. Писалъ такожде въ Товкачовку чрезъ подводчика тамош-

нiго, который прiездилъ зъ Даниломъ Качановскимъ, и чрезъ того-жъ подводчика послана пряжа, 300 пасомъ, суконная. Посвящали столовую избу и комнату и свѣтелку, что при комнатѣ.

Августъ.

1. Рано отехалъ Iосифъ къ Глухову зъ вишенамѣненными писмами, которому и денегъ дано 50 к., а съ нимъ-же и подводчикъ товкачовскiй. Чрезъ Iосифа посланы до п. Скоропадского двѣ парусные полотны. Вечеромъ переехалъ я зъ Василкомъ въ дворъ городискiй, прiехавши зъ Василiовки.

2. Ездили на заворье до женцовъ, где видѣли премного вибитого якъ нашого, такъ и людского жита градомъ.

3. Писалъ полковникъ стародубовскiй, объявляючи, что посланъ указъ къ сотнику погарскому о забранiи предводителей къ бунтовству и розбойному нападку и присилки оныхъ въ полковую канцелярiю, и прислалъ на чисто переписанную челобитную для закрѣпи, которую, въ пакетъ включивъ, послалъ къ Турку при картѣ для отсилки въ Стародубъ. Сего числа и жена съ дѣтми переехала въ городискiй дворъ.

4. Получилъ писмо зъ Глухова зъ копiею повторного указу, зъ коммиссiи економiи къ поруччику Кишинскому 25 iюля посланного, и писалъ въ Глуховъ къ канцеляристамъ Андрею Липину и Тимофiю Закровiецкому, такожъ и до племѣнника Iосифа Ханенка, и тые писма отправлены чрезъ козака новгородского для отсилки оныхъ зъ Новгородка въ Глуховъ.

5. Былъ у насъ въ Городищѣ писаръ сотенный погарскiй, объявляючи, что отправленъ онъ съ командою для взятiя мужиковъ въ Куровѣ и Чубаровѣ, токмо никого не сыскалъ. Посланы при писмахъ моихъ къ полковнику стародубовскому г. Максимовичу и къ сотнику погарскому Соболевскому копiи повторного указу, изъ коммиссiи економiи къ поруччику Кишинскому посланного.

6. По имѣвшейся передъ священникомъ отцемъ Михаиломъ Пулчевскимъ исповѣди удостоились по милости Божiей святого причащенiя. Дано Гаврилку Чаплѣ василювскому на куплене куфи на горѣлку 34 к. Писалъ племѣнникъ Iосифъ зъ Глухова, что по поданной моей челобитной августа 3 дня учинена резолюцiя: послать указы о послушенствѣ куровцiовъ и чубаровцiовъ Кишинскому,

а о продерзости и нападеніи, отъ нихъ учиненномъ, въ полковую стародубовскую канцелярію о изслѣдованіи.

7. Сотникъ погарскій при писмѣ своемъ прислалъ обратно копію повторного указу, изъ коммисіи економіи къ поручику Кишинскому писанного, и объявляетъ, что мужики куровскіе и чубаровскіе пошлются въ полковую стародубовскую канцелярію подъ карауломъ безъ допросу о томъ повторномъ указѣ.

8. Былъ я зъ синомъ Василемъ на Василювцѣ и отобралъ тамъ денегъ валюшныхъ у Гаврила Чаплѣ 1 р. 30 к., изъ которыхъ заплатилъ винику за 6 становъ 36 к.

9. Посиланъ Каврайскій въ Погаръ для нѣкоторыхъ покупокъ, на якіе пошло 95 к.; онъ-же тамъ и челобитную подалъ на козаковъ куровскихъ Шмару и Зубова.

10. Послѣ полдня былъ у насъ сотникъ погарскій Соболевскій и обявлялъ, что противники куровскіе и чубаровскіе побраны подъ караулъ и пошлются до Стародуба завтра.

11. Ничего не случилось.

12. Писалъ писма въ Глуховъ до г. Скоропадского о теслѣ Івану и до Іосифа зъ прилогомъ писма и до старости товкачовского о нѣкоторыхъ домовыхъ дѣлахъ и оные писма отправлены нарочными лукинцями. Отписалъ и до Андрея Миклашевского, звавшого насъ на весѣля пасинка своего Василя Жураковского, понимаючого дочь у войта нѣжинского Тарнавіота.

13. Указы ко мнѣ 1 до полковника стародубовского, другій, третій до поручика Кишинского стороны курувцювъ и чубаровцювъ, да писма отъ г. Скоропадского, отъ племѣнника Іосифа и изъ С. П. Бурха отъ Андрея Горленка привезены ко мнѣ чрезъ компанѣйца старого чесникового полку, Лукіяна Петрова.

14. Оного компанѣйця зъ указомъ, до поруччика Кишинского надлежащимъ, отправилъ къ Новгородку, а самъ по обѣдѣ отехалъ зъ женою и синомъ до Стародуба, куда и прибылъ уже позно.

15. Рано былъ у полковника Максимовича и отдалъ ему указъ зъ енералной канцеляріи о куровцяхъ и чубаровцяхъ. Потомъ перво жена, а послѣ и я отехали до Нижніого на веселля къ Андрею Миклашевскому, который пасинка своего Василя Жураковского выправлялъ для женитбы въ Нѣжинъ на дочери тамошнего войта Петра Стеріевича, и тамъ въ Нижнемъ застали мы Федора Ширая

зъ женою, Григорія Скоруппу съ сыномъ Павломъ, Федора и Александра Корецкихъ зъ женами, Петра Іскрицкого и Сенюту попа, намѣстника стародубовского, зъ женою, где послѣ обѣда виправленъ молодый зъ своею ассистенціею, а протчіе отехали по домамъ, я-жъ зъ женою тамъ въ Нижнемъ и ночлегъ имѣли.

16. Тамъ-же послѣ службы Божой обѣдали и весь день пробавили, да уже ночю прибыли до Стародуба въ домъ свой.

17. Былъ я въ канцеляріи полковой, где мужиковъ куровскихъ начали допрашивать. Вечеромъ былъ у мене Григорій Скоруппа.

18. Приходили мужики куровскіе и чубаровскіе мене перепрошовать. А обѣдали у мене-жъ писари полковый и судовый, да Іванъ Скоруппа, потомъ пришелъ и Іскрицкій.

19. Знову былъ я въ полковой канцеляріи для присутствія при мужичихъ допросахъ, где былъ и полковникъ Максимовичъ.

20. Жена отехала рано, а у мене обѣдали канцеляристы Данило Короткій и Евфимъ Федорюченко, да попъ Алексій Хелкидоцкій.

21. Слушалъ обѣдни въ церкви святой Варвари, что при вознесенской церквѣ, потомъ заездилъ къ сотнику Коменку на водку. Обѣдали у мене атаманъ мглинскій Матвѣй Суханскій, да канцеляристъ Федорюченко. Надвечери заездилъ ко мнѣ дядя жены моей, Андрей Миклашевскій, а потомъ былъ я въ дворѣ своемъ у Петра Романова и у Гришки Гуриновского, послѣ-же и у Андрея Золотаря былъ за шаблею, которой на позолоту дано ему отъ насъ 4 червонія золотіи, а въ оной шаблѣ срѣбра вѣсомъ 184 золотники осмои пробы. 21 сего числа полковникъ полтавскій Василій Василіевичъ Кочубей преставилъся.

22. Подали куровци и чубаровци челобитную повинную въ полковую стародубовскую канцелярію, по которой опредѣлено: оную челобитную взнесть при доношеніи въ войсковую енералную канцелярію, а ихъ за порукою и подписками отпустить для исправленія подлежащыхъ имъ работъ. Вечеромъ былъ я у Андрея Миклашевского и съ онымъ и сожителницею его пожегнался.

23. Въ 9-мъ часу пополудни убрався я віехалъ зъ Стародуба и заездилъ до Гринева къ Федору Шираю, где и кушалъ, а оттоль поехавъ завременно прибылъ въ Городище.

24. Отправленъ въ Куровъ Грицко Дмитровъ и отданъ ему приказъ высылать тамошныхъ мужиковъ на пригонъ и самому ему

тамъ быть. Сего-жъ числа на ночь къ намъ прибылъ въ Городище Іванъ Гамалѣя со всѣмъ своимъ домомъ, едучи изъ Клепалъ до Юдинова.

25. Отобѣдавъ у насъ, оный-же Іванъ Гамалѣя отехалъ къ Юдинову. Я получилъ изъ канцеляріи полковой стародубовской при писмѣ полковничемъ копію челобитной, отъ куровціовъ и чубаровціовъ поданной, съ повинною о своихъ противъ мене и въ протчемъ преступленіяхъ.

26. Отправлено представленіе письменное въ полковую стародубовскую канцелярію стороны оной-же челобитной и вѣдомость послана въ сотню полковую стародубовскую, что въ деревнѣ Случку на скупляхъ нашихъ вибито градомъ жита копъ на 180, а въ Курковичахъ на 65. Сего-жъ числа війшло на приговъ зъ Курова 56, зъ Чубарова 26—на сѣнокосъ и на жнива и сѣвбу.

27. Отправленъ Василь Суходолскій въ Случокъ и до Стародуба зъ писмомъ къ Андрею Миклашевскому, ознаймуючи о проездѣ Івана Гамаліи къ Юдинову-жъ, и послано ему 6 кавуновъ.

28. Послано писмо къ Чеху въ Курковичи о привозѣ дубового бруса и о протчемъ. Были у мене лукинци стороны заводу своего зъ дарієвцями, недавно оными-жъ дарієвцями зачатого.

29. Послано чрезъ Омеляна Чеха 3 колеса въ Курковичи для придѣланя еще 3-хъ до нихъ и велено ему-жъ старатися бруса дубового вивезти.

30. Прибѣралъся, а 31 послѣ обѣда віехалъ къ Стародубу на сватбу до Андрея Миклашевского, и прибыли туда уже позно при великой дождевой непогодѣ, которая вчора и сегодня цѣлые дни продолжалась; мимоездомъ былъ у Петра Горленка въ Мироновцѣ [217]).

Septeврій.

1. Послѣ обѣдень зехались званныи гостѣ въ домъ Андрея Миклашевского, а послѣ полдня прибыли и веселные персоны, а именно Василій Жураковскій, пасынокъ его Миклашевского, зъ своею новобрачною женою Анною, нѣжинского войта Петра Стеріевича Тарнавіота дочерью и съ протчими, имъ при сватбѣ въ Нѣжинѣ

[217]) Петръ Акимовичъ Горленко женатъ былъ на внукѣ стародубского полковника Тимофея Алексѣева; Мироновка отдана была ему въ приданое.

ассистовавшими, и по обыкновенію, какъ вехала оная сватба, при играни полковой стародубовской музики, въ Городокъ и въ домъ, то начали банкетовать, что продолжалось при звычайныхъ веселныхъ забавахъ даже близъ полуночи.

2. И сего числа у отца и матки новобрачныхъ кушали и весь день даже до позна въ ночь веселились всѣ присутствовавшіе и пріежжіе гостѣ, а полковникъ Максимовичъ зъ своею женою отехалъ къ Фоевичамъ[218]) по указу.

3. Рано были у мене разные персоны мужеска и женска полу съ вѣзитою, въ томъ числѣ и новобрачные, а потомъ паки кушали въ домѣ Миклашевского и раздѣленъ былъ веселный коровай, а надвечери отехали зъ Стародуба и прибыли позно въ Левенку, где и ночовали, обще зъ Іваномъ Гамалѣею, въ домѣ Федора Корецкого.

4. У него-жъ Федора Корецкого и обѣдали, а послѣ обѣда Іванъ Гамалѣя отехалъ въ свой домъ, а я, заехавъ къ Александру Корецкому, у него-жъ и ночовалъ.

5. Послѣ обѣда у Александра Корецкого, где кушалъ съ нами и Петръ Горленко, отехали въ свой домъ до Городища и тутъ позно уже прибыли.

6 и 7 чиселъ пробавилъ въ домѣ въ Городищѣ.

8. Ездили въ Стечну для посѣщенія Феодоры Галецкой, генералной бунчучной[219]) и тамъ, по выслушаніи набоженства, у ея кушали и пробавили весь день, да уже позно въ домъ возвратились.

9. Жена еще вчора, а сего числа горше захоровала на голову, а вечеромъ

10 прибылъ отецъ Петръ Кибалчицъ, протопопъ погарскій, съ отцемъ Костантіемъ Гилемъ, священникомъ афанасіевскимъ погарскимъ и зъ діакономъ, въ Городище, для заложенія придѣла при здешней церквѣ.

11. По отправленіи всенощного бдѣнія и утренѣ и литургіи, отправа была отъ того-жъ протопопа погарского, зъ присутствующими священниками и діакономъ, съ церемоніею заложенія придѣла въ імя святого апостола и евангелиста Іоанна Богослова, хотя при великомъ дождѣ, и между протчимъ въ заложеніи того придѣла

---

[218]) Фоевичи—село новозыбковскаго уѣзда.

[219]) Вдова Семена Яковлевича Галецкаго. См. примѣч. 25.

положенъ камень подъ стѣною алтарною и въ немъ въ мѣстѣ висѣченномъ вложена оловяная таблица, а на оной напись таковая: «Въ імя Отца и Сина и Святаго Духа, основася сія церковь въ честь и память святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова, при державѣ благочестивѣйшей великой государыни императрицы Елисаветы Петровны, тщаніемъ и иждивеніемъ хоружого енералного Николая Ханенка, 1743 году сентемврія 11 дня». А по окончаніи той закладной церемоніи церковной кушали у мене протопопъ со всѣмъ священствомъ и причетниками церковными, а по кушаню, давъ протопопу 2 р., отцу Гилю 1 р., дякону и причетникамъ 65 к., отпущены они во свояси.

12. Отпущенъ житель лотоковскій Макаръ Ивановъ Коваль, которій приносилъ намъ оттуду письма отъ Федора Пригари, и чрезъ него-жъ Коваля посланъ нашъ отвѣтъ къ тому-жъ Федору Пригарѣ и писмо въ дѣлѣ его зъ Озерскимъ, до писаря полкового стародубовского писанное. Да отъ него-жъ Пригари присланные денги 9 р. 80 к. и куница приняты. Писма 1-е до г. Скоропадского противъ его писма и о теслѣ Іванцѣ, 2-е до племѣнника Іосифа писаны въ Глуховъ.

13. Оные писма отправлены въ Глуховъ чрезъ Отрошку, служителя Шираевого, а надвечери былъ и самъ Федоръ Ширай зъ братомъ своимъ Михайломъ и Павломъ Скорупною, едучи до Глухова.

14. Послѣ службы Божой и процессіи кушали у насъ священникъ Григорій борщевскій, и здешній городискій, и де которіе мирскіе люде, а рано сего числа отправленъ компанѣецъ до Новгородка зъ указомъ до поручника Кишинского и зъ писмомъ отъ мене до новгородского сотника, который вчора и ко мнѣ привезъ изъ войсковой енералной канцеляріи указъ стороны того-жъ поручника Кишинского и мужиковъ куровскихъ и чубаровскихъ, изъ коихъ нѣкоторые, въ томъ числѣ и Іванъ Лобъ, были у насъ въ Городищѣ.

15 и 16 ничего не случилось, кромѣ-что сего числа отправленъ Стефанъ Каврайскій зъ Іваномъ Лобомъ въ Стародубъ и чрезъ нихъ послано отъ мене о томъ-же Лобу писменное въ полковую стародубовскую канцелярію представленіе, да и до сотника новомѣского писалъ, припоминаючи о дѣлахъ съ Пригаровскимъ заводныхъ, чтобъ оные рѣшили.

17. Зъ ранку великая была стужа, а послѣ полдня немалій снѣгъ знатними пластами падалъ.

18. Давидъ Дударъ, Савкинъ отецъ, должныхъ намъ два рубли денегъ отдалъ, и еще на немъ 1 р. имѣется, и тотъ отдалъ. Шести теслямъ, которые работаютъ придѣлъ при церквѣ, дана плата 1 р. 25 к. за тиждень.

19. Рано отправленъ шапочникъ Максимъ, которому за роботу шапокъ и кучомъ дано 90 к. и чвертка жита; чрезъ него-жъ послана моя шабля добрая и писано о нѣсколкихъ домовыхъ дѣлахъ до Каврайского. Изъ Стародуба привезены два казаны винничные, направленные Карпомъ котляремъ, и 9 трубъ, а передъ симъ онъ-же направлялъ въ Курковичахъ трубу одну, а одну новую дѣлалъ. Ночовалъ я зъ синомъ на Василіовцѣ. Въ одномъ казанѣ дно новое приробленo.

20. Противъ сего числа згорѣла сосна наша съ пчолами бортная въ рощи, въ которой найпервей подрѣзовали медъ вчора; да въ Перегонѣ гумно Микруково згорѣло. Мы вже послѣ полдня зъ Василіовки прибыли въ Городище.

21. Писалъ къ Івану Гамаліи въ Юдиновъ о присилки мнѣ снѣцара, въ дворѣ его погарскомъ мешкаючого, для здѣланіи оконницъ. Ввечеру и самъ Іванъ Гамалѣя зъ женою и зъ дѣтми прибылъ къ намъ въ Городище и тутъ ночовалъ.

22. Обѣдалъ у насъ Гамалѣя, отехавъ къ Глухову, а одтоль имѣлъ слѣдовать до Клепалъ. Послѣ полдня былъ у насъ въ Городищѣ, мимоездомъ до Кролевца, сотникъ погарскій Соболевскій, которому на покупку двухъ футеръ заячихъ и троихъ замочковъ тулскихъ даны 4 р.

23. Прибыли лотоковскіе подводы, на которыхъ привезено данѣ меду пудъ 10 и 17 ф., да отъ войта Федора Фирсова пудъ за пенку, отъ Прокопа Коновала данѣ пудъ и зъ нашей сосни 38 фунтовъ, и того всего 13 пудъ и 7 фунтовъ, да бочку діогтю, куль опенковъ, лубку сушеныхъ черницъ и бочку брусницъ, бересту пять копъ.

24. Ездилъ я на Василіовку и тамъ оставилъ нового винника, зъ Лотоковъ привезенного, Івана Николаева зъ женою, да тамъ-же показивано отъ мене и отъ старосты Омеляна Шулика Іакову Товарницкому, что надлежитъ справовать. Видрали еще съ одной

сосни медъ въ рощѣ нашей. Староста посланъ въ чолнскій монастырь съ писмомъ о дровахъ.

25. Кравцю, въ дворѣ нашомъ стародубовскомъ мешкаючому. Максиму за купленную передъ симъ у него за 4 р. бочку діогтю доплачено 2 р. Прокопу, коновалу лотоковскому, что холошалъ 10 бичковъ и справлялъ коней, дано 20 к. Теслямъ 6-ти, придѣлъ церковный работаючимъ, далъ 1 р. 25 коп. Писано писмо къ сотнику почеповскому о рибалцѣ чаусовскомъ Архипу и о племѣннику его, какой они породы.

26. На праздникъ къ намъ въ Городище пріездилъ отецъ протопопъ погарскій Кибальчицъ, зъ священникомъ николскимъ отцемъ Михаиломъ и діакономъ, где по службѣ Божой, соборомъ отправованной, была процессія, а потомъ у насъ всѣ священники и причетники обѣдали и до вечера просидѣли, а надвечери пріездилъ до насъ войтъ погарскій Климъ Пісоцкій зъ писаремъ ратушнымъ Барлуемъ. Сего-жъ числа опредѣленъ сынъ отца Михаила Іванъ дякомъ, а Іаковъ поповичъ паламаремъ.

27. Присланы зъ Погара два столяри для роблена окончипъ и швецъ Стефанъ, которому дано дѣлать для мене 1 сапоги, для сина Василя двое сапоговъ, двое бачмаковъ, и на подошвы дано 20 к.

28. Іванъ Маджуга, которій присталъ былъ служить къ намъ, отклонилъся, которому дано 30 к., и чрезъ него-жъ послана карта въ Стародубъ къ Гришку стелмаху, чтобъ купивши двѣ штуки крашенины прислалъ.

29. Отправленъ Каврайскій въ Стародубъ и въ Лотоки за нашими домовими, на письмахъ ему порученными, дѣлами и дано ему 20 к. Послѣ полдня отехалъ и я въ Курковичи, куда позно уже прибылъ. Зъ сего числа противъ

30 въ ночѣ вигорѣли всѣ комори въ Стародубѣ на ринку и церковъ соборная Рождества Христова звнѣ згорѣла и колоколня зъ дзвонами Ново-Николской церкви. Былъ на винничномъ заводѣ и осматривалъ тамошнего футора, а въ вечеру былъ у мене священникъ здешній курковскій, отецъ Семенъ Тимоновичъ. 30-жъ числа въ домѣ моемъ городискомъ былъ інженіръ прапорщикъ Молчановъ и описалъ тамошные всѣ хоромы наши для проезду монаршего, имѣючого быть на предбудущей веснѣ.

Октоврій.

1. По службѣ Божой былъ у мене священникъ курковскій отецъ Симеонъ Тимоновичъ и атаманъ, а значковый Козловскій у мене-жъ и обѣдалъ. Вечеромъ припровадили зъ Стративы Ярему Римара отъ Василя Рубця.

2. Рано передомъ отправилъ кухара въ Андрѣйковичи, а самъ, вислушавъ обѣдни въ Курковичахъ, туда-жъ отехалъ, а при отездѣ далъ Омеляну Чеху 4 р. на кухфи и другіе потребности къ винницѣ, оные-же деньги взяты у шинкаря Флора. Въ Андрійковичахъ отобѣдавъ, заездилъ въ Борщевѣ до Григоріевой Гамаліиной и позно уже прибылъ въ Городище.

3. Посилалъ старосту въ Стечну до Галецкой, бунчучной енералной, сторони выправи плотниковъ до Глухова, дабы оныхъ зъ еи и нашого владѣній вкупѣ виправлять.

4. Получилъ повторный указъ о поездѣ въ Глуховъ, отъ 27 сентабря чрезъ компанѣйця присланный, а первый указъ, отъ 7 сентабря писанный, дойшолъ мене въ Курковичахъ сего мѣсяца 1 числа.

5. Былъ у мене капитанъ 2 роти нарвскаго драгунского полку Александръ Петровъ синъ Карцовъ, которого и обослано зъ дому нашего сѣномъ, овсомъ, живностю и питемъ.

6. Пріездилъ ко мнѣ въ Городище полковый квартирмейстеръ рижского драгунского полку Хомутовъ, чтобъ приказать въ домѣ моемъ перегонскомъ занять квартеру для ночлегу того-жъ полку полковнику Петру Івановичу Олицу. Виправлена передомъ моя коляска дорожная и ящикъ къ Глухову. Умовляли старосту Омеляна Шулика на годъ за 10 р., токмо онъ еще совершенно не договорился, взялъ себѣ до разсужденія. Умовили столяровъ погарскихъ на зроблене 11 оконницъ двойныхъ и лиштовъ до 11 оконъ и одныхъ дверей, и за то имъ плати поступлено отъ всякого окна по 15 к., да на обоихъ осмачка жита.

7. Рано, простясь зъ домашними, віехалъ въ путь къ Глухову и переехавъ чрезъ Десну въ Каменѣ, попасалъ коней въ Кренидовцѣ, а оттоль прибылъ на ночъ въ Хилчицы, где и ночовалъ у товарища войскового Чорнацкого.

8. Одтоль віехавши рано, ехалъ при великой дождевой непогодѣ и самъ передомъ пріехалъ въ Шатрищи и сталъ на попасъ

у Іосифа Лукашевича, а потомъ нескоро уже возки прибыли и ради бывшого чрезъ весь день дожджа принужденъ тутъ-же и ночовать.

9. Рано віехавъ зъ Шатрищъ, слушалъ обѣднѣ въ Ямполѣ, а потомъ поехавъ оттоль, весь день за непогодою ехалъ къ Глухову и уже надвечери туда прибылъ, где въ дворѣ моемъ засталъ Федора Ширая и Павла Скорупу, которіи объявили, что назначено мене къ смотренію мостовъ, гатей и прочего по тракту отъ Глухова до Кіева.

10. Былъ первей въ канцеляріи генералной и тутъ виталъся зъ полковникомъ Тютчевымъ, потомъ у генерала и тамъ видѣлся зъ генералнымъ судею Лисенкомъ и асауломъ Валкевичемъ, где тожъ мнѣ обявлено, что и вчора Ширай. Отправлены конѣ сивые 4 и вороныхъ тоже 4 чрезъ Гамаліенка и козаковъ погарскихъ.

11. Чрезъ Юденка посланы въ домъ желѣза штабы 3, камень, вибойки локотъ 11, хустку блакитную, чаю фунтъ, хутро заячое, чулочки Івасевѣ, и за тое все дано 7 р. 18 к., да отъ доктора алоесъ, олѣекъ пинамоновыхъ, дріакву венецкую, каплѣ и мазь на сверботу, 2 волочки, цефалики, баранковъ 50, и о томъ всемъ, тако-жъ и отправѣ моей писалъ къ женѣ.

12. На сочиненномъ писмѣ о роздѣлѣ рубановскихъ добръ на 3 части подписались Валкевичъ за свою дочь, я за свою жену. Ширай за себе, за братовъ и сестеръ, за сотничку іченскую Стороженкову, нѣкоторыхъ Требінскихъ, а за Пиковчиху мужъ еи Пиковець, и такіе писма всѣмъ троімъ сторонамъ, особливо всякой, подаваны зъ тѣмъ договоромъ, чтобъ тые всѣ добра первей списать, а потомъ на равные части дѣлить.

13. Отобралъ я совсѣмъ къ отправѣ своей експедицію къ строенію мостовъ, гатей и прочего для шествія къ Кіеву ея і. величества. Іову трубачу, хлопця Андрушка обучаючому шмуклерства, данъ за науку 1 р., да бѣлой жички (пряжи) для офарбованія блакитнымъ цвѣтомъ—на чубы, серги и лѣйци до шестернѣ, два клубки въ 15 фунтовъ.

14. Отправленный при мнѣ канцеляриста войсковый Антонъ Яновскій отобралъ деньги на 7 подводъ, прогонные на весь путь до Кіева и обратно, зъ канцеляріи зборовъ. Ввечеру віехалъ я совсѣмъ зъ Глухова, а при віездѣ далъ 1 р. 50 к. Івану Мойсееву теслѣ въ отроботокъ, которого велѣлъ отправить въ домъ нашъ до Городища для роботы коло будинку, и объ немъ и о

прочемъ писалъ къ женѣ, да зоставилъ у сина Василя 2 р.—1 р. для его, другій для господинѣ Ганны. Віехавши зъ Глухова, ночовалъ я въ Семеновцѣ у Піроцкого, а возки отправлены до Обложекъ.

15. Рано заездилъ въ Дунаецъ и тамъ видѣлъся зъ г. Скоропадскимъ, одколь Павелъ Скоруппа поехалъ въ Рубановку для описѣ оной и прочего, а я отехалъ на Полошки и прибывъ въ Обложки, тутъ засталъ своихъ людей и де що тамъ роспорядивъ, поехалъ въ Тулиголовы, а оттоль прибылъ ввечеру до Кролевця.

16. Зъ Кролевця отправлены предложенія въ полки стародубовскій, чернѣговскій и нѣжинскій, да въ сотнѣ ямполскую, воронежскую, коропскую, новомлинскую и новгородскую о висилки работныхъ людей на дистанціи отъ Глухова до Кролевця, а на ночь прибылъ въ Алтиновку. Одселя, подъ сею датою, зъ Кролевця прописанною, отправленъ въ войсковую енералную канцелярію репортъ о дистанціи отъ Глухова до Кролевця.

17. Рано зъ Алтиновки поехавъ, обездили прямой трактъ въ правую сторону и намѣрали той обездки 9 верстъ, потомъ проехавъ Ксендзовку, поѣхали влѣво отъ болшого тракту и пріехавъ до Мостищъ, тутъ встрѣтилъся зъ синомъ покойного полковника полтавского Василія Кочубея, Семеномъ Кочубеемъ, возвращаючимся зъ Кіева, а послѣ прибывъ въ Батуринъ, тутъ сталъ квартерою у вдовы Стожковой и тутъ-же ночовалъ. Одселя отправлены предложенія въ полкъ чернѣговскій и въ сотнѣ новомлинскую, конотопскую и бахмацкую о висилки роботныхъ людей на дістанцію отъ Кролевця до Батурина и въ Батуринъ. О той-же дістанціи и въ войсковую енералную канцелярію репортъ на почтѣ отправилъ, въ которомъ включено къ Іосифу и въ домъ мой писма.

18. Віехавши зъ Батурина, мѣрили трактъ вправо, обезджая село Палчики, и намѣрили той обездки 13 верстъ и 400 сажень до мосту, что на Дочѣ, зъ чего явилось, что накладу токмо будетъ двѣ версти безъ ста сажень, переехавъ-же мостъ ветхый на Дочѣ, тутъ засталъ сотника борзенского Пантелимона Забѣлу, для строенія вновь того мосту отправленного; потомъ прибывъ въ Шаповаловку, тутъ пообѣдавъ и за розгряженною отъ дожча дорогою не рано пріехалъ въ Борзну и тутъ ставши квартерою въ домѣ сотничомъ, ночлѣгъ имѣлъ. Сего-жъ числа рано отпустилъ зъ Батурина коней верхового вороного и 2 гнѣдыхъ лисыхъ зъ кулбакою и протчихъ

въ Товкачовку, и послано къ тамошнему старостѣ писмо чрезъ Федора Шейну и чрезъ компанѣйця.

19. Зъ Борзны отправлены предложенія полку прилуцкого въ сотнѣ монастырскую, ічанскую, іваницкую, красноколядинскую и въ смѣлянскую полку лубенского о висилки людей на дістанцію отъ Батурина до Нѣжина. Одтоль поехавъ, обѣдалъ въ Комаровцѣ у священника отца Федора Коніскаго, а потомъ віехавъ зъ Комаровки, на 3 верстѣ обездили шляхъ болшый и паки на болшый зехали на 8 верстѣ отъ Нѣжина и прибывъ въ Нѣжинъ, сталъ квартерою у писаря майстратового Григорія Коніского.

20. Обѣдалъ у хазяина своего, а рано были у мене старшина полковая и войтъ Стеріевичъ зъ майстратомъ, послѣ полдня-же былъ и полковникъ у мене, зъ которымъ ездили осматривать мосту на Острѣ, потомъ и у него былъ.

21. Обѣдалъ у полковника и весь день у него пробавилъ, а рано учинили росписаніе, кому на которой дістанціи смотрѣть роботы.

22. Рано былъ у мене полковникъ, а обѣдалъ я у войта Стеріевича и до позна у него проседѣлъ, гдѣ при мнѣ получилъ онъ войтъ писма отъ синовъ своихъ изъ С.-Пбурха зъ сообщеніемъ печатного мирного трактату съ шведами.

23. Слушали зъ полковникомъ обѣднѣ въ церкви греческой, потомъ ездили за городъ, куда надлежитъ мосты дѣлать, осматривать и заездили къ архимандриту отцу Модесту Велецкому, а обѣдалъ въ квартерѣ.

24. Куплено бѣлого желѣза за 20 к. и конвісару (жестяннику) за роботу дано 20 к., Грицку кожухъ купленъ 1 р. 50 к., кухару шапка и рукавици 40 к., за губку 7 к., за двѣ судна 10 к. Обѣдалъ зъ полковникомъ у Івана Кумборлѣя, откупщика полковъ нѣжинского и чернѣговского.

25. Рано были у мене братство греческое стороны мощенія улицъ греческихъ, о чемъ предложено отъ мене писменно понуждать грековъ полковнику нѣжинскому и чтобъ онъ-же по всѣмъ дістанціямъ въ полку своемъ роботъ надсматривалъ. Рано отправилъ писма въ Глуховъ чрезъ коммісара полкового нѣжинского, Якова Малуху, до Скоропадского, до Руновского зъ приложеніемъ и челобитной на поручика Кишинского, да до сина Василя, и послалъ къ нему-жъ сахару голову, два чаи, шесть булокъ и собачку Шмигелского.

Отобѣдавъ на квартерѣ, віехалъ и мимоездомъ былъ у войта Стеріевича, потомъ прибылъ уже позно до Носовки.

26. Рано отправленъ репортъ въ Глуховъ о всемъ, что здѣлалось въ Нѣжинѣ, потомъ самъ отехалъ въ Адамовку до госпожи Розумовской, где засталъ сватбу отправляючуюсь племѣнницѣ еи Матронѣ зъ Григоріемъ Помаранскимъ, поповичемъ богословскимъ стародубовскимъ, чего ради я тамъ и обѣдалъ и до позна пробавилъ, да уже ночю отехавъ, прибылъ въ Козари, въ дворъ полковника кіевского и тутъ засталъ сватбу вдовы Борсучки, у которой понялъ дочерь писаръ полковый переяславскій Каніевскій [220]).

27. Рано поехавъ зъ Козаръ, прибылъ въ Козелецъ и тамъ сталъ квартерою въ дворѣ небожчика Николая Олховского, а обѣдалъ у асаула полкового Матвея Шума.

28. Обездилъ по-за городомъ Козелцемъ, осматривая удобного тракту до башти нѣжинской и обискалъ на Карашню. Полковникъ кіевскій Танскій прибылъ въ Козелецъ и былъ у мене, которому что надлежало, предлагалъ. Обѣдалъ у отца Івана и по обѣдѣ былъ у дядка Федора Ханенка старого. За ленту до трости и дзигарка даны 20 к., Роговскому 1 р.

29. Рано былъ у полковника и обѣдалъ у дяди Федора Ханенка. Вчора отправлены предложенія о висилки роботниковъ въ полки лубенскій, миргородскій, гадяцкій, переяславскій, да въ прилуцкій о бунчуковому товарищу Михайлу Марковичу.

30. Поутру приходили до мене писарѣ полковые Якимъ Каніевскій, новооженившійся на дочерѣ Борсуковой, и Зиновій Борсукъ кіевскій, зъ хлѣбомъ веселнымъ и зъ хусткою, и просили у себе отобѣдать, почему я и полковникъ Танскій у вдовы Борсуковой купно зъ старшиною полковою и обѣдали и до позна просидѣли. Сего-жъ числа отправлены репортъ въ Глуховъ о учиненномъ въ полку кіевскомъ дістанцій росписаніи, до переяславского полковника писма и въ чернѣговскую войсковую канцелярію предложеніе о висилки роботныхъ людей на показанные имъ дістанціи.

---

[220]) Вдова Якова Петровича Борсука, кіевскаго полковаго есаула. Ея дѣти: Зиновій—обозный кіевскаго полка и Якимъ—стародубскій полковникъ. Якимъ Каневскій—родоначальникъ дворянъ переяславскаго уѣзда, которые теперь пишутся Каніевскими.

31. Обѣдалъ я у полковника Танского, где при віездѣ зъ Козелца и веселные, писарь полковый переяславскій зъ женою и другіе, были. Получилъ 2 писма отъ госпожи Розумовской о увольненіи сотника носовского Карпа Шаулы отъ назначеннаго ему дѣла и на оные отвѣтовалъ.

Ноеврій.

1. Отправлено доношеніе въ Глуховъ о трактѣ новоустроенномъ отъ Комаровки степомъ до Борзны и о томъ-же къ бунчуковому товарищу Григорію Александровичу и судіи полковому нѣжинскому Гроновскому писано. Отдано въ полковую кіевскую канцелярію росписаніе о роботныхъ людяхъ на всѣ въ полку кіевскомъ имѣючіеся дістанціи и о томъ-же къ полковнику кіевскому Танскому писано. Прибылъ въ Козелецъ надъ роботными полку лубенского людми полковой командиръ Александръ Бутовскій, сотникъ чигириндубровскій. Я отехалъ зъ Козелца и въ Сокиринъ на ночъ прибылъ. Писалъ до старосты товкачовского о посылцѣ де-которой въ домъ и о томъ-же писалъ къ женѣ и до сина Василя въ Глуховъ.

2. Отобѣдавъ въ Сокиринѣ у шваграа Григорія Дмитріева Пароженка, отехалъ въ Семиполки, куда прибылъ и обозный полковый кіевскій Алексій Подвисоцкій и сотникъ остерскій Михайло Солонина. Тутъ ночовали. Зъ Семиполокъ отправленъ репортъ, подъ вчорашнею датою въ Козелцѣ писанный, о неприбытіи зъ полковъ роботныхъ людей и подводъ и о невидачи маіоромъ Рейцомъ и управителми биковской и чеховской волостей роботныхъ-же людей и подводъ на указанные дістанціи.

3. Зъ Семиполокъ рано віехали и осматривали роботъ, въ гатяхъ и мостахъ здѣланныхъ, и тутъ отпущены сотники козелецкій Барановскій и остерскій Солонина на свою дістанцію, а мы зъ обознымъ полковымъ кіевскимъ, прибывъ въ Димерку, обѣдали; одселя послано писмо до полковника переяславскаго, чтобъ сотника Лазаревича отправилъ къ Семиполкамъ, а зъ значковымъ однымъ 200 подводъ за Семиполки къ Броварямъ и пѣшихъ роботныхъ въ Козелецъ. Потомъ завременно прибыли въ Бровари, где застали сотника гоголевского Александра Солонину, которому данъ ордеръ къ сотнику леплявскому Лазаревичу, чтобъ откомендеровалъ 200 подводъ къ Броварамъ.

4. Рано віехали зъ Броваровъ и осматривали мосту основанного и по части здѣланного подъ Лисою горою, потомъ заехали на время въ слободу монастыря николского, а одтоль о полдни віехавъ, перевезлись къ Кіеву и, прибывъ на Подолъ передъ вечеромъ, стали квартерою въ домѣ полковника кіевского Танского, куда отъ перевозу провожалъ насъ зъ козаками сотникъ кіевскій Павелъ Гудимъ.

5. Скоро свѣтъ отехали къ Печерскому и тамъ первей были въ обоихъ пещерахъ, потомъ у генерала-губернатора, а по вислуханіи обѣдни въ великой печерской церквѣ, были на водки у отца архимандрита кіево-печерского Тимофея Щербацкого, а обѣдали у губернатора; потомъ знову были у монастырѣ печерскомъ у отца архимандрита и у отца Мойсея Якубовича и уже вечеромъ возвратились на Подолъ до квартери.

6. Ранной обѣдни слушали въ монастырѣ свято-михайловскомъ златоверхомъ и прикладывались къ мощамъ святыя великомученицы Варвары, потомъ были у архимандрита тамошнего Сylвестра Думніцкого и у економа Іосифа Миткевича, а одтоль прибывъ въ катедру свято-софѣйскую, слушали позной обѣдни, которую служилъ преосвященный Рафаилъ, митрополитъ кіевскій, а послѣ обѣдни, позванніи до палатъ митрополитанскихъ, у его преосвященства обѣдали, отобѣдавъ-же и отклонясь его преосвященству, были первей у намѣстника тамошнего Іеронима Миткевича, потомъ у писаря Модеста Стефановича, а послѣ у архидіакона Викентія Велгоцкого и до позна въ ночъ пробавили, да уже ночною порою одтоль прибыли на квартеру.

7. Обослано мене какъ зъ михайловского монастыря водкою, медомъ и пивомъ, такъ изъ печерского тѣмъ-же, а сверхъ того прислана отъ отца архимандрита печерского книга «Камень Вѣры». Я-жъ ездилъ къ губернатору отклонитись, который и обѣдать мене удержалъ у себе, а по обѣдѣ, отклонясь его высокопревосходительству, заездилъ въ печерскій монастырь и простясь зъ отцемъ Мойсеемъ, ігуменомъ больницкого свято-троицкого монастыря, отехалъ на Подолъ и тамъ былъ у генерала-маіора Петра Івановича Стрешнева.

8. Ранной обѣдни слушали въ церкви святого Николая Набережного и отобѣдавъ у сотника кіевского Павла Гудима, отехалъ зъ Кіева и, перевезшись, прибылъ завременно въ Броварѣ, тамъ-же

переменивъ подводы, отехалъ до Гоголева и прибылъ туда уже позно и сталъ квартерою у сотника тамошнего Александра Солонины.

9. Оттоль рано поехавъ, прибылъ передъ обѣдомъ до Свѣтилного къ полковнику кіевскому Танскому и тамъ обѣдалъ и ночовалъ.

10. Тамъ-же отобѣдавъ, віехалъ оттоль и прибылъ въ Семиполки передъ вечеромъ, куда едучому мнѣ принесъ затравленного зайця староста князя Никиты Юрьевича Трубецкого села Руднѣ. Въ Семиполкахъ ночовалъ.

11. Отселя отправлены репорти въ Глуховъ, 1-й о тракту, что лучшымъ винайденъ полковникомъ нѣжинскимъ Божичомъ чрезъ Сеймъ просто къ Батурину, нежели на греблю батуринскую, 2-й что капитанъ Житковъ изъ Расновъ не видаетъ подводъ и роботныхъ людей, а оные репорты подъ датою зъ Броваровъ 8 ноября Одселя-жъ и до полковника нѣжинского, и въ полковую чернѣговскую канцелярію, и къ бунчуковому Омеляновичу, къ маіору Рейцу и къ сотнику дѣвицкому Селецкому предложенія и ордери посланы. Послѣ полдня отехалъ зъ Семиполокъ и прибылъ въ Сокиринъ, где у шваграа Григорія Пароженка и ночовалъ.

12. Тамъ-же обѣдали, а послѣ обѣда прибыли въ Козелецъ.

13. Обѣдалъ у обозного полкового кіевского Алексія Подвисоцкого и до вечера у него забавлялъся, а оттоль проводили мене Семенъ Івановичъ Пустота, Антонъ Афендикъ, сотникъ чигиринъ-дубровскій Александръ Бутовскій, которіи купно зъ нами и вечеряли у отца Івана брата.

14. Обѣдалъ у мене Пустота, а потомъ онъ отехалъ въ монастырь, я-же ни въ домѣ и нигдѣ не вечерялъ.

15. У отца Івана брата обѣдалъ, потомъ въ лазнѣ мился и былъ у дядка Федора Ханенка старого, обозного полкового кіевского, которій пріобѣщалъ уже Івану, сину своему не видящому, Бобрикомъ позволити владѣть.

16. У іменинника сегоднешнего, асаула полкового кіевского, Матвѣя Шума обѣдали и до вечера просидѣли зъ обознымъ полковымъ Подписоцкимъ, зъ Пустотою, Афендикомъ, Бутовскимъ и другими, которіи мене и до квартери проводили.

17. Зъ ранку осматривалъ роботъ, потомъ былъ у дядка Федора Ханенка. Отправленъ ордеръ по почтѣ зъ приложенною копіею указа о другой дорозѣ отъ Комаровки къ Борзнѣ до судіи

полкового нѣжинского Гроновского и до бунчукового товарища Александровича. О томъ-же писано и до полковника нѣжинского Божича.

18. Отправлены писма въ Глуховъ до Скоропадского и до сина, которому и Алваръ новый посланъ чрезъ козака, отъ асаула Шума отправленного. Репортъ о побѣгѣ прилуцкого полку и о бумагѣ, сургучи и свѣчахъ доношеніе на почтѣ въ Глуховъ, а до сотника дѣвицкого Селецкого ордеръ и въ полковую прилуцкую канцелярію предложеніе о тихъ-же бѣглецахъ отправлены.

19. Команда пѣшихъ работниковъ гадяцкого полку сто человѣкъ отправлены къ сотнику гоголевскому на его дістанцію. Полковникъ кіевскій Танскій прибылъ въ Козелецъ вечеромъ.

20. Писаны писма въ С.-Пбурхъ до секретаря Новоторжцова, до Андрея Андреевича Горленка и до сотника березанского Думитрашка и въ одинъ пакетъ включены, зъ приложенною тамъ-же челобитною для подачи въ сенатъ о деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ, и тотъ пакетъ зъ оными писмами посланъ въ Адамовку къ Семену Івановичу Пустотѣ для отправленія отъ него въ С.-Пбурхъ. Роботные люде зъ полку миргородского 440 человѣкъ при значковомъ кирстѣ явились въ Козелцѣ, которыхъ велѣлъ распредѣлить на роботы на 3 дістанціи.

21. Ездили въ монастырь святого мученика Георгія Козелецкаго и тамъ, по вислушаніи обѣдни, у ігумена отца Гавріила Великошапки кушали и весь день пробавили, а зъ монастыря едучи, былъ я у Івана Покровского.

22. Обослалъ мене п. дядко Федоръ Ханенко яблоками свѣжими и сушеными яблоками-жъ и дулями; тако-жъ и швагръ Григорій Пароженко обослалъ хлѣбомъ и свѣжими яблоками и кругомъ соли.

23. Полковникъ кіевскій Танскій отехалъ до Козари; я чрезъ почту многіе получилъ указы изъ генералной канцеляріи. Листъ, писанный отъ мене подъ 20 числомъ до князя Никиты Юрьевича Трубецкого, врученъ Григорію Пароженку о Куровѣ и Чубаровѣ, который включилъ въ свой пакетъ до княгинѣ Анны Даниловны, для подачи самому князю. Сего-жъ числа помянутые свѣжіе и сухіе яблоки и дулѣ, соль и вялая риба, сомъ, коропъ и лящъ, отпущены до Товкачовки при Качановскому и при Гаврилу Емченку, о чемъ и писмо до старости писано, тако-жъ писанное до

Евдокіи Лизогубовны Григоріевой Стороженковой писмо отправлено сторони куплѣ ею Рубановскихъ добръ нашей части.

24. Рано отехалъ Качановскій. Я обѣдалъ у асаула полкового Шума и простилъся зъ Пароженкомъ и зъ сестрою, его женою, Евфиміею. Писано писмо до полковника Тютчева о посилки писемъ Пароженковыхъ, до князя Трубецкого и до княгинѣ его отправленныхъ.

25. Обѣдни и соборного молебствія слушали въ соборной Преображенской церкви; послѣ того-же всѣ старшины были у мене, обѣдали у мене-же протопопъ Николай Яловскій и намѣстникъ Яковъ Савицкій, да обозный Алексій Подвисоцкій, асаулъ Матвѣй Шумъ и сотникъ чигириндубровскій Александръ Бутовскій; потомъ, простясь зъ дядкомъ Федоромъ Ханенкомъ и другими свойственными, отехалъ изъ Козелця и прибылъ до Козари позно. При отездѣ зъ Козелца, вручены асаулу полковому Шуму 5 р., для отсилки въ Кіевъ, на покупку нѣкоторыхъ книжокъ, при писмѣ моемъ до сотника кіевского Павла Гудима. Отцу Івану брату оставлены 5 р.

26. Отправленъ репортъ о бежавшихъ полку переяславского роботныхъ въ Глуховъ, тако-жъ и писмо до полковника Тютчева зъ писмами Григорія Пароженка. Пріездилъ ко мнѣ бурмистръ нѣжинскій, Іванъ Радіоновъ, зъ писмомъ зъ майстрату и подалъ два указы зъ Глухова и прочее.

27. Чрезъ того-жъ бурмистра писаны писма къ капитану Параскевѣ, къ Антону Милорадовичу и къ Якову Жураковскому, чтобъ противъ своихъ дворовъ велѣли вымостить улици. Сего-жъ числа рано отехали зъ полковникомъ Михайломъ Танскимъ до Адамовки, къ госпожѣ Наталіи Демяновнѣ Розумовской и тамъ уже не застали на службу, гдѣ обѣдали и весь день пробавили, да уже ночю до Козари прибыли.

28. Сей весь день въ Козари пробавили и ездили на тутешную греблю для разсмотреня, какъ мосты дѣлать. При ордерѣ до бунчукового товарища Михайла Марковича послана инструкція и писмо къ полковнику переяславскому Сулимѣ, да въ полковую тамошную канцелярію предложеніе о висилки бѣжавшыхъ и недосланныхъ работниковъ зъ полку переяславского въ полкъ кіевскій на дістанціи.

29. Послѣ раннего обѣда, простясь съ полковникомъ кіевскимъ Танскимъ, віехалъ зъ Козарѣ и прибывъ въ Носовку, сталъ квар-

терою у госпожи Томашовской; потомъ ездилъ за городъ, осмотровалъ роботы и что еще дѣлать надлежитъ.

30. По службѣ и молебствіи, ради кавалерского св. апостола Андрея Первозванного праздника, званы обѣдать къ обозному полковому кіевскому Андрею Шаулѣ, бывшему сего числа именичнику и у него обѣдавъ, вечеромъ уже прибыли до квартери. Сего-жъ числа рано отправленъ въ полкъ переяславскій бунчуковый товаришъ Михайло Марковичъ по інструкціи для висилки въ полкъ кіевскій на дістанціи подводъ и роботныхъ людей, бѣжавшихъ и недосланныхъ.

Декабрь.

1. Посланъ компанѣецъ Панко въ Нѣжинъ и чрезъ него отправлено писмо къ полковнику нѣжинскому Божичу о присилки отъ него вѣдомости, сколко чего уже на всѣхъ дістанціяхъ въ полку его сдѣлано, а сколко того не додѣлано, и о протчемъ; да отправленъ ордеръ и інструкція до сотника Павла Жуковского, чтобъ зъ предложеніемъ въ полковую придуцкую канцелярію ехалъ за висилкою подводъ и роботныхъ людей, бѣжавшихъ и недосланныхъ.

2. Рано, по осмотрѣ работъ въ Носовцѣ и переездѣ чрезъ Володкову Дѣвицу и Кропивную, усмотрѣлъ весьма плохо здѣланные мосты и гатѣ, прибылъ въ Нѣжинъ передъ вечернями и сталъ квартерою у Івана Комбурлѣя, откупщика сборовъ, кушалъ-же у войта Петра Стеріевича. Другій компанѣецъ зъ Носовки отпущенъ до Товкачовки зъ овцами и баранами шліонскими.

3. Зъ поранку были у мене разные персоны, въ томъ числѣ и войтъ, который звалъ мене и обѣдать къ себѣ, где отобѣдавъ, мылся у его-жъ банѣ; потомъ имѣли съ нимъ розговоры стороны індукты и уже позно пришелъ въ квартеру.

4. Слушалъ обѣдни въ церкви св. Николая и былъ на водки у протопопы нѣжинского, отца Степана Волховского; потомъ многіе-жъ у мене были на водки. Обѣдалъ въ квартери, куда прибылъ ко мнѣ и полковникъ Божичъ, зъ которымъ просидѣли въ ночь долго.

5. Отправленъ компанѣецъ Панко въ Глуховъ, чрезъ которого посланы писма до г. Скоропадского, а въ ономъ включены до сына моего, до жены и до племѣнника Іосифа; да отправлены-жъ пакеты, изъ дому госпожи Розумовской присланные, о которыхъ отписали

до С.-Пбурха. Писано отъ мене до канцеляриста Андрея Лышня. Сего-жъ числа послано письмо къ асаулу полковому нѣжинскому, Стефану Костенецкому, о учиненіи слѣдствія противъ писма, отъ писаря нѣжинского г. Безбородка ко мнѣ писанного. Обѣдалъ я и до вечера пробавилъ у полковника нѣжинского Івана Пантелемоновича Божича, а передъ обѣдомъ былъ у отца архимандрита Модеста Велецкого, зъ обѣднѣ.

6. Передъ службою Божіею многіе приходили ко мнѣ зъ поздравленіемъ нынешняго моего тезоименитства, а именно: отецъ архимандритъ, полковникъ зъ старшиною, войтъ зъ майстратомъ и греческое братство; потомъ слушали обѣдни въ церкви св. Николая, а послѣ были у мене-жъ многіе духовные и мирскіе на водки, а иные и обѣдать остались, якъ-то: архимандритъ, полковникъ, протопопъ отецъ Стефанъ Волховскій, намѣстникъ отецъ Василій Великошапка, бунчуковые товарищи Василь Жураковскій, Заруцкій, сотникъ Павелъ Жуковскій, греки Іванъ Комбурлий и Велисаръ и пробавили при играню музыкъ войсковой и гражданской, также при пушечной палбѣ, до позна. Трубачамъ и музикантамъ даны 2 р.

7. Весь день пролежалъ въ квартерѣ ради вчорашнего шумства, а вечеромъ посѣщалъ мене Василь Жураковскій.

8. Рано зъ полковникомъ осматривали роботъ коло мостовъ въ городѣ и черезъ рѣку Остеръ и даже до вигону, черезъ Новое Мѣсто [221]), потомъ у его-жъ полковника обѣдали и надъ вечери былъ онъ у мене и простились; вечеромъ и войтъ былъ у мене.

9. Полковникъ въ домъ свой до Бурковки отехалъ. Отправлены писма въ Товкачовку до старосты и до Качановского о посилки жита въ Козелецъ, о чемъ писалъ и до асаула полкового кіевского Шума. Обѣдалъ въ квартери.

10. Посланы писма къ полковникамъ нѣжинскому и кіевскому о присылки вѣдомостей, сколко на которой дістанціи указанныхъ роботъ въ отдѣлкѣ и сколко и где чего не додѣлано и о протчемъ. Обѣдалъ у писаря полкового Василія Кулаковского зъ тещею его Евдокіею Лизогубовною Григоріевою Стороженковою, которая нарочно пріездила торговать у мене части нашей, въ рубановскихъ добрахъ имѣючейся.

[221]) Часть г. Нѣжина.

11. Службы Божіей слушали въ монастырѣ Благовѣщенскомъ; а потомъ званы къ войту нѣжинскому Петру Стеріевичу Тарнавіоту, у котораго купно зъ отцемъ архимандритомъ Модестомъ Велецкимъ, намѣстникомъ отцемъ Василіемъ Великошапкою и разными мірскими персонами обѣдали и до вечера просидѣли; а въ вечеру были у мене Евдокія Стороженкова, зъ зятемъ своимъ Кулаковскимъ, за тимъ-же о Рубановщинѣ дѣломъ; но не сошлись. Сего-жъ числа ввечеру черезъ нарочного зъ Глухова компанѣйця получилъ указъ, чтобъ роспустить въ домы роботныхъ людей.

12. Въ силѣ оного указу посланы писма, съ сообщеніемъ того-жъ указу копій, до полковниковъ нѣжинского и кіевского и съ требованіемъ вѣдомостей обстоятелныхъ о роботѣ здѣланной и недодѣланной и сколко зъ коихъ полковъ было людей на роботахъ и сколко не дослано было и о протчемъ, а въ полковые канцеляріи лубенскую, прилуцкую, переяславскую, гадяцкую, миргородскую, стародубовскую и чернѣговскую предложенія, чтобъ не висилано уже какъ бѣжавшихъ, такъ и недосланныхъ[222]).

1745 годъ.

Мѣсяцъ генварь.

1. Бунчуковый товарищъ Петръ Іскріцкій, при писмѣ своемъ поздравителномъ святами, прислалъ денегъ 190 руб., занятыхъ имъ у г. Скоропадского, о которыхъ пріемѣ я ему и отписалъ и облѣгъ ему послалъ чрезъ шираевского інспектора Жуковского. Обослалъ насъ сотникъ полку чернѣговского Романъ Журба зайцями 5-тю и птицами чрезъ нарочныхъ.

2. Къ нему Журбѣ отписано зъ благодареніемъ за оную обсылку и оные присиланные отпущены. Подражены подмосковные крестяне умершого Волинского дочери Маріи Артеміевны, села Воронова жители, Іванъ Михайловъ и Афанасій Василевъ подъ обозъ

---

[222]) Затѣмъ въ дневникѣ нѣсколькихъ тетрадей не достаетъ.

нашъ везти оный къ Москвѣ на 4 лошадяхъ, и договорено: давать имъ на двѣ пары лошадей 13 руб. денегъ [223]).

3. Послѣ обѣдни гг. Скоропадскіе молодые, а вмѣстѣ съ ними и синъ нашъ, тако-жъ и Яковъ Кондзеровскій и інформаторъ Юнгансъ отехали къ Глухову и ночовали въ Чаусахъ; и Кондзеровскому подарена матерія. Староста Павелъ Гузовскій наказанъ за пянство, а по наказаніи обѣщалъ онъ ничего пяного не заживать, поки у насъ въ службѣ будетъ.

4. Сискиваны куровци и чубаровци въ слушаніи указу сенатского, которіи уже ассекуровались впредь не быть противными; зъ тихъ-же деревень вистачена пенка, токмо зъ Курова не вистачено еще четырехъ берковцовъ.

5. Отправленъ обозъ полонъ зъ запасами къ Москвѣ при Івану Ялоцкому, и Івану Куатирку, и Грицку Климову, которымъ вручены и денги, какъ на заплатку извощикамъ, яко и имъ для корму лошадиного 18 р., а что въ томъ обозѣ отпущено, о томъ Ялоцкому врученъ реестръ. Сего-жъ числа принесенъ указъ изъ енералной канцеляріи чрезъ компанѣйця, чтобъ въ судъ генералный представить повѣренного къ слушанію рѣшенія по дѣлу Соколовского. Лотоковци [224]) привезли доски и деякую посуду польскую, такожъ и денги провіантовые на генварь мѣсяцъ 3 р. 23½ к., которые, такожъ и прежде собранные зъ владѣнія нашего 20 р. 73 к., вручены для содержанія священнику городискому отцу Михаилу Пулчевскому.

6. Послѣ службы Божой и по водоствятіи, кушали у насъ оба священника и отпущена передомъ къ Глухову подвода зъ деякими запасами, да лотоковскимъ де которымъ дано въ позыку жита осмачокъ 7, и оные-жъ отпущены, а чрезъ нихъ писано Івану Дащенку, писарю сотенному новомѣскому, въ изслѣдованіи о ихъ обидахъ, до Василія Березовского о учиненіи сатисфакціи за побои войта нашего старостою его медведовскимъ, до войта о присилки еще до 40 дощокъ липовихъ, до сотника мглинского Лиса-

---

[223]) Обозъ съ припасами отправлялся въ Москву, куда вслѣдъ долженъ былъ ѣхать и самъ Ханенко, въ числѣ депутатовъ, избранныхъ для присутствія при бракосочетаніи великаго князя. См. «Семейство Разумовскихъ», I. 67.

[224]) Крестьяне с. Лотоковъ.

невича, благодаря за птуши и обявляючи о своемъ отездѣ къ Глухову, а оттоль къ Москвѣ.

7. Вручены двѣ куницѣ и одинъ бобръ для чинбы въ Стародубъ Максиму Шапочнику, припечатанные, и ему-жъ за роботу дано 90 коп., а Гришку кравцю 12 коп. Послѣ обѣда отехали зъ дому къ Глухову и ночовали въ Чаусахъ.

8. Въ Чаусахъ явились зъ Лотоковъ и зъ Курганщины люде и привезли кожу медвежу отъ коновала и лубку липцу (меду) отъ дяка Федора Пригары, которымъ жебы выдано зъ гумна городецкого жита три осмачки зъ чверткою, о томъ писалъ къ гуменщику Пилипу, да и до Івана Дащенка писалъ-же, чтобъ по жалобѣ тамошнихъ людей изслѣдовалъ. Рано зъ Чаусъ отехали и попасали коней въ дворцѣ судіи енералного Лисенка въ Михайловцѣ, а оттоль по обѣдѣ прибыли въ Шатрищи и ночовали у Кирила Лукашевича.

9. Зъ Шатрищъ рано поехавши, прибыли въ Глуховъ о полднѣ, а вечеромъ былъ у г. Скоропадского, где видѣлъся съ енералнымъ писаремъ г. Безбородкомъ, и Яковомъ Марковичемъ, и обознымъ полковымъ лубенскимъ Іваномъ Кулябкою. и зъ судею переяславскимъ Лисаневичемъ.

10. Рано былъ у генерала и просилъ о дачи пашпорта на почтовые лошади къ Москвѣ и до С. П. Бурха, который и обѣщалъ дать таковый пашпортъ.

11. Обездилъ всѣхъ господъ велико и малороссійскихъ, въ томъ числѣ былъ и у писаря енералного г. Безбородка и у бунчукового Оболонского, и де которые изъ нихъ для подачи въ Москвѣ и С. П. Бурхѣ поприсилали писма.

12. Отъ генерала и генералши отобралъ писма и отклонилъся, такожъ отъ брегадира и полковника Тютчева, и отобралъ въ енералной канцеляріи пашпортъ и нѣкоторые дѣла, въ сенатъ и въ коллегію іностранную надлежащые, и со всѣми простилъся.

13. Рано былъ у п. Скоропадского и занялъ у него 16 червонныхъ. Обѣдни слушалъ въ церкви Преображенія Господня. Обѣдалъ въ домѣ, а съ нами и г. Скоропадскій; по обѣдѣ-же, простясь зъ женою и со всѣми, отехалъ по почтѣ въ путь свой, зъ синомъ Василемъ, и прибывъ на смерку въ Толстодубовъ, тутъ перемѣнилъ

лошадѣ и отехалъ въ Сѣвскъ, куда прибывъ коло полуночи, немного опочилъ и передъ свѣтомъ оттуду поехавъ,

14. Прибылъ рано въ Любошу, оттоль въ Чаепку, а оттуду въ Сомово, где немного и опочивалъ.

15. Около обѣдовъ прибылъ въ Карачевъ, а надвечери въ Глотовъ, ночю-же въ Болховъ, и тутъ спочивали до всходу мѣсяця.

16. Зъ Болхова отехавъ рано, до Белiова прибыли во время обѣдное, и тутъ принуждены нѣсколко времени пробавить за неимѣнiемъ на почтѣ лошадей, потомъ прибыли ночю въ Лихвинъ.

17. Зъ Лихвина поехавъ рано, обѣдалъ въ Калуги, а оттоль поехавъ, проехали ночю почты: въ Добрахахъ, въ Линовѣ, въ Черничномъ и прибыли передъ свѣтомъ въ Пахру.

18. Зъ Пахри поехавъ, прибыли въ Москву въ 12-мъ полуденномъ часу и зъ позволенiя гг. Александра и Ивана Петровичовъ Толстыхъ [226]) сталъ квартерою въ ихъ домѣ и обѣдалъ у нихъ, купно зъ случившимися гостми гг. Дмитрiемъ Михайловичемъ (Голицынымъ?), покойного генерала фелдмаршала синомъ, капитаномъ гвардiи iзмайловского полку, княземъ Николаемъ Александровичемъ Шаховскимъ, поруччикомъ конной гвардiи и другими.

19. Былъ въ Кремлѣ и на троицкомъ подворьѣ, а обѣдалъ въ квартирѣ, трактованъ будучи столомъ гг. Толстыхъ. Подъ симъ числомъ писалъ къ генералу Ивану Ивановичу Бибикову и къ г. Скоропадскому о прибытiи своемъ въ Москву. Былъ рано и въ вечеру у г. статскаго совѣтника Демидова.

20. Слушалъ обѣднѣ первѣе въ великомъ успенскомъ соборѣ, где служилъ митрополитъ сербскiй Романъ, потомъ на конецъ обѣдни пришолъ въ чудовскiй монастырь, где служилъ и тамъ-же живетъ архiепископъ московскiй и владiмерскiй, преосвященный Iосифъ Волчанскiй, который звалъ мене къ себѣ до келiи, и у него-жъ тутъ обѣдалъ съ сотникомъ кролевецкимъ Огiевскимъ, да тамъ-же обѣдали и новоозначенные намѣстникъ троецкого сергiевского монастыря архимандритъ мгарскiй, отецъ (Іоасафъ) Горленко и казначей того-же монастыря.

21. Подряжены извощики до С.-Пбурха подъ припасы, три пары лошадей; отъ всякой пары давать имъ по 7 р. 50 к., да

---

[226]) Сыновья Петра Толстаго, зятя гетмана Скоропадскаго.

сверхъ того-жъ, что туда свезутъ и бочку горѣлки, дать имъ 4 р. 50 к.; а оные извощики помѣщика Тимофія Ігнатова Челищева крестьяне, жители деревнѣ Черничного, Афанасій Сидоровъ Шершинъ да Петръ Тимофіевъ, которымъ дано въ задатокъ 2 р.

22 и 23. Пробавлялись въ Москвѣ-жъ. Была сватба у г. Демидова; дочерь выдалъ за шляхтича смоленского Радванского.

24. Писалъ писма къ г. Скоропадскому, включа такъ-же и до жены и до Іосифа, и оные въ пакетъ подъ именемъ генералскимъ вручены сотнику глуховскому Турянскому для отсилки.

25. Отпущенъ обозъ до С.-Пбурха съ припасами при Івану Ялоцкому, которому для извощиковъ и для ихъ нуждъ 15 р. вручено, да при Антону Закревскому и кухтику Івану Рудому, куда оные рано и віехали. Вечеромъ былъ въ слободѣ нѣмецкой съ сотникомъ кролевецкимъ Огіевскимъ и синомъ у аптекаря Меера, которій ранлъ (совѣтовалъ) для дѣтей нашихъ учителя. Обѣдалъ у шваграа Івана Гамаліи.

26. Отпущены подводы наши домовые къ двору съ покупками исправленными, при Грицку Климову съ товарищи, и чрезъ нихъ-же отправлены писма до жены, включа тамъ до г. Скоропадского, до Іосифа и отъ Василя сина до Петра Скоропадского, и оному Грицку Климову на дорогу даны 4 р. Аптекарь Мееръ былъ у мене на квартерѣ и привезъ роспись, данную ему отъ пастора Іогана Филиппа Литке, чего имѣетъ дѣтей нашихъ обучати, а въ вечеру и я, у него будучи, видѣлъся и самъ розговаривалъ съ тѣмъ пасторомъ.

27. Послѣ обѣдни былъ у архимандрита богоявленского отца Герасима; потомъ въ монастырѣ заиконоспаскомъ предики слушалъ, а обѣдалъ у аптекаря Меера съ сотникомъ глуховскимъ; оттуду-же поехавъ, были въ дворцяхъ новомъ и въ Анинигофѣ, потомъ на бархатномъ дворѣ, послѣ Головкина графу Алексію Григоріевичу Розумовскому пожалованномъ. Были въ ренжереяхъ; тоже отехали въ велико-петровскій монастырь и тамъ мылъся въ банѣ; потомъ отецъ Пахомый, архимандритъ тамошный, своимъ поездомъ отпровадить мене въ квартеру приказалъ, а сотникъ глуховскій въ свою квартеру отехалъ. Писалъ до г. Скоропадского о учителю и ученіяхъ, т. е. о пастору слободскомъ.

28. Подрядилъ подводчиковъ до С.-Пбурха: пару лошадей по 7 р. 50 к., а именно для себе три лошади, а для сотника кроле-

вецкого Огіевского пару, дмитровского уезду, каменского стану, вотчины капитана Алексія Федорова сина Чурикова, села Сенежи, крестянъ Федора Парфенова и Гаврилу Николаева. Прибылъ на ночъ и сотникъ кролевецкій Огіевскій на мою квартеру; потомъ былъ у мене намѣстникъ симоновского монастыря Порфирій.

29. Рано былъ у статского совѣтника Василія Ивановича Демидова, который велѣлъ мнѣ поудержаться въ Москвѣ до 1 февраля. Потомъ былъ у маіора конной гвардіи Григорія Ивановича Корфа и вручилъ ему 4 пакеты, на імя брата его Николая Андріевича Корфа, дѣйствительнаго камергера и кавалера подписанные, а извощиковъ нанятыхъ отпустилъ. Василь Марковичъ пріехалъ въ Москву.

30. Прибылъ въ Москву сотникъ мглинскій Василь Лисаневичъ и былъ у мене рано. Обѣдни слушали въ монастырѣ Знаменскомъ и были тамъ у Оноприянъ, стоящыхъ тамъ квартерою, селитрянныхъ промышленниковъ. Архимандритъ високопетровскій отецъ Пахомій обослалъ насъ пивомъ.

31. Рано былъ я у г. Демидова, которій еще до суботы удержатся казалъ. Полковникъ Дѣтковичъ и сотникъ ірклѣевскій Алексѣй Требинскій віехали изъ Москви до С.-Пбурха.

Февраль.

1. Поутру ездилъ къ г. статскому совѣтнику Василію Ивановичу Демидову, который велѣлъ еще нѣсколко день поудержаться въ Москвѣ.

2. Послѣ обѣда надвечери переехалъ изъ двора гг. Толстыхъ въ Знаменскій монастырь и тутъ ночовалъ въ квартерѣ сотника мглинского Лисаневича.

3. Оттоль по службѣ переехалъ на бархатный дворъ въ квартеру сотника глуховского Даміана Турянского, которій купно зъ г. Демидовымъ сего-жъ числа отехалъ изъ Москви до С.-Пбурха. Я зъ синомъ ввечеру былъ у племѣнниковъ графа Розумовского, прибывшихъ въ Москву изъ Козелця.

4. Въ ямской конторѣ по утру былъ и подписанъ мнѣ пашпортъ на почтовые подводы, которыхъ 3 я взявъ, сего-жъ числа 4-го часу на первой четвертѣ и віехалъ зъ Москви, оставя сотника кролевецкого тамъ, давши ему-жъ на наемъ подводъ подъ сани сотника глуховского, или на заплату прогоновъ, десять р. денегъ;

самъ-же я поехавши изъ Москви, продолжалъ свою езду денно и нощно чрезъ 5, 6 и 7 числа по почтѣ и

8 числа въ 10-мъ часу предъ полуднемъ прибылъ въ С.-Петербургъ и, ставъ квартерою въ домѣ ассесора ревизіонъ-контори Івана Федоровича Маминца, нигде не бывалъ. Сего-жъ числа и обозъ мой прибылъ.

9. Отехалъ изъ квартири до дворца, где первей былъ у пѣвчого Кирила Стефановича Рубановского, потомъ у отца духовника Федора Дубянского и у него обѣдалъ съ архіереями: Платономъ Малѣновскимъ—крутицкимъ, Никодимомъ Сребніцкимъ, бывшимъ с.-петербургскимъ, а нынѣшнимъ переяславскимъ, Арсеніемъ Могилянскимъ, да съ архимандритами володимерскимъ Платономъ Петрупкевичемъ, іпацкимъ Симономъ Тодорскимъ, наименнованнымъ епископомъ с.-петербускимъ и архимандритомъ Александро-невскимъ Феодосіемъ Яновскимъ, такожъ зъ намѣстникомъ монастыря невского Досифеемъ, гдѣ присутственны были и камеръ-фуріеръ Ігнатъ Кириловичъ Полтавцовъ и дворянинъ Григорій Михайловичъ, а со мною были сотникъ глуховскій Турянскій и синъ мой Василь.

10. Былъ рано у графа Румянцова, потомъ въ дворцѣ и придворной церквѣ, а зъ церкви взявъ мене оберъ маршалъ Дмитрій Андріевичъ Шепелевъ, запровадилъ въ болшую салю, гдѣ стоялъ болѣе двухъ часовъ во время обѣда, а государыня изъ великою княжною изволила кушать подъ балдахиномъ, прочіи-же женска и мужеска полу, такожъ и духовные персоны обѣдали у другихъ столовъ, при игралной італіанской музыки. Писалъ до Скоропадского и до жены. Послѣ обѣда балъ начался въ галдарей салѣ, а потомъ въ 10 часу по полдни зажженъ былъ на Невѣ изготовленный фейерверкъ и иллюминація, на которую смотрѣлъ я въ квартерѣ Федора Івановича Коченевскаго, пѣвчого дворянина, где видался, такожъ и вчора у отца духовника, зъ г. секретаремъ Іваномъ Михайловичемъ Новоторжцовымъ.

11. Рано былъ у графинѣ Чернышевой Евдокіи Івановны и писмо отъ жены отдалъ, потомъ графу Розумовскому писма вручилъ. Обѣдалъ съ сотникомъ глуховскимъ Турянскимъ у Ігната Кириловича Полтавцова, и въ вечеру съ нимъ-же былъ у князя Никиты Юріевича Трубецкого.

12. Въ сенатѣ подалъ дѣло, присланное изъ войсковой генералной канцеляріи чернцовъ монастыря пустынно-николаевского кіевского, такожъ удостоеніе Федора Чуйкевича на деревнѣ. Сего-жъ числа писалъ на почтѣ въ Глуховъ, до г. Скоропадского, до Федора Чуйкевича, до Іосифа племѣнника и до жены.

13. Былъ у оберъ маршала Шенелева самъ, а у графинѣ Чернишовой съ синомъ, по обѣдѣ у секретаря Новоторжцова, въ вечеру у архіерея крутицкого Малиновскаго. Поддячіи сенатскіи обѣдали у мене.

14. Рано былъ у графа Румянцова и писма вручилъ, такожъ у архіерея переясловского Арсенія Могилянского и въ сенатѣ былъ же. Сотникъ мглинскій Василій Лисаневичъ прибылъ въ С.-Петербургъ и сталъ квартерою на Петровскомъ острову, въ домѣ архіерея велико-новогородского, на Карповцѣ. Василь сынъ былъ въ дворцѣ на куртаку, а я занемогъ изъ полдня.

15. Никуда изъ квартери не ходилъ, а обѣдали у мене сотникъ мглинскій Лисаневичъ и камординъ генерала и сенатора Бутурлина Николай Измайловъ.

16. Рано былъ у Александра Борисовича Бутурлина и писма вручилъ, такожъ у генерала фелдмаршала Василія Володимеровича Долгорукого, у графа Лестока, которому и писма отъ доктора Бока подалъ, такожъ у архимандрита отца Тодорского и у оберъ маршала. Обѣдали у мене полковникъ компанѣйскій Чеснокъ, сотникъ глуховскій Турянскій и два поддячіе сенатскіе, коимъ на извощика дано 20 к. Перебрались въ другіе хоромы.

17. Пріехалъ сотникъ кролевецкій въ Питеръ-Бурхъ и сталъ зо мною на квартерѣ. Я былъ въ церквѣ Петра и Павла, въ крѣпости. По обѣдѣ сидѣлъ у хозяина [226]).

Юнь.

16. Послѣ обѣда ездилъ на Василевскій островъ и будучи на бѣржи, купилъ стѣнные часы за 13 р.

17. Былъ у Пізевича, потомъ въ квартерѣ Петра Горленка. Куплены чашки чайные фарфуровые, 6 паръ, дано за оные 1 р. 40 к., за чайникъ 1 р., за чашечку до закусокъ 15 к.

---

[226]) Далѣе нѣсколько тетрадей опять не достаетъ.

18. Челобитная о Чаусахъ въ сенатѣ замѣчена. Обѣдалъ у дѣтей, потомъ былъ у Новоторжцова, где засталъ и Демидова съ женою и съ ними оттоль пріехалъ. На гербовую бумагу далъ 4 р. За сотню фліондерокъ дано 4 к.

19. За квартеру у Маминца росплатилъся и давъ имъ 1 р. 46 к., перешолъ оттоль на другую квартеру, въ слободку дворцовую, уговоренную на мѣсяцъ за 1 р. 50 к. Обѣдалъ у полковника Чоснока. Былъ у мене на сей квартерѣ канцеляристъ корчемной конторы Степанъ Будаевъ.

20. Купилъ на корабляхъ ½ фунта чаю за 55 к., цукровые фѣгуры въ слонку за 90 к., за книгу імператора Марка Аврелія 1 р. 20 к.

21. Изъ денегъ 350 р., оставленныхъ у мене, взялъ на росходъ Юнгансъ 50 р. Купилъ фарфурной посуды 10 штукъ, далъ 3 р., за анкеръ вина 4 р. 50 к.

22. Послѣ обѣда отехалъ зъ синомъ Василемъ до Пітергофа и на 16-ой верстѣ отъ Питеръ Бурха встрѣтилъ государыню, едучую верхомъ, и ея величество изъ графомъ Розумовскимъ о моемъ дѣлѣ припомнѣть изволила и поехала до С. П. Бурха, а я прибылъ въ Пітергофъ въ 11 часу. На сѣно для лошадей дано 12 к., за рыбу 35 к.

23. Рано ходилъ по огородамъ и дано огороднымъ и фонтаннымъ сторожамъ 14 к. Обѣдни слушалъ въ церкви придворной наметной [127]). Обѣдалъ у племѣнниковъ графа Розумовского, званный отъ учителя Носко. По обѣдѣ былъ у преосвященного Тодорского, а потомъ отехалъ изъ Пітергофа и прибылъ въ С. П. Бурхъ въ 1-мъ часу по полуночи. Мостового дано 3 к.

24. Рано былъ у графа Розумовского и учинилъ онъ мнѣ декляраціо дѣлъ, сказавъ дожидатися праздника. Писалъ писма до Скоропадского, до Іосифа, до Сумніцкого и до жены.

25. Нізевичъ у мене былъ, а вечеромъ приходили поддячіе Петръ Івановъ Деружкинъ зъ товарищи. Імператорское высочество прибылъ изъ Пітергофа.

26. Приходилъ ко мнѣ Петръ Горленко зъ сотникомъ Лисаневичемъ; потомъ у мене-жъ былъ учитель Носко зъ жалобою на

---

[127]) Паметъ — палатка.

Семена служителя, которого потомъ къ себе призывалъ и ему виговаривалъ.

27. Зъ полковникомъ Чоснокомъ обѣдалъ у Нізевича; потомъ заходили до Кучубеевъ, до Витвіцкого и подмуншенка Стрижова. На огурци 4 к.

28. Генералъ полицъмейстеръ графъ Антонъ Мануйловичъ Девіеръ преставилъся. Писалъ до Іосифа и до Сумніцкого съ включеніемъ писемъ, писанныхъ подъ числомъ 21 іюня до брегадира Илина и подполковника Семенова.

29. Въ сей день тезоименитства великого князя государя Петра Федоровича были допущены съ протчими до ручки его імператорского высочества, и его-жъ высочество изволилъ слушать обѣдни и молебствіе въ крѣпости, въ церквѣ Петра и Павла, а по молебствіи палено зъ многихъ пушокъ. Послѣ полдня былъ въ дворцѣ куртагъ, а въ вечеру публѣчная ужина при вокалной и інструменталной музикѣ. Я обѣдалъ въ своей квартерѣ съ полковникомъ Чоснокомъ и съ Петромъ Стефановымъ Протченкомъ и съ дѣтми.

30. Была французская комедія и мы были зъ полковникомъ Чоснокомъ и зъ сотникомъ Лисаневичемъ, который у мене и почовалъ.

Юлъ.

1. Генералъ поліцмейстеръ графъ Девіеръ съ приличною его чину церемоніею погребенъ въ александро-невскомъ монастырѣ. Я обѣдалъ у бунчучного Оболонского, ради его тезоименитства.

2. Рано были у мене бунчучный и сотникъ Тризна, писма намъ вручилъ. Обѣдалъ у мене Марко Андреевичъ Марковичъ [228]).

3. Государиня и великій князь изволили отехать въ Питергофъ. На харчъ данъ 1 р. На поправу мундира синового портному 16 к. Вечеромъ былъ у бунчучного.

4. Былъ у мене бунчучный. За направу двохъ паръ чоловъ 12 к.

5. Писалъ писма къ женѣ, къ Іосифу и до Скоропадского, а вобще зъ бунчучнымъ писали до старшины генералной и до протчихъ о депутаціи.

6. Съ оными писмами отправленъ въ Глуховъ по почтѣ значковый полку чернѣговского товарищъ Проконъ Затиркевичъ. Г-жа

---

[228]) Сынъ генеральнаго подскарбія Андрея Марковича.

Розумовская прибыла въ С. П. Бурхъ и стала квартерою на смолномъ дворцѣ, до которой и я зъ бунчучнымъ для визиты ездилъ.

7. На харчъ дано 40 к., на сѣно для коней 45 к. Рано знову были зъ бунчучнымъ у г. Розумовской; потомъ слушали обѣдни въ Невскомъ и тамъ-ке купно зъ нею у преосвященного С. П. Бурского обѣдали и вечеряли; потомъ ей провожали опять на ей-жъ квартеру и позно прибылъ на свою квартеру.

8. Коллегіи іностранной золотописецъ Андрей Івановъ сынъ Лоповъ взялъ пергаментъ для дѣланія диплюма, которому дано въ задатокъ 2 р.

9. Рано былъ въ сенатѣ и у дѣтей. За шесть ложечокъ принцметалныхъ 18 к. Поддячимъ 30 к. Федоръ Мойсеевичъ, головщикъ дворцовый, Божокъ представилъся.

10. Канцеляристъ Яскевичъ и войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ пріехали въ Питеръ. Былъ у бунчучного и зъ секретаремъ габинетскимъ видалъся въ церквѣ св. Сумеона.

11. Визитовалъ тело умершого Федора Божка въ квартерѣ его въ зимнемъ государевомъ дворцѣ. Отдана челобитная сотнику Тризнѣ для подачи въ сенатъ о падежѣ скота.

12. Помянутый Федоръ Божокъ погребенъ въ монастырѣ Невскомъ. За 24 тарѣлки цѣнинные 1 р. 60 к. Кравцю за перепитье черкески 65 к.

13. Обѣдалъ у г. Розумовской съ войтомъ нѣжинскимъ, который и у мене, оттоль заехавши, былъ на квартерѣ. За сосудъ мѣдный 26 к. За митье и починку платья 45 к., за лоскутки зеленого гатласу и за шовкъ 29 к.

14. Госпожа Розумовская со всѣми своими и бунчучный зъ своею женою отехали въ Питергофъ. Сыну Василю на бачмаки дано 53 к.

15. Полковикъ Чоснокъ съ сотникомъ Лисаневичемъ отехали до Питергофа.

16. Туда-жъ и я отехалъ зъ сотникомъ вибелскимъ Тризною. Прибыли въ Питергофъ надвечери и ужинали въ квартерѣ г-жи Розумовской у Пустоты; потомъ были у насъ на квартерѣ Журманъ, Борсукъ и Іванъ Николаевъ Groно.

17. Вчора и сего числа рано ходили по садамъ и огородамъ и везде. Обѣдали въ квартерѣ. Розышлось тамъ въ Питергофѣ на

сѣно 18 к., за вино и харчъ 51 к.; фонталщикамъ 27 к. Послѣ полдня первіе великій князь, потомъ и государиня изволили отехать до С. П. Бурха, а оттуду и мы поехавъ, нерано прибыли въ Питеръ ночю, а зъ нами и дѣти, которые у насъ и ночовали.

18. За вилуженіе четирехъ штукъ мѣдной посуды 30 к., да за два сосудци мѣдные-жъ купленные 26 к. За сѣно для коня 60 к.; табаки за 4 к.

19. Писаны писма до Скоропадского, до Івана Гамаліи, до сотника глуховского, до Іосифа, до Чуйкевича, до жены и въ Козелецъ до отца брата, да до обозного Алексія Подвисоцкого и до асаула Матвѣя Шуми полковыхъ кіевскихъ.

20. Дано Грицку Дмитрову и Івану Романову на чоботы 1 р., на харчъ 8 к. Рано былъ я у г. Розумовской; потомъ въ Невскомъ монастырѣ, а оттуду заехавъ ко мнѣ секретарь Новоторжцовъ, былъ въ моей квартерѣ и у полковника Василія Чеснока.

21. Былъ въ лѣтномъ дворцѣ и у графа Розумовского купно съ архіереями. На харчъ данъ 1 р.

22. Былъ въ сенатѣ, а оттоль заходилъ посѣтить болного пѣвчого Федора Івановича Коченевского, гдѣ видѣлъся зъ нами и префектъ кіевскій Михаилъ Козачинскій; оттуду былъ и у бунчучного. На перевозъ 4 к.

23. Прибылъ въ Питербурхъ архимандритъ братскій кіевскій Сильвестръ Кулябка. Я обѣдалъ на петровскомъ острову у поддячого корчемной конторы Стефана Будаева изъ Кіріякомъ Андріевичемъ Кондратовичомъ и въ банѣ у его-жъ мился, а ночовалъ на Карповкѣ у сотника мглинского. Писалъ еще писма до Скоропадского о томъ, что пашпорты на проездъ дѣтямъ въ чужіе краи дадутся изъ іностранной коллегіи, а до жены, обявляя ей поклонъ отъ графинѣ Чернишевой. Отехала г. Розумовская, а при ней и бунчучный зъ женою въ мизу, называемую Гостилецъ.

24. Рано былъ тамъ-же на Карповцѣ въ домѣ архіерея новгородского у братского архимандрита Кулябки, потомъ въ сенатѣ и въ іностранной коллегіи подалъ доношеніе о людяхъ, зъ дѣтми въ чужіе краи имѣючихъ отправитись. Послѣ полдня были у мене судіи полковые гадяцкій Родзянка и Лазаревичъ, зъ которыми и до стекляныхъ заводовъ ходили. Івану Сангурскому, бунчуковому

товарищу, отправляючомусь въ Украину, всѣ оные писма, что вчора и 19 числа писалъ, вручены для подачи въ Глуховѣ.

25. Куплены двѣ книги за 66 к., матеріи на картузъ за 15 к., огурцовъ за 10 к., за оправу другихъ двохъ книжокъ 20 к., сину Василю 10 к.

26. Былъ въ сенатѣ, обѣдалъ у дѣтей, потомъ былъ у секретаря Новоторжцова. Розышлось 12 к.

28. Ходили къ церквѣ св. Пантелимона, где и государыня изволила слушать обѣдни. За оправу двохъ книжокъ 20 к. За возокъ сѣна 60 к.

28. Сину Василю на бачмаки 30 к., кравцю за направу кафтана и картуза 20 к. Былъ рано у графа Розумовского, где государынѣ, при поднесеню нѣсколькихъ сосудовъ рожовой водки, кланялъся войтъ нѣжинскій Стеріевичъ. На харчъ дано 50 к. Были у мене сотникъ новгородскій Судіенко и Добронѣзкій.

29. Былъ рано у графинѣ Чернишовой, а по обѣдѣ былъ у мене бунчучный зъ судіею гадяцкимъ Родзянкою.

30. Генералъ, сенаторъ и кавалеръ, графъ Григорій Петровичъ Чернишевъ преставилъся. За книги указовъ імператрицы Екатерины и Петра II імператора «Зерцало юности» и Граціана 4 р. 50 к., за книгу Іакову Тимофіеву 45 к. Іванову 10 к., сину Василю 5 к.

31. Я обѣдалъ у бунчучного. Прокопъ Затиркевичъ прибылъ изъ Глухова. Pustota arestatus.

Августъ.

1. Былъ рано у князя Никиты Юревича Трубецкого и у Петра Івановича Шувалова, потомъ заходилъ въ домъ графа Чернишева и тѣло его видѣлъ умершого; потомъ ездилъ въ крѣпость и тамъ слушалъ водосвятія. Надвечери былъ у мене подканцеляристъ іностранной коллегіи Динисъ Никитинъ Латининъ съ товарищемъ.

2. Ходилъ въ сенатъ и въ коллегію иностранную, где и за печати, къ тромъ пашпортамъ приложенные, заплатилъ пошлины 75 к. На перевозъ 2 к.

3. Былъ у бунчучного и Пустоту посѣщалъ въ дворѣ графа Розумовского.

4. Писалъ писма до Скоропадского, до жены, до Чуйкевича, до Павла Скорупы, до Івана Гамаліи зъ посилкою къ нему по-

лученныхъ писемъ, и до Іосифа. Былъ рано у г. Розумовского. Кравцю на потребности до камзола 20 к. Бунчучный вечеромъ былъ у г. Розумовского зъ представленіями нѣкоторыми и розговоръ имѣлъ. На харчъ 35 к.

5. Генералу графу Чернишову отправовалось съ надлежащою, по его достоинству, церемоніею погребеніе и провождено тѣло пятма баталіонами отъ пѣхоты и кирасировъ до Невского монастыря, где при погребеніи и три залпы оные-жъ баталіоны бѣглымъ огнемъ стрѣляли. Надвечери отехалъ я въ Невскій монастырь, где и ночовалъ.

6. Тамъ-же въ Невскомъ монастырѣ исповѣдивалъся и на ранной службѣ Божой причащалъся, а по службѣ позной, которую служилъ преосвященный Феодосій, архіепископъ с. п. бурскій, обѣдали въ келіи отца намѣстника Софронія зъ дѣтми Скоропадского и моимъ сыномъ; потомъ ходили до библіотеки и въ семѣнаріумъ, где провожалъ насъ одинъ ученикъ ѳеологіи Сумеонъ Ігнатіевъ. Розышлось 12 ½ к.

7. Былъ въ сенатѣ и въ иностранной коллегіи. По обѣдѣ пріездилъ ко мнѣ бунчучный и съ нимъ были оба у преосвященного крутицкого.

8. Писаны писма до Скоропадского, до Іосифа и до жены зъ посилкою двохъ головъ цукру, полфунта чаю въ жестянцѣ, двохъ гребенцовъ слонового и рогового, 9 книжокъ русскихъ печатныхъ и манускрипта объ Украинѣ. Дано за полфунта чаю 1 р., за гребенецъ слоновый 18 ¾ к., на харчъ 28 к. Изъ Невскаго подворя перенеслись дѣти на другую квартеру на Василіевскій островъ въ 8-ю лѣнію, въ домъ нѣкоторого совѣтника Неплова.

9. Въ іностранной коллегіи отобралъ пашпортъ, сину моему для поезду въ чужіе краи данный, такожъ пашпорти для синовъ трехъ Скоропадского, двохъ Борковского, запечатанные купно зъ указомъ, въ генералную канцелярію подписаннымъ. Далъ за труди подканцеляристу Латинину 1 р. 50 к., писцу 50 к., сторожу 6 к., на сѣно 50 к.

10. Далъ дѣлать для жены колпакъ или чѣпокъ изъ парчи, отъ камзола синового оставшей. Писма и посилка въ домъ вручены Добропѣзкому, значковому полку стародубовского товаришу. Ялоцкому даны 10 к.

11. Былъ въ дворцѣ, где по службѣ Божой преосвященный архіерей тферскій, Митрофанъ Слотвинскій, звалъ мене къ себѣ, зъ которымъ на одной шлюбки отехали и у него купно зъ Лукою, намѣстникомъ Свѣнскимъ, оберъ-іеромонахомъ Іоасафомъ корпуса кадецкого и архимандритомъ новгородскимъ Афанасіемъ обѣдали; потомъ и у мене отецъ Лука былъ вечеромъ. Гребцамъ архіерейскимъ даны 10 к. Pustota ab aresto factus liber.

12. Былъ въ сенатѣ, потомъ зъ отцемъ Лукою заходили въ кадецкій корпусъ до отца Іоасафа. По обѣдѣ былъ у мене отецъ Панфутій, уставщикъ монастыря Невского. Розышлось 6 ½ к. Пѣвчій дворцовый Якимъ Мироновичъ, зъ которымъ вчора надвечери въ дворцѣ отца духовника видѣлись, умеръ нечаянно.

13. Былъ рано у сенатора г. Шувалова, потомъ въ сенатѣ и насилу выписка совершена о Чаусахъ. На сѣно 8 к.

14. Израна ездилъ на смолной дворецъ и былъ тамъ у г. Розумовского, и у Журмана, и Борсука, по обѣдѣ у пр. Тодорского и у бунчучного.

15. Рано былъ у преосвященного Могилянского, архіепископа переславского, да у генерала г. Румянцова; потомъ въ дворцѣ на службѣ Божой, где государыня изволила присылать пѣвчого Кирила Рубана спрошовать о дѣтяхъ Івану и Петру Скоропадского, и приведъ въ салю, были допущены до ручки государыни. Обѣдали у мене подполковникъ Куликовскій, полковникъ Чоснокъ, дѣти Скоропадского зъ Кондзеровскимъ и Юнгансомъ. На росходъ харчевый дано 30 к., на сѣно 17 к., на овесъ 15 к.

16. Камзолъ изъ кунтуша Івану Рудому велѣлъ дѣлать и штаны, и къ онымъ на потребности даны 20 к., да на сѣно и проч. 20 к. За митье платя и направу чолковъ 23 к.

17. Рано былъ я у Горленка, по обѣдѣ у мене бунчучный. Свѣтлѣйшій князь, ландъ-графъ госсенгомбурскій отехалъ изъ С. П. Бурха въ чужіе краи. На хлѣбъ, яблоки и груши дано 8 к.

18. Рано былъ у оберъ-маршала Шенелева, который велѣлъ дать реестръ о малороссіянахъ, кои могутъ быть при брачной церемоніи.

19. Отосланъ таковый реестръ къ оберъ-маршалу. Государыня и великій князь изволили въ зимный изъ лѣтного дворца переехать. Ночовалъ у мене писарь умершого генерала Бибикова, Михайло Петровъ.

20. Былъ въ сенатѣ и у бунчучного. Отданъ приказъ объ насъ оберъ-церемоніймейстеру графу Санти.

21. Началась израна церемонія шествія опредѣленныхъ знатныхъ, мужеска и женска полу, персонъ, такожъ ея імператорского величества съ новобрачными ихъ імператорскими высочествами до церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, называемой казанской, отъ зимного большого дворца, и слѣдовала оная церемонія мимо дворецъ по-надъ Невою и поворотила въ Миліонную, а оттоль мимо лугъ, противъ дворца имѣючійся, где и три театри были здѣланы для жареныхъ быковъ и для фонтанъ, и даже до самой церкви, коимъ трактомъ и всѣ полки какъ гвардіи пѣхотной и конной, такъ и кирасирскихъ и наполныхъ солдаты и райтары построены были. Слѣдовало-же одныхъ церемоніалныхъ каретъ, господскихъ и дворцовихъ, 135, всѣ по 6 лошадей, а въ которой государиня и новобрачные ехали, тамъ было 8 лошадей. Послѣ венчанія, которое отправовалъ архіепископъ новгородскій и велико-луцкій, преосвященный Стефанъ Калиновскій, говорилъ проповѣдь преосвященный епископъ псковскій и нарвскій Сумонъ Тодорскій, которые оба тѣми санами почтены 18 числа сего теченія. Потомъ оная-жъ церемонія послѣ троекратного изъ пушекъ, при церквѣ поставленныхъ и отъ полковъ въ строю стоявшихъ, залпу, слѣдовала и отъ церкви до дворца зимного такимъ-же, какъ и до церкви порядкомъ, и палено зъ корабля и изъ разныхъ другихъ судовъ, яко-то: яхтъ, галеръ и протчихъ зъ многихъ пушокъ, а въ вечеру были вездѣ по городѣ, и на судахъ, и въ крѣпости, и въ адмиралитействѣ, въ академіи, въ корпусѣ кадецкомъ и въ протчихъ мѣстахъ преизрядніе иллюмѣнаціи.

22. Обозный генералный г. Лизогубъ прибылъ въ С.-П-Бурхъ. Данъ Грицку на росходы 1 руб.

23. Рано были зъ обознымъ генералнымъ первей у графа Розумовского въ дворцѣ, потомъ и самой государинѣ кланялись и у ручки были, и обѣдали у приватного стола, при присутствіи ея величества, въ лѣтномъ дворцѣ, а по обѣдѣ были у князя Н. Юр. Трубецкого, у преосвященного переславского Арсенія Могилеанского и у матушки графа Розумовского.

24. У вице-канцлера графа Михаила Іларіоновича Воронцова были рано, а потомъ въ зимномъ дворцѣ и у духовника, а въ

томъ-же зимномъ дворцѣ и государыня съ новобрачными кушать и свадебную церемонію продолжать изволила.

25. Рано ездили до графа Алексія Петровича Бестужева-Рюмина, который по службѣ Божой представлялъ насъ предъ государыню на аудіенцію, потомъ заразъ и у ихъ императорскихъ высочествъ новобрачныхъ, великого князя и великой княгини аудіенцію имѣли, а послѣ обѣда были въ комедіалномъ домѣ на оперѣ италіанской, на которой и дѣвки италіанки и кастратъ при музикѣ италіанской-же пѣли преизрядно. Кравцю за пошите двохъ камзоловъ и одныхъ штановъ Рудому данъ 1 руб.

26. Рано были у Александра Львовича Наришкина, сенатора, а обѣдали и весь день пробавили у матушки графа Розумовского, ради именинъ ея.

27. Были у генераловъ фелдмаршаловъ графа Леси, князей Василія Володимировича Долгорукова и Ивана Юревича Трубецкого, а обѣдали у графа Румянцова; потомъ званы во дворецъ и были въ собственномъ машкарадѣ, потомъ и ужинали при столѣ императорскомъ въ салъ галдареи.

28. Въ вечеру были на комедіи французкой и въ опредѣленной ложѣ подъ № 6 смотрѣли на отправленіе оной комедіи.

29. По службѣ Божой были у Василія Ивановича Демидова, а по обѣдѣ у графа Андрея Ивановича Ушакова, у Евфимія Ивановича Владиславича и у графини Евдокіи Ивановны Чернышовой. За петлицы золотые, до кунтуша аксамитного взятые, заплатилъ 5 руб. 10 коп., за сѣтку 2 руб. 60 коп.

30. Государыня изволила быть на пабоженствѣ въ монастырѣ Невскомъ и тамъ кушать, а по обѣдѣ оттуду возвратясь, кончено въ дворцѣ зимномъ высокобрачную церемонію и первей зажженъ былъ на рѣкѣ Невѣ превеликій фейерверкъ, потомъ была ужина въ салъ галдареи пребогатая, а насъ по всѣмъ покоямъ государыни и високоновобрачныхъ вожено и показивано всякіе раритети (рѣдкости), украшенія и уборства и трактовано доволно.

31. Государыня изволила изъ С.-П-Бурха поехать въ Царское Село и въ Питергофъ. Мы были изранку прежде у генералши Солтиковой, потомъ у князя Александра Борисовича Куракина и у его-жъ обѣдали, а по обѣдѣ были у сенатора князя Алексія Дмитріевича Голицина.

Сентеврій.

1. Вечеромъ были у генералъ интенданта адмиралитейского Александра Ивановича Головина.

2. Писаны письма до Скоронадского, до племѣнника Іосифа и до жены. За старую квартеру заплатилъ 3 руб., да зъ Юнгансомъ и Савою Зинченкомъ росплатка учинена; Юнгансу дано 14 руб. 25 коп., Савѣ 74 коп. У секретаря Новоторжцова были на родинахъ и данъ родѣлѣ червонецъ.

3. Віехали до Интергофа по полдни и прибыли туда ночю.

4. Отведена тамъ квартера тая, въ которой прежде стоялъ бунчучный, а вечеромъ ходили по огородамъ и смотрѣли фонтанъ.

5. Изранку водилъ насъ везде по огородамъ и фонтаны велѣлъ пускать подмайстерій Григорій Федоровъ Рилевъ, а по обѣдѣ оттоль поехали и прибылы въ С.-П.-Бурхъ по полдни въ 8-мъ часу.

6. Былъ въ лѣтномъ дворцѣ и въ габинетѣ и по обѣдѣ зъ Гудовичемъ у архимандрита Петрункевича.

7. Рано припималъ лекарство и весь день содержалъ діету.

8. Въ дворцѣ лѣтномъ у великого князя и у великой княгинѣ были у ручки.

9. Посѣщали насъ въ квартерѣ прежде Іля Журманъ съ товарищи, потомъ графъ Мойсей Владиславичъ. Сину Василю купленъ платокъ италіанскій за 1 р. 50 к., да еще два платки дано 37 к.

10. Рано были у генерала Бахметова на Василіевскомъ острову и въ сенатѣ и въ кунстъ-каморѣ. Портному иноземцю, что дѣланъ сыну Василю богатый камзолъ, заплатилъ 5 р. 20 к.

11. Пущалъ мнѣ кровъ изъ жилы сафены хирургъ Гартманъ, которому данъ таляръ битый. Сину полковника Делятура Карпу Ивановичу позичены 50 р. Обозный генералный ездилъ за рѣку къ архіереямъ.

12. За направу сину Василю шубы дано портному 20 к.

13. Получены писма зъ Глухова чрезъ Сангурского и 50 р. денегъ, которые позичены были полковника Далятура сину Карпу Ивановичу.

14. Рано были у кн. Н. Трубецкого и у канцлера гр. Бестужева-Рюмина, потомъ въ дворцѣ у ручки государини и у гр. Розумовского.

15. Писалъ писмо къ женѣ чрезъ Ивантенки. Емѣху учителю 50 к.

16. Оберъ-прокуроръ сенатскій Иванъ Онуфріевичъ Брилкинъ пожалованъ губернаторомъ въ Астрахань. Писалъ писма въ Глуховъ чрезъ Делятурова сина и чрезъ саржанта гварнизону глуховского, Анисима Осмолова, до Скоропадского, до Чуйкевича, до Іосифа и до жены. Книжнику дано 50 к., розыйшлось 9 к., въ доплатку за диплюмъ 50 к. Обѣдали у Новоторжцова ради крестинъ сина, ему родившогося, Ивана, которій потомъ и умре. Бабѣ дано 12 к.

17. Баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ. За двѣ книжки дано 80 к. Былъ придворный маскарадъ.

18. Рано подалъ графу Алексію Григоріевичу Розумовскому краткій меморіалъ о нуждахъ нѣкоторыхъ малороссійскихъ. Писано писмо къ женѣ зъ посилкою въ барилцѣ включенныхъ 24 талѣрокъ цепиныхъ. По обѣдѣ были у барона Черкасова, потомъ на комедіи.

19. За указъ о Чаусахъ дано копіисту Деружкину 1 р. Знову были на комедіи.

20. За запечатованіе сного о Чаусахъ указу дано пошлины 28 к.

21. Рано вси, а въ вечеру я самъ былъ въ дворцѣ у графа Розумовского для розговору о поданномъ ему меморіалѣ. За сиръ и протч. даны 52 к.

22. Послѣ обѣда были у сенатора Шувалова, и данъ ему меморіалъ о дѣлахъ малороссійскихъ, въ сенатѣ имѣючихся. За чоботы Ялоцкому даны 50 к.

23. Взята матерія срѣброглавная полъ 5-та аршина, по 5 р. аршинъ. Писаны писма до Скоропадского, до Іосифа и до жены чрезъ Якова Лизогуба, отехавшого съ меншимъ Кочубеемъ Василіемъ. Государыня изволила быть на сватбѣ у князя Хованского въ домѣ князя Василія Никитича Репнина.

24. Рано подана термѣна челобитной для усмотренія графу Р. и копіи грамоты и писма, а князю Никитѣ Трубецкому меморіалъ о 5 дѣлахъ. Бунчучный съ нашими исправлялъ пункты о нуждахъ.

25. Писалъ къ женѣ, чтобъ Савѣ Зѣнченку заплатила 42 р. 50 к. за матерія у него взятые, да до Іосифа зъ писмомъ отъ отца Петрункевича архимандрита до Василя Думитрашка. Сину Василю на чоботы данъ 1 р., да за атласъ съ картинами и за географію

нѣмецкую 2 р. 50 к. Въ вечерѣ были у насъ пѣвчіе дворяне Коченевскій и Рубановскій.

26. За оправу двохъ книжекъ 40 к., за исторію троянскую 75 к. Обѣдали зъ Гудовичомъ у Коченевского.

27. Писалъ отозвъ до Ивана Гамаліи. Уговоренъ для ученія дѣтей рисовалный майстеръ Мойсей Берганъ при инджeнерномъ корпусѣ на мѣсяцъ по 6 р. Въ вечеру были на комедіи французкой.

28. Послѣ полдня былъ зъ Гудовичемъ у сенатора Шувалова, где и секретарь Новоторжцовъ былъ-же взглядомъ индуктивного дѣла. Матушка великія княгини, принцесса ангалтъ цербская отехала изъ Санктъ-Питербурха. Писалъ до Скоропадского зъ посилкою указа сенатского стороны Чаусъ.

29. Капралу гвардіи измайловского полку Лутавинову, по писму Скоропадского, дано 25 р., въ чомъ онъ на томъ-же писмѣ и росписался, а отъ себе писалъ писмо къ полковнику Тютчеву объ отдачѣ тѣхъ денегъ.

30. Государиня со всѣмъ гофъ-штатомъ изволила зъ лѣтнего въ зимный переехать дворецъ, и палено для того зъ пушокъ. Писалъ къ Скоропадскому объ оныхъ 25 р. денгахъ, позиченныхъ Лутавинову, и росписку его тамъ-же включилъ, а до жены о Суховерховѣ.

Октоврій.

1. Были въ дворцѣ и у ручки государини, потомъ у бунчучного. Сеженъ Пустота и Журавко простились и отехали.

3. Инфортатору Юнгансу на расходы даны сто руб.

4. У бунчучного обѣдали съ Коченевскимъ и другими, где и розговоръ былъ о индуктѣ. На комедіи были италіанской.

5. Зъ сего противъ слѣдующого числа ночю великая вода была зъ моря.

6. Были въ дворцѣ у ручки государини, у великого князя и великой княгини. Розышлось на яблоки 15 к., за газети и казанье 17 к., сину Василю 14 к.

7. Обѣдали у бунчучного и вечеромъ купно съ нимъ были у Рейсхъ графа и какъ виноградомъ, такъ и виномъ почтованы отъ него и де якіи держали розговоры, въ томъ числѣ и о гетманѣ; потомъ были на комедіи французкой.

8. За мытье платя и направу бачмаковъ 26 к., за направу фляши мѣдной 15 к., секретарь Новоторжцевъ обѣдалъ у насъ и до позна бавилъся.

9. Вечеромъ были у Постелникова. На чоботы Рудому дано 50 к.

10. Обѣдали у бунчучного, потомъ были у г-жи Розумовской, а послѣ на комедіи италіанской. За 5 замковъ желѣзныхъ 96 к., за молотокъ 15 к.

11. Получилъ писмо и далъ почтарю 4 к. Вѣдомость пришла Гудовичу, что синъ его недавно рожденный умеръ.

12. Рано были у генерала фелдмаршала князя Долгорукова и обѣдали у него.

13. Превеликое было наводненіе. У Федора Ивановича Коченевского обѣдали всѣ.

14. Камеръ-юнкеръ Сиверсъ вѣнчалъся съ своею невѣстою въ киркѣ лютеранской, а свадба его была въ государевомъ дворцѣ съ обычнымъ церемоніаломъ.

15. Обѣдали у бунчучного. Пошло на камфору и за мытье платя 20 к.

16. Морозъ и малый снѣгъ былъ. За газеты и на карандашъ 20 к. Были на комедіи французкой.

17. Государиня изволила быть на освященіи новой церкви въ корпусѣ кадецкомъ. Бунчучный зъ женою былъ у насъ. За шпигинаръ дано 6 к.

18. Золотарю за роботу и за золочене печаты до дипліома дано 17 р. 6 к., за трость 1 р. 94 к. На позлотку 2 червоніи.

19. За направу кожуха Рудому и чоботъ и за газеты 28 к.

20. Подписанъ именный указъ о квартерѣ и трактаментѣ, которого копію отъ Р. графа привезъ Иванъ Тимофіевичъ Золотовъ.

21. Рано бывъ въ дворцѣ, кланялись государини, отежджающей въ Царское Село, и у ручки были, потомъ обѣдали и до позна пробавили у г-жи Розумовской.

22. Писалъ писма до Скоропадского, до жены и до Іосифа. За полотно на фоту для голѣня (бритья) дано 23 к.

23. Обозный генералный ради своего тезоименитства принималъ гостей, изъ которыхъ вечеромъ и Александръ Ив. Головинъ, адмиралитейскій интендантъ, былъ, а маіоръ Александръ Александ-

ровичъ Прибишевскій и обѣдалъ съ протчими. За 6 паръ чашокъ болшихъ зъ кришками дано 2 р. 40 к.

24 Именный указъ о квартерѣ отданъ Н. Юр. Трубецкому. Ночю былъ пожаръ. Нева, что при Василевскомъ островѣ, стала. Розышлось 59 к.

25. За 12 паръ ножовъ чорныхъ 1 р. 20 к. Государиня ночю прибыть изволила.

29. Випалъ снѣгъ ночю. Рано мы были у Р. графа. Государиня изволила быть у оберъ-гофъ-маршала Дмитрія Андріевича Шепелева, ради тезоименитства его.

27. Рано были въ дворцѣ, а по полдни у капитана поруччика Марковича, да у маіора преображенского полку Ивана Ив. Косогова. За пакетъ, по почтѣ до Глухова отпущенный, дано 25 к. За газеты 6 к.

29. Обѣдали наши у капитана измайловского полку, князя Сергія Ивановича Барятинского. За пластыръ 24 к. На розницю 21 к.

30. Обѣдали въ монастырѣ Невскомъ у преосвященного архіепископа с.-п.-бурского Феодосія, купно зъ преосвященнымъ сарскимъ и подонскимъ. Тамъ-же съ нами обѣдала и дворцовая каморъ-юнфера, Евдокія Ивановна Вергуновская.

31. За окуляри дано 25.

Ноеврій.

1. Обѣдали у бунчучнаго ради его именинъ, где были и Преосвященный с.-п.-бургскій и г-жа Розумовская съ прочими.

2. Выдано намъ вдругъ за два мѣсяци жалованья 252 р. 25 к.

3. Были въ дворцѣ у ручки великого князя и великой княгини. Въ вечеру ездили къ Александру Ивановичу Головину панъ обозный зъ бунчучнымъ.

4. Петръ Стефановичъ Прютченко преставился. Свадба въ дворцѣ была камеръ-юнфери Евдокіи Ивановнѣ Вергуновской.

5. Петръ Прютченко погребенъ въ Невскомъ. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Іосифа и до жены.

6. Оные писма вручены Шатиловскому [229]), отежджаючому въ

---

[229]) Филимонъ Шатило или Шатиловскій отецъ Афанасія Шафонскаго, автора Описанія черниговскаго намѣстничества.

Малороссію. Камергеръ и кавалеръ князь Петръ Михайловичъ Голицинъ женилъся, въ дворцѣ вѣнчалъся и тамъ-же была сватба.

7. Юнгансу даны сто руб. на росходъ.

8. Обѣдали у г-жи Розумовской. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Іосифа, до жены и до обозного полкового стародубовского Юркевича, чрезъ салдата отпущены.

9. Рано были у гг. фелдмаршаловъ князя Долгорукова и к. Трубецкого, а обѣдали у графа Румянцова. За газети 6 к.

10. Въ дворцовой церквѣ посвященъ епископомъ костромскимъ и галицкимъ архимандритъ кіево-братскій, отецъ Силвестръ Кулябка, а посвящалъ преосвященный Платонъ Маліновскій, архіепископъ сарскій и подонскій, съ другими архіереями. Ночю снѣгъ выпалъ.

11. По обѣдѣ были у П. Шувалова, у к. Куракина. Въ вечеру былъ Головинъ зъ женою у обозного генералного.

12. По обѣдѣ былъ у преосвященного тверского. Писалъ до писаря суда генералного Івана Василевича Пиковця съ посилкою писемъ отъ Алексія Требинского.

13. За вѣдомости даны 35 к., по полдни были у насъ Новоторжцовъ, Кочепевскій и бунчучный.

14. Обѣдали наши у бунчучного, я въ квартерѣ. На яблоки 10 к. Вечеромъ были Королкевичъ и Данилевскій. Сину Василю на бачмаки и митье платя 1 р., за камортухъ на манжеты 1 р. 20 к.

15. За двѣ пушки чайные мосіенжные дано 80 к.

16. За шесть паръ чашокъ фарфурныхъ 1 р. 70 к.

17. Золотописцу, взявшому додѣловать диплiомъ, дано 3 р. Обѣдали у преосвященного переяславского Арсенія Могилянского.

18. Вечеромъ были у г-жи Розумовской.

19. Съ діакономъ Савіцкимъ, придворнымъ проповѣдникомъ, былъ Журманъ, потомъ бунчучный съ Новоторжцовымъ. Розышлось 8 к.

20. Обѣдалъ я и Гудовичъ у г. Розумовской зъ г. Кириломъ Григоріевичемъ и Тепловымъ.

21. Были въ дворцѣ и у г. Кирила Григоріевича. Обѣдали у преосвященного тверского купно съ г. Розумовскимъ.

22. За шесть паръ чашокъ чайныхъ фарфурныхъ съ золотомъ 2 р.

23. За одну пушку мосіенжную чайную 40 к.

24. Великую княгиню поздравляли тезоименитствомъ и у обоихъ у ручки были.

25. Ради празднованія вступленія на престолъ ея імператорского величества была проповѣдь въ церквѣ дворцовой, говорилъ преосвящ. Кулябка. По службѣ были у ручки государини, а въ вечеру въ салъ галдареи и въ болшой салѣ, гдѣ изволила государиня кушать съ лейбъ-компанцами. Графъ Алексій Григоріевичъ Розумовскій капитаномъ лейтенантомъ, а Александръ Івановичъ Шуваловъ поруччикомъ лейбъ-компаніи пожалованы.

26. Vacat. 27. Капитану поруччику Василю Марковичу сынъ, нареченный Евграфъ, родился. Рано поздравляли рангомъ новопожалованнымъ г. Розумовского, а вечеромъ Василя Никитича Репнина фелдцеймейстерствомъ.

28. Еще даны Юнгансу 30 р. За маніфестъ короля прусского 30 к.

29. Писаны писма чрезъ зятя полковника лубенского, князя Петра Сергіевича Долгорукова [230]) до Скоропадского, до Іосифа и до жены.

30. Поздравляли по домамъ кавалеровъ ордина святого Андрея, потомъ были въ дворцѣ, гдѣ въ церквѣ имѣлъ проповѣдь семинаріи невского монастыря ректоръ, отецъ Гавріилъ Камѣнскій.

Декабрь.

1. Рано были у графа Алексія Григоріевича Розумовского и писмо отъ старшины генералной къ ему писанное мною подано, а въ вечерѣ были у его-жъ сіятелства обозный и бунчучный генералные и Гудовичъ.

2. За полфунта чаю дано 1 р. 12½ к.

3. Дѣла наши нѣкоторые слушаны въ сенатѣ.

4. При писмахъ до Іосифа и до жены отправлена посилка съ людми полковника компанѣйского Василія Чоснока, а именно чрезъ Наума: дзигаръ стѣнный, зъ двома вагами (гирями) въ пудлѣ, тамъ-же замковъ нѣмецкихъ 5 желѣзныхъ зъ ключами и обценки, кунтушъ штофовый подъ песками, два кафтаны бѣлыхъ, футро лисее зъ-подъ кунтуша зъ карвашами, и сее увинуто въ старомъ килимцѣ, три пушки жолтіе, въ томъ числѣ: въ одной чай зеленый, 12 паръ ножовъ чорныхъ, 3 посуды фарфурные высокіе съ криш-

---

[230]) Мужъ Софьи Петровны Апостолъ.

ками, пара сосудовъ низкихъ съ кришками-жъ, 24 пары разныхъ цвѣтовъ чашокъ чайныхъ зъ мисочками, а 6 паръ зъ кришками, да одна мисочка съ подножіемъ мосіенжнымъ, чайникъ фарфурный, столикъ чорный каменный.

6. У того-жъ отца Софронія исповѣдалъся и по благости Божіей удостоилъся причастится на ранной службѣ Божой, а потомъ, ради тезоименитства моего, были у мене на кушаню гости, въ томъ числѣ г-жа Розумовская зъ дочерми. Генералъ-маіоръ и гвардіи маіоръ Іванъ Івановичъ Косоговъ, Федоръ Івановичъ Коченевскій, бунчучный зъ женою и сестрою его и протчіе.

7. За екземпляри изъ медаліовъ оловянніе дано 70 к.

8. Юнгансу заплатилъ за нѣкоторую имъ справованную покупку 60 к.

9. Обѣдали у г-жи Розумовской.

10. Писалъ до Красінского въ Москву. Государиня изволила прибыть зъ Гостилици.

11. Юнгансу дано еще 70 р. на росходъ.

12. Здѣлано, а 13 подано въ сенатъ доношеніе объ індуктѣ. 14 прибылъ зъ Глухова куріеръ Андрей Глинскій.

15. Бунчучный со всѣми своими, а съ нимъ и Семенъ Кочубей віехали къ Москвѣ, а до войта нѣжинского пріехалъ куріеръ.

16. Полковникъ Чоснокъ и сотникъ Лисаневичъ переехали на нашу квартеру.

17. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Іосифа и до жены.

18. Ради праздника рожденія ея імператорского величества стоящіе полки въ строю палили трижды бѣглымъ огнемъ и палено-жъ зъ пушокъ. Послѣ службы Божой казанье говорилъ преосвященный Платонъ Маліновскій. У стола государева и мы обѣдали съ офицерами гвардіи, а по обѣдѣ былъ балъ и преизрядная на Невѣ противъ дворца, и при корпусѣ кадецкомъ, да и въ крѣпости иллюмѣнація.

19. Куріера, зъ Глухова пріездившого, писаря Андрея Глинского отправили къ Глухову, чрезъ которого и вышеписанные писма отпущены, и до Івана Гамаліи, тако-жъ до Красінского въ Москву писалъ.

20. За здѣланные сину 3 рубашки зъ манжетами заплачено Антонисѣ 1 р., за сосудъ оловяный до голѣня 35 к., да за другую мѣлочъ 36½ к.

21. Обѣдали у генерала інтенданта Александра Івановича Головина.

22. Въ вечеру дозорца шептаковскій Гулевичъ отехалъ, чрезъ которого до жены писалъ я и синъ Василь.

23. Знову писалъ до жены по почтѣ и вручилъ то писмо графу Мойсею Владиславичу, а также писалъ и до Скоропадского о Чаусахъ и о денгахъ, зъ медицинской канцеляріи отдаючихъся.

24. Сину Василю на чолки данъ 1 р.

25. Въ сей день Рожества Христова слушали обѣдни въ церкви святого Симеона, а по полдни пріездилъ къ намъ капитанъ поруччикъ Марковичъ съ нѣкоторымъ обнадеживанемъ отъ графа Розумовского.

26. Были съ поздравленіемъ у канцлера, у обоихъ Шуваловыхъ, у князя Никиты Юревича Трубецкого, у г. Кирила Розумовского, у графини Чернишевой, у духовника и у графа Румянцова.

27. У фелтмаршаловъ князей Долгорукого и Трубецкого, у г. Ушакова, у генерала криксъ комисара Стефана Федоровича Апраксина, у г-жи Розумовской и тутъ обѣдали. Вечеромъ были у войта Тарнавіота.

28. Рожденіе моей жены праздновалъ въ квартерѣ.

29. Іванъ Забѣла, молодый, обтовскій, пріѣхалъ. Вечеромъ были у Ігната Кириловича Полтавцова.

30. Отехалъ Левъ Сорока за Кочубеемъ къ Москвѣ.

31. Вечеромъ были у генерала інтенданта Александра Івановича Головина и у него-жъ вечеряли, и тако сей годъ оконченъ. Слава Богу!

1746 годъ.

Мѣсяцъ генварь.

1. Былъ въ дворцѣ и тамъ по службѣ Божой слушали казанья, которое имѣлъ архимандритъ рождественскій володимерскій, Платонъ Петрункевичъ.

2. Въ вечеру были у насъ въ квартерѣ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, оберъ-шталъ-мейстеръ, и Александръ Івановичъ Головинъ, генералъ-інтендантъ отъ адмиралтейства.

3, 4, 5, 6, 7 и 8. Vacant.

9. Семенъ Василіевичъ Кочубей прибылъ изъ Москвы. Изъ главной медицинской канцеляріи взялъ позикою денегъ 300 р. и далъ на оные два вексели, для отданія тихъ-же денегъ въ Лубняхъ въ тамошнюю аптеку; изъ тихъ-же денегъ далъ Юнгансу 100 р. Въ вечеру была опера Тита Веспасіана въ комедіалномъ домѣ.

10. За 3 книжки въ академію 93 к, за календарь болшой 15 к., за календарь придворный 20 к., за гербовую бумагу 6 к.

11. Вечеромъ были у графа Розумовского въ собственномъ его домѣ и имѣли розговоръ о дѣлахъ нашихъ, въ сенатѣ сущыхъ, съ П. І. Шуваловымъ.

12. Были въ дворцѣ на службѣ, а у насъ вечеромъ Іля Журманъ и Александровичъ.

13. Подана челобитная въ сенатѣ о дѣлѣ съ Соколовскими, за которой переписку дано 20 к. Писаны писма до Скоропадского и до жены, да въ Москву до Красінского чрезъ пѣвчого придворного, посланного въ Малую Россію для выбору пѣвчихъ. Запасъ отъ Скоропадского пришолъ.

14. Въ домѣ графа Алексія Григоріевича Розумовского былъ сговоръ Семену Василіевичу Кочубею [231]) съ двоюродною сестрою графскою, Ксеніею Герасимовною (Демешко), и ихъ-же размѣняно перстнями, которые обоимъ, жениху и невѣстѣ, сама государыня отдавать и на руки наложить изволила; потомъ была вечеря, где и мы у стола сидѣли и кушали, а по ужинѣ были салти, до коихъ и насъ употреблено; тогда-жъ графъ принесъ золотую табакерку съ алмазами и подарилъ Кочубею.

15. Петръ Савичъ прибылъ въ С.-Пбурхъ. Поддячому дано 20 к.

16. На квартерѣ у Журмана имѣли переговоръ зъ войтомъ нѣжинскимъ Тарнавіотомъ. Писмо писалъ къ Скоропадскому зъ посилкою календаря.

17. Купилъ цѣны (цинковой посуды) два пуды и 8 фунтовъ, въ томъ числѣ болшихъ полумисковъ 6, малыхъ 6, талѣрокъ глубокихъ 2 тузни, мелкихъ 1 тузінъ, дано 17 р. 60 к.

---

[231]) Семенъ Кочубей, внукъ В. Л. Кочубея, р. 1725, † 1779 года. Благодаря родству съ Разумовскими, Кочубей тогда-же, въ годъ женитьбы, сдѣланъ былъ нѣжинскимъ полковникомъ, а въ 1751 году генеральнымъ обознымъ. Умеръ членомъ малороссійской коллегіи.

18. Оная цѣновая посуда, да еще блюда 3 съ крышками, въ томъ числѣ одно болшое, двѣ меншихъ, ножовъ съ бѣлыми черенками паръ 24, двѣ кострулки и 1 выжигалниця мѣдные, отпущены при писмахъ до жены и до Іосифа чрезъ Івана Сербиновского, служителя Скоропадского, и до его-жъ при помянутомъ писмѣ посланъ календарь, а до Красінского въ Москву писалъ о нашемъ запасѣ и объ отпускѣ нашого-жъ человѣка въ домъ. Дано Афонѣ 10 к., Кирилу Скоропадского 10 к. Матушка г. Розумовского отехала изъ С.-Пітербурха.

19. Были въ дворцѣ и допущены къ ручкѣ государини. Проповѣдь имѣлъ діаконъ отецъ Савіцкий. Вечеромъ была комедія французкая.

20. Писаны писма до Скоропадского, до Гамаліи, до Іосифа и въ домъ до жены, чрезъ полковника Василія Чоснока, сегодня поутру отехавшого.

21. Видѣлъ въ сенатѣ резолюцію по челобитнымъ моей и Соколовского. Обѣдалъ у Федора Івановича Коченевского. Даны хлопцю Максиму имениннику 9 к., Грицку на поясъ 25 к.

22. Писалъ писма чрезъ капрала гварнизону глуховского до Скоропадского и до Іосифа подъ коопертою, на імя полковника Делятура подписанною. Пріехалъ Бѣлоцерковець.

23. Въ сенатѣ былъ съ Гудовичемъ призыванъ за табель о рангахъ.

24. Писма зъ Глухова и изъ дому получилъ, тако-жъ 200 р. и 20 червоныхъ. Отъ Шоха отобралъ для отдачи червоныхъ слузѣ Валкевичевому Соколовскому. Писалъ чрезъ сотника ірклѣевского Алексія Требинского до Скоропадского, до Іосифа и до жены въ домъ.

25. Дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ Александръ Лвовичъ Наришкинъ преставилъся. Помянутому Соколовскому 20 червоныхъ, а Андрею Вітвѣцкому за коня его, проданного по писму Скоропадского, 9 руб. отдалъ и взятые у нихъ въ пріемѣ тихъ денегъ росписки включилъ въ писмо до Скоропадского чрезъ капрала глуховского гварнизону 7-й роти Івана Гаврилова.

26. Оный капралъ отехалъ.

27. Василю сину дано на бачмаки 50 к.

28. Въ крѣпости, въ церквѣ петро-павловской была панихида по государѣ імператорѣ Петрѣ I, на которой всѣ господа знатные были.

29. Обѣдали въ монастырѣ Невскомъ у намѣстника свінского Луки, потомъ были и у архіереевъ с.-петербургского и вятского.

30. Обѣдалъ у насъ секретарь Новоторжцевъ.

31. Писалъ писмо до жены чрезъ Мглинъ, чрезъ келейника преосвященного новгородского. Канцеляристъ Лебедь отехалъ. Кухтику Івану Рудому на рубашки дано 50 к.

Февраль.

1. Юнгансу на росходы для дѣтей далъ 100 руб. Книжка Телемакъ куплена, дано за оную 1 р. 85 к.

2. Вечеромъ были у Петра Горленка на квартерѣ.

3. Обѣдали всѣ мы на Василевскомъ острову у князя Сергія Михайловича Хованского. Сегодня былъ машкарадъ въ собственномъ домѣ графа Алексія Григоріевича Розумовского и иллюмінація.

4. Машкарадъ былъ въ цесаревнинскомъ домѣ у Александра Борисовича Бутурлина.

5. Мы были на Смолномъ дворѣ у Івана Дмитріевича Рожевского вечеромъ. Машкарадъ былъ у оберъ-маршала Шепелева. Михайло Федоровичъ пріехалъ въ С.-Петербурхъ.

6. Обѣдали у преосвященного крутицкого Платона Маліновского. Машкарадъ былъ у князя Репнина, генерала фелтцехмейстера.

7. На смолномъ дворѣ у управителя тамошнего обѣдали, а вечеромъ были у насъ дворцовый бандуристъ слѣпый и два скрипцісты комнатные, которымъ дано общихъ денегъ 10 р.

8. Обѣдали у отца духовника, ради его іменинъ, да и у Григорія Михайловича Любисткова, дворянина, были.

9. Я и обозный генералный по собственному ея імператорского величества приказу кушали обѣдъ у собственнаго-жъ ея величества стола въ Еремѣтажѣ, а ужинали у господина Головина.

10. Ради рожденія его высочества, государя великого князя випалено на поздравленіе изъ 73 пушокъ, и сего числа противъ 11-го слѣдующого дѣти перешли на другую квартеру на Василіевскій островъ, и преставилъся князь Василій Володимеровичъ генералъ-фелтмаршалъ, отъ рожденія своего на 79 году. Куплены для мене сапоги за 1 р., за сцезорикъ и запонки 22 к.

12. Писаны писма до Скоропадского, да до Іосифа повѣренное, и до жены, и другое до Іосифа о подписѣ на приговорѣ въ слушаніи, которые писма посланы чрезъ Сангурского, сего числа отехавшого.

13. Генералъ Густавъ Біронъ умре въ С.-Пітербурхѣ.

14. Ночовали въ монастырѣ Невскомъ.

15. Тамъ исповѣдывались и сообщались Св. Тайнамъ. Розышлось на розницю 38 к.

16. За офарбоване черкески 1 р. 50 к.

17. Василю сину даны на потребы 18 к.

18. Деружкину дано 50 к.

19. Писалъ до Скоропадского съ посилкою печатныхъ вѣдомостей, въ которыхъ и трактатъ миру, между королемъ прусскимъ, полскимъ и венгерскою королевою заключенный, выпечатанъ.

20. Оное писмо вручено Федору Івановичу Коченевскому для пересылки чрезъ келейника архимандрита печерского.

21. Рано осматривалъ квартери другой на Василіевскомъ острову для дѣтей.

22. За тою-жъ квартерою ходилъ къ князю Михайлу Андріевичу Бѣлоселскому и зъ онымъ договорилъся на годъ за 80 р. за 5 покоевъ въ домѣ князя Адоевского. Господа сенаторы сезджались екстраординарно въ сенатъ для нашихъ дѣлъ. Кушалъ я зъ Гудовичемъ обѣдъ у оберъ-маршала Шепелева. Издержано 25 к.

23. Рано были зъ Гудовичемъ у графа и доволные имѣли розговоры, потомъ въ крѣпости казанья слушали.—Куплено платья для сина Василя, дано за опое 25 р.

24. Подалъ въ сенатъ Федоровичъ доношеніе Купчинского.

25. Івану Рудому куплена свита за 1 р. 50 к. Писано писмо въ Москву до Красінского и до поддячого Бѣляева и дано за оное на почтѣ 4 к.

26. Вечеромъ были у бригадира главной артилеріи, Івана Федоровича Глѣбова.

27. За книжку Граматику руско-латинскую 50 к.

28. Графъ Мойсей Івановичъ Владиславичъ у насъ былъ.

Мартъ.

1. Погребеніе было церемоніалное генералу фелдмаршалу князю Долгорукову въ монастырѣ Невскомъ. Вечеромъ были у насъ отецъ духовникъ и Федоръ Коченевскій.

2. Были въ дворцѣ на службѣ и на казаньѣ, которое имѣлъ діаконъ Савіцкій. Пріехалъ въ С.-Петербурхъ факторъ індуктный Халкидоцкій.

3. За пошитье старой черкески 25 к. Рудому даны сапоги.

4. За вибойку на юпку 77 к. Маіоръ Воеводской арестованъ въ сенатѣ.

5. За полотно на рубашки и на штаны дано 2 р. 22½ к. Сину Василю на чолки и протчее 1 р. 70 к.

6. За оправу двохъ книгъ 40 к., Козмѣ портному 30 к. Были рано у графа Розумовского и получили декляраціо о бытіи гетмана.

7. У г. Мойсея Владиславича были на его новой квартерѣ.

8. Рано представляли графу маіора Рикачова и Петру Івановичу Шувалову стороны дѣла Полтавского. За направу компаса 20 к., за Рудого въ поліціи 15 к.

9. Въ придворной церквѣ имѣлъ проповѣдь діаконъ Савіцкій.

10. Рано былъ у насъ отецъ духовникъ и обѣщалъ денегъ визичить. За чайникъ вименянный додано 1 р. Нѣмкенѣ 14 к.

11. Писмо вручено отцу духовнику до г. Скоропадского на 500 р.

12. Генералу фелтъцехмейстеру князю Василію Никитичу Репнину при писмѣ отъ г. Скоропадского представлялъ дѣтей, чтобъ позволилъ имъ ходить въ классы кадецкіе. Чоботы Рудому куплены за 64 к.

13. Писма писаны чрезъ Забѣлу до Скоропадского, до Іосифа и до жены, который ночю и отехалъ. Нѣмкенѣ дано 26 к.

14. Писано писмо до жены о посилки 50 лимоновъ чрезъ сотника мглинского Лисаневича, за якіе дано 1 р., да за лѣкарства 50 к. Оный-же Лисаневичъ сего числа отехалъ, а чрезъ него и книги посланы, именно на реестрѣ показанные; чрезъ него-жъ писано и въ Москву до Красінского о нашихъ запасахъ. Ночю противъ 15 числа были чюдные на небѣ знаки.

15. Лекару адмиралітейскому за 3 книжки нѣмецкіе даны 2 р. Халкицоцкій отехалъ и объ немъ писалъ до Скоропадского.

16. Обѣдали у пѣвчого Богуша. Пріехалъ Іванъ Жоравко съ женою. Вечеромъ поздравляли графа Розумовского тезоименитствомъ.

17. Рано такожде обоихъ графовъ Розумовскихъ поздравляли. Государиня съ протчими изволила обѣдать и ужину кушать въ собственномъ домѣ графскомъ. Баронъ Іванъ Антоновичъ Черкасовъ, тайній совѣтникъ, пожалованъ кавалеріею святого Александра Невского.

18. Графа Кирила Григоріевича Розумовского поздравляли тезоименитствомъ его. Отехали изъ С.-Петербурха Марко Марковичъ, Петръ Горленко и значковый Полтавскій. Были зъ Гудовичемъ на сахарныхъ заводахъ. За пошитье двохъ паръ чоботъ, изъ коихъ одни даны Ялоцкому, заплочено 50 к. Привезено тѣло умершей принцесы Анны въ Невскій монастырь.

19. Пріехалъ въ С.-Петербурхъ судія Павелъ Скоруппа и привезъ разные писма.

20. Ездили въ Невскій монастырь видѣти тѣло принцесино. Поданъ меморіалъ графу о дѣлахъ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ. Войтъ коропскій отехалъ.

21. Было погребеніе принцессы въ Невскомъ, где и всемилостивѣйшая государиня присутствовать изволила, потомъ обѣдать въ домѣ отца духовника надъ Фонтанкою. Рано были у барона Черкасова, поздравляючи его кавалеріею.

22. За двѣ ручки изъ дерева чорного, до чайника и до кофейника здѣланные, дано 1 р. 20 к. За два шматки гатласу алого 60 к.

23. Были у канцлера, у Черкасова, у к. Н. Юр. Трубецкого, потомъ въ дворцѣ, а вечерю имѣли у А. І. Головина. Писалъ до Гамаліи.

24. На Василіевскомъ острову былъ у профессора механика Брункера.

25. Ради сего Благовѣщепскаго праздника оффіцери конной гвардіи трактованы въ дворцѣ.

26. На ночь отехалъ въ монастырь Невскій.

27. Тамъ-же исповѣдалъся и причащалъся.

28. За роботу ночныхъ рубашокъ сину Василю и протчее 66 к.; за митье его-жъ рубашокъ и на другіе потребы 74 к. До г. Кондратовича отосланы 3 книжки латинскіе, да емужъ послана бутеля двойного и бутелка водки.

29. За ренкойсте (рукоять), изъ дерева чорного сдѣланное до тесака, дано 70 к., за конфору 7 к.

30. Въ сей день Свѣтлаго Воскресенія, кромѣ церкви, ни где не бывали.

31. Рано поздравляли канцлера к. Н. Юр. Трубецкого и П. І. Шувалова, потомъ въ дворцѣ великого князя и великой княгини

и у ручки были. По службѣ Божой у графа Розомовского. Обявленъ Семенъ Кочубей полковникомъ нѣжинскимъ.

Апрель.

1. Государиня изволила отехать въ Царское Село. Рано были съ поздравленіемъ у князя Трубецкого фелтмаршала, у графа Румянцова, у Бутурлина и у г. Чернишевой и у Ушакова; обозный генералный у Головина, а я у Носка обѣдали. Вечеромъ были у насъ полкозникъ Кочубей, капитанъ лейтнантъ Марковичъ и Левъ Сорока.

2. Были у камергера Корфа, у князя Михайла Андреевича Бѣлосельского, у барона Черкасова и преосвященного Арсенія переяславского.

3. Были у г. Головина, а потомъ и онъ у насъ, и секретарь Новоторжцовъ, и войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ.

4. Обѣдали у полковника нѣжинского Кочубея, куда по обѣдѣ пріездилъ и Василъ Марковичъ, капитанъ поруччикъ.

5. Были въ монастырѣ Невскомъ, у Архіерея здешнего и у намѣстника тамошнего, отца Софронія.

6. Рано поздравляли Василія І. Демидова, да оберъ маршала Шепелева, потомъ были въ дворцѣ и у ручки государини. Федоровичъ съ Кочубеемъ въ дворцѣ ссорилъся. Гаврило Роздавідовскій умеръ.

7. Приведенъ къ присяги въ церквѣ Ісакія Далмацкого изъ сената полковникъ нѣжинскій Кочубей. Послѣ обѣда были съ Гудовичемъ у секретаря Бахирева и у войта нѣжинского Тарнавіота.

8. Рѣчи, говоренные по депутаціи нашей къ государинѣ и къ великому князю во время брака іхъ імператорскихъ высочествъ, вручены графу Кирилу Григоріевичу Розумовскому, по требованію графскому. Обѣдали у Федора Івановича Коченевского.

9. Сину Василю на бачмаки дано 60 к., на помаду 10 к.

10. Вечеромъ были у Иліи Борисовича Ксиляндра.

11. За крашенину 18 к.

12 и 13 осор. NB.

14. Въ седмомъ часу по полуночи рѣка Нева прошла и для того первей разъ, потомъ въ другое и третое палено зъ пушокъ въ крѣпости. Рано былъ зъ Гудовичемъ у графа и подалъ ему прошеніе въ моемъ дѣлѣ.

15. Писалъ до Скоропадского, до Іосифа, до Піковця и до жены, да до Ивана Гамаліи въ Москву. Сина Васия вислалъ на Василіевскій островъ и ему-жъ дано на его нужды 30 к.

16. За поправу старого мундира портному дано 65 к., за шлифи 10 к.

17. —

18. Писаны писма въ Москву по почтѣ до Гамаліи, до Красінского и до поддячего Бѣляева, да до жены въ домъ. Заплачено за оные писма 26 к.

19. Синъ бывшого полковника нѣжинского Божича отехалъ и чрезъ него подъ числомъ 15 писанные писма отпущены. За таѳу красную до черкески 2 р. 78½ к. За шолкъ и табиновую матерію 27 к., за бархатъ 1 р. 20 к., щипцы желѣзные сину до убираня волосовъ 24 к., за кошеліокъ 1 р., за ленту черную и за проч. 17 к.

20. Были въ дворцѣ.

21. Поздравляли рано великую княгиню, которой 17 лѣтъ кончилось, и были у ручки. По обѣдѣ былъ балъ, а вечеромъ иллюмінація.

22. Погребали жену князя Костантина Дмитріевича Кантеміра, которая дочь была князя Димитрія Михайловича Голицина, въ Невскомъ монастырѣ.

23. За направу бачмаковъ и саноговъ Василевыхъ сапожнику дано 25 к., портному Козмѣ 40 к., за мило и шнурокъ 6 к.

24. На перевозъ вчора, какъ ездилъ посѣщать болного Соколовского на Василевской островъ до дѣтей и сего дня, пошло 10 к.

25. Въ сей день воспоминанія коронаціи еи императорского величества поздравляли израна первей разныхъ господъ, потомъ были въ дворцѣ на службѣ и на казальѣ, якое имѣлъ проосвященный Стефанъ Каліновскій, архіепископъ велико-новгородскій. Тамъже, при присутствію самой государини подъ балдахиномъ, съ великимъ княземъ и великою княгинею, изволившей кушать, и мы у стола государева кушали, а послѣ обѣда былъ балъ и въ вечеру иллюмінаціи противъ дворца, при корпусѣ кадецкомъ и около крѣпости, тако-жъ и по всѣмъ домамъ.

26. При пушечной палбѣ изъ крѣпости и изъ адмиралитейства изволила государиня и великій князь и великая княгиня переехать въ лѣтный дворецъ, и тамъ-же освященіе было новопостроенной

церкви во имя Пресвятыя Тройцы. За направу каѳана и проч. да за передѣлане черкески дано портному 50 коп.

27. Рано и на обѣдѣ были въ дворцѣ, а по полуднѣ въ комедиальномъ домѣ на оперѣ, которая чрезъ нѣсколько годинъ въ дѣйствіяхъ продолжалась.

28. На разные потребности пошло 23 к., за платокъ бумажный синій 30 к., изъ сего числа противъ

29. Капитанъ гвардіи измайловского полку, князь Сергій Ивановичъ Борятинской надъ чаяніе умре.

30. Куплена для сина епанча красная, за которую дано 7 р. 50 к., за направу чолокъ и на проч. 23 в.

Майй.

1. За матерію подъ тую епанчу паплінъ и за шолкъ и гарусъ дано 2 р. 86¾ к.

2. Для отобраня за три мисяци кормовыхъ денегъ 300 р. ездилъ въ крѣпость Василь Гудовичъ и отобралъ оные деньги. Ивану Рудому куплены штаны, двѣ рубашки и поясъ жолтый, дано за все 95 к.

3. Звалъ насъ къ себѣ на сватбу переводчикъ иностранной коллегіи, Иванъ Андріевичъ Данилевскій.

4. Оный Данилевскій вѣнчался въ церквѣ Исаакія Далмацкого, потомъ мы были у него на сватбѣ съ Павломъ Скоруппою. Розышлось 15 к.

5, 6 и 7 числъ розышлось сину Василю на чолки шолковые 2 р. 50 к., а на другіе его жъ разные потребности 1 р. 51¾ к., да на мои разные потребы 1 р. 68 к.

8. Государиня изволила отехать въ Царское Село для освященія церкви.

9. Великій князь ездилъ въ Катеринъ-Гофъ.

10. Сину Василю на перчатки дано 10 к.

11. Были у Александра Ивановича Головина. За чолки для мене 15 к.

12. За направу моихъ перчатокъ 30 к.

13. Писаны писма 1-е въ Москву до Ивана Гамаліи, 2-е до архимадрита донского отца Кирила, да въ Глуховъ до Скоропадского, до Іосифа и до жены.

14. Государиня изволила прибыть въ С.-Питербурхъ изъ Царского Села. Мы были у графа Розумовского.

15. Принималъ сухую ванну.

16. Иванъ Ялоцкій, служитель, уйшолъ. Ездили на Василевскій островъ и у Новоторжцова, и у дѣтей, и на бѣржи были.

17. За направу чолокъ синовѣ 12 к. Портному за роботу 25 к.

18. Недѣля Сошествія Святото Духа. Въ дворцѣ были на службѣ.

19. Скоропадского дѣти у насъ были и обѣдали.

20. Мы обѣдали съ архіереями у преосвященного архіерея новгородского, архіепископа Стефана Калиновского.

21. Я одинъ у преосвященного крутицкого Платона Малиновскаго обѣдалъ. Графъ Кирилъ Григоріевичъ Розумовскій пожалованъ въ академію наукъ презесомъ. За чолки бѣлые шолковые, сину Василю купленные, даны 2 р. 50 к.

22. Отписалъ къ брегадиру Витковичу на его писмо въ Псковъ.

23. Опредѣленъ оберъ-гофъ-мейстеромъ до князя великого князь Василій Никитовичъ Репнинъ, генералъ фелтцехъ-мейстеръ.

24. Ялоцкій приходилъ и наказанъ.

25. Рано будучи въ дворцѣ, поздравляли графа Кирилла Григоріевича Розумовского пожалованнымъ чиномъ. Vixa cum Hudovitz ad mensam.

26. Явилъся салдатъ съ писмами изъ Глухова. Взяли позволеніе у графа отехать въ Кронштатъ.

27. Писаны писма до Скоропадского и до жены. Отехали на яхтѣ, называемой Аранибомъ, до Кронштата, при офицеру морскомъ Ивану Михайловичу Силиванову, и прибыли туда позно...

28. Въ Кронштатѣ вездѣ водилъ насъ капитанъ флота морского Андрей Ивановичъ Полянскій, и у него на квартерѣ были, за которимъ жена полковниковъ рыбянского и харьковского Тевяшовыхъ сестра Марія Ивановна.

29. Отехали зъ Кронштату и за непогодою ночовали на устѣ Невы.

30. Прибыли въ С.-П.-Бурхъ.

31. Были у графа Розумовского и подалъ я сенатскаго мнѣнія копію о деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ. Были вечеромъ у преосвященного переславского Арсенія. Сину Василю до шпаги ефесъ купленъ за 1 р. 20 к.

Юнь.

1. По службѣ Божой изволила государиня віехать до Пітеръ-гофа при пушечной палбѣ.

2. Синъ Василь у принца Августа былъ. Господъ Толстыхъ сестра, а маіора конной гвардіи Салтикова жена, умре.

3. Сину Василю купленъ на плате сундукъ за 1 р. 20 к. Великій князь и великая княгиня отехали до Питеръ-гофа.

4. У принца Августа синъ Василь отобралъ писмо о себѣ до тайного его императорского высочества государя великого князя совѣтника Вестфалена, чтобъ въ городѣ Килѣ въ тамошней академіи синъ мой учился и столъ государевъ имѣлъ.

5. У преосвященного Тодорского, епископа псковского, обѣдалъ я съ Гудовичемъ. За гарусные чолки и за штаны, сину Василю купленные, даны 1 р. 20 к.

6. Были съ Гудовичемъ въ сенатѣ и въ штатсъ-канторѣ онъ.

7. Были въ крѣпости на панахидѣ и обѣдали у архимадрита рождественского Платона Петрункевича.

8. Вечеромъ отехали до Пітеръ-гофа и прибыли туда по полночи въ 3-мъ часу.

9. Въ Пітеръ-гофѣ пожалованъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ генераломъ адютантомъ, графъ Кирилъ Григоріевичъ Розумовскій кавалерію св. Анны. Ночовали мы въ мизѣ Головинской, графу Розумовскому пожалованной.

10. Были рано у графа и съ нимъ имѣли розговоръ о дѣлахъ малороссійскихъ, потомъ обѣдали у стола оберъ-маршалского. Камеръ-геръ Никита Андріановичъ Вожжинскій пожалованъ кавалеріею св. Анны. Отехали изъ Пітеръ-гофа и ночовали въ той-же графской мизѣ.

11. Возвратились въ С.-Пітеръ-бурхъ. Писалъ въ Москву къ Ивану Гамаліи и писмо включилъ объ немъ отъ духовника до князя Ивана Василіевича Одоевского, вотчинной коллегіи президента и до Скоропадского въ Глуховъ, чрезъ салдата гварнизону глуховского Кручкова.

12. Были въ дворцѣ у Стефана Федоровича Апраксина за дѣломъ полтавскимъ. Лейбъ-компаніи адютантъ Зотовъ похороненъ въ Невскомъ.

13. Юнгансу даны на росходъ для дѣтей 50 р. Государиня изволила прибыть въ С.-Питеръ-Бурхъ.

14. Были рано у графа. Государиня ездила послѣ обѣда посѣщать болного гофъ-квартермейстера Петра Ивановича Гагина.

15. Были въ дворцѣ и у ручки государини. По обѣдѣ званъ Гудовичъ до г. Шувалова. Государиня изволила отехать въ Царское Село.

16. Былъ у духовника за денгами, да у оберъ-камеръ-гера Бернголца съ синомъ. Подано доношеніе наше въ сенатъ о сотнику вибелскомъ Николаю Тризнѣ.

17. Обѣдали съ Гудовичемъ у г. Носка, учителя племѣнниковъ господина Розумовского.

18. Отобралъ у духовника 200 р. денегъ. За мите рубашокъ синовыхъ 30 к., за писма изъ почты полученные изъ Москвы 46 к. Секретарь Новоторжцевъ былъ у насъ.

19. Сотникъ вибелскій Тризна отехалъ до Пітеръ-гофа.

20. За паперъ гербовую 6 к., за два замочки 16 к.

21. Юнгансу еще дано на росходъ 150 р. изъ денегъ, у духовника взятыхъ. За переписку копій поддячему артилерійскому 25 к.

22. Великій князь и великая княгиня вчора, а государиня сего числа въ ночѣ изволили прибыть изъ Пітеръ-гофа въ Санктъ-Питеръ-Бурхъ.

23. Сину Василю куплены бачмаки за 70 к., зеркало и гребенци 30 к.

24. Писаны писма до Скоропадского, до Іосифа и до жены подъ числомъ 31-мъ къ посилки чрезъ сотника вибелского Тризну.

25. Посѣщали съ Гудовичемъ графа Мойсея Владиславича болного.

26. Подано доношеніе въ коллегію иностранную о пашпортѣ служителю въ чужіе краи, съ синомъ отпускаючомуся. Еще у духовника отобраны 300 р.

27. Даны Грицку на росходъ дорожный 10 р.

28. Государиня въ придворной своей церквѣ сообщалась св. тайнамъ. Сотникъ вибелскій Николай Тризна отехалъ по почтѣ ночю [232]).

---

[232]) Посылка Тризны въ Малороссію объясняется слѣдующимъ письмомъ депутатовъ къ генеральной старшинѣ: «на поданные отъ всѣхъ малороссійскихъ становъ ея императорскому величеству, во время кіевскаго походу, челобитные все-

29. Тезоименитство великого князя праздновано, чего для его высочество изволилъ быть на набоженствѣ въ крѣпости, въ церквѣ Петра и Павла, где по молебствіи палено зъ пушокъ, тако-жъ и при столѣ, а пополдни въ 6 и 7-мъ часахъ былъ сездъ ко двору и балъ, а потомъ обрученіе было-жъ въ придворной болшой церквѣ графу Кирилу Григоріевичу Розумовскому съ фрейлиною Екатериною Ивановною, умершого Ивана Лвовича Наришкина дочерью. Онъ-же графъ Кирило Григоріевичъ рано послѣ обѣдень пожалованъ кавалеріею св. Александра, а маіоръ гвардіи преображенского полку Ушаковъ кавалеріею св Анны. Въ вечеру былъ у насъ отецъ духовникъ.

30. Рано были въ дворцѣ и поздравляли первей графа Кирила Григоріевича, потомъ и графа Алексія Григоріевича, у которого тутъ-же были и архіереи синодалніи и с.-питеръ-бурскій, а по службѣ Божіей туда-жъ пришедшей государини кланялись и были допущены къ ручки. По полднѣ палено въ крѣпости и въ адмиралтействѣ изъ многихъ пушекъ, ради поезду государини водою до Катерингофа. Виданъ пашпортъ изъ иностранной коллегіи служителю Григорію Дмитріеву для проезду въ чужіе краи при сину нашемъ Василю. Розышлось 31 к. Пущалъ цилюрикъ кровь мнѣ банками, которому даны 40 к.

Юль.

1. Пашпорты сину и Григорію, виданные изъ иностранной коллегіи, подписаны въ коллегіи адмиралитейской.

2. Были въ дворцѣ у графа, где извѣстились, что по утру имѣетъ быть походъ государини и великого князя и великой княгини до Ревеля.

милостивѣйшую ея величества декларацію чрезъ его сіятельство, рейсграфа и кавалера, Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, что о избраніи гетмана въ Малороссіи на основаніи прежнемъ, по давнимъ нашикъ войсковымъ привилегіямъ и обыкновеніямъ, вскорѣ состоится, мы радостно получили, якой высочайшой монаршой милости здесь и ожидать имѣемъ. И нынѣ для того при семъ зъ попутепными, изъ высоко правительствующого сената о малороссійскихъ до скарбу войскового надлежащихъ зборахъ, указами панъ сотникъ вибелскій Николай Тризна въ Глуховъ нарочно отъ насъ отправленъ. А какъ онъ вашихъ высокородій о состояніи малороссійскихъ дѣлъ, здѣсь благополучно происходящихъ, увѣритъ, о томъ имѣть свое благоразсмотреніе объявляемъ». Это письмо объясняетъ и главную причину дальнѣйшаго пребыванія Ханенка въ С.-Петербургѣ.

3. Рано графу отклонились, который велѣлъ дожидатись ея императорского величества возвращенія въ Санктъ-Питеръ-Бурхъ изъ нинешнего походу, въ которій государиня съ дворомъ изволила, сего-жъ числа, въ 12-мъ пополуденномъ часу, віехать при многой изъ пушекъ палбѣ.

4. Въ сихъ дняхъ, кромѣ вышеписанныхъ 10 р., данныхъ на дорожные расходы для сина, еще розышлось на тѣ-же дорожные потребы 9 р. 59 к.

5. Писалъ писма до капитана поручика Марковича съ посилкою писма до протопопа петропавловского рижского собора, отца Сѵмеона Ростовецкого, да до капитана флоту морского о отправленіи сина моего въ Любекъ, или прямо въ Киль. Сину Василю, отправляючомуся въ чужіе краи для наукъ, дано на содержаніе его тамъ 75 червонныхъ и 25 талерей битыхъ, да Григорію Дмитріеву особливо даны 5 червонныхъ, и сего-жъ числа онъ, синъ мой, съ Григоріемъ отехали на доншкотѣ до Кронштату съ молодими Скоропадскими.

6. Івану Рудому кухтику куплены сапоги за 80 к. Розышлось на прочее 25 к.

7. Были зъ Гудовичемъ у подполковника Матвія Прокофіевича Куліковского. Писаны писма въ Глуховъ къ Скоропадскому и къ Іосифу и къ женѣ подъ числомъ 5—6-мъ.

8. На покупку ганишу до водки 8 к. Оный-же Куліковскій у насъ ужиналъ.

9. Полковникъ нѣжинскій Семенъ Василіевичъ Кочубей отехалъ изъ Санктъ-Питеръ-Бурха, а при немъ и Петръ Івановичъ Розумовскій и Левъ Сорока, чрезъ которого и писма вышепомянутые отпущены.

10. Писма, до сина Василя и до капитана морского флоту, Андрея Івановича Полянского, о Івану Политицѣ писанные, вручены ему, который сего числа имѣлъ и отездить въ Кронштатъ для поездки въ Голстинію въ Киль. Писалъ писмо до Скоропадского чрезъ Королкевича, который сего числа изъ Санктъ-Питеръ-Бурха къ Малой Россіи віехалъ.

11. Присталъ до мене въ службу Марко Козминъ Беленчукъ, полку кіевского, изъ Серединки. Похоронили въ Невскомъ монастырѣ басиста дворцовой пѣвческой музики, іеромонаха Іоасафа, вчора

скоропостижно умершого. Вчора были у кофишенка Александра Юліановича Савлукова. Скоропадскій съ Юнгансомъ и Елихомъ изъ Кронштата возвратились.

12. Оному принятому слузѣ Марку на харчъ въ складку дано 60 к. За направу каламаря жестяного—3 к.

13. Послѣ обѣда были въ квартерѣ Василія Івановича Венякова, совѣтника отъ комисаріата адмиралитейства, который понялъ себѣ жену покойного Андрея Лизогуба дочь Татіану, прежде бывшую за Жоравкою (Тимофеемъ), а потомъ за Ленкомъ, где застали и Івана Жоравку съ женою его Евдокіею Герасимовною.

14. За переписку челобитной писцу артилерійскому осадной комисарской Василю Григоріеву 20 к., за гербовую бумагу 4 к., за печатку 3 к. Писано писмо къ сину Василю въ Кронштатъ о скоромъ его оттоль віездѣ въ намѣренный путь и ему-жъ послана печатка, да имъ-же занятыхъ у Григорія Политики 1 р. денегъ отданъ. За пузирокъ лекарства 15 к.

15. Подана челобитная съ аппелляціею по дѣлу съ Соколовскимъ генералу рекстмейстеру чрезъ Павла Скорупну. За доску каменную дано 8 к.

16. Обѣдалъ у насъ секретарь Новоторжцовъ. Маркуудано 13 к.

17. Генералъ інтендантъ адмиралитейства Головинъ обѣдалъ у насъ.

18. Куплено стекло зажигателное, за которое дано 20 к., да за оправу оного-жъ стекла въ дерево орѣховое 25 к.

19. Куплено 10 лимоній свѣжыхъ для посылки въ домъ за 60 к.

20. Писаны писма: одно до жены съ посылкою оныхъ лимоній, другое до Івана Гамаліи въ Москву и меморіалъ канцеляристѣ Яскевичу, который

21 числа, купно съ Кутневскимъ, отехалъ до Малой Россіи.

22. Первого морского полку отъ маіора Григорія Івановича Безобразова принеслъ ко мнѣ капралъ Григорій Шамановъ писмо отъ капитана морского флота Андрея Івановича Полянского, которому капралу дано 6 к. Писаны писма въ Кронштатъ 1-е къ сину Василю, 2-е до капитанши Полянской Маріи Івановны.

23. Оные писма отданы г. маіору Безобразову для пересылки до Кронштату.

24. 25, 26, 27 vacant. 28 рано былъ у генерала рекстмейстера Івана Івановича Дивова, стороны челобитной моей, съ аппелляціею поданной.

29. Былъ въ сенатѣ и челобитную взялъ для переправки. Даны сторожу сенатскому 6 к., за папѣръ гербовый 3 к., и бутылка простого вина поддячому 6 к. Сего числа въ 8-мъ часу пополудни изволила ея імператорское величество со всѣмъ своимъ придворнымъ статомъ возвратиться въ Санктъ-Питеръ-Бурхъ и прибыть въ лѣтный дворецъ, при пушечной палбѣ изъ крѣпости и изъ адмиралитейства изъ многихъ пушокъ.

30 Тую-жъ челобитную знову подалъ генералу рекстмейстеру Дивову. Превеликая погода была изъ моря и наводненіе весь день.

31. Такая-жъ погода продолжалась и сей весь день и всю ночь.

Августъ.

1. Рано были въ дворцѣ у графа Розумовского и получили отъ него наставленіе быть у государственного великого канцлера, графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмына; потомъ были въ службѣ въ дворцовой церкви и на водосвятіи, которое целебровалъ архіепископъ новгородскій, преосвященный Стефанъ Калиновскій. Послѣ въ болшой салѣ съ протчими допущены были до ручки ея імператорского величества.

2. Рано были у канцлера графа Бестужева-Рюмына и просили о главной малороссійской нуждѣ. Писалъ до сина въ Кіль и къ нему-жъ въ одинъ пакетъ включилъ писмо Григорія Политики до брата его Івана Андріевича Политики, съ синомъ моимъ отехавшого. За яловець, камфору и на другіе потребности пошло 25 к.

3. Получена вѣдомость, что корабли купеческіе, отішовши въ море, знову до Кронштату возвратились, ради бывшой великой погоды, чего ради писалъ къ сину, чтобы онъ въ Кронштатѣ перенесься на государевъ пакетъ-ботъ изъ купеческого судна, ежели его тое писмо застанетъ въ Кронштатѣ.

4. Послѣ полдня былъ у капитана командира Вонна Яковлевича Корсакова и прежное и вчорашное писмо вручилъ до сина для пересылки. Служителю Марку куплены сапоги за 80 к.

5. Рано ездили съ Гудовичемъ до оберъ-секретаря іностранной коллегіи Івана Осипова Пуговишникова, а потомъ были у

графа Розумовского и доносили, что канцлеръ намъ говорилъ о имѣющой быть сторони гетмана справкѣ. Въ 1-мъ часу по полднѣ всемилостивѣйшая государиня изволила отехать въ Царское Село съ нѣкоторою частію своего гофъ-штата, а оттоль и до Пітеръгофа. За 6 бритовъ дано 42 к.

6. Послѣ исповѣди въ Невскомъ монастырѣ удостоилъся сообщится Святымъ Тайнамъ Еѵхаристіи, а по поздней обѣдалъ у преосвященного С. П. Бурского Феодосія; потомъ простясь съ духовнымъ своимъ отцемъ, Софроніемъ намѣстникомъ, прибылъ въ квартеру и засталъ тутъ секундъ-маіора Ландлилицкого.

7. Обѣдалъ у Носка и тамъ видѣлъся съ секретаремъ его імператорского высочества Вінклеромъ. За ганишъ и на прочее розышлось 16 к.

8. Были рано у князя Никиты Юревича Трубецкого и у Петра Івановича Шувалова и просили о дѣлѣ сторони пограничныхъ пошлинъ поголовныхъ.

9. Простилъся съ нами отежджающый племѣнникъ преосвященного Платона Маліновского, Алексій Малиновскій, за которымъ и інстаціалные писаны писма: 1-е до старшины генералной, присутствующыхъ въ войсковой енералной канцеляріи, другое отъ мене до полковника переясловского г. Сулимы. По полднѣ были у господина Венякова, совѣтника отъ адмиралитейского коммиссаріата.

11. Писалъ до жены и отдалъ оное писмо Павлу Скорупнѣ для включенія въ его пакетъ до дому отправуемый чрезъ сотника полтавского полку Павла Кота[233]), который сего числа по полдни, а съ нымъ Прокопъ Затиркевичъ отехалъ къ Малой Россіи, чрезъ него-жъ писалъ и до Скоропадского. Вечеромъ былъ на Василевскомъ острову у Новоторжцова и у молодыхъ Скоропадскихъ.

11. Обѣдали у насъ дворцовіи отъ строеній Лукянъ Кузмичъ Карзитовъ и Николай Андріевичъ Сорокинъ. Рано былъ съ Гудовичемъ у оберъ-камеръ-гера Бернъголца, отежджающого въ Голс-

---

[233]) Бѣлицкій сотникъ Котъ пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ по какому то дѣлу, касавшемуся полтавскаго полка. При отъѣздѣ его Ханенко писалъ въ Глуховъ: «полтавского полку бѣлицкій сотникъ Павелъ Котъ въ порученномъ ему отъ полку интересѣ здѣсь ничего того не примянулъ, что до его ревностного патріотства и доброй совѣсти касалось».

тинію, чрезъ которого писано и писмо отъ мене до сина въ Кіль, а по полднѣ у генерала рекстмейстера Дивова.

12. Писалъ писмо до жены въ домъ чрезъ адмиралитейского куріера, солдата 3-й роти первого морского полку, Уласа Столниникова, чрезъ него послалъ къ ней зеленого чаю полфунта, за якій далъ 1 р. На покупку нѣкоторыхъ потребностей до перешиваня каѳана гатласового зеленого пошло чрезъ руки портного 22 к. На гербовую бумагу въ рекстмейстерской канторѣ 9 к.

13. Изъ Пітеръ-гофа государиня изволила прибыть въ Санктъ-Пітербурхъ. Писалъ до Іосифа Красінского, управителя Толстыхъ, въ Москву о продажѣ запасу моего, въ вѣдомствѣ его имѣючогось, и тое писмо включилъ въ пакетъ, къ поддячему ямской канторы Якову Беляеву надписанный. За писма изъ почти полученніе зъ Москвы дано 6 к.

14. Рано былъ у маіора первого морского полку Григорія Івановича Безобразова, и тамъ въ капитанши Полянской, Маріи Івановны Тевяшовой, отобралъ писмо отъ сина моего Василя изъ моря, зъ корабля, прошлого іюля 28 писанное. Сего-жъ числа писалъ къ Скоропадскому въ Глуховъ и включилъ въ оное писмо пакетъ отъ господина брегадира Вітковича: якое писмо мое отдалъ графу Мойсею Івановичу Владиславичу для пересилки въ Стародубъ, а оттоль изъ войсковой канцеляріи въ Глуховъ. Послѣ полдня былъ у мене капитанъ отъ флоту, Андрея Івановича Полянского синъ, Петръ Андріевичъ, сержантъ інгермоландского полку и принесъ ко мнѣ другое писмо отъ сина моего, зъ моря писанное, которому я подарилъ книжку молитвенникъ печерского друку съ тропарами.

15. Рано были у канцлера и у сенатора Голицина, потомъ въ дворцѣ службы Божой слушали, а передъ службою чинила отреченіе отъ римской вѣры съ дочерью и синомъ княгиня Долгорукая, князя Сергія Долгорукого жена. Послѣ службы были допущены къ ручки государыни, потомъ и у графа Разумовского съ архіереями видѣлись. Обѣдалъ у насъ генералъ-інтендантъ, господинъ Головинъ, потомъ ѣздили въ дворецъ государевъ лѣтный для візити отданя Івана Жоравки женѣ, Евдокіи Гарасимовнѣ, которая дочъ родила Анну, сего августа 11. Ей-же была воспріемницею всемилостивѣйшая государиня 14-го числа и пожаловала оную перстнемъ, и

сергами дорогими, и крестомъ съ мощами. Наши были потомъ на комедіи.

16. Государиня зновъ изволила отъехать изъ П. Бурха въ Петергофъ.

17. Обѣдали мы у генерала інтенданта Головина, а по возвратѣ отъ него былъ у насъ кофішенкъ Савлуковъ, который хотѣлъ дать на вексель 200 рублей.

18. Ночью жестоко я занемогъ, и первей здѣлалъся поносъ, потомъ рвоты, отчего изнемогъ, принужденъ весь день лежать. За фунтъ мила дано 5 к.

19. Вечеромъ была у насъ Татіана Лизогубовна, Венякова жена.

20. Отослана чрезъ Марка къ отцу Барановскому, ключару Петропавловскому, книга латинская, которую я у него для читаня бралъ—*de monachatu*.

21. Отослалъ чрезъ хлопця Карпа книжку нѣмецкую до Носка—о. св. Ѳеодорѣ Стратилатѣ.

22. Куплена ночная лятарня хрусталная за 12 к.

23. На разные потребности, да за секиру розышлось 32 к.; за здѣланье кизекина 48 к.

24. Обѣдали у совѣтника Венюкова, а потомъ были у оберъ секретаря адмиралитейского Бориса Івановича Никитина въ домѣ его, на публичной улици, противу синіого мосту, имѣючемъся.

25. Великій князь и великая княгиня изъ Петергофа прибыли въ Санктъ-Петербургъ.

26. Писалъ къ сину Василю въ Киль, чтобъ онъ увѣдомилъ мене о своемъ до Любека и до Киля прибытіи, и въ его-жъ пакетъ сообщено писмо отъ Григорія Полетики, переводчика академіи наукъ санктъ п. бурской, до брата его Івана Полетики, и оные писма рекомендованы купцу Еллерсу, имѣючему ехать въ Любекъ и другіе Германіи мѣста, для пересилки до ихъ въ Киль. Рано были у насъ племѣнники графа Розумовского Василь Евфимовичъ Дараганъ и Михайло Власіевичъ съ учителемъ своимъ господиномъ Носко, мимоездомъ въ монастыръ Невскій. Надъ вечеръ были на Василевскомъ острову у капитана командира и рентмейстіра Семена Ивановича Лаптева.

27. Послѣ полдня былъ у мене купецъ іноземецъ Стефенсонъ, съ которымъ договорился, чтобъ чрезъ его руки пересилать деньги къ сину Василю, где онъ будетъ обращаться. Сего числа всемилостивѣйшая государиня изволила возвратится изъ Петергофа въ С.П.бурхъ.

28. Публикованъ указъ пяти копѣечной монетѣ ходить въ народѣ по 2 к. Григорію Политицѣ позичены 5 р. Прибыли въ Санктъ Пітеръ-бурхъ бунчучный товарищъ Іванъ Піроцкій и отставный полку чернѣговского, писаръ Іванъ Янушкевичъ. Отдано писмо отцу духовнику отъ Шоха, что онъ у господина Скоропадского въ Глуховѣ взялъ сто рублей денегъ.

29. Рано были у барона Черкасова и тамъ застали генерала Апраксина, потомъ слушали обѣдню въ дворци и обозный генералный былъ у ручки. Писалъ къ Скоропадскому о полученіи его писма, іюня 6 писанного, и чтобъ онъ въ домъ мой отписалъ о моемъ состояніи.

30. Передъ полднемъ въ 11-мъ часу изволила государиня съ великимъ княземъ и княгинею и придворнымъ штатомъ церемоніально ехать до монастыря Александро-невского, ради нинѣшного кавалеровъ С. Александра Невского празденства, и тамъ отслушавъ обѣдню, возвратится въ свой дворецъ, где былъ для кавалеровъ того ордина столъ публічный при многократной пушечной палбѣ. Сего 30-го числа рано были мы у вицеканцлера Михаила Иларіоновича Воронцова, возвратившагося недавно изъ чужестранныхъ государствъ, съ поздравленіемъ его сіятелству того возвращенія и нынѣшнаго праздника.

31. Рано были у князя Никиты Юревича, у Петра Ивановича Шувалова и у великого канцлера, потомъ у графа Кирила Григоріевича Розумовского, таже въ обѣдни въ придворной церкви, и въ салѣ къ ручки государини и великого князя допущены.

Послѣ обѣда смотрѣли въ новомъ зимнемъ дворцѣ новои пристройки.

Сентеврій.

1. Розданы служителямъ на сей мѣсяцъ кормовые денги, а именно 16 руб. 20 к.

2. Писалъ писма въ Глуховъ до Скоропадского, а въ домъ до жены, и вручилъ оныя для включенія въ пакетъ Павла Скорупны къ отсилки чрезъ писаря запорожского.

3 и 4 Ничего не случилось.

5 Рано ездили съ поздравленіемъ и были у канцлера графа Бестужева-Рюмина и у князя Голицина, потомъ въ дворцѣ на службѣ Божой, послѣ которой была палба изъ многихъ пушекъ, потомъ изъ пушекъ-же полковыхъ и отъ полковъ гвардіи и наполныхъ три залпы бѣглымъ огнемъ палено, ради тезоименитства ея императорского величества. Таже столъ былъ публичной, и государыня съ ихъ императорскими высочествы, великимъ княземъ и великою княгинею, изволила кушать на тронѣ подъ балдахиномъ въ салѣ лѣтняго дворца, а протчіе господа и дамы, такожъ и духовные персоны кушали у особливыхъ столовъ. Мы такожде имѣли столъ особенной. Передъ обѣдомъ пожалованы господа Александръ и Петръ Івановичи Шуваловы графами. Въ вечеру былъ балъ и преизрядная въ дворцѣ иллюмѣнація, а кромѣ того и по всему. С. П. Бурху домы и крѣпость и корпусъ кадецкій иллюмінованы.

6. Купленъ шнуръ до діпліома и за оный дано 8 к. Григорію Політицѣ позичены еще 5 р. Рано были у графовъ Розумовскихъ обоихъ.

7. По службѣ Божой были у графа Румянцова, у графа Ушакова и у Петра Трубецкого, генерала фелтмаршала.

8. Рано были у віцеканцлера Воронцова, потомъ слушали обѣдню въ дворцѣ, а ея императорское величество изволила слушать службы Божіей въ церквѣ Казанскія Богородицы, а обѣдать у камеръ-юнкера Сѣверса. Въ вечеру начавшаясь въ комедіалномъ домѣ опера о Сципіонѣ продолжалась до 12 часа по полудни, на которой и государыня, и великій князь съ великою княгинею, и многіе господа, и многіе разныхъ чиновъ присутствовали.

9. Ничего не случилось.

10. Въ вечеру былъ съ Гудовичемъ у графа Мойсѣя Владиславича и Василія Івановича Венюкова.

11. Рано были у графа Розумовского и одержали отъ него обнадеживаніе какъ о главномъ дѣлѣ нашемъ, такъ и другихъ общихъ рѣчахъ.

12. За нѣкоторые дѣла дано 15 р., а прежде 5 р. изъ общихъ денегъ. И сего числа ночью противъ

13 великое было изъ моря наводненіе. За замочокъ малый дано 4½ коп.

14. Такая-жъ непогода съ дождемъ продолжалась.

15. Куплено сукна на кунтушъ 4 аршины, дано за оное 8 рублей 80 коп.

16. Пущалъ кровъ изъ руки жилную адмиралитейскій хирургъ Гартманъ, которому данъ 1 рубль.

17. Покроенъ кунтушъ и до оного на шовкъ 24 к.

18. Превеликая изъ моря была погода и паче прежныхъ болшое наводненіе.

19. Обѣдалъ я и Василь Гудовичъ у преосвященного крутицкого, Платона Маліновскаго, которому въ сей день окончилось 4 года, какъ посвященъ архіепископомъ сарскимъ и подонскимъ, да съ намижъ обѣдалъ асессоръ партикулярной верфи Максимъ Ивановичъ Карамишевъ.

20. Пожалованъ пѣвчій Кирило Ивановичъ Коченевскій именнымъ указомъ сотникомъ лохвицкимъ.

21. Рано были въ дворцѣ и тамъ по отслушаніи службы Божой допущены были къ ручкѣ ея императорского величества въ залѣ. По обѣдѣ былъ у насъ Ѳедоръ Ивановичъ Коченевскій и объявилъ объ ономъ пожалованіи брата своего.

22. Послѣ полдня изволила государиня отъехать въ Царское Село и другіе мѣста на охоту. Я обѣдалъ у дѣтей, Носкомъ обучаемыхъ, и тамъ-же видѣлся съ секретаремъ его императорского высочества Вінклеромъ.

23. Прислана мнѣ книга печатная, уставъ морской, не оправный, отъ адмиралитейской коллегіи секретаря Бориса Ивановича Никитина, чрезъ служителя господина Венюкова.

24. На литейной улицѣ построенной каменной церкви было освященіе храма преподобного Сергія чудотворца Радонежского, где и государиня при ономъ освященіи присутствовать изволила.

25. Ради праздника того-жъ святого Сергія изволила государиня до оной-же церкви на набоженство ездить церемоніално въ каретѣ пребогатой, отъ короля пруского въ подарокъ присланной, съ ассистенціею и другихъ премногихъ каретъ. Писано до жены писмо, которое въ пакетѣ до сожителници Василія Гудовича сообщено, чрезъ посилку графа Мойсѣя Владиславича. Послѣ полдня въ дворцѣ былъ куртакъ, предъ которого начатіемъ посолъ короля пол-

ского при приватной аудіенціи оффероваль графу Алексію Григоріевичу Розумовскому кавалерію Бѣлого Орла.

26. Рано были у графа и полученіемъ оной кавалеріи поздравляли. Потомъ слушали обѣдню во дворцѣ и пожалованы къ ручкамъ обоихъ ихъ императорскихъ высочествъ. Обѣдалъ я у Ивана Журавки и отъ него пришедъ въ квартеру, захоровалъ жестоко.

27. Весь день былъ боленъ, а обозный Лизогубъ и Гудовичъ были у графа Р. рано, которымъ рекомендовалъ писать отъ насъ до Скоропадского подскарбія и Валкевича асаула генералныхъ о дѣлѣ невершенномъ сторони сотника ічанского Стороженка. Принесены отъ отца духовника денегъ 100 рублей мѣдныхъ, дѣтямъ Скоропадскаго надлежащыхъ.

28. За четиры пари петлицъ срѣбрнихъ до нового кунтуша дано 1 р. 83 к. Послѣ полдня былъ я у секретаря его императорского высочества господина Вінклера.

29. Писалъ писмо къ сину въ Киль по почтѣ, кое имѣлъ тотъ-же секретарь Вінклеръ туда при экспедиціи отправити. За шуфлядку, на дипліомъ здѣланную, дано столяру 30 к.

30. Оное писмо отослано къ Вінклеру. За 16 куптушовъ малыхъ и 3 болшыхъ папыровыхъ дано 1 р. 56 к.

Октоврій.

1. Были у насъ по службѣ маіоръ драгунскихъ полковъ Львовъ съ другимъ офицеромъ и обѣдали, да предъ обѣдомъ жена Жоравкина, а послѣ капитанъ поруччикъ Марковичъ и господинъ Венюковъ съ женою. За оправу двохъ книгъ морского устава и полской псалтири дано 65 к.

2. Писано писмо въ отвѣтъ къ сотнику вибелскому Николаю Тризнѣ.

3. За роботу кунтуша суконного Стефану кравцю дано 50 к. За побѣлене и направу чайника мѣдного болшого 8 к. По силѣ именного указу арестовано деякіе пожитки и писма въ квартерѣ Василія Ивановича Венюкова.

4. Возвращены Ивану Янушкевичу данные имъ 50 к. Государиня изволила прибыть въ Санктъ-Питербурхъ.

5. Рано были въ дворцѣ и послѣ службы у ручки государини, потомъ у графа Розумовского съ архіереями. Въ вечеру былъ у насъ Новоторжцовъ съ женою.

6. Григорій Дмитріевъ прибылъ отъ сина изъ Киля. Вечеромъ былъ у насъ Венюковъ. Грицку даны 4 р. на заплату шкиперу, который его привезъ изъ Киля.

7. Въ второмъ часу по полудни изволила государиня со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ и великіе князь и княгиня переехать въ зимній дворецъ изъ лѣтняго при пушечной палбѣ изъ яхтъ, противъ лѣтняго дворца на Невѣ стоячихъ, изъ крѣпости и изъ адмиралитейства.

8. За поправу двохъ старыхъ книжокъ еще перепліотчику дано 8 коп.

9. Были мы въ дворцѣ зимнемъ первой разъ, и побувавъ въ квартерѣ Жоравковой, который ездилъ въ сенатъ для отправленій, надлежащихъ по его челобитнимъ въ силѣ именного указу, извѣстились, что нарочный куріеръ отправленъ въ Глуховъ для висилки оттоль сюда къ отвѣту Валкевича и для описѣ купленныхъ добръ и прочихъ, маткою Журавковою владѣемыхъ. Вечеромъ былъ у насъ графъ Мойсѣй Владиславичъ, а мы въ день у господина генерала интенданта Головина.

10. Даны въ перепліотъ двѣ книги латинскіе, изъ Киля отъ сина мнѣ присланные, за которіе отъ роботы надлежитъ дать 80 к., и даны уже 15 к.

11. Писалъ до сина Василя въ Киль писмо противъ его писма, чрезъ Грицка полученного, и вручилъ купцу здешнему Івану Юрьевичу Стефенсону для пересилки въ Киль. На виручку вещей Грицковыхъ отъ таможни дано ему 41 к. Въ складку харчевую за его-жъ 40 к. За шесть бритовъ съ ножичками и бритовникомъ дано 60 к.

12. Писалъ писмо къ брегадиру Вітковичу съ включеніемъ писма къ нему-жъ отъ Скоропадского, и отослано къ графу Мойсѣю Владиславичу для пересилки, куда надлежитъ. Обѣдали у новоопредѣленного сотника лохвицкого Кирила Івановича Кочеревского, купно съ братомъ его Ѳедоромъ Івановичемъ.

13. У его сіателства, графа Михаила Ларіоновича Воронцова, государственного вице-канцлера, кушали обѣдъ, званніи отъ него нарочно.

14. За оправу двохъ книжокъ, отъ Василя сина изъ Киля присланныхъ, доплачено 65 к.

15. Писалъ писма къ Василю сину въ Киль, такожъ къ тайному совѣтнику и кавалеру Вестфалену по латинѣ, да до іеромонаха тамошнего, при церквѣ въ Килѣ обрѣтаючегося, отца Іова, и оные для отсилки въ Киль вручилъ секретарю г. Винклеру. Въ вечеру былъ у купца Івана Юревича и вручилъ ему 20 червоныхъ, чтобъ онъ тѣ денги перевелъ къ сину моему Василю въ Киль чрезъ своего въ Любеку корреспондента.

16. За оклейку паргамѣномъ ящика на дипліомъ далъ переплiотчику 30 к.

17. Писалъ писмо въ Глуховъ къ Скоропадскому, до Іосифа и въ домъ до жены, где и отъ Гудовича до его жены включено писмо, такожъ отъ дѣтей Скоропадского къ нему и отъ Янушкевича пакеты также сообщены.

18. За оковане ящика на дипліомъ дано 40 к.

19. Рано были у оберъ-маршала Шепелева сторони гайдука Романа, потомъ у графа Воронцова вице-канцлера, таже въ дворцѣ и допущены были къ ручки государини.

20. Дано Грицку на его нужды 1 р., за горщикъ поливаный 3 к.

21. Отослалъ книжки латинскіе къ Григорію Политикѣ, а 5 изъ тихъ-же книгъ у себе оставилъ, за которые надлежитъ заплатить 4 р. 85 к., и заплачены.

22. Никуди изъ квартери не бывали. Писма вручилъ Роману гайдуку, въ Глуховъ подъ числомъ 17 писанные.

22. Ради именинъ обозного генералного Якова Лизогуба были званы гости на кушанье изъ дворцовыхъ пѣвчихъ, а въ вечеру былъ и господинъ Головинъ съ сожителницею, послѣ всѣхъ-же отехалъ секретарь Новоторжцовъ.

24. Весь день пролежалъ. Капитанъ гвардіи семеновского полку Полозовъ отправленъ въ Глуховъ.

25. Писалъ писмо до сина въ Киль съ посилкою ассиgнаціи, данной отъ купца иноземца Стефенсона до купца Реппенкгаgена въ Любекъ, чтобъ онъ заплатилъ сину моему 20 червоныхъ, которые здѣсь вручены отъ мене 15 числа сего теченія Стефенсону, и то мое писмо съ ассиgнаціею отдано секретарю Вінклеру для

пересилки по почтѣ въ Киль. Сего-жъ числа далъ Василю Гудовичу изъ общыхъ денегъ 15 р.

26. Рано были въ дворцѣ и тамъ обѣдни слушали, а по полдни призывалъ нарочно къ графу Розумовскому, чрезъ скорохода, Василь Гудовичъ.

27. Послѣ полудня началась свадба графа Кирила Григоріевича Розумовского съ графинею Екатериною Ивановною Нарышкиною, которыхъ вѣнчано въ большой дворцовой церквѣ въ 7-мъ часу по полдни.

28. Получили писма изъ Глухова о прибавки еще одного драгунского полку въ Малую Россію на вінтеръ-квартеру сверхъ прежныхъ 6-ти, указомъ опредѣленныхъ. Оная свадба и балъ былъ во дворцѣ даже за полночъ съ продолженіемъ.

29. Рано были мы у графа Кирила Григоріевича Розумовского и поздравляли его совершеніемъ бракосочетанія. Потомъ были и у графа Алексія Григоріевича съ такимъ-же поздравленіемъ. Отцу духовнику Ѳеодору Дубянскому вручилъ писма 1-е отъ Михаила Скоропадского, 2-е отъ прикажчика клишковского Шоха о денгахъ ста рублей, которіе у отца духовника надлежитъ здесь для дѣтей отобрать. Обѣдали у Жоравки, а вечеромъ былъ у насъ Новоторжцовъ.

30. Рано былъ въ сенатѣ Гудовичъ и освѣдомился, что репартиція объ 7-ми полкахъ въ Малую Россію докладивана изъ военной коллегіи и отъ государыни аппробована мимо сенатъ. Вечеромъ были у насъ Игнатъ Кириловичъ Полтавцовъ и Петръ Петровичъ Верделевской.

31. Писано писмо отвѣтное къ бригадиру Вітковичу и отослано оное къ графу Мойсѣю Владиславичу для пересилки въ Псковъ, или где оный бригадиръ обрѣтается. Вечеромъ были въ квартерѣ нашей отецъ духовникъ Ѳедоръ Дубянскій съ своею сожителницею и требовалъ, чтобъ я писалъ до Скоропадского о дачѣ его прикажчику клишковскому Шоху полтори тисячи рублей денегъ.

Ноеврій.

1. По оному отца духовника требованію писалъ я къ Скоропадскому о дачѣ Шоху полтори тысячи рублей, а въ томъ писмѣ дата написана 9-го числа сего мѣсяця.

2. Братъ економа артилерійского Кирила Бѣлоровского, Іванъ, женился на дѣвицѣ служебной графа Румянцова, породою зъ банкиръ. За оклейку ящика на дипліомъ, за починку панчохъ и на прочее пошло 13 к.

3. Рано были у графа Розумовского зъ Гудовичемъ два насъ и подали челобитную и меморіалъ о прибавленномъ седмомъ полку драгунскомъ отъ военной коллегіи.

4. Были всѣ въ дворцѣ и обѣдали у Жоравки, а потомъ онъ у насъ съ женою и новоженившыйся Бѣлоровскій съ своею женою были и подарили мене кошелкомъ, золотомъ шитимъ. Челобитные моя и Янушкевичева докладиваны въ сенатѣ 5-го числа.

5. За книжку Харитона Манентина, которая куплена для госпожи Головиной, даны 30 к., за фунтъ яловцю 5 к. Помянутымъ новобрачнымъ за подарокъ ихъ данъ 1 р.

6. Рано Гудовичъ у П. І. Шувалова былъ съ меморіаломъ, въ вечеру камергера Сиверса братъ, купецъ аглинскій, погребенъ въ лютеранской кирхѣ.

7. Писано писмо до сина въ Киль подъ № 2-мъ, обявляючи ему о посланной на 20 червоныхъ ассигнаціи, отъ Стефенсона данной, и оное для отсилки по почтѣ вручено секретарю Винклеру. Рано были мы у графа Кирила Розумовского, а вечеромъ у насъ былъ отецъ духовникъ съ своею сожителницею и писма свои зъ Глуховъ для пересилки отдалъ мнѣ.

8. Были въ дворцѣ съ Гудовичемъ, и сего-жъ числа рѣка Нева стала.

9. Въ сей день неделный обѣдни слушали въ дворцовой церкви и весь день въ квартерѣ оставались.

10. Прислалъ отецъ духовникъ сто рублей денегъ, тые, что прикажчикъ его Шохъ отобралъ въ Глуховѣ у г. Скоропадского. Изъ общихъ денегъ взялъ Гудовичъ на свою потребу 20 р., сверхъ прежныхъ 15 р.

11. Были насъ два съ Гудовичемъ у графа Кирила Г. Розумовского рано, а потомъ въ дворцѣ. Вечеромъ у насъ былъ Василій Венюковъ.

12. Пріехалъ въ С. П. Бурхъ Василій Танскій, бывшый полковникъ переяславский.

13. Онъ-же у насъ обѣдалъ. Получили писма изъ Глухова чрезъ салдата гварнизону тамошнего.

14. Около 12-го полуденного часа прибылъ въ С. П. Бурхъ асаулъ генералный Петръ Валкевичъ, у которого взята въ сенатѣ подписка о не съездѣ. Онъ-же обѣдалъ и ночовалъ у насъ.

15. Онъ-же, Валкевичъ, переехалъ на квартеру до каморъ-фуріера Ігната Кириловича Полтавцова въ домъ его новый, на Литейной меншой имѣючійся.

16. Были у сенатора князя Івана Василіевича Одоевского и у вице-канцлера графа Воронцова, потомъ въ дворцѣ, по выслушаніи обѣдни, допущены къ ручки государыни. А вечеромъ былъ я съ обозным генералнымъ у каморъ-фуріера Полтавцова, где и отца духовника застали съ сожителницею. Сего-жъ числа отданы два пакеты, на имя Скоропадского подписанные, къ посилки чрезъ человѣка Григорія Михайловича Любисткова, отправляючогось въ Малую Россію.

17. Писалъ до Скоропадского, по требованію отца духовника, о дачи прикажчику его клинковскому полтори тисячи рублей, и къ нему-жъ включены писма: одно до старшины генералной отъ 29 октоврія, другое до жены моей о сину Василю съ посилкою его двохъ и одного отъ іеромонаха Іова писемъ, третое до племѣнника Іосифа и отъ сина къ нему-жъ писмо.

18. Оные писма въ одинъ пакетъ до Скоропадского впечатаны и отосланы отцу духовнику для отсылки по почтѣ въ Глуховъ. Отъ 7 по се число на розные дробязки розышлось 77½ к. Григорію Дмитріевичу на его нужды 38 к. Сего-жъ числа въ вечеру собирались въ нашу квартеру Венюковъ съ женою, Іванъ Жоравко, капитанъ поруччикъ гвардіи Марковичъ и асаулъ генералный Валкевичъ для помѣркованя тяжебныхъ сторонъ.

19. Грицку Дмитріеву купленъ кожухъ за 2 р. 20 к., на протчее пошло 17 к.

20. Писано до сина въ Киль, съ сообщеніемъ цедулы отъ папеи, до мене писанной, и термѣны, какъ до еи имѣетъ отписать, подъ № 3, и писма Іосифового копіи. Ночовалъ въ монастырѣ Невскомъ у о. намѣстника Софронія.

21. Тамже исповѣдивалъся и по благости Божіей сообщалъся Святымъ Тайнамъ. Братъ Оедора Ивановича Коченевского Кирило,

сотникъ лохвицкій, простясь съ нами, тако-жъ бунчучный товарищъ Петръ Савичъ, отъехали до Малой Россіи. За оправу стекла запаляющого знову заплачено 15 к.

22. Писмо до сина для отправы по почтѣ въ Киль отослано до секретаря Винклера, писанное подъ числомъ 20-мъ. Писалъ до Іосифа племѣнника въ Глуховъ, а въ Москву до Красінского, чрезъ Івана Ялоцкого, которий съ указомъ сенатскимъ отъехалъ до Глухова; и ему-жъ даны отъ мене 3 р. и черкеска моя кофейная полсукенковая. Писалъ я и до Пскова къ брегадиру Віткевичу съ прилогомъ писма до протопопы рижского Симеона Ростовецкого и о книзѣ Телемакъ, у Богдана Николаевича Енгелярта имѣючейся, и отослалъ то писмо до вахмистра гусарского.

23. Послѣ полдня былъ у мене секретарь Віпклеръ. За поправу другой пары чолокъ дано 8 к.

24. Рано поздравляли всѣ станы имепинницю государыню великую княгиню, а послѣ обѣдни были у графа Розумовского, и подалъ я прошеніе о моемъ дѣлѣ сторони жалованной грамоты на Куровъ и Чубаровъ.

25. Рано были у графа Шувалова, у графа Воронцова и у Н. Н. Трубецкого съ поздравленіемъ. Потомъ въ дворцѣ слушали обѣдни, где и казане имѣлъ преосвященный Платонъ Маліновскій, ради празденства вступленія на престолъ ея і. величества. Послѣ обѣда были во дворцѣ въ собраніи всѣ лейбъ-компанія и ужинали купно съ государынею въ большой салѣ.

26—27. Нигде изъ квартери не бывали.

28. Писалъ писма въ Киль до отца Іова и до сина, по извѣстію оттоль до Григорія Политики отъ брата его Івана, тамъ-же учащогось, полученному. Писалъ тако-жъ до Ѳедора Ширая противъ его писма и вручилъ для пересилки Павлу Скорупцѣ. Да писмо, передъ симъ писанное до Івана Андріевича Гамаліи, вручено салдату гварнизону глуховского, Гаврилу Лазареву Калугину.

29. Оные писма до отца Іова и до сина для отправленія по почтѣ въ Киль отосланы до его преосвященства, отца Симеона Тодорского, епископа псковского и нарвского.

30. Рано поздравляли нѣсколко кавалеровъ ордина святого Андрея, потомъ были въ дворцѣ, где всѣ оного ордина кавалери шли по парамъ къ церквѣ и изъ церкви, а за ними первей его

імператорское высочество, государь великій князь, потомъ и сама ея імператорское величество въ церемоніалномъ того-жъ ордина уборствѣ, съ висящыми на шіи на золотой цепѣ кавалеріями. По обѣдни имѣлъ въ придворной церквѣ проповѣдь архимандритъ рождественскій володимерскій, Платонъ Петрункевичъ. Обѣдали кавалери святого Андрея за столомъ купно съ ея величествомъ и его высочествомъ. По обѣдѣ былъ балъ и иллюмѣнація въ вечеру.

Декабрь.

1. Получилъ писмо отъ сина зъ Киля чрезъ руки преосвященного Тодорского, въ которого и самъ былъ въ вечеру. Обявлена Янушкевичу резолюція сенатская по челобитнымъ нашымъ.

2. Vacat.

3. Въ вечеру были у г. Венюкова отъ комисаріата коміссара адмиралитейского, а потомъ у Сергія Алексіевича Безобразова гвардіи семеновского полку, которій имѣетъ за собою жену генерала и кавалера графа Ушакова племѣнницю. Юнгансу дано на росходъ для дѣтей 30 р., а еще додать надлежитъ 70 р.

4. Писаны писма въ Киль до отца Іова Чарнуского и до сина противъ его писма, полученного 1-го числа сего мѣсяца.

5. За вичищене и направку дзигарка съ портретомъ дано 1 р. Писма, писанные вчера, отосланы къ секретарю Вінклеру для отправленія въ Киль по почтѣ.

6. Послѣ полдня былъ у насъ оный секретаръ Вінклеръ и привезъ двѣ писми: одно отъ отца Іова, другое отъ нѣкоторого Алексія Кириловича Долѣнского и книжку латинскую Epistolae obscurorum virorum. Въ вечеру былъ у мене-жъ Іванъ Андріановичъ Возжинскій съ женою своею Еленою Ивановною. Розышлось на розницю 20 к.

7. Рано были въ дворцѣ и по службѣ Божой допущены къ ручки государыни.

8. Писаны писма въ Киль до отца Іова Чарнуского и до Алексія Кириловича Долінского противъ ихъ писемъ и до Василя сина о отдачи.

9. Рано Павелъ Скорупа позванъ чрезъ поддячого въ тайную канцелярію въ крѣпость и тамъ удержанъ, а потомъ забраны его и писма и шкатулка. Писма, въ Киль писанныя, отосланы до секре-

таря Вынклера для отправы при експедиціи по почтѣ. Петръ Ів. Розумовскій пріехалъ.

10. На сказцѣ о пріемѣ указу по челобитю моемъ и Янушкевичевомъ, виданного изъ сенату въ войсковую генералную канцелярію, подписались я и Янушкевичъ, и той указъ намъ виданъ для перенесенія дѣла съ Соколовскимъ по апелляціи въ сенатъ. У отца духовника взялъ двѣстѣ рублей мѣдними денгами на щотъ господина Скоропадского и изъ оныхъ далъ Юнгансу на росходъ 70 р. къ прежнымъ 30 р.

11. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Якубовича и до Іосифа о посилки указу сенатского за дѣломъ съ Соколовскимъ, да до жены съ посилкою карти отъ сина Василя и писма отъ Алексія Долінского. Такожъ писалъ до отца Іоасафа Мѣткевича въ отвѣтъ на его писмо и съ прошеніемъ купить сиртъ, рибъ и уксусу три вѣдри. Янушкевичу за указъ и проч. дано 35 к.

12. Съ указами сенатскими о отставки закупщиковъ Шнурчевскихъ отъ закупу полку кіевского и съ писмами отправленъ по почтѣ и отъехалъ сего числа рано Ѳедоръ Жуковскій, чрезъ которого и въ Москву до Красінского о присилки водки и сала писано.

13 и 14. Vacant. 15. За направу старого дзигарка дано 1 р.

16. Вечерали у насъ Іванъ Жоравко съ женою и секретарь Новоторжцовъ.

17. Vacant. 18. Ради рожденія ея і. величества было торжество при дворѣ, и по службѣ Божой имѣлъ проповѣдь преосв. Сѵмонъ Тодорскій, епископъ псковскій. Потомъ былъ публичный столъ въ большой салѣ, где и мы обѣдали, а ввечеру были иллюмѣнаціи.

19. Писалъ писмо къ брегадиру Вітковичу чрезъ адютанта его, поздравляючи его съ новорожденною дочерью. Яскевичъ пріехалъ. 20. Vacant.

21. Захоровалъ я на катаръ и кашель. Въ вечеру была въ комедіалномъ домѣ опера о Тытѣ, которая отъ часа 7-го долго за полночь продолжалась.

22. Простились съ нами Василій Ивановичъ Венюковъ и жена его Татіана Андріевна Лизогубовна, отъезджая къ южацкой пристани.

23. Было освященіе церкви на конюшенномъ каменномъ дворѣ, где и государыня присутствовать изволила. Подано доношеніе въ

коллегію иностранную изъ канцеляріи генералной, писанное о дачи пашпорта для поезду въ чужые краи молодымъ Скоропадскимъ.

24. Писарь суда генералного Іванъ Піковець приехалъ въ С.-Питербурхъ. Отъ отца духовника прислано триста рублей срѣбрною монетою.

25. Передъ службою Божіею были у іхъ імператорскихъ высочествъ и допущены до ручокъ. Потомъ были у графа Розумовского съ поздравленіемъ, а по обѣднѣ и до ручки государыни допущены.

26. Ездили до канцлера и до другихъ господъ съ поздравленіемъ, а вечеромъ были у г. Полтавцова. Отосланы до духовника 4 р. 46 к.

27. Рано были у г. Румянцова, у гр. Кирила Григоріевича Розумовского, у духовника, а по обѣдѣ у генерала-інденданта Головина. Михайло Василіевичъ Стогоровичъ простился съ нами, чрезъ которого и писмо отъ Юнganса послано въ Глуховъ.

28. Вечеромъ были у графа Мойсѣя Владиславича, где получилъ писмо отъ брегадира Вітковича, а прибывъ въ квартеру, застали Жоравка съ женою его, да Валкевича и Пиковця, которіи обѣдали у графа Евфима Владиславича.

30. Рано ездилъ до генерала-лейтенанта и кавалера Лівена, где брату его Андрею Григоріевичу Лівену, бригадиру, приехавшому изъ Варшавы, вручено писмо. Потомъ были на Петропавловскомъ острову у священника собору петропавловского, ключара, отца Василія Барановского, и у него-жъ обѣдали, и весь день пробавили, где были купно съ нами гофъ-інтендантъ Іванъ Константиновичъ Яблонской и поручикъ Іванъ Макаровичъ Шагинъ.

31. Помянутые 150 р. денги отданы інформатору Юнganсу на росходъ.

1747 годъ.

Мѣсяцъ генварь.

1. Рано были въ дворцѣ государевѣ и по поздравленіи графа Алексія Григоріевича Розумовского, слушали обѣдни въ большой придворной церквѣ, где и казане изрядное имѣлъ архимандритъ

епархіи казанской спаскій Веніаминъ Григоровичъ. Я обѣдалъ съ писаремъ суда генералного Іваномъ Ніковцемъ у Івана Жоравки.

2. Вечеромъ были у преосвященного архіепископа новгородского Стефана Каліновского.

3. Послѣ полдни у насъ были пѣвчій Гаврило Головня съ женою и канцеляристъ сенатскій Іаковъ Тимофіевъ.

4. За два новые календари с.-пбургскіе дано 30 к. Вечеромъ были у секретаря Новоторжцова.

5. Писалъ писма въ Киль до сина и до Алексія Кириловича Долінского подъ № 1.

6. На водосвятіи вся гвардія и другіе полки были въ строю, а Іордань и мѣста для государыни и іхъ імператорскихъ высочествъ устроены были на пристани, что при лѣтномъ дворцѣ. Послѣ водосвятія-же пушечная изъ крѣпости и изъ адміралітейства одинажды, а изъ пушекъ полковыхъ и изъ мѣлкого ружя троекратно палба была.

7. Послѣ служби Божой были мы всѣ трое у графа Р. и доволный имѣли разговоръ, а вечеромъ ездили къ іменинику Івану Константиновичу Яблонскому, гофъ-інтенданту, где и отца духовника съ супругою и другихъ гостей застали.

8. Получилъ писмо изъ Киля отъ отца Іова Чарнуцкого, и былъ у мене купецъ иноземецъ Іванъ Юрьевичъ Стефенсонъ съ извѣстіемъ, что сина моего дойшли 40 червоныхъ отъ корреспондента его, любского купца, Реппенъ-Гагенъ. Вечеромъ были у Петра Івановича Розумовского.

9. На разные дробязки розышлось 46 к.

10. Писаны писма въ Киль къ отцу Іову противъ его писма въ отвѣтъ и до сина Василя потому-жъ, якіе и подъ 5 числомъ писанные отосланы къ секретарю Вінклеру для отправленія по почтѣ до Киля подъ № 2. Нарочно званніи обѣдали у архіепископа сарского и подонского, преосвященного Платона Маліновского.

11. Были въ дворцѣ и по обѣдни у графа Р., а вечеромъ посѣщали недомогаючого асаула генералного Валкевича. Ночью былъ пожаръ въ монастирѣ невскомъ. Згорѣли ренжареи и майстеръ съ подмайстеримъ.

12. Былъ у графа рано Гудовичъ съ обявленіемъ сенатского указу объ отставки пограничныхъ пошлинъ поголовныхъ, безъ указу передъ симъ отъ губернаторовъ кіевскихъ уставленныхъ.

13. Писаны писма въ Глуховъ до Якубовича, асаула сперазного, съ посилкою нового календаря, да до жены въ домъ съ приложеннымъ писмомъ до Гудовичевой и до племѣнника Іосифа съ картою, къ нему-жъ и отъ Янушкевича.

14. Изъ денегъ 500 р., у духовника взятыхъ, даны Юнгансу на росходъ 100 р. Вечеромъ были у капитана поруччика Марковича, потомъ у Валкевича.

15. Капитанъ поруччикъ Марковичъ получилъ себѣ отпускъ, и мы съ Гудовичемъ были въ дворцѣ. У графа взялъ отправу и Павелъ Ласкевичъ, чрезъ которого и указы сенатскіе о отставки поголовныхъ пошлинъ пограничныхъ, и помянутые писма въ Глуховъ отправлены.

16. Оный Ласкевичъ отъехалъ до Малой Россіи по почтѣ.

17. Писалъ къ сину въ Киль противъ его писма, въ которомъ онъ себе экскузуетъ, что якобы его неправо до мене обнесено, и то мое къ нему писмо отправилъ чрезъ руки господина секретаря Вінклера подъ № 3.

18. Получилъ писма отъ сина къ себѣ и къ женѣ изъ Киля, отъ 9-го генваря нового стиля сего году писанные, которые прислалъ преосвященный псковскій. Вечеромъ былъ у отца архимандрита спаского-казанского Веніямина Григоровича, у которого и книгу взялъ для читанія. Капитанъ поруччикъ Марковичъ отъехалъ изъ С.-Питербурха и синъ сотника менского Кузмѣнского. Изъ 18-го противъ слѣдуючого числа умеръ нагло капитанъ гвардіи преображенского полку, Костантинъ Дмитріевичъ князь Кантемиръ.

19. Григорію Политикѣ позичены 6 р., а прежныхъ на немъ-же 5 р. 15 к. За карандашъ дано 15 к. Вечеромъ былъ у Носка и у преосвященного псковского.

20. Писалъ писмо въ Киль до сина Василя противъ его писма, отъ 9-го генваря къ намъ отъ него писанного, и отослано къ секретарю Вінклеру для отправи по почтѣ подъ № 4. Обѣдали у священника семіоновского отца Андрея Барановского, званніи отъ него ради рождшейся ему дочери, а вечеромъ были у Валкевича.

21. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Якубовича, до племѣнника Іосифа, до Андрея Кондзеровского и другое объ немъ до Якубовича-жъ, въ домъ до жены съ приложеннымъ отъ сина писмомъ, до шваґра Осдора Корецкого и до сотника

мглинского Лисаневича противъ его двоихъ писемъ. Дѣти Скоропадского віехали изъ своей и почовали въ нашей квартерѣ.

22 генваря бывшій подскарбій, а въ отставкѣ енералный обозный Андрей Марковичъ умре въ Украинѣ. 22-го-жъ оные молодые Скоропадскіе, со всѣми при нихъ людми, въ томъ числѣ и при мнѣ бывшій Марко и Валкевичовъ Ілія, отъехали рано въ путь въ домъ до Малой Россіи, чрезъ которихъ и оные писма отпущены, да для нихъ-же на дорогу до рукъ Юнгаиса даны 50 р. и сира нѣмецкого половина послана. Малого хлопця Евфима отъ Григорія Політики принялъ въ услугу.

23. Послѣ полдня былъ у мене секретарь Вінклеръ и привезъ писмо изъ Киля, писанное отъ Політики до брата его, переводчика академіцкого.

24. За портретъ государыни на паперѣ печатній далъ 1 р. За лоскутки гатласу красного дано 20 к.

25. Были въ дворцѣ рано у графа, которій еще съ 19-го числа сего мѣсяца захоровалъ на подагру. Вечеромъ были на Василевскомъ острову у оберъ-секретаря военной коллегіи Авраама Артеміевича Навроцкого сторони указу, имѣется-ль какой о малороссіянахъ, въ арміи регулярную службу принявшихъ.

26. Писалъ писмо къ Скоропадскому объ отъездѣ дѣтей его, съ включеніемъ писма отъ Григорія Политики въ Глуховъ до канцеляриста Манжоса, по почтѣ. Вечеромъ былъ у мене кофишевкъ Александръ Юліановичъ Савлуковъ и ускаржалъся на Скоропадского за дѣло жени своей, не все присланное въ сенатъ.

27. Служителю секретаря Новоторжцова, именинику, приходившему съ хлѣбомъ, даны 30 к. Самъ Новоторжцовъ въ вечеру у насъ былъ.

28. Рано пріехалъ протопопъ глуховскій, отецъ Алексій Галяховскій, а сынъ его, канцеляристъ глуховскій, Петръ Галяховскій припровадилъ звѣрину битую—6 ногъ, 5 кабановъ, 5 суганов, о которой съ представленіемъ ходили мы въ дворецъ, а потомъ къ оберъ-гофъ маршалу Дмитрію Андріевичу Шепелеву, у которого и обѣдали купно съ генералъ-маіоромъ Василіемъ Абрамовичемъ Лопухинымъ, да генераломъ маіоромъ Авраамомъ Петровичемъ Араномъ. Въ вечеру съ Гудовичемъ и съ купцомъ брянскимъ Тихономъ Григоріевымъ Чамовымъ былъ у купца Стефенсона.

29. Былъ Гудовичъ рано у графа Р., а по обѣдѣ оба съ нимъ были перво у архимандрита рождественского володимерского, отца Платона Петрункевича, потомъ вечеромъ у графа Мойсея Владиславича.

30. Вечеромъ были у насъ Жоравко и суда генералного писарь Іванъ Пиковецъ, который вчера отклонился графу Р., а сего числа съ нами простился.

31. Оному-жъ Пиковцю дали мы пашпортъ на свободный проездъ, и онъ прислалъ мнѣ красные чоботы и двѣ рубашки; чрезъ него-жъ отпущено писмо до Скоропадского стороны дела Савлукова, писанное подъ числомъ 27-мъ сего мѣсяца.

Февраль.

1. Послѣ полдни въ 3-мъ часу изволила всемилостивѣйшая государыня и іхъ імператорскіе высочества отъехать изъ Санктъ-Пітербурха до монастыра тихвинского для девоціи. Музиканты придворніе были у насъ.

2. Слушали обѣдни въ монастырѣ певскомъ и потомъ были у архіерея С. П. Бурского и у намѣстника, и у новоопредѣленного економа, а обѣдали въ квартерѣ и съ нами отецъ протопопъ глуховскій, который сего числа и переехалъ отъ насъ на квартеру въ домъ отца духовника.

3. Помянутіе придворные музиканты Василій Стефановъ изъ Корона и Стефанъ Василіевъ изъ Березной обѣдали у насъ. Получено писмо по почтѣ изъ Глухова зъ екстрактомъ о дѣлѣ гайдука Романа Струтинского.

4. Обѣдалъ у насъ канцеляристъ рекетмейстерскихъ дѣлъ. Розышлось на розницю 1 р. 14 к., да служителю секретаря Новоторжцова 15 к.

5. Надъ вечери приходили до обозного генералного Лизогуба протопопъ глуховскій Галяховскій и войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ, а у мене былъ Іванъ Жоравко и асаулъ Валкевичъ. Сего-жъ числа государыня и ассистовавшіе возвратились изъ тихвинского монастыря.

6. Куплены сани за 5 р. 25 к. и два хомути за 4 р., изъ общихъ денегъ. Да куплены Івану Рудому сапоги за 7 р., рубашки 60 к., панчохи 12 к. Хлопцю малому свитка 70 к., рубашки 27 к., поясъ 4½ к. Водки гунбарской 8 к.

7. Писалъ до асессора Шмидендорфа въ Киль и до сина Василя подъ № 5 противъ его писма, полученного мною сего февраля 4-го изъ Киля и пущенного генваря 26 нового стиля, и оные для отправленія по почтѣ въ Голстинію отослалъ къ секретарю Выпклеру.

8. Рано въ дворцѣ были, а послѣ службы Божой поздравляли тезоименитствомъ отца Феодора Яковлевича Дубянского, духовника государыни, потомъ и дворянина Ѳедора Івановича Коченевского. Вечеромъ былъ у насъ Іванъ Жоравко.

9. Передъ обѣдомъ провожано тѣло капитана гвардіи преображенского полку, волоского князя Константина Дмитріевича Кантеміра, къ погребенію въ монастырѣ невскомъ. За граматику печатную на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ 80 к.

10. Рано были въ дворцѣ у руки его імператорского высочества государя, великого князя, ради празднованія рожденія его высочества, съ протчими. По службѣ Божіей въ церквѣ синодалные члены его-жъ высочество поздравляли, и по прибытіи изъ церкви въ салъ галлерею палено изъ пушокъ въ адмиралтействѣ и въ крѣпости, а ввечеру и болшая противъ зимного дому и корпуса кадецкого зажжены были иллюминаціи и весь городъ иллюмѣнованъ. Въ вечеру-жъ были у насъ Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій и Яковъ Дмитріевичъ Рожевскій, управитель смолного дворца, недавно изъ Малой Россіи прибывшій. Пожалованы кавалеріями святыя Анны генералъ інтендантъ отъ адмиралитейства Александръ Івановичъ Головинъ и генералъ екипажъ-мейстеръ князь Михайло Андріевичъ Бѣлоселской и 3 камергера.

11. Званныи отъ Ѳедора Івановича Коченевского, обѣдали въ домѣ его недавно купленномъ за тріумфальными аничковыми воротами, где съ нами въ компаніи были по обѣдѣ гофъ-інтендантъ Іванъ Константиновичъ Яблонскій, Яковъ Дмитріевичъ Красінскій, лейбъ-компаніи Михайло Івановичъ Коченевскій, Іванъ Жоравко и Петръ Івановичъ Розумовскій.

12. Приходилъ звать насъ къ себѣ къ завтрешнему дню на свадбу Стефанъ Васильевъ, комнатній музикантъ, который у мунтъкопа дворцового имѣетъ понять себѣ въ жену дочь его.

13. Оный музикантъ женился, толко на свадбѣ у него не были.

14. Рано были у господина Головина съ поздравленіемъ пожалованною ему кавалеріею и у него-жъ обѣдали и мимоездомъ посѣтили болного глуховского протопопа. Послѣ полдня отъехать изволила государыня съ нѣкоторыми придворными въ Царское Село.

15. Въ вечеру были у насъ Іванъ Жоравко съ женою, секретарь Новоторжцовъ и у насъ-же ужинали.

16. Прибылъ куріеръ изъ Глухова съ вѣдомостію, что брегадиръ Ілѣнъ тамо скончался февраля 6-го, оный-же куріеръ-гварнизону глуховского прапорщикъ Георгъ Ансіо.

17. Послѣ полдня были мы зъ Валкевичемъ въ дворцѣ у Жоравки, где съ нами былъ и поруччикъ Ѳедоръ Тарнавіотъ.

18. За писмо, по почтѣ отъ Івана Гамаліи полученное, постиліону 4 к. Вечеромъ былъ у насъ графъ Мойсѣй Владиславичъ.

19. Писалъ къ Скоропадскому съ объявленіемъ, что еще у духовника тысячи рублей денегъ не отобралъ, и оное писмо, съ включеннымъ до племенника Іосифа о скорой присилки дѣла съ Соколовскимъ, отослалъ до секретаря Новоторжцова для отпуску оныхъ по почтѣ въ Глуховъ. Прибылъ служитель Гудовича Диписъ Тимофіевъ.

20. За универсалную карту Россійской имперіи дано 70 к. Былъ у отца духовника за денгами, Скоропадскому доводячимися.

21. Отданы 200 р. въ задатокъ іноземцю, у которого приговорили взять червонцовъ 500.

22. Писаны писма къ женѣ и до Івана Гамаліи, и до Григорія Демяновича, и оные отпущены чрезъ Дениса Тимофіева, Гудовичевого служителя, который рано и отъехалъ во свояси. Въ дворцѣ по службѣ Божой въ большой дворцовой церквѣ было обрученіе камеръ-юнкера Михайла Івановича Софонова съ Марѳою Семеновною Гендриковой, при присутствіи ея императорского величества и ихъ императорскихъ высочествъ. А ввечеру въ 2 часу по полдни вѣнчаніе было во дворцѣ-жъ великого канцлера графа Бестужева-Рюмина сина, графа Андрея Алексіевича, съ фрейлиною Евдокіею Денисовною и свадба. Въ 4 часу по полдни былъ у мене въ квартерѣ его императорского высочества тайный советникъ господинъ баронъ де-Пехлінъ, голстинецъ.

23. Писалъ писмо до Скоропадского о скорѣйшой присилки дѣла съ Соколовскимъ въ сенатъ, коего по се число не прислано. Подканцеляристу Сорокину дано 30 к. Перенлетчику за газеты 6 к.

24. Послѣ обѣда были у Савлукова кофишенка и до позна у него забавились зъ Гудовичемъ.

25. Были съ нимъ-же рано перво у графа Кирила, потомъ и у графа Алексія Розумовскихъ. Обѣдали у Жоравки, который съ женою званъ съ протчими къ графу Бестужеву, великому канцлеру, на банкетъ, где и государыня и ихъ императорскіе высочества вечеромъ быть изволили.

26. Ездили на Василевскій островъ и тамъ первей были у секретаря Новоторжцова, потомъ у купца брянского Чамова.

27. Отобрана у отца духовника тисяча рублей денегъ для Скоропадского. Секретарь Вынклеръ привезъ мнѣ писмо изъ Киля отъ Долінского.

28. Вимѣнены червоныхъ 500 за рублевки, якихъ за оные червоные дано 1,115 р., за всякій червоный по 2 р. и по 24 к. Ездили на охоту, а оттоль заездили къ Валкевичу и у него до позна забавились. По полднѣ былъ у мене студентъ гамбурскій и принесъ писмо къ Еміху. Прибылъ канцеляристъ Гуленко марта 1-го.

Мартъ.

1. Рано были въ дворцѣ, обѣдали въ квартерѣ. Рано-жъ презентованъ передъ дворцемъ полкъ гусарскій грузинскій. Послѣ полдни былъ у насъ генералъ інтендантъ и кавалеръ Александръ Ивановичъ Головинъ, потомъ полковникъ Василій Танскій и у насъ вечерялъ. Росписался я въ пріемѣ 1,500 р. денегъ на письмѣ, отъ Скоропадского до отца духовника писанному, тако: выраженные въ семъ писмѣ денги 1,500 р., которые у генералного подскарбія господина Скоропадского клинковскій приказчикъ Шохъ отобралъ въ Глуховѣ, я здесь въ Санктъ-Пітербурхѣ отъ его в. п., отца духовника, Ѳедора Яковлевича Дубянского всѣ сполна принялъ и на семъ подписалъ своеручно Г. Х. Н. Х.

2. Канцеляристъ Гуленко былъ у насъ и подалъ писма, межъ которыми и отъ жены я получилъ, писанное зъ Городища отъ 5-го февраля.

3. Писалъ къ сину въ Киль подъ № 6, требуя у него отвѣту на прежніе пять писемъ и на 5 пунктовъ, т. е. о деньгахъ, издержанныхъ и наличныхъ, о квартерѣ, о столѣ, о хожденіи его къ церквѣ и о писмахъ къ Вестфалену и Шмидендорфу, передъ симъ

посланныхъ. Да писалъ-же и къ Алексію Кириловичу Долінскому на его въ отвѣтъ писмо; и оные для отправы въ Киль отослалъ къ секретарю Вынклеру. За вѣски на червоные дано 60 к.

4. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Якубовича, до Іосифа, да къ женѣ въ домъ, которое съ писмомъ отъ сина зъ Киля ко мнѣ писаннымъ, тако-жъ отъ Гудовича до жены его, адрессовано Якубовичу для отсылки, и сіи писма вручены прапорщику гварнизону глуховского Георгу Ансіо, отправленному изъ габинета по почтѣ. Того-жъ числа отъезджаючому асаулу енералному Валкевичу вручилъ 450 червоныхъ за роспискою при писмѣ для отдачи Скоропадскому, и оные-жъ Валкевичъ купно съ Іваномъ Жоравкомъ и женою его по полдни отъехали изъ Санктъ-Пітербурха.

5. Vacat. 6-го на ночъ отъехалъ въ монастырь невскій и тамъ ночевалъ.

7. Тамъ-же, по имѣвшейся исповѣди у отца намѣстника Софронія Кришталовского, слушалъ обѣдни ранной, которую целебровалъ преосвященный Варлаамъ Скамніцкій, епископъ вятскій и велико-пермскій, и сообщился Святымъ Тайнамъ, а обѣдалъ въ квартерѣ. Розышлось 20 к.

8. Были во время обѣдни и послѣ обѣдни въ дворцѣ.

9. За сѣмъ портретовъ прежде бывшихъ россійскихъ государей царей дано 2 р. 10 к., которые для мене купилъ Григорій Політика.

10. Были надъ вечери у переводчика коллегіи иностранной Данилевского. Сего числа окончилося два года, якъ посвященъ преосвященный архіепископъ санктъ-пітербурскій и слютелбургскій Ѳеодосій Яновскій въ 1745 году.

11. Запасъ господина обозного енералного Лизогуба изъ Глухова пришолъ. Іоаннъ Андрей Емихъ вручилъ мнѣ свои писма къ отсылки до Глухова. Въ вечеру были въ дворцѣ у графа А. Г. Розумовского и имѣли передъ нимъ разговоръ о своемъ зде долговременномъ пребываніи.

12. Рано были у гр. Кирила Г. Разумовского и просили его о інстанцію до брата. Въ вечеру былъ съ Гудовичемъ у преосвященного архіепископа крутицкого Платона Маліновского, а отъ него заезжалъ къ намъ Лука, свѣнскій намѣстникъ.

13. Рано были съ Гудовичемъ у графа А. Г. Разумовского и потомъ заходили до слѣпого Григорія Михайлова Любистка.

Дано сенатскому поддячему 10 коп. Тихонъ Чамовъ пріехалъ изъ Тифина.

14. Преосвященный Тодорскій, епископъ псковскій, служилъ обѣдню въ большой дворцовой церквѣ, где и мы были. Рано берлины, лѣнія и другія кареты, отправленные въ Москву, повезены. Духовникъ съ намѣстникомъ михайловскимъ были у насъ въ вечеру.

15 Слушали обѣдни въ дворцовой большой церквѣ, потомъ были всѣ трое у гр. Розумовского, а безъ нашего въ квартерѣ бытія забраны всѣ вещи Павла Скорупны къ нему въ крѣпость. Въ вечеру приходилъ къ намъ простится подполковникъ бывшого слободского регулярного полку, Матвѣй Прокофіевичъ Куліковскій.

16 Рано поздравляли графа Алексія Григоріевича Розумовского тезоименитствомъ его завтрешнымъ, который съ прочими придворными обоего пола отъехали при государыни въ гостилицю за 60 верстъ отъ С. П. Бурха тамъ праздновати. Писано писмо до Скоронадского съ включеніемъ писемъ отъ Еміха къ нему и до синовъ его, такъ-же до Юнданса.

17. Преосвященный крутицкій Платонъ Маліновскій отъехалъ въ Москву. Швагеръ Александръ Корецкій прибылъ въ Ямскую и тамъ ночовалъ.

18. Оный-же швагеръ сталъ у насъ на время квартерою. Павла Скорупну випущено изъ крѣпости, и поехалъ онъ подъ конвоемъ капрала и солдата изъ С. П. Бурха, ночовалъ-же въ Ямской.

19. Оный-же Скоруппа изъ Ямской віехалъ въ путь свой. Обсилку учинилъ секретарю Винклеру бутилю вишняку, двѣ бутилкѣ водки и слоикъ закусокъ—сахарныхъ порѣчокъ.

20. Приходилъ надъ вечери къ намъ служитель поручика гвардіи Ѳедора Тарновіота, побитій отъ него. Швагеръ Александръ Корецкій съ Яскевичемъ ездилъ къ секретарю Новоторжцову.

21. Писалъ къ сину въ Киль подъ № 7 на его два писма въ отвѣтъ и съ посилкою къ нему писемъ отъ его матки и отъ дяди Александра Корецкого, да писма къ отцу Іову отъ намѣстника невского Софронія, и то писмо отослано до секретаря Вынклера для отправы по почтѣ въ Киль. Подарены швагру Александру Корецкому 6 бритовъ съ футляремъ.

22. Были въ дворцѣ, где послѣ обѣдни имѣлъ проповѣдь діаконъ Савіцкій. Тамъ-же увидѣлъся съ нами архимандритъ рожде-

ственскій владимерскій Платонъ Петрункевичъ просилъ къ себѣ на обѣдъ въ день прійдучій Благовѣщенія Пресв. Богородицы.

23. Ездилъ рано на Василевскій Островъ до іноземцовъ купцовъ Кренпина и Елленбаха, которіи имѣютъ своего корреспондента купца въ Килѣ, Калуса Албрехта Віка, чтобъ чрезъ нихъ къ сину перевести денги.

24. Куплено сукна тонкого 4 аршины, дано 9 руб., полусукна 10 аршинъ, дано 3 рубля 30 коп.; за лотъ и четверть золотника шолку дано 23 коп. Швагеръ Александръ Корецкій переносился на квартеру, для себя нанятую, въ домъ Ѳедора Ивановича Коченевского.

25. Были рано у князя Н. Юр. Трубецкого, у канцлера графа Бестужева-Рюмина, потомъ въ дворцѣ обѣдни слушали, а кушали обѣдъ и даже до вечера пробавили на пѣтербурскомъ острову у архимандрита рождественского Платона Петрункевича.

26. Отпущены писма, писанные подъ числомъ 24 сего мѣсяца до жены и до племѣнника Іосифа, съ приложенною выписью съ челобитной явочной, на Березовского [224]) въ полковую стародубовскую канцелярію поданный о обидѣ отъ него въ Лотокахъ затѣянной, да до Скоропадского подъ симъ числомъ писалъ о томъ-же Березовскомъ и о сѣнѣ у Куровцѣвъ на 200 возъ забранномъ Суворовцями чрезъ пана Осколковского. Вечеромъ былъ у купца Кренпина, который до сина Василя денги перевести обѣщалъ.

27. Въ 7 часу по полднѣ былъ виносъ тѣла въ Невскій монастирь умершого сего марта 26, на 77 году отъ рожденія своего, генералъ-аншефа, сенатора и обохъ россійскихъ ординовъ кавалера, гвардіи семеновского полку подполковника и императорского генералъ-адъютанта, графа Андрея Ивановича Ушакова.

Дана шить черкеска изъ полсукенка и сукно ступовать передъ симъ купленное. За ручку до молочника, изъ гебану здѣланную, дано 20 коп. При дворѣ надѣтъ трауръ по отци и дядѣ ея імператорского высочества, государини, великія княжны, въ недавныхъ числехъ преставлнихся.

---

[224]) Тогдашній стародубскій полковой сотникъ, которому принадлежало соседнее съ Лотоками село Медвѣди. И Ханенко, и Березовскій усиленно скупали земли въ с. Лотокахъ и, мѣшая этимъ другъ другу, часто ссорились.

28. Было погребеніе въ монастирѣ Невскомъ помянутому генералу Ушакову, где и отъ полковъ пѣхотныхъ производилась палба бѣглымъ огнемъ.—За нѣкоторіе лѣкарства въ аптецѣ дано 6 руб. У духовника были въ вечеру.

29. Въ придворной церквѣ имѣлъ казанье діаконъ Савіцкій. Въ вечеру были у насъ архимандритъ рождественскій володимерскій Платонъ Петрункевичъ, да намѣстникъ свінский Лука и долго просидѣли въ ночь.

30. Шваге́ръ Александръ Корецкій подалъ свою челобитную въ сенатъ о удостоенныхъ деревняхъ, у которого на квартерѣ и мы были зъ Гудовичемъ.

31. Подъячіе Яковъ Тимофѣевъ и Іванъ Воронецкій были у насъ и обѣдали. За матерію подъ карвани[225]) до черкески 25 коп., за писмо принесенное изъ почти 3 коп. Два сенатора были въ дворцѣ съ нѣкоторими докладами.—Писаны писма въ домъ до жены и до шваграа Ѳедора Корецкого, съ приложеннымъ писмомъ отъ шваграа Александра Корецкого до жены его, да въ Глуховъ до Скоропадского, до племѣнника Іосифа и до Якубовича, о пересилки въ домъ моихъ писемъ. и вручены протопопу глуховскому Алексію Галяховскому. Писали мы обще до членовъ малороссійской генералной канцеляріи по требованю отца духовника, чтобъ отправлено бунчукового товарища Івана Андріевича Гамалію для обмежованія селъ Клишокъ и Чаплѣевки[226]).

---

[225]) Нарукавники, обшлага.

[226]) Села Клишки и Чаплѣевка, кролевецкаго уѣзда, незадолго передъ тѣмъ императрица пожаловала своему духовнику Ѳ. Я. Дубянскому, по ходатайству котораго тогда-же сдѣлано было распоряженіе о снятіи пожалованныхъ земель на планъ. Межеваніе этихъ селъ сдѣлано уже было въ 1746 г. и здѣсь идетъ рѣчь, кажется, только о формальномъ отводѣ Клишекъ и Чаплѣевки Дубянскому. Въ нашей библіотекѣ имѣется „планъ ея императорскаго величества высокопреподобнѣйшаго іерея Федора Яковлевича Дубянского малороссійскимъ его высокопреподобія вотчинамъ, села Клишекъ и Чаплѣевки, 1746 году“, съ надписью: „сей планъ описывалъ и сочинялъ, июля отъ 1 числа августа по 14-е число окончано, Геодезистъ Федоръ Хринковъ“. Планъ этотъ замѣчателенъ, какъ памятникъ едва ли не перваго съ хозяйскими цѣлями межеванія въ Малороссіи XVIII в. Раньше въ Малороссіи межевалъ Меншиковъ свою Почепщину, но тамъ снята была лишь окружная межа.

Апрель.

1. Послѣ полдня первей у духовника, потомъ въ дворцѣ съ обознымъ генералнымъ Лизогубомъ былъ, а у насъ полковникъ Василій Танскій зъ Гроховскимъ до позна сидѣли.

2. Израну былъ войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ у обозного генералного, и чрезъ нѣсколко часовъ съ нимъ самъ на самъ розговори имѣлъ доволные, а потомъ прислалъ ему и три бутилки вина волоского.—Куплено полотна бѣлого на нуждныя потребности 20 аршинъ, дано 80 коп.

3. Секретарю Михайлу Новоторжцову дочь родилась и наречена Любовія, въ 11-мъ часу предъ полуднемъ. Служителю его, съ тою вѣдомостю приходившему, дано 10 коп.—Взялъ изъ общыхъ денегъ, на содержаніе насъ опредѣленныхъ, 40 рублей, а прежде за мною было 60 руб., и такъ уже было 100 р.

4. Изволила отъѣхать государиня въ Царское село.—Полковница молодая Галаганиа умерла въ Прилуцѣ [227].—Покойного Василя Мировича синъ Стефанъ, изъ Сибѣру пріѣхавшый, сталъ у насъ на квартерѣ. Подъячій рекетмейстерской конторы Ѳедоръ Івановичъ Гординъ и Григорій Андреевичъ Сорокинъ были у мене.

5. Получилъ писмо зъ Киля отъ отца Іова. Вечеромъ былъ у шваграа Корецкого, отъ которого ездилъ Яскевичъ на Смолный дворъ къ Іліи Журману, зъ женою своею Агафіею Давидовною въ С. П. Бурхъ пріехавшому.

6. Простился съ нами отецъ протопопъ глуховскій Алексій Галяховскій, которому и писма, подъ 31 марта врученные, впечатаны въ кооперту, подъ именемъ Бачинского и Дергуна канцеляристовъ подписанную, и вручены-жъ.

5. Рано былъ у Носка, потомъ въ сенатѣ, где и писмо мое отдано для пересилки въ Глуховъ, писанное до Скоропадского о присилки удостоеній, тестю въ 1736, а шваграмъ въ 1741 годахъ на деревнѣ данныхъ, или копій съ оныхъ.

8. Книгъ взялъ печатныхъ изъ академіи чрезъ Григорія Політику разныхъ за 9 р. 91 к., въ томъ числѣ для себе за 4 р.

---

227) Жена Гр. Ив. Галагана, дочь бунчуковаго товарища Андрея Дунина-Борковскаго. См. „Кіев. Стар.", 1883 г., ноябрь, стр. 459.

31 к., и совѣтовался о должныхъ мнѣ денгахъ съ Політикою. Вечеромъ былъ Гудовичъ у князя Івана Васильевича Адоевского, сенатора.

9. Писалъ писма въ домъ къ женѣ противъ писма еи, чрезъ Журмана полученного, да до Скоропадского съ сообщеніемъ меморіала войскового и челобитнои копій, где къ женѣ и писмо отъ шваграа Александра Корецкого до его жены включено, а сообщены оные писма до значкового товарища, Іосифа Дмитріевича Рославця въ Макаричи, или Дмитрово для пересилки оттоль въ Івантенки до панеи Гудовичевой, къ Рославцю-жъ имѣли быть сосланы отъ шурина, купца брянского, Тихона Григоріева Чамова изъ Брянска.— Принималъ лѣкарство Sal anglicum laxans.

Былъ у насъ въ квартерѣ Ілія Журманъ мимоездомъ изъ дворця.

10. Гудовичъ въ дворцѣ видѣлся зъ Юріемъ Храповѣцкимъ и у него обѣдалъ.—Писмо отослалъ къ протопопу мглинскому, отъ сотника тамошнего Лисаневича писанное.

11. Званныи отъ Журмана, обѣдали въ Смолномъ дворцѣ мы трое и шваторъ Александръ Корецкий, а потомъ до него заехали, а Журманъ отъехалъ въ болной дворецъ съ женою.—Рано былъ у графа Алексія Григорьевича Розумовского Гудовичъ и объявлялъ намъ, что вскорѣ состоится указъ именный о гетманѣ.

Писаны писма подъ вчерашнимъ числомъ до профессора математики въ академіи килской Козіуса и до Івана Політики, тамъ учащогося, чтобъ то писмо оному профессору вручивъ, просилъ отвѣту и отвѣтъ переслалъ-бы брату своему Григорію Політикѣ, академіи с. п. бурхской переводчику, а для отсилки въ Киль тихъ писемъ отдалъ оные тому-жъ Григорію Політикѣ.—Переплѣтчику при дачѣ книгъ въ оправу дано 50 коп.

12. По службѣ Божой были въ дворцѣ у графа, а вчера у графа-жъ былъ Гудовичъ одинъ для розговору о общыхъ дѣлахъ.— Грицку данъ кунтушъ мой зеленый. Кравцю, которій шилъ кунтушъ изъ сукна и черкеску изъ полсукенка, за роботу дано 2 р. 20 к.

13 и 14 wacant. 15. Расплатка учинена за разные дробные покупки и рощотъ изъ Грицкомъ 2 р. 59 к.

16. Слушалъ обѣдни въ Невскомъ монастирѣ и тамъ-же, по благости Божыей, удостоился, одправя исповѣдь предъ отцемъ намѣстникомъ Софроніемъ, святого причащенія Евхаристіи.—Розышлось 23 к.

17. Набоженство нощное о Страстехъ Христовыхъ и царскіе часы въ своей квартерѣ отправляли.—Началъ переводить Малярдовы до покойного преосвященного Ѳеофана Прокоповича отвѣты о вѣрѣ нашей и о римской и протестантскихъ религіахъ.

18. Послѣ полдня захоровалъ жестоко на поперекъ (поясница), что якъ легъ на кроватѣ, то и повернутись не могъ.—Доплачено перепліотчику за книги 29 коп.

19. Въ сей Свѣтлого Воскресенія Господня день, ради показанной болѣзни, ни въ церкви не былъ, и изъ ложка ни на малый часъ встать не могъ, а наши на набоженствѣ въ дворцовой церкви у ручки государини и въ великихъ князей были.

20. Вечеромъ былъ у насъ архимандритъ іерусалимский Агапій и на благословеніе отъ святѣйшого патріарха іерусалимского Парѳенія поднесъ крестикъ и разрѣшителную грамоту.

21. Пущалъ мнѣ кровь изъ медіанки лейбъ-медикусъ его імператорского высочества Гугонъ, которому даны 2 р.

22. Писано писмо въ домъ до жены чрезъ служителя графа Мойсѣя Владиславича, по почтѣ отправленного, въ которомъ писмѣ включилъ и помянутіе крестикъ и грамоту.

23. Были у мене камеръ-локей Милорадовичь и адъютантъ сербского полку, которій принеслъ ко мнѣ и пакетъ отъ брегадира Вітковича.

24. Писано писмо къ брегадиру Вітковичу въ отвѣтъ на его двѣ писми, да до Скоропадского съ посилкою его брегадира Вітковича пакету.

25. Въ сей день празднованія коронаціи ея імператорского величества былъ и я послѣ болѣзни первый разъ въ дворцѣ, и были у ручки государини, потомъ у графа Алексія Григорьевича Розумовского, где съ многими персонами видѣлись, и поздравляли съ праздникомъ и нынѣшнимъ торжествомъ.—Нева прошла.

26. Послѣ полдни съ 6-го часа была опера въ комедіалномъ домѣ изъ гисторіи Митридата, на которой и ея імператорское величество и ихъ імператорскіе высочества присутствовать изволили. Получены писма изъ Глухова отъ разныхъ, въ томъ числѣ и отъ Ѳедора Чуйкевича. Данъ 1 р. маіору Воеводскому чрезъ слугу его.

27. Рано былъ Гудовичь у графа Алексія Григорьевича Розумовского и возвратясь обнадежилъ обозного генералного Лизогуба

и мене скорымъ отпускомъ съ милостію ея імператорского величества, а ему до времени здесь оставаться по собственному государини приказу.

Обозный генералный и Гудовичь ездили на обѣдъ въ Смолный дворецъ съ Журманомъ, а у мене были пѣвчій Лозовскій и гайдукъ івантенскій, которій сказалъ, что Іванъ Ломака, пріехавшый сюда челобитствовать, умеръ сего числа въ Ямской.

28. Писалъ писмо до сина въ Киль подъ № 8-мъ, тако-жъ и до ассесора Шлиндендорфа по латинѣ, и отъ сина требовалъ обстоятелного отвѣту на писмо мое, отъ 3 марта писанное, и отослано къ Вінклеру.

29. Послѣ полдня была въ оперномъ домѣ комедія французская, на которой и мы были.—Писмо до Скоропадского съ пакетомъ отъ Вітковича включено въ пакетъ между писма обозного генералного, въ Глуховъ писанные.

30. За цвѣтки китайскіе дано 1 р.—Рано были зъ Гудовичемъ въ дворцѣ у графа Алексія Григорієвича Розумовского, которій велѣлъ еще дожидаться отправки съ терпеніемъ. Послѣ обѣда былъ у насъ Ѳедоръ Кочеревскій и долго проседѣлъ. Полку миргородского сотникъ уцтивицкій Ламанъ у насъ обѣдалъ.

Май.

1. Нарочно званный отъ Іліи Журмана на Смолный дворецъ обѣдалъ у него и въ банѣ мылся.—На направу коляски для покупки кожи и гвоздиковъ дано 30 коп.

2. За румяны китайскіе пять штучокъ дано 20 коп.—De vespere exprobabam aliqua inconvenientia A. Koreccio, post quod ille cum ira abiit.

3. Были въ дворцѣ и у графа, потомъ обѣдали на Смолномъ дворцѣ у Журмана, где видѣлись и съ преосвященнымъ переяславскимъ Арсеніемъ Могилеанскимъ и отцемъ Пиканоромъ.

4. Переплетчику еще дано 20 коп. за оправу переводу Апологіи о вѣрѣ и придворного календара. Обѣдалъ у насъ Журманъ, а изъ ранку отправовалась публічная панахида въ крѣпости, въ церквѣ Петра и Павла, по цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ. Послѣ вечерень былъ зъ Гудовичемъ у графа Мойсѣя Владиславича.

5. Писалъ писма въ Киль: 1-е до отца Іова Чарнуцкого, чтобъ увѣдомилъ мене о сину моемъ, о его наукахъ, о поступкахъ, о квартерѣ и о денгахъ, 2-е до Алексія Долинского на его писмо, ко мнѣ отъ 30 марта писанное, и отосланы до отца Никанора, соборного монастира троецкого сергіевского, для отправленія при его писмахъ въ Киль.

Въ 7-мъ часу по полдни изъ нового зимного дворця изволила ея імператорское величество и ихъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, со всѣмъ придворнымъ штатомъ, имѣть свой публічный въ пребогатыхъ каретахъ переездъ до лѣтнаго дворця при пушечной изъ крѣпости и адмиралітейства палбѣ, въ препровожденіи гвардіи многихъ ездовихъ сержантовъ и нѣкоторого корпуса конной гвардіи.

Подписанъ указъ о гетманѣ.

6. За портретъ, тушевалною работою дѣланный на александрійской бумаги, государя великого князя Павла Петровича дано 1 р. 20 к.

7. Государиня изволила отъехать въ Царское Село.

8. За розцвѣченіе генералной россійской картины дано 20 коп.

9. Послѣ обѣда былъ у насъ Журманъ съ женою своею и доволно позабавились, тако-жъ сотникъ Ламанъ и Яскевичь.

10. Обѣдали у Журмана на Смолномъ дворѣ, куда при насъ пріехали войтъ нѣжинскій зъ капитаномъ Бараномъ и синъ войтовъ Ѳедоръ съ шваграмъ моимъ Александромъ Корецкимъ.—Государиня ночью изволила прибыть.

11. Былъ у насъ графъ Мойсѣй Владиславичь и сказовалъ, что пошлетъ своего человѣка въ Стародубъ съ писмами.

12. Дано поруччицѣ на шолкъ до шляпъ лѣтныхъ, кои велѣлъ ей для жены и дѣтей шить, 20 коп., за сѣрую бумагу до тихъ-же шляпъ 6 коп., за подошвы до сапоговъ 10 коп., за ганишъ и яловець 10 к.

13. Были на службѣ въ лѣтнемъ дворцѣ въ болшой церквѣ, потомъ въ салю болшую и къ графу заездили. За принесенный пакетъ отъ отца духовника, надписанный на мое имя, съ писмами ко мнѣ однимъ, а къ Александру Корецкому болшимъ пакетомъ отъ Якубовича, асаула генералного, заплатилъ 20 коп.

14. За шесть локоть ленты алой до предпомянутыхъ шляпъ 36 коп.—Рано былъ Гудовичь въ сенатѣ и освѣдомился, что указъ именной, сего мая 5-го числа подписанный, о избраніи гетмана нового въ сенатъ присланъ. Предъ обѣдомъ учителю Еміху по писму Скоропадского даны 20 рублей. Вечеромъ были у преосвященного псковского Сумона Тодорского, а потомъ и у Ѳедора Ивановича Коченевского.

Сего числа Александръ Корецкій отъехалъ до Кронштату.—Писалъ писмо въ домъ до жены и отдано графу Мойсѣю Владиславичу для отсилки въ Стародубъ при его писмахъ.

15. За набалдашникъ костяный дано 25 к., за нефть 11 к. Послѣ полудня былъ у насъ пріехавшій изъ Китаи Герасимъ Кириловичь Любартовскій и признался ко мнѣ съ свойствомъ. Шваге́ръ Александръ Корецкій возвратился изъ Кронштату.

16. Писаны письма, одни подъ вчерашнымъ, другіе подъ нынѣшнымъ числомъ, въ Глуховъ до Скоропадского, до Василевича и до Івана Гамаліи, да до Іосифа, въ отвѣтъ противъ ихъ писемъ, и включены въ одинъ пакетъ до Скоропадского.—Шляпы для жены и для дочери здѣланные прислала поруччиця.

17. За четири книжки латинскіе дано Політикѣ 1 р. 15 к.—Государиня отъѣхала.—Послѣ полдня были гости мушпенкъ Іванъ Андріановичь Вожжинскій и переводчикъ іностранной коллегіи Данилевскій съ женами, тако-жъ совѣтникъ Постелниковъ и маіоръ (*пропускъ*) поліцейскій.

18. Писма, подъ 16 числомъ писанные, включены въ пакетъ обозного генералного къ асаулу артилеріи обозной Карпѣки. Послѣ полдня проездили къ Ямской, а поворотясь заездили къ шваґру Александру Корецкому.—Іхъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, отъѣхать изволили въ Царское Село.

19. Послѣ полудня проѣжджались за Невскій монастиръ.

20. Писалъ письмо до отца Іоанна брата и до сина его Іосифа и въ коопертѣ, на Іосифово имя подписанномъ, включены писма отъ Гудовича и отъ мене до Скоропадского съ копією, которые вручены Грошевскому, значковому полку кіевского, да чрезъ него-жъ и требованіе зъ сената о копіахъ удостоеній Корецкимъ, и писма до полковника Ізволского и до подполковника Яблонского отпущены.

21. Оный Грошевскій отъехалъ.—Рано былъ у насъ секретарь Новоторжцовъ и нѣкоторый Потемкинъ, архимандритъ вятской епархіи, къ совѣтнику Демидову ради именинъ жены его Елени званныи.—Я обѣдалъ у Журмана въ Смолномъ дворцѣ, а также въ банѣ мылся.

22. Ради рожденія великого канцлера Бестужева-Рюмина многіе гости знатніе обоего пола у его кушали, въ томъ числѣ и Журманъ съ своею женою, а послѣ оны-жъ и у насъ на квартерѣ были.—Великій князь и великая княгиня прибыли въ С. П. Бурхъ и государыня ночью.

23. Рано были въ дворцѣ, гдѣ имѣлась авдіенція присланному отъ римского цесаря и цесаревой посланнику. У насъ обѣдалъ Журманъ, а по полдни зновъ отъехалъ весь дворъ імператорскій до Царского Села.

24. Передъ обѣднями ездили до князя Н. Ю. Трубецкого, который на два мѣсяци въ приморскій домъ уволенъ, да до князя Алексія Дмитріевича Голицина, а по полдни были у А. І. Головина, генерала інтенданта адмиралитейского.

25. Писалъ писмо къ сину въ Киль, подъ № 8-мъ, увѣщеваючи его, чтобъ часто къ намъ относилъся и для чего чрезъ корабль килскій тамошнего обывателя Кляуса Албрехта Віка, при шкиперѣ Гансте сюда прибывшій, не писалъ. Послѣ полдня былъ у насъ каморъ-лакей Милорадовичь и ужиналъ съ нами.

26. Оное писмо къ сину отдано секретарю Вінклеру для отправленія по почтѣ въ Киль. Отставному прапорщику Жидкову дано 10 коп.

27. Послѣ полудня ездили на Смолный дворецъ, а оттоль водою чрезъ Неву рѣчкою Черняткою и Малою Охтою для гуляня на дачу умершого генерала Ушакова съ Журманомъ и женою его ездили-жъ. Канцеляристу рекетмейстерскому Сорокину даны 20 коп.

28. Прошлои ночи и сегодня жестоко боленъ былъ на поносъ. Обѣдали у насъ переводчикъ Полѣтика и канцеляристъ Висоцкій.

29. Надъ вечери прибыли ихъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, въ лѣтный дворецъ.

30. Куплена Івану Рудому лакейская свита за 1 р. 30 к., да хлопцю Евфиму рубашки за—, штаны суконные за 30 к.

31. Поруччицѣ за роботу двоихъ шляпъ для домашныхъ нашихъ далъ 1 р.

Юнь.

1. Рано былъ у полковника Танского и взялъ у него книжку полскую Братковского. За книгу печатную въ академіи наукъ «Совершенное наставленіе дѣтей» дано 40 коп. Послѣ обѣда были у капитана преображенского полку гранадерского, князя Александра Александровича Меншикова, да у мушпенка дворцового Іоана Андріановича Вожжинского и у переводчика іностранной коллегіи Івана Андріевича Данилевского.

2. Послѣ полдня, за пріездомъ къ намъ Іліи Журмана, ездили въ академію наукъ для смотрѣнія электрическихъ экспериментовъ, которые намъ показивалъ профессоръ, а рано видѣли въ дворцѣ подлинный дипліомъ отъ покойного цесаря римского Карла VII, данный на достоинство графское Алексію Григоріевичу Розумовскому въ 1744 году.

3. За оправу книжки «Совершенного наставленія дѣтей»— 12 коп.

4. Государыня изволила прибыть въ С.П.Бурхъ изъ Гостилицы въ 4-мъ часу по полночи.—Купленъ колпакъ баволняный за 30 коп.

5. Были въ дворцѣ даже за полдень, а Гудовичъ рано у графа одинъ былъ и подалъ потребный меморіалъ. Пожалованъ дьякономъ пѣвчій Яковъ Алексіевичь Шубскій.—Куплена дюжина чашокъ фарфоровыхъ съ синѣми цвѣтами за 2 р. 90 к., за наконечникъ 5 коп.

6. Были также въ дворцѣ и благодарили графу за исходатайствованіе именного указа о гетманѣ. Григорій Політика получилъ писмо отъ своего брата изъ Киля и мнѣ оное обявлялъ.

7. Послѣ службы Божои и вечерни въ церквѣ Симеоновской были въ дворцѣ и у графа Алексія Григоріевича Розумовского съ поздравленіемъ нынѣшнего Пентекостіи праздника. За «Примѣчаній» 1733 году книжку далъ 1 р. 20 к.

8. Рано были всѣ трое у графа Кирила Григоріевича, потомъ на службѣ Божой въ дворцѣ. Государыня изволила слушать обѣдни въ церквѣ на Охтѣ и кушать въ Смолномъ своемъ дворцѣ, а у насъ обѣдали графскіе люди, въ томъ числѣ Іванъ Барановскій, камордиперъ, и мушпенкъ Дмитрій Воиновичъ.

9. Писалъ въ домъ къ женѣ, а въ Глуховъ къ Іосифу съ посилкою женѣ и дочерѣ Настусѣ шляпъ дамскихъ и 10 лимоній

свѣжихъ, за которые дано 35 коп., да до Скоропадского о отсилки тѣхъ писемъ и посилки. Такожъ писано къ сотнику мглинскому въ отвѣтъ на его писмо. Послѣ обѣда видѣлъся съ секретаремъ Вінклеромъ и былъ у преосвященного псковского.—Г. Скоропадскій женилъся на Марѳѣ Шираевнѣ Чернишевой.

10. Писалъ къ Іосифу съ посилкою писма изъ Киля до архимандрита новгородского Аѳанасія. Обѣдалъ у насъ Журманъ, а потомъ мы у него были до вечера на Смолномъ дворѣ.

11. Писма подъ числами 9 и 10 писанные, такожъ посилка шляпъ дамскихъ и лимоній вручены атаману заднѣпрского городка Архангелского Давиду Двиногродскому, который сего-жъ числа и отъехалъ почтою до Малороссіи.

12. Изволила государиня съ своимъ придворнымъ штатомъ отъездъ свой возъимѣть въ 12-мъ по полудни часу до Пітергофа при пушечной палбѣ изъ крѣпости и адмиралитейства болѣе ста выстрѣловъ.—Далъ шапку передѣловать шапочнику.—Іхъ імператорскіе высочества отъехали туда же 13 числа.

13. Рано былъ у его свѣтлости принца Августа, коадъютора высокаго штеота Любского и штатгалтера Голштинского и просилъ о призрѣніе на сина моего. Обѣдали и весь день пробавили у Журмана на Смолномъ дворцѣ. Писалъ до сина въ Киль подъ № 9 по почтѣ.

14. Обѣдали у насъ Ілія Журманъ и Яковъ Дмитріевичъ Рожевскій съ женами, да два студента изъ академіи и Григорій Політика, а потомъ были съ тими-жъ гостми, кромѣ студентовъ, у шваґра Александра Корецкого и у Петра Івановича Розумовского.

Украдено у мене въ избѣ часы серебряные старые.

15. Ночю противъ 16 числа немалый пожаръ былъ, казармы партикулярной верфи погорѣли.

16. Писаны писма въ Киль, одно до сина Василя, подъ № 10, о поездѣ принца Августа, о обхожденіи его тамъ честномъ, чтобъ онъ по окончаніи яко ни есть науки бралъ у профессоровъ аттестаты. о принятіи служителя помѣсячно или на четверть года, о посилки къ нему денегъ 60 червоныхъ чрезъ секретаря Кроза, о присилки вѣдомости о расходѣ прежныхъ денегъ, о отвѣтахъ отъ Вестфалена и Шлидендорфа и чтобъ отписовался ко мнѣ и къ матерѣ почаще, о посилки къ нему-жъ 3 слоиковъ закусокъ, молитвъ и вы-

писки о перегринаціи и феерверка Гостилицкого,—другое до отца Іова, чтобъ денги, посилаемые къ сину, принялъ въ свое содержаніе.

За золотникъ кончинелли 10 к., за слоикъ нефти 9 к.

17. Писмо къ сину, вчера писанное, и 60 червонныхъ, и закуски вручены секретарю его свѣтлости принца Августа Андрею Крозе. Сего-жъ числа въ 6 часу по полуночи графиня Евдокія Ивановна Чернишева по 14 дневной болѣзни преставилась. Были вечеромъ у совѣтника Постелникова, а оттуду пріехавши, занемогъ я на колку. Швагеръ Корецкій отъехалъ въ Пітергофъ.

18. Весь день лежалъ боленъ. За два пузирки еліксиру даны 12 коп. Въ 8 часу по полдни былъ виносъ тѣла графини Чернишевой до монастиря Невского.

19. Оной же графинѣ погребеніе было въ Невскомъ монастирѣ. Послѣ полудня посѣщалъ мене секретарь его свѣтлости принца Августа Іоанъ Андрей Кроузъ, завтра отселѣ съ камордиперомъ Андреемъ Гагертомъ и протчею его свѣтлости свитою имѣющый отъежджать до Кронштата, а оттуда купно съ принцомъ въ Голстинію. Возвратилъся швагеръ Корецкій изъ Пітергофа.

20. Писано писмо къ сину въ Киль, подъ № 11, чрезъ іеромонаха Невского монастиря Іосифа, отправляючогося на фрегатѣ, называемомъ Москва, на которомъ и принцъ Августъ отъедетъ, да чрезъ него-жъ и до отца Іова писмо, подъ 16 числомъ писанное, сообщено при меморіалѣ, о чемъ имѣетъ онъ сину и словесно отъ мене сказать.—Принцъ Августъ отъехалъ въ Пітергофъ.

21. Послѣ обѣда отправилъся въ Пітерьгофъ Гудовичь за общымъ дѣломъ и вкупѣ поехалъ туда съ Журманомъ, которій съ женою, туда едучи, заездилъ и до насъ.

22. Надъ вечеры былъ у графа Мойсѣя Владиславича, где видѣлъся и съ кияземъ волоскимъ Сергіемъ Дмитріевичемъ и съ докторомъ Кандоиды.

23. Послѣ полдня возвратилъся Гудовичь изъ Пітергофа, а мы изъ обознымъ были у генерала лейтенанта Радіона Михайловича Кошеліова.

24. Сержанту астраханского пѣхотного полку Іогану Рейсу позичилъ 4 р., а его застава—табакерка ясписовая и 8 камушковъ у мене осталось.

Предъ вечернями были у гвардіи измайловского полку маіора и генерала маіора Іосифа Івановича Гамфа и такъ о дѣлахъ нѣкоторихъ общыхъ, до военной коллегіи касающыхся, яко и о отпуску сержанта Горленка и о каптенармусу сибѣрского гварнізону Іоану Василіевичу сыну Мировичу представляли.

25. Послѣ полудня ездили на Василевскій Островъ и тамъ были у секретаря Новоторжцова, которого я просилъ и о дѣлѣ шваговъ моихъ Корецкихъ, взглядомъ удостоенія ихъ на дворы посполитіе.

26. Писаны писмы въ домъ до жены о томъ, что къ сину въ Киль посланы еще 60 червоныхъ чрезъ секретаря Кроза, да въ Глуховъ до Скоропадского о дѣлѣ графовъ Владиславичовъ и графини Борозновны и отданы для отсилки въ Стародубъ графу Мойсѣю Ивановичу.—За передѣлку шапки дано шапочнику 50 к.

27. По полдни въ 7 часу віехавъ изъ С.П.Бурха, прибыли въ мизу Головинскую графа А. Г. Розумовского и тамъ у Журмана ужинали и ночевали.

28. Рано прибыли въ Пітергофъ и по службѣ были у ручки великого князя и великой княгини, потомъ были въ Мемплезирѣ и клапялись государинѣ, и зъ графомъ и протчими господами видѣлись. Обѣдали у преосвященного Симона Тодорского, епископа псковского.

29. Передъ службою поздравляли великого князя съ тезоименитствомъ и у обоихъ были съ протчими у ручки. По обѣднѣ и молебствіи у отца духовника обѣдали, потомъ были въ салѣ большой, где балъ отправлялъся, а ужинали у стола государева въ Мемплезирѣ.

30. Рано были у графа и отклонились. Отъобѣдавъ же въ квартерѣ, отъехали изъ Пітергофа и прибывъ въ графскую Головинскую мизу, тутъ застали архіерея с.п.бурского, по которого отъездѣ мы тутъ и ночовали.

Юль.

1. Въ 10-мъ часу изъ мизы поехали, а въ С.П.Бурхъ прибыли по полдни въ 3-мъ часу.

2. Vacat. 3. Пріехалъ шваге́ръ Александръ Корецкій изъ Пітергофа.

4. Писмо къ сину въ Киль подъ № 12, а подъ числомъ юня 30-мъ на его въ отвѣтъ писанное, отдано секретарю Вынклеру для отсилки по почтѣ въ Голстинію. За оправу въ срѣбро трости зъ набалдашникомъ бѣлымъ дано золотарю 40 коп.

5. Рано былъ у мене секретарь Вынклеръ съ объявленіемъ писма, отъ ассесора Шлидендорфа къ нему о состояніи сина моего въ Килѣ писанного. По полдни былъ я съ Гудовичемъ у кофишенка Савлукова, где и священника церкви, что на Большомъ Конюшенномъ дворѣ застали.

6. Рано ездилъ до сенатора, князя Алексія Дмитріевича Голицина и о дѣлѣ напастномъ, отъ Соколовскаго затѣянномъ, розговоръ имѣлъ.

За сѣтку срѣбную до дитячой шапочки дано 1 р. 20 к., да еще розышлось на нѣкоторые потребности 28 коп. Грицку на его нужды дано 44 коп. Івану Рудому да хлопцю Евфиму на чоботи и другіе потребности 69 коп.

7. Обѣдали у насъ Журманъ и Рожевскій, бывшій управитель Смолного дворця.

8. Были на Василевскомъ Острову на биржѣ и на корабляхъ и тамъ купилъ двѣ gernali за 2 р. 50 к. Прибылъ въ С.П.Бурхъ Георгій Белецкій-Носенко и сталъ у насъ квартерою.

9. Vacat. 10. Писаны писма въ Глуховъ до племѣнника Іосифа, въ Грузкую до Чуйкевича, въ домъ до жены и приложены въ домъ же отъ шваграа Александра Корецкого и одъ Гудовича къ сожительницамъ ихъ. Войтъ нѣжинскій былъ у обозного генералного Лизогуба, а у мене канцеляристъ рекетмейстерскихъ дѣлъ Николай Ивановъ, у которого дѣло наше, по апелляціи писанное, и ему-жъ данъ отъ мене 1 р.

11. За ленту до часовъ, да до шапокъ женниной и дитячой— 24 коп. Писмо до сина писанное обширно, противъ донесенія Іоана Полѣтики и профессора Козіуса, отослано до секретаря Вынклера для отправки по почтѣ въ Киль, подъ № 13.

Великій князь и великая княгиня передъ вечеромъ, а государиня ночью изволили прибыть въ С.П.Бурхъ.

12. Были въ дворцѣ и по службѣ допущены къ ручкѣ государини и великого князя великой княгини, потомъ купно съ архіереями синодалними и съ протчими были у гр. А. К. Розумовского.

13. Рано были въ дворцѣ и просили графа о исходатайствованіи отпуску, токмо велѣлъ еще потерпѣть. Государиня изволила опять отъехать изъ С. П. Бурха.

14. Государь великій князь съ государинею великою княгинею отъехали въ Петергофъ. Господинъ обозный съ Гудовичемъ были у генерала аншефа, семеновского полку подполковника и кавалера Стефана Ѳедоровича Апраксина за Іваномъ Василіевымъ синомъ Мировичемъ [228]) съ прошеніемъ о опредѣленіи его въ гварнізонъ глуховскій.

15. Обѣдни слушали въ Невскомъ монастирѣ, а потомъ обѣдали у архіерея и архимандрита тамошнего, преосвященного Ѳеодосія Яновского, купно съ преосвященнымъ великопермскимъ Варлаамомъ, а оттоль возвратясь, занемогъ я на колку въ правомъ боку.

16 и 17 числа жестоко не домагалъ на колку-жъ. За книжку «Зерцало вности» дано переплётчику 20 к. Взялъ у Якова Дмитріевича Рожевского 150 рублей и на оные денги далъ ему писмо, такожъ о пріемѣ тихъ денегъ и до судіи енералного Якима Горленка писалъ. Сотникъ Андрей Горленко отъехалъ.

18. Изъ оныхъ денегъ далъ въ позыку шваґру моему Александру Корецкому сто рублей, а 42 р. и 40 к. вручилъ ему на покупку въ Москвѣ карети или берлина, да шоръ пари со всѣмъ и двохъ паръ скоржовыхъ пасовъ. Да у него шваґра за червоные 45 взятые даны ему 101 р. 50 к. Гудовичъ отъехалъ въ Петергофъ, которому вручилъ я и унѣверсалъ подлинный на Чаусы, и челобитную, и меморіалъ о жалованной грамотѣ.

19. Писма до жены въ домъ о посилки, чрезъ шваґра Александра посилаючейся, до шваґра Ѳедора Корецкого объ отъездѣ брата его отселя въ Москву, до управителя дому Толстыхъ Іосифа Яковлевича Красінского объ отдачи моихъ, у него имѣючихъся за 72 ведра вина, денегъ 57 р. 60 к. шваґру Александру на помянутіе покупки, изъ меморіаломъ тому-жъ шваґру оного Красінского

---

[228]) Повидимому, сынъ Вас. Ив. Мировича, отъ перваго его брака съ Анной Конст. Мокіевскою, Василій Мировичъ былъ сосланъ въ Сибирь около 1716 г. и тамъ женился въ другой разъ, оставивъ отъ этого брака сына Степана, о выѣздѣ котораго изъ Сибири говорится въ дневникѣ *19 августа*. Объ этихъ Мировичахъ см. Мазепа и Мазепинцы. стр. 690—695.

токмо о моихъ у него имѣвшыхся запасахъ, приложены и вручены Александру Корецкому, купно съ посилаючимися вещами и книгами въ домъ, которій, купно съ канцеляристомъ Максимовичемъ, и при немъ Степанъ Васильевъ синъ Мировичь, изъ Сибіра свобожденный, до Малороссіи послѣ полудня отъехали на наіомныхъ подводахъ, 3-хъ парахъ, пара по 12 р. 50 к.

20. Были съ г. обознымъ генералнимъ въ дворцѣ на службѣ Божой. Послѣ полдня былъ у насъ кофишенкъ Саблуковъ, а надъ вечеры возвратилъся зъ нѣчимъ Гудовичь зъ Петергофа.

21. За Библію полскую, въ академіи купленную, дано 1 р. 50 к. Въ прошедшыхъ числехъ на разные экспенси розышлось 76 к. За бумажный платокъ 38 к., за оправу книжки полской 10 к., за оправу зажигателного стекла въ дерево 25 к.

22. Яковъ Дмитріевичь Возжинскій у насъ обѣдалъ.

23. На писмахъ о нѣкоторомъ спорномъ гаю, сочиненныхъ отъ бунчукового товарища Василія Гудовича и Іліи Журмана, по прошенію ихъ обоихъ, я и обозный генералный Лизогубъ во свѣдителство подписались и печати приложили.

24. Писалъ къ женѣ о занятыхъ здесь денгахъ 150 р., чтобъ оные велѣла отдать въ Глуховѣ судіи енералному Горленку, и тамъ включилъ двѣ росписки за рукою шваграа Александра Корецкого, которому даны въ займы 100 рублей, да 42 р. 40 к. на покупки въ Москвѣ, и то мое писмо отослалъ къ Журману для отсилки по почтѣ въ Стародубъ.

Данъ отъ насъ пашпортъ жителю Стародуба Дмитру Зозулченку о свободномъ пропускѣ его до Глухова и о немъ-же писали до старшины енералной.

Писано отъ мене писмо въ Киль до отца Якова Чурнуцкого въ отвѣтъ на его писмо, якое получено мною чрезъ отца Пиканора. Івану Кухтику куплены двѣ сорочки за 73 к.

25. Обѣдали у Журмана на Смолномъ государини дворѣ и тамъ-же стрѣляніемъ зъ лука забавлялись.

26. Vacat. 27. Тоже. 28. Купленъ столикъ круглій на одномъ столпику, дано за оный 36 коп. Секретарь Новоторжцевъ рано былъ у насъ.

29. Писано писмо въ Киль до Івана Політики на его писмо ко мнѣ о состояніи и всякихъ прогрессахъ сина моего писанное,

где приложена цедула и о дуеллѣ, чтобъ объ ономъ обстоятелно мене увѣдомилъ. Писалъ и до сина тожъ за № 14, строфуючи его о его шалостяхъ, и къ нему-жъ включилъ книжку «Зерцало юности».

30. За шматокъ гатласу блакитного и шолку золотникъ дано 35 коп.—Проезжались изъ Гудовичемъ за нѣсколко верстъ отъ города.

31. Писаны писма въ Глуховъ до Іосифа, въ Левенку до шваграа Александра Корецкого, а въ Товкачеву до тамошнего старосты Іліи Паленского чрезъ прилуцкого жителя Івана Котлярева, о которомъ отъ обозного енералного и отъ мене писано особливо до генералной старшины, въ енералной канцеляріи присутствующыхъ.

Августъ.

1. Послѣ полдня, около вечерень, іхъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня прибыли изъ Пітергофа до С. П. Бурха въ лѣтный дворецъ.

2. Около полуночи противъ 3 числа изволила ея імператорское величество со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ прибыть изъ Пітергофа въ свой лѣтный дворецъ до Санктъ-Пітеръ-Бурха при пушечной палбѣ.

4. Послѣ обѣдень были мы всѣ трое въ лѣтномъ государыни дворцѣ. По полдни былъ у мене секретарь Вынклеръ съ женою своею и у насъ былъ еще Ілія Журманъ.

4. Рано были въ дворцѣ и графу поздравляли щастливого возвращенія изъ Пітергофа.—Писано отъ мене писмо къ ассесору Шлидендорфу въ Киль, на его ко мнѣ писмо въ отвѣтъ, по латинѣ, кое сочинялъ Еміхъ.

5. Писма въ Киль, подъ разными выше-означенными числами, до сина, до отца Іова, Івана Політики и до ассесора Шлидендорфа для отправленія ихъ туда, въ Киль, отосланы чрезъ Грицка до секретаря Вынклера, а писма, въ Глуховъ и въ Козелецъ и въ Товкачовку писанные, вручены жителю прилуцкому Івану Котляреву.

6. По милости Божіей удостоился святого причащенія въ обители Невской, по отправленной тамъ же исповѣди предъ отцемъ намѣстникомъ Софроніемъ.—Въ лѣтномъ дворцѣ по отправленномъ набоженствѣ трактовани были обѣдомъ гвардіи преображенского полку

штабъ и оберъ офіцери ради праздника Преображенія Господня. Надъ вечери былъ весь дворъ и многіе господа въ комедіалномъ домѣ на комедіи.

7. Куплены Івану Рудому штаны замшевые за 70 коп.

8. Послѣ обѣда былъ у мене секретарь Вынклеръ и пѣвчій дворцовый (*пропускъ*), которій у мене же отобралъ полскую книгу Гвагнина.

9. Были на обѣдни въ дворцѣ, потомъ въ салѣ и у графа, да въ дворцѣ-жъ по полудни былъ куртажъ.

10. Рано я и Гудовичь были у графа и имѣли нужные розговоры, и о справѣ своей, где засталъ насъ баронъ Іванъ Антоновичь Черкасовъ и Василій Івановичь Демидовъ. Послѣ полдня были у насъ графъ Мойсѣй Владиславичь и Ѳедоръ Коченевскій.—За ключикъ до часовъ дано 4 коп.

11. Были всѣ трое въ дворцѣ. Оберъ-комендантъ с. п. бурхскій, генералъ лейтнантъ Стефанъ Лукичь Игнатьевъ, въ сихъ числахъ, именно 7, скончавшійся, погребенъ.—Протопопъ борзенскій, отца духовника братъ, а при немъ и мѣщанинъ воронежскій Кадигробъ отъехали 13 числа до Малороссіи. Наши были на комедіи, а у мене сидѣлъ коллегіи іностранной переводчикъ Данилевскій.

12. Были всѣ трое въ дворцѣ и толко видѣли графа изъ поліованя возвратившогося.

13. Тако-жъ во дворцѣ изъ ранку были и тамъ видѣлись съ архіереемъ псковскимъ, а въ вечеру была комедія въ комедіалномъ домѣ.

14. Vacat. 15. Государиня изволила слушать обѣдни въ церквѣ казанской, а послѣ полудня отъехать до Царского Села.

16. По обѣдѣ и іхъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, туда же отъехали. Надъ вечери были мы всѣ трое у графа Александра Ивановича Румянцова за дѣломъ о денгахъ, въ полки чернѣговскій и стародубовскій доводячихся за ставленный въ Кіевъ провіантъ.—Княгиня Черкаская, умершого канцлера жена, преставилась.

17. За 8 аршинъ полсукенка дано 2 р. 64 к., за 10 аршинъ крашенины 50 к., за баволну 33 к., на шолкъ 12 к., на протчее $8^1/_2$ к.

Послѣ обѣда былъ у насъ Журманъ съ женою своею и требовалъ у мене, чтобъ отпустилъ я дипліомъ свой и печать, понеже де ему по именному указу имѣетъ быть дана изъ сената грамота на пожалованные маетности.

18. Рано всѣ трое ездили до князя Алексія Дмитріевича Голицина, сенатора, за дѣлами о седмомъ полку и о денгахъ полку стародубовскому и чернѣговскому за провіантъ въ Кіевѣ ставленный доводячихся.—Далъ кафтанъ шить изъ черкески зеленой, за которой митье дано 5 коп.

19. Я былъ рано въ новомъ зимномъ дворцѣ, потомъ зъ Гудовичемъ у пѣвчого Головнѣ.

20. По полднѣ былъ зъ Гудовичемъ у генерала рекетмейстера Івана Івановича Дѣлова и о присланномъ дѣлѣ напастномъ отъ Соколовского просилъ.

21. Въ 11-мъ часу предъ полднемъ выносъ былъ умершей княгини Маріи Черкаской, зъ дому Трубецкой, князя Юрія Юріевича дочери, а князя Алексія Михайловича Черкаского, канцлера бывшого, жены.—Послѣ полдня проезжались зъ Гудовичемъ до Калинкина мосту, а оттоль возвращаясь, были въ загородномъ надъ Фонтанкою домѣ гр. Лестока и тамъ преизрядно здѣланные пруды, каналы и ново заведенный садъ осматривали.—Іхъ імператорскіе высочества возвратились изъ Царскаго Села.

22. Послѣ обѣда былъ у насъ полковникъ бывшій нѣжинскій Іоанъ Божичь, который прибылъ въ С. П. Бурхъ сего теченія 19 числа, а рано явилъся у насъ Гречка, откупщикъ циганской, вчора прибывшый.

23. Сундучокъ дубовый купленъ за 55 коп.—Ночью государыня изволила прибыть изъ Царскаго Села.

24. Весь день и до полуночи великая изъ моря была непогода, отъ чего и наводненіе не малое имѣлось.

25. Были рано въ дворцѣ всѣ трое, где при насъ и полковникъ Божичь графу А. К. Розумовскому кланялся впервые и подалъ нѣкоторое писмо. Вечеромъ были на комедіи въ комедіалномъ домѣ.—Освящена церковь пресв. Богородицы владимірская деревяная.

26. Во оной же церкви на службѣ Божой, ради храма въ ней празднуемого, изволила быть государиня, а потомъ кушать въ домѣ загородномъ камеръ-юнкгера Сиверса.

27. Послѣ обѣда были у мене учители французского языка Сужи и Емѣхъ.

28. Около 12-го полуденного часа будучи у графа, когда тамъ государиня виходила, то между прочими и мы были у ручки, где тогда-жъ былъ и архіерей с. п. бурхскій ради слѣдующаго кавалерского Александра Невского праздника съ докладомъ.

29. За оковку дубового сундучка дано 45 коп., за оправу полской библіи 50 к.

30. Въ 11-мъ часу предъ полуднемъ государиня и кавалери св. Александра Невского ехали церемоніально, по прошествіи церковной процессіи, до монастира Невского, гдѣ по отправленномъ набоженствѣ обратно также ехали до летного дворца и тутъ кушали кавалери съ государинею и при столѣ два раза палено изъ пушекъ.

Сего-жъ числа Іванъ Васильевъ Мировичь зъ Самойловичемъ отъехали до Малой Россіи, чрезъ которыхъ и Емѣховы писма до Скоропадского и до Кондзеровского отпущены, и оному-жъ Мировичу зъ общыхъ денегъ на дорогу даны 5 рублей.

31. На службѣ Божой были въ церкви мученика Пантелеймона, потомъ въ дворцѣ у графа и представляли ему не токмо о давныхъ, но и о новыхъ нуждахъ общыхъ.—Вечеромъ былъ у насъ Ѳедоръ Коченевскій.

Септеврій.

1. Рано ездили всѣ трое до сенатора графа Шувалова за дѣлами о денгахъ, полку чернѣговского и стародубовского обывателемъ за провіантъ въ кіевскіе и другіе магазины 1736 году ставленой надлежащыхъ, да о ново-розставленныхъ коло Малой Россіи таможняхъ.

Вчера были у насъ въ квартерѣ генералъ-лейтнантъ и бывшый сталь-мейстеръ Радіонъ Михайловичъ Кошелевъ съ синомъ, да генералъ-провіантъ-мейстеръ лейтнантъ Горчаковъ и брегадиръ Аксаковъ.—За пошите зъ черкески зеленои кафтана дано кравцю 60 коп.

2. Рано ходилъ Гудовичь къ графу Розумовскому съ челобитною, сочиненною о дѣлахъ малороссійскихъ, въ докладъ госуда-

ринѣ отъ сената взнесенныхъ, и имѣлъ съ нимъ розговоры.—За книжку «Басни Езоповы» дано 12 коп.

Далъ шить кунтушикъ короткій подъ футро; кравцю и ему-жъ на шолкъ и нитки дано 20 коп.

3. Въ Невскомъ монастирѣ былъ на службѣ, потомъ у префекта тамошнего семинаріумъ и отдалъ ему 2-й томъ Maximae Bibliothecae.—Сочинили писмо къ графу просителное о исходатайствованіи по дѣламъ нашимъ общимъ резолюціи милостивой и нашего отпуску. Секретарь Вынклеръ безъ мене пріездилъ на мою квартеру и привезъ ко мнѣ писмо отъ сина зъ Киля.—Надъ вечери ездили въ дворецъ и поздравляли графа завтрешнымъ тезоименитствомъ ея імператорского величества.

5. Рано были съ тимъ-же поздравленіемъ у графа Алексія Дмитріевича Голицина, у канцлера графа Бестужева, у князя Никиты Юрьевича Трубецкого и у оберъ-маршала Шепелева; потомъ въ дворцѣ по службѣ были у государини и у великого князя и великой княгинѣ въ ручки. Обѣдали въ квартерѣ, а въ вечерѣ знову были въ дворцѣ въ салѣ, где и на иллюминацію смотрѣли.—Сего-жъ числа нѣсколко персонъ перемѣнено чинами и жаловано кавалеріею ордина св. Александра Невского.

6. Едучей въ вечеру государини на комедію подали въ дворцѣ лѣтномъ челобитную о дѣлахъ нашихъ общыхъ, а самы уже на комедіи не были, понеже ложа наша замкнута была.

7. Весь день графъ былъ на охотѣ, и мы дважды ездили въ дворецъ, но его не получили.

8. Рано подали графу писмо, отъ насъ написанное о тихъже общыхъ малороссійскихъ дѣлахъ, о коихъ и государинѣ челобитная подана.—Ея імператорское величество изволила быть на обѣднѣ въ церкви казанской ради праздника Рождества пресв. Богородицы. Вечеромъ былъ въ дворцѣ маскарадъ.

9. Послѣ полдни ездилъ Лизогубъ къ Новоторжцову и взялъ маппу, о полкахъ малороссійскихъ сочиненную.

10. Въ вечеру была комедія въ оперномъ домѣ, где и государиня и ихъ высочества быть изволили.

11. Послѣ полдня государиня отъехала въ Гостилицю, а вечеромъ былъ у насъ Ѳедоръ Івановичь Коченевскій.—Писалъ до сина въ Киль, подъ № 15, на его писмо.

12. Званныи къ генералу лейтнанту и кавалеру, президенту статсъ-конторъ коллегіи, Петру Михайловичу Шипову, обѣдали у него въ домѣ, на Василіевскомъ Острову, въ четвертой лѣніи, а отъ него заездили къ секретарю Новоторжцову и до генерала провіантмейстера лейтнанта, Івана Алексіевича Горчакова.

13. На Петербургскомъ Острову, на Карповцѣ, въ лѣтнемъ домѣ архіерея новгородского, архіепископа Стефана Каліновского обѣдни слухали въ домовой церкви и у его-жъ обѣдали съ архіереями Яновскимъ с. п. бургскимъ, и вятскимъ, да съ учителями невскими и протчими, и весь день пробавили; потомъ въ квартеру нашу привезены его-жъ архіерейскою шлюпкою.

14. Изъ квартери никуда не бывали.

15. Денги кормовые за мѣсяцы прошедшіе, юль и августъ, 200 рублей, изъ Ренгереи привезенные, я въ мое завѣдываніе принялъ.

16. Рано былъ и обѣдалъ у насъ Журманъ, и при немъ-же привезъ канцеляристъ Михайло Домбровскій писма ко мнѣ зъ парою рубашокъ, а Гудовичу съ декоторою присилкою зъ домовъ.

16. Куплены для Скоропадского десять, а для дому моего десять штукъ бумажныхъ обоевъ для будинку, всякая штука по 90 к., и того за всѣ дано 19 рублей, да за вахляръ или вееръ дано 1 р.

Вечеромъ былъ г. Лизогубъ у віце-адмирала Головина бѣдкаться одинъ.

18. Чрезъ отъехавшого сотника, лохвицкого бывшого, Івана Івановича посланы бумажныхъ шпалеръ девять штукъ до Скоропадского въ Глуховъ, за 9 р. 60 к. купленные, при писмѣ подъ завтрешнымъ числомъ писаннимъ, где и о Еміху приложена цедула, которій у насъ обѣдалъ.

19. Былъ я воспріемникомъ, съ женою секретаря штатсъ-конторы Якова Василіевича Пушкина, Сарою Макаровною, новорожденному сыну Никитѣ канцеляриста сенатского, Якова Тимофіевича, которого жена именуется Акилина Николаевна; по окрещеніи оного младенца въ церквѣ Воведенія пресв. Богородицы на Петербургскомъ Острову тамъ-же у нихъ съ г. обознымъ Лизогубомъ обѣдали. Кума мене дарила платкомъ шолковымъ, а я оную вееромъ, до якого за ленту дано 20 коп., да при крещеніи розышлось 70 к.; бабѣ даны 50 коп.

20. Послѣ обѣда были у насъ племінники графскіе, Михайло Власиевичь и Василь Евфимовичь [229]), и синъ Якубовичовъ, Александръ, съ учителемъ своимъ Носкомъ. Г. обозный для ловлѣ рибы ездилъ на Смолный дворецъ и тамъ у Журмана вечерялъ.—Родѣлѣ кумѣ отослалъ водки и закусокъ слоикъ украинскихъ, а крестному сину крестикъ іеросолимскій.

21. Куплено холста 11 аршинъ на ночную рубашку за 44 коп.

22. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского и до Іосифа племенника, да въ домъ до жены и до сина Івана уставомъ, и приложено къ женѣ писмо отъ Гудовича, до его-жъ сожительницы надлежащое въ Івантенки и отосланы оные писма на почту сенатскую.—Обѣдали у насъ кіхенпрадберъ дворцовый Ѳедоръ Стефановичь Головатой и канцеляристъ войсковый Свѣрскій, которій приписовалъ государини прошлого году въ день тезоименитства картину съ рифмами и поздравленіемъ.

---

[229]) Перваго фамилія—Будлянскій, а втораго—Дараганъ, оба сыновья сестеръ Разумовскихъ. Михаилъ Васильевичъ Будлянскій былъ женатъ на единственной дочери генеральнаго есаула Петра Валькевича и въ 1783 г. за нимъ числилось собственныхъ крестьянъ, кромѣ жениныхъ, 6612 д. мужчинъ и женщинъ. У него было два сына, Алексѣй и Петръ, которые оба умерли безпотомными. Старшій, Алексѣй, отличался ужасною толстотой (см. о немъ Зап. Черн. губ. стат. ком., т. II, стр. 146) и умеръ 27 декабря 1818 г. въ Кіевѣ, сойдя кровью отъ лопнувшей вены на животѣ. „Сказуютъ, что отъ жиру и пресыщенія случилось это", читаемъ въ одномъ частномъ письмѣ того времени; „хорошо его хоронили, самъ митрополитъ былъ и разрѣшительную молитву читалъ; поминовенія дѣлали, бѣдныхъ награждали, вездѣ посылали заключеннымъ и больнымъ... Сыскали 46 тыс. при немъ". Василій Ефимовичъ Дараганъ былъ старшій сынъ Ефима Ф. Дарагана, кіевскаго полковника, умершаго въ 1762 г. и оставившаго трехъ сыновей: Василія, Ивана и Григорія. Старшій, Василій, въ 1757 г. былъ маіоромъ „Ораніенбаумскаго гарнизона", находившагося въ непосредственномъ подчиненіи у великаго князя, наслѣдника престола, который имѣлъ право личною властью производить въ чины офицеровъ этого гарнизона", при чемъ патенты выдавались имъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ 1762 г. Василій Дараганъ былъ камергеромъ, а въ 1774 г. генералъ-поручикомъ. Младшіе его братья, Иванъ и Григорій, будучи въ 1762 г. секундъ-ротмистрами гвардейскаго конного полка, въ то же время находились „въ наукахъ въ иностранныхъ государствахъ". Этимъ тремъ братьямъ принадлежали: м. Борисполь, села: Семиновка, Рудня, Рудьковка, Мостища, Глубокое, деревни: Святое, Опанасовъ, Перегудовка, Сухинка и Даневка и хутора Вѣтровка и Михайловщина. Послѣдній хуторъ былъ названъ по имени Михаила Матвѣевича Хераскова, автора Россіады, у отца котораго Ефимъ Дараганъ купилъ Семиновку, Мостища, Рудню и друг. Всѣ сыновья Ефима Дарагана умерли безпотомными.

Съ сего числа явилась на правой ногѣ болѣзнь, называемая рожа, для которой лежалъ всѣ дни слѣдуючіе и употреблялъ всякіе той болѣзни способствующіе вещи.

За картину малороссійскую, у норимберцовъ купленную, дано 20 коп., а за феерверкъ, бывшый въ Гостилицѣ сего сентября 17-го, дано 20 к.

25. Государиня изволила прибыть въ С. П. Бурхъ ночью.

Протчіе всѣ сего мѣсяца числа въ помянутой болѣзни пролежалъ.

Октоврій.

1. Рано явился ко мнѣ прибывшый зъ Голстиніи, изъ Киля. Алексій Долінскій и доносилъ мнѣ о сыну моемъ и о его поведеніи.—Послѣ полдня, въ присутствіи ея імператорского величества и ихъ імператорскихъ высочествъ, былъ спускъ корабля о 99 пушкахъ, названного Захарія и Елисавеѳъ.

2. Оный-же Долінскій принеслъ мнѣ сиръ Голстинскій и у насъ обѣдалъ.

3. Писалъ до сина въ Киль подъ № 16, строфуючи его, для чего онъ ни чрезъ іеромонаха Невского, ни чрезъ Долінского ко мнѣ не писалъ и на прежніи мои писма точно не отвѣтовалъ. Да до секретаря Кроуза по латинѣ писалъ-же, и писмо отъ отца Никанора, до отца Іова писанное, приложено въ пакетѣ до того-жъ секретаря и отосланы къ секретарю Вынклеру для отправленія по почтѣ до Киля. За футлярика оправу до карманныхъ часовъ—40 к.

4, 5 и 6 числа продолжалась моя болѣзнь и ножная, и зубная.

7. Рано г. Лизогубъ и Гудовичъ ездили до князя Никиты Юріевича Трубецкого за дѣлами о деньгахъ за ставленный въ Кіевѣ провіантъ, о селахъ артиллерійскихъ и о собственномъ г. Лизогуба дѣлѣ, взглядомъ награжденія маетностями. Янушкевича челобитная о арестѣ добръ его докладована въ сенатѣ.

8. Вечеромъ ездили г. Лизогубъ и Гудовичъ къ отцу Дубянскому духовнику, но съ нимъ не видались.

9. Посланъ Грицко до кума Якова Тимофіевича съ поздравленіемъ тезоименитства и съ обсилкою хлѣбомъ и водкою, а къ кумамъ съ яблоками. Георгій Белецкій-Носенко, шваге́ръ Василія

Гудовича, отъехалъ во свояси изъ С.П.Бурха[230]). Розышлось на дробязки 12 к.

10. Въ 12-мъ полуденномъ часу изволила ея імператорское величество и ихъ імператорскіе высочества со всѣмъ придворнымъ штатомъ переехать изъ лѣтного дворца въ зимный большый дворецъ при пушечной изъ крѣпости и зъ Адмиралитейства палбѣ. Обѣдали у насъ протопопъ роменскій и капитанъ поручникъ Василій Марковичъ.

11. Рано ездили г. Лизогубъ и Гудовичъ первой разъ въ зимный дворецъ. Сего числа весь день изъ моря была жестокая погода, а съ полдня даже до 10-го часа ночи превеликое продолжалось наводненіе.

12. Послѣ полдня былъ у насъ пѣвчій Богушъ съ обявленіемъ, что вчера родились ему синъ Дмитрій и дочь Параскевія, двойни, и звалъ до себе откушать въ день крестинъ. Сего-жъ числа випалъ снегъ немалый.

13. Былъ рано у мене Іванъ Федоровъ Ярошевичъ и простился, отежджаючи въ Украину, которому данъ указъ зъ Габінету о опредѣленіи его къ какому мѣсту по разсмотрѣнію генералной канцеляріи, и ему-жъ дано жалованя 300 р.; чрезъ него-жъ писалъ писма въ Глуховъ до Скоропадскаго, а въ домъ до жены, ознаймуючи о себѣ и о сину, по полученному изъ Киля чрезъ Алексія Долінского извѣстію.

14. Послѣ полдня посѣщали насъ г. Горчаковъ и Ѳедоръ Івановичъ Кочеревскій. Писма получили сего числа чрезъ нарочного куріера Калугина изъ Глухова, которій присланъ съ представленіемъ въ сенатъ о мужикахъ фоевскихъ, возмутившихъся на Петра Чорнолуского.

---

230) Прилуцкій полковникъ Иванъ Носъ былъ женатъ на вдовѣ какого-то Ивана Бѣлецкаго, у которой отъ брака съ послѣднимъ былъ сынъ Иванъ; сынъ послѣдняго Петръ, прилуцкій хоружій, сталъ писаться Бѣлецкимъ-Носенкомъ, на томъ основаніи, что единственный сынъ Ивана Носа дѣтей мужескаго пола не оставилъ. Георгій Бѣлецкій-Носенко былъ сынъ Петра; сестра его Анна въ первый разъ была въ замужествѣ за господаремъ Скоропадскаго Иваномъ Даровскимъ, а второй разъ за Василіемъ Андреевичемъ Гудовичемъ, отцемъ извѣстнаго фельдшаршала.

15. Отосланъ пакетъ къ оберъ-постъ-директору Ашу отъ Скоропадского, съ включенными въ немъ письмами къ дѣтямъ его, до Вроцлавя надлежними, и до тихъ-же дѣтей Скоропадского я и отъ себе писалъ и послалъ на почту къ отправѣ до Вроцлавя Сего-жъ числа писалъ о томъ въ отвѣтъ и до Глухова къ Скоропадскому, и до племѣнника Іосифа на ихъ вчорашные писма, и отослалъ до помянутого Ярошевича.

16. Былъ Гудовичъ въ военной коллегіи стороны седмого полка и волоского и тамъ надлежащіе справки чинены.

17. По імператрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ была панахида, понеже она сего числа въ 1740 году преставилась.

18. Послѣ болѣзни первый разъ віехалъ зъ квартири и былъ въ зимномъ дворцѣ въ палатахъ, такожъ и у графа, а по обѣдѣ г. Лизогубъ съ Гудовичемъ ездили до князя Н. Юр. Трубецкого.

19. Сенатъ сталъ засѣдатъ на сей сторонѣ въ домѣ каменномъ дворянина Григорія Михайловича Любисткова надъ Мойкою. Въ сихъ числахъ, а именно 16-го, преставшемуся статскому совѣтнику, Петру Василіевичу Курбатову, въ іностранной коллегіи засѣдавшему, былъ сего числа виносъ къ погребенію. Государыня изволила отъехать въ Царское село. Обѣдалъ у насъ полковникъ Божичъ.

20. Рано была у меня вдова поруччиця, челобитствуючая на Семенова, засѣдаючого въ судѣ генералномъ, которій у неи отнялъ деревню. Да по службѣ были г. Лизогубъ и Гудовичъ у канцлера. графа Бестужева-Рюмина, а по полудни всѣ трое мы ездили на Смолный дворецъ и тамъ первей были на рибной ловлѣ, а потомъ и ужинали.

21. Оная-жъ поруччиця, умершого поруччика Андрея Мартинса жена, Евфимія Прокофіева, дочь Чаплигиныхъ, позичила у мене денегъ 1 р. Отданъ сундучокъ дубовый на Смолный дворъ для обмаліованя. Въ вечеру былъ у насъ главнаго коммиссаріата и провіантской канцеляріи прокуроръ Петръ Михайловичъ Николевъ и въ ночь до 9-го часа сидѣлъ.

22. Ради завтрешнихъ именинъ своихъ обозный генералный Яковъ Лизогубъ справлялъ за общіе деньги обѣдъ знатный, на которомъ постороннихъ болѣе никого не было, кромѣ Іліи Жур-

мана[331]), попа Андрея Барановскаго и дякона церкви Семіоновской, и полковника Василія Танского. Митрополитъ кіевскій Рафаилъ Заборовскій преставился въ Кіевѣ.

23. Послѣ обѣдни былъ у насъ секретарь сенатскій Новоторжцовъ и поздравлялъ г. Лизогуба (которому отъ рожденія, по его сказкамъ, началъся отъ роду 73-й годъ) тезоименитствомъ его.

24. Випалъ ночью небольшій, а днемъ великій снѣгъ, и стала зима. Иноземцю одному, который очень изрядно по латинѣ говоритъ и мѣста себѣ къ наставленію дѣтей ищетъ, милостини далъ 1 р. зъ общихъ денегъ.

25. Рано отосланы секретарю Вінклеру 3 помаранци, а по обѣдни были въ дворцѣ, понеже государыня пріехать ночью изволила.

26. Ездилъ рано Гудовичъ до князя Н. Юр. Трубецкого и въ сенатъ за дѣломъ о заплатѣ денегъ обывателямъ полковъ чернѣговского и стародубовскаго, въ томъ числѣ и Брянченину Чамову, якое дѣло въ сенатѣ и слушано. Обѣдалъ у насъ отпущенный изъ конной гвардіи рейтаръ, малоросіянинъ, глуховскій житель Юркевичъ и показовалъ данный себѣ изъ полковой канцеляріи абшитъ. За два фейверки въ Гостилицѣ, прошлого году въ мартѣ, а сего въ сентябрѣ бывшіе, дано 40 к. На другіе росходы пошло 50 к.

27. Обѣдали у насъ сенатскіе оберъ-секретаръ Павелъ Васильевичъ Севергинъ и секретаръ Новоторжцевъ; потомъ у насъ-же былъ Горчаковъ и до позна въ ночь сидѣлъ.

28. Рано я съ Гудовичемъ въ дворцѣ былъ. По обѣдѣ былъ у насъ Іванъ Стефановичъ Барановскій съ объявленіемъ, чтобъ мы побували сегодня или завтра у графа, почему вечеромъ и ездили въ дворецъ, но, не получа времени, заехали къ полковнику Божичу, а потомъ къ секретарю Вінклеру, где и пастора, шваграа его, застали, называемаго Трефорта.

---

[331]) Илья Васильевичъ Журманъ, въ это время бунчуковый товарищъ, въ 1756 г. назначенъ былъ, по именному указу, генеральнымъ судьею. На этомъ мѣстѣ онъ оставался до конца гетманства Разумовскаго, а при Румянцевѣ, сохраняя тотъ же чинъ, завѣдывалъ генеральнымъ судомъ до его закрытія. При открытіи въ Малороссіи намѣстничествъ, Журманъ былъ назначенъ новгород-сѣверскимъ губернаторомъ. Умеръ онъ въ 1783 г. бездѣтнымъ. Имѣнія его перешли, по уступочному акту наслѣдниковъ Журмана, къ Гудовичамъ.

29. Одинъ Гудовичъ рано ездилъ до графа и, бывъ у него, докладивалъ о дѣлахъ и нуждахъ нашихъ, да съ нимъ-же былъ я у Носка, потомъ въ военной коллегіи и до сенату ездили; заходили къ иноземкѣ Катеринѣ Івановнѣ, которая желаетъ ехать до насъ въ Украину для обученія дѣтей по нѣмецку и въ женскихъ рукодѣляхъ.

30. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского о іноземцу, родомъ изъ Риги, Якову Бееру, желающему быть надъ деревнями его економомъ, о отвѣтѣ на Еміхово писмо и о челобитныхъ моихъ на Кишинского поданныхъ, до жены въ домъ о іноземкѣ, къ дѣтямъ нанятись намѣренной, да въ Москву до управителя дому Толстыхъ, Красінского, о присилки трохъ барилецъ водки моей и простого вина 11 вѣдеръ и сала, и отправлены оные писма чрезъ солдата глуховского гварнизона Калугина. На Смолный дворъ для обмаліованя сосланъ круглій столикъ. Въ вечеру были у насъ генералъ-лейтнантъ и кавалеръ Петръ Михайловичъ Шиповъ, полковники інгермоландского пѣхотного полку Дмитрій Івановичъ Кочотъ, да Мордвиновъ и морскіе офицери два, въ томъ числѣ одинъ князь Волконскій.

31. Дано сундучокъ дубовый новый до окована и кузнецу дано въ задатокъ 15 к. Іванъ Ярошевичъ откланювалъся при отъездѣ, а съ нимъ и Ялодкій отъехалъ. Полковникъ кіевскій Михайло Танскій умре.

Ноеврій.

1. Рано были всѣ трое въ дворцѣ, а послѣ обѣда я зъ Гудовичемъ перво были у переводчика коллегія иностранной Івана Андріевича Данилевского, потомъ у Герасима Кириловича Лібратовского, что съ караваномъ государевымъ изъ Китаю пріехалъ, где были и духовникъ государыни и Ілія Журманъ, и уже въ 10-мъ часу пріехали въ квартеру.

2. Секретарь Вінклеръ былъ у мене рано и привезъ двѣ писмѣ, 1-е отъ сина, другое отъ отца Іова зъ Киля. Обѣдали у мене канцеляристъ Яковъ Тимофіевъ Воронецкой и Деружкинъ.

3. Писалъ писма—въ домъ до жены, ознаймуючи о сину Василю, что отъ него получилъ вчора писмо, другое до сина въ Киль,

подъ № 17-мъ, на его письмо въ отвѣтъ, зъ многими увѣщаніами, и отослано для отправы до секретаря Вінклера. Нева стала ночью изъ 2-го числа. Въ вечерѣ былъ я съ Гудовичемъ у преосвященного псковского Симона Тодорского и въ дѣлахъ своихъ помощи просили.

4. Рано были въ дворцѣ у графа, потомъ у Григорія Любисткова, а послѣ полдня я съ Гудовичемъ ездилъ на Смолный дворъ и тамъ у Журмана вечеряли, а безъ насъ у г. Лизогуба былъ войтъ нѣжинскій. Сего-жъ числа свадба была въ дворцѣ камеръ-юнкера Михаила Івановича Софонова.

5. Изъ дворця заходили рано къ Ѳедору Івановичу Кочеевскому. Банкетъ былъ въ дворцѣ для той-же Софонова свадбы.

6. Вечеромъ былъ у насъ ассесоръ китайского каравана Лібратовскій съ однимъ офицеромъ, который въ Пекинѣ былъ 17 лѣтъ и учился тамошныхъ языковъ и писменъ, а посланъ онъ былъ изъ московской школы, что называется Сухарева Башня. Лібратовскій сказовалъ, что полконикъ кіевскій умре.

7. Писаны писма въ домъ до жены съ посилкою 10 штукъ бумажныхъ обоевъ и о томъ-же до Іосифа въ Глуховъ, да до шваграа Івана Гамалія чрезъ племенника его Івана Іванова сина Гамалію.

8. Послѣ службы, въ церквѣ придворной слушанной, званы отъ іменинника Михайла Василіевича Стогоровича къ нему на обѣдъ и у него купно съ другими, а именно: полковникомъ Божичемъ, Параскевичемъ, войтомъ нѣжинскимъ Тарнавіотомъ, обѣдали и до ночи проседѣли.

9. За «Новый Завѣтъ» французскій и за лекціи Еміху даны 1 р. 10 к. За роботу шубки короткой портному дано 60 к., кромѣ прежныхъ 20 к. Перепліотчику даны 10 к. Писаны писма: 1-е за Еміхомъ въ Кронштатъ отъ флота до капитана Андрея Івановича Полянского, 2-е до управителя господъ Толстыхъ, Іосифа Івановича Красінского, въ Москву, о присилки оттоль водки моей 3-хъ бочонковъ, простого вина 11 ведеръ и сала, да о томъ и меморіалъ написанъ, чтобъ то все отдано было въ домъ Василія Алексіевича Вагнера для пересилки сюда.

10. По полдни въ оперномъ домѣ была комедія, послѣ которой государыня изволила быть у Ѳедора Івановича Кочеевского въ новопостроенномъ его домѣ за триумфалными Аничковыми воротами и у него-жъ ужинать. За мѣсяци септеврій и октоврій виданные

изъ Рентереи денги 200 р. взялъ къ себѣ обозный генералный г. Лизогубъ.

11. Писалъ въ Глуховъ до Скоропадского на его двѣ писми въ отвѣтъ и о посилаемыхъ двохъ штукахъ бумажныхъ обоевъ, за которые дано 1 р. 90 к. Вечеромъ была свадба графа Лестока, который женился на фрелінѣ Мейденъ. Меморіалъ, написанный подъ 9-мъ числомъ, и писмо до Красінского въ Москву вручены Вагнеру.

12. Былъ съ Гудовичемъ въ дворцѣ у графа и тамъ видѣлись и розговарювали съ вице-губернаторомъ с.п.бурскимъ, дѣйствителнымъ штатскимъ совѣтникомъ, г. Милгуновымъ. Въ вечеру были съ Гудовичемъ на Василевскомъ острову, перво у г. Горчакова, потомъ у прокурора Николева.

13. Послѣ полдня въ 8-мъ часу было вѣнчаніе въ болшой церквѣ, въ зимномъ дворцѣ, сина генерала графа Румянцова, Петра Александровича графа Румянцова-жъ съ полковника пѣхотного полку, съ княжною покойного генерала фелдмаршала, князя Михайла Михайловича Голицина, дочерью, а послѣ вѣнчанія изъ дворца ехали новобрачные церемоніально въ домъ генерала Румянцова, передъ которымъ и іллюмінація зажжена была. Камеръ-лакей Милорадовичъ отъехалъ по почтѣ въ Малую Россію, чрезъ которого и писмо мое до Скоропадского, подъ 11-мъ числомъ писанное, и двѣ штуки бумажныхъ обоевъ отпущены. Чрезъ Чамова послалъ переводы катехисмы и писма Малярдового до прокурора Николева.

14. Послѣ полдня былъ у насъ г. Горчаковъ и привезъ книгу картинъ, въ пергаментъ оправную, називаемую Атласъ, да книжку Краткая Географія.

15 По службѣ были въ дворцѣ, перво у графа, потомъ у духовника. Купленъ сосудецъ зъ бѣлымъ, приливаннымъ въ цукрѣ имбіромъ за 90 к.

16. Еміхъ приходилъ прощатся, при отъездѣ въ Кронштадъ, для ученія тамъ учениковъ лѣкарскихъ, и ему-жъ данъ 1 р., да лексиконъ французско-нѣмецко-латинскій. Вчора камеръ-юнкеръ Софоновъ въ дворцѣ взятъ подъ арестъ.

17. За обмаліоване круглого столика дано 50 к. Писалъ писма въ Киль: 1-е до сина, подъ № 18-мъ, съ увѣщаніемъ, чтобъ частѣй къ намъ отписовалъся, 2-е до отца Іова въ отвѣтъ на его

писмо, съ сообщеніемъ къ нему-жъ писма отъ отца Василія Барановича.

18. Рано былъ у мене офіцеръ морского флоту Іванъ Михайловичъ Силивановъ и принесъ пакетъ отъ сина моего Василя изъ Киля, съ включенными въ ономъ нѣсколко печатними екземплярами о дѣлахъ, которые по ученіамъ въ академіи килской производятся; а оный Силивановъ былъ тамъ въ Килѣ на фрегатѣ россійскомъ, данномъ подъ принца Августа и его свиту, при капитану отъ флота Конону Никитичу Прончищеву. Сего-жъ числа рано нарочно призыванъ былъ отъ секретаря Новоторжцова въ сенатъ Гудовичъ для висмотрѣнія екстракта, сочиненного изъ начала подданства Малой Россіи, за Богдана Хмелницкого учинившогося, и даже до гетмана Апостола.

19. Писалъ писма въ домъ: 1-е до жены о сину Василю, ознаймуючи, якое получилъ чрезъ офіцера Силиванова извѣстіе; 2-е до шваговъ п. п. Корецкихъ для посылки оныхъ чрезъ Ѳедора Яскевича, но онъ, и писемъ не взявъ, отъехалъ до Малой Россіи. По почтѣ изъ сената отпущена въ войсковую генералную канцелярію промеморія изъ военной коллегіи о седмомъ драгунскомъ и гусарскомъ волоскомъ полкахъ.

20. Получилъ писма отъ молодыхъ Скоропадскихъ изъ Силезіи, зъ Вроцлавя, въ пакетѣ до постъ-оберъ-директора Аша включенные, тако-жъ писмо до отца Варлаама Лащевского, бывшого префекта кіевского, отъ нѣкоторого купца вроцлавского, Іогана Якова Корна.

21. По благости Божіей причащалъся на литургіи въ монастирѣ Невскомъ по исповѣди у отца Софронія намѣстника. Писалъ въ Глуховъ до Скоропадского съ посилкою писма отъ дѣтей его до шваграІвана Гамаліи, сторони брегадира Вѣтковича, да до племѣнника Іосифа, чтобъ спросилъ Скоропадского о писмѣ съ присилкою отъ Яскевича, ему врученномъ въ Москвѣ, и въ одинъ ковертъ и писма подъ 19-мъ числомъ писанные включивъ, отпущены въ Глуховъ чрезъ служителя полковника чернѣговского Измайлова Адама Андріева, который отъехалъ. Розышлось 20 к.

22. По службѣ Божой званныи отъ Федора Івановича Коченевского обѣдали у него въ новомъ его-жъ дворѣ и весь день пробавили.

23. Рано были въ дворцѣ у графа и просили его о своихъ дѣлахъ общыхъ, а Гудовичъ былъ у Любисткова и у духовника и у его-жъ обѣдалъ. Въ дворцѣ одинъ іноземецъ передъ службою Божіею миропомазиванъ и названъ Александръ. Вечеромъ былъ я у оберъ-постъ-директора Аша, а всѣ трое у вице-адмирала Александра Івановича Головина и его-жъ сожителницу весма болную посѣщали.

24. Рано были мы всѣ трое у князя Н. Ю. Трубецкого, у А. Д. Голицина и у графа Алексія Петровича Бестужева-Рюмина, великого канцлера, съ поздравленіемъ тезоименитствомъ великія княгини, а послѣдного и на новоселлѣ въ новомъ каменномъ домѣ. Потомъ въ дворцѣ были допущены къ ручкамъ великихъ князя и княгини, а вечеромъ сидѣлъ у насъ долговременно полковникъ Божичъ.

25. По утру ездили съ подравленіемъ до віце-канцлера графа Воронцова, до графа П. І Шувалова, а по обѣдни были у графа Р(озумовского); потомъ званы обѣдать до графа Румянцова, где до вечера пробавили, а послѣ знову были въ дворцѣ при церемоніи лейбкомпанской, гдѣ пробавили потоль, поки государиня изволила пойти до стола кушать купно съ лейбкомпанцами. Отъехали до Малой Россіи канцеляристъ Висоцкій и Юркевичъ, который уволился отъ конной гвардіи.

26. Послѣ полдня ездили съ Гудовичемъ на Василевскій островъ и тамъ были у префекта академіи кіевской, отца Варлаама Лащевского, который подарилъ мнѣ книжку «Граматику греко-латинскую» и имѣлъ писать до Вроцлавя къ тамошнему обывателю Іогану-Якову Корну. За книжку новонапечатанную Гілмара Кураса—60 к.

27. Передъ обѣдомъ былъ я съ г. Лизогубомъ у графа Румянцова и у него-жъ отъобѣдавъ, потомъ были отъ крещенія воспріемниками младенцу Николаю, портного мастера Івана Бѣларовского сину—г. Лизогубъ съ старшою Параскевіею, а я съ меншою Даріею, дочерми графа Александра Івановича Румянцова, а князь Николай Івановичъ Вяземской съ племѣнницею того-жъ графа Румянцова, а родного брата Никиты Івановича дочерью, Анною Никитиною. Наши кумы дарили насъ табакерками.

Писалъ писма: 1-е въ Киль къ сину, подъ № 19-мъ, съ сообщеніемъ писма подлинного отъ молодыхъ Скоропадскихъ, ко мнѣ писанного, тако-жъ и о томъ, что чрезъ офіцера морского Силиванова получилъ присланные печатные екземпляры; 2-е до тихъ-же Скоропадскихъ и до Іонганса въ отвѣтъ на ихъ писма, съ сообщеніемъ къ Іонгансу-жъ писемъ до Корна отъ отца префекта кіевского Варлаама Лащевского и отъ Носка до дяди его.

28. Оные писма въ Киль чрезъ руки секретаря Вынклера, а въ Бреславъ чрезъ отправу по почтѣ отъ оберъ-постъ-директора Аша отпущены.

29. Рано отослан(*пропускъ*) кумѣ Даріи Александровнѣ графинѣ Румянцовой, куплена за 10 р., а обѣдали у кума Івана Бѣлоровского, которого женѣ Анастасіи данъ 1 р., бабѣ 30 к. Въ вечеру туда-жъ пришолъ Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій и гвардіи преображенского полку капитанъ Андріанъ Івановичъ Лопухинъ, въ его-же домѣ Бѣлоровскій нанимаетъ себѣ квартеру и звалъ въ свои покои, где виделась со мною жена его Евдокія Юрьевна Фаминцина, и тутъ-же были разные офіцери и дами.

30. Въ дворцѣ къ обѣдни и изъ обѣдни шли церемоніально, въ плащахъ зеленыхъ бархатныхъ и другомъ платьѣ церемоніалномъ, кавалери святого Андрея Первозваннаго апостола, числомъ сѣмъ, въ томъ числѣ и посолъ цесаря римского, да сверхъ того великій князь и въ заключеніи сама всемилостивѣйшая государиня. Послѣ обѣдни тѣ-же кавалери кушали у одного съ государинею стола и при пушечной палбѣ. Въ вечеру былъ балъ. Мы съ Гудовичемъ были у преосвященного псковского за тѣмъ, что онъ имѣлъ розговоръ о дѣлахъ нашихъ съ канцлеромъ Бестужевымъ сего мѣсяца 28-го числа.—За оковане сундучка еще заплачено 30 к.

Декабрь.

1. Писано писмо подъ вчорашнымъ числомъ въ Москву до управителя дому господъ Толстыхъ, Іосифа Красінского, о присилки водки моей, вина простого и сала. Вечеромъ были у Горчакова.

2. Въ 12 часу по полночи были всѣ трое у канцлера графа Бестужева и просили въ дѣлахъ своихъ о ходатайство. Вечеромъ прислалъ ко мнѣ Яковъ Дмитріевичъ Рожевскій сундучокъ мой об-

маліованый безъ плати. Полковникъ Божичъ долго у насъ въ ночь просидѣлъ.

3. Обѣдалъ я съ Гудовичемъ у преосвященного псковского Симона Тодорского, а отъ него зашли до Носка и тутъ у него кадетъ одинъ Александръ Стефановичъ Ісаковъ училъ дѣтей мунштру кадецкого ружемъ. Съ г. Лизогубомъ у насъ обѣдалъ Михайло Стогоровичъ. Куплены двѣ вѣдри водки на Смолномъ дворцѣ за 5 р. 40 к.

4 и 5. Зъ 4-го на 5-е число въ пятомъ часу на Василевскомъ острову здѣлалъся въ полатахъ, въ коихъ была кунстъ и раритетъ-камора, и библіотека, и глобусы, пожаръ, и какъ усилился огонь, то не токмо многіе вещи, въ томъ числѣ болшой глобусъ, но и вежа обсерваторія и многіе-жъ въ двохъ вышшыхъ ярусахъ апартаменты совсѣмъ згорѣли, кой пожаръ въ тѣхъ полатахъ и весь день и слѣдующую ночь, хотя оный многіе команды гасили, продолжалъся.

6. Въ сей день моего тезоименитства, по службѣ Божой, были у мене гостѣ, въ томъ числѣ оберъ-секретарь сенатскій Павелъ Василіевичъ Севергинъ, полковникъ Божичъ, Стогоровичъ, да Марковичъ, гвардіи капитанъ поруччикъ и до позна забавились послѣ обѣда, ночью-же съ женою заезджалъ секретарь Новоторжцовъ.

7. Обѣдали у насъ полковникъ Божичъ, Стогоровичъ, кумъ Яковъ Тимофіевъ и Алексій Долінскій съ протчими нашими домовними. Розышлось 35 к.

8. Писалъ писмо въ Глуховъ до Скоропадского въ отвѣтъ на его писмо, вчора полученное, о отобранью 100 р. денегъ у отца духовника, тако-жъ и по требованію графа Румянцова. Въ вечеру былъ у насъ Горчаковъ и далъ ему сосудецъ меліссы.

9. Писалъ въ домъ къ женѣ, чтобъ если востребуетъ Скоропадскій денегъ 600 р., отдала ему и облѣгъ давный отобрала-бъ, да увѣдомила-бъ мене, заплачены-ль долги судіи Горленку, Мандзенку, Пуховичу, Савѣ Олишевскому и Роману Яненку за вино, такожъ потребна-ли іноземка къ дѣтямъ; другое съ инстанціею до Скоропадского и Валкевича за канцеляристою Михайломъ Домбровскимъ, чрезъ которого и оные писма, тако-жъ вчора писанные до Скоропадского, отпущены. Вечеромъ посѣщали болного Василія Танского полковника, который еще 5-го числа захоровалъ на фебру.

10. Ездили съ Гудовичемъ на Василевской островъ и тамъ

онъ былъ въ сенатѣ за указомъ о сводѣ изъ форпостовъ на малороссійской границѣ стоячихъ таможенныхъ откупщиковъ, а оба мы были у іеромонаха въ кадецкомъ корпусѣ Никодима Рудзинского. Вечеромъ былъ у насъ для прощанія передъ отъездомъ своимъ отъселя брегадиръ Вітковичъ, а потомъ секретарь Новоторжцовъ, который долго въ ночь у насъ просидѣлъ.

11. Вечеромъ ездилъ съ Гудовичемъ въ Невскій монастырь до отца намѣстника, чтобъ надъ болнымъ полковникомъ Танскимъ завтра маслосвятіе отправили, потомъ исповѣды и причастія святыхъ тайнъ его-жъ-бы удостоено, а отголь заездили и къ нему Танскому. Передъ симъ далъ я Григорію Дмитріеву на его нужды 2 р., да онъ-же взялъ на нужды Рудого и хлопця 4 р., послѣ знову 2 р.

12. Рано отправлено надъ болнымъ Танскимъ маслосвятые, и онъ-же послѣ исповѣди причастился святымъ тайнамъ. Обѣдали у насъ Журманъ и Николай Сорокинъ и просидѣли въ ночь до позна.

13. Писалъ писмо къ женѣ чрезъ брегадира Вітковича, чтобъ у него отобрала книжку Телемака полскую. Послѣ обѣда былъ у мене секретарь Вынклеръ и привезъ двѣ писмѣ отъ сина Василя, изъ Киля писанные.

14. Писалъ еще до жены чрезъ Вітковича-жъ, съ посилкою отъ сина карти къ ней и рисунку двоихъ птичокъ, да до Скоропадского на его писмо.

15. Отправлены по почтѣ писма: одно въ Вроцлавъ до молодыхъ Скоропадскихъ, съ пакетомъ отъ отца ихъ, 13-го числа полученнымъ, другое до сина Василя въ Киль на его писма двѣ въ отвѣтъ, подъ № 20-мъ, чрезъ руки секретаря Вынклера. Были у болного Танского и спрашивали его о сочиненіи духовной, которую и сочинить просилъ писаря полкового Івана Янушкевича. Монастыря Кутейнского дѣвичого монахинѣ Марфѣ дано 30 к.

16. Духовную оный Танскій сочиненную подписалъ, тако-жъ и духовникъ его отецъ Софроній Кришталовскій, намѣстникъ монастыря Александро-Невского, на оной подписался-жъ.

17. Рано ѣздилъ я до купца Кремпена (которій зъ Ростока зъ Меклембургіи), чтобъ перевесть въ Киль 40 червоныхъ денегъ чрезъ кореспондента ихъ Віка, но онъ отказалъся въ томъ до двохъ недель. Обѣдалъ у насъ Божичъ, потомъ онъ и графъ Мойсей Владиславичъ, да поручикъ гвардіи Вішневскій были въ квартерѣ Танского и на духовной его подписались.

18. Праздновано при дворѣ рожденія день ея імператорского величества (которому кончился 38-й годъ) и по службѣ Божой производилась трекратная изъ пушекъ и изъ мѣлкого, отъ полковъ гвардіи и отъ прочихъ на Невѣ въ баталіонъ декаре устроенныхъ, ружья палба; потомъ и при столѣ обѣдномъ палено-жъ нѣсколко разъ изъ пушекъ. А ввечеру перво былъ въ салъ-галереи балъ, потомъ въ большой салѣ ужинъ для персонъ пяти классовъ, где и мы съ Гудовичемъ у стола были и сидѣли съ брегадирами, въ присутствіи ихъ імператорскихъ высочествъ. Обѣдалъ у насъ протопопъ роменскій.

19. Vacat. 20-го были въ дворцѣ я и Гудовичъ по службѣ, а вечеромъ былъ у насъ стряпчій графскій Антипъ Івановъ и приносилъ купчую отъ Григорія Любистка, написанную Раковичцѣ и дѣтямъ еи на футоръ Шнаковскій на галицкомъ степу, проданный отъ него за 1,500 р., на которой мы трое и полковникъ Божичъ въ свѣдителство подписались.

21. Рано былъ Гудовичъ въ сенатѣ, и подписанъ тамъ приговоръ о отдачи за провіантъ, ставленный въ Кіевъ, 34 р. съ лишкомъ до рукъ купца брянского Чамова. Потомъ были мы оба въ дворцѣ и заходили до бандуристы слѣпого Матвѣя Ѳедорова. Послѣ обѣда до князя Н. Я. Трубецкого званный Гудовичъ ездилъ. Потомъ въ вечеру съ Гудовичемъ были мы у Ігната Кириловича Полтавцова съ поздравленіемъ вчорашнихъ его именинъ, где были и брегадиръ графъ Григорій Григоріевичъ Чернишевъ, и придворный лікарь Андрей Івановичъ Верре, и семеновского полку унтеръ-офіцеръ Василій Петровичъ Лачиновъ.

22. Графскій камординъ Іванъ Стефановичъ Барановскій передъ обѣдомъ приходилъ до насъ, чтобъ мнѣ съ Гудовичемъ явится у графа послѣ полудня въ 5-мъ часу, почему мы и были въ дворцѣ, токмо времени удобного не получили.

23. Сего числа въ 7-мъ часу по полудни были у графа и имѣли розговоръ сторони генерала маіора Лукина, который въ Гадячу нѣкоторые обиди показалъ, да и о дѣлахъ нашихъ малороссійскихъ.

24. Пріехали въ С. П. Бурхъ бунчуковый товарищъ Демянъ и судія полковый стародубскій Рубцы, которые у насъ и вечеряли и ночовали. Отъ сина получилъ писма и отъ жены.

25. На службѣ Божой были въ дворцѣ, въ болшой придворной церквѣ, где ея імператорское величество изволила сообщаться святымъ тайнамъ публічно съ протчими, мужеска и женска полу, нѣсколько придворними. По службѣ были у ручки ихъ імператорскихъ высочествъ, послѣ у графа Розумовского съ поздравленіемъ. Также званы отъ князей волоскихъ Матвѣя и Сергія Дмитріевичевъ Кантеміровъ обѣдать и у нихъ купно съ княземъ Сергіемъ Борисовичемъ Голицинымъ, да подпоруччикомъ артилеріи Свѣчинымъ обѣдали. А у насъ обѣдали безъ насъ пріежжіе гости Рубци. Вечеромъ былъ у насъ совѣтникъ Постелниковъ и Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій.

26. Рано ездили съ поздравленіемъ до господъ: князя Алексія Дмитріевича Голицина, графа Петра Івановича Шувалова, князя Н. Ю. Трубецкого, графа Александра Івановича Румянцова, а по службѣ Божой, въ дворцовой церкви слушанной, заходили къ духовнику, токмо его не получили. Вечеромъ были у насъ пѣвчіе Шереметевы; потомъ ездилъ я до барона Пеклина и до секретаря Вынклера, но, не получа ихъ, заездилъ до Танского болного. Зъ сего числа на

27 по полуночи, въ 5-мъ часу, гвардіи ізмайловского полку поруччикъ, Ѳедоръ Петровичъ Тарнавіотъ, преставилъся, на дворѣ князя Куракина стоявшій квартерою купно съ отцемъ своимъ, войтомъ нѣжинскимъ. Рано были мы у канцлера графа Бестужева-Рюмина и у его-жъ дворцовой церкви слушали обѣдни. Послѣ обѣда были у насъ графскіе камордины Іванъ Тимофіевичъ Золотой и Іванъ Стефановичъ Барановскій. Потомъ доволно въ ночь сидѣли у насъ-же Рубци, по которыхъ отшествіи multa mihi exprobravit Hudovitz. Сотникъ менскій Григорій Козмѣнскій къ отъезду своему простилъся.

28. Рано ездили поздравлять господъ князя Івана Василіевича Одоевского, генерала Александра Борисовича Бахметева, обер-секретаря сенатского Павла Василіевича Севергина и секретаря Новоторжцова. Послѣ обѣда былъ у насъ Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій съ извѣстіемъ, что вскорѣ отправится въ Малую Россію графъ Іванъ Сумоновичъ Гендриковъ, лейбъ-компаніи подпоруччикъ и св. Анны кавалеръ.

29. Рано ездили мы всѣ трое до оного графа Гендрикова, у которого трактованы кофемъ и водкою; потомъ были и у старшого брата его графа Андрея Сумоновича Гендрикова-жъ. Отъ нихъ поехавъ, были въ дворцѣ и у духовника, а по обѣдѣ были у насъ перво лѣкарь придворный Андрей Івановичъ Верре и Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій, потомъ приехалъ графъ Іванъ Сумоновичъ Гендриковъ, да лейбъ-компаніи гренадеръ Сичевскій и переводчикъ коллегіи иностранной Данилевскій и Рубци. Послѣ поехали къ Коченевскому въ новый его домъ и тамъ купно съ тѣмъ-же графомъ Гендриковымъ до 10-го часа пробавили.

30. Были по утру съ поздравленіемъ у гофъ-маршала его імператорского высочества, графа Андрея Михайловича Евфимовского, а братъ его старшый, графъ Іванъ Михайловичъ Евфимовскій, маіоръ гвардіи семеновского полку, былъ боленъ; потомъ были у князя Александра Борисовича Куракина, а потомъ, заехавъ въ дворецъ, были у слѣпого Любисткова. Послѣ обѣда пріездилъ до насъ Журманъ съ женою и тутъ видѣлъся съ Демяномъ Рубцемъ.

31. Писано отъ всѣхъ обще до старшины генералной писмо въ той надеждѣ, что въ скоромъ времени отправится министръ для елекціи нового гетмана и чтобъ оного, а найпаче если кто изъ графовъ Гендриковыхъ или Евфимовскихъ будетъ, принято со всякимъ благопріятствомъ; и тое писмо вручено Ѳедору Івановичу Кочевскому для пересилки въ Глуховъ чрезъ человѣка изъ печерского монастыря отъ архимандрита Тимофея, назначенного въ кіевскіе митрополиты, присиланного. Вечеромъ были у графа, токмо ничего отъ него не слышали.

И такъ, слава Богу, годъ 1747 окончалъся.

1748-й ГОДЪ СЪ БОГОМЪ НАЧАТЫЙ.

Мѣсяцъ Генварь.

1. Ездили рано до нѣкоторыхъ господъ съ поздравленіемъ новаго году, токмо не застали оныхъ, кромѣ оберъ-гофъ-маршала Дмитрія Андріевича Шепелева, которого поздравивши, поехали до дворця и тутъ службы Божіей слушали, а по литургіи говорилъ архимандритъ казанскій, отецъ Веніаминъ Григоровичъ, преизряд-

ную проповѣдь. Потомъ всѣ пошли въ салъ-галерею и тамъ допущены были многіе къ руки ея імператорского величества, и многіе-жъ жалованы генералитетскими, штатскими и другими чинами. Послѣ изволила ея імператорское величество и ихъ імператорскіе высочества церемоніально шествовать въ большую салу и тамъ подъ балдахиномъ на тронѣ обѣдъ кушать, где и всѣ знатные мужеска и женска полу персоны у стола, въ томъ числѣ и мы между брегадирами, сидѣли и обѣдали, а при томъ італіанская вокалная и инструменталная играла музика и окончался обѣдъ въ 3-мъ часу по полдни. А по полдни-жъ въ 8-мъ часу начался въ салъ-галерія балъ, на которомъ и ея імператорское величество перво нѣкоторыхъ чинами жаловала, потомъ сговоръ графу Андрею Михайловичу Ефимовскому, государя великого князя гофъ-маршалу, съ дочерью умершого Павла Ягужинского, бывшого генерала прокурора, размѣною перстеней учинить, а послѣ съ его імператорскимъ высочествомъ и съ послами цесарскимъ и аглинскимъ по французску танцовать изволила. Потомъ въ началѣ 11-го часа въ большую салу пойшли и зажженъ былъ фсерверкъ, который презрядно горѣлъ и окончалъся въ томъ-же 11-мъ часу, а въ 12-мъ пріехали въ квартеру, где и Рубцовъ застали.

2. Писалъ до сина въ Киль, подъ № 1, на его писмо, 24-го декабря полученное, въ отвѣтъ и чтобъ у Шлидендорфа или у кого другого отъ 10 до 15 червоныхъ на свои нужды позичилъ, поки сыщу окказію переслать ему 40 червоныхъ; и тое писмо рекомендовалъ секретарю Выпклеру для отсилки по почтѣ. Вечеромъ былъ у насъ г. Горчаковъ, которому позичилъ я для переписки казанъ двѣ: 1-е изъ французского переведенное, 2-е въ день Рожества Христова съ правоученіемъ о совѣсти, 3-е отвѣтъ епископовъ россійскихъ на писмо богослововъ сорбонскихъ, 4-е переводъ о исповѣди и розговоры Марнолфа и Федра о смерти Корнилія Монтія. Перехристъ, изъ Глухова пріехавшый, былъ у насъ, прозваніемъ Познанцовъ, именемъ (*пропускъ*), которого крестили генералъ Бибиковъ да жена брегадира Ільина.

3. По службѣ Божой были въ дворцѣ у графа и розговоровали о генералѣ-маіорѣ Лукинѣ, о грузинахъ и о прочемъ, а прежде насъ былъ у графа-жъ Журманъ. Зъ дворца возвращаючись, заездили до Івана Антоновича барона Черкасова и у него трактованы водкою.

Служитель обытели кіево-печерской отъехалъ съ указомъ до архимандрита тамошнего о прибытіи его въ С. П. Бурхъ для посвященія его-жъ здесь митрополитомъ кіевскимъ; чрезъ того служителя и наше писмо, до старшины генералной подъ 31-мъ числомъ прошлого декабря писанное, отпущено. Въ вечеру были у генерала лейтнанта и кавалера Петра Михайловича Шыпова, который отъехалъ въ дворецъ на маскарадъ, а мы до Горчакова, где и полковника Божича застали.

4. Въ 9-мъ часу по полночи отъехали въ квартеру войта нѣжинского Тарнавіота для присутствія на погребеніи умершого сина его Ѳедора, гвардіи измайловского полку поручика, которого тѣло проводили до монастыря невского архіерей с. п. бурскій и вся братія тамошняя; а въ монастырѣ по литургіи святой, которую целебровалъ архіерей вятскій и велико-пермскій, епископъ Варлаамъ Скамніцкій, погребенъ подъ церковью малою святого Лазаря. При погребеніи-же команда отъ измайловского полку салдатъ три залпы зъ дробного ружья выпалила. Потомъ были у архіерея. Надъ вечери приходили до насъ гуслістъ и бондуристъ графа Івана Сумоновича Гендрикова, а въ вечерѣ ездили посѣщать болного Танского, а тамъ-же и у Рубцовъ были. Купецъ брянскій Чамовъ принесъ два сосуды закусокъ.

5. На службѣ и водосвятіи вечернемъ были въ церквѣ Пресвятыя Богородицы Володимерскія.

6. По службѣ Божой, у св. Сумеона слушанной, ездили въ дворецъ и тамъ застали на процессію, изъ церкви придворной идучую для посвященія воды на рѣку, где поставлены были полки гвардіи и наполные (полевые) и гварнізонные въ строю квадратно, отъ пристани троецкой даже до корпуса кадецкого. А противъ нового зимного дворця здѣланъ былъ Іорданъ съ особливымъ мѣстомъ для государини, токмо на рѣкѣ при водосвятіи быть не изволила; а какъ воду освятили, то была пушечная палба изъ крѣпости, изъ адмиралитейства и изъ мѣлкого ружья трекратно полки палили. Вечеромъ были мы съ Гудовичемъ у переводчика іностранной коллегіи Данилевского.

7. Вчора полученные писма изъ Глухова отъ Скоропадского до дѣтей его въ Вроцлавъ, а зъ Вроцлавя отъ Іонганса по почтѣ и самъ сегодня получилъ, вечеромъ отвезъ къ постъ-директору Ашу,

который сего-жъ дня имѣлъ отправити. Надъ вечери былъ у насъ лакей дворцовый, называемый Петровскій, который отпушенъ въ Малую Россію для росправы въ заводѣ своемъ съ поруччикомъ Ланскимъ. Былъ у насъ съ Антипомъ въ вечерѣ слѣпій Любистокъ и по прошенію его на купчей, отъ него данной Раковичу на хуторъ Шпаковскій и на дворы въ Монастерищѣ проданные за 1,700 р., всѣ мы трое подписались. Хлопецъ Евфимъ утѣкъ.

8. Рано едучи въ дворецъ, заходили къ Федору Івановичу Коченевскому, вчора въ вечеру простились съ Афанасіемъ Григоріевичемъ Постелниковымъ, который сего числа отъехалъ на воеводство въ Вятку. Надъ вечери были у Игната Кириловича Полтавцова, которому и писмо отъ полковника лубенского Апостола вручено.

9. Писалъ писма въ Глуховъ до Скоропадского въ отвѣтъ на его три писми и включилъ на сей годъ календарь здешный, да до Іосифа и въ домъ до жены, тако-жъ въ Козелецъ до Подысоцкого, обозного полкового кіевского, съ включеніемъ писмеца и до отца брата, которое туда для пересилки вручилъ Івану Стефановичу Барановскому, камордину графскому. Рано былъ съ Гудовичемъ у преосвященного псковского, и съ духовникомъ видѣлись, а надъ вечери ездилъ до Івана Петровича Толстого и далъ ему записку о трохъ бочонкахъ водки, вина простого 11 вѣдрахъ и салѣ.

10. По службѣ были всѣ трое въ дворцѣ. Государиня по обѣдѣ отъехала въ Петергофъ. Обѣдалъ у насъ Яковъ Тимофіевичъ, канцеляристъ сенатскій. По обѣдѣ ездилъ Гудовичъ до князя Трубецкого и до Шувалова etc. Хлопець Евфимъ приведенъ отъ Політики. За два календари дано 32 к. Князю грузинскому Луарсару Асихмованову, по писму Скоропадского, далъ 30 р. денегъ за его роспискою.

11. Рано ездилъ я до секретаря Вынклера, но его не засталъ, а потомъ былъ у Носка. По обѣдѣ былъ у насъ перво ассессоръ Гарасимъ Кириловичъ Либартовскій и звалъ на завтра къ себѣ обѣдать, ради именинъ дочери своей Татіаны, потомъ секретарь Вынклеръ для розговору о пересилкѣ къ сину моему въ Киль денегъ. Купецъ Чамовъ принеслъ приговору сенатского о отдачи обивателемъ малороссійскимъ, въ томъ числѣ и ему, за провіантъ въ магазейны ставленный, 32,828 р. 18³/⁴ к., тако-жъ и росписки,

у него въ сенатѣ взятися имѣючой, копіи, точію не засталъ Гудовича, который ездилъ до князя Трубецкого и въ другіе мѣста.

12. Писано писмо отъ всѣхъ общее до генералной старшины, въ канцеляріи генералной присутствующихъ, что-бъ о имѣющей прибыть персонѣ еще удержано до далшого времени въ секретѣ, да отъ мене писано къ Скоропадскому, что князю грузинскому Луварсару отданы 30 р. и отъ него о томъ-же писмо къ полковнику Челищеву сообщено. Хлопець Евфимъ до Григорія Політики отосланъ, а Лукянъ принятъ. Оные писма отпущены въ Глуховъ чрезъ кирасира, изъ Бикова пріездившаго. Писалъ къ сину въ Киль подъ № 2, обявляя, что здесь вручены секретарю Вынклеру 20 червоныхъ, которые онъ тамъ долженъ приняти отъ ассесора Шмидендорфа, а до него о томъ-же и отъ Вынклера писано. Включено до сина и писмо отъ отца Пиканора, до отца Іова писанное. Обѣдали, при присутствіи многихъ гостей, у директора каравана китайского Гарасима Кириловича Либратовского, ради именинъ дочери его Татіаны, и тамъ же до позна пробавили.

13. За два слоики меліссы заплачено 50 к., за лѣкарства въ аптецѣ 20 к., за аршинъ выбойки 38 к., за аршинъ ленти 18 к. Обѣдалъ у насъ маіоръ Тихановъ, которій женатъ въ Прилуцѣ на старой Тарнавской.

14. По обѣдни заездили къ Петру Іванозичу Розумовскому, а Гудовичъ ездилъ въ сенатъ за указомъ, о учрежденныхъ по великороссійской границѣ таможняхъ для взиманія отъ купцовъ портовой пошлины, передъ симъ посланнымъ. По полдни были у вице-адмірала Александра Івановича Головина, которій (сказовали) весма занемогъ, и для того сожителница токмо его къ намъ виходила, а вечеромъ были у Новоторжцова.

15. Купецъ брянскій Тихонъ Григоріевъ синъ Чамовъ взялъ у купцовъ для потребы дому моего ценовой посуды: полумисковъ 12 болшыхъ, средныхъ и меншыхъ по 4, сосудовъ круглыхъ съ кришками два, талѣрокъ четири тузіны, два глубокихъ, два мелкихъ; въ нихъ и въ полумискахъ вѣсу 2 пуды, фунтовъ 23. Цена фунту по 23 к. Въ двохъ круглихъ сосудахъ вѣсу 13 фунтовъ, цена фунту по 30 к., въ двохъ довгихъ сосудахъ зъ кришками вѣсу фунтовъ 17; двѣ ложки болшые цѣнованые въ фунтъ. Передъ обѣдомъ ездили съ Гудовичемъ—онъ до Рубцовъ, а я до Василія

Танского, а по обѣдѣ были у Горчакова, до которого и книги у него позичанные отвезли, потомъ у сенатского канцеляриста Якова Тимофіева, которого женѣ, а моей кумѣ, данъ ящикъ закусокъ.

16. Вечеромъ были съ Гууовичемъ у преосвященного псковского, потомъ у графа Мойсѣя Івановича Владиславича и у него купно съ княземъ Сергіемъ Дмитріевичемъ Кантеміромъ и другими вечеряли. Зеркало взято чрезъ Чамова за 2 р. 50 к. у агличанъ.

17. Обѣдали съ Гудовичемъ у кума моего Якова Тимофіева, канцеляриста сенатского, где крестнику 50 к., да нянѣ и дочери малой его даны 20 к. Оттоль заездили къ преосвященному тферскому, гдѣ застали 2-хъ архіереевъ, псковского и переславского, и посѣщали болного Козляницю. Потомъ были у архимандрита спаского казанского, отца Вениямина Григоровича.

18. Послѣ полудня были у насъ секретарь іностранной коллегіи Александръ Михайловичъ Бялошицкій и кофишенкъ Савлуковъ, который при государинѣ вчерашнего числа изъ Царского Села возвратилъся.

19. Принеслъ ко мнѣ протопопъ мглинскій отъ сотника тамошнего Лисаневича писмо. Были мы, мимоездомъ изъ дворця, у нуримберцовъ, и куплены у нихъ двѣ картины за 40 к. Потомъ были у полковника Божича на водкѣ.

20. Писалъ писма до сотника мглинского Лисаневича, въ отвѣтъ на его вчорашнее писмо, и до жены моей, ознаймуючи о своемъ здоровѣ, и тѣ писма обѣ отосланы къ протопопу мглинскому для отправы въ Мглинъ. Вечеромъ заездилъ изъ дворця до насъ Журманъ и взялъ для прочитанія статьѣ Юрія Хмелницкого.

21. Писано писмо до племѣнника моего Іосифа, чтобъ далъ онъ знать, отданы-ли ему при писмѣ моемъ бумажныхъ шпалеръ десять штукъ, посланные отселя прошлого году въ ноябрѣ мѣсяцѣ чрезъ Івана Іванового сина (что въ Пѣсочкахъ) Гамалію.

22. Вечеромъ былъ у мене вакансовый сотникъ Яковъ Дмитровскій и сказовалъ, что Іванъ Андріевъ синъ Раковичъ [232]) засва-

---

[232]) Раковичи происходятъ отъ прилуцкаго полковаго писаря Семена Раковича, который, женившись на дочери Лазаря Горленка, получилъ въ приданое разоренное татарами сотенное мѣстечко Галицу (нѣжинскаго уѣзда) Къ Галицѣ принадлежало огромное пространство пустыхъ земель, которыя засе-

талъ племѣнницю жены кофишенка Александра Юліановича Савлукова, рожденную изъ сестри его Савлуковой, за поддячимъ Бринцовымъ въ замужствѣ бывшей, а оной невѣстѣ имя Ѳедосія Григоріевна.

23. Былъ у мене секретарь Выпклеръ и взялъ двадцать червоныхъ для пересилки къ сину моему въ Киль, до которого о томъ и писалъ я сего-жъ числа, подъ № 3-мъ, чтобъ онъ и прежные 20 и нынѣшные 20-же червоныхъ отобралъ у ассесора Шмидендорфа и о росходѣ какъ прежныхъ, такъ и сихъ ста червоныхъ прислалъ вѣдомость, да и отъ профессоровъ о своихъ наукахъ засвѣдительствованіе, якое писмо до сина къ отправѣ по почтѣ отослано къ тому-жъ секретарю Вынклеру.

24. Писаны писма отъ насъ въобщѣ до старшины генералной о отсилки Головина, да до старшины генералной, въ канцеляріи войсковой присуствующыхъ, о дѣлѣ Тихона Григоріева сина Чамова, купця бранского, взглядомъ денегъ, по указу сенатскому отобранныхъ. Вечеромъ посѣщали болного Якова Дмитріевича Рожевского, которого вчера масломъ соборовали, а отъ него были у Ѳедора Івановича Коченевского. За сундукъ деревяній на цѣны (цинковую посуду). да за бѣбулу и веровку—35 к.

25. Званы отъ господина секретаря Новоторжцова для тезоименитства дочери его Маріи, кресницы обозного генералного Лизогуба, на завтрее обѣдать.

26. Рано были въ дворцѣ, где застали у графа всѣхъ синодалныхъ членовъ и канцлера и Апраксина. Потомъ отъехали до Новоторжцова и у него купно съ Василіемъ Івановичемъ Демидовымъ, оберъ-секретаремъ Павломъ Василіевичемъ Севергинымъ и другими обѣдали. Іменинницѣ куплена стіонжка за 50 к. Туда жъ пріездилъ Іванъ Раковичъ звать къ себѣ на зговоръ обозного генералного вмѣсто старости, потомъ и на квартеру нашу онъ-же

лила Агафья Лазаревна Раковичъ, оставшись вдовою. Пользуясь вліятельною помощью брата своего Дмитріи Горленка, въ то время прилуцкаго полковника, Агафья Раковичъ, на окружавшей Галицу степи, поселила теперешнія села—Сальное, Ровчакъ, Татаровку и другія. Единственный сынъ Агафьи, бунчуковый товарищъ Павелъ Раковичъ, былъ уже виднымъ богачемъ въ прилуцкомъ полку. Иванъ Андреевичъ Раковичъ, хоружій генеральной артиллеріи, былъ внукъ Павла.

съ Федоровичемъ пріездилъ, но на тихъ зговорахъ мы не были. Преосвященный тверскій, отъежджая, заездилъ въ нашу квартеру.

27. Полученъ пакетъ отъ молодыхъ Скоропадскихъ до отца ихъ изъ Вроцлавя и оный включенъ въ писмо, отъ мене до него жъ въ Глуховъ писанное, съ посилкою фарфорового, для его купленого, кредensу. Постиліону, принесшему тотъ пакетъ, дано 3 к. Слугѣ секретаря Новоторжцова Івану, сегоднешнему имениннику, дано 50 к. изъ общыхъ денегъ. Данъ Носку парусного полотна кусокъ.

28. Были рано съ Гудовичемъ у графа въ дворцѣ, потомъ къ Ѳедору Івановичу заходили. Взялъ у Чамова 20 червоныхъ, всякій червоный по 2 р. 25 к., и того за 45 р.

29. Писалъ писмо къ женѣ объ отдачи Чамову за помянутые червоные денегъ сорока пяти рублей и что ему-жъ данъ реестръ о справленью нѣкоторыхъ покупокъ въ Москвѣ, которые если привезетъ въ домъ нашъ, то и за оные надлежащые денги заплатила-бы. А въ томъ реестрѣ написано: мѣховъ лисихъ хрибтовыхъ 2, красній 1, бѣлый 1, черевій 1, черевій песковій бѣлый 1, волчій черевій хорошій 1, бѣлокъ сибирскихъ два мѣхи, одинъ черныхъ, другой сѣрыхъ, заячихъ хорошихъ мѣховъ 4, два тюма китаю: одинъ голубого, другій кропивного цвѣту, кожъ юфтовыхъ 10, пасовъ (поясовъ) сморжовыхъ 2 пары.

30. Рано ездили до канцлера съ прошеніемъ доложить объ отпускѣ нашемъ. Отъ него при возвратѣ, противъ квартери нашой, встрѣтили едущую государиню съ придворними. Обѣдали у насъ секретарь Бутурлиновъ Ілля Кузмичъ и брянскій купецъ Чамовъ, которому и писма, отъ мене писанные до Скоропадского, съ включеннымъ и отъ дѣтей его пакетомъ, до жены о взятихъ у его, Чамова, 20 червоныхъ и до Іосифа о бумажныхъ шпалерахъ, чрезъ Івана Гамалію посланныхъ, тако-жъ реестръ о предпомянутыхъ въ Москвѣ покупкахъ, вручены, и онъ-же отъехалъ во свояси. Сего-жъ числа по обѣдѣ явились у насъ б. т. Николай Троцкій [233]), да сотникъ отставленный полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій, прі-

---

[233]) Бунчуковый товарищъ Троцкій былъ женатъ на Марьѣ Степановнѣ Носъ, единственной дочери Степана Носа—сына прилуцкаго полковника, поэтому всѣ недвижимыя имѣнія послѣдняго перешли къ Троцкимъ.

ехавшіе въ С. П. Бурхъ сего генваря. Писалъ до сина въ Киль подъ № 4, обявляючи, что секретарю Вынклеру отданы уже 40 червоныхъ, которые онъ долженъ тамъ отобрать у ассессора Шмидендорфа, и оное писмо отослано до постъ-директора Аша для отправленія по почтѣ въ Киль. Вечеромъ былъ у насъ графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, и между тѣмъ присиланъ служитель отъ Савлукова звать одного обозного генералного, господина Лизогуба на завтре къ свадбѣ Раковича.

31. Рано приходилъ и самъ Раковичъ его-же г. Лизогуба звать одного, а по обѣдѣ и всѣхъ насъ зваль. По службѣ Божой были у ручки государини многіе, въ томъ числѣ и мы; потомъ у графа Розумовского, который сказалъ, что и самъ-бы онъ радъ насъ отселя збуть. По полудни въ 6-мъ часу съехались перво въ домъ Ѳедора Івановича, потомъ въ дворецъ до слѣпого Григорія Михайловича Любястка и, тамъ проседѣвъ до 9-го часа, пошли съ женихомъ въ придворную болшую церковь, куда послѣ приведена и невѣста, где и государыня пришедъ, спросила о женихѣ и оного къ ручкѣ пожаловала, потомъ отошла. Таже началось и окончилось вѣнчаніе, а послѣ вѣнчанія отъехали изъ дворца прямо въ домъ кофишенка Александра Юліановича Савлукова, который съ женою своею, Агафіею Яковлевною Довбешковскою, встрѣтилъ молодыхъ на крилцѣ; потомъ, вшедъ въ избы, сѣли за столы, уже приготовленные; отъ стороны жениховой былъ отцемъ посаженымъ обозный генералный г. Лизогубъ, матерью жена Якова Івановича Дивова генерала рекетмейстера, съ невѣстиной—камеръ-геръ и кавалеръ Никита Андріяновичъ Вожжинской. Повечерявши у Савлукова и чрезъ часъ-другой танцовавши, отъехали вся веселая компанія съ женихомъ и невѣстою въ домъ Ѳедора Івановича Коченевского и тамъ немного позабавившись, молодыхъ оставя, розъехались уже въ 4-мъ часу по полуночи. Въ день были у насъ секретарь Новоторжцовъ и кумъ мой Яковъ Тимофіевъ съ своею женою.

Февраль.

1. По полдни въ 1-мъ часу звалъ Раковичъ всѣхъ насъ на кушанье до своей уже квартери, где, по собраніи вчорашныхъ веселыхъ гостей и Савлукова съ женою, обѣдали до позна, потомъ танцами даже до полуночи забавлялись. Государиня отъехала въ Царское Село.

2. Обѣдали у себе, а по обѣдѣ принеслъ ко мнѣ отъ отца духовника служитель его сто рублей денегъ, о которыхъ пріемѣ и росписка ему отъ мене дана. Послѣ полудня звалъ насъ Стефанъ Евфимовичъ Карновичъ камеръ-лакей (который 31-го генваря женился на іноземкѣ, бывшей у князя Константина Кантеміра) [234]) къ себѣ на вечеру, где мы и были у него, въ старомъ лѣтнемъ дворцѣ, и ужинали съ бывшими тамъ-же обоего пола гостми, въ томъ числѣ былъ и камеръ фуріеръ полковникъ Сергій Михайловичъ Нестеревъ, и пробавили до 2-го часа по полуночи.—За пару чашокъ чайнихъ фарфоровыхъ 25 к., да ізвожчику 8 к.

3. Праздновано при дворѣ у его імператорского высочества, государя великого князя воспоминаніе ордена кавалеріи святыя Анны, онымъ-же орденомъ жаловалъ 9-ть персонъ кавалерами, въ томъ числѣ и царевича грузинского, генерала маіора Георгія, контръ-адмирала Воина Яковлевича Корсакова и пр. Послѣ полдня ездили къ штатскому совѣтнику Василію Івановичу Демидову и у него съ протчими, тамъ бывшими, ради именинъ дочери его Анны, гостми, довольно трактованы.

4. Рано былъ у насъ б. т. Іванъ Андріевъ синъ Раковичъ съ новобрачною женою своею Ѳедосіею Григоровною. Куплено еще двѣ пари чашокъ чайныхъ и полоскателную одну за 75 к.; за чолки бѣлые дано 30 к. Принесенъ пакетъ изъ почти отъ постъ-директора Аша, полученный отъ дѣтей г. Скоропадского. Постиліону дано 8 к.

5. Передъ обѣдомъ пріехалъ къ намъ секретарь Новоторжцовъ съ женою своею Анною Василіевною, у насъ-же и обѣдали и прощались за позавчерашную у господина Демидова бывшую компанѣю. Вчера вечеромъ былъ у меня переводчикъ іностранной коллегіи Данилевскій и принесъ книжку латинскую Lucubrationes, а рано вчера-жъ прислалъ къ намъ два томы новопанечатанного Телемака для вычетанія синодалный оберъ-секретарь Яковъ Герасимовичъ Леванидовъ, и я къ нему послалъ своего переводу Катехисмъ, Апологію и Малярда отвѣты, какъ приступилъ къ нашей

---

234) Карновичъ былъ камеръ-лакеемъ у великаго князя наслѣдника, который, вслѣдъ за вступленіемъ своимъ на престолъ, назначилъ Каронвича стародубскимъ полковникомъ.

церквѣ. Гудовичъ купилъ у англичанъ часы стѣнные, столикъ круглый и габінетецъ съ зеркаломъ, которому вручено отъ мене до жены моей писанное генваря 31-го писмо о посилки чрезъ Брянскъ оловяной моей посуды, здесь купленной, и въ двохъ сосудахъ закусокъ. Государиня изволила возвратится изъ Царского Села.

6. Писано писмо до Скоропадского съ посилкою пакетця, отъ дѣтей его полученного зъ Вроцлавя, тамъ-же включено подъ числомъ 31-мъ генваря до племѣнника Іосифа о отправленной въ домъ чрезъ Брянскъ цѣновой посудѣ и въ двохъ сосудцахъ закусокъ. Вечеромъ ездили съ Гудовичемъ до прокурора провіантмейстерской канцелляріи Петра Михайловича Николева.

7. Рано были въ дворцѣ у графа Р(озумовского) и видѣлись съ генераломъ лейтнантомъ Михайломъ Семеновичемъ Хрущевымъ, а по обѣдѣ ездилъ Гудовичъ до князя Н. Ю. Трубецкого, будто по его приказу и требованію.

8. Рано ездили съ Гудовичемъ въ дворецъ для поздравленія тезоименитствомъ отца Ѳеодора Дубянского, духовника, а оттуда заехали поздравить тезоименитствомъ-же Ѳедора Івановича Коченевского и у него съ многими обоего пола гостми обѣдали; а у насъ съ г. Лизогубомъ обѣдалъ отецъ Лука, намѣстникъ свинскій, въ нашей-же квартерѣ. По обѣдѣ былъ лейбъ-компанецъ Романъ Лукяновъ синъ Струтинскій [235]). Въ вечеру присланный служитель отъ Горчакова звалъ на завтра откушать для крестинъ недавно родившейся ему дочери.

9. Писалъ до г. Горленка, судіи енералного, на его писмо сторони денегъ его, мною у Якова Дмитріевича Красінского 150 р. взятыхъ, и о удостоеніи его-жъ за службы маетностми, которое включилъ въ одинъ пакетъ до Скоропадского и до жены, что-бъ отдала и ему 600 р. давныхъ, да за 17 червоныхъ 38 р. 50 к., такожъ Горленку судіи 150 р. и Мандзенку за матеріи заплачены-ль надлежащые денги; и впечатавъ въ конвертъ на имя членовъ войсковой генералной канцел-

---

235) Когда въ 1712 г. Галаганъ получилъ отъ Скоропадскаго м. Еремѣевку, то поставилъ надъ тамошними крестьянами старостою Лукьяна Струтинскаго. Сынъ этого старосты Романъ былъ взятъ къ императрицѣ въ гайдуки и отсюда попалъ въ лейбъ-компанцы; въ 1757 г. Романъ Струтинскій былъ капитанъ-поручикомъ и лейбъ-компаніи вице-капраломъ, а черезъ десять лѣтъ полковникомъ.

ляріи о попонахъ до дворцовой конюшнѣ съ писмомъ отослано для отправленія по почтѣ изъ сената. Обѣдали мы съ Гудовичемъ у г. Горчакова, у которого крестили дочь Анну. Воспріемниками были гвардіи измайловского полку маіоръ Василій Алесандровичъ Нащокинъ и жена прокурора Николева, Мавра Аѳанасіева дочь. Въ той-же компаніи были оберъ-секретарь военной коллегіи Авраамъ Артеміевичъ Навроцкій съ женою, маіоръ Андрей Івановичъ Карташевъ съ женою, Алексій Даниловичъ Шеншинъ, полковникъ Божичъ и полковникъ Грузинскій, да брегадиръ Аксаковъ и жена секретаря Новоторжцова.

10. Въ 11-мъ часу предъ полднемъ поздравляли его высочество, великаго князя рожденіемъ и у обоихъ іхъ высочествъ у ручки были, а по обѣдни были у графа. Послѣ полдня знову были въ дворцѣ во время бала и даже до начатія вечери, а во всемъ городѣ ради сего празденства иллюминація была.

11. Рано были съ Гудовичемъ у преосвященного псковского, потомъ въ дворцѣ, а оттуду едучи къ квартерѣ, встрѣтились перво съ графомъ, потомъ и съ государинею. а обѣдали у себе, купно съ полковникомъ Божичемъ. За переправленье книжки Целляріева лексикона и на прочее 30 к. Вечеромъ былъ съ Гудовичемъ у переводчика Данилевского, а отъ него приехавши, захоровалъ на коліку.

12. Весь день пролежалъ ради той-же болѣзни. За бумажный платокъ 37 к., Леску и Івану Рудому за рубашки 70 к. Сватба Теплова.

13. Для Скоропадского куплено вина шампанского 12 бутилокъ, дано за оное 14 р. 40 к. Вечеромъ съ Гудовичемъ были у архимандрита рожественского владимірского Платона Петрункевича.

14. Рано были всѣ трое въ дворцѣ, токмо графа не видали, а послѣ весь день въ домѣ пробыли и запустъ имѣли самы.

15. Куплено гатласу 4 аршина за 6 р., крашенини за 2 р. 72 к., шолку красного за 10 к. для репарованя кафана старого гатласового, на шнурокъ 3 к. Вечеромъ былъ у насъ Журманъ и долго въ ночь просидѣлъ.

16. Рано ездили въ дворецъ и государиню видели отъежджающую кушать до камеръ-юнкера Сиверса. Потомъ мы всѣ трое

отъехали на Смолный дворецъ и тамъ у Журмана обѣдали и весь день пробавили, да и для смотренія горъ подѣланныхъ были на Охтѣ.

17. По утру Гудовичъ ездилъ на Смолный дворецъ до Журмана, а оттоль и Журманъ съ женою и онъ пріехавъ у насъ обѣдали [236]).

18. Рано съ Гудовичемъ ездили въ дворецъ, где при насъ изволила государиня отъехать съ нѣкоторими придворными до Сарскаго Села. Вечеромъ съ нимъ-же, Гудовичемъ, были у полковника Танского и у Рубцовъ.

19. Стефану кравцю за переправу красного гатласового кафана дано 70 к. Вечеромъ былъ у насъ гвардіи поруччикъ семеновского полку Софоновъ и долго въ ночь просидѣлъ.

20. Обѣдалъ у насъ полковникъ Божичъ зъ капитаномъ сербскимъ, а послѣ обѣда были у графовъ Гендриковыхъ, и Іванъ Симоновичъ отъехалъ при насъ до канцлера на банкетъ, а съ Андреемъ Симоновичемъ мы еще довольно сидѣли.

21. Прислалъ постъ-директоръ Ашъ писмо, зъ Вроцлавя полученное отъ Юнганса, до Скоропадского надписанное въ Глуховъ. Обѣдали у насъ Рубци и Лукомскій, а вечеромъ мы всѣ трое у нихъ были.

22. Куплено красного гатласу поларшина за 75 к. Вчера въ день былъ у мене кумъ Яковъ Тимофіевъ съ кумою и съ крестникомъ, которому данъ отъ мене 1 р. за перникъ, отъ него принесенный.

23. Писаны писма: 1-е къ сину въ Киль подъ № 5-мъ, съ увѣщаніемъ, для чего не описуется зъ часта и чтобъ въ сей постъ старалъся сообщитись св. тайнамъ, 2-е въ Глуховъ до Скоропадского, съ отсилкою писма къ нему, изъ Вроцлавя полученного и съ объявленіемъ, что вина шампанского 12 бутилокъ за 14 р. 40 к. куплено. Писалъ тако-жъ къ женѣ съ сообщеніемъ копіи писма отъ сина зъ Киля, сего числа полученного, и подлинного коверта, и въ пакетъ до Скоропадского включилъ.

24. Гайдукъ дворцовый Сава Чиншевичъ, пріехавшій зъ Украіни, былъ у насъ, а надъ вечери ездилъ я до кума Якова Тимофі-

---

236) Журманъ пользовался, какъ видно, исключительнымъ положеніемъ въ Петербургѣ, потому что былъ женатъ на родственницѣ Разумовскихъ, Стрѣшенковой.

ева и ему-жъ оный, до Скоропадского надписанный, пакетъ вручилъ для пересилки въ Глуховъ.

25. Книгу Екстрактъ Саваріева Лексикона о коммерціи прислалъ мнѣ для читанія Яковъ Тимофіевъ.

26. Vacat. 27. Рано ездилъ въ монастырь Невскій и тамъ, по отправленной исповѣди передъ отцемъ намѣстникомъ Софроніемъ, слушалъ обѣдни въ деревяной церкви и причащалъся, а обѣдню служилъ съ протчими священниками отецъ намѣстникъ свінскій Лука. По обѣдѣ, на которомъ были у насъ священники церкви св. Сумеона Барановскій и Навроцкій, приходилъ ко мнѣ гайдукъ Сава, пріехавшій зъ Малой Россіи и принесъ двѣ писми, одно отъ жены, другое отъ племѣнника Іосифа и третое до нѣкоторого Батюшкина, прокурора статсъ-кантори отъ сина его поруччика, стоячого зъ ротою драгунскою въ моей деревнѣ Куровѣ. Вечеромъ всѣ трое были у отца архимандрита кіево-печерского Тимофея Щербацкого, нареченного митрополита кіевского и у него долго проседѣли, где были и архимандритъ кіевского золотоверхого монастыря, отецъ Модестъ Стефановичъ, ігуменъ батуринскій, отецъ (*пропускъ*) и намѣстникъ свінскій отецъ Лука, потомъ туда-жъ пришли войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ и Лукомскій, сотникъ. Розышлось на розницю 32 к.

28. Были въ дворцѣ, перво въ церквѣ болшой, потомъ у графа Розумовского, а обѣдали у преосвященного Симона Тодорского, епископа псковского, купно съ архимандритомъ казанскимъ, отцомъ Веніаминомъ Григоровичемъ. Вечеромъ былъ у насъ полковникъ Божичъ.

29. Дано Григорію Дмитріевичу на его нужды 4 р. 40 к. Писалъ къ сину въ Киль, подъ № 6-мъ, съ приложеннымъ къ нему отъ матки его писмомъ и на его писмо въ отвѣтъ, полученное мною здесь сего теченія 26-го числа, и оное писмо для отправы отослано къ Вынклеру. Писалъ тако-жъ до жены въ отвѣтъ на еи писмо, отъ 15-го генваря ко мнѣ писанное, и что-бъ всѣ долги виплачивала, тако-жъ дѣтей писма и протчего обучать старалась-бы, да дала-бъ знати, чи дойшли 10 штукъ шпалеръ бумажныхъ, посланныхъ чрезъ Івана Гамалію, сина пѣсковского (въ с. Пескахъ) Івана. Въ писмо до жены включено и писмо отъ капрала кадетского корпуса, Михайла Андревича Батюшкова, до брата его, архангелгородского драгунского полку поруччика, Лва Батюшкова-жъ, который въ нашихъ деревняхъ квартируетъ съ ротою.

Мартъ.

1. Рано были въ дворцѣ, какъ изволила государиня въ открытыхъ саняхъ проежджатся, потомъ заходими къ Любистку и къ Ѳедору Івановичу Коченевскому. Вечеромъ былъ у насъ Семенъ Дмитріевъ Шохъ.

2. Рано съ Гудовичемъ были въ дворцѣ, но не имѣли случая видѣть графа Р(озумовского). Послѣ обѣда былъ у мене г. Вынклеръ и привезъ писмо отъ сина и квітанцію о полученіи имъ отъ г. Шмидендорфа 20 червоныхъ.

3. Куплено сукна на кунтушъ мишастого 4 аршина за 8 р. 80 к., на штаны кармазинового полтора аршина за 3 р., шолку за 23 к., комфоры за 4 к., бумазіи на подбой до штановъ за 50 к.

4. Писмо до жены, писанное подъ числомъ 29-го февраля, вручилъ Гудовичу, что-бъ включилъ до своей жены въ пакетъ, а оное, тако-жъ и сундучокъ зеленый съ зеркаломъ, чрезъ человѣка г. Мойсѣя Івановича отпущенный, отослано-бъ изъ Івантенокъ до Городища въ домъ мой.

5. Писалъ до сина въ Киль на его ко мнѣ недавное писмо и требовалъ отъ него увѣдомленія, если его оттоль преселить въ Галю или въ Кенисбергъ, то чрезъ кого и на какія мѣста переводить для его субсидіалные денги. Оное писмо, подъ № 7-мъ, и въ немъ сообщено отъ отца Василія Барановича до отца Іова писмо-жъ, вручено для отправы г. Вынклеру. За писма на почтѣ полученные принесшему дано 12 к.

Умыслне званныи отъ вице-адмирала и кавалера Александра Івановича Головина обѣдали у него.

6. Въ церкви придворной болшой посвяшенъ митрополитомъ кіевскимъ кіево-печерскій архимандритъ Тимофей Щербацкій, а рукополагалъ оного преосвященный епископъ псковскій и нарвскій Сѵмонъ Тодорскій, содѣйствующимъ тутъ-же архіепископамъ санкт-питербургскому Ѳеодосію Яновскому, Арсенію Могилеанскому переславскому, Варлааму велико-устюжскому, что былъ вяцкій, да архимандритомъ володимерскому рождественскому Платону Петрункевичу, казанскому Веніямину Григоровичу, да Михаила Золотоверхого кіевского Модесту Стефановичу и духовнику государини Ѳеодору Дубянскому, при присутствіи ея імператорского вели-

чества и ихъ імператорскихъ высочествъ и всего придворного штата и генералитета, тако-жъ пословъ імператорского римского и королевского аглинского. Сего-жъ числа пріехалъ въ С. П. Бурхъ полковникъ гадяцкій Петръ Галецкій и былъ у насъ, потомъ и въ дворцѣ съ нами.

7. У преосвященного митрополита кіевского новопосвященного рано всѣ трое были съ поздравленіемъ. Потомъ былъ я съ Гудовичемъ въ дворцѣ у графа Р(озумовского), послѣ у Ѳеодора Івановича Коченевского, которому, тако-жъ и духовнику, прошеніе, для подачи графу заготовленное, показали. Послѣ обѣда былъ я у полковника гадяцкого, а передъ обѣдомъ былъ у насъ и обѣдалъ съ дѣтми своими, трома синами, отецъ Георгій Горковскій, протопопъ сорочинскій.

8. Писма, писанные отъ мене, 1-е до жены подъ 6-мъ числомъ о посилки столика круглого въ домъ, 2-е до Скоропадского о посилки 12 бутилокъ вина шампанского, за 14 р. 40 к. купленного, вручены вакансовому сотнику Якову Дмитровскому. Куплены двѣ книжки: 1-я «Похожденіе Телемакого» за 1 р. 80 к., другая «Езоповы Басни» за 1 р. 20 к. у перепліотчика.

9. Послѣ полдня былъ съ Гудовичемъ у Горчакова и вручилъ ему данное писмо отъ Александра Толстого до прикажчика его московского, Андреяна Недякова, о видачи водки и простой горѣлки моей, въ домѣ ихъ Толстыхъ содержачейся, оной-же водки три бочонки: ганисной, помаранцовой и розмариновой, да простой горѣлки 11 вѣдеръ и коровай свиніого сала въ пудъ и 20 фунтовъ. Потомъ заездили до Новоторжцова, где застали и войта нѣжинского; оттоль были въ дворцѣ и графа Р(озумовского) видѣли толко. Сего числа Іванъ Раковичъ съ женою своею, а съ нимъ и Дмитровскій отъехали изъ С.П.Бурха.

10. Рано были съ Гудовичемъ въ дворцѣ и заходили до Любистка, куда пришли за нами Савлуковъ, войтъ нѣжинскій и Антонъ, стряпчій графскій. Сего-жъ 10-го числа въ вечеру подали съ Гудовичемъ прошеніе наше, всѣхъ троихъ руками подписанное, графу Р(озумовскому) о общенародныхъ дѣлахъ и съ нимъ-же доволно розговаровали, а послѣ насъ былъ у его-жъ полковникъ гадяцкій Галецкій.

11. Послѣ полудня былъ у отца префекта кіевского Варлаама Лащевского и въ его избѣ почадѣли (угорѣли).

12. У митрополита кіевского всѣ сенатскіе и синодскіе оберъ-секретари, секретари, переводчики и протчіе трактованы; а оттоль заездилъ къ намъ секретарь Новоторжцовъ. Мы съ Гудовичемъ были у полковника гадяцкого Галецкого въ домѣ графскомъ, который обослалъ мене водкою и слывянкою. За 5 паръ золотыхъ петеліокъ дано 4 р., за шматъ блакитного аксамиту 1 р. 80 к., на нѣкоторые дробязки $4^1/_2$ к.

13. По службѣ Божой были у графа Р(озумовского), отъ которого обнадежены, что вскорѣ по дѣламъ общымъ будетъ резолюція; съ тимъ-же пріежджалъ до насъ вечеромъ Ѳедоръ Ивановичъ Коченевскій. Обѣдалъ у насъ префектъ кіевскій отецъ Лащевскій съ переводчикомъ сунодскимъ Григоріемъ Політикою.

14. Писано отъ насъ до всѣхъ обще генералной старшины съ обявленіемъ, что графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, лейбъ-кампаніи подпоруччикъ, имѣетъ быти отправленъ въ Малую Россію для избранія гетмана, который графъ и самъ у насъ былъ, тако-жъ и дворянинъ Любистковъ. А потомъ были мы всѣ трое у его, графа Гендрикова, съ поздравленіемъ новорожденного ему-жъ сина Андрея и съ родѣлею целовались и ей-же по червоному поднесли, въ томъ числѣ и я отъ себе одинъ червонецъ.

15. Писалъ писма въ Глуховъ до Скоропадского и до Іосифа а въ домъ до жены обявлялъ, что вскорѣ своей отправы отселя надѣемся и чтобъ дворъ глуховскій какъ ні есть оправлено и всячины въ ономъ припасено-бъ.—Рано изволила государиня и великій князь и великая княгиня и многіе придворные и господа отъехать до гостилицкой мызи графа Алексія Григоріевича Розумовского для именинъ его надходящыхъ. Мы всѣ трое были на водкѣ у полковника Божича. Оные писма отпущены чрезъ писца Крижановского, Супруна Іванова.

16. Покроенъ кунтушъ изъ попелятого сукна, до которого на подбой за тафти два аршина дано 1 р. 90 к. За баранокъ чорный до шапки аксамитной голубой 20 к. Послѣ полудня ездили г. Лизогубъ и Гудовичъ до Новоторжцова, где видѣлись и зъ Демидовымъ, который сказовалъ, что вскорѣ будемъ отправлены во свояси.

17. За обмаліованье кабінетика уборного дано 30 к. Обѣдалъ у насъ полковникъ Василій Танскій, а полковникъ гадяцкій и Петръ Розумовскій у Журмана.

18. Vacat. 19. Писано писмо до жены о приготовленюся еи къ поезду до Глухова чрезъ Рубцовъ, которіи сего числа и отъехали изъ С. П. Бурха. Вечеромъ былъ у кума Якова Тимофіева и отвезены ему 3 бутилки сливянки и бутилку водки, потомъ былъ-же у секретаря губернской с.-п.-бургской канцеляріи Стефана Радіонова Будаева и у переводчика академического Киріака Андріевича Кондратовича, который и книжку свою Amusium уступилъ мнѣ въ подарокъ.

20. Въ дворцовой болшой церквѣ посвященъ епископомъ въ Владимеръ и Ярополче архимандритъ рождественскій володимерскій Платонъ Петрункевичъ, а посвящалъ оного митрополитъ кіевскій, преосвященный Тимофей Щербацкій, съ сослужащими съ нимъ епископомъ псковскимъ Симономъ Тодорскимъ, архіепископомъ с.-п.-бурскимъ Ѳеодосіемъ Янковскимъ, епископомъ великоустюжскимъ Варлаамомъ и нѣсколко архимандритами въ присутствіи ея імператорскаго величества и ихъ імператорскихъ высочествъ. По службѣ Божой заходили до графа, но не видѣли его. Обѣдалъ у насъ полковникъ гадяцкій и переводчикъ Політика.

21. Обослалъ мене полковникъ гадяцкій вишніовкою и бутилкою водки полинковой. Заплачено Стефану кравцю за роботу кунтуша, шапки и штановъ 1 р. 20 к. Войтъ нѣжинскій у г. Лизогуба былъ, а у мене Вынклеръ и отъ сина моего подалъ мнѣ писмо, писанное изъ Киля сего марта 14-го n. s. Рано были мы всѣ трое въ дворцѣ у графа, у которого застали кіевского митрополита. У насъ обѣдали Кирілъ Андріевичъ Кондратовичъ съ женою, да лютнистъ великого князя Іванъ Романовъ. Послѣ обѣда были мы у полковника гадяцкого, у которого былъ-же и Журманъ съ женою. Кондратовичевому сину данъ отъ мене шолковый платокъ.

22. Рано были первей у графа Кирила Григоріевича, потомъ и у графа Алексія Григоріевича, а оттоль заходили до Любисткова. Отослано писмо Скоропадского до отца духовника. Обѣдалъ я у полковника гадяцкого. По полднѣ былъ у насъ лейбъ-компанецъ Михайло Івановичъ Коченевскій, объявляючи, что и ему велено ехать при графѣ Гендриковѣ въ Малую Россію. Вечеромъ у насъ-же былъ Журманъ, которому и пакта гадяцкіе читаны.

23. Послѣ полдня ездили до графа Шувалова и, у него будучи, благодарили за его милость, являемую въ дѣлахъ нашихъ;

24. Рано были съ Гудовичемъ у графа Гендрикова, потомъ въ дворцѣ у гр. Р(озумовского) и при де-которихъ розговорахъ вручили ему копіи писма отъ старшины генералной, зъ промеморіею генерала Бісмарка, писанного къ намъ и мнѣнія іностранной коллегіи о кляссахъ чинамъ малороссійскимъ. Преосвященный митрополитъ кіевскій Тимофей отъехалъ изъ С. П. Бурха во свояси и на ночь имѣлъ прибыть въ Село Царское. Обѣдали у насъ капитанъ лейтнантъ Марковичъ и Журманъ. Надъ вечери былъ я у Галецкого, къ которому присланъ былъ нѣкоторій капитанъ Соловьевъ отъ г. Гендрикова. Потомъ былъ я съ Гудовичемъ у секретаря Новоторжцова, который сказовалъ мнѣ о клеветѣ войтовой. За двѣ бутилки декокту, отъ Божича присланного, данъ 1 р. 8 к.

25. Знову обѣдалъ у насъ Марковичъ. Послѣ полдня были у насъ-же перво Махайло Івановичъ Коченевскій, потомъ Носко съ женою своею и съ племѣнниками графскими Василіемъ Евфимовичемъ Дараганомъ и Михайломъ Власіевичемъ [1]), а ночью секретарь Новоторжцовъ.

26. Писалъ къ сину подъ № 8-мъ на его писмо въ отвѣтъ и чтобъ прислалъ ко мнѣ вѣдомость о росходѣ денегъ, о платьѣ и о протчемъ, что имѣется у него на лицо, о наукахъ, о аттестатахъ профессорскихъ и о столѣ, наемный ли или герцогскій имѣетъ, и отослалъ для отправы до Вынклера. Надъ вечери былъ я съ Гудовичемъ у первосвященного епископа володимерского и ярополского Платона Петрункевича съ поздравленіемъ его возведеніемъ на оный епископскій санъ, отъ которого увѣдомились, что ему-жъ велено быть по прежнему въ святѣйшемъ сунодѣ членомъ, а преосвященному Тодорскому титуловатись архіепископомъ псковскимъ именными указами. Запасъ г. Лизогуба пришелъ въ С. П. Бурхъ.

27. По службѣ Божой въ дворцѣ были у ручки ея імператорского величества, потомъ были-жъ у графа Р(озумовского), а оттоль пошедши, съ поздравленіемъ были у его преосвященства отца Тодорского, что ему именнымъ указомъ опредѣлено титуловаться архіепископомъ псковскимъ, у которого мы всѣ трое и обѣдали, а съ нами и оберъ-секретарь синодалный Яковъ Герасимовичъ Левани-

---

237) Впослѣдствіи принявшимъ фамилію Будлянского.

довъ и священникъ дворцовый отецъ Андрей, родомъ зъ Оскола. Послѣ обѣда прислалъ отецъ духовникъ Ѳедоръ Яковлевичъ Дубянскій чрезъ прикажчика своего Симена Дмитріева Шоха сто рублей денегъ къ прежнымъ сту рублямъ, и на оные денги, вмѣстѣ на двѣстѣ рублей, дана отъ мене росписка: тѣ-же денги занимали прикажчики его въ Малой Россіи у г. Скоропадского. Сего числа прибывшій до С. П. Бурха бунчуковый товаришъ Григорій Богдановичъ рано явилъся у насъ на квартерѣ.

28. Писалъ писмо до молодыхъ Скоропадскихъ до Вроцлавя, въ Силезію, и съ включеннымъ, отъ отца ихъ вчера полученнымъ пакетомъ, да переведеннымъ по нѣмецку именнымъ о гетманѣ, въ прошломъ 1747 году, маія 5-го, состоявшимся указомъ, отосланъ до постъ-директора Аша для отправы по почтѣ. Рано былъ Богдановичъ и показывалъ свою изготовленную челобитную. Гудовичъ ездилъ до г. Гендрикова и въ провіантмейстерскую кантору и въ сенатъ. Я началъ принимать лекарства въ декоктѣ.

29. За роботу трохъ запонокъ, въ срѣбро оправленныхъ, золотарю дано 1 р. 50 к. Рано были у насъ полковникъ Танскій и локей дворцовый Пуховичъ, которого при дворѣ називаютъ Товаромъ. За 4 стаканцы хрусталные дано 24 к., за сотню скалокъ 20 к., за починку фузіи и на другіе мѣлочи дано 23 к. Яскевичъ прибылъ.

30. Писаны писма въ Глуховъ: одно до Скоропадского съ объявленіемъ, что у духовника денегъ 400 р. отобраны, да и за козакомъ Ковбасою, что-бъ его дѣло въскорѣ рѣшено въ генералной канцелляріи, другое до Іосифа племѣнника, что-бъ дворъ въ Глуховѣ пооправленъ былъ и сѣно, овесъ и муки разной запасено-бъ, и оные писма вручены Алексію Долінскому, отъежджающему до Малой-Россіи. Написано отъ насъ всѣхъ доношеніе въ сенатъ о промеморіи, отъ генерала Бісмарка въ генералную войсковую канцелярію съ досадами и предъосужденіемъ чиновъ малороссійскихъ присланной и зъ онымъ доношеніемъ ездилъ Гудовичъ въ сенатъ, но не принято. А послѣ полдня присилалъ нарочного экзекуторъ сенатскій Іванъ Івановичъ Дурново зъ писмомъ до Гудовича, что-бъ онъ зъ тѣмъ доношеніемъ явилъся завтра въ сенатъ.

31. Оное доношеніе подано чрезъ Гудовича въ сенатѣ. Яскевичъ у насъ былъ и токмо къ Гудовичу изъ дому его подалъ писмо.

Полковникъ Василь Танскій отъехалъ изъ С. П. Бурха во свояси. Рудому куплено ременю на чоботы за 29 к.

Априль.

1. Швагеръ Гудовичевъ, Георгій Носенко-Белецкій прибылъ въ С. П. Бурхъ. Войтъ нѣжинскій израна былъ у г. Лизогуба. Сотникъ понурницкій Брежинскій такожъ въ С. П. Бурхъ прибылъ. За окованье 4 колесъ до будки дано 4 р. 70 к., за 20 фунтовъ шроту 85 к., въ доплатку за червонецъ къ 4 р. приданы 25 к.

2. Государиня сообщалась святымъ тайнамъ въ болшой придворной церквѣ. Послѣ полдня въ квартерѣ нашей былъ графъ І. С. Гендриковъ и потомъ капитанъ драгунского полку, Іванъ Ѳедоровъ синъ Соловьевъ, швагеръ Якубовичевъ, тако-жъ и Журманъ зъ Губчичемъ, сотника почеповского синомъ, который вчора прибылъ въ С. П. Бурхъ и сказовалъ, что и полковникъ стародубовскій Ѳедоръ Максимовичъ сюда-жъ едетъ.

3. Въ сей день празденственный Въѣханія Господня были мы всѣ трое въ дворцѣ, перво на службѣ Божой въ болшой церквѣ, таже въ сал-галереи, потомъ и у графа, а обѣдали въ квартерѣ. Послѣ полдня государиня изволила ездить на графскій, что надъ Фонталкою дворъ, где и полковникъ гадяцкій Галецкій передъ ея величествомъ былъ. Потомъ онъ-же былъ у насъ и сказовалъ, что будучи у него, войтъ нѣжинскій говорилъ обо мнѣ. Янушкевичъ видѣлъ рано Соколовского, прибывшого сюда.

4. За отоси дано 16 к., за оглобли дано 8 к., за діоготь и гвоздки и прот. 14 к. Приходилъ къ намъ проститись Семенъ Шохъ, отъежджаючи отселя до дому купно съ попомъ Семіоновскимъ Димитріемъ, который сказовалъ, что преосвященный Митрофанъ Слотвінскій, архіепископъ тферскій, преставился. Съ нимъ же Шохомъ и бунчуковый товарищъ Григорій Богдановичъ отъехалъ.

5. Полковникъ стародубовскій Ѳедоръ Максимовичъ прибылъ въ С. П. Бурхъ и перво къ намъ на квартеру заехалъ, потомъ сталъ въ духовниковомъ домѣ. Послѣ полдня ездилъ я съ Гудовичемъ до графа Гендрикова.

6. Послѣ полдня знову былъ у насъ полковникъ стародубовскій, которому я виговоровалъ за поставленную рогу въ Куровѣ и за произносящіеся отъ него пліотки (сплетни).

7. Рано ездилъ съ полковникомъ гадяцкимъ Галецкимъ въ Невскій монастырь и тамъ, по отправленой передъ отцемъ намѣстникомъ Софроніемъ исповѣди, по благости Божіей, удостоились причащатись святыя Евхаристіи.—На розницю розышлось 25 к., да за разные сѣмена огородные дано 36 к.. Івану Рудому за три рубашки 80 к.

8. Послѣ полдня ездили съ Гудовичемъ къ графу Гендрикову и какъ у самого, такъ и у брата его Андрея Симоновича доволно сидѣли.—Перепліотчику за оправу трагедіи Хорева даны 10 к.

9. Писалъ къ сину въ Киль, подъ № 9-мъ, на его писмо вчора полученное, что-бъ онъ до въ предъ будущого моего къ нему писма континуовалъ науки и за полученіемъ того писма и векселю на 20 червоныхъ собралъся-бы къ поезду до Риги, а оттоль до дому на нѣкоторое время, и оное писмо отдано г. Вынклеру для отправы по почтѣ въ Киль. Сего мѣсяця взялъ я до прежныхъ изъ общихъ денегъ 40 р., а Гудовичъ и г. Лизогубъ по толку-жъ и тако за всякимъ стало оныхъ денегъ по 200 р.

10. Въ сей день Свѣтлаго Воскресенія Господня, зъ полуночи, въ началѣ четвертого часа, началось въ дворцовой церкви набоженство и продолжалось до 7-го часа, на которомъ присутствовали и ея імператорское величество и его і. высочество государь великій князь. По утренѣ были допущены всѣ бывшіе въ церкви къ руки ея величества. По службѣ были у графа и тамъ многихъ господъ поздравляли и съ ними цѣловались. У графа поччованы водкою, потомъ мимоездомъ были у полковника Божича, обѣдали въ квартерѣ и съ нами старый и молодый Політика. Полковники гадяцкій и стародубовскій у насъ были, а надъ вечери я съ Гудовичемъ у полковника стародубовского былъ.

11. Рано ездили съ поздравленіемъ и были у сенатора князя Алексія Дмитріевича Голицина, потомъ въ дворцѣ у духовника и у Ѳедора Івановича Коченевского, да у графа Кирила Григоріевича Розумовского, а по обѣдѣ былъ у насъ Журманъ съ женою и съ молодымъ Губчицомъ. Мы потомъ всѣ трое ездили до Демидова, послѣ были и долго въ ночь сидѣли у полковника стародубовского.

12. Рано были у віце-канцлера графа Воронцова, у секретаря графа Шувалова, у великого канцлера графа Бестужева-Рюмина, потомъ у графовъ Андрея и Івана Симоновичевъ Гендриковыхъ,

где и обѣдали и весь день пробавили; тамъ всѣхъ насъ троихъ дарилъ шапками графъ Іванъ Симоновичъ. Государиня изволила отъехать въ Царское Село.

13. Весь день я пролежалъ боленъ, а г. Лизогубъ съ Гудовичемъ у графа Румянцова, у Апраксина и у барона Черкасова были рано, а обѣдали въ квартерѣ и съ ними полковникъ Божичъ. Послѣ обѣда былъ у мене полковникъ гадяцкій Галецкій и до позна проседѣлъ.

14. Въ 6-мъ часу полуночи прошла Нева и випалено изъ 3-хъ пушекъ, потомъ знову изъ 3-хъ же пушекъ, какъ стали по Невѣ суднами ездить. Вчора званныи отъ графа Румянцова наши у него сего числа обѣдали, а я вчора и сей день былъ неотлучно въ квартерѣ, ради случившейся мнѣ прошлодневной ночи болѣзни. Послѣ полдня былъ у насъ въ квартери графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ съ своимъ швагромъ Александромъ Сергіевичемъ Бутурлинымъ и нѣсколько человѣкъ ундеръ-офицеровъ гвардіи.

15. Рано ездили мы всѣ трое къ архіереямъ: псковскому Симону Тодорскому и переславскому Арсенію Могилеанскому и поздравляли ихъ праздникомъ. Обѣдали у насъ поковникъ гадяцкій, да переводчикъ Політика и Яскевичь. Послѣ полдня были всѣ трое у князя Н. Трубецкого, потомъ два мы съ Гудовичемъ у оберъ-прокурора сенатского Николая Алексіевича Жеребцова и у переводчика іностранной коллегіи Данилевского, где видѣлись изъ Лібартовскимъ, отъ Журмана зъ банкету пріехавшымъ.

16. Писано писмо къ сину въ Киль подъ № 10-мъ, что-бъ онъ до въ предъ будущого моего къ нему писма континуовалъ прилѣжно науки, а между тѣмъ сискивалъ способу, какъ бы лучше лѣтомъ прибыть до Риги, и оное писмо отдано на почту постъ-директору Ашу. Были на службѣ въ Невскомъ и у архіерея. Обѣдали у насъ Лібартовскій, Данилевскій и пѣвчій дворцовый изъ Красного Колядина Семенъ Тыхоновичъ, а по обѣдѣ у насъ-же были Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій и полковникъ стародубовскій Максимовичъ и войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ. Пріехалъ изъ Царского Села дворъ.

17. Были въ дворцѣ на службѣ, потомъ заходилъ я къ Любистку съ полковникомъ гадяцкимъ Галецкимъ, а оттоль съ нимъ же пріехавъ въ квартеру, тутъ обѣдали у насъ онъ полковникъ и Марковичъ капитанъ-поруччикъ, да у мене-жъ была и съ нами

обѣдала кума, Акилина Николаевна, канцеляриста сенатского Тимофіева жена, чрезъ которую данъ сину еи, а моему крестнику 1 р. денегъ.

18. Государиня изволила ездить рано до Ігната Кириловича Полтавцова для посѣщенія болной его жены. Мы съ Гудовичемъ перво были у Ѳедора Івановича Коченевского, потомъ у графа Івана Синоновича Гендрикова передъ обѣдомъ, а по обѣдѣ былъ у мене полку харковского салтовскій сотникъ, Ѳедоръ Івановичъ Картавый.

19. Рано отвезена куфа двойного вина, сіесть горѣлки, въ домъ господина віце-адмирала Александра Івановича Головина, въ даръ ему за показанную отъ него благосклонность позиченіемъ намъ для езди еще въ 1745 г. берлина. Ездили въ дворецъ и тамъ, будучи у графа Р(озумовского), видѣли и государиню въ присутствіи многихъ кавалеровъ, а потомъ мы два съ Гудовичемъ обѣдали у полковника гадяцкого, а надъ вечери ездили до Вынклера, до Носка и до графа Мойсѣя Владиславича, но ни кого не застали. Сказовали мнѣ, что Соколовскій, минуя квартеру нашу, бранилъся.

20. Рано ездилъ Гудовичъ до нѣкоторыхъ сенаторей за доношеніемъ отъ насъ поданнымъ въ сенатъ стороны премеморіи отъ генерала Бісмарка въ генералную канцеллярію, безреспекту писанной. Потомъ оба мы были въ дворцѣ; обѣдали-же у насъ секретарь штатсъ-конторы Шишкинъ и швагеръ его, семеновского полку гвардіи фуріеръ, да протопопенко (сынъ протопопа) сосницкій Полторацкій. Надъ вечери двое мы были у Лібратовского и тамъ застали обермуншенка Евфима Юрьевича Бахтѣева съ протчими. Гвардіи семеновского полку маіоръ и кавалеръ, графъ Іванъ Михайловичъ Евфимовскій преставилъся.

21. Въ 10-мъ часу по полуночи былъ съездъ ко двору імператорскому для поздравленія ея высочества, государини, великія княгини Екатерины Алексіевны рожденіемъ ея, но за болѣзнію, ея высочеству приключившеюся, не виходила, толко тѣмъ торжествомъ поздравляли его высочество и къ руки его допущены. По службѣ Божой мы всѣ трое, да и полковники Галецкій, Божичъ и Максимовичъ обѣдали у графа Мойсѣя Владиславича. Потомъ знову были мы двое съ Гудовичемъ въ дворцѣ на балѣ и уже въ 11-мъ часу пріехали на квартеру.

22. Званы отъ преосвященного Ѳеодосія Янковского, архіепископа с.п.бурского и шлютелбурского обѣдать въ Невскій монастырь, и тамъ обѣдали мы трое, да полковникъ стародубовскій Максимовичъ. А оттоль какъ возвратились, то въ 6-мъ часу по полудни было провождено тѣло въ монастырь Невскій продпомянутого графа Евфимовского. Смеркомъ мылся у насъ въ банѣ полковникъ гадяцкій Галецкій.

23. Оного-жъ графа Евфимовского въ монастырѣ Невскомъ погребено. Государиня изволила кушать у графа Петра Івановича Шувалова, ради рожденія жены его Мавры Егоровны. Ігната Кириловича Полтавцова жена Ірина Івановна преставилась.

24. Обѣдали у насъ полковники Галецкій и Божичъ, а надъ вечери были мы всѣ трое на Смолномъ дворѣ у Журмана и тамъ изъ лука стрѣляли.

25. Въ сей день воспоминанія коронаціи ея імператорского величества былъ израна до двора імператорского съездъ какъ іностранныхъ пословъ и министровъ, такъ и россійскихъ обоего пола знатныхъ персонъ, и послѣ службы Божой поздравляли ея імператорское величество и къ руки допущены. Обѣдъ-же въ болшой салѣ на тронѣ ея імператорское величество съ великимъ княземъ, а протчіи за убранными столами, между которыми и фонтаны были подѣланы, кушали. По полдни былъ балъ въ салъ-галлереи, а ночью какъ на обыкновенномъ театрѣ, такъ въ около крѣпости и везде по всемъ городѣ изрядная была иллюмінація. Преосвященный псковскій проповѣдь имѣлъ. Рано въ дворцѣ будучи, полковникъ стародубскій Максимовичъ въ графской прихожой избѣ при полковнику Божичу и при капитану-поруччику Марковичу (сказовалъ полковникъ гадяцкій Галецкій) бранилъ всю старшину генералную всякими скверными словами.

26. Рано едучи ко дворцу, миновала насъ государиня противъ гостинного двора и изволила ездить въ лѣтный дворецъ, а оттоль возвратилась кушать въ собственномъ въ своемъ дворцѣ, где прежде жить изволила, будучи цесаревною. Мы зъ Гудовичемъ были у Ѳедора Івановича Коченевского, который объявилъ намъ произнесенную клевету на насъ, будто у насъ учинены посулы великіе посилающейся персонѣ въ Украину для избранія гетмана. Сего числа погребена Полтавцова жена въ Невскомъ монастырѣ.

27. Рано съ Гудовичемъ были въ дворцѣ и подали писмо графу отъ матушки его; чрезъ Барановского о козакахъ кіевскихъ и отъ ихъ-же писанное донощеніе въ сенатъ подано. Послѣ обѣда изволила государиня отъехать въ Пітергофъ для осмотру строеній. Мы съ Гудовичемъ вечеромъ были у Савлукова и съ женою его, Агафіею Яковлевною Довбешковною, смотрѣли каменныхъ ихъ полатокъ, въ которыхъ они живутъ.

28. Были всѣ трое въ дворцѣ рано, а по обѣдѣ ездили мы два съ Гудовичемъ до графа Івана Симоновича Гендрикова и у него сидѣли доволно и ему-жъ обявили о предпомянутой клеветѣ; а отъ него возвращаючись, привезли съ собою подпрапорщика кадецкого корпуса Василія Івановича Розумовского[238]), который у насъ и вечерялъ. Потомъ отвезли его къ ісакіевской пристани поездомъ полковника Галецкого. Въ дворцѣ въ вечеру былъ маскарадъ.

29. Рано мы съ Гудовичемъ были въ дворцѣ и видѣлись тамъ съ архіереемъ псковскимъ Тодорскимъ, потомъ заходили до Ѳедора Івановича Коченевского. Обѣдалъ у насъ протопопъ миргородскій Горковскій и полковникъ Божинъ, который отъехалъ въ компанію до Журмана на Смолный дворецъ, где обѣдалъ и полковникъ Галецкій.

30. Въ 1-мъ часу по полудни изволила ея імператорское величество, такожъ ихъ імператорскіе высочествы, государь великій князь и государиня великая княгиня, имѣть свой публічный переездъ изъ зимного въ лѣтный дворецъ при пушечной палбѣ изъ крѣпости, зъ адмиралитейства и изъ яхтъ, и когда прибыла государиня въ лѣтный дворецъ, то тутъ многіе господа и кавалери и другихъ чиновъ встрѣтили передъ дверми, а на караулѣ гвардія въ барабаны и съ музиками отдавали честь, а при входѣ до покоевъ, перво изволила ея величество пойти въ церковь, потомъ чрезъ болшую салю прошедъ въ первую камору, тамъ всѣхъ, въ томъ числѣ и насъ, пожаловала къ рукѣ, послѣ жаловала-же до руки и великая княгиня. Зъ болшой салѣ пошли прямо до графа Алексія Григоріевича, которій обнадеживалъ насъ скорымъ отпускомъ и, попотчивавъ водкою, приказалъ рано когда къ себѣ явитись одному Гудовичу. Полковникъ гадяцкій прислалъ мнѣ окорокъ ветчины, у кото-

---

238) В. И. Разумовскій послѣдствіи былъ гадяцкимъ полковникомъ.

рого мы съ Гудовичемъ и сами были и доволно у него сидѣли, тамъ-же заставши и Божича.

Маій.

1. На службѣ Божой въ болшой дворца лѣтняго церквѣ посвящалъ преосвященный Тодорскій, архіепископъ псковскій, ректора семінаріумъ невского, отца Гавріила Кременецкого архимандритомъ въ Москву новоспаского монастыря, а по службѣ были у ручки у ея імператорского величества въ салѣ и потомъ къ графу ходили и трактованы тамъ водкою. Обѣдалъ у насъ переводчикъ синодалный Політика, а послѣ обѣда былъ у насъ-же гвардіи семеновского полку гранадерской роти поруччикъ Софоновъ. Приходилъ ко мнѣ отъ кума Якова Тимофіева поддячій съ извѣстіемъ, что крестникъ мой, а его синъ Никита преставилъся. Государиня изволила ездить къ рогаткамъ.

2. Рано ездилъ въ дворецъ Гудовичъ и былъ у графа по выше объявленному приказу, где ему отъ графа обявлено, что къ отправленію графа Гендрикова все уже готово. Послѣ полудня ездили мы всѣ трое до камеръ-гофъ-фуріера и полковника Ігната Кириловича Полтавцова и съ нами полковники Галецкій н Божичъ.

3. Обѣдали у насъ тѣ-же полковники оба и секретарь Новоторжцовъ, надъ вечери былъ у насъ Ігнатъ Кириловичъ Полтавцовъ съ братомъ своимъ Романомъ Кириловичемъ Полтавцовымъ-же, а изъ рана приездилъ къ намъ графъ І. С. Гендриковъ.

4. По службѣ Божой въ дворцѣ, на которой въ малой придворной церкви произведенъ архимандритомъ въ воскресенскій, что за Москвою, монастырь отецъ Амвросій Камінскій, префектъ семінаріи невской, преосвященнымъ Сумономъ, архіепископомъ псковскимъ. Были у графа въ присутствіи многихъ господъ и кавалеровъ, а зъ дворця прямо отъехали къ полковнику Божичу, у которого всѣ мы трое и полковникъ гадяцкій обѣдали. Изъ рана былъ у г. Лизогуба войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ, и онъ-же заежджалъ и до полковника гадяцкого Галецкого. Въ дворцѣ былъ въ вечеру куртагъ.

5. Рано мы двое съ Гудовичемъ были въ дворцѣ и съ графомъ А. Г. имѣли розговоръ и просили о отправѣ какъ міністра, такъ и своей. Зъ дворца заехалъ къ намъ графъ Іванъ Сименовичъ

Гендриковъ и обѣдалъ у насъ. Послѣ полдня съ полковникомъ Божичемъ и Гудовичемъ ездилъ я до Лібратовского.

6. Были въ дворцѣ съ Гудовичемъ и по службѣ у графа, где великій канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ болѣе двухъ часовъ съ графомъ имѣлъ конференцію. Обѣдалъ у насъ гвардіи преображенского полку солдатъ Мойсѣй Березинскій. По обѣдѣ у насъ-же были полковники Галецкій и Божичъ.

7. Въ 12-мъ часу полуденномъ изволила государыня съ нѣкоторою частію придворного штата до Царского Села отъехать. Послѣ обѣда былъ у мене господинъ Вынклеръ и привезъ писмо, отъ сина изъ Киля полученное на почтѣ. Обѣдалъ у насъ канцелляристъ рекетмейстерской канцелляріи Николай Ивановичъ Кречетцовъ, которому и записка дана, что къ моей челобитной апелляціонной изъ дѣла выписать надлежитъ. Получено писмо изъ Вроцлавя отъ молодыхъ Скоропадскихъ; постиліону за оное дано 2 к.

8. Обѣдали у насъ войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ, да Лукомскій, бывшій сотникъ полковый прилуцкій. Послѣ полдня ездили до графовъ Гендриковыхъ и у обоихъ были, где была-жъ при насъ и сестра ихъ Марія Симоновна и вице-канцлеръ графъ Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ.

9. Послѣ службы Божой заходили ко мнѣ съ поздравленіемъ патрона маіоръ волоского полку Анастасій Баронъ, да войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ и грекъ Николай (Матонисъ), потомъ полковникъ стародубовскій Максимовичъ, а обѣдали у насъ полковники Галецкій и Божичъ, іностранной коллегіи переводчикъ Данилевскій и бунчуковый товаришъ Політика.

10. Обѣдалъ у насъ нарочно пріездившій іностранной коллегіи надворный совѣтникъ Адамъ Васильевичъ Алсуфьевъ съ переводчикомъ Данилевскимъ, которому совѣтнику и книжка о блаженствахъ, изданія покойного Феофана Прокоповича, отъ мене подарена.—Первый пожаръ былъ въ Москвѣ.—Рано помянутій Політика прислалъ намъ въ общѣ 5 бутилокъ вина судакского. Послѣ полдня въ 4-мъ часу пріездилъ ко мнѣ господинъ Вынклеръ, которому я далъ 67 р. 50 к. для переводу до сина въ Киль, чтобъ тамъ ему отдано 30 червоныхъ, о чемъ и писмо, отъ мене до сина написанное подъ № 11-мъ, тому-жъ Вынклеру вручено, дабы онъ, сынъ мой, принявъ тамъ въ Килѣ тѣ 30 червоныхъ отъ коммиссаріуса

де-Саллернъ юля 1-го n. s. и собрався совсѣмъ безъ остатка, получа-же отъ принца Августа пашпортъ и съ академіи и отъ профессоровъ тестимонія о наукахъ, ехалъ въ Ригу, а оттоль домой. Надъ вечери были у насъ полковники гадяцкій и Божичъ, потомъ и стародубовскій Максимовичъ.

11. Рано ходили съ Гудовичемъ въ лѣтный дворецъ. Вѣдомость пришла вчора до г. Лизогуба, что невѣстка его, сина его-жъ Григорія жена, преставилась. Полковники Галецкій и Божичъ мились у насъ въ банѣ.

12. Принималъ лѣкарство слабителное, за которое дано въ аптекѣ 24 к. Передъ обѣдомъ былъ у мене Іванъ Барановскій съ требованіемъ меморіала о дѣлахъ малороссійскихъ, о которыхъ въ прошломъ 1747 году сентября 6-го въ писмѣ нашемъ къ графу выразили, якій меморіалъ и отвезъ къ нему Гудовичъ, а я особливо къ нему-жъ картою писалъ о подачи моего прошенія, въ пакетѣ запечатанного, графу, въ моемъ собственномъ дѣлѣ. Послѣ полдня былъ у насъ подпоруччикъ полку пѣхотного інгермоландского Аполлонъ Василіевичъ Лодижинскій, а г. Лизогубъ ездилъ къ Марковичу и къ Журману.—За 15 рюмокъ хрусталныхъ дано 45 к., на другіе дробязки 22 к.

13. Послѣ обѣда посѣщали полковника Галецкого, который изъ руки кровъ пущалъ, а отъ него ходили къ живодіорнимъ избамъ, где медведя собаками травили, изъ которыхъ найлучше брала медведя собака британская Петра Мойсѣевича Левіцкого, графского бывшого муншенка [239]).

14. Писалъ писмо къ сину въ Киль подъ № 12-мъ, обявляючи, что здесь даны г. Вынклеру 67 р. 50 к., чтобъ перевелъ онъ тѣ денги въ Киль и тамъ-бы сину моему заплачено 50 червоныхъ комміссаріусомъ de Sallern; къ нему-жъ сообщенъ реестрикъ о покупки книжокъ 3 латинскихъ, кромѣ въ прежнемъ реестрѣ вираженныхъ, и тое писмо отдано постъ-директору Ашу для отправленія по почтѣ.—За оправу табакерки каменной дано 4 р. серебрянику. Іхъ імператорскіе высочества изволили возвратиться зъ Царского Села и при нихъ І. С. Гендриковъ.

---

239) Сынъ нѣжинскаго полковаго есаула.

15. Наведенъ мостъ на островъ Васильевскій и по оному стали ездить, и сенатъ въ свое мѣсто перебралъся. Куплено 5 перстней золотыхъ, дано за оные 25 р.

16. Государиня изволила пріехать изъ Петергофа ночью въ С.П.Бурхъ. Василь Романовичъ, бунчуковый товаришъ, прибылъ въ Ямскую съ сотничкою яготинскою, Филипа Купчинского женою.

17. Послѣ полдня былъ у насъ графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, а потомъ онъ-же и мы съ нимъ перво у полковника гадяцкого Галецкого, потомъ у полковници Ізволской были, где и его графиню застали.

18. Рано былъ у г. Лизогуба Романовичъ. Пожалованы полковничими рангами изъ пѣвчихъ дворяне: Петръ Лазоровичъ уставщикъ, Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій, Кирило Степановичъ Рубановскій, да Григорій Михайловичъ Любистковъ слѣпый, а подполковничимъ Яковъ Алексіевичъ Пучковскій.

19. По службѣ Божой была въ дворцѣ отпускная авдіенція цесарскому послу барону Претлаху. Надъ вечери были съ Гудовичемъ у Любісткова и поздравляли его пожалованнымъ рангомъ, тако-жъ и до Коченевского за тимъ-же ходили.

20. Рано призиваны въ сенатъ пожалованные дворяне рангами полковничими и приведены къ присяги. Въ 1-мъ часу по полудни была другому послу цесарскому авдіенція, который на мѣсто отпущенного имѣетъ быть при здешнемъ дворѣ. Новоторжцовъ у насъ обѣдалъ. Государиня изволила отъехать къ Гостилици послѣ вечерень.

21. Послѣ обѣдни былъ у насъ графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, а обѣдалъ у насъ-же капитанъ Іванъ Ѳедоровичъ Соловьевъ. Сего-жъ числа рано (какъ слухъ пронесъся) взяты подъ караулъ въ крѣпость капитанъ поруччикъ гвардіи преображенского полку Василь Марковичъ и солдатъ Мойсѣй Березинскій.

22. Посвященъ архіепископомъ сарскимъ и подонскимъ архимандритъ бывшый воскресенскій Іларіонъ Григоровичъ, а рукополагалъ оного преосвященный архіепископъ псковскій и нарвскій Сѵмонъ Тодорскій съ другими архіереями. Его імператорское высочество и великая княгиня изволили отъехать до Гостилици зъ С.П.Бурха. Вечеромъ былъ полковникъ стародубовскій Максимовичъ, какъ мы повернулись зъ проездки, зъ которой мимоездомъ были у

ассессора ямской канцеляріи Алексія Өедоровича Кутузова. Рано были у дворецкого Шереметева, Өедора Дементіева Звѣрова.

23. Отосланы писма, подъ 16-мъ числомъ писанные до Скоропадского въ Глуховъ и до жены въ домъ къ Якову Тимофіевичу, чтобъ по почтѣ изъ сената отправилъ до Глухова.—Повторный пожаръ въ Москвѣ, да и въ Глуховѣ сего-жъ числа.—Послѣ обѣда были мы два съ Гудовичемъ въ новомъ дворцѣ Аничковскомъ и въ саду и во всѣхъ тамошныхъ строеніяхъ ходили.

24. Писалъ писма въ домъ до жены и въ Глуховъ къ Скоропадскому и къ нему-жъ включилъ пакетецъ отъ господина Любистка до бунчучного генералного Оболонского. Послѣ полудня проежжались и потомъ заехали къ выце-адмиралу Александру Івановичу Головину. Староста хвастовскій отъехалъ артилерійскій [240]).

26. Прибылъ изъ Глухова на почтѣ генералной артилеріи канцеляристъ Іванъ Коляновскій, которій и мнѣ привезъ вѣдомость, что швагеръ мой Александръ Корецкій прошлого апреля 17-го умре, такожъ и другого шваграа Өедора Корецкого маленкій синокъ Василь умре-жъ. Рано былъ у графовъ Гендриковыхъ, изъ которыхъ г. Андрей весма сталъ быть боленъ.

27. Куплены чолки нитные за 33 к. Обѣдалъ у насъ и весь день просидѣлъ капитанъ Іванъ Өедоровичъ Соловьевъ. Рано отвезенъ въ крѣпость управитель деревень графскихъ Ілля Борисовъ Ксиліандеръ. Получилъ писма изъ Киля, 1-е отъ отца Іова, 2-е отъ сина, кои самъ г. Вынклеръ принесъ. Ночью прибыть изволила государиня и великій князь съ великою княгинею.

28. На писма вчора полученные отвѣтовалъ въ Киль до сина подъ № 13-мъ, виражая о томъ-же, что и прежде писалъ, да до отца Іова, до которого и тое писмо, що къ сину, включилъ въ одинъ ковертъ и отослалъ къ г. Вынклеру. Послѣ полдня былъ у насъ подпоруччикъ інгермоландского полку Аполлонъ Василіевичъ Лодижинскій и звалъ на завтре къ себѣ обѣдать.

29. Въ сей святыя Пентекостіи день, отслушавъ обѣдни въ церквѣ святого Сумеона, были въ дворцѣ и между протчими допу-

---

240) Вѣроятно, староста с. Хвастовцевъ, борзенскаго уѣзда, принадлежавшаго „на генеральную артиллерію“, т. е. опредѣленнаго на прокормленіе артиллерійскихъ лошадей.

щены къ ручкамъ всемилостивѣйшей государини, великого князя и великія княгини, а обѣдали всѣ трое у помянутого Лодижинского на Васильевскомъ острову въ первой линіи, а отъ него заежджали два насъ съ Гудовичемъ къ графу Івану Сѵмоновичу Гендрикову.

30. У генералного маіора и лейбъ-гвардіи преображенского полку маіора Івана Івановича Косогова я и Гудовичъ, тако-жъ полковники Галецкій и Божичъ обѣдали, где тако-жъ обѣдалъ того-жъ полку маіоръ князь Александръ Александровичъ Меншиковъ. Потомъ были мы съ Гудовичемъ и по обоихъ старыхъ садахъ въ дворцѣ гуляли.

31. Сего числа въ 1-мъ часу по полудни ея імператорское величество изволила съ своимъ придворнымъ штатомъ имѣти публічный свой віездъ до Пітергофа, а ихъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, туда-жъ прежде віехали. Вечеромъ были съ Гудовичемъ у г. Гендрикова и у него-жъ ужинали.

Іюнь.

1. Рано былъ у насъ графъ Гендриковъ, а обѣдали у насъ Іванъ Алексіевичъ Горчаковъ, Алексій Даниловичъ Шеншинъ и полковникъ Галецкій и Божичъ. Послѣ обѣда у насъ-же былъ канцелларистъ Данило Требінскій, а рано въ квартерѣ нашей Романовичъ зъ синомъ. Въ вечеру пріехалъ изъ Глухова нарочный куріеръ, салдатъ тамошнего гварнізону Калугинъ съ репортами, что городъ Глуховъ съ церквами, съ канцелляріами и по болшой части, почитатъ, со всѣми дворами, маія 23-го числа вигорѣлъ и съ нѣкоторими подворками.

2. Въ Бѣлгородъ и Обоянь рукоположенъ епископомъ Іоасафъ Горленко, а передъ симъ рукоположены-жъ въ епископы: Порфирій Крайскій суждалскимъ и юревскимъ, Антоній Ілляшевичъ—вяцкимъ и велико-пермскимъ, а рукополагалъ оныхъ-же преосвященный Сѵмонъ Тодорскій съ другими архіереями въ церквѣ петропавловской въ крѣпости. Потомъ оный же преосвященный бѣлогородскій Горленко трактовалъ въ своей квартерѣ всѣхъ сѵнодалныхъ членовъ и протчихъ духовныхъ. У насъ обѣдали графъ Іванъ Сѵмоновичъ съ графинею своею Катериною Сергіевною, да маіоръ Алексій Даниловичъ Шеншинъ, капитанъ Іванъ Ѳедоровичъ Соловьевъ и подпоруччикъ Аполлонъ Василіевичъ Лодижинскій;

графъ-же съ графинею скоро отъехали, а протчіи просидѣли долго. Между-жъ тѣмъ у мене были префектъ кіевскій. отецъ Варлаамъ Лащевскій и Никодимъ Рудзінскій, кадецкого корпуса іеромонахъ, и протопопъ Мглинскій, да священникъ Машевскій, а у Лизогуба шляхтичъ смоленскій Воронічъ и Романовичъ.

3. Ездили мы двое съ Гудовичемъ до преосвященного володимерского Платона Петрункевича сторони дѣлъ имѣющыхъся въ синодѣ Алексія Шеншина и протопопа мглинского.

4. По утру въ 8-мъ часу віехали зъ квартери и, поснѣдавши у графа Гендрикова, поѣхали до Пітергофа и, прибывъ туда въ 10-мъ часу по полдни, были въ графскихъ покояхъ и у духовника, и у Ѳедора Івановича Коченевского.

5. Рано были у графа, где государиня жаловала насъ къ руки, потомъ, обѣдни вислухавши, у стола государева съ кавалерами кушали обѣдъ, а по полдни были въ лагерѣ у гвардіи, где стоялъ графъ Гендриковъ, у капитана Михелсона и съ нимъ, графомъ, были у Мемплезирѣ. По службѣ Божой 4 архіереи новопосвященніи крутицкій, суждалскій, бѣлогородскій и вяцкій кланялись государини съ иконами, тако-жъ и ихъ высочествамъ.

6. Графъ Гендриковъ, пообѣдавъ у насъ, отъехалъ до С.П.Бурха, а по полдни государиня съ нѣкоторими придворними изволила отъехать въ Ропшу. Великій-же князь и великая княгиня передъ вечеромъ проеждались верхами до Стрелиной мызи.

7. По полдни въ 9-мъ часу государиня возвратилась изъ Ропши въ Пітеръгофъ.

8. Мы рано были у графа Розумовского и у духовника, потомъ знову у графа, а обѣдали у насъ Галецкій и Божичъ. Ігнатъ Кириловичъ Полтавцовъ говорилъ мнѣ о жалобѣ на мене отъ Романовича произносимой.

9. Обѣдали у Ѳедора Івановича съ духовникомъ и протчими; потомъ были на куртакѣ и у графа.

10. Рано отъехали зъ Петеръгофа и прибыли въ С.П.Бурхъ въ 5-мъ часу по полдни. Мы двое съ Гудовичемъ заездили до графа Гендрикова.

11. Писмо отца Лащевского, префекта кіевского, отпущено до Корна въ Вроцлавъ по почтѣ. У насъ были графъ Гендриковъ и Новоторжцовъ; въ 7-мъ часу по полдни прибыла государиня въ С.П.Бурхъ.

12. Государыня изволила слушать обѣдни у церкви казанской, ужинать у графа Петра Івановича Шувалова. Мы двое съ Гудовичемъ были у Любисткова.

13. Знатно Гудовичъ занемогъ. Я обѣдалъ у маіора гвардіи преображенского полку Івана Івановича Косогова и у него випросилъ лѣкаря для ползованья Гудовича. Графъ Андрей Симоновичъ Гендриковъ въ 2-мъ часу по полдни умре, и мы съ г. Лизогубомъ тамъ были.

14. Пріездилъ по полдни къ намъ подпоруччикъ пѣхотного московского полку Александръ Сергіевичъ Бутурлинъ звать на погребеніе умершого графа Андрея къ завтрему.

15. По полуночи въ 8-мъ часу поехали г. Лизогубъ и я на оное погребеніе, и виносъ начался зъ двора въ 9-мъ часу до монастыря Невского. На виносѣ былъ архіерей новопоставленный бѣлогородскій Іоасафъ Горленко. Обѣдню служилъ с.п.бурскій архіерей, погребеніе отправляли оба. На погребеніи были изъ кавалеровъ віце-адмиралъ Головинъ, камергери Жеребцовъ и Наришкинъ, маіоръ гвардіи измайловского полку Гурьевъ; изъ дамъ: віце-канцлерова Воронцова и вдова Александра Львовича Наришкина жена, да графиня Гендрикова Катерина Сергіевна. Обѣдали у графа Івана Симоновича Гендрикова кавалери Жеребцовъ и Гурьевъ, да нѣкоторіе офіцери гвардіи и другихъ полковъ. Послѣ обѣда графъ г. Лизогуба и мене дарилъ обручиками золотыми, на память умершого здѣланными.

16. Я былъ рано у полковника гадяцкого Галецкого и мирилъ его съ Божичемъ, которій вчора съ нимъ поссорилъся. Салдатъ въ прудѣ государева Аничковского двора, упавъ въ воду, утонулъ. Канцеляристъ генералной артилеріи Коляновскій отъехалъ по почтѣ къ Глухову, чрезъ которого и писма, подъ числомъ 24-го маія писанные, до Скоропадского и въ домъ отпущены.

17. Рано и послѣ полудня выдѣни были въ день подле солнца мѣсяцъ и звѣзда. По полдни былъ я у Дивова съ Янушкевичемъ и говорилъ о дѣлѣ нашемъ.

18. У обѣда много болталъ Янушкевичъ, а по полдни въ 5-мъ часу пришли суда изъ Петергофа и зъ пушокъ палили.

19. Подъ часъ вечерній ихъ высочества, а ночью государиня изволила прибыть въ С.Б.Пурхъ.

20. Послѣ полдни былъ я у сенатора князя Алексія Дмитріевича Голицина и меморіалъ ему о дѣлѣ Янушкевича съ Соколовскимъ оставилъ. Капитанъ Іванъ Ѳедоровичъ Соловьевъ и маіоръ Веселовскій были у насъ.

2р. Графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ съ женою своею заездилъ къ намъ изъ невского монастыря, где онъ у архіерея по поминовеніи брата обѣдалъ. У насъ-же обѣдали капитаны пѣхотного астраханского полку Матвѣй Івановичъ Алексіевъ и Соловьевъ. Потомъ былъ у мене Вінклеръ, у Сіверса обѣдавшій.

22. Графъ А. Г. Розумовскій съ нами говорилъ о своихъ въ скотѣ и въ протчемъ убыткахъ. Государиня изволила ездить съ нѣкоторими придворными на ужину въ Катериногофъ. Сочинено прошеніе до графа о дѣлахъ общыхъ.

23. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского и до Іосифа, да до жены въ домъ чрезъ глуховского сержанта Анисима Асмолова, отправленного изъ сената. Алексію Гречцѣ говорилъ я, чтобъ онъ сказалъ Соколовскому, дабы онъ мене не поносилъ и не злословилъ.

24. Обѣдали у графа Івана Симоновича Гендрикова ради его тезоименитства.

25. Былъ съ Гудовичемъ у преосвященного псковского.

26. Подано писменное наше прошеніе о общыхъ дѣлахъ графу Розумовскому чрезъ Барановского.

27. Писалъ інстанцію за Андреемъ Політикою до Скоропадского въ Глуховъ, потомъ былъ на Василевскомъ острову у отца Варлаама Лащевского.

28. Былъ я одинъ въ дворцѣ, и сказовалъ мнѣ Барановскій, что графу Розумовскому прошеніе наше онъ вручилъ.

29. Рано поздравляли тезоименитствомъ и были у ручки великого князя. Обое ихъ высочества слушали обѣдни въ крѣпостной церкви Петра и Павла, а мы въ дворцѣ службы и молебня слушали. По полдни въ 7-мъ часу въ дворцѣ были на балѣ. Сего числа пожалованы ордены св. Анны генералу-маіору арапу Аврааму Петровичу (*пропускъ*) и Бреверу.

30. Обѣдали мы съ г. Лизогубомъ и съ маіоромъ гвардіи Косоговымъ и протчими у полковника гадяцкого Галецкого ради тезоименитства его вчорашного, потомъ и у Петра Івановича Розумовского были.

Юль.

1. Я одинъ былъ и рано, и по обѣдѣ въ дворцѣ, тако-жъ у Любисткова слѣпого, а вечеромъ были у насъ Журманъ и Петръ Розумовскій. Значковый полку стародубовского товаришъ Андрей Політика изъ С.П.Бурха отъехалъ.

2. Отклонилъся государинѣ Журманъ со всею своею свитою. Государиня изволила передъ обѣдомъ отъехать до Пітергофа, а въ переездѣ смотрѣть донское войско, въ 1,000 состоящое, и на оное жъ пожаловала 3,000 р.

3. Куплено полотна 21 аршинъ на ночную рубашку и на портки за 1 р. 5 к. Надъ вечери ездили къ Журману прощаться.

4. За книгу «Физику експериментальную» дано 60 к. За полотно на рубашки 3 р.

5. Обѣдали на новоселлѣ у графа Івана Симоновича Гендрикова, переехавшого въ домъ, бывшій прежде Волинского, а потомъ брата его Андрея Симоновича. Надъ вечери были у графа Петра Івановича Шувалова и у Савлукова, а у насъ безъ насъ былъ Журманъ.

6. Вынклеръ увѣдомилъ мене, что синъ мой Василь іюня 19-го, а n. s. 30-го юня-жъ уехалъ зъ Киля. Журманъ со всѣми своими отъехалъ изъ С.П.Бурха.

7. Былъ Гудовичъ у Шувалова и подалъ ему сочиненные записки и у него-жъ обѣдалъ, а я по службѣ у Либратовского былъ.

8. Ездилъ рано до Носка и до Вынклера и вручилъ писма Вынклеровой женѣ въ Киль до Політики и до отца Іова, о сину моемъ писанные подъ 9-мъ числомъ. Судіи харковского Ковалевского жена пріѣхала въ С.П.Бурхъ.

9. Vacat. 10. Были всѣ трое рано у нового сенатора князя Івана Андріевича Щербатова, Послѣ обѣда былъ у насъ Носко съ женою и своими учениками, тако-жъ Вынклеръ съ пасторомъ Трефортомъ.

11. По полдни былъ съ Гудовичемъ у г. Гендрикова и тамъ ужинали, а г. Лизогубъ былъ у Дивова. Кирило Коноваленко висланъ отъ Галецкого.

12. Рано пущалъ кровь изъ ножной жили сафени. Фелшеру за то дано 50 к.

13. За полотно на простини до ковдри и до постелѣ дано 1 р. 55 к. Канцеляристъ артилерійскій Григорій Өедоровскій отъ г. Лизогуба наказанъ за писанье нѣкоторой челобитной.

14. Швачцѣ за шитье бѣлья 20 к., за родзінки 8 к.

15. Посланы писма чрезъ рейтаръ кіевскихъ сержанта Николая Козловского въ Глуховъ до Скоропадского, а въ домъ къ женѣ и до сина Василя писанные. Обѣдали и вечеряли у поруччика поліцмейстерского Якова Григоріевича Жемчужникова ради именинъ дочери его.

16. За пошитье двохъ рубашекъ 20 к., за приливанные маліе цитрони 10 к.

17. Обѣдали съ г. Лизогубомъ у Василія Івановича Венюкова и весь день пробавили. А рано были на водки съ княземъ Меншикорымъ у Ігната Кириловича Полтавцова. По полдни былъ дожчъ и громъ прежестокій.

18. У графа Гендрикова обѣдали и весь день пробавили.

19. По полдни я съ Гудовичемъ былъ у Новоторжцова и Горчакова и съ сего протывъ числа 20-го ночью занемогъ я жестоко, и былъ великій поносъ и вомѣты, чего для лежалъ весь день. Были у насъ по обѣдѣ слободскихъ полковъ капитанъ Романъ Лаврентьевичъ Шидловскій, зять Өедора Ширая, да судья харковскій Ковалевскій.

21. Писалъ писмо до Скоропадского объ економу артилерійскомъ Кирилу Бѣлоровскомъ. Грицко Дмитріевъ пущалъ себѣ кровь зъ медіаны. Гренадеръ лейбъ-компаніи Романъ Струтинскій отъхалъ въ Украину.

22. Слободского харковского полку сотникъ салтовскій, Іванъ Өедоровъ Картавый, отъехалъ изъ С.П.Бурха.

23. Графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ съ графинею своею Екатериною Сергіевною по полдни у насъ былъ.

24. По обѣдни я съ Гудовичемъ, а по полдни всѣ трое были въ дворцѣ и ходили по садамъ съ маіоромъ гвардіи Іваномъ Івановичемъ Косоговымъ. Господа всѣ ездили на куртакъ въ Пітеръгофъ. У насъ былъ по обѣдѣ профессоръ Леруà съ Григоріемъ Політикою.

25. Михайлу Андрееву, сину Трощинскому, что онъ внукъ Стефана Трощинского и малороссійскій шляхтичъ, подписали мы

всѣ трое свѣдителство въ герольдію. Я по полдни былъ у графа Румянцова и говорилъ о дѣлѣ Соколовского. Потомъ всѣ трое были у епископа володимерского Платона Петрункевича.

26. Обѣдалъ у насъ капитанъ Шидловскій, а по полдни ездили въ Катеринъ-гофъ, а ужинали у графа Гендрикова.

27. Послѣ полдня въ 5-мъ часу прибыли ихъ імператорскіе высочества, а ночью и государиня въ С.-П.-Бурхъ.

28. Ночью мѣсяцъ мѣнялъся.

29. Князь Александръ Юревичъ Трубецкой, братъ князя Юревича Трубецкого, вѣнчалъся съ княжною Адоевскою, князя Івана Василіевича дочерью, въ церквѣ Казанскія Богородицы. Писалъ писмо къ Чамову о сину Василю по почтѣ въ Ригу.

30. Рано были у г. Петра Івановича Шувалова, по полдни у духовника и въ дворцѣ.

31. Послѣ полудня съ Гудовичемъ ездили на Василевскій островъ и тамъ были у Григорія Політики и заездили въ сенатъ, где зъ дніовалнымъ секретаремъ Новоторжцовымъ видѣлись и о погорѣлыхъ въ Глуховѣ по генералной канцеляріи дѣлахъ и статіяхъ розговоровали; такожъ видѣли сочиненную о Батуринѣ выписку.

Августъ.

1. Писаны писма чрезъ браковщика адмиралитейского въ Стародубъ до Ѳедора Ширая съ включеннымъ тамъ-же писмомъ отъ зятя его Романа Лаврентьевича Шидловскаго, да до жены моей и до Скоропадского съ екстрактомъ Костиркиного челобитья.

2. Были съ Гудовичемъ перво у Ѳедора Коченевского, потомъ у генерала и генерала-адютанта Александра Борисовича Бутурлина, и врученъ ему таковый-же екстрактъ.

3. Рано я съ Гудовичемъ былъ у графа Розумовского и доволный о дѣлахъ малороссійскихъ имѣли разговоръ. Передъ обѣдомъ смотрѣла государиня полки драгунскіе: кіевскій и казанскій. По полдни были всѣ трое у князя Никиты Юревича Трубецкого, которій намъ обявилъ, что государиня приказивала ему предложить въ сенатѣ учинить Малой Россіи нѣкоторое облегченіе. Соколовскій подалъ нѣкое писмо г. Шувалову Петру Івановичу. Сего-жъ числа сотникъ козелецкій Стефанъ Барановскій прибылъ въ С.П.Бурхъ.

4. Рано былъ Гудовичъ у Шувалова и слышалъ о милостивой декляраціи, а у насъ вчора пріехавшій Барановскій былъ. Проигравъ въ фарину 40 к. Сего числа въ 12-мъ часу отъехала государиня на Сестрорѣцкіе оружейные заводы.

5. Прощалъся съ Галецкимъ передъ исповѣдію, которую

6. имѣлъ въ Невскомъ монастырѣ передъ отцемъ Софроніемъ намѣстникомъ и тамъ-же по благости Божіей сообщалъся святымъ тайнамъ на службѣ Божей, где и изъ Василіемъ Романовичемъ прошалъся.—Обѣдали у преосвященного владимерского Платона Петрункевича купно съ графомъ Гендриковымъ, потомъ у Максимовича, полковника стародубовского, и въ нашей квартерѣ онъ-же графъ былъ.

7. Государиня изъ Сестрорѣцкихъ заводовъ прибыла на разсвѣтѣ, и мы въ дворцѣ были. Потомъ я и Гудовичъ ездили къ Василію Івановичу Венюкову, а съ нимъ были у морского поручика Івана Григоріевича Батурина, которій недавно прибылъ на пакетъботѣ изъ Любека, да у секретаря адмиралитейского Івана Василіева.

8. Призиваны мы всѣ трое въ сенатъ и о нуждахъ малороссійскихъ тамъ насъ спрашивали.

9. По полудни были у Новоторжцова и женѣ его, родившей дочь Василиссу, данъ въ презентъ червонецъ. Тамъ-же застали Василія Івановича Демидова съ протчими.

10. Князь Никита Юревичъ Трубецкій подалъ государинѣ сенатскій докладъ о облегченіи Малой Россіи при нынѣшныхъ нуждахъ.

11. Отослалъ писма къ Венюкову, писанные до Батурина и до сина Василя въ Любекъ, чтобъ онъ оттоль ехалъ.

12. Рано были съ Гудовичемъ передъ графомъ Розумовскимъ, а ужинали у графа Гендрикова.

13. Государиня отъехала въ Царское Село, а мы были у Демидова, туда-жъ отъежжаючого, где и войта нѣжинского застали. За отдѣлку малой табакерки данъ 1 р.

14. Захоровалъ я по обѣдѣ. 15, 16 и 17 vacat.

18. Рано явилъси у насъ лубенского полку Савуско и Леско Ковбаса.

19. Графъ Гендриковъ позванъ въ Царское Село.

20. Писалъ писмо въ Киль до Івана Політики и отдано Вынклеру для отправы по почтѣ.

21. Но обѣдѣ съ Гудовичемъ были у Венюкова и тамъ видѣлись зъ оберъ секретаремъ адмиралтейскимъ Борисомъ Івановичемъ Никитинымъ.

22, Надъ вечери были въ Невскомъ монастырѣ у архіереевъ крутицкого и с.п.бурского и просили крутицкодо о секретарѣ Гаврилу Савичу Ермолаеву.

23. По обѣдни, будучи у преосвященного псковского, просили о томъ-же секретарѣ, а по полдни за тимъ-же были у преосвященного переяславского.

24. Писаны писма въ домъ до жены и до сина Василя, да до Ѳедора Ширая, и къ нему-жъ включено писмо до Скоропадского написанное. Вечеромъ были у архимандритовъ сѵнодалныхъ я и г. Лизогубъ за тѣмъ-же секретаремъ Ермолаевымъ. А Гудовичъ рано у г. Шувалова, а по обѣднѣ у К. Трубецкого

25. Первіе ихъ высочества, а въ 10-мъ часу по полудни и государиня изволили прибыть въ С.П.Бурхъ. Мы съ Гудовичемъ были у Лібратовского, Данилевского и Королкевича.

26. Мать грэфовъ Шуваловыхъ, недавно умершая, погребена въ монастырѣ Невскомъ.

27. Vacat. 28. Были въ дворцѣ и графъ сказалъ намъ: «развѣде въ мѣстѣ съ нами до Москви отъездъ вашъ будетъ». 29. Vacat.

30. До отъезду государини и кавалеровъ ордина святого Александра въ монастырь Невскій, рано были въ дворцѣ, а по набоженствѣ графъ Гендриковъ съ своею супругою, да капитаны ізмайловского Петръ Івановичъ Кочеговъ, інгермоландского полковъ Друкортъ, того-жъ полку подпоручикъ Лодижинскій съ женою и другіе у насъ обѣдали.

31. Въ Невскомъ монастырѣ погребенъ умершый въ сихъ дняхъ братъ графовъ Шуваловыхъ, Іванъ Івановичъ Шуваловъ.

Септеврій.

1. Весь день слотный былъ, однакожъ г. Розумовскій ездилъ на охоту. Надъ вечери я съ Гудовичемъ былъ у архіерея псковского и секретаря Гаврила Ермолаева ему представляли.

2. Репартицію получили, а у Ѳедора Івановича Коченевского я и Гудовичъ обѣдали.

3. Крестили дочь Новоторжцова; воспреемниками были: маіоръ гвардіи преображенского полку Іванъ Івановичъ Косоговъ и жена Демидова Елена Василіевна, чего для и мы звани были къ нему, Новоторжцову, и у него съ протчими обѣдали. Розишлось 10 к.

4. Обѣдали у сенатского секретаря Івана Савича Ермолаева, потомъ и у брата его Гаврила Ермолаева были, а въ вечеру поздравляли графа Розумовского въ дворцѣ завтрешнимъ тезоименитствомъ государини.

5. Рано были въ дворцѣ въ салѣ, потомъ слушали обѣдни, по отправленіи которой, жаловала государиня нѣсколько персонъ кавалерами св. Александра Невского, въ томъ числѣ графовъ Гендрикова и Евфимовского, князя Івана Андріевича Щербатова сенатора, віце-адмирала Головина, генерала-лейтенанта Талызина; а графовъ Розумовскихъ—Алексія Григоріевича конной, а Кирила Григоріевича пѣхотной гвардіи измайловского полку подполковниками; графа Петра Івановича Шувалова генераломъ адютантомъ, да Кирила-жъ Григоріевича кавалеріею полскою. Ночью была иллюминація.

6. Рано ездили поздравлять полученными чинами графовъ Кирила Григоріевича Розумовского и Петра Івановича Шувалова, а Гендрикова кавалеріею, у которого и обѣдали. Потомъ ездили водою до загородного двора інтенданта Івана Константиновича Шаргородского, которій имѣеться по малой Невѣ надъ Чорною рѣчкою.

7. Конной гвардіи полкъ принималъ въ команду свою новопожалованный подполковникъ графъ Алексій Григоріевичъ Розумовскій рано, а потомъ обѣдали на Смолномъ дворѣ. По полдни въ комедіалномъ домѣ отправовалась опера, називаемая «Пастораль».

8. Рано поздравляли сенатора князя Щербатова кавалеріею. Сего жъ числа въ 9-мъ часу по полночи государиня отъехала къ Гостилицѣ, а у насъ графъ Гендриковъ съ нѣсколко персонами обѣдалъ. Потомъ съ нимъ и мы были у генерала поліцмейстера Алексія Даниловича Татыщева. Къ намъ куріеръ прибылъ итъ Глухова съ писмами.

9. Писалъ писмо къ молодымъ Скоропадскимъ въ Вроцлавъ, съ включеніемъ пакета, отъ отца ихъ къ нимъ-же надписанного. Ихъ высочества отъехали изъ С.П.Бурха

10. Оное писмо, съ пакетомъ на имя Скоропадскихъ молодыхъ надписаннымъ, отдано постъ-директору господину Ашу для пересилки по почтѣ. Вечеромъ былъ у насъ Романовичъ, зъ которимъ доволный имѣлъ о его ко мнѣ претенсіахъ и о протчемъ розговоръ.

11. Обѣдали мы съ Гудовичемъ у віце-адмирала господина Головина, а по обѣдѣ были перво у графскихъ племѣнниковъ, потомъ у поруччика Жемчужникова, а вечеряли у графа Івана Симоновича Гендрикова.

12. Vacat. 13. Званы на обѣдъ отъ подпоруччика інгермоландского полку Аполлона Василіевича Лодижинского и у него съ графомъ Іваномъ Симоновичемъ Гендриковымъ и его супругою и съ протчими обѣдали, а по обѣдѣ ездили въ галерную гавань и тамъ были у поруччика астраханского пѣхотного полку Владимера Григоріевича Елагина.

14. Гудовичъ послѣ полудня ездилъ до князя Никиты Юревича Трубецкого и представлялъ о нѣкоторыхъ нуждахъ общыхъ малороссійскихъ.

15. Подавано отъ насъ въ сенатъ доношеніе, чтобъ резиденціи гетманской быть по прежнему въ Батуринѣ, но оное не принято и отдано назадъ за тѣмъ, что тотъ городъ съ принадлежностми именнымъ указомъ на заводы конскіе конной гвардіи опредѣленъ. —Чиненъ рахунокъ росходу денежного, которій держанъ Григоріемъ Дмитріевымъ съ 22-го іюня и явилось въ росходѣ на кафанъ блакитный гатласовый, на шубу красную и на юпку 19 р. 35½ к., за пять зеркалъ 1 р., да на разную мѣлочь 1 р. 14 к., на служительскія нужды 3 р. 99 к.—Привезъ Новоторжцовъ г. Лизогубу указы, 1-й о опредѣленіи на рангъ его деревень въ мѣсто отшедшого села Городища до монастыря черниговского Троецкого Іллінского, 2-й по челобитію на полковника Капниста о тогобочныхъ его г. Лизогуба добрахъ.—Іхъ імператорскіе высочества прибыли въ С.П.Бурхъ. Графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ у насъ въ банѣ мился и ужиналъ съ компаніею.

16. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского и до Пиковця, чтобъ о пляцахъ, въ Глуховѣ имѣючихъся, нашихъ общыхъ имѣлъ стараніе, когда тамъ будутъ по новому плану землѣ розмѣряти; о томъ-же и до Скоропадского, тако-жъ о Чаусахъ, да до жены о сину Василю и къ нему о долгахъ въ Килѣ оставленныхъ.

Рано были у преосвященного владимерского Платона Петрункевича и просили ето о секретарѣ Ермолаевѣ и о маіорѣ Шеншинѣ. Потомъ онъ, преосвященный, къ намъ изъ синода заездилъ.

17. Обѣдали всѣ трое у маіора Алексія Даниловича Шеншина ради именинъ жены его Надежды Борисовны Нероновой, а отъ его заездили до секретаря Гаврила Ермолаева. Куріеръ глуховскій отъехалъ и чрезъ него предпомянутые писма отправлены, оный-же называется капралъ 8-й роти гварнізонного глуховского полку.

18. Вечеромъ были въ дворцѣ государевомъ лѣтномъ у преосвященного псковского и говорили о секретарѣ Ермолаевѣ, а обѣдалъ у насъ Романовичъ и вручилъ мнѣ своихъ претенсій ко мнѣ и къ домашнымъ моимъ, чили челобитной копію.

19. Великій вѣтръ изъ моря и наводненіе было. Ужинали мы у графа Гендрикова. Государиня изволила прибыть ночью. Аполлона судить стали.

20. По обѣдни были всѣ трое въ дворцѣ и у графа Розумовского, а у насъ былъ графъ Гендриковъ. За сундучокъ на бритвы и протчее даны 20 к.

21. Обѣдали мы двое съ Гудовичемъ у того-жъ графа Гендрикова, которому представлялъ я и Янушкевича. Тамъ-же видѣлись съ архимандритомъ воскресенскимъ отцемъ Амвросіемъ и говорили съ нимъ о секретарѣ Ермолаевѣ, о Шеншинѣ и о другихъ, дѣла свои въ синодѣ имѣючихъ. Потомъ были въ дворцѣ, а домой пришедъ застали тутъ Івана Алексіевича Горчакова съ женою его.

22. Въ 12-мъ полуденномъ часу изволила ея імператорское величество и ихъ імператорскіе высочества церемоніально переехать изъ лѣтного въ зымный дворецъ при пушечной палбѣ, где и мы съ протчими какъ у государини, такъ и у ихъ высочествъ допущены были къ ручкамъ; потомъ были-жъ и у графа Розумовского со всѣми кавалерами и трактованы водкою. Генералъ Бутурлынъ говорилъ намъ, что онъ-же въ недавныхъ числехъ имѣлъ розговоръ о нашей отправѣ енералной. По полдни были у насъ секретари Ермолаевы и Шеншинъ, а въ вечерѣ Романовичъ, съ которимъ доволные были розговоры о помѣркованью; онъ-же съ сыномъ своимъ у насъ и вечерялъ.

23. По службѣ Божой былъ я у полковника гадяцкого. Гудовичъ рано и въ вечеру былъ въ дворцѣ съ прошеніемъ отъ насъ

троихъ подписаннымъ о Батурынѣ, но оного не подалъ. А ужинали оба мы у графа Гендрикова, пріехавшого отъ офіцеровъ конной гвардіи.

24. Куріеръ изъ Глухова, салдатъ Калугинъ пріехалъ съ писмами въ сенатъ и къ намъ о строеніи крѣпостей и о бытіи казакамъ въ поготовости до походу.

25. Государина изволила быть въ церквѣ святого Сергія на Литейной и, оттуда возвратившись, удостоила какъ прочихъ, такъ и насъ къ ручкѣ. Мы обѣдали и весь день пробавили у графа Івана Сумоновича Гендрикова, потомъ были у барона поручика и ужинали у графа-жъ.

26. Былъ у насъ рано изъ Малой Россіи пріехавшый Антонъ Милорадовичъ, полковника гадяцкого Гаврила Милорадовича синъ. А обѣдалъ у насъ-же синъ Стефана Милорадовича, Петръ, изъ Украини недавно пріехавшій, дворцовый каморъ лакей.

27. Послѣ полдня ездилъ я съ графомъ Іваномъ Сумоновичемъ Гендриковымъ до генерала рекетмейстера Івана Івановича Дивова и у него купно съ женою его Наталіею Богдановною нѣсколко часовъ седѣли, потомъ ужинали у того-жъ графа, где была и сестра его Марѳа Сумоновна Софонова.

28. Рано подано прошеніе государинѣ о Батуринѣ и къ ручки ея величества допущены купно съ офіцерами конной гвардіи, которіи отправляются къ Москвѣ съ командою того-жъ конного полку 250 человѣкъ. Въ вечеру былъ у мене Романовичъ и отошолъ съ похвалками.

29. Рано тотъ-же Романовичъ присилалъ сина своего ко мнѣ по копію челобитной, передъ симъ отъ него мнѣ врученную. Потомъ были мы въ дворцѣ и заходили до Ѳедора Івановича Коченевского, а вечеромъ проседѣли у стряпчого Шереметевого, Ѳедора Дементіева Звѣрева.

30. Отъ конной гвардіи команда отправленная въ Москву воспріяла туда маршъ. Обѣдали мы съ Гудовичемъ у графа Гендрикова, потомъ были у князя Николая Алексіевича Шаховского въ свѣтлицахъ конной гвардіи и съ нимъ розговоръ имѣли о Волуйцѣ. Безъ насъ Романовичъ приходилъ и обявилъ Янушкевичу, что денегъ 200 рублей у войта нѣжинского онъ взялъ и имѣетъ противъ мене нѣкоторые производить дѣла. За матерію до соболевой шапки дано 20 к., за гребенецъ деревяный 6 к., за дзвонокъ малый 9 к.

Октоврій.

1. Послѣ обѣда изволила государыня отъехать въ Царское Село. Присиланный изъ Глухова салдатъ Гаврило Калугинъ отъехалъ обратно.

2. Послѣ полдни ездили всѣ трое къ Василію Івановичу Венюкову, а безъ насъ пріездилъ на нашу квартеру графъ Іванъ Сумоновичъ Гендриковъ съ графинею.

3. Оный-же Венюковъ съ женою былъ у насъ, а ночью ездили всѣ трое къ г. Гендрикову и у него ужинали.

4. За перешитье шапки соболіой дано 20 к. За матерію свистунъ, которая изъ авкціона по-поламъ съ Гудовичемъ взята, за нашу половину заплатилъ 17 р. 34 к.

5. Архіереи синодалные крутицкій и владимерскій, да санктпітербурскій, такожъ архимандриты новоспаскій и воскресенскій и мы съ ними обѣдали у графа Гендрикова, а вечеромъ и у насъ былъ графъ съ графинею, которой подарена отъ мене книжка «Істинная Політика», за якую, такожъ за книжку «О блаженствахъ» далъ Янджулу 1 р. Пріехалъ Раковичъ.

6. Рано былъ у князя Николая Юрьевича Трубецкого и говорилъ о дѣлѣ и лаи (ругательствѣ) Соколовского. У него-жъ былъ архіерей нижегородскій Веніяминъ Григоровичъ.

7. Мы двое съ Гудовичемъ были увесь день, и обѣдали, и ужинали, у г. Гендрикова. Въ вечеру изволила государиня возвратиться изъ Царского Села. Оный архіерей нижегородскій отъехалъ на свой престолъ изъ С.П.Бурха.

8. Рано были въ дворцѣ, а передъ нашимъ туда приходомъ подалъ Соколовскій графу Алексію Григоріевичу Розумовскому свое якоесь прошеніе. Вечеромъ знову я и Гудовичъ были передъ графомъ Розумовскимъ въ дворцѣ.

9. Званный я отъ кума Якова Тимофіева ради именинъ его, обѣдалъ у него, а наши обѣдали у Косогова, маіора гвардіи преображенского полку. Розышлось на разные дробязки 24 к.

10. Надъ вечери были съ Гудовичемъ у графа Петра Івановича Шувалова, где первой о Батуринѣ, потомъ и о моемъ дѣлѣ съ Соколовскимъ о защищеніи отъ поношеній просилъ. А въ вечеру были въ дворцѣ у Григорія Михайловича Любисткова.

11. Рано былъ у Івана Івановича Дивова и далъ ему меморіалецъ стороны дѣла Соколовского, тако-жъ съ приговору конецъ, а въ сенатѣ ему-жъ подалъ челобитную о поношеніи моемъ, по проискамъ войта нѣжинского Тарнавіота, чрезъ Соколовского и Романовича чинячомъся. Потомъ были въ дворцѣ и тутъ при насъ подали графу Розумовскому Лукомскій и Троцкій свои прошенія. Покроенъ изъ матеріи свистуна шлафрокъ, до которого куплено шапку за 14 к. Бумазеи 8 аршинъ по 25 к. и того за 2 р. Баволни клеепой листовъ 5 за 50 к.

12. Обѣдалъ я у господина секретаря Новоторжцова, которій мене къ себѣ нарочно звалъ для помѣркованя съ Романовичемъ, но онъ къ нему не бывалъ, ему-жъ данъ отъ мене и краткій екстрактъ претенсій Романовичевыхъ. Потомъ былъ я у Горчакова и у Софонова, поруччика гвардіи семеновского полку. Въ полкъ преображенскій сержантомъ Мойсѣя Березинского пожаловано, а Василь Марковичъ изъ того полку виключенъ изъ офіцеровъ.

13. Писалъ писмо къ Скоропадскому, чтобъ онъ въ Глуховѣ заплатилъ Семену Карпикѣ сто рублей, которые я здесь взялъ у кофішенка дворцового Александра Іуліановича Савлукова. А до жены писалъ-же, чтобъ тѣ-же денги отослала Скоропадскому, и тые обѣ писми отданы Савлукову. Вечеромъ всѣ трое были и ужинали у графа Гендрикова, а обѣдали у него-жъ маіори гвардіи Косоговъ и князь Меншиковъ съ протчими.

14. Виданъ изъ сенату указъ дуплікатъ о селѣ Чаусахъ по челобитію моему, еще въ 1745 г. поданному, которого указу за печатанье дано 30 к., да писцю Івану Андріеву 1 р. Надъ вечери былъ у насъ сотникъ козелецкій Стефанъ Барановскій, обявляя о себѣ, что имѣетъ въскорѣ отправитись въ Малую Россію. Потомъ у насъ-же были Горчаковъ и Шеншинъ, да іеромонахъ Іовъ Чарнуцкій, бывшій въ Килю.

15. Посолъ цесарскій, ради тезоименитства своего государя, трактовалъ въ своей квартерѣ россійскихъ міністровъ и другихъ господъ знатныхъ. Вечеромъ былъ у мене Ѳедоръ Звѣревъ, которому отъеждячому къ Москвѣ врученъ отъ мене меморіалецъ, чтобъ приказалъ здѣлать коляску городовую или полкаретокъ крѣпкій за умѣренную цену, да отобралъ-бы изъ дому Толстыхъ 4 боченки разныхъ водокъ и 11 вѣдръ простого вина и коровай сала

украинского, о чемъ ему-жъ и писмо отъ Александра Толстого, да и прежнего писма копія вручены.

16. Обѣдали у графа Гендрикова съ маіоромъ конной гвардіи Григоріемъ Ивановичемъ Корфомъ и протчими и тамъ-же весь день пробавили; а у насъ обѣдали Політика и студентъ изъ Киля пріехавшый. Состоялся указъ именный о походѣ къ Москвѣ.

17. Государиня и ихъ высочества изволили отъехать до Пітергофа. Нѣжинскій войтъ Тарнавіотъ и управитель Звѣревъ отъехали.

18 Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского и до канцеляриста Тимофея Закревецкого, до которого и пакетъ отъ префекта кіевского Варлаама Лащевского посланъ. Да до жены писалъ-же о заплатѣ ста рублей, здесь у Савлукова позиченныхъ, такожъ до отца Іоанна брата писалъ-же, и оные всѣ писма отпущены чрезъ сотника козелецкого Стефана Барановского, сего числа отъехавшого. За копіи челобитныхъ, отъ полковника Семена Васильева Неплюева и отъ бунчукового товарища Василія Григорьева Харевича на Івана Андріевича Гамалію поданныхъ, данъ 1 р.[241])

19. Ковдра и шлафрокъ изъ матеріи жолтой пошиты, которыхъ за роботу дано 60 к.

20. Рано посѣщали болного віце-адмирала Головина, а по полдни былъ у г. Лизогуба полковникъ стародубовскій Максимовичъ, а у мене поруччикъ и лейбъ-компаніи гранадеръ Михайло Івановичъ Коченевскій и сказовалъ мнѣ о пашквиляхъ Романовичевыхъ.

21. Куплены 3 простые сани, дано за оные 1 р. Писаны писма до шваграа Івана Гамаліи съ включеніемъ копіи челобитной Харевичевой, да до Ѳедора Звірева съ копіею челобитной-же Неплюевой, и оные отосланы въ домъ графа Шереметева для отсилки по почтѣ въ Москву.

22. Обѣдали у насъ Василій Івановичъ Венюковъ съ женою своею Татіяною Лизогубовною, а вечеромъ былъ графъ Гендриковъ съ капитаномъ Соловіовымъ.

23. Ради тезоименитства Якова Евфимовича Лизогуба, г. обозного генералного, обѣдали у насъ графъ Гендриковъ, капитаны Дру-

---

241) Бунчуковый товарищъ Василій Харевичъ жаловался на Ивана Гамалѣю, владѣльца с. Семеновки, конотопскаго уѣзда, за разореніе хутора, находившагося недалеко отъ Семеновки.

кортъ и Соловіовъ, подпоруччикъ Аполлонъ Васильевичъ Лодижинскій съ женою, ротмистръ кирасирского его імператорского высочества полку князь (*пропускъ*), да поруччикъ Баронъ и секретарь Новоторжцовъ, и студентъ изъ Киля прибывшій Рихарди. А вечеромъ была графиня съ полковницею Авксентіевою и уже позно отъехали.

24. Vacat. 25. Изволила государиня прибыть изъ Царского Села по полдни въ 6-мъ часу. Былъ я одинъ перво у Новоторжцова и вручилъ ему писма о грунтахъ, купленныхъ въ Лотокахъ, потомъ у генерала рекетмейстера Дивова и просилъ о своемъ дѣлѣ и Янушкевичевомъ.—Синъ духовнику родилъся Яковъ.

26. Были рано въ дворцѣ, а вечеромъ у графа Гендрикова, где видѣлись изъ архимандритомъ воскресенскимъ Амвросіемъ и тамъ-же ужинали.

27. Послѣ полдня ездили въ адмиралитейство и тамъ смотрѣли новостроячихъся о 66 пушекъ двохъ кораблей.—Вчора дочь графу Шереметеву родилась. Вчора настали великіе морози.

28. Рано ездилъ одинъ Гудовичъ въ дворецъ, а потомъ онъ и я были у секретаря Гаврила Савича Ермолаева, ради тезоименитства жены его Параскевіи, на обѣдѣ и проседѣли до позна.

29. Званныи на Васильевскій островъ къ подпоруччику Лодижинскому, обѣдали у него ради тезоименитства жены его Анастасіи Борисовны, а ужинали у графа Гендрикова, съ Івінскимъ и протчими.

30. Въ новопостроенныхъ хоромахъ Василія Івановича Венюкова для новосельля обѣдали мы у него съ протчими, въ томъ числѣ съ морскими оффіцерами, капитаномъ командиромъ Артеміемъ Іллічомъ Толбугинымъ и другими. А въ вечеру у насъ были полковникъ Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій, да Горчаковъ и Шеншинъ. Сего числа изволяла государиня проехать церемоніально, въ ассистенціи 15-ти каретъ дворцовыхъ цугами и нѣсколко конной гвардіи конвою, на Смолный дворъ и тамъ, въ присутствіи іхъ імператорскихъ высочествъ, да синодалныхъ архіереевъ и многихъ придворныхъ и другихъ господъ, заложеніе церкви Воскресенія Господня и дѣвичого монастыря, строитись имѣючого, учинено.

31. За пошитье шлафрока и ковдри изъ матеріи, въ авкціонѣ купленной, дано портному 60 к. Свадба была дочери князя Бориса Василіевича Голицына, морской артилеріи оберъ цейтмейстера, съ

Петромъ Алексіевичемъ Апраксиномъ, гвардіи семеновского полку сержантомъ. Изъ сего числа противъ слѣдуючого ночью мостъ на Невѣ рѣкѣ на Василевскій островъ сломалъ ліодъ, по Невѣ пливучій.

Ноябрь.

1. Получили писма зъ Глухова: одно о резиденціи, другое о требованіи провіантскою канцеляріею корму на конскіе заводы, и Гудовичъ, будучи по полдни въ дворцѣ, послѣдное объявилъ графу Розумовскому, да онъ-же былъ и у Николая Юрьевича Трубецкого за тимъ-же.

2. Рано Гудовичъ былъ у г. Шувалова и доносилъ о томъ-же требованіи корму на конскіе заводы, да о дѣлѣ сторони скупель. А всѣ трое были въ дворцѣ: перво у духовника, потомъ у полковника слѣпого Любисткова. Самъ-же Гудовичъ знову былъ и въ вечеру во дворцѣ и получилъ отъ г. Розумовского декляраціи о отправѣ передъ отъездомъ двора государева. У мене былъ Вынклеръ и данъ ему реестръ, по нѣмецку писанный, о долгахъ Килскихъ.

3. Ночью противъ сего числа Нева стала. Рано мы съ Гудовичемъ были у преосвященного псковского, а по полдни у князя Сергія Дмитріевича Кантеміра.

4. Ночью випалъ не малый снѣгъ и стали на саняхъ ездить. Я и Гудовичь обѣдали у г. Гендрикова, а вечеромъ были съ Гудовичемъ у габінетского секретаря Якова Исаевича Бахирева.

5. Писалъ писмо въ Киль до Івана Політики съ переводомъ реестра о долгахъ, синомъ моимъ тамъ не уплаченныхъ, что виражениые въ немъ денги отданы здесь регистратору Вынклеру, и оное для пересылки по почтѣ тому-жъ Вынклеру вручено. Двѣ писми получилъ отъ молодыхъ Скоропадскихъ изъ Вроцлавя, одно до отца ихъ, другое до мене писанные. Вечеромъ былъ у Ѳедора Івановича Коченевского и тамъ застали и Соколовского и вручили меморіалъ для подачи духовнику о дѣлахъ общихъ, въ докладѣ изъ сената поданныхъ.

6. Писано писмо до Ѳедора Ширая съ отсилкою писма, къ зятю его Шидловскому присиланного, и что-бъ съ поруччикомъ морскимъ Алексіемъ Івановичемъ Скуратовымъ справясь, постарался сыскать писма, чрезъ десятника за подмайстерья отъ адмиралитей-

ства посланного, отправленные августа 1-го. Да писана въ Глуховъ до Скоропадского інстанція за Василемъ Рощаковскимъ. Заплачены 2 р. 40 к. за камордункъ и отданы капитану Соловіову; за тинктуру пенторалную въ аптекѣ дано 16 к.

7. Писма отъ молодыхъ Скоропадскихъ, полученные при своемъ писмѣ, вручилъ Івану Раковичу, которій вчора съ нами простился и имѣетъ отъеждать отселя въ Украину. Полковникъ Божичъ и Антонъ Милорадовичъ у насъ обѣдали.

8. Званы къ имениннику Михайлу Івановичу Новоторжцову обѣдать и у него съ Василіемъ Івановичемъ Демидовымъ и женою его, да и протчіе, въ томъ числѣ и Романовичъ и Брежинскій, обѣдали. А оттуда пріехавши до дому, застали полковника стародубовского Максимовича (зъ которымъ и переговоры были), да Михайла Івановича Коченевского, которій далъ и пашквілѣ Романовичевы, тако-жъ писаря судового чернѣговского Ярошевича и Ѳедоровича.

9. Рано я зъ Гудовичемъ у Ѳедора Івановича Коченевского былъ и отъ него-жъ и о декляраціи по дѣламъ общимъ слышали. Обѣдалъ у насъ гвардіи семеновского полку поруччикъ Евтихій Івановичъ Софоновъ, а вечеромъ были у графа Гендрикова и у него-жъ ужинали.

10. Рано всѣ трое были въ дворцѣ и преосвященному псковскому отданы копіи грамотъ Петра великого, за собственною рукою писанныхъ. Государиня у духовника обѣдъ кушать изволила. Вечеромъ былъ у Вінклера и отдалъ ему денги, должные синомъ моимъ въ Килѣ, а именно: 12 червоныхъ, да 49 р. 64 к., что учинитъ 76 р. 64 к. Потомъ былъ у племѣнниковъ графскихъ и сидѣлъ у учителя ихъ Носка.

11. По учиненному щоту о дробныхъ расходахъ, Грицкомъ держанныхъ, явилось 1 р. 16. к. Commodata pecunia 300 р. Comiti Hendrikow á colonello Koczenewski. Писанъ до полковника нѣжинского отозвъ подъ симъ числомъ и съ цедулою.

12. Звалъ насъ обѣдать къ себѣ помянутій поруччикъ Софоновъ на Василевскій островъ и тамъ принималъ съ женою своею, изъ дому Ушаковыхъ, весма благосклонно.

13. Обѣдали всѣ трое у маіора гвардіи г. Косогова. Сего числа графъ Лестокъ арестованъ.—За пять замковъ нѣмецкихъ висящыхъ дано 80 к.

14. За копію челобитной, отъ Романовича въ сенатъ 7-го ноября въ 9 пунктахъ поданной, 60 к.—Вечеромъ были у насъ переводчикъ іностранной коллегіи Іванъ Андріевичъ Данилевскій, да пѣвчій дворцовый Семенъ Тихоновъ изъ красного Колядина съ женами и Петръ Григоріевъ Вѣтынскій, родомъ зъ слободскихъ полковъ.

15. Государыня изволила отъехать въ Царское Село и для того мы изъ квартери никуда не ездили, токмо Гудовичъ вечеромъ былъ у князя Николая Юрьевича Трубецкого.

16. Обѣдали у графа Гендрикова всѣ трое, потомъ и онъ съ компаніею былъ у насъ надъ вечери. Гудовичъ-же съ капитаномъ Соловіовымъ ездилъ до Ѳедора Ивановича Коченевского и въ другіе мѣста. За оправу «Хронологіи о князяхъ великихъ и царехъ россійскихъ» и проч. 30 к.

17. По службѣ ездилъ до монастыря Невского и тамъ былъ у преосвященного Іларіона Григоровича, крутицкого архіерея, а вечеромъ былъ съ Гудовичемъ у секретаря Гаврила Ермолаева и долго у него просидѣли.

18. Ради тезоименитства преосвященного володимерского Платона Петрункевича званы отъ него на обѣдъ, и я съ Гудовичемъ обѣдали у него купно съ архіереемъ крутицкимъ, да съ архимандритами новоспаскимъ и воскресенскимъ и съ монахами невскими. Писано писмо до Скоропадского и тутъ-же включено писмо, подъ 11-мъ числомъ писанное.

19. Государыня изволила изъ Царского села ночью прибыть въ С. П. Бурхъ.

20. Были всѣ трое въ дворцѣ и у ручки государини. Послѣ обѣда занемогъ я на колотье въ правомъ боку.

21. Приехалъ изъ Глухова тамошнего гварнізонного полку поруччикъ, Владимеръ Васильевъ Алфимовъ, чрезъ которого межъ протчими было писмо и до дѣтей Скоропадского, которое отослано къ постъ-директору Ашу для отправы. Весь день лежалъ я боленъ, а въ вечеру были у мене Шенгинъ, Ладижинскій Аполлонъ и молодій Делатуръ. Наши-же оба были у графа Гендрикова и тамъ ужинали.

22. Рано посѣщалъ мене графъ Гендриковъ, а Новоторжцовъ у насъ обѣдалъ. Въ вечеру-жъ долго сидѣлъ у мене капитанъ Леонтій Аврамовичъ Друкортъ.

23. Подано доношеніе въ сенатъ отъ всѣхъ о томъ, что генералъ Бісмаркъ требуетъ и беретъ на себе и штатъ свой раціоны и порціоны, чрезъ Гудовича, которій съ графомъ Гендриковымъ у Ѳедора Ивановича Кочепевского и обѣдалъ. Писмо изъ Киля отъ Івана Політики получено, что не всѣ праведно показали синомъ моимъ будто неуплаченные долги.

24. Наши рано отъехали по господамъ для поздравленія празденствомъ нинѣшней іменинницы, ея высочества государыни великой княгини Екатерины Алексіевны. А у мене былъ и посидѣлъ со мною доволно подпоруччикъ Аполлонъ Ладижинскій. Г. Лизогубъ и Гудовичъ обѣдали у графа Румянцова.

25. Послѣ болѣзни и я віехалъ зъ квартери, всѣ-же трое ездили съ поздравленіемъ до канцлера, віце-канцлера, до графа Гендрикова и до барона Черкасова. Потомъ были въ дворцѣ на службѣ и на казаньѣ, которое говорилъ преосвященный володимерскій Платонъ Петрункевичъ. По службѣ были допущены между протчими къ ручкѣ государыни. Обѣдали у графа Гендрикова. Въ вечеру знову были въ дворцѣ и смотрѣли на церемонію лейбкомпаніи, которіи перво были допущены къ ручкѣ государини, потомъ отведены въ болшую сало, куда въ 10-мъ часу и государиня съ офѣцерами той-же лейбкомпаніи, а за нею и іхъ імператорскіе высочества и всѣ господа и дамы пошли; и тамъ-же въ болшой салѣ за приуготовленными столами съ оною лейбкомпаніею государиня ужинать изволила. А при ужинѣ изъ многихъ пушекъ изъ крѣпостей и изъ адмиралтейства палено, на Невѣ-же, на театрѣ, тако-жъ при кадетскомъ корпусѣ и въ крѣпости и по всемъ городѣ до 1-го часа по полуночи зажжены были иллюминаціи. А отъ академіи здешней прежде ужина поднесена печатная ода, профессоромъ Ломоносовымъ сочиненная, за которую пожалованъ онъ 2,000 рублей.

26. Рано Гудовичъ одинъ былъ въ дворцѣ, а всѣ трое въ вечеру были у Ігната Кириловича Полтавцова, где пріездили и ординанси государини отъ лейбкомпаніи, Станіславскій и Холодовскій съ другими дворцовыми.

27. Рано былъ у мене секретарь Гаврило Ермолаевъ, благодаря за инстанцію нашу о немъ къ синодальнымъ членамъ приношенную. Мы всѣ трое были первей въ дворцѣ, потомъ я и Гудо-

вичъ обѣдали у преосвященного псковского Сумона Тодорского купно съ новымъ архимандритомъ кіево-печерскимъ Іосифомъ Вранскимъ и намѣстникомъ свінскимъ Лукою, а г. Лизогубъ у Івана Івановича Косогова, гвардіи маіора. Ночью пріехалъ Романъ Лукяновичъ Струтинскій, отъ лейбкомпаніи государини ординансъ, ездившій передъ симъ въ Украину.

28. Писаны писма въ домъ до жены и до сина съ отсилкою писма студента Рихарди, да до Івана Гамаліи, и оные включены въ пакетъ, купно съ писмами подъ 11-мъ и 18-мъ числами писанными, подписанный до Скоропадского, и отпущенъ тотъ пакетъ чрезъ Івана Бѣлоровского, отъехавшого по почтѣ въ Глуховъ. Вечеромъ были у секретаря Гаврила Ермолаева и до полночи просидѣли.

29. Послѣ обѣда отвозилъ Гудовичъ формуляръ квітовъ, якіе должны давать купцамъ фактори по заплатѣ індукты или евекти, до секретаря Новоторжцова, а въ вечеру онъ-жъ былъ въ дворцѣ. Передъ обѣдомъ приходили къ нему-жъ протопопъ миргородскій Горковскій и Романовичъ.

30. Рано ездили поздравлять кавалеровъ святаго Андрея, а именно: графа Румянцова, князя Николая Юревича Трубецкого и канцлера графа Бестужева-Рюмина. Потомъ были въ дворцѣ на обѣдни и на казанью, которое говорилъ архимандритъ воскресенскій Амвросій Калинскій, а обѣдъ изволила кушать государыня съ одними кавалерами помянутого ордина. Вечеромъ была по всему городу иллюминація. А мы въ вечеру-жъ были у Василія Івановича Венюкова, где пріездилъ къ нему-жъ капитанъ командоръ Дмитрій Константиновъ Толбугинъ.

Декабрь.

1. Рано были всѣ трое въ дворцѣ, и г. Лизогубъ говорилъ графу Розумовскому о дѣлахъ нашихъ и объ отездѣ. Гудовичъ въ вечеру былъ у г. Гендрикова и у Ѳедора Івановича Коченевского.

2. Были у мене отецъ префектъ кіевскій Варлаамъ Лащевскій и товарищъ его отецъ Гедеонъ Сломінскій, а поруччикъ 1-го московского полку Александръ Сергіевичъ Бутурлинъ обѣдали у насъ.

3. Vacat. 4. Рано ездили во дворецъ, и едучи переговоръ былъ не безъ досадъ съ г. Лизогубомъ. Зъ дворца заехали до графа

Гендрикова и у него, ради тезоименитства дѣтей его сина Івана и дочери Варвари, обѣдали, а послѣ обѣда были у него-жъ маіоръ гвардіи Косоговъ и камергеръ Жеребцовъ, потомъ-же и Пассекъ.

5. Вечеромъ одинъ Гудовичъ былъ въ дворцѣ.

6. Ради тезоименитства моего обѣдали у мене кавалери графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ и маіоръ гвардіи Косоговъ съ адютантомъ Корсаковымъ, Василій Івановичъ Венюковъ съ женою, Аполлонъ Ладижинскій съ женою-жъ, капитанъ и поруччикъ Друкорты, поруччикъ Бутурлинъ, маіоръ Шеншинъ и другіе, персонъ до 15-ти, и пробавили у насъ до позна.

7. Изъ денегъ харчевыхъ, виданныхъ изъ штатсъ-конторы за месяци октоврій и ноеврій дву сотъ рублей, раздѣлили на три части и взяли по 60 р. каждый, въ томъ числѣ и я толикое-жъ число, а остальные отданы Бѣлоровскому на харчевый росходъ.

8. Писаны писма въ Глуховъ: 1-е въ отвѣтъ, 2-е за Бѣлоровскимъ, и при первомъ въ пакетъ включены писма отъ архимандрита печерского до намѣстника, отъ переводчика синодалного до отца его, отъ кадета Трощинского до Скоропадского, да отъ Грицка до отца его и до Іосифа.

9. Писаны писма: 1-е до Скоропадского съ посилкою писма отъ Ѳедора Івановича Коченевского до ігумена монастыря рихловского, 2-е до шваграа Івана Гамаліи, и обѣ включены въ одинъ пакетецъ. Были въ государевой оружейной палатѣ, а потомъ обѣдалъ я съ Гудовичемъ у полковника Коченевского, да сего-жъ числа явились присланные изъ Глухова канцеляристи для переписованья указовъ, кои во время пожару въ Глуховѣ погорѣли.

10. Поруччикъ глуховского гварнізону Алфимовъ отправилъся, и чрезъ него вышеозначенные писма отпущены, да писмо въ Киль къ Івану Політикѣ писано и вручено для отправы Выпклеру. Графу Івану Симоновичу Гендрикову учинена чрезъ графа Розумовского декляраціи ехать ему передомъ къ Москвѣ, а оттуда уже будетъ его отправа въ Украину, о чемъ съ извѣстіемъ были въ вечеру у насъ капитанъ Соловіовъ и поруччикъ Бутурлинъ. Somnum de uxore et filijs. По рощоту зъ Грицкомъ явилось на розницу въ расходѣ 71 к.

11. Третего дни возвратившихся изъ Цесаріи канцлерского сина графа Андрея Алексіевича Бестужева-Рюмина и жену его Евдокію Динисовну видѣли въ дворцѣ и тамъ-же слышали, что

именнымъ указомъ опредѣлено команду имѣть въ С. П. Бурхѣ, и въ сенатской канторѣ засѣдать князю Борису Григоріевичу Юсупову' камер-теру и коммерцъ-коллегіи президенту, оберъ-комендапту здешнему князю Ѳедору Васильевичу Мещерскому и генералу маіору Хитрову, которій передъ симъ опредѣленъ въ засѣданіе въ адмиралитейскую коллегію.

12. Писано писмо до молодыхъ Скоропадскихъ въ Вроцлавъ, что-бъ оны къ отцу писали чрезъ почту и присилали свои писма въ С. П. Бурхъ на имя здешнего постъ-директора Аша въ ковертѣ. Тамъ же включено писмо и отъ отца Лащевского до купца вроцлавского Корна. Самъ я ездилъ къ совѣтнику и кавалеру Пехлину и у него принятъ; потомъ сидѣлъ долго у дѣтей графа Розумовского, племѣнниковъ и у Носка.

13. Объявлено намъ, что указъ именный сказанъ въ сенатѣ о выдачѣ денегъ намъ на подъемъ къ Москвѣ три тисячи рублей, зъ чимъ былъ у г. Лизогуба секретарь Новоторжцовъ, а мы съ Гудовичемъ обѣдали у графа Гендрикова. Всѣ же трое были рано въ дворцѣ и тамъ видѣли свобожденного изъ подъ караулу камеръ-юнкера Михайла Івановича Софонова, а вечеромъ были у Василія Івановича Демидова съ поздравленіемъ его о пожалованіи его-жъ дѣйствительнымъ штатскимъ совѣтникомъ. Г. Лизогубъ самъ ездилъ до князя Николая Юрьевича Трубецкого, а Гудовичъ и вечеромъ былъ въ дворцѣ, которій обоимъ имъ о томъ-же объявилъ.

14. Пожалованъ Божичъ полковникомъ въ Чернѣговъ, а полковнику гадяцкому Петру Галецкому 150 дворовъ въ вѣчное владѣніе. Мы тако-жде получили декляраціо, что-бъ ехать намъ въ Москву и тамъ явитись государынѣ.

15. Рано съ г. Лизогубомъ былъ я и отклонились віце-канцлеру графу Михаилу Ларіоновичу Воронцову. Ихъ высочества, великій князь и великая княгиня, віехали изъ С. П. Бурха къ Москвѣ 11-го часа предъ полуднемъ. А ся імператорское величество съ своимъ придворнымъ статомъ віехать туда-же изволила въ 1-мъ часу по полуночи, при пушечной палбѣ, изъ крѣпости и изъ адмиралитейства производившейся.

16. Якову Тимофіевичу канцеляристу сенатскому отданы 20 овчинокъ чорныхъ. Вечеромъ будучи у графа Гендрикова, тамъ-же и съ Паскомъ видѣлись. Сего числа рано случилъся пароксізмъ

параліжный г. Лизогубу, но оный перервали простими лѣкарствами.

17. Изъ денегъ, пожалованныхъ намъ депутатамъ, 3-хъ тысячъ рублей, кои сего числа привезены изъ рентереи, взялъ я на свой жеребій тисячу рублей и зъ оныхъ позичилъ г. Гендрикову 200 р., капитану Соловіову 25 р., Козляницѣ 10 р., Бѣлоровскому 20 р., въ складку на канцеллористъ положилъ за г. Лизогуба 10 р., за себя 10 р., Коноваленку позичилъ 10 р.

18. Рано пущали кровь г. Лизогубу, ради пароксизму, ему предъ симъ случившогося. Я и Гудовичъ обѣдали и ужинали у графа Гендрикова

19. У вице-адмирала г. Головина мы всѣ трое обѣдали, а потомъ съ княземъ Меншиковымъ и Косоговымъ, маіорами преображенского полку, прощались.

20 Г. Лизогубъ со мною былъ въ Невскомъ монастырѣ и тамъ у архіерея с. п. бурского обѣдали, а въ вечеру онъ-же повторе уже тяжко на паралѣжъ захоровалъ.

21. По совѣту и информаціи доктора Синопеуса пущали г. Лизогубу кровь зъ другой руки, здоровой, ибо лѣвую руку и ногу ему паралѣжъ заразилъ. Сего числа графъ Гендриковъ съ графинею и шваграми своими двома отъехалъ на подставныхъ лошадихъ къ Москвѣ.

22. Рано съ Гудовичемъ были у Новоторжцова, которому и 3 овчинки черные даны, да у г. Головина. А въ нашей квартерѣ безъ насъ были дѣйствителный статскій совѣтникъ Василій Ивановичь Демидовъ и секретарь Новоторжцовъ. По полдни, пришедъ въ великую слабость, г. Лизогубъ исповѣдивалъся и причащалъся при присутствіи г. Головина и нашемъ. А въ вечеру мы были у Демимидова, потомъ и у Савлукова.

23. Г. Демидовъ отъехалъ къ Москвѣ, а у насъ былъ рано Новоторжцовъ. Сего-жъ числа г. Лизогубу стало быть легше въ его болѣзни.

24. Графъ Александръ Івановичъ Румянцовъ съ графинею своею отъехалъ изъ С.П.Бурха ночью къ Москвѣ.

25. Въ сей день Рождества Христова послѣ набоженства обѣдали мы съ Гудовичемъ у маіора, въ адмиралитейской коллегіи при комміссаріатѣ присутствующого, Василія Івановича Войникова, которій и компасъ мнѣ подарилъ. Оттуда заездили къ доктору Синопеусу, которій и рецептъ на мои дефекты написалъ.

26. Отправленъ нашъ багажъ къ Москвѣ, подъ который нанятымъ подводчикамъ для заплаты вручено полковнику Янушкевичу 18 р. Рано были у князя Юсупова.

27. Ужинали у г. Головина и съ нимъ и съ женою его простились.

28. Рано были у Новоторжцова и у г. Войникова и простились. А послѣ полудня простясь съ г. Лизогубомъ и съ протчими, отъехали изъ С.П.Бурха въ 8-мъ часу. Дано Янджулу для росплатки на прогоны 13 р. 80 к.—Прибывъ въ деревню Саблино въ третемъ часу по полночи, тутъ отдихали, а оттоль поехали въ 6-мъ часу.

29. Въ 11-мъ часу прибыли въ деревню Болотово; оттоль віехали въ 4-мъ часу по полудни и прибыли въ село Чудово въ 8-мъ часу, где наехали баталіонъ преображенского полку, при которомъ за маіора былъ капитанъ князь Іванъ Івановичъ Давидовъ. Оттуду віехали по полночи въ 4-мъ часу.

30. Приехали въ 8-мъ часу о 39 верстъ въ деревню Любци Сергія Татищева. Оттоль поехали въ 12-мъ часу, а прибыли въ Великій Новгородъ въ 4-мъ часу по полудни. Оттуду прибыли въ 4-мъ—по полуночи въ Бронницю.

31. По полуночи 7-го часа віехавъ изъ Збронници, прибыли въ 10-мъ до Зайцева. Оттуду віехали въ исходѣ 12-го часа и прибыли до Крестцовъ 4-го часа по полудни, а въ томъ-же часу оттоль віехавъ, приехали въ Яжолбицу въ 9-мъ часу по полудни-жъ.

1749-й ГОДЪ, СЪ БОГОМЪ НАЧАТЫЙ.

Мѣсяцъ Генварь.

1. Будучи въ пути изъ Санкт-Пітербурха къ Москвѣ, отдихали въ Яложбици и потомъ, въ 7-мъ часу віехавъ, прибыли въ 9-мъ по полночи въ Валдай, где и обѣдни и молебна слушали. А по обѣдѣ въ 12-мъ часу оттоль отъехали и, перемѣня подводы въ Зимногорскомъ Яму, поехали до Хотѣлова, куда прибыли въ 9-мъ часу. Оттуду поехали

2. по полуночи въ 5-мъ часу и, на дорозѣ объехавши свой обозъ, прибыли до Вышнего-Волочка въ 8-мъ часу; оттоль до Видро-

пуска въ 11-мъ часу. Изъ Видропуска, віехавъ въ 4-мъ по полудни, прибыли въ Торжокъ въ 7-мъ, а оттуда до Мѣдного въ 9-мъ часу віехавъ, пріехали въ 12-мъ.

3. Зъ Мѣдного віехали по полуночи въ 6-мъ, а прибыли до Твери въ 9-мъ часу. Тутъ преосвященный Митрофанъ Слотвінскій, архіепископъ тверскій, присилалъ по насъ карету, и у него мы купно съ преосвященнымъ Платономъ Петрункевичемъ, епископомъ володимерскимъ, обѣдали и уже въ 5-мъ часу по полудни віехавъ изъ Твери, прибыли въ 9-мъ до Городни.

4. По полуночи въ 4-мъ часу изъ Городни віехавъ, прибыли въ 7-мъ до Завидова. Оттуду поехали въ 8-мъ, а прибыли въ 10-мъ до Клину. Зъ Клину віехали въ 11-мъ, а прибыли по полудни въ 4-мъ въ село Чашники, помѣщика Собакина, где и ночовали.

5. По полуночи въ 4-мъ часу зъ Чашниковъ віехавши, прибыли 8-го часа въ Москву и тутъ стали квартерою въ домѣ фабрикапта Боронiна, не далече Сухаревой башты. Ужинали у графа Сергія Гендрикова.

6. По службѣ Божой были въ дворцѣ и у графа Алексія Григоріевича Розумовского. Обѣдали-жъ у графа Гендрикова, потомъ у тестя его Сергія Івановича Бутурлина, а вечеромъ у генерала маіора Івана Івановича Головина были. Обозъ нашъ въ Москву прибылъ о полдни.

7. Требовали квартери отъ полиціи. По обѣдѣ съ графомъ Гендриковымъ были у Алексія Даниловича Шеншина, потомъ у шваграа его Михайла Борисовича Неронова и у Аполлона Василіевича Ладижинского.

8. Рано были въ дворцѣ и тамъ съ сунодалными и съ московскими архіереями видѣлись. Потомъ заходили къ духовнику и къ Ѳедору Івановичу Коченевскому. Обѣдалъ у мене Галецкій, полковникъ гадяцкій, а Гудовичъ съ графомъ у Михайла Неронова, которого старшій братъ Александръ ландмиліцкихъ полковъ маіоръ посѣщалъ мене и купно съ Гудовичемъ до Лва Василіевича Ладижинского отъехали.

9. Извощиковъ приговорили для отвозу въ домы нѣкоторыхъ покупокъ на пару лошадей по 4 р. 50 к., да изъ Калуги подъ печи на пару по 3 р. и сверхъ того подрядчику тѣхъ подводъ отъ

обохъ насъ зъ Гудовичемъ поступлено 1 р. Графъ Гендриковъ отъехалъ въ свою деревню, називаемую Прусы.

10. Писали въ С.П.Бурхъ до г. Лизогуба о своемъ въ Москву прибытіи и о протчемъ. Были рано у графовъ Румянцова и Шувалова, а вечеромъ у Ѳедора Звѣрева.

11. Обѣдали у графа Гендрикова съ тестемъ его, которій намъ своихъ жеребцовъ двохъ преизрядныхъ показивалъ.

12. Государыня изволила ездить до генерала Стефана Ѳедоровича Апраксина и у него кушать. Мы рано были у князя Николая Юрьевича Трубецкого, потомъ въ рядахъ. Капитанъ Іванъ Ѳедоровичъ Соловіовъ перешолъ къ намъ на квартеру.

13. Серебренику Якиму Ѳедорову Волкову далъ своего серебра фунтъ и 3¾ золотника. Да ему-жъ велѣлъ дѣлать 12 стакановъ, чайникъ и молочникъ сребряный. Обѣдалъ у насъ Шеншинъ.

14. Сребряный и золотій гасъ куповалъ Гудовичъ у лавочника Матвѣя Смирного, въ завязочномъ круживомъ ряду сидячого.

15. Были въ дворцѣ и съ протчими допущены къ ручкѣ государыни. Обѣдали у графа Гендрикова.

16. Отпущенъ обыходъ нашъ съ покупками чрезъ Грицка, которому для заплати подводчикамъ и на покупку печей въ Калузѣ дано 50 р., да чрезъ него-жъ писаны писма до жены, до шваґра Ѳедора Корецкого и до Скоропадского о покупкахъ справленныхъ для него. Гизону отъ Носка присланные 100 р. отданы. Я перешолъ въ другую избу на той-же квартерѣ.

17. Обѣдали мы съ Ігнатомъ Кириловимъ Полтавцовымъ у Шеншина, которій сказовалъ, что велѣлъ съ бѣлою кожею шоры для насъ дѣлать.—Въ вечеру одинъ Гудовичъ былъ въ дворцѣ, которому графъ Розумовскій обявилъ, что вскорѣ отправленъ будетъ графъ Гендриковъ и при немъ мы. Того-жъ вечера былъ графъ Гендриковъ съ своею графинею въ нашей квартерѣ.

18. Полковникъ нѣжинскій Семенъ Василіевичъ Кочубей съ супругою своею Ксеніею Гарасимовною прибылъ въ Москву и сталъ на графскомъ бархатномъ дворѣ. По обѣдѣ, имѣвшемся у графа Гендрикова, генералъ-маіоръ и гвардіи преображенского полку прімер-маіоръ, Іванъ Івановичъ Косоговъ былъ у насъ и опочивалъ, да и сотникъ лохвицкій Кирило Івановичъ Коченевскій у насъ-же былъ.

19. У полковника Кочубея мы были и обѣдали. Отправлены писма до жены, да до Скоропадского съ указомъ сенатскимъ, дуплікатомъ, о селѣ Чаусахъ (которій дуплікатъ писанъ октоврія 13-го 1748-го году подъ № 545), чрезъ каптенармуса глуховского гварнізону Шевеліова.

20. Рано были въ дворцѣ и купно съ Кочубеемъ у ручки государыни. Отдано прошеніе, въ дѣлѣ моемъ къ государынѣ писанное, Івану Барановскому для содержанія. Писалъ въ Глуховъ о дачи 3-хъ компанѣйцевъ служителю Ѳедора Івановича Коченевского. Вечеромъ былу у сержанта лейбъ-компаніи, Матвѣя Михайловича Івінского.

21. Принесена ассигнація изъ штатсъ-кантори на 50 р. за прошедшого декабря половину. Жестоко были вечеромъ угорѣли въ квартерѣ.

22. И отъ того угару былъ боленъ и никуда не віездилъ, толко Гудовичъ одинъ былъ въ дворцѣ и у Кочубея обѣдалъ.

23. Изъ московской рентереи 50 р. денегъ харчевыхъ за прошедшій декабрь, послѣдную половину, принесены.

24. Сего числа въ С. П. Бурхѣ обозный генералный Яковъ Евфимовичъ Лизогубъ въ 2 часу по полуночи преставилъся [242]). Обѣдали мы у Кочубея ради тезоименитства жены его, а вечеромъ были у секретаря Новоторжцова. Принятъ служитель Сидоръ Івановъ Гудокъ, родомъ зъ Конотопу.

25. Полковникъ гадяцкій Галецкій и сотникъ лохвицкій Коченевскій отъехали изъ Москви до Малороссіи. Г. Кочубей пріездилъ къ намъ на квартеру, токмо мы не были, а были съ г. Гендриковымъ у Івінского.

26. Рано были въ дворцѣ государевѣ у графа, потомъ у канцлера съ Кочубеемъ, да у гр. Кирила Григоріевича и у князя Алексія Дмитріевича Голицина.

27. Рано былъ у насъ Кочубей. Agrotavit summè sua Majestas. Вечеромъ были у Василія Івановича Демидова. Писали къ нашимъ въ С. П. Бурхъ по извѣстію намъ отъ Михайла Ѳедоровича, сторони г. Лизогуба учиненному.

---

[242]) О болѣзни и смерти генеральнаго обознаго Якова Лизогуба см. „Кіевскую Старину“ 1882 г., кн. I, стр. 118—119.

28. Отправлены писма по почтѣ въ С. П. Бурхъ, въ томъ числѣ и отъ мене до віце-адмирала и кавалера Александра Івановича Головина, до маіора въ адмиралитействѣ присутствующого Василія Івановича Войникова, да до учителя Носка съ обявленіемъ, что денги 100 р. Гизону отданы.

29. Въ сей день мясопустный были рано въ дворцѣ и у ручки государя великого князя и великія княгини. Обѣдали у г. Кочубея. Пріехалъ изъ Глухова канцеляристъ Димитрій Лебедевъ зъ звѣриною, до двора государева присланною.

30. И сего числа обѣдали у Кочубея.

31. Въ дворцѣ видѣлись съ преосвященнымъ новгородскимъ Стефаномъ Каліновскимъ. Потомъ обѣдали у преосвященного Платона володимерского, где надъ вечери приходилъ и архіерей грузинскій и архимандритъ знаменскій, грузинецъ-же. Вечеромъ явились у насъ Іванъ Пуховичъ и перекрестъ Афанасъ Познанцовъ зъ Глухова съ писмами. Канцеляристу Григорію Андріеву Сорокину за 2 копіи для Івана Гамаліи данъ 1 р.

Февраль

1. Обѣдали мы у духовника, а послѣ обѣда былъ у насъ Іванъ Барановскій, камердинеръ графскій, съ извѣстіемъ, что государыня изволила подписать свою конфірмацію на докладъ сенатскій о нуждахъ малороссійскихъ, о чемъ и князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, будучимъ намъ у него, обявилъ. Князь Александръ Андріевичъ Черкаскій, бывшій передъ симъ его высочества государя великого князя гофъ-маршаломъ, преставился.

2. Нарочно званныи отъ преосвященного новгородского обѣдали у него съ архимандритами: новоспаскимъ Гавріиломъ и петровскимъ Пахоміемъ.

3. Росплатка учинена зъ серебрникомъ за 12 кубковъ, за 6 сосудовъ церковныхъ, за чайникъ и молочникъ; всего ему заплачено 89 р. 50 к. У него-жъ взяты вѣски мѣдные.

4. Были рано въ дворцѣ и перво Розумовскому графу кланялись и благодарили за его патронство; потомъ отъ его-жъ представлены были самой государынѣ для отданія благодаренія за явленную высокомонаршескую милость, что и учинено отъ насъ въ

церкви комнатной. Обѣдали у Ѳедора Івановича Коченевского, а оттуда возвратясь, отправили куріера, сенатской роты салдата, съ указомъ изъ сената по конфірмаціи ея імператорского величества учиненной и съ писмами отъ насъ до старшины генералной, где и мои писма до Скоропадского о екзакторахъ, до Івана Гамаліи съ копіями и до жены, съ включеннымъ и отъ Гудовича къ его женѣ писмомъ, отпущены.

5. Рано обослалъ насъ Алексій Даниловичъ Шепшинъ пивомъ и полпивомъ. Мимоездомъ изъ дворца вступили до Григорія Михайловича Любисткова и у него въ сей сиропустный день обѣдали. По полдни изволила государыня проежджатся первой разъ послѣ болѣзни.

6. Вечеромъ были у графа Гендрикова, где застали капитана гвардіи преображенского полку, Александра Михайловича Михелсона. Мѣщанинъ чернѣговскій Іосифъ Козляниця преставилъся въ Москвѣ.

7. Графъ Гендриковъ отъехалъ до своей деревнѣ Прусъ. Гудовичъ послѣ обѣда ездилъ къ г. Кочубею. Козляниця погребенъ въ монастырѣ знаменскомъ.

8. Ездили въ дворецъ для поздравленія духовника и его сина Захарія, да Ѳедора Івановича Коченевского, яко нинѣшныхъ именинниковъ. Полковникъ чернѣговскій Божичъ простилъся съ нами, отъежджая на Украину. У насъ-же былъ отставный маіоръ Андрей Александровичъ Неболсинъ. Виданы изъ московской рентереи по ассигнаціи статсъ-канторы за прошедшій генварь мѣсяцъ 100 р., изъ которихъ взяли мы съ Гудовичемъ по 30 р., а остальные 40 содержатся для харчевого росходу.

9. Vacat. 10. Свѣтскіе господа сеждались въ дворецъ для поздравленія государю великому князю рожденіемъ. Мы были на службѣ въ Велико-Петровскомъ монастырѣ и тамъ видѣлись первей съ архимандритомъ тамошнымъ Пахоміемъ, потомъ и съ преосвященнымъ архіепископомъ псковскимъ Сумономъ Тодорскимъ. Іванъ Бѣлоровскій, зъ Глухова прибывшій, явилъся у насъ.

11. Исповѣдивалъся у священника церкви святого Панкратія, отца Александра Григоріевича, и тамъ-же святыхъ Таинъ сообщалъся. Полковникъ де-Латуръ простилъся съ нами, да канцеляристъ Дмитрій Лебедь отъехалъ до Глухова, чрезъ которого писма писали:

1-е до всѣхъ членовъ генералной канцеляріи о принятіи у двора звѣрины; 2-е до генералной старшини о куплѣ вина волоского для генерала лейтнанта Петра Михайловича Шипова. Въ вечеру былъ въ квартерѣ нашей г. полковникъ нѣжинскій Кочубей съ г. полковницею и Петръ Ивановичъ Розумовскій.

12. Были по обѣдни въ дворцѣ и графу Розумовскому являлись, а обѣдали у г. Кочубея, где обѣдалъ же и адютантъ генерала Бѣсмарка, Карлъ фонъ-Штофель. Сотникъ Стефанъ Лукомскій прибылъ изъ С.П.Бурха, и прибывшіе изъ Глухова съ запасомъ покойного г. Лизогуба у насъ явились.

13. Судья гадяцкій Іванъ Родзянка прибылъ зъ вышневкою, до двора государева, присланною съ нимъ отъ бунчучного генералного Оболонского. Лукомскій рано былъ у насъ и чинилъ реляцію о смерти и погребеніи покойного г. Лизогуба. Послѣ полдня былъ я у совѣтника, въ рекетмейстерскихъ дѣлъ присутствующого, Івана Алексіевича Казарминова и ему о своемъ дѣлѣ говорилъ и записку далъ.

14. Рано были въ дворцѣ и тутъ видѣлись зъ архимандритомъ печерскимъ; потомъ видѣли государыню на переходѣ, ишовшую посѣщать нѣкоторую Милгунову болную; а послѣ были у графа Розумовского и просили о докладѣ, чтобъ окончаны наши и осталные дѣла общіе, при чемъ былъ тутъ-же и Лукомскій. Тамъ же въ дворцѣ видѣлся я съ судьею гадяцкимъ Родзянкою. Послѣ полдни въ 4-мъ часу былъ салдатъ изъ сената съ повѣсткою, чтобы мнѣ и Янушкевичу явиться въ сенатъ для слушанія дѣла съ Соколовскимъ завтра въ 7-мъ часовъ. Потомъ ездилъ я до князя Алексія Дмитріевича Голицына и у него доволно посидѣлъ, а оттоль возвратившись, засталъ въ нашей квартерѣ Михайла Борисовича Неронова и Аполлона Лодижинского. Въ 8-мъ часу отъехалъ въ сенатъ и тамъ первѣе былъ въ рекетмейстерской канторѣ, потомъ, какъ прибыли три сенатори: генералъ Бутурлинъ, да князь Щербатовъ и Одоевскій, да князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, то начали наше дѣло съ Соколовскимъ слушать, и по вислушаніи моей и Янушкевичевой челобитныхъ апелляціонныхъ, я отошолъ зъ сената, а при Янушкевичу и Соколовскому стали подлинного дѣла слушать.—Дочь князю Алексію Дмитріевичу Голицыну родилась. Прибыли изъ С.П.Бурха Дмитрій Мироновичъ, Кирило Бѣло-

ровскій съ обозомъ и служителми покойного обозного генералного Лизогуба. Вечеромъ были у г. Кочубея, которого просилъ доложить графу о моемъ прошеніи, стороны жалованной грамоти на деревни. При насъ у него-жъ была графиня, сожителница графа Петра Семеновича Солтикова и съ нею дочь покойного графа Чернишова, Катерина Григоріевна.

16. Были въ дворцѣ и первей у графа Розумовского, потомъ у Ѳедора Івановича Коченевского, купно съ полковницею Кочубеевою, обѣдали, а г. Кочубей самъ у архіерея переяславского, званный отъ него, обѣдалъ. Вечеромъ былъ я у Григорія Політики.

17. Рано былъ я перво у сенатора князя Івана Андріевича Щербатова, потомъ у сенатора-жъ Александра Борисовича Бутурлина, а обадва мы слушали преждеосвященной обѣдни въ дворцѣ и были у ручки іхъ імператорскихъ высочествъ обоихъ. Вечеромъ были у поручика гвардіи отставного, Александра Тихоновича Лукина. Пріехалъ сотникъ полтавского полку Семенъ Куликъ и привезъ къ намъ писма.

18. Послѣ обѣдни, слушанной въ церквѣ Флора и Лавра, были у графа Александра Івановича Румянцова, которій удержалъ насъ у себя и обѣдать, где обѣдали съ нимъ и съ графинею, да съ двома генералами, однымъ лейтнантомъ (*пробѣлъ*), другимъ маіоромъ, что въ Чернѣговѣ былъ полковникомъ, Владимеромъ Василіевичемъ Ізмайловими. Вечеромъ былъ у насъ маіоръ Андрей Александровичъ Неболсинъ. За лѣкарство sal anglicanum дано 16 к.

19. Слушали обѣдни въ дворцѣ, въ церкви теплой публічной, где и государыня быть изволила, потомъ къ ручки всѣхъ въ дворцѣ бывшыхъ жаловала, где и я допущенъ былъ какъ къ ея величества ручки, такъ и къ іхъ імператорскихъ высочествъ. Потомъ были у графа Розумовского, а обѣдали у графа Гендрикова, купно съ Софоновымъ камеръ-юнкеромъ, съ Богданомъ Пассекомъ и съ протчими. Надъ вечери были у Кочубея, которій въ вечеру ездилъ съ своею супругою государынѣ откланюватся. Пѣвчій дворцовый Маркъ Полторацкій, приехавшый въ сихъ дняхъ съ Украины, подалъ мнѣ писмо отъ генералного асаула Якубовича.

20. Были въ дворцѣ и видѣли государыню, отъежджающую въ Покровское. Обѣдали у Кочубея, куда пріѣжжалъ Ігнатъ Кириловичъ Полтавцовъ. Надъ вечери ездилъ я одинъ до князя Алексія

Дмитріевича Голицина и у него болѣе часа сидѣлъ и поздравлялъ его-жъ новорожденною дочерью. Полковникъ Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій прислалъ два подсвѣшники для отсилки въ Глуховъ, а оттоль въ сумскій успенскій монастырь, о чемъ отъ мене писано до Скоропадского, съ сообщеніемъ и писма къ ігумену тамошнему Іпполиту съ братіею. Куплены для Скоропадского 31 лимонъ солонихъ за 1 р. 61 к., да двѣ билорибици за 1 р. 56 к.

21. Рано были въ дворцѣ и видѣли государыню. Обѣдали въ своей квартерѣ и съ нами Ілія Лизогубъ, сего числа прибывшій въ Москву. Послѣ обѣда ездили до Кочубея и у него просидѣли до 10-го часа и ужинали. А оттоль какъ прибыли, то застали въ квартерѣ нашей пріехавшую жену капитана Соловіова съ свойственными своими. У насъ-же былъ дворцовый муншенкъ Алексій Петровичъ Соболевъ съ капитаномъ и управителемъ дворца государева, что въ селѣ Покровскомъ, Андреемъ Якимовичемъ Ратмановымъ.

22. Изъ-рана будучи въ дворцѣ, полковникъ Кочубей докладывалъ о дѣлѣ моемъ графу Розумовскому и какой получилъ отвѣтъ о томъ мнѣ объявилъ. Я былъ въ сенатѣ за дѣломъ съ Соколовскимъ, токмо оного не слушано. Обѣдали у Кочубея съ полковницею, а онъ у графа Румянцова. Надъ вечери былъ въ нашей квартерѣ отецъ духовникъ Ѳедоръ Дубянскій, зъ которымъ, по его требованію, ездили къ генералу маіору Івану Івановичу Головину, где и съ Іліею Лизогубомъ, ставшымъ у него квартерою, видѣлись.

23. Капитану Елисею Григорьевичу Пасинкову, глуховского гварнѣзону, позичены 20 р. денегъ и у негожъ взятъ облѣгъ за подписомъ его и свидѣтеля Носенка. За оправу Саваріева лексикона дано 75 к. Обѣдали въ дворцѣ у духовника, купно съ полковникомъ нѣжинскимъ Кочубеемъ и его женою. А вечеромъ были у насъ графъ Гендриковъ, да капитанъ Соловіовъ съ женою своею, Катериною Андреевною Дуніновою и два Чоглокови, Максимъ Совѣтовичъ и *(пробѣлъ)*.

24. Куплено пестреди за 35 к., сундучокъ и замочекъ за 15 коп. Обѣдала у насъ полковниця нѣжинская Ксенія Гарасимовна Кочубеева, а по полдни въ 5-мъ часу мужъ еи, Семенъ Василіевичъ Кочубей, съ нею, а при нихъ и Петръ Івановичъ Розумовскій

и Антонъ Ѳедоровичъ Демешко[243]) отъехали. Кочубей вчора и сего числа обнадеживалъ мене отъ графа Розумовского о дѣлѣ моемъ, о которомъ и меморіалъ врученъ отъ мене камердинеру графскому Івану Стефановичу Барановскому. Государиня изволила кушать въ Покровскомъ, где и архимандритъ кіево-печерскій у ея величества кушалъ-же.

25. Надъ вечери ездили въ Покровское до капитана и тамошнего управителя, Андрѣя Якимовича Ратманова, и у него до позна просидѣли; а какъ оттоль пріехали, то приходилъ къ Гудовичу сынъ Романовичовъ.

26. Обѣдни позной слушали въ дворцѣ, въ новой церкви, въ которой древняя, еще за царя Ѳедора Івановича шитая работа, т. е. иконостасъ поставленъ. Потомъ обѣдали у Ѳедора Івановича Кочепевского съ Ігнатомъ Кириловичемъ Полтавцовымъ, съ Яковомъ Алексіевичемъ Шубскимъ, подполковникомъ, и оберъ-мунщенкомъ Евфимомъ Юрьевичемъ Бахтіевымъ. А какъ оттоль пріехали, то былъ у насъ Григорій Михайловичъ Любистковъ съ женою и синомъ своимъ. Потомъ были мы у Сидора Перфильевича Денисьева, подполковника или надворного совѣтника. Вручено писмо и подсвѣшникы Дмитрію Івановичу Мировичу, писанное 20-го числа сего мѣсяца до Скоропадского о отсилки тихъ подсвѣшниковъ въ сумскій монастырь, и онъ-же, Мировичъ, простился съ нами, отъежджая въ Малороссію.

27. Изъ-рану принималъ лѣкарство sale anglicanum. Въ вечеру наказанъ Іванъ Кухтикъ за пянство. Мировичъ отъехалъ въ Украину.

28. Рано посиланъ Посенко до капитана Соловіова упомянутся о денги 50 р., мнѣ по-поламъ съ Гудовичемъ должные. Зъ дворца заездили до Любисткова. По полдни поданъ меморіалъ графу Розумовскому о осталныхъ общенародныхъ 6 дѣлахъ, а именно: о

---

243) Родной племянникъ Натальи Демьяновны Разумовской, сынъ Федора Демьяновича, носившаго, по имени отца, прозваніе Демешка. Дѣти другаго брата Натальи Демьяновны, Герасима, носили прозваніе Стрѣшенцовъ.—См. также Семейство Разумовскихъ, т. I, стр. 21.—Обѣднѣвшіе Демешки и теперь еще живутъ въ глуховскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи.

гетманѣ, о виводѣ грузинъ[244]), о классахъ, о резиденціи въ Батуринѣ, о деревняхъ, до артилеріи генералной надлежащыхъ и о расколщикахъ, и о томъ всемъ доволный съ графомъ розговоръ имѣли. Послѣ чего государиня изволила ночью ездить до графа Александра Івановича Румянцова для посѣщенія его въ болѣзни.

Мартъ.

1. Прибыли изъ Глухова два куріери: одинъ—сенатскій, посиланный зъ милостивымъ о уволненіи отъ станціи полковъ на три года и о протчемъ указомъ, другій—салдатъ глуховскій Калугинъ, чрезъ которихъ получены благодарственное челобите до ея императорского величества и репортъ въ сенатъ, да и писмо до графа Розумовского. Обѣдали мы у графа Гендрикова, которій рано былъ въ дворцѣ и имѣлъ о своемъ отправленіи въ Глуховъ розговоръ съ графомъ Розумовскимъ. Вечеромъ были у Ігната Кириловича Полтавцова, где застали сенатской конторы прокурора Андрея Григорьевича Щербинина, да прокурора-жъ Петра Михайловича Николева и Петра Петровича Верделевского и съ ними до позна просидѣли.

2. Рано были въ дворцѣ и вручили графу Розумовскому какъ до ея величества писанное изъ Глухова челобитье благодарственное, такъ и ему надлежащое писмо отъ старшины генералной. Принесены денги 100 р. изъ рентереи за мѣсяць февраль, изъ которыхъ взяли себѣ по 40 р., а осталось на росходъ харчевый 20 р. Въ вечеру были у насъ генералъ-лейтнантъ и кавалеръ Алексій Яковлевичъ Шубинъ, графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, брегадиръ князь Ѳедоръ Івановичъ Голицинъ, Сергій Івановичъ Бутурлинъ и нѣсколко офіцеровъ съ ними.

3. Писалъ писмо до Александра Петровича Толстого о отдачи водки 10 вѣдръ и простого вина 2-хъ вѣдръ и 5 штофовъ, и оное писмо отослано чрезъ Івана. Обѣдали мы у Ѳедора Івановича Коченевского, а надъ вечери ездили на фабріку, гдѣ дѣлается ценинная посуда, то есть, столовые сервѣзы и протчая, съ Михайломъ

---

[244]) Рѣчь идетъ о грузинахъ, которымъ въ царствованіе императрицы Анны Ивановны розданы были въ Малороссіи населенныя мѣстности, преимущественно въ полтавскомъ и прилуцкомъ полкахъ.

Борисовичемъ Нероновымъ и Аполлономъ Василіевичемъ Лодижинскимъ.

4. Писаны писма: одно до полковника нѣжинского Кочубея съ отсилкою пакета и 4-хъ писемъ къ нему надлежащыхъ; другое до бунчукового товарища Стефана Міклашевского въ отвѣтъ на его двѣ писми; третое до маіора Василія Ивановича Войникова въ С.П.-Бурхъ, отвѣтное на его-жъ писмо, где приложено писмо зъ Глухова до кофишенка Савлукова и цедула о покупкѣ 4-хъ косъ для кошенія хлѣба озимого и ярового съ надлежащимъ приборомъ. Обѣдни слушали въ дворцѣ, где при насъ благодарствовалъ государинѣ полковникъ Яковъ Андріевичъ Мордвиновъ за пожалованіе его брегадиромъ.

Обѣдать ездили мы съ графомъ Гендриковымъ въ подмосковный домъ, називаючійся «Черемошки», князя Ѳедора Ивановича Голицина брегадира, за донскимъ монастыремъ въ 4 версти отстоящого. А оттоль заездили въ домъ того-жъ князя каменный, на Знаменкѣ имѣючійся. Потомъ были у подпоруччика Аполлона Василіевича Лодижинского.

5. Рано въ дворцѣ многіе офіцеры конной гвардіи, въ томъ числѣ и одинъ ротмистръ Іоганъ Респе, пожалованный брегадиромъ, благодарствовали своему подполковнику, графу Алексѣю Григорьевичу Розумовскому, за повышеніе въ рангахъ. Тамъ-же розговоръ я имѣлъ съ Александромъ Петровичемъ Толстымъ о недоданной мнѣ водки и простомъ винѣ. Обѣдали мы у прокурора сенатской канторы Андрея Григоріевича Щербинина зъ Ігнатомъ Кириловичомъ Полтавцовымъ, съ Петромъ Михайловичемъ Николевымъ, прокуроромъ крикскомісаріатскимъ, да тамъ-же былъ одинъ архимандритъ рускій. Вечеромъ у насъ былъ гвардіи поруччикъ отставный Александръ Тихоновичъ Лукинъ. Отослано писмо до гранадера лейбъ-компаніи Козмы Ивановича Войникова, писанное къ брату его маіору Василію Ивановичу Войникову, для отправленія въ С. П.-Бурхъ. Государевъ прежде бывшій кокмейстеръ Богданъ Григоріевичъ Халяблинъ умеръ въ Москвѣ.

6. Рано были въ домѣ покойного графа Александра Ивановича Румянцова для отданія послѣдпего цѣлованія, которій сего-жъ теченія 4-го числа въ 7-мъ часу по полуночи преставился. Да и у графини его Маріи Андріевны были-же, чиня ей въ нынѣшней

печали консоляцію. Потомъ были въ дворцѣ, где видѣлись съ адютантомъ конной гвардіи Лукяномъ Яковлевымъ, недавно прибывшымъ съ Полщи изъ Варшавы. Графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ подарилъ мнѣ атлясъ неболшій, въ 40 картинахъ состоящій, которій данъ въ оправу, а отъ роботи давать перепліотчику 60 к. Графъ Евфимъ Ивановичъ Владиславичъ Рагузинскій нечаянно послѣ полдня въ 5-мъ часу зараженъ апоплексіею, умеръ въ 8-мъ часу, а пожитки его всѣ попечатаны. Іванъ Жоравко съ женою своею пріѣхалъ въ Москву [245]).

7. Рано были въ Кремлѣ, а потомъ ездили до Александра Борисовича Бутурлина съ поздравленіемъ его новопожалованнымъ сего марта 4-го числа, послѣ умершого того-жъ числа графа Румянцова, чиномъ подполковничества гвардіи преображенского полку. Обѣдни слушали въ дворцѣ, где и у ручки были іхъ императорскихъ высочествъ. Обѣдали въ квартерѣ, а съ нами Аполлонъ Лодижинскій, Іванъ Соловіовъ съ женою своею и съ сестрою Анастасіею Андрѣевною. Въ вечеру былъ у мене одного секретарь Новоторжцовъ, а Гудовичъ ездилъ въ дворецъ, и тамъ онъ видѣлъся съ Жоравкомъ и его женою.

8. Рано былъ въ сенатѣ и явился передъ сенаторей, которіи стали слушать знову дѣло Соколовского съ Янушкевичемъ, а мнѣ велѣли отойти, и я оттуду отъехалъ въ дворецъ и тамъ обѣдни слушали. А по обѣдни кланялся въ церквѣ государинѣ архіерей костромскій и галицкій Сылвестръ Кулябка. Потомъ допущены были многіе, въ томъ числѣ и мы, къ ручки великого князя и великой княгини. Оттоль поехавъ, обѣдали у поруччика гвардіи Александра Тихоновича Лукина, где обѣдали-же графъ Гендриковъ, да брегадиръ Афанасій Романовичъ Давидовъ и капитанъ Соловіовъ; а послѣ туда-жъ прибыли Матвей Михайловичъ Івінскій и Аполлонъ Лодижинскій. Князь Алексій Дмитріевичъ Голицинъ прислалъ мнѣ чрезъ протопопа мглинского пять картинъ о римской святого Петра церквѣ, что въ Ватиканѣ.

9. Выносъ и погребеніе было въ монастырѣ златоустовскомъ графа Александра Ивановича Румянцова, при чемъ и отъ гвардіи

---

[245]) Иванъ Тимофеевичъ Жоравко былъ женатъ на родной племянницѣ Разумовскихъ, чѣмъ и объясняются оказанныя императрицею милости его женѣ, о которыхъ далѣе говоритъ дневникъ.

командированные салдати трикратнымъ залпомъ палили. Я и Гудовичъ обѣдали у маіора Алексія Даниловича Шеншина, где обѣдали же и шваги его Александръ и Василій Борисовичи Нероновы, а при томъ онъ, Шеншинъ, показовалъ намъ и приговоръ объ немъ въ сунодѣ состоявшійся. Вечеромъ были на бархатномъ дворѣ графскомъ и видѣлись съ Евдокіею Гарасимовною, женою Жоравковою и у ней сидѣли, а тамъ-же видѣли и канцелляриста, съ ними приехавшого, Ѳедора Квітніцкого.

10, Обѣдали у графа Гендрикова, где съ тестемъ его и розговоръ былъ о умершемъ князѣ Меншиковѣ, будто онъ былъ чійсь крестянинъ по отцу и дѣду своему. Вечеромъ были у мушенка Івана Андріяновича Возжынского, гдѣ видѣлъся съ нами и Гарасимъ Кириловичъ Лѣбратовскій. У насъ-же былъ по обѣдѣ канцелляристъ Квітніцкій, которому и цедула дана отъ мене о дѣтяхъ Журавкиныхъ померших, якую писала ко мнѣ мать его Журавкина изъ С. П. Бурха.

11. Купленъ подносъ срѣбный, за которій дано 29 р. 20 к., а въ немъ вѣсу фунтъ одинъ и 81 золотникъ. Погребенъ въ монастырѣ греческомъ г. Евфимъ Рагузинскій. Обѣдали мы въ дворцѣ у отца духовника, где прежде и обѣдни слушали и въ ручки іхъ імператорскихъ высочествъ были.

12. Послѣ обѣдни, въ дворцѣ слушанной, изволила государиня отъехать обѣдати до новопожалованного подполковника преображенского полку Александра Борисовича Бутурлина, а мы обѣдали у Жоравки. А вечеромъ были у Александра Петровича Сумарокова, генералъ-адютанта графского.

13. Рано были въ дворцѣ и государынѣ кланялись, а послѣ обѣда приносилъ къ намъ перлы двоихъ сортовъ иноземецъ, слуга Аполлоновъ. Потомъ знову ездили въ дворецъ съ графомъ Гендриковымъ (у которого застали брата его графа Андрея Михайловича Евфимовского и капитана гвардіи Михелсона съ женою) и у него ужинали.

14. Послѣ обѣда у графа Гендрикова видѣлись зъ маіоромъ гвардіи, генераломъ-маіоромъ и кавалеромъ Іваномъ Афанасіевичемъ Шиповымъ. Потомъ въ вечеру были въ дворцѣ и тамъ видѣли прибывшого зъ Украини Зеленского, жіючого въ гадяцкомъ полку;

тамъ-же приходилъ и полковникъ стародубскій Максимовичъ съ духовникомъ.

15. Рано ездили перво въ дворецъ, а оттоль я одинъ въ сенатъ, но дѣла нашего, зъ прошлые среди начатого, не слушали за розборомъ недорослей и отставныхъ. По обѣдѣ была у мене іноземка, которую намѣренъ уговорить до дѣтей для обученія. По полдни были мы у генерала маіора и гвардіи ізмайловского полку маіора Івана Афанасіевича Шипова, а одинъ Гудовичъ вечеромъ ездилъ до дворца и, тамъ будучи у графа Розумовского, слышалъ декляраціо о скорой отправѣ. Писано писмо въ Глуховъ до Скоропадского о покупки для мене бочки волоского красного вина и притомъ о посилки одного пакета, подписанного на имя полковника нѣжинского Кочубея, другое писмо до Стефана Міклашевского.

16. Оные писма отпущены въ Глуховъ чрезъ отъехавшого туда куріера Калугина. Вечеромъ были въ дворцѣ и поздравляли графа завтрешнымъ тезоименитствомъ, которій частовалъ между протчими и насъ венгерскимъ виномъ. Потомъ вскорѣ изволила государыня отъехать въ Покровское съ нѣсколко придворного штату. Канцеляристъ войсковый, Прокопъ Чарнуцкій, прибылъ съ звѣриною.

17. Рано простился съ нами канцеляристъ, которій пріездилъ съ Бакуринскою. Послѣ обѣда былъ у насъ секретарь Новоторжцовъ. Писано писмо до жены о сину Василю и о приуготовленіи въ глуховскомъ и городискомъ дворахъ пива и меду въ ліодовняхъ. Трактаментъ былъ въ Покровскомъ.

18. Послѣ обѣдни, въ дворцѣ слушанной, были допущены къ ручки государыни и ихъ высочествъ, а обѣдали у графа Гендрикова. Надъ вечери ездили на Арбацкую улицу до генерала лейтенанта провіантъ-мейстера, Івана Алексіевича Горчакова. Сего-жъ числа рано поздравляли именинника графа Кирила Григоріевича Розумовского.

19. Въ дворцѣ по обѣдни звалъ насъ архіепископъ московскій и сѣвскій, преосвященный Платонъ Маліновскій, къ себѣ обѣдать въ Чудовъ монастырь, где мы въ полатахъ его, съ племѣниками его-жъ, сотникомъ полковымъ гадяцкимъ (*пробѣлъ*), да бунчучнымъ товарищемъ Алексіемъ Маліновскими, обѣдали, а самъ его преосвященство, будучи воспреемникомъ нѣкоторого татарчука, вѣру нашу воспріявшого, у генерала фелтмаршала князя Івана Юревича Трубецкого

обѣдалъ, потомъ насъ еще въ своихъ полатахъ заставши, долго поудержалъ, куда такожде пріехалъ и архіерей воронежскій Феофилактъ.

20. Писано отъ мене писмо до капитана Соловіова, что-бъ онъ графу Івану Симоновичу объ отдачи 500 р. напамятовалъ и отъ себе прислалъ-бы 50 р. Коляска для езди двумѣстная намъ зъ конми булано-пѣгими изъ двора графа Гендрикова прислана.

21. На службѣ преждеосвященной были въ патріяршей церквѣ, а потомъ ходили въ палату, где миро варятъ. При картцѣ отосланы чрезъ Кохановскаго къ Івану Стефановичу Барановскому 3 атестаты генералитетсткіе, одинъ унѣверсалъ гетмана Апостола на село Чаусы, да копія писма отъ матушки писанного. Послѣ полдня явилъся у насъ войтъ переяславскій, недавно въ Москву пріехавшый.

22. Писали въ Глуховъ до генералной старшины, къ генералной канцеллярія присутствующихъ, о дачѣ пашпорта на 8 подводъ ямскихъ ігумену ріхловскому съ братіею, когда будетъ ехати къ Москвѣ.

23. По благости Божіей удостоилъся причастится святыхъ Таинъ въ церквѣ святого мученика Пагкратія и исповѣдывалъся тоей-же церкви предъ священникомъ Александромъ Григоріевичемъ. Вечеромъ прибылъ графъ Гендриковъ изъ своей деревнѣ Прусъ, тамъ говѣвшый, а мы ездили въ дворецъ, но видѣть графа не получили.

24. Графъ Гендриковъ прислалъ мнѣ и Гудовичу 200 р. должныхъ, изъ которыхъ по сту мы взяли, а еще-жъ двѣстѣ нашыхъ денегъ на немъ остались. За покойного Козляници отдалъ мнѣ должные денги десять рублей преосвященный архіепископъ московскій Маліновскій, которые отъ мене позичены Івану Янушкевичу, абшитованному писару. Служителю Сидору на его нужды дано 50 к.

25. Отпущенно простого вина Сорокину четиры штофи. Былъ пожаръ не далече насъ. Слушали обѣдни въ дворцѣ и тамъ, при поздравленіи многихъ господъ нынѣшнымъ Благовѣщенія Господня праздникомъ, были у ручки іхъ імператорскихъ высочествъ.

26. Въ сей денъ Свѣтлаго изъ мертвыхъ Воскресенія Христова утрени въ теплой церкви слушали, где и у руки ея імператорского величества и іхъ імператорскихъ высочествъ были, а

обѣдни въ болшой дворцовой деревяной церкви слушали-жъ. А послѣ обѣдни ея величество изволяла въ другіе покои новые перейти съ нѣкоторими придворного штату. Въ сей день прежестокій былъ морозъ, и мы, отобѣдавъ у капитана Соловіова, имѣли у себя гостей графа Івана Симоновича Гендрикова, сержанта лейбъ-компаніи Сурина и другихъ; потомъ съ ними-жъ знову были у капитана Соловіова.

27. Рано были съ поздравленіемъ у князя Алексія Дмитріевича Голицина, у князя Івана Андріевича Щербатова, у графа Кирила Григоріевича Розумовского, у князя Івана Василіевича Одоевского, у віце-канцлеровой графини Анны Карловны Воронцовой; потомъ въ дворцѣ у графа Алексія Григоріевича Розумовского, у полковника Ѳедора Івановича Коченевского и подполковника Якова Алексіевича Шубского, да и у духовниковой, а по полдни, вечеромъ уже, у маіора гвардіи и генералъ-маіора и кавалера Івана Афанасіевича Шипова. Ночью былъ пожаръ.

28. Рано зъ поздравленіемъ были-же у Василія Івановича Демидова, у генералъ-лейтнанта и сенатора Івана Івановича Бехметева, где и полковника Тютчева, бывшого передъ симъ въ Глуховѣ, застали,—у генерала и гвардіи полку преображенского подполковника Александра Борисовича Бутурлина, где и секретаря Козловского изъ Глухова пріехавшого видѣли, потомъ были-же и у барона Івана Антоновича Черкасова и у князя Александра Борисовича Куракина. А у насъ были съ поздравленіемъ войтъ переяславскій съ своими 2 урядниками и принесъ барилце вина волоского, да сотникъ полтавского полку Куликъ и канцеляристъ Данилевскій съ товарищемъ, которіи у насъ-же и обѣдали. Въ вечеру были у преосвященного новгородского Стефана Каліновскооо, где и съ архимандритомъ новоспаскимъ Гавріиломъ Кременецкимъ видѣлись.

29. Рано обослали виномъ генерала-лейтнанта Петра Михайловича Шипова, а потомъ были мы у великого канцлера Алексія Петровича Бестужева-Рюмина, у кавалера Николая Андріевича Корфа и у полковника слѣпого Григорія Михайловича Любисткова, а по полдни у камеръ-юнкера Михайла Івановича Софонова и у генерала маіора и генерала рекетмейстера Івана Івановича Дивова. —За направку вѣдра мѣдного, да побѣлянье оного и чайника старого

дано 65 к. Прошлыхъ числъ на разный росходъ пошло 14 коп. Рано изволила государиня ездить на набоженство въ Кремль и тамъ обѣдать и ужинать.

30. Послѣ обѣдни были въ дворцѣ, а оттуду заехавъ къ Журавцѣ, у него обѣдали и до вечерень проседѣли. Вечеромъ были у насъ сотникъ Брежинскій и поруччикъ гвардіи Лукинъ. Ночью пожаръ былъ въ разныхъ мѣстахъ.

31. Рано былъ пожаръ подлѣ Сухаревой Башни. Послѣ обѣдни были въ дворцѣ и при насъ изволила государиня отъехать въ Покровское. Обослалъ насъ Тройцы-Сергіева монастыря келаръ отецъ Феофанъ Чарнуцкій, чрезъ племѣнника своего, канцеляристу войскового, Прокопа Чарнуцкого хлѣбомъ, медомъ, пивомъ, мясомъ и рибою. Надъ вечери были у насъ секретарь Новоторжцовъ и дядя его Михайло Стефановичъ Павловъ съ женами, и Новоторжцовъ же объявилъ намъ, что вчорась ему учинена повѣстка, чтобъ онъ собиралъся со всѣми дѣлами малороссійскими къ переноски въ коллегію иностранную.

Априль.

1. Рано посѣтилъ насъ помянутій отецъ келарь Тройцы-Сергіева монастыря. Потомъ ездили мы до князя Никиты Юрьевича Трубецкого, до графини Румянцовой Маріи Андріевны съ поздравленіемъ воскресенского праздника и тезоименитствомъ ея. Обѣдали у графа Івана Симоновича Гендрикова, а послѣ были перво у преосвященного Тодорского, архіепископа псковского, также у предреченного отца келаря на троецкомъ подворьѣ въ Кремлѣ и у переводчика Політики.

2. Рано были въ дворцѣ и по обѣдни жалованы съ протчими къ ручкамъ іхъ імператорскихъ высочествъ. Послѣ полдня ездили къ господину Лукину, у которого до 10-го часу сидѣли, и въ 10 часу пожаръ былъ сдѣлался въ домѣ Михайла Андріевича Бѣлоровского,—людскіе избы погорѣли.

3. Писаны писма одно въ С.П.-Бурхъ къ Войникову швагру въ отвѣтъ на его писмо; другое до обозного полкового полтавского Андрея Руновского въ покупки для мене-жъ 3 паръ потебеніокъ, одного ленчика кримского, 2-хъ сафяновъ жолтыхъ и 3-хъ червоныхъ, и то все отослалъ-бы онъ въ Глуховъ, а за прибытіемъ

моимъ надлежащіе за ту покупку денги отданы будутъ. Былъ я одинъ у Любисткова съ Іліею Лизогубомъ, которій послѣ съ нами и обѣдалъ, а послѣ полудня я же былъ у Фукса и взялъ у него фузію, за 29 р. передъ симъ сторгованную.

4. Писмо въ Глуховъ для отсилки къ Руновскому вручено канцеляристу Данилевскому. Обѣдали у графа Гендрикова, а по обѣдѣ отослалъ 4 р. денегъ къ полковници Іуліанѣ Филиповнѣ Авксентіевой, которая уговорила дѣвокъ майстерицъ здѣлать 4 пари срѣбрныхъ и 4 пари золотыхъ петель до кунтушовъ.

5. Принесены денги кормовые изъ рентереи за мѣсяцъ мартъ 100 р., изъ которыхъ по 30 р. я и Гудовичъ взяли на свои нужды, а 40 р. осталось харчевыхъ, изъ коихъ на росходъ даны 10 руб. Янжулу.

6. Были рано въ дворцѣ и обѣдали у Ѳедора Івановича Коченевского, да въ вечеру вчора сидѣли у генерала-маіора и гвардіи-маіора Івана Афанасіевича Шипова. Пріездилъ къ намъ по полдни секретарь Новоторжцовъ осматривать дворъ, чтобъ ему оный купить. Рано видѣли Козловского у гр. Гендрикова.

7. Рано были въ дворцѣ зъ графомъ Гендриковымъ и при насъ Александръ Тихоновичъ Лукинъ подалъ графу А. Г. Розумовскому о своей нуждѣ прошеніе. Тому-жъ Лукину позичилъ я книгу «Саваріевъ лексиконъ» для прочтенія. Послѣ полдня были у генерала лейтнанта и кавалера Родіона Михайловича Кошелева.

8. Рано прислалъ звать насъ къ себѣ на чай Ів. Ів. Шиповъ и у него-жъ мы обѣдали, а послѣ полдня были у Лукина и у него ужинали, купно съ совѣтникомъ судного приказу, Ѳедоромъ Александровичемъ Нащокинымъ.

9. Послѣ обѣдни, слушанной въ церквѣ каменной Сверщиковой, что на Покровской въ Бѣломъ городѣ улицѣ, ездили въ дворецъ и оттуду заездили до Жоравки. Онъ-же къ намъ пріездилъ и обѣдалъ у насъ съ Квітніцкимъ, да съ сержантомъ преображенского полку гвардіи Березинскимъ. Отослано писмо отъ г. Кочубея и посилка до графинѣ Параскевіи Юревни Солтиковой, домъ ихъ на Дмитровцѣ.

10. Обѣдали у графа Гендрикова. Розишлось на розницю 63 к.

11. Были въ дворцѣ и видѣли государыню, пріехавшую отъ невѣстки канцлеровой Евдокіи Динисовни, которая болна не по-

малу. Вечеромъ были и ужинали у маіора гвардіи и генерала маіора Івана Афанасіевича Шипова.

12. Былъ я въ сенатѣ, но дѣла нашего съ Соколовскимъ не слушано. Куплены: портретъ государыни великой княгини—1 р. 25., три картини проспекту С.П.Бурха—1 р. 5 к., три азбуки: латинская, нѣмецкая и французская—36 к. Данъ зипунъ Сидору, купленный за 1 р. 20 к. Государыня изволила быть на бархатномъ дворѣ у Евдокіи Гарасимовни Жоравкиной.

13. Рано перво были у Петра Івановича графа Шувалова и тутъ видѣлись съ генераломъ маіоромъ Флоровымъ-Багріевымъ, потомъ въ дворцѣ у графа Розумовского. Даны къ пошитю сукень пара, кунтушъ и кафанъ, кравцю и ему-жъ отъ мене даны на всякіе потребы 2 р. ad interim. Вечеромъ сидѣлъ у насъ подполковникъ Сидоръ Перфильевичъ Денисьевъ. Графъ Гендриковъ отъехалъ до Прусъ.

14. Золотошвеямъ девкамъ, которіи шили золотые и срѣбрные петли до 2-хъ кунтушовъ, сверхъ прежныхъ 4 р., еще сего числа доплачено 3 р. 50 к. Пущалъ я сего-жъ числа кровь и пущателю греку дано 50 к. Канцеляристъ Ѳедоръ Квітніцкій прислалъ сафянъ красный, а Жоравко тютюну турецкого, жена-жъ его вчора прислала вишніовки барилко.

15. Куплено свистуна три аршини на подбой до кунтуша за 3 р. 15 к. Обѣдалъ у насъ Лукинъ, а по полднѣ были у насъ-же секретари сенатскый Новоторжцовъ, штатсъ-канторы Шишкинъ и канцеляристъ Тимофіевъ, которымъ—послѣднымъ 15, а первому 30 лимоновъ соленыхъ отъ насъ конферовано.

16. Рано были въ дворцѣ и тутъ видѣлись съ Жоравковою. Обѣдали у насъ канцеляристъ Данилевскій, да женщини Крюкова и Козляницина. Передъ вечеромъ были мы у дѣйствителного статского совѣтника Василія Івановича Демидова, потомъ у Александра Тихоновича Лукина.

17. Рано едучи къ дворцу, были у генерала-маіора, гвардіи маіора, Шипова, послѣ полдня у графини Гендриковой, которая насъ и заячимъ удцемъ подарила. За лѣкарство, купленное въ аптекѣ Мееровой, дано 60 к.

18. За перчатки бѣлые дано 50 к., за конфору, за крайку и носки дано 23 к. Шевцю за пошитье сапоговъ красныхъ—30 к.

19. Ради тезоименитства своего Іванъ Афанасіевичъ Шиповъ генералъ-маіоръ и гвардіи маіоръ звалъ насъ къ себѣ обѣдать, где и обѣдали мы, между протчими, съ капитаномъ 5-й роти ізмайловского полку гвардіи Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Павловымъ, да братомъ его и нѣкоторымъ Воейковымъ съ женою его, а послѣ обѣда былъ тутъ-же совѣтникъ военной коллегіи Козловъ, и уже оттуду вечеромъ возвратились.

20. Государыня изволила ездить кушать до камеръ-юнкера Сіверса зъ нѣкоторими придворними. Мы знову обѣдали у генерала Шипова купно съ генераломъ-лейтнантомъ и кавалеромъ Петромъ Михайловичемъ Шиповымъ и генераломъ маіоромъ Іваномъ Ивановичемъ Дивовымъ, генералъ-рекетмейстеромъ и съ женами ихъ. Потомъ надъ вечери ездилъ одинъ Гудовичъ въ дворецъ и тамъ былъ у графа Розумовского, которій между протчимъ обнадеживалъ скорою уже имѣющею быть нашею отправою. Тамъ-же въ дворцѣ рано подана сочиненная записка о классахъ рангамъ малороссійскимъ.

21. Рано въ дворцѣ между протчими и мы допущены были къ ручки іхъ высочествъ, ради рожденія сего числа государини великой княгини празднуемого, где и обѣдни слушали. По полдни былъ въ нашей квартерѣ генералъ маіоръ отъ кавалеріи Яковъ Лукичъ Флоровъ-Багрѣевъ безъ насъ.

22. Обослалъ насъ графъ Гендриковъ зайцемъ, отъ него затравленнымъ, а обѣдали мы у Жоравка и тамъ-же по огороду и ренжереямъ гуляли.

23. Обѣдни слушали въ дворцѣ, потомъ звалъ насъ тамъ-же оберъ-маршалъ Шепелевъ къ себѣ на водку. Жоравко обѣдалъ у канцлера, а жена его у государини. Мы обѣдали въ квартерѣ. Вечеромъ привезъ мнѣ футлярикъ на стеклорѣзный алмазъ, а передъ симъ мнѣ-жъ подарилъ г. Лукинъ одинъ болшый, а два маленкихъ блоковъ.

24. Куплены у Янджула 14 срѣбныхъ гузіковъ. Весь день пробыли въ квартерѣ, толко вечеромъ ездили въ дворецъ, однакожъ графа А. Г. Розумовского не видали.

25. Ради торжества коронаціи государини, сездъ былъ ко двору многочисленный по утру, и на обѣдни изволила быть государиня и іхъ высочества въ церквѣ теплой, что при болшой салѣ,

и послѣ обѣдни былъ я у ручки государини, протчіи такожде допущены были къ руки, и многихъ повышено рангами, а во первыхъ: генерала-маіора и гвардіи маіора Івана Афанасіевича Шипова—генераломъ-лейтнантомъ, Шереметева генералъ провіантмейстера—генераломъ-лейтнантомъ въ отставку, брегадира отъ артилеріи Івана Ѳедоровича Глѣбова—генераломъ маіоромъ и другихъ. Послѣ обѣда были мы у оного генерала-лейтнанта Шипова и поздравляли его, где застали у его-жъ губернатора нижегородского, дѣйствителного статского совѣтника, князя Данила Андріевича Друцкого и генерала маіора Флорова-Багріева. Послѣ полдни знову были въ дворцѣ, где былъ балъ перво, а потомъ и государиня туда-жъ прійти въ началѣ 10-го часа по полдни изволила и до 12-го пробыть. Послѣ былъ ужинъ для всѣхъ знатныхъ персонъ, въ присутствіи іхъ імператорскихъ высочествъ, въ болшой салѣ, и тамже ишли фонтаны и музика вокальная и інструментальная, купно съ пѣвчими придворными, играла.

26. Рано были въ дворцѣ и тамъ у графа Розумовского застали нѣкоторыхъ повышенныхъ рангами, кои приходили благодарить. Тамъ-же съ Жоравкомъ, досаждавшимъ намъ, имѣлъся переговоръ, а вечеромъ онъ же былъ у графа Гендрикова, зовучи его къ своей квартерѣ на завтра обѣдать; а послѣ его были и мы до позна у того-жъ графа Генорикова.

27. Въ домѣ графскомъ бархатномъ у Жоравки многіе знатные господа, въ томъ числѣ канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, генералъ аншефъ Апраксинъ и другіе обѣдали и весь день гуляли, а графъ Розумовскій изъ-рана ездилъ на охоту и ужиналъ у нѣкоторого конюшенного ассесора Поздѣева Сергія Василіевича. Графъ Гендриковъ отъехалъ въ свою деревню Пруси, а мы были рано у Любисткова и Шубского. Надъ вечери быаъ у насъ генералъ-лейтнантъ Шиповъ съ синомъ своимъ Михайломъ, сержантомъ гвардіи ізмаиловского полку. Подано отъ насъ доношеніе въ сенатъ о дачѣ економу артилерійскому Кирилу Бѣлоровскому подорожной до Глухова на двѣ подводы ямскіе.

28. По оному нашему доношенію посланъ указъ въ Ямскую о даче ему таковыхъ 3-хъ ямскихъ подводъ, и объ немъ-же виданъ указъ въ Глуховъ въ канцелярію генералную, объ немъ-же писано отъ насъ писмо до старшины генералной въ дѣлѣ его о частяхъ войсковыхъ

въ одной мелници. Да чрезъ него-жъ посланы писма въ пакетѣ: 1-е до Скоропадского отъ мене въ отвѣтъ на его писмо сторони виговоровъ, ему чиненныхъ отъ насъ г. Кочубеемъ, полковникомъ нѣжинскимъ; 2-е до Кочубея о присилки его писма до графини Солтиковой Парасковіи Юрьевни и о лошадяхъ 8-ми одношерстныхъ и вина бочкѣ волоского; 3-е пакетъ, отъ Жоравки на имя асаула енералного Валкевича надписанный, и онъ-же Бѣлоровскій простилъся зъ нами къ отезду до Глухова съ секундъ-маіоромъ Михайломъ Івановичемъ Коченевскимъ. Надъ вечери были у прокурора Петра Михайловича Николева.

29. Послѣ полудня были у князя Івана Андріевича Щербатова сенатора и такъ объ ассесорѣ, стараючомся въ коммиссію щетную, яко и о своемъ дѣлѣ имѣлъ я доволный розговоръ. Въ вечеру прибылъ изъ деревнѣ Прусъ графъ Гендриковъ.

30. Послѣ бытія въ дворцѣ обѣдали у генералъ-лейтнанта І. А. Шипова. По полдни былъ у графа Гендрикова зговоръ тестя его, Сергія Івановича Бутурлина, дочери Елени за салдата семеновского полку гвардіи, князя Петра Івановича Урусова. Потомъ ездили мы до Новоторжцова, секретаря сенатского и тамъ застали судного приказу президента князя Борятинского. Въ дворцѣ простились съ Жоравкомъ за бывшій переговоръ.

Маій.

1. Рано были у штатского дѣйствителного совѣтника Василія Івановича Демидова, потомъ въ дворцѣ, где при насъ изволила государиня отъехать и ихъ высочества въ Покровское, а оттоль имѣли быть и въ Преображенскомъ. Гудовичъ по обѣдѣ ездилъ до Жоравки. Въ недавно прошедшихъ числахъ дано за 14 пуговокъ срѣбрныхъ 1 р. 35 к., шнурка срѣбрного за 20 к., шолкового за 4 к., за двое подошевъ 15 к., за два аршина зеленой ленти 5 к., за тясму нитчаную до сапоговъ $2^1/_2$ к. Куплены два вѣдра горѣлки за общые денги, дано 2 р. 40 к. На строеніе церкви подписались у г. Демидова дать 6 р. общихъ-же. Надъ вечери былъ у сенатора князя Щербатова съ Янушкевичемъ и подлинный въ Статутѣ артикулъ и родословіе о наслѣдствѣ въ добрахъ показиваны, где при томъ былъ и офіцеръ гвардіи Алексіевъ.

2. Рано были въ дворцѣ у полковника Ѳедора Івановича Коченевского, а пріехавъ въ квартеру, застали тутъ атамана городового стародубского Ѳедора Яскевича, которій пріехалъ почтою по подорожной, данной ему изъ міністерской канцеляріи и привезъ ко мнѣ изъ дому при писмахъ де-которую посилку, да и отъ другихъ привезъ-же писма.

3. Ездилъ я въ сенатъ за дѣломъ съ Соколовскимъ, толко оного не слушали. За пошитье сукень кравцю, кунтуша капарового и кафана зеленого атласового, дано 1 р. 50 к.

4. Рано были съ поздравленіемъ праздника Вознесенія Господня у канцлера Бестужева, а потомъ слушали обѣдни въ болшой дворцовой церкви и послѣ, между протчими, допущены къ ручки государини и іхъ высочествъ. Обѣдали у насъ штатсъ-канторы секретарь Яковъ Васильевъ Шишкинъ, Яковъ Тимофіевъ, сенатскій канцелляристъ, и копеистъ. Послѣ обѣда были у архіерея псковского и у архимандрита петровского монастыря Пахомія.

5. Будучи въ дворцѣ, обѣдали у Ѳедора Івановича Коченевского, а рано были у графа Петра Івановича Шувалова и объ указѣ печатномъ, публікованномъ отъ сената, о висилки козаковъ слободскихъ полковъ изъ великой и малой Россіи (трактовали?).

6. Послѣ полдня прислана коляска изъ лавры троецкой сергіевской, на которой я туда отъехалъ въ 9-мъ часу по полдни, а прибылъ въ лавру

7. по полночи въ 7-мъ часу и тамъ, по вислушаніи набоженства, обѣдалъ у келаря тамошнего, отца Феофана Чарнуцкого, купно съ братомъ его Іовомъ, а надъ вечери ездили смотрѣть ново-вилитого колокола, вѣсомъ въ 4, 500 пудъ, съ нимъ-же келаремъ и казначеемъ Мисаиломъ и съ Іовомъ-же; тако-жъ и на загородній дворецъ ездили, а оттуду возвратясь, были на всенощномъ въ соборѣ троецкомъ, где и преподобного Сергія мощы.

8. Рано были у мене тамошней семинаріи учители, ректоръ Афанасій Ваховскій, префектъ Кирилъ Лящевскій и іеродіаконъ Іннокентій Паскевичъ. По обѣдни-же были вси купно съ отцемъ келаремъ перво у казначея, потомъ и у тихъ учителей, а обѣдали у отца келаря. Потомъ паки до тѣхъ-же учителей ходили, а далѣе, простясь со всѣми и напутствованъ будучи де-чимъ отъ отца келаря, отъехалъ изъ лавры, и самъ съ Свѣрскимъ и Прокопіемъ Чарнуц-

кимъ поехалъ прямо въ деревню Сергіевско помѣщика Сергія Івановича Бутурлина. где смотрѣлъ конскій его заводъ предорогой, а оттуду поехавъ, къ Москвѣ прибылъ въ 4 часу по полуночи и

9. не засталъ Гудовича въ квартерѣ, которій отъехалъ вчора съ графомъ Гендриковымъ до деревнѣ его Прусъ, а засталъ тутъ вчерась-же пріехавшпго товарища бунчукового Николая Тризну. По обѣдни кушали у мене Александръ Сергіевичъ Бутурлинъ, да сержантъ гвардіи преображеского полку Никита Александровичъ Шубинъ. Въ поездѣ до лаври помянутой и въ обратѣ розишлось 1 р. 50 к.

10. Слушано дѣло въ сенатѣ наше, где передъ сенаторами Соколовскій бранніе слова говорилъ, о чемъ я и протествовалъ. Писано писмо до жены на еи писмо, чрезъ Яскевича полученное, въ отвѣтъ и что-бъ Грицка ко мнѣ не присылала, и оное вручено почепцямъ для пересилки, да и до сина подъ 11-мъ числомъ писано-жъ съ приложеніемъ писма отъ студента Рихарди. Послѣ вечерней зари дворъ прибылъ въ Москву.

11. Писалъ до Лисаневича, сотника мглинского, съ приложенными копіами кредитива и облѣга, врученныхъ мнѣ отъ Татіани Лизогубовни Вайниковой, о доправки по онымъ денегъ на козаку мглинскомъ Руцкомъ. Тако-жъ писалъ до Гудовича о прибытіи его изъ Прусъ въ Москву. Войтъ почепскій обослалъ мене вишніовки бочонкомъ. Состоялся указъ печатный о неподаваніи челобитныхъ самой государинѣ.

12. Рано были въ дворцѣ, где графъ, отъежджая на охоту, спрашивалъ о вѣдомостяхъ изъ Украини. Потомъ былъ у Ѳедора Івановича Коченевского и у него видѣлъся зъ Демидовымъ. Послѣ полдня былъ у графа Мойсѣя Івановича Владиславича, а между тѣмъ прибылъ изъ Прусъ графъ Гендриковъ, а съ нимъ и Гудовичъ и Соловіовъ.

13. Отъ почепціовъ отправленный въ Почепъ человѣкъ отъехалъ, чрезъ которого и выше намѣненные писма въ домъ и въ Мглинъ, а особливо отъ протопопа мглинского до сотника тамошнего пакетъ надписанный, отпущены. Рано были у духовника, которій сказовалъ намъ, что слышалъ онъ о скорой нашей отправѣ, да и о купцяхъ здешныхъ, кои откупили были пограничные таможни, намъ-же говорилъ.

14. Рано въ 9-мъ часу по полуночи преставилась Евдокія Денисовна, жена сина канцлерового, графа Андрея Алексіевича Бестужева-Рюмина. Рано-жъ были мы у віце-канцлера Михайла Ларіоновича графа Воронцова, обѣдни слушали въ дворцовой большой церквѣ, потомъ были у графа Алексія Григоріевича Розумовского. Обѣдали у Жоравки на бархатномъ дворѣ, ужинали у г. Гендрикова. Государиня изволила отъехать въ Перово.

15. Куплены: чашка полоскателная, чайниця и двѣ солонки, въ которыхъ серебра вѣсомъ 1 фунтъ и 84½ золотника, дано 30 р. 27 к., да старой доплатки, Волкову надлежавшей, 1 р. 35 к., да мѣдное вѣдро 2 р. 75 к., за двойной фунтъ 1 р., итого всего заплачено 35 р. 34 к. Обѣдалъ у насъ гайдукъ дворцовый Захаръ Каліновскій. Розишлось въ прошлыхъ числахъ на разные дробные экспенси 84½ к.

16. Взяты денги 100 р. харчевые за мѣсяцъ априль изъ московской рентеріи, изъ которыхъ себѣ я и Гудовичъ взяли по 30 р., а осталось на харчевый росходъ 40 р. Государиня изволила прибыть зъ Перова, а мы вечеромъ ездили до князя Николая Юріевича Трубецкого на его загородный дворъ, что за донскимъ монастыремъ, и тамъ просили о почтѣ по тракту отъ Глухова до Кіева, о почепцяхъ, и указъ печатный именный показивали о висилки всѣхъ слободскихъ козаковъ и подпомощиковъ изъ-за помѣщиковъ.

17. Рано я ездилъ въ сенатъ и тамъ дѣло съ Соколовскимъ слушаніемъ окончено, а потомъ подалъ я генералу прокурору челобитную о злословленіи его въ сенатѣ. Послѣ обѣда были у генерала лейтнанта Івана Афанасіевича Шипова, а ужинали у графа Гендрикова.

18. Въ 10-мъ часу по полуночи былъ виносъ умершей Евдокіи Динисовны, невѣстки канцлеровой, которая погребена на Арбатѣ въ церквѣ Бориса и Глѣба каменной. А на виносѣ и при погребеніи были многіе господа сенатори, генералитетъ и кавалери, а между протчими и мы тамъ-же присутствовали. Графъ Гендриковъ отъехалъ на свадбу къ тестю своему Сергію Івановичу Бутурлину, которій видаетъ дочь свою Елену за князя Урусова. Отослалъ вѣдро вина куму Якову Тимофіеву.

19. Рано были въ дворцѣ у Ѳедора Івановича Коченевского, обѣдали у генерала лейтнанта Івана Афанасіевича Шипова, а ве-

черомъ онъ же и у насъ былъ. Ужинали у графини Гендриковой. За направу фузіи старой данъ 1 р.

20. Были въ дворцѣ рано, но не застали графа Розумовского, отъехалъ на охоту. Потомъ заездили въ слободу салдатскую, бывшую прежде Лафортовскую, и тамъ были у муншенка дворцового Алексія Петровича Соболева. Надъ вечери были у Новоторжцова.

21. По вислушаніи обѣдни въ церквѣ св. мученика Никиты, поехали были въ дворецъ, потомъ возвратясь, встрѣтили при церкви Петра и Павла государиню, возвращаючуюся изъ церкви володимерской Богородици. Послѣ полдня былъ у насъ полковникъ стародубскій Максимовичъ, потомъ соборный обители Тройци сергіевской Леонтій съ попомъ семеновскимъ Димитріемъ. Въ вечеру пяній вздорилъ Яскевичь, въ вечеру-жъ были у Лукина.

22. Рано присилалъ по насъ Ѳедоръ Ивановичъ Коченевскій, до которого прибывъ, тамъ-же застали и духовника и просили ихъ напоминать объ отправѣ нашей. Потомъ были у графа, чрезъ которого покои въ 12-мъ часу изволила и государиня прошедъ отъехать въ Перово, село графа Розумовского. А мы мимоездомъ заехали къ генералу лейтнанту Шипову и у него обѣдали и долго проседѣли. А отъ него пришедши, застали въ квартерѣ нашей прибывшихъ изъ Глухова Кулябокъ—Петра, бунчукового товарища и обозного полка лубенского Івана, синовъ, пріехавшыхъ за пашпортами въ іностранную коллегію для поездки въ чужые краи. Пожаловала государиня сержантомъ въ гвардію сина пятимѣсячного генерала Стефана Ѳедоровича Апраксина, Николая.

23. Явился до насъ бунчуковый товарищъ Стефанъ Карпѣка, изъ Глухова прибывшій, и у насъ-же обѣдалъ. Мы рано ездили до великого канцлера, которого за болѣзнію видѣть не могли. Рано у насъ былъ Лукинъ, объявляя, что синъ Апраксиновъ пожалованъ сержантомъ.

24. Писаны писма въ домъ до жены о домашныхъ дѣлахъ и о іноземки, до дѣтей уговоренной, да въ Глуховъ до Скоропадского о подсвѣщникахъ, передъ симъ въ монастырь сумскій отъ подполковника Шубского посланныхъ чрезъ Івана Мировича. Рано былъ у насъ генералъ-лейтнатъ Шиповъ. Мы ездили въ Перово, где перво въ болшой салѣ были у ручки государини и іхъ высочествамъ кланялись; потомъ у полковниковъ придворныхъ обѣдали, а по обѣдѣ

знову отъехали въ Москву. Вечеромъ былъ у насъ іностранной коллегіи секретарь Урилъ Ларіоновичъ Івановъ и графъ Мойсѣй Владиславичъ.

25. Рано отъехалъ почтою Яскевичь въ Стародубъ, чрезъ которого и писма вчорашные посланы. Сего числа по утру жена Сергія Івановича Бутурлина Гликерія Юревна княжна Шаховская преставилась. Подано извѣстіе въ сенатъ о почтовыхъ станахъ отъ Глухова до Кіева. Послѣ полдня ездили къ секундъ-ротмистру конной гвардіи Александру Петровичу Толстому на загородный его дворъ, не далече убогого дому будучій, а оттоль Гудовичь ездилъ въ дворецъ къ Ѳедору Івановичу Коченевскому, а я сидѣлъ у Лукина.

26. Рано принималъ лѣкарство слабителное. Въ 11-мъ часу по полуночи прибылъ въ Москву графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ съ своею фамиліею. Отдалъ мнѣ Коноваленко денегъ заниманныхъ 10 р.

27. Погребеніе было помянутой Бутурлиновой въ церквѣ св. Николая, что на Мясницкой, где былъ межъ протчими и отставный генералъ маіоръ Афанасій Даниловичъ Татищевъ, который водилъ насъ въ огородъ нѣкоторого посадского Полуярославцова. Потомъ были у архіепископа московского Платона Маліновского, у которого за Москвою рѣкою въ домѣ умертвого князя Юрія Юревича Долгорукого обѣдали и съ нимъ-же заездили до одного капитана, Петра Іосифовича Мякинина, изъ Камчатки прибывшого. Послѣ ездили до князя Никити Юревича Трубецкого и оного завтрешнымъ тезоименитствомъ поздравляли.

28. Графъ Гендриковъ отъехалъ въ деревню свою Прусы. Я чрезъ весь день не могъ и никуди изъ квартери не бывалъ.

29. Обѣдали у генерала лейтнанта Івана Афанасьевича Шипова ради тезоименитства третей дочери его Ѳеодосіи, и съ нами обѣдалъ-же у него капитанъ гвардіи ізмайловского полку Ѳедоръ Ѳедоровичъ Павловъ, а надъ вечери былъ у насъ Ілія Лизогубъ.

30. Ездили до Перова, а перво были въ дворцѣ у духовника. Въ Перовѣ-же обѣдали съ Жоравкомъ по приказу графа Розумовского въ его квартерѣ, куда намъ присланы кушанья отъ кухни государевой. Тамъ-же заплатилъ я за фузію, взятую передъ симъ у Івана Ѳедоровича Фукса, 29 р. По обѣдѣ изволила государиня

совсѣмъ изъ Перова віехать и прямо поехать въ Покровское. Капитанъ Соловіовъ отдалъ мнѣ должные денги 25 р. Куплены для Сидора сапоги съ подбоемъ за 53 к., бриль за 20 к., да на протчіе дробязки розишлось 8 к.—Дочь Сергія Ивановича Бутурлина преставилась.

31. Рано ездили въ дворецъ и тамъ были у Ѳедора Івановича Коченевского, а отъ него едучихъ зазвалъ къ себѣ генералъ лейтнантъ Шиповъ, у которого мы и обѣдали. А отъ его идучи, были у Сергія Івановича Бутурлина и тутъ графа Гендрикова застали, пріѣхавшого изъ Прусъ. По полднѣ въ 6-мъ часу былъ пожаръ за Яузою. У насъ былъ генералъ Шиповъ, потомъ знову мы у него и у графа Гендрикова были.

Юнь.

1. Рано ездили въ дворецъ и тамъ были перво до полдни, потомъ обѣдали у Жоравки, а послѣ знову были-жъ въ дворцѣ и дожидались даже до полночи, но не могли видѣть графа Розумовского для розговоровъ. Государиня изволила проеждатся на одноколцѣ за Лафортовскій дворъ и въ саду ужинать.

2. Знову были рано въ дворцѣ и перво у духовника видѣлись съ архіереемъ костромскимъ Сильвестромъ Кулябкою, потомъ какъ государиня шествовать изволила для поезду въ милню, были у ручки; послѣ, за возвращеніемъ государини изъ милнѣ отъ Григорія Михайловича Любисткова, отъехали были въ квартеру, но тотъ часъ присланъ былъ по насъ ездовый конюхъ, зъ которымъ паки отъехали въ дворецъ и тамъ у стола государева, купно съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Розумовскимъ, да съ графомъ Петромъ Івановичемъ Шуваловымъ и шталмейстеромъ Петромъ Спиридоновичемъ Сумароковымъ, обѣдали и при столѣ многіе о нуждахъ малороссійскихъ имѣли розговоры. Потомъ были у Жоравка, а отъ него ездили въ оперный домъ на францускую комедію.—Писалъ къ полковнику гадяцкому въ отвѣтъ на его писма чрезъ канцеляристу Кирила Лобисевича, которій съ Москви во свояси отъехалъ. За спермацети дано 10 к.

3. Куплено солоныхъ лимоновъ въ домъ 130 за 3 р. 25 к. За оправу книжки Молитовника дано 30 к. Рано были въ дворцѣ и графу кланялись, потомъ заездили до шталмейстера Сумарокова,

а послѣ полдня изволила государиня воспріять шествіе до монастыря Тройци Сергіева пѣшкомъ, а великій князь и великая княгиня рано въ тотъ-же путь отъехали. Рано-жъ съ княземъ Никитою Юревичемъ Трубецкимъ въ дворцѣ де-которіе имѣли розговоры, а вечеромъ были у генерала Івана Афанасьевича Шипова. Писатъ писмо до жены чрезъ отправляючуюся отъ графа Мойсѣя Івановича Владиславича окказію о посилки помянутихъ солоныхъ лимоновъ, которое писмо включилъ Гудовичъ до жены своей въ писмѣ-жъ. Да писали писмо інстанціалнос за швагромъ придворного полковника Кирила Стефановича Рубановского Яковомъ Холкидецкимъ до генералной старшины, въ войсковой генералной канцеляріи присутствующихъ.

4. Обѣдали у генералъ лейтнанта Івана Афанасьевича Шипова, куда пришолъ и секретарь Новоторжцовъ, потомъ и у насъ онъ-же. да брегадиръ Аксаковъ и учитель Тройцы Сергіева монастыря отецъ іеродіаконъ Іннокентій съ Політикою были. Послѣ съ Новоторжцовымъ-же были мы у секретаря іностранной коллегіи Урила Ларионовича Іванова. По полдни въ 5-мъ часу прибылъ Григорій Дмитріевъ изъ дому и привезъ писма и водки, и вишніовки по боченку.

5. Писалъ въ С. П. Бурхъ до маіора Василія Івановича Вайникова о покупки тамъ для мене 1) косъ съ приборомъ чухонскимъ для кошенья сѣна и хлѣба, 2) блоковъ разныхъ сортовъ, 3) виписалъ-бы, при посилки пакетъ-ботовъ, французкой водки анкарокъ и штофъ ратафи, 4) о инструментахъ до содержанія регулярного саду и огороду потребныхъ, и что о доправки денегъ по облѣкгу на козаку Макару Руцкому писано отъ мене до сотника мглинского Лисаневича. Надъ вечери ездили къ архіерею костромскому Силвестру Кулябцѣ, где застали и госпожу отца духовника государини, и тамъ-же видѣлись потомъ съ архіереемъ московскимъ Платономъ Маліновскимъ.

6. Рано былъ у графа Гендрикова архіерей костромскій Кулябка, а потомъ оба они у насъ были, и мы съ тѣмъ архіереемъ, имѣющымъ на свой престолъ отъездить, простились. А графъ Гендриковъ отъехалъ съ своею фамиліею въ деревню свою Прусы. Куплено въ аптекѣ лѣкарство и плястиръ на груди, дано 45 к.

7. Чрезъ отъехавшого отселя въ домъ до Новгородка придворного лакея, Василія Васильева Христичевского, дано писмо до жены, подъ завтрешнымъ числомъ писанное, о прибытіи въ Москву Григорія Дмитріева Засулского. Парились въ банѣ въ домѣ графа Гендрикова.

8. Послѣ обѣда былъ у насъ генералъ лейтнантъ Іванъ Афанасьевичъ Шиповъ, а потомъ мы у него, купно-же съ нимъ ездили до Івана Жоравки, где и ужинали съ ними и съ камеръ-юнферами, свойственницами графа Розумовского, да съ племѣнницею мадамъ Іоганны. Передъ вечеромъ былъ у насъ Іванъ Стефановичъ Барановскій.

9. Принесены изъ рентереи кормовые за май мѣсяцъ денги 100 р., изъ которыхъ взяли мы съ Гудовичемъ по 20 р., а осталось на росходъ 60 р. Писано представленіе въ генералную канцелярію въ Глуховъ о нарядѣ изъ ближныхъ отъ Козелця полковъ въ дворъ графскій тамошный работныхъ 300, да плотниковъ 50 человѣкъ, и оное отправлено чрезъ Статіева, бывшого писаря індуктарского, отправленного по почтѣ.

10. Въ 9 мъ часу по полуночи отъехали изъ Москвы къ воскресенскому монастырю, називаемому Новый Іеросолимъ, отстоящему отъ Москви 45 верстъ и за селомъ того-жъ монастыря Черневымъ въ 1-мъ часу лошадей кормили, которые наняты были въ тотъ и обратный путь за 4 р. 25 к. Потомъ прибыли въ оный монастырь въ 7-мъ часу по полдни, где застали преосвященного Стефана Каліновского, архіепископа велико-новгородского, и архимандрита новоспаского Гавриила Кременецкого, и тамъ съ архимандритомъ воскресенскимъ Амвросіемъ Камінскимъ ужинали и въ его-жъ келіяхъ ночевали.

11. Предъ службою Божіею ходили въ церквѣ великой, которая во всемъ подобная церкви Воскресенія Господня, что въ Іеросолимѣ, состроенная покойнымъ патріархомъ московскимъ и всея Россіи Никономъ, и тамъ показиваны намъ всѣ мѣста и церкви, и мѣста-жъ разновѣрныхъ христіанъ асіатицкихъ, африканскихъ и европейскихъ молбищные около гроба Господня, и около олтаря великого, и за олтаремъ, и въ землѣ за великимъ-же олтаремъ, где царицею Еленою, по показанію святого Киріака, знайденъ крестъ Господень и два разбойническіе. А обѣдни слушали на хорахъ въ

великой церкви отправованной. Тамъ-же видѣлись зъ камеръ-юнкеромъ Михайломъ Івановичемъ Софоновымъ. Обѣдали у архимандричихъ келіахъ на горѣ съ преосвященнымъ новгородскимъ и архимандритами новоспаскимъ, савинскимъ и воскресенскимъ, и намѣстникомъ тамошнымъ Антоніемъ, да монахомъ Амвросіемъ Коссаковскимъ. Послѣ полдня преосвященный новгородскій съ помянутими архимандритами и намѣстникомъ воскресенскимъ въ Савинъ монастырь, а мы къ Москвѣ обратно отъехали и ночовали въ селѣ Черневѣ, за 25 верстъ отъ монастыря, въ дворцѣ монастырскомъ. Сего числа было обрученіе въ квартерѣ нашей въ Москвѣ покойного брегадира Андрея Николаевича Дуніна дочерѣ Анастасіи съ синомъ отставного генерала маіора Петра Алексіевича Саковнина Михаиломъ, салдатомъ гвардіи семеновского полку. Сего-жъ числа государиня изволила возвратиться съ половини дороги отъ лавры свято-Троецкой Сергіевской въ Москву.

12. Изъ села Чернева поехавъ въ началѣ 11-го часа, прибыли въ Москву въ 2-мъ часу по полудни, где насъ надъ вечери візитовалъ провіантской главной канцеляріи прокуроръ Петръ Михайловичъ Николевъ.

13. Рано были въ дворцѣ и у Ѳедора Івановича Коченевского, а послѣ обѣдни былъ у насъ Лукинъ, да надъ вечери имѣли розговоръ съ Тризною о его рѣчахъ, произнесенныхъ отъ него передъ служителми и Носенкомъ.

14. По утру мимоездомъ до дворца визитовали болного генерала лейтнанта Івана Афанасіевича Шипова, потомъ были въ дворцѣ, но за продолжающеюся педоґричною болѣзнію графа Розумовского не видали. Обѣдалъ у насъ Ілія Лизогубъ. Прибылъ изъ деревнѣ Прусъ графъ Гендриковъ съ своею фамиліею. у которого и у графини мы были. Потомъ ездили до князя Никиты Юрьевича Трубецкого, но его не заставъ, заездили до монастыря донского, и тамъ перво въ болшой церквѣ, послѣ и у архимандрита тамошнего и у ректора московского коллеґіума отца Іоанна Козловича были.

15. Рано едучи въ дворецъ, были у оберъ-гофъ-маршала и кавалера Дмитрія Андріевича Шепелева. Обѣдали у графа Гендрикова въ новыхъ хоромахъ. По полдни ездили до архіерея велико-

новагородского просить за протопопомъ мглинскимъ, потомъ были и у князя Алексія Дмитріевича Голицина, сенатора.

16. Будучи въ дворцѣ, заходили до духовника, где зъ откупщиками московскими, кои закупили были таможню пограничную, имѣли переговоръ. Обѣдали на бархатномъ дворѣ у Жоравки. Рано былъ у насъ куріеръ сенатскій, посиланный съ указами о саранчѣ и о запрещеніи винокуренія въ Глуховъ, которій и къ намъ привезъ писма. Надъ вечери былъ у насъ Аполлонъ Ладижинскій, сержантъ Березинскій, переводчикъ Політика и другіе.

17. Рано были у подполковника Шубского въ дворцѣ, а оттоль прибывъ въ квартеру, обѣдать были начали, но, за непотребными Гудовича розговорами о передъ симъ купленной горѣлцѣ, отъ обѣда всталъ. По полдни ездилъ до Аполлона Ладижинского, потомъ былъ и у Лукина. Для сина Василя куплено Грицкомъ нѣмецкое сѣдло со всѣмъ приборомъ за 5 р. 75 к.

18. Писано инстанціалное писмо за протопопомъ мглинскимъ Іваномъ Яновскимъ до митрополита кіевского, преосвященного Тимофея Щербацкого, которое тому-жъ протопопу, отъежджающему въ Кіевъ, вручено.

19. Обѣдали у Жоравки, а послѣ полдня ездили до князя Николая Юрьевича Трубецкого и до генерала рекетмейстера Дивова, но ни одного не застали.

20. Рано были въ дворцѣ, потомъ обѣдалъ у насъ секретарь іностранной коллегіи Урилъ Ларіоновичъ Івановъ. Надъ вечери знову были въ дворцѣ и въ оперномъ домѣ на нѣмецкой комедіи.

21. Въ 12-мъ полуденномъ часу изволила государиня отъехать паки для шествія до Троецкого Сергіевского монастыря, а передъ віездомъ отклонялися ея величеству генералъ лейтнантъ Іванъ Афанасьевичъ Шиповъ, да губернаторъ нинѣшный нижегородскій, князь Данило Андреевичъ Друцкой. Обѣдали мы у графа Гендрикова, а потомъ былъ у насъ Яковъ Тимофіевъ, сенатскій канцеляристъ и принесль ко мнѣ указъ изъ генералной канцеляріи, зъ Глухова по почтѣ присланный, о строеніи мнѣ двора въ Глуховѣ по Першпективой улицѣ противъ сенатского указу.

22. Послѣ полдня былъ у насъ значковый полку кіевского Петро Подвысоцкій, отправляючійся отъ графского двора въ Малороссію, чрезъ которого наказовали въ Глуховъ до енералной стар-

шины, чтобъ насъ увѣдомили, війшолъ-ли уже изъ Полтавы генералъ Бісмаркъ, а въ Нѣжинъ къ полковнику о присилки коней 8 для Шувалова и вина для генерала Шыпова. Сего-жъ числа куплено 3 чорные, а 1 сѣрый баранки бухарскіе за 6 р. Сего-жъ числа написано доношеніе въ енералную канцелярію противъ полученного вчора указу о строеніи двора въ Глуховѣ по прешпективѣ на погорѣлыхъ мѣстахъ.

23. Писано писмо до Скоропадского въ Глуховъ о томъ, что по писму его даны отъ мене маіору лантмиліцкихъ полковъ Глѣбову пятдесятъ рублей денегъ и о томъ отъ того маіора до полковника Челищева сообщено писмо. Да тамъ-же включенъ облѣгъ до Скоропадского, данный отъ капитана Пасинкова на 20 р., занятыхъ у мене въ Москвѣ въ февралѣ мѣсяцѣ, чтобъ по оному на немъ тѣ денги доправилъ и удержалъ у себе до щоту со мною. Писано писмо къ полковнику стародубскому Максимовичу о обидахъ дому моему, отъ сотника погарского Соболевского и отъ полковой старшины показуемыхъ, и оное сообщено до жены моей при писмѣ, чтобъ она, если того надобно, отослала отъ себе въ Стародубъ.

24. Писано доношеніе въ войсковую генералную канцелярію о пляцахъ Рубановскихъ, въ Глуховѣ имѣючихся,—одномъ, что былъ подъ судовнею новою, другомъ, что возлѣ канцеляристского куреня и возлѣ Полонского, да что были шесть коморъ крамныхъ, и оное доношеніе при особомъ моемъ писмѣ сообщено до писаря суда генералного Пиковця. Всѣ-же вышепоказанные доношенія и писма вручени отъежджаючому въ Глуховъ бунчуковому товарищу Стефану Карпѣкѣ, которому и пашпортъ отъ насъ на проездъ данъ былъ, но онъ, не поехавъ, вручилъ тѣ писма Петру Подвисоцкому. Обѣдали мы у генерала лейтнанта Івана Афанасьевича Шыпова съ брегадиромъ Хомяковымъ, назначеннымъ въ крѣпость св. Анны комендантомъ. А по полдни были у графа Мойсѣя Владиславича, куда пріехалъ и Богданъ Івановичъ Пассекъ съ нѣкоторымъ отставнымъ маіоромъ Дурасовымъ.

25. Ездили рано въ монастырь Новоспаскій, а по полдни до секретаря іностранной коллегіи Урила Іванова, а съ нимъ были у Новоторжцова.

26. Рано былъ у насъ пріехавшый изъ Глухова подполковникъ Алексій Константиновичъ Яблонскій и подалъ къ намъ писмо отъ

старшины генералной. Вчора рано отосланъ пакетъ до жены моей надписанный, въ которомъ включено и полковника стародубовского Максимовича писмо, ему-жъ для подачи въ домѣ моемъ врученный. Онъ-же сего числа рано и отъехалъ изъ Москви. По полдни былъ у насъ генералъ лейтнантъ Іванъ Афанасьевичъ Шиповъ, а мы были у помянутого подполковника Яблонского, въ домѣ духовниковомъ стоящого и у купца тамъ-же жиючого Прокопа Дмитріевича Пастухова.—Куплено аксамиту красного поларшина на шапку за 1 р. 60 к., да на подбой тафи голубой за 45 к., шолку за 3 к. Вечеромъ были у Іліи Лизогуба и у сержанта преображенского полку Мойсѣя Романова Березинского.

27. Рано и по обѣдѣ были у графини Гендриковой, а надъ вечери у Лукина. За пошитье шапки новой и переправку старой дано шапочнику 50 к. Обѣдали у насъ синодалный переводчикъ Політика и Свѣрскій.

28. Послѣ полдня ездили въ Перовъ и, тамъ отъужинавъ, ночью уже прибыли въ Москву.

29. Обѣдали у капитана Соловіова, а съ нами и зять ихъ новозговоренный Саковнинъ, а передъ обѣднями были у графини и у генерала лейтнанта Шипова. Обѣдни и молебня слушали въ церквѣ Харитона іспповѣдника.

30. Рано отьехавъ въ Перовъ, тамъ обѣдали и весь день пробавили, да послѣ ужина пріехали уже ночью въ Москву.

Юль.

1. Обѣдали у графини Гендриковой, а послѣ обѣда были у насъ графъ Мойсѣй Владиславичъ, потомъ Богданъ Пассекъ съ синомъ и Сидоръ Перфильевичъ Денисьевъ. Надъ вечери отъехалъ генералъ-лейтнантъ и кавалеръ Іванъ Афанасьевичъ Шиповъ въ путь свой къ командѣ на лінію до полковъ лантмиліцкихъ и сталъ на ночлегъ за монастыремъ Сумоновымъ по ту сторону Москви-рѣки, где и мы были у него и простились съ нимъ послѣ ужина. Рано былъ у насъ Жоравко.

2. Послѣ полдня перво были у генералши Шиповой, послѣ у графини Гендриковой и у неи-жъ ужинали. За чорный бархатъ на карпузъ дано 1 р. 6 к., за шолкъ 3 к., за пошитье того-жъ карпуза 40 к., за лѣваръ 13 к.

3. Куплены книги: Система магометанской религіи за 1 р. 65 к., Минея праздничная 75 к., Евангеліе страстное 10 к., О поливалномъ крещеніи 20 к., два буквари съ толкомъ о блаженствахъ 54 к., два елементари 20 к., о антихристѣ 30 к., о огородныхъ уборахъ картины 85 к., и того за 4 р. 59 к., да на другіе малые росходы пошло 47 к.—Надъ вечери ездили къ княю Николаю Юрьевичу Трубецкому. Писали къ старшинѣ генералной въ Глуховѣ съ посилкою указовъ о содержаніи почтъ по кіевскому тракту, и тѣ указы отправлены по почтѣ изъ сената. Въ 6-мъ часу по полдни государиня изволила прибыть въ Москву, потомъ и іхъ высочества, великій князь и великая княгиня, съ гофъ-штатами.

4. Были рано въ дворцѣ, а оттуду пріехавъ, обѣдалъ у насъ Стефанъ Карпѣка. За вишліофованье 6 бритовъ нашихъ персіанину дано 25 к. Около вечерень одинъ Гудовичъ былъ въ дворцѣ и видѣлъ графа отъежджаючого въ оперный домъ на французскую комедію.

5. Рано были въ дворцѣ и у духовника, где были-жъ и всѣ архіереи сунодалные. Обѣдали въ квартерѣ, а по полдни знову ездили въ дворецъ и графа видѣли, но ничего съ нимъ не говорили. За перешитье шапки зимной дано шапочнику 30 к.

6. Рано принималъ графъ слабителное и для того его не видали. Ездилъ одинъ Гудовичъ въ штатсъ-кантору за кормовыми денгами, но не видана ассигнація безъ докладу сенатского.

7. Сочинено писмо просителное до графа Розумовского о исходатайствованіи имъ у государини намъ отпуску съ указомъ о учрежденіи гетмана, которого послѣ полдня видѣли, какъ государиня изволила отъежджать въ оперный домъ на комедію францускую.

8. Въ сей день празднуемый явленія іконы Богородицы казанской изволила государиня быть въ Кремлѣ и слушать въ болшомъ успенскомъ соборѣ литургіи, которую целебровалъ преосвященный Платонъ Маліновскій, архіепископъ московскій и сѣвскій. По обѣднѣ-же государиня въ Кремлѣ-жъ, въ дворцѣ болшомъ, въ полатахъ потѣшного дому обѣдать изволила, а мы были передъ обѣдомъ у помянутого преосвященного, а отъ него пріехавъ, обѣдали въ квартерѣ своей, съ нами-же и сѣбѣрскій купецъ, недавно изъ Кіева пріехавшый, Антонъ Алексіевъ Самойловъ. Принесены изъ рентереи денги за прошедшый юль мѣсяцъ сто рублей, изъ которыхъ

взяли мы съ Гудовичемъ по 30 р., а осталные въ росходъ харчевый имѣютъ быть употреблены. Надъ вечери былъ у насъ Ѳедоровичъ, которому были отъ насъ о его, съ подобними ему, поносителныхъ словахъ виговори. Потомъ отошли мы до графа Гендрикова, где застали графовъ Мартина Карловича Скавронского и Андрея Михайловича Евфимовского и тамъ-же у графа Гендрикова ужинали. Вчорашного 7-го числа родилась дочь Наталія Івану Жоравцѣ въ Перовѣ.

9. Рано были у Василія Івановича Димидова и отданы на церковь Трохъ Святителей 6 р. По полдни государиня изволила ездить до Перова для посѣщенія родившей Жоравкиной. Вечеромъ были мы у лейбкомпанца Козмы Івановича Вайникова. Обѣдали у Лукина. Дано перепліотчику за оправу книжокъ «о поливалномъ крещеніи», «евангелій страстныхъ» и огородной 15 к.; за пошитье шапокъ служителскихъ 10 к.

10. Рано были въ дворцѣ у духовника, и чрезъ него подано прошеніе къ графу Розумовскому, написанное о гетманѣ и о отпускѣ нашемъ, которій оное ему въ церкви вручилъ. Послѣ были мы у Ѳедора Івановича Коченевского, а по полдни знову у духовника. Потомъ были-же и у графскихъ покояхъ и давали Барановскому двѣ писми для обявленія графу: 1-е о саранчѣ, 2-е о томъ, что по требованію графскому для роботъ въ домъ его козелецкій работные люди зъ 4-хъ полковъ отъ генералной канцеляріи наряжены, якое послѣдное писмо привезено къ намъ сенатскимъ куріеромъ Уваровымъ. Обѣдалъ у насъ Іванъ Алексіевичъ Горчаковъ, и ему-жъ книги его двѣ отданы и моя одна, Лексиконъ Саваріевъ, позичена для прочитанія. Данъ отъ насъ пашпортъ для проезду къ Глухову Степану Карпѣки съ будущими при немъ. Прибылъ въ Москву швагеръ мой Іванъ Гамалія.

11. Рано ездили въ дворецъ и уже на віездѣ застали государиню, передъ которую представлялъ графъ Розумовскій Ілію Лизогуба, отъежджаючого изъ Москвы въ Малую Россію. Послѣ обѣда былъ у насъ графъ Гендриковъ и съ нимъ Максимъ Совѣтовичъ Чоглоковъ, отставный маіоръ, а вечеромъ у насъ-же былъ секретарь Урилъ Івановъ.

12. Рано былъ у насъ Іванъ Гамалія швагеръ, а вечеромъ мы у него были на квартерѣ за Арбацкими воротами и уже смер-

комъ отъ него возвратились. Дочь его, а моя крестниця Елена подарила мене шолковымъ платкомъ. Секретарь Урилъ Івановъ прислалъ мнѣ трубку курителную фарфорную.

13. Писаны писма въ домъ до жены: 1-е противъ писма, Гамаліею мнѣ поданного, о не поездѣ еи сюда и о протчемъ, 2-е до сина Василя съ посилкою до него кулбаки нѣмецкой, тако-жъ о долгахъ его килскихъ и о конику Буцефалу; 3-е до жены-жъ о нѣкоторомъ Ѳедору Алексіеву, засаженномъ отъ нея въ секвестръ погарскій, и о Леску Ковбасѣ, что-бъ его отослала въ Глуховъ, какъ туда прибудетъ, и оные писма: 1-е, въ якомъ и двѣ книжки: букварь Настусѣ, а елементарь Івасевѣ сину включены, и 2-е чрезъ служителей Гамаліивыхъ, а 3-е чрезъ Ковбасу отпущены. Послѣ обѣдень ездили мы въ Перовъ и тамъ у Івана Жоравки обѣдали, потомъ и у жены его родившей довольно сидѣли, где и съ поруччикомъ драгунского полку Силивановымъ видѣлись, и уже послѣ вечерень оттуду возвратились. Сего числа его высочество великій князь и великая княгиня, а при ныхъ и графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, были въ подмосковской деревнѣ графа Кирила Григоріевича Розумовского и тамъ у него кушали, а именно въ Петровскомъ.

14. Рано были у мене лейбъ-компаніи гранадеръ Козма Івановичъ Вайниковъ, да изъ Лохвици прыбывшей тамошняго обывателя Ѳомы Грека зять, Николай Дмитріевъ, которій и писма зъ Глухова привезъ и подарилъ бочонокъ вина волоского, тютюну и 2 чубуки турецкіе. Ѳедоръ Яскевичь знову пріехалъ въ Москву. По полдни были у Івава Алексіевича Горчакова и у него взяты 3 книжки для прочтенія.

15. Vacat. 16. Обѣдалъ у насъ Іванъ Гамалія, а потомъ ездили съ нимъ въ Перово и тамъ были у Жоравка, где видѣлись и зъ лейбъ-компаніи гранадеромъ Артемомъ Івановичемъ Іконниковымъ. Государиня изволила прибыть въ Москву по полдни въ 11-мъ часу.

17. Рано были въ дворцѣ у духовника, а съ нами и Гамалія. По полдни надъ вечери сидѣли у графини Гендриковой и ужинали. Въ ночѣ былъ великій пожаръ при церкви Преображенской, недалече отъ нашей квартери, где на силу другіе, близь будучіе, дворы

разные отстояли. Графъ Гендриковъ пріехалъ ночью изъ деревнѣ своей Прусъ.

18. Рано будучи въ дворцѣ, видѣлись съ Григоріемъ Александровичемъ, прибывшимъ изъ Украины, который у насъ и обѣдалъ, а потомъ знову были въ дворцѣ и графа Розумовского видѣли.

19. Рано были-жъ въ дворцѣ и тамъ заходили до Ѳедора Ивановича Коченевского съ Гамаліею, где видились изъ Василіемъ Ивановичемъ Демидовымъ. А по полдни былъ у насъ на квартерѣ секретарь Новоторжцовъ. Послѣ обѣда отъехать государиня изволила въ Перово для крестинъ дочери Жоравкиной.

20. Рано были у графа Гендрикова, а съ нами и Іванъ Гамалія, которій съ женою у насъ и обѣдалъ. Потомъ у насъ-же были Михайло и Іванъ Шиповы, сины генерала лейтнанта Івана Афанасіевича Шипова и канцеляристъ войсковой Прокопъ Чарнуцкій.

21. Въ 11-мъ часу ездили въ дворецъ и тамъ видѣли графа Розумовского, а въ вечеру знову тамъ-же въ дворцѣ были, и графъ сталъ говорить былъ съ нами при присутствіи графа Михайла Ларіоновича Воронцова віце-канцлера, потомъ отошли оба къ государинѣ.

22. Писалъ до Василія Туманского канцелляристи за канцелляристомъ-же Прокопомъ Чарнуцкимъ, да за нимъ-же писана отъ насъ до старшины генералной, въ войсковой канцеляріи присутствющыхъ, інстанція, и ему-жъ данъ пашпортъ на проездъ къ Малой Россіи. Ездилъ дворъ въ Раево.

23. Рано были въ дворцѣ, где заразъ по начатіи литургіи здѣлалъся алярмъ о пожарѣ, случывшемся на Пріснѣ, дворъ царевича грузинского Бакара згорѣлъ. Обѣдали мы у Івана Гамаліи, а по обѣдѣ были у него перво секретарь Новоторжцовъ, потомъ Петръ Ѳедоровичъ Бутурлинъ, и мы оттуду заездили до Новоторжцова, у которого видѣлись и изъ Петромъ Петровичемъ Курбатовымъ, а какъ оттуду поехали, то превеликая молнія и дождь были.

24. Обѣдали у графа Гендрикова ради тезоименитства дочери его Христины, и графъ былъ воспріемникомъ зъ княгинею Анною Даниловною Трубецкою. Простилъся съ нами Ілія Лизогубъ, которому и пашпортъ данъ на проездъ.

25. Нарочно званныи отъ Петра Өедоровича Бутурлина, отставного (*пробѣлъ*), обѣдали у него купно съ Іваномъ Гамаліею, а по обѣдѣ долго проседѣли при музикѣ и пѣвчихъ. Рано приходилъ Іванъ Білоровскій съ жалобою на Лизогуба, что его вчора держалъ у себе на цепѣ закованного, до которого я посилалъ Грицка и о томъ, и о отдачи мнѣ должныхъ 10 р. денегъ, но онъ, не учиня ни почему сатисфакціи, отъехалъ изъ Москви. Жена Бутурлинова Мавра Афанасіевня Соловјовыхъ (*пробѣлъ*). Куплено полотна 30 аршинъ, дано за оное 97¾ к., да на разные росходы мѣлкіе розышлось 92¼ к.

26. Рано были въ дворцѣ, где былъ-же и Іванъ Гамалія; мимоездомъ оттоль заежджали къ генералши Шиповой. Въ вечеру у насъ былъ Петръ Өедоровичъ Бутурлинъ, а прежде его графъ Гендриковъ. Въ вечеру-жъ пріехалъ съ писмами отъ асаула енералного Якубовича служитель его Семенъ.

27. По утру перво были въ дворцѣ, и понеже государиня изволила отъездить до села Алмазова, то мы сами отъехали въ Петровское до графа Кирила Григоріевича Розумовского, у которого тамъ и обѣдали, и у него тамъ-же застали Романа Ларіоновича Воронцова, князя Алексія Никитича Волконского, графа Івана Григорьевича Чернишова, Василія Онуфріевича Брилкина, да бѣлоградского лютнисту и ассесора академіи наукъ Григорія Николаевича Теплова. Послѣ обѣда зъ луковъ стрѣляли. Потомъ имѣли декоторые о Украинѣ розговоры съ графомъ Кириломъ Григоріевичемъ и отъехали, на пути-же встрѣтили туда-жъ едучого віце-канцлера графа Михайла Ларіоновича Воронцова. По прибытіи въ квартеру, ходили къ г. Гендрикову, а въ вечеру графиня занемогла.

28. Писали до старшины енералной въ Глуховъ чрезъ подполковника Алексія Константиновича Яблонского, где включено и отъ мене писмо до Скоропадского, писанное сего юля 23-го дня о Стефану и Івану Барановскихъ и о протчемъ, да тамъ-же приложено писмо и отъ Василія Івановича Вайникова изъ С. П. Бурха до Івана Скорупы, а съ онымъ Яблонскимъ, отъежджаючимъ въ Украину простясь, отъехали на Крутицу къ архіерею крутицкому Іларіону Григоровичу, где не заставъ оного, ходили перво по садамъ и по другимъ мѣстамъ, потомъ были у новопосвященного митрополита сибірского Силвестра Гловацкого, тамъ на Крутици

квартерою стоячого. По пріездѣ-же изъ синода архіерея крутицкого, обѣдали у него и долго забавлялись, а между тѣмъ пріехалъ туда-жъ отецъ духовникъ государини съ женою своею и съ синомъ Захаріемъ къ митрополиту сибірскому, у которого и мы знову побувавъ, отклонились и отъехали на свою квартеру.

29. Отклонилъся мнѣ бывшій служитель Сидоръ Гудокъ, которому велѣлъ дать 1 р. на его нужды, да ему-жъ даны сапоги, шляпа, локейскій зипунъ и передъ симъ 50 к.

30. Государиня изволила слушать обѣдни въ большой дворцовой церкви, а потомъ были у графа, а послѣ полдня ездили мы въ Перово до Жоравки и до жены его. Писано писмо въ отвѣтъ къ асаулу генералному Якубовичу чрезъ служителя его Семена.

31. Едучихъ насъ изъ дворця и отъ Полтавцова мимо дворъ оберъ-гофъ-маршала Шепелева, зазвалъ онъ къ себѣ, и у него-жъ мы обѣдали купно съ генераломъ-лейтнантомъ Родіономъ Михайловичемъ Кошелевымъ и другими. А по полдни позваны были къ графу Гендрикову, где застали сестру его Марію Симоновну Чоглокову, а потомъ туда-жъ пріехала и другая сестра его Марѳа Симоновна Софонова, послѣ и мужъ еи Михайло Івановичъ Софоновъ, камеръ-юнкеръ, зъ которымъ у него жъ графа Гендрикова мы оба и ужинали.

Августъ.

1. Рано перво были у віце-канцлера Михайла Ларіоновича графа Воронцова, которій купно съ Корфомъ камергеромъ отпущенъ въ деревнѣ на 10-ть дней. Потомъ отъехали въ село Покровское, куда послѣ прибыть и государиня изволила, и обѣдни, а потомъ водосвятія, которые архіерей новогородскій целебровалъ, слушали, и много господъ и ихъ імператорскіе высочества тамъже были; а по набоженствѣ въ тамошнемъ дворцѣ и кушалъ дворъ при пушечной палбѣ. Послѣ полдня и надъ вечери были у насъ Іванъ Гамалія, да Александръ Лукинъ и поруччикъ ізмайловского полку Гаврило Ѳедоровичъ Вишневскій, лакей Пуховичъ, а потомъ пришелъ къ намъ-же камеръ-гофъ-фуріеръ Сергій Михайловичъ Нестеревъ съ капитаномъ Соловіовымъ, своимъ братомъ. Ночью

безвременно родила сина Стефана графиня Гендрикова, которій послѣ крещенія тотчасъ и умеръ.

2. Послѣ обѣднѣ ездили въ дворецъ и тамъ графа Розумовского видѣли, токмо ничего не говорилъ намъ. По полудни былъ у насъ переводчикъ синодалный Григорій Политіка, которій объ отъездѣ своемъ имѣючемъ быть въ Украину и о другомъ де о чемъ говорилъ. Мы-же посѣщали графиню болную и тутъ много было розговоровъ о женскихъ немощахъ зъ Марѳою Симоновною и съ бабкою голандкою.

3. Писали до полковника нѣжинского г. Кочубея, чтобъ сездилъ до г. Розумовскои старои, о написаніи отъ нея къ сину въ нуждахъ Малороссіи. А отъ себе писалъ въ Глуховъ до Скоропадского о сотнику волинскомъ Роману Журбѣ, и тѣ писма отпущены чрезъ Івана Полторацкого, жителя сосницкого, сей день отъежжаючого. Сего числа принесены денги изъ штатсъ-кантори кормовые 100 р. за мѣсяцъ юль, изъ которыхъ взяли себѣ по 30 р., а осталъные 40 р. отданы на росходъ Грицку. Въ банѣ милъся у графа Гендрикова.

4. Переводчикъ сѵнодалный Політика простилъся съ нами на отъездъ свой до Малой Россіи. Розышлось отъ 25-го юля по се число, а именно: за букварь 27 к., за два аршина ленты 34 к., паперу за 7 к., а на другіе мѣлочи $15^1/_2$ к.

5. Писаны писма: 1 е до сотника козелецкого Стефана Барановского съ копіею, какъ въ его дѣлѣ писано отъ мене въ Глуховъ; 2-е въ С. П. Бурхъ до Василія Івановича Вайникова на его писмо въ отвѣтъ, стороны отдачи облѣга Макара Руцкого племѣнникамъ Ланковымъ, и сее писмо для отсилки къ нему отдано брату его Козмѣ. Віехали изъ нашей квартери на Никицкую въ дворъ графскій капитанъ Соловіовъ съ женою и съ протчими своими. Государиня отъехать изволила въ Перово.

6. По благости Божіей удостоилъся причаститись святымъ Тайнамъ на службѣ въ церквѣ всемилостивого Спаса, приходу Панкратіевского, а исповѣдь имѣлъ передъ тамошнымъ священникомъ Александромъ Григоріевичомъ. Розышлось 40 к. Изъ дворця заежджалъ къ намъ Іванъ Гамалія, которого будто звалъ къ себѣ обѣдать князь Іванъ Василіевичъ Одоевскій, а послѣ обѣда были у

насъ Александровичъ и Яскевичь и сотникъ Куликъ. Государиня изволила изъ Перова возвратится ночью въ дворецъ.

7. Рано одинъ Гудовичъ ездилъ въ дворецъ и тамъ слышалъ, что якобы передъ нѣсколко днями графъ Кирило Григоріевичъ Розумовскій графу Алексію Гендрикову говорилъ о насъ и о нашыхъ малороссійскихъ дѣлахъ доволно. Государиня обѣдать изволила у графа Петра Івановича Шувалова. Мы по полдни ездили въ дворецъ, а оттоль были у Івана Гамаліи, где съ секретаремъ Новоторжцовымъ и зъ бывшимъ поруччикомъ кирасирскимъ Ланцкимъ видѣлись.

8. По утру были въ дворцѣ и графа Розумовского видѣли, а послѣ обѣда были у графа Гендрикова, потомъ у насъ былъ Іванъ Гамалія.

9. Рано перво заехали до Василія Івановича Демидова, потомъ въ 9-мъ часу были у графа Розумовского и оному доволно представляли о нуждахъ общыхъ и своихъ. По обѣдни, въ болшой церквѣ отправленной, а послѣ и въ малой, где государиня присутствовать изволила, были у духовника, тоже у Ѳедора Івановича Коченевского, у которого и обѣдали и доволно съ нимъ розговаривали, а передъ графомъ Розумовскимъ не худо рекомендовали Новоторжцова. Александру Тихоновичу Лукину синъ Александръ родилъся. Были надъ вечери у генералши Шыповой, потомъ у графа Гендрикова, у которого и ужинали. Тайный совѣтникъ Іванъ Юрьевъ пожалованъ кавалеріею святого Александра Невского.

10. Рано были въ дворцѣ, а по полудни былъ у насъ перво каморъ-музикантъ Василь Стефановъ, потомъ подполковникъ, пріехавшый изъ Казани, Іванъ Мойсіевичъ Ликевичь, онъ-же и Левіцкій, да Яковъ Хелкидоцкій съ своею женою, а сестрою Кирила Стефановича Рубановского, придворного полковника. Въ домъ графа Гендрикова поднимали ікону ради болѣзни жены его. Швагеръ Іванъ Гамалія переехалъ на другую квартеру. Надъ вечери ездилъ Гудовичъ до Новоторжцова, но не засталъ оного, отозванъ-же изъ дому въ габінетъ.

11. По утру будучи у насъ, Лукинъ обявлялъ о своемъ новорожденномъ сину, да и Іванъ Гамалія пріездилъ къ намъ. Потомъ отъехавъ мы до дворца, видѣлись тамъ съ недавно прибывшымъ

костенского монастыра[246]) архимандритомъ Карновичемъ, камордина великого князя, Стефана Евфимовича Карновича братомъ. Тамъ-же вручены копіи указовъ и проекту о конскихъ заводахъ и о ярмарку кролевецкомъ Барановскому для представленім графу. Ґыли на новой квартерѣ у Гамаліи, потомъ у графа Гендрикова.

12. Рано будучихъ насъ въ дворцѣ звалъ къ себѣ въ Перово Жоравко и тамъ у него купно съ Гамаліею и его женою, такожъ съ прибывшымъ машевскимъ попомъ Помаранскимъ и попадею его[247]), обѣдали, а подъ часъ обѣда туда-жъ прибылъ Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій. Послѣ обѣда ходили на качелѣ гулять и уже позно оттуду отъехали.

13. Въ дворцѣ передъ службою Божіею миропомазивана и въ церковь нашу принята дочерь бывшаго герцоха курляндского Бірона, которую въ томъ воспріймать изволила сама государиня, и оная-жъ Біроновна на службѣ Божой сообщалась святымъ тайнамъ. Мы обѣдали у Івана Гамаліи съ Сидоромъ Перфільевичемъ Денисьевымъ, потомъ съ Петромъ Ѳедоровичемъ Бутурлинымъ ездили къ сестрѣ его, а женѣ ассессора конюшенной канцеляріи Поздѣева, и тамъ огороду и протчего уборства, такожъ и будинковъ его съ всякими убранствами смотрѣли. Пріехалъ въ Москву Лесевіцкій, Дубиновну за собою имѣючій.

14. Рано были у духовника, и вручена ему книжка, Василія Тредіаковского изданія, «о буквахъ русскихъ». Послѣ полдня явилъся у насъ сотникъ кролевецкій Григорій Огіевскій, пріехавшый сего числа изъ Глухова зъ челобитною о ярмарку тамошнемъ. Государиня изволила отъехать къ Александру Борисовичу Бутурлину надъ вечери и въ домѣ его ночевать.

15. Рано въ 7-мъ часу предъ полуднемъ государиня, прибывъ въ Кремль, въ болшомъ успенскомъ соборѣ изволила слушать службы Божой и святымъ тайнамъ сообщаться. По обѣднѣ была изъ пушекъ многихъ палба и при віездѣ изъ Кремля во всѣ колокола звонили. Предъ обѣдомъ были мы у графа Гендрикова, потомъ съ

---

246) Костянскій монастырь, нынѣ закрытый, находился около Почепа, откуда были родомъ Карновичи.

247) Померанскій, священникъ с. Машева, новгородъ-сѣверскаго. уѣзда. былъ женатъ на какой-то родственницѣ Разумовскихъ.

нимъ у тестя его Бутурлина; послѣ онъ-же графъ и у насъ былъ, а обѣдалъ у насъ сотникъ кролевецкій. Асаулъ енералный Яковъ Якубовичъ прибылъ съ своею ассистенціею въ Москву. Я былъ послѣ вечерень у князя Алексія Дмитріевича Голицина и тамъ засталъ отставного маіора Шеншина. Графу Гендрикову данъ смушекъ черный.

16. Передъ обѣднями были у канцлера Бестужева, где генералъ С. Ѳ. Апраксинъ обявилъ намъ о прибытіи въ Москву асаула енералного Якубовича. Потомъ слушали обѣдни въ церквѣ болшой дворцовой, и тутъ первой разъ зъ Якубовичемъ видѣлись, да съ нимъ-же ходили перво въ графскіе апартаменты, потомъ къ духовнику, у которого застали митрополита сибірского Силвестра Гловацкого и съ нимъ, сегодня въ свою епархію отъежджаючимъ, простились. Тамъ-же въ дворцѣ видѣлись съ прибывшимъ недавно Лесевіцкимъ, судьею полковимъ ахтирскимъ, а у духовника съ о. Василіемъ Барановичемъ, изъ С.П.Вурха прибывшимъ; тамъ-же въ дворцѣ видѣлись съ пріехавшимъ изъ своихъ деревень генералъ-рекетмейстеромъ Дивовымъ. Надъ вечери ездили до Якубовича мы и съ нами Іванъ Гамалія.—Въ прошлихъ числахъ розишлось денегъ, а именно: за алембикъ въ 11-ть фунтовъ съ трубкою дано 2 р. 64 к., за простиню до колдри 70 к., на другую мѣлочь 8 к. Графа Івана Симоновича Гендрикова четверолѣтная дочь Христина ночью умерла.

17. Рано были у графа Петра Івановича Шувалова и о ярмарку кролевецкомъ розговоровали. А въ дворцѣ при насъ изволила государиня отъехать по службѣ въ Перово. Обѣдалъ у насъ секретарь Урилъ Ларіоновичъ Івановъ, а послѣ обѣда ездили до подполковника тверского драгунского полку Івана Мойсѣевича Ликевича и съ нимъ и съ женою его невидущою Анною, полькою, нѣсколько часовъ просидѣли. Чрезъ гранадера семеновского полку, отъ брегадира Полозова изъ Глухова присиланного, отпущены въ Глуховъ писма: 1-е подполковника Шубского до Скоропадского, 2-е подполковника Ликевича до брата его, сотника полкового нѣжинского, Левіцкого.

18. Изъ дворца заездили до Гамаліи, а вечеромъ были у Михайла Івановича Шипова, саржанта ізмаиловского полку. Вчера помянутая дочь графская погребена.

19. Званніи до Івана Гамаліи, обѣдали у него и весь день просидѣли, куда приходилъ и канцелляристъ Ѳедоръ Дмитріевъ Квітніцкій, которій между протчими розговорами сказовалъ, что госу-

дариня Жоравкиной родѣлѣ[248]) пожаловала 3,000 р. и разныхъ парчей 16-ти цвѣтовъ по 40 аршинъ. Въ донскомъ монастырѣ былъ праздникъ.

20. Изволила государиня слушать обѣдни въ нѣкоторой церквѣ, називаемой Всѣхъ скорбящыхъ Радости, а обѣдать на Воробіовой горѣ. Дожчь началъ ити. Мы по службѣ заехали перво къ муншенку Вожжинскому и тутъ отъ жены его Олени Івановны трактованы кофемъ, потомъ до генералши Шиповой. Обѣдалъ у насъ съ женою своею Іванъ Гамалія и весь день пробавилъ.

21. Вечеромъ были у совѣтника коллегіи вотчинной Василія Силича Полякова и съ нимъ о межѣ малороссійской розговоръ имѣли.

22. Рано едучимъ намъ къ дворцу, явилъся въ квартерѣ нашей бывшого полковника Милорадовича синъ nothus Николай и о матерѣ своей спрашовалъ[249]). Мы обѣдали у Ѳедора Івановича Коченевского, а при выходѣ отъ него видѣлись съ каморъ-лакеемъ Милорадовичемъ, потомъ видѣли графа Розумовского отъежджаючого на охоту съ г. Шуваловымъ. Надъ вечери пришолъ къ намъ Василъ Танскій полковникъ съ зятемъ своимъ Сименомъ Лизогубомъ и у насъ-же оба ночовали, тако-жъ и сотникъ кролевецкій.

23. Рано будучи въ дворцѣ, застали тамъ у графа Розумовского великого канцлера Бестужева, графа Кирила Григоріевича и Стефана Апраксина, при которыхъ былъ передъ графомъ Розумовскимъ подполковникъ Ликевичъ, да и къ намъ графъ виходилъ, токмо ничего не говорилъ до насъ. Тамъ-же былъ прінцъ Голштейнбекъ и Брюмеръ генералъ-маіоръ. Вечеромъ были у Александра Тихоновича Лукина.

24. Одинъ Гудовичъ ездилъ въ дворецъ съ сотникомъ кролевецкимъ Огіевскимъ, зъ которымъ надъ вечери онъ-же былъ и у сенатора, князя Івана Андріевича Щербатова сторони ярмарку кро-

---

248) Родильницѣ.

249) Николай Милорадовичъ былъ сынъ отъ второй жены гадяцкаго полковника. Рѣшеніемъ генеральнаго суда 1748 г. онъ былъ признанъ незаконнорожденнымъ и всѣми имѣніями его отца унаслѣдовалъ внукъ полковника Петръ Степановичъ Милорадовичъ, бывшій въ это время камеръ-лакеемъ. См. „Кіевск. Стар.“ 1882 г., т. I, стр. 493.

левецкого. Былъ у насъ и посидѣлъ не мало камеръ-лакей Милорадовичъ.

25. Рано былъ у насъ генералный асаулъ Якубовичъ съ зятемъ своимъ Ѳедоромъ Савичемъ и съ швагромъ Александромъ Дуніномъ, а отъ насъ поехалъ къ графу Гендрикову. Ездилъ одинъ Гудовичъ въ дворецъ, где было екстраординарное собраніе міністровъ и сенаторей для нѣкоторыхъ дѣлъ, которые тамъ-же весь день пробавили. Сказовалъ Тризна, что до графа Розумовского Якубовичъ дважды былъ призиванъ. Надъ вечери былъ у насъ віце-губернаторъ бѣлагородскій Пассекъ, подполковникъ Ликевичъ и швагеръ Іванъ Гамалія.

26. Въ дворцѣ слушали обѣднѣ въ болшой церквѣ, где былъ и Якубовичъ съ женою своею, съ дочерью и зятемъ прежде у графа Розумовского, послѣ въ церквѣ подходили къ ручки ихъ высочествъ. Зъ дворца заездили до Гамаліи, а обѣдалъ у насъ Якубовичъ и пробавилъ до вечеренъ, потомъ зъ зятемъ своимъ, да съ швагромъ капитаномъ Соловіовымъ, а съ ними и Тризна отъехали на Никитскую въ ихъ квартеру. Мы ужинали у графа Гендрикова.

27. Въ 10-мъ часу по полночи отъехали въ дворецъ и тамъ въ церквѣ малой, въ старыхъ покояхъ будучой, слушали обѣдни, а въ 12-мъ часу была отпускная авдіенціа послу аглинскому, послѣ которой какъ изволила государиня возвращатись въ свои покои, то были мы у ручки ея, а послѣ обѣда въ квартерѣ нашей были Александровичъ, да Павелъ Голембіовскій и Яскевичъ, потомъ и Лукинъ. Якубовичка была передъ государинею съ своею дочерью рано.

28. По утру перво были у г. Демидова, потомъ у великого канцлера, и оныхъ по общымъ малороссійскимъ дѣламъ о ходатайство просили. Послѣ пріездили въ дворецъ, где графа Розумовского не застали: отъехалъ на охоту въ 5-мъ часу по полночи, а государиня изволила отъехать кушать на Воробіовые горы. Мы обѣдали у камеръ-фуріера Ігната Кириловича Полтавцова и у него-жъ застали брата его старшого, вчора зъ Украини пріехавшого. У насъ обѣдали: канцеляристъ Ѳедоръ Квітніцкій и сотникъ кролевецкій, да при томъ былъ и сотникъ Куликъ. Вечеромъ были у секретаря габѣнетского Бахирева.

29. Рано приходившей къ намъ сотничцѣ яготинской Купчинской (*пробѣлъ*) Володковсковнѣ даны отъ мене въ займы 10 р., а Гудовичъ

ей-же далъ 5 р. Надъ вечери были перво у князя Івана Василіевича Одоевскаго и о кролевецкомъ ярмарку говорили, потомъ у Александра Борисовича Бутурлина и поздравляли его тезоименитствомъ завтрешнымъ и кавалеріею. Далъ передѣловать кезикинъ, до которого на разные мѣлочи портному дано 15 к., крашенини 16 к., пуговицъ за 20 к., да на другіе росходы пошло 34 к.

30. Рано были съ поздравленіемъ у оберъ-маршала Шепелева, у віце-канцлера графа Воронцова, у Катерины Карловны Корфовой, у великого канцлера графа Бестужева-Рюмина, потомъ въ дворцѣ у дежурной графовъ Александра и Петра Івановича Шуваловыхъ, а въ покояхъ государевихъ прихожыхъ и протчихъ кавалеровъ ордина святого Александра Невского поздравляли. Въ исходѣ 11-го часа ишли всѣ кавалери по парамъ, а за ними его высочество государь великій князь, а въ замкѣ сама государиня въ бѣломъ платьѣ съ красними камзолами и въ чолкахъ красныхъ всѣжъ кавалери, за государинею великая княгиня, прінцесса Госсенгомбурская, штатсъ дамы и другіе придворные-жъ дамы до церкви малой, внутрь покоевъ имѣючейся, и изъ церкви обратно въ покои такимъ-же порядкомъ, въ которыхъ столы заготовлены были для кавалеровъ, и тутъ они всѣ у стола государева обѣдали при пушечной палбѣ. Мы были у духовника, где архіереевъ сѵнодалныхъ и протчихъ застали; оттоль заездили до Гамаліи, а надъ вечери и онъ къ намъ прибывъ, проседѣлъ до позна.

31. По утру ездили до Александра Борисовича Бутурлина и просили о кролевецкомъ ярмарку, а оттоль были въ дворцѣ, где Якубовичъ допущенъ будучи передъ государиню, говорилъ рѣчь перво ставши на колѣнихъ, а кончилъ стоя. Мы обѣдали и весь день пробавили у Гамаліи. Весь-же день паче протчихъ прежныхъ силный дожчь шолъ.

Сентемврій.

1. По утру призиваны мы въ сенатъ и подали доношеніе о кролевецкомъ ярмарку самымъ сенаторамъ, которое при насъ и читано и обѣщана резюлюція. При концѣ обѣда пріехалъ до насъ Якубовичъ и, мало покушавши, сидѣлъ у насъ нѣсколко часовъ. Вечеромъ были у графа Гендрикова и у него-жъ ужинали.

2. По утру изволила государиня съ своимъ придворнымъ штатомъ отъехать до монастыря воскресенского, називаемого Новый Іерусолимъ. Писано отъ мене повторное доношеніе въ войсковую генералную канцеллярію о пляцахъ Рубановскихъ, имѣвшыхся подъ селитбами и подъ 6-ю коморами крамними, чтобъ оные отведены были подъ строеніе и подъ коморы между другими крамними лавками; да до Скоропадского отвѣтовалъ противъ его трохъ писемъ и къ нему-жъ сообщено писмо отъ Савы Матвѣева, къ намъ передъ симъ писанное.

3. Весь день въ квартерѣ пробыли, а въ вечеру заежджалъ къ намъ Іванъ Жоравко съ сожителницею своею Евдокіею Гарасимовною.

4. Писаны писма въ домъ до жены о алябастрѣ, купленномъ и отпущенномъ въ Кролевецъ, до Скоропадского о доношеніи подъ 8-мъ числомъ въ войсковую генералную канцеллярію писанномъ, до атамана кролевецкого Зубахи стороны двора его продажного. Позичены два рубли денегъ жителю костантиновскому, полку лубенского, Павлу Афанасіеву Голюнцѣ, и на оные взятъ у него облѣгъ. За пошитье кезикина 50 к., Грицку на чоботи 22 к., за полсукенко на обшлоги 10 к., за круживо и прочее 16 к.

5. Рано были съ поздравленіемъ у сенатора князя Алексія Дмитріевича Голицина, а другихъ не застали. Обѣдни и молебствія слушали въ Чудовомъ монастырѣ. Обѣдали у графини Гендриковой ради тезоименитства дочери еи Елисавети Івановны, которой подаренъ отъ мене платокъ шолковый. При обѣдѣ тамъ-же были кавалеръ св. Анны Аркадій Івановичъ Бутурлинъ и сестра его вдова, да дѣти Николая Наумовича Чоглокова, Наумъ и Симонъ, съ своимъ учителемъ французомъ. Вечеромъ были мы у оберъ-секретаря сенатского Павла Василіевича Севергина. Въ воскресенскомъ монастырѣ пожаловала государиня камеръ-юнгеромъ Івана Івановича Шувалова, числа вчорашного.

6. Ездилъ въ сенатъ и въ штатсъ-кантору одинъ Гудовичъ, а между тѣмъ былъ у насъ Якубовичъ съ зятемъ и швагромъ своимъ и поехалъ зъ нашей квартери до графа Гендрикова въ Прусы.

7. Привезены изъ рентереи денги за мѣсяцъ августъ 100 р., изъ которыхъ взяли мы оба по 25 р., а осталные 50 р. отданы на харчевый росходъ. Выданы указы изъ сената о ярмарку кролевец-

комъ—быть оному зъ 15-го октября—въ войсковую генералную канцеллярію, да въ каморъ и комерцъ коллегіи. Вечеромъ были у Гамаліи, которому и челобитная поправлена о уволненіи отъ полской коммиссіи.

8. Были рано у графа Кирила Григорьевича Розумовского, потомъ въ дворецъ ездили, а вечеромъ ездили купно съ Гамаліею къ Лукину. Сотникъ кролевецкій съ нами простилъся, которому даны отъ мене ad interim за алябастру 25 пудъ купленного по 7 к. и за отвозъ оного 4 р., да ему-жъ вручены и писма и доношеніе въ войсковую генералную канцеллярію, писанные подъ 8 и 4 числами сего мѣсяця, и особое писмо до полковника нѣжинского Кочубея съ копіею руки Якубовича. Государиня изволила прибыть въ Москву и тутъ ужинать въ домѣ конюшенной канцеллярiи ассесора Сергія Васильевича Поздѣева, потомъ въ дворецъ пріехать позно.

9. Послѣ обѣдень были въ дворцѣ у Ѳедора Івановича Коченевского, а графа Розумовского не видали. Іванъ Гамалія перейшолъ на другую квартеру въ дворъ деревяный маіора гвардіи преображенского полку, князя Александра Александровича Меншикова. Силный былъ дожчь.

10. Обѣдали у насъ полковникъ Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій и подполковникъ Яковъ Алексіевичъ Шубскій, да Іванъ Гамалія. Послѣ полдня изволила государиня перейти изъ Головинскихъ въ новопостроенные покои. Въ вечеру были на новой квартерѣ у Івана Гамаліи.

11. Рано были въ дворцѣ въ новыхъ покояхъ и тутъ кланялись графу Розумовскому, где видѣлись съ княземъ Ѳеодоромъ Івановичемъ Голицинымъ, которій представлялъ графу Розумовскому сина своего малолѣтного, новопожалованного въ конную гвардію капраломъ. Тамъ-же видѣли Ѳедора Мировича, бывшого въ Енисейску воеводою. Вечеромъ былъ я перво у Гамаліи и тамъ засталъ свойственицъ жены его, потомъ у графа Гендрикова, где засталъ Якубовича съ женою, зятемъ и дочкою, которые тамъ-же и вечеряли.

12. Передъ обѣдомъ ездили въ дворецъ, токмо не застали графа Розумовского,—ездилъ за государинею за 12 верстъ, а по полдни ездили мы оба и съ нами Гамалія до князя Н. Юр. Трубецкого, съ которымъ изъ окказіи сторони саранчи говорили, чтобъ

поудержано винокуреніе еще чрезъ годъ и устроени-бъ магайзены для наполненія хлѣбомъ ради скудного народа. Тако-жъ говорили о кролевецкомъ ярмарку и о дѣлѣ поченціовъ, а возвратясь сидѣли нѣсколько часовъ у Гамаліи.

13. Сей ночи прибыли въ Москву и въ дворцѣ графскомъ стали сестра графская Вѣра Григоріевна съ мужемъ своимъ Евфимомъ Ѳедоровичемъ Дараганомъ, да дядя его Денисъ Демешко, сватъ канцлеровъ и Василь Лизогубъ. Мы перво были у канцлера и допущены были-жъ къ нему; потомъ заездили въ дворецъ, а оттуду были въ Перовѣ и тамъ у Жоравки обѣдали, где жена его подарила дѣтямъ моимъ 3 цвѣтки китайскихъ. А оттоль заездили въ домъ графскій бархатный и тутъ съ пріежжими видѣлись; мимоездомъ-же были у Івана Андріяновича Возжинского. Сего-жъ числа писалъ до жены и до сина Василя чрезъ людей графа Мойсѣя въ Стародубъ отправленныхъ.

14. Были въ дворцѣ на обѣднѣ въ малой церквѣ государиня и іхъ імператорскіе высочества. Мы видѣлись съ Ѳедоромъ Івановичемъ Коченевскимъ, которій говорилъ намъ о поданномъ въ генералную канцеллярію доношеніи на полковника чернѣговского Божича о произвожденной пушечной палбѣ во время священія церкви въ монастырѣ рихловскомъ отъ урядниковъ генералной артилеріи.

15. Писано отъ насъ до генералной старшины, въ канцелляріи генералной присутствующей, сторони оного на Божича доношенія, по требованію Ѳедора Івановича Коченевского. Мились въ банѣ на квартерѣ Івана Гамаліи и у него-жъ сидѣли до позна, где пріездилъ и Іванъ Александровичъ Горчаковъ.

16. Заплачено за синелѣ разныхъ цвѣтовъ 3 руб. 25 коп., за чайникъ мѣдный 1 р. 30 к. Въ дворецъ ездилъ одинъ Гудовичъ и тамъ обѣдалъ у Ѳ. І. Коченевского, а по службѣ Божой государиня изволила отъехать въ Тайницкое. Вечеромъ сидѣли мы у Гамаліи, которому подаренъ отъ мене камушокъ одинъ на печатку, а другій ему-жъ данъ для вирѣзанья моего гербу. У Якубовича кушалъ графъ К. Г. Розумовскій.

17. Рано ездили до адмірала князя Михайла Михайловича Голицина сенатора, потомъ до именинници Вѣры Григоріевны, у которой и обѣдали купно съ Жоравкомъ и его женою, да зъ судею ахтирскимъ и его женою, зъ племѣнниками графскими и съ прот-

чими нашими. А передъ обѣдомъ виправили обратно въ Малую Россію Дениса Демешка, пріездившого сюда, которому государиня пожаловала 3,000 р., и чрезъ него отпущено наше писмо до старшины генералной, подъ 15-мъ числомъ писанное. Графъ Гендриковъ съ графинею былъ на вечеринцѣ у Якубовича, а мы были у Гамаліи, где Горчакова и нѣкоторого подполковника Пушкина застали.

18. По утру былъ у насъ архимандритъ костинскій Карновичъ, которій у насъ-же и обѣдалъ. А по полдни были мы у графа Гендрикова и тамъ-же вечеряли.

19. Обѣдалъ у насъ и доволно просидѣлъ Василій Лизогубъ, а по полдни были у Лукина и до вечера просидѣли съ Горчаковымъ. Графъ Гендриковъ отъехалъ рано до великого князя въ Раево съ охотою псовою.

20. Ужинали у графа Гендрикова.

21. Рано ездили до графа Кирила Григорьевича Розумовского, потомъ обѣдали у графа Гендрикова, а послѣ полдня въ 4-мъ часу отъехалъ я зъ графомъ Гендриковымъ въ село его Прусы и туда прибыли въ 8-мъ часу.

22. Графиня съ тіоткою своею Анною Івановною и съ протчими отъехали изъ Прусъ въ 12-мъ часу до Троецкого Сергіевского монастыря, а передъ вечеромъ пріездилъ въ Прусы до графа сосѣдственный помѣщикъ Ѳедоръ Івановичъ Карамишевъ, съ двома своими синами, Николаемъ и Василіемъ, и тамъ-же ужинали. Сины г. Скоропадского изъ чужыхъ краевъ прибыли въ Глуховъ.

23. Попъ изъ села того-жъ Карамишева служилъ обѣдню въ церквѣ въ Прусахъ и тамъ-же обѣдали у графа оный-же Карамишевъ съ синами и невѣсткою своею, умершого Івана Петровича Толстого дочерью. Отъехали мы на охоту и, затровивъ 2-хъ зайцовъ, ночовали въ деревнѣ монастыря Троецкого Сергіевского Протасовѣ.

24. Въ 8-мъ часу по полуночи поехавъ мы на охоту, ездили до 4-го часу по полдни и затровили 3-хъ зайцовъ; потомъ обѣдали, а по обѣдѣ забавлялись стрелбою голубовъ и въ той-же деревнѣ ночовали.

25. Рано пріѣхалъ туда-жъ нѣкоторій старикъ помѣщикъ Михайло Григорьевичъ Собакинъ съ своею псовою охотою, изъ которымъ поехавъ графъ и мы, цѣлій день тровили въ мѣстахъ раз-

ныхъ зайцовъ, въ томъ числѣ и около села Марфиной, где преславный дворъ покойного графа Семена Андревича Солтикова съ многими изрядними строеніами видѣли, а вечеромъ прибыли въ Прусы, и тутъ ночевалъ я въ кибѣтки.

26. Писалъ я къ Гудовичу съ посилкою зайця одного и 6 голубовъ застреленыхъ, а до Грицка о присилки нѣкоихъ потребностей. Графъ рано отправилъ часть своей охоты зъ охотниками въ Раево до его высочества государя великого князя. Потомъ обѣдали мы и въ бани мились у Карамишева.

27. Графъ отъехалъ рано на охоту до Собакина и уже вечеромъ оттоля прибылъ, а я, за бывшимъ тогда великимъ морозомъ, не ездилъ. Того-жъ числа и крупа снѣжная випала была. Ночью сонъ трижды одинъ видѣлъся.

28. По полдни въ 3-мъ часу поехалъ я изъ Прусъ и какъ пріежжалъ къ селу Тайницкому, где дворецъ изрядный государевъ и церковь огромная каменная, для бытія тамъ государини випалено изъ 51 пушки. Прибылъ-же я въ Москву 6-го часа.

29. Ездили въ дворецъ и были тамъ у Ѳедора Івановича Коченевского, потомъ писали писма въ Глуховъ до Скоропадского и Валкевича о полской коммиссіи, да до полковника нѣжинского Кочубея чрезъ служителя его, туда отъежжаючого. Въ 4-мъ часу по полдни прибыла государиня въ дворецъ къ Москвѣ, а ночью переведена туда-жъ Вѣра Григоріевна съ мужемъ своимъ Евфимомъ Ѳедоровичемъ Дараганомъ.

30. Рано ездили въ дворецъ и тамъ были у Вѣры Григоріевны и мужа еи на новосѣльѣ въ тихъ дворцовыхъ покояхъ, где прежде живалъ графъ Алексей Григоріевичъ Розумовскій. Потомъ отъехали на свою квартеру и тутъ у насъ обѣдали Іванъ Гамалія съ женою. А надъ вечери пріехалъ графъ Гендриковъ изъ Прусъ, у которого мы были и ужинали.—Росплатка учинена по порахунку зъ Грицкомъ: за 6 аршинъ бѣло... на юпку 2 р. 40 к., за пошитье оной 30 к., за перешитье черкески 40 к. Остапу кравцю. На разные дробные росходы—1 р. 8¼ к.

Октоврій.

1. Рано были у сенатора и генерала аншефа Василія Івановича Левашова. Потомъ отъехали въ дворецъ, где въ исходѣ 11-го

часа государиня изволила отъехать въ свое село Покровское и тамъ службы Божой слушать и обѣдать, а его імператорское высочество слушалъ обѣдни въ малой дворцовой церквѣ, послѣ-же и у ручки его были. Обѣдали мы у Івана Гамаліи, куда по обѣдѣ пріездилъ и Якубовичъ съ Василемъ Лизогубомъ; потомъ въ вечеру были мы съ Гамаліею-жъ и Лизогубомъ у графа Гендрикова.

2. По утру были въ дворцѣ, где представлялъ графу Розумовскому атамана донского Данила Ефремова генералъ Апраксинъ, которій атаманъ подарилъ графу яничарку и сосудъ турецкій и сагайдакъ съ лукомъ и стрѣлами. Я обѣдалъ у Івана Гамаліи и тамъ же до вечера просидѣлъ. За вирѣзанье печатки съ моимъ гербомъ на каменѣ серделіку заплатилъ 3 р.

3. Рано будучихъ насъ въ дворцѣ звали къ себѣ Евфимъ Ѳедоровичъ Дараганъ и Вѣра Григоріевна, у которыхъ мы и обѣдали, где по обѣдѣ къ нимъ-же приходилъ и подполковникъ Ликевичъ; а между обѣдомъ говорилъ мнѣ тотъ-же Дараганъ, что вчорашнего числа, какъ онъ былъ съ женою своею у стола государини, то ея величество между протчими и мою жену милостиво поминать изволила.

4. По утру въ началѣ 10-го часа предъ полуднемъ были мы у графа Розумовского и зъ онимъ доволно о гетманствѣ разговоровали, потомъ, у него-жъ будучи, и духовникъ о томъ-же ему говорилъ, а зъ дворца заездили на бархатный дворъ и тутъ у Жоравки и у Лясевіцкого, судіи ахтирского, были. Было погребеніе въ Чудовомъ монастирѣ въ Кремлѣ сенатору, оберъ шталмейстеру и кавалеру, князю Александру Борисовичу Куракину, которій, долговременно хоровавши, преставилъся сего октоврія 2-го числа рано. Писаны отъ мене писма: 1-е до полковника чернѣговского Божича, другое до асаула енералного Валкевича въ отвѣтъ противъ ихъ до мене писемъ, и оные въ пакетъ къ Скоропадскому, при писмѣ отъ насъ обоихъ, стороны 8 коней и бочки вина красного волоского писанномъ, включены.

5. Оные писма вручены канцеляристу войсковому Ѳедору Данилевскому съ товарищы, которые отпущены изъ сената въ Глуховъ съ переписанными книгами генералного слѣдствія о маетностяхъ и съ копіями сенатскихъ указовъ разныхъ годовъ, кои во время прошлогодского пожару въ Глуховѣ погорѣли подлинные, и

оные-жъ канцеляристи съ нами простились. Я одинъ обѣдалъ у Івана Гамаліи, а потомъ оба были у графа Мойсѣя Владиславича и у Александра Тихоновича Лукина. За полтрети аршина красного свистуна до попелятого кунтуша на лиштвы заплачено 2 р. 75 к.

6. Привезлъ Гудовичъ изъ рентереи денегъ 100 р. кормовыхъ за септеврій мѣсяць, изъ которыхъ взяли мы оба по 25 р., а осталные 50 р. отдаватимутся Кохановскому на повседневный росходъ. Салдатъ Калугинъ явилъся у насъ, прибывшій изъ Глухова до дворця зъ дрохвами. Во время обѣда костка вьязла была въ горлѣ. Послѣ полдня ездили въ дворецъ, а оттоль были на комедіи въ оперномъ домѣ.

7. Пришла вѣдомость до генералши Катерины Івановны Шиповой, что сожитель еи, генералъ-лейтнантъ и кавалеръ, Іванъ Афанасіевичъ Шиповъ прошлого сентября 29-го преставилъся на линіи, у которой генералши мы были, и что оная нечаянно заболѣла, для того кровь ей пущана. Рано были у князя Никиты Юрьевича Трубецкого и у графа К. Г. Розумовского, потомъ обѣдали въ домѣ, а вечеромъ у Івана Гамаліи сидѣли.

8. По утру были у графа Гендрикова и у графа Петра Івановича Шувалова, которому и писмо къ намъ зъ Глухова о имѣючихся прислати 8 коняхъ показовали. По обѣднѣ, слушанной въ дворцѣ, были съ протчими у ручки государини, потомъ у графа Розумовского, где при бытности нашей данъ портретъ на синіой лентѣ атаману донскому Данилу Ефремову. Обѣдали мы у Вѣры Григоріевны съ протчими. По полдни въ 5-ть часовъ былъ сездъ на свадбу въ домъ покойного Александра Львовича Наришкина, которого синъ Александръ камеръ-геръ женилъся на дочерѣ-генерала - маіора Никиты Івановича Румянцова, Аннѣ, где государиня со всѣмъ дворомъ своимъ присутствовать изволила и уже въ 3 - мъ часу по полуночи розехалися. Графъ Іванъ Григорьевичъ Чернишовъ пожалованъ камеръ-юнгеромъ и съ нимъ обручена фрейлина Евфимовская. Въ вечеру были у насъ: подполковникъ Ликевичъ и Іванъ Гамалія, потомъ пришолъ Стефанъ Лукомскій пяный и много болталъ де чого и на силу збули его, отшедшого пѣшкомъ съ нашимъ служителемъ. Да были-жъ у вдовы генералши Шиповой мимоездомъ изъ дворця. Сего-жъ числа женилъся князя Ѳедора Івановича Голицина синъ на племенницѣ Шуваловыхъ.

9. Даны Грицку 4 р. на сосуды мѣдные, для шваграѲедора Корецкого дѣланные. Рано были въ дворцѣ и просили Александра Петровича Сумарокова о докладѣ, чтобъ Івана Гамаліи зъ квартери не висилано. Я обѣдалъ у Гамаліи, а вечеромъ были у насъ Горчаковъ и Лукинъ съ Гамаліею.

10. Обѣдали мы у Вѣры Григоріевни, а потомъ были у графа Гендрикова, которій обѣдалъ у тіотки своей графини Скавронской, а оттоль пріехавъ, удержалъ меня на ужинъ. Гудовичъ-же ездилъ въ дворецъ одинъ для взятія позволенія графу Гендрикову ехать на три недели въ суждалскіе его деревни. Гамалія перешолъ на другую квартеру.

11. Писаны писма одно къ бунчуковому товарищу Григорію Богдановичу съ включеннымъ въ оное указомъ по дѣлу его съ умершымъ подполковникомъ Роде, изъ военной коллегіи до генерала губернатора кіевского Леонтіева писаннымъ и съ копіею о томъ же приговора; другое до Василія Туманского, за старшого канцеллариста въ генералной канцелляріи правящого, объ отсилки того моего къ Богдановичу съ указомъ писма. Обѣдали мы съ графомъ Іваномъ Симоновичемъ Гендриковымъ у Вѣри Григоріевны, а при томъ были мужъ еи, до Жоравко и Лясавіцкій съ женою своею Дубіновною и весь день тамъ просидѣли. Въ вечеру-же былъ тамъ графъ Кирило Григоріевичъ Розумовскій съ Григоріемъ Николаевичемъ Тепловымъ и скоро отойшолъ. Потомъ-же и мы съ графомъ прибыли въ свою квартеру, где доволный имѣли розговоръ съ Тризною о депутатствѣ, въ которое и прежде не былъ онъ опредѣленъ.

12. Писано писмо до сотника глуховского Демяна Турянского объ отводѣ на шестъ лавокъ крамныхъ и за двѣ дворовые земли мѣстъ противъ посланного отъ мене въ войсковую генералную канцелярію прошлого юня 24-го дня доношенія, изъ которого тамъже сообщена копія, и оное писмо, такъ-же и вчора писанные, вручены солдату глуховского гарнизонного полку Калугину, которому и на дорогу дано 10 к. По утру ездилъ одинъ Гудовичъ до дворця, а я въ квартирѣ былъ, вечеромъ-же оба были у Івана Гамаліи на новой его квартерѣ въ Бѣломъ городѣ. Куплено до шубы крашенины бѣлой 10 аршинъ за 40 к., до юпки полотна 5 аршинъ за 22²/₄ к., полфунта бавовны за 17²/₄ к., Івану Рудому на чоботы пришвы

20 к. Грицко издержалъ моихъ денегъ на виправу указу по дѣлу бунчукового товарища Григорія Богдановича изъ военной коллегіи 1 р. 80 к. Изъ сего числа противъ

13. Ночью родилъся синъ Алексій судіи полковому ахтирскому Константину Алексіевичу Лясавіцкому. Вчорашного числа генерала лейтнанта и кавалера Петра Михайловича Шипова жена Ѳеодосія Івановна преставилась послѣ рожденія того-жъ числа дочери. Едучимъ намъ изъ дворця обявилъ поруччикъ гвардіи ізмайловского полку Гаврило Ѳедоровичъ Вишневскій, что пожаловала его государиня полковникомъ. Послѣ полудня были у насъ полковникъ Висиль Танскій и Іванъ Гамалія. Писано отъ насъ отвѣтное писмо до преосвященного Платона Петрункевича, епископа владимерского, сторони брата его, въ Сосницѣ жителствующого. Синъ есаула генералного Якубовича Александръ, пажъ, прибылъ изъ С.-П-бурха въ Москву. Подполковникъ Іванъ Мойсіевичъ Ликевичъ представлялъ жену свою невидящую государинѣ. Снѣгъ болшій випалъ и здѣлалъся зимный путь.

14. Умершая жена генерала лейтнанта Петра Михайловича Шипова Ѳеодосія Івановна, зъ дому Сенявиныхъ, погребена въ монастырѣ Златоустовскомъ, на которомъ погребеніи и мы были. Службу Божію служилъ и погребалъ пресвященный Платонъ Маліновскій, московскій архіепископъ; присутствовали при томъ многіе изъ знатныхъ мужеска и женска полу, въ томъ числѣ генералъ лейтнантъ, бывшій генералъ провіантъ-мейстеръ Шереметевъ и Іванъ Якимовичъ Синявинъ. Въ вечеру были на бархатномъ дворѣ и поздравляли Лясавіцкого и жену его новорожденнымъ синомъ, где была-жъ Віра Григоріевна и полковникъ Коченевскій.

15. Рано были у графа Гендрикова, которій, по позволенію отъ двора данному, отъехалъ въ далные свои деревни до 1-го ноября. Мы обѣдни слушали въ дворцѣ и были у графа Розумовского, потомъ у зятя его, именинника, Евфима Ѳедоровича Дарагана обѣдали, а по обѣдѣ мимоездомъ были у генералши Шиповой вдовы. Въ вечеру-же поздно ездили до Лукина и тамъ съ княземъ Юсуповымъ, отставнымъ гвардіи капитаномъ, седѣли.

16. Въ 11-мъ часу передъ полуднемъ призивано насъ въ сенатъ и тутъ объявлено, что нѣкоторые бѣглые раскольщики подали челобитную, чтобъ имъ позволено селиться на той сторонѣ Днѣпра

у городка, такъ називаемаго Крукова (около Кременчуга), при которомъ будто имѣются земли пустые. Но мы противъ того спорили, предлагая между протчимъ, что нашимъ людямъ и отъ тѣхъ расколщиковъ, кои поселены въ стародубовскомъ и черниговскомъ полкахъ, многіе чинятся обиды. Потомъ изъ сената отъехали мы до секретаря Новоторжцова и тутъ у него имѣли о тѣхъ-же расколщикахъ и о почепцяхъ розговоръ. Послѣ полдня ездилъ я до генерала рекетмейстера Дивова зъ Гамаліею и просилъ его какъ о его, такъ и о своемъ дѣлѣ, потомъ заездилъ и до Гамаліи. Сигнетъ (печать) зъ моимъ гербомъ отдѣлалъ майстеръ молодый Бібо. Указъ именный подписанъ о отправленіе графа Гендрикова въ Малую Россію для избранія гетмана.

17. Сочиненное доношеніе въ сенатъ о неотводѣ малороссійскихъ земель подъ великороссійскихъ бѣглецовъ и ни подъ кого подано Гудовичемъ въ сенатѣ и принято къ дѣлу. Секретарь Новоторжцовъ обѣдалъ у насъ, а вечеромъ у насъ-же былъ Гамалія.

18. Рано были въ дворцѣ передъ графомъ Розумовскимъ, которій обявилъ намъ о скорой отправѣ въ Малую Россію графа Гендрикова для избранія гетмана, о чемъ сего-жъ числа посланы именные указы: одинъ въ сенатъ, другій въ коллегію іностранную, и о переносѣ изъ сената въ ту коллегію всѣхъ дѣлъ малороссійскихъ. По полднѣ были перво у князя Никиты Юрьевича Трубецкого, потомъ у секретаря Новоторжцова, и они тако-же о вышеписанныхъ указахъ намъ обявили. Лошади, вчора изъ Глухова приведенные чрезъ 4 компанѣйцовъ, вороные осмь отведены къ графу Петру Івановичу Шувалову.

19. По утру ездили до гряфа Алексія Петровича Бестужева-Рюмина, великого канцлера, и оного просили о скоромъ отправленіи міністра для избранія гетмана въ силѣ именного указу и о протчемъ розговоръ имѣли. Потомъ были у духовника и о томъ-же указѣ обявляли. Обѣдали у насъ Антонъ Милорадовичъ, полковникъ Василь Танскій, да Зеленскій и другіе, а потомъ былъ у насъ-же Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій и подполковникъ Ликевичъ, а въ вечеру пріездила графиня Гендрикова Катерина Сергіевна съ сестрою своею Анною Сергіевною. Былъ тако-же у насъ и Александровичъ. Рано послана отъ мене Александра Тихоновича Лукина сину малому Петру малая табакерка срѣбрная и платокъ

шолковый за присланную именемъ его передъ симъ ко мнѣ чайницю срѣбрную, въ которой вѣсу 47²/₄ золотника.

20. Рано были у графа и благодарили за ходатайство и о протчихъ нуждахъ говорили. Потомъ заходили въ дежурную до г Шувалова и цену за 8 коней обявили. Обѣдали у Гамаліи, а отъ него поехали до графа Кирила Григорьевича Розумовского, оттуже заездили до преосвященного псковского Сѵмона Тодорского въ петровскій монастырь.

21. По утру были у графа Кирила Григорьевича Розумовского и съ нимъ, а послѣ купно и съ Григоріемъ Николаевичемъ Тепловымъ, доволный о нуждахъ нашыхъ малороссійскихъ розговоръ имѣли. Писаны и отправлены писма чрезъ 3-хъ компанѣйцовъ въ Глуховъ до старшины генералной всей, съ сообщеніемъ копіи именного указа о избраніи гетмана и сенатского опредѣленія; другое— о присланныхъ 8 коняхъ для г. Шувалова, а отъ мене писано до Скоропадского объ отправленіи писма до жены моей, где включено писмо и отъ Гудовича до его жены. Государиня ужинала у Романа Ларіоновича Воронцова. Вечеромъ были у Лукина, потомъ у габінетского секретаря Якова Ісаевича Бахирева. За одну дюжину ножовъ неоправныхъ дано 2 р. 50 к.

22. Рано были у віце-канцлера графа Воронцова, потомъ въ дворцѣ по обѣдни у ручки іхъ высочествъ. Обѣдали у Вѣри Григоріевни, по обѣдѣ заехали до подполковника Ликевича, у которого до 8-го часа проседѣли.

23. По утру были у сина великого канцлера графа Андрея Алексіевича Бестужева-Рюмина, которого застали болного, потомъ заездили до канцлера и во дворецъ; послѣ отъехали къ преосвященному псковскому Симону Тодорскому и у него обѣдали. Вечеромъ были у насъ подполковникъ Ликевичъ, Гамалія и Горчаковъ. Привели назадъ конѣ рано отъ графа Шувалова.

24. По прибытіи нашемъ въ дворецъ рано откланялъся государинѣ асаулъ генералный Якубовичъ съ женою своею и зятемъ. Потомъ были мы у Ѳедора Івановича Коченевского, а обѣдали у графини Гендриковой съ графинею Маріею Івановною Скавронскою, архимандритомъ воскресенскимъ Амвросіемъ Камінскимъ и бывшимъ економомъ невского монастыря. Вечеромъ былъ у насъ Яковъ Тимофіевъ и Дерюжкинъ. Писано отъ насъ писмо до графа Івана

Симоновича Гендрикова съ обявленіемъ состоявшогося именного указу, присланного въ сенатъ сего октоврія 18-го, объ отправѣ его въ Малую Россію для избранія гетмана и чтобъ изволилъ пріездить въ Москву безотлагателно.

25. Оное писмо отослано къ графинѣ Катеринѣ Сергіевнѣ Гендриковой для отсилки къ графу туда, гдѣ онъ нинѣ обрѣтается. Въ 10-мъ часу передъ полуднемъ были у ассесора академіи Григорія Николаевича Теплова и ему-жъ вручены отъ насъ 2 копіи грамотъ гетману Хмелницкому на права и волности, другой—шляхтѣ малороссійской, да 2 Петра Великого на избраніе гетмана Скоропадского и на урядъ ему данныхъ; тако-жъ копія прошенія нашего о бытіи въ Батуринѣ резиденціи по прежнему, государинѣ въ С.П. Бурхѣ поданного, и меморіалу здесь, въ Москвѣ, о дѣлахъ малороссійскихъ графу Розумовскому сообщенного; такожъ списокъ пактъ гадяцкихъ. Тотъ-же Тепловъ сказывалъ намъ, что въ недавныхъ числахъ въ С.-П.-Бурхѣ сгорѣлъ совсѣмъ оперный домъ.

26. Рано были перво у оберъ-гофъ-маршала Шепелева и поздравляли его тезоименитствомъ, потомъ у канцлера графа Бестужева-Рюмина и въ дворцѣ обѣдни слушали. Послѣ обѣдни ездили на квартиру къ Якубовичу и тамъ съ женою его и съ протчими простились. Сего числа даны отъ военной коллегіи двомъ яицкихъ козаковъ старшинамъ золотые о коронаціи государыни медаллы не малые для ношенья на шеи на красной лентѣ.

27. Были въ дворцѣ у духовника, потомъ на бархатномъ дворѣ у Василя Лизогуба обѣдали, а Жоравко съ женою и Вѣра Григоріевна обѣдали у переславского архіерея Арсенія Могилеанскаго. Пожалованъ надворнымъ совѣтникомъ Михайло Новоторжцовъ.

28. Рано были у Теплова, а вечеромъ у Михайла Ів. Новоторжцова, которій вчора пожалованъ надворнымъ совѣтникомъ въ іностранную коллегію, и у него-жъ при насъ были Петръ Курбатовъ и Урилъ Ларіоновичъ Івановъ, секретари той же коллегіи, да Урилъ у насъ и обѣдалъ. Вечеромъ до поздна у насъ-же сидѣлъ Гамалія.

29. По обѣдни, слушанной въ дворцѣ, обѣдали у Вѣри Григоріевны съ многими нашими, а по обѣдѣ заездилъ къ намъ подполковникъ Ликевичъ и доволно у насъ проседѣвъ, отъехалъ въ дворецъ на куртакъ. Тамъ-же въ дворцѣ по обѣдни видѣли мы по-

мянутую старшину яицкую съ медаллами на шіи. Зговорена дочь графа Александра Івановича Шувалова за Головкина камергера.

30. Рано ездили до графа Кирила Григоріевича Розумовского, но оного не застали, токмо съ Тепловымъ видѣлись и ему сочиненіе о титулѣ вручено. Надъ вечери ездили до Івана Гамаліи, куда пріездилъ и Лукинъ. Ночью прибылъ графъ Гендриковъ въ домъ свой.

31. По утру были у графа Гендрикова, потомъ въ дворцѣ у Ѳедора Івановича Коченевского, у которого взялъ и денегъ 100 р.; а чтобъ оные отдалъ Скоропадскій, о томъ къ нему писалъ я чрезъ Ілью Навроцкого, отправляючогось въ Украину отъ Коченевского. Вѣра Григоріевна съ мужемъ своимъ у ихъ высочествъ была и кушали у стола ихъ собственного. У насъ обѣдалъ подполковникъ Ликевичъ, потомъ мы отошли къ графу Гендрикову и у него сидѣли до позна и ужинали.

Ноеврій.

1. Писаны писма: 1-е въ Глуховъ до старшины генералной о обидахъ короповцямъ (жителямъ г. Коропа) и другимъ подданымъ артилерійскимъ, отъ урядниковъ генералной артилеріи чинячихъся; 2-е отъ себе до Романа Журбы, сотника волинского, чтобъ онъ сотнянъ своихъ не обижалъ, да изъ Стефаномъ Петрункевичемъ, канцелляристомъ войсковымъ, помирился-бъ и жилъ спокойно, которій у насъ съ Ярошевичемъ и обѣдалъ.

2. Рано я былъ одинъ съ графомъ Гендриковымъ у віце-канцлера Воронцова, потомъ въ дворцѣ у Василія Івановича Чолкова, а обѣдали онъ, графъ и я у Вѣры Григоріевни съ мужемъ еи и съ женою ротмистра Чуфаровского и уже позно оттуду приехалъ въ квартсру, а Гудовичъ обѣдалъ и ужиналъ у графа Гендрикова съ графинею. Государыня изволила быть сей день у графа Кирила Григоріевича Разумовского.

3. Куплены завойковые 3 футри для Скоропадского за 82 р. 50 к., да двѣ чемровые за 22 р., а для сина моего Василя одно завойковое за 27 р. 50 к. Для него-жъ три пари башмаковъ за 1 р. 50 к., сапоги 1 р. 30 к., двѣ пари туфлей чорныхъ 50 к., шесть паръ черевиковъ дамскихъ матеріалныхъ (шелковыхъ) по 40 к.—чинитъ 2 р. 40 к.; шесть паръ туфліовъ дамскихъ-же за

89 к., сапожки для сина Івана 35 к., для его туфли 17 к., башмаки 25 к., шнурка золотого за 22¾ к., за футлярикъ на зубочистку 12 к., на розные дробязки розишлось 12 к. Сотнику полтавского полку Семену Кулику позичены 10 р. и взятъ у него облѣгъ. Писано отъ мене писмо до Скоропадского за канцеляристомъ Лисянскимъ, чтобъ его повѣтчикомъ стародубскимъ опредѣлено. Принесены денги 100 р. изъ рентереи за октябрь мѣсяцъ, изъ которыхъ взяли оба по 20 р., а осталные 60 въ росходъ держатимутся.

4. Писано писмо до Скоропадского о покупленныхъ вчора футрахъ лисѣхъ, которые и оное писмо вручено Івану Обтовскому, имѣющему отъездить въ Украину. Рано были у графа Кирила Григоріевича Розумовского, а прежде у Теплова, где и маіора гвардіи Василія Александровича Нащокина о Михайлу и Григорію Шиповыхъ просили Вѣра Григеріевна съ мужемъ и Лизогубъ съ дочерю, да и мы съ ними; обѣдали у графа Гендрикова и вечеряли мы.

5. Рано были перво у графа Гендрикова, потомъ у віце-канцлера, которій намъ говорилъ о доношеніи отъ насъ въ сенатъ поданномъ, чтобъ расколниковъ не селить на нашыхъ земляхъ, послѣ у канцлера, где насъ поздравлялъ Апраксинъ переселеніемъ въ іностранную коллегію. Въ дворцѣ слушали обѣднѣ и послѣ были у графа Розумовского, обѣдали въ квартерѣ. Вечеромъ были у Гамаліи и съ нимъ на балѣ и куртакѣ въ дворцѣ.

6. По утру въ 10-мъ часу были у графа Розумовского и съ нимъ говорили о Батуринѣ и другихъ на гетмана надлежащыхъ маетностяхъ, о конскихъ заводахъ и о протчемъ; потомъ просилъ я его и о своемъ дѣлѣ. Послѣ обѣда былъ у насъ Лукинъ, да камеръ-лакей Милорадовичъ съ братомъ своимъ и Іванъ Гамалія, а Гудовичъ у графа Гендрикова и тамъ-же вечерялъ.

7. Рано былъ у Гудовича Іванъ Ѳедоровичъ Соловіовъ, потомъ Гудовичъ ездилъ одинъ перво въ коллегію иностранную, потомъ до графа Кирила Григоріевича Розумовского и у него въ домѣ съ графинею и съ Тепловымъ обѣдалъ, а я весь день въ квартерѣ пробылъ.

8. Написанное писмо до надворного совѣтника Михайла Івановича Новоторжцова съ поздравленіемъ его тезоименитства нынѣш-

него отослано къ нему чрезъ Григорія и при томъ фляшечку срѣбрную, отъ Лукина мнѣ подаренную.

9. Званы нарочно отъ Новоторжцова, обѣдали у него съ дѣйствителнымъ статскимъ совѣтникомъ Василіемъ Івановичемъ Демидовымъ, женою его и зятемъ Ільею Михайловичемъ Радванскимъ, шляхтичемъ смоленскимъ и его-жъ женою, а дочерью Демидова, да съ президентомъ бергъ-коллегіи Антономъ Ѳедоровичемъ Томиловымъ и другими гостми и до позна у него проседѣли. Николай Тризна изъ нашей квартери переѣхалъ на другую въ дворъ бархатный.

10. Рано были у канцлера и просили его какъ стороны Батурина, такъ и объ отправѣ нашей, которій велѣлъ намъ дать себѣ копію прошенія нашего о Батуринѣ, въ С.-П.-Бурхѣ государынѣ поданного 1748 г. сентября 28-го дня. А оттоль заездили въ дворецъ и говорили Барановскому о припоминаніи графу Розумовскому о дѣлахъ осталныхъ и о нашей-же отправѣ. Потомъ были у Жоравка, а вечеромъ сидѣли у графа Гендрикова до позна. Въ вечеру позичены Івану Гамаліи 100 р. денегъ Скоропадского, взятыхъ за конѣ, которые приняла у мене жена его.

11. Были знову у канцлера и подали помянутого о Батуринѣ прошенія копію чрезъ секретаря Дмитрія Василіевича Волкова, которій отъ канцлера приказовалъ намъ о протчихъ дѣлахъ малороссійскихъ, изъ сената въ габинетъ докладами взнесенныхъ, написать доношеніе въ коллегію іностранныхъ дѣлъ. Сего-жъ числа рано прибылъ изъ Глухова по почтѣ слуга Валкевичовъ зъ писмами до насъ и зъ нѣкоторыми доношеніями въ сенатъ, съ промеморіею въ провіантскую канцеллярію и съ двома писмами до канцлера и віцеканцлера. Позичилъ я у Івана Жоравки и у жены его 300 р. денегъ и на оные далъ имъ отъ мене подъ 23-мъ числомъ облѣгъ сего мѣсяця. Обѣдали мы у подполковника Івана Мойсѣевича Лікевича и до вечера съ нимъ и съ женою его просидѣли.

12. Обѣдни слушали въ дворцѣ и съ протчими были допущены къ ручкѣ государыни. Обѣдали у Вѣри Григоріевни, гдѣ обѣдали-же и юстицъ-коллегіи (*пробѣлъ*) Количовъ, которому были отъ насъ выговоры за нѣкоторые говоренные имъ на малороссіянъ поносные рѣчи. Потомъ заездили къ графу Гендрикову, у которого были нѣкоторые кавалери придворные, въ томъ числѣ графъ Андрей Ми-

хайловичъ Евфимовскій и Николай Наумовичъ Чоглоковъ при травленіи медвѣдіовъ.

13. Весь день были въ квартерѣ, а вечеромъ былъ у насъ графъ Мойсѣй Івановичъ Владиславичъ и полковникъ Василь Танскій. Покуплены сего-жъ числа золотые и срѣбрные часы и сѣтки, а именно: на сукнѣ гасу золотого 18 аршинъ, вѣсу въ немъ 30 лотовъ и 4 золотника, цена лоту по 95 к., заплачено денегъ 29 р. 13 к.; срѣбрного гасу 18 аршинъ, вѣсу въ немъ 32 лота и $2^3/_4$ золотника, лотъ по 85 к., дано 27 р. 97 к.; гасу золотого и срѣбрного по 4 аршина, и того 8 аршинъ, вѣсу въ обоихъ 16 лотовъ, золотниковъ $2^2/_4$, цена лоту по 1 р. 15 к., дано 19 р. 35 к.; сѣтки золотой на двѣ портищи по 18 аршинъ, да гасу серебряного узкого на 1 портище 18 аршинъ, вѣсу во всѣхъ 47 лотовъ, 1 золотникъ, лотъ по 75 к., дано 36 р. 50 к.; гасу на шляпу сину Василю, вѣсомъ 5 лотовъ и $^3/_4$ золотника, лотъ по 1 р. 15 к., дано 6 р. 40 к.; за две притупеи 1 р., за кошеліокъ 80 к., за ленту 18 к., за двѣ пари чолковъ шолковыхъ, бѣлые и черные, за плюмажъ до шляпи и одну пару манжетовъ 10 р.; за 110 цвѣтковъ на паньенскіе уборы 20 р., да еще за сѣмъ цвѣтковъ дано 3 р.—Отправовались сватбы въ дворцѣ камеръ-юнкера графа Івана Григорьевича Чарнишова съ фрелиною Евфимовскою и Петра Петровича Наришкина съ княжною умершого въ Цесаріи князя Василія Никитича Репнина дочерью.

14. Рано ездили до графа Кирила Григорьевича Розумовского, а обѣдали у себе съ Іваномъ Гамаліею и его женою. Послѣ обѣда ездилъ Гудовичъ до Новоторжцова, а я седѣлъ у графа Гендрикова, ужинали у Гамаліи съ брегадирами Аксаковымъ и Горчаковымъ.

15. Весь день пролежалъ и великій имѣлъ поносъ.

16. Ездили рано до канцлера и подали доношеніе съ прошеніемъ доложить ея імператорскому величеству объ отпускѣ и отправленіи нашемъ и о дѣлахъ 4-хъ, о коихъ изъ сената поданы доклады, да о Батуринѣ, чтобъ оному быть резиденціею. Вечеромъ были у совѣтника канцеляріи Михайла Григоріевича Собакина, опредѣленного въ експедицію дѣлъ нашихъ малороссійскихъ; потомъ до поздна седѣли у графа Гендрикова. Дочь Екатерина Якову Тимофіеву родилась.

17. По утру были въ дворцѣ и застали графа Розумовского отъежаючого на саняхъ, бо вчора випалъ хотя не болшой снѣгъ. Потомъ заездили въ Кремль въ коллегію иностранную и тутъ видѣлись съ Собакинымъ, съ Новоторжцовымъ и съ секретаремъ Пуговишниковымъ; послѣ были у графа Кирила Григоріевича Розумовского и тутъ увидѣлись съ Тепловымъ. Обѣдалъ у насъ полковникъ Танскій, а надъ вечери были у графа Мойсея и у полковника Гаврила Ѳедоровича Вишневского. Обосланъ Яковъ Тимофіевъ, ради родинъ дочери его, хлѣбомъ, водкою и вышневкою.

18. Рано были у віце-канцлера и подали ему меморіалъ о 5-ти дѣлахъ, въ габінетѣ имѣючихъся.

19. Нарочно званные преосвященнымъ Платономъ Маліновскимъ, архіепископомъ московскимъ и сѣвскимъ, ради вчорашныхъ именинъ его, обѣдали у него съ графомъ Гендриковымъ; тамъ-же были Вѣра Григоріевна, Жоравка и Лесевіцкій съ женами и протчіе, тако-жъ преосвященный Сѵмонъ Тодорскій, архіепископъ псковскій. Потомъ изъ тихъ-же гостей и у насъ были Евфимъ Дараганъ и Лесевіцкій съ женами, а отъ насъ были и у графа Гендрикова.

20. Ездили рано до графа Кирила Григоріевича Розумовского и презентовали ему 3 книги: двѣ Статута литовского по руску и по полску печатные, третую—Статуты коронные, да трактатъ зъ Полщею 1686 году учиненный, которимъ уступлена полякамъ тогобочная Украина. Вечеромъ были у графа Гендрикова.

21. По утру были перве у вице-канцлера, потомъ у канцлера и поздравляли праздникомъ. Обѣдни слушали въ дворцѣ, послѣ которой были у ручки государыни гвардіи семеновского полку офицери. Обѣдали мы у Ѳедора Івановича Коченевского, а вечеромъ былъ у насъ и долго сидѣлъ подполковникъ Ликевичъ.

22. Передъ обѣдомъ отвезли и вручили Теплову выписку гадяцкой коммиссіи. Обѣдалъ у насъ Лукинъ, надъ вечери были перво у вдовы генералши Шиповой, потомъ у Жоравка, где застали и Ѳедора Івановича Коченевского и Якова Алексіевича Шубского. Тамъ-же и Лясавицкого болного посѣщали.

23. Рано были въ дворцѣ, где къ графу Розумовскому канцлеръ одинъ приходилъ. Григорію Дмитріеву 8 р., а Качановскому за издержанные на коней Скоропадского 13 р. изъ денегъ за тіе-жъ

кони взятыхъ дано. Надъ вечери были у графа Кирила Григоріевича Розумовского, где и віце-канцлерову графиню Анну Карловну застали. Ужинали у графа Гендрикова.

24. Рано поздравляли графиню Катерину Сергіевну Гендрикову и генералшу Шипову Катерину Яковлевну тезоименитствомъ. Потомъ въ дворцѣ кланялись ихъ высочествамъ великому князю и великой княгинѣ и у ручки были въ ихъ апартаментахъ, ради тезоименитства ея высочества. Послѣ обѣдни заходили къ графу Розумовскому. Обѣдали у именинници графини Гендриковой. Въ вечеру знову были въ дворцѣ, где на балѣ и государыня присутствовать изволила. Сего числа кавалеріею пожалованъ генералъ-маіоръ Орловъ.

25. Ради воспоминанія вступленія государыни на престолъ ездили съ поздравленіемъ до офіцеровъ лейбъ-компаніи, а именно: до подпоруччика графа Гендрикова, до поруччика графа Александра Івановича Шувалова и у канцлера были, потомъ въ дворцѣ капитанъ поруччика Алексія Григоріевича Розумовского поздравляли. На обѣдни государыня была въ коронѣ и превеликій былъ сездъ ко двору духовныхъ и мырскихъ, тако-жъ и дамъ, а по обѣдни поздравляли пушечною палбою и музиками и барабанами отъ полковъ государиню. Обѣдали мы у Вѣры Григоріевны, а вечеромъ знову были въ дворцѣ, где лейбъ-компанія перво въ строй становилась (которой было всѣхъ чиновъ 303), потомъ къ ручки государыни допущены, таже за столами всѣ отъ рядовыхъ и даже до застроевыхъ кушали ужину съ государынею и со всѣми своими офіцерами, при играніи вокалной и инструменталной італіанской музики и при пушечной палбѣ, да притомъ-же была въ дворцѣ преизрядная иллюмінація, такожъ и по всей Москвѣ въ окошкахъ свѣчи свѣтили до полуночи.

26. Прежестокая изъ ранку и до полудня была метель и стужа; однако-жъ мы ездили рано въ дворецъ и тамъ обѣдни слушали. Потомъ отъехали обѣдать до подпоруччика Аполлона Васильевича Лодижинского, который, купивъ дворецъ на Петровки, звалъ между протчими и насъ на новосѣлья. По обѣдѣ ездили съ графомъ Гендриковымъ и генераломъ маіоромъ Володимеромъ Василіевичемъ Ізмайловымъ до князя Алексія Яковлевича Львова, на Петровкѣ-жъ дворъ свой имѣючого.

27. По утру ездили къ совѣтнику Собакину и до дворця, где съ генераломъ Таракановымъ розговори имѣли о откупщикахъ и о протчемъ. Тамъ-же въ дворцѣ у брата былъ графъ Кирилъ Григоріевичъ Розумовскій, а Тепловъ съ нами разговоровалъ и Василій Евдокимовичъ Ададуровъ. Отъ Новоторжцова присланъ къ намъ запросъ, где нынѣ гетманскіе клейноты содержатся. Писано отъ мене писмо до подполковника и воеводы въ Орелъ о покупки въ домъ мой для услуженія двохъ или трехъ дѣвочокъ не великолѣпныхъ крестьянскихъ.

28. Рано были въ дворцѣ и поздравляли духовника государыни, который прошлого числа 26-го сего мѣсяца поставленъ протопопомъ Благовѣщенского собора, что въ Кремлѣ. По обѣдѣ ездили къ графу Кирилу Григоріевичу, но оного не застали, толко съ Тепловымъ видѣлись; потомъ были у Новоторжцова и тамъ у него застали гусарского полку віце-полковника Стоянова Михайла Іванова сина.

29. По утру были въ дворцѣ и обѣдали у Евфима Ѳедоровича Дарагана и тамъ-же посѣщали жену его болную на зубы. Въ вечеру были у графа Розумовского и его-жъ какъ о порядочной отправѣ нашей и о протчемъ просили, такъ я и о своемъ дѣлѣ напоминалъ, которій и обѣщалъся доложить государыни. Сотникъ Семенъ Куликъ при отъездѣ своемъ изъ Москвы взялъ у мене меморіалъ о покупкѣ для мене въ Полтавѣ двохъ ленчиковъ кримскихъ, трохъ паръ потебеніокъ, трохъ сафяновъ жолтыхъ и трохъ сафяновъ красныхъ.

30. Рано были съ поздравленіемъ кавалерского праздника перво у оберъ-гофъ-маршала Шепелева, потомъ у канцлера графа Бестужева-Рюмина. Послѣ въ дворцѣ на обѣдни, где кавалери ордена святого Андрея Первозванного, въ томъ числѣ и его імператорское высочество великій князь, шествовали въ своемъ церемоніалномъ платьѣ, а по обѣдни изъ церкви сама уже и государиня съ тими-жъ кавалерами въ покои шествовать публично изволила, потомъ-же за однимъ столомъ съ государинею и кушали оные кавалери при пушечной палбѣ. Въ вечеру въ дворцѣ былъ балъ и везде по дворамъ въ окошкахъ и въ фонаряхъ была обыкновенная иллюмінація. Сего-жъ числа посланный отъ графа Гендрикова въ Глуховъ поруччикъ Іванъ Івановичъ Мусинъ-Пушкинъ съ войтомъ села

Серединой-Буды отъехалъ, чрезъ которого и отъ мене писано писмо до Скоропадского о починки двора моего и о припасѣ дровъ и сѣна зъ Рубановки. Ординансы ея імператорского величества лейбъ-компаніи Романъ Струтинскій съ товарищи, 3 человѣками, пожалованы въ той-же лейбъ-компаніи віце-капралами.

Декабрь.

1. Рано ездили оба въ городъ, и Гудовичъ былъ въ сенатѣ, статсъ-канторѣ и въ іностранной коллегіи, а я на Камяномъ мосту купилъ кровать, ширмы и стуликъ, за которые дано 4 р.; да куплено 4 футра, двѣ чемровые и двѣ лапчатые за 42 р., такожъ хустку італіанскую за 1 р. 75 к., дорожную коляску за 70 р.

2. Писано писмо до жены чрезъ козака сотнѣ почепской Івана Ярошенка Сердюкова и чрезъ него-жъ посланъ къ еи осятеръ одинъ, десять стерлядей и бочонокъ въ 10 фунтовъ кавяру, за что все дано 4 р. 92 к.; да такая-жъ посилка чрезъ того-жъ козака отпущена и до Ѳедора Ширая, за которую дано 2 р. 88 к., и алембикъ мѣдный съ шапкою и трубкою посланъ-же. У канцелляриста Якова Тимофіева новорожденной дочерѣ Екатеринѣ былъ я воспреемникомъ съ женою секретаря штатсъ-канторы Якова Василіевича Пушкина, Сарою Макаріевною, и у него-жъ обѣдали, въ томъ числѣ и Лукомскій. По обѣдѣ туда-жъ прибылъ и Новоторжцовъ и доволно просидѣли. Кума дарила мене платкомъ и кошелкомъ. Я далъ родѣлѣ 3 р., бабѣ 50 к., попу, дякону и протчимъ церковникамъ 44 к.

3. Отпущенъ въ домъ мой пріездившій оттуду съ писмами расколничой слободы Воронка житель, Ѳедоръ Стрелцовъ и чрезъ него въ домъ-же посланы 2 футра чемровые, 2 футра лапчатые лисѣе, барило забитое, а въ немъ черевики, туфли и протчія нужные убори и 2 пари лихтаровъ мѣдныхъ съ щипцями, кровать и стуликъ, да ширми; тако-жъ фунтъ чаю, за которій дано 1 р. 50 к.; пару собакъ британскихъ, подаренныхъ мнѣ отъ графа Гендрикова, кобель зовется Щолчокъ, а сука—Лиска; для укриванья оныхъ собакъ даны двѣ попоны, а въ третую увинуты футры. За извозъ того всего дано Стрелцову 3 р. 50 к., да на кормъ собакамъ 50 к. Вечеромъ были у Івана Гамаліи. Писару графскому—50 к.

4. Рано ездили до графа Кирила Григоріевича Розумовского и были у Теплова, которій намъ подарилъ по книжцѣ, изданной въ С.П.Бурхѣ, о торжествѣ тамо бывшемъ въ академіи прошлого ноября 26-го изъ окказіи презденства возшествія государини на престолъ россійскій. Обѣдали у Івана Гамаліи ради тезоименитства его и у него-жъ обѣдали брегадиръ Петръ Дмитріевъ Аксаковъ и Іванъ Александровичъ Горчаковъ. Въ вечеру ездили въ дворецъ, но въ туне. Куплены на два портища золотыхъ, а на одно серебрныхъ петлиць, въ которыхъ всѣхъ вѣсу 16 золотниковъ и $^1/_4$, дано за оные 6 р. 50 к. Служитель генералного асаула Валкевича Өедоръ Горѣлій отъехалъ, которому отъ мене и пашпортъ данъ на проездъ до Глухова и чрезъ него-жъ послано писмо до воеводи въ Орелъ, Сидора Перфиліевича Денисьева, о покупки двохъ или 3-хъ дѣвчатъ малолѣтныхъ крестянскихъ. Принесены изъ рентереи кормовыхъ сто рублей денегъ за ноябрь мѣсяцъ, изъ которыхъ взяли мы оба съ Гудовичемъ по 30 р., а осталные имѣютъ употреблятися на харчъ.

5. По утру ездили до віце-канцлера, а за нимъ и до канцлера, которіи оба зъ канцлеровой квартери въ каретѣ віце-канцлеровой отъехали до дворця зъ докладами о нашыхъ общыхъ дѣлахъ стороны отправы графа Гендрикова и нашей, и зъ тѣмъ у графа Розумовского не мало позабавились они, а тамъ-же былъ Стефанъ Апраксинъ и докладъ поданъ. Отобралъ я отъ Барановского свои атестаты, которые поручалъ ему передъ симъ для представленія графу Розумовскому, прошеніе-же мое о дачи мнѣ жалованной грамоты взялъ графъ для докладу государини. Обѣдали мы у Вѣри Григоріевны, а съ нами и нѣкоторая княгиня Друцкая-Соколінская, съ мужемъ своимъ розведенная. Въ вечеру были у графа Гендрикова, которого я и кушать къ себѣ на завтре просилъ.

6. Послѣ обѣдни, слушанной въ дворцѣ, обѣдали у мене графъ Гендриковъ съ графинею, Горчаковъ, Лукинъ, Гамалія, Лукомскій, Зеленскій, а другіе разные послѣ обѣда поприходили, въ томъ числѣ Новоторжцовъ, да Максимъ Совѣтовичъ Чоглоковъ, которіи съ Горчаковымъ и до позна просидѣли. Въ вечеру-же присилалъ нарочного гофъ-маршалъ Семенъ Кириловичъ Наришкинъ звать насъ къ себѣ завтра откушать. Лукинъ по утру при поздравленіи хусткою мене подарилъ.

7. По утру были въ дворцѣ, где у графа Розумовского былижъ графъ Бестужевъ канцлеръ и докладъ подали, потомъ Стефанъ Апраксинъ. Мы потомъ отъехали до гофъ-маршала Наришкина и у него обѣдали Вѣра Григоріевна съ мужемъ, Лясавіцкій съ женою, Василь Лизогубъ и графъ Гендриковъ. Послѣ обѣда государыня изволила отъехать до Тройци Сергіева монастыря. Писмо до маіора Вайникова въ С.П.Бурхъ отослано къ Силиванову.

8. Обѣдали у мене совѣтникъ надворный Новоторжцовъ, секретаръ іностранной коллегіи Урилъ Ларіоновичъ Івановъ, секретарь штатсъ канторы Шишкинъ съ женою своею, а моею кумою, Сарою Макаріевною, которой подарены отъ мене платокъ дволичный и лента рожевая. Вечеромъ были у Барановского, но его не застали, а рано подали доношенія канцлеру о дачи синамъ нашимъ пашпортовъ.

9. Рано ездили до графа Кирила Григоріевича Розумовского и перво были у Теплова, потомъ и у самого графа. Обѣдали въ квартерѣ, а вечеромъ были перво у Барановского, потомъ у графа Гендрикова, где застали генералъ-лейтнанта и кавалера Алексія Яковлевича Шубина, которій у него и ужиналъ, а графиня была на бархатномъ дворѣ у именинницы Анны Івановны Дубиновни Лясавицкой, а ужинали у Вѣры Григоріевны.

10. По утру были у канцлера съ протчими на поклонѣ. Обѣдни слушали въ дворцѣ при присутствіи імператорскихъ высочествъ. Обѣдали съ архіереями московскимъ, да вологодскимъ и архимандритами воскресенскимъ и сѣвскимъ и Добриною, старшымъ віленскимъ, и протчими у Вѣры Григоріевны, а вечеромъ были у Івана Гамаліи. Государыня изволила прибыть изъ Тайницкого по полночи во 2-мъ часу и при пріездѣ подалъ-де Соколовскій якуюсь челобитную и за то-де взятъ подъ караулъ. Саржантъ глуховскій отъехалъ ночью по почтѣ.

11. Рано были въ дворцѣ и графа Розумовского видѣли, а обѣдали у графа Гендрикова. По обѣдѣ знову были въ дворцѣ у духовника съ графомъ Гендриковымъ. Потомъ сами-жъ были у совѣтника Собакина и у него болѣе часа сидѣли. Въ С.-П.-Бурхѣ графу Петру Румянцову родилъся синъ Александръ.

12. Въ 9-мъ часу по полночи отъехали въ дворецъ и тамъ пробыли до 2-го по полдни, а между тѣмъ тамъ-же были канцлеръ

и Апраясинъ зъ докладами. Потомъ обѣдали у совѣтника канцелляріи Михайла Григоріевича Собакина, а съ нами Новоторжцовъ и секретарь малороссійскихъ дѣлъ Алексій Іосифовичъ Пуговишниковъ, да сестра Собакина и жена его. Сказовалъ мнѣ Петръ Мировичъ, что былъ Соколовскій рано у вице-канцлера и тамъ мене поносилъ.

13. Рано поехали въ дворецъ и тамъ по виходѣ канцлера отъ графа Розумовского былъ у графа-жъ Розумовского перво графъ Гендриковъ, потомъ и мы, а по обѣднѣ въ долгой залѣ, где и государыня изволила смотрѣть представлянной Апраксиномъ роты венгерской. По обѣдѣ ездили до графа Кирила Григоріевича Розумовского и тамъ съ нимъ и съ Тепловымъ о нашихъ дѣлахъ розговоръ имѣли. Потомъ отъехали знову въ дворецъ, где превеликій былъ сездъ обоего пола знатныхъ персонъ, которіи какъ собрались, то въскорѣ государыня и ихъ імператорскіе высочества пришли въ болшую салу и тутъ, начавши отъ дамъ, всѣ, такожде мужскъ полъ, допущены были на прощаніи къ ручкамъ государыни и ихъ высочествъ. Потомъ, какъ государыня изволила пойти въ свои покои, то насъ позвано къ ихъ высочествамъ, у которихъ мы получили милостивую отпускную авдиенцію и двократно къ ручки были допущены.

14. По утру были у канцлера и съ нимъ въ дворцѣ и тамъ же обѣдали у Вѣры Григоріевны, купно съ полковникомъ полтавскимъ Андреемъ Горленкомъ и атаманомъ тамошнымъ Олховскимъ, вчора къ Москвѣ прибывшими, а въ 5-мъ часу по полудни знову были у канцлера, который перво у себе имѣлъ съ нами разговоръ и взялъ написанную рѣчь нашу, потомъ прибывъ съ нами-жъ въ дворецъ, представилъ насъ передъ государынею на отпускную авдіенцію, на которой говорена отъ мене рѣчь благодарственная за всякіе явленные Малой Россіи милости монаршіе. А на оную рѣчь отвѣтовалъ великій канцлеръ, потомъ насъ государыня жаловала къ ручки и милостиво къ намъ говорить сама изволила; послѣ, побывавъ въ аванъ-салѣ, отъехала въ соборные церкви въ Кремль.

15. По утру были у Петра Івановича графа Шувалова и съ нимъ, тако-жъ съ братомъ его, графомъ Александромъ Івановичемъ, прощались, при чемъ Петръ Івановичъ просилъ насъ приискать у себе и прислать къ Москвѣ въ домъ его, до управителя Антонія

Михайлова Маркевича, майстера, умѣючого робить смолцугу; а прибывъ въ дворецъ, съ многими кавалерами прощались, потомъ въ 12-мъ часу при исходѣ и съ графомъ Алексіемъ Григоріевичемъ Розумовскимъ простились и того-жъ времени государиня со всею своею ассистенціею изволила въ путь до С. П. Бурха подняться при палбѣ изъ многихъ пушекъ. Послѣ обѣда былъ у насъ полковникъ полтавскій Горленко съ своимъ атаманомъ, потомъ ездили до гр. Кирила Григорьевича Розумовского поздравлять его новорожденною вчора дочерью Елисаветою, а оттуду заездили къ Новоторжцову въ дворъ и въ коллегію іиностранную, тако-жъ до Гамаліи и до графа Гендрикова, объявляя ему, что грамота на избраніе гетмана подписана государини собственною рукою, да и объ насъ и во всѣ полки особенные грамоты заготовлены.

16. Званы обѣдать до графа Михайла Ларіоновича Воронцова віце-канцлера и у него обѣдали съ графомъ Гендриковымъ, тамъ-же обѣдали Дараганъ и Жоравко съ женами, графъ Санти оберъ-церемоній-мейстеръ, жена камеръ юнгера Пимина Василіевича Лялина Дарія Матвіевна, Катерина Карловна Корфова и другіе. А передъ обѣдомъ были мы у канцлера и между протчимъ просили о сообщеніи въ академію наукъ для напечатанія нашей отпускной авдіенціи. Принятъ служитель Марко, родомъ изъ Лохвици.

17. По утру прислано до насъ отъ канцлера, чтобъ мы у него явились и потому, какъ къ нему прибыли въ 12-мъ часу, то онъ, призвавъ насъ въ свой габінетъ, вручилъ намъ объ отпускѣ нашемъ грамоту и еще 10-ть грамотъ-же въ полки, съ объявленіемъ, что для избранія гетмана отправленъ міністръ. Потомъ вручилъ намъ именемъ ея імнераторского величества подарки, а именно: каждому по алмазному перстню и по соболіому мѣху, а протчее, въ томъ числѣ и денги изъ коллегіи іностранной, видано быть имѣетъ. Стефанъ Лукомскій къ отъезду своему въ домъ простился съ нами. По обѣдѣ были у насъ Новоторжцовъ, секретарь Писаревъ и переводчикъ Данилевскій. Потомъ мы были у графа Гендрикова и данную ему іинструкцію и грамоту на обраніе гетмана читали. Послѣ ездили до графа Кирила Гр. Розумовского и съ нимъ видѣлись, да были у Гамаліи и у Лукина. Дочь Анна Теплову родилась. Канцлеръ по полночи отъехалъ до С.-П.Бурха.

18. Рано ездили до віце-канцлера и поздравляли его нынѣшнымъ празденствомъ рожденія ея імператорского величества, потомъ были и у графа Кирила Григоріевича Розумовского зъ тѣмъже, которій насъ и удержалъ у себе обѣдать съ другими многими своего полку ізмайловского и протчими офѣцерами. Послѣ обѣда игралъ онъ въ білеръ съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицинымъ, капитаномъ своего полку, а между тѣмъ пришолъ къ нему генералъ аншефъ Василій Яковлевичъ Левашовъ, а мы отъехали. Въ вечеру были у насъ мимоездомъ до С.-П.Бурха дворцовые камеръ-лакей Петръ Стефановичъ Милорадовичъ и лакей Янковскій, а потомъ къ намъ-же пріѣхалъ канцеляріи совѣтникъ Михайло Григоріевичъ Собакинъ и доволно посидѣлъ.

19. Рано были у графини Маріи Андріевны Румянцовой и тамъ-же видѣлись съ сыномъ умершого генерала-лейтнанта Бібикова Петромъ Івановичемъ. Потомъ заехали до архіепископа московского Платона Маліновского и, у него обѣдавъ, простились. Оттуду мимоездомъ у ігумена угрішского Іоана, а отъ него поехавъ въ слободу нѣмецкую, были у камергера Николая Андріевича Корфа и съ нимъ простились.

20. По утру были у віце-канцлера графа Воронцова, отъеждаючого въ С.-П.Бурхъ и простились съ самымъ и съ самою. Потомъ были у Стефана Ѳедоровича Апраксина, у Василія Яковлевича Левашова, у князя Івана Андріевича Щербатова и у князя Н. Юр. Трубецкого. Послѣ заехали въ коллегію іностранную и тамъ въ пріемѣ 2-хъ тисячъ рублей, данного намъ жалованья, росписались, якіе денги привозилъ росходчикъ на нашу квартеру, которому дали 5 р., да салдату 1 р. Обѣдали у графа Гендрикова съ Вѣрою Григоріевною, съ генераломъ Измайловымъ и протчими. Въ вечеру были у насъ полковникъ Танскій, да Александровичъ.

21. Рано были у князя Алексія Дмитріевича Голицина и у князя Івана Василіевича Одоевского, потомъ Гудовичъ одинъ въ штатсъ канторѣ, а у насъ по утру были Петръ Мировичъ и Михайло Ѳедоровичъ. Обѣдали у насъ два секретари штатсъ канторы и полковникъ Танскій. Вечеромъ ездили до совѣтника Михайла Григоріевича Сорокина, потомъ до подполковника Ликевича и съ женою его долго сидѣли, послѣ были у генералши Шиповой и съ нею простились.

1752-й ГОДЪ.

Октябрь.

5. По ранномъ обѣдѣ, віехавъ зъ Городища, прибылъ передъ вечеромъ въ Лѣсконоги. Тамъ уговаривалъ шинкаря Ѳедора Лукянова на господарство въ Лотоки, которому поступлено въ годъ 6 р. жита 3 осмачки.

6. Былъ у мене досмотрщикъ неводу гетманского Алексій Данилевскій, а по службѣ отъехавъ зъ Лѣсконогъ, прибылъ въ Новгородокъ и тамъ обѣдалъ; потомъ отъехавъ, прибылъ позно въ Команъ.

7. Посилалъ осматривать шкоды въ сѣнахъ подѣланной, потомъ отъехавъ, заездилъ въ Юхновъ, а оттоль прибывъ въ Богдановку, тамъ обѣдалъ и уже надъ сумерки оттоль віехалъ. Мимоездомъ былъ въ гамаліевскомъ монастырѣ у архимандрита Карновича, а ночовалъ въ Маковѣ у Алексія Силевича.

8. Обѣдалъ въ Слоутѣ, а около вечерень прибылъ въ Глуховъ.

9. Рано перво въ генералной канцелляріи, а оттоль въ дворцѣ былъ и ясневелможному поклонъ отдавъ, тамъ и обѣдалъ. Рано особливо у г. Теплова былъ.

10. Обѣдалъ у писаря генералного г. Безбородко.

11. Визитовали мене рано Петръ Горленко, Туманскій и хоружый артилеріи Кологривый. На службѣ были въ гетманскомъ монастырѣ и потомъ въ дворцѣ обѣдали, а по обѣдѣ вся музика іянструменталная играла. Въ вечеру былъ у мене Іванъ Гамалія.

12. Обѣдалъ въ домѣ, а въ вечерѣ визитовали мене писарь тенералный и полковникъ гадяцкій Галецкій.

13. Обослалъ г. Безбородко табаку турецкого и два кавуны. По утру былъ у мене Іскрицкій. Сего числа прибылъ г. Скоропадскій въ Глуховъ, а вчора г. Кочубей обозный генералный, съ которимъ я у гетмана и обѣдалъ. Зъ Іваномъ Толстимъ видѣлись у Скоропадского. Писалъ я до Крижановского о мѣху соболіомъ.

14. Присланъ до мене ордеръ о присутствіи моемъ въ судѣ генералномъ и по оному сего числа первой разъ былъ у мене сотникъ кролевецкій Огіевскій и поступилъ мнѣ отпустить 3 тисячи цегли паленой по 1 р. 50 к., да 2 ганчарей и муровщика. Петро Гладуненко и Лаврінъ Цяпа отъехали въ Новгородокъ, а Петро къ

Городищу и чрезъ него писано къ женѣ, да къ Городискому и Свѣтловерскому и послана женѣ голова цукру.

15. Писалъ до обозного судіи и писаря полкового стародубовского за Гуриновскимъ и чрезъ него-жъ до жени при писмѣ посланы 2 кавуны и 2 головы цукру. По обѣдѣ ездилъ въ домъ гетманскій, а безъ мене былъ въ моемъ домѣ г. Якубовичъ. Еще чрезъ Гуриновского писалъ до Данила Городиского зъ посилкою виписѣ и реестра о Настусиномъ приданомъ и вѣдомости о перебраныхъ за порціи и раціи денгахъ и 20 аркушовъ бумаги.

16. Писалъ до зятя Савича и до дочерѣ Настусѣ и въ Товкачовку до старости. У Івана Гамаліи обѣдалъ. Ночью ушолъ былъ Іванъ Гадаренко и пойманъ.

17. Зъ говптъ-вахти онъ-же присланъ ко мнѣ и наказанъ. Я былъ у Якубовича и у него-жъ обѣдалъ. Надъ вечери докторъ Бокъ былъ у мене.

18. По утру я былъ у обозного генералного и смотрѣлъ въ его будинку новомъ печей. Ясне-вельможный слушалъ обѣдни въ монастырѣ, потомъ, при столѣ гетманскомъ откушавъ, слушали музики; а оттоль заездилъ я къ доктору Боку. Въ вечеру бывшему у мене Ѳедору Тищенку Ласкевичу, которій зъ братомъ своимъ старшимъ Артемономъ, опредѣленъ въ войсковые товарищи, вручилъ я свой дзигарокъ для направы въ Стародубѣ.

19. Обѣдалъ самъ одинъ въ домѣ, а вечеромъ былъ у Скоропадского. Писма получилъ и изъ Прилуки отъ Носенка и изъ Товкачовки отъ старости тамошнего.

20. По утру былъ у мене архимандритъ нынѣшній савинскій, бывшій новгородскій, Карновичъ. Обѣдали со мною Іванъ Рославецъ и Владиміръ Івановичъ Губчицъ.

21. Обѣдалъ у Скоропадского, а у мене Рославецъ и Губчицъ. Подводы пришли зъ Новгородка зъ тиномъ и зъ протчимъ, и оныежъ отправлены въ Кролевецъ за цеглою.

22. Синъ гетману родилъся Андрей во 2-мъ часу по полдни. Я былъ послѣ полдня у архимандрита Карновича, а ночью зъ Скоропадскимъ у гетмана съ поздравленіемъ о рожденномъ сину и тамъ вечеряли. Дригантъ вороный припроваженъ въ Глуховъ.

23. Писаны писма въ С.-П.-Бурхъ до Карновича, до Войникова, до Андрея Милорадовича о библіи, до Губчица, до Вінклера

и до сина въ Киль, въ Москву до полковника Ликевича и до Александра Тихоновича Лукина.

24. Оные писма отданы Івану Скоропадскому, посилаючомуся по почтѣ въ С.-П.-Бурхъ, который надъ вечери и отъехалъ. По утру съехався у обозного генералного, съ нимъ всѣ поехали въ дворецъ и, графиню поздравивши, тамъ-же и обѣдали.

25. Литургіи съ гетманомъ слушали въ церкви св. Анастасіи, потомъ обѣдали у гетмана, по обѣдѣ музика играла, оттоль заездилъ до Гамаліи зъ Іскрицкимъ. Привезена цегла зъ Кролевця, а зъ Стародуба двѣ печи.

26. Привезена печь зеленая изъ Новгородка, начали пѣчь и коменокъ въ столовой ставить.

27. Архимандритъ Карновичъ простилъся, отъежджая въ путь свой.

28. Прибывшей въ Глуховъ матушцѣ гетманской отдали мы всѣ візиту въ дворцѣ. Отправленъ канцеляристъ Контицъ въ С.-П.-Бурхъ. Обѣдалъ я зъ Іскрицкимъ у Івана Гамаліи.

29. Писалъ въ С.-П.-Бурхъ до Карновича о отъездѣ отселя брата его архимандрита и о покупки на 2 покои бумажныхъ обоевъ, на одинъ 10, на другій осмъ штукъ. Позичилъ у Івана Гамаліи 20 р. денегъ. Писалъ до Георгія Носенка и до старости товкачовского противъ ихъ писемъ.

30. Посланъ въ Городище Василь Мовчанъ зъ писмомъ до Светловерского и до войта городиского. Присилка зъ Городища привезена. Посланъ приказъ до войта лѣсконозкого о взиманіи половыны рибы зъ 7 озеръ лѣсконозкихъ чрезъ смотрителя стану роговского Алексія Даниловского, жителя каменского.

31. Писалъ до Светловерского противъ его писма и при томъ послано до Городища штаба желѣза, 4 барилци, хрѣнъ, паперу 10 аркушовъ, шкура воловая. Обѣдалъ у гетмана и заездилъ къ Якубовичу.

Ноябрь.

1. Послѣ обѣдни, въ церкви св. Анастасіи слушанной, какъ прибыли въ домъ гетманскій, то было крещеніе сину его новорожденному Андрею. Воспріемниками были синъ его-жъ старшій Алек-

сій и матушка Наталія Демяновна. Потомъ обѣдали въ его генералная старшина и генералъ маіоръ князь Кантимиръ съ женою своею Пассековою дочерью. Послѣ обѣда музика играла по италіанску. Дано Гамаліи газетъ 10 №.

2. Обѣдалъ у мене Занковецкій. Писаны писма до сотника новгородского о смоляникахъ и о сѣнѣ потровленомъ, до архимандрита Карновича въ завезенныхъ газетахъ 10 нумеровъ.

3. Послѣ обѣда былъ въ домѣ гетманскомъ, а оттоль заездилъ къ Якубовичу вечеромъ.

4. Поставлена вишніовка на ратафіи, корѣннямъ насипанная. Кровь пущалъ мнѣ Бокъ.

5. Отправленъ Лаврѣнъ Цяпа зъ даннымъ ему меморіаломъ и чрезъ него-жъ послано писмо до сотника новгородского зъ урядомъ о смоляникахъ и о награжденіи за подтровленое сѣно. Подводчикъ, зъ Городища бывшый, отпущенъ зъ писмомъ до Свѣтловерского. Привезена дробина и пшоно, и крупы зъ Товкачевки.

6. Отпущены подводчики товкачевскіе зъ писмомъ до тамошнего старости о присилки еще де-которой провізіи и денегъ. Сего числа Петръ и Яковъ Скоропадскіе, лейбъ-кирасирского полку корнеты, прибыли въ Глуховъ.

7. Гетманъ ездилъ на охоту стрелять тетеръ. Я былъ по утру въ генералной канцелляріи, и бунчучный и Божичъ были. Обѣдалъ у мене Гудовичъ, а я въ вечеру былъ у г. Скороподского и зъ синами его видѣлся.

8. Службы Божой слушали въ церквѣ св. Анастасіи, потомъ обѣдали всѣ мы у гетмана, въ томъ числѣ и дѣти г. Скоропадского и віце-капралъ лейбъ-компаніи Романъ Лукяновичъ Струтинскій. Послѣ обѣда играла музика, а зъ дворца заездилъ я до Валкевича. Іванъ Рославецъ, простясь, отъехалъ по утру зъ Глухова въ домъ свой.

9. Прибылъ Григорій Засулскій изъ Городища и привезъ отъ жены при писмѣ 20 р.

10. Пріехалъ куріевъ Шутенко и привезъ грамоту о поездѣ гетману къ Москвѣ, а ко мнѣ привезены писма чрезъ его-жъ отъ Вайникова, а чрезъ служителя Карновичового отъ Стефана Карновича. Я писалъ женѣ о томъ послѣ. Матушка гетманская отъехала зъ Глухова въ домъ свой.

11. Чрезъ Івана Гамалію, отъехавшого въ домъ, послано писмо къ женѣ съ писмомъ Карновичевымъ. Вечеромъ былъ у мене тафель-декеръ[1]) зъ новою свою женою, дочерью Пуховича.

12. Дому нашого глуховского посвященіе было. Обѣдали у мене Іскрицкій и Горленко, да войтъ новгородскій съ бурмистрами двома.

13. Въ вечеру заездилъ ко мнѣ есаулъ генералный Якубовичъ.

14. Призивано старшину генералную въ канцеллярію генералную для разсмотренія дѣла віце-капрала лейбъ-компаніи-жъ Романа Струтинского по утру. Обѣдалъ я зъ Гудовичемъ у Якубовича. Вечеромъ былъ у мене корнетъ лейбъ-кирасирского полку Петръ Михайловичъ Скоропадскій.

15. По утру былъ я у архимандрита кіево-печерского Луки, потомъ отъехавъ въ дворецъ, у г. Теплова съ Скоропадскимъ былъже. Послѣ обѣдни, въ церквѣ св. Анастасіи при гетманѣ слушанной, знову въ дворецъ ездили и тамъ-же у стола гетманского зъ печерскимъ архимандритомъ и съ протчими кушали. Послѣ полдня тотъ-же архимандритъ въ моемъ домѣ былъ и за прибытіемъ ко мнѣ есаула генералного Якубовича и полковника чернѣговского Божича долго въ ночь проседѣли, потомъ и къ архимандриту ездили. Оттоль возвратясь въ 11-мъ часу, легъ спать, но по полуночи жестоко занемогъ и жестоко-жъ поносъ и вомѣти приключились, отчего зѣло слабъ сталъ и для того

16. Весь день пролежалъ въ домѣ боленъ.

17. Потому-жъ и сей день изъ дому не віездилъ. Писалъ до жены, до зятя Рославця, до Городиского, до Андрѣя, до сотника погарского чрезъ Андрея Засулского. Вечеромъ билъ у мене сотникъ бахмацкій Кирило Забѣла.

18. Ночью противъ сего числа утѣкъ Іванъ Гаптаренковъ возніця. Писано до старости товкачовского чрезъ служителя Петра Горленка, да въ Ямполь до Жуковского съ посилкою рюмки флазоечки и стекла битого.

19. По утру Григорій съ вышепоказанными писмами отъехалъ, а Самусенко пріехалъ и чрезъ Григорія-жъ послана къ

---

*) Конечно, гетманскій.

женѣ голова цукру. Обѣдалъ я у писаря генералного и потомъ былъ у гетмана.

20. Послѣ полдня былъ я у бунчучного, а потомъ у Якубовича. До жены писалъ чрезъ Самусенка объ немъ и съ посилкою писма отъ сина Василя, да до Городиского о присилки нѣкоторыхъ книгъ и писемъ.

21. Послѣ обѣдни зъ гетманомъ кушали два молодые князя Долгорукіе и мы. Оттоль заехавъ до Скоропадского, застали тамъ полковника миргородского Ѳедора Остроградского. Вечеромъ былъ у мене войтъ новгородскій съ обявленіемъ унѣверсалу гетманского, данного на учрежденіе тамъ въ Новгородку майстрату и права майдебурского. Вчора писаны писма въ С.-П.-Бурхъ до Вайникова, до Карновича и до сина, въ отвѣтъ на его писмо зъ Гамбурга писанное, но не отправлены по почтѣ.

22. У гетмана я зъ подскарбіемъ, полковникомъ миргородскимъ и Гудовичемъ и зъ протчими обѣдали. Оттоль заездилъ къ Якубовичу.

23. Отъехалъ Самусенко и чрезъ него писма до жены и до Городиского отпущены писма и хлѣбъ. Вечеромъ были у мене полковникъ миргородскій и обозный тамошный, да ассессоръ Яковъ Денисовъ. Чернецъ переяславскій Ілія обѣдалъ у мене.

24. Слушали обѣднѣ съ гетманомъ и генераломъ-маіоромъ и генералъ-провіантмейстеромъ княземъ Семеномъ Ѳедоровичемъ Волконскимъ въ церкви св. Анастасіи, где проповѣдь преизрядную говорилъ капелянъ гетманскій. По обѣдѣ былъ до позна балъ, а при обѣдѣ пушечная палба и послѣ молебня производилась.

25. По тому-жъ, какъ и вчера, послѣ обѣдни и послѣ казанья было молебствіе при пушечной палбѣ, потомъ банкетъ у гетмана пребогатій зъ пушечною-жъ палбою, послѣ балъ и ужинъ.

26. Писалъ писма до жены, до Городиского и до Андрѣя, да до Лавріна Цяпы и самъ зъ двора весь день никуди не віездилъ.

27. Обѣдалъ у мене ямполскій управитель Ѳедоръ Прокофіевъ Жуковскій. Надъ вечери былъ я у полковника миргородского и простилъся съ нимъ, потомъ у Якубовича. Прибылъ зъ С.-П.-Бурха Іванъ Скоропадскій.

28. Прибылъ зъ писмами отъ зятя Ярема Дубянскій, чрезъ которого, отъехавшого

29 числа въ Городище, писалъ до жены, до Городиского и къ Самусенку съ копіею ордера, посланного до екзактора, о нетребованіи отъ маштъ другой индукты и евекты. Обѣдали у гетмана, где первой разъ видѣлъся зъ брегадиремъ Ѳедоромъ Івановичемъ Коченевскимъ, которой сказовалъ, что синъ ему Николай родилъся. Отписалъ къ зятю Петру Савичу, чтобъ пріездилъ до Глухова за два или три дни передъ Николаемъ.

30. Послѣ службы въ церквѣ св. Анастасіи молебствіе было при пушечной палбѣ, потомъ банкетъ при пушечной-же палбѣ и въ вечеру балъ.

Декабрь.

1. Прибылъ до Глухова преосвященный Іраклій Коморовскій, новопосвященный епископъ чернѣговскій, у которого и я послѣ полдня зъ Искрицкимъ былъ, а потомъ и до Искрицкого въ квартеру заездилъ.

2. Оный преосвященный у гетмана обѣдалъ, а у мене по утру былъ брегадиръ Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій, а я обѣдалъ у Якубовича. По утру-жъ пріехали Андрей Свѣтловерскій и Лаврінъ Цяпа. Писано отъ мене до жены сторони Михайла Василіева, внука бывшого священника случевского Івана Гудова.

3. Еще писано отъ мене до жены зъ посилкою люстрины 15 локотъ, да о висилки подводъ въ Товкачовку по хлѣбъ, а до Городиского о нѣкоторыхъ писмахъ и книжкахъ—въ библіотецѣ приискать оные, и тѣ писма посланы чрезъ лѣсконозкого человѣка. Въ вечеру былъ у мене преосвященный архіерей чернѣговскій Іраклій Коморовскій, да Василь Гудовичъ, а по утру брегадиръ Коченевскій отъехалъ зъ Глухова. Позавчора писалъ 2 писми до старости товкачовского о приуготовленіи хлѣба на подводы, зъ Стародуба прибыть имѣючіе. Да отпущены писма въ С.-П.-Бурхъ по почтѣ, прошлого ноября 20-го писанные.

4. Писалъ до жены о присилки шпалеръ синѣхъ и протчего и зъ тимъ писмомъ отправленъ

5. Данило компанѣецъ на Ямполь. Сего числа передъ свѣтомъ кухаръ Захарій умеръ и при церквѣ Василіевской погребенъ. Обѣдалъ у Якубовича зъ Оболонскимъ бунчучнымъ, а въ вечеру пріехалъ зять Савичъ зъ Настусею.

6. Сего числа многіе у мене обѣдали изъ бунчуковыхъ и другихъ, а вечеромъ были архіерей чернѣговскій зъ Якубовичемъ, обозцый генералный Кочубей зъ Тарнавскимъ.

7. Обѣдали я и зять Савичъ зъ Настусею у Якубовича, а вечеромъ всѣ были у архіерея чернѣговского, которій и говорилъ о сѣнѣ, забранномъ въ Команъ.

8. Подводы товкачевскіе отпущены зъ писмами до старости тамошнего и до Качановского.

9. Въ канцеллярію генералную собирались о дѣлѣ, отдавать-ли грекамъ коси?

10. Обѣдалъ я у гетмана и подалъ прошеніе о переписѣ унѣверсала на пергаментѣ. Конѣ гетману приведены зъ Цариграда.

11. Обѣдалъ у мене Якубовичъ, а вечеромъ былъ я у економической канцелляріи.

12. Обѣдалъ у гетмана, а по утру докладъ былъ о дѣлѣ клеветномъ на меня Соколовсвого. Вечеромъ былъ у Скоропадского.

13. Послѣ службы Божой, въ церквѣ св. Анастасіи слушанной, где и графиня гетманша первый разъ послѣ родовъ была, обѣдали у гетмана, потомъ былъ до позна въ ночь балъ. Зъ Лѣсконогъ привезено рыбы и зайцовъ, а зъ Городища пріехали двѣ дѣвки и де-що попривозили. По утру отправленъ Лаврѣнъ Цяпа въ Команъ.

14. Вечеромъ простилъся со мною при отъездѣ своемъ въ домъ до Лубень полковникъ лубенскій Іванъ Колябка и подарилъ мнѣ пороху немного.

15. Обѣдалъ у мене лейбъ-компаніи віце-капралъ Романъ Лукяновичъ Струтинскій. Сего-жъ числа подана отъ мене челобитная на войта погарского Клима Пѣсоцкого о перейшовшыхъ въ Погаръ зъ Курова Дуцка Халимоненка съ товарищы.

16. Послѣ болѣзны былъ въ судѣ генералномъ Скоропадскій. Я послѣ полдни былъ въ дворцѣ.

17. Писалъ въ С.-П.-Бурхъ до Вайникова, до Карновича и до секретаря академіи наукъ Петра Ісаевича Ханіна о газетахъ на 1753-й годъ, о календарѣ новомъ и о книгахъ вновь печатанныхъ, а въ Москву до полковника Ликевича, и тые писма отпущены чрезъ Романа Струтинского. Вчора при писмѣ до отца Іоана брата

послалъ для бѣдного Іосифа 3 р. чрезъ Андрѣя Дяченка. Сего числа позно прибыла жена зъ дѣтми.

18. Послѣ молебня былъ банкетъ у гетмана при пушечной палбѣ, а вечеромъ балъ. Ночью жестоко жена занемогла.

19. И сей день хоровала. Прибылъ полковникъ лубенскій.

20. Получено писмо отъ архіерея чернѣговского стороннзабратого сѣна въ Команъ. Прибылъ полковникъ гадяцкій въ Глуховъ. Я обѣдалъ у гетмана, а жена у Скоропадского.

21. Писалъ отвѣтъ къ архіерею чернѣговскому и до Рославцовъ о роздѣлѣ межъ ними и до старого Губчица и до Івана Покорского. Вечеромъ я былъ у Якубовича жены его имениници, а онъ у мене и полковникъ гадяцкій.

22. Жена съ дочерью Настею кланялась графинѣ и тамъ обѣдала купно зо мною, а рано былъ я самъ у обозного генералного Кочубея. Получилъ писмо изъ Гамбурха отъ сина о ево нещаслывомъ приключеніи.

23. Получилъ ордеръ о присутствіи моемъ зъ протчими въ генералной канцелляріи.

24. Въ 10-мъ часу по полночи віехалъ гетманъ къ Москвѣ при пушечной палбѣ. Вечерни и обѣдни слушали мы въ церкви св. Василія.

25. На всенощной были у св. Анастасіи. По утру поздравляли графиню и обѣдни слушали въ той-же церквѣ. Вечеромъ былъ я у Якубовича.

26. По утру были у мене Скоропадскій и полковникъ Апостолъ, а я у писаревой генералной и у бунчучного. Обѣдалъ у мене Гудовичъ; потомъ былъ у мене-жъ Герасимъ Демяновичъ (Стрешенецъ), тесть Жоравки, а у жены обозная генералная Скоропадская, Безбородкина, полковниця гадяцкая, Тарнавская и Томарина.

27. Писалъ писмо сину въ Киль, подъ № 2, и до Карновича въ Москву съ посилою 200 р. денегъ, да до полковника Ликевича и до Туманского. Съ графинею послѣ обѣдни кушали у нея.

28. Первый разъ были всѣ 4 мы, опредѣленные къ присутствію, въ генералной канцеляріи. Писма, вчора писанные къ Москвѣ, вручены отъ мене Павлу Миклашевскому, туда-жъ отъеждаючому, и ему-жъ вручилъ 200 р. денегъ для отдачи Карновичу за роспискою.

29. По утру въ 10-мъ часу отъехала графиня гетманова къ Москвѣ, на обѣдъ и на ночь въ Полковничью Слободу.

30. Писаны писма къ парахіанамъ села Случевска и до сотника погарского о кандидатахъ на поповство до церкви случевской Петру Прокоповичу и Михаилу Васильеву Гудову, да въ домъ до войта перегонского о пенцѣ и о протчемъ, до атамана погарского Беляя о протестѣ войта муравьевского на старосту гримяцкого Михаловского за сѣно имъ пограбленное; до войта лѣсконозкого о виправѣ подводъ въ Луку за хлѣбомъ и о пенцѣ; до господаря лотоковского Ѳедора Лукьянова о подводахъ-же въ Товкачевку.

31. Простился Гудовичъ при отъездѣ въ домъ до 1-го февраля.

1753-й ГОДЪ.

Мѣсяцъ Генварь.

1. По утру былъ у Скоропадского и отъ него ездили всѣ до церкви св. Михаила, где обѣдни и молебня слушали. Вечеромъ былъ я у Якубовича и писмо писалъ въ Москву до Карновича чрезъ канцеляриста Чорнуцкого.

2. Послалъ писмо до Іосифа Гавриловича о прибытіи его въ Глуховъ. Івана Губчица жена была у насъ на обѣдѣ зъ Мариною Михайловою Есимонтовскою и отъехали: первая въ Борзну, а другая въ Стародубъ.

3. Въ нынѣшный день, по полученному отъ генералъ лейтенанта графа Петра Семеновича Солтикова писму о опасности отъ непріятелей, съездились мы въ генералную канцелляріи и отправленія о нарядѣ 4-хъ тысячъ козаковъ изъ 6 полковъ для незапного походу велѣли учинить по утру. У насъ обѣдалъ Якубовичъ зъ зятемъ своимъ Ѳедоромъ Савичемъ и дочерью своею Маріею, а вечеромъ закрѣпили отправу рано опредѣленную въ полки.

4. По утру для тоей-же нужды были въ канцелляріи и отправленіе по тому-жъ дѣлали, а пришедъ въ домъ, какъ сталъ обѣдать, то въ кушаньѣ между бураками проглонулъ кость, которая, увязши въ горлѣ, чуть не привела мене къ смерти, и для вибитья оной зъ горла, какъ простые способы битьемъ въ плечи, яствіемъ скоринки, питьемъ воды, такъ и инструментовъ и палцовъ клажею въ горло и чищеньемъ употреблены и чрезъ то въ отчаяніе, почитать, при-

веденъ былъ; однако-жъ единою токмо милостію Божіею въ живыхъ осталъся и заледво ночь тую переночевалъ. Того-жъ дни посѣщали мене болного перво полковникъ лубенскій Апостолъ, потомъ Скоропадскій зъ женою своею и Якубовичемъ. Отпущены писма чрезъ Заруцкого постъ-директора, одно къ Крижановскому въ Нѣжинъ о покупки тафи и бѣлокосу, да о ножахъ турецкихъ и о новомъ календарѣ, другое до митрополита кіевского въ Кіевъ.

5. Весь день и ночь лежалъ боленъ.

6. Ездилъ къ Василіевской церкви на службу, потомъ день и ночь лежалъ боленъ.

7. Жена ѣздила въ Годуновку.

8. Она-жъ послѣ полдня отъехала въ домъ. Сего-жъ числа послѣ полдня отправленъ въ Москву канцеляристъ войсковый зъ разными доношеніями.

9. Отпущено писмо до графа Мойсѣя въ отвѣтъ, другое писано за Даниломъ Біневичемъ въ Стародубъ въ щетную коммиссію.

10. Послѣ выше означенного случая первый разъ зъ двора віехавъ, былъ въ церкви св. Анастасіи на службѣ, а послѣ полдня былъ у доктора Бока, у дѣтей Теплова и у полковника лубенского и Скоропадского.

11. Писаны писма подъ числомъ 8-мъ сего мѣсяця зъ поздравленіемъ нового году до господъ Романа Ларіоновича Воронцова и о Герасиму Антонову Новомлинскомъ, до Теплова, до Собакина и до Новоторжцова, да и до Фелинера о газетахъ, да до Василія Туманского и къ нему включенъ къ Фелинеру пакетецъ.

13. Получили ордери и писма зъ Москвы, въ томъ числѣ и я отъ полковника гадяцкого и зъ писмомъ до жены его, которое къ ней при моемъ писмѣ и отпустилъ, да и до оного полковника зъ посилкою писма отъ жены его писалъ. Вечеромъ былъ у мене Якубовичъ.

14. Письмо до полковнички гадяцкой отпустилъ до Стародуба чрезъ Тимоновича, туда отъехавшого. Сего-жъ числа Іосифъ Гавриловичъ въ Ляшковци, съ нами простясь, отъехалъ. Отданы денги Скоропадскому 350 р.

15. Сего числа отданъ синъ Іванъ въ наученіе учителю Георгію Александровичу графу Ранцеву, которому давать ежемѣсячно за науку по 3 р. Докторъ медицины и профессоръ історіи натурал-

ной Іванъ-Христіанъ Гебенштрейтъ, бывшій при домѣ гетманскомъ, надъ вечери посѣщалъ мене и прескрипцію на мои дефекти далъ. Противъ сего числа ночью канцеляристъ войсковый Тимофій Закровецкій преставилъся.

16. Оный-же канцеляристъ похороненъ при церкви св. Михаила. Сего числа прибылъ въ Глуховъ генералъ маіоръ Іванъ Ѳедоровичъ Глѣбовъ, простуючій отъ Новой Сербіи къ Москвѣ, которому я зъ полковникомъ лубенскимъ вѣзитъ отдавалъ, а Скоропадскій жену свою виправлялъ въ Стародубщину. Вечеромъ былъ у мене Чуйкевичъ.

17. Отправленъ въ Товкачовку Данило Городискій и съ нимъ компанѣецъ Данило-жъ. По полдни былъ у мене Павелъ Ломиковскій, а вечеромъ простилъся я зъ докторомъ Гебенштрейтомъ.

18. Былъ вечеромъ перво у Якубовича, потомъ у Ломиковского.

19. Два толко мы зъ полковникомъ лубенскимъ были въ канцелляріи, а вечеромъ візитовалъ Івана Гамалію, къ которому тогдажъ пріездили Скоропадскій, Оболенскій, Апостолъ, Яковъ Марковичъ и Сангурскій. Настуся занемогла.

20. Обѣдалъ у Гамаліи, а потомъ былъ у Якубовича. Писалъ писма въ Москву до полковника гадяцкого и до Туманского, до которого въ ковертѣ включены до Собакина и до Новоторжцова писма и отправлены чрезъ человѣка Крижановского, посланного въ Москву по почтѣ.

21. Іванъ Гамалія у насъ обѣдалъ, а Настуся жестоко хоровала на фебру и горячку.

22. Получилъ писма зъ Москви отъ Галецкого. Вечеромъ посѣщалъ болную Настусю Іванъ Гамалія.

23. Писаны писма до жены, до Гуриновского и до полковници гадяцкой, съ посилкою пакета отъ ея мужа, и оные отпущены чрезъ человѣка отъ Івана Гамаліи въ домъ посланного. Обѣдали у насъ учитель графъ Ранцевъ зъ синомъ Павла Ломиковского и докторъ Бокша, потомъ зъ тими-жъ былъ у Гамаліи, которого синъ Николай тому-жъ учителю въ науку рекомендованъ.

24. Писаны писма въ Москву до полковника гадяцкого Галецкого и до Карновича зъ посилкою трохъ ножовъ турецкихъ, а въ Санкт-Питер-Бурхъ до Вайникова чрезъ канцелляриста Занкевича, отправленного зъ козами дикими и зъ дрохвами въ Москву.

За оправу ножика того, що отъ Өедора Корецкого, дано Вейману 70 к.

25. Оные писма и ножи три въ пуделку чрезъ помянутого канцеляриста Занкевича отпущены къ Москвѣ.

26. Присланъ зъ Нѣжина чрезъ почтъ-мейстера Зарудного отъ Крижановского турецкій ножикъ и полскій календарь, которій отъ мене подаренъ Івану Гамаліи. Писалъ писма къ женѣ въ домъ о прибытіи еи, а до войта лѣзконозского о разныхъ дѣлахъ, да до полковника миргородского и до сотника миргородского-жъ о турецкихъ ножикахъ.

27. Пару ножиковъ отъ сотника миргородского Василя Зарудного получилъ. Жена изъ Городища пріехала въ Глуховъ.

28, 29, 30 и 31-е такъ прошли. Толко 31-го Искрицкій прибылъ въ Глуховъ, а я былъ у Горленка.

Февраль

1. Данило Покорскій зъ Іваномъ Рославцемъ прибыли въ Глуховъ и, взявъ съ собою зятя нашего Савича, отъехали въ Сварковъ для зговору внуки Якова Марковича Есимонтовской за оного Рославця.

2. По утру были у мене Іскрицкій и Горленко.

3. а въ вечеру Якубовичъ съ женою. Писаны писма въ Москву до полковника гадяцкого Галецкого, до Туманского, до переводчика синодалного Політики о библіи, до Лобисевича, до Карновича, да въ Пітеръ-Бурхъ до Вайникова и до сина въ Киль, да посланы при писмахъ въ Стародубъ чрезъ Данила Покорского до Івана Гамаліи печатныхъ газетъ нумеровъ 11, а до Өедора Корецкого С. П. Бурскій на сей годъ календарь.

4. Оные писма отпущены въ Москву чрезъ жолдака Михаила Дерезенка, по почтѣ посланного. Писаны писма до полковника прилуцкого зъ посилкою газетъ печатныхъ, да до полковника миргородского съ посилкою писма нѣкоторому лѣкарю генерала Хорвата.

5. Сочинено доношеніе противъ мнѣнія, изъ суда генералного присланного.

6. Оное доношеніе отъ мене и Петра Горленка подписано и подано Скоропадскому и полковнику Апостолу.

7. Обѣдали у мене Горленко и Данило Требінскій, а надъ вечери былъ полковникъ Апостолъ и Чуйкевичъ, а я у Чуйкевича въ вечеру.

8. Отдалъ въ канцеляріи Скоропадскій оное наше доношеніе. Послѣ обѣда отъехалъ полковникъ Апостолъ въ домъ. Чрезъ отставного асаула сотнѣ погарской, перегонця, посланъ отвѣтъ до полковника стародубского противъ его писма о Аршавѣ. Ездилъ прощатся зъ капеляномъ гетманскимъ Корниліемъ Юзефовичемъ, отъежджаючимъ къ Москвѣ и ему-жъ далъ казань 8 печатныхъ и писанныхъ, а оттоль заездилъ до Якубовича.

9. Подалъ доношеніе Горленко въ генералную канцелярію, рековуючи свой подписъ на общымъ доношеніи нашемъ учиненный.

10. Преосвященный митрополитъ кіевскій Тимофей Щербацкій въ 9-мъ часу передъ полуднемъ прибылъ въ Глуховъ и литургію и молебствіе служилъ въ церквѣ св. Михаила, а потомъ обѣдать изволилъ съ своими и обще зъ нами у г. Скоропадского, а при молебнѣ и при столѣ производилась пушечная палба.

11. Служилъ преосвященный въ монастырѣ женскомъ и на своей квартерѣ обѣдалъ.

12. Преосвященный служилъ въ Веригинской церквѣ. Потомъ у его на квартерѣ были мы зъ женами и водкою почтованы.

13. Его-жъ преосвященство служилъ въ церквѣ св. Николая, а по службѣ званные отъ бунчукового генералного Оболонского его преосвященство зъ своими и мы обѣдали у него, а по обѣдѣ зъ нимъ-же Якубовичъ и я были у подполковника Яблонского и у Сергія Дергуна, потомъ у Якубовича чуть не до полночи пробавили.

14. Послѣ службы Божой заехалъ ко мнѣ въ домъ его преосвященство и позавтрикавши отъехалъ въ путь свой къ Москвѣ, которого проводилъ я за двѣ версти. Сего числа прибылъ Гудовичъ въ Глуховъ. Надъ вечери была у жены моей Скоропадская.

15. Въ сей день отосланы графу Ранцову за ученіе сина нашого Івана за мѣсяцъ три рубли. Обѣдалъ у насъ Гудовичъ, а я весь день зъ дому не віездилъ послѣ невчасовъ.

16. По утру были обще зъ Гудовичемъ всѣ три въ генералной канцелляріи. Послѣ обѣда отъехали зять Савичъ и дочь Настуся до Ведмежого, а послѣ ихъ отъезду была у жены Попасова жена, Галецковна.

17. По утру отъехала жена въ домъ зъ Уліаною Скоруповною. Писалъ я къ полковнику гадяцкому въ Москву зъ посилкою писемъ отъ жены его и отъ повѣренного. Вечеромъ былъ у Ломиковского и у Якубовича.

18. Были всѣ трое въ канцелляріи по утру, а у мене обѣдали Гудовичъ и Филипъ Гриневичъ, зять брата отца Івана. Писалъ до Гамаліи къ сину его Николаю.

19. Переведенъ въ дворъ нашъ онъ, молодый Гамалія, по возвратѣ его зъ Клепалъ [251]). Вечеромъ былъ у Скоропадского и игралъ въ карты зъ выграшемъ. Приехалъ Михайло Ханенко.

20. Званный до Скоропадского обѣдалъ у него, а потомъ былъ у Безбородкиной, писаревой генералной, где видѣлъся и зъ женою переводчика Івана Андріевича Данилевского, Елисаветою Алексіевною и у бунчучного генералного Оболонского; а вечеромъ у Скоропадского програлъ 47¾ к.

21. Знову обѣдалъ у Скоропадского и до жены писалъ о нѣкоторыхъ покупкахъ на ярмарку стародубовскомъ, а до лѣсконозкого войта о присилки подводъ по овесъ. Принятъ въ служеніе Григорій Николаевъ Козловскій, рожинецъ переяславскій, которій въ Москвѣ 1751 году присталъ служить у Якова Почеки, асаула полку нѣжинского.

22. Писалъ писма въ Москву до Карновича, требуя отвѣту противъ прежныхъ 8 къ нему моихъ писемъ, а въ С. П. Бурхъ до г. Вайникова зъ посилкою бѣлокосу и тафы блакитныхъ по 10 аршинъ, которые писма и посилка отправлены чрезъ канцеляриста войскового Максима Руновского, сего-жъ числа по почтѣ отправившогось къ Москвѣ.

23. Тафель-декеръ гетманскій Гарасимъ Антоновъ Новомлинскій умеръ, нѣсколко дней толко на горячку хоровавши. Лаврінъ посланъ въ Воронежъ за пывомъ при писмѣ до сотника воронѣжского Андрея Холодовича и зъ денгами.

24. По утру отосланъ жеребецъ вороный къ повѣреному Василя Полуботка. Оный Герасимъ Новомлинскій похороненъ при церкви св. Михаила.

---

251) Село путивльскаго уѣзда, принадлежавшее женѣ Гамалѣи, рожд. Анненковой.

25. Писма отъ полковника Галецкого до жены его вручены служителю ихъ Кирилу Черняховскому для отсилки въ Стечну при моемъ къ ней-же писмѣ. Отъ мене писано въ Стародубъ до Івана Гамаліи о сину его Николаю, да до жены о нѣкоторыхъ покупкахъ въ ярмарку стародубовскомъ и посланы чрезъ человѣка изъ Клепалъ.

26. Послѣ полдня ездилъ до Валкевича и до Якубовича для прощанія, а до Городища отпущено на подводахъ зъ селъ новгородскихъ овса 33 осмачки и одинъ четверикъ.

27. Исповѣдалъся передъ отцемъ Яковомъ старикомъ, а на службѣ въ церквѣ св. Василія, по благости Божіей, удостоилъся сообщитись святымъ Тайнамъ. Писалъ въ Москву подъ числомъ 25-мъ сего мѣсяця зъ посилкою 2 писемъ отъ жены полковника гадяцкого къ нему, да до Туманского и до переводчика Фелинера о газетахъ, и тѣ писма вручены служителю Наталіи Демяновны г. Розумовской Полторацкому, по почтѣ до Москвы отправившемусь. Сего-жъ 27-го писалъ до жены чрезъ войта муравьевского о отпущенномъ одселя овсѣ и неупотребленіи зъ селъ новгородскихъ людей къ тамошнымъ работамъ, да чрезъ дѣвку Марью зъ посилкою писма отъ зятя Савича и стороны зятя Рославця, что наложено на владѣніе ихъ излишные порціи и раціи и о доправки денегъ 34 р. на Александровой Корецкой, а 3 р. на Івану Гамаліи за сина его.

28. При писмѣ до Івана Гамаліи посланы газеты нумеровъ 6, а именно: 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, да подъ вчорашнымъ числомъ писаны писма о Филипу Васильеву Гриневичу, отца Івана брата дочь Марію понявшомъ, кой нынѣ опредѣленъ въ кантакузинскіе маетности старостою, до войскового товарища Стефана Савича Лутая, до управителя чеховского Петра Мойсѣевича Левицкого, до сотника золотоношского Константія Леонтовича и до отца Іоана брата, и чрезъ того-жъ Гриневича посланы болному Іосифу 1 рубль денегъ.

Мартъ.

1. Асаулу полковому нѣжинскому Долинскому вручены 2 писма до полковника гадяцкого Галецкого отъ жены его, къ Москвѣ по почтѣ отправляемому. Учителю графы Разумовы сыно за мѣсяцъ

которій въ семъ мѣсяцѣ 26-го числа окончилъся, за науку сина нашего заплатилъ 3 р. Отослано въ судъ генералный доношеніе противъ присланного позву о озерахъ лѣсконозкихъ.

2. Писаны писма въ Прилуку до бунчукового товарища Димитрія Марковича о Марьѣ Бѣлченковой, вдовѣ товкачовской, въ Товкачовку до правящаго за господаря Якова Супруненка о тамошнемъ господарствѣ чрезъ подводчиковъ товкачовскихъ, солоды привозившыхъ. Гудовичъ у мене обѣдалъ. Племѣнникъ Михайло Ханенко подалъ доношеніе въ генералную канцеллярію о принятіи его въ службу канцелярскую.

3. Оному велѣли быть у дѣлъ для писанья. Подводы товкачовскіе и чрезъ оные вчора писанные писма до Данила Городиского о прибытіи его въ Глуховъ отпущены.

4. Дано на росходъ полтора рубля Андрію.

5. Пріехалъ полковникъ кіевскій Дараганъ и асаулъ Закревскій, зъ которими видѣлъся я у Якубовича. Пріехалъ Іскрицкій. Захоровалъ синъ Гамаліинъ.

6. Отпущенъ въ Товкачовку подводчикъ зъ писмомъ до управляющого за господаря Якова Супруненка о господарскихъ дѣлахъ тамошныхъ и чрезъ него-жъ кобила Качановского послана. Вечеромъ былъ у Скоропадского.

7. Послѣ полдня прибылъ полковникъ лубенскій Апостолъ и Данило Покорскій. Писалъ до жены чрезъ слюсаря Стефана Борисова и за нимъ до обозного и писаря стародубовскихъ.

8. Писалъ до сотника носовского Якова Шаулы о покупки ста или двохъ сотъ яблокъ свѣжихъ чрезъ людей Михайла Ханенка. Всѣ мы 4 были въ канцеляріи генералной.

9. Отпущено солоду 2 осмачки и 1 четверикъ, да 7 сувоевъ полотна, чрезъ подводы лѣсконозкіе, при писмѣ до жены въ Городище.

10. По утру былъ у мене Іванъ Покорскій и сказовалъ, что дочь наша Анна родила сина Ѳедора. Писалъ къ зятю Савичу писмо и посѣщалъ Якубовича болѣзнуючого. Еще дано на расходъ Андрію 50 к.

11. Обѣдалъ у Гудовича. Поданы 3 доношенія въ судъ генералный: 1-е о Корсаку стороны крѣпостей, 2-е о Дзвоннику и Самусенку, 3-е о войту погарскомъ стороны куровцювъ.

12. Въ вечеру приехалъ Данило Городискій зъ Луки и сказовалъ, что дядко Евстафій Никитенко преставилъся 4-го марта.

13. Отъ жены получилъ извѣстіе, что дочь наша Анна Іосифова Рославцева родила сина Ѳедора зъ 3 противъ 4-го числа сего мѣсяця.

14. Писалъ къ женѣ противъ еи писма и нѣсколко посуды деревяной и половину бѣлорибици отпущено, да до сотника погарского о Григорію Засулскомъ и до бунчукового товарища Антона Жоравки сторони кухаря уговоренного и задатокъ взявшого. Надъ вечери былъ у Якубовича, куда и Оболенскій зъ женою при мнѣ пріехалъ.

15. При писмѣ до Івана Гамаліи посланы три нумери газетъ: 10, 14 и 15-й. Привезены зъ Лѣсконогъ 26 лящовъ, бѣлизнъ 4 и одинъ сомъ.

16. Посланы писма до полковници гадяцкой отъ мужа и сина еи при писмѣ моемъ до жены, да до полковника стародубовского и до Кудринского писалъ о заборѣ сѣна и о протчемъ старостою Корсаковымъ, а о Незамаевскомъ, что пограбилъ и билъ людей куровскихъ, и оные писма, тако-жъ указы изъ суда генералного: 1-е до Корсака о присилки крѣпостей на мелници ворскіе, 2-е до сотника погарского о висилки въ Глуховъ атамана чаусовского Бобова зъ декретомъ, даннымъ чаусовцямъ на евдоколціовъ о завладѣніи ими чаусовского грунту, посланы чрезъ полкового стародубовского сторожа.

17. Приехалъ въ Глуховъ сотникъ бахмацкій Кирило Забѣла, имѣючійся отправлять къ Москвѣ.

18. Ради тезоименитства гетманского отправлялся молебень соборный въ церкви св. Михаила, а потомъ былъ бенкетъ у г. Скоропадского при пушечной налбѣ.

19. Никуда не віездилъ я зъ дому, а вечеромъ былъ у мене Кирило Забѣла, которому и нѣкоторые прошенія представлены до г. Безбородка, писаря енералного.

20. Писалъ до жены о посилки въ Товкачовку 3-хъ или 2-хъ куфъ горѣлки и послано сукно сѣрое 48 локотъ и зъ тимъ, такожъ зъ даннымъ меморіаломъ, посланъ въ Лѣсконоги Лаврінъ Цяпа. Обѣдали у мене Георгій Белецкій-Носенко и войтъ новгородскій Афанасъ Томиловскій. Данило Покорскій по утру былъ при отъездѣ въ

домъ. Конь у мене вороностроватій здохъ. Писалъ въ Москву до Карновича и до полковника гадяцкого чрезъ Кирила Забѣлу, да чрезъ него-жъ и давно писанные писма до г. Безбородка зъ доношеніемъ къ гетману о зачетѣ денегъ 44 р. и до Туманского зъ писмами-жъ до Ликевича и до Лукина посланы. Полтавскій полковникъ пріехалъ и послѣ обѣда долго сидѣлъ у мене.

21. Подъ часъ обѣда пріехалъ вѣстовой зъ писмомъ, что жена болна близъ смерти, чего для взявъ подорожную на 6 подводъ, отъехалъ зъ Глухова и перемѣня подводы перво въ Собичевѣ, а ночью въ Локоткахъ и въ Пироговцѣ прибылъ

22. Въ Новгородокъ свѣтомъ, а оттоль въ 8-мъ часу по полночи віехавъ и, перемѣня подводы разъ противъ Лѣсконогъ, въ другое въ Гримячомъ, прибылъ въ Городища въ 3-мъ часу по полдни и тутъ засталъ жену ели живую.

23. При писмѣ до Якова Супруненка отправлены 2 кухви горѣлки въ Товчачовку, изъ которыхъ въ одной становъ (*пробѣлъ*), въ другой становъ (*пробѣлъ*), и тимъ-же подводчикамъ данъ на свободный проездъ пашпортъ. Мало стало легче женѣ. Сотникъ погарскій мимоездомъ до Глухова былъ у мене, а атаманъ Беляй и обѣдалъ.

24. Писалъ до Гамаліи о сину его, да до Максима Шляхты о нѣкоторыхъ покупкахъ и о зробленью свѣчъ восковыхъ, на якіе покупки 4 р., а на свѣчи 19 фунтовъ послано воску чрезъ компанѣйця Матвія. Да въ Лѣсконоги писалъ до Лавріна о присилки живыхъ лящовъ и туда-жъ посланъ ладанъ и 3 свѣчки.

25. Оный компанѣецъ отъехалъ въ Стародубъ.

26. Знову жена жестоко занемогла разними алтераціями.

27. Писалъ въ Почепъ до бунчукового товарища Івана Губчица о висилки Ѳедора Козловского бѣжавшого и о порѣчкахъ и проч.; да до Василія Дунина Корковского о агрестѣ красномъ, о пивоніи повной и зіолкахъ, и о томъ-же до сотника мглинского и о Медведку чрезъ Косика. Въ Лотоки посланъ Гришко, зять Шупкого, о маштовыхъ деревахъ и о протчемъ. Въ Стародубъ послана куниця, старая лямпа и для викупу лихтаровъ 2-хъ и свѣчъ до Шляхти 1 р. 20 к., а Левонъ отпущенъ въ домъ.

28. Писалъ въ Глуховъ до Константиновича, канцеляристи судоваго, о атаману и войту чаусовскихъ, да до племенника Михайла Ханенка о дворѣ, чтобъ порядочно смотрѣли. Протопопъ погарскій

и Кочержинскій у насъ были и книжку рукописную мою протопопъ для переписи взялъ.

29. Компанѣецъ Лаврінъ Цяпа отпущенъ въ домъ до 1-го маія и объ немъ писано отъ мене до полковника Василія Чоснока и ему-жъ данъ пашпортъ и меморіалъ, что справить въ Лѣсконогахъ и въ Глуховѣ.

30. Писалъ до Георгія Белецкого-Носенка, поручаючи ему дірекцію надъ Яковомъ Супруненкомъ, учрежденнымъ отъ мене господаремъ надъ селами и футоромъ Рудовскимъ. Въ Глуховъ писалъ-же чрезъ людей Гамаліиныхъ зъ посилкою 6 сѣменъ огородныхъ.

31. Писма до Носенка и Супруненка и откритое до громадъ отпущены въ Глуховъ чрезъ Романа Остаповича Никитенка сина, зъ Луки приездившого, а чрезъ него-жъ и до Гаврила Баштового писано.

Априль.

1. Отправлены городчане въ Стародубъ по дѣлу зъ гриніовцями о грунте заводскому, а войтъ чубаровскій туда-жъ за дворовыми нуждами посланъ.

2, 3, 4 и 5 такъ прошли.

6. Посланъ Матвѣй компанѣецъ за нѣкоторыми справками въ Стародубъ и зъ писмами до полковника о Костѣ, снѣцару погарскому, и до Івана Дащенка за книгами. Сотникъ погарскій зъ Глухова пріѣхалъ и привезъ ко мнѣ разные писмы, да и войтъ чаусовскій, поворотясь зъ Глухова, привезъ писма и газеты. Зъ Лотоковъ привезены птушки, и Гришко, туда посланный, возвратилъся.

7. Въ Курковичи дано двѣ колеси для поправы чрезъ сина Лимонкиного. Писалъ до Дергуна зъ отсилкою пакета полковници гадяцкой, а до Івана Лашкевича о бѣжавшомъ Ѳедорѣ Козловскомъ.

8. По благости Божіей сообщалъся святымъ Тайнамъ, а исповѣдалъся у попа даріевского Василія, и жена и дѣти сообщались же святымъ Тайнамъ.

Слѣдующіе числа 9 и 10, да въ праздникъ.

11. Свѣтлого Воскресенія и 12, 13 и 14 пробылъ въ Городищѣ.

15. Отъехалъ для посѣщенія болного шваграа Өедора Корецкого въ Левенку, где и самъ захоровалъ и цѣлую ночь былъ жестоко боленъ.

16. Былъ въ Стародубѣ для осмотру обветшалого двора и ночовалъ въ Хмеліовкѣ у Івана Хмеліовского.

17. Обѣдалъ въ Гриніовѣ у Өедоровой Шираевой, а на ночь прибылъ въ Городище. Отъ 18 по 28 число пробылъ въ Городищи.

28. Послѣ обѣда, простясь зъ женою и дѣтми, отъехалъ зъ синомъ Іваномъ къ Глухову и прибылъ на ночь въ Лѣсконоги.

29. Тамъ опредѣливъ атамана рибалского для полову рибы и поручивъ тамошнему атаману Яремѣ Юдицкому смотреніе, послѣ обѣда отъехалъ въ Новгородокъ и тамъ, бывъ въ монастырѣ у архіерея Арсенія, взялъ у него новоисправленную печатную библію для прочитанія, а оттоль прибылъ позно въ Команъ.

30. По утру былъ у мене городничій Свѣржскій и обѣщавъ ехать до Глухова, простилъся со мною, а я, отобѣдавъ, поехалъ при великой снѣжной, дожчевой и вѣтреной непогодѣ и мало отдохнувъ конямъ въ Локоткахъ, какъ оттоль поехалъ, то подъ Слоутомъ встрѣтилъ едучого зъ Глухова асаула генералного Петра Валкевича, самъ-же, прибывъ въ Слоутъ, тамъ ночовалъ.

Маій.

1. Оттоль послѣ службы Божой отъехавъ, прибылъ до Глухова на обѣдню, а надъ вечери былъ у Скоропадского и у полковника Апостола.

2. Служителю (принятому сего году февраля 21-го) Григорію Козловскому дано 50 к., а въ Городищѣ лакейская сѣрая свита и двѣ пари рубашокъ.

3. Отпущены въ домъ служители зъ коньми при писмахъ до жены, до Городиского и до Андрея Свѣтловерского, и сѣрка послана.

4. Писалъ въ Москву до Карновича и къ сину съ благословеніемъ, да до Лобисевича чрезъ канцеляриста Ефрема Мироновского, и чрезъ него посланы 3 ножи турецкіе и пять рублей на покупку чая и бавовны.

5. Бабѣ Зѣнцѣ данъ въ позику 1 р.

6. Писалъ въ Москву до г. Теплова и г. Безбородка, да до канцеляриста Мироновского о нѣкоторыхъ еще малыхъ покупкахъ.

7. Оные писма отпущены къ Москвѣ чрезъ канцеляриста Шутенка, да писалъ до жены о Якову Пригаровскомъ и чрезъ него-жъ посланы 3 р. 4½ к. за масло, и до Городиского и до Андрія, да въ Лотоки до господаря Ѳедора Лукянова и войта Ѳедора Фурсова. Кухарю куплена шапка за 40 к., желѣза фунтовъ 19 за 38 к.

8. Отобралъ г. Скоропадскій часы тонпаковые зъ портретомъ и отдалъ оные сину своему Петру, которій купно съ другимъ братомъ своимъ Яковомъ послѣ обѣда отъехали, забѣрая путь къ Дерпту до своей команды лейбъ-кирасирского полку, яко того полку пожалованные корнеты.

9. Послѣ обѣдни былъ у мене асаулъ генералный Якубовичъ, а обѣдалъ у мене-жъ жолдацкій капитанъ. 10. Vacat.

11. Писалъ до Городиского о козаку чаусовскомъ Козмѣ Овдіенку. Вечеромъ былъ въ дворѣ гетманскомъ и у Ломѣковского.

12. Писалъ до Георгія Белецкого-Носенка и до господаря товкачовского Якова Супруненка о дѣлахъ тамошныхъ, да до жены въ домъ о Качановскомъ, съ посилкою 7 огурцовъ свѣжихъ. Послѣ полдня посѣщалъ болного Оболонского, потомъ Скоропадского, которій въ канцелляріи не былъ за болѣзнію на зубы.

13. Пріехалъ зъ Москви полковникъ гадяцкій Петръ Галецкій, а отправленному къ Москвѣ зъ конми гетманскими канцеляристѣ Пуховичу данъ отъ мене меморіалъ о покупки 2-хъ паръ перчатокъ болшыхъ, 2-хъ паръ малыхъ, 10-ти лимоновъ и 5-ти цитроновъ. Сидоръ швецъ отъехалъ до Ямполя, а Данило компанѣецъ посланъ въ Рубановку.

14. Писалъ до Лобисевича о покупки лимоновъ и цитроновъ. Полковникъ гадяцкій отъехалъ.

15. Новый войтъ лѣсконозкій на старомъ войту Костѣ Ковтунову доправленныхъ денегъ привезъ 2 р. 9 к.

16. Обѣдали у мене Григорій безносій и Андрей, племѣнникъ его Карновичи. Послѣ полдня былъ у доктора Бока и у Скоропадского. Зъ Москвы сержантъ Александръ Матвіевъ Несторовъ прибылъ въ Глуховъ.

17. Принятъ во услуженіе въ кухарскую должность Іванъ Половчевскій, которому въ годъ поступлено 10 р. и дано въ задатокъ 50 к. Сего-жъ числа отправлены въ Москву донощикъ, сибірского пѣхотного полку каптенармусъ Явскій, и оговоренные.

18. Отосланы учителю французкому за полмѣсяця 1 р. 50 к., да кухарю Матвію даны 1 р. 50 к., чрезъ которого и писмо дано до зятя Савича и дочерѣ Настусѣ.

19 Отпущенъ Сидоръ швець въ Городище и чрезъ него посланы писма до жены и до Городиского, а зъ Городища пріехалъ подводчикъ зъ Даниломъ Запорожцемъ. Кровь мнѣ пущалъ докторъ Бокъ зъ руки.

20. Писалъ до жены въ домъ о греблѣ на Судости, къ заниманью намѣренной, и о протчемъ, а до Городиского о книгахъ и зъ посилкою указу суда генералного о Самусенковыхъ и тестя его пожиткахъ въ полковую стародубовскую канцеллярію, и до Андрѣя о новыхъ шорахъ и о протчемъ, чрезъ Мартиненка. Данило Запорожець наказанъ.

21. Писалъ до Гуриновского о покупкахъ въ Ригѣ, а о дачи ему пашпорта зъ полковой стародубской канцеляріи сообщенъ генералной канцеляріи ордеръ. Малій Запорожець Михайло жестоко убился.

22. Прибылъ въ Глуховъ Іванъ Рославець для своей свадбы, имѣючой быть въ Сварковѣ, и старый Іванъ Губчицъ, зъ которими отъехалъ былъ и я къ Сваркову, но опять назадъ возвратился. Зъ сего числа началъ принимать лѣкарства.

23. Обѣдалъ у мене Чуйкевичъ, вечеромъ и я у него былъ. Сотникъ Соболевскій отъехалъ въ домъ. Наши господа генералные и полковникъ лубенскій были въ Сварковѣ на свадбѣ. Я писалъ въ домъ до жены. Въ вечеру Іванъ Городискій наказанъ за пянство.

24. Пришли подводы зъ Товкачовки.

25. Новобрачные Іванъ Рославець съ женою своею Маріею Стефановою, дочерью Есимонтовсковною были у мене зъ хлѣбомъ и хусткою, которая сину Івану отдана. Компанѣець Гаврило Баштовый посланъ въ Юхновъ за тягненемъ озера и въ Команъ о смоляникахъ зъ приказомъ.

26. Послалъ къ женѣ писмо отъ Карновича зъ Москвы писанное и копію писма сина нашего Василя къ нему писанного и

до атамана и войта лѣсконозкихъ писано о озерахъ и протчемъ. Сего-жъ числа оные новобрачные зъ своею веселною компанѣею обѣдали у мене, а потомъ ездилъ я къ нимъ за городъ.

27. Отпущенъ въ Товкачовку Данило Качановскій, которому дано 50 к. на дорогу, и чрезъ него посланы писма до Георгія Носенка и до господаря товкачовского Якова Супруненка. Да посланы писма до судіи полкового переяславского Константина Лисаневича и до сотника золотоношского Леонтовича о покупкѣ двохъ паръ камней до мелницъ и объ отсилки оныхъ въ Товкачовку. и оные писма отпущены чрезъ войта переяславского и писара майстратового. Старшій канцеляристъ Василь Туманскій отъехалъ въ домъ свой, которій привезъ мнѣ изъ Москвы пять фунтовъ чаю зеленого, за 9 р. купленного, якихъ ему еще не плачено.

28. Писалъ до жены чрезъ Івана Губчица о греблѣ на Судости, объ отсилки воловъ въ Товкачовку и о протчемъ, а въ Команъ о смоляникахъ. Сотникъ сосницкій Филимонъ Шафонскій прислалъ осятра свѣжого и къ нему отписано.

29. Vacat. 30. Преосвященный епископъ переславскій Іоанъ Козловичъ прибылъ въ Глуховъ и имѣлъ служеніе въ женскомъ монастырѣ, которого потомъ візитовали мы на его квартерѣ. Сего-жъ числа обѣдалъ у мене магистрата кіевского лавникъ Герасимъ Кувѣчинскій зъ канцеляристомъ.

31. Оный-же архіерей візитовалъ мене въ моемъ домѣ и поднесъ ікону святителя Николая. Послѣ полдня полковникъ лубенскій Апостолъ отъехалъ въ домъ, а я вечеромъ отъехалъ-же зъ Глухова къ Богдановцѣ присланными отъ жены лошадми и ночевалъ за Слоутомъ въ полѣ.

Юнь.

1. Зъ ночлѣгу свѣтомъ поехавъ, прибылъ до Богдановки въ 8-мъ часу предъ полуднемъ и тутъ весь день пробылъ и уже ночью туда-жъ прибыла жена.

2. Оттоль послѣ обѣда отъехавши, отдихали лошадямъ въ Собичевѣ, а поздно уже пріехали въ Глуховъ.

3. Послѣ обѣда была у жены мой г. Скоропадская, а

4. Жена моя у еи обѣдала. Писаны въ Москву писма до полковника Ликевича, до Лобисевича и до Карновича и къ нему-жъ

отпущены 300 р. для пересилки къ сину нашему въ Киль; тѣ-же писма отправлены чрезъ к. в. Григорія Левицкого. Сего-жъ числа писаны писма въ Прилуку до полковника тамошнего съ посилкою указу изъ суда генералного о Княжыхъ Ланахъ, да о томъ-же до Георгія Носенка, до Качановского и до господаря Якова Супруненка, а зъ писмомъ суда-жъ генералного до архимандрита гамаліевского Пафнутія Биковскаго о тихъ-же Княжыхъ Ланахъ посланъ компанѣецъ Василь Орлечко.

5. Оные писма отправлены чрезъ компанѣйця асаула Петра Чернявского, команды Грицка Биженка, въ Прилуку.

6. Писалъ до Евдокіи Гарасимовны Жоравковой о озерѣ въ Юхновѣ. Жена была у бунчучной. Ихъ высочествъ камердинеры Михайло Власіевичъ Будлянскій и Василь Евфимовичъ Дараганъ, да капитанъ кадецкого корпуса Василій Івановичъ Розумовскій и пажъ Александръ Якубовичъ прибыли до Глухова и стали въ домѣ гетманскомъ.

7. По утру онымъ гостямъ всѣ мы візиту отдавали и поччованы отъ нихъ водкою и виномъ, а обѣдали у Скоропадского ради воспоминанія брака его зъ нынѣшнею женою, которому кончилось шесть лѣтъ. Писалъ до бунчукового товарища Івана Есимонтовского о двохъ садахъ желѣза до 2-хъ каменей млива.

8. Послѣ полдня былъ у насъ бунчучный Оболонскій съ женою, а потомъ жена моя зъ вдовою Бороздиною ездила въ дворецъ гетманскій. Господа камеръ-юнгери отъехали зъ Глухова къ Козельцю.

9. Послѣ обѣда жена отъехала до дому. Писалъ писма: 1-е до сотниковъ, полку стародубовского, Случановского о Левку Ярмущенку хмеліовскомъ, 2-е до погарского о 10 рубляхъ, женѣ Петра Гладуненка отъ Борковского належныхъ, 3-е до Ѳедора и Петра Савичовъ въ Ведмежее за Александромъ Остелецкимъ, чтобъ быть ему священникомъ въ Слоутѣ на половинѣ парохіи зъ братомъ своимъ, тамошнымъ священникомъ, Даниломъ Остолецкимъ, которихъ обоихъ отецъ есть Яковъ священникъ старый Остолецкій, 4-е до сотника золотоношского Леонтовича зъ посилкою ордеровъ изъ економической канцеляріи до управителя чеховского Петра Левіцкого, до судіи замку гадяцкого Ставіцкого и до Филипа Гриневича, старости маетностей кантакузинскихъ, объ немъ самомъ; 5-е до асаула

генералного Якубовича о сину его пажу, отъехавшемъ въ домъ его, и оные до сотника золотоношского съ ордерами и до Якубовича писма отправлены сотнѣ золотоношской козакомъ Тимошемъ Строканенкомъ. Я сего числа въ канцеляріи не былъ.

10. Подано доношеніе отъ Смоляниковъ, что войтъ команскій грунтовъ ихъ не попущаетъ. Былъ я въ дворѣ гетманскомъ и у Чуйкевича.

11. По утру переговорка была въ канцеляріи зъ Скоропадскимъ, безъ всякой причины на мене воставшымъ. Сего-жъ числа прибылъ въ Глуховъ Валкевичъ.

12. Бунчучный генералный былъ у мене на прощаньѣ при отъездѣ зъ Глухова въ свои маетности. Георгій Носенко прибылъ зъ Прилуки, а надъ вечери былъ у мене Гудовичъ.

13. По утру былъ у мене Павелъ Ломіковскій, а обѣдалъ у мене Данило Покорскій, По обѣдѣ ездилъ въ Борокъ и былъ въ лагерѣ компанѣйскомъ. Сего числа синъ родился Василь Василію Гудовичу въ Івантенкахъ.

14. Писалъ до жены чрезъ Лѣсконоги, да въ Лѣсконоги-жъ до атамана и войта о рибѣ, а въ Команъ о грунтѣ Смоляниковъ и о каменьѣ. Былъ у мене Гудовичъ, и въ домѣ моемъ онъ получилъ вѣдомость о сину своемъ рожденномъ.

15. Писалъ въ домъ до Городиского зъ приложеннымъ писмомъ до Гуриновского въ Ригу о покупкахъ часовъ срѣбрныхъ и другихъ мѣлочей, да до Свѣтловерского о исправленіи поезду и протчего; тако жъ до архидіякона катедры митрополитанской кіевской Манасія Максимовича чрезъ попа василіевского Корнилія Афанасіева, въ Кіевъ отъежджаючого въ монахи. Прибылъ въ Глуховъ прапорщикъ Михайло Трощинскій, которій былъ въ кадетскомъ корпусѣ подпрапорщикомъ.

16. По утру зъ Іваномъ Гамаліею видѣлъся въ генералной канцеляріи, посля полдня отъехалъ Василь Гудовичь въ домъ свой. Оный Трощинскій былъ у мене, а послѣ и Іванъ Гамалія. Писалъ къ женѣ зъ посилкою 2-хъ головъ цукру, кофе въ шуфлядцѣ, мила, 3-хъ пѣрниковъ, старой опанчи, въ обрусецъ ввинутой, и возовой шкури и 5-ти барилець порожныхъ, а до Городиского зъ прилогомъ 2-хъ писемъ полковничихъ и что ему по оныхъ дѣлать, да до Івана Дащенка о футорѣ Потапенковомъ.

17. Тѣ писма и посилка отпущены въ Городище чрезъ сина Левона Насовки Булахового. Писалъ писма: 1-е до сотника новомѣского Андрея Силевича чрезъ козаковъ бовсуновскихъ, 2 е до асаула генералного Якубовича о строеніи двора его.

18. Писаны писма въ Москву до Стефана Карновича, въ С.-П.-Бурхъ до Вайникова, въ Киль до сина Василя съ извѣстіемъ, что прежде въ декабрѣ 27-го числа 200 р., а сего юня 4-го 300 р. денегъ для пересилки къ нему отправлены въ Москву до господина Карновича.

19. Оные писма вручены канцеляристу войсковому Подгаецкому, посилаючомуся въ Москву при писмѣ до канцеляриста Максима Руновского.

20. Послѣ полудня ездилъ зъ Чуйкевичемъ для осмотру пожень, взятихъ до косбы зъ половини.

21. Оный канцеляристъ Подгаецкій отправилъся къ Москвѣ. Товаришъ войсковый Георгій Белецкій-Носенко отъехалъ въ домъ, которому отъ мене нѣкоторые приказаны дѣла, касаючіеся до Товкачовки и Рудовки. Бывшій кошовый Ігнатовъ Якимъ и протчіи запорожци помирились зъ сотникомъ миргородскимъ В. Заруднымъ.

22. Оный сотникъ простилъся при отъездѣ въ домъ, а въ канцелярію генералную прислано доношеніе зъ суда генералного о ихъ миру.

23. Послѣ полдня отъехалъ къ Рубановкѣ и прибылъ туда на ночь.

24. По обѣдни, въ Зазѣркахъ въ церквѣ вислушанной, званъ отъ бунчукового товарища Івана Стефановича Міклашевского въ домъ его, у него-жъ обѣдалъ. А послѣ полдня зъ Рубановки отъехавши, заездилъ въ Дунаецъ, потомъ позно прибылъ въ Глуховъ.

25. Писаны писма: 1-е до жены по жалобѣ бунчукового товарища Стефана Березовского на людей нашыхъ лотоковскихъ, Демидовыхъ; 2-е до Городиского зъ посилкою нѣсколко писемъ по дѣламъ лотоковскимъ; 3-е до оного Березовского о томъ-же, и оные писма вручены сотнику стародубовскому 2-й сотнѣ Афанасу Случановскому.

26. Писалъ въ Нѣжинъ до Івана Комбурлѣя о ножѣ турецкомъ и о табакѣ, чтобъ купилъ и прислалъ оного.

27. Обѣдали у мене сотникъ почепскій Старосѣлскій зъ зятемъ своимъ Семеномъ Круковскимъ, за которымъ писалъ я інстанцію до полковника нѣжинского Петра Івановича Розумовского.

28. Отправленъ Лаврінъ Цяпа въ Новгородокъ и въ села за косарами. Писалъ въ Товкачовку о ишонѣ, крупахъ и о протчемъ до господаря тамошнего Якова Супруненка и отпустилъ тое писмо чрезъ Тимковского. Писалъ въ домъ до жены чрезъ хоружую сотничиху шептаковскую Уліану, Іосифа Яковлева жену, и чрезъ еи-жъ посланы до жены три головы болшіе цукру.

29. По службѣ Божой въ церквѣ св. Михаила и по молебнѣ производилась пушечная палба ради тезоименитства его высочества государя великого князя. Потомъ трактованы были у г. Скоропадского обѣдомъ при пушечной палбѣ, а по утру многіе и у мене были зъ поздравленіемъ.

30. По утру былъ у мене г. Скоропадскій, а надъ вечери былъ я у Валкевича и съ нимъ о дѣлахъ моихъ, въ судѣ генералномъ имѣючихъся, розговоривалъ. Писалъ къ женѣ чрезъ чаусовского человѣка о грунтѣ спорномъ зъ евдоколцями и о протчемъ, а до Городиского послалъ доношеніе зъ учиненною на ономъ помѣтою о дѣлѣ взглядомъ грунту того-жъ чаусовского человѣка заводномъ.

Юль.

1. Принятъ въ услуженіе пришовшый зъ Сосницѣ, а родомъ зъ Опошніого Данило Крамарчукъ.

2. Отправлено писмо до Стефана Евфимовича Карновича въ Москву чрезъ канцеляриста войскового Ілью Григоріева сина Шутенка и ему-жъ данъ меморіалъ о покупки коляски городовой и цуга шоръ чорныхъ. Писалъ въ домъ къ женѣ чрезъ войта муравьевского о каменьѣ 2 садовъ, за 13 р. купленномъ, и о присилки нѣкоторыхъ вещей, да до г. Городиского съ репремандомъ о дракѣ зъ Андріемъ Свѣтловѣрскимъ.

3. Прибыли косари зъ селъ новгородскихъ и отправлены при Гаврилу Баштовомъ на сѣножати, взятые для косбы зъ половины. Писалъ до Якубовича на его писмо въ отвѣтъ и врученъ оный канцеляристѣ Яновскому.

4. Ездилъ до Годуновки на свадбу до товариша войскового Костантія Острожского, которій дочь свою видавалъ въ Есмань за

сина Івана войскового - жъ товариша Коробки. Писалъ до Іосифа Закревского, асаула полку кіевского, на его писмо въ отвѣтъ о дѣлѣ его, въ судѣ генералномъ рѣшенное, на которомъ повѣренный его Михайло Заклевенскій подписалъся въ неудоволствіи. Вечеромъ былъ у мене Василь Полуботокъ.

5. Отправленъ до Городища гончаръ Лаврінъ для передѣлки печей и чрезъ него писалъ до жены о невисилки косарей зъ сѣлъ новгородскихъ и о протчемъ, да до Андрѣя Свѣтловерского о томъ же гончару и о другихъ дѣлахъ, что надобно дѣлать. А чрезъ Пугачевского писалъ до бунчукового товарища Івана Губчица о дѣлѣ его, въ економической канцеляріи имѣючемъся. Дѣло зъ Корсаками о мелницяхъ Ворскихъ слушано въ судѣ генералномъ. Послѣ полдня ездилъ на сѣнокосъ.

6. Писалъ къ полковнику стародубовскому Максимовичу о писмѣ до бунчукового товарища Михайла Ширая стороны грунтовъ городискихъ, гриневцями завладѣнныхъ и о дѣлахъ нашихъ въ полковой стародубовской канцеляріи имѣючихся. Оное - же писмо до Ширая въ Москву отправлено до Кирила Лобисевича при моемъ писмѣ и отдано для пересилки старшому канцеляристу Войнѣ економической канцеляріи. Писалъ до сотника полку нѣжинского Афанасія Левіцкого на двѣ его писми въ отвѣтъ сторони брата его Григорія, къ Москвѣ отъехавшого, и сторони Сулиминой Гудовской, о которой передъ симъ отъ мене къ нему писано.

7. Вечеромъ былъ у Іскрицкого въ его квартерѣ, а позно былъ у мене Василь Полуботокъ.

8. Жестоко занемогъ племѣнникъ Михайло Ханенко, который и исповѣдовалъся передъ священникомъ, для чего и Чуйкевичъ пріежджалъ.

9. Ему-жъ, Михайлу, давано лекарство проносное. Подалъ доношеніе въ судъ генералный противъ отвѣту войта погарского съ товарищы о мужикахъ куровскихъ, въ Погаръ перейшовшыхъ. Писалъ въ домъ къ женѣ, чтобъ или она къ 15 - му числу пріездила въ Глуховъ или мнѣ ехать въ Городище, да до войта новгородского, чтобъ послалъ въ Команьякого урядника и Кашиху, дабы отвела сѣножать, проданную одъ неи Джуренкамъ.

10. О томъ-же, о чемъ и вчера, писалъ до жены чрезъ бунчукового товарища Івана Есимонтовского.

11. Провезено тѣло покойного Григорія Скорупы, на возвратѣ изъ Ахтирки въ сумскомъ полку сего мѣсяця 7-го числа преставлшогося. У Якова Марковича были крестины сину его, недавно родившемуся, Гаврилу, въ Сварковѣ.

12. Писалъ писма въ Москву до Новоторжцова и до Кирила Лобисевича зъ посилкою 2-хъ рублей 50 к. за газеты сего 1753-го года и въ С.-П.-Бурхъ до секретаря академіи наукъ, Петра Ісаевича Ханина, чрезъ сотника глуховского Демяна Турянского.

13. Писаны писма въ Козелецъ до полковника и до старшины полковой за племѣнникомъ Михайломъ Ханенкомъ, которій сего числа и отъехалъ въ домъ; да о раздѣлѣ между Рославцями, чтобъ учиненъ былъ, писалъ къ нимъ и до бунчукового товарища Івана Губчица съ посилкою и писемъ ихъ, ко мнѣ присиланныхъ. Тако-жъ писалъ о томъ-же и до жены. Послѣ полдня пріездилъ ко мнѣ бывшій кошовый Якимъ Ігнатовъ съ своею ассистенціею, а въ вечеру рекомендовалъ мнѣ атаманъ миргородскій Григорій Іосифовъ брата своего Михайла въ услуженіе. Подано доношеніе въ судъ генералной съ копіею купчой Корсаковой.

14. Господинъ прапорщикъ Михайло Трощинскій вечеромъ пріездилъ ко мнѣ проститись на отъездѣ своемъ къ Москвѣ.

15. Писалъ въ Товкачовку о дѣлахъ тамошнего господарства до Якова Супруненка и о присилки пшона, крупъ и сировъ чрезъ Алексія Петрушу. Василь Гудовичь прибылъ въ Глуховъ. Полковникъ запорожскій зъ своею ассистенціею прибылъ до Глухова, едучи за жалованьемъ къ Москвѣ.

16. Синъ Іванъ пошолъ учитись къ Козачковскому. Полковникъ запорожскій зъ протчими подалъ въ генералную канцелярію доношеніе зъ Коша отъ нового кошового. Писалъ къ женѣ и до Свѣтловерского, что послѣ Іліи отъехать имѣю въ домъ.

17. Синъ Іванъ лѣкарство на глисты принималъ, и послѣ полдня візитовалъ его докторъ Бокъ.

18. По утру былъ у мене зъ отклономъ лавникъ магистрату кіевского, Герасимъ Кувічинскій. Слушалъ я обѣднѣ въ церквѣ св. Анастасіи, где служилъ соборомъ протопопъ и молебствовалъ за гетмана, ради здѣланного и освященного сего дня въ той церквѣ иконостаса.

19. Призиванъ бывшій кошовый Якимъ Ігнатовъ зъ писаремъ бывшимъ-же Романовскимъ въ генералную канцелярію, где обявленъ имъ ордеръ гетманскій и взята у нихъ подписка, что будутъ впредь по ордерамъ исполнять и обидимыхъ справедливостію довольствовать. По доношенію Василя озерского лотоковского писано отъ мене къ Данилу Городискому въ Лотоки, чтобъ о всемъ изслѣдовалъ, а до бунчукового товарища Якова Тарнавского въ отвѣтъ за нимъ-же на его писмо писалъ.

20. Послѣ ездилъ до Валкевича, где и г. Скоропадского засталъ, а синъ мой Іванъ у дочери его былъ.

21. Послѣ полдня былъ у мене господинъ брегадиръ Делятуръ, а потомъ я у поруччика Озерова долго въ ночь просидѣлъ. Писалъ чрезъ помянутого лавника въ Кіевъ до писаря майстратового Николая Рагуцкого о приисканіи крѣпостей въ книгахъ воеводства кіевсвого на маетности тотобочные, о которыхъ особливая записка дана, а другая о столнику рожанскомъ Яну Модринскому.

22. Писаны писма въ Москву до писаря генералного Безбородка, до Новоторжцова и до канцеляристи Руновского о цедулѣ канцелярской въ коллегію іностранную, о копіи челобитной Корсаковой посилаючойся, да до Карновича къ сину въ Киль на его 2 писми въ отвѣтъ. Сего-жъ числа отпущенъ нѣкоторой багажъ, а при ономъ дѣвка Марѳа и хлопець Сосновский въ Городище.

23. Г. Скоропадскій отъехалъ въ Дунаецъ, безъ которого одну експедицію какъ въ полки, такъ и въ Москву, за руками толко моею и Гудовичевою, отправили.

24. Не дождався я повороту изъ Дунайця г. Скоропадского, послѣ полдня въ 4-мъ часу отъехалъ зъ Глухова и прибылъ на ночь въ Слоутъ.

25. Оттоль рано поехавъ, слушалъ обѣдни въ Маковѣ, а обѣдалъ въ Локоткахъ, а передъ вечеромъ прибылъ въ Новгородокъ и тутъ ночовалъ.

26. Обѣдалъ въ Лѣсконогахъ, а ночью прибылъ до Городища.

27, 28, 29 и 30 пробылъ въ Городищѣ.

31. Былъ у мене въ Городищѣ протопопъ погарскій Петръ Кибалчицъ зъ писаремъ своимъ, попомъ Постряговичемъ.

Августъ.

1. По службѣ Божой было водосвятые при криницѣ, а по окончаніи палба производилась зъ можчирей. Того-жъ часа пріехалъ зять Петръ Савичь.

2, 3, 4 и 5 числъ готовились къ исповѣди, и сего-жъ числа исповѣдивалъся я и зять Савичь передъ священникомъ Константіемъ Гилемъ.

6. По благости Божіей сообщались святой Евхаристіи.

7. Vacat. 8. Послѣ обѣда ездилъ на Василювку и тамъ ночовалъ зъ синомъ Іваномъ.

9. Отправленъ компанѣецъ въ Глуховъ зъ писмами до Дергуна, до Лавріна Цяпы и въ Москву до Лобисевича стороны газетъ 52 и 53 номеровъ не отосланныхъ. Была у насъ вдова Сулимова.

10. Рано пріехала панѣ Александрова Корецкая, а надъ вечери купно съ нею и жена зъ дѣтми віехали къ Ахтирцѣ для богомолья Писалъ до Дергуна о доношеніи стороны Кашинского, посланномъ зъ полковой стародубовской канцеляріи въ генералную канцелярію.

11. Чинена проба здѣланной машины для битья свай на греблѣ дешковской. Посиланъ Городискій въ Погаръ.

12. Былъ у мене Кочержинскій, и сего-жъ числа писалъ до сотника глуховского въ отвѣтъ на его писмо, да до жены зъ посилкою свиты и штановъ суконныхъ для кухаря Уласа, и оныя писма отпущены чрезъ козака сотнѣ глуховской куреня бѣлополовского Афанаса Скоробогатого. Сего-жъ числа городчане, съ помощію пригону нашого, забрали жита копъ 108 деревнѣ Гриневки жителей и склали оное въ гумнѣ Козловомъ.

13. Писано до войтовъ лѣсконозкого и команского и юхновского, да въ Случокъ и въ Курковичи о висилки работныхъ людей на греблю въ Дешковичи. Прибылъ хоружый полковый Григорій Данченко и сталъ на Ворѣ. Писалъ къ полковнику стародубовскому о доправляемыхъ на чиновниковъ денгахъ за 1751 и 52 года, чтобъ зачтено перебранными отъ комісаровъ 1751-го году 13 р. 40 к. денгами.

14. Оный-же хоружый отобѣдавъ у мене, отъехалъ обратно до Стародуба за другимъ сотникомъ, понеже шептаковского нѣтъ въ домѣ.

15. По утру отъехавъ въ Погаръ для ярмарку, былъ тамъ на службѣ Божой въ соборной Успенской церквѣ, потомъ были у мене духовенство и мирскіи чиновники. Обѣдалъ у сотника, а оттоль надъ вечери уже пріехалъ въ квартеру, а зъ квартери отъехавъ домой и гараздъ уже поздно прибылъ.

16. Весь день пробылъ въ домѣ, а вечеромъ привезено въ Погару пяныхъ Шаповалця и Римаря.

17. Оные оба за свое пянство розками наказаны. Сего-жъ числа начали дѣлать новую греблю въ Дешковичахъ на Судости. Пріехалъ Гуриновскій.

18. Прибылъ знову въ Городище хоружый полковой Григорій Данченко зъ канцелляристомъ Усовымъ.

19. Прибылъ и сотникъ новомѣсскій Андрей Силевичъ, такожъ обозный полковый Григорій Юркевичъ, которіи всѣ у мене обѣдали.

20. Были Корсаки на Ворѣ и зъ высланными видѣлись. Написана отъ мене челобитная о покошенью сѣножатей муравьевскихъ Корсаковъ подданными гримяцкими и о томъ-же къ полковнику стародубовскому и о другихъ дѣлахъ, въ полковой стародубовской канцелляріи имѣючихъся. Писалъ до жены въ Глуховъ.

21. Писалъ въ маистратъ стародубовскій о долгу на Самусенку и Дзвоннику имѣючемся, чтобъ учинена крайная справедливость, въ силѣ указу суда генералного, и какъ за тиломъ дѣломъ въ маистратѣ, такъ и по имѣючимся въ полковой канцелляріи хожденіе имѣть Сидору Сосновскому—здѣланъ меморіалъ. Отъ Гуриновского присланы осталные денги и дзигарокъ новый въ 25 р. 30 к., кромѣ ланчужка.

22. Зъ вышепрописанною експедиціею отправленъ Сосновскій въ Стародубъ, а по обѣдѣ пріездила ко мнѣ Евпраксія Есимонтовсковна Максимовичева и старый Александеръ зъ Левенки, чрезъ которого даны 7 фляшъ отъ пуздерокъ для приробленя въ пуздерки и стекло битое хрусталное для передѣлки. Віехала жена зъ Глухова къ Ахтирцѣ.

23. Ездили высланные въ Гудовку для допросу о тамошней мелницѣ и оттуду вечеромъ возвратились. Іуліана Скоруповна Бо-

24. Чрезъ неи писалъ до Івана Городиского увѣщевателное писмо, чтобъ не пянствовалъ. Отправленъ Данило Городискій въ монастырь Чолнскій съ писмомъ до намѣстника тамошнего Іраклія Лятушевича. Висланные, вруча мнѣ репортъ о своемъ слѣдствіи въ судъ генералный и отъужинавъ у мене, отъехали ночью зъ Городища.

25. Василь Мовчанъ посланъ въ Стародубъ и чрезъ него до Гуриновского денги при писмѣ за дзигарокъ отправлены 25 р. 30 к., да на покупки 2 р.

26. Городискій возвратился, не заставши въ монастырѣ Чолнскомъ намѣстника, отъехавшого въ Кіевъ.

27. Писалъ писма: 1-е въ Глуховъ до Дергуна съ посилкою доношенія обозного Юркевича о дачи сину его за границю пашпорта и писемъ до Скоропадского, до полковника Апостола и до Безбородка писаря генералного; 2-е до канцелляриста Івана Яновского зъ посилкою репортовъ отъ висланныхъ, да зъ сотенного погарского правленія и отъ маистрату; 3-е въ Биковъ до управителя Якова Кондзеровского о долгу на Конону оробьевскомъ; 4-е въ Москву до Кирила Лобисевича о недосланныхъ нумеровъ 52 и 53 газетахъ, и съ тѣми писмами отправленъ въ Глуховъ Василь Мовчанъ, чрезъ которого и кафанъ слугѣ Дмитру посланъ. Сего-жъ числа отъехала дочь наша Анна зъ синомъ своимъ Ѳедоркомъ въ Барики, зъ которою и Запорожець Данило посланъ зъ писмомъ до сотника почепского Староселского о долгу на Григорію Карновичу, да и до зятя Іосифа Рославця о роздѣлѣ его зъ братомъ писалъ-же. Компанѣець Гаврило Баштовый посланъ въ села новгородскіе за висилкою перемѣнныхъ работниковъ на греблю дешковскую.

28. Писалъ подъ вчерашнымъ числомъ до сотника Случановского о Стефану кравцю повторе, чтобъ до его дѣла не имѣлъ.

29. Посиланъ Данило Городискій зъ приказомъ въ Даріевскъ о недачи долѣ хлѣба и сѣна зъ покупленныхъ Оршавою тамъ грунтовъ.

30—31. По утру явились ко мнѣ полу-грекъ и турокъ, посланные въ Муравьѣ за инструкціею описовать сѣно, гвалтовно гримячанами покошенное. Сотникъ погарскій Соболевскій обѣдалъ у мене въ Городищѣ, а туда-жъ въ Муравьевъ и Городискій посланъ.

Сентябрь.

1. Писалъ въ Стародубъ до обозного полкового Юркевича зъ посилкою писма Дергунового, да до Сидора Сосновского съ ордеромъ до полковника о Кишинскомъ, и послано тое чрезъ Василія Мовчана. Отпущены работники, которые дѣлали бляховые шоры, и чрезъ нихъ писано до Сосновского-жъ о денгахъ, перебранныхъ зъ нашого владѣнія 1751-го года за раціоны 13 р. 40 к. Писалъ зъ пѣвчимъ до Гудовича Петромъ Доманскимъ, въ Глуховъ отъехавшымъ.

2. Заняли греблю въ Дешковичахъ самими нашими людьми а послѣ изъ околичныхъ селъ до 30-ти подводъ пріездили въ помогъ

3 и 4. Продолжали тую-жъ работу и здѣланъ переѣздъ по мостахъ на оную греблю.

5. Стали бить палѣ подъ клѣтку, и сего-жъ числа віехавъ я зъ дому къ Глухову, пріехалъ позно въ Чаусы и тамъ ночовалъ.

6. Оттоль послѣ полдня віехалъ и прибылъ на ночь въ Хилчичи, где и ночовалъ у священника тамошнего Петра Борсука.

7. Обѣдалъ въ Шатрищахъ въ домѣ тамошнего священника Стефана, оттоль въ переездѣ чрезъ Ямполь видѣлъся зъ управителемъ тамошнымъ Ѳедоромъ Жуковскимъ въ Гримячцѣ, а въ 11-мъ часу по полудни прибылъ въ Глуховъ.

8. По утру былъ у Скоропадского, а послѣ службы Божой у него-жъ и обѣдалъ. По полдни былъ у мене Гудовичъ и долго въ ночь проседѣлъ.

9. Былъ я въ канцелляріи генералной и дѣла подписовалъ, а чрезъ отправленного куріера въ Москву писалъ до Карновича и до канцеллариста Максима Руновского. Обѣдалъ у мене Гудовичъ.

10. Взялъ пашпортъ изъ генералной канцелляріи для поездки въ Товкачовку на 3 подводы. Писалъ знову въ Москву до полковника гадяцкого и до Карновича, зъ включеніемъ отвѣтного писма отъ Крижановского стороны Андрѣя Карновича.

11. Весь день еще пробавилъ въ Глуховѣ, а по утру былъ у Валкевича.

12. По утру получены газеты зъ Москвы, и Скоропадскій получилъ ордеръ гетманскій зъ дозволеніемъ ему отъезду въ свои маетности на два мѣсяци. Я зъ нимъ въ церквѣ простилъся и,

отобѣдавъ у себе зъ судьею полковымъ нѣжинскимъ Кулаковскимъ и Козачинскимъ, по полдни въ 3-мъ часу отъехалъ зъ Глухова и отдихалъ лошадямъ въ Ярославцѣ. Оттоль по всходѣ мѣсяця віехавъ, прибылъ въ Мушинъ

13 передъ свѣтомъ, и тамъ перемѣня подводы и козаковъ, прибылъ въ Конотопъ въ 12-мъ часу. Тамъ отобѣдавъ, отъехалъ въ 4-мъ часу по полдни и прибылъ въ 9-мъ часу до Голюнки, где у сотника тамошнего Дембовского засталъ Георгія Носенка-Бѣлецкого.

14. Вислушавъ обѣдни въ Голюнцѣ, отъехалъ отътоль въ 12-мъ часу и, проехавъ въ Гайворонъ, на 19-й верстѣ отъ Голюнци попасовалъ коней въ степу. Оттоль-же поехавши, прибылъ въ Ичню поздно и тамъ сталъ квартерою у вдовы сотнички Стороженковой, Анастасіи Івановны Романовичевны, где и отца еи, сотника монастириского, и матку засталъ.

15. Тамъ въ Ичнѣ отобѣдавши, поехалъ и при немаломъ дожчѣ прибылъ въ Товкачовку надъ вечери.

16. Писалъ до Якубовича о своемъ пріездѣ и въ Луку до Остапа Запорожця о прибытіи его сюда, а самъ по полдни ездилъ до футора въ Рудовку.

17, 18 и 19 за дождженою непогодою никуда не бывалъ.

20. Данило Качановскій наказанъ. А по полдни стадо пересматровалъ, изъ котораго взяты двѣ кобилы: одна гнѣдая бѣлокопитая и сивая, да лошаковъ четвертаковъ четири, а третяковъ два. Осталось-же въ стадѣ всѣхъ кобилъ, лошаковъ, лошицъ и сеголѣтковъ жеребятъ числомъ 58, въ томъ числѣ и дригантъ буланый, да двѣ кобилы приблудніе въ дворѣ товкачовскомъ.

21. Знову ездилъ на футоръ и какъ что тамъ строить росказалъ.

22. Полковникъ прилуцкій обослалъ фруктами и протчимъ, а потомъ и самъ у мене былъ зъ полковими писаремъ Александровичемъ и асауломъ.

23. О полдни віехалъ зъ Товкачовки и ночовалъ въ Ічнѣ.

24. Заездилъ зъ Ичнѣ до Іржавця, где чудотворная икона, обѣдалъ въ Фастовцяхъ, а ночовалъ въ Бахмачѣ.

25. Передъ обѣдомъ прибылъ въ Батуринъ и тамъ всякого строенія и полной мелници смотрѣлъ, а на ночь прибылъ въ Алти-

26. Въ Кролевцѣ отобѣдавъ у сотника и взявъ у Николая Калінского канавацу 15 локотъ и штуку полотна галанского за 8 р., заездилъ въ Подоловъ до Скоропадской, а оттоль поехавши, ночовалъ въ Обложкахъ.

27. По утру прибылъ въ Глуховъ и вечеромъ былъ у полковника лубенского.

28. Былъ въ канцелляріи, да до жени писалъ и послалъ три сиры качкавалы и лѣкарства для сина Івана, при писмѣ до Городиского чрезъ компанѣйця Гаврила.

29. Знову писалъ до жены, зъ посилкою 3-хъ кавуновъ и двохъ сотъ слывъ венгерокъ, и до Городиского, да до полковници гадяцкой зъ 3 писмами отъ мужа еи, что все послано чрезъ Стефана Каврайского. Прибылъ войтъ новгородскій.

30. Писалъ до полковника стародубовского на его писмо о войту чаусовскомъ стороны поруччика Кишѣнского и до Сидора Сосновского и до полковници гадяцкой, зъ отсилкою еще одного писма отъ мужа еи. Асаулъ генералный Якубовичъ пріехалъ въ Глуховъ.

Октоврій.

1. Обѣдни слушалъ въ церквѣ св. Анастасіи. Обѣдалъ у мене Павелъ Скорупа зъ женою своею Анною Жураковсковною. Потомъ были у мене-жъ Якубовичъ, Гудовичъ и Чуйкевичъ, а я вечеромъ у Валкевича и Якубовича.

2. Оные писма, что до полковника стародубовского и протчихъ, отпущены чрезъ сторожа поліового въ Стародубъ, а о войту новгородскомъ опредѣлили держать его подъ карауломъ и писать объ немъ къ гетману.

3. Жолдакъ отправленъ въ Москву зъ дѣломъ о Марка Маркевича женѣ и о войту новгородскомъ. Писалъ до полковниковъ полтавского о винѣ, а до миргородского зъ подякованьемъ за присилку винограду. Да писалъ до жены, до Городиского и до Андрѣя чрезъ Михайла Іосифова, конюшого, зъ отсилкою лишныхъ коней и чрезъ него-жъ послано винограду гронъ 26, кавуновъ два, яблокъ сто, дуль сто, голова цукру и гусакъ соли.

4. Кухару Івану Половчевскому, въ зачотъ годового поступленного ему жалованья, дано 2 р., а передъ симъ ему-жъ дано 3 р.

Послѣ полдня были у мене полковникъ лубенскій и Гудовичъ и до позна просидѣли. У значного товариша Григорія Плюшка взятъ конь вороностроватій до нашого цугу.

5. Прибылъ въ вечеру г. Скоропадскій въ Глуховъ и въ вечеру-жъ были у мене Якубовичъ зъ женою и синъ ихъ Александръ Якубовичъ, пажъ.

6. Писалъ писма въ Москву: 1-е до писаря генералного Безбородка сторони челобитной Корсаковой, подаванной въ іностранную коллегію 1751 г. маія 5-го о Перегонѣ и протчемъ, 2-е до Карновича, требуя извѣстія о сину и зъ посилкою приговора суда генералного по дѣлу брата его Григорія.

7. Оные писма отданы помянутому Павлу Якубовичу, отъежджаючому въ Москву, при которомъ и компанѣецъ Остапъ Голота команды Чернявского новонабранной отправлялъся.

8. Оный пажъ Якубовичъ отъехалъ къ Москвѣ, а полковникъ лубенскій г. Апостолъ зъ Скоропадскимъ до Подолова. Компанѣецъ Гаврило пріехалъ. Отданъ волъ для забитья и роспроданья рѣзникамъ глуховскимъ.

9. Сотникъ лубенскій Іванъ Огроновичъ прислалъ 10 кавуновъ, до которого писалъ и о деревахъ молодихъ сливъ венгерскихъ. Обѣдалъ у іменинника Якова Якубовича, асаула генералного, зъ Чуйкевичемъ и Заруцкимъ, постъ-директоромъ. 9-го-жъ числа купленъ гай у козака села Берези Якова Павленка на зрубъ за 8 р. и дано ему въ задатокъ 4 р.

10. Обѣдали у мене Іваненко и Данило Ширай, а по полдни пріездилъ Ѳедоръ Чуйкевичъ и взялъ рукописную книгу о неудобь носимомъ игу. Полковникъ Лизогубъ возвратилъся зъ Скоропадскимъ.

11. Писалъ писма въ Москву до полковника гадяцкого зъ посилкою отъ жены его писма, да до Лобисевича о газетахъ. Вечеромъ былъ у Скоропадского. Писалъ-же и до жены зъ посилкою канавацу 15 локотъ и протчего, да до Д. Городиского на его писма. Антонія Ботарского жена умерла.

12. Писалъ до Городиского-жъ о присилки дѣла зъ Кишинскимъ, что у Сидора Сосновского. Оная Антонія жена похоронена. Вечеромъ былъ у Якубовича. По утру куріеръ пріехалъ зъ Москвы, другого туда отправили.

13. Объ отпуски обозного и писаря полкового нѣжинскихъ опредѣлили и писару данъ меморіалъ нѣкоторые дробязки справить. Вчора и сего числа обѣдалъ у мене Михайло Стогоровичъ, а въ вечеру явился Іванъ Дащенко зъ писмами зъ Стародуба.

14. Прибывшый Іванъ Дащенко зъ писмами подалъ зъ козаками доношеніе въ генералную канцеллярію.

15. У г. Якубовича обѣдалъ зъ Гудовичемъ, которому вѣдомость пришла, что внукъ ему отъ дочери его, а Ѳедора Савича жены, родился сего мѣсяця 9-го числа, Яковъ.

16. Явился въ Глуховѣ зъ Москвы прибывшый новоопредѣленный сотныкъ ічанскій Іванъ Новѣцкій, откупщикъ полку прилуцкого, которому дана была подорожная зъ економической канцелляріи, но оная отобрана и подводъ не дано.

17. Писалъ до сина въ Киль, чтобъ на мои писма отъ 4-го мая, 18-го юня и 22-го юля учинилъ отвѣтъ и о своемъ поведеніи увѣдомилъ, да до господъ корнетовъ Петра и Якова Скоропадскихъ, чтобъ тое писмо до него по почтѣ чрезъ Ригу переслали. Писалъ въ домъ до жены и до Івана сина, зъ посилкою ему 2 цитронъ и 3 лимонъ, да до Городиского о имѣючемъ быть въ полковой стародубовской канцелляріи на зимные мѣсяци рацій и порцій расположеніи, и тѣ писма отправлены чрезъ Лавріна Цяпу.

18. Велѣли писать до гетмана прошеніе о обидѣ отъ Теплова чрезъ сообщеніе присланное о порціяхъ на жолдаковъ по-казанное, и для того съежжались трое, а я не былъ за болѣзнію на поперекъ.

19. Такое прошеніе и при томъ фрукты, яблока и дули отправлены по почтѣ чрезъ жолдака въ Москву, а туда-жъ изъ економической канцелляріи отправленъ канцеллористъ ихъ по почтѣжъ, и до господъ Скоропадскихъ молодыхъ отъ отца ихъ посланы его и мои писма.

20. Посланы писма въ Стародубъ чрезъ Івана Дащенка до полковника по дѣлу зъ Кишинскимъ, о томъ-же и о другихъ дѣлахъ писалъ до писаря судового Григорія Гаевского и до Сидора Сосновского, да до сотника новомѣского Андрея Силевича о козакахъ старыхъ и заполскихъ Халіевичъ чрезъ Івана-жъ Дащенка. Обѣдалъ у Гамаліи съ Гудовичемъ, а послѣ у него-жъ были Скоропадскій и полковникъ Апостолъ, а у мене онъ-же. Гамалія и прежде

Якубовичъ. Обокрадено бунчукового товарища Михайла Іваненка служителемъ его.

21. Обослалъ мене Якубовичъ капустою нѣмецкою, а изъ канцеляріи прислано яблокъ 67, да поддуліокъ 30.

22. Послѣ полдня въ 2-мъ часу громъ былъ отъ запада. Пріехавшый асаулъ полковый прилуцкій, Никифоръ Белецкій Носенко, былъ у мене.

23. Послана челобитная въ полковый прилуцкій судъ на завладѣвшыхъ села Товкачовки посполитими грунтами, зъ сообщеніемъ именной вѣдомости и сенатского о непокупки такихъ грунтовъ запретителного указу копій, да о томъ-же и о прежней стороны Княжихъ Лановъ челобитной и подискихъ (с. Подища) грунтахъ, козаками завладѣнныхъ, писалъ до полковника прилуцкого Галагана и что по тѣмъ дѣламъ повѣрилъ я ходить товарищу войсковому Георгію Белецкому Носенку, или кому онъ повѣритъ; да чрезъ него-жъ писано и до Якова Супруненка въ Товкачовку, кой сего-жъ числа и отъехалъ въ домъ. Лаврінъ Цяпа пріехалъ зъ Новгородка.

24. Пріехалъ Стефанъ компанѣецъ зъ дому. Обѣдалъ у мене Гамалія, а вечеромъ былъ я у Скоропадского.

25. Писаны писма въ домъ до жены, до Городиского и до зятя Савича, а надъ вечери были у мене сины полковника гадяцкого Яковъ и Петръ, чрезъ которыхъ отданы писмо и пакетъ зъ картинами, да сотникъ бахмацкій Кирило Забѣла.

26. По утру была у мене полковниця гадяцкая и Іванъ Гамалѣя. По полдни былъ я у Якубовича и простилъся съ обоими. Отправлена жонка Варка въ домъ. Писалъ въ Москву до полковника гадяцкого и послалъ къ нему для подачи писма: 1-е отъ Якубовича до Безбородка, 2-е до Карновича отъ мене подъ завтрешнымъ числомъ.

27. Послано писмо до архимандрита печерского о обидахъ отъ попогорского (Поповой Горы) городничего и жителей Перелаза и Макаричъ, нашимъ лотоковскимъ и курчанскимъ людямъ починенныхъ. По полдни прибылъ Матвѣй компанѣецъ изъ Городища съ вѣдомостью о нещаслывомъ рожденіи Настусиномъ нежнвого сина, почему и отправлены въ домъ зъ писмомъ до жены и нѣкоторими лѣкарствами Лаврінъ Цяпа и Степанъ компанѣйци. Іванъ Гамалія вечеромъ былъ у мене, а въ Москву отъехалъ канцелляристъ Пісоцкій съ оними писмами.

28. Весь день пробылъ въ домѣ за своею скорбію. Вечеромъ былъ у мене лавникъ маистрату кіевского Герасимъ Кувѣчинскій зъ писмомъ отъ магистрату.

29. Вечеромъ были греки зъ Нѣжина, подавшіи доцошеніе на тамошнего полковника Петра Розумовского.

30. На сотництво лубенское подали кандидати выборы. Вчора купленный за два рубли казанъ желѣзный отданъ до валнѣ въ Рубановку чрезъ коваля Уласа.

31. Писаны писма въ Москву до Лобисевича о газетахъ, въ Прилуку до полковника Галагана о Дмитру Маленку, до судіи Огроновича о долгу хлѣбномъ на значковомъ товаришу Ѳедоренку и о Матвѣю Петрушѣ, въ Товкачовку до Алексія Петруши и до господаря Супруненка.

Ноеврій.

1. Оные писма отпущены чрезъ товкачовскихъ козаковъ Маленка и Петрушу и съ ними-жъ посланъ конь вороностроватій попа Олшанского.

2. Писалъ до полковника переяславского на его писмо о репремандѣ. Петро компанѣецъ пріехалъ зъ писмами отъ жены и зятей.

3. Привезена риба зъ Лѣсконогъ и у мене обѣдали нѣсколко канцеляристъ.

4. Отправленъ Петро компаніецъ въ домъ зъ писмами до жены, до дворецкого и конюшого, да чрезъ него-жъ посланы 2 лимоны Настусѣ и закусокъ въ паперѣ дѣтямъ, да футро заячое сестрѣ Уліанѣ, 2 черные ножи сломаные и писмо въ Лѣсконоги къ Д. Городискому. Я принималъ лѣкарство въ конфектѣ и за тѣмъ не былъ въ канцелляріи. Писалъ до Георгія Белецкого-Носенка о товкачовскихъ дѣлахъ.

5. Писалъ въ Москву до канцеляристы Максима Руновского о исходатайствованіи на канцелярскую цедулу, посланную въ коллегію іностранную, отвѣту о челобитной Корсаковой стороны Перегона и проч. Обѣдалъ у мене сотникъ батуринскій и канцеляристъ.

6. Сотникъ глуховскій Дамянъ Турянскій прислалъ пять сулій водки дубелганисной, зъ нашого цукру дѣланной, а отъ войтенка полтавского принесени 2 бочонки гданской водки.

7. Писалъ до Крижановского на его писмо при присилки отъ него покупленныхъ въ Нѣжинѣ футеръ двохъ лисѣхъ, трохъ заячихъ и трохъ штукъ габы, писанное ко мнѣ въ отвѣтъ.

8. Будучи званны ради тезоименитства г. Скоропадского, обѣдали у него всѣ здесь знатные, въ томъ числѣ и я, и до позна у него просидѣли. Сего-жъ числа о полдни господинъ генералный обозный Семенъ Кочубей, да Тарнавскій и Павелъ Міклашевскій прибыли въ Глуховъ изъ Москвы.

9. По утру былъ у мене Міклашевскій и подалъ писмо, отъ Михайла Ширая писанное, а въ 10-мъ часу предъ полуднемъ ездили мы всѣ 4 изъ генералной канцеляріи до г. обозного генералного съ отданіемъ ему візиты и тамъ и съ панею его видѣлись. Получилъ писма отъ гг. брегадира Коченевского и отъ полковника нѣжинского Розумовского, за нѣкоторымъ Богдановскимъ писанные. Писалъ я до Д. Городиского въ Лѣсконоги о рибѣ, тамъ наловленной и насоленной, и о протчемъ. Писаны писма въ Москву до полковника гадяцкого зъ посилкою отъ жены его писма, да до Карновича и до Вінклера и до сина въ Киль; до Михайла Ширая на его писмо, чрезъ Міклашевского поданное. о забранномъ городчанами хлѣбѣ.

10. Оные писма для отправленія въ Москву по почтѣ вручены постъ-директору Семену Заруцкому и еще одно писмо до полковника гадяцкого, отъ жены его сего числа полученное. Въ 10 часу сехались мы трое, полковникъ лубенскій Апостолъ, Гудовичъ и я, въ генералную канцеллярію, потомъ прибылъ туда и бунчуковый товарищъ Яковъ Тарнавскій и объявилъ три ордери: 1-й ему, на его имя писанный, о забратьѣ всѣхъ писемъ и отпусковъ о нарядахъ, зъ Малой Россіи чиненныхъ, такъ по его комессіи несвѣдомыхъ, яко и по експедиціи строеній работнихъ людей и подводъ, и то все онъ тамъ-же и забралъ; 2-й о порученіи правленія въ генералной канцелляріи обозному генералному г. Кочубею и подскарбію г. Скоропадскому, а насъ объ отпускѣ въ домы; 3-й о дачи подорожныхъ отъ г. Теплова на почтовые подводы на щотъ лошадей економической канцелляріи, и мы послѣдные всѣ отпуски по нашымъ резолюціамъ закрепивъ, отъехали въ домы. Вечеромъ былъ я у г. Скоропадского.

11. Отправленъ Гаврило Баштовый зъ приказомъ до войтовъ юхновского и команского о висилки 5 одноконь подводъ и чрезъ него-жъ посланы писма до жены и до Д. Городиского. Іванъ кухарь и Іванъ Городискій наказаны за пянство. Въ вечеру были у мене перво Яковъ Тарнавскій, потомъ обозный генералный Кочубей и Стефанъ Тамара. Писалъ въ Товкачовку до Супруненка объ отъездѣ своемъ въ домъ и чтобъ прислалъ осѣнные денги въ Городище.

12. Писалъ до Якубовича, обявляючи о своемъ отпуску въ домъ, да до Якова Кондзеровского въ Биковъ о доправки денегъ 9 р. 8 к. на Конону Оробеевскомъ и отдано тое писмо въ економической канцелляріи для отсилки до Бикова. Вечеромъ былъ я у Скоропадского, а обѣдалъ у Гудовича.

13. Обѣдали у мене канцеляристи Ілля Григоровичъ Шутенко и Лукянъ Огіевскій протоколистъ, да повѣренный Захарій Котляревскій. Вечеромъ былъ у г. Валкевича, асаула генералного и о дѣлахъ въ судѣ генералномъ имѣючихся съ нимъ говорилъ.

14. Обѣдалъ я у г. Скоронадского, а у мене канцеляристи Огіевскій, Шутенко, Городискій и два повѣренныи, Котляревскій и (*пробѣлъ*), да переводчикъ Петръ Семеновскій. Вечерялъ-же я въ домѣ съ Городискимъ и Шутенкомъ.

15. Подано доношеніе въ судъ генералный за моею и Алексія Покорского руками о добрахъ рубановскихъ, и доселѣ Міклашевскою Стефановою и дѣтми еи владѣемыхъ. Вечеромъ былъ у обозного генералного Кочубея и съ нимъ и съ бунчучнымъ Оболонскимъ простилъся, потомъ у Скоропадского зъ Валкевичемъ, съ полковникомъ лубенскимъ и съ Яковомъ Марковичемъ простилъся.

16. Въ 11-мъ часу предъ полуднемъ простились зъ Симоновскимъ и Шутенкомъ, віехавъ зъ Глухова, обѣдалъ въ Слоутѣ, а ночевалъ въ Москвѣ. Зоставилъ облѣгъ Оробьевского и Гаврила Баштового.

17. Обѣдалъ въ Пѣроговцѣ, а переездомъ чрезъ Новгородокъ заплатилъ за покупки справованные 18 р. 20 к. На ночь прибылъ въ Лѣсконоги.

18. Обѣдалъ въ Лѣсконогахъ, прибылъ на ночь до Городища.

19. Никуда зъ двору не бывалъ.

20. Ездилъ въ новопостроенную мелницю въ Дешковичи; жена зъ дѣтми по исповѣди сообщалась св. Тайнамъ.

21. Прибылъ козакъ съ писмомъ отъ сотника глуховского зъ урядомъ о дѣлѣ войта глуховского зъ Павломъ Калиниковымъ.

22. Отпущенъ оный козакъ съ отвѣтомъ къ сотнику и чрезъ него-жъ писалъ до Скоропадского зъ посилкою копіи указу о Теплову, да до Гаврила Баштового, чтобы имѣли осторожность около двора глуховского.

23 и 24 прожилъ въ домѣ и розданы деньги на пенку въ старіе села.

25. Были у насъ въ Городищѣ на молебствіи Стефанъ Кочержинскій зъ женою и пѣвчій, зять Криксихинъ, которые и обѣдали у насъ-же.

26. Отправленъ Городискій въ Стародубъ зъ писмами до полковника и до Подлузного для присутствія при расположеніи.

27. Ключникъ и мамка наказаны за сокъ лимонный. Григорій Гуриновскій надъ вечери пріехалъ и ночовалъ.

28. Оный-же по утру отъехалъ. Писалъ къ Городискому въ Стародубъ и послалъ вѣрючое доношеніе на имя канцеляриста полкового Николая Чернявского.

Декабрь.

12. Посланъ въ Глуховъ Лаврінъ Цяпа для свозу сѣна и дровъ и чрезъ него до сотника глуховского писано.

13. Данило Городискій рано, а жена по обѣдѣ отъехала до Стародуба.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ АВТОРА „ДНЕВНИКА“ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА.

Въ имя пресвятыя, единосущныя, животворящія и нераздѣлимыя Тройцы, Отца и Сына и Святаго Духа аминь.

На память въ предбудущее время.

Создатель нашъ и Богъ, Господь Іисусъ Христосъ, Единородный Сынъ и Слово Отчее, въ спасительной своей евангельской проповѣди увѣщати насъ благоизволилъ: яко не вѣмы дня и часа пришествія Его и кончины жизни нашей, и потому должность намъ предлежыть на всякое время усердно ему, Творцу и Искупителю нашему, молитись, чтобъ съ чистою совѣстію и истиннымъ покаяніемъ удостоились предстати предъ судомъ Его Божіимъ. Что и я ниже имянованный, тогожъ Господа Бога и Спасителя моего рабъ, имѣя въ памяти и о неизвѣстномъ смерти моея часѣ по человѣчеству-жъ и о ежечасномъ приближеніи къ концу моего жытія всегда размышляя, ибо уже по благоволенію Зиждителя моего выше шестидесяти лѣтъ жызнь мою провожду, будучи-жъ еще, по Его милосердію Божескому, при здравомъ и совершенномъ моемъ разсужденіи, а приводя себѣ повседневно на память смертность мою, разсудилъ заблаговременно сочинить остатной волѣ моей завѣтъ, или тестаментъ; которій да будетъ въ нижеслѣдующемъ порядки.

1. Исповѣдую предъ Создателемъ всея твари и Вседержителемъ Богомъ моимъ, такожъ всѣмъ, кому только вѣдати будетъ о томъ угодно, чрезъ сіе объявляю, яко я грѣшный въ истинной христіянской вѣрѣ, самимъ Христомъ Господомъ и избранными его сосудами, апостолами святыми, поставленной и отъ всѣхъ, во святыхъ почитаемыхъ, православнаго восточнаго исповѣданія учителей проповѣдуемой и благоузаконе-

ніями утвержденной, по сей моментъ житія моего твердо состою и въ той-же самой вѣрѣ умерти желаю.

2. Что подлежитъ до погребенія грѣшнаго тѣла моего, когда оное, по волѣ Живодавца нашего, съ душею розлучится, тое предаю въ волю и распоряженіе наслѣдниковъ моихъ, то есть жены и дѣтей, которимъ при томъ бити случится, и гдѣ оны похотять, тамъ да и погребутъ тѣло мое грѣшное, какъ-бы самого послѣдняго стану христіянина; ибо я, елико отъ мене, о томъ не брегу, гдѣ-бъ мое тѣло ни положенно было, имѣющееся обрѣстись въ день судный пришествія Христова съ надеждою радостною оному востанія и явленія предъ Искупителя нашего, которій въ удовлетвореніе правосудію Божію за грѣхи всего міра вседражайшую кровъ свою изліяти изволилъ; обрядовъ-же и церемоній никакихъ при погребеніи не требую; доволно будетъ и того, ежели что ради публичного церковного обыкновенія оставлено быть не должно, какъ-то и въ подаяніи къ церквамъ, особливо скуднымъ, и бѣднымъ нищымъ милостыни, и тое предаю въ разсмотрѣніе жены моей и моихъ наслѣдниковъ.

3. Женѣ моей Іуліянѣ, Петровой дочери, Корецковнѣ, которую понялъ я въ супружество дѣвицею и съ оною благословеніемъ Божіимъ прижылъ мужеска и женска полу дѣтей (изъ коихъ осталось два сына, Василій первородный и меншій Иванъ, а дочерей пять, изъ которыхъ двѣ выданы въ замужество за бунчуковыхъ товарищей, Анна за Іосифа Васильева сына Рославца, а Настасія за Петра Ѳедорова сына Савича, а три дѣвицы Марѳа, Ефросинія и Евдокія, протчіи же волею Божіею въ младенчествѣ преставились) завѣщеваю, какъ насъ Богъ сочеталъ былъ и по сочетаніи жила она со мною по се время чрезъ тридцать одинъ годъ честно, вѣрно, любительно и постоянно, такъ когда тому-жъ Господу угодно покажется окончаніемъ жывота моего розлучить насъ, дабы любовь и милость ко всѣмъ помянутымъ дѣтямъ нашимъ равную и попеченіе о оныхъ одинакое имѣла, ибо не можетъ она болшей прислуги Богу и мнѣ, супругу своему, благодарности показать, яко когда сихъ, ихъ же далъ Богъ намъ супружества нашего плодъ, будетъ наставлять и утверждать и воспитывать въ страхѣ Божіи и во всемъ протчемъ содержать такъ, дабы оны Богу, государю и отечеству угодны быть могли, и исправляя ихъ ко всякому благочестію и честности; оные-жъ дѣти мои всѣ должны ей, матери своей, по смерть еи быть послушны и почитателны, а между собою содержать всегда взаимную любовъ и нерозривное согласіе, прилѣжа во всемъ благочестному и со всѣми ближними и далекими сродниками, свойственными и друзьями и изъ посторонными любителному обхожденію; вѣру-же и исповѣданіе

православной восточной церкви твердо и непоколебимо оны-жъ по жизнь свою да содержатъ, въ томъ ихъ особенно отеческою властію увѣщеваю.

4. А дабы по кончынѣ моей между тыми-жъ позосталыми наслѣдниками моими, помянутыми двума сынами, старшымъ Василіемъ, а меншымъ Иваномъ, и другими дѣтьми, и женою моею Іуліаною Петровною Корецковною не произошло иногда какое несогласіе, особливо о движымомъ и недвижымомъ имѣніи, которимъ мене Всевышній Богъ, по своему неизреченному милосердію, благословити соизволилъ за службы и за труда мои, а иное и общимъ съ оною женою моею стараніемъ приобрѣли; то и оного имѣнія моего распредѣленіе чиню по нижеслѣдующему:

Старшому сыну моему Василію, о которомъ я, по должности родительской, а по возможности моей, въ приличномъ воспитаніи его и въ обученіи доволно прилагалъ своего старанія и издержалъ на то кошту не мало,—онъ-же потому принялъ и военную службу у всемилостивѣйшаго государя нашего, его императорского высочества, государя великого князя, наслѣдника імперіи всероссійской и владѣтелного герцога слезвікъ-голстынского, и по высочайшей его імператорского высочества милости пожалованъ флигель-адьютантомъ и лейбъ-драгунского голстынского полку капитаномъ,—опредѣляю зъ выслуженныхъ мною селъ и деревень ниже выраженные, а именно: въ полку стародубовскомъ, въ сотнѣ новгородской, села *Лѣсконоги*, *Команъ* и деревню *Юхновъ*, да въ погарской сотнѣ села *Чаусы* съ скуплями, *Случевскъ* и *Доріевскъ*, тако-жъ деревни *Муравьи* и *Сопычи*, со всѣми принадлежностями, и скуплю всю въ деревнѣ *Лукинѣ* зъ селидбами, огородами, полями и сѣножатьми и гаями, по обоимъ сторонамъ рѣки Судости будучыми (кромѣ старой рощи перегонской), такожъ скуплю въ селѣ второй сотни полковой стародубовской *Курковичахъ* съ дворомъ нашымъ тамошнимъ, и грунтами, гаями и сѣножатьми и зъ подсусѣдскими дворами, а въ сотнѣ новомѣсской за селомъ *Лотоками* двѣ слободки, *Николаевку* и *Кургановку*, со всѣми-жъ къ нимъ принадлежностьми, дворъ въ городѣ Глуховѣ жилый на улицѣ бѣлополовской, и два дворики, у жителей глуховскихъ Петра Коваля и Никифора Садовничого купленые, да въ полку прилуцкомъ полковой сотнѣ при селѣ *Товкачовкѣ* покупленные гаи и грунта, и въ сотнѣ переволочанской село *Подище* съ подданными и всѣми принадлежностьми, такожъ хуторъ Рудовскій, купленный, со всѣми къ оному прикупленными жъ грунтами и угодіями, и двома мельницами вѣтъраными, и всѣмъ тымъ безъ изъятія, что въ универсалахъ гетманскихъ, на помянутыя села и деревни данныхъ, и въ крепостяхъ урядовыхъ на покупленніе всякія угодія изображено.

Сыну же моему меншему Ивану, полку стародубовского въ сотнѣ погарской при селѣ *Городищѣ* дворъ жилой со всякимъ строеніемъ и уборствомъ, съ гумномъ, огородами, съ мелницею и двома подданными, такожъ съ скуплями, что въ Городищи и въ Гриневцѣ за рѣкою Варенцою къ Борщеву и къ новой Варе и къ Даріевску будучими, да деревни *Перегонъ* и *Дешковичи* съ дворомъ тамошнимъ жылымъ, и съ землями пахотными и сѣнокосными, съ огородами, имѣючимись въ перегонскомъ и городѣцкомъ грунтахъ, и деревни жъ *Чубаровъ* и *Куровъ*, со всѣми къ нимъ принадлежностьми, и футоръ называемый Василювка со всѣмъ тамошнимъ грунтомъ, и съ слободкою *Василювкою* и съ млыномъ на речце Бозкой, такожъ дворъ шинковый въ Погарѣ, у тамошнихъ жытелей, прозываемыхъ Сорокъ, купленный, и другій дворокъ неболшый Сенчиловскій; сотнѣ второй стародубовской въ деревнѣ *Случку* скупленные грунты, то есть пахотное поле, сѣножати и гаи, и въ тамошнихъ дворахъ живучіе люди; сотнѣ новомѣсской въ селѣ *Лотокахъ* и въ слободкѣ *Ивановкѣ* дворы наши со всѣмъ и на всѣхъ скупленныхъ селитбахъ мешкаючіе подданные въ Лотокахъ же, и въ Ивановкѣ млынъ на рекѣ Папужи, тамже недалече отъ Ивановки, о двохъ колахъ мучныхъ, а третомъ ступномъ; да дворикъ въ Батуринѣ на предмѣстью у батуринскихъ жытелей, городничого сотенного Антона Мелешка и брата его Павла, 1750 году июня 6-го дня купленный; а мелници при деревни Дешковичахъ на рекѣ Судости состоящія, колъ мучныхъ шесть и одно ступное, онымъ обоимъ сынамъ моимъ пополамъ и тую греблю дешковскую оправлять и, что принадлежитъ къ онымъ мельницамъ, всякую надобность исправлять обоимъ имъ, сынамъ моимъ, равномѣрнымъ коштомъ и иждивеніемъ пополамъ-же; имѣющіяся-же на всѣ вышепрописанныя села, деревни, хутора, скупли и всякія грунты и угодія письменныя крепости, а именно высоко-монаршую грамоту на *Перегонъ* и *Дешковичи*, на *Куровъ* и *Чубаровъ*, правительствующого сената указы и универсалы гетманскіе и между гетманствомъ данные, да и на протчіе села и деревни универсалы-жъ гетманскіе, а на скупли и другія всякія грунта и угодія купчія записи урядовые и другіе письменные документы, должны отъ нихъ сыновъ моихъ разобраны быть порядочно, кои которому служать на тіе добра, какіе каждому изъ нихъ въ семъ пунктѣ выше сего прописанны и отъ мене легованны.

5. А поколь жена моя, а ихъ мать Іуліяна Петровна Корецковна въ живыхъ обретатся будетъ, то ей жыть въ домѣ нашемъ городецкомъ съ сыномъ нашимъ меншимъ Иваномъ и при себѣ дочерей дѣвицъ содержать по замужество ихъ, а на содержаніе ей по смерть еи и дочерей по замужество изъ вышеписанныхъ селъ и деревень должны ей

прислушать половинное число, а именно: изъ части старшого сына Василія села Чаусы и Случевскъ, деревни Муравьи и Сопычи, а изъ меншого Ивана деревни Куровъ и Чубаровъ и колъ двѣ мучныхъ на греблѣ дешковской, и половина ступчика, изъ купли въ Курковичахъ и Случку, да въ Лотокахъ скупли-жъ съ дворами, и хуторъ Ивановскій съ мелницею на Папужи, и слободки Николаевка и Кургановка, со всѣми къ онымъ селамъ и деревнямъ грунтами, селитбами, огородами, шинками, хлѣбомъ всякимъ и якія толко тамъ имѣются рухомости, яко то: казаны винничные и всякая посуда, скотъ и протчое, и всякіе-жъ зъ оныхъ на содержаніе свое и дочерей и на выпосаженье ихъ собирать доходы и прибыли имѣть; когда-же дочерей всѣхъ троихъ распорядитъ и повыдаетъ въ замужество, то и самой ей, по смерть еи, жыть въ дворѣ городецкомъ-же съ меншымъ сыномъ Иваномъ и владѣть ей же особенно деревнею Куровомъ и селомъ Чаусами зъ шинками и зъ тамошнею чаусовскою скуплею, тако-жъ скуплями въ Случку и въ Курковичахъ съ тамошними грунтами, дворами и людьми, и где она похочетъ винничный заводъ для своего собственного обиходу устроити, свободно ей будетъ; да ей-же и двома колами въ мелницахъ дешковскихъ и въ ступнику третою долею приходовъ владѣть по смерть свою; а изъ денегъ моихъ наличныхъ, кои могли-бъ быть по выданью дочерей моихъ въ замужество, и протчей движимости, взять ей по жызнь свою равную часть съ оными сынами моими опредѣляю.

6. Дочерямъ моимъ троимъ, дѣвицамъ Марфѣ, Ефросиніи и Евдокіи, быть при матери ихъ и жить съ нею неотлучно до того времени, покамѣсть Богъ дасть къ нимъ людей, имѣть же имъ свое содержаніе въ пропитаніи, одѣяніи и во всякихъ потребностяхъ, по разсмотрѣнію материнскому, зъ доходовъ того всего имѣнія моего недвижимого, которое выше сего въ 5-мъ пунктѣ матери ихъ и имъ до выдачи ихъ въ замужество опредѣленно и именно прописанно; такожъ должна быть выправа ихъ въ одѣяніяхъ, бѣльи и всякомъ приборствѣ дамскомъ, и въ серебрѣ, цынѣ, мѣди, поездѣ, лошадяхъ и въ протчемъ всемъ противъ того, якъ другіе двѣ дочери наши Анна и Анастасія выданны, въ чемъ оба сыны мои и отъ себе на тую-жъ выправу должны вспомоществованіе учинить, а сверхъ того каждой дочерѣ изъ нихъ дѣвицъ, при выдачи ихъ въ замужество, изъ наличныхъ моихъ денегъ по четыриста рублей и по пятдесятъ осмачокъ жита дать, да и выданнымъ уже въ замужество дочерямъ Аннѣ и Анастасіи додать еще по двѣстѣ рублей денегъ, а Аннѣ и пятдесятъ осмачокъ жита, понеже имъ обоимъ уже при сватбѣ отъ насъ по двѣстѣ рублей денегъ, а Анастасіи и пятдесятъ осмачокъ жита дано; чтожъ-бы имѣло быть еще за

выдачею оныхъ трохъ дочерей въ остаткѣ, въ серебрѣ, цынѣ, мѣдѣ и другихъ тому подобныхъ сосудахъ и въ хлѣбѣ, оное все роздѣлить между двохъ сыновъ пополамъ, а зъ тогожъ они имѣютъ и матерѣ своей, когда будетъ жива, по вышеобъявленному удѣлить надлежащую часть. Оружье всякое и приборъ, мужескому полу приличествующіе, такожъ конскіе и до поезду надлежащіе уборства, обоимъ сынамъ пополамъ. А понеже на меншого сына нашего Ивана не столько еще нашего кошту сойшло, сколько на старшого Василія, для того тому-жъ меншому сыну Ивану перстень съ бриліантами, отъ всемилостивѣйшей государини, ея императорского величества, жалованный мнѣ въ 1744-мъ году, когда обрѣтался я при высокомонаршемъ дворѣ отъ всей Малой Россіи депутатомъ, легую; ибо старшому сыну Василію достался былъ отъ мене перстень золотый, немалой цены, зъ болшимъ камнемъ синимъ шафировымъ, но оный имъ самимъ утраченъ; да и серебряный платъ деманажъ съ футляромъ и со всѣми въ немъ будучими сосудами, и часы мои карманные серебрянные томужъ сыну моему меншому опредѣляю. Чтожъ касаеться до лошадей, рогатого скота, овецъ и другой всякой живности и дробины, оставшихся послѣ выдачи въ замужество вышеименованныхъ дочерей моихъ троихъ, тое все, въ наличности будучее, имже сынамъ на двѣ ровныя части роздѣлить, изъ коихъ они по части и матцѣ своей удѣлить должны. Всѣмъ моимъ вышеписаннымъ, движимымъ и недвижимымъ, имѣніемъ, помянутымъ обоимъ сынамъ моимъ въ роздѣлъ означеннымъ, имѣютъ оны сами и наслѣдники ихъ владѣты и корыстоваться, и не токмо оного не потеряти марно, но еще старатися и присовокупити заслугою и трудами своими; а еслибъ которому изъ нихъ, сыновъ моихъ, либо ихъ наслѣдниковъ, приключилась при какой правилной нуждѣ необходимость, а не по сустратству, завести что изъ недвижимыхъ добръ въ закладъ или въ продажу, то на сторону никому не заводить, но долженъ братъ брату, или его наслѣдникамъ, таковое своего жребія имѣніе завести, а тотъ въ закладъ принять, либо и продажею заведенное заплатить ему имѣетъ, а за измертвіемъ другого брата безъ наслѣдія, сестрамъ своимъ или ихъ наслѣдникамъ тое-жъ имѣніе завести, закладомъ ли или продажею, повиненъ.

7. Если-жъ бы жена моя, а матка ихъ Іуліяна Петровна Корецковна, по волѣ Божіей, жизнь свою окончила, не повыдававши всѣхъ троихъ дочерей нашихъ дѣвицъ, или одной, либо двохъ въ замужество, но осталися бы оные при ней въ дѣвичествѣ; то сыны мои оба должны оныхъ дочерей моихъ при себѣ содержать по ихъ замужество въ такомъ добромъ распорядкѣ и честномъ содержаніи, какъ бы они и при матери

живучи были содержани, якъ выше сего въ 6 пунктѣ обстоятелно изображено. А обнявши они-жъ сыны мои оба, послѣ смерти матки своей, всѣ недвижимыя добра, въ 4-мъ пунктѣ именно на каждаго сь нихъ росписанніе, и тые тако-жъ, что матери ихъ до живота еи въ 5-мъ пунктѣ было означенно, должны будутъ, сверхъ содержанія тихъ сестеръ своихъ дѣвицъ по вышепрописанному до замужества ихъ, когда которую прійдетъ и выдавать въ замужество, зъ такою выправою во всемъ выдавать непремѣнно, какъ въ 6-мъ пунктѣ жъ обстоятельно показано, тожъ повинны они чинить и другихъ выдаючи за-мужъ, о семъ ихъ обоихъ сыновъ моихъ Василія и Ивана подъ неблагословеніемъ Божіимъ и моимъ родительскимъ накрепко увѣщеваю и приказую.

8. За женою моею Іуліаною Корецковною данъ былъ отъ покойнаго тестя моего, бунчукового товарища Петра Корецкого дворъ Самусенковскій, за городомъ на черниговской улицы въ Стародубѣ, близъ церкви Святого Духа имѣющійся, а отъ покойной тещи моей же Анастасіи Миклашевсковны другій малый дворокъ по той же улицѣ за церквою Аѳанасіевскою будучій, и понеже тые два дворы даны мнѣ были за оною моею женою, то хотя къ Самусенковому двору и мною нѣсколько плецовъ зъ строеніями и нѣсколько малыми шматами земли прикуплено и тѣмъ оной дворъ распространенъ, и состроены вновь моимъ немалымъ коштомъ хоромы и другая всякая пристройка здѣлана, однакожъ тотъ весь дворъ мой и другій, что за Афанасіевскою церквою, оставляются при женѣ моей; тако-жъ когда оной достанется еще что изъ материзны ея, о которой отысканіи стараться мнѣ она урядовие препоручила, то и оное должно быть при ней и въ ея полной волѣ, и изъ того всего, либо что и еще собѣ пріобрѣтетъ, да и что противъ вышепрописанного зъ моего движимаго имѣнія и изъ денегъ и серебра, зъ сынами подѣлившись, озметь, кому она изъ дѣтей или на всѣхъ похощетъ что опредѣлить, въ томъ онажъ силна и волна остается; толькожъ и ея увѣщеваю, чтобъ двора нашего, на черниговской улицѣ будучого, мимо сыновъ моихъ Василія и Ивана, другому никому не отдавала, но былъ бы оный обоимъ имъ для пріезду и временного прожитія, которій и оправлять и содержать имъ общимъ же своимъ коштомъ надлежитъ; еслижъ бы она не распредѣлила жена моя того вышеозначенного своего имущества и изъ материзны, и не записала никому за своего живота, то по кончинѣ ея все оное должно ити въ равный раздѣлъ на сыновъ и на дочерей, подлугъ права, кромѣ селъ, мелницъ, скупель и другихъ грунтовъ и угодій, въ пятомъ пунктѣ по смерть еи толко означенныхъ, которіе должны возвратитись въ домъ мой и оста-

ваться при сынахъ моихъ, подлугъ росписанія на нихъ порознь, въ четвертомъ пунктѣ изображенного.

9. Брату моему родному, отцу Іоану Ханенку, священнику святоспаской козелецкой церкви, съ его женою и дѣтьми, имѣютъ сыны мои зъ оставляючогося имъ отъ мене наслѣдія, моими трудами и заслугами, по благости Божіей, набытого, дать денгами рублей пятдесятъ, ибо ему уже отъ мене самого дано пятдесятъ-же рублей, да и осмачокъ нѣсколько разного хлѣба зъ хутора Рудовскаго дать-же, такожъ и протчихъ свойственныхъ нашихъ, какъ-то по отческой, такъ и по матерной линіи, ежели которіи при своей скудости просить въ чемъ будутъ вспоможенія и вспомоществованія, не оставлялибъ по своей возможности, и еслибъ явились какіе доводніе на моемъ домѣ долги, оные по половинѣ поуплачивать исправно тѣхъ-же сыновъ моихъ увѣщеваю, да и всякихъ нищыхъ милостины подаяніемъ не запоминали-бъ, чтобъ на нихъ и наслѣдникахъ ихъ оное псаломническое слово исполнилось: *малъ бѣхъ, ибо состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставленна, ниже сѣмене его просяща хлѣбы.*

10. Служытелей всѣхъ и служанокъ, кои при домѣ нашемъ одни зъ младенчества воспитаны и возращены, другіе, приставши къ намъ доброволно, служыли зъ уговора, а иные зъ респекту, наградить по разсмотренію, чтобъ они, если кои отлучитись отъ дому нашего похотятъ, отойшли безобидно и съ удоволствомъ, такожъ кои и за долги въ отслугу намъ зъ урядовъ отданны были и урочного времени не дослужили, то и тыхъ отпустить свободно, уступая то имъ безъ зачоту, чего не дослужили, и наградя по разсмотренію.

11. О маетностяхъ, въ 4-мъ сего тестаменту пунктѣ росписанныхъ на вышеупомянутыхъ двохъ сыновъ моихъ, Василія и Ивана, сочиненъ отъ мене особливо для всякого случаю въ откритомъ моемъ письмѣ сепаратній пунктъ и рукою и печатью моею закрѣпленъ, по которому во время случая, тамъ изображенного, должны сыны мои и ихъ наслѣдники исполняти во всемъ непремѣнно такъ, какъ и по сему тестаменту; ежелижъ у которого изъ тыхъ-же сыновъ моихъ не моглобъ, по волѣ Божіей, имѣтись наслѣдниковъ ни мужеска, ни женска полу, то по преставленіи бездѣтного должно все легованное ему отъ мене движимое и недвижимое прійти въ домъ другого сына моего, наслѣдниковъ имѣющого, или на тѣхъ же оного другого сына мужеска, либо женска полу наслѣдниковъ; а еслибы и у обоихъ не было наслѣдія, либо (чего не желаю) каковъ былъ негодный наслѣдникъ, то все имѣніе, кое послѣ ихъ останется, должно быть раздѣленно по равной части на всѣхъ пяти дочерей моихъ и на ихъ наслѣдниковъ.

12. А чтобъ по сему моему тестаменту (ежели въ предъ для какихъ резоновъ не дойдетъ въ чемъ мнѣ оного перемѣнить, или поправить, ибо въ томъ я себѣ по жизнь мою заховую, подлугъ правъ, свободу) во всемъ неотмѣнное по кончинѣ моей дѣлалось исполненіе, для того за эксекуторовъ или исполнителей и защитниковъ сего-жъ моего тостаменту именую и поставляю господъ знатныхъ бунчуковыхъ товарищей, мнѣ по женѣ свойственныхъ, Ивана Ивановича Бороздну и Петра Андреевича Миклашевского, да брата моего по матки двоюродного Константія Леонтовича, полку переяславского сотника золотоношского, которихъ и принять на себе оную должность по любви христіанской усердно прошу, уповая на ихъ добрую совѣсть, яко они сію мою остатную волю исполнити не приминуть. Оные-же господа эксекутори, ежелибъ, чего Боже сохрани, симъ моимъ тестаментомъ не довольствуясь, схотѣлъ кто и иачалъ что по смерти моей въ немъ перемѣнять, или въ чемъ либо къ перемѣненію сей моей остатной волѣ поступать, въ такомъ случаи, по моей въ семъ-же тестаментѣ поручаемой имъ господамъ эксекуторамъ полной мочы, имѣти будуть власть и силу у всякого суда и права такіе противные сему моему тестаменту поступки правнымъ порядкомъ отвращать и уничтожать. Всѣмъ же по сему исполняющимъ желаю высочайшого Божія удостоитись милосердія, а дѣтямъ моимъ всѣмъ и внукамъ Божіе, а при томъ и мое отческое благословеніе оставляю, да будетъ съ ними неотъемлемая милость Спасителя нашего.

13. Въ протчемъ заключаю сей мой тестаментъ тѣмъ, яко кто колвекъ изъ сродниковъ и ближнихъ, либо изъ коихъ ни есть посторонныхъ людей, по злобѣ ли какой приключившойся, или по нарочно умышленному устремленію и завзятю, озлобилъ и изобидилъ мене на чести и имени моемъ, либо на ѳортунѣ, то есть на имуществѣ, или въ чемъ нн есть иномъ, я таковыхъ всѣхъ обидителей моихъ отъ сердца моего во всемъ прощаю, взаемно-же аще и отъ мене кто таковымижъ образы озлобленъ и изобиженъ, то и я отъ таковыхъ желаю прощенъ быти вседушно; съ коими же въ судныхъ мѣстахъ о какихъ спорахъ земляныхъ, либо въ иныхъ заводахъ имѣются процесы, оные да раздрѣшатся судовымъ разсмотреніемъ и рѣшеніемъ, безъ вреда обоихъ сторонъ, совѣстнѣ. Всѣхъ такожде знающихъ мене издавна и доселѣ, да и всѣхъ вообще православныхъ христіянъ, ежели кому въ чемъ либо проступилъ словомъ или дѣломъ, всеприлежно прошу прощенія и о неоставленіи мене-жъ въ молитвахъ ко Всемилостивому Богу, которому и остатную жизнь мою и спасеніе мое, а при послѣднемъ издиханіи и духъ мой въ руцѣ Его предаю и препоручаю.—Сей мой послѣдней

воли завѣтъ или тестаментъ, будучи я по милости Божіей при добромъ, по состоянію лѣтъ моихъ, здоровьи и совершенномъ разумѣ и разсужденіи, сочинилъ 1759 году въ мѣсяцѣ декабрѣ 13 и къ оному печать мою приложа и свидѣтелей въ подписъ упрося, на ономъ же своеручно подписался. Оный-же тестаментъ, такожъ и въ откритомъ другомъ писмѣ сепаратній пунктъ написанный, на какомъ ни есть урядѣ вписать въ книги, а изъ книгъ и выпись въ домъ мой для сообщенія и господамъ эксекуторамъ къ вѣдѣнію и исполненію выдать соизволяю. Дѣялось въ Глуховѣ году, мѣсяца и числа выше сего означенныхъ.

На подлинномъ подписъ таковъ:

Ея императорского величества войскъ малороссійскихъ генералный хоружый Николай Даниловъ сынъ Ханенко рукою власною. (М. П.).

При сочиненіи сего тестамента и подписаніи оного власною рукою господина генералного хоружого, Николая Даниловича Ханенка, мы нижеподписавшиесь духовные и мирскіе персоны присудственны были и по изустному егожъ господина Ханенка прошенію на семъ-же тестаментѣ своеручно подписались и печати свои приложили.

Дому его ясневельможности капелянъ Корнилій Юзефовичъ. (М. П.).

Бунчуковый товарищъ Василій Жураковскій. (М. П.).

Церкви святыя Анастасіи глуховской іерей Федоръ Бухновскій. (М. П.).

Бунчуковый товарищъ Павелъ Ломѣковскій. (М. П.).

Бунчуковый товарищъ Стефанъ Кулябка. (М. П.).

На ономъ помѣта такова:

1760-го году, февраля 21-го дня, вышеписанный остатней волѣ завѣтъ отъ умершого хоружого войскового генералного, господина Николая Ханенка, о распридѣленіи движимыхъ и недвижимыхъ его добръ наслѣдникамъ, дѣтемъ его, сочиненный и отъ жены его господина Ханенка, госпожи хоружой генералной, Іуліяны Петровны, при прошеніи о вписаніи ового въ сотенные погарского уѣзду книги чрезъ брата оногожъ господина Ханенка, сотника золотоношского, господина Константина Леонтовича представленный, точно слово отъ слова въ книги сотенного погарского уѣзду подъ нумеромъ сто пятьдесятъ треттимъ вписанъ, чего въ засвидѣтельствованіе при приложеніи печатей и руками нашими на семъ тестаментѣ подписали:

Сотникъ погарскій Владимѣръ Соболѣвскій. Атаманъ городовый погарскій Афанасій Белякъ. (М. П.) (М. П.).

ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКО.

(1719—1723 и 1754 г.).

Въ „Кіевской Старинѣ“ за 1884—1886 г. Г. А. Лазаревскимъ былъ напечатанъ Дневникъ генеральнаго хоружаго Николая Ханенка (1727—1753 г.), какъ представляющій собою важнѣйшій памятникъ для изученія Малороссіи средины XVIII вѣка.

Послѣ обстоятельнаго предисловія къ этому дневнику Г. Лазаревскій говоритъ: „Мы не знаемъ, въ какомъ видѣ оставленъ дневникъ его авторамъ, и съ какого времени начинается онъ“. Болянскій, видѣвшій этотъ дневникъ въ 1858 г., пишетъ, что дневникъ начинался съ 9 ноября 1819 г., но въ рукописи, съ которой печатается теперь этотъ памятникъ онъ начинается съ 3 февраля 1727 и затѣмъ имѣетъ въ срединѣ значительные пропуски; такъ въ немъ недостаетъ, на примѣръ, цѣлыхъ 7 лѣтъ (1734—1741). Настоящій владѣлецъ рукописи А. И. Ханенко, сообщаетъ намъ, что въ такомъ видѣ онъ получилъ рукопись въ подарокъ отъ дяди своего, тоже А. И. Ханенко, который, будучи человѣкомъ очень образованнымъ, цѣнилъ и берегъ дневникъ своего дѣда. „Можно догадываться“, говоритъ теперешній владѣлецъ рукописи, „что части послѣдней были растеряны еще дочерьми Н. Д. Ханенко, въ рукахъ которыхъ одно время оставались всѣ бумаги и книги умершаго ихъ отца, такъ какъ сыновья послѣдняго, во время его смерти находились на службѣ“. Нами пріобрѣтены почти всѣ бумаги покойнаго

профессора московскаго университета О. М. Бодянскаго, въ числѣ которыхъ оказался и дневникъ Ханенко, прекрасно переписанный, свѣренный съ подлинникомъ, со своеручными поправками Бидянскаго и съ записью въ концѣ рукописи: „Подлинникъ у потомка его Александра Ивановича Ханенка, черниговской губерніи, стародубскаго уѣзда въ Городищѣ списано 1851 г., февраля 17 дня. Москва, О. Бодянскій“.

Въ этой рукописи также не оказывается семи годовъ (1734—1741), но за то уцѣлѣло начало дневника за 1719—1723 и послѣдніе листы начала 1754 г., что нами и печатается на тѣхъ же страницахъ „Кіевской Старины“, какъ пополненіе дневника Н. Ханенко.

Предположеніе напечатать дневникъ Ханенко было высказано покойнымъ редакторомъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей“ еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, но несчастное дѣло по поводу помѣщенія въ чтеніяхъ сочиненія о Россіи Флетчера, слѣдствіемъ котораго было закрытіе чтеній и увольненіе секретаря Общества О. М. Бодянскаго, остановило ровно на 10 лѣтъ печатаніе дневника Ханенко. Но и впослѣдствіи только ничтожная часть его была напечатана О. М. Бодянскимъ въ 1-й книжкѣ чтеній за 1858 г. подъ заглавіемъ „Діаріушъ или журналъ о есть повседневная записка случающихся при дворѣ ясновельможнаго, его милости пана Іоана Скоропадскаго, войскъ Всѣпресвѣтлѣйшаго его императорскаго величества, запорожскихъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Гетмана оказій и церемоній такожъ и въ концеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ наченшійся 1722 году и оконченный въ томъ же году, по представленіи и погребеніи помянутаго жъ Гетмана ясновельможнаго Іоанна Скоропадскаго, въ мѣсяцѣ іюлѣ Войсковой канцеляріи старшимъ канцеляристомъ Николаемъ Ханенкомъ“. Къ этой части дневника О. М. Бодянскій сдѣлалъ обстоятельное предисловіе, въ которомъ широко воспользовался не только всѣмъ дневникомъ Н. Хоненка, но и другими матеріалами, врученными ему потомками послѣдняго.

У насъ уцѣлѣла переписка Бодянскаго съ Михайломъ Ивановичемъ и Александромъ Ивановичемъ Ханенко по поводу

печатанія дневника. Письма эти не только интересны во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но и указываютъ на тѣ оставшіеся документы и рукописи, которые сохранялись въ 1847 г. въ родовомъ архивѣ Ханенко. Такъ первое письмо М. И. Ханенка отъ 14 декабря 1847 г. начинается спискомъ этихъ документовъ. Списокъ разныхъ бумагъ и документовъ, находящихся у М. Ханенка:

1. Копія пунктовъ Петру Великому отъ гетмана Скоропадскаго, апр. 11-го, да челобитная о Почепской межѣ и другая на указъ о учиненіи въ Глуховѣ Малор. Колегіи, въ отвѣтъ апр. 28—1722 год. поданныя въ Москвѣ, и какія на это собственной рукой императорской состоялись резолюціи.

3. Печатный указъ Импер. Петра объ удаленіи отъ престолонаслѣдія Алексѣя.

3. Приказъ Гр. Разумовскаго съ копіей указа Иностр. Колегіи о пожалованіи Почепа.

4. 1729 г. роспись о жалованіи Малороссійскимъ полкамъ изъ Государс. Колегіи.

5. Указы Петра 1-го о взятіи Азова 1696 г. о невзиманіи безъ указа подводъ и о неназываніи измѣнниками и прот. 1710 г. о произведеніи въ чины полковые и сотеные гетману изъ кандидатовъ 1715 г. О измѣнѣ Мазепы 1708 г.

6. О вступленіи на престолъ царя Ѳеодора Алексѣевича послѣ Ал. Мих., тутъ же о содержаніи правъ и вольностей. О вступленіи на престолъ Іоанна и Петра Алексѣевичей и о подтвержденіи правъ и привилегій.

7. Ядро Исторіи Россійской изъ многихъ достовѣрныхъ исторіографовъ собранное къ угожденію прошказельнымъ (84 листа мелкой печати).

8. Счетъ деньгамъ, даннымъ изъ Генер. Канцеляріи хорунжему Ханенку при отправкѣ изъ Глухова въ С.-Петерб. 1750 года.

9. Печатный дипломъ изъ Академіи Голштинской Килской В. Н. Ханенкѣ и печатныя правила той же Академіи Алберты Христины.

10. Экстрактъ изъ правъ Малороссійскихъ о земской давности, подк. судахъ или межевыхъ 1755 году, писалъ собственноручно Н. Д. Ханенко.

11. Выписка изъ статей гетмана Хмельницкаго, поданныхъ 1654 г.

12. Просьба къ Императору гетм. Скоропадскаго 1720.

13. Краткое описаніе Малороссійскаго края, народа и состоянія онаго древнемъ, такъ же о гетманахъ, какъ прежде мужественнаго онаго и вѣчныя славы достойнаго гетмана Зеновія Богд. Хмельницкаго, яко и по немъ бывшихъ, о разныхъ тожъ малороссійскаго, украинскаго и козацкаго народа храбрыхъ дѣйствіяхъ, преславныхъ надъ поляками многихъ побѣдахъ и о прочемъ, что потомъ послѣдовало, собранное въ разныхъ авторовъ латинскихъ польскихъ и русскихъ, 25 листовъ.

14. Указъ Алекс. Мих. мѣщанамъ кіевскимъ на права ихъ жаловать.

15. Изъ конституціи сейма вольнаго варшавскаго, о правахъ за короля Іоана Казимира; перев. съ польскаго. *Коммиссія Годяцкая* 1659 г.

16. Указъ Импер. Петра 1723 г. Малороссійской Колегіи.

17. Челобитная поданная въ С.-Петербургѣ Колегіи иностранныхъ дѣлъ до рукъ самого Государя, сент. 15-го 1723 г. за подписью всѣхъ чиновъ малороссійскихъ. (Генер. суд. Чарныша, Полуботки пол.).

18. О книгѣ конституція варшавская 1578 г.

19. Въ генеральной войсковой канцеляріи по справкѣ съ имѣющихся Вел. Госуд. Цар. и Вел. Кн. и Импер. и Сам. Всер. грамоты такожь и привелигіанты, Кор. Польс. и Вел. Кн. Литовскаго на вольности, права и преимущества Малороссійскихъ великихъ чиновъ, шляхетства рыцарства и народа и съ другими письменными документами выписано. (Цѣлая тетрадь).

20. Списокъ о полку компанейскомъ, сколько въ немъ состоитъ членовъ и рядовыхъ съ показаніемъ жалованья и прочаго.

21. О гербахъ державы россійской и жезлахъ въ ней содержимыхъ.

22. Уставъ главнаго магистрата Петра Вел. (Печатная книга въ большой листъ изъ библіотеки Н. Д. Ханенко).

23. Подлинная инструкція изъ Генеральной Канцеляріи 1745 г. Генер. Хоруж. Н. Ханенку.

24. Промеморія изъ войсковой Генеральной Канц. въ государственную военную Колегію 1744 г.

25. Донесеніе о козакахъ 1744 г. отъ Ивана Бибикова.

26. Донесеніе посланыхъ съ нарочнымъ въ Сенатъ 1745 г.

27. О служительскихъ деньгахъ и ранговыхъ деревняхъ 1745 г. отъ Генеральной Малороссійской старшины.

28. Различныя донесенія въ Генер. Канцел., предписанія къ полковникамъ и другая форменная переписка и различные указы въ копіяхъ.

29. Указы и грамоты Петра II отъ 1728 до 1730 год.— въ Малороссіи относят. Анны Іоанновны отъ 1731 до 1736 г.

30. По силѣ указа о винныхъ маетностяхъ и, которыя состояли подъ веденіемъ министерской канцеляріи, а кто въ оныхъ управители, вѣдомость съ описаніемъ маетностямъ и какой отъ нихъ доходъ (тетрадь).

31. Указы гетмана Апостола въ Стародубскій полкъ.

32. Грамота гетману Скоропадскому на его гетманскій чинъ и на малороссійскія права 1710 г., также универсалъ Богдана Хмельницкаго о индуктахъ, отобранные у гетмана Апостола 1721 год. въ Москвѣ канцлеромъ Головкинымъ и вице-канцлеромъ Остерманомъ и назадъ не отданные.

32. Универсалы Самойловича 1678 года, Мазепы и другіе.

33. Меморіалъ, что къ пользѣ Малороссійскаго народа необходимо нужно, дабы здѣшнему краю сущому какъ не въ прежнемъ состояніи могло воспослѣдовать какое нибудь исправленіе.

34. Меморіалъ о нижеслѣдующихъ нуждахъ Малороссійскихъ.

35. Еще о семъ меморіалѣ.

36. Къ свѣдѣнію и произвожденію потребное.

37. Гетману доношеніе о нуждахъ малороссійскихъ (отъ кого и кому неизвѣстно).

38. Письмо Хоецкаго войска брацлавскаго судьи пограничнаго, князю примасу изъ Торговица, 1753 г.

39. Переводъ съ писемъ комисаровъ польскихъ изъ Торговица съ комисаромъ россійскимъ, отправленнымъ во время пограничной комиссіи 1753 г.

40. Каталогъ книгъ библіотеки Н. Д. Ханенко, на латинскомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ, до 150 сочиненій.

41. Письма къ Н. Д. Ханенко отъ разныхъ лицъ: отъ Василія Демидова о покупкѣ овецъ, отъ Полетики, Журоховскаго, Анастасіи Полуботковой, но не заключающія въ себѣ ничего историческаго; изъ за-границы, изъ Парижа, отъ Пріода, изъ Стразбурга, отъ Гуммеля, изъ Киля, отъ Волькмана, изъ Гамбурга и проч.

42. Письма Васил. Ник. Ханенко къ отцу изъ за-границы, гдѣ онъ учился и находился на службѣ голштинскихъ войскъ, впослѣдствіи же былъ полковникомъ гвардіи и флигель-адъютантомъ Петра III. Описаніе его путешествія, пріемовъ при дворѣ, привозъ знамени въ Голштинію отъ Петра III и проч., писемъ до 50-ти.

43. Указъ Разумовскому Импер. Елизаветы о неявкѣ на комиссію украинскую запорожцевъ гайдамакъ 212-ти человѣкъ 1753 года.

44. Письма гетмана Апостола къ полковнику стародуб. судью Ник. Д. Ханенко, очень ветхія, (Апостолъ былъ женатъ на Ломиковской, которой родная сестра была матерью Н. Д. Ханенко).

45. Письма Ник. Д. Ханенко къ сыну Василію заграницу.

46. Конвертъ съ письма, на коемъ написано собственной рукой В. Н. Ханенко: Qeulques papiers au sujet des affaires du feu, M-s de Priouda, mort á Strasbourg le du juin 1758. Онъ былъ очень друженъ съ нимъ, но есть черновое письмо къ банкирамъ, гдѣ онъ благодаритъ ихъ за попеченіе о немъ передъ смертью и обязывается заплатить всѣ его долги заграницей.

47. Черновыя письма Н. Д. Ханенко къ различнымъ лицамъ. Иныя очень любопытны.

48. Continuatio Diary privati 1722. Нѣсколько маленькихъ тетрадокъ, изъ коихъ въ первой окончаніе похода на Кавказъ. Кромѣ извѣстнаго Діаріума, веденнаго во время пребыванія

Скоропадскаго при дворѣ Петра I-го, есть дневникъ, писанный каждодневно собственной рукой Н. Д. Ханенко, въ продолженіе 40 лѣтъ—онъ находится у брата моего Алексѣя Ивановича Ханенко.

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 24 декабря 1847 года М. И. пишетъ: „Исполняю Вамъ мое обѣщаніе и посылаю Діаріумъ Н. Д. Ханенко, въ немъ вы найдете во многихъ страницахъ пропуски словъ и строкъ—но это дѣло неисправимо, ибо списокъ сдѣланъ тоже съ копіи, доставшейся намъ, въ которой тѣже пропуски; оригиналъ же, мнѣ кажется, находится у Бантышъ-Каменскаго, которому былъ доставленъ покойнымъ нашимъ дядей Ив. Ханенкою, и которымъ онъ руководствовался при написаніи своей исторіи, о чемъ и упоминаетъ самъ; еслибы Вамъ случилось когда нибудь спросить его объ этомъ, то вы бы доставили намъ этимъ великое одолженіе. Но пропуски эти незначительны, вы все таки найдете очень много интереснаго и полезнаго. Условій для напечатанія этой рукописи я не предлагаю и не имѣю права предлагать никакихъ. Надѣюсь также, что Вы доставите намъ въ отдѣльно напечатанной книгѣ этотъ діаріумъ въ числѣ 25 и до 40 экземпляровъ; мнѣ бы хотѣлось раздать его добрымъ достойнымъ землякамъ, а также послать въ черниговскія гимназіи, лицей и полтавскую гимназію. Впрочемъ, во всемъ полагаюсь на Васъ; предлагаю эти условія не съ желаніемъ вознагражденія, но если это не мало не будетъ тягостно обществу, то для чего же не доставить случай имѣть другимъ? Братъ Александръ просилъ передать Вамъ, что все, что есть у него изъ старины нашей малороссійской, онъ съ удовольствіемъ предлагаетъ для напечатанія обществу“.

Затѣмъ въ письмѣ отъ 21 февраля 1848 г. онъ говоритъ: „видѣться съ братьями, какъ я хотѣлъ, чтобы добрать у нихъ остальное къ нашему родовому архиву, за дальностью ихъ жительства теперь не могу вскорѣ, а между тѣмъ не хочу, чтобы у меня лежало долѣе то, что обѣщалъ Вамъ, и что принадлежитъ вашему ученому разсмотрѣнію, почему, приведя кое-какъ въ порядокъ, посылаю Вамъ второй томъ, который не меньше

перваго, и который заключаетъ въ себѣ болѣе нашего, семейнаго, родового, Ханенковскаго, но, мнѣ кажется, вмѣстѣ и историческаго. Разсмотрѣвъ, Вы увидите, что я не скрылъ отъ Васъ ничего ни самаго пустого, ни самаго важнаго; въ этомъ вся моя заслуга передъ Вами, и хотя малое выраженіе моего истиннаго уваженія къ вамъ. Вмѣстѣ съ бумагами посылаю двѣ книги изъ библіотеки прадѣда: 1) Уложеніе магистрату Петра I-го, если оно имѣетъ какую нибудь важность историческую и будетъ интересно вашему обществу, то прошу передать въ библіотеку онаго. 2) Рукописная латинская, не знаю, что заключающая въ себѣ, ежели она заслужитъ какое-нибудь Ваше вниманіе, то прошу ее оставить у себя; отъ правнука въ память прадѣда. Не знаю, писалъ ли я Вамъ, что вся библіотека Ник. Дан. Ханенко, (каталогъ которой вы имѣете), подарена нашими бабками Новгородъ-Сѣверской гимназіи и теперь, кажется, вся на лицо. Многія книги исписаны рукою прадѣда, т. е. его замѣтками. Ежели братъ Александръ, съ которымъ я уже давно видѣлся, не отослалъ Вамъ дневника Н. Д. и другихъ его бумагъ, то могу увѣрить Васъ, что въ самомъ скоромъ времени вы ихъ получите, и тогда исповѣдь нашего семейства передъ Вами будетъ кончена, будемъ хлопотать о другихъ. Мнѣ кажется изъ письма Вашего, что вы незнакомы лично съ Ник. Андр. Маркевичемъ; этотъ человѣкъ такъ добръ, что у него можно взять послѣднюю рубаху, но нужно взять, самъ же онъ неспособенъ исполнить самого пустого обѣщанія по своей безпечности. Вотъ причина, почему Вы могли предполагать, что онъ жартуе съ вами, я постараюсь употребить все мое настояніе, чтобы добыть лѣтопись, нужную Вамъ,—но для этого нужно быть мнѣ у него. Предположеніе его о лѣтописи Казара, принадлежащей будто бы Разумовскому, какъ автору, мнѣ кажется невѣроятнымъ по многимъ даннымъ,—пусть пришлетъ ее, Ваше дѣло будетъ увѣриться или разувѣриться въ этомъ".

Въ письмѣ отъ 3 марта 1848 г. М. И. писалъ: „списокъ, присланный мною вамъ, дневникъ Ник. Дан. Ханенко, переписалъ съ единственнаго у насъ списка брата Александра, и пропуски, сдѣланные въ немъ, находятся и въ его спискѣ, одно не

сдѣлано мною, я его не успѣлъ повѣрить со спискомъ брата, написаннымъ довольно четко, что произошло отъ поспѣшности отправить вамъ, и потому пропуски останутся, кажется, навсегда, а если въ моемъ спискѣ встрѣчаются слова, которыя трудно прочесть, и Вы захотите имѣть списокъ брата Александра, то напишите ко мнѣ, онъ съ того времени у меня на удержу, до уьѣдомленія вашего. О дневникѣ Маркевича, я почти могу надѣяться доставить его вамъ для напечатанія, Алекс. Мих. изготовилъ его временно къ печати и даже написалъ предисловіе—но онъ залежался у него и какъ ему съ охотою не передать вамъ для исполненія его намѣренія и напечатанія въ чтеніяхъ Вашего общества. Когда онъ, встрѣтясь со мною и говоря объ Васъ, сдѣлалъ мнѣ укоръ, что мнѣ стыдно не передать для напечатанія Вамъ дневникъ моего предка (который онъ читалъ), но онъ мною уже былъ отосланъ, и онъ повторилъ, что я сдѣлалъ должное. Изъ этого вы можете видѣть и его мысли; и, вѣроятно, тѣ, которымъ вы говорили объ этомъ и не намекнули ему; я же воспользуюсь случаемъ за это здѣсь полезнымъ. Я слышалъ отъ кого-то, что Чижовъ его предполагалъ печатать въ своемъ журналѣ и потому не обѣщалъ ли ему Алекс. Мих. и не свяжетъ ли это послѣдняго, но и въ такомъ разѣ я не разрѣшу. Чижовъ живетъ въ нашемъ уѣздѣ, я съ нимъ часто вижусь и знаю, что кромѣ формальнаго запрещенія правительствомъ изданія его журнала, онъ и самъ, по этимъ или другимъ причинамъ, раздумалъ о своемъ изданіи—онъ мнѣ такъ говорилъ.

Алекс. Мих. Маркевичъ, потомокъ Пав. Л. Полуботки, по женской линіи, и у него я видѣлъ собственноручную записку Павла Леонтьевича—не помню года и числа когда она ведена. Числа выставлены по церковному буквами, и противу каждаго числа писано, что случилось историческаго въ этотъ день изъ исторіи древней и новой. Такъ исписанъ полулистъ. Не думаю, чтобы эта записка была интересна для напечатанія въ Чтеніяхъ общества; она драгоцѣнна для насъ по воспоминаніямъ о величайшемъ мужѣ. Жду, что вы мнѣ скажете.

Жалѣю, что я не зналъ, при Вашемъ изданіи Конисскаго, что списокъ Полуботки Вамъ интересенъ, первое потому, что

мнѣ легко было его достать, а второе, что у брата Александра, находится сдѣланный имъ семь лѣтъ тому назадъ со списка списокъ Полетики и хорошо свѣреннаго. Хотя я слышалъ отъ Полетики о важности его, но не вѣрилъ ему, ибо не зналъ того, что Вы мнѣ пишете. Не хотите ли, чтобы Вамъ прислать списокъ брата Александра, Вы его просмотрите и, если найдете разницу, то я могу достать и списокъ Полетики. Полетика, слышавши, что мы послали печатать дневникъ Н. Д. Ханенко, (хотя по его воспитанію и прочему это ему не могло быть интересно), просимъ передать мнѣ черезъ родственника, что онъ доставитъ лѣтопись или черезъ меня въ ваше общество или просилъ Вашего адреса. Я сказалъ сейчасъ, что эта лѣтопись Конисскаго, но тотъ мнѣ возражалъ, что онъ говорилъ ему объ этомъ и что это другая, При первой возможности, (ибо онъ живетъ за 60 верстъ), я буду у него, узнаю все и пришлю Вамъ. Напишите, какъ Вы нашли моего прадѣда. Ежели можно то прошу Васъ не покидать вашей прекрасной мысли для насъ печатать все то, что найдете достойнымъ въ нашихъ бумагахъ, по общимъ сводамъ, (изъ бумагъ рода нашего)".

Затѣмъ слѣдуетъ письмо отъ 7 апрѣля: „Исполняю Ваше желаніе и посылаю Вамъ списокъ (дневникъ Н. Д. Ханенко), принадлежащій брату Александру Иван., изъ котораго сдѣланъ мой, пересланный Вамъ,—не думаю, чтобы онъ пособилъ общей нашей потерѣ, разумѣю о нѣкоторыхъ пропускахъ въ спискѣ. Съ Александромъ Мих. Маркевичемъ надѣюсь видѣться никакъ уже не позже мая 10-го и тогда передамъ Вамъ результатъ моего свиданія. Къ Полетикѣ уже написалъ и просилъ его о присылкѣ его лѣтописей, ожидаю отвѣта и увѣдомлю васъ, почему въ ожиданіи этого не счелъ за нужное посылать списокъ съ Полетикиной лѣтописи, находящейся у брата Ал. Ив.

Отъ 21 апрѣля 1848 г. М. И. Ханенко писалъ: „черезъ два дня ѣду въ деревню къ брату Ал. Ив. и надѣюсь, что при мнѣ онъ отправитъ къ Вамъ всѣ бумаги, которыя уже и изготовилъ къ сему, о чемъ говорилъ мнѣ на дняхъ.

Благодарю Васъ за обѣщаніе высказать мнѣ мнѣніе о Ник. Дан. Хан., а притомъ, надѣюсь, о важности бумагъ, нами доставленныхъ. Біографію его нельзя очертить, не имѣя въ рукахъ его 40 лѣтняго дневника, который вы скоро получите, а при этомъ позвольте-ка вамъ передать кое-что, что знаю о немъ, какъ о предкѣ своемъ.

Н. А. Маркевичъ добрый человѣкъ, а тому, что онъ разсказываетъ, вѣрить нельзя и потому, ежели онъ пишетъ, что предложилъ академіи наукъ грам. и слов. Косенко, то надо предполагать, что это только была мечта и вполнѣ можно ручаться, что не исполнится и успокоиться. За вѣрность моего показанія мѣстоположенія Вышенекъ я могу ручаться офиціально, ибо прошедшее лѣто, по должности моей предводителя дворянства, производилъ тамъ посредническое, довольно большое поземельное дѣло. Подробности же другія, слышанныя, повѣрялъ на мѣстѣ, жилъ же я самъ въ домѣ фельдмаршала.

Посылаю Вамъ въ подлинникѣ письмо Полетики, чтобы Вы изъ него усмотрѣли, что я дѣлалъ, что могъ и надѣюсь, при свиданіи, сдѣлать окончательно, что могу, а между тѣмъ, не найдете ли Вы или не укажете ли мнѣ другихъ путей къ его двоюродному брату,—братъ же мой Алек. Ив. доставитъ вамъ свою копію Конисскаго". Вслѣдъ за этимъ, въ тотъ же день О. М. Бодянскій получилъ письмо отъ Ал. Ив. Ханенко: „Давно я собирался послать къ Вамъ находящіяся у меня бумаги прадѣда моего Николая Даниловича Ханенко, но, желая представить Вамъ ихъ въ лучшемъ видѣ и имѣя въ продолженіи нѣкотораго времени много занятій по службѣ, я отлагалъ это до свободнаго времени, чтобы порыться въ старыхъ сундукахъ съ дѣлами, относящимися къ имѣнію, гдѣ частію отысканы и сіи бумаги. Но, услышавши отъ брата Михаила Ив. пріятнѣйшую для меня вѣсть, что Вы въ предстоящее вакаціонное время хотите при изданіи части дневника помянутаго прадѣда моего, приложить его біографію, я поспѣшаю при семъ препроводить къ Вамъ нѣкоторыя изъ тѣхъ бумагъ, въ которыхъ вы найдете матеріалъ для этого предмета, и дневникъ, часть котораго была передана покойнымъ дядею моимъ Александромъ Ив. Ха-

ненко Бантышу-Каменскому, съ которой копія получена мною отъ того же дяди моего, а списокъ уже съ оной доставленъ вамъ братомъ моимъ. Еще также передалъ мнѣ братъ, что Вамъ угодно имѣть мой списокъ Исторіи Коннискаго, переписанной слово въ слово изъ рукописи, находящейся у Якова Павл. Полетики, съ радостью всѣмъ, чѣмъ могу, готовъ служить Вамъ, но нужнымъ считаю объяснить, что хотя сей Полетика и потомокъ того извѣстнаго депутата Полетики, но рукопись его, кажется не предковская, а досталась ему изъ Безбородкинской Гриневской библіотеки и притомъ очень неисправная, а подлиннаго экземпляра надо искать у полтавскихъ Полетикъ, двоюродныхъ его братьевъ. Ежели Вамъ угодно будетъ, я, какъ знакомый съ ними, напишу къ нимъ объ этомъ и извѣщу Васъ о послѣдствіяхъ моего розысканія. Возвратясь изъ Чернигова, я постараюсь скорѣе собрать остальныя бумаги и также переслать ихъ Вамъ, изъ которыхъ все, что вамъ угодно будетъ, прошу Васъ напечатать въ Изданіи Общества, и, по разсмотрѣніи ихъ, когда онѣ уже будутъ ненужны, покорнѣйше прошу возвратить ихъ мнѣ, по прилагаемому адресу.

P. S. Между посылаемыми бумагами Вы найдете универсалы Меньшикова опошнянскимъ жителямъ послѣ полтавской битвы. Они переданы мнѣ родною теткой жены моей, жительствующей возлѣ самой Опошни въ селѣ Мискихъ Млинахъ, а ей достались отъ предка ея сотника опошнянскаго Корицкаго".

Въ заключеніе мы должны сказать, что недостающія части дневника Н. Ханенко. по нашему мнѣнію, должно искать, какъ это видно изъ письма А. И. Ханенко, въ бумагахъ, оставшихся послѣ покойнаго Бантышъ-Каменскаго.

1896 февраля 13. **Андрей Титовъ.**

1719 годъ Партикулярный журналъ.

Мѣсяцъ ноеврій.

9. Полковникъ [1]) литовскій панъ Антоній Танскій прислалъ мнѣ коня мастью гнѣдого, а панъ Василь Кочубей—вороного.

---

[1]) Пропуски въ рукописи Бодянскаго.

10. Товарищъ бончуковый панъ Стефаній Тарнавскій и канцеляристъ войсковый панъ Григорій Яснополскій посланы въ полкъ миргородскій для ревѣзій дворовыхъ числа людей посполитыхъ.

28. Братъ Иванъ отъѣхалъ зъ Глухова зъ писмами гетманскими до епископа переславского преосвященного Кирила Шумлянского.

Декабрь.

1. . . . . .

9. Началося веселье въ домѣ гетманскомъ братанича гетманского жъ его милости пана Михаила Василіевича Скоропадского, обозного полкового чернѣговского, передъ которого начаткомъ говорилъ я орацію, просячи у гетмана и у гетмановой, такожъ и у отца благословенія и того жъ дня отъѣхали въ Дунаецъ.

10. Тамъ въ Дунайцѣ принялъ шлюбъ панъ Михаило Скоропадскій зъ невѣстою своею панною Іуліаною, княжною Четвертенскою, послѣ которой церемоніи обѣдъ продолжался доповна въ ночь, а при концу обѣда давано марцепаны, и коровай раздѣланъ.

11. Отъѣхали мы въ Глуховъ, а прочая веселная компанѣя тамъ осталась.

Сегож числа, за прибытіемъ моимъ въ Глуховъ, вручена мнѣ отъ пана дядка асаула полкового кіевского Федора Лаврентіевича Ханенка лаговница и унѣверсалъ небожчика Григорія Гетманича, полковника чернѣговского, на добра, налѣжне жены дядковой Параскевіи Товстолѣсовны служачіе.

22. Универсалъ гетманскій справленъ пану дядку на добра, въ полку чернѣговскомъ по женѣ доставшееся.

27. Противъ сего числа въ ночи громъ былъ и блискавиця.

30. Синъ молодшій его милости пана Семена Савича, писара войскового енералного, Михаилъ Савичъ передъ свѣтомъ за годину преставился.

31. Попроважено тѣло покойного пана писаревича до монастыря петропавловского глуховского, куда и мы зъ его милостью, паномъ писаремъ, отъѣхали.

Февраль.

1. Погребеніе ономужъ пану цисаревичу отправлено.

3. Принесены двѣ грамоты къ гетману отъ сина енерала лейтнанта Бутурлина: одна о приготовленю ся въ походъ, другая о заготовленіи работниковъ на работу до фортецъ, въ Малой Росіи будучихъ.

6. Яну Юрію Каспару, купцу вроцлавскому, виданъ декретъ на Стефана Рубана.

7. Захоровалъ я на горячку и хоровалъ по 11 число сего мѣсяца.

19. Посланъ универсалъ гетманскій пану дядку на добра въ чернѣговскомъ полку по женѣ доставшееся, справленный.

Мартъ.

3. Панъ Михаило Скоропадскій обѣщалъ мнѣ коня.

9. Пришла вѣдомость къ гетману чрезъ Шостакова, что свѣтлѣйшый князь Александръ Даниловичь Меншиковъ ѣдетъ въ Украину.

10. Віѣхалъ ясновельможный и прочіе пани, имѣвшіесь въ Глуховѣ, а тамъ же и мы, канцеляристи, забираючи путь къ Шептакамъ на встрѣчу свѣтлѣйшого князя.

11. Зъ Гамаліевки рано віѣхавши, проѣхали Новгородокъ и прибыли на ночь въ Шептаки.

17. Свѣтлѣйшій князь зъ княгинею и со всѣмъ своимъ домомъ прибылъ до Шептаковъ уже позно; которого и самъ ясневелможный и многіе присутствовавшіе особы встрѣчали опол-милѣ за Шептаками.

18. Пріймовалъ ясневелможный на квартирѣ своей въ домѣ попа шептаковского свѣтлѣйшого князя зо всѣмъ его домомъ и ассистенціею, и княгиня по обѣдѣ заразъ отъѣхала, а князь забавился ажъ довѣчера при стрѣляню зъ гарматъ, и мождриповъ; тамъ велѣлъ взять подъ караулъ черницовъ новгородского моностыря, знаменія на небѣ видѣвшихъ, свѣтлѣйшій князь. По отъѣздѣ княжомъ, полковникъ миргородскій Даніилъ Апостолъ зъ полковникомъ гадяцкимъ Михаиломъ Милорадовичомъ поссорились въ квартирѣ гетманской.

19. Рано ясневелможный, отъѣхавъ зъ Шептаковъ, прибылъ въ Новгородокъ и тамъ крестилъ дитину у пана Кутневского, а на ночъ отъѣхалъ въ Гамаліевку.

20. Прибыли въ Глуховъ.

Априля.

30. Прибыли зъ ясне велможнымъ въ Гадячь, гдѣ уже свѣтлѣйшого князя застали и якъ въѣздилъ гетманъ въ городъ, то палено зъ пушокъ, и сталъ квартерою въ замку, гдѣ цѣлая рота драгунская совсѣми офицерами зъ знамемъ и зъ музикою поставлена была на караулѣ, имъ отдавала честь гетману зъ барабаннымъ боемъ походу и зъ граньемъ музики.

Май.

1. Панове полковники и енералные персоны были у свѣтлѣйшого князя (а гетманъ не былъ, бо жестоко еще на дорогѣ занемогъ) на обѣдѣ послѣ службы и послѣ казанія.

5. Пана асаула енералного Жураковского и пана Валкевича отправлено до Стародуба для межованя Почепа.

15. Свѣтлѣйшый князь отъѣхалъ зъ Гадяча.

16. Ясневелможный отъ толъ же віѣхалъ.

Въ послѣднихъ числахъ мая сего году женился пане Федоръ Чуйкевичь въ Кролевцѣ на дочерѣ умершого священника тамошнего Маковского.

Іюнь.

30. Написанъ пану Яну Голембіовскому на село Засуху уневерсалъ.

Іюль.

1. Оный же унѣверсалъ ему виданъ.

11. Купилъ у пана Корецкого наметъ, за которій далъ 5 р. 50 коп.

31. Преосвященный епископъ переясловскій Кирилъ Шумлянскій отъѣхалъ зъ Глухова къ Москвѣ.

Августъ.

7. Панъ Валкевичъ отъѣхалъ до С. П. Бурха.

14. Купилъ рондъ, въ которомъ ваги сребра 4 гривны безъ двохъ лотовъ и двохъ золотниковъ; дано за оный 17 рублей.

17. Зъ Яснополскимъ перемовимось.

19. Слухана справа пана полковника чернѣговского Полуботка зъ Цибулскимъ.

25. Виданъ дикретъ пану Моусѣю Костантиновичу Левицкому, асаулу полковому нѣжинскому, за которій обѣщалъ коня въ 30 талерей.

Септеврій.

6. Виданъ дикретъ пану полковниковѣ чернѣговскому въ справѣ его зъ Цибулскимъ, за которого переписыване начисто далъ я пану Григорію Максимовичу канцеляристѣ 11 локоть атласу зеленого.

14. Преосвященный епископъ переяславскій Кирилъ Шумлянскій возвратился зъ Москви, и служилъ въ церкве святаго Михаила.

15. Былъ жестоко боленъ, чего для нѣсколко дней слѣдуетъ лѣчитися мусѣлъ.

21. Отправилъ слугу Томоша Лятовецкого, давши ему абшитъ, которій служилъ мнѣ болѣе двохъ годъ.

Ноеврій.

10. За уневѣрсалъ на маетности, писанный пану Семену Ганецкому, сотниковѣ погарскому, далъ онъ 5-ть талерей битыхъ.

Декаврій.

20. Принесена грамота о Григоріи Михайлову, канцеляристѣ, и о Василю Дорошенку.

1721 годъ.

Генварь.

6. Былъ у гетмана еденъ знатный полякъ Николай, прозваніемъ Бучинскій, подъчашій троцинскій столника великаго княжества литовскаго пана Юрія Сапіги и поимѣвшойся отъ

него привѣтственной мовѣ отдалъ ясне велможному отъ принципала своего изрядныхъ пару пѣстолетовъ и щирозлоченій дзигаронъ въ подарку.

10. Столникъ Федоръ Ивановичъ Протасіевъ отъѣхалъ до С. П. Бурха.

13. Отъѣхалъ полякъ Бучинскій.

14. Отправлена експедиція до двора царского величества взглядомъ Івановича глуховского и взглядомъ Сухоты стародубовского, и декреты посланы.

18. Иванъ Граевскій, старій канцеляриста, віѣхалъ зъ канцеляріи до монастыря петропавловского совсѣмъ.

22. Отъѣхалъ панъ Стефанъ Максимовичъ К. В. женитись въ Стародубъ, зъ которымъ отъѣхалъ же и панъ Яснополскій. Въ семъ мѣсяцѣ панъ Андрей Горошинскій женился.

Февраль.

7. Антипъ Соколовскій, сотникъ бакланскій, отъѣхалъ до С. П. Бурха.

10. Привезлъ грамоту зъ С.-П. Бурха Онишенко о оставленю поротной станціи.

24. Пріѣхалъ въ Глуховъ енералъ Кантакузинъ.

26. Отправленъ зъ Глухова до Стародуба за стаціею и показанщиною.

28. Прибилъ въ Стародубъ и былъ у генерала Роппа, которому и листъ отъ гетмана вручилъ.

Мартъ.

8. Поданную суплѣку отъ магистрату стародуб. принявъ и о уменшеню стаціи отправилъ съ писмомъ къ ясневелможному, требуя на то указу.

9. Данилу Никитинку Дятку даны 6 р. съ полтинню на грунтъ.

11. Віехалъ зъ Стародуба къ Пактусову.

12. Былъ въ Яцковичахъ у пана Покорского.

13. Прибылъ въ Мглинъ, и былъ у тамошнего сотника пана Максима Бородки.

17. Былъ у пана Афонасія Есимонтовского въ хуторѣ Бѣловодцѣ.

18. Віѣхалъ зъ Мглина.

19. Прибылъ въ Баклань, и сталъ квартерою у Соколовского.

22. Віехалъ зъ Бакланѣ, и прибылъ первей въ Баликинъ на службу, а вечеромъ въ Погарь: гдѣ былъ у мене сотникъ пагарскій панъ Семенъ Галецкій зъ своимъ урядомъ.

27. Василью Романовичу даны отъ мене 2 р.

29. Віехалъ зъ Погари и прибылъ въ Лобки.

30. Прибылъ въ Стародубъ.

Апрель.

4. Обсилка чрезъ мене учинена знатная отъ ясне велможного на кухнѣ естними и питейними рѣчами генералу Роппу.

20. Віѣхалъ зъ Стародуба и прибылъ въ Дохновичи.

22. Прибылъ въ Новгородокъ.

26. Віѣхалъ съ Новгородка.

28. Прибылъ въ Глуховъ.

Май.

30. Былъ у гетмана олонецкого драгунского полку господинъ полковникъ Юрій Ѳедоровичъ, послѣ котораго синъ и орацію къ гетману говорилъ передъ обѣдомъ при инспекторѣ своемъ Незабитовскомъ.

Іюнь.

9. Даровалъ мнѣ яснѣвельможный инструментъ, якимъ можно за однымъ разомъ перо затемперовать. Сего жъ числа отправленъ до двора царского величества и до св. синода панъ Кутневскій.

10. Были у ясневельможнаго два резиденты, одинъ князь Сергій Григорьевичь Долгорукій до Полщи, другій Неплюевъ поруччикъ отъ галернаго флота, до Царигорода ординованный.

21. Пріѣхали зъ С.П-Бурха асаулъ в. енерал. панъ Василій Жураковскій, обозный прилуцкій и судіа гадяцкій, да канцеляристъ войсковый панъ Петръ Валкевичь.

22. Тіижъ пріѣжджіи были у ясневелможного и принесли грамотъ 4: 1-я о межѣ почеповской, 2-я о лаврѣ кіевопечерской, 3-я о избраніи въ чины енералныхъ особъ вакансовыхъ. 4. о сѵнодѣ духовномъ, жебы писать и возносить таковою титлою: святѣйшему правительствующему сѵноду.

Іюль.

18. Віѣхали зъ ясневелможнымъ зъ Глухова къ Нежину.

22. Прибыли въ Нѣжинъ: и тамъ на квартерѣ гетманской застали роту зъ знамемъ на караулѣ.

23. Былъ благодарственный молебенъ о полученномъ поиску надъ шведами чрезъ енерала лейтнанта Лессі, потомъ обѣдали у полковника Петра Петровича Толстого зъ гетманомъ генералъ лейтнантъ князь Иванъ Юрьевичь Трубецкой зъ княгинею двома дочарми и племенницею.

Августъ.

8. Писана експедиція до двора царского величества въ интерессахъ полковъ гадяцкого и полтавского въ заводахъ о грунта въ слободскими полками и отпуску козаковъ зъ Ладоги за временномъ, и тая экспедиція вручена сотнику опошнянскому Корицкому, асаулу пол., полтавскому Сибилевичу и сотнику старосанджаровскому Тарнавскому; а сіе дѣлалось въ селѣ Дубовомъ Гаю въ полку прилуцкомъ.

10. Прибыли въ Новую Греблю.

14. Прибыли къ монастырю Густинскому.

17. Прибыли въ Прилуку.

18. Віѣхали зъ Прилуки.

23. Прибыли въ Мутинъ.

26. Прибыли въ Вороглѣ, а потомъ прибыли въ Глуховъ.

Сентаврій.

1. Купилъ у пана Казановича шаблю позлоцѣстую за 25-ть талерей битихъ.

7. Господарь двору рейментарского Иванъ Даровскій преставился.

23. Пришла вѣдомость зъ С. П. Бурха о состоявшемся между имперіею россійскою и короною шведскою мирѣ въ Ненштатѣ.

23-го числажъ получилъ ясне велможный отъ сvнода листъ о висилки отца Тихорского и отца Горки до С. П. Бурха.

Октоврій.

2. Принесена царского величества грамота и за собственною монаршею рукою листъ изъ габинета зъ объявленіемъ о состоявшемся вѣчномъ миру зъ короною шведскою, а оная грамота принесена Даниломъ Тимофиѣвичемъ Чевкинымъ, отъ лейбъ гвардіи капитаномъ поруччикомъ. Якою вѣдомостю привѣтствуючи ясне велможного, пріѣздили господа столникъ Протасіевъ да полковники Шарфъ и Балцеровъ и для той же вѣдомости по всѣхъ церквахъ дзвонено и зъ арматъ бито.

3. Молебствіе о вчора полученной вѣдомости благодарственное въ церкве святаго Николая отправовалось и публикація о мирѣ была при пушечной стрелбѣ, и при обѣдѣ у стола гетманского палено зъ пушокъ и з межджировъ доволно.

6. Панъ Михайло Скоропадскій купно зъ паномъ Костенецкимъ отъѣхали до С. П. Бурха,

8. Женился Іосифъ Гавриловичь на свойственницѣ пана писаря енералного.

19. Отъѣхалъ господинъ Чевкинъ зъ Глухова, и полковники разъѣхались.

22. Пришла вѣдомость, что князь Петръ Алексѣевичь Галицынъ, сенаторъ и кіевскій губернаторъ, сего мѣсяца 19 числа въ Кіевѣ преставился.

Ноеврій.

12. Панъ Григорій Яснополскій зосталъ господаремъ двору рейментарского.

16. Комендантъ глуховскій господинъ полковникъ Богданъ Григоріевичъ Скорняковъ Писаревъ отъѣхалъ зъ судіею надворнымъ курскимъ господиномъ Чириковымъ на межу почеповскую.

20. Отъѣхалъ писарь войсковый енер. панъ Семенъ Савичь на межу почеповскую.

21. Машталѣръ Заецъ привезъ зъ С. П. Бурха грамоты: 1) о полкахъ, чтобъ 8 толко осталось въ Украинѣ; 2) о Нахимовскомъ и о городахъ имѣющихся дѣлитися между слободскими и полтавскими полками.

22. Посланъ я отъ гетмана къ генералъ-лейтнанту фонъ Вейзбаху зъ указами о выводѣ зъ Украины лишныхъ полковъ сверхъ осми и къ оберъ штеръ криксъ коммисару Ивану Василіевичу Панину на почтѣ.

23. Прибылъ въ Конотопъ, а ночью въ Роменъ.

24. Былъ у оберъ штеръ крикзъ коммисара Панина и ему-жъ вручилъ листъ гетманскій и указъ зъ главного военного коммисаріату.

25. Прибылъ въ Лохвицю на свитаню, оттоль до Сенчи, потомъ уже заледва ночю пріѣхалъ въ Лубнѣ.

26. Былъ у его превосходительства у господина генерала Девейзбаха рано и отдалъ надлежащые письма, потомъ у его-жъ превосходительства и обѣдалъ.

27. Такожде у генерала кушалъ обѣдъ и коммисію свою исправлялъ.

28 Отобравъ отъ генерала експедицію отвѣтную и отклонился, потомъ обѣдалъ у сотника и, віѣхавъ зъ Лубенъ, ночевалъ въ монастырѣ Мгарскомъ.

29. Прибылъ въ Лохвицю.

30. Прибылъ въ Роменъ и былъ на трактаментѣ у полковника лубенскаго его милость панъ Андрея Марковича ради кавалерскаго праздника именинъ его.

Декамврій.

1. Передъ віѣздомъ зъ Ромна обѣдалъ у пана Яснополскаго, потомъ былъ у старшого канцеляриста коммиссаріатского Михаила Василіевича Володимерова и оттоль поѣхалъ зъ Ромна.

2. Прибылъ съ свѣтомъ въ Конотопъ.

3. Прибылъ въ Глуховъ и писма генералскіе и отъ оберъ штеръ криксъ коммисара Панина въручилъ ясне велможному, такожъ отъ енерала и столнику Протасіеву.

6. Сего числа по запискѣ скончилось мнѣ 28 годъ отъ роду.

12. Полковникъ чернѣговскій панъ Павелъ Полуботокъ, повернувшися зъ Ладоги, прибылъ въ Глуховъ.

15. Подана суплѣка гетману о опредѣленіи деревень.

17. На оную суплеку положилъ декляраціо чрезъ пана Володковскаго.

1722 г. въ Москвѣ.

Мартъ.

8. Былъ у присяги о опредѣленіи наслѣдника престола россійского, его же позволилъ императорское величество владѣющій государь по своей воли опредѣлити, и такъ на формѣ присяги, яко и въ книгѣ о томъ подписался.

25. Въ сей Воскресенія Господня и Благовѣщенія праздникъ изволилъ его императорское величество Петръ Великій зъ государынею, и всею высочайшею фамиліею, такожъ всѣ первѣйшіе господа и гетманъ присутствовать въ церквѣ соборной успѣнской на утренѣ и на обѣднѣ, а самъ его императорское величество апостолъ читалъ.

Апрель.

21. Донесено гетману, что сего жъ апреля 19 состоялся въ сенатѣ именный указъ о опредѣленіи въ Малой Россіи коллегіи, въ которую назначенъ президентомъ Степанъ Лукичь Вильаминовъ брегадиръ.

28. Въ Преображенску подалъ гетманъ его имп. величеству пункта въ общенародныхъ нуждахъ, и челобитную въ дѣлѣ почеповского межованія, на которой самъ государь тогожъ часу собственною рукою помѣтилъ указъ для исполненія по оному изъ сената.

29. Посвященъ отецъ архимандритъ нѣжинскій Епифаній Тихорскій епископомъ бѣлгородскимъ, а игуменъ выдубецкій Лаврентій Горка поставленъ архимандритомъ воскресенскимъ, а отправовалъ надъ ними тые церемоніи преосвященный архіепископъ великоновгородскій Феодосій Яновскій съ другими 6 архіереями и архимандритами.

30. Былъ гетманъ въ сенатѣ и подалъ указъ собственноручный государевъ на челобитной гетманской, о Почепѣ написанный, а какъ возвратился зъ сенату, то принесенъ къ гетману за собственнуюжъ императорскаго величества рукою указъ о учрежденіи въ Малой Россіи великороссійскихъ судей для вышшей аппеляціи и о протчемъ.

Май.

3. Противъ оного указу учиненный отъ гетмана отвѣтъ отвезъ панъ Димитрій Володковскій до генерала прокурора Павла Ивановича Якушинского и до Петра Андреевича Толстаго.

Сегожъ числа его императорское величество изволилъ быть у гетмана на квартирѣ, и позабавится зъ годину въ ночь.

4. Государь и адмиралъ генералъ Федоръ Матвіевичь Апраксинъ изволилъ поплить на судахъ рѣкою Москвою къ Коломинску. Числа 5 знову оттоль возвратился государь въ Москву.

6. Архимандритъ кіево-межигорскій Іродіонъ Жураковскій посвещенъ епископомъ въ Чернѣговъ.

12. Былъ государь въ ризницѣ патріаршой, гдѣ его величество и гетманъ кланялся.

13. Изволилъ отъѣхать государь зъ Москви, забѣрая маршъ въ походъ до Астраханѣ.

14. Посвѣщенъ архіепископомъ кіевскимъ отецъ Варламъ Ванатовичь архимандритъ тихвинскій преосвященнымъ Феофаномъ Прокоповичемъ архіепископомъ псковскимъ.

20. Поставленъ архимандритомъ заиконно-спасскимъ отецъ Гедеонъ Вишневскій и ректоромъ.

21. Принесены пункта отъ гетмана государю, подованныя за отмѣтами, противъ всякого учиненными и резолюціею.

Іюнь.

4. Свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичь Меншиковъ былъ у гетмана на квартирѣ и пожегнался съ гетманомъ.

5. Государыни цесаревны и свѣтлѣйшій князь отъѣхали до до С.-П-бурха зъ Москвы.

9. Госпожа гетманова и обозъ весь гетманскій выѣхалъ съ Москви.

10. Я зъ паномъ Столповскимъ отъѣхалъ зъ Москви калужскимъ трактомъ и ѣхалъ на Калугу, на Беліовъ, Болховъ, Карачевъ, Трубчевскъ и на Стародубъ. А оттоль

27 прибыли въ Глуховъ, куда сего жъ дня и ясне велможный господинъ гетманъ Скоропадскій прибылъ больный. По молебствіи о полтавской викторіи, въ церквѣ св. никольской отправленномъ, палено зъ пушокъ.

29. Былъ молебенъ ради тезоименитства императорского величества съ пушечною стрѣлпою, а потомъ банкетъ былъ въ домѣ гетманскомъ, токмо гетманъ ни въ церквѣ, ни при банкетѣ не присутствовалъ ради не малой своей немощи, которая що разъ болѣе умножалась.

Іюль.

1. Прибылъ въ Глуховъ полковникъ чернѣговскій Павелъ Полуботокъ.

2. Сочиненъ отъ ясневелможнаго тестаментъ, на которомъ какъ самъ его велможность, такъ и господа полковникъ чернѣговскій Полуботокъ, Семенъ Савичь писарь, асаулъ Василей Жураковскій енеральные, да полковникъ лубенскій Андрей Марковичь.

3. Шестого часа пополдне ясневельможный Іоаннъ Скоропадскій, гетманъ, преставился въ Глуховѣ вѣку своего—76 году, а гетманства на 14 годъ семого мѣсяца. День былъ вторникъ.

4. Тѣло гетманское церемоніально винесено зъ двора въ церковь святаго Николая.

Continuatio diarii privati.

Августъ.

22. Тарки, гдѣ просто заѣхали на дворъ князика тамошнего, зовемого Алжи Дерей Шафналѣ, которій, давши намъ первѣе авдіенцію. потомъ велѣлъ просити до фантани, на дворъ будучой, и туда висилалъ намъ своего татарского хлѣба накшталтъ-коржовъ, сира и яблокъ, а далѣ казалъ намъ же отвѣсти квартири, обѣщаючи одправити за арміею поутру. На квартиру

прислалъ возъ сѣна чрезъ своего кортана, якъ бы асаула, а потомъ знову коржами и рибою вялою обослалъ и караулъ свой на всѣ господи, где мы и казаки стояли, подавалъ, на ночь присилалъ тѣ жъ до насъ еще разовъ зъ многка зъ разными уговорами помянутого своего кормана.

23. Рано ходилисмо до Шафнала, которій еще до утра удержатись намъ совѣтовалъ, и для коней знову велѣлъ сѣна дати и корову живую на кухню намъ прислалъ, якую забивши, на всѣхъ раздѣлить велѣлисмо, а тутъ же въ Торкахъ и сей день пробавили

24. Былъ у насъ на квартирѣ прапорщикъ драгунского казанского полку Иванъ Ждановичь, въ Таркахъ для присталнихъ коней заставленный. Мы тежъ первѣе у Шафнала, томъ и у того прапорщика были. А Шафналъ обявилъ намъ, что сухимъ путемъ къ Дербенѣ проѣхать невозможно для татаръ противнихъ товлинцовъ и слимчевцовъ(?), всѣ дороги заступившихъ. Того ради казалъ намъ забиратися воднимъ путемъ до Дербенѣ на бусѣ, которимъ мѣлъ онъ же дербенскихъ аманатовъ туда отпускати, и оное судно намъ показано, але вночѣ противъ.

25 числа, когда зъ горъ великій повсталъ вѣтеръ, тое назначенное намъ судно вали на морѣ разбили, и того ради усовѣтовалисьмо послать чрезъ татарина о себѣ до его превосходителства Петра Андріевича доношеніе, къ чому и Шафналъ склонился, а намъ бы доспять возвратитися до транжаменту, и потому составилисмо мененное доношеніе и особенный до пана полковника миргородского листъ, а сами еще въ Торкахъ заночевали, гдѣ въ ночѣ, спячимъ намъ, напали нѣкоторіе татаре на часового нашого козака, хотѣли его зъ оружіемъ схватати, толко татаре, придаванные намъ одъ Шафнала на каждую ночь для караулу, когда учинили окрикъ, теды тіе вори уйшли, тутъ же заплатилемъ Дмитрашковѣ запог—зол. 7.

26. Скоро свѣтъ прислалъ къ намъ Шафналъ своего кармана, же бы одалисмо писма для отвозу, куда надлежить, которому мы вручивши пакетъ, на имя пана полковника миргородского подписанный, (въ якомъ и доношеніе свое и другое куріеровъ Якима Савича Украинцова преображенского полку сал-

дата, да Ивана Микифоровича Сенатского зъ товарищи въключилисмо, такождо прапорщика, въ Таркахъ будучого, писмо до енерала Кропотова) отпустили оного, да онъ же корманъ пріѣхавши къ намъ на квартиру повторе, при проводилъ намъ же въ провожатіи къ Сулаку мурзака, зъ якимъ по обѣдѣ и віѣхалисмо всѣ зъ Тарковъ, а прибывши до помянутой рѣки Сулаку сами начали переправлятись, а мурзана оного зъ другими татарами, якихъ у той же рѣки застали смо, одпустили, въ свояси. Переправивый за сь рѣку мало до паги... натягши, стали на ночь.

Descriptio situs marum a Scythas montanos.

Тарки, помянутое мѣстечко, есть подъ самими и между горами, отъ моря одстоитъ верстъ 7—6, въ которомъ жилища татарскія суть премногіе, всѣ зъ камена мурованные, тилко въ мѣсто вапна глиною, и не мгивъ не на хатахъ, не на мечетахъ дахового покрову; тилко стелютъ зверху грубою глиною палѣпленою, а внутръ кладенные, довгіе, небарзо товстіе, едно одругого, якъ бы въ поллоктя, бервена, а на верхъ ихъ очеретомъ пастилано, же бы земля, зверху насипанная, непросипалась. Дворовъ въѣзднихъ болшихъ нѣтъ, але хати такъ густо, же зъ ѣдной на другую можна переступати, и, надѣятися, въ томъ мѣстечку самихъ людей, до бою способныхъ, коло—5.000, опрочь малихъ и старихъ. Шафналови будинки зъ тесаного камени, вышше всѣхъ жилищъ подъ горою, гдѣ зъ горѣ текуютъ води преизбытніе зъ камяня, и идутъ первіе во дворъ Шафналовъ каналами до едной на дворѣ, а до другой въ избѣ приходніой чрезъ сребрную буру, фонтаню будучихъ, а оттоль на ввесь городокъ каналами и по подземлею текутъ презрочистіе води, а на каналахъ, взявши отъ шавналового двора, ажъ внизъ ко концу мѣстечка, будетъ зъ 40 млиновъ построенныхъ, барзо лотвомелючихъ. При дворѣ шафналскомъ и брата зъ тесаного камеля здѣлано въ избахъ... Нѣукого оконъ шкляныхъ нѣтъ, але у ѣднихъ кратками подѣлано, а въ другихъ нема болшъ нѣчого, кромѣ оконницъ. Коло мѣстечка жадного валу нѣтъ, тилко Сидиръ. Оные въ вилахъ гор улицѣ въ немъ барзо маліе, заледво одною горбою проѣхать можна. Ринку до продованія и етнихъ и про-

чіихъ вещей немашъ, а тавары, якіе мѣютъ, продаютъ по дворахъ, тилко овощи—едни возятъ по улицехъ, другіе же, бы и шулъ, кто хочетъ покупать, яко то яблокъ и орѣховъ, кричатъ маліе дѣти, сидячи по хатахъ. Сами тамошніи татаре живутъ и ходятъ чирство, почеркеску, въ сервѣткахъ модныхъ и кажанахъ, а жони ихъ шпетни убіорѣ тако, ходятъ въ безіовихъ сорочкахъ, да въ штанахъ безпоясовъ. Хлѣба квасного у нихъ нѣтъ, бо и пекти его не умѣютъ, але идятъ корже прѣсніе, а о инныхъ ихъ исвіахъ не случалось бадатись; идятъ тож мясо и рибу, да не знать якъ готуютъ. Въ хатахъ ловокъ и сталовъ немашъ, але коверцами вислано и подушокъ з вовни досидѣнья наслано; печей немашъ; свѣтятъ жиромъ зъ туліеніовъ, собакъ морскихъ; въ мечетяхъ молятся по 3 рази въ сутки въ день и въ ночѣ; голови всѣ и бороди голятъ, и барзо суть хорошіи въ мужскомъ полу, хотя и въ женскомъ (опрочь строю) многіе найдуются негрубіе. Хлѣбъ пахаютъ пшеничній, ячмень и просо на низинахъ, способнихъ, не оподоль моря и на ниви водъ зъ горъ каналами пускаютъ, бо въ тамошнихъ сторонахъ дожчовъ барзо рѣдко, а горячести превеликіе; соли маютъ зъ озеръ, понадъморемъ будучихъ, доволно; маютъ овощей, такожъ не скудно, особливе винограду, яблокъ, кавуновъ и орѣховъ волоскихъ; а питя жадного, кромѣ чихиру, то есть вина свѣжого, не достать, бо тамошніе жители нѣ пивовъ, не меду, не квасу, а поветъ и борщу дѣлать не умѣютъ; погребища, гдѣ мертвихъ ховаютъ, неоподаль одъ мѣстечка, и одъ сѣлъ найдуются, а надъ кождомъ гробовищи у головахъ оставляютъ камень тесаный, столпомъ, бо тамъ окаменя нетрудно, кгдижъ все гори каменные, и щось на томъ каменѣ по татарску пишутъ. Тіежъ горскіе татаре великую охоту маютъ до оружія, а именно янчарки все зъ сребрними пасками держатъ, роги едни, а другіе ладовницѣ роговіе зъ ладунками такими, що тилко порохъ зъ нихъ висипается, носятъ; прочіе въ панцерахъ зъ мисюрками и карватами при сагайдакахъ; ѣздятъ коней легкихъ и кулбаки добріе держатъ, и сами барзо чирство ходятъ; вмѣсто люлки, каліанъ курятъ якій. Подобный есть збанковѣ абуваютъ тіе каліани сребрніе, люсяндровіе, кришталовіе и деревяніе, при которихъ чубукъ сафяновый

крученый зверху неякое зеліе . . . тютюну. а въ низу вода и черезъ воду, якъ бардакъ, курятъ; тимъ трактаментомъ и гостей почтуютъ, а инныхъ трунковъ не тѣютъ; грошей тѣжъ передъ симъ у нихъ не было нижшою цѣною надъ пять копіокъ персіян неякая монета, а теперь уже копѣки, тилко мелкіе сребрніе, а не медніе берутъ, однакъ все дорого продаютъ; женъ каждіи мѣетъ разомъ, сколко хочетъ. Такихъ же обичаевъ суть и протчіе татаре горскіе, такъ императору нашому поклонившіеси яко и противніе, въ городкахъ и селахъ мѣшкаючіе. Гори васъ тіе не всѣ ровніе, едно барзо високіе, другіе молонижшіе, а запершими горами инне превисокіе, видать на которихъ зимою и лѣтомъ лѣжатъ снѣги; каждая тежъ гора и наинижшая верстъ зъ три висотою будетъ, а все каменистіе. Да утихъ же татаръ много бидла рогатого, овецъ, и верблюдовъ барзѣ зоднимъ горбомъ найдуются. Зъ владѣльцовъ горскихъ, которіи монарсѣ нашому, поклонились сіи суть: 1 Алдідерей Тарковскій Шафналъ; другіи салтаному жъ; третить Асламбекъ кабардинскіе князеніи, да Накпъ дербенскій, котораго императоръ и потретомъ своимъ подарилъ.

27. Рано зночлегу рушивши и мало уѣхавши, попасовали потомъ прибыли до транжаменту о обѣдней годинѣ гдѣ, у пана Ігачского и обѣдъ кушали; яжъ у его пана сотника на мѣстѣ сталъ, а панъ Тарновскій у пану хоружого полкового прилуцкого.

28. Принесли до коммендanта Маслова чрезъ татарина листи одъ енерала адмірала и отъ габінетъ секретаря Макарова, чтобъ зжданими писмами почтарей зъ Москви, и отколь нибудь прибувшихъ не отпускалъ к арміи и писемъ самъ не пересилалъ, развѣ согласіа жъ зъ тарковскимъ Шафналомъ. Тогда жъ принесена вѣдомость, что Дербень мѣсто государю нашему поклонилось, а тавлинцовъ татаръ, которіе были на армію сторонѣ камяного мосту маршируюцую въ нѣсколко тысячахъ порвались живцемъ пойманныхъ болшъ—20 еднихъ повѣшано, другихъ колесовано, а старого одного Абиза на поль збито, метячись затое, же и они посланныхъ одъ государя Козаковъ зъ писмами тиранско замордовали.

29. Полковникъ Черницовъ на флотѣ къ Аграханской заливѣ прійшовшій зъ капитаномъ морскимъ Никитою Петровичемъ Велбое былъ въ транжаментѣ на службѣ Божой у коммендапта на учтѣ ради именинъ онаго.

30. Vacat.

31. Помянутый флотъ, а именно 13 болшихъ суденъ, зовемихъ ластовихъ, а прочихъ шлюпокъ, якіе были наладовани запасами харчевими, и аммунѣціею, арматами, кулями, порохомъ, бомбами и проч., пойшолъ одъ Аграханѣ до Дербенѣ, за которымъ флотомъ и я на шлюпцѣ зъ паномъ сотникомъ Сребрянскимъ ѣздилъ, хотячи просити капитана Велбое, жебы и насъ на флотъ взялъ, лечъ онихъ не могши достигнути, возвратилемся и зъ великою нуждою заледво до транжаменту о годинъ килка въ ночь прибились.

Мцъ Септеврый.

1 числа прибылъ до транжаменту епископъ орменскій съ 15-ю человѣкъ арменъ зъ Астраханѣ водою, которій и у коменданта былъ; а комендантъ сего дни писалъ объ немъ и о насъ до арміи и послалъ писмо тое чрезъ татарина Шавкалского къ Дербенѣ.

2. Вотъ судно пришло отъ Дербенѣ до тренжаменту, на которомъ привезенъ писма квартермистръ язиковъ до коммендапта Маслова одъ адмирала.

3. На тотъ же ботъ по опредѣленію коммендантскомъ и мы тако жъ почтари Украинцовъ зъ товарищи, и Іванъ Михаиловичь человѣкъ Наришкина, всѣли и пошли заливою одъ транжаменту въ которой за неспособною погодою на якорѣ ночовали.

4. Рано зъ заливи війшли на море, але за противною погодою въ путь свой ити тилко ходили Реемь, и ту сѣли противъ Терку, якорь бросивши, ночовати, гдѣ превеликіе волни на судно били и многіе з насъ барзо хоровали.

5. Заданною намъ одъ Бога поносною къ Дербенѣ погодою пойшли, и первіе минули островъ, зовемій Чеченъ, потомъ и флотъ, зъ тогожъ острову поднявшійся, подъ командою помянутого капитана Вельбое будучій, оминулисмо долеть обехали кол-

тукъ, въ которій рѣка Сулакъ впала, и шли однимъ вѣтромъ добримъ и противнимъ намъ, зовенимъ нордъ—вѣсть якій, вѣетъ между полночю и западомъ ажъ до полночи, а зъ полночи противный вѣтеръ Зіюндъ всталъ, которій не толко ѣхать, но и реіовать за превеликими волнами намъ не допустилъ, але назадъ судно погналъ, и прибилъ противъ Тарковъ, гдѣ о килко верстъ од черней, замѣривши лотомъ глубини, кинулисьмо на якорь о 5 сажень въ глубъ.

6. И тутъ чрезъ цѣлій сей день якъ гори волни на судно наше были, отчего не тилко въ страхъ великій, но и въ болѣзнь многіе, отчаеваючись житія своего, пришлисмо барзѣ и, когда ночь наступала, коло судна зась при томъ великомъ штурмѣ многіе туленѣ, то есть нѣбы собаки морскіе, плавали: а о полночи инный повѣявъ вѣтеръ, зовемій нордъ, а потомъ нордъ—вестъ, за которимъ заразъ, поднявши пароси гротъ и брифокъ, пойшли и до свѣта уйшли верстъ зъ 150, свѣтомъ зась,

7 Пливучи самимъ великимъ моремъ, зъ далека видѣли превисокіе усмеевскіе и тавлинскіе гори, гдѣ и деревнѣ видать было, одъ войскъ государевихъ попаленные, далей минули устіе Усмеи; и ажъ до полудня и плили доброю погодою, а по полудню почалъ утихати вѣтеръ, въ якое время минулисмо одно судно, шлюпку государеву, на которой будучіе люди сказывали намъ, же государь и вся армія рушили зъ за Дербенѣ назадъ. А когда стали уже видни намъ Дербенскіе гори, тоди весма на морѣ тихо стало такъ, что судно уже и рушитись не могло, того ради и лопатами греблись, а просто змѣрали къ Дербенѣ, за котораго на морѣ и флотъ стоялъ; еще зась и другое судно морское, т. е. далѣе моремъ отъ береговъ ишло, зовемое галіотъ, на которомъ первенствующимъ былъ Филиппъ Петровичъ Палчиковъ подмайстерій корабельный да Іванъ Даниловичь хочетъ (кочотъ) паросный, и Тихонъ Игнатьевичь Блоковъ майстери Когдажъ сближились уже къ Дербенѣ, якъ бы о 15 верстъ, то по сей сторонѣ города виставлено на берегу морскомъ бѣлое знамя, якое самъ государь, въ капорскомъ полку пѣхотномъ велѣвши взять, виставилъ противъ нашого и помянутого другого судна, приворочали къ берегу,

албо застановились: а при знамѣ випалено разъ изъ пушки, но понеже мы на суднѣ не знали, хто и для чого стрѣляетъ, и шли прямо къ Дербенѣ, теды повторе випалено зъ пушки кулею; з чого порозумѣвшись мѣчманъ судна нашого, же поднялъ флаки не хто инный, тилко самъ государь здесь, и началъ судно къ чернямъ веровати, а на другомъ суднѣ поспущено пароси, и послана зъ людми къ берегу шлюпка до знамя; куда зъ нашого судна жадного человѣка не взяли. А якъ прибыли шлюпкою къ берегу, теды самъ государь, тамъ при знамю будучій, приказалъ на тейже шлюпцѣ привезти зъ судна нашого московскихъ почтаровъ, которихъ и побрано, а мы на суднѣ, що разъ ближше къ чернямъ прибѣраючись, заночевали, гдѣ недалеко одъ черней государева ставка и вся армія лагеромъ стояла. Судно зась бот такій есть структори: само оно въ сажней полъ 4 должнихъ сдѣлано до 6 арматокъ, на которомъ еденъ посерединѣ, другій въ кормѣ меншій каютъ, а третый въ носу и кухня, щилно з робленные и полотномъ смоленнимъ укритіе, 4 на немъ пароси, первый гротъ, другій фокъ, третій на носу клѣфокъ и сіи всѣ суть косіи, а четвертій между фокомъ и клефокомъ брифокъ простій, ровный. Гротъ машта зовѣтся тее дерево, при которомъ паросъ гротъ, а веревка при немъ боковая диринъ фалъ, а якою тотъ же паросъ подіймаютъ гродъ фалъ; которою привязуютъ, на якую сторону надобно, веровкою зовется гротшкотъ. Боковая брифокова веревка—брифокъ брасъ, а низовіе—брифокъ шкотъ. У машти веревки лѣствичніе, по которихъ лазятъ матроси, зовутся ванти, другіе—блокъ тали, третіе—юнфери, кормило—руль, а желѣзо, що руль оборочаетъ, руль—пень; знакъ, що на кормѣ—флакъ; що на носу—флакъ; що на маштѣ—флюдеръ дерево, що на носу—букшкарокъ; веревка, по которой фока стягаютъ штакъ; по которой брифока—лопштакъ. Два якори, одинъ большій два зубный зъ колодою, зовомою штокъ, другій меншій дрекъ у обоихъ канати, т. е. лини, на которихъ оніе пускаются въ воду, зовутъ кабалковіе, да два дерева, якіе уставичне плаваютъ на водѣ и показуютъ, гдѣ якорь въ водѣ лежитъ, зовутся буи, а веровка, на якихъ они падаютъ на воду, буйребъ. Два з боковъ судна нашкталтъ крилъ зовутся шверци, а веровки до нихъ прицеп-

ленны. Шверцъ-тали, чимъ воду въ судна виливаютъ, вососъ, на чомъ кладутъ знявши паросъ гротъ, вили гротъ и фокъ къ чому привязуются, зовутся покгони, желѣзніе, якими и все судно скрѣплено. Покровъ на болшемъ середніомъ каютѣ деревянній зовется люкъ, а полотняній брежентъ, на томъ же суднѣ найдуется, фонарь т. е. лихтарня. Компасъ, на которій смотрячи жекглютъ и въ день и въ ночѣ, шости весла, а по бокахъ стоятъ бочки зъ водою прѣсною, вь кормѣ, въ носѣ, въ каютахъ провіантовіе и прочіе запаси, на низу великіе штуки олова лежатъ, жебы судно глубше въ водѣ и шло и не такъ бы оного волни кидали; людей на томъ суднѣ боту обрѣтаючіеся матроси, лоцмани, которіе управуютъ паросами и прочіимъ, а що командуютъ судномъ къ людемъ, тотъ зовется мѣчманъ, що правитъ рулу, той есть также лоцманъ, албо кормшитъ. Вѣтри на мори принципалнѣйшіи суть чтири, полуночный зовется нордъ, всходный вестъ, полуденный зундъ, западный вестъ.

8 Числа септеврія. Скоро свѣтъ припустилисьмося съ судномъ ботомъ къ самому берегу, иже не мѣлисмо лодки, мусили бристи, порозберавшись зъ споднѣхъ убіоровъ, а, війшовши на берегъ, немедля помаршировали до лагеру, гдѣ стояла вся армія отъ моря верстей у 3, а прійшовши въ обозъ и допитавшись ставокъ адмиралской и Петра Андреевича, первіе Толстому, и адмиралу, потомъ и габинетъ секретарю Макарову вручилисмо писма, мало зась погодя, когда его императорское величество изволилъ пріити до ставки адмиралской, и, тамъ мало позабавивши, виходилъ зъ адмиральского намету, теды мы самому вручили одъ старшины енер. и полковниковъ нашихъ писаніе, которое пріймуючи одъ насъ изволилъ сіе формальніе слова сказати: вѣдаю я, что гетманъ умеръ, и, заразъ отдавши писмо наше Петру Андріевичу, самъ обратится изволилъ къ найпу Дербенскому, который близъ намету Петра Андріевича стоялъ, а зъ нымъ де що чрезъ толмача говорилъ, на остатокъ зась, того наипа по плечу рукою поплескуючи, сказалъ: управляйтеся здѣсь гораздѣ, а мы васъ не оставимъ. Tandem всѣлъ на коня вороного черкесского, одъ Шафкала тарковскаго дарованного, одъѣхалъ къ церквѣ, тамже недалеко разбитой, куда и

государыня императрица каретою пароконною пріѣхала, и началась служба Божія, гдѣ стоялъ государь между пѣвчими и самъ читалъ апостолъ. Ми зась по евангеліи отъѣхали до обозу козацкого, о полмилѣ одъ арміи стоявшого, и тамъ, вручивши пану Миргородскому писма, кушали, а по кушаню знову до арміи пріѣздили къ Петру Андреев., которій якъ первій, такъ и повторе сказалъ намъ ѣхати до Астраханѣ, и тамъ отправить декляровавъ, чого ради мы людей своихъ и компанѣйцовъ на тое жъ судно ботъ посадивши, ихъ водою одпустили, а сами до обозу козацкого возвратилисмося. Куда скоро прибыли, заразъ смеркомъ уже рушилось козацкое войско въ слѣдъ за бригадою Володимера Петровича Шереметева, и ночью, уйшовши милъ зъ двѣ, на дорозѣ спали и тамъ дождали свѣта.

Помянутому наипу дербенскому данъ отъ государя портретъ, которій у него пришпиленный имъ видѣлисмо, а государиня императрица ему жъ вчорайшого числа даровала злоцѣстый дзикгарасъ, онъ зась государю нѣсколько коней, а адмиралу и Петру Андреевичу по панцеру и по парѣ опеленбасовъ срѣбрнихъ. Дербень мѣста намъ отчасти видать было, которое лежитъ надъ самимъ моремъ, мури зъ обоихъ сторонъ начавшіеся мало не от самого верху горъ притягли къ самому морю, а между мурами поселенія, наверху зась всѣхъ будинковъ замокъ мурованный же, въ которомъ и арматъ килко десять штукъ найдуется, зъ якихъ, когда монархъ нашъ переходилъ оный городъ, стрѣляно. Въ тотъ замокъ введено президіумъ великороссійское, два баталіони жолнеровъ, и армати зъ суденъ впроважено до города. Въ городѣ зась и ихъ татарскіи жолнерѣ платніи найдуются, подобніи до турецкихъ янчаръ, да такіе жъ бубонки, талерки, якимъ брязглютъ, и игри мѣютъ, якъ турки. Овощей въ томъ городѣ премного, яблокъ, ореховъ волосвихъ, винограду и проч. есть, лѣски суть коло тогожъ города попадгожами, гдѣ барзо родится шаптали то есть бросквинъ, много и иныхъ овощей, между ими есть одинъ рожанъ, подобный яблокамъ, тилкожъ онихъ, не зваривши, исти нельзя, виноградовъ и дикихъ много, такожъ рижу не мало, и тамъ якое жъ колвекъ войску было поживленіе. Тамже дано козакамъ жалованя по ко-

пѣ. Сказовали намъ нѣкоторіе въ государевомъ обозѣ, что будучи его император. величество за Дербеню (гдѣ о 15 верстъ въ Дербенѣ и транжаментъ заложивши, козаковъ 200, а великороссійскихъ 100 человѣка повелѣлъ оставити) мѣритъ самъ изволилъ ціркуломъ едну гору превисокую, зовемую Шахъ гора, якая отъ моря отстаитъ о верстъ килко десятъ, а въ висоту есть 18 верстъ и 206 сажень.

Сегожъ числа брегадиръ Володимеръ Петровичъ Шереметевъ з своей команды драгунами, и панъ Миргородскій зъ козаками зъ своихъ лагеровъ ночью рушили, и, увойшовши одъ стану верстъ съ семъ, якъ ишли лавами, такъ и ночевали. На стану зась мененномъ, зъ якого рушили, здѣланъ ими жъ былъ по указу государевомъ невеликій транжаментикъ, и оставлено въ ономъ козаковъ нашихъ 102 и драгунъ зъ офицеромъ 30; въ ночѣ великій всталъ ветеръ барзѣ на морѣ.

9. Рушивши государь, и вся армія зъ по Дербенѣ, и, не попасуючи въ обѣдъ, натягли одъ стану о 8 верстъ на ночь. А панъ Миргородскій, пойшовши зъ своего ночлегу, о 4 версти обѣдалъ, а о 4 ночовалъ. На обѣдніомъ стану былъ у пана Миргородскаго Бековичъ.

10. Присланъ указъ одъ адмирала до пана Миргородского, жебы козаки его команды ишли ровно съ арміею отъ мори десятою линіею, а армія въ 9 линый ити расположена, и потому такъ устроено.

11. Самъ его императорское величество изволилъ быть передъ обѣдомъ у пана Миргородскаго въ намѣтѣ и горѣлку ганичковую кушалъ, которая его величеству пришла до уподобаня, и любо оной государенѣ панъ Миргородскій куфу оферовавъ, однако государь сказалъ, что нѣчимъ везти, и для того велѣлъ, когда зъ барилками зъ двору присилати, давати.

12. Когда подлугъ вишь наменennого указу ишли козаки въ десятой линіи при армѣи, сего числа о полудню пришли къ тимъ мѣстамъ, гдѣ по под горами текутъ натуральніе нефти, накшталтъ діогтю, що кто хотѣлъ бралъ для шмарованія осей и колѣсъ вмѣсто смоли. Тамъ же ишли мимо тепліе води, въ кото-

рихъ многіе солдати и козаки купались, а ми только мили голови.

13. Стояли при томъ мѣстцу обозами недалеко, гдѣ на армію, еще къ Дербенѣ ишовшую, вдарили были зъ горъ Тавлинцѣ татарѣ, съ которихъ якіе тогдажъ зимани были, таможе и повѣшани; о обѣдной зась годинѣ учинилась була тривога, будто знову явились зъ горъ татаре, чого опасуючись, весь уже день ишли осторожне, козаковъ донскихъ и нашихъ виборнихъ на отводъ коммендировавше. Было сее при урочищи Унчи рѣчки.

14. Пройшовши урочище Колычи, гдѣ противъ деревнѣ Буяна вода добрая была, переправлялись чрезъ камяній мостъ на урочищи Уллучи, и, уйшовши верстъ скильканадцать, ночовали.

15. Перейшовши рѣчку Монасъ, въ которой вода добрая, натягли заледво о 2 или 3 годинѣ въ ночь къ мѣстечку владѣльца Шафкала Таркамъ и тутъ ночовали, гдѣ передомъ арміи поѣхавшихъ къ городу двоихъ трембачовъ государевихъ зарѣзали татаре, зъ которихъ поимано пять человѣкъ, и

16. тамъ же подъ Тарками казнено онихъ различно, еднимъ руки и ноги толко поперебивано, другимъ поотрубовано.

Зъ подъ Тарковъ рушила армія, а за нею уже назадѣ козаки наши надъ вечери: гдѣ когда самъ его императ. величество ѣхать изволилъ передъ арміею, подали наши старшина чолобитную о избраніи гетмана зъ вираженіемъ прошенія таковаго, якое и въ грамотѣ, чрезъ насъ присланной, написано, которую челобитную его император. величество вичитавши знову нашимъ отдалъ, сіе слова сказавши: есть уже писмо зъ малои Россіи такое, а будетъ о томъ впредъ указъ.

17. Весь день ишли, и ажъ

18. натягла армія и государь до рѣки Сулаку, на которой два моста были, единъ на поляхъ, другій на суднахъ устроени. Козаки зась наши

19. пришли до той же рѣки, и особенно одъ арміи обозомъ стали, гдѣ стояли чрезъ

20—и 21—числа, а

22. перешли на другой бокъ той рѣки мостами; въ сихъ числехъ надъ тою жъ рѣкою в вершинѣ другой рѣчки, зовемой

Аграханъ, заложенъ городокъ земляный, и названъ городъ Святаго Креста по сей сторонѣ рѣки оной: которій городокъ самъ государь размѣралъ и заложилъ.

На семъ стану панъ Даміанъ Мазаракій, товаришъ полку прилуцкого, преставился, которого тамъ же 23—поховали чрезъ

24—и—25 числа тотъ городокъ Армецяки и козаками здѣланъ, валомъ окопанъ, и палями оставленъ; въ которій запасовъ хлѣбнихъ и военной амунѣціи зъ арматами напроважено чи мало въ транжаменту, на Аграханской заливѣ будучого.

26. Въ наметной церквѣ, въ томъ же городку розбитой, былъ молебенъ, куда государь, государыня, адмиралъ и другіе насъ енерали зъѣхавшись поздравляли воставленного тамъ подполковника полку драгунскаго Селиванова коммендантомъ, а когда зъ города государь, императрица и прочіе отъѣздили, палено зъ 7 штукъ арматъ разовъ сѣмъ и

Сего жъ числа всѣ пѣхотніе полки, такожъ и дворъ государевъ рушили одъ Сулаку къ Аграханской заливѣ всѣдать тамъ на судна для маршу моремъ до Астраханѣ.—Мы тежъ, пожегнавши пана Миргородскаго и всѣхъ своихъ въ обозѣ бывшихъ (зъ между которихъ оставлено въ томъ же городку 500 городовихъ, а 100 компанѣйцовъ, да 100 донцовъ подъ командою Славуя Требынскаго, сотника Ірклѣевского, зъ сотниками и другихъ полковъ) поѣхали за арміею, и ѣдучихъ насъ встрѣтилъ на дорозѣ господинъ полковникъ брегадиръ отъ кавалеріи Яковъ Сергѣевичь Шамардинъ, зъ которимъ на дорозѣ разними діскурсами пріего жъ трактаментѣ годину и другую пробавили, tandem, разѣхавшись, надъ рѣчкою Аграханю въ полѣ ночовали, обминувши армію.

Сегожъ дня въ транжаментъ на Аграханскую заливу прибылъ государь.

27. Прибылисмо до того жъ надъ море транжаменту.

28. Былъ въ транжаментѣ въ наметной церквѣ молебенъ благодарственный въ воспоминаніе баталіи и полученной надъ шведомъ подъ Лѣснимъ викторіи: а по молебнѣ випалено зъ 31 штуки арматъ, а потомъ все полки пѣхотніе бѣгучимъ огнемъ стрѣляли разъ одинъ. Кушали обѣдъ всѣ господа подъ наме-

тами у государя и гуляли ажъ до позна, а скоро смеркло, начали пущатись рацiи въ гору, которихъ на килка сотъ викинено зъ звѣздами и другими огненнеми фенгателями.

В семъ походѣ которiе енерали и брегадири отъ кавалерiи и iнфантерiи были, тихъ имена слѣдуютъ ниже сего.

1) Главный всей армiи и флоту коммендоръ, енералъ адмиралъ Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ.

4) Отъ инфантерiи енерали маiори Михайло Аѳонасьевичъ Матюшкинъ. Иванъ Iлiичъ Мамоновъ, князь Григорiй Дмитрiевичъ Iюсуповъ князевъ князь Юрiй Юрiевичъ Трубецкой.

3) Отъ инфантерiи жъ брегадери Василiй Яковлевичъ Левяшовъ, князь Иванъ Федоровичъ Борятинскiй, Александръ Ивановичъ Румянцовъ.

1) Отъ кавалерiи енералъ маiоръ Гаврило Семеновичъ Кропотовъ.

3) Отъ кавалерiи брегадири: Володимеръ Петровичъ Шереметевъ. Яковъ Сергѣевичъ Шамардинъ и иноземецъ ветераный.

Министри:

Князь Дмитрiй Кантемиръ, господарь волоскiй, Петръ Андрѣевичъ Толстой, дѣйствительный тайный совѣтникъ.

Надъ 10000 козацкаго войска наказнимъ гетманомъ былъ Данiилъ Апостолъ, полковникъ миргородскiй, да при немъ цѣлiи два полковники, прилуцкiй Игнатъ Галаканъ, и кiевскiй Антоный Танскiй, а зъ прочiихъ полковъ наказнiи.

Надъ 5000 донского войска атаманъ былъ Иванъ Матвѣевичъ Краснощокiй, да полковникъ Данило Ефремовичъ.

29. Императорское величество зъ государинею императрицею и зъ всѣмъ дворомъ изволили на судна зiйти и пойшолъ моремъ къ Астраханѣ за доброю погодою.

30. Бавилися мы еще въ тренжаментѣ.

Мѣсяцъ октоврый.

1. Енералъ адмиралъ и Петръ Андрiевичъ взойшли на судна и, когда прiѣздилъ адмиралъ противъ якового судна, зъ каждого стрѣляно и панъ Тарновскiй взойшолъ на ластовое судно.

2. Я зъ паномъ сотникомъ ічанскимъ сѣли въ судна, именно на островки, въ брегадѣ господина Левашева; я зъ порутчикомъ первой роти полку пѣхотного копорского иноземцемъ Гамантомъ, а панъ сотникъ зъ капитаномъ тоеиже роти Стефаномъ Алексіевичемъ Румянцовимъ, и при божіей помощи поплили на море отъ транжаменту.

3. Въ ночѣ великая была противная погода, которая многіе судна отъ флоту одорвала; мы ишли въ флотѣ томъ, що и пѣхотніе всѣ полки.

4, 5, 6, 7, 8, 9. То поноснимъ вѣтромъ, то на гребляхъ ишли.

10. Знову была противная погода. Захоровалъ братъ Іванъ.

11. Ишли поноснимъ вѣтромъ.

12. Прибыли къ Волзѣ и, нѣсколько вѣрстъ уйшовши, ночовали на березѣ.

13. Волгою за поноснимъ вѣтромъ уйшли.

14. Флотъ ввесь тотъ, въ которомъ мы ишли, и прійшолъ въ Астрахань, и зъ Волги ввойшовши въ рѣчку, прежде званную Хотомова, а теперь одъ императорскаго величества нареченную Нева, стали, а мы, зійшовши зъ суденъ, перенеслись на господу въ городъ, гдѣ и пп. Семенъ Рубецъ и Василій Биковскій, присланныи въ томъ же интересѣ зъ сенату, стояли.

15. Vacat. 16. Прибылъ адмиралъ, и господинъ Толстой зъ моря ажъ теперь, поневажъ противная погода ихъ на червоніи морскіи води занесла была и за малимъ въ крайнее небезпеченство не приправила; а когда пріѣзджалъ подъ городъ адмиралъ выпалено на бляковву зъ 3 пушокъ.

17. У адмирала былъ банкетъ для имянинъ брата его графа Андрея Матвіевича Апраксина, гдѣ самъ императ. величество зъ многими господами кушалъ и гулялъ доволно.

18. Былъ государь передъ обѣдомъ у адмирала jacta in hospitio vixo c... 6: nt. v. n. Ich. n. ns.

Даровалемъ хустку едвабную Стефану Алексѣевичу Румянцову 1 роти капитану полку капорского.

19. Декларована намъ одъправа.

20. Прибылъ зъ моря въ Астрахань п. Михайло Пршеедзіецкій, и отъ пана Тарновского привезъ къ мнѣ писмо.

21. Губернаторъ астраханскій господинъ Артемій Петровичь Волынскій справовалъ для вчорайшихъ именинъ своихъ банкетъ въ кремлѣ; гдѣ государь зъ императрицею и всѣ господа зъ своими паніами были на кушанню, и ажъ до вечера гуляли, а о годинѣ въ ночь одправовали тамъ же въ кремлѣ передъ государемъ и протчіими свое набоженство косолбаси: а именно несли нѣякогось хлопца въ бѣлой кошулѣ, небы на марахъ лежачого, всего стрѣлами поколотого, въ которомъ оніе стрѣли и ножъ въ серду стримѣлъ, за нимъ несли небы три хорогви зъ персидскихъ поясовъ, а одинъ абизъ на собѣ надъ головою неслъ щось накшталтъ бандекиму тилко зверхомъ убраное матеріами. Затимъ ишли паръ зъ 60 оныхъ косолбасовъ, которіи всѣ скакали и кричали первей тое слово *Асамъ*, *Асамъ*, уставичне между ними едни накшталтъ походней зъ нему свѣчки невеликіе несучи свѣтили, другіе въ талерки били, а третіи зъ кіями идучи скакаръ приганяли? Потомъ, передъ палацъ губернаторскій прійшовши, всѣ много барзо танцовали ажъ до поту кричали другое щось: *Акшій*, *Бакшій*, далей, подобувавши ножовъ, начали сами себѣ голови рубати, едни ножами, другіе шаблями, а третіимъ, которіи сами себѣ рубать не хотѣли, абизи тихъ нагнувши, рубали голови, зъ якихъ всѣхъ кровь барзо текла, а они безъ перечь танцовали, и когда которій помянутого накшталтъ умершаго на марахъ лежачого миналъ, то на его головою трусилъ порубанною, и кровью кропилъ. Итакъ од того порубанія многіи з нихъ, зійшовши кровю, не могли сами пойти ку домовѣ, але ажъ они жъ поведено такого зась ихъ на божества, а раче безъ божія взяло болшъ трохъ годинъ въ ночь.

22. Взяли у Петра Андреевича одправу пану Рубцу зъ Биковскимъ ѣхать къ Москвѣ, а намъ просто на Украину; и чрезъ насъ далъ толко одъ себѣ Петръ Андреевичь да совѣтникъ Степанъ листи до пана полковника чернѣговского и старшины енеральной, а имъ далъ писмо въ сенатъ, куда такожъ и сотниковѣ ічанскому ѣхать указано

Ажъ сего числа панъ Тарновскій пріѣхалъ зъ моря.

23. Vacat. 24. v. m. r. f, c. m. c. nt. v. n. cz. n. nsf.

Сего жъ числа прибылъ панъ судія прилуцкій зъ моря.

25. Готовилисмо себѣ лодку.

26. Одъѣхали наши коллеги, то есть панъ Семенъ Рубецъ, сотникъ ічанскій, и Биковскій почтою къ Москвѣ.

1723 годъ.

Генварь.

6 и 7. Жестоко былъ боленъ на рецедиву горячки, на которую въ прошломъ году въ декабрѣ по возвращеніи изъ Астраханской и Дербенской дороги захоровалъ.

Февраль.

5. Прибылъ въ Глуховъ ундеръ лейтнантъ преображенского полку князь Петръ Володимировичь Волконскій зъ указомъ, чтобъ ѣхали въ Москву комиссары, бывшіе на межѣ почеповской, асаулъ войсковой енералный Василій Жураковскій и Петръ Васильевичъ съ товарищи, а протчихъ челобитчиковъ тутъ въ Глуховѣ повелѣно ему допрашовать.

6. Куплены у Василія Биковскаго шесть ложокъ сребрныхъ и шесть чарокъ срѣбрьныхъ же, въ которихъ вѣсу гривенъ двѣ безъ 2 золотниковъ, дано за оные 13 р. 16 к.

14. Пріѣхалъ въ Глуховъ наказный полковникъ стародубовскій панъ Петръ Корецкій съ прочими полчанами тамошними для допросу о межѣ почеповской, въ Глуховѣ имѣючемъ быть при присутствіи преображенского полку ундеръ-лейтенанта князя Волконскаго.

18. Принесены 3 грамоты: 1, о виправѣ въ крепости Святого Креста на Сулакъ 10000 козаковъ, 2, о виправѣ 5000 до Ладоги на каналъ, 3, о шпигонахъ.

19. Ночью проѣхалъ чрезъ Глуховъ куріеръ въ Кіевъ по архимандрита печерского.

Мартъ.

11. Ночью проѣхали чрезъ Глуховъ два куріера, 1 од турецкого солтана Ага Мустафа до посла турецкого, въ Москвѣ обрѣтающогось, 2 отъ французского короля. Первій съ объявле-

ніемъ войны, ежели войско посланное къ Терку не будетъ возвращено. Вторый зъ медіаціею о томъ же.

13. Привезено зъ Москвы тѣло пана Войцеховича, сотника седневского, тамъ умершого, до села Березы.

15. Въ ноче проважено отца Іоаникія Сенютовича, кіевопечерского архимандрита, подъ карауломъ къ Москвѣ, и переменено только ночтю жъ въ ратушѣ подводы, да заразъ зъ Глухова и повезенъ.

1754 году.

Для памяти повседневная записка.

Генварь.

1. Получено писмо зъ Глухова объ отставки отъ всякихъ дѣлъ Скоропадского.

2. Пріѣздилъ обозный Юркевичь и писарь Гаевскій судовый.

3. Пріѣздила Федорова Шираева зъ дочерми, а по обѣдѣ и отѣхали купно зъ вчорашними гостми.

Писалъ къ намѣстнику ичанскому Ираклію Ляндашевичу о дровахъ чрезъ Д. Городиского.

Числа сего жъ зять Савичь зъ дочерю нашею Анастасіею отѣхалъ къ Левенкѣ и далѣе къ Кривцѣ.

4. Писалъ до Губчица о дѣлѣ зятнемъ и до зятя Рословцѣ Галя отѣхала, а я ночевалъ на Василіовцѣ зъ Ивашкомъ.

5. Одтоль возвратились паки въ домъ.

Ивашко занемогъ.

6. При водосвятіи какъ стрѣляли, то Козловскому повреждеціе на лицу сдѣлалось.

7. Писалъ писма поздравительные новымъ годомъ до старшинъ генералныхъ и до протчихъ въ Глуховъ. И до полковника прилуцкого о Горленку и въ Товкачовку.

8. Писалъ же до Якубовича и до асаула компанѣйского за Лавриномъ Цяпою.

9. Оный Цяпа зъ тими писмами отправленъ въ Глуховъ. А ночью прибылъ къ намъ зъ женою Гудовичь.

10. Онъ же, отъобѣдавъ, отѣхалъ въ путь свой до Хорола на сватбу, а вечеромъ прибыли подводы зъ Товкачовкы.

11. Писалъ до Копса о лѣкарствахъ для Ивашки.

12. Писалъ писма въ Товкачовку до господаря и до Петруши; да до полковника прилуцкого о дѣлѣ стороны козаковъ поднскихъ.

13. Послѣ полдня были откупщикы Лобисевичь и турокъ за показанною и покухо́внымъ. Да козакъ Гарбузъ зъ синами и зъ атаманомъ Кистерскимъ.

14. Писалъ до черніця Михаила Ядрилы, чтобъ съ нимъ видѣться въ Стародубѣ 16 или 17 числъ.

15. Чубенку кушнеру стародубовскому за работу отъ подшиванъ нѣсколько одеждъ данъ рубль денегъ и ему жъ дано въ чинбу двѣ куницѣ, да чрезъ его жъ послано писмо до Ядрила; лѣкарь Копсъ пріѣхалъ и сотникъ погарскій.

16. Ѣздилъ въ Погаръ зъ женою, и Копсомъ на крестины сина его Петра.

17. Копсъ по обѣдѣ отѣхалъ, и за лѣкарства даны ему два червоные.

Писалъ до писара генералного за Павломъ Соломахою, да до Скоропадского о газетахъ и мужикахъ марковскихъ и до Соломахы.

18. По утру была у насъ старая Соболевская, и я поутружъ отѣхалъ и прибылъ въ Стародубъ послѣ полдни. А вечеромъ посѣщалъ Скорупину болную и сина ей Івана.

19. По утру многіе мене посѣщали и протопопъ съ священниками. Писалъ и въ домъ къ женѣ, и посилку нѣкоторую послалъ, да отдалъ на бляшкѣ образомъ маліовать маляру костобобрскому Ѳедору Завольскому, по полдни былъ у Копса и у Искрицкого, а вечеромъ были у мене Александрова Корецкая, обозный и писарь полковые.

20. Рано отъѣхавъ зъ Стародуба, заѣздилъ зъ Копсомъ до Андреевой Миклашевской въ Нижномъ, потомъ у графа Моусея отъобѣдавъ въ Топалѣ, на ночь прибылъ въ Кривецъ.

21. Тутъ же весь день пробылъ, а Копсъ по обѣдѣ отѣхалъ ми-жъ проежджались до млиновъ Савичевыхъ, на рѣкѣ Сновѣ будучихъ.

22. Снѣцару въ Кривцѣ заказалъ дубовую скрипку дѣлать, и дано ему въ задатокъ двадцять копѣекъ.

Самъ же по ранномъ обѣдѣ отѣхалъ, и провожали насъ дѣти до своего футора, називаемого Рудня, одтоль поѣхавши попасовали коней въ Ущерпѣ, откуда и писалъ до черица Ядрила о поѣздѣ своемъ въ Лотокы. А на ночлегъ прибылъ въ Удіобное позно, гдѣ и ночевали въ домѣ Плешковомъ.

23. Прибылъ на службу Божию въ Попову гору и, тамъ откушавъ, пріѣхалъ на Івановку и тутъ ночовалъ.

24. Зъ Ивановкы переѣхалъ въ Лотоки и сталъ въ своемъ дворѣ. А пополдни ѣздилъ на Пліужѣ (?) до построеннаго млина и ступника нашого.

25. Зъ попомъ Семеономъ Пригарою, и знач. товаришемъ Василемъ Озерскимъ розговоры были поутру о обидахъ, людемъ нашимъ отъ ихъ дѣлаючихся.

26. Получены писма въ покетѣ зъ разныхъ мѣстъ, изъ которыхъ сина Василя и Мироновскаго писма въ моемъ до жены писмѣ посланы къ Юркевичу, обозному полковному, для пересилки. А самъ отѣхалъ до Кургановки, и тамъ у Ивана Курганского ночовалъ.

27. Поутру оттоль отѣхалъ въ Николаевку, и тамъ отобѣдавъ, прибылъ на ночь въ Лотоки.

28. Попу лотоковскому выговоровалъ за здирства людскіе, а по обѣдѣ ѣздилъ къ млину и на Ивановку, а оттоль возвратясь, посилалъ за разскольщиками, чрезъ фарпостъ зъ свиными салами пропущенными.

29. При оныхъ салахъ бывшого пристава съ слободы Злинки Матвія и пашпортъ, у него бывшій зъ губернской смоленской канцеляріи, квитъ индукторскій, и карту сотника случановскаго пропускную при моемъ извѣстіи въ полковую стародубовскую канцелярію отправилъ и о томъ же до поручика Сергія Тихонова въ Тимошкинъ перевозъ писалъ, и тутже былъ у мене тихъ салъ

хозяинъ Федоръ Подсевалщиковъ и капралъ форпостный. Послѣ полдня ѣздилъ въ Макаричи.

Въ писмахъ отъ сина виражено.

Въ 1-мъ, ноября отъ 17 n. s. 1746 году полученномъ: въ С.петербурхѣ декабря 2 тогожъ году началъ онъ науки 1 курсъ философическій, состоящій въ 12 частяхъ, а именно: in logica, politica, phisica, hipothetica, historia philosophiae, metaphisica. ethica, pneumatologia, theologia naturali juris divini naturali scientia, patrologia, ethico-phisica, et juris divini positivi prudentia. Proffessor Gentzke.

2, Collegium Mathematicum. Proffessor Kosius.

3. Латинскаго языка у профессора Захаріаса.

4. Гисторію юрисъ пруденціи у профессора Дреера, а по воскресеніи имѣлъ начать юрисъ пруденцію.

Въ 2-мъ, тогожъ году, отъ 29 декабря n. s., полученномъ 14 генваря 1747 году.

Разные части философіи, такожъ и математику, и исторію juris germanici, и латинскій языкъ.

Въ 3-мъ, 1747 году, 9 января n. s., полученномъ января 18.

Всю систему философіи г. профессора Gentzke.

Такожъ и математику г. профессора Козе.

Да гисторію юрисъ пруденціи у профессора Дреера.

Латину у проф. Захаріаса.

Въ 4-мъ, тогожъ году, марта отъ 13 n. s., полученномъ 20, v. s.

Логику и гисторію философическую, такожъ политику и jus divinum positivum выслушалъ уже у профессора Genzke.

У профессора Matheseos Козе арифтетику и первую часть геометріи въ лѣтѣ на полѣ практиковать будетъ. Латины у профессора Захаріаса отсталъ.

Въ 5-мъ тогожъ году, апр. отъ 3 n. s., полученномъ апр. 19 v. s. у профессора Genzke логику, такожъ гишторію философическую уже выслушалъ, и весь курсъ его системы философической къ прiидучему 1-му октября n. s. окончить имѣлъ.

У профессора Козе арифметику и первые части геометріи и планиметріи прошелъ, а остальную континуетъ.

У професора Дреера гисторію правъ нѣмецкихъ окончилъ, а по воскресеніи имѣлъ слушать institutiones до правъ нѣмецкихъ.

Въ 6-мъ іюня отъ 6 n. s., полученномъ іюня 26 v. s.

У проф. Genzke us naturae съ частію . . . . . въ которомъ включается tractatus de affectibus съ мѣсяца априля началъ, и скоро окончилъ.

У проф. Козе къ воинской и гражданской архитектурѣ, такожъ и наинужнѣйшей практической геометріи... геодезіи, стереометріи, тригонометріи и планиметріи collegium privatissimum.

Въ 7-мъ отъ 1 n. s. декабря, полученномъ декабря 13 v. s.

Оконча у проф. Gentzke cursum totius philosophiae rationalis, отъ сего n. s. Михайлова дня началъ приватно новой философіи у проф. Генинга слушать логику Готтеда, Валеріевого послѣдователя, да Валеріеву политику у одного кандидата jurisprudentiae.

Языкъ французскій у академическаго шпрахмейстера, именемъ Гартана, и латину ексерцируетъ.

У проф. Козіуса оконча тригонометрію, и астрономію, имѣлъ начать географію.

Въ 8-мъ декабря отъ 7 n. s., полученомъ декабря 13 v. s.

Оконча у проф. Genżke курсъ totius philosophiae practicae ei theoreticae, началъ у проф. Heninas слушать логику профессора липскаго Готтеда; латинскій языкъ приватно, а французскій у академическаго шпрахмейстера ексерцитуетъ.

Притомъ сообщилъ практической геометріи и р сунковъ двѣ пробы.

Quae collegia frequentanda et quae lingua addiscenda, ac alia exercitia tractanda, hoc. patet infra

In juridica et in philosophia, quae magis sunt necessaria. In Mathesi arithmetica, geometria cum suis partibus, trigonometria, astronomia, quae spectat ad geographiam, geodesia, architectura militaris et civilis, et pars magis necessaria mechanica. In oratoria: eloquentia et poesis latinae linguae, latina, gallica, italica, praeter germanicam.

Historia generalis et particularis, geographia.

Примѣчаніе редакціи: Не смотря на такой, до неузнаваемости испорченный текстъ дневника Н. Д. Ханенка, подлинника котораго не сохранилось, редакція печатаетъ его и въ такомъ видѣ, такъ какъ онъ содержитъ нѣкоторыя любопытныя данныя для жизнеописанія какъ самого Н. Д. Ханенка, такъ и для характеристики современнаго ему общества.

НАКАЗЫ

МАЛОРОССІЙСКИМЪ ДЕПУТАТАМЪ

1767 года

и

АКТЫ О ВЫБОРАХЪ ДЕПУТАТОВЪ

ВЪ КОММИССІЮ

СОЧИНЕНІЯ УЛОЖЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

14 декабря 1766 года императрица Екатерина II обратилась ко всему населенію тогдашней Россіи съ манифестомъ, возвѣщавшимъ о созывѣ „коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія“ и заключавшимъ въ себѣ приглашеніе, адресованное по всѣмъ сословіямъ, избрать депутатовъ для участія въ работахъ той коммиссіи. Манифестъ отправленъ былъ и въ Малороссію, и выполненіе его было возложено на малороссійскую коллегію. Уже въ февралѣ 1767 года и малороссійской коллегіей, и графомъ Румянцевымъ были разосланы по всему краю предписанія о выборѣ повѣренныхъ для избранія депутатовъ, предписанія, заключавшія въ себѣ подробныя инструкціи о порядкѣ выборовъ, составленіи наказовъ для депутатовъ и т. п. Опредѣлены были и мѣста для собраній повѣренныхъ. Вся Малороссія была разбита на 15 участковъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ избрать депутатовъ въ коммиссію. Выборы должны были происходить отдѣльно отъ каждаго сословія: отдѣльно отъ шляхетства, отдѣльно отъ горожанъ и отдѣльно отъ козаковъ. Въ „росписаніи, гдѣ для выбору назначаются мѣста и сроки“, помѣчены были слѣдующіе пункты: 1) *Новгородъ*, для собранія городскихъ жителей на 4 марта; 2) *Стародубъ*, для собранія жителей стародубскаго повѣта: горожанъ на 9 марта, шляхетства на 10 марта, козаковъ на 27 марта; 3) *Черниговъ*, для повѣтовъ Черниговскаго и Менскаго: горожанъ на 16 марта, шляхетства на 18 марта, козаковъ на 27 марта; 4) *Нѣжинъ*, для повѣтовъ Нѣжинскаго и

Батуринскаго: горожанъ на 23 м., шляхетства на 24 м., козаковъ на 27 м.; 5) *Глуховъ*, для глуховского повѣта: горожанъ на 2 апрѣля и шляхетства на 4 апрѣля; 6) *Гадячъ*, для горожанъ на 4 марта и козаковъ на 27 марта; 7) *Сорочинцы*, для горожанъ на 8 марта и козаковъ на 27 марта; 8) *Полтава*, для горожанъ на 13 марта и для шляхетства повѣтовъ полтавскаго, миргородскаго и гадячскаго на 15 марта; 9) *Козелецъ*, для горожанъ Козельца на 3 марта и Остра на 10 марта, шляхетства повѣтовъ козелецкаго и остерскаго на 4 марта и козаковъ тѣхъ-же повѣтовъ на 27 марта; 11) *Переяславъ*, для жителей повѣтовъ переяславскаго и золотоношскаго: горожанъ на 15 марта, шляхетства на 17 марта и козаковъ на 27 марта; 12) *Лубны*, для повѣтовъ лубенскаго и роменскаго: горожанъ на 10 марта, шляхетства на 13 марта и козаковъ на 27 марта; 13) *Прилуки*, для повѣтовъ прилуцкаго и иваницкаго: горожанъ на 9 марта, шляхетства на 11 м. и козаковъ на 27 марта; 14) *Погаръ*, для горожанъ на 5 марта и шляхетства на 7 марта; Запорожская Сѣчь составила особый 15-й участокъ, хотя относительно ея не было указано время собранія повѣренныхъ для выбора депутатовъ.

Въ каждомъ такомъ собраніи и каждымъ сословіемъ отдѣльно должны были быть составлены инструкціи депутатамъ, посылаемымъ въ коммиссію, такъ называемые „наказы", тетради или cahiers, въ которыхъ предписывалось каждому сословію изложить и свои нужды, и проектъ мѣръ для исправленія недостатковъ существующаго режима. Отъ одной Малороссіи, вслѣдствіе этого, должно было поступить въ коммиссію 34 наказа.

Изъ этихъ „наказовъ", еще ни разу и нигдѣ не напечатанныхъ и представляющихъ громадный историческій интересъ, въ рукахъ редакціи находятся лишь немногіе, вошедшіе въ составъ извѣстнаго рукописнаго сборника „актовъ, относящихся къ исторіи составленія уложенія при Екатеринѣ II", сборника, принадлежавшаго г. Судіенко.

Въ сборникѣ этомъ оказалось лишь 16 наказовъ: шесть отъ шляхетства, шесть отъ городовъ и четыре отъ козаковъ, сверхъ того наказъ отъ малороссійской коллегіи, данный посланному отъ нея

депутату, Натальину, мнѣніе графа Румянцева [1]), цѣлый рядъ бумагъ, относящихся къ исторіи подготовленія выборовъ и организаціи и порядковъ выборныхъ коллегій и, наконецъ, особое мнѣніе или „прошеніе малороссійскихъ депутатовъ", поданное ими по поводу рѣчи, произнесенной маршаломъ Бибиковымъ въ засѣданіи коммиссіи 9 сентября 1768 г. и заключавшей въ себѣ предписаніе депутатамъ „не упражняться ни въ чемъ другомъ, кромѣ того, для чего именно коммиссія учреждена". Послѣдній документъ вмѣстѣ съ другимъ: „выписка изъ привилегій, правъ и договорныхъ статей, на какомъ основаніи состоитъ малороссійское шляхетство и чемъ оное доказывается", есть черновка, съ массою помарокъ. Лишь пять изъ документовъ сборника представляютъ собою оригиналы, всѣ остальные—копіи, снятыя съ оригиналовъ уже въ недавнее время, въ текущемъ столѣтіи.

Въ виду того значенія и важности, какія имѣютъ перечисленные документы сборника для исторіи Малороссіи XVIII в. и съ цѣлью пополнить давно уже чувствовавшійся крупный пробѣлъ въ этомъ отношеніи въ нашихъ знаніяхъ о прошломъ, редакція и рѣшилась приступить къ печатанію ихъ, хотя и въ неполномъ видѣ, съ настоящаго тома „Кіевской Старины", предоставляя себѣ право посвятить вопросу о „наказахъ" спеціальную статью въ одной изъ ближайшихъ книжекъ текущаго года.

Въ своемъ изданіи документовъ сборника редакція сгруппировала ихъ слѣдующимъ образомъ: на первомъ планѣ поставлены собственно „наказы". Распредѣлены они по сословнымъ группамъ. Прежде всего наказы и прошенія *шляхетства*, а именно: 1) глуховского, 2) черниговскаго, 3) прилуцкаго, 4) переяславскаго, 5) лубенскаго, 6) полтавскаго, гадяцкаго и миргородскаго. Затѣмъ, вовторую группу вошли „наказы" *городовъ*: 1) Глухова, 2) Чернигова, 3) Погара, 4) Стародуба, 5) Полтавы и 6) Лубенъ. Въ

---

[1]) Наказъ коллегіи мнѣніе Румянцева—единственные изъ документовъ, появившіеся въ печать, первый въ 43 томѣ „Сборника русскаго историческаго общества", стр. 218 и сл., второе въ приложеніи къ книжкѣ г. Авсѣенко, Малороссія въ 1767 г., Кіевъ, 1864 г. Наказъ запорожскимъ депутатамъ напечатанъ скальковскимъ во второмъ томѣ его „Исторіи запорожской Сѣчи.

третью группу помѣщены „наказы и прошенія“ *козаковъ*: 1) черниговскихъ, 2) стародубскихъ, 3) прилуцкихъ и 4) миргородскихъ. Затѣмъ, особую группу составили: прошеніе *малороссійскихъ депутатовъ* и выписка изъ привилегій и проч. Въ заключеніе редакція намѣрена помѣстить въ особую группу рядъ документовъ относительно порядка и организаціи выборовъ и тѣхъ событій и казусовъ, которые имѣли мѣсто во время выборовъ.

I.

НАКАЗЫ и ПРОШЕНІЯ

МАЛОРОССІЙСКАГО ШЛЯХЕТСТВА.

I.

1767.

Наказъ глуховского шляхетства.

Наказъ во исполненіе всевысочайшего и всемылостивѣйшего Ея Императорскаго Величества манифеста въ 766 году декабря 14 дня состоявшегось отъ шляхетства повѣту глуховского выбранному депутатомъ въ коммысію о сочиненіи проэкта новаго уложенія, высокородному господину асаулу войсковому генералному, Ивану Мыхайловычу Скоропадскому.

Будучи мы въ собраніи по сылѣ того-же Ея Императорскаго Величества высочайшего манифеста и обрядовъ, общымъ совѣтомъ положыли на мѣри о первѣйшыхъ общества нашего нуждахъ и недостаткахъ въ семъ наказѣ изобразыть. А вы, такъ какъ по безпрыстрастной нашей присягы выбранній, вѣрній Ея Императорскаго Величества рабъ, усердній и ревнительній о общемъ благѣ сынъ отечества, во исполненіе Ея Императорскаго Величества воли, должны будете сей наказъ и особливо врученное къ Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшое наше прошеніе представить гдѣ надлежить. Нужды жъ нашы и недостаткы состоять въ ныже слѣдующыхъ пунктахъ сложеніемъ краткымъ, съ тою на васъ надеждою, что вы пры случае надобности и востребованія не упустите всѣмы потребнымы къ сему обстоятелствы пространнѣйше обяснытъ.

1.

Со времены благопрысоединенія Малой Россіи къ Высочайшей Ея Императорскаго Величества всероссійской державѣ, всѣ благо-

получно царствовавшіе святоусопшіе государи, предкы Ея Императорскаго Величества Самодержцы Всероссійскіе, какъ изначала Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Мыхайловычъ, такъ и послѣдующіе монархы высочайшыми своимы грамотамы утвердыли и императорскымъ словомъ обѣщали, Малую Россію при всѣхъ изъ стары пожалованныхъ и утвержденныхъ правахъ, прывылегіяхъ, волностяхъ и обыкновеніяхъ свято, цѣло и ненарушно содержать и сохранять. Потому и мы нынеподписавшіесь, состоя въ числѣ протчыхъ въ другыхъ повѣтахъ жытелствующыхъ нашыхъ сотоварыщей, прыносымъ всеподданнѣйшее и всераболѣпнѣйшее наше прошеніе, дабы отечество наше, пры нынѣшнихъ премудрыхъ Ея Императорскаго Величества законоустановленіяхъ, пожалованны были подтвердытелнымъ на то отъ Ея Императорскаго Величества высокоматернымъ прывылегіемъ, отдая все то о внесеніи въ новосочыняемое уложенье, и въ чемъ есть нужное въ добавленіи и исключеніи, Ея Императорскаго Величества матернему мудрому попеченію и высочайшей воли и мылости.

2.

Во многыхъ случаяхъ предкы наши, протывъ непріятеля и въ другыхъ службахъ употребленны были, такъ и мы съ наслѣдныкы нашымы вечно служыть всероссійскому Ея Императорскаго величества престолу прысягою обовязаннымы находымся, и нынѣ вѣрно на собственномъ своемъ иждывеніи служымъ. Для того раболѣпно просыть Ея Императорскаго Величества Августѣйшей Императрыцы, государыни матери нашей, чтобы намъ всеподданнѣйшымъ рабомъ, шляхетству и чыновныкамъ служащымъ и отъ службы уволненнымъ, повелѣнно было учынить именній спысокъ, въ согласіе прежнихъ договоровъ гетманскыхъ, Демяна Игнатіева Самойловыча, къ достыженію прославленія и въ чынахъ равенства, прысоедынить всемылостивѣйше повелѣлы къ россійскому дворянству и записать въ Герольдію на вѣкы дворянамы, и дозволить намъ на такомъ основаніи, какъ Россійскому дворянству, гдѣ пожелаемъ

службу имѣть и ползоватся своимы жалованнымы и купленнымы добрамы, и таково дворянства Россійскаго удостоеніе высочайшею Императорскою прывылегіею намъ и наслѣдныкамъ нашымъ взаконыть и утвердыть.

3.

Отъ 1569 году, за короля Полского второго Жыкъгмунта, когда Малороссійской, край кіевское княженіе, подъ Полскою Короною находылся, то въ данной прывылегіи съ подданныхъ по два гроша полскыхъ взымать установлено съ тѣхъ, кто имѣетъ наволоку пашенной земли. а съ тѣхъ, кто не имѣетъ землѣ, то зъ дыму по едному грошу, и то для того, чтобъ вѣдали, яко они тогда были Короны Полской подданніе. Имяннымъ же блаженнія памяти Великой Государыни Императрыцы Анны Іоановны, Самодержицы Всероссійской, въ 1734 году августа 8 дня по 2-му пункту состоявшимся указомъ повелѣнно провянтъ и фуражъ на консыстентовъ производыть въ натурѣ, по расположеніямъ Полковыхъ Канцелярій, по пропорціи имуществъ, безъ перевозкы того провъянта и фуража по наставленію того указа. Но затѣмъ указомъ такова фуража перевозка зъ тягостію происходыла досель. Чего во облегченіе и уволненіе отъ долныхъ перевозокъ и тягостей въ поставкы натурою въ другіе мѣста фуража, порядочнымъ своимъ правытелствомъ, его сіятелство графъ и кавалеръ Петръ Александровычъ господинъ Румянцовъ установылъ рублевымъ окладомъ отъ всякой хаты въ годъ по рублю и по двѣ копѣйкы собырать. И хотя сей благоизобрѣтенной способъ есть полезній, но что подсусѣдкы не всѣ имѣютъ пахатную землю, а инніе болшою частію таковы, которіе нетокмо имѣнія, но и одѣянія мало что имѣютъ, и, по часто нынѣ случающымся нехлѣбородствамъ, пытаются собственно отъ насъ владѣлческымъ хлѣбомъ, то, въ разсужденіи сыхъ обстоятелствъ, сей окладъ чтобъ учрежденъ былъ зъ тяглыхъ толко людей, тѣхъ, кои пахатніе имѣютъ земли; а которіе не имѣютъ, съ такыхъ положенъ бы былъ окладъ толко по пятидесяти копѣекъ, и на ныхъ бы болѣе, какъ

зъ двыжымого, такъ и не двыжымого имѣнія нѣкаковыхъ зборовъ не збиранно, просыть Ея Императорскаго Величества помыловання.

4.

На всѣ шляхетскіе волности владѣній жылыхъ домовъ, пахатныхъ, сѣнокосныхъ и лѣсныхъ земель, хуторовъ, рѣкъ, озеръ, мелныцъ, рыболовлей и вынокурень, по грамотамъ или унѣверсаламъ, лыбо по куплямъ, тако жъ по займѣ и какъ бы кто чемъ ни владѣлъ, кромѣ такыхъ завладѣній, о которыхъ дѣла свое окончаніе прынять должны по судамъ, чтобъ вѣчно оставленны въ такомъ состояніи, какъ владѣемъ, ползуемся, и владѣть Высочайшымы двума: 7162 году блаженнія памяти Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Мыхайловыча грамотамы и правомъ статутовымъ роздѣла 3 го въ артыкулѣ 2-мъ позволенно. И изо всѣхъ таковыхъ нашыхъ земель и промысловъ, отъ котловъ, отъ продажы горѣлкы обтомъ и порознь въ шынковыхъ домахъ, по торгамъ и ярьмонкамъ, и за все то, что въ Малой Россіи родытся, ныкакыхъ бы дачъ налагаемо не было; о томъ всемъ просыть Высочайшего Ея Иператорскаго, Величества подтвержденія.

5.

Въ Бозѣ почывающій премудрій монархъ Петръ Великій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскый, постоевъ у чиновнычиьхъ, старшынскыхъ и шляхетскыхъ всѣхъ домахъ, чрезъ высочайшіе свои указы 1722 и 725 годовъ, ставыть воспятылъ. Для того и нынѣ просыть всеподданнѣйше Ея матерьняго Императорскаго мылосердія и во всемъ томъ шляхетству высокомонаршой прывылегіи, чрезъ которую совершенно возчувствуемъ нашу выгоду и покой.

6.

Всему свѣту извѣстно, сколь великое Ея Императорскаго Величества и неусыпное попеченіе о просвѣщеніи Россійскаго юношества чрезъ обученіе въ свободныхъ наукахъ. А и въ здѣшнемъ народѣ особливѣйшая къ наукамъ склонность и охота выдытся, но, за отдаленностію отъ здѣшняго краю университетовъ и другымы препят-

ствующымы неудобствы, не имѣютъ къ тому способу, а инніе отсылая дѣтей своихъ въ иностранніе земли, прыходятъ въ оскудѣніе. Для того Ея Императорскаго Величества всеныжайше просыть, дабы всемылостивѣйше повелѣнно было учредыть въ Малой Россіи рады свободныхъ нужнѣйшыхъ наукъ унѣверсытетъ, и тотъ унѣверсытетъ Императорскымы своимы сохранытъ прывылегіямы, дабы и здѣшное юношество, чрезъ просвѣщеніе въ наукахъ, могло удобнѣйше поспѣшествовать службою своею въ ползу Государственную.

7.

Въ прошломъ 1749 году, указомъ Ея Императорскаго Величества блаженнія памяти Великой Государыни Елисаветъ Петровны, велѣнно на наличное число состоящихъ въ Малой Россіи ассыгнованныхъ полковъ, производыть за натуру провянта и фуража денгамы, какіе денгы съ подданныхъ и подсусѣдковъ нашыхъ и собыраемы были, и тѣ находячіесь въ Малой Россіи ассыгнованніе полкы продоволствованны безъ всякыхъ ихъ нуждъ. Однако, по недороду въ тѣхъ годахъ и саранчею до послѣдка съиденію хлѣба, остались разніе недоимкы, которіе отъ 1735 до сего годовъ взыскываются. Таковымъ-же недоимкамъ подверженніе люде многіе позмырали, посходыли и въ крайнюю прышли скудость. А всемылостивѣйшая государыня Екатерына Алексѣевна, Самодержыца Всероссійская, пры возшествіи на врученной ей отъ Бога Всероссійскій Императорскій престолъ, 762 году сентября 22 дня, указомъ по 4-му пункту начетъ казенній и другіе такіе же упущенія, ежели оніе неумышленніе, до пяти сотъ рублей прощать соизволила; а кто свышше съ казны утратылъ, то со всего взыскать въ казну треть повелѣнно. Да и въ состоявшомся по конфѣрмаціи Ея Императорскаго Величества, съ Правителствующаго Сената въ Малороссійской Коллегіи полученномъ 765 году октября 28 дня указѣ, между иннымъ предложенно, за прошліе до 764 году на всѣхъ казенныхъ мѣстахъ недосылокъ, счысляемыхъ между имы, яко казна казнѣ должныхъ суммъ, для избѣжанія излышнихъ перепысокъ, и въ разсужденіи того, что уже всѣ по тотъ 764 годъ воинскіе расходы исполненны, не чыслыть.

Для того всеподданнѣйше просыть Ея Императорскаго Величества матерьнего помыловання, чтобы всѣ запущенніе недоимкы вѣчно прощенны и невзыскиваемы были.

8.

Зъ прывозымой въ Малую Россію съ Крыму и изъ другыхъ мѣстъ соли собырается пошлинной и потарыфной платежъ, а за тѣмъ и соль возвысылась болшою противъ прежней ценою, зачемъ обыватели, по своему убожеству, претерпѣваютъ въ оной скудость. Для того просыть отъ Ея Императорскаго Величества, чтобъ за прывозымую въ Малую Россію соль пошлинныхъ и потарыфныхъ зборовъ не собиранно, Высочайшаго матерняго помыловання.

Въ протчемъ свѣраетъ вамъ шляхетство въ порученныхъ сыхъ дѣлахъ просыть помощы и совѣта отъ Его Сіятелства Графа Петра Александровича господина Румянцова, яко объявленнаго о ползѣ всего здѣшнего народа предстателемъ.

На подлинномъ наказѣ подпысались: предводитель шляхетства повѣту Глуховского подкоморій Васілей Кочубей, коллежской ассессоръ Осыпъ Туманскій, подкоморій повѣту Роменскаго Васыль Кулябка, земскій судья повету Глуховского Сергей Дергунъ, бунчуковій товарышъ Федоръ Макковскій, бунчуковій товарышъ Иванъ Туранскій, бунчуковій товарышъ Іосыфъ Діаковскій, бунчуковій товарышъ Стефанъ Кулябка, бунчуковій товарышъ Демянъ Оболонскій, бунчуковій товарышъ Мыхайло Трусевычъ, бунчуковій товарышъ Алексѣй Сылевичъ, генералной войсковой артылеріи асаулъ Грыгорій Кологрывій, генералной войсковой артылеріи хоружій Петръ Юркевычъ, старшій войсковій канцелярыстъ Антонъ Жайворонковъ, сотныкъ Янполскій Грыгорій Жовтобруховъ, старшій войсковій канцелярыстъ Александръ Давидовычъ, войсковій товарышъ Грыгорій Трусевычъ, возній сотнѣ Короповской Федоръ Стражевскій, войсковій товарышъ Евфымъ Фылоновычъ, въ должности секретаря Дмытрей Карпѣка, войсковій товарышъ Грыгорій Прыблуда, войсковій товарышъ Васыль Уманець, войсковій товарышъ Даныло Бутовычъ, войсковій товарышъ Прохоръ Забѣла, коморнѣкъ повѣту Глуховского

Илья Зайковскій, возній сотнѣ Кролевецкой Иванъ Зубажа, войсковій канцелярыстъ Андроныкъ Гейваровскій, значковій товарышъ Фылыпъ Уманець, значковій товарышъ Адріянъ Потапенко, возній подкоморскій повѣту Глуховского Иванъ Павловскій, значковій товарышъ Лукянъ Фылоновычъ, по его прошенію неграмотнаго также и за себе значковій товарышъ Семенъ Вышынскій подпысался, значковій товарышъ Иванъ Федоровскій, значковій товарышъ Степанъ Бордаковскій, значковій товарышъ Омельянъ Госскій, хоружій сотенЯній нполскій Яковъ Лазаревичъ, войсковой товарышъ Дмытрій Лучнѣцкій, войсковій товарышъ Матвѣй Бордаковскій, войсковій товарышъ Иванъ Васыленко, по его прошенію неграмотнаго значковій товарышъ Семенъ Вышынскій подписался, войсковій канцелярыстъ Яковъ Брагынецъ, войсковій товарышъ Федоръ Тарасовъ, бунчуковій товарышъ Петръ Забѣла, значковій товарышъ Петръ Максымовычъ, войсковій канцеляристъ Дымитрей Маковскій, пысаръ сотенній кролевецкій Иванъ Сердюковъ, асаулъ полковій Иванъ Александровычъ, генералной войсковой артылеріи пысаръ Андрей Яновскій, войсковій товарышъ Федоръ Коханѣя, войсковій товарышъ Федоръ Жуковскій, значковій товарышъ Даныло Шлякевичъ.

1767 году
Маія 21 дня.

II.

1767.

Наказъ черниговскаго шляхетства.

Наказъ выбранному по силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста декабря 14-го дня 1766 года, отъ шляхетства, въ полку черниговскомъ вотчины и помѣстья имѣющаго, депутату въ коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, высокородному и высокопочтенному господину, генеральному асаулу, Ивану Михайловичу Скоропадскому.

Повинуяся высочайшему соизволенію Ея Императорскаго Еличества всемилостивѣйшей нашеи государыни, объ избраніи отъ всѣхъ частей Богомъ ввѣренной ея имперіи депутатовъ въ коммиссію для сочиненія проэкта новаго уложенія, шляхетство, въ полку черниговкомъ имѣніемъ обязанное, избрало васъ своимъ въ ту коммиссію депутатомъ, и не сомнѣвается, по извѣстнымъ ему вашимъ достоинствамъ, что вы во всякомъ дѣлѣ, которое вамъ предложено будетъ, станете стараться, по всей возможности, споспѣшествовать государственной и отечества вашего пользѣ, и тѣмъ Высочайшее Ея Императорскаго Еличества удовольство пріобрящете.

Ея Еличество, имѣя неусыпное о благѣ государства, ею управляемаго, попеченіе, всемилостивѣйше позволяетъ каждому уѣзду представить ей всеподданнѣйшія просьбы объ общихъ нуждахъ, недостаткахъ и отягощеніяхъ. Здѣшнее шляхетство, пріемля съ достодолжною, рабскою благодарностію и послушаніемъ матернее своей Самодержицы къ подданнымъ снисхожденіе, и находя, что правительство и обряды земли здѣшней, изъ разныхъ смѣшанныхъ видовъ составленные, съ великимъ противу правъ нынѣшняго дѣлъ состоянія несходствомъ, худо соотвѣтствуютъ благоучрежденію, отъ котораго все счастіе народа зависитъ, возлагаетъ твердое упованіе, что сія великая монархиня, промышляя о благоденствіи всѣхъ вообще и каждаго особливо, неоставитъ призрѣть и на благо-присоединенный къ имперіи ея малороссійскій народъ и, основывая въ немъ добрый порядокъ, исполнить данное сему народу императорское свое слово возводить его на такую степень счастія, въ которой онъ вящую Ея Императорскаго еличества Вмилость могъ бы чувствовать. Не трудно Ея Величеству достигнуть конца сего обѣщанія. Опредѣленный ею въ Малую Россію генералъ-губернаторъ и объявленный о пользѣ жителей здѣшнихъ предстателемъ, по достаточномъ его обстоятельствъ сего края испытаніи, паче всѣхъ другихъ въ совершеніи сего великаго дѣла споспѣшествовать можетъ. Въ разсужденіи сего, шляхетство черниговского полку, некасаяся тѣхъ недостатковъ и неудобствъ, отъ направленія которыхъ зависитъ всеобщее всѣхъ

состояній народа благоденствіе, принимаетъ дерзновеніе утруждать освященную свою Государыню въ томъ, что оному нужно, и вручивъ вамъ подписанную къ Ея Императорскому Величеству челобитную, даетъ повѣренность представить нижеслѣдующіе недостатки, нужды и отягощенія:

1-е. Въ началѣ изображаемъ мы недостатки, усмотрѣнные въ правахъ нашихъ, и какову нужду имѣемъ въ поправленіи оныхъ. Разность временъ, въ которыя статутъ Великаго Княжества Литовскаго сочиненъ, предкамъ нашимъ привилегіями утвержденъ, и сихъ, въ которыхъ мы живемъ, дѣлаетъ его намъ несходнымъ. Ибо 1-е, узаконенія, въ раздѣлѣ 1-мъ, объ особѣ государевой гласящія, противны самодержавной власти, нами управляющей. Раздѣлъ второй (привилегіею Сигизмунда Августа, блаженной памяти Короля Польскаго, княжеству Кіевскому въ 1569 году на сеймѣ пожалованною, отрѣшенный) пишетъ о такой военной земской службѣ, которую ни государственная польза, ниже удобства для жителей возобновить позволяютъ. Раздѣлъ четвертый, заключающій въ себѣ законы о судахъ земскихъ и городскихъ и объ образѣ разбора тяжебъ, равно же отечеству нашему служить неможетъ, понеже по привилегіямъ тѣ суды предоставлены одному шляхетству, которое сперва, обязанное службою въ войскѣ Запорожскомъ, подвергнуло себя съ имѣніемъ начальствамъ козачьимъ; но послѣ того, недавно, возстановляя земскіе суды, примѣшало къ нимъ и козаковъ. 2-е. Неменьше же нѣкоторыя права суть противны и естественному праву, нѣкоторомъ всякій гражданскій законъ основанъ быть долженствуетъ, а особливо, что касается до артикула 16-го, раздѣла одинадцатаго, гдѣ кровь простаго человѣка, шляхтичемъ пролитую, отсѣченіемъ токмо руки и весьма малымъ платежемъ отметить повелѣно. Сей законъ можетъ быть терпимъ въ Польшѣ, гдѣ всѣ бѣдные, а особливо достоинства шляхетскаго непріобрѣвшіе, стенаютъ подъ игомъ порабощенія и мучительства. 3-е Видъ правленія въ землѣ, который трудно сообразить. съ предписаннымъ въ правахъ, и различное состояній народныхъ раздѣленіе. 4-е. Къ истребленію своевольства, неистовства, неправо-

судія и другихъ злодѣяній недостаточныя денежныя наказанія, въ правѣ нашемъ изображенныя, сходно съ давними годами, когда поляки и наши обыватели были еще и нынѣшнихъ бѣднѣе въ деньгахъ, великій вредъ обществу наносятъ. 5-е. Многія изъ сихъ правъ пополнены, другія жъ и вовсе отмѣнены установленіями, на сеймахъ послѣ изданія правъ учиненными, исполненіе коихъ равно съ правами, отъ Сигизмунда Августа вышепомянутою привиллегіею, здѣшнему народу предписано. 6-е. Указы, въ дополненіе и отмѣну статута такъ же послѣдовавшіе иногда предпочитать земскому праву, иногда же, въ чемъ съ правомъ несогласуютъ, неисполнять, отъ верховнѣйшихъ властей повелѣнія выходили. 7-е. Темнота трудная къ понятію прямому, а особливо людямъ, въ наукѣ правъ неискуснымъ, подающая поводъ къ пристрастнымъ толкованіямъ и мнѣніяхъ, что въ статутѣ нашемъ можно сыскать законъ на законъ. 8-е. Употребленіе правъ, по причинѣ неимѣнія на природномъ, на польскомъ языкѣ, отъ ученія которому изъ нѣкоторыхъ временъ отставать стали. 9-е. Недостатокъ во многихъ положеніяхъ, нужныхъ обществу, бываетъ причиною, что пріемлютъ и другія христіанскихъ областей и городовъ права, нетокмо намъ, но и всему почти краю нашему малослужащія. А сверхъ сего, отъ разнообразія и несходства между собою законовъ и обрядовъ, рождается вражда и зависть, произращающія взаимныя насильства и озлобленія, которыя всякій благонамѣренный отечества сынъ истреблять, а на ихъ мѣсто искренность и единодушіе во всѣхъ вперять и утверждать обязанъ. То, какъ мы не сомнѣваемся, что новое уложеніе, сочиненіе проэкта которого, съ помощію Божіею, начнется по прыбытіи депутатовъ, прозорливостію и премудростію матери отечества нашего очищено будетъ отъ всего того, что съ просвѣщенностію времени несогласуется и прежнимъ правамъ Россійскимъ въ томъ, что для тогдашняго вѣку нужно было подобное найтися могло бы, и потому будетъ еще достаточнѣе и намъ полезнѣе нежели право, отъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ на сеймахъ предкамъ нашимъ пожалованное и отъ всѣхъ Самодержцевъ Всероссійскихъ утвержденное,—повѣряемъ вамъ доставить Ея Императорскому Величеству все-

подданнѣйшую нашу просьбу, чтобъ мы яко равные къ равнымъ, свободные къ свободнымъ, яко бывшій издревле истинный, главнѣйшій членъ россійскаго народа, къ первому его тѣлу, въ сообщество единаго закона, присовокуплены были, оставляя намъ на вѣки всѣ отличныя выгоды и вольности, которыми по прежнимъ правамъ и привилегіямъ мы до сего не нарушимо пользовалися, изобразивъ оныя, для вѣчнаго храненія и исполненія, въ новосочиняемыхъ законахъ на мѣстахъ приличныхъ, и къ укрѣпленію между нами и прочимъ россійскимъ народомъ совершенной взаимной, дружбы и единодушія пожаловано бы было намъ въ честяхъ и преимуществахъ съ нимъ равенство.

2-е. Къ отвращенію сомнительствъ о породѣ изъ шляхетства, по причинѣ неимѣнія, для неспокойствъ и безпорядковъ, чрезъ долгое время въ Малой Россіи властвовавшихъ, разрядовъ или инныхъ списковъ, равнымъ образомъ и къ пресѣченію впредь простороднымъ похищать безъ заслугъ преимущества и выгоды, съ онымъ достоинствомъ сопряженныя, да будетъ угодно Ея Императорскому Величеству всѣхъ тѣхъ, которые сами или предки ихъ въ чинахъ военныхъ и статскихъ малороссійскихъ вѣрно предкамъ Ея Величества или самимъ Ея Величеству служили и служатъ, указать написать, по засвидѣтельствованію отъ Генерала-Губернатора, въ списокъ шляхетства, (сіе сходно будетъ съ договорами, постановленными съ гетманами: Игнатовичемъ, Самойловичемъ и Мазепою) и обще съ состоявшимися здѣсь россійскими знатными фамиліями, такожъ съ получившими сіе достоинство отъ Королей Польскихъ и отъ Царей Всероссійскихъ, утвердить навѣки имъ свободу въ покупкѣ, продажѣ, закладѣ и уступкахъ между собою недвижимыхъ имѣній, въ выходѣ въ иностранныя земли для службы, наукъ и житья тамо, въ принятіи и оставленіи военной и статской службы и во всѣхъ тѣхъ выгодахъ и преимуществахъ, которыми въ прочихъ просвѣщенныхъ областяхъ благородное шляхетство пользуется.

3-е. До нынѣшняго времени о воспитаніи юношества весьма малое или, лучше сказать, почти никакого у насъ неупотреблено попеченія, ибо, неимѣя порядочныхъ училищъ и воспитательныхъ

домовъ, жители здѣшніе тѣ токмо, коимъ непрепятствовалъ достатокъ, отправляли дѣтей своихъ въ Санктпетербургъ и Москву и въ чужіе краи; напротиву того, тѣ, которыхъ счастіе неодарило достаткомъ, отдаленностію и другими неудобствами лишенные способовъ къ хорошему воспитанію дѣтей, оставляли ихъ, безъ надлежащаго присмотра, въ домахъ возрастать безполезно и часто въ тягость обществу; женской полъ оставленъ былъ также безъ надлежащаго призрѣнія и ученія. Къ поправленію сего общественнаго недостатка, для просвѣщенія нравовъ народныхъ, искорененія невѣжества и въ разсужденіи того, что безъ добраго воспитанія нельзя быть искуснымъ и храбрымъ военачальникомъ, мудрымъ государственнымъ служителемъ, справедливымъ судьею гражданамъ общества, да соизволитъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше учредить въ Малой Россіи дворянской корпусъ, въ которомъ бы малороссійскимъ дворянамъ, какъ нужное для утвержденія ихъ въ добронравіи воспитаніе, такъ и ученіе всему тому, что благородному человѣку въ военной и статской службахъ и въ сообществѣ гражданскомъ полезно быть можетъ, дано было. Особо же для ученія высшимъ наукамъ и распространенія воспитаній, которыми ученые люди государственной и собственной каждаго пользѣ, въ домостроительствѣ и въ прочемъ, жизни человѣческой нужномъ, служить могутъ, основать въ приличномъ мѣстѣ университетъ или академію; а какъ и женскій полъ имѣетъ необходимую нужду въ добромъ воспитаніи, то и для нихъ, гдѣ покажется за благо, завесть особливой домъ воспитанія, къ которому присовокупить ученіе всего имъ надобнаго и полезнаго, въ чемъ полагаемся на премудрое Ея Величества благоучрежденіе.

4-е. Шляхетство здѣшнее, имѣя охоту къ отправленію государственной службы и къ наученію дѣлу военному, хотя и вступаютъ въ полки регулярные, но часто отдаленное отъ домовъ пребываніе бываетъ имъ въ продолженіи службы помѣшательствомъ. Наше же отечество неимѣетъ другого воинства, кромѣ козаковъ, начальства надъ которыми, опредѣляемыя, по причинѣ безпорядочнаго, не по старшинству и заслугамъ, но общимъ выборомъ и усмотрѣ-

ніемъ властей, произвожденія, коснѣютъ въ однихъ чинахъ; а видя, что незаслуженные похищаютъ предъ ними первыя мѣста, приходятъ въ оплошность. Для сего просимъ всеподданнѣйше, дабы для пользы государственной, въ умноженіи россійскаго побѣдоноснаго войска и въ оборонѣ границъ, козаки здѣшніе въ лучшемъ и порядочнѣйшемъ видѣ и службѣ государевой устроены были. Сіе самое и для нихъ будетъ сходственнѣе, ибо тягостная ихъ служба, часто противу должности военнаго человѣка отправляемая, превратится въ порядочную, званію ихъ приличную и государству прочнѣйшую; а шляхетство, начиная въ таковыхъ полкахъ служить отъ нижнихъ чиновъ и восходя по степенямъ, учинятъ себя достойными охранителями имперіи и полезными гражданами общества.

5 е. Чтобъ случающіеся между шляхетствомъ въ земскихъ дѣлахъ споры скорѣе, а иногда и на словахъ, разбираемы быть могли, то всеподданнѣйше просимъ позволить намъ для первой инстанціи по тяжбамъ въ земляхъ шляхетскихъ имѣть суды земскіе, въ которые судей выбирать бы намъ изъ между себя. Симъ же судамъ состоять подъ аппеляціею тѣхъ правленій, которыя Ея Императорское Величество самодержавною властію своею, для лучшаго народнаго блага, устроить соизволитъ.

6-е. Приложеннымъ при манифестѣ декабря 14 дня 1766 года. обрядомъ указано: выбрать дворянскаго предводителя, дая оному на два года полную довѣренность нетокмо пры нынѣшнемъ выборѣ депутата, но и при случаяхъ, еслибы послѣдовали отъ верховной власти каковыя особыя повелѣнія, принадлежащія до общаго дворянъ разсужденія и положенія. Но какъ въ томъ высочайшемъ повелѣніи неизображено, по прошествіи двухъ лѣтъ, выбирать ли новаго предводителя такихъ ради дѣлъ, то всеподданнѣйше просимъ, дабы возобновленіе, по перемѣнамъ, такова выбора намъ дозволено было; и ежели о бытіи всегда предводителя учинено будетъ соизволеніе, то чтобъ, въ случаѣ надобности дворянина для отвѣта предъ государственнымъ правленіемъ (кромѣ земскихъ дѣлъ), о высылкѣ онаго требовано было отъ предсѣдателя; равнымъ образомъ и все

званію сему приличное исправленіе къ должному исполненію предписано бы было.

7-е. Шляхетство здѣшнее осмѣливается при семъ случаѣ представить Ея Императорскому Величеству всенижайшую о слѣдующемъ просьбу: чтобъ кромѣ тѣхъ, которые изъ высочайшей Ея Величества милости по 2-му пункту прошеній нашихъ, въ семъ наказѣ изображенныхъ, внесены будутъ въ списокъ нашего шляхетства, никому стороннему непозволено было покупать у насъ деревень, мельницъ, земли и всякаго угодія до тѣхъ поръ, пока желающій купить отъ предводителя и всего шляхетства общимъ опредѣленіемъ, по докладу Генералу-Губернатору, въ сообщество наше принятъ не будетъ; а таковы принятія, на общихъ собраніяхъ нашихъ, мы всѣ достойнымъ дворянамъ, а особливо природнымъ Ея Императорскаго Величества подданнымъ, раздавать обязаны.

8-е. Малороссійскіе Гетманы, начавъ отъ Демьяна Игнатовича, по даннымъ имъ въ договорахъ позволеніямъ, награждали за государеву въ войскѣ службу деревнями, землями, мельницами и всякими угодьями, на каковы награжденія отъ стороны государевой обнадежено давать подтвердительныя грамоты. Бѣдность получившихъ таковыя благодѣянія, а отчасти внутреннія неспокойства, чрезъ долгое время къ блаженству предковъ нашихъ препятствовавшія, были причиною, что рѣдко кто искалъ особаго Монаршаго подтвержденія. Равнымъ образомъ многіе изъ помѣщиковъ и старшинъ, въ давнія времена занявъ пустыя въ особенности бывшія земли, поселили на оныхъ къ лучшему государства прибытку деревни, выростили рощи, основали земледѣліе, ввели скотоводство и разные промыслы и запрудили плотины, на которыхъ къ пользѣ жителей построили мельницы и изъ того государственную отправляли и отправляютъ службу; таковыя владѣнія утверждены были здѣшнему народу, какъ нѣкоторыми статьями подъ именемъ займищъ, такъ правами и привилегіями. Въ послѣднія времена были они подвержены разнымъ неспокойствамъ, описью многихъ въ казенное вѣдомство и насильственными отборами въ партикулярныя руки Въ отвращеніе толикихъ смятеній просимъ у Ея Императорскаго Величества

всемилостивѣйшаго утвержденія всѣхъ сихъ наданныхъ, занятыхъ и выслуженныхъ маетностей, хуторовъ, пахатныхъ земель, лѣсовъ всякаго дерева, сѣнокосовъ, мельницъ и другихъ угодій, въ вѣчномъ и наслѣдственномъ обоего пола владѣніи, за кѣмъ что нынѣ находится, исключая партикулярныя претензіи, о разсмотрѣніи и рѣшеніи которыхъ никакая привилегія силы общаго закона отнимать не долженствуетъ.

9-е. Въ прежнія времена между шляхетствомъ, козаками и другими обывателями отправлялась покупка недвижимыхъ имѣній въ разсужденіи того, что правомъ Великаго Княжества Литовскаго оставлено свободное добра своего употребленіе: въ продажу въ подарокъ, въ приданное, въ замѣну и въ закладъ. Особливо же 1734 года имяннымъ блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоановны указомъ повелѣно: „ежели въ свободныхъ или владѣльческихъ маетностяхъ козакъ грунтъ свой продастъ и на ономъ самъ жить пожелаетъ, оный долженъ отдавать и чинить по пропорціи имѣнія своего всякія посполитскія повинности, а ежели мужики, продавъ грунты свои, съ нихъ сойдутъ, а другіе на ихъ мѣстахъ жить станутъ и тѣми грунтами владѣть будутъ, тѣ такожъ де отдаютъ, по пропорціи имѣнія ихъ, повинности, какъ и другіе владѣльческіе подданые“. А хотя 1739 года, по причинѣ тогдашняго военнаго случая, для отвращенія умаленія службы козачей запрещено, до окончанія войны и будущаго соизволенія, продажею и другими сдѣлками имѣнія козачьихъ добръ присвоивать, однако, когда война окончилась, то по причинѣ послѣдовавшей вскорѣ Государини Императрицы Анны Іоановны кончины и наставшихъ въ Россіи перемѣнъ, никакого точнѣйшаго о томъ узаконенія не послѣдовало, сверхъ того, при избраніи послѣдняго Гетмана, утверждены прежнія права и вольности, и велѣно поступать по указамъ опредѣленнымъ и впредь опредѣляемымъ безъ нарушенія свободъ и правъ народа; то потому шляхетство покупали у козаковъ грунты, мельницы и всякія угодья, и на нѣкоторыя изъ такихъ владѣній между гетманствами даваны были подтвердительныя грамоты; надлежитъ нынѣ просить всеподданнѣйше, чтобъ Ея Императорское Величество

благоволили, изъ особливой матерней своей къ намъ щедроты, такія покупленныя добра, равно съ имѣніемъ шляхетскимъ, утвердить намъ во вѣчное и потомственное обоего пола владѣніе.

10-е. По таковомъ всемилостивѣйшемъ укрѣпленіи генерально въ Малой Россіи недвижимыхъ имѣній, да будетъ угодно Ея Императорскомъ Величеству указать нарочнымъ межевщикамъ и землемѣрамъ ограничить всѣ земли и угодья и для прекращенія споровъ и слѣдующихъ неспокойствъ сочинить межевыя на пергаментѣ книги; по окончаніи же того каждому помѣщику утвердить помѣстья его вѣчно и наслѣдственно, въ родъ обоего пола, Высочайшими Ея Императорскаго Величества грамотами, за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, порознь изображая въ оныхъ всѣ границы, мѣру земли и всякія угодья.

11-е. Просимъ всеподданнѣйше, чтобъ свободныя въ собственномъ каждаго имѣніи винокуренныя дѣланія всякихъ напитковъ, шинкованіе и продажа оптомъ всего того, обращеніе всякаго рода внутреннихъ продуктовъ, для лучшей каждому прибыли, внутренніе же промыслы намъ безъ пошлины и безпрепятственны были навѣки, такожъ дабы шляхетство имѣло свободу въ привозѣ Крымской соли, въ отгонѣ скота, въ вывозѣ пеньки и другихъ всѣхъ, въ ихъ земляхъ родящихся, товаровъ въ чужіе краи, платя въ пограничныхъ таможняхъ пошлину; а чтобъ никто въ сихъ вольностяхъ не имѣлъ чинить помѣшательствъ, утверждено бъ намъ было, при сочиненіи новыхъ законовъ, особою привилеіею.

12-е. Въ часто упоминаемой, отъ Сигизмунда Августа народу здѣшнему пожалованной, привилегіи между прочимъ узаконено: „для признанія верховной королевской власти и въ изъявленіи подданства давать повинность изъ земли, гдѣ раздѣлена, отъ волоки, а гдѣ невымѣрена отъ дыму, т. е. избы“. Но нѣтъ никакого извѣстія, во всѣхъ ли мѣстахъ тогда или послѣ того въ Малой Россіи земли вымѣрены были? Во время же положенія на довольство, изъ сей стороны, нѣкоторой части войскъ Россійскихъ, консистентскія дачи расписываемы были по дворамъ и по статьямъ имущества, неописывая онаго порознь,

съ великимъ для однихъ облегченіемъ и несноснымъ для другихъ отягощеніемъ, которая поставка, отдаленная и неблаговременная провіанта и фуража въ натурѣ, или взысканіе за оные деньгами, противу положенной цѣны въ трое и больше умножили; нынѣ наложенный же вмѣсто того по рублю съ избы окладъ, также для подсусѣдковъ и другихъ жителей, земли неимѣющихъ, неуравнителенъ въ разсужденіи пахотныхъ людей; располагать же по пропорціи имущества невсегда возможно потому, что инаго и все имѣніе въ таковыхъ нищихъ людяхъ состоитъ. Въ разсужденіи сего повѣряется всеподданнѣйше просить, дабы Ея Императорское Величество соизволили указать должную отъ поселянъ подать, по окончаніи межеванія и ревизіи, расположить безъ отягощенія народа, который лишенъ будучи способовъ къ обращенію въ прибытокъ продуктовъ своихъ, провождаетъ жизнь въ скудости по землямъ, которыми они дѣйствительно пользуются, и промыслами, законами имъ дозволенными, и такова бы ревизія въ указаное время возобновляема была; шляхетскія же земли и угодья, къ дворцамъ владѣемыхъ ими маетностей издавна принадлежащія, и куплями, либо иными каковыми сдѣлками пріобрѣтенныя, по подлинному доказательству свидѣтелями и крѣпостьми, въ сходство привилегій и прежнихъ правъ до сего намъ укрѣпленныхъ, отъ всякихъ повинностей были бы свободны.

13-е. Оною-же привилегіею увольнены всѣ обыватели края здѣшняго, шляхетскіе подданные, отъ строенія крѣпостей и всякихъ государственныхъ работъ, которою свободою пользовались они и по возвращеніи Малой Россіи къ соединенію съ Россіею; въ послѣднія времена наряжали ихъ въ великомъ числѣ для строенія линій и крѣпостей, въ бывшую турецкую войну въ погонщики, для полоненія льду и для многихъ тяжелыхъ работъ; а особливо, по имянному указу 1756 года, посланы были въ армію набранные изъ посполитыхъ восемь тысячъ человѣкъ, которые, хотя по всемилостивѣйшему Императорскаго Величества соизволенію на прежнія жилища отпущены, возвратились съ великимъ въ числѣ ихъ уменьшеніемъ. При нынѣшнимъ случаѣ пріемлемъ дерзновеніе просить всеподданнѣйше, чтобъ подданные наши кромѣ узаконяемой государ-

ственной подати, свободны были отъ всякихъ работъ, нарядовъ и наборовъ.

14-е. Подданные наши, въ наслѣдныхъ, наданныхъ и купленныхъ вотчинахъ нашихъ живущіе, ежечастно терпятъ великія обиды отъ переходящихъ и стоящихъ Россійскихъ войскъ, не взирая на то, что отъ всѣхъ насильствъ жители края здѣшняго милосердными государей Всероссійскихъ, а особливо многими, отъ безсмертной памяти Государя Императора Петра Великаго указами, изданными и постановленными съ народомъ договорами, предохранены; и хотя таковыя благія распоряженія отъ верховныхъ правительствъ и начальниковъ, при всякомъ случаѣ, къ должному исполненію подтверждаются, а особливо отъ главнокомандующаго нынѣ Украинскою дивизіею, господина Генерала Аншефа, малороссійскаго Генералъ-Губернатора, Его Сіятельства Графа Петра Александровича Румянцева, къ охраненію правленія его ввѣренной страны и къ усмиренію своевольствъ предприняты и предпринимаются всякія мудрыя мѣроположенія, но дабы они когда либо неучинились слабою народу защитою, и потому постоями обывательскихъ домовъ, безъ показанія отъ земскихъ начальствъ или владѣльцевъ, а шляхетскихъ домовъ (привилегіями и прежними, особливо же указами Государя Императора Петра Великаго отъ постоевъ увольненыхъ), отнюдь не занимали, лагерами, безъ отводу такого-жъ, не становились, излишнимъ употребленіемъ дровъ и обращеніемъ огорожи и другихъ строеній для топленія ненаносили убытковъ, безденежно у обывателей хлѣбомъ и ничѣмъ недовольствовались, въ подводы и ни въ какія работы безъ добровольнаго найма и заплаты людей и скота ихъ не брали, къ вящему и несноснѣйшему озлобленію, боями и безчестіями никому обидъ не наносили, а паче дабы военные начальники въ городахъ и землями подданныхъ нашихъ къ себѣ не брали и пристрастными розысками, или наказаніями ихъ неозлоблями, да будетъ угодно Ея Императорскому Величеству вновь высочайше подтвердить; но какъ въ случаѣ искательства по таковымъ обидамъ, за отлучками судей и обывателей, а особливо во время перехода войскъ, жалобщикамъ вслѣдъ за командами таскаться разорительно, то все-

подданнѣйшее просимъ, чтобъ къ отвращенію всякихъ насильствъ, для скорѣйшаго сысканія виновнаго, учреждена была внутри Малой Россіи, гдѣ удобно, подъ вышшимъ судомъ и дирекціею Генерала-Губернатора, особливая Коммиссія, въ которую бы равное число членовъ изъ малороссійскихъ уроженцевъ опредѣлено было, и оные отправляли бы дѣла свои на такомъ основаніи, какъ учрежденная манифестомъ марта 13-го дня 1740 года поступала, чтобъ всѣ обыватели высшихъ и нижнихъ чиновъ отвѣтствовали и судились въ ней, а особливо дабы начальники подчиненныхъ своихъ, на коихъ произойдутъ жалобы, по требованію Коммиссіи къ суду, подъ страхомъ взысканія, высылали. А понежѣ изъ сего, по мнѣнію нашему, защищеніе маетностей и селеній нашихъ отъ обидъ еще недостаточно, потому что жители здѣшніе изъ оплошности могутъ иногда дать и самимъ обидителямъ одобрительныя свидѣтельства, то въ дополненіе просить надлежитъ, чтобъ при маршахъ полковъ были всегда изъ здѣшнихъ уроженцевъ, въ чинахъ находящихся, или дворянъ, особливые комисары для охраненія поселянъ и заплаты за всѣ, для войска взымаемыя, по добровольной цѣнѣ вещи, которые снабжены были бы полнымъ наставленіемъ, въ дачѣ коего полагаемся на благоразумное изобрѣтеніе нашего Генералъ-Губернатора.

15 е. Высочайшимъ имяннымъ Ея Императорскаго Величества Указомъ, 1763 года даннымъ, полкамъ, на довольствѣ обывателей малороссійскихъ до сего бывшимъ, и нѣкоторымъ, особливо отъ коммиссаріата дольствуемыхъ, пѣхотнымъ и коннымъ, назначены по городамъ въ Малой Россіи непремѣнныя квартиры. Таковое премудрое учрежденіе тѣмъ полезнѣе отечеству нашему было-бъ, что въ городахъ состоящія войска могутъ безъ отягощенія жителей содержать себя, покупая добровольно у торговыхъ людей всякія къ пропитанію нужныя вещи, и, по большому пространству городскихъ домовъ, могутъ вмѣщаться въ квартирахъ безъ препятствія въ домашнихъ работахъ хозяевамъ; напротивъ того, расположенныя по деревнямъ въ обыва-

тельскихъ домахъ нетолько хозяевамъ въ работахъ домовыхъ чинятъ помѣшательство, но, къ вящему поселянъ разоренію, не имѣя гдѣ купить съѣстныхъ и другихъ припасовъ, остаются на довольствѣ хлѣбомъ и прочимъ у обывателей. Для сего просимъ всеподданнѣйше, чтобъ Ея Императорское Величество всевысочайше указать соизволили, расположить полки по однимъ городамъ, къ лучшей самихъ же мѣщанъ пользѣ, чрезъ умноженіе прибытковъ ихъ покупкою всякихъ вещей въ торгахъ.

16-е. Шляхетство нерѣдко терпитъ великую обиду и разореніе отъ того, что занимая деньги, принуждено бываетъ закладывать имѣнія свои на упадъ, т. е. безъ выкупа по прошествіи срока; а прежде послѣдовавшаго въ 1764 году указа къ умноженію вреда служили великіе проценты, которыми заимодавцы отягощали должниковъ; давать же съ шестью процентами не всякому приватному человѣку сходно, потому что обращеніемъ капитала своего въ торгъ или промыслы могутъ они дѣлать прибыточнѣйшее себѣ употребленіе; сверхъ того, крайняя въ деньгахъ скудость лишаетъ согражданъ нашихъ способовъ распространять, къ пользѣ государства, комерцію и промыслы. Для того всеподданнѣйше просимъ, чтобы изъ особливой Ея Императорскаго Величества Высочайшей милости, Банкъ государственный, въ Малой Россіи, для пользы общей учрежденъ былъ, на такомъ основаніи, какъ оный въ Россіи для дворянъ заведенъ; шляхетство восчувствовало бы еще болѣе метернюю Ея Величества безприкладную щедроту, ежели бы проценты банка сего всемилостивѣйше пожалованы были въ помощь на содержаніе воспиталищъ и училищъ, яко благое и полезное всей имперіи дѣло, такъ какъ Ея Величество высочайше опредѣлили для содержанія Воспитательныхъ домовъ въ Россіи, и симъ узнало, каковое принимаетъ оно участіе во всѣхъ благодѣяніяхъ подданымъ Ея, дворянамъ россійскимъ.

Впрочемъ здѣшнее шляхетство повѣряетъ вамъ представить Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшее его благодареніе за матернее о благѣ нашемъ Ея попеченіе, которое не токмо ввѣренные отъ Бога руководству Ея народы, но и самые отдаленные края съ удивленіемъ прославляютъ.

III.

1767.

Наказъ Прилуцкаго шляхетства.

Выбранному отъ шляхетства полку Прилуцкого Депутату Господину Асаулу Генеральному Ивану Михаиловичу Скоропадскому.

О Всевисочайшомъ Ея Императорскаго Величества повелѣніи, изображенномъ въ изданномъ изшедшаго 1766 году декабря 14 манифестѣ, и во всей Всероссійской Имперіи, въ томъ числѣ и въ Малой Россіи, обнародованномъ, о выборѣ по приложеннымъ при томъ манифестѣ обрядамъ всякого званія вѣрноподданнымъ Ея Императорскаго Величества Депутатовъ въ коммиссію сочиненія проэкта новаго уложенія, въ первостоличномъ Ея Императорскаго Величества городѣ Москвѣ высокоучрежденную, вы довольно извѣстны.

Во исполненіе оного Всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія, всего полку Прилуцкого отъ шляхетства вы таковымъ Депутатомъ выбраны, предваряя тотъ выборъ учиненною нами по обряду выбора дворянского Депутата присягою, а по выборѣ и сочиненное по образцу Депутатскому полномочіе вамъ подписали.

А какъ Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшая Монархиня наша, изъ одиного своего высокоматерного и безпримѣрного ко всѣмъ вѣрноподаннымъ своимъ милосердія Всемилостивѣйше соизволила указать, зъ таковыми Депутатами всенижайшіе челобитныя, также усмотрѣнные общіе недостатки и нужды представить въ высокоупомянутой

коммиссіи, а по образцу положено Депутату дать о томъ за подписаніемъ всего собранія наказъ,—

то мы всѣнижеподписавшіеся полку Прилуцкого шляхетство, учиня Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше наше челобитье, и за толь всещедрое Ея Императорскаго Величества благоутробіе и о вѣрноподанныхъ своихъ попеченіе изобразивъ, наше робское благодареніе, для подачи онаго, гдѣ надлежитъ, при семъ наказъ вамъ прилагаемъ.

Какіе же нужды и недостатки наши нами усмотрѣны, оные ниже сего по пунктамъ слѣдуетъ.

1.

При державѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя, Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Гетманъ Малороссійскій Богданъ Хмельницкій съ войскомъ и народомъ Малороссійскимъ, со всѣми городами, землями, селами и деревнями, Державѣ Всероссійской въ подданство вѣчно приступилъ. Чему Его Царское Величество Всемилостивѣйше соизволяя, на всѣ его, Гетмана, съ войскомъ прошенія всему народу Малороссійскому, духовнаго и мирскаго званія чинамъ и козакамъ, чрезъ статьи данные, нетолько пользоваться своими издревле пріобрѣтенными по привилегіямъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ правами и вольностями, но и бывшими во владѣніи ихъ имѣній обыкновеніями Всемилостивѣйше жъ пожаловалъ, утвердилъ.

По блаженной же Его Царского Величества кончинѣ, Высочайшіе Его Величества наслѣдники, Государи, Цари и Великіе Князи и Самодержцы Всероссійскіе, найпаче же Его Императорское Величество, блаженныя и высокославныя памяти Великій Государь Петръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, также Его Императорское Величество, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государь Петръ Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и Ея Императорское Величество, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государыня Императрица Анна Іоановна, а на послѣдокъ и

Ея Императорское Величество, блаженной и вѣчной славы достойныя памяти Государыня Императрица и Самодержица Всероссійская Елисаветъ Петровна, многими Высочайшими грамотами и публикованными въ народъ Малороссійскій печатными указами тѣ права, привилегіи, вольности и обыкновенія Высочайше подтвердить соблагоизволили.

О подтвержденіи коихъ Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей нашей Монархини, всеподданнѣйше просить.

2.

А какъ оные права, а имянно въ книгѣ Статутѣ содержимые, отъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ, въ 1433 году отъ Владислава Ягелла, въ 1507 году отъ Сигизмунда Первого, въ 1569 году отъ Сигизмунда Августа, здѣшнему краю привилегіями наданные и отъ высокославныхъ Ея Императорскаго Величества предковъ въ разныхъ годахъ, яко то: въ 7162 году, а отъ Рождества Христова въ 1654 году марта 27 дня отъ Его Царского Величества, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, Гетману Богдану Хмельницкому двумя грамотами, да въ томъ же году и по 13 статьѣ емужъ, Богдану Хмельницкому, и въ 7168 году октября 17 дня Гетману Юрію Хмельницкому, а 7180 году отъ Егожъ Царского Величества, во время избранія Гетмана Самойловича, старшинамъ и всему войску, такожъ въ 1687 году іюля 29 и въ 1708 ноября 1 отъ Его Императорского Величества, блаженныя и высокославныя памяти Государя Петра Великого, Самодержца Всероссійского, а особливо въ 1709 году февраля 13 отъ Егожъ Императорскаго Величества печатными публикованными указами, въ 1711 году генваря 5 дня и въ 1717 году ноября 8 дня отъ Егожъ Императорского Величества Гетману Скоропадскому, а въ 1728 году отъ Его Императорскаго Величества, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Петра Второго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, Гетману Апостолу, такожъ въ 1730 году мая 15 дня отъ Ея Императорскаго Величества, блаженныя и

вѣчно достойныя памяти Государыни Анны Іоанновны, Самодержцы Всероссійской, емужъ Апостолу, а въ 1749 году декабря 15 дня и въ 1750 году отъ Ея Императорскаго Величества, святоусопшія Государини Елисаветъ Петровны, Самодержицы Всероссійской, Высочайшими грамотами Малороссійскому народу, къ достиженію всякого правосудія, Всемилостивѣйше подтверждены, по коимъ издревле, даже до нынѣ, всѣ шляхетского званія, духовные и мирскіе чины и козаки во всѣхъ своихъ тяжбахъ въ судахъ Малороссійскихъ отъ опредѣленныхъ въ оные суда своихъ Малороссійскихъ Старшинъ судими были и росправою пользовалися и нынѣ пользуются. И для того Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйше просить, дабы по означеннымъ правамъ книги статута намъ и на будущіе времена во учрежденныхъ по имянному Ея Императорскаго Величества Высочайшему указу судахъ, на то по тѣмъ же правамъ выбираемыхъ судей судится Всемилостивѣйше подтверждено было.

3.

Всѣ имѣнія недвижимые нынѣ нами владѣемые, предковскіе, жалованные и наданные, купленные, займы набытые, по предъобъявленнымъ же привилегіямъ и жалованнымъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества отъ предковъ грамотамъ и статьямъ, въ согласіе правъ нашихъ, по Статуту въ роздѣлѣ третомъ въ артикулахъ: 2, 41 и 43 изображенныхъ, всеподданѣйше Ея Императорскаго Величества просить во владѣніи нашемъ пожаловать, утвердить; и чтобъ впредь, въ согласіе Статутового права и обыкновеній нашихъ, продажа и купля шляхетству съ козаками взаимно свободна была на всегда, просить Высочайшего подтвержденія, якожъ мы единственно отъ своихъ имѣній и службу Ея Императорскому Величеству отправляемъ.

4.

Въ имянной Высочайшей блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государини Императрыци Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійской, въ 1734 году августа отъ 8 состоявшейся грамотѣ къ умер-

шему Генералъ-Лейтенанту Князю Шаховскому, бывшему въ управленіи Гетманского уряду, по 5-му пункту Всемилостивѣйше повѣлено: ревизію въ Малой Россіи двороваго числа козаковъ и посполитыхъ и подсусѣдковъ въ томъ же году учинить вновь, чтобъ обиватели во всякихъ общенародныхъ повинностяхъ были уравнены, и одни передъ другими не имѣли въ томъ тягости; а впредь по вся годы, или чрезъ нѣсколько годовъ таковуюжъ ревизію чинить.

Для того Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйше просить о бытіи и впредъ въ Малой Россіи ревизіямъ такимъ порядкомъ, какъ въ вашеобъявленной Высочайшей грамотѣ показано, а нынѣ производимую по душамъ мужска и женска полу и всѣхъ нашихъ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній генеральную перепись чтобъ Всемилостивѣйше повелѣно было отставить.

5.

Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйше просить: о облегченіи Малороссійскихъ обивателей отъ собираемого нынѣ съ нихъ, не различая по имуществу, со всякой хаты, во мѣсто прежде бывшой дачи консистентской, рублевого окладу, отъ коего обыватели, а паче бѣднѣйшіе и подсусѣдки, никакихъ грунтовъ за собою неимѣющіе, чувствуютъ немалую тяжесть, и кои по скудости своей не могутъ оного отплатить, сами ихъ владѣльцы за нихъ принуждены отплачивать не упустительно; содержаніе же въ Малой Россіи указныхъ консистентовъ на безденежномъ довольствіи имѣть, производя отъ обывателей на тѣхъ консистентовъ на самое наличное число людей и лошадей, какъ по именному Ея Императорскаго Величества, блаженной памяти Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссійской Елисаветы Петровны о содержаніи консистентовъ въ 1749 году состоявшомся указу предписано.

6.

О расположеніи указныхъ консистентовъ на непремѣнные квартиры, дабы одни обыватели отъ утѣсненія ихъ чрезъ всегдашное тѣхъ консистентовъ въ однимъ мѣстахъ по квартирамъ стояніе мо-

гли имѣть облегченіе, Всемилостивѣйшее отъ Ея Императорскаго Величества благоразсмотрѣнія просить.

7.

Имянною блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Петра Первого, Императора и Самодержца Всероссійского, Высочайшую грамотою 1721 года января 21 дня повелѣно въ Малой Россіи у заслуженныхъ особъ у Полковниковъ, у сотниковъ и протчей Старшины, у Поповъ и у церковниковъ, на дворахъ ихъ, гдѣ сами живутъ консистентскихъ квартеръ неимѣть.

О подтвержденіи по тому и нынѣ всеподаннѣйше Ея Императорскаго Величества просить.

8.

О Высочайшомъ Ея Императорскаго Величества повелѣніи содержать насъ, состоящимъ въ разныхъ Малороссійскихъ штатскихъ и военныхъ чинахъ, въ чести дворянской, всеподданнѣше просить Высочайшей на то отъ Ея Императорскаго Величества привилегіи, какъ и по статьямъ, въ 7177 году отъ Его Царского Величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, Гетману Малороссійскому, по 6-му, а въ 7195 отъ ихъ Царского Величества, Государей, Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича и благовѣрной Государыни, Царевны и Великой Княгини Софіи Алексѣевны, по 4-му, даннымъ, заслуженныхъ въ Малой Россіи чиновъ дворянскою честію удостоено, и впредь кои заслужатъ—всѣмилостивѣйше обнадежено.

9.

Прежде сего Малороссійскій народъ свободнымъ вывозомъ изъ Турецкой земли и изъ Польши въ Малую Россію если, яко нужнѣйшей къ препитанію человѣческому вещи, пользовался въ весьма малымъ за оную индуктовымъ платежемъ отъ воза, а по установленіи таможенъ по Польскимъ и Турецкимъ границамъ, положано съ пуда соли брать пошлины по 10 копѣекъ, отъ чего соль такъ

высшую цѣну получила, что самая пошлина противъ бывшей прежней цѣны вивозимой соли мало что недоходитъ. Сіе вывозимой соли таковою пошлиною обложеніе толь нужно обывателямъ здѣшнего краю, что всѣ вообще немалую тяжесть чувствуютъ. Для того, Ея Императорскаго Величества высокоматерняго помилованія о уменьшеніи таковой изъ вывозимой Малороссіянами соли пошлины всеподданнѣйше просить.

10.

Чтобъ свободное винокуреніе, дѣланіе всякихъ напитковъ и продажа всего того въ городахъ и мѣстечкахъ по торгамъ и ярмонкамъ, обращеніе всякого рода продуктовъ внутреннихъ во внутреніе же промыслы, для лучшей каждому шляхетству своей прибыли и необходимою къ подлежащей почину всякого службѣ себя содержанія, безпошлинны беспрепятственны были, всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества на то Высочайшей просить грамоты.

Сіи наши всенижайшія прошенія имѣете, за прибытіемъ въ столицу Ея Императорскаго Величества, въ городъ Москву, гдѣ надлежитъ по силѣ манифеста, всеподданнѣйше представить. Мы же несомнѣнно надѣемся, что вы по нашей чистосердечной къ вамъ довѣренности, по которой находя мы достаточные къ сему достоинству въ васъ качества, не оставите въ семъ, яко общомъ дѣлѣ, вашего попеченія и усердія, соображая себе при всемъ томъ Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества высокоматерномъ волѣ, благоразсмотрѣнію и благоволенію, которые суть начало и основаніе къ достиженію нашего всеобщого благополученія и пользы.

Всевышній же Господь да сохранитъ Ея Имераторскаго Величества дражайшое здравіе и долготу лѣтъ во всякомъ благоденствіи, да пособитъ дѣло сіе великое совершить на славу всесвятого имени Его, на прославленія премудрыя Самодержицы нашей во всѣхъ родѣхъ и концахъ земли на пользу всего отечества отъ всѣхъ сердецъ нашихъ, рабски и всеподданнѣйше желаемъ.

Предводитель Шляхетства Подсудокъ Земскій Повѣту Иваницкого Петръ Максимовичъ.

Подкоморій повѣту Прилуцкого Андрей Маркевичъ. Подкоморій повѣту Иваницкого Григорій Горленко. Бунчуковій Товаришъ Петръ Горленко. Судія Земскій повѣту Прилуцкого Яковъ Величко. Судія Земскій повѣту Иваницкого Федоръ Свѣрскій. Бунчуковій Товаришъ Лаврентій Раковичъ Бунчуковій Товаришъ Андрей Мазаракій. Бунчуковій Товаришъ Захаръ Раковичъ. Бунчуковій Товаришъ Петръ Лащинскій. Обозный Полковый Прилуцкій Яковъ Огроновичъ. Судія Полковый абшитованный Иванъ Романовичъ. Подсудокъ Земскій Повѣту Прилуцкого Василь Огроновичъ. Судія Гродскій Иванъ Александровичъ. Полковый Асаулъ Никифоръ Бѣлецкій Носенко. Писарь Земскій повѣту Прилуцкого Семенъ Каневскій. Полковый Асаулъ Яковъ Кисель. Полковый Хоружій Федоръ Марковскій. Полковый Хоружій Никита Умѣнъ. Сотникъ Сребранскій Іосифъ Масло. Сотникъ Варвинскій Иванъ Тарновскій. Сотникъ Варвинскій Іосифъ Жила. Сотникъ Монастырискій Петръ Романовичъ. Сотникъ Красноколядинскій Иванъ Мѣницкій. Сотникъ Жоравскій Петръ Тарновскій.

Войсковые Товарищи:

Василь Шнурчевскій. Яковъ Трифоновскій. Иванъ Мазаракій Степанъ Прокоповичъ. Александръ Стороженко. Фаддѣй Троцина. Григорій Стороженко. Антонъ Юскевичъ. Никита Шлякъ. Михайло Рожовскій. Шляхтичъ, абшитованный придворный пѣвчій Тимофей Троцкій. Повѣту Прилуцкого коморникъ Иванъ Кисель.

Возные:

Повѣтовый Прилуцкій Иванъ Гуленко. Повѣтовый Иваницкій Василь Радишевичъ. Сребринскій Петро Харченко. Прилуцкій Григорій Кисель. Гродскій Яковъ Джевага. Гродскій Андрей Федоровскій. Гродскій Степанъ Самарскій. Иваницкій Михайло Плакса. Корибутовскій Антонъ Федоровичъ. Красноколядинскій Григорій Зубъ. Подкоморскій Прилуцкій Касенковъ.

Войсковые Канцеляристы:

Матвѣй Севастьяновичъ. Евфимъ Маценко. Романъ Соколовскій. Иванъ Трифоновскій.

Значковые Товарищи:

Козьма Салогубъ, Андрей Куриленко, Григорій Подовскій, Максимъ Салогубъ, Михайло Марковичъ, Романъ Бѣлецкій, Михайло Грудницкій, Василь Федоренко, Иванъ Бѣлецкій, Федоръ Григорьевъ, Иванъ Троцкій, Осипъ и Андрей Кондратенки, Корнѣй Коніовскій, Семенъ Британовскій, Корнѣй Шуенко, Михайло Соломаха, Корнѣй Соломаха, Во мѣсто Николая Соломахи, Степана Салогуба, Власа Войтенка, Гаврила Яковлева, Саввы Голѣвца, Василія Тимошевского, Якова Поломы, Семена и Остапа Бутенковъ, Кирила Нечая, Леонтія Калембета, Кондрата Коваля, Павла Голенковскаго, Павла Запары, Ивана Донця, Захарія Тарасенка, неграмотныхъ, по ихъ прошенію,и за себе Антонъ Соломаха руку приложилъ.

Атаманъ Городовый Прилуцкій Тимофей Стаховскій. Асаулъ Полковой Прилуцкой Артилеріи Иванъ Пархомовъ.

Сотенная Старшина:

Атаманъ Красноколядинскій Григорій Бѣлецкій. Атаманъ обшитованный Сребранскій Трофимъ Данчичъ. Атаманъ Сребранскій Трофимъ Масло. Писарь Сотенный Иваницкій Федоръ Ярмаковъ.

Асаулы:

Красноколядинскій Иванъ Бѣлецкій. Корибутовскій Григорій Федоренко. Кондратъ Чеснокъ. Хоружій Корыбутовскій Дмытро Бобровскій. Хоружій Сотенный Иваницкій Федоръ Василіевъ. Гродского Прилуцкого Суда Писарь Степанъ Карпычъ. Старшый Полковый Прилуцкій Канцеляристъ Петро Пятигорскій. Полковый Канцеляристъ Степанъ Дубскій.

Прошеніе прилуцкаго шляхетства.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государыня Всемилостивѣйшая!

Всемилостивѣйшій Вашего Императорскаго Величества Высочайше именный указъ чрезъ изданный печатный манифестъ, найторжественнѣйше во всѣхъ главнѣйшія подъ солнцемъ Вашего Императорскаго Величества Всероссійской Имперіи предѣлахъ обнародован-

ный, о сочиненіи проэкта нового уложенія; о выборѣ и присылкѣ въ первопрестольный Вашего Императорскаго Величества городъ Москву отъ каждаго мѣста Депутатовъ съ наставленіями и полномочіями въ прозьбахъ о нуждахъ и недостаткахъ каждаго званія вѣрноподданныхъ и о протчемъ, какъ въ томъ манифестѣ съ приложеніями обрядовъ изображено,—и мы, всеподданнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества рабы, Малороссійского Прилуцкаго полку шляхетство, рабски и всеблагоговѣйнѣше слышать удостоились.

Отъ великаго свѣта Вашего Императорскаго Величества свѣтлѣе солнечнаго сіянія произшедшая столь безпикраднаго, столь неслыханнаго Высокомонаршаго милосердія и щедротъ заря какъ только, при самомъ прочтеніи высокоупо"янутого манифеста, коснулась сердецъ насъ вѣрноподданныхъ Вашего Императорскаго Величества рабовъ, такъ въ тоежъ самое мгновеніе всякъ чинъ и возрастъ, въ несказанное обрадованіе найчувствительнѣйшимъ образомъ пришедъ, съ восхищеніемъ духа удивились, какое Высочайшее найполезнѣйшее предпріятіе, какой при ономъ несравненный трудъ, какое найблагоутробнѣйшое попеченіе и высокоматернее снисхожденіе, даже до того, что отъ всякаго вѣрнаго своего раба нужды и недостатки чрезъ всеподданнѣйшіе Депутатовъ доклады видѣть и слышать всемилостивѣйше дозволили. А все сіе на порфироносные Вашего Императорскаго Величества высокомонаршіи рамена, со упованіемъ на единооблегчающее бремена Помазаниковъ своихъ во управленіи государственномъ Всевышняго пособствованіе воспріять соизволили.

Припадая предъ Всеавгустѣйшимъ Вашего Императорскаго Величества престоломъ, какъ предъ священнымъ олтаремъ, разженные любовью благоговѣніемъ и повиновеніемъ, рабскіе сердца наша жремъ въ жертву всеподданнѣйшаго благодаренія нашего за толь неисповѣдимое Вашего Императорскаго Величества къ своимъ рабамъ благопризрѣніе.

Высочайшіе Вашего Императорскаго Величества добродѣтели, которые самая десница Вышняго во всегосвященнѣйшеи Вашего Императорскаго Величества персонѣ насадила и укоренила, и которые непре-

станное имѣютъ упражненіе о благосостояніи любезнаго отечества, да не истяжутъ отъ насъ равнаго благодаренія: ибо величество оныхъ превосходитъ силы наши; а о равномъ воздаяніи горящее усердіе наше изъ сердечныя глубины ко Всевышнему, поколь жизни нашей, всякъ чинъ и возрастъ просить не престанетъ.

Промыслъ всесильнаго Господа, ублагословивый Всероссійскую Имперію врученіемъ Вашему Императорскому Величеству скипетра оныя, и очевидно преумудряя Вашего Императорскаго Величества къ достиженію всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя уже день отъ дня на лучшую степень благополучій возводятъ сію великую державу, да поспѣшитъ Вашему Императорскому Величеству и въ совершеніи сего предпріятаго высокаго дѣла, да сохранитъ Вашего Императорскаго Величества дражайшое здравіе подъ кровомъ крылъ своихъ до самаго позднѣйшаго вѣка и укрѣпитъ оные къ понесенію любимыхъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ трудовъ на пользу отечества; славу и великолѣпіе Всероссійскяго Вашего Императорскаго Величества престола да протекутъ отъ конца до конца вселенныя; высочайшіе-же Вашего Императорскаго Величества добродѣтели родъ и родъ да восхвалятъ и повѣдятъ сыновомъ своимъ во вѣки.

Повинуясь рабски Вашего Императорскаго Величества Высочайшему повелѣнію, выбрали мы отъ здѣшняго Прилуцкаго полку шляхетства депутата, генеральнаго Асаула Ивана Михайлова сына Скоропадскаго, и давъ ему надлежащее по образцу полномочіе препоручили какъ сіе наше всеподданнѣйшее челобитье, такъ и усмотрѣнныхъ нами нуждахъ и недостаткахъ нашихъ наказъ въ извѣреніе къ представленію всего того Вашего Императорскаго Величества въ первопрестольномъ городѣ Москвѣ въ правительствующемъ Сенатѣ.

Д еаемъ Вашего Императорскаго Величества найраболѣпнѣйшимъ образомъ просить, дабы какъ оный нашъ Депутатъ, Генеральный Асаулъ Скоропадскій, Всемилостивѣйше допущенъ былъ гдѣ надлежитъ къ выслушанію нашихъ всеподданнѣйшихъ прошеній такъ и всѣ мы, вѣрнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества рабы

не отторгнуты были отъ Высочайшей Вашего Императорскаго Величества Высокомонаршей милости Всемилоетивѣйшимъ подтвержденіемъ къ содержанію насъ при всѣхъ тѣхъ вольностяхъ, правамъ и обыкновеніямъ, изъ которыми народъ Малороссійскій изъ Гетманомъ своимъ Богданомъ Хмѣльницкимъ высокославной Россійской Имперіи всещастливѣйше присоединенъ, а который потомъ Высочайшими Вашего Императорскаго Величества предками, Всероссійскими Монархами, а на послѣдокъ и въ Бозѣ почивающею безсмертныя славы Великою Государинею Императрицею Елисаветъ Петровною, Самодержицею Всероссійскою всемилостивѣйше подтверждены. Всѣ же наши рабскіе прозьбы привергаемъ Вашего Императорскаго Величества на единое монаршое благоразсмотрѣніе и соизволеніе, вѣдая совершенно, что Великаго Императорскаго Величества премудрыя предусмотрѣнія и попеченія на одномъ томъ основаны, чтобъ вѣрныи Вашего Императорскаго Величества подданные время отъ времени въ вящое благополучіе процвѣтали, и изъ того Ваше Императорское Величество, яко мати о чадѣхъ, при благословеніи Всевышняго веселится соизволили.

Заключаемъ сіе наше рабское челобитье воспомяновеніемъ того нашего клятвеннаго предъ Богомъ Вашему Императорскому Величеству учиненного обѣщанія, что въ Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества повелѣніяхъ за дражайшее Вашего Императорскаго Величества здравіе въ рабской нашей службѣ ни жизни ниже самыя послѣднѣйшія крове капли щадить не имѣемъ.

Вашего Императорскаго Всепресвѣтлѣишаго Величества всенижайшіе и всеподданнѣйшіе рабы:

Предводитель Шляхетства, Подсудокъ Земскій повѣту Иваницкого Петръ Максимовичъ, Подкоморій повѣту Прилуцкого Андрей Маркевичъ, Бунчуковый товаришъ Петръ Горленко, Судія Земскій повѣту Прилуцкого Яковъ Величко, Судья Земскій повѣту Иваницкого Федоръ Свѣрскій, Бунчуковый Товаришъ Захарій Раковичъ, Бунчуковый Товаришъ Андрей Мазаракій, Бунчуковый Товаришъ Лаврентій Раковичъ, Бунчуковый Товаришъ Петръ Лащинскій, Обозный Полковый Прилуцкій Яковъ Огроновичъ. Судія Полковый

абшитованный Иванъ Романовичъ, Подсудокъ Земскій повѣту Прилуцкого Василь Огроновичъ, Судья Гродскій Иванъ Александровичъ, Полковый Асаулъ Никифоръ Бѣлецкій-Носенко, Писарь Земскій повѣту Прилуцкого Семенъ Каневскій, Полковый Асаулъ Яковъ Кисель, Полковый Хоружій Федоръ Марковскій, Полковый Хоружій Никита Умѣнъ, Сотникъ Сребранскій Іосифъ Масло, Сотникъ Варвинскій Иванъ Тарновскій, Сотникъ Варвинскій Іосифъ Жила, Сотникъ Монастырискій Петръ Романовичъ, Сотникъ Красноколядинскій Иванъ Миницкій, Сотникъ Журавскій Петръ Тарновскій.

Войсковые Товарищи: Василь Шнурченскій, Иванъ Мазараки, Александръ Стороженко, Фадей Троцина, Никита Шлякъ, Яковъ Трифоновскій, Степанъ Прокоповичъ, Григорій Стороженко, Антонъ Юскевичъ, Михайло Рожновскій, Шляхтичъ абшитованный придворный пѣвчій Тимофей Троцкій, Повѣту Прилуцкого Коморникъ Иванъ Кисель.

Возные: Повѣтовый Прилуцкій Иванъ Гуленковъ, Повѣтовый Иваницкій Василь Радишевичъ, Сребранскій Петро Харченко, Прилуцкій Григорій Кисель, Яковъ Джевала, Возный Гродскій, Андрей Федоровскій, Гродскій Стефанъ Самарскій, Иваницкій Михаило Плакса, Коребутовскій Антонъ Федоровичъ, Красноколядинскій Григорій Зубъ, Подкоморскій Прилуцкій Никита Касенковъ.

Войсковые Канцеляристы: Матвѣй Севастьяновичъ, Романъ Соколовскій, Ефимъ Мащенко, Иванъ Трифоновскій.

Значковые Товарищи: Козьма Салогубъ, Максимъ Салогубъ, Романъ Бѣлецкій, Михайло Груднѣцкій, Корнѣй Коніовскій, Иванъ Троцкій, Семенъ Британовскій, Михаило Соломаха, Андрей Куриленко, Михайло Маркевичъ, Иванъ Бѣлецкій, Василь Федоренко, Федоръ Григорьевъ, Осипъ и Андрей Кондратенки, Корнѣй Шуенко, Корнѣй Соломаха.

Вмѣсто Николая Соломахи, Стефана Салогуба, Власа Войтенка, Гаврила Яковлева, Савы Голѣвця, Василя Тимошевскаго, Якова Поломы, Семена и Остапа Бутенковъ, Кирила Печая, Павла

Запары, Ивана Донця, Захарія Тарасенко, неграмотныхъ, по ихъ прошенію и за себе Антонъ Соломаха руку приложилъ.

Атаманъ Городовый Прилуцкій Тимофей Стаховскій, Асаулъ Полковый Прилуцкой Артилеріи Иванъ Пархомовъ.

Сотенные Старшины: Атаманы: Григорій Бѣлецкій, Трофимъ Масло, абшитованный Сребранскій Трофимъ Данчичъ, Писаръ Федоръ Ярмаковъ, Асаулы: Иванъ Бѣлецкій, Григорій Федоренко, Кондратъ Часнокъ, Гродского Прилуцкого Суда Писаръ Степанъ Карпичь, Старшій Полковый Канцеляристъ Петро Пятигорскій.

Хоружіе: Иваницкій Федоръ Василіевъ, Корибутовскій Дмитро Бобровскій, Полковый Прилуцкій Канцеляристъ Степанъ Дубскій.

IV.

1767.

Наказъ переяславскаго шляхетства.

Наказъ выбранному по силѣ Ея Императорскаго Величества манифеста, декабря 14 дня 1766 году состоявшаго, полку Переясловского отъ всего шляхетства, имѣющаго въ томъ полку вотчины и помѣстья, Депутату въ Коммиссію къ сочиненію проэкта новаго уложенія Господину Полковнику Второго Компанейского полку Захарію Забѣлѣ.

Приступая со всеподданнѣйшимъ нашимъ послушаніемъ ко исполненію Высочайшаго отъ Ея Императерскаго Величества, Всемилостивѣйшей Государыни нашей, повелѣнія, избрали мы по общему согласію. Васъ Депутатомъ ко проэкту нового уложенія, имѣя несумнѣнную надежду, что вы, какъ усердный сынъ отечества, потщитесь съ найвящшою ревностію употребить трудъ свой во всемъ томъ, что къ лучшей пользѣ и благоденствію нашему служить можетъ, и каковы нужды и отягощенія по общему нашему разсужденію нами дознаны, объ оныхъ по Высочайшему Ея Императорскаго Величества матернего благоутробія дозволенію къ поднесенію подъ

Высочайшее разсмотрѣніе, изъясняя по нижеслѣдующему, полагаемся на васъ, съ тѣмъ, что бы по всему тому въ достиженію высокоматерняго Ея Императорскаго Величества благопризрѣнія и опредѣленія учинитесь ревностнымъ попечителемъ и ходатаемъ; для чего и всеподданнѣйшее наше прошеніе къ поднесенію Ея Императорскому Величеству, нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ, и присемъ всемъ поручаемъ.

1.

Когда Малая Россія съ подъ области Польской благо присоединилась къ Россійской Имперіи, въ тѣ поры Высочайшими Императорскими грамотами и статьями, съ Гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ поставленными, на вѣчные времена утверждено: чтобъ права и вольности Малороссійскіе при насъ пребили безъ всякого нарушенія, и то самое подтверждено после того всѣхъ святоусопшей памяти славныхъ Россійскихъ Монарховъ высочайшими грамотами, а именно въ N... И нынѣ Ея Императорское Величество Богомъ помазанная Императрица наша, всемилостивѣишая Государыня въ 763 году и послѣ, при учрежденіи Коллегіи Малороссійской въ 765 году, утвердить собственноручнымъ подписаніемъ Всемилостивѣйше изволила, чтобъ суда и расправы Молороссійскіе отправляемы были на точномъ основаніи правъ Малороссійскихъ. То просить и нынѣ Высочайшаго на тѣжъ наши права и вольности шляхетскіе, при нынѣшнемъ сочиненіи проэкта новаго уложенія, матернего призрѣнія. Но что касается до несходста и недостатковъ по первому и и второму раздѣламъ, въ книгѣ Статутѣ состоящихъ, какъ то: въ первомъ касаючогося до Высочайшей Импер. персоны, такъ и во второмъ въ недостаточномъ мѣроположеніи о службѣ нашей, которая потомужъ не имѣемъ хорошого и примѣрного нынѣшному просвѣщенному шляхетству учрежденія: то сіе, равно же и все то, что Ея Величество Высочайше изобрѣтетъ въ правахъ нашихъ за неприличное и неполезное намъ предковъ ко исправленію, на Высочайшую волю Ея Императорскаго Величества, нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ, съ тою несумнѣнною надеждою, какою увѣрены

мы чрезъ публикованной манифестъ, что Ея Величества матерное есть намѣреніе возвесть насъ на такую степень щастія, въ которой бы мы Высочайшую Ея Императорскаго Величества матернюю милость вящше почувствовать могли.

2.

Малороссійское шляхетство по причинѣ неимѣнія Разрядовъ, за упущеніемъ того отъ властителей здѣшнихъ, состоитъ въ предѣлахъ своего шляхетства, не имѣя твердаго мѣроположенія, отчего вѣрность и заслуги знатные военные, кровію и другими ревностнымы трудами покоренные, лишаются своего степени въ чести и славѣ, почему уже здѣшнее шляхетство возъимѣло причину быть подвергаемымъ немалою частію въ явное пренебреженіе. То по сему ко укрѣпленію шляхетской чести на ея пристойномъ степени и во отвращеніе сумнительствъ вредительныхъ, каковымъ до сего подвергаемо было, а особливо, чтобъ соединены быть могли съ Россійскимъ дворянствомъ, яко равные къ равнымъ и свободные къ свободнымъ, то всеподданнѣйше просить Ея Императорское Величество, нашу Всемилостивѣйшую Государыню, чтобъ всѣхъ тѣхъ, кои сами или предки ихъ, равно же и изъ иностранныхъ земель вышедшіе и помѣстившіесь здѣсь, въ чинахъ военныхъ и статскихъ Малороссійскихъ вѣрно предкамъ Ея Императорскаго Величества служили и нынѣ Ея Императорскому Величеству служатъ, написано было въ списокъ шляхетской, пріемля въ сообщество съ Россійскимъ Дворянствомъ и оставляя намъ навѣки тѣ всѣ отмѣнные вольности и выгоды, которыми по прежнимъ правамъ и привилегіямъ предки наши а мы ненарушно пользовалися и пользуемся, включивъ оные и въ новосочиняемыхъ законахъ въ приличномъ мѣстѣ для вѣчного храненія; ко утвержденію между нами съ Россійскимъ Дворянствомъ совершенного единодушія и дружбы, постановленобъ намъ въ честяхъ и преимуществахъ равенство и вольность въ куплѣ, продажѣ, закладѣ и уступкахъ между собою недвижимыхъ имѣній, такожъ въ выходѣ въ иностранные земли для службы, наукъ и життя тамо, въ принятіи и оставленіи военной и статской службы

и во всѣхъ тѣхъ преимуществахъ и выгодахъ, которыми въ прочихъ просвѣщенныхъ областяхъ благородное шляхетство пользуется.

3.

Права и вольности Малороссійскіе, какъ о томъ и въ правѣ Малороссійскомъ книгѣ Статутъ, раздѣлѣ третомъ артикулѣ 2-мъ и на другихъ того раздѣла мѣстахъ напечатано, заключаютъ въ своей силѣ: утверждая каждому шляхтичу въ вѣчное и потомственное наслѣдное владѣніе, а такіе угодія, какъ-то: дикіе степи распаханные и зъ давнихъ лѣтъ засыпанные плотины, населенные на ихъ слободы и хуторы зъ сѣнокосомъ для содержанія скота, которые по давнимъ займамъ, дачамъ гетманскимъ и отъ другихъ правительствъ и по предкахъ ихъ достались имъ во владѣніе спокойное, слѣдовательно какъ прежде сего, такъ и въ недавнихъ уже годахъ, любезнѣйшая тетка Ея Императорскаго Величества, свято усопшой памяти Государыня Императрица Елисаветъ Петровна Самодержица Всероссійская, утверждая таковы владѣнія за крѣпкіе и праведные, указать соизволила выдать изъ Сената многимъ шляхетству Малороссійскому Высочайшіе грамоты, кои и даны къ вѣчному и спокойному тѣми угодіями владѣнію. И съ такихъ добръ каждый пользующійся отправляетъ воинскую и штатскую службу вѣрно и усердно, неполучая никакого жалованья; и сія служба, какъ въ старые года, такъ и въ бывшую Турецкую войну, принята была со удовольствомъ отъ Ея Императорскаго Величества свято усопшой памяти Государыни Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійской, какъ явствуетъ съ именныхъ Ея Императорскаго Величества указовъ, состоявшихся въ 1739 и 1740-мъ годахъ. То Ея Императорское Величество просить всенижашей, чтобъ таковые, какъ вышезначитъ, владѣнія (яко оные до сего подвергаемы были разнымъ насильнымъ отборамъ, такъ въ описи въ вѣдомство казенное, яко и въ другіе сильные руки подъ разными протекстами) отнынѣ къ вѣчному и на потомные времена содержаніи укрѣплены быил во своей силѣ безъ изъятія, исключая партикулярные претензіи, каковы имѣютъ принять свое рѣшеніе безъ всякого препятствія по законамъ.

4.

Ничто въ жизни для честного шляхетства не можетъ быть столь полезно, а для интересовъ государственныхъ потребно, какъ знаніе наукъ, составляющое въ человѣкѣ цѣлость его собственного благоденствія и пользы Государственной. Сему основанію послѣдуя, Малороссійское шляхетство отдаютъ своихъ дѣтей въ разные отдаленные науки, какъ то въ университетъ Московскій, у Санктпетербургъ, а другіе посылаютъ въ чужіе далекіе государства, и достигая наукъ, минаются по своимъ недостаткамъ чрезъ великіе убытки имущества и приходятъ къ бѣдности. Мы съ многихъ опытовъ несумнѣнно надѣемся, что сія наша ревность къ наукамъ отвѣчаетъ во угодность Высочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ и любви къ совершенству разума. На сію степень о возведеніи вѣрноподданныхъ своихъ Ея Императорское Величество, яко премудрая матерь, имѣя неусыпное попеченіе, Всемилостивѣйше соизволила въ разныхъ мѣстахъ своего государства завесть училища и учредить университеты на коштѣ государственномъ для пользы юношества въ просвѣщеніи ихъ разума и достиженія разныхъ наукъ; а Малая Россія сего счастія въ полученіи еще не имѣетъ. Того для всеподданнѣйшаго просить: да благоволитъ Ея Императорское Величество по примѣру другихъ мѣстъ, въ коихъ учреждены университеты, пожаловать насъ Высочайшею милостію въ учрежденіи въ Малой Россіи на коштѣ казенномъ изъ Малороссійскихъ таможенныхъ доходовъ университета въ городѣ Переясловлѣ, яко сей городъ не послѣдній между Малороссійскими первѣйшими городами, въ которыхъ и отдѣльное состояло Россійское княженіе и совершилось въ немъ первоначальное Гетмана Богдана Хмельницкого съ Малою Россіею подданство подъ самодержавіе Россійское, которое тогда и посвящено первѣйшою присягою на вѣрность Всероссійскимъ Монархамъ въ семъ же городѣ Переясловлѣ,—или въ томъ мѣстѣ, гдѣ заблагоусмотрѣно будетъ шефомъ нашимъ, Его Сіятельствомъ Графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ. Сіе Высочайше благопризрѣніе имѣетъ служить къ безсмертной славѣ и всеподданнѣйшей

благодарности нашей и потомствъ нашихъ Ея Императорскому Величеству, отечеству жъ Россійскому къ приращенію истинной пользы и чести. Не меньше того полезно быть имѣтъ здѣшнему шляхетству, ежели Ея Императорское Величество соблаговолитъ учредить въ Малой Россіи корпусъ Шляхетскій, особо и домъ воспитательный для благородныхъ дѣвицъ на коштѣ вышеписанномъ казенномъ, въ чемъ полагаемся на прежнее благоутробіе Ея Императорскаго Величества.

5.

Обыватели полку здѣшнего и подданные шляхетскіе, по именному Ея Императорскаго Величества святоусопшей памяти Государыни Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійской, въ 734 году состоявшомусь указу, производили провіантъ и фуражъ на консистентовъ въ натурѣ по расположеніямъ Полковой Канцеляріи на каждого по пропорціи его имущества. А нынѣ отъ Коллегіи Малороссійской, въ разсужденіи облегченія и увольненія отъ дальнихъ повозокъ фуража обывателей, обложены рублевымъ окладомъ и взымается отъ каждой избы безъ разбору съ бѣдныхъ и имущественнѣйшихъ, съ подсусѣдковъ и наемныхъ людей, не исключая и тѣхъ, кои сойшли въ безъизвѣстные мѣста, почему выходитъ платить и больше рубля остальнымъ. И тако сія подать состоитъ съ крайнимъ отягощеніемъ здѣшнимъ обывателямъ, которые противу нѣкоторыхъ полковъ здѣшнихъ сравнится въ имуществѣ вовся не могутъ, потому что здѣшній полкъ имѣетъ свое поселеніе по большей части на такихъ земляхъ, которые суть высокіе твердѣйшіе другихъ, и орутся плугомъ сопряженнымъ въ восьми воловъ, и такъ на одинъ плугъ собирается хозяевъ по четыре и по шести, а иногда и по осьми, а въ другихъ полкахъ исключая тотъ только хозяинъ плуга,—что по тамошнему нарѣчію называется сохою—не имѣетъ, у кого нѣтъ лошади, что весьма и сыскаться рѣдко можетъ, и такъ тамошній каждый хозяинъ въ своемъ хлѣбопашествѣ имѣетъ тотъ самый успѣхъ, что здѣсь восемъ человѣкъ, сопрягаясь на одинъ плугъ каждый по волу да ониже имѣютъ и другіе продукты. По-

чему самая справедливость доказуетъ, сколь весьма много несравняется здѣшнее хлѣбопашество противъ тамошнего, и здѣшніе обыватели суть весьма бѣдные предъ тамошними; скотъ хотя плодится, но часто отъемлется бываемымъ въ краткихъ временахъ надежемъ: хлѣбъ, когда родится, идетъ весьма дешевою въ продажѣ цѣною, и такъ что хозяинъ, продавши весь сколько припишетъ въ годъ, неможетъ себе съ своею семьею пріодѣть, ибо здѣсь портовъ никакихъ нѣтъ, и далекость мѣстъ неподаетъ способу къ повозкѣ оного въ тѣ мѣста, гдѣ превосходною цѣною продается; словомъ сказать крайняя состоитъ нужда и трудность въ пріобрѣтеніи денегъ. Того для всеподданнѣйше просить Ея Императорское Величество, что тотъ рублевой окладъ, на здѣшнихъ обывателяхъ состоящій; Всемилостивѣйше повелѣно было убавить въ такую пропорцію, какъ о томъ Высочайшими предками Ея Императорскаго Величества установлено подать консинстенскую, а особливо изъ того окладу исключить, какъ и прежде было, тѣхъ людей, кои суть наемные; и неимѣя у себе никакого хлѣбопашества и промыслу, живутъ въ хатахъ владѣльческихъ на собственномъ владѣльческомъ пропитаніи и одѣяніи, ибо имъ того окладу заплатить вовсе несъчего.

6.

Свято-славныя памяти Государыня Императрица Анна Іоанновна, Самодержица Всероссійская, имѣя къ здѣшнему народу матернее благопризрѣніе, въ пресѣченіе приключаемыхъ отъ регулярныхъ войскъ обидъ и разореній Всемилостивѣйше соизволила учредить въ Глуховѣ Военную Коммиссію, опредѣля въ оную равное число какъ Великороссійскимъ такъ Малороссійскихъ персонъ съ такою властію, чтобъ на кого послѣдуютъ въ обидахъ жалобы, то бы всѣхъ оныхъ, гдѣ бы они въ командахъ не были, присылаемо было въ тотъ судъ, гдѣ поступать велѣно, наблюдать строгость правосудія, по законамъ безъ всякаго лицепріятія. Почему Малороссійскіе обыватели избавлены были отъ приключенія имъ несносныхъ обидъ и разореній. Но послѣ того, какъ не стало той Коммиссіи, то тѣ обиды паки умножатся начались, и многіе не только обыватели, но и стар-

нины, отъ преходящихъ регулярныхъ войскъ претерпѣли крайніе обиды, ругательства и забойства, отъ чего лишились здравія, а иные безвременно жизни. Но какъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ Малороссію Губернаторомъ Его Сіятельство Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, то мудрыми его мѣроположеніями и строгостью правосудія хотя таковые самовольства, служащіе здѣшнего народа разоренію, и пресѣкаются, однако сіе подвержено есть случаю перемѣненія. Для того всеподданнѣйше просить: да благоволитъ Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше указать — учредить посреди Малой Россіи подъ вѣдомствомъ Губернаторскимъ Военную Коммиссію на таковомъ точномъ основаніи, какъ оная учреждена была по вышеизображенному имянному указу въ 740 году. Такова Ея Императорскаго Величества Высочайшая милость и матернее благопризрѣніе избавитъ насъ отъ крайнихъ обидъ и разореній къ подкрѣпленію силъ и ревности нашей, какову въ потомные вѣчные времена заключили мы въ сердцахъ нашихъ къ вѣрной Ея Императорскаго Величества службѣ и вѣрноподданическому послушанію.

7.

Въ обрядѣ, при Высочайшомъ Ея Императорскаго Величества манифестѣ приложенномъ, указано выбрать Дворянскаго Предводителя, дая оному на два года полную довѣренность нетолько при нынѣшнемъ выборѣ Депутата, но и при случаяхъ, еслибъ послѣдовали отъ Верховной Власти каковые особые повелѣнія, принадлежащіе до общаго дворянъ разсужденія, а чтобъ по прошествіи тѣхъ двухъ лѣтъ выбрать нового Предводителя для таковыхъ дѣлъ, того не доложено. Для того всеподданнѣйше просить: дабы дозволено было намъ возобновленіе такова выбору, и ежели таково дозволеніе изъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости учинится, то бы въ случае надобности для дворянина отвѣту предъ государевымъ правительствомъ (кромѣ земскихъ дѣлъ) требовано отъ Предводителя о высылкѣ оного; равнымъ образомъ и все званію сему приличное исправленіе къ должному исполненію предписанно бъ

было; и ежели бы послѣдовали отъ кого изъ дворянства продажа деревень, мельницъ, футоровъ и протчихъ угодій, то бы никто сторонній къ покупкѣ допущенъ небылъ, докелѣ получитъ отъ Предводителя и всего Дворянства общимъ опредѣленіемъ за докладомъ Генералу Губернатору въ сообщество принятіе, каково найпаче обовязаны мы раздавать достойнымъ дворянамъ и природнымъ Ея Императорскаго Величества подданнымъ.

8.

Правамъ здѣшнимъ не противно и обычай Малороссійскій состоитъ въ томъ, что самое и Высочайшимъ имяннымъ святоусопшой памяти Государыни Императрицы Анны Іоановны, Самодержицы Всероссійской, указомъ 1734 году утверждено, чтобъ продажа и купля козачихъ грунтовъ въ свободности состояла, и ежели козакъ, продавъ свой грунтъ, будетъ паки жить на ономъ, то бы отдавалъ повинность владѣльцы. А въ 739 году такова купля для военнаго времени до будущаго о томъ Высочайшаго самогоизволенія пресѣчени. Когда же святославныя памяти Государыня Императрица Елисаветъ Петровна, Самодержица Всероссійская, Всемилостивѣйше соизволила пожаловать Гетманомъ Его Сіятельство Графа Кирила Григоріевича Разумовского, въ тѣ поры своею Императорскою грамотою Всемилостивѣйше подтвердить соизволила, возобновляя права, вольности и Малороссійскіе обычаи, съ подтвержденіемъ поступать по онымъ безъ всякого нарушенія. И такъ силою сей Высочайшей грамоты, оной Господинъ Гетманъ куплю козачихъ грунтовъ рѣшилъ свободною, съ тѣмъ только огражденіемъ: въ случаѣ нужды козачей, малою частію грунтовъ ихъ купить, а не совсѣмъ искупить, невозбранно было. Почему нѣкоторые владѣльцы и старшины, таковы частями небольшими козачихъ грунтовъ скупли не самовольно нижде тайнымъ образомъ, но законно, и учинили. Того для просить Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшую Государыню нашу пожаловать насъ Высочайшею матернею милостію своею: чтобъ таковые купленные грунты и угодія оставлены были при тѣхъ, кто купилъ, въ

ихъ потомственномъ обоего пола владѣніи и утвердить на вѣчные времена въ числѣ прочихъ шляхетскихъ угодій Высочайшими грамотами. А впредъ каковъ на то Высочайше поставленъ будетъ законъ, мы оной свято хранить и исполнять долженствуемъ.

9.

Просить всеподданѣйше, чтобъ здѣшнему шляхетству винное куреніе въ собственномъ имѣніи, дѣланіе всякихъ напитковъ, въ селахъ, деревняхъ, хуторахъ нашихъ шинкованіе всего того и продажа обтомъ, такожъ обращеніе всякого рода внутреннихъ продуктовъ свободны были безпошлинно на вѣки. Притомъ же сколь есть нужда здѣшнему краю вывозка соли съ Крыму, а особливо надобность необходимая въ отгонѣ скота, лошадей, здѣсь (?) продукта, въ чужіе краи, то чтобъ никто въ сихъ вольностяхъ, кромѣ одной заплаты пошлины, не чинилъ помешательства, и утверждено бъ намъ было при сочиненіи новыхъ законовъ особою привилегіею.

10.

Видя мы, что дворянство Россійское имѣетъ хорошіи выгоды полученіемъ въ займы отъ учрежденія Государственныхъ Банковъ на необходимые свои нужды денегъ, а Малороссійское шляхетство, за неимѣніемъ онаго, впадаютъ подъ часъ такой нужды своей въ партикулярные долги подъ обязательство, какое кредиторъ взять захочетъ, и тако лишаются имущества своего и приходятъ въ крайное разореніе, то сколь таково учрежденіе банка есть весьма полезное шляхетству и для казны государственной небезприбыточное приращеніе процента, тако всеподданнѣйше просить Ея Императорское Величество: да будетъ угодно учредить въ Малой Россіи казенной для шляхетства банкъ, отъ чего бы здѣшнее шляхетство ту пользу могло получать, какову имѣютъ протчіе Ея Императорскаго Величества вѣрноподданные, и тѣмъ моглибъ подкрѣплять себя въ случае нуждъ отъ слѣдующаго имъ крайнаго разоренія.

11.

Отводъ квартиръ въ домахъ шляхетскихъ есть главнымъ основаніемъ ко приведенію ихъ въ крайное изнуреніе и несостояніе къ

службѣ Ея Императорскаго Величества, отчего въ городѣ Переясловлѣ почти всѣ дома знатнѣйшіе пришли въ крайное опустѣніе: ибо сей городъ, будучи пограничнымъ, терпитъ непремѣнные постои, яко те генералитета, карабинерныхъ, инженерныхъ и артилерійскихъ и таможенныхъ командъ. А по указу блаженныя памяти Государя Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, въ ... году состоявшомусь, таковые домы отъ постовъ исключены. Того для всеподданнѣйше просить матерняго отъ Ея Императорскаго Величества благопризрѣнія на здѣшное пограничного города Переясловля шляхетство, угнетенное и приведенное прежними военными обращеніи и пожарными случаи къ немалой бѣдности, чтобъ Всемилостивѣйше повелѣно было домовъ ихъ въ постои не отводить.

V.

1767.

1) Прошеніе лубенскаго шляхетства.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая Государыня Імператрица Екатерина Алексѣевна самодержица всероссійская Государыня всемилостивѣйшая.

Бъют челомъ малороссійского Лубенского полку полковникъ Іванъ Петровъ сынъ Кулябка, земскіе урядники, Бунчуковые товарыщи, полъковая старшина, сотничеи, воисковые и зъначковые товарыщи и протчие оного полку чиновники и шляхетство; а въ чемъ наше прошение, тому слѣдуютъ пункты.

Ваше Імператорское Всепресвѣтлѣйшее Величество от 14 декабря 766 году всевысочаишимъ манифестомъ обнародовать соізволили, что выбранные съ высокославнои Вашего Величества Імперіи для сочинения проекта новаго Уложенія депутаты созываются нетолко для того, чтобъ выслушать от нихъ нужды і недостатки каждого мѣста,

но і допущены они быть имѣютъ въ комисию о сочиненіі упомянутого проекта. Таковое Вашего Імператорскаго Величества матернее милосердие есть руководствомъ того дерзновения, съ которымъ мы всеподданѣйшие Вашего Імператорскаго Величества раби, приемлемъ трудить Всевысочаишую Вашего Імператорскаго Величества особу въ слѣдующихъ нашихъ нуждахъ:

1.

По дѣламъ бывшои Генералной Войсковои канцеляріі точніе о сочинениі ревизиі о козакахъ, посполитыхъ и подсусѣдкахъ имѣются Указы, яко то первои імянной Высочайшеи за собственноручнымъ подписаниемъ Блаженныя і вѣчнои славы достоиныя памяти Государыни Імператрицы Анны Іоанновны самодержицы Всероссійскои 1734 года августа 8 въ девятнадцати пунктахъ состоявшеися указъ, по 5 пункту велѣно ревизию в Малой Россіи двороваго числа козаковъ и посполитыхъ подсусѣтковъ в томъ годѣ учинить, чтоб обыватели во всякихъ общенародныхъ повинностяхъ были уравнены и одни пред другими неимѣли тягости, і въ пред по вси годы или чрезъ несколко лѣтъ таковую жъ ревизию сочинить, въ томъ поступить по здешнему состоянию, смотря по переходамъ здешнихъ жителей; вторый Правителствующаго Сената 1746 года марта 5 дня указъ, чтобы повелѣнные росписаниі на консистенты чинены изъ справедливымъ уравнениемъ по пропорціи имуществъ обывателскихъ и по числу хатъ.

2.

По тѣмъ и протчимъ указамъ въ Малой Россіи от давныхъ лѣтъ ревизиі писались по дворамъ и хатамъ и посполитые люди записываны по пропорциі имущества по дворамъ и хатам и раздѣлялись на пять статей, то есть мочно грунтовую, среднегрунтовую, малогрунтовую, нищетную и краинне нищетную; а подсуседки, нычего у себя грунтовъ неимѣющие, но на собственныхъ владѣлческихъ земляхъ жителствующие, особо конные, особо пѣшие записываны.

3.

А въ 752 году по унѣверсалу Господина Генералъ фелтмаршала и разныхъ ординов Кавалера Графа Кирилы Григорьевича

Разумовского, по бытности ево малороссіскимъ Гетманомъ состоявшему, подсусѣтки сверстаны с прямыми посполитыми, грунты и угодіи за собою імѣющими і на своихъ земляхъ и въ своихъ дворахъ и хатахъ жительствующіми, и тогожъ года и по ревизиі между таковыми жъ поставлены; такимъ образомъ тѣже подсусѣдки и по ревизиі 755 года записаны.

4.

От того года даже до 763 года переписи людѣи нашихъ не было и чрезъ все то время расположения на указные консистенты дѣлались по тои однои ревизиі съ чувствителною народною тяжестию.

5.

А въ томъ 763 году, по унѣверсалу вышепомянутого Господина Генералъ Фелтмаръшала и кавалѣра графа Разумовского, здѣлана перепись по дворамъ, хатамъ и по душамъ безстатѣино и безразлично подсусѣтковъ и посполитыхъ и в сию перепись вмещены наемники такии, которые вовсе ничего у себя не имѣютъ, а живутъ на всемъ хозяйскомъ содержаніи и с хозяями в однихъ дворахъ.

6.

За учреждением же в Малой Россіи коллегиі дѣлается по предложению Господина Генералъ аншефа, Малороссійского Генералъ Губернатора, коллегиі Малороссіискои президента, Украинского и малороссіискаго корпусовъ главнаго Командира и разныхъ ординовъ кавалера, Графа Петра Александровича Румянцова, в Малой Россіи еще отличная перепись, такимъ образомъ: переписуются жилые наши дворы, пахатные и сѣнокосные поля, лѣса, луги, мелницы и протчия угоди и требуются показаниі, сколко хлѣба засѣвается и сколко на какомъ мѣсте сѣна укошивается и сколкожъ с мелницъ приходу въ год бываетъ; описывается скотъ нашъ и пчелы і ревидуются получаемые доходы; люди наши мужеска и женска полу и все ихъ имения, неминуя и самихъ дворовыхъ служителей, по душамъ описуются. Таковои переписи зъ самого того времени, когда малороссіскиі гетманъ Богданъ Хмелницкиі со всѣмъ воискомъ запорожскимъ и со всѣмъ народомъ Малороссіиским под всероссіискую державу поддался, в Ма-

лои Россіи небывало, и чтоб онои быть, на то нетъ і небывало высокомонаршихъ указовъ. А імѣются точние таковые указы, что здесь подушевнои переписи никогда не бываетъ, да і чтоб и нныне онои быть, на сие мы Імянного Вашего Імператорскаго Величества всевысочайшаго указа не видимъ. По утвержденным же всеми въ Бозѣ почивающими вашего Імператорскаго Величества предками нашихъ правъ и стародавных обычаевъ быть онои переписи не слѣдуетъ для того, что по праву книги статут по артикулу 15 розделу 3 установленно все привилегия стародавные земские і вновъ от насъ данные волности и обычаи добрые старинные сохранять и нивчемъ того не нарушат, а нового ничего неустановлят, а была бы надобность что новое прибавить к добру Речи посполитои, тогда сего не имѣем чинить ниже уставовъ какихъ либо делат, кромѣ за согласиемъ общимъ; нашего жъ согласия на обѣ обявленныя переписи небыло и к тому никого с нас несзывано, но без всего то приказано здѣлать.

7.

Къ доволствию определенныхъ на содеръжание Малороссіскихъ обывателей шести армейскихъ полковъ, Генералитѣта, главной полевои аптеки и глуховского гарнизонного полку дѣлались прежде сего в полковыхъ Канцеляриях въ присудъствиѣ владѣлцовъ іли ихъ повѣренных расположенiі чинены по статьям в пропорцию каждого имѣния, дабы обыватели убогшие противъ можнѣишихъ обиды недознавали, а подсусѣтки выстачали на мцъ конные по четырѣ, а пешие по две копѣйки, а когда сверстаны подсусѣдки съ настоящими посполитыми, то и сиі тоже самое платить начали, что і настоящіе посполитие.

8.

Высочайшимъ Імяннымъ Блаженныя і вѣчнои славы достоиныя памяти Великия Государыни Імператрицы Елисаветъ Петровны Самодержицы Всероссіискои въ 749 году состоявшимся указомъ между протчимъ повелѣно: на указные консистенты производить денгами по статскои ценѣ на одно наличество, но і затемъ указом неденежное, но натуралное производство провината і фуража от малороссіискихъ обы-

вателей происходило; въ бытность же в гетманскомъ достоинстве помянутого господина Генералъ фелтмаршала і кавалера графа Разумовского делались расположенiі на полныи комплетъ; чего въсего выносыло выше девяти десяти тысячъ рублей.

9.

Другои уже год слѣдуетъ, какъ по предложению Господина Генералъ аншефа і кавалера графа Румянцова вмѣсто натуралного производства указнымъ консистентам положено на здешнихъ обывателей посполитыхъ и козаковъ подпомощиковъ на каждую хату по одному рублю и двѣ копеики. Которои суммы выходитъ над надлежащую на указные конъсистентовъ сумму донесколко сотъ тысячей рублей. Сей оклад взыскуется по ревизiі 763 года, а какъ сия ревизия здѣлана, какъ вышепредписано, безъстатеино, то одного рубля платит мужикъ тот, которои имѣет у себѣ iмущество от ста до пятисотъ рублей, і тот послѣднеи подсуседокъ, которои едвалъ iмѣетъ у себя всего iмѣния на шездесятъ копѣек; хотя же от малороссiскои Коллегiі и сложено на распоряжение владѣлцовъ, чтобы они на можнеишихъ мужиковъ болше, а на убогшихъ менше полагали, но понеже здесь многие имѣются такия владелцы, которые у себя имѣют по однои, по двѣ, по пяти, по десяти хатъ подсуседковъ, чего доказует сама та ревизия, по которои и рублѣвой оклад платится, і те все люди подсуседки все обще такие малоiмущественныя, которые ничего у себя неiмѣютъ, а питаются толко однимъ заработкомъ, то сиі справедливые притчины недопускают учинит объявленного уравнения, и тако самыя убогшия люди остаются в несносной тяжести, а грунтовые прямые подданные наiпаче такии, коiхъ много в одномъ владѣниі, имѣютъ отличную выгодность, ибо естли положить десять конныхъ подсусѣдческихъ и столкоже подданническихъ хатъ, то по прежнему доводилось дачи въ мѣсяцъ от всехъ десяти хатъ сорокъ копѣекъ, а от подданническихъ от однои малогрунтовои хаты по шестидесять однои копеики три чети, а от протчихъ вышъшихъ статеи въ двое того болше.

10.

На обывателехъ Малороссiискихъ взыскиваются доiмочные денги, подлѣжавшия въ отдачу указнымъ консистенътамъ съ 735 года, та-

ковые же денги нынѣ въ отдачу темъ консистенътамъ уже неподлежать, обыватели же те, на коихъ доімка завысить, многии со всемъ потомствомъ померли, а многие по свободности издревлѣ переходу безвѣстно посходили, доимки же взыскуються на наличныхъ людяхъ і на техъ, кто землѣю изшедшихъ посполитых владѣеть; тѣже земли по правамъ нашимъ принадлежатъ владѣлцамъ, которые такова платежа чинить за свое добро ни по какимъ законамъ необложены. К тому же малоросіиские посполитые обыватели промыслъ свои імѣють почитат с одного толко земледѣлства и скотоводства, в нинѣшнии же времена ежечастно в хлѣбе недород, а в рогатомъ скотѣ і лошадяхъ почитат безпрерывнои падежъ бываеть; о чемъ по малороссіискои Коллегиі съ входящихъ от полковыхъ канцелярей репортовъ виды імѣются. А уповательно и правителствующему сенату небезъізвѣстно по симъ несчастнымъ случаямъ многии із здешнихъ обывателеи, а наипаче подсусѣтки (которые какъ выше явствуетъ болшою частию заробляя хлѣб питаются) пришли до такихъ краиностеи, что не точию доімки, но и настоящеи дачи оплачивать чемъ неимѣють і лишаются съ женами и детми и самыя дневныя пищи.

11.

Въ Грамотѣ Блаженныя і вѣчной славы достоиныя памяти Государя Імператора Петра Великаго Самодержца Всероссіискаго, 721 года Генваря 21 дня состоявшеися, повелѣно консистентовъ целыми ротами въ однихъ мѣстахъ неставить, а ставить, сколко гдѣ надлежитъ, толко неменше капралства; высочаишимже Імяннымъ блаженныя памяти Великия Государыни Імператрицы Елисаветъ Петровны Самодержицы Всероссіискои указомъ, состоявшимся 742 году августа 18 дня, между протчимъ по 3 пункту повелено Генералитету, штапъ и оберъ афицеромъ, кои чрезъ Малую Россію и слободскии полки времянно проежаютъ іли винтеръ квартиръ іметь будуть, на квартиры свои уголля и дровъ от тамошнихъ обывателей и лѣсовъ для отвозу на дрова і на другия потребности безденежно отнюдь нетребовать и небрать, под опасениемъ военнаго суда, а доволствоватся каждому покупая; а нинѣ в городе Лубне определенъ на непременние квартеры ряскиі пехотнои полкъ и располагается зимнимъ временемъ

в самыхъ Лубнахъ и въ околичныхъ мѣстечкахъ ротами; да в сем же го(ро)дѣ імѣется государственная главная полевая аптека съ ея служители і главнои криксъ камисариатъ, куда немало приезжаетъ из разныхъ полковъ афицеров и с ними служивыхъ людеи, от чего великое последовало тамошнимъ обывателямъ от всегдашнего постою въ ихъ домахъ утѣснение; да тѣже обыватели консистующихъ штапъ і оберъ афицеровъ отопляютъ собственными своими дровами; здѣшние обиватели въ лѣсахъ скудости, а въ іныхъ мѣстахъ и совсемъ оныхъ нѣтъ и болшою частию обыватели для своего обхождения покупаютъ дрова немалыми ценами с крайнею тяжестию; а некоторые огрѣваются тростникомъ и соломою.

Природное Вашего Імператорскаго Величества человѣколюбие толь намъ чувствитѣлно, что мы несумненно уповаем, что Ваше Імператорское Величество все выше донесенные наши нужды и отягощения принять соизволите, лицемъ во всемъ соотвѣтствующимъ премилосерѣдному вашему сердцу.

І сего ради всеподданѣише просимъ Вашего Императорскаго Величества пожаловать насъ вѣрныхъ подданныхъ своѣхъ высочаишею матернею милостию в слѣдующемъ: І, чинимую ныне с жилыхъ нашихъ дворовъ, імениі і людеи нашихъ перепись оставить, а повелѣть по прежнему обыкновению сочинять ревизию, какъ высочаишимъ указомъ, 734 года Августа 8 дня состоявшимся, повелѣно; 2, людеи здѣшнихъ от рублеваго окладу уволить, а повелеть неболше доволствоват указныхъ консистентовъ производствомъ натурою провианта и фуража на одно наличество, и гдѣ консистенты на винтеръ квартирахъ состояти имут, тамо чинить проізвождение натурою, а из другихъ мѣстъ собирать деньгами по статскои ценѣ; 3, людеи здешныхъ от платежа доімочныхъ денегъ уволить, а повелѣть оныя, яко никуда в одачу уже не подлежащие, отставить; 4, от непременного полку пехотнаго ряжского въ Лубнахъ и въ околичныхъ мѣстахъ квартирования уволит, да і отъ выстачения Генералитету, штапъ і оберъ афицерамъ дровъ здешныхъ обывателей уволнено б, а повелено б доволствоватся, какъ выше высокоупомянутымъ 742 года указомъ повелено, покупкою.

Сие высочаишѣе милосердие темъ боліе на высочаишую степень славы возвысится и доидетъ до самаго владѣющаго всею тварию Бога,

что въ ономъ імѣть будутъ участие самые беднѣишие и безпомощнѣишие в свете люди; [1]) мы всѣ совокупленными серцами должность имѣемъ молить Всевышняго творца, да благословить Ваше Імператорское Величество тысящною Милостию своею въ нынѣшнемъ і в будущемъ вѣке.

Вашего императорскаго Всепресвѣтлѣишаго Величества вѣрные подданные и всенижаишіе раби:

Предводитель Бунчуковыи товарыщъ Яковъ Кулябка, Полковникъ лубенскиі Іванъ Кулябка, абшитованыи подкоморій Іванъ Александровичъ, абшитованыи подкомориі Іванъ Огроновичъ, судия земски повѣта Лубенского Іванъ Кулябка, повѣта роменскаго земскій судия Афонасеи Шкляревичъ, Бунчуковои товарыщъ Максим Жуковскіи, Бунчуковои товарыщъ Андреи Новицкиі, Бунчуковои товарыщъ Петръ Новицкиі, подсудокъ земскій повѣту лубенского Ѳедоръ Максимовичь, подсудокъ земски повѣта Роменского Стефанъ Лукьяновичь, Бунчуковыи товарыщъ камисаръ Яковъ Огроновичь, Бунчуковыи товарыщъ Григориі Огроновичь, полковыи судия лубенскиі Василь Стефановичь, полковыи Лубенскиі писарь Яковъ Корнѣевичь, асаулъ полковыи Родионъ Рвачевскиі, писарь земскиі повѣту Лубенского Ѳедор Булюбошъ, Асаулъ полковѣи Лубенскиі Якимъ Максимовичь, писарь земскиі повѣту Роменского Григореи Савицкиі, апшитованныи харужиі полковои Павелъ Огроновичь, полковои лубенскиі харужиі Михаило Булюбошъ, полковои абшитованнои харунжиі Ѳедор Хилчевскиі, сотникъ Костантиновскиі Стефанъ Полѣтика, сотникъ Горошинскиі Петро Сахновскиі, сотникъ Глинскиі Павелъ Свѣтъ, сотникъ сенчанскиі Тимофѣи Криштофовичь, сотникъ яблуновскиі Алексеи Черницкиі, сотникъ роменски Демьянъ Гайдукъ, сотникъ второлохвицкиі Василеи Лукашевичь, сотникъ снетинскиі Павелъ Кулябка, сотникъ Лукомскиі Іванъ Малкевскиі, сотникъ перво пирятинскои Максимъ Щербакъ, полковои лубенскои сотникъ Трофим Значко, сотникъ второи полковой лубенской сотни Михало Скаржинскиі, Воисковои товарыщъ Іванъ Ковалевскиі, Воисковои товарыщъ Иванъ Манжосъ, Воисковои товарыщъ Василь Magеровскиі, Воисковои товарыщъ Максимъ Значко, абшитованныи

[1]) Пропускъ въ подлинникѣ.

Войсковои товарыщъ Васил Зарудный, Войсковой товарыщъ Григореи Манжосъ, Войсковои товарыщъ Гаврило Ігнатовъ, Войсковои товарыщъ Петръ Воитенко, Войсковои товарыщъ Дмитриі Жуковскиі, Войсковои товарыщъ Яковъ Данковскиі, Войсковои товарыщъ Іванъ Гамалия, Войсковои товарыщъ Григореи Корсунъ, Войсковои товарыщъ Семенъ Слюзъ, Войсковои товарыщъ Григорои Зарудныи, Войсковои Канцеляристъ Петро Корсунъ, Войсковои товарыщъ Григореи Огроновичъ, Войсковой Канцеляристъ Семенъ Корнѣевичь, Войсковои Канцеляристъ Іванъ Жуковскиі, Возни повету Лубенского Яковъ Назаровичь, Атаманъ полковои лубенскиі Павелъ Корнѣевичь, повѣта роменского возныи сотенныхъ роменскихъ Матвѣи Евфиміевъ, Значковий полку лубенского товарыщъ Григореи Іваненко, Значковы товарыщъ Стефанъ Засулскиі, Значковы полку лубенского товарыщъ Васил Манко, Значковыи полку Лубенского товарыщъ Иосифъ Полянка, Возной сотнѣ Чигрин-дубровскои Данило Григоровичъ Шепелявий, значковои товарыщъ Александръ Шишка, Значковои товарыщъ Павелъ Івахненко, Значковои товарыщъ Андреи Афанасиевъ, Значковои товарыщъ Омелянъ Сахненко, Значковои товарыщъ Михаило Полунѣи, значковои товарыщъ Ѳедоръ Жаданъ, генералной артилериі значковый товарыщъ Григореи Осецкіи, Генералнои артилериі товарыщъ Степан Кислай, а вместо его неграмотного подписался по прошению канцеляристъ Васил Gergелъ, Лубенского полку значковои товарыщъ Якимъ Селастеникъ, Значковои товарыщъ Ѳедоръ Матрозъ, а вместо ево неграмотного по его прозбы значковой товарыщъ Якимъ Селастенникъ, Значковои полку Лубенского товарыщъ Грыгореи Рѣпчанскои, Значковои полку Лубенского товарыщъ Іванъ Максимовичъ, Значковые товарыщи: Антонъ Коржевскій, Григори Рева, а вместо ихъ і за себя подписался значкови полку лубенского товарыщъ Ѳедоръ Цыганенко, умершаго Бунчуковаго товарыща Иосифа Гамалѣи сынъ Михайло Гамалѣя, Значковыи товарышъ Иванъ Шостакъ, Значковои полку Лубенского товарыщъ Павелъ Клюковъ, Значковы товарыщъ Павелъ Луговскиі, Значковыи товарыщъ Фома Тренбачъ, Значковыи товарыщъ Михаило Майборода, атаманъ Павелъ Самоиловскиі, Возныи сотникъ яблуновскиі Андреи Божько, Значковои това-

рыщъ Іванъ Запорожскиі, Значковои товарыщъ Іванъ Павловскиі, Канцеляристъ полковои Канцеляриі Петръ Свечка. Суда Земского повету Лубенского Канцеляристъ Павелъ Слюзъ, Атаманъ перволубенскои сотни Данило Немецъ, Атаманъ второи лубенскои сотни Григориі Онищенко, Асаул полковои Лубенскои Артилериі Улас Рублевскиі. Полковои Лубенскои Артилериі Хорунжиі Игнатъ Щока, полковои Лубенскои Канцеляриі Канцеляристъ Осипъ Семеновъ, Суда городского Лубенского Канцеляристъ Филипъ Семеновъ, Суда гродского Лубенского Канцелярист Герасимъ Сидонскиі, Канцеляристъ полковои Лубенскои Канцеляриі Васил Gergелъ, Полковои Лубенскои Канцеляриі канцеляристъ Никифор Волчанскиі, Полковои Лубенскои Канцеляриі Канцеляристъ Петро Любнецкиі, Полковои Лубенскои Канцеляриі Канцеляристъ Степанъ Дорошенко, Полковои Лубенскои Канцеляриі Канцеляристъ Григореи Белашъ, Полковои Лубенскои Канцеляриі канцеляристъ Петръ Golецъ, Полковои Лубенскои Канцеляриі канцеляристъ Лаврентиі Васенко, Канцеляристъ полковои Лубенскои канцеляриі Иванъ Киричевскій, Гродского Лубенского суда Канцеляристъ Яков Галичинъ, Гродского Лубенского суда Канцелистъ Іванъ Самуиловскій, Гродского Лубенского суда Канцеляристъ Афанасеи Савлукъ, Гродского Лубенского суда Канцеляристъ Яков Тищенко, Гродского Лубенского суда Канцеляристъ Якимъ Матяй, Земского суда повета Роменского канцеляристъ Андреи Самохвалъ, асаул сотенныи перво лубенский Ефимиі Капуста, асаул второ лубенско сотни Андреи Циба, хоружиі сотениі роменскиі Яков Яковенко, городничиі полковаго Города Лубенъ Андреи Сидорскиі, писар сотни перво лубенскои Прокопъ Зайкевичъ, Значковои товарыщъ Іванъ Салимовски, а вместо его неграмотного по его прошению возниі сотни снетинскои Васил Мирецъ подписался, атаманъ сотенниі Кондратъ Яновскиі, Значковы товарыщъ Евтихиі Величко, повѣта Лубенского сотни курѣнной возніи Алексѣи Самуиловичъ.

---

2) Прошеніе Румянцеву отъ лубенскаго шляхетства.

Сіятелнѣйшій Графъ Высокопревосходителній Г-нъ Генералъ Аншефъ, Малороссійской Губерніи Генералъ Губернаторъ, Украинского и Малороссійского Корпусовъ главной Командиръ и разнихъ орденовъ Кавалеръ!

Милостивій Государъ!

Ввѣренное Вашему Высокографскому Сіятелству отъ Ея Императорскаго Величества Малой Россіи правленіе, что точно соотвѣтствуетъ обнадеживанію тому, которое въ Височайшемъ манифестѣ въ 15 день 1764 году при учрежденіи въ Малой Россіи Колегіи предписанно, что Ваше Сіятелство о ползѣ собственной Малороссійского народа будете къ Ея Величеству всегда добрій и надежній предстателъ, доказивается изъ недавно полученного нами отъ Вашего Сіятелства цѣркулярного листа, изъ коего ми съ радостію нашею видимъ учиненное Вашимъ Сіятелствомъ къ Ея Императорскому Величеству о насъ увѣдомленіе и коимъ милостивое свое соизволили преподать намъ наставленіе, дабы при виборѣ въ силу Височайшого Ея Императорскаго Величества обнародованнаго манѣфеста съ приложенными пры ономъ обрядами Предводителя и Депутата въ учрежденную въ Москвѣ Коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія наблюдали мы то, что прямо къ благоденствію нашему простиратся можетъ. Ми, исполняя всеподданнѣише Ея Императорскаго Величества высочайшее повелѣніе, приемля Вашего Высокографскаго Сіятелства совѣтъ искреннымъ и благодарнимъ нашимъ сердцемъ и слѣдуя притомъ собственнимъ своимъ позволенымъ ползамъ, вибрали отъ себя предводителемъ Бунчукового Товариша Якова Кулябку, а Депутатомъ Г-на Брегадира и Полковника Гадяцкого Крижановского, людей, по извѣданнимъ ихъ качествамъ къ сему дѣлу достойнихъ.

Давъ вибранному нашему Депутату наказъ и всенижайшія наши къ Ея Императорскому Величеству челобитныя съ прошеніемъ: 1-е, чтобъ Ея Императорское Величество соблагоизволила утвердить

стародавное наше право, названное статутъ Княженія Литовского, которое въ бытность Малой Россіи еще при коронѣ Полской, привилегіею Короля Сигизмунда Августа 1569 году Июня 6 д. между иними волностямы и преимуществами шляхтѣ и всему рицерству земли и княжества Кіевского надано, и кое по отторженіи народа Малороссійского съ подъ корони Полской и по благоприсоединеніи къ державѣ Россійской за утвержденіемъ оного права отъ всѣхъ Всероссійскихъ Государей какъ при Гетманѣ Богданѣ Хмелницкомъ, такъ и за всѣхъ по немъ бившихъ Гетмановъ, народъ Малороссійскій въ судахъ и росправахъ своихъ чрезъ стотринадцать лѣтъ до нынѣ употребляетъ къ своему удоволству. 2-е, Волности и преимущества наши отъ Королей Полскихъ намъ наданые и отъ Всероссійскихъ Государей свято почившихъ предковъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйше народу Малороссійскому отъ времени принятія оного подъ державу Россійскую за всѣхъ Гетмановъ множайшими указамы и особливими договорними статями утвержденные, чтобъ и Ея Императорское Величество всевисочайше подтвердили. По коимъ волностямъ дозволенобъ намъ вибрать по прежнему обикновенію волними голосами въ гродскіе, земскіе и воинскіе чина изъ между себя. 3-е, Позволенабъ купля козачыхъ грунтовъ, какъ козаки однимъ правомъ и однимижъ шляхетскими волностями ползуются, и что козаки у чиновниковъ грунтовъ покупаютъ, отъ чего и умаленія въ службѣ бить неможеть. Да и сходственно то будеть съ правами Малороссійскими. 4-е, Всемилостивѣйше указанобъ отъ Ея Императорскаго Величества сочинять въ Малой Россіи ревизію въ согласіе имянного указа 1734 году по годно или смотря по свободному переходу здешнихъ жителей по дворамъ и хатамъ и по имуществу; и чтобъ опредѣленнимъ къ безденежному Малой Россіи содержанію консистентамъ доволство производить въ натурѣ на одно наличное число людей и лошадей по указу, 1749 году Февраля 4 д. состоявшемуся. А рублевой на хати положенной окладъ (коего надъ прежде бившей зборъ нѣсколко сотъ тисячъ превосходить) снятобъ; равно и чинимую нынѣ въ Малой Россіи генералную перепись обоего пола душъ, недвижимого и движимого нашего имѣнія отставленобъ.

5-е, Всемилостивѣйше уволненобъ здешнихъ жителей отъ непременного квартированія Пехотного Ряжского Полку. Сіи пункта почли ми самонужнѣйшими въ нашихъ нуждахъ; и какъ Ваше Высокографское Сіятелство здешнего краю повелителной шефъ, и предопредѣлени бить къ Ея Императорскому Величеству о благополучіи народа Малороссійского предстателемъ, то ми основательную имѣемъ причину всенижайше Вашего Высокографского Сіятелства просить въ дополненіе учиненного уже о насъ къ Ея Императорскому Величеству увѣдомленія ходатайственно представить отъ себя и нынѣ къ Ея Императорскому Величеству, чтобъ сохранени били мы при прежнихъ нашихъ правахъ, волностяхъ и преимуществахъ и во всѣхъ вишо вираженныхъ нашихъ нуждахъ Височайшею Ея Императорскаго Величества милостію пожаловани. Въ чемъ ми прямое свое находимъ благоденствіе. Таково Вашего Сиятелства предстателство обяжетъ насъ къ безпримѣрной благодарности и тѣмъ имя Вашего Сіятелства прославлятимется отъ насъ и будущого по насъ рода найчувствительнѣйшими сердцами въ позднѣйшія вѣки. Вашего Высокографскаго Сіятелства Милостиваго Государя всенижайшіе слуги:

Полковникъ Лубенскій Иванъ Кулябка, Абшитованій Подкоморій Иванъ Александровичъ, Абшитованіи Подкомори Иванъ Огроновичъ, Судия земски повѣта Лубенского Иванъ Кулябка, Повѣта Роменского земскій судія Афанасій Шкларевичъ, Бунчуковій Товаришъ Максимъ Жуковскій, Бунчуковой Товаришъ Андрей Новицкій, Бунчуковой Товаришъ Петръ Новицкій, Подсудокъ земски повѣту Лубенского Федоръ Максимовичъ, Подсудокъ земски повѣту Лубенского Стефанъ Лукяновичъ, Бунчуковій Товаришъ Григорій Огроновичъ, Бунчуковій Товаришъ Комисаръ земскій повѣту Лубенского Іаковъ Огроновичъ, Полковій судія Лубенскій Василь Стефановичъ, Полковій Лубенскій Писарь Іаковъ Корнѣевичъ, Асаулъ Полковій Радіонъ Дачевскій, Писарь земскій повѣту Лубенскаго Федоръ Булюбашъ, Асаулъ Полковій Лубенскій Іакимъ Максимовичъ, Писарь земскій повѣту Роменского Григорій Савицкій, Абшитованій Хоружій Полковій Павелъ Огроновичъ, Полковій Лубенскій Хоружій Михайло Булюбашъ, Абшитованій Полковій Хоружій Федоръ Хиль-

чевскій, Сотникъ Горошинскій Петро Сахновскій, Сотникъ Глинскій Павелъ Свѣтъ, Сотникъ Сенчанскій Тимофей Криштофовычъ, Сотникъ Роменскій Демянъ Гайдукъ, Сотникъ второ-Лохвицкой Василь Лукашевичъ, Сотникъ Снѣтинскій Павелъ Кулябка, Сотникъ Яблуновскій Алексѣй Черницкій, Сотникъ Лукомскій Іванъ Малкевскій, Сотникъ перво-Пирятинскій Максимъ Щербакъ, Полковой Лубенской Сотникъ Трофимъ Значко, Сотникъ второй Полковой Лубенской сотни Михайло Скаржинскій, Войсковій Товаришъ Григорій Корсунъ, Войсковій Товаришъ Іванъ Ковалевскій, Войсковій Товаришъ Іванъ Манжосъ, Войсковій Товаришъ Василь Магеровскій, Воисковій Товаришъ Максимъ Значко, Абшитованій Войсковій Товаришъ Василь Зарудній, Войсковій Товаришъ Григорій Манжосъ, Войсковій Товарищъ Гаврило Игнатовъ, Войсковій Товарищъ Петро Воитенко, Войсковій Товаришъ Іванъ Гамалѣй, Воисковій Товаришъ Димитрій Жуковскій, Войсковій Товаришъ Яковъ Данковскій, Войсковій Товаришъ Григорій Зарудный, Войсковій Товаришъ Семенъ Слюзъ, Войсковій Товаришъ Григорій Ограновичъ, Войсковій канцеляристъ Иванъ Жуковскій, Войсковій канцеляристъ Семенъ Корнѣевичъ, Возній повѣту Лубенского Яковъ Назарскій, Атаманъ Полковій Лубенскій Павелъ Корнѣевичъ, Повѣту Роменского Возній сотенній Ромен. Матвѣй Евфиміевъ, Значковій Товаришъ Григорій Иваненко, Значковіи Товаришъ Стефанъ Засульскій, Значковій Полку Лубенского Товаришъ Василь Манко, Значковій Полку Лубенского Товаришъ Іосифъ Полянка, Значковій Товаришъ Александръ Шишка, Значковій Товаришъ Павелъ Ивахненко, Значковій Товаришъ Омелянъ Іваненко, Значковій Товаришъ Михайло Полунѣй, Значковій Товаришъ Федоръ Жаданъ, Генералной Артилеріи Значковіи Товаришъ Григорій Совецкій, Значковій Генеральной Артилеріи Товаришъ Степанъ Кисли а вмѣсто его неграмотно подписался по прошенію Канцеляристъ Василь Gergелъ, Лубенского Полку Значковій Товаришъ Якимъ Селастенникъ, Значковій Товаришъ Федоръ Матросъ а за его прозбу Якимъ Селастенникъ подписался, Значковій Полку Лубенского Товаришъ Григорій Рѣпчанскій, Значковій Полку Лубенского Товаришъ Іванъ Максимовичъ, Значковие Товариши Антонъ

Коржевскій, Григорій Рева а вмѣсто ихъ и за себе подписался Значковій Полку Лубенского Товаришъ Федоръ Циганенко, Возній сотнѣ Чигиринъ дубровской Данило Григоровичъ Шепелявій, Значковій Полку Лубенского Товаришъ Павелъ Клюковъ, Значковіи Полку Лубенского Павелъ Луговскій, Значковій Товаришъ Фома Тренбачъ, Значковій Товарищъ Михайло Майборода, Значковій Товаришъ Іванъ Шостакъ, Значковій Товаришъ Іванъ Запорожскій, Возній сотнѣ Яблуновскій Андрей Божко, Канцеляристъ Полковой Канцеляріи Петръ Свѣчка, Суда земского повету Лубенского Канцеляристъ Павелъ Слюзъ, Атаманъ Певро-Лубенской Сотнѣ Данило Нѣмецъ, Атаманъ второ-Лубенской Сотнѣ Григорій Онищенко, Асаулъ Полковой Лубенской Канцеляріи Уласъ Рублевски, Полковой Лубенской Артилеріи Хоружій Игнатъ Щочка, Полковой Лубенской Канцеляріи Канцеляристъ Осипъ Семеновъ, Суда гродского Лубенского Канцеляристъ Герасимъ Сидорскій, Канцеляристъ Полковой Лубенской Канцеляріи Павелъ Gergелъ, Полковой Лубенской Канцеляріи Канцеляристъ Никифоръ Богдановъ, Полковой Лубенской Канцеляріи Канцеляр. Петро Любнѣцкый, Полковой Лубенской Канцеляріи Канцел. Степанъ Дорошенко, Полковой Лубенской Канцеляріи Канц. Григорій Бѣлашъ, Полковой Лубенской Канцеляріи Канц. Петро Голець, Полковой Лубенской Канцеляріи Канц. Лаврентій Васенко, Канцеляристъ Полковой Лубенской Канц. Іванъ Киричевскій, Гродского Лубенского Суда Канцеляр. Яковъ Галичинъ, Гродского Лубенского Суда Канцеляр. Афанасій Савлукъ, Гродскаго Лубенскаго Суда Канц. Іванъ Самуйловскій, Гродского Лубенского Суда Канц. Якимъ Мамящъ (?), Гродского Лубенского Суда Канц. Яковъ Тищенко, Земского Повету Роменскаго Суда Канц. Андрей Самохвалъ, Асаулъ Сотенній перво-Лубенской Ефимъ Капуста, Асаулъ второ-Лубенской Сотни Андрей Циба, Хоружій Сотеній Роменскій Іоанъ Яковенко, Городничій Полкового города Лубенъ Андрѣй Сидорскій, Писарь Сотни перво-Лубенской Прокопъ Задкевичъ.

VI.

1767.

1) Наказъ гадяцкаго, полтавскаго и миргородскаго шляхетства.

Наказъ выбранному отъ дворянства и шляхетства Малороссійскихъ полковъ: Гадяцкаго, Миргородскаго и Полтавскаго, депутату, Господину Бунчуковому Товарищу, Василію Андреевичу Дунину-Борковскому.

Отъ 3-го дня Февраля сего 767 года, при Указѣ, коего копія прилагается, изъ Коллегіи Малороссійской помянутыхъ полковъ въ Полковыя Канцеляріи присланы Манифесты Ея Императорскаго Величества, Декабря 14-го 766 года состоявшіесь:

О учрежденной отъ Ея Императорскаго Величества для сочиненія проэкта новаго Уложенія при Сенатѣ Коммисіи; и онымъ Малороссійской Коллегіи Указомъ велѣно: во всѣхъ сотняхъ, селахъ, хуторахъ и деревняхъ, даже до послѣдняго жительства, тѣ Манифесты обнародовать, какъ объ ономъ въ Указѣ Губернаторамъ, по 1-му пункту, точно изображено; а впредь, что принадлежитъ ко исполненію по силѣ того Манифеста, объ ономъ, за прибытіемъ Его Сіятельства, Господина Генералъ Аншефа, Малороссійскаго Генералъ Губернатора, Коллегіи Малороссійской Президента и Кавалера, Графа Петра Александровича Румянцова, который тогда обрѣтался въ Санктъ-Петербургѣ и оные Манифесты при предложеніи своемъ въ Коллегію прислалъ, учинено де будетъ должное распоряженіе.

Его же Сіятельство Графъ Петръ Александровичъ, тогожъ Февраля отъ 26-го, изъ Глухова, при ордерѣ своемъ, прислалъ въ полковыя канцеляріи цыркулярные листы, надписанные: „Благодарнымъ Господамъ, шляхетству и рыцарству, въ повѣтахъ вышеозначенныхъ полковъ вотчины и помѣстья имѣющимъ, гражданству и земству“, и въ тѣхъ листахъ созывалъ ихъ къ 15 числу Марта въ городъ Полтаву, к достиженію лучшихъ въ предлежащемъ дѣлѣ

успѣховъ, не въ предложеніе точныхъ мѣръ, но въ совѣтъ оному шляхетству, рыцарству, гражданству и земству, мнѣніе свое подавалъ, чтобъ они всѣ приняли съ радостію сей подаваемый имъ случай къ достиженію общенароднаго благоденствія, выраженнаго въ томъ цыркулярномъ листѣ (коею копія здѣсь прилагается), и избирали бы между собою Предводителя и депутата таковыхъ, кои бы всѣ свойства, прописанныя въ обрядѣ, имѣли. И яко въ особливомъ Его жъ Сіятельства ордерѣ, съ приложеніемъ росписанія, гдѣ для предпомянутого выбора назначены мѣста и сроки отъ 26-го Февраля сего года, въ полковыя Канцеляріи присланнымъ, между инымъ показано: что, во исполненіе Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества Имянного Указа, Декабря 14-го 766 года состоявшагося, за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, и публикованнаго Манифеста, съ приложеніями о выборѣ депутатовъ въ учреждаемую въ Москвѣ Коммисію для сочиненія Проэкта Новаго Уложенія, назначены отъ Его Сіятельства къ собранію для выбора тѣхъ депутатовъ сроки, по показанному росписанію, и для приведенія въ исполненіе всего, предписаннаго по оному всевысочайшему Указу, въ повѣтахъ Полтавскомъ, Миргородскомъ, Остаповскомъ и Гадяцкомъ Господинъ Генеральный Обозный и Кавалеръ Кочубей опредѣленъ.

Для того живущее въ тѣхъ повѣтахъ дворянство и шляхетство на назначенное въ цыркулярныхъ листахъ число въ городъ Полтаву съѣхались и, за выборомъ предводителя, въ 21-й день Марта сего 767 года, учиня по формѣ въ обрядѣ, что подъ буквою В напечатано, и присягу, выбрали отъ всего означенныхъ Гадяцкаго, Полтавскаго и Миргородского полковъ дворянства и шляхетства депутатомъ васъ.

А понеже народъ Малороссійскій, въ числѣ котораго и поминаемыхъ полковъ дворянство и шляхетство, находится на особливыхъ правахъ, обыкновеніяхъ, вольностяхъ и привилегіяхъ, въ силу подтвержденныхъ себѣ отъ Всепресвѣтлѣйшихъ предковъ Ея Императорскаго Величества, Монарховъ Всероссійскихъ, высочайшихъ Грамотъ и Имянныхъ всемилостивѣйшихъ Указовъ, какъ то и Ея

Императорское Величество, нынѣ всещастливѣйше царствующая Монархиня, Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, тѣже права и вольности Имянными своими Всевысочайшими Указами подтвердить всемилостивѣйше благоизволила, а именно: 1-е) 1763 года Апрѣля 19-го, по докладу бывшаго Гетмана, Его Сіятельства Графа Разумовскаго, съ прошеніемъ Генеральнымъ Старшинамъ, Полковникамъ и прочимъ чинамъ Малороссійскимъ классовъ противъ чиновъ Великороссійскихъ, Ея Императорское Величество, желая сей благоприсоединенный народъ въ Имперіи Ея Величества нетокмо сохранить при ихъ правахъ и вольностяхъ, съ которыми они подъ державу предковъ Ея Величества, въ бозѣпочивающихъ, пришли, но, взирая на его всеподданическую вѣрность и усердіе, вящше оной къ службѣ Ея Величества ободрить, Всемилостивѣйше собранію, въ которомъ совѣтъ происходилъ о вольности дворянства, повелѣли помянутый докладъ разсмотрѣть; 2-е) 1753 года Маія въ 10-й день, на подданномъ отъ Всероссійскаго Сената о подкоморихъ докладѣ собственною своею матернею, высокодержавнѣйшею рукою изобразили: опредѣлить настоящихъ подкоморихъ и поступать по силѣ правъ Малороссійскихъ; 3-е) тогожъ года Декабря 10-го числа, признавая правъ и вольностей Малороссійскаго народа отъ предковъ Ея Императорскаго Величества учиненное подтвержденіе, Ея жъ Священнѣйшее Величество Имяннымъ своимъ о Посполитомъ Малороссійскомъ народѣ Указомъ оному посполитому народу свободный съ мѣста на мѣсто переходъ дозволить благоизволили, во всемъ на точномъ и непремѣнномъ основаніи правъ Малороссійскихъ, въ книгѣ Статута изображенныхъ; якоже тотъ статутъ Малороссійскому народу въ 1569 году Іюня 6-го привилегіею, коего копія прилагается, надданъ и отъ Всепресвѣтлѣйшихъ Государей, Монарховъ Всероссійскихъ, какъ выше значить, подтвержденъ,

Того ради живущіе въ повѣтахъ полковъ Гадяцкаго, Миргородскаго и Полтавскаго Малороссійское шляхетство чрезъ васъ всенижайше просимъ, дабы въ будущемъ новомъ уложеніи упомянутъ былъ и край Малороссійскій, чтобъ оный, въ случаѣ касающихся

дѣлъ, трактованъ былъ по своимъ правамъ, прежнимъ обычаямъ, по подтвержденнымъ пунктамъ, примѣромъ того, какъ гласитъ въ Генеральномъ Регламентѣ 27-я глава.

Съ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Манифеста объ ономъ Уложеніи, Декабря въ 24-й донь 766 года состоявшагось, здѣшнее шляхетство видя, что Ея Императорскаго Величества первое желаніе есть видѣть народъ Ея столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться, и что Ея Величество онымъ Манифестомъ созываетъ депутатовъ для того, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, особливо же здѣшнее шляхетство имяннымъ Ея Императорскаго Величества Указомъ, Ноября въ 10-й день 764 года о учрежденіи Коллегіи Малороссійской состоявшимся, обрадовано будучи, что Ея Императорское Величество, по своему матернему къ народу Малороссійскому призрѣнію и покровительству, имѣетъ на сердцѣ возводить благополучіе Малороссійскаго народа на такую степень, въ который бы онъ вящше позналъ къ себѣ Ея Императорскаго Величества матернюю Милость, несумѣнно уповаетъ, что Ея Императорское Величество, по такому безпримѣрному Ея къ подданнымъ милосердію, неточію оставитъ Малороссійскій народъ,—а въ числѣ онаго и здѣшнее шляхетство,—при прежнихъ ихъ правахъ, вольностяхъ, привилегіяхъ и обыкновеніяхъ, но и нужды наши, въ прошеніяхъ показанныя, милостиво выслушаетъ, и матернымъ своимъ покровительствомъ снабдить оныя соблагоизволитъ. Для сего оныя прошенія къ предоставленію куда надлежитъ и съ оныхъ, для вѣдѣнія вашего, точныя копіи у сего прилагаются.

Отъ васъ же, яко надежнаго депутата объявленныхъ полковъ, шляхетство ожидать будетъ, что вы, поелику патріотъ нашъ, не оставите о успѣхи вышеписанныхъ прошеній нашихъ приложить вашего прилежнаго старанія.—1767 года Марта 28 дня. На копіи тако.

Подкоморый повѣту Полтавскаго Павелъ Кочубей, Подкоморый Ѳедоръ Левенець, Войсковый Товарищъ Иванъ Кованько, Судья земскій Григоріи Базилевскій, Сотникъ Василь Жученко, Подсудокъ

Яковъ Зарудный, Бунчуковый Товарыщъ Тимоѳей Левенецъ, Писарь Земскій Андрей Устымовичъ, Возный Семенъ Пилипенко, Войсковый Товарищъ Григорій Бужинскій, Значковый Товарищъ Іосифъ Литвиненко, Бунчуковый Товарищъ Ѳедоръ Заньковскій, Сотникъ Иванъ Кодинецъ, Войсковый товарищъ Василь Могилянскій, Сотникъ Николай Остроградскій, Бунчуковый Товарищъ Семенъ Милорадовичъ, Брегадиръ и Гадяцкій Полковникъ Антонъ Крижановскій, Подкоморый Миргородскаго повѣту Павелъ Остроградскій, Подкоморый повѣту Остаповскаго Андрей Остроградскій, Коморникъ тогожъ повѣту Власъ Медвѣдецъ, возный сотни Богацкой Захарій Шкурка, Значковый Товарищъ Иванъ Павельковъ, Обозный полковый Гадяцкій Іосифъ Ситенскій, Писарь полковый Василь Ковалевскій, Повѣту Гадяцкаго земскій писарь Иванъ Ставицкій, Первый Асаулъ полковый Гадяцкій Михайло Навроцкій, Асаулъ полковый Гадяцкій Ѳедоръ Ставицкій, Сотникъ Ковалювскій Данило Лесевичъ, Сотникъ Вепринскій Прокопій Масюковъ, Сотникъ полковый Гадяцкій Иванъ Манько, Сотникъ Зеньковскій Иванъ Бутовичъ, Сотникъ Зеньковскій Лукъянъ Бутовичъ, Сотникъ полковый Гадяцкій Ѳедоръ Ситенскій, Сотникъ Куземынскій Иванъ Трипольскій, Сотникъ Зеньковскій Ѳедоръ Жадько, Сотникъ Ковалювскій Петро Киріяковъ, Сотникъ Грунскій Василь Бразоль, Сотникъ Рашевскіи Павло Зеленскій, Войсковый Товарищъ Назаръ Пащенковъ, Войсковый Товарищъ Степанъ Киріяковъ, Войсковый Товарищъ Романъ Пащенковъ, Войсковый Товарищъ Михайло Киріяковъ, Войсковый Товарищъ Юрій Богаевскій, Войсковый Товарищъ Тимофей Пащенко, Войсковый Товарищъ Семенъ Болянскій, Значковый Товарищъ Иванъ Тымченко, Значковый Товарищъ Григорій Кирыченко, Значковый Товарищъ Иванъ Пащенко, Значковый Товарищъ Романъ Холодовскій, Атаманъ Сотенный Кузомынскій Остапъ Редька, Атаманъ сотенный Третоопошанской сотни Яковъ Навроцкій, Гадяцкаго полку Старшый Полковой Канцеляристъ Иванъ Бѣленченко, Полковый Миргородскій писарь Иванъ Чарнышъ, Полковый Миргородскій Хорунжій Левъ Данилевскій, Войсковый Товарищъ Иванъ Куцевичъ, Сотни Остаповской возный Алексѣй Романскій, Значковый Товарищъ Иванъ

Чернякъ, Значковый Товарищъ Климъ Овраменко, Обозный полковый Өедоръ Московъ, Войсковый Товарищъ Иванъ Воливачъ, Значковый Товарищъ Степанъ Чернякъ, Подсудокъ Земскій повѣту Зеньковскаго Иванъ Ставецкій, Сотникъ Потоцкій Илья Шутенко, Войсковый Канцеляристъ Корней Степановичъ, Сотни Ярсковской возный Іосифъ Скиба, Войсковый Товарищъ Лука Гершунъ, Значковый Товарищъ Иванъ Глоба, Подкоморый Иванъ Родзянка, Бунчуковый Товарищъ Василь Родзянка, Сотникъ Хоролскій Иванъ Родзянка, Обозный полковый Миргородскій Іеремей Родзянка, Значковый Товарищъ Петро Цурка, Значковый Товарищъ Кирило Жученко, Сотникъ Старосанжаровскій Иванъ Зеньковскій, Атаманъ Сотенный Устивицкій Андрей Марченко, Войсковый Товарищъ Андрей Трощинскій, Значковый Товарищъ Михайло Роменскій, Атаманъ сотенный Ярсковскій Өедоръ Певинскій, Значковый Товарищъ Данило Тымченко, Значковый Товарищъ Михайло Вечарка, Войсковый Товарищъ Яковъ Соколовскій, Войсковый Товарищъ Иванъ Геевскій, Войсковый Товарищъ Кирилъ Демяновичъ, Сотникъ Ярсковскій Аөанасій Потапенко, Возный сотни Хоролской Исидоръ Вышнювскій, Значковый Товарищъ Алексѣй Боровыковскій, Капитанъ Демянъ Молдавцовъ, Сотникъ Комышанскій Семенъ Михайловскій, Возный второкомышанскій Иванъ Трояновскій, Значковый Товарищъ Іосифъ Кирыловъ, Сотникъ Лютенскій Илья Шостакъ, Бунчуковый Товарищъ Димитрій Бѣлуха, Полковый Судья Григорій Сахновскій, Войсковый Товарищъ Петръ Бѣлуха, Войсковый Товарищъ Иванъ Богдановичъ, Войсковый Товарищъ Григорій Богдановичъ, Войсковый Товарищъ Андрей Богдановичъ, Войсковый Товарищъ и войтъ Магистрата Полтавскаго Петръ Чарнышовъ, Войсковый Товарищъ Данило Терентенко, Значковый Товарищъ Матвѣй Кованька, Старшій Канцеляристъ Василь Марченко, Значковый Товарищъ Пантелемонъ Приказный, Войсковый Товарищъ Иванъ Яковенко, Войсковый Товарищъ Павелъ Яковенко, Повѣтовый Гадяцкій возный Наумъ Марковичъ, Сотни второй Полковой Гадяцкой Атаманъ Сергѣй Яновскій, Значковый Товарищъ Петръ Рубановъ, Возный Опошанскій Тыхоній Дехтенко, Войсковый Товарищъ

Ѳедоръ Левенецъ, Атаманъ Городовый Никифоръ Леонтіевъ Черепаха, Войсковый Канцеляристъ и Атаманъ Великобудискій Емеліянъ Петрашевичъ, Войсковый Товарищъ Иванъ Буцкій, Войсковый Товарищъ Семенъ Максименко. Сверхъ вышеподписавшыхся живущіе въ Миргородскомъ и Полтавскомъ полкахъ помѣщики Грузинскіе Князья и дворяне подали Предводителю доношеніе, что они всему тому, что отъ прочаго шляхетства написано будетъ, согласны и подписались: Секундъ-Маіоръ Герасимъ Чиквойдзевъ, Капитанъ Яковъ Ныніевъ, Капитанъ Матфій Канчіеловъ, Капитанъ Яковъ Одшилизевъ, Порутчикъ Князь Давидъ Гурамовъ, Порутчикъ Князь Павелъ Сологовъ, Вахмистръ Николай Тухареловъ, Порутчикъ Егорь Табататзевъ, Вахмистръ Макаръ Кафаровъ.

По листамъ подписалъ Предводитель Судья Земскій Ѳедоръ Война.

---

2) Прошеніе гадяцкаго, полтавскаго и миргородскаго шляхетства.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государыня Всемилостивѣйшая.

Бьютъ челомъ Малороссійскихъ полковъ: Полтавскаго, Гадяцкаго и Миргородского шляхетство; а въ чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

Ваше Императорское Величество Высочайшимъ Имяннымъ Указомъ, отпущеннымъ въ собраніе Совѣта, о вольности дворянской всемилостивѣише повелѣть соизволили: поданной отъ бывшаго Гетмана, Его Сіятельства Графа Кирила Григоріевича Разумовскаго, докладъ о уравненіи Малороссійскихъ чиновъ съ Великороссійскими разсмотрѣть и представить Вашему Императорскому Величеству уравненіе таковое, которое бы согласовало достоинству Великороссійскихъ регулярныхъ съ чинами Малороссійскими; но потому рѣшенія доселѣ

невоспослѣдовало. Мы же нижайшіе, будучи всегда презираемы и упослѣждаемы во всякихъ случающихся коммиссіяхъ и нарядахъ, отъ Великороссійскихъ чиновъ узнаемъ обиду. Сего ради всенижайше Вашего Императорскаго Величества просимъ: всѣ Малороссійскіе воинскіе и штатскіе чины, по здѣшнимъ обыкновеніямъ выбираемые и опредѣляемые, уравнить классами противъ Великороссійскихъ воинскихъ же и штатскихъ чиновъ, чтобъ Малороссійскіе чиновники, служа Вашему Императорскому Величеству вмѣстѣ съ Великороссійскими, могли пользоватся и онымъ съ ними уравненіемъ и презираемы быть немогли.

2.

Пребывающіе въ Малой Россіи шляхта имѣютъ привилегіи, права и вольности шляхетскіе, отъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ, а по подданствѣ своемъ съ Гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ подъ Всероссійскую Державу, Блаженныя памяти Государя, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича и всѣхъ Всероссійскихъ Государей, предковъ Вашего Императорскаго Величества, генерально всѣмъ утвержденные, и оными привилегіями, правами и вольностями своими, по милости Вашего Императорскаго Величества и въ Бозѣ почивающихъ высокихъ Вашего Императорскаго Величества предковъ, пользуются. Что же касается въ особенности каждаго, у многихъ имѣвшіеся у предковъ ихъ на шляхетство дипломы и другія доказательства пропали, растеряны чрезъ бывшія въ Малой-Россіи междоусобныя брани и многочисленныя отъ Турковъ, Татаръ и Поляковъ войны, нападенія и послѣдовавшія городамъ, селамъ и деревнямъ огнемъ и мечемъ непріятельскія разоренія, плѣненія и пожары, такъ что многія фамиліи лишились всего имѣнія своего и, будучи многія года въ плѣну, переименованы, и нынѣ едваль у кого, а болѣе того древнихъ, а притомъ въ нищету пришедшихъ, фамилій, сыщется собственно служащаго ему на шляхетство доказательства. А извѣстны большая часть шляхты въ Малой Россіи по своей природѣ тѣмъ только, что имѣютъ: 1-е, жалован-

ныя и отъ Гетмановъ надданныя деревни, мельницы и прочія угодья, ибо по правамъ и привилегіямъ наддача таковыхъ имѣній узаконена и принадлежитъ однимъ природнымъ и заслуженнымъ шляхтѣ; 2-е, воинскіе, земскіе и гражданскіе чины, которые такожъ по привилегіямъ и правамъ выбираются въ тѣ достоинства съ знатнаго шляхетства, къ одному шляхетству принадлежатъ; 3-е, прежнихъ чиновныхъ людей дѣти, потомужъ праву, каково для дѣйствительныхъ чиновниковъ изображено; 4-е, имѣющіе дипломы и вновь набилетованные; но, сходящими вѣки, и сему нынѣ извѣстному шляхетству послѣдуетъ забвеніе, за неимѣніемъ въ Малой Россіи шляхетства герольдіи или порядочныхъ книгъ. Всеподданнѣше просимъ Вашего Императорскаго Величества повелѣть въ Малой Россіи, для незабвенныя памяти будущимъ вѣкамъ, сочинить герольдію Малороссійскому шляхетству, въ которую вписать вышеписанное, извѣстное по привилегіямъ и правамъ въ Малой Россіи шляхетство, и какъ оное Малороссійское шляхетство по своимъ привилегіямъ, будучи въ соединеніи съ Польшею, щиталось съ Польскимъ короннымъ шляхетствомъ вовсемъ наравнѣ въ честяхъ и преимуществахъ и съ тѣми жъ всѣми преимуществами приняты подъ всероссійскую Вашего Императорскаго Величества державу, то всенижайше Вашего Императорскаго Величества просимъ, указать Малороссійское шляхетство допустить въ Шляхетскій Кадетскій корпусъ и во всѣ для дворянства въ Россіи учрежденныя науки и достоинства.

Всемилостивѣйшая Государиня просимъ Вашего Императорскаго Величества о семъ нашемъ всенижайшемъ прошеніи учинить милостивое рѣшеніе. 1767 года Марта 28 д.

Подкоморый повѣту Полтавскаго Павелъ Кочубей, Подкоморый Полтавскаго полку Ѳедоръ Левенець, Подкоморый Иванъ Родзянка, Бунчуковый товарищъ Ѳедоръ Занковскій, Подкоморый Миргородскаго повѣту Павелъ Остроградскій, Судья Земскій Григорій Базилевскій, Бунчуковый Товарищъ Василь Родзянка, Бунчуковый Товарищъ Тимоѳей Левенецъ, Обозный Полковый Миргородскій Еремій Родзянка, Полковый Судья Григорій Сахновскій, Сотникъ Николай Остроградскій, Войсковый Товарищъ Иванъ Кованка, Войсковый

Товарищъ Василь Пошлянскій, Сотникъ Хоролскій Иванъ Родзянка, Войсковый Товарищъ Иванъ Богдановичъ, Войсковый Товарищъ Ѳедоръ Левенецъ, Войсковый Товарищъ Григорій Богдановичъ, Старшій Канцеляристъ Василь Марченко, Асаулъ первый полковый Гадяцкій Михайло Навроцкій, Сотникъ Василь Жученко, Полковый писарь Иванъ Чарнишъ, Сотникъ Лютенскій Илья Шостакъ, Войсковый Товарищъ Юрій Богаевскій, Сотни второй полковой Гадяцкой Атаманъ Сергѣй Яновскій, Повѣтовый Гадяцкій Возный Наумъ Марковичъ, войсковый Канцеляристъ и Атаманъ Емеліянъ Петрашевичъ, Обозный полковый Гадяцкій Іосифъ Ситенскій, Писарь полковый Гадяцкій Василь Ковалевскій, Асаулъ полковый Гадяцкій Ѳедоръ Ставецкій, Сотникъ полковый Гадяцкій Ѳедоръ Ситенскій, Сотникъ Грунскій Василь Бразоль, Старшій полковый Канцеляристъ Иванъ Бѣленченко, Сотникъ Комышанскій Семенъ Михайловскій, Писарь Земскій Иванъ Ставицкій, Подсудокъ Яковъ Зарудній, Значковый Товарищъ Иванъ Павелковъ, Значковый Товарищъ Кирило Жученко, Писарь Земскій Андрей Устимовичъ, Сотникъ Второсанжаровскій Иванъ Занковскій, Войсковый Товарищъ Иванъ Буцкій, Войсковый Товарищъ Семенъ Максименко, Войсковый Товарищъ Григорій Бужинскій, во окончанія подписалъ Предводитель.

II.

НАКАЗЫ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ГОРОДОВЪ.

VII.

1767.

Наказъ жителей города Глухова.

Наказъ выбранному по силѣ высочайшого Ея Императорскаго Величества манѣфеста, декабря 14 1766 году состоявшогось, отъ гражданъ города Глухова, домы свои, и домы и торги, и домы и ремесла имѣющихъ, Депутату въ коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, высокородному и высокопочтенному Господину Генеральному Асаулѣ Ивану Михайловичу Скоропадскому.

Во исполненіе всевысочайшаго милостивѣйшого Ея Императорскаго Величества 1766 году Декабря 14 дня состоявшагось и въ народе публѣкованного манѣфеста въ коммисію для сочиненія проэкта нового уложенія, граждане въ Глухове жителствующіе избрали васъ въ ту коммиссію Депутатомъ, надѣясь, что вы въ семъ дѣлѣ, какое вамъ отъ общества повѣряется, не оставите усердствоватъ государственной и общей согражданъ вашихъ ползѣ и по возможности о томъ старатся и тѣмъ пріобрѣсть высочайшую Ея Императорскаго Величества милость и призрѣніе. А какъ онымъ манѣфестомъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше дозволяетъ принесть прозбы въ общихъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, въ чемъ бы оные ни состоялы, то мы, повинуясь высочашей волѣ Ея Императорского Величества и возлагая всю нашу надежду на

Ея матернее къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ милосердіе, описавъ всѣ тѣ отягощенія, нужды и недостатки, которые сей городъ имѣлъ и имѣетъ, ко отвращенію того и къ достиженію желаемого во всемъ отъ Ея Императорскаго Величества благоустроенія и къ возведенію по мудрому Ея Величества узаконенію на степень такого щастія, въ которомъ бы здешніе сограждане видѣть себе могли благополучнѣйшимы, вручаемъ вамъ о той гражданской нашей общей нужде и къ Ея Императорскому Величеству челобытную, намы подписанную, и даемъ полномочіе и довѣренность представить все то, что въ семъ наказѣ обяснено.

1.

Городъ Глуховъ, отъ давнихъ лѣтъ резиденція есть главного Малой Россіи правленія. Мѣщане сего города чрезъ сіе паче во оскудѣніе пришли, что въ семъ городе сперва дважды отъ 724 году немалой былъ пожаръ, въ коемъ здешніе жилци почти всѣ всего имѣнія своего лишились; потомъ егда въ третой разъ 748 году нечаянной и силной последовалъ пожаръ (въ которомъ нетокмо домы, лавки и протчое погорело, но и церкви Божіе инные згорели жъ, другіе каменные отъ огня чрезъ великую порчъ и не состояніе пришлы), то съ того времяни по такимъ несчаснымъ случаямъ, и что несколько лѣтъ сряду недородъ хлѣба продолжался и отъ того такъ же отъ поядения саранчею цены хлѣбу высокіе были, лишасъ граждане имущества своего, домовъ, лавокъ и протчого, въ крайнемъ разореніи остались, и въ семъ городе Глухове мѣщанъ нынѣ уже остается немногочисленно, да и тѣ за неимѣніемъ надъ собою урядниковъ настоящихъ, Войта съ потрѣбными ему товарищами, будучи управляеми однымъ сотеннымъ правленіемъ, терпятъ крайнюю нужду, потому что въ безочередныхъ и во всегдашнихъ находятся они употребленіяхъ въ подводы, въ разные беззаплатные работы, словомъ сказать, кудабъ только кемъ кто зъ мѣщанъ и подгородныхъ людей ни востребованъ, туда и посылаемы бываютъ; а найпаче зъ художниковъ, кузнецовъ, портныхъ, сапожниковъ, гончарей и протчихъ цеховыхъ повсюду почты безперерывно наря-

жаютъ и высылаютъ, и до такого послѣднего пункта непорядку приведено, что несколько надцять годъ нетолько Войта ниже Бурмистровъ при такомъ городе, где и главная резиденція, по се время неимѣлось; что все видя мѣщане принуждены нѣкоторые съ ныхъ художники, убѣгая и защищая себе отъ такихъ неочередныхъ излишнихъ работъ, отдатись въ протекцію разныхъ господъ, гдѣ и живутъ за ными, владѣя при томъ гражданскими домамы и пользуясь тѣмъ же рукодѣліемъ, чемъ и при цеху самоскудные остальные художники себе содержатъ; лучшіежъ съ мещанъ уписались въ козаки, отъ чего всего въ цехахъ и зделался крайній безпорядокъ, и остальнымъ мѣщанамъ въ дачѣ подводъ и въ нарядѣ куда потребуютъ людей видимое настоитъ отягощеніе. И понеже сей выдимой безпорядокъ настоитъ точно по причинѣ неимѣнія здесь магистрата, по примѣру тому какъ въ другихъ знатныхъ городахъ имѣются оные и соблюдается въ ныхъ настоящій всегда порядокъ, для того мы сограждане города Глухова в разсужденіи сего, дабы оные усмотрѣнные и довольно дознанные непорядки прекращены, а мѣщане приведены въ лучшое (примѣрное другимъ упривиліовенныхъ мѣстъ жителей) состояніе, и моглибъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что имъ по гражданскому праву принадлежитъ, за необходимость почли чрезъ васъ, яко уполномоченного намы, всенижайше отъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшой нашей Государынѣ просить всевысочайшого Ея Величества благоволенія и указа, о учрежденіи въ городѣ Глуховѣ Магистрата, яко при такомъ мѣстѣ, гдѣ и главная Малороссійская состоитъ резиденція; а учредить оной на такомъ основаніи и при такихъ гражданскихъ правахъ и вольностяхъ, какъ есть въ привиліованномъ городе Нѣжинѣ, или какъ по всемудрому Ея Величества благоусмотрѣнію узаконено будетъ. А и къ содержанію оного Магистрата (буды за чемъ не можно возвратить тѣхъ селъ и деревень, которые будучи ратушными отойшли по Гетманскимъ надачамъ въ разные владѣнія) опредѣлить новостроючуюсь при Глухове казеннымъ коштомъ мельницу по полученіи съ ней въ возвратъ суммы, на ее издержуемой, и дворъ, казеннымъ коштомъ за городомъ по Рыльской дорогѣ вистроенный. А урядникамъ опредѣлить жало-

ванье по высочайшому благоусмотрѣнію, и во всемъ надобномъ сей магистратъ снабдить къ порядочному его на всегдашное время бытію. А техъ художниковъ, которые кемъ изъ мѣщанъ и посполитства въ протекцѣю приняты, повелено бы въ цехи возвратить и впредъ не принимать; и сотенному правленію, ни инымъ ниже къ достальнымъ мѣщанамъ и подгороднымъ ни въ чемъ дѣла неиметь.

2.

Сей же городъ Глуховъ не при такомъ есть мѣстѣ, гдѣбъ мѣщанству можно другой какой кроме нижеписанного принять промыселъ, ни пенечныхъ, ни табачныхъ, ниже другихъ какихъ заводовъ къ препитанію и снабдѣнію своему не имеютъ, а токмо перепродывая въ лавкахъ разнымъ товаромъ, такъже солью, рыбою и другими дробязками въ рознь, въ локтѣ и фунты, и, тѣмъ себе питая, указно опредѣленное вистатчалы. Когдажъ подъ вышеписанное нещасное ихъ отъ огня и недороду хлеба время, наѣхавъ изъ другихъ городовъ купцы, въ томъ числѣ и раскольники, и иные нанявъ, другіе, въ отмѣнность законовъ, искупивъ въ Глухове домы и лавки, какъ большими такъ и меньшими, однымъ словомъ, всѣма и всякими товарами учали торговать и торгуютъ (скупляя и перепродывая) въ рознь, а не обтомъ, надъ имѣючись о семъ высочайшіе Ея Императорскаго Величества 1755 году декабря 6 и 759 году октября 6 дня состоявшіесь указы, и въ той купле и въ продаже, какую хотятъ цену, такову отъ себе, по неимѣнію здѣсь въ томъ должного присмотру, и установляютъ. А сверхъ того не только оныежъ съ посторонних мѣстъ пріезжіе купцы, но и отставные проживаютъ въ Глухове въ своихъ и въ наемныхъ дворахъ офицеры и рядовые, нѣкотррыежъ и служивіе при баталіони надъ законы шинкуютъ огоячимъ, простымъ и двойнымъ выномъ и другими напитками, то здешніе сограждане и того прежнего промислу своего вовся лишились и въ такомъ предъ оными посторонними заѣзжими иногородцами упослѣжденіи остались, что ни мѣста, ни свободы какой къ продаже по своей волѣ отнюдъ не имѣютъ. Того ради всеподданнѣйше просить, чтобъ въ силу законовъ Ея Императорскаго Вели-

чества, запрещено было онымъ всѣмъ, и иногородцамъ и отставнымъ, въ розн продавать и ни въ какіе промыслы до гражданства принадлежащіе надъ оные законы не вступать.

3.

На городе Глухове почитается и взыскивается нынѣ за разные года неотданной отъ мѣщанъ по расположеніямъ на указно полагаемыхъ консистентовъ доимки до дву тысячъ рублей, которая не почему больше запущена, какъ токмо по причинѣ обивательской бѣдности, которую они имѣли и имѣютъ съ предписанныхъ обстоятельствъ, что отъ пожара разорены, не меньшежъ отъ недороду и дороговизны хлеба въ ныщету пришли и при томъ и промисловъ своихъ лишились; тажъ взыскуемая доимка теперъ никуда нужно къ отдачѣ не требуется, ибо указные консистенты должное себѣ по тогдашнему произвожденію наличество дѣйствительно получили, а опредѣленной на насъ рублевой окладъ по кварталамъ платится исправно. И дабы мѣщане Глуховскіе при такомъ взысканіи съ ныхъ за давно прошедшіе года доимки при нынѣшной скудости немогли прійтить и до послѣднѣишаго разоренія, когда бо уже людей тѣхъ, съ кого оная доимка доводилась, за много прошедшимъ временемъ нестало, то есть: инные змерли, а другіе безвесно сойшлы, то слѣдуетъ тое съ наличныхъ доправить, наличныежъ по скудости и къ платежу въ совершенномъ находятся несостояніи. Сего ради всеподданнѣйше просить отъ Ея Императорскаго Величества милостивѣшаго благопризрѣнія объ отстановленіи таковой давнихъ годовъ доимки безъ взысканія.

4.

Во время ярмонковъ и торговъ, въ такихъ случаяхъ когда кто изъ пріезжихъ иногородцовъ и изъ живущихъ тутъ великороссійскихъ купцовъ изъ здешними гражданами съ соръ какую и драку здѣлаютъ и дойдетъ драка до камендатской канцеляріи, та камендатская канцелярія забираетъ Малороссіянъ и тамо роспросы производитъ между имы. А какъ таковы дѣла по гражданству точно слѣдуютъ до разбора Магистратского, а не до камендатской канце-

ляріи, для того просить всеподданнѣйше, дабы ни въ какіе суды и росправы (что къ Малороссіянамъ принадлежитъ) камендатская канцелярія не вступала; но какъ въ ярмонки и торги, такъ и всегда во всякихъ случаяхъ судимыбъ были здешніе мѣщане и подгородніе люде правомъ гражданскимъ.

5.

По другимъ городамъ, гдѣ суть Магистраты, имеются полиціи и при нихъ полицмейстры, чрезъ которыхъ прилѣжное и всегдашное смотреніе, какъ въ городѣ и по за городомъ чистота наблюдается, такъ и отъ пожарныхъ случаевъ содержится предосторожность; подражая сему доброму порядку сограждане Глуховскіе, желая такова же учрежденія и здесь, просятъ чрезъ Васъ отъ Ея Императорскаго Величества милостивѣишаго на то соизволенія и указа о устроеніи въ Глухове полицѣи съ опредѣленіемъ чиновъ на казенномъ жалованьи, откуду повелено будетъ.

И тако мы вѣрные и послѣдніе рабы Ея Императорскаго Величества въ несумнѣнномъ находимся упованіи, что по матерному Ея Величества милосердію въ порядочнѣйшемъ нашемъ пребываніи, при предстательствѣ за намы милостиваго шефа нашего, Господина Генералъ-Аншефа, Малороссійскаго Генералъ-Губернатора и кавалера Графа Петра Александровича Румянцова, яко мудрого обновителя сего города, утверждены будемъ отъ Ея Императорскаго Величества таковыми законами, которіе въ будущіе веки заставлять потомковъ нашыхъ прославлять высокое имя и неописанніе ко всѣмъ матерніе щедроты Ея Императорскаго Величества. На подлѣнномъ подписано тако:

Выбранный отъ города Глухова Голова, Судія Земскій повѣту Глуховского Сергій Дергунъ. А которыхъ именно подпись значитъ на наказѣ, тѣ зде означены: Бунчуковый Товарышъ Дамянъ Оболонскій, Козакъ Юрій Даниловъ, Войсковій Канцеляристъ Семенъ Евсѣевъ, Бурмистръ Глуховскій Федоръ Ревуцкій, Войсковій Канцелярыстъ Александъ Григоровичъ, Войсковій Товарышъ Якимъ Нандза, Войсковій Товарышъ Петръ Герасимовъ, Атаманъ Глухов-

скій Александръ Славскій, Войсковій Канцеляристъ Андрей Дергунъ, Генеральной Войсковой Артилеріи Асаулъ Григорій Кологривій, Старшіи Войсковій Канцелярыстъ Антонъ Жайворонковъ, Старшіи Войсковій Канцеляристъ Александръ Давидовичъ, въ должности секретаря канцеляристъ Дмитрей Карпѣка, Сотникъ Глуховскій Семенъ Уманецъ, въ должности Секретаря Канцеляристъ Андрей Марковскіи, Адвокатъ Климентъ Валковскій, въ должности Секретаря Канцеляристъ войсковій Григорій Красняковскій, Нотаріусъ Николай Вербицкій, Адвокатъ Захарій Котляревскій, Войсковій Канцелярыстъ Никифоръ Винда, Войсковій Канцелярыстъ Максимъ Уманецъ, Полку Нѣжинского Значковый Товаришъ Андрей Войцехъ, Подпорутчикъ Марко Козловскій, Войсковій Канцеляристъ Иванъ Олдаховскій, Войсковій Канцеляристъ Иванъ Чарнуцкій, Войсковій Канцелярыстъ Федоръ Григоровскій, Абшитованный певчій Лукянъ Павловъ, Мѣщанынъ Глуховскій Григорій Хмельникъ, Мѣщанынъ Глуховскій Демянъ Горковскій, Мѣщанынъ Иванъ Наметникъ, вмѣсто мѣщанъ Глуховскихъ: Федора Отрощенка, Кондрата Петрова и Якова Демченка, неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе Войсковій Канцеляристъ Лука Велентѣй подписался. Цехмистри: кравецкій Иванъ Бѣльскій, калачницкій Степанъ Макуха, а вмѣсто ихъ яко неграмотныхъ по ихъ прошенію Войсковій Канцелярыстъ Иванъ Чарнуцкій подписался. Цехмистри: шевскій Яковъ Молодченко, гончарскій Гаврило Олѣйникъ и мѣщанинъ Яковъ Охлей, а вмѣсто ихъ яко неграмотныхъ по ихъ прошенію актуаріусъ Потапъ Адамовичъ подписался. Возній сотни Глуховской Иванъ Буявинскій, Войсковій Канцеляристъ Яковъ Яковлевъ, Войсковій Канцелярыстъ Иванъ Кулешовъ, Войсковій Канцелярыстъ Мойсѣй Шемшуковъ, Актуаріусъ Петръ Базилевичъ, Войсковій Канцелярыстъ Григорій Козачинскій, Войсковій Канцелярыстъ Василь Константиновичъ, Войсковій Канцелярыстъ Иванъ Пѣсоцкій, Войсковій Канцелярыстъ Максимъ Яценко, Войсковій Канцелярыстъ Анисимъ Никифоровъ, Значковій Товарышъ и Почмейстеръ Глуховскій Алексѣй Родіоновъ.

1767 году
Мая 23 дня.

VIII.

1767.

Наказъ жителей города Чернигова.

Наказъ выбранному по силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества манѣфеста, Декабря 14 дня 1766 году состоявшагось, отъ гражданъ города Чернигова, домы свои, и домы и торги, и домы и ремесло имѣющихъ, Депутату въ коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, почтенному Г-ну Бурмистру Черниговскому Ивану Самонову сыну Крутеню.

Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей нашей Государыни благоволенія, объ избираніи отъ всехъ городовъ и частей Богомъ ввѣренной Ей Имперіи Депутатовъ и присилки въ коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, граждане, въ Черниговѣ жительствующіе, всеподданнѣйше приступая ко исполненію, избрали васъ своимъ въ ту коммисію Депутатомъ, надѣясь, что вы, какъ честной согражданинъ, въ семъ дѣлѣ, какое вамъ довѣренно будетъ, неоставите усердствовать государственной и общей согражданъ вашихъ ползѣ и по всей возможности о томъ старатся и тѣмъ пріобрѣсть Высочайшую Ея Императорскаго Величества милость и призрѣніе.

Со всѣхъ Ея Величества премудрихъ узаконеній неусипное о ползѣ государства, самодержавно Ею обладаемого, матернее попеченіе всѣмъ Ея вѣрнимъ подданнимъ есть извѣстно. Нынѣ обнародованной манифестъ всѣхъ Ея Величества подданныхъ матернимъ Ея милосердіемъ найвящше обнадеживаетъ, когда каждому городу Ея Величество Всемилостивѣйше дозволяетъ во общихъ нуждахъ, недостаткахъ и отягощеніяхъ всеподданнѣише принесть прозбы. Сіе толь великое Ея Величества къ вѣрнымъ своимъ подданнимъ снисхожденіе и безъ прикладную матерную милость здешніе граждане, съ истинною рабскою благодарностію и достодолжнымъ послушаніемъ приемля и взирая на состояніе здешнего города многими правленіями и давнего порядка отмѣнами наполненное, несоотвѣтствующое

правамъ, привилегіямъ и Высочайшимъ грамотамъ, сему городу Всемилостивѣйше отъ почивающихъ въ Бозѣ Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества предковъ пожалованнимъ, отъ чего всѣ нужды и отягощенія народнія свое начало имѣли и имѣють, отвергаемъ сумнѣніе при извѣстнѣйшей надеждѣ, что сія толь милосердая Государиня свое Императорское исполнить слово: неоставить призрѣть и на гражданъ благоприсоединенного Малороссійского народа, возводя на степень такого щастія, въ которомъ бы оны себя видѣть могли благополучнѣйшими, ползуясь вящшимъ Ея Величества матернымъ милосердіемъ, сего ожидать благонадежнѣйше можемъ, гдѣ обявленный о ползѣ здешняго народа представитель Малороссійскій Генералъ Губернаторъ, Его Сіятельство Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, по достовѣрномъ о всемъ неустройствѣ здешнемъ освѣдомленію, о отвращеніи сего безпорядка и къ лучшему благоустроенію способствовать имѣетъ.

Къ достиженію желаемого благоустройства осмѣливаемся нашими всеподданнѣишими прозбами Всемилостивѣйшую нашу Государиню утруждать и, вручивъ о томъ, въ чемъ имѣемъ общую нашу гражданскую нужду, къ Ея Императорскому Величеству челобитную, нами подписанную, даемъ вамъ полномочіе и довѣренность представить нашы нужды и отягощенія, какъ слѣдуетъ.

1.

По привилегіямъ отъ Королей Полскихъ: Жигмунта третого, Владислава четвертого и Яна Казѣмира городу Чернигову даннимъ, между иннихъ, всѣ земли и угодія, въ окружности того города положеніемъ находячіесь, по ограниченію ревизора Геронима Цехановича, томужъ городу отъ 1625 года наданы, и тѣми привилегіями оніе земли и угодія съ именнимъ предъ напомянутого ревизорского ограничення показаніемъ утверждены. Каковы Королевскіе привилегіи и Высочайшимы грамотамы 1-ю и 2-ю Великого Государя Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича 7163 Июня 27 и 7168 годовъ Генваря 2, а 3-ю Великихъ Государей Царя и Великого Князя Иоанна Алексѣевича и Императора Петра Алексѣе-

вича, въ Бозѣ почивающихъ Государей, 7198 году Марта 26 дня состоявшими, зъ особливои Высочайшой къ гражданамъ города Чернигова милости и призрѣнія подтверждены, и всѣ земли и угодія по томужъ ограниченію ревизора Геронима Цехановича Всемилостивѣйше городу Чернигову и всемъ того города гражданамъ жалованы и укрѣплены. Но по разносты временъ многіе земли и угодія въ томъ города Чернигова ограниченіи, Височайшими грамотами и королевскими привилегіями утвержденномъ, зъ владѣнія магистратского и гражданского въ разніе поотдоходили владѣнія, и за темъ Магистратъ и граждане полного владѣнія въ земляхъ и угодіяхъ, по предъ упомянутымъ Высочайшимъ грамотамъ и Королевскимъ привилегіямъ ограниченіемъ показанныхъ, не имѣетъ. И для того всеподданнѣйше просить подтвержденія онихъ Высочайшихъ Магистрату Черниговскому и гражданству жалованныхъ грамотъ и Королей Полскихъ привилегій, и всѣхъ отшедшихъ по тѣмъ Высокомонаршимъ грамотамъ и привилегіямъ значачихся земель и угодій привращенія Магистрату Черниговскому, а особливо пожалованныхъ въ томъже ограниченіи на уряди Войта, Бургомистровъ и писара волокъ къ тѣмъ урядомъ привращенія.

2.

Городъ Черниговъ при такомъ мѣстѣ положеніемъ состоить, гдѣ противъ протчихъ городовъ Малороссійскихъ никакихъ разныхъ заводовъ, скотоводства ни промисловъ пенечныхъ и табачныхъ и ниже какихъ либо другихъ, чемъ бы граждане могли себѣ имѣть пропитаніе и снабдѣніе, кромѣ выннаго куренія и шинкованія и продажи съѣстныхъ вещей неимѣетъ; запрещеніемъ же и того утѣснени граждане отъ 1761 года, по бытности Его Сіятельства Графа Разумовского Гетманомъ, до нынѣ. А по Высочайшимъ грамотамъ, городу Чернигову жалованнимъ, и по королевскимъ привилегіямъ таковое куреніе горѣлки и шинкованне оною и другими напитками Всемилостивѣише дозволено и затверждено. Для сего просить Ея Императорскаго Величества всеподданнѣише пожалованніе гражда-

намъ волности въ куреніи горѣлки и шинкованіи оною и протчими напитками, безъ помѣшателства въ томъ отъ постороннихъ, Всемилостивѣйше подтвердить.

3.

Не безнужно намъ представить и о семъ, что городъ Черниговъ до тѣхъ временъ во множествѣ гражданъ въ лутчемъ довольствѣ пребывалъ, по коль жалованіе оному Высочайшіе грамоты и привилегія оставались безъ нарушенія; сколь же скоро тѣхъ Высочайшихъ грамотъ и привилегіевъ отъ времени до времени отмени начали следовать, а между тѣмъ наступила Шведская война, вскорѣ после того моровая язва, а за тѣмъ не за долго и преужасній пожаръ, такъ что изъ многочисленности дворовъ гражданъ здешнихъ осталось малое число, отъ которого времени чрезъ пятьдесять уже летъ на многихъ местахъ, тогда опустѣвшихъ, и до нынѣ строенія небыло и нетъ. Посляжъ того всего, Полская и Турецкая войны, вовремя которыхъ сколь граждане здешніе претерпѣли высилкою людей по предложеніямъ: въ погонщики, захваченіемъ, не давъ о числѣ повелѣнія, на флотилію и къ полоненію лда, вистаченіемъ разнихъ матеріаловъ и инструментовъ, взятіемъ воловъ, возовъ, сѣделъ, провіянта и фуража, отвозомъ оного въ далніе магазеины, кромѣ техъ, кои по предложеніямъ зъ гражданъ здешнихъ во всей воинской исправности были въ тѣхъ походахъ за всѣхъ гражданъ здешнихъ; что какъ все происходило по тогдашнимъ воинскимъ нужнѣйшимъ обстоятельствамъ, того всего и описать нетъ удобства; изьяснить же не безприлично о семъ, паче, что и въ мирное время здешніе граждане неимѣли, по силѣ жалованнихъ грамотъ, должной свободы, но непрестанно угнѣтаеми и утѣсняеми были высылкою въ деревенскіе, побытности Гетмана, смалчужніе и поташеніе заводы мѣщанъ и разныхъ майстеровыхъ людей, по немалому числу чрезъ нѣсколко годъ непрестанно, для рубки и клеймованія маштового дерева, вистаченіемъ матеріаловъ и инструментовъ, висилкою въ Батуринъ на разніе работы и въ Козелецъ для возки колодъ, чрезъ что зъ города Чернигова къ большему опустѣнію разніе май-

стеровіе люде посходили. По привилегіямъ же Королевскимъ, городу Чернигову даннимъ и Высочаишими грамотами утвержденнымъ, граждане отъ таковихъ и отъ всѣхъ протчихъ постороннихъ работъ, висилокъ и вистатченій уволнены. Для сего просить всеподданнѣше, когда будеть угодно Ея Величеству на насъ вернихъ своихъ подданнихъ призрѣть и за таковія претерпѣнія помиловать, утвердить насъ при нашихъ прежнихъ въ привилегіяхъ и Высокомонаршихъ грамотахъ изображенныхъ свободахъ, дозволяя Всемилостивѣйше пользоватся намъ тѣмъ всѣмъ, чемъ и прежде городъ Черниговъ былъ пожалованъ.

4.

На непремѣненіе квартиры, опредѣленіе полковъ гражданамъ тѣхъ городовъ, гдѣ есть доволство и въ капиталѣ къ промисламъ нетъ нужды, весьма благополезное. Чтожъ здешній городъ по опустѣнію вышеписанними случаи немного болше четирехъ сотъ въ себѣ имѣетъ домовъ, неоставляя всѣхъ и тѣхъ, кои по Высочайшимъ грамотамъ и отъ постою уволены, и таковыхъ бедныхъ, коихъ много болше, что въ дворахъ при одной хатѣ и безъ дворовъ едними избами живуть, имѣя у себе, кромѣ непремѣнного полку, на всегдашнемъ постою горнизонній баталѣонъ зъ штапомъ, артилерійскую и инженерную команды зъ ихъ афицерами и штапомъ, терпитъ великое утѣсненіе, то хотя Его Сіятелство Малороссійскій Генералъ Губернаторъ, видя неудобство къ помѣщенію полку, найпаче же въ соблюденіе казенного интереса, къ полученію въ полкъ сходнѣйшими ценами провіанта и фуража, въ мѣстечкахъ Черниговского полку, гдѣ суть таковіежъ торги и множайшіе жилья и роспредѣлилъ, а для пріѣзжихъ, по благоразсмотренію бывшихъ до селъ неустройствъ, назначилъ во всякомъ городѣ и мѣстечку и трактовихъ селахъ постояліе дворы къ охраненію жителей отъ примѣтокъ и притѣсненій, переходящимъ же къ скорѣйшему и достаточнѣйшему полученію за настоящую плату всего потребного, и для того, учиня распоражениіе, во всѣ места предложилъ; но дабы сіе толь полезное учрежденіе и толь мудрое мѣроположеніе неосталось иногда пренебрегаемо,

да будеть Ея Императорскому Величеству угодно на все сіе учрежденіе Всемилостивѣишій дать къ вѣчному того всего соблюденію и исполненію указъ.

5.

Не безнужно представить и о семъ, что здешніе граждане по болшой части всѣ весма скудніе, по несколку же въ лутчемъ достаткѣ такъ мало, что и едному штапу зъ эскадрономъ и Генералу-Маіору зъ его штатомъ, по причинѣ вышепомянутихъ гарнизонной, артилерійской и инженерной командъ всегдашнего квартированія, афицерскихъ квартиръ, чтобъ хотя съ едною перемѣною для ихъ малой лготи, отводить неимѣютъ гдѣ; всегдашній же таковъ афицерскій постой гражданамъ тѣмъ, въ коихъ они квартируютъ, весма есть тяжестній, такъ, что кроме того, что всякій таковій хозяинъ не толь что терпить утѣсненіе, и за тѣ хаты, гдѣ постой есть, неимѣя ни малѣйшаго въ онихъ жительствомъ участія, платитъ квартальніе деньги, но того множае большъ къ обнищанію приходитъ чрезъ покупку дровъ числомъ неопредѣленнимъ для отопленія тѣхъ избъ, въ которыхъ есть постой. Осмѣливаемся утруждать освященную свою Государиню рабскимъ прошеніемъ, дабы соблагоизволила по матерному своему милосердію призрѣть на сей городъ къ лутчему оного распространенію и въ строеніяхъ поправленію, Всемилостивѣише повелѣть: во всей Малой Россіи какъ во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ толко суть торги, всѣхъ гражданъ безъ исключенія, такъ и посполитихъ во всей же Малой Россіи, въ селахъ и деревняхъ пребывающихъ, которіе, привозя въ городъ хлѣбъ и протчіе живности и гражданамъ и военно-служащимъ продавая для нихъ сходними ценами, гражданамъ же, по умноженію военнослужащихъ, противъ прежнихъ ценъ вишшими не мало ползуются, а особливо и всѣхъ владѣлцовъ и чиновниковъ, тожъ во всей Малой Россіи въ городѣхъ, въ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ жителствующихъ, кои, по состоянію въ Малой Россіи полковъ и командъ, входять въ разніе подряди, а паче къ поставкѣ провіянта и фуража, и съ того не менше другихъ прибыткомъ доволствуются,

необходя никого, со всѣхъ тѣхъ чиновъ, кромѣ козаковъ, изчислить домы и смѣтивъ всѣхъ полковъ, на непремѣнніе квартеры въ Малую Россію опредѣленнихъ, число квартиръ и къ найму оныхъ сколко денегъ принадлежитъ, а при томъ разсмотря достовѣрно о количествѣ суммы, безъ всякого излишества, но единственно толко необходимо-потребной на вистройку при техъ полкахъ какъ къ содержанію кавалерійскихъ и подъемнихъ лошадей, конюшень съ караульнями, такъ и амбаровъ, однихъ для поклажи казеннаго провіянта и фуража, а другихъ къ содержанію казначейства, а особливожъ того для болнихъ лазаретовъ [якожъ бо въ заниманіи гражданскихъ подъ конюшни и подъ казначейство стодолъ, а къ поклажѣ казенного провіанта и фуража амбаровъ, граждане, неимѣвъ гдѣ хлеба своего къ молотбѣ зложить и зъ домашнею своею экономіею вомещатся, немалое терпять утѣсненіе; въ расположеніижъ больнихъ по городу въ разнихъ домахъ внутрѣ жиловъ, нетокмо тѣ болніе свои вигоди имѣть не могуть, но надъ то можеть иногда та болѣзнь по предъобъявленному резону и распространится], оніе суммы такъ квартирную, яко и на вистройку конюшень, амбаровъ и лазаретовъ, порознь на всѣ домы безъ изятія, въ Малой Россіи имѣющіесь, кромѣ козаковъ, по препорціи имуществъ живущихъ въ онихъ разчислить; а за тѣмъ, всѣмъ штапъ и оберъ афицерамъ и прочіимъ чинамъ Карабинерного и Нижегородского полку, такожъ и находящихся здѣ гарнизонной артилерійской и инженерной камандъ, Всемилостивѣйшежъ указать, получая зъ квартирныхъ денегъ опредѣленное число, доброволно квартери себѣ нанимать и дровами отъ себе доволствоватся, зъ суммижъ, на выстроику конюшень, амбаровъ и лазаретовъ асигнованной, искупя доброволними ценами потребніе къ тому матеріалы, выстроить оніе полковими служителми; и дабы та сумма на выстройку конюшень, амбаровъ и лазаретовъ ассигнованная, не могла уже въ другой разъ взисканіемъ на обивателей обращатся, употребить такое мѣроположеніе, чтобъ, за взисканіемъ однажды той сумми, впредъ ежегодно на подчинку того строенія уже взискивано съ той сумми толко двадцатую долю, чемъ нетолько подчинки, въ случаи по времени обетшанія оного строенія, могуть

быть удоволствовани, но и вновъ чрезъ нѣсколко годъ все то строеніе, при добромъ порядкѣ экономіи, безъсумнѣнно обновится можетъ. Въ семъ высокоматерную Ея Императорскаго Величества безприкладную милость здешніе граждане получа, къ домостройству и промислу по волѣ своей имѣтимуть способъ и охоту: афицери же, нанимая по своей угодности квартиры, останутся въ лутчемъ своемъ доволствѣ; да и болніи въ своихъ болѣзнехъ лутчую могутъ имѣть вигоду.

6.

Найвящшая можетъ быть и изъ сего здешнимъ гражданамъ. какъ многочисленнимъ, полза, когда опредѣленный Генералѣтетъ квартировать будетъ при брегадѣ своей съ перемѣною, по очередно; полкъ же непремѣнной, въ лѣтное время не всегда при Черниговѣ, но такожъ съ перемѣною при мѣстечкахъ въ Черниговскомъ полку становими, какъ и при Черниговѣ, водопоями и доволними скотопажитними мѣстами и лугами и при доволнѣишихъ торгахъ состоящихъ прибыватеметъ. Всеподданнѣише просить о семъ Высочаишаго Ея Императорскаго Величества призрѣнія, ибо и таковимъ благоустроеніемъ можетъ раздѣлиться неспокойство и полза на всѣхъ равно Черниговского полку гражданъ.

7.

Не безъ жалости воспомянуть можемъ прошедшихъ временъ послѣдовавшіе здешнимъ гражданамъ притѣсненія отъ квартировавшихъ и переходящихъ полковъ и командъ и нерегулярныхъ войскъ, взятіемъ безъ заплаты и безъ квитанцей провіянта и фуража, разныхъ съѣстнихъ вещей, подводъ, упражей и протчего, приключеніемъ безвиннихъ побоевъ, разнихъ приметокъ и вимисловъ; за что все искать и за полками для того следовать, невсякому возможно, а болше и неудобно было. Дабы же иногда и въ нинѣшное время таковіяжъ отъ кого не последовали, былобы угодно Ея Императорскому Величеству повелѣть, учредить на прежнемъ мѣстѣ, при резиденціи Губернаторской, въ городѣ Глуховѣ, военную коммисію, опредѣливъ въ ней быть по равному числу Великороссійскихъ и

Малороссійскихъ чиновъ. Симъ образомъ возъимѣють надежду и здешніе граждане, въ случаи отъ кого обидъ, получать свое удовольство; напротиву же того военнослужащіе неоставлять стараться убѣгать отъ таковихъ делъ, за которіе они могли быть призивании въ ту коммисію.

8.

Въ Высочайшихъ Монаршихъ грамотахъ Всемилостивѣйше пожаловано городъ Черниговъ таковою милостію, чтобъ всякъ тотъ, кто толко обнялъ домъ или огородъ и промислъ, или ремесломъ ползовался, былъ подсуденъ уряду мѣскому. Но какъ здесь жителствующіе разночинцы и команды, а къ тому и разного званія пріѣзжіе, имѣющіе здѣ домы и неимѣющіе оныхъ, въ случаи какой либо отъ нихъ бѣди, щитясь своими званіями и чинами, и по тѣмъ защищаясь разними командамы, нетоль что оказують непослушаніе Магистрату, но и гражданъ здешнихъ, ползуясь гражданскими промислами, разновидно притѣсняютъ, для того всеподданнѣйше просить, не токмо всѣмъ тѣмъ, кои подлежащими гражданству промислами ползуются, но и кои здесь домы свои имѣють, и пріѣздомъ въ городѣ бывая, въ случаѣ причиненія отъ нихъ какой-либо здешнимъ гражданамъ обиды или побою, къ пресѣченію таковыхъ непорядковъ и въ отдаленнихъ местахъ по командамъ исковъ, дабы повелено было быть судимимъ, хотя и при депутатахъ, въ Магистратѣ; пріѣзжимъ же, кроме ярмонковъ, въ розны привозимихъ товаровъ и ничего другого, въ силѣ жалованныхъ сему городу Высочайшихъ грамотъ, продавать запретить.

9.

Въ здешнемъ гражданствѣ, кромѣ первихъ чиновъ, по привилегіямъ до живота опредѣляемихъ, нижніе урядники Магистратскіе опредѣляются съ перемѣною, не имѣя, по причинѣ всегдашнего присудствія, свободы къ произведенію своихъ промисловъ, хотя съ нихъ многіе достойны и способны безъ перемѣны быть у дѣлъ. Для того просимъ всеподданнѣйше объ опредѣленіи тѣмъ всѣмъ урядникамъ,

такожде писарю, канцелярскимъ служителямъ, у письменнихъ делъ находячимся, тожъ и десяцкимъ, которіе всегда въ разнихъ посилкахъ указнихъ, магистратскихъ и гражданскихъ бываютъ, зъ Магистратскихъ доходовъ, по Высочайшимъ грамотамъ Магистрату подлежащихъ, жалованя. Симъ милостивимъ призрѣніемъ способние къ дѣламъ урядники и безъ перемѣни свои наблюдать должности и всевозможнимъ раченіемъ продолжать свою службу найвящие обовязаны будуть.

10.

По Высочайшимъ грамотамъ, въ городѣ Черниговѣ опредѣлени три ярморки, въ которыя пріѣзжаючіе купечество и разного званія люде бываютъ забираеми подъ судъ мимо Магистрата; многіе же съ купечества, показивая себе въ платежѣ по векселямъ денегъ безъ всѣхъ правильнихъ причинъ банкротами, лакомясь чуждимъ имѣніемъ беззаконно покористоваться, а тѣмъ самимъ и заимодавцовъ къ разоренію привесть, отбиваются отъ суда Магистратского; не безнужно и сіе гражданству, чтобъ купечеству и пріѣзжимъ людемъ, быть судимимъ посторонним судомъ. Для того просить всеподданнѣйше: для расправъ въ ярмонки, въ случаи всѣхъ пріѣзжихъ тяжебъ, особливо же показующихъ себе банкротами, быть суду отъ Магистрата; и какъ сіе зло, что касается до банкрутовъ, весма уже умножилось, и чрезъ таковы беззаконныя показанія банкротами многіе зъ купечества и доброго состоянія принуждены приходить въ крайное несостояніе и нищету, то повелѣнобъ было на сихъ беззаконно показующихъ себе банкротами, въ пресѣченіе сего зла и многимъ чрезъ то разоренія, срожайшіе учредить законы.

11.

Мы всѣ, вѣрніе Ея Императорскаго Величества рабы, въ твердомъ находимся упованіи, что по матерному Ея Величества о всѣхъ Богомъ увѣреннихъ своихъ подданнихъ милосердію и по прозорливому Ея попечителному промислу, въ порядочнѣйшемъ нашемъ пребываніи и спокойствѣ утверждени будемъ таковими законами, кото-

ріе на степень нашего вящшего благополучія возведуть и въ таковомъ непремѣнномъ благосостояніи насъ оставять на вѣки.

Писарь Евфимъ Гранковскій. Съ подлиннымъ сводилъ Магистрата Черниговского Канцеляристъ Мойсей Бочко.

IX.

1767.

Наказъ жителей города Погара.

Наказъ по Височаишему Ея Императорскаго Величества манифесту, прошлого 766 года Декабря 14 дня состоявшемуся, при указѣ Ея Императорскаго Величества Малороссійской Коллегіи, въ Магистратъ Погарскій присланному, отъ насъ всѣхъ нижеподписавшихся жителствующихъ въ городѣ Погарѣ мѣщанъ и другихъ чиновъ выбранному Депутату Магистрата Погарского, Уряднику Райцѣ Ивану Федорову сыну Грабару, отъ насъ, въ силѣ оногожъ Ея Императорскаго Величества Высочайшего манифеста, о общественныхъ нашихъ нуждахъ и недостаткахъ препоручается вамъ полномочіе, при томъ всеподданнѣйше наше челобитье и прошеніе, всѣми общежъ нами подписанныя, которое челобитье въ силѣ прописанного нашего полномочія долженствуете поднесть Ея Императорскому Величеству, о общественныхъ же нуждахъ и недостаткахъ, обясненыхъ въ пунктахъ сего указа, подавать отъ себе прошеніи, прилѣжая по обовязателству присяги, какъ вѣрному Ея Императорскаго Величества рабу и отечества истинному сыну, просить высокомонаршей милости.

1.

Въ лѣто отъ созданія міра 7174 Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу Самодержцу Всероссійскому города Погара отъ Войта Кирилла Сурченка и всѣхъ мѣщанъ Погарскихъ поданы двѣ челобитные съ нижайшимъ рабскимъ прошешеніемъ о видачѣ имъ на Майдебурское право и волности противъ Нѣжинскихъ, Черниговскихъ и Переясловскихъ мѣщанъ жалованной

грамоты; потому, что бывшія въ нихъ прежнія жалованныя грамоты и королевскіе привилегіи отъ разоренія Литовскихъ людей утерялись. И по тимъ челобитямъ Его Царское Пресвѣтлое Величество Погарскимъ мѣщанамъ на стародавное ихъ право и волности такову свою Пресвѣтлого Величества жалованную грамоту далъ, съ тѣмъ вираженіемъ, что по Его Царского Величества Государевой милости Погарскимъ мѣщанамъ въ правахъ своихъ и волностяхъ, по той Его Царского Пресвѣтлаго Величества жалованой грамотѣ, и Его Царскому Пресвѣтлому Величеству, и всѣмъ Его Царского Величества Государскимъ наслѣдникамъ служити и всякого добра хотѣти и быти во всей Его Царского Величества, волѣ и послушаніи и на Его Величества Государскую милость быть надежнымъ безъ всякого сумнѣнія; а Его Царское Пресвѣтлое Величество Великій Государь учнетъ ихъ мѣщанъ Погарскихъ держати въ Его Царского Величества милостивомъ жалованіи и призрѣніи. Яковая Высочайшая жалованная грамота, за подписаніемъ собственния Его Величества руки подъ золотими буквами и печатю государственною, и нинѣ въ Магистратѣ Погарскомъ свято, благолѣпно, въ цѣлости содержится, и по оной Височаишой жалованной Грамотѣ мѣщане Погарскіе подъ тѣмъ правомъ Майдебурскимъ находятся досель.

Въ другое же лѣто въ 7175 Ноября въ 28 день, послѣ означенной жалованной Височайшей грамоти, по челобитю вишереченного Войта Кирилли Сурченка зъ Бурмистрами, Райцами, Лавниками и со всѣми Погарскими мѣщанами по указу Егожъ Царского Пресвѣтлого Величества Столникъ Его Величества, Кирилла Осиповъ Хлоповъ, въ согласіе тойже Високомонаршей жалованной грамоти и стародавнихъ правъ и волностей насъ Погарскихъ мѣщанъ сравнилъ съ Кіевскими, Нѣжинскими, Черниговскими и Переясловскими мѣщанами; и въ примѣръ тѣхъ городовъ Магистратовъ Майдебурское жъ право крѣпостію своею, именуемою памятію, подтвердилъ и въ оной написалъ на Погарское Войтовство, бурмистровство, раичество, лавничество, которіе засѣдаютъ, и на писарей мѣскихъ, на фолварокъ ратушній и до скринки мѣской двѣ деревни Чаусы и Яковлевичи съ мельницею, а сверхъ того для всякихъ росходовъ мѣскихъ раз-

ніе прыходы; что все именно ясно и пространно въ той памяти Хлоповой изображено, съ коихъ Высокомонаршой жалованной грамоти и памяти Хлоповой при семъ точніи копіи за справкою вамъ вручаются.

А въ 1662 году, Марта 2 дня, отъ Гетмана Демяна Игнатовича унѣверсаломъ, со упоминаніемъ прежнего унѣверсала Гетмана Ивана Мартиновича Брюховецкого, тожъ Майдебурское право подтверждено, село Чаусы и деревню Яковлевичи зъ млиномъ на Бойнѣ реце въ Севостяновичахъ съ каменми двома для росходу ратушного укрѣплено, съ таковимъ докладомъ и приказомъ, абы старшій и меншій козакъ, особливожъ Сотникъ, Атаманъ Городовой съ товариствомъ, Погарскому Войтовѣ и всѣмъ магистратовимъ присяжнимъ въ ихъ Майдебурскихъ правахъ на судахъ перепоны въ маетностяхъ и млину, на ратушъ Погарскую наданнихъ, кривды и шкоды задавати не важились. А мещане, якъ звичай въ Майдебургіи идетъ противъ иншихъ городовъ, сами судились; а если бы хто мимо тои унѣверсалъ Гетманскій магистратовимъ въ судахъ, яко и въ держаніехъ ратушное полѣценнихъ селахъ, важился наименшую задати трудность и до чего ему неналежно сталъ бы интересоватись, таковіи кождій, яко нарушникъ и гвалтовникъ волѣ Государской и Гетманской, за скаргою карань отъ Гетмана будетъ а неиначей. Которіе села отъ Магистрата Погарского отоишли и завладѣнни, а именно: село Чаусы умершимъ Хоружимъ Генеральнимъ Николаемъ Ханенкомъ, а деревня Яковлевичи умершимъ же Сотникомъ Погарскимъ Семеномъ Соболевскимъ, коими Магистратовими маетностями наслѣдники ихъ и нынѣ владѣють напрасно. Хотя же сверхъ тѣхъ на урядъ магистратовій жалованнихъ двухъ дерень Чаусъ и Яковлевичъ, какъ прежде при соединеніи Гетмана Богдана Хмелницкого съ краемъ Малороссійскимъ и со всѣмъ народомъ подъ Скипетродержавную Россійскую Руку, такъ и посля того были подъ владѣніемъ Ратуша Погарской села и деревнѣ, а именно: Куровь, Суворовь, Чубаровъ, Перегонь, Дешковичи, Лукинъ, Марковскъ, Савичи, Случевскъ, Муравьи, Дарѣевскъ, Гриневка, Городище, Лобки, Бобрикъ и Посудичи, съ которыхъ селъ и деревень для подмоги мѣщанской, на всякіе гражданскіе расходы собирались хлѣбные

посопи и денежніе годовие поборы, какъ имѣючіесь въ Магистратѣ Погарскомъ записние старинные книги явствуютъ; и содержаны были съ тѣхъ селъ и деревень къ полегченію мѣщанству Погарскому для переходячихъ и переѣзжаючихъ регулярнихъ войскъ всякихъ чиновъ и подъ полковіе тягости конние вмѣсто почтъ стойки; а съ 1731 года разные владѣлцы полку Стародубовского тѣ ратушние села и деревнѣ какъ стали умишленно називать уже не ратушними, но свободними, то отъ оного года села и деревнѣ отойшли безъ имянныхъ, безсмертной славы достойнихъ Всероссійскихъ Монарховъ, Ея Императорского Величества предковъ височайшихъ указовъ за разнихъ владѣлцовъ и тако чрезъ выше изъясненіи (завладѣнія) всѣ(хъ) какъ на урядъ Магистратовій принадлежащихъ маетностей, такъ и отъ древнихъ векуистихъ годовъ бывшихъ подъ видѣніемъ ратуши Погарской (что нынѣ Магистратъ) селъ и деревень городъ Погарь остался въ краинемъ оскудѣніи и недостаткахъ. Прошлогожъ 729 года хотя Магистратъ Погарскій имѣлъ въ своемъ владѣніи устроенніи на реке Судости, подъ самимъ городомъ Погаромъ между обосторонними города Погару мѣскими землями текущей, на греблѣ мѣской о двухъ камняхъ млинъ, которій и отъ прежнихъ Гетмановъ: Скоропадского и Апостола, унѣверсалами утвержденъ, но какъ гребля Погарская отъ 1736 году чрезъ силное наводненіе прорвалась и за нерачителствомъ и разногласіемъ устроившихъ на той греблѣ многими владѣлцами своихъ частеи мелницъ въ неучиненіи Магистрату противъ тѣхъ частей спомоществованій даже доселѣ не загачена состоить въ пустѣ, то изъ оной мелницы бывшихъ приходовъ Магистратъ Погарскій лишился вовся. Хотяжъ, въ силѣ вишеписанной памяти Хлоповой и Гетманскихъ подтвержденій и прежде бывшихъ Малороссійскихъ Коллегій и Генералной Войсковой Канцеляріи указовъ, Магистратъ Погарскій имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ важницу мѣскую, съ коей съ вещихъ разнихъ товаровъ и протчего денежніи приходи Магистратъ Погарскій получалъ, но въ силѣ имянного блаженния и вѣчно достойния памяти Великія Государини Императрицы Елисаветъ Петровны состоявшогось и въ Правительствующемъ Сенатѣ прошлого 755 года Априля 2 дня напечатан-

ного указа, егда Малороссійская индукта и эвекта и протчіе национальные зборы отрѣшены, то и тѣ важничіе приходы доселѣ приустановлены, но токмо подъ присмотромъ Магистрата Погарского содержится та важница, да за опустѣніемъ намѣненной мѣской Погарской гребли на реке Судости отъ Магистрата хотя и устроенъ перевозъ собственнимъ мѣскимъ коштомъ, токмо такъ ни зъ важницы за вѣсъ, яко и съ перевозу почти вовся ничего въ Магистратъ не получается (кромѣ что хто развѣ доброволно дастъ). И такъ Магистратъ Погарскій для рестовраціи и подчинки себе и находячимся при немъ присудствуючимъ урядникамъ, писарамъ и канцелярскимъ служителямъ по отходѣ селъ и деревень и всякихъ доходовъ ничего не имѣетъ. Для того повѣряется вамъ, Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше рабски представя о пожалованіи вишеизображеннихъ отъ Магистрата отшедшихъ селъ и мелницы Савостяновской со всѣми къ нимъ принадлежащими угодіи и о подтвержденіи дву камней млива на реке Судости, универсалами Гетмановъ Скоропадского и Апостола наданнихъ на содержаніе Магистрата и находячихся при немъ урядниковъ и для облегченія и вспомоществованія мѣщанамъ, на украшеніе града церквами Божіими и на призрѣніе бѣдственно страждущихъ вдовъ и сыротъ, нищихъ и убогихъ, неимѣющихъ своего препитанія, ко устроенію богодѣлень и всякихъ гражданскихъ потребностей и протчихъ чистотъ и благопорядочій и на всякіе краине необходиміе нужные росходы, дабы въ томъ Магистратъ Погарскій противъ другихъ Малороссійскихъ упривилѣованнихъ городовъ недостатка и отмѣны не имѣлъ и безнуженъ быть моглъ, по прежнему къ Магистрату Погарскому, и на то всемилостивѣйшей высочайшей Ея Императорскаго Величества жалованной подтвердителной грамоти просить.

2.

Каково имѣемъ мы по предкамъ нашимъ болѣе отъ ста лѣтъ Право Маидебурское, жалованное первоначально отъ Королей Польскихъ, на основаніи онихъ жалованнихъ отъ Великихъ Государей Царей и отъ високославнихъ безсмертнія памяти достойнихъ монар-

ховъ всероссійскихъ грамотъ, книгу Порядокъ, на полскомъ языке зъ латинскимъ напечатанное, коимъ по своимъ волностямъ предки наши судились и нинѣ судимся, употребляя къ оному и книгу Саксонъ; а яко съ тѣхъ правнихъ книгъ на россійскомъ діалектѣ печатнихъ неимѣемъ, что за нужно потребно, для того вамъ повораемъ: просить всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества, дабы повелено было тѣ обѣ Правніе Книги на русскій языкъ подъ Превысочайшимъ Ея Императорскаго Величества титуломъ перепечатать зъ дополненіемъ въ оныхъ: 1) чтобъ мѣщане по жалобнимъ дѣламъ чрезъ писменніе позва о болшихъ дѣлахъ яко то: о земляхъ, знатнихъ долгахъ, о бояхъ и ранахъ и о протчемъ къ суду Магистратовому призивани были на четиренедельній, а въ случае далней отлучки на шестонеделніе сроки, а по меншихъ дѣлахъ чрезъ слугу магистратового въ Магистратъ сискиванибъ были; 2) чтобъ мѣщане недвижиміе свои добра производили въ продажу другъ другу между собою, а не воинскимъ чиновникамъ, разночинцамъ и козакамъ, съ таковимъ обрядомъ, чтобъ на тѣ продажи купчіе крепости писани были, равнимъ образомъ какъ и Малороссійское шляхетство и козаки между собою чинятъ, съ подписомъ трехъ мѣщанъ рукъ и приложеніемъ ихъ печатей, и оніе при конфирмованіи урядовомъ вѣчне за дѣйствителніе признавани и принимани на всякихъ урядахъ были; 3) понеже многіе чины, не точію шляхетство и козаки, но и вышедшіе зъ мѣщанъ, первіе въ козаки, а потомъ и въ называючоесь шляхетство, урядниковъ и мѣщанъ города Погару, мужиками и посполитими причитая въ равенство зъ своими подданними, называють и порицають съ немалимъ намъ безчестіемъ и обидою и приключають чрезъ разніе гвалти, нападеніи, бои и въ здоровьи увѣтча, для того побудило насъ поверить вамъ всеподданнѣйше просить високомонаршей милости, чтобъ урядники и мѣщане Погарскіе отъ шляхетства и ни отъ кого другого впредъ мужиками и посполитими непорицани и не безчещени; 4) навязку бъ свою получали, равно какъ и въ привилѣованнихъ городахъ Кіева, Нѣжина, Чернѣгова и Переясловля имѣютъ, и примѣромъ Кіевскихъ и Стародубовскихъ мѣщанъ дозволенно бъ было намъ при шабляхъ ходить въ знакъ

жалованной намъ височайшой Ея Императорскаго Величества на мѣщанское званіе милости; 5) чтобъ всѣ владѣющіе воинского званія разночинцы и козаки по крепостямъ правилнимъ и неправилнимъ мѣщанскими землями, по тяжебнимъ дѣламъ, равножъ и всѣ пріежаючіе купечество, какъ въ привилегіяхъ Королей Полскихъ Магистратамъ жалованнихъ точно изображено, подълеглими били праву Майдебурскому и судились на Магистратѣ, якожъ и въ подтвержденіе о битіи всѣмъ торговимъ людемъ указомъ Височайшимъ блаженной памяти и вѣчной слави достойной Императора Петра Великого, Монарха Всероссійскаго, состоявшійся въ 1721 году Сентябра дня, повелено тожъ по всякимъ дѣламъ купцамъ быть судимимъ въ Магистратѣхъ; 6) чтобъ впредъ въ городъ Погарь отъ главной Малороссійской команди и ни отъ коль въ чини Войтовства Магистратового Погарского нихто зъ воинского званія и ни съ какого другого чина опредѣляеми и насилаеми не били, а вибираеми бъ были въ Войтовство Магистратовое по древнему обикновенію, въ силѣ Майдебурскогожъ жалованного намъ права, въ придаточнихъ артикулахъ напечатанного, между нами от природныхъ и оседлыхъ мѣщанъ Погарскихъ, достойнихъ къ тому людей, а не такъ какъ отъ прошлого 757 году стали насилатись въ Малороссійскіе города, въ томъ числѣ и въ Погарь, зъ войскового званія Войти, кои не для должного правосудія и градского благопорядочія, но для собственного ихъ обогащенія и корыстей, а мѣщанамъ въ немалое изобижденіе на властяхъ своихъ себе содержать.

3.

Состоящіе въ окрузѣ Погарскомъ землѣ со всѣми на нихъ застроенними селами и деревнями, футорами и мелницами и тѣми людми, кои на онихъ жителствуютъ со всѣми угодіями, чемъ прежде мѣщане здешніе Погарскіе издавно владѣли, просить во владѣніе Магистратовое и мѣщанское для построенія мѣсто обетшалого нового двора Магистратового, лавокъ и протчіихъ нужнихъ необходимихъ въ городѣ мѣскихъ потребностей, вмѣсто того что оними владѣлцы користуются неподлежаще; также чтобъ и состоящіе за разно-

чинцами по правильнимъ куплямъ отъ мѣщанъ доставшіесь, повелено было отъ Ея Императорскаго Величества: кто оними владѣетъ,— употреблять въ повѣнность мѣщанскую и налагать на онихъ равно зъ мѣщанами Магистрату податѣ по препорціи тѣхъ земель, а безъ крепостей владѣеміе землѣ и другія угодія отобрать Магистрату и наслѣдникамъ въ прежнее владѣніе отдать, чіи оніи были, и о всемъ на то всеподданнѣйшие просить Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа.

4.

Всѣ владѣлцы, старшины всѣхъ приказовъ воинскихъ, разночинци и козаки, какъ въ городѣ Погарѣ, такъ и въ сотнѣ Погарской жиючіе и тѣхъ подданніе зъ допущенія командующихъ не мѣщанского званія, но воинского, Войтовъ и другихъ старшинъ, поустроили лавки и постоялые доми и шинки, понаселили въ городѣ на мѣщанской землѣ и неотбувають зъ онихъ къ Магистрату никакой общенародной повинносги, ни сами отъ себѣ, ни подданнихъ своихъ недопущають отбувать указнихъ дачь, нарядовъ и посылокъ; а отнявши промисли торговіе въ мѣщанъ, сами владѣлци, старшини и разночинцы и подданніе ихъ, не записавшись въ мѣщанство и цехи, торгують и всякое ремесло дѣлають; а и съ того мѣщанству Погарскому во всякихъ повинностяхъ жадного вспомоществованія не чинять и цехмистромъ по ихъ цеховимъ порядкамъ послушенства, какъ у нихъ имѣющіесь зъ древнихъ годовъ урядовіе и отъ вишшей власти конфирмованніе писменние документа гласятъ, недѣлають; а при томъ иногороднимъ купцамъ и расколничихъ слободъ крестяномъ, доми свои имѣя на мѣщанской землѣ построенніе, отдають въ найма и позволяютъ всякіе товары въ городѣ и въ уѣздахъ покупать и продавать въ розницу и оптомъ въ обиду всему мѣщанству, кои и торгують досель. А Высокомонаршимъ указомъ, состоявшимся въ 1752 г. Октября 30 д., о недопущеніи иногороднимъ купцамъ и всякаго званія людямъ (торговать) въ рознь товары ни подкакимъ видомъ на чужихъ городѣхъ, въ подтвержденіе прежнихъ отъ 1705 года состоявшихся указовъ накрепко

всѣмъ иногородцамъ и разночинцамъ въ рознь торговать, покупать и продавать найстрожайше запрещено съ тѣмъ Высочайшимъ повелѣніемъ: еслибъ кто въ такой противо указной торговлѣ былъ пойманъ и изобличенъ, въ онихъ тѣ ихъ товары отбирать безъ всякого послабленія безденежно; а будебъ находячіесь и въ услуженіи люде допущени были отъ своихъ хозяевъ къ розничной торговлѣ, то за несмотрѣніе съ тѣхъ хозяевъ штрафа за каждое преступленіе по 1000 рублей взимать за тѣхъ служителей. Да и по состоявшемусь в 1755 году Декабра 14 дня по собственной Ея Императорскаго Величества блаженной и вѣчно достойной памяти Великой Императрицы Елисаветъ Петровны конфирмаціи за подписаніемъ Високоправительствующаго Сената указу, розничная продажа вовся отсѣчена. Въ силѣ которихъ Височайшихъ указовъ и таможеннаго устава проситъ вамъ всеподданнѣйше у Ея Императорскаго Величества, чтобъ въ городѣхъ и во уѣздахъ какъ великороссійскіе и другіе купци въ рознь не покупали и не продавали никакихъ товаровъ, такъ и Малороссійское шляхетство, козаки и старшини козачіи и всѣ разночиньцы и ихъ подданніе отнюдъ ничимъ не торговали, изъ рукъ въ мѣщанъ торговихъ користей не виривали и себѣ не привлекали, а родившіесь бы въ нихъ товары городскимъ жителямъ продавали, а торговъ въ селѣхъ въ уѣзду Погарскомъ не имѣлѣ, всемилостивѣйшого въ подтвержденіе указа.

5.

Прежде сего изъ древнихъ годовъ какъ протчихъ Малороссійскихъ городовъ, такъ и города Погару мѣщанство имѣли свободное въ себе винное куреніе; а въ прошломъ 1761 году за бытіе въ Малой Россіи Гетманомъ Графа Кирила Григоривича Его Сіятелства Разумовского безъименного Вашего Императорскаго Величества указа, таково винное куреніе надъ прежнюю волность и свободу мѣщанству запрещено, а вмѣсто того Малороссійское шляхетство посля того запрещенія для своего большаго обогащенія и користей винокурнихъ котловъ противъ прежняго вновь пріумножили, въ немалую

мѣщанамъ обиду. О яковомъ свободномъ винномъ куреніи просить у Ея Императорскаго Величества всевисочайшого дозволительного указа.

6.

Въ имянномъ блаженнія памяти и вѣчной славы достойнія Великой Императрицы Елисаветъ Петровны, Самодержицы Всероссійской, въ прошломъ 1744 году, Іюля 15 дня, состоявшемся указѣ въ 4 пунктѣ изображено: всякіе казенніе доимки, какъ на купечествѣ въ пошлинахъ и на подрядчикахъ и откупщикахъ за неисправленія по контрактамъ и по векселямъ и на протчихъ всякого званія людехъ, такъ недоборы, какогобъ званія они ни были, по оконченнимъ щетамъ на комъ суммою не болшь 500 рублей, кромѣ подушного збору, по тотъ 744 годъ невзискивать и изъ доимки исключить; да имяннимъ Ея Императорскаго Величества прошлого 762 году Сентября 22 дня состоявшимся указомъ по 4-му пункту до 500 рублей всякая доимка прощена. А отъ Полковой Стародубовской Щетной Коммиссіи отъ Магистрата Погарского по комисарству порціонние и раціонние доимки за удоволствомъ полковъ и другихъ командъ за прежніе года взискуются къ немалому и несносному мѣщанству отягощенію. Чего рады поручается вамъ всеподданнѣйше просить въ Ея Императорскаго Величества, чтобъ таковихъ доимокъ зъ города Погару въ силѣ вишеизображеннихъ указовъ впредъ было невзискивано, всемилостивѣйшого подтвердителного указа.

7.

Въ высочайшемъ указѣ блажения и вѣчно достойной памяти Великого Государя Петра Перваго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, о винтеръ квартирахъ въ Гетманскомъ Региментѣ въ 1722 году генваря 8 дня состоявшимся, по прежнимъ Правительствующаго Сената приговорамъ сентября 26, декабря 14 чиселъ 720 году, регулярние полки Всемилостивѣише повелено квартерами ставить, не обходя никого: ни гетманскихъ, ни полковничихъ, ни

старшинскихъ, ни козачихъ, ни Великороссійскихъ особъ подданнихъ, ни расколщиковъ; цѣлимижъ ротами въ однихъ мѣстахъ не ставить, а ставить сколко гдѣ надлежить, толко не менше капралства; конюшень вновь не дѣлать, а содержать тѣхъ драгунскихъ лошадей въ сараяхъ здешнихъ обытателей, каковіе въ нихъ есть, развѣ гдѣ такихъ не будетъ, то дѣлать и вновь толко такіе, въ которихъ можнобъ было содержать капралство лошадей; у заслуженнихъ особъ, у Полковниковъ, у сотниковъ и протчей старшины, у поповъ и у церковниковъ на дворѣ ихъ, гдѣ сами живуть, кватеръ не имѣть; а на загороднихъ дворахъ и на подворкахъ, также и въ подданнихъ, ставить, отнюдь не виключая никого; какъ за драгуны, такъ и оберъ и штапъ офицеры смотрить, чтобъ собою квартиръ не занимали, лишняго провіянта и фуража и дровъ не имали, и ничего сверхъ опредѣленного указами отнюдь не запрашивали, и ни вчемъ отягощенія малороссійскимъ обивателямъ не чинили. Нынѣ же по ордерамъ Полковой Стародубовской Канцеляріи сотенная Погарская старшина регулярнихъ полковъ штапъ и оберъ офицерства, карабинернихъ и пехотнихъ полковъ чиновниковъ и рядовыхъ и полковыхъ служителей, въ отмѣнность того высочайшаго указа, минуя не токмо козачіе доми, разночинскіе, шинки, подварки и ихъ подданическіе двори, вибирая саміе лучшіе по городу мѣщанскіе дворы, не смотря очереди, где хотятъ по всему мѣщанству по своей волѣ, минуяжъ уѣздніе села и деревни и защищая своихъ и другихъ владѣлцовъ сѣлскихъ подданнихъ, отводятъ и разставливаютъ; а на конюшнѣ саміе лучшіе товарние мѣщанскіе амбары занимають, въ немалую мѣщанскую обиду и всекрайнѣишее утѣсненіе. И чтобъ въ томъ города Погару одни урядничіе и мѣщанскіе дворы таковими постоями впредъ безъ очереди незанимами были, а равнобъ поставляно было во владѣльческихъ и всякихъ разночинскихъ и козачихъ домахъ, Вамъ повѣряется всеподданнѣйше просить у Ея Императорскаго Величества, чтобъ повелено было квартируючихъ офицеровъ и рядовихъ въ городѣ Погарѣ самому Магистрату по мѣщанскимъ и всякого званія людей дворамъ безъ вистатченія дровъ, свечей и протчего, что нынѣ сверхъ рублевого окладу взимаются,

квартери отводить, а въ уѣзднихъ селахъ и деревняхъ отъ сотенной команди разставливать, чтобъ не въ одномъ городѣ Погарѣ квартери занимани были.

8.

Чтожъ благоразсудно славной Ея Императорскаго Величества арміи Генераломъ Аншефомъ, Губернаторомъ, Малороссійской Коллегіи Президентомъ и кавалеромъ, Его Сіятелствомъ Графомъ Петромъ Александровичемъ Г-мъ Румянцовымъ, рублевій окладъ въ Малой Россіи учрежденъ на удовольствіе полковъ, то мѣщане Погарскіе будучи тѣмъ довольни, повѣряемъ всемъ всенижайше просить у Ея Императорскаго Величества високоматерняго милосердія и помилованія, чтобъ сверхъ того учрежденного платежа никакихъ окладовъ съ мѣщанъ впредъ не собиранобъ было, да и отъ всякихъ до сего бывшихъ и впредъ случаючихся работъ былибъ свободни; да и чрезъ послѣдовавшую въ Малой Россіи въ прежнихъ годахъ чрезъ изяденіе саранчею, а паче что сряду чрезъ пять лѣтъ за неурожаемъ озимого и ярового хлѣба скудость и небывалую до сель въ цѣнахъ дорожству, къ томужъ зъ допущенія Божіяго отъ ежечастнихъ пожарнихъ случаевъ, гражданомъ бедность приключилась, хотя малийшаго въ облеченіе всенижайше просить помилованія.

9.

Состоявшимся Ея Императорскаго Величества за собственно ручнимъ подписаніемъ 1763 года декабря 10 д. и обнародованнимъ Малороссійскому народу манифестомъ соблагоизволено по нашимъ правамъ и вольностямъ съ мѣста на мѣсто свободній переходъ по прежнему имѣть, всемилостивѣйше, въ согласіе имянного височайшаго блаженнія и вѣчно достойнія памяти Великія Государыни Императрицы Елисаветѣ Петровны, самодержицы всероссійской въ прошломъ 1742 году августа 18 дня состоявшаго указа, подтвердить, и високоматернею милостію дозволено малороссійскому народу стародавною волностію и прежними обикновеніи своими въ свободномъ переходи, какъ прежде ползовался, такъ безъ всякой неволѣ по оному высочайшему манѣ-

фесту ту же свободу имѣть и до указного (на представленіе отъ бывшаго Малороссійскаго Гетмана, Графа и Кавалѣра, Кирила Григоріевича Его Сіятельства Г-на Разумовскаго, Высокоправительствую-Сената съ напечатаніемъ Малороссійскихъ статутовихъ правнихъ артикуловъ) запрещенія безотмѣнно содержано было. А съ того времени, егда кто съ посполитого народа, яко то зъ маетностей владѣлческихъ и другихъ местъ Малороссійскіе Государевы свободніе люде, по тѣмъ своимъ природнимъ прежнимъ волностямъ и найпаче которіе неимѣютъ своихъ прямихъ осѣдлостей, а проживають токмо въ хозяйскихъ хатахъ для прокормленій заработками, переходятъ съ мѣста на мѣсто, между чемъ и въ городъ Погаръ на жилля и по своимъ бедностямъ первія у мѣщанскихъ дворахъ и подворкахъ живутъ, посля же мѣщанскіе дворики, чрезъ работизненніи свои труда купя, подъ вѣдомствомъ Магистратовимъ жить желають, то таковихъ, желающихъ въ Погарѣ жительства имѣть, усиловуются владѣльци со всѣми ихъ собственними нажитки на прежнее свое подневолніе житіе сискивать, неразсуждая того, что тѣ переходячіе всѣ свои собственние осѣдлые и природние въ подданство отданіе грунта и протчіи угодіи при ихъ же владѣльцахъ оставляютъ, и оними единственно сами тѣ владѣльци, получая прибилѣ, користуются, да не будучи тѣмъ довольни, тѣхъ жиючихъ въ нихъ свободнихъ народа Малороссійскаго людей, какъ бы крепостнихъ во вѣчность имъ отданнихъ, отъ Магистрата надъ волность вѣчную сискивають, и тѣмъ оніе владѣлци не точію той свободности не охраняютъ, но отваживаются въ отмѣнность Височайшихъ повелѣній, денегъ пожилихъ, примерно крепостнихъ Великороссійскихъ крестянъ напрасно искать; чего рады всеподданнѣйше повѣрается вамъ просить Ея Императорскаго Величества, чтобъ въ силѣ вышеупомянутихъ всемилостивѣйшихъ о свободномъ съ мѣста на мѣсто малороссійскому народу переходѣ указовъ, кто въ городъ Погарь волній малороссійскаго народа человѣкъ самъ или изъ семъею своею на жиллѣ перейдетъ, таковимъ дозволенобъ жить подъ вѣдомствомъ Магистрата Погарскаго, безъ отисканія онихъ владѣлцами на прежніе жилля, свободно.

И о всѣхъ вишеписанныхъ нуждахъ и недостаткахъ нашихъ донести Ея Императорскому Величеству, на всевисочайшую Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества Високомонаршую волю, всеподданнѣйше рабски во всемъ предаемся.

1767 года мая 29 дня.

X.

1767.

Наказъ жителей города Стародуба.

Въ силу Ея Императорскаго Величества высочайшаго Всемилостивѣйшаго указа, гражданству Стародубовскому обнародованного, и приложеннаго при ономъ обряда, отъ насъ, того города гражданъ, выбранному въ коммиссію, въ столицы Ея Величества о сочиненіи проэкта нового уложенія учрежденную, Депутату, Магистрата Стародубовского Буймистру, Данилѣ Родинскому,

наказъ.

Привилеемъ Короля Польского Третьего Жигмонта, въ року 1620-мъ февраля 15 дня на волности и Магдебурское право даннымъ мѣщанамъ Стародубовскимъ, на вѣчные и потомные часы всѣмъ мѣщанамъ Стародубовскимъ торги, гандле и всякіе купеческіе промыслы имѣть позволено и утверждено купцомъ перекупнымъ, ремесленникомъ, шинкарямъ и всякого званія мѣскимъ людемъ, да естьлибы якои кольвекъ кондиціи человѣкъ, либо шляхтичъ, либо козакъ запорожскій, домъ, городъ альбо грунтъ мѣскій Стародубскій якъ кольвекъ набувъ, либо гандлемъ, шинкомъ и ремесломъ якимъ кольвекъ въ томъ мѣстѣ Стародубѣ забавлялся, быть подлеглымъ праву Магдебурскому и уряду мѣскому Стародубовскому и повинности мѣскіе поносить; купцамъ пріѣзжимъ, ремесленникамъ, перекупнымъ и иншимъ людямъ, которые бъ, изъ иныхъ мѣстъ до Стародуба пріѣхавши, збытокъ альбо выступокъ якій пополнили, албо чимъ кольвекъ противу слушности и права поступили, быть потомужъ подъ судомъ уряду мѣского стародубовского, и о прибытіи своемъ до

мѣста, на томъ же мѣстѣ ознаймовать, а товари свои въ дому мѣскомъ гостинномъ складать; Войта избирать съ межи себе доброго человѣка, способного и умѣснаго и присылать до Его Королевского Величества для подвержденія его уряду; каждому мѣщанину напоемъ домовымъ и иностраннымъ шинковать безъ всякого препятствія; на войтовство Стародубовское уволокъ двадцать съ подданными и млиномъ, на Бурмистровъ пятнадцать уволокъ, на писара уволокъ шесть, да на хуторъ ратушный двѣ деревни со всѣми принадлежностми и пожитками до скринки мѣскои, а надъ тое всѣ сборы до той же скринки на мѣскіе потребы, торговое отъ всякихъ вещей привозныхъ и отъ пашенъ, также и важчое отъ ваги, вѣчно надано; дворъ гостинный въ мѣстѣ, баню посполитую, рѣзницкіе ятки устроить уряду мѣскому Стародубовскому, и отъ того всего доходы, также отъ купцовъ взглядомъ ихъ купечества, отъ рѣзниковъ, пекаровъ и всякихъ ремесленниковъ, ведлугъ общаго постановленія, въ рокъ до скринки мѣской отбирать уряду мѣскому, то есть Магистрату, и съ тѣхъ приходовъ въ мѣстѣ дзегаръ содержать повелѣно; да и млинъ, подъ самимъ мѣстомъ, на рѣкѣ Бабинцу стоячій, до той же скринки мѣской надано. Блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца грамотою, по челобитью Стародубовского Войта Андрея Шабловского и всѣхъ мѣщанъ, отъ созданія міра въ 7174-мъ году ноября 29 дня, мѣщанамъ Стародубовскимъ стародавное ихъ право и вольности утверждено, и ихъ, мѣщанъ, Височайшею Его Царского Величества милостію впредъ обнадежено; за силу которой Высочайшой грамоты и привилегія, граждане города Стародуба, подъ вѣдѣніемъ Магистрата Стародубовского состоящіе, по Магдебурскому праву всякіе росправы имѣли и имѣютъ.

По вышепрописанной королевской привилегіи явственно, что въ то время, какъ та привилегія мѣщанамъ на право и вольность ихъ дана, въ городѣ Стародубѣ, кромѣ мѣщанства, другаго званія людей осѣдлости не было, и всѣ тѣ мѣщане состояли въ вѣдомствѣ уряду мѣского. А нынѣ въ томъ городѣ подъ вѣдѣніемъ Маги-

страта мѣщанъ осталось малое число; но большимъ числомъ бывшія въ вѣдѣніи того Магистрата мѣщанскіе дворы, ихъ пашенные и сѣнокосные земли и другіе принадлежащіе мѣсту угодія, иные въ давнихъ, а другіе въ недавнихъ годѣхъ, владѣльцамъ, попамъ и другаго званія людямъ, въ Стародубѣ на мѣской землѣ, такожъ и въ другихъ мѣстахъ жительствующимъ, во владѣніе съ подъ вѣдѣнія Магистратского одошли, коими иные сами, а другихъ наслѣдники, владѣя и имѣя нѣкоторые зъ владѣльцовъ и другаго званія людей въ Стародубѣ торги и промислы, никакого гражданамъ, подъ вѣдѣніемъ нынѣ магистратскимъ состоящимъ, въ гражданскихъ нужностяхъ и малѣйшаго вспоможенія не чинять и подъ правомъ Магдебурскимъ не состоять. Да и живущіе въ нѣкоторыхъ многихъ мѣщанскихъ, за владѣльцами и другаго званія людьми состоящихъ дворахъ, за наемъ, бывшіе прежде мѣщане и зашедшіе съ другихъ мѣстъ люде имѣютъ же свободный торгъ и промыслъ, а въ вѣдѣніи магистратскомъ не состоятъ же, и состоящему нынѣ подъ вѣдѣніемъ оного Магистрата гражданству въ нуждахъ ихъ градскихъ никакого вспоможенія не чинятъ, но, по защитѣ ихъ хозяевъ, отъ того въ свободѣ до сего состояли и нынѣ состоятъ. Да и съ прежде бывшихъ же мѣщанъ, подъ вѣдѣніемъ Магистратскимъ состоявшихъ, нѣкоторые немалымъ числомъ отойшли въ званіе козачое и пушкарское, и живя въ тѣхъ же дворахъ, въ коихъ они и до того жительство имѣли, а другіе, покупя мѣщанскіе дворы, мѣщанскими грунтами и другими угодіями владѣютъ и разные купеческіе промыслы, такожъ винное куреніе и шинки разного напою содержатъ, а никакихъ обще съ мѣщанами Магистрату гражданскихъ повинностей не отбываютъ, а щитятъ себе иные шляхетствомъ, а другіе козачествомъ, съ чего оставшимся нынѣ въ вѣдѣніи Магистратскомъ Стародубовскомъ мѣщанамъ въ торгахъ и промыслахъ препятствіи и обида слѣдовали и нынѣ есть, потому съ нихъ нѣкоторые во оскудѣніе пришли и дворы свои жилые, такожъ грунта, спродать разнымъ чинамъ принуждены.

2.

Во мѣсто жалованныхъ вышепрописаннымъ королевскимъ привилегіумомъ на Войта Стародубовскаго двадцати уволокъ, прежніе Воиты, по уряду ихъ (какъ зъ данного въ 1709 году Сентября 15 дня отъ Гетмана Скоропадского универсала явственно), владѣли двома селами: Озаровкою и Сининомъ. А съ того году бывшій Войтъ Демянъ Ермолаевичъ владѣлъ уже только однимъ селомъ Озаровкою, а Сининомъ владѣла бывшого до его, Ермолаевича, Войта Спиридона Ширая жена; а нынѣ онымъ Сининомъ наслѣдники ея владѣютъ, нынѣшній же Войтъ владѣетъ только половино(ю) села Озаровки.

А вмѣсто по той привилегіи жалованныхъ на Бурмистровъ пятнадцати уволокъ, по надачѣ прежде бывшими Гетманами, во владѣніи всѣхъ обще урядниковъ Магистратскихъ, то есть: двухъ Бурмистровъ, двухъ Райцовъ и двухъ Лавниковъ, состоятъ въ Стародубовскомъ уѣздѣ два села: Хустичи и Сергіевскъ, съ которыхъ отъ тамошнихъ жителей въ годъ чиншового получается платежа только сто сорокъ четыре рублей, съ коихъ денегъ урядникамъ въ годъ, въ коемъ они въ Магистратѣ присудствіе имѣютъ (яко они, по стародавнему мѣскому обыкновенію, по третій годъ другими къ присутствію перемѣняются), на ихъ содержаніе по раздѣлу доводится получать каждому Бурмистру тридцать шесть рублевъ, Раицѣ двадцать четыре рублей, а Лавнику дванадцать рублей; якими деньгами они, урядники, имѣя всегдашнее въ Магистратѣ присутствіе и чрезъ то лишась торга и промысла, продовольствовать себе крайне не могуть, но уже тотъ годъ, въ коемъ присутствіе имѣютъ, снабдѣваютъ они себе нужно тѣми прибыльми, а и не чрезъ два года, въ коихъ они въ Магистратѣ не присутствуютъ и торга и промысла получить могутъ.

Во владѣніи Писаря шесть уволокъ, такожъ и при Магистратѣ на хуторъ двѣ деревни за силу прописанной Королевской привилегіи въ прежнихъ давнихъ годахъ слѣдовательно были, но оныхъ уже въ Писаря и при Магистратѣ здавна не имѣется, и гдѣ оные уволоки и деревни положеніе свое имѣютъ, за утераніемъ, во время

бывшого въ давнихъ годѣхъ отъ Литовскихъ людей разоренія, государственныхъ жалованныхъ грамотъ, о коихъ и въ вышеписанной, отъ созданія міра въ 7174 году данной, жалованной грамотѣ изображено, и прежнихъ давнихъ Гетмановъ универсаловъ, знать не можно, и за умертвіемъ старожиловъ, справки о томъ забрать не съ кимъ. Писару жъ Магистратскому жалованья производимо было и нынѣ производится по годно денегъ тридцать рублей, жита шесть четвертей да пшеницы двѣ четверти, изъ приходовъ зъ мельницы, вышеписаннымъ королевскимъ привилегіемъ къ Магистрату наданной, на рѣкѣ Бабинцу имѣючойся, бывающихъ; которимъ жалованьемъ тотъ Писарь, яко уже онъ, по бытію его касающихся дѣлъ, торга и промисла не имѣетъ, снабдѣваетъ себе съ нуждою. Протчіежъ, по вышеизображенной привилегіи на мѣскіе потребы къ Магистрату жалованные приходы, хлѣбные и денежные, отъ состоянія Высочайшой блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, вышезначащоися грамоты, уже кромѣ ваговаго, которое отъ вѣсовъ Магистратъ въ устроенной отъ тогожъ Магистрата важницѣ, на мѣскіе необходимые расходы получаетъ, собираны въ казну Его Величества, а за жизни блаженныя и вѣчнои славы достойныя памяти Великія Государини Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссійской, по Высочайшому Ея Величества милосердію тѣ зборы отставлены и не собираются. Потому, нетокмо тому магистратскому Писару, къ безнужному его снабдѣнію, въ жалованьи прибавки учинить, но и дзегаря въ городѣ Стародубѣ и другихъ необходимихъ Магистратскихъ нужностей содержать не съ чего.

Мельница вышезначащась, на рѣкѣ Бабинцѣ, помянутою королевскою привилегіею къ Магистрату во вѣчность на расходы мѣскіе хотя вся надана и утверждена, однакъ только зъ двухъ частей въ Магистратъ на необходимые нужные расходы прибыли получаются, а третей части таковы прибыли нынѣшній повѣту Стародубовского Подкоморій Михайло Ширяй, которого умершій дѣдъ Спиридонъ Ширяй былъ въ Стародубѣ Войтомъ, получаетъ. А по какимъ

обстоятельствамъ та часть мельницы во владѣніи его Ширяя состоить, о томъ при Магистратѣ вида не съискуется.

На базарномъ мѣстѣ, близъ полисаду, гдѣ торги и ярманки бываютъ, къ продажѣ ѣстныхъ и питейныхъ потребъ и другихъ надобностей, не токмо амбары, но и жилые избы и дворы самовольно, а въ самомъ городѣ и крамные лавки и амбарчики нѣкоторые владѣльцы и козаки устроили, и за наемъ оныхъ получаютъ себѣ прибыль, а Магистрату на мѣскіе расходы никакова платежа не чинятъ.

Въ состоявшемся въ минувшемъ 1755 году декабря въ 1-й день таможенному уставѣ повелѣно въ главѣ шестой: „Пріѣзжимъ во всѣ города изъ другихъ городовъ купцамъ, товары свои складывать въ гостинныхъ дворахъ и въ протчихъ мѣстахъ, гдѣ въ которомъ городѣ складка товаровъ позволена; и продавать оные товары тамошнимъ гражданамъ и пріѣзжимъ купцамъ обтомъ, а врознь на чужихъ городахъ отнюдъ не продавать“. Да въ десятой главѣ по четвертому пункту: „Крестьянамъ въ знатныхъ селахъ и деревняхъ, состоящихъ по большимъ дорогамъ, а не въ ближнемъ отъ городовъ разстояніи, ради проѣзжающаго народа и ихъ крестьянскихъ необходимихъ нуждъ, по приложенному при томъ реестру по званіямъ товарами, мелочнымъ ядломъ, торговать, и которыхъ де въ деревняхъ недѣлается, покупать въ городахъ и на ярмонкахъ и съ лавокъ; а окромѣ тѣхъ товаровъ другими, такожъ въ городахъ и слободахъ городскихъ, и кои слободы и села отъ городовъ разстояніемъ не далѣе пяти верстъ, отнюдь не торговать“.—Въ городѣ же Стародубѣ иногородные купцы, иные сами, а другихъ прикащики, привозя товары, продаютъ мимо гражданъ пріѣзжимъ же купцамъ и другого званія людемъ врознь; такожъ, купя въ Стародубѣ и въ уѣздѣ оного во владѣльцовъ и другого званія людей товары, въ нихъ родящіесь, якото: пеньку, медъ, воскъ, олей, всякій звѣрь и протчое, отпускаютъ къ порту; а на то и зъ Великороссійскихъ купеческихъ людей и крестьяне описныхъ раскольничіихъ слободъ, въ Стародубовскомъ полку находящихся, нѣкоторые, въ томъ городѣ покупивъ мѣшанскіе, а другіе разного званія людей нанявъ дворы, живутъ и всякіе купеческіе торги и промыслы имѣютъ не продажею

обтомъ но врознь. Да тѣжъ слободскіе крестьяне въ городовыхъ крамныхъ лавкахъ продажу товаровъ производятъ; а въ слободахъ раскольничіихъ, не по большимъ дорогамъ состоящихъ, и въ нѣкоторыхъ селахъ въ недавнихъ годѣхъ заведены торги и ярманки, и тамошнихъ же слободъ крестьяне торгуютъ, кромѣ показанныхъ въ таможенномъ уставѣ по реестру товаровъ, портовыми, крамными и иностранными товарами. Отчего въ городѣ Стародубѣ торги и ярманки умалились, а купцамъ и промышленникамъ того города чинится въ купеческомъ производствѣ помѣшательство и убитокъ; да и не за присылкою на торги въ городъ Стародубъ тѣхъ селъ и деревень, кои не въ дальности отъ тѣхъ слободъ и селъ, въ которыхъ торги и ярмарки бываютъ, обивательми озимого и ярового хлѣба, дровъ, сѣна и протчихъ потребностей, въ томъ городѣ Стародубѣ недостатокъ происходитъ.

Ростовскому карабинерному полку, какъ гражданству Стародубовскому извѣстно, опредѣлены квартиры вѣчно въ Стародубѣ, якій полкъ, зъ вступленія его въ Стародубовскій полкъ, имѣлъ винтеръ-квартеры съ 1764 на 765 годъ въ городѣ Стародубѣ и въ уѣздахъ Стародубовского полку по шквадронно, съ 765 на 766 въ единомъ городѣ Стародубѣ помѣщался; истекающей же винтеръ-квартеры, оного Ростовского полку въ другіе Стародубовского полку городы, яко-то: Погаръ и Почепъ, выведено на квартиры только два эскадрона, а три и генералитетъ изъ его штабомъ въ Стародубѣ состоятъ. А кромѣ того полку, другихъ регулярныхъ полковъ командамъ, чрезъ Стародубъ переходячимъ и переѣзжающимъ, и по рознымъ коммиссіямъ разного чина людемъ бывающимъ гражданскіе дворы въ постои отводимы бываютъ, и тѣмъ гражданству Стародубовскому происходитъ утѣсненіе, а въ торгахъ и промыслахъ не малое помѣшательство и остановка. А тѣ Стародубовскіе граждане до сего, во время бывшей Пруской войны, чрезъ квартированіе и переходъ чрезъ Стародубъ многихъ Россійскихъ войскъ, немалое уже терпѣли утѣсненіе.

Въ облегченіе происходившаго Малороссійскому народу отъ довольствія натурою опредѣленныхъ къ беззаплатному отъ того Малорос-

сійского народа довольствію армейскихъ и компанейскихъ полковъ бывшаго обтяженія, отъ Его Сіятельства Господина Генералъ-Аншефа, Малороссійского Генералъ-Губернатора, Украинского и Малороссійского корпусовъ главного Командира и Малороссійской Коллегіи Президента и Кавалера, Графа Петра Александровича Румянцова учинено полезное и неотяготительное тому народу распоряженіе, чтобъ на исправленіе покупкою къ продовольствію тѣхъ полковъ провіанта и фуража, по квартально съ хатъ тѣхъ, кои къ дачамъ состоятъ, съ каждой добирать въ годъ только по одному рублю, что и собирается. Каковымъ Его Графского Сіятельства, яко учиненнымъ въ облегченіе народныхъ нужностей и недостатковъ, распоряженіемъ граждане довольны.

До 1740 году въ Стародубѣ лекаря такова, кой бы жалованья отъ Магистрата съ приходовъ оного либо отъ гражданъ могъ получать, не было; а съ того году опредѣленъ въ городъ Стародубъ полковый лекарь Иванъ Кобсъ, которому перво отъ одного Магистрата Стародубовского, зъ бывшихъ приходовъ зъ важницы, чрезъ нѣсколько годовъ, а потомъ уже отъ трехъ Магистратовъ, яко-то: Стародубовского, Погарского и Мглинского, съ повелѣнія зъ бывшой Генеральной Войсковой Канцеляріи, производилось жалованье въ годъ по сту сорокъ четыре рубли; нынѣшнемужъ, въ томъ городѣ находящемусь полковому лекарю Петру Адольфу Келлеру, за силу указа Малороссійской Коллегіи, такова жалованья едному Стародубовскому Магистрату,—потому, что уже зъ важницы приходу никакова нѣтъ, а бываемые въ оный Магистратъ съ вышепрописанной мельницы, зъ двухъ частей прибыли на необходимые мѣскіе расходы, яко то: на производство годового Магистратскому Писарю, подпискамъ и служителямъ жалованья, да на покупку въ оной же Магистратъ дровъ, бумаги, сургучу, свѣчей и протчихъ необходимыхъ нужностей, едва могутъ ставать,—брать не откудова.

Издревле при Стародубѣ и между поселянами мѣщанскими для выпуску и пастьбы скота имѣли свободные мѣста и заросли; но отнынѣ, иные въ давнихъ, а другіе въ недавнихъ годѣхъ разными чинами самовольно завладѣны, а едно мѣсто, называемое Березовка,

къ артиллеріи полковой отобрано, и потому въ пастьбѣ лѣтнимъ временемъ скота гражданского, и переѣзжающимъ во время ярмонковъ купцамъ и другимъ иногородцамъ, въ продовольствіи ихъ скота, состоитъ немалая нужда.

Мѣщане Стародубовскіе, по ихъ вольности и по стародавному обыкновенію, винное куреніе свободно производили, всякъ кто зъ нихъ имѣлъ къ тому желаніе, для полученія себѣ съ того, къ своему продовольствію и для отбуванія общенародныхъ повинностей, прибыли; на потребы мѣскіе къ Магистрату Стародубовскому, надано Гетманомъ Скоропадскимъ 1717 году марта 18 млины: въ селѣ Газукахъ на рѣкѣ Виблѣ о единомъ колѣ, въ селѣ Шаршавичахъ на рѣкѣ Росусѣ о двухъ колахъ, въ селѣ Артюшкахъ о едномъ колѣ, да въ Вистриковѣ о едномъ же колѣ,—которые надачи тѣхъ млиновъ зъ универсала Гетмана Данила Апостола, данного въ 1728 году ноября 7 явственно; которые млины, кромѣ артюшковского, находятся зъ давнихъ лѣтъ, по причинѣ той, что свободные села и деревни, подъ вѣдѣніемъ Магистрата Стародубовского состоявшіе, коихъ селъ обывательми означенные млины подчиняемы были, разныхъ чиновъ людемъ розданы, находятся въ пустѣ, а съ Артюшковского млина хотя въ Магистратъ получается розмирового хлѣба весьма малое число, но и то на подчинку тогожъ млина, по неимѣнію чѣмъ оного подчинить, употребляется.

За мимошедшіе нѣкоторые годы, на мѣщанахъ Стародубовскихъ, подъ вѣдѣніемъ Магистратскимъ состоящихъ, коммисарского и другого збору денежные доимки взыскуются; и тѣ деньги остались не на ихъ, но на иныхъ въ тѣхъ годѣхъ бывшихъ мѣщанахъ, съ которыхъ иные змерли, а другіе безвѣстно зъ Стародуба посходили, и наслѣдниковъ ихъ въ Стародубѣ съискать не возможно; и ежели оные деньги за тѣхъ измерлыхъ и безвѣстно изшедшихъ тѣмъ, нынѣ подъ вѣдомствомъ магистратскимъ состоящимъ мѣщанамъ уплатить, то они могутъ притти въ отбуванію квартальныхъ рублевого оклада денегъ и въ снабдѣній себе во изнеможеніе.

Вышеизображенною Королевскою привилегіею утверждено: мѣщанамъ Стародубовскимъ Войта зъ межи себе выбрать съ прирожо-

ныхъ тамошнихъ; а нынѣжъ въ томъ городѣ Войтъ Войсковый Товаришъ Петръ Грозинскій находится, не по выбору гражданскому и не изъ мѣщанъ тамошнихъ прирожоныхъ.

А понеже за силу Высочайшого именного Ея Императорского Всепресвѣтлѣйшего Величества Всемилостивѣишаго указа, кой въ городѣ Стародубѣ обнародованъ, въ коммисію, въ первостольномъ Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества городѣ Москвѣ учрежденную, о сочиненіи проэкта новаго уложенія, отъ насъ, того города гражданъ, выбраны вы Депутатомъ; для того сей наказъ и при ономъ зъ вышеприписанныхъ: Высочайшія, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Великого Государя, Царя и Великого князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, грамоты, отъ созданія міра въ 7174 году ноября 29 дня,—Короля Польского Третяго Зигмонта привилегіи въ 1620 году февраля 15 дня, мѣщанамъ Стародубовскимъ на вольности и право Макдебурское жалованныхъ,—да зъ универсаловъ отъ бывшихъ Гетмановъ: Ивана Скоропадскаго, въ 1709 году сентября 15-го, Данила Апостола, въ 1728 году ноября 7-го дня данныхъ, вѣрные копіи, и къ Ея Императорскому Всепресвѣтлѣишому Величеству отъ насъ рабское всеподданнѣйшее о вышеприписанномъ всемъ представленіе съ прошеніемъ вамъ препоручается; и вы, принявъ оные, за прибытіемъ въ первостоличный Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣишаго Величества городъ Москву, имѣете оное всеподданнѣйшее наше прошеніе въ высокоправительствующемъ Сенатѣ поднесть, и яко согражданинъ нашъ, къ общей нашей гражданской пользѣ Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества Всевисочайшаго и Всемилостивѣйшаго матерняго милосердія и конфермаціи всеподданнѣйше просить:

О утвержденіи Стародубовскимъ гражданамъ прежнихъ вольностей о Макдебурского права и о бытіи всѣмъ гражданамъ и пріѣзжимъ въ тотъ городъ купцамъ и промышленникамъ и другого званія людемъ въ судахъ и росправахъ и во всѣхъ гражданскихъ повинностяхъ подъ вѣдѣніемъ Магистрата Стародубовского.

О перепечатованіи Макдебурского права съ Польскаго на Россійскій языкъ, подъ превисочайшимъ Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества титуломъ.

О пожалованіи вѣчне на урядъ войтовства Стародубовского двухъ селъ и мельницы, какъ и прежде бывшіе до Демьяна Ермолаевича Стародубовскіе Войты владѣли, а на Писара Магистратоваго шести уволокъ, да на хуторъ Магистратскій—двухъ деревень, и о прибавленіи Магистрата Стародубовского урядникамъ, къ ихъ безнужному содержанію, жалованья.

О выводѣ зъ города Стародуба иногородныхъ купцовъ и ихъ прикащиковъ, такожъ и раскольниковъ, кои тамъ въ городѣ жительствуютъ, и о запрещеніи имъ и другимъ иногороднымъ купцамъ въ томъ городѣ ничего врознь не продавать и въ уѣздѣ того города во владѣльцовъ и другаго званія людей родящихся товаровъ, якото: пеньки, меду, воску, олеи, всякихъ звѣрей и протчаго ни явно, ни тайно не куповать, да и владѣльцамъ и другаго званія людемъ, въ Стародубовскомъ полку жительствующимъ, никакихъ товаровъ какъ самимъ не покупать, такъ иногородскимъ купцамъ и раскольникамъ не продавать, а продавать здѣшнимъ гражданамъ.

О небытіи впредъ ярманкамъ и торгамъ въ раскольничіихъ слободахъ и селахъ, въ Стародубовскомъ полку имѣющихся, въ недавнихъ годѣхъ заведенныхъ.

О имѣніи впредь Ростовскому карабинерному полку въ другихъ въ Стародубовскомъ полку имѣющихся городахъ и принадлежащихъ къ нимъ уѣздахъ поочередно винтеръ-квартированія для обывательского облегченія по шквадронно, или на форпостахъ въ ономъ же Стародубовскомъ полку, гдѣ полкъ Псковскій карабинерный состоитъ, и о переведеніи того Псковского полку въ опредѣленныя ему въ Малороссійскомъ Полтавскомъ полку вѣчные квартиры.

О увольненіи Магистрата Стародубовского отъ платежа въ Стародубѣ находящемуся полковому лекарю жалованья.

О привернении по прежнему къ городу въ общенародную пользу издавна бывшихъ для выпуску и пастьбы скота свободныхъ мѣстъ, кои самовольно разными чинами завладѣнны и къ артилеріи здѣшней отобраны.

О свободномъ Стародубовскимъ мѣщанамъ по прежнему винномъ куреніи.

О невзысканіи съ мѣщанъ комисарскихъ и другихъ доимокъ.

О утвержденіи на мѣскіе расходы мельницы одной всей, королевскою привилегіею на рѣкѣ Бабинцѣ жалованной, а четырехъ— Газуцкой, Шаршавицкой, Артюшковской и Вистриковской, Гетьманами наданыхъ, къ Магистрату Стародубовскому вѣчно.

О зборѣ по прежнему въ Магистратъ на мѣскіе жъ расходы зъ важницы мѣской вагового.

О небытіи нынѣшнему здѣшнему Воиту на томъ урядѣ; а о избраніи, въ силу прописанной королевской привилегіи, другаго зъ межи насъ, гражданъ, пригодного гражданина, къ тому уряду способного.

Ни подлинномъ подписано тако: мѣщанинъ Василь Петрила, мѣщанинъ Димитрій Ляшевка, мѣщанинъ Леонтей Животкевичъ, мѣщанинъ Степанъ Антроповъ, магистратовый Писарь Кондратъ Пашкевичъ, мѣщанинъ Терентей Спасиба, раица Алексѣй Кункевичъ, мѣщанинъ Романъ Кибалмичъ, козакъ Романъ Брезкунъ, раица Никита Ивановъ, лавникъ Федосей Евтифьевъ, мѣщанинъ Семенъ Скопецъ, мѣщанинъ Лазарь Васковичъ, мѣщанинъ Якимъ Солодовникъ, мѣщанинъ Гаврило Цалабанъ, мѣщанинъ Петро Попольскій, мѣщанинъ Семенъ Чумаковъ, мѣщанинъ Петро Брезкунъ, мѣщанинъ Романъ Киболкинъ, мѣщанинъ Григорей Щербиновичъ, мѣщанинъ Петро Чечуй, мѣщанинъ Степанъ Спасиба, мѣщанинъ Степанъ Софроно, мѣщанинъ Петро Постолникъ, мѣщанинъ Иванъ Софроно, мѣщанинъ Іосифъ Нечаевъ, лавникъ Федоръ Коробовскій, мѣщанинъ Григорей Ладуха, мѣщанинъ Афанасей Бордиковскій, мѣщанинъ Власъ Гапеевъ, лавникъ Петръ Гафмарешъ, мѣщанинъ Алексѣй Криница, мѣщанинъ Марко Слесарь, абшитованный сотникъ Федоръ Прожика, райца Петро Ростургуй, лавникъ Семенъ Худыня, мѣщанинъ Алексѣй Гамзуль, мѣщанинъ Иванъ Худыня, козакъ Иванъ Мойсеевъ сынъ Мишковъ, значковый полку Стародубовского Товаришъ Леонъ Денбовскій, мѣщанинъ Козьма Дмитріевъ, мѣщанинъ Яковъ Коменокъ, мѣщанинъ Дорофей Медвѣдовъ, мѣщанинъ Алексѣй Гончаръ, мѣщанинъ Федосъ Поджарка, козакъ Степанъ Квитка, мѣ-

щанинъ Яковъ Ятрилокатовъ, мѣщанинъ Гаврило Филько, мѣщанинъ Илья Насека, мѣщанинъ Егоръ Полешодъ, мѣщанинъ Илья Гаменда, мѣщанинъ Григорій Чумаковъ, мѣщанинъ Иванъ Кащенокъ, мѣщанинъ Тимофей Злотниковъ.

XI.

1767.

Наказъ жителей города Полтавы.

Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государыня Всемилостивѣйшая!

Возшествіе Вашего Императорскаго Величества на Всероссійскій Императорскій престолъ мы вѣрноподданніе рабы почитаемъ за особливій промислъ Божій къ возстановленію какъ общаго всея Россіи, такъ и собственного нашего благополучія. Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше опитомъ доказать уже соизволили Височайшее Свое матернее о благоденствіи нашемъ попеченіе, когда при учрежденіи Малороссійской Коллегіи всемилостивѣйше опредѣлили намъ ходатая Его Сіятелство Графа Петра Александровича Румянцова, и указали Его Сіятелству имѣть о возстановленіи мѣщанства торговъ и промисловъ ихъ старателство. Напоследки Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше соизволили состоявшимся и въ народѣ публикованнимъ Височайшимъ манѣфестомъ о присилки въ Коммисію Сочиненія Нового Уложенія Депутатовъ, — открить намъ свободной путь приносить наши всеподданнѣйшіе прошенія, о всѣхъ нашихъ нуждахъ. Мы воображая ежевременно ко всѣмъ вѣрноподданнимъ Вашего Императорскаго Величества неищетніе милости и щедрости во устроеніе на вѣчное время благоденствія ихъ, приносимъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшее наше рабское благодареніе за оную Височайшую Вашего Императорскаго Величества милость, такожъ и за опредѣленіе намъ ходатаемъ Его Сіятелства, которого отменное о возстановленіи нашемъ попеченіе за

особливое щастіе мы почитаемъ. И потому, пріемля, дерзость, написали сію нашу всеподданнѣйшую Вашему Императорскому Величеству челобитную, въ которой чрезъ вибранного отъ насъ Депутата всеподданнѣйше представляемъ особливіе наши и общіе нужди и прошенія.

1.

Въ первомъ пунктѣ порученно(й) оному вибранному Депутату отъ города Полтави челобитно(й) всеподданнѣйше просимъ всѣ вообще граждане и жителствующіе въ городѣ Полтавѣ и доми свои пріѣзжые имѣющіе шляхетство, такожъ и мы нижеподписавшіесь о утвержденіи въ городѣ Полтавѣ имѣючогось нынѣ Магистрата во всемъ на основаніи Магдебурскихъ правъ, и о бытіи въ немъ судамъ и порядкамъ по темъ же Магдебурскимъ правамъ; но понеже жителствующіе въ городѣ Полтавѣ: Полковникъ, Старшина, владѣлци и козаки до сего, не сохраняя установленій въ Правахъ Магдебурскихъ узаконеннихъ, во всемъ генерально Магистратъ здешній къ соблюденію по темъ правамъ принадлежащой должности не допускали, утѣсняли, помѣшателство, обиди и отягощенія дѣлали,— то мы сею нашею особливою челобитною всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше пожаловать на Магистратъ Височайшую привилегію; въ которой особливо для непремѣнного и твердого содержанія Всемилостивѣйше указать: 1) присудствіе въ ономъ Магистратѣ иметь и онимъ по всемъ дѣламъ управлять, такъ какъ до сего зъ давнихъ годовъ въ насъ бывало и нынѣ есть: Воиту, яко первому, и съ нимъ Бурмистрамъ, писару, раицамъ и лавникамъ; предъ которими въ Магистратѣ судъ и росправу имѣть, всеподданнѣише Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше пожаловать указать всемъ обывателямъ оного города и пріѣзжимъ, кои по Магдебурскому праву суть прилеглими къ Магистрату, по всемъ дѣламъ по темъ Магдебурскимъ правамъ, и на убылые онихъ Войта и урядниковъ мѣста избирать намъ другихъ волними голосами зъ между себя. 2) Всѣ порядки городовіе и между купечествомъ здешними обивателми и пріѣзжими

единственно въ Магистратѣ устроевать имъ Войту и урядникамъ; а въ важнѣйшихъ дѣлахъ за согласіемъ зъ мѣщанами, на такомъ точномъ и непремѣнномъ содержаніи, какъ о томъ въ правахъ узаконенно; и доходи по примѣру другихъ упривиліованихъ малороссійскихъ Магистратовъ собирать и употреблять толко на общіе городскіе нужди; и чтобъ полковникъ, старшина и никакое другое здесь правленіе в касаючіесь до учрежденія городскихъ порядковъ дѣла не вступались и не препятствовали. 3-е) Въ правѣ малороссійскомъ, книги статута, роздѣлу 3-го, въ артикулѣ 25-мъ напечатанно: „когда бы шляхтичъ, занехаевши имени и обистя своего шляхетскаго, и чрезъ худобу свою шукаючи собе поживеня, и вшедши до мѣста и мѣшкалъ тамо, торги мѣскіе ведучи, або шинкъ въ дому маючи и локтемъ меручи, або ремесло робячи на верстати, таковій уже съ волностей шляхетскихъ веселитись не маетъ“. Во исполненіе которого права, всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ: повелѣть живущимъ въ городѣ шляхтѣ, таковимъ какъ въ ономъ правѣ изображенно, торговъ и ремесла не имѣть, и оставить темъ ползоватся другихъ городскихъ обивателей. 4-е) Чтобъ какъ оние, такъ и всѣ жителствующіе въ городѣ Полтавѣ владѣлческіе жилие и пріѣзжіе доми во всемъ, что касается до гражданскихъ общенароднихъ нуждъ и повинностей, были не исключаеми и находились бы темъ въ Магистратѣ вѣдомими. 5-е) Чтобъ находячіесь въ городѣ разние майстровіе люде, живущіе подъ разними владѣлцами, въ томъ что принадлежить по ихъ майстерству и въ общихъ гражданскихъ повинностяхъ, равно какъ и магистратскіе,— вѣдоми и послушни были въ цехахъ и опредѣленныхъ въ онихъ цехмистировъ. 6-е) Чтобъ пріѣзжаючіе зъ другихъ городовъ и селъ Великороссійскіе и Малороссійскіе промишленники и художники, никакими товарами не торговали, кроме ярмонковъ.

2.

Во время пожалованія височайшою грамотою Его Императорскаго Величества блаженния и вѣчния памяти Великого Государя Петра первого и Самодержца Всероссійского на городъ Полтаву

деревень, а именно: Ивашокъ, Ивончинецъ, Грабиновки и части Осмачокъ, и когда унѣверсаломъ Гетмана Скоропадского отданни по прежнему бывшіе издревле за магистратомъ села: Мачухи, половина Гуджуловъ, Тахтауловъ и Павленки къ городу Полтавѣ во владѣніе, подданнихъ въ вишезначащихся деревняхъ, такожъ въ городѣ Полтавѣ мещанъ и другого званія людей въ Магистратскомъ видѣніи было знатное число, которие всѣ обще Государевы и гражданскіе повинности отбували безъ изятія;—и что принадлежитъ до городовихъ обивателей, то унѣверсаломъ Гетмана Мазепи 703 года состоявшимся—запрещенно отъ гражданскихъ повинностей всякого званія чинамъ ихъ укривати, но понеже невѣдомо какимъ образомъ Магистратъ взятъ былъ въ команду Полковой здешней Канцеляріи, гдѣ будучи подвластенъ, принужденъ всѣ порядки и власть свою, по правамъ Магдебурскимъ принадлежащую, уступить Полковнику и Старшинѣ; и между тѣмъ они Полковникъ и Старшина Полковая, нетокмо сами зввладѣли подданическими, такожъ мѣщанскими и другого званія Магистратового ведомства дворами, грунтами и угодіями, но и многихъ стороннихъ къ тому допустили столко, что болшая часть людей съ магистратского видѣнія війшла въ разние руки. А при томъ вписано не належно въ козаки и произведено въ чини не малое число; а тѣ все бившіе въ видѣніи магистратскомъ граждане или доми ихъ находятся нынѣ въ Полтавѣ, иние будучи въ чинахъ и протекціяхъ, а другіе въ владѣлцовъ, ползуются всѣми тѣми промислами и торгами, которие гражданству принадлежать, а гражданскихъ повинностей не отбувають; и вся та тяжесть, которая несенна была бывшимъ великимъ числомъ обивателей и подданнихъ,—сложена на оставшоесь малое число. А яко намъ нижеподписавшимся отъ того есть не малая общественная тяжесть, отъ которой гражданство ежечасно вмаляется,—для того мы вѣрноподданние Вашего Императорскаго Величества рабы всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше указать: все то, что послѣ состоянія оной Височайшей грамоти, жалованнной на помянутие села, и Гетманскихъ унѣверсаловъ, кемъ что искупленно и завладѣнно, такожъ и вписанно не належно въ козаки, и произ-

веденно въ малороссійскіе чины, отдать по прежнему въ видѣніе Магистрата, къ отбуванію общенароднихъ повинностей и къ полученію съ онихъ доходовъ, на украшеніе города потребнихъ. За понесенніе же нами чрезъ прошедшое время тяжести и за тѣхъ, которие не належно зъ гражданского видѣнія отторгнути, всеподданнѣише Вашего Императорского Величества просимъ всемилостивѣйше повелѣть въ награжденіе,—части намъ, а части на городскіе нужніе расходы,—взыскать зъ владѣлцовъ и зъ техъ зъ самихъ, которіе не належно или подложно испросили себѣ козачество и чини, все то, что нами за ихъ понесенно.

3.

Города Полтави мы нижеподписавшіесь мещане суть всѣ вообще купно зъ урядомъ своимъ о возстановленіи комерціи для приращенія казни Вашего Императорскаго Величества отмѣнное попеченіе имѣемъ, и при томъ несемъ, яко въ пограничномъ городѣ, разніе тяжести и повинности, какъ въ томъ височайшой Вашего Императорскаго Величества интересъ потребуеть; но за всѣмъ тѣмъ не имѣемъ на себя никакого уваженія, и по вшедшему здесь обикновенію, отъ болшого до меншого, каковихъ бы кто въ своемъ поведеніи достоинствъ ни былъ,—всѣ мы порицаемся мужиками и презираеми бываемо, колми паче отъ Великороссіискихъ квартируючихъ и переежаючихъ Генералѣтета, штапъ и оберъ афицеровъ, даже до послѣднего салдата претерпѣваемъ, какъ Воитъ и урядники, такъ и мещане, несносние утѣсненія, обиди и поруганія, и самие побои, темъ найпаче, что намъ за нашу обиду положенъ въ правахъ небольшой платежъ. А съ Великороссійскихъ чиновниковъ, отъ которихъ мы частие имѣемъ обыди и побои, никогда и удоволствія никакого не получаемъ, и уже до того дошло, что если хто съ нихъ чемъ насъ обидить или побьеть, мы не смеемъ и въ искателства входить; чемъ самимъ отъемлется въ насъ куражъ къ купеческой жизни и промисламъ, теряя отъ унинія все то, чемъ можемъ свой авантажъ, а казнѣ Вашего Императорскаго Величества доходъ сискать. Всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ, ради прославленія на будущие

вѣки благополучнѣйшаго царствованія Вашего Императорскаго Величества, зъ единого Своего Височайшого матерного милосердія, всемилостивѣйше пожаловать намъ, мещанамъ города Полтави, Вашего Императорскаго Величества Височайшую грамоту на навязку шляхетскую, а Войту и урядникамъ Магистратовимъ—уравненіе противъ Великороссійскихъ чиновъ, коими Ваше Императорское Величество насъ вѣрноподданнихъ своихъ рабовъ Височайше пожаловать по своему матерному милосердію благосоизволите.

4.

Височайшою грамотою блаженния и вѣчно достойния памяти Государа Императора Петра Первого и Самодержца Всероссійского къ умершому Гетману Скоропадскому, 1721 году состоявшоюсь, повелено въ Малороссійскихъ городѣхъ драгунскіе полки ставить на винтеръ квартирахъ, не обходя никого: ни полковничихъ, ни старшинскихъ, ни козачихъ, ни великороссійскихъ особъ подданнихъ, ни расколниковъ; а у заслуженнихъ особъ: у полковниковъ, у сотниковъ и протчихъ старшини, и у поповъ и церковниковъ, на дворѣ ихъ, гдѣ сами живутъ—квартиръ не имѣть; а на загороднихъ дворахъ, на подваркахъ, такожъ и въ подданнихъ—ставить отнюдъ не виключая никого. Но въ городѣ Полтавѣ какъ во время квартированія, такъ и во время переходу Великороссійскихъ Генералѣтетовъ, штапъ и оберъ афицеровъ и командъ, отъ полковой здешней канцеляріи поступается не въ согласіе вышеизображенной Височайшой грамоти, но въ отмѣну оной, съ немалимъ отягощеніемъ мещанъ и другого званія магистратского обивателей; ибо по силѣ оного Височайшого указа должни волни быть отъ постою жилие толко доми полковника, сотника и старшини, поповъ и церковниковъ,—а здѣсь и въ другого разного званія людей, а особливо въ бунчуковихъ, войсковихъ и значковихъ товарищей, отводими въ квартиру не бываютъ; да и въ пріѣзжихъ загороднихъ дворахъ владѣлческихъ, старшинскихъ, сотничихъ, значковихъ товарищей и виборнихъ козаковъ, полковникъ здешній надъ точное вишеизображенное височайшое повелѣніе,—ставить постою не велѣлъ. А и съ техъ жителствующихъ въ городѣ

Полтавѣ чиновниковъ многіе суть такови, которие недавно съ мѣщанъ повиходили и въ мещанскихъ домахъ живуть и мещанскими грунтами владѣють, сверхъ того бавятся купеческимъ промисломъ, а гражданскихъ никакихъ не отбувають повинностей, лишая насъ при понесеніи нами за ихъ тяжести по праву принадлежащого намъ промислу; и хотя о томъ отъ насъ по командамъ нашимъ жалобы неоднократніе были, но во удоволство наше ничего не получили. Теперь Ваше Императорское Величество по Своему матернему милосердію соблагоизволили намъ вѣрноподданнимъ своимъ всемилостивѣйше дозволить представить намъ всѣ нашѣ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ нужди; вишеизображеній же здесь поступокъ столь для насъ горестенъ и обиденъ, что мы болѣе его сносить не въ состояніи, потому что мы видимъ зъ своихъ собратевъ ежедневно такова, которій какъ скоро, захотя отъ гражданскихъ повинностей укрится,—испрошуетъ себѣ чинъ или какое другое воинское званіе, или въ козаки впишется, то ни постою, ни вистатченія подводъ, ни другихъ городскихъ тяжестей не знаетъ, но то заразъ снѣмается и слагается на насъ, остаючихся при магистратѣ въ отбуваніи гражданскихъ повинностей, а нехотящихъ по примѣру ихъ укриватся; отъ того Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ по своему матернему височайшему милосердію, въ избавленіе насъ отъ вишеизображеннихъ тяжестей, всемилостивѣйше указать, яко здесь пограничное мѣсто, въ которомъ болѣе другихъ всегдашніе постои суть, чтобъ единъ предъ другимъ въ постояхъ и другихъ городскихъ повинностяхъ обтяженни либо облегченни не были; но всѣ бъ равно граждане отбували ту гражданскую повинность. А къ тому всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше пожаловать указать, чтобъ квартируючіе въ насъ дровъ и свѣчъ не взимали и не требовали безденежно, и никакого утѣсненія намъ въ нашихъ домахъ заниманіемъ квартеръ не утѣсняли, и стояли тамъ, гдѣ отъ Магистрата отведенно будетъ; и въ случае каковой нужди обивателской сходили бъ съ онихъ квартеръ тогда, когда отъ Магистрата потребованно будетъ, на другіе квартири безспорно.

5.

Городъ Полтава после шведской войни приведенъ былъ, яко пограничное место, въ хорошое состояніе; и какъ крѣпость порядочная, такъ и другіе нужніе городовіе строенія были; но после того, будучи въ полной дирекціи полковой здешней команди, допущенъ всемъ темъ въ крайнее опустеніе, и теперъ какъ крепости, такъ и никакихъ публичнихъ строеній и приличного украшенія не имѣетъ, а въ немъ все то имѣть противъ другихъ примѣрнихъ городовъ надлежить. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ: указать, чтобъ повеленно было Магистрату здешнему о украшеніи города попеченіе прилѣжное принять, и привесть его въ хорошое состояніе потребними публичними строеніями, при вспоможеніи околичнихъ уезду полтавского мѣстъ. Объ отпускѣ же на то потребной сумми всеподданнѣише просимъ Вашего Императорскаго Величества височайшого матерного благопризрѣнія; и притомъ височайше повелѣть собирать Магистрату доходи на оное украшеніе города со всего того, что издревле Магистрату принадлежить и нынѣ свободнимъ городовимъ есть; а къ тому

6.

Имперіи Вашего Императорскаго Величества во многихъ городахъ учрежденни дворянскіе и купеческіе банки съ казни Вашего Императорскаго Величества, и темъ купечество россійское имѣетъ въ произвожденіи своихъ торговъ не малую вигоду; въ городѣ жъ Полтавѣ хотя имѣется доволное число малороссійского купечества такова, кои суть къ умноженію и произведенію торговъ и промисловъ купеческихъ способними, но какъ всѣ здешніе обиватели, такъ и они въ денгахъ суть недостаточни, и потому въ торгахъ своихъ имеють немалое затрудненіе и остановку. Къ разумноженію оного купечества и приведенію въ цвѣтущое его состояніе Всенижайше Вашего Императорскаго Величества просимъ, съ казни Вашего Императорскаго Величества, при Малороссійской Коллегіи, опредѣлить банковую сумму зъ слѣдующими обстоятелствами: 1-е) Чтобъ платить процентъ въ казну Вашего Императорскаго Величества за то толко

число, которое розданно будетъ. 2-е) Чтобъ отпускаемие были денги купечеству по атестатамъ урядовимъ, которіи и отвечать за то обязани. 3-е) Чтобъ позволенно, сверхъ казеннихъ шести, на вышеобявленное украшеніе города получать по два проценти.

7.

Въ 5-мъ пунктѣ сей, отъ насъ чрезъ вибранного депутата подносимой Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшей челобитной, просили мы Вашего Императорскаго Величества, чтобъ повеленно было съ насъ доимокъ не взискивать, потому, что мы въ казну Вашего Императорскаго Величества ничего не должни; а должни толко одинъ другому; въ пополненіе того мы города Полтави жители Магистратского видѣнія общественно въ семъ пунктѣ всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству бьемъ челомъ о нижеслѣдующемъ: до учрежденія Его Сіятелствомъ Графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовимъ во всей Малороссіи рублевого окладу, вистатчили мы на опредѣленнихъ въ Малую Россію отъ Вашего Императорскаго Величества консистентовъ и на переходящія, а въ многомъ числѣ и на несостоящіе на доволствіи въ Малой Россіи полки, указное доволство такимъ образомъ: отъ главной нашей команди или по указамъ оной отъ полковихъ здешнихъ канцеляріи ревизия было сочиняется по статямъ; и въ полковихъ канцеляріяхъ расположенія было дѣлаются по статямъ же, то есть: на богатого болше, а на убогого менше роскладается порціоновъ и раціоновъ, натурою или денгами, за себя и нащетъ другихъ полковъ; и потому было мы подлежащое всякое указное вистатченіе по расположенію здешней полковой канцеляріи и ассигнаціямъ чинимъ; однакъ мы тогда чуствовали немалую тяжесть по сему: 1-е при сочиненіи вишеобявленнихъ ревизій, пишуть насъ было не въ приличніи намъ статѣ, такъ какъ другихъ обивателей, а паче какъ полковникъ и старшини полковіе и другіе своихъ людей противъ насъ, и нашихъ подсусѣдковъ ставять было низше далеко и по темъ статямъ располагая на насъ вистатченія взискують. 2. Въ случае пространого квартированія консистентовъ въ полку Полтав-

скомъ, какъ то до сего было, асигнують намъ далекую возку, а случалось по сто и болѣе верстъ; а своихъ подданнихъ или вовся минують, или ставять надлежащое съ нихъ либо въ доимку, либо во взисканіе остаточнихъ отъ произвожденій денегъ; и мы по такимъ асигнаціямъ либо принужденни чрезъ такъ далекое разстояніе провіянтъ и фуражъ возить, либо договаривается съ консистентами о принятіи за оніе денегъ. И часто случалось, что мы платили за рацію отъ трохъ до пяти рублей во мѣсто девятидесяти копѣекъ. 3. Уведенное въ насъ нащетное произвожденіе не менше намъ тяжестно, какъ и вишеписанно, потому 1) Что мы за тое произвожденіе не получили напослѣдки многого числа денегъ; 2-е Мы нащетние раціони и порціони вистачаемъ было въ щетъ другихъ полковъ въ разніе времена, а паче въ случае недороду, нещитая фуража и провіянта, денгами какъ и вишеписанно отъ трехъ до пяти рублей, а въ заплату себѣ получаемъ съ техъ полковъ, нащетъ которихъ произвожденіе делаемъ, по девятидесяти копѣекъ. И хотя сіе все касается до общества всего Малороссійского народа, однакъ мы города Полтави видѣнія Магистратского обиватели чуствуемъ болше другихъ обиди, потому, что въ полковой здешней канцеляріи асигнаціи дѣланно о вистатченіи нащетнихъ раціоновъ неравномѣрно, а всегда облегчая другихъ, а магистратского видѣнія обтяжая; что часто случалось магистратовимъ въ двое противъ другихъ, не по статямъ, но по единому полковничому изволенію платить. Теперичнимъ учрежденіемъ Его Сіятелства Графа Петра Александровича Румянцова о взисканіи съ насъ на доволство консистентовъ денгами—доволни и отъ всехъ техъ тяжестей, которие мы до сего чуствовали—свободни. Но поелику чрезъ прошедшое время многіе съ подданнихъ магистратовихъ посполитихъ и подсусѣдковъ нашихъ обнищали, по вишеписаннимъ резонамъ, а паче недородомъ хлеба и надежемъ ежегодно скота, которимъ мы всѣ здешніе обиватели свое содержаніе имѣемъ, особливо безвиходними постоями и тяжестію переходящихъ командъ, то всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ въ томъ всевисочайшого Вашего Величества благопризрѣнія и отъ натуралного произвожденія консистентамъ насъ всемилостивѣйше

указать, во избежаніе вишевираженнихъ намъ бившихъ тяжестей— вѣчно уволнить; а собирать съ насъ по тому Его Сіятелства учрежденію деньгами наличное число штацкою ценою. Чтожъ касается до доимокъ, которие указомъ Малороссійской коллегіи повелѣвается съ насъ всѣ взискивать на повелѣнное въ городѣ Глуховѣ строеніе, то яко по извѣстію намъ тая доимка есть не малая, а какъ мы по себѣ чуствуемъ, то состоить на некоторихъ или вовся мало, или вовся ничего; и откуду бы такова великая народная доимка взялась, знать не можемъ, яко те и протчіе народніе денги собраніемъ входими были въ полковую здешную канцелярію и въ Щетную коммисію, въ которой и знатние сумми находились; и ежели они и нынѣ есть, то должни быть тѣ самие, которіе зъ насъ взискивать повелѣвается. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣише просимъ, всемилостивѣише повелѣть со взисканіемъ недоимки на насъ считаемой обождать, и всемилостивѣйше указать первѣе между нами и здешними канцеляріями и коммисіями о всѣхъ вшедшихъ съ техъ годовъ, съ которихъ доимки взискуются, рощетъ чрезъ надежнихъ нарочнихъ при нашемъ оправданіи учинить; и ежели за темъ по справедливости съ насъ на комъ таковие недоимки сищутся, мы платить оние должни будемъ.

Всемилостивѣишая Государиня, вишеписанние нашѣ общіе нужди чрезъ вибраннаго отъ насъ Депутата Вашему Императорскому Величеству представляя, всеподданнѣйше просимъ по онимъ явить свое къ намъ, вѣрноподданнимъ Вашего Императорскаго Величества рабамъ, высочайшое матернее благопризрѣніе.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣшіе рабы города Полтавы... *(подписей нѣтъ)*.

XII.

1767.

1) Прошеніе гражданъ и разнаго званія жителей города Лубенъ.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Екатерына Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государыня Всемилостивѣйшая!

Бьютъ челомъ Малороссійского Полкового города Лубенъ разного чина и другого званія граждане, а въ чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункта.

Ваше Императорское Всепресвѣтлѣйшое Величество отъ 14 декабра 766 года всевисочайшимъ манифестомъ обнародовать соизволили, что вибрание съ високославной Вашего Императорскаго Величества Имперіи для сочиненія проэкта новаго уложенія Депутати созиваются нетокмо для того, чтобы вислушать отъ нихъ нужди и недостатки каждого мѣста; но и допущени они быть имѣютъ въ комисию о сочинении упомянутого проекта.

Таковое Вашего Императорского Величества Матернее Всевисочайшое Милосердие есть руководствомъ того дерзновенія, съ которимъ мы, всеподданнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества раби, пріемлемъ трудить Всевисочайшое Вашего Императорскаго Величества лице въ слѣдующихъ нашихъ нуждахъ.

1.

Полковий городъ Лубнѣ весма уже з давного времени множественними и безпреривними несравненно противъ другихъ таковихъ же городовъ постоями крайне обтяженъ. А именно: кромѣ давнѣйшого времени, начавъ отъ 1735 году чрезъ тридцать и болѣе годовъ, чрезъ все бывшое съ Турками военное время, и посли онаго и донинѣ сколко когда какови были и бываютъ Вашего Императорскаго Величества регулярнихъ и нерегулярнихъ войскъ движенія, многия Генералѣтети, полки и другия разния команди чрезъ городъ

Лубнѣ, яко на неусипнихъ главнихъ трактахъ состоящій, переходя, ночлегами и квартирами, чрезъ повеленное время бывая, доволствуются.

Чрезъ все тожъ бившое съ Турками военное время тамъже въ городѣ Лубняхъ еще господа Генерали, Фелтмаршали, и другіи Генералѣтетъ, по тогдашнимъ военнимъ обращеніямъ собиравшиеся, а къ тому главній Кригсъ Коммисариятъ, штапи и другие жъ разніе чыни и комманды на винтеръ квартирахъ состояли; главная жъ Полевая Аптека съ еи чинами, служителми и караульними командами изъ давнѣйшаго времени, яко до пяти-десяти уже годъ несходно и до нинѣ квартерують.

Притомъ билъ зъ 752 году опредѣленной на квартирахъ Оберъ-Провиятмейстеръ съ коммисиею и при ней разними чинами, канцелярскими служителями и командою.

Посля оного по виходѣ чрезъ нѣкоторое время въ другое место, опредѣленъ сюдажъ въ городъ Лубнѣ прошлаго 763 году Оберъ-Кригсъ-Комисарь тожъ съ комисиею и при ней находящимися разными чинами и канцелярскими служителми, которой и нинѣ въ городѣ на квартирахъ находится, и въ ту комисию, какъ и въ полевую аптеку, зъ разнихъ многихъ полковъ въ комисию за казною, изъ многихъ же провинций исъ казною, а въ Полевую Аптеку за медикаментами, почитай безперестанно разние чины съ командами пріѣзжають, и въ городѣ имѣютъ до отправки ихъ квартированіе съ таковимъ утѣсненіемъ, а паче егда между тѣмъ прилучаются переходящие полки и команди, что биваеть на едной квартерѣ по десяти и болѣе человѣкъ, то хозяямъ и мѣста уже не остается, и лишаются промисловъ и ремесла, и которіе уже не могуть въ городѣ зъ хозяями вомѣщатся, то принужденни становится по околичнимъ около города местамъ по квартерамъ, где такожъ отъ ежечастого квартерованія немалая тяжесть противъ протчихъ местъ слѣдуетъ.

А въ 765 году вступилъ въ городъ опредѣленній на непремѣнние квартери Ряскій пехотній полкъ; и хотя по невмѣщению оного протчие роти раставлени по околичнимъ мѣстечкамъ, но въ городѣ оставленъ полковий штапъ, полковая канцелярия, тягости, аммуниция, лазарети, и двѣ роти и къ нимъ и съ онихъ протчихъ

ротъ ежечасто приезжають афицери и другие чина и прибивають на караули салдати и собираются по колкократъ по полковимъ биваемимъ дѣламъ команди.

Да тамъ же еще въ городѣ полковая Лубенская Канцелярия, гродскый и земскый Суда, полко(ва)я Лубенская Щетная Коммисія, Генеральной Описи Коммиссія и повѣтовий Лубенский, куда рублевого окладу денги привозятся Комисариятъ съ ихъ чинами и канцелярскими служителми. А городъ Лубнѣ небольшій и дворовъ со всеми духовного и мирскаго чына настоящихъ гражданскихъ малое число, всего триста шесть десять тры.

2.

Отъ такова множественного въ городѣ постою обиватели крайную узнають тяжесть, въ квартерахъ утѣсненіе; притомъ доволствують постой своими дровами. Многие жъ, не имѣя своихъ лѣсовъ, а хотя и имѣють, да по малой части, для оплету нужнихъ, принуждени покупать на торгахъ дорогою цѣною; а последние беднѣйшие отоплива(ю)ть тросникомъ и соломою, покупая и тое по скудости дровъ недешевою цѣною. Покупка жъ дровъ на торгахъ весма нужна: едно что многимъ для постояльцовъ купить надобно, другое что и въ Полевую Аптеку для казенной надобности всегда первѣйшая онихъ на торгахъ покупка искупляется, сколко бъ ни било.

3.

По какимъ обстоятельствамъ обиватели, при томъ видя обстоящій чрезъ сколко уже годъ на хлебъ недородъ и происходящие съ того и отъ оного многаго въ городѣ постою въ хлебе, въ с'естнихъ припасахъ и въ дровахъ возвишенние ценъ, и что тожъ ежечасто еще въ обивателей биваетъ скотский падежъ, пришли въ конечное изнеможение, какъ самого тогожъ города поселеній обетшалость и упустѣня еивствуетъ.

4.

Якій при томъ городѣ самонужнѣйший для обивателского домашнего робочого и другого скота, такожъ и домовихъ птицъ, для ви-

пуску зъ двохъ сторонъ города имѣлся неболший випустъ, искони всехъ обще гражданъ имъ единственно до города прин(а)длежащий и то болше по гороватимъ местамъ находящийся, да сверхъ того за рекою Сулою, кромѣ древнихъ собственнихъ владѣлческихъ и обивателскихъ земель, якъ о томъ по учиненному между полковими городами Миргородомъ и Лубнями давному разграничению значится, еще било общой же нѣсколко толочной и сенокосной землѣ, къ томужъ городу всемъ гражданамъ принадлежащой,—съ тѣхъ съ оного, что подъ самимъ городомъ, выпусту зъ едной сторони подъ Ряский пехотний полкъ для компомента и лагеровъ, для магазеиновъ и конюшень того полку, а зъ другой сторони подъ Полевую Аптеку, для строений вновь и для огородовъ немалое число самого лутшого места занято. А за Сулою оная толочная и сѣнокосная земля всехъ гражданъ общая находится тожъ нинѣ въ разномъ владѣнии. Итакъ обивателямъ города Лубень въ прокормлении и содержании скота за неимѣніемъ въ многихъ собственнихъ земель обстоить всекрайнѣйшая нужда и недостатки. Имѣется жъ въ городѣ въ старомъ замкѣ для вистройки Полевой Аптеки, а подъ тѣмъ замкомъ для садовъ и огородовъ аптечнихъ, мѣста на то способние.

5.

Города жъ Лубень, кромѣ вишеписанного многого постою, обиватели еще многие понесли тяжести. Въ вишеписанное съ Турками бившое время военное взимались отъ нихъ воли, вози съ потребностми и погончиками, висилались зимного времени ко Днепру для безопастности отъ неприятелского нападения, для полонения лда, работники, дѣлались для того инструменти, а во время недавно прошедшого Пруского походу взимались отъ козаковъ и посполитихъ воли, отъ козаковъ же еще лошади, а отъ посполитихъ и восмотисячный зъ Малой Россіи бивший наборъ и люде, снабдѣвая онихъ указнимъ на дорогу одѣаниемъ, обувомъ и денгами. Доволствовано переходящіе въ обѣ тѣ времена и состоявшие на квартерахъ отъ войскъ команди провиянтомъ и фуражемъ. Вистатчаеми были указние подъ тягости и подъ болнихъ подводы, и нинѣ о томъ какови биваютъ повелѣния, по тому и исполняются.

6.

Прежде зъ давного времени чинени были по силѣ указовъ ежечасто козакамъ и посполитимъ по здешнему обикновению ревизии: по дворамъ, по хатамъ и по статямъ, различая на сколко статей ко уравнению обивателей въ консистентскихъ дачахъ, чтобъ еднимъ предъ другими въ тѣхъ дачахъ тяжести бить не могло; и подсусѣдки бѣдние и нищетние, которие въ однихъ хозяйскихъ хатахъ живуть, не имѣя никакихъ грунтовъ и питаются зъ одного поденного заработку, между настоящие посполитие, своими дворами и хатами живущие и грунта имѣющие, не верстани, а записивани особо и потому на нихъ и дача особо отличная полагана: на пѣшого на мѣсяцъ по двѣ, а на тяглого по три и по четири копейки. А посля того 752 году по универсалу господина Генералъ Фелдмаршала Сенатора и разнихъ орденовъ кавалера графа Кирила Григориевича Разумовского, по битности его у Малой Россіи Гетманомъ, таковихъ подсусѣдковъ сверстанно между оние настоящие посполитие, между коими какъ того 752, такъ и 755 годовъ и въ ревизияхъ записани, и съ того на нихъ въ дачахъ последовала тяжесть.

7.

Отъ тогожъ 755 году чрезъ немалое время ревизии не чиненно, но дача на консистентовъ полагаема была по той 755 года учиненной ревизіи, по числу хатъ въ ней значащихся. По той же ревизіи чрезъ то время по свободному съ мѣста на мѣсто переходу иние безвѣстно посходили, а иние позмѣрали, и принуженни за таковихъ наличние платить, а где нѣкому, тамо требуется уплатки отъ самихъ хозяевъ, коихъ те изшедшие и измершие подсусѣдки были и по нихъ пустие хати либо плеци поостались, а хозяе за нихъ платить своимъ не одолжени.

8.

А 763 году учиненна отълична вновъ козакамъ и посполитимъ по дворамъ, по хатамъ и по душамъ перепись безъ статей, не минуя въ рядъ съ протчими подсусѣдковъ и годовихъ уже наемнихъ слу-

жителей; по которой прошлого 765 году и рублевимъ отъ хатъ окладомъ, какъ козаковъ подпомощниковъ и посполитихъ, такъ равно съ ними и онихъ подсусѣдковъ и наемнихъ годовихъ служителей обложенно съ темъ, что естли по кварталамъ чего отъ кого въ тотъ рублевой окладъ уплачено не будетъ, то взисканно будетъ въ сугубо, и хотя сложено на владѣлцовъ, чтобъ они на своихъ людей на можнѣйшихъ болше, а на убогшихъ менше полагали, почему и исходно на владѣлцовъ техъ, въ коихъ по надачамъ имѣются маетности и въ онихъ находятся между убогшими и можне-грунтовие люде, на которихъ можно владѣлцу, смотря по имуществу болше, а на убогшихъ менше положить. На подсусѣдковъ же разного владѣния, яко оныхъ въ инихъ по одной, въ другихъ по двѣ, въ некоторихъ же по три или чемъ и болше хатъ самихъ крайне нищетныхъ, зъ одного поденного заработку питаючихся, а къ тому и на наемнихъ годовихъ служителей, которие въ той службѣ однолично пребиваютъ, такой роскладки учинить не можно, и они не толко болшимъ числомъ, но и того рублевого окладу съ чего платить несостоятелни. Къ томужъ на козаковъ подпоможчиковъ прежде полагана дача противъ посполитого на всякого у-полъ; нинѣжъ какъ посполитихъ, такъ и козаковъ подпоможчиковъ равно темъ отъ всякой хати рублевимъ окладомъ обложено. А якъ козаки подпоможчики въ число виборнихъ козаковъ на места убилие къ виборнимъ козакамъ убогшимъ въ помощъ опредѣляются и до того комендируются въ далние места по указамъ на работи, яко то: предъ симъ отправляеми были на засѣчние по Полской границѣ, за Днепръ до крепости Святия Елисавети на роботи, а после того чрезъ нѣсколько уже годъ комендируются зъ мѣсяца марта ежегодно на Донъ до крепости Святаго Димитрия Ростовского на работу жъ, кроме проходу на шестомѣсячное время, исправляя себе подлежащимъ одѣяниемъ, обувомъ, провиянтомъ, для подъему того провиянта повозками и скотомъ, и для покупки оному фуража денгами, а между тѣмъ и въ заграничний Пруский походъ съ волами отправлялись, гдѣ на службѣ по нѣсколько годъ находились: то имъ тотъ рублевий окладъ отъ хатъ, да еще равно съ посполитими, уплачивать съ тяжестию.

9.

Нынѣ, за учрежденіемъ Малороссійской Коллегии, нарочно опредѣленними штапъ и оберъ афицерами, съ Малороссійскими старшинами дѣлается еще отличная Генералная Опись: описуются жилие наши двори, пахатние и сѣнокосние земли, лѣса, луга, съ показаниемъ имъ мери, мелницы и протчие угодия и требуется показания, сколко хлеба засѣвается и на какомъ местѣ, сколко сена укошивается, и сколко съ мелницъ приходу въ годъ биваетъ, также и о промислахъ; требуется на владѣние крепостей, описивается скотъ и пчели, и ревизуются получаемие доходи и люде, въ кого есть, мужеска и женска полу души до найменьшого младенца и все ихъ имѣние и самихъ служителей описивается. А такой описи, яко оная Малороссійскимъ правамъ, привилегиямъ и обичаямъ, Высочайшими грамотами утвержденнимъ, несходственна, искони никогда еще въ Малой Россіи не бывало.

10.

По древнему жъ здесь въ Малой Россіи обикновению и волностямъ, разного воинского и другого звания здешние граждане, живучи въ городѣ, имѣють промисли, торгъ, а некоторие и ремесло свободно, которые и впредъ имъ гражданамъ, яко съ нихъ многие не имѣють земель, войсковую жъ службу, а протчие другие повинности съ того отправляють, имѣть необходимая нужда обстоить; но имъ гражданамъ съ Великороссійскихъ купцовъ приезжие и въ городѣ Лубняхъ своими купленними и наемними дворами жительствующие, а зъ гражданами указной служби не отправляющие, чинять въ промислѣ, перекупая, помѣшательство, съ чего имъ гражданамъ явная въ томъ обида и недостатки.

11.

Здешние мещане города Лубень, какъ они еще, по отбытіи Малой России съ подъ депенденціи Полской, не подвержени въ подданство нѣкому и содержались отлично противу подданнихъ, а за упоминаемого Графа Разумовского, по полномощию уряда его гет-

манского, въ число другихъ посполитихъ взяти подъ вѣдѣние войскового скарбу.

12.

По правамъ Малороссійскимъ, Високомонаршими грамотами утвержденимъ, бѣлое духовенство Малороссійское щитается съ осѣдлостми своими въ числѣ шляхетства, и кромѣ того, что они по должности своей службу отправляють, ихъ дѣти происходятъ, за силу Духовного Регламента, въ науки иностраннихъ язиковъ, потомъ и въ войсковую службу, а за ними и наследные духовного ихъ чина грунта отходятъ. Почему и по древнему здешнего края обикновению, бѣлому духовенству какъ продажа, такъ и купля грунтовъ была какъ и протчимъ свободна; но посля того, рѣшителними пунктами уже духовенству такова покупка грунтовъ запрещенна. Дѣтямъ же ихъ всѣмъ въ духовенство не умѣститься, и кои могутъ оставатся для войсковой служби—какъ то поповскихъ дѣтей по умершихъ отцахъ и велѣно уже употреблять въ войсковую службу—оной отправлять не съ чего. Къ тому-жъ инное духовенство, не имѣя къ прожитию места, живуть въ чужихъ хатахъ, да и жить инимъ, не имѣя грунтовъ, при парахіяхъ нѣ на чомъ, кромѣ одного доброхотного подаяния. Съ тогожъ, когда духовенству покупка грунтовъ была бъ невозбранна, нетолько не било бъ умаления въ войсковой службѣ, но еще могло бъ бить въ оной приращение, и отбивать съ чего би было.

13.

Города Лубень граждане какъ не имѣютъ достаточнихъ промисловъ, то къ лутшему состоянию своихъ службъ для своихъ нуждъ инние собственнимъ своимъ скотомъ, а иние нанимая фуру, съ Криму и Сѣчи Запорожской вивозять было соль, бакалѣю и церковное вино. А какъ, за учреждениемъ въ Малой Россіи по пограничнимъ местамъ таможень, началась тарифа взиматись, то потому и граждане уже начались лишатся своихъ вигодностей и чрезъ то подвергатся къ немалимъ недостаткамъ, такъ что до тарифи въ

продажѣ била соль пудъ по 15 копеекъ, а нинѣ по 50 копѣекъ продается.

Природное Вашего Императорскаго Величества человѣколюбие толь намъ чувствително, что ми несумѣнно уповаемъ, что Ваше Императорское Величество висше донесенние нужди наши и отягощения принять соизволите лицемъ, во всемъ соотвѣтству(ю)щимъ премилосердному Вашему сердцу.

И сего рады всеподданнѣйше просимъ Вашего Императорскаго Величества пожаловать насъ, вѣрнихъ подданнихъ, всенижайшихъ рабовъ, височайшею Матернею милостию въ слѣдующемъ:

1. Всемилостивѣйше указать городъ Лубнѣ за толь многие понесенние его отъ давнего времени въ постояхъ и другихъ тягостяхъ изнеможения въ онихъ постояхъ облегчить. Ряскій пехотний полкъ и Оберъ Кригсъ Комисара съ комисиею съ оного города Лубенъ вивесть, якожъ бо кромѣ полевой аптеки изъ разнихъ многихъ полковъ, командъ за медикаментами къ оной приезжающихъ, еще и ежечасто чрезъ городъ Лубнѣ, поелику трактовой, переходящие полки и команды слѣдуютъ и имѣють въ городѣ квартиры.

2. Чинимую нинѣ жилихъ нашихъ дворовъ, имѣній и людей нашихъ генералную опись всемилостивѣйше повелѣть отставить, а чиненно би по прежнему ревизіи о дворовомъ числѣ, какъ височайшимъ 734 году августа 8 состоявшимся указомъ повелѣнно и по здешнему обикновению: по дворамъ, хатамъ и по статямъ.

3. Обивателей города Лубень отъ рублевого окладу, кои онимъ обложени, всемилостивѣйше уволить, а собирать съ техъ обивателей, которие по високомонаршимъ грамотамъ къ дачамъ подлежать на указно опредѣленнихъ консистентовъ, въ силѣ височайшихъ указовъ на одно наличество по статской ценѣ денгами, по расположениямъ таковихъ, какъ прежде о томъ чинени по ревизиямъ, по хатамъ и по статямъ.

4. Отъ вистачения Генералѣтету, штапъ и оберъ афицерамъ дровъ для топлива всемилостивѣйше уволнить, а повелѣть довольствоватся имъ по прежнему, какъ Височайшимъ 742 года Августа 18 д. указомъ повеленно, покупкою.

5. Обивателей здешнихъ отъ платежа доимочныхъ денегъ всемилостивейше уволнить, а повелеть оние, яко уже отъ производства на количество консистентовъ осталние, отставить.

6. На наемнихъ годовихъ служителей чтоби по прежнему обикновению дачи не полагать, а на подсусѣдковъ въ хозяйскихъ хатахъ жительствующихъ, кои самие нищетние, при расположенияхъ консистенскихъ класть дачу по прежнему подсусѣдческую и для того ихъ и при ревизияхъ въ число дворовое между настоящихъ хозяевъ не ставить, а писано бъ по прежнему особо, подсусѣдками.

7. Чтобъ здешнимъ гражданамъ разного войсковаго и другаго звания людямъ промисли, торгъ и ремесло били и напредки по прежнему здешному обикновению свободны; а зъ Великороссійскихъ купцовъ даби никто промисловъ и перекупокъ, въ городѣ и по селамъ ездя, здешнихъ продуктовъ не держалъ и своихъ товаровъ въ рознь не продавалъ, Всемилостивѣйше подтвердить Височайшою Вашего Императорскаго Величества грамотою.

8. Для вистройки полевой аптеки строений въ показанномъ старомъ Замку место, а для огородъ тамъ же подъ замкомъ пустую замлю отвесть; принадлежащой же до города Лубенъ общой гражданской землѣ по прежнему быть при томъ городѣ въ общомъ гражданскомъ владѣнии, какъ оная и спрежде была, всемилостивѣйше повелѣть.

9. Всеподданнѣйше просимъ мещанъ Лубенскихъ съ той скарбовой канцелярии исключить, а бить имъ по прежнему мѣщанами свободними.

10. Всемилостивѣише пожаловать Малороссійское бѣлое духовенство, чтобъ имъ по давнему здешнему обикновению, правамъ и волностямъ для ихъ содержания и чтоби было дѣтямъ ихъ войсковую службу—кто съ нихъ въ оной останется—съ чего отправлять, была по прежнему покупка грунтовъ свободна.

11. Хто для своей собственной нужди и недостатку посилатиметь за соллю и бакалѣею, въ томъ числѣ и за церковнимъ вы-

номъ въ Сѣчъ или Кримскую Область, въ такомъ случаи о облегчении заплати по прежнему учинить всемилостивѣйшое помилование.

Сіе Всевисочайшое Милосердие тѣмъ болѣе на височайшую степень слави возвисится и дойдетъ до самого владѣющого всею тварию Бога, что въ ономъ имѣть будуть участие самие бѣднѣйшие и безпомощественнѣйшие въ свѣте люде.

Ми вѣрноподдание всенижайшие раби всѣ совокупленними сердцами должность имѣемъ молить Всевишняго Творца, да благословить Ваше Императорское Величество тисячною милостию своею въ нинѣшнемъ и въ будущемъ вѣкѣ.

1767 году, Апрѣля 17 дня.

На подлинномъ тако:

Вашего Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества вѣрние подданние и всенижайшіе раби:

Намѣсникъ Лубенскій Іерей Іоанъ Богдановичъ, Іерей церкви Николской Лубенской Алексѣй Александровичъ, Іерей Федоръ Иоакимовъ, вѣкарій Троицкои Лубенскои Ружной церкви Іерей Іоанъ Прохоровъ, Іерей церкви Николской Лубенской вѣкарій Михаилъ Алексѣевъ, Іерей Ияковъ Михайловичъ, вѣкарій церкви соборной Лубенской Рождества Богоматери, Іерей Феодоръ Ивановъ Левенецъ соборной Лубенской церкви вѣкарій, Дияконъ церкви соборной Лубенской Іоанъ Евдокимовъ, Хоружій сотни Перволубенской Никифоръ Макаренко, Коморникъ повѣту Роменского Костантинъ Шулячевский, Значковий Товаришъ Михайло Полунѣй, Значковий Товаришъ Михайло Майборода, Значковый Товаришъ Александръ Шимка, Значковий Товаришъ Стефанъ Ющенко, Асаулъ Полковой Лубенской Артилерии Уласъ Рублевский, Полковой Артилерии Хоружий Игнатъ Щочка, Асаулъ сотений Ефимъ Капуста, Городничий полкового Города Лубенъ Андрей Сидорскій, Козакъ Лубенский Максимь Касяновъ, Козакъ Лубенский Андрѣй Коцарь, Козакъ городовій Лубенский Осипъ Кондраченко, Козаки городовие: Петро Лазоренко, Олефѣръ Оробченко, Кондратъ Василиевъ, Филонъ Крикуновскій, Иванъ Подгорний, Трохимъ Солодкий, Тимошъ Якименко, Василь Карунникъ, Мусѣй Нѣжинецъ, Грицко Солодовникъ, Семенъ Шапочникъ,

Яковъ Коханъ, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению вишеписанний козакъ Осипъ Кондратченко руку приложилъ. Войсковой музики габоистъ Данило Крошмахъ, Войсковой музики Иванъ Андреевъ, Козаки Лубенские: Андрей Белий, Федоръ Глухий, Назаръ Дѣгтярь, Артемъ Чайка, Стефанъ Мацко, Иванъ Ищенко, Назаръ Бережний, Иванъ Работенко, Ефимь Патѣкъ, Петро Оберемокъ, Михайло Ярошенко, Остапъ Тарасенко, Антонъ Сидоренко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению вишеписанний волторнѣстъ Иванъ Андреевъ подписался. Козакъ городовий Лубенский Григорий Трилѣскій, Козаки городовие Роменские: Иванъ Олѣйникъ, Савка Олѣйникъ, Динись Кравець, Макаръ Сученко, Андрѣй Дерѣй, Иванъ Камординъ, Иосифъ Бѣличевский, Кондратъ Гиркало, Иванъ Парпура, Павло Федоровъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению Козакъ Лубенский Григорий Трилѣскій подписался. Козакъ городовой Лубенский Андрѣй Крапивка, Козаки городовие Лубенские: Демко Дѣгтярь, Максимъ Петрикъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению вишеписаний козакъ Андрей Крапивка руку приложилъ. Мѣщане Лубенские: Дмитро Постольникъ, Павло Курначъ, Федорь Ковнерь, Грицко Рабуха, Иванъ Лисенко, Карпъ Лѣнко, Фома Хведоренко, Микита Борщиговецъ, Микита Горбь, вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе писарь Павло Холоднякъ подписался. Козакы: Федоръ Коваль, Павло Мазепа, Денисъ Мацко, Корнѣй Радченко и Грицко Дзекало, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ и за себе козакъ Лубенский Иванъ Петровъ подписался. Козаки: Федоръ Устименко, Грицко Чикисенко, Грицко Момотенко, Павло Устименко, Степанъ Сушко, Яковъ Устименко, Тимошь Устименко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе Козакъ Иванъ Поповичъ подписался. Войсковой музики трубачъ Михайло Малеча. Козаки: Иванъ Гринченко и Максимъ Пѣкуль, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению трубачь Михайло Малеча подписался. Мѣщане Артемъ Сивунь, Андрей Рудь, Зѣнецъ Николаенко, Микола Римарь и Григорий Брижаха, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению козакъ городовий Лубенский Иванъ Поповичъ подписался. Козаки: Панасъ Салко, Стефанъ Сопунъ,

Евтухъ Ламашенко, Лукянъ Винникъ и Мосѣй Литвинъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению Полковой Лубенской канцелярии Подканцеляристъ Марко Поддубній подпис(а)лся. Козакъ, ктиторъ соборной церкви Василь Михайловъ. Мещане: Степанъ Илченко, Иванъ Фесенко и Иванъ Сивуненко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению Полковой Лубенской Канцеляріи Подканцеляристъ Марко Поддубний. Войсковой Полковой музики довбишъ Григорій Вѣтвицкий. Козаки: Иванъ Пасько, Андрей Сопуненко, Зѣнецъ Крошмаль, Трофимъ Слюсаренко, Андрей Макаренко и Федоръ Лебединецъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ рукоданному прошению Градского Лубенского Суда Подканцеляристъ Андрей Запорожский подписался. Мѣщане: Лукянъ Галущенко, Василь Передериока и Ничипоръ Мисановъ зять, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению подканцеляристъ Андрѣй Запорожский подписался. Войсковой музики волторнѣтъ Иванъ Макаренко. Козаки: Тимофѣй Макаренко, Яковъ Лоза, Карпъ Коваль, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе Никифоръ Власовъ подписался. Мѣщане: Григорій Дрипаненко, Микита Мисанъ, Фома Яценко, Харко Ганнотенко, Дмитро Кириленко, Иванъ Стельмахъ, Степанъ Вынникъ, Федоръ Комеръ и Максимъ Дацѣй, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению полковой музики довбышъ Григорий Вѣтвицкій подписался. Козакъ Микола Власовъ, за себе и за неграмотного козака Кондрата Карунника по его прошенію подписался. Мѣщане: Кондратъ Гончаръ и Карпъ Левченко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению писецъ Полковой Лубенской Канцеляріи Яковъ Ивановъ подписался. Цилюрикъ Полковой Иванъ Афанасиевъ. Козаки: Иванъ Рабка, Андрѣй Рибчинъ зять, Михаило Литовченко, Яковъ Лимарь, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію и вомѣсто отца своего Афанасиева по его повелѣнию синъ Яковъ Ивановъ, писецъ полковой Канцеляріи подписался. Козаки: Федоръ Шапочникъ, Каленикъ Булахъ и Павелъ Свѣтенко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению Квартермистръ Семенъ Могилник(овъ) подписался. Козакъ Городовий Лубенский Данило Брижаха, а вомѣсто его по его велѣнию синъ его Кирило Брижаха подписался. Козаки: Федоръ Барабашъ, Никола

Сивуненко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ и за себе козакъ Петро Оробіовский подписался. Мѣщане: Максимъ Холоднякъ, Василь Лазоренко, а вомѣсто ихъ по ихъ прошенію и за себе мѣщанинъ Евтихій Гриневичъ подписался. Козаки: Назарь Лѣнко, Грицко Момотенко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению козака городового Лубенского Данила Брижахи синъ Кирило Брижаха подписался. Козакы: Иванъ Салко и Иванъ Желѣзний, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению козакъ Сенчанский Стефанъ Сыдоровъ подписался. Козаки: Артемъ Музика, и Василь Охрѣменковъ зять, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію и за себе козакъ и понамарь Соборной Лубенской церкви Семенъ Григориевъ подписался. Козакъ Мартинъ Свѣтъ, Пономарь Троицкой церкви Григорий Андреевъ и козаки: Савка Коваль и Яцко Солодовникъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению Полковой Лубенской Канцелярии подканцеляристъ Марко Поддубний подписался. Козаки: Семенъ Крикунъ, Илия Карбань, Павло Сподинъ и Павло Дирка, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и вомѣсто отца своего Семена Крикуна по его велѣнию синъ его Андрѣй Крикуненко подписался. Козаки: Максимъ Вербицкій, Сергий Швець, Онисько Кикулка и Павло Зайченко, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе козакъ Мартинъ Кириленко подписался. Мѣщане: Олефѣръ Николаенко, Петро Илченко, Иванъ Бондарь, Грицко Пухирь и Дмитро Киренко, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію козака Лубенского Семена Крикуна синъ Андрѣй Крикуненко подписался. Козакъ Лубенский Василь Циганенко, за себе и за неграмотнихъ козаковъ Ивана Котляренка, Дороша Мазепенка, Василя Музики, Якова Кравця, Клима Горба, Игната Чижа, Максима Заику, Василя Криveленка, Кирила Кухара, Артема Муренця, Романа Рубана, Данила и Корнѣя Рибокъ по ихъ прошению подписался. Козакъ Лубенскій Иванъ Божко. Войсковие музики гобоисти Иванъ Орловский и Савка Желѣский, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению вишеписанний волторнѣстъ Иванъ Андреевъ подписался.

---

2) Наказъ жителей г. Лубенъ.

Благородному почтенному господину Значковому Полку Лубенского Товаришу Григорию Иваненку

Наказъ.

Во исполненіе Всевисочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, въ 14 день декабря 766 году состоявшагося и во всей Имперіи обнародованного, мы по приложенному при томъ манифестѣ гражданскому обряду зъ общого согласія нашего вибрали отъ Полкового города Лубенъ для сочиненія проекта Новаго Уложенія васъ Депутатомъ и сочинили наказъ Вамъ слѣдующаго содержанія.

1.

Болше ста лѣтъ прошло, какъ Малороссійской народъ, будучы въ прежнихъ вѣкахъ съ Поляками и Литвою, имѣлъ во всемъ равенство и ползовался тѣми жъ, что и они, вольностьми, правами, и преимуществомъ, и напослѣдокъ озлобленъ и огорченъ многими неправдами, а паче чрезъ нарушеніе вѣры, правъ и волностей своихъ, послѣ многолѣтной кровопролитной войны и многихъ славныхъ надъ ними полученныхъ побѣдъ, то ихъ зъ себя зверглъ и подъ предводителствомъ славного своего Гетмана Зѣновія Богдана Хмельницкого, презря всѣхъ (котори его ласкали посторонныхъ государей протекціи) не по нуждѣ какой, но по доброму соизволенію и избратю единовѣрія пришелъ подъ высокодержавную руку блаженнія и вѣчно достойнія памяти Государя Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича Самодержца Всероссійского, доброволное подданство учинилъ, и къ Всероссійской Державѣ благоприсоединенъ, за что и по договорамъ, такъ какъ и въ жалованныхъ своихъ всѣмъ Малороссійскимъ чинамъ а именно: Гетману и войску Запорожскому, шляхетству, духовному чину и мѣщанству, грамотахъ Его Царское Величество всемилостивѣйше обнадежилъ и подтвердилъ нетокмо содержать и сохранять Малороссійской народъ при всѣхъ тѣхъ правахъ, обикновеніяхъ, привилегіяхъ, волностяхъ и преимуществахъ, на которыхъ онъ былъ подъ королми Полскими и Великими Князями Литовскими, но и

болшимъ наградить и пожаловать обѣщалъ, и оніе договори отъ времени до времени при постановленіи каждого гетмана поновляеми и подтверждаеми были; а болшій всѣхъ и твердѣйшій залогъ монаршой къ Малороссійскому народу остался блаженнія и вѣчно достойнія памяти Государя Императора Петра Великого, ибо Его Величество публикованними въ народѣ Малороссійскомъ ноября 6 дня 1708 и февраля 3-го 1709 годовъ за подписаніемъ собственнія своея руки манифестами упомянувъ то, что нѣкоторый подъ солнцемъ народъ такими свободами, привилегіями и легкостію хвалиться неможетъ, какъ по Его Императорского Величества милости Малороссійскій народъ, и что Его Императорское Величество ни единаго пенязя въ казну брать съ онаго не велить, всемилостивѣйше обнадежилъ, какъ до того времени содержанъ оной при правахъ и волностяхъ ненарушимо, такъ и впредъ все то свято содержать, что и при принятіи оного въ подданство обѣщано. Таковія предковъ Ея Императорскаго Величества милости чувствуя, Малороссійскій народъ вѣрно и радѣтелно не токмо нѣ на какія прелести Поляковъ, которіе ихъ по прежнему въ свое соединеніе принять старались, не склонился, но еще какъ противъ помянутыхъ Поляковъ, такъ и противъ всѣхъ Россійскаго государства непріятелей, не щадя имѣнія и живота своего, храбро и мужественно ополчался, о чемъ многія и славнѣйшія с предковъ Ея Императорскаго Величества, а особливо отъ Государя Императора Петра Великого имѣемъ засвидѣтелствованія. Но яко помянутія права, обикновенія, привилегіи и волности и самія договорнія статьи остаются еще отъ Ея Императорскаго Величества безъ подтвержденія, то потому и ми подвержени къ нуждамъ и недостаткамъ нашимъ.

Примѣч. Ред. Слѣдующіе за симъ пункты со 2-го по 14-й здѣсь опускаются, такъ какъ они составляютъ буквальное повтореніе 1—13 пунктовъ помѣщеннаго выше „Прошенія гражданъ и разнаго званія жителей г. Лубенъ“.

15.

Въ сходство вышшеписанныхъ государственныхъ привилегіевъ, сочиненны зъ общого нашого согласія двѣ челобитные: одна о под-

твержденіи по примѣру прежныхъ въ Бозѣ почивающихъ великихъ государей, предковъ Ея Императорскаго Величества, Малороссійскихъ правъ, привилегій и волностей и давныхъ обикновеній, которіе предки наши и ми отъ прибытія подъ державу Всероссійскую гетмана Богдана Хмелницкого съ войскомъ Запорожскимъ и со всѣмъ Малороссійскимъ народомъ имѣли, и о видачѣ на то Высочайшей Ея Императорскаго Величества грамоти; а другая съ прошеніемъ сего: 1. дабы всемилостивѣше указано было городъ Лубнѣ... *(слѣдуютъ пункты, въ количествѣ 11, напечатанные выше на стр. 132—133).*

16.

Оные челобитніе старатся вамъ, гдѣ надлежить, подать и испросить резолюціи въ ползу всего общества, а особливо чтобъ права наши, еще отъ королей Полскихъ предками нашими приобрѣтенные и всѣми Всероссійскими монархами всевисочайшими грамотами утвержденые, при насъ цѣло и ненарушимо остались.

17.

Ежели въ Коммисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія за благо разсужденно будеть сочинить на все государство одно уложеніе, въ такомъ случаи вамъ просить, чтобы права книги Статута во всемъ такъ, какъ оны въ себѣ имѣются, положенны были въ новомъ уложеніи подъ особую главу.

18.

Мы васъ вибрали къ сему дѣлу, находя у васъ всѣ до оного принадлежащые качества, вразсужденіи чего и дали полную довѣренность, уповая, что ви, яко синъ отечества, не пропустите и сверхъ того, что прямо къ ползѣ оного и общому благоденствію успѣшествовать можетъ. 1767 году, априля 17 дня. На подлиномъ подписались: *(слѣдуютъ подписи тѣхъ же лицъ, что и выше, на стр. 134—137).*

Списокъ о мѣщанскихъ нуждахъ.

1. Просить о тарифѣ.

2. О стояльцахъ.

3. Приходящіе зъ разныхъ мѣстъ Малороссійскихъ и Великороссійскихъ либо изъ заграницы, которіе на гражданскихъ грунтахъ станутъ жить, то отбували бъ гражданскіе повинности.

4. Чтобы мещанъ Лубенскихъ содержано такъ, какъ у Кіевѣ, а не считанно бъ съ посполитими, и виключенно бъ съ подвѣдомства скарбовой канцеляріи.

5. Чтобъ река Сула всему гражданству для уловленія риби била волна; тако жъ и тросникъ, то есть очеретъ, которій для отопливанія зимной пори ни от кого бъ не билъ запрещаемъ.

6. О прежде бывшой толоки Матяшовки, такожъ сенокосовъ, називаемихъ: далнихъ и ближнихъ Пологъ, Ратушного острова и Вишкварокъ, съ коихъ далніе Пологи бившимъ гетманомъ Кириломъ Григоріевичемъ Разумовскимъ господ. полковнику отдани впредъ до разсмотренія.

7. Чтобъ мещанъ и всѣхъ жителей здешнихъ никто изъ чиновниковъ насиліемъ безъ заплати въ партикулярние работи не употреблялъ.

8. И чтобъ цехи били по давнимъ установлениямъ, даби бродяги переходящіе зъ мѣста на мѣсто, такожъ и жительствующіе въ разнихъ господъ, безъ цеховъ бы не робили.

Съ подлиннымъ читалъ
Полковой Лубенской Канцеляріи Канцеляристъ
Петро Любнѣцкій.

III.

НАКАЗЫ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

XIII.

1767.

Наказъ козаковъ Черниговскаго полка[1]).

2.

Какъ прежде Великій Государь, Его Царское Пресвѣтлое Величество, блаженнія и высокославнія памяти Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, Самодержецъ Всероссійскій, при соединеніи Гетмана Богдана Хмелницкого подъ Россійскую державу, 1654 году февраля 17 дня пожаловалъ заслуженнихъ козаковъ честію дворянскою и всѣми свободностьми и преимуществами; такъ и за гетмана Игнатіева Многогрѣшного 7177 году подтвержденно и пожалованно: въ недостаткѣ полного числа реестрового войска, велено Гетману набирать въ козаки зъ мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей; и какъ напредъ того козаки заслуженные пожалованны били честію дворянскою, то чтобъ они при томъ же чину и чести пребывали; а которіе и впредъ дослужатся,—что разумѣется о тѣхъ, коихъ Гетманъ зъ войскомъ у число реестровихъ козаковъ зъ мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей примутъ,—яко же по 13 ст. Богдана Хмелницкого узаконено смотрить:—кто козакъ, тотъ бы волностію козацкою ползовался и честію дворянскою, и чтобы они козаки при томъ же

---

[1]) Въ рукописи вырванъ первый листъ.

чину и чести пребывали, и чтобы отъ козаковъ ни подкакіе посланники и гонцы въ подводы проводниковъ не требовали, и въ домахъ козацкихъ постоевъ не становили, а чтобъ впредъ дворы отводили и подводы давали старшина городовая у мѣщанъ и другихъ крестянъ военнымъ россійскимъ людямъ. Такожъ безсмертныя славы въ Бозѣ почивающій Петръ Великій, отецъ отечества, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, въ грамотахъ своихъ, Малороссійскому народу присланныхъ, изобразилъ: въ 1-й 1708 году ноября въ 1-й день, во 2-ой 1709-го году февраля 8 дня, и въ 3-ей 1709 году ноября 3-го дня состоявшихся, между протчимъ тако: „народъ Малороссійскій, подъ високодержавною нашею рукою въ такомъ доволномъ и изрядномъ состояніи при вѣрѣ благочестивой, при правахъ и волностяхъ своихъ живущій, день ото дня умножался, понеже Мы, Великій Государь, ниже пенезя въ казну свою съ оного Малороссійскаго народа не брали и не требовали: ибо Мы всѣхъ подданныхъ своихъ при правахъ и вольностяхъ содерживаемъ, а особливо Малороссійскому народу все обѣщанное по принятіи ихъ подъ высокодержавную отца Нашего блаженныя памяти Великого Государя, Его Царскаго Величества руку свято содерживали и впредъ содерживать будемъ; и они Наши вѣрноподданные по прежнему при правахъ и волностяхъ своихъ вѣчно въ спокоѣ и тишинѣ благополучно жителствовать могутъ. Отъ Насъ же за ту свою показанную вѣрность вящшую милость и награжденіе получатъ.“ То предки наши тоею милостію и честію ползовалися безъ всякого отягощенія до гетманства Апостола, который положилъ къ дачамъ, назвалъ убогихъ козаковъ подпомощиками и положилъ къ дачамъ консистенскимъ: противъ одного мужика два козака,—для облегченія подданнымъ; якій уставъ Гетманскій, а не Императорскій, почитать и не надлежало, однако мы тое несли съ великою нуждою. Но наконецъ всѣ козаки, названные подпомощиками, къ такому несносному окладу обще съ мужиками консистенскою дачею обтягощени, въ годъ по рублю и по двѣ копѣйки съ каждого дому, что не имѣющимъ чемъ платить, какъ подпомощикамъ такъ и виборныхъ козаковъ подсусѣдкамъ, онихъ денегъ виборніе козаки за подсусѣдки

платя, приходять въ крайнее разореніе, что часъ отъ часу и военной службы несть не въ состояніи. Вразсужденіи таковыхъ отягощеній, всеподданнѣйше просимъ, дабы Ея Императорское Величество призрѣла на услуги предковъ нашихъ и ревность нашу къ службѣ Ея Величества; и такъ не сомнѣваемся, что премудримъ и попечительнимъ Ея Величества промисломъ, какъ предки наши служили въ покоѣ и тишинѣ и всѣми волностьми и преимуществами ползовались, такъ мы, въ лучшемъ образѣ и безъ отягощенія, къ службѣ Ея Императорскаго Величества удостоени будемъ, то чтобъ кроме должностей, къ содержанію той службы принадлежащихъ, никакихъ другихъ податей и повинностей не несли, но при всѣхъ вигодахъ и вислуженной козаками чести дворянской всѣ обще и волностяхъ прежнихъ пребывали.

3.

Должная отъ насъ Россійской Имперіи служба, изъ дворовъ нашихъ отправляемая, намъ тягостна по причинѣ той: ибо издревле, какъ предки наши вовремя союза Малой Россіи съ Полскою Короною, еще прежде бытія съ осѣдлостьми Малороссійского народа подъ державою Всероссійскою, т. е. въ 1569 году декабря 13 дня, короля Полского Жигмунта Августа, подъ названіемъ Княженія Литовского Короны Полской, явствуетъ сіе въ данныхъ отъ оныхъ королей Польскихъ привилегіяхъ: что козаки отправляли военную службу во всякомъ благополучіи и легкости затѣмъ, что имѣли подъ собою довольные какъ то: пахатныя поля, сѣнокосы, лѣса, мельницы и всякіи угодіи; а нынѣ, за утѣсненіемъ владѣлцовъ и всякого званія старшинъ козачихъ, грунта—насыльствомъ, по куплѣ и всякими способи, коими бы можно было имъ къ себѣ присовокупить, такожъ духовными монастырскими владѣлцами и жалованними въ сотни сотниками и сотенными старшинами не осѣдлими, кои, по вступленіи толко на команди, тотъ часъ ищутъ козачого грунта, первѣе на постройку жилыхъ ему избъ пространного двора, а потомъ къ дворамъ искупляютъ и подъ видомъ замѣнъ, чрезъ угроженія и ласкательства, въ козаковъ пахатныя поля, лѣса, сѣнные покосы

и всякіе гдѣ есть лучшіе грунта завлаживають и всякими хитрыми способы козаковъ утискаютъ, а двори, по витиски онихъ козаковъ зъ ихъ дворовъ, късебѣ привлащаютъ, и владѣнія съ козачихъ земель приумножають, а иныхъ козаковъ въ партикулярныя свои работы употребляють, что другіе козаки за таковихъ, кои подъ укривателствомъ въ сотниковъ и сотенныхъ старшинъ живутъ,—несуть двойную службу съ великимъ отягощеніемъ; а иные отъ великихъ тяжебъ, отъ боевъ и страховъ, отъ сотниковъ задаваемихъ, оставляютъ жены и малыя дѣти, двори и со всѣми угодіями, и исходятъ въ безъизвѣстныя мѣста, отъ чего въ службѣ Государевой дѣлается отъ таковихъ непорядковъ умаленіе; ибо многіе духовные и мирскіе владѣлцы и старшины нетолько имѣнія козачіи поотнимали насильно, по куплѣ и всякими сдѣлками, но и самихъ козаковъ во владѣніе къ себѣ попоподвергали въ подданство, и несуть общіе съ мужиками тяжбы. И за тѣмъ мы всѣ въ крайней обидѣ находимся, что многое число козаковъ какъ по искуплѣ вишеписанной козачіихъ грунтовъ, такъ и завладѣніемъ насильствомъ всякого званія владѣлцами, сотниками и старшинами, а иные козаки съ великого утѣсненія и отъ видимихъ страховъ, оставя свои грунта козачіе владѣлцамъ поневолѣ, порасходились въ подсусѣдки за рубежъ и въ иныя мѣста. Почему въ умаленіи козачихъ грунтовъ немалое изъ волностей козачихъ число отошло, а козаковъ отъ служби военной отпало; а которые нынѣ еще въ службѣ на лице имѣются, то тѣ, за таковихъ несучи излишную службу, приходятъ въ крайное разореніе и оплошность. А въ многихъ высокомонаршихъ указѣхъ завладѣніе козачихъ добръ, какъ духовнимъ, мирскимъ и всякого званія владѣлцамъ, сотникамъ и старшинамъ найстрожае запрещено; но оные часто поминаемые владѣлцы и старшины, не въ сходство тѣхъ высокомонаршихъ указовъ, и до нынѣ завлаживаютъ, отнимать, покупать и подъ видомъ заставъ козачихъ добръ не престаютъ. Въ отвращеніе таковыхъ бѣдствій, да будетъ вгодно Всемилостивѣйшей нашей Государынѣ, чтобъ освободить отъ вишеписанныхъ владѣлцовъ какъ духовнаго, такъ и мирского чина, сотниковъ и всякого званія старшинъ, утѣсненій; чтобъ они всѣ напрасно завладѣнніе грунта, такъ и купленные,

какъ вишеписано, коихъ за силу высокомонаршихъ указовъ имъ владѣть ни подъ какимъ видомъ запрещено, и самихъ козаковъ, коихъ поподвергали себѣ въ подданство, крестянскую работу, дабы оные по прежнему въ обществѣ Россійской Имперіи и паки между козаки въ службу причтенны были, отъ чегобъ мы могли познать Вашего Императорскаго Величества вящшую милость и матернее милосердіе; но чтобъ только было вольностями и преимуществами козачими ползоватся козакамъ, между собою продавать, въ застави отдавать, замѣнять или какъ хотѣть въ лучшой порядокъ себѣ употреблять, и самимъ козакомъ въ Малой Россіи (и ихъ подсусѣдкамъ) съ мѣста на мѣсто, гдѣ кто пожелаетъ, волной переходъ Вашею Высочайшею милостію дозволить. А сотниковъ и сотенныхъ старшинъ отъ сего времени дозволено бъ было,—какъ прежде сего въ Малой Россіи за предковъ нашихъ волними голосами збираныи,—избирать въ тѣхъ сотняхъ жителство свое имѣющихъ, осѣдлыхъ, зъ сотенныхъ старшинъ или съ козаковъ, къ той должности достойныхъ. Да благоволить Ваше Императорское Величество, какъ о вишеупомянутыхъ разореніяхъ и отборѣ отъ духовныхъ и мирскихъ владѣлцовъ и всякого званія старшинъ завладѣннихъ козачихъ земель и самихъ козаковъ, такъ о продажѣ и о куплѣ между козаками и о вольномъ переходѣ и о протчемъ всемъ вишеписанномъ, да благоволить Ваше Императорское Величество частоупоминаемой общей всѣхъ насъ обидѣ Всемилостивѣйшее матернѣе охраненіе и къ службі военной, какъ предки наши служили, учинить и намъ облегченіе милостиво повелѣть, и паки волные наши земли и люде, отъ оныхъ отобравъ, во владѣніе намъ къ общей ползѣ поручить, а вишеписаннымъ всякого званія владѣлцамъ и старшинамъ впредъ оные куплей и всякими способи завлаживать козачихъ земель—запретить, и о избраніи между нами вольними голосами сотниковъ и сотенныхъ старшинъ подтвердить привилегіею и узаконить.

4.

До сего времени отправляемъ мы службу съ крайнимъ намъ отягощеніемъ, ибо висылаемы бываемъ для рубки при засѣкѣ границъ лѣса, и висылаеми бываемъ на Донъ въ ново-заведенной го-

родъ, прозываемый Ростовъ, для дѣланія тамъ крѣпости,—которая работа принадлежитъ до самыхъ толко мужиковъ,—и для другихъ делъ употребляеми бываемъ всегда почти въ отправленія, не вовся званію и должности нашей соотвѣтствующія, какъ то: подводы для возки колодъ, мачитъ и тѣмъ подобныхъ матеріяловъ и протчіе крестянскія работы. По сей причинѣ наша служба, съ великою тягостію исправляема, отъ многихъ вменяется не въ службу военныхъ людей, и вольностямъ Малороссійскимъ въ противность,—отъ чего мы часъ отъ часу приходимъ въ крайнее оскуденіе и оплошность. А издревле узаконенны по всимъ полку Черниговского сотеннымъ мѣстечкамъ были ратушы; какъ отъ королей и княжатъ Полскихъ, такъ и отъ царей Россійскихъ на вольности тѣмъ ратушамъ привилегіи подтверждено, при которыхъ ратушахъ людей свободныхъ было не малое число, кои люде оныхъ при мѣстечкахъ бывшихъ ратушъ отправляли всѣ подлежащія мещанскія и крестянскія работы, яко то: подводы, проводники, мосты, гати и другія подобныя тѣмъ тягости. А нынѣ оныхъ свободныхъ людей отъ висшеписанныхъ ратушъ съ ихъ привилегіями разными гетманами поотдавано владѣльцамъ во владѣніе, и такъ тѣ владѣльцы оныхъ людей къ общей ползѣ, яко то: подъ проѣжающихъ гонцовъ, подъ посланниковъ, мостовъ, гатѣй и другихъ къ тому подобныхъ работъ не допускаютъ за своими партикулярными работами, а козаки за таковыхъ свободныхъ всѣ общіе тягости съ великою нуждою несуть. Въ разсужденіи таковыхъ обстоятельствъ, всеподданнѣйше просимъ, чтобъ Ея Императорское Величество благоволили, призрѣвъ на знатные предковъ нашихъ оказанные государству услуги и наше престолу Ея Величества вѣрное рабское усердіе, пожаловать насъ въ Императорской своей милости, и какъ предки служили до того времени, пока насъ неустройства не одолѣли отъ многихъ, команду надъ Малороссіею имѣющихъ и волности нарушившихъ отъ вѣка заключенные, непорядки устроившихъ, и всѣхъ насъ отяготившихъ, и такъ отъ нынѣшняго неустройства у лучшемъ порядкѣ чтобъ военные наши труды были полезны отечеству, и при томъ неотяготительны подводами и работами крестянскими. Въ чемъ полагаемся на Ея Императорскаго Величества милость.

5.

Судиться намъ по силѣ прежнихъ обичаевъ, какъ то гетману Скоропадскому на чинъ его, 1711 года генваря 5 д. грамотою данною, между инымъ изображено: воинскіе и гражданскія дѣла въ Малой Россіи управлять ему, гетману, по войсковимъ правамъ и постановленнымъ пунктамъ, на которыхъ приступилъ подъ высокодержавную руку отца Нашего, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Великого Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царского Величества гетманъ Богданъ Хмельницкій, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ;—такъ и нынѣ Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ, чтобъ по тѣмъ же даннымъ отъ королей Полскихъ и царей Всероссійскихъ правамъ и постановленнымъ пунктамъ козакамъ всѣмъ обще быть судимимъ.

6.

Всенижайше просимъ, чтобъ выслуженные предками нашими въ королей Польскихъ и царей Всероссійскихъ преимущества и вольности: во владѣніи добромъ наслѣднымъ, купленнымъ, наданнымъ и занятымъ, въ промислахъ, и особливо въ винокуреніи и в продаваніи оного куфами и въ рознь всякому козаку внутрѣ Малой Россіи, безъ всякого отъ кого либо запрещенія и пошлинъ, и другими напитками и всякими товарами—дозволить. Въ подтвержденіе и нынѣ благополучно государствующею Императрицею несомнѣнно надѣемся на Всевысочайшую Ея къ намъ вѣрнымъ подданнымъ милость, что привилегіею подтвердитъ, о всѣхъ высшеписанныхъ нашихъ всеподданнѣйшихъ прошеніяхъ, въ заключеніе намъ у вѣчной покой и благополучіе утвердитъ на вѣки.—1767 году, априля 2 дня.

Подленной подписанъ такъ: Козаки полку Черниговского: Сотнѣ Седневской: Герасимъ Збанъ, Данило Самоненко, Семенъ Грибовець, Иванъ Неня, Мина Шупикъ, а вместо ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію и за себе Павелъ Шевель руку приложилъ. Козакъ Демянъ Гребянка саморучно подписался. Сотнѣ Кисилевской:

Дорошъ Заець, Оникѣй Бабичъ, Савва Романець, а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію козакъ сотнѣ Синявской Иванъ Николаевъ руку приложилъ. Сотнѣ Вибелской: Климъ Панфиленко, Григорій Муцкій, Федоръ Борисенко, Яковъ Лѣщинецъ, а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе Семенъ Дяченокъ руку приложилъ. Козакъ сотнѣ Вебелской Василь Гвоздикъ саморучно подписался. Сотнѣ Белоуской козаки: Романъ Павленко, Кирило Полѣй, Иванъ Койданъ, Павелъ Богданенко, а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе Иванъ Литвиненко руку приложилъ. Сотнѣ Слабинской козаки: Федоръ Сурмило, Данило Шило, Григорій Дундарь, а вместо ихъ яко неграмотныхъ, по ихъ прошенію подписался умершого Войскового товариша Никити Райполского синъ Иванъ Райполскій. Сотнѣ полковой: Иванъ Белонужка, Иванъ Чумакъ, Василь Ковтунъ, Яковъ Гузъ, а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе козакъ Яковъ Згурскій руку приложилъ.

Сотнѣ Синявской козакъ Иванъ Ященко, а вмѣсто его неграмотного по его прошенію и за себе козакъ Захарій Мищенко руку приложилъ. Козакъ Иванъ Николаевъ саморучно подписался. Сотнѣ Менской: Семенъ Олѣйникъ, Семенъ Смаль, Мойсей Сердеченко, Гаврило Коворотній, Марко Кроха, Михайло Пудъ, Матвѣй Зеленскій, Иванъ Сидоренко, а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе козакъ Трохимъ Падалка руку приложилъ. Козакъ Прокопъ Соломяникъ подписался. Сотнѣ Березинской козакъ Иванъ Кислій саморучно подписался. Козма Стасюкъ саморучно подписался. Козакъ Михайло Котляревскій саморучно подписался. Карпъ Литвиновъ саморучно подписался. Григорій Харченко саморучно подписался. Козакъ Семенъ Станиславскій саморучно подписался. Сотнѣ Столинской: Максимъ Пилипенко, Якимъ Савченко, Павелъ Антоненко, а вместо ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію и за себе Остапъ Охрѣменко руку приложилъ. Сотнѣ Сосницкой козаки: Андрей Коленко, Иванъ Кузька, Федоръ Чинчикъ, Стефанъ Глоба, Яковъ Скрилъ, Стефанъ Федосенко, а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію козакъ сотнѣ Понурницкой Данило Савицкій руку приложилъ. Сотнѣ Волынской

козакъ Иванъ Петровъ саморучно подписался. Козакъ Федоръ Поплавскій саморучно подписался. Козакъ Яковъ Редка саморучно подписался. Козакъ Михаилъ Грищенко, а вместо его неграмотного по его прошенію, Иванъ Петровъ руку приложилъ. Сотнѣ Любецкой козаки: Сидоръ Бугушъ, Сава Брехунъ, Павелъ Пилиповичъ, а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе Федоръ Савицкій руку приложилъ. Сотнѣ Роиской козаки: Климъ Ярошенко, Василь Ященко, Козма Петрущинецъ, Василь Кужильній, Гаврило Ильленко, а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе козакъ Омельянъ Коржъ руку приложилъ. Козакъ Матвей Коваленко саморучно подписался. Козакъ сотни Городницкой Иванъ Бояриновъ саморучно подписалъ. Козакъ Василь Гуторь, а вместо его неграмотного по его жъ прошенію и за себе козакъ Григорій Глущенко руку приложилъ. Козакъ Никифоръ Черевачъ саморучно подписался. Козаки: Василь Редченко, Василь Борсукъ, Андрей Борсукъ а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и са себе козакъ Афанасій Кулажинскій руку приложилъ. Сотнѣ Понурницкой козакъ Дмитро Кострубъ, а вмѣсто его неграмотного по его прошенію и за себе козакъ Данило Савицкій руку приложилъ. Козаки: Ничипоръ Гавриленко, Семенъ Карпенко, Демянъ Кипоренко, а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе козакъ Стефанъ Осадшій руки приложилъ.

XIV.

1767.

Прошеніе козаковъ Стародубскаго полка.

По Высочайшемъ титулѣ:

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше бьютъ челомъ Малороссійскаго Стародубского полку козаки.

Премудрыя и неусыпныя Вашего Императорскаго Величества дѣла являютъ намъ неизреченное Вашего Величества всемилости-

вѣйшее матернее попеченіе къ возстановленію благоденствія вѣрноподданныхъ своихъ, Богомъ врученныхъ народовъ; мы, всеподданнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества рабы, найсовершеннѣе увѣрены, что вмѣстѣ съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ царствуеть правда и милость. Почитаемъ мы за особливый залогъ монаршей Вашего Императорскаго Величества милости, когда Ваше Императорское Величество высочайшимъ своимъ обнародованнымъ манифестомъ, въ 14 день декабря 766 году состоявшимся, всемилостивѣйше созывать изволите какъ отъ другихъ обширной Всероссійской Имперіи краевъ, такъ и отъ насъ, вѣрноподданныхъ своихъ, депутатовъ въ столичный городъ Москву, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки здѣшнихъ мѣстъ и допустить ихъ въ Коммиссію для сочиненія проэкта новаго уложенія. И за такову оказываемую намъ Высочайшую милость Вашему Императорскому Величеству всенижайшее наше подданническое приносимъ благодареніе, моля притомъ со усердіемъ Всевышняго, да сохранитъ дражайшее Вашего Императорскаго Величества здравіе на многія лѣта, и да укрѣпитъ державу Вашу при непремѣнномъ благѣ во вѣчные роды. Какія же наши главнѣйшія нужды и прошенія, оныя въ слѣдующихъ пунктахъ дерзаемъ поднесть, припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

1.

Болѣе уже ста лѣтъ прошло, какъ Малороссійскій народъ, отторгнутый было въ прежнихъ вѣкахъ къ Польшѣ и имѣвшій съ поляками одинакія вольности и права, а напослѣдокъ будучи озлобленъ и утѣсненъ многими неправдами, нарушеніемъ вѣры, правъ и вольностей своихъ, послѣ долголѣтней кровопролитной войны и многихъ геройскихъ побѣдъ надъ нимъ полученныхъ, чрезъ гетмана своего Богдана Хмѣльницкаго, съ войсками козацкими, иго ихъ зъ [1]) себе сверглъ и по добровольному подданству пришелъ подъ державу блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Царя

[1]) *Зъ* вмѣсто *съ*.

и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, Самодержца Всероссійского, на договорныхъ статьяхъ, въ которыхъ, и особливо въ жалованныхъ своихъ гетману, старшинѣ и войску запорожскому, такъ какъ и другимъ чинамъ, грамотахъ Его Царское Величество всемилостивѣйше обнадежилъ и подтвердилъ: не токмо содержать и сохранять Малороссійской народъ на всѣхъ тѣхъ правахъ, привиллегіяхъ и вольностяхъ, на которыхъ оный былъ подъ королями Полскими и великими князями Литовскими, но и особливыми своими милостьми жаловать обѣщалъ. Сіи статьи, отъ времени до времени, при постановленіи прочихъ, по Хмѣльницкому бывшихъ, гетмановъ, а сверхъ того и вновъ отъ иныхъ подаваемыя, подтверждаемы были отъ свято усопшихъ предковъ Вашего Императорскаго Величества Всероссійскихъ Монарховъ. По тѣмъ же привиллегіямъ и постановленнымъ статьямъ, вольности козачіи состоятъ: въ вольномъ избраніи старшинъ, отъ которыхъ оные и судились; свобода въ своихъ добрахъ, винной промыселъ и продажа вина, меду, пива и прочихъ напитковъ въ своихъ домахъ по городамъ и селамъ; они обязаны къ военной только службѣ, а отъ податей и прочихъ должностей были свободны. При всемъ томъ, однакожъ, нынѣ и другіе, равно какъ и мужики, несемъ мы тягости, о которыхъ ниже показано будетъ. Всемилостивѣйшая Государыня, всеподданнѣйше просимъ Вашего Императорскаго Величества, призирая на многія усердныя престолу Всероссійскому предковъ нашихъ службы и на нашу къ онымъ же ревность, подтвердить намъ Высочайшею Своею грамотою прежнія наши привиллегіи и вольности: чтобъ мы имѣли избраніе вольными голосами межъ себя старшинъ; чтобъ добра наши, яко то: грунта, мельници, отчины и всякія угодья, наслѣдныя, наданныя, купленныя и занятыя, по крѣпостямъ и по природному праву владѣемыя, въ безпрепятственомъ владѣніи и употребленіи намъ всегда тверды были; чтобъ свободный былъ намъ промыселъ, особливо винокуреніе, продажа разныхъ напитковъ въ своихъ домахъ, а сверхъ того, родячимись здѣсь продуктами, т. е. пенькою, олеемъ, медомъ, воскомъ, саломъ и тому подобными, найпаче же тѣмъ козакамъ, кои достаточнаго грунта не имѣютъ, а живутъ въ городѣ и вышеозначенными продуктами про-

мышляютъ, снабдѣвая тѣмъ себя къ службѣ Вашего Императорскаго Величества; и чтобъ мы сохранены были отъ всякихъ налоговъ, также бы вдовы козачіи, остаючіясь по смерти мужей съ малолѣтними сиротами, вольности предковъ ихъ имѣли, и до возрасту таковыхъ дѣтей отъ козачихъ повинностей были уволены. Чтожъ принадлежитъ до правъ, то какъ Малороссійскіе козаки издревле состояли на тѣхъ же, которые для шляхетства узаконены, правахъ, и какъ особливыми по своимъ привиллегіямъ вольностями, такъ тѣми же, что и шляхетство, преимуществами по правамъ ползовались, исключая, что по статямъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго козаки никакому другому, точію отъ старшинъ своихъ суду подвержены. Почему всенижайше просимъ всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества благопризрѣнія, дабы мы въ правахъ и выгодахъ содержаны были противъ шляхетства [1]). Какое же ближайшее для насъ, яко военно-служащихъ и въ судныхъ порядкахъ и процесахъ рѣдко упражняющихся, и больше неимущественныхъ, можетъ быть средство къ скорѣйшему достиженію прямого правосудія, равнымъ образомъ, какія въ правахъ малороссійскихъ сходственныя съ нынѣшними временами и обстоятельствами слѣдуютъ поправленія, во всемъ томъ возлагаемъ крѣпкую нашу надежду на правосудіе и милость Вашего Императорскаго Величества, великой и всещедрой своей Монархини, что Ваше Императорское Величество, по данной отъ Бога прозорливости, чрезъ учреждаемую подъ собственнымъ своимъ руководствомъ Коммиссію для сочиненія проэкта новаго уложенія, доставите совершенное и съ обычаями нашими сродное правило, къ благоденствію всего народа Малороссійскаго. Чего мы со всеподданнѣйшимъ нашимъ послушаніемъ несумѣнно ожидаемъ.

2.

Домы козачіе, также какъ и мужичіе, занимаются подъ постой квартирующихъ въ Малой Россіи и переходящихъ полковъ и командъ; козаки же съ лошадьми въ подводы и проводники берутся, къ чувствительному ихъ отягощенію. А по договорнымъ статьямъ, они отъ

[1]) Т. е. такъ же, какъ и шляхетство.

таковыхъ повинностей свободны. Да и нынѣ находячіесь въ Малой Россіи разные иностранцы, отставные гусаре, которые прежде служили въ Россійскомъ войскѣ, пользуются по опредѣленіямъ Правителствующаго Сената свободою домовъ ихъ, гдѣ живутъ, отъ постою. Для того Вашего Императорскаго Величества всенижайше просимъ: домы жилые козачіе отъ постоевъ увольнить, а лошадей козачьихъ и козаковъ въ подводы брать запретить.

3.

За нѣсколько назадъ лѣтъ сравнены мы съ мужиками и въ томъ, что наложено на козаковъ, названыхъ подпомощниками, выстачать порціоны и раціоны на состоящіе въ Малой Россіи на безплатномъ довольствѣ полки, съ ихъ генералитетомъ, полевою аптекою и Глуховской гарнизонъ. Сіе выстатченіе въ прежнихъ годахъ чинили они въ-полъ противъ мужиковъ, а съ подсусѣдковъ козачихъ взималось въ лѣтнихъ мѣсяцахъ на каждой мѣсяцъ по одной копѣйкѣ, а въ зимнихъ по двѣ, и продолжалось по 765 годъ по октябрь мѣсяцъ. А съ того времени, хотя съ нѣкоторою выгодою въ разсужденіи увольненія отъ провіанта и фуража выстаченія, бывшаго съ великими затрудненіями, точію же равной, какъ и на мужиковъ, положенъ на козаковъ и ихъ подсусѣдковъ платежъ отъ всякой хаты по рублю. Таковыми табельми козаки будучи обременены, приходятъ въ нищенство и ослабленіе; сего ради всенижайше просимъ Вашего Императорскаго Величества отъ оныхъ облегченія, и ежели вовсе козаковъ уволнить не можно, то хотя половинную часть противъ мужиковъ повелѣть снять; а другую половину расположить по имуществамъ каждаго, а подсусѣдковъ козачихъ оставить при томъ платежѣ, которой до окладу рублевого былъ: ибо они столько бѣдны, что едваль у иного и имущества на рубль найдется. Хотя же и велѣно въ собраніи оного рублевого окладу дѣлать уравненіе по имуществамъ между самими козаками атаманамъ, а между прочими— хозяевамъ, однакожъ, какъ у козаковъ живетъ подсусѣдковъ по самому малому числу, да и то весьма бѣдныхъ, въ такомъ случаѣ

инако невозможно сдѣлать имъ льготы, какъ только сами хозяева принуждены за нихъ производить платежъ.

4.

Нѣтъ почти никакой многотрудной въ государствѣ работы, гдѣ бы Малороссійскіе козаки впотреблены не были. Какъ то: и нынѣ болѣе уже десяти лѣтъ дѣлаютъ по границѣ съ Польшею засѣку; строятъ редуты, расчищаютъ въ лѣсныхъ мѣстахъ дорогу, мостятъ притомъ многіе болотистыя и низкія мѣста и прочія исправляютъ работы; а матеріалы къ тому возятъ на собственныхъ лошадяхъ. Хотя сперва велѣно было для сихъ работъ высылать и мужиковъ, однакожъ въ скоромъ времени они отъ того увольнены, а осталось все то на однихъ козакахъ. Сверхъ того, высылаются Малороссійскіе козаки отъ нѣсколько лѣтъ ежегодно на Донъ къ строенію крѣпости. Сего ради Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйше просимъ устроить насъ въ такомъ порядкѣ, дабы мы въ работу, повозки и ни къ чему другому употребляемы не были, какъ къ настоящей воинской и Вашему Императорскому Величеству должной службѣ такъ, чтобы оная прямо исправною и полезною, безъ отягощенія притомъ нашего, быть могла.

5.

Издавна Малороссійскіе козаки какъ во внутреннихъ, такъ и въ заграничныхъ походахъ службу Всероссійскому Престолу, не щадя имѣнія и живота своего, отправляли, не получая изъ казны жалованья, только что въ недавнемъ времени въ прошлую войну оное имъ было выдаваемо. А понеже, въ случай дальнихъ походовъ на службу Вашего Императорскаго Величества, будучи въ заграничныхъ мѣстахъ, козакамъ содержать себя во всей воинской исправности изъ собственнаго капитала весьма трудно, паче когда таковы походы бываютъ продолжительны; для того Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ: во время заграничныхъ внѣ Малой Россіи козакамъ походовъ, всемилостивѣйше установить изъ казны Вашего Императорскаго Величества производить будущимъ

въ оныхъ походахъ козакамъ денежное жалованье, такожъ провіантъ и фуражъ противъ другихъ [1]) легкихъ Вашего Императорскаго Величества войскъ.

Мы же, всеподданнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества рабы, во всемъ, что къ службѣ Вашего Императорскаго Величества касается, полагаемся на премудрый и милосердый Вашего Императорскаго Величества промыслъ и не сумнимся, что онымъ въ лучшее состояніе приведены будемъ.

XV.

1767.

1) Наказъ козаковъ прилуцкаго полка.

Наказъ полку Прилуцкого выбранному отъ козаковъ всего полку, въ силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, въ коммиссію о сочиненіи проэкта нового уложенія депутату, козаку полку Прилуцкого, сотни Ичанской, Петру Романовичу.

Всевысочайшимъ Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей нашей Монархини, манифестомъ и приложеннымъ при немъ обрядомъ повелѣно: отъ всей Имперіи Ея Императорскаго Величества, въ томъ числѣ и отъ войскъ козацкихъ, прислать въ городъ Москву депутатовъ въ оную коммиссію и имъ поручить прозьбы въ общественныхъ недостаткахъ и нуждахъ для представленія въ Коммиссію.

По такому Всемилостивѣйшему Ея Императорскаго Величества позволенію, козаки полку Прилуцкого общественные нужды и недостатки представляютъ чрезъ оного депутата тако:

1.

Въ Малой Россіи первой недостатокъ, что не имѣется гетмана. Того ради просятъ козаки у Ея Императорскаго Величества, дабы

---

[1]) Т. е. такъ же, какъ и для другихъ.

повелѣно было въ Малой Россіи избрать гетьмана вольными голосами; а о выборѣ въ полковники, полковую старшину, сотники и сотенную старшину осѣдлыхъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда надобно будетъ старшины, вольными жъ голосами, по поста(но)вленнымъ прежнимъ гетманскимъ статьямъ,—подтвержденія прежнихъ постановленій.

2.

По заключеннымъ гетманами договорамъ поста(но)влено и привилегіями утверждено, во время подданства гетмана Богдана Хмельницкого зъ городами и землями, войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ подъ Всероссійскую державу 1654 года состоявшимся, въ подтвержденіе королевскихъ привилегій подтверждено по статьямъ гетмана Юрія Хмельницкого: чтобъ государевымъ ратнымъ людемъ у козаковъ не становиться, а становится у другихъ жителей опрочь козаковъ; и въ козаковъ подъ посланниковъ и гонцовъ подводъ не брать, а взимать въ случаѣ въ городскихъ и деревенскихъ жителей. Да и 709 году на пункта гетмана Скоропадского царскимъ указомъ подтверждено—у козаковъ, безъ крайней нужды, въ домахъ постою не быть, и чтобъ они въ подводы и проводники и въ протчіе крестьянамъ приличные повинности употребляемы не были и, пользуясь своими свободами и преимуществами, исправляли службу государеву. Да и после того тоже, при постановленіи каждого гетмана, отъ Всепресвѣтлѣйшихъ Всероссійскихъ Монарховъ подтверждено. А нынѣ въ козачихъ домахъ служивыхъ постой имѣютъ, и козаки въ подводы, проводники и работы земляныя употребляются, яко то: на засѣки, на Донъ и на Бѣловѣжскій степъ. Того ради всеподданнѣйше просятъ козаки, дабы Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшимъ милосердіемъ подтверждено прежнія постановленія, чтобъ въ домахъ козачихъ постою не было, и въ подводы, проводники и работы козаковъ не употребляемо, и поборовъ на нихъ не накладывано, а отправляли бъ за то посполитые по постановленіямъ гетманскимъ, дабы козаки состоятельны были къ войсковой козачей службѣ.

3.

Какъ прежде, при соединеніи Малороссійского народу гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ подъ Всероссійскую Державу, Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ заслуженныхъ козаковъ честію дворянскою и всѣми свободами и преимуществами, такъ и за гетмана Демяна Многогрѣшного подтверждено и пожаловано: въ недостаткѣ реестрового войска въ Малой Россіи велѣно гетману наб(и)рать въ козаки изъ мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей, и какъ прежде того козаки заслуженные честію дворянскою пожалованы были, то чтобъ при томъ же чину и чести пребывали, и отъ козаковъ ни подъ какіе посланники и гонцы въ подводы проводниковъ не требовали и въ домахъ козацкихъ постоевъ не ста(но)вили, а отводить въ постой дворы у мѣщанъ и другихъ крестянъ для военныхъ Россійскихъ людей. И въ 708 и 709 годахъ отъ Великого Государя · Императора Петра Перваго, Самодержца Всероссійскаго, въ грамотахъ, къ Малороссійскому народу присланныхъ, тако изображено: „Народъ Малороссійскій, подъ высокодержавною Нашею рукою въ такомъ довольномъ и изрядномъ состояніи, при вѣрѣ благочестивой, при правахъ и вольностяхъ своихъ живущій, день отъ дня умножался, понеже Мы, Великій Государь, ниже пенязя въ казну съ него не брали и не требовали: ибо Мы всѣхъ подданныхъ своихъ при правахъ и вольностяхъ содерживаемъ, а особливо Малороссійскому народу все обѣщанное по принятіи ихъ подъ Высокодержавную руку Отца Нашего, блаженныя памяти Великого Государя, Его Царского Величества, свято содерживали, и впредь содерживать будемъ, и они при правахъ своихъ и вольностяхъ вѣчно въ покоѣ и тишинѣ благополучно жительствовать могутъ“. То предки козаковъ Малороссійскихъ тоею милостію и честію дворянскою пользовалися безъ всякаго отягощенія. А чрезъ нѣсколько прошедшихъ годовъ козаки, названные подпомощиками, къ дателямъ привернены общо съ мужиками и нынѣ дачею въ годъ по рублю и по двѣ копѣйки съ каждой хаты обложены; съ чего они отягощены, потому что и малые и великіе

жилища, и бѣдные и можнѣйшіе и подсусѣдки, въ козачіихъ домахъ живущіе, не различены, въ иного же козака почти и худобы нема болѣе рубля, но и на того такъ положено по рублю съ хаты грошей, а они и всякую государеву службу, сверхъ окладу, отбуваютъ, за чѣмъ уже часъ отъ часу и военной службы отправлять не въ состояніе приходятъ. Въ такихъ будучи отягощеніяхъ, козаки полку Прилуцкого всеподданнѣйше просятъ Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества благопризрѣнія, дабы козаковъ, по прежнимъ постановленіямъ зъ гетманами и грамотамъ Высокомонаршимъ, отъ дателей освобождено и подтверждено имъ дворянское достоинство и честь, чтобъ они въ томъ въ вольности козацкой пользовались и пребывали не нарушно, понеже и нынѣ, при выборѣ депутатовъ изъ козаковъ, имъ чинятъ выборъ въ Малой Россіи не противъ шляхетства, но противъ однодворцевъ.

4.

Въ Малой Россіи прежде по государственнымъ указамъ, а именно по указу 1734 года блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоановны, ревизія чинена по дворамъ и хатамъ; а теперъ подъ видомъ ревизіи сочиняется по душамъ такъ мужеска, яко и женска полу генеральная опись, и все козачее имущество, отъ мала до велика, переписывается Великороссійскими чинами. Того ради всенижайше просятъ козаки у Ея Императорскаго Величества милосердія, дабы сія подушная перепись въ Малой Россіи отставлена, а повелѣно бъ сочинять ревизіи Малороссійскимъ комендирамъ, по прежнему обыкновенію и указамъ, по дворамъ и хатамъ.

5.

По прежнимъ Малороссійскимъ правамъ и вольностямъ свободна была купля и продажа козачихъ имѣній, яко шляхетскихъ. Того ради и теперъ всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества козаки просятъ, чтобъ подтверждено имъ между собою имѣть куплю и продажу всякихъ имѣній, а посполству до козачихъ имѣній недвижимыхъ не вступать никакими здѣлками.

6.

До сего опредѣленные шесть полковъ армейскихъ на довольство Малороссійское состояли равномѣрно по ассигнаціямъ капральствами во всѣхъ мѣстахъ, и произвожденіе чинено на наличное число. А нынѣ въ Малой Россіи имѣютъ непремѣнные квартиры и состоятъ въ однихъ мѣстахъ по одному и по два эскадрона, и съ чего однихъ тѣхъ мѣстъ жители и козаки утѣснены. Того ради всеподданнѣйше Высочайшея Ея Императорскаго Величества милости козаки просятъ, чтобъ армейскіе полки въ Малой Россіи расположены по прежнему капральствами не въ однихъ мѣстахъ, но съ перемѣною, и производство имъ чинить по наличеству людей и лошадей натуральное.

7.

Отъ начала присоединенія подъ Всероссійскую Державу гетмана Богдана Хмельницкого съ Войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ, козаки однимъ шляхетскимъ правомъ отъ своихъ старшинъ суживалися, и службу войсковую отправляли въ одноконъ подъ комендою Малороссійского гетмана и старшины, и имѣли промыслы свободные, по ихъ козачей вольности. Въ томъ и теперъ Всевысочайшея Ея Императорскаго Величества матернея милости козаки просятъ подтвердить прежніе Малороссійскіе права, вольности и обыкновенія, съ которыми гетманъ съ Войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ пришли подъ Всероссійскую Державу, и промыслы бъ имъ имѣть всякіе было свободно и безпошлинно внутрь Малой Россіи, съ чего бъ они могли себе снабдѣть къ войсковой козачей службѣ, и когда случится козакамъ быть въ походѣ, чтобъ они состояли при своемъ старшинѣ.

8.

Малороссійскими козаками и протчими людьми въ Малую Россію ввозилась изъ Крыму соль съ небольшою тарифою, и тогда дешевыми цѣнами въ Малой Россіи соль продавалась; а теперъ соль съ Крыму вывозится съ великою на таможняхъ тарифою, отъ чего и

соль въ Малой Россіи въ продажу дорогими цѣнами, отъ сорока до пятидесяти копѣекъ, возвысилась. За тѣмъ всенижайше козаки просятъ у Ея Императорскаго Величества Высочайшаго благопризрѣнія, чтобъ повелѣно было съ вывозимой съ Крыму соли въ Малую Россію тарифу брать по прежнему.

9.

Всенижайше просятъ Вашего Императорскаго Величества козаки Прилуцкого полку, чтобъ выслуженные предками ихъ у королей Польскихъ и царей Всероссійскихъ преимущества и вольности и владѣнія наслѣдными добрами, купленными и занятыми, при нихъ ненарушно оставлено.

И во всѣхъ вышепредставленныхъ нуждахъ козачихъ всенижайше Ея Императорскаго Величества козаки просятъ, чтобъ благоволили, призрѣвъ на знатные государству оказанные предковъ козачихъ услуги и ихъ самыхъ къ престолу Ея Императорскаго Величества вѣрное рабское усердіе, пожаловать козаковъ въ Императорской милости содержать и представленные прошенія утвердить и дать Всевысочайшую на потомное время привилегію. О подтвержденіи всѣхъ сихъ прошеній и благополучіи на вѣки несумнѣнно надѣятся козаки на Всевысочайшую Ея Императорскаго Величества къ нимъ, вѣрнымъ подданнымъ Ея Императорскаго Величества, милость.

Полку Прилуцкого козачіе повѣренные: сотни Иваницкой Куренный Атаманъ Иванъ Лисенко. Сотни Сребранской Андрей Василенко, Хведоръ Харченко, да Второ—Варвинской сотни Иванъ Мошикъ, за которыхъ неумѣющихъ грамотѣ, по ихъ самоперсональному прошенію, и за себе Второварвинской же сотни повѣренный козакъ Иванъ Потапенко подписался.

Козакъ сотни Ичанской Иванъ Тарара подписался. Козакъ сотни Полковой Матвѣй Петруша, а вмѣсто его неграмотного, по его прошенію, и за себе оной же сотни Полковой козакъ Алексѣй Козаковъ подписался. Козакъ сотни Переволочанской Омельянъ Тернѣцкій. Козакъ тойже сотни Переволочанской Алексѣй Сорока подписался. Козакъ сотни Монастырской Іосифъ Головко подписался.

Козакъ сотни Монастыриской Василь Никитинъ сынъ Плиска подписался. Козакъ сотни Первоварвинской Трохимъ Ивановъ сынъ Андрущенко, за коего, яко неумѣющаго грамоты, по его самоперсональному прошенію, и за себе тоейже сотни Первоварвинской козакъ Иванъ сынъ Рубанъ руку приложилъ. Козаки: сотни Журавской— Максимъ Григоріевъ сынъ Якименко, да сотни Иваницкой Осипъ Семеновъ сынъ Сакунъ, за коихъ, яко неумѣющихъ грамотѣ, по ихъ самоперсональному прошенію, и за себе я, сотни Журавской козакъ Климъ Стефановъ сынъ Дараганъ руку приложилъ. Козакъ сотни Корибутовской Лука Чернышевъ. Козакъ сотни Красноколядинской Григоріевъ сынъ Мойсей Тетухъ, за коего, яко неумѣющаго грамотѣ, по его самоперсональному прошенію и за себе, я, тоей же сотни козакъ Стефанъ Ивановъ сынъ Иваненко руку приложилъ.

---

2) Прошеніе козаковъ прилуцкаго полка.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государиня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государиня Всемилостивѣйшая!

Бьютъ челомъ Малороссійского Прилуцкого полку выбранные отъ сотень козачіе повѣренные, и въ чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

Высочайшій Вашего Императорскаго Величества манифестъ съ приложеніемъ обряду о выборѣ депутатовъ въ Коммиссію сочиненія проэкта нового уложенія, состоявшійся 14 числа декабря 1766 года, мы, всенижайшіе, слушали; и что Ваше Императорское Величество— по Высочайшей матерней милости позволили, выбравъ депутата, прислать его въ Сенатъ Вашего Императорскаго Величества и поручить ему ко представленію челобитья и представленія, такожъ недостатки и нужды,— мы, всенижайшіе Вашего Императорскаго Ве-

личества рабы, показанную Высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость чувствуя, чрезъ сіе всеподданнѣйшее наше челобитье приносимъ Вашему Императорскому Величеству благодарность съ непоколебимою нашею вѣрностію.

2-е.

И по такому Вашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйшему позволенію, мы, всенижайшіе, по даннымъ намъ отъ сельскихъ повѣренныхъ повѣреніямъ, выбрали зъ между себе депутатомъ въ показанную коммиссію козака полку Прилуцкого Иченской сотни Петра Яковлева сына Романовича и, поручивъ ему сіе наше челобитье и наказъ о общенародныхъ недостаткахъ и нуждахъ ко представленію, гдѣ надлежитъ, изъ симъ нашимъ челобитьемъ отправили его въ Сенатъ Вашего Императорскаго Величества.

И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе наше всеподданнѣйшее челобитье въ Сенатѣ Вашего Императорскаго Величества принять и по представляемымъ отъ нашего депутата по данному ему наказу о недостаткахъ и нуждахъ прошеніямъ учинить всемилостивѣйшее Вашего Императорского Величества разсмотрѣніе и рѣшеніе.

Всемилостивѣйшая Государыня! просимъ Вашего Императорскаго Величества въ прошеніяхъ оного нашего депутата о недостаткахъ и нуждахъ Всемилостивѣйшее разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить. Къ подачѣ надлежитъ въ Сенатъ. Писана сія челобитная на простой бумагѣ, за неимѣніемъ въ городѣ Прилукѣ въ продажѣ гербовой бумаги; писалъ оную козакъ сотни Корибутовской Лука Чернишевъ. 1767 года, априля 14 дня.

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшіе рабы, полку Прилуцкого козачіе повѣренные: *(слѣдуютъ подписи тѣхъ же лицъ, что и на стр. 161—162).*

XVI.

1767.

Прошеніе козаковъ миргородскаго полка.

Экстрактъ, сочиненъ зъ прошеній козачихъ полку Миргородского, къ представленію оныхъ прошеній въ учрежденную въ Москвѣ Коммисію для сочиненія проэкта нового уложенія.

Въ прошеніяхъ сотень Перво и Второ-Миргородской, Потоцкой, Устивицкой, Шишацкой, Городиской, Хорольской и Богацкой нижеслѣдующіе пункта означены.

1.

Чтобъ въ силу прежнихъ узаконеній и волностей, ни воеводы, ни бояринъ, ни стольникъ въ суда войсковые не вступалися, но отъ старшинъ своихъ товариства суженны были; гдѣ три козаковъ, то два третего бъ судили, кроме криминалу; а чего по статямъ недоставатиметь для судовъ, тѣ недостатки дополненно бъ съ права Малороссійского книги Статута; и всякъ бы свободенъ свое имѣніе кому хотя продать и даровать.

2.

О подтвержденіи вольностей и шляхетской чести всѣмъ козакамъ къ вѣчному содержанію.

3.

О утвержденіи занятыхъ предками козачіими земель, на кои никакихъ крѣпостей не имѣютъ, и со всѣхъ оныхъ о невзыманіи никакихъ пошлинъ и платежей.

4.

О подтвержденіи прежнихъ по привилегіямъ и указамъ вольностей, и о невзыманіи съ Малороссійского народа никакихъ податей, и о сложеніи положенного нынѣ въ Малой Россіи съ хатъ на козаковъ рублевого оклада; равно и доправляемыхъ за прежніе года денежныхъ доимокъ, оставшихся за удовольствомъ консистентовъ,— безъ взысканія.

5.

О оставленіи чинимой въ Малой Россіи генеральной всѣмъ по душамъ зъ женами описѣ и мѣры козаковъ и земель.

6.

О дозволеніи козакамъ промислу и торговать всѣмъ вездѣ въ Малой Россіи.

7.

О убавки съ привозимой съ Крымской области въ Малую Россію соли—пошлины.

8.

О неотводѣ по прежнимъ Высочайшимъ указамъ въ постои козачіихъ домовъ и о невзыманіи подъ разныхъ ѣздаковъ лошадей, по статямъ гетмановъ Хмельницкого, Самойловича и изьмѣнника Мазепи, съ прошеніемъ утвержденія.

9.

О увольненіи женъ козачіихъ, коихъ мужѣ въ походахъ, командираціяхъ померли, а они въ сыротствѣ съ малолѣтними дѣтьми остались,—до совершенного возраста сыротъ, либо до выхода въ замужъ, отъ всѣхъ постоевъ и службъ.

10.

О перемѣнѣ опредѣленныхъ въ Малой Россіи для постою Великороссійскихъ полковъ непремѣнныхъ квартиръ.

11.

О благопризрѣніи въ заплатѣ взятыхъ въ бывшіе походы Крымскіе и другіе, такъ и во время Пруского по указу въ армію въ козаковъ: воловъ, возовъ и выборныхъ лошадей на немалую сумму—по оцѣнки.

12.

О подтвержденіи вольностей, чтобъ по прежнему въ Малой Россіи выборъ былъ всѣхъ старшинъ вольными отъ общества голосами.

13.

О неисключеніи выбранного отъ козаковъ и отправленного въ Москву депутата съ числа шляхетскихъ, яко Малороссійскіе козаки имѣютъ равное участіе въ шляхетствѣ со всѣми Малороссійскими старшинами.

Сверхъ того добавлено въ нижеписанныхъ сотняхъ: во Второ-Миргородской—о уволненіи отъ наряду козаковъ къ дѣланію крѣпости и редутъ.

Въ Потоцкой—объ отдачи по прежнему во владѣніе грунтовъ, находячихся подъ новою Сербіею, тѣмъ, кому оныя принадлежали.

Въ Омельницкой—о учиненіи заплаты за продовольство Молдавского гусарского полку фуражемъ по справочнымъ торговимъ цѣнамъ.

Въ Остаповской, Бѣлоцерковской, Ярсковской и Голтвянской противъ протчихъ сотень въ прошеніяхъ одинъ пунктъ, о перемѣнѣ для постою Великороссійскихъ полковъ непремѣнныхъ квартиръ—не написанъ, а протчіе сходны.

IV.

ПРЕДСТАВЛЕНІЯ и ПРОШЕНІЯ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

XVII.

1768.

1) Представленіе лубенскаго дворянскаго депутата.

В Коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія

Представленіе.

Сограждане мои, малороссійскаго лубенскаго полку шляхетство, по примѣру прочих полковъ и повѣтовъ, почитая за первую и главнѣйшую свою нужду цѣлость правъ, привилегій и заключающихся во оных преимуществъ, волностей и свободъ малороссійскаго шляхетства и народа, в данномъ мнѣ наказѣ предписали просить Ея І. В. всемилостивѣйшую Государыню нашу о утвержденіи оныхъ. Не безизвѣстно же вамъ, почтеннѣйшее собраніе, что Малая Россія во время бытности своей под Полшею имѣла и ползовалась тѣми же самыми правами и привилегіями, которыми ползовались и другіе того королевства и великаго княжества Литовскаго жители, а при доброволномъ своемъ под державу россійскаго Монарха Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича подданствѣ, какъ в договорных статьях, так и в данных всѣмъ чинамъ оныя жалованныхъ грамотах испросила, чтоб ей при тѣхъ же правах и привилегіяхъ содержимой быть безъ всякаго нарушенія в вѣчныя времена, и то ей

подтверждено какъ от всѣхъ Его величества преемниковъ всероссійских государей, такъ и от нынѣ благополучно державствующей, всемилостивѣйшей Монархини нашей, на милосердіе и справедливость которой несомнѣнную полагаемъ надежду, что она и впредь на всегда при тѣхъ же своих правах и привилегіяхъ содержана и сохранена и утверждена будетъ. А какъ порядокъ требуетъ, чтобы при нынѣшнемъ законоположеніи оныя права, привилегіи, преимущества и свободы Малороссійскаго шляхетства такъ, какъ россійскаго и лифляндскаго, вамъ, почтеннѣйшее собраніе, извѣстны были, то я оныя собравъ, при семъ представляю и прошу, чтоб пред вами прочтены были. А при семъ за нужно нахожу увѣдомить васъ, что правъ и привилегій, данных малороссійскому шляхетству и прочимъ чинамъ от королей Полскихъ и великих князей Литовских изѣстность столь велика и силна, что оныя не токмо всему свѣту изданіемъ в разных печатныхъ книгах и на разныхъ языках извѣстны, но и Ея І. В. всемилостивѣйшая Государыня наша тѣж самыя права и привилегіи имѣя основаніемъ, и слѣдуя природному своему великодушію и человѣколюбію, единовѣрную братію нашу, шляхетство и прочих жителей россійскаго народа, обрѣтающихся в Полшѣ под именемъ диссидентовъ, приняла въ свое охраненіе, защитила и привела ихъ въ первое достояніе, и тѣмъ нынѣ и в предбудущія вѣки пред цѣлымъ свѣтомъ приобрѣла справедливую и безсмертную славу.

Впрочемъ, естъли что в прибавленіе к симъ правамъ и привилегіямъ служить можетъ, а мною здѣсь упущено, то я впредь, когда нужда потребуетъ, почтеннѣйшему собранію сообщить не премину.

Маія „ дня, 1768 года.

XVIII.

Выписка изъ привилегій, правъ и договорныхъ статей, на какомъ основаніи состоитъ малороссійское шляхетство и чемъ оное доказывается.

Въ привилегіи полскаго короля Сигизмунда Августа Іюня 7 дня 1563 года между прочимъ написано:

По совѣту и согласію всѣхъ господъ сенаторовъ нашихъ духовныхъ и мірскихъ приговариваемъ и имѣть хощемъ, дабы отнынѣ

не только тѣ господа шляхетство и потомки ихъ, всѣхъ земель всего нашего государства, кои послушны церкви римской и коихъ предки принимали въ коронѣ полской клейноты и гербы шляхетскія, но также и прочіе рыцерскаго и шляхетскаго литовскаго и рускаго народов чины, хотя бы предки ихъ клейнотовъ и гербовъ отъ короны полской и не брали, а были бы только вѣры христіанской, всѣми тѣми жалованными привилегіями и данными волностьми и правами земскими въ вѣчныя времена равномѣрно ползовались, и оныя употребляли, и хотя бы чьи предки клейнотовъ или гербовъ въ коронѣ полской не брали, то однако все вышеписанное вѣчными временами равномѣрно употреблять и волностьми своими ползоваться имѣють такъ, какъ прежде сего чинъ рыцерскій и шляхетскій обоихъ народовъ литовскаго и рускаго то употребляли и ползовались. Также чтобъ отнынѣ ко всякимъ достоинствамъ и началствамъ, въ чины сенаторскія, придворныя и земскія были избираемы и поставляемы не только римской церкви повинующіеся, но равномѣрно всѣ рыцерскаго чина и шляхетскаго рода литовскаго и рускаго народовъ чины, только бъ были люди вѣры христіанской, и мы Господарь по заслугамъ и достоинству каждаго изъ нихъ будетъ брать и изъ милости нашей опредѣлять въ знатныя мѣста и возводить на высокія достоинства, и никто изъ рыцерскихъ и шляхетскихъ чиновъ, по причинѣ своего закона, только бъ былъ христіанской вѣры, отлученъ и отдаленъ отъ того не будетъ.

Въ привилегіи тогожъ короля іюля 1 дня 1568 года написано:

По совѣту и согласію сенаторовъ нашихъ и по соизволенію всѣхъ чиновъ, приводя въ равенство народы, опредѣлили и, привилегіею нашею подтвердивъ, объяснили, желая, дабы отнынѣ не только тѣ господа шляхетство и бояре или потомки ихъ, всѣхъ земель, всего нашего государства великаго Княжества Литовскаго, кои повинуются церкви римской и коихъ предки клейноты и гербы въ коронѣ полской принимали, но также и прочіе рыцерскіе и шляхетскіе литовскаго и рускаго народовъ чины, хотя бы нѣкоторыхъ изъ нихъ предки клейнотовъ и гербовъ отъ короны полской не взяли, а были бъ только вѣры христіанской, всѣми тѣми жалованными привилегіями и дан-

ными всѣми волностьми и правами земскими равномѣрно въ вѣчныя времена ползовались, и оныя употребляли такъ, какъ отъ древнихъ временъ оные рыцерскіе и шляхетскіе литовскаго и рускаго народовъ чины по нынѣшнее время безпрепятственно всегда всѣмъ тѣмъ ползовалися и употребляли. Равномѣрно чтобъ во всѣ началства и достоинства, въ сенаторы наши и въ чины придворныя и земскія избираемы и производимы не только римской церкви повинующіеся, но и всѣ рыцерскіе и шляхетскіе литовскаго и русскаго народовъ чины, и отъ насъ короля по заслугамъ и достоинству своему во оныя знатныя достоинства и началства жалуемы были. И никто изъ рыцерскаго и шляхетскаго чиновъ, по причинѣ своего закона, только бъ былъ вѣры христіанской, отдаленъ или лишенъ того не будетъ. Сверхъ сего объявляемъ, естьли кто нибудь изъ князей, господъ, шляхетства литовскаго римской или руской, только бъ христіанской вѣры былъ, при королѣ Ягеллѣ и великомъ князѣ Витолтѣ въ Гроднѣ гербовъ не принималъ, ибо при семъ дается знать, что не многихъ домовъ и родовъ тамъ были люди, но только извѣстныя особы посланы были изъ великаго княжества Литовскаго, или тѣ, кои призываны были отъ своихъ государей, королей полскихъ и великихъ князей литовскихъ,—чтобы таковые приѣзжали и гербы принимали, и то не для другой какой либо причины и нужды, но единственно только для заключенія дружбы и утвержденія общаго согласія и любви. Будучи же предъ тѣмъ отъ давнихъ лѣтъ при древней уже чести и знатности таковой, какову почтенному шляхетству и сего рода людямъ имѣть надлежить, пріѣзжали туда вишеписанныя особы, оставя однако въ домѣхъ не послѣднихъ, но таковыхъ же, собратію свою, и гораздо болшее число, нежели тамо вь Гроднѣ ихъ было, и отъ которыхъ они сами отправлены были, какъ то въ началѣ привилегіи Ягелловой описано и засвидѣтелствовано, съ кѣмъ точно въ то время и съ какими именно людьми учинили они братскій союзъ и соединились; и потому никто возноситься и возвышаться не долженъ, и одинъ народъ предъ другимъ знатнѣйшимъ дѣлать себя и быть не можетъ. Для чего сею привилегію нашею мы все то на вѣчныя времена изъясняемъ, постановляемъ и утверждаемъ, что какъ

всѣ тѣ, кои въ Гроднѣ, гербы получая, соединились и дружбу заключили, такъ и тѣ, кои туда не издили, и обрѣтаясь вь Литвѣ и вь Руси вь домѣхъ своихъ, того не учинили, равномѣрно и одинаково, какъ бы и тѣ, кои вь Гроднѣ были, княжескія, господскія, земскія и рыцерскія поколѣнія и особы почитаемы, сохраняемы и счисляемы будутъ, и всякія достоинства, какъ то сенаторскія, воеводскія, каштелянскія, земскія и придворныя чины великаго княжества Литовскаго каждый изъ нихъ по заслугѣ и достоинству своему получать могуть, и во оныя отъ насъ и потомковъ нашихъ нынѣ и во всѣ послѣдующія времена допущаемы будутъ безъ всякаго униженія и отмѣны такъ, какъ будучи во всемъ равные господскіе и шляхетскіе чины и ползуясь отъ насъ и предковъ нашихъ волностями и свободами своими въ Полшѣ, всякія чины и достоинства получали, и нынѣ изъ милости нашей получаютъ [1]).

Изъ Статута великаго княжества литовскаго, роздѣла 3:

Артикулъ 19.

О доказательствѣ шляхетства, когда кто упрекнетъ. Установляемъ, есть ли бы кто кому сказалъ, что онъ не шляхтичъ, тогда тотъ, кто себе очищаетъ, имѣетъ поставить съ отцовской и съ матерней стороны по два шляхтича природныхъ, то есть двухъ отцовскихъ а двухъ матернихъ сродственнихъ, и вь томь имь присягу учинить должно, что тотъ есть ихъ фамиліи природный и прямый шляхтичъ; а когда бы родъ извелся, а онъ бы былъ уроженецъ здѣшняго государства, тогда изъ бояръ сосѣдственнаго шляхетства долженъ поставить двухъ шляхтичей, которые съ нимъ присягнуть имѣютъ, что онъ шляхетской природы, а по таковомъ доказательствѣ опороченный при шляхетствѣ останется, а тотъ, который опо-

---

[1]) Вышеписанныя обѣ привилегіи упоминаються и утверждаються какъ въ Статутѣ великаго княжества литовскаго, которымъ Малая Россія судиться, в разныхъ онаго раздѣлахъ и артикулахъ, такъ упомянуты онѣ и въ сочиненіи названномъ Объясненіе правъ диссидентскихъ (Exposition des droits des dissidents) и напечатанномъ въ Санктпетербургѣ 1766 года, и въ трактатѣ вѣчномъ между Россійскою Імперіею и Рѣчью посполитою полскою, заключенномъ февраля 13 дня 1768 года.

рочилъ, имѣетъ за такія предерзостныя слова сидѣть въ крѣпости или въ дворѣ нашемъ судовомъ двадцать недѣль, а сопернику своему заплатить безчестіе вдвое.

Артикулъ 21.

О иноземцѣ въ шляхетствѣ опороченномъ, и какимъ образомъ помѣстье приобрѣсть можетъ.

1. А такожде, естьлибы котораго иноземца опорочилъ кто въ шляхетствѣ, тогда онъ имѣетъ ѣхать въ свою землю, съ которой пріѣхалъ, и тамъ въ судебномъ мѣстѣ доказать шляхетство свое, и отъ онаго судебнаго мѣста за печатьми присутствующихъ принесть свидѣтелство, которымъ здѣсь шляхетство свое доказать имѣетъ. А естьли бы въ той землѣ была война, откуда онъ есть, то имѣетъ поставить двухъ особъ прямыхъ шляхтичей съ тойже своей земли, или здешнихъ людей, бывалыхъ въ той землѣ, которые были бы о его шляхетствѣ свѣдомы, а тѣ также имѣють вмѣстѣ съ нимъ присягнуть, что онъ есть шляхтичь; таковымъ образомъ иноземецъ доказывать долженъ свое шляхетство. А когда уже тотъ опороченный докажетъ шляхетство свое, тогда тотъ, который его опорочилъ, какова бы онъ ни былъ чина, долженъ проторы и убытки, на чемъ тотъ, кто очистится, присягнетъ, наградить ему.

2. А когда бы который иноземецъ, пріѣхавъ въ здѣшнее государство наше, купилъ или какимъ нибудь порядочнымъ образомъ пріобрѣлъ себѣ имѣніе шляхетское, и хотѣлъ бы волностьми шляхетскими ползоваться, то первее имѣетъ предъ судебнымъ мѣстомъ, гдѣ купилъ имѣніе, доказать, что онъ есть прямый шляхтичь; а буде того не докажетъ, то хотя и имѣніе купитъ, однако волностьми шляхетскими ползоваться и оныхъ употреблять и въ хоругвѣ равно съ шляхетствомъ служить не можетъ; но ближайшіе сродственники имѣють то его имѣніе выкупить, цѣною написанною ниже въ семъ статутѣ, въ артикулѣ о исполненіи дѣлъ рѣшенныхъ, и службу земскую изъ того служити; а однако иноземецъ достоинствъ и чиновъ имѣть не долженъ, хотя бы и шляхтичь былъ. Тоже разумѣть надлежитъ и о здѣшнихъ уроженцахъ не шляхтичахъ.

Артикулъ 22.

Естьли бы тотъ, кто кого въ шляхетствѣ опорочилъ, самъ не былъ шляхтичь.

Установляемъ такожде, будибы кто самъ, будучи не шляхтичь, опорочилъ человѣка честнаго шляхтича, а тотъ шляхтичь въ томъ чину своемъ шляхетскомъ былъ бы знатный и свѣдомый, и на шляхетство доказателство учинилъ бы, и по доказателствѣ и изъясненіи своего шляхетства естьли бы такожде тотъ шляхтичь соперннику своему сказалъ, что онъ самъ есть не шляхтичь, а тотъ бы шляхетства своего по артикулу 19-му сего раздѣла не доказалъ, но явилось бы предъ судомъ, что онъ есть человѣкъ простой породы и не шляхтичь, таковаго, чій бы онъ ни былъ, то судное мѣсто наше, предъ которымъ то здѣлается, имѣетъ приказать палачу до столба весть и тамъ его метлами бить и прогнать, а по приведеніи къ наказанію и прогнанію его изъ города имѣетъ судъ повелѣть обнародовать, что онъ такими словами шляхтича безчестилъ.

РОЗДѢЛА 11.

Артикулъ 50.

О доказателствѣ шляхетства и приговорѣ платіежа за безчестіе или увѣчье.

Естьли бы послѣ приговора о награжденіи за безчестіе или увѣчье шляхетское отвѣтчикъ сказалъ, что я по приговору судовому пеню челобитчику заплатити готовъ, только не знаю, шляхтичь ли онъ есть или нѣтъ, и хочу о томъ вѣдать, тогда тотъ сказующій себе быть шляхтичемъ имѣетъ ѣхать въ ту землю или повѣтъ, гдѣ родился, и тамъ, собравъ братовъ, дядей или сродниковъ своихъ, въ судѣ тамошнемъ градскомъ или земскомъ, до котораго ему ближе будетъ, имѣетъ свое шляхетство доказать, а судъ тоей земли или повѣта имѣетъ въ тотъ судъ, гдѣ дѣло производилось, писать открытымъ листомъ и засвидѣтелствовать, что онъ есть шляхтичь, и когда то свидѣтелство о себѣ принесетъ, тогда сторону свою противную

имѣетъ въ судъ позвать на другій срокъ, для выслушанія того доказательства его, а тотъ позванный по первому позыву, такъ какъ бы на неотлагаемый срокъ, стать долженъ будетъ и онаго доказателства на шляхетство выслушать, а по доказателствѣ шляхетства, вмѣсто награжденія убытковъ, пеню положенную за безчестіе или увѣчіе шляхетское вдвое платить имѣетъ.

Конституціи 1654 года статья 15:

Безопасность честей и имѣній воеводствъ кіевскаго, браславскаго и чернѣговскаго.

Понеже у жителей сихъ воеводствъ непріятель не только имѣнія нѣкоторыя поотбиралъ, а другія опустошилъ, но и книги земскія и гражданскія пожегъ; того ради, по согласію всѣхъ чиновъ, установляемъ, дабы жители сихъ воеводствъ, получивши свидѣтелство отъ чиновниковъ и урядниковъ земскихъ о истребленіи архивныхъ дѣлъ тогожъ воеводства, для доказателства своего шляхетства не были понуждаемы въ судахъ показывать старыхъ писменныхъ на имѣнія своя крѣпостей; но по свидѣтелству и присягѣ въ томъ двухъ шляхтичей отъ рода отцовскаго, а другихъ двухъ отъ рода матерняго, а прежде самыхъ ихъ въ томъ, что имѣли крѣпости въ истребленныхъ архивныхъ дѣлахъ, и что подлинно суть прямые шляхтичи, на сеймикѣ, на которомъ шляхетство доказывать будетъ, доводъ ихъ утвержденъ быть имѣетъ [1]).

Договорныхъ статей гетмана Богдана Хмелницкаго 7162 года.

3. Статья.

Шляхта, которые въ Малой Россіи обрѣтаются и вѣру по непорочной заповѣди Христовой тебѣ великому Гдрю нашему, твоему цар-

---

[1]) Сія конституція, яко состоявшаяся въ томъ же самомъ году, въ которомъ Малая Россія поддалась уже Россійской Імперіи, приводится только для одного свидѣтельства, чтобъ извѣстно было, что многіе изъ малороссійскихъ шляхтичей могли бъ шляхетство свое доказать и утвердить писменными доводами, естьли бы архивы не сожжены были.

скому величеству учинили, чтобъ при своихъ шляхетскихъ волностяхъ пребывали, и межъ себе старшихъ на уряды судовые обирали, и добра свои и волности имѣли, какъ при королѣхъ полскихъ бывало, чтобъ и иные, увидя таковое пожалованье твоего царскаго величества, клонилися подъ областъ и подъ крѣпкую и высокую руку твоего царскаго величества со всѣмъ міромъ христіанскимъ; суды земскіе и градскіе чрезъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ они сами себѣ доброволно оберутъ, исправлены быти имѣютъ, какъ и прежде сего; такожъ шляхта, которые казну свою имѣли по крѣпостямъ на маетностяхъ, тогда и нынѣ любо чтоб имъ поплачено, или на маетностяхъ довладѣти дано.

Сей статьѣ указалъ Гдрь и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью [1]).

Договорныхъ статей гетмана Демьяна Ігнатова 7177 года.

6. Статья.

Какъ напредъ сего заслуженые пожалованы были честію дворянскою, чтобъ они при томъ же чину и чести пребывали, а которые впредь заслужатъ, а Гетманъ и старшина бить челомъ учнутъ, и чтобъ царское пресвѣтлое величество и тѣхъ къ тойже дворянской чести изволилъ пожаловать; а кому Гетманъ и старшина за услугу дадутъ мелницу или деревню и универсалы свои дадутъ и царскому пресвѣтлому величеству бити челомъ учнутъ, и чтобъ царское величество пожаловалъ на тѣ маетности свои царскаго величества грамоты,

Великій Гдрь его царское пресвѣтлое величество пожаловалъ их по ихъ челобитью [2]).

Договорныхъ статей гетмана Івана Мазепы 7195 года.

4. Статья.

Какъ напредъ сего заслуженные пожалованы были честію дворянскою, чтобъ они при томъ же чину и чести пребывали, а ко-

[1]) Сія статья подтверждена особливою царя Алексѣя Михайловича данною въ томъ же году малороссійскому шляхетству грамотою съ пространнѣйшимъ изъясненіемъ.

[2]) Сія статья подтверждена шестою статьею гетмана Івана Самойловича сими жъ точными словами.

торые впредъ заслужатъ, а гетманъ и старшина бити челомъ объ нихъ великимъ Гдремъ, ихъ царскому пресвѣтлому величеству учнутъ, чтобъ царское величество и тѣхъ тою же дворянскою честію изволили пожаловать. А какъ Гетманъ и старшина за услугу дадутъ мелницу или деревню, или кто у кого купить и универсалы свои на то дастъ, и они великимъ Гдремъ ихъ царскому пресвѣтлому величеству бити челомъ учнутъ въ подтвержденіе того о ихъ государскихъ жалованныхъ грамотахъ, и чтобъ Царское пресвѣтлое величество пожаловали ихъ, велѣли имъ на тѣ маетности и свои царскаго пресвѣтлаго величества дать милостивые и жалованные грамоты.

И великіе Гдрь и великая Гдрня ихъ царское пресвѣтлое величество пожаловали ихъ по тому ихъ челобитью, и кому даны будутъ ихъ гдрскіе жалованные грамоты, и по тѣмъ жалованнымъ грамотамъ тѣми мелницами и деревнями владѣть непремѣнно, а гетману тѣхъ грамотъ у нихъ не отнимать, и ихъ Гдрскаго млстиваго указу ни чемъ не нарушивать; также какіе жалованные грамоты даны будутъ кому старшинѣ и знатнымъ особамъ войсковымъ, и тѣмъ ихъ гдрскимъ жалованнымъ грамотамъ быть въ своей силѣ, и гетману у нихъ тѣхъ грамотъ не отнимать же. И гетманъ и старшина и все воиско Запорожское на ихъ гдрской милости били челомъ и приняли то радостно[1]).

---

[1]) *Примѣчаніе.* Изъ вышеписанныхъ статей явствуетъ, что малороссійское шляхетство не токмо тѣ, кои пришли въ подданство россійскимъ монархамъ и ихъ потомки, но и тѣ, кои, будучи въ подданствѣ, заслуги свои оказали, и за то награждены чинами, деревнями и мелницами, имѣютъ такоежъ право считаться въ дворянствѣ, какъ и россійское дворянство; ибо не одно имя дворянина, но болше того помѣстья и отчины, жалуемыя за службу къ отечеству, составляли въ прежнія времена прямое дворянское достоинство. Между малороссійскимъ же шляхетствомъ и россійскимъ дворянствомъ различіе только состояло въ одномъ имени, то есть что россійскіе заслуженные люди жалованы были въ дворяне и въ другіе чины съ помѣстьемъ и отчинами, а малороссійскіе въ старшины съ тѣмъ же. Сверхъ же того малороссійская старшина всегда уравниваемы были съ великороссійскими чиновниками, напримѣръ: до учрежденія регулярныхъ войскъ многіе полковники малороссій-

XIX.

1768.

Прошеніе Малороссійскихъ депутатовъ во время составленія Уложенія.

Бьютъ челомъ малороссійскіе депутаты отъ шляхетства, отъ мѣщанъ и отъ козаковъ, а въ чемъ наше прошеніе—тому слѣдуютъ пункты:

1.

По высочайшему вашего Императорскаго величества манифесту декабря отъ 14 дня 1766 года, выбраны мы нижайшіе отъ согражданъ нашихъ депутатамы, и съ данными намъ полномочіями, наказами и челобитными отправлены въ Коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенья, для представленія прозбъ, нуждъ, недостатковъ и отягощеній нашихъ.

2.

Находясь во оной Коммиссіи, ожидали мы, что оныя наши прозбы, нужды, недостатки и отягощенія выслушаны и милостиво рѣшены будутъ; но по прочтеніи проекта правъ благородныхъ, когда чрезъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ депутатовъ представили мы, что оныя

скіе имѣли и великороссійскихъ столниковъ чинъ, который по тогдашнему счисленію былъ четвертаго класса. По учрежденіи же регулярной службы, малороссійскихъ полковниковъ, служившихъ въ Лифляндіи въ 1701 и 1702 года, государь Петръ Великій указалъ наградить жалованьемъ и знаками противъ Ертаулнаго воеводы и полковниковъ конныхъ и пѣшихъ, компанейскихъ, сердюцкихъ и запорожскихъ полковниковъ противъ подполковника, а сотниковъ и прочую старшину противъ капитановъ, что имѣющіяся въ малороссійскихъ архивахъ и во многихъ партикулярныхъ домахъ писменныя доказателства свидѣтелствуютъ, а въ подтвержденіе сему и то служить можетъ, что многіе изъ великороссійскихъ полковниковъ и подполковниковъ жалованы были въ малороссійскіе полковники, а изъ оберъ-офицеровъ въ сотники. Напослѣдокъ и разныя правителства, а имянно, гдрственная коллегія иностранныхъ дѣлъ въ 1733, правителствующій сенатъ въ 1756, коммиссія о дворянской волности въ 1763 годахъ подали для конфирмаціи свои мнѣнія и доклады о уравненіи малороссійскихъ старшинъ съ великороссійскими армейскими чиновниками, хота и съ униженіемъ противъ бывшаго при гдрѣ Петрѣ Великомъ счисленія.

новосочиненныя права великіе несходства и недостатки имѣютъ съ правами и преимуществами малороссійскаго шляхетства, и, почитая за первую и главнѣйшую нашу нужду, въ силу данныхъ намъ наказовъ, просили, дабы въ оный проектъ внесено было, что малороссійское шляхетство должно остаться при своихъ правахъ и привилегіяхъ; то напротивъ того сентября 9 дня прошедшаго 1768 года оной Коммиссіи отъ господина маршала его превосходителства Александра Ильича Бибикова объявлено намъ, что представленія наши о семъ Коммиссіи не принадлежатъ, и она въ разбирательство ихъ входитъ не можетъ, а касаются оныя до правленія и зависятъ единственно отъ монаршей вашего Імператорскаго величества власти.

3.

Сколь нечаянное намъ сіе объявленіе было, столь не оставило намъ никакаго другаго средства, какъ толко, чтобъ воспріятъ прибѣжище наше къ милосердію и правосудію вашего Імператорскаго величества и, падъ къ монаршимъ вашимъ стопамъ, изъявитъ прозбы, нужды, недостатки и отягощенія наши.

4.

Вашему Імператорскому величеству совершенно извѣстно, какимъ образомъ малороссійскій народъ подъ предводительствомъ гетмана Богдана Хмелницкаго, свергнувъ съ себя иго республики Полской, въ 1654 году, доброволно и презря всѣхъ постороннихъ государей приглашенія и обнадеживанія, пришелъ въ подданство подъ крѣпкую и высокую руку россійскаго монарха, государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и его наслѣдниковъ; извѣстно и то, что сіе доброволное подданство учинено на такомъ, договорами и данными привилегіями утвержденномъ, основаніи, чтобъ всѣмъ оного малороссійскаго народа чинамъ остаться вѣчно при своихъ правахъ, привилегіяхъ, преимуществахъ, волностяхъ, свободахъ и обыкновеніяхъ тѣхъ самыхъ, на которыхъ они состояли подъ королями полскими и великими князьями литовскими безъ всякаго нарушенія и отмѣны.

5.

Ползъ всѣхъ, которыя отъ сего доброволнаго Малыя Россіи соединенія Россійской імперіи произошли, не вычисляемъ, осмѣливаемся только представитъ самыя важнѣйшія и ощутителныя. Изъ оныхъ первая естъ присовокупленіе толь пространныхъ и плодоносныхъ земель безъ всякаго кровопролитія. 2. Вмѣстѣ съ подданствомъ Малыя Россіи завоеваніе великаго княжества Смоленскаго, въ которомъ малороссійское войско не малое имѣло участіе, о чемъ свидѣтелствуютъ россійскія и полскія історіи. 3. Населеніе россійскихъ пустыхъ земелъ малороссійскимъ народомъ, чему въ доказателство служитъ Слободская, Бѣлогородская и Воронежская и прочія губерніи. 4. Прикрытіе сею частію земли многихъ внутреннихъ Россійской Імперіи областей отъ нахожденій непріятелскихъ; ибо вмѣсто того, что прежде татарскіе набѣги простирались гораздо внутръ Великой Россіи, нынѣ естъли когда случатся, кончатся на границахъ Малой Россіи. 5. Продолжающаяся чрезъ сто четырнадцатъ лѣтъ безъ жалованья малороссійскаго шляхетства и козацкаго войска служба. 6. Безплатное содержаніе 1711 года великороссійскихъ регулярныхъ полковъ. 7. Обыкновенные поборы и подати съ самого времени подданства Малыя Россіи исправно и безъ отрицанія платимыя, которыя, естъли отъ бывшихъ малороссійскихъ правителей когда либо не такъ, какъ должно, употребляемы были, въ томъ малороссійскій народъ не можетъ быть виновный. 8. Поборы чрезвычайные, взятые въ разныя времена для государственныхъ нуждъ хлѣбомъ, быками, лошадъми и прочими нужными припасами и вещъми, изъ которыхъ хотя нѣкоторыя взымаемы были безплатно, а другіе нащетъ заплаты, однако оной, кромѣ нѣкоторой небольшой суммы за быки, не получено. 9. Вспомоществованіе людми какъ во время военныхъ, такъ и мирныхъ случаевъ, для употребленія въ погонщики, къ строенію крѣпостей, линій, шанцовъ, каналовъ, засѣкъ и прочаго, кои какъ изъ козаковъ, такъ и изъ помѣщичъихъ мужиковъ высылаемы были, и во всегдашнихъ воинскихъ походахъ и внутренныхъ нарядахъ служатъ и служили со всякимъ радѣніемъ такъ, что многіе для того имѣнія свои попроживали. 10. Таможенныя пошлины

платимыя на малороссійскихъ границахъ несравненно противъ прежняго болше. За всѣ же свои службы, за всѣ, хотя съ немалымъ правъ и привиллегій своихъ ущербомъ, принесенныя и приносимыя Россійской імперіи ползы малороссійскій народъ за лучшее и всѣхъ сокровища дражайшее возмездіе почиталъ и почитаетъ слѣдующія всемилостивѣйшія монарховъ своихъ при толь многихъ случаяхъ повторенныя обнадеживанія: а мы васъ всегда будемъ сохранять при прежнихъ вашихъ правахъ, привилегіяхъ и волностяхъ, а въ томъ бы вамъ на нашу Государскую милость быть благонадежнымъ.

6.

Но когда милосерднымъ окомъ воззрите ваше Імператорское Величество на состояніе Малыя Россіи, въ которомъ она отъ лѣтъ нѣсколькихъ пребываетъ, то не можетъ укрыться отъ проницанія вашего расличіе нынѣшняго ея состояиія отъ прежняго. Нѣтъ, всемилостивѣйшая Государыня, въ Малой Россіи ни одного чина людей, который бы сказать могъ, что онъ при цѣлости прежнихъ своихъ правъ и привилегій находится, а которые еще при которомъ либо изъ нихъ и остались, то и тѣ служатъ только къ весма слабому ихъ защищенію и охраненію потому, что подвержены оныя произволному распоряженію и благоизобрѣтенію главныхъ надъ Малою Россіею правителей, какъ то ниже сего яснѣе ваше імператорское Величество усмотрѣть изволите. Видно, что Провидѣніе Божіе оставило оный народъ до временъ великія Екатерины, которая (полагая) славу и удоволствіе свое въ благоденствіи подвластныхъ себѣ народовъ, можетъ и насъ возставить и привесть въ первобытное состояніе.

7.

И такъ пріемлемъ дерзновеніе всеподданѣйше и всенижайше ваше імператорское Величество просить о ниже слѣдующихъ всѣмъ чинамъ общихъ нуждахъ. Оныя суть: 1. сохраненіе и цѣлость всѣхъ прежнихъ правъ, привилегій, преимуществъ, волностей, свободъ и обыкновеній всѣхъ обще и каждаго особливо чина, а именно: шляхетства, духовенства, мѣщанъ, козаковъ и всего малороссійскаго народа, данныхъ и утвержденныхъ имъ отъ королей польскихъ и

великихъ князей литовскихъ, и отъ предковъ вашего імператорскаго величества всероссійскихъ Государей, а особливо Государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича во время подданства Малыя Россіи, которыя хотя въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ и отъ вашего імператорскаго Величества подтверждены, чрезъ что мы въ несомнѣнной находимся надеждѣ, что вашего імператорскаго Величества высочайшее намѣреніе есть сохранить и всѣ оныя при своей ненарушимой цѣлости; однако какъ для насъ, такъ и для потомковъ нашихъ просимъ всеобщаго на оныя вашего імператорскаго Величества подтвержденія съ тѣмъ всемилостивѣйшимъ изъясненіемъ, чтобъ оныя въ вѣчныя времена содержимы и сохраняемы были безъ всякаго нарушенія и отмѣны, и въ такомъ точно разумѣніи, какъ оныя написаны и заключены, чтобъ какъ всѣ обще, такъ и каждый особливо оными во всѣхъ случаяхъ пользоваться и себя охранять могли и чтобъ о семъ вашего імператорскаго Величества всемилостивѣйшемъ подтвержденіи упомянуто было въ новомъ уложеніѣ по примѣру тому, какъ о состоящихъ на своихъ привилегіяхъ провинціяхъ генеральнаго регламента въ 27 главѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государь Імператоръ Петръ Великій предписалъ.

2. Учрежденіе сходственныхъ съ правами и привилегіями нашими въ Малой Россіи правленій есть также одна изъ главнѣйшихъ нашихъ общихъ нуждъ. Почему всеподданнѣйше ваше імператорское Величество просимъ, чтобъ малороссійскія правительства учреждены были на основаніи правъ и привилегій нашихъ, то есть чтобъ гражданскія и земскія дѣла управляемы и судимы были по своимъ, воинскія по своимъ, а мѣщанскія по своимъ давнимъ правамъ и обыкновеніямъ особливыми изъ тамошнихъ шляхтичей, мѣщанъ и козаковъ в силу тѣхъ же правъ и обыкновеній выбранными людми, и никогда бы одни дѣла съ другими смѣшиваемы не были; ибо отъ сего смѣшенія дѣлъ произошли всѣ непорядки и нестроенія въ Малой Россіи, то есть, когда гетманы властію своею присвоили однимъ войсковымъ чиновникамъ всѣ дѣла, а верхнюю аппеляцію себѣ, и тѣмъ отняли у шляхетства власть гражданскаго и земскаго управленія, власть, которая по нашимъ правамъ почитается главною и вышшею воин-

ской и въ которой шляхетство подтверждено при подданствѣ гетмана Богдана Хмелницкаго и послѣ онаго чрезъ нѣкоторое время при оной состояло; ваше імператорское Величество положили уже сему основаніе всемилостивѣйшимъ возобновленіемъ подкоморскихъ и земскихъ судовъ; но сіи не могутъ быть дѣйствителны, естьли главное правителство не на такомъ же основаніи и не по тѣмъ же правиламъ дѣйствовать будетъ, какъ и оныя. 3. Внутреннія учрежденія, какъ то: наложенія податей, поборовъ, высылка на работы и прочія чинимыя главнымъ правителствомъ безъ согласія нашего служатъ также къ крайней нашей обидѣ и отягощенію; ибо таковыя учрежденія по привилегіямъ нашимъ должны дѣлаемы быть и дѣланы были в прежнія времена съ общаго согласія шляхетства и всѣхъ чиновныхъ людей на радахъ, а въ дѣлахъ важнѣйшихъ требовано было согласіе и отъ другихъ чиновъ, какъ то отъ мѣщанъ и козаковъ, и въ таковыхъ случаяхъ, когда и грамоты отъ предковъ вашего імператорскаго Величества къ гетману присылаемы были, то всегда во оныхъ предписывано, чтобъ онъ гетманъ дѣлалъ таковыя внутреннія учрежденія и распоряженія на радѣ съ согласіемъ старшинъ, войска и всего посполитства и чтобъ оныя не могли быть къ отягощенію и разоренію малороссійскаго народа, и всегда была каждому уѣзду свобода на таковыя учрежденія соглашаться или не соглашаться и представлять гетману и радѣ, что то или другое учрежденіе будетъ служить къ народному отягченію. Въ недавнихъ же временахъ гетманы и учреждаемыя на ихъ мѣста главныя правителства стали дѣлатъ таковыя весма отяготителныя и несносныя для малороссійскаго народа распоряженія по присылаемымъ къ нимъ указамъ, а иногда и по своему произволенію, не призывая никого изъ общества въ совѣтъ. Изъ числа таковыхъ суть: опись по душамъ малороссійскаго народа, рублевый окладъ, положенный на хаты для содержанія шести драгунскихъ полковъ Глуховскаго гарнизона и главной полевой аптеки, на что все исходило до ста тысячъ рублей, а нынѣ собирается около трехъ сотъ тысячъ рублей, описаніе и мѣряніе всѣхъ всякаго чина земель и угодій и бываемыхъ съ нихъ доходовъ, переписъ всякаго скота и живности, а въ озерахъ

и прудахъ рыбы, собираніе съ шляхетскихъ, мѣщанскихъ и козачихъ домовъ квартирныхъ денегъ, естьли кто не желаетъ въ домахъ своихъ постоевъ, вѣсовыя денги, платимыя отъ дѣлъ, пересылаемыхъ по аппеляціи къ верхнимъ судебнымъ мѣстамъ, и прочія симъ подобныя учрежденія, дѣлаемыя отъ малороссійскаго главнаго правителства не токмо безъ согласія и совѣта общаго, но еще съ угроженіемъ за неисполненіе наказаній, секвестровъ и прочаго, отъ которыхъ въ Малой Россіи никогда небывалыхъ и неслыханныхъ учрежденій малороссійскій народъ въ такій пришелъ страхъ и смущеніе, что многія тысячи онаго безвѣстно разбѣжались, и отъ времени до времени побѣга умножаются, а другіе изнуряются бѣдностью и нищетою. Почему всеподданнѣйше ваше імператорское Величество просимъ всемилостивѣйше отвратить всѣ таковыя нововведенныя отягощенія и указать таковыхъ учрежденій впредъ никогда не дѣлать, но чтобъ подати и поборы учреждены были постоянныя и съ правами и привилегіями нашими точно сходствующія, которыхъ бы никакое правителство ни прибавить, ни убавить, а колми паче другихъ вновъ наложитъ не могло безъ общаго малороссійскихъ чиновъ согласія.

Всемилостивѣйшая Государыня! представивъ всеподданнѣйше важнѣйшія общія наши прозбы, нужды о собственныхъ каждаго чина, хотя также великихъ, важныхъ и многихъ, ваше імператорское Величество утруждать не дерзаемъ. Оныя ваше імператорское величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволите изъ поданныхъ отъ насъ в комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенья наказовъ и челобитенъ, а сверхъ того, ежели ваше імператорское Величество укажете, всякій чинъ собственныя свои нужды и отягощенія обстоятелно изъяснитъ можетъ. Отъ исправленія общихъ воспослѣдуетъ собственныхъ исправленіе. Исполненіе же сихъ нашихъ прозбъ и отвращеніе нуждъ и отягощеній нашихъ почитаемъ мы и всегда почитать будемъ за главнѣйшее и всѣхъ лучшее благоденствіе наше. Кто жъ можетъ намъ даровать оное, какъ не ваше імператорское Величество, премудрая, человѣколюбивая и милостивая монархиня? Послушайте, всемилостивѣйшая Государыня, гласа толъ многихъ тысящей народа, чрезъ насъ къ вашему імператорскому Величеству прозбы и слезы

свои простирающаго, и въ помилованіи его послушайте совѣтовъ великой вашей души и человѣколюбиваго сердца. Совѣты ихъ будутъ вашему імператорскому Величеству всѣхъ вѣрнѣйшія, а ему спасителныя. Послѣдуя онымъ, ясно увидите, сколъ справедливы и основателны оного прозбы и сколъ тяжки и велики угнѣтающія его нужды безъ всякой его прослуги и винности. Согласуясь со оными, имѣемъ надежду несомнѣнную, что ваше імператорское Величество оставите насъ при всѣхъ прежнихъ нашихъ привилегіяхъ, преимуществахъ, волностяхъ, свободахъ и обыкновеніяхъ, что учредите сходствующія со оными и по онымъ поступающія правителства и отвратите всѣ нужды, недостатки и отягощенія какъ всѣхъ обще, такъ и каждаго особливо, и тѣмъ самымъ утвердите спасителное ваше Коммиссіи предписанное намѣреніе, то естъ цѣлость імперіи и народнаго благополучія. Сколъ славно естъ для вашего імператорскаго Величества возстановленіе одновѣрной братіи нашей, обитающихъ въ Полшѣ, въ прежнія ихъ права и преимущества, столъ преславнѣе будетъ утвержденіе въ томъ же самомъ вѣрноподданнаго вашего імператорскаго величества Малороссійскаго народа, который, видя свое благоденствіе, отъ всѣхъ странъ ежедневно умножаться будетъ. Заставто, всемилостивѣйшая Государыня, толъ многочисленный народъ за возобновленіе свое воздвигнуть вамъ монументы и жертвенники не на землѣ и воздухѣ, но на сердцахъ. Сколъ славныя, сколъ великолѣпныя, сколъ долговременныя таковыя зданія! Будучи не подвержены ветхости и тлѣнію, заставятъ народъ сей на вѣки почитать имя Екатерины великой, премудрой и Матери отечества, и ей одной возстановленіе свое и избавленіе отъ всѣхъ прежде бывшихъ неустройствъ и насилій приписывать.

V.

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ ДО ВЫБОРОВЪ ДЕПУТАТОВЪ.

1767.

Циркуляръ Румянцева о выборахъ депутатовъ.

Циркулярный листъ.

Благороднымъ господамъ Шляхетству и Рицарству, въ повѣтѣ Зѣнковскомъ вотчины и помѣстья имѣющимъ, Гражданству и Земству.

Вы уже имѣете въ полученіи манифестъ, отправленный въ вашъ повѣтъ для обнародованія о учрежденіи въ нынѣшнемъ году въ Москвѣ Коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія. Изъ оного извѣстны вамъ, какія причины побудили Ея Императорское Величество на сіе обратить свое всевысочайшее примѣчаніе и какія милосердыя средства Ея Императорское Величество изобрели къ достиженію сего вожделенія. Онѣ являютъ намъ свойственную Ея Императорскому Величеству любовь къ правосудію и истинное Ея Величества матернее о благоденствіи всѣхъ подданныхъ Ея державѣ попеченіе, подтверждаютъ они во всѣхъ насъ возлагаемую на Ея къ намъ милость, надежду, что правосудіе и доброй порядокъ, составляющіе въ цѣломъ человѣческое благо, мудрыми Ея Величества мѣроположеніями возведутъ на степень совершенства. Я, приводя во исполненіе сіе Ея Императорскаго Величества Всевысочайшее повелѣніе, созываю Васъ для выбора въ повѣтъ вашъ Предводителя и Депутата къ „числу“ „мѣсяца въ“ и при желаніи лучшихъ въ предлежащемъ дѣлѣ успѣховъ отвѣчая должности званія того, не въ предложеніе точныхъ мѣръ, но въ совѣтъ вамъ сіе мое мнѣніе подаю

примите вы всѣ съ радостію сей подаваемый вамъ случай къ достиженію общенародного благоденствія, пользуйтесь имъ прямо и здѣлайте изъ него употребленіе таково, каковое бъ вамъ въ потомствѣ вашемъ честь и похвалу дѣлало. Обращайте всѣ ваши примѣчанія на общенародное добро, въ которомъ одинакое наше токмо прямо и заключатся можетъ, отдаляйте все то, что только блеститъ намъ нашею собственною маловременною корыстію, пройдите со вниманіемъ теченіе минувшихъ временъ, розыщите рачительно всѣ причины, вредившіе общему Вашему благоденствію и силѣ законовъ, приведшіе суды въ медленность и судей въ разновидныя разсужденія, а нѣкоторыхъ и на злоупотреблѣнія, препятствовавшія вашимъ домостроительствамъ и въ вотчиномъ хозяйствѣ, уничтожившія весь порядокъ гражданского упражненія въ торгѣ и промыслѣ, наведшія отвращеніе поселянамъ не токмо къ земледѣльству и скотоводству, какъ главнымъ земли здешней промысламъ, понудившія или поводъ подавшія удалятся жилищъ, своихъ имуществъ. Помышляйте всегда, что во основаніи всѣхъ государственныхъ законовъ принято быть должно по страхѣ Божіемъ честь и слава государская и достодолжное наше къ нимъ подданство и благосостояніе государственное во всѣхъ обширныхъ онаго частяхъ, а за первое законное правило—доставлять всѣмъ и всякому въ тишинѣ и покоѣ пользоватся плодами трудовъ и упражненія его, въ чемъ прямая вольность въ добродѣтельномъ разумѣ и заключается. Избирайте между Вами Предводителя и Депутата таковыхъ, кои бы всѣ свойства, прописанныя во обрядѣ, имѣли, и объ общенародныхъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, а не о своихъ собственныхъ, помышляли и чужды бы были пороковъ тѣхъ, отъ коихъ главное неустройство вездѣ взяло свое начало, то есть: лихоимство, презрѣніе своего ближняго и неистовство на своего подчиненного; явитесь Вы прямыми соревнователями прочихъ провинцей въ признаніи чувствительномъ являемой къ намъ отъ Ея Императорского Величества всевысочайшей и матерней милости, изявите благодарность вашу Ей безсмертнымъ доказательствомъ, поставте потомству вашему тѣмъ сего златого для насъ времени память, оправдайте мое здѣланное о васъ къ Ея Императорскому Величеству

уведомленіе: коль много Вы сочувствуете во всемъ томъ, что къ славѣ Ея и общенародному благополучію Ея государствъ токмо служить можетъ.

Я же въ прочемъ пребываю Вамъ послушнымъ слугою Г. Румянцовъ. Въ должности Секретаря Дмитрій Карпѣка. Въ должности Регистратора Канцеляристъ Яковъ Бакуринскій.

1767 году, февраля 26 дня.
Глуховъ.

Съ таковыхъ экземпляры посланы во всѣ суды земскіе и сотенныя правленія и въ Сѣчь Запорожскую.

II.

Росписаніе, гдѣ для выбору назначаются мѣста и сроки.

1) Въ Новгородкѣ, для городскихъ жителей марта 4.

2) Въ Стародубѣ а) для городскихъ жителей марта 9. Повѣту Стародубского, б) для шляхетства—10, в) для козаковъ—27.

3) Въ Чернѣговѣ, а) Для градскихъ жителей—16. Повѣтовъ Черниговского и Менского, б) для шляхетства—18, в) для козаковъ—27.

4) Въ Нѣжинѣ, а) для градскихъ жителей—23. Повѣтовъ Нѣжинского и Батуринского, б) для шляхетства—24, в) для козаковъ—27.

5) Въ Глуховѣ, для градскихъ жителей апрѣля 2. Повѣту Глуховского: въ сихъ мѣстахъ имѣетъ присудствовать Его Высокографское Сіятельство, для шляхетства—4.

6) Въ Гадячи, для градскихъ жителей марта 4, для козаковъ—27.

7) Въ Сорочинцахъ, для городскихъ жителей—8, для козаковъ—27.

8) Въ Полтавѣ, для городскихъ жителей—13. Повѣтовъ Полтавского и Миргородского, Остаповского и Гадяцкого, для шля-

хетства—15. Въ симъ мѣстахъ имѣетъ присудствовать Господинъ Генеральный обозный Кочубей.

9) Въ Козельцѣ, а) для городскихъ жителей—3. Повѣтовъ Козелецкого и Остерского, б) для шляхетства—4, в) для козаковъ—27.

10) Въ мѣстечкѣ Острѣ, для градскихъ жителей—10.

11) Въ Переясловѣ, а) для градскихъ жителей—15. Повѣтовъ Переясловского и Золотоноского Господинъ Генеральный писарь Туманскій, б) для шляхетства—17, в) для козаковъ—27.

12) Въ Лубнахъ, а) для градскихъ жителей—10. Повѣтовъ Лубенского и Роменского Господинъ Полковникъ Огаровъ, б) для шляхетства—13, в) для козаковъ—27.

13) Въ Прилукахъ, для градскихъ жителей—9. Повѣтовъ Прилуцкого и Иваницкого, б) для шляхетства—11, в) для козаковъ—27. Господинъ маіоръ Стремоуховъ.

14) Въ мѣстечкѣ Погарѣ, для градскихъ жителей—5. Повѣту Погарского, для шляхетства—7. Господинъ Генеральный судія Журманъ.

15) Въ Сѣчи Запорожской, Господинъ Полковникъ Сѣвского Пѣхотного полку Андрей Милорадовичъ.

Г. Румянцовъ.

III.

Выборы въ Глуховѣ.

1) Ордеръ Сотнику Глуховскому Господину Уманцю.

Сего году февраля 28 дня въ ордерѣ Его Сіятельства Господина Генералъ-Аншефа, Малороссійского Генералъ-Губернатора, Коллегіи Малороссійской Президента, Украинского и Малороссійского Корпусовъ Главного комендира и Кавалера Графа Петра Александровича Румянцова ко мнѣ присланномъ изображено: во исполненіе до Высочайшого Ея Императорскаго Величества имянного указа, декабра 14 дня 766 году состоявшогося, за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ, и публикованного манифеста съ приложеніемъ о выборѣ Депутатовъ въ учреждаемую въ

Москвѣ Коммиссію для сочиненія проэкта новаго уложенія назначенны отъ Его Сіятельства ко собранію для выборовъ тѣхъ Депутатовъ сроки по приложенному при томъ ордерѣ росписанію и при оныхъ выборахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Его Сіятельство самъ быть имѣетъ; и по другимъ для приведенія въ исполненіе всего предписанного по оному Всевысочайшему указу назначены отъ Его Сіятельства персоны; и какъ въ обрядѣ выбора дворянамъ повелѣно начальнику города сочинить роспись пріѣжаючимъ дворянамъ и все, что къ выбору принадлежить приготовить. Потому, наблюдая Ея Императорскаго Величества Высочайшое въ обрядѣ установленіе къ прибытію отъ Его Сіятельства персонъ, таковые дворянамъ росписѣ къ произведенію сего дѣла зъ благопристойнымъ и предписаннымъ порядкомъ, домъ и что къ тому потребно приготовить велено. Чтожъ принадлежить до собранія козаковъ, то, по полученіи того ордера, какъ найскорѣе во всѣ сотнѣ предложить, дабы отъ взякой сотнѣ выбраны были по одному или по два повѣренныхъ, смотря по числу козаковъ; однако чтобъ въ каждомъ полку такихъ выбранныхъ не больше было отъ всѣхъ сотень, какъ до ста человѣкъ, которые должны выбрать повѣренного отъ всего полку на основаніи таковомъ, какъ въ обрядѣ о выборѣ Депутатовъ однодворцамъ и другимъ предписано; и быть тѣмъ повѣреннымъ во всякой готовности, дабы по прибытіи Его Сіятельства и протчихъ назначенныхъ персонъ въ тѣ мѣста, гдѣ собраніямъ быть, на назначенные въ прилагаемыхъ росписаніяхъ сроки оныи собраться могли. Того ради посланными отъ мене въ сотнѣ повѣтовъ Нѣжинского и Батуринского къ сотникамъ, и гдѣ сотники въ отлучкѣ—къ сотеннымъ старшинамъ ордерами предложено: за полученіемъ оныхъ ордеровъ, какъ найскорѣе отъ тѣхъ сотень выбрать по два или по три повѣренныхъ, которые должны выбрать повѣренного отъ всего полку на основаніи таковомъ, какъ въ обрядѣ о выборѣ Депутатовъ однодворцамъ и другимъ предписано, и быть тѣмъ повѣреннымъ во всякой готовности, дабы по прибытіи Его Сіятельства въ Нѣжинъ, гдѣ собранію быть назначено, въ прилагаемыхъ росписаніяхъ сроки, то есть прежде 23 числа сего марта они собратся могли всенепремѣнно. Гдѣ же

для выбору назначенны мѣста и сроки, о томъ зъ присланного росписанія приложенны при тѣхъ ордерахъ справочные копіи, о чемъ для вѣдома и къ надлежащему исполненію и вамъ чрезъ сіе предлагается зъ сообщеніемъ зъ тогожъ росписанія справочной копіи.

Петръ Разумовскій.

1767 году,
Марта 1-го дня.

---

2) Донесеніе глуховскаго сотника Уманца о козачьихъ выборахъ.

Сіятельнѣйшему Графу, Высокопревосходительнѣйшему Господину Генералу Аншефу, Малороссійскому Генералу Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского и Малороссійского корпусовъ главному командиру и разныхъ орденовъ кавалеру Петру Александровичу Румянцову

Нижайшое доношеніе.

Сего марта 9 дня получилъ я ордеръ отъ господина Полковника Нѣжинского Разумовского, состоявшійся во исполненіе высокого Вашего Сіятельства повелѣнія, послѣдовавшаго о выборѣ Депутатовъ и повѣренныхъ къ сочиненію проэкта новаго уложенія, по коему между протчимъ изображенно, что принадлежить для собранія козаковъ, то посланными отъ него господина полковника Нѣжинского въ сотнѣ повѣтовъ Нѣжинского и Батуринского къ сотникамъ ордерами предложено: за полученіемъ оныхъ ордеровъ какъ найскорае отъ тѣхъ сотенъ выбрать по два или по три повѣренныхъ, и быть тѣмъ повѣреннымъ во всякой готовности, дабы по прибытіи Вашего Сіятельства въ Нѣжинъ прежде 23 числа сего марта, они собратся могли, о чемъ для вѣдома и к надлежащему исполненію и ко мнѣ тѣмъ ордеромъ предложенно, зъ сообщеніемъ зъ росписанія Вашего Сіятельства справочной копіи. А понеже по оному росписанію назначены сроки въ Глуховѣ для городскихъ жителей априля 2 дня, для шляхетства 4 дня, и о козакахъ ничего не упомянуто, означеннымъ же ордеромъ господинъ полковникъ Нѣжинскій, какъ выше-

писанно, предлагаетъ и мнѣ ко исполненію. Того ради оный подленный ордеръ и при немъ справочную копію съ росписанія Вашего Сіятельства при семъ подъ высокое разсмотрѣніе представляю, и что по оному повеленно будетъ учинить, на то ожидаю повелительной Вашего Сіятельства резолюціи.

Сотникъ Глуховскій *Семенъ Уманецъ.*

1767 году,
Марта 10 дня.

---

3) Донесеніе земскаго судьи объ окончаніи выборовъ.

Сіятельнѣишому Графу, Высокопревосходительнѣйшому Господину Генералъ-Аншефу, Малой Россіи Генералъ-Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского и Малороссійского Корпусовъ главному командиру и разныхъ ординовъ кавалеру, Его Сіятельству Петру Александровичу Румянцову.

Нижайшій Рапортъ.

По Всевысочайшему Милостивѣйшому Ея Императорскаго Величества манифесту, отъ 14 декабря 1766 году о выборѣ Депутатовъ въ Коммиссію о сочиненіи проэкта нового уложенія и о протчемъ состоявшомусь, отъ гражданъ города Глухова выбранъ я сегожъ города Головою, и какъ уже все то, что онымъ Всевысочайшимъ манифестомъ повелѣно, дѣйствительно исполнено, и выбранному Депутату Генеральному Асаулу Ивану Скоропадскому сочиненной наказъ съ прошеніями, такъ же и полномочіе отосланы, а копіи отданы въ церкве, гдѣ присяга учинена, первому священнику. Для того во исполненіе обряда при ономъ же манифестѣ сообщенного пункта 24 (о окончаніи всего принадлежащаго) Вашему Высокографскому Сіятельству нижайше репортую.

Земскій Судія *Сергей Дергунъ.*

1767 году,
Мая 29 дня.

IV.

Выборы въ Черниговскомъ полку.

1) Роспись, кто именно зъ шляхетства и другихъ чиновъ какого числа и часа въ Черньговъ прибылъ, а изъ живущихъ въ Черньговъ явился къ собранію для выбора Предводителя и Депутата зъ полку Черньговского въ учрежденную Коммиссію для сочиненія проэкта Нового Уложенія. 1767 году, марта.

Марта.		ПРІЕЖЖІЕ.	Избират.
10-го	10 час.	1. Бунчуковій Товаришъ Константинъ Лизогубъ	25
„	10 „	2. Бунчуковій Товаришъ Павелъ Мокріевичъ. .	26
„	10 „	3. Бунчуковій Товаришъ Григорій Лизогубъ .	—
„	10 „	4. Войсковій Товаришъ Іванъ Маркевичъ. . .	21
12-го	11 „	5. Сотникъ Выбелскій Андрей Тризна . . .	27
13-го	4 „	6. Судія Генералній Андрей Безбородко . .	105
„	4 „	7. Бунчуковій Товаришъ Алеѯандръ Безбородко.	—
14-го	10 „	8. Бунчуковій Товаришъ Іосифъ Рашевскій. .	41
„	10 „	9. Войсковой Товаришъ Почтмейстеръ Іаковъ Красовскій	44
„	10 „	10. Сотникъ Роискій Іаковъ Крупянскій . . .	12
„	11 „	11. Судія Земскій Повѣту Чернѣговского Михайло Дунѣнъ Борковскій	52
„	11 „	12. Войсковій Товаришъ Михайло Шуба . . .	—
„	4 „	13. Бунчуковій Товаришъ Іаковъ Лизогубъ . .	47
„	5 „	14. Обозній Полковій Чернѣговскій Іванъ Сахновскій	49
„	5 „	15. Войсковій Товаришъ Степанъ Сахновскій. .	—
„	7 „	16. Войсковій Товаришъ и Асаулъ Полковій Компанѣйскій Петръ Каневскій	31
15-го	11 „	17. Войсковій Канцелляристъ Степанъ Мокріевичъ.	—
„	11 „	18. Войсковій Канцелляристъ Федоръ Мокріевичъ.	—
„	11 „	19. Значковій Товаришъ Іванъ Федосовъ . . .	16
„	11 „	20. Значковій Товаришъ Гаврило Gурскій . .	—

ПРІЕЖЖІЕ.

Марта			Избират.
15-го	3 ч.	21. Сотникъ Менскій Павелъ Сахновскій . .	46
„	3 „	22. Значковій Товаришъ Іванъ Морозъ . . .	10
„	5 „	23. Войсковій Товаришъ Осипъ Сахновскій . .	12
„	5 „	24. Войсковій Товаришъ Пантелимонъ Сахновскій.	—
16-го	8 „	25. Значковій Товаришъ Григорій Базиліевичь .	12
„	8 „	26. Войсковій Товаришъ Андрей Бакуринскій .	42
„	8 „	27. Бунчуковій Товаришъ Петръ Стаховичъ . .	33
„	8 „	28. Войсковій Товаришъ Николай Соколовскій .	15
„	8 „	29. Умершого Войскового Товариша Райполского сынъ Іванъ Райполскій.	—
„	3 „	30. Войсковій Товаришъ Василь Булавкинъ . .	—
„	3 „	31. Войсковій Товаришъ Василь Ждановичъ. .	—
„	3 „	32. Войсковій Товаришъ Іванъ Сербиновичъ . .	33
„	3 „	33. Сотникъ Березинскій Іакимъ Сахновскій . .	53
„	3 „	34. Асаулъ Полковій Чернѣговскій Іванъ Сахновскій	47
„	3 „	35. Возній Сотнѣ Березинской Павелъ Сахновскій .	47
„	5 „	36. Войсковій Товаришъ Кирилъ Медушевскій .	—
„	6 „	37. Войсковій Товаришъ Іванъ Молявка . . .	24
17-го	9 „	38. Сотникъ Любецкій Іванъ Посудевскій . .	—
„	9 „	39. Значковій Товаришъ Евфимъ Шаршановичъ.	12
„	9 „	40. Значковій Товаришъ Константинъ Селивановъ	—
„	9 „	41. Значковій Товаришъ Трофимъ Боголѣвъ. .	—
„	9 „	42. Возній Подкоморскій повѣту Чернѣговского Димитрій Каранда	—
„	10 „	43. Судія Земскій повѣту Менского Павелъ Ломѣковскій.	11
„	10 „	44. Возній сотнѣ Волинской Іванъ Колодѣевъ .	60
„	10 „	45. Абшитованній Асаулъ Артиліеріи Полковой Іаковъ Шихуцкій	13
„	10 „	46. Асаулъ Артиліеріи Полковой Чернѣговской Іванъ Шихуцкій	19
„	10 „	47. Войсковій Канцеляристъ Петро Мазимовичъ	—

ПРІЕЖЖІЕ.

Марта				Избират.
17-го	10 ч.	48.	Возній сотнѣ Роиской Іванъ Стодолѣнскій .	—
„	10 „	49.	Значковій Товаришъ Іванъ Миничъ . . .	—
„	10 „	50.	Значковій Товаришъ Іванъ Красовскій . .	—
„	10 „	51.	Значковій Товаришъ Іаковъ Довгаль. . .	—
„	10 „	52.	Значковій Товаришъ Іванъ Даничъ . . .	—
„	12 „	53.	Бунчуковій Товаришъ Іванъ Полторацкій .	58
„	12 „	54.	Войсковій Товаришъ Василь Полонѣцкій. .	20
„	12 „	55.	Войсковій Товаришъ Іванъ Трусевичъ . .	23
„	12 „	56.	Войсковій Канцеляристъ Семенъ Лисявскій .	—
„	12 „	57.	Возній сотнѣ Сосницкой Емеліанъ Станѣславскій	25
„	12 „	58.	Значковій Товаришъ Григорій Петровскій .	23
„	6 „	59.	Возній сотнѣ Синявской Василь Драчевскій.	—
„	6 „	60.	Значковій Товаришъ Петро Лисенецкій . .	—
„	6 „	61.	Канцелляристъ Войсковій Михайло Кузмѣнскій	39
18-го	8 „	62.	Бунчуковій Товаришъ Михайло Папловскій .	57
„	8 „	63.	Писарь Суда Земского повѣту Менского Корнѣй Лѣневичъ	44
„	8 „	64.	Войсковій Товаришъ Іванъ Товстолѣсъ . .	42
„	8 „	65.	Сотникъ Іванъ Гламазда	38
„	8 „	66.	Войсковій Кацелляристъ Петро Лизогубъ .	—
„	8 „	67.	Значковій Товаришъ Григорій Товстолѣсъ .	23
„	8 „	68.	Войсковій Товаришъ Іванъ Бакуринскій . .	16
„	8 „	69.	Возній повѣту Менского Данило Колчевскій.	27
„	8 „	70.	Войсковій Товаришъ Федоръ Михно . . .	—
„	8 „	71.	Войсковій Канцелляристъ Степанъ Рашевскій	—
„	10 „	72.	Канцеляристъ Полковый Іванъ Рашевскій .	—
„	10 „	73.	Войсковій Товаришъ Іванъ Даниловичъ . .	36
„	10 „	74.	Войсковій Товаришъ Григорій Коненко . .	20
„	10 „	75.	Войсковій Товаришъ Корнѣй Абрамовскій .	15
„	10 „	76.	Значковій Товаришъ Іванъ Кладкевичъ . .	14
„	10 „	77.	Значковій Товаришъ Петро Іванина . . .	—
„	10 „	78.	Значковій Товаришъ Федоръ Бубликъ . .	7

ПРІЕЖЖІЕ.

Марта			Избрат.
18-го	10 ч.	79. Войсковій Товаришъ Василь Михно. . .	15
„	10 „	80. Значковій Товаришъ Іванъ Іарковскій . .	12
„	10 „	81. Значкового Товариша синъ Владимеръ Князиковскій	—
„	10 „	82. Абшитованній Хоружій сотенній Степанъ Шихуцкій	21
19-го	11 „	83. Войсковій Канцелляристъ Іаковъ Тризна .	—
„	11 „	84. Войсковій Товаришъ Василь Крачевскій .	20
„	11 „	85. Значковій Товаришъ Іванъ Загалскій . .	24
„	11 „	86. Значковій Товаришъ Маѯимъ Москалцовъ .	—
„	11 „	87. Значковій Товаришъ Омелянъ Демидовскій.	14
„	11 „	88. Значковій Товаришъ Ахеѯѣй Харченко. .	—
„	12 „	89. Значковій Товаришъ Іаковъ Бубликъ . .	8
20-го	9 „	90. Войсковій Товаришъ Петръ Юнѣцкій . .	35
21-го	8 „	91. Войсковій Товаришъ Антонъ Силичъ . .	27
„	8 „	92. Значковій Товаришъ Михайло Сенюта . .	—
22-го	10 „	93. Значковій Товаришъ Федоръ Радичъ . .	15
23-го	8 „	94. Войсковій Товаришъ Григорій Войцеховичъ	42
„	4 „	95. Бунчуковій Товаришъ Николай Тризна. .	88
„	4 „	96. Значковій Товаришъ Василь Ждановичъ .	24
26-го	10 „	97. Значковій Товаришъ Павелъ Тихоновичъ .	12
27-го	8 „	98. Сотникъ Городницкій Григорій Дубовикъ .	70
„	8 „	99. Значковій Товаришъ Федоръ Колодка . .	8
„	4 „	100 Возній сотнѣ Любецкой Іванъ Савичъ . .	23
„	4 „	101. Возній сотнѣ Слабинской Василь Костантиновичъ	—
„	4 „	102. Бунчуковій Товаришъ Степанъ Бутовичъ .	68
„	4 „	103. Войсковій Товаришъ Иванъ Бутовичъ . .	—
„	4 „	104. Возній сотнѣ Городницкой Авѯентій Панащатенко	19

ЖИТЕЛСТВУЮЩІЕ ВЪ ГОРОДѢ ЧЕРНѢГОВѢ.

		Избират.
1.	Бунчуковій Товаришъ Петръ Григоровичъ	55
2.	Писаръ полковій Чернѣговскій Андрей Іакимовичъ . .	71
3.	Хоружій полковій Чернѣговскій Василь Петрашевичъ. .	21
4.	Сотникъ Бѣлоускій Георгій Дзвонкевичъ	34
5.	Абшитованній Атаманъ Григорій Плохута	14
6.	Писарь Суда Гродского Семенъ Стаинскій	22
7.	Атаманъ Городовій Чернѣговскій Федоръ Плохута. . .	13
8.	Возній повѣта Чернѣговского Василь Стаинскій . . .	—
9.	Коморникъ повѣта Чернѣговского Іванъ Стефановскій. .	30
10.	Значковій Товаришъ Іаковъ Плохута	15
11.	Значковій Товаришъ Василь Грембецкій	24
12.	Значковій Товаришъ і города Чернѣгова Квартермистръ Степанъ Іакимовичъ	—
13.	Значковій Товаришъ, правящій Городническою должностію Михайло Доморка	8
14.	Городничій Чернѣговскій Николай Константиновичъ . .	18
15.	Значковій Товаришъ Іовъ Сокоцкій	4

Писарь Полковій Чернѣговскій *Андрей Іакимовичъ.*

---

2) Списокъ, по силѣ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской маньфеста и приложеннаго при ономъ обряда, отъ Магистрата Черньговского по выбору всѣхъ гражданъ повѣреннимъ, напередъ женатимъ и имѣющимъ дѣтей, потомъ же вдовцамъ, а неженатымъ послѣднимъ, учиненій 1767 году, марта 29 дня.

ЖЕНАТІИ и ИМѢЮЩІЕ ДѢТЕЙ.

		Избир. голос.
1.	Бурмистръ Михайло Енко	86
2.	Обозній Иванъ Сахновскій	27
3.	Райца Иванъ Бордадимъ	28
4.	Сотникъ Георгій Дзвонкевичъ	25

		Избир. голос.
5.	Купецъ Григорій Енко	50
6.	Писарь Магистратовый Евфимъ Дранковскій	—
7.	Козакъ Андрей Римарь	7
8,	Канцеляристъ Консисторіи Чер. Димитрій Прожига	17
9.	Писарь сотенній Кондратъ Корнѣевъ	—
10.	Козакъ Федоръ Штацкій	11
11.	Стефанъ Портновъ	12
12.	Райца Никита Инспекторенко	11
13.	Пушкаръ Максимъ Кіевскій	8
14.	Райца Василь Медведовъ	14
15.	Канцеляристъ полковій Иванъ Молчановскій	13
16.	Райца Павелъ Колужинецъ	8
17.	Мищанинъ Игнатъ Коритко	10
18.	Канцеляристъ полковій Иванъ Морозовъ	20
19.	Мѣщанинъ Михайло Петрушинецъ	—
20.	Козакъ Иванъ Авеселовскій	—
21.	Канцеляристъ полковій Михайло Марачевскій	16
22.	Бурмистръ Григорій Бубликъ	57
23.	Мѣщанинъ Яковъ Хлѣбовскій	—
24.	Райца Яковъ Билявскій	9
25.	Мищанинъ Данило Грищенко	17
26.	Райца Иванъ Данилевскій	—
27.	Мѣщанинъ Петро Грищенко	—
28.	Козакъ Осипъ Молчановскій	—
29.	Мѣщанинъ Гордѣй Шкляренокъ	7
30.	Козакъ Федоръ Мокренецъ	18
31.	Мѣщанинъ Мартинъ Демяновъ	9
32.	Мѣщанинъ Иванъ Щербакъ	13
33.	Мѣщанинъ Алексѣй Стодола	11
34.	Мѣщанинъ Семенъ Золотарь	—
35.	Мѣщанинъ Федоръ Плакса	9
36.	Федоръ Семеновъ	12
37.	Мѣщанинъ Исакъ Коломѣйченко	—

		Избир. голос.
38.	Козакъ Григорій Мамля	10
39.	Козакъ Максимъ Шумовскій	10
40.	Козакъ Стефанъ Наболонскій	12
41.	Мѣщанинъ Николай Мамля	14
42.	Козакъ Трофимъ Мякота	13
43.	Мѣщанинъ Терешко Сосницкій	6
44.	Мѣщанинъ Василь Глинскій	—
45.	Мѣщанинъ Василь Лопатень	13
46.	Райца Никита Ракъ	35
47.	Райца Иванъ Хлѣбовскій	21
48.	Мѣщанинъ Андрей Свислоцкій	—
49.	Мѣщанинъ Иванъ Золотарь	14
50.	Бурмистръ Иванъ Крутѣнь	66
51	Значковій Товаришъ Михайло Доморка	25
52.	Райца Стефанъ Леонтіевъ	27
53.	Канцеляристъ Магистратовій Корнѣй Лявровскій	19
54.	Козакъ Михало Слѣсарь	10
55.	Атаманъ городовій Федоръ Плохута	27
56.	Цехмистръ Ковальскій Иванъ Лукяненко	16
57.	Райца Василь Малаховъ	39
58.	Обшитованній Атаманъ Григорій Плохута	23
59.	Значковій Товаришъ Василь Грембецкій	26
60.	Райца Илія Лопата	20
61.	Мищанинъ Федоръ Малаховъ	12
62.	Райца Фома Желѣзникъ	16
63.	Мѣщанинъ Мануйло Збинецъ	11
64.	Почталѣонъ Остапъ Кипріяновъ	18
65.	Войтъ Никифоръ Шарой	31
66.	Почталѣонъ Яковъ Здоръ	14
67.	Райца Корнѣй Здоръ	24
68.	Почталіонъ Іосифъ Шереметъ	16
69.	Цехмистръ Шевскій Евдокимъ Поливода	13
70.	Мищанинъ Григорій Бичокъ	12

Избир. голос.

71. Мищанинъ Федоръ Мельникъ 9
72. Райца Иванъ Грибъ 15
73. Райца Демянъ Грибъ 24
74. Мѣщанинъ Иванъ Римарь 9
75. Мищанинъ Денисъ Кравець 50
76. Мищанинъ Семенъ Стадникъ . . . . . —
77. Райца Романъ Ребій 50
78. Райца Иванъ Сарафіоновъ. 16
79. Мищанинъ Евфимъ Головокъ 14
80. Райца Иванъ Санковскій 21
81. Райца Федотъ Митаревскій 31
82. Мищанинъ Иванъ Матусь 16
83. Райца Прокопъ Станѣславскій 24
84. Мѣщанинъ Остапъ Нестеренко. 14
85. Райца Данило Баришавецъ 28
86. Мищанинъ Каленикъ Шкурка 10
87. Мищанинъ Петро Колужинецъ 12
88. Значковій Товаришъ Федоръ Радичъ 26

ЖЕНАТИЕ БЕЗДѢТНИЕ.

89. Мищанинъ Яковъ Ладонка . . . . . —
90. Козакъ Христофоръ Николаевъ 24
91. Райца Афанасъ Широгроцкій . . . . . —
92. Мищанинъ Семенъ Ребій . . . . . —
93. Гусарскій Прапорщикъ Прокофій Соколовъ 26

ВДОВЦИ.

94. Райца Игнатъ Глинскій . . . . . —
95. Райца Иванъ Макотринъ 20

НЕЖАНАТИЕ МИЩАНЕ.

96. Есипъ Глинскій . . . . . —
97. Василь Поддубинъ . . . . . —

		Избир. голос.
98.	Тимофей Митаревскій	35
99.	Гаврило Тарасевичъ	10
100.	Яковъ Лопатень	—

Войтъ Магистрата Чернѣговского Никифоръ Шарой.
Бурмистръ Магистрата Чернѣговского Григорій Бубликъ.
Бурмистръ Магистрата Чернѣговского Иванъ Крутѣнь.
Райца Магистрата Чернѣговского Феодотъ Митаревскій.
Райца Магистрата Чернѣговского Афанасъ Широгроцкій.

---

3) Донесеніе предводителя шляхетства Андрея Безбородка объ окончаніи выборовъ.

Его Сіятельству, Графу Петру Александровичу Румянцову, Высокопревосходительнѣйшему Генералу-Аншефу, Малороссійскому Генералу-Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского корпуса и войскъ Малороссійскихъ Главному Комендиру и разныхъ орденовъ Кавалеру.

Репортъ.

Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества манифестомъ декабря отъ 14 числа 1766 года повелѣнный отъ шляхетства, въ полку Черниговскомъ вотчины и помѣстья имѣющаго, выборъ Депутата въ Коммиссію о сочиненіи проэкта нового уложенія, и все, къ тому принадлежащее, окончено; и потому все собравшееся шляхетство сего априля въ 5 день распущено, Депутату жъ отъ меня письменно рекомендовано, чтобъ онъ отправленіемъ въ Москву и явкою въ Правительствующемъ Сенатѣ не умедлилъ, какъ о томъ Высочайшіе манифестъ и указъ, господамъ Губернаторамъ данный, повелѣваютъ. По долгу моему, Вашему Сіятельству нижайше о томъ репортую, поднося при семъ списки реестра бывшихъ при выборѣ, полномочія Депутату, выбора персонъ къ сочиненію наказа, чело-

битной къ Ея Императорскому Величеству и наказа въ общихъ нуждахъ, недостаткахъ и отягощеніяхъ.

Предводитель Шляхетства Черниговского полку, Генеральный Судія *Андрей Безбородко.*

Черниговъ,
апрiля 5 дня 1767 года. № 9.

---

5) *Посланіе черниговскаго шляхетства.*

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государиня Императрица Екатерина Алексѣевна Самодержица Всероссійская,

Всемилостивѣйшая Государиня!

Между народами, которые промысломъ Божіимъ премудрому Вашего Императорскаго Величества правленію ввѣрены, малороссійскій въ разсужденіи единого рода и вѣры съ россійскимъ, а паче добровольного возвращенія въ союзъ съ прежнимъ его тѣломъ, при всѣхъ свято-почившихъ предкахъ Вашего Императорскаго Величества пользовался отмѣнними монаршими щедротами, нетокмо въ ненарушимомъ храненіи свободъ и законовъ, издревле имъ пріобрѣтенныхъ, но и въ разпространеніи всего того, что къ лучшей его ползѣ по времени и обстоятелствамъ служить могло. Ваше Императорское Величество, желаніемъ вѣрныхъ подданныхъ Вашихъ наслѣдствуя престолъ Великой Имперіи, нетолко преемницею прежнихъ Россійскихъ обладателей въ милости къ сему вѣрноподданному народу учинились, но разширяя попеченіе о благоденствіи всѣхъ членовъ державы Вашей, восхотѣли дать и намъ участіе во всѣхъ тѣхъ благодѣяніяхъ, которими совершеніе великихъ Вашихъ намѣреній обнадеживаетъ Россію, и потому, какъ по перемѣнѣ бывшаго здѣсь гетманского правленія сему благоприсоединенному народу Императорскимъ словомъ обѣщать изволили: возводить его на такую степень щастія, въ которой бы онъ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость вящше чувствовать смогъ, такъ и въ нынѣшнее время, созивая отъ всѣхъ частей Россійскаго Государства

уполномоченныхъ Депутатовъ для сочиненія проекта новаго уложенья, здѣлали и насъ таковой матерней къ подданнымъ довѣренности участниками, всемилостивѣйше позволивъ взнесть къ Вашему Императорскому Величеству прозбы въ общихъ нуждахъ, недостаткахъ и отягощеніяхъ. Мы чувствуемъ, Всемилостивѣйшая Государиня, что состояніе правителства и обрядовъ земскихъ въ отечествѣ нашемъ мало соотвѣтствуютъ доброму порядку, и что нынѣшнія наши обстоятелства требуютъ во всемъ поправленія. Но какъ Ваше Императорское Величество промыслъ о благополучіи нашемъ на себя принять соизволили, то мы возлагаемъ всю надежду нашу на матернее Ваше милосердіе, не сомнѣваясь, что Ваше Величество самодержавною отъ Бога данною Вамъ властію положите твердое основаніе покоя и благоденствія всѣхъ жителей малороссійскихъ. И въ разсужденіи сего выбранному нами изъ полку Черниговского Депутату, Генералному Асаулу Ивану Скоропадскому, дали мы полномочіе представить Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшіе прошенія наши въ таковыхъ токмо дѣлахъ, которые собственно до шляхетства касаются; и въ томъ для лучшей вѣры, снабдѣли его наказомъ. Всенижайше Ваше Императорское Величество просимъ призрѣть на вѣрноподданническое всѣхъ насъ усердіе, и въ сихъ прозбахъ нашихъ, отъ которыхъ утвержденіе щастія нашего зависить, Всемилостивѣйшее рѣшеніе пожаловать. Толь великія благодѣянія приняты будутъ отъ всѣго свѣта новымъ опытомъ Вашего человѣколюбія и великодушія, которіе привлекають подъ благословенную державу Вашу многочисленныхъ отдаленныхъ народовъ; а насъ и потомковъ нашихъ утвердятъ еще болѣе въ непоколебимой навѣки рабской вѣрности престолу Вашего Императорскаго Величества, и во взаимномъ съ прочими землями Россійской Имперіи согласіи.

Черниговъ.

1767. Апрѣля 4 дня.

Вашего Императорскаго Величества вѣрніе подданіе и всенижайшіе рабы:

Шляхетства Черниговскаго полку Предводитель, Судія Генеральный Андрей Безбородко, Бунчуковій Товаришъ Костантій Ли-

зогубъ, и по повѣренности отъ брата Симеона Лизогуба и Бунчукового Товариша Ивана Булавкина, Бунчуковій Товаришъ Павелъ Дебогорѣя Мокриевичъ и по повѣренности отъ брата своего Бунчукового Товариша Александра Дебогорѣя Мокриевича, Бунчуковій Товаришъ Григорій Лизогубъ, Войсковій Товаришъ Иванъ Маркевичъ, Бунчуковій Товаришъ Александръ Безбородко и по повѣренности отъ Асаула полкового Ивана Сахновскаго, Бунчуковій Товаришъ Иосифъ Рашевскій, Войсковій Товаришъ Яковъ Красовскій, Сотникъ Роискій Яковъ Крупянскій, Судья земскій Черниговскій Михайло Дунинъ-Борковскій, Войсковій Товаришъ Михайло Шуба, Бунчуковый Товаришъ Яковъ Лизогубъ, Обозній полковій Черниговскій Иванъ Сахновскій, Войсковій Товаришъ Стефанъ Сахновскій, Войсковій Товаришъ, полковій Асаулъ компанейскій Петръ Каневскій и по повѣренію брата своего писара земскаго повѣту Черниговскаго Степана Каневскаго, Войсковій канцеляристъ Степанъ Дебогорія-Мокріевичъ, Войсковій канцеляристъ Федоръ Дебогорія-Мокріевичъ, Значковій Товаришъ Иванъ Федосовъ, Сотникъ Менскій Павелъ Сахновскій, Значковій Товаришъ Иванъ Морозъ, Войсковій Товаришъ Иосифъ Сахновскій и по повѣренію Войскового Товариша Федора Михна, Войсковій Товаришъ Пантелимонъ Сахновскій, Значковій Товаришъ Григорій Базилевичъ. По повѣренію Значкового Товариша Гаврила Гурского—родній его братъ полковій канцеляристъ Антонъ Гурскій, Войсковій Товаришъ Андрей Бакуринскій, Бунчуковый Товаришъ Петро Стаховичъ, Войсковій Товаришъ Николай Соколовскій, Войскового Товариша синъ Иванъ Райполскій, Войсковій Товаришъ Василь Булавкинъ, Войсковій Товаришъ Василей Ждановичъ, Войсковій Товаришъ Иванъ Сербиновичъ, Сотникъ Березинскій Якимъ Сахновскій, Возній сотнѣ Березинской Павелъ Сахновскій, Войсковій Товаришъ Иванъ Молявка, Сотникъ Любецкій Иванъ Посудевскій, Значковій Товаришъ Константинъ Саливановичъ, Возній подкоморскій повѣта Черниговского Димитрій Каранда, Судія земскій повѣта Менского Павелъ Ломѣковскій, Возній Волинскій Иванъ Колодѣевъ, абшитованій Асаулъ Артилеріи Полковой Яковъ Шихуцкій, Асаулъ Полковой Артилеріи Иванъ Шихуцкій, Канце-

ристъ Войсковій Петръ Максимовичъ, Значковій Товаришъ Иванъ Миничъ, Значковій Товаришъ Иванъ Красовскій. По повѣренности Значкового Товариша Якова Довгаля, сынъ его Лаврѣнъ Довгаль, Значковій Товаришъ Иванъ Даничъ, Бунчуковій Товаришъ Иванъ Полторацкій, Возній сотнѣ Сосницкой Омелянъ Станѣславскій, Коморникъ повѣту Менского Григорій Петровскій, Возній сотнѣ Синявской Василей Драчевскій, Значковій Товаришъ Петръ Лисенецкій, Войсковій Канцеляристъ Михаило Козмѣнскій и по повѣренности отъ сотника Столинского Романа Бобира, Бунчуковій Товаришъ Михайло Павловскій, Земскій повѣту Менского писарь Корнилій Лѣневичъ, Войсковій Товаришъ Иванъ Товстолѣсъ, Сотникъ Иванъ Гломазда, Значковій Товаришъ Григорій Товстолѣсъ, Войсковій Товаришъ Иванъ Бакуринскій, повѣта Менского возній повѣтовій Данило Колчевскій, Войсковій Товаришъ Иванъ Даниловичъ, Войсковій Товаришъ Григорій Коленко, Войсковій Товаришъ Корнѣй Абрамовскій, Значковій Товаришъ Иванъ Кладкевичъ, Значковій Товаришъ Федоръ Бубликъ, Войсковій Товаришъ Василь Михно, Значковій Товаришъ Иванъ Ерковскій, Значкового Товариша Сидора Княжиковского сынъ Владимеръ Княжиковскій, Хоружій сотнѣ Роиской Стефанъ Шихуцкій, Войсковій канцеляристъ Яковъ Тризна, Войсковій Товаришъ Василь Крачевскій, Значковій Товаришъ Иванъ Загалскій, Значковій Товаришъ Максимъ Москалцовъ, Значковій Товаришъ Емеліянъ Демидовскій, Значковій Товаришъ Алексѣй Харченко, Значковій Товаришъ Яковъ Бубликъ, Войсковій Товаришъ Петръ Юницкій, Войсковій Товаришъ Антонъ Силѣчъ, Значковій Товаришъ Михайло Сенюта, Значковій Товаришъ Федоръ Радичъ, Войсковій Товаришъ Григорій Войцеховичъ, Бунчуковій Товаришъ Николай Тризна, Значковій Товаришъ Василь Ждановичъ, Значковій Товаришъ Павелъ Тихоновичъ, Сотникъ Городницкій Григорій Дубовикъ, Значковій Товаришъ Федоръ Колодка, Возній повѣта Черниговского сотнѣ Любецкой Иванъ Савичъ, Возній сотнѣ Слабинской Василь Костантиновичъ, Бунчуковій Товаришъ Стефанъ Бутовичъ и по повѣренности брата своего Ивана Бутовича, Войскового Товарища; сотнѣ Городнѣцкой возній Авксентій Панаща-

тенко, Судья полковій Тимофей Сенюта, Сотникъ Седневскій Федоръ Римша, Атаманъ сотеній Сосницкій Прокопъ Слышевскій, Писарь сотенній Сосницкій Еремій Якимовичъ, Хоружій сотенній Сосницкій Федоръ Ивасенко, Атаманъ сотенній Волинскій Іванъ Абрамовичъ, Абшитованный сотнѣ Березинской писарь Дамянъ Тарасевичъ, Атаманъ сотенній Выбелскій Тимофей Титовичъ, Атаманъ сотенній Городницкій Дмитрій Сукнѣцкій, Абшитованній войсковій Канцеляристъ Севастіянъ Бородуха, Возній повѣту Менского суда подкоморского Иванъ Добрицкій, Асаулъ сотеній Городницкій Иванъ Нехаевскій, Сотникъ Киселювскій Иванъ Шаршановичъ и по повѣренности отца своего Значкового Товариша Евфима Шаршановича, Полковій Черниговскій канцеляристъ Иванъ Юркевичъ, Значкового полку Чернѣговского Товариша синъ полковій Черниговскій канцеляристъ Стефанъ Фасовецъ, Полковій Черниговскій канцеляристъ Василь Чернискій, Бунчуковій Товаришъ Петръ Григоровичъ-Курсановичъ, Писарь полковій Черниговскій Андрей Якимовичъ, и по повѣренности Бунчукового Товариша Василя Дунина-Борковского, Хоружій полковій Черниговскій Василей Петрашевичъ, Сотникъ полковій Черниговскій Петръ Посудевскій, Сотникъ Белоускій Георгій Дзвонкевичъ, Судовій гродскій Черниговскій писарь Семенъ Стаинскій, Атаманъ абшитованній городовій полковій Черниговскій Григорій Плохута, Атаманъ городовій Черниговскій Федоръ Плохута.

---

5) *Донесеніе Милорадовича о выборахъ козачьихъ.*

Сіятелнѣйшему Графу, Високопревосходителнѣйшему Г-ну Генералъ Аншефу, Малороссійскому Генералъ Губернатору, Малороссійской Коллегіи Президенту, Украинского и Малороссійского Корпусовъ главному Командиру, обоихъ Россійскихъ Императорскихъ ординовъ святихъ апостола Андрея и Александра Невскаго, такожъ Голстинского св. Анны Кавалеру, Графу Петру Александровичу Румянцову.

Рапортъ.

По силѣ циркулярного ордера отъ вашего Высокографского Сиятелства, мною сего мая 6 дня полученного, которимъ мнѣ ве-

лѣно отъ козаковъ поверенному изъ сотень сочиняемие наказы, въ которихъ они пишуть до нихъ вовся ненадлежащое, инимъ же старшини оние компонують, отставить, а только съ прошеніями, какови отъ сотень дани поверенним, техъ депутатовъ отправить,—отъ полковой Черниговской Канцеляріи во всѣ полку Черниговского сотнѣ, ордерами предложено, за полученіемъ онихъ, тотъ часъ, призвавъ въ сотенния Правленія повѣреннихъ отъ онихъ сотень вибраннихъ козаковъ, которіе прежде сего при виборѣ козачого депутата въ Чернѣговѣ были и отъ техъ же сотень въ Полковую Канцелярію при репортахъ висыланны, оное вашего Високографского Сиятелства повелѣніе обявить, и приказать висшеписанние наказы отставить, а толко съ прошеніями, какови отъ онихъ же сотень дани поверенним, того козачого депутата отправить, и по исполненіи о томъ немедленно въ полковую Канцелярію отрепортовать. О чемъ вашему високографскому Сіятелству въ покорности моей репортую

Полковникъ *Петръ Милорадовичъ.*

1767 году,
мая 8 дня
№ 1460.

---

6) Вѣдомость, сочиненная въ полковой Черньговской Канцеляріи зъ присланныхъ зъ сотень полку Черньговского репортовъ, коликое число съ которой сотнѣ явились съ козаковъ поверенних для вибору въ силѣ повелѣнія отъ всего полку поверенного. 1767 году, марта 31 дня.

Сотнѣ Седневской.

№	число		Избир. голос.
1	13	Герасимъ Збанъ	50
2	„	Данило Самоненко	31
3	„	Павелъ Шевель	30
4	„	Семенъ Грабовець	19
5	„	Иванъ Кеня	19

№	число		Избир. голос.
6	„	Демянъ Гребянка	25
7	„	Мина Шупикъ	21

Сотнѣ Киселювской.

8	„	Дорошъ Заецъ	—
9	„	Оникѣй Бабичъ	20
10	„	Савка Романецъ	—

Сотнѣ Вибелской.

11	14	Климъ Памфиленко	18
12	„	Григорій Луцкій	21
13	„	Федоръ Борисенко	16
14	„	Семенъ Дяченокъ	
15	„	Василь Гвоздикъ	19
16	„	Яковъ Лѣщинецъ	17

Сотнѣ Бѣлоуской.

17	15	Романъ Павленко	27
18	„	Кирило Палѣй	26
19	„	Иванъ Литвиненко	—
20	„	Иванъ Койданъ	22
21	„	Павелъ Богданенко	—

Сотнѣ Славинской.

22	„	Федоръ Сурмила	18
23	„	Данило Шила	16
24	„	Григорій Дундарь	19

Сотнѣ Полковой.

25	„	Иванъ Белоножка	18
26	„	Яковъ Згурскій	36
27	„	Иванъ Булгакъ	16
28	„	Василь Ковтунъ	24
29	„	Яковъ Гузъ	—

Сотнѣ Синявской.

№	число		Избир. голос.
30	„	Захарій Мищенко	28
31	„	Иванъ Ященко	20
32	„	Алексѣй Луневскій	76
33	„	Иванъ Николаевъ	26

Сотнѣ Менской.

34	„	Семенъ Олѣйникъ	17
35	„	Семенъ Смаль	11
36	„	Прокопъ Соломяникъ	18
37	„	Мойсей Сердюченко	17
38	„	Трофимъ Падалка	—
39	„	Гаврило Коворотній	—
40	„	Марко Кроха	—
41	„	Михайло Педь	15
42	„	Матвей Зеленскій	20
43	„	Иванъ Сидоренко	13

Сотнѣ Березинской.

44	16	Иванъ Кислій	21
45	„	Козма Стасюкъ	29
46	„	Михайло Котляревскій	23
47	„	Карпъ Литвиненко	20
48	„	Романъ Миничъ	—
49	„	Григорій Харченко	—
50	„	Семенъ Станѣславскій	—

Сотнѣ Столинской.

51	16	Максимъ Пилипенко	21
52	„	Остапъ Охрѣменко	15
53	„	Якимъ Савченко	14
54	„	Павелъ Антоненко	11

Сотнѣ Сосницкой.

№	число		Избир. голос.
55	„	Андрей Коленко	19
56	„	Иванъ Кузька	20
57	„	Федоръ Чинчикъ	21
58	„	Степанъ Глоба	47
59	„	Яковъ Скриль	25
60	„	Федорченко	15

Сотнѣ Волинской.

61	„	Иванъ Петровъ	20
62	„	Федоръ Поплавскій	25
63	„	Яковъ Редка	27
64	„	Михайло Грищенко	18

Сотнѣ Любецкой.

65	„	Сидоръ Богушь	20
66	„	Савка Брехунъ	13
67	„	Павелъ Пилиповичъ	17
68	„	Федоръ Савицкій	15

Сотнѣ Роиской.

69	„	Якимъ Коваленко	19
70	„	Степанъ Терехно	—
71	„	Климъ Ярошенко	14
72	„	Василь Ященко	21
73	„	Омельянъ Коржъ	34
74	„	Козма Петрушинецъ	11
75	„	Василь Кужильній	10
76	„	Гаврило Илленко	16

Сотнѣ Городнѣцкой.

77	„	Иванъ Бояриновъ	25
78	„	Василь Гуторъ	15
79	„	Григорій Глущенко	11

№	число		Избир. голос.
80	„	Никифоръ Черевачъ	35
81	„	Опанасъ Кулажинскій	22
82	„	Василь Редченко	17
83	„	Василь Борсукъ	18
84	„	Андрей Борсукъ	20

Сотнѣ Понурницкой.

85	26	Дмитро Кострубъ	23
86	„	Данило Савицкій	—
87	„	Стефанъ Осадшій	—
88	„	Ничипоръ Гавриленко	18
89	„	Семенъ Карпенко	—
90	„	Демянъ Кипоренко	—

Полковникъ Черниговскій *Петръ Милорадовичъ.*

V.

Выборы въ г. Козельцѣ.

По силѣ манифеста Ея Императорскаго Величества декабря 14 числа 1766 года, коимъ самодержавною Ея властию повелѣно намъ нижеподписавшимся ізбрать в коммисию о сочинении проекта новаго уложения депутата и прислать оного в столицу Ея Императорскаго величества въ сенатъ, ми, жители города Козелця, по присланному при томъ височайшемъ манифестѣ обряду, в знакъ нашего всеподданнѣйшаго послушания, напередъ вибрали для лучшаго между собою порядка, по чистой совѣсти, нами признанного к сей должности способнимъ, находя в немъ всѣ к сему вибору предписаннія качества, а именно: головою сего города судию Полкового Киевского Стефана Барановского, дая оному вибранному нашимъ головою полную довѣренность на два года, не толко при нинѣшнемъ виборѣ депутата, но и при случаяхъ, если дани будутъ от верховния власти какия особия повелѣния, принадлежащия до на-

шего общаго разсуждения и положения всѣхъ живущихъ въ нашемъ городѣ; въ чемъ подписуемся:

Подкоморій Остерского повѣту Андрей Миткевичъ, Судия земскій повѣту Козелецкого Матвѣй Шумъ, повѣту Остерского Земский Судья Степанъ Лутай, повѣту Козелецкого Подсудокъ Стефанъ Пасенко, Обозний Полковий Киевский Зѣновий Борецкій, Полковій Кіевскій Писаръ Семенъ (нельзя разобрать), Асаулъ Полковій Кіевскій Ѳедоръ (сгнило), абшитованній Хоружий Полковий (сгнило), войсковій Товаришъ Андрѣй Діяковскій, войсковій Товаришъ Карпъ Богомулецъ, повѣту Козелецкого коморнѣкъ Григорий Лагода, Значковій Товаришъ Павелъ Шумъ, атаманъ городовый Козелецкій Ѳеодоръ Постволъ, возній Повѣтовій Іванъ Онислав скій, Коморнѣкъ повѣту Остерского Петръ Пасенко, Значковій Товаришъ Борисъ Садовенко, Значковий Товаришъ Максимъ Скуевскій. Значковий Товаришъ Герасимъ Пошевня, Значковій Товаришъ Трохимъ Нудга, Сотенній Козелецкій возній Ігнатъ Крупянскій, Значковий Товаришъ Філиппъ Гриніевичъ, Значковий Товаришъ Леонтий Радецкий, Значковій Товаришъ Григорій Полѣзинскій, Канцеляристъ Григорій Михайловскій, Атаманъ городовой Данило Красовскій, Хоружий сотений Иванъ Шахрай, Атаманъ курѣний Іванъ Нестеровскій, Козаки: Лукянъ Антоненко, Кирило Даниловъ, Іванъ Дуда, Кононъ Шептуха, а вмѣсто ихъ неграмотнихъ по их прошению и за себе подписался своеручно козакъ Федоръ Брагинецъ. Бывшій войтъ Назаръ Глуздъ, бившій войтъ Василь Никонь, бившие бурмистри Артемъ Лазаренько, Максимъ Дзюба, Козма Лапотъ, а вмѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению і за себе бивший бурмистръ Іванъ Крашанчукъ руку приложилъ; бившій бурмистръ Яковъ Петриковецъ, а вмѣсто его неумѣющаго писать и за себе нинѣшній бурмистръ Устимъ Петріковецъ руку приложилъ. Бившій бурмистръ Трохимъ Брагинецъ, райця Антонъ Ващенко, райцѣ: Мойсий Сакало, Хведоръ Брожко, а вмѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе Евфимъ Петренко руку приложилъ.

Мѣщане:

Левко Бровко, Михайло Дмитренко, Федоръ Калениченко, Кондратъ Бондаръ, Парфенъ Дмитренко, Андрѣй Мирочникъ, Федоръ Уточка, Федоръ Пухнатий, Николай Пухнатий, Іванъ Самусъ, Іванъ Яловецъ, Іванъ Чайка, Карпъ Воробей, Данило Артеменко, Грицко Плутка, Самойло Gorgѣлъ, Ілия Олѣйниченко, Степанъ Синѣлниченко, Сава Лаптенко, Василь Лемѣшченко, Петро Лестуха, Андрѣй Артеменко, а вмѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе писаръ магистрата Козелецкого Александръ Яроховский руку приложилъ. Мѣщанинъ Иванъ Шеневский, мещанинъ Иванъ Надохъ (?), мещанинъ Яковъ Пухнатий, мещанинъ Иванъ Юрченко, мѣщанинъ Максимъ Броварникъ, мѣщанинъ Омелко Миронча, мѣщанинъ Пантелемонъ Мануйловъ, Федоръ Усаха, Андрей Артеменко, Степанъ Нудженко.

(*Изъ бумагъ И. В. Лучицкаго*).

VI.

Выборы въ Стародубскомъ полку.

1) Донесеніе Стародубскаго головы о городскихъ выборахъ.

Сіятелнѣйшему Графу, Высокопревосходителнѣишему Гос—ну Генералъ-Аншефу, Малороссійскому Генералъ Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского и Малороссійского Корпусовъ главному Командиру а обоихъ Россійскихъ Императорскихъ ординовъ и Св. Анны кавалеру, графу Петру Александровичу Румянцову.

Всенижайшій Репортъ.

Во исполненіе Всевисочайшаго Ея Императорскаго Величества имянного указа, декабра 14 д. 766 года состоявшогось за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ, и публикованного манифеста, съ приложеніемъ о выборе депутатовъ въ учрежденную въ Москвѣ Коммисію для сочиненія проекта новаго

уложенія, избранному отъ гражданства города Стародуба депутату, магистрата Стародубовского бурмистру Данилѣ Родинскому полномочіе учинено. И означенными изъ наличнихъ при выборѣ пять человѣкъ, въ числѣ которихъ два человѣка купцовъ было, поступая по онимъ при манифестѣ приложеніямъ, наказъ и съ прошеніями сочиненъ, и по окончаніи гражданству тотъ наказъ и съ прошеніями прочитанъ и подсудственные магистрату Стародубовскому, такожъ нѣкоторіе изъ неподсудственнихъ оніе наказъ и прошенія подписали; а нѣкоторіе неподсудственніе тому Магистрату, яко то: зъ Бунчуковихъ, Войсковихъ и Значковихъ Товарищей и другаго званія жительствующіе въ городѣ Стародубѣ, кои имѣють знатніе торги пенечніе и промисли винокурные и другіе, а инніе имѣющіе домы, нетокмо тѣ, кои при выбори мене и депутата не были, но и бывшіе при томъ на тѣхъ наказѣ и прошеніяхъ подписыватся отказались, потому болше, что силу привилегій прописано съ прошеніемъ на то Высочайшаго Ея Императорскаго Величества утвержденія, о которихъ при выборѣ бывшихъ и неподписавшихся учиненной изъ списка реестръ у сего приложенъ; и я ниже подписавшійся упомянутой наказъ съ прошеніями и подписанное полномочіе выбранному депутату вручилъ. И что выборъ и все къ тому принадлежащее окончено, о томъ Ваше Высокографское Сіятелство всенижайше репортую.

Магистрата Стародубовского бурмистръ и избранный отъ всего гражданства города Стародуба головою Герасимъ Елисеевъ.

1767 году,
Апреля 4 дня.

---

2) Донесеніе Стародубскаго шляхетства по поводу сочиненнаго имъ наказа.

Сіятельнѣйшому Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Его Сіятелству Румянцову

Репортъ.

Вашему Высокографскому Сіятелству должность имею донесть, что по окончаніи здесь бывшихъ къ избранію отъ шляхетства по-

вѣта Стародубовского предводителя и депутата выборовъ, сочиненъ уже выбранному депутату и наказъ о разныхъ общихъ шляхетства здешняго нуждахъ и недостаткахъ; но толко еще не всѣми бывшими при выборахъ подписанъ: ибо болшая часть съ нихъ, какъ скоро тѣ выборы окончены, заразъ. не дожидаясь сочиненія и окончанія оного наказа, розъѣхались. А за такою ихъ отлучкою всѣ о общихъ нуждахъ разсужденіи и совѣты дѣлались и по онимъ обявленный наказъ сочиненъ и подписанъ одними толко оставшимися здесь чинами. Для чего, чтобъ сему немаловажному въ силѣ высочайшого Ея Императорского Величества имянного повелѣнія отправляючемусь дѣлу доставить совершенное съ полною исправностію окончаніе, въ чемъ нынѣшнѣе мое званіе особливую на меня должность возлагаетъ, посланы отъ меня повѣстки, созывая и всѣхъ тѣхъ прежде времени отъсель отлучившихся на 12 число сего мѣсяца въ Стародубь къ усмотрѣнію и подпису оного наказа.

Между симъ происхожденіемъ нынѣшними днями случайно дошло здесь увидѣть тѣ пункта, кои въ наказахъ о общихъ нуждахъ отъ шляхетства Черниговского повѣта положены. Весма жалко, что оные дошли сюда не прежде, но посля уже сочиненія здѣшняго наказа; ибо въ тѣхъ пунктахъ написаны разные такіе важные нужды, кои и здѣшнему шляхетству суть общіе, но о коихъ въ здешнемъ наказѣ ничего не упомянуто, протчіежъ матеріи виведены съ достаточнѣйшими и вѣрнѣйшими нежели здесь выправками, такъ что оные будучи и одинакіе, но между собою кой въ чемъ не сходствуютъ. Почему разные здѣсь теперъ находящіесь чины согласны со мною противъ того, и здешній наказъ въ иномъ дополнить, а въ другомъ привесть въ сходство почти за необходимо разсуждають, къ чему надежно и протчіе могуть согласится. Но вмѣстѣ и то видять, что сего безъ докладу Вашему Сіятельству здѣлать не можно, тѣмъ паче, что и въ приложенныхъ при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества декабря 14 дня 1766 года манифестѣ обрядахъ, чтобъ сочиненные наказы за прошествіемъ назначенныхъ къ тому дней можно было дополнять или въ чемъ поправлять — сего не изображено. Однакожъ какъ въ техъ обрядахъ, въ указѣ къ Губерна-

торамъ по 9-му пункту написано: ежелибы при выборахъ какіи ни есть въ обрядахъ нашлись сомнительства, то дается имъ дозволеніе рѣшить и опредѣлить по лучшому ихъ усмотрѣнію то, что къ порадочному и доброму производству сего дѣла полезно; и что тѣмъ самимъ исполнится Высочайшая Ея Императорскаго Величества воля. Для того объ ономъ Вашему Сіятелству покорнѣйше представляю, докладая здѣсь и нижайшое Вашему Сіятелству имѣющогось нынѣ здѣсь шляхетства прошеніе, коимъ они ищутъ высокомилостивой Вашего Сіятельства резолюціи, по которой бы имъ согласясь, съ прочіими, оный свой наказъ въ иномъ дополнить, а въ иномъ привесть въ сходство можно было.

Судія Земскій и Предводитель Шляхетства повѣту Стародубовского *Петръ Искрицкій.*

1767 году,
Априля 6 дня,
Стародубъ.

---

3) Донесеніе предводителя о составленіи Стародубскимъ шляхетствомъ наказа.

Сіятелнѣйшому Графу, Высокопревосходителнѣйшому Г-ну Генералъ Аншефу, Малороссійскому Генералъ Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского и Малороссійского Корпусовъ главному Командиру и разныхъ орденовъ Кавалеру, Графу Петру Александровичу Его Сіятелству Румянцову.

Покорнѣйшій репортъ.

Съ самаго вступленія моего въ сію отъ общества извѣренную на меня должность, все стараніе мое прилагалъ я о сочиненіи отъ здѣшняго повѣта такого наказа, кой, удаленъ будучи отъ всѣхъ закоренѣлыхъ предрассужденій, соотвѣтствовалъ бы прямой и существенной каждого пользѣ. Но все мое о томъ попеченіе ни къ чему больше не послужило, какъ только къ самимъ обиднымъ порыцаніямъ на меня отъ нѣкоторыхъ; и сколь ревностнѣе защищалъ я

мои мнѣнія, столь больше несогласіе и упорство дѣйствовали, такъ что я, оставаясь при немногомъ числѣ шляхетства однихъ со мною сентиментовъ, принужденнымъ себя напослѣдокъ увидѣлъ, во убѣженіе нареканія, уступить времени и на первомъ наказѣ съ усиліемъ моимъ подписатся.

Всѣ сіи разногласія въ одинакомъ видѣ продолжались даже до полученія отъ Вашего Сіятельства на мой репортъ милостивой резолюціи. Но и после оной не уповательно, чтобъ возможно было сыскать добрый порядокъ, еслибъ Его Сіятельство Князь Юрей Васильевичъ Г-нъ Полковникъ по прошенію моему не подкрѣпилъ меня при чтеніи изготовленнаго вновъ наказа своимъ присудствіемъ. Сіе наконецъ средство немало споспѣшествовало къ тому, что нѣкоторые несогласные, буди не на всѣ, то хотя на нужнѣйшіи пункта склонились. И такимъ образомъ, исправивъ сколько можно было прежній наказъ, и очистивъ оный по меньшей мѣрѣ отъ такихъ прошеній, кои по нынѣшнѣму времени съ пользою общества не согласовали, ускоряю представить оный ко благоусмотрѣнію Вашего Сіятельства чрезъ Войскового Товариша Григорія Велѣнского, кой по выбору Шляхетства бывъ при сочиненіи наказа, и слѣдовательно вѣдая какъ мои, такъ и каждого мнѣнія, можетъ Вашему Сіятельству, когда благоугодно будетъ, о бывшемъ происшествіи во всемъ пространствѣ донесть. Я какъ себя, такъ и его въ высокомилостивое Вашего Сіятельства покровительство и благопризрѣніе при семъ препоручаю.

Судіа Земскій и предводитель Шляхетства повѣту Стародубовского *Петръ Искрицкій.*

1767 году,
Апреля „ дня.

4) *Донесеніе князя Хованскаго о томъ же.*

Сіятелный Графъ,

Милостивой Государь!

Нижайше прошу Вашего Сіятелства простить мнѣ, что выборъ изъ козаковъ въ депутаты не точно по предписанному повелѣнію Вашего Сіятелства зделанъ марта 27. Причиною тому, Милостивой Государъ, что отъ некоторыхъ Сотенъ повѣренные были присланы съ полномочіемъ не такимъ, какъ означено въ манифесте; такожъ замѣтки, данные повѣреннымъ о наказе отъ разныхъ сотенъ, были даны несходные и вовсе ненадлежные, и такъ принужденъ билъ снова какъ наказъ, такъ и полномочіе переменить, чрезъ то четыре дни прошло за переписками въ Сотни. Каковъ же наказъ дѣланъ козачей, при семъ точную копию прилагаю; некоторые пункта хотя со мною несогласясь написали и я всевозможное стараніе прилагалъ, но никакъ ихъ упорство преодолѣть разсужденіями не могъ. Чтожъ принадлежить до наказу шляхетского, и гражданского, такоже нижаише прошу Вашего Сіятелства Милостиваго Государя простить мою промедленость присилкою оныхъ; я толко темъ себя оправдать могу, что великое затрудненіе имелъ оные получить; а притомъ и наказы толко что въ сихъ дняхъ кончены за разными несогласіями между шляхетства, такоже и межъ гражданъ, и длилось оное сочиненіе до 29 марта. Препоручая себя въ милость и протекцію Вашего Сіятелства, есмъ и пребуду съ глубочайшимъ моимъ почтеніемъ, Сиятелный Графъ, Милостивой Государь, покорный слуга Князь *Юрій Хованскій.*

1767 году,
Априля 6 дня,
Стародубъ.

5) *Донесеніе предводителя шляхетства о судьбѣ наказа и прошеній шляхетства.*

Сіятелнѣйшому Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову.

Отъ Судьи Земского и предводителя шляхетства повѣту Стародубовского.

Покорный Репортъ.

Отправленные предъ симъ отъ Вашего Сіятелства при письмѣ, по прошенію моему и всего повѣту Стародубовского шляхетства, къ выбранному отъ повѣту Стародубовского депутату Г-ну Бунчуковому Товаришу Дунину-Борковскому наказы, такожъ къ Ея Императорскому Величеству челобытная, и полномочіе въ Москву, за небытіемъ его Г-на Борковского въ Москвѣ, обратно въ Глуховъ, а зъ Глухова ко мнѣ, для отсылки того къ нему Г-ну Борковскому, съ помѣтами на конвертѣ присланы. И понеже тѣ конверты совсѣмъ уже стерлись, такъ что все въ нихъ запечатанное видѣть было можно, для того все то мною свидѣтелствовано и явилось въ цѣлости. Къ томужъ, что нѣкоторіе тогда шляхетство присудствующіе при выборахъ за болѣзнію и отлучками на наказахъ были не подписались, а нынѣ оные на лице случились быть, для того по ихъ прошенію подписатся на наказахъ мною допущены, и кто именно нынѣ подписался, о семъ прилагаю Вашему Сіятельству имянной списокъ. Помянутые жъ: челобитная, полномочіе и наказы, такожъ и Вашего Сіятельства къ Г-ну Борковскому письмо,—въ новый запечатавши конвертъ, черезъ нарочного къ вѣрнѣйшему порученію оныхъ, гдѣ его Г-на Борковскаго сыскать можно, сего числа мною отправлены. О чемъ симъ въ моей покорности Вашему Сіятельству репортую.

Судіа Земскій и предводитель шляхетства повѣта Стародубовского *Петръ Искрицкій.*

Отъ числа 23 іюня
1767 году,
Стародубъ.

VII.

Выборы въ г. Погарѣ.

1) Донесеніе о составленіи наказовъ.

Сіятелнѣйшому Графу (*и проч.*) Петру Александровичу Его Сіятелству Румянцову

Нижайшій Репортъ.

Вашему Графскому Сіятелству нижайше доношу, что предписано въ Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества манѣфестѣ и обрадѣ о депутатѣ, то въ повитѣ Погарскомъ челобитьте и наказы выбранному въ повитѣ Погарскомъ депутату, Бунчуковому Товаришу Василію Губчицу сочиненны, и по колко дневныхъ слушаніяхъ и справленіяхъ окончены, и бывшимъ въ собраніи дворянствомъ повѣта Погарскаго сотень: Погарской, Бакланской, Шептаковской, Новгородской и Почеповской, сего априля 5 числа предписаны, а другіе, а паче сотень: Почеповскихъ и Новгородской сами собою завременно зъ Погару и протчіе за болѣзнми отлучились, и по призыву моемъ по нынѣ не явились и не являются.

Предводитель Дворянства повѣта Погарского, Бунчуковій Товаришъ *Стефанъ Косачъ.*

1767 году,
Априля 10 дня.
Стародубъ.

---

2) Донесеніе о городскихъ выборахъ.

Сиятелнѣйшому Графу, (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову.

Репортъ.

Состоявшимся въ прошломъ 1766 году декабря 14 дня Высочаишимъ имяннымъ Ея Императорскаго Величества манѣфестомъ всемилостивѣйше повелѣно прислать отъ Ея Императорскаго Величества Високоправителствующаго Сената и Святѣйшаго Сенода изъ трехъ первыхъ и изо всѣхъ протчихъ какъ коллегій, такъ и кан-

целярій, коимъ отъ Сената особо предписано, кроме губернскихъ и воеводскихъ, также изо всѣхъ уѣздовъ и городовъ всей Ея Императорскаго Величества Имперіи въ первостоличный городъ Москву депутатовъ для сочиненія проэкта новаго уложенія въ полъ-года послѣ обнародованія въ каждомъ мѣстѣ имянного манѣфеста, выбравъ каждое мѣсто депутатовъ, дастъ имъ отъ себя наставленіе и полномочіе, какъ во приложенныхъ обрядахъ выбора написано, и всѣмъ выбраннымъ въ сіе достоинство явится по пріѣздѣ ихъ въ Ея Императорскаго Величества Сенатъ. Въ силѣ которого Ея Императорскаго Величества имянного манѣфеста, въ присудствіи, по порученіи отъ Вашего Высокографского Сіятелства, начальника, судіи генералного, его велможности Иліи Василіевича господина Журмана, выбора въ городѣ Погарѣ головы жителми города Погару, выбранъ я головою на два года; и учиня здешнего города Погара жители полномочіе подписанное, представили мене началнику и поднесли оное, которое мнѣ съ печатнымъ манифестомъ и имяннымъ спискомъ вручено и оставлено далнѣишое распоряженіе. И я, слѣдуя положеннымъ въ обрядѣ повелѣніямъ, выбралъ по полномочію съ будущими наличными города Погара жителми депутата, райца магистрата Погарского Ивана Грабара, по окончаніи выбора депутатского, отрепортовалъ Его Вельможности судіи генералному Иліи Василіевичу Журману о выборѣ депутата, и на полномочіи депутатскомъ зъ подписавшимись наличными хозяевами, пять человѣкъ выбравъ городскихъ жителей къ сочиненію наказа, кои челобитную и наказъ о всѣхъ нашихъ нуждахъ и недостаткахъ подъ смотрѣніемъ моихъ сочиня, подписавъ всѣми наличными хозяевами, и мною врученъ депутату для поднесенія Ея Императорскому Величеству во освященнійшіи Высокомонаршіи руки; а копію челобитной и наказа отданно въ церковъ живоначалной Тройцы, первому священику Никифору Кибалчичу сего 767 года, іюня „ дня, о чемъ всемъ Вашему Сіятелству всенижайше репортую.

Города Погару голова *Денисъ Приваловъ.*

1767 года,
іюня 6 дня.

---

3) *Жалоба Погарцевъ на дѣйствія своего головы.*

Сіятелнѣишему Графу (и проч.) Петру Александровичу Румянцову.

Нижайшое доношеніе.

Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества манифестомъ прошлого 1766 году, декабря 14 дня, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки состоявшимся и напечатаннымъ, по Высокоматернему Ея Величества попеченію о благосостояніи вѣрныхъ подданныхъ всего государства и о возстановленіи и утвержденіи правосудія, Всемилостивѣише повелѣно: выбравъ по приложенному при ономъ обрядѣ въ городахъ отъ всего гражданства голову и депутата, прислать депутатовъ въ столичный городъ Москву въ коммисію о сочиненіи проэкта новаго уложенія, и чрезъ тѣхъ депутатовъ о общественныхъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, въ чемъ бы оныя ни состояли, кроме партикулярныхъ дѣлъ, кои всегда судебными мѣстами разобраны быть должны,—Ея Императорскому Величеству принесть челобитныя и прошенія, наблюдая городскому головѣ порядокъ, въ обрядѣ предписанный, сохранить точно со всякою тихостію и безмолвіемъ, дабы Высочаишему Ея Императорского Величества соизволенію соотвѣтствовало общое согласіе. Однако города Погару голова Денисъ Привалъ, которой по болшой части мещанами самими простыми и неграмотными и силы выбора а паче дѣла, зависящаго отъ недостаточного къ тому головы, отнюдъ незнающими людми,—поступилъ и поступаетъ во всемъ оному Ея Императорскаго Величества высочайшему манифесту, обряду и своей присяжной должности противно: 1) Какъ скоро городской депутатъ выбранъ, не приступая онъ заразъ въ назначенные шесть дней вибрать сочинителей прошенія и забрать къ тому отъ гражданства подлежащія разсужденія, но оставя все то, уѣхалъ изъ города за своимъ партикуляритетомъ въ разные великороссійскіе города, где медлилъ болѣе мѣсяца, а возвратясь въ домъ 1 уже числа маія, самъ собою, безъ всякого согражданъ знанія, принялся къ сочиненію наказовъ, въ чемъ ему нетолко отъ насъ, но и отъ мещан-

ства оспоривано и объявлено было, что онъ то делаетъ въ отменность обряда, и темъ наводить всѣмъ гражданамъ конфузію. 2) Какъ по его головы оповестки 22, 23, 24 и 25 чиселъ маія, шляхетство, жителствующіи въ городѣ, кои случились быть на лицо, приходили въ магистратъ къ собранію, где урядники, такъ и мещанства доволно было, онъ голова, не сохраняя благопристойности, напечатанной въ обряде, и не почитая въ магистратской конторѣ, въ коей онъ съ гражданствомъ имѣлъ собраніе, на столѣ предстоящаго зерцала, дѣлалъ многіе споры и разнымъ изъ насъ неучтивими словами приключилъ досады и изключилъ многихъ изъ насъ съ общества, и не принимая ни отъ кого подлежащихъ разсужденій, вибралъ сего уже маія 25 къ сочиненію изъ мещанства таковыхъ, которые и простого письма совершенно зделать не могуть, съ чего мы и другіе граждане въ немалой обиде и сумненіи находимся, дабы иногда онъ голова, къ произведенію такого великого дела вовся будучи недостаточенъ и безпорядоченъ, въ техъ своихъ сочиненіяхъ предосудителныхъ каковыхъ недѣлностей не повносилъ и тѣмъ гражданской общой прямой ползѣ вреда не приключилъ. Для того Вашего Высокографского Сіятелства всенижаише просимъ: прописанного голову Привала высокомилостиво повелѣть оставить, а на его место дозволить достойного изъ гражданства головою выбрать; дабы въ семъ обще гражданамъ ко исполненію Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія благопоспѣшествовать могло.

Подлинное подписали: Писарь земскій повета Погарского Иванъ Песоцкій, Сотникъ Погарскій Владимиръ Соболевскій, Войсковій Товарищъ Григорій Соболевскій, Войсковой Товарищъ Григорей Понасъ, Значковый Товарищъ Василей Лепунъ, Значковой Товарищъ Григорей Сорока, Атаманъ Сотенный Погарскій Филимонъ Джура, Писарь Сотенный Погарскій Максимъ Гетунъ, Хоружій Сотеный Погарскій Алексѣй Семека, Атаманъ куреня градского Максимъ Певликъ, а вместо ево неграмотного и самъ за себя козакъ Стефанъ Кошуба подписался, Козакъ Иванъ Пушкаревъ, Квартермистръ Сотенный Прокопъ Андріевскій, Козакъ Иванъ Гречановскій, Мещанинъ Игнатъ Стебленскій, Мещанинъ Данило Сильченокъ.

---

4) Отвѣтъ Погарскаго головы и доносъ на войта.

Сіятельнѣйшему Графу... (и проч.) Петру Александровичу Румянцову.

Всенижайшое доношеніе.

Состоявшимся 1766 году, декабря 14, Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества манифестомъ для изготовленія проэкта на сочиненіе новаго уложенія повелѣно: по приложенному обряду прислать отъ всей Ея Императорскаго Величества Имперіи со всѣхъ мѣстъ депутатовъ; а для выбора депутатовъ—дворянамъ предводителей, а городскимъ жителемъ—выбрать головъ. По силѣ оного Высочайшого манифеста, поручено отъ Вашего Высокографского Сіятелства господину судіи генералному Иліи Василіевичу Журману по обряду въ городѣ Погарѣ шляхетству въ повѣтѣ предводителя, а городскимъ жителямъ отъ города голову (выбрать). Почему, въ присудствіи его велможности г. судіи, выбранъ отъ городскихъ жителей я нижайшій головою городскимъ; а по выборѣ, за учрежденіемъ подлежащаго порядка, далшое распоряженіе мнѣ отъ его велможности оставлено. Я же, по вступленіи моемъ въ должность, для устроенія распорядка по обряду написанному, первіе велѣлъ собратся всѣмъ въ назначенное мѣсто городскимъ жителямъ тѣмъ, кои по списку состоять; то и зъ воинского званія и многіе разночинцы въ означенное мною мѣсто и въ церковъ къ молебствію и присягѣ о выборѣ депутата и выбирать того тогда не пошли и полномочія не подписали, и ничего принадлежащого къ тому по обряду не исполня, здѣлались во всемъ противны, какъ бы сами сильны сдѣлать отъ себе напротивъ того что другое, послушать поупрямились. Когдажъ и къ слушанію челобитной и наказа призывано, то войтъ Погарскій, равно съ висшенаписаннимъ шляхетствомъ держа едино согласіе между собою, для обиды моей выслалъ мене зъ магистрата, не дая мнѣ по должности моей въ магистратѣ ни малѣйшаго производства повесть, отъколь я зъ пятю членами, сочинявшими наказъ, отойшолъ; а въ другое когда пошелъ при собраніи всего города мѣщанъ для прочоту наказа, то онъ войтъ Понасъ, не точію самъ не хотя слушать

наказу, но чтобъ и всѣ мѣщане порозошлись—замкнулъ магистратъ и въ оный мене и всего гражданства не пустилъ, и тѣмъ оказалъ явную высокому въ обрядѣ Ея Императорскаго Величества повелѣнію противность, а мнѣ нижайшему съ протчими крайне вторычно безчестіе. Зъ чего принужденъ я бурмистра послать къ нему войту впросится въ кантору, и оной вошедши, отворилъ мнѣ магистратскую кантору, зо всѣми собраними куда войшелъ я и протестовалъ о недопущеніи мене имъ войтомъ двома разы въ магистратъ. Когда жъ заслышалъ онъ войтъ, что и воинскимъ разного званія людемъ посланно отъ мене оповѣстить, чтобъ къ слушанію наказа прибыли въ магистратъ, то онъ Понасъ, не ожидая времени слушать наказъ, пошолъ зъ магистрата. Наказы жъ читанно наличнымъ хозяямъ два раза въ два дни, а какъ на третій день собрались еще единожды выслушать всего города жители; то онъ войтъ Понасъ, по звиклости своей во многихъ указныхъ дѣлахъ дѣлая свои толки, (кои Ваше Высокографское Сіятелство изъ сообщенного при семъ въ копіи писанного имъ къ г. Косачу письма—уговаривая новины не слушать ни къ оной не склонятся и не смотреть ни на какіе сторонніе страхи, сказуя, что новинѣ передъ старыною во многомъ стыдно и показатся: новина до того, что въ старину сдѣлано, не точію поправить, но и здержать не можетъ, и о прочемъ; зъ чего видно, что онъ Понасъ противъ нынѣ вѣновъ состоявшагось высочайшаго манѣфеста о выборахъ депутатовъ и о дачи наказовъ для проэкта на сочиненіе новаго уложенія противорѣчитъ, свои толки неполезные отечеству Престола Всероссійскаго поставляя полезнѣйшими народу, усмотрѣть соблагоизволите) и наустилъ вышедшаго зъ подмѣщанства прежде бывшаго войта магистратового Погарского Климентія Пѣсоцкаго сына его Ивана Пѣсоцкаго, кой нынѣ писаремъ земскимъ, да войскового товариша Григорія Соболевскаго, умершаго священника Погарскаго Сороки сына Григорія Сороку, бывшаго мещанина Матвѣя Джури сыновъ и протчихъ чиновниковъ, бывшихъ прежде мещанами, и козаковъ урядниковъ и мѣщанъ учинить замешателство къ пресѣченію наказовъ, сочиненныхъ и оконченныхъ, къ врученію депутату въ тѣ порѣ принадлежащому, кои учинили великіе зъ его подустителства мнѣ

ругателства, и не почитая стоящаго на столѣ указного зерцала, произвели споры и противорѣчіе о пяточисленныхъ, хотя сами выбраны къ сочиненію наказа (не бывши при выборахъ депутата наличными) быть всѣ тѣ, кои мещанамъ всекрайнѣйшіи обиды, разоренія, утѣсненія отнятіемъ торговъ, шинковыхъ корыстей, ремеслъ разныхъ и чрезъ завладѣніе почти до послѣдняго дворами, огородами, пахатными землями мещанскими, покосами и всякого угодія отнятіемъ и противно-законными куплями; для прикрытія въ наказахъ нашихъ въ томъ нуждъ и утѣсненій сочинителми, белотированіемъ выбрать въ другое сочинителей довели, отъ чего и выбраны балотированіемъ— но не оны, но тѣжъ мещане, кои прежде были выбраны, да писарь сотенный абшитованный Іосифъ Турокъ. Когда жъ о сочиненіи наказа данно знать для слушанія и подписовъ всѣмъ гражданамъ, коимъ по обряду должно быть, то зъ военныхъ и войтъ Погарскій уже, кроме двохъ—Григорія Соболевского да возного повѣтового Белея, ни одинъ не пришолъ въ магистратъ слушать и на онихъ наказахъ подписатся, а обявили, что мы де послали куда надлежитъ прошеніе, прося, чтобъ голову было велено намъ выбрать, а мене оставить, и до полученія резолюціи не слушаемъ. То я, по отказѣ онихъ, подписавъ написанную къ поднесенію Ея Императорскому Величеству челобитную и наказъ, допустилъ всѣхъ на тѣхъ подписатся, и каковы наказы о нуждахъ, недостаткахъ и утѣсненіяхъ гражданскихъ сочинены и депутату вручены, оныхъ копію при семъ Вашему Высокографскому Сіятелству подъ высокое усмотрѣніе сообщаю, и зъ высше писаннымъ представляя, Вашего Высокографского Сіятелства всенижайше прошу: поданному отъ войта съ товарыщи доношенію не вѣрить, а за оказанное ими преслушаніе и мнѣ приключенное безчестіе, чтобъ впредъ отъ нихъ никакихъ затѣй, противоуказныхъ повелѣній не могло происходить, поступить въ силѣ Ея Императорскаго Величества указовъ, и о томъ учинить высокомилостивое благоразсмотрѣніе и опредѣленіе.

Города Погару голова *Денисъ Приваловъ.*

1767 года,
іюня 7 дня.

5) Донесеніе объ отпускѣ депутату прогонныхъ денегъ.

Сіятельнѣйшему Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Его Сіятелству Румянцову.

Всенижайшее доношеніе.

Пущенное съ Чернѣгова отъ вашего Сіятелства циркулярно повелѣніе съ приложеніемъ высокоправителствующаго Сената копіи указа о выдачи выбранному отъ города Погару депутату на двѣ почтовіе лошадѣ прогонних денегъ въ щетъ опредѣленной суммы, мною апрѣля 11 дня получено; и во исполненіе оного вашего высокографского сіятелства повелѣнія къ дачи выбранному отъ здешнего города депутату денегъ хотя я съ наличного числа доходовъ магистратовыхъ отъ войта магистрата Погарского Григорія Понаса и требовалъ, точію онъ съ тѣхъ доходовъ ничего не видалъ, а расположить на гражданъ я безъ повелѣнія вышшей команды дерзосты не имѣя, принужденъ изъ собственныхъ своихъ денегъ потребное число выдать, но отъколь мнѣ возвращеніе онихъ получить, на то ожидаю особливѣйшаго въ резолюцію повелѣнія.

Города Погару голова *Денисъ Приваловъ.*

1767 года,
іюня 6 дня.

VIII.

Выборы въ прилуцкомъ полку.

1) Донесеніе о городскихъ выборахъ.

Сіятельнѣйшому Графу. *(и проч.)* Петру Александровичу Румянцову.

Борисовского драгунского полку преміеръ-маіора Стремоухова.

Покорный Рапортъ.

Вашего Сіятельства ордеръ, отъ 7 марта пущенный, мною сего числа полученъ, коимъ Ваше Сіятельство, въ чемъ мнѣ предосто-

рожность взять повелѣвать изволите, то самое, да еще и хуже, со мною уже и случилось: ибо, хотя я, по пріѣздѣ въ Прилуку сего марта 8 числа, представленной отъ городовой ратуши однѣмъ мѣщанамъ списокъ, призвавъ судью полкового, оной исправить и на основаніи пріобщенного къ манифесту подъ литерою Г. о выборѣ городскихъ головы и депутата обряда, исключа однихъ владѣльческихъ подсусѣдковъ, а впротчемъ всѣхъ и всякого званія, домы свои въ городѣ имѣющихъ, внесть и приказалъ, но получа оной отъ полковой канцеляріи, которая до того сочинять онаго и не начинала, уже 9 числа ввечеру, и по учиненіи о собраніи къ выбору головы повѣстки, отъ всего шляхетства, чиновниковъ и козаковъ— какъ въ поднесенной у сего съ списка копіи усмотрѣть изволите— въ отвѣтъ получилъ, что они къ выбору головы, разсуждая, что оной принадлежитъ до однихъ только гражданъ, не будутъ; и хотя я, приглася къ себѣ нѣсколькихъ изъ лутшаго въ городѣ пребывающаго шляхетства и присудствующихъ въ полковой канцеляріи старшинъ, какъ то, что въ манифестѣ и при ономъ приложенномъ обрядѣ не однѣмъ мѣщанамъ, но всѣмъ въ городѣ жительствующимъ голову и депутата избрать повелѣно, при доказательствѣ о происходившемъ въ Санктъ-Петербургѣ, при таковомъ же выборѣ подъ предводительствомъ господина генералъ-полицеймейстера и кавалера Николая Ивановича Чечерина, порядкѣ, гдѣ между всякаго званія гражданами и знатныя особы находились, печатного при Санктпетербурскихъ Вѣдомостяхъ прибавленія, а притомъ и изъ собственныхъ устъ Вашего Сіятельства слышанного мною о томъ разсужденія всевозможно изъяснить старался, но они всего того уразумѣть или не хотѣли, или не могли, и только единогласно объявили, что безъ особливаго отъ Вашего Сіятельства о томъ повелѣнія къ выбору, вмѣстѣ съ протчими гражданами, головы и депутата не согласятся, о чемъ всемъ отъ меня и рапортъ къ Вашему Сіятельству былъ отправленъ. Между же тѣмъ продолжался выборъ, въ силу даннаго шляхетству отъ Вашего Сіятельства повелѣнія, съ каждого повѣту по одному предводителямъ, и выбраны: въ прилуцкомъ повѣтѣ городской судія господинъ Иванъ Александровичъ, а въ Ива-

ницкомъ подсудокъ земской господинъ Петръ Максимовичъ. Нынѣжъ, хотя о соединеніи къ выбору головы всякаго званія городскихъ жителей повелѣніе и получилъ; но, чтобъ не здѣлать въ выборѣ отъ шляхетства депутатовъ препятствія, принужденъ послать ко всѣмъ господамъ здѣшнимъ жителямъ съ прописаніемъ помянутого сегодня полученнаго отъ Вашего Сіятельства повелѣнія однѣ только объявленія, а выборы отложить сего мѣсяца на 17 число. Какой же впредь во всемъ успѣхъ происходить будетъ, о томъ покорнѣйше Вашему Сіятельству донести долженствую.

Премьеръ-Маіоръ *Михаилъ Стремоуховъ.*

Числа 15 марта
1767 году,
Г. Прилуки.

---

2) Донесеніе о томъ же.

Его Сіятельству... (*и проч.*) Графу Петру Александровичу Румянцову

Рапортъ.

Въ силѣ Вашего Сіятельства ордера всѣмъ гражданамъ города Прилуки, чтобъ они всѣ имѣющіе въ томъ городѣ домы свои собрались для выбора отъ того города, по силѣ Всевисочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, головы, я объявленія дѣлалъ; но не видѣлъ однакожъ по тому я ни одного при томъ собраніи изъ лутчихъ господъ, но всѣ они, отговорясь разными невозможностьми при томъ быть, прислали свои отзывы. Почему я съ одними только мѣщанами и нѣкоторыми самими нижними чиновниками долженъ былъ учинить выборъ городскаго головы, и по преимуществу голосовъ досталось быть онымъ Значковому Товаришу Михайлѣ Груднинѣ. О чемъ Вашему Сіятельству рапортую.

Премьеръ-Маіоръ *Михайло Стремоуховъ.*

Числа 10 апреля
1767 году,
Село Парафѣевка.

3) Заявленіе капитана Терлецкаго объ отказѣ его высказать свое мнѣніе и о мотивахъ къ тому.

Полку Прилуцкого въ собранное шляхетство для выбору въ силѣ Высочайшого Ея Императорскаго Величества манифеста депутата и для отправленія онаго къ сочиненію новаго проэкта положенія

Сообщеніе.

Что Высочайшій Ея Императорскаго Величества манифестъ о учиненіи онаго новаго проэкта положенія соизволяетъ объявленный, хто какой-либо голосъ преподастъ о полезныхъ икъ Малороссіи потребностяхъ, то о томъ, какое отъ Ея Императорскаго Величества Высочайшее на пользу той Малороссіи благоволеніе будетъ, того я всеподданнѣйше и просить долженъ; а иного чего, какъ въ челобитной, составленной полку Прилуцкого господъ Шляхты, во многихъ терминахъ показано, онаго просить и подписаться на ней не въ состояніи.

Капѣтанъ *Василій Терлецкій.*

1767 году,
апрѣля 16 дня.

---

4) Подобное же заявленіе отъ двухъ грузинъ.

Господамъ Шляхетству, избраннымъ къ сочиненію выбранному отъ Малороссійскаго Прилуцкаго полку въ коммисію сочиненія проэкта новаго уложенія депутату наказа.

Голосъ.

Какъ изъ публикованнаго Высочайшаго Ея Императорскаго Величества, декабря 14 числа 1766 года состоявшагося, манифеста ясно видно, сколь великіе и безпримѣрные труды и попеченіе Ея Императорское Величество о учиненіи вѣрноподданныхъ своихъ прямо счастливыми прилагать изволитъ; почему я на всѣ тѣ пункты, кои шляхетство отправляющомуся депутату въ наказѣ написало, согласиться и оные подписать не могу, а всеподданически предаюсь всему

тому, что милосердіе Ея Императорскаго Величества опредѣлить изволитъ. Числа 18 апрѣля, 1767 года.

Подлинные подписали:

По грузинску: Отставной Грузинского гусарского полку секундъ-маіоръ князь *Миръвельтумановъ.*

По русску:—Отставной Новосербскихъ гусарскихъ экскадроновъ капитанъ *Иванъ Бедауровъ.*

---

5) Донесеніе о выбранныхъ депутатахъ.

Сіятельнѣйшому Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову

Рапортъ.

Во исполненіе полученныхъ мною отъ 1 и 11-го числъ сего апрѣля отъ Вашего Сіятельства повелѣній: по первому — прежде избранные отъ обоихъ Прилуцкого полку повѣтовъ предводители наличнымъ всего полку шляхетствомъ перебалотированы, и по большинству голосовъ избранъ отъ всего полку предводителемъ подсудокъ земскій повѣту Иваницкого господинъ Петръ Максимовичъ, а депутатомъ господинъ асаулъ генеральной Скоропадской, а о наказѣ отъ господина предводителя мнѣ объявлено, что оной, какъ скоро сочиненіемъ окончится, то къ депутату и отправленъ быть имѣетъ; по второму—городской голова и депутатъ, какъ избраны не всѣми наличными города Прилуки жительми, дабы должность свою оставили и ни въ какое производство не вступались, а граждане о всѣхъ своихъ нуждахъ, какіе имѣютъ, чтобъ прямо къ Вашему Сіятельству отзывались, отъ меня объявлено. Изъ присланныхъ съ вѣрющими письмами по расположенію Прилуцкой полковой канцеляріи отъ каждой сотни по два, всего двадцати двухъ человѣкъ козаковъ, сотенныхъ повѣренныхъ, выбранъ большинствомъ одобрительныхъ шариковъ отъ полку депутатомъ Ичанской сотни козакъ и житель мѣ-

стечка Ични Петръ Романовичъ. О чемъ всемъ Вашему Сіятельству симъ покорнѣйше доношу.

Премьеръ-маіоръ *Михаилъ Стремоуховъ.*

Числа 17 Апрѣля,
1767 году,
Городъ Прилуки.

---

6) Прошеніе мѣщанъ г. Прилуки по поводу дѣйствій Стремоухова при выборахъ.

Его Сіятельству... Графу Петру Александровичу Румянцову.

Всенижайшое прошеніе.

По Высочайшему Ея Императорскаго Величества манифесту обнародованному и по приложенному при ономъ обряду, въ знакъ нашего всеподданнѣйшого послушанія, при бытности отъ Вашего Высокографского Сіятельства опредѣленного начальника его высокоблагородія господина преміеръ-маіора Михайла Андреевича Стремоухова, отъ жительствующихъ въ городѣ Прилукѣ шляхетства вобще зъ нами избранъ городскимъ головою значковый полку Прилуцкого Товаришъ Михайло Груднѣцкій, а отъ избранныхъ обществомъ ста человѣкъ повѣренныхъ подписанное полномочіе, а при томъ о всѣхъ въ городѣ жительствующихъ именной списокъ, такожъ протчіихъ, кто при томъ выборѣ не моглъ быть, присланные голосы и тѣмъ повѣреннымъ данныя полномочія оному городскому головѣ отъ помянутого господина маіора Стремоухова поручены были, и тѣми повѣренными и протчими наличными гражданами, за учиненіемъ присяги по обряду, депутатомъ городовымъ писаръ полковый Иванъ Ягельнѣцкій выбранъ, и оному депутату полномочіе подписано. А нынѣ помянутый начальникъ господинъ маіоръ Стремоуховъ отъ городского головы тѣ полномочія, списокъ и присылаемые голоса отобралъ, а по высокому Вашего Высокографского Сіятельства ордеру объявилъ имъ, головѣ и депутату, оставаться при прежнихъ своихъ должностяхъ. Зъ чего мы сумнѣваемся, что нашихъ нуждъ и желаемыхъ по жительству нашему въ городѣ прежде обыкновенныхъ

свободностей въ Коммисіи о сочиненіи нового уложенія, въ первостоличномъ городѣ Москвѣ учрежденной, представить будетъ уже нѣкому. Для того Вашего Высокографского Сіятельства всенижайше просимъ: повелѣть онымъ чинамъ по выборамъ быть въ городѣ Прилукѣ со уравненіемъ противъ другихъ полковыхъ городовъ жителей.

О семъ просятъ Полкового города Прилуки:
Бурмистръ Прилуцкій *Филипъ Даценко.*
Бурмистръ Прилуцкій *Максимъ Гета.*

Мѣщане: Сава Яремовъ, Иванъ Фоменко, Федоръ Якимовъ, Иванъ Тарасовичъ, Кирило Маценко, Мусѣй Соломаха, Семенъ Хитринъ, Иванъ Глоба, Василь Губскій, Тимошъ Губскій, Федоръ Котляръ, Григорій Гета; а вмѣсто ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, житель Прилуцкій Семенъ Тищенко руку приложилъ.

Цехмистры: Цеху кравецкого Олексѣй Онисимовъ, цеху шевского Василь Козинскій, цеху ковальского Юско Юрченко, цеху калачницкого Зѣнко Джигель, цеху рѣзницкого Сава Яременко, цеху ткацкого Семенъ Кривенко; а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію житель Прилуцкій Григорій Охрѣменко руку приложилъ.

Райцы: Алексѣй Колесникъ, Антонъ Нефедъ; а подписалъ ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, житель Прилуцкій Семенъ Тищенко.

Мѣщане: Самойло Губскій, Иванъ Губскій, Федоръ Товстопятъ, Андрей Горощенко, Степанъ Лупшунъ, Иванъ Назаренко, Илько Власенко, Федоръ Терентенко, Антонъ Моренецъ, Харко Причина, Федоръ Чаленко, Максимъ Чуйко, Федоръ Мишура, Ничипоръ Котеленецъ, Григорій Рижный, Тарасъ Баско, Василь Палюха, Иванъ Куцъ, Федоръ Дроботко, Павло Шаповалъ, Ничипоръ Стороженко, Романъ Денисенко, Федоръ Денисенко, Сидоръ Нидинъ, Данило Бутенко, Петро Дудка, Грицко Хвененко, Иванъ Лепеха, Иванъ Косенко, Пилипъ Лодошный, Мусѣй Терентѣй, Грицко Лобода, Данило Музыка, Федоръ Векличъ, Денисъ Семко, Василь Вовкъ, Иванъ Семко, Лазаръ Бережненко, Иванъ Коржъ, Федоръ Мосцѣпанъ, Иванъ Грона, Алексѣй Харченко, Сидоръ Балѣй, Антонъ Ярмакъ, Кирило

Охрѣменко, Павло Клеха, Лукянъ Ярмаченко, Артемъ Котеленецъ, Кузма Дудка, Грицко Дудка, Прокопъ Маценко, Якимъ Батло, Павло Опанасенко, Грицко Яременко, Игнатъ Мироненко, Илія Глоба, Іосифъ Глоба, Кирило Дроботко, Иванъ Чорноморецъ, Иванъ Цѣпакъ, Павло Коляденко, Григорій Коляденко, Авраамъ Васильевъ, Иванъ Грона, Миронъ Джигѣль, Сава Станько, Степанъ Вакуленко, Максимъ Тищенко, Грицко Тищенко, Никифоръ Тарасовичъ, Семенъ Шарко, Данило Шарко, Дмитро Струль, Гаврило Струленко, Лукянъ Горощенко, Артемъ Горощенко, Игнатъ Палюха, Процко Харченко, Демянъ Нефедъ, Грицко Нефедъ; а вмѣсто ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, житель Прилуцкій Григорій Охрѣменко руку приложилъ.

1767 года,
апрѣля 20 дня.

---

7) *Донесеніе о кассированіи городскихъ и козачьихъ выборовъ.*

Малой Россіи въ Генералъ-губернаторскую Канцелярію Борисоглѣбовского драгунского полку Преміеръ-Маіора Стремоухова

Рапортъ.

Во исполненіе присланныхъ ко мнѣ отъ 15 и 26 числъ сего апрѣля Его Сіятельства, высокопревосходительнаго господина генералъ-аншефа, Малой Россіи генералъ-губернатора, Малороссійской Коллегіи президента, Украинского и Малороссійского корпусовъ главного командира и разныхъ орденовъ кавалера, графа Петра Александровича Румянцова, ордеровъ, выбранные не по обряду города Прилукъ голова и депутатъ, да отъ козаковъ Прилуцкого полку въ Коммиссію сочиненія проэкта новаго уложенія депутатъ же, уничтожены; учиненные жъ имъ полномочій 3, присягъ 2, присланныхъ отъ городскихъ жителей голосовъ 16, козачій наказъ и челобитная орегинально, да разныхъ къ балотированію списковъ 5 и вѣрющихъ отъ городскихъ жителей повѣренныхъ писемъ 4, при семъ въ генералъ-губернаторскую канцелярію представляются.

Преміеръ-Маіоръ *Михаилъ Стремоуховъ.*

Числа 23 апрѣля,
1767 году.

---

8) Списокъ избранныхъ жителями города Прилукъ повѣренныхъ для выбора городского головы и депутата и для сочиненія наказа депутату и челобитной о городскихъ нуждахъ и недостаткахъ.

№			Число шаровъ. избир.	неизб.
1.	Марта 20:	Значковый Товарищъ Никола Соломаха.	17.	92.
2.	—	Значковый Товарищъ Михайло Груднѣцкій	92.	17.
3.	—	Возный Яковъ Джевяга	22.	87.
4.	—	Козакъ Василь Назаренко	20.	89.
5.	—	— Яковъ Чичикало.	23.	86.
6.	—	— Никита Денисенко	23.	86.
7.	—	— Тимофей Рожченко	22.	87.
8.	—	— Илья Цинбалистый	25.	84.
9.	—	Армашъ Григорій Холодъ	22.	87.
10.	—	Мѣщанинъ Кирило Маценко . . .	25.	84.
11.	—	— Иванъ Носенко	21.	88.
12.	—	— Федоръ Горленко . . .	20.	89.
13.	—	— Прохоръ Степуренко . .	26.	83.
14.	—	— Федоръ Гетинъ зять . .	20.	89.
15.	—	— Павелъ Галѣберъ . . .	22.	87.
16.	—	— Якимъ Слива	24.	85.
17.	—	— Прокофій Маценко . . .	23.	86.
18.	—	— Василь Шепелявый. . .	20.	89.
19.	—	— Иванъ Чорномурецъ. . .	22.	87.
20.	—	— Алексѣй Колесникъ. . .	27.	82.
21.	—	— Павелъ Клеха	26.	83.
22.	—	— Федоръ Котляръ . . .	31.	78.
23.	—	— Григорій Дудка. . . .	28.	81.
24.	—	— Артемъ Горощенко . . .	24.	85.
25.	—	— Денисъ Тарабаненко . .	21.	88.
26.	Марта 21:	— Демянъ Божко	64.	26.
27.	—	— Алексѣй Харченко . ..	53.	37.

№				Число шаровъ избир.	неизб.
28.	Марта 21:	Мѣщанинъ	Сава Бринзоха	63.	27.
29.	—	—	Иванъ Грона	56.	34.
30.	—	—	Иванъ Грона.	56.	34.
31.	—	—	Павелъ Шаповалъ . . .	53.	37.
32.	—	—	Иванъ Губскій	50.	40.
33.	—	—	Тимофей Губскій. . . .	58.	32.
34.	—	—	Федоръ Якимовъ. . . .	50.	40.
35.	—	—	Степанъ Лапшукъ . . .	53.	37.
36.	—	—	Данило Бутейко. . . .	52.	38.
37.	—	—	Григорій Журавль . . .	52.	38.
38.	—	—	Григорій Гета	59.	31.
39.	—	—	Максимъ Гета	60.	30.
40.	—	—	Сава Станко.	51.	39.
41.	—	—	Семенъ Шарко	47.	43.
42.	—	—	Филипъ Даценко . . .	79.	11.
43.	—	—	Алексѣй Онисимовъ. . .	63.	27.
44.	—	—	Мойсѣй Соломаха . . .	53.	37.
45.	—	—	Аврамъ Музыка. . . .	54.	36.
46.	—	—	Иванъ Цѣпакъ	50.	40.
47.	—	—	Прокофій Харченко. . .	61.	29.
48.	—	—	Иванъ Тарасевичъ . . .	57.	33.
49.	—	—	Сава Яремовъ	77.	13.
50.	—	—	Самойло Губскій. . . .	60.	30.
51.	Марта 22:	—	Антонъ Нехведь. . . .	70.	15.
52.	—	—	Демянъ Нехведь . . .	59.	26.
53.	—	—	Григорій Нехведь . . .	60.	25.
54.	—	—	Иванъ Хоменко. . . .	70.	15.
55.	—	—	Иванъ Глоба.	56.	29.
56.	—	—	Григорій Рыжій. . . .	60.	25.
57.	—	—	Алексѣй Погорѣлый . .	64.	21.
58.	—	—	Григорій Черномурецъ. .	60.	25.
59.	—	—	Фома Власѣка	64.	21.

№				Число шаровъ. избир.	неизб.
60.	Марта 22:	Мѣщанинъ:	Тарасъ Баско	63.	26.
61.	—	—	Григорій Харченко. . .	57.	32.
62.	—	—	Иванъ Коржъ	63.	26.
63.	—	—	Федоръ Ярмакъ. . . .	64.	25.
64.	—	—	Федоръ Охрѣменко . . .	66.	23.
65.	—	—	Максимъ Чуйко. . . .	56.	33.
66.	—	—	Григорій Борщъ . . .	63.	26.
67.	—	—	Илья Власенко	56.	33.
68.	—	—	Артемъ Котеленецъ. . .	57.	32.
69.	—	—	Павло Онищенко . . .	59.	30.
70.	—	—	Федоръ Терентѣй . . .	60.	29.
71.	—	—	Денисъ Семко	58.	31.
72.	—	—	Лазарь Бережный . . .	60.	29.
73.	—	—	Кондратъ Приступенко. .	59.	30.
74.	—	Козакъ	Павло Лепецъ	55.	34.
75.	—	Канцеляристъ	Антонъ Сергіенко . . .	56.	33.
76.	Марта 23:	Мѣщанинъ	Андрей Нетребенко. . .	75.	23.
77.	—	—	Филипъ Одердоша . . .	76.	22.
78.	—	—	Давидъ Стороженко . .	68.	30
79.	—	—	Никифоръ Стороженко. .	68.	30.
80.	—	—	Григорій Павленко. . .	68.	30.
81.	—	—	Семенъ Хитрикъ . . .	75.	23.
82.	—	—	Григорій Вакуленко . .	68.	30.
83.	—	—	Семенъ Скиба	75.	23.
84.	—	—	Антонъ Безуглый . . .	79.	19.
85.	—	—	Дмитро Глинскій . . .	70.	28.
86.	—	—	Филипъ Рекало. . . .	68.	30.
87.	—	—	Константинъ Шапочникъ .	70.	28.
88.	—	—	Иванъ Сучакъ	79.	19.
89.	—	—	Степанъ Меняйленко . .	71.	27.
90.	—	—	Иванъ Пелешукъ . . .	73.	25.
91.	—	—	Николай Швецъ . . .	68.	30.

№				Число шаровъ. избир.	неизб.
92.	Марта 23:	Мѣщанинъ:	Сидоръ Куценко . . .	69.	29.
93.	—	—	Кирило Кондратенко . .	69.	29.
94.	—	—	Павелъ Дудка	78.	20.
95.	—	—	Романъ Шиленко . . .	70.	28.
96.	—	—	Иванъ Демененко . . .	70.	28.
97.	—	—	Григорій Музыка . . .	72.	26.
98.	—	—	Осипъ Ничипоренко. . .	71.	27.
99.	—	—	Федоръ Оджа	77.	21.
100.	—	Козакъ	Кирило Коніовскій . . .	68.	30.

---

9) Донесеніе полковой прилуцкой канцеляріи съ представленіемъ вѣдомости о неявившихся на выборы.

Сіятельнѣйшому Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу.

От Полковой Прилуцкой Канцеляріи

Репортъ.

Высокимъ Вашего Высокографского Сіятельства ордеромъ, въ полковой прилуцкой канцеляріи полученнымъ, велѣно отъ всѣхъ таковыхъ, которые въ городѣ Прилукахъ имѣютъ домы, а сами при выборѣ городскомъ не присутствовали, взять отвѣты, почему то ими учинено, и прислать оные къ Вашему Высокографскому Сіятельству. И во исполненіе онаго Вашего Высокографского Сіятельства ордера, каковы въ небывшихъ при вышеписанномъ городскомъ выборѣ, по показанію господина примеръ-маіора Стремоухова, взяты отвѣты, оные при семъ къ Вашему Высокографскому Сіятельству подъ высокое благоразсмотрѣніе полковая прилуцкая канцелярія представляетъ; въ другихъ же не бывшихъ при ономъ выборѣ еще отвѣтовъ не взято, за отлучкою ихъ съ домовъ въ нѣкоторые отдаленные мѣста и за другими обстоятельствами, о коихъ и за чѣмъ

въ кого таковыхъ отвѣтовъ не взято, прилагается при семъ же вѣдомость.

Бунчуковый Товаришъ Петръ Горленко. Полковый Судія Иванъ Александровичъ. Полковый Писарь Иванъ Ягельнецкій. Полковый Хоружій Никита Умѣнь.

1767 года,
априля 25 дня.

---

10) Вѣдомость о неявившихся съ объясненіемъ причинъ неявки.

1) Выписка изъ поданныхъ отвѣтовъ живущихъ въ городѣ Прилукахъ чиновниковъ, за чѣмъ кто имянно въ собраніе для выбору отъ города головы и депутата, по сдѣланному отъ начальника примеръ-маіора Стремоухова объявленію, не пришелъ.

№	ЧИНЪ и ИМЯНА.	За чимъ имянно по объявленію въ собраніе не пришли.
1.	Бунчуковый Товарищъ Иванъ Галаганъ.	За состояніемъ, по протесту его на полкового писара Шнурчевского, а отъ того по таковому жъ на него, подъ слѣдствіемъ и за отъѣздомъ къ Малороссійскому Генералу-Губернатору.
2.	Полковый асаулъ Яковъ Книльъ (sic!).	За состояніемъ по протесту полкового писара Шнурчевского подъ слѣдствіемъ.
3.	Полковый хоружій Федоръ Марковскій.	
4.	Полковый асаулъ Никифоръ Бѣлецкій-Носенко.	За приключившеюся въ то время болѣзнію.
5.	Полковый обозный Яковъ Огроновичъ.	За болѣзнію, въ то время приключившеюся.
6.	Подкоморій повѣту Прилуцкого Андрей Маркевичъ.	За сочиненіемъ выбранному отъ Прилуцкого шляхетства депутату наказа.

№	ЧИНЪ и ИМЯНА.	За чимъ имянно по объявленію въ собраніе не пришли.
7.	Полковый писарь Иванъ Ягельнецкій.	За приключившеюся болѣзнію.
8.	Судья земскій повѣту Прилуцкого Яковъ Величко.	За сочиненіемъ выбранному отъ шляхетства депутату наказа.
9.	Подсудокъ земскій Василій Ограновичъ.	За разными его недосугами.
10.	Судья гродскій Иванъ Александровичъ.	За сочиненіемъ депутату, отъ шляхетства выбранному, наказа.
11.	Абшитованный полковый обозный Степанъ Лукомскій.	За сочиненіемъ наказа дворянскому депутату.
12.	Писарь земскій Семенъ Каневскій.	За отъѣздомъ въ Глуховъ къ генеральному асаулу Скоропадскому съ объявленіемъ, что онъ выбранъ отъ шляхетства депутатомъ.
13.	Бунчуковый товарищъ Константинъ Маркевичъ.	За отлучкой изъ дому.
14.	Бунчуковый товарищъ Иванъ Марковичъ.	За отъѣздомъ для своихъ нуждъ въ Нѣжинъ.
15.	Бунчуковый товарищъ Петръ Горленко.	За отправленіемъ въ то время по умершемъ сынѣ его поминовенія.
16.	Бунчуковый товарищъ Григорій Горленко.	За отъѣздомъ для исправленія законныхъ нуждъ въ Глуховъ.
17.	Полковой артилеріи асаулъ Иванъ Пархомовъ.	За приключившеюся болѣзнію.
18.	Гродского суда писарь Степанъ Карпичъ.	За болѣзнію.
19.	Полковый канцеляр. Петръ Пятигорскій.	

№	ЧИНЪ и ИМЯНА.	За чимъ имянно по объявленію въ собраніе не пришли.
20.	Обозный повѣту Иваницкого Бакланъ.	За отъѣздомъ для законныхъ нуждъ въ Лубенскій полкъ.
21.	Значковый товаришъ Антонъ Соломаха.	За отъѣздомъ въ Глуховъ къ генеральному асаулу Скоропадскому, съ объявленіемъ о выборѣ его въ депутаты.
22.	Абшитованный значковый товарищъ Корней Носовскій.	За болѣзнію.
23.	Абшитованный сотенный атаманъ Федоръ Стаховскій	
24.	Атаманъ городовой Тимофей Стаховскій.	
25.	Почмейстеръ, войсковый товарищъ Степанъ Прокоповичъ.	За отправленіемъ почты.
26.	Войсковый товарищъ Антонъ Юркевичъ.	За слабостію здоровья.
27.	Войсковый товарищъ Никита Шлякъ.	За отлучкою отъ дому.
28.	Отставной прапорщикъ Андрей Грекосъ.	За отъѣздомъ въ Кіевъ и Ахтирку по обѣщанію, для богомолья.
29.	Прапорщикъ Алексѣй Алексѣевъ.	
30.	Войсковый товарищъ Михайло Корсунъ.	За отъѣздомъ въ Глуховъ.
31.	Значковый товарищъ Михайло Чернявскій.	За болѣзнію.
32.	Полковой артилеріи хоружій Петръ Бѣлоусъ.	За отъѣздомъ для промысловъ на ярмарку.
33.	Значковый товаришъ Меховецкій.	
34.	Войсковый канцеляр. Иванъ Гуленко.	За отъѣздомъ въ Глуховъ.

2) Вѣдомость, въ кого именно за небытность при выборахъ городскихъ и зачѣмъ не взято отвѣтовъ.

У войскового товариша Михайла Корсуна за отлучкою въ Глуховъ.

Въ значкового товариша Михайла Чернявскаго, который нарочно посыланнымъ объявилъ, что при томъ выборѣ головы и депутата за болѣзнію быть не моглъ, за которою и письменного отвѣта дать не можетъ.

Въ хоружого полковой прилуцкой артилеріи Бѣлоуса за отлучкою съ Прилуки на ярмонки по промыслу его.

Въ значкового абшитованного товариша Лиховецкого за отлучкою по томужъ на ярмонки по промысламъ.

Въ войскового канцелярісты Ивана Гуленицкого за отлучкою въ Глуховъ.

Бунчуковый товаришъ Петръ Горленко. Полковый судія Иванъ Александровичъ. Полковый писарь Иванъ Ягельницкій. Полковый хоружій Никита Умѣнь.

Справилъ полковый канцеляристъ Демянъ Бабичъ.

---

11) Списокъ присланнымъ отъ сотенъ Прилуцкого полку повѣреннымъ, имѣющимъ быть при выборѣ въ Коммисію сочиненія проэкта нового уложенія отъ Прилуцкого полку депутата.

Сочиненъ числа 5 апрѣля, 1767 года.

№			Число баловъ избир.	неизб.
1.	Сотни Иваницкой:	Куренный атаманъ Иванъ Лисенко	3.	18.
2.	Сребрянской:	Андрей Василенко . .	1.	20.
3.	—	Федоръ Харченко. . .	3.	18.
4.	Второварвинской:	Иванъ Мошикъ . . .	4.	17.
5.	—	Иванъ Потапенко. . .	3.	18.
6.	Иченской:	Петръ Романовичъ . .	17.	4.
7.	—	Иванъ Тарара . . .	3.	18.

№			Число баловъ избир.	неизб.
8.	Полковой:	Алексѣй Козаковъ . .	11.	10.
9.	—	Матвѣй Петруша . . .	6.	15.
10.	Переволочанской:	Омельянъ Тернѣцкій . .	2.	19.
11.	—	Алексѣй Сорока . . .	2.	19.
12.	Монастырской:	Осипъ Головко . . .	5.	16.
13.	—	Василь Плиска . . .	6.	15.
14.	Варвинской:	Трофимъ Андрущенко .	8.	13.
15.	—	Иванъ Рубанъ . . .	13.	8.
16.	Журавской:	Климъ Дараганъ . . .	4.	17.
17.	—	Максимъ Якименко . .	1.	20.
18.	Иваницкой:	Осипъ Сакунъ	1.	20.
19.	Корыбутовской:	Григорій Спицкій . . .	4.	17.
20.	—	Лука Чернышевъ . . .	7.	14.
21.	Красноколядинской:	Мойсей Тетухъ . . .	7.	14.
22.	—	Стефанъ Ивановъ . . .	10.	11.

---

12) Донесеніе сотеннаго повѣреннаго Ив. Лисенка о противозаконной покупкѣ старшиною козачьихъ грунтовъ и угодій и о противодѣйствіи ея внесенію жалобы объ этомъ въ депутатскій наказъ.

Его Высокографскому Сіятельству... *(и проч.)* Петру Александровичу Румянцову.

Доношеніе.

По силѣ манифеста Е. И. Величества, выбранъ я въ числѣ протчихъ сотни Иваницкой отъ села Ступаковки погостнымъ повѣреннымъ, и за собраніемъ въ сотенное Иваницкое правленіе всѣхъ погостныхъ повѣренныхъ, выбрали мене въ сотенные повѣренные и съ козакомъ сотни Иваницкой Юскомъ Сакуномъ, и поручили мнѣ замѣтку о своихъ нуждахъ для сочиненія генерального наказа, въ коей между протчимъ показали о скупленныхъ въ сотнѣ Иваницкой

козачихъ грунтахъ, при вѣрющемъ письмѣ. А когда, за собраніемъ всѣхъ сотенныхъ повѣренныхъ въ городъ Прилуку, въ силѣ обряда, по присягѣ, начали между собою согласіе чинить, то другихъ сотенъ повѣреные, товарищи мои, о скуплѣ козачихъ добръ разными чиновниками и владѣльцами, съ наущенія ли чіего, или сами отъ себе, въ наказѣ купли той поставить не похотѣли; но нѣкоторые изъ нихъ, повѣренныхъ, ходили просить къ полковому канцеляристѣ Петру Пятигорскому для учиненія генерального наказа, которые, отъ него возвратясь, и мнѣ зъ своими товарищами къ нему для того итти велѣли. На что я съ товарищами своими къ показанному Пятигорскому и ходили просить, чтобъ учинилъ наказъ; но оной насъ послалъ просить выписки о состояніи дворянского наказа къ предводителю дворянскому, подсудку повѣту Иваницкого Петру Максимовичу, котерой стоялъ въ домѣ судіи земского повѣту Прилуцкого Якова Величка. Но оной дать отказался; а вышедъ оный судія Величко, невѣдомо съ чего, объявилъ намъ, чтобъ просить о сочиненіи наказа означенного Пятигорского и для наставленія въ сочиненіи наказа его, Пятигорского, прислать къ нему. Но я для присылки къ нему жъ канцеляриста Пятигорского не ходилъ, а товарищи мои ходили ли, того, такъ и у судіи Величка жъ былъ ли онъ—не знаю; а только товарищи наши принесли въ собраніе сочиненной имъ, Пятигорскимъ, пропустя о скупленныхъ во всемъ полку Прилуцкомъ козацкихъ грунтахъ пунктъ, наказъ, который переписавши, и подписали всѣ въ томъ собраніи бывшіе повѣренные. И о всемъ вышеписанномъ я Вашему графскому Сіятельству въ разсмотрѣніе нижайше представляя, доношу:

Въ прошедшихъ годѣхъ наданъ намъ сотникъ въ сотню Иваницкую неосѣдлый Федоръ Свѣрскій, кой нынѣ въ повѣтъ Иваницкій земскимъ судіею выбранъ, и никакихъ грунтовъ и земель въ сотнѣ Иваницкой не имѣющій. И когда завелъ себѣ при сотнѣ Иваницкой жилище, многихъ козаковъ поскуплялъ грунта знатные, мельницы почти всиловне поскуплялъ же, сѣнокосы, пахатные поля, гаи и лѣсные угодія, а кромѣ того и многихъ въ подданство подъ видомъ скупли попривлекалъ. А когда онъ, бывшой сотникъ Свѣр-

ской и нынѣшній судія земскій, козачими грунтами чрезъ всю бытность свого сотничества, после запретительныхъ Высочайшихъ указовъ, удоволился, то дозволилъ тестю своему, бывшому сотнику Монастырискому, а нынѣшнему абшитованному судіи полковому, Ивану Романовичу, въ той же сотнѣ Иваницкой при селѣ Ступаковцѣ грунта искуплять первѣе почти всиловно, мельницы, зъ землями жилые дворы, сѣнокосы и пахатные поля, а иные пахатные поля и всиловно, подвергнувши первѣе козака подъ видомъ скупли въ подданство, деньги вбрасывалъ и себѣ оные поля позавдаривалъ. И хотя то козаки сотни Иваницкой Ступаковскіе, чувствуя свою обиду, таскаясь за оными съ нимъ, Романовичемъ, по судамъ, яко то: до учрежденія еще въ Малой Россіи земскихъ судовъ, по полковой Прилуцкой Канцеляріи, а за учрежденіемъ земскихъ судовъ—по суду земскому Иваницкомъ и по генеральному суду, и по онымъ дѣламъ неоднократные отъ суда генерального въ судъ земской Иваницкой указы выправляли за свои по суду земскому волокиты, то не точію ничего того себѣ въ довольство не получили, но только пришли въ такое бѣдство, что часъ отъ часу службы государевой нести въ несостояніи, но и пропитать себе заледво чимъ могутъ; и ежели уже оныхъ грунтовъ и подлинно намъ доходить по судамъ, то неточію оныхъ не получимъ, но и послѣдняго своего препитанія лишимся. И ежели Вашему Графскому Сіятельству на моемъ одномъ показаніи увѣриться не возможно, то я изсылаюсь въ доказательство на сотенное Иваницкое Правленіе и на прошлогодніе ревизіи; и которыми именно какъ онъ, бывшій сотникъ Свѣрскій, такъ и тесть его, абшитованный судія полковый Романовичъ, козаками завладѣли, и нынѣ они во владѣніи ихъ находятся.

Того ради, Вашего Графского Сіятельства всенижайше прошу: въ вышеозначенныхъ скупляхъ какъ бывшимъ сотникомъ Иваницкимъ Свѣрскимъ, такъ и тестемъ его, нынѣшнимъ абшитованнымъ судіею полковымъ Романовичемъ, въ противность указовъ, какъ жи-

лыхъ дворовъ, такъ и разными случаями убылыхъ имѣній, учинить милостивую резолюцію.

Къ сему доношенію полку Прилуцкого сотнѣ Иваницкой куренный атаманъ Ступаковскій Иванъ Лисенко подписался.

1767 году,
апреля 29 дня.

---

13) Донесеніе Стремоухова объ отправленіи козачьяго депутата отъ Ичанской сотни.

Сіятельнѣйшему Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову.

Борисоглѣбского драгунского полку преміеръ-маіора Стремоухова

Рапортъ.

Во исполненіе полученного мною сего мая " дня Вашего Сіятельства циркулярного ордера, выбранной Прилуцкого полку съ козаковъ депутатъ козакъ сотни Ичанской, житель мѣстечка Ични, Петръ Романовичъ съ написанными отъ козаковъ прошеніями отъ мене отправленъ. Данное жъ ему отъ сотенныхъ повѣренныхъ полномочіе и балотированій списокъ и присяга повѣренныхъ еще минувшаго апрѣля 28 числа при рапортѣ моемъ въ канцелярію Вашего Сіятельства отправлены. О чемъ симъ покорнѣйше доношу.

Преміеръ-Маіоръ *Михаилъ Стремоуховъ.*

Числа 17 Мая,
1767 году.

1767.

IX.

Выборы въ переяславскомъ полку.

1) Донесеніе предводителя шляхетства переяславскаго о выборѣ предводителей и головы.

Его Сіятельству... (*и проч.*) Графу Петру Александровичу Румянцову

Репортъ.

Отъ 7 числа сего марта отпущенный Вашего Сіятельства ко мнѣ ордеръ, которымъ изволите предлагать подаваемые мнѣ о гражданахъ списки отъ городовъ, въ которыхъ повелѣно въ присудствіи моемъ выбрать по силѣ Высочайшаго Е. И. В. манѣфеста и приложенныхъ обрядовъ голову, разсматривать, дабы во оные вносимы были всѣ жителѣ тѣхъ городовъ изъ шляхетства и козаковъ зъ протчими гражданами, выключая однихъ владѣльческихъ людей и крестянъ, и чтобъ въ собраніи всякъ по состоянію своему имѣлъ мѣсто,—получилъ я сего жъ марта 15 дня; а какъ я о семъ имѣлъ и словесное Вашего Сіятельства приказаніе, то и не упустилъ наблюсти того дѣйствительнымъ исполненіемъ, и уже въ городахъ Кіевского полку Козельцѣ и Острѣ въ присудствіи моемъ выборы окончены, и гражданскимъ головою въ Козельцѣ избранъ судія полковый Степанъ Барановскій, а депутатомъ писарь полковій Кіевскій Семенъ Катериничъ; въ Острѣ жъ головою—сотникъ Остерскій Иванъ Солонина, отъ шляхетства Кіевского полку выбранъ предводителемъ подкоморій Козелецкого повѣта Александеръ Солонина, а депутатомъ подкоморій повѣта Остерского Андрей Миткевичъ. Сего жъ числа въ городѣ Переясловлѣ избранъ отъ живущихъ здѣсь шляхетства, козаковъ и мѣщанъ градскимъ головою войсковій канцеляристъ Иванъ Бахчевскій. По окончаніи жъ протчіихъ повелѣнныхъ выборовъ репортовать къ Вашему Сіятельству зъ приложеніемъ о всемъ журнала долженствую. *Василій Туманскій.*

767 году, марта 16,
Переясловъ.

2) Отказъ Андрея Безбородка отъ званія депутата переяславского шляхетства.

Высокоблагородный господинъ бунчуковый товарищъ и почтенный предводитель со всѣмъ благороднымъ дворянствомъ полку Переясловского,

Государь мой!

Увѣдомляяся изъ письма Вашего, что дворянство полку Переясловского избрало меня своимъ въ коммиссію о сочиненіи проэта новаго уложенія депутатомъ, симъ имѣю честь Вамъ отвѣтствовать: слабость крайняя здоровья моего, ежечастые припадки, а особливо тягостная и безпрерывно продолжающаяся въ ногѣ болѣзнь отъ ранъ, часто открывающихся, не позволяютъ мнѣ отважится на таковое важное и трудное дѣло, которое, требуя великихъ трудовъ и безпокойствъ, приведетъ меня до послѣдняго моего изнеможенія. Таковыя обстоятельства были причиною, что я и здѣсь при выборѣ отъ моихъ собратьевъ, по прошенію моему, минованъ былъ отъ балатированія въ депутаты и съ крайнимъ нежеланіемъ принялъ на себя званіе дворянъ здѣшнихъ предводителя, которое, какъ вразсужденіи свободности жить въ домѣ и пользоватся Всемилостивѣйше пожалованнымъ мнѣ покоемъ, такъ и меньшихъ трудовъ въ сравненіи должности депутатской, слабому здоровью моему сходнѣе кажется. Для того не сомнѣваяся, что благородное дворянство полку Переясловского, пріемля во уваженіе таковые неудобства, мнѣ отважится на такъ далекій и трудный путь и вступить въ званіе депутата ихъ вовся недозволяющія, предводительствуемые вамы не отрекутся сдѣлать мнѣ справедливость. Покорно Васъ, государя моего, прошу не упуская при нынѣшнѣмъ собраніи доставить, чтобъ я перемѣненъ былъ другимъ депутатомъ, которому къ лучшей пользѣ вашей и всего государства послужить силы дозволили бы.

Пребываю впротчемъ Вашего Высокоблагородія, государя моего покорный слуга *Андрей Безбородко.*

Зъ Чернигова,
въ 3 день априля, 1767 году.

3) Письмо А. Безбородка къ графу Румянцеву о причинахъ отказа.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

На другой день по отбытіи Вашего Сіятельства получилъ я отъ господина предводителя дворянства полку Переяславльскаго Томары предварительное увѣдомленіе, что выбрано меня депутатомъ въ коммиссію и вскорѣ намѣрены были прислать надлежащее полномочіе и наказъ. Я хотя и отвѣтствовалъ ему, какіе причины мѣшаютъ мнѣ вступить въ толь важное и многотрудное дѣло, но не ожидая, чтобъ онъ могъ здѣлать перемѣну по прозьбѣ моей безъ представленія Вашему Сіятельству, принимаю дерзновеніе утруждать и къ освобожденію меня отъ сего мнѣ неудобъ-сносимаго труда призывать Вашего Сіятельства милость. Слабость здоровья, ежечастыя припадки, людямъ лѣтъ моихъ свойственныя, а паче всего нестерпимая въ ногѣ болѣзнь, которую малѣйшее безпокойство раздражаетъ и приводитъ въ опасность, были причиною, что я при выборѣ въ Черниговѣ съ крайнимъ нежеланіемъ принялъ на себя такую должность, которая гораздо меньшія въ сравненіи депутатской труды и попеченія сопряженныя имѣетъ съ собою, и отъ моихъ собратьевъ, по прошенію моему, обойденъ балатированіемъ въ депутаты. Не великое безпокойство, которое я имѣлъ при семъ послѣдномъ случаѣ, привело меня въ такое состояніе, что я, прежде нежели оправится могу, принужденнымъ себя нахожу сидѣть безъвиходно въ горницахъ; а что до ноги касается, то продолжающаяся въ ней болѣзнь мнѣ почти и ступить не дозволяетъ. Не сомнѣваюся, что Ваше Сіятельство не будете почитать, чтобъ другіе какіе виды понуждали уклонятся отъ сего благого дѣла меня, который знаетъ, что онъ всѣ силы свои услугамъ государственнымъ посвящать обязанъ; но когда крайнѣе изнеможеніе лишаѣтъ меня способовъ исправлять возлагаемыя па меня дѣла, то позвольте, Милостивый Государь, изобразить здесь нижайшое мое прошеніе, дабы Ваше Сіятельство объ уволне-

ніи меня отъ депутатской должности милостиво предложить соизволили, чтобъ я могъ остатокъ жизни моей пользоваться Всемилостивѣйше пожалованнымъ мнѣ покоемъ. Заключаю чистосердечнымъ признаніемъ, что съ благодарнѣишою преданностію и высокопочитаніемъ есмь, Сіятельнѣишій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всеодолженный и нижайшій слуга *Андрей Безбородко.*

Стольное,
апреля отъ 9 дня 1767.

---

4) Донесеніе предводителя переяславскаго шляхетства объ отказѣ Безбородка съ просьбою дать инструкціи на счетъ выбора новаго депутата.

Сіятельнѣйшому Графу *(и проч.)* Петру Александровичу Румянцову

Рапортъ.

По силѣ Высочайшаго всеобнародованного манифеста, и Вашего Сіятельства по тому послѣдовавшаго распоряженія, шляхетство, помѣщики всего полку Переясловского, будучи въ собраніи въ городѣ Переясловлѣ, выбрали въ коммиссію о сочиненіи проэкта нового уложенія отъ своего шляхетства депутата, господина генерального судю Андрея Яковлевича Безбородка, которому я по должности моей тогожъ времени о томъ письменно и далъ знать. Но сего априля въ 11 д. получилъ я отъ него письменный ко мнѣ и ко всему здешнему шляхетству отзывъ о его болѣзненныхъ припадкахъ и слабостяхъ, и что ему то крайне не дозволяетъ принять таковъ важный трудъ, для чего просить онъ, дабы на его мѣсто другой былъ выбранъ депутатъ, о чемъ Ваше Сіятельство съ представляемой при семъ того письма копіи соизволите усмотрѣть. А какъ въ обрядахъ выборовъ, въ такомъ случае шляхетству повторного выбору депутата дѣлать не предписано, и я къ такому повторному выбору оного зъ шляхетствомъ приступить не смѣлъ, что все милостивому Вашего Сіятельства рѣшенію представляя, имѣю долгъ ожы-

дать чрезъ сего нарочно посланного господина подсудка земского повѣту Золотоноского Якова Рустановича Вашего Сіятельства резолюціи.

Предводитель шляхетства Переясловского полку, бунчуковій товаришъ *Стефанъ Тамара.*

767 году,
априля 12 дня.

---

5) *Донесеніе о выборѣ новаго депутата вмѣсто отказавшагося отъ званія депутата Безбородка.*

Сіятельному Графу *(и проч.)* Петру Александровичу Румянцову

Нижайшій Рапортъ.

Въ силѣ полученного мною отъ Вашего Сіятельства сего априля 17 дня ордера, съ собравшимся уже до того здешнего полку шляхетствомъ приступилъ я къ новому избранію депутата другого, и выбрали на прежде избранного господина абшитованного судью генерального Андрея Безбородка мѣсто господина полковника компанѣйского Захарія Забѣлу. О чемъ Вашему Сіятельству нижайше рапортую.

Предводитель шляхетства Переясловского, бунчуковый товаришъ *Стефанъ Тамара.*

---

6) *Донесеніе объ окончаніи выборовъ.*

Его Сіятельству *(и проч.)* Графу Петру Александровичу Румянцову

Репортъ.

По опредѣленію Вашего Высокографскаго Сіятельства, въ силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, 766 году декабра 14 дня состоявшагось, и приложенныхъ обрядовъ при выборѣ отъ дворянства предводителя, а отъ городскихъ жителей головы, имѣлъ я присудствіе въ полкахъ Кіевскомъ и Переясловскомъ,

и кто именно тѣмъ, а особливо депутатами для отправленія въ Москву въ коммиссію къ сочиненію проэкта новаго уложенія выбранны, объ оныхъ при семъ регистеръ и подленные присяжные за подписомъ бывшихъ у присяги чиновъ листы съ особливымъ объ ономъ всемъ происходствѣ журналомъ у сего прилагаю.

Василій Туманскій.

1767 году,
апрѣля 27 дня.

---

7) *Регистръ, кто именно въ полкахъ Переясловскомъ и Кіевскомъ выбраны отъ дворянства предводителями, и отъ городскихъ жителей головою и депутатами.*

Въ полку Кіевскомъ:

Отъ города Козельця головою выбранъ судія полковый Кіевскій Степанъ Барановскій.

Депутатомъ городскимъ: писарь полковый Кіевскій Семонъ Катериничъ.

Отъ шляхетства полку Кіевского предводителемъ: подкоморый повѣту Козелецкого Александръ Солонина.

Депутатомъ: подкоморый повѣту Остерского Андрей Миткевичъ.

Отъ козаковъ полку Кіевского депутатомъ: козакъ выборный сотнѣ Носовской Павелъ Яковлевъ.

Тогожъ полку отъ города Остра городскимъ головою сотникъ Остерскій Иванъ Солонина.

Депутатомъ писарь сотенный Иванъ Пенскій.

Въ городѣ Переясловлѣ городскимъ головою войсковый канцеляристъ Иванъ Бахчевскій.

Депутатомъ городскимъ атаманъ значковыхъ товарищей Сергій Сезоновичъ.

Отъ шляхетства полку Переясловского: предводителемъ бунчуковый товарищъ Степанъ Томара.

Депутатомъ полковникъ компанѣйскій Захарій Забѣла.

Отъ козаковъ полку Переясловского депутатомъ выборный козакъ сотнѣ Ирклѣевской Дмитро Исаенко.

Присяжные листы здѣсь приложенные означены подъ слѣдующими нумерами:

№ 1. Присяжный листъ за подписомъ гражданства города Козельця.
2. Шляхетства полку Кіевского повѣтовъ Козелецкого и Остерского.
3. Гражданства города Остра.
4. Отъ козаковъ полку Кіевского выбранныхъ отъ сотень повѣренныхъ.
5. Гражданства города Переясловля
6. Шляхетства полку Переясловского повѣтовъ Переясловского и Золотоноского.
7. Козаковъ полку Переясловского отъ сотень выбранныхъ повѣренныхъ.

Василій Туманскій.

---

8) Журналъ, составленный В. Туманскимъ о томъ, какъ происходили выборы.

Журналъ о происходствѣ выборовъ въ полкахъ: Кіевскомъ и Переясловскомъ, да въ городѣ Острѣ, по силѣ Высочаишаго Е. И. В. манифеста и обрядовъ, отъ шляхетства предводителей, отъ городовъ городского головы, отъ козаковъ депутатовъ, въ присудствіи писара генерального и Малороссійской Коллегіи члена Василія Туманского, которой для того изъ Глухова отправился 1767 году, февраля 28 дня.

Марта 3 дня прибылъ въ Козелецъ поутру. Но какъ того дня повелѣнные списки о жителяхъ того города Козельця не совсѣмъ въ готовности были, то приказано оныя списки о жителяхъ городовыхъ всякого званія и чина отъ полковой канцеляріи, отъ магистрата и отъ сотеннаго правленія изготовить на основаніи повелѣнного въ приложенномъ при манифестѣ обряда, а собранію быть на другой день тогожъ марта 4 дня; которого въ приуготовленномъ для сего городскомъ Его Сіятельства господина генералъ-фельдмаршала и раз-

ныхъ орденовъ кавалера графа Алексѣя Григоріевича Разумовского домѣ собрались жительствующіе въ городѣ Козельцѣ шляхетство, земскіе и воинскіе чины, изъ рядовыхъ козаковъ выборные, магистратскіе урядники и лучшіе изъ мещанъ и ремесленниковъ, коихъ всѣхъ званій персонъ было въ собраніи семьдесятъ два человѣкъ.

Въ залѣ того дому, по назначеніи каждому по спискамъ мѣстъ къ засѣданію на поставленныхъ стульяхъ и скамяхъ, читанъ былъ чрезъ писаря полкового кіевского Семона Катеринича Высочайшій Е. И. В. манифестъ зъ приложеніями, который, стоя при своихъ мѣстахъ, слушали съ прилѣжнымъ вниманіемъ и чувствуемою особливою радостію о толикомъ Высочайшимъ Е И. В. матернемъ ко всѣмъ вѣрнымъ своимъ подданнымъ попеченіи. Выслушавъ все и поклонясь къ партрету Е. И. В., сѣли на своихъ мѣстахъ.

За объявленіемъ же отъ начальника, что надлежить выбрать головою изъ присудствующихъ въ засѣданіи, начали по списку, какъ въ обрядѣ предписано, балатировать, что происходило зъ утра до дву часовъ по полудни; но какъ еще оставалось немалое число персонъ къ балатированію, то положено собратся тогожъ дни въ 4-мъ часу по полудни; за собраніемъ же такожъ нѣсколько персонъ балатировано, и по большинству шаровъ выбранъ въ городѣ Козельцѣ головою судія полковый кіевскій Степанъ Барановскій, и отъ всего того собранія поздравленъ; зачимъ онъ за такую къ нему отъ всего города довѣренность благодарилъ.

Марта 5 дня, по учиненной повѣсткѣ, собрались въ томъ же Его Сіятельства домѣ всѣ пріѣхавшіе въ городъ имѣющіе въ полку кіевскомъ свои деревнѣ и владѣнія и живущіе въ городѣ чиновные персоны, и по списку, какъ кто въ городъ напередъ прибылъ, такъ по порядку и посажены, коихъ всѣхъ въ наличности было восѣмъдесятъ два человѣка.

При ономъ шляхетства собраніи читанъ чрезъ писаря земского повѣту Остерского Михайла Лусту Высочайшій Е. И. В. манифестъ съ приложеніями, которой всѣмъ собраніемъ зъ особливою тихостію и кротостію слушанъ, и по прочтеніи учиня подобающій къ портрету

Е. И. В. поклонъ, изъявляя тѣмъ всеусерднѣйшую благодарность, сѣли на опредѣленныхъ по спискамъ мѣстахъ.

Объявлено за тѣмъ отъ начальника, что надлежитъ выбрать изъ присудствующихъ въ предводителя дворянства, кого за достойна къ тому разсудятъ; для чего и приказано двумъ опредѣленнымъ разносить на дву тарѣлкахъ положенные шарики, одному по правую, а другому по лѣвую сторону сидящимъ; по роздачѣ всѣхъ шариковъ, читанъ изъ списка первонаписанный и сидящій въ первыхъ персона, на которого когда все собраніе порядочно, другъ за другомъ отъ своихъ мѣстъ приходя къ столу, гдѣ поставленъ былъ ящикъ, положили шарики, то начальникъ, винявъ изъ правой стороны ящика, и по щетѣ предъ собраніемъ числа шариковъ, сколько явилось, велѣлъ записать противъ того персоны, также и число изъ лѣвой стороны; и симъ порядкомъ и о другихъ персонахъ происходило; и по большинству шариковъ выбранъ въ дворянского предводителя подкоморый повѣту Остерского Андрей Миткевичъ, чемъ отъ всего собранія поздравленъ; онъ же благодарилъ за оказаную къ нему довѣренность.

Марта 6 дня въ тотъ же домъ собрались гражданство для подпису на полномочіи градскому головѣ, которое тогожъ дня, за представленіемъ начальнику, и поручено отъ него головѣ суддѣ полковому Барановскому съ подлежащими списками.

Марта 7 дня голова, собравъ въ оной же домъ всѣхъ прежде бывшихъ жителей по повѣсткѣ, яко время въ церковъ, ишли во оную предписаннымъ въ обрядѣ порядкомъ, и при присудствіи начальника слушали въ соборной Преображенія Господня церквѣ литургію, молебно пѣніе и посвященіе воды, и по окропленіи всѣхъ читанъ манифестъ зъ приложеніями, и приведены къ присягѣ, и изъ церкви шли тѣмъ же порядкомъ возвратно въ предпомянутой домъ.

Марта 8 дня, по собраніи шляхетства въ ономъ же домѣ, поручено отъ начальника полномочіе зъ списками предводителю дворянскому вышеупомянутому подкоморому Миткевичу, которой, принявъ оное, говорилъ краткую рѣчъ, прославляя Е. И. В. премудрые устроенія и всемилостивѣйшое къ вѣрнымъ своимъ подданнымъ ми-

лосердіе, шляхетству жъ благодаря за сію къ нему особую довѣренность.

Тогожъ дня поведены изъ оного дому предводителемъ въ предъвоспомяненную соборную церковъ, гдѣ отправляема была протопопомъ съ протчимъ духовенствомъ литургія зъ молебствіемъ и освященіемъ воды, по кропленіи которою читанъ манифестъ со всѣми приложеніями, и приведены къ присяги, и изъ церкви предводителемъ же поведены въ тотъ же домъ, гдѣ подписались на присяжной формѣ.

Марта 9 дня, по отбытіи начальника изъ Козельця въ городъ Остеръ, выбранъ въ Козельцѣ отъ шляхетства депутатъ, и выбранъ онъ же предводитель, подкоморій Миткевичъ, депутатомъ, а на мѣсто его въ предводителя подкоморій повѣта козелецкого Александръ Солонина

Марта 10 дня въ томъ же городѣ Козельцѣ, въ присудствіи городского головы, выбранъ отъ города Козельця депутатомъ писарь полковый Кіевскій Семенъ Катериничъ, какъ о томъ письменно къ начальнику репортовано.

Тогожъ марта 10 дня въ городѣ Острѣ, по учиненіи списковъ всѣмъ жительствующимъ въ томъ городѣ воинскаго и магистратскаго званія чинамъ, козакамъ и мещанамъ, и по собраніи въ домѣ, гдѣ отправляются дѣла тамошнего земскаго суда, происходило избраніе городского головы, и выбранъ головою въ томъ городѣ сотникъ Остерскій Иванъ Солонина, которому и подписанные всѣмъ тѣмъ собраніемъ полномочіе и списки тогожъ дня поручены.

Марта 11 дня въ соборную тамошную церковъ къ слушанію литургіи, молебного пѣнія и водоосвященія, приведены головою по спискамъ городскіе жители, гдѣ по окропленіи водою и по прочтеніи манифеста зъ приложеніями, учинили должную по формѣ присягу въ присудствіи начальника; выборъ же депутата городского оставленъ на распоряженіе головы по установленному обряду. И какъ отъ оного городского Остерского головы сотника Солонины къ начальнику письменно репортовано, выбранъ отъ города Остра депутатомъ писарь сотенный Остерскій Иванъ Пенскій.

Марта 15 дня вышъ отправленный начальникъ прибылъ въ Переяславль, и на другой день, то есть Марта 16 дня, по подан-

нымъ спискамъ отъ полковой переясловской канцеляріи и отъ магистрата о жителяхъ того города Переясловля, созваны оные граждане въ полковую Переяславскую канцелярію, коихъ всѣхъ жителей, какъ полковой старшины, такъ и другого разного званія чиновъ, выборныхъ козаковъ и мещанъ въ собраніи было восѣмъдесятъ два человѣкъ; гдѣ по онымъ спискамъ къ засѣданію назначены мѣста, и чтенъ былъ чрезъ значкового товариша Тимофѣева манифестъ зъ приложеніями; по прочтеніи котораго, учиня должной поклонъ къ портрету Е. И. В., сѣли на своихъ мѣстахъ и началось балатированіе; чрезъ которое выбранъ городскимъ головою войсковый канцеляристъ Иванъ Бахчевскій, чемъ отъ всего собранія поздравленъ; а онъ благодарилъ за показанную къ нему въ томъ довѣренность, и тогожъ времени полномочіе подписали.

Марта 17 собрались въ полковую жъ канцелярію, и за приходомъ туда начальника, представили вышъ помянутое полномочіе, которое ему, градскому головѣ Бахчевскому, зъ списками отъ городскихъ жителей поручено. За учиненною жъ повѣсткою, яко время въ церковъ, поведены головою съ должнымъ порядкомъ къ церквѣ святого Николая, до которой дорога услана была пескомъ и зъ обоихъ сторонъ поставлены сосонки. По отправленіи литургіи, молебенного пѣнія и водоосвященія и за окропленіемъ священною водою, чтенъ былъ манифестъ зъ приложеніями и приведены къ присяги по указной формѣ, и изъ церкви поведены головою въ полковую канцелярію тѣмъ же порядкомъ, гдѣ на присяжномъ листѣ всѣ бывшіе у присяги подписались.

Марта 19 дня, поутру, въ 8-мъ часу собрались въ полковую переяславскую канцелярію все полку Переясловского съѣхавшоесь шляхетство, о которыхъ поданъ былъ начальнику имянной списокъ не по чинамъ, но какъ кто въ городъ напередъ прибылъ, и о жительствующихъ въ городѣ Переясловлѣ чинахъ. Всѣхъ ихъ въ томъ собраніи было сто одинадцять персонъ; по которому списку онымъ шляхетству объявлены къ засѣданію мѣста, а потомъ чтенъ былъ чрезъ значкового товарыша Юзефовича манифестъ зъ приложеніями, который слушанъ былъ со всякою кротостію и молчаніемъ. По вы-

слушаніи оного и по учиненію должного къ партрету Е. И. В. поклона, сѣли на своихъ мѣстахъ.

За объявленіемъ отъ начальника, что надлежитъ въ силѣ Высочайшого повелѣнія выбрать изъ присудствующихъ предводителя, кого къ тому за достойнѣйшаго разсуждаютъ, розданы были по предписанному порядку шарики, то по оному списку и началось балатированіе, между коимъ на бунчукового товариша Стефана Томару положено избираемыхъ шариковъ 102, якое число гораздо превышшало всѣхъ до него по списку балатированныхъ, а все оное собраніе объявили начальнику, яко они всѣ единогласно желаютъ быть предводителемъ ихъ ему, Томарѣ, и по такому общему желанію и выбору онъ бунчуковый товарышъ Томара отъ начальника и всего собранія поздравленъ; онъ же за такову ихъ всѣхъ къ нему особливую довѣренность благодарилъ.

Марта 20 дня происходилъ выборъ отъ жителей города Переяславля, въ присудствіи ихъ головы, депутата; и по большинству баловъ выбранъ депутатомъ атаманъ значковыхъ товарышей Сергій Сезоновичъ.

Марта 21 дня предводителю дворянскому отъ начальника вручено подписанное всѣмъ собравшимся шляхетствомъ полномочіе при всемъ собраніи въ той же полковой канцеляріи, такъ же и списки шляхетству и присланные отъ разныхъ чиновъ письменные объявленія, коими извѣряютъ избраніе предводителя и депутата на своихъ сотоварыщей.

Марта 24 дня собрались въ полковую канцелярію и за повѣсткою шествовали въ соборную церковъ катедры Переясловской, подъ предводительствомъ вышписанного своего предводителя, по два человѣка въ рядъ, по списку, какъ и засѣдали; дорога къ той церквѣ по обѣ стороны уставлена была сосонками. По литургіи въ той соборной катедральной церквѣ отправляемо было преосвященнымъ переясловскимъ Гервасіемъ зъ духовнымъ соборомъ молебное ко Спасу пѣніе и водоосьвященіе; по окропленіи водою читанъ манифестъ зъ приложеніями и приведены протопопомъ переясловскимъ Скрипчинскимъ къ присягѣ, и пошли изъ церквы тѣмъ же порядкомъ въ

полковую канцелярію, гдѣ на присяжномъ листу подписались и избрали депутата; и какъ объявлено начальнику отъ предводителя, что выбранъ тогожъ дни депутатомъ отъ всего собравшогось шляхетства хотя отсудствующій, но имѣющій въ полку Переясловскомъ во владѣніи своемъ деревнѣ, господинъ судія генеральный Андрей Безбородко.

Марта 26 дня собраны были прибывшіе отъ всѣхъ полку Переясловского сотень козаки выбранные повѣренными, коихъ было 31-нъ человѣкъ, и представили свои полномочія, и тогожъ дня въ церквѣ въ присудствіи начальника, по отслушаніи ими литургіи, молебного пѣнія и по окропленіи водою, читанъ манифестъ и приведены къ присягѣ, и изъ церкви въ полковую канцелярію приведены и посажены были порядкомъ тѣмъ, какъ въ спискѣ отмѣчены изъ прибытія ихъ въ городъ, и объявлено имъ отъ начальника, чтобъ они выбрали изъ между себя депутата; они согласились, чтобъ оной выборъ учиненъ изъ находящихся между ими надежнѣйшихъ грамотныхъ козаковъ, коихъ и имяновали согласно семи человѣкъ. Почему на тѣхъ шарикахъ и выборъ происходилъ, чрезъ которыхъ по большинству шаровъ избранъ козакъ выборный того полку сотнѣ Ирклѣевской Дмитро Исаенко, которому какъ полномочіе отъ оныхъ повѣреннымъ подписанное, такъ и данные отъ сотень полномочія жъ и наказы ему зъ особливымъ реестромъ поручены.

Симъ образомъ окончавъ въ Переясловлѣ, отправился паки оттуда въ Козелець, куды прибылъ марта 30 дня, гдѣ собраны были такъ же отъ всѣхъ Кіевского полку сотень выбранные повѣренными козаки, коихъ въ наличности было до девятидесять человѣкъ, и представили свои сотенные полномочія.

Марта 31 дня, по отслушаніи имы литургіи, молебного пѣнія и по окропленіи водою, такожъ по прочтеніи манифеста зъ касаючимся до нихъ обрядовъ, приведены къ присяги по узаконенной формѣ и отведены порядочно въ домъ Егожъ Сіятельства Графа Алексѣя Григоріевича Разумовского, гдѣ и прежнія собранія были, и къ выбору депутата изъ между себя приступили, требуя, чтобъ токмо грамотные, яко надежднѣйшые къ сему дѣлу, были балатиро-

ваны; по которому отъ всѣхъ ихъ выбору по большинству шариковъ избранъ всего кіевского полку отъ стороны козаковъ депутатомъ выборный того полку сотнѣ Носовской козакъ Павелъ Яковлевъ. Полномочіе въ силѣ формы отъ всѣхъ повѣренныхъ и бывшіе отъ сотень наказы оному депутату вручены.

Во всѣхъ предпомянутыхъ мѣстахъ, при молебныхъ пѣніяхъ, играла полковая музыка на трубахъ и литаврахъ.

Априля 27 дня получено въ Глуховѣ отъ почтеннаго господина предводителя шляхетства полку Переясловского Томари письменное увѣдомленіе, яко выбранный депутатомъ господинъ судія генеральный Безбородко, по причинѣ болѣзненныхъ его припадковъ и отправляемой въ полку Черниговскомъ предводительской экспедиціи, ордеромъ Его Сіятельства господина генералъ-аншефа, Малороссійскаго генерала-губернатора, Малороссійской коллегіи президента, Украинскаго и Малороссійскаго корпусовъ главного комендира и кавалера, графа Петра Александровича Румянцева уволенъ, и потому отъ оного шляхетства полку Переясловского избранъ депутатомъ полковникъ компанѣйскій Захарій Забѣла, къ которому де полномочіе, наказъ и челобитная отправлены, а копіи изъ того къ цѣлостному въ катедральной Переяславской церквѣ содержанія преосвященному епископу Переясловскому Гервасію сего априля 20 дня поручены.

Василій Туманскій.

1767.

X.

Выборы въ Лубенскомъ полку.

1) *Рапортъ подполковника Огарева по поводу выбора головы.*

Сіятельнѣйшему Графу.... (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову.

Староскольского пехотного полку отъ подполковника Огарева.

Покорнѣйшій рапортъ.

Ордеръ Вашего Высокографскаго Сиятельства, пущеной изъ Новъгорода сего Марта 7 числа, подъ № 5, о виборе городской

головы и депутата всѣмъ и всякого звания гражданамъ, виключая исъ того тѣ толко въ городе двори, въ которихъ живуть люде или крестьяне владельческія, я сегожъ марта 15-го полудни въ 5-мъ часу съ нарочно посланнымъ получилъ; на которой въ покорности моей доношу, што по прибытіи моемъ въ городъ Лубны отъ г. полковника Кулябки при промеморіи 9-го числа сего мѣсяца получилъ списокъ для выбору гражданами городской головы единственно объ однихъ только свободно посполитыхъ, о которыхъ по разсужденію съ нимъ г. полк. Кулябкою въ назначенное отъ В. В—гр. С—ства въ росписаніи числа въ выборъ вступили, которымъ до получения означеннаго ордера по разсужденію одними жителями города Лубенъ, то есть свободно посполитыми, войсковой товарищъ и войтъ Петръ Назарскій, которому тѣ свободно посполитые въ досмотръ отъ Малороссійской Коллегіи поручены, градскою головою сего марта 10-го числа выбранъ, а какъ отъ неистолкования всего того зделано великия упущенія, то во исполнение манифеста и обряда, тожъ и подтвердительнаго отъ В. В—гр. С—ства ордера со всемъ шляхетствомъ и гражданами въ другой выборъ той градской головы вступить имѣю и какое по оному зделается исполненіе, о томъ впредъ В. В—гр. С—ству покорно донести имею.

1767 г., Лубны. Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

---

2) Представленіе мѣщанъ г. Лубенъ подполк. Огареву по поводу выбора головы.

Высокородному и Высокопочтенному г. Подполковнику пехотного Старосколского Полку Николаю Гавриловичу Огареву

Покорнѣйшое доношеніе

Во исполненіе Височайшаго всемилостивѣйшаго Е. И. В. манифеста, под предводительствомъ Вашего Високородія и г. Полковника Лубенского Ивана Петровича Кулябки, въ силу высокого Его Сиятельства г. генералъ-аншефа... (*и проч.*) графа П. А. Румянцова повелѣнія, для порядку при виборѣ требуемого въ комисію о сочиненію проэкта новаго уложенія депутата, сего марта 10 числа

согласно вибрали мы нашего города головою войскового товариша Петра Назарского, которому поднесенное отъ насъ В. В—дію по приложенному при ономъ Височайшему манифестѣ обрядѣ образцу полномочіе при насъ вручено, и поздравленіе, какъ во ономъ же обрядѣ повелено, отъ В. В—дія и отъ всѣхъ насъ учинено, и уже отъ него, зъ согласіемъ В. В—дія, къ вибору депутата срокъ сего марта на 16 число назначенъ билъ. Но какъ въ назначенное число собрались ми для присяги и вибору депутата, то отъ него Назарского обявлено намъ, что В. В—діе намеренни в другой разъ чинить виборъ голови, и увѣдомились, что полученно съ полковой луб. канцеляріи, по промеморіи В. В—дія, извѣстіе съ требованіемъ обо всехъ и всякого званія гражданахъ, виключая тѣ толко двори въ городѣ, въ которихъ живутъ люде или крестьяне владѣлческіе, именного списка. А понеже доволно намъ извѣстно, что еще прежде вибору голови, то есть 9 числа сего марта, таковъ о всѣхъ и всякаго званія города Лубенъ гражданахъ, кроме подсусѣдковъ и служителей, г. полковнику Лубенскому Ивану Петровичу Кулябкѣ, въ силу указного велѣнія, отъ упоминаемого войскового товариша Назарского обстоятелній списокъ при репортѣ представливано а отъ ратуши Лубенской сегожъ марта 5-го числа чрезъ опредѣленнихъ къ сочиненію того списка бурмистра Ивана Панка и писара Павла Холодняка, многимъ разного званія гражданамъ, для чего тотъ списокъ сочиняется и какого числа имѣется бить городского голови виборъ, объявливано; Височайшій же манифестъ прежде того всѣмъ гражданамъ Лубенскимъ обнародованъ билъ, почему должни били всѣ протчіе граждане, такъ какъ и мы, къ выбору голови явится; то для одного сего, что по оному списку не дѣйствованно и что ни тѣ граждане, коимъ отъ Панченка и Холодняка о виборѣ голови обявливанно, ни другіе, хотя совершенно про тотъ виборъ зъ многихъ разныхъ обявленій ведать могли, къ вибору не явилися,—вибирать намъ другой разъ другого голову, чтобъ не учинить противности и и замедленія Высочайшому Е. И. В. указу и Его В—графского С—ва високому повелѣнію, не смѣемъ; ибо при виборѣ нашего города голови, какъ по Височайшему Е. И. В. манифесту, коимъ повелено

отсудственнимъ изъ города, также и женщинамъ, не имѣть въ семъ выборѣ участія ни самимъ, ни чрезъ письма, а кто въ томъ городѣ находится и самъ бить не можеть, тому дозволенно писменно дать свой голосъ, такъ и Е. В—гр. С—ва високому ордеру: чтобъ всѣ козачіе и шляхетскіе доми въ списокъ поставлено, и въ засѣданіи мѣста занимали по обряду,—съ нашой стороны все сохраненно, чего явнимъ есть доказательствомъ представливанніи В. В—дію отъ войскового товариша Назарского о всѣхъ домахъ жителей здешнихъ списковъ, и недозволеніе В. В—дія тѣмъ, кои на самое начало вибора голови поспѣть не могли, имѣть въ виборѣ участія, хотя чрезъ все время вибора присудствовали. Да кромѣ того бить другому вибору и по сему не доводится, что вибраній нами головою войсковій товаришъ Назарскій есть отъ шляхетства, присвоеній нашему собратству только урядомъ, в разсужденіи другихъ здешнихъ обивателей не послѣдного достоинства, отъ многихъ съ предковъ своихъ давнѣйшій и знатнѣйшій сего мѣста патріотъ, лучче многихъ вѣдаючій здешного города нужды и недостатки, подъ поводомъ которого бить всѣмъ, повстидившимси съ нами чинить виборъ голови, при виборѣ городского депутата будетъ не постидно, и въ наказѣ депутата и составленіи челобитя о общихъ городовыхъ нуждахъ какъ шляхетству и козакамъ для ихъ съ нимъ сородства, такъ и намъ для порученного ему найпорядочнѣйшаго управленія надъ нами (которое онъ и отправляетъ), не зазорно; также, что ми уже о общихъ нуждахъ и недостаткахъ нашихъ для наказу депутата и составленія челобитя учинили приуготовленія, между которими нѣкоторіе простираются до началнѣишихъ сего города жителей, почему ежели кому изъ тѣхъ начальнѣйшихъ бить головою довелось би, то чтобъ онъ о учиненнихъ всѣмъ намъ чрезъ завладѣніе городовихъ земель и протчого, такожъ инимъ чрезъ лишеніе промисловъ и художествъ, а инимъ чрезъ насильства и порабощенія и другіе обиди, допустилъ въ наказъ и челобите внесть жалобу, особливо ведаючи маломочество и простоту нашу, отнюдъ не надежно; а ис того произойдетъ или отъ насъ (буди возможемъ) представленіе и чрезъ оное великому сему дѣлу замѣшателство и остановки, или принуж-

донни будетъ лишится милости нашей премилосердной Монархинѣ, изводящой насъ отъ бѣдъ, а остатся при нашихъ нуждахъ и подпасть горшому злу и разоренію. Для того В. В—дія покорнѣйше просимъ: выбраннаго нами въ силу Всемилостивѣйшаго Е. И. В. манифеста достойного по разуму, достоинству, смиренному, правдивому и милосердному нраву, вѣдущего всѣхъ какъ наши, такъ и другихъ здешнихъ обивателей нужди и недостатки, головою нашего города войскового товариша Петра Назарского, которому отъ В. В—дія съ нашого общаго согласія подписанное полномощіе въ силу Височайшаго указа уже порученно, бить головою нашего города не попрепятствовать, не отнимая отъ насъ пожалованной намъ отъ Е. И. В. къ представленію нашихъ нуждъ воли и не дѣлая намъ затрудненія и вожделѣнному дѣлу сему остановки; а депутата дозволить вибрать по обряду, при Височайшему манифестѣ сообщенному, подъ поводомъ вибранного уже голови, обще съ протчими всякого званія жителми Лубенскими, не принуждая жъ насъ и ихъ избирать того, о комъ сердца наши не благоволятъ. Буде же предъ В. В—діемъ сіе наше покорнѣйшое прошеніе не можетъ имѣть мѣста, то понеже ми несумѣнную имѣемъ надежду что правосудній малороссійскій главній нашъ начальникъ Его Сиятельство... графъ П. А. Румянцовъ не оставить насъ безъ милостивого на наши бѣди призрѣнія, къ которому немедля времени нижайшое наше отправимъ представленіе, до послѣдованія високой резолюціи съ другимъ виборомъ нашему городу голови поудержатся, и сіе наше прошеніе къ Его жъ Високогр. С—тву не удержуя при своемъ представленіи отправить.

Бурмисторъ Иванъ Панко, Бурмистеръ Дмитро Постолникъ, Мѣщанинъ Лубенский Евтухъ Гринко, Мещане: Максимъ Дацѣй, Микита Мисанъ, Григорій Брижаха, Степанъ Илченко, Иванъ Фесенко, Андрей Сущевскій, Василь Передеріенко, Карпъ Гончаръ, Савка Горкушенко, Петро Илченко, Хома Яковенко, Хома Яценко, Максимъ Хорошковатій, Карпъ Лѣнко, Иванъ Лисенко, Грицко Кирячeнко, Федоръ Ковнеръ, Грицко Зайченко, Ничипоръ Мисановъ зять, Зѣнецъ, Микола Енко, Савка Рябуха, Микита Горбъ, Харко

Ганнотенко, Василь Лазоренко, Грицко Пухирь, Дмитро Кириленко, Максимъ Холоднякъ, Кондратъ Гончаръ, Андрей Рудь, Хома Хведоренко, Грицко Рябуха; а во мѣсто ихъ неграмотнихъ, по ихъ прошенію, и за себе писаръ ратуши Лубенской Павло Холоднякъ подписался.

1767 году, марта 17.

---

3) Предложеніе подполк. Огарева о вторичновъ выборѣ головы.

Старосколского пехотного полку отъ подполковника Огарева г. войсковому товаришу и войту Лубенскому Назарскому

Предложеніе.

Сего марта 17 бурмистри ратуши Лубенской Иванъ Панко и Дмитро Постолникъ з свободно-посполитими поданнимъ мне доношеніемъ между протчимъ представили, что во исполненіе Высочайшаго Всемилостивѣйшаго Е. И. В. манифеста, подъ предводительствомъ моимъ и г. полковника луб. Кулябки, въ силу высокого Е. Высогр. С—ва... П. А. Румянцова повелѣнія, для порядку при вибору требуемого въ коммиссію о сочиненіи проекта нового уложенія депутата, сего марта 10 числа согласно вибрали оны города Лубенъ головою Васъ, при чемъ поднесеное отъ нихъ по приложенному при ономъ Высочайшому манифесту обрядѣ образцу полномочие при ихъ вручено, и поздравленія, какъ въ ономъ же образцѣ повеленно, отъ мене и отъ всѣхъ ихъ учиненно, и ужо отъ васъ къ вибору депутата срокъ сего марта на 16 число назначенъ билъ; но какъ въ назначенное число собралися они для присяги и вибору депутата, то де отъ васъ обявленно имъ, что намѣренъ я въ другой разъ чинить виборъ голови, и увѣдомилися, что полученно отъ полковой Луб. канцеляріи по промеморіи моей извѣстие съ требованиемъ обо всѣхъ и всякого званія гражданахъ, выключая тѣ толко двори въ городѣ, въ которихъ живуть люде или крестяне владѣльческіе, именого списка; довольножъ де имъ известно, что еще прежде вибору голови, то есть 9 числа сего марта, таковъ о всѣхъ и всякого званія города

Лубенъ гражданахъ, кроме подсуседковъ и служителей, г. полковнику луб. Кулябцѣ обстоятельной списокъ при репортѣ представленно отъ ратуши лубенской сего марта 5 числа чрезъ опредѣленнихъ къ сочиненію того списка бурмистра Ивана Панка и писара Павла Холодняка многимъ разного звания гражданомъ, для чего тотъ списокъ сочиняется, и какого числа имееть бить гродского голови выборъ, обявленно, Высочайшій же де манифестъ прежде того всѣхъ гражданамъ лубенскимъ обнародованъ билъ; почему должни били всѣ протчіе граждане, такъ какъ оны, къ вибору голови явится, то для одного сего, что по оному списку не дѣйствованно, и что ни тѣ граждане, коимъ отъ Панченка и Холодняка о виборѣ головы обявливанно, ни другие, хотя совершенно про тотъ выборъ зъ многихъ разнихъ обявленій ведать могли, къ вибору не явилися, выбирать имъ другой разъ другого голову чтобъ не учинить притивности и замедлѣнія Высочайшому Е. И. В. указу и его В—графск. С—ва высокому повелѣнію, не смѣютъ. А какъ оной виборъ голови одними свободно посполитими г. Лубенъ учиненъ отъ единаго неистолкования Высочаишаго манифеста и обрядовъ, ибо въ ономъ обрядѣ по 5 пункту повелѣнно городамъ голову вибрать всякому хозяину, дѣйствително домъ или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промислъ въ городѣ имѣющимъ, а къ тому и ордеромъ отъ Е. В—гр. С—ва, мною сего марта 15 дня полученнимъ, подтвержденно оную гродскую голову и депутата вибрать всемъ и всякаго звания гражданамъ, виключая ис того тѣ толко въ городѣ двори, въ которихъ живуть люде или крестяне владелческие; для чего я, со всѣми благороднимъ шляхетствомъ и гражданами, приводя въ дѣйствительное Высочайшое Е. И. В. въ силѣ манифеста и обрядовъ повелѣние и Е. В—гр. С—ва ордеръ во исполнение, приступаю ьъ другой той городской голови выборъ, о чемъ отъ меня и къ Е. В—гр. С—ву сего Марта дня 16 репортомъ донесенно; для оногожъ городской голови вибору назначенъ отъ меня срокъ сего марта 21 числа въ 7-мъ часу по полуночи собратца въ томъ же доме, въ которомъ и прежде било; къ якому числу и ви со всѣми свободно посполитими явится должни. И хотя

я вишепрописаннимъ бурмистрамъ и свободно посполитимъ лубенскимъ при подачи отъ нихъ всіо то, что въ оныхъ Высочайшомъ манифестѣ и обрядахъ и Е. В—гр. С—ва ордерѣ предписанно, толковалъ, и они потому и обѣщались на више означенной срокъ для того городской голови вибору явится, но чтобъ они, в случай кривотолкованія имъ отъ ково нибудь того вибору, не могли задерживать въ томъ какого сумнѣния и темъ колми паче выбору той городской голови зделать остановки, для того я занужно нахожу, какъ въ полковую луб. канцелярию о учинении публикации о явки всемъ гражданамъ въ городѣ Лубнахъ живущимъ на тотъ срокъ для вибору городской голови сообщить промемориею, такъ и вамъ предложить симъ предложеніемъ, которымъ и предлагается, дабы ви, по получении сего, всѣмъ свободно посполитимъ города Лубенъ и тѣмъ, кои при первомъ городской голови въ виборе были, вышепрописанние Высочайшие манифестъ и обряды, тожъ и Е. В—гр. С—ва подтвердительный ордеръ, протолковали, такъ какъ вамъ отъ меня сего числа изьясненно, дабы оние свободно посполитие никакого сумнѣнія не имѣли; больше жъ того не имѣли бъ причини опасатца, што хотя бъ хто въ градцькую голову вибранъ не билъ, то ихъ общественние прозби и челобите непременно приноto и представленно въ учрежденную въ Москвѣ Комисію Нового уложенія будетъ, толкобъ оная соответствовала общественной нужди и сходственна была противъ предписанного въ 26-мъ пунктѣ повелѣнія. Чтожъ оние бурмистри и посполитие въ томъ своемъ доношеніи упоминають сие, что опредѣленіе отъ ратуша лубенского бурмистръ Панко и писаръ Холоднякъ при сочинении списка многимъ разнаго звания гражданамъ, для чего тотъ списокъ сочиняется и какого числа имѣетъ бить градской голови выборъ, обявливали, то сіе не можетъ бить справедливо, потому что они никакого права и должности не имѣли другимъ, не ихъ команди гражданамъ, обявлять; да оним же, по неистолкованию, какъ више прописано, Высочайшихъ манифеста и обрядовъ, и предложения для того вибору отъ меня не било, и единственно положенно било отъ однихъ посполитихъ, какъ и више значитъ, тотъ виборъ зделаты, и онымъ всемъ живущимъ здесь,

какъ дворянамъ, такъ и козакамъ, которие заровно съ протчими гражданами числится должни, никакого известия дано не било, почему оны къ тому выбору и явится резону не имели.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

Марта 17, 1767 году.

---

4) Рапоръ луб. войта Петра Назарскаго по поводу означеннаго предложенія.

Высокородному и высокопочтенному г. подполковнику Николаю Гавриловичу Огареву

Репортъ

По письменному предложенію и словеснимъ приказамъ В. В—дія, чтобъ мѣщанамъ Лубенскимъ Височайшій Е. И. В. о виборѣ депутата въ коммисію проэкта новаго уложенія манѣфестъ такъ, какъ отъ В. В—дія 18 числа сего мѣсяца изяснено, истолковать, и чтобъ оніе никакого сомнѣнія не имѣли опасатся, что хотябъ хто въ городскую голову вибранъ ни билъ, то ихъ общественная полза и челобите непремѣнно принято будетъ,—я многимъ вообще и немалому числу всякому порознь силу манѣфеста, такъ такъ и прежде вибору первой разъ голови, доволно обяснялъ и толковалъ и сколко моглъ о виборѣ городского голови другой разъ совѣтовалъ; почему хотя многіе какъ для другихъ причинъ, въ поданномъ отъ нихъ В. В—дію доношеніи изображеннихъ, такъ найпаче для сего, что прежде вибору первой разъ голови тотъ же толкъ и изясненіе манѣфеста, что должно било всякого чина городскимъ обивателямъ бить при виборѣ, почему и списокъ о всѣхъ жителяхъ г. полковнику лубенскому Ивану Петровичу Кулябкѣ представливанъ билъ, отъ мене слишали, и въ силу обряда жъ виборъ голови учинили, и что на поданное отъ нихъ В. В—дію доношеніе резолюціи себѣ въ ползу не получили, но иніе словами жестоко истязани, а всѣ, ежели не будутъ на виборъ другой разъ голови, под устрашеніемъ публичного бою заключени, такожъ что оное ихъ доношеніе къ Е. В—гр. С—ву П. А.

Румянцову не отослано, почему сумнительно имъ било, даби другой виборъ голови не билъ нарушеніемъ Высочайшаго Е. И. В. манѣфеста, — тотъ мой толкъ и совѣтъ почитали за утѣсненіе и примѣтки; однакъ какъ на докладъ мой отъ В. В—дія приказано увѣдомится, являтся ль они къ вибору другой разъ голови, или не являтся, и сего числа отъ мене бурмистру Дмитру Постольнику писменно предложено, чтобъ онъ отъ всякаго съ нихъ порознь освѣдомился, являтся ль онѣ къ вибору другой разъ голови или неявлятся и для чего. То сего числа обявленній бурмистръ Постолникъ репортомъ представилъ, яко оніе мѣщане всѣ, которихъ въ домахъ засталъ, обявили, что дабы не подпасть имъ наказанію (какъ отъ В. В—дія предявлено) имѣютъ другой разъ къ вибору городского голови явится, о чемъ В. В—дію репортую.

Войсковій Товаришъ *Петръ Назарскій.*

1767 году, марта 20.

---

5) Рапортъ Огарева о шляхетскихъ выборахъ.

Сиятелнѣйшему Графу... (*и проч.*) П. А. Румянцову.

Старосколского пехотного полку подполковника Огарева

Покорнѣйшій репортъ

По данному отъ В. В—граф. С—ва повелѣнію, въ силѣ Е. И. В. манифеста и приложенихъ при ономъ обрядовъ, отъ дворянства, въ Лубенскомъ полку жителствующаго, въ коммисію о сочиненіи проекта нового уложенія избраны отъ того шляхетства предводителемъ бунчуковый товаришъ Яковъ Кулябка, въ депутати жъ отъ того шляхетства брегадиръ и Гадяцкого Малороссійского полку г. полковникъ Крижановскый. А какъ оной предводитель сего марта 24 числа мне далъ знать, что все то, што по изображенному въ обряде образцу, полномочие и о общихъ нуждахъ наказъ и челобитье всеми бившими при техъ выборахъ шляхетствомъ подписано и

все къ тому подлежащее окончено и къ нему г. бригадиру отослано бить имѣеть, о чемъ Вашему Высокографскому С—ву симъ покорнѣйше доношу.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

Марта 27, 1767 г.
г. Лубны.

---

6) Рапортъ Огарева о выборѣ козачьяго депутата.

Сіятелнѣйшему Графу... П. А. Румянцову

Покорнѣшшій репортъ.

Во исполненіе Высочайшого Е. И. В. манифеста, и Вашего В—гр. С—ва повелѣния, собравшиеся въ городъ Лубнѣ со всѣхъ полку Лубенского сотень козачие повѣренние, по учиненной имы присягѣ, выбрали зъ между себе въ коммисию о сочинении проекта нового уложенія депутатомъ козака полку Лубенского, сотнѣ Лукомской, села Мойсѣевки, Павла Мищенка; о чемъ В. В—гр. С—ву въ покорности моей доношу; и при томъ за нужное нахожу доложить, что въ приложеннихъ при ономъ Высочайшемъ манифестѣ обрядахъ повелено: когда выборъ депутатовъ окончится, то о томъ начальнику въ Сенатъ репортовать; я же на то особого повелѣнія отъ В. В—гр. С—ва не имѣю; а чтобъ не зделать мне какова либо упущенія, то для того за необходимое почитаю В. В—гр. С—ву представить: слѣдуетъ ли мнѣ, кромѣ персоны В. В—гр. С—ва, о таковомъ выборѣ депутатовъ въ Сенатъ репортовать, или какъ повелѣть соизволите. Да и показанного выбранного козачего депутата къ якому числу въ Глуховъ, или куда въ другое место, изволите приказать отправить,—о томъ имѣю ожидать отъ В. В—гр. С—ва повелѣнія.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

1767 года, марта 31.

---

7) Рапортъ Огарева о выборѣ градского головы и депутата.

Сиятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Покорнѣйшій репортъ

Предъ симъ на полученній мною отъ В. В—гр. С—ва о виборѣ всеми города Лубенъ жителями, кроме людей и крестянъ владѣльческихъ, гродского голови и депутата ордеръ, репортомъ моимъ, В. С—ву изшедшаго марта отъ 16-го пущеннимъ, донесено, что хотя до полученія оного В. В—гр. С—ва ордера отъ самихъ города Лубенъ свободнихъ посполитихъ вибранъ городскимъ головою войсковій товаришъ и войтъ Петръ Назарскій, однакъ, во исполненіе оного В. В—гр. С—ва повелѣнія, со всемъ шляхетствомъ и гражданами въ другой виборъ той городской голови вступить имѣю. А нинѣ В. В—гр. С—ву въ покорности моей доношу, что тогожъ марта 21 дня, за собраніемъ всего шляхетства и гражданъ, въ тотъ виборъ вступилъ и по тому онимъ шляхетствомъ и гражданами вибранъ гродскимъ головою отставной сотенной атаманъ Павелъ Самойловскій, а депутатомъ значковій товаришъ Григорій Иваненко; толко оному депутату отъ гражданъ о ихъ нуждахъ подлежащого челобитя и наказа еще не вручено; а когда вручено и мне о томъ знать дано будеть, то о томъ впредъ В. В—гр. С—ву въ покорности моей донесть имѣю.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

1767 году, апр. 7.

---

8) Отказъ гад. полковника Антона Крыжановскаго отъ званія дворянскаго депутата.

Сиятелнѣишому Графу... П. А. Румянцову

Репортъ.

По силѣ публикованного Е. И. В. манифеста и приложенныхъ при томъ обрядовъ, выбранъ я отъ шляхетства, въ полку Лубенскомъ вотчины и помѣстья имѣющихъ, депутатомъ въ комисію о

сочиненіи проекта новаго уложенія и на то сего априля въ 9 день получилъ полномочіе и наказъ. А какъ я нахожусь въ болѣзни, которая разновидными приключеніями въ крайнюю привела меня слабость; сверхъ того данные мнѣ отъ шляхетства Лубенского полку наказъ и приложенныя прошенія съ тѣмъ, что по Высочайшему манифесту требуется, совсѣмъ не согласны, и хотя бы болѣзнь моя не препятствовала, однако въ комисію явится мнѣ было бы нѣ съ чемъ, о чемъ я и къ г. предводителю, бунчуковому товарыщу Якову Кулябкѣ, тогожъ 9 числа отписалъ; а какова тотъ наказъ и прозьбы содержанія, Ваше Сіятелство увидѣть изволите изъ особого отъ шляхетства Лубенского полку поднесенного репорта. По тѣмъ причинамъ Ваше Сіятелство покорно прошу отъ сей наложенной на меня комисіи милостиво свободить, а для излеченія болѣзни нижайше прошу въ сихъ способнихъ мѣсяцахъ маи и іюнѣ и отъ дѣлъ уволить.

Бригадиръ, Гадяцкій полковникъ *Антонъ Крижановскій.*

1767 году, апр. 18.

По сему резолюція учинена: „уволнить по прошению“.

---

9) Рапортъ луб. войта Петра Назарскаго по поводу выборовъ гор. головы и депутата.

Високородному и високопочтенному г. подполковнику Н. Г. Огареву

Репортъ.

Во исполненіе предложенія В. В—дія, коимъ изволите предлагать, что Его Высокографское Сіятельство.. графъ П. А. Румянцовъ В. В—дію изволилъ високопредложить, что увѣдомился, что при выборе городского головы и депутата почти всѣ старшины и другіе чиновники, находясь точно въ домахъ своихъ и въ самомъ городѣ, сами не били, а прислали толко свои голоса; при сочиненіи же депутату наказа, мѣщане многіе вовся и допущены не были, а делали оній сами старшина; кто жъ именно изъ старшинъ и чиновниковъ или зъ мещанъ, въ Лубняхъ живущихъ и на лицо находящихся, подъ наказомъ

депутату не подписалися,—прислать репортъ, и чтобъ я о томъ вишеписанномъ какъ найскорие прислалъ къ В. В—дію репортъ и въ ономъ точно показалъ, били ль хто опредѣленни для сочиненія того даваемого наказа отъ мещанъ или нетъ, и буди не были, то для чего именно, и всѣ ли мещане, дѣйствительно на лицо состоящіе, при тѣхъ виборахъ били, а буди не были, то для чего; тожъ и подъ наказомъ всѣ ль оніе подписались?—Чрезъ сіе репортую, что для сочиненія наказа, какъ В. В—дію доволно извѣстно, отъ мещанъ нетолко многіе, но и никто допущенъ не былъ, а опредѣленно чиновниковъ, а именно: значкового товариша Ивана Запорожского, коморнѣка повѣту Роменского Константія Шулячевского, атамана второ-лубенского Григорія Онищенка, хорунжаго полковой луб. артилеріи Игната Щочку и писара протопопіи луб. Василя Котляревского—не для чего другого, какъ что оніе мѣщане о промислахъ и рукодѣліяхъ, козаками и чиновниками отправляемихъ, не отбувая гражданской повинности, такожъ о завладѣніи гражданской землѣ, о порабощеніи ихъ и о протчемъ, чиновникамъ и козакамъ неполезномъ, представленіе въ челобитну внесть намѣревали; а въ пятой день по виборѣ депутата, когда уже нетокмо наказъ кончился, но и челобитна составленна била, хотя одного, а именно Дмитра Постолника, по усилію моему, означенно, но ничего отъ него о общественныхъ нуждахъ въ наказъ представляемого не принято и къ составленію челобитной не допущенно; а что посля того въ челобитну о градской землѣ жалоба внесена, то тое учиненно на требованіе нѣкоторихъ значковихъ товарищей и знатнѣйшихъ козаковъ Лубенскихъ. Мѣщане, дѣйствительно на лице состоящіе, при виборѣ голови не всѣ били и учинили то иніе для своихъ нуждъ, а иніежъ—что первій виборъ голови почитали, для сохраненихъ при немъ отъ ратуши лубенской всѣхъ указнихъ и обряда повеленіяхъ, за совершенное исполненіе указу и не смѣли безъ изволенія Е. В—гр. С—ства графа П. А. Румянцова, о чемъ доношеніе В. В—дію отъ нихъ поданно, въ другой виборъ вступать, почитая послѣдовавшое при подачи отъ нихъ того доношенія устрашеніе, и по присланному ко мнѣ отъ В. В—дія предложенію, какъ я и репортомъ тогда

представлялъ, мой уговоръ, за притѣсненіе. А при виборѣ депутата кто изъ тѣхъ мещанъ билъ—мнѣ не извѣстно, якожъ я и самъ бить не могъ за чинимими мнѣ разноличними наругательствами и притѣсненіями, почему и подъ наказомъ всѣ ли о иніе мещане подписался, и буди не подписалися, то кто именно,—не вѣдаю.

Войсковій товаришъ *Петръ Назарскій.*

1767 года, априля 29.

---

10) Требованіе войта П. Назарскаго о сообщеніи Огаревымъ ордера графа Румянцева, коимъ разрѣшено луб. мѣщанамъ составить челобитную о своихъ нуждахъ.

Високородному... (*и проч*) подполковнику Н. Г. Огареву

Доношеніе.

Извѣстно мнѣ, что високимъ Его Сіятелства... графа П. А. Румянцова ордеромъ В. В—дію повелено мещанамъ Лубенскимъ дозволить о своихъ нуждахъ и отягощеніяхъ въ челобитя что хотя писать и прямо къ Е. В—гр. С—ству отправить, но того въ присланномъ ко мнѣ отъ В. В—дія ордерѣ не прописано; а нинѣ оніе мещане, будучи отъ мене о томъ Его Сіятелства къ нимъ благоволеніи увѣрени, челобитную уже написали; но многіи съ нихъ желаютъ, для болшого прославленія благодарности Его Сіятелству, видѣть и при урядѣ своемъ имѣть заключаючоесь о нихъ въ томъ ордерѣ Его Сіятелства милосердное попеченіе, и просили, чтобъ я о томъ просилъ В. В—дія. Для того покорнѣйше прошу съ оного Е. В—гр. С—ства високого ордера копію либо обстоятелную въ своемъ предложеніи прописку прислать.

Войсковій товаришъ *Петръ Назарскій.*

1767 года, априля 30.

---

11) Рапортъ войта П. Назарскаго о томъ, почему нѣкоторые мѣщане не подписали наказа.

Високородному (*и проч.*) подполковнику Н. Г. Огареву.

Репортъ.

Въ силу предложенія В. В — дія, сего числа полученного, осталось мнѣ В. В—дію отрепортовать, для чего нѣкоторіе мѣщане Лубенскіе на наказѣ депутату не подписались; и хотя о всѣхъ неподписавшихся, кто они именно, вѣдать не могу, для обявленного въ отправленномъ отъ мене сего числа къ В. В—дію репортѣ резону, но понеже отъ нѣкоторихъ изъ тѣхъ неподписавшихся слихалъ я причину неподписанія такову, которая въ сумнителство мене приводить, что ежели В. В—дію представлю, то не учинилось бы того, что при подачи отъ нихъ В. В—дію доношенія о невыборѣ другой разъ голови. Для того о томъ имѣю нижайше доложить Е. В—граф. С—ству... П. А. Румянцову и по високой резолюціи учинить на предложеніе В. В—дія исполненіе, о чемъ покорнѣйше репортую.

Войсковій товаришъ *Петръ Назарскій.*

1767 году, априля 30.

---

12) Адресъ лубенскихъ мѣщанъ графу Румянцеву съ просьбой о ходатайствѣ.

Сіятелнѣйшому Графу (*и проч.*) П. А. Румянцову.

Нижайшое доношеніе.

Всевисочайшое изволеніе Е. И. В. нашей всемилостивѣйшой Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссійской о содержаніи Вашему Високографскому Сіятелству власти и правителства нашего отечества чествуемъ мы за особливій промислъ всещедрого и всевѣдущого Бога ко избавленію насъ отъ порабощенія нестерпимихъ и неудобъ-сказаннихъ обидъ и утѣсненій, которіе мы со всекрайнѣйшимъ розореніемъ до опредѣленія отъ Вашего Високографского

Сіятелства къ управленію намъ войтомъ войскового товарища Петра Назарского претерпѣвали. Нинѣ сколь начинаемъ ползоватся високою В. В—гр. С—ства милостію, столь благонадежны пребиваемъ, что всѣ наши нужди и недостатки, о коихъ всеподданнѣйшое челобитіе Е. И. В—ву подносимъ, силою и предстательствомъ В. В—гр. С—ства, въ скорости скончаются, оное челобите, по милостивому В. В—гр. С—ства благоизволенію, къ В. В—гр. С—ству приносимъ и нижайше просимъ быть за насъ ходатаемъ, а мы о благоденствіи и здравіи Вашего Сіятелства въ молитвахъ предъ Богомъ, въ прославленіи же имени и добротъ предъ людми тщателни пребудемъ.

Бурмистръ Иванъ Панко, Бурмистръ Дмитро Постолникъ. Мещани: Кирило Рудъ, Евтихій Гриневичъ... (*слѣд. еще 35 подписей*).

---

13) Рапортъ Огарева объ изготовленіи отдѣльныхъ прошеній отъ каждой сотни.

Сиятелнѣйшому Графу (*и проч.*) П. А. Румянцеву

Покорнѣйшій репортъ.

Я, приведя во исполненіе полученній мною сего мая 8 дня отъ В. В—гр. С—ства циркулярній ордеръ, которимъ изволили предлагать врученніе козачему депутату отъ сотеннихъ повереннихъ накази отставить, а токмо съ прошеніями, какови отъ сотень дани повѣреннимъ, того депутата отправить, а при томъ ведая, что оному депутату отъ сотеннихъ повѣреннихъ болѣе никакихъ прошеній не вручено, кроме едного общего прошенія и наказа, почему посиланною отъ мене въ полковую Луб. канцелярію промемориею, зъ сообщеніемъ копии оного циркулярного ордера В. В—гр. С—ства, требовано, чтобъ отъ оной полковой канцеляріи во всѣ полку Лубенского сотенніе правлевія чрезъ нарочнихъ предложенно, даби отъ онихъ правленій велено съ каждой сотнѣ порознь написать, въ силѣ третого обряда, челобитные или прошенія и оние прислано бъ при репортахъ въ полковую канцелярію съ однимъ каждой сотни повѣреннимъ сего мая на 13 число, и съ полковой канцеляріи тѣхъ

повѣренних изъ данними отъ ихъ сотень прошеніями прислано бъ ко мнѣ безъ замедленія въ разсужденіи томъ, что хотя оной козачей депутатъ зъ даннимъ отъ мене къ В. В—гр. С—ству репортомъ отъ 18 априля отправленъ, но я надѣялся, что оной депутатъ обратно ко мне отъ В. В—гр. С—ства присланъ будетъ, для полученія тѣхъ прошеній, или испроситъ у В. В—гр. С—ства, чтобъ тѣ прошенія къ нему переслани били. А нинѣ зъ оной полковой Луб. канцелярии при промемориях прислани ко мнѣ репорти, полученние въ оной полковой канцелярии зъ сотеннихъ правленій, именно: зъ перво-Лубенского, Яблуновского, Курѣнского и Снѣтинского, да поданное въ онуюжъ полковую канцелярію отъ погостнихъ повѣренныхъ сотни перво-Лохвицкой доношение, въ которихъ репортахъ и доношеніи представлено, что тѣхъ сотень погостние повѣренніе обявили, яко они другихъ прошеній писать не могуть, а утверждаются во всемъ на общомъ прошеніи и наказѣ, которие вручени депутату. Зъ сотень же Городиской, перво-Сенчанской, второ-Сенчанской и Янишполской прислани въ оную полковую канцелярію а съ той канцелярии ко мнѣ вновь написанние прошенія, которие согласни во всемъ тому прошенію, которое отъ общества оному депутату вручено; о чемъ всемъ Вашему С—ству въ покорности моей доношу, и что повелѣть соизволите, имею ожидать резолюціи. Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

1767 году, мая 19.

---

14) Донесеніе о выборѣ шляхъ. депутатомъ Гр. Полѣтики на мѣсто отказавшагося Крыжановскаго.

Сиятелнѣишому Графу... П. А. Румянцову

Репортъ

Ордеромъ Вашего Сіятелства, мною прошедшаго 22 априля полученнимъ, велено мнѣ на мѣсто г. брегадира и полковника Гадяцкого Крижановского, по означеннимъ въ ономъ причинамъ отъ депутатства уволенного, созвавъ всѣхъ полку Лубенского шляхетство, другого выбрать депутата. Въ слѣдствіе которого подлежащій вы-

боръ повелѣнного депутата сого 8 мая такъ приезжимъ, яко наличнимъ шляхетствомъ полку Лубенского, по означенному въ Высочайшомъ Е. И. В. манифестѣ обряду, дѣйствително состоялся и депутатомъ выбранъ при нинѣшномъ балтированіи надворній совѣтникъ и морского шляхетного кадецкого корпуса надъ ученіями главній инспекторъ г-нъ Полѣтика. А яко нинѣ вновь выбранной депутатъ въ отсутствіи въ Санктъ-Петербургѣ при своей должности находится, Высочайшимъ же Е. И. В—ва манифестомъ въ обрадѣ выбора изъ дворянъ депутата къ сочиненію проекта новаго уложенія по 25 пункту повелено: къ заочно выбранному депутату дворянскому, предводителю полномочіе и наказъ отсилать,—для того все приезжое и наличное полку Лубенского шляхетство сами собою охотно согласились къ тому выбранному отъ себе депутату, для учиненія ему скорѣйшей явки въ комисіи, учрежденной къ сочиненію плана новаго уложенія, послать на собственному своему коштѣ нарочного, возного перволубенской сотнѣ Лва Кучара, чрезъ которого отправить долженствую къ нему полномочие и тѣ точно челобитніе и наказъ, кои прежде сего выбранному отъ общества депутату были посланы, по причинѣ сей, что какъ наличніе, такъ и отсудствующие шляхетство чрезъ присланіе голоса показанних челобитних быть безъ премѣны положили. Я Вашему Сіятелству о семъ въ покорности моей репортую и именемъ всего полку Лубенского шляхетства нижаише прошу повелѣть дать подорожнюю на проездъ въ С.-Петербургъ отправляемому отъсель нарочному на двѣ почтовие лошадѣ въ оба пути, и ту подорожнюю приказать ко мнѣ прислать, для отправленія оного нарочного. Предводитель, бунчуковій товаришъ *Яковъ Кулябка.*

1767 года, мая 15.

1767.

XI.

Выборы въ Гадяцкомъ, Миргородскомъ и Полтавскомъ полкахъ.

1) Рапортъ Румянцеву генеральнаго обознаго С. Кочубея о невозможности произвести выборы въ Гадячѣ и Сорочинцахъ.

Сіятельнѣшому Графу... П. А. Румянцову

Рапортъ.

За прибытіемъ моимъ въ назначенные отъ Вашего Сіятельства мѣста для приведенія въ исполненіе Всевысочайшаго Е. И. В. имяннаго указа и публикованного манѣфеста о выборѣ депутатовъ въ учреждаемую въ Москвѣ Коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, первоначально какъ отъ Вашего Сіятельства сложенъ срокъ марта 4-е число для городскихъ жителей въ Гадячѣ, а после росписанны другимъ сроки, потребовалъ я отъ г. брегадира и полковника Гадяцкого Крыжановского вѣдомости о жителяхъ города Гадяча такихъ, которымъ по силѣ оного Высочайшаго Е. И. В. манѣфеста и приложенныхъ при томъ положенія и обрядовъ должно выбирать депутата въ показанную учреждаемую въ Москвѣ коммисію; на что онъ г. брегадиръ и полковникъ подалъ мнѣ рапортъ: яко по опубликованіи въ г. Гадячѣ объ ономъ выборѣ депутата упомянутого манѣфеста, на сложенной отъ Вашего Сіятельства срокъ жительствующіе въ томъ городѣ разные чиновники, являсь, объявили, что въ публикованномъ при манѣфестѣ обрядѣ выбора жителямъ городскимъ депутатовъ, подъ литерою Г. по 10-му пункту, надлежитъ магистратамъ и ратушамъ или полиціямъ написать у городѣ имѣючимся домамъ списки; въ Гадяче же де ни ратуши, ни магистрата, ни къ таковымъ правленіямъ принадлежащихъ зъ жителей никакого мѣщанства ни купечества не имѣетца, а живутъ въ томъ городѣ посполитые, подданные замку Гадяцкого, владѣнія Его Сіятельства графа Кирила Григоріевича Разумовского, да разные, яко то: судовъ земскихъ и

подкоморскихъ чиновники, полковые старшины, сотники и другого войскового званія люде и козаки, съ которыхъ чиновники, то есть: шляхетство и рыцарство, вотчины и помѣстя меючіе, гражданство и земство, для выбору отъ нихъ депутата чрезъ разосланные отъ Вашего Сіятельства циркулярные листы, созывается на 15-е сего марта въ городъ Полтаву, и козакамъ 27 чиселъ сегожъ марта для собранія срокъ назначенъ, почему де отъ каждово и надлежащое виполненіе произойти можетъ; а выборъ отъ городскихъ жителей подъ магистратомъ и ратушами въ вѣдомствѣ быть долженъ, каковыхъ въ Гадячѣ нѣтъ, до ихъ де чиновниковъ и козаковъ, яко онѣ особо къ такому выбору отъ нихъ депутатовъ на назначенные сроки созываютца, не принадлежитъ; подданные жъ, яко то крестяне и слуги, въ городѣ домы имѣющіе, отъ сего выбора депутатовъ ордеромъ де Вашего Сіятельства, съ присылкою, гдѣ кому собраніе и на какіе сроки имѣть, расписанія, исключаютца, и за темъ де въ тамошнемъ городѣ для выбору отъ городскихъ жителей депутата никово не имѣетца. Въ равной силѣ и старшины полковые миргородскіе рапортуютъ: что въ городѣ Сорочинцахъ, кроме владелческихъ подданныхъ г. генералъ-маіора Гудовича, жительствуютъ токмо чиновники и козаки, которые на опредѣленные имъ сроки къ выборамъ депутатовъ имѣютъ быть собраны, другихъ же городскихъ жителей, которымъ бы виборъ дѣлать депутата отъ гражданства,—въ томъ городѣ Сорочинцахъ не имѣетца. И понеже расписанные къ выбору депутатовъ отъ гражданъ Гадяцкихъ и Сорочинскихъ сроки прошли уже, а сближилися положенные отъ Вашего Сіятельства сроки къ выбору депутатовъ для обивателей Полтавскихъ, гдѣ дѣйствительное гражданское магистратское правленіе имѣетца, и для шляхетства повѣтовъ Полтавского, Миргородского, Остаповского и Гадяцкого, такожъ для козаковъ полковъ: Полтавского, Гадяцкого и Миргородского, для того первоначально имѣю я привесть въ исполненіе все предписанное по изображенному Высочайшому указу въ выборѣ депутатовъ отъ гражданъ Полтавскихъ, такожъ отъ шляхетства и козаковъ предписанныхъ повѣтовъ и полковъ; выборъ же отъ гражданъ Гадяцкихъ и Сорочинскихъ депутатовъ можетъ послѣдовать,

за полученіемъ отъ Вашего Сіятельства резолюціи, посля предписанныхъ выборовъ. И какъ Вашего Сіятельства въ разсужденіи прописанныхъ представленій повелѣнно будетъ поступить въ выборѣ депутатовъ отъ обывателей Гадяцкихъ и Сорочинскихъ,—покорно прошу резолюціи.

Генеральній Обозній *Семенъ Кочубей.*

Марта 8 дня, 1767 году.

---

2) Жалоба козаковъ сотенъ Кременчугской и Власовской объ устраненіи ихъ отъ выборовъ.

Сіятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Нижайшое доношеніе.

Состоявшимся и во всей Россіи обнародованнымъ Всевысочайшимъ Е. И. В. указомъ, велѣно собрать въ будучую въ Москвѣ для сочиненія проекта нового уложенія предводителей и депутатовъ и о представленіи туда жъ всякова права людямъ своихъ нуждъ Всемилостивѣйше позволено; а чтобъ въ томъ никому никѣмъ и никакихъ примѣтокъ не чинено—накрѣпко запрещено; что сверхъ такова (какъ выше значитъ) обнародованія, и Ваше Высокографское Сіятельство, чрезъ присланіе въ полковую Миргородскую канцелярію предложенія, соизволили требовать съѣзду нашего въ Полтаву и о выборѣ нами нижайшими, въ числѣ съ полчанами Миргородскими, предводителя и депутата. Но командующій Кременчукомъ, ротмистръ Гавриловъ, и Власовкою—поручикъ Бабичъ, здѣлавъ промежъ собою, въ крайнюю намъ нижайшимъ обиду, проектъ, неусыпно старались, дабы, по требованію Вашего Высокографского Сіятельства и по единогласному общему нашему желанію, насъ нижайшихъ въ Полтаву съѣхатся не допустить,—созвали насъ нижайшихъ въ мѣстечко Кременчукъ и тамо вовся не дозволяли намъ составлять о своихъ нуждахъ къ Е. И. В. вышеписаннымъ указомъ прямо дозволенного прошенія и удержали насъ чрезъ двѣ неделѣ и не точію не по волѣ и желанію общему нашему, но и не допустя насъ нижайшихъ учинить указно для всѣхъ

дозволенной депутата выборъ, сами собою зъ другими еще имъ согласниками собрали депутатомъ маіора Козелского, а предводителемъ Гаврилова, и по едному своему хотѣнію написали къ Высочайшей подачи прошеніе; а насъ нижайшихъ, нибы и ненадобныхъ къ тому людей, прочъ съ Кременчука согнали и, не стыдясь, общему нашему собранію сказывали насмѣшно: что уже мы нижайшіе къ съѣзду полтавскому удобное время пропустили и за тѣмъ уже по своимъ желаніямъ вовся усьпѣть не можемъ. Но мы нижайшіе, яко многіе нужды представлять къ Е. И. В. имѣющіе, стараясь не упустить сего для точного нашего удовольства самого способнѣишого случая, пріѣздили въ назначенной было для нашего съѣзду Вашимъ В—гр. Сіятельствомъ городъ Полтаву; но за ту насъ нижайшихъ ротмистромъ Гавриловимъ и порутчикомъ Бабичемъ удержку, тамо бывшихъ чиновниковъ и другого шляхетства застать не могли, а являлись—и то уже полку Миргородского въ мѣстечку Останьи—въ Его Пр—ства г. генералъ-маіора и кавалера Семена Василіевича Кочубея и просили, чтобъ позволено было и намъ нижайшимъ, о своихъ нуждахъ составивши челобитную, поручить депутату отъ полку Миргородского выбранному, яко тѣ Кременчукъ и Власовка оба мѣстечки съ ихъ округами издревле въ границахъ полку Миргородского состоять, да и мы нижайшіе по своему въ тѣхъ мѣстечкахъ жительству въ полковой тамошней канцеляріи судомъ и росправою и козачою Е. И. В. службою вѣдомы находились; точію онъ г. генералъ Кочубей безъ точного Вашего Высокографского Сіятельства повелѣнія, а паче причиною нашей въ Полтаву въ надобное время по обстоятельству вышеписанному неявки,—въ той нашей прозбѣ насъ нижайшихъ удовольствовать отказался. Вашежъ Высокографское Сіятельство, поелику имѣете отъ Е. И. В. надъ нами нижайшими, равно якъ и надъ всѣмъ народомъ Малороссійскимъ, особенную власть, и есть къ достиженію намъ нижайшимъ чрезъ тотъ Всевисочайшій указъ объявленной Высокомонаршей Е. И. В. милости истинной вождь,—для того Вашего Высокогр. Сіятельства нижайше просимъ: пріемля во уваженіе вышеписанное слѣдовавшое намъ отъ нашихъ командировъ препятствіе, за неявку нашу на требованной Вашимъ

Сіятельствомъ въ Полтаву срокъ, не лишить насъ нижайшихъ сего къ полученію въ своихъ нуждахъ отъ Е. И. В. желаемого удовольства самоудобнѣйшего времени, а дозволить намъ вобще на составленной и подписанной полчанами Миргородскими и Полтавскими къ Е. И. В. челобитной подписатся, яко въ оной и о нашихъ нуждахъ не упущено. А буди зачемъ того учинить неудобно, то велѣть съѣхаться въ полковую Миргородскую канцелярію, либо другое по узнанію Вашего Сіятельства таковое жъ для насъ способное мѣсто, и тамо по вышеписанному Всевисочайшему позволенію выбрать депутата, такожъ и составить о своихъ общихъ нуждахъ къ Е. И. В. челобитную, и того, кто отъ насъ будеть депутатъ, причислить къ депутатамъ полку Миргородского. А чтобъ во всемъ томъ тѣжъ наши командиры и никто другой еще и во-вторые надъ тотъ Всевисочайшій намъ нижайшимъ дозволительной указъ не препятствовалъ, въ новоросійскую губернскую канцелярію особо приложить.

Къ сему доношенію подписались нижеписанныхъ сотень козаки: Кременчуцкіе (*слѣдуютъ подписи 123 чел.*), Власовскіе (119 чел.), свободные посполитые: Кременчуцкіе (15 чел.) и Власовскіе (11 ч.). А вмѣсто ихъ неграмотныхъ жителствующій тамъ же значковій товаришъ Иванъ Волошинъ по ихъ прошенію руку приложилъ.

1767 году, марта „ дня.

---

3) *Рапортъ С. Кочубея Румянцеву о городскихъ и козачьихъ выборахъ.*

Сіятельнѣйшему Графу... П. А. Румянцеву.

Рапортъ.

Вашего Сіятельства ордеръ, въ резолюціи на представленіе мое состоявшійся, я получилъ; и хотя онымъ предложено, чтобъ когда, по расписанію Вашего Сіятельства, выбору головы и депутата отъ городовъ Гадяча и Сорочинецъ отъ мене здѣлано, то бы я тѣ мѣста оставивъ, доканчивалъ въ другихъ мнѣ порученное. Однакъ в разсужденіи сего, что отъ Вашего Сіятельства въ томъ же ордеры

изъснено, яко въ Сорочинцахъ, сверхъ пожалованныхъ тамо дворовъ г. генералъ-маіору Гудовичу, имѣютъ жительство и домы свои козаки и другіи чины, а въ Гадячѣ де неизвѣстно, чтобъ кому тамъ были отданы во владѣніе мѣщанскіе домы; къ тому жъ и въ ономъ городѣ есть козачіе и чиновническіе домы, которымъ, яко тѣхъ мѣстъ гражданамъ, осталось мнѣ, за исключеніемъ однихъ подданическихъ дворовъ, учинить выборъ головы и депутата. Для того, и что во всѣхъ порученныхъ мнѣ мѣстахъ повелѣнные выборы оконченны уже, послалъ я въ Гадячъ къ тамошнему г. полковнику Крыжановскому, а въ Сорочинцы—старшинѣ полковой миргородской предложенія: чтобы они, по обряду о выборѣ отъ гражданъ депутата, сочинили списки всѣмъ жителямъ (кроме владѣльческихъ подданыхъ), дѣйствительно домъ, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промислъ имѣющимъ, и оные мнѣ подали найскорие; а притомъ заготовили домъ и все потребное къ повелѣнному отъ гражданъ выбору. Я таковы списки получа, подлежащіе отъ ихъ выборы головы и депутата произведу по силѣ обряда безъ укоснѣнія.

По отпускѣ же сего, по обрядамъ здѣланны выборы въ городѣ Полтавѣ, а именно: первѣе, марта отъ 12 числа, отъ гражданства головы и депутата; другое, марта отъ 16 числа,—предводителя и депутата отъ помѣщиковъ, дворянства и шляхетства повѣтовъ: Полтавского, Миргородского, Остаповского и Гадяцкого, которые по содержанію сего, что Ваше Сіятельство имъ всѣмъ опредѣлили одинъ срокъ и одно мѣсто къ выбору,—согласились отъ всѣхъ ихъ выбрать одного предводителя и одного депутата; третіе, марта 28 числа, въ мѣстечку Опошнемъ депутата отъ повѣренныхъ выбранныхъ отъ сотень полку Гадяцкого, къ которымъ присовокупилъ я и повѣренныхъ козачихъ полку Полтавского, вразсужденіи, что явилось оныхъ (за отходомъ, по указу, оного полку другихъ сотень въ Екатерининскую провинцію) съ пяти сотень только десять человѣкъ; четвертое, апрѣля 1, въ мѣстечку Остапьи депутата жъ отъ повѣренныхъ, выбранныхъ зъ сотень полку Миргородского. О семъ, за окончаніемъ остальныхъ выборовъ отъ гражданъ Гадяцкихъ и Сорочинскихъ, обстоятельный репортъ Вашему Сіятельству имѣтиму

честь подать, а между тѣмъ Вашему Сіятельству въ покорности моей доношу, что при выборѣ депутата отъ козаковъ полку Миргородского послѣдовали помѣшательства слѣдующіе: старшины полковые Миргородскіе представляли на сотника Сорочинского Гончаренка, по репорту тамошнего атамана Шимкова, яко козаки Сорочинскіе, по склонности своей къ сотнику, выбрали его своимъ повѣреннымъ, которой де выборъ послѣдовалъ въ отмѣну обряда, ибо де онъ сотникъ жены не имѣетъ, и какъ зъ дѣлъ въ полковой канцеляріи извѣстно, публично за непорядки наказыванъ кіями полковникомъ и бывшей генеральной Войсковой канеляріи членомъ Кишкинымъ, и въ другихъ подозрѣніяхъ бывалъ; почему отъ меня предложено было, какъ старшинѣ полковой, такъ и сотнику Гончаренку, чтобъ ежели подлѣно такъ есть, какъ представляютъ,—не дерзалъ онъ сотникъ быть повѣреннымъ отъ козаковъ; но велено бъ козакамъ при полковой канцеляріи выбрать повѣренныхъ такихъ, которые по тому обряду быть должны. Противу того означенный сотникъ присланнымъ рапортомъ извинялся, что онъ малѣйшою причиною не былъ тому, что его козаки выбрали своимъ повѣреннымъ, и отъ того трожды отказывался и трожды выбиранъ былъ; что же де касается наносимыхъ отъ старшинъ полковыхъ на него подозрѣній, то оные де суть измысленные по одной злобѣ, требуя, чтобъ они показали съ полковой канцеляріи указы или опредѣленія, по какимъ открывается, что будто онъ былъ за непорядки наказанъ полковникомъ Кишкинымъ и въ другихъ подозрѣніяхъ находится, изобличая ихъ. старшину, тѣмъ, что ежели бы онъ сотникъ оказался въ такихъ подозрѣніяхъ, то бы не былъ произведенъ сотникомъ, а посля не былъ бы ими жъ самыми и прочими удостоенъ подкоморымъ и асауломъ полковымъ; такожъ не былъ бы выбранъ къ присудствію въ судъ Генеральный отъ полку Миргородского депутатомъ; хотяжъ жена въ него померла, однакъ имѣетъ домъ, дѣтей и свое помѣстье.—На послѣдокъ марта 27 дня, судія полковый Миргородскій Ляховичъ прислалъ рапортъ, что козаки сотнѣ Сорочинской къ выбору отъ ихъ повѣренного собраны были къ полковой канцеляріи; но они отвѣчали, что другова выбирать никого не будутъ, а уже

де выбрали сотника и слова своего не премѣнятъ. На увѣщанія жъ, чтобъ выбрали по обряду не подозрительного человѣка,—подняли въ канцеляріи превеликій и необычайный шумъ, будучи по большой части перепоены; а когда зачинщиковъ двухъ, козаковъ Ивана Мисюра и Ивана Дубовика велено задержать при полковой канцеляріи, то оные собранные козаки, закрычавъ, „не выдаймо!", насильно вшедъ въ кантору, зъ собою отобрали задержанныхъ и отошли зъ канцеляріи зъ шумомъ; сотникъ же Гончаренко отъ таковыхъ продерзостей козаковъ не воздержавъ а на то посланному съ канцеляріи полковой ничего отвѣчать не хотѣлъ, наводя подозрѣніе, что таковы продерзости произойшли по наговорамъ яко бы его, сотника. Не соблаговолите ль Ваше Сіятельство о семъ кому заблагопристойно приказать изслѣдовать, дабы причинившій помѣшательства и неустройства въ толь важномъ дѣлѣ, которое велено производить со всякою благопристойностію и тишиною,—безъ истязанія не остался.

Я же выборъ депутата отъ козаковъ полку Миргородского, какъ выше писано, кончилъ и безъ повѣренныхъ сотнѣ Сорочинской, которые на положенный для того срокъ не явились.

Генеральній обозній *Семенъ Кочубей.*

1767 году, априля 6 дня.

---

4) Рапортъ С. Кочубея о выборахъ въ г. Полтавѣ.

Сіятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Рапортъ.

Вашего Сіятельства ордеръ получилъ я сего марта 17 дня, коимъ предостережено, чтобъ сочиненныи и мнѣ поданныи списки разсматривалъ я съ точностію: всѣ ли зъ всякого званія въ оныхъ граждане помѣщены? ибо тѣ только въ городѣ дворы виключить исъ того должно, въ которыхъ живуть люде или крестьяне владѣльческіе; и наблюдать, дабы въ собраніи всякъ по состоянію своему имѣлъ означенное себѣ мѣсто, чтобъ порядокъ предписанный для того въ обрядѣ исполненъ былъ во всемъ непремѣнно. На оное В. С—ству

въ покорности моей доношу: что до полученія прописанного В. С—ства ордера, при выборѣ городского головы и депутата поступилъ я во всемъ по обряду, и для того велѣлъ (хотя многимъ старшинамъ и шляхетству было сіе не угодно) писать въ списокъ гражданскій всѣхъ хозяевъ, не обходя никого, кто только дѣйствительно домъ, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промислъ въ семъ городѣ имѣетъ, и при заниманіи мѣстъ досмотрѣлъ, чтобъ они садились такъ, какъ въ списки написаны, не по чинамъ или по богатствамъ, но по лѣтамъ, а именно: первые женатые, имѣющіе дѣтей, старики, а посля молодые равнымъ образомъ женатые, но безъдѣтные, удовцы и холостые; въ чомъ для лучшого В. С—ства свидѣнія копію списка при семъ посылаю. О сю пору выборы отъ гражданъ головы окончены, и по большинству баловъ избранъ и уполномоченъ городскимъ головою братъ мой, подкоморій Павелъ Кочубей. При томъ же предусмотрено мною, что интересы мѣщанъ совсѣмъ противны интересамъ воинского званія людемъ, и потому, уповательно, трудно согласится имъ будетъ здѣлать одинакіе депутату наказы.

Генеральній обозній *Семенъ Кочубей.*

1767-го году, марта „ дня, Полтава.

---

5) Рапортъ С. Кочубея о выборахъ въ Полтавѣ, Опошнемъ, Остапьи, Сорочинцахъ и Гадячѣ.

Сіятелнѣйшому Графу.... П. А. Румянцову

Рапортъ.

По росписанію Вашего Сіятелства, въ опредѣленныхъ мнѣ местахъ, по силѣ Высочайшаго Е. И. В. манифеста и приложенныхъ при томъ обрядовъ, въ учреждаемую въ Москвѣ коммисію къ сочиненію проэкта новаго уложенія,—выборы депутатовъ въ присудствіи моемъ произведены, а именно; въ городѣ Полтавѣ, въ домѣ войскового товариша Ивана Богдановича, отъ гражданъ марта съ 13-го числа чрезъ три дни балотированіемъ выбранъ городскимъ головою

подкоморій повѣта полтавского Павелъ Кочубей. 17 числа вручилъ я ему подписанное оными гражданами полномочіе, списокъ и гражданскіе ко мнѣ отзывы; 22-го числа приведены они къ присягѣ въ соборной Успенія Богоматери церквѣ о безъпристрастномъ выборѣ депутата; а 16 априля оной выбранной голова прислалъ ко мнѣ рапортъ, что подъ предводительствомъ его, по обряду, въ томъ же Богдановича домѣ граждане выбрали депутатомъ писаря городового Григорія Рогулю, полномочіе ему подписали, наказы и челобитные о нуждахъ общественныхъ гражданскихъ сочинили выбранные пять человѣкъ чрезъ 3 дней, и что поручены оные тому депутату, а копіи отданы въ сохраненіе въ церковъ соборную, священнику тамошнему, протопопу Якиму Яновскому, въ коей церквѣ и присягали. Марта 16-го съѣхавшіесь въ Полтаву шляхетство повѣтовъ: Гадяцкого, Миргородского и Остаповского, собрався въ опредѣленной имъ для выбору, въ означенной войскового товариша Богдановича домъ, держали совѣтъ: выбрать ли предводителя и депутата порозь отъ каждого полку или повѣту, или всѣмъ вмѣстѣ одного? И что В. С—ство опредѣлили съѣхатся показанныхъ повѣтовъ шляхетству на одинъ срокъ и въ одинъ городъ, для того и они въ сходство того положили выбрать отъ всѣхъ ихъ одного предводителя и одного депутата; и 17 марта чрезъ балотированіе выбрали своимъ предводителемъ судію земского повѣта Зѣнковского Федора Войну; 20 врученно отъ меня ему подписанное отъ нихъ полномочіе, такожъ записку прибывшихъ шляхетства и отъ неприбывшихъ присланные отзывы. И по соглашенію ихъ, 21 числа приведены они въ соборной церквѣ къ присягѣ о безъпристрастномъ выборѣ депутата; а истекшаго марта 31-го оной предводитель, присланнымъ ко мнѣ рапортомъ, представилъ: что подъ его предводительствомъ съ 21-го числа тогожъ марта, чрезъ два дни предписанные, шляхетство балатированіемъ выбрали депутатомъ бунчукового товариша Василія Дунина Борковского, въ чемъ и полномочіе ему подписали, посля чего выбранными пятьма человѣками сочиненные наказъ и прошенія, подписанны и отправлены онымъ предводителемъ къ депутату, яко отсутственному; а копіи де отданы въ ту жъ со-

борную церковь священнику, протопопу Яновскому. Марта 28-го въ мѣстечку Опошнемъ собрались съ полковъ Полтавского и Гадяцкого выбранные зъ сотень отъ козаковъ повѣренные, и какъ съ полку Полтавского, за отходомъ по указу протчихъ сотень подъ новороссійскую губернію, зъ остальныхъ пяти сотень прибыло повѣренныхъ только десять человѣкъ; то оные десять человѣкъ присовокупилъ я къ повѣреннымъ полку Гадяцкого; и потому всѣхъ тогожъ 28-го числа въ соборной тамошнѣй церквѣ привелъ до присяги о безпристрастномъ выборѣ депутата, и въ опредѣленномъ домѣ, протопопы Опошнянского, Якова Костенского, балатированіемъ выбрали они депутатомъ своимъ козака сотнѣ Комишанской Степана Иванова; которому тогожъ числа подписали повѣренные полномочіе, которое отъ меня и вручено ему; а повѣренные отдали отъ себя наказы и прошенія свои; списки жъ съ того положены въ той же соборной церквѣ, подъ охраненіе священника тамошнего, протопопа Костенского.

Съ полку Миргородского выбранные зъ сотень отъ козаковъ повѣренные (кроме Сорочинскихъ, которые на срокъ не прибыли) собрались въ посредственное того полку мѣстечко Остапье, гдѣ априля 1-го привелъ я ихъ въ соборной Воздвиженія Честного креста церквѣ къ присягѣ о безпристрастномъ выборѣ депутата, и въ домѣ возного Григорія Андрузского балатированіемъ выбрали они депутатомъ своимъ сотнѣ второй Миргородской вознаго Марка Тимофѣева, которому тогожъ числа полномочіе подписали, и я оное ему поручилъ, повѣренные жъ отдали отъ себя наказы и прошенія; списки жъ зъ того положены въ церквѣ соборной, въ соблюденіе священнику тамошнему Сильвестру. Въ городѣ Сорочинцахъ, еще до полученія послѣднего отъ В. С—ства предложенія, въ коемъ изволили между протчіимъ предписывать: въ Гадяче и Сорочинцахъ выборъ оставить, и объявить мѣщанамъ (буде оные тамъ есть), чтобы они о общихъ нуждахъ для представленія Е. И. В—ву прямо къ Вашему Сіятельству адресовались,—выборъ головы учиненъ; и хотя по большинству избирательныхъ голосовъ и удостоенъ былъ гражданами города Сорочинецъ головою сотникъ Сорочинскій Гончаренко, но за показуемими на него отъ полковой тамошней старшины пороками, по предписанному жителямъ городскимъ обряду,

пункту 4-му, допустить его къ тому было не можно, а объявленъ городскимъ головою увольненный судія полковый Федоръ Козачковскій, на которого по немъ, Гончаренку, больше всѣхъ протчихъ одобряющихъ голосовъ явилось. Оной голова сего априля 23-го числа рапортомъ представилъ, что подъ его предводительствомъ такъ же выбранъ былъ означенный сотникъ Сорочинскій Гончаренко гражданами въ депутаты, однакъ де по вышеписаннымъ резонамъ быть ему онымъ было не можно; и что на его мѣсто удостоенъ городскимъ депутатомъ старшій полковый Миргородскій канцеляристъ Лука Пищимукъ. Въ городѣ жъ Гадячѣ выборъ головы и депутата, въ сходство вышеизображенного В. С—ства предложенія,—я оставилъ и требовалъ отъ тамошнего начальства, управляющого гражданскою полиціею, изъясненія о мѣщанствѣ того города; но иного въ отвѣтъ получить не моглъ, кромѣ того, что съ имѣючихся въ судѣ гродскомъ Гадяцкомъ книгъ древнихъ годовъ и въ нѣкоторыхъ тамошнихъ жильцовъ крѣпостей отъ 1694 до 1720 годовъ и далѣе того данныхъ, въ росправахъ на покупные и присуженные грунта, описаніе старшинъ, войтовъ и бурмистровъ Магистрату Гадяцкого, засѣдавшихъ съ полковою и сотенною старшиною въ ратушѣ Гадяцкой же, которой и печать при гродскомъ тамошнемъ судѣ имѣется съ тѣмъ изображеніемъ: *„1691 году вѣрного Царскому Пресвѣтлому Величеству города Гадяча Магистратовая печать,“* о чемъ съ оного рапорта В. С—ство усмотрѣть изволите. Какимъ же порядкомъ по предписаннымъ обрядамъ оные выборы мною произведены,—объ оныхъ обстоятельные записки со всѣми письменными производствы у меня имѣющіеся, кому В. С—ство повелите поручить,—предаю высокому В. С—ства размотрѣнію.

Генеральній обозній *Семенъ Кочубей.*

1767 году, априля 30 дня.

---

6) Донесеніе полковника Станиславскаго, назначеннаго произвести слѣдствіе о безпорядкахъ въ м. Сорочинцахъ.

Сіятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову.

Пермского Карабинерного полку отъ полковника Станиславского

Покорнейшій Репортъ.

Отъ Вашего Высокографского Сіятельства ордеръ, пущенной отъ 19 апреля, подъ № 131-мъ, о изслѣдованіи мнѣ по произшедшимъ въ полковой Миргородской канцеляріи, при случае выбора отъ Сорочинской сотни повѣренного отъ козаковъ, нѣкоторыхъ непорядковъ,—сего апреля 25 числа въ мѣстечкѣ Устивицѣ я получилъ, и во исполненіе оного ордера 26 числа въ мѣстечко Сорочинцы прибылъ и въ производство слѣдствія вступилъ.

Полковникъ *Сергей Станиславскій*

Ч. 30 апреля 1767 году, мѣстечко Сорочинцы.

---

7) Рапортъ С. Кочубея о козачьихъ челобитныхъ.

Сіятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Рапортъ.

По ордеру Вашего Сіятельства, прошлого маія 4 дня мною полученному, въ посланныхъ отъ меня предложеніяхъ какъ къ г. полковнику Полтавскому Горленку, такъ полковой Гадяцкой и полковой Миргородской старшинѣ предписано: призвавъ выбранныхъ отъ полковъ, ихъ депутатовъ, освидѣтельствовать козацкія прошенія, въ сходство ль обряда и прописанного В. С—ства ордера оные сочинены? и ежели что явится въ противность предписанному ордеру, то въ поправленіи того и поступить по точности В. С—ства повелѣнія. Почему г. полковникъ Полтавскій сего іюля 16 мнѣ рапортовалъ, что по силѣ оного ордера В. С—ства врученая отъ козаковъ полку Полтавского выбранному отъ нихъ депутату челобитная въ полковой Полтавской канцеляріи свидѣтельствована, и по разсмотрѣнію оной канцеляріи явилось: первое, что она составлена вмѣстѣ отъ всего полку Полтавского сотень, и къ тому въ ней привнесены нѣкоторія пункты,

до козаковъ непринадлежащія; для того де посланными съ полковой канцеляріи въ сотнѣ полку тамошнего къ сотникамъ указами велено: дабы отъ сотенныхъ канцелярій объявлено было козакамъ, чтобъ они отъ всякой сотнѣ порознь сочинили прошенія о своихъ нуждахъ, токмо въ тѣ прошенія ничего лишняго отнюдъ не привносили бъ, что и сложено на сотниковъ тамошнихъ, дабы оныя прошенія сочинены были по силѣ обряда; по которымъ де предложеніямъ сочиненныя вновь челобитныя въ полковую канцелярію и присланы. Но и въ оныхъ челобитныхъ нетокмо ничего не виброшено, но еще въ нѣкоторыхъ и новые пункты прибавлены, а въ протчіихъ тожъ самое, что и въ первой; и потому посланными въ другой разъ съ полковой Полтавской канцеляріи ко сотникамъ указами велено козакамъ объявить: чтобъ они прошенія свои сочинили вновь, не примѣшивая отнюдъ ничего посторонного. Но какъ отъ сотнѣ второй полковой рапортомъ въ полковую канцелярію представлено, что оной сотнѣ козаки другихъ прошеній сочинять уже не захотѣли и въ томъ ослушались, отъ депутата жъ помянутого Иванова требуется скорой присилки показанныхъ къ нему прошеній, и для того де онъ г. полковникъ Полтавскій, не дожидаясь уже присылки другихъ сотень, какъ первую челобитную, составленную было вообще, такъ и вновь, уже порознь сочиненныя, при репортѣ своемъ подъ разсмотрѣніе представилъ. А отъ полковой Миргородской канцеляріи рапортовано, что по свидѣтельствованіи составленныхъ козаками о ихъ нуждахъ и недостаткахъ прошеній, явилось: что оные сочиненны въ сходство дозволенія, въ обрядѣ предписанного, и что оныя депутату козачому порученны, съ приложеніемъ при томъ рапортѣ, какого содержанія оныя козачія прошенія, экстракта. О чемъ Вашему Сятельству докладывая, какъ выше упомянутыя, присланныя отъ полковника Полтавского козацкія челобитныя, такъ и съ полковой Миргородской канцеляріи сегожъ іюля 16 при репортѣ полученной мною экстрактъ, сочиненной съ прошеній козацкихъ полку Миргородского, подъ высокое В. С—ства благоразсмотрѣніе и резолюцію при семъ доношу.

Семенъ Кочубей.

1767 году, іюля „ дня.

1767.

XII.

Выборы въ войскѣ Запорожскомъ.

Сіятелнѣйшому Графу Его Высокопревосходительству... (*и проч.*) П. А. Румянцову

Репортъ.

Вашего Высокографского Сіятельства высокій ордеръ о выборѣ, въ силу публикованного манифеста Е. И. В., декабря 14 числа 1766 года состоявшогось, въ учрежденную въ Москвѣ коммиссію сочиненія проекта нового Уложенія отъ войска Запорожского одного депутата, мы съ г. полковникомъ Милорадовичемъ сего теченія 21 числа получили, по которому съ нашимъ раболѣпнѣйшимъ усердіемъ жертвуя сему Всемилостивѣйше и Всевысочайше предпринимаемому учрежденію, по предписанному отъ Вашего Высокографского Сіятельства, чрезъ выбранныхъ и уполномоченныхъ отъ всякого куреня по пяти человѣкъ повѣренныхъ въ назначенный отъ оного г. полковника Милорадовича день и мѣстѣ, то есть сего теченія 27 дня, въ куренѣ Шкуринскомъ, въ присутствіе его г. Милорадовича, выбрали отъ войска Запорожского депутатомъ бывшого войскового судью Николая Тимофѣева Касапа, во всемъ по точности предписаній къ тому въ приложенномъ при манифестѣ обрядѣ; послѣ чего подлежащее въ войскѣ, по здѣшному обычаю, о нуждахъ и недостаткахъ здѣшнихъ общественно учиня совѣтъ и составивъ всеподданнѣйшія прозьбы, оного депутата въ Сенатъ отправленіемъ по всѣй возможности поспѣшать долженствуемъ. О чемъ Вашему Высокографскому Сіятельству покорнѣйше репортуемъ.

Правящій въ войскѣ Запорожзкомъ войсковий судия Павелъ Головатій. Старшини куренние, атамани і товариство.

1767 года, марта 27.
№ 871.

Отмѣтка: Полученъ априля 11 дня, 1767 году.

Оглавленіе.

стр

Предисловіе . . . . . I—IV

Отд. I: Наказы и прошенія малороссійскаго шляхетства.

1. Наказъ Глуховскаго шляхетства 3
2. Наказъ Черниговскаго шляхетства 9
3. Наказъ Прилуцкаго шляхетства 23
4. Прошеніе того же шляхетства. 31
5. Наказъ Переяславскаго шляхетства 36
6. Прошеніе Лубенскаго шляхетства 46
7. Прошеніе Румянцеву того же шляхетства. 56
8. Наказъ Гадяцкаго, Полтавскаго и Миргородскаго шляхетства. 61
9. Прошеніе того же шляхетства. 67

Отд. II. Наказы малороссійскихъ городовъ.

1. Наказъ жителей города Глухова 73
2. Наказъ жителей города Чернигова. 78
3. Наказъ жителей города Погара 88
4. Наказъ жителей города Стародуба 101
5. Наказъ жителей города Полтавы. 113
6. Прошеніе гражданъ и разнаго званія жителей Лубенъ . . . 124
7. Наказъ жителей г. Лубенъ. 138

Отд. III: Наказы и прошенія малороссійскихъ козаковъ.

1. Наказъ козаковъ Черниговскаго полка 142
2. Прошеніе козаковъ Стародубскаго полка. 150
3. Наказъ козаковъ Прилукскаго полка 156
4. Прошеніе козаковъ Миргородскаго полка 164

Отд. IV: Представленія и прошенія малороссійскихъ депутатовъ.

страп.

1. Представленіе лубенскаго дворянскаго депутата 167
2. Прошеніе малороссійскихъ депутатовъ во время составленія Уложенія 177

Отд. V: Документы, относящіеся къ выборамъ депутатовъ.

1. Циркуляръ Румянцева о выборахъ депутатовъ. 185
2. Росписаніе, гдѣ для выбору назначаются мѣста и сроки . . 187
3. Выборы въ Глуховѣ 188
4. Выборы въ Черниговскомъ полку 192
5. Выборы въ г. Козельцѣ. 210
6. Выборы въ Стародубскомъ полку 212
7. Выборы въ г. Погарѣ 219
8. Выборы въ Прилуцкомъ полку 226
9. Выборы въ Переяславскомъ полку 246
10. Выборы въ Лубенскомъ полку. 259
11. Выборы въ Гадяцкомъ, Миргородскомъ и Полтавскомъ полкахъ 278
12. Выборы въ войскѣ Запорожскомъ 292

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

къ „Наказамъ малороссійскимъ депутатамъ 1767 года“ [1]).

А.

Абрамовичъ Ив., ат. сот. волын. 205.
Абрамовскій Корн., в. т. 194, 204.
Авеселовскій Ив., кз. черниг. 197.
Адамовичъ Пот., актуаріусъ 77.
Александровичъ Алексѣй, свящ. церкви Никольск. лубен. 134.
Александровичъ Ив., абш. подк. 53, 58.
Александровичъ Ив., ас. полк. 9.
Александровичъ Ив., суд. гр. прил. 30, 35, 227, 239.
Александровичъ Ив., суд. полк. прил. 238. 241.
Алексѣевъ Алексѣй, прапорщ. 240.
Алексѣевъ Мих., вик. свящ. Никол. лубен. церкви 134.
Алексѣй Михайловичъ, царь 4, 6, 24, 25, 28, 68, 79, 88, 102, 105, 110, 138, 142, 148, 152, 158, 167, 175, 178, 181.
Андреевъ Григ., поном. лубен. Троиц. церкви 137.
Андреевъ Иванъ, волторнистъ в. муз. 135, 137.
Андріевскій Прок., квартерм. сот. погарск. 222.
Андрузскій Григ., возный остап. 288.
Андрущенко Троф., пов. сот. первоварвинс. 162, 242.
Анна Іоанновна, имп-ца 5, 17, 24, 26, 39, 41, 42, 44, 47, 159.
Антоненко Лукьянъ, кз. козелец. 211.
Антоненко Пав., кз. с. стол. 149, 208.
Антроповъ Степ., мѣщ. старод. 112.
Апостолъ Дан., гетм. 25, 26, 91, 92, 109. 110, 143.
Артеменко Андр., мѣщ. козелец. 212.
Артеменко Дан., мѣщ. козел. 212.
Аѳанасьевъ Андр., з. т. 54.
Аѳанасьевъ Ив., цилюрикъ полк. 136.

Б.

Бабичъ Дем., прил. полк. канц. 241.
Бабичъ Оникѣй, кз. с. кисел. 149, 207.
Бабичъ, поруч. 280, 281.
Базил(і)евичъ Гр., з. т. 193, 203.
Базилевичъ Петръ, актуаріусъ 77.
Базилевскій Гр., суд. зем. 64, 69.

---

[1]) Такъ какъ документы печатались не съ подлинниковъ, а съ копій, то нерѣдко одно и то же имя въ разныхъ мѣстахъ пишется различно, въ указателѣ такія разночтенія указаны въ скобкахъ или, если различны и начальныя буквы, то при каждомъ такомъ имени сдѣланы соотвѣтственныя указанія. Приводимъ главнѣйшія сокращенія: абш.—абшитованный; ас.—асаулъ; атм.—атаманъ; арт.—артиллеріи; бурм.—бурмистръ; б.—бунчуковый; в.—войсковой; вз.—возный; ген.—генеральный; гр.—гродскій; зем.—земскій; з.—значковый; канц.—канцеляристъ; кз.—козакъ; ком.—коморникъ; комп.—компанейскій; лавн.—лавникъ; мщ.—мѣщанинъ; пис.—писарь; пов.—повѣтовый; подк.—подкоморій, подкоморскій; подс.—подсудокъ; полк.—полковой; сотн.—сотникъ; сот.—сотенный; суд.—судья; т.—товарищъ; хрж.—хорунжій; цехм.—цехмистръ.

Бакланъ, обоз. пов. иваниц. 240.
Бакуринскій Андр., в. т. 193, 203.
Бакуринскій Ив., в. т. 194, 204.
Бакуринскій Яковъ, регистр. 187.
Балѣй Сид., мѣщ. прилуц. 232.
Барабашъ Ѳедоръ, кз. лубенск. 136.
Барановскій Степ., суд. полк. кіев. 210, 246, 251, 253, 254.
Баришавецъ Дан., райца черниг. 199.
Баско Тар., мѣщ. прилуц. 232, 236.
Батло Якимъ, мѣщ. прилуц. 233.
Бахчевскій Ив., в. канц. 246, 251, 256.
Бедауровъ Ив., отст. капит. новосерб. гус. эскадр. 230.
Безбородко Алдръ, б. т. 192, 203.
Безбородко Андрей Яковл. суд. ген. 192, 200, 201, 202, 247, 248, 249, 250, 258, 259.
Безуглый Ант., мѣщ. прилуц. 236.
Белашъ (Бѣлашъ) Гр., канц. полк. лубен. канц. 55, 60.
Белей, возн. пов. погар. 225.
Белону(о)жка Иванъ, кз. сот. полк. черниг. 149, 207.
Белый Андрей, кз. лубен. 135.
Бережненко (Бережный) Лаз., мѣщ. прилуц. 232, 236.
Бережный Наз., кз. лубен. 135.
Бибиковъ Алдръ Ильичъ, маршалъ ком. составл. уложенія 178.
Билявскій Яковъ, райца черниг. 197.
Бичокъ Григ., мѣщ. черниг. 198.
Бобиръ Ром., сотн. столинск. 204.
Бобровскій Дм., хрж. корибутов. 31, 36.
Богаевскій Юрій, в. т. 65, 70.
Богданенко Пав , кз. сот. бѣлоус. 149, 207.
Богдановичъ Андрей, в. т. 66.
Богдановичъ Гр., в. т. 66, 70.
Богдановичъ Иванъ, в. т. 66, 70, 286, 287.
Богдановичъ Іоаннъ, свящ., намѣстн. лубен. 134.
Богдановъ Никиф., канц. лубен. полк. канц. 60.
Боголѣвъ Троф., з. т. 193.
Богомулецъ Карпъ, в. т. 211.
Бо(у)гушъ Сид., кз. сот. люб. 150, 209.
Божко Андрей, возн. сот. яблон. 54, 60.
Божко Дем., мѣщ. прилуц. 234.
Божко Ив., кз. лубен. 137.
Болянскій Сем., в. т. 65.
Бондарь Ив., кз. лубен. 137.
Бондаръ Кондр., мѣщ. козелец. 212.
Бордадимъ Ив., райца черниг. 196.
Бордаковскій Матв., в. т. 9.
Бордаковскій Степ., з. т. 9.
Бордиковскій Аѳ., мѣщ. старод. 112.
Борецкій Зин., обоз. полк. кіев. 211.
Борисенко Ѳедоръ, кз. сот. вибельск. 149, 207.
Боровыковскій Алексѣй, з. т. 66.
Бородуха Севаст., абш. в. канц. 205.
Борсукъ Андрей, кз. сот. городн. 150, 210.
Борсукъ Вас., кз. сот. городн. 150, 210.
Борщиговецъ Никита, мѣщ. лубен. 135.
Борщъ Гр., мѣщ прилуц. 236.
Бочко Моисей, канц. черн. магистр. 88.
Бояриновъ Иванъ, кз. сот. городниц. 150, 209.
Брагинецъ Троф., б. бурм. козелец. 211.
Брагинецъ Ѳедоръ, кз. козелец. 211.
Брагынецъ Яковъ, в. канц. 9.
Бразоль Вас., сотн. грунскій 65, 70.
Брезкунъ Петръ, мѣщ. стародуб. 112.
Брезкунъ Ром., кз. стародуб. 112.
Брехунъ Сав., кз. сот. любец. 150, 209.
Брижаха Гр., мѣщ. лубен. 135, 263.
Брижаха Дан., кз. лубен. 136, 137.
Брижаха Кирило, кз. лубен. 136, 137.
Бринзоха Сав., мѣщ. прилуц. 235.
Британовскій Сем., в. т. 31, 35.
Броварникъ Макс., мѣщ. козелец. 212.
Бровко Лев., мѣщ. козелец. 212.
Брожко Ѳедоръ, райца козелец. 211.
Брюховецкій Ив. Март., гетм. 90.
Бубликъ Гр., бурм. черн. 197, 200.
Бубликъ Яковъ, з. т. 195, 204.
Бубликъ Ѳедоръ, з. т. 194, 204.
Бужинскій Гр., в. т. 65, 70.
Булавкинъ Вас., в. т. 193, 203.
Булавкинъ Ив., б. т. 203.
Булахъ Каленикъ, кз. лубен. 136.
Булгакъ (см. Чумакъ) Ив., кз. сот. полк. черниг. 207.
Булюба(о)шъ Мих., полк. лубен. хрж. 53, 58.
Булюба(о)шъ Ѳед., пис. зем. пов. лубен. 53, 58.

Бутей(н)ко Дан., мѣщ. прил. 232, 235.
Бутенко Остапъ, в. т. 31, 35.
Бутенко Сем., в. т. 31, 35.
Бутовичъ Дан., в. т. 8.
Бутовичъ Ив , в. т. 195, 204.
Бутовичъ Ив , сотн. зеньков. 65.
Бутовичъ Лукьянъ, сотн. зеньк. 65.
Бутовичъ Степ., б. т. 195, 204.
Буцкій Ив., в. т. 67, 70.
Буявинскій Ив., возн. сот. глухов. 77.
Бѣленченко Ив., старш. полк. канц. гадяц. полка 65, 70.
Бѣлецкій Гр., атам. краснокол. 31, 36.
Бѣлецкій Ив., ас. красноколяд. 31, 36.
Бѣлецкій Ив., в. т. 31, 35.
Бѣлецкій Ром., в. т. 31, 35.
Бѣлецкій-Носенко Никиф. полк. ас. прилуц. 30, 35, 238.
Бѣличевскій Іосифъ, кз. гор. ромен. 135.
Бѣлоусъ Петръ, хрж. полк. артил. 240, 241.
Бѣлуха Дм., б. т. 66.
Бѣлуха Петръ, в. т. 66.
Бѣльскій Ив., цехм. кравец. глухов. 77.

В.

Вакуленко Гр., мѣщ. прил. 236.
Вакуленко Степ., мѣщ. прилуц. 233.
Валковскій Клим., адвокатъ 77.
Васенко Лаврентій, канц. полк. лубен. канцел. 55, 60.
Василенко Андрей, кз. сот. сребран. 161, 241.
Василенко Ив., в. т. 9.
Васильевъ Авр., мѣщ. прилуц. 233.
Васильевъ Кондр., кз. город. лубен. 134.
Васильевъ Ѳедоръ, хрж. сот. иваниц. 31, 36.
Васковичъ Лаз., мѣщ. стародуб. 112.
Ващенко Ант., райца козелец. 211.
Векличъ Ѳед., мѣщ. прилуц. 232.
Велентѣй Лука, в. канц. 77.
Величко Евт., з. т. 55.
Величко Яковъ, суд. зем. пов. прилуц. 30, 34, 239, 243.
Велѣнскій Гр., в. т. 216.
Вербицкій Макс., кз. лубен. 137.
Вербицкій Николай, нотаріусъ 77.
Вечарка Мих., з. т. 66.
Винда Никиф., в. канц. 77.
Винникъ Лук , кз. лубен. 136.
Витолтъ, вел. кн. литов. 170.
Вишнювскій Исид , возн. сот. хорол. 66.
Владиславъ IV, кор. польск 79.
Владиславъ-Ягелло, кор. польск., вел. кн. литов. 25.
Власенко Илья, мѣщ. прил. 232, 236.
Власовъ Никиф., кз лубен. 136.
Власовъ Никола, кз. лубен. 136.
Власѣка Ѳома, мѣщ. прилуц. 235.
Вовкъ Вас , мѣщ. прилуц. 232.
Война Ѳедоръ, суд. зем. пов. зеньков. 67, 287.
Войтенко Власъ, в. т. 31, 35.
Войтенко Петръ, в. т. 54, 59.
Войцеховичъ Гр., в. т 195, 204.
Войцехъ Андрей, з. т. 77.
Воливачъ Ив., в. т. 66.
Волошинъ Ив., з. т. 282.
Волчанскій Никиф., канц. полк. лубен. канц. 55.
Воробей Карпъ, мѣщ. козелец. 212.
Вынникъ Степ., мѣщ. лубен. 136.
Вышынскій Сем., з. т. 9.
Вѣтвицкій Григорій, в. полк. муз. довбышъ 136.

Г.

Гавриленко Никиф., кз. сот. понурниц. 150, 210.
Гавриловъ, ротм. 280, 281.
Гайдукъ Демьянъ, сотн. ромен. 53, 59.
Галаганъ Ив., б. т. 238.
Галичинъ Яковъ, канц. лубен. гр. суда 55, 60.
Галущенко Лукьянъ, мѣщ. лубен. 136.
Галѣберъ Пав., мѣщ. прилуц. 134.
Гамалія Ив., в. т. 54, 59.
Гамалія Іос., б. т. 54.
Гамалѣя Мих., сынъ б. т. 54.
Гаменда Илья, мѣщ. стародуб. 113.
Гамзуль Алексѣй, мѣщ. старод. 112.
Ганнотенко Хар., мѣщ. луб. 136, 264.
Гапеевъ Власъ, мѣщ. старод. 112.
Гафмарешъ Петръ, лавн. старод. 112.
Гвоздикъ Вас., кз. сот. вибельск. 149, 207.
Геевскій Ив., в. т. 66.
Гейваровскій Андроникъ, в. канц. 9.

Герасимовъ Петръ, в. т. 76.
Гервасій, еп. переясл. 257, 259.
Гергель Вас., канц. 54, 55, 59.
Гергелъ Пав , канц. полк. луб. канц. 60.
Гершунъ Лука, в. т. 66.
Гета Григ., мѣщ. прилуц. 232, 235.
Гета Макс., бурм. прилуц. 232, 235.
Гетинъ зять Ѳедоръ, мѣщ. прил. 234.
Гетунъ Макс., пис. сот. погарск. 222.
Гиркало Кондр., кз. гор. ромен. 135.
Гла(о)мазда Ив., сотн. (?) 194, 204.
Глинскій Вас., мѣщ. черниг. 198.
Глинскій Дм., мѣщ. прилуц. 236.
Глинскій Игн., райца черниг. 199.
Глинскій Осипъ, мѣщ. черниг. 199.
Глоба Ив., з т. 66.
Глоба Ив., мѣщ. прилуц. 232, 235.
Глоба Илья, мѣщ прилуц. 233.
Глоба Іос. мѣщ. прилуц. 233.
Глоба Степ., кз. сот. сосниц. 149, 209.
Глуздъ Наз., б. войтъ козелец. 211.
Глухій Ѳедоръ, кз. лубен. 135.
Глущенко Григорій, кз. сот. городниц. 150, 209.
Голенковскій Пав., в. т. 31.
Голецъ Петръ, канц. полк. лубен. канц. 55, 60.
Головатый Пав., в. суд. 292.
Головко Іосифъ, кз. сот. монастырис. 161, 242.
Головокъ Евф., мѣщ. черниг. 199.
Голѣвецъ Сав., в. т. 31, 35.
Гончаренко, сотникъ сорочинск. 284, 285, 288, 289.
Гончаръ Алексѣй, мѣщ. стародуб. 112.
Гончаръ Карпъ, мѣщ. любец. 263.
Гончаръ Кондр., мѣщ. люб. 136, 264.
Горбъ Клим., кз. лубен. 137.
Горбъ Никита, мѣщ. лубен. 135, 263.
Горгѣлъ Сам., мѣщ. козелец. 212.
Горковскій Дем., мѣщ. глухов. 77.
Горкушенко Сав. мѣщ. любец. 263.
Горленко Гр., подком. пов. иванц. 30.
Горленко Гр., б. т. 239.
Горленко Петръ, б. т. 30, 34, 238, 239, 241.
Горленко, полк. полт. 290.
Горленко Ѳедоръ, мѣщ. прилуц. 234.
Горощенко Андр., мѣщ. прилуц. 232.
Горощенко Арт., мѣщ. прилуц. 234.
Горощенко Лук., мѣщ. прилуц. 233.
Госскій Емел., з. т. 9.
Грабаръ Ив. Ѳед., райца погар. 88, 220.
Гра(и)бовецъ Сем., кз. сот. седнев. 148, 206.
Г(Д)ранковскій Евф., пис. черниг. магистр. 88, 197.
Гребянка Дем., кз. сот. седн. 148, 207.
Грекосъ Андрей, отст. прапорщ. 240.
Грембецкій Вас., з. т. 196, 198.
Гречановскій Ив., кз. погар. 222.
Грибовецъ см. Грабовецъ.
Грибъ Дем., райца черниг. 199.
Грибъ Ив., райца черниг. 199.
Григоріевъ Сем., кз. и поном. лубен. соб. церкви 137.
Григоровичъ Алдръ, в. канц. 76.
Григоровичъ Петръ, б. т. 196.
Григоровичъ-Курсановичъ Петръ, б. т. 205.
Григоровскій Ѳедоръ, в. канц. 77.
Григорьевъ Ѳедоръ, в. т. 31, 35.
Гриневичъ Евт., мѣщ. любец. 137, 275.
Гриніевичъ Фил., з. т. 211.
Гринко Евт., мѣщ. лубен. 263.
Гринченко Ив., кз. лубен. 135.
Грищенко Дан., мѣщ. черниг. 197.
Грищенко Мих., кз. сот. вол. 150, 209.
Грищенко Петръ, мѣщ. черниг. 197.
Грозинскій Петръ, в. т., войтъ стародуб. 110.
Грона Ив., мѣщ. прил. 232, 235.
Грона Ив., мщ. прил. 233, 235.
Грудницкій (на стр. 55, 231 и 234 Груднѣцкій, на стр. Груднина) Мих., з. т., гол. прилуц., 31, 35, 228, 231, 234.
Губскій Вас., мѣщ. прилуц. 232.
Губскій Ив., мѣщ. прилуц. 232, 235.
Губскій Сам., мѣщ. прилуц. 232, 235.
Губскій Тим., мѣщ. прил. 232, 235.
Губчицъ Вас., б. т. 219.
Гудовичъ, ген.-м. 279, 283.
Гузъ Яковъ, кз. сот. полк. черниг. 149, 207.
Гуленицкій (на стр. 240 Гуленко) Ив., в. канц. 240, 241.
Гуленко(въ)Ив., воз. пов. прилуц. 30, 35.
Гурамовъ кн. Дав., поруч. 67.
Гурскій Ант., полк. канц. 203.

Гурскій Гавр., з. т. 192, 203.
Гуторъ Вас., кз. сот. городн. 150, 209.

Д.

Давидовичъ Алдръ, сот. в. канц. 8, 77.
Данилевскій Ив., райца черниг. 197.
Данилевскій Левъ, полк. миргор. хрж. 65.
Даниловичъ Ив., в. т. 194. 204.
Даниловъ Кир., кз. козелец. 211.
Даниловъ Юрій, кз. 76.
Даничъ Ив., з. т. 194, 204.
Данчичъ Троф., абшит. атам. сребран. 31, 36.
Данковскій Яковъ, в. т. 54, 59.
Дараганъ Кл., кз. сот. журавн. 162, 242.
Даценко Фил., бурм. прилуц. 232, 235.
Дацѣй Макс., мѣщ. прилуц. 136, 263.
Дачевскій (на стр. 53 Рвачевскій) Род., ас. полк. лубен. 53, 58.
Дебогорѣя-Мокріевичъ Алдръ, б. т. 203.
Дебогорѣя-Мокріевичъ Пав., б. т. 203.
Дебогорія-Мокріевичъ Степанъ, войск. канц. 203.
Дебогорія-Мокріевичъ Ѳедоръ, войск. канц. 203.
Демененко Ив., мѣщ. прилуц. 237.
Демидовскій Емел., з. т. 195, 204.
Демяновичъ Кир., в т. 66.
Демяновъ Март., мѣщ. черниг. 197.
Демченко Яковъ, мѣщ. глухов. 77.
Денбовскій Леонъ, з. т. 112.
Денисенко Никита, кз. прилуц. 234.
Денисенко Ром., мѣщ. прилуц. 232.
Денисенко Ѳедоръ, мѣщ. прилуц. 232.
Дергунъ Андрей, в. канц. 77.
Дергунъ Сергѣй, суд. зем. пов. глухов. 8, 76, 191.
Дерѣй Андрей, кз. город. ромен. 135.
Дехтенко Тих., воз. опошан. 66.
Джева(я)г(л)а Яковъ, воз. грод. прилуц. 30, 35, 234.
Джигель Зѣн., цехм. калачниц. прилуц. 232.
Джигѣль Мир., мѣщ. прилуц. 233.
Джура Матв., мѣщ. погар. 224.
Джура Филим., сот. ат. погар. 222.
Дзекало Гр., кз. лубен. 135.
Дзвонкевичъ Георгій, сотн. бѣлоус. 196, 205.
Дзюба Макс., б. бурм. козелец. 211.
Дирка Пав., кз. лубен. 137.
Діяковскій Андрей, в. т. 211.
Діаковскій Іосифъ, б. т. 8.
Дмитренко Мих., мѣщ. козелец. 212.
Дмитренко Парф., мѣщ. козелец. 212.
Дмитріевъ Коз., мѣщ. стародуб. 112.
Добрицкій Ив., возн. подком. суд. пов. менск. 205.
Довгаль Лавр., сынъ б. т. 204.
Довгаль Яковъ, з. т. 194, 204.
Доморка Мих., з. т. 196, 198.
Донецъ Ив. в. т. 31, 36.
Дорошенко Степ., канц. полк. лубен. канц. 55, 60.
Дранковскій (см. Гранковскій) Евф., пис. магистр. черниг. 197.
Драчевскій Вас., воз. сот. синяв. 194, 204.
Дрипаненко Гр., мѣщ. лубен. 136.
Дроботко Кир., мѣщ. прилуц. 233.
Дроботко Ѳедоръ, мѣщ. прилуц. 232.
Дубовикъ Гр., сотн. городн. 195, 204.
Дубовикъ Ив., кз. сорочин. 285.
Дубскій Степ., канц. полк. прилуц. 31, 36.
Дуда Ив., кз. козелец. 211.
Дудка Гр., мѣщ. прилуц. 233, 234.
Дудка Куз., мѣщ. прилуц. 233.
Дудка Пав., мѣщ. прилуц. 237.
Дудка Петръ, мѣщ. прилуц. 232.
Дундарь Гр., кз. сот. слаб. 149, 207.
Дунинъ-Борковскій Вас., б. т. 61, 205, 218, 287.
Дунинъ-Борковскій Мих., суд. зем. пов. черниг. 192, 203.
Дѣгтярь Дем., кз. гор. лубен. 135.
Дѣгтярь Наз., кз. лубен. 135.
Дяченокъ Сем., кз. сот. вибельск. 149, 207.

Е.

Евдокимовъ Іоаннъ, дьяк. соб. лубен. церкви 134.
Евсѣевъ Сем., в. канц. 76.
Евтифьевъ Ѳедос., лавн. стародуб. 112.
Евфиміевъ Матв., возн. пов. ромен. 54. 59
Екатерина II Алекс., имп. упоминается почти на каждой страницѣ.
Елисавета Петровна, имп. 7, 25, 26,

27, 34, 39, 44, 49, 51, 91, 96, 97, 99, 105.
Елисеевъ Герас., бурм. и гол. стародуб. 213.
Енко Григ., купецъ 197.
Енко Мих., бурм. черниг. 196.
Енко Николай, мѣщ. любец. 263.
Ерковскій Ив., з. т. 204.
Ермолаевичъ Дем., войтъ стародуб. 104. 111.

Ж.

Жаданъ Ѳедоръ, з. т. 54, 59.
Жадько Ѳедоръ, сотн. зеньков. 65.
Жайворонковъ Ант. ст. в. канц. 8, 77.
Ждановичъ Вас., в. т. 193, 203.
Ждановичъ Вас., з. т. 195, 204.
Желѣзникъ Ѳома, райца черниг. 198.
Желѣзный Ив., кз. лубен. 137.
Желѣнскій Сав., гобоистъ в. муз. 137.
Животкевичъ Леонт., мщ. старод. 112.
Жила Іосифъ, сотн. варвин. 30, 35.
Жовтобруховъ Григ., сотн. ямпол. 8.
Жуковскій Дм., в. т. 54, 59.
Жуковскій Ив., в. канц. 54, 59.
Жуковскій Макс., б. т. 53, 58.
Жуковскій Ѳед., в. т. 9.
Журавль Григ., мѣщ. прилуц. 235.
Журманъ Илья Вас., ген. суд. 188, 220, 223.
Жученко Вас., сотн. 64, 70.
Жученко Кир., з. т. 66, 70.

З.

Забѣла Зах., полк. 2 комп. полка 36, 250, 251, 259.
Забѣла Петръ, б. т. 9.
Забѣла Прох., в. т. 8.
Загалскій Ив., з. т. 195, 204.
Заецъ Дор., кз. с. киселев. 149, 207.
Заика Макс., кз. лубен. 137.
Зайкевичъ (на стр. 60 Задкевичъ) Прок., пис. сот. перволуб. 55, 60.
Зайковскій Илья, комор. пов. глухов. 9.
Зайченко Григ. мѣщ. лубен. 263.
Зайченко Пав., кз. лубен. 137.
Занковскій (Зеньковскій) Иванъ стн. сторосанжар. 66, 70.
Зан(ь)ковскій Ѳедоръ, б. т. 65, 69.
Запара Пав., в. т. 31, 36.
Запорожскій Андрей, подк. лубен. грод. суда 136.
Запорожскій Ив., з. т. 55, 60, 272.
Зарудный Вас., абш. в. т. 54, 59.
Зарудный Григ., в. т. 54, 59.
Зарудный Яковъ, подсуд. 65, 70.
Засульскій Степ., з. т. 54, 59.
Збанъ Герас., кз. сот. седнев. 148, 206.
Збинецъ Ман., мѣщ. черниг. 198.
Згурскій Яковъ, кз. сот. полк. черн. 149, 207.
Здоръ Корн., райца черниг. 198.
Здоръ Яковъ, почтал. черниг. 198.
Зеленскій Матв., кз. сот. менск. 149, 208.
Зеленскій Пав, сотн. рашевск. 65.
Злотниковъ Тим., мѣщ. стародуб. 113.
Значко Макс., в. т. 53, 59.
Значко Троф, сотн. полк. лубен. 53, 59.
Золотарь Ив., мѣщ. черниг. 198.
Золотарь Сем. мѣщ. черниг. 197.
Зубаха Ив., воз. сот. кролевец. 9.
Зубъ Григ. воз. красноколяд. 30, 35.
Зѣнецъ Никиф., мѣщ. лубен. 263.

И.

Иваненко Гр., з. т. 54, 59, 138, 270.
Иваненко (на стр. 54 Сахненко) Емел., з. т. 54, 59.
Иваненко (Ивановъ) Стеф., кз. красноколяд. 162, 242.
Иванина Петръ, з. т. 194.
Ивановъ Никита, райца стародуб. 112.
Ивановъ Степ., кз. комышан. 288, 291.
Ивановъ Яковъ, писецъ полк. лубен. канц. 136.
Ивасенко Ѳедоръ, хрж. сот. сосниц. 205.
Ивахненко Пав., з. т. 54, 59.
Игнатіевъ Дем. (также Игнатовичъ) см. Многогрѣшный.
Игнатовъ Гавр., в. т. 54, 59.
Илленко Гавр., кз. сот. роисск. 150, 209.
Ильченко Петръ, кз. (мѣщ.?) лубен. 137, 263.
Илченко Степ., мѣщ. лубен. 136, 263.
Инспекторенко Никита, райца черн. 197.
Исаенко Дм., кз. ирклеев. 252, 258.
Искрицкій Петръ, суд. зем. стародуб. 215, 216, 218.
Ищенко Ив., кз. лубенск. 135.

І.

Іакимовичъ Андрей, пис. пол. черниг. 196, 205.
Іакимовичъ Степ. з. т. 196.
Іарковскій Ив., з. т. 195.
Іоакимовъ Өедоръ, свящ. 134.
Іоаннъ Алексѣевичъ, царь 28, 79.

К.

Калембетъ Леонтій, в. т. 31.
Калениченко Өедоръ, мщ. козелец. 212.
Камординъ Ив., кз. сот. ромен. 135.
Каневскій Петръ, в. т., ас. полк. комп. 192, 203.
Каневскій Сем. пис. зем. пов. прилуц. 30, 35, 239.
Каневскій Степ., пис. зем. пов. чернигов. 203.
Канчіеловъ Матв., капит. 67.
Капуста Евф., ас. сот. перволуб. 55. 60, 134.
Каранда Дм., возн. подком. пов. черниг. 193, 203.
Карбань Илья, кз. лубен. 137
Карпенко Сем., кз. с. понорнец. 150, 210.
Карпи(ы)чъ Степ., пис. прил. грод. суда 31, 36, 239.
Карпѣка Дм., канц. секр. 8, 77, 187.
Карунникъ Вас., коз. город. лубен. 134.
Карунникъ Кондр. кз. лубен. 136.
Касапъ Николай, б. в. суд. 292.
Касенковъ Никита, подк. прил. 30, 35.
Касяновъ Макс., кз. лубен. 134.
Катериничъ Сем., пис. полк. кіев. 246, 251, 253, 255.
Кафаровъ Мак., вахм. 67.
Кащенокъ Ив., мѣщ. стародуб. 113.
Квитка Степ., кз. стародуб. 112.
Келлеръ Петръ-Адольфъ, полк. лѣк. 108.
Кеня (Неня) Ив., кз. сот. седнев. 148, 206.
Кибалчичъ Никиф., свящ. Троицк. погар. ц. 220.
Кибалчичъ Ром. мѣщ. стародуб. 112.
Киболкинъ Ром. мѣщ. старод. 112.
Кикулка Онис., кз. лубен. 137.
Кипоренко Дем., кз. сот. понорн. 150, 210.
Кипріановъ Ост., почтал. черниг. 198.
Киренко Дм., кз. лубен. 137.
Киріяковъ Мих., в. т. 65.
Киріяковъ Петръ, сотн. ковалюв. 65.
Киріяковъ Степ., в. т. 65.
Кириленко Дм., м. лубен. 136, 264.
Кириленко Март., кз. лубен. 137.
Кирыловъ Іосифъ. з. т. 66.
Киричевскій Ив., канц. полк. лубен. канц. 55, 60.
Кирыченко Гр., з. т. 65.
Кирященко Гр., мѣщ. лубен. 263.
Кисель Гр., возн. прилуц. 30, 35.
Кисель Яковъ, полк. ас. 30, 35.
Кислій Ив., кз. сот. березен. 149, 208.
Кислай (Кисли) Степ., тов. ген. арт. 54, 59.
Кишкинъ, полковн., чл. в. ген. канц. 284.
Кіевскій Макс., пушкарь 197.
Кладкевичъ Ив., з. т. 194, 204.
Клеха Пав., мѣщ. прилуц. 233, 234.
Клюковъ Пав., з. т. 54, 60.
Книлъ Яковъ, ас. полк. прилуц. 238.
Княжиковскій Сид., з. т. 204.
Княж(з)иковскій Влад., сынъ з. т. 195, 204.
Кобсъ Ив., полк. лѣк. 108.
Ковалевскій Вас., пис. пол. гадяч. 65, 70.
Ковалевскій Ив., в. т. 53, 59.
Коваленко Матв., кз. сот. роисск. 150.
Коваленко Якимъ, кз. сот. роисск. 209.
Коваль Карпъ, кз. лубен. 136.
Коваль Кондр., в. т. 31.
Коваль Сав., кз. лубен. 137.
Коваль Өедоръ, кз. лубен. 135.
Кованько Ив., в. т. 64, 69.
Кованько Матв., в. т. 66.
Ковнеръ Өед., мѣщ. лубен. 135, 263.
Коворотній Гавр., кз. сот. менск. 149, 208.
Ковтунъ Вас., кз. сот. полк. черниг. 149, 207.
Кодинецъ Ив., сотн. 65.
Козаковъ Алексѣй, кз. сот. полк. прилуц. 161, 242.
Козачинскій Григ., в. канц. 77.
Козачковскій Өедоръ, отст. полк. суд. 289.
Козелскій, маіоръ, 281.
Козинскій Вас., цехм. шев. прилуц. 232.

Козловскій Маркъ, подпоруч. 77.
Ко(у)змѣнскій Мих., в. канцел. 194, 204.
Койданъ Ив., кз. сот. бѣлоус. 149, 207.
Коленко Андр., кз. сот. сосниц. 149, 209.
Кол(н)енко Гр., в. т. 194, 204.
Колесникъ Алексѣй, райца прилуц. 232, 234.
Кологривый Гр., ас. ген. в. артил. 8, 77.
Колодка Ѳедоръ з. т. 195, 204.
Колодѣевъ Ив, возн. сот. волын. 193, 203.
Коломѣйченко Исакъ, мѣщ. черниг. 197.
Колужинецъ Пав., мѣщ. райца черниг. 197.
Колужинецъ Петръ, мѣщ. черниг. 199.
Колчевскій Дан., воз. пов. менск. 194, 204.
Коляденко Гр., мѣщ. прилуц. 233.
Коляденко Пав., мѣщ. прилуц. 233.
Коменокъ Яковъ, мѣщ. стародуб. 112.
Комеръ Ѳедоръ, мѣщ. лубен. 136.
Кондратенко Андрей, в. т. 31, 35.
Кондратенко Кир., мѣщ. прилуц. 237.
Кондратенко Осипъ, в. т. 31, 35.
Кондра(т)ченко Осипъ, кз. гор. лубен. 134, 135.
Коніовскій Кир., кз. прилуц. 237.
Коніовскій Корн., в. т. 31, 35.
Константиновичъ Вас., воз. сот. слабин. 195, 204.
Константиновичъ Вас., в. канц. 77.
Константиновичъ Николай, городничій черниг. 196.
Коржевскій Ант., з. т. 54, 60.
Коржъ Емел., кз. сот. роисск. 150, 209.
Коржъ Ив., мѣщ. прилуц. 232, 236.
Коритко Игн., мѣщ. черниг. 197.
Корнѣевичъ Пав., атм. полк. луб. 54, 59.
Корнѣевичъ Сем., в. канц. 54, 59.
Корнѣевичъ Яковъ, пис. полк. лубен. 53, 58.
Корнѣевъ Кондр., пис. сот. черниг. 197.
Коробовскій Ѳедоръ, лавн. стародуб. 112.
Корсунъ Григ., в. т. 54, 59.
Корсунъ Мих., в. т. 240, 241.
Корсунъ Петръ, в. канц. 54.
Косачъ Стеф., б. т. 219, 224.
Косенко Ив, мѣщ. прилуц. 232.
Костенскій Яковъ, протоп. опошнян. 288.
Кострубъ Дм кз. сот. понорниц. 150, 210.
Котеленецъ Арт., мщ. прилуц. 233, 236.
Котеленецъ Никиф. мѣщ. прилуц. 232.
Котляревскій Вас., пис. протоп. лубен. 272.
Котляревскій Зах., адвок. 77.
Котляревскій Мих., кз. сот. березен. 149, 208.
Котляренко Ив, кз. луб. 137.
Котляръ Ѳедоръ, мщ. прилуц. 232, 234.
Коханѣя Ѳедоръ, в. т. 9.
Коханъ Яковъ, кз. гор. лубен. 135.
Коцаръ Андрей, кз. лубен. 134.
Кочубей Вас., подком. 8.
Кочубей Пав., подком. пов. полтав. 64, 69, 286, 287.
Кочубей Сем., ген. обоз. 62, 188, 278, 280, 281, 282, 285, 286, 289, 290, 291.
Кошуба Стеф., кз. погар. 222.
Кравець Ден., кз. город. ромен. 135.
Кравець Ден., мѣщ. черниг. 199.
Кравець Яковъ, кз. лубен. 137.
Кра(о)пивка Андрей, кз. гор. лубен. 135.
Красняковскій Гр., в. канц. секр. 77.
Красовскій Дан., ат. город. 211.
Красовскій Ив., з. т. 194, 204.
Красовскій Яковъ, в. т. 192, 203.
Крачевскій Вас., в. т. 195, 204.
Крашанчукъ Ив., б. бургом. козел. 211.
Кривеленко Вас., кз. лубен. 137.
Кривенко Сем., цехм. ткац. прил. 232.
Крижановскій Ант., бриг. и полк. гадяц. 56, 65, 268, 270, 271, 276, 278, 283.
Крикученко Андрей, кз. лубен. 137.
Крикуновскій Филонъ, кз. город. луб. 134.
Крикунъ Сем., кз. лубен. 137.
Криница Алексѣй, мѣщ. стародуб. 112.
Криштофовичъ Тим., сот сенчан. 53, 59.
Кроха Марко, кз. ст. менск. 149, 208.
Крошмахъ Дан., гобоистъвойск. муз. 135.
Крошмаль Зѣн., кз. лубен. 136.
Крупянскій Игн., воз. козелец. 211.
Крупянскій Яковъ, сот. роисс. 192, 203.
Круте(ѣ)нь Ив., бурм. черниг. 78, 198, 200.
Кужильній Вас., кз. сот. роисск. 150, 209.

Кузька Ив., кз. сот. сосниц. 149, 209.
Кулажинскій Аѳан., кз. сот. городниц. 150, 210.
Кулешовъ Ив., в. канц. 77.
Кулябка Вас., подк. пов. ромен. 8.
Кулябка Ив., полк. лубен. 46, 53, 58, 260, 261, 264, 265, 267.
Кулябка Ив., суд. зем. пов. лубен. 53,58.
Кулябка Пав., сот. снетинск. 53, 59.
Кулябка Стеф., б. т. 8.
Кулябка Яковъ, б. т. 53, 56, 268, 271, 277.
Кункевичъ Алексѣй, райца старод. 112.
Куриленко Андрей, в. т. 31, 35.
Курначъ Пав., мѣщ. лубен. 135.
Кухаръ Кир., кз. лубен. 137.
Куцевичъ Ив., в. т. 65.
Куценко Спд., мѣщ. прилуц. 237.
Куцъ Ив., мѣщ. прилуц. 232.
Кучаръ Левъ, воз. сот. перволуб. 277.

Л.

Лагода Гр., коморн. пов. козелец. 211.
Ладонка Яковъ, мѣщ. черниг. 199.
Ладуха Гр., лѣщ. старод. б. 112.
Лазаревичъ Яковъ, хрж. сот. яннольс. 9.
Лазоренко Вас., мѣщ. лубен. 137, 264.
Лазоренко Петръ, кз. город. лубен. 134.
Лазаренько Арт., б. бурм. козелец. 211.
Ламашенко Евт., кз. лубен. 136.
Лапотъ Коз., б. бурм. козелец. 211.
Лантенко Сав., мѣщ. козелец. 212.
Лапшукъ Стеф., мѣщ. прилуц. 235.
Лащинскій Петръ, б. т. 30, 34.
Лебединецъ Ѳед., кз. лубен 136.
Левенецъ Тим., б. т. 65, 69.
Левенецъ Ѳед., в. т. 67, 70.
Левенецъ Ѳед., подком. 64, 69.
Левенецъ Ѳеод. Ив., вик. свящ. лубен. собор. ц. 134.
Левченко Карпъ, мѣщ. лубен. 136.
Лемѣшченко Вас., мѣщ. козелец. 212.
Леонтіевъ Стеф., райца черниг. 198.
Лепеха Ив., мѣщ. прилуц. 232.
Лепецъ Пав., кз. прилуц 236.
Лепунъ Вас., з. т. 222.
Лесевичъ Дан., сотн. ковалюв. 65.
Лестуха Петръ, мѣщ. козелец. 212.
Лизогубъ Гр., б. т. 192, 203.
Лизогубъ Конст., б. т. 192, 203.
Лизогубъ Петръ, в. канц. 194.
Лизогубъ Сем. 203.
Лизогубъ Як., б. т. 192, 203.
Лимарь Яковъ, кз. лубен. 136.
Лисенецкій Петръ, з. т. 194, 204.
Лисенко Ив., ат. кур. сот. иваницк. 161, 241, 242, 245.
Лисенко Ив., мѣщ. лубен. 135, 263,
Лисявскій Сем., в. канц. 194.
Литвиновъ (Литвиненко) Карпъ, кз. сот. березен. 149, 208.
ЛитвиненкоИв.,кз.сот.бѣлоус. 149,207.
Литвиненко Іосифъ, з. т. 65.
Литвинъ Моис., кз. лубен. 136.
Литовченко Мих. кз. лубен. 136.
Лиховецкій (см. Меховецкій), абш. з. т. 241.
Лобода Гр., мѣщ. прилуц. 232.
Лодошный Фил., мѣщ. прилуц. 232.
Лоза Яковъ, кз. лубен. 136.
Ломѣковскій Пав., суд. зем. пов. менск. 193, 203.
Лопата Илья, райца черниг. 198.
Лопатень Вас., мѣщ. черниг. 198.
Лопатень Яковъ, мѣщ. черниг. 200.
Луговскій Пав., з. т. 54, 60.
Лукашевичъ Вас., сотн. второлохвиц. 53, 59.
Лукомскій Степ., абш. полк. обоз. прилуц. 239.
Лукьяновичъ Стеф., подс. зем. пов. ромен. 53, 58,
Лукяненко Ив., цехм. ковал. черниг. 198.
Луневскій Алексѣй, кз. сот. синяв. 208.
Лупшунъ Степ., (см. Лапшукъ), мѣщ. прилуц. 232.
Луста Мих., пис. зем. пов. остерск. 253.
Лутай Степ., суд. зем. пов. остерск. 211.
Луцкій (см. Муцкій) Гр., кз. сот. вибельск. 207.
Лучнѣцкій Дм., в. т. 9.
Лѣневичъ Корн., пис. зем. пов. менск. 194, 204.
Лѣнко Карпъ, мѣщ. лубен. 135, 263.
Лѣнко Наз., кз. лубен. 137.
Лѣщинецъ Яковъ, кз. сот. вибельск. 149, 207.
Любне(ѣ)цкій Петръ, канцел. лубен. полк. канц 55, 60, 141.

Лявровскій Корн., канц. маг. черн. 198.
Ляховичъ, суд. полк. мирг. 284.
Ляшевка Дм., мѣщ. старод. 112.

М.

Магеровскій Вас., в. т. 53, 59.
Мазаракій Андрей, б. т. 30, 34.
Мазаракій Ив., в. т. 30, 35.
Мазепа Ив., гетм. 13, 116, 165, 175.
Мазепа Пав., кз. лубен. 135.
Мазепенко Дор., кз. лубен. 137.
Майборода Мих., з. т. 54, 60, 134.
Макаренко Андрей, кз. лубен. 136.
Макаренко Ив , волторн. в. муз. 136.
Макаренко Никиф., хрж. сот. перволубен. 134.
Макаренко Тим., кз. лубен. 136.
Макковскій Өед., б. т. 8.
Маковскій Дм., в. канц. 9.
Макотринъ Ив., райца черниг. 199.
Максименко Сем., в. т. 67, 70.
Максимовичъ Ив., з. т. 54, 59.
Максимовичъ Петръ, в. канц. 193, 204.
Максимовичъ Петръ, з т. 9.
Максимовичъ Петръ, подсуд. зем. пов. иваницк. 29, 34, 228, 230, 243.
Максимовичъ Якимъ, ас. полк. лубен. 53, 58.
Максимовичъ Өедоръ, подсуд. зем. пов. лубен. 53, 58.
Макуха Степ., цехм. калачниц. глухов. 77.
Малаховъ Вас , райца черниг. 198.
Малаховъ Өед., мѣщ. черниг. 198.
Малеча Мих., трубачъ в. муз. 135.
Малкевскій Ив., сотн. лукомск. 53, 59.
Мамля Гр., кз. черниг. 198.
Мамля Николай, мѣщ. черниг. 198.
Манжосъ Гр., в. т. 54, 59.
Манжосъ Ив., в. т. 53, 59.
Манко Вас., з. т. 54, 59.
Манько Ив., сотн. полк. гадяц. 65.
Мануйловъ Пантел., мѣщ. козелец. 212.
Марачевскій Мих., канц. полк. черниг. 197.
Маркевичъ Андр., подком. пов. прилуц. 30, 34, 238.
Маркевичъ Ив., в. т. 192, 203.
Маркевичъ Конст., б. т. 239.
Марковичъ Ив., б. т. 239.
Марке(о)вичъ Мих., в. т. 31, 35.
Марковичъ Наумъ, воз. пов. гадяц. 66, 70.
Марковскій Андрей, канц., секр. 77.
Марковскій Өедоръ, хрж. полк. прилуц. 30, 35, 238.
Марченко Андрей, атам. сот. устивицк. 66.
Марченко Вас., старш. канц. 66, 70.
Масло Іосифъ, сотн. сребран. 30, 35.
Масло Троф., атам. сребран. 31, 36.
Масюковъ Прок., сотн. веприкс. 65.
Матроз(с)ъ Өед., з. т. 54, 59.
Матусь Ив , мѣщ. черниг. 199.
Матяй (Мамяшъ?) Якимъ, канц. лубен. гр. суда 55, 60.
Мац(щ)енко Евф., в. канц. 30, 35.
Маценко Кир., мѣщ. прилуц. 232, 234.
Маценко Прок., мѣщ. прилуц. 233, 234.
Мацко Ден., кз. лубен. 135.
Мацко Стеф., кз. лубен. 135.
Медвѣдецъ Власъ, коморн. пов. остапов. 65.
Медведовъ Вас., райца черниг. 197.
Медвѣдовъ Дор., мѣщ. стародуб. 112.
Медушевскій Кир., в. т. 193.
Мельникъ Өедоръ, мѣщ. черниг. 199.
Меняйленко Степ., мѣщ. прилуц. 236.
Меховецкій (см. также Лиховецкій), з. т. 240.
Милорадовичъ Андрей, полк. сѣвск. пѣх. полка 188, 292.
Милорадовичъ Петръ, полк. 205, 206, 210.
Милорадовичъ Сем., б. т. 65.
Миницкій Ив., сотн. красноколядинск. 30, 35.
Миничъ Ив., з. т. 194, 204.
Миничъ Ром., кз. сот. березен. 208.
Мирецъ Вас., воз. сот. снетин. 55.
Мироненко Иг., мѣщ. прилуц. 233.
Миронча Омел., мѣщ. козелец. 212.
Мирочникъ Андрей, мѣщ. козелец. 212.
Миръвельтумановъ кн., отст. сек.-маіоръ грузин. гус. полка 230.
Мисанъ Никита, мѣщ. лубен. 136, 263.
Мисановъ зять Ничипоръ, мѣщ. лубен. 136, 263.
Мисюра Ив., кз. сорочин. 285.

Митаревскій Тим. мѣщ. черниг. 200.
Митаревскій Ѳедотъ, райца черниг. 199, 200.
Миткевичъ Андрей, подком. остер. пов. 211, 246, 251, 254, 255.
Михайловичъ Іоаннъ, вик. свящ. соб. лубен. ц. 134.
Михайловскій Гр., канц. 211.
Михайловскій Сем., сотн. камышан. 66, 70.
Михайловъ Вас., кз. лубен. 136.
Михно Вас., в. т. 195, 204.
Михно Ѳедоръ, в. т. 194, 203.
Мишковъ Ив., кз. стародуб. 112.
Мишура Ѳедоръ, мѣщ. прилуц. 232.
Мищенко Зах., кз. сот. синяв. 149, 208.
Мищенко Пав., кз. лубен. 269.
Многогрѣшный Дем. Игн., гетм. 4, 13, 16, 90, 142, 158, 175.
Могилниковъ Сем., квартерм. 136.
Могилянскій (на стр. 70 Пошлянскій) Вас., в. т. 65, 70.
Мокренецъ Ѳедоръ, кз. черниг. 197.
Мокріевичъ (см. Дебогорѣя М.) Пав., б. т. 192.
Мокріевичъ (см. Дебогорѣя М.) Степ., в. канц. 192.
Мокріевичъ (см. Дебогорѣя М.) Ѳедоръ, в. канц. 192.
Момотенко Гр., кз. лубен. 135, 137.
Молдавцовъ Дем., капит. 66.
Молодченко Яковъ, цехм. шевск. глухов. 77.
Молчановскій Ив., канц. полк. черниг. 197.
Молчановскій Ос., кз. черниг. 197.
Молявка Ив., в. т. 193, 203.
Моренецъ Ант., мѣщ. прилуцк. 232.
Морозовъ Ив., канц. полк. черниг. 197.
Морозъ Ив., з. т. 193, 203.
Москалцовъ Макс., з. т. 195, 204.
Московъ Ѳед., обоз. полк. (полтав.?) 66.
Мосцепанъ Ѳедоръ, мѣщ. прилуц. 232.
Мошикъ Ив., кз. сот. второварвин. 161, 241.
Музика Арт., кз. лубен. 137.
Музика Вас., кз. лубен. 137.
Музыка Авр., мѣщ. прилуц. 235.
Музыка Гр., мѣщ. прилуц. 237.
Музыка Дан., мѣщ. прилуц. 232.
Муренецъ Арт., кз. лубен. 137.
Муцкій (см. Луцкій) Гр., кз. сот. вибельск. 149.
Мѣницкій см. Миницкій.
Мякота Троф., кз. черниг. 198.

Н.

Наболонскій Стеф., кз. черниг. 198.
Навроцкій Мих., ас. полк. гадяц. 65, 70.
Навроцкій Яковъ, атам. третьеопшан. сот. 65.
Надохъ Ив., мѣщ. козелец. 212.
Назаренко Вас., кз. прилуц. 234.
Назаренко Ив., мѣщ. прилуц. 232.
Назаровичъ (Назарскій) Яковъ, возн. пов. лубен. 54, 59.
Назарскій Петръ, в. т., войтъ лубен. 260, 261, 262, 263, 264, 267, 268, 270, 271, 273, 274, 275.
Наметникъ Ив., мѣщ. глухов. 77.
Нандза Якимъ, в. т. 76.
Насека Илья, мѣщ. стародуб. 113.
Неня (см. Кеня) Ив., кз. сот. седнев. 148
Нестеренко Ост., мѣщ. черн. 199.
Нестеровскій Ив., атам. кур. 211.
Нетребенко Андрей, мѣщ. прилуц. 236.
Нефедъ (Нехведь) Ант., райца прилуц. 232, 235.
Нефедъ (Нехведь) Гр., мѣщ. прилуц. 233, 235.
Нефедъ (Нехведь) Дем., мѣщ. прилуц. 233, 235.
Нехаевскій Ив., ас. сот. городниц. 205.
Нечаевъ Іосифъ, мѣщ. стародуб. 112.
Нечай Кир., в. т. 31, 35.
Нидинъ Сид., мѣщ. прилуц. 232.
Никифоровъ Анис., в. канц. 77.
Николаевъ Ив., кз. сот. синяв. 149, 208.
Николаевъ Христоф., кз. черниг. 199.
Николаенко Зѣн., мѣщ. лубен. 135.
Николаенко Олефѣръ, кз. лубен. 137.
Никонь Вас., б. войтъ козелец. 211.
Ничипоренко Ос., мѣщ. прилуц. 237.
Новицкій Андрей, б. т. 53, 58.
Новицкій Петръ, б. т. 53, 58.
Носенко Ив., мѣщ. прилуц. 234.
Носовскій Корн., абш. з. т. 240.
Нудга Троф., з. т. 211.
Нудженко Степ., мѣщ. козелец. 212.

Ныніевъ Яковъ, капит. 67.
Нѣжинецъ Моис., кз. гор. лубен. 134.
Нѣ(е)мецъ Дан., атам. перво-лубен. сот. 55, 60.

О.

Оберемокъ Петръ, кз. лубен. 135.
Оболонскій Дем., б. т. 8, 76.
Оврашенко Кл., з. т. 66.
Огаревъ Николай, полк. старооск. пѣх. полка 188, 259, 260, 264, 267. 268, 269, 270, 271, 273, 274, 275, 276.
Огроновичъ Вас., подсуд. зем. пов. прилуц. 30, 35, 239.
Огроновичъ Гр., б. т. 53, 58.
Огроновичъ Гр., в. т. 54, 59.
Огроновичъ Ив., абш. подком. 53, 58.
Огроновичъ Пав., абш. хрж. полк. лубен. 53, 58.
Огроновичъ Яковъ, б. т. 53, 58.
Огроновичъ Яковъ, обоз. полк. прилуц. 30, 34, 238.
Одердоша Фил., мѣщ. прилуц. 236.
Оджа Ѳедоръ, мѣщ. прилуц. 237.
Одшилизевъ Яковъ, капит. 67.
Олдаховскій Ив., в. канц. 77.
Олѣйникъ Гавр., цехм. гончар. глухов. 77.
Олѣйникъ Ив., кз. гор. ромен. 135.
Олѣйникъ Сав., кз. гор. ромен. 135.
Олѣйникъ Сем., кз. сот. менск. 149, 208.
Олѣйниченко Илья, мѣщ. козелец. 212.
Онисимовъ Алексѣй, цехм. кравец. прилуц. 232, 235.
Ониславскій Ив., воз. пов. (?) 211.
Онищенко Гр., атам. второ-лубен. сот. 55, 60, 272.
Онищенко Пав., мѣщ. прилуц. 236.
Опонасенко Пав., мѣщ. прилуц. 233.
Орловскій Ив., гобоистъ в. муз. 137.
Оробіовскій Петръ, кз. лубен. 137.
Оробченко Олефѣръ, кз. гор. лубен. 134.
Осадшій Стеф., кз. сот. понорниц. 150, 210.
Осецкій (на стр. 59 Совецкій) Гр., з. т. ген. арт. 54, 59.
Остроградскій Андрей, подком. пов. остапов. 65.
Остроградскій Николай, сотн. 65, 69.
Остроградскій Пав., подк. пов. миргор. 65, 69.
Отрощенко Ѳедоръ, мѣщ. глухов. 77.
Охлей Яковъ, мѣщ. глухов. 77.
Охрѣменко Гр., мѣщ. прилуц. 232, 233.
Охрѣменко Кир., мѣщ. прилуц. 233.
Охрѣменко Ост., кз. сот. столин. 149, 208.
Охрѣменко Ѳедоръ, мѣщ. прилуц. 236.
Охрѣменковъ зять Вас., кз. лубен. 137.

П.

Павел(ь)ковъ Ив., з. т. 65, 70.
Павленко Гр., мѣщ. прилуц. 236.
Павленко Ром., кз. сот. бѣлоус. 149, 207.
Павловскій Ив., воз. подком. пов. глухов. 9.
Павловскій Ив., з. т.. 55.
Павловскій Мих., б. т. 204.
Павловъ Лукьянъ, абш. пѣвч. 77.
Падалка Троф., кз. сот. менск. 149, 208.
Палѣй Кир., кз. сот. бѣлоус. 149, 207.
Палюха Вас., мѣщ. прилуц. 232.
Палюха Игн., мѣщ. прилуц. 233.
Пам(н)филенко Кл., кз. сот. вибел. 149, 207.
Панащатенко Авкс., воз. сот. городниц. 195, 204.
Панко (Панченко) Ив., бурм. лубен. 261, 263, 264, 265, 266, 275.
Пап(в)ловскій Мих., б. т. 194.
Парпура Ив., кз. город. ромен. 135.
Пархомовъ Ив., ас. прилуц. полк. артил. 31, 36, 239.
Пасенко Петръ, коморн. пов. остер. 211.
Пасенко Стеф., подс. пов. козелец. 211.
Пасько Ив., кз. лубен 136.
Патѣкъ Евф., кз. лубен. 135.
Пашкевичъ Кондр., пис. магист. стародуб. 112.
Пащенко Ив., з. т. 65.
Пащенко Тим., в. т. 65.
Пащенковъ Наз., в. т. 65.
Пащенковъ Ром., в. т. 65.
Певинскій Ѳедоръ, атам. сот. ярескоа 66.
Певликъ Макс., атам. кур. гор. погар. 222.

Недь (см. Пудъ) Мих., кз. сот. менск. 208.
Пелешукъ Ив., мѣщ. прилуц. 236.
Пенскій Ив., пис. сот. остерск. 251, 255.
Передеріенко Вас., мѣщ. лубен. 263.
Передеріока Вас., мѣщ. лубен. 136.
Песоцкій Ив., пис. зем. пов. погар. 222, 224.
Песоцкій Кл., войтъ погар. 224.
Петрошевичъ Вас., хрж. черн. полк. 196, 205.
Петрашевичъ Емел., в. канц., атам. великобуд. 67, 70.
Петренко Евф. 211.
Петриковецъ Уст., бурм козелец. 211.
Петриковецъ Яковъ, б. бурм. козелец. 211.
Петрикъ Макс., кз. гор. лубен. 135.
Петрила Вас., мѣщ. стародуб. 112.
Петровскій Гр., з. т. 194.
Петровскій Гр., коморн. пов. менск. 204.
Петровъ Ив., кз. сот. волын. 150, 209.
Петровъ Ив., кз. лубен. 135.
Петровъ Кондр., мѣщ. глух. 77.
Петруша Матв., кз. сот. полк. лубен. 161, 242.
Петрушинецъ Куз., кз. сот. роисск. 150, 209.
Петрушинецъ Мих., мѣщ. черниг. 197.
Петръ I, имп. 6, 20, 24, 25, 28, 46, 51, 79, 94, 97, 115, 118, 139, 143, 158, 177, 181.
Петръ II, имп. 24, 25.
Пилипенко Макс., кз. сот. столин. 149, 208.
Пилипенко Сем., воз. 65.
Пилиповичъ Пав., кз. сот. любец. 150, 209.
Пищимукъ Лука, ст. канц. миргор. п. 289.
Плакса Мих., воз. иваниц. 30, 35.
Плакса Ѳедоръ, мѣщ. черниг. 197.
Плиска Вас., кз. сот. монастыр. 162, 242.
Плохута Гр., абш. атам. черниг. 196, 198, 205.
Плохута Яковъ, з. т. 196.
Плохута Ѳед., атам. гор. черниг. 196, 198, 205.
Плутка Гр., мѣщ. козелец. 212.
Погорѣлый Алексѣй, мѣщ. прилуц. 235.
Подгорный Ив., кз. гор. луб. 134.
Поддубинъ Вас., мщ. черниг. 199.
Поддубный Маркъ, подканц. лубен. полк. канц. 136, 137.
Поджарка Ѳедосъ, мѣщ. стародуб. 112.
Подовскій Гр., в. т. 31.
Поле(ѣ)тика Гр. 276, 277.
Полетика Стеф., сотн. констант. 53.
Полешодъ Ег., мѣщ. стародуб. 113.
Поливода Евдок., цехм. шевс. черниг. 198.
Полома Яковъ, в. т. 31, 35.
Полонѣцкій Вас., в. т. 194.
Полторацкій Ив., б. т. 194, 204.
Полунѣй Мих., з. т. 54, 59, 134.
Полѣзинскій Гр., з. т. 211.
Полѣй (см. Палѣй).
Полянка Іосифъ, з. т. 54, 59.
Понасъ Гр., в. т. 222.
Понасъ Гр., войтъ погар. 223, 224, 226.
Поплавскій Ѳедоръ, кз. сот. волын. 150, 209.
Поповичъ Ив., кз. лубен. 135.
Попольскій Петръ, мѣщ. стародуб. 112.
Портновъ Стеф. 197.
Постволъ Ѳедоръ, атам. город. козелец. 211.
Постол(ь)никъ Дм., бурм. лубен. 135. 263, 264, 268, 272, 275.
Постолникъ Петръ, мѣщ. стародуб. 112.
Посудевскій Ив., сотн. любец. 193, 203.
Посудевскій Петръ, сотн. полк. черн. 205.
Потапенко Адр., з. т. 9.
Потапенко Аѳан., сотн. яресков. 66.
Потапенко Ив., кз. второварвин. сот. 161, 241.
Пошевня Герас., з. т. 211.
Пошлянскій см. Могилянскій.
Приваловъ (Привалъ) Ден., гол. погар. 220, 221, 222, 225, 226.
Приказный Пант., з. т. 66.
Приступенко Кондр., мѣщ. прилуц. 236.
Причина Хар., мѣщ. прилуц. 232.
Прожига Дм., канц. черниг. конс. 197.
Прожика Ѳедоръ, абш. сотн. 112.
Прокоповичъ Степ., в. т., почтм. прилуц. 30, 35, 240.

Прохоровъ Іоаннъ, вик. свящ. лубен. Троиц. ц. 134.
Приблуда Гр., в. т. 8.
Пудъ (см. Педь) Мих., кз. сот. менск. 149.
Пухирь Гр., мѣщ. лубен. 137, 264.
Пухнатый Николай, мѣщ. козелец. 212.
Пухнатый Өедоръ, мѣщ. козелец. 212.
Пухнатый Яковъ, мѣщ. козелец. 212.
Пушкаревъ Ив., кз. погарск. 222.
Пѣкуль Макс., кз. лубен. 135.
Пѣсоцкій Ив., в. канц. 77.
Пятигорскій Петръ, канц. полк. прилуц. 31, 36, 239, 243.

Р.

Рабка см. Рибка.
Работенко Ив., кз. лубен. 135.
Рабуха см. Рябуха.
Радецкій Леонтій, з. т. 211.
Радичъ Өедоръ, з. т. 195, 199, 204.
Радишевичъ Вас., воз. пов. иваниц. 30, 35.
Радченко Корн., кз. лубен. 135.
Разумовскій гр. Алексѣй Гр. 253, 258.
Разумовскій гр. Кир. Гр., гетм. 44, 48, 50, 63, 67, 80, 96, 100, 128, 130, 141, 278.
Разумовскій Петръ, полк. нѣжин. 190.
Райпольскій Ив., сынъ в. т. 149, 193, 203.
Райпольскій Никита, в. т. 149, 193.
Раковичъ Зах., б. т. 30, 34.
Раковичъ Лавр., б. т. 30, 34.
Ракъ Никита, райца черниг. 198.
Рашевскій Ив., полк. канц. 194.
Рашевскій Іосифъ, б. т. 192, 203.
Рашевскій Степ., в. канц. 194.
Рвачевскій Род. (на стр. 58 Дачевскій), ас. полк. лубен. 53.
Ребій Ром., райца черниг. 199.
Ребій Сем., мѣщ. черниг. 199.
Рева Гр., з. т. 54, 60.
Ревуцкій Өедоръ, бурм. глухов. 76.
Редка Яковъ, кз. сот. волын. 150, 209.
Редченко Вас., кз. сот. городниц. 150, 210.
Редька Ост. атам. сот. куземын. 65.
Рекало Фил., мѣщ. прилуц. 236.
Рибка Дан., кз. лубен. 137.
Рибка Ив., кз. лубен. 136.
Рибка Корн., кз. лубен. 137.
Рибчинъ зять Андрей, кз. лубен. 136.
Рижный Гр., мѣщ. прилуц. 232.
Римарь Андр., кз. черниг. 197.
Римарь Ив., мѣщ. черниг. 199.
Римарь Никола, мѣщ. лубен. 135.
Римша Өедоръ, сотн. седнев. 205.
Рогуля Гр., пис. гор. полтав. 287.
Родзянка Вас., б. т. 66, 69.
Родзянка Ив., подком. 66, 69.
Родзянка Ив., сотн. хорольс. 66, 70.
Родзянка Іерем., обоз. полк. миргород. 66, 69.
Родинскій Дан., бурм. стародуб. 101, 213.
Родіоновъ Алексѣй, з. т. и почтм. глух. 77.
Рож(н)овскій Мих., в. т. 30, 35.
Рожченко Тим., кз. прилуц. 234.
Романецъ Сав., кз. сот. киселев. 149, 207.
Романовичъ Ив., абш. полк. суд. прилуц. 30, 35, 244.
Романовичъ Петръ, кз. сот. ичанс. 156, 163, 231, 241, 245.
Романовичъ Петръ, кз. сот. монастырис. 30, 35.
Романскій Алексѣй, воз. сот. остапов. 65.
Роменскій Мих., з. т. 66.
Ростургуй Петръ, райца стародуб. 112.
Рубановъ Петръ, з. т. 66.
Рубанъ Ив., кз. сот. перво-варвин. 162, 242.
Рубанъ Ром., кз. лубен. 137.
Рублевскій Власъ, ас. полк. лубен. артил. 55, 60, 134.
Рудь Андрей, мѣщ. лубен. 135, 264.
Рудь Кир., мѣщ. лубен. 275.
Румянцевъ гр. П. А. 5, 8, 20, 40, 43, 48, 50, 56, 61, 76, 79, 99, 108, 113, 121, 122, 185, 187, 188, 190, 191, 200, 205, 212, 213, 215, 218, 219, 221, 223, 226, 228, 230, 231, 233, 237, 242, 245, 246, 248, 249, 250, 259, 260, 263, 264, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 278, 280, 282, 285, 286, 290, 292.

Рустановичъ Яковъ, подсуд. зем. пов. золотонош. 250.
Рыжій Гр., мѣщ. прилуц. 235.
Рѣпчанскій Гр., з. т. 54, 59.
Ря(а)буха Гр., мѣщ. лубен. 135, 264.
Рябуха Сав., мѣщ. лубен. 263.

С.

Савицкій Гр., пис. зем. пов. ромен. 53, 58.
Савицкій Дан., кз. сот. понорн. 149. 150, 210.
Савицкій Ѳед., кз. сот. любец. 150, 209.
Савичъ Ив., воз. сот. любец. 195, 204.
Савлукъ Аѳан., канц. лубен. гр. суда 55, 60.
Савченко Якимъ, кз. сот. столин. 149, 208.
Садовенко Бор., з. т. 211.
Сакало Моис., райца козелец. 211.
Сакунъ Ос., кз. сот. иваниц. 162, 242.
Саливановичъ (см. Селивановъ) Конст., з. т. 203.
Салимовскій Ив., з. т. 55.
Салко Ив., кз. лубен. 137.
Салко Панасъ, кз. лубен. 135.
Салогубъ Коз., в. т. 31, 35.
Салогубъ Макс., в. т. 31, 35.
Салогубъ Степ., в. т 31, 35.
Самарскій Степ., воз. грод. 30, 35.
Самойловичъ Ив., гетм. 4, 13, 25, 165, 175.
Самойловскій Пав., гол. лубен. 54, 270.
Самоненко Дан., кз. сот. седнев. 148, 206.
Самохвалъ Андрей, канц. зем. суда ромен. пов. 55, 60.
Самуйловичъ Алексѣй, воз. кур. сот. пов. лубен. 55.
Самуйловскій Ив., канц. лубен. грод. суда 55, 60.
Самусь Ив., мѣщ. козелец. 212.
Санковскій Ив., райца черниг. 199.
Сарафіоновъ Ив., райца черниг. 199.
Сахненко Емел., з. т. 54 (см. Иваненко).
Сахновскій Гр., полк. суд. 66, 69.
Сахновскій Ив., ас. полк. черниг. 193, 203.
Сахновскій Ив., обоз. полк. черн. 192, 196, 203.
Сахновскій Іоакимъ, сотн. березен. 193, 203.
Сахновскій Іосифъ, в. т. 193, 203.
Сахновскій Пав., воз. сот. березен. 193, 203.
Сахновскій Пав., сот. менск. 193, 203.
Сахновскій Пант., в. т. 193, 203.
Сахновскій Петръ, сотн. горошин. 53, 59.
Сахновскій Степ., в. т. 192, 203.
Свечка Петръ, канц. полк. лубен. канц. 55, 60.
Свислоцкій Андрей, мѣщ. черниг. 198.
Свѣрскій Ѳедоръ, суд. зем. пов. иваниц. и сотн. и ваниц. 30, 34, 243, 244.
Свѣтенко Пав., кз. лубен. 136.
Свѣтъ Март., кз. лубен. 137.
Свѣтъ Пав., сотн. глинск. 53, 59.
Севастьяновичъ Матв., в. канц., 30, 35.
Сезоновичъ Серг., з. т. 251, 257.
Селастеникъ Якимъ, з. т. 54, 59.
Селивановъ (см. Саливановичъ) Конст., з. т. 193.
Семека Алексѣй, хрж. сот. погар. 222.
Семеновъ Ос., канц. полк. лубен. канц. 55, 60.
Семеновъ Фил., канц. суда гор. лубен. 55.
Семеновъ Ѳедоръ 197.
Семко Ден., мѣщ. прилуц. 232, 236.
Семко Ив., мѣщ. прилуц. 232.
Сенюта Мих., з. т. 195, 204.
Сенюта Тим., суд. полк. 205.
Сербиновичъ Ив., в. т. 193, 203.
Сергіенко Ант., канц. 236.
Серде(ю)ченко Моис., кз. менск. 139.
Сердюковъ Ив., пис. сот. кролевец. 9.
Сивуненко Ив., мѣщ. лубен. 136.
Сивуненко Никола, кз. лубен. 137.
Сивунь Арт., мѣщ. лубен. 135.
Сигизмундъ-Августъ, кор. польск. 5, 11, 12, 18, 25, 57, 144, 168.
Сигизмундъ I, кор. пол. 25.
Сигизмундъ III, кор. пол. 79, 101, 110.
Сидоренко Ант., кз. лубен. 135.
Сидоренко Ив., кз. сот. менск. 149, 208.
Сидоровъ Стеф., кз. сенчан. 137.
Сидорскій Андрей, городничій лубен. 55, 60, 134.
Сидор(н)скій Герас., канц. суда грод. лубен. 55, 60.

Сили(ѣ)чъ Ант., в. т. 195, 204.
Сильвестръ, свящ. останов. 288.
Сильченокъ Дан., мѣщ. погар. 222.
Синѣлниченко Степ., мѣщ. козелец. 212.
Ситенскій Іосифъ, обоз. полк. гадяц. 65, 70.
Ситенскій Ѳедоръ, сотн. полк. гадяц. 65, 70.
Скаржинскій Мих., сотн. 2 лубен. полк. сотни. 53, 59.
Скиба Іосифъ, воз. сот. яресков. 66.
Скиба Сем., мѣщ. прилуц. 236.
Скопецъ Сем., мѣщ. стародуб. 112.
Скоропадскій, гетм. 25, 91, 92, 104, 109, 110, 116, 118, 148, 157.
Скоропадскій Ив., ас. ген. 3, 9, 23, 33, 71, 191, 202, 230, 239, 240.
Скрипчинскій, протоіерей переясл. 257.
Скриль Яковъ, кз. сот. сосниц. 149, 209.
Скуевскій Макс., з. т. 211.
Славскій Алдръ, атам. глух. 77.
Слесарь Марко, мѣщ. стародуб. 112.
Слива Якимъ, мѣщ. прилуц. 234.
Слышевскій Прок., ат. сот. сосниц. 205.
Слѣсарь Мих., кз. черниг. 198.
Слюзъ Пав., кнц. суда зем. пов. лубен. 55, 60.
Слюзъ Сем., в. т. 54, 59.
Слюсаренко Троф., кз. лубен. 136.
Смаль Сем., кз. сот. менск. 149, 208.
Соболевскій Влад., сотн. погар. 222.
Соболевскій Гр., в. т. 222, 224, 225.
Соболевскій Сем., сотн. погар. 90.
Совецкій (см. Осецкій) Гр., з. т. ген. арт. 59.
Соколовскій Николай, в. т. 193, 203.
Соколовскій Ром., в. канц. 30, 35.
Соколовскій Яковъ, в. т. 66.
Соколовъ Прок., гус. прапорщ. 199.
Сокоцкій Іовъ, з. т. 196.
Сологовъ кн. Пав., поруч. 67.
Солодкій Троф., кз. гор. лубен. 134.
Солодовникъ Гр., кз. гор. лубен. 134.
Солодовникъ Якимъ, мѣщ. стародуб. 112
Солодовникъ, Яцко, кз. лубен. 137.
Соломаха Ант., з. т. 31, 36, 240.
Соломаха Корн., з. т. 31, 35.
Соломаха Мих., з. т. 31, 35.
Соломаха Моис., мѣщ. прилуц. 232, 235.
Соломаха Николай, з. т. 31, 35, 234.
Соломянникъ Прок., кз. сот. менск. 149, 208.
Солонина Алдръ, подком. козелец пов. 246, 251, 255.
Солонина Ив., сотн. остерск. 246, 251, 255.
Сопуненко Андрей, кз. лубен. 136.
Сопунъ Степ., кз. лубен. 135.
Сорока Алексѣй, кз. сот. переволоч. 161, 242.
Сорока Гр., з. т. 222, 224.
Сорока, свящ. погар. 224.
Сосницкій Тер., мѣщ. черниг. 198.
Софроно Ив., мѣщ. стародуб. 112.
Софроно Степ., мѣщ. стародуб. 112.
Софья Алексѣевна, правительница 28.
Спасиба Степ., мѣщ. стародуб. 112.
Спасиба Тер., мѣщ. стародуб. 112.
Спицкій Гр., кз. корыбутов. 242.
Сподинъ Пав., кс. лубен. 137.
Ставецкій Ив., подсуд. зем. пов. зеньков. 66.
Стави(ц)кій Ѳедоръ, ас. полк. гадяц. 65, 70.
Ставицкій Ив., пис. зем. пов. гадяц. 65, 70.
Стадникъ Сем., мѣщ. черниг. 199.
Стаинскій Вас., воз. пов. черниг. 196.
Стаинскій Сем., пис. суда грод. черниг. 196, 205.
Станиславскій Серг., полк. перм. караб. полка 290.
Стани(ѣ)славскій Сем., кз. ст. берез. 149, 208.
Станко Сав., мщ. прл. 233, 235.
Станѣславскій Емел., вз. ст. сосн. 194, 204.
Станѣславскій Прок., райца черн. 199.
Стасюкъ Коз., кз. сот. берез. 149, 208.
Стаховичъ Петръ, б. т. 193, 203.
Стаховскій Тим., ат. гор. прл. 31, 36, 240.
Стаховскій Ѳедоръ, абш. ст. ат. 240.
Стебленскій Игн., мщ. пгр. 222.
Стельмахъ Ив., мщ. лбн. 136.
Степановичъ Корн., в. кнц. 66.
Степуренко Прох., мщ. прл. 234.
Стефановичъ Вас., сд. плк. лбн. 53, 58.
Стефановскій Ив., кмр. пв. чрнг. 196.

Стодола Алексѣй, мщ. чрнг. 197.
Стодолѣнскій Ив., вз. ст. роис. 194.
Стороженко Алдръ, в. т. 30, 35.
Стороженко Гр., в. т. 30, 35.
Стороженко Дав., мщ. прлц. 236.
Стороженко Нкф., мщ. прл. 232, 236.
Стражевскій Өедоръ, вз. ст. коропс. 8.
Стремоуховъ Мих., пр.-маіоръ борисоглѣб. дрг. п. 188, 226, 228, 231, 233, 237, 238, 245.
Струленко Гавр., мщ. прл. 233.
Струль Дм., мщ. прл. 233.
Сукнѣцкій Дм., ат. ст. городн. 205.
Сурмило Өедоръ, кз. с. слабин. 149, 207.
Сурченко Кир., войтъ пгр. 88, 89.
Сучакъ Ив., мщ. прл. 236.
Сученко Макс., кз. гор. ромен. 135.
Сушко Степ., кз. лбн. 135.
Сущевскій Андрей, мщ. лбн. 263.
Сылевичъ Алексѣй, б. т. 8.

Т.

Табататзевъ Ег., поруч. 67.
Тарабаненко Дан., мщ. прл. 234.
Тарара Ив., кз., ичан. 161, 241.
Тарасевичъ Гавр., мщ. чернг. 200.
Тарасевичъ Дем., абш. пис. ст. берез. 205.
Тарасе(о)вичъ Ив., мщ. прл. 232, 235.
Тарасовичъ Никиф., мщ. прилуц. 233.
Тарасенко Зах., в. т. 31, 36.
Тарасенко Ост., кз. лбн. 135.
Тарасовъ Өед., в. т. 9.
Тарновскій Ив., стн. варвин. 30, 35.
Тарновскій Петръ, стн. жорав. 30, 35.
Терентенко Дан., в. т. 66.
Терентенко Өед., мщ. прл. 232.
Терентѣй Мусѣй, мщ. прл. 232.
Терентѣй Өедоръ, мѣщ. прил. 236.
Терехно Степ., кз. ст. ролеск. 209.
Терлецкій Вас., капит. 229.
Тернѣцкій Емел., кз. сот. перевол. 161, 242.
Тетухъ Моис., кз. сот. красноколяд. 162, 242.
Тимофѣевъ, з. т. 256.
Тимофѣевъ Маркъ, вз. второ-миргор. с. 288.
Тимошевскій Вас., в. т. 31, 35.
Титовичъ Тим., ат. с. вибельс. 205.
Тихоновичъ Пав., з. т. 195, 204.
Тищенко Гр., мщ. прлц. 233.
Тищенко Макс., мщ. прл. 233.
Тищенко Сем., жит. прл. 232.
Тищенко Яковъ, кнцл. лубен. гр. суда 55, 60.
Товстолѣсъ Гр., з. т. 194, 204.
Товстолѣсъ Ив., в. т. 194, 204.
Товстопятъ Өед., мщ. прл. 232.
Томара Степ., б. т. 248, 250, 251, 257, 259.
Тренбачъ Өома, з. т. 54, 60.
Тризна Андр., стн. вибел. 192.
Тризна Николай, б. т. 195, 204.
Тризна Яковъ, в. канц. 195, 204.
Трилѣскій Гр., кз. гор. лбн. 135.
Трипольскій Ив., стн. куземин. 65.
Трифоновскій Ив., в. кнц. 30, 35.
Трифоновскій Яковъ, в. т. 30, 35.
Троцина Өад., в. т. 30, 35.
Троцкій Тим., в. т. 30, 35.
Троцкій Ив., в. т. 31, 35.
Трощинскій Андр., в. т. 66.
Трояновскій Ив., воз. второкомыш. 66.
Трусевичъ Гр., в. т. 8.
Трусевичъ Ив., в. т. 194.
Трусевичъ Мих., б. т. 8.
Туманскій, ген. пис. 188.
Туманскій Вас. прсл. прдв. шлх. 246, 251, 252, 259.
Туманскій Ос., кол. ас. 8.
Туранскій Ив., б. т. 8.
Турокъ Іосифъ, пос. ст. пгр. 225.
Тухареловъ Николай, вахм. 67.
Тымченко Ив., з. т. 65.
Тымченко Дан., з. т. 66.

У.

Уманецъ Вас., в. т. 8.
Уманецъ Макс., в. канц 77.
Уманецъ Сем., стн. глх. 77, 188, 190, 191.
Уманецъ Фил., з. т. 9.
Умѣнъ Никита, хрж. плк. прл. 30, 35, 238, 241.
Усаха Өед., мѣщ. козелец. 212.
Устименко Пав., кз. лбн. 135.
Устименко Тим., кз. лбн. 135.
Устименко Яковъ, кз. лбн. 135.
Устименко Өед., кз. лбн. 135.

Устымовичъ Андрей, пис. зем. 65, 70.
Уточка Ѳед., мщ. козелец. 212.

Ф.

Фасовецъ Степ., кнц. полк. черн. 205.
Федоренко Вас., в. т. 31, 35.
Федоренко Гр., ас. корибутов. 31, 36.
Федоровичъ Ант., вз. корибутов. 30, 35.
Федоровскій Андрей, вз. грод. 30, 35.
Федоровскій Ив., з. т. 9.
Федоровъ Пав., кз. город. ромен. 135.
Федорченко, кз. ст. сосницк. 209.
Федосенко Стеф., кз. ст. сосниц. 149.
Федосовъ Ив., з. т. 192, 203.
Фесенко Ив., мщ. лбн. 136, 263.
Филоновичъ Евф., в. т. 8.
Филоновичъ Лук., з. т. 9.
Филько Гавр., мщ. стародуб. 113.
Фоменко Ив., мщ. прлц. 232.

Х.

Ханенко Николай, ген. хрж. 90.
Харченко Алексѣй, з. т. 195, 204.
Харченко Алексѣй, мщ. прл. 232, 234.
Харченко Гр., кз. ст. березен. 149, 208.
Харченко Гр., мщ. прл. 236.
Харченко Петръ, вз. сребран. 30, 35.
Харченко Прок., мщ. прлц. 233, 235,
Харченко Ѳед., кз. сот. сребран. 161. 241.
Хведоренко Ѳома, мщ. лбн. 135, 264.
Хвененко Гр., мщ. прлц. 232.
Хитрик(н)ъ Сем., мщ. прл. 232, 236.
Хилчевскій Ѳед., абш. полк. лбн. хрж. 53, 58.
Хлоповъ Кир., стольникъ 89.
Хлѣбовскій Ив., райца черниг. 198.
Хлѣбовскій Яковъ, мщ. чрнг. 197.
Хмельникъ Гр., мщ. глх. 77.
Хме(ѣ)льницкій Богд., гетм. 24, 25, 34, 37, 40, 48, 57, 68, 90, 138, 140, 142, 148, 151, 152, 153, 157, 158, 160, 165, 174, 178, 182.
Хме(ѣ)льницкій Юрій, гетм. 25, 157.
Хованскій кн. Юрій, плк. 216, 217.
Холоднякъ Макс., мщ. лбн. 137, 264.
Холоднякъ Пав., пис. рат. лбн. 135, 261, 264, 265, 266.
Холодовскій Ром., з. т. 65.
Холодъ Гр., армашъ 234.
Хоменко Ив., мщ. прлц. 235.
Хорошковатый Макс., мщ. лбн. 263.
Худыня Ив., мщ. стародуб. 112.
Худыня Сем., лавн. стародуб. 112.

Ц.

Цалабанъ Гавр., мщ. стародуб. 112.
Цехановичъ Гіеронимъ, ревизоръ 1625 г. 79, 80.
Циба Андрей, ас. ст. второлубн. 55, 60.
Циганенко Вас., кз. лбн. 137.
Ци(ы)ганенко Ѳед., з. т. 54, 60.
Цинбалистый Илья, кз. прл. 234.
Цурка Петръ, з. т. 66.
Цѣпакъ Ив., мщ. прл. 233, 235.

Ч.

Чайка Арт., кз. лбн. 135.
Чайка Ив., мщ. козелец. 212.
Чаленко Ѳед., мщ. прлц. 232.
Чарнуцкій Ив., в. кнц. 77.
Чарнышовъ Петръ, в. т., войтъ полт. 66.
Чарнышъ Ив., пис. полк. миргор. 65, 70.
Черевачъ Никиф., кз. сот. городниц. 150, 210.
Черепаха Никиф., ат. гор. 67.
Черниский Вас., кнц. полк. чрнг. 205.
Черницкій Алексѣй, стн. яблонов. 53, 59.
Чернышевъ Лука, кз. ст. корибутов 162, 163, 242.
Чернявскій Мих., в. т. 240, 241.
Чернякъ Ив., з. т. 66.
Чернякъ Степ., з. т. 66.
Чеснокъ Кондр., ас. 31, 36.
Черномурецъ Гр., мщ. прлц. 235.
Че(о)рному(о)рецъ Ив., мщ. прлц. 233, 234.
Чечуй Петръ, мщ. стародуб. 112.
Чижъ Игн., кз. лбн. 137.
Чиквойдзевъ Сем., сек.-маіоръ 67.
Чикисенко Гр., кз. лбн. 135.
Чинчикъ Ѳед., кз. сот. сосниц. 149. 209.
Чи(е)черинъ Ник., спб. гн.-полцм. 227.
Чичикало Яковъ, кз. прлц. 234.
Чуйко Макс., мщ. прлц. 232, 236.
Чумаковъ Гр., мщ. стародуб. 113.
Чумаковъ Сем., мщ. стародуб. 112.

Чумакъ (см. Булгакъ) Ив., кз. ст. полк. черн. 149.

Ш.

Шабловскій Андрей, войтъ стародуб. 102.
Шаповалъ Пав., мщ. прлц. 232, 235.
Шапочникъ Конст., мщ. прлц. 236.
Шапочникъ Сем., кз. лбн. 134.
Шапочникъ Ѳед., кз. лбн. 136.
Шарко Дан., мѣщ. прил. 233.
Шарко Сем., мщ. прлц. 233, 235.
Шарой Никиф., войтъ чрнг. 198, 200.
Шаршановичъ Евф., з. т. 193, 205.
Шаршановичъ Ив., стн. киселев. 205.
Шаховскій кн., г.-лт. 27.
Шахрай Ив., хрж. ст. 211.
Швецъ Николай, мщ. прлц. 236.
Швець Серг., кз. лбн. 137.
Шевель Пав., кз. ст. седнев. 148, 206.
Шемшуковъ Моисей, в. кнц. 77
Шеневскій Ив., мщ. козелец. 212.
Шепелявый Дан., вз. ст. чигринъ-дубров. 54, 60.
Шепелявый Макс., мщ. прлц. 234.
Шептуха Кононъ, кз. козелец. 211.
Шереметъ Іосифъ, почтал. чрнг. 198.
Шиленко Ром., мщ. прлц. 237.
Шило Дан., кз. ст. слабин. 149, 207.
Шимка Алдръ, з. т. 134.
Шимковъ, ат. сорочин. 284.
Ширяй Мих., подк. пов. стародуб. 105, 106.
Ширяй Спир., войтъ стародуб. 104, 105.
Широгроцкій Аѳ., райца чрнг. 199, 203.
Шихуцкій Ив., ас. чрн. полк. артил. 193, 203.
Шихуцкій Степ., хрж. сот. роисск. 195, 204.
Шихуцкій Яковъ, абш. ас. чрн. плк. арт. 193, 203.
Шишка Алдръ, з. т. 54, 59.
Шкляревичъ Аѳ., суд. зем. пов. ромен. 53, 58.
Шкляренокъ Горд., мщ. чрнг. 197.
Шкурка Кал., мщ. чрнг. 199.
Шкурка Зах., вз. ст. богац. 65.
Шлякевичъ Дан., з. т. 9.
Шлякъ Никита, в. т. 30, 35, 240.
Шнурчевскій Вас., в. т. 30, 35.
Шнурчевскій полк. пис. 238.
Шостакъ Ив., з. т. 54, 60.
Шостакъ Илья, стн. лютеньс. 66, 70.
Штацкій Ѳед., кз. чрнг. 197.
Шуба Мих., в. т. 192, 203.
Шуенко Корн., в. т. 31, 35.
Шулячевскій Конст., ком. пов. ромен. 134, 272.
Шумовскій Макс., кз. чрнг. 198.
Шумъ Матв., суд. зем. пов. козелец. 211.
Шумъ Пав., з. т. 211.
Шупикъ Мина, кз. ст. седнев. 148, 207.
Шутенко Илья, ст. потоц. 66.

Щ.

Щербакъ Ив., мщ. чрнг. 197.
Щербакъ Макс., стн. первопирят. 53, 59.
Щербиновичъ Гр., мщ. стародуб. 112.
Щока (Щочка) Игн., хрж. полк. лбн. арт. 55, 60, 134, 272.

Ю.

Юзефовичъ, з. т. 256.
Юни(ѣ)цкій Петръ, в. т. 195, 204.
Юр(с?)кевичъ Ант., в. т. 240.
Юркевичъ Ив., кнц. полк. черниг. 205.
Юркевичъ Петръ, хрж. ген. в. арт. 8.
Юрченко Ив., мщ. козелец. 212.
Юрченко Юско, цехм. ковал. прлц. 232.
Юс(р?)кевичъ Ант., в. т. 30, 35.
Ющенко Стеф., з. т. 134.

Я.

Ягелло, кор. пол., в. к. лит. 170.
Ягельне(ѣ)цкій Ив., пис. плк. прлц. 231, 238, 239, 241.
Якименко Макс., кз. журав. 162, 242.
Якименко Тим., кз. лбн. 134.
Якимовичъ Андр., см. Іакимовичъ.
Якимовичъ Ер., пис. ст. сосниц. 205.
Якимовъ Ѳед., мщ. прлц. 232, 235.
Яковенко Ив., в. т. 66.
Яковенко Пав., в. т. 66.
Яковенко Яковъ, хрж. ст. ромен. 55, 60.
Яковенко Ѳома, мщ. лбн. 263.
Яковлевъ Гавр., в. т. 31, 35.
Яковлевъ Пав., кз. носов. 251, 259.
Яковлевъ Яковъ, в. кнц. 77.
Яловецъ Ив., мщ. козелец. 212.

Яновскій Андрей, пис. ген. в. арт. 9.
Яновскій Кондр., ат. сот. 55.
Яновскій Серг., ат. 2 полк. гадяц. ст. 66, 70.
Яновскій Якимъ, пртп. полт. 287, 288.
Янъ-Казимиръ, кор. пол. 79.
Яременко Гр., мщ. прлц. 233.
Яременко Сав., цехм. рѣзн. прлц. 232.
Яремовъ Сав., мщ. прилуц. 232, 235.
Ярмаковъ Ѳед., пис. сот. иваниц. 31, 36.
Ярмакъ Ант., мщ. прлц. 232.
Ярмакъ Ѳед., мщ. прл. 236.
Ярмаченко Лук., мщ. прлц. 233.
Яроховскій Алдръ, пис. маг. козел. 212.
Ярошенко Кл., кз. ст. роисск. 150, 209.
Ярошенко Мих., кз. лбн. 135.
Ятрилокатовъ Яковъ, мщ. стародуб. 113.
Яценко Макс., в. кнц. 77.
Яценко Ѳома, мщ. лбн. 136, 263.
Ященко Вас., кз. ст. роисск. 150, 209.
Ященко Ив., кз. ст. синяв. 149, 208.

П. ЖИТЕЦКІЙ.

СЛОВАРЬ

КНИЖНОЙ МАЛОРУССКОЙ РѢЧИ

ПО

РУКОПИСИ XVII ВѢКА.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул. д. № 4.
1888.

Въ библіотекѣ кіево-печерской лавры, подъ № XII, 17, хранится помѣщаемая нами въ видѣ приложенія къ „Кіевской Старинѣ“ рукопись подъ заглавіемъ: „Синонима славенороссская“. Она переплетена въ одну книгу съ грамматикой Мелетія Смотрицкаго. Экземпляръ грамматики полный, съ фортой, на которой обозначенъ 1619 годъ. Грамматика отдѣляется отъ рукописи двумя листками. Первый листокъ чистый, на второмъ написанъ „уставъ, како чернило дѣлати“. Пагинаціи въ рукописи нѣтъ. Всѣхъ листковъ 185, на которыхъ однимъ и тѣмъ же почеркомъ написаны „Синонима славенороссская“. Это—ничто иное, какъ словарь книжной малорусской рѣчи съ объясненіемъ каждаго слова посредствомъ синонимическихъ славянскихъ словъ.

Словарь расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ. Алфавитъ строго не выдержанъ, особенно въ третьихъ буквахъ. Алфавитъ второй буквы (напр. *ба*, *бе*, *би* и проч.) отмѣчается въ новой строкѣ, составляющей заглавіе, подъ которымъ помѣщаются соотвѣтствующія слова. Между отдѣльными группами словъ оставлены пустыя мѣста неодинаковыхъ размѣровъ, иногда на цѣлую страницу, для вписыванія новыхъ словъ. Гдѣ нѣтъ пустыхъ мѣстъ, тамъ встрѣчаются приписки на поляхъ рукописи. Иногда слова одного корня разнесены по недосмотру въ разныя группы: такъ, слово *гнѣвъ* стоитъ послѣднимъ въ ряду словъ, начинающихся слогомъ *го*, а *гнѣваюся* стоитъ первымъ въ группѣ словъ, начинающихся буквами *гн*. Иногда два объясняемыя слова пишутся въ одну строку, напр: „*Англія—Британія; Анѣмушъ—щапство*“. Нерѣдко также черезъ нѣсколько словъ повторяется выше стоящее съ тѣми самими или же иными синонимическими объясненіями. Нѣкоторыя слова оставлены безъ всякихъ объясненій, другія объясняются посредствомъ простыхъ повтореній объяс-

няемаго, напр. „*дуга — дуга; духъ — духъ; женихъ — женихъ*“ и т. п.

По всему видно, что мы имѣемъ дѣло съ черновой работой, предназначенной не для печати, а для личнаго употребленія. Видно это, между прочимъ, изъ правописанія рукописи. Знаки препинанія поставлены случайно. Двоеточіе встрѣчается иногда между объясняемымъ словомъ и объясняющимъ, но большею частію между этими словами нѣтъ никакого знака. То же и съ запятой: иногда она стоитъ, гдѣ слѣдуетъ, иногда же нѣтъ ея тамъ, гдѣ слѣдовало бы поставить. Надстрочныхъ знаковъ мало: они стоятъ только надъ *о* (ѿ) и надъ *и* (н҃), титла—надъ немногими словами, такими, напр., какъ блг҃о, гд҃ь и проч. Изъ гласныхъ буквъ ꙗ предпочитается буквѣ ѧ: послѣдняя изрѣдка встрѣчается только въ словахъ славянскихъ; напр: „*брꙗцало*—брѧцало; *вырѣкаюсꙗ*—отмѣтаюсѧ“. Во всей рукописи замѣтно рѣзкое смѣшеніе *ы* съ *и* съ рѣшительнымъ преобладаніемъ перваго надъ послѣднимъ. Это обстоятельство произвело значительную путаницу въ алфавитномъ распредѣленіи словъ, которыя начинаются предлогомъ *вы*. Для звука *у* есть три буквы: ȣ, оу и ꙋ: первая встрѣчается чаще другихъ, послѣдняя рѣже другихъ. Согласный *h* отличенъ отъ согласнаго *g*: первый отмѣчается посредствомъ обыкновенной буквы *г*, а послѣдній посредствомъ прописной буквы *Г*, которая пишется не только въ началѣ, но и въ срединѣ слова. Въ печати она получила бы форму ґ, поэтому мы и передаемъ ее посредствомъ этой буквы.

Лексическіе пріемы составителя словаря нельзя назвать удачными. Часто синонимы не соотвѣтствуютъ другъ другу грамматической формой словъ, напр: „*забавно—косню; забытися—изумленіе*“. Начальной формой глагола, какъ и П. Берында, составитель принимаетъ 1 л. наст. времени изъявит. накл., но иногда объясняетъ глаголъ не въ этой начальной формѣ, а въ косвенной, напр: „*засмѣялося—возсмѣяся; заволай—вопій*“,—объясняетъ также цѣлыя фразы, не возстановляя основнаго слова въ его начальной формѣ: „*за волею Божею—волею Божіею; за мя—мене ради*“. Ко многимъ словамъ синонимы подобраны крайне неточно и даже противорѣчиво, напр: „*гуденіе—восклицкновеніе; дерево—на пнѣ стебель; дрождѣ—тина; дѣвчина—юнота; затвердѣ-*

лость—умиленіе". Встрѣчается масса сочиненныхъ словъ, никогда не существовавшихъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, напр: „*высокость—преиметелство; ганю—соменшаю, пятвю; гамую—сопрятоваю; гину—погиблю; збитнее богатство — вящшество, лишество*" и т. п. Не смотря на эти недостатки, словарь представляетъ значительный научный интересъ уже по тому самому, что наглядно показываетъ намъ, съ какимъ напряженіемъ работала мысль въ старину надъ матеріаломъ славянскимъ, чтобы извлечь изъ него все, что было возможно, для своего выраженія. Многія изъ этихъ словъ не вошли въ литературный оборотъ рѣчи ни славянорусской, ни книжной малорусской, другія—пережили ту и другую, и нынѣ существуютъ въ литературной русской рѣчи, поэтому словарь нашъ можетъ способствовать до нѣкоторой степени уясненію состава и происхожденія этой послѣдней.

Что касается до словъ объясняемыхъ, то это отчасти слова польскаго, отчасти народнаго малорусскаго происхожденія. Мы не видимъ въ словарѣ и сотой доли этихъ послѣднихъ, главнымъ образомъ, потому, что составитель словаря мало интересовался конкретными словами, обращая главное вниманіе на слова съ отвлеченнымъ значеніемъ, которыя переходили въ книжную малорусскую рѣчь большею частію изъ языка польскаго. Можно предполагать, что и задуманъ былъ словарь именно съ цѣлію вытѣснить изъ нея польскія слова синонимическими славянскими словами. Впрочемъ, не мало разсѣяно въ словарѣ любопытныхъ малорусскихъ словъ, проливающихъ свѣтъ на старинныя представленія и понятія, и донынѣ сохранившіяся въ народѣ.

Кто былъ составителемъ словаря, объ этомъ нѣтъ никакихъ указаній въ рукописи. Видно только, что въ рукахъ составителя бѣлъ „Лєзїконъ Славенорѡсскїй" П. Берынды, трудомъ котораго онъ постоянно пользовался. По поводу глагольныхъ формъ *былъ, бѣ*, есть даже ссылка на „Лексиконъ" Берынды: „*зри о сихъ словахъ въ лексиконѣ словенскомъ*", гдѣ подъ формами „бѣ: бы́лъ, была̀, было̀" читается слѣдующее: „то́е рече́нїе ѿ на́шемъ ѹ҆бо гла́мо єстѣ́ствѣ, проше́дшее кре́мѧ знаменѹ́етъ на́, и҆ сїе ѹ҆кочѧ́но: ѹ҆гда жѐ ѿ Бг҃а̀ прекѣ́чно҆е и҆ пресѹ́щїе намъ ѹ҆вла́ѧетъ". Такимъ образомъ „Синонима славенороссская" составлены не раньше

1627 года. Судя по употребленію буквы *у*, а также ꙗ вмѣсто ѧ и по рѣшительному преобладанію *и* надъ *ы*, можно полагать даже, что рукопись словаря относится не къ первой, а ко второй половинѣ XVII вѣка.

Печатаемъ словарь съ подлинника, отъ котораго мы рѣшились сдѣлать слѣдующія отступленія:

1) Всѣ слова приведены нами въ надлежащій алфавитный порядокъ.

2) Устранены слова, стоящія безъ объясненій, а также тѣ слова, въ которыхъ объясняющее слово есть ничто иное, какъ повтореніе объясняемаго.

3) Соединены вмѣстѣ слова, объясненныя нѣсколько разъ въ разныхъ группахъ.

4) Сведены къ одному слову выраженія, посредствомъ которыхъ объясняется это слово.

5) Слова не разобранныя обозначены точками.

6) Слова, начинающіяся предлогомъ *вы* (въ подлинникѣ то *вы*, то *ви*), сведены въ одну группу словъ съ начальнымъ *вы;* въ остальныхъ случаяхъ слова, въ которыхъ смѣшивается *ы* съ *и*, переданы согласно съ подлинникомъ.

7) Такъ какъ надстрочныхъ знаковъ и титлъ мало въ подлинникѣ, то словарь напечатанъ обыкновеннымъ шрифтомъ, при чемъ раскрыты сокращенія и титла, въ которыхъ предполагаемыя буквы не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній.

П. Ж.

А.

Або—зане, яко.
Абовѣмъ—или, ибо, поне.
Аболшъ—прочееже.
Авидже—обачеже.
Авшакъ—убо, сице, обаче.
Адалѣй—прочее, прочееже.
Аеднакъ—ибо, аще, негли.
Ажъ—дондеже, донѣлеже, даже.
Азажъ—еда.
Азали—еда.
Азбука—алфавитъ, буква.
Азвлаща—найпаче, паче, обаче.
Аиншее—потомъ, прочее.
Албо—или.
Алюбарта—дреколь.
Англія—Британія.
Анѣмушъ—щапство.
Анѣмушовато—щапственнѣ.
Апеляція—нареченіе.
Апрето—тѣмъ же, убо, поне.
Аптека — врачебница, хранителница.
Арфа—гусль.
Арфиста—гудецъ.
Астрономія, *астрологія*—звѣздословіе, звѣздозаконіе, звѣздозорство.
Атакъ—убо.
Атоли—убо, аще.
Афектъ — страсть, причастіе, движеніе сердечное.
А хотяй же—и убо, аще и.
Ахъ, *ахже*—горе, увы, оле.
Ачъ, *ачъ кольвекъ*—убо, аще убо, ащежъ убо.

Б.

Баба—старица, баба.
Бабка—зѣля троскотъ.
Бавлю—продолжаю.
Бавлюся—косню, медлю, закоснѣваю, замедлѣваю.
Баволна—бумага.
Баданная — испитанная, истязанная.
Бадачъ—испитатель, истязатель.
Бадаюся—истязую, испитую.
Байка—баснь, блядобаяне.
Байки повѣдаю—баснословлю, блядословлю.
Байстеръ—прелюбодѣйчищъ.
Баламутъ—ложъ, блядивый.
Баламутня—ложъ, блядъ.

Балванъ—идолъ, кумиръ.
Балванъ вылитый—истуканъ.
Балвохвалство—идолослуженіе.
Банка—для оливы чванецъ.
Банкетъ—пиръ, пированіе, пиршество, вечера, учрежденіе, чрежденіе гощенія, гоститва, ликованіе.
Банкетовци—пиряне.
Банкетуюся—сонаслаждаюся, совоспитываюся.
Баня где соль робятъ—слатина.
Баранъ—овенъ, агнецъ.
Бардишъ—сѣчиво.
Барзо—зѣло.
Барзо мало—премало.
Барзо много—премного, колже паче, множае, найпаче же.
Барзо радъ—нетяжестенъ.
Бачность—благоухищреніе, мудрость, остроуміе, остроразуміе.
Бачный—благоухищренный.
Бачмаги—виступцѣ.
Бачу—вижду, созерцаю.
Бачъ—мнѣніе, васнь, мудрованіе.
Башта—вежа, столпъ, пиргъ.
Баюра або зтѣкъ водъ—сонмъ водъ.
Бедра—лядвія, чресла.
Безбожность—беззаконіе.
Безбожный—беззаконникъ.
Безвстыдный — мѣдноличенъ, безстуденъ.
Безвонтпеня—право, явѣ, истиннѣ, извѣстнѣ исповѣдуемъ.
Безвстиду—дерзостнѣ, дерзко.
Бездолюкъ—безкровный.
Безецный—нечестивъ.
Безецность—нечестіе.
Безжарту—тщиво.
Безженецъ—холостый.
Безодня—бездна.
Безпечно—извѣстно, дерзостнѣ, дерзновенно, дерзко.
Безпечность — извѣство (sic), отрада, необиновеніе, опаство, утвержденіе, дерзновеніе.
Безъ—кромѣ, развѣ, свѣне.
Безъ замѣреня кресу—неустаннѣ, непредѣлнѣ.
Безъ нагаиы—непорочный.
Безъ омешканія — безъбѣдно, безъвещественнѣ, непреткновенно, невозбранно, непресѣкомо.
Безъ перешкоды—безъ спони возбраненія.
Безъ розсудку—безъ разсужденія, всуе, туне.
Безъ ума—безумнѣ.
Бенкартъ — прелюбодѣйчищъ, рабичищъ.
Бервено—бервно.
Берегъ—брегъ.
Берегъ морскій—поморіе, приморіе.
Берегъ прикрий—стремнина.
Берло—скипетръ.
Беру—емлю, поемлю, приймую, возимаю.
Бесѣда—бесѣда.
Бесѣда знаменитая—гощеніе.
Бирки или ліоси—жребія.
Бисага—чпагъ, ташка, капса.
Битва—брань, подвигъ, рать, страданіе, страдалчество.

Битвуюся—разсвѣрѣпѣваю.
Бичую—уязвляю.
Бичъ—жезлъ, бичъ.
Благаю—умилостивляю, умилосержаю
Блазенство—уродство.
Блазенъ—кощунникъ..., уродъ, юродъ, уродословъ.
Блазнованіе—буесловіе.
Блазную—кощунствую, юродствую.
Близкій—искренній, ближній.
Близко—близъ, искръ (sic).
Близна—рана.
Близнякъ—близнецъ.
Блискавица—молніе, блистаніе.
Блукаю—скитаю.
Блукаюся—скитаюся.
Бльхарня або прачка—бѣлилница.
Бльхаръ или прачъ—бѣлилникъ.
Блюзнѣрство — хула, хуленіе, гажденіе.
Блюзнѣрскій—хулный.
Блюзнѣрца—хулникъ.
Блюзную—хулю.
Бляскъ—блистаніе.
Бо—убо, понеже, зане, занеже.
Богатыръ—храбрый.
Богатство—богатество, обиліе, имѣніе, держава, газа.
Богобойность—благочестіе, богобоязненіе.
Богобойнный — благоговѣйный, говѣйнъ.
Благомислецъ — скитникъ, подвижникъ, обучителникъ, страдалецъ.
Богомислности мѣсце—скитъ.
Бодецъ—стрекало, остенъ.
Бондаръ—пугаръ.
Боду—ухопляю, угризаю.
Божница—капище, сонмище, оборище.
Божуся—рочуся.
Бой—зри *битва*.
Бой—брань, борба.
Бокотливый (sic) *або заикуючійся*—медленоязычный, косноглаголивый и проч.
Бокъ—бедро, чресло.
Болезнь задаю—оболестняю (sic).
Болотный—тинявый.
Болото—бреніе, гной, тина.
Болтъ—стрѣла, ратище.
Болше личбою — колми паче, множае.
Болшій — болій, вящшій, множайшій.
Болѣсть—болѣзнь, скорбъ, туга съ тяжестію, безсластіе.
Болю—недугую.
Болячка—вредъ, гной, рана.
Борецъ—страдалецъ.
Борода—брада.
Бороню—предстателствую.
Боруся—съражаюся, сплѣтаюся.
Боти—сапоги, обущи, нестягавы.
Бочка—делва.
Бошію—убо, спроста, надаремно, отнюдъ.
Боюю—подвизаюся.
Боязливость—говѣніе.
Боязливый—малодушный, страшливый.

Боятися починаю—утерпаю.
Брама—врата.
Брамы—фалди рясны.
Браня—поемленіе.
Братство—братство, содружество.
Брви—брови.
Бреханіе—лаяніе, рыканіе, лжа.
Брехачъ—лаятель, ложъ.
Брешу—лаю.
Бридкость—мерзость, гнюсъ, туга, безсластіе, несладость, скорбъ, сокрушеніе.
Брижуся—гнушаюся, недугую, унедостояю, омержаю.
Брмѣня—звѣцаніе, звукъ.
Врмю—помикаюся (sic).
Бродъ—водотечъ.
Бронь—оружіе, броня.
Брязкало—бряцало.
Бубонъ—тимпанъ.
Будка—куща, колиба, сѣнь, скинія, селеніе.
Будованя — зданіе, зиждителство, созданіе, тектура.
Будовникъ—здатель, созидатель, сождитель, строитель, тектонъ, архитектонъ.
Будучее—сущее.
Будучій—сущій.
Будую—жижду, зидаю, созидаю, сооружаю, соустрояю.
Буженее мясо—сушеница.
Буй—юродъ, невѣжа, неблагоразуменъ, неистовъ, юродивый, юродословъ.
Буйволъ—буйвулъ.
Буйный—величавый, великоумный.
Бунтовникъ—возмутитель, ковникъ, крамолникъ, мятежникъ, расколникъ, раздорникъ, ..., распрѣтворецъ, распрѣватель.
Бунты—возмущеніе, ковъ, расколъ, крамола, мятежъ, раздоръ.
Бунтуюся—возмущаюся, крамолюся.
Бура—буреніе, волна, волненіе, навалность вѣтровъ, примракъ.
Бурда—звада, молва.
Бурштинъ... прудъ.
Бута—гордость, досада, кичeніе, гординя, явленіе.
Бутный естемъ или роспутный—шатаюсь бутно.
Бучно—хупиво.
Буяю—разсверепѣваю.
Быдло—скотъ, говяда.
Быдля—говядо.
Быдлячій—скотскій, говяжій.
Быкъ молодикъ—юнецъ ярокъ... быкъ.
Былье—зеліе.
Былъ, бы, Была Было — Зри о сихъ словѣхъ въ лексиконѣ славенскомъ.
Бынамный—невелико, премало, чимало.
Быстраго ока—быстрозрѣніе.
Быстрость—острость, скорость.
Быстрость розуму — высокоуміе, остроуміе.
Быстрость водняя—быстрь.

Быстрый—острый, скорый.
Бытность—бытіе, существо.
Бѣганя—рыстаніе.
Бѣгаю—выскакую, рыщу, рыстаю.
Бѣлецъ—бѣгунъ, бѣглый.
Бѣлость—благоискушеніе, козацтво (sic).
Бѣгунка—стуженіе чрева.
Бѣда—напасть, искушеніе, увы, горе, уфъ.
Бѣда мнѣ—увы мнѣ.
Бѣдкій—бурный, вредный.
Бѣдженяся—подвизаніе, подвигъ, борба, рать, страдалчество.
Бѣжалъ—выминулъ, угонзнулъ.
Бѣлю—убѣляю.
Бѣнда албо чепецъ, бѣндалникъ—вѣнецъ.

В.

Вабъ—овава (sic), оваяніе, оавленіе.
Вага—мѣрило, превѣсъ, вѣсъ.
Важнѣйшій—усилный.
Важуся—которуюся, боруся, ратуюся.
Валахъ—каженикъ, евнухъ, скопецъ.
Валашеный—требный.
Валечный—ратуючій, возбранный, храбрый.
Валка—подвигъ, борба, страданіе, противленіе, страдалчество, подвизаніе.
Валъ—на водѣ волна.
Валъ—стѣна.
Вандрованіе—странствіе, шествіе.
Вандровный—странный, путникъ, шествующій.
Вандрую—шествую, странствую.
Ванна—банка.
Вапно—мѣлъ.
Варґи—уста, устна.
Варило—вареніе.
Варстать—дѣлателница, дѣлателище.
Варуюся—уклоняюся.
Вацокъ або торба—чпагъ, влагалище, пира.
Вверґаю—вмѣтаю.
Ввиваю—ваяю, изваяю, чертаваю.
Вгору подношу—возвожду, воздежду, воздѣю.
Вданіе—врученіе.
Вдобрый часъ—благовременно.
Вдова—вдовица.
Вдовецъ—вдовъ.
Вдячне—благодарнѣ, израднѣ, усердно.
Вдячне приймую—благопріемлю.
Вдячность—благодарствіе, усердіе.
Вдячный—благодарный, благодарственъ, изрядный, коварный (sic).
Ведлугъ—по.

Веду—влеку.

Вежа зри *башта*.

Вежа вянзеня—хранило, хранилище.

Везголовокъ—возглавіе, возглавница.

Велблю—величаю.

Велетъ—ґіґантъ, исполинъ, ґіґансъ, щудъ.

Великіе рѣчи молвлю—велерѣчую.

Великій—велій, високъ, голѣмій.

Велико—голѣмо.

Великость—величіе, величествіе.

Велможа—властелинъ, властитель.

Велможность—велелѣпота, величествіе, держава, достоинство.

Велможный—силный, могущественный.

Венцъ—убо, болѣй, заправды.

Верескъ—грохотъ, вопль, кличъ.

Верненяся — возвратъ, возвращеніе.

Веровка—вервъ.

Верста—четвертая часть милѣ.

Верутный лотръ—сквернавый.

Верховнины (sic)—явленіе.

Верховый—конный всадникъ.

Верхъ — вершокъ, високость, крайнина.

Верхъ одержую—одолѣваю.

Вершки деревяніе—пружіе, акриды.

Веселій—благоувѣтливый, шуменъ.

Веселость—празднованіе, смѣхотвореніе.

Веселюся—радуюся, плещу.

Веселя—радость, радованіе, сладость.

Веселя або женитва—бракъ.

Веселя справую — бранѣкую, брачуся.

Весло корабленное—гребло.

Весна—пролѣтіе, весна.

Веснякъ—поселянинъ.

Весь-свѣтъ—вселенная, міръ.

Ветую—истрясую.

Взадся вернути—воспяти.

Взброяю—прибираю, в зброю вооружаюся.

Взгарда — щапство, малодушіе, поносъ, уничиженіе, отриновеніе, нераденіе, преобыдѣніе, презорство, укоризна, безчестіе, оклеветаніе.

Взглядъ—умиленіе.

Взгордитель — презоривъ, свѣрѣпяйся, напраснивъ, дерзкій.

Взгордѣлъ—попралъ, отверже.

Взгоржаю — презираю, пренебрегаю.

Взгорженъ — уничиженъ, обезчествованъ, укоренъ, посмѣянъ, поруганъ, смиренъ.

Взмѣнка—поменъ.

Взношу— воздвизаю.

Взростъ—возрастъ.

Взрушую—движу.

Взятя—поемленіе.

Видится—мнится, подобится.

Видокъ—позорище.

Вижу—вижду.

Винен есмъ—долженъ есмъ.

Винная — матица, лоза, винничіе.

Винникъ—винаръ.

Винница—виноградъ.

Винный—виновный, повинный.

Винный прутъ—лоза.

Вино молодее—мустъ.

Винную—порицаю, оглаголую.

Виргаю—перу.

Виръ в водѣ—сопреобращеніе, заверхъ, примракъ.

Витаніе—рукодаяніе, цѣлованіе.

Витаю—цѣлую, витаю.

Вкидаю—вмѣтаю.

Вкладалъ—въдѣаше.

Вкладаю—въдѣяю.

Вколо—стояніе, обстояніе.

Вкушеніе—вкусъ, вкушеніе.

Влада—владыка, Господь, властелинъ,властитель,строитель.

Владну — обладаю, властителствую, державствую, строю.

Власность—естество.

Власный—истый, свойственный, присвоенный, усвоенный.

Влочня—луща, дреколь, ратище.

Вмякости—безщука (sic).

Внебитности — не сущи, внебытіи.

Внего—вонь.

Внетъ—абіе.

Внутрности—внутрняя.

Внутрѣ—внутръ.

Внѣвецъ обертаю—испражняю, упражняю, истребляю, искореняю.

Военный—храбрый.

Вожъ—князь, вождь, началникъ, народоводитель, настоятель, правитель, наставникъ, учитель.

Вездерживость—воздержаніе.

Возница, звозчикъ — звозникъ, управитель, снузникъ, возотай (sic).

Возница надъ мулами—прилежай о мулахъ.

Возный — проповѣдателникъ, проповѣдникъ.

Возъ—колесница, яжденіе (sic).

Война—борба, брань, рать, пря, прѣніе, рвеніе, тяжба, распря, подвигъ.

Войну подношу—ратую, рать движу, брань подвизаю.

Войско—полкъ, полчище, воинство.

Войско шикуючій—подвигоположникъ.

Воистинну—тако есть, правда, неложно.

Воланя—вопль, кличъ, грохотъ, вопіеніе, воскликновеніе.

Волаю — возглашаю, воззиваю, вопію, восклицаю.

Волнимъ зостаю — свобождаюся, измѣняюся.

Волнимъ чиню—упразняю, свобождаю.

Волно—лѣпѣ естъ, послѣдовательно.

Волность—отрада, свобода, самовластіе, любочестіе, любодарованіе, наслажденіе.

Волоки—поля, ланы.
Волоку—рѣю, влеку.
Волоцюга—бѣгунъ, лестецъ.
Волоченіе—рѣзаніе, рѣніе, резба (sic)
Волоченя се—скитаніе.
Волочуся—скитаюся.
Волхованіе—образованіе.
Воля—разумъ, предложеніе, хотѣніе, маніе, мановеніе, помаяніе.
Вонность—воня, благоуханіе.
Вонтпливость—недоумѣніе,...., недослишаніе, закоснѣніе, размышленіе, неудобство, сумнѣніе.
Вонтпливый—сомнѣнникъ, сомнителникъ.
Вонтплю—сумнѣваюся, недоумѣваюся, усумнѣваюся, сумнюся.
Воркотаніе—роптаніе, ропотъ, хухнаніе.
Воробецъ—врабій.
Воробчикъ—птичищъ.
Вороговання—вражда.
Ворогую—враждую.
Ворогъ—врагъ, супостатъ.
Ворожбитъ—вражбитъ, волхвъ.
Ворожбитво—враженіе, волшба.
Ворожу—вражу.
Воронъ—вранъ.
Воронъ ночный—вранъ нощный.
Ворота—врата.
Воротило ткацкое—вратило ткущихъ.
Воротный вратаръ—вратный дверникъ, вратникъ, свузникъ (sic).
Ворцъ (sic)—ропщу, хухнаю.
Впередъ—предъ.
Вподозреню маю—взираю (sic).
Впосполитости—обще.
Впровожаюся—водворяюся.
Вродъ—вредъ, раны, гной.
Вродоватый—вредный.
Всегда—присно, всегда.
Всередині—внутръ, посредѣ, внутруду.
Всеобразно—весма.
Все що живо—всяческая.
Вскокъ—абіе.
Вспакъ—противообразнѣ.
Вспаняле—влѣпоту, вресноту, изящне.
Вспомагаючій—съпоспѣшникъ, успѣшный.
Вспомагаю—ползую, успѣваю, поспѣшествую, поспѣшаю.
Вспоможеня—успѣхъ.
Встанливъ или пилный—тщаливъ.
Встеченя—вскоктаніе, неистовство.
Встидливе шаную—говѣю.
Встидливый—цѣломудрій.
Встидъ—срамъ, студъ.
Встиркаю—ваяю, изваяю (sic), начертиваю.
Встремежливость—воздержаніе.
Вструченный—возграженъ.
Встькаюся—неистовляюся, скоктаю, скокощу.

Встягаю—встягаю, въсклащаю.

Всходъ—степень.

Всходъ солнца—востокъ.

Всюди—веде.

Всякій—всякъ.

Всякимъ способомъ—всяко, всячески.

Втикаю—водружаю.

Въ той час—въ то время, въ еже, вънегда.

Вторинъня—зри *битва*.

Втѣленіе—воплощеніе, вочеловѣченіе.

Вуй, вуяшко, уецъ — матчинъ братъ.

Вшакъ же—обаче.

Вшеляко — весма, всячески, всякъ, отнюдъ, бошію.

Вшетеченство—блудъ, студнодѣяніе, студодѣйство, нечистота, разсверѣпѣніе.

Вшетеченство з кимъ полню—приблужаю.

Вшетечникъ—блудникъ, блудодѣй.

Вшетечница—блудница народная.

Выбавитель—спаситель, избавитель, спасъ.

Выбавленіе—избавленіе, спасеніе, свобожденіе.

Выбавляю—свобождаю, избавляю, спасаю, сохраняю, изимаю.

Выбадаюся—востязаю.

Выбадованіе—востязаніе, возысканіе.

Выбираю—избираю.

Выборне—израднѣе.

Выборный — израдный, изящный, инокъ, лишній.

Выбранный—избранный, нарочитъ, найлучшій.

Выверненя—разсипаніе, разореніе, развращеніе.

Вывертаю — превращаю, развращаю, обращаю, разоряю, опровергаю, воставляю.

Выводне—прителне.

Выганяю — отлучаю, изганяю, отмѣтаю, извергаю

Выганнымъ быти — отлучитися.

Выгоженіе—упокоеніе, угожденіе.

Выдаю—предаю.

Выпъжджаю противу или стрѣтаю—срящаю.

Вызволяю—зри *выбавляю*.

Вызнаваю—послушествую, засвѣдителствую.

Выкладаю — толкую, сказую, прелагаю, изясняю.

Выкладнѣ—сказателнѣ.

Выкладъ—толкъ, толкованіе, сказаніе.

Выколюю—истикаю.

Выконтерфектованный — възрачный.

Выконтерфектованя або виписаніе, кшталтъ—образованіе.

Выкриканіе — восклицаніе, воскликновеніе, вопіеніе.

Выкрикаю — восклицаю, вопію.

Выкупую—искупую.

Выкупъ—искупъ.

Выливаня—истуканіе.
Выливаю—истукаю.
Вылучаю—ищитаю.
Выляный—истуканный.
Вымагаю—истязую.
Вымагую—истребляю.
Вымерзаю—изсякаю.
Выминулъ—убѣгъ, гонзе, гонзнулъ, избѣже.
Вымысли в убіорахъ—щапство.
Вымишляю—умишляю, изобрѣтаю, смышляю, снискаю, притворяю.
Вымовка—извѣтъ.
Вымовленя ся—отрицаніе, прирокъ, непщеваніе.
Вымовляюся—обѣщаю, отвѣтъ или извѣтъ творю, отрицаюся.
Вымовность—благоязычіе, благорѣчіе.
Вымовный—обрѣтословецъ, благоязичный, благорѣчивый, рѣчивый.
Вынайдованя—возисканіе.
Вынайдую—возискую, востязую, изобрѣтаю.
Выникаю—возникаю, изникаю.
Вынищую—упражняю, испражняю.
Выношу—любопочитаю, плещу, величаю, благословляю.
Выображеніе—образъ.
Выпартокъ или дитя изверженное—извергъ.
Выпасую—..., испасую.
Выпираю—испираю.
Выпитаніе — стязаніе, возисканіе.
Выпитую — состязую, испитословлю, истязую, испитую.
Выполненіе—совершеніе, исполненіе, кончина.
Выполняю—належу, совершаю, исполняю.
Выпорожненіе—истощеніе, умаленіе.
Выпорожняю—умаляю, истощеваю, испражняю.
Выпотрошую—истребляю.
Выпытую — испитую, истязую, испитословлю.
Выраженіе—изображеніе.
Вырастую—прозябаю.
Вырахованіе — сочетаніе, разсужденіе, сочисленіе.
Выриваю—исторгаю, истребляю.
Выриганя—отрыганіе.
Выригаю—отрыгаю.
Выринаю—происхожду.
Выродъ—скверный, сквернавый.
Вырозумѣваю—сразумѣваю.
Вырозумѣваніе —съразумѣваніе, мудрованіе.
Вырозумѣніе — разумѣніе, свѣдѣніе, вѣдѣніе.
Выростокъ—отрокъ.
Вырѣзанный—изваянъ.
Вырѣзованіе—изваяніе.
Вырѣзую—начертаваю.
Вырѣкаюся — отмѣщуся, отмѣтаюся.
Высихаю—изсякаю, изсихаю.
Выславленіе—празднованіе.
Высокая пѣснь—степенная пѣснь
Высокій — выспрный, крайный, вышный.

Высокій розумъ—мудрованіе.
Высокодишкурую—великомудрствую, велерѣчую.
Высокои мысли—высокоумный.
Высоко о себѣ розумѣю—высокомудрствую, любопочитаюся.
Высокость—преимѣтелство, величество.
Высокость — выспръ, высота, явленіе.
Высокоуміе—гординя.
Выспа—отокъ морскій.
Выставность—ухищреніе.
Выставный—ухищренный.
Выстерегаюся—уклоняюся, сопрятаюсь, прятаюсь, испрятаюсь.
Выстигаюся—ристаю.
Выступокъ—кривина, грѣхъ.
Выстя—исходище.
Выстя съ плачу—мычаніе.
Высушую—изсякную (sic).
Вытучую—истощеваю.
Вытѣчка конная—ристаніе.
Выхваленіе—любочестіе, величаніе.
Выхваляю—восхваляю.
Выхованецъ—питомецъ.
Выхованя—жизнь.
Выховаю—выкормляю.
Выходка—проходка.
Выхожеия — исходъ, распущеніе.
Выхожу противу кого — стрѣтаю, срящу, влекуся.
Выцвичоный—ухищренный.
Вышпотитель або зрадливый—навѣтникъ.
Выясняюся—озаряюся.
Вѣданіе—свѣденіе.
Вѣдаю—вѣмъ, свѣмъ, разумѣю.
Вѣдомство—вѣжство.
Вѣдомость даю—возвѣщаю.
Вѣдомца—свѣдитель.
Вѣдро — черпало, почерпало, водоносъ.
Вѣйка...—повѣка (sic).
Вѣкъ долгій—долгота дней, долгоденствіе.
Вѣлготность—влага.
Вѣно—посагъ, прика (sic).
Вѣншую — молюся, благовѣствую, привѣтствую, привѣтъ творю.
Вѣра—уставъ, веленіе, преданіе, доглятъ (sic).
Вѣра правдивая—православіе, благовѣріе, благочестіе.
Вѣршъ—гранесъ, гранесловіе, стіхъ, рекловѣсть (sic), сословіе.
Вѣтръ—духъ, вѣтръ, трусъ.
Вѣщій — прозорливецъ, пророкъ, прозряй.
Вѣщованіе — балство, волшебство.
Вѣщокъ — балій, волшебникъ, волхвъ.
Вѣялница—трусъ.
Вязаніе — юза, уза, хранило, хранилище, узница, узилище.
Вязанка—уза або юза.
Вязенъ—плѣнникъ, юзникъ або усвязень.
Вяну або присвядаю.

Г.

Гадаю—належу, насилую, насилствую, насиліе творю, принуждаю, пакощу.

Гадина—змія.

Гадка, гаданіе или притча—стязаніе, возисканіе, вопросъ, предложеніе.

Гай, гай—словоужасіе (sic),—оль, огъ.

Гайворонъ—вранъ.

Гакъ, гачокъ—вилица.

Галѣръ—мѣдница, лепта, сикль.

Галюбарда або рогатина—дреколь.

Гамую—сопрятоваю (sic).

Гамъ або мисурка—шлемъ.

Ганба—безчестіе, гажденіе, поносъ, поношеніе, укореніе, укоръ, злохуленіе, обличеніе, смущеніе, съмѣшеніе.

Ганблю—злословлю, обличаю.

Ганю—хулю, порицаю, посрамляю, укоряю, соменьшаю, попираю, пятвю, постиждаю, досаждаю, поемлю.

Гарфа—бряцало, гусль.

Где—идеже, камо.

Гербъ—знаменіе.

Герстникъ—изящникъ, съоружникъ, подвижникъ, страдалецъ, оружникъ.

Гетманство—игемонія, владычество, самодержство.

Гетманъ — стратигъ, воевода, тисящникъ, вождъ.

Гимнъ—пѣснь, пѣніе.

Гину — изнемагаю, истаеваю, погиблю.

Гинучій—погибающій, гиблемій, гиблющій.

Гипокрисую—лицемѣрствую.

Гипокрита — лицемѣръ, лицемѣритель, притворитель, притворникъ.

Глина—бреніе, скудель.

Глиняный — бренный, скудельничій.

Глубокость — бездна, глубина, пучина.

Глупій—безуменъ або буй.

Глупство—безумство, безуміе, неистовство, неразуміе, безсовѣтіе, юродство, глупство, щапство

Гнѣваюся—кручиняюся, недугую.

Гнѣваются на мене—отмѣтаютъ мя.

Гнѣвливе—неистове.

Гнѣвливый—яровидный, сердовидный.

Гнѣвъ—ярость, гнѣвъ, вражда, кручина, напасть, бѣда.

Гнѣвъ застарѣлый—злопомнѣніе.

Гнѣвъ з горячой малости—ревнованіе.

Гнюснимъ чиню—огнюшаю.

Гнюснимъ ся ставлю—огнюсаю.

Гнюсно—уныло, щапственнѣ.

Гнюсность — униніе, небреженіе, щапство, нечистота.

Гнюсный—унилый, немощный, небрегій, малодушный, мягкій, небрежникъ.

Гнюснѣю — униваю, огнюсаю, стужаюсь.

Говорю—глаголю, вѣщаю.

Годилося—достояше, лѣпо бѣ.

Година—часъ, годище.

Година—часецъ.

Годинникъ—часословъ.

Годится—достоитъ, подобаетъ, лѣпо есть, лѣть есть, мощно.

Годне—достойно, изрядне, влѣпоту, врѣсноту, изящнѣе.

Годнимъ чиню—сподобляю.

Годность—достояніе, достоинство.

Годность отримуючій—удостоеваемый, вѣнчаемый, убѣждаемый.

Годный—достоенъ, праведенъ.

Годный вѣры — подобовѣрный, достовѣрный.

Годный ся стою — сподобляюся.

Гожу—разсмотряю.

Гожу до целю—измѣряю.

Гойный—любоподателный, любопочитатель, обилный, изобилный, преизобилный, изобилованъ, щедръ, храбрій.

Гойный на гостѣ—страннолюбецъ.

Гойнѣдарованя — любочестіе, любопочитаніе.

Гойнѣ дарую—ущедряю, щедру, любопочитаю.

Гойнѣ почитаю—любопочитаюся, любезнѣ прилежу, нещаднѣ даю.

Голий—нагий, худий.

Головный—соборный.

Головнѣйшій—роднѣйшій (sic).

Головы болѣніе — головоболіе, главостяжаніе, тажкоглавіе.

Голодность—алканіе, алчба.

Голодный естемъ—алчу.

Голодомъ мрю (sic) — гладомъ таю, гладствую.

Гололедица—голоть.

Голопупокъ—птенецъ.

Голосу неспособнаго—худогласенъ.

Голосъ—гласъ.

Голосъ вдячный — благогласное вѣщаніе.

Голца адо гулка — з листвіемъ вѣтвь, розга, ваия, вѣія.

Голубка—голубица.

Голю—брію, брю або рену (sic).

Голюнка—голенъ, глезно.

Гомоню—молвлю, плищую, вопію.

Гомонъ—молва, плищъ, вопль, мятежъ.

Гоненіе—изгнаніе.

Гонитва — уристаніе конское, подвигъ, страданіе, бой.

Гоноръ—прагненіе, любочестіе.

Гончарскій—скуделничій.

Гончаръ—скуделникъ.

Гбны — поприще, стадій, стадіонъ.

Горбатый—слякъ, сляченъ.

Гордость—гордыня, презорство.

Гордый—кичливъ.
Горжу — гнушаюся, презираю, отмѣтаюсь, отмѣщуся, неражу, унедостояю, пренебрегаю.
Горкій—горекъ.
Горливость — рвеніе, ревнованіе, ревность.
Горло—гортань.
Горнецъ—медяный конобъ, глиняный скудель.
Горожа — плотъ, оплотъ, градежъ (sic).
Горохъ моченый—ляща (sic).
Горохъ рогатый або крупи—ногутъ (sic), слонутокъ.
Горсть чого—рукоятіе.
Горчица—горушица.
Горячость слонечная — жаръ, пекъ.
Господа—виталница.
Господарный—строителный.
Господарство—мшелоимство.
Господаръ—строитель домовый.
Господою стою—гощу, витаю.
Гостинный домъ — виталница, всеприятелище, гостинница.
Гость пріймуючій — страннопріимецъ.
Гость — иноплемененъ, страненъ.
Готую — належу, съоружаю, съустрояю.
Граница—предѣлъ.
Гризеніе в животѣ—стуженіе болесное.
Гризуся—ухапляюся.
Гробъ—жупище, гробъ.
Грожу—плещу.
Грозба—запрещеніе, прещеніе.
Громада—сонмище, сонмъ, соборище, толпа, чета.
Громъ або перунъ—тутно, трѣсновеніе, молнія.
Гроши—имѣнія.
Грошъ сребрный — дидрахма, цата.
Гроши любячій—сребролюбецъ.
Грубость — толща, дебелство, дебелость.
Грубянъ — дебелохудожникъ, препростъ.
Грудь—сосецъ
Грузность—тина.
Грязь — бреніе, тина, тименіе (sic).
Губа—уста, устна.
Губка—морская губа.
Гублю—погубляю, растлѣваю.
Гуливый — медленноязычный, косноязычный.
Гуденіе—воскликновеніе.
Гуканіе—воскликновеніе.
Гукъ — звукъ, кличъ, плищъ, вопль, мятежа молва, щукъ (sic).
Гултяй—прелесникъ, лстецъ.
Гумно—житница.
Гунка—милотаръ (sic).
Гуня—милоть.
Гусеница—усеница.
Гуфецъ—стояніе.
Гуфъ або войско—полкъ, полчище.
Гучу—зри гомоню.
Гуща—чащъ, чаща.
Гущевина—густиня, частиня.

Г.

Ґанокъ—предверіе, дворъ, сѣнь.
Ґвалтовне—зѣло.
Ґвалтовный—зѣлный нуждный, насилствующъ.
Ґвалтъ—насиліе, нужда, напрасство, устремленіе, зѣлность.
Ґвалчу—насилую, насилствую, принуждаю, напрасствую.
Ґдижъ—и, убо.
Ґды—егда, когда, внегда, елма.
Ґезъ—скоктаніе.
Ґеометрія—землемѣріе.
Ґжуся—скоктаюся.
Ґиґантъ—исполинъ.
Ґмазъ—закровъ (sic).
Ґнюсный—зри гнюсный.
Ґраблюся або чешуся—копошаюся.
Ґрифъ—ногъ, ногпатка (sic).
Ґроно—гроздъ, пародокъ, отрасль.
Ґрубянъ—зри грубянъ.
Ґрунтъ—основаніе, фемеліонъ.
Ґузи на рукахъ—ствердѣлы, упорпилны (sic).
Ґузъ—пугва.
Ґусля що на шіи носятъ—узлоношеніе или узоношеніе.

Д.

Давно—древле.
Давнодавный—мимошедшій, ветхій, предваршій (sic).
Далей—болей, болшей, множае, проче, вящшей.
Далекій—долгій.
Далеко—камо, далекъ.
Далеко болшей—колми паче, множае паче.
Дамо—дамы.
Дань или поборъ—урокъ.
Дарда—дреколь, сулица.
Дарды носячій—дардоносецъ.
Даремный—напрасный.
Дармо—всуе, туне, без ума.
Даръ—даръ, корванъ.
Дахъ—здо, кровъ, покровъ.
Даю—подаю, дарствую, дарую.
Даю достатокъ—удовляю.
Даю до схованія—предаю.
Дбай—ради.
Дбалость—радѣніе.
Двакротъ—дващи, дажды.
Двери—врата, дверы.
Дворность—ухищреніе.
Дворскіи жарты—шутовнаа, радостворная.
Двоумєнъ—двоедушенъ, близнецъ.
Двѣ точки або пункти—двоточіе, двоеточіе.
Дебръ—лѣсъ, дебрь, ... стремнина.
Декретъ—судъ, судба, уставъ, преданіе, совѣтъ.
Делькатъ—пренасищникъ.
Делькацтво—сластолюбіе, гортанобѣсіе.
Делья—опона, одежда, тирта.
Депозитъ—покладъ.

Дерево—древо.
Дерево на пнѣ—стебль.
Деревяный—древяный.
Державца—стяжатель, обятель.
Державца свѣта—миродержитель.
Держаніе — стяжаніе, содержаніе, держава.
Держу—съдержу.
Держуся кого—гоню.
Держуся запевне або упевняю—извѣствую.
Дерзкій—напрасный.
Дерзко—дерзостнѣ, дерзко.
Деспектую—безчещу, укоряю.
Деспектъ—укоризна, укореніе, безчестіе, оклеветаніе, хула, хуленіе, глумленіе.
Дешевость—суета.
Дешевый—трекуплный (sic), суетный.
Дзенкъ—гласъ, брменіе.
Дзвенкъ красный—благогласное вѣщаніе.
Дзвенкъ чиню—шатаюся.
Дзвонокъ—звонецъ.
Дзвукъ—звяцаніе.
Дивакъ — самогодный, дерзкій, презоривый, гордостенъ, стропотный, яростенъ, напрасный, сверѣпяйся.
Дивно чиню—удивляю.
Дивный—чудный, удивляемый.
Дивъ якій—дивъ, чудо, дівство, щудъ.
Дигнитарство — санъ, достоинство.
Дикій—дивий, сверѣпъ, прудкій.
Дикое що—животное безсловесное.
Диханіе—духъ, диханіе.
Дичаю — свѣрѣпѣю, разсверѣпѣваю.
Дичъ—свѣрѣпѣніе или сверѣпство.
Для—ради, за, дѣля, дѣлма.
Для него—его ради.
Для того—за еже, сего ради, таче, убо, яко, во еже.
Для чего—воскую, чесо ради.
Дмухаю—дму.
До—къ.
Добре—благо, прямо, право.
Добре терплю—благостражду.
Доброволне — волею, изволеніемъ, произволеніемъ, произволителнѣ, барзо.
Добродѣй—благодѣтель.
Добродѣйство—благодѣтелство.
Добродѣйство показую—ублажаю.
Добродѣйство заживать—благопострадать.
Добрый—благій, добрый, цѣлъ, правый, говѣнный, благовѣнный.
Добрый день або повоженіе доброе—благоденствіе.
Добрый часъ—время благопріятно.
Добрая вѣра—благочестіе, зри вѣра добрая.
Добрая воля—благоволеніе, произволеніе, угожденіе.
Добрая вѣсть — благовѣстіе, благовѣщеніе.

Добрая мисль—благодушіе.
Добрая слава—благоискутство (sic).
Доброе—благое.
Доброе здоровіе—благоимство.
Доброе любячій—благолюбецъ.
Доброе мовлю—благословлю.
Доброе розумѣніе — благоимѣніе, благоразуміе.
Доброи мислы заживаю—благодушествую.
Доброи славы—благоискусный, благоискуствуемый.
Доброго сердца—благосердій.
Добротливость — благостиня, благодѣтелство, благость.
Добротливый — благоувѣтливый, благоволителный, благодѣтелный, благочестивый.
Доброть—благость, благостиня.
Добѣгаю—достизаю.
Довбаю—ваяю.
Доводнѣ — прителнѣ, подоболѣпно, подобовѣрно, достойнѣ, праведнѣ, по достоянію, в лѣпоту, в рѣсноту.
Доводъ — указаніе, умышленіе, извѣтъ.
Довоженіе—извѣствованіе.
Довожу—произношу.
Довцѣпный—коварный, умный, благоумный.
Довцѣпъ—благоразуміе, благоуміе, остроуміе, благоухищреніе, коварство.
Довѣдатися—навикнути, увидѣти.
Довѣдуюся—навѣцаю, навикаю.
Догаданіе — удобство (sic), домышленіе.
Догажаніе—сохожденіе, сънисхожденіе, угодіе, упокоеніе.
Догажаю—благоугождаю, угождаю, доброблажу, сохожду, соисхожду, догадуюся.
Догажаючій — снисходителный.
Доганяю — постизаю, ухапую, понуждаю.
Доглядую—блюду, храню, соблюдаю.
До дня—(sic)—совершеннѣ, даже, опасно.
Додѣваю—нужу, насилую, удручую, стужаюся, озлобляю, возмущаю.
Доеждаю—зри доганяю.
Дожчъ идетъ—дождитъ.
Дозорца—смотритель.
Дозрѣваю—совершеннѣ расту, дозрѣваю.
Дозрѣлость—съзрѣніе.
Дозрѣлый—достилый, зрѣлъ.
Доконченіе—кончина, скончаніе, наконченіе, совершенство.
Докторъ—врачъ.
Докука—стуженіе.
Докуль—доколѣ.
Докучаю—зри додѣваю.
Докучникъ — стужитель, насиловникъ, насилствующій, нудитель, притужный.
Долгое — протяженное, долгое, зѣлное.
Долгость—часу растояніе.
Долготерпячій — долготерпеливъ, долготерпеливый.

Долегливость—скорбъ, искушеніе, треволненіе.

Долина—удолъ, удоліе, разлой.

Доль викопанный — ровенникъ или истуденецъ, ровъ.

Доля—случай нужный.

Домашнывый—намѣстный, домашный.

Домнѣманіе—умишленіе.

Домнѣмаю — мню, непщую, вмѣняю, умышляю.

Домовство—зри мшелъ.

Домовый—домашный.

Домовый рядъ — домостроительство.

Домокъ—храмина, хлѣвина.

Домокъ с пѣску—нирище.

Домышленіе—разсмотреніе, умышленіе, допущеніе, изволеніе.

Домышляюсь—разсмотряю, разсмотрѣваю, разумѣваю.

Домъ—жилище, храмъ, кровъ, домъ.

Дорога—путь.

Дорогость — многоцѣнность, честность.

Досвѣдчаюсь — навыцаю, навыкаю.

Досвѣдченіе — искусъ, искушеніе, напасть, разумѣніе.

Досвѣдченный—искусный.

Доситъ—довлѣетъ, доволнѣ.

Доситъ чиненія—достотвореніе.

Доска златая—петалъ златъ.

Досконале — всесовершеннѣ, всеконечнѣ, опасно, извѣстнѣ, всяко, весма, всячески, всѣцѣло.

Досконалость — совершенство, исполненіе, цѣлость.

Досконалый — опасный, всесовершенный, всецѣлый, истинный, цѣлъ, цѣлый.

Достатечне—зри досконале.

Достатечный—зри досконалый.

Достатокъ — преизобиліе, лишеніе, удовленіе, обиліе, нескудость.

Достаю — стяжаваю, стяжаю, держу.

Достойность—величествіе, достоинство.

Доступую—получаю, улучаю.

Дотиканіе—касаніе, прикосновеніе, озязаніе.

Дотикаюся—прикасаюся, касаюся.

Дохожу — достизаю, умышляю.

Дочасный—привременный, временный.

Дочка—дщерь.

До шкоди привожу—напраснствую.

Доценту — опасно, всесовершеннѣ.

Доцка—доска, дщица.

Драбина—лѣствица.

Драбъ—оруженосецъ, дардоносецъ, дароносецъ.

Дражню—раздражаю, подражаю, посрамляю.

Драґаръ—кровъ.

Драпачинный—драчивъ.

Дранница—доска, дска.

Драпѣжство—хищеніе.

Драпѣжца—хищникъ.

Дрижаніе — шатаніе, трепетъ, колѣбаніе, утерпяніе, страхъ, ужасъ, говѣніе.

Дрижу — трепещу, колѣблюся, утерпаю.

Дрижу як конь на вытѣчки— шатаюсь.

Дрождѣ—тина.

Другій разъ — вторицею, другойци.

Друкарня—типоґрафія, печатня, штанчва.

Друкаръ—типоґрафъ.

Друкую—ваяю, изваяю, печатую, типомъ издаю.

Друкъ—до двиганія носило.

Дручу—борю, належу, сражаю, озлобляю, ополчаюсь, накощу.

Дуда—пречудница, сопль, сопѣль.

Дударъ—пречудникъ.

Дудокъ—вдодъ (sic).

Дуже — крѣпко, доблѣ, зѣло, доблественнѣ, юношески.

Дужественъ есмь—ни знемагаю (sic), не немоществую, неослабѣваю, крѣплюся.

Дужій—доблій, доблественный, жилищный, твердый, крѣпкій, силный, зѣлный, храбрый, ратный.

Дужость — храбрость, мужество, крѣпость, мужедоблестіе.

Дума о себѣ—мудрованіе, высокоуміе, гордость.

Дуреніе—луженіе.

Дуренъ—безуменъ, буй, юродъ или уродъ, несмысленъ, зродословъ.

Дуру—лужду.

Дурѣю — неистовлюся, юродствую.

Дурячій—лядячій.

Дуфаніе — дерзновеніе, необиновеніе, отрада.

Духовный человѣкъ — внутрный человѣкъ, мысленный, умный.

Дую—дму.

Дѣвка—дѣвица.

Дѣвчина—юнота.

Дѣдичство—отчество, достояніе, наслѣдіе, жребій.

Дѣдичъ—наслѣдникъ.

Дѣлитися не могучій — несѣкомый, нераздѣлный.

Дѣлицій зажиза́ю — гобзую, пресыщаюсь.

Дѣлне справую — мужаюсь, храбрствую.

Дѣлный — шумный, юношескій.

Дѣлъ—участіе, дѣлъ.

Дѣтей множество — многочадіе.

Дѣра—скважня.

Дякованіе—благодареніе.

Дякую—благодару, *дякую тебѣ*—вѣмъ (sic) ти благодать, имамъ ти благодать.

Дякъ — дѣтоучитель, грамотникъ.

Е.

Едвабъ—шолкъ, ...
Единакъ—инокъ.
Единецъ—инокъ, монахъ.
Единомыслно—инодушно, обще.
Единорожецъ—инорогъ, единорогъ.
Единостайно—единодушне.
Единочадый—единородый, иночадый.
Еднакъ—и убо.
Еднаніе-ходатайство, смиреніе.
Едначе—посредникъ, ходатай.
Еднаю—ходатайствую, кроцу, укрощаю, молю, смиряю, приповѣдаю, кратю (sic).
Еднаючій—смирителный.
Едно—точію, кромѣ.
Едность — единостайность, соединеніе, община.
Ездный—сънузникъ.
Ей—слушне, истинно.
Елементъ—стихій.
Елита—утроба.
Енгалогія—родословіе.
Епатида—рыза верхняя.
Если—аще.
Еслиже—ежели, ащеже.
Еслижъ—теди, ащеже.
Естемъ—есмъ.
Еще—паки, еще.
Еще не стался—не у бысть.
Еще бо вѣмъ не—не убо.

Ж.

Жагель—парусъ, вѣтрило, ядрило.
Жадаю—желаю.
Жадною мѣрою — никако же, ничимъ же.
Жакъ або студентъ—тщатель, спудей.
Жалоба—вретище, власяница.
Жалобу отправую—сѣтую.
Жалую—плачиве окаяваю, щажу, пекуся, сѣтую, ревную.
Жаль — жалость, болѣзнь, риданіе, ревность, ревнованіе, образіе.
Жаль ми на кого—недугую.
Жарливость маю—ревную.
Жарлокъ—гортанобѣсецъ, ласкосердій.
Жартливый—кощунникъ, смѣхотворца.
Жартовнии рѣчи — шуточныя, радостворная.
Жартую—кощунствую, блядословлю, смѣхословлю, любезно и радостно вѣщаю.
Жду—терплю.
Же—во еже.
Жебракъ—нищій.
Жебы—да.
Жело—жало, стрицало.
Желѣдба—печаловенъ, желѣнъ, укоризна, укореніе, оклевета-

ніе, безчестіе, пороченіе, сѣтованіе.
Желѣзной шіи—жестоковыйный.
Жемчугъ—перла, бисеръ, маргарита.
Женитва—бракъ.
Женюся—брачуся, посягаю.
Жертовникъ—очистилище, требище.
Живность—пища, жизнь.
Живностю опатрую — питаю, ухлѣбляю.
Животъ—духъ, жизнь, животъ, требухъ, утроба, матица, ложесная.
Живу—обитаю, живу.
Жилки маленкіи—стежки духа, огорненіе духа, жилище, артиріи, живіолъ, стихій, составъ.
Жило—жилище.
Жиловатый—жилищный.
Жировный—паственный.
Жито—пиро.
Жмуреніе—мженіе.
Жмуру—мжу, смѣжаю.
Жнецъ—жатель.
Жниво—жатва.
Жолвъ морскій—червленица.
Жолнѣрская шата—хламысъ.
Жолнѣрскою ся бавлю (sic),—воинствую.
Жолнѣръ—воинъ.
Жоломѣйка—сопль.
Жолудокъ — животъ, трибухъ, сирище, стомахъ.
Жолудь—желудь, жиръ.
Жона—жена, супружница.
Жона отгнаная—пущеница.
Жоночій обычай наслѣдую—женсвую.
Жорна—жерновъ.
Жродло—источникъ.
Журавель—у студнѣ водоважца.
Журба—печаль, скорбъ.

З.

За—внѣ, внѣудъ, возъ.
Забава—закоснѣніе, замедленіе, коснѣніе, неудобство, упражненіе.
Забавляюсь—закоснѣваюсь, медлю, замедлѣваю, косню, упражняюсь.
Забавно—косню (sic).
Забиваю—зарѣзую, заколюю.
Забитіе—забвеніе.
Заборона—препона.
Заборонитель — возбранникъ, возбранитель.
Забороняю—возбраняю.
Забѣгаю—предпріймую.
Завада—реть.
Заверненіе головы—бѣснованіе, неистовство, изумленіе.
Завертаю въ сторону—уклоняюсь.
Завижу—ревную.
Завистникъ доброму — ревнитель, ревностенъ, ревнивый.
Зависть добрая — ревнованіе, рвеніе.
Заводныкъ—ристатель.

Заводи (sic)—страдалчество, подвизаніе, борба.

Заводъ (sic)—бѣжу, страдалчествую, подвизаюся, боруся.

Завоеваніе—плѣнъ, плѣненіе.

Завоеванный — емлемый, плѣнникъ.

Завой—сударъ.

Заволай—вопій.

За волею Божею—волею Божіею.

Заволую—вопію.

Завора—верія, развора.

Завстыжаю—обличаю, изобличаю.

Завтра—утро, утрѣ.

Завтреніе—утреня.

Завтрешный—утречный, заутреный.

Завше—всегда, выну, присно.

Завше учуся—глумлюся (sic).

Завѣси—верія.

Загадка—заданіе, притча, прикровеніе, прикровенъ глаголъ.

Загадую—гадателствую, назнаменовую.

Загамовую—престатитворю(sic).

Заглохаю—оледенѣваю.

Заглядую — сматряю, назираю, приничу, приницаю.

Загорода—ограда.

Загорожаю—ограждаю.

Загороженіе—огражденіе.

Загроженіе — прещеніе, запрещеніе.

Загрожую — запрѣщаю, призапрѣщаю.

Загубляю — истребляю, испразняю, упразняю.

Задаваю кому що—належу.

Задатокъ—залогъ.

Задеваю—задѣваю.

Задержаюся—удерживаюся, отступую.

Задерженіеся — терпеніе, воздержаніе.

Задержую—воспріемляю, удержую, утоляю.

Задокъ—задняя.

Задуманіе—изумленіе.

Заживаю—пріемлю.

Зажмуреніе—зри жмуреніе.

Зажмурую—смѣжаю.

За зле маю—недугую, стужаюся.

За зле мя маютъ—имѣютъ мя тяжко, стужаютъ ми.

За зле маючій—недугователь.

Зазираніе—наблюденіе.

Зазираю — назираю, смотряю, пренебрегаю, преобыжаю.

Зазрослив ый—зависный.

Зазрю—ревную.

Зайзрость — зависть, ревность, ревнообразіе (sic).

Заикаючійся—косноязычный.

Заикуючійся — косноязычный, косногласенъ, зри гугнивый.

Заисте—явѣ, ей.

Заказъ — прещеніе, завѣтъ, заповѣдь.

Закалъ—порокъ.

Закаменьлость до покути — умиленіе (sic).

Закаменьлый—жестокъ.

Закаменьлого сердца—жестокосердій, закаменѣлѣйшій, жестоковыйный, жесточайшій.

Заклепленіе—камара.
Закликаю—воззиваю.
Заклинач — волхвъ, волшебникъ, обаватель, обованникъ.
Заклинаю—обаваю.
Заключаю—затворяю.
Заколоченіе — смущеніе, соклащеніе (sic).
Заколочую — мяту, наваждаю, поемлю, смущаю.
Заколюю—закалаю.
Законъ подаю—возаконяю.
Законъ пріймую—возаконяюсь.
Закритіе—закровъ.
Закрито—покровенно, невѣдомо, неявленно.
Залеценіе—врученіе, составленіе
Заледвь—едва, негли, аще, простѣ.
Залицаю—составляю.
Заложеніе — сложеніе, основаніе, ѳемеліонъ.
Замешканіе—зри забава.
Замешкиваю—закоснѣваю.
Замикаю—запираю, заставляю.
Замкни—затвори, зеклпи верія.
Замкненіе—заключеніе.
Замовляю—обавляю.
Замужъ иду—посагаю.
Замучую—мяту, молвлю, наваждаю, поемлю, возмущаю, восплищаю.
Замшникъ або римаръ—усмошвецъ.
Замѣна—залогъ.
Замѣшаваю—зри возмущаю.
Замѣшеніе—зри гукъ, бунтъ.
За мя—мене ради.
Заневоленіе—плѣнъ.
Занедбаваю—зри взгоржаю, пренебрегу.
Заночовую—облегаю.
Запалчивость—ярость, реть.
Запалчивъ—яростенъ, яръ.
Запалююсь гнѣвомъ—ярюся.
Запасникъ—подвижникъ.
Запасництво—зри битва.
Запахъ хорошій—благоуханіе.
Запахъ шпетный—зловоніе.
Запевне — извѣстно, известнѣ, явѣ, твердо, истинно.
Запираю—затворяю, заключаю.
Запираюсь—отвергаюсь, отмѣщуся, отмѣтаюся, отскакую.
Заплата—дань, мзда, наимъ.
Заповѣдаю—завѣщеваю.
Заповѣдь—завѣщаніе, заповѣдь, завѣтъ.
Запомогаюся—приспѣваю, преуспѣваю, спѣю.
Запора—верія, развора.
Запорока (sic)—порокъ, сучецъ.
Заправды—воистинну, истинно, в лѣпоту, въ рясноту, явѣ, истовѣ.
Запрѣніеся—отреченіе.
Запустѣваю—оледенѣваю.
Заразъ—абіе.
Заростую—оледенѣваю.
Зарѣзаніе—закаланіе.
Зарѣзую—закалаю.
Заручаю—прирѣкаю, обручаю.
Зарученіе—обрученіе.
Засиланіе—заточеніе.
Засилаю—заточаю.
Заслона—завѣса, катапетасма, щитъ.

Заслоняю — осѣняю, защищаю, застѣняю.
Засмѣялся—возсмѣяся.
Засмѣялся трохи — оскабился.
Засмучаю—опечаляю.
Засмучаюся—опечаляюсь.
Застава—залогъ.
Заставлюючійся за кого—возбранный.
Заставлююсь — востягаю, восхлащаю.
Заставую—залагаю.
Заставуюся —предстателствую.
Застарѣлый—престарѣлый.
Заступаю — воспріемлю, подъемлю.
Засѣдаю—возлегаю.
Засѣдаю на кого—присѣжу.
Зась—паки.
Затаенно—зри закрыто.
Затвердѣваю—ожестѣваю, оледенѣваю.
Затвердѣлость—умиленіе.
Затвержаю—ожесточаю, ожещаю, окаменяю.
Затраченіе—губителство, всегубителство.
Затрудненіе—неудобство.
Затрудняю справу—накощу.
Затѣняю—осѣняю.
Затубованый—оклощенный.
Заулокъ—халуга.
Заушникъ—клеветникъ, шепотникъ, оглаголникъ.
Захованіе чиню—угождаю.
Захованый — щадимый, соблюдаемый, лежачій, отложенный.
Захователь—зри вибавитель.
Заховую—блюду, соблюдаю, храню, сохраняю, назираю, наблюдаю, спасаю, избавляю, щаджу.
Заходъ—западъ.
Захожу кому въ дорогу—зри выхожу.
Захорѣваю — немоществую, изнемогаю.
Зацне—преводителнѣ, велично.
Зацность — величество.
Зацный—благонарочитъ, изящный, преславный, неначаемый.
Зацного роду—благоплеменный, благородный.
Зацнѣйшій—лучший.
Зачервоньваюся — почервонѣваю.
Зашкода—повреда.
Зашкоженіе—поврежденіе.
Зашкожую—повреждаю.
Заятраюся—недугую.
Збазненіе—блазнь.
Збанъ—скудель.
Збиваніеся—зри бой.
Збиваюся—страдалчествую, боруся, подвизаюся.
Збиранія (sic) *вокругъ*—сообращеніе.
Збираю—обымаю.
Збираю въ купу—ищитаю, сопрятую.
Збираю скарбы — сокровыществую.
Збираю вино—обемлю (sic) лозу.
Збитіе—збіеніе.

Збоже—жито.

Зборъ—сонмъ, сонмище, соборъ, соборище, толща, торжище.

Збройный — всеоружный, вооруженъ.

Зброя—бронь.

Збунтованіе—зри бунты.

Збурую—разсипаю, разаряю.

Збытный—лишный, излишный.

Збытнее богатство—лихоимѣніе, лихоимѣтелство, лихоимство, вящшество, лишество, мшелоимство.

Збытнее богатство збыраючій — срамнопріобрѣтатель, мшелоимецъ.

Збѣгаю до купи — сращаюсь, исрищуся, стицаюся, сорастаюся.

Збѣгъ—стеченіе.

Збѣгъ—бѣгунъ, бѣглецъ, бѣжалецъ.

Звиду чиню—распрѣваю.

Звадца—клеветникъ, ковникъ, крамолникъ, расколникъ или потворникъ, оболгатель, наводникъ, двоесловникъ, двоязыченъ, дѣдко, зри бунтовникъ.

Зважую—возмущаю, крамолю, лежу (sic), облегаю.

Зведеніе—совращеніе.

Зверхность—власть, держава.

Зверхный—внѣшній.

Зверхнѣйший—верховный.

Зверху—внѣ.

Зветшалый—ветхый, обветшалый.

Звиню—бряцаю, брячу, звеню.

Звитяжаю—побѣждаю, одолѣваю.

Звитяженъ бываю—повинуюся, покаряюсь, умаляюсь.

Звитязство—побѣда, одолѣніе.

Звитязца—побѣдитель.

Звлаща—паче, найпаче, обаче, но убо, акибы.

Зводникъ—лестецъ, умопрелщатель.

Звожу—прелщаю, возставляю.

Звыклемъ—предпріятій есмъ.

Звыклость—звычай, нравъ, обычай, предпріятіе, имство, имѣтелство, твореніе.

Звыклый—обычайный, обычный.

Звысокости—свышше.

Звѣздаръ—звѣздословъ.

Звѣрный покормъ—звѣроядина.

Звѣрско—безсловеснѣ.

Звѣръ—зри животно безсловесно.

Звязки—укрой, повой.

Звязокъ малженскій — брачный союзъ.

Звязокъ—уза, юза, союзъ.

Звязую—связую.

Згажаю — согласую, припоручаю, совѣщеваю, засвѣдителствую, зганбляю, посрамляю.

Зганбеніе—зри ганба.

Зганяю—зри ганю, ганбю.

Згибель—пагуба, погибель.

Згиненіе—всегубителство.

Згиняю—згибаю.

Злажую — зри внѣвечъ обертаю.

Згнило—щапственнѣ.

Згнѣтаю ґроно—сожинаю гроздп.

Згода—миръ, единомысліе, единомышленіе, сложеніе, согласіе, единство, соединеніе.

Згодливый — единомысленный, единосообразный,смирителный.

Згожий—ключаемый.

Згожость—ключимость.

Згола—весма, бохма, отнюдъ, всяко, всяческая.

Згоршеніе — соблазнь, блазнь, преткновеніе, претиканіе, грѣхъ, щапство.

Зготованіе—сотвореніе, устроеніе.

Зготовляю—сотворяю.

Зґромаженіе — соборъ, состояніе, составъ.

Зґрубѣваю—одебелѣваю, огустѣваю.

Згуба—зри згиненіе.

Згустѣлый—усиренный.

Згущаю—усиряю, огущаю, оледенѣваю.

Зґелкъ—зри замѣшаніе.

Зґрунту—зри згола.

Здается—мнится, видится.

Зданіе—разумъ.

Здаюся—являюся, возненщуюся.

Здобычъ—добытіе.

Зрада—ложъ, кознь, навѣтъ, лесть, прелесть, лщеніе, предателство.

Здрадливый—навѣтникъ.

Здражаю—прелщаю.

Здрайца—запинатель, прелесникъ, клеветникъ, навѣтникъ, лестецъ, предатель, прелагатай.

Здрой—источникъ.

Здужую—одолѣваю, премаґаю.

Здумѣваюся—удивляюся, усумнѣваюся, изумнѣваюсь, изумляюся, недоумѣваюся, ужасаюся, сумнѣюся, сомнѣюсь, недоумѣніемъ одержимъ бываю.

Здумѣніе—недоумѣніе, неудобство, ужасновеніе, ужасъ.

Зебраніе—проторъ, притяженіе, приобрѣтеніе, соборъ.

Зеднаніе—умовленіе.

Зедноченіе—соединеніе, зри згода.

Зезволеніе—благоволеніе, спредсявзяте, обѣтъ, воля, изволеніе, произволеніе, предложеніе, намѣреніе,сложеніе,миръ, реченіе.

Зезволяю — избираю, изволяю, рачу, помаваю, совѣщеваю.

Зеленость—злакъ.

Зеленыи свята—пятьдесятница, пентикостія.

Зелживость—зри ганба.

Зелжоный — посмѣянъ, поруганъ, поруганый, досаду пріемъ.

Земокъ нашъ, вашъ,—страненъ.

Зепсованіе—врежденіе.

Зестіе—ликъ, состояніе, толща, сотеченіе.

Зестіе спѣваковъ або музикъ—ликъ.

З заду—созади, зади.

З збитку—отизбитка.

Зищеніе—исполненіе, совершеніе.

Зкидаю—извергаю.

Злитоване—милость, милосердіе, милостиня, простиня, прощеніе, помилованіе, сострадание, соболѣзнованіе, щедрота.

Злитовуюсь—состражду, соболѣзную, ущедряю, щедру.

Злицаю—вовѣряю, возлагаю.

Зличаю—восперяю, воскриляю.

Зло—злоба, безчеловѣчіе, лукавство, строптивость.

Злорѣчіе—зри ганба.

Злорѣчую—зри ганю, порѣкаю.

Злостникъ—беззаконникъ, лукавозлобивъ, неблаґоразуменъ, непреподобенъ, строптивъ, скварнавый.

Злото виборное—искуса златая.

Злочинство—злодѣйство.

Злочинца—злодѣй.

Злый—золъ, строптивый, растлѣнный.

Злый обычай—зри злого приложеня.

Злый прикладъ—соблазнъ.

Злого прироженя—злонравный.

Злупеніе—расхищеніе, разслабленіе.

Злучаю—растворяю, совокупляю, смѣшаю, составляю.

Злучаюсь—сочетаваюся.

Злученіе—сочетаніе, совокупленіе, союзъ.

Змаза—порокъ.

Змазаніе—скверна, нечистота.

Змерзаю—оледенѣваю.

Змерканіе—сумракъ.

Змертвыхъ встаніе—воскрешеніе, еслы хто презъ коо иншого встаетъ.

Змертвыхъ встаніе—если самъ презъ себе встаетъ з мертвыхъ, воскрешеніе [1]).

Змилованіе—зри злѣтованіеся.

Змиловуюся—зри злѣтовуюся.

Змова—съмиреніе, миръ.

Змовлююсь—совѣщаюсь.

Змолочую—стлачаю.

Змордованный—истомленный, изможденный.

Зморщенный—вресканый.

Зморщка—вреска.

Змоцненіе—утвержденіе, укрѣпленіе, крѣпость.

Змоцняю—утверждаю, укрѣляю.

Змышленіе—лицемѣріе, притвореніе.

Змышлячъ—лицемѣръ.

Змышляю—притворяю, лицемѣрствую.

Змышляючій—притворитель, лицемѣръ.

Змѣраю на що—намѣраю.

Змѣшую—растворяю, зри злучаю.

Змѣщаю—вмѣщаю.

Знагла—внезапу, весьма, бѣхма.

Знаемость—разумѣніе.

Знаемый—знаемъ, вѣдомъ.

---

[1]) Въ подлинникѣ отличаются эти два выраженія тѣмъ, что въ первомъ слово *з мертвыхъ* написано съ надстрочными буквами *р* и *х*.

Знайденіе—обрѣтеніе.
Знайдуюсь—обрѣтаюсь.
Знакъ—знаменіе, воспоминаніе.
Знамѣнитость—преимѣтелство, превеличество, предъпріятіе.
Значеніе—знаменованіе.
Значеный—знаменитый, благонарочитъ, изрядный, изящный, великъ, преимѣяй, первый.
Значу—являю, сказую, назнаменую.
Знахожу—обрѣтаю.
Знаю—вѣмъ, разумѣю.
Знебачка—непредвыденнѣ.
Зневага—зри ганба.
Зневажаю—зри ганю.
Зневоляю—порабощаю, зри ганблю.
Зненацка—внезапу, напрасно.
Зниженіе—сонисхожденіе.
Зникаю—ищезаю.
Знищеніе—умаленіе, побѣжденіе, оскудѣніе.
Знову пойди—паки гряди.
Зной—жаръ, скваръ.
Зноснѣ—отраднѣ.
Зношу — воспріемлю, пріемлю, подъемлю, терплю.
Знидѣваю—уныва́ю.
Знидѣлый—унидѣлый, унилый.
Зобохъсторонъ—обоюду, зособна.
Зову—глашу, глашаю, возиваю.
Зогненный—согбенъ.
Золотарь — златарь, сереброкузнецъ.
Золотый—златникъ.
Зопсованіе — истлѣніе, растлѣніе, разрѣшеніе, рѣшеніе.
Зопсованое—растлѣнное, лестное.
Зопсовую—разоряю, разсипаю, растлѣваю.
Зопхни—возрази, изрини.
Зоря—заря.
Зособна—особь.
Зостатка—отизбытка.
Зпихаю—возражаю.
Зпоеніе—соузъ.
Зпровожаю—низвожду.
Зпрудка—зри зненацка.
Зраняю—уязвляю.
Зраховую—исчитаю, сочисляю.
Зреница—зѣница.
Зрожуеться—угобжаеться.
Зрозумѣваю—внимаю, внемлю, соразумѣваю, мудрствую.
Зрозумѣй—внемли.
Зрозумѣло — внимателно, розумно.
З розуму зводитель—умопрелщатель.
Зростъ—возрастъ.
Зрублюю—сострояю.
Зрѣдка—намалѣ.
Зряженіе—строеніе, судьба.
Зтворжаюсь—возмущаюсь.
Зупелне—зри досконалне.
Зупелность—зридосконалность.
Зупелный—зри досконалный.
Зухвалный — дерзокъ, дерзостенъ, дерзый, непокоривый.
Зызоватый—косый, косвенный, разноокій.
Зыскъ—приобрѣтеніе, прибытіе, сонисканіе, прибытокъ, стяжаніе.

Зыскъ чынячій—прибыточный.
Зачливый — присный, рачитель.
Зычу—желаю.
Зъваю—зѣяю, прозияваю.
Зъдлость—напраснство, бѣда, напасть.
Зъдлый—лютый, безчеловѣчный, лютъ, дивый, напрасный, безстуденъ.
Зъліе—быліе, зеліе, зель, троскоть.
Зънка або человѣчокъ у оцѣ—зѣница.

И.

Играчъ—сопецъ.
Игриско—мѣсце, игралище, плясалище, бѣсилище, подвигъ, тризнище, позоръ.
Игри справуючій—сѣновникъ.
Игуменъ бывшій—проигуменъ.
Иду—граду, шествую.
Ижъ—за еже, во еже, елмажъ, понеже, яко, якоже.
Изали—уболи.
Избыти—спастись, избавитися.
Изгиблій—истребленный.
Иле—елико, елма.
Иле кроть—елижды, колькроть.
Имаюсь—емлюсь.
Ими—емли.
Иначей—инако.
Иначей зовутъ—або иное значить, образословимый (sic).
Инквизиція—истязаніе выны.
Инквизицію чиню-выны истязую.
Иншимъ кшталтомъ — инообразно.
И овшемъ—и убо, истинно, извѣстно, въ истину.
Истинѣ—вѣрно, истинно.
Истность—существо.
Исторія—сказаніе, повѣсть.
Истотне—зри заправды.
Истотный—истовый.

К.

Каганецъ—свѣтилникъ.
Кадило—ладанъ.
Кадь—делва.
Кадь винная—точило.
Кажу—псую, растлѣваю.
Казалница—сѣдалище, катедра.
Казаніе—народовѣщаніе, проповѣдь слова божого, проповѣданіе.
Казаніе кажу—проповѣдословлю.
Казка—баснь.
Казнодѣя — проповѣдникъ, соборникъ.
Казнь—вины.
Кайданы—вериги, путы.
Калвикаторъ—ристатель.
Калита—чпагъ.
Калюжа—ровъ.
Калъ—тина, тимѣніе (sic), ровъ.
Камень млинный—жерновъ.
Камѣнь—камень.

Камѣнь верхный млинный — жерновъ оселскій.

Каня—пилюкъ (sic).

Канлѣръ—книгочій.

Капланство—жречество.

Капса—зри калита.

Караценъ—броня.

Караніе — наказаніе, приятіе, казнь, учен е удерж аніе, язва

Караю—казню, наказую, истрясаю, воразумляю, уразумляю, уязвляю, досаждаю, выни истязую.

Караючій—казнитель, казняй, казатель, наказатель.

Карность—ученіе.

Кармазинъ—червень.

Карти играю—хартіи употребляю, тавліи употребляю.

Карчмарь—гостинникъ, всепріятникъ.

Катедра—зри казалница.

Катъ—мучитель, спекуляторъ, паличникъ, рядникъ, слуга народный.

Кафаръ що воду тягнетъ—водовожца.

Каюся — з болестію умиляюся, сокрушаюся.

Кваплюся — спѣшуся, спѣюся, тщуся, понуждаю, припонуждаю, постизаю, устребляюся вседушно.

Квасно—кисло.

Кватигъ—кій...

Квашеніе—сланутокъ.

Квестія—вопросъ, противоположеніе, противорѣчіе, прекословіе, недоумѣніе.

Квѣтъ—красный злакъ.

Келихъ—скляница, кубокъ.

Киваніе—маніе, маяніе, мановеніе, помаяніе, накиновеніе.

Киваюсь—згибаюсь, колѣбаюся.

Кидаръ—клубукъ.

Кидаюсь на кого—устремляюся.

Кій—жезлъ, палица.

Кисло—кисело.

Кистка—стручецъ.

Кишеня—чпагъ.

Кламство—ложъ, зри тая же.

Кламца—ложъ, зри зрайца.

Клейнотъ—гривна, увясло.

Клекощу—крокощу, хлохощу.

Клепало—бряцало, было.

Клепецъ—оскордъ.

Клирикъ—чтецъ, читатель.

Клирошанинъ—клирикъ.

Кличу—возглашаю, глашаю, возиваю.

Клокотаніе—хлохотаніе.

Клопотъ—страданіе.

Клубы—лядвы, бедры.

Клуня—житница.

Клѣтка—дѣлателница, камора, клѣщики (sic).

Клямка—развора, верія.

Кляча—подяремникъ.

Книжникъ—дидаскалъ.

Кобилки—пружіе, прузи, свердщіе.

Коваль—ковачъ, кузнецъ.

Ковчанъ до стрѣлъ—тулъ.

Ковшъ—почерпало.

Когутъ—пѣтель, алекторъ.

Кождоденный—всегдашній, на-

сущный, насущественный, присный.

Кождый—всякъ, койждо, кождо.

Кожемяка—усмаръ.

Коли—егда, когда.

Колибка—колесница.

Колка—боль сердечный, коленіе, умиленіе.

Колко—колико, елико.

Колкокротъ—зри иле крать.

Колкость—количество.

Колнѣръ—обшляръ.

Колодязь—студенецъ, кладязь, кладецъ, роденникъ (sic).

Колосокъ—стручецъ.

Колютникъ или потворникъ—смущаяй, зрадца, смущенникъ.

Колючу—пакощу.

Колѣно—нѣдро, лоно.

Колѣя—чреда.

Колю—ухапляю, угризаю.

Коляція—пированіе, вечера.

Комната—зри клѣть.

Комора—зри клѣть.

Коморка—колибка.

Коморникъ—подсусѣдникъ, селникъ, содомникъ (sic), слуга.

Компутъ личби—согляданіе.

Конва—водоносъ, почерпало.

Конецъ—кончина, конецъ, исполненіе.

Конечне—ей.

Коники—зри кобилки.

Конный—всадникъ.

Конституція—состояніе.

Контентація—достотвореніе.

Контентую—удовляю, довляю.

Контентъ естемъ—доволенъ есмь.

Конфекти—сладости.

Кончаръ—улица.

Конь—клюся (sic), конь.

Коняктурую—усмотряю, соразсмотряваю.

Копаю—копитомъ кописаю.

Копенякъ—хламисъ.

Коперштихеръ—що на мѣди рисуетъ або печати рѣжетъ, ваятель.

Копья—гвоздъ, архетипонъ, антиґрафонъ, парадиґма, копіе.

Корабелное начиніе—ядрило.

Корабль—ковчегъ.

Корецъ—кобель, кобль, спудъ.

Коритися—малитися, смирятися, покорятися, охуждатися.

Корито—поило.

Корма—кормило, стиръ, гребло кормилное.

Кормя—брашно, паствина, пища, питаніе, паства.

Корнетиста—сопецъ, пищанникъ.

Корнѣтъ—сопѣль, сопль.

Коробка—спудъ.

Коробникъ—пударъ.

Корова—крава.

Короватый—коравъ.

Корона—вѣнецъ.

Корона святителская—митра, увясло.

Коронованіе—вѣнчаніе, увязаніе.

Короную—вѣнчаю, вязаю вѣнцемъ.

Коропатва—рябка.
Корости—красти.
Коростѣль—крастель.
Короткій—краткій.
Корчма—гостинница, всепріятелница.
Корчмарь—зри карчмаръ.
Корѣнніе—потравы, сладости.
Кости играю—зри в капсы.
Котвица—зри котва.
Котелокъ—панвица.
Котелъ—конобъ.
Котляръ—ковачъ мѣды, мѣдный кузнецъ.
Который—иже.
Котрий—елици (sic), кій.
Котрое—кое.
Котрого—его же.
Котрой стороны—коей страны.
Котрому—ему же.
Коханіеся в собѣ—самоугодіе, самолюбіе, тѣлоугодіе.
Коханка—рачителница.
Коханокъ—рачитель.
Коханый—любимый, вожделѣнный, довлимый, другъ, рачитель, возлюбленный.
Кохаюсь—благоволю, наслаждаюсь, ревную, упитовляюся (sic).
Кошникъ—кошница, спирида.
Коштованіе—начинаніе.
Коштовный—частный, преимѣяй, первый, благообразный.
Коштую—вкушаю, начинаю.
Коштъ—изнуреніе.
Кошуля—срачица, хитонъ.
Кошъ плетеный—кошница.
Кравецъ—кроитель, ризошвецъ.
Крадкомъ—отай, втайнѣ.
Крадѣжство—татба.
Краина—страна.
Краса—ухищреніе, доброта, лѣпота, честность, утваръ, благолѣпіе, украшеніе, красованіе.
Краса приправная—красованіе.
Краситись—щапствоватися.
Красный—благолѣпный, благоподобный, изрядный, лѣпій, коварный, ухищренный, лѣпотный, добрый.
Красомовца—вѣтий, риторъ, хитрословъ, рѣчотворецъ.
Крата в брамѣ (sic)—хлябь (sic).
Кревлюся—гобзую.
Кревность—немощъ, ужичество.
Кревный—преискрный, ужикъ.
Крейда—мѣлъ.
Кресло—стулъ, полкружникъ.
Кресъ—кроторія, нарокъ, предѣлъ, черта.
Креть (sic)—кроторія.
Крещеніе—баня, крещеніе.
Кривда—обида, досада, неправдованіе, неправда.
Кривжу—обыжу, неправдую, беззаконую.
Кривий—косвенный, стропотный, согбенъ.
Кривоокій—косвенный, разноокій.
Кривоприсяжца—неправедно кленийся.
Кривость—кривина.

Крикъ—вопль, вопіеніе, кличъ, плищъ, мятежъ, молва.
Крикъ чиню—возмущаю, плищъ творю.
Криница—источникъ.
Криска—черта, йота.
Кричу—зри гомоню.
Крию—таю, утаеваю.
Кровъ банками пускаю—ваяю, изваяю, начертаваю.
Крогулецъ—крагуй.
Крокъ—степень.
Кролевскій столецъ—престолъ.
Кролюю—царствую.
Кроль—царь, скиптрофоръ, монарха.
Кромѣ—освѣне.
Кропива—стволіе.
Кропля—капля.
Крувжула—круга и круги.
Кругъ всего неба—твердь.
Крукъ—вранъ.
Крукъ—гакъ, висилица.
Крупи—сланутокъ.
Крушецъ—руда.
Крыло—перія.
Крыла распростираю—раскриляю.
Ктиторъ—создатель, сооружитель, сотворитель.
Ксіонже—князь, народоводитель.
Кубокъ—чаша, потыръ, кратиръ, стклянница.
Куглярскій—призорный.
Куглярство—призоръ, призрачіе, призракъ, привиденіе, мечетъ.
Куколь—плевели, плавеліе—множественнаго числа; куколь у иноковъ называется клобукъ.
Кумовство—приемничество.
Кумъ—приемникъ.
Кунштую—смѣхословлю.
Кунштъ—смѣхотворство.
Купа—составъ, толпа, состязаніе.
Курва—блудница.
Куревство—блудъ, скверна.
Куря—врабій, птица.
Кусаю—угризаю, ухапляю.
Кусаюсь—угризаюсь.
Куситель—искуситель.
Кутась—пугва.
Кутя—коливо, колюва.
Куфа—вать, ровъ (sic).
Кухня—щегнюша.
Кучка якая колвекъ—куща, колиба, селеніе, сѣнь, село.
Кушеніе—искушеніе, начинаніе.
Кушу—искушаю.
Кушуся—ополчаюся, постизаюся.
Кшталтую—образую, творю.
Кшталтъ—благоимство, имѣтелство, образъ, устроеніе.

Л.

Лагодне—присердно (sic).
Ладанъ—кадило.
Лазня—баня.
Лазуиство—скитаніе.
Лайно—мотило, гной.
Лакненіе—алканіе.

Лакну—алчу.

Лакомство—лихоимство, лихоимѣніе, сребролюбіе.

Лакотникъ—ласкосердій, ядецъ, гортанобѣсецъ.

Лакотокъ—уживаніе, ласкосердіе, пресыщеніе.

Лакотяный—скорпеный (sic).

Ланцужокъ плетеный—тресня (sic).

Ланцухъ—уза, юза, веріе.

Ланцухъ золотый—гривна злата.

Ласиться—ласкаетъ.

Ласка—благодать.

Ласкавость—благостиня.

Ласкавый—благодатный, благодѣтелный, благоугодный, благосердій.

Ласкотаніе—скоктаніе.

Ласку показую—уважаю.

Ласьне—лицемѣріе.

Латаный—скортный.

Латво—удобно.

Латвость—удобство, благомощіе.

Латвочинный—удобезденъ (sic), латвый до пойманя.

Латвый—удобный.

Латвѣй—удобѣе.

Лаю—запрещаю, досаждаю, язвляю, порицаю, оглаголую, зазираю.

Лаяніе—гажденіе, злохуленіе, лаятелство, обличеніе.

Лгаръ—ложъ, зри зрадца.

Лгу—лжу, клевещу.

Левъ—леонъ, левъ.

Легкій—воспѣренъ, пернатъ.

Легкимъ чиню—воспѣряю, воскриляю.

Легко—нетяжко, нетяжественнѣ, ненавистнѣ (sic).

Легкомислный—легкота, непостоянный.

Леґуменами опатрую—ухлѣбляю.

Легце важу—зри ганблю.

Легчу—восперaю, воскриляю.

Ледащо збираючій—мшелоимецъ.

Ледва—едва.

Лененіе—сіяніе, блистаніе.

Ленуся—сіяю.

Ленѣя—правило, черта.

Лескотаніе—зри лоскотаніе.

Лечъ—же.

Лжа—ложъ, зри зрада.

Лженіе—зри лаяніе и ганба.

Лжѣй—отраднѣе.

Ли—егда.

Лина грубая—велблюдъ (sic).

Листокъ—хартія.

Листъ—посланіе, грамота, епистолія.

Литера—писмо.

Литость—милость, зри змилованіе.

Литостивый—щедрый, благодѣтель.

Литость показую—зри литовуюсь.

Лихва—росты.

Лихота—окаянство, окаяніе.

Лице—ланита, зракъ, постасъ, собство, съставъ.

Личба—число.

Личбу чиню—слово говорю, сказаюся о словесы.
Личбу здиймую — зри личбу чиню.
Личманъ—чисма (sic).
Ліоси—жребія.
Лодо (sic)—лодія, корабецъ.
Ложко—ложе, одръ.
Ложница — чертогъ, невѣстникъ.
Локоть—мѣрило.
Лоскотаніе—скоктаніе.
Лоскочу—скоктаю, скокочу.
Лотрикъ—поясникъ.
Лотровскій—непреподобный.
Лотрская штука—тожъ що и лотръ.
Лотръ—скверный, сквернавый, омраженный, непреподобнодѣлатель.
Лука—удолъ, село, расло.
Лукъ—чеснокъ.
Лукъ—оружіе.
Лупѣжца—хищникъ.
Лупъ—користь, обраща (sic).
Луска—рибная чешуя.
Лущинка (*котораго орѣха або що жолудь выпадаетъ*)—плѣска.
Лысая гора—краніево мѣсто.
Лысій—плишивъ.
Лысина—плѣшъ.
Лытка—листа (sic).
Лѣвый—шуй.
Лѣдъ—голодь, ледъ.
Лѣкарня або домъ, що лѣчатъ—врачебница.
Лѣкарство — биліе, балство, лѣчба, цѣлба, ликованіе.
Лѣкаръ—балій, врачъ, цѣлитель.
Лѣчиво—щапственнѣ.
Лѣнивство имаю—щапствую.
Лѣнивый—унилый, лѣнивъ, дебелый, нещощный, гнюсный, лѣностивъ, праздный, нетягъ.
Лѣнивѣю—униваю, стужаюся, ослабѣваю, лѣнюся.
Лѣность—гнюсъ, уныніе, щапство.
Лѣпше—лучше, уніе, уне, унше.
Лѣпшій—лучшій, унший.
Лѣска—жезлъ.
Лѣта—времена, годы.
Лѣтаніе—пареніе.
Лѣтаю—парю, прудко перу, теку.
Лѣторасль—отрасль, пародокъ.
Лѣторастка — пружіе, розга, сучецъ.
Лѣхтаръ—свѣщникъ.
Лѣченіе—цѣленіе, врачевство, врачеваніе, исцѣленіе, врачба.
Лѣчу—цѣлю, врачую.
Любимый—желаемый.
Люблю—вожделѣваю.
Люблю велми—ревную.
Любовъ—раченіе, согласіе.
Любовъ горячая—рвеніе, раждеженіе, раченіе, ревнованіе, ревнообразіе.
Любую—благословляю.
Любячій Бога—Боголюбецъ.
Любячій доброе—благолюбецъ.
Любъ—или, аще же.
Людемъ подобанъеся—человѣкоугодіе.

Людзкій—друголюбивъ, друголюбный.
Людзкость—страннолюбіе, друголюбіе.
Людъ—народъ.
Люнатикъ—лунящійся на новъ (sic), бѣсится (sic).
Лютій—дикій, свѣрѣпій, жестокій.
Лютость—сверѣпство, безчеловѣчіе, свирѣпіе, бридость.
Лядвы—ляжки, лядвины.
Ляинъ—людинъ.
Лякаюсь—ужасаюся.
Лякливый—малодушный.
Ляментую—плачу, рыдаю.
Ляментъ—плачъ, риданіе, сѣтованіе, пореченіе.
Лямпа—свѣтилникъ.
Лятра—бедры.

М.

Маестатъ—престолъ.
Маетность—имѣніе, держава, стяжаніе.
Маетный—имовитъ.
Макула—порокъ.
Малженство—женитба.
Маліованіе—повапленіе, образонаписаніе, натреніе, иконное воображеніе.
Маліованный—повапленный.
Маліованный образъ—иконный зракъ.
Малпа—піфикъ.
Малюю—живописую.
Малярство—живописателство, иконное писаніе, образонаписаніе, живописателно художество.
Маляръ—иконникъ, живописецъ, зоґрафъ, живописатель, иконописецъ.
Мамка—доилица, кормилица, питателница.
Мандатъ—заповѣдь, повелѣніе.
Манель—запятіе.
Манка—шуйница, шуя, рукавъ.
Мантачъ—лестецъ, зри баламутъ.
Мара—мечтаніе, зри куґлярство.
Маркотаніе—зри воркотаніе.
Маркотливъ—ропотникъ, ропотливый, ропотивъ.
Маркочу—зри ворчу.
Мармаровый—мраморный.
Марморъ—мраморъ.
Марне—туне, всуе, безума.
Марность—суета.
Марнотравство—изнуреніе, истрошеніе.
Марнотравца—изнуритель, лотига.
Маршалокъ—архитриклинъ, служебначалникъ.
Мары—одръ, рака.
Масть—шаръ.
Матерія—вещество, вещь, грѣза.
Матица—утроба, животъ, ложесна, брухъ.

Маю — имамъ, имѣю, держу, одержу.

Маю баченіе — маю возглядъ. намѣраю.

Маю волю—хощу.

Маючій—имий, имѣяй.

Мгла—мракъ, примракъ, тма.

Мненіе ока—мановеніе, маяніе, накиновеніе.

Мдлость—малодушіе.

Мдлый—малодушный.

Мдлѣю—малодушествую.

Медведица—мечка.

Меду плястръ—сотъ.

Межа—межда.

Менжне що справую—мужаюся, храбрствую.

Менжний—зри дужий.

Менжство—зри дужесть.

Мененіе—именованіе, нарицаніе.

Мерзеный—зри лотръ.

Мерзитъ мя, мерзю чимъ—гнушаюсь, недугую.

Мерзость - безсластіе, бридость, несладость, нечистота, бѣда, скорбь, туга, болѣзнь.

Мертвость—умерщвленіе.

Мешканецъ — обитатель, обиталникъ.

Мешканіе—житіе, жилище, гражданство, село, селеніе, скинія, обиталище, храмина, куща, сѣнь, обитель.

Мешканіе займую — вселяюсь, водворяюсь.

Мешканьечко — кровъ, хлѣвина.

Мешкаю — жителствую, живу, обитаю.

Мизаю—помизаю, мизаю.

Миндалове древо—кляпишъ.

Мигти въ очахъ—мжитъ.

Милосердіе — благостыня, благость.

Милосердіе показую—зри злитовуюсь.

Милосердія годный — умысленный.

Милосердный — благоутробный, простителный, милостивъ.

Милосница—рачителница.

Милостникъ—рачитель, ревнитель.

Милосиь горячая—зри любовъ.

Милость утробы—благоутробіе, благостиня, любовъ.

Миліонъ—тма, легеонъ.

Милый—благопріятный, желаемый, любимый, изрядный, изящный.

Миля—поприще.

Мірянинъ—людинъ.

Миса широкая—діскосъ.

Миска—блюдъ, поница.

Мисюрка—шлемъ.

Митра—увясло.

Млинный камень—жерновъ.

Млинокъ ручный—жерновъ.

Млоденецъ—младенецъ, юнота и юноша, отрокъ.

Многократь — множицею, многажды, многащи, намнозѣ, колькрати.

Многомовность— многоглаголаніе, велерѣчіе.

Многомовный—велерѣчивый.
Множуся—возрастаю, умножаюся, гобзуюся, спѣю, преуспѣваю.
Мнозтво — множество, многое, бездна.
Мнѣманіе—мнѣніе, непщеваніе, мечтаніе, васнь.
Мнѣмаѣмъ дохожу — разсмотрю.
Мнѣмаю—мню, непщую, вмѣняю. мечтаю.
Мнѣмаючій—непщеватель.
Мова нѣкчемная—блядословіе, лихословіе.
Мовеніе—вѣщаніе, глаголаніе; *мовеніе о великихъ речахъ*—велерѣчіе.
Мовлю—глаголю, вѣщаю.
Мовность—велерѣчіе.
Мовный—велерѣчивый, многовѣщанный.
Модрый едвабъ—синета.
Можно—мощно.
Можность — зри владычество, господство, держава, могуство, зѣлность.
Можный—велможный, велможа, зри дужий.
Мозокъ—мозгъ.
Мозолѣ на рукахъ—утерплины, ствердѣлы (sic).
Мокну—омокаю.
Мокрота—влага.
Молва—глаголъ, слово.
Молитва—моленіе.
Молоденецъ—зри младенецъ.
Молодецкій—юношескій.
Молодица—юнотка.
Молодость—юность.
Молодостный—юностный.
Молодый—юный, младый.
Молодее вино — мустъ, мощъ (sic).
Молотба — вершба, вершитба, млаченіе.
Молотокъ, которимъ струны направляютъ,—било.
Молотокъ робячій—млотобіецъ.
Молотый—сомленый.
Молотъ—млатъ.
Молчаніе—безмолвіе.
Молюся за кого—ходатайствую.
Монастиръ—обитель.
Монета—дидрахма, златица.
Монисто—гривна, утварь, украшеніе.
Мордерца—мучитель, томитель.
Мордованіе—томителство.
Мордую—томяю (sic).
Море—составъ водный, озеро.
Морочный—мрачный.
Моршу—посмражую.
Моръ—моръ, губителство, смертоносіе, всегубителство.
Мосіондзъ—прудъ (sic).
Мостокъ—мясо, груды говяжи.
Мотузъ—уже, вервь.
Моцаръ—исполинъ, изящъ.
Моцне що справую—зри менжне.
Моцно—зри зѣло, дуже.
Моцный—зри дужий.
Моцованіе—зри валка.
Моцовникъ—подвижникъ.
Моцуюся—подвизаюся.

Моцъ—сила, держава, дѣтель.
моцъ божая—маніе, мановеніе, маяніе.
Мошенка—мошонка, зри вацокъ.
Мошка—мшица.
Мрокъ—мракъ.
Мруґаю—моргаю, зри мигаю.
Мудрость—разумъ.
Мудрость любячій—любомудръ, философъ, любопремудръ.
Мудростію ся забавляю—мудрствую.
Мудре—прямо.
Мудрецъ — философъ, любомудръ.
Мудрый—умный, худогъ, мыслный, искусный.
Мужа не знаючая панна—неискусомужная, неискусобрачная, не познавшая мужа.
Мука—страсть, страданіе, мученіе.
Мулъ—мескъ.
Мунштукъ—брозда.
Мурава—лѣхъ, лѣха.
Муращокъ—мравый.
Муръ—стѣна.
Мусъ—насиліе.
Мученикъ—страдалецъ, страстотерпецъ.
Мучу — блядословлю, смѣхословлю.
Мщеніе—месть.
Мщуся—отмщеваю.
Мылня—баня.
Мыслы прозорливіи — промышленія, мечтанія.
Мыслію понятіе речи—умная, мыслная.
Мысль—помышленіе, умъ, разумъ.
Мытникъ—мытарь, мытоимецъ.
Мышленіе—мудрованіе.
Мышлю—мудрствую, помышляю, вмѣняю, воспоминаю.
Мѣзерія—окаянство, бѣдности.
Мѣзерный — бѣденъ, бѣдный, умиленъ, окаяннѣйшій.
Мѣй на баченью—ради.
Мѣлемъ—имѣхъ.
Мѣлемъ волю—хотѣхъ.
Мѣнута—зри мгненіе ока.
Мѣняю—измѣняю.
Мѣра—правило, умѣреніе спуду (sic).
Мѣры не маючій—безмѣрный.
Мѣрность—воздержаніе, цѣломудріе, честность, мѣра, умѣреніе.
Мѣрный—мѣрный, умѣренный, смиренъ.
Мѣру до целю—намѣряю, разсмощряю (sic).
Мѣскій—градскій, гражданскій.
Мѣсто—градъ.
Мѣсце замѣренное — намѣреніе.
Мѣсяцъ—луна.
Мѣсячникъ—лунящійся.
Мѣховникъ—усмошвецъ.
Мѣхъ—ярта (sic).
Мѣшкорѣзъ—мошнорѣзъ.
Мѣшокъ—зри вацокъ.
Мѣщанинъ—гражданинъ.
Мѣщка—гражданка.

Мяккій—благоувѣ[illegible]ливъ, благоугодителнъ.

Мясо сушеное—сушеница.

Мята—мятва.

Н.

Набоженство—служба, благочестіе, преподобіе.

Набоженство отправую—благочествую.

Набожный — благоговѣйный, умиленъ, говѣнъ, преподобный.

Набываю—стяжаю, стяжаваю, притяживаю, снабдѣваю, сонискаю, приобрѣтаю.

Набиваю непристойне—мшелоимствую.

Набываючій—стяжатель.

Набытокъ — зри имѣніе, здобычъ.

Набытокъ непристойный — мшелъ, навалность, стремленіе, устремленіе.

Наважую—наляцаю.

Навой ткацкій—вратило ткацкое.

Навспакъ—воспять.

Навѣдитель—посѣтитель.

Навѣжаю—посѣщаю, присѣщаю.

Нагабаніе—навѣтъ, нужда, насилство, гажденіе.

Нагабаю — понуждаю, насилствую.

Нагана—порокъ.

Наганы годенъ—пороченъ, укоризненъ.

Нагло—внезапу, абіе, напрасно.

Наглость—продерзость, сверѣпство.

Наглый — напрасный, напраснивъ, сверѣпъ, стромнителенъ.

Наглю—належу.

Наглядаю—назираю, наблюдаю.

Наглячій—належай.

Нагорода—мзда, воздаяніе, возданіе, даръ.

Нагороду рицеромъ даючій—подвигоположникъ, даровникъ.

Надаремне—безума, всуе, туне, всяко, отюдь, вотще, тщетно, бошію.

Надворѣ—внѣ, внѣуду.

На дворъ—вонъ.

Надлядаю — назираю, наблюдаю.

Надгробокъ—епитафионъ, катафалкъ.

Наддеръ—попремногу, попреизлиха, изобиліе, преизящество, преизълишество, премножество, преимѣтелство и тому паче неизрѣченно, лишше.

Надзираю—зри надглядаю.

Надимаю—кичу.

Надкланяюсь—ничу.

Надмнѣманіе або надсподѣваніе.

Надобный—изрядный, изящный.

На долъ смотрячій—посупленъ.

Надорудю(sic)—наружи, приручно.

Надприроженье—противестественнѣ.

На другомъ мѣсци—другоици.

Надслушность — презпотребство.

Надто—зри наддеръ.

Надто маю—изобилую, избыточествую.

Надто размножую—тое жъ.

Надуто—хупаво.

Надутость—гордость, напыщеніе, хупавость, кичeніе, надменіе, превозношеніе, кручина.

Надутый—напыщенъ, хупавъ, напраснивъ,самоугодный,гордостенъ, презоривъ, отяглаваемый, посупленъ, дерзый, яростенъ.

Надхожу—надстою.

Надѣюся—уповаю.

Надѣя—надежда, надѣяніе, упованіе.

Надѣи немаючій—отчаянный.

Надѣю трачу—отчаяваюсь.

Надѣявся—уповахъ, начаявся.

Надъ—вишше, паче.

Надъ власность—выше мѣры, существеннѣ.

Наежджаю—устремляюся.

Назадѣ иду—послѣдую, послѣдствую.

Назадъ—воспять.

Назбытъ—зри наддеръ.

Названный—рекомъ, зовомъ.

Назвиско—имя.

Називаніе—нарицаніе, именованіе.

Назначенный—назнаменованъ, избранный, нарекованный, нареченъ, уставленный.

Най—паче.

Найбарзѣй — паче, найпаче, израднѣе, колми паче, множае паче.

Найболше—премножество, множае паче.

Найграванье—зри ганьба.

Найграваю—изобличаю,подражняю, ругаюся, посмѣваюся, поругаюсь, подражаю.

Найлѣпше—врѣсноту, влѣпоту, изящнѣе, послѣдовательнѣе.

Найлѣпшій—найлучшый, нарочитъ, добрѣйшый, лучшый, изрядный.

Найменшый—премалъ.

Наймую—наймаю.

Наймилъ—наялъ.

Найнизшый—преисподный.

Найпереднѣйшее—преизящнѣйшее, преизящное, преднастоящее.

Наказую—вразумляю, руководствую.

Накараніе—уцѣломудріе.

Накладаю—задѣваю, налагаю, изпуряю.

Наклоняюся—ничу.

Наколенный—набоденный.

Накормленіе—насыщеніе.

Накормленный—насыщенный.

Накормлюю—насищую.

Наливка—изливалница.

Налогъ—нравъ (sic).

Наложница—заложница.

Нал[illegible]ніе—належеніе.
Нальцю—[illegible]тою.
На малихъ мѣсцахъ—на м[illegible]ѣ.
Наметы робячій — скинотворецъ, сѣннотворец[illegible].
Наміотъ—село, [illegible]леніе, скинія, сѣнь.
На многихъ мѣсцахъ—на мнозѣ, мно[illegible]цѣ, множицею.
На обохъ мѣсцахъ—обонполъ, обоюду.
На обѣ стороны—обоюду.
На особности—особѣ, наединѣ.
На остатокъ—на послѣдокъ, послѣди, прочее, наконецъ.
На очи выкидаю—обличаю.
Напасникъ—дерзокъ, дерзитель, напраснывъ, досадитель.
Напастую—напаствую.
Напасть—бѣда, искушеніе.
Наплечникъ—нарамникъ.
Напой вшелякій окромъ вына—оловина.
На полы—полма.
Напоминаніе—нравоученіе, наказаніе.
Напоминачъ—научитель, наказатель, руководитель.
Напоминаю—увѣщеваю, обличаю, увѣряю, зри наказую.
На порохъ стираю—истнѣваю.
На порохъ стертый—истеренъ.
На потымъ—тоже по семъ.
На початку—искони, исперва, вначалѣ.
Направляю—исправляю, устрояю.
Напраснивъ—зри напрасникъ.
Напрас[illegible] зри знагла.
Наприкраюся — накощу, стужаю.
Напуцнѣваю—разботѣваю.
Напущеніе—попущеніе.
Народу повѣданіе — народувѣщаніе.
Нарушеніе—истненіе.
Нарѣканіе—плачъ, вопль, риданіе, ропотъ, хухнаніе.
Нарѣкаю—ропщу, негодую.
Наскакую—угнѣтаю, сотѣсняю, нахожу.
Наслѣдовца—подражатель, подобникъ.
Наслѣдую — подражаю, гоню, подобляюся.
Насмѣваюся—поругаюся, ругаюся, уничижаю, унедостояю.
Насмѣвиско—агавіе, огавность.
Насмѣявца—пересмѣшникъ.
Настрояю—устрояю.
Наступца—пріемникъ.
Насыщеніе—ситость.
Н[illegible]асъ, ны, наю—двойственнаго числа.
Натираю—устремляюся.
Натрентъ — буесловъ, велеречивъ, оплазивъ.
Натура — естество, имство, имѣнство.
Натягаю—напрягаю, наляцаю.
Наука — наказаніе, поощреніе, уставъ, ученіе, догматъ, поученіе, указаніе, устроеніе, веленіе.
Науки початокъ—оглашеніе.
На умѣ маю—мудрствую.

Научаю — поучаю, вразумляю, соглашаю.
Научаюся—навикаю, познаваю, разсмотряю.
Наученіе—учительство.
Наушница — усерягъ, усерязь, обушеніе.
Нахиляю—преклоняю.
Нахиляюся—тое жъ.
Начинье—сосудъ, орудіе.
Нашинецъ—нашинъ.
Наюченіе—наважденіе.
Небаченіе—презорство,стропотность.
Небезпеченство — неизвѣство, бѣда.
Небезпечный—блязненный.
Неблудячій—неблязненъ.
Небозчикъ—усопшій, преставльшийся.
Неболеніе—безболезніе.
Небоязливъ—дерзостный.
Небоязнь—безстрашіе, дерзость.
Небрегій — небрежникъ, малодушенъ.
Небылый—несущый.
Невдячность — нерадостотворность.
Невдячный—неблагодаренъ, неблагоразуменъ.
Невинность—незлобіе,беззлобіе.
Невинный—неповинный, неповиненъ, непорочный, непороченъ.
Невиннымъ зостаю—извиняюся.
Невоздержный—ласкосердій.
Неволникъ—плѣнникъ, рабъ, рабычичъ, сѣновный.
Неволничый—рабий.
Неволничая пристойность — раболѣпіе.
Неволство—стражба.
Неволя—работа.
Невонтпливе—явѣ.
Невстидаюся—не обинуюся.
Невстидливость — безстудство, безсраміе, напраснство.
Невстидливый — безстудный, студодѣй, безсрамный, мѣдноличенъ.
Невчасный—безвременный.
Невымовный — неизреченный, неизглаголанный, неизслѣдованный.
Невыповѣдимый—тое жъ.
Невѣдомость—невидѣніе.
Невѣснюкъ—малакія, мяккый.
Невѣстка—сноха.
Негинучее—негиблемое, неизнуряемое, неиждиваемое, нестрастное.
Негніючій — нетлѣнный, неувядаемый.
Негоднимъ чиню—унедостояю.
Негордый—некичливъ.
Не даю покою—стужаю, озлобляю, возмущаю, удручаю.
Недбале—нерадиве, щапственнѣ.
Недбалецъ—нерадивъ, малодушный.
Недбалость—небреженіе, нераденіе, ослабленіе, нерадствіе, щапство.
Недбаю—небрегу, неражу.
Недовѣрокъ—маловѣрный.

Недовѣрство—маловѣріе.

Недогаданьеся—недоумѣніе, недоумѣваніе, неудобство, недоумѣтелство, недомышленіе, недомислимость, таинство.

Недогоненный — недостижимъ, недостиженъ, непостиженъ.

Недолугій — маломощный, бѣдный, вредный.

Недоносокъ—извергъ.

Недорѣкій—косноязичный, медлеязичный, мудноязичный.

Недосажалъ—недоходилъ.

Недосвѣдчоный — неискусенъ, отверженный, невѣстливъ.

Недостатечность — худость, окаянство, окаяніе.

Недостатокъ — лишеніе, оскуденіе, скудость.

Недостаткомъ—оскудно.

Недостаточный—лишенъ, лишаемый, худый, нищій, скудный.

Недостигненный—зри недогоненный.

Недужъ—недолугъ, немощный, немощенъ.

Не единаче—не токмо.

Не есть—нѣсть.

Не жалую—не щажу.

Не жалуючи—нещадно.

Незбожность—нечестіе, безчестіе.

Незбожный—нечестивый.

Незвадливый—не лестный.

Незвалченный — непреборимъ, непреборимый.

Незгода—разногласіе, разгласіе, инодушіе, инодушность, распрѣваніе, распря, зри—бунты.

Незгодливый—стропотенъ, строптивъ, стропотный, напраснивъ, сверѣпѣяйся, гордостенъ, презоривъ, яростенъ, зри—бунтовникъ.

Незичливый—лукавъ.

Незличонный—безмѣрный, нешчетный, безконечный.

Незлосливость — незлобіе, беззлобіе.

Незлосливъ—беззлосливъ.

Незрахованный—зри незличонный.

Неимовѣрно—неувѣрително.

Неистовъ—неразуменъ.

Нелатвость—зри недогаданьеся.

Нелатвый — неудобный, прудный (sic).

Нелюдзкій—безчеловѣчный.

Нелюдзкость—безчеловѣчіе, безсловесіе.

Немилосердный—немилостивый, жестокъ, немилостивъ, неблагоутробенъ, безщедротъ.

Немилость—нелюбовь, немилосердіе, несладость.

Немного—сцѣгло.

Немовятко—отроча, дѣтище.

Немогу—недугую, немоществую, изнемогаю, болѣю, стражду.

Немогучій втекти — неизбѣжный.

Не могучій дати о себѣ справы—безотвѣтенъ.

Неможная речъ—немощно.

Немощъ—недугъ, болѣзнь.
Ненавижу—враждую,ненавижу.
Ненавистный—стужитель.
Ненависть—вражда.
Ненамовный—неувѣтливъ.
Ненаприкраюся—снисхожу.
Нендза—бѣда, нищета, убожіе, убожество, окаянство, окаяніе.
Нендзный—нищій, худый, умыленный, окаянный.
Нендзую—вреждаюся.
Необичайный -безмѣстный.
Неовраженіе—невреждение.
Неогорненный—неосязанный.
Неодмѣнный—непреложный.
Неознайменный—безвѣстный.
Неопатрно—неосмотрително.
Неохендожный—безобразный.
Неошацованный—драгоцѣнный, неоцѣнный, многоцѣнный.
Непевность—неизвѣство.
Непевный—непостоянный,..., сомнѣнникъ.
Непилно—наддѣлателнѣ (sic).
Неплодная жона — неплоды, не плодящая, не рождающая.
Непобожный — непреподобный.
Не подаюся—не повинуюся.
Неподейзроный — непорочный, безпорочный, незазорный.
Неповстягливъ—продерзивъ.
Непогода—зима, волненіе, буря, обуреваніе.
Непожитечный— неключимый, безуспѣшный, непотребенъ, неискусенъ,ненадежденъ,пренебрегаемый, безмѣстенъ.
Непокаяніе—умиленіе.
Непокой—мятежъ, зри—бунты.
Непоправленъ—неисправленъ.
Непотребне—паче, преизлишше.
Непотребно—неключимо, лишше, множае, вотще, затще.
Непотребный—зри непожитечный.
Непотребнымъ чиню — упражняю.
Непоцтивость—порокъ.
Неправость—беззаконіе.
Непреконаный в диспутаціи—безпрекословный.
Неприемность—стуженіе.
Неприймую—отрицаюся.
Неприкраяніе—схожденіе.
Неприкраючій — сходителнѣйшій.
Неприкруся—снисхожу.
Неприязнь—вражда.
Неприятель—врагъ, навѣтникъ, суперникъ, супостатъ.
Непорушенье—непошествіе.
Непорушный—постоянный.
Непорядокъ—нестроеніе.
Непослушенство — ослушаніе, преслушаніе, непослушаніе, противленіе.
Непосполитый—преизящникъ.
Непристойно—злонарочно.
Непсукчійся—нетлѣнный.
Неразсудно—неразнственно.
Неразумный—неблагоразумный, нероздѣлный для суптелности, несѣкомый, непресѣкомый.
Нерихло—косно.

Нерихло чиню—косню.
Нерозность—неразнствіе.
Нерядница—блудница.
Несвѣдость — невѣденіе, невѣжество, неразуміе.
Несказанный — невиповѣдимый.
Несказителность—нетлѣніе.
Несказителный—нетлѣнный.
Несладость—мерзость.
Не слухаю—не повинуюся.
Не смакую—негодую.
Не смачность—безсластіе, несладость.
Несмертелный—безсмертный.
Несмѣлость—малодушіе.
Несмѣлый — малодушный, бездерзновенъ.
Несмѣю — сомнюся, обинуюся, стиждуся.
Необлазненіе—безпошествіе.
Неспанье—бденіе, бодрость, забдѣніе.
Не сплю—бодрствую.
Несподѣванный—нечаемый, неначаемый, непредвидѣнный.
Неспоро—косно, безуспѣха.
Неспорый—безуспѣшный.
Несправедливость—неправда.
Несправедливый—беззаконникъ.
Неставаетъ ми—оскудѣваю.
Нестатечный—зри непевный.
Не стойтежъ—увы, горе, уфъ.
Несыть—ненасыть.
Не тилко—не токмо.
Не трафнѣ—неискуснѣ.
Неублаганный — неукрощенъ, жестокъ, некротокъ.
Неугамованіе—необузданіе.
Неужитъ—жестокъ.
Неукрочонъ—зри неублаганъ.
Неукъ—невѣжа.
Неумислнѣ—подѣлнѣ.
Неумѣстно—щапственнѣ.
Неумѣстность — невѣжество, щапство.
Неуставичность—неистовство, неразуміе.
Неуставичный — непостоянный.
Нефалшивый — цѣлъ, цѣлый, правый.
Не фолґовалъ—не сходилъ.
Нефрасовитость — безпечаліе.
На фрасуюся—благодушествую.
Нехай—да.
Нехлюя—зри недбалецъ.
Нецнота — беззаконникъ, нечестивый, непреподобный, неблагоразумный.
Не цнота—нечестіе.
Не цнотливе живу—щапствую.
Нечаемый — неначаемый, противъ всѣхъ мнѣнію, нечаянно, преславнѣе.
Нечеканье—нечаянье.
Не чистаго ложа синъ—прелюбодѣйчищъ.
Не чисто живу—щапствую.
Нечистость — разсверѣпѣніе, скверна, нечистота.
Нечистый—нечистъ, малакій, порочный, растлѣнный, скверпивый, скверненый.
Нещастный—страстный.
Нещастье—бѣда, злоключеніе, злополучіе, лукавство.

Нещирость—лицемѣріе, лицемѣрство, лицепріятіе.
Нещирый—неискусенъ лицемъ, лукавъ.
Нива—браздна, удоліе.
Нива межи горами—удолъ.
Нива оранная—возоръ.
Нижчиючій—истребителный.
Низка червоная—конра.
Низкій— смиренный.
Низко лежу—низложу.
Нищу—изнуряю.
Нищѣю—таю, истаеваю, топнѣю.
Новина—странна, нова (sic).
Новини чиненье—новосѣченіе, новотвореніе.
Новациятъ—новакъ.
Ногутъ—горохъ, сланутокъ.
Ножъ восный (sic)—стругъ.
Норовъ—нравъ.
Носъ—ноздрія.
Ночный (sic)—долгій часъ, нощное поприще.
Ночую—нощеваю, обнощеваю.
Ношеніе—монисто, обшлягъ.
Ныдѣю—ныю, уныва́ю.
Нынѣ—днесь.
Нынѣшній—настоящій.
Нырка—бубреги (sic).
Нѣжли—нежели, даже.
Нѣкоторый—нѣкій, нѣкто.
Нѣкчемная—растлѣнная, гнилая.
Нѣкчемно—суетно, мерзко, мерзостно.
Нѣкчемнѣйше—гнюснѣе, гнюшше.
Нѣтъ—нѣсть.
Нѣчого доброго—зри лотръ.
Нѣчого ми до того—нѣчто же къ мнѣ се.
Нюханье—обоняніе.
Нюхаю—обоняю.

О.

Обавленьеся—обиновеніе.
Обавляю—низлагаю, разоряю.
Обавляюся—зри несмѣю.
Обачую — съразумѣваю, намѣряю.
Оббѣгаю—обтичу, обтицаю.
Обвиненіе—оглаголаніе, порицаніе.
Обвиняю—осуждаю, окаеваю.
Обволиваю — возглашаю напередъ.
Обволиваетъ—трубитъ.
Обвязка—обвязало.
Обгортую—обхожу.
Обезславеніе — охужденіе, зри ганба.
Обезстудилъ—обезсрамилъ.
Обертаніе—обращеніе, возвращеніе.
Обертанье вколо—съобращеніе.
Обецаю—обѣтую, обѣщаю, обѣтоваю.
Обецный—здешній.
Обжирство — чревообяденіе, чревобѣсіе.
Обжирца—чревобѣсецъ.

Озазираю—укаряю.
Обитель—монастырь.
Облапеніе—лобзаніе, сплетеніе.
Обличіе—видъ, лице.
Облюкъ—примракъ.
Облюкъ дощевый — смерчъ, смращъ, пявица.
Облуда — мечтаніе, призракъ, привиденіе.
Облудне чиню—лицемѣрствую, лицемѣрія употребляю, притворяю.
Облудность—лицемѣріе, лицемѣрство, лицепріятіе.
Облудный—лукавый, лицемѣрный.
Облуженье—обстояніе.
Облюбенецъ—женихъ.
Обмова—важденіе, оглаголаніе, клеветаніе.
Обмовляю—клевещу, оглаголаю, оболгаю.
Обмовца—оболгатель, оглаголникъ, клеветникъ, хулникъ.
Обмываніе—умовеніе, крещеніе.
Ободъ—окруженіе.
Обоетный—обоюдунъ (sic).
Обожуюсь—возникаю, воспраняю (sic).
Обозный—свузникъ.
Обозокъ—полчище.
Обозъ—полкъ.
Обозъ обточенный—ополченіе.
Обозъ становлю—ополчаюся.
Обозу становитель — ополчитель.
Обозомъ ставаю—обточую.
Оболженіе—зри ганба.
Оборона—возбраненіе, заступленіе, стражба, защищеніе, совѣтъ.
Оборонно чиню — утверждаю, укрѣпляю.
Оборонца—заступникъ, поборникъ, защитникъ, предстатель, покровитель, протекторъ.
Обороняю—заступаю, побораю, предстателствую.
Оборочаюся—назадъ воспящаюсь.
Обосторонный—зри обоетный.
Обожаю—напаствую, неправдую, озлобляю.
Ображаюся—приражаюся, озлобляюся.
Ображеніе—прираженіе, претиканіе.
Образа—обида, обидѣніе.
Образъ—икона.
Образъ ясный—образъ свѣтелъ.
Обредный—шкаредъ.
Обридливость—мерзость.
Обридливый — злообразный, шкаредный.
Оброть—узда, брозда.
Обрушаю—раздражаю.
Обрушаюсь—порицаю, оглаголую.
Обтяженіе—стуженіе.
Обтяжаю — отягощаю, озлобляю, стужаю, удручаю, возмущаю.
Обувъ—обуща, сапоги, плесница, сандаліи.

Обфите — богатно, обилно, изобилно, лишше, множае, зѣлно.

Обфитость — гобзованіе, доволство, изобилство, презѣлно преспѣющій избитокъ, преизлишество, зри—достатокъ.

Обфитый урожай—тое жъ, що обфитость.

Обхоженье—обходъ, обхожденіе, празникъ.

Обхожую вколо — обхожу, обтичу.

Обцую—сообщаюсь.

Обыватель — тоземецъ, населникъ.

Обычай — законъ, правило, нравъ, заповѣдь, предпріятіе, устроеніе, съустроеніе.

Обычай милый—сладкый нравъ.

Обычаю злого—злонравіе.

Обычайность—благонравіе, благообразіе, стидѣніе, сприятіе, честность, цѣломудріе, ухищреніе.

Обычайный—лѣпый, благонравный, мѣренъ, красный, изрядный.

Обѣтница—обѣтъ.

Обѣтованье—совѣтъ, обѣщаніе.

Обѣщаніе—зри обѣтованіе.

Обѣцаю—зри обецаю.

Обявенье—откровенье.

Обявляю—являю, откриваю, обличаю.

Овечка—агница.

Овощъ—овощі.

Овця—агница.

Овчатко—агня.

Овчее стадо—паства.

Овчина—милоть.

Овшеки—и убо, негли, весьма, всяко, всячески.

Овшемъ—и убо.

Огиджую—обваждаю, облагаю, оглядую, намѣряю.

Оглядание—виденіе.

Огневая—огневица, огнь, жеговица, трясовица.

Огниско—огнь.

Огнисто—жератчано (sic).

Оголошеніе—возгласъ.

Оголошую—оглашаю.

Оголюю—брію, оброснную, обтираю.

Огонь роскладаю—огнь возгнѣтаю.

Оґонъ—ошибъ, опашъ.

Огородникъ—градарь, вертоградарь.

Огородница—зеліе.

Огородъ — ограда, вертоградъ, овощникъ.

Огортую—содержу, навершаю, осязаю.

Ограничую—уставляю.

Огурство — агавство, агавіе, ослушаніе, зри—лѣность.

Оданье—преданье.

Одвѣрный—дверникъ, вратный, вратарь.

Одвѣрокъ—прагъ.

Одгинаю—востлапляю (sic).

Оддаленьеся—ошаяніе.

Оддаляюся—отстою, освѣняюся, ошаяюся, ошаеваюся.

Оддухъ—духъ.
Оддѣленье—отлученье.
Оддѣленный—отлученный.
Оддѣляюся—зри отдаляюся.
Одежда—одѣяніе, риза, иматизма.
Одежда ошарпанная—рубище, рубы.
Одержаніе—пріятіе.
Одержую—улучаю, пріимую.
Одестье—отшествіе.
Одиймую—испразняю, упразняю.
Одинъ разъ—единою, единощи.
Одмѣнный—ползокъ (sic).
Однимъ разомъ—зри одинъ разъ.
Однимъ умысломъ—обще.
Одновляюся—паки назидаюся, обновляюся.
Одурѣніе—неистовство, бѣснованіе.
Одѣгаю—одѣяю, одѣваю.
Одѣдиченье—наслѣдіе, достоинство, достояніе, жребій.
Одѣдиченое—наслѣдованно, сопричастно.
Одѣдичую—наслѣдую, наслѣждую.
Одѣнье верхнее—скутъ.
Одѣнье плохое—портъ.
Оженяюся—посаґаю.
Оженился—поялъ помощницу.
Ожидаю—подемлю, терплю, варяю.
Оздоба—красованіе, зри—краса.
Оздоровленье—устребленіе.
Оздоровляюся—устребляюсь.
Озеро—озеро, ровъ, сонмъ или составъ водный.
Ознаймую—сказую, являю.
Ознаменую назнаменовую, провѣщеваю.
Озяблость—изсякновеніе.
Ой—негли, либо.
Ой добро—благо же, часомъ радость, *ой*—часомъ шидерство значитъ.
Оказало—свѣтло, явленне, явственно.
Оказалый—ухищряемый.
Оказія—извѣтъ, явленіе, киченіе.
Оклеветую—осуждаю, ненависть творю.
Оклену—озлорѣчую.
Окно, где соль робятъ (sic)—слатина.
Оковы—вериги, узи.
Около, окрестъ, количнѣ мовячій—окрестъ глаголнѣ.
Окраса—зри краса.
Окрикъ—молва, грохотъ, зри крикъ.
Окромѣшный—внѣшный, свѣнный.
Окромъ—точію, кромѣ.
Окрутенство—зри лютость.
Окрутный—зри лютый.
Окрутъ—корабль, ковчегъ.
Окрухъ хлѣба—крома.
Окунь—перкъ.
Окупъ—искупъ, искупленіе.
О курѣхъ—пѣтоглашеніе.
Олбримъ—исполинъ, ґиґантъ, ґиґансъ, щудь.

Олей—зри олива.

Олива — олей, масло деревяное.

Оливки—масличіе.

Оливная судинка—ячайце.

Оливное дерево—маслина.

Олово—киситиръ.

Олтаръ—освятилище, святиня, очистилище, ублагалище, жертовникъ, требище.

Омана—прелесть, мечтаніе.

Оманяю—прелщаю.

Омацую—ощущаю.

Омдлѣваю—малодушествую.

Омешканіе—медленіе, зри забава.

Омешкую—косню, укоснѣваю, медлю.

Омочую—омокаю.

Омылка — погрѣшенія, блудъ, прелесть, поползновеніе, поползіе, ..., умиленіе.

Омылный — ложъ, блазненный.

Омыляюсь — погрѣшаю, облазняю.

Онуча—портъ.

Оный—онсица.

Опакъ—..., зади, воспять.

Опасуюся—препоясуюсь.

Опатритель—строитель, учитель, наставникъ.

Опатрне — смотрително, разъсмотрително.

Опатрность—ухищреніе, многоиспитаніе, смотреніе, согласіе, утваръ, честность, украшеніе.

Опатрный—благовѣнный, непрелестный, смотрителный, ухищренъ.

Опатрую—строю.

Опачина—весло, гребло.

Опачный—стропотный.

Опекунъ — заступникъ, защитникъ, поборникъ, предстатель.

Оперезуюсь—зри опасаюсь.

Опираюся — воспящаюсь, пружаюся.

Описую—уставляю.

Опитъ—возисканіе.

Опліовую—оплеваю.

Оплотки—халуги.

Оплошаю—охуждаю.

Оплошеньеся—охужденіе.

Оповѣдаетъ—трубитъ.

Оповѣданье — возвѣщеніе, возглашеніе.

Опоганюю—оскверняю.

Оподаль—подалѣ.

Опока—камень, камикъ.

Опрочъ—зри окромъ.

Опрѣснокъ—безквасіе.

Опрятненье—сопрятаніе.

Опущаюсь—унываю, ослабѣваю.

Опущонный—лишенный.

Опѣкаюся—заступаю, строю.

Опять—паки.

Орало—рало.

Ораторъ—вѣтий, риторъ, хитрословецъ, рѣчетворецъ.

Орацію складую — составляю слово.

Орачъ — тяжатель, земледѣлатель, земледѣлецъ, ратай, зри ролникъ.

Орелъ великій—грифъ, ногпатка.
Орудіе—оружіе, мечъ.
Осада—стражба.
Освѣдчаюся — засвидѣтелствую, послушествую.
Освѣчую—озаряю.
Оскардъ—оскордъ.
Оскаржатель—поемникъ, клеветникъ, шепотникъ.
Оскарженіе—порицаніе, оглаголаніе.
Оскаржую—ваджу, оклеветую, насочаю, поемлю, облаґаю, обваждаю, порицаю, ябедничу.
Оскираюся—осклабляюся.
Оскомины набиваю—оскотиниваю (sic).
Ослабѣваю — изнемогаю, унываю, стужаюся.
Ослабенье—ослабленіе, гажденіе, хуленіе.
Ослобоженье—освобожденіе.
Осмѣвую—укаряю, досаждаю.
Осмѣявъ мя — досадивъ мнѣ, поругася мнѣ.
Осмѣянный—поругаемый, поруганный, досаду пріятъ.
Особа — видъ, лице, собство, съставъ, ѵпостасъ.
Особы шанованіе—обиновеніе.
Особливый—лишший, особный.
Особнѣ—особѣ, наединѣ.
Особно стою—разстою, разностою.
Оставеніе—прощеніе.
Оставленъ бываю — лишаюсь, лишаемъ бываю.
Остатечный—прочій, послѣдный.
Остатокъ—избитокъ, лишеніе.
Остенъ—пострѣкатель.
Остереганье—блюденье.
Остерегаюся—охибляюсь.
Остригаю—зри оголюю.
Остриженье—обрененіе.
Остроблѣнье—устребленіе.
Островъ—отокъ морскій.
Острога—стрекало.
Острогъ—стѣна.
Острожность—бодреніе.
Острожный—зри опатрный.
Острожный естемъ—опасуюсь.
Острость розуму- благоразуміе.
Острый—трудный.
Осужаю—оглаголую, осуждаю, облаюю.
Осуженье—осужденіе, порицаніе, оглаголаніе.
Осяганье—осязанье.
Осягаю—осязаю, стяжаю, стяжеваю, притяжу, паки притяжу.
Отбиваю—отбираю, отражаю, отрѣяю, отрѣваю.
Отбираю—воспріемлю.
Отважуюся—понуждаюся, устремляю ся вседушно.
Отведенье—отвожденіе.
Отверненіе—отвращеніе, уклоненіе.
Отвертаю всторону—уклоняюся.
Отволожую—отвлажую, таю.
Отволока—отложеніе.
Отворяю—отверзаю.

Отганяю—отражаю, отрѣваю, отрѣяю.

Отдаляюся — растою, разностою.

Отдатокъ—возданіе, воздаяніе.

Отдѣленье—отлученье, ошаяніе.

Отдѣленный—отлученъ, отдѣленъ.

Отецъ всему свѣту—патриархъ вселенскій.

Отецъ зацный—попъ, презвитеръ.

Отискую—притяжую, паки притяжу.

Откидаю—отражаю, отрѣваю, отрѣяю.

Откола—коль, откуду.

Откритье—откровеніе.

Отлеглый—несущий.

Отложеніе—отдѣленіе, отлученіе.

Отлучаю—упражняю.

Отлучаюся — растою, розностою.

Отлученный—отдѣленъ, отлученъ.

Отмовляюся—отрицаюся.

Отмѣна — премѣна, преложеніе, премѣненіе.

Отмѣтованье—отрицаніе.

Отмѣтую—отражаю, отрѣваю, отрѣаю.

Отновляю—устрояю, поновляю.

Отношу—восприемлю.

Отнюдъ—весма, всяко.

От оного часу—отселѣ, отзде.

Отповѣдникъ—навѣтникъ.

Отповѣдь—отвѣтъ, отвѣщаніе.

Отпорода — наслѣдіе, достояніе, жребій.

Отпорца—тожъ.

Отпочиваю—почиваю, предпочиваю.

Отпочненье—отрада.

Отпущаю-прощаю, отдаю, раздрѣшаю, оставляю, ослабляю, угаждаю.

Отпущенье—прощеніе, оставленіе, раздрѣшеніе.

Отпыхаю—отрѣваю, отражаю.

Отребины—отребіе.

От сего мѣсца—отзде, отсюду.

От сего часу—отселѣ, отнелѣ, отзде, отсюду.

Отскочилъ—отвержеся.

Отступникъ-расколникъ, схисматикъ, раздорникъ.

Отсюль—отзде, отсюду.

Оттинаю—отсѣцаю.

Оттручаю—отражаю.

Отрученье—отриновеніе, отраженіе.

Отрученъ—маломъ не упалъ, преклонихся пасти.

Отчизна — отечество, отечествіе.

Отчичъ—наслѣдникъ.

Отщепенецъ—схизматикъ, расколникъ, раздорникъ.

Отщепенство· схизма,расколъ, раздоръ, распря, сѣченіе.

Офѣра—жертва, приносъ, приношеніе, закланіе, треба.

Офѣра цало паленая—всесожженіе.

Офѣрованіе—жрѣніе, корванъ.
Офѣровникъ—жрецъ, священнодѣйственникъ, тайнодѣйствіе (sic).
Офѣрую—жру, жертвую, приношу, рѣжу.
Охендожка — одежда, одеяніе, иматасма.
Охендожный—зри красный.
Охендожство — утваръ, украшеніе, честность, ухищреніе.
Охолода — упокоеніе, ослаба, отрада, сладость, сласть, сладострастіе.
Охороняюсь—охабляюся.
Охота—усердіе.
Охотне—нетяжестнѣ, ненавистнѣ (sic).
Охотный—благоувѣтливъ.
Очарованье — обава, обаяніе, обавленіе.
Очекиваю—терплю.
Очекиваніе—терпеніе.
Очеркненье—окруженіе, околеніе.
О чомъ—о чесомъ.
Ошаленье—изумленіе, неистовство.
Ошарпанецъ—рубищеносецъ.
Ошуканье—ложъ, прелесть, ..., прелщеніе, лщеніе.
Ошукати—яти.
Ошукачъ—прелестникъ.
Ошукиваю — лещу, прелщаю, лихоимствую.
Ошустъ—прелестникъ, запинатель, клеветникъ.
Ощажую—щажу.
Ощупъ—..., дреколь, ратище.

П.

Пава—кинносъ.
Павѣза—щитъ, плишъ.
Павѣментъ—подъ, помостъ.
Пагорокъ—холмъ.
Паднѣнье—падежъ, зри омилка.
Падолъ зарослый—дебрь.
Пазуха — недро, ядро, занадрія.
Палацъ—полата.
Палецъ—перстъ.
Пампушокъ—сковрадъ.
Памятаю—памятствую.
Памятка—память, пониманіе, воспоминаніе.
Память—умъ, разумъ.
Панна—дѣва, дѣвица, дѣвая.
Пановаціе—господствіе, владычество, началство, настоятелство, могутство, область.
Пановъ—панвица.
Панскій—владыченъ, господень.
Панско—господственнѣ.
Пантофлѣ—выступци.
Пануюю—обладаю, господствую, державствую.
Пануючій—владичественъ, господственъ, обладаяй, началствуяй.
Панцѣръ—броня.
Панянка—юнота.

Панъ—владыка, господь, начальникъ, властелинъ, обладаяй.

Панъ молодый—женихъ.

Папѣжъ—папа.

Папѣжъ—бумага, хартія.

Паръ—духъ.

Пара шатъ—измѣна рызъ.

Парґамѣнъ—кожа.

Парканъ—забрало.

Паростка—отрасль, приросль.

Партачъ—белохудожникъ.

Парусъ—вѣтрило, ядрило.

Пархи—прокази.

Паршивый—прокаженъ.

Пастухъ—скотопитатель.

Патронъ—зри опекунъ.

Паша—пажить, паствина.

Певне—но, убо, явѣ, истинно, извѣстно, вѣрнѣ, ей.

Певное—извѣстное, опасное.

Певность — извѣство, опаство.

Певный — твердый, нарекованный.

Педаґоґъ—пѣстунъ.

Пелґримъ — пришлецъ, странникъ, странный.

Пендзель—стручецъ.

Пендъ—стремленіе.

Первородство—первенство, перство (sic).

Первость—первенство.

Первястки—первородная.

Перебачаю—небрегу, прощаю.

Переверненье — превращеніе, низложеніе.

Перевертаю—опровергаю, превращаю.

Перевожуся—проношуся, преносилаюся.

Перевышшаю—преспѣваю, преуспѣваю, превосхожу, преймаю.

Превышаючее—превосходящее, превышающее.

Перевышенье—преспѣяніе, преимѣтелство, превеличество.

Переглядую—съзерцаю.

Перегорода—прегражденіе, законъ, средостѣніе.

Перегорожую—преграждаю.

Переди спутованіе — прѣніе, увѣщаніе, увѣщеваніе, препрѣніе.

Перейшолъ—прейде, отиде, мимошедъ, препливъ.

Перекладачъ—апоґрафонъ.

Перекладъ—зводъ, архитиконъ, антиґрафонъ, апоґрафонъ.

Перекупецъ—скупникъ.

Перелещенье—прелщеніе.

Перелещую—прелщаю.

Переличую—сочетаваю.

Перемагаю—одолѣваю.

Перемагаю в мовѣ — заущаю, затикаю уста.

Перемагалися—бѣждахуся.

Переможеніе—одолѣніе.

Перемѣненье—измѣна, измѣненіе, преображеніе.

Перемѣшую—возмущаю, озлобляю, удручаю, запинаю, претикаю.

Перенесенье—преложеніе, преселеніе, пренесеніе.

Переношу окомъ — презираю,

пренебрегаю.

Переношуся—преселяюсь, зри перевожуся.

Перепираю—увѣщеваю, препѣраю.

Перепись—зри перекладъ.

Переполохъ—зри ужасъ, ужасновеніе, страхованіе.

Переправляюся — зри перевожуся.

Пересльдую—созерцаю.

Пересмотрюю—соглядаю.

Переставаю—престаю, пребываю, почиваю.

Перестанье—упражненіе.

Перестереганье — соблюденіе, сохраненіе.

Пересторога—то жъ.

Перестрахъ—зри переполохъ.

Перестрашую—изумляю, . . ., ужасаю, стужаю, устрашаю.

Пересѣцаю—паствую, препинаю, пакощу.

Перетинаю—пересѣцаю.

Перехитрую—обхожду.

Переходень—переселникъ.

Переходячее—преходящее, превозвышающее.

Переходъ з мѣсца на мѣсце—преселеніе.

Перечка—прѣніе, пря, рвеніе, распря, тяжба, распрѣваніе.

Перешкода — препона, спона, претиканіе, возбраненіе, пакость, пакощеніе, занятіе, препятіе.

Перешкодца—запинатель, пострѣкатель.

Перешкожую — зри перемѣшую.

Перло—бисеръ, женчугъ, маргаритъ.

Перо—періе.

Перо до писанія—трость, писеръ (sic), графія.

Перси—лоно, нѣдра, сосца.

Персона—зри особа.

Перунъ—громъ, молнія, тутно, трѣсновеніе.

Перханье—пареніе.

Перше—прежде, первѣе, даже, ажъ.

Перший—прежный, первый.

Перший овощъ—начатокъ.

Петаль златъ—доска златая.

Петлица—петель, петля.

Печалованье—попеченіе, опасеніе.

Печаловитый—попечителный.

Печатникъ—печатаръ, знаменитель.

Печатую—знаменую.

Печать—знаменіе.

Печера—вертепъ, пещера.

Печерка—нирище.

Пещота—сладострастіе, разсверѣпеніе.

Піенкность—зри краса.

Піенкный—зри красный.

Пиво—оловина.

Пилно—тощно, опасно, расмотрителнѣ, извѣстно.

Пилность—тщаніе, потщаніе, бодреніе, належаніе, присѣдѣніе, дѣланіе, опасеніе, опаство.

Пилную — надстою, прилежу, належу, присѣжу, тщуся.

Пилный — тщателный, потщателный, благоприсѣдителный, опасный.

Пилный слухачъ — вниматель, внушитель, опасный.

Пирогъ елейный—хлѣбъ масличенъ.

Писанія способъ—писало.

Писаръ—книгочій, книжникъ.

Писканіе—гуденіе.

Пискаю—якаю, ячу, скомлю(sic).

Пищалка — пищаль, свѣриль, сопѣль, трость.

Пищки—пищали.

Планети — планиты, мамрены (sic).

Плаcконосый—тупоносый.

Пластовый медъ — страдовный медъ.

Платца—мздовоздаятель.

Плахта—вретище, власяница, скутъ.

Плачливе жалую—очаеваю.

Плачу—ридаю, слезю, сѣтую.

Плачъ—вопль, сѣтованіе, риданіе.

Плачъ жалостный—риданіе.

Племя—ищадіе, жилище.

Плесна ножныи—плесень.

Плечи—плещѣ, мышца.

Пліотка велерѣчивый—баснотворецъ.

Пліотки—оплатство,басны(sic).

Плодность—плодовитость, ситость.

Плодный—плодовитый.

Плодъ—чадо.

Плотъ—градежа, оплотъ, градежъ, плотъ.

Плугъ—рало, орало.

Плѣвки—кожи.

Плѣснь—тля.

Плюгавецъ — скверный, нечистый, сквернавый.

Плюгавство—отребье, скверна, нечистота.

Плюскъ—слишателный, щукъ.

Пляга—пагуба, зри—моръ.

Плястръ—плястиръ.

Плястръ меду—сотъ.

Пляцъ травою зарослый — лѣски, лѣхъ, лядина.

Пляцъ, где игри и шармѣрства отправуютъ—тризнище, позорище, подвигоборище.

Побиваю—уязвляю, ураняю.

Побитье—рана, язва.

Побожность—благочестіе, преподобіе, благобоязненіе, благовѣнство, ревность.

Побожный—зри набожный.

Поборъ—дань, урокъ.

Побудка—поощреніе, воздвиженіе, подражаніе, подобіе.

Побуженье—то жъ.

Побуждаю—понуждаю, припонуждаю.

Поваблене—обава, обавленіе, обаяніе.

Побавляю чарами—обаваю.

Повага—поважность, достоинство, гординя, честность, тяжесть.

Поважный—високосердый, тяж-

косердый, благообразный, тяжекъ.

Поважный людъ—людъ тяжекъ.

Поважнѣ—господственнѣ, косно.

Повинность або часть—достояніе.

Повинный—природный, своеплеменный, ужикъ.

Повиноватство—ужичество.

Повинутье—повиновеніе.

Поводиръ—руководитель.

Поводитъ ми ся—добре спѣю.

Поводъ въ правѣ—винителный.

Повоженье доброе—спѣяніе.

Поволность—благоуміе.

Поволный—преклонный.

Повоненье—уханіе, обоняніе.

Поворозъ — уже, ужы, вервіе, вервія, вервь.

Повстаніе—востаніе.

Повторе—двоично, вторицею.

Повшехный—насущный, присный, всегдашный.

Повѣданье—вѣщаніе.

Повѣдачъ—вѣстникъ.

Повѣдаю—вѣщаю, глаголю.

Повѣка—вѣжда, вѣя.

Повѣренье—врученіе, повѣреніе.

Повѣсть—слово.

Повѣсть добрая—благовѣстіе.

Повѣтріе—моръ, зри—моръ.

Повѣтрье—аеръ, воздухъ.

Повѣтъ—страна, предѣлъ.

Поганбенье—зри ганба.

Поганбляю—зри ганблю, изважду въ позоръ.

Погане—язици.

Поганинъ—язичникъ.

Поганскій—язическій.

Поганый—зри плюгавецъ.

Поглядане—зрѣніе, виденіе.

Погода—ведро, извѣтъ, благоутишіе.

Погожесть—ключимость.

Погожий—благоключимий.

Поголовье—поглавіе.

Погоржаю—отмещуюся, отмѣтаюся, отрицаюся, преобидѣхъ (sic), зри взгоржаю.

Погоршенье—соблазнъ.

Погубляю—растлѣваю.

Погубляючій—губитель.

Поданье—преданіе, уставъ, веленіе, догматъ, нравъ, предѣлъ, предателство.

Подарокъ—даръ.

Подвигаю—подвизаю, воставляю.

Подвиженье—воздвиженіе.

Подвика—сударъ.

Подвойский — проповѣдалникъ (sic).

Подвори (sic)—предверіе, сѣнь, дворъ.

Подвязка—вузъ сапожный.

Подданный—обладаемый, начинаемый, подначалный.

Подданьеся—повиновеніе, повинутіе.

Поддаюся — покаряюся, повинуюся.

Подезренье — зазоръ, порокъ, зазрѣніе, осужденіе, окаеваніе, непщеваніе.

Подезроно—зазорно.

Подезроный—зазорный, порочный.

Подеймую — воздѣю, возставляю.

Подиръ—рыза допчая (sic).

Подкладаютъ мя—подчиняюся.

Подложница—заложница, наложница.

Подлость—худость, ..., суета.

Подлый—худый.

Подлѣгаю—покоряюся.

Подлѣйшій — худѣйшій, менший.

Поднесъ—подялъ.

Подножокъ—подножіе.

Подношу—воздежду.

Поднущаю—подощряю, обощряю.

Поднятье—воздѣніе, воздѣяніе, подятіе, приятіе.

Подобаю—благоугождаю.

Подобающее—простѣ, негли.

Подобенство—притча, образъ, подобіе.

Подоблю—угаждаю.

Подоблюся собѣ—любопочитаюся.

Подобникъ—подражатель.

Подобно—подоболѣпно, любодостойно.

Подозренье—мнѣніе, зри подезренье.

Подолки у шатъ—умети, воскрилія ризъ, отребы.

Подоптанье—попираніе.

Подоптую—попираю.

Подорожникъ—зѣлье троскотъ.

Подорожное—напутіе.

Подорожный—путникъ, странный.

Подошва—плесница, сандалъ.

Подписъ—подписаніе.

Подполомикъ (sic) —опрѣснокъ,..

Подругъ—клеврѣтъ, другъ.

Подступокъ—навѣтъ.

Подтинаю—подсѣцаю.

Подушка—возглавіе.

Подущаю—навѣтую, наущаю, поощряю, предобущаю.

Подущенье—навѣтъ.

Подхождую—прелщаю.

Подчашій—виночерпій, виночерпатель, черпчій, черпающий.

Подщувачъ—навѣтникъ.

Подщуваю—зри подущаю.

Подѣлнѣ—зри надѣлателнѣ.

Подѣлье—подѣліе, наддѣланіе.

Подъ заслоною—присѣннѣ, присѣненнѣ.

Подъ претекстомъ — непщеваніемъ.

Поеднанье—миротвореніе, мированіе, упокоеніе, покой.

Пожадливость—похоть, вожделѣніе, желаніе, сладость, сласть, безстудіе.

Пожаданный—желаемый, вожделѣнный.

Пожадаю—желаю, вожделѣваю, похотствую.

Поживаю—комкаю.

Пожитечный — благопотребный.

Пожитокъ—польза, успѣхъ.

Пожитокъ маю—успѣваю.
Пожитокъ чиню—тоежъ.
Пожитокъ чинячій—успѣшный.
Позверхность якой речи—явленіе.
Позволенье—изволеніе, прощеніе, произволеніе.
Позволяю—изволяю, прощаю.
Поздоровленье—цѣлованіе.
Поздоровляю—цѣлую, лобизаю.
Позираю—зрю, вижу.
Позирай—зри, виждь.
Познаемости — предпріятіемъ (sic).
Познáю—увѣмъ.
Позно—поздно, коснѣ.
Позовъ—сказнь.
Позиванье—пойми (sic), поносъ, поношеніе.
Позиваю—поемлю.
Позивачъ—потяжникъ.
Позискую—приобрѣтаю.
Позичанье—заемленіе.
Позичаю—взаимъ даю.
Позичаю собѣ—заемлю, заимствую.
Позичаючій—заемникъ.
Позичалникъ—заимодавецъ.
Позосталый—прочій, лишенный.
Позосталое — лишенное, оскудѣвшее.
Позрѣнье—возрѣніе.
Позѣваю—зри зѣваю.
Поимати—яти.
Поимаю—емлю.
Поимай—емли, поемли.
Поималъ—ятъ, ялъ.
Поиманный—ятый, ятъ.
Поймованье умомъ — смыслъ, смышленіе.
Поймую—вмѣщаю.
Покаляный—зри нечистый.
Покаляю—скверню.
Поки—доколѣ, дондеже, донелѣже.
Покиванье—маніе, маяніе.
Покивую—возмаваю, возмаяю.
Покладаю—полагаю, вмѣняю.
Покой—смиреніе, миръ, упокоеніе, безмолвіе, покой, мироваціе, ослаба, отрада, упражненіе.
Покой кролевскій—полата, чертогъ.
Поколѣнье—исчадіе, чадо, дѣтище, родъ, степень.
Покора — смиреніе, смиренномудріе.
Покораю—повинуюсь.
Покормъ—пища, брашно, снѣдь, сънѣдь.
Покормъ звѣрный—звѣроядина.
Покореній—зри покорній.
Покоренье—послушаніе.
Покорная мудрость—смиренномудріе.
Покорне мудрую — смиренномудрствую.
Покорный—смиреній, благоугодительный, смиренъ.
Покорнѣйший—тишайший.
Покоряюся—смиряюся.
Покоштованье—начинаніе.
Покревность—ужичество, родъ, ищадіе.
Покревный—приискрный.

Покрива—стволіе.
Покритье—присѣненіе.
Покропястый—разноличный.
Покуль—зри поки.
Покуса — страхованіе, искушеніе, мечтаніе, искуситель, діаволъ, дѣдко.
Покушенье—искушеніе.
Поле—село.
Ползаю — плѣжу, пресмыкаюся.
Ползячее низу—плѣжущее.
Полизачъ тальровъ-ласкосердій, гортанобѣсецъ.
Поликаю—поглощаю.
Полискованье — блистаніе, сотѣненіе (sic).
Полиція—гражданство.
Поличаю—почитаю, воминяю.
Поличенье—сословіе, сочисленіе, согляданіе.
Поличокъ—ланита, скриня.
Полкъ—чета.
Полкненье—поглощеніе.
Полночный вѣтръ—сѣверъ.
Половы—плевы.
Половый—нелесый.
Положилемъ—предложихъ.
Полонъ—плѣнъ.
Полотно—платно.
Полохливый—страхливый.
Полочу—плакаю.
Полталярокъ—сребрникъ.
Полуденный вѣтръ—югъ.
Полудне—югъ, пладне (sic).
Полукопокъ—копно.
Польпшенье — цѣломудріе, исправленіе, умиленіе, полза.
Польпшую — уцѣломудряюсь, исправляюсь.
Поля розмѣры—волоки, ланы.
Помагачъ—споспѣшникъ, помощникъ, заступникъ.
Помагак—пособствую, воспріемлю.
Помазаю—помащаю.
Помешканье—жителство, гражданство.
Помикаю—потязаю, привлачаю.
Помираю—скончеваюсь.
Помиренье—зри покой.
Помноженье—растеніе (sic).
Помножуюся—зри множусь.
Помовляю—порѣкаю, порѣцаю.
Помолодецку—юношески.
Помочъ—помощъ, полза, стражба, умиленіе.
Помощникъ—зри помогачъ.
Помпа—гордость, киченіе, явленіе, напищеніе, гордѣніе, щанство.
Помста—мщеніе, месть, отмщеніе.
Помсту чиню — отмщаю, лицую (sic).
Помститель — местникъ, отмститель.
Помышленье—помишленіе, помислъ, мечтаніе.
Помышляю—воспомынаю.
Поневажъ—понеже, елма, елмаже.
Поневолный—нехотимъ.
Понижаюсь—смиряюсь.
Пониженье—зри покора.
Понижонъ бываю—повинуюся.

Понижаю—зри ганблю.
Понуренье—погруженіе.
Понуряю—погружаю.
Понюханье—обоняніе, обуханіе.
По обохъ сторонахъ—обоюду, обоямо.
По оной сторонѣ—обонъ полъ.
Попасую—поядаю.
Попихаю—порѣваю, рѣю.
Поправа—зри полѣпшенье.
Поправляю—исправляю, строю.
Поправляюсь—зри полѣпшаюсь.
Поправуючій—строитель.
Поприсягаю—заклинаю.
Попростацку—неискуснѣ.
Попросту—спроста.
Попудливость—ярость.
Попудливый—зѣлный.
Попущаю—оставляю.
Попущенье—ослаба.
Попѣлъ—попелъ, пѣсокъ.
Порада — совѣтъ, совѣщаніе, совѣтованіе.
Порадца—совѣтникъ.
Поражаю—язвлю.
Пораженье—рана.
Поражка—сѣчъ.
Поражку маю—вреждаюсь.
Поражую—совѣтую.
Поранокъ—утро, утріе.
Порану—заутра.
Поранѣшный—утрный.
Пораняюся—ураняю.
Порахованье—зри поличенье.
Пораховую—сочисляю.
Порвистый (sic)—стромителенъ.
Пориваю—похищаю, восхищаю.
Поровнанье—сочетаніе, соразсужденіе, соравненіе, равенство.
Поравниваю—соравняю, сосуждаю.
Порогъ—прагъ.
Порожне—всуе, вотще, туне, тще, тоще, тщетно, безъ ума.
Порожневанье—упражненіе.
Порожный—празный, тощъ.
Порожную-празную,упразняюся.
Порожняя слава—тщеславіе.
Порохно—согнитіе.
Порохъ—прахъ, персть.
Портъ—пристанище.
Поручаю — вручаю , вовѣряю, предаю, полецаю.
Порушенье—движеніе.
Порушую—движу, поколѣбаю.
Порадно—чиннѣ.
Порядный—чинный, строителный.
Порядокъ—чинъ.
Посагъ—вѣно.
Посадзка—подъ.
Посвѣдчаю—засвѣдителствую.
Поселство даю—ходатайствую, посланіе дѣю.
Поселъ — вѣстникъ, молитвенникъ, ходатай.
Поссесію держу—державствую.
Поскакую—перу.
Послизненье — поползновенье, поползеніе.
Пословица—порекло.
Послушенство—послушаніе.
Послушеный бываю—повинуюсь.
Посмивиско—поруганіе, порадованіе.

Посмикую — потязую, привлачаю.

Посохъ—жезлъ, ...

Посполите—обще.

Посполитовникъ—общникъ.

Посполитый — общій, собранный, обичный.

Поспѣхъ—спѣхъ.

Посромоченый—постидній.

Посромоченье—зри ганба.

Посромочую—зри ганблю.

Поставаю—возникаю.

Постановенье — предложеніе, произволеніе, устроеніе, намѣреніе, правило, догма, вирокъ.

Постановленье—уставъ.

Постановляю—узаконяю, полагаю, вмѣняю.

Постановилемъ — предложихъ, утвердихъ.

Постать—зракъ, ѵпостасъ, имство, имѣнство.

Постеля—ложе, одръ.

Постерѣгаю — блюду, ощущаю.

Посторонный—странный.

Пострахъ—страхованіе, зри переполохъ.

Пострѣленный—вонзенный.

Пострѣляю — вонзаю, устрѣляю.

Пострѣлъ—вонзеніе.

Поступокъ—спѣхъ.

Поступую—спѣю.

Постягаю—утоляю.

Постягаюсь—огрѣваюсь, ошаеваюсь, ошаяюся.

Постягливость — воздержаніе, ошаяніе.

Постягливый—воздержный, воздержателный.

Постягнутися — отступити, удержатися.

Посудокъ—орудіе.

Посупленье—зри стескность.

Посуха — зной, скварь, пекъ, варъ.

Посьдаю—стяживаю, стяжаю.

Потаемне—отай, тайнѣ, тайно.

По тамъ той сторонѣ—онюду, обонъ полъ.

Потварца—клеветникъ.

Потворяю — клевещу, пакощу, оклеветую.

Потваръ—клевета, клеветаніе, напасть, искушеніе.

Потвержаю—увѣряю, увѣщеваю, засвѣдителствую, благоволю.

Потверженье—извѣщеніе.

Потиканье—поползновеніе, устремленіе.

Потикаю — стрѣтаю, срѣтаю, срящую.

Потикаюсь—поткуюсь, борюсь, ратую.

Потканье—стрѣтеніе, стремленіе.

Потичка—зри бой, валка.

Потокъ—водотечь, источникъ.

Потомство—исчадіе, чадо, дѣтище.

Потомъ—та же, по семъ, паче.

Потрава—пища, брашно.

Потравляю—улучаю, ухищряю.

Потреба—нужда, насиліе, треба.

Потребно — ключимо, нужно, ключаемо.

Потребный—ключимый, ключаемый, достойный, искусный.

Потребны суть — потребствуютъ.

Потребованье—требованіе.

Потребую — требую, потребствую.

Потручую—зри попихаю.

Потуга—рогъ.

Потужность—зѣлность, велелѣпота.

Потужнѣ—доблѣ, доблественнѣ, ...

Потупленіе—судьба, судъ.

Потупляю—окаеваю, зазираю.

Потѣха—порадованіе, сласть, сладость.

Потя—птица.

Потягаю—потязаю, повлачаю.

Потягненое—потяженое, зѣлное.

Пофолґую—ослабляю.

Похвали—плесканія.

Похваляю — ублажаю, превозглашаю.

Похватую—похищаю.

Похибляю—погрѣшаю.

Похилность—соустроеніе.

Похиляюся—воскланяюся.

Похлѣбство—ласканіе, лесть, лещеніе.

Похлѣбца—ласкатель, потаковникъ, пасоритъ (sic), притрапезникъ, трапезолизатель.

Похлѣбую—ласкаю.

Похмѣлный—шуменъ.

Походистый—стромнителенъ.

Походня—свѣтилникъ.

Похожую—похожду.

Похопъ до чого—предспѣяніе.

Поцалованье—лобзаніе.

Початокъ—начало, архиоглашеніе.

Початокъ стиха—гранесіе.

Початокъ або якой речи сума—главизна.

Початокъ подаючій—оглашенникъ.

Початокъ чинячій—виновный.

Почекай ми—долготерпи о мнѣ.

Почесть—говѣніе.

Почетъ—чета, причетъ.

Почки—бубреги, нядра, пиры.

Почтенный—блаженний.

Почтивость—честность, говѣніе.

Пошанованье—говѣніе.

Поясъ—обрусецъ.

Правда—истинна.

Правду мовлю—истинствую.

Правдиве—истинно, достовѣрно.

Правдивый—правый, истинный, цѣлый, цѣлъ, сущый.

Право—во истину, убо.

Право—законъ, заповѣдь, доґма.

Право становлю—законополагаю.

Правость—правота, правина.

Правица—десница.

Правый—десный.

Прагненье исти—алканіе, алчба.

Прагненье пити—жажда.

Прагну—жажду.

Прагнулъ—возжадахся.

Празникъ—празнованіе.

Практика—пророчество, будущихъ вещей провозглашеніе.

Практикую—пророчествую, отвѣждаю.

Практицтво—соглаголаніе, сословіе.

Праса винная—тиска, точило.

Праца—работа, трудъ, дѣланіе, усиліе, справа.

Працовитость—трудолюбіе, дѣланіе.

Працовитый—трудолюбезный.

Працу задаю—утруждаю, движу, тружу.

Працую—работаю, труждаюсь, подвизаюсь, вреждаюся, стражду.

Працъ полный—трудный, многотрудный.

Прачка—бѣлица.

Пребачаю—пренебрегу, небрегую, небрежу, презираю.

Пребаченье—небреженіе, презорство.

Пребываетъ—лежитъ.

Преветная дѣра—сопль проходный.

Превзятость—преимѣтелство, величествіе.

Превзятый—преимущый, преизящный.

Превротность—стропотность.

Превротный—злонравный, злу хитрецъ, лукавый, лукавъ, стропотивенъ, развращенъ.

Превышшаю—превосхожду.

Превышшенье цноти—устремленіе душѣ, предстателство, представленіе.

Преданіе—веленіе, правъ.

Предводитель—вождь, держащый.

Предиспутовую — препрѣваю, затикаю уста, заущаю, увѣщеваю.

Предмова—предословіе.

Предмѣстіе—предградіе.

Предмѣщане—предграждане.

Предназначеный — пронареченный, прознаменанный, предизбранный, преопредѣлный.

Предный—предпочтенный.

Преднѣ—предводителнѣ, изящнѣ.

Предсьевзятье — предложеніе, благоволеніе, произволеніе, намѣреніе.

Презацный—преизящный.

Презначенье—образованіе.

Презренье—смотреніе, осмотреніе, судбы строеніе.

Презрочистость—сіяніе, свѣтъ.

Презрочистый — свѣтлый, чистый.

Презъ мѣчъ—убоемъ.

Презъ онаго — онымъ, чрезъ онаго

Преквѣнтованье — разсверѣпѣніе.

Прекладаю—предлагаю.

Преложеные—властели, владики, господіе.

Преложоный естемъ—держав-

ствую, господствую, владичествую.

Преложоный—наставникъ, настоятель, преимущный.

Преписъ--зри перекладъ.

Препіорка—крастель.

Препона—зри перешкода.

Препону чиню—возбраняю, зри перемѣшую.

Препущаетъ—преносилаетъ.

Пресажую—переношую.

Пресажаючійся — тщателный, потщателный.

Пресваренье — заущеніе, препрѣніе.

Преслѣдованье—гоненіе, изгнаніе.

Преслѣдовца—гонитель.

Преслѣдую—гоню.

Престолъ болванскій — требище.

Престолъ в церкви — жертовникъ, олтарь.

Претекстъ—прирокъ.

Пре то—тѣмъ, сего ради.

Пречъ—вонъ.

Прибитокъ—зри зискъ.

Прибѣгаю — теку, притѣкаю, притичу, срищусь.

Привертаю—устрояю.

Привиденье—зри куґлярство.

Привижуюся—мечтаюсь.

Привикаю — обикаю, обучаю, поучаю.

Привлащаю—присвояю.

Привлащенье — свойство, присвоеніе.

Привожу—произношую.

Привѣшенъ бываю—прицѣпляюсь, привязуюся.

Пригана—уколъ, зри ганба.

Пригляжую—прозираю.

Пригляжуюсь—созерцаю.

Пригода—случай, примѣтъ (sic).

Приюжій—зри красный.

Приготованье—устроеніе.

Приготовляю—соустрояю.

Придаетъ ся—ключаетъ ся, случаетъ ся.

Придатки—восприятія.

Придатокъ — прилогъ, приложеніе.

Призвичаюся—навикаю.

Призвичаилемъ ся — предпріятый есмъ.

Призвоите—лѣпо, влѣпоту.

Призволенье—изволеніе, маніе, мановеніе, сложеніе, обѣтъ.

Призволяю — засвѣдителствую, исповѣдую.

Признаваюсь—исповѣдуюсь.

Приймую — воспріемлю, приимаю, сопричтаваю.

Прійти маючій—грядущий, будущий.

Приказанье—зри право.

Приклада — сочтаніе, соразсужденіе.

Прикладаю—прилагаю.

Прикладаюся—прилагаюсь.

Прикладъ — образъ, указанье, указъ, притча.

*Приклич*ъ—призови, пригласи.

Приклякаю—преклоняю колѣнѣ.

Прикрите—присѣннѣ, присѣ-

пеннѣ, прикровеннѣ, осѣненнѣ.

Прикро ми—гнушаюся.

Прикруся—стужаю, озлобляю, удручаю, обтягчаю, возмущаю, труды дѣю.

Прикрый—прискорбный, трудный, стужателенъ, притужный.

Прилбица—шлемъ.

Прилежу—заступаю, представелствую, поспѣшествую, удовляю.

Приличую—причитаю, прилагаю.

Приложити—прибавити.

Прилучаю—прицѣпляю.

Прилѣпляю—прицѣпляю.

Примноженье—ростъ, растеніе.

Примножую—умножаю.

Примушаючій — насиловникъ, нудитель.

Примушенье—насиліе, бѣжденіе.

Примушую—насилую, понуждаю, увѣждаю, настою.

Примѣраю—соравняю, соглашаю, сочиняю.

Примѣрье—сложеніе, обѣтъ.

Примѣтъ—случай.

Принагляю—зри примушаю.

Принагляючій—настояй.

Принятье — принятіе, подня тіе.

Припадаючій—подобающій, лѣпый, подобный.

Припадки—привнитія.

Припадокъ—зри пригода.

Припеструю—упещряю, украшаю.

Припливаю — притѣкаю, притичу.

Приплоджую—плодъ приемлю.

Приповѣданье—моленіе.

Приповѣсть—притча, образъ.

Приповѣстье—штучные извитія словесъ.

Приподобанье—приподобленіе.

Припоминанье—приповѣданіе.

Припоминаю—воспоминаю, произношаю, приповѣдую.

Приправованье—устроеніе.

Приправую—притворяю.

Припрятую—сопрятовую.

Припѣкаю кому—зри примушаю.

Приравниваю—соравняю, сочетаю, уподобляю, соглашаю.

Прировнанье—сравненіе.

Прироженье—естество.

Приручую — припоручаю, согласую, совѣщеваю.

Приряжаю—сочиняю.

Прислугую—угаждаю.

Присмаки—пристроеніе.

Присмотрую—призираю.

Присмотруюся—созерцаю, соразумѣваю, усмотряю.

Приставъ—приставникъ, пѣстунъ.

Пристань—пристанище.

Пристойне- влѣпоту, врѣсноту, лѣпо, послѣдователнѣ, изящнѣе.

Пристойность — лѣпота, рѣснота.

Пристойный—лѣпый, красный, подобный, подобающый, приличный.

Пристоитъ—лѣть есть, подобаетъ, достоитъ, подобитъся.

Пристосовую—строю, сочиняю.

Приступъ—извѣтъ.

Присяга—рота.

Присягаю—кленуся, рочуся.

Присягльый—ротникъ.

Присягу показуючій—ротникъ.

Притворяю—причиняю.

Притворъ—сѣнь, дворъ.

Притомность—прибытіе.

Притомный—настоящый.

Притрафленье—случай.

Притрафляюсь — прилучаюсь, приключаюся.

Приучуюся—навицаю.

Прихваткомъ—наддѣлателнѣ.

Прихилность—приклоненіе.

Приходень — прихожый, пришлецъ, пришелецъ, странныкъ, странный, приселныкъ, иноколѣнныкъ, иноколѣнница.

Прихожу—гряду, прихожду.

Приходъ—приобрѣтеніе, притяжаніе, проторъ.

Приходъ—пришествіе.

Причастіе—комканіе.

Причащаюся—комкаю.

Причетныкъ—клирикъ.

Причина чому—виновный, повинный.

Причиненье—извѣтъ, моленіе.

Причинокъ — придатокъ, прилогъ, приложеніе.

Причиняюся — ходатайствую, приповѣдаю.

Пришолъ—пришелъ, приспѣ.

Пріязнь—друголюбіе, любовь.

Приялъ—подялъ.

Приятелско — истинно, препкрно.

Приятелство—ужичество, любовъ.

Приятель—другъ, ужикъ, клеврѣтъ.

Прияю—желаю, рачу.

Проба—искусъ, правило.

Пробую— искушаю.

Провожу- проваждаю, руководствую.

Проводникъ—наставникъ, вождь, настоятель, руководитель.

Продкую—первствую (sic).

Продкуючій — превышаючій, предваряющый, преимѣяй, предводитель, наставникъ, первый, проигуменъ.

Продолжаю — закоснѣваю, замедлѣваю.

Продолженье—закоснѣніе, замедленіе.

Продуха в водѣ—хлябы.

Продруханье—истрезвеніе.

Прожно—зри надаремне.

Прожность—суета.

Прозба—молитва, моленіе.

Прозванный—нареченъ.

Прозвиско—имя, незимя (sic), порекло.

Проклинанье—рета.

Проклинаю—рочу.

Проклинаюся—рочуся.

Прокураторство — соглаголаніе.

Прокураторъ—вѣтый, соглаголный.

Проливаю—изливаю.

Промислъ—промышленіе.

Промьнокъ—назвиско, презимя, порекло.

Пронырство—сообращеніе, лукавство.

Пропастный—преисподный.

Пропасть—тина, бездна, тма, преисподняя, хлябъе.

Проперецъ—знаменіе.

Прорва—хлябь.

Прорвистый—стромнителный.

Пророкую — прорицаю, совѣтъ даю.

Проростую—прозябаю.

Просливаю—промикаюся.

Простацкый станъ—простакъ, невѣжда, невѣгласъ, смиренный, оглашенъ.

Простацтво—невѣжество, невѣдѣніе, неразумѣніе.

Простирадло—плащеница, понява.

Просто—прямо, противу.

Просто—праволучно, право.

Простую—управляю.

Простый—цѣлъ, цѣлый, худый, общый, обычный.

Простый человѣкъ — поселянинъ.

Простяница — людянинъ, невѣжа народный, особница.

Протекстуюся — засвѣдителствую, послушествую.

Противко—противъ, прямо.

Противленьеся — противленіе, сопротивостояніе, ..., сопротивословіе.

Противная мова — сопротиворѣчіе, сопротивоположеніе, противословіе.

Противникъ — навѣтникъ, сатана, сопостатъ, суперникъ.

Противность—скорбъ.

Протхлань—хлябь.

Протягаю — пробавляю, продолжаю, возвращаю.

Прохира—пронырливецъ, пронырливый.

Проходка—обходъ, глумленіе.

Прохожую—хожду, глумлюсь.

Прошеный—бѣдимъ, молимъ.

Прошеніе—моленіе.

Прошлое—мимо шедшое, преплывшое, предваршее, прежде бывшее, мимотекущее, преходящее, постигшее, прошедшее.

Прошу—молю.

Прошу пилно—бѣжду.

Прудко — абіе, скоро, внезапу.

Прудко бѣжачій — быстроточный.

Прудкость—скорость.

Прудкый — пернатъ, скорый, скоръ, борзый, сверѣпый, напрасный, стромнителенъ.

Прутъ—жезлъ.

Пруюся—отмѣтаюся, отрицаюся, отмѣщуся.

Пряденый—сотканый.

Псотливый — малакіа, нечистость.

Пестротина—пестрота, пещреніе, порокъ.

Псую — вреждаю, раздрѣшаю, сокрушаю, растлѣваю.

Псуй—вреди, сокрушн, раздрѣши.

Псуючій — вредитель, разоритель.

Птаство—птичьство.

Птахъ—птица.

Публика—позоръ.

Публице—народнѣ.

Пугаръ—потиръ, чаша.

Пудреніе—устремленіе.

Пужаю—изумляю, устрашаю.

Пукли—мохри.

Пуклѣръ—павѣжъ (sic).

Пунктъ—срока.

Пупокъ—пупъ.

Пупяшокъ—на деревѣ пупъ.

Пусто—тще.

Пустошитель—губитель.

Пустошу—погубляю.

Пустую — безчинную, безчинствую.

Пута—вериги, оковы.

Пухлина—гной, трудъ водный, кручина, надиманье.

Пухну—надимаюсь.

Пуча на древѣ—пружіе, акриды.

Пуща—пустиня.

Пытанье—вопросъ, истязаніе, стязаніе, возисканіе.

Пытачъ—истязатель.

Пытаю—истязую.

Пытаюсь — вопрошаю, истязую.

Пыха—гординя, гордость, славолюбіе, высокоуміе, киченіе, величаніе, напищеніе, хупавость, презорство, напрасньство, кручина.

Пышаюсь—гордюсь, величаюся, кичуся, великомудрствую.

Пышный — гордый, величавый, гордъ, гордостенъ, высокоуменъ, напыщенъ, ухищренъ.

Пѣвень—пѣтель, алекторъ.

Пѣклованье—попеченіе.

Пѣнязь дробный—мѣдница, кодрантъ, лепта.

Пѣрье—пѣріе.

Пѣрьемъ оброслый—пернатъ.

Пѣсней спѣванье—пѣснопѣніе.

Пѣчъ—сучало.

Пятно—печать, знаменіе.

Пятна натресканые — язвы, рани натресканія, язна.

Р.

Радный панъ або радца—совѣтникъ.

Радость — веселіе, сладость, сласть, сладострастіе, смѣхъ, грохотъ.

Радшей—радѣй, паче.

Радъ барзо—любовнѣ, нетяжестнѣ (sic).

Ражу—совѣтую, увѣряю, увѣщеваю.

Разъ—единощи, единою.
Рамя—мышца.
Рана—язва.
Ранный — уязвленный, уязвителный.
Раны задаю—язвляю, уязвляю, досаждаю.
Раны задаючій—уязвляючій.
Раный—утреный.
Раню—язвлю, досаждаю.
Ратунокъ—помощь, полза.
Ратушъ—престолъ, судилище, судище.
Ратую—пособствую, поспѣшествую, свобождаю, удовляю.
Рахованье — словоположеніе.
Рахую—сословляю, сочетаваю, умышляю.
Рачачи —бѣдячи.
Раченый—бѣдимъ.
Рачу—бѣжду.
Рачъ—хтѣй.
Рву—терзаю, трьзаю.
Ревно плачу—ридаю.
Реготаніе—смѣхъ, хлѣхотаніе, грохотъ, хохотаніе, треволненіе.
Регочу—хлехощу.
Реентъ—канцляй, книгочій.
Реестръ — сочисленіе, сословіе.
Режимьшокъ—мѣшкорѣзецъ.
Ремесло—художество, хитрость, ученіе, начинаніе.
Ремесникъ — художникъ, хитрецъ.
Ременецъ — возвузъ, сапожняя (sic).
Ремьнный—усмѣнный, усмѣнъ, кожаный.
Ремьнь—кожа.
Ретязъ—разворъ, верія.
Реторъ—риторъ, вѣтый, хитрословецъ.
Речевисте—чувственно.
Ржа—тля.
Ринштокъ—ровъ, токъ, приятелище, исходище.
Робакъ—червь.
Роблю—дѣлаю, труждаюсь.
Робота — трудъ, тяжба, дѣло, стражба, дѣланіе.
Работникъ — дѣлатель, тяжатель.
Ровесникъ—сверстныкъ.
Ровность — соравненіе, равенство, подобность, токмина.
Ровный—ровенъ, точенъ, подобный, таковъ.
Ровный в силѣ—ровносилный, сопротивосилный.
Ровняю—соравняю, одобляю.
Ровняюсь—подобляю ь, сравняюсь.
Ровъ — ровенникъ, студенецъ, сусѣкъ, ровъ.
Рогатина—дреколь, сулица, ратище, луща.
Родзай—рожденіе, ищадіе, чада.
Родина—родъ, рожденіе, исчадіе.
Рожа—шипокъ.
Роженый—приискрный.
Роженье—рожденіе.
Рождуся — рождаюся, происхожду.

Рожчка—жезлъ, вѣтвъ, ваія, вѣія.

Розбаченье—разсмотреніе, разсмощреніе, мудрованіе.

Розбачую — разсмощряю, размышляю.

Розбиваю - разбываю, разсѣкаю, просаждаю.

Розбиранье — зрѣніе, стязаніе, возисканіе, обиновеніе.

Розбираю вмысли -разсмощряю, размышляю.

Розбойныкъ—хищникъ.

Розбуяюсь—разсвѣрѣпѣваю.

Розбѣганье—стремленіе.

Розважанье—зри розбиранье.

Розважаю себѣ— внемлю себѣ.

Розвязую—разрѣшаю, рѣшаю.

Розгнѣваюсь—негодую, огорчеваюся, полютѣваю.

Розголошую—росповѣдаю.

Роздаваю—раздаваю, строю.

Роздираю—растерзаю.

Роздичую — разсверѣпѣваю.

Роздѣленный естемъ—разстою.

Роздѣлне—строчне.

Роздѣляю — раздѣляю, упражняю, рѣшаю, раздаваю, строю.

Роздѣлъ—глава, предѣленіе.

Розеймую—упражняю.

Роззявляю—разширяю.

Розинка—сухва, сухопль.

Розкидую—разоряю.

Розливаю—разливаю.

Розлично—различно, разнственно.

Розличаю—раздѣляю, разликую.

Розмаите - различно, разнственно, многообразнѣ, всеобразно, всяко.

Розмаитый—различный, многообразный.

Розмаитыми—многими.

Розмова—бесѣда, гаданіе, омилія, ...

Розмовленье — бесѣдованье, бесѣда.

Розмовляю за кимъ—ходатайствую, ходотаю.

Розмышленье — размышленіе, смышленіе, мудрованіе, разсмотреніе, разсмощреніе, зрѣніе, видѣніе.

Розмышляюсь — поучаюсь, размышляюсь, обинуюся, глумлюся.

Розмѣтую—разоряю.

Розмякченіе—ослабленіе.

Розненье—разногласіе.

Розное—разнственное, различное.

Розность—разнствіе, различіе, разноличіе, разногласіе, разнство, сопротиворазнствіе.

Розношу—расповѣдаю.

Розный естемъ—розню, разнствую.

Рознюсь—разликуюсь.

Розохочую—поущаю, поущряю, предобручаю, подвизаю.

Розпираюсь—раздѣляюсь.

Розпорошую—изнуряю, испрашаю.

Розправую—розличаю.

Розпростираю—разширяю.

Розрадитель—строитель.

Розрадовуюсь—разливаюся отъ радости.

Розрваньє — распря, раздоръ, сѣченіе, разногласіе.

Розриваю—растерзаю, просаждаю.

Розростуюсь—гобзую.

Розрухъ—крамола, молва, смущеніе, плищъ, раздоръ, расколъ, нестроеніе, развѣтъ, грохотъ.

Розрухъ чиню—крамолю, смущаю, молвлю.

Розрухъ чинячій — сковникъ, ковникъ, распрѣватель, крамолникъ, распретворецъ.

Розсипаю—изнуряю.

Розсипую—разстаю.

Розславленье—разношеніе.

Розславляюся—промчуся, расповѣдаю.

Розсмотрую—смотряю, разсмотряю.

Розстань—распутіе, исходище.

Розсужаю — разсуждаю, сматряю, разсматряю, разсмотряю, востязую.

Розтовкую—разтручаю, розбываю, разсѣкаю, истнѣваю.

Розторгую—растерзаю.

Розумный—разумный, разумычный.

Розумное—разумное, словесное, размыслительное.

Розумытелный — мудрый, разуменъ, благоухищренный, красный, умный, мысленный, цѣломудрый.

Розумѣнье—непщеваніе, мнѣніе, виденіе, разумѣніе, разумъ, познаніе, сказаніе.

Розумѣю—разумѣю, мню, вмѣняю, вомѣняю.

Розумѣймо—вонмѣмъ

Розумъ—умъ, умишленіе, ухищреніе, коварство, разумъ.

Розумъ знаменитый—мудрованіе.

Розумъ злечаю—умъ воперяю, воскриляю.

Розходъ—проторъ.

Розчиняю—разчиняю.

Розчка—вѣтвь, розга, вѣя, жезлъ.

Розшарпаю—разхищаю.

Розшафовую — иждиваю, изнуряю, истрошаю.

Розширенье—народованіе.

Розширяю—разширяю.

Рокъ—годъ, годище, лѣто.

Ролныкъ — тяжатель, земный дѣлатель, земледѣлецъ, пахатель, ратай.

Роля сама плодяч я — никнущая.

Роса замерзлая—златина.

Росказано ми—повеленъ есмь...

Росказанье—заповѣдь, повеленіе, завѣщаніе, маніе, маяніе, мановеніе.

Росказую—повелѣваю.

Росказуючій—повелитель.

Роскошний животъ—роскошь, сладость, сласть, сластолюбіе, сладострастіе, услажденіе, утѣшеніе, пространство, пространное питаніе.

Роскошникъ — сластолюбецъ, ласкосердій.

Роскошую—наслаждаюся, упитаюся, пресыщаюся, питаюсь пространно.

Росненіе (sic)—растеніе.

Росолъ—слатина.

Роспаленье — роздеженіе, кручина, распаленіе.

Роспаленьеся—возгорѣніе.

Роспалина — щѣль, вертепъ, скважина.

Роспачаючій—отчаянный.

Роспачую—отчаеваюся.

Роспачъ—отчаяніе, нечаяніе.

Роспорошую — расточаю, разоряю.

Росправа—подлога, подложеніе.

Росправне—строчне.

Росправный—обрѣтословецъ.

Росправую—росчиняю.

Роспуста-невоздержаніе, ласкосердство, досада, студодѣйство, студодѣяніе, ослаба, разсверѣпѣніе.

Роспуста—распутіе, исходище.

Роспустный—студный.

Роспустный естемъ—шатаюсь.

Роспутье—зри роздорожа.

Роспущаю—рѣшаю, роздѣляю, устремляюся.

Роспущаюся — ослабѣваю, разсверѣпѣваю, устремляюся.

Роспущенье—стремленіе.

Ростеркъ — молва, смущеніе, плищъ, мятежъ, пря, распря, крамола, раздоръ, распрѣваніе.

Ростираю—ослабѣваю.

Ростопляюся—таю, истаеваю.

Росторгую—растерзаю.

Ростропность-остроуміе, остроразуміе, цѣломудріе, умудрованіе, вѣжество, разумъ.

Ростропный—умный, мыслный, цѣломудрный, вѣжа, смысльный.

Ротмистръ—ротникъ.

Рошть—сковрада, огнище.

Рубаха—срачица, хитонъ, рубище.

Рудель—кормъ, кормило, гребло кормилное.

Рукоесть—рукоясть.

Рукоемство—зареченіе.

Рукоимя — емецъ, поручникъ, испоручникъ.

Румеґаю—оживую, двеґую (sic).

Руменую—меризаю (sic).

Румянецъ—повапленіе.

Рура—врутка.

Руринки—ятра.

Ручникъ—понявица, рукомыкъ.

Рушаюсь—движуся.

Рыбакъ—рыбитвъ, рыбарь.

Рыґель у замку—верія.

Рыза долгая—подиръ.

Рыза верхняя—эпотида.

Рыкаю—лаю.

Рымарь—усмошвецъ.

Рынокъ—купилище, торжище.

Рысованіе — кроеніе, начертаніе, повапленіе.

Рысую—крою, чертаваю, сѣннопишу.

Рыхло—абіе, скоро.

Рыцерский—юношеский, храбрый.

Рыцерство—мужедоблестіе, побѣдная, побѣдителная, храбрость.

Рыцеръ—воинъ.

Рыцеръ выборный — исполинъ, защитникъ, мужедоблественникъ, побѣдникъ, противоборецъ.

Рычу якъ левъ—рыкаю, шатаюся.

Рыю—саяю, рѣю.

Рѣдко—на малѣ.

Рѣзачка—хороба, дусерія.

Рѣзныкъ—закалатель.

Рѣзъ—заколеніе.

Рѣпый—волчецъ.

Рѣчныкъ—вѣтый, соглаголникъ.

Рѣчъ — вещъ, пря, трудность, потреба.

Рѣшу—разрѣшаю.

Рядно—вретище, власяница, рубище.

Рядца—строитель.

Рядъ—правленіе, устроеніе.

Рядъ веду—правлю.

Ряженье—строенье дому, смотреніе, домоправленіе.

Ряжу — правлю, исправляю, царствую, справую.

С.

Сагайдакъ—тулъ.

Садъ—рай.

Сажавка—купель.

Сажаю в темницу—связую, вовергаю в темницу.

Сакраментъ—тайна.

Салата—лѣсная желтяница.

Саля — восходница, прикровникъ сѣнный, дворъ.

Самородный—самодѣланъ.

Саранча—прузи, пружіе, акриды.

Сваруся—которуся, распрѣваю, крамолуюся, тяжуся, боруся, ратую.

Сварилися—бѣждахуся.

Сваръ—котора, крамола, пря, распря, любопрѣніе, прекословіе, прерѣканіе.

Свекруха—свекровъ, свекра.

Свербитъ—прокаженъ.

Свербитъ в очахъ—мжитъ.

Свербѣти—капоскатись.

Сверщокъ—сверщъ.

Свистюлка—свирѣль, цѣвница, сопль, сопѣль.

Свищу—свиряю.

Свобода—отрада.

Свободитель—спаситель.

Свободитися—спастись, отлучитися.

Свой — властный, свойственный, присвоенный, усвоенный, свойскій.

Свое мнѣманье — самомнѣніе, самохотѣніе.

Свояволне—пустошне, безчиннѣ.

Свояволникъ — студодѣй, самочинникъ.

Свояволность—презорство.

Своявольный—непокоривый, студодѣй, напыщенный, своечинникъ.

Своявольно — безчинную, безчинствую, разсверѣпѣваю, шатаюсь, которуся.

Своя воля—безчиніе, безчинство, пустошъ, разсверѣпѣніе, непокорство, напыщеніе, напрасство, ослаба, досада, котора.

Своя дума—зри свое мнѣманье.

Свѣдокъ—свѣдитель, послухъ.

Свѣдомость—вѣдѣніе, свѣдѣніе.

Свѣдомый—искусный.

Свѣдоцтво—свѣдителство.

Свѣдчу—свѣдителствую, послушествую.

Свѣдчуся—сіяю (sic).

Свѣтлость—свѣтъ, сіяніе, заря.

Свѣтлый—цѣлъ, цѣлый, правый.

Свѣтъ—міръ, вселенная.

Свѣта панъ—міродержца.

Свѣта сотворенье—міра твореніе.

Свянґотанье—баснословіе, блядословіе.

Свянґотливый—обрѣтословецъ, баснословецъ, блядословъ.

Святобливость—святба.

Святобливый — преподобный, говѣнный.

Святости—святыня, тайны.

Священнодѣйство—таинство.

Священныкъ — жрецъ, священнодѣйственныкъ, тайнодѣйственныкъ, іерей.

Священство — чиститетство, жречество.

Священя—празднованіе, праздникъ.

Себе—ся.

Сегосвѣтное—житейское, мирское.

Секретаръ—тайникъ.

Секретнѣ—духовнѣ.

Секретъ—тайна.

Село—весь.

Селянинъ—поселянинъ.

Селяне—народніи поселяне, нивари, особници.

Сентенція—судба.

Серга—усерязь, усеряга.

Сердечне—присердечно, мужески, мужественнѣ, усердно.

Сердечное порушенье—движеніе сердечное, страсть, пристрастіе.

Сердитость—ярость, рвеніе.

Сердитый—яростивый, жестокій.

Середный—средный, соумѣренный.

Серенъ—лѣдъ, голоть, слана.

Сержуся—яруся, надимаюсь.

Серни—лани.

Серца траченье—униніе, небреженіе.

Серце трачу—униваю.

Сивизна—сѣдина.

Сикавка—сморщъ.

Сикофантъ—клеветникъ.

Сила—моцъ, крѣпость, держава.

Силляба—слоґъ.

Силность—зѣлность.

Силный—зѣлный, юношеский.
Сило—плѣница, сѣть, мрежа, тенетъ, пугло.
Силоизмъ — противоположеніе, противорѣчіе, умышленіе, смышленіе, недоумѣніе.
Синый едвабъ—сянета,...
Сипливость—сипота.
Сипливый — медленоязычный, косногласный.
Скаженье—растлѣніе, разореніе.
Сказанье—разумъ.
Сказителность—тля, тлѣніе.
Сказца—разтлитель.
Скваплиный—наглый, напрасный.
Скиба—виоранная толща.
Скиваю—помаваю.
Скидачъ—низложитель.
Скидаю—низлагаю.
Складка—согласіе, слогъ.
Складую—составляю.
Складъ—силляба.
Склеенье — прилѣпленіе, прилогъ.
Склепы—гажа (sic).
Склепъ—камара.
Склиюю (sic)—прилагаю, прилѣпляю.
Склонный—благоувѣтливый.
Склянниця—стклянниця.
Сковорода—сковрадъ.
Сковранокъ—щуръ.
Скора—кожа.
Скора овчая—милоть.
Скора отстрая (sic) — цапа, ящеръ.
Скорникъ—усмаръ.
Скорпаный—скорпеный.
Скорченый—слякъ, слукъ, слященъ, согбенъ.
Скорченье—сокращеніе.
Скорчую—сопрятаю.
Скорупяный—скуделний.
Скривженье—неправдованіе.
Скриня—ковчегъ, влагалище.
Скрипки—гусли.
Скритый—лукавый, понурливый.
Скробатись—копошатись.
Скрозь—чрезъ, сквозѣ.
Скромне—опрятно.
Скромность—честность.
Скромный — благоугодителный, кроткый, кротокъ, миренъ, мирный, соумѣренный.
Скромнѣйшый—кротчайшый.
Скроны—скранія.
Скруха—сокрушеніе, умиленіе.
Скруху маю—умыляюсь, сокрушаюсь, сокрушаю, сотираю, сломляю, сосѣцаю.
Скупо—сцѣгло, стигло.
Скутечне—дѣтелнѣ.
Скутокъ—дѣло, изводство.
Слабый—клосенъ, немощенъ.
Славетный—нарочитый, нарочитъ, изрядный, изящный.
Слина—плюновеніе.
Сличный—лѣпый, зри красный.
Слово—глаголъ, рекло.
Слоневъ дозорца — слопоначалникъ.
Слонъ—елефантъ.
Слота—слань, слана.

Служебничій—рабій.
Служенье—служеніе.
Слухаю—слушаю.
Слухаю пилно—внимаю, внушаю, внемлю.
Слухай пилно—внемли, внуши.
Слушне—въ лѣпоту, въ расноту, изящнѣе, послѣдователнѣ, лѣпо, подобно, лѣть есть, подоболѣпно, подобоискусно, достойно, подобающее.
Слушный—приличный.
Слызкій—ползкій, ползокъ.
Слымаки—зелвы.
Слѣдъ—стопа.
Слѣдомъ за кимъ иду—послѣдую, послѣдствую.
Слѣповоронъ—нощный вранъ—на нирищахъ и здѣхъ любитъ обитати.
Слюбовное—благонарочное.
Слюбую—обѣщаю, обѣтую, обѣтъ творю.
Слюбъ—обѣтъ, обѣщаніе.
Смакъ—сласть, сладость.
Смачная потрава—сласть, сладость.
Смарую—умащаю.
Смерканье—сумракъ.
Смертелный—мертвенный.
Смерть—скончаніе.
Смокъ—змій.
Смокъ, що воду тягнетъ—водоважца.
Смола—пекло, сажа.
Смотренье—смотреніе, глядъ.
Смотрю—зрю, блюду.
Смотрю до цели—намѣраю.
Смотри—зри, виждь.
Смродъ — попраніе, скверна, тина.
Смутный — дряхлъ, дряхлый, дряселъ, тяжекъ, тяжкосердый.
Смутный убіоръ—вретище.
Смутокъ—печаль, скорбь, рыданіе, сѣтованіе, тяжкосердіе, дряхлость, кручина.
Смучуся—дряхлую, дряселую, печалую, стужаюся, тяжкосердствую.
Смыслъ—умъ, разумъ, мудрованіе, чувство, умышленіе, смышленіе.
Смѣвалство — смѣхотворство, смѣхотворства гражданство.
Смѣле—дерзновеннѣ, не обинуяся.
Смѣлость — дерзновеніе, дерзость, необиновеніе, великодушіе.
Смѣлый—дерзокъ, дерзкый, дерзый, дерзостенъ, продерзатель, великодушный, напраснивъ.
Смѣлый естемъ—смѣю, дерзаю, необинуюся.
Смѣтье—уметъ, отреби, попраніе, изгрѣбы.
Смѣхъ—жартъ, глумъ, подражаніе, грохотъ.
Снаднѣ — нетяжестнѣ, ненавистнѣ.
Снать—негли, васнь либо нѣщо, простѣ.
Снитъ ми ся—сонія вижу.

Снозы, що на вола кладутъ — сонузница.

Снѣданье—заутрникъ, нѣцеръ (sic), ваятель (sic).

Сокира—сѣчиво.

Сокира до муру—оскордъ.

Сокъ—глѣнь.

Соловий—славый.

Солодкій—сладкій, слащъ.

Солома—стебліе.

Солоная земля — слатина земная.

Сонъ—соніе, виденіе.

Сопрятую — сокровищую, сокриваю.

Соромаюсь—стижуся, обинуюся, срамляюся, червонѣюся.

Соромъ—срамъ, студъ.

Соромяжливость — стидѣніе, обиновеніе.

Соромяжливъ—посупленъ.

Сорочка—срачица, хитонъ.

Состави в костехъ—глезны.

Составъ в членкахъ—составъ.

Сочевица— сочиво.

Спадокъ—наслѣдіе, жребій, достояніе.

Спадокъ—падежъ.

Спаняле—щапственнѣ.

Спилностю — прилежно, прилежаніемъ.

Спилчостю що чиню—ухищраю.

Спираюся— стязаюся, прюся.

Списую—плѣтую, соплѣтаю.

Спихаю—возряжаю.

Сповиноваченье —соимѣтелство, соемленіе, сообщеніе, сочтаніе.

Сповѣданье—чаяніе, упованіе, надежда.

Сповѣдаюсь—исповѣдаюсь.

Сповѣдь—исповѣданіе.

Сподѣваюся чого—ожидаю.

Спокойный—мирный, миренъ.

Сполечникъ—обещникъ.

Сполечность—соимѣтелство, соемленіе, сообщеніе, сопребиваніе, сочтаніе, общеніе, сближеніе.

Сползахваченье — совосхищеніе.

Сполкованье—тожъ, що и сполечность.

Сполкуюсь—сочетаваюся, общаюся, сообщаюся, сопребываю.

Сполкуючій—обещникъ.

Сполне—сполечне, единодушно, единомысленно, купно, единогласно.

Сполництво — участіе, причастіе.

Сполохуюсь—ужасаюся.

Спорный—суперникъ.

Споръ—пря, прекословіе, прѣніе, рвеніе, противленіе, реть, тяжба, распря, любопрѣніе.

Споряжаю—устрояю, учиняю.

Споряженье судбы—благостояніе.

Способный—десный, приличный.

Способъ—образъ, устроеніе.

Спотикаю—стрѣтаю, срѣтаю, срящу.

Спочатку—искони, изначала, вначалѣ.

Справа—упражненіе, умышленіе, смышленіе.

Справедливе — праведнѣ, въ правду, послѣдователнѣ, изящнѣе, въ лѣпоту, въ рясноту.

Справедливость—правда.

Справедливый—праведный, преподобный.

Справный—строителный.

Справованный—дѣйствуемый.

Справованье—устроеніе, искусъ.

Справую—исправляю, прохожду, дѣйствую, сотворяю, восхожду, строю.

Справы—дѣянія, дѣла, дѣтели.

Справца—дѣлатель, наставникъ, настоятель, вождь, строитель.

Спросность—суета.

Спросный — шкаредный, шкаредъ, безмѣстный, злообразный.

Спроста—бошію, убо, ... , всяко.

Спротивляюся—возражаю.

Спряґаю—сочтаваю, сочетаваю.

Спрятъ домовый—мшелъ, сопрятаніе, рѣшина.

Спѣванье—пѣніе.

Спѣванье високое—пѣснь степенная.

Спѣзанье погребное — рыданіе гробное.

Спѣжарня—житница, хранилище, хранило.

Спѣшу—спѣю.

Спѣшуся—спѣю.

Срамный удъ—луна (sic).

Срамота—срамъ, студъ, безчестіе, досажденіе, поносъ, укоризна, укоръ, оклеветаніе, омѣшеніе, смущеніе.

Срамоченье—поношеніе, поносъ.

Сребра пробуючій — среброискусникъ.

Сребролюбячій—сребролюбецъ.

Сроґій—дывий, безчеловѣчный, жестокъ, лютый, безстуденъ, неотрѣченъ, неумолимъ, несердоболь, немилосердъ, неблагоутробенъ, немилостивъ, звѣрообразный, грозный, лютъ, лютый.

Сроґость—жестота, безчеловѣчіе, немилосердіе, сверѣпіе, сверѣпство.

Срожуся—озлобляюся, огорчеваюся, сверѣпѣю, сроґого взроку, яровидный, звѣрообразный.

Ставаюся—бываю.

Ставъ—сонмъ водный.

Стадникъ—оревъ.

Стадо овчее—паства.

Стай—стадій, стадіонъ, поприще.

Стайня—стояніе.

Сталость—доблесть, мужество, крѣпость, благостояніе.

Сталося—бысть.

Сталый—благоприсѣдителный, добль, доблественный, мужественный, крѣпкій, постоянный, десный.

Сталый естемъ — доблествую, мужествую, крѣплюся, великодушествую, храбрствую.

Сталый на всякіе бѣды—великодушенъ, храбрый.

Сталаго разуму — великодушенъ.

Становиско — станъ, пристанище.

Становлю—уставляю.

Становлю домъ—потикаю домъ или обозъ.

Станъ—санъ, достоинство, . . .

Старане великое — многопечаліе, попеченіе, промишленіе, угодіе, страсть, неполученіе.

Старанье найбольшое—опаство.

Старанесь—печаловане, попеченіе, подвигъ, страданіе, прилежаніе, печаль, мнелоимство.

Стараюся—пекуся, печалуюся, подвизаюся.

Стараючійся—тщаливый, тщателный.

Старецъ—старѣйшый, старѣйшина.

Стародавный—древный, ветхый.

Старожитный—тое жъ.

Староста—книгочій, епархъ, предстатель, предсѣдатель.

Староство—настоятелство.

Старость—сѣдина, матерство.

Старший—наставникъ, предводитель, предсѣдатель.

Старший надъ шгирмирми — тризноположникъ.

Старшинство—народоводителство, настоятелство, предсѣдателство, достоинство.

Старшинствую—правлю.

Старый—ветхый, древный.

Статечность—зри сталость.

Статечный—зри сталый.

Статечніе речи—тщиво.

Статутокъ християнскій — уставъ, нравъ, веленіе, преданіе, зри — правостафированье, ухищреніе.

Стафируюся—ухищряюся.

Ствержаю—утверждаю.

Створенье — тварь, созданіе, сотвореніе.

Створитель — содѣтель, творецъ, сооружитель, воздатель, сотворитель.

Стебелье—стебліе.

Стежка—стезя, путь.

Стерегу—блюду, брегу, храню, присѣжу.

Стереженье—блюденіе, бреженіе, храненіе, присѣдѣніе.

Стережи—снабди, спаси, избави.

Стережись—снабдися.

Стертый—истненъ.

Стертье на порохъ—истненіе, истнѣніе.

Стираю — сокормляю, сокрушаю.

Стираю на муку—истнѣваю.

Стирка—сударь.

Стирникъ — управитель, кормчій.

Стиръ — гребло кормилкое, кормъ.

Стовченъ—сотлаченый, сокрушенный.

Стогну — изнемогаю, немоществую.

Стодола—житница.

Столецъ—полкружникъ, сѣдалище.

Столица—престолъ, ѳронъ.

Столяръ—древодѣля, ...

Сторожа—кустодія, стражба, храненіе, хранилище.

Сторона—страна.

Сторонюеь—устраняюся, освѣняюся.

Стосъ—составъ.

Страва—пища, ядь, снѣдь.

Стравленъ бываю—умучаюсь.

Стравляю—умучаю, иждиваю, изнуряю.

Страдный — бѣдный, страстный.

Стражъ—зри сторожа.

Страфунку—по случаю, приличнѣ.

Страховище—пугало, страхованіе.

Страшило—зри страховище.

Страшный — лютый, грозный, ужасный.

Страшу—мяту, пакощу, ужасаю.

Страшуся—ужасаюся, мятуся.

Стричокъ—вервь, вервія, уже.

Строжъ—стражъ, кустодій.

Стромголовъ—стремглавъ.

Стросканый—дряхлый.

Строфованье—обличеніе, хухнаніе.

Строфую — обличаю, показую (sic), порицаю, оглаголую, злословляю.

Строфуючій — обличитель, обличникъ.

Струплывъ—прокаженъ.

Струченый—возраженъ, низверженъ.

Стручокъ—стручецъ.

Стручую—возражаю.

Стрѣла—ратище.

Стрѣлянье—верженіе.

Стрѣчаю — стрѣтаю, срѣтаю, срящу.

Студенецъ—ровъ, ровенникъ.

Студентъ — спудей, ученикъ, тщатель.

Студень—зима.

Студня—кладязь, кладенецъ.

Стукъ—мятежъ, молва, мятеніе, топотъ.

Ступень—степень.

Стыдаюся—стижуся, срамлюся, обинуюся.

Стѣна—забрало.

Стѣнныкъ меду—сотъ.

Стягаю—сообязую.

Судилище—судище.

Судина—орудина.

Судина для оливы—чванецъ.

Судовый домъ—преторъ.

Судъ—судба.

Сукно—портище.

Сукня—верхняя риза, одежда.

Сукцессія—приемничество.

Сумма якого писанія—глава, главизна, оглавленіе, смышленіе.

Сумненье—совѣтъ, разумъ.

Супортокъ—праща.

Суптелне—нетелесне, духовнѣ.
Суптелность-ухищреніе, благоухищреніе.
Суптелный—восперѣнъ, тонкій, тонченый.
Сурма—сопль.
Сурмачъ—пищалникъ.
Суровость—безчеловѣчіе.
Суровый—зри сроґій.
Суспѣкованый—пороченъ, укоризненъ.
Сусѣдъ—сосѣдъ, подругъ, судомникъ.
Суть—предстоитъ.
Сучокъ—сучецъ.
Сушъ (sic)—сухъ, голый, сухль.
Сфальшованое — прелюбодѣичное, растлѣнное, лестное.
Сфуканье—язва.
Схадзка—сотеченіе, собраніе.
Схиляю—приклоняю.
Сховую—храню.
Схороняетъ ся—сопрятаетъ ся.
Сыномъ учиненье—сыноположеніе, учиненіе, усыновленіе.
Сѣдаю—возлѣгаю.
Сѣдаю на лаву—воскланяюсь.
Сѣку—уязвляю.
Сѣножать—травникъ.
Сѣны—кровъ, предверія.
Сѣпачъ—рядникъ.
Сѣрка—сѣра, жупелъ.
Сѣтка—сѣть, мрежа, тенетъ, сило.
Сѣтникъ—ситовое.
Сюди—сѣмо.

Т.

Таблица—скрижаль.
Табличка—влагалище.
Таемная — тайная, таинственная, таинственнѣйшая, недовѣдомая.
Таемне—тайно, отай, духовнѣ.
Таемница—тайна.
Тайстра—чпагъ, пира, спирида.
Таковый—сицевый.
Такъ—тако, ей, сице.
Талантъ—шесть сотъ червоныхъ.
Тальѣръ—дискосъ.
Тамошный обиватель — туземецъ.
Тане—туне.
Танецъ—ликъ.
Танецъ справую—ликовствую.
Таность—смиреность.
Танцу поваженье — ликованіе, ликовствованіе.
Танцую—ликую.
Тарча—щитъ, павѣжъ, плѣжъ.
Татаринъ — скифъ, скифинъ, срацинъ.
Ташъ—селеніе, сѣнь, село, скинія.
Тварь—лице, возрѣніе.
Твердость—жестота.
Твердый — жестокый, жестокъ, твердъ, неотреченный, постоянный.

Твердого карку — жестоковыйный.

Твердью—жестѣю.

Тверезлюся—трезвлюся.

Тверезый—трезвый, бодрый.

Твержу—извѣствую, провѣщеваю.

Теды—убо.

Телесныкъ—ласкосердій.

Телычка—о трехъ лѣтехъ юница.

Темница — уза, юза, узница, юзилище, стражба, твержа, селеніе, твердиня.

Темность—тьма, сумракъ.

Темность грубая—тьма осяжимая.

Темный—мрачный.

Теперѣшный—настоящый.

Теперѣшне мешканье—настоящее житіе.

Теперъ—нынѣ, днесь.

Термошуся—пружуся.

Термѣнъ—уставъ, предѣлъ.

Терпетина—теревиндъ.

Терпливость—терпеніе.

Терпливость великая — долготерпеніе.

Терпливый—пожадателный.

Терплю — стражду, подемлю, приемлю.

Теселство роблю — древодѣлствую.

Тескность—туга, бѣда, безсластіе, несладость, туга съ тяжестію, негодованіе.

Тесля—древодѣля, зодчій.

Тестаментъ—завѣтъ.

Тешу—ваяю, изваяю, начертаваю.

Тиранство—томленіе, мучителство, насиліе, насилованіе.

Тиранъ—мучитель, томитель.

Тиранъзую—насилствую.

Титулъ—титла, надписаніе.

Тихо—без щуки, тое жъ безъ шума, безъ плюскости.

Тихость—тишина, отишіе, безмолвіе, кротость, несмущеніе.

Тихый — кротокъ, тишайшый, благоугодителный.

Тканье—тченіе.

Тлумачъ—сказатель.

Тлумокъ—тайстра, бремя.

Тлустость—толща, тукъ.

Тлустый—мождаанъ.

Тлуща — обстояніе, народъ многъ.

Тоболя — тоболецъ, зри — тайстра.

Товариский—обычный.

Товариство — дружба, дружество, состояніе.

Товаришка — жона, сожителница, другиня.

Товаришъ — клевретъ, другъ, подругъ, сожитель.

Товаришъ в дорозѣ—сопутникъ, сопутшественникъ.

То—сіе, тожде.

Тогди—южъ, таче.

Тогосвѣтный — мудрецъ внѣшный.

Тоестъ—сіе, тожде, сиесть, сиричъ.

Тожъ—таче.
Токмо—толма.
Толко—толико, точію, кромѣ.
Толко разовъ—толикощи, . . .
Толкованіе—сказаніе.
Толокно—мѣлта (sic), прясло.
Толстость—толща.
Толстый—дебелый.
Топнью—таю, истаеваю.
Тополя зеленая—тереванжъ.
Топоръ—сѣчиво.
Торба—зри тайстра.
Торгаю—терзаю, влеку.
Торговникъ—торжникъ.
Торгъ — торжище, тризнище, купилище.
То то—тоже, сіе.
Тошню—тужду, ныю, тужу.
Травлю—иждиваю, изнуряю.
Травлю в жолудку—изсучаю.
Травлю з кимъ—приждиваю.
Трамъ—бервно, бервено, слѣмя.
Трапенье—бореніе, стуженіе.
Трапенъ естемъ—мятуся.
Траплю—бору, напаствую, ополчаюся, стужаю, труды дѣю, удручаю, озлобляю, возмущаю.
Трафляюсь—ключаюсь, приключаюсь, случаюся.
Трафунокъ—случай, притча.
Трачу — погубляю, изнуряю, иждиваю.
Трвалый — добль, мужестьенъ, крѣпкій, твердый.
Трваю—пребываю, терплю, подемлю.
Трвога — возмущеніе, соклащеніе, крамола, молва, мятежъ, мятеніе, смятеніе.
Трвожу—возмущаю, соклащаю, смущаю, крамоляю.
Трвожуся—мятуся, крамолюся, смущаюся, сомнюся, низпадаю.
Треба—требѣ, подобаетъ, лѣпо есть.
Требенецъ—евнухъ, каженикъ.
Трезво—цѣломудрно.
Трезвость — цѣломудріе, цѣломудреніе.
Трезвый—цѣломудрный, цѣломудреный, бодрый.
Тремтанье — зри трепетаніе, стенаніе, колѣбаніе, раслабленіе.
Тремчу—трепещу, стѣню, колѣблюся.
Трефництво—кощунство, гражданство (sic).
Трефную—кощунствую.
Трефный—. . . , кощунникъ.
Трибуналъ—судище, судилище.
Триумфую—в побѣдѣ являюся.
Триумфъ — побѣдняя, побѣдителная, одолѣніе, натрижненіе (sic), . . .
Троска—туга, дряхлость, попеченіе.
Тросклнвый—дряхлый, попечителный.
Тростина—трость.
Троха—велми стигло, стиглѣ.
Трощуся — молвлю, смущаюся, уживаю, стужаюся.
Троякий помостъ на игриску—

треверстныя основы на тризнищи.

Трояко—трегубо, треверстно.

Трудно—невозможно, нѣсть возможно, немощно.

Трудность — упражненіе, стуженіе, неудобство, недоумѣніе, таинство, недоумѣваніе, недомышленіе, недомыслимо, неможеніе, лукавство.

Трудоватый—прокаженъ, прокаженный.

Трудъ—проказа.

Труженье—подвигъ, страданіе.

Трумна—рака.

Трутизна—ядъ, ядъ смертоносный, отрава, балство.

Тручаю—рѣю, порѣваю.

Трясенье землѣ—трусъ.

Трясуся—трепещу, колѣбаюсь, стеню.

Туга—раченіе.

Тугий—жилищный.

Туженье клѣщаю (sic) — зри тескню.

Тулакъ—лестецъ.

Туляньe—скитаніе.

Туляюся — скитаюся, облужаюся.

Тумултъ—плищъ.

Тупканье—топотъ.

Тупкаю—клеплю.

Тупий—немощный.

Тупость—немощь.

Турбаторъ — расколникъ, раздорникъ, смущаяй, зри—ростеркъ чинячій.

Турма—зри темница.

Турнѣя—клопотъ, сваръ, молва.

Турчинъ—сарацинъ, скифъ.

Тутешный—здешный.

Тутъ—зде.

Тученье—насищеніе, питаніе.

Тучу—умащаю, насищаю.

Тщый—тощъ.

Тыждень—седмица, неделя.

Тыжъ—убо, и убо.

Тѣло—плоть.

Тѣломъ грубый—многоплотный, дебелый.

Тѣнный—сѣнный, сѣновный.

Тѣнь—сѣнь.

Тѣшу посполу—сослаждаюся.

Тѣшусь—красуюся.

Тяблица—скрижаль.

Тяжаръ на серцу—тяжкосердіе.

Тяжкость—тягота, тяжесть,..., рана.

Тяжкый — тяжекъ, неотреченный, притужный.

У.

Убіоры—остегны.

Убіоръ оздобный—украшеніе.

Убираюся—пониираю.

Облагаиье—умилостивленіе, очищеніе.

Облагаю—умилостивляю.

Убогій—бѣденъ, нищый.

Убогихъ халупки—холуги.

Убожество — убожіе, окаяніе, окаянство.

Убозство—нищета, худость.
Убранье—надраги.
Убѣгаю—угонзаю.
Уважаю—внемлю, внушаю, востязую, воспоминаю, разсмотряю, сматряю, умышляю, сославляю.
Уважный—благоискусный, внимательь, увнуп́итель, благословный.
Уволняю—упражняю.
Уволняюся—упражняюся.
Увѣдалъ—позналъ.
Увязаю—углебаю, унзаю.
Увясло—митра.
Угожую—совѣщеваю, согласую, припоручаю.
Уго́лница—мѣра у тесель, правило.
Уголъ—грань, уголъ.
Угорѣжую (sic)—удружаю.
Уразаю (sic)—углебаю.
Ударѣнье—претиканіе.
Удатне—праведнѣ, по достоянію, въ лѣпоту, достойнѣ.
Удаю на що—устремляюся.
Удило—брозда.
Удка—удица.
Ужалуюся—жалѣю, умиляюся, раскаеваюся.
Уже—абіе, скоро.
Ужежъ—убо ли.
Уживаю—гобзую, наслаждаюся, раскаеваюся, употребляю, приемлю, дѣйствую.
Ужитечный—добродѣтелный.
Ужитый — благоувѣтливый, добродѣтелный.
Узда—брозда.
Уздоровляю—устрабляю, исцѣляю.
Узнанье—разумѣніе, познаніе.
Указую—сказую, являю, розмовляю, назнаменовую.
Уколяю—занзаю, прободаю.
Укоренье—зри ганба.
Укормлѣнье—пресищеніе, упитованіе.
Укормляю — упитоваю, пресижаю.
Укоряю—потязаю, поемлю, поручаю, повлачаю.
Укосий—косвенный.
Укосость—кривина.
Укривженье—обида, обидѣніе.
Укривжоный—обидимый.
Укривжоный естемъ—вреждаюся.
Улженье—отрада.
Уливаю—истукаю, изваяю.
Улица—стогна, халуга.
Улица широкая—площадь.
Уличка—межда.
Уломность — бѣда, немощъ, вредъ.
Уломный—бѣдный, немощный, вредный, несовершенъ.
Улѣченье—исцѣленіе, устраба.
Улѣчую—исцѣляю, подаю исцѣленіе, устрабляю.
Уменшаю—оскудѣваю.
Уменьшенье — умаленіе, оскуденіе, истощаніе, истощеніе.
Умерлый — мертвый, усопшый, преставлшийся, опочившый.

Умертье—успеніе, смерть, преставленіе.

Умешканіе—водвореніе.

Умираю—преставляюся, усипаю, умираю.

Умислне—самохотѣніемъ, устроеніемъ.

Умова—закладъ, сложеніе, сроченіе.

Умовляю—совѣщеваю, согласую, припоручаю.

Умовляю кого—увѣщеваю.

Умовляюся с кимъ — совѣщеваюся.

Уморенье—умерщвленіе.

Умоцняю—возмагаю, утвержаю.

Умышляю—смышляю.

Умѣетность—мудрость, умѣніе.

Умѣетный—коварный.

Унижоность умислу—смиреномудріе.

Унья—соединеніе.

Упадокъ—паденіе, падежъ, бѣда.

Упевненье—извѣствованіе.

Упевняю — извѣствую, увѣряю, увѣщеваю, достовѣрне творю.

Упевняючее—увѣщателное, вѣрователное.

Упережаючій — проигуменъ, предваряючій, первый.

Упережую—варяю, упредваряю, предиду, предпостизаю.

Уплетьнье—соплетеніе.

Уподобанье—благоволеніе.

Уподобуюся—угаждаю.

Упокоренье умислу—смиренномудріе.

Упоминаю—наказую.

Упоминаючій—обличный, обличитель.

Упомятствуюся — уцѣломудряюся.

Упорный — жестокій, напрасливъ, самосродный, гордостенъ, сверепѣяйся, непокорителный, напыщенный, дерзый, яростенъ, презоривый.

Упорожняюся—упражняюся.

Упоръ—необузданіе, непокореніе.

Управляю — исправляю, руководствую.

Управуймо—руководѣмъ.

Упрейме—отъ сердца, присердно, вистнѣе (sic).

Упреймость—усердіе.

Упрошую—умоляю, упрошаю.

Упусть в ставу—хлябь.

Упѣренный—воспѣренъ.

Уразумъ (sic)—коварство, вѣжество, художество умное.

Ураченье—убѣжденіе.

Урачоный—блаженный.

Урачую—убѣждаю, учествую.

Уробленіе—сооруженіе, воздѣланіе.

Уробляю—сооружаю, творю, сотворяю.

Урода—зри красота, краса.

Уродивый—зри красный.

Уростаю—возрастаю.

Уруганье—зри ганба.

Уругаюся — поношаю, поругаюсь.

Урядникъ—наставникъ, вождь, строитель, предсѣдатель.

Урядничество—настоятелство.

Урядный санъ — достоинство, устроителство, учителство.

Урядъ господарскій — строеніе, домостроеніе, домоправленіе.

Уряду того—службы сія.

Усилованье—начинаніе.

Усилую—належу, убѣждаю, понуждаю, подвизаю, нещадно даю.

Усиловуючи—бѣдящи.

Усиновленіе—усиновеніе, усиновленіе, синоположеніе.

Ускромленный—смиренный.

Ускромляю—умучаю, укрочаю, смиряю.

Услугованье—служеніе, упокоеніе.

Усмиряю—сопрятаю.

Усмотрую—сразумѣваю, соразумѣваю, разсмощряю.

Усмѣряю—утоляю.

Усмѣханье—осклабленіе.

Усмѣхаюсь—осклабляюсь, умикаюсь.

Уснуть—поспать.

Успокоенье — миръ, умиреніе, смиреніе, угодіе.

Уставилъ—постановилъ, назнаменовалъ.

Уставичне—всегда, присно, во вѣки.

Уставичный — благоприсѣдителный, присный, искрный.

Уставленный — нарекованный, нареченный.

Уставленная работа—зарочно, цѣло (sic).

Устаю — исчезаю, оскудѣваю, таю.

Устерѣгаюсь—сохраняюся.

Устигаю—спѣю.

Уступаю—попущаю.

Утарчка—рать, борба, подвигъ.

Утверженье—утвержденіе, держава.

Утертая дорога — протрутенъ путь, протрутень.

Утеченье—гонзеніе.

Утискаю—оскорбляю, стужаю, смиряю.

Утискованіе — стуженіе, укоризна, зри—ганба.

Утискую—скорблю, стужуюся.

Утисненье—обстояніе, попеченіе, печаль, скорбь, тѣснота.

Утопляю — потопляю, погружаю.

Утрапенье—озлобленіе, треволненіе, бѣда, печаль, злоключеніе, злополучіе.

Утрапленый—бѣдный.

Утрапленъ бываю—озлобляюся, низпадаю.

Утрапляю—озлобляю.

Утрата—тщета, вредъ, изнуреніе, иструшеніе, преторъ.

Утратникъ—ласкосердій, изнуритель.

Утраченый—лишенный.

Утрачую—изнуряю, иструшаю, отщетѣваюсь, тщету приемлю.

Утученый—мождаанъ.

Утѣканье—гонзеніе, бѣгство.

Утѣкаю—гонзаю, избѣгаю.

Утѣха—роскошъ, услажденіе,

порадованіе, утѣшеніе, красованіе.

Утѣшую—утѣшаю.

Уфатиґованный — истомленный.

Уфатиґовуюсь—истомляюся.

Уфанье—упованіе, надежда.

Уфаю—уповаю, надѣюся, извѣствую, дерзаю.

Уфность—дерзновеніе, обиновеніе, упованіе, надежда.

Уфолґованье — щадѣніе, отрада, попеченіе.

Ухо—ухо, край, обушіе.

Ухороненье—избытіе.

Ухороняюсь—избываю.

Учасництво—наслѣдіе, участіе, причастіе.

Участникъ—обещникъ.

Учинокъ—дѣло, дѣланіе, дѣтель, начинаніе.

Учиняю—сотворяю.

Учитель—учитель, наказатель.

Учитися способный — учителный.

Учоный—искусный, научонъ.

Учта — гощеніе, учрежденіе, вечеря, пированіе.

Учту справуючій—пировникъ.

Учтивость—говѣнье, почесть.

Учтивость кому чиню—говѣю, почествую.

Учтивый—честный, говѣнный, благоговѣнный, благообразный, добродѣтелный, благонравный.

Учу — поучаю, учу, руководствую.

Учуся—навикаю.

Учченый—почтенный.

Учченье—почествованіе, упокоеніе, говѣніе.

Ушакъ дверей—наддверная, надверія.

Ушанованный—блаженный.

Ушко иголное—ухо.

Ушкоженье—обида, обидѣніе.

Ушкожую—обижу, неправдую.

Ущипаю—ухапляю, угризаю.

Ущипливость—ругательство.

Ф.

Фалди—рысны (sic), тресна.

Фалдистый—тресноватый.

Фалшивый—лукавый.

Фалшованье—лестное, прелюбодѣичное, растлѣное.

Фалшъ—блудъ, лукавство.

Фарба—шаръ.

Фартухъ — епедитъ, обязало, надраги.

Фаска—делва.

Фасти (sic)—зело.

Фацелитъ—сударъ,...

Фиґа—смоква.

Фиґовое дерево—смоковница.

Фиґъ дикихъ дерево—черничіе, сикоморія.

Философія—любомудріе.

Философскій—любомудрій.

Философъ — любомудръ, любопремудръ.

Филя—время.
Филя на водѣ—волна, волненіе.
Флетня—сопль, сопѣль, цѣвница.
Флиси—гребцѣ.
Фляша—фаска.
Фолварокъ—село.
Фолґа—отрада, ослаба.
Фолґую—щажу.
Фолґуючи—щадя, снисходителнѣ, отраднѣ.
Форма—образъ, зводъ.
Форма найпершая—первообразіе.
Формованье—образованіе, изображеніе.
Формую—образую, ухищряю.
Фортель—ученіе.
Фортуна—блаженство, полученіе.
Фортуна чія—случай.
Форытаръ—звозчикъ, управитель.
Франца—френчуя, проказа.
Фрасовали—востужиша, пакостиша.
Фрасованый—унилый, дряхлый.
Фрасовливый—печаленъ, опечаленъ, прискорбенъ, посупленъ.
Фрасунокъ—туга, дряхлость, безсластіе, негодованіе, бѣда, печаль, скорбь, сѣтованіе, желѣтба, желѣнь, посупленіе.
Фрасунки—многопечаліе.
Фрасую—мяту.
Фрасуюся—тужу, дряхлую, дряселую, молвлю, скорблю, опечаляюсь, печалую, стужаюся, униваю.
Фратъ—пронирливецъ, пронирливъ.
Фримарчу (sic)—измѣняю, ..., запрещаю, обличаю, язвлю, порицаю, зарицаю.
Фуканье—зри ганба.
Фундаментъ—фамеліонъ, основаніе, вина, начало.
Фундаментъ закладаю—основаніе полагаю.
Фундуючій — основатель, здатель.
Фунтъ—мнасъ.
Фѣґура—образъ.
Фѣстула—воскликновеніе.
Фѣяра—сопль, сопѣль.

Х.

Хапаю—емлю, похищаю.
Характеръ—обвѣшеніе, узоношеніе.
Хатки убогихъ—халуги, кущи.
Хваленье—славословіе.
Хвалити—угодити.
Хвалю—славлю, составляю, благословляю, блажу, благочествую, величаю.
Хватаю—зри хапаю.
Хворостъ—рождіе, хврастіе,...
Хвостъ—опашъ, ошибъ, хоботъ.

Хвѣюся—влаюся, зиблюся.

Хвѣянье—влаанье, мааніе.

Хелпливость—любочестіе, мудрованіе, киченіе, шатаніе, величаніе.

Хелпливый—любочестенъ.

Хелплюся—любопочитаюся, кичуся, величаюся.

Хендоґый—добрый, юношескый, лѣпый, красный.

Хендоґо—сочиннѣ, юношески.

Хиба—точію, кромѣ.

Хибляю—погрѣшаю.

Хитляность—лицемѣрство, лицемѣріе, опламство, лицепріятіе.

Хитляный—велерѣчивъ, буесловный, любопитный, лицемѣръ, лукавый, блядивъ.

Хитрость—сообщеніе, извитіе, лукавство, коварство, ухищреніе, ученіе, козньь.

Хитрый—коварный, лукавый, ухищренный.

Хитрая зрада—козньь.

Хлипанье—воскликновеніе.

Хлипаю—плакаю, плачуся, съ воздиханіемъ восклицаю.

Хлопецъ—дѣтищъ.

Хлопъ—поселянинъ, селянинъ, селникъ.

Хлюба—зри хелпливость.

Хлюблюся—зри хелплюся.

Хмара—сумракъ теменъ, примракъ теменъ, облакъ.

Хмариться—дряселуетъ.

Хованье—сокровище, кровъ.

Ховаю—храню.

Ховзкый—ползокъ, ползкый.

Хоженье—хожденіе, шествіе.

Хожу—хожду, шествую.

Хороба—недугъ, язва, болѣзнь, страданіе, недугованіе, вредъ, немощь.

Хороба долгая—многовременно страданіе.

Хороба неулѣчонная—вредъ неудобь лѣкуемъ.

Хорованіе—зри хороба.

Хороше—лѣпо, хупаво.

Хороший—зри красный.

Хорошость—зри красота.

Хоруговъ—знаменіе.

Хоружый—знаменоносный, знаменоносецъ.

Хорую—недугую, немоществую, болѣзную,....

Хорый—недужный, немощный.

Хоть—хотяй, хочажъ, аще же или и убо, убо, поне.

Хоть—изволеніе, хотеніе, жажель (sic).

Хочу—хощу, волю, желаю.

Храпъ на кого—васнь.

Хребетъ—задняя, плещи, междорамія.

Хромый—клосенъ, клосый, вредный, маломощный, клоснецъ.

Хроненьеся—говѣніе.

Хроповатый—трудный, сухъ, притруденъ.

Хтивость—желаніе, вожделѣніе, похоть.

Хтивость маю—вожделѣваю, желаю, похотствую.

Хустка—сударъ, убрусецъ, главотяжъ.

Хутливый—тщаливый.

Ц.

Цапа—ящеръ.

Царигородъ—цариградъ, Константинополь, Византія.

Цвѣтникъ—рай.

Цвѣченіе—обученіе, устроеніе, навикновеніе, благоискуство, вѣжество, наказаніе, глумленіе, поощреніе, ученіе, вѣжа.

Цвѣчу — наказую, вразумляю, обучаю.

Цвѣчуся—навицаю, поучаюся, глумлюся.

Цеберъ—водоносъ, ровъ.

Цегелникъ—плинѳникъ.

Цегла—плинѳа, кирпичъ.

Цедула—свитокъ.

Целникъ—мытаръ, митоимецъ.

Цель—намѣреніе, благоизволеніе, благоволеніе, предложеніе, предсявзятье.

Церковный—соборный, еклесіархъ.

Церковъ—святыня, святылище.

Цесарство—владычество, игемонія, самодержство, могутство, держава.

Цесаръ—кесарь.

Цетнаръ—талантъ.

Цехъ—содружество.

Ци—еда, едали, убо, тѣмже.

Цибуля—червленый лукъ.

Цибуля ческая—лукъ.

Цимбали — бряцало, кимвалъ доброгласенъ.

Цинамонъ—кинамонъ, корица, каситиръ.

Ципарисъ—кипарисъ.

Цистерна—источникъ, кладязь, кладенецъ, сусѣкъ.

Цитра—гусль, бряцало.

Цитриста—гудецъ.

Цицка—сосецъ.

Цицки—сосци, перси.

Цнота—добродѣтель, благость, святба, сила.

Цнотливый—добродѣтелный.

Цорка—дщерь, дщи.

Цудность—зри красота.

Цудный—зри красный.

Цѣрмъ—сапоги.

Цѣрмаръ—швецъ, сапогошвецъ.

Цѣлованье—лобзаніе.

Цѣлую—лобзаю, лобжу.

Цѣлый—цѣлъ, всесовершенъ.

Цѣха—знаменіе.

Цѣхую—знаменую.

Цякавость—оплатнство.

Цякавый — велерѣчивъ, любопытный, буесловъ.

Ч.

Чарованіе—обава, обавленіе.
Чаровникъ—балий, волхвъ, волшебникъ, чародѣй, обаватель, обаянникъ.
Чаровница—балія.
Чары—волшба, волшевба.
Чары на шии ношенье—узлоношеніе, узоношеніе.
Чарами труючій—чароотравникъ.
Часъ—время.
Часъ—грань, часть.
Часъ певный або намѣренный—кресъ, нарокъ.
Чата—наскокъ.
Чаша—келихъ, кратаръ, стклянница, чаша.
Чашникъ—черпчій, черпающій.
Чвертка—коробка, спудъ.
Чекаю—чаю, ожидаю, терплю, подемлю, предваряю, варяю, предпостизаю.
Челюсти—скранія, ланити.
Чему—воскую, почто.
Чепецъ—вѣнецъ.
Червецъ—червоность, чермность.
Червоная нитка—конура.
Червоность—оброщеніе, чермность.
Червоный—чермный.
Червонюсь з сорому—срамлюсь, рдѣюсь.
Червъ—тля.
Черга—чреда.
Черевикъ—синдалій, плесница, сапогъ, обуща.
Черево—чрево, утроба.
Череда—чреда.
Черезъ—замимо, презъ, чрезъ.
Черезъ него—нимъ.
Черезъ тебе—тобою.
Черезъ мене—мною.
Черезъ нихъ—ними.
Черезъ весь животъ—чрезъ все житіе, по всему житію.
Чрезъ волю божію—волею божіею.
Черенный зубъ—членовный.
Черепаха—жельвъ.
Чернецтво—иночество.
Чернецъ—мнихъ, инокъ, монахъ, калугеръ, еллинецъ (sic).
Черница—монахиня, мнишица, инокиня.
Чернуха—кокулица.
Черпаю—черплю, черпаю.
Черствый—бодрый, юношескій.
Чеснокъ лѣсный—лукъ.
Честный—говѣнный.
Честую гости—странноприимаю, угощаю, странноводвожу.
Честь—пиръ, учрежденіе.
Чести праненье—любочестіе.
Чиншъ—дань.
Чиню—творю, сотворяю, соделоваю.
Чирвстый—зри черствый.
Чирство—юношески.
Чисто—право, цѣломудрно.
Чистость—чистота, честность, цѣломудріе, ясность, свѣтъ.
Чистый—благоговѣнный, цѣло-

мудрый, цѣломудрный, цѣлый.
Члонокъ—удъ, составъ, степень.
Члонокъ встидливый—срамный удъ, дѣтородный удъ.
Члонки—члены.
Чоботарь—швецъ, сапожникъ.
Чоботъ — сандалый, сапогъ, плесница, обуща.
Човенъ—корабецъ.
Чого—чесого.
Чоло—чело.
Чоловѣкъ—чловѣкъ.
Чорнокнижникъ — волшебникъ, волхвъ, чародѣй.
Чортъ—діаволъ, сатана, кудесникъ, кудесъ, прелестникъ.
Чрезъ—презъ, мимо.
Чудный—чудовный, нечасмый, неначаемый, чудесный.
Чужоземецъ — иноплеменникъ, иноязычникъ, иноземецъ, страненъ, иноколѣнникъ.
Чужоземка—иноколѣнница.
Чужоложу—любодѣйствую, прелюбодѣйствую, прелюбыдѣю.
Чужолозство—блудъ, любодѣяніе, прелюбодѣяніе, прелюбодѣйство.
Чужый—туждъ, туждый.
Чуйность—трезвеніе, бодрость, ..., радѣніе.
Чуйный—бодрый.
Чуприна—власы.
Чутье—бденіе, бодрость.
Чую—бодрствую, трезвлюся.
Чуючій—бодрый, тщаливъ.
Ченье (sic)—говѣніе.
Ччу (sic)—говѣю, блажу.

Ш.

Шабалтасъ—чпагъ.
Шаламая—цѣвница.
Шалене—неистово.
Шаленство—неистовство, бѣснованіе, неразуміе, изумленіе.
Шаленый—неистовъ, несмысленъ, тяжкосердый, нечестивъ.
Шаленье—неистовство.
Шалѣю—неистовляюся, бѣснуюся.
Шаля—мѣри, превѣса.
Шаную—говѣю.
Шарлатъ—багоръ, багграница.
Шарпаніе—хищеніе, рѣтба, рѣніе, рѣяеніе.
Шарпанина—хищеніе.
Шарпачъ—хищникъ.
Шарпаю—похищаю, рѣю, терзаю.
Шата—одежда, риза.
Шата долгая—утвореніе.
Шатанъ—сатана, діаволъ.
Шатеръ—сѣнь, скинія, станъ.
Шафарство—строеніе.
Шафарь—домостроитель, строитель, скупникъ.
Шафранъ—крокосъ.
Шахи—шахматы.
Швецъ—усмошвецъ.
Шедивость—сѣдина.
Шелюгъ—пѣнязь.

Шемранье — ропотъ, роптаніе, хухнаніе, шатаніе, среиство.
Шемру—ропщу, хухнаю.
Шемручій—ропотливъ.
Шепетливый — косногласный, козноязичный, медленоязичный.
Шестинеделка—роженица.
Шибала—презоръ.
Шибеничники—палачныки.
Шидаръ—ругатель, кощунникъ.
Шидерство — руганіе, огавіе, огавство, кощунство.
Шиджу—ругаюся.
Шинкаръ—винарекъ.
Ширмерство—борба, страданіе, подвигъ, подвизаніе.
Ширмую—подвизаюся, восподвизаюся.
Ширмьръ—подвижникъ, страдалецъ, тризникъ.
Широкость—пучина, широта.
Широкость мѣсца—растояніе.
Широце—пространно, отрадно.
Шишакъ—шлемъ.
Шия—тилъ, выя.
Шкапа — робленая, подяремникъ.
Шкарадный — шкарадъ, студный, срамный, сквернавый.
Шкарадная мова—срамословіе, блядъ.
Шкода—тщета, вредъ, лукавство.
Шкоду подеймую — общетѣваюся.
Шкоду чиню—отщещаю (sic).
Шкодливый—тяжекъ, лукавенъ, вредный, пакостный, тяжкосердный.
Шкодую—тщету приемлю, подемлю.
Шкожу — вреждаю, пакощу, обижду, повреждаю, неправдую.
Шкодца — вредитель, пакостникъ,подстрѣкатель,губитель.
Шкодъ—вреди.
Шлюбъ—обѣтъ, обѣщаніе.
Шляхетность — честность, чесность.
Шляхетный—доблый, древний, ветхый.
Шмата—рубъ.
Шматица—рубище.
Шнуръ теселскый—правило.
Шопа—сѣнь, скинія, станъ.
Шпетность—безобразіе.
Шпетный—злообразный, шкаредъ, шкаредный.
Шпетная мова — срамословіе, блядъ.
Шпечу—посмраждаю.
Шпиклѣръ — житница, хранилище, хранилница.
Шпираньe—пареніе.
Шпираю—пару.
Шпираютъ о мнѣ—истязуюсь.
Шпиталь—болница.
Шпѣґованье—согляданіе.
Шпѣґую—соглядаю.
Шпѣґуютъ мя—истязуюсь.
Шпѣгъ—исходникъ, соглядатай, прелагатай, сходникъ, позоритель.
Што—что.

Штортиста—пресудникъ.
Штортъ—пресудница.
Штука—извитіе, хитрость, коварство, ученіе.
Штука лотровская—скверناвый, скверный.
Штучный—коварный.
Шуба—утвореніе, милоть.
Шубравецъ—рубищеносецъ.
Шуканіе—возисканіе.
Шукаю—ищу, возищу, возискаю.
Шуля—шуя, шуйца.
Шумленье—шатаніе.
Шумлю—шатаюсь.
Шумъ—звукъ, щукъ.
Шутство—смѣхотворство.
Шутъ — рубыщникъ, смѣхотворца.

Щ.

Щадѣнье—щаженіе, попеченіе.
Щасливый—блаженный, благополучный, десный, благоденственъ.
Щасливство—блаженство.
Щастить ми ся — благоденствую, благополучаю, гобзую, изобилую.
Щастье — блаженство, благоденствіе, благополучіе, полученіе, случай.
Щастя кому причиняю—блажу.
Щебетливость—блядословіе.
Щебля в трапезѣ—щегнуша.
Щеканье—лаяніе.
Щекаръ—лаятель.
Щекаю—лаю.
Щепаю—исцѣпѣваю.
Щире—истиннѣ, вѣрнѣ, незлобивѣ, приискрно.
Щирость—незлобіе, независть, цѣлость, независтное.
Щирый—незлобивый, независтный, неумитный, простый, нелестный, приискрный, невѣжда, цѣлый, цѣлъ, правый.
Щодробливость — благостиня, милосердіе, щедрота.
Щедробливость противу гостей—страннолюбіе, щедрота.
Щодробливый—страннолюбивъ, страннопріятенъ, благій, милостивъ, щедрый, щедръ.
Щока—крань.
Що на то—прочее, опотомъ.
Щось—нѣчто.
Щуплый—тенкій.
Щѣлина—скважина.
Щѣпцѣ—отирати свѣчки, оцѣщало.

Ю.

Южъ—болше, таче, доселѣ.
Южъ к тому—паче до селѣ.
Южъ не—не к тому.
Юрґелтъ—урокъ.
Юрность — разсверѣпѣніе, нечистота.
Юхтовый—кожаный, усмѣнъ.

Я.

Ябедникъ—клеветникъ.

Ябедництво — важденіе, порече́ніе, клевета.

Ябедничу—клевещу, важду на кого, порѣкаю, оскаржаю.

Яблоко грановитое — полное зернятъ, шипокъ.

Явне—явнѣ, явленно, явственнѣ.

Яворовый—репиненъ.

Яворъ—репина.

Ягода винная недозрѣлая—пародокъ.

Ягоди—скрани, скранія.

Ядерный—младый.

Ядѣніе—ядъ, яденіе.

Ядъ—отрава, ядъ, идъ.

Яжда—яжденіе.

Язичокъ—зѣлье троскотъ.

Язичокъ у ваги—правило.

Языкъ—народъ.

Язя—балія.

Якая—елика, яковая.

Якійсь—нѣкто, нѣкій, етеръ.

Яко бы—аки бы, аки.

Яковость—качество, количество.

Яковый—каковый.

Якось — яковось, яско (sic), яково.

Якъ—яско (sic), како, коль, елма.

Якъ болше—колми.

Якъ много—елико.

Яма—ровъ, жупище, ровъ, сусѣкъ, язвина, разсѣлина.

Ямка—пещера, нирище.

Ярина—зеліе.

Ярмарокъ—торжище.

Ярмо—иго.

Ясиръ—полонъ, плѣнъ.

Яскиня—вертепъ, закровъ, нирище, язвина.

Ясность — свѣтлость, сіяніе, свѣтъ.

Ясность вимовы — обротность языка, благоязичіе, благорѣчіе.

Яства—ядъ, яденіе.

Ястребъ—крагуй.

Ятровка—повинная, ятровъ.

ІГНАТ ЖИТЕЦЬКИЙ.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“ СОРОК РОКІВ ТОМУ

Історичні нариси та спомини).

Українські громадяни завше пам'ятали, що без преси, без свого часопису українська справа ніяк не зможе вийти на шлях справжнього національного життя в рамцях бодай би й російської дійсности, обминаючи навіть питання про европейську неосвідомленість щодо справ українського відродження. Не згадуючи тепер за першу половину XIX віку, не можна обійти спроб кінця 50-х та початку 60-х років („Хата“, „Основа“), а також редагування київським гуртком в 1874—1875 роках чужого видання—газети „Кіевскій Телеграфъ“ [1]). М. П. Драгоманов на початку 1876-го р. виїхав за кордон, по-перше, щоб видавати у Львові чи Відні український науково-публіцистичний часопис, незалежний від російського уряду. Його женевські видання „Громади“ та инші не задовольняли певний осередок київського громадянства, та й мало були приступні російським читачам. Протягом 70-тих років постійно виникала думка про легальне видання журналу, який міг-би животіти і в тяжкому становищі підцензурної преси в Росії. На той час виходили лише альманахи „Луна“, „Рада“, „Степ“, що ніяк не могли перетворитися в періодичний часопис. До того-ж почувалися великі перешкоди українській справі за відсутністю свого органу для друкування наукових праць численних робітників в галузі історії, етнографії, літератури на українські теми. Доводилося йти до чужих російських часописів, переважно до столичних органів преси.

На початку 80-х років з'явився у Київі історично-науковий журнал українського напрямку—і то було видання Ф. Лебединцева „Кіевская Старина“ [2]). Колишній директор шкіл у Польщі Лебединцев не тільки не міг обминути українських вчених, а і переважно використовував і друкував в часопису їх праці і притягав до журнальної роботи як відомих видатних, так і молодих співробітників—Українців. В останніх трьох роках видання (1885—87), коли виявилося, що з комерційного боку журнал не дає прибутку, а навіть потрібує грошових додатків, Ф. Лебединцев все більше намагався перекласти тягар видавництва на громадські плечі Українців і почасти передати їм деякі функції редагування наукового органу. З кінця 1885-го р. Лебединцев рішуче поширював чутки, що збитки примушують його припинити видання „Кіевской Старины“; але Кияни заперечували тому, давали обіцянки енергійного і, в значній мірі, безплатного співробітництва; так видання часопису продовжувалося. О другій половині 1887-го року редактор остаточно заявив, що з 1888-го року він видавати журналу не буде і розпочав заходи, щоб одержати будь-яку службову посаду.

Прихильники „Кіевской Старины“ і її найближчі й постійні співробітники гадали, що видання часопису ніяк не можна припиняти, вишу-

---

[1]) Див. „Наше минуле“, 1919 р., ч. 1—2, ст. О р. Левицького.

[2]) В „Україні“ 1926-го р. ми подали деякі відомості про „Кіевскую Старину“ 1882—1887-х рр.: „Перші роки „Кіев. Стар.“ і Костомаров“ (кн. 4) та „К. Ст.“ за часи Ф. Лебединцева“ (кн. 6). Теперішня наша третя стаття--про долю цього журналу в 1888-го року є продовження попередніх нарисів.

кували засобів вийти з тяжкого стану і неодмінно провадити журнальну справу далі. В одверто громадське видання „Кіевск. Старина“ перетворитися не могла, бо й час тоді був суворіший ніж за п'ять років раніше; та й журнал за ці роки визначився українським напрямком, а змістом він був як найтісніше звязаний з усіма інтересами українознавства. Пересуди й безпосередні доноси на „Кіевскую Старину“ йшли від усіх „патріотів“ і ворогів українства.

Більш за все турбувалися, як би не загинуло видання, і як би продовжити життя часопису О. М. Лазаревський, В. Б. Антонович та П. Г. Житецький. Обов'язково треба було найти особу чисту від політичного підозріння, непохитну, твердого соціяльного стану, приємлему для влади й цензури, а до того грошовиту і незалежну від службових обов'язків і державних фінансів. По літі того-ж таки 87-го року Українцям пощастило вишукати таку людину: то був заможній землевласник зі Стародубщини, учень київського університету, мировий посередник 60-х років і колишній голова з'їзду мирових суддів на Чернигівщині—Олександер Степанович Лашкевич.

Походженням зі старого козацького роду, з дідів і прадідів був він споріднений з Полуботками, Милорадовичами, Галаганами. Батько його володів чималими маєтками в Новозибківському, Стародубському та Сосницькому повітах на Чернигівщині, був великим книголюбом і залишив чималу бібліотеку, особливо багату колекціями журналів з початку XIX віку, яку поповняв і син його. Традиція „книжного почитання“ і нахил до письменства йшли в роді Лашкевичів з старовини: прадід Ол. С-ча Степан Іванович залишив щоденник (з 1768 до 1782 року) надрукований через сто років, як характерна, побутова пам'ятка; дід Іван переклав з англійської мови і видав р. 1781 книжку „Прогуливаніе г. Франкли“, а батько, Степан Іванович, написав „Историческій очеркъ стародубскихъ раскольничьихъ слободъ“ [1]). Олександер Степанович народився с селі Брахлові Новозибківського п. в 1842-му р.; в 50-ті роки батько його оселився в Київі, і син почав ходити до І-ої гімназії, потім вчився (1860—64 рр.) в київському університеті, де визначався за найстараннішого студента, що не розлучався з книжками, і хутко приєднався до молодого гуртку українських громадян. Мешкаючи на Печерському, він приймав участь в недільних школах так званого „слов'янофільського“ гурту, де добре познайомився з майбутніми професорами М. Ф. Владимирським-Будановим та Н. С. Тумасовим. Найближчими приятелями з київських громадян стали до нього з того часу В. Л. Беренштам, В. М. Юзефович, його товариші з І-ої гімназії, далі П. Г. Житецький, П. А. Косач, М. О. Констянтинович та инші [2]). Одержавши кандидатську ступінь історично-філологічного факультету, Ол. Степанович цілком віддався земській справі і праці введення нових установ після реформ 60-х років на Україні, спершу, яко мировий посередник на Київщині, а потім яко голова з'їзду посередників в Гайсинському повіті на Поділлі. Пізніше на Чернигівщині Лашкевич став земським гласним і головував на з'їздах мирових суддів Новозибківського повіту. Через деякий час потягло його до Київа, куди він і переїхав на початку 1886-го року, купив собі одноповерховий будинок з садом [3]) і зажив зі

[1]) Ф. Николайчикъ, „Родъ Лашкевичей“, „Кіевс. Старина“, 1887 р., ч. 12.

[2]) Див. В. Беренштамъ, „Изъ школьныхъ лѣтъ А. Лашкевича“, „К. Старина“, 1899, ч. II; Іг. Житецького, „Стара Громада за 60-ті роки“, „Україна“, 1928, ч. 1.

[3]) Цей будинок, де містилась протягом 2-х років Редакція „Кіев. Стар“. на Театральній вулиці ч. 4, проти Золотих воріт, після смерти Лашкевича набув підрядчик Орехов, який його й зруйнував, гадаючи збудувати великий дім. Тепер залишився від цілого будинку лише в'їзд до садиби з дерев'яною аркою.

своєю родиною заможньо не то горожанином, не то сільським поміщиком.

Але без якого-будь діла та громадського оточення й праці не звик жити Олександер Степанович. Господар з нього не був великий, і справи господарські його мало цікавили. Зовнішня постать його була надзвичайно характерна: на зріст високий, досить товстий, неповоротний і трохи незграбний, з обличчям і усмішкою, що видавала добросерду його натуру, і з сіроблакитними очима, які наївно та довірливо блискотіли по-за окулярами; виглядом своїм і поводженням він дуже приваблював до себе людей. У господі його завше не переводилися люди—приятелі, знайомі, а потім—знайомі знайомих, одвідувачі, і дорослі й підстаркуваті, і молоді, бо до студенства Ол. Степанович був дуже прихильний. Гостинність і учтивість його була виключна й почасти перетворювалася инколи в безладне частування, як і учта та трапеза в оселі Лашкевичів були звичайні й безперервні по всяк час і зо всякого і без усякого приводу—„для званих і для незваних“. Такий побут не був випадковий: з панського будинку села Брахлова, біля Новозибкова, вкупі з панами, челядинцями, конями, стравами, трунками та ріжними примхами черева перейшли до осередку великого міста, на площу біля оперового театру звичаї та й самий уклад поміщицького безладнього існування.

Проте Олександра Степановича не задовольняло перебування на новому місці, але в старому оточенню; не задовольняло воно й давніх його приятелів, а молодь дивувало непорядними розкошами. Лашкевич все частіш та частіш, особливо ввечері, залишав свій чепурний будинок і одвідував знайомих однодумців-товаришів і попередніх друзів в їх скромних помешканнях; там точилися розмови на ріжні науково-літературні і громадські теми, а Ол. Степанович скаржився, що нема йому ніякої відповідної і серцю приємної живої праці. В таких то бесідах потроху й доходили до думки, що саме добре було б Лашкевичу пристати до справ українського видавництва. Мабуть приблизно в той час пригадую такий випадок. Якось на самому початку осени 1887-го року повідомив мене один приятель, що по дорозі від консисторського будинку, через Софійський майдан на Андріївський узвіз і на Поділ аж до самої Ярославської вулиці в маленьких крамничках можна бачити силу старих паперів, які йшли на обгортання краму. Виявилося, що то були папери консисторського архіву XVIII-го віку; під той час консисторія перебудовувалася, і робітники-тесляри, повертаючися після праці додому, забирали з собою оберемки беззахисних паперів і по дорозі вимінювали їх на оселедці, хліб та тютюн. Забіг я збентежений цією чуткою до кабінету батька, де вже давно сидів Олександер Степанович, і розповів цю пригоду. Лашкевич негайно витяг гаманця, дав п'ять карбованців на викуп по крамничках консисторських паперів і, звертаючись до батька, сумно промовив: „Ось, які молодяки, Павло Гнатович, все-ж мають і свій інтерес, і клопоти, і справи цікаві, а у мене нічого того нема“ [1]).

І клопотання, і праця, і живий інтерес були винайдені. Про плани Ф. Лебединцева добре знав мій батько, турбувався за долю „Кіевской Старины“ і підказав приятелеві думку взяти на себе видання часопису, що гинув. Лашкевич цілком захопився таким підприємством, всупереч комерційній ощадности і попередженням родини і знайомих, найбільше з боку приятелів-поміщиків, які його остерігали, що видання журналу безнадійне, некорисне і приведе до розкладу без того порушеного раніш фінансового стану.

[1]) Частину паперів пощастило знайти й набути; пізніш їх було передано переважно до архіву О. М. Лазаревського, а грабування консисторських паперів з того часу було рішуче припинено.

Вирішення й проекти Олександра Степановича підтримали О. М. Лазаревський та В. Б. Антонович. З Лебединцевим Лашкевич був знайомий і друкував деякі свої замітки і матеріяли в „Кіевской Старинѣ". Лебединцев торгувався уперто, посилаючись на свої збитки; а до того, коли довелося ліквідувати діло, біля якого він стояв шість років, його брав жаль розлучатися з працею, що до неї призвичаївся. Проте періодичне загрозливе нездужання редактора вимагало кинути турботне видання, і Лебединцев погодився в самому кінці 1887-го року перепродати Лашкевичу право на видання і всі непродані примірники за 2 тисячі карбованців. Портфель старої редакції, крім незначних історичних документів невдалих статтей та 2—3 рецензій, був пустий. З грудня-ж почалися клопотання в Київі через генерала-губернатора Дрентельна та в Петербурзі, в головному управлінні в справах друку, щоб одержати і затвердити Лашкевичу право на продовження видання журналу і редагування його. Почалися і зібрання у Лашкевича „редакційного комітету", куди иноді заглядав і Лебединцев. Наприкінці Різдвяних свят йому нездужалося, і він, ліквідуючи свої обов'язки до нового видавця і редактора, надіслав йому такого листа: „Многоуважаемый Александръ Степановичъ, Посылаю Вамъ увѣдомленіе Главнаго управленія по дѣламъ печати о разрѣшеніи мнѣ издавать „Кіевскую Старину" и утвержденную имъ программу, а свидѣтельство взято Вами раньше. Вотъ и всѣ документы. Вчера мнѣ снова было дурно, а потому связыванье книжекъ („Кіев. Стар.") начнется завтра, и какъ только будетъ окончено, я извѣщу Васъ. Дай Богъ Вамъ успѣха. P. S. Сверхъ документовъ посылаю вчера полученную „Зозулю"[1]) и письмо объ ней. Быть можетъ пригодится для сегодняшняго литературнаго вечера у Васъ"[2]).

З того-ж таки часу на зібраннях у майбутнього видавця київські його приятелі і намітили план редакційної організації; почалося й листування з ученими, письменниками і співробітниками журналу, що мешкали в Харкові, Одесі, Умані, Чернигові, Москві, Петербурзі, то-що. Фактичним редактором ухвалено було бути старогромадянину професору Хвед. Герасим. Мищенкові, якого незадовго до того звільнив з київського університету міністр народньої освіти Делянов; виконувати обов'язки секретаря редакції пропоновано Іг. П. Житецькому. Редакційний „комітет", до якого увійшли О. М. Лазаревський, В. Б. Антонович, П. Г. Житецький, В. П. Науменко, О. І. Левицький, І. В. Лучицький, Н. В. Молчановський, М. В. Шугуров та инші, почав збиратися чергово то у Лашкевича, то у Мищенка. Тоді-ж таки почали повертатися відповіді від попередніх і нових, яких було закликано, співробітників „Кіевской Старины". То на адресу Лебединцева, то до нової редакції надходили листи з полохливими запитаннями за долю історичного часопису, або зі співчуттям і привітаннями відродженого редакційного гурту. З Одеси одним з перших відгукнувся проф. О. І. Маркович і Ів. В. Линниченко, з Харкова—проф. Д. І. Багалій, М. Хв. Сумцов, П. С. Єфименко, пізніше Ів. Теличенко, М. Бакай; з Москви одповіли редакції і обіцяли свої праці проф. М. І. Стороженко, Олексій М. Веселовський. З Петербургу вітав відродження „Кіевской Старины" академик Пипін та инші.

Офіційне затвердження Лашкевича редактором-видавцем журналу одержано було з Петербургу в лютому 1888 року, коли вже минув слушний гарячий час передплати на періодичні видання, а вже й на попередній рік передплата на „Кіевскую Старину" знизилася до найменшого — кілька сот повних передплатників. Вирішено було в редакції широко вжити повідомлень та реклами. Тоді розіслали тисячі зо дві друкованих

[1]) Автор рукопису статті „Короповъ хуторъ".
[2]) Рукопис. Відділ В.Б.У., III, ч. 7718.

оповісток про поновлення видання і розповсюджено оголошення про передплату й програм редакції „Кіевской Старины“. Чимало грошей витратив був видавець, почасти дуже непрактично, на об'яви по ріжних журналах та газетах. Портфель редакції зростав і число надісланого наукового матеріялу збільшувалося, але передплата йшла мляво, і безнадійність вийти без великих витрат на перший рік виявлялася виразно.

Проте, Лашкевич не так-то сумував і з легким серцем ішов на зустріч збиткам, увесь захоплюючись живою працею і відживленою енергією своїх співробітників. Зранку—в редакції, після сніданку—в роз'їздах по справах видання, у вечері у співробітників, або за редакційними зібраннями минав увесь його час. Хв. Г. Мищенко провадив практичні справи і на допомогу йому в друкарських клопотаннях і коректі було закликано спершу молодого П. Р. Тимошка, що саме тоді скінчив університета, а трохи пізніш його-ж товариша Євг. Ол. Кивлицького, земляка Олександра Степановича, який хутко став справжнім секретарем редакції і першим практичним робітником в справі видання „Кіевской Старины“ через те, що Іг. Житецькому довелося відійти від щоденної систематичної редакційної роботи, бо як раз настав у нього час закінчення університету й останніх іспитів.

Вирішив був Лашкевич разом з редакцією видати в березні один великий том понад 30 аркушів замість трьох місячних книжок „Кіевской Старины“. Нервова, метушлива праця провадилася в редакції весь лютий і початок березня. Хороба Ф. Лебединцева стала загрозливою і 12-го березня він помер. Пригадується час одправи похоронної служби 14 березня в Трьохсвятительській церкві, куди винесено було труну першого редактора з його помешкання в тій-же околиці (Трьохсвятительська вул., ч. 6; там-же була й попередня редакція журналу). Церковна служба, яку одвідав майже не увесь склад нової редакції і численні співробітники, вже доходила кінця, коли раптом прибіг з друкарні задиханий, схвильований Хв. Г. Мищенко і щось зашепотів на вухо Лашкевичу. Миттю стало відомо, що цензурні перешкоди уникнуто і одержано дозволу новій редакції випустити перший том „Кіевской Старины“ за 1888-й рік, який і з'явився на другий день.

До цієї книжки найголовніші члени редакції подали свої цінні твори: Антонович—„Грановщину“, історію одного кутка Брацлавської України; Ор. Левицький—„Ганну Монтовт“, епізод з життя волинського панства XVI-го в. (кн. Любецька); В. Науменко—„До літератури різдвяних і пасхальних віршів“; І. Лучицький—„Київ у 1766 році“. Пізніш П. Житецький почав друкувати свою велику працю „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія XVII-го в.“, а Ів. Теличенко—„Наказы малорусскимъ депутатам 1767 р.“ з супровідними вступними статтями. Поновлено і поширено було відділи документів, заміток, критики то що; заведено й новий відділ „Справок“ та бібліографічних відомостів, матеріял якого складався з колективної праці десятків трьох співробітників журналу з цілої України, а до І-го тому додано було й покажчик змісту „Кіевской Старины“ за 1882—1887 роки. Зовнішній вигляд журналу було теж змінено: обгортка штучного стилю старої редакції стала простою блакитного кольору на зразок столичних часописів, папір для видання вибрано кращий, а обсяг кожної книжки що-разу збільшувався, і замість 10—12 аркушів новий редактор давав до 18—20, а то й більш аркушів, не збільшуючи передплати.

З кінця березня налагодилася редакційна праця, зростала й надія на громадську фінансову підтримку, бо число передплатників трохи побільшало. На перших кроках нова редакція перебула неприємну кризу. Передбачалося на початку року, як сказано раніш, що фактичним редак-

тором „Кіевской Старины“ буде не Лашкевич, не досвідчений досить в літературно-журнальних справах і не звиклий до систематичної й напруженої праці, а колишній професор Мищенко. Але—не так склалося, як бажалося. Мищенко гадав, що за його редагування повинен йому виплачувати видавець журналу 100 карб. на місяць („приват-доцентське утримання“, як шуткували тоді); Лашкевич зауважував, що він може виплачувати свойому помічникові лише по 50 крб. та секретареві редакції по 25 крб. що-місяця. Справа з другим редактором розвалилася ще й через те, що Мищенко хотів почувати себе хазяїном літературної частини підприємства, але Олександер Степанович сам переважно цікавився журналом з редакційного боку, а лише після того видавничими справами. У травні кризи уникнуто тим лекше, що Мищенко виявив тактовність та коректність і сам одійшов від редагування, залишаючись одначе членом редакції, а у Лашкевича вишукався зовсім придатний помічник—секретарь редакції й його земляк, а потім близький приятель—Євген Олександрович Кивлицький.

Був він родом з Сосницького повіту, де знаходились маєтки дідів Лашкевича, вчився в новозибківській реальній школі, потім у Київському університеті і кінчив кандидатом історико-філологічний факультет перед 1888-м роком. Людина років 27, енергійна, працьовита, один з видатних учнів поміж студентами, він переважно цікавився науковою діяльністю, мріяв про долю дослідника історії і не бажав їхати з Київа на будь-які вчительські посади. З весни Євген Ол-ч став працювати в редакції „Кіевской Старины“, і коли Лашкевич залишився без помічника, взяв на себе попереду всю чорну редакційну роботу, а далі й усякі справи журналу. Натура його була стримана, ніби „суховата“, серед молоди виглядав він старшим від инших, був гарний порадник в питаннях, що турбовали його товаришів, і ніколи не виходив з коректности в людських відносинах; надмірність ні в чому у нього не виявлялася, а під суворим иноді обличчям крилася душа щира і доброзичлива до людей. Звали його ще за шкільні часи і до смерти „містером“. Отой „містер“ подобався Олександру Степановичу, що був не завше рівноважним і тактовним, та й недосвідченим в справах і відносинах серед київських, більш відомих Кивлицькому, наукових літературних та громадських угруповань.

Весною Лашкевич не поїхав до себе на село, бо не час було одпочивати, а залишився у Київі. Життя редакції набуло тоді своєрідного характеру. Справжнього редакційного комітету не склалося; перше, що Ол. Степанович відповідав один за всю матеріяльну частину видавництва своїми власними достатками і тому почував себе все-ж таки повним господарем „Кіевской Старины“, друге—тому, що найближчі до редактора-видавця люди не все згоджувалися, навіть в важливих питаннях, а до того всі були обтяжені своєю чи службовою, чи літературно-науковою працею, крім Є. О. Кивлицького, що цілком був захоплений „Кіевской Стариной“, кинув думки про учителювання і за 50 карб. щомісячної платні віддавав увесь свій час редакційній роботі. Редакційні збори одвідували чи з приводу негайних і несподіваних пригод, випадково і не завше в одному і тому-ж гурті: одні сходилися частіш, другі спорадично і рідко, инші навідувалися з особливих нагод. Як і за часи Ф. Лебединцева, редакція „Кіевской Старины“ і тепер стояла близько до старогромадського осередку, але не була виконавчим органом української громади, і матеріяльно і в біжучій редакційній роботі була від неї незалежною. Постійними порадниками в редакційних справах були: О. М. Лазаревський, М. В. Шугуров, юрист, Глуховчанин родом, знавець красного письменства і мистецтва, П. Г. Житецький, Ор. І. Левицький, етнограф

ї журналист В. П. Горленко, В. П. Науменко; одвідували редакційні збори проф. В. Б. Антонович, І. В. Лучицький, Н. В. Молчановський, Є. К. Трегубов та инші.

У Лашкевича було бажання прилучити, об'єднати і погодити між собою можливо ширше науково-літературні та журнальні київські гуртки. Він сам одвідав декого з професорів університету й духовної академії, закликав їх до себе на ділові і на урочисті збори, а також і на звичайні учти. З київських професорів по-за межами українського кола за той час друкували дещо зі своїх праць у К. Ст. М. Ф. Владимирський-Буданов, В. С. Іконніков, М. І. Петров, І. І. Малишевський, П. В. Голубовський, І. А. Линниченко та инші. Чимало працював для журналу і архівіст-журналіст, великий знавець історичних джерел українознавства, бідолашний Ів. Петрович Новицький („жовтий ир“ з прізвища), якому часто давав грошову допомогу з своєї кешені редактор, особливо коли йому випадало перебувати по лікарнях.

Друга думка Олександра Степановича—згуртувати біля себе студенську молодь не зовсім вдалася: він не мав ніякого організаторського талану, а молодша братія тяглася звичайно не до суто-наукових чи літературних, а до більш гострих політичних питань, а то й більш цікавих справ біжучого моменту. Проте, використовуючи деякі етнографічні матеріяли кол. Південно-західнього географічного Товариства, та за допомогою книжок з чималої бібліотеки Лашкевича, невеликий студенський гурток працював в київо-старовинному напрямкові, і ця робота не була для багатьох зайвою, а дехто з членів гуртка став потім діяльним співробітником журналу. Пригадую декого з тих, що належали до гуртка: І. Стрижевського, П. Тимошка, Я. Забілу, Е. Дорошевського, В. Кристаловського, П. Тучапського, І. Ботвиновського та ин. Осторонь стояв від цієї молоді студент історичного факультету Мик. Федот. Біляшівський, що й тоді цікавився археологією, але усяко уникав якої-будь політики та побоювався й натяка на „українофільство“, а горнувся більше до поважних впливових людей—Лазаревського, Шугурова, пізніш—В. В. Тарновського. Біляшівській ще за той час почав друкувати свої археологічні замітки, а далі став і постійним співробітником „Кіевской Старины“.

Часто перешкоджало регулярній редакційній праці оточення знайомих, земляків і родичів Олександра Степановича, переважно дідичів—Миклашевських, Ширяїв, Судієнків, Бороздів, Барановських і т. д., а також своєрідні умови панського життя в будинку Лашкевича. З 10 годин ранку до першої години, за рідкими винятками, праця в редакції провадилася ретельно і акуратно: редактор велично сидів за стародавнім кабінетним столом з усім писальним приладдям і переглядав рукописи чи робив постанови і давав свої підписи на ділових паперах; секретар, сидючи з боку чи за робочим столом, без перерви возився з рукописами, коректами, захоплений біжучими справами і негайним ділом, тиша ділового ранку перебивалася короткими увагами, иноді несподіваними репліками Лашкевича з приводу тієї чи иншої цікавої справи, листа до редакції то-що. В щоденних справах заходили тоді лише робочі люди з друкарні, або співробітники і ріжний діловий люд. Але з півдня, чим ближче до часу сніданку, такий стан потроху змінювався: починали з'являтися усякі, старші й молодші, прихильники „Кіевской Старины“, а то й просто знайомі Ол. Степановича, точилася бесіда про журнал і про міські новини, з приводу ріжноманітних справ. З редакційного кабінету переходили до їдальні, де за сніданком розпочиналася весела балаканина, підходили нові люди, і трапеза иноді затягалася години на дві, хіба один секретар повертався до праці, коли траплялось щось негайного. Друга

частина ділового редакційного дня відбувалася вже у вечері, після 7—8 годин, якщо не було яких загальних зібрань. Весною і в літку близькі співробітники „Кіевской Старины“ і близькі знайомі Лашкевичів віддавалися инколи розвагам, частіш по-за межами міста: подорожували хто пішки, хто в старовинному розлогому фаетоні з стареньким машталіром і такими-ж кіньми—„одрами“, як шуткував і сам власник їх, прямуючи до Печерської Лаври, або до Видубецького манастиря та по ріжних околицях Київа. Більш постійними мандрівниками були родини Житецьких, Рашевських, Н. О. Тризна, Е. М. Миклашевська, М. В. Шугуров, О. І. Левицький і чимало молоди, що оточувала редакцію, та инколи, бувало, й проф. Владимирський-Буданов з дружиною, Шмидти, А. Д. Юркевич, Н. С. Тумасов та инші старі приятелі Лашкевича. Так праця чергувалася з розвагами, редакційна літературно-громадська робота з приватніми частуваннями і родинними забавками.

„Кіевская Старина“ за часи нової редакції де-в-чому змінила склад свого науково-літературного матеріялу. Найбільше поширилися відділи критики, рецензії і огляди про нові книжки з української історії, письменства то-що. Нові відділи „Для справокъ“ та „Библіографическій листокъ“ були, в міру можливости, оглядами великого числа журналів і газет з вимітками і виписками, що стосувалися до „україніка“. Кількість портретів, малюнків і додатків документального матеріялу в кінці кожної книжки значно побільшилась. В „Кіевской Старинѣ“ почали друкуватися цілі великі монографії чи серії підібраних матеріялів і нарисів на історичні теми, як от Лазаревського—„Люди старой Малороссіи“, М. Хв. Сумцова—„Культурныя переживанія“, Ор. Левицького—„З старовинного історичного побуту Волини“ та инше. Книжки журналу за місяць лютий переважно присвячувано статтям про Шевченка, його життя і твори. Тоді надруковано було цікаві статті і розвідки на цю тему Н. Д. Н(овицького), М. К. Чалого, Зарянки то-що. Пощастило притягти до співробітництва в часопису і московських професорів Олексія Мик. Веселовського та Мик. Іл. Стороженка. Перший дав свої спогади про славнозвісного славіста Ол. Ол. Котляревського, а Стороженко—інтересну статтю „Первые четыре года ссылки Шевченка“. З приводу цієї праці і Шевченкових творів ми маємо листа автора до Лашкевича, досить визначного своїм змістом. „Извините великодушно, — писав Стороженко Олександру Степановичу 15-го грудня 1888-го року,—что до сихъ поръ не поблагодарилъ Васъ за Ваше доброе отношеніе къ моей статьѣ. Составляя это несчастное примѣчаніе, я никакъ не подозрѣвалъ, что благодаря ему статейка моя испытаетъ столько мытарствъ и даже совершитъ путешествіе въ Петербургъ[1]). Посылаю sous bande мою рѣчь объ отношеніяхъ Щепкина къ Шевченку, читанную мною въ торжественномъ собраніи общества любителей росс. словесности. Въ числѣ лицъ, слушавшихъ ее, былъ нѣкто Н. И. Смирновъ, принесшій мнѣ черезъ нѣсколько дней экземпляръ стихотворений Шевченка (изданіе 1860 года съ его собственноручными дополненіями). Экземпляръ этотъ принадлежалъ И. М. Лазаревскому и былъ подаренъ Шевченкомъ, что доказывается слѣдующею надписью: „Иванові Лазаревському. Кобзарь Тарасъ 8 марта 1860 г.“. Въ числѣ дополненій находится четыре цѣльныя стихотворенія Шевченка; одно изъ нихъ („Як бы ты, Богдане пьяный“) было напечатано въ заграничныхъ изданіяхъ Шевченка; не знаю, были-ли напечатаны два другихъ: подражаніе пророку Осіи, начинающееся словами: „Погибнеш, згинеш, Украино“, и пророка Іезекіила: „Восплач, пророче,

[1]) М. І. Стороженко подав деякі примітки до свого нарису; київському цензору одна з них не подобалася, і всю статтю було переслано для цензурування до петербурзького „Главнаго управленія по дѣламъ печати“.

сыне Божий“, но кромѣ этихъ нецензурныхъ есть одно небольшое прекрасное стихотвореніе, очевидно написанное Шевченкомъ въ ссылкѣ.

Каламутными болотами,
Меж бурьянами, за годами
Три года сумно протеклы и т. д.

Если это стихотвореніе еще неизвѣстно (объ этомъ Вы можете навести справку у М. К. Чалаго), то Смирновъ ничего не имѣетъ противъ его напечатанія, а Вы за это позволеніе пришлите ему за годъ „Кіевскую Старину“.—Выбросьте, пожалуйста, изъ головы обидную для насъ мысль, что незначительность Вашего гонорара препятствуетъ намъ принимать болѣе дѣятельное участіе въ „Кіевской Старинѣ“, успѣхамъ которой я и Весселовскій горячо сочувствуемъ. Мои спеціальныя занятія относятся совсѣмъ къ другой области и только случайно, урывками я могу заниматься вопросами, входящими въ сферу созерцанія „Кіевской Старины“. У меня и теперь есть для Васъ въ виду работа, но не думаю, чтобы раньше лѣта я могъ за нее приняться. До свиданія, будьте здоровы; отъ всего сердца желаю Вашему благородному предпріятію полнѣйшаго успѣха. Глубокоуважающій Васъ Н. Стороженко“ [1]).

Передплата на журнал, що зменшилася за останні 2 роки видавництва Лебединцева та зовсім підупала в переходовий час 1887—88 років, стояла безнадійно на числі щось 400 платних примірників (а для покриття лише видавничих витрат вимагала не менш 900 - 1000 передплатників) і настирливо турбувала редакцію і Лашкевича. Вишукували усякі засоби, щоб збільшити кошти видання: розіслано було по ріжних адресах тисячі оголошень, обмінювались об'явами і рекламами з періодичними виданнями на Україні і по всій Росії, клопоталися про дозвіл і рекомендацію передплати установам, переважно науковим і шкільним, пробували усякі способи внести в зміст журналу живий, сучасний інтерес. Проте, обмежений програм видання та цензурні перешкоди й утиски не давали змоги поширити видання до обсягу инших російських історичних журналів, про що мріяв редактор, маючи прикладом „Русскую Старину“ (на зразок якої було складено й титульну сторінку „Кіевской Старины“) та напівнауковий, напів-белетристичний ходовий журнал „Историческій Вѣстникъ“.

Дехто з редакційного комітету, за пропозицією О. С. Лашкевича, підтримував таку думку, що треба друкувати в журналі історичну та побутову белетристику, хоча-б і російською мовою, бо за дозвіл містити українське красне письменство в періодичному виданні не варто було й клопотатися. Насамперед почали друкувати переклади з польської мови: оповіданнів Равити („На рубежѣ“), Остої („Нечистая сила“), оригінали побутових оповіданнів Ганни Барвінок („Молотники“, „Половинщикъ“, „Русалка“), Ю. Левицької-Пащенко („Порченная“), Л. Старицької („Живая могила“), Дм. Марковича („На вовчомъ хуторѣ“), Мирона—Ів. Я. Франка („Слава Богу—для начала и то хорошо“, „Чума“) то-що. А найбільше покладали надій на оповідання Г. О. Мачтета „Бѣлая панна“, про яку йшло жваве листування з автором ще з осени 1888 р. Клопотання з приводу „Бѣлой панны“ відбилося характерним епізодом в житті „Кіевской Старины“, а листування відомого тоді письменника досить цікаве і варто того, щоби його не минати в спогадах про ті часи видавництва журналу [1]).

Г. О. Мачтет (1852—1902), родом з Волини, пізніш, вже в 90-х роках, живучи в Київі і Житомирі, приймав участь і в українських справах і почував себе щирим Українцем; був він протягом 1865—68 років учнем

[1]) Рукопис. Відділ В.Б.У., III, ч. 7720.

[1]) Дещо з листування зберегається в Рукопис. Відділі В.Б.У., дещо є власність Іг. П. Житецького.

П. Г. Житецького та В. Л. Беренштама в кам'янець-подільській гімназії. Після мандрування по Америці (1872—74 рр.) Мачтет приймав участь в соціяльно-народницькому рухові, потрапив на заслання до Сибіру, 1884 року повернувся уже визнаним письменником і поновив відносини з старими приятелями й своїми навчителями. У 1888 році він подорожував по Кавказу і заїхав на деякий час до Одеси. Ще по весні П. Житецький написав йому листа, закликаючи дати яке-небудь своє відповідне до напрямку часопису оповідання. Мачтет радо згодився і пообіцяв „Бѣлую панну"—на зразок споминів про дитячі роки. 15 жовтня він уже писав Житецькому, що переробив попередню редакцію свого оповідання і що тепер це буде „не та „Бѣлая панна", что непосредственно вылилась изъ подъ пера весною подъ вліяніемъ нахлынувшихъ на душу воспоминаній о пережитомъ и подогрѣтаго чувства къ родинѣ пребываніемъ на югѣ. Нѣтъ, далеко не то.... Та сильно выходила изъ рамокъ, начертанныхъ русскому беллетристу, и такимъ образомъ мнѣ волей-неволей пришлось, чтобы выполнить свое обѣщаніе, изъ писателя превратиться въ искусную модистку. Мою выросшую на волѣ Панну пришлось затягивать (въ корсетъ), укрощать и подрѣзывать по законам современной модной картинки.... Искренно говорю, мнѣ было невѣроятно больно превратиться в модистку, потому то я такъ и оттягивалъ это дѣло. Теперь я уже все распласталъ, изрѣзалъ, искромсалъ, испортилъ и на дняхъ вышлю Вам своего уродика. По моему—это уродик. Предоставляю всецѣло Вашей искусной и любящей рукѣ дополнить то, что можетъ быть, не выполнено мною". З приводу того-ж оповідання Мачтет писав, відповідаючи на листа П. Житецькому 4-го листопада, ніби то авторською сповіддю sui generis в таких виразах: „Ваше доброе письмо пришло въ добрый часъ,—у меня опять опускались руки. Вы и представить себѣ не можете, какимъ счастьемъ пахнуло отъ него на меня, какъ оживило, подняло. Вотъ, я даже дрожу отъ нервнаго возбужденія. Около полуторагода уже меня одолѣли... (сомнѣнія)... и я безгранично счастливъ".

За поетичними почуттями настав час життєвої прози: на черзі стало питання за гонорар авторові. Нова редакція по згоді з видавцем принципово вирішила, в протилежність теорії й практиці Лебединцева, виплачувати, по можливости, всім співробітникам часопису за надруковані праці гонорар, хоча-б і невеличкий: покладено було основну платню по 40 карб. за аркуш самостійних дослідів, та по 20—25 карб. за рецензії, переклади, документи, матеріяли з примітками тощо. Близькі прихильники й постійні співробітники, наприклад, О. М. Лазаревський, М. В. Шугуров від гонорару одмовлялись до кращих часів, а деяким видатним авторам вирішено було й підвищувати гонорар. Лашкевич, не маючи прибутку від передплати на „Кіевскую Старину", виплачував гонорар зі своєї кешені иноді і не завчасно, але сумлінно і без яких-небудь винятків; так провадилася більш як протягом цілого року його редагування, до самої весни 1889 року. Г. О. Мачтету, яко відомому і досить популярному письменникові, було пропоновано підвищити гонорар. З цього приводу Мачтет і послав редактору з Одеси листа 5-го листопаду 1888 року: „Послѣ того, какъ я отослалъ Вамъ свой разсказъ „Бѣлая панна" мнѣ приходится приступить къ самому непріятному и щекотливому вопросу—вопросу о гонорарѣ. Если Вы ничего не будете имѣть противъ, я поставлю цѣну въ 80 руб. за листъ, такъ какъ знаю, что молодой журнал всегда приноситъ издателю вначалѣ только дефицит. Я искренно желаю успѣха Вашему журналу, искренно готовъ ему содѣйствовать всѣмъ и также искренно прошу Васъ имѣть въ виду это мое заявленіе при обсужденіи поставленной мною цифры гонорара. Спорить я не буду и теперь-же набрасываю новый разсказъ для Вашего журнала

въ будущемъ году: „Какъ Грыць билъ жида“ (изъ исторіи погрома) и непремѣнно пришлю, если онъ у меня выйдетъ[1]). Попрошу Васъ только выслать мнѣ теперь-же за два печатныхъ листа или хоть рублей сто“[2]). За гонораръ же писав Мачтет П. Житецькому, а той уже від себе писав Лашкевичу: „Посылаю Вамъ это письмо Г. А. Мачтета, могу сказать только, что не завидую Вамъ. Придется Вамъ покупать поросенка в мѣшкѣ, достоинства котораго опять таки опредѣлять будете не Вы, а Ромеръ[3]), который можетъ забраковать поросенка въ то время, какъ Вы уже заплатите за него деньги. Какъ тутъ быть? Право, не знаю. Судя по всему, повѣсть интересна, да и имя Мачтета важно, но съ другой стороны—поросенокъ въ мѣшкѣ...

„Хуже всего то, что я не могу по случаю учебныхъ дней, по нездоровью, по слабости глазъ (почеркъ у Мачтета убійственный) прочитать рукопись Мачтета съ такимъ расчетомъ, чтобы она поспѣла къ Декабрю въ типографію. А, впрочем, если бы и могъ я все это сдѣлать, то могу ли предчувствовать, какіе мысли возникнутъ въ математической головѣ Ромера“[4]).

Справа з оповіданням Мачтета розвязалася поволі: рукопис перечитано і на редакційному зібранні ухвалено, цензор зробив невеликі зауваження, гонорар за 5 аркушів виплачено, „Бѣлую панну“ надруковано в 1 та 2 числах „Кіевской Старины“ за 1889 рік. Але клопотання з приводу твору Мачтета на цьому не скінчилися: автор побажав використати друкарський набор і видати оповідання окремою книжкою, і навесні того-ж таки року вже з Москви закидав своїми листами секретаря редакції, турбуючись за видання, вихідну сторінку, ціну, передачу до книгарень і розповсюдження книжки.

„Посылаю Вамъ, писав він Є. О. Кивлицькому, исправленный оттискъ „Бѣлой панны“ съ большой просьбой къ Вамъ и Игнату Павловичу (Житецькому) наблюсти, дабы исправленія дѣйствительно были сдѣланы. Посылаю также проэктъ обложки, который, конечно, можно измѣнить, какъ покажется лучше и удобнѣе. Торопите также изданіемъ, ибо и теперь уже, благодаря анонсамъ въ газетахъ о томъ, что печатается „Панна“ въ магазинахъ ее спрашиваютъ, какъ говорили мнѣ книгопродавцы“[5]).

Ото серед таких дрібних справ та усякого клопоту, а головне—в супроводі листування і переговорів з співробітниками, утихомирення та полагодження самолюбств і непорозуміннів гаявся увесь час редакційних робітників. Той співробітник ображався не тільки за себе, а й за своїх учнів чи приятелів, що їх праці надсилав до редакції, той пересилав нікчемні замітки чи невдалі досліди, той запитував, чи не пришле йому редакція заздалегідь гроші „на посилку його віршів та оповіданнів, бо він вивчився грамоти і за останні три роки грамотного життя написав творів аркушів сто, то мабуть знайдеться дечого багато для друкування в журналі“; той обурювався за те, що довго не друкують його дослідів, чи дуже скорочують статті, чи не діслала редакція гонорару, і т. д., і т. д.

Були поміж співробітниками журналу і такі, що більш давали самі від себе, ніж обтяжували редакцію своїми турботами, претензіями та

---

[1]) Такого оповідання Мачтета ми не знаємо; мабудь його й не було написано. Замість цього, гадаємо, Мачтет написав і видав окремою книжкою (з присвятою своїм учителям—Житецькому та Беренштаму) оповідання „Жид“.

[2]) Рукопис. Відділ В.Б.У., III, ч. 9488.

[3]) Професор математики київськ. університету, київський окремий цензор на той час.

[4]) Рукопис. Відділ В.Б.У., III, ч. 9490.

[5]) Ibid., III, ч. 7778.

примхами. Серед таких співробітників „Кіевской Старины“ характерною і виразною особою згадується письменник Василь Петрович Горленко (1853—1907). Землевласник Прилуцького повіту, він доживав незаможним „дворянином“ невеликі рештки колись чималих достатків його батьків. Бувало, гірко посміювався Василь Петрович, докоряючи неправедній долі: „ото, казав, Галаганівські великі маєтки дісталися прадідам ще за Петра І не від кого більше, як від нас, Горленків, бо полковник прилуцький Дмитро Горленко став на бік Мазепи, а Гнат Галаган на бік царя, але хто тепер знає й поважає так, як Галаганових нащадків, бідних, вірних рідному краю Горленків“. Так чи не так, а потомкові українського патріота доводилось заробляти собі на прожиття грошенята: до служби він органічно був нездатний, проте талант і гарна школа (Василь Петрович замолоду років зо три перебував за кордоном і добре знав французьку мову і літературу) нахиляли його інтереси до письменства. Стиліст російською мовою він був першорядний і працював по ріжних російських часописах. Симпатії його цілком схилялися до української науки та літератури, за те ніякої „політики“ він не розумів і навіть ставився до неї ворожо; крім перекладів і тем французької літератури, Горленко завсіди цікавився і писав на українські сюжети. З нього був великий знавець побутової старовини (мистецтва, письменства) і свідомий талановитий етнограф. Багато часу і праці віддавав Василь Петрович „Кіевской Старинѣ“ ще з часів Лебединцева, а особливо з кінця 80-х років. Треба нагадати, що не вважаючи на свої скрутні матеріяльні обставини, Горленко чи обмаль чи зовсім нічого не одержував за своє старанне співробітництво і писав для українського журналу здебільшого „за спасибі“, хоча його даремні праці були досить великої наукової і літературної вартости і написані так, що приваблювали широкі кола читачів. Більшість своїх невеликих, стислих, змістовних заміток, відозв, рецензій, довідок друкував Горленко, за надзвичайною скромністю, під ініціялами (В. Г., Г. В., W тощо) і зараз їх иноді нелегко й розшукати на сторінках журналу. Коли у нього грошей було обмаль а це бувало частенько—Василь Петрович кидав життя по великих містах і на довгі місяці від'їздив до своєї садиби на село Ярошівку. Через те залишилося досить багато його цікавих листів з Прилуччини до Київа в редакції „Кіевской Старины“ чисто літературно-наукового змісту. До його слів, указівок і порад, завсіди коштовних, прислухалась редакція пильно, і ми зараз подамо деякі невеликі виписи з невідомого досі листування Горленка з кінця 80-х років, характерного для інтересів редакції за той час і цінного навіть досі.

8-го листопаду 1888 року Горленко писав з Ярошівки до Лашкевича за останню (11-ту) книжку „Кіевской Старины“ з такими увагами: „Особенно насладился (я) превосходной статьей Ф. Рыльскаго („Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія“), отвѣчающей на вопросы, въ которыхъ давно пора разобраться. Авторъ превосходно опредѣляетъ типъ народнаго міровоззрѣнія, а его полное знаніе жизни народа почувствуетъ всякій, кто знаетъ эту жизнь не по наслышкѣ. Того же характера и хорошая вещица С. Русовой (Село Ивановка—опытъ этнографической характеристики малорусскаго населенія въ Новороссіи). Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдніе годы мы какъ то ударились въ отвлеченія и мелочи и перестали наблюдать окружающую жизнь. Русова справедливо взываетъ къ этому изученію й ей можно посовѣтовать только и самой заняться этимъ дѣломъ. Очеркъ Сумцова („Станиславъ Орѣховскій“) нѣсколько неожиданъ, какъ и всѣ его очерки (почему сегодня на сценѣ Орѣховскій, завтра—календари, а потомъ апокрифы—явленія всѣ разнаго порядка, выскакивающія изъ его портфеля, какъ изъ ящика Пандоры), но инте-

ресенъ по личности героя; надъ ней стоило бы поработать дальше, а не пролетѣть, какъ пролетѣлъ Сумцовъ. Но все таки занимательно и хорошо. Нѣкоторые изъ разсказовъ о гайдамакахъ („Матеріялы...“ И. Фундуклея съ предисловіемъ В. Антоновича) извѣстны по „Запискам о Южной Руси“ (напр. „Второй...“ онъ находится въ „Запискахъ“ буквально, только по малорусски). Но многаго изъ нихъ въ „Запискахъ“ нѣтъ: очевидно, они изъ одного и того же источника и записаны Кулишемъ по малорусски, переданы тогдашнему другу его Максимовичу, а Максимовичемъ—Фундуклею. Выдержки из статьи Максимовича въ замѣткѣ Науменка (въ статьѣ „Къ 50 лѣтію со дня смерти И. П. Котляревского“) заставляютъ желать, чтобы онъ ознакомилъ скорѣе и съ другими рукописями великаго ученаго, у него остающимися. Статейка Ореста Ивановича (Левицького—„Панъ повѣтовый маршалъ“) очень мила. Въ общемъ, тонъ журнала все подымается и требованья отъ работъ, для него предназначающихся, для насъ грѣшныхъ становятся все строже. Это то и хорошо! Появляющіяся хорошія вещи сами по себѣ убьютъ и заставятъ спрятаться слабыя и плохія.—Не будете ли Вы печатать въ декабрьскомъ номерѣ некрологовъ соотчичей, которыхъ такъ много похитилъ у насъ прошлый годъ? Если будете, то посылаю Вамъ два таковыхъ—Лукашевича (Пл. Як., етнографа) и Гаврилова (О. І., також етнографа, помер молодим у 1888 р.). Послѣднее имя неизвѣстно, но пробѣжавъ некрологъ (О. І.), можетъ быть дадите ему мѣсто. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, еще умерли: Лебединцевъ (Ф. Г.), Митрофанъ Андріевскій, Тумасовъ (Н. С.), Миклуха-Маклай, Еф. Крижановскій, Головацкій (Я. П.) и Галаганъ (Г. П.). Такъ какъ о нихъ не было замѣтокъ, то можетъ быть всѣхъ соединить в декабрьской книгѣ. О Лебединцевѣ у Васъ есть статья Сумцова. О Крыжановскомъ можетъ написать от. Петръ Лебединцевъ, о Тумасовѣ многіе изъ Кіевлянъ, о Митр. Андріевскомъ—его братъ Алексѣй Александровичъ, о Миклухѣ можно составить по газетамъ, о Галаганѣ, вѣрно, ужъ пишется. Подъ замѣткой о Гавриловѣ стоятъ иниціалы П. М., означающіе Мартиновича, который сообщилъ мнѣ данныя о немъ“ [1]).

І в кожному листі Горленко турбується за „Кіевскую Старину“ редакцію і успіх видання. Так, у листі 24-го жовтня 1888 р. [2]) він дає докладні поради, що повинно зробити для розповсюдження оповісток і реклами, та що зробив він сам і його приятелі в цьому напрямкові, і які праці, замітки, рецензії готує для „Кіевской Старины“, що треба перекласти з французької та німецької мови то-що [3]). Цікаві зауваження Василя Петровича щодо красного письменства в „Кіевской Старинѣ“. „Возвращаю Вамъ Мирона (Ів. Франко) оригиналъ и копію (оповідання „Чума“ надр. у „Кіевской Старинѣ“ 1889, ч. 5) и рецензію“, писав В. П-ч Лашкевичу. „Мирона я внимательно перечелъ... Это превосходная вещица, художественная и умная. За одного Мирона, какъ беллетриста, я отдалъ бы сто Мачтетовъ. Вѣдь вотъ и здѣсь все освѣщено идейностью, но какъ видѣлъ художникъ! Какая прелесть этотъ панъ Чимчиковскій, какъ тонко очертаны іезуиты и Гаудентій, у которыхъ, между прочимъ, многимъ и многимъ общественнымъ партіямъ слѣдуетъ поучиться настойчивости въ трудѣ и въ преслѣдованіи цѣлей, какою свѣжестью и чувствомъ мѣры отличаются коротенькія описательныя мѣста. Все это превосходно даетъ истинное и яркое понятіе о единоплеменномъ, близкомъ краѣ и всего этого нельзя сыскать и слѣда во всей русской журналистикѣ. Эту вещь невозможно дробить на двѣ

[1]) Рукопис. Відділ. В.Б.У., III, ч. 9504. [2]) Ibid., III, ч. 9503.
[3]) Ibid., III, 9505.

книжки, иначе ослабнетъ впечатлѣніе, а отъ Мирона надо требовать большого романа, гдѣ бы выступило все современное галицкое общество" [1]). З приводу оповідання Д. Марковича „На волчьемъ хуторѣ" В. Горленко дав такий відзив редакції „Кіевской Старины": „Разсказъ Марковича.... написанъ совершенно въ томъ же духѣ и стилѣ, какъ разсказы его, имѣвшіе успѣхъ в „Степу" [2]). Это тоже подражаніе Брет-Гарту съ симпатичнымъ, но выдуманнымъ гуманизмомъ. Лично я считаю этотъ родъ фальшивымъ, но публикѣ это нравится; написано мило и, слѣдовательно, вполнѣ идетъ въ печать. Я не нахожу надобности нисколько править слогъ. Если писатель говоритъ ясно и правильно,—то пусть говоритъ, какъ самъ умѣетъ" [3]). З приводу оповіданнів Ганни Барвінок (О. М. Куліш) для „Кіевской Старины" В. П-ч писав Лашкевичу: „Эта писательница страшно выросла со времени „Основы", когда она только что начинала. Теперь это мастер вполнѣ зрѣлый и перваго сорта, а такого чуднаго языка и такого живого знанія народа—гдѣ ихъ найти теперь. Будетъ ли напечатанъ „Половинщикъ" и когда"? [4])

По середині літа 1888 р. О. С. Лашкевичу випали невдачі: чимало покладав видавець надії на ювілей 900-річчя християнства (15 липня) та на відкриття пам'ятника Богд. Хмельницькому (11 липня) і редакція, дуже клопоталася за ювілейною (сьомою) книжкою журнала. Гадалося, що й передплата на „Кіевскую Старину" побільшає, бо вона була така нікчемна, що Лашкевич зазнавав великих збитків і дефіцит чимало зростав. А трапилося зовсім инакше: співробітники обіцяли дати багато для ювілейної книжки, а дали досить мало, надії зникли, і Олександер Степанович зажуривсь та збентежений громадською байдужістю до журналу провадив розмови за те, щоб кинути з прийдешнього року видання „Кіевской Старины". Відгукнувся на такі пригоди і В. П. Горленко та писав Лашкевичу 28 червня, прохаючи вибачити, що для сьомої книжки не виконав своїх обіцянок, і нічого не надіслав: „Когда шла рѣчь объ ювилейной книжкѣ,—писав він,—мнѣ въ головѣ мерещился образъ стараго Кіева, и казалось тогда возможнымъ скоро передать свой сонъ бумагѣ. На дѣлѣ оказалось это ужасной задачей: шутка ли—„беллетристика изъ временъ св. Владимира". Для сколько-нибудь приличнаго очерка потребовалось бы спеціальное чтеніе,—а гдѣ взять на него время, когда въ распоряженіи было всего недѣли двѣ" [5]). 3-го липня В. П-ч знову писав до редактора: „Письмо Ваше... читалъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ. Мнѣ было больно сознавать, что я нахожусь въ числѣ компаніи, сослужившей такую плохую службу ювилейному номеру. Но изъ всѣхъ—моя задача была наименѣе выполнимая. Этимъ только я и оправдываю себя, сознавая тѣ трудности, которыя, надо было побороть для ея выполненія... Въ общемъ, составъ номера далеко не плохъ... но то, что Вы сообщаете въ концѣ письма, совсѣмъ, совсѣмъ грустно. Я понимаю, что нѣкоторые факты могутъ Васъ привести къ такому рѣшенію (припинити видання журналу. *І. Ж.*), но тѣмъ не менѣе оно ужасно грустно... Образъ дѣйствій нѣкоторыхъ лицъ, съ которыми Вамъ пришлось столкнуться на первыхъ порахъ (мова іде про проф. Мищенка і Лучицького та нелади їх із редакцією та деякими співробітниками. *І. Ж.*) безобразенъ и возмутителенъ. Недостатокъ энергіи у другихъ (въ томъ числѣ

[1]) Рукопис. Відділ. В.Б.У., III, ч. 9505.

[2]) В українському збірнику 1886-го р. „Степъ", що видав О. О. Русов у Херсоні, надруковано оповідання Д. Марковича: „Изъ уголовщины—Иванъ изъ Буджака, Два платочки, Шматокъ, Омелько-каторжный".

[3]) Рукоп. Від. В.Б.У., III, ч. 9506. [4]) Ibid., III, 9503. Оповідання „Половинщикъ" надруковано в 12 кн. „Кіевс. Ст." за 1888 р.

[5]) Рукоп. Від. В.Б.У., III 9716.

и меня) дѣйствительно существуетъ. Но первые элементи могутъ быть устранимы, а другіе могутъ быть хоть нѣсколько исправлены... Еще обращаюсь къ одному личному вопросу. Меня тяготятъ безмѣрно и укоряютъ совѣсть, какъ подлость, деньги, которыя взялъ у Васъ за статью. Посылаю ихъ обратно съ убѣдительной просьбой не возвращать мнѣ, а употребить на нужды журнала. Въ самомъ дѣлѣ—гдѣ же тогда любовь къ дѣлу, что это за преданность идеѣ, если все это оплачивается деньгами? И съ какой стати Вы будете нести жертвы, а мы какъ бы пользоваться этимъ. Если подписка не покрываетъ расходовъ—виновата публика, существо чуждое и неуловимое. Но если убытки несутся по винѣ людей той же идеи и тѣхъ же убѣжденій, то на что же это похоже! Когда Вы мнѣ отдали плату—неизвѣстно еще было настоящее положеніе подписки и первый разъ въ жизни въ такихъ обстоятельствахъ я согласился взять, думая, что не причиню никому ущерба. Теперь же громадность расходовъ очевидна, и я не могу и не хочу быть хоть сколько нибудь въ числѣ причинъ этихъ убытковъ. Я очень невысокаго мнѣнія о себѣ вообще, но—говорю по чистой совѣсти—былъ всегда и безусловно чуждъ корысти. Пусть хоть эта сторона души моей останется незапятнанной. Вотъ тѣ доводы, которые должны заставить Васъ, многоуважаемый Александръ Степановичъ, согласиться на мою просьбу. Прошу Васъ также, чтобъ это осталось между нами, такъ какъ соображенія мои могутъ, можетъ быть, шокировать кого-нибудь изъ моихъ товарищей“ [1]) (по роботі в журналі. *І. Ж.*).

Ще більше, ніж із деякими співробітниками, було редакції клопотання із цензурою. В перший рік Лашкевичового видання „Кіевской Старины“ за цензора був професор „чистої“ математики Пав. Ем. Ромер (брат відомого російського белетриста Хведора Емільовича), фаховець в своїх наукових дисциплінах, але людина вузького світогляду, уперта і, яко цензор, з усякими бюрократичними витребеньками. Погіршало цензурування журналу, коли, замість Ромера, на цензора призначено Бориса Мих. Юзефовича, молодшого сина недобром звісного Михайла Володимировича. Борис М-ч був чоловік зовсім нечесний, темний в справах свого приватнього життя, і у місті не вважали його за особу серйозну; за те він вислуговувався сервілізмом і надмірним консерватизмом. За Юзефовичового цензорування разураз доводилось обороняти від червоного цензурського атраменту рядки за рядками зміст журнального матеріялу, бо він усюди бачив двозначності, підневідки, зраду і сепаратизм, перешкоджав зачіпками і утисками та затримував своєчасний вихід чергових нумерів журналу, так що приходилось иноді або звертатися до авторитету його старшого брата Володимира, що приязно ставився до Лашкевича і „Кіевской Старины“, або шукати оборони у вищої над цензора влади.

Так минув рік, а потім і весна 1889 року. Витрати на видання збільшувались, але піднеслась і передплата, майже подвоїлася, хоч і не зросла до 1000 передплатників. Це давало яку-таку надію зменшити дефіцит видання за умовою ощадности і комерційного провадження справи видання та без широкого розмаху витрат на журнал. Тільки такого хисту у О. С. Лашкевича зовсім не було. Без догляду хозяйського та й при поміщицьких звичках, які перенесено і на життя в дорогому місті Київі, господарство і фінансові справи самого редактора погіршали. До того він із весни почав хворіти. Лікарі посилали його до Карлсбаду, але він уперто відмовлявся і згодився поїхати на спочинок лише до себе на село.

У травні 1889 р. Ол. Степанович вибрався з родиною до села Ки-

[1]) Рукоп. Відділ В. Б. У., III. ч. 9717.

ваїв. Проте-ж і тут він не міг збутися клопоту щодо „третьої своєї дитини“ (після дійсних живих сина і доньки), цеб то до „Кіевской Старины“. Перегляд журнального матеріялу, наради, піклування, розпорядження, листування з секретарем редакції Євг. Ол. Кивлицьким, що залишився його заступником у Київі, забирали багато часу і перешкоджали спокійному, регулярному відпочинку. Так, в одному з перших листів з 5 червня Лашкевич писав до редакції: „Вчера вечеромъ, многоуважаемый Евгеній Александровичъ, почта привезла мнѣ Ваши два письма и отъ Ореста Ивановича [1]) одно, спѣшу отвѣтить и Вамъ и ему. Въ іюльской книжкѣ мы должны помѣстить краткое извѣстіе о смерти предсѣдателя археогр. комиссіи д. т. с. М. В. Юзефовича и упомянуть о значеніи трудовъ этой комиссіи въ жизни Южнаго края, пообѣщавъ ознакомить читателей нашихъ съ направленіемъ и дѣятельностью комиссіи за время его предсѣдательства,—въ этомъ заключалась положительная сторона дѣятельности покойнаго, объ которой мы и должны и имѣемъ право говорить; о другихъ сторонахъ (публицистическихъ) мы не должны поминать, ихъ мы не вполнѣ знаемъ, онѣ для насъ близки, но это политика, намъ запрещенная... По моему мнѣнію, статья, посвященная памяти покойнаго М. В. Юзефовича, какъ предсѣдателя комиссіи, разрабатывающей вопросы мѣстной исторіи при участіи В. Б. Антоновича, М. Ф. Буданова, Н. Д. Иванишева, О. И. Левицкаго и мн. др.— обязательна для насъ, тѣмъ болѣе, если она будетъ написана въ спокойномъ доказательномъ тонѣ и не будетъ вносить съ собою политики. Такую статью Орестъ Ивановичъ напишетъ вполнѣ удовлетворительно... Леченіе мое началось и идетъ до сихъ поръ хорошо“... и. т. д. [2]).

У другому листі з 20 червня вже з с. Брахлова Лашкевич писав до секретаря редакції: „Два вашихъ послѣднихъ письма мнѣ привезли сюда два дня тому назадъ... Прочитавъ ихъ, я былъ очень обрадованъ, что книга выйдетъ въ срокъ и вполнѣ согласенъ съ Вами, что іюльскую книгу можно выпустить безъ приложеній и что августовскую можно сократить согласно Вашимъ предложеніямъ (только приложенія необходимы). Если въ капиталахъ есть необходимость, увѣдомьте - я вышлю; статей сюда не присылайте; все, что нужно, сдѣлаю по пріѣздѣ. Здоровье мое, повидимому, поправляется“ [3])...

Але в липні скоїлася з Лашкевичем пригода: деякі родинні неприємності викликали нервовий напад, він затримався на селі і з Брахлова-ж таки 4 серпня писав ще нетвердою рукою Кивлицькому: „Сейчасъ по прочтеніи Вашего письма высылаю къ Вамъ съ этимъ 200 руб., изъ нихъ уплатите Корчаку [4]) 100 руб. Кульженку [5])—50, а остальные оставьте на мелкіе расходы по редакціи. Я совершенно согласенъ съ Вами, что безъ просмотра Кибальчича [6]) помѣстить нельзя; слѣдуетъ взять у П. В. Голубовскаго [7]) „Кречмера“ и начать его печатать съ 9-го номера; съ Теличенкомъ [8]) можно обождать для № 10, если у Мельник [9]) ничего нѣтъ, то пустите ном. 9 безъ перевода, у В. Б. Антоновича есть

[1]) Левицького; він був довгий час за діловода „Комиссіи Древнихъ актовъ“ у Київ
[2]) Рукопис. Відділ В.Б.У., III, ч. 7730. [3]) Ibid, III, ч. 7732.
[4]) Корчак-Новицький—відомий у Київі видавець, власник друкарні, де друкувалася „Кіевс. Стар“.
[5]) Кульженко—власник фотографії і видавець фототипій.
[6]) Надія Кибальчич-Симонова, Номисова донька, українська письменниця, що надсилала до ред. „Кіевс. Стар.“ свої твори, не завсіди вдатні і сперечалася часто за них з редакцією.
[7]) Історик, професор київського університету. [8]) Співробітник „Кіевс. Стар“, що друкував там „Накази 1767 р.“.
[9]) К. М. Мельник-Антонович, друкувала в „Кіевс. Ст.“ переклади з красного письменства.

„Николайчикъ“ [1]) съ Марта еще—его можна тоже печатать... Теперь я чувствую себя гораздо лучше и къ 15 Августа буду въ Кіевѣ“ [2])...

Въ середині серпня О. С. Лашкевич дійсно переїхав до Київа і почав працювати та хвилюватися за своє підприємство, що не дуже то тішило редактора. Цензура не припиняла своїх утисків, і всі прохання про деякі полегкості відхиляла. Наприклад, так було з приводу клопотання про дозвіл друкувати на сторінках журналу українську белетристику, про що вживали заходів дехто з поважних осіб. Підозри і доноси на „українофіло-сепаратистичний“ ухил, на тенденції видання журналу і на старогромадянський склад редакції не припинялися, дарма, що самого редактора знали за людину благодійну і коректну, і багато співробітників, що він приєднав до участи в „Кіевс. Старинѣ“, нічого спільного не мали з „українофільством“, а декотрі навіть ставилися до нього вороже (проф. Владимирський-Буданов, Іконніков, Линниченко, Успенський, Малишевський та инші). Реклама, об'яви оголошення за передплату на журнал та виклопотаний у Петербурзі дозвіл передплачувати журнал по шкільних установах—усе це, проте-ж, небагацько збільшило кількість передплатників; і за всі витрати відповідала переважно кешеня Лашкевича. Наблизивсь і кінець передплати на біжучий рік—і ставало ясним, що без досить великого дефіциту видавництву не звести кінців з кінцями.

До того ж надії і заяви Ол. Степановича про поліпшення стану свого здоров'я були занадто оптимістичні; одпочинок без регулярного лікування мало що по суті дав йому і вже з початку вересня Лашкевич став почувати себе гірше, але не змінив режиму свого життя, праці і розваг, хіба тільки те, що за порадами лікарів більше ходив на свіжому повітрі та вимірював годинником-ходометром свої 6 тисяч кроків, яко щоденний пайок лікування поряд з уживанням карлсбадської води.

Всі ці паліятиви не допомогли Ол. Степановичу. Через місяць після переїзду до Київа стався йому перший апоплексичний удар; лікарі попереджали, що стан здоров'я вже зовсім небезпечний; хороба ускладнилася ще й карбункулом від „мушки“, яку поставлено на шию Лашкевичу, а він її необережно здер. Похмуро стало в редакції; Кивлицький над силу працював, щоб видрукувати чергову книжку, а численні одвідувачі гаяли багато часу балачками і зайвими турботами. Вночі проти 31 жовтня трапився удар удруге, і о 11-тій годині Ол. Степановича не стало. Похорон одбувся 2 листопада. Влада заборонила і стежила за тим, щоб ні в Георгіївській церкві, ані на кладовищі не було промов українською мовою. Великий натовп народу, не вважаючи на осінню холодну і мокру погоду, проводив сумну процесію на Аскольдове кладовище; там П. Г. Житецький сказав останнє приятельське слово, в якому згадуючи старі роки та старих друзів, сполучав далекі юнацькі мрії з останніми роками практичного виконання, працею коло редагування „Кіевской Старины“, заповітів молодих часів самого Лашкевича і однодумців—його приятелів.

Зараз після смерти Лашкевича випадало уладнати справу з дальшим провадженням видання журналу. Постановлено хоч тимчасово доручити редагування „Кіевской Старины“ Є. О. Кивлицькому за допомогою найближчих співробітників. Зі спадкоємцями О. С. Лашкевича, насамперед із його вдовою Олександрою Петрівною, видавнича справа вирішилася хутко і за добровільною згодою, так що не треба було великих витрат, щоб журнал передати новому, звісно, номінальному видавцеві. Таким намічено було старогромадянина Ксенофонта Михайловича Гамалія,

[1]) Хв. Д. Николайчика, співроб. „Кіевс. Ст.“, стаття за козацьке повстання 1625 р. була на рецензії у В. Антоновича.

[2]) Рукоп. Відділ ВБУ, III, ч. 7733.

лікаря, голову міської санітарної комісії і поміщика середнього достатку. Вже 10 листопада П. Г. Житецький писав Кивлицькому: „Александра Петровна согласна на все. Мы условились съ А. М. Лазаревскимъ, чтобы въ воскресенье утромъ сойтись въ редакціи для прочтенія А. П-нѣ прошенія въ Главное управленіе по дѣламъ печати и письма къ Юзефовичу [1]). Поэтому поймайте Владимира Павловича (Науменка) и окончательно редактируйте, а часовъ въ 9 утра заходите ко мнѣ, и оттуда пойдемъ въ редакцію“ [2]).

Лише в половині грудня 1889 року записано і затверджено умови запродажу „Кіевской Старины“ в нотаріяльній конторі Скорделі поміж К. М. Гамалієм і вдовою Лашкевича та опікуном обох дітей І. І. Красовським. „Кіевс. Старину“ набула Стара Громада за 3.300 карбованців—як право видавати журнал, так і окремі книжки видання 1883—1889 років в кількості 800 примірників. Складніша справа з головною управою друку про „за—редактора“ затяглася аж до початку 1890-го року. До журналу ставилися дуже підозріло міністерства і внутр. справ і народньої освіти, та й київська влада, а також і добровільні російські патріоти. За генерала-губернатора Південно-Західнього краю на той час був граф Олексій Павлович Ігнатьев, тоді ще не голова консервативно-дворянської партії, але великий „політикан“ і брехливий балакун; командував військом київської округи Михайло Іванович Драгомиров: сам родом з Чернигівщини, був прихильний до українства і навіть приятель земляка свого Лазаревського та Житецького й Антоновича. За допомогою його і ще декотрих впливових людей міська влада погодилася на заміну видавця і редактора. Київський цензор Б. М. Юзефович вагався. Ще з січня 1890 р. П. Житецький писав до Кивлицького: „Говорили вчера мы много, а главное—я упустилъ из виду. Въ разговорѣ съ Юз(ефовичем) ударяйте на научную основу журнала, а въ воззрѣніяхъ на историческую науку держитесь идеи историческаго объективизма: это его конекъ. Само собою, что даже слово „украинофильство“ должно быть вычеркнуто изъ разговора“ [3]). Так чи сяк, а деякий вплив старшого брата Володимира допоміг у цій справі: Борис Юзефович дав свою згоду на призначення „за редактора“ Є. О. Кивлицького. Видавництво „Кіевской Старины“ тимчасово залишилося за Лашкевичами, і нумери—12-тий 1889 р. та 1, 2 і 3-ій року 1890 р. помічалися як „Изданіе наслѣдниковъ А. С. Лашкевича“; лише в квітні затверджено К. М. Гамалія видавцем журналу, і чергова книжка вийшла за його підписом.

Редагував Є. Кивлицький „Кіевскую Старину“ фактично з осени 1889 р., а офіційно його підпис стояв на книжках із 12-тої 1889 р. аж до нумера 7-го 1893 р. Трохи не весь цей час редакція містилася на Малій Володимирській вул., спершу в будинкові ч. 32, у двох кімнатках, що займав „за редактор“. Поруч із цим будинком стояв будинок О. М. Лазаревського ч. 34, що в ньому він і жив, і кождого дня, хоч на хвилинку, забігав до редакції. Вже помічено, що за часів Лебединцева видавання та редагування часопису провадилося індивідуально, і підприємство мало всі ознаки приватньої справи. Лебединцев збирав до себе—правда рідко—близьких співробітників, радився з ними, а здебільшого сам після обіда одвідував того чи иншого співробітника і любив побалакати сам-на-сам про будь-які певні питання, а проте в відповідних випадках любив удавати, буцім видання „Кіевской Старины“—справа громадська, колективна і все-ж таки обмежував утручання співробітників до видавництва і до редагування. За Лашкевича громадські українські кола стали ближче до

[1]) Володимиру Михайловичу, що про нього ми згадували вище.
[2]) Рукопис. Відділ ВБУ, III, ч. 7749.
[3]) Рукопис. Відділ. ВБУ, III, ч. 7750.

„Кіевской Старины“ і мали більший вплив, але за ці два роки все таки „Кіевская Старина“ не стала цілком колективним, громадським підприємством, бо відносини до видавця і редактора були відносинами поодиноких приятелів до старого однодумця і ніколи не мали певного обов'язкового, мовляв, ідейно-партійного характеру. Є. О. Кивлицький залежав цілком від співробітників, як членів Старої Громади, так і окремих українських наукових діячів і письменників; а з кінця 1891 року, коли „за редактор“ увійшов до складу Старої Громади і одмовився від редакторського утримання, журнал став, через колективну безплатну працю редакційного комітету, зовсім громадським підприємством, а за редагування В. П. Науменка, що його обрала і поставила на працю Громада, в останні 14 років існування „Кіевской Старины“ перетворився виключно в літературно-науковий орган Київської Громади.

Редакційний комітет журналу за часів Кивлицького (1890—1893) збирався не регулярно, але досить часто, найчастіш на помешканню у Лазаревського. Це були здебільшого ділові наради; найбільший вплив мали в комітеті Лазаревський, П. Житецький, Ор. Левицький; одвідувачами нарад були В. П. Науменко, М. В. Шугуров, Н. В. Молчановський, М. П. Василенко, Я. М. Шульгин, В. І. Щербина, Є. К. Трегубов, історик-публіцист В. О. Мякотин, що жив тоді в Київі, та инші. На цих зібраннях „Кіевской Старины“ точилися розмови не самого тільки редакційного характеру, але балачка провадилася про усякі наукові питання, виникали й літературно-наукові суперечки, робилися наукові довідки, ділилися сумнівами в дослідженнях переважно історії України, частогусто намічалися потрібні для всяких галузів українознавства, а насамперед для журнала, наукові праці, і иноді доручалися молодшим за проводом старіших дослідників; П. Житецький любив переказувати цілі проповідки на усякі сюжети, висловлювати довгі „реде“, як шуткували слухачі з його громадських чи науково-літературних промов. Иноді почережно збиралася „редакційна братія“ у відомого землевласника, колекціонера-українолюба Вас. Вас. Тарновського. В його великому панському приміщенню [1]) збори співробітників „Кіевской Старины“ поширювалися щодо кількости одвідувачів і набували трохи иншого характеру, нагадуючи учти О. С. Лашкевича. На таких зборах бували брати Стороженки—Микола та Андрій Володимировичі, М. В. Лисенко, В. П. Горленко, коли перебував у Київі, І. С. Нечуй-Левицький, К. П. Михальчук, тощо. Наради ділові чергувалися з балачками і приватніми розмовами,—це перетворювало, бувало, редакційні зібрання на звичайні журфікси гостинного господаря. Дехто, глузуючи, навіть прозивали редакційні збори у Вас. Вас. Тарновського „пастилою“, бо вони одбувалися за столом, де наставлено було до чаю багато наїдок, особливо ріжноманітних ласощів та пастили власного хазяйського виробництва.

Виконавчий редакційний орган був невеликий і складався з 2—3 чоловіка; пригадую, крім Є. Кивлицького, що сам був і за редактора, і за секретаря, його помічника протягом недовгого часу В. Е. Кристаловського, що як раз тоді скінчив юридичний факультет, та службовця поштової контори, „експедитора“ редакції Л. Л. Якубовського. Самому Кивлицькому за 50 щомісячних карбованців доводилося багато працювати, особливо ще й тому, що доводилося для заробітку служити й в університетській бібліотеці. Допомагали йому й випадкові „суголосники“, а особливо—Лазаревський у справах літературно-наукових, та Є. К. Трегубов—у практично-комерційних. А турбот бувало чимало і з редагуванням, і з співробітниками, і з грошовими нестатками.

---

[1]) На розі Вел. Володимирської, проти Золотих воріт, буд. ч. 42.

За часів О. С. Лашкевича ми не маємо докладних відомостів і рахунків видавництва, окрім деяких неповних і випадкових записів. Навпаки з 1890 року дійшли до нас щорічні найдокладніші підрахунки прибутків і витрат редакції з виправдуючими документами, бо видавнича справа журналу провадилася під суворою громадською контролею [1]). Відомості про це досить цікаві і для історії журналу, і для розцінки видавничого підприємства 35—40 років тому. Рахунок першого року громадянського видання „Кіевской Старины" ми зараз подаємо цілком, а дальші рахунки в загальних підсумках. У 1890 році журнал мав такі прибутки: 430 передплатників за ріжними цінами [2])—4198 карб. 3 коп., за продані окремі книжки та примірники „Кіевской Старины"—34 карб. 10 коп., випадкові надходження—3 карб. 85 коп., цеб то всього—4235 карб. 98 коп. та ще й пожертви дано 2.100 карб., так що врешті прибуток склався в 6335 карб. 98 коп. Друкарня—2186 карб. 18 коп. папір—1538 карб. 50 коп., гонорару виплачено співробітникам—2456 карб. 68 коп., редактору і редакційним службовцям—1095 карб. 50 коп., поштові витрати 635 карб. 73 коп., кватира редакції—267 карб. 50 коп., оголошення в газетах—67 карб. 28 коп., випадкові і дрібні витрати—76 карб. 73 коп., а врешті витрачено за рік 8326 карб. 10 коп. Підсумок дефіциту, не вважаючи на допомогу в 2100 карб., виявився в 1900 карб. 12 коп. Порівнюючи з неповними відомостями про попередні два роки, треба зауважити, що витрати на гонорар та оголошення і усяку рекламу дуже поменшали з 1890 року, инші витрати провадилися обережно і з великою ощадністю, і через те ми не зробимо помилки, коли будемо лічити, замісць перевитрати над прибутками видання „Кіевской Старины" за 1890 рік поверх 4000 карб. (1900 + 2100), що кожен рік видання журналу від Лашкевича давав подвійний дефіцит, що його покривав видавець своїми грошима, то зовсім близька до правди буде чутка після смерти Лашкевича, що йому „Кіевская Старина" за 1888—89 роки коштувала більше як 15 тисяч.

За роки 1891—93 грошовий стан журналу трохи полекшав: у 1891 р. (502 передплатники) прибуток дорівнював—5082 крб., витрати на гонорар зменшилися мало не втроє, і такий стан залишався й надалі, службовці редакції одержували лише 719 карб. 10 коп.; через це, маючи невелику пожертву тільки в 235 карб., усі витрати дали підсумок—6650 карб. 25 коп., цеб то врешті дефіцит становив 1568 карб. 5 коп. З 1892 р. „за редактор" уже зовсім не брав платні, і хоча передплатників не більшало (1892 рік—467, 1893—450), а пожертви ще поменшали (за 92-й рік 145 карб., 93-й —150) дефіцит був менший: за 1892-й рік—1223 карб. 77 коп., за 1893-й—1198 карб. 12 коп. Додамо, що дефіцити на видання „Кіевской Старины" тяглися і далі аж до 1903 року, найменш у сумі 652 карб. (1900-й рік), а найбільш за 1897 рік—2130 карб. І тільки за 1903 рік надійшло вже прибутку 1645 карб. (625 передплатників), а за 1904 рік—2052 карб. (668 передплатників) і в рахунках помічено навіть, що знов редактору видано утримання 750 карбованців [3]). Таким чином ми маємо врешті дефіциту „Кіевскую Старину" за перші чотири роки громадського видання—5980 карб., а за роки 1894—1902 ще підсумок дефіциту становив за 15 тисяч карб. [4]).

Відкіля-ж бралися пожертви і кошти на видання, і кому припадало покривати досить великі щорічні дефіцити за видання журналу?

---

[1]) Рукопис. Відділ ВБУ, II, ч.ч. 4030—4033.

[2]) Передплата на рік була—8 карб. 50 коп., з пересилкою—10 крб., але чимало передплатників мали знижку з цих цін.

[3]) Рукопис. Відділ ВБУ, II, ч.ч. 4134—4144.

[4]) А точно—15.153 карб. 75 коп.

За редагування Кивлицького він подавав укупі з В. Науменком усі відомості за видання журналу і насамперед — грошові звідомлення на громадських засіданнях. Засідання Старої київської Громади і в 90-ті роки одбувалися чергово по приватніх помешканнях громадян одно чи два на місяць увечері суботами. Було що-року й два особливих засіданнів: одно—урочисте на прикінці лютого в Шевченкові дні, коли подавалося звідомлення за літературно-наукову працю громадянства і висловлювалися промови на теми ідейно-громадського характеру; друге — ділове — відбувалося найчастіше у власному будинкові скарбника (тодішнього) Старої Громади Ізмаїла Орестовича Новицького [1]). Збиралися за звичаєм увечері на передодні нового року 31 грудня ст. ст. Тоді окремі відповідальні члени Громади подавали грошові звідомлення, виявлялися витрати, зводилися підсумки прибуткам; скарбник давав відомості за внески членів, і Громада, перевіривши їх, ухвалювала рахунки попереднього року і намічала „бюджет“ прийдешнього. Тоді зводилися і рахунки щодо видання „Кіевской Старины“, хоча звичайно всі витрати йшли раніш, бо живе діло видання вимагало негайних грошових витрат, і вони виконувалися авансами раніш громадської ухвали. Покривалися витрати і дефіцити з каси Громади, цеб-то з обов'язкових щомісячних внесків, а переважно—чималими сумами, що давали й декотрі громадяни, і дехто з не громадян, але прихильних чи до української ідеї, чи до журналу. Ці пожертви йшли не просто до редакції „Кіевской Старины“, а переходили через Громадську касу, але розписок та квитків, якщо вони (звісно—в закритій формі) і були, і ніяких документальних певних даних з рахунками пожертов, не дійшло до нас, бо і вести правильну бухгалтерію було тоді для Громади небезпечно.

За згадками та відповідними записами В. П. Науменка ми можемо виявити, що постійним жертвувателем був заможній власник цукроварень Вас. Фед. Симиренко (з прозвища серед приятелів-громадян—„Великий Хорс“), який що року давав, крім инших витрат на громадські потреби, на „Кіевскую Старину“ не менш як 1000 карб., а частіш півтори—дві тисячі. Внески на покриття дефіцитів робили і В. Науменко (є один запис на 200 карб.), В. А. Рубінштейн, П. А. Косач, К. М. Гамалій, В. Л. Беренштам, Жученко та инш. Не з членів Громади жертвували поодинокі особи, наприклад Я. Г. Демченко (є запис ініціялів Я. Г. Д.— 150 карб.,) О. М. Лазаревський, В. В. Тарновський, М. В. Шугуров та ин. Так потроху збиралися гроші на громадське підприємство, а нестатки покривалися й безпосередньо з Громадської каси, і видання „Кіевской Старины“ не припинялося й за найтяжчих часів українського життя аж до самого 1907 р.

Є. О. Кивлицькому важко було відбувати велику безплатну працю, бо він був людиною незабезпеченою і жив тільки-но на свій заробіток. Євг. Олександрович залишався весь час тимчасовим „за редактором“, і вже з кінця 90-го року розпочалися клопотання, щоб за постійного редактора був старий та давній громадянин. Визначилося, що найкраще було-б, якби пощастило провести на редактора В. П. Науменка, людину літературного таланту, жваву, енергійну і тактовну; таку думку особливо старанно підтримував П. Г. Житецький і з ним погоджувались ще дехто з громадян (Гамалій, Трегубов, Шульгин, Новицький, Косач). Навпаки, не досить задоволені з цієї кандидатури по-за межами Громади були найбільш діяльні співробітники: О. Лазаревський, О. Левицький і ще дехто, що побоювалися через міру виразного підкреслювання „українофільського“ партійного напрямку журналу, та ще й через те, щоби деякі

[1]) Тарасівська вул., на розі Караваївської (Шулявської) ч. 2.

поважні і цінні наукові дослідники, не охочі до „українофільства“, не відійшли від співробітництва в „Кіевской Старинѣ“.

Тяглася справа з призначенням Науменка на редактора дуже довго. Київська влада не дуже сперечалася, і генерал-губернатор О. П. Ігнатьєв дав свою згоду. Перешкоди йшли знову таки з центру. Насилу через два роки усякими заходами в Петербурзі через впливових осіб—земляків і знайомих—пощастило перемогти підозри, обмови і наклепи. 26 липня 1893 року вик. обов. київського цензора Н. Дроздов повідомив „Его высокородіе Господина Науменка“, що „Главное управленіе по дѣламъ печати предписаніемъ отъ 21 Іюля... сообщило.., что Министръ Внутр. Дѣлъ утвердилъ... (Науменка) въ званіи редактора журнала „Кіевская Старина“, вмѣсто г. Кивлицкаго“ [1]).

Восьмий нумер за серпень 1893 р. журналу вже вийшов за підписом В. Науменка, котрий і залишився редактором до останньої книжки „Кіевской Старины“ 1906 р. та спадкоємця її — журналу „Україна“ 1907 року.

---

[1]) Рук. Від. В.Б.У. II, 4305.

Перші роки „Київської Старини“ та М. І. Костомаров.

Минуло не так багато часу, а навколо подій, які творилися 40—50, навіть 30 років назад, склалися вже своєрідні легенди, більше того, сами історичні дані переплутуються, непевні відомості заповняють міркування та розвідки про недавній час, через що спостерігаємо значні перешкоди в освітленні та ствердженні сталих фактів нашого минулого. Нагадаємо, наприклад, досліди про заснування та діяльність, найпаче у 60-х і на початку 70-х років, так званої Старої Київської Громади. Поряд із цим спомини про недавні часи, років 30—40 тому, марно гинуть і не приводять на допомогу впорядкування певних історичних відомостей про наше минуле, бо люди старішого віку, за малими винятками, не залишають по собі майже ніяких рукописних слідів, яко матеріялу про пережиту старовину.

Невеличкі досліди про цю старовину, по більшості фактичного змісту, та деякі останки певних споминів, що їх можна зафіксувати хронологічними межами, стануть, гадаємо ми, корисні майбутнім історикам українського громадського й науково-літературного руху. На перший раз подаємо матеріяли про історію заснування часопису „Київська Старина“ і відносин редакції до Миколи Івановича Костомарова в 1881—1884 рр. [1]).

За редактора „Київської Старини“ шість років (1882—1887) був Теофан Гаврилович Лебединцев—людина дуже інтересна й характерна.

У сільського попа на Звенигородщині Лебединця було чимало синів, і всі вони вийшли в люди. Один із них, Данило Гаврилович, військовий кодифікатор судових законів, перебував у Петербурзі і займав видатне службове становище, він приятелював з Костомаровим і був ще з 60-х рр. членом українського громадянства. Другий—Петро, відомий учений, протоієрей Софійського собору та керівник духовних справ на Київщині, близько він стояв і до київського українського громадянства, приятелював з М. О. Максимовичем. Це той піп, що провожав у Київі труну Шевченкову, коли везли її пароплавом до Канева; це той самий піп, удівець з-замолоду, що казав начальству, коли йому пропонували — і не раз пропонували—посаду видатного архіпастиря: „Ні, немає моєї згоди, архієреїв є багато в Росії, а Київська Софія—одна на всю Україну“.

Від Петра Гавриловича брат його Теофан Гаврилович був мало не на десять років молодший (Теофан нар. р. 1828, пом. р. 1888). Двадцять три роки було йому, коли він скінчив київ. дух. академію; спершу учителював по семінаріях, а потім професорував у к. дух. академії. В ці часи він з власної ініціятиви та за власним планом заснував і редагував видатний по замірах та змісту журнал „Руководство для сельскихъ па-

[1]) Оригінали п'ятнадцяти листів Т. Г. Лебединцева до Костомарова переховуються у мене; їх мені передав разом з другими паперами К—ва його зять В. Г. Котельников, за що складаю йому тут щиру подяку. Два листи Л—ва до П. Житецького є серед моїх власних паперів, а лист Житецького до Лебединцева—у Відділі рукописів Всенар. Бібліотеки. Листи Костомарова до Л—ва надрукував був з Архіву „Стар.“ В. Науменка, В. Данилов в „Україні“ 1907 р. ч. 11—12. На жаль В. Данилов не повернув ні цих оригіналів, ні других паперів, що взяв він з Архіву В. Науменка, так що в якому становищі ці матеріяли знаходяться в Ленінграді—сказати ніяк не можна. Іг. Ж—ий.

стырей" (1860—1863 р.) та видав два томи матеріялів з історії церковних справ на Україні (київ. комісії стародавн. актів), книжку „Архимандрит Мельхиседек Значко-Яворський" і вмістив цікаву статтю про ярмарки в „Основі" 1861 р., ч. 6 (укр. мовою). Від 1865 до 1881 р. Т. Г—ч править за директора шкіл на Холмщині і в Царстві Польському. Енергійний, меткий, свідомий, хоч і дуже сторожкий Українець, Лебединцев мав непохибний літературний хист, мав гостре слово справжнього гумористичного складу і був людиною широко освіченою, з добрим науковим досвідом.

Коли Т. Г—ч, під старість, залишивши службові посади, оселився у Київі, то звернувся до старшого брата Петра за порадою, яку працю та яку діяльність йому вибрати для себе. Петро Г—ч відповів: „одну з двох, до чого в тебе більш належатиме серце, або виводь будинки для мешканців (тоді саме у Київі панувала корисна для кешені будівельна пропасниця), або видавай історичний крайовий журнал". Теофанові сподобалася остання порада, і він почав клопотатися про дозвіл історичного безцензурного часопису; тут йому допомагали і кияни, і петербурзьці, що ставилися прихильно до української наукової праці.

Літом р. 1881-го Лебединцев бачився у Київі з Костомаровим, що приємно стрів його думку, і в серпні вони обоє подорожували до Білої Церкви з метою історичних спогадів. В-осени Т. Г—ч зав'язав зносини і з бажаними для журналу співробітниками: писав академикам Веселовському й Пипіну. В. Білозерському, А. Скальковському, А. Потебні. П. Єфименку, одержав обіцянки літературно-наукової допомоги від В. Антоновича, Ол. Лазаревського, М. Петрова, Адр. Прахова, Ф. Терновського, Ів. Нечуя-Левицького та инших українських учених і письменників.

А справа з дозволом у „Министр. Внутр. Спр." щось затягалася... Кінчавсь рік і час було вже оповістити про видання нового часопису Т. Г—ч ось що писав 12-го жовтня 1881 р. до Пав. Гнат. Житецького, що з половини року 1881 до літа 1882 перебував на висланні в Петербурзі.

„Васъ удивляетъ, можетъ быть, что наша „Старина" доселѣ не объявилась. Но теченіе вещей таково, что скорѣе, кажется, можно попасть въ тюрьму, чѣмъ доброе и полезное дѣло сдѣлать. 27-го Авг. полученъ былъ Дрентельномъ [1]) запросъ, согласенъ ли он на разрѣшеніе мнѣ изданія „Старины"—безъ цензуры, а 28-го посланъ былъ отвѣтъ съ полнымъ его согласіемъ Около 20 сентября Лазаревскій [2]) на вопросъ, посланный брату своему, получилъ отвѣтъ, якобы со словъ кн. Вяземскаго [3]), что все ждутъ отвѣта Дрентельна. На телеграмму, что отвѣтъ давно посланъ, тотъ же братъ отвѣчалъ, что еще не всѣ свѣдѣнія получены. Позже стало извѣстно что келейно Юзефовича [4]) спросили, а затѣмъ, что наводятъ справки о сотрудниках. Удивительно и даже непостижимо! Все сіе творится sub auspicatissimo regimine кн. Вяземскаго, 5-го октября обѣщали разрѣшеніе черезъ двѣ недѣли. Опытные люди говорятъ, что просто хотятъ затянуть, а Юзефовичъ твердитъ, что никакого сомнѣнія нѣтъ и быть не можетъ.

---

[1]) Київський генерал-губернатор 1881—1888 рр.

[2]) Олександер Матвієвич, відомий історик український.

[3]) Кн. Пав. Петр. Вяземський, історик і бібліофіл, з 5-го квітня 1881 р. до 1-го січня 1883 був Начальником Головн. Управл. в справах друку при М. Вн. С.

[4]) Відомий киянин-службовець, авторитет для влади в укр. справах, що багато злочинства наробив ще в 1847 р. (Кир.-Мет. братство) та в 1875—76 рр. („Пізд.-Зах. Геогр. Відділ", заборона україн. слова і т. д.).

По Вашему совѣту писалъ я Веселовскому [1]) и Пыпину [1]), но никакого отвѣта отъ нихъ не получилъ. Не увидите ли ихъ? Спросите. И конфузно, и... Пріятнѣе было бы отказъ получить.

Не отвѣтилъ и Вас. Мих. Бѣлозерскій [2]) (кажется, онъ въ отлучкѣ), но отвѣтилъ и очень любезно братъ его Николай. Много у него сокровищъ. Потебня [3]) предполагаетъ готовое уже историко-этнографическое изслѣдованіе о колядкахъ и неизданныя сочиненія Основьяненка. Левицкій (Нечуй) передалъ уже обширный (вдвое большій „Бурлачки" [4]) очеркъ быта Кіевскаго сельськаго духовенства, съ предоставленіемъ мнѣ права переложить на россійскій діалектъ. Есть много обѣщаннаго и готоваго.

А „Мазепа" пропалъ, почти пропалъ. Николай Ивановичъ передалъ мнѣ черезъ Влад. Б. (Антоновича), что проѣздомъ через Москву онъ предложилъ Юрьеву [5]) дать весь гонораръ впередъ и, если тотъ откажетъ, то „Мазепа" къ намъ пойдетъ. Но Юрьевъ не отказалъ, и мы позади. Но вотъ что придумалъ Владимиръ Б. Онъ предлагаетъ просить у Николая Ив. второй экземпляръ „Мазепы" и дозволенія печатать одновременно съ „Русскою Мыслью". Это и ново и остроумно. Подписчики совершенно разные, какъ и журналы. Никто на томъ не теряетъ, а статья (sic) выиграетъ, ее прочтутъ и тѣ, для кого она писалась. Нужно только согласіе Ник. Ив. и, конечно, самого Юрьева. А отъ чего бы имъ и не согласиться? Вѣдь печатаютъ же Додэ і Золя разомъ въ 3-хъ 4-хъ журналахъ и газетахъ. Не примете ли Вы на себя трудъ провести сію мысль? О томъ же я пишу сегодня брату [6]). Вышелъ бы маневръ двухсторонній...

Праховъ [7]) обѣщалъ мнѣ о Кириловскихъ фрескахъ. Богатѣйшія сокровища. Сколько тутъ бытовыхъ картинъ XII вѣка! Картина Страшнаго суда осталась въ клочкахъ. Уцѣлѣли праведники, а грѣшники увы!—почти всѣ погибли. Жаль грѣшниковъ, а особливо грѣшницъ. Вѣдь тутъ философія, какой въ книгахъ не осталось...

Искренно чтущій Васъ и преданный Ѳ. Лебединцев".

М. Ів. Костомаров тоді ще бадьорився і працював; якраз кінчив він останню монографію „Мазепа", що раніш уже змовився друкувати в „Рус. Мысли", про що повідомив і Т. Г—ча листом від дня 18-го жовтня року 1881.

Вигадка „двухстороннього маневра" Антоновичем і Л-вим була занадто вже „новою й дотепною", і з неї нічого не вийшло.

Т. Г—ч написав 23-го жовтня листи до П. Житецького та Миколи Івановича, покладаючи тепер надію одержати все-таки другу монографію про останні часи гетьманщини.

В листі до Житецького писалося:

„Теперь, когда „Мазепа" трикраты отверженъ, не мѣшало бы намъ у Николая Иванова сына хотя бы табаку понюхать. Что и онъ могъ бы дать намъ на понюхъ въ видѣ забисованной табаки? Вопросите его име-

---

1) Російські вчені-академики.

2) Колишній редактор „Основи".

3) Харківський професор—філолог і етнограф.

4) „Бурлачка"—оповідання укр. письменника І. С. Левицького-Нечуя—було надруковано 1881 року.

5) Редактор московського журналу „Русская Мысль", де й надруковано було не статтю, а велику монографію К—ва про Мазепу 1882 р.

6) Данилу Гавр. Л—ву.

7) Адр. Викторович, — художник і професор, що виявив старовинні фрески Кирилівського м—ря в Київі та керував художницькою окрасою Володимирського Київського собору.

немъ моимъ, а для сего передайте ему прилагаемое при сем письмецо... Знатно было бы также спросить при семъ, началъ ли онъ, или располагаетъ ли начать окончаніе исторіи Малороссіи, которое, будучи въ Кіевѣ, онъ положительно обѣщалъ мнѣ для „Кіевской Старины", и если началъ, или вскорѣ начнетъ и за зиму окончить надѣется, то не была ли ласка его—дозволить въ объявленіи припечатать, что, де, нашъ славный историкъ обѣщалъ намъ свое новое произведеніе имярекъ, вѣроятно, послѣдніе дни гетьманщины въ соответствіи послѣднимъ днямъ Рѣчи Посполитой (від. твір Костомарова).

Что касается Веселовскаго (Ал-ндра), то мнѣ очень хотѣлось бы знать, получилъ ли онъ мое письмо и по какой винѣ не почтилъ меня отвѣтомъ. Помнится мнѣ, Вы говорили, что у него есть, или что онъ даже обѣщалъ изслѣдованіе о малорусскихъ сказкахъ. Это было весьма цѣнное для насъ и надобное приношеніе, ибо прежде мелкихъ замѣтокъ и матеріаловъ по тому или другому виду народной литературы мнѣ очень хотѣлось бы дать мѣсто общимъ о нихъ изслѣдованіямъ. Потебня уже ассигновалъ намъ свое обширное (листовъ 30-ть печат.) изслѣдованіе о колядкахъ, а тутъ бы и о сказкахъ заполучить, такъ и совсѣмъ хорошо было бы. Попытайтесь, будьте ласковы, узнать и меня завѣдомить.

Разрѣшеніе на „Старину" дано, но увы! подъ цензурою. Имѣю о семъ двѣ телеграммы—а бумаги еще не имѣю. На днях будетъ генеральное собраніе у меня сотрудниковъ и разсужденіе о томъ, чѣмъ и какъ начинать. Жаль, что не будетъ Васъ, ибо Вы душу и сердце вносите. Дай Вамъ Богъ всего добраго! Сердечно преданный Вам. Ѳ. Лебединцевъ".

А Костомарову Т. Г—ч писав:

„Достоуважаемый и добрѣйшій Николай Ивановичъ!

Приношу Вам великую благодарность за Вашу от(по)вѣдь и выраженную въ ней вновь готовность подкрѣпить насъ на предстоящемъ трудномъ пути.

Не судилъ намъ Богъ Мазепу, то что нибудь другое дайте и все таки дайте, а если нѣтъ готоваго, то хоть пообѣщайте. Начали ли Вы или начнете то, что въ Кіевѣ мнѣ зъ ласки Вашей обѣщали,—примѣрно, послѣдніе дни гетманщины. Если бы сей новый преднамѣренный Вашъ трудъ могъ быть, по Вашимъ предположеніямъ, произведенъ въ теченіи 1881 года, то не позволили бы Вы намъ теперь или позже оповѣстить, что де вотъ какая шутка намъ обѣщана? Это сильно на публику дѣйствуетъ и подписчиковъ даетъ.

Отвѣтъ прошу передать Павлу Игнатьевичу [1]), который и это письмецо Вамъ передастъ, какъ мнѣ Ваше переслалъ. Я же и линію Острова и № дома забылъ.

Поручаю себя и дѣло наше Вашимъ святымъ молитвамъ и архипастырскому Вашему благословенію.

Примите увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и сердечной склонности къ Вамъ Ѳ. Лебединцева.

PS. Разрѣшеніе на „Старину" есть и она будетъ, но—увы—подъ цензурою. Ото жъ той старый песъ (имя рекъ и не нужно) доти пудывъ, поки не напудивъ [2]). Щобъ його трясця взяла!"

П. Г. Житецький 1-го листопада відповів Л—ву про те, як він виконав свою місію про дозвіл в оголошенні про видання „Київської Ста-

[1]) Житецькому.
[2]) М. В. Юзефович.

рини“ надрукувати, що К—в обіцяв дати свій дослід „Последніе дни Гетманщины“.

„Многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,—писав Житецький [1]).—Вчера былъ у Архитриклина [2]). Онъ же воззрѣ на мя не яко мати на чадо свое, но аки волкъ на ягня, и рече: не могу желать, чтобы въ объявленіи выставлено было обѣщаніе мое такой работы, которой я еще не началъ; я никогда и никому не обѣщалъ того, что въ руцѣ Божіей, а не въ моихъ немощныхъ, старческихъ рукахъ. Для „Послѣднихъ годовъ Гетманщины“ нужно нѣсколько разъ съѣздить въ Москву и года два поработать. Но дни мои сочтены суть, и проч., и проч. все въ такомъ-же родѣ. Все, что могу сдѣлать, сдѣлаю, но не по заказу. Предоставляю право печатать меня сотрудникомъ, но и то подъ условіемъ, чтобы имя мое не стояло рядомъ съ именемъ онаго китовраса, который устроилъ Вамъ подцензурное изданіе [3]). Все сіе пишу Вамъ съ огорченіемъ душевнымъ, но сами видите, что ничего тутъ съ упрямымъ старцемъ сдѣлать нельзя. Слабъ онъ и немощенъ, едва ногами двигаетъ, но ученыхъ замысловъ у него много, и, если можно будетъ уловить что нибудь, то уловлю. Веселовскаго не засталъ дома, оставилъ карточку, но академикъ сей тяжелъ на подъемъ. Вообще, господа эти взираютъ на провинціальныя предпріятія свысока. Зато, мнѣ кажется, и на нихъ нужно взирать тоже свысока. Не въ нихъ сила. Самое важное—собрать молодыя, начинающія силы, а архіереи науки нужны только для закраски. Дай Вамъ Богъ успѣха, – я же съ своей стороны надѣюсь въ будущемъ быть болѣе полезнымъ для Васъ, чѣмъ теперь.

Съ искреннимъ уваженіемъ и преданностью остаюсь весь Вашъ П. Житецкій.

II.

З січня 1882 р. „Київська Старина“ почала виходити щомісячними книжками. Видавець, редактор, дійсний секретар, а дуже часто навіть і коректор її був сам Лебединцев. Співробітників він запрохав перш за все київських учених, професорів університету та духов. академії, декого з Москви, Петербургу з Харкова та всяких провінціяльних міст України.

Ми звертаємо увагу на те, що видання „Київ. Ст.“ спочатку було діло зовсім не „Старої Київської Громади“. Таким воно сталося тільки після смерти другого редактора часопису Ол. Ст. Лашкевича (пом. 31-го жовтня 1889 р.), а до того часу перебула три періоди: перші два роки—доба „Київ. Ст.“, яко особистого підприємства Т. Лебединцева; останні чотири роки його редагування все з більшим впливом на справи видання українського громадянства, що, правду кажучи, зовсім було не по серцю індивідуалісту Т. Г—чу, і від чого він усіма зусиллями пручався, і добу керування „К. Ст.“ Лашкевича (1888—1889 р.р.).

За перші два роки Лебединцев приєднав багатьох співробітників-фахівців до своєї справи; иноді відбувалися у нього і „редакційні“ засідання в часи виїмкових подій в життю видання. На цих зборах бували члени редакції, мовляв, кооптовані самим-же редактором: В. Антонович, О. Лазаревський, П. Житецький, Петро Г. Лебединцев, Ів. Малишевський, Ф. Терновський, Ор Левицький та инші. Але Т. Г—ч завше і в ці часи любив і в розмовах, і в листах до заміських співробітників базуватися на ширшій підвалині громадської ваги: він постійно каже про „Київ. Ст.“

[1]) Оригінал цього листа знаходиться у відділі рукописів Всенародньої Бібліотеки при ВУАН, III, № 3791.

[2]) Так, шуткуючи, Житецький прозивав Костомарова.

[3]) М. В. Юзефович.

і редакцію її „ми“, „нам“, „наші книжки“, раз-у-раз пише “наше діло“, „у нас“, підкреслює громадський характер видання журналу, але це не перешкоджає йому власно й міцно держати все керування у своїх руках, що й до редагування, що й до видавництва і грошових справ. „Хотѣлось бы нѣкое направленіе (журнала) создать“,—пише Т. Г—чв одному листі Костомарову, чого ні шукати, ні „созидати“ не випадало йому, ніби „Київ. Ст.“ уже в ті часи була український орган громадський; і по правді він додавав, неначе лейт-мотив: „я человѣкъ одинокій въ дѣлѣ „Київ. Старини“.

Поради П. Житецького, зібрати коло редакції молодих співробітників, Лебединцев не послухав: це було йому не до охоти, та й не по змозі, бо з молоддю він не мав ніяких особистих звязків. Наймолодший з близьких співробітників Т. Г—ча в середині 80-х рр. був В. П. Горленко, людина тоді років 30. Згадується, що, одвідуючи редакцію, бачив я там иноді свого товариша В. Каллаша та декого з родини самого редактора, яким він загадував нескладну технічну працю по редакції. А більш усього навіть і цієї праці, не кажучи про дійсно редакційну роботу, лежало на плечах Лебединцева.

„Київ. Старина“ за перший рік свого існування викликала немалі надії; передплатників набиралося мало не тисяча; преса, за деякими тенденційними виїмками, привітала її зичливо, книжки, хоч і невеличкі обсягом, були по змісту цікаві, приступні, стримані.

Успіхові видання часопису багато допомагало й постійне співробітництво М. Ів. Костомарова. Він дуже зацікавився першими книжками „Київ. Старини“, особливо статтями В. Антоновича про Київ XIV—XVII вв., О. Лазаревського „Люди старой Малороссіи“ та „Дневником Освѣцима“, лише дорікав за негарний шрифт і брошуровку журналу. В кінці березня 1882 р. М. Ів. послав і свою першу працю до редакції „Поѣздка въ Бѣлую Церковь“ [1]).

Лебединцев, дуже радий спочуттю й допомозі Костомарова, писав йому 5-го квітня 1882-го року:

„Многоуважаемый Миколай Ивановичъ! приношу Вамъ искреннюю благодарность мою за пожалованіе и намъ овощи отъ славнаго пера Вашего. Воистину се писанка намъ отъ Васъ! Дай Богъ, чтобы сіе малое начало стало большимъ продолженіемъ“.

Нечего и говорить о томъ, что оно воистину пригодно, и я имѣю возможность теперь же пустить его въ майскую книжку, которой часть уже набрана. На дняхъ Вы получите IV книжку, которую я печаталъ одновременно съ 3-ю, но въ другой типографіи, и сдѣлалъ я это для того, чтобы и наши книжки выходили не позже 1-го числа.

Теперь видите, и шрифтъ у насъ новый и чистый. Въ статьяхъ скудости нѣтъ, а сырья очень цѣннаго являются массы. Съ этой стороны журналъ вполнѣ обезпеченъ; но подписка остановилась на 700 и дальше никакъ не идетъ. Вы говорили, что можетъ быть останется на сюртукъ, а тутъ наоборотъ и готовый сюртукъ придется снять. Буду однако биться до послѣднего пфенига. Знаю, что если бы состоялся тысячелѣтній юбилей Кіева, о которомъ возвѣщено въ 3-ей книжкѣ, то и подписка увеличилась бы. Но это дѣло какъ то трудно идетъ. Юзефовичъ брехалъ старою своею губою мѣсяца два—и ничего не сдѣлалъ. Теперь я самъ принялся: дѣйствую на думу и на митрополита, а можетъ и выйдетъ что либо. Жаль, что газеты молчатъ. Одно „Новое время“ раза два прокричало въ родѣ стараго гарнизы: „слушай“. Не возвысите ли

[1]) Надрук. в „К. Ст.“ 1882 р. № 5, с. 241—256.

Вы Вашъ авторитетный голосъ? „Кіевлянинъ“ [1]) повторилъ было за „Новымъ временемъ“, а теперь пятится назад. Дѣло въ томъ, что Пономаревъ, написавъ „тысячелѣтіе“, обратился съ нимъ въ „Кіевлянинъ“, а сей отказалъ, когда же оно появилось въ „Старинѣ“ то ему и досадно, и стыдно стало. „Заря“ [1]) не хочетъ праздновать, чтобы не обнаружилось, что жидовъ били во все тысячелѣтіе въ Кіевѣ. Впрочемъ, что эта провинціальная мелюзга? Вотъ если бы отъ Васъ подали голосъ!

Съ Вашей легкой руки и другіе хвалятъ „Старину“. Великое спасибо всѣмъ, но самъ я горюю, что многаго и многаго недостаетъ. Хотѣлось бы систему ввести, нѣкое направленіе создать, иное по преимуществу разрабатывать, как напр. свѣдѣнія о хранилищахъ книгъ, бумагъ, портретовъ и всякихъ предметовъ старины, чтобы всѣ знали, гдѣ что находится и гдѣ чего искать. Надѣюсь вскорѣ Тарновскаго коллекцію описать [2]), и потомъ въ Репнинскій архивъ и другіе заглянуть. Нѣкоторыя свѣдѣнія о портретахъ собраны. Ищу точного Мазепу, такого, какъ Вы нарисовали. Явились и новые матеріалы. Может и новый Мазепа явится. Есть портреты Гонты, его жены, Желѣзняка. Первый поразителенъ. Хочу Мамая отобразить и какъ лѣтомъ на санях двумя парами воловъ везутъ...

Простите; разболтался, какъ ученикъ предъ учителемъ. Впрочемъ, что иное я предъ Вами? На беллетристику доселѣ не разжился. Лежитъ давно повѣсть Нечуя: „Стари батюшки та матушки“, но въ переводѣ она потеряетъ, а въ подлинникѣ нельзя пустить, чтобы подписчиковъ не отбить. Искренно почитающій Васъ и сердечно преданный Вамъ Ѳ. Лебединцевъ“.

Приписка збоку листа: 1) Прошу прочесть въ IV книжкѣ: „Изъ воспоминаній потерпѣвшаго“ [3]). Поистинѣ интересныя сцены есть. 2) Не отложили ль Вы намѣренія начертать послѣдніе дни гетманщины? Питаю надежду, что мы своего, то есть обѣщаннаго дождемся. 3) Галаганъ обѣщалъ статью, да доселѣ не далъ. Онъ не скоро на что нибудь рѣшается. Скоро будетъ „Старый український дякъ“. 4) Прошу позволенія Бѣлоцерковскаго батюшку, что насъ угощалъ и отъ блохъ избавилъ, собственнымъ именем назвать“.

Листування К—ва та Л—ва в квітні і травні 1882-го р. йде незвичайно інтенсивно: ми маємо за цей час 3 листи першого [4]) та 2 Т. Г—ча, який, крім редакційних справ, турбувався ще, спільно з братом Петром Г., про святкування в 1885 р. тисячеліття Київа. „Пекельні душі“, цебто київська адміністрація, перемогли і київ. мітр. Платона, і братів Лебединцевих: влада дала дозвіл тільки на святкування 900-ліття християнства в 1888 році. 14-го квітня Т. Г—ч писав Мик. Івановичу, проектуючи низку цікавих подорожів вчено-літературного характеру по Україні.

„Съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ сопровождать Васъ не только въ Умань, но если бы понадобилось, въ самую Кодню, въ региментъ Стемпковскаго. Только, будьте ласковы, заблаговременно меня извѣстите, когда бы Вы въ Кіевъ могли пріѣхать: ибо я человѣкъ одинокій въ дѣлѣ „Кіевской Старины“, и мнѣ нужно за недѣлю все для нея приготовить, а тогда въ путь пуститься.

Возвращаясь изъ Умани, не поѣдете ли Вы, какъ Конецпольскій отъ Бара, въ Ваши Полтавскія, частнѣе—прилукскія мѣстности? А въ такомъ разѣ не пожелали бы проѣхать въ Каченовку къ В. В. Тарновскому, для осмотра его коллекціи малороссійскихъ древностей, къ чему мы съ

---

[1]) Київські газети.
[2]) Вас. Вас., відомий український меценат і колекціонер.
[3]) Ст. В. Сикорського про селянський заколот 1855 р. „К. Ст.“ 1882 р. № 4.
[4]) Надруков. в „Україні“ 1907 р. № 11—12.

В. Б. Антоновичем приглашены? Описаніе сей коллекціи раньше этого будетъ составлено С. П. Пономаревымъ, а мы въ качествѣ свѣдущихъ людей произвели бы оцѣнку тѣмъ древностямъ, конечно, не денежную. Быть можетъ, и А. М. Лазаревскій составилъ бы намъ компанію, а онъ мастакъ по этой части, и вышло бы, пожалуй, этакое учено-литературное шествіе.

Освѣцимъ [1]) идетъ въ майской книжкѣ. Я хотѣлъ дать ему отдохнуть, но если угодно подогнать, могу и скоро закончить. Вчера въ коректурѣ читалъ, какъ повѣсилъ Богданъ свою пани Чаплинскую съ казначеемъ, „sicut erant in actione adulterii", о чемъ самъ король за обѣдом разсказывалъ.

Результатомъ добраго совѣта Вашего на счетъ повѣсти Левицкаго можетъ быть то, что я пущу ее въ приложеніи, какъ и малорусскій переводъ евангелія 1581 г. Ибо кацапскіе подписчики были (бы) въ ущербѣ, если бы въ объявленномъ составѣ книжекъ являлось листа по три „не про ихъ писаннаго".

Подписка оскудѣла совсѣмъ, можно сказать, прекращается. Не была ли бы Ваша ласка еще до выѣзда изъ Петербурга гдѣ либо, найпаче въ газетѣ, Ваше многомилостивое dictum cum laude сказать о вышедшихъ книжкахъ? На похвальные отзывы о 1-й книжкѣ многіе подписчики ссылались, а Ваше слово подвинуло бы народы мнози. А те теперь если и вырвется какой либо запоздалый Бырченко [2]), то такъ и видишь, что сдѣлалъ это онъ по своей праведной натурѣ, а не съ чьего либо наущенія.

Съ Вашимъ гонораромъ какъ прикажете: выслать ли его теперь и в какомъ размѣрѣ, или приберечь для дороги и лично вручить? Къ тысячелѣтію Кіева всѣ остались глухи, кромѣ митр. Платона, который чрез брата мнѣ передалъ, что онъ плакалъ, читая мое о семъ къ нему письмо. Удастся ли ему тронуть пекельніи души, не знаю. Іудейская „Заря" прочла мнѣ лекцію по Костомарову и Иловайскому, а „Кіевлянинъ" предложилъ на 1888 девятисотлѣтіе крещенія Руси и хотя, говоритъ, по Голубинскому, оно двумя годами позже, но мы къ старому счету привыкли, а вашъ для Олега-де старый счет не годится, потому, продолжаетъ уже „Трудъ" [3]), что тут Сѣверянинъ убилъ 2-хъ южанъ. Такова провинціальная философія исторіи.

Доканчивая это письмо, прочелъ я послѣднюю коректуру вашей статьи. Вышло ровно листъ. Скажу нѣсколько оттисковъ сдѣлать, да и Ѳедору Ганькевичу пошлю, чтобы и тамъ знали свою исторію да Васъ бы згадували.

Сердечно преданный Вамъ. Ѳ. Лебединцевъ".

Збоку приписка: „Въ Вашей статьѣ сказано, что теперь въ Бѣлой Церкви три церкви, а названы двѣ, въ том числѣ сохранившійся одинъ из 5 придѣловъ церкви Палія. Я сдѣлалъ необходимую поправку и дополненіе, т. е. измѣнилъ нѣсколько словъ".

4-го травня Лебединцев писав Костомарову:

„Уже третій день ношу въ сердцѣ моемъ благодарность мою къ вамъ — живую, искреннюю, глубокую, безмѣрную, но люди и дѣла не давали мнѣ высказать ее передъ Вами. Примите ее теперь — во единодесятый часъ, яко же Христосъ принялъ сердцемъ своимъ вдовицы двѣ лепты.

[1]) „Дневникъ Освѣцима" 1643—1651 рр. въ извлеченіи и переводѣ съ предисловіемъ В. А(нтоновича). Надр. в „К. Ст." 1882 р., чч. 1, 2, 5, 6, 9, 11 и 12.

[2]) Випадковий пізній передплатник на „К. Стар."

[3]) Третя київська газета в 1882 р.

Ваше любвеобильное и далеко еще не выслуженное мною dictum cum laude тѣмъ дороже для меня, что оно явилось въ одинъ день со словомъ наглой, безпричинной и бесцѣльной хулы въ „Странѣ", изрыгнутой, какъ и прежде, осенью, хозяиномъ моей квартиры, Конисскимъ [1]). Cave, quem natura notabit—сказалъ я о немъ; Богъ шельму мѣтитъ,—перевелъ другой и вышелъ переводъ сильнѣе подлинника. Конисскій—второй Кулишъ, но еще мельче и гаже.

Ваше слово пріободрило и сотрудниковъ, какъ и меня самого, подѣйствуетъ, полагаю, и на подписчиковъ, которыхъ число не разъ заставляло меня призадуматься. Буду работать, доколѣ душа въ тѣлѣ. Горизонтъ широкій открывается. Хватитъ ли силъ и средствъ моихъ? На Бога надежда.

Жду не дождусь подробныхъ указаній отъ Васъ на счетъ Вашего здѣсь пріюта. Мнѣ задавали вопросъ, не предпочли бы Вы на дачѣ жить—въ Бояркѣ, напр., которую мы проѣзжали и изъ которой во всякое время можно ѣздить по удешевленному сезонному билету? Тамъ въ это лѣто будетъ жить проф. Малышевскій. Онъ то и спрашивалъ меня.

Выслали ль Вамъ „Діло" [2]) и „Крашанку"? Последнюю я здѣсь разыскивалъ, но безъ успѣха. Говорили, что на дняхъ Пихно получитъ.

Добылъ я портретъ Желѣзняка, рѣшительно обѣщанъ портретъ Анны Ярославны. Обѣщана и біографія ея по французскимъ, конечно, источникамъ, а одинъ такой источникъ уже у меня.

Съ искреннимъ почтеніемъ и сердечною преданностью имѣю честь быть Вашъ Ѳ. Лебединцевъ".

В кінці травня Костомаров передав для „Київ. Стар." „Матеріалы для исторіи Коліивщини" з своєю передмовою[3]); літо він прохорував і тільки 10 серпня послав листа про останні книжки „Київ. Ст." та про статтю О. Лазаревського „Миклашевскіе" и про Мазепу [4]). Т. Г—ч відповів йому листом від 30 го серпня:

„Не знаю, чѣмъ замолить грѣхъ мой передъ Вами, что такъ долго Вамъ не писалъ. Причины сему общія и частныя. Подъ общими разумѣю общую тяготу редакціонную и недавнее переселеніе отъ Бобринскаго къ Хмельницкому [5]). Человѣка не имамъ, да ми поможетъ—въ этомъ главная бѣда. Въ частности замедлили мой отвѣтъ сами присланныя Вами письма. Оказалось, что они изъ того же источника, какъ и переданныя мнѣ Антоновичемъ бумаги Румянцева, и даже одной съ ними серіи. Вотъ и сталъ я въ тупикъ: съ одной стороны слѣдовало распредѣлить хронологически Ваши письма между моими, съ другой написать общее к ним предисловіе, такъ какъ ко всей вообще перепискѣ не подходило, натурально, ни Ваше, ни составленное мною раньше Васъ предисловіе. Брать мнѣ на себя изготовленіе общаго предисловія не приходилось, а посылать къ Вамъ имѣющіяся у меня бумаги значило бы затянуть дѣло, да и поднять Вас на новый трудъ. Моя слабость—долго думать; но подумавши вдоволь, я поступился и дѣлом, и собою, дабы не доводить Васъ до нового труда [6]). Въ августовской книжкѣ, которую Вы вскорѣ получите, помѣщены присланныя Вами письма и Ваше къ

[1]) Олександр Яковл.,—відомий український письменник.

[2]) Львівські видання, про виписку яких через ред. „К. Ст." прохав Костомаров.

[3]) Надр. в № 8 „К. Ст." 1882 р.

[4]) „Україна" 1907. Ч. 11 -12, с. 257 -258.

[5]) Цеб-то з Биб. Бульвару, де стояв пам'ятник гр. Бобринському, до Софійської площі, де будувався пам'ятник Б. Х-му.

[6]) Мова йде про матеріяли до історії Коліївщини.

нимъ предисловіе безъ измѣненія, я же свое передѣлаю, примѣняясь къ Вашему, хоть въ общемъ впечатлѣніе, б. м., и будетъ нѣсколько слабѣе.

Замѣтку по поводу статьи Стоянова я тамъ же помѣстилъ въ августовской книжкѣ [1]), а данную мнѣ раньше И. П. Новицкимъ, пріятелемъ Стоянова, большую по тому же поводу статтью, отложилъ.

Гонораръ я могъ выслать Вамъ уже теперь, но недоумѣваю по вопросу о матеріалѣ, т. е. письмахъ, которыя доставлены Вамъ другими лицами, именно: считать ли эти письма жертвою тѣхъ, которымъ Вы обявили Вашу благодарность, или оцѣнивать,—соразмѣрно ли личному Вашему гонорару, или тому, который практикуется независимо отъ личности автора. Буду ждать Вашего по сему отвѣта, дабы сообразиться съ нимъ при высылкѣ Вамъ гонорара.

О Вашей тяжкой болѣзни и претерпѣнныхъ Вами страданіяхъ тѣмъ (болѣе) скорбно, что и самъ я страдаю не мало отъ ревматизма, полученного в домѣ безчестнаго Конисскаго, который сдавая мнѣ квартиру, всѣмъ святымъ заверялъ въ ея сухости. Какіе поганые люди есть на свѣтѣ.

„Старина" наша подвигается въ своемъ теченіи: набирается уже IX книжка. Жаль, что Антоновича даже въ каникулы трудно засадить за работу: онъ увлекся археологіею, ѣздилъ въ Екатеринославскую, а теперь собирается въ Подольскую губерню, вообще же болѣе пріобретаетъ знаній, чѣмъ расходуетъ их на пользу общую. Обещалъ Мазепу, да на томъ и стало.

На-дняхъ былъ Ханенко и привезъ дѣдовъ дневникъ [2]) обѣщалъ и переписку дѣда.

Хотѣлъ я пустить „Батюшокъ и матушокъ" Левицкаго, но цензоръ сказалъ, что надо в Питеръ посылать. О, Господи! Доколѣ... Есть впрочемъ „Украинская деревня" Крижановскаго, что писалъ „Вдову" сельскаго священника. Поэтичная и умная вещь.

Да пошлетъ Вамъ Господь выздоровленіе!

Сердечно преданный Вамъ Ѳ. Лебединцевъ".

Приписка збоку до листа: „1) Новый мой адресъ: Кіевъ, Софійская площадь, против Хмельницкаго, д. Волкова. 2) Въ слѣд. книжку войдетъ, кажется, вертепъ съ предисловіемъ Галагана и Житецкаго, который перемѣщенъ въ Кіевъ на прежнія свои места ,т. е. въ военную гимназію и Коллегію Галагана".

III.

Костомаров пообіцяв дати редакції свою відозву про „Київ. Ст." в столичній пресі й умістив прихильну рецензію на перші книжки часопису в „Новому Времени" та „Правительств. Вѣстнику". В-осени того-ж 1882-го року М. Ів. переслав до редакції чималий твір свій „Жидотрепаніе" въ началѣ XVIII в." [3]), про який буде мова у дальших листах. Ще в квітні він прохав Т. Г—ча виписати йому з Галичини „Хуторну поезію" і „Крашанку" Пан. Ол. Куліша, Мик. Ів. цікавився новою еволюцією в поглядах Пан. Ол. і дав обіцянку редакторові „К. Ст". виступити проти Куліша, щоб „показати світові, що воно є таке за звірь" [4]). Відомо, що

---

[1]) Замітка Стоянова „Южнорусская пѣсня о событіи XI ст. К. Ст." 1882 р. №. 7, Костомарова—„Относится ли пѣсня о взятіи Азова к событіямъ XI в." 1882 г. № 8.

[2]) Щоденника ген. Хорунжого Н. Ханенка надр. в „К. Ст." 1884—1886 рр.

[3]) Надрук. в 1883 р. №№ 1 і 3.

[4]) „Україна" 1907 р. № 11—12 с. 254.

в 70-х та 80-х роках відносини Костомарова до його старого „соузника“ і приятеля були дуже ворожі. Дещо в цих відносинах стане ясніше, коли будуть надруковані листи Куліша до Мик. Ів.; вони залишилися серед решток архіву Костомарова, про який ми згадували вище. В листопаді 1882 р. редакція „Київ. Ст.“ вже одержала статтю Мик. Ів. „П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная деятельность“, і Лебединцев писав авторові 30-го числа цього-ж місяця таке:

Многоуважаемый Николай Ивановичъ!

Статья Ваша „Кулишъ“ и проч. получена мною исправно. Я могъ бы ее и в декабрськой книжке помѣстить; но печатаніе оной пошло такъ быстро, что въ ту пору был конченъ научно-литературный отдѣлъ и шли матеріалы, а къ нимъ по самой природѣ вещей „Кулишъ“ примѣшаться не могъ. Ни извѣстить Васъ о семъ, ни спросить, что дѣлать, я не могъ и потому, что статья была получена какъ разъ въ тотъ день, когда телеграфъ во всѣ концы Россіи оповѣстилъ о постигшей Васъ тяжкой болѣзни. Итакъ оставилъ я эту статью на новый годъ съ намѣреніемъ, если Вы противъ него не будете, помѣстить ее во 2-й, т. е. февральской книжкѣ, а это потому, что въ первой должно идти „Жидотрепаніе,“ двумъ же большимъ статьямъ одного автора, и притом такового и толикого, в одной книжкѣ не годится, да и самому изданію нерасчетъ. И „Жидотрепаніе“ не все пойдетъ в первую книжку, но или одна треть, или нѣсколько больше половини, чего я въ эту минуту еще не рѣшилъ. Въ этой статьѣ можно остановиться въ двухъ мѣстахъ: или тамъ гдѣ Сахно съ сотникомъ въ корчму пріѣзжаютъ, или тамъ, гдѣ Львовскій арци-рабинъ порѣшилъ извести его. Выпалить въ одинъ разъ—это даже для читателя вредно, а „подратувать“ его вниманіе—въ этом обоюдный интересъ.

Вчера я получилъ Вашу книгу [1]) и одновременно письмо брата Даніила, который пишетъ, что Вы послали мнѣ письмо. Письма Вашего я не получалъ, а за книжку преискренно благодарю. И самъ прочитаю, и рецензію закажу—не кому иному, какъ Вл. Б. Антоновичу, ибо ему одному въ семъ дѣлѣ приличествуетъ слово.

Братъ Даніилъ пишетъ, что Вы уже пишете обзоръ „Кіев. Старины“ для „Прав. Вѣстника“. Пошли Вамъ, Господи, за то доброе здравіе и многая лѣта, симъ бо образомъ могутъ фонды „Старины“ подняться и приложиться й лѣта живота. Но будьте добры, подождите съ окончаніемъ обзора до присылки Вамъ и Декабрьской книжки, которая выходитъ сегодня и завтра вышлется Вамъ заказною. Эта книжка лучше другихъ, а въ объявленіи о продолженіи изданія, слѣдующемъ послѣ заглавнаго листа, отмѣчены новыя весьма интересныя статьи. Въ этой же книжкѣ есть статейка (въ „Извѣстіяхъ и замѣткахъ“) подъ заглавіем „Протопопъ Комаръ“, затрагивающая на исторической почвѣ вопросъ о второбрачіи священниковъ. Прочтите ее и связанное съ нею свадебное приглашеніе гетмановой Апостоловой.

Кромѣ помѣщенныхъ въ объявленіи статей и матеріаловъ, есть у меня много драгоцѣннѣйшихъ вещей, а въ числѣ ихъ бумаги Сулимъ и Забелъ. Вообще, истекшій журнальный годъ показалъ, какія богатства нашей исторіи лежатъ нетронутыми. Съ разработкою ихъ исторія должна получить другой колоритъ и дать иные выводы. Викторовъ [2]) пишетъ, что некому въ Москвѣ дотронуться до архивовъ б. Малороссійскаго

---

[1]) Очевидячки, окремий відбиток монографії „Мазепа“.

[2]) Олексій Єгорович Викторов (1827—1883), відомий археограф і бібліограф, голова Московських архівів.

приказа, Минис. Юстиціи и Н. А. Маркевича, а черезъ дорогу отъ меня лежитъ въ грудахъ архивъ б. Кіево-губернской канцеляріи, часть архивовъ Малороссійской Колегіи и мн. др. Все это ждетъ рукъ и свѣта, и, благо народи мнози подвигаются со всѣхъ сторонъ, какъ и говорилъ въ свое время Мельхиседекъ. Одна бѣда: скудость въ средствахъ. Истекшій годъ далъ дефициту свыше 3-хъ тысячъ. Я все свое отдалъ, часть прихватилъ и еще въ долгу остался. Если не вывезетъ нынешній годъ, я умыю руки предъ народомъ... Ибо сверхъ всего я не знаю, что день, что ночь, людей же и Бога давно отцурался. Охъ горе! А кортитъ, Боже, какъ кортитъ еще потянуться.

Простите за сію откровенность, иначе Вамъ писать не могу, но сказанное мною въ семъ припадкѣ, надѣюсь, сохраните въ сердцѣ Вашемъ.

Искренно и глубоко преданный Вамъ Ѳ. Лебединцевъ".

Приписано з боків листа: 3) „Вашъ сотникъ Вендюхъ называется нѣсколько иначе. Это доподлинно, по документамъ, знаетъ Лазаревскій. Онъ мнѣ говорилъ, да я забылъ. Пошлю сейчасъ спросить. 2) Пытаюсь составить виньетку для „Старины" изъ старыхъ кафель. Еслибъ Вы видѣли, что это за драгоценность. Тутъ вся жизнь, вся исторія наша [1]). Левицкаго (Нечуя) по Вашему слову і собственному рѣшилъ я въ подлинникѣ, но въ приложеніи печатать. Надо, однако, въ Петербургъ на цензуру отправлять, а тамъ что скажутъ, не знаю".

В грудні 1882 р. Лебединцев писав Костомарову:

„Многоуважаемый и преблагій Николай Ивановичъ! Простите Бога ради, что я такъ замедлилъ съ отвѣтомъ. И у меня много бѣдъ, а найбольшая въ томъ что я вдругъ лишился корректора, и держалъ самъ корректуру, до того уже дошелъ, что и Pacierza некогда было Zmówić.

Переходя къ дѣлу, я недоумѣваю, у кого — у Лескова или у Аксакова — занять мнѣ словъ, чтобы возблагодарить Васъ въ мѣру напхану и потрясну за премногое Ваше попеченіе о нашей „Старовинѣ", какъ пишутъ „Старину" галичане. Это понуждаетъ меня имѣть „очи до Бога", какъ научалъ дякъ Ян. Нехай Вамъ Богъ віка прибавить, здоровячко и все добре препошле! Меня это очень ободряетъ и надеждами окрыляетъ, я то издохъ бы, какъ Мазепа по допроснымъ пунктамъ Герцику.

Съ вашимъ „Жидотрепаніемъ" была знатная препона въ цензурѣ. Г(лав) цензоръ просто было зачеркнулъ или, по галиційски, исчеркнулъ тѣ мѣста, где цадикъ начинаетъ о Толюѣ, о Сахно, о пр. дѣвѣ; но я предложилъ маленькую перемѣну и тѣмъ едва умолилъ. Когда получите январскую книжку, а она только не сброшюрована, то увидите, что я выторговалъ такую перемѣну, которая не только не повредила дѣлу, но устраняла всякій поводъ къ чьему либо замѣчанію. Одно слово проклятый онъ уже и послѣ сдѣлки повычеркнулъ вездѣ, да я за тѣмъ не плакалъ, такъ какъ и вообще дѣло коснулось лишь немногихъ словъ. По политикѣ редакторской окончаніе „Жидотрепанія" я отношу к 3-й книжкѣ, а во второй, которая завтра уже начинается наборомъ, пускаю „Кулиша" Вашего. Сдѣлать иначе, значило бы класть въ одну ложку два гриба, да еще какіе. Кромѣ того, надо и читателей поддразнить.

Съ грошима не забарюсь, какъ только объемъ опредѣлится, а если угодно, то и раньше вышлю. Подписка улучшается.

---

[1]) З 1883 р. „К. Стар." мала нову штучну окладинку і візерунок її складався з копій старовинних Українських кахоль.

Лазаревскій не говорилъ мнѣ, чтобы у него было какое дело о Вендюхѣ или Шендюхѣ (вѣроятнѣе, Кендюхѣ), а впрочемъ, спрошу и Вамъ отпишу.

Негалевскаго переводы обязываюсь доставить Вамъ, когда будете въ Кіевѣ, и въ томъ никакого сомнѣнія не имѣйте.

Въ 83 году „К. Старина", уповаю, будетъ значительно лучше. Добрые люди шлютъ отовсюду. Драгоцѣненъ актъ допроса Герцику (подлиный) который я получилъ вчера отъ А. П. Барсукова. Драгоцѣнны Сулиминскія и Забѣлинскія бумаги, которыя уже у меня. Вчера часть бумагъ Григорія Полетики получилъ обѣщаютъ и дальше. Жду также навѣрно обрывковъ Решетиловскаго архива отъ Ставровскаго. Хлопоталъ у Дрентельна о дозволеніи проникнуть в его архивъ, равно о передачѣ въ центральный Архивъ стараго архива Кіевск. Губ. правленія, т, е. б. Кіево-губ. канцеляріи, Кіевс. намѣстничества, Генер. Губернаторства, Малорос. Коллегіи (часть) и пр., и пр. Кажется, то и другое будетъ устроено. Так. обр., будетъ открытъ и въ порядокъ приведенъ этотъ богатѣйшій архивъ, въ которомъ несомнѣнно есть и дѣло о Желѣзнякѣ, на что и записки Хоецкаго даютъ указанія.

Не соберусь никакъ Румянцевскую переписку окончить, а надо. Хочу налечь на беллетристику, но не въ ущербъ наукѣ, хочу и переводную съ польскаго допустить. Выписалъ Ежа Z burzliwy chwili, гдѣ представленъ Хмельницкій. Хочу также пана Стемпковскаго, доктора Ролле, въ переводѣ и съ примѣчаніями, помѣстить.

И. С. Аксаковъ прислалъ весьма сочувственное письмо и обѣщаетъ въ своей „Руси" о нашей Старинѣ возглаголать.

Стемпковскій—скряга предлагаетъ купить его изданія (т. е. право) и Запорожскій архивъ, а больше, говоритъ, давать Вамъ не буду, ибо никто, говоритъ, меня не хвалитъ.

Что объ Умани не Вы написали, и я жалѣю. Написанное Смоктіемъ bardzo lekke да печатать тогда нечего было.

Не дадите ли Вы мнѣ указаній для обработки Лазаря Барановича? Его біографію (5 л.) прислалъ мнѣ одинъ законоучитель черниговскій. Фактовъ много, группировка недурна, но нѣтъ раздѣлки на лица, ни тогдашняго политическаго положенія. Лазарь пѣлъ лазаря передъ Москвою, когда его духовенство было настроено совсѣмъ иначе.

Еще разъ желаю Вамъ от Господа Бога всего Лучшаго а найпаче здоровья.

Искренно преданный Вамъ Ѳ. Лебединцевъ".

Приписка з боку листа: „Имѣются точныя свѣдѣнія, что „К. Старину" съ появленіемъ рецензіи о ней въ „Прав. Вѣстникѣ" стали считать благонадежною".

Костомаров був незадоволений, що редактор його „Жидотрепаніе растрепав" на дві книжки, але було вже пізно, як і придержати до дальшого часу статтю „Куліша", про що прохав М. Ів. в листі 17-го. Т. Г—ч одповідав йому 24 січня 1883 року так:

„Многоуважаемый и добрѣйшій Николай Ивановичъ! Я и самъ отчасти жалѣю, что раздѣлилъ Ваше „Жидотрепаніе", но я трактовалъ его, какъ свячене, котораго по трошку давать надо, правъ ли я или нѣтъ, рѣшить трудно. Мнѣ кажется, что у редакторовъ и у авторовъ точка зрѣнія и стремленія различны: послѣдніе, заодно съ читателями, ищутъ цѣльности впечатлѣнія, и въ этомъ они сто разъ правы, а редакторы, подобно поварамъ, стремятся устроить разнообразіе въ мѣсячномъ обѣдѣ или общемъ блюдѣ и усилить либо продлить впечатлѣніе отъ того, что имѣетъ наибольшій интересъ.

Кто знаетъ, однако,—быть можетъ, раздѣленіе „Жидотрепанія“ поддержало въ комъ либо интересъ къ Кіевской Старинѣ.

Что до „Куліша“, то увы! Онъ давно уже набранъ и идетъ первою статьею въ февральской книжкѣ. Выкинуть его теперь нѣтъ уже никакой возможности: книжка совсѣмъ оканчивается, а надобрать статью равнаго объема мудрено. Недоумѣваю, однако, почему бы нужно было воздержаться съ Кулишемъ. Цензоръ ничего не возразилъ и только два два или три слова измѣнилъ (вм. истязать—наказать и пр.), для меня же что пропущено цензурою, то и свято. Вообще же „Кулишъ“ безобиденъ и никакой пертурбаціи произвести не можетъ.

Кибальчичу [1]) можно вѣрить лишь на $^1/_4$. Человѣкъ онъ весьма склонный къ преувеличеніямъ. Я говорилъ съ братомъ П. Г. объ Успенской церкви, и онъ рѣшительно не допускаетъ существованія теперь той церкви, въ которой Хмельницкій присягалъ. Та сгорѣла, и можетъ быть какіе либо брусья изъ нея попали въ нынѣшнюю.

Суворину и Шубинскому можно бы отвѣчать, что „не візьме чорт Вашего „Историческаго Вѣстника“, и „Кіевская Старина“ никакая ему соперница. Они богаты деньгами и подпискою, мы—только теплымъ сочувствіемъ. Не будь этого сочувствія, я давно бы бросилъ дѣло. Долго ли проживу, не знаю. Дай мнѣ кто нибудь 10.000 р. до усмотрѣнія, тогда и я сказалъ бы: „побачимо, чій батько дужчій“. Другими словами, если бы я имѣлъ средства давать листовъ по 15 въ мѣсяцъ въ книжкѣ, заказывать приложенія у Панемакера, употреблять самую лучшую бумагу и не только оплачивать но даже заказывать статьи, не стѣсняясь размѣрами гонорара, тогда возможна была бы конкуренція. Теперь у меня 500 подписчиковъ, а у нихъ, вѣрно, тысячи двѣ. Притомъ тамъ нѣсколько предпріятій, другъ друга поддерживающихъ, и къ ихъ собственнику вполнѣ приложимы слова „добре чортови въ дудочку грати, сидя въ очереті,—одну злама, другу виріже“...

Сейчасъ Терновскій Ф. А. [2]) говорилъ мнѣ, что Голубевъ [3]) (доцентъ, у котораго малорусскій переводъ Евангелія 1581 г.) возвратившись изъ Львова, заявляетъ, что по сличеніи этой рукописи съ какимъ то польскимъ переводомъ онъ не даетъ ей никакого значенія, называя ее контрекрипціею съ польскаго. Но я готовъ ему сказать: „одури того, въ кого носа нема“. Я самъ читалъ эту рукопись и могу сказать, что она наша, хоть и волынская. Всячески я Вамъ доставлю ее, какъ Богъ въ Кіевъ принесетъ“.

„Батюшокъ“ Левицького вскорѣ въ главное управленіе пошлю, и тогда Данилевскому [4]) напишу; а пока, уступая общему напору, отдалъ въ переводъ романъ Ежа о Богданѣ Хмѣльницкомъ, чтобы было легкое чтеніе. Переведу и „Стемпковского“ доктора Ролле. Въ Мартовской книжкѣ будетъ „Семенъ Гаркуша“ по архив. источникамъ. Статей много шлютъ, документовъ всякихъ еще больше, но подписка едва-едва поднимается. Хотѣлось бы знать какое впечатлѣніе производитъ наша обертка. Я получилъ изъ Вѣны замѣтку о такихъ же кафляхъ въ Галиціи, гдѣ это художество и теперь процвѣтаетъ. Не взялся ли бы какой свѣдущій человѣкъ поговорить вообще о малорусскомъ художествѣ по поводу нашей обертки и моего къ ней объясненія? Вѣдь это tabula rasa.

Говорилъ мнѣ А. О. Вороновъ, что у него въ рукахъ была книжка XVII ст. на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „La Pologne et Cosa-

---

[1]) Київський колекціонер, непевний, як більш комерційна, ніж наукова людина.
[2]) Відомий учений, профес. церковної та руської історії.
[3]) Проф. Київ. дух. академії.
[4]) Російський письменник, тоді редактор „Правит. Вѣстн.“

ques" или что то въ этомъ родѣ, а въ той книжкѣ въ началѣ пространный разсказъ о пребываніи Богдана (Хм.) в Парижѣ. Дававшій ему эту книжку его знакомый утвердительно говорилъ, что она есть въ Имп. Пуб. Библіотекѣ. Не можете ли поискать и извлечь это крайне интересующее извѣстіе?

Вашу „Руину", а затѣмъ и „Мазепу" я немедленно по полученіи сдалъ И. П. Новицкому [1]) для составленія бібліографическихъ замѣтокъ; но онъ какъ получитъ Вашу книжку, такъ и запьетъ. Ужасная злость беретъ! Вчера былъ у него: говоритъ, что на вторникъ изготовитъ, но от него водкой несло. А талантливий и свѣдущій человекъ! Антоновичъ заваленъ работой. Вчера передалъ ему Вашъ поклонъ и что будете къ нему писать. Тамъ же узналъ, что Багалѣй [2]), а не Буцинскій [2]) выбранъ въ Харьковъ. О Буцинскомъ рецензію написалъ Антоновичъ и немножко его пошарпалъ за батька Богдана. Словомъ: эрудиція плоха, и ссылки, и пріемы недобросовѣстны. Это несогласимо будетъ съ Вашимъ о немъ отзывомъ, но и здѣсь извѣстно, что Вы по добротѣ сердечной похвалили, да кромѣ того Вамъ и не съ руки было побивать того, кто съ Вами объ одномъ лицѣ писалъ.

Архивъ генералъ-губернаторской канцеляріи еще мнѣ не открыли и архива кіево-губернской канцеляріи еще не передали въ Центральный; но надѣюсь, что это устроится.

Тутъ въ одномъ мѣстѣ есть современная Уманской рѣзни картина оной. Хочу добыть. Скальковскій [3]) прислалъ мнѣ письмо Гладкого. Оказывается, что въ Сѣчи полковниковъ не было, а давался санъ полковника и перначъ тому куренному, который назначался въ походъ; по возвращеніи онъ отдавалъ перначъ, а съ нимъ и званіе полковника. Не потому ли и Желѣзнякъ назывался полковникомъ, и не былъ ли онъ назначенъ подъ Умань Кошемъ?

Глубокоуважающій Васъ и искренно преданный Вамъ Ѳ. Лебединцевъ".

IV.

Фінансова справа „Київ. Стар." стояла досить негарно. Витрати на перші роки видання перебільшували, як це завжди буває в новому ділі, здобутки: передплатників було на початку квітня 1882 р. 700, а потім набігло ще більш двох сотень, але на другий 1883-й рік їх зменшилося (однак перші роки передплатників було мало не 700—800), бо відпали випадкові передплатники, наприклад московські та инші великоросійські релігійні люди, що сподівалися знайти в часопису „Київська Старина" описи київських та инших манастирів, печер, життєписи святих то-що. Лебединцев з першого до останнього часу видання „К. Стар." завше скаржився, що він несе збитки, що йому ні з чого жити, що доведеться кинути видання журналу. Покинувши думку про здобування грошей на утримання себе й чималої родини будівництвом у Київі, Т. Г—ч мріяв збудувати такий орган, що давав-би йому через рік—два і прибуток на зразок „Русской Старины" або „Историч. Вѣстника", що почав видаватися в 1880 р. і за два роки став дохідним підприємством. Навіть мріялось і про долю „Вѣстн. Европы"... Брат Т. Л—ва Данило Гаврилович, писав йому: „Стасюлевич (ред. „В. Е.") в 1-й и 2-й годъ изданія Вѣс. Ев. получилъ убытокъ, на 3-й годъ изданіе окупилось, а затѣмъ сдѣла-

[1]) Знавець архівів і української історії, відомий у Київі з 70 по 90 роки.
[2]) Історики, проф. Харківськ. Ун—ту.
[3]) Історик, що писав і видавав матеріяли про Запоріжжя.

лось постоянною арендою или дойною коровою" [1]). А справа з „Київ. Стар." йшла инакше. Хоч продавати одягу Теоф. Гавриловичу не траплялося, але й купувати не випадало на Київостаринські зиски.

Оці скарги та надії й примушували редактора вигадувати різні способи, щоб побільшити здобутки з „Київ. Стар.". Між иншим Лебединцев вишукує дешеву перекладну або дармову українську белетристику і разом лякається її, як би вона не одбила російських передплатників. Великі засоби вживає він, щоб одержати у Петербурзі „рекомендації", щоб передплачувати журнал по школах та по инших установах (мітр. Київський Платон, після заходів П. Г. Лебединцева рекомендував передплату у себе по єпархії). Теоф. Г—ч робив навіть „мины нѣкія" до Д. Толстого, тодішнього Мін. Внутр. Справ, про грошову державну субсидію.

Про всі ці клопоти та заходи Лебединцев і пише Костомарову в 9, 10 та 11 листах за один тільки місяць Лютий 1883-го р.

13 го числа він пересилає М. І. гонорар і каже: „Спѣшу очистить себя многоуважаемый и добрѣйшій Николай Ивановичъ отъ лежащаго на мнѣ долга передъ Вами и, не ожидая выхода книжки, въ которой конецъ „Жидотрепанія", выслать надлежащій гонораръ по такому расчету.

Изъ „Жидотрепанія" вышло $2^1/_2$ печатн. листа, что по цѣнѣ 200 р. за лист составляетъ—500 р.

Изъ „Кулиша" вышелъ неполный листъ, именно безъ 2-хъ стр., или $^1/_8$ части, что при листовой цѣнѣ 100 р. дает 87 р. 50 к.

Въ „Жидотрепаніи", кроме $2^1/_2$ листовъ, есть еще десятка три строк, но мнѣ засчитываются пустыя мѣста в началѣ и концѣ, каковыя есть теперь да и прежде были. Итого причитается—Вамъ 587 р. 50 к.

А за высылкою въ редакцію „Дѣла" не уплаченныхъ до конца года 12 р. за заказанный Вами экземпляръ газеты и 1 р. за „Крашанку" всего же 13 р.—осталось 574 р. 50 к., каковые полностью при семъ препровождаю.

Хотя говорятъ, что долгъ платежемъ красенъ, но и сего для меня не довлѣетъ, и прошу Васъ принять еще мою сердечную благодарность за то, что дали мнѣ возможность украсить первыя книжки сего года „Трудами плодовъ Вашихъ".

Теперь нѣсколько словъ о „Старинѣ" нашей. Положеніе ея прежнее,—неопредѣленное, критическое. Подписка, поднявшаяся было на 20% противъ прошлогодней, теперь опять съ нею сравнялась. Предоставленное самому себѣ, т. е. обыкновенному теченію, изданіе не выдержитъ не только 5-ти лѣтняго искуса, какъ „Русская Старина" но даже и трехлѣтняго, а оно должно бы имѣть серьезное значеніе въ нашемъ умственномъ направленіи и движеніи. Его нельзя бросать въ виду первой неудачи, отъ чего я, по финансовымъ средствамъ, недалекъ. Его нужно бы всѣми силами поддерживать,—я могу и другую работу найти, но врядъ ли скоро могла бы явиться другая „Кіевская Старина".

Важно было бы опредѣлить причину неуспѣха „Кіев. Старины". Однако новостью дѣла нельзя сего объяснить, ибо много о ней бодраго сказано, а дурного, кромѣ „Старины" нигдѣ ничего. Не печатали, а писали и говорили, что журналъ скученъ, что надо бы повѣстей, романовъ. Хотя и съ ущербомъ для чистой исторіи, я рѣшился уступить этому требованію, но врядъ ли и это поможетъ и едва ли въ этомъ корень неудачи. Мнѣ кажется,—главныя причины въ той деморализаціи, которая ведется чуть ли не со временъ Выговскаго, въ томъ извращеніи понятій о Южной Руси, ея значеніи въ общей жизни Россіи, и конечно, ея

[1]) Відд. Рукописів Всен. Б—ки, III, № 6809.

исторіи, которое примѣчается равно въ малорусской, какъ и въ русской публикѣ. Единая недѣлимая Россія—восклицаютъ Юзефовичи, слѣд., нечего трогать Южной Россіи, ея исторіи, языка и пр., а слѣд. и никакого такого журнала не нужно. Кто думаетъ иначе, того уже и сепаратистомъ и чѣмъ угодно готовы считать. Посылка вѣрная, а въ заключеніи ложь, ибо въ заключеніи больше, чѣмъ въ посылкѣ. Если Вы раздѣлите сей мой взглядъ, то не признаете ли возможнымъ особою гдѣ либо статьею просвѣтить всероссійскую публику насчетъ значенія южнорусской исторіи и этнографіи въ общемъ нашемъ образованіи и умственномъ развитіи да и жизни государственной? Статья эта имѣла бы, конечно, характеръ публицистическій, а не научный, а потому она и должна бы явиться въ большой газетѣ, какъ „Новое Время". Что она помогла бы „Кіевской Старинѣ", въ томъ я не сомнѣваюсь. Я глубоко, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ въ томъ, что россійская публика сильно на нашъ счетъ заблуждается и что ей крайне необходимо такое просвѣщеніе.

Писалъ бы еще, да уже некогда. Скажу одно: статьи и матеріалы прибываютъ, а подписка идетъ подло.

Помогайте намъ, подкрѣпляйте насъ, а къ Вамъ мы всегда съ великимъ почтеніемъ и искреннею преданностью Ѳ. Лебединцевъ".

На другий-же день, 14-го лютого Т. Г—ч пише:

Простите, Многоуважаемый Николай Ивановичъ, что я замедлилъ отвѣтомъ на Ваше письмецо и благодарностью за присланную при немъ замѣтку о Почаевѣ. Быть можетъ, причиною сему было и то горькое ощущеніе, которое я испыталъ, получивши отъ Васъ въ слѣдъ затѣмъ подписную плату. Не знаю, чѣмъ могло быть вызвано это обстоятельство и что бы оно означало. Догадываться, конечно, можно, но подъ часъ лучше быть недогадливымъ. Утѣшаю себя тѣмъ, что цѣною всякаго рода ощущеній мнѣ удалось, однако, спасти отъ рѣшительной гибели изданіе, которое можетъ окрѣпнуть и быть полезнымъ. Уже теперь имѣю на это надежду.

За симъ примите мою искреннюю глубокую благодарность за присланную замѣтку и позже Вашего славнаго Богдана, иже четвертымъ типомъ издалося. Я его немедленно сдалъ Антоновичу на рецензію, и надѣюсь, что онъ теперь не смикититъ, какъ прежде съ Мазепой [1]). Впрочемъ, и относительно сего надѣюсь исправить его вину и его же руками, когда кончатся Ваши „Мазепинцы" и выйдетъ 2-мъ изд. „Мазепа", что, какъ я слышалъ, исполнится скоро. Это тѣмъ болѣе желательно, что у Антоновича, какъ самъ онъ говорилъ, есть много документовъ о Мазепѣ не изданныхъ, а мнѣ вскорѣ обѣщали изъ Переяслава „Лѣтописецъ", въ которомъ, судя по доставленнымъ выдержкамъ, найдется немало новаго и любопытнаго.

О „Батюшках" и Галаганъ отозвался ко мнѣ непривѣтливо, а здѣсь не только всѣ въ восторгѣ, но читавшіе эту повѣсть въ подлинникѣ единогласно признали, что отъ переложенія (!?) она много выиграла, а главное—избавилась отъ присущей автору слащавости. Мнѣ она нравится найбольше тѣмъ, что многолистная и безплатная и въ голодные мѣсяцы куда какъ пригодится.

О приключеніи съ Вами у арки [2]) поскорбѣлъ, да слава Богу, что оно недорого обошлось.

[1]) На „Мазепу" К—ва В. Б. Антонович рецензії не написав; а на „Б. Хмельницького" надрук. за підписом В. А. в „К. Ст." 1884 р., № 6.

[2]) Коло Арки Генер. Штабу, на Вел. Морській вул. в Петербурзі на початку 1883 р. Мик. Ів. мало не роздавили коні.

Располагаете ли на съѣздъ въ Одессу ѣхать? Я настолько, что и билетъ получилъ.

Позвольте пожелать Вамъ полнаго здоровья и успѣха въ трудахъ Вашихъ. Глубокоуважающій Васъ и сердечно преданный Ѳ. Лебединцевъ".

23-го того-ж таки лютого редакторъ „К. Ст." посилає К—ву нового листа:

„Сердечно и глубоко Вамъ благодаренъ, многоуважаемый Николай Ивановичъ, за Ваше послѣднее письмо и переговоры съ достойнѣйшимъ всякаго почтенія Аѳанасіемъ Федоровичемъ [1]).

Я охотно послѣдовалъ бы его совѣту теперь же, но вотъ въ чемъ дѣло. Еще въ половинѣ генваря я послалъ Демьянову [2]) экземпляръ за прошлый и первую книгу нынѣшняго года и продолжаю посылать, а въ письмѣ написалъ только, что посылаю въ благодарность за его вниманіе по службѣ и на знакъ того, что, оставивъ офиціальную службу дѣлу просвѣщенія, не перестаю частнымъ трудомъ служить тому же дѣлу. Прибавилъ, что въ прошломъ году не посылалъ, не надѣясь довести до конца года, а въ нынѣшнемъ явилась нѣкая надежда на продолженіе дѣла, потому и посылаю. Просить теперь сразу о рекомендаціи неловко, да и ненадежно, когда неизвѣстно, какъ принято Демьяновымъ мое подношеніе. Важно здѣсь знать, какъ принято. Конечно, онъ не читалъ, да и не можетъ читать, но самое подношеніе, внѣшній видъ изданія, объемъ его, перечень статей—все это могло оставить въ Демьяновѣ извѣстное впечатлѣніе. Вотъ это именно впечатлѣніе и нужно было теперь знать, чтобы сдѣлать дальнѣйшій шагъ—просить рекомендаціи, если оно сколько-нибудь благопріятно.

Узнать это Аѳанасію Федоровичу не будетъ никакого труда. Какъ онъ самъ, спасибо ему, выписываетъ „Старину", то стоитъ ему вскользь упомянуть въ разговорѣ, чтобы вызвать такой или иной отзывъ Демьянова. А можетъ быть, возможенъ былъ бы и такой вопросъ: Вы-де получаете... какъ Вамъ показалась?

Не примете ли, многоуважаемый Николай Ивановичъ, на себя трудъ попросить Аѳанасія Федоровича объ этой маленькой услугѣ? А она для меня не маленькая была бы, ибо Аѳан. Федор., какъ читатель и подписчикъ, могъ при семъ свое мнѣніе сказать, а это уже нѣсколько протерло бы дорогу.

Есть одно обстоятельство, ничтожное по существу, но которое по совпаденію времени кажется мнѣ какъ будто благопріятнымъ признакомъ. Именно послѣ посылки мною экземпляра Демьянову поступило предложеніе объ обмѣнѣ изданіями отъ Журнала Мин. Нар. Прос., а за редактора подписался извѣстный фаворитъ Демьянова Георгіевскій [3]). Этотъ журналъ не мѣняется, какъ казенный, и прежде не предполагалъ, и въ этотъ годъ предложилъ лишь въ концѣ генваря. Не сказалъ ли Демьяновъ Георгіевскому: предложите обмѣнъ, да присматривайтесь, можетъ быть и рекомендовать можно. Но у Георгіевскаго рожа, говорятъ и мерзкая, и такая же точка зрѣнія. Я конечно, обмѣнъ принялъ, но и теперь, мнѣ кажется, что-нибудь въ этомъ родѣ есть. Аѳанасій Фед., просто заговоривъ съ Демьяновымъ о „Старинѣ", могъ бы тѣмъ самымъ и это раскрыть, если тутъ что есть, а одно простое упоминаніе не обязывало бы его къ рекомендаціи, ни въ какой либо просьбѣ.

Что до Дрентельна, то на него нельзя надѣяться. Онъ могъ бы Тол-

[1]) Бичков директ. П-бурзької Публічн. Б-ки.
[2]) Мін. Нар. Освіти на той час.
[3]) Службовець М. Нар. Осв., голова ученого комітету М. Н. О. на той час.

стому [1]) рекомендовать, а не Демьянову. При томъ онъ какой то безучастный, хотя не только выписываетъ, но и читаетъ „Старину". О Бибиковѣ ему очень понравилось, какъ говорили, что такія статьи могутъ быть полезны для края. Едва-ли, впрочемъ, не онъ того мнѣнія. что въ „Старинѣ" проглядываетъ наклонность къ украинофильству. Мнѣ передавалъ это цензоръ, а я ему сказалъ: надо умѣть читать, тогда и наклонности не примѣтите.

Ежъ единственно годный для перевода: онъ и талантъ, и болѣе всѣхъ объективенъ; да и заказъ перевода сдѣланъ раньше, чѣмъ появилось начало въ „Русской Мысли".

Какъ образчикъ мнѣній о „Старинѣ": какой то Максимовъ пишетъ мнѣ, что они (въ Курской губ.) были того мнѣнія, что въ ней только о гетьманщинѣ пишется.

Будьте здоровы и дай Вамъ Богъ всего добраго!

Искренно преданный Вамъ Ѳ. Лебединцевъ".

Приписки з боку листа: 1) Добылъ я портретъ кн. Константина Острожскаго и хочу приложить, да и біографію кстати. 2) Исторія изысканій Кіевскихъ древностей обѣщаетъ быть очень интересною. Я пріобрѣлъ свыше 1000 листовъ бумагъ объ этомъ, которыя теперь разбираетъ Антоновичъ.—Попалась мнѣ также переписка рабовъ Потемкина—Гарновскаго и Попова съ разными лицами. Очень интересны, да разобрать некогда. Есть письмо одной барыни къ Потемкину, гдѣ онъ о нѣкіихъ дѣйствіяхъ пишетъ мужскимъ слогомъ, называя вещи по имени. 3) Ужъ не послать ли экземпляръ („К. Ст.") и гр. Д. А. Толстому и не повести ли мины нѣкія на счетъ той же субсидіи и въ этомъ направленіи, дабы развѣдать, какой путь удобнѣе? Собственно, гр. Толстой благоволилъ ко мнѣ, да такъ злые люди разроднили сердца. 4) Гдѣ помѣщенъ разсказъ о пребываніи Хмѣльницкаго въ Парижѣ, болѣе точныхъ свѣдѣній добыть не могу. А очень хотѣлось бы имѣть въ печати этотъ разсказъ.

V.

Коли за перші три місяці 1883-го року з'ясувалося, що передплата на „Київську Старину" навіть зменшилася, порівнюючи з попереднім роком, Лебединцев занепав духом. Допомоги чекати не було звідки; порада Костомарова звернутися до заможних українців-меценатів навела редактора на гіркі думки[2]). В листі до нього 14-го квітня 1883 р. Т. Г-ч хоронив „Київ. Стар." і писав, що замислив шукати наново службової посади.

Многоуважаемый и добрѣйшій Николай Ивановичъ!—пише Л—в,—Невыразимо тяжелое впечатлѣніе произвела на меня переданная Вами бесѣда Ваша съ Бычковымъ. Я никогда не думалъ, что онъ столько добръ. Впрочемъ, я не имѣю никакого права къ кому либо претендовать, я могъ бы лишь кое-что въ опроверженіе сказать въ родѣ того, что такіе же государственные вопросы разрабатываетъ и „Кіевск. Старина", какъ и Комиссія[3]), но первую могутъ тысячи читать, а вторую развѣ десятки, равно что газета можетъ лишь перемалывать то, что даетъ наука. Но и это говорить, кажется, напрасно.

Передать въ Комитетъ [4]) значитъ обречь на явную гибель. Тамъ для

[1]) Гр. Д. А. Толстой на той час Мін. Внутр. Справ.

[2]) Г. П. Галаган допомагав Т. Лебединцеву тільки своїм кредитом, обраховуючи його векселі.

[3]) Київська Комісія для розб. стародавн. актів.

[4]) Вчений комітет Мін. Нар. Осв.

дѣла членъ одинъ—Савваитовъ, а для разсужденій и осужденій найдется много, хотя лично я никого, кромѣ Савваитова, не знаю. Написалъ бы ему, да что толку: вѣдь его душа иная Совѣтъ обратиться къ Галагану и Тарновскому вызвалъ во мнѣ горькую улыбку. Первый все излишнее для себя давно записалъ на Коллегію, а самъ ѣздитъ на одрахъ и живетъ не по чину, а второй прошлымъ лѣтомъ едва не былъ проданъ съ молотка. Если бы была подобная возможность, я давно ею воспользовался бы. Терещенки—тельцы златые дали бы лишь тогда, когда имъ пообѣщали бы орденъ.

Братъ Даніилъ Г. передалъ Вамъ, конечно, свою бесѣду съ преосв. Леонтіемъ, который, по моей просьбѣ, также обращался съ ходатайствомъ. Ему иначе Демьяновъ говорилъ, но я болѣе вѣрю тому, что онъ Бычкову говорилъ. Просилъ (писалъ?) я и митр. Платону, хотя не знаю, какъ онъ принялъ мое письмо.

Что же теперь дѣлать? Вижу, что надо къ смерти „Старины" готовиться. Сердце кровью обливается, когда подумаю о томъ сочувствіи, которое она всюду вызвала и которое рѣдкій день не приноситъ мнѣ матеріала или статьи. „Кому вся сія будутъ?" Почто гибель сія наступаетъ? Но законъ смерти неумолимъ...

Я не прошу Васъ вновь бесѣду поднимать о „Старинѣ" съ Аѳан. Ѳед. (Бычковымъ), но Вы очень меня обязали бы, если бы приняли на себя трудъ спросить его, не сказалъ ли Демьяновъ чего либо по второй моей просьбѣ о принятіи меня вновь на службу, по наступленіи смерти „Старины". Мнѣ очень хотѣлось бы имѣть отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Когда я руки къ наукѣ протягиваю, а она меня назадъ толкаетъ, я долженъ въ экономы, въ приказчики идти. Лучше ли будетъ для науки, если и всѣ, въ моемъ положеніи находящіеся, будутъ отвергнуты наукою и станутъ экономами, вопросъ можетъ быть и праздный, но напрашивается невольно. Я, впрочемъ, одно желалъ бы знать, точно ли я и ни въ какомъ иномъ видѣ пригоднымъ не признаюсь. Прямой отвѣтъ на это Демьяновъ, вѣроятно, далъ уже Бычку, так какъ я предъ ними обоими вопросъ этотъ ребромъ ставилъ.

Сколько еще книжекъ я смогу выдать и на какой повисну, съ точностью еще сказать на могу; но когда наступитъ этотъ день, я, возблагословивъ имя Ваше, яко паче всѣхъ благодѣявшаго „Старинѣ", скажу со вздохомъ, что испробовалъ все, чтобы спасти ее, но сугубо несчастенъ тѣмъ, что всякому дѣлу въ жизни моей отдавался до самозабвенія, сынове же свѣта сего мудрѣйшіе паче насъ...

Если рѣшитесь вопросить Аѳан. Ѳедор. по второму пункту, не откажите извѣстить, что скажетъ.

Слышалъ я, что Вы на лѣто въ Прилуку хотите ѣхать. Заѣдете ли въ Кіевъ, чтобы взглянуть на переводъ 1581 года? Мнѣ это нужно раньше знать, чтобы въ руках имѣть!

Христосъ воскресъ, всѣмъ радость принесъ!
Но не воскреснетъ и не возрадуется „Старина"...
Простите за этотъ грустный напѣвъ.
Мнѣ невѣроятно тяжело на душѣ.
Искренно преданный Вамъ и чтущій Васъ Ѳ. Лебединцевъ.

По сім мало не на півроку листування Лебединцева з Костомаровим припинилося: після двох листів Мик. Ів. та одного Т. Г-ча у квітні 1883 р., ми маємо лише одну записку Мик. Ів. в серпні при пересиланні до редакції відозви про драму М. Старицького „Не судилось"[1]) і в са-

[1]) Надрук. в „К. Ст." 1883 р., № 9—10.

мому кінці жовтня до К-ва пише Лебединцев листа ділового, здержливого, холодного по тону. Скрутні фінансові обставини „Київ. Стар." примусили редактора її звернутися за допомогою до київських співробітників. „Мы рѣшили", каже Лебединцев, цеб-то редакційний комітет про даремну працю в журналі і поширення кількости передплатників. Костомаров рішуче відмовився давати дурно свої праці „Київ. Стар.", якої уперто і уїдливо вимагав редактор[1]).

Зпочатку клопоти приятелів і прихильних земляків, а найбільш у Г. П. Галагана, довели справу з допомогою журналу призначенням субсидії від Мін. Внутр. Спр. Галаган писав з Петербургу, що сам запевнився в М. Вн. Спр., за яким числом послано до Київ. ген.-губерн. Дрентельна про виплату субсидії, і дивувався, чого це Дрентельн затримує цю справу[2]). Лебединцев навіть пояснював причепки цензурного комітету до „Київ. Стар." з українським правописом, що нові утиски йдут з приводу призначеної субсидії: „Получилъ... такъ вотъ же ему!" Але не так склалося, як ждалося. В останньому (15-му) і одному з найцікавіших листів до К—ва редактор повідає про свої вимоги в справі провопису для українського тексту в „Київськ. Стар." і про те, як провів Юзефович закон 1876 року. Da ist der Hund begraben!

Лист Лебединцева 31-го жовтня 1883 р. починався зразу діловою заявою.

Многоуважаемый Николай Ивановичъ,—писав Т. Г.,— рѣшили мы, не надѣясь и не ожидая ничего, продолжать „Кіев. Старину" и въ 1884 г., но съ двумя условіями: во 1-хъ, никому не платить, кромѣ самыхъ крайнихъ случаевъ, а во 2-хъ, чтобы каждый сотрудникъ и знакомый подписчикъ пріобрѣлъ только одного подписчика.

Вамъ первому о семъ пишу и Васъ перваго прошу: во 1-хъ, напишите для „Кіевской Старины" совершенно безплатно, но не мелкую замѣтку, а что либо цѣльное и цѣнное, въ родѣ послѣднихъ дней гетманщины или кн. Константина Острожскаго, а во 2-хъ, пріобрѣтите для насъ одного только подписчика, который бы и значился такъ: подписчикъ имени Н. И. Костомарова. Пожертвованіе одной статьей на общее дѣло Васъ не раззоритъ, а будетъ памятникомъ спасенія „Кіев. Старины" отъ смерти.

Объявленіе въ ноябрьской книжкѣ уже напечатано; въ газетахъ скоро явится. Намъ очень было бы пріятно, если бы Вы приступили къ нашему союзу, ибо отсутствіе Ваше было бы очень замѣтно.

„Батюшки и Матушки" (листовъ 20 печатныхъ), отданные мнѣ также безмездно, начнутся также съ генварской книжки. Будутъ портреты Адама Киселя и Іереміи Вишневецкаго. Кромѣ всего прочаго пріобрѣлъ я: во 1-хъ, малороссійскую интермедію 1619 года, во 2-хъ, рукописный сборникъ XVIII ст. (половины) малорусскихъ пѣсень съ нотами (86 №№) и въ 3-хъ, собственноручныя записки Бориса Ивановича Куракина съ 1676 по 1710 г., гдѣ и о полтавской баталіи, въ которой онъ самъ участвовалъ.

Надежды на Галагана, Терещенка и даже оную (sic) субсидію оказались совсѣмъ пустыми.

Глубокоуважающій Васъ и преданный Вамъ Ѳ. Лебединцевъ.

Не без деякої ущипливости відповідав Т. Г—ч Костомарову на його байдужливий лист що до стану „Київ. Стар.", листом від 27-го листопада.

---

[1]) Лист К-ва від 4-го листоп. 1883 р. див. в „Україні" 1907 р., ч. 11—12, стор. 269—271.

[2]) Лист Галагана до Т. Л—ва від 30-го лютого 1884 р. в Відд. рукоп. Всенар. Б-ки України. III, ч. 3787.

Многоуважаемый Николай Ивановичъ!

Вы не нашли возможнымъ принять предложеніе, которое передано было Вамъ въ моемъ прежнемъ (письмѣ) и котораго, какъ общаго, я не считалъ себя въ правѣ не передать Вамъ.

По тону Вашего любезнаго письма сужу, что Вы и не поставили мнѣ сіе въ вину, какъ не отъ меня лично исходящее и не къ Вамъ только однимъ обращенное, а это даетъ мнѣ возможность обратиться къ Вамъ съ другою совсѣмъ не новою просьбою, а именно: не найдете ли возможнымъ теперь, какъ и въ прошломъ году, написать рецензію на „Кіев. Старину" и помѣстить ее, гдѣ Вамъ любо будетъ, и преимущественно же въ „Русской Старинѣ". Трудъ Вашъ примутъ и вознаградятъ въ любомъ изданіи, а этимъ Вы поддержите изданіе, котораго во всякомъ случаѣ не назовете чуждымъ Вамъ или лишнимъ.

Теперь выяснилось до очевидности, что ниоткуда никакой запомоги дано намъ не можетъ быть и что надо дѣйствовать исключительно собственными силами, и если и они окажутся несостоятельными, тогда позволительно будетъ махнуть рукой, какъ Вы писали. Всячески начиная новый годъ, я его и кончу.

Съ глубокимъ уваженіемъ и преданностью имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Ѳ. Лебединцевъ.

На початку 1884 р. Костомаров переслав до редакції свою даремну статтю зі спогадами про одвідини Почаївської лаври [1]) та ще писав невеликі записочки редакторові в березні і червні того-ж року. Лебединцев відповів йому тільки раз великим листом 5-го березня 1884 р.

„Сегодня, Многоуважаемый Николай Ивановичъ,—писав Т. Г—ч,—въ день полученія Вашего письмеца, я не могъ видѣться съ Антоновичемъ по нездоровью и пока не увижусь, о документахъ Мазепинскихъ могу сказать, что они касаются частной жизни Мазепы. Сколько ихъ и каковы они, не знаю, но Антоновичъ когда то обѣщалъ по нимъ дорисовать Мазепу со стороны его частной жизни. Всячески ѣхать Вамъ собственно за ними въ Кіевъ не приходится, а на дняхъ я побываю у Антоновича, переговорю и особо напишу. Если я спѣшу это общее свѣдѣніе передать, то такъ сказать при случаѣ, собственно рѣчь моя о другомъ.

Завтра я посылаю письмо гр. Толстому [2]) и прошеніе въ Главное Управл. по деламъ печати, а равно письмо Бычкову по одному и тому же дѣлу—о дозволеніи мнѣ въ малорусскомъ текстѣ „Кіевс. Старины" держаться правописанія фонетическаго, какъ опредѣлила Академія Наукъ относительно Словаря Малорусскаго на Вашу премію. Прошу я объ этомъ потому, что далѣе житья нѣтъ съ цензоромъ по этой части. Вернувшись въ концѣ января изъ Петербурга, онъ, по личному приказу Ѳеоктистова [3]), сталъ такъ крестить небольшія малорусскія вещицы и отдѣльныя фразы, что уже набранное я выбрасывалъ, а „Батюшокъ" совсѣмъ пересталъ печатать, къ крайнему огорченію Кіевской публики. Главное гоненіе воздвигнуто на *і*, а без него обойтись нельзя. Доходитъ до нелѣпостей. Въ рецензії на „Покутье" Кольберга было сказано: „въ языкѣ гуцуловъ и подгорянъ буква *о* переходитъ въ *і* въ словахъ односложныхъ напр. кінь, віл и проч., и снова возвращается на мѣсто, когда то же слово пріобрѣтаетъ большее число слоговъ, напр." ...и т. д. Цензоръ оставилъ *і* только въ правилѣ, а въ примѣрахъ зачеркнулъ и поставилъ *и*, т. е. то, чего нѣтъ въ правилѣ или положеніи. Вѣдь это варварство. Я долженъ былъ

[1]) Надр. в „Київ. Ст." 1884 р., № 2, під заголовком „Изъ прожитыхъ на Волыни дней".
[2]) На той час Мін. Внутр. Справ.
[3]) Тоді Голова Управи в справах друку М. В. С.

выбросить примѣры. Теперь готова почти рецензія на книгу Потебни, а тамъ многое держится на звуковыхъ отличіяхъ и вездѣ у него *і*. Что же мнѣ дѣлать? Не говорю о томъ, что постыдно мнѣ возвращаться послѣ 2-хъ лѣтъ къ какому то новому правописанію Рафальскаго [1])—Ѳеоктистова—Юзефовича. Всего смѣшнѣе, что Ѳеоктистовъ указывалъ цензору на извѣстную злоехидную замѣтку „Кіевлянина" о моей якобы кулешівкѣ и пр. Точно онъ, Главн. Начальникъ печати, испугался гнуснаго и ничтожнаго Пихна. Вы видѣли, насколько я держался правописанія Кулиша.

Цензоръ свои помарки подкрѣпляетъ ссылкою на Высоч. повелѣніе 1876 г., т. е. то, которымъ закрытъ Юго-Западный Отдѣлъ Географическаго Общества, ограничена до невозможности Малорусская печать и т. д. и т.д. Юзефовичъ и теперь разсказываетъ, что Комитетъ, въ которомъ участвовалъ и Толстой, отвергъ всѣ эти дикія мѣры, Юзефовичемъ предложенныя[2]), и что онъ, Юзефовичъ, испросилъ имъ Высоч. санкцію чрезъ шефа жандармовъ Мезенцева, пославъ ему письмо на имя Государя, которое тотъ заграницею въ удобную минуту доложилъ. Вотъ какимъ путемъ явился тотъ невозможный законъ, что въ правописаніи малорусскомъ не должно быть малѣйшихъ отступленій отъ великорусскаго. Одинъ только разъ въ русской исторіи, при Тишайшемъ[3]) былъ данъ указъ о правописаніи, но тамъ было сказано: аще кто измѣнитъ *а* въ *о*... или *и* въ *і*...по природѣ тѣхъ городовъ, по ихъ обыклостямъ и того не ставить ему въ безчестіе.

Въ моемъ прошеніи и письмахъ я не возражаю противъ Выс. повел. 1876 г., но говорю, что по самой общности онаго, не опредѣляющей способа и тѣмъ болѣе случаевъ примѣненія малорус. правописанія къ русскому, и по массѣ особенностей того и другого, необходимо, въ дополненіе, указаніе научнаго принципа..., каковой и опредѣленъ уже Академіей Наукъ для Малор. Словаря.

Теперь моя покорнѣйшая къ Вамъ просьба: побывайте Вы, Многоуважаемый Николай Ивановичъ, у Бычкова и подкрѣпите Вашею просьбою мою просьбу къ нему—объяснить гр. Толстому всю невозможность полнаго примѣненія Выс. повелѣнія 1876 г. къ научному журналу, безъ руководящаго научного принципа. Всего обиднѣе то, что два года отъ меня этого не требовали, а теперь требуютъ по поводу субсидіи...Такъ безъ зазрѣнія совѣсти и говорятъ:....такъ вотъ же ему. И все это работа Юзефовича.

Недавно я получилъ изъ Переяславля ту лѣтопись, которая въ Сборникѣ Бѣлозерскаго подъ № 2-мъ. Въ этомъ спискѣ она гораздо полнѣе и числомъ годовъ, и записями подъ ними.

Искренно уважающій Васъ и сердечно преданный Ѳ. Лебединцевъ.

Приписки з боків листа: 1) Въ помянникѣ межигорскаго монастыря XVII ст. есть родъ Юзефовича съ поясненіемъ: пана цирюльника. 2) Антоновичъ (В. Б.) опять не успѣлъ рецензію на Богдана написать, но къ текущей книжкѣ обѣщаетъ непремѣнно[4]).

За останній рік життя Костомарова (пом. 7 квітня 1885 р.) ми не маємо ні одного листа до нього від Т. Г-ча, та, мабуть, листування і припинилося в другій половині 1884 року. Лебединцеву випадало вже ближче стати до організованого українського гурту, що ми бачимо і з справи з українським правописом. Субсидії державної „Київ. Стар." не

[1]) Київский цензор того часу.
[2]) Відомий закон 18-го травня 1876 р.
[3]) Царі Олексії Мих. в другій пол. XVII в.
[4]) Рукоп. Від. Всенар. Б-ки, листування III № 6817.

одержала (як ніколи і потім її не мала). Мін. Внутр. Спр. Д. Толстой та Голова Ценз. К-ту Феоктистов не захотіли прохати Мін. Фінансів Бунґе, хоча той і не відмовив-би в субсидії „Київ. Стар.“ та міг бути її ініціятором. А. Толстой поклопотався, щоб субсидію видали конкурентові Т. Лебединцева П. Батюшкову, що видав русифікаційні книжки „Волынь“, „Холмская Русь“, „Бѣлоруссія и Литва“. Перешкоджали субсидії і інсинуації, що найбільше йшли із Київа-ж [1]). Ми не зробимо помилки, як цю пригоду поставимо в звязок із домаганнями ред. „Київськ. Ст.“ поширити права українського слова хоч у вузьких межах фонетичного правопису: на варті охорони Російської держави від українського сепаритизму там, де його й не було, стояв „старий пес“, по виразу Т. Г-ча, „прізвище якого нічого й нагадувати“. Принаймні Галаган у листі 9-го травня 1884, коли вже знав про невиплату субсидії, з усією силою обурення накинувся на Лебединцева за домагання завести „фонетическія изобрѣтенія“, „сочиненное правописаніе“ у видання „почтеннаго журнала“ [2]).

Почалися нові часи для „Київської Старини“, коли редактор часопису міг спиратися лише на українське громадянство та на науково-літературні крайові сили.

Подав *Іг. Житецькій.*

ЛЮБЕЦКІЙ АРХИВЪ

ГРАФА МИЛОРАДОВИЧА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., д. № 4-й.
1898.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 21 мая 1898 года.

„Бабушка“ Настасья Степановна Полуботокъ
рожд. Леонтовичъ, р. 1732 † 1802.

Григорій Петровичъ Милорадовичъ
р. 1765 † 1828.

Александра Павловна Милорадовичъ
рожд. Кочубей, р. 1772 † 1838

Частный архивъ графа Г. А. Милорадовича принадлежитъ къ числу наилучше сбереженнымъ въ Малороссіи. Кромѣ бумагъ фамильныхъ, въ составъ его вошло много бумагъ постороннихъ, унаслѣдованныхъ Милорадовичами вмѣстѣ съ имѣніями. Владѣлецъ этого архива уже давно началъ печатать отрывки изъ него, то въ особыхъ брошюрахъ, то въ черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ *). Въ настоящее время гр. Г. А. Милорадовичъ намѣренъ приступить къ болѣе систематическому изданію тѣхъ или другихъ документовъ своего архива и настоящій, первый, выпускъ *Любецкаго Архива* представляетъ собою начало такого изданія.

Въ первый выпускъ „Архива" вошли слѣдующія бумаги:

I. *Бумаги Чарышей*, представляющія собою, главнымъ образомъ, юридическіе документы объ имущественнымъ отношеніяхъ вдовы генер. судьи Евдокіи Константиновны Чарышъ (надчерицы гетмана Скоропадскаго) съ ея пасынками и дѣтьми. Эти документы заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о семейственныхъ отношеніяхъ высшаго сословія въ старой Малороссіи и о томъ положеніи, которое занимала женщина этого сословія, какъ домоправительница. Въ этихъ же бумагахъ находится довольно полный перечень предметовъ домашней обстановки малорусскихъ пановъ втор. полов. XVIII в. Тутъ же помѣщены нѣ-

*) Очень много интересныхъ семейныхъ бумагъ напечатано гр. Г. А. Милорадовичемъ въ его книгѣ—„*О родѣ дворянъ и графъ Милорадовичей.*" (Кіевъ. 1871 г.).

сколько документовъ вымершей уже фамиліи Фридрикевичей происходившихъ отъ Мазепиного пасынка. Самый замѣтный изъ Фридрикевичей, Григорій Григоріевичъ, славившійся своею дѣловитостью, въ к. XVIII в., былъ женатъ на внучкѣ генер. судьи Чарныша, передавшей свои имѣнія по бездѣтству, брату мужа.

II. *Семейная переписка Настасьи Степановны Полуботокъ съ зятемъ П. С. Милорадовичемъ и внукою Н. П. Лашкевичъ и переписка послѣдней съ своимъ женихомъ, а потомъ мужемъ И. С. Лашкевичемъ.*

Главная часть этой переписки касается самовольнаго замужества дочери П. С Милорадовича съ Н. С. Лашкевичемъ, при покровительствѣ „бабушки", т. е. тещи Милорадовича *). Вся эта переписка рисуетъ намъ частную жизнь новонародившагося тогда малорусскаго дворянства, при чемъ особое вниманіе привлекаетъ къ себѣ типическое лице умной и энергической Н. С. Полуботокъ, письма которой свидѣтельствуютъ о томъ значительномъ развитіи, которое могла имѣть малорусская женщина втор. полов. XVIII в. Настасья Степановна пользовалась въ семьѣ особымъ почетомъ, на что указываетъ и надпись на сохранившемся ея портретѣ **).

III. *Письма Петра Степановича Милорадовича къ сыну Григорію Петровичу и отрывочныя письма изъ переписки послѣдняго съ своими знакомыми (1789—1800 г.г.).*

Переписка отца съ сыномъ касается преимущество хозяйскихъ дѣлъ, указывая на чемъ сосредоточивались интересы

---

*) Нѣсколько бумагъ, касающихся этого брака, напечатано въ книгѣ— *О родѣ дворянъ и графа Милорадовичей*, стр. 46—50 и 58—60.

**) На этомъ портретѣ имѣется такая надпись:

„1801 г., іюня 30 дня. Зри ся здѣсь Анастасію Полуботкову, жену добронравну, коя обычаемъ въ мирѣ влечетъ жизнь православну; шестдесятъ девять лѣтъ вѣку истекаетъ, шестирыхъ внукъ и двѣнадцать правнукъ питаетъ милостью, любовью и искренностью вседушно."

„1802 г., апрѣля противъ 20-го, почью, зрящи здѣсь добродѣтельная жена въ жизни своей бывши блаженна, въ грусти нашей преставилась, сочтя и сей же день являсь вишнего совѣта готовая дать отвѣтъ въ своихъ дѣлахъ. О, Боже, прійми душу ея и упокой прахъ".

тогдашняго панскаго хозяйства. Тутъ же находятся и нѣкоторыя подробности тѣхъ мѣръ, которыя принималъ П. С. М—чъ, преслѣдуя самовольное замужество дочери.

IV. *Любецкіе акты (1637—1708 г.г.)* заключаютъ въ себѣ одни юридическіе документы; ихъ не много, но они даютъ интересный матеріалъ для изученія юридическаго быта сѣверо-западнаго уголка Черниговщины, который будучи защищенъ отъ сосѣдей болотами, сохранялъ дольше другихъ мѣстностей архаическія формы въ общественномъ быту.

Какъ необходимое пособіе при чтеніи помѣщенныхъ въ этомъ выпускѣ семейныхъ бумагъ, прилагаются отрывки изъ родословниковъ Чарнышей, Фридрикевичей, Леонтовичей и Полуботковъ.

Кромѣ того, къ книгѣ приложены три портрета (цинкографіи): 1) „бабушки“ Настасьи Степановны Полуботокъ, 2) Григорія Петровича Милорадовича и 3) жены его, Александры Павловны, рожденной Кочубей.

А. Лазаревскій.

РОДОСЛОВНИКИ

Чарнышей, Фридрикевичей, Леонтовичей и Полуботковъ.

1. Чарныши.

№ отца.

1. **Иванъ Чарнышъ**, въ 1698 году войсков. канцеляристъ; въ 1700 г.—«господарь замку батуринскаго»; въ 1709 г.—полковникъ гадяцкій и въ 1715 г. генеральный судья. † 1728 г., въ Москвѣ, гдѣ былъ поселенъ послѣ суда надъ нимъ и и другими участниками въ дѣлѣ Полуботка.

Ж. 1-я, *Елена Степановна Гречаная.* 2-я, *Ездокія Константиновна Голубовна*, отъ брака *К. Голуба* съ *Настасьей Марковной*, бывшей во второмъ замужествѣ за гетманомъ Скоропадскимъ. † 1743.

2. **Иванъ**, отъ перваго брака, бунчук. товарищъ . . . . . 1.
3. **Петръ**, отъ перваго брака . . . . . 1.
4. **Иванъ**, отъ втораго брака † 1741 . . . . . 1.
5. **Семенъ**, отъ втораго брака † 1742 . . . . . 1.
6. **Яковъ**, отъ втораго брака, войск. канцеляристъ † 1745. *Ж. Марфа Степановна Ширай*, бывшая потомъ замужемъ за *Михайломъ Васильевичемъ Скоропадскимъ*, генер. есаул. 1.

   Настасья, отъ втораго брака † 1742. М. *Забѣла* . . . . . 1.

   Анна, отъ втораго брака † 1745. . . . . 1.

   Елена, отъ втораго брака † 1741 . . . . . 1.
7. **Иванъ**. . . . . 2.
8. **Данило** . . . . . 2.
9. **Александръ** . . . . . 2.

   Анна. *М. Григорій Григорьевичъ Фридрикевичъ* . . . . . 6.

2. Фридрикевичи.

1. **Самуилъ Фридриковичъ Козма**, полковникъ бѣлоцерковскій, прежде 1653 г. По грамотѣ 1653 г. Яна-Казиміра, «шляхетнымъ Самуилу Фридрику, полковнику давнему и тестю его Семену Половцю» подтверждены мельницы на р. Роси, на *грунтѣ Буки*. По акту 1660 г., «славетный п. Самуель Фридриковичъ Козма, бывшій полковникъ бѣлоцерковскій», купилъ въ Бѣлой-Церкви домъ, «прозываемый Аврамковскій». Ж. *Дочь Семена Половца*, полковника бѣлоцерковскаго. 2-й *ея мужъ* гетманъ *Иванъ Мазепа*.
2. **Криштофъ**, сотникъ седневскій, 1699 † 1700 . . . . . 1.
Ж. *Катерина Богдановна Войцеховичъ*.
3. **Григорій**, бунчук. товар. Ж. *Федосья Степановна Томара*. 2-й ея мужъ *Степанъ Леонтовичъ* [1]).
Марья. М. 1-й, сынъ стародубскаго войта Спиридона Шпрал. 2-й, неизвѣстный полякъ. Умерла монахинею въ Макошинскомъ дѣвич. монастырѣ. . . . . 1.
Евдокія. М. Федоръ Грембецкій, значк. товар. . . . . 1.
Анна. М. *Константинъ Савичъ*, [2]) сотникъ любецкій . . . 1.
4. **Григорій**. дѣйств. статск. сов., 1797. Ж *Анна Яковлевна Чарнышъ*. Потомства не оставилъ. . . . . 3.

3. Леонтовичи.

1. **Степанъ Леонтовичъ**, хоружій полк. черниговскій. Ж. *Федосья Степановна Томаровна*, вдова Григорія Фридрикевича. См. выше.
2. **Степанъ**, полковникъ. Ж. *Софья Васильевна Дунинъ-Борковская* [3]) . . . . . 1.

---

1) „По смерти покойного Григорія Фридрикевича, оставшаяся жена его Томаровна вышла замужъ за Стефана Леонтовича, неслужачого, который примандровавши съ Полщи, жилъ въ дѣтей покойнаго сотника Войцеховича, сотника седневского, инспекторомъ, и тамъ зъ собою познавшися, оженился на Томаровнѣ, не такъ якъ пристойно". Показаніе сотника Рыши въ 1728 г.

2) О его потомствѣ см. ниже, стр. 49.

3) См. Опис. Стар. Малороссіи. I, 469.

3. **Иванъ**, бунчук. товар.. . . . . 1.
Настастья, р. 1732 † 1802. М. *Семенъ Яковлевичъ Полуботокъ* († 1752), который женился на Настасьѣ вдовцемъ, послѣ смерти первой своей жены Анны Андреевны Стаховичъ . . . . . 1.
Пелагея. М. *Лаврентій Андреевичъ Раковичъ*, майоръ . . . 1.
Катерина. М. *Василій Иеановичъ Силичъ*, надв. совѣтникъ. 1.
Анна. М. *Павелъ Ивановичъ Лысенко*, бунчуков. товарищъ . 1.

---

4. Полуботки.

Семенъ Яковлевичъ Полуботокъ, внукъ наказнаго гетмана Павла Полуботка, бунчук. товарищъ. Род. 1724 † 1752. Ж. съ 1745 г., *Настасія Степановна Леонтовичъ*, р. 1732 † 1802.

Отъ этого брака было двѣ дочери:

1. **Софья**, род. въ 1747 г., вышла замужъ за черниговскаго полковника *Петра Степановича Милорадовича* въ 1764 г., умерла въ 1773 г.
2. **Федосья**. М., бунчук. товарищъ *Михаилъ Михайловичъ Стороженко*.

Отъ брака П. С. Милорадовича съ Софьей Семеновной Полуботокъ, въ 1760 г., родилась дочь *Настасья*, вышедшая въ 1789 г замужъ за секундъ-майора *Ивана Степановича Лашкевича*. Настасья Петровна умерла въ 1833 году и похоронена въ с. Брахловѣ, въ церкви, а Иванъ Степановичъ умеръ въ 1822 году и похороненъ въ церкви въ с. Жукоткахъ.

Отъ брака М. М. Стороженка съ Федосьей Семеновной Полуботокъ родился сынъ *Николай Михайловичъ Стороженко* [1]), бывшій черниговскимъ губернскимъ предводителемъ и умершій въ 1815 г. Женатъ онъ былъ на *Маріи Андреевнѣ Милорадовичъ*.

---

[1]) Въ текстѣ, на стр. 49-й, ошибочно сказано, что у Михайла Михайловича Стороженка дѣтей не было.

Оглавленіе.

I. Бумаги Чарнышей.

стр.

1. Запись гадяцкаго полковника Ивана Чарныша второбрачной своей женѣ Евдокіи Голубовнѣ. 1710 г., 9 ноября . 1
2. Запись вдовы генер. судьи Ивана Чарныша, Евдокіи Константиновны дѣтямъ своимъ на недвижимыя имѣнія. 1733 г. 2
3. Полюбовный раздѣлъ между вдовою генер. судьи Ивана Чарныша Евдокіею Константиновною и ея пасынкомъ Иваномъ Чарнышемъ. 1735 г., 4 іюня. 6
4. Подписка бунч. товарища Ивана Чарныша, выданная мачихѣ своей о миролюбномъ окончаніи споровъ за наслѣдство генер. судьи Ивана Чарныша и первой его жены Елены Гречановны. 1735 г., 4 іюня. 8
5. Вѣновая запись бунч. товарища Якова Чарныша женѣ своей Марфѣ Шираевнѣ. 1745 г., 25 февраля. 10
6. Дополненіе къ вѣновой записи, выданной бунч. товарищемъ Яковомъ Чарнышемъ женѣ его Марфѣ Шираевнѣ. 1745 г., 4 іюля. 12
7. Духовное завѣщаніе войск. канцеляриста Якова Чарныша. 1745 г., 27 декабря 18
8. Опись движимости, оставшейся послѣ смерти Марфы Степановны (по второму мужу) Скоропадской, въ Подоловскомъ домѣ. 1764 г., 4 марта 20
9. Протестъ дочери Якова Чарныша Анны, противъ насилій тетки ея Прасковьи Судьенковой. 1765 г., 26 марта . . 27

стр.

10. Дарственная запись жены Григорія Фридрикевича, Анны Яковлевны, на ея имѣнія, бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу. 1766 г., 16 мая. 35
11. Духовное завѣщаніе дѣйств. ст. совѣтника Григорія Григорьевича Фридрикевича. 1797 г., 28 апрѣля 38
12. Условія дѣлежа наслѣдства, оставшагося послѣ Ивана, Василія и Степана Леонтовичей. 1799 г., 9 сентября. . 44
13. Выписка изъ «реестра имѣнію и разнымъ вещамъ, принятымъ въ опеку Ульяною Еньковою, оставшимся по Гр. Гр. Фридрикевичу». 1799 г. 47

II. *Бумаги о женитьбѣ Ивана Степановича Лашкевича на Настасьѣ Петровнѣ Милорадовичъ и частная ихъ переписка.*

1—32. Письма П. С. и Г. П. Милорадовичей, Н. С. Полуботокъ, И. С. и Н. П. Лашкевичей. 1788—1789 гг. . . 50—85
33. Рѣшеніе городницкаго уѣздн. суда по жалобѣ П. С. Милорадовича на тещу Н. С. Полуботокъ и ея брата, Г. Г. Фридрикевича, «за неотдачу» дочери Анастасіи. 1789 г., 14 ноября. 85
34. Прошеніе П. С. Милорадовича новгородъ-сѣверскому архіерею о томъ, чтобы дочь его Настасью мѣстные священники съ И. С. Лашкевичемъ не вѣнчали. 1789 г., мартъ. 94
35. Постановленіе сосницкаго уѣзднаго суда о разрѣшеніи Настасьѣ Милорадовичевнѣ выйти замужъ за И. С Лашкевича 1779 г., 22 мая 96
36. Рѣшеніе новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда по жалобѣ П. С. Милорадовича на сосницкій уѣздный судъ за дозволеніе дочери его выйти замужъ. 1790 г., 5 декабря. 99
37. Рѣшеніе новгородсѣверской палаты гражданскаго суда по жалобѣ П. С. Милорадовича на рѣшеніе 2-го новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда. 1791 г., 28 января . 103
38. Прошеніе П. С. Милорадовича въ городницкій уѣздный судъ объ отреченіи отъ дочери и о лишеніи ея права на материнское имѣніе. 1789 г., 9 августа. 108

стр.

3 Улиточная запись Настасьи Петровны Лашкевичъ на материнское имѣніе мужу своему И. С. Лашкевичу. 1760 г. 11 іюля 111

4 Мировое прошеніе П. С. Милорадовича, Г. Г. Фридрикевича и Н. С. Полуботокъ. 1791 г., октябрь 113

4 Прошеніе П. С. Милорадовича въ сенатъ о прекращеніи дѣла, возникшаго по жалобѣ на засѣдателей сосницкаго уѣзднаго суда. 1791 г. 115

4 Уступочная запись Н. С. Полуботокъ своихъ имѣній ея внукамъ, Г. П. Милорадовичу, Н. И. Лашкевичевой и Н. М. Стороженку. 1761 г., октября 116

4-74. Письма И. С. Лашкевича къ женѣ. 1760—1801 гг. 159—197

7-128. Письма Настасьи Степановны Полуботокъ къ Н. П. Лашкевичъ и къ ея мужу. 1789—1801 г. . . . . 159—187

II *Письма Петра Степановича Милорадовича къ сыну Григорію Петровичу и письма къ послѣднему Трощинскаго, Тутолминой и П. В. Завадовскаго, 1789—1800 г.* 199—226

IV. Любецкіе акты.

Купчая лоевскаго войта Семена Дупла на проданную п. Григорію Слободецкому сѣножать. 1637 г., 9 іюня . . . 227

Купчій листъ любецкаго мѣщанина Демида Брагинца на проданные любецкимъ мѣщанамъ Борису Бержиновичу и Гришку Кужелевичу комору съ пляцомъ. 1656 г., 7-го сентября 227

Продажный записъ любецкаго мѣщанина Ивана Стецкаго на проданныя п. Калинику Манку грунта. 1658 г., 18 іюля. 228

Листъ Яна Стецкаго на проданные любецкому мѣщанину Каленику Манку грунты. 1658 г., 27 іюля 218

Долговая росписка любецкаго земянина Опанаса Евсѣевича Щуковскаго священнику пятницкому за пчелы и жито. 1656 г., 28 декабря. 229

Продажный листъ любецкаго мѣщанина Якима Пресмыченка съ женою на проданные священнику пятницкому Григорію Пронковичу дворъ и садъ съ огородомъ. 1660г. —

7 Купчій листъ любецкаго козака Тереха Хоменка на проданный любецкому мѣщанину Якову Матюшенку огородъ. 1660 г, 5 апрѣля 21
8. Тестаментъ любецкой обывательки Оксини Корнѣевны Потапихи Кезихи. 1660 г., 12 апрѣля 21
9. Продажный листъ любецкаго обывателя Омеляна Тарасовича съ женою на проданный ими любецкому священнику Григорію Пронковичу огородъ. 1660 г. 1 мая . . 21
10. Продажный листъ Просмыковыхъ дочекъ на проданный пятницкому священнику огородъ съ садовиною. 1661 г., 24 апрѣля. 21
11. Тестементъ лоевскаго мѣщанина Семена Васильевича. 1667 г., 27 января 21
12. Дарственный (?) листъ стародубовскаго протопопа Андрея Грушевскаго любецкому мѣщанину Богдану Шпаку на плацъ съ огородомъ, въ Любечѣ. 1669 г., 19 апрѣля . . 21
13. Справа по дѣлу между Михайломъ Тимоховичемъ Белдюжкою и Процкомъ Григоровичемъ Дейковичемъ о грунтѣ. 1671 г., 28 іюля 21
14. Декретъ атамана и войта любецкихъ по дѣлу между Михайломъ Тимоховичемъ Белдюгою Мушенкомъ и любецкимъ мѣщаниномъ Процкомъ Дейковичемъ о грунтѣ. Року теперъ и другого 1671, августа 7 дня. 21
15. Продажный листъ Павла Бакуринскаго и жены его Анны на проданный любецкому священнику Григорію Прокоповичу плацъ съ огородомъ, въ Любечѣ. 1674 г., 15 января. 23
16. Запись кротынской громады о безпрепятственномъ пользованіи любецкимъ священникомъ Григоріемъ Пронковичемъ угадьями, принадлежащими къ церкви св. Параскевы и придѣлу св. Евстафія. 1675 г., марта 15 дня 23
17. Актъ передачи брагинскимъ мѣщаниномъ Алексѣемъ Юрковичемъ своихъ грунтовъ во временное владѣніе брагинскому мѣщанину Степану Маковоничу. 1675 г., 7 іюля . 23
18. Купчій листъ Ланка Мартыновича на проданный имъ любецкому священнику Григорію Пронковичу плацъ съ огородомъ въ Любечѣ. 1676 г., 28 мая 23

стр.

19. Продажный листъ Евтуха Козла Гордѣенка Кириллу Чоутченку на грунты. 1677 г., 25 апрѣля. 240
20. Долговая росписка лоевскаго мѣщанина Крыштопа Юшковича Мишку Игнатовичу Волошанину. 1678 г. 241
21. Росписка рѣпицкаго священника Ѳедора Семеновича Михалю Тимофеевичу Мухѣ въ полученіи выкупа за отказанный ему за требу грунтъ. 1678 г., 9 іюня. 241
22. Купчій листъ Максима Васченка Нѣжинца на проданую Гурину Зубашенку половину грунта. 1679 г., 15 декабря. 241
23. Долговая росписка лоевскаго мѣщанина Васка Лодена Мишку Игнатенку. 1680 г., 1 февраля 242
24. Накладная любецкаго мѣщанина Богдана Петровича Шпака любецкому священнику Григорію Прокоповичу на городъ. 1680 г., 5 апрѣля. 242
25. Рядовый листъ по дѣлу Грицка Чеботченка съ Купрѣемъ Ничипоровичемъ Богушемъ о наслѣдствѣ. 1681 г., 12 апрѣля 243
26. Накладная, выданная Василемъ Плющемъ Мишку Игнатовичу. 1682 г., 20 апрѣля. 244
27. Купчій листъ любецкаго земянина Клима Кирѣйченка Ивану Масловцу на грунты. 1684 г., 1 августа 244
28. Квитанція, выданная Гавриломъ Янченкомъ Аврааму Иваченку въ уплатѣ долга. 1684 г., ноября 9 дня . . . 245
29. Выпись изъ книгъ мѣскихъ ратуша черниговскаго. О соглашеніи между Мишкомъ Игнатовичемъ и Татьяною Ѳексевною Андреехой Безбожненковой относительно владѣнія грунтами. 1687 г., 28 февраля 246
30. Декретъ по поводу жалобы Никиты Скугара съ сябрами на священника Пронковича о захватѣ земли. 1688 года, 8 іюня 247
31. Testаментъ любецкаго мѣщанина Дмитра Григоріевича Козачка. 1686 г., 29 сентября 248
32. Рѣшеніе любецкаго уряда по спору Андрея Злобы съ Оскомъ Злобою объ огородѣ. 1691 г., 10 августа. . . . 250

стр.

33. Выпись изъ книгъ мѣскихъ ратуша черниговскаго, о продажѣ Исакомъ Голобояриновичемъ части грунта своимъ сыномъ Мишку Лопатнѣвцу, Мартину Кононовичу и Федку Мишковичу. 1693 г., 11 іюля 251
34. Обликъ, выданный Петромъ Семеновичемъ Тимоху Маковѣенку на занятые двѣнадцать золотыхъ и пять чеховъ. 1696 г., мая 8 252
35. Листъ, данный любецкимъ сотникомъ хемянину Степану Коробку. 1697 г., 27 іюля . . . . . —
36. Урядовое письмо о соглашеніи между Максимомъ Коробкомъ, священникомъ Григоріемъ Прокоповичемъ и Мартиномъ Зарѣцкимъ относительно владѣнія садомъ. 1701 г., 21 августа. . . . . —
37. Атестація любецкаго сотеннаго уряда по поводу спора Павла Теремецкаго и Василя Богуша съ Алексѣемъ Красковскимъ, о наслѣдствѣ. 1708 года, апрѣля 20 254
38. Жалоба Ивана Коробка на пятницкаго священника Григорія за завладѣніе грунтомъ 254

ЛЮБЕЦКІЙ АРХИВЪ

ГРАФА Г. А. МИЛОРАДОВИЧА.

Подъ этимъ заглавіемъ съ настоящей книги „Кіевск. Старины“ будетъ печататься въ приложеніи Сборникъ историческихъ документовъ изъ Любецкаго архива графа Г. А. Милорадовича.

Предисловіе къ сему приложенію и нужныя объясненія будутъ напечатаны въ концѣ года.

А. Л.

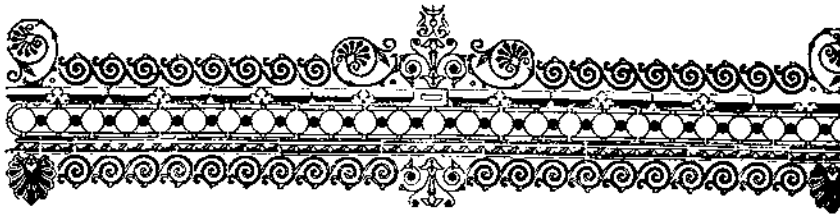

I. Бумаги Чарнышей.

1. Запись гадяцкаго полковника Ивана Чарныша второбрачной своей женѣ Евдокіи Голубовнѣ. 1710 г., 9 ноября.

Року 1710, мѣсяця ноеврія 9 дня. Вѣдомо чиню симъ моимъ доброволнимъ писаніемъ теперъ и въ потомніе часи всякому таковому, хто бы потребовалъ зъ близкихъ, далнихъ, кревнихъ моихъ и изъ звѣрхности на тотъ часъ быти маючой о семъ, же Содѣтеля судбами при его жъ благословеніи Бозскомъ и родителскомъ, поймуючи я въ доживотное сожителство еи мосцѣ благородную панну Евдокію Константиновну Голубовну зъ дому висоцеповажного рейментарского ясневелможного его милости пана Иоана Скоропадского, войскъ его царского пресвѣтлого величества запорожскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра гетмана, ясневелможной еи мосцѣ панеи Анастасіи Марковни гетмановой родителского, вручаю въ вѣчную опеку двохъ синовъ моихъ съ первобрачною блаженной памяти панею малжонкою моею Еленою Гречановною сложенныхъ, Ивана и Петра, власне единоутробной матерѣ еи мосцѣ панеи Евдокіи Голубовнѣ. При той зась опецѣ дѣтей моихъ, записую всѣ добра власнимъ коштомъ зъ праци моей и заслугъ войсковыхъ набутіе, тоесть: дворѣ, въ злотѣ, въ среблѣ, въ клейнотахъ, въ перлахъ, въ сукняхъ, въ млинахъ, ставахъ, пасѣкахъ, лѣсахъ, степахъ, хуторахъ, бидлѣ и протчіихъ угодіяхъ господарскихъ, подъ именемъ моимъ теперъ въ мене обрѣтаючіеся и впредь сполне, подай Господи Боже въ долголѣтномъ пожитіи набути, сподѣваючіеся (уховай Боже на мене термѣну смертного безвременного или въ состарѣлости временно, аще би и безпотомне пришлося оста-

вити) за пречеоними двома синами моими, все отъ мала до велика благородной панеи Евдокіи ровнымъ дѣломъ по половинѣ. Если жъ вседаровитій Господь подасть сполное имѣти потомство, теди при особѣ еи мосцѣ панеи Евдокіи заховавши половину, зъ половини Ивана и Петра, сиповъ моихъ, ровная половина новимъ отъ Бога дарованнимъ потомкамъ нашимъ всѣхъ добръ конечне половина бити, симъ рукоданнимъ писаніемъ моимъ, зъ притѣсненіемъ власной печати сегнетовой, во вѣчніе роди ствержаю. Данъ въ Глуховѣ. Року и дня вышеописанного. На подлѣнинномъ подписано: Іванъ Чарнышъ, полковникъ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского Гадяцкій рукою власною подписуюся.

Его царского пресвѣтлого величества министръ и кавалеръ Андрей Измайловъ.

Року 1729, сентеврія 30 дня. Сіе вышеписанное писмо отъ велможной ея милости панѣи Анастасіи Марковни Иоанновой гетмановой Скоропадской, дочери еи велможности панѣи Евдокіи Константиновой Голубовни отъ покойнаго малжонка еи пана Ивана Чарниша, полковника Гадяцкого, данное, въ ратушу Глуховскомъ при доношеніи презентовано и въ книги мѣскіе вписано, а дня увѣренія въ потомніе часи на семъ же писмѣ руками своими при печати врядовой подписуемся. Року и дня вишеписцѣкованнихъ. Ѳедоръ Омеляновичъ, сотникъ Глуховскій. Стефанъ Уманецъ, атаманъ Глуховскій. Іосифъ Ивановичъ, войтъ. *(Съ копіи).*

2. Запись вдовы генеральнаго судьи Ивана Чарныша Евдокіи Константиновны дѣтямъ своимъ, на недвижимыя имѣнія. 1733 г.

Року 1733, іюня « » дня. Я Евдокія Константиновна Голубовна, Іванова Чарнишева, судѣна енералная, вдова, на всякомъ судѣ и урядѣ и на всякомъ правѣ, кому колвекъ о семъ теперь и въ потомніе часы вѣдати потреба укажетъ, симъ моимъ доброволнымъ уступнымъ записомъ чиню вѣдомо, пжъ 1724 року, по указу блаженной и вѣчнодостойной памяти Петра Первого, императора и самодержца всероссійского, его императорского величества, мужъ мой Іванъ Чарнишъ, судія войсковый енер., отехавши зъ Малой Россіи, зъ дому своего въ Санктпитербурхъ, оставилъ мене при малыхъ дѣтяхъ безпомощну во всякихъ турбаціяхъ и клопотахъ отъ многихъ турбато-

ровъ и претендентовъ на имя его мужа моего вщатихъ, зъ которихъ я иніе судомъ, а иніе рада не рада миромъ, зъ урономъ здоровя моего и зъ знатнимъ коштомъ, сопратила. А по смерти его, (который въ 1728 року, декабра 11, жизнь свою въ Москвѣ окончилъ), и болшіе що разъ непрестанніе напасти отъ турбаторовъ чрезъ позви уставичне несучи, пришла уже во всеконечное изнеможеніе въ здоровю, а въ субстанціи въ крайнюю скудость и разореніе. Того ради завременно, хочай при остатку здоровя моего, однакъ при полномъ разумѣ, чрезъ сей мой доброволный записъ, вливаю право мое, уступаю, записую и вовся во вѣчное и неотзовніе часы даю, дарую и во владѣніе пущаю дѣтямъ моимъ: тромъ сынамъ Івану, Семену и Якову Чарнишамъ, да тремъ дочерамъ Анастасіи, Аннѣ и Еленѣ Чарнишовнамъ половину всѣхъ добръ въ движимомъ и недвижимомъ имѣніи отцемъ ихъ Іваномъ Чарнишемъ, судіею войсковымъ енер., зъ праци и зъ заслугъ войсковыхъ, такъ до понятя моего имъ въ малженство, яко и въ малженствѣ со мною купно общими трудами его и моею працею, нажитомъ и всякимъ способомъ набутомъ, яко то въ селахъ Боркахъ, Митченкахъ, Сарахъ, Цѣпкахъ, Сваткахъ, Круткахъ и во всѣхъ къ тимъ селамъ приналежныхъ угодіяхъ, хуторахъ, поляхъ, пахотныхъ и сѣнокосныхъ, пасѣкахъ, степахъ, лукахъ, байракахъ, левадахъ, гаяхъ, лѣсахъ, пущахъ, борахъ, дворахъ, млинахъ, ставахъ, гребляхъ, озерахъ и во всѣхъ другихъ, въ броварахъ, солодовняхъ, винокурняхъ и всякимъ именемъ и прозваніемъ зовемихъ дворахъ недвижимыхъ, и въ движимомъ имѣніи, въ злотѣ, срѣбрѣ, клейнотахъ, перлахъ, сукняхъ, въ бидлѣхъ и въ пчелахъ, и во всѣхъ рухомостяхъ, що колвекъ тилко движимимъ имѣніемъ назватись можетъ, во всемъ томъ едностойне, такъ въ недвижимомъ, яко движимомъ имѣніи, подлугъ запису вѣчистого мнѣ отъ отца ихъ, а мужа моего въ 1710 року, нояб. 9 дня, за подписаніемъ власной руки его и при печати, предъ государевымъ министромъ и кавалеромъ Андреемъ Измайловымъ, въ той часъ въ Малой Россіи при гетману Скоропадскомъ минѣстерскими дѣлами правившомъ, и за подписаніемъ руки его минѣстерской данного, належную записанную и опредѣляемую; и по силѣ контентовъ того запису, имъ дѣтямъ моимъ шестомъ тую половину мою во всемъ виженисанномъ имѣніи позволяю раздѣлно и нераздѣлно держать и владѣть вѣчными часы и акъ хотя на свой пожитокъ употребляти, и волно имъ есть и будетъ дать, даровать, замѣнять и во всякіе крѣпости утвердить, однакъ въ чужіе руки не упущать, чтобъ отческій ихъ домъ не звелся. Но еслибъ ко-

торому или которой и нужда была свою часть и жеребъ збути, то никому иному, токмо братъ брату, сестра сестрѣ, или братъ сестрѣ, сестра брату волни суть и будуть дать, даровать, замѣнять, продать и во всякіе крѣпости утвердить и записать вѣчными часи. А понеже въ томъ же записѣ покойного мужа моего зверхъ помянутой на мене опредѣленной половини, зъ другой половины одна половина на пасынковъ моихъ Івана и небожчика Петра, а другая половина на дѣтей моихъ вижемененныхъ опредѣленна и записанна, теды и оную половину зъ другой половини имъ же дѣтямъ моимъ во вѣчность тутъ же при мененной моей половинѣ подтвержаю и уступаю, и записую вѣчними часи, а себе отъ всего того отдаляю вѣчними часи. А для лучшого и твердѣйшого имъ въ потомніе часи, имъ шестомъ дѣтямъ моимъ, всѣхъ вижписанныхъ добръ владѣнія при семъ моемъ записѣ вручаю и отдаю имъ же дѣтямъ моимъ всѣ крѣпости къ онымъ добрамъ стягаючіеся, яко-то: высокомонаршую жалованную грамоту, гетманскіе унѣверсалы и многие купчіе записи и мунѣменты, которимъ всѣмъ особливый реестръ при семъ записѣ уступномъ моемъ отъ мене сообщенъ. Если жъ якіе въ тыхъ добрахъ, мною уступленныхъ, отъ кого произшли бъ въ чомъ претенсіи и якіе суть въ судѣ енер. на мое имя и на мужа моего вщатіе, то уже мимо мене онымъ всѣмъ дѣтямъ моимъ настоящіе и будучіе претенсіи отправлять и обстоювать, и всякіе здѣлки чинить по разсмотренію и по совѣту кревныхъ моихъ. Внесенне же мое и отчистіе мои добра Подоловскіе, такожъ отъ покойной матки моей ясневелможной г-жи гетмановой Анастасіи Марковны Скоропадской купленіе для мене грунта и мнѣ данніе, и потому теперь въ моемъ владѣніи зостаючіе, при себѣ оставляю до смерти моей, а по смерти моей тимъ же вишписанимъ дѣтямъ моимъ тромъ синомъ и тромъ дочерамъ и тое все въ ровный дѣлъ принять и вѣчными часи, якъ хотя, по волѣ и подобаню своемъ, раздѣлно или нераздѣлно, владѣть по сему жъ моему запису. О которомъ то внесеню и объ отчистихъ моихъ добрахъ Подоловскихъ, тако жъ покойною маткою моею купленныхъ и мнѣ во владѣніе данныхъ (если Богъ мнѣ время на то узичитъ) при помочи его Божеской именное завѣщаніе учинить не оставляю. Сей же записъ уступный и права моего вливокъ чиню дѣтямъ моимъ по силѣ пречечонного запису мужемъ моимъ мнѣ данного, для того, что оный записъ мужа моего и въ немъ вираженіе контента зъ 1710 нояб. 9 по 1728, по смерть мужа его, имъ же мужемъ моимъ нѣгде не отмѣненъ и вѣ въ чомъ не премѣненъ во все его житіе, а по смерти его

отнюдь нѣякимъ и жаднимъ судомъ зъ оного 1710 году, чрезъ 23 лѣта по сейчасъ, не скассованъ и не отставленъ, но и паче всего смертію покойного мужа моего потвержденъ. И того ради я оному запису мужа моего согласуя, контента въ немъ вираженніе цѣло и ненарушно дѣтямъ моимъ вездѣ и завше содержать и вовся хранить, и иле волю отца своего остаточную со всякимъ усердіемъ, обстояніемъ и заступленіемъ исполнять, оберегать, боронить и защищать всячески материнско приказую, ибо тотъ записъ мужа моего, если взглядомъ опеки дѣтей моихъ внушить, теди до возрасту совершенныхъ лѣтъ мененныхъ пасынковъ моихъ я привела общею отца ихъ и моею працею, а моихъ дѣтей тожъ въ добромъ воспитаніи содержала я, въ наученіе школъ латинскихъ кіевскихъ давала и на нихъ належніе добра волею моею не роспорошила и подданныхъ въ маетностахъ лишними чиншами не отягчила и не розгнала. Сего ради взглядомъ опеки оный записъ мужа моего нѣгдѣ кассованъ быти не можетъ. Взглядомъ половини въ имѣніи движимомъ и недвижимомъ, на мене отъ мужа моего опредѣленной, если разсудить, то не толко тогда наличное мужъ мой имѣніе свое мнѣ записалъ, но и чаемое, почитай тое, которое имѣлось набути общою его мужа моего и моею працею, и потому онъ, мужъ мой, что до понятія моего зъ набутого имъ мнѣ половину записалъ, то вмѣсто того зъ набутого зъ нимъ працею моею первобрачнымъ дѣтямъ своимъ сынамъ зъ половины половину жъ записалъ, а другую половину зъ половины дѣтямъ зъ нимъ прижитымъ опредѣлилъ тимъ же записомъ. Зъ чего видно, что въ семъ контентѣ запису мужа моего не объ одной мнѣ рѣчь, но и о дѣтяхъ а дѣтей родителемъ роспоражать, якъ хотя волно и сыльно по своей волѣ ку подобаню и по своему разсмотрѣнію. Зачимъ и взглядомъ опредѣленія на мене и на дѣтей въ томъ записѣ мужа моего воля вираженная неповинна по праведному разсмотрѣнію быть въ премѣненіи, ибо свое имѣніе зъ праци и заслугъ войсковыхъ набутое, воленъ былъ онъ, покойный мужъ мой, не токмо мнѣ женѣ своей и дѣтямъ своимъ, но мимо мене и дѣтей моихъ, кому чужому и не токмо часть или половину, но и все записать и вѣчне отдалить. А паче всего понеже тотъ записъ учиненъ и данъ мнѣ мужемъ моимъ предъ особливѣйшимъ урядомъ малороссійскимъ, то есть предъ государевымъ министромъ въ Малой Россій минѣстерскіе дѣла въ ту пору содержавшимъ и для совѣту при гетману бывшимъ и рукою его минѣстерскою закрѣпленъ, потомъ и предъ ординарнымъ ратушнымъ урядомъ сотнѣ Глуховской, вскорѣ по смерти мужа моего презенто-

ванъ. Теди оныхъ и вышнамененыхъ ради причинъ записъ оный мужа моего во исполненіе приводячи, я учинила сей мой уступный вѣчистий дѣтямъ моимъ власнымъ записъ, за совѣтомъ кревныхъ моихъ зъ прошенія моего зде подписавшихся. А я, яко, неграмотная къ сему моему запису печать мою приложила. *(Настоящій актъ никѣмъ не подписанъ, изъ чего можно думать, что онъ былъ только проектомъ).*

3. Полюбовный раздѣлъ между вдовою генер. судьи Ивана Чарныша Евдокіею Константиновною и ея пасынкомъ Иваномъ Чарнышемъ. 1735 г., 4 іюня.

Я нижеименованная, зъ сынами моими нижеименованными жъ, даю сію мою доброволную росписку пасынку моему пану Ивану Чарнишу въ томъ, что я въ позосталихъ матки его, а мужа моего первой жени, такожъ въ оставшихся мужа моего, а его отца движимихъ и недвижимихъ имѣніяхъ, поговоря между собою, полюбовно помѣрились и подѣлились нижей слѣдуючимъ образомъ: село Борки со всѣми къ нему принадлежащими угодіи, купленними и жалованними, и дворами въ полку Гадяцкомъ и въ городѣ болшій дворъ съ прочіими дворами имѣючимися, уступила я ему пасынку моему и наслѣдію его во вѣчное владѣніе, хотя оное село Борки и въ спорѣ нинѣ отъ Гречанихъ, которій споръ долженъ онъ, пасынокъ мой, самъ очищать, а ежелибъ какимъ нибудь случаемъ оное село Борки по спору зъ Гречанами не оправдилось и отъ него пасынка моего взято имѣло быть, то тогда взять ему, пасынку моему, и дѣтямъ его въ нижеписанномъ селѣ Митченкахъ ровную часть зъ братами его, а моими синами, не зачитая въ ту часть всѣхъ въ Гадяцкомъ полку имѣющихся Гадяцкихъ грунтовъ, ибо оніе Гадяцкіе грунты имѣютъ быть при ему, пасынку, и дѣтяхъ его противъ оставленнихъ на мою часть зъ синами въ Лубенскомъ, Стародубовскомъ и другихъ полкахъ. А противъ того принала я собѣ зъ синами моими въ Нѣжинскомъ полку село Митченки, со всѣми къ нему принадлежащими и купленними и жалованними, и съ тѣми, какіе имѣются въ Стародубовскомъ, Лубенскомъ и другихъ полкахъ грунтами, тако жъ и дворъ Кіевскій въ вѣчное жъ владѣніе, а движимое приданное и данное зъ дому Захаревского, что имѣлось у мене и дѣтей моихъ, все безъ остатку, ему, пасынку моему, отдала, движимое же имѣніе мужа моего Ивана Чарниша, бывшого судіи енералного, алмазніе вещи, денги и протчое, что надлежитъ до женска полу, тое я удержала при себѣ

зъ дѣтми моими, на часть мою и для видачи дочерей, а зъ движимого надлежащого до мужска полу мужнего имѣнія, платя, часовъ, ружья и конского убору и протчего всего равную часть ему, пасынку моему зъ братами его, а моими сынами, я уступила и все безъ остатку принадлежащое на часть его ему пасынку моему отдала, и зъ сребраной, олованой и мѣдной посуди равную часть со мною и зъ синами моими и зъ дочерми онъ, пасынокъ мой, безъ остатку принялъ. Стороны же долговъ, какъ нынѣ имѣется Кропоткиново исканіе о 1643 рубляхъ съ полтиною, да и впредь которіе покажутъся на мужа моего, то оніе долги, если по указу и по суду доведетъся платить, якъ сини мои, такъ и онъ, пасынокъ мой, равномѣрно платить равную часть должны безъ всякого между собою спору. А о грунтахъ, которіе зъ насъ кому достались по вышеписанному показанію долженъ всякъ собою очищать и другъ друга къ той очистки не спрашивать и всякіе крѣпости на тѣ грунта, кому чимъ въ сей раздѣлки, показанно владѣть, между собою разобрали, владѣть. Объ отнятихъ маетностяхъ, которіе по жалованной грамотѣ достались были мужу моему во владѣніе, онъ, пасынокъ мой, зъ синами моими таковую между собою полюбовную постановили раздѣлку: ему, пасынку моему, съ отнятихъ маетностей искать и стараться объ Сарахъ и Круткахъ своимъ собственнимъ трудомъ и коштомъ, и буде получитъ, то ему и наслѣдію безраздѣлно обоима оними селами съ принадлежащими къ нимъ угодіями владѣть вѣчно, а синамъ моимъ доискиватся другихъ отнятыхъ же маетностей, а именно: Сватковъ и Цѣнковъ своимъ собственнымъ коштомъ и буде получатъ, то имъ синамъ моимъ оними владѣть вѣчно жъ со всѣми къ нимъ принадлежащими угодіи; жалованная грамота на маетности хотя по силѣ полюбовного нашего договору остается при мнѣ и синахъ моихъ, однако жъ я копію за рукою моею и синовъ моихъ дать должна ему, пасынку моему, съ такимъ обовязателствомъ, что когда пасынокъ мой и дѣти его востребуютъ подлинной, то я, и по мнѣ сини мои должны будутъ оную подлинную по первой присылки безъ всякой отговорки дать подъ опасеніемъ за неприсылку штрафа. А онъ, пасынокъ мой, и по немъ дѣти его должны за оною грамотою писать ко мнѣ, а по мнѣ, до синовъ моихъ и присылать извѣстного и вѣрного человѣка съ прописаніемъ того именно, что ему въ дачи оной грамоти можно вѣрить и тотъ би въ пріемѣ оной росписовался, которую онъ, пасынокъ мой, и дѣти его знову должны возвратно ко мнѣ присылать и до синовъ моихъ, а я, и по мнѣ сини мои, въ полученіи оной

росписку дать присланному повинни. И впредь намъ, мнѣ, дѣтямъ моимъ, такожъ пасынку мосму и дѣтямъ его вишеписанною раздѣлкою во всемъ доволствоватись вѣчно безъ всякого спору и намъ на него ни въ чемъ вишеписанномъ ни въ которого суда нинѣ ни впредь ни бить челомъ.

Въ подлѣнной подписанно тако: Къ сей полюбовной раздѣлочной росписѣ вомѣсто Евдокіи Константиновой дочери, Ивана Чарнишa жени, по ея прошенію бунчуковій товаришъ Михайло Скоропадскій руку приложилъ. Къ полюбовной раздѣлочной росписѣ Иванъ Чарнишъ руку приложилъ. Къ сей полюбовной роздѣлочной росписѣ Семенъ Чарнишъ за себе и за брата своего родного малолѣтного Якова Чарнишa руку приложилъ. Къ сей полюбовной раздѣлкѣ я генералній подскарбій Андрей Марковичъ свѣдителемъ былъ и руку приложилъ. *Засимъ слѣдуетъ засвидѣтельствованіе, что актъ сей по просьбѣ бунч. тов. Ивана Чарныша въ книги мѣскія Глуховскія вписанъ, 1736 г., 6 сентября, при чемъ засвидѣтельствованіе подписами: Даміанъ Туранскій, атаманъ Глуховскій. Значк. полку Нѣжинского товаришъ и правящій за войта ратуши Глуховской Романъ Яновичъ. Бурмистръ Глуховскій Матвѣй Дмитріевъ. Сотенній Глуховскій писарь Василь Жураховскій. (Съ копіи).*

4. Подписка бунч. товарища Ивина Чарныша, выданная мачихѣ своей о миролюбномъ окончаніи споровъ за наслѣдство генер. судьи Ивана Чарныша и первой его жены Елены Гречановны. 1735 г., 4 іюня.

1735 г. іюня 4 дня. Я нижеименованный даю сію мою доброволную росписку мачихи моей панеи Евдоки Костянтиновой дочери Івановой Чарнишевой, вдовствующей судиной енералвой, тако жъ синамъ ея, а моимъ братамъ Ивану, Семену и Якову Чарнишамъ да дочерямъ ея, а моимъ сеграмъ, Анастасіи, Аннѣ и Еленѣ, въ томъ, что я въ позосталыхъ матки моей, таковожъ въ оставшихся отца моего Івана Чарныша, бывшого суди енералного, движимыхъ и недвижимыхъ имѣніяхъ, поговора межъ собою полюбовно съ нею, мачихою моею, братями и сестрами моими, помирились и подѣлились нижеслѣдуючимъ образомъ: село Борки со всѣми къ нему принадлежащими угодіи, купленными и жалованными, и дворами въ полку Гадяцкомъ и въ городѣ Гадячи болшимъ дворомъ и протчими дворами имѣючимися, принялъ я во вѣчное владѣніе, хотя оное село Борки и въ спорѣ нынѣ отъ Гречаныхъ,

который споръ я долженъ самъ очищать, а ежели бы какимъ нибудь случаемъ оное село Борки, по спору зъ Гречаными неоправдилось и отъ мене взято имѣло быть, то тогда взять мнѣ и дѣтямъ моимъ въ нижеписанномъ селѣ Митченкахъ равную часть зъ братами моими, не зачитая въ ту часть всѣхъ въ Гадацкомъ полку имѣючихся грунтовъ, ибо оные Гадяцкіе грунта имѣютъ быть при мнѣ и дѣтяхъ моихъ противъ оставленныхъ на часть ея мачихи моей и братовъ моихъ въ Лубенскомъ и Стародубовскомъ и другихъ полкахъ имѣючихся грунтовъ, а противъ того приняла она, мачиха моя, зъ сынами своими, а моими братами, себѣ въ Нѣжинскомъ полку село Митченки со всѣми къ нему принадлежащими, купленными и жалованными и съ тими, какіе имѣются въ Стародубовскомъ, Лубенскомъ и другихъ полкахъ грунтами, тако жъ и дворъ Кіевскій, въ вѣчное жъ владѣніе. А движимое приданное и данное зъ дому Захаревскаго [1]) что имѣлось у ея, мачихи моей, и въ дѣтей ея, тое все мнѣ она, мачиха моя, отдала. Движимое же имѣніе отца моего Івана Чарныша, алмазныя вещи, денги и протчее что надлежитъ до женска полу, тое она, мачиха моя, удержала при себѣ зъ дочерми своими, а сестрали моими, на часть свою и для выдачи дочери, а изъ движимого надлежащаго до мужска полу отца моего имѣнія, а именно: платя, часовъ, ружья и конского убору и протчего всего равную часть мнѣ изъ сынами ея, а моими братями она, мачиха моя уступила и все принадлежащее на часть мою мнѣ безъ остатку отдала, а изъ сребряной, оловяной и мѣдной посуды равную часть съ нею мачихою моею, зъ братями и зъ сестрами моими я безъ остатку принялъ. Стороны же долговъ, какъ нинѣ имѣется Кропоткиново искание о 1643 рубляхъ съ полтиною, да и впредъ которые покажутца на отца моего, то оные долги, ежели по указу и по суду доведется платить, якъ браты мои, а ея мачихи моей сыны равномѣрно платить равную часть со мною должны, безъ всякого между собою спору, а о грунтахъ, которые зъ насъ кому достались по вышеписанному показанію долженъ всякъ собою очистки и другъ друга къ той очистки не спрашивать и всякие крѣпости на тѣ грунты, кому чимъ въ сей раздѣлки показано владѣть, между собою розобрали. Объ отнятыхъ маетностяхъ, которые по жалованной грамотѣ достались были отцу моему во владѣніе я и вышепомянутые братя мои таковую полюбовную между собою постановили роздѣлку:

[1]) Мать бунч. тов. Чарныша Елена Степановна Гречаная была родною племянницею Харьковскаго полковника Федора Захаржевскаго.

мнѣ зъ отнятыхъ маетностей искать и старатся объ Сарахъ и Круткахъ, моимъ собственнымъ трудомъ и коштомъ, и буде получу, то мнѣ и наслѣдию моему безраздѣлно обоима оними селами съ принадлежащими къ нимъ угодіями владѣть вѣчно, а имъ братамъ моимъ доискиватся другихъ отнятыхъ же маетностей, а именно: Сватковъ и Цѣпковъ, своимъ собственнымъ коштомъ и буде получатъ, то имъ братамъ моимъ владѣть оными жъ вѣчно со всѣми къ нимъ принадлежащими угодіи. Жалованная грамота на маетности, хочай по силѣ полюбовного нашего договору и остается при ней мачихѣ моей и сынахъ ея, однакожъ она, мачиха моя, за руками своею и сыновъ своихъ, копію дать мнѣ должна съ такимъ обовязателствомъ, что когда я и по мнѣ дѣти мои возтребуютъ подлинной, то она мачиха моя и по ней сыны ея, а мои браты должны будутъ оную подлинную отдавать по первой присылкѣ безъ всякой отговорки, подъ опасениемъ за неприсылку штрафа, а я и по мнѣ дѣти мои должны за оною грамотою писать къ ней мачихе моей и по ней до сыновъ ея и присылать извѣстного и вѣрного человѣка съ прописаниемъ его и того именно, что оному человѣку въ дачи той грамоты можно вѣрить и тотъ бы въ пріемѣ оной росписывался, которую грамоту я и по мнѣ дѣти мои знову должны возвратно къ ней, мачихѣ моей, и къ сынамъ еи присылать, и она и по ней сыны ея въ полученіи оной росписку дать присланному повинны. И впредь намъ, мнѣ и дѣтямъ моимъ, такожъ ея мачихѣ моей и дѣтямъ ея вышеписанною раздѣлкою во всемъ доволствоватися вѣчно безъ всякого спору и мнѣ на еи мачиху мою, а еи на мене, ни въ чомъ вышесказанномъ ни въ которого суда нинѣ и впредь не бить челомъ. Къ сей полюбовной роздѣлочной росписѣ бунчуковый товаришъ Іванъ Чарнышъ руку приложилъ. При семъ раздѣлочномъ писмѣ секундъ маэоръ Іванъ Семеновъ сынъ Неплюевъ свидетель былъ и руку приложилъ. Объ уплатки долговъ, что здѣсь написано со мною значитъ тое, якъ брати мои всякъ отъ себе по части, такъ и я отъ себе равную часть долженъ платить Іванъ Чарнышъ. По прошенію бунчукового товариша Івана Чарныша на полюбовномъ обополной сторони писменномъ ихъ опредѣленію во свѣдителство Іванъ Холодовичъ, сотникъ Воронѣжской, своеручно подписался. *(Съ подлинника).*

5 Вѣновая запись бунч. товарища Якова Чарныша женѣ своей Марфѣ Ширяевнѣ. 1755 г., 25 февраля.

Року 1745, февраля 25-го дня. Я ниже подписанній обявляю симъ моимъ записомъ, кому вѣдать подлежатиметъ, что женившись

въ 1744-мъ году на сестрѣ бунчукового товариша Федора Шираи Марфѣ Стефановой дочѣри, дѣвицѣ, взялъ за нею доволній посагъ въ клейнотахъ, золотѣ, сребрѣ, готовихъ денгахъ, сукняхъ, платьи бѣломъ и въ протчемъ, на что все зъ яснимъ показаніемъ, что именно взято и зъ надлежащою, по силѣ правъ малороссійскихъ, денгамъ, золоту, сребру, жемчугу и другимъ клейнотамъ оцѣнкою совито, то есть у двое, а сукнямъ, платю бѣлому, лошадямъ и протчому безъ совитости, далъ я реченному брату жени моей надлежащій записъ, которого посагу всего по исчисленію вишло на три тисячи восѣмсотъ сѣмъ рублей сорокъ копѣекъ. Напротивъ же того жени моей посагу, записать ей, по силѣ тѣхъ же правъ малороссійскихъ, вѣна на третей части недвижимого имѣнія моего не успѣлъ, затимъ что по смерти матки моей, которая недавно умре, не возмоглъ еще тогда усмотрѣть совершенно всего своего недвижимого имѣнія, съ которого нѣкоторое опустѣло, и увѣдать можетъ ли третая часть оного моего имѣнія противъ посагу помянутой жени моей стоять и для того тотъ записъ и на урядѣ сознать не возмогли. Нинѣ же разсмотра совершенно всѣ свои недвижиміе имѣнія, то есть маетности, мелници, хутори, поля пахотніе и сѣнокосніе, лѣси и протчіе всякіе угодія и смякая цѣну ихъ, чего стоять могутъ и уразумѣвши третую часть тихъ имѣній быть доволную противъ означенного жени моей посагу, съ тихъ имѣній, владѣемихъ мною раздѣлно зъ братомъ моимъ роднимъ по отцу бунчуковимъ товарищемъ Іваномъ Чарнишемъ, третую часть, а именно: слободу Пологовъ, въ сотнѣ Кролевецкой обрѣтаючуюся, на купленнихъ матки моей грунтахъ поселенную, зъ полемъ пахотнимъ и сѣнокоснимъ, зъ мелницами, гаями, лѣсами и зъ пасѣкою, и со всѣми надлежащими угодями, утвержденную височайшою жалованною грамотою, да въ городѣ Кролевцѣ комори и два дворы зъ подсусѣдками, записую въ вѣно помянутой женѣ моей Марфѣ Стефановой дочерѣ и утверждаю ей въ вѣчное владѣніе, ценою въ 3807 рубл. 40 коп., въ какой суммѣ и посагъ оной жени моей состоитъ, какъ висше показано. Хотя же о помянутомъ посагу жени моей далъ уже я записъ предписанному жени моей брату Ѳедору Шираю, о чемъ вишше виражено, однаково понеже тотъ запись еще на урадѣ за висшепоказаннимъ резономъ мною не сознанъ, для того и нинѣ тотъ же посагъ для лучшой впредь твердости потверждаю и изясняю, что оній состоитъ въ слѣдующомъ: готовихъ денегъ четириста рублей, жемчугу болшого шесть шнуровъ, цѣна оному 150 рубл., жемчугу средного девять шнуровъ, цѣна оному 170

рубл., жемчугу малого одинадцять шнуровъ, цѣна оному 80 р., крестъ алмазній, цѣна оному 70 р., ланцужокъ gрошковій у сороку червонныхъ, цѣна оному 108 р., перстенковъ алмазныхъ два, цѣна имъ 47 р., третій перстень шафѣровій, цѣна оному 34 р., серги алмазніе цѣна онимъ 13 р., другіе серги рубѣновіе, цѣна онимъ 15 р. Сребраной посуди: два пугари большихъ, пивныхъ, зъ кришками, подносъ и дванадцять кубковъ медовихъ, цѣна онимъ 90 р., чарокъ водчанихъ восѣмнадцать, цѣна онимъ 27 р., ложокъ дванадцять, цѣна онимъ 26 р., итого клейнотамъ, золоту и сребру, полагаючи по силѣ правъ малороссійскихъ цѣну вдвое, виходитъ 2458 р. Сукнѣ, а именно: еденъ парчевій, сутій, локоть тринадцять, а локоть парчи по 8 р., пузументомъ широкимъ обложеній, цѣною у 10 р., подшитій хутромъ куничнимъ, ценою у 50 р., итого цѣна оному 154 р., другій кунтушъ парчевій, блакитній, локоть парчи по 5 р., пузументомъ корунчастимъ обложеній, цѣною у 12 р., подшитій хутромъ сибѣрковимъ, чорнимъ, цѣною у 20 р., итого цѣна оному кунтушу девятдесятъ сѣмъ рублей; третій кунтушъ парчевій, зеленій, локоть парчи по 5 р., пузументомъ корунчастимъ обложеній, цѣною у 80 р., итого цѣна оному кунтушу 157 р., четвертій кунтушъ парчевій, красній, локоть парчи по 2 р., пузументомъ корунчастимъ обложеній, цѣною у 10 р., подшитій хутромъ сѣбѣрковимъ бѣлимъ, цѣною у 16 р., итого цѣна оному кунтушу 52 р., пятій кунтушъ штофовій, красній, легкій, локоть по рублю, шыроковю сѣткою обложеній, цѣною у 15 р., итого цѣна оному кунтушу 28 р., шестій кунтушъ штофовій, жолтій, легкій, локоть по рублю и по 20 коп., зъ карункою сребраною, цѣна 8 р., итого цѣна оному кунтушу 23 р. 60 к., семій кунтушъ штофовій, блакитній, разноцвѣтній, легкій, локоть по осми золотихъ зъ пузументомъ карунчастимъ, у 10 р., зъ лиштвами парчевими у 5 р., итого цѣна оному кунтушу 35 р., 80 к.; осмій кунтушъ штофовій, зеленій, разноцвѣтній, легкій, локоть по семи золотихъ зъ пузументомъ золотимъ у 10 р., зъ лиштвами бархотними у 2 р., итого цѣна оному кунтушу 30 р., 20 коп.; девятій кунтушъ штофовій, жолтій, разноцвѣтній, локоть по шесть золотихъ, зъ карункою нестрозолотою, цѣною 8 р., подшитій хутромъ сѣбирковимъ бѣлимъ, цѣною у 12 р., итого цѣна оному кунтушу 35 р. 60 к.; десятій кунтушъ конавацовій, зеленій, локоть по 80 к., зъ карункою нестрозолотою, цѣною у 8 р., подшитій хуторомъ песковимъ, бѣлимъ, цѣною у 20 р., итого цѣна оному кунтушу 38 р., 40 к.; одинадцятій кунтушъ gранѣтуровій зеленій, локоть по 60 к.; подшитій хутромъ

рисѣмъ хрибтовимъ, цѣною у 27 р. 80 к.; дванадцятій кунтушъ голевій, жолтій, легкій, локоть девять, а локоть по рублю, лиштви бархатніе цѣною у 2 р., итого цѣна оному кунтушу 11 р. Сподници, а именно: первая, парчевая, бѣлая, локоть 12, а локоть по 2 р., зъ сѣткою золотою, цѣною у 5 р., итого цѣна ей 29 р., другая, парчевая, блакитная, локоть по 2 р., зъ сѣткою сребраною, цѣною у 5 р., итого цѣна ей 29 р., третая красная, штофовая, разноцвѣтная, локоть по рублю, зъ сѣткою золотою, цѣною у 5 р., итого цѣна ей 17 р., четвертая, табинова, зеленая, локоть шесть, а локоть по 2 р., зъ сѣткою золотою цѣною у 5 р., итого цѣна ей 17 р., пятая гранѣтуровая, красная, локоть у 5 р., итого цѣна ей 12 р. 20 к. Шнуровки, а именно: первая, парчевая, сутая, зъ пузументомъ золотимъ, цѣна 10 р., другая, парчевая, блакитная зъ пузументомъ золотимъ, цѣна 8 р., третая, бархатная, красная зъ сѣткою сребраною, цѣна 4 р., четвертая, штофова, бѣла, зъ карункою пестрозолотою, цѣна 2 р., 50 к.; пятая, штофова, жолта, зъ сѣткою сребраною, цѣна 2 р., 50 к. Запаски, а именно: перва, парчевая, сутая, цѣна 25 р. 50 к., другая, парчевая, бѣла, цѣна 8 р. 50 к., третая, штофова, жолта, разноцвѣтна, цѣна 6 р. 40 к., четвертая, штофова, бѣла, разноцвѣтна, цѣна 8 р., пятая, штофова, красная, разноцвѣтная, цѣна 4 р., шестая, штофова, бѣла, разноцвѣтная, цѣна 6 р., семая, табинова, зелена, цѣна четири рубли. Запони, а именно: первая, штофова, красная, разноцвѣтная, локоть двадцять, а локоть по рублю, итого цѣна ей 20 р., другая, дуклѣ венецкой, полосастая, локоть пятнадцять, а локоть по таляру, итого цѣна ей 9 р. Колдри, первая, штофова, красная, разноцвѣтная, локоть четирнадцять, а локоть по рублю, итого цѣна ей 14 р., другая, дуклѣ венецкой, полосастся, локоть девять, а локоть по таляру, итого цѣна 5 р. 40 к. Постѣль полутабинкова, блакитная, локоть двадцять, а локоть по рублю, сѣтка золота у 20 р., итого цѣна ей 40 р. Постелей бѣлихъ, зъ простирами, пять, а всякая по 5 р., итого цѣна имъ 25 р. Сорочокъ голанского и швабского полотна 60, зъ которихъ у двохъ рукава шитіе золотомъ, всякую кладучи за полтора рубля, цѣна имъ 90 р. Ручниковъ шитихъ заполоччу 15, кладучи всякій по рублю, цѣна имъ 15 р., ручниковъ московского полотна дванадцять, кладучи всякій по полтинѣ, цѣна имъ 6 р. Скатертей шленскихъ штука, а сервѣтокъ шленскихъ же двѣ штуки, цѣна имъ 20 р., скатертей простихъ 10; всякая по рублю, итого цѣна имъ 10 р., сервѣтокъ простихъ 60, всякая по гривнѣ, итого цѣна имъ 6 р. Шапка купична, вершокъ

бархатній, цѣна ей 6 р., вершокъ шитій золотомъ, цѣна оному 6 р., шапка легка, бархатна, зъ вершкомъ парчевимъ, цѣна ей 3 р. Карета новая, цѣна ей 50 р. Цугъ лошадей, цѣна имъ 100 р., цугъ шоръ зъ лѣнцями и кантарами, цѣна имъ 30 р. Итого всего безъ совитости кладучи 1349 р. 40 к. А всей суммы виходитъ 3807 р. 40 к. Зъ движимого же моего имѣнія записую ей же, женѣ моей, вѣчно какіе у мене имѣются клейноти, а именно: жемчугъ, ланцужки, перстенки, каначки, крестики, сребранную посуду, сукнѣ, хутра дорогіе, оловянніе и мѣдніе посуди, все безъ остатка, зъ доброй моей волѣ, понеже и права малороссійскіе записивать движиміе вещи женѣ, такъ какъ кому посторонному, позволяютъ. Во утвержденіе же сего моего запису, оній рукою моею подписую и печать прилагаю. Яковъ Чарнишъ собственною своею рукою подписался и печать свою приложилъ.

Въ сему запису по прошенію бунч. тов. Якова Чарнища, полковникъ Переяславскій Семенъ Сулима подписался и печать приложилъ.

Къ сему запису по прошенію Якова Чарнища, бунчукового товарища, обозный полковий Лубенскій Іванъ Кулябка подписался и печать приложилъ.

Къ сему запису по прошенію бунч. товар. Якова Чарнища полку Переясловского Золотоноскій сотникъ Костантъ Леонтовичъ подписался и печать приложилъ.

Засимъ слѣдуетъ засвидѣтельствованіе (22 марта, 1745 г.). *сего акта въ сотенномъ Глуховскомъ правленіи, со вписаніемъ его въ «книги мѣскіе Глуховскіе». Засвидѣтельствованіе подписали. «Іванъ Стожко, атаманъ Глуховскій, войтъ Глуховскій Борисъ Даниловъ, бурмистръ Глуховскій Тимофѣй Стефановъ, бурмистръ Глуховскій Яковъ Ивановъ». (Съ подлинника).*

6. Дополненіе къ вѣновой записи, выданной бунч. товарищемъ Яковомъ Чарнышемъ женѣ его Марфѣ Шираевнѣ. 1745 г. 4 іюня.

Року 1745, мѣсяца іюля 4 дня. Я нижейподписавшійся во всякомъ судѣ и правѣ, комубъ того теперь и въ предъ будущое время вѣдать подлежало, обявляю симъ моимъ доброволнымъ записомъ въ томъ, что я сего году, въ прошломъ ѳевралѣ мѣсяци, женѣ своей Марѳѣ Степановой дочерѣ Шираевнѣ за унесенне еи въ домъ мой, которое я по реестру, съ показаніемъ всякой вещы цены, принялъ, и въ приемѣ далъ я отъ себе швагру моему, а еи жены моей брату родному бунчуковому товаришу Ѳедору Шираю росписку, якъ въ денгахъ 400 рубляхъ, такъ доволныхъ разныхъ клейнотахъ, въ жем-

чугу, золотѣ, сребрѣ, цинѣ, мидѣ, сукняхъ парчовыхъ, материалнихъ, въ хутрахъ дорогихъ и другихъ убіорахъ, въ плати бѣломъ, въ поездѣ, въ лошадяхъ и въ протчемъ, какъ то въ прежнемъ сего данномъ записѣ одъ мене и въ помянутомъ реестрѣ именно показано, всего на 3807 р. 40 к., и чтобъ столко было противъ онаго посагу зъ недвижимихъ отческихъ и материнскихъ по раздѣлу зъ братомъ моимъ бунчуковимъ товаришемъ Іваномъ Чарнишемъ, мнѣ во владѣніе доставшихъся добръ, по правамъ малороссійскимъ, треттюю часть записалъ, которій мой записъ на урядѣ и записанъ, а именно слободу Подоловъ со всѣми при ней имѣючимися угодіи, зъ дворомъ жилимъ, подданиками, съ купленними грунтами, гаями, зъ полемъ пахатнимъ со всѣмм околичностми, и зъ мелницами, которіе суть слѣдующіе: 1) греблю съ двома клѣтками о четирохъ колахъ, на рекѣ Ретѣ, въ 1717 году купленіе въ жителей и козаковъ Кролевецкихъ Тихона и Павла Дейнеченковъ, зъ двома гайками, ланомъ и нивою обрѣтаючимися, боръ, купленній отъ Івана Вакуленка и Павла Огіенка, при урочищи Мошкахъ, по великій Воронѣжскій шляхъ стоячій и протчіе грунта, хуторъ Менковскій зъ пасѣкою, зъ полями пахотними и сѣнокосними, зъ гаемъ и сѣножатми, близъ которого положенія еще хуторъ зъ полемъ пахатнимъ и сѣнокоснимъ зъ гаями, и лѣсами, прозиваемій Подолщицскій; 2) на той рекѣ Ретѣ мелница, прозиваемая Семенковская, о двохъ колахъ мучныхъ, со всякими угодіи, которою владѣла мать моя по отцевѣ своему Константию Голубу; 3) Дулевскіе мелници о четирохъ колахъ мучныхъ да пятомъ ступномъ, на рекѣ Ретѣ, купленніе у Михаила Василевича Дулѣ, обывателя Кролевецкого, въ 1668-мъ году; 4) мелница, прозиваемая Горишняя, о двохъ колахъ мучныхъ; 5) мелница въ ономъ же селѣ Подоловѣ, на рекѣ Свиднѣ, о двохъ колахъ мучныхъ, купленная у козака Кролевецкого Григорія Григоріевича Дейнеки и кромѣ оныхъ Корма-гай зъ лѣсомъ и зъ сѣнокосами, близъ Подолова стоящіе, да въ городѣ Кролевци коморъ пять и два двори съ подсусѣдками, а отъ кого что куплено, о томъ имѣются у мене разніе крѣпости, въ коихъ обстоятелно показано за вѣно помянутой женѣ моей Марѳѣ Степановой дочерѣ и утвердилъ ей въ вѣчное владѣніе, цѣною въ 3807 р. 40 к., въ какой суммѣ и посагъ оной жени моей состоитъ, какъ выше показано. Да сверхъ того, какіе мене имѣются зъ движимого моего имѣнія клейноти, а именно: жемчугъ, ланцужки, перстенки, каначки и крестики, сребряную посуду, сукнѣ, хутра дорогіе, оловянніе и медніе посуди,

все безъ остатка записалъ реченной женѣ моей вѣчно, зъ доброй моей волѣ, по правамъ малороссійскимъ. А понеже нинѣ я извѣстился, что по челомъбитью бунчукового товариша Ѳедора Чуйкевича, а по рѣшенію суда войскового генералного зъ тѣхъ записанныхъ женѣ моеѣ Мароѣ Шираевнѣ недвижимыхъ добръ, мелници прозиваеміе Дулевскіе отходятъ съ подъ владѣнія и тако противъ помянутого посагу записанная мною недвижимихъ добръ треття часть противъ означенной суммы за отшедшими мелницами виходить не будетъ, того рады въ награжденіе вишеписанних отшедшихъ мелницъ оной женѣ моей Мароѣ Шираевнѣ, а въ дополненіе записанной предъ симъ треттой части моихъ недвижимихъ добръ, записую въ городѣ Батуринѣ, на рекѣ Сейму, два кола мучныхъ, въ сотнѣ Конотопской, въ селѣ Поповци, дворъ шинковный, въ мелницахъ на рекѣ Веровци, два кола мучныхъ, а треттое ступное, кромѣ отшедшого кола мучного съ подъ владѣнія моего, по челобитню попади Конотопской Мигалевской, а по рѣшенію суда войскового енералного и по конфѣрмаціи войсковой енералной канцеляріи, да въ сотнѣ Воронѣжской, Красній хуторъ, зъ мелницами сѣнокосами, зъ пущею и полемъ пахатнимъ, утверждаю ей въ вѣчное владѣніе и и сей мой запись, и прежный въ 1745-мъ году февраля 25-го данный, конфѣрмую зъ доброй своей волѣ, дабы во всякого суда таковіе отъ мене данніе записѣ были ненарушимы, яко оніе правамъ малороссійскимъ нѣ въ чемъ непротивны, и оная записанная женѣ моей Мароѣ Шираевнѣ съ недвижимихъ моихъ добръ треття часть, яко-то слобода Подоловъ со всѣми при ней имѣюшимися угодіи, зъ дворомъ жилымъ, подданними, съ купленними грунтами, зъ полями пахотними, зъ гаями и со всѣми околичностми и мелницами на рекѣ Ретѣ, купленными у Павла и Тихона Дейнеченковъ, тако жъ мелницами Семенковскою, Горишанскою, да на рекѣ Свиднѣ мелницею и въ городѣ Батуринѣ, на рѣкѣ Сейму, два кола мучныхъ, въ сотнѣ Конотопской, въ селѣ Поповцѣ, дворъ шинковный, мелница на рекѣ Веровци, о двохъ колахъ мучнихъ, и треттее ступное, кромѣ отшедшого кола мучного, Корму-гай, хуторъ Менковщину, Подолщицкій, зъ пасѣкою, зъ пущами, зъ сѣнокосами, полями пахотними, да въ сотнѣ Воронѣжской хуторъ Красный зъ мелницами и со всѣми угодіи и протчіе вишеписанніе всѣ пахатніе и сѣнокосніе и лѣсовіе угодіи, къ тому жъ движимое все мое имѣніе, какъ въ прежнемъ моемъ записѣ именно показано, за силу прежняго жъ и сего моего запису быть въ жены моей Мароы Шираевни въ вѣчномъ и безпо-

воротномъ владѣніи. Во утвержденіе же сего моего запису, при нижеподписавшихся отъ мене персоналне упрошенних свидѣтелихъ, своею оній рукою подписую и печать прилагаю. Къ сему запису подписался Яковъ Чарнишъ. По прошенію устному бунч. товариша Якова Чарниша, къ сему вѣчистому запису во свѣдителство полковый Черниговскій хоружій Іванъ Булавкинъ руку и печать приложилъ. Къ сему вѣчистому запису, по устному бунч. тов. п. Якова Чарниша прошенію, во свѣдителство полковый Черниговскій сотникъ Ѳедоръ Посудевскій руку и печать приложилъ. По прошенію устному б. т. Якова Чарниша къ сему вѣч. запису во свѣдителство бунч. товаришъ Григорій Стаховичъ руку и печать приложилъ. По прошенію словесному б. т. п. Якова Чарниша къ сему вѣчному запису полку Переяславского сотникъ Березанскій Василій Думитрашко Райча руку и печать приложилъ во свѣдителство. На прошеніе словесное б. т. п. Якова Чарниша къ сему вѣчному (sic) запису полку Нѣжинского сотникъ Батуринскій руку и печать приложилъ Алексѣй Демидовскій.

Року 1745, мѣс. июля 5 дня. Сей вишеписанній записъ войсковимъ канцеляристомъ Яковомъ Чарнишомъ о опредѣленіи въ посагу женѣ своей Марѳѣ Степановой дочери Шираевнѣ въ наг,аждение, во мѣсто отшедшихъ мелницъ, а въ дополненіе записанной предъ симъ третой части недвижимихъ добръ, а именно, въ городѣ Батуринѣ, на реки Сеймѣ, двохъ колъ мучныхъ, въ сотнѣ Конотопской, въ селѣ Поповцѣ, двора шинкового, двохъ колъ мучныхъ и третого ступного, да въ сотнѣ Воронежской Красного хутора зъ мелницею, сѣнокосами, зъ пущею, зъ полемъ пахотнимъ, учиненній, при докотеніи его, Чарниша, въ сотенномъ Глуховскомъ правленіи персоналне презентованъ и дабы оной записъ въ предъслѣдуючіе времена при своей силѣ и крѣпости ненарушимъ былъ, по прошенію его Чарниша, мы нижевираженній урядъ мѣскій Глуховскій оній записъ урядовне, съ подписомъ рукъ нашихъ и приложеніемъ урядовой обыкновенной печати, сконфирновавъ, въ книги мѣскіе Глуховскіе точно вписать и по уписаню, яко по требуючой сторонѣ, ему, Якову Чарнишу, въ сотенномъ Глуховскомъ правленіи видать приказали року и дня вишеписанних. Сотникъ Глуховскій Демянъ Туранскій. Григорій Кологривий, атаманъ Глуховскій. Войтъ Глуховскій Юрій Даниловъ. Бурмистръ Глуховскій Іосифъ Мандзокъ (?). Писарь Ѳедоръ Вилчикъ. Ратуша Глуховского содержащій протоколъ Романъ Курбатскій.

1745 году, іюля 15 дня. Сей вишеписанний записъ войск. канцеляристомъ Яковомъ Чаранишемъ о опредѣленіи въ посагу женѣ свой Марѳѣ Стефановой дочери Шираевнѣ, во мѣсто отшедшихъ нелницъ, а въ дополненіе записанной предъ симъ третой части недвижимихъ добръ, а именно; въ городѣ Батуринѣ, на реки Сейму, двохъ волъ мучнихъ, въ сотнѣ Конотопской, въ селѣ Поповкѣ двора шинкового (*и т. д. слѣдуетъ перечень, какъ и выше*) учиненний, которой на урядѣ сотенномъ Глуховскомъ конфѣрмованъ и при доношеніи его, Чарниша, въ сотенной Кролевецкой канцеляріи презентованъ, и дабы оный записъ въ предъслѣдуючіе времена при своей силѣ и крѣпости непарушимъ былъ, по прошенію его, Чарниша, ми нижевыраженный урядъ мѣскій Кролевецкій оний записъ урядовне съ подписомъ рукъ нашихъ и приложиннемъ урядовой обикновенной печати конфѣрмовавъ, въ книгу мѣскую Кролевецкую точно вписать и по вписанію, яко потребуючой сторонѣ, ему, Якову Чарнишу, зъ сотенной Кролевецкой канцеляріи видать приказали, року и дня вишеписанних. Атаманъ сотенный Кролевецкій Іванъ Зубаха. Писарь сотенный Кролевецкій Климъ Мосцѣпановъ. Хоружій сотенній Ігнатъ Герасименко. Вишеизображенная записъ на урядѣ сотенномъ Кролевецкомъ записанна въ книгу на л.л. 38, 39, 40, 41 и 42. (М. П.) *(Съ подлинника).*

7. Духовное завѣщаніе войск. канцеляриста Якова Чарныша. 1745 г., 27 декабря.

Во имя Пресвятыя, Единосущнія и Нераздѣлимія Троицы, Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Понеже Создатель мой Христосъ Господь даровалъ мнѣ скалѣченемъ ноги моея немалую болѣзнь, которою я із 1744 году, отъ августа мѣсяця по мѣсяць декабръ сего 1745 года, былъ одержимъ, а декабра мѣсяця не ощущая здоровья и не уповая болше жить, но еще я въ болшой чехотной отъ нашлю болѣзни будучи, однакъ имѣючи добрую память, і здравый мой разумъ, симъ остатной волѣ моей тестаментомъ учинилъ нижеслѣдующое: 1) Душу мою, грѣхами оскаляннную, кровнею же Христа Спасителя моего искупленную, вручаю въ руцѣ его Спасителевы. Тѣло же мое по христіанскому обычаю погребсти въ мѣстечку Кролевцѣ, близъ костей матки моей и учинить подлежащее поминовеніе женѣ моей, Марфѣ Шираевнѣ, завѣщеваю. 2) Хотя нѣкоторіе денги по смерти покойной матки моей оста-

лись были и содержались въ Даніила, священника протопопія Кролевецкой села Подолова, в которіе денги взяти мною за проданній, состоящій на предмѣстѣ города Глухова, на Верпгинѣ, дворъ, у его безможности ассаула войсковаго генералного пана Петра Валкевича, тѣ всѣ денги за аккуроване мене и за лѣчбу сваленченной ноги іздержаны, такъ что и нѣчего із денегъ не осталось, въ чемъ вѣсть Христосъ Господь. 3) Каковіе добра прежде сего, зъ доброй моей волѣ, записаны мною женѣ моей, реченной Марфѣ Шираевнѣ, тому запису моему буть при своей силѣ ненарушимо всегда, яко она за собою принесла вношены денгами и другихъ добръ не на малую сумму. 4) Понеже по исчисленію моему зъ упомянутою женою моею явилось тое, что уже тому назадъ мѣсяцей ісъ четыре, какъ оная жена моя отъ мене стала обременеина, для того всѣмъ добрамъ по природному наслѣдію на мене спадаючимъ (зверхъ записѣ отъ мене женѣ моей опредѣленнимъ) буть за нею жъ женою моею Мареою Шираевною и за наслѣдиемъ отъ мене понесшимъ, а ею родичимся, вѣчно; ежели жъ бы тое наше наслѣдіе по волѣ Божіей умерло, то самой женѣ моей предпоказанной оними добрами (не щитая въ то число, что ей записомъ отъ мене опредѣленно), если она пребудетъ во удовстве, владѣть безъ препятствия, такъ какъ о удовствующихъ женахъ по правамъ Малороссійскимъ дозволено; если жъ бы она взяла посягнуть замужъ, то оные добра должни спасти во владѣніе ближнему моему родственнику, а онъ долженъ женѣ моей то наградить, что она зъ своего імѣнія на поминовеніе души моей істераетъ. 5) Сей вышеписанній, зъ доброй памяти моей учиненій, тестаментъ утверждаю буть вѣчно при своей силѣ и для того на немъ свое учно подписуюсь и о подпись свѣдителей нижеподписавшихся, тако жъ по написаню сего тестаменту стороннаго человѣка упросилъ. 1745 году, декабра двадцять семого дня. Сей мой тестаментъ подписомъ руки моей я утверждаю войсковій канцеляристъ Яковъ Чарнишъ. У сего тестаменту свѣдителемъ билъ генералний полсварбій Михайло Скоропадскій и по прошенію пана Якова Чарнища на ономъ подписался и печать свою приложилъ. У сего тестаменту свѣдитель билъ войсковий товаришъ Іванъ Пухоничъ и по прошению пана Якова Чарнища на ономъ подписался и печать свою приложилъ. Сего тестамента будучи отъ пана Якова Чарнища признаннимъ, оній тестаментъ зъ волѣ его пана Чарнища писалъ и въ томъ подписался Глуховской ратуши писарь Семенъ Евсѣевъ.

Року 1745, декабря 27 числа. Сей вишеписанній тестаментъ отъ войскового канцеляриста Якова Чарнуша при писмѣ въ Глуховскомъ сотенномъ правленіи презентованъ и по прошенію его, Чарнуша, чтобъ оной тестаментъ при своей силѣ былъ, мы нижевраженный урядъ жѣсвій Глуховскій оній тестаментъ подписомъ своихъ рукъ и приложенемъ урядовой печати сконфѣрмовавъ, въ книги мѣские Глуховские точно вписавъ и обратно ему Чарнушу, яко потребуючей сторонѣ, отдать въ сотенномъ Глуховскомъ правленія приказали. Року и числа вишеписанныхъ. Сотникъ Глуховскій Дамянъ Турянскій. Григорій Кологривой, атаманъ Глуховскій. Войтъ Глуховскій Гаврило Яковлевъ. Бурмистръ Глуховскій Іосифъ Мандя.. Бурмистръ Глуховскій Іванъ Красовскій. (М. П.) *(Съ подлинника).*

8. Опись движимости, оставшейся послѣ смерти Марфы Степановны (по второму мужу) Скоропадской, въ Подоловскомъ домѣ. 1764 г., 4 марта.

Въ сотенную Кролевецкую канцелярію. Доношеніе.

Сего 1764 году, минувшого февраля 29 д., мать моя родная Мареа Стефанова дочь, по первому мужу, а моему отцу, Чарнышева, волею Божиею, оставя імѣние недвижимое и движимое, (до которыхъ я законная наслѣдница), безъ всякого писменного роспредѣленія, умре, а яко нынѣ дядя мой родной поежу Стародубовского подкоморій Михайло Ширай, тако жъ і тетка родная, удовствуючая сотникова Новгородская Параскевия Судденкова, (коимъ я отъ матки въ опеку поручена) і находятся на лицо зде въ деревнѣ Подоловѣ и въ присудствіи ихъ и другихъ родственниковъ, для знания моего впредь отъ уряду сотенного нарочнихъ старшинъ опредѣлить для переписи техъ прописанныхъ наличностей, того ради сотенной Кролевецкой канцеляріи прошу намѣненнихъ нарочнихъ, въ силѣ правъ Малороссийхъ, для переписѣ недвижимыхъ, а паче движимыхъ імѣній всякую вешь порознь, прислать і о томъ учинить въ силѣ указовъ и правъ, Малороссійскихъ опредѣление. Въ подленкой подписъ—Анна Чернишева. 1764 г., марта 4 д. *(Съ копіи).*

По поданному умершой подскарбіевой генералной Марфы Скоропадской, по первому мужу Чарнышевой, отъ дочери ея Анны Яковлевны Чарнишевни въ сотенную Кролевецкую канцелярію доношенію і полученному на ономъ опредѣленію, я нижеподписаяшійся, съехавши въ село Подоловъ, въ жилой ея Чарнишевни домъ, въ

присудствіи самой ея і родного ея дядѣ повѣту Стародубовского подкоморого Михайла Ширая да тіотушки удовствующой сотниковой Новгородской Параскевіи Судденковой і на тотъ часъ случившихся двоюродныхъ братей ея, бунч. товарыща Івана Федоровича Ширая, да повету Стародубовского коморника Івана Василіевича Заводовского, учинилъ описаніе наличныхъ движимыхъ ея Чарышевны, въ наслѣдие по смерти матки ея оставшихся вещей, якіе ниже сего іменно показанны. 1764 году, марта 4 дня.

Скрынка сребная стропозолоченная. Подносъ болшой зъ двома ушкамы, другой подносъ зъ трюма ножкамы, третий подносъ на седесѣ, четвертый подносъ « ». Конва болшая, вызолоченная, зверху орелъ Ковшъ старосвѣцкій, зъ колцемъ. Чашка полоскателная зъ двома ушкамы. Коновочка вязолоченная зъ середины и зверху, коновочка зъ гербомъ, вызолоченная. Чайникъ. Лѣхтарыкъ. Двѣ солники. Стаканъ зъ крышкою, вызолоченній, зъ трома ножкамы; стакановъ два, въ двома крышкамы. На чай фляжка зъ крышечкою. Сахарница гладкая, болшая, другая меншая, гладкая жъ. Кофейникъ гладкій, болшій, кофейникъ другій, гладкій; меншый, кофейникъ третій, болшой, на трехъ ножкахъ. Кубковъ рысованыхъ 12, чарокъ рысованыхъ 12. Лыхтаръ зъ трома кружкамы. Чайникъ зъ ланцужкомъ сребнымъ. Пукалъ на старыну, зъ виноградною цепкою, пукалъ другій, пестро вязолоченный. Ложокъ 10, пестро позолоченные, да 4 ложки суто вызолоченныхъ; ложокъ 2, подъ смалцемъ, складныхъ, ложокъ сребныхъ гладкыхъ 16, ложка болшая столовая. Рѣпокъ 6 вызолоченныхъ. Подносъ зъ трома лѣхтарыками, валамаремъ і пѣсочницею. Чарокъ 12, зъ ушками. Двѣ солники на трехъ ножкахъ, вызолоченные. Чайныхъ ложечокъ 6, щипцѣ шандалные, а другие сахарные. Ножей сребныхъ 13 паръ, въ пуделку зеленомъ состоящихъ, тамъ же две пары малыхъ і вилки едны зъ четырма зубцамы, два обухы, сребромъ оправленніе. Пѣрначъ сребный, позлочыстій. Шабля подъ сребромъ, старынная, смаху (?) переломлена. Ладунка сребная зъ тесемкою пестрою. Сагайдакъ зъ ланцужками срѣбнимы пятма, сагайдакъ другій, зъ ланцужкамы срѣбнымы осма позлочыстимы. Ножовъ 12, безъ вѣделокъ, вновъ зделанныхъ. Рондъ на сафянѣ красномъ, сутопозлоцанный, рондъ на срѣбномъ пузументу, рондъ еще на сафянѣ красномъ, суто позлоцаній, рондъ на сафянѣ, старій, зъ ланцужкамы і чесыкамы, рондъ зъ пудламы срѣбнымы, рондъ съ пудламы позлоченнимы, рондикъ порванній зъ пудламы сребнимы, рондыкъ старынній, на чарномъ ремнѣ, съ пудлыками, двохъ рондыковъ прыголова

зъ пудлыками. Подносецъ сребной до шпицовъ. Въ шкатулкы, красною байкою выбитій, флядъ домынажъ, сребной, въ коемъ вѣсу 10 фунтовъ, кромѣ двохъ фляшокъ, на коихъ нало сребра. Ларчыкъ сребной подъ стекломъ, зъ персонками. Вееръ въ чорномъ пуделочку. Золотыхъ ланцужковъ шесть, вѣсомъ два фунты. Жемчужныхъ 8 нетлыцъ, съ проччимъ разнымъ жемчугомъ два фунты і семъ золотыковъ. Еще въ четырохъ ланцужкахъ золотихъ 22 лота. Серги золотие, рубыновие, серги золотие подъ смалцомъ, серги золотие съ перлыками, серги золотие зъ бреліянтами, серги золотие зъ высящими камушками, серги белие, болшие, алмазние. Перстіовъ два бреліянтовыхъ, еще перстневъ золотыхъ зъ разными камушками 18, да обручыковъ золотихъ два. Бантъ алмазній. Крестъ рубыковій, въ срединѣ шафѣръ. Складки старынкая, позлоцанная, зъ разнимы простими камушками, на торной лентѣ, складки золотая зъ красными і зеленимы камушками. Цепка золотая отъ часовъ. Коначковъ золотыхъ 11, зъ разнимы камушками. Запоновъ 3, позолоченныхъ. Трейзовка зъ краснымы камушками. Запонка сребная, зъ фіялетовимъ камушкомъ. Gузѣковъ 6 золотыхъ, зъ блакытными цветками. Восемъ золотниковъ разныхъ маленкыхъ вещей золотихъ. Часы золотие зъ репетиціями, безъ цепки, часы другие золотие, зъ цепкою, безъ репетицѣи, зъ ключикомъ. Лакончикъ парфомотной на мушки и румяна. Камушковъ болшихъ однъ шафѣръ, а маленкихъ съ 30, да краснихъ мелкихъ съ 30, сколовъ рубиновъ 40, еще меншихъ до 30.

Платя і уборовъ. Gрадынаполю 30 аршинъ. Перевелѣ Злосатой 30 аршинъ. Штофу французского 4 локты. Перевелнее плате зъ золотымъ gазомъ. Голубовой парчевой ребромъ, обложенъ сребною сѣткою. *Въ платейной скрынѣ.* Два платкы белие, шитие, таѳиніе, платокъ шитой белой золотомъ, платокъ таѳяной, красній на столикъ, зъ сѣткою, платковъ два красныхъ, шитыхъ золотомъ, таѳяныхъ. Шнуровка среброглавная, зъ сѣткою сребною, (отдана сотнику Огіевскому). Карцетъ сребной, новой, незшиваной. Юпка кофейная, канавацова, золотомъ шитая, юпка бѣлая, gрезетная, шитая сребромъ зъ блостками, юпка блакитная, канавацовая, шитая сребромъ. Карсетъ красной, шитой золотомъ. Шуба парчевая, жолтая, подъ куницыи. Gарцетъ белой, крезетной, шитой серебромъ. Кунтушъ повсовой, зъ золотимъ gазомъ. Кунтушъ парчевой, среброглавной, зъ варункою сребною. Gарцетъ жолтій, крезетной, gарцетъ бѣлій, люстрынній, шитій сребромъ, gарцетъ голубой, крезетной, шитой сребромъ, gарцетъ жолтій, крезетной, шитій сребромъ. Юбка парчевая,

ворычная, зъ сребнымъ газомъ. Кунтушъ канавацовой, блакитной, зъ сѣткою газовою, кунтушъ жолтой, люстриній, зъ срѣбною сѣткою, кунтушъ рытого бархату, кривавой, зъ сребною сеткою, кунтушъ бѣлій, парчевій зъ сѣткою сребною, кунтушъ бѣлій, парчевій, зъ золотнымъ газомъ, кунтушъ зеленій, парчевій, зъ срѣбною сѣткою. Семъ бритъ (?) шитыхъ сребромъ. Грезеты алой на юпку. Павиліонъ красной, разноцвѣтной, павиліонъ тафти полосатой. Запаска парчевая, фиялетова, запаска парчевая, блакитная, запаска парчевая, сребро-главная, повсовая, запаска парчевая пошелистая. Парчѣ шиатъ алой трохъ локоть. Юпка парчевая, разноцвѣтная, зъ срѣбною сѣткою, юпка зеленая парчевая, безъ сѣтки. Кофтъ парчевой, зеленой, старій, кофтъ парчевой дибчатой, старой. Запонъ две, китайской парчѣ. Парчѣ сугой золотой, въ двохъ шматкахъ, чтири локтѣ. Двѣ мантилѣ парчевие, золотие. Шуба парчевая, голубой землѣ, на черевемъ лысемъ футрѣ. Латыцкина два, одинъ золотой фондишванѣя, а другой сребной фондишванѣя жъ. Юпка красная, грезеткая, зъ сребною газовою сѣткою, юпка тафтовая жолтая, на баволнѣ. Башмаковъ матерыяляхъ пять паръ. Кофтъ камчатой, зъ юпкою такою жъ. Ребронъ моря белого и юпка, разноцвѣтние. Два латцкини чорние, сребние. Ребронъ і юпка грезетние, красние, зъ сребною сѣткою, ребромъ і юпка, тафты полосатой; ребронъ, юпка, кофтъ і грезетъ тафты кофейной, полосатой. Кружевие блонды. Фліоровие манжеты зъ круживомъ. Кофтъ бѣлой, грезетной зъ копѣшономъ. Въ футляряку пара ножиковъ сребныхъ, а зъ другого боку партретъ.

Поковъ жылыхъ девять, зъ залею, но всѣхъ оныхъ обои бомажные, при каждихъ дверахъ замки жолтие тулскіе, зъ желѣзнымы засовкамы; въ нихъ зеркаловъ болшихъ 11, а меншихъ зъ визолоченнымы рямамы, и при оныхъ меншихъ присѣнние лѣхтарѣ. Канапе тры. Стулловъ красныхъ, матерыляныхъ, 6. Уборныкъ съ зеркаломъ красимъ. Кроватей желѣзныхъ тулскихъ зъ павиліонами, двомѣстна одна, а две одноочкы. Столикъ старій, подъ лакомъ, а въ срединѣ вложенъ фіянцомъ, столикъ черной, круглій, на одной ножкы, столыкъ красній, четиреугольній, на чтирохъ ножкахъ, столыковъ простыхъ семъ. Кабынетъ сандалной, красной, зъ четирма шуфлядкамы, кабинетъ красной, зъ чтирма жъ шуфлядкамы, кабынетъ темнокрасной, зъ осма шуфлядкамы, и въ ономъ печать сребная покойного Черниша, да образы панагіи, тройніе, въ сребрѣ позолоченные; кабынетъ такой же, темно красный, зъ чтирма шуфлядкамы. Образовъ подъ сребромъ два, фырма и шафа болшая въ сѣнахъ. Ковдра штофная

на красномъ полю, квѣтъ бѣлій. Перынъ большихъ двѣ, а меншихъ двѣ, подушокъ большихъ чтири, а меншихъ разныхъ 11. *Фарфуру три креденсъ и въ амбару.* Полоскателныхъ двѣ чашки, молочникъ одынъ, чашокъ саксонскихъ зъ ушкамы, 14 паръ, а простыхъ 10 паръ, чайниковъ фиифтовихъ саксонскихъ 4, а каменный, простій, одинъ, чашка чайная зъ мисочкою и кришкою, талѣрокъ саксонскихъ 2, подносъ фиифтовой и чтири чарки, каменныхъ талѣрокъ 34. *Фрукталю три креденсъ и въ амбарѣ.* Рюмокъ водчаныхъ 13, рюмокъ виновыхъ 36, чайникъ, молочникъ, кофейникъ, подносовъ два, съ оныхъ еденъ позлоченій съ краевъ, чашокъ чайныхъ две пари, стакановъ 26, мисочокъ заедныхъ 11, глечичковъ лымонныхъ тры, чарокъ зъ золотыны краямы, маленькыхъ 5, лимъ большихъ дне. *Въ амбарѣ кладовомъ зъ'цѣнъ.* Чашъ круглыхъ, зъ крышкамы, оловяныхъ 6, блюдъ одинарныхъ большихъ и малыхъ 32, талѣрокъ зубчастихъ четире дюжини безъ одной, талѣрокъ простыхъ 64, фляшка круглая медная большая, мортировъ медныхъ 8, три пушки медніе. Сѣдло гаптованное, зъ красною подушечкою. Ларчикъ красній, порожнѣй, скринечка жестяная зъ сахарницами. *Въ первой скрынѣ красной.* Женскихъ рубашокъ 128, полотна 48 штучокъ. *Въ другой скринѣ белой, дубовой.* Рубашокъ швабскыхъ 102, баволницъ штукъ дне, а третая начатая, обрусовъ швабскихъ 4, семъ швабскихъ же обрусовъ, серветъ швабскихъ штукъ 8, обрусъ маленькій, швабскій одынъ, ручниковъ швабскихъ 6, серветъ швабскихъ дюжиновъ пять, батисту полотна штука, постелей тры фарбованыхъ, ручниковъ шитыхъ 30, а тканихъ 10, ручниковъ гладкихъ 2. *Въ третой скринѣ бѣлой.* Скатертей штукъ 25, салфетъ штукъ 12. *Въ четвертой скринѣ.* Коверъ постриганой, хамчатой, коверъ постриганой, красной, коверъ постриганой, голубой, разноцвѣтной, коверъ постриганой, разноцвѣтной же, коверъ постриганой, красной, столбовой, коверъ бѣлой, постриганой, большой, старой, килимъ старій, разноцвѣтній, по красномъ полю, килимъ новой, разноцвѣтній по зеленомъ полю, килимъ полосатій, килимъ другій полосатій, килимъ третій, полосатій же, небольшой, килимъ четвертій, полосатій же, коверъ постригатій весма старий. Зеркало большое съ полотенкомъ, зеркало другое въ ящику озолоченномъ, а третое, меншее, въ ящики такимъ же. *Въ пятой скрынѣ бѣлой.* Уборъ на канапе, тканой, волосяній, павиліонъ красний полугабенковой, старий, зъ сребнимъ пузументомъ, павиліонъ сытцевій со всемъ уборомъ, кришка штофная, красная, зъ белымъ, на столикъ, скатертей штука една, серветъ четири штуки, скатерть еще одна, полотна на-

бытого штука, коверъ еще постриганой разноцвѣтной, по красномъ полю. *Въ шестой скрынѣ жолтой.* Платя лакейского, нѣмецкого, василкового сукна, швабскихъ нешитихъ рубашокъ 4, навеліоновъ 3, скатертей штукъ 3 тканихъ, а 6 шитыхъ, простиръ 5, между коими одна швабская, наволочокъ белыхъ 9. *Въ семой скрынѣ белой, дубовой.* Сѣдло по зеленомъ бархату гантованное, зъ платомъ, подъ ящуромъ, а другое сѣдло красное, гантованое. Крышокъ краскыхъ отъ хапутовъ суконныхъ 6. *Въ осмой скрынѣ белой.* Плахотъ простихъ 9. *Въ девятой скрынѣ.* Килимъ разноцвѣтній, фартуховъ до саней тры. *Въ десятой скрынѣ* положенно книжокъ разныхъ 30, а *другая скрыня, меншая,* вся полна рускихъ и латинскихъ книгъ. Три полы футра соболіого старого, на лошадей верховыхъ коповъ барсовихъ 3, балдахинъ тафтофій зеленій. Китайской кабинетчикъ. Кухва меду бытого. Доска аспѣсовая чорная. Погребецъ медной, въ немъ фляшъ 8, погребецъ *гданской,* въ коемъ пляшокъ болшихъ 4 и малыхъ 4, а двѣ лежачіе. Пуздерко простое, пляшъ 6 болшихъ, пуздерко шліонское, пляшъ болшихъ 3, а меншихъ 4, пуздерко простое, пляшъ 5, пуздерко красное, пляшъ 4 болшихъ, а малихъ 3 визолоченихъ. Шандаловъ медныхъ 9 жолтихъ, старинныхъ, болшихъ 3, а меншихъ 6. Судно сѣдалное красного дерева, зъ лоханею медною. Сѣбѣрокъ шматъ. Сахару голова. Замковъ тулскихъ 7 медныхъ, комнатныхъ. Оружына турецкая. Лакейскихъ чоботъ двѣ пары. Ковдра великой постелы, атласная красная, новая. Великой чайникъ медной, чайниковъ медныхъ жолтыхъ 3, а красной медѣ 2, кофейникъ одинъ. Сукна простого бѣлого три круги, а два чорного. Два фанарѣ болшие, жестяные. Тры кухвы вышніовка. Соли полтретѣ кухви, кримкы. Навеліонъ полосатій, старій. Красныхъ дергъ (?) три. Скрыня обоевъ разноцвѣтныхъ 20 кусковъ. Кофе куліокъ. Балахонъ тафтяній, красній зъ восѣчкою, и зъ калѣшономъ. Мантелія сребная, зеленая, опушеная горностаями. Башмаки парчевые, а другие перелевые. Лоханъ медныхъ жолтихъ — една болшая, а другая мѣншая. *Въ другомъ амбарѣ,* въ которомъ іміется горѣлки кухонъ 47, а въ другомъ 6, да въ Красномъ Хуторѣ 3 кухвы. Пшеницѣ двѣ скрыне и двѣ кухве. Лембикъ медной съ крышкою. Вовни кудель скрыня. Кострулъ 8 медныхъ. Двадцать паръ вещицъ. На горѣ, казановъ винокурныхъ 4, лембиковъ два, спушковъ черныхъ малыхъ 5. Палатка зеленая одна. Салъ девять. Съ винокурнѣ Подоловской казановъ робочихъ 6, трубъ 18. Карета зъ чахломъ, сеностекелная, фрушталная, выбитая алимъ трипомъ. Берлинъ красныхъ

сукномъ вибитой, спереду окно; берлинъ старой, такой же, спальня роскошная, красимъ сукномъ вибитая, козирковъ два, еденъ красимъ, а другой блакитнимъ сукномъ вибитие. Хамутовъ уборныхъ 6, зъ красними клѣщами, другой пуды хамутовъ 6 съ красними клѣщами, еще хамутовъ поездныхъ, зъ малїовалими клѣщами, старихъ 4, а палубнихъ три хамута, старихъ. Бляшнихъ кантеровъ 6, лѣйцовъ ременихъ двое, шоръ старинныхъ, лошадейнихъ, зъ бляхами медними 6, а 8 безъ бляхъ, кантаровъ сенъ безъ бляхъ, уздечокъ московскихъ простихъ 12. Лошадей цуговыхъ гнѣдыхъ 6, а темноглѣдыхъ тройка Грыгоровскихъ, да старихъ такихъ же особливо тройка, робочыхъ лошадей 8, трохъ вороныхъ, чалая, рижихъ двое, половая, и клячъ сивая, да муковозской еденъ конь половой. *При дворѣ Подоловскомъ* коровъ 4, телятъ двое, воловъ робочихъ 7 паръ, свыней надворныхъ при винницѣ 33, въ сажѣ свиней 14, в подсвинковъ столко жъ. *Въ хуторѣ Красномъ.* Винокурныхъ котловъ 3, трубъ 9, воловъ одна пара, въ сажѣ свиней 12, надворныхъ 28, поросятъ пятеро. *Въ хуторѣ Мевскомъ.* Пчолъ пней сто двое уставлено въ ішшанивъ, овецъ старыхъ 93, козъ 4 и козловъ два, рогатого скота двадцятеро поголовя толко и кобила една въ хуторного.

Крѣпости на всѣ грунта недвижимїе и облѣки при сребрѣ, за печатю сотника Огіевского, въ наволочки, въ скрынѣ положенны при сребрѣ жъ. Вишепроименованного сначала описѣ сребра явилось по перевѣст одинъ пудъ семнадцать фунтовъ съ половиною и съ четвертю; въ новыхъ ножахъ, безъ вѣделовъ, зъ железомъ, полчварта фунта, въ ножахъ всѣхъ, что въ пуделку зъ вилками, полдевята фунта, въ рондахъ зъ ремнями и удилами, 30 фунтовъ, въ сагайдакахъ 8 фунтовъ съ походомъ.

Сотникъ Кролевецкій Григорій Огіевскій. Бунчуковій товаришъ Іванъ Шорай подписался и печать приложилъ.

Коморникъ повету Стародубовского Іванъ Завадовскій подписался и печать приложилъ.

Сія выпись по доношенію умершой подскарбіиной генералной Марѳи Степановни Скоропадской отъ дочери ея Анни Яковлевни Чарнишевни въ сотенную Кролевецкую канцелярію персонально поданному, наличныхъ движимихъ ея, Чарнишевни, въ наслѣдіе оставшихъся вещей въ селѣ Подоловѣ, въ домѣ жилом и въ футорахъ, сотникомъ Кролевецкимъ Григоріемъ Огіевскимъ въ присутствіи двоюродныхъ братгей ея, Чарнишевни, бунч. тов. Івана Шорая да коморника полку Стародубовского Івана Завадовского учинена, и по

особливому доношенію опекуна оной наслѣдницы дядѣ ея родного, подкоморого полку Стародубовского Михаила Шираи, точно отъ слова до слова въ мѣскую крепостную книгу вписанна, и при сей вписѣ зъ сотенной Кролевецкой канцеляріи, при печати сотенной, въ силѣ права Малороссійского права книги Статута, роздѣла 6, артикула 4 означенному, опекуну выдана. 1764 года, марта 6 дня. Писарь сотенній Кролевецкій Іванъ Сердюковъ. *(Съ подлинника).*

9. Протестъ дочери Якова Чарныша, Анны, противъ насилій тетки ея Прасковьи Судьенковой. 1765 г., 26 марта.

По указу ея императорского величества самодержицы всероссійской, изъ полкового Нѣжинского суда г. подкоморого повѣту Менского Григорія Фридрикевича женѣ Аннѣ Фридрикевичевой дана сия выписъ для того: Сего 1765 году, марта 26 д., она, Фридрикевичева, въ судѣ полковомъ Нѣжинскомъ, чрезъ повѣренного канцеляриста суда земского Михаила Губаревского, протестнымъ доношеніемъ представила, что въ прошломъ 1764-мъ году, февраля 28 д., по смерти матери ея, Фридрикевичевой, Марфы Степановой, по второму мужу подскарбиевой генералной Скоропадской, оставшаясь она, Фридрикевичева, въ сущемъ сиротствѣ, взята въ содержаніе и опекунство родными ея дядею г. подкоморимъ Стародубовскимъ Михайломъ Шираемъ и теткою, удовствующею сотниковою Новгородской Параскевиею Степановою дочерю Судьенковою, (въ которой Судьенковой домѣ съ прошедшого 764 году, марта « » до 765 году, февраля по 18 число, до выходу ея, Фридрикевичевой, въ замуже за подкоморого повѣту Менского Григорія Фридрикевича, безотлучно жила), а имѣніе, по смерти оной ея, Фридрикевичевой, матери, оставшоесь, недвижимое и движимое, единствено на ея Фридрикевичеву спадаючое, по ея Фридрикевичевой доношенію въ сотенную Кролевецкую канцелярию, прошедшого 1764 года, марта 4 д., поданному, отъ оной сотенной канцеляріи описано и за оною описю тое имѣніе показанной дядя ея Шираи и тетка Судьенкова въ безутратное содержаніе приняли, съ какого имѣнія болшая часть въ движимостяхъ, зъ сундуками, оною теткою ея взяти и отвезени въ домъ ея, въ Новгородокъ, въ цѣлому сохраненію, чтобъ же и она Фридрикевичева съ тѣхъ своихъ имѣній чего либо и малѣйшого до выходу своего въ замуже неутратила, о томъ съ нихъ ея, Фридрикевичевой, опекуновъ, предъ упомянутымъ дядею ея взята у ней, Фридрикевичевой, подписка,

которая де отъ ея, Фридрикевичевой, для того и дана, дабы де оною могла она, Фридрикевичева, свое имѣніе въ случаю отъ насильныхъ вымагателствъ защитить. Но напротиву де того предреченная тетка ея Судденкова и санъ ея Иванъ Судденковъ, когда привезли ея, Фридрикевичеву, въ свой домъ, то начали съ угрозами разными досадами и многими устрашениями принуждать ея, Фридрикевичеву, продать имъ хуторъ свой, имѣющійся въ сотнѣ Воронѣжской, прозываемой Красной, сказывая, что мать ея, Фридрикевичевой, при своемъ скончаніи, говорила, дабы она, Фридрикевичева, тотъ хуторъ продала ея, Судденковой, или сыну ея Ивану Судденкову, неотмѣнно, и деньги за оной употребленны бъ были на поминовение оной умершой матери ея, Фридрикевичевой, о чемъ де она, Фридрикевичева, не только не знаетъ, но и отъ другого никого, кромѣ ихъ, не слыхала, чтобъ мать ея, Фридрикевичевой, когда либо о продажи имъ того хутора говорила; да и матери де ея, Фридрикевичевой, никакой нужды ни имѣлося ради поминовения о продажи имъ оного хутора думать или говорить, ибо де по смерти ея наличные деньги, какъ на поминовение ея, такъ и для ея, Фридрикевичевой, остались, да и когда отъ сотеной Кролевецкой канцеляріи, по прописаному ея, Фридрикевичевой, доношению чинена опись наслѣдственнымъ ея, Фридрикевичевой имѣніямъ, (при которой описѣ показанная тетка ея, Судденкова, съ сыномъ своимъ Иваномъ находилась), то о продажи имъ онаго хутора ни отъ оной тетки своей и ни отъ кого другого никакового упоминку не было да и упоминатся де ни къ чему и никому было ни изъ чего, якожде мать ея, Фридрикевичевой, умре безъ всякого о движимыхъ и недвижимыхъ имѣніяхъ распредѣленія, какъ де о томъ и въ вишеобявленомъ ея, Фридрикевичевой, доношении въ Кролевецкую сотеную канцелярію поданому скоро по смерти матери ея, Фридрикевичевой, имено прописано. Когда же де по тѣмъ предизображеннымъ правильнымъ обстоятелствамъ отъ насильной продажи оной тетки ея, Фридрикевичевой, и сыну ея Ивану Судденкову она, Фридрикевичева, крайне отказывалась, то за сие самое, ожесточась, бранили ея, Фридрикевичеву, безпремѣнно устрашая, что она, Фридрикевичева, всѣми людьми будетъ за проклятую признана, естли не сохранитъ матерпего якоби въ продажи имъ хутора приказанія, именуя оное якоби приказание, или сказание рѣчи, нѣкоимъ важнымъ завѣщаніемъ. Однажо жъ де она, Фридрикевичева, съ нихъ сыну тетки ея, Фридрикевичевой, упомянутому Ивану Судденкову осмѣлилась сказать, что хотя неволею они принудятъ ея подписатся на

продажи хутора ей, Фридрикевичевой, но за ей, Фридрикевичевой, выходомъ въ замуже тотъ хуторъ она, Фридрикевичева, отобрать имѣетъ, которой де Судденковъ за то осердясь, съ бранью ей, Фридрикевичевой, говорилъ: когда де такъ думаетъ, то ей, Фридрикевичевой, по смерть въ замуже не отдадутъ, а какъ она, Фридрикевичева, въ отвѣтъ выговорила, что она уже имѣетъ жениха и безъ ихъ видачи пойдетъ за него, то онъ зъ немалыми укоризнами бранилъ ей, Фридрикевичеву, и ругалъ, стращая разными бѣдствиями, отъ какихъ де нападений и угрожений она, Фридрикевичева, занемогла и чуть было не умерла. Не бывши никогда въ таковихъ напастехъ и бѣдствіяхъ, воображая себѣ свое безпомощное сиротство, съ которымъ они ей, Фридрикевичеву, у себя содержали въ такомъ строгомъ береженіи, что никуды ей, Фридрикевичевой, не випускали, и не имѣла она ни одного такого случая, чтобъ съ кимъ либо о семъ посовѣтоватся, словомъ сказать чрезъ все то время оная тетка и синъ ей Иванъ безъ себя никуды ей, Фридрикевичевой, не пущали и когда случалось одному съ нихъ куды отлучится, то другимъ безотступно она, Фридрикевичева, бережена. А между тѣмъ де упоминаемая тетка ей, Фридрикевичевой, и синъ ей Иванъ Судденковъ взумали и сами написали писмо, которого за обольщеніемъ ей, Фридрикевичевой, яко оное написано о продажи имъ нею, Фридрикевичевою, показаного хутора, хотя де она, Фридрикевичева, отъ таковой насилной продажи, какъ и прежде того, вовся отказивалась, но они де Судденкова и синъ ей удостовѣрая, а притомъ и обольщая ей, Фридрикевичеву, разными обнадеживаниями, сказивали, что оное писмо о продажи того ей имъ хутора въ немалую и весма къ нужную матери ей пользу здѣлано, а напослѣдокъ долговремено отказивавшуюсь ей, какъ безпомощную и беззащитную сироту, единственными своими грозными устрашениями и зъ подъ неволѣ на ономъ писмѣ принудили подписатся и просили о подпись рукъ разновремено приезжавшихъ въ домъ оной тетки ей, Фридрикевичевой, Николая Юркевича, да сотника Случановскаго, что де она, Фридрикевичева, и исполнять за страхъ и неволю принуждена была. А послѣ, подъ видомъ разглашеного ими виезду въ ей, Фридрикевичевой, маетность Подоловъ, собравшись, показаная тетка ей, Фридрикевичевой, и синъ ей Иванъ Судденковъ взяли ей въ собою и поехали будто въ Подоловъ, не взявъ нарочно съ ей людей, при ней находившихся, ни одного слуги и ни одной дѣвки, кромѣ двохъ конюховъ, и нагло, не смотря на тогдашнюю превеликую стужу, въ открытохъ саняхъ повезли ей,

Фридрикевичеву, не въ Подоловъ, но прямо въ Глуховъ, куда и привезши поздно въ вечеру, зъ жесточайшими надъ прежние устрашениями, изневолали ей, Фридрикевичеву, во всю ночъ ихать съ ними, поутру, до суди земского повѣту Глуховского г. Дергуна и все что имъ угодно и отъ нихъ ей, Фридрикевичевой, приказано о продажи имъ оного хутора, говорить велѣли, сказывая, когда ихъ волѣ согласно будетъ чинить, то счасливою, а въ отмѣнномъ надъ ихъ волю случаи, нещасливою могутъ ей, Фридрикевичеву, вѣчно здѣлать, и не спуская ей зъ глазъ, дабы она ни съ кимъ не могла видѣтся и о своей такой крайней бѣдности пожаловатся, поутру, какъ наврание разбудивъ ей, Фридрикевичеву, приказали одѣтся и, посадивъ въ сани, Иванъ Суденковъ привезъ ей въ домъ къ показаному судии Дергуну, знать съ такимъ намѣрениемъ, чтобъ она зъ своихъ рукъ персонаде подала оное писмо, на которомъ, какъ выше значится, принудили ей подписатся. Однако она, Фридрикевичева, ни того писма и никакого, какъ оному судии Дергуну въ его домѣ, такъ и нигдѣ на урядѣ, никому сама персонально не подавала, а за поворотомъ ей, Фридрикевичевой, на квартеру, оной Иванъ Суденковъ написанъ въ судъ земскій повѣту Глуховского доношение и принудивъ ей, Фридрикевичеву, на ономъ подписатся, строго ей, Фридрикевичевой, какъ тетка, такъ и онъ запретили, чтобъ никому она, Фридрикевичева, не сказывала того, что онъ, Суденковъ, возилъ ей въ домъ къ прописанному судии Дергуну и того, что тамъ говорили, а потомъ онъ Суденковъ взялъ тое доношение, имѣвъ у себя упоминаемое насилно или отъ ей, Фридрикевичевой, прежде взятое писмо, самъ, безъ ей персональной подачи и сознатія, ствердилъ, какъ она, Фридрикевичева, увѣдомилась въ земскомъ судѣ и яко все тое тетка ей, яко опекунка, надъ долгъ и совѣсть, къ отмѣнность законовъ, учинила, содержа ей, Фридрикевичеву, въ опеки въ своемъ домѣ съ крайнѣйшою ей, Фридрикевичевой, обидою и разореннемъ и такимъ тайнимъ образомъ, что и первѣйшій по правамъ опекунъ дядя ей Ширай ничего вѣдать не могъ о сей затѣенной, единственно для пользи оной тетки ей, здѣлки, а безъ его согласия оной тетки ей равнаго, но первѣйшого опекуна, не токмо такого неправилного дѣла затѣвать и вымагателствъ ей, Фридрикевичевой, наслѣдныхъ имѣний дѣлать, имѣя ей, Фридрикевичеву, въ полной своей волѣ, но и правилного чего либо начинать она тетка ей, Фридрикевичевой, не должна была, такъ же по тому писму, дабы она тетка сама или ей наслѣдники до обявленого Красного хутора не возжелали касатся, которой ей, Фридрикевичевой,

уралово отъ дядѣ ея, Шираи, яко первѣйшого опекуна съ протчими недвижимыми ея, Фридрикевичевой, добрами при выходѣ ея, Фридрикевичевой, зъ ихъ опеки въ наслѣдное владѣние ея, Фридрикевичевой, съ наличности отданъ, а для того де нинѣ, вишедши изъ опеки отъ оной тетки своей въ замуже, не пропуская правного времени, о всемъ предизображеномъ впредь для видѣния суду полковому Нѣжинскому претестуя и предпоказание писмо, тако жъ и доношение, яко изъ подъ неволѣ и въ отмѣнность правъ отъ нея, Фридрикевичевой, взятое, которое писмо и доношение, какъ выше значится, безъ персонального ея, Фридрикевичевой, на урядѣ земского Глуховского суда признатя и подачи помянутой тетки ея Судденковой съ сыномъ Иваномъ Суденкомъ въ ономъ судѣ подано, во всякомъ судѣ и правѣ вѣчными часи уничтожаетъ и опровергаетъ. При томъ же, ради предмѣючого бить отъ ея, Фридрикевичевой, на комъ подлежитъ иску, и о ниже слѣдующомъ представляетъ: первое, по выходѣ де ея, Фридрикевичевой, въ замуже, когда отъ опекуна дядѣ своего Шираи по вишепамѣненной отъ сотеной Кролевецкой канцеляриии здѣланой описѣ отдача ея, Фридрикевичевой, имѣний, (съ которихъ въ недвижимые имѣния она дѣйствително во владѣние вступила), то зъ движимыхъ де имѣний, въ оной описѣ вписанихъ, хотя иные получила, но многихъ вещей не явилось и ей, Фридрикевичевой, не отдано, о которахъ неявившихся вещахъ при ономъ протестномъ доношении приложила реестръ. А сверхъ де того, по примѣчанию ея, Фридрикевичевой, нѣкоторие вещи въ клейнотахъ и въ протчихъ вещахъ перемѣнени, съ которихъ де иные, о коихъ ея, Фридрикевичевой, находитъ сумнителство, при отдачи ея, Фридрикевичевой, запечатани урядникомъ хоружимъ сотеннимъ Новгородскимъ Григориемъ Налягакою, а другие изъ своихъ местъ совсѣмъ вынуты, такъ что только пустие мѣста осталось, гдѣ находилось серебро, какъ то: въ нахтишномъ сундучке, да особливой ящикъ, въ которомъ умивальница и кувшинъ серебранне были, пустой найденъ, и нинѣ имѣется; второе, въ упомянутой урядовой ея, Фридрикевичевой, наслѣдственихъ имѣний описѣ, между протчимъ, написано тако: крѣпости на всѣ грунта недвижимие и облики, при сребрѣ, за печатю сотника Огневского, въ наволочке, въ скринѣ положени при сребрѣ жъ, а при отдачи ея, Фридрикевичевой, по оной описѣ, при протчихъ движимихъ ея, Фридрикевичевой, имѣниахъ содержанихъ, въ сундукахъ показываемою теткою Судденковою, въ домѣ ея въ Новгородку, на оной наволочки печати уже не было, которую росопечатаную наволочку издатчикъ

оныхъ имѣній войск. канцеляристъ Петръ Василиевичъ Заводовскій да хорунжій сотенный Новгородскій Григорій Палагка свидѣтельствовали, при битности Ивана Суденкова, и она, Фридрикевичева, роспечатаную оную наволочку приняла, а послѣ того онъ, Суденковъ, чрезъ показаного Заводовского, прислалъ къ ней, Фридрикевичевой, обликъ матери ея, Фридрикевичевой, данной отъ Забѣли, зъ чего де явственно, что онъ, Суденковъ, что хотѣлъ съ оной наволочки вынулъ изъ обликовъ или крѣпостей ея, Фридрикевичевой, когда тотъ обликъ не въ наволочки былъ, но онъ Суденковъ изъ своихъ рукъ видалъ. И яко де въ оной наволочки положеннымъ обликамъ и крѣпостямъ ея, Фридрикевичевой, реестри или описѣ по пересмотру тогда жъ обявленнымъ Заводовскимъ не искалось, такъ и узнать нинѣ ея, Фридрикевичевой нѣ изъ чего, что съ оныхъ обликовъ и крѣпостей цѣло, а чево нѣтъ. Третее, движимые имѣнія тожъ единственно на ея, Фридрикевичеву, спадаючие въ разныхъ вещахъ состоящие, за умертвиемъ матери ея, Фридрикевичевой, до приезду дядѣ ея и опекуна показаного Шираи въ Подоловъ и до учинения по оному, поданому отъ отъ ея, Фридрикевичевой, ходошенію отъ Кролевецкой сотенной канцеляріи имѣнямъ ея, Фридрикевичевой, описѣ, чрезъ нѣсколько дней были, какъ и весь домъ, въ единственомъ тетки ея, Фридрикевичевой, оной Суденковой и сина ея Ивана Суденкова завѣдованіи, яко прежде смерти матери ея, Фридрикевичевой, въ Подоловъ приехавшихъ, которыми самими скоро по смерти матери ея, Фридрикевичевой, и ключи отъ всѣхъ сундуковъ и отъ всего, что въ домѣ было, въ ихъ руки забрати, и въ тихъ дняхъ по смерти матери ея, Фридрикевичевой, пока опись сочинена и пока оной опекунъ Шираи принялъ, многие вещи расхищены и что отъ расхищения остатся могло, то все ли показано тѣмъ отъ уряду опредѣленнымъ для введения въ опись, или что, какъ вышепоказано отъ всего ключи были у тетки ея, Фридрикевичевой, да и она, Фридрикевичева, въ тѣ поры, за ея несносною печалію, немогла ни во что вникать, и затѣмъ о предпоказаномъ расхищении, яко и не введении всего въ опись изъ ея, Фридрикевичевой, имѣній, имѣетъ она, Фридрикевичева, причину [illegible] вышеписанихъ обстоятелствъ, такъ и [illegible] сундуки, которые отъ матери ея, Фридрикевичевой, въ сохраненію тетки ея Суденковой въ Новгородъ, въ домѣ, ея поставлены были, (за коими по совѣту г. маіора Якова Михайловича Скоропадского мать ея, Фридрикевичевой, перелъ своею кончиною, посылала въ Новгородовъ для

взятя оныхъ въ Подоловъ), съ Новгородка уже по смерти матери еи, Фридрикевичевой, къ ней тетки еи, Фридрикевичевой, сундуковъ да и безъ сундуковъ, какихъ вещей и протчего разновремено послано или дано, и все ли то, что было у ней, привезено по смерти матери еи, Фридрикевичевой, въ Подоловъ, она, Фридрикевичева, неизвѣстна и знать ей тогда нѣпочему было, яко про все то мать еи, Фридрикевичевой, вѣдала; 2, по смерти матери еи, Фридрикевичевой, какъ упоминаемою теткою взята она, Фридрикевичева, въ опеку въ еи домъ, въ Новгородокъ, изъ Подолова, куда опять нею и сундуки еи, Фридрикевичевой, взяти, то она тетка еи зъ синомъ своимъ разновремено слюсаровъ спскивая, (по причинѣ той, что у дядѣ еи, Фридрикевичевой, прописаного Ширая, ключи отъ сундуковъ содержались) сундуки отпирала, а одна баула, гдѣ серебро содержалось, къ описѣ, когда отдачу еи, Фридрикевичевой, дѣлано, чрезъ показаного Заводовского, принесена была отъ показаной тетки незамкнутая и замка при оной не было и сие де, какъ оной Заводовский, такъ и хоружий Налягака и прописаной Иванъ Суденковъ видѣли и знаютъ; 3, неменшимъ сумнительствомъ состоитъ и сие, что тетка еи, Фридрикевичевой, Суденкова и синъ еи Иванъ Суденковъ вскормленого въ домѣ матери еи Фридрикевичевой, малого, именемъ Карпа, при еи, Фридрикевичевой, въ еи домѣ бывшого по виходѣ еи, Фридрикевичевой, въ замуже, ей, Фридрикевичевой, неотдала и при виездѣ еи, Фридрикевичевой, съ мужемъ своимъ изъ еи дому, зъ Новгородка, прошедшого февраля 18 д., оного малого оковала въ зелѣзи и не випустила изъ своего дому, которой де малой, яко съ младенчества воспитанъ и безотлучно жилъ при матери еи, Фридрикевичевой, то знать можетъ о многихъ съ еи, Фридрикевичевой, имѣний вещахъ, за коимъ малимъ мужъ еи, Фридрикевичевой, къ тетки еи, Фридрикевичевой, объ отдачи его хотя и писалъ, но оная не отдала и писменого отвѣту не учинила, а чрезъ посланого де отъ 6 февраля къ мужу еи, Фридрикевичевой, въ Подоловъ, Андрея Ярошевича, велѣла сказать, что тотъ малой Карпъ посланъ уже въ Питербурхъ къ сину еи и отданъ не будетъ, а сверхъ де того подданого еи, Фридрикеричевой, Савку Шпачка означеная тетка еи отъ неи, Фридрикевичевой, насилно взяла и въ Питербургъ, въ прошедшомъ 764 году, въ декабрѣ м-цѣ, отправила. А въ сообщеномъ при ономъ протестномъ доношении реестрѣ написано, что по доношению еи, Фридрикевичевой, 1764 году, марта 4 д., поданому отъ сотенной Кро-

ловецкой канцеляріи съ описнихъ наслѣднихъ еи движимихъ имѣний, въ сохранение опекунами ей, Фридрикевичевой, взятихъ, при здачи ей, Фридрикевичевой, за виходомъ еи въ замуже, не явилось вещей, а имено: подиоса сребряного малого, обуха сребромъ оправленого, въ сребрѣ вѣсу три фунта съ половиною и четью недостаетъ, въ ланцюжкахъ золотихъ недостаетъ десяти лотовъ двохъ золотниковъ съ половиною, перевѣнѣ полосатой тридцяти аршинъ, грезети алой на юпку, приставки ценованой, мартировъ двохъ, рубашекъ кужелнихъ пяти, кроватѣ одинакой железной съ занавѣсками трема, одною тафтяною, полосатою, другою полотняною шитою, а третою серпанковою, совсѣмъ съ подушками четирма и пуховикомъ, плахотъ девяти, ручниковъ шитихъ пяти, ручниковъ тканихъ двохъ, рубашекъ галанскихъ четирохъ, швабскихъ скатертей штуки, скатертей простихъ трохъ штукъ, сѣдла зеленого бархатного, гаптованого, зъ платкомъ такимъ же, подъ ящуромъ, хомутовихъ кришокъ краснихъ суконнихъ шести, попони одной барсовой, соболевого хутра поли одной, сѣдла красного гаптованого, погребца Гданского, часовъ золотихъ, козирка сукномъ синѣмъ вибитого, запаски бѣлой грезетовой, шитой серебромъ, отъ юпки такой же, которую у портного Подоловского нашли своровану, и взята теткою Суденковою, ронда одного дорогого, а сверхъ того двохъ рондовъ позолочених и двохъ сагайдаковъ, подъ сомнениемъ тутъ означаются до надлежащой виправки. О чемъ всѣмъ предизображеномъ суду полковому Нѣжинскому чрезъ сие протестное доношение заявивъ, просила она, Фридрикевичева, оной протестъ принявъ, отъ слова до слова уписать въ протоколную книгу, а еи, Фридрикевичевой, съ оного видать, въ силѣ правъ Малороссійскихъ, урядовую випись, о чемъ де отъ еи, Фридрикевичевой, и въ ровной силѣ въ суда войсковий генералний и въ земский Глуховский заявлено. Того ради опредѣленія полкового Нѣжинского суда оной протестъ зъ реестромъ въ полковомъ Нѣжинскомъ суде въ протоколную книгу, подъ № 160, вписанъ, съ которого протеста и реестра отъ слова до слова въ засвидѣтелствование таковой еи, Фридрикевичевой, протестаціи, за подписомъ рукъ и за печатю урядовою, изъ полкового Нѣжинского суда сия випись и дана, 1765 году марта 26 дня. Полковникъ Петръ Разумовскій. Судия полковий Василь Кулаковскій. Писаръ суда полкового Нѣжинского Іванъ Стасевичъ. Полков. Нѣжинск. суда подканцеляристъ Александеръ Скибовскій. *(Съ подлинника).*

10. Дарственная запись жены Григорія Фридрикевича, Анны Яковлевны, на всѣ ея имѣнія, бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу. 1769 г., 16 мая.

Въ земскій повѣту Батуринского судъ доношеніе. Каковъ вѣчистой записъ на всѣ наслѣдственніе мои недвижиміи и движиміи добра, со влитьемъ и права, за подписомъ моимъ и за печатю, такъ же за подписомъ очевисто отъ мене во свѣдителство упрошенних г.г. шляхтичовъ, которіе на ономъ запысѣ, пры своихъ печатехъ, руки прыложили, зъ доброй моей волѣ бунч. тов. Ивану Стефановичу Леонтовичу мною данъ, оной подлинной вичистой запысъ земскому повѣту Батуринского суду очевысто жъ сознаю и при семъ моемъ доношеніи въ тотъ судъ самоперсонально представляя, прошу оного земского суда тотъ мой вѣчистій записъ ему, Леонтовичу, доброволно отъ мене на всѣ мои недвыжиміи и двыжиміи добра данній, въ земскій оного суда повѣтовіи книги вписать и изъ оныхъ обыкновенную по правамъ Малороссійскимъ изъ того моего вѣчыстого запису выдать ему Іоану Степановичу Леонтовичу урядовую выпись. На подлѣнномъ доношеніи подписъ таковъ: надворного совѣтника Григорія Фридрикевича жена Анна Фридрикевичева.

Помѣта: 1769 году, мая 18 д., прынявъ записать, а представленной самоперсонально отъ прописанной г-жи Фридрикевичевой въ судъ земскій при семъ доношеніи уступной вѣчистой записъ, яко по разсмотренію суда земского является по точности правъ Малороссійскихъ исправленій, вписавъ въ земскіе повѣту Батуринского книги, видать пры урядовой обыкновенной выписѣ потребуючой сторонѣ, упомянутому г. бунч. тов. Леонтовичу, на вѣчное и спокойное ему значащимись по тому запису движимими и недвижимими добрами владѣніе. На ономъ опредѣленіи подписались: Петръ Забѣла, Самойло Гриценко.

Въ данномъ же отъ упомянутой г-жи Фридрикевичевой уступномъ записѣ написанно тако:

1769 г., мая 16 числа. Я нижеподписавшаясь всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежить и всякому суду и праву, симъ моимъ доброволнимъ вѣчистимъ записомъ обявляю, что во вѣчное и потомственное владѣніе уступила я бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу наслѣдственно мною владѣемім недъвижимім имѣнія, а именно: въ полку Нѣжынскомъ, село Митченкы, съ подданнимы, съ пріезжимъ дворомъ, съ мелницямы въ ономъ же селѣ состоящимы, съ шынками, пахотнимы и сѣнокоснимы землямы, съ лѣсамы, съ озерамы съ ху-

торомъ прозиваемимъ Сѣжковскимъ и съ протчимы всѣмы прыналежностмы, подъ городомъ Батурыномъ, на Сеймовой плотинѣ, два кола мучніи съ имѣючимись тамо, въ Батуринѣ, пустимы плецамы, въ селѣ Поповкы, мелниця и сукновалня, на рѣчки Веровки состоящая, съ дворомъ пры оной находящымся; полку Прылуцкого, подъ с. Гайворономъ и за Куренею, степніи землѣ, въ трехъ мѣстахъ состоящіи, изъ коихъ на едномъ и хуторъ издавна былъ устроенъ, да въ полку жъ Нѣжынскомъ, с. Подоловъ зъ слободкою Голубовкою, съ подданнимы, съ жилимъ дворомъ и всѣмы въ томъ дворѣ имѣющимись вещамы, разнимы уборамы, меблямы и всякимы наличностямы, съ мелницамы на рѣчкѣ Ретѣ, Дейнековскою, Аверковскою и Горишнею, да на рѣчки Свиднѣ состоящимы, съ пашеннимы сѣнокоснимы и лѣснимы земляміы до оних прынадлежащимы, съ хуторомъ Падалковскимъ, съ пасѣкою близь оного находящоюсь, съ лесамы, сѣнимы и пашеннимы землямы, до тогожъ хутора прынадлежащимы, въ г. Кролевцѣ двори, лавки, комори и пустіе плацы, хуторъ прозиваемій Красный, съ мелницями, на рѣчки Османѣ состоящимы, съ имѣющимся тамо пріезжимъ дворомъ и всякими въ ономъ находящимися наличностями, съ подсусѣдскими хатамы, съ борами, лѣсамы, съ пашенною и сѣнокосною землею и другими до оного приналежитостями, въ г. Глуховѣ, на болшой проезжой дорогѣ, двѣ крамніи лавкы, да на Усовкы пастовникъ, и въ околичности Глухова, въ разныхъ местахъ, пашеннии и сѣнокосніи земли, и въ полку Стародубовскомъ два хуторци, прозиваемія Голота и Ягодное, съ мелницями, съ имѣющимися пры оних дворами и всѣмы къ нимъ прынадлежитостями. А сверхъ всего вышепрописанного, ему жъ Леонтовичу уступила я во вѣчное и потомственное владѣніе и всѣ мои движимости, сколко оних имено. И тѣмы всѣмы вишше сего выраженними наслѣдственно мною владѣемимы недвижимимы добрами и всякимы вещми и наличностимы ему, Леонтовичу, даю волю, какъ своимъ добромъ, вѣчно владѣты, користоватись и кому хотя дать, продать, даровать и записать, родственниковъ же моихъ близкыхъ и далекихъ отъ техъ имѣній вѣчне отдаляю. И ради вѣчного и спокойного ему Ивану Степановичу Леонтовичу тѣмъ всѣмъ по его волѣ владѣнія, сей мой вѣчыстій записъ ему, Леонтовичу, даю, тутъ же и то докладаю, что по имѣвшомусь въ судѣ генералномъ между синамы умершого бунч. тов. Ивана Чарниша умершими жъ Иваномъ, Даниломъ и Александромъ Чарнишамы и между маткою моею, умершою Марфою Степановною Чарнишевою, а по второму мужу Скоро-

падскою, дѣлу о раздѣленіи добръ Чарнишовскихъ заводному, которое въ ономъ генералномъ судѣ 1755 году, апрыля 14-го, рѣшенно, искать или ответствовать о надлежащомъ въ правный дѣлъ оныхъ добръ Чарнишевскихъ раздѣленіи и о протчемъ гдѣ надлѣжитъ, а раздѣлясь на вѣчно всемъ темъ, что на мою часть по оному раздѣлу прынадлежыть, владѣть и корыстоватись за силу права Малороссійского въ книгѣ Статутѣ, въ розд. 7, арт. 4 напечатанному, ему, Леонтовичу, влила мое право, въ чемъ пры упрошенныхъ отъ мене свѣдытелехъ, своеручно подписуюсь и печать прылагаю. На подлѣнномъ тако: надворного совѣтника Григорія Фридрикевича жена Анна Яковлева дочь Чарнишева Фридрикевичева. Къ сему вѣчистому запису, по очевыстому прошенію, г. надв. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича жены Анни Яковлевни изъ Чернишовъ Фридрикевичевой, пры моей печати руку прыложилъ бунч. тов. Прохоръ Забѣла. Возній сотнѣ Батуринской Степанъ Бойченковъ къ сему вѣчистому запису.... руку прыложилъ. Повѣта Батуринского, сотнѣ Второ-Борзенской возній Александъ Комашынскій. Значк. полку Лубенского тов. Павелъ Веспертинскій. А понеже въ правѣ Малороссійскомъ, книги Статутъ, розд. 1, арт. 1-мъ, узаконенно, яко волно всякому имѣнія свои отчистіе, матерыстіе, выслуженніе, купленніе и якимъ нибудь способомъ набитіе и названніе всѣ или часть съ нихъ, недвижиміе, что хотя, по своей мисли и воли, отдать, продать, даровать записать, заставить, отдалившы отъ оныхъ дѣтей и близкыхъ своихъ сродственниковъ, кто запись утвердыть, сознавшы оную на урядѣ земскомъ и подлежащую вынись взявшы, по якому праву, тако жъ и розд. 3, по арт. 41, что оной ей г-жи Анни Яковлевни Фридрикивичевой вѣчыстой тихъ движимыхъ и недвижимихъ добръ записъ по разсмотренію суда земского прызнается во всемъ за дѣйствителной, такъ и быть ему въ своей силѣ вѣчне ненарушымо; того ради вышеписанной уступной записъ такъ же и поданое самоперсонально отъ упомянутой г-жи Фридрикевичевой съ представленіемъ оного доношенія въ земскіе повѣту Батурынского книги, подъ номеромъ 7-мъ, сего 1769 году, мая 19 д., на стр. 15, 16, 17, 18, 19 и 20, за силу показанныхъ Малороссійскихъ правъ и вышеписаного суда земского на ономъ г-жи Фридрикевичевой доношеніи состоявшогось опредѣленія, точно отъ слова до слова вписанны, и изъ оныхъ книгъ земскихъ за требованіемъ ея г-жи Фридрикевичевой предписанному г. бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу, ведлугъ оныхъ же правъ арт. 1 и 2 7-го розд. да розд 4 артык. 13 и 103 пункта, сія вынись

за урядовымъ суда земского подписомъ и печатми утвержденіемъ, на спокойное и вѣчное ему г. Леонтовичу или кому отъ него достатся имѣеть, всѣми вышеписанными уступными отъ реченой г-жи Фридрикевичевой движимимы и недвижимилы добрами владѣніе, выданъ году, м-ця и числа вышеписанних. Судия земскій повѣту Батуринского Петръ Забѣла. Подсудокъ земскій повѣту Батуринского Самойло Гриценко. Писаръ земскій Федоръ Порохонскій. Канцеляристъ Иванъ Несторовычъ. *(Съ копіи).*

11. Духовное завѣщаніе дѣйств. статск. совѣтника Григорія Григорьевича Фридрикевича. 1797 г., 28 апрѣля.

1797 года, апрѣля 28 дня. Я нижеподписавшійся во всякомъ правителствѣ и судѣ и кому о семъ впредь вѣдать надобность укажетъ, сымъ моимъ духовнимъ распредѣлителнимъ тестаментомъ объявляю: болѣзнь, которою я часто страдаю, заставляетъ мислить о кончинѣ жизни моей, я чувствую и то, что приобрѣтши доволное по состоянію моему недвижимое и движимое имѣніе, не оставляю однофамилного по мнѣ наслѣдника, но имѣю по законамъ полную волю и свободу распредѣлить оное ближайшимъ родственникамъ моимъ и указать имъ принадлежитость ихъ, тако жъ дать въ ономъ участіе и тѣмъ, кого я, по истинному усердію мнѣ оказиваемому, признаю достойнимъ, къ чему приступая, за нужное почитаю обяснить въ имѣніи, какъ оное досталось во владѣніе мое и кто ближайшіе къ оному наслѣдники.

1. Умершая жена моя Анна Яковлева дочь Чарнпша, за жизни своей, вѣчистимъ записомъ 1769 года, мая 16 дня учиненнымъ, недвижимое и движимое имѣніе, какъ-то Новгородско-Сѣверского намѣстничества уѣзда Короповского село Митченки съ принадлежитостьми, да Кролевецкого уѣзда село Подоловъ съ слободкою Голубовкою, съ мелницами въ разнихъ мѣстахъ и хуторомъ Подоловскимъ, жилой домъ въ селѣ жъ Подоловѣ, со всѣми въ томъ домѣ имѣющимись вещами, разними уборами, меблями и всякими наличностьми, въ городѣ Кролевцѣ дворы, лавки, комори и пустіе пляцы, въ городѣ Глуховѣ, при болшой проѣжжей дороги, двѣ крамніе лавки, да на Усовки пастовникъ, и въ околичности Глухова, въ разнихъ мѣстахъ, пашенные и сѣнокосніе земли, и прочое все недвижимое и движимое имѣніе въ томъ записѣ поименованное, уступила родному по матери брату моему бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу, которій онымъ

и владѣлъ по смерть свою, а потомъ братья его и мои, полковникъ Степанъ и бунч. тов. Василій Леонтовичи, и я тѣмъ имѣніемъ владѣли. Когда жъ и сіи оба братья мои померли и съ нихъ послѣдній Василій Леонтовичъ, предъ кончиною своею, духовнимъ тестаментомъ 1791 года, августа 19 дня, сочиненнымъ, какъ вышеписанное имѣніе, такъ и прочое имъ приобрѣтенное и ему по отцу его, а моему отчиму хоружому полковому Степану Леонтовичу наслѣдственное, имъ отчимомъ и матерью моими, а къ тому и братомъ моимъ же Иваномъ Леонтовичемъ приобрѣтенное и купленное, именно: Кіевского намѣстничества, Переяславского уѣзда, деревня Золотоношка, населенная и составленная изъ хуторовъ, купленныхъ онымъ отчимомъ моимъ Степаномъ Леонтовичемъ, съ принадлежащими до той деревнѣ разними угодіями, по купчимъ крѣпостямъ значащимися, хуторъ прозиваемой Трактирній, въ мѣстечки Глемазовѣ, на рекѣ Супои, мелница о трехъ колахъ матери моей Феодосіи Леонтовичевой, отъ брата ея бунч. тов. Василія Томари уступленные, и прочіе хуторы всѣ, земли пахотные, сѣнокосные и разныя угодія, отчимомъ и матерью моими къ вышеизясненному имѣнію куплею приобрѣтенные, село Нехайки и хуторъ Криштоповскій у бунч. тов. Степана Томары братомъ моимъ Иваномъ Степановичемъ Леонтовичемъ обополно со мною купленные, и къ сему селу и хутору, такъ и къ вышеписаннымъ хуторамъ, имъ самимъ, братомъ моимъ, обополно же со мною купленные земли и разніи угодіи, какъ по купчимъ крѣпостямъ явствуетъ. Все сіе имѣніе, что только наслѣдственно оному брату моему Василію Степановичу Леонтовичу принадлежало и собственно имъ приобрѣтенное, тако жъ и денегъ въ кредитѣ по разнимъ обязателствамъ десять тысячъ восѣмъ сотъ сорокъ пять рублей, о которыхъ реестръ подписанный имъ же братомъ моимъ явствуетъ, онымъ духовнымъ тестаментомъ предоставилъ мнѣ въ полное владѣніе и распредѣленіе, которымъ я и донынѣ владѣю.

2. Къ оному вышеозначенному, отчимомъ и матерью моими, тако жъ и братьями моими жъ приобрѣтенному недвижимому и движимому имѣнію, по законамъ признаю я правними наслѣдниками родныхъ по матери сестеръ моихъ, ихъ дѣтей и потомкомъ, какъ-то: умершаго бунч. тов. Семена Полуботка жену Настасію Степановну Полуботкову, маіора Лаврентія Андреевича Раковича жену Пелагію Степановну Раковичеву, дѣтей умершихъ сестеръ моихъ, надв. сов. Василія Ивановича Силича жены Катерины Степановны Силичевой и бунч. тов. Павла Ивановича Лисенка жены Анны Степановны Ли-

сенковой, а потому и усердію моему къ нимъ все оное имѣніе, тако жъ и собственно мною приобрѣтенное къ тому же имѣнію присоединенное, всѣ заводы лошадиные и скотскіе и всѣ всякого рода и названія движимости, каковы толко въ ономъ имѣніи по смерти моей останутся, за исключеніемъ изъ оныхъ имѣній и движимостей ниже сего показанныхъ, предоставляю и утверждаю въ вѣчное и потомственное владѣніе онымъ сестрамъ моимъ и ихъ дѣтямъ и потомкамъ, которыхъ таковымъ моимъ къ нимъ расположеніемъ обязываю ненарушимо сохранить и исполнить слѣдуемое за сымъ завѣщаніе мое.

3. Обнадеживаясь чувствителнимъ усердіемъ ко мнѣ, добродушіемъ и правотою сестри моей Настасіи Степановны Полуботковой, поручаю ей во избереженіе всѣ крѣпости на вышеписанное имѣніе служащіе, вѣвѣраю ей полное право по смерти моей принять въ свое содержаніе, какъ оное все имѣніе, недвижимое и движимое, такъ наличніе и въ кредитѣ по обязателствамъ мнѣ принадлежащіе денги, сколко ихъ по мнѣ же въ жиломъ домѣ моемъ Смяцкомъ останется, а къ тому и разніе вещи изъ дому Подоловского принадлежавшіе, по запису жены моей брату моему Ивану Степановичу Леонтовичу и въ домъ Смяцкій ввезенные, каковы по реестру, отъ меня сочиненному и подписанному, мною показанны будутъ, съ означеніемъ, кому что съ нихъ опредѣлю и дать, а до того все то въ волѣ моей и моемъ домѣ оставляю, что же затѣмъ въ остаткѣ будетъ къ общему раздѣлу, то все оное завѣщеваю безъ и малѣйшаго отъ кого препятствія, съ помощію вышеписанныхъ сего имѣнія участниковъ, оная сестра моя принявъ исполнить должна распредѣленіе, волю и желанія мои ниже изъяснеными.

4. Извѣстно оной сестрѣ моей Настасіи Степановнѣ, что по смерти брата ея и моего полковника Степана Степановича Леонтовича, оставшаясь во удовствѣ жена его Софія Василіевна, урожденная Дунинова Борковская, не получила по мужу своему никакова имѣнія и оного, по усердію своему ко мнѣ и снисхожденію, доселе не требуетъ, но я обязаннымъ себя почитаю доставить ей принадлежащое, опредѣляю по согласію ея, во мѣсто слѣдуемой ей части изъ вышеписанного недвижимого имѣнія, оставляемого мною въ дѣлежъ однимъ сестрамъ моимъ и ихъ дѣтямъ, удовлетворить ея единожди навсегда и безъповоротно денгами сѣмь тысячъ рублей съ наличной суммы, и въ займы мною розданной, по обязательствамъ числимой, сколко оной по мнѣ останется; буди жъ сей суммы недостанетъ, то дополнить число денегъ мною опредѣляемое должны оные сестри мои

и ихъ дѣтя, приемлющіе недвижимое имѣніе, а къ тому виделить ей же, братовой моей, изъ заводовъ лошадиного и рогатого скота, въ томъ недвижимомъ имѣніи находящихся, пятую часть и такову жъ часть отдѣлить и со всѣхъ движимостей въ ономъ же имѣніи держащихся, но таково удовлетвореніе денгами и означенную видѣлку обязанни сестри моя и ихъ дѣти, не приступая къ общему дѣлежу недвижимого и движимого имѣнія, непремѣнно виполнить, ибо въ подтвержденіе въ семъ воли моей я прошу во всѣхъ урядахъ, въ каковы по принадлежности того имѣнія представлены были би дѣлчіе реестри, оныхъ не принимать и за дѣйствителніе не признавать, поколь сознаетъ братовая моя въ совершенномъ ея удовлетвореніи; въ противномъ же случаи, (чего я и не ожидаю), кто съ нихъ сестеръ моихъ и ихъ дѣтей оказался бы столь неблагодарнимъ въ моемъ имъ пособіи и изъяснилъ каковы оспариванія въ вышеозначенномъ удовлетворенія оной братовой моей, то тогда предоставляю и утверждаю ей, братовой моей, полное право во всемъ ономъ недвижимомъ и движимомъ имѣніи получить во вѣчное и потомственное ея владѣніе пятую часть и тогда уже совершить по законамъ дѣлежъ тому имѣнію, изъ которого изъключаю я: уезда Кролевецкого, при селѣ Подоловѣ состоящую на рекѣ Ретѣ плотину, називаемую Оверковскую съ мелницами мучними, о трехъ колахъ, и всею къ онимъ принадлежитостію, да въ деревнѣ Дулевкѣ шинковой и для вынокуренія устроенные дворы, на купленныхъ мною и братьями моими земляхъ, и каковы только въ той деревнѣ Дулевкѣ во владѣніи моемъ находятся, которія такъ и вышеписанную плотину Оверковскую съ мелницами, опредѣляю въ вѣчное и потомственное владѣніе родственнику моему г. кол. ассесору Антону Андреевичу Войцеховичу, за его ко мнѣ отличныя усердія, на что все и право мое утверждаю.

5. За предпоказаннымъ удовлетвореніемъ братовой моей Софіи Василіевни Леонтовичевой, я признаю законымъ порядкомъ и завѣщеваю оной старшей сестрѣ моей Настасіи Степановнѣ Полуботковой все вышеизъясненное недвижимое и движимое имѣніе, за исключеніемъ Оверковской плотини съ мелницами и дворами Дулевскими, означенныхъ Антону Андреевичу, раздѣлить на равные части съ соблюденіемъ всей справедливости, согласія и спокойствія, которое, какъ первѣйшое основаніе къ благоденствію, дабы ненарушимо утвердить, симъ лишаю въ томъ имѣніи части того участника, которой бы суднымъ процесомъ поискивалъ болше ему принадлежащаго и тѣмъ разривалъ общественное спокойствіе.

6. Учинивъ распредѣленіе вышепрописанному имѣнію, за нужное признаю сказать тутъ и о другомъ мною владѣемомъ недвижимомъ имѣніи моемъ Черниговскаго намѣстничества, уездовъ Городницкаго и Березинскаго состоящемъ, въ селѣ Смячи, деревнѣ Конотопѣ, мѣстечки Седневѣ, слободѣ Грязной и слободѣ Богородицкой да въ селѣ Хрипковкѣ, что къ сему имѣнію вышеупоминаеміе отчимъ мой, мать, братья мои и самъ я многіе куплею приобрѣли земли и угодія, о которихъ купчія крѣпости доказиваютъ, такъ и о томъ, что онымъ приобрѣтеніемъ сіе имѣніе доволно распространенно, но я всѣхъ оныхъ приобрѣтеніи отъ сего жъ имѣнія не отдаляю, но какъ ихъ, такъ жилой домъ мой въ селѣ Смячи со всѣмъ движимымъ имѣніемъ и прочими многими хозяйственными заведеніями, по кончинѣ моей, предоставляю во владѣніе наслѣдницѣ, право къ тому по законамъ имѣющей двоюродной сестрѣ моей Ульянѣ Константиновнѣ г-жѣ Енковой, ея дѣтямъ и потомкамъ, а изключаю толко изъ сего имѣнія въ селѣ Хрипковкѣ 52 душѣ мужескаго пола, по послѣдней ревизіи за мною записанные, съ ихъ семействами и жилими дворами, пахотними и сѣнокосними землями, мелницѣ о трехъ колахъ на плотинѣ тамошней, купленной отчимомъ моимъ, устроенные шинковой и приказчичой дворы, со всѣми ихъ хозяйственными заведеніями, всѣ земли пахотніе и сѣнокосные на дворъ мой служащіе и протчія угодія, что толко въ ономъ и при ономъ селѣ Хрипковкѣ владѣніи моемъ находится, все то. . . . . оного и что многіе земли въ срединѣ дачъ деревнѣ Пѣвневщинѣ, владѣнія родственника моего кол. ас. Антона Андреевича Войцеховича, находятся, по разнимъ сосѣдственнимъ зъдѣлкамъ моимъ съ нимъ и по моей къ нему особливой обязанности, уступаю и поручаю заразъ ему г. Войцеховичу во вѣчное и потомственное владѣніе, что все и крѣпостью утвердить имѣю, а во обнадеживаніе сего моего непремѣнного положенія, далъ я ему г. Войцеховичу отъ себя правный обликъ на сумму шесть тысячъ рублей денегъ, съ тѣмъ, что когда я не устою совершить оной крѣпости, то приемники прописанного имѣнія моего, безъ малѣйшаго прекословія, обязанны такову крѣпость ему, г. Войцеховичу, въ замѣну вышепоказанныхъ въ семъ 6-мъ пунктѣ отчима моего и братьевъ моихъ и собственно моихъ приобрѣтеній отъ себя дать, а въ случаи какова противу сей моей воли сопротивленія, то предоставляю ему г. Войцеховичу право—взыскивать изъ имѣнія моего села Смячи, по вышепоказаному обязателству, значащіесь денги, тако жъ и всѣ

оныя приобрѣтенныя угодія, исъключивъ по крѣпостямъ, отдать ему г. Войцеховичу во вѣчное и потомственное владѣніе.

7. Въ заключеніе сего моего тестамента, по собственной воли моей и здравому разсудку, на основаніи правъ книги Статутъ раздѣла 3-го, артикула 41 го и раздѣла 8 го, артикула 2-го, сочиненного, въ ненарушимое предохраненіе всѣхъ изъясненныхъ распредѣленій моихъ, я долженъ напомянуть всѣмъ участвующимъ въ ономъ, что имѣніе я приобрѣлъ, сохранилъ и доволно распространилъ, не по обязанности моей какой интересующей къ оному и не на тотъ конецъ, чтобы съ онымъ оставить или чрезъ оное произвесть ссоры, процессы и разорителные тяжбы, но для того, чтобы всякъ участникъ по мѣри распредѣленія моего онымъ пользовался, продолжалъ его императорскому величеству службу и полезенъ былъ отечеству. Буди же кто изъ участниковъ оныхъ противо тому поступитъ, окажетъ себя неблагодарнымъ въ такомъ пособіи моемъ, дерзнетъ въ чемъ оспаривать сей духовній тестаментъ мой и по оному завѣщаній моихъ не исполнивъ, заводитъ процесы, разривать спокойствіе и поискивать чего болше отъ опредѣленного мною, таковаго во всѣхъ судебныхъ урядахъ прошу признавъ неблагодарнимъ, неспокойнимъ и завистливимъ, отдѣлить изъ имѣній часть ему принадлежащую, и поручить во всегдашное содержаніе Малороссійскому приказу общественного призрѣнія для благополезного употребленія, въ чемъ предоставляю право мое оному жъ приказу. А дабы совершенно предохранить отъ всѣхъ нечаянныхъ споровъ и тяжбъ, то въ таковомъ случаи сіе распредѣленіе предоставляю повинующимся волѣ моей наслѣдникамъ поднесть оное его императорскому величеству, всемилостивѣйшему нашему монарху, и всеподданнѣйше просить во уваженіе продолжителной службы моей и полезного расположенія къ наслѣдникамъ моимъ, высочайшаго подтвержденія сего духовного тестамента моего, которій подписомъ руки моей при печаты удостовѣраю. Подлѣнной подписалъ дѣйствителный статскій совѣтникъ Григорій Григоріевичъ сынъ Фридрикевичъ.

1797 года, апреля 28-го дня, уѣздный Городницкій судъ, по поданному въ оной отъ его пр-ства г. дѣйств. ст. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича, чрезъ уполномоченного поручика Василія Силича прошенію и по учиненному онимъ судомъ сего числа опредѣленію, съѣхавъ Городницкого уезда въ село Смявь, въ домъ сочинителя сего тестамента оного г. Фридрикевича.....

По узаконенію въ правѣ Статута розд. 8, арт. 2-мъ, находился при сочиненіи оного тестамента и что сей духовной распредѣлителной тестаментъ, по волѣ и по словамъ его г. Фридрикевича, въ здравой его памяти и совершенномъ смыслѣ сочиненъ и собственноручно имъ, Фридрикевичемъ, съ приложеніемъ его печати, подписанъ и за прочетомъ предъ нижеподписавшимись присутствующими, во всей точности утвержденъ, въ томъ уездній Городницкій судъ подписомъ присутствующихъ въ ономъ и судовою печатю свидѣтельствуетъ. Подлѣнное подписали: судья титул. сов. Иванъ Лисенко. Засѣдатель поручикъ Иванъ Максимовичъ. Секретарь Андрей Глинскій.

1797 года, июля 3-го дня, по сему духовному тестаменту опредѣленное мнѣ завѣщателемъ г. дѣйст. ст. сов. Григоріемъ Григоріевичемъ Фридрикевичемъ недвижимое имѣніе бывшого Городницкаго уѣзда, а нынѣ Черниговского повѣта, въ селѣ Хрипковки, 52 души мужеск. п. да Кролевецкого уѣзда, а нынѣ Глуховского повѣта, въ деревнѣ Дулевки, мелныцы, называеміе Аверковскіе оставляю я въ прежнемъ владѣніи и кому оніе по завѣщателѣ слѣдуетъ, возвращаю при томъ и облѣкъ въ семъ же духовномъ тестаментѣ прописанный, съ тѣмъ, что я до всего оного имѣнія впредь ни по чему и никакой претенсіи имѣть не буду, что утверждаю подписомъ руки моей, при печати и подписомъ упрошенихъ мною свидѣтелей. Подлѣнную подписалъ: подкоморій повѣта Черниговского Антонъ Войцеховичъ. Во свидѣтелство сего при печатехъ подписались: кол. ас. Иванъ Медведевъ. Коллежскій протоколистъ Яковъ Рославецъ. *(Съ копіи).*

12. Условія дѣлежа наслѣдства, оставшагося послѣ Ивана, Василія и Степана Степановичей Леонтовичей. 1799 г., 9 сентября.

1799 г., сентября 9 дня. Мы нижеподписавшіеся, имѣя наслѣдственно спадшія намъ и въ общей между нами раздѣлъ подлежащіе недвижиміе и движиміе разніе имѣнія, находящіесь губ. Чернѣговской, въ повѣтахъ: Глуховскомъ, село Подоловъ, Конотопскомъ, село Митченки и въ Золотоношскомъ, деревня Золотоношка, съ принадлежащими къ нимъ угодіи, футорами, разными строеніями и грунтами, водяніе и вѣтренніе мелницы, вынокурной заводъ, пахатніе и сѣнокосніе земли, лѣсы, денги, въ разныхъ вещахъ, золото и серебро, жемчугъ, дорогое камѣнья, пчелніе пасѣки съ пчелами, лошадиные, рогатого и другого скота заводы, поѣздніе экипажи и приборы и протчіе разніе и подъ разнимъ названіемъ движимости, оставшіесь по

умершомъ безъ наслѣдно съ насъ Анастасіи Полуботковой и Пелагіи Раковичевой, родныхъ по отцу и матки нашихъ братьяхъ, а прочіихъ участниковъ родныхъ по матерямъ дядяхъ, бунч. товарищахъ Ивану, Василію, полковнику Стефану и ротмистру Николаю Стефановыхъ синахъ Леонтовичахъ (бывшіе предъ симъ, по волѣ и согласію нашему, въ сохраненіи и избереженіи у г. дѣйств. ст. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича, до времени приключившейся ему неизлѣчимой паралѣческой болѣзни, которою онъ и теперъ одержимъ, лишась совершенного смысла и памяты, къ немалому и чувствителнѣйшему нашему сожалѣнію), какъ оные между нами по надлежащему въ равніе части состоять нераздѣленны, то чтобъ за нераздѣлкою ихъ, будучи въ нашемъ общемъ владѣныи, въ случаи чрезъ какіе-либо участниковъ могущіе быть безпорядки и неустройства, не могли прийты недвижимости и крестьяне въ разореніе, а движимости въ расхищеніе и чрезъ то бъ участники одинъ предъ другимъ не претерпѣли обиды и лишняго затруднѣнія, а затѣмъ не вошли бъ въ судебніе тяжбы, волокиты и напрасніе невозвратніе убытки, по общему нашему согласію и условію, сего сентября 10-го числа, съѣхавсь повѣта Чернѣговского въ село Воровичи, въ домъ съ насъ участниковъ Анастасіи Полуботковой, гдѣ всѣ вообщи поговоря между собой дружески, согласились раздѣлить оное недвижимое и все движимое до наймалѣйшей вещи, со крестьянами обоего пола, имѣніе на четыре части.

До начатья таковой раздѣлки, въ твердость оной, здѣлали сіе постановленіе съ таковимъ непреложнимъ обовязателствомъ, что 1-е, между нами участниками хто именно точно и дѣйствително съ показанного Леонтовичевского въ общій роздѣлъ подлежащого имѣнія въ Подоловѣ, въ с. Митченкахъ, въ д. Золотоношки или гдѣ индѣ, самъ мимо другихъ участниковъ, безъ согласія ихъ, какія движимости, какъ-то денги, сребро, золото, жемчугъ, дорогое каменія, разнія мебели, домовія уборы, лошади, рогатой и другой скотъ, поѣздніе екипажи и приборы, разной хлѣбъ, горячое выно, вынокурную, мѣдную, деревяную и оловяную разную посуду и протчіе разніе вещи и подъ разнымъ названіемъ всякіе движимости, словомъ сказать, что бы то ни было, забралъ, тотъ все оное забратое до и наймалѣйшей вещи, безъ всякой утайки, обязанъ и долженъ есть, не извиняясь ничѣмъ, представить въ общій подѣлъ къ уравненію всякого участника, въ то мѣсто, отколь что имено взято, слѣдующого октября на 10-е число сего года, а недалѣе, а затѣмъ все оное представленное должны мы, участники, между собой дружески, безъобидно, раздѣлить на четыре

части. 2 е) Естли кто съ насъ участниковъ всего забратого движимого имѣнія къ общей раздѣлки въ назначенное мѣсто не представитъ, по неимѣнію въ него нклице, то зачитать ему на его часть самими тѣми вещми или по стойной ценѣ за оніе денгами. 3) Буди жъ кто изъ забратыхъ движимостей всего до инаймалѣйшей вещи по упорству не представитъ или утаитъ, а посля по реестрамъ и забратымъ справкамъ окажется то на немъ явственно, тотъ участникъ другимъ съ насъ долженъ пополнить изъ собственной своей части денгами или недвижимымъ имѣніемъ, которое до заплати нимъ и оставатся должно въ участниковъ, обиду отъ него въ томъ имѣющихъ. 4) За розлѣлкою всѣхъ движимостей, имѣніе недвижимое какъ-то: показанніе селенія, футори съ крестьянами, ихъ строеніями и грунтами, водяніе съ прудами и вѣтренніе мелници, лѣсы, пахатніе и сѣнокосніе земли, мелници и все до послѣдка въ господскихъ домахъ строеніе, на всякую часть достались числомъ по равной долѣ, что и росписать вѣрно и обстоятельно ко всякой части по способности, для таково же росписанія и уравненія всѣхъ четырехъ частей, обще всѣ мы, участники, должны собрать и уполномочить знающаго надежного и способного въ сему человѣка, а за росписаніемъ и уравненіемъ всѣхъ четырехъ частей, мы участники должны принимать части по жребіямъ безъпрекословно и вроме всякой ссоры и роптанія, гдѣ что кому доведется и принявши оніе части, всякъ въ свое владѣніе, впредъ одинъ другому во владѣніи помѣшателства, убитка и никаково безъпокойствія дѣлать не должны, въ противномъ случаи за неустойку посему обще всѣ мы между себя полагаемъ на выновного заруку подъ платежемъ обидимой сторонѣ десяты тысячъ рублей денегъ. Наконецъ 5), если жъ бы кто съ насъ участниковъ, послѣ учиненія сего нашего постановленія, могъ поступить не по предписанному, т. е. забратого и захваченного всего денегъ сребра и протчего въ общій роздѣлъ надлежащого въ назначенное мѣсто недоставилъ и недоставленного нымъ въ зачотъ на свою часть принять, въ роздѣлку вступить и уравнятся зъ другими на похотѣлъ, либо вступивши въ роздѣлку, учинилъ какое упорство, азартность, всякую неблагопристойность, помѣшательство и остановку въ роздѣлки и притомъ причинилъ бы какову кому обиду, безчестіе и ругателство, тотъ обязанъ и долженъ будетъ непремѣнно заплатить обидимому заруку, столко, сколко четвертая часть Леонтовичевского имѣнія по оцѣнки денегъ стоитиметъ. Для лучшей же и непоколебимой таково нашего постановленіемъ заключенія ненарушимости, утверждаемъ сіе собствен-

ными нашими и свидѣтелскими, при печатехъ, подписами и представляемъ уряду къ надлежащей правной конфирмаціи. Подлѣнное подписанно: къ сему постановленію участникъ вышписанного имѣнія, съ согласія всѣхъ моихъ соучастниковъ, при печати подписался надворный совѣтникъ Александръ Павловъ синъ Лисенко. Къ сему постановленію по уполномочію участницы вишеписанного имѣнія, жени моей Пелагіи Степановой дочери Леонтовичевни Раковичевой, при печати подписался примеръ маіоръ Лаврентій Андреевъ синъ Раковичъ. Къ сему постановленію участникъ вышеписанного имѣнія при печати подписался капитанъ Григорій Василіевъ синъ Силичъ. При учиненія сего постановленія были и во свидѣтелство персоналной прозби гг. участниковъ вишписаного имѣнія, при печатехъ подписались: въ отставки поручикъ Василій Тишецкинъ. Сенатскій регистраторъ Семенъ Политковскій. (*Съ копіи*).

13. „Выписка изъ реестра имѣнію и разнымъ вещамъ, принятымъ въ опеку Ульяною Константиновною Еньковою, оставшимся по Григорію Григоріевичу Фридрикевичу". 1799 г.

Денегъ наличныхъ, въ мѣдной монетѣ—138 р. 77 к. Писменные обязательства разныхъ должниковъ въ занятыхъ ими у г. дѣйств. ст. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича деньгахъ, взятые въ сохраненіе Ульяною Константиновною Еньковою 1798 года, декабря « » дня. 1) Обликъ ассессора Ивана Латышова 1782 г., декабря 24 дня писанный, безъсрочный, на—25 р. 2) Обликъ Черниговскаго мѣщанина Максима Бѣлавскаго, писанный 1789 г., марта 15 дня, съ срокомъ того же 1789 г., июня по 28 ч., на 25 р. 3) Обликъ Черниговского уѣзда изъ села Зайцовъ дворянина Ивана Доброгорскаго, писанный 1789 г., ноября 10 дня, съ срокомъ по 10 декабря того же 789 г., на 50 р. 4) Вексель Добрянского посада купца Алексѣя Семенова сына Образцова, писанный 1791 г., марта 10 ч., съ срокомъ на 12 мѣсяцей, на 636 р. Сей вексель за уплатою 327 р., переписанъ 1799 г., маія 18 ч., суммою на 309 р. 35 к., съ срокомъ въ 7 мѣсяцей. 5) Вексель Черниговскаго купца Григорія Яковлева сына Здора, писанный 1792 г., маія 29 дня, съ срокомъ въ 12 мѣсяцей, съ протестомъ на 105 р. 6) Обликъ войск. тов. сына Ивана Войцеховича, написанный 1793 г., сентября 1 дня, зъ срокомъ на одинъ годъ, на 60 р. 7) Обликъ секундъ маіора Фомы Андреевича Туманскаго, писанный 1797 г., апреля 1 ч., съ срокомъ 799 г., апреля

по 1 ч., на 1150 р. 8) Обликъ умершаго тит. сов. Василія Петровича Лизогуба жены Анны Михайловой дочеры Лизогубовой, писанный 1796 г., декабря 5 ч., съ срокомъ на одинъ годъ, на 1800 р., въ сіе число уплачено 1798 г., сентября 15 ч., управителемъ упомянутаго Лизогуба села Буровки поручикомъ Григоріемъ Нѣговскимъ 200 р., а остается 1600 р. 9) Обликъ умершаго генерала маіора князя Петра Александровича Прозоровскаго супруги княгини Софіи Ивановны Прозоровской, урожденной Скоропадской, писанный 1798 г., маія 1 ч., съ срокомъ по 1806 г., маія по 1 ч., на 1700 р. 10) Обликъ Черниговскаго жителя Демяна Гриба жены Евдокіи Павловой дочеры Грибовой, писанный 1798 г., сентября 1 ч., съ срокомъ на одинъ годъ, на 100 р. 11) Обликъ Черниг. мѣщ. Степана Иванова сына Макотрина, писанный 1798 г., октября 1 дня, съ срокомъ на одинъ годъ на 100 р. 12) Обликъ губ. секр. Якова Оболонского, писанный 1796 г., октября 1 ч., съ срокомъ на 4 года, на 1000 р.; по сему облику Григорій Григоріевичъ 250 р. оставилъ безъ взысканія, а осталось на немъ 750 р. 13) Росписка карнѣта Андрея Васильева сына Силича, писанная 1798 г., февраля 3 д., съ срокомъ того жъ 798 г., мая по 1 ч., на 2000 р. Итого—7974 р. 35 к.—Сверхъ сего, найденъ реестръ, при облигахъ и векселяхъ, наличнымъ деньгамъ, содержащимся въ красномъ сундукѣ, въ разной монетѣ, писанный 1798 г. марта 1 д. *Въ золотѣ*: имперіяловъ—160, еще одинъ имперіялъ изъ кошелька 1; полуимперіяловъ—22, червонцовъ галандскихъ—97; *въ сребрѣ*: старыхъ рублей—120, новыхъ рублей—944, *четвертьми*—15 р. 75 к., *двадцати копѣечниками*—35 р. 80 к., *пятнадцати копѣечниками*—21 р. 15 к., *въ кошелькѣ* разною монетою—9 р., *ассигнаціею*— 5 р. Часы англинскіе золотые, съ золотою печатью Григорія Григоріевича и мѣдною цѣпочкою. О сихъ золотыхъ и сребренныхъ деньгахъ бунч. тов. жена Настасія Степановна г-жа Полуботкова мнѣ сего 799 сентября 5 ч., будучи въ г. Фридрикевича домѣ, объявила, что оной сундучокъ съ прописанными деньгами и золотыми часами она, прошлаго 1798 года, къ себѣ взяла для заплаты лѣкарямъ, ползующимъ г. Фридрикевича и на покупку лѣкарствъ.

На этой же запискѣ приведенъ слѣдующій родословникъ Фридрикевичей.

1. Фридрикевичъ Христофоръ Самойловъ сынъ, бунчук. товарищъ [1]).

---

[1]) Христофоръ Фридрикевичъ былъ пасынокъ гетмана Мазепы.

2. Григорій Криштофоровъ, бунч. товар.

3. Марія, (Христофоровна), была за сыномъ Стародубск. войта Спиридона (Ширая), а потомъ за полякомъ; умре безъ потомства, монахинею въ Макошинскомъ дѣвичемъ монастырѣ.

4. Евдокія (Христофоровна), была за значк. тов. Федоромъ Грембецкимъ; умре безъ потомства.

5. Анна (Христофоровна), была за сотникомъ Любецкимъ Константиномъ Савичемъ.

6. Григорій Григоріевъ Фридрикевичъ, (внукъ Христофора), д. ст. сов., умре безъ потомства.

7. Ульяна Константиновна Енькова, дочь Конст. Савича. Ея сыновья и дочери: Дмитрій, Николай, Андрей, Иванъ, Марья Милорадовичева, Федосья Карабанькова, Анна Шафонская. (Съ *подлинника*).

II. Бумаги о женитьбѣ Ивана Степановича Лашкевича на Настасьѣ Петровнѣ Милорадовичъ и частная ихъ переписка.

Мужское потомство извѣстнаго Черниговскаго полковника и наказнаго гетмана Павла Полуботка прекратилось въ лицѣ его двухъ внуковъ, бунчук. товарищей Семена Яковлевича († 1752 г.) и Василія Андреевича († 1768 г.); отъ послѣдняго дѣтей не осталось, а у Семена Яковлевича отъ второй его жены, Настасьи Степановны Леонтовичъ (р. 1732 † 1802), осталось двѣ дочери, Софья (р. 1747 † 1773) и Федосья; Софья была замужекъ за Черниговскимъ полковникомъ Петромъ Милорадовичемъ (р. 1723 † 1799), а Федосья за Михайломъ Стороженкомъ; у Федосьи дѣтей вовсе не было, а Софья оставила сына Григорія (р. 1766) и двухъ дочерей, Настасью (р. 1769) и Марью, (р. 1772); послѣдняя, Марья, умерла въ 1788 г. и Настасья Петровна стала одною изъ богатѣйшихъ въ Малоросіи невѣстъ, такъ какъ по литовскому статуту она имѣла право на половину материнскаго имѣнія. Не смотря на сиротство, обѣ дочери Милорадовича были старательно воспитаны, что разумѣется только увеличивало извѣстность среди невѣстъ оставшейся въ живыхъ Настасьи Петровны. «Она была отдавана въ пенсіоны, первѣе, въ Нѣжинъ, къ пенсіонеру Шту-

чу, второе, къ тому-жъ самому Штучу въ Кіевъ, а послѣ оныхъ пенсіонеровъ, къ французской мадамѣ, жившей въ домѣ Черниговскаго губернатора Андрея Степановича Милорадовича, гдѣ она находилась въ наукахъ чрезъ шесть лѣтъ. Сверхъ того, была выписана для нее изъ С.-Петербурга мадамъ, которая и находилась въ Боровичахъ»... Такъ писалъ отецъ Наст. П—ны въ 1790 г., когда разсорился съ этою своею дочерью изъ за ея брака. Ссора произошла по слѣдующему поводу. Пробывъ нѣсколько лѣтъ у «пенсіонера» Штуча, Н. П—на стала жить у своего дяди Андрея Степановича М—ча, въ Воронковѣ; отсюда ее выпросила у отца къ себѣ бабушка Настасья Степановна, жившая въ с. Боровичахъ (Городницк. уѣзда), куда Н. П—на и переѣхала въ 1783 г., какъ видно ниже изъ письма ея отца. Бабушка эта происходила отъ Христофора Фридрикевича (см. стр. 48), у котораго былъ одинъ сынъ Григорій; сынъ этотъ былъ женатъ на Федосьѣ Томаровнѣ, за которою взялъ богатое приданное (бывшія имѣнія Бѣлоусскаго сотника Василія Болдаковскаго); но Григорій Христофоровичъ Фр—чъ пожилъ недолго и умеръ, оставивъ одного сына Григорія, а молодая его вдова послѣ нѣкотораго романа, вышла замужъ за Степана Леонтовича, «который примандровавши съ Полщи, жилъ въ дѣтей покойнаго Войцеховича, сотника Седневского, инспекторомъ, и тамъ съ собою познавшися, оженился на Томаровнѣ». Отъ второго мужа Федосья Томаровна имѣла двухъ сыновей: Степана (женатаго на Софьѣ Васильевнѣ Дунинъ-Борковской) и Ивана, и четырехъ дочерей, изъ которыхъ старшая и была Настасья Степановна, вышедшая затѣмъ замужъ за Семена Полуботка и сдѣлавшаяся такимъ образомъ тещею Петра Степановича Милорадовича, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бабушкою дочери послѣдняго Настасьи Петровны. Настасья Степановна была очень умная женщина и при этомъ еще и вполнѣ грамотная, что встрѣчалось рѣдко среди малорусскихъ «матронъ» конца XVIII в.— Вотъ у этой то бабушки и поселилась ея внучка Настасья Петровна. Нѣтъ сомнѣнія, что тогдашніе женихи хорошо знали о богатствѣ этой невѣсты, но изъ нихъ «адрессовались» къ отцу только двое: бунч. товарищъ Михаилъ Борковскій и кригсъ коммисаръ Василій Лаврентьевичъ Селецкій, но оба жениха не пришлись по нраву невѣсты, хотя отецъ, повидимому, былъ согласенъ на ихъ сватовство. Другіе женихи не являлись; говорили при этомъ, что отецъ удаляетъ жениховъ «по своему пристрастію къ дитинному имѣнію». Прожила Н. П—на у бабушки лѣтъ пять и достигла такихъ лѣтъ, когда о ней можно было, по тогдашнему, сказать, что «не къ лѣтамъ, а изъ лѣтъ уже

идетъ». Въ старой Малороссіи дѣвушки выходили замужъ рано и двадцатилѣтняя невѣста уже не считалась молодою. Поэтому бабушка стала заботится о замужествѣ своей «Настеньки». Въ концѣ 1779 г, подходящій женихъ нашелся. Нашли его родственники Настасьи Ст—ны, и, кажется, главною свахою при этомъ была жена ея брата Софья Васильевна (жена Степана Ст—ча Леонтовича). Женихъ этотъ явился въ лицѣ молодого майора Ивана Степановича Лашкевича (р. 1765 † 1822). Это былъ сынъ довольно богатаго «пана» сѣверной Малороссіи Степана Ивановича, человѣка довольно образованнаго, который и сыну старался дать солидное образованіе [1]). Поэтому Иванъ Ст—чъ Лашкевичъ учился въ Московскомъ университетѣ, будучи въ тоже время записанъ капраломъ въ Измайловскомъ полку. Долго ли оставался въ университетѣ Ив. Ст—чъ—неизвѣстно, но въ 1784 г. онъ былъ капитаномъ, а двадцати лѣтъ отроду вышелъ въ отставку съ чиномъ секундъ-майора. Въ это время Ив. Ст—чъ, несмотря на свою молодость, былъ человѣкомъ уже вполнѣ самостоятельнымъ, такъ какъ отецъ его умеръ въ 1782 г. Объ этомъ женихѣ Настасья Степановна поспѣшила увѣдомить зятя, которому, разумѣется, женихъ предварительно долженъ былъ представиться. Извѣстіе это Милорадовичъ встрѣтилъ съ большимъ неудовольствіемъ. Возникшая по этому поводу переписка, между тещею и зятемъ съ одной стороны и отцомъ и дочерью съ другой, составляетъ содержаніе слѣдующихъ за симъ писемъ.

1. Петра Степановича Милорадовича къ тещѣ, 1788 г.

Письмо ваше зъ Боровичъ, сего ноября отъ 20, я имѣлъ честь получить 23-го числа, въ которомъ изволите писать, что вы получили извѣстіе отъ братца вашего Степана Степановича, который пишетъ къ вамъ, что онъ вмѣстѣ съ Лашкевичемъ будетъ по первой зимней дорогѣ къ вамъ, а сынъ мой пріѣхавши отъ меня, обявилъ вамъ, что я ненамѣренъ отдать дочь мою за нево, и вы не изволите понимать для чего бы я сіе дѣлалъ, я что дочь моя уже не пятнадцатилѣтняя, но уже двадцать лѣтъ въ мѣсяцѣ мартѣ будетъ, и что братецъ вашъ Степанъ Степановичъ не можетъ выхвалить его пер-

---

[1]) Подробныя и любопытныя свѣдѣнія о Ст. Ив. Лашкевичѣ см. въ „Кіевск. Старинѣ“ 1887 г., № 12.

сону и домоводство по частому съ нимъ обращенію, и по сказкамъ ево не такъ убогъ, какъ я думаю; на что вамъ имѣю обявить: я весьма доволенъ и благодарствую братцу вашему за ево стараніе, покорнѣйше жъ прошу принять во уваженіе и мое родителское о дочери моей попеченіе, которимъ я обязанъ естественно болше всѣхъ сродственниковъ. Я господина Лашкевича не охуждалъ, и ни богатымъ, ни убогимъ ево почитать не могу, ибо я ни ево самого, ни имѣнія ево не знаю, а синови моему я говорилъ, чтоби онъ обявилъ мое мнѣніе, которое состоитъ въ томъ, что я къ виданью дочеры моей не могу прежде приступить ни за господина Лашкевича, ни за кого другого, не знавши ни дому, ни имѣнія ево, ни удѣлу, съ которого всякой женихъ по силѣ общественного узаконенія долженъ, прежде сговору, всего за своей невѣстой на третой части своего недвижимого имѣнія получить, тоесть записать урядовымъ порядкомъ... (засимъ часть письма истлѣла).

Ежели же, по мнѣнію вашему, дочь моя не молодая, то есть способъ, черезъ который она скоро помолодѣетъ, который состоитъ въ рукахъ вашихъ, именно жъ, ежели по неоднократному своему внуковъ вашихъ обнадеживаю, дочерѣ моей запишите и опредѣлите Боровичи, такъ какъ и господина Лашкевича мать записала сынамъ своимъ отческую свою деревню, то дочь моя не токмо помолодѣть можетъ, но и болше, когда дѣйствително узнаетъ, приятнѣйшой здѣлается всякому благородному жениху, которого Богъ ей опредѣлитъ. Въ прочемъ я бы болше предъ вами изяснился, но о таковыхъ дѣлахъ на писмахъ не можно трактовать, и не могу къ вамъ пріѣхать по причинѣ приключившойся мнѣ простудной болѣзни, отъ которой я нахожусь въ слабости, и стражду кашлемъ и насморкомъ, отъ которого имѣю боль въ головѣ.

2. Отвѣтъ Настасьи Степановны зятю.

Вы на мое прежнее письмо рѣшително ничего не написали, а написали то, что до меня не принадлежитъ, ничево не значитъ, то естъ ни намѣренія, ни отказу и въ... только пустіе переписки, а между тѣмъ пріѣдетъ женихъ и тогда что мнѣ дѣлать—судѣте и пожалуйте... мене уволнитъ, что вы хотите и въ заправду записать вашей дочерѣ то... (Далѣе часть письма истлѣла) отказъ напишите, дабы я могла отвѣчать по вашему рѣшенію, а прямо потому напишу до брата, чтобъ ему отказалъ. Вотъ одного толко я требую.—Естли при томъ

у васъ есть женихъ на примѣтѣ такой отдѣлной, какого вы желаете, то сему не грѣхъ и отказать; буди же нѣтъ, то уважте на все, а особливо на лѣты вашей дочерѣ, которой не къ лѣтамъ, но изъ лѣтъ идетъ, которая, какъ вы пишете, отъ Боровичъ помолодѣетъ. Нѣтъ, дайте ей и ввесь свѣтъ, то ничто не поможетъ наградить потерявшіи лѣта; а особливо ее и меня тревожатъ ежеденно видимые образцы, какъ то: Борознина дочь, которая еще мене старѣе, въ дѣвкахъ по сіе время, нещастные Лизогубовны и Гудовичева, а къ нимъ и Базилевсковна, которая 70 тысячь имѣетъ денегъ и 600 душъ. Подумайте со великимъ уваженіемъ и поступите, какъ вы знаете; все про все въ вашей волѣ, а я только любя ее, пишу къ вамъ сіе, и больше о семъ писать не буду, увѣряю.

Что касается до Боровичъ, то я и сама не знаю, кому оные достанутся, но толко знаю то, что некому иному, какъ вашимъ же дѣтямъ или Николашенки.

Буди вы согласны будете на сего жениха, то и о перстнѣ не забудте.

3. Зять тещѣ.

Писмо ваше зъ Боровичъ отъ 11 числа я получилъ, на которое въ отвѣтъ вамъ имѣю честь объявить, что писать мнѣ къ братцу вашему Степану Степановичу, чтобы онъ съ пріѣздомъ съ господиномъ Лашкевичемъ не спѣшилъ, не слѣдуетъ, для того, что ни я зъ Степаномъ Степановичемъ, ни онъ со мною о семъ дѣлѣ ни слова не говорилъ, а говорилъ онъ съ вами и рекомендовалъ его, то вамъ и писать къ братцу вашему о семъ есть заприлично. Ежели, по провѣдованіе про жениха на меня пенять изволите, напрасно, ибо вамъ самимъ исвѣстно, что я былъ въ отлучкѣ въ степу, гдѣ я прожилъ, по моимъ необходимостямъ, до послѣднихъ чиселъ октября мѣсяца, отколь пріѣхалъ октября 28-го. Приѣхавши же былъ боленъ двома болѣзненными припадками, отъ которыхъ и понынѣ нахожусь въ слабости, а боляше еще къ тому я по волѣ Божіей лишился дочери моей меншой, которой еще не успѣлъ опоминать по христіанскому закону. Сихъ то ради причинъ нѣкогда было мнѣ о жениху провѣдовать; однакъ вы сего не изволите принимать во уваженіе и комнѣ пишете зъ своимъ неудоволствіемъ, да я и не могъ знать сего, какъ вы нынѣ пишете, чтобы я могъ провѣдать объ немъ отъ Петра Антоновича Милорадовича, а нынѣ узнавши отъ васъ, прошу меня увѣ-

домить, какъ господину Лашкевичу имя, званіе или чинъ его, дабы я могъ писать къ Петру Антоновичу, а безъ сего писать не можно. Въ писмахъ же моихъ я васъ ни въ чемъ не оскорблялъ, а писалъ къ вамъ самую справедливость, которою нимало не далъ вамъ притчины къ неудовольствію вашему; развѣ вамъ то кажется противно, что я ни предъ кимъ и ни въ чемъ лстить и лукавить не умѣю, и въ томъ прошу покорно меня извинить, ибо я никогда себѣ невоображалъ и не надѣялся, что нынѣ отъ васъ слышу И что сынъ мой съ невѣстою у нашемъ домѣ и изъ вашей волѣ по нынѣ прожилъ, то чтобъ сіе вамъ было противно и въ тягость, я никогда такъ же не надѣялся; а что я писалъ къ вамъ о распредѣленіи вами владѣемого имѣнія, то и сіе писалъ я не съ тѣмъ, чтобъ вамъ было досадно и сего никогда не думалъ, но по тому резону, что вы давно сами о семъ отзивались и многократно меня, а особливо наслѣдниковъ, внуковъ вашихъ, увѣрали; нынѣже, какъ вижу вашу перемѣну, то сіе до меня не относится, а касается до наслѣдниковъ внуковъ вашихъ, и когда вы и сіе почитаете за противность, то какъ я прежде сего, такъ и въ предъ васъ безпокоить не буду. Присемъ посылаю вамъ степового короваго масла четыри пуди, которое прошу принять и приказать обратно отъдать кадушку.

4. Зять тещѣ.

Не могучи отвѣчать такъ скоро на ваше писмо, полученое мною изъ Смячи, минувшаго генваря отъ 22-го числа, касателно г. Лашкевича, нарочно ездилъ я въ Черниговъ, гдѣ найшолъ пріятелей моихъ, отъ которихъ совершенно увѣдомился, о домѣ, о фамиліи и другихъ обстоятелствахъ; много я разсуждалъ, ища благополучія дочери моей по должности своей и по естественному моемъ усердію къ ней, которая въ меня есть одна, а затѣмъ въскорѣ, тоесть сего февраля 6, пріѣздилъ ко мнѣ г. Лашкевичъ съ писмами отъ матушки своей и отъ Агафіи Давыдовны госпожи Журмановой, и я съ нимъ увидѣвшись, говорилъ въ касающихся обстоятелствахъ въ намѣреніи его, и открылось мнѣ, по доволному испитанію и разсужденію, что я вовсе немогу приступить къ согласію моему, въ удоволствіе требованія, какъ матушки ево, такъ и ево самого, по многимъ резонамъ и обстоятелствамъ, о чемъ я, какъ ему самому, не касаясь нималѣйше и не отнимая отъ него никакихъ достоинствъ, словесно обявилъ и къ матушки ево отписалъ; чтожъ принадлежитъ до попеченія и усердія

вашего къ дочерѣ моей, то и благодарнымъ и чувствительнымъ сердцемъ пріемлю, однакъ рекомендующійся г. Лашкевичъ не столъ завиденъ, чтобъ спѣшилъ бы я съ моею дочерью, особливо же, не обяснившись брату моему, по природной связѣ братерства, и неотобравши отъ него мнѣнія, не могу рѣшится на всекрайнѣйшее расположеніе о дочерѣ моей, имѣя у себе, по волѣ Божіей, толко еѣ одну, въ такомъ важномъ пунктѣ, каковъ есть сей. Итакъ, несомнѣнно надѣюсь, что она по милости всемогущого Бога получитъ жениха превосходнѣйшого дарованіями, соразмѣрно собственного состоянія достойного, о чемъ всегда стараясь, молю Создателя нашего и на его несомнѣнно надѣюсь. Въ протчемъ за пріѣздомъ моимъ къ вамъ словесно, а не писменно, вамъ обяснюсь. 1789 г., февраля 8. Изъ Жукотокъ.

5. *Отвѣтъ тещи.*

Въ писмѣ вашемъ я нашла неожидаемое, неменше темное въ столь важномъ дѣлѣ, кромѣ ясности въ томъ, что за пріѣздомъ къ вамъ г. Лашкевича, открилось вамъ по доволному испытанію и разсужденію, что вы вовсе не можете приступить, по многимъ резонамъ и обстоятелствамъ, къ согласію и рекомендующійся женихъ не столь завиденъ, дабы спѣшить вамъ съ вашею дочерью. Особливожъ не объяснившись братцу вашему и не отобравши отъ его мнѣнія, не можете рѣшится на всекрайнѣйшое расположеніе, и что дочь ваша, по милости всемогущаго Бога, получитъ жениха превосходнѣйшаго, о чомъ вы всегда стараяся, молите Создателя нашего и на его несумнѣнно надѣетесь. Изъ сего можно ли и знать, что вамъ открылось и какіе тѣ резоны и обстоятельства, вы ихъ не поясняете, такъ какъ и того, какого именно вы превосходнѣйшаго жениха для нее ожидаете; а что до объясненія съ братцемъ вашимъ, то кто вамъ припятствовалъ и препятствуетъ объяснятся. Скажите же теперь, пожалуйте, не явное ли ваше откривается нежеланіе видѣть дочь вашу замужемъ, совѣсти вашей судить оставляю. Уже теперь не въ такихъ лѣтѣхъ она, чтобъ ей ожидать неизвѣстнаго жениха, равно и отказывать сему жениху безъ ея воли вы не могли, учинивъ прежде еще прошедшаго лѣта ваше распоряженіе сему г. Лашкевичу къ дочерѣ вашей пріѣхать, съ тѣмъ чтобы ни отказать ему, ни слова не дать безъ васъ. Какіе же послѣ сего завелися съ вами у меня переписки, вамъ оныя извѣстны, такъ какъ и мнѣ. А между тѣмъ дочери вашей онъ

противнымъ не показался и теперь она о семъ на писмо ваше пишетъ къ вамъ, прося вашего благословенія, а мнѣ осталось толко совѣтъ мой искренной сказать вамъ въ томъ, что лучше двадцатолѣтной вашей дочерѣ дать волю въ избранномъ женихѣ. Ей съ нимъ жить, худо ли или хорошо, сожалѣть на васъ не будетъ. Должна вамъ потомъ пояснить, что онъ человѣкъ благородный, а притомъ имѣетъ чинъ непослѣдней, въ обхожденіи порядочемъ и честенъ, и имѣніемъ неубогъ, а съ присовокупленіемъ дочери вашей имѣнія и весма достаточенъ будетъ помѣщикъ. Я моими глазами видѣла его домъ и поогромвости его не нахожу ни у васъ, ни у насъ лучшого дому, увѣряю. Какъ ваши нынѣшніе писма застали его неотѣхавшого отъ себя, то я разсудила дать ему совѣтъ съ вашими отказными писмами къ его матерѣ и теткѣ до времени удержатся. Пожалуйте, получше посудите сіе дѣло и уважте на всѣ случаи, какъ родитель для дочери своей, недопуская ее къ отчаянію, дабы послѣ не жалѣть. Болѣе бы писала, но оставляю до свиданья съ вами.

6. *Зять тещѣ.*

Сего февраля 12 числа получилъ я еще отъ васъ писмо, писаное изъ Смячи 11, и всіо ободномъ дѣлѣ и матеріи, о которой я предсимъ доволно къ вамъ уже писалъ, и мнѣ кажется напрасно вы изволите безпокоится и хлопотать, а притомъ меня и обижать въ писмахъ вашихъ выраженіями, чего я никогда не надѣялся и не заслужилъ, а притомъ вамъ объявляю: я г. Лашкевичу, ни лѣтомъ прошедшого году, ни сего году зимою, къ дочери моей пріѣзжатъ не позволялъ, какъ вы въ письмѣ пишете, но пріѣхалъ онъ въ вашъ домъ въ прошедшемъ генварѣ мѣсяцѣ. И какимъ бы образомъ я позволилъ пріѣздить человѣку, которій мнѣ никогда ниочему ни малѣйше невѣдомій, да и не ко мнѣ и не въ мой домъ, но представилъ его къ вамъ братецъ вашъ Степанъ Степановичъ изъ супругою своею, которого вы продержали у себе болше недѣли. Вамъ то такъ было угодно, а не мнѣ. Въ протчемъ покорно прошу не восхвалять дому его, которій есть, какъ изволите писать, лутче моего и вашего выстроенъ, болшимъ количествомъ стѣнъ и покоевъ, а ежели вы удивляетеся, то покрайней мѣри мене не удивляйте. Еще вамъ объявляю, что я какъ предъ симъ къ вамъ, такъ и нынѣ пишу, что нѣтъ моей воли, желанія, ниже согласія быть женихомъ г. Лашкевичу для дочери моей, и скажу вамъ сіе, что я о дочерѣ моей раз-

суждаю и пекусь, смотря какъ душевными, такъ и тѣлесными очима, такъ какъ еѣ отецъ, чему есть свидѣтель Сердевидецъ, а не такъ, какъ прочіе еѣ сродственники. Получажъ вы отъ меня прежнее писмо и узнавши мое несогласіе, вовсе напрасно г. Лашкевичу совѣтовали удержатся съ отѣздомъ съ писмами къ матушки и тіотушки ево. 1789 г., 12 февраля. Жукотки.

7. *Теща зятю.*

Изъ вашего письма, вчерась полученного, явственно вижу ваше на меня неудовольствіе, на которое я ни чемъ не заслужила и вамъ могу чистосердечно сказать, что отъ васъ я обижаюсь всѣми вашими выраженіями, когда вы отрицаясь своихъ словъ сказанныхъ въ Боровичахъ, вините меня. Припомните, предъ выѣздомъ вашимъ въ степъ, какъ я изясняла вамъ о замужествѣ дочери вашей, именно о г. Лашкевичѣ вамъ объявила, что онъ намѣренъ съ братомъ моимъ Степаномъ Степановичемъ пріѣхать, требуя вашего на тотъ случай положенія, естли пріѣдетъ, то что ему сказать, и вы отвѣчали и положили—пусть пріѣдетъ, но ни слова ему не давать, ни отказывать, и даже когда я выговорила, что ѣдучи по дорогѣ къ брату, заѣду къ матери его, то вы сіе подтвердили, сказавъ именно сими словами: весьма хорошо здѣлаете, естли заѣдете. Я сего не вымышляю, убей меня Богъ. А къ большему доказательству на всѣ письма ваши ссылаюсь и благодарствія, въ коихъ писали точно сими словами: я весьма доволенъ и благодарствую братцу вашему за его стараніе. Такъ же просите меня, чтобъ я написала къ брату моему Степ. Степановичу, дабы онъ не спѣшилъ ко мнѣ съ пріѣздомъ съ г. Лашкевичемъ, по болѣзни тогдашней вашей. Теперь же пишите, что вы г. Лашкевичу ни лѣтомъ прошедшаго года, ни сего зимою, къ дочери вашей пріѣжать не позволяли. Посудите же изъ сего себе и мене, и можно ли мнѣ досады ожидать отъ васъ въ сей явной моей правотѣ, я далѣе не распространяю. Кромѣ сей чувствительнейшой отъ васъ для меня обиды, что вы непрелично коснулись въ семъ же письмѣ задѣть брата и невѣстку мою, ничемъ вамъ непогрѣшившихъ, что будто представилъ г. Лашкевича ко мнѣ братъ мой съ своею супругою мимо знаніе ваше. За симъ не осталося уже мнѣ въ сей матеріи далѣе размножать, а прошу прилежно васъ дочери вашей, яко совершеннолѣтней, дать волю въ избраніи себѣ жениха, не относяся къ собственному вашему выбору неизвѣстного жениха. 1789 года, февраля 14. Смачь.

8. Петра Степановича Милорадовича дочери.

До нынѣ я по причинѣ той, что не могъ быть въ Боровичахъ, и съ тобою видѣтся, по случаю болѣзни моей, не могъ объявить тебѣ о происходившихъ обстоятелствахъ въ разсужденіи жениха, рекомендованного бабушки твоей отъ Степана Степановича, а нынѣ бывши у Черниговѣ, проведалъ и спиталъ отъ пріятелей моихъ, а наконецъ пріѣзжалъ ко мнѣ и самъ онъ. Я съ нимъ говорилъ и доволно узналъ по многимъ резонамъ, которіе тебѣ неизвѣстны, что сей женихъ ни съ какой стороны и ни почему быть тебѣ не можетъ, о чемъ я ему объявилъ и къ матушкѣ его отписалъ. Для того о семъ и тебѣ предварительно, до свиданья моего, объявляю. Я по усердію моему и родителской должности, имѣя попеченіе о дѣтяхъ моихъ, всегда прошу отъ всемогущого Создателя нашего, какъ о сынѣ моемъ, которого уже Богъ благословилъ супружествомъ, такъ и о тебѣ, какъ ты одна у меня одна дочь дѣвица, чтобъ Онъ, по всемогуществу своему и милости, сотворилъ съ вами милость и благословеніе, и какъ сынъ мой, по его милости и благословенію отца своего, получилъ супружество, такъ и тебѣ даровалъ супруга, съ которымъ бы ты участь житія своего долгоденственно и благополучно препровождала, и несомнѣнно надѣясь на Бога, что онъ съ превосходнѣйшими дарованіями даруетъ тебѣ жребій въ женихѣ, причемъ ты несомнѣнно должна уповать на Бога, не полагаясь и не увѣряя себя посторонним людскимъ совѣтамъ въ такомъ важномъ пунктѣ, каковъ сей есть и который зависитъ отъ опредѣленія Божія, и по заповѣди его отъ благословенія родителского. 1789 г., 8 Февраля. Жуботки.

9. Отвѣтъ дочери.

Письмо ваше родительское получить я имѣла честь и щастіе, но безщастною себя вижу, что вы, милостивый родитель, отказываете г. Лашкевичу, которой мнѣ явился не противнымъ, повелѣвая мнѣ ожидать жениха съ превосходнѣйшими дарованіями. Милостивѣйшій мой родитель, простите меня за дерзость въ семъ случаѣ, и не почитайте меня вѣтреною и непослушною; я ваша найвиновнѣйшая во всемъ дочь, прошу одного сего: удостойте, не откажите въ моемъ выборѣ многомостнѣйшимъ благословеніемъ вашимъ, отъ коего все мое благополучіе щитаю. Никогда бы я не осмѣлилась на сіе, естлибы не угрожало меня, Боже сохрани, по смерти вашей и бабуш-

ки остатся въ дѣвахъ. Всенижайше и всеприлѣжнѣйше прошу уважить родительски на все, при томъ взглянуть и на лѣти и благословить меня, какъ единую вашу, но гробъ всепослушнѣйшую дочь, сего одного отъ васъ, моего милостивѣйшаго родителя, прошу и несумнѣнно получить ожидаю.

10. Другое письмо отца дочери.

Письмо твое изъ Смячи отъ 11, я получилъ сего февраля 12 числа, съ писемомъ бабушки твоей. Сожалѣю и удивляюсь, что ты себя безъщастною называешъ въ разсужденіи рекомендующагося Лашкевича; я за сіе на тебя не сержусь, ибо я знаю, что ты къ тому доведена совѣтами; ты доволно могла видѣть изъ писемъ моихъ къ бабушкѣ твоей, что я не согласенъ въ такомъ выборѣ для многихъ и важныхъ причинъ, о которыхъ ни тебѣ, ни бабушкѣ твоей объявлять на писмѣ неудобно, а послѣ ты словесно услышишь. Я въ выборѣ жениха принужденія тебѣ не дѣлаю, кромѣ моего отеческого совѣта, и получа отъ меня и видѣвши такъ же бабушкино писмо, должна на томъ и остановится и никакихъ разговоровъ не слушатся, а слушатся совѣта родителского, и внушить себѣ, что въ такихъ важныхъ дѣлахъ, которыя единственно зависятъ отъ опредѣленія Божія родителскимъ благословеніемъ; и такъ ты должна уповать на милосердіе всемогущества Божія и при томъ несомнѣнно надѣятся, что получишъ съ превосходнѣйшими дарованіями выборъ свой и мое къ тому благословеніе, о чемъ я такъ же несомнѣнно полагаюсь на Бога, молю и уповаю на него, то г. Лашкевичѣ нѣтъ отъ меня ни согласія, ни воли, ни благословенія моего къ тебѣ. 1789 г., 12 февраля. Жукотки.

11. Отвѣтъ дочери.

Всенижайше и наипокорнѣйше благодарю вамъ, милостивѣйшему моему родителю, что вы на меня не изволите гнѣватся въ разсужденіи г. Лашкевича, хотя ужъ благоволили прописать въ присланномъ ко мнѣ письмѣ, что я доведена совѣтами въ выборѣ сего жениха, но признатся должна, что ни чіи совѣты тутъ не были, кромѣ одно мое собственное желаніе. Вамъ, моему милостивѣйшему родителю, извѣстно сколь много совѣтовъ я имѣла отъ всѣхъ родственниковъ о М. М. Борковскомъ, но когда моей преклонности къ нему не было, то никто усовѣтовать не могъ. И какъ въ вашемъ письмѣ милостивѣйше изволили написать, что вы въ выборѣ жениха принужденія мнѣ не дѣлаете

то сіе почитая свято милостивѣйшимъ благословеніемъ, дерзаю со всепреданнѣйшею моею покорностію просить подтвердить сей мой выборъ вашимъ родительскимъ святѣйшимъ, милостивѣйшимъ благословеніемъ.

Послѣ этой переписки, Милорадовичъ, повидимому, рѣшилъ забрать дочь отъ тещи, для чего и отправился въ Боровичи. О предстоящемъ пріѣздѣ зятя—тещу заблаговременно увѣдомили и она поспѣшила отправить внуку отъ себя въ с. Смячъ (Городницк. у.), къ брату Г. Г. Фридрикевичу, у котораго въ это время гостилъ С. С. Леонтовичъ съ женою. Не заставъ дочери въ Боровичахъ и узнавъ, что она уѣхала въ Смячъ, Милорадовичъ поѣхалъ въ это село, но дочь возвратиться къ отцу незахотѣла... Поѣздку свою въ Смячъ Милорадовичъ подробно описываетъ въ письмѣ (писано 25 мая), которое помѣщается ниже. Непослушаніе дочери и, кромѣ того, грубое отношеніе, при этомъ посѣщеніи, къ нему братьевъ тещи, вызвали со стороны М—ча жалобу въ судъ—«о безчестіи и обидѣ, причиненной ему Милорадовичу, въ с. Смячи со стороны Фридрикевича и Полуботковой». Не оставляя однакожъ желанія возвратить дочь въ свой домъ, М—чъ попробовалъ подѣйствовать на нее чрезъ сына, который и написалъ къ сестрѣ вслѣдъ за симъ помѣщаемое письмо.

12. Григорія Петровича Милорадовича къ сестрѣ.

Государыня моя, любезная сестрица Настасья Петровна. Пріѣхавъ обратно изъ Глухова, съ какимъ удивленіемъ узналъ я о поступкѣ вашемъ, поразившемъ отца нашего въ крайнюю печаль, не могу изъяснить вамъ, какъ и слѣдствій, побудившихъ васъ на безпримѣрное дѣло.

Не говорю я ни о состояніи, ни о воспитаніи вамъ благородной дѣвицы соотвѣтствуемыхъ, отъ юности вашей вамъ всѣянныхъ, потому что и въ самомъ среднемъ родѣ людей подобный поступокъ, дѣтей противъ отцовъ своихъ, столь гнусенъ, сколько и вовсе простительнымъ быть не можетъ.

Вы можете меня за выраженіе мое извинить, какъ единого вашего родного брата, привязаннаго искренностію и сей горестной случай въ своемъ сердцѣ носящаго.

Если же вы, впервомъ разѣ, будучи встревожены чіими либо внушеніями, что нерѣдко бываетъ, не могли сообразить, какіе вы

предпринялн мѣры, не временно, но на всю вашу жизнь чести вредящіи. Я бы хотѣлъ знать, кто можетъ и чемъ доказать побудившіе причины, которымъ жестокости примѣру не знаю,—но теперь имѣли вы время помыслить и ускромить волнованіе души вашей самымъ простымъ, но чистымъ разсудкомъ.

Подумайте, любезная сестрица, чемъ отецъ нашъ предъ вами такъ много погрѣшилъ, чемъ и какое подозрѣніе заслужилъ и какіе бы причины родителя противъ дочери неестественнымъ образомъ до неограниченной ненависти васъ поставить могли. Читали ли вы гдѣ въ исторіи или могли ли когда слышать, чтобъ дѣти и противъ самой жестокости родителей своихъ столь дерзостно пошли. Притворятся явно, обманывать, скрываться—сажать себя въ заключеніе, изрекатся отъ власти отцовой, почитая себя непринадлежащей и наконецъ даже подать случай къ удаленію отца толпою подлыхъ людей. Поступокъ вовся противный природѣ и всякимъ и вездѣ законамъ.

Когда жъ уже все сіе злополучіе приключится могло, то остается еще время вывесть себя изъ сего лабиринта и поспѣшить сколько можно на сокращеніе мятежа и взять средства къ успокоенію вашего духа и къ смягченію родительскаго тяжкаго оскорбленія.

Пріѣзжайте ко мнѣ смѣло, я беру васъ по самой искренности и чести въ безопасное отъ всего для васъ пристанище, въ совмѣстное со мною помѣщеніе. Предъ Богомъ вамъ сказываю—не можетъ коснуться до васъ никакое и малое огорченіе;—будьте, любезная сестрица, совершенно увѣрены, что вы при семъ случаи подобнаго вамъ друга искренно вамъ совѣтующаго, другаго никого имѣть не можете. При семъ обще насъ воспользующимъ случаи, раздѣлимъ достояніе по матери, намъ принадлежащее, какъ отецъ уже и до сего совершенно позволилъ, и я предъ вами истинну сію пишу, такъ какъ христианинъ и вамъ искренный другъ.—Перестаньте, любезная сестрица, далѣ колебаться, не смущайтесь посторонними совѣтами, будьте совершенно спокойны и пріѣжайте ко мнѣ. Будучи твердо обнадеженъ, что и бабушка наша, по благомыслію своему и по ея любви и горячности къ намъ, конечно согласно посудить изволитъ.—Въ прочемъ, за симъ заключить вы легко можете и всѣ авантажи ваши и до замужества вашего касающіеся, какъ я вамъ наидостовѣрительнѣйше сказать долженъ, что ни съ чией стороны, вопреки собственной воли вашей, никакимъ образомъ поступлено быть не можетъ. Порука честь моя и ближайшее родство, съ коимъ я былъ къ вамъ привязанъ и хочу

быть непремѣнно и съ наибольшимъ усердіемъ вашъ братъ и покорный слуга Григорій Милорадовичъ.

13. Отвѣтъ сестры.

Государь мой, любезный братецъ Григорій Петровичъ. Письмо ваше сего апрѣля отъ 12 числа я получила, оное меня удивляетъ, печалитъ и страшитъ. Вы упрекаете меня, какимъ то противъ отца нашего поступкомъ, его огорчившимъ, наполняя, сколко силъ вашихъ достало, изъясненіями, что тое есть безпримѣрное дѣло, что поступокъ гнюсенъ, и извинителнымъ быть не можетъ, что на всю мою жизнь честь вредящій, что жестокости примѣру вы не знаете, что какіе бы причины до неограниченной ненависти поставить меня могли. Недоволствуясь же всѣмъ симъ, говорите, что будто я притворялась, обманивала, скривалась, сажала себя въ заключеніе, скривалась отъ власти отцовой и пока тоже, что поступокъ вовся противной природѣ и всякимъ и вездѣ законамъ. Не говорите, а написали о состояніи и воспитаніи моемъ, отъ юности моей мнѣ всѣянныхъ, потому что и въ самомъ среднемъ родѣ людей и протчее... Спрашиваете читала ли я гдѣ о томъ въ исторіи или слышала ли? Такіе ваши колкіе слова даютъ мнѣ понимать, какъ вы ко мнѣ расположены: въ искренномъ и дружескомъ положеніи печаль печалью не облегчаютъ, ибо изъ того такъ бы было, что когда болитъ одна рука, то одну и другую отрубить.

Вы, не спрося и невидѣвъ меня, престрашно осудили; вы не были всему тому свидѣтелемъ, вы же подняли пилъ больше того, что предъ правителствомъ сказано (?); но чемъ могу увѣрить васъ, что я вовсе нималѣйше никакъ отца моего не огорчила, почитаю его и люблю, какъ долгъ мой велитъ, не поѣхала жъ съ нимъ единственно что болна тогда и теперь, не имѣя съ собою одѣянія.

Я просила со слезами отца пощадить мою жизнь, но увидѣвъ противное тому, по самой естественной къ жизни привязанности, спасла себя бѣгомъ. Истинну сію вамъ пишу, такъ какъ должна жъ и предъ Богомъ въ день суда сказать; при томъ пребываніе мое у бабушки весьма уже отъ давнихъ временъ, а не по случаю какому, на время сюда пріѣхавши оставалась бы; тутъ воспитана, такъ какъ угодно было отцу, чрезъ благодѣтельницу и попечителку мою. Сегоже одного не знаю, что разумѣете вы въ упреканіи вашемъ, и въ самомъ среднемъ родѣ. Развѣ родъ нашъ въ первомъ родѣ, о семъ предъостав-

ляю вамъ судить. Исторіи—священную и другую читала, знаю и хвалюсь вамъ, братецъ, что и законъ гражданскій мнѣ извѣстенъ, а особливо сего края книга статутъ; но оной и другимъ давно могла и должна имѣть свое достояніе и волю располагать собою; но сіе предъоставила родителю моему, ему повинуюсь, отъ него одного завишу. И такъ, не осуждайте меня, братецъ, пощадите невинность, сотворите богоугодное дѣло, чтобы отецъ мой гнѣвъ свой оставилъ; да не вниду во гробъ съ именемъ преступницы, но наивсепослушнѣйшею дочерью его. Вы воспитаны, вы можите чувствовать, колико разитъ сердце мое такая нечаянная встрѣча, особливо угроженіе ваше, что предъпринятое на меня на всю мою жизнь вредъ наноситъ, такъ какъ бы совершенно участвуя вовсемъ томъ и вы, ибо отпуская и такое ко мнѣ писмо, исходатайствовали отъ дяди строжайшее предписаніе не толко до меня касающесся, но и до благодѣтельницы нашей, не щади и самой ея жизни. Прими, братецъ, въ разсужденіе, или воздаяніе ей, что она горчайшею печалію и ударомъ поражена будучи отъ рукъ своихъ, теперь въ слезахъ и болѣзни. Вотъ все сіе удивляетъ и печалитъ меня до крайности, а страшитъ призывъ вашъ къ себѣ на жителство. Любезный братецъ, вы въ пространномъ своемъ писмѣ и бывъ такъ глубоко изучены, не утверждаете никакимъ добрымъ и надежнымъ увѣреніемъ, что надо мною не исполните такъ, какъ сказивали въ Боровичахъ мнѣ, въ глаза, кромѣ протчого: дожду я того, что ты будешъ у мене дѣти нянчить. Сіе посля воспитанія вамъ данного и просвѣщенности, какъ вы о себѣ заключаете, не воспрепятствовавшее вамъ изректи мнѣ. Я слышавъ, помню, должна одинажды навсегда такъ расположитъ себя, чтобъ не быть вамъ слугою и нянею дѣтей вашихъ, но соотвѣтственно моему имѣнію жить, васъ любитъ и усердствоватъ, съ чемъ есмъ и пребуду ваша сестра и покорная услужница Настасія Милорадовичевна. (*Съ собственноручнаго подлинника*[1]).

За симъ слѣдуютъ три письма, въ которыхъ разсказана попытка П. С. Милорадовича отобрать дочь отъ тещи и извѣщеніе послѣднею зятя, что дочь его 23 мая повѣнчана съ Лашкевичемъ.

---

[1]) Сочинено быть можетъ Григ. Григ. Фридрикевичемъ, умѣвшимъ красно писать дѣловыя бумаги.

14. Настасьи Степановны къ зятю.

Государь мой Петръ Степановичъ. Не напоминаю жестокихъ вашихъ нападеній, поразившихъ навсегда честь и жизнь мою, и что вы повергаете однородную дочь вашу, безъ всякой ея предъ вами вины въ злоключенія, описали ея предъ правителствами съ такой стороны, съ которой любящіе своихъ дѣтей отцы помыслить боятся.

Остается все то вамъ, какъ произведшему, чувствовать, отвѣчать предъ всевѣдущимъ Творцомъ и его праведнѣйшимъ судомъ, гдѣ ослабѣютъ ваши предстатели противоборствовать той истиннѣ, которую здѣсь безъ пощады опровергаютъ; слезы невинныхъ не будутъ прохлажденіемъ той жадности, съ которой они неповинныхъ притѣсняли, но будутъ вѣрными свидѣтельми тѣхъ жестокостей и обидъ, тѣхъ разореній и нестерпимыхъ притѣсненій, каковые произвели надъ безпомощными людьми. Неможно, кажется, вѣруя въ Бога, нельзя забыть того, что онъ есть за обиды всесильный мститель; мнѣ къ сему осталось толко прибѣгнуть. Я потеряла уже все утѣшеніе духа моего, которымъ питалъ себя, что по несноснымъ моимъ трудамъ, во дни старости моей буду покойна, что вы и дѣти ваши, а мои родные внуки, воздадите мнѣ тотъ долгъ, который до послѣднихъ моихъ силъ и крайняго оныхъ изнеможенія, всеусерднѣйше я плотила. Нѣтъ! во мѣсто того, вы устремились не только все, но и жизнь мою у меня отнять. Но должна вамъ по истиннѣ сказать, что и при таковомъ горестнѣйшемъ моемъ состояніи, не только чтобъ умалялась, но и возвышается горячность моя къ вашимъ дѣтямъ, а моимъ внукамъ. Я о презрѣнной уже вами дочерѣ вашей должна старатся, всѣми мѣрами, доставить ей благосостояніе и первымъ къ тому поставляю, просить только васъ: обратите ваше отеческое вниманіе къ невинной дочери вашей, утѣшите ея отъ слезъ изнемогающую, не отвергайте права воспользоваться ей совершеннолѣтіемъ, отдѣлите вы должную часть наслѣдственного ея имѣнія, и будьте увѣрены, что я во всю жизнь мою стараясь о благѣ вашихъ дѣтей, оказать могу наилучшія мои къ нимъ расположенія, но не преже, какъ увижу ихъ владѣющими своимъ наслѣдствомъ, а вы откроете завѣсу, покрывающую истину, увидите, что дѣти ваши совершенные; васъ чтутъ, что я имъ родная бабка, а вамъ по женѣ вашей мать, и что не останется для меня другаго удовольствія, какъ видѣть дѣтей вашихъ благополучными и къ вамъ навсегда быть вамъ доброжелательная

Н. П. 20 мая.

15. Отвѣтъ П. С. Милорадовича.

Государыня моя Анастасія Степановна. Писмо ваше съ Боровичъ, сего маія отъ 20 числа, принесенное ко мнѣ чрезъ неизвѣстного мнѣ мужика полуботковского, я сего маія 23 числа получилъ, съ которого усмотрѣлъ, что вовся напрасно и несправедливо вы приписываете мнѣ, будто отъ меня произшедшую нѣякуюсь вамъ обиду, для того, что не только вы, но и всѣ честные люди совершенно знаютъ, что я болше двадцати лѣтъ, какъ при жизни жены моей, такъ и по смерти ея, отдавалъ вамъ всякое почтеніе, чему свидѣтель есть Богъ, и ни малѣйшей причины не подалъ козлобленію вашему на меня и несносной обидѣ моей сей, которую я нынѣ притерпѣваю, именно жъ: прошедшого марта 27 числа, когда я пріѣхалъ къ вамъ, въ Боровичи, за дочерью моею и еѣ не засталъ, ибо вы ее предъ пріѣздомъ моимъ за день, тоесть 26 марта, отправили въ Смячъ, въ домъ брата своего г. Фридрикевича, увѣдомясь предварително отъ него о пріѣздѣ моемъ къ вамъ въ Боровичи, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ вамъ, по совѣту своихъ братовъ, дочери моей мнѣ не отдавать, и такъ скоропостижно дочь мою съ Боровичъ выслали, что она изъ невѣсткою вашею постыднымъ образомъ изъ Петровой Слободы, на мужичьихъ саняхъ пріѣхала, крючись, убѣгая отъ отца своего въ Смячь. Я узнавши явное обманство, не могъ однакожъ отъ сердоболія удержатся, желая видѣть дочь свою и взять ее съ собою, принужденъ былъ поѣхать въ Смячъ, марта 28 числа, гдѣ надъ чаяніе мое, еще вящую обиду и безчестье получилъ, по вашему общему совѣту съ братами вашими; и когда я примѣтилъ, что братъ вашъ Степанъ Степановичъ и съ женою своею дочь мою кроютъ и заперли въ комнату свою, то принужденъ былъ сквозь двери звать ее, и когда она мнѣ дверей отворитъ не хотѣла, то я въ окошко вторично звалъ ее, на что дочь моя мнѣ персонально отвѣчать не устыдилась сими словами: что она состоитъ не въ моей воли, меня не слушаетъ и со мною не поѣдетъ, что повторялъ тое жъ самое и братъ вашъ Степанъ Степановичъ съ женою своею, которая совѣтовала ему, чтобъ меня связали. И между тѣмъ, какъ я дочь свою искалъ, приступили ко мнѣ мужики болше двадцати человѣкъ, кромѣ приказчика смядкого и служителей дворовыхъ. Наконецъ, я увидѣвши себя отъ васъ, братовъ и невѣстки вашей, и отъ дочери моей, презрѣннымъ, обруганнымъ и посмѣяннымъ, съ печалію моею отъѣхалъ, и принужденъ искать прибѣжища и удовольствія въ правительствѣ. Вотъ ваши и

братовъ вашихъ самоволные поступки, не имѣющіе предразсужденія ни по божіимъ, ни по гражданскимъ законамъ, и будучи вы сами зъ братами своими начинщики такова произшествія, которого еще понынѣ не слышно было, и сіе все обращаете на обиду будто вамъ учиненную, чему всему причиною вы съ братами своими. Извѣстно жъ вамъ симимъ сіе, что въ прошедшемъ 783 году, въ мѣсяцѣ іюнѣ, писмомъ своимъ просили вы меня, чтобы я дочь свою отискалъ въ Воронковѣ, съ дому брата моего Андрея Степановича, гдѣ она обучалась въ мадами, и прислалъ бы къ вамъ для обученія хозяйства, на что я согласясь, отправилъ ее къ вамъ; изъ того времени живши у васъ, приведена въ развратъ и непослушаніе отца своего, какъ выше сказано. Чтожъ пишите въ писмѣ своемъ, что вы должны стараться о дочери моей, то на сіе вамъ обявляю: никакой законъ васъ попечительницею не опредѣлилъ дочери моей, живу сущу отцу еи, а должны вы прислать ее ко мнѣ, отцу еи, и исполнить законъ божій и гражданскій, равно и дочь моя, которая согрѣшила противъ заповѣди божіей, обманула, презрѣла и привела себя въ непослушаніе и непочтеніе отца; и сіею поступкою еи я обруганъ, обезчещенъ вами, должна пріѣхать ко мнѣ, принесши покаяніе, а ежели сего не учинитъ, то пребудетъ на ней всегда божіе неблагословеніе. Болѣе сего я писать къ вамъ не нахожу и пребываю васъ, государынѣ моей, покорнѣйшій слуга Петръ Милорадовичъ. 25 мая.

16. Настасіи Степановны къ зятю.

Государь мой Петръ Степановичъ. Между тѣмъ, какъ судьбѣ угодно было дочери вашей опредѣлить мужа Ивана Степановича Лашкевича, съ которымъ 23 числа сего маія обвѣнчалась, я отозватся къ вамъ съ моимъ совѣтомъ поспѣшаю, прося васъ—дѣтей вашихъ, по долгу христіянства и человѣколюбія, благословить, принявъ въ отеческое ваше благопризрѣніе, не лишить ихъ вашего милостиваго покровительства.

И при томъ не угодно ли выданные позвы, а отъ оныхъ послѣдующее неспокойствіе для меня, отъ васъ заводимое, прекратить, не попуская хлопотамъ, злобѣ и враждѣ далѣе угнѣздится во времена нынѣ нашихъ съ вами немолодыхъ лѣтъ, къ которымъ я отнюдь не сродна; естли же мнѣ вступить и въ процесъ, которой вовся не важенъ, а вамъ не авантаженъ, то чтобы онъ не произвелъ вамъ или наслѣдникамъ вашимъ, впредь невозвратнаго раскаянія и потери, ибо я во всякомъ случаи при моей правотѣ и равнодушіи предъ Бо-

гомъ и предъ публикою, въ совѣсти моей не погрѣшу, бывши отъ васъ крайне огорченною и обиженною.

Вы разсудивъ по сему, что для васъ и для дѣтей вашихъ полезнѣе, увѣдомте вамъ усердствующую. 29 мая.

Въ то время, какъ Н. С. Милорадовичъ переписывался съ тещею и дочерью, категорически заявляя имъ, что онъ не согласенъ «въ выборѣ» С. И. Лашкевича «для многихъ и важныхъ причинъ», теща рѣшала этотъ вопросъ утвердительно и безъ согласія зятя, находя, что лучшаго жениха внучкѣ ея ожидать нечего. Изъ печатаемыхъ ниже бумагъ видно, что согласіе на бракъ, и невѣстою, и ея бабушкою, выражено было жениху уже въ концѣ января 1789 г., причемъ согласіе было и юридически оформлено.

Засимъ печатаются письма Н. С. Лашкевича, изъ которыхъ одно писано въ бабушкѣ невѣсты, а остальныя — *къ невѣстѣ*, когда Лашкевичъ сталъ уже *женихомъ*.

Письма эти обнимаютъ время отъ конца января 1789 г. до вѣнчанья, въ концѣ мая. Нѣкоторыя изъ нихъ не обозначены временемъ, почему можетъ быть хронологическій ихъ порядокъ вполнѣ и не соблюденъ. Писемъ *невѣсты* не сохранилось.

17. Милостивая государыня матушка, Анастасія Степановна! Безъпредѣлное мое къ вамъ почтеніе велитъ конечно принесть совершеннѣйшую благодарность за отмѣнныя ваши мнѣ благотвореніи, кои вѣчно пребудутъ безцѣнни для меня. Благопріятной отвѣтъ вашъ, коимъ вы изволили удостоить, содержащій въ себѣ все мое счастіе, которой вмѣстѣ подкрѣпляетъ жизнь мою, безъ чего она была бъ въ тягость! Видя изъ письма батюшки Степана Степановича (Леонтовича), сколько изволилъ содѣлать для меня благодѣянія м. г—рь Григорій Григорьевичъ (Фридрикевичъ), хотя я имѣлъ намѣреніе письмено благодарить за такое мнѣ пособіе къ достиженію желаемаго щастія, но щитаю сію жертву несоразмѣрну за его ходатайство къ устроенію моей судьбы, а старатся буду лично изявить ту мою признательность. Когда рокъ будетъ меня до того угнѣтать, что и на послѣдній вашъ отзивъ къ его превосходительству не будетъ отвѣтъ содержать ничего лестнаго въ мою пользу, то въ такомъ случаѣ позвольте, м—вая г—ня матушка, просить въ отраду моего мученія явиться въ Боровичи, ибо уже и силы мои мнѣ измѣнили противополагать терпѣнію, и сего отъ васъ ожидаетъ съ нетерпѣливостью посвятившій все время жизни своей къ вашимъ пове-

лѣніямъ и честь имѣетъ поручить себя въ ваше покровительство, пребывая съ истиннымъ высокопочитаніемъ и глубочайшею преданностію, вашъ, м. г—ни матушки, покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. Я не воображалъ, чтобъ м. г. Василь Степановичъ по сіе время былъ у васъ, мнѣ очень предъ нимъ совѣстно, что не здѣлалъ ему должнаго моего почтенія. Теперь же васъ, м. г—ня, покорно прошу оное отъ меня засвидѣтельствовать. Г-нъ Аренсъ мнѣ сказалъ, что вы изволили требовать газетъ; жалѣю, что почта такъ неисправна, я на сей мѣсяцъ еще не получилъ, а за прошлый мѣсяцъ посылаю теперь, а новые, какъ скоро получу да и впередъ мною получаемые, когда прикажете, буду имѣть честь вамъ оные доставлять въ самой возможной скорости. Къ м. г—рю Степану Степановичу для того не пишу, что онъ изволилъ меня увѣдомить, что намѣренъ отлучится къ сестрицѣ, то я уже у васъ его не щитаю. (*Брахловъ, 27 янв., 1789 г.*).

18. Милостивая государыня Настасья Петровна! Въ какомъ я теперь восхищеніи духа говорю съ вами мысленно! Ахъ! жестокая судьба, за что я такъ строго наказанъ, для чего лишенъ я для меня перваго и послѣдняго щастія! Сижу въ сей горестнѣйшей сылнѣ и не могу слѣдовать волѣ моей, въ томъ состоящей, чтобъ зрѣть—что на свѣтѣ мнѣ драгоцѣнѣе. Сколько такое удаленіе противъ моего желанія,—причиняетъ муки и ужаснѣйшей тоски! Силъ моихъ нѣтъ того вамъ изяснить. Посредѣ всѣхъ сихъ окружающихъ рвеній, много мнѣ служитъ утѣшеніемъ вашъ пріятнѣйшій отвѣтъ, которой одинъ удобенъ въ теперешнѣй моей печали возстановлять на малое время мое спокойствіе. Счастливымъ почтусь, чѣмъ однакожъ и ласкаю себя надеждою, что и впредь не буду отриновенъ пользоватся тою милостію, въ коей полагаю все мое благополучіе. Присемъ честь имѣю быть съ совершеннѣшимъ къ вамъ высокопочитаніемъ, вашъ м. г—ни покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. (*Брахловъ, 27 янв., 1789 г.*).

19. М. г—ня, Настасія Петровна! Превыше силъ моихъ было продолжать далѣе молчаніе и быть въ неизвѣстности о вашемъ благостояніи; изобразить вамъ не могу, сколько мнѣ вчерась причинилъ радости пріездъ батюшки Степана Степановича, отъ которого я имѣлъ щастіе слишить и наслаждатся всѣмъ тѣмъ, что изволили вы поручить мнѣ сказать. О! сколь всегда для меня важно и пріятно имѣть свѣдѣніе о вашемъ драгоцѣннѣйшемъ здравіи, которое есть и навѣки пребудетъ душею жизни моей. Поминутно здѣсь питаюсь

мысленно, представляя живо вашъ для меня оживотворяющій образъ, и только успокаеваюсь отъ ужасной моей скорби, происходящей отъ разлуки. По выездѣ моемъ изъ Смячи, тщетно я старался возставить себѣ покой, и потому не могъ уже заѣхать въ Боровичи, въ мѣсто, гдѣ бы мнѣ всякой шагъ удвоялъ печаль и напоминалъ бы мнѣ грусть, что я не вижу того сокровища, кое мнѣ превращало изъ Боровичъ рай. Итакъ, я разставшись къ великому моему несчастію съ вами въ Смячи, томимъ неописанною тоскою, (отъ коей не освобождаюсь никогда, пока счастливая судьба не возвратитъ мнѣ паки зрѣть васъ, для того одного и живу), приехалъ я въ Брахловъ тогожъ дня въ 11-ть часовъ ночью. Сколь потера моя велика, что не могу имѣть теперъ того первѣйшаго щастія, чтобы стократъ вашу для меня найдрагоцѣннѣйшую руку облобызать и воздать должнѣйшую жертву моей вамъ благодарности, за вашъ отвѣтъ, которого удостоенъ видѣть у Степана Степановича батюшки въ копіи. Съ какимъ удовольствіемъ сердца моего я его читалъ и перечитивалъ, и всегда новымъ обятъ былъ удовольствіемъ и несказаннымъ веселіемъ. Душа моя напоѣвалась, благодаря ангела, указывающаго зрѣть путь къ моему блаженству, но щитаю всѣ сіи выраженія мои недостаточними къ поясненію той моей чувствительности, коею я къ вамъ преисполненъ, и въ томъ одномъ полагаю мое благополучіе, и тѣмъ однимъ во всю жизнь мою заниматся буду. Предѣлу нѣту моего желанія быть предъ лицемъ вашимъ и лично вамъ пояснить всю ту признательность, коей уже и могущества моего нѣтъ и не достаетъ сказать на бумагѣ. Прошу я у матушки возволенія, если позволять къ тому обстоятельства и время, указать мнѣ явится въ Боровичи. О когдабъ мнѣ получить сіе лестное позволеніе, не медлилъ бы ни минуты—къ мѣсту моего покоя летѣть. Прещастливымъ считаю сей листъ, что онъ дойдетъ къ прекраснѣйшимъ вашимъ ручкамъ, вои мысленно цѣлую тысячу разъ и притомъ имѣю счастіе подвергнуть себя въ вашу милость и пребытъ съ непоколебымъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностію вашъ, м. г—ни, покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. М. г—нѣ тетушкѣ Софіѣ Васильевнѣ прошу засвидѣтельствовать мое преданнѣйшее почтеніе и притомъ честь имѣло препроводитъ у сего маленькое письмецо отъ батюшки Степана Степановича. *(Брахловъ, 25 февраля, 1789 г.).*

20. М. г—ня Настасія Петровна! Какое было мнѣ удовольствіе, пріятность и отрада отъ бурныхъ для меня здѣсь дней, когда

я удостоился полученіемъ отъ васъ наидражайшаго вашего письма, коего каждое слово сопровождалъ съ черезъвычайною радостію, слезми. Могу ль не признать себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ, къ какому несравненному жребію по соизволенію всевышняго Творца, ангелъ мой! меня предуготовляетъ, и вижу явно возрастающій столпъ моего непоколебимаго благополучія. Но ахъ! гдѣ мнѣ взять бодрости духа, сопротивлятся препонамъ, возбраняющимъ дойтить ко моему благоденствію; я тотъ, которій не имѣю уже власти надъ собою, и нѣтъ во мнѣ прежнихъ силъ, чтобъ я могъ отогнать царствующую мрачную надо мною ночь:—сокрыть день отъ меня, когда я осужденъ до самаго праздника не видѣть васъ. О! строгій приговоръ, но какъ перемѣнить, когда обстоятельства наши того требуютъ, продолженіе оныхъ меня найжесточайше ужасаетъ. Положилъ я намѣреніе, для моего покоя, писать къ вамъ еженедѣльно, равно льщу себя надеждою, что больше себя васъ любящій и всѣмъ, жизнію вамъ жертвующій будетъ столько щастливъ, что соизволите его удостоивать вашими наипріятнѣйшими отвѣтами. Не утаевайте отъ меня, м. г—ня Настасія Петровна, каковы вы въ своемъ здаравіи,—развѣ я еще не могъ довольно увѣритъ васъ, сколько ваше благосостояніе безъцѣнно для меня. И утѣшите меня вашимъ наилюбезнѣйшимъ отзывомъ! Въ заключеніе жъ всего, цѣлую ваши дражайшіе ручки и честь имѣю повергнуть себя во всегдашнюю вашу милость, пребывая къ вамъ съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и отличнымъ и глубочайшею навѣки преданностію. Вашъ, м. г—ни, покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. *(Брахловъ, 6 марта).*

21. М. г—ня Настасія Петровна! Разогнана унылость изъ души моей и зрю возвращенную мнѣ тишину! Теперь совершенно удостовѣренъ о вашемъ найдрагоцѣннѣйшемъ для меня здравіи, коего маленькой шагъ ко вреду вашему, клянусь, стоитъ жизни моей. Такъ мнѣ велятъ чувствовать неограниченная моя къ вамъ любовъ, почтеніе и вѣчная привязанность,—чего ничто на свѣтѣ не можетъ истребятъ, предъ вамы уже повергнулъ я сердце мое и душу на вѣкъ! Позвольте мнѣ изъявить вамъ найчувствительнѣйшую мою благодарность и облобызать мысленно прекраснѣйшіе и любезнѣйшіе ваши ручки стократъ: я имѣлъ счастіе получить на сихъ дняхъ ваши два письма найпріятнѣйшихъ для меня, и оные, не выпущая изъ рукъ, всечастно цѣлую. И ни съ чѣмъ не могу сравнятъ радость при каждомъ моемъ взглядѣ на то начертаніе, кое я проходя глазами, мню, что я васъ вижу и съ вами говорю. О! воображеніе, питающее

меня, почто оно скоро преходитъ, но приходя въ чувство, познаю горчайшую мою судьбу и обрѣтаю себя здѣсь!—тогда вдругъ начинаю чувствоватъ угнетающій меня рокъ и всю жестокость моей сильнѣйшей тоски, поминутно меня снѣдающей. Да и что можетъ быть жесточае лишенну быть дневного свѣтила, ангела моего! и что только есть для меня найпочтительнѣе въ свѣтѣ. Охъ! едва ль могу перенесть сіе ужасное время, разлучающее насъ, коего каждой часъ показывается днемъ. Поистиннѣ почитаю себя здѣсъ погребеннимъ. Къ крайнему моему изумленію, извѣщенъ я отъ батюшки Степана Степановича о бытности почтеннѣйшаго вашего родителя въ Чернѣговѣ и что онъ изволилъ изъяснятся съ какимъ—сь пріятелемъ о его намѣреніи—дать вашу руку какому то лифлянцу. Трепещу о такихъ мисляхъ его пр—ва, и конечно бъ ничто не могло бъ быть удобнымъ къ изгнанію моего сильнѣйшаго страху о таковыхъ его предположеній, когда бъ вдругъ не встрѣтилась мнѣ ваша твердость и святость слова, что все къ совершеннѣйшему моему счастію довольно узналъ и воображаю, что неудобно никому на свѣтѣ прервать цѣпь нашихъ обѣтовъ, къ томужъ имѣвъ счастіе бытъ руководствуемы силнѣйшими нашими благотворителями и заступниками, отъ коихъ, если могу достигнутъ наверхъ моего благополучія, то одно остается мнѣ—падши къ стопамъ м. г—ни матушки Настасіи Степановны, испросить найважнѣйшаго ея для меня благословенія. Если же бы паче всякаго моего чаянія, чего однакожъ я никогда не воображаю, и отъ чего Господь да сохранитъ, чтобъ могло послѣдоватъ по опредѣленію его пр—ва, то мнѣ ничего бъ не осталось бы тогда къ утѣшенію, какъ только былъ бы я готовъ тотъ же часъ понесть съ собою во гробъ ненарушимой ни для кого и ни для чего на свѣтѣ мой данной вамъ обѣтъ и разстался бъ съ жизнію, вамъ отъ меня посвященной. Но нѣтъ, мнѣ кажется, что небо должно уже надо мною сжалится и неужели я по сіе время не могъ его убѣдитъ моими тягчайшими вздохами! И зачѣмъ былобъ ему угодно оказать надо мною опытъ столь свирѣпаго наказанія! При всемъ томъ долго бъ я волновался подобными смущеніями, естли бы душа столь добродѣтельная и благовоспитанная, какова ваша естъ, при всемъ природномъ дарѣ, не столь мнѣ была извѣстна, и коей я примѣру не знаю, и всѣ наидостойнѣйшія качества въ ней же я обрѣлъ, возпрещаютъ прикратить мысленно мое рвеніе, но какъ положеніе мое теперешнее заставляетъ тѣни мнѣ своей боятся, то если вамъ мой покой и жизнь нужны, м. г—ня Настасія Петровна! то вы конечно не оставте меня

вывесть изъ мечтательнаго страху того, который щитаетъ себѣ за щастіе тысячу разъ цѣловать ваши прекраснѣйшіе и дражайшіе для меня ручки въ мысляхъ, примите сіе мое чувство, въ коемъ зрю одно мое утѣшеніе и отраду, въ жалостнѣйшемъ моемъ состояніи. Наконецъ, препоручая себя въ вашу твердость души и непоколебимую любовь, чего одно напоминаніе возвышаетъ духъ—волею, честь имѣю пребыть съ непреложнымъ къ вамъ и вѣчнымъ обожаніемъ и найсовершеннѣйшею преданностью, до послѣдней минуты жизни моей, вашъ, м. г—ня, покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. Матушка и сестрицы м. г—нѣ свидѣтельствуютъ ихъ должнѣйшее и усерднѣйшее почтеніе. *(Брахловъ, 14 марта).*

22. М. г—ня Настасья Петровна! Важнѣйшій и наиприятнѣйшій предметъ въ жизни моей есть тотъ, и навѣки пребудетъ непоколебимъ, и всею мысліею и душею обладающій,—поминутно созерцать васъ, найдражайшаго ангела моего, коего образъ найкрѣпчайше впечатотлѣнъ въ сердцѣ моемъ. А потому, какое можетъ быть мнѣ удовольствіе сладчае, что хотя и удаленъ тѣлесными глазами видѣтъ васъ, но мысленно и душею къ вамъ теперь лечу, принося жертву моей чистѣйшей благодарности за присланной наипрекраснѣйшій монументъ вашего достофальнаго рукодѣлія, за что позвольте мнѣ, м. г—ня Настасія Петровна, облобизать ваши наидражайшія мнѣ руки тисяча тысячу разъ. О! сколько кратъ несравненно щастливъ бы я былъ, еслибы я могъ совершенно знать, когда свѣтъ блеснетъ наипрекраснѣйшихъ вашихъ очей на меня! Охъ! едваль я дожду того для меня радостнѣйшаго времени, чтобъ болѣе еще вамъ воздать наискреннѣйшей благодарности и признательности лично и исполнить то въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ теперь душевно восхищаюсь и чего нѣтъ уже на свѣтѣ лестнѣе для меня—сказать вамъ чувство сердца моего. Теперь честь имѣю подвергнутъ себя въ вашу непремѣнную любовь, наконецъ, цѣлуя ваши дражайшіе ручки, пребывая съ такой непоколебимостью и совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ къ вамъ навѣки, вашъ, м. г—ни, вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ.—Вѣнокъ розъ, выросшій и исплетенной для васъ въ сердцѣ моемъ, который прошу покорно удостоить вашимъ принятіемъ, чѣмъ ущастливите меня, желающаго да пребудетъ неувѣдаемо ваше драгоцѣннѣйшее здравіе подобно симъ розамъ. Пишутъ ко мнѣ изъ Москвы, что теперь по большой части дѣвицы, имѣя обыкновеннымъ образомъ волосы причесанные, носятъ на головѣ такіе вѣнки. Вамъ, м. г—нѣ, матушка и сестрицы мои прино-

сятъ ихъ чувствительнѣйшее благодареніе за ваше о ихъ напоминаніи, а при семъ свидѣтельствуютъ покорнѣйшее почтеніе. *(Брахловъ, 21 марта)*.

23. М. г—ня Настасья Петровна! Несравненно болѣе почелъ бы я себя счастливѣйшимъ, когда бъ былъ удостоенъ отъ нынѣ воскресшаго сказать вамъ, наипрекраснѣйшему ангелу души моей, Христосъ воскресъ, при изявленіи той радости и обряду, которой мы заимствуемъ и царствующаго съ самаго того дня, когда свѣтъ озаренъ воскресшимъ. Но если теперь и лишаюсь того счастія, чтобъ лично вамъ изъяснить празденство нашего общаго веселія, то мысленно обращаю къ вамъ, найпочтеннѣйшему предмету всего моего благополучія, и коего не имѣвъ въ сердцѣ моемъ, жить, божусь вамъ, не могу, цѣлую тысячу кратъ. О мысль наиріятнѣйшая, но почто, Боже мой! не надолго ослѣпляетъ зракъ мой, и къ вящему моему сѣтованію, вижу, что только одной мечтой питаюсь, и тутъ вдругъ является вся жестокость судьбы моей: восемь недѣлъ уже протекло, о пренесносная тяжесть тоски, ахъ! нѣтъ ничего злѣе, и я васъ не вижу, свѣтила глазъ моихъ, безъ коего весь свѣтъ мнѣ мракъ. Наслаждаюсь, куда не посмотрю, явно могу примѣтить, сколько наставшее торжество содѣлало радости на всѣхъ лицахъ; одинъ я исключенъ изъ того лику и ничто здѣсь не удобно разогнать тоску мою горестнѣйшую, да и какъ можно тѣлу безъ души и сердца ощущать какое либо удовольствіе. О душа и сердце, онѣ давно уже удостоины жить въ храмѣ вашемъ, да живутъ они вовѣкъ. О коль завидна ихъ участь! Мнѣ жъ ничего болѣе не остается принесть въ жертву предъ симъ мною обожаемымъ храмомъ, какъ только навѣкъ посвятить къ вашимъ стопамъ остальные жизни моей дни, при всей моей отъ васъ, наидрагоцѣннѣйшаго ангела души моей, отдаленности. А посему самому несноснѣйшему положенію, еще одно воображеніе почти лишаетъ меня чувствъ, о чемъ прошу Всемогущаго да оборонитъ онъ васъ его десницею. Если угодно будетъ пріехать его пр—ву и прикажетъ вамъ съ собою ѣхать въ Жуботки, о Владыко! какіе могутъ страшнѣйшіе слѣдствія воспослѣдовать. Клянусь вамъ, что желающій похитить мое благополучіе и всю надежду моего благощастія, что все въ однѣхъ васъ полагаю, тотъ долженъ меня напередъ умертвить, на что охотно готовъ былъ бы себя предать, и сего то одного и конечного требуетъ отъ меня моя безъпримѣрная къ вамъ любовь и святость ненарушимаго на вѣки слова. Но тутъ разсудокъ велитъ мнѣ приостановиться. Правда! Я долженъ ему повино-

ватся, въ семъ случаѣ и признать, что вы совершенно въ хорошей крѣпости обитаете, и повелители оной несумнѣнно благонадежные, коимъ я за счастіе первѣйшее въ жизни моей всегда поставляюсь ввѣрить васъ, наипрекраснѣйшую душу души моей, купно съ жизнію моею, коей я не пощажу въ ихъ глазахъ, если бы то могла случиться какая превратность, отъ чего, Боже милостивый, да сохранитъ насъ. При чемъ имѣвъ счастіе завѣритъ васъ, что до послѣдней минуты жизни моей таковы чувства во мнѣ не могутъ истребиться, цѣлуя вашу прекраснѣйшую ручку тысяча тысячу разъ, имѣю честь препоручить вамъ себя въ вѣчную любовъ, пребывая къ вамъ съ непоколебымъ навѣкъ высокопочитаніемъ и найглубочайшею преданностію вашъ, м. г—нѣ, вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. Приносятъ вамъ, м. г—нѣ, нижусерднѣйшее поздравленіе сего свѣтлѣйшаго праздника матушка и сестрицы мои. *(Брахловъ, 8 апрѣля).*

24. М. г—ня Настасья Петровна! Еще во сихъ поръ отъ ужасу кровь въ жилахъ моихъ замираетъ. Легко ли и удобно ли рожденной съ толь нѣжными чувствами, неслыханное насиліе отъ родителя своего должно было притерпѣть. О Боже мой! почто сей ударъ устремленъ на васъ, найдрагоцѣннѣйшаго и найпочтеннѣйшаго ангела души моей! и за что я, столь достойной понесть всю свирѣпость наказанія судьбы, обойденъ! И я одинъ причиною всего вамъ случившагось огорченія и обиды. Ахъ и чѣмъ только могу пополнить ваше безпокойство, проходя мысленно вашъ страхъ и изумленіе, въ какомъ вы тогда находились, постигнуть не могу и возблагодарить силъ моихъ нѣтъ Всемогущему за подкрѣпленіе вашего найдрагоцѣннѣйшаго здравія, на васъ ниспославшаго къ противустоянію подобной наглости. Но что долженъ я заключить о томъ страшнѣйшемъ поступку, когда одно напоминаніе меня приводитъ въ замѣшательство ума. По мѣрѣ сего долженъ я заключать и о зрителяхъ такого позорища, коимъ развѣ жизнію моею могу возблагодарить сохранителямъ вашей жизни, тутъ же и моей, не бывъ тамъ купно съ вами, сострадаю и обида вамъ была бъ мнѣ найнесноснѣйшая, и я должнымъ бы себя нашелъ загладить кровію моею, и ничто не моглобъ меня удержать отъ сего намѣренія. Увы, Боже мой, что можетъ смертельнѣе быть мнѣ, что тотъ даръ, кой я получаю отъ всемогущей твоей десницы и человѣкъ стремится оного меня лишить. Нельзя сего перемѣнить, а лучше старающійся опредѣленію судьбы нарушить Богомъ мнѣ начертанной, если онъ столько бодръ, пусть меня умертвитъ! Вотъ одинъ конецъ его и моего покою, но духъ

мой не будетъ трепетать предъстать суду Всевышняго! Теперъ, припадая къ стопамъ вашимъ, предъ коими давно я повергъ жизнь мою, чувствую конечно и сей знакъ вашей ко мнѣ милости, преизбыточествующей до послѣдней минуты духа моего, во мнѣ останется и поколѣ живъ, восхищать меня не престанетъ! И се то естъ залогъ вашей неподражаемой добродѣтели, любви и вѣрности ко мнѣ, чего всего не имѣвъ, неудобно было вамъ не склониться родителю столь страшному. Время вамъ покажетъ, драгоцѣннѣйшему и почтеннѣйшему ангелу души, сколь признательность моя къ вамъ неограниченна, коей теперь не могу болѣе изъявить, но мысленно цѣлую прекраснѣйшіе ваши ручки тысяча тысячу кратъ. Безъмѣрно мнѣ оскорбительно и тяжело, приведшему васъ къ сумнѣнію; сіе случилось, увѣряю васъ, безъ всякой моей на то воли, но не порицайте меня, жизнь души моей, будто въ несохраненіи моихъ обѣтовъ; божусь вамъ Богомъ, что никто ихъ лучше меня не соблюдетъ, обожая до смерти васъ и приемля за первенственное себѣ благощастіе посвященіемъ мнѣ вашей жизни, и для сохраненія сего пресущественнаго блага не пощажу себя до послѣдней капли крови моей. Приятнѣйшаго не можетъ быть удовольствія и отрады, какъ я теперъ отъ васъ, души жизни моей, извѣщенъ, прекраснѣйшаго ангела, что вы совершенно здоровы, съ коимъ и мое здоровье сопряжено и безъ коего я жить ни минуты не могу; но вкушая сладость сего маленького нареканія отъ васъ и весьма милостиваго противъ моего къ вамъ преступленія, и до безъконечности чувствую пріятность оного, что все сіе проистекаетъ отъ чистѣйшей вашей ко мнѣ любви и вѣрности. Въ заплату чего завѣряю васъ, прекраснѣйшаго ангела души моей, что нѣтъ ничего въ свѣтѣ мнѣ важнѣйшаго и любезнѣйшаго, какъ ваше сердце и рука, и предъ вами жертвую всѣмъ и жизнію моею, и безъ васъ мнѣ и секунда моглабъ быть тягостнѣйшимъ бремьемъ (sic) и одно ваше маленькое прискорбіе заставить меня умереть, отъ чего Боже всемилостивый да сохранитъ насъ, на его святую волю надежда, потомъ, да защитятъ насъ всемогущнимъ своимъ подкровомъ наши благотворители, коимъ потщимся принесть всемѣрную благодарность, предая себя въ непоколебымую вашу любовъ и вѣрность, лобызая тысяча тысячу кратъ ваши прекраснѣйшіе ручки, прошу любить и незабывать того, который за васъ готовъ умереть. Честь имѣю быть къ вамъ съ вѣчнымъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностію, вашъ, м. г—ни, вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. М. г—ня! Кланяются вамъ со

всевозможнымъ почтеніемъ и преданностію, матушка и сестрицы мои, желая вамъ найлучшаго въ свѣтѣ здравія и благополучія. *(Брахловъ, 18 апрѣля).*

25. Ma mignonne, ma vie, mon ange, какой пресильной тоской поминутно я страдаю, мой любезнѣйшій другъ, Настасья Петровна, mon trés fidelle coeur! Только и утѣшенія въ грусти моей, когда получаю пріятнѣйшую вашу цидулку, за что вамъ, душа моя, жизнію своей плачу, приимите ея, надежда моя и сокровище, и располагайте ею, какъ вы хотите. Давно вы ею владѣете, теперь только для васъ ея щажу! Какое чувствую удовольствіе отъ одного воображенія предъбудущей своей наисчастливѣйшей участи, о чемъ поминутно Бога прошу, чтобъ только дождать и недалъ бы изчезнуть отъ тягчайшей печали, происходящей отъ разлуки. Красота моя, упованіе мое, не забывайте меня! Цѣлую васъ, душенька моя, сто тысячъ разъ, и божусь вамъ, что во все время, что я васъ не вижу, днемъ, по минутно, вы въ глазахъ моихъ живете, а ночью лишь только сомкну глаза, то и вижу. Что быть пріятнѣе можетъ, а о протчемъ, что около меня происходитъ, не вижу ничего и не знаю—для васъ одной, жизнь моя, ангелъ мой, дражайшее мое сердце. А остальные дни вѣку моего посвящаю и тѣмъ мысленно занимаюсь, цѣлаго свѣта не могу сравнить съ вашею рукою прекраснѣйшею, кою ежеминутно цѣлую и щасливѣйшимъ себя поставляю, что вы, душенька, любите меня и не перемѣните никогда, за сіе готовъ отректься всѣхъ блистательныхъ мечтъ сего міра. *(Безъ числа).*

26. Любезнѣйшая обладательница души, сердца и жизни моей, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настасья Петровна! Тогда только и покой духа моего вижу и волненіе мыслей отъ меня удаленно, когда берусь за перо съ вами говорить, наипрекраснѣйшій свѣтъ очей моихъ, миленькая моя Настенька, божество мое! И какъ мнѣ можно отъ васъ, душечка моя, таить мое положеніе: предъ вами я клялся имѣть съ вами, жизніоночкомъ моимъ, одну мысль, одну волю, одно желаніе, и ваше мнѣ приказаніе пребудетъ мнѣ навѣки законъ, слѣдовательно и не могу скрыть чувства нѣжнѣйшей страсти моей, къ вамъ, коей горѣть до конца жизни буду моей, но божусь вамъ, милушечка моя, что я до такой крайности дошелъ, что совсѣмъ сна не имѣю и отъ сего то я опасаюсь весьма нехорошихъ слѣдствій, но чѣмъ перемѣнить, прекраснѣйшій ангелъ мой?—Знаю и чувствую, что ни о чемъ не долженъ сумнѣваться: ваша вѣрность и любовь есть ко мнѣ безпредѣлны и я поминутно въ мысляхъ васъ, вѣрнѣйшую ду-

шечку Настеньку, вижу и читаю ваши прекраснѣйшіе строки, орошаю ихъ слезамы. Но разлука, о Боже милостивый, разлука—о несносное бремя! Къ тому жъ напоминаніе о зломъ на васъ нападеніи, что далѣ будетъ, не приведи Господь, клянусь вамъ, заплачу моему гонителю жизнію. Поминутно молю Всемогущаго, чтобъ онъ подкрѣпилъ ваше неоцѣнное здравіе для меня и на нашихъ бы покровителей ниспослалъ силу къ защитѣ насъ. Наконецъ, цѣлую васъ, вѣчная обладательница и божество мое, любезнѣйшій другъ, вѣрнѣйшая Настенька, сто тысячъ тысячу кратъ, ваши, жизніоночка, душечку и прекраснѣйшіе и сладчайшіе уста, ножечки и ручки, повелительницу мою цѣлую безпрестанно васъ, драгоцѣннѣйшій ангелъ мой, владычица моя, не забывайте, душечка моя Настенька, что сколько я мысленно васъ цѣлую, то когда Богъ дастъ видѣться, удостоить меня исполнить на самомъ дѣлѣ. *(Безъ числа).*

27. Дражайшее мое божество, прекраснѣйшій ангелъ мой, душа жизни моей Настасья Петровна! Все зависитъ теперь отъ васъ, жизніоночекъ мой, душечка, миленькая моя Настенька, и когда вы меня жалѣете и нужно вамъ продолженіе жизни моей, то сохраните ея для вашего обожателя, которой тогда перестанетъ горѣть къ вамъ нѣжнѣйшею любовію, когда жизнь его прекратится. Изъ письма моего къ батюшкѣ нашему Степану Степановичу можете, милушечка, моя красота, усмотрѣть все обстоятельно, гдѣ я ничего не упустилъ, чтобъ не дать чувствовать сколь до крайности опасно продолжать далѣе медленность и нерѣшимость нашей судьбы окончаніе, которую наши злодѣи все понемножку стараются приводить въ замѣшательство; наконецъ, чтобъ такъ не запутали, что съ превеличайшею трудностію и развязать можно будетъ. И такъ, маменька моя, прекраснѣйшая Настенька, моя душечка, просите сколько можно батюшку Григорія Григорьевича и Степана Степановича, а они, чтобъ бабушку нашу убѣждали къ увѣнчанію участи нашей счастливѣйшей въ нашихъ обстоятельствахъ. Столько ненавистниковъ! день дорогъ, а за недѣлю и сохрани Богъ чего могутъ надѣлатъ, и кончится прекращеніемъ жизни моей. Не оставь же меня, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, Настененька, утопающаго въ слезахъ и отъ горести можетъ быть и умру, но память друга моего съ собою понесу. Нѣтъ силъ болѣе. Повседневно вижу себя ослабѣвающа, тоска меня съѣдаетъ и свѣтъ для меня мраченъ и преодолѣть грусть свою мочи уже моей нѣту. Пожалѣйте меня, божество мое, одна отрада и одно упованіе, какое я въ жизни уже имѣю вы, душечка моя, подпора сла-

быхъ моихъ силъ, никого не имѣю, ни друзей и родни, кромѣ васъ, свѣтика, душечку, жизніоночка, прекраснѣйшаго ангела, вѣрнѣйшаго и любезнѣйшаго друга моего, божество мое Настеньку, и цѣлую васъ, душечку, милiонъ милiоновъ разъ—прекраснѣйшую душу вашу, сладчайшіе уста, дражайшія ручки и любезнѣйшія ножки. *(Безъ числа).*

28. Дражайшая обладательница жизни и сердца моего, прекраснѣйшій ангелъ мой, прелюбезнѣйшій другъ мой Настасья Петровна! Цѣлую тысяча тысячу разъ ваши сладчайшіе уста, и ручки и ножки! Снадбили вы меня, жизніоночекъ мой, душечка моя, пищею опять на нѣсколько дней: читая поминутно ваши питательныя карточки, ей-ей забываю самъ себя, съ коихъ весьма ясно вижу наиблагополучнѣйшую готовлющуюсь мнѣ жизнь, усѣянную цвѣтами. О высочайшее щастіе быть вамъ покорену сердцемъ и несравненно болѣе—имѣть ваше сердце и руку, и сихъ двухъ сердецъ, клянусь вамъ Богомъ, различить не умѣю: связавы они святѣйшимъ и ненарушимымъ обѣтомъ жить и умереть вмѣстѣ; воля и склонности ихъ сходны, но ахъ, вѣрнѣйшій другъ мой, потужимъ о нашихъ сердцахъ, утомленныхъ тягчайшими вздохами и о ихъ неудобности летать по минутно за 80 верстъ, но послѣднее не такъ для нашихъ сердецъ, трудно, какъ первое; увѣренъ, что соединенны наши сердца крѣпчайшимъ и вѣрнымъ союзомъ, не устанутъ отъ пути, судя по мѣсту между нами разстояніе имѣщему, летать, что составитъ нѣсколько тысячъ сотъ верстъ въ день. Храню, сколько могу, мое здоровье, но божусь вамъ святостію любви нашей, такіе приходятъ часы въ день, что въ совершенномъ безпамятствѣ нахожусь. Ахъ, Боже мой, сколь тяжко быть въ разлукѣ съ душею души моей, для коей живу, о почтеннѣйшій предметъ всего моего благополучія и отрады, mon ami le plus fidelle, qui puit etre au monde, припадши къ ножкамъ вашимъ, цѣлую ихъ! О счастливѣйшій тотъ день, назначенной премудрою рукою, въ которой могъ я быть усчастливенъ обративъ ваше вниманіе къ себѣ и изъ того то времени полагаю себя счастливѣйшимъ и надѣюсь, что примѣру моего благополучія подъ солнцемъ не можно сыскать, не могу себя одолѣть, чтобъ не обратиться къ цѣли моего одного благоденствія, зависящаго отъ васъ, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настасья Петровна, не оставляйте, душечка, жизніоночокъ мой, ангелъ мой, питать меня въ вашихъ карточкахъ вашей непорочной, чистѣйшей любовію и чистосердечнымъ взреченіемъ. Зачѣмъ таить намъ друга отъ друга нѣжныя чувства страсти нашей, связавши разъ навсегда судьбу нашу и предъ тѣмъ, который готовъ цѣловать пилъ (т. е. пыль) подъножія

вашего, цѣлую васъ, маменька моя, клянусь Богомъ живымъ, что до послѣдняго дни живота моего не узрите во мнѣ перемѣны въ вѣрности, въ почтеніи факалъ (sic) любви моей къ вамъ не угаснетъ, чего и отъ васъ равно надѣюсь.—*(Безъ числа).*

29. М. г—ня Настасья Петровна! О! найдрагоцѣннѣйшій ангелъ души моей! сколько мнѣ пріятно слышать изъ устъ вашихъ найпрекраснѣйшихъ, обращеніе меня къ великодушію правды вашей, противъ которой я не могу быть непризнательнымъ, но желаю чтобы вы также мнѣ отдали справедливость, вы сами есть, душа жизни моей, виновница! Удостоивъ у меня взять навѣкъ сердце мое и душу, а теперь меня же и вините, что я не великодушенъ, но я долженъ вамъ сказать, что я теперь и совсѣмъ безъдушенъ, и безъ сердца, вы ихъ навсегда приняли, счастливая ихъ участь обитать вѣчно подъ руководствомъ любезнѣйшей обладательницы жизни моей; я жъ съ моей стороны, да не лишенъ буду осчастливиться принятіемъ подъ вашъ покровъ и руководство, вдидѣтельницею бывъ моей души и сердца, располагайте и мною, и той жизнію, которую на вѣкъ для васъ посвятилъ. Увѣренъ я на справедливость неба, оно милосердно и довлѣло бъ ему, кажется, отвратить уже отъ насъ ударъ, видя наше терпѣніе и невинность, но если оно медлитъ съ своими лаврами на насъ, то въ такомъ случаѣ, безъ Божіего подкрѣпленія не знаю, могу ли дожить конца. Я уже и сообразить не могу, какія только можемъ воздать благодарности м. г—рямъ батюшкамъ Григорію Григоріевичу и Степану Степановичу, за ихъ намъ защиту и приуготовленіе первѣйшаго намъ въ свѣтѣ благополучія. Да сохранятся въ нашихъ сердцахъ къ нимъ навѣки жертва благодарности и наичувствительнѣйшей обовязанности? Почти три мѣсяца истекаетъ, какъ я видѣлъ, о Боже всемогущій, когожъ? вѣчной обладательницы жизни, наипрекраснѣйшаго ангела, безъ коего мнѣ весь свѣтъ не милъ, о страшная тоска, да и самая жизнь моя начинаетъ мнѣ тяготною быть. О страшная тоска очевидно меня изнурять не престаетъ. Не забывайте меня, прошу васъ, жизнь моя, вся надежда моя, наполненною къ вамъ любовію неограниченною и непоколебимою вѣрностію до послѣдней минуты жизни моей, коею жизнь прекратится, когда только малѣйшая перемѣна случилась бъ въ вашемъ благосостояніи, о чемъ мысленно поминутно къ Богу обращаюсь и прошу его слезно, да будетъ его воля со мною, отнять у меня все, даже и жизнь мою, но чтобъ сохранилъ ваше здравіе, противъ котораго у меня нѣтъ подобія къ сравненію. Итакъ, цѣлуя сто тысячъ кратъ ваши драгоцѣннѣйшія,

превраснѣйшія и любезнѣйшія ручки, и поруча себя въ вашу безмѣрную любовь, завѣряя жъ съ моей стороны, что прежде жить перестану, нежели могла во мнѣ перемѣнится неограниченная къ вамъ любовь и вѣрность, и симъ однимъ будетъ духъ мой къ вамъ питать во всю жизнь мою.—Весьма желаю видѣть письмо Григорія Петровича и знать, куда цѣлитъ сія новая батарея, такъ долго скрытое только дѣйствіе имѣющая.—*(Брахловъ, 25 апрѣля).*

30. М. г—ня Настасья Петровна! Не получавши отъ васъ, найдрагоцѣннѣйшаго ангела моего, чрезъ восемь дней никакого извѣстія, несноснѣйшей скукой терзаемъ былъ и грусть моя низводила меня къ величайшему отчаянію, не ожидая уже болѣе дожить и пользоваться вашими наиприятнѣйшими и питательными строками. И по многомъ мученіи, послалъ еще и третьяго человѣка искать прежнихъ двухъ, отчаявшись ихъ болѣе и видѣть, разсуждая, что конечно они пойманы ухищренными сѣтьми, ненавидѣвшими насъ. Какъ вдругъ, на девятый день, сверхъ уже всякаго моего чаянія, явился Степанъ Ар. съ двумя моими нарочными и третьимъ, встрѣтившимся съ ними на половинѣ дороги, коего онъ съ собою поворотилъ. За симъ, какимъ обятъ духъ мой удовольствіемъ и наполнился наиприятнѣйшею сладостію по принятіи отъ васъ, души жизни моей, неоцѣненнаго сокровища, вдругъ трехъ писемъ и отъ безмѣрной радости едва очи мои не отказались быть подвласными, возлетая поминутно къ вамъ, прекраснѣйшему жизніоночку моему, обитаемому въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ жили душа и сердце мои, имѣвшія по сходству всякому смертному, вліяніе частицы Божества, и сіи то два существа почтить вы, жизнь мои, соизволили принятіемъ подъ вашу вѣчную власть, а на томъ мѣстѣ остается образъ вашъ драгоцѣннѣйшій, найглубочайше впечатотлѣнной, управляя мною навѣкъ, коего чтя красоту и добродѣтель, сопряженные съ любовію неподражаемою и вѣрностію безъпримѣрною, счастливымъ себя считаю и полагаюсь быть предводительствуемъ вашею, душа жизни моей, наипрекраснѣшею и любезнѣйшею рукою, подъ властію которой чту мой вѣкъ златымъ, предъвозвѣщающій мнѣ безъ конечную сладость и удовольствіе. Теперь поставляю васъ, васъ, душечку мною, на кою справедливость вовѣкъ мой положится долженствую,—будьте вы мой судія, коего приговору законъ мнѣ есть повиноватся безъ всякого оправданія, не надобно ли быть совершенно безъ чувствъ, столько извѣдавши очно, испытавши душевно и безъ примѣрно плѣнясь укрѣпленному и найдостаточнѣйше удостовѣрившемуся въ вашей неограниченной вѣрности, преододѣвая всѣ труд-

ности и гоненія, возбраняющіи къ счастливѣйшей моей судьбѣ, потомъ видя съ наилюбезнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ вашихъ писемъ соболѣзнованіе ваше о моемъ страданіи, въ которомъ пріятно бъ было мнѣ умереть, и при всемъ такомъ счастіи, мнѣ благопріятствующемъ, не вижу васъ, божества моего, которой одинъ взглядъ можетъ рассѣять всѣ изнуренные силы мои отъ тягчайшей разлуки, по сіе время меня терзающей, не знаю на какой конецъ, и не вижу иной дороги, токмо преселенія къ вѣчности! За что же меня пеняете и велите мнѣ быть спокойну, тому, у котораго всѣ средства къ тому отняты, и какъ можно окруженному огнемъ защищаться отъ пламя? Готовъ повиноваться вашему уставу, доколѣ могущества во мнѣ достанетъ, но если все меня предаетъ на снѣденіе горестнѣйшей печали, то видно, что жизнь моя подобно свѣчи угаснетъ. Можетъ быть я предъ вами, божество мое, и виноватъ, что не скрываю предъ вами мое ужаснѣйшее положеніе, видя изъ вашихъ наилюбезнѣйшихъ писемъ ваше величайшее участіе въ моей неномѣрной печали, что еще болѣе растворяетъ израненное мое сердце. Не сѣтуйте, наидрагоцѣннѣйшій ангелъ мой, жизнь души моей Настасія Петровна, обо мнѣ! я долженъ пить сію чашу, но вы, сокровище мое неоцѣненное, довольно терпѣли уже и берегите ваше здравіе, несравненное мнѣ съ цѣлымъ свѣтомъ и малѣйшая ущербъ онаго ей Богу меня лишитъ жизни. О семъ васъ, душа души моей, прошу именемъ безпредѣльной любви нашей и вѣчной, да не останется вотще мое къ вамъ прошеніе.

Почтеннѣйшій и рѣдкой трудъ вашихъ прекраснѣйшихъ и любезнѣйшихъ вашихъ для меня рукъ, я имѣлъ счастіе получить и сколь онъ мнѣ дѣлаетъ величайшаго удовольствія и пріятности, и съ другой стороны боюсь я, чтобъ вы, божество мое, частымъ упражненіемъ не повредили бы вашихъ прекраснѣйшихъ глазъ, отъ которыхъ я надѣюсь моего воскресенія и кои во всю жизнь мою пребудутъ солнцемъ и луною.

Цѣлуя ваши наилюбезнѣйшія ручки за прекраснѣйшее рукодѣліе тысячу и тысячу кратъ, долженъ вамъ сказать, что во ономъ никогда табаку не будетъ, а буду имѣть его всегда въ моемъ виду и насыщаться очезрѣніемъ. Наконецъ припадаю къ колѣнамъ вашимъ и лобзая оные, поручаю себя въ вашу непоколебимую любовь и нерушимую вѣрность, я жъ честь имѣю, обожая и пылая пламенемъ горячайшей любви наполненной къ вамъ, жизніоночку моему, вѣрностію до послѣдней минуты жизни моей, цѣлуя безъчисленно ваши,

дражайшаго ангела моего, ручки, отдаю вамъ себя вѣчно и остаюсь вашъ подвласній, съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и искреннѣйшею преданностію вашъ, м. г—ни, вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ.

Честь имѣю вамъ, душа жизни моей, посилать при семъ башмаковъ 12 паръ, кои и прошу покорнѣйше благосклонно принять, чѣмъ много усчастливите вашего вѣрнѣйшаго Ваничку, цѣлующаго сто тысячъ тысячъ ваши прекраснѣйшія ножки.

31. Дражайшая владычица души моей, вѣчная обладательница сердца моего, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настенка! Цѣлуя цѣлую и омываю слезами первѣйшую и пріятнѣйшую отраду мнѣ здѣсь— прекраснѣйшіе строки ваши, коихъ безъпрерывное повтореніе чтенія есть найлучшее и веселѣйшее употребленіе времени, а протчее, какъ же мнѣ предъ вами, душею души моей, таить, клявшись отворять дверь внутренности моей и кою вы ясно видѣли и видѣть во вѣкъ будете и какъ мнѣ осмѣлиться отъ васъ, прекраснѣйшаго ангела моего, скрывать, а больше здѣлаться клятвопреступникомъ и отъ напоминанія сего имени страшнѣйшаго дрожу отъ ужасу и не токмо быть таковымъ, зрѣть подобное чудовище — чувствъ лишило бъ меня! Безподобно виноватъ предъ вами, жизніоночокъ мой, маминька, красота моя, причинивши вамъ столько безпокойства, но цѣлуя ваши прекраснѣйшіе ножки, предъ коими падши, лежу и прошу ослабы моей винѣ, нашедши въ васъ божественную добродѣтель и красоту во вѣки неувядаемую, до безъконечности любя прекраснѣйшую Настенку, вѣрнѣйшаго и первѣйшаго въ свѣтѣ друга, коего мнѣ малѣйшее неудовольствіе причинитъ смерть, въ чемъ вамъ божусь Богомъ, сколько моя жизнь теперь не въ опасности, боюсь, чтобъ не лишиться ума, терзаясь поминутно разлукой, не воображая, чтобы тѣлесное твердое сложеніе могло мнѣ измѣнить, но и о томъ не ручаюсь, я во власти Бога и прошу его, чтобъ онъ меня подкрѣпилъ, но мочи моей нестаетъ, всякой часъ мнѣ годомъ кажется. Васъ же, любезнѣйшаго и вѣрнѣйшаго друга моего, прошу слезно, прекраснѣйшую Настенку, берегите себя, когда вамъ милъ Ваненка, коему вашъ покой и неувядаемое здравіе суть соки жизненые и которой надѣится отъ васъ, душечки моей, милучаечки (sic), когда насъ Всемогущій соединитъ, тогда конечно не сумнюсь я, жизнь моя Настенка, не оставитъ удѣлить ослабѣвшему здоровью и твердости ума и будетъ мнѣ во всю жизнь мою путеводителемъ моимъ и подпорою силъ моихъ. Знаю, что

отлично графъ [1]) расположенъ къ батюшкѣ Г. Григоріевичу [2]) и къ бабушкѣ нашей, но сколько я могу понимать содержаніе нашего дѣла, то долженъ вамъ сказать, что графъ настоящаго конца не здѣлаетъ и предастъ на расмотрѣніе судамъ, что до крайности продлится. Дай Богъ, чтобъ такъ не сталось, какъ я воображаю, въ томъ первѣйшее было бъ мое благополучіе и преграда къ концу жизни моей, кого съ стрепетомъ предусматриваю не токмо въ послѣдней сей карточкѣ, кою имѣлъ счастіе отъ васъ получить есть участь, но и всѣ, кои я прежде получалъ и въ нихъ состоитъ все мое богатство и первѣйшее здѣсь и навсегда сокровище. Поминутно цѣлую, живо представляя писателя оныхъ, говорю къ нимъ, плачу, прошу отъ нихъ отвѣта, но, Боже мой милостивый, горчайшая моя участь! они мнѣ мнѣ ничего не говорятъ! Потомъ, обращаюсь ихъ читать, тутъ стремлящійся разудокъ непоколебимъ бываетъ и тишина его поборетъ читавши и перечитавши, съизнова отдаю себя весть, куда они меня влекутъ. Какое утѣшеніе внезапно возвеселяетъ мою мысль, приводятъ меня къ вратамъ храму моему и въ н[illegible]жервенникомъ вижу прекраснѣйшаго ангела моего Настеньку, повелѣваетъ она божество мое, ея на вѣкъ подвластному Ваненькѣ стать на каменѣ, укрѣпленному ею неподражаемою вѣрностью и вѣрною любовію! Послушенъ твоему божескому (sic), преклоня колѣно мое предъ тобою и клянусь получать вовѣкъ твой святѣйшій законъ и простря длани мои, вопію злезно: да не буду забвенъ тобою, моя богиня, тебя обожая, тебѣ служа, твоей щедротой и вѣрностіею упитанъ, продли мнѣ жизнь и удостой въ твоихъ объятіяхъ скончать мои дни. Сколько вы обижаете, милушечка моя Настенка, Ваненку вашего, написавши въ вашемъ письмѣ, чтобы я, васъ боготворящій, извинилъ, что будто вы худо написали, на что такъ меня наказывать, того, который здѣсь и навсегда вмѣняетъ себѣ за благополучіе лобызать пилъ (sic) вашихъ ногъ! На послѣдокъ поручаю себя вамъ на вѣкъ, тысячу сладостей мнѣ возвѣщающій отъ васъ, милѣйшей моей Настенки, цѣлую миліонъ миліоновъ разъ вашу наипрекраснѣйшую грудь, добродѣтельнѣйшую душу, наиприятнѣйшіе глаза, наипрекраснѣйшія ручки и любезнѣйшія ножки. О горе мое великое! Боже мой милосердный, доживу ли я до того наищастливѣйшаго часу, чтобъ мнѣ разцѣловать душечку мою, жизніоночка, красоту, ангела моего наидрагоцѣннѣйшаго Настенку! Не

---

[1]) Румянцевъ.

[2]) Фридрихевичу.

забывай же меня, душа души моей! Несетъ къ вамъ, милѣйшей моей Настенки, сія страница всѣ мои поцѣлуи, примите ихъ и не забывайте счастіе имѣюшаго быть вѣчнымъ обладателемъ вашей души, сердца и мыслей, и наконецъ всею Настенкою, вашего обожателя вѣрнѣйшаго и покорнѣйшаго до послѣдней минуты жизни моей Ваненву. Цвѣточки прежней присылки поѣлъ, а что теперъ счастіе имѣлъ получить, два въ кисетѣ стоять на томъ мѣстѣ, въ головахъ *(Безъ числа)*.

32. Прекраснѣйшій свѣтъ очей моихъ, жизнь души моей, любезнѣйшій ангелъ мой, вѣрнѣйшій другъ мой Настасія Петровна! Ежечастно, не выпуская изъ рукъ вашихъ милѣйшихъ чидолочокъ, (sic), цѣлую ихъ и какая это отрада въ горестнѣйшей здѣсь моей жизни! Скажите мнѣ, маменька, жизніоночокъ, душа души моей, примѣчаете ли вы хотя маленькой лучъ надежды ?—скоро ли васъ, душечку мою, увижу? Не сумнюсь, чтобъ отъ васъ что было сокрыто, что о насъ говорятъ. Утѣшите меня, наидрагоцѣннѣйшій предметъ всего моего благополучія, увѣдомленіемъ. Охъ, еще долго ли томиться духу въ стѣнной душѣ моей? Божусь вамъ, мое любезнѣйшее сердце, что примѣчаю себя, что врядъ ли я могу далѣе сносить наитягшее время разлуки безъ потерянія невозвратно силъ моихъ, нужныхъ къ продолженію жизни. Вы себѣ, charme de ma vie, представить не можете, сколько мнѣ досады причиняетъ непостоянность теперешней дороги, которая меня по сихъ поръ удерживала писать къ вамъ, да и теперь еще на отвагу нущаю, боюсь, что мои письма съ человѣкомъ не потонули; но какъ бы то ни было, терпѣнія въ себѣ болѣе не обрѣтаю. Мнѣ кажется, что я уже не живу на свѣтѣ и погребенъ! Ахъ естли что пагубнѣйшее на свѣтѣ и кто же примѣрно злымъ рокомъ наказанъ болѣе? Отнята у меня душа и покой и мню, что я васъ уже восемь годъ не видѣлъ. Надобно, чтобъ былъ зрителемъ, если можетъ быть мнѣ въ свѣтѣ злодѣй, то и тотъ, увѣренъ я совершенно, надо мною долженъ бы умилостивиться и кажется, что былъ бы убѣжденъ моею сильнѣйшею тоскою и терзаніемъ! День у меня начинается и кончится тѣмъ, что подымаю руки къ Богу, восклицаю, дабы онъ васъ, жизніоночка, укрѣпилъ въ драгоцѣннѣйшемъ вашемъ для меня здравіи, прося, дабы онъ пощадилъ вашу несравненную мнѣ съ цѣлымъ свѣтомъ жизнь, а инако можетъ онъ истребить двухъ вѣрно и свято клявшихся любить другъ друга. Наконецъ, будемъ ли мы имѣть скоро благопріятную погоду, коя насъ принесла бы къ тихому пристанищу. О Боже, Боже нашъ, укроти гонящую насъ злость!

Не забывайте меня, наидрагоцѣннѣйшій ангелъ и любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, Настасія Петровна! Цѣлую ваши сладчайшіе уста, ручки и ножки тысяча тысячу кратъ! Приймите жъ душа жизни моей сей мой знакъ нѣжнѣйшей и чистѣйшей и вѣчной любви. До послѣдняго изпущенія во мнѣ дыханія, въ чемъ, клянусь вамъ Богомъ, таково чувство къ вамъ не премѣнится во мнѣ. Въ несумнѣной надеждѣ, что вы тѣмъ же желаніемъ ко мнѣ и знаете, что я тотъ счастливой въ свѣтѣ безъ примѣрно и отъ васъ ожидаю на вѣкъ repos de mes jours.—*(Безъ числа).*

Въ то время когда женихъ велъ эту переписку съ невѣстою, въ Городницкомъ уѣздномъ судѣ начато было дѣло по жалобѣ П. С. Милорадовича на тещу и ея брата, Г. Г. Фридрикевича, «за неотдачу» дочери, когда онъ ѣздилъ за нею въ Смячъ (стр. 65). Рѣшеніе суда по этой жалобѣ слѣдуетъ за симъ.

33. Рѣшеніе Городницкаго уѣзднаго суда по жалобѣ П. С. Милорадовича на тещу и ея брата Г. Г. Фридрикевича, „за неотдачу“ дочери Анастасіи. 1789 г., 14 ноября.

1789 года, ноября 14-го дня. По указу ея императорскаго величества, Городницкій уѣздній судъ слушалъ экстрактъ и все подлѣнное дѣло, въ семъ судѣ произведенное по жалобѣ г. генералъ-маіора Петра Степановича Милорадовича на жену бунчуковаго товарища Анастасію Полуботкову и г. статск. сов. предсѣдателя Черниговской гражданской палаты Григорія Григорьевича Фридрикевича, за не отдачу ему зъ вѣдому Фридрикевича состоящаго въ селѣ Смячѣ дочери его дѣвицы Анастасіи и за приключенное тамо ему, г. Милорадовичу, обруганія чести его. По разсмотрѣніи онаго дѣла, оказалось: г. ген.-м. Петръ Степановичъ Милорадовичъ содержаніе иска своего показалъ о безчестіи, произшедшемъ первоначально отъ поступка дочери его дѣвицы Настасіи, якая призрѣвши свой непосредственной долгъ въ повиновеніи и почитаніи родителя, надъ законы оскорбила своего отца въ семъ: когда онъ, г. Милорадовичъ, за нею уже достигшою настоящаго совершеннолѣтія, примѣтилъ нѣкоторую неблагопристойную, съ одного сожалѣнія родительскаго, дабы отвратить все вредное честности, приказывалъ ей ѣхать съ нимъ съ села Смячи, въ домъ его, въ селѣ Жукоткахъ состоящій, то она сего не

исполнила, показавъ и другія непристойности противъ отца. Между тѣмъ, послѣдовалъ изъ дальнѣйшей ему, г. Милорадовичу, обидѣ, отъ другихъ на вредъ честѣ и здоровья опасной поступокъ, по нижеписанному объясняющой съ обстоятельствъ дѣла оказавшіеся въ томъ начальнѣйшіе причины, претенсію г. Милорадовича составляющіе, на отвѣтчиковъ гг. ст. сов. палаты гражданской предсѣдателя Фридрикевича, удоствующую бунчуковаго товарища жену Анастасію Полуботкову, полковника г. Леонтовича и жену сего Софію Леонтовичеву. Оные Фридрикевичъ и Леонтовичъ между собою братья, а Полуботкова имъ сестра, союзъ ихъ родства доказываетъ дружбу, а сія объясняется г. Милорадовичемъ по какой то на него злобѣ, противоборствующею тому усердію, якое вообще всѣхъ свойственниковъ обязываетъ и такъ хотя и Милорадовичъ есть въ свойствѣ Полуботковой зять, ибо имѣлъ за собою Полуботковой дочь Софію, уже умершую, отъ которой означенная дѣвица Настасія рождена, но не полагаясь ни на кого, самъ болѣе, яко отецъ, долженъ стараться и всегда старался о дочери воспитаніемъ ей приличнымъ и отдачею въ замужье за достойнаго жениха. Напротивъ того Полуботкова, какъ доказываетъ онъ, Милорадовичъ, единственно посему, что въ домѣ своемъ имѣла оную его дочь, на время отъ него Милорадовича, по прозьбѣ ея Полуботковой, отпущенную, зъ совѣту Фридрикевича и протчихъ своихъ согласниковъ соизволяла на отдачу оной его дочери въ замужье за жениха по характеру и чести его Милорадовича да и протчихъ другихъ превосходныхъ достоинствъ къ нему объ ней адресующихся, несвойственнаго, почему онъ, Милорадовичъ, получивъ о семъ свѣдѣніе, видя непристойность и предразсуждая стремленіе Фридрикевичемъ и другими на обѣду его, особливо потому, что и дочь его ими обольщена будучи, вышедъ съ пристойности о томъ же предложенномъ ей женихѣ къ нему, Милорадовичу, писала, рѣшился самъ ѣхать въ Боровн къ Полуботковой, и видѣть свою дочь. За пріѣздомъ же 27-го марта сего года, тамъ дочери не засталъ, а увезена она предпоказанною полковницею Леонтовичевою въ село Смячъ, въ домѣ Фридрикевичевъ и такъ онъ, и въ Смячъ отправился, гдѣ засталъ въ показанномъ Фридрикевичевомъ домѣ оную его дочь, лежащую въ постели, подъ видомъ болѣзни, въ которой объявила она, что не можетъ якобы простудою, а примѣчательно де имъ Милорадовичемъ вымышленное притворство, единственно, чтобъ закрыть предпріятіи, клонящіеся къ дальшему ея зъ женихомъ, тамъ же въ Смячи бывшимъ Леонтовичевою обзнакомленію, а за тѣмъ положилъ было намѣреніе взять ее

къ себѣ въ домъ, но она, дочь его, покусилась первіе, обманывать его, Милорадовича, неимѣніемъ якобы шубы выѣхать на стужу, а наконецъ вышовъ съ условіемъ взять на себя теплую обувь, скрылась. Свѣдавъ же онъ, Милорадовичъ, чресъ дворовую дѣвку, что она, дочь его, заперта въ одной комнатѣ, которая, какъ ему Леонтовичъ объявилъ, что то есть кладовая и ключъ въ Фридрикевича, сквозь двери той комнаты, окошко и сквозь стѣны, гдѣ только ей можно было слышать, еколько ни старался, однакожъ все то вмѣсто склоненія къ богоугодному повиновенія внушенію, произвело въ ней всемѣрное отъ него г. Милорадовича отвращеніе и дерзкое, даже до неистовства, ослушаніе, къ горчайшему его, отца своего, оскорбленію, такъ что дерзнула она виговорить ему, что она есть не въ его, но въ волѣ бабки своей, не слушаетъ его и не поѣдетъ съ нимъ. Наконецъ увидѣлъ онъ, г. Милорадовичъ, многочисленную толпу собранныхъ Леонтовичемъ смяцкихъ мужиковъ и дворовыхъ его и Фридрикевичевыхъ людей, съ дубинами, окружавшихъ его, г. Милорадовича, которые въ глазахъ его, находившихся при немъ слугъ его уже отталкивали по зашеямъ, добираясь и къ нему, г. Милорадовичу, самому, ежели бъ онъ далѣе поступилъ на требованіе дочери его, ибо Леонтовичева съ мужемъ своимъ ругая его, выговаривали приказывать связали (sic) бы его, Милорадевича, изъ чего убѣжденнымъ онъ нашелся оттудова удалиться, оставшись обруганнымъ въ несносное поношеніе чести и характера его, оставя и дочь его, отъ него удалившуюсь презрѣнно, въ нарушеніе законовъ. Посему случаю описанной г. Милорадовича обиды, онъ поступивъ правильно, неусиловываясь далѣе, противно законамъ и не дѣлаясь самъ себѣ судіею, видя обиду и дальшое на оную стремленіе въ опасность здоровья и въ поношеніе чести произведенные, жаловался намѣстническому правленію, отъ котораго въ нижній земскій городницкій судъ послѣдовалъ указъ съ предписаніемъ, чтобы земскій исправникъ и два дворянскіе засѣдатели освѣдомлялся, гдѣ бы означенная, удалющаясь отъ повиновенія своему родителю дѣвица Настасія Милорадовичевна ни находилась, отправясь туда взявъ ее, препроводили самъ исправникъ благопристойнымъ образомъ въ Черниговъ для порученія отцу ея, г. Милорадовичу. Но когда судъ нижній земскій учинилъ выѣздъ свой въ Смячъ, гдѣ была оная дѣвица Настасія, и далъ случившимся тамъ въ домѣ Фридрикевича г. полковнику Леонтовичу, женѣ его Софіи Леонтовичевой и Анастасіи Полуботковой повѣстки съ требованіемъ оной Милорадовичевой дочери и дачи нужного къ слѣдствію показанія, то и за симъ закон-

нымъ суда требованіемъ тѣ—Леонтовичъ, жена его и Полуботкова поступили съ неправильными ихъ отговорками, клонящимись на то, чтобъ отвратить судовое оное требованіе, о чемъ доказуютъ поданные отъ нихъ сего года, апрѣля 4-го, въ нижній земскій Городницкій судъ объясненія. И Полуботкова, извиняя оную дѣвицу болѣзнію, вводила нижній судъ въ ту комнату, гдѣ сія въ постели больною оказывалась, тамо судъ ее уговаривалъ въ послушности отцу, напоминая обязанность дѣтей родителямъ и чтобы къ повиновенію волѣ его ѣхала къ нему зъ земскимъ исправникомъ, но тутъ дѣвица представляла, якобы не можетъ сего исполнить по болѣзни. За дальнѣйшимъ же суда требованіемъ о выполненіи по указу намѣстническаго правленія, Полуботкова объявила, что суду взять ея, Милорадовичевой, нынѣ не попускаетъ и ее отъ зятя судомъ защищаетъ, а при таковомъ объявленіи Полуботковою и что въ комнаты начали собираться служители въ немаломъ числѣ, не могъ нижній земскій судъ Милорадовичевой отъ туду отобрать, и таковы объявленія Полуботковой словами дѣйствіе заключающими, призналъ тотъ нижній судъ сопротивленіе закону и должности суда, бывшаго при вышеписанномъ случаѣ съ подобающимъ обрядомъ, для того по силѣ высочайшаго устава благочинія 271-й статьѣ, о поступленіи съ Полуботковой по законамъ, сему суду представилъ съ приложеніемъ всего происхожденія дѣла, которое совмѣстно съ означеннымъ суднымъ процессомъ произведеннымъ дѣломъ, разсматривая судъ, въ основаніе своего мнѣнія и во утверженіе истины, находилъ: 1-е, что г. Милорадовичъ описанную выше сего причиненную обиду ему, относя болѣе до отвѣтчиковъ Фридрикевича и Полуботковой, яко они производители той, поясняетъ, какъ Фридрикевичъ Полуботковой писалъ съ Чернигова, увѣдомляя ее, что онъ, Милорадовичъ, ѣдетъ въ Боровичи, такъ же о даванныхъ ей, Полуботковой, совѣтахъ скрыть отъ него дочь и о протчемъ, затѣмъ послѣдовавшемъ съ вѣдома и согласія его, но на сіе хотя Фридрикевичъ, не дѣлая признанія, объясняется, будто не былъ во время показаннаго происшествія въ своемъ домѣ и далѣе опровергаетъ искъ Милорадовича, подводя высочайшій манифестъ, состоявшійся 1787 года, апрѣля 21-го, въ коемъ де всѣ мѣры употреблены на взысканіе обиды, что она бываетъ словами, письмомъ и дѣйствіемъ, а о воображеніяхъ съ худыхъ, о комъ ни есть, мыслей происходимыхъ, ни слова не сказано, и истецъ де будто съ однихъ домысловъ своихъ заключаетъ объ немъ, отвѣтчику, худо, но судя таковъ поступокъ по мнѣнію прямому и по законамъ весьма немало-

важной, въ справедливости показаннаго произшествія слѣдуетъ увѣриться на слѣдствіи нижняго земскаго суда, какъ на урядовомъ засвидѣтельствованіи и на ономъ основываясь, нельзя прямого и опроверженія истины сдѣлать заключенія, поелику онымъ слѣдствіемъ доказывается, что дочь истца Милорадовича и за судовымъ ее увѣщаніемъ, по указу намѣстническаго правленія, съ жалобы его истца, Милорадовича, о повиновеніи своему отцу, требующему того суда, оказалась ослушною, притворивъ себѣ болѣзнь, въ самомъ же дѣлѣ оной не было, и для того то судъ о ея болѣзни ничего утвердительнаго не полагаетъ, а не возможность свою въ исполненіи намѣстническаго правленія указа, чтобъ доставить ее въ Черниговъ, къ порученію отцу, пояснилъ въ томъ, что она самовольно отказалась, несмотря на усиловное судебное требованіе, болѣе же въ томъ являются причины дѣйствій отвѣтчиковъ Фридрикевича и Полуботковой, съ коихъ въ домѣ Фридрикевича собраны были собственные его люди какъ судъ пишетъ, въ немаломъ числѣ, и дѣлали видъ недопущенія суда, изъ за чего нельзя подумать чего либо по его дозволенію, ибо бывшіе тамъ г. Леонтовичъ и его жена да Полуботкова не только не были согласны въ споможеніи суду, но еще и противоборствовали судовому требованію, а Полуботкова напослѣдокъ прямо оказала ослушность въ неповиновеніи закону и должности суда, выговоривъ, что не допуститъ суда, и за то подвержена отвѣту, въ справедливости тое нижняго земскаго суда показаніе и сей уѣздный судъ признаетъ, опровергая отвѣтчиковъ въ томъ оспариваніе, на одномъ голословіи основанное законно, потому что право статутовое, розд. 7-го, арт. 1-й, узаконяетъ «о сознатьи урядовомъ, чтобъ урядъ уряду вѣрилъ. 2, Объясняемое отвѣтчиками Фридрикевичемъ и Полуботковою оправданіе истцевой дочери поступка въ неповиновеніи отцу, что она уже есть совершенныхъ лѣтъ и во владѣніи имѣнія, такъ какъ и въ замужествѣ властна, показываетъ несходственность самихъ ихъ отвѣтчиковъ, въ невинности оправданія, и тѣмъ все оное помрачаетъ, а болѣе утверждаетъ и первоначальное произшествіе г. Милорадовичемъ объясненное, что по ихъ совѣту и наставленію, какъ тамъ объяснено, въ крайнѣйшую его, Милорадовича, обиду дочь его приведена въ неповиновеніе родителю надъ законы противное оному отвѣтчиковъ мнѣнію содержащіе, какъ то по праву разд. 3-го, арт. 4-го, дочь до выходу въ замужье должна быть подъ опекою отца, высочайшаго устава благочинія ст. 41-й, отд. 2-го, въ пунктахъ 10-мъ и 11-мъ: «родители суть властелины надъ своими дѣтьми, а дѣти имѣютъ долгъ оказывать чисто-

сердечное почтеніе, послушаніе, покорность и любовь и служить имъ самимъ дѣломъ. По уложенью, гл. 22-й, п. 4-й, за грубыя рѣчи на отца или матерь, дѣтямъ узаконено весьма строгое наказаніе, а чтобы таковы сродники, какъ отвѣтчики, имѣли надъ дочерью истцевою волю, сего узаконенія, не только негдѣ нѣтъ, но по 8-му артикулу, раздѣла 5-го запрещается дочерямъ безъ вѣдома своихъ родителей выходить въ замужье подъ потеряніемъ наслѣдія. Итакъ что можетъ быть важнѣе сего поступка истцевой дочери, дерзнувшей презрительнымъ образомъ оскорбить и опечалить родителя всѣми достоинствами своими и честь превосходительнаго и ни въ чемъ противнаго повода на развратъ дочери не показавшаго, какъ о семъ изъ дѣла ничего не открылось. 3, По изъясненію въ первомъ пунктѣ есть причины на отвѣтчиковъ, что они отцу учинили изъясненное имъ безчестіе, списываясь одинъ съ другимъ и совѣтуясь къ произведенію того въ дѣйство по высочайшему именному указу 1787 г., апрѣля 21, состоявшемуся, въ 3-мъ пунктѣ сказано: оскорбленіе или обиды есть буди кто кого вредитъ въ правѣ или по совѣсти, какъ то порочитъ..... пренебрежетъ, уничтожитъ или задеретъ; въ 9-мъ пунктѣ, чтобъ слово, письмо или дѣйствіе почтено было за обиду или оскорбленіе надлежитъ знать—было ли намѣреніе обидить или оскорбить или вредить; въ 10-мъ: пренебреженіе къ особѣ ближняго съ намѣреніемъ обижать или оскорбить, или вредъ ему лично, (или женѣ или чадъ, или служителю) или ближнимъ его, есть обида. Противу сего законоположенія сравнивая объясненную истцемъ жалобу противъ дочери поступка и самому ему безчестія и иначе можно заключить, что то есть обида, да еще тяжкая, о чемъ по 16-му пункту того жъ высочайшаго указа есть узаконеніе, а во исполненіе оного указа въ лучшое подтвержденіе предписанныхъ слѣдуетъ еще и другими законными способами дойтить истины, что точно было отвѣтчиковъ къ обидѣ истца намѣреніе, и затѣмъ приступить къ заключенію законнаго приговора. Вслѣдствіе жъ сего, поелику съ обоихъ сторонъ были при показанномъ произшествіи посполитые люди ихъ собственные, съ коихъ нѣкоторые участвовали въ томъ, о чемъ идетъ дѣло, а затѣмъ по праву раздѣла 4-го, арт. 78-го, быть имъ свидѣтелми не можно, отвѣтчики жъ Фридриевичъ и Полуботкова въ оправданіе себя ничего законнаго не представили, и даже отвестись совѣстію, по ссылкѣ на оную отъ истца Милорадовича въ утвержденіе ихъ запирательства и въ обнаруженіе справедливости, непріемлются надъ узаконеніе въ воинскомъ процессѣ 2-й части, главы 1-й, въ 3-мъ

пунктѣ, гдѣ сказано, что отвѣтчикъ невинность свою доказать основательно долженъ; истецъ же Милорадовичъ, сверхъ оной, на присягу отвѣтчиковъ ссылки въ приносимой имъ жалобѣ взялся и самъ за присягу заповодомъ ихъ отвѣтчиковъ, Фридрикевича и Полуботковой, и они отвѣтчики его отъ присяги ничѣмъ законно не отводятъ; присягу жъ челобитчику чинить позволяетъ воинскаго процесса части 2-й, гл. 5-й, п. 2-й, да и по праву раздѣла 4-го, артикула 77-му, узаконено: въ недостатки писемъ или свидѣтелей, быть доказательствомъ и оправданіемъ и чрезъ присягу. Для того приговорили: по вышеписаннымъ обстоятельствамъ и законамъ, истцу г. генералъ-маіору Милорадовичу по добровольному его забирательству (sic) въ утвержденіе— справедливости, въ жалобѣ его дать присягу за поводомъ въ согласіе 81-го артикула, раздѣла 4-го, отвѣтчиками Фридрикевичемъ и Полуботковою въ томъ, что совершенному его Милорадовича знанію, они, отвѣтчики Фридрикевичъ и Полуботкова, по согласію между ними обидѣли его Милорадовича тѣмъ, что дочь его Настасію убѣдили призрѣть его повелѣніе и согласиться къ выходу въ замужье за отставного сукундъ-маіора Лашкевича, а когда онъ будетъ требовать ей ѣхать съ нимъ въ село Жуботки, то она отказаться должна, и такъ точно исполнилось, и онъ, Милорадовичъ, какъ ѣхалъ въ село Боровичи, то съ нихъ Фридрикевичъ встрѣтя его, Милорадовича, на дорогѣ, подъ Черниговомъ, прошлаго марта 26-го, предваряя его пріѣздъ чрезъ своего нарочнаго, далъ Полуботковой знать, а сія отправила ту его дочь въ с. Смячь, въ домъ Фридрикевича, съ полковницею Софіей Леонтовичевой, и затѣмъ и онъ, Милорадовичъ, не заставши дочери въ Боровичахъ, 28 марта прибылъ туда же въ Смячь, но Полуботкова трократно посылала двороваго служителя своего Леонтія Полтавца съ письмами къ брату своему Степану Леонтовичу съ тѣмъ, чтобъ онъ дочери его, Милорадовича, брать не допустилъ и то все, что дочь его Милорадовича, первое отговаривалась болѣзнію, потомъ скрылась и издѣлала ему, Милорадовичу, оскорбленіе, выговаривая, что она есть не въ его волѣ, не слушаетъ его и не поѣдетъ съ нимъ, учинено съ поводу и наущенію ихъ, отвѣтчиковъ, да полковника Леонтовича и жены его, притомъ онъ, Леонтовичъ, выговаривалъ ему Милорадовичу сіи слова: что дочь есть не въ его волѣ, и она съ нимъ не поѣдетъ, равно тому и жена его, ругаясь, съ мужемъ своимъ выговаривала: приказать связали бы его Милорадовича! И видѣлъ уже онъ, Милорадовичъ, изъ числа собранныхъ дворовыхъ служителей, что служитель Леонтовичевъ выталкивалъ по шеи съ

комнаты двороваго его, Милорадовича, писаря, а другаго служителя, тамо съ нимъ бывшаго, ругая, выгонилъ вонъ съ комнаты; наконецъ, онъ, Милорадовичъ, оставшись посмѣяннымъ и обруганнымъ отъ дочери своей призрѣнный и обезчещенный отъ часто поминаемаго, полковника Степана Леонтовича и жены его собраніемъ толпы мужиковъ и служителей дворовыхъ Фридрикевича, окружившихъ было и самого его, Милорадовича, къ препятствію дочери его, принужденнымъ себя найшолъ отъѣхать зъ двора сыцкого Фвидрикевичевого, да и за выѣздомъ нижняго земскаго Городницкаго суда, по указу намѣстническаго правленія, для взятія и доставленія оной его дочери Милорадовича, что учинено суду ослушаніе и недопущеніе, то и сіе здѣлано звѣдома и согласія отвѣтчика Фридрикевича, и ежели онъ, г. Милорадовичъ, такову присягу учинитъ, въ чемъ здѣлается уже совершенной по законамъ доводъ, или когда его отвѣтчики Фридрикевичъ и Полуботкова къ оной присягѣ не поведутъ, доказывая тѣмъ своей винности, то и приступить къ обвиненію ихъ отвѣтчиковъ, такъ какъ законы повелѣваютъ; въ законахъ же напечатано: «воинскаго 19-го артикула, въ толкованіи,—равное наказаніе чинится надъ тѣмъ, котораго преступленіе хотя къ дѣйству и не приведено, но токмо его воля и хотѣніе къ тому было; 21-го артикула: всѣ офицеры и солдаты къ фелдмаршаламъ и генераламъ имѣютъ всякое должное почтеніе воздавать, а естли кто дерзнетъ онымъ или единаго изъ нихъ непристойными и насмѣшными словами поносить, оный имѣетъ по важности своихъ словъ и состоянію особы предъ воинскимъ судомъ публично отпущенія свое вины просить, или заключеніемъ, или какимъ инымъ наказаніемъ, по благоразсужденію, наказанъ быть; 24-го артикула, въ толкованіи, между протчимъ почтеніе генералитету всеконечно и весьма имѣетъ ненарушимо быть. Въ уложеніи, главы 10-й, статьи 83-й, «чиновнымъ людямъ безчестіе платить противъ ихъ окладовъ, что кому государеваго денежнаго жалованья». То по силѣ сихъ узаконеній взыскать съ отвѣтчиковъ Фридрикевича и Полуботковой за безчестіе истца ген.-маіора Милорадовича, по чину его генеральскому, окладное жалованье, въ коему полагаются и подлежащіе получаемые жъ по тому чину, въ силу воинскаго устава, раціоны, именно окладного жалованья порозь съ отвѣтчиковъ по 1800 рублей, за раціоны годовые по справочнымъ, въ мартѣ мѣсяцѣ бывшимъ, цѣнамъ симъ уѣзднымъ судомъ вѣрно отъ нижняго земскаго Городницкаго суда забратымъ, за 480 раціоновъ по 702 рубли, всѣхъ же 5002 рубл., но отдать оные деньги истцу г. Милорадовичу сверхъ того по

силѣ предписаннаго 21-го воинскаго артикула предъ судомъ, Оные жъ отвѣтчики въ него, истца, публично имѣютъ просить отпущенія своей вины. Если жъ онъ, Милорадовичъ, назначенной присяги не выполнитъ, то въ искѣ его отказать; относительно жъ жалобы его, истца Милорадовича, на полковника Леонтовича и его жену Софію за безчестіе, то въ семъ претенсію безъ всякого заключенія оставить, потому, что самъ истецъ, г. Милорадовичъ, въ доводѣ его противу отвѣтчицы Полуботковой, между протчимъ, изъяснилъ, что онъ удержалъ свой искъ на тѣхъ Леонтовича и жену его, желая во первыхъ, развѣдаться съ наставниками ихъ на обиду истцеву, но въ свое время и въ подлежащемъ судѣ, въ которомъ они осѣдлость свою имѣютъ, искать не упуститъ и на оныхъ, какова воля ему, г. Милорадовичу, и предоставляется. А что принадлежитъ до просьбы повѣреннаго отвѣтчиковъ войск. тов. Калѣновскаго на екстрактѣ подписанной, чтобы ввесть копію прошеніе приложенное при отводѣ со стороны отвѣтчицы Полуботковой, подаванного въ Черниговское намѣстническое правленіе, съ изъясненіемъ оправдающимъ ее противъ обжалованія истцемъ, г. Милорадовичемъ, то сего судъ здѣлать не можетъ, затѣмъ, что то прошеніе никѣмъ не подписано и напрасно приложено, болѣе жъ всего наполнено оное разными непринадлежащими къ дѣлу выраженіями и есть въ немъ бранныя слова, съ каковыми прошенія принимать запрещаетъ правит. сената указъ, состоявшійся въ силу имяннаго ея императорскаго величества повелѣнія 1764 года, сентября 13-го. И сіе рѣшеніе, при открытыхъ дверяхъ, въ присутствіи суда, объявить обоимъ сторонъ или отъ нихъ правно-уполномоченнымъ съ указными подписками. А когда оное дойдетъ до исполненія, то съ присужденной ко взысканію суммы 5002 р., взыскать по Уложенію, гл. 10-й, п. п. 124 и 127, пошлинъ, положенныхъ съ судныхъ дѣлъ, съ рубля по 10 копѣекъ, 502 р., съ суда пересуда 20 к. и праваго десятка 2 к., а всѣхъ 502 р. 22 коп. и о томъ взысканію, слѣдуемомъ въ казну на основаніи высочайше апробованныхъ отъ ея императорскаго величества правилъ 1784 г., марта 24-го, статьи 21-й, отослать къ уѣзному Городницкому казначею свѣдѣніе.—

Было ли приведено это рѣшеніе Городницкаго уѣзнаго суда въ исполненіе—изъ другихъ бумагъ не видно. Вмѣстѣ съ жалобою въ намѣстническое правленіе, П. С. Милорадовичъ просилъ тогдашняго

епархіальнаго архіерея сдѣлать распоряженіе, чтобы дочь его Настасью священники Новгородосѣверской епархіи съ И. С. Лашкевичемъ не вѣнчали.

34. Прошеніе П. С. Милорадовича къ новгородсѣверскому епархіалному архіерею о томъ, чтобы дочь его Настасью мѣстные священники съ И. С. Лашкевичемъ не вѣнчали. 1789 г., мартъ.

Его ясне въ Богу преосвященству, преосвященнѣйшему Иларіону, епископу новгородъ-сѣверскому и глуховскому. Генералъ-маіора Милорадовича прошеніе. Нещастливое состояніе дѣвицы, дочери моей Анастасіи, развращенное тещею моею Анастасіею Полуботковою понуждаетъ меня прибѣгнуть къ вашему преосвященству просить, какъ збереженія бѣдственного ее, такъ равно и собственного моего жребія позоромъ и вѣчнымъ чести, характера и дома моего обруганіемъ предуготованного. Она, теща моя, съ ст. сов. Фридрикевичемъ, братовою Леонтовичевою Софіею Борковскою и съ ея мужемъ, безъ вѣдома и благоволенія (благословенія?) моего, выписали женихомъ для еѣ, дочери моей, епархіи вашего пр—ва изъ с. Бряхлова, отст. секундъ-маіора Ивана Степанова сына Лашкевича, и удаливъ дочь мою, дѣвицу, отъ моего съ нею свиданья, обласкали и согласили до такой неблагопристойности, что она, дѣвица, дочь моя, при многократныхъ бабы своей убѣжденіяхъ, покусилась собственноручно ко мнѣ писать два письма, готово составленные ей отъ Фридрикевича [1]) издревле мнѣ и роду моему недоброхотствующаго, прося моего позволенія въ замужье за показанного Лашкевича.—Сія дочь моя, оставшаясь отматери въ пяти лѣтахъ, получа мое воспитаніе вперенія страха Божія, повиновенія святымъ его заповѣдемъ и познанія закона, временно прибыла въ сказанной бабы своей въ с. Боровичахъ, почему заставленъ былъ при настоящей распутицѣ, преодолѣвая, оставшимись въ старости силами, всякіе трудности, искать видѣть ея, и когда, сего мѣсяца 27 числа, пріѣхалъ я въ домъ тещи моей, тутъ противъ всякаго чаянія моего, дочери моей не засталъ. Объявилась она, на вопросъ мой, что оставшись одна говѣть, отправила еѣ въ с. Смячъ, въ домъ вышесказанного ст. сов. Фридрикевича съ братовою, отставного полковника Степана Леонтовича женою, Софіею Васильевою дочерью Борковскою, какъ и въ самомъ дѣлѣ, по извѣданію моему, увезена она

---

[1]) См. выше, стр. 58 и 59.

туды скоропостижно оною Леонтовичевою, привозившею выше упомѣнннаго жениха, на простыхъ мужичьихъ саняхъ, гдѣ и нашелъ сказанную Леонтовичеву, мужа ея и дочь мою, но и тутъ её скрыли отъ меня. Таковой тещи моей надъ дочерью моею поступокъ поривалъ уязвленное родителскаго сердоболія состояніе преслѣдовать её въ горницахъ, гдѣ её скрывали, и свѣдавъ чрезъ одну дворовую дѣвку, служанку, что она заперта въ одной комнатѣ, которая (какъ мнѣ Леонтовичъ объявилъ), что то есть кладовая и ключъ въ Фридрикевича; однако жъ толпою собранныхъ мужиковъ взять не допустили. По толь постыдному надъ дочерью моею и надъ самимъ мною съ оруганіемъ чести моей произшествію, несомнѣнно предвидить я долженъ, что сказанная теща моя предпріяла искать удобности, чтобъ дочь мою презрѣнными путями, безъ воли и благословенія моего, съ вышепомянутымъ маіоромъ Иваномъ Лашкевичемъ сочетать непозволеннымъ церковью святою бракомъ, то и призрите, ваше пр—во, надъ оскорбленнымъ бѣднаго рожденія безчестными интригами старикомъ, повелѣте предержащею паствы вашей властію, ежели гдѣ у коего либо прихода, изъ ближайшихъ епархіи вашего пр—ва, протопопіи, она, теща моя или кто другій изъ единомышленниковъ её проситимутъ о обвѣнчаніи дочери моей съ означеннымъ маіоромъ Иваномъ Лашкевичемъ, такъ какъ они скоропостижно искать сего намѣрены, особливо въ селахъ Бряхловѣ, Савинкахъ и въ Романовкѣ, принадлежащемъ Борковсковнѣ Леонтовичевой, бракосочетанія ихъ не совершить и тѣмъ спасая отъ бѣдственно наносимыхъ слѣдствій, заставить дочь мою исполнить долгъ приверженности родителю своему, спасая и самого себя, и домъ мой отъ презорнаго тещею и родомъ её устроеннаго съ оскорбленіемъ чести поношенія. Генералъ-маіоръ Милорадовичъ.

На семъ прошеніи его пр—ва послѣдовала резолюція такова: «Я уже далъ на примѣчаніе дикастеріи, какъ о отлагаемыхъ свадьбахъ послѣ вѣнчаній, такъ и о другихъ непорядочныхъ вѣнчаніяхъ. Поводомъ сего и болѣ подтвердить правленіямъ, чтобы недремленно наблюдали за священствомъ, дабы бѣглыхъ отъ родителей отнюдь вѣнчать не дерзали, а кто учинитъ таковая, со всякою бы строгостію такого отрѣшивъ отъ всего, въ дикастерію представленнобъ къ сужденію по законамъ. 789 года марта « » дня».

Принятыя П. С. Милорадовичемъ мѣры противъ брака дочери его съ Лашкевичемъ оказались однакожъ безуспѣшны, такъ какъ его тестя, а особенно Фридрикевичъ оказались искуснѣе въ достиженіи намѣченной цѣли, какъ видно изъ слѣдующаго документа.

35. Постановленіе Сосницкаго уѣзднаго суда о разрѣшеніи Настасьѣ Милорадовичевнѣ выйти замужъ за И. С. Лашкевича. 1789 г., 22 мая.

1789 года, маія 22 дня. По указу ея императорскаго величества, уѣздній Сосницкій судъ слушавъ поданныхъ въ сей судъ отъ удовствующей умершаго бунчуковаго товарища Семена Полуботка жены Анастасіи г-жѣ Полуботковой и внуки еѣ, г. генералъ маіора Петра Милорадовича дочери Настасіи Милорадовичевны, чрезъ уполномоченного повѣренного ихъ, войск. товар. Терентія Сенчевского, двоихъ просбъ, которыми онѣ представляютъ: первою, Полуботкова, что показанный зять еѣ Милорадовичъ, по своому пристрастію къ дитинному имѣнію, старался всегда отказувать обзывающимся къ дочерѣ его многимъ изъ достойныхъ дворянъ женихамъ, не требуя тутъ ни выбора, ни согласія дочери, но самъ помимо знанія ея все то производилъ, привелъ еѣ безъ выдачи въ замужье въ двадцать слишкомъ лѣтъ, и ни имѣнія онъ, Милорадовичъ, наслѣдственного прописанной дочерѣ моей Настасіи не отдаетъ, и въ замужье итти запрещаетъ, стѣсняя свою дочъ, по одному желанію, далѣе либо и навсегда, владѣть еѣ имѣніемъ, ввелъ еѣ въ лѣта, полагаетъ на ея Полуботкову право обмолодить его дочь имѣніемъ, и то все удостовѣряетъ представленными при томъ прошеніи писмами отъ его, Милорадовича, къ ней, Полуботковой, и дочерѣ своей 1788 года, ноября 24, и 789 г. февраля 8 и 12 чиселъ, писанными; второю, Милорадовичевна, что повинуясь она судбѣ, жизнію всѣхъ людей располагающей, предъизбрала себѣ въ супружество маіора Ивана Степанова сына Лашкевича, и хотя всеповиннѣйше просила отца своего на то благословенія, но отецъ еѣ, Милорадовичъ, по прописаннымъ въ прошеніи бабки еѣ Полуботковой, въ сей судъ поданномъ, обстоятелствамъ, въ томъ ей отказалъ. Не надѣясь же когда получить родителское на то позволеніе, чтобы по высочайшому имянному ея императорскаго величества, 1785 года декабря 22 состоявшомусь указу, пользоватся ей, Милорадовичевнѣ, свободою совершенолѣтія, къ чему по лѣтамъ ей право давно уже ей открылось, за помощію оной бабки еѣ Полубот-

ковой, которой воли отъ отца еѣ съ дней сиротства и малолѣтства она, Милорадовичевна, ввѣрена, ею возращена, воспитана и отъ еѣ одной, какъ объ ней пекущейся, зависитъ совершеніе еѣ, Милорадовичевны, блага, прибѣгая къ законамъ, просили по силѣ помянутаго высочайшаго имяннаго указа и статутовыхъ правъ, роздѣла 3, артикула 39 и роздѣла 5, артикуловъ 8 и 9-го, въ воспользованіи свободою совершеннолѣтія и въ выходѣ еѣ, Милорадовичевнѣ, въ замужье за избраннаго ею жениха, дворянина хорошихъ достоинствъ маіора Лашкевича, дать ей, Милорадовичевнѣ, урядовое позволеніе и изъ тѣхъ просбъ и учиненныхъ по онымъ судовыхъ опредѣленій выдать ей, Милорадовичевнѣ, выписъ. *Опредѣлили*: какъ въ правѣ книги статутъ, роздѣла 3-го, въ артикулѣ 39, узаконено: дѣвицъ шляхтянокъ и всякого иншого стану породи женской гвалтомъ ни за кого не отдавать безъ воли ихъ, но каждой съ нихъ, за совѣтомъ приятелей ихъ, за кого похощетъ, за того въ супружество волно ити и отдаватся.—А роздѣла 5, въ артикулѣ 8: естли бы отецъ дочери своей, ради имѣній еѣ материнскихъ, или мать, ради имѣній дочери своей отческихъ, не выдавали замужъ, то такова дать можетъ по артикулу 9-му, того жъ роздѣла, а въ ономъ артикулѣ сказано: ежели бъ дѣвица имѣла совершенныя лѣта, а братья или дядьи, задерживая оную, не хотѣли замужъ видать, то должно о томъ дать знать до уряду, чрезъ кревнихъ или чрезъ сосѣдъ, либо чрезъ кого иного, а урядъ взявши о томъ совершенное свидѣніе, что тѣ, въ опекѣ коихъ есть, замужъ еѣ не хотятъ выдать, имѣетъ ей дозволить замужъ выходить. Съ представленныхъ же отъ просителки Полуботковой, при просбѣ еѣ, писемъ ген.-м. Милорадовича совершено значится: въ 1-мъ, 1788 ноября 24, что онѣ, Милорадовичъ, г. Лашкевича не охуждаетъ и ни богатимъ, ни убогимъ не почитаетъ и что онъ не можетъ къ выдачи дочери замужъ, ни за Лашкевича, ни за кого другого, не знавши ни дому, ни имѣнія, ни сохранивши на таковъ случай правного порядка относительно записа жениха невѣсти не приступитъ и что дочь его немолодая невѣста, такъ же что способъ помолодѣть еи въ рукахъ еѣ, Полуботковой, состоитъ, ежели она внукѣ своей запишетъ и опредѣлитъ имѣніе село Боровичи, что тогда дочь его не только обмолодѣть можетъ, но и болше, когда дѣйствително узнаютъ—пріятнѣйшою здѣлается всякому благородному жениху; 2-мъ, 789 году, февраля 8, что де г. Лашкевичъ къ нему, Милорадовичу, приездилъ и что открылось ему, по доволному испытанію и разсужденію, что онъ вовся не можетъ приступить къ согласію во

удоволствіе требованія, какъ матушки его, Лашкевича, такъ и его самого, и что онъ, Милорадовичъ, попеченія и усердія ея Полуботковой о его дочери благороднимъ и чувствителнимъ сердцемъ пріемлетъ, однако жъ по природной своей связѣ братерства, не отобравши отъ его мнѣнія, не можетъ рѣшиться на всекрайнѣйшее расположеніе дочери своей; да 3-мъ, того жъ года, февраля 12, что онъ, Милорадовичъ, въ выборѣ жениха принужденія ей, Милорадовичевнѣ, не дѣлаетъ, кромѣ отеческого совѣта и чтобъ несумнѣнно надѣялась, что получитъ съ превосходнѣйшими дарованіями выборъ свой и его къ тому благословеніе, а о г. Лашкевичѣ нѣтъ отъ него ни согласія, ни волѣ, ни благословенія. Съ каковыхъ писемъ сей судъ и предвидитъ явное его, Милорадовича, въ непозволеніи къ выходу дочери его Настасіи въ замужье препятствіе, повидимому, для единственного толко владѣнія имъ имѣніемъ еѣ материнскимъ и пріобрѣтеніи съ онаго себѣ користей. И какъ по праву статутовому, роздѣла 4, въ артикулѣ 77, писменные доказателства узаконено почитать первѣйшими и основательнѣйшими, то надъ собственноручные его, Милорадовича, писма, сему суду больше и свидѣнія совершенного забирать не слѣдуетъ. Для того, по вышеписаннымъ обстоятелствамъ и законамъ, такъ же и по соизволенію и просбѣ бабки еѣ Милорадовичевны, Полуботковой, дозволить просителки Настасіи Милорадовичевнѣ вытить въ замужье за избраннаго ею жениха маіора Лашкевича, потомъ съ поданныхъ въ сей судъ просбъ и сего опредѣленія выдать ей, Милорадовичевнѣ, урядовой выписъ и повѣренному Сенчевскому обявить, а съ приложенныхъ писемъ оставить при семъ судѣ справочние копіи. Подлѣнное подписали: Иванъ Демидовскій, Григорій Максимовичъ. 1790 года, октября 7 дня, сіе опредѣленіе я слушалъ и что онымъ вѣритель мой г. генералъ маіоръ П. С. Милорадовичъ недоволенъ и имѣетъ взнесть куда слѣдуетъ апеляційную жалобу, въ томъ я по его довѣренности подписалъ—надв. сов. Илья Бажановъ. Уѣзднаго суда секретарь Іванъ Горбачевъ.

Послѣдствіемъ приведеннаго постановленія было повѣнчаніе 23-го мая дочери П. С. Милорадовича съ И. С. Лашкевичемъ, вызвавшее жалобу отца на *засѣдателей* Сосницкаго уѣзднаго суда, разрѣшившихъ этотъ бракъ.

---

36. Рѣшеніе Новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда. 1790 г., 5 декабря.

1790 года, декабря 5 дня. По указу ея императорскаго величества Новгородско-сѣверскій верхній земскій судъ, 2-го д—та, слушали: происхожденіи по жалобѣ г. генералъ-маіора Петра Милорадовича на засѣдателей уѣзднаго Сосницкого суда примеръ-маіора Демидовского и корнѣта Максимовича, за здѣланное ими, якобы въ противность законовъ, опредѣленіе отъ имени уѣзднаго Сосницкого суда о дозволеніи дочери его Анастасіи вступить въ супружество, по ея желанію, за секундъ-маіора Ивана Лашкевича, въ намѣстническомъ правленіи бывшимъ и при указѣ изъ оного правленія въ сей судъ къ разсмотрѣнію присланнымъ, тако жъ вступившаго въ сей судъ по апеляціи его, г. Милорадовича, на то опредѣленіе поданной изъ уѣзднаго Сосницкого суда объ ономъ дѣлѣ, и по разсмотреніи всего вышеписаннаго, оказалось: 1-е, когда дошла въ намѣстническое правленіе отъ г. Милорадовича о вышеписанномъ на засѣдателей Демидовскаго и Максимовича жалоба, то намѣстническое правленіе, по отысканіи противъ оной отъ уѣзднаго Сосницкаго суда рапорта, найдя, что обстоятельство дѣла сего до разбора онаго правленія не принадлежитъ, учиненнымъ прошлаго 1789 г., ноября 23 д., опредѣленіемъ заключило: по резонамъ въ немъ изъясненнимъ, отослать тѣ происхожденіи въ сей судъ, съ тѣмъ, чтобы оній въ учиненіи по немъ разсмотрѣнія поступилъ по законамъ, и по разсмотрѣніи подлѣннаго дѣла и опредѣленія уѣзднаго суда, донеслъ тому правленію къ надлежащому опредѣленію о наложеніи на виновныхъ пени или къ вящшему взысканію, буди окажутся и члены уѣзднаго суда учинившими опредѣленіе о выходѣ въ замужье оной дочери г. Милорадовича, точно простирая власть свою въ противность законовъ, и какъ 2-е, за разсмотрѣніемъ въ семъ судѣ оныхъ происхожденій, не оказалось сего, чтобы въ сходство 173 статьи высочайшихъ учрежденій отъ него, Милорадовича, на прописанное уѣзднаго суда опредѣленіе подана была въ сей судъ апеляція или же какая жалоба, то отъ сего суда предоставлено было намѣстническому правленію рапортомъ, что оній безъ такой его, г. Милорадовича, апеляціи прописанного дѣла взять на разсмотрѣніе самъ собою, надъ оную 173 статью высочайшихъ учрежденій, не смѣетъ. 3-е, по сему представленію отъ намѣстническаго правленія предписано было уѣздному Сосницкому суду оное его опредѣленіе по содержанію 200 статей высочайшихъ учрежденій, кому слѣдуть обя-

вить надлежащимъ порядкомъ и по выполненіи на переносъ дѣлъ обряда, буде пожелаетъ г. Милорадовичъ, поступить даліе по 230 статьи высочайшихъ же учрежденій, и о томъ сему суду за извѣстіе дано знать указомъ; вслѣдствіе чего, 4-е, уѣздный судъ допустя со стороны его, г. Милорадовича, подписать на такомъ опредѣленіи недовольство и выполнить о переносѣ дѣлъ обрядовъ, за выдачаю уже со стороны его жъ, Милорадовича, на оное въ указанной срокъ въ сей судъ апеляцію прислалъ въ сей судъ, въ сіе заведенное въ немъ по сему случаю дѣло; 5-е, зъ сего дѣла оказалось, что оного г. Милорадовича теща, а дочери его Настасіи родная бабка, жена бунч. товар. Настасія Полуботкова, имѣющая свое помѣстье въ уѣздѣ Сосницкомъ, при коей и та дочь его Настасія Милорадовичевна съ малолѣтства находилась (какъ и отъ него Милорадовича въ жалобахъ его изяснено) и она, Настасія Милорадовичевна, поданными въ уѣздный Сосницкій судъ прошеніями представили: съ нихъ, Полуботкова, что онъ, г. Милорадовичъ, по своему пристрастію къ дитинному имѣнію, старался всегда отказывать отзывавшимся къ дочери его многимъ изъ достойныхъ дворянъ женихамъ, не требуя тутъ ни выбора, ни согласія дочери, но самъ и мимо знанія ея, все то производилъ, привелъ еѣ, безъ выдачи въ замужье, въ двадцать слишкомъ лѣтъ и имѣнія онъ, Милорадовичъ, наслѣдственного прописанной дочери своей Настасіи не отдаетъ и въ замужье итти запрещаетъ, стѣсняя ея по одному желанію даліе либо и всегда владѣть имѣніями, ей принадлежащими, ввелъ еѣ въ лѣта, полагаетъ на ея Полуботкову право обмолодить его дочь имѣніемъ и то все удостовѣряетъ представленными при томъ прошеніи письмами отъ него, Милорадовича, къ ней Полуботковой и дочерѣ своей, 1788 г., ноября 24, и 789 г., февраля 8 и 12 числъ писанными, а дочь его Настасія Милорадовичевна, что повинуясь она судбѣ, жизнію всѣхъ людей располающей, предизбрала себѣ въ супружество маіора Ивана Степанова сына Лашкевича и хотя всеповиннѣйше просила отца своего на то благословенія, но отецъ еѣ, Милорадовичъ, по прописаннымъ въ означенномъ бабки еѣ Полуботковой прошеніи обстоятелствамъ, въ томъ ей отказалъ. Не надѣясь же когда получить родителское на то позволеніе, чтобы по высочайшему ея величества 1785 г. декабря 22, состоявшомусь указу пользоваться, ей, Милорадовичевнѣ, свободою совершеннолѣтія, къ чему по лѣтамъ ея, право давно уже ей открылось, за помощію оной бабки, которой воли отъ отца еѣ съ дней малолѣтства ея, она, Милорадовичевна, вѣвѣренна, ею возращена,

воспитанна и отъ еѣ одной, какъ объ ней пекущейся, зависитъ совершеніе еѣ, Милорадовичевны, блага, о чемъ всемъ изяснивъ, прибѣгая къ законамъ, просили, по силѣ помянутого высочайшаго именного указа и статутовыхъ правъ, роздѣла 3, арт. 39, и роздѣла 5, арт. 8 и 9, въ воспользованіи свободою совершеннолѣтія и въ выходѣ еѣ въ замужье за избранного ею жениха, дворянина хорошихъ достоинствъ маіора Лашкевича, дать ей, Милорадовичевнѣ, урядовое позволеніе—и изъ тѣхъ прозбъ и учиненнихъ по онымъ судовихъ опредѣленій видать ей Милорадовичевнѣ выпись. 6-е, по симъ ихъ прошеніямъ оный уѣздній судъ, усмотря изъ представленнихъ при прошеніи Полуботковой его, г. Милорадовича, писемъ къ ней, Полуботковой, и тоя дочери его Настасіи послѣдовавшихъ, что онъ, Милорадовичъ, согласія своего не полагалъ къ вступленію въ супружество за Лашкевича, не показивая въ нихъ таковому своему несогласію никакой причини и почитая достовѣрнимъ свѣдѣніемъ о нежеланіи его, Милорадовича, къ вступленію дочери его, по изъясненнимъ въ жалобахъ Полуботковой резонамъ, за кого либо въ супружество, учиненнимъ прошлого 789 г. маія 22, опредѣленіемъ заключилъ: на основаніи права книги статутъ, розд. 3, арт. 39 и розд. 3 арт. 8 и 9, въ разсужденіи вишеписанныхъ обстоятелствъ, дозволить по собственному еи желанію витить въ замужье за показанного маіора Лашкевича и въ томъ видать ей надлежащую урядовую випись; и хотя, 7-е, онъ, г. Милорадовичъ, то уѣздного суда опредѣленіе, на которое взошла отъ стороны его (какъ вышеписанно) и апеляція, называетъ въ жалобахъ своихъ и той апеляціи незаконнымъ, однакъ же оного такимъ почесть неможно по нижеслѣдующимъ резонамъ: 8-е, онъ, г. Милорадовичъ, хотя показиваетъ, что прописанной дочери его Настасіи Лашкевичевой виходить въ замужье, за отзывавшихся до того достойныхъ жениховъ, никогда не препятствовалъ, но за кого именно и кто былъ такой женихъ не обясняетъ; зъ приложеннихъ же его писемъ и по апеляціи со стороны его поданной видно одно его неблаговоленіе къ виходу въ замужье за Лашкевича, не показивая тому никакой правилной причини, почему бы Лашкевичъ не могъ быть дочери его таковимъ женихомъ, за каковихъ не было отъ него, Милорадовича, ей препятствія, то изъ сего ничего другого заключить невозможно, какъ токмо то, что онъ, Милорадовичъ, самъ причиною тому, что дочь его, бывъ уже совершеннолѣтія (sic), не могучи испросить отъ него вступить въ супружество за избранного ею жениха соизволенія, принуждена была прибѣгнуть для того, согласно законамъ, къ уряду, ибо когда

бы онъ, какъ по апеляціи пишетъ, важную причину препятствовать въ виходу ея за Лашкевича въ замужье имѣлъ, (кромѣ владѣнія принадлежащими ея имѣніями, какъ отъ Полуботковой и дочери его уѣздному суду представлено), то бы конечно не проминулъ объ оной ей, Лашкевичевой, при испрошеніи еще позволенія, дать знать или же по крайней мѣрѣ обнаружить оную, хотя уже нинѣ по дѣлу, однакожъ имъ сего не учинено, слѣдовательно и остался въ томъ бездоказателнимъ. Что жъ лежитъ до того, что часто упоминаемое опредѣленіе подписано двумя засѣдателями Демидовскимъ и Максимовичемъ, безъ судьи, кой видѣлъ, что особи, до коихъ опредѣленіе оное относилось т. е. онъ, Милорадовичъ, и дочь его Лашкевичева, ни по имѣнію, ни по своему пребыванію, тому суду подвѣдоми не были, якоби недолжни били на то поступити, а особливо въ такое время, когда по высочайшимъ учрежденіямъ присудствію быть не положено, то и сіе его, г. Милорадовича, показаніе правильнимъ почестся не можетъ, потому что тѣ засѣдатели Демидовскій и Максимовичъ, бывъ въ то время по указнимъ дѣламъ въ присудствіи, (какъ зъ репорту уѣздного суда въ намѣстническомъ правленіи на указъ оного последовавшимъ значится), не имѣли причины дочери его, Милорадовича, ищущей отъ уздного суда, яко надлежащаго уряда, въ справедливой своей прозбы удовлетворенія, отказать, а особливо, когда она и пребываніе свое въ томъ уѣздѣ при бабки ея Полуботковой, въ томъ же просившей, съ малолѣтства имѣла; постановляемой же имъ Милорадовичемъ резонъ, что ни по имѣнію, ни по настоящему его пребыванію, не могъ онъ быть тому суду подвѣдомъ, также неправилно, ибо тутъ не объ имѣніи отъ дочери его оному суду прозба простиралась, но о позволеніи, по причинамъ вышеприписаннимъ, къ виходу въ замужье за избраннаго ею жениха Лашкевича, на основаніи вышеписанныхъ правъ, по коимъ урядъ за изисканіемъ достовѣрнихъ свидѣній о причинахъ въ нихъ описаннихъ, имѣетъ право объ ономъ позволеніе дать. Большаго жъ свидѣнія о несогласіи г. Милорадовича на соизволеніе итить упомянутой дочери его въ замужье по точнымъ словамъ, изясненнимъ въ предизображенномъ 9-мъ арт. 5, не обязанъ былъ, яко въ предписаннихъ писмахъ явно онъ нежеланіе свое таковое, какое долженствовалъ забрать бы судъ, обнаружилъ въ писмѣ писанномъ имъ къ дочери, сими словами о г. Лашкевичѣ: нѣтъ отъ меня ни согласія, ни волѣ, ни благословенія моего тебѣ. Сего жъ въ томъ артикулѣ не сказанно, чтобы токмо тотъ урядъ въ дачи таковихъ позволеній, гдѣ кто положеніемъ имѣніе имѣетъ, свою силу долженъ

имѣть, а протчіе нѣтъ. Для того приказали: по всѣмъ вышеписаннымъ обстоятельствамъ предписанное уѣздного Сосницкого суда опредѣленіе, яко не въ противность законовъ, но согласно онимъ учиненное, утвердить. Что жъ лежитъ до претенсіи его, сверхъ всего вышеписанного, въ апеляціи изясненной о дворовомъ его, Милорадовича, человѣку Якову, якобы ею, Лашкевичевою, взятомъ со всѣмъ его семействомъ, то какъ оная есть сверхъ дѣла и безъ надлежащихъ доказателствъ, то потому оная, такъ какъ и въ протчемъ, нынѣ до разбора сего суда принадлежать не можетъ. За употребленную жъ на сей протоколъ вомѣсто гербовой простую, три листа бумагу подлежащіе 30 коп. денги для причисленія оныхъ въ казенний доходъ, взискать съ него, г. Милорадовича, и сей протоколъ ему, г. Милорадовичу, надлежащимъ порядкомъ обявить, а намѣстничеекому правленію о всемъ вышеписанномъ отрапортовать. На подлинномъ тако: Андрей Рачинскій, при своемъ мнѣніи. Андрей Дергунъ. Григорій Лишень, при своемъ мнѣніи. Григорій Великошапка. Николай Рославецъ. Василій Короткевичъ.

1796 года, декабря 16, сей протоколъ г. генерала-маіора Петра Милорадовича повѣренному кол. асс. Андрею Миллеру въ присутствіи, при открытыхъ дверяхъ, обявливанъ. Секретарь Петръ Хмелникъ. 1790 г., дек. 16, сей протоколъ повѣренний г. ген.-м. Милорадовича слушалъ и онымъ недоволенъ и имѣетъ взнесть въ палату гражданского суда сего намѣстничества аппеляцію, въ чемъ и подписался кол. асс. Андрей Миллеръ.

37. Рѣшеніе Новгородсѣверской палаты гражданскаго суда по жалобѣ П. С. Милорадовича на рѣшеніе 2-го департамента Новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда. 1791 г., 29 января.

1791 года, генваря 29 дня. По указу ея императорскаго величества, Новгородосѣверскаго намѣстничества палаты гражданскаго суда слушавъ подлинное дѣло, вступившее въ сію палату изъ здѣшняго верхняго земскаго суда, 2-го департамента, на аппеляцію со стороны г. ген.-м. П. С. Милорадовича, на приговоръ того суда о неправильно данномъ Сосницкаго уѣзднаго суда засѣдателями примеръ-маіоромъ Демидовскимъ и корнетомъ Максимовичемъ, отъ лица уѣзднаго суда, позволеніи дочери его, г. Милорадовича, Настасіи вытить въ замужье за отставного сек.-м. И. С. Лашкевича *Приказали:* какъ съ онаго значится, что г. ген.-м. Милорадовичъ,

первіе, Новгородосѣверскому намѣстническому правленію, а затѣмъ, по аппеляціямъ, въ верхній земскій судъ и въ сію палату поданнымъ изъяснилъ свою жалобу въ томъ, что теща его, бунч. тов. жена Настасія Полуботкова выпросивъ у его дочь Настасію, его коштомъ и стараніемъ воспитанную и обученную всему тому, чего законъ божескій, честность и характеръ его, требовали, для пріобученія еще хозяйственныхъ управленій, но вомѣсто такова къ хозяйству приобученія, разстроивъ жизнь той дочери его до такой степени, что она отринувъ отъ себя страхъ божій, пустилася на неповиновеніе и огорченіе родителя своего, и, безъ вѣдома и согласія его, нашла женихомъ дочери его упомянутаго Лашкевича, и ознакомивъ оную въ домѣ своемъ съ Лашкевичемъ, старалась всѣми мѣрами о бракосочетаніи ихъ, требуя отъ его г. ген.-м., чрезъ письмо его, на то позволенія, и когда онъ поѣхалъ къ той тещѣ его въ Боровичи, гдѣ она жительствуетъ, а оттоль въ Смячъ гдѣ теща его укрывала дочь его отъ его, г. Милорадовича, для взятья той его дочери къ себѣ, но тамъ не токмо оная ему, ген.-м. Милорадовичу, невозвращена, но еще отъ родственниковъ тещи его обруганъ, обезчещенъ и обиженъ, а дочь его Настасія притворялась больною и выговоривъ сіи слова, что она не въ его отца своего волѣ и не слушаетъ его, наконецъ отъ его, отца своего, скрылась. Затѣмъ же подано отъ оной тещи его ген.-маіора въ уѣздный Сосницкій судъ, маія 22 дня, 1789 года, прошеніе, что будто, по пристрастію его ген.-маіора къ дитинному имѣнію, отказывалъ онъ отзывавшимся къ дочери его женихамъ; равно потому же и послѣднему Лашкевичу отказываетъ, и прилагая въ доказательство три писмы его, Милорадовича, просили на выходъ въ замужье внукѣ ея за Лашкевича позволенія, чего и оная ея внука, и дочь его Милорадовича, чрезъ особо поданное того же числа прошеніе, просила; по тѣмъ прошеніямъ того же самаго числа, какого поданы оныя, уѣзднаго Сосницкаго суда два засѣдателя Демидовскій Максимовичъ, состаня изъ себя судъ, учинили опредѣленіе, какъ де уѣздный судъ съ писемъ его, Милорадовича, предвидитъ явное его Милорадовича въ непозволеніи къ выходу дочери его Нистасіи въ замужье препятствіе, повидимому для единственнаго только владѣнія имъ имѣніемъ ея материстымъ и пріобрѣтенія себѣ съ онаго користи, для того и по соизволенію и просьбѣ бабки ея, Милорадовичевны, Полуботковой, дозволить ей Милорадовичевнѣ вытить въ замужье за за взбраннаго ею жениха маіора Лашкевича и по поданной первоначально отъ ген.-м. Милорадовича въ намѣстническое правленіе жа-

лобѣ на двухъ засѣдателей, поступившихъ на таковое опредѣленіе въ противность выраженнымъ въ той его жалобѣ законамъ. Когда намѣстническое правленіе, по взятому отъ суда уѣздного объясненію и по препровожденію въ судъ верхній по сему дѣлу всего происхожденія къ подлежащему въ ономъ разсмотрѣнію и опредѣленію за полученіемъ отъ сего репорта дало знать указомъ верхнему земскому суду, что посланнымъ изъ онаго правленія въ уѣздный Сосницкій судъ указомъ предписано упоминаемое того суда рѣшительное опредѣленіе, учиненное о дозволеніи г. Милорадовича дочери вытить въ замужество, по содержанію высочайшихъ учрежденій 200 статьи, кому слѣдуетъ объявить надлежащимъ порядкомъ и по выполненіи на переносъ дѣла обряда, буде пожелаетъ г. Милорадовичъ, поступить далѣе по по 203 статьи высочайшихъ учрежденій, то судъ верхній земскій по разсмотрѣніи вшедшаго въ оный изъ суда уѣздного, по аппеляціи Милорадовича, опредѣленія и всего происхожденія по сему дѣлу, своимъ приговоромъ утвердилъ оное, (кромѣ двухъ—предсѣдателя Рачинского и засѣдателя Лишня, давшихъ по сему особыя мнѣнія), поставляя резономъ, что тѣ уѣздные засѣдатели не имѣли причины дочери его, Милорадовича, въ прозьбѣ ея отказать, когда она и пребываніе свое въ томъ уѣздѣ, при бабкѣ ея Полуботковой, въ томъ же просившей, съ малолѣтства имѣя, да и прозьба де простиралась не объ имѣніи, но о позволеніи къ выходу въ замужье, изъясняя при томъ содержаніе письма отъ Милорадовича, писаннаго сими словами: большого де свѣдѣнія о несогласіи г. Милорадовича на соизволеніе итить дочери его въ замужье по точнымъ словамъ 9-го арт. розд. 5-го, не обязанъ былъ, яко въ прописанныхъ письмахъ явно онъ нежеланіе свое, такое каковое долженствовалъ судъ забрать, обнаружилъ въ письмѣ писанномъ имъ къ дочери сими словами: о г. Лашкевичѣ нѣтъ отъ меня ни согласія, ни воли, ни благословенія моего тебѣ. Палата же, при ревизіи сего дѣла, находитъ: оба оные, засѣдателей Сосницкаго уѣзднаго суда Демидовскаго и Максимовича опредѣленіе и верхне-земского суда приговоръ—неправильными. Посему 1-е, въ правѣ книгѣ статутъ, розд. 5, арт. 8, въ параграфѣ 2, узаконено: гдѣ бы то случилось, что отецъ дочери своей для имѣній еѣ матерныхъ или маты для имѣній дочери своей отческихъ, подъ владѣніемъ своимъ содержа, оной выдать замужъ не хотѣли, тогда таковая дочь по силѣ арт. 9, сего же роздѣла поступить можетъ, а по оному 9-му артикулу сказано: если бы дѣвица была въ лѣтахъ своихъ, а братья или дяди ея удерживая, не похотѣли замужъ отдавать, то однако жъ сама вольно не имѣетъ ни

за кого ити, но должна дать знать уряду о томъ чрезъ пріятелей или сосѣдовъ или чрезъ кого либо можетъ, а урядъ взявъ о томъ совершенную вѣдомость, что родственники, въ которыхъ въ досмотрѣ она есть, замужъ ее выдавать не хотятъ, имѣетъ ей позволить замужъ итти, то по такому изреченію сего закона надлежало бы нынѣшней Лашкевичевой доказать первіе, сходственно законамъ, нехотѣніе ея родителя для имѣній ея материстыхъ на выдачу въ замужье, потомъ дать знать о семъ нехотѣніи уряду тому, подъ вѣдомствомъ котораго имѣніе ея родителя и ей по матерѣ ее, ей надлежавшое положеніемъ находится, а сей могъ бы поступить въ забратіи совершеннаго извѣстія по изображенному 9 артикулу, роздѣла 5-го, но напротивъ того, 1-е, чтобъ родитель еѣ, Лашкевичевой, г. ген.-м. Милорадовичъ не видавалъ ее замужъ для имѣнія материстаго, о томъ по дѣлу сему не только нѣтъ достовѣрныхъ доказательствъ, но еще изъ писемъ его, тещею его Полуботковою представленныхъ въ уѣздный Сосницкій судъ, (которымъ верхній земскій судъ даетъ неправильно другій смыслъ), явственна горячая его и сердобольная къ дочери его любовь, отеческое попеченіе и желаніе ей жениха съ превосходнѣйшими дарованіями и что онъ, въ предупрежденіе иногда могущихъ случиться для дочери его непріятностей, не изъявляетъ согласія въ выдачѣ въ замужье за такого жениха, котораго онъ не знаетъ ни дому, ни имѣнія, а въ выборѣ жениха принужденія не дѣлаетъ кромѣ отеческаго совѣта, которымъ наконецъ заключаетъ, что о г. Лашкевичѣ нѣтъ отъ его ни согласія, ни благословенія въ разсужденіи многихъ и важныхъ причинъ, о которыхъ въ послѣднемъ, отъ 22 февраля 789 года, письмѣ обѣщалъ изъяснить словесно; но по удаленію еѣ, Лашкевичевой отъ своего родителя, не могъ онъ сыскать къ тому случая, слѣдовательно и засѣдатели уѣздного Сосницкаго суда, а послѣдуя имъ и верхній земскій судъ почитаютъ его, г. Милорадовича, интересующимся къ дитинному имѣнію весьма неосновательно и, болѣе сказать, гадательно, въ противность 54 арт., розд. 4, а показанный Милорадовичъ не имѣвъ способу въ уѣздномъ Сосницкомъ судѣ, какъ въ ономъ сіе дѣло начало и конецъ возымѣло, безъ призыву и свѣдѣнія его и по односторонней жалобѣ, оправдатся въ взводимомъ на его отъ тещи и дочери къ имѣнію пристрастіи, въ поданной въ палату аппеляціи, забирается на присягу, что онъ никогда въ имѣніи дочерномъ не интересовался, а болѣе еще своими трудами пріобрѣталъ оное, имѣя двухъ дѣтей сына и ее, въ равной назначалъ подѣлъ и къ тому приглашалъ ее въ свой домъ для раздѣла съ ея братомъ, а его сы-

номъ, имѣнія, равно когда многіе достойные женихи о ней отзывались къ нему, г. Милорадовичу, то онъ въ чувствѣ родительскомъ, желая ей лучшаго блага, не только не препятствовалъ ей выйти въ замужье за достойнѣйшаго, но еще способствовалъ совѣтами и увѣщаніями своими; 2-е, вомѣсто подлежащаго суда, отозвались она, Лашкевичева и ея бабка Полуботкова, о дачи позволенія къ выходу ей въ замужье Сосницкому уѣздному суду, подъ которого судомъ ни имѣнія родителя ея, ни ей самой по матери надлежавшаго, ни она лично на жительствѣ, кромѣ временнаго у бабки ея Полуботковой пребыванія, не состоятъ, какъ удостовѣряютъ при дѣлѣ семъ имѣющіяся письменные доказательства. 3-е, засѣдатели Демидовскій и Максимовичъ, не взирая на то, что по 196 статьи высочайшихъ учрежденій, въ уѣздномъ судѣ засѣдаетъ уѣздный судья и два засѣдателя и въ между роки—безъ судьи, здѣлали отъ лица суда опредѣленіе по одному голословному отзыву бабки Лашкевичевой и ея самой, дать ей, Лашкевичевой, позволеніе выйтить въ замужье, не отобравъ въ сходство права, розд. 5, арт. 9, достовѣрнаго извѣстія о несоглашеніи отца ея для имѣнія, коего узаконеннымъ порядкомъ и получить не могла, по несостоянію отца ея, Милорадовича, въ подсудимости тому суду ни по жительству его въ томъ уѣздѣ, ни по имѣнію, и такимъ образомъ несоблюдши въ точности вышеписаннаго артикула, поступили несходственно 420 статьи высочайшихъ учрежденій, гдѣ узаконено: уѣздного суда власть далѣе того округа, гдѣ учрежденъ не распространяется; хотя же они, засѣдатели, въ опредѣленіи, такъ какъ и верхній земскій судъ въ своемъ приговорѣ, написали, что она Лашкевичева жила при бабкѣ своей Полуботковой, которая о семъ же позволеніи согласна и просила Сосницкаго уѣзднаго суда, то и сіе ихъ разсужденіе неправильно, ибо по арт. 11, роздѣла 5, въ послѣднемъ отдѣленіи, сказано: мать дочерей своихъ безъ совѣта и знанія опекуновъ своихъ въ супружество зговаривать и отдавать не должна, слѣдовательно естьли по сему праву родной матери не позволяется безъ вѣдома и согласія опекуновъ, и дочерей зговаривать и отдавать замужъ, то тѣмъ болѣе бабка не могла безъ воли и согласія родителя, въ живыхъ сущаго, ни зговаривать, ни о позволеніи просить въ уѣзномъ Сосницкомъ судѣ. Для того опредѣленіе уѣзднаго Сосницкаго суда одними засѣдателями, безъ судьи, въ лицѣ суда, и приговоръ верхняго земскаго суда, послѣдовавшіе по одному мнительному ихъ, безъ оправданія его, Милорадовича, и доказательства разсужденію, что якобы онъ для пристра-

стія къ дитинному имѣнію не хотѣлъ дочери своей выдать въ замужье, какъ не по обстоятельствамъ дѣла и не въ сходство вышеписанныхъ законовъ, уничтожить, о чемъ послать и въ верхній земскій судъ указъ, а поповоду, что сему дѣлу изъ уѣзднаго суда теченіе по апелляціямъ дало намѣстническое правленіе и требовало отъ верхняго земскаго суда донесенія, что по разсмотрѣніи окажется, то сообщить о всемъ вышеписанномъ Новгородско-сѣверскому намѣстническому правленію. За издержанную жъ по сему дѣлу въ верхнемъ земскомъ судѣ, вмѣсто гербовой, простую три листа бумагу, по указной цѣнѣ деньги, взыскавъ съ кого слѣдуетъ по законамъ, причислить ихъ въ казенный доходъ, и сіе рѣшеніе объявить обѣимъ сторонамъ за подписками. На копіи тако: Иванъ Селецкій. Иванъ Марковичъ. Иванъ Пулчевскій. Никита Баксій. (?) По листамъ скрѣпилъ секретарь тит. сов. Иванъ Балабанъ. 1791 года, генваря 31 дня, сіе рѣшеніе по извѣренію г. ген.-м. Милорадовича, кол. рег. Андрей Аксюку, при открытыхъ палаты дверахъ, объявливано. Протоколистъ Степанъ Яценко. 1791 года, генваря 31, сіе рѣшеніе по извѣренію г. ген.-м. Милорадовича слушавъ, и что онымъ доволенъ, въ томъ подписался кол. рег. Аксюкъ. Копію скрѣпилъ по листамъ тит. сов. Иванъ Балабанъ.

Вслѣдъ за жалобой на *засѣдателей* Сосницкаго уѣзднаго суда, за незаконное разрѣшеніе Настасьѣ Петровнѣ повѣнчаться съ Лашкевичемъ, П. С. Милорадовичъ подалъ въ Городницкій уѣздный судъ прошеніе объ *отреченіи* отъ дочери и о томъ, чтобы «она затѣмъ къ материнскому ея имѣнію болѣе не интересовалась».

---

38. Прошеніе П. С. Милорадовича въ Городницкій уѣздный судъ объ отреченіи отъ дочери и о лишеніи ея права на материнское имѣніе. 1789 г., 9 августа.

По титулѣ. Приноситъ жалобу ген.-м. Петръ Степановъ сынъ Милорадовичъ, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты: 1). По смерти жены моей Софіи Семеновой дочери Полуботковой, осталося трое дѣтей, сынъ Григорій и двѣ дочери Анастасія и Марія; съ оныхъ Марія волею Всевышняго помре, Анастасія жъ будучи неналымъ моимъ коштомъ воспитанна и по прозбѣ мене бабы ея, а моей тещи, живучи въ домѣ ее, совратившися съ пути, закономъ божіимъ и гражданскимъ предустановленнаго дѣтямъ на повиновеніе родителемъ своимъ, пред-

почла мнѣ бабу свою удову Анастасію Степанову Леонтовичеву, дочь Полуботкову, и ближнихъ роду еѣ, оставила и удалилися, бѣгала и отвращалася отъ меня, и когда въ преслѣдованіи моемъ самоволно, и по совѣту бабы своей и еѣ братовъ, уѣхала съ бабиного дому, изъ села Боровичъ, въ село Смячъ, куда она ѣхала скоропостижно и безстыднымъ образомъ, съ мужикомъ и на мужичихъ саняхъ, въ домъ ст. сов. Фридрикевича, по лучшей тутъ удобности неприлично дѣвичью полу, видѣться и обращаться съ женихомъ своимъ и въ ономъ мною сыскана была, то выговаривала мнѣ, что она есть не въ моей волѣ и не слушаетъ меня, подвергши въ томъ домѣ, яко недоброхотствующемъ мнѣ, по навожденію хозяина онаго и состояніе здоровья моего въ опаснѣйшія слѣдствія, ибо въ ономъ Фридрикевическомъ домѣ я былъ отъ находящойся тамо полковницѣ Софіи Василіевой дочери, съ мужемъ ея отст. полковникомъ Степаномъ Леонтовичемъ, обруганъ собранными отъ оныхъ фридрикевичевыми людми и ихъ служителями атакованъ и до безпредѣлности обезчещенъ, о семъ всемъ явствуя подаваемые отъ мене жалобы къ преосвященнымъ архіереямъ—черниговскому Іерофею и новгородо-сѣверскому Иларіону и въ намѣстническое Черниговское правленіе, а въ уѣздный Городницкій судъ и самые иски; къ томужь обжаловала меня предъ урядомъ губерніи Новгородско-сѣверской уѣзднымъ Сосницкимъ судомъ, противъ совѣсти и честности, заинтересованіемъ якобы къ удержанію материстаго имѣнія, наконецъ же дерзнула противъ волѣ моей и безъ родителскаго благословенія самовольно въ замужье за оного жъ жениха отст. маіора Ивана Степанова сына Лашкевича выйтить. 2). А сверхъ того, она жъ, дочь моя Настасія, къ найгорестнѣйшему меня удрученію, дворового слугу моего по имени Якова, съ женою и съ сложеннымъ отъ его ребіонкомъ, съ малолѣтства въ домѣ моемъ воспитаннаго, въ содержаніи коего находилися сребро и всякія столовыя вещи, ключи отъ кладовой и погребъ съ питейнымъ запасомъ, подговорила уйти къ себѣ, котораго приняла и содержитъ у себя, оставивъ меня, находившагося немалое время безъ услуги, и за таковые отъ показанной дочери моей противные всѣмъ законамъ поступки, при старости лѣтъ моихъ презрѣннымъ образомъ, въ позорномъ видѣ, я, отецъ ея, несносно будучи обиженъ и призрѣнъ, оной дочери моей Настасіи, по силѣ закона малороссійскаго, книги статутъ, розд. 8, арт. 7, въ началѣ котораго гласъ повелѣваетъ: изрекаться родителямъ дѣтей своихъ таковыхъ, которые тронутъ ихъ родителей рукою, то есть на тѣлѣ, но оная дочь болѣе тѣлеснаго чувствованія поразила меня при-

чиною и посредствомъ побѣгу ее въ помянутой домъ и скрытіе своего въ ономъ, гдѣ я, какъ выше упомянуто, безчестіемъ тронутъ и уязвленъ на чести моей, а сверхъ того подговоромъ ея къ побѣгу вышеупомянутого служителя моего къ себѣ, обидимъ нахожусь, изрекаюся оной съ тѣмъ, что она Анастасія и дочерью моею называться да не дерзаетъ. Она жъ дочь моя Настасія, такъ какъ безъ волѣ и благословенія родительскаго, упорнымъ и самовольнымъ образомъ вышедшая въ замужье, недвижимаго материстаго имѣнія, части на ней спадавшей, въ силѣ законовъ права малороссійскаго, розд. 5, арт. 8, лишается, и какъ она, дочь моя, противозаконною поступкою своею въ недвижимомъ материстомъ имѣніи право свое потеряла, то посему оному недвижимому жены моей материстому имѣнію остается одинъ законный наслѣдникъ сынъ мой, надв. сов. Григорій Милорадовичъ, и чтобъ показанная Лашкевичева до сына моего ни подъ какимъ предлогомъ за оное имѣніе дѣла и никакой претенсіи не имѣла, симъ прошу, дабы повелѣно было сію мою жалобу намѣстничества Черниговскаго въ уѣздномъ Городницкомъ судѣ принять, записать и содержать въ цѣлости; чтобы же показанная дочь моя, въ послѣдней уже разъ сіе названіе получающая, къ прописанному имѣнію не интересовалася, о семъ здѣлать по вышеписаннымъ и другимъ законамъ на таковый случай имѣющимся, опредѣленіе, всемилостивѣйшая государыня, прошу вашего императорскаго величества по сей моей жалобѣ рѣшеніе учинить. 1789 г. августа 9 числа. Къ подачѣ подлежитъ въ уѣздный Городницкій судъ. Къ сей жалобѣ ген.-м. Петръ Милорадовичъ руку приложилъ.

Засимъ на прошеніи значится: «1789 г., августа 17. Опредѣлили: какъ проситель, г. ген.-м. Петръ Степановичъ Милорадовичъ, жалобою своею, въ которой онъ означаетъ неблагопристойные поступки дочери его, вышедшей нынѣ въ замужье за отст. маіора Ивана Лашкевича, Настасіи Лашкевичевой подалъ въ сей судъ персонально и за тою подачею, когда оная жалоба въ присутствіи суда при битности его г. Милорадовича прочтена, онъ во всемъ написанномъ въ той жалобѣ, не отмѣняя ничего, въ точности ея утверждая, созналъ изрекательство свое отъ оной Анастасіи дочери своей, съ тѣмъ заключеніемъ, чтобы оная за показанное ему ея отвращеніе, презрѣніе, непослушаніе, показанные грубости и потому жъ что онъ г. Милорадовичъ причиною ея Настасіи бытія въ домѣ г. ст. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича, въ которой она нарочито съѣхала и тамо отъ онаго укрывалася, обруганъ и до безпредѣльности обезчещенъ,

также безъ волѣ и благословенія его отческаго, выходъ въ замужье за показаннаго маіора Лашкевича, не дерзала впредъ называтся дочерью его, а за сей послѣдній поступокъ, что самовольно поступила выйтить въ замужье, лишаетъ ея имѣнія части и въ томъ всемъ основывается онъ, г. Милорадовичъ, на правахъ статута, розд. 8, арт. 7, и розд. 5, арт. 8; въ сихъ же правахъ—въ первомъ, за обиду отъ дѣтей родителемъ причиненную, отрекаться родителемъ дозволено, а по 2-му, сказано: буде бы дѣвица безъ волѣ отца и матери пошла замужъ, таковая лишается посага и имѣнія отческаго и материстаго, такоже и спадковъ, а естли бы въ отца одна была, тогда отеческіе и материстіе имѣнія на близкихъ наслѣдниковъ, мимо таковой дѣвицѣ самой и потомковъ ея, спадаютъ. Для того показанную жалобу по силѣ вышеписанныхъ правъ учиненную и персонально по вышеписанному предъ судомъ сознанную и утвержденную, оставляя въ изображенной ея силѣ, для предбудущой надобности вписать въ крѣпостную книгу, на троичные сего года роки заведенную, въ точности, отъ слова до слова, и о семъ просителю г. генер.-маіору Милорадовичу или отъ его уполномоченному обявить.

Вѣроятно, это прошеніе П. С. Милорадовича вызвало со стороны его дочери печатаемую за симъ *улиточную запись*, которою она права свои на материнское имѣніе передала мужу.

---

39. Улиточная запись Настасьи Петровны Лашкевичъ на материнское имѣніе мужу своему И. С. Лашкевичу. 1790 г., 11 іюля.

1790 года, іюля 14 дня. Я, дочь ген. м. Петра Степановича Милорадовича, жена маіора Ивана Степановича сына Лашкевича, чрезъ сіе сознаю, что по смерти матери моей Софія Милорадовичевой остались въ наслѣдіе мнѣ и родному брату моему Григорію Петровичу Милорадовичу собственныя ея матери нашей недвижимыя и движимыя имѣнія въ нынѣшнемъ Черниговскомъ намѣстничествѣ, въ уѣздѣ Черниговскомъ, д. Криничное, съ приписными къ ней руднями, въ Городницкомъ уѣздѣ, въ селахъ, деревняхъ и хуторахъ, именно: Боханѣ, Веселейкахъ, Вереблевѣ, Высокинѣ, Голобурдахъ, въ Духовской слободѣ, въ Довгунахъ, въ Злѣевѣ, въ Кухарахъ, въ Коробкахъ,

въ Кротынѣ, въ Любечѣ, въ Лопатняхъ, въ Моньках, въ Мохначахъ, въ Мысахъ, въ Новоселкахъ, въ Пищикахъ, въ Петрикахъ, въ х. Разсудовскомъ, въ Радулѣ, въ Радьковкѣ, въ Сидоровскомъ, въ Семендѣяхъ, въ Сенькахъ, въ Степановкѣ, въ Сваричовкѣ, въ Убѣжичахъ и въ другихъ мѣстахъ, а особливо записанные матери моей за внесенье отъ ея мужа, а моего отца, реченнаго Милорадовича, со крестьяны обоего пола съ ихъ селеніями, имуществомъ, съ землями, съ хуторами, съ мельницами, съ разными угодіями, съ заводами и всѣми и всякими принадлежностьми, платами и доходами, недвижимые и движимые имѣнія, со дня смерти матери моей донынѣ остаются во владѣніи показанныхъ отца моего и брата, съ коихъ я, какъ при моемъ малолѣтствѣ, такъ и пришедши въ совершенные лѣта, надлежащаго снабдѣнія и содержанія не получала, да и по выходѣ въ замужество, надлежащей мнѣ со всего того наслѣднаго моего имѣнія и ихъ доходовъ половинной части и ничего нимало отецъ и братъ по моимъ отзывамъ, прошеніямъ и требованіямъ, не отдаютъ мнѣ и отдать наклонности не имѣютъ, чѣмъ привели меня къ необходимости сей, что я принуждена чрезъ судебныя мѣста доходить теперь въ всемъ показанномъ имѣній надлежащей мнѣ по законамъ половинной части; но, какъ по женскому состоянію моему, не въ силахъ я лично въ судебныхъ мѣстахъ производить о семъ дѣло, для того все право мое, служащее мнѣ по наслѣдію, на отысканіе помянутыхъ наслѣдственныхъ имѣній моихъ, платъ и доходовъ съ оныхъ и на вѣчный раздѣлъ оныхъ-же имѣній съ братомъ моимъ Григоріемъ Петровичемъ Милорадовичемъ уливаю мужу моему, маіору Ивану Лашкевичу, съ такимъ уполномочіемъ, что онъ, мужъ мой, силенъ и воленъ самъ собою лично, или чрезъ уполномоченныхъ отъ себя, о томъ наслѣдномъ имѣніи моемъ, по раздѣлѣ онаго съ братомъ, произвесть въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ искательство, и въ случаѣ споровъ учинить доказательство, доходить рѣшенія, выслушать оное, въ надобномъ случаѣ возымѣть и продолжать до высшихъ судебныхъ мѣстъ, начавъ отъ уѣзднаго суда по порядку хота-бы и до правительствующаго сената апеляціи; а когда настанетъ случай къ вѣчному дѣлежу съ братомъ моимъ всѣхъ наслѣдныхъ имѣній нашихъ, добровольно или по судовому рѣшенію, то и оный дѣлежъ ему-жъ, мужу моему учинить, дѣлчіе подписать, въ судѣ сознать и принадлежащую на меня часть принять въ мое владѣніе, а что мужъ мой или отъ него уполномоченные въ судебныхъ мѣстахъ и при дѣлежѣ вѣчномъ учинятъ, взыщутъ, или утратятъ,—я въ томъ

спорить и прекословить не буду и права себѣ къ тому не оставляю, во утвержденіе чего сіе право рукою моею подписую и печать герба моего прилагаю, при упрошенныхъ отъ меня самолично, нижеподписавшихся стороннихъ свидѣтеляхъ году, мѣсяца и числа вышеписанныхъ. Къ сему улитому праву руку и печать приложила маіора Ивана Лашкевича жена Настасіи Лашкевичева.

По персональному прошенію ея в. бл-дія Настасьи Петровны Лашкевичевой, къ сему улиточному праву во свидѣтельство, при печати, подписался кол. ас. Федоръ Силевичъ.—По самоличному прошенію г-жи майорши Настасьи Петровны Лашкевичевой въ свидѣтельство на семъ улитомъ правѣ подписался и печать приложилъ тит. сов. Максимъ Яковлевъ.

Сіе улиточное право женѣ майора Ивана Степановича Лашкевича, Настасьѣ Петровнѣ г-жѣ Лашкевичевой, Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества, въ Стародубскомъ судѣ, при поданномъ отъ нея прошеніи персонально, 16-го числа сего іюля, сознато и въ книгу въ чистую сего суда подъ № 13, отъ слова до слова точностію вписано, и что оное дѣйствительно рукою ея, г-жи Лашкевичевой, при ея печати и руками, подписавшихся свидѣтелей, при ихъ печатяхъ, подписано и въ судѣ семъ персональчо сознато, въ томъ уѣздный Стародубскій судъ надлежащимъ подписомъ, съ приложеніемъ судовой печати, завѣряетъ, а затѣмъ и возвращено оное съ сею судовою подписью г. секундъ-маіору Ивану Степановичу Лашкевичу, 1790 года іюля 17.

Въ 1791 г., какъ видно, изъ слѣдующихъ документовъ, П. С. Милорадовичъ помирился съ тещею и ея братомъ Фридрикевичемъ и простилъ дочь. Повидимому, слѣдствіемъ этаго мира была уступка Настасьей Степановной Полуботковой своихъ имѣній ея внукамъ, дѣтямъ ея дочерей Софіи и Федосьи, т. е. Г. П. Милорадовичу, Н. П. Лашкевичевой и Н. М. Стороженку.

---

40. Мировое прошеніе П. С. Милорадовича, Г. Г. Фридрикевича и Н. С. Полуботковой. 1791 г., октябрь.

1791 года, октября « ». Мы нижеподписавшіеся: съ одной стороны, уполномоченный отъ брата моего родного ген.-м. Петра Сте-

пановича Милорадовича ген.-пор. Черниговскаго намѣстничества губернаторъ и кавалеръ Андрей Милорадовичъ, а съ другой, собственно за себя, ст. сов., Черниговскаго намѣстничества палаты гражданскаго суда предсѣдатель Григорій Фридрикевичъ и вдовствующая бунч. товарища жена Анастасія Полуботкова, симъ нашимъ мировымъ, согласно праву статутовому, розд. 4-го, арт. 25, постановленіемъ всякому суду и праву и всѣмъ, кому и гдѣ только вѣдать надлежитъ объявляемъ:

1) Ген.-м. Петръ Милорадовичъ взнеслъ въ уѣздный Городницкій судъ искъ съ насъ на Григорія Фридрикевича и Анастасію Полуботкову, вмѣняя, что будто по поводу нашему дочь его Настасья Милорадовичева Лашкевичева изъ дому съ насъ, Фридрикевича, въ селѣ Смячѣ состоящаго, съ нимъ, Милорадовичемъ, не поѣхала, и выводя для себя онъ, Милорадовичъ, отъ насъ въ томъ безчестіе и тяжкую обиду, сіе дѣло перешедъ—уѣздный Городницкій и верхній земскій Черниговскій суды,—дошло, по апелляціямъ, до палаты гражданскаго суда и нынѣ оно по препорученію его в. пр—ва, г. ген.-анш., сенатора, генералъ губернатора и разн. орд. кавалера Михайла Никитича Кречетникова, находится подъ разсмотреніемъ въ Кіевской гражданской палатѣ.

2) Сіе дѣло я, Андрей Милорадовичъ, по уполномочію брата моего Петра Степановича—оставляю, уничтожаю и предаю вѣчному забвенію, равнымъ образомъ и мы, отвѣтчики, Фридеркевичъ и Полуботкова, взаимно и отъ себя оное дѣло оставляемъ, уничтожаемъ и предаемъ его вѣчному забвенію, обязываясь, какъ съ одной такъ и съ другой стороны, ни въ какія по оному дѣлу претензія и требованія не входить и не отзываться.

3) Напослѣдокъ, всѣ мы нижеподписавшіеся совокупно просимъ всѣ тѣ правительства и судебныя мѣста, до коихъ сіе дѣло доходило, дабы уже объ немъ и самое на предбудущія времена вспоминаніе загладить, вынуть изъ дѣла всѣ бумаги отъ обѣихъ стороонъ по сему предмету подаванныя, а журналы и опредѣленія, коихъ по причинѣ оправки оныхъ въ книгахъ, вынуть невозможно, уничтожить и уморить отмѣтками въ правѣ статутовомъ, розд. 7-го, въ арт. 6, въ параграф. 3 узаконенными, все вышеписанное утверждаемъ мы собственноручными нашими и свидѣтельскими подписями, съ приложеніемъ печатей. *(Съ черновика).*

41. Прошеніе П. С. Милорадовича въ сенатъ о прекращеніи дѣла, возникшаго по жалобѣ на засѣдателей Сосницкаго уѣзднаго суда. 1791 г.

Приноситъ прошеніе генералъ маіоръ Петръ Степановичъ Милорадовичъ, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты:

(По титулѣ). Огорченъ будучи дочерью моею, съ женою моею Софіею Семеновою, урожденною Полуботковою, сложенною, Анастасіею Милорадовичевою, за выходъ ея въ замужіе безъ моего вѣдома за сек.-маіора Лашкевича, учинилъ было изреченіе оной дочери моей черезъ поданное Черниговской губерніи въ уѣздный Городницкій судъ прошеніе 1789 г., августа 9 дня, а въ Новгородское-сѣверское намѣстническое правленіе, того же году, сентября 3-го, жаловался я на засѣдателей уѣзднаго Сосницкаго суда за то, что они на таковое супружество дали дочери моей позволеніе, по которой жалобѣ дѣло перешедъ въ верхній земскій Новгородскій-сѣверскій судъ и тамошнюю палату гражданскаго суда, напослѣдокъ дошло въ правительствующій сенатъ, по апелляціи уже дочери моей, гдѣ и нынѣ подъ разсмотрѣніемъ находится.

Но какъ я нынѣ, преклонясь жалостію и милосердіемъ къ дочери моей и ея мужу, а моему зятю, въ той нанесенной мнѣ досадѣ, отчески ихъ простилъ, возвратилъ имъ званіе моихъ дѣтей, позволилъ ей, дочери моей, учинить съ братомъ ея малороссійскимъ почтъ-директоромъ надв. сов. Григоріемъ Милорадовичемъ раздѣлъ въ материнскомъ ихъ имѣніи, благословилъ ихъ бракъ и принялъ ихъ въ совершенную родительскую милость, любовь и благопризрѣніе; изреченіе жъ оное въ уѣздномъ Городницкомъ судѣ совсѣмъ уничтожилъ и изъ уничтоженія сего взялъ урядовую выписъ, то посему уже слѣдуетъ уничтожить и предать вѣчному забвенію и оное въ правительствующимъ сенатѣ дѣло, равно къ уѣзднымъ Сосницкаго суда засѣдателямъ и никакого уже дѣла имѣть не долженъ.

И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе и прилагаемую съ уничтоженія моего изреченія выписъ уѣзднаго Городницкаго суда принять, записать, а оное въ правительствующемъ сенатѣ, 3-го департамента подъ разсмотрѣніемъ находящееся дѣло, по жалобѣ на засѣдателей уѣзднаго Сосницкаго суда за позволеніе, данное ими выйдти моей дочери въ замужье оставить безъ разсмотрѣнія прошенія и предать его вѣчному забвонію. *(Съ черновика).*

42. Уступочная запись Н. С. Полуботковой своихъ имѣній ея внукамъ, Г. П. Милорадовичу, Н. П. Лашкевичевой и Н. М. Стороженку. 1791 г., 16 октября.

По указу ея императорскаго величества, изъ Черниговскаго уѣзднаго суда, дана сія выпись высококоблагородной г-жѣ секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича женѣ Настасіи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой, съ представленнаго въ сей судъ, 1792 года, февраля 23, при прошеніи отъ провинц. секр. Василія Триполскаго, по извѣренію онаго ея мужа Лашкевича и гг. малороссійскаго почтъ-директора и надв. сов. Григорія Петровича Милорадовича и поручика Николая Михайловича Стороженка, уступнаго записа, совершеннаго Черниговскаго н—ства въ палатѣ гражданскаго суда и являваннаго въ уѣздномъ Сосницкомъ и Городницкомъ судахъ, даннаго имъ, г-мъ Милорадовичемъ, женѣ Лашкевича, Анастасіи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичъ, и Стороженку, отъ бабки ихъ, вдовствующей бунч. тов. жены Анастасіи Степановны Полуботковой, на уступленіе ею имъ свое недвижимое имѣніе и люди Черниговскаго и Новгородсѣверскаго намѣстничествъ, въ уѣздахъ Черниговскомъ, Городницкомъ и Сосницкомъ, состоящее, которой уступной записи отъ слова до слова содержаніе таково:

1791 г., октября въ 16-й день. Умершаго бунч. тов. Семена Яковлева сына Полуботка жена Анастасія Степанова, дочь Полуботкова, въ родѣ своемъ непослѣдняя, я, Настасія, имѣя въ Черниговскомъ и Новгородско-сѣверскомъ намѣстничествахъ, уѣздовъ Городницкаго, Черниговскаго и Сосницкаго, въ владѣніи, моемъ доставшіеся мнѣ отъ упомянутаго мужа моего на правному вѣчному запису 1752 года, маія 8 дня данному, разныя недвижимыя имѣнія въ селахъ, деревняхъ, слободахъ и хуторахъ, съ принадлежащими къ нимъ землями, мельницами и разнаго званія угодіями съ крестьянами, которыхъ по послѣдней ревизіи состоитъ мужескаго пола 2537 душъ.

Приняла добровольное и отнюдь непринужденное намѣреніе, пользуясь свободою по правамъ малороссійскимъ, книги статутъ розд. I, въ арт. 1-мъ, и именномъ высочайшемъ указѣ въ 3-й день маія 1783 года, изданномъ дворянству въ малороссійскихъ губерніяхъ предоставленномъ, оныя села, деревни, слободы и хутора съ крестьянами, со всѣми принадлежащими къ нимъ землями, лѣсами, мельницами и разнаго званія угодіями, наличными и кои впредъ законнымъ оаразомъ отысканы и присовокуплены быть могутъ, дать и за-

испать въ спокойне, вѣчное и наслѣдственное владѣніе внукамъ моимъ, дѣтямъ дочерей моихъ уже умершихъ, старшей жены ген.-м. Петра Степановича Милорадовича Софьи Семеновны Милорадовичевой, сыну малороссійскому почтъ-директору надв. сов. Григорію Петровичу Милорадовичу, дочери секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича, женѣ Анастасіи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой, меншой дочерѣ жены умершаго надв. сов. Михайла Михайловича Стороженка Феодосіи Семеновны Стороженковой, сыну лейбъ-кирасирскаго полка третьей бригады поручику Николаю Михайловичу Стороженку, по истинному моему къ нимъ, внукамъ, моимъ расположенію и любви, по нижеслѣдующему: *Первое*, внукамъ моимъ, старшей дочери Софіи Милорадовичевой дѣтямъ: сыну, малороссійскому почтъ-директору Григорію Петровичу Милорадовичу и дочерѣ секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича женѣ Анастасіи Петровнѣ Лашкевичевой, Черниговскаго намѣстничества и уѣзда онаго села: Жукотки, слободу Черничую, Полуботки, Халявинъ, деревни: Пѣвцы, Коты, Павловку, съ мельницею тамо имѣющеюся, Песски и Подгорное, съ сѣнными покосами, именуемыми Пчелскъ и подъ дубомъ, да Новгородско-Сѣверской губерніи, уѣзда Сосницкаго, село Савинки съ хуторомъ тамошнимъ, деревни: Тѣлное и Габриліовку и къ сей деревни Габриліовкѣ раздѣля пущу и всѣ земли, яко совмѣстныя и нераздѣльныя къ Габриліовкѣ съ Каруковкою, къ первой со всей окружности отдѣлить третую часть, а ко второй, т. е. къ Каруковкѣ, двѣ части, въ оной же окружности; всѣ сіи имѣнія со всѣми крестьянскими дворами, крестьянами обоего пола, мужеска и женска, по послѣдней ревизіи за мною записанными, исключая отданныхъ мною въ даръ, изъ Жукотокъ, внуку моему Григорію Милорадовичу, двухъ—Печернаго и Федоренка, да изъ Павловки племяннику моему Силичу—удовъ умершаго Афанасія Слѣкара жену съ дѣтми и другую—Марфу Губову съ дѣтьми, да сироту Евдокима Бирулю, равно и двоюродному брату моему г. Кондратьеву мальчика Ивана Коржа, со всѣми землями пахотными, сѣнокосными, лѣсными, пущами, прудами, мельницами и всякаго рода и званія въ вышепоименованныхъ селахъ, деревняхъ, слободахъ и хуторахъ имѣющимися угодіями и все къ нимъ принадлежащее и въ владѣніи моемъ находящееся, даю онымъ внукамъ моимъ, Милорадовичу и Лашкевичевой, въ вѣчное и потомственное, безповоротное ихъ владѣніе, къ раздѣлу между собою на равныя части. *Второе*. Внуку моему, меньшой дочери моей сыну лейбъ-кирасирскаго полка, 3-й бриг., поручику Николаю

Михайловичу Стороженку, Черниговскаго намѣстничества, уѣзда Городницкаго, село Новыя Боровичи, съ плотиною и всѣми мельницами на рѣкѣ Сновѣ состоящими, деревни: Старые Боровичи, Здряговку, х. Андруши, и въ городѣ Городни шинковой дворъ, да Черниговскаго уѣзда, слободу Мохнатинскую, с. Выбли и х. Уборковскій, Новгородско-Сѣверскаго намѣстничества, уѣзда Сосницкаго, деревни: За-гребелкою слободу, Илькучу, Каруковку съ х. Каруковскимъ, въ которымъ изъ всей, яко неограниченной окружности, пущи и земель между Каруковскою и Габриліовскою, какъ выше сего, въ первомъ пунктѣ, сказано, за выдѣлкою третей части въ Габриліовкѣ присоединить двѣ части къ Каруковкѣ, все сіе имѣніе съ крестянскими дворами и крестьянами, изъ коихъ исключая отданныхъ въ даръ мною изъ Боровичъ, внучкѣ моей Анастасіи Лашкевичевой, Василія Кіенца, Кирилла Лисиченка, Федора Кислаго и Семена Спицаренка, обоего мужеска и женска, по послѣдней ревизіи за мною записанными, со всѣми землями пахатными, сѣнокосными, лѣсными, прудовыми мельницами и всякаго рода и званія въ вышепоименованныхъ селахъ, деревняхъ, слободахъ и хуторахъ имѣющимися угодіями, отдавая въ вѣчное, потомственное и безноворотное владѣніе оному внуку моему Николаю Михайловичу Стороженку, препоручаю нынѣ же въ его полное владѣніе и собственное распоряженіе сіе только имѣніе, именно: село Вибли и хуторъ Уборковскій и слободу Мохнатинскую со всѣми крестьянами, землями пахотными, сѣнокосными, лѣсными и со всѣми имѣющимися въ тѣхъ селеніяхъ и къ онымъ принадлежащими угодіями, а прочее имѣніе выше сего прописанное, въ часть ему внуку моему Стороженку отъ меня отдаваемое, оставляю я по смерть мою въ единственномъ моемъ владѣнія съ тѣмъ, чтобы онъ, внукъ мой, Николай Стороженко по смерти моей все сіе имѣніе, какъ уже собственное свое, принять имѣетъ и онымъ владѣть и располагать по волѣ своей властенъ будетъ. *Третье*, всѣ крѣпости и бумаги, служащія на каждую часть отдаваемаго мною имѣнія внукамъ моимъ Григорію Петровичу Милорадовичу, Настасьѣ Петровнѣ Лашкевичевой, имѣю вручить по совершеніи на оное имѣніе законной крѣпости, а принадлежащія на часть внука Николая Михайловича Стороженка дожны остаться при мнѣ состоящимся по смерть мою его имѣніемъ. *Четвертое*, движимое мое имѣніе, находящееся только въ части опредѣленной внуку моему Николаю Стороженку, оставляю въ полной моей свободѣ и власти, а по смерти моей остаться оному навсегда безъ раздѣла ему же, внуку моему, Стороженку.

Вышеписаное жъ все имѣніе стоитъ суммы сто тысячъ рублей, а на предъ сего оное отъ меня иному никому не продано и не заложено, и ни у кого ни въ какихъ крѣпостяхъ не укрѣплено и ни за что не отписано; за крестьянъ же въ вышеписанныхъ селахъ, деревняхъ, слободахъ и хуторахъ по послѣдней ревизіи за мною записанныхъ, изъ сей уступки подушныя деньги и всякія государственныя подати платить онымъ внукамъ моимъ Григорію Петровичу Милорадовичу, сестрѣ его Анастасіи Петровнѣ Лашковичевой и Николаю Михайловичу Стороженку, каждому за свою часть, а мнѣ до того дѣла нѣтъ. Что же принадлежитъ до оставленныхъ мною при себѣ по смерть мою изъ части внука моего Николая Михайловича Стороженка крестьянъ, за оныхъ платежъ всякихъ податей производить должна я, а въ написаніи всей уступки сему имѣнію цѣны безъ утайки состоявшійся и публикованный изъ правительствующаго сената въ 1752 г., іюля въ 29 д., указъ при семъ объявленъ.

Къ оной уступкѣ подписались:

Къ сей уступки, по извѣренію сестры моей умершаго бунч. тов. Семена Яковлева сына Полуботка жены Анастасіи Степановны дочери Полуботковой, въ томъ, что она вышеписанное имѣніе свое внукамъ ея малороссійскому почтъ-директору надв. тов. Григорію Петровичу Милорадовичу, секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича женѣ Анастасіи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой, и лейбъ-кирасирскаго полка поручику Николаю Михайловичу Стороженку отдала, руку приложилъ статскій совѣтникъ, предсѣдатель гражданской Черниговской палаты, Григорій Григорьевъ сынъ Фридрикевичъ.

У сей уступки свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ генералъ-поручикъ и Черниговскаго намѣстничества губернаторъ и кавалеръ Андрей Милорадовичъ. У сей уступки свидѣтелемъ... генералъ поручикъ Петръ Ѳедоровъ сынъ Талызинъ. У сей уступки... товарищъ правителя кол. сов. и кавалеръ Яковъ Леонтьевъ сынъ Бакуринскій. У сей уступки... ст. сов. и Черниговскаго уголовнаго суда палаты предсѣдатель Афанасій Филимоновъ сынъ Шафонскій. У сей уступки... верхняго земскаго суда предсѣдатель кол. сов. Якимъ Ивановъ сынъ Оболяниновъ. У сей уступки... надв. сов. Николай Антоновичъ Милорадовичъ. У сей уступки... кол. ас. Яковъ Петровъ сынъ Волватьевъ. У сей уступки... кол. асессоръ Василій Яковлевъ сынъ Дунинъ-Борковскій. У сей уступки... кол. ас. Дмитрій Михайловъ сынъ Енько. У сей уступки... маіоръ Григорій Яковлевъ сынъ Почека. У сей ус-

тупки... примеръ-маіоръ Иванъ Михайловъ сынъ Лисаневичъ. У сей уступки... тит. сов. Иванъ Григоровскій. У сей уступки... поручикъ Степанъ Ѳедоровъ сынъ Геевскій. У сей уступки... кол. ас. Григорій Семеновъ сынъ Гуляницкій. У сей уступки... надв. сов. Степанъ Андреевъ сынъ Прежевскій. У сей уступки... кол. ас. Василій Леонтьевъ сынъ Булавкинъ. У сей уступки... тит. сов. Степанъ Григорьевъ Еньво. У сей уступки... войсковой товарищъ Иванъ Андреевъ сынъ Шрамченко. У сей... кол. ас. Романъ Ивановъ сынъ Марковичъ. У сей... надв. сов. Иванъ Андреевъ сынъ Войцеховичъ. У сей... надв. сов. Василій Яковлевъ сынъ Тарновскій. У сей... кол. ас. Василій Ивановъ сынъ Чернышъ. У сей... надв. сов. Иванъ Енко. У сей... прапорщикъ Андрей Ивановъ сынъ Савичъ. Сію уступку писалъ кол. канцеляристъ Семенъ Козачинскій. Запрещенія нѣтъ. 1791 г., октября 16 дня. Совершить по указу. Секретарь Василій Оболонскій. 1791 г., октября 16.

Сія уступка Черниговскаго н—ства въ палатѣ Гражданскаго суда крѣпостныхъ дѣлъ писанная и въ книгу подлинникомъ записана. Пошлинъ 5000 р., отъ письма 100 р., отъ записки 20 коп. и на расходъ 25 р. 50½ коп., всего 5125 р. 70½ к. взято. Совершилъ надсмотрщикъ Черниговской гражданской палаты регистраторъ Михаилъ Лопатинъ. На оной уступкѣ учинены судовыя засвидѣтельствованія таковы: 1791 г., октября 25. Какъ сія уступка писана Черниговскаго намѣстничества и совершена крѣпостныхъ дѣлъ въ палатѣ гражданскаго суда, и въ книгу подъ № 14 записана, изъ показанной въ оной уступкѣ сто тысячъ рублей цѣны подлежащіе пошлины взнесены. Въ сей же уѣздный Сосницкій судъ, яко представленаа единственно для вписанія оной въ книгу крѣпостей по положенію съ означенныхъ въ той уступкѣ имѣній, яко то села Савинокъ съ х. Каруковскимъ и въ семъ уѣздѣ которые, какъ и по справкѣ оказалось, дѣйствительно такъ и состоятъ, то оная уступная запись за силой учиненнаго сего октября 24 опредѣленія съ представленіемъ въ прочемъ выполненіе объ оной обрядъ въ высочайшихъ учрежденіяхъ подписаннаго тому мѣсту, въ которомъ она совершена въ крѣпостную сего суда книгу, на сей 1791 годъ заведеную, подъ № 14, вписана для вида изъ сею помѣтою въ сторону пріобрѣтателей имѣнія гг. почтъ-директора надв. сов. Григорія Петровича Милорадовича, секундъ-маіора Ивана Лашкевича, женѣ Анастасіи Петровнѣ Милорадовичевнѣ Лашкевичевой и поручика Николая Михайловича Стороженка возвращена. Оное подписали: Судья уѣздный, тит. сов. Алексѣй Павловскій.

Засѣдатель сек.-м. Павелъ Полторацкій. Засѣдатель Андрей Лисянскій. Въ докладѣ дѣлъ регистраторъ Семенъ Юзефовичъ. 1792 года, генваря 29, по сей крѣпости, въ силу полученнаго изъ гражданской Новгородско-Сѣверской палаты указа положенію, значилось въ ней имѣнія въ Сосницкомъ уѣздѣ. На основаніи высочайшаго учрежденія статьи 205, въ уѣздномъ Сосницкомъ судѣ къ судейскимъ дверямъ листъ выставленъ, потомъ въ правительствующій сенатъ, въ оба департамента и въ верхній судъ отрапортовано, для того и сія крѣпость въ сторону пріобрѣтателей возвращена. Судья Алексѣй Павловскій. Засѣдатель Павелъ Полторацкій. Засѣдатель Андрей Лисянскій

Сія вѣчистая крѣпость, написанная въ Черниговской палатѣ гражданскаго суда, въ Городницкій уѣздный судъ, по силѣ высочайшихъ о губерніяхъ учрежденій главы 15, статьи 205, для выполненія обряда по положенію значащагося въ ней имѣнія, въ семъ Городницкомъ уѣздѣ состоящаго, со стороны пріобрѣтателей онаго имѣнія, при прошеніи сего февраля 3 числа, была представлена и по опредѣленію сего суда оная крѣпость съ прошеніемъ и вѣрующіе два листа, приложенныи при ономъ, вписаны въ крѣпостную сего суда книгу на 1792 годъ заведенную, подъ № 1, на листахъ 1, 2, 3, 4, 5 и въ сторону пріобрѣтателей гг. почтъ директора надв. сов. Григорія Петровича Милорадовича, секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича жены, Анастасіи Петровны Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой и поручика Николая Михайловича Стороженка, повѣренному ихъ провинціальному секретарю Василію Трипольскому съ надлежащею помѣтою сія крѣпоссь возвращена, а въ силу выше писанной высочайшихъ учрежденій статьи 205, опредѣлено въ правительствующій сенатъ при рапортѣ, за скрѣпою секретарскою объявленіи послать, въ верхніи земскій судъ отрапортовать, для объявленія споровъ на двугодичное время прибить къ судейскимъ дверямъ листъ. 1792 г., февраля 5 дня. Судья Яковъ Лизогубъ. Засѣдатель Иванъ Лысенко. Секретарь Андрей Елинскій. Коллежскій канцеляристъ Антонъ Бороздна.

По учиненному въ уѣздномъ Черниговкомъ судѣ 1792 года, февраля 24, опредѣленію, вышеписанной уступкой записъ въ книгу земскихъ крѣпостей подъ № 1 вписанъ, по силѣ высочайшихъ учрежденій главы 15, статьи 205, листъ къ судейскимъ уѣзднаго Черниговскаго суда дверямъ, касательно имѣній въ Черниговскомъ уѣздѣ положеніе имѣющимъ, два года прибить, тако-жъ въ правительствущій сенатъ и въ верхній земскій судъ, съ приложеніемъ объявленій,

отрапортовано, въ засвидѣтельствованіе чего и сія выпись г-жѣ секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича женѣ Настасьи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой, изъ уѣзднаго Черниговскаго суда, за подписомъ присутствующихъ и при судовой печати, выдана, а таковыя же выписи и гг. малороссійскому почтъ-директору надв. сов. Григорію Петровичу Милорадовичу и поручику Николаю Михайловичу Стороженку, съ возвращеніемъ съ нихъ г. Милорадовичу и подлиннаго уступнаго записа, для поступленія за прошествіемъ двухъ лѣтъ по прописанной 205 статьи учрежденія. 1792 года, марта 3 дня. Судья Федоръ Якубинскій. Засѣдатель Павелъ Шуба. Засѣдатель Петръ Каменецкій. Секретарь кол. протокол. Иванъ Скорина.

Засимъ, слѣдуютъ письма И. С. Лашкевича къ женѣ, писанныя послѣ того, какъ онъ началъ въ Черниговскомъ уѣздномъ судѣ процессъ противъ П. С. Милорадовича и сына его Григорія Петровича за то, что они «удерживаютъ материстыя жены его недвижимыя имѣнія, принадлежащія ей въ равный подѣлъ съ бравомъ».

---

44. Душа жизни моей, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настасія Петровна! День се изходитъ третій по твоемъ отѣздѣ, ангелъ мой Настенька! которой меня влечетъ съ одной скуки въ другую наибольшую, кою долженствую преодолѣвать. Итакъ, я сегодня выѣжаю въ Новгородъ-Сѣверскъ, гдѣ, по крайнему несчастію, недѣлю предполагаю прожить, и въ сіе время весьма могу примѣтить, куда будетъ дѣло клонится, когда моя прозьба не успѣетъ, а отъ туда буду наискорѣе спѣшить въ твои дражайшіе, душечка моя, обятія, пристанище покоя моего, цѣлую тебя, жизнь мою, миліонъ разъ. Dememe, je benice mon aimable petite enfen. Не скучай же, маменька моя, вѣрь мнѣ, что ни минуты не медлю къ тебѣ летѣтъ! Будь, ангельчикъ мой, здорова и береги себѣ выпускать изъ памяти, что съ твоимъ здоровьемъ сопряжена моя жизнь; не забывай, душа души моей, твоего вѣрнѣйшаго друга и послушнаго вовѣкъ мужа Ивана Лашковича. Матушка вамъ кланяется. Улянѣ Семеновнѣ мой поклонъ и Григорію Гер. также. Наши въ Москву уже приехали и каково получилъ я письмо отъ Гаврила Г., оное посилаю въ достоверность

отцу протопопу и супругѣ его, которое имъ вручите. И вамъ братъ мой пишетъ изъ Москви его почтеніе, равно и Федотъ Гер. и Анна С. *(1789 г., 2 окт. Брахловъ).*

45. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, жизнь души моей Настасія Петровна! Сей день получилъ я твое письмо, которое меня привело въ великой восторгъ и причинило наивеличайшее удовольствіе въ душѣ моей. Но жаль мнѣ до крайности, что я не могу еще ничего сказать рѣшительного о моей здѣсь прескучнѣйшей жизни, ибо ничего незнаю, какъ наше дѣло пойдетъ, которое я уже началъ, а примѣчаю, что судьи на его глядятъ съ великимъ негодованіемъ и боятся оного, потому что оное противъ Милорадовича, то чтобъ того не было, что исправнику Городницкому, и жалѣютъ почему мы его не начали въ Городнѣ, но какой конецъ они мнѣ здѣлаютъ—повижу. Но сколько примѣтить я могу, съ разговоровъ ихъ, къ нашей сторонѣ нехорошо они расположены, и чтобы не довелось на ихъ жаловаться намѣстнику. Коровъ твоихъ проведено въ Жукотки, а тамошнюю отправлю въ Савинки, по твоему желанію; о ключникѣ, во мнѣ писанному, не видѣвшись съ тобою, я ни слова не могу сказать. Жнива здѣшніи не слишкомъ хороши, по сказкамъ тутешнихъ стариковъ, противъ прежнихъ временъ. Теперь нажато, на гумно свожено въ Жукоткахъ 469 копъ, въ Полуботкахъ 170 копъ, итого всѣхъ 639 копъ. Ярь не вся сжата, но въ Полуботкахъ копа даетъ овса 6 четвериковъ и 4 гарца, но его мало весьма такъ хорошаго, только въ семъ селеніи, а въ Жукоткахъ пропалъ. Не думаю, чтобъ сее письмо застало васъ въ Боровичахъ, но какъ вы скоро ѣдете въ Карюковку, то надѣюсь, что будете и въ Савинкахъ. Развѣдай тамъ и въ Сосницѣ, почему можно купить четверть жита, и о семъ меня увѣдоми не въ продолжительномъ времени, а я бы къ тебѣ отъсюда подослалъ мѣди 200 р. на покупку хлѣба, а ты, душа моя, постарайся и прикажи Гурію, чтобъ винокурня исправна была, чтобъ начать винокуреніе неотмѣнно съ 15-го сентября. Наконецъ, мысленно разцѣловавъ тебя сто тысячъ кратъ и предаясь въ вѣчную твою любовь и дружбу, остаюсь къ тебѣ наполненъ таковыми же чувствами, вашъ вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ *(1790 г., 7 авг. Черниговъ.)*

46. Любезнѣйшій другъ мой, душа души моей, ангелъ дражайшій Настенька! Спѣшу тебя увѣдомить, что я слава Богу уже въ судѣ управился и позовъ взялъ, теперь остается черезъ засѣдателя нижняго земскаго суда тотъ позовъ положить въ Криничномъ, а по-

тому я рѣшился для сего оставить тутъ повѣренняго, какъ для сего случая, равно и другіе двѣ маленькіе выправки здѣлать, а самъ я положилъ отсюда выѣхать въ слѣдующій понедѣлникъ или во вторникъ къ вамъ, для того и отправляю сего нарочнаго во первыхъ, что онъ нездоровъ, а другое, чтобъ тебя увѣдомить о моемъ скоромъ къ тебѣ пріездѣ; сіе потому дѣлаю, чтобъ намъ не разѣхатся, какъ о томъ прежде ты, душечка, ко мнѣ писала. Теперъ уже не безпокойся, я къ тебѣ лечу. Намѣстникъ на сихъ дняхъ сюда уже будетъ конечно, есть о томъ вѣрнѣйшее извѣстіе, и для сего случая надобно домой сцѣшить намъ. Я теперъ въ неизвѣстности, гдѣ вы, но моя мысль такова, когда сіе мое письмо получите въ Карюковкѣ, то остается въ вашей волѣ тамъ оставаться или пріѣхать въ Боровичи, какъ бабушкѣ угодно, но я прошу покорно увѣдомитъ меня, гдѣ мнѣ васъ искать и чтобъ ясное увѣдомленіе въ Боровичахъ засталъ, ибо я буду можетъ почтою. Буду къ вамъ зъ Николаемъ Михайловичемъ (Стороженкомъ) въ понедѣлникъ на ночъ или во вторникъ на обѣдъ или на ночъ, такъ я думаю, что когда застану васъ въ Карюковкѣ, то оттуда поѣдемъ въ Савинки, а изъ Савинокъ въ Брахловъ. Сегодня я ѣду въ Жукотки, а завтра сюда возвращусъ, кое что тамъ учредивши. Надобно мнѣ и о семъ тебя увѣдомитъ, что по взятіи позва, Григорій Петровичъ и я всякой день видимся и идутъ прежаркіе переговоры о дѣлѣ и раздѣлкѣ, и положили было (на?) стороннихъ посредниковъ, онъ—Бакуринскаго, а я—дѣдушку Григорія Григріевича; они между собою не видались, потому не можемъ сами съ собою ни до чего рѣшительно довтить ибо какъ только слово о раздѣлѣ, то вдругъ и возметъ кашлять и показуетъ мнѣ, что у его кровъ будто изъ горла идетъ, но какъ есть изъ зубовъ; я его здоровья жалѣвши, перестаю говорить. Такъ суди, другъ мой, какъ можно съ такимъ человѣкомъ выиграть терпѣніемъ. Однакъ я былъ съ нимъ у г. Бакуринскаго, а онъ со мною у дѣдушки, гдѣ кажется довольно ему дѣдушка уличалъ о всѣхъ его несправедливостяхъ къ нашей обидѣ. Бога ради, извини меня передъ бабушкой, что не могу теперь ничего къ ней писать, а засвидѣтельствуй мое нижайшее почтеніе и поцѣлуй бабушку за меня дражайшіе ея руки матерные. Възаключеніе, цѣлую тебя, друга моего найдрагоцѣннѣйшаго, сто тысячъ кратъ и горю желаніемъ наискорѣе съ тобою видѣтся. Прощай, душа моя, до свиданья, имѣя въ памяти твоего вѣрнѣйшаго мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Здѣсъ въ домѣ такъ много больныхъ обложною болѣзнью, что дѣйствительно надобно утѣкатъ да

и во всемъ городѣ безъ изятія. На сихъ дняхъ жена Долинскаго родила дочь, коя во святомъ крещеніи наречена Пелагія. *(1790 г., 10 авг. Черниговъ.)*

47. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настенька! душа жизни моей. Въ господствующей здѣсь скукѣ и трудахъ, до крайности мнѣ пріятно было получа твое дражайшее письмо. Я съ мой стороны наготовилъ уже человѣка къ тебѣ и завтра отправлю съ увѣдомленіемъ, что у насъ сегодня будетъ въ судѣ съ Григоріемъ Петровичемъ. Я конечно приемлю съ удовольствіемъ твое обо мнѣ сѣтованіе, но съ другой стороны жестоко мнѣ тебя жаль, что напрасно, душечка, смущаеся. Божусь тебѣ, что я совсѣмъ здоровъ и воздухъ здешній) мнѣ поблагопріятствовалъ. Четужи, жизнь моя, обо мнѣ, а инако ты мнѣ новую болѣзнь причинишъ. Письмо къ матушкѣ здѣсь влагаю незапечатаннимъ, но въ конвертѣ и за моею надписью, въ которомъ когда хочешъ припишешъ, а когда не захочешъ въ ономъ приписивать, то запечатай моею именною печаткою и отправъ; да не худо и тебѣ, ангелъ мой, что нибудь къ матушкѣ написать. Боюсъ я когда бъ вы въ Карюковкѣ не замѣшкались. Алексашеньку поцѣлуй за меня и когда ѣхать будете въ Карюковку, Улину Семеновну проси и отъ себя и отъ меня о соблюденіи дитяти, и Боже сохрани Санечкѣ здѣлается что худое, то развѣ вѣкъ не видатся, да чтобъ ея баба хлѣбомъ жеваннимъ не кормила. Когда застанешъ въ Савинкахъ уже бочку горѣлки, то присилай пожалуй въ Жукотки съ надежнимъ приставомъ, здѣлавши выпалки [1]), и вели Гурію, чтобъ обстоятельно написалъ какой доброты и сколько вѣдеръ. Въ Жукоткахъ остается полтори бочки самой той лутчей, то можно будетъ, когда привезенная будетъ недобротна, то здѣшнею подправится, а въ Жукоткахъ такъ управился, что и горѣлка вся скоро выйдетъ и денегъ въ недоимкѣ болѣе 100 р., которая когда не будетъ взискана, то мы будемъ въ накладѣ. Полсервиза куплено за 12 р., въ цѣлости довезенъ до Жукотокъ. Наконецъ цѣлую тебя мысленно тисяча тисячъ разъ, желаю тебѣ найлутчего здравія, остаюсь твой вѣрнѣйшелюбящій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. М. г-ню бабушку цѣлуй за меня ручки. *(1790 г., 1 окт. Черниговъ.*

48. Душа моя Настенька, вѣрнѣйшій и любезнѣйшій другъ! Неожидаемо скоро получилъ я отъ тебя, ангелъ, увѣдомленіе, кое со-

---

[1]) Т. е. измѣривъ крѣпость водки посредствомъ ея горѣнія; чѣмъ больше останется послѣ горѣнія, воды, тѣмъ водка окажется хуже.

вершено привело въ крайнѣйшее восхищеніе духъ мой. Благодарю Бога, что ты и Саша здоровы, и дай Господь непрерывно намъ симъ наслаждатся. Душечка, когда ваша дорога въ Карюковку и въ Савинки подъ сумнѣніемъ, то Бога рады посилай нарочного въ Савинки и паниши приказъ къ Гурію, чтобъ присилалъ немедленно въ Жукотки бочку горѣлки съ надежнимъ приставомъ и чтобъ здѣлалъ выпалку, о всемъ чтобы писалъ къ Грозенку, и сколько будетъ въ бочкѣ вѣдеръ. Вчерась я видѣлся въ домѣ Якова Леотьевича Бакуринского съ нашимъ любезнимъ дядюшкомъ Иваномъ Степановичемъ и я сколько можно старался вѣжливо ему себа редомендоватся и просилъ его любвы и милости, но онъ мнѣ ни одного слова на сіе не отвѣчалъ, а потомъ мы повели сторонную матерію. Сколько времени я долженъ буду тутъ пробыть и самъ не знаю, а скажу тебѣ, жизнь моя, что сегодня иду на горесть въ судъ противъ батюшки и братца почтеннѣйшихъ, которые въ свое оправданіе говорятъ, ни Бога не боясь, ни совѣсти и публики не стидясь, имѣютъ помощниковъ плутовъ дюжину, а мы съ тобою, за наши деньги, не можемъ имѣтъ и одного человѣка. Посуди, душа моя, какой совѣсти Яковлевъ, взявши жалованье и прогоны и нѣту его! Вотъ сколь мы несчастливы. Я не понимаю, чтобъ съ меня было, когда бъ Марковичъ Романъ Ивановичъ не обѣщался, по дѣдушкиной прозьбѣ и моей, пособлять намъ; да то бѣда, что много разъ бывъ напуганъ отъ мошенниковъ, иногда уже сумнюсь и чесному человѣку вѣрить и не смѣю, а больше всѣхъ на Господа положилъ надежду. Въ Нѣжинъ пошла подвода и все по твоему, душечка, приказанію исполненно, выключая лену въ Вересожъ, куда также при оказіи въ Жукотки, велю къ себѣ Печерному явится и отправлю его. Хвалюсь тебѣ, что съ самого моего пріезду ни разу не ужиналъ. Слухъ прочался, что братъ нашъ Галаганъ [1]) сговорилъ Марію Андреевну и что Андрей Степановичъ, ѣдучи изъ Вороньковъ съ Маріею А., были у его въ Сѣкеренцахъ. Посилаю Саничкѣ моей разнихъ сортовъ игрушковъ и желаю, чтобъ оны ея тѣшили, только рады Христа береги, чтобъ она себѣ глаза не спортила. Больше времени не имѣю говорить и любоватся на бумагѣ съ тобою, какъ бы мнѣ сіе не пріятно было; спѣшу и ѣду въ судъ, сегодня мы

---

[1]) Григорій Ивановичъ, родной племянникъ матери И. С. Лашкевича Прасковьи Григорьевны, рожд. Галаганъ. Марья Андреевна—дочь Андрея Степановича Милорадовича. Упоминаемый здѣсь „сговоръ“ однакожъ не состоялся, такъ какъ Гр. Ив. былъ женатъ на Иринѣ Антоновнѣ Милорадовичъ.

будемъ съ нашими благодѣтелями документами размѣнѣватся; при первой оказіи увѣдомлю тебя, смотря по обстоятельствахъ, когда тебѣ, жизніоночекъ мой, приездить въ Жукотки; я безъ тебя до смерти скучилъ, когда бъ только Богъ далъ, чтобъ вы скорѣе изъ Карюковки воротились. Цѣлую тебя тисячу кратъ, обладательницу души моей, а ты отъ меня дочку поцѣлуй въ щечку и имѣй въ непреложной любвѣ и памяти твоего во вѣкъ вѣрнѣйшего мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Любезный нашъ братецъ Григорій Петровичъ изъ Любецкаго владѣнія послалъ вчерась въ деревни жени своей двѣстѣ подводъ за овсомъ; были такіе мужики изъ посплаемыхъ, что давали ему здѣсь по 5 чвертокъ овса, чтобъ только не ѣхатъ, видя свою гибель, но таковыхъ выталкать онъ велѣлъ. (*1790 г., 7 окт. Черниговъ.*)

49. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, ангелъ жизни моей Настенька! Разставшись съ тобою, приехалъ я сюда на день св. Николая, въ 3-мъ часу по полудни, не притерпѣвъ въ дорогѣ черезъвычайной нужды, кромѣ той, что въ 20 верстахъ отъ Боровичъ колесо кибитки Томариной въпрахъ разсыпалось, а за пріѣздомъ моимъ сюда, спина моя не хотѣла мнѣ служить, не давъ о себѣ почувствовать черезъ сутки, сколько она оскорблена отъ дурной дороги, но послѣ того и теперь, по сіе время, благодаря провидѣнія, я такъ здоровъ, что подобнаго здоровья тебѣ, душа моя, и Сашенькѣ желаю! Засталъ я здѣсь дѣло внѣ всякой опасности, но какъ уже подписанъ нашимъ повѣреннимъ экстрактъ, то потому и захотѣлось заглянутъ въ дѣло мнѣ самому окомъ хозяина, а не наемника, помня тую пословицу, *что наемникъ, яко наемникъ*, и перебыраа оное по листамъ, какъ уже извѣстную мнѣ матерію, удивился наижесточайше, что не нашелъ я двухъ документовъ отъ стороны батюшки и братца любезнѣйшего, мнѣ на судѣ данныхъ, при размѣнѣ крѣпостей; таково бездѣлство мнѣ не понравилось, то я тотъчасъ суду о такой фальшѣ опротестовалъ, а между тѣмъ, какъ я имѣлъ изъ суда мнѣ данныхъ два документа за скрѣпою секретаря, подобные украленнымъ, то я въ точности при челобытной и представивъ, просючи, чтобъ сняти были съ оныхъ копіи и сообщены къ дѣлу, а подленные возвращени бы были мнѣ обратно, но еще на сіе резолюціи нѣту. Ты же, ангелъ мой, о семъ ничего не думай, Богъ намъ помощникъ. Всякой день я въ судъ таскаюсь и прошу неотступно о рѣшенія дѣла и мнѣ обѣщенно, что завтре будетъ обявлено рѣшеніе, но я на обѣщаніе недовѣрчивъ, пока не увижу того своими глазамы; но

со всего примѣчаю, что насъ хотятъ обидить судящіе и сего удара силъ моихъ нѣтъ отвратить, щади человѣколюбіе, потому что чуть присудствующіе не приклонились бы къ сторонѣ неправотѣ, во угодность нашимъ благодѣтелямъ, то развѣ имъ и на свѣтѣ не быть, не только чтобъ при сихъ выборахъ остатся судящими, чего крайне имъ хочется. И такъ *не надѣйтеся на князи, ни на сини человѣчестые, въ нихъ же нѣтъ спасенія*, а потому *всуе бысть страхъ, аще не Господь сохранитъ градъ*. Теперъ скажу на твое въ отвѣтъ любезнѣйшее письмо, жизнь души моей Настенька! О говоренномъ тобою котлѣ съ Улянною С., оной намъ ненуженъ, посему что и безъ оного на имѣющіеся теперъ въ Савинкахъ будемъ имѣть всякіе сутки 10 вѣдеръ, а потому купивши еще казанъ, спалимъ его попустому, когда средство есть и безъ его обойтись, а изъ того могъ бы быть лишній убытокъ. Касательно договоренныхъ тебѣ грекомъ свиней, я жду Грозенка сегодня и пошлю его скупать тамъ для Савинокъ 20. Ты же, сердце мое, поудержися и не скупляй свиней въ Боровичахъ, покуда я тебя увѣдомлю, какая здѣсь будетъ удача, и о семъ скажи Алексѣю, боярину, чтобъ по тѣхъ поръ и онъ не куплялъ и не прискованъ. Курей по твоей волѣ запретилъ уже выбирать. О пряжѣ не упущу приказать, какъ ты писала во мнѣ. Какъ скоро дорога будетъ, то пришлется Улянѣ Семеновнѣ по чверткѣ гороху и ячменю. Какъ скоро дѣло рѣшится, то я тебѣ, свѣтикъ мой, нарочнимъ бояриномъ дамъ знать, равно и о томъ, какъ скоро буду къ вамъ, а теперъ въ мислихъ цалую тебя миліонъ разъ, поруча тебя, душу мою, промыслу и любезную мою Санечку. Будьте здоровы., слава и горящая любовь, ангелъ жизни моей Настенька, обожающаго навѣкъ тебя друга, вѣрнѣйшаго и преданнѣйшаго мужа Ив. Лашкевича. Мил. г-ню бабушку и мил. г-ню Софію Васильевну (?), бабушку же поцѣлуй за меня въ ручки по 10 разъ. Сестрицѣ Аннѣ Артемовнѣ кланяюсь усердно. (*1790 г. 12 дек. Черниговъ.*)

50. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Отвѣтъ на мое письмо къ тебѣ писанное, я получилъ и при ономъ письма Рубца и брата, тамъ же и копію рѣшенію верхнего земскаго суда [1]), которое въ нашу пользу здѣланно но, думаю, что недешево оно намъ будетъ стоятъ; жаль что о томъ насъ не увѣдомили. Что же ты, ангелъ мой, спрашиваешь у меня, что значитъ, что два члена остались при ихъ мнѣніяхъ, то въ семъ

---

[1]) См. выше, № 36, стр. 99.

великой важности нѣту, а оны только симъ самымъ показали, что они не согласны на сіе рѣшеніе, которое по тому не теряетъ своей силы, и какъ оное не въ пользу батюшки, то онъ будетъ черезъ 6 недѣлъ въ палату гражданскую апелявать, и мы съ нашей стороны возьмемъ осторожность, дождавшись пресквернаго опредѣленія по дѣлу нашему, кое самимъ гнуснымъ и безъзаконнѣйшимъ образомъ сотворено и мнѣ вчера въ судѣ обявленно. Содержаніе его въ кратких словакъ скажу: «что какъ г. Милорадовичъ занесъ жалобу на опредѣленіе Сосницкаго суда, позволяющее выйтить въ замужье дочерѣ его Анастасіи Милорадовичевнѣ въ Новгородской-сѣверской верхній земскій судъ, то и предоставляется обѣимъ сторанамъ доходить тамъ окончанія начатаго дѣла, а сіе пріостановить въ уѣздномъ Черниговскомъ суду, а какъ ни та, ни другая сторона не обвиняется и не можно оного рѣшить безъ окончанія того дѣла, то и отъ пошлинъ обѣ стороны уволняются, для того и обявить обѣимъ, за подписками, что буде которая недовольна, то апелявала бъ верхнему земскому суду.» Я съ моей стороны весь обрядъ выполнилъ, подписалъ на ономъ опредѣленіи недовольство и взнесъ по обряду на урядъ 25 р., а будетъ ли доволенъ симъ опредѣленіемъ почтеннѣйшій братецъ, сего не знаю; онъ еще ничего, ни того, ни другаго не подписалъ. Не можно такъ скоро рѣшится, что начать дѣлатъ, дабы избавится отъ такого безсовѣстнѣйшего судоваго опредѣленія. Но кажется, что необходимо пора уже пожаловатся намѣстнику, поѣхавши въ Кіевъ, чтобъ онъ тебя защитилъ отъ нападенія и гибели твоей ищущихъ, родителя и брата, всякими непозволенными и богопротивными способамы. Естли и намѣстникъ не вступится за твою невинность, то уже не начто больше надѣятся, а останется отъ всемогущаго Творца на томъ свѣтѣ ожидать награжденія, а тутъ кромѣ безъсовѣстія и волокити, не обрѣтемъ (ничего?). Думаю, что поѣздка моя съ жалобою въ Кіевъ нелегка мнѣ будетъ въ разсужденіи безпутиця и переправы черезъ двѣ большіе рѣки. При отѣздѣ моемъ въ святій градъ, не оставлю тебя увѣдомить, а теперъ, пожелавъ тебѣ, жизнь моя, и Алексашѣ, здравія и благополучія, а я здѣсь остаюсь растроенъ мыслею, духомъ и дѣламы. Можетъ быть сіе я сказалъ и слишкомъ много, но таить передъ тобою вовѣкъ я себѣ бъ сочелъ порокомъ. Храни всегда въ сердцѣ твоемъ имя и память любящего и обажающего тебя мужа и преданнѣйшаго до смерти друга, которой мысленно лобизаетъ тебя поминутно, Иванъ Лашкевичъ. М. г-нѣ бабушкѣ, м. г-нѣ Софіи Васильевнѣ прошу обѣимъ мое нижайшее по-

чтеніе свидѣтельствовать и поцѣловать за меня въ руки. Прилагаю у сего къ матушкѣ письмо незапечатанное, которое прошу переслать въ Брахловъ, приписавши и отъ своей стороны, что нибудь о себѣ и Алексашѣ, въ ономъ письмѣ или въ особомъ, какъ воля ваша будетъ. (*1790 г., 17 дек. Черниговъ*).

51. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настенька, душа жизни моей. На третій день я сюда прибылъ, раставшись съ тобою, ангелъ мой, да сегодня и отъсюда же выежаю, о чемъ и что я здоровъ податель сей тебя удостовѣритъ. Дядюшка пишетъ, просячи обо мнѣ къ Петру Васильевичу (Завадовскому), къ оберъ секретарю его другу, также и къ секретарю, да и къ другимъ обѣщалъ писать, когда нужда укажетъ, ибо онъ надѣется, что я самъ нашимъ благодѣтелямъ извѣстенъ, то увидя меня обиженного, конечно не откажутся пособить. О семъ я съ нимъ частую переписку буду весть. Посилаю тебѣ, душа, двѣ пари перчатокъ да для бабушки одну пару, которую прошу отъ меня въ ручку поцѣловать, при засвидѣтельствованіи моего нижайшего почтенія. Пожалуй, душа моя, изготуй два пуда конфектовъ, какъ скоро я потребую, то чтобъ оны у тебя были въ готовности, а безъ вѣдома не присилай. Кажется лутче, когда пошлешъ въ Кіевъ надежного человѣка и тамъ купишъ. Такимъ гостинцомъ весьма можно въ Петербургѣ услужить. Любезной дочкѣ моей посилаю карету съ лошадьми двумя, и еще девять разныхъ игрушокъ и желаю, чтобъ она въ силахъ была все сіе испортить.— Не тужи, другъ мой, обо мнѣ, будь здорова и любы того, которой тебя помнвутно въ мысляхъ имѣя, цѣлуетъ мысленно тебя. Прощай, ангелъ жизни моей, и помни твоего преданнѣйшаго и вѣрнѣйшего мужа и друга Иванъ Лашкевичъ. Полотна я не купилъ, самая худшая штука 50, а какъ буду назадъ ехать, тогда куплю. (*1791 г., 1 іюня. Могилевъ*).

52. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! Къ полдню сегодня сюда приехалъ я, не буду я тебѣ описывать подробно, какіе мнѣ въ дорогѣ случались трудности и досады, а скажу коротко, что всего лутче, когда Господь мнѣ даровалъ все перенесть. Квартеры я искалъ долго и ѣздя въ кибеткѣ по городу, до того искучилъ, что принужденъ навремя остановится въ трактирѣ, гдѣ и договорилъ за всякой денъ 2 р. 50 к., за три покоя; сія квартера мнѣ дорога, такъ что я и не намѣренъ въ ней болѣе четырехъ дней пробытъ, а буду старатся о способнѣйшемъ жилищѣ и дешевшемъ. Ставъ тутъ на ногахъ, принимаюсь за бумагу сію, ангелъ

мой, душечка Настенька, щитаю первѣйшимъ моимъ долгомъ увѣдомить тебя, что я слава Богу здоровъ доѣхалъ. Симъ я увѣренъ духъ твой можетъ быть покоенъ. Плати, жизніоночокъ мой, взаимно и мнѣ, сказивая о твоемъ мнѣ дражайшемъ здоровьи, сіе одно кажется, любезной другъ мой, слабое утѣшеніе, коимъ мы въ разлукѣ питаемся. Можетъ нашъ благодѣтель Г. Петровичъ не захотитъ ли и оного прервать, на то я возьму мои мѣри съ послѣдующими за симъ письмами, а теперъ поставивши на семъ нумеръ (№ 1-й) для пробы, равно и ты, маминька, когда будешъ ко мнѣ писать, то на своихъ письмахъ надписуй нумери. Когда будешъ, ангелъ, ко мнѣ писать, то доставляй тѣ письма къ дѣдушкѣ Григорію Григоріевичу, въ Черниговъ, а онъ уже знаетъ, какъ ко мнѣ надписывать; а какъ скоро я совершенно найду себѣ квартеру, то тотъчасъ тебя увѣдомлю, тогда можно уже тебѣ, свѣтъ мой, прямо ко мнѣ надписивать; когда же получишъ и изъ Брахлова, то также съ своимъ ко мнѣ письмомъ къ дѣдушкѣ отправляйте; я оные буду вѣрно получатъ; теперъ же спѣшу съ отправкою сего на почту. Заключивъ сіи мои строки, погружаюсь мысленно въ наиприятнѣйшею твою душу, мою уже, и цѣлую тебя помнутно, ангела моего, живя въ тебя сердцемъ и душею, владѣя полно твоимъ. Прощай пребывающего къ тебѣ до конца жизни моей преданнѣйшимъ другомъ и вѣрнѣйшимъ мужемъ Иванъ Лашкевичъ. Любезную дочку нашу Сашечку поцѣлуй за меня. Sitot que vous entendrés le petit soter dans votre ventre, vous me donereż savoir le quelle dat... vous vous faire votre conoisence premier? Приложенное у сего письмо къ матушкѣ пожалуй, сердечко, доставь поскорѣй; ты сама, малюточка, знаешъ сколько она онымъ обрадуется. Извини, душенька, меня предъ бабушкою, что не въ особомъ конвертѣ, но вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ посилаю, все сіе дѣлается что я много уповаю на ее къ намъ милости. Увѣдомы меня все ли ты получила отъ меня изъ Могилева, черезъ Марку. Adieu, mon ange. *(1791 г., 8 іюня, Петербургъ).*

53. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настенька, душа жизни моей! Четыре дня назадъ тому, какъ я къ тебѣ, ангелъ мой, писалъ черезъ почту черниговскую. Увѣдоми меня получила ли ты оное. Теперъ сіе отпущаю, черезъ сосѣда моего и друга Степана Михайловича Ширая, въ надѣяніи, что дойдетъ къ тебѣ скоро черезъ Брахловъ. Но жалко, что не имѣю ничего сообщить тебѣ пріятного, кромѣ того: подалъ въ сенатъ апеляцію 10-го іюня и прямо въ руки генералъ-рекетмейстеру Аркадію Ивановичу Терскому. Что будетъ

далѣе не знаю, но въ департаментъ она еще не вошла; о томъ и какъ дѣло розбудить, я теперь стараюсь: ищу поминутно дороги и какъ скоро на оную вспаду, то буду всѣми силами стараться тянуть. (Повѣренный Г. П.—Аксюкъ здѣсь и ожидаетъ поминутно какихъ то бумагъ отъ Г П. на подачу въ сенатъ; какого оны быть должны содержанія я не понимаю, но увижу того чуда). Былъ я у Петра Васильевича, онъ на время въ городъ пріѣхалъ, а живетъ всегда лѣтомъ на дачѣ. Онъ весьма меня ласково принялъ и велѣлъ, чтобъ я къ ему на дачу пріехалъ, но по сю пору я однакожъ еще не имѣю свободнаго времени и можетъ черезъ день или два поѣду на дачу къ ему и къ графу Безбородку; увижу, какъ сей баринъ на меня взглянетъ. Онъ же знаетъ о моемъ сюда пріездѣ и о дѣлѣ, то посему мнѣ необходимо къ ему толкнутся и примѣчу, что съ сего выйдетъ. Петръ Васильевичъ, между прочимъ, сказалъ, что отецъ тебя никакимъ образомъ не можетъ удалить отъ имѣнія твоего. Полагатся на сіе не слишкомъ должно, можетъ быть это политика, Богъ знаетъ. Два раза я былъ у графа Воронцова; однажды сказанно, что графъ проситъ въ другое время къ ему притить, а въ другой разъ сказанно, что графъ сегодня не принимаетъ никого, занятъ дѣлами. Здѣсь я колеблюсь съ мислями, не упрошенъ ли онъ (отъ ?) графа Безбородка меня къ себѣ не допускать. Но не взирая на сіе, я буду добиваться увидѣтся неотмѣнно и обо всемъ объяснится съ графомъ Воронцовымъ. Наконецъ, былъ я у г. оберъ прокурора и оберъ секретаря и обѣимъ имъ, особо каждому, пояснилъ обстоятельства дѣла. Ими я принятъ весьма ласково и обнадежили меня защитою справедливости. Потомъ я объяснился и язъ секретаремъ и, видное дѣло, сего надобно наиболѣе придерживаться, что я и исполню; онъ тотъ, которой, сказываютъ, можетъ дать скорое теченіе дѣлу; о томъ и ему и кучить буду всякій день, его пользу показавши. У Суденкова 4 раза былъ, не удостоился его видѣтъ; когда еще разъ не удастся его узрѣть, то брошу и ходить. Карета и пара лошадей каждый день здѣсь составляютъ 3 р. 50 к., что дѣлаетъ на мѣсяцъ 105 р. Я оную, попользовавшись 3 дня и заплативши 10 р. 50 к., отпустилъ а рѣшился апостольски пѣшкомъ ходить. Стыдно мнѣ таскаться по улицамъ въ башмакахъ и иногда въ слякоть, но нѣчимъ перемѣнить; все генерально тутъ дорого и доведется можетъ быть здѣсь годъ и съ лишкомъ прожить, то и рубашки на плечахъ не останется. Слѣдовало бъ мнѣ написать къ м. г-рю дѣдушкѣ о моихъ здѣсь дѣйствіяхъ, но какъ сію же самую матерію опять долженъ

повторять, а времени не имѣю, да къ тому же и г. Ширай спѣшитъ съ отъѣздомъ, а пустить сего случая я не хочу, а черезъ почту я не могъ бы всего вышеписаннаго писать, то въ такомъ случаѣ, пожалуй, жизнь моя, сіе самое письмо попроси бабушку нарочнымъ отослать въ Черніговъ, къ дѣдушкѣ для прочету и дабы оное обратно къ тебѣ доставленно было. Да я и тебѣ, душа моя, примѣчаю: не давай никакого виду и ничего не сказывай при священникахъ боровицкихъ, что я къ тебѣ пишу: одинъ часто ѣздитъ въ Черніговъ, то иногда, что онъ слышавши въ Боровичахъ, тамъ Г. П. нечаянно не проговорился. Два дня уже назадъ какъ я на другую квартиру перешелъ; тутъ кажется мнѣ сходно будетъ. Полагаю у сего записку, какъ ко мнѣ письма надписывать, съ которой копію снявши, отошли для вѣдома къ дѣдушки, а сію у себе оставь. En suite, à vous dire la verité, je n'ai eté si inquiet qu'apresént; je m'enui ici exprement et si Dieu ne me donerat point etre sitot de retourt, il me pars, que la nesiceté m'obligera de vous prier venir vivre avec mois pour suportez sette lours fardot eten ensemble tout nos malheurs serons suportable. Adieux, mon tres cher coeur, je vous baise mille mille fois, ne m'onbliez jamais votre fidelle epoux et ami J. Laschkewitch [1]). М. г-ню бабушку-матушку прошу за меня въ ручки разцѣловать. Алексашу въ лобыкъ поцѣлуй. *(1791 г., 12 іюня. Петербургъ).*

54. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! Не можетъ быть ничего для меня пріятнѣе, какъ вотъ уже другой случай, которимъ я пользуюсь къ тебѣ, извѣщая о себѣ, думаю, что ты, ангелъ мой, по первому черезъ Шарая, изъ Брахлова, уже получила подъ № 2, а сіе отпущаю черезъ управителя Петра Васильевича, кое уповаю скоро до тебя дойдетъ, да и за симъ еще открываются оказіи, которыхъ я не пропущу; съ сей стороны я доволенъ, что ты, сердце мое, покойна и се третье письмо отъ меня къ твоимъ рукамъ идетъ: одно изъ Могилева, а три изъ Петербурга, но я лишенъ сего утѣшенія, еще ни одного письма не получилъ, жизнь-оночекъ мой. Здѣлай милость, дражайшій ангелъ мой, увидоми, Бога ради, меня о твоемъ и Сашечкиномъ здоровьи et de cette que vous avez avec vous. Сколько я притерпѣваю, не видя тебя, то и пояснять лишнѣе будетъ; Богъ свидѣтель, ни съ чемъ не можно сравнять сей горестнѣйшей муки, да то бѣда, что и самъ не вижу, когда удастся

---

[1]) Французскій текстъ писемъ печатается безъ измѣненій.

мнѣ кончить тутъ дѣла и летѣть къ тебѣ, въ обятія, вѣрнѣйшему моему другу, при всѣхъ лестнихъ надеждахъ, коими я льщусь о благополучномъ окончаніи нашего дѣла, (что да буде между нами сказанно.) Теперъ тебѣ остается, душа моя, исполнить важную комисію и пособыть скорѣйшему успѣху нашего дѣла и постарайся неотмѣнно прислать ко мнѣ сюда, къ десятому августа, тисячу рублей денегъ. Попроси бабушку и дѣдушку пособить тебѣ, гдѣ бы вызичить; безъ оныхъ никакъ не можно обойтись, когда хочешъ выиграть дѣло; къ тому времени съ хозяйства можетъ быть что получишъ, изъ Жукотокъ, изъ Брахлова и изъ Савинокъ, а инако мои здѣсь тщетные будутъ рвенія и труда, ибо при сильнихъ нашихъ благодѣтеляхъ, безъ денегъ трудно и неудобно. Бога ради, вызволи меня, да и то рассуди, когда теперь сего вздругъ не схватить дѣла, то вить ожидаючи по очереди рѣшенія (да каково оно еще и будетъ) болѣе здѣсь издержу на свое тутъ содержаніе, нежели вздругъ пожертвовать и Богъ дастъ выиграть. Деньги не опасайся по почтѣ ко мнѣ доставить, квартира моя извѣстна, а по оказіи не отваживай, могутъ пропасть. Дѣвочокъ своихъ дочерей двухъ въ монастирь отдалъ Ожеговичъ (?) и скоро можетъ быть отправится отъсюда; онъ успѣлъ въ своихъ дѣлахъ, деньги изъ банку получилъ и что мнѣ чудно, что онъ старается получить мѣсто дѣдушки Григорія Григорьевича, которое ему, я стороною узналъ, и обѣщанно, не знаю съ воли ли это дѣдушки дѣлается или нѣтъ. (*1791 г., 20 іюня. Петербургъ*).

Прибавленіе къ предыдущему письму.

15-го сего мѣсяца ѣздилъ я на дачу къ Петру Васильевичу (Завадовскому); много со мною кое чего посторонного говорилъ; когда же я началъ о дѣлѣ его просить, то онъ мнѣ сказалъ, что надобно бы прежде миролюбиво поступить, но я де вамъ буду помогать, что въ самомъ дѣлѣ и исполнилъ въ самой точности и скорости. Тула пріехалъ къ обѣду также Суденокъ (Осипъ Степановичъ), къ которому я уже и бросилъ ходить; какъ же онъ меня удивилъ, что началъ со мною вѣжливо обходится и спрашивалъ о нашемъ дѣлѣ и отдалъ ли имѣніе Григорій П. половинную частъ?—Я ему сказалъ, что ничего. И другіе тому подобніе запроси онъ дѣлалъ. За симъ Петръ В. съ Суденкомъ весьма долго говорилъ, въ особенности въ продолженіе стола Петръ Васильевичъ и Суденокъ довольно со мною ласково и много о постороннихъ матеріяхъ говорили. 17-го. Бывши предъ симъ у графа Воронцова 2 раза и не удалось его видѣтъ, отъ чего я пришелъ въ великое недоумѣніе и не зналъ было что на-

чать, но того самого дни былъ я сенатѣ, въ обыкновенной прихожей комнатѣ, какъ вдругъ всѣ двери зашумѣли и входитъ сенаторъ графъ Воронцовъ, и лишь только со мною поравнялся, остановился и говоритъ мнѣ: «я знаю, вы у меня были, мнѣ нѣкогда было съ вами говорить, прошу завтра у меня побывать». (Столь мнѣ причинила такая нечаянная встрѣча удовольствія, что и описать не могу. Потомъ я узналъ, что благодѣтель мой Петръ Васильевичъ, бывши въ Царскомъ Селѣ 16-го, пояснялъ мое дѣло графамъ Безбородкѣ и Воронцову). И тогоже дня, вошедши въ сенатъ, велѣлъ, чтобъ апеляція моя доложена была, секретаръ тотъ часъ доложилъ оную, а за тѣмъ благотворитель нашъ графъ Воронцовъ приказалъ секретарю по нашему дѣлу готовить немедлительно экстрактъ, чему и секретарь не мало удивлялся. Но какъ отъ меня секретаръ и повѣтчикъ были уже довольни и предупреждени, то повелѣніе оное сенаторское начало свое вскорѣ воспріяло, и уже экстрактъ по дѣлу нашему повѣтчикъ началъ писать 18-го. Итакъ, имѣя повелѣніе, поѣхалъ я къ графу Воронцову и когда по докладу я къ его сіятельству предсталъ, то не далъ мнѣ ни слова выговорить, началъ сими словамы: «каково поживаешъ, давно ли пріехалъ? Я знаю твое дѣло, я велѣлъ по оному экстрактъ писать и ты узнаешъ, какъ я объ немъ судилъ. «Послѣ того началъ я графу изяснять происхожденіе странное дѣла нашего; онъ удивлялся, почему не вошелъ въ дѣло ни губернаторъ, ни прокуроръ Новгородскіе—сѣверскіе, сказалъ потомъ онъ: это Селецкій такъ здѣлалъ. Я ему отвѣчалъ: такъ точно, онъ; за тѣмъ всѣмъ, просилъ я въ несчастіи нашелъ сильного его покровительства, а при отходѣ моемъ сказамъ мнѣ: что какъ скоро по дѣлу вашему экстрактъ готовъ будетъ, то приходите ко мнѣ!—Тѣмъ днемъ довольно меня привелъ къ утѣшенію, видя такую надежду хорошую. Я нечаянно въ французской лавкѣ увидѣлся съ графомъ Безбородкомъ, но тамъ не ловко было мнѣ къ ему адресоватся, а искалъ безъпрестанно случая. 19. Потому и рѣшилъ прямо къ ему въ домъ поѣхать, гдѣ долго его ожидавши съ протчими челобытчиками, чтобъ только ему показатся и поклонится, какъ пріежему. Наконецъ сего и удалося, когда онъ проходилъ къ каретѣ, то я ему съ протчими поклонился. Потомъ зашелъ я къ Трощинскому, первому графскому секретарю, бригадирскаго чина, съ которымъ я познакомился, а когда ему все дѣло пояснилъ (нарочито знавъ, что сей все отъ слова перескажетъ графу) и мнѣ кажется сказалъ я ему, когда можно прекратить такіе въ фамиліи вражды недѣлающіе чести, то я съ моей стороны считалъ бы

сіе за счастіе и удовольствіе. Онъ мнѣ сказалъ, что Г. П. доброй человѣкъ кажется и что видно отецъ сіе дѣлаетъ; я отвѣчалъ, почти не отецъ, а Г. П., потому отецъ далъ ему вѣрующее мирится, но Г. П. отъ того удалнется, ища всемѣрно сестру обидить. Теперь остается преподѣдить себя терпѣніемъ, пока экстрактъ кончится и мнѣ кажется дѣло пошло хорошо, когда что и не распортитъ строй, а особливо я боюсь, что ожидаютъ сюда Г. П. съ Александрою П. [1]) Однакъ надежду полагаю на Господа твердую, онъ насъ не оставитъ. (*1791 г., 30 іюня. Петербургъ*).

Приложенное у сего прибавленіе. (Къ письму № 54), Прочитавши потихоньку съ бабушкою, пошли, жизнь моя, заразъ, вмѣстѣ къ моимъ письмомъ, въ Чернѣговъ, къ дѣдушкѣ, запечатавши въ другой конвертъ, и проси, чтобъ оное къ тебѣ обратно было доставренно. Когдаже Антонъ Андреевичъ (Войцеховичъ) приедетъ въ Боровичи, то ты ему вручи сіи прибавленія прочесть, только заразъ потомъ, пожалуй, оные спрячь, чтобъ всѣ такіе бумаги у тебя были сохранени. Засимъ, цѣлую тебя мысленно тисяча тисячу разъ, прощай, душа жизни моей, ангелъ мой дражайшій. Я вѣчно съ тобою мислями и душею и вснѣ повседневно вижу, и благодарю Бога, что симъ духъ мой живится, да ниспошлетъ и на тебя сію отраду души, цѣлую тебя, жизніоночекъ, и Сашу, и ожидаетъ отъ тебя сегоже чуства, твой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. На сихъ дняхъ я видѣлъ Катенькиного отца и мачиху, которіе до земли кланяются и благодарятъ за содержаніе ихъ дочери, отецъ ея директоръ банку, тисячу рублей жалованья беретъ. Отцу протопопу скажи, что сынъ его Гаврило Г. здѣсь и скоро имѣть будетъ мѣсто при генералу Васильеву.

Вслѣдствіе письма И. С. Лашкевича о займѣ денегъ для веденія процесса, Настасья Петровна писала къ Гр. Гр. Фридрикевичу:

55. Милостивой государь дѣдушка! Изъ сего писма изволите увидѣть крайнюю мою необходимость въ денгахъ, пожалуйте пособите дайте наставление, въ кого и какъ взять, естли можно достать въ черниговскихъ или въ Степановича, то пожалуйте прикажите обликъ написать и во свидѣтельство, естли милость ваша будетъ, на оному

---

[1]) Т. е. Александрою Павловною, своею женою, рожденною Кочубей и роковою племянницею графа (послѣ князя) Безбородка.

подписатся, покорнѣйше прошу. Ваша покорнѣйшая услужница Настасия Лашкевичева. (*Собственноручно*).

56. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! Ни одного случая не хочу упустить не извѣстя тебя, дражайшаго ангела моего, о себѣ, и признаться тебѣ, что я начинаю мучится найгорестнѣйшею мукою. Посуди сама, душа моя, сколько сіе быть должно тягостно: разставшись съ тобою, съ того самого времени, я никакого о васъ не имѣю; увѣдомленія; мнѣ это причиняетъ величайшую тоску. Утѣшь меня, жизнь, пиши покрайнѣй мѣри два раза въ мѣсяцъ, а инако, ты меня своимъ молчаніемъ замучишъ. Отправляю сіе письмо черезъ Верницкаго, откупщика раскольничихъ слободъ нашей губерніи, и съ нимъ ящикъ апельсинъ, въ коемъ всѣхъ 60, изъ которого я матушкѣ писалъ для себя взять 30, а другіе 30 тотъ часъ нарочнымъ отправитъ въ Боровичи для бабушки, для тебя, жизніоночка моего, и Сашечки, кои желаю во здравіе кушать. Не оставь также меня увѣдомить всѣ ли мои письма къ тебѣ дошли, ты сіе можешъ вдругъ увидѣть, считая нумера. Нужнымъ тебѣ поставляю сказать: сего мѣсяца 21-го былъ я на дачѣ у Петра Васильевича, нашего перваго благодѣтеля, и послѣ обѣда пошелъ я къ ему въ кабинетъ, чтобы узнать объ отвѣтѣ и мысляхъ по нашему дѣлу графа Безбородки, на что онъ изволилъ мнѣ сказать, между прочимъ, что графъ въ сіе дѣло не войдетъ. Я тогда ему началъ объяснять наше дѣло и, для лутчего еще по оному понятія, вручилъ краткую записку изо всего дѣла, которую онъ прочитавши, сказалъ своими словамы: «Будьте увѣрены, ничего не опасайтеся и ничего, что принадлежитъ женѣ вашей по матерѣ, не уступайте»! На Бога положась, будемъ ждать конца. Съ Сахновскимъ я познакомился, которой мнѣ сказалъ, что Григорій П. давно долженъ сюда бы быть, но видно стыдится ѣхать, ибо де и послѣдній разъ отсюда выѣжая, сказалъ «что конечно съ сестрою кончу дѣло миромъ», но показалъ публикѣ совсѣмъ тому противное. Я однакожъ такимъ басиямъ не вѣрю, а пишу тебѣ за извѣстіе. Экстрактъ по нашему дѣлу на слѣдующей недѣлѣ кончится, такъ я завѣренъ, а тамъ, какъ Богъ дасть, буду управляться и готовлю каждому сенатору записку обстоятельную изо всего дѣла. Тебѣ же, душа моя, остается съ помощью дѣдушки и бабушки достать 1000 р. денегъ и прислать сюда неотмѣнно къ 10-му августа (какъ я уже прежде о семъ къ тебѣ писалъ), а инако будешъ на себя жалѣть, когда въ чемъ моя прозьба не успѣетъ ибо наше дѣло таково, что скорѣе, то лутче, а Боже сохрани продлится,

то можно тутъ на прахъ прожится: подумай, день обходится 2 р. и 3 р., а иногда когда карета нужна, что пѣши обѣгать не могу вездѣ, тогда расходится на день 5 и 6 р., таковъ непомѣрный здѣсь расходъ. И такъ, со всего сего рассуждай, что выгоднѣе: разъ понесть и потеряться и дастъ Богъ выиграть, или медленными шагами пти и ожидать неизвѣстного. За скорою отправкою по сей оказіи, не успѣлъ писать къ м. г-нѣ бабушкѣ-матушкѣ и прошу тебя поцѣлуй въ ручки за меня, равно мѣрно и дочку мою Алексашу. Посилаю у сего ящичекъ апельсинъ къ дѣдушкѣ, что не умедля попроси бабушки отправить въ Чернѣговъ, я же къ ему теперъ потому ничого нешишу, что о семъ вчерась по почтѣ къ ему уже писалъ, что посилаю сей гостинецъ черезъ Боровичи. За симъ, цѣлуя тебя, дражайшего моего ангела, теперъ и помимутно, поруча тебя Божіему призрѣнію, прощай и имѣй въ мисляхъ твоего вѣрнѣйшаго мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Данилевскій, который ѣздилъ съ Г. П. въ чужіе краи, удивлялся; прежде, говорилъ онъ мнѣ о новыхъ, открывающихся дарованіяхъ у его воспитанника, а наконецъ я и самъ де дозналъ въ немъ во многихъ случаяхъ неисполненіе его обѣщанія и жалуется на него, что онъ здѣлалъ чувствительный убытокъ ему въ двухъ вещахъ, о чемъ пояснять тебѣ жалѣю моихъ трудовъ у бумаги, да и некогда. Г. П. повѣренный Аксюкъ пріехалъ сюда, тяжело начинятъ, онъ имѣлъ повную повозку водокъ, которые раздани кое кому изъ сенатскихъ, между которыми полинную похваляютъ отмѣнно. *(1791 г., 30 іюня. Петербургъ).*

57. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! При самой почти отлучкѣ отъ сего мѣста г. Ханенка, я поспѣшаю черезъ его крикнуть словъ нѣсколько и сердечно тебѣ, дражайшему ангелу, благодарю за твое письмо подъ № 1-мъ; я получилъ вчерась весьма уже поздно, однако, жизнь моя, ты въ ономъ умолкла, что уже моихъ получила тогда еще два черезъ Ширая и управителя Петра Васильевича, гдѣ я между протчимъ писалъ о деньгахъ; оные мнѣ такъ нужны, что и представить тебѣ не могу, и неприсылкою оныхъ къ 1-му сентябру почуствуемъ великую потеру и можно дѣло проиграть, а другое и то, что могу я изъ голоду пропасть; я же съ моей стороны готовъ подать щотъ, куда я здѣсь деньги теряю: кафтана себѣ не здѣлалъ и хожу такъ, какъ Богъ далъ, можетъ быть и дѣлаютъ изъ меня критику, но мнѣ до того нужды нѣту. Я то знаю: платья человѣку цѣны не прибавляетъ, каковъ я уже есть, таковъ и буду.—М. г—ню бабушку-матушку прошу отъ меня въ ручки

поцѣловать. Денегъ я думаю въ Брахловѣ, въ Савинкахъ сколько нибудь, и въ Жукоткахъ, уже собрали, а въ тѣмъ сколько надобно будетъ до тисячи занять. Попроси матушку, чтобъ попросила у Корсака въ Семеновкѣ, и переслать оныя деньги ко мнѣ чрезъ Новгородъ-Сѣверской. Ожеговичъ другой день отъ сюда уже выѣхалъ. Прощай, душа жизни моей, до смерти пребудетъ непремѣненъ къ тебѣ твой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. Больше писать не могу, г. Ханенко спѣшитъ отсюда выѣздомъ. Сашечку прошу поцѣловать за меня. *(1796 г., 18 іюля. Петербургъ).*

58. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ, мой душа жизни моей Настенька! Пущенное отъ тебя изъ Брахлова подъ № 3-мъ, я получилъ въ мѣстѣ съ матушкинымъ исправно сего мѣсяца 7-го числа и затѣмъ вскорѣ и другое твое письмо черезъ Войцеховича подъ № 5-мъ, также, дражайшій мой ангелъ, дошло къ моимъ рукамъ исправно. Много я обрадованъ тѣмъ, что имѣю вѣрное извѣстіе о твоемъ благосостояніи, но не знаю чему приписать, что послѣ 3-го, 5-й получилъ номеръ и гдѣ дѣвался № 4-й не знаю, на почти ли онъ пропалъ или ты, душа моя, ошиблась. Бога ради увѣдоми меня, ибо если ты не ведешъ записки, котораго числа подъ которымъ № отпущаешъ и получаешь отъ меня письма, то легко можешъ ошибится; но я держу мое мнѣніе, что на почтѣ письмо пропало, потому въ послѣднемъ моемъ письмѣ пишешъ, что бабушка ко мнѣ недавно черезъ Новгородокъ писала; думать я долженъ, что и ты, душа моя, такъ же писала, но я отъ бабушки ни одного письма не получалъ здѣсь. Ты ко мнѣ, сердце, пишешъ, что цѣна на горѣлку возвышается и требуешъ моего совѣта продать ли оную или нѣтъ; я не знаю урожаю и каковъ умолотъ хлѣба, а потому и цѣнъ оному; тебѣ сіе все тамъ извѣстнѣе для того, за совѣтомъ бабушки, оставя на шинки довольное число, лишнего для чего не продать, лишь бы хоть съ маленькимъ баришомъ, но разсчетъ вѣрный здѣлать. Вѣдь ты, душа моя, знаешъ, сколько мы хлѣба купили, и какими цѣнами, то не хочется убытку понесть. Нитокъ брабанскихъ и шелку чернаго суконнаго, по твоему приказу, купилъ равно и фархоровыхъ черепокъ и блюдечокъ и табакерку бабушкѣ, и можетъ все оное доставлю, когда буду присылась Сашѣ няньку, о которой теперь стараюсь сыскать; одна было попалась что имѣетъ сына, и женщина благородная, небогатая, а сына того хочетъ хорошо воспитать и все сіе было бы на нашъ счетъ, то я ея не видя, отказалъ, избѣгая великихъ издержекъ и безпокойствъ, а то у нея было бы болѣ бъ заботы о своемъ сынѣ,

нежели о нашей дочкѣ. Ты себѣ представить не можешъ, сколько я теперь озабоченъ: требуютъ отъ меня мира на престранныхъ кондиціяхъ, о чемъ я обстоятельно пишу къ дѣдушкѣ и тое письмо прошу его сообщить бабушкѣ и тебѣ для прочету. Тебѣ, маминька моя, остается настоять, чтобъ скорѣе дѣдушка далъ мнѣ наставленіе мирится ли на тѣхъ кондиціяхъ, кои отъ меня предложены или нѣтъ, на самыхъ умѣренныхъ положеніяхъ, въ одиновременое избѣжаніе могущихъ произойтить великихъ безпокойствъ, и безконечныхъ тяжбъ. Теперь ты ясно видишь мое безпокойство, что ни одной души нѣту, кто бъ могъ мнѣ что здѣсь посовѣтовать и съ кѣмъ поговорить искренно, а по всему сему и не вижу я конца, какъ скоро могу я отъ сюда выѣхать. Но братикъ любезной нашъ также не можетъ тутъ долго зажится, а будетъ спѣшить къ октябру мѣсяцу первыхъ числъ... Но я не понимаю, какъ мы раздѣлаемся; оба мы имѣемъ хорошихъ и славныхъ тутъ защитниковъ, но Богъ знаетъ на чію сторону дѣло будетъ. Не увѣдомила ты, жизнь моя, бросила, ли ты себѣ кровь lorsque vous avez entendu l'enfent, sur lequel ma benediction et le quel je voudrai qu'il soit nai (né) dans la maison de ma cher grand mére par aport que vous avrai la tout pret le maidesin a Garodna, que j'aistime beaucoup et non pas celui qui eté autre fois. Vous entendé que celui de Starodoub je ne peu pas soufrir, je ne veux pas qu'il soi dans votre acouchement et sans mois encore. Dieu vous preserve et tout ça soit entre vous dit, si quelqu'un songa, vous perdrais m'amitier pour jamais. Все сіе я говорю, люби тебя. Прощай, жизнь души моей, цѣлую тебя поминутно, мысленно и никакіе мои печали здѣсь не могутъ ни на часъ изъ моихъ мыслей тебя вывести, и сія то самая мысль есть отрада въ моей горести, коей тогда лишусь, когда душа моя изъ тѣломъ разстанется. Не забывай вѣрнѣйшаго тебѣ мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Жаль мнѣ, что нѣту времени писать къ матушкѣ, а когда тебѣ случится писать, пожалуй, напиши, чтобъ не безпокоилась. Пашпортъ брату я уже получилъ, еще съ срокомъ на годъ съ 31 іюля до будущаго году 31-го іюля, съ превеликими трудами, а когда случится оказія вѣрная, то оной пришлю или же можетъ быть дастъ Богъ то и самъ привезу. М. г—ню бабушку матушку прошу за меня въ ручки поцѣловать, при засвидѣтельствованіи моего нижайшаго поклона. Сестрицѣ Варварѣ Степановнѣ кланяюсь и благодарю, что она тебѣ дѣлаетъ компанію въ путешествіяхъ. Алексашѣ запечаталъ письмо нарочно великою печатью, знаю, что ей печать пріятнѣе будетъ, чѣмъ

то что въ срединѣ написано. Не худо тебѣ, ангелъ мой, притвердить, чтобъ дачокъ жукотской велъ въ дворѣ записку, а инако затрудненіе будетъ; вить А. не гораздо грамотенъ, онъ проворенъ и расторопенъ. Да прикажи, чтобъ шинкарамъ не вѣрилъ горѣлки на вѣру, а больше всего старатся засѣять земли порядочно; тамъ еще по моему разсчету, должно быть стараго хлѣба на лицо около 30 четвертей, а больше всего, чтобъ подушнаго збору не запускали; это страшная вещь. Когда буду присылать бабу для Алексаши, то пришлю съ ней Кирюшку; онъ уже два мѣсяца учится на поварнѣ у Петра Васильевича и майстеръ его весьма хвалитъ, и уже почти ему нечего больше учиться; и еще кое что, когда сищу съ собою ненужное, дабы мнѣ здѣсь, какъ на легкой ногѣ тутъ остатся, въ ожиданіи благополучного вѣтру, чтобъ Богъ меня отсюда вынесъ. *(1791 г., 11 августа. Петербургъ).*

59. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ души жизни моей Настенька! Письмо отъпущенное тобою изъ Боровичъ подъ № 4-мъ, о которомъ я думалъ, что оное пропало, вчерашняго дня дошло до моихъ рукъ исправно. Хотя часто къ тебѣ, дражайшій ангелъ, пишу, но мнѣ кажется, что все рука моя того не выполняетъ, какъ чувства мои ей повелѣваютъ и сколько кратно ни дѣлаю открытія моего сердца черезъ бумагу, но едваль удобно потому пояснить тебѣ всю боль сердца моего и той грусти, коей я отъ разлуки терзаюсь; да и средства нѣту къ облегченію сей злой участи кромѣ безпокойнаго терпѣнія и ожиданія безпредѣльнаго, не видя конца въ дали. Воображеніемъ мучусь! Обнадеженъ, что скоро дѣло рѣшится, но какой оборотъ возметъ, не могу предвидѣть, а примѣчаю, что графъ Б(езбородко) вступается за нашего родича, который включаетъ, жалуясь на тебя, вездѣ, вмѣняя между протчимъ и то въ преступленіе, что вышла за мужъ за такого человѣка, у которого болѣе шести душъ во владѣніи нѣту. Теперь же остается тебѣ судить, естли сего не стыдился сказать, что можетъ удержать присовокупить все протчее, что только удобно обмарать нашу невинность. Нѣтъ другого средства, какъ только все переносл, вручить себя Всемогущему, пусть онъ ему судитъ. Наконецъ, цѣлую тебя мысленно поминутно, предаюся вѣчному твоему незабвенію и непоколебимой любви, остаюсь до послѣдней минуты жизни моей, вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. Въ сенатѣ мы всякій день съ любезнымъ братикомъ видимся, но онъ всемѣрно уклоняется, чтобъ долго со мною не

заговорится, однако сенатъ обовязалъ насъ подпискою, чтобъ ми всякій день являлись, покуда дѣло выслушано будетъ.

Душенька Настенька, поцѣлуй за меня Сашечку. Сестрица Варвара Степановна, когда съ тобою, прошу кланятся. *(1791 г., 14 августа. Петербургъ).*

60. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ, душа жизни моей Настенька. Постигаютъ иногда всякаго человѣка нечаянная встрѣча, то теперь и со мною дѣлается. Благодѣтель нашъ Петръ Васильевичъ по не однократнымъ переговорамъ съ графомъ Б., положили, чтобъ конечно дѣла наши конецъ (sic) миромъ прекратить, и разуждено, что здѣсь не можно сего исполнить тутъ, потому что батюшка, отъ котораго намъ прощеніе получить, такъ равно какъ бабушка, отъ которой прощеніе получить Григ. Пет. и часть имѣнія, а потому условясь на какихъ кондиціяхъ мирится въ присудствіи Петра Вас., а потомъ въ другой разъ, отъ стороны графа Б., передъ Суденкомъ. 1) Чтобъ Григ. Пет. далъ тебѣ равную противъ себя часть Любецкой волости, также и въ движимомъ имѣніи; 2) а когда бабушка его проститъ, то выдѣлить ему часть половинную изъ того имѣнія, что бабушка тебѣ пожаловала; 3) не касаясь отнюдь части Ник. Мих.; 4) всѣ дѣла вездѣ уничтожить и ѣхать съ нами къ батюшкѣ съ письмомъ графа Александра Андреев., который будетъ писать, чтобъ онъ насъ простилъ, 5) я ему уступаю всѣ протори и убытки; наконецъ 6) чтобъ раздѣлку и миръ необходимо кончить въ полтора мѣсяца неотмѣнно. Я же буду имѣть письмо отъ Петра Васильевича къ дѣдушки Григ. Григ. и къ Андрею С. (Милорадовичу), чтобъ насъ мирить и онъ будетъ имѣть о семъ письма къ бабушкѣ (и) къ дѣдушкѣ отъ графа. Долженъ тебѣ сказать, что причины къ согласію меня на сіе понудившіи, суть весьма важные, о которыхъ теперь ни слова не пишу, а нѣсколько усмотрѣть можешъ о томъ изъ письма моего къ дѣдушкѣ, а лутче узнаешъ за моимъ приездомъ, обстоятельнѣе перескажу. Въ заключеніе сего величайшимъ восторгомъ сердца моего скажу тебѣ, дражайшій ангелъ мой, что я скоро буду имѣтъ сіе несравненное ни съ чѣмъ мнѣ на свѣтѣ счастіе, что видѣтъ тебя, душечку мою, въ моихъ объятіяхъ. Я съ Григ. Пет. отсюда вмѣстѣ, какъ друзья, выѣжаемъ 1-го или 2-го сентября, и можетъ быть, съ помощію Божіею, съ тобою увижусь около 15 сентября. Мы съ нимъ будемъ вмѣстѣ и къ бабушкѣ, (которую теперь, при засвидѣтельствованіи моего нижайшаго почтенія, прошу въ ручки поцѣловать). Я рвусь, что скорѣе намъ отсуда никакъ не можна выѣхать, потому что братецъ нашъ лю-

безный такъ видно тихонько сюда скакалъ, что карету сломалъ, которая теперь лѣчится, да и я симъ временемъ разсудилъ, сколько нибудь себя обшить, нашедши мой гардеробъ весьма въ худомъ положеніи. Въ ожиданіи сего наипріятнѣйшаго времени, цѣлую тебя мысленно. Жди, ангелъ мой, жди твоего вѣрнѣйшаго мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Сашѣ по сіе время не могъ я найтить няньки, а когда попадется сими днями, то при себѣ еще отправлю, а инако взялся за сію комисію Данилевскій, что какъ скоро сыщетъ, то и пришлетъ, здѣлавши съ ею контрактъ. Дочку мою прошу поцѣловать за меня. *(1791 г., 21 августа. Петербургъ).*

61. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! Прилагаю у сего написанной вѣрующій листъ на имя мое отъ бабушки мнѣ, которой доложи бабушкѣ, чтобъ изволила подписать, такъ точно, какъ написанно въ запискѣ, которую здѣсь сообщаю, а потомъ, чтобъ снскала двухъ свидѣтелей, Каневского напримѣръ одного, а другаго Ющенка, и попросила бъ оныхъ во свидѣтельство подписаться на семъ вѣрующемъ листѣ и оной ко мнѣ обратно присылай, душа моя, неотмѣнно въ субботу на ночь, или же въ недѣлю къ обѣду, ибо въ понедѣльникъ надобно мнѣ съ Григор. Петрович. подать въ судъ о мирѣ. Дѣдушка о семъ ничего не пишетъ, потому, что недавно писалъ, а мнѣ приказалъ сію комисію исполнить, что все сдѣлавши точно такъ какъ пишу, доставте мнѣ въ скорости. Отъ Андрея Степановича сейчасъ курьеръ посланъ въ Гамалѣевку для подписи извѣстныхъ тебѣ бумагъ, но я думаю, что онъ не возвратится прежде Покрова, а потому ни я и никто изъ насъ не будетъ къ вамъ ближе 4-го октября, посему болѣе, что много работы здѣсь около бумагъ надобныхъ для миротворенія и я изъ сей стороны много озабоченъ.

Прилагаю здѣсь письмо къ матушкѣ, пожалуй, ту же минуту отправъ въ Брахловъ, тамъ нужнѣйшее письмо къ Саввѣ Павловичу, который когда пріедетъ съ Боровичъ, то попроси его, чтобъ ехалъ въ Коронъ по дѣлу савинскому и что тамъ дѣлать, то я о томъ пишу, а твое дѣло ему на дорогу дать 15 руб. Жаль мнѣ, что я отдалъ повѣстку Каламенку, который когда еще тамъ, то ты, жизнь моя, возьми у его оную повѣстку и поручи ея Гзовскому, когда онъ пріедетъ въ Боровичи; когда же Каламенко сюда явится, съ повѣсткою, то я отсюда повѣстку ту нарочнимъ къ тебѣ доставлю. Весьма мнѣ прискорбно, что я на тебя не успѣлъ еще и наглядѣтся. Прощай, маминька, ангелъ мой, цѣлуй въ мысляхъ лобызающаго тебя вѣрнѣй-

шаго мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. М. г—ню бабушку-матушку поцѣлуй за меня въ ручки, Сашечку въ головку. *(1791 г., 26 сентября. Черниговъ).*

62. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! При самомъ началѣ моего сюда пріезду встрѣтилась мнѣ дорога неожидаемая, отъ того: не заставши я тутъ Григорія П., а узналъ, что поѣхалъ въ Нѣжинъ по требованію Осипа Степановича Суденкова, и тотъ же день, взявши подорожную, туда поскакалъ и дождался тамъ пріѣзду Суденкова, который меня ласково принялъ и показалъ свое удовольствіе о нашемъ мирѣ, а потомъ мы и расталися. Я симъ случаемъ доволенъ, что съ нимъ расквитался и не нужно мнѣ уже будетъ ѣхать въ Новгородокъ. Я для тебя, дражайшій мой ангелъ, купилъ мѣхъ куній на шубейку, которой у сего посылаю и желаю, чтобъ сія присылка могла тебѣ понравится, и совѣтую заразъ пошить, а покрить атласомъ тѣмъ, что на шубѣ былъ. Меня здѣсь братецъ такъ отаковалъ, что я инако не могу, какъ долженъ сегодня съ нимъ ѣхать въ Жукотки и въ Любечъ, къ обозрѣнію и описанію имѣнія. Таковъ оборотъ мнѣ не ожидаемой весьма не нравится, но нѣчимъ перемѣнить; чѣмъ скорѣе объѣхать, тѣмъ лучче, а потому болѣе, что еще теперь снѣгомъ земля не покрыта. Но какъ такова нечаянная мнѣ дорога послѣдовала въ то время, что я не былъ къ ней готовъ, то здѣлай милость по приложенной у сего запискѣ все пришли ко мнѣ въ Жукотки или въ Любечъ. Посылаемое жъ здѣсь къ матушкѣ письмо, пожалуй, отправь заразъ; и жъ теперь въ такой растройкѣ, что не могу о себѣ ничего сказать: гдѣ, когда я буду и скоро ли тебя увижу, что мнѣ больше всего несносно, и ты меня, душечка, не послушала и не поѣхала со мною, а теперь мы вмѣстѣ были бъ. М. г-ню бабушку прошу отъ меня въ ручку поцѣловать. Прощай, жизніоночекъ мой, любящого тебя вѣрнѣйше и цѣлующего тебя въ мысляхъ помнуто, преданнѣйшаго мужа и искренного друга Иванъ Лашкевичъ.

Сашечку мою поцѣлуй за меня. Пожалуй, ангелъ мой Настенька, пиши же сколько нибудь къ матушкѣ, хоть нѣсколько строкъ. *(1791 г., 18 октября. Черниговъ).*

63. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! Поздравляю тебя на вѣкъ при Жукоткахъ и со всѣми принисными къ Жуковкамъ селами, деревнями и всѣми и всякими угодіями, такъ точно, какъ ты уже и видѣла дѣльчій реестъ написанной мною въ Боровичахъ, которой вчерась я въ лицѣ твоемъ,

ангелъ мой, подписалъ; а братъ Григорій Петровичъ Любецкую часть подписалъ же, при свидѣтеляхъ оба. И вчерашняго же дня имъ и мною, въ уѣздномъ Черниговскомъ судѣ сознана уже сія на вѣчніе времена раздѣлка. Благодареніе Всемогущему Творцу, а потомъ и благодѣтельницѣ матерѣ нашей бабушкѣ, виновницѣ нашего благополучія, которой принеси надлежащую признательность, за себя и за меня, и разцѣлуй руки ея, что равномѣрно и самъ я за пріездомъ исполнить долженствую. Теперь же я для того только остаюсь здѣсь, чтобъ выпись изъ суда о нашей вѣчной роздѣлки получить, а притомъ, чтобъ при себѣ отправить управляющаго Григорія Петровича съ нашимъ Гуріемъ для принятія отъ волости Любецкой къ жукотскому хозяйству села Радьковки съ протчими деревнями, мельницами и лѣсами, немало не медля. Никакъ не могу быть къ вамъ, а потому и доведется пріехать вмѣстѣ съ Григоріемъ Григоріевичомъ. Прилагаемой у сего приказъ, какъ можно скорѣе, черезъ Гришку, когда онъ выздоровѣлъ, отправляй въ Савинки, верхомъ на разѣжей лошади, яко о нужнѣйшемъ дѣлѣ: недостатокъ крайній на горѣлку въ Жукоткахъ, то я требую присилки оной, какъ можно скорѣй. Праздникъ ближится, а къ тому же и шинковъ много прибавилось.

Жизніоночокъ мой, Настенька, позабываешь ты на меня, ни слова о себѣ не извѣщаешъ и о дѣткахъ, а я тебя, душечку, просилъ. Жду возвращенія нетерпѣливо сего нарочнаго съ извѣстіемъ о твоемъ благосостояніи; цѣлую тебя, маминьку, безпрерывно мысленно и пару моихъ голубятъ. Твой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ.

Прилагаемые у сего бумаги въ палату попроси бабушки подписать, такъ точно, какъ я въ запискѣ написалъ форму и другую форму, какъ подписывать свидѣтелямъ, тутъ же прилагаю и подписавъ, при печатяхъ, Бога ради, поспѣшайте прислать сіи бумаги въ слѣдующую неделю на ночь, неотмѣнно. *(1791 г., 18 декабря. Черниговъ).*

64. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Нельзя лутче, какъ ты исполнила порученную тебѣ комисію въ расплаткѣ съ Ющенкомъ, и когда дастъ Богъ, то продажа горѣлки нашей доставитъ намъ удовольствіе поквитаться съ нимъ. Когда Ждановичъ не сдѣлалъ помѣты за годъ, то пожалуй душа моя, попроси у Уляни Семеновни, чтобъ она къ ему письмомъ адресовалась, (а у бабушки попроси человѣка послать съ тѣмъ пись-

момъ къ г. Ждановичу), и привезъ бы тотъ человѣкъ отъ Ждановича росписку, что онъ получилъ процентъ за годъ впередъ.

Слава Богу, у насъ все мирно и спокойно, всѣ бумаги перепискою окончени, дѣлчіе реестры подписаны, Брахловъ нашъ и при немъ мужеска полу 430 душа; братъ взялъ Любечанскую часть и тамъ теперь стало мужеска полу 429 душъ. Я теперь посылаю въ Савинки за перепечайкой и другими подробностями, а тебя, свѣтъ мой, о всемъ увѣдомляя, покорнѣйше прошу приежай сюда десятого числа, яко полная хозяйка въ семъ уголочку, гдѣ ты любезна мужу и полезна будешь дому, и наконецъ, гдѣ все ждетъ твоихъ повелѣній. А при томъ, ангелъ мой, сама знаешъ, что сколько нужно намъ поспѣшать въ Жукотки отъсель, устроя и здѣсь теперь порядокъ; во первыхъ, мы всѣ сегодня, матушка, я и братъ, ѣдемъ въ Стародубъ, яко на ближайшій урядъ, сознать наши раздѣлочніе реестры, и отътоль, какъ можно будетъ поскорѣе поспѣшать. Бабушку, пожалуй, поцѣлуй за меня въ руку. Никакъ болѣе писать нѣкогда. Прощай, душа жизни моей, ангелъ мой, поминутно мисленно тебя цѣлую, Сашечку и Парашу поцѣлуй за меня—а Петруша нашъ началъ кашлять, а особливо ночью почасти, для того то и мы скоро будемъ стараться воротиться, и ты, душа моя, пожалуй, пріежай сюда поскорѣе, чѣмъ утѣшишь преданнѣйшаго тебѣ друга и вѣрнѣйшаго мужа Иванъ Лашкевичъ.

По тройкѣ рядомъ не можно тебѣ ѣхать, а вели Гришкѣ запрягти журавлемъ, а Степка будетъ хвореторомъ. Да рѣкой ради Бога, не хватайсь, здѣлай милость. Безбородко сапожникъ уже здѣсь и проба ему сдѣланна, и прекрасно шьетъ. (*1795 г., 7 января, Брахловъ*).

65. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Приехавъ, живу я и остаюсь еще здѣсь на нѣсколько дней въ превеличайшей скукѣ: все тутъ хорошо, всего много, да тебя со мною нѣту, то божусь тебѣ богомъ, ничто и не веселитъ.— Жатва здѣсь, слава Господу, оконченна наша и въ гумна ввезенна; въ Жукоткахъ—600 копъ, въ Полуботкахъ 240 копъ, въ Павловкѣ 220 копъ, а всего ржи 1060 копъ. Ярина по сю пору посредственна, по причинѣ суши; но естли пойдутъ дожди, то еще надежда есть къ поправкѣ. Старая четверть жита продается здѣсь 3 р. 20 к, и ожидаютъ низшей цѣны. Въ Иржищѣ (?) жъ было 4 четверти когда Прокопъ былъ тамъ, однакъ тогда не было новаго хлѣба, а потому опять посылаю въ Иржище провѣдать о крайней цѣнѣ, да

уже тогда и рѣшимся, гдѣ покупать жито. За Десною великой урожай на озимой и яриной хлѣбъ, то и тамъ можно будетъ купить. Я отъсель на малое время ѣду въ Радьковку. По возвращеніи сюда, полагаю выехать къ тебѣ 5-го числа слѣдующаго мѣсяца и буду ожидать, съ превеличайшимъ нетерпѣніемъ, возвращенія отъ тебя сего нарочнаго, съ увѣдомленіемъ о твоемъ всего на свѣтѣ дражайшемъ для меня здравіи, и какъ скоро сей податель ко мнѣ отъ тебя возвратится (коего, пожалуй, не удерживая, отправляй), то я отъ сюда и выеду къ тебѣ въ Брахловъ, хотя и прежде 5-го числа. Сію минуту является, душечка, твое ко мнѣ письмо чрезъ самого того человѣка, что раскольника возилъ и мнѣ прежестоко досадно, что тотъ бездѣльникъ письмо мое, къ тебѣ писанное, удержалъ, въ которомъ я писалъ кое о чемъ нужномъ; для того, когда оное по сю пору ты, ангелъ мой, не получила, то не худо тебѣ послать нарочнаго въ Климову, къ тому плуту Самуся за письмомъ моимъ. Пожалуй, жизнь моя, не оставь увѣдомить о нажонѣ; по сю пору я не сискалъ на горѣлку купца; Силичь свою продалъ въ Черніговъ 1000 в., по 1 р. 70 к. Чѣмъ насъ Господь помилуетъ? Не оставъ душечка, справится съ Полтавцемъ, когда срокъ въ Стародубъ отдать Кононову хлѣбъ, братый мной для мужиковъ, и не довѣряясь, сама заглянь въ копію моего облика, которой есть при экономіи. Естли сей податель поспѣетъ на ту пору, когда будутъ у тебя копы возить, то чтобы сей склалъ, хотя одну скирту, по здѣшнему манѣру. Посылаю при семъ сорокъ рублей денегъ на заплату подчинки матушкиной кареты, которую напередъ пусть осмотритъ ея кучеръ Петро и нашъ Иванька, съ коими отправь и писаря въ Солову съ контрактомъ, противъ котораго буде та карета за обозрѣніемъ найдется такъ точно во всемъ подчиненна, какъ сказанно въ контрактѣ, тогда прикажи, душа моя, оную карету взять, а деньги сіи, что слѣдуетъ, заплатить и карету при письмѣ отошли къ матушкѣ, а за ресорами приедетъ со мною каретникъ, которихъ безъ его нѣкому взять, потому что онъ ихъ на передъ долженъ осмотрѣть, кои боюсь, чтобъ такъ не были, какъ колись, спасибо имъ, подчинили, что подъ Полуботками поламались и здѣсь я ее опять прикажу поправлять, и теперь уже надѣюсь крѣпка будетъ. Записку отъ Федора Герасимовича въ твоемъ письмѣ я получилъ и должно объ немъ хорошо думать и поблагодарить, хотя мы и до полученія ея уже послали, но теперь кажется легче на животѣ, знавши, что кажется не попустому Булашевичъ съѣздитъ. Въ Черніговѣ новинъ нѣтъ

никакихъ, только дядюшка Иванъ Степановичъ (Леонтовичъ) приказалъ долго жить, а на его мѣсто уже избранъ Ожеговичъ. А Васильевна твоя оплакиваетъ постигшую кончину отъ морозовъ несчастныхъ гирковъ, да съ такою чувствительностью, что только ей одной сродно. А въпротчемъ, все слава Богу на огородѣ хорошо, а въ саду на диковину фруктовъ довольно; также и сливянковыхъ, а особливо грушъ. Я забылъ тебя при своемъ отъѣздѣ попросить, то теперь пришло на мысль мнѣ: здѣлай милость, ангелъ, естли въ поле или на хуторъ будешъ ѣхать, то всегда при себѣ лакея имѣй, всякои случаи бываютъ въ дорогѣ и нечаянноі, или спужать что можетъ или и другое что, Бога ради, соблюди и исполняй сію мою прозьбу. Посылаю къ матушкѣ письмо, которое буде матушка въ Галагановкѣ, то при своемъ туда аташли. Вѣдомости прикажи прикажчику ко мнѣ не присилать, ибо я самъ надѣюсь непремѣнно быть въ Брахловъ къ 7-му числу слѣдующаго мѣсяца. Посылаю при семъ журналъ мѣсяца апреля, которой очень любопытенъ, а особливо послѣдній въ немъ листочекъ, а тебя, душечка, прошу отискавъ въ Стародубѣ газеты, чрезъ сего неотмѣнно мнѣ прислать, которыя въ дорогѣ для обратного пути будутъ великую кампанію дѣлать, а инако со скуки можно занудиться. Изо всѣхъ дней моего здѣсь прожитія я считаю сей часъ наипріятнѣйшимъ для меня, въ который я съ тобою, жизнь жизни моей, посредствомъ сего переводчика говорю. Находясь долго я въ размышленіи о долгѣ Посудевскому и нехотя уже, и совѣстясь у его просить отъсрочки, а къ тому и не знавъ еще совершенно, гдѣ доведется хлѣбъ покупать, съ покупкой, коего еще можно подождать недѣль пять, а до тѣхъ поръ не дастъ ли Господь Богъ продать горѣлки, и такъ думавши и передумавши всѣ свои обстоятельства, рѣшилъ отдать Посудевскому 1000 р., кои деньги и отослалъ чрезъ управителя сего дня и обликъ нашъ получилъ сей часъ обратно, а Посудевскаго письмо для твоего свѣдѣнія при семъ влагаю. Писать болѣе, ей Богу, рука болитъ, а затѣмъ напоеваясь мысленно удовольствіемъ, цѣлуя тебя поминутно, а ты за меня Петрушу поцѣлуй, когда онъ умникомъ сталъ.—Прощай, жизнь души и жизни моей Настенька. Твой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій на свѣтѣ другъ Иванъ Лашкевичъ *(1795 г., 21 Іюля, Брахловъ).*

66. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Сего мѣсѣца перваго числа я на ночь приехалъ сюда, съ котораго времени по сей день есть довольно и людямъ и мнѣ товкот-

нечи,—плити стоятъ, не шуточки!—Но при томъ я своей ни одной колоди не свалилъ, а кое какъ и обошелся, часть купилъ, а часть позичилъ. Въ байдакъ уже въкинуулы 32 бочки, да на одномъ плиту по сей часъ 12, и естли Господь поможетъ, надѣюсь байдакъ отпустить чрезъ три дни, но та бѣда, что вода не подъживаетъ, и подниметъ ли по сей причинѣ байдакъ нашъ всю горѣлку, весьма объ томъ сокрушаюсь, а надежда очень для меня не лестная: въ бытность мою здѣсь прошло народу изъ сорока семи байдаковъ въ домы, бросивши на Днѣпру байдаки, нагруженіе солью, коихъ за малою водою не могли они до Радули и Витки притягнути, чтобъ всѣ тѣ преодолѣть трудности. Берутся мною великія мѣры, дай только Господь помощь, а инако—послѣдняя вѣстъ будетъ горше первой. За присилку булокъ и огурцовъ премного благодарю и, потребованію вашему, посылаю часнику 5 вѣнковъ, да и Нанкину (?) пишу въ Жукотки приказъ, чтобъ былъ купленъ и врученъ бы сему подателю. Я жъ, когда буду къ вамъ, въ Боровичи, не могу заподлинно сказатъ и буду обстоятельнѣе обо всемъ писать изъ Жукотокъ, а теперъ больше нѣкогда. Кубъ вмазанъ, да муки нѣту, такая бѣда, мельницы почти молчатъ. М. г—нѣ бабушкѣ, пожалуйста, душа моя, свидѣтельствуй мое глубочайшее почтеніе и дѣтей благослови и поцѣлуй за меня. Учителемъ Петрушѣ непремѣнно буду стараться. Возвращаясь отъ сего черезъ Довжикъ, надѣюсь тамъ узнать о телицахъ, пришли оныя или нѣтъ и непремѣнно тебѣ ихъ куплю. Прощай, ангелъ мой, цѣлую тебя поминутно, мысленно, твой на вѣкъ вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. (*1797 г., 7 октября. Радьюовка*)[1]).

Слѣдующее письмо писано Ивану Степановичу Лашкевичу тогдашнимъ кіевскимъ митрополитомъ Іерофеемъ (бывшимъ черниговскимъ архіепископомъ), который, какъ видно, принималъ близкое участіе въ примиреніи отца и тестя съ дочерью и зятемъ.

---

67. Милостивый государь Иванъ Степановичъ! Любя и почитая васъ, не менше и жалѣя, что чрезъ толь долгое время не удостоились лично родительскаго благословенія у Петра Степановича, недавно въ Кіевѣ бывшаго, я сколько могъ склонялъ его сердце къ чистому обращенію къ вамъ. Добрая его душа, какъ мягкой воскъ, все желаемое изобразить на себѣ допустила. О семъ благопріятномъ и радостномъ для меня случаѣ, извѣщая васъ, совѣтую и прошу не

[1]) Село черниговскаго уѣзда, при р. Десвѣ.

теряя времени, съ расположеніемъ истинно сыновскихъ и христіанскихъ сердецъ, поспѣшить, купно съ супругою Настасіей Петровной, въ обятія его, недалѣе, какъ первыхъ числъ слѣдующого ноября. Но прежде прямо должны вы ѣхать въ Лохвицу, къ Ивану Осиповичу Гамалѣи. Онъ будетъ споспѣшествовать благому сему дѣлу. А я отъ всея души желая спасительнаго событія, съ почтеніемъ и усердіемъ пребуду навсегда у вашего высокоблагородія, милостивого государя, всѣхъ благъ искренный желатель, богомолецъ и слуга Іерофей, митрополитъ кіевскій. Не упускайте, любезный пріятель мой! времени, не отлагайте на далѣе. Все оставя, совокупно съ Настасіею Петровной въ Гамалѣевку изволте отправится, то есть, чтобъ по крайней мѣрѣ къ 10 числу слѣдующаго ноября тамъ были. Петръ Степановичъ въ объятія свои васъ пріиметъ и радостнымъ сердцемъ отечески обыметъ, увѣряю. Вотъ вамъ и писмо, которое лично его превосходительству поручите. *(1798 г., 20 октября. Кіевъ).*

Участіе митрополита Іерофея, какъ видно изъ слѣдующаго письма, писаннаго П. С. Милорадовичемъ къ тещѣ, имѣло успѣшный результатъ.

---

68. Милостивая моя государыня, матушка Анастасія Степановна. Письмо ваше чрезъ зятя моего, Ивана Степановича г. Лашкевича, я получилъ сего ноября 3-го числа и сердечно радуюсь, что вы по милости Божіей находитеся въ добромъ здоровьи, а я за приездомъ моимъ съ Кіева, октября 21 числа, жестоко занемогъ, а нынѣ по милости Божіей хотя есть немного легше, однакъ нахожусь въ великой слабости. Зять мой, Иванъ Степановичъ г. Лашкевичъ, зъ дочерью моею Анастасіею Петровною и сыномъ своимъ Петромъ, приехали ко мнѣ сего ноября 3-го числа, которыхъ я принялъ съ душевною моею искренною радостью. Оные прожили въ меня сего ноября до 7-го числа, которихъ я отпустилъ съ моимъ грѣшнымъ родительскимъ прощеніемъ и благословеніемъ. Я также отъ васъ всепокорнѣйше прошу милостиваго мнѣ прощенія, въ чемъ я предъ вами, отъ невѣдѣнія моего или же неосторожности, согрѣшилъ, и сердечно желаю да всемогущій Господь укрѣпитъ сили ваши и даруетъ вамъ здравіе и благополучіе. Притомъ свидѣтельствуя вамъ мой нижайшій поклонъ и почтеніе, пребываю съ усерднѣйшимъ моимъ доброжелательствомъ и отличнымъ почтеніемъ всегда всегда и всегда, васъ, м. г—ни моей матушки, покорнѣйшій сынъ и слуга Петръ Милорадовичъ. *(1798 г., 7 ноября. Гамалѣевка).*

69. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ жизни моей, Настенька! Я сюда пріехалъ благополучно, всѣ наши близкіе меня ласково пріемлютъ. Михаила Павловича (Миклашевскаго) нѣту въ городѣ, онъ поѣхалъ губернію объежать а Настасья Яковлевна съ обоими сынами на жильи до тѣхъ (поръ?) въ Понуровкѣ будетъ его ожидать, куда и выѣхали уже. И такъ я по дѣламъ о Пакульщинѣ мало что поговорилъ съ Андреемъ Максимовичемъ, чему былъ свидѣтелемъ Григорій Петровичъ. Я наконецъ обнадеженъ отъ Андрея Максимовича о хорошей перемѣнѣ, что зрѣть и надѣется должно по свойству доброй его души. Григорій Петровичъ съ Николаемъ Михайловичемъ (Стороженкомъ) ѣдутъ къ бабушкѣ 25-го числа мѣсѣца и просятъ и тебя до того времени побыть въ Боровичахъ; и я на то согласенъ, чтобъ ты, ангелъ мой, когда хочешь, дождися ихъ въ Боровичахъ. Но Гроховского присилайте прямо къ 20-му числу непремѣнно ко мнѣ въ Жукотки, гдѣ и Григорій Петровичъ будетъ у меня на возвратномъ пути изъ Любеча, куда ѣдучи сегодня будетъ ночевать въ Жукоткахъ, и мы съ нимъ въ Жукотки и ѣдемъ, и въ четвергъ онъ будетъ у меня и обѣдать. И естли ты останешься въ Боровичахъ, то пошли въ Брахловъ навѣдаться о дѣтяхъ и отошли письмо къ Неровному и прикажи Леонтію, чтобъ его на обывательскихъ (довезли?) до Боровичъ, а изъ Боровичъ до Полуботокъ. Попроси у бабушки ему о обывательскихъ лошадяхъ, а притомъ пожалуй, душа моя, напиши къ Леонтію, чтобъ писарь съ Гришкою послалъ бы въ Понуровку о собакѣ провѣдать и естли она тамъ, то попросилъ бъ объ отъдачѣ его со всею пристойностью. Землемѣръ въ Подоловъ сегодня ѣдетъ почтою, но какъ ему тамъ необходимо нужно чорніе листи роздѣлочныхъ Подолова и Митченикъ, то о семъ ангелъ мой доложи бабушкѣ, чтобъ нимало не медля, тѣ листи роздѣлочніе Подоловскіе и Митченковскіе съ надежнимъ нарочнымъ отослала при своемъ приказѣ въ Подоловъ къ Якову Анищенку для порученія г. землемѣру. Сейчасъ ѣду къ архирею для подачи прозьбы для благословенія на перекрытіе Брахловской церкви. М. г—нѣ бабушкѣ прошу мое почтеніе доложить и въ ручку поцѣловать. Отъ Григорія Петровича у сего письмо прилагаю. И я съ нимъ и своего пѣшего нарочнаго посылаю, чрезъ которого, пожалуй, увѣдоми о себѣ обо всемъ, чего нетерпѣливо ожидаю, а писать болѣе недосужно, а цѣлую тебя мысленно поминутно, тебѣ во вѣкъ вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. *(1800 г., 16 мая. Черниговъ).*

70. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настасья Петровна! Сколько бы я не желалъ приехать къ 25 числу сего мѣсяца вмѣстѣ съ братіями въ Боровичи, но мнѣ того не возможно здѣлать и тѣмъ я много времени теряю, а присутствіе мое и въ Боровичахъ пользы особливѣйшей не принесетъ, а потому счасти Боже, вамъ тамо управлятся,—я же тутъ окончивши что слѣдуетъ, буду поспѣшать, ангелъ мой, къ тебѣ въ Брахловъ. Вчерашняго дня здѣсь обѣдалъ Григорій Петровичъ и много трактовали о дѣлѣ бабушки съ Лисенкомъ, но не можно еще дать ему конечной резолюціи, для которой г. Гроховскій сегодня ѣдетъ въ Чернѣговъ, а оттоль явится въ Боровичи, котораго неотмѣнно уже надобно изъ Боровичъ доставить къ 5-му числу слѣдующаго іюня мѣсяца въ Глуховъ, о чемъ всемъ пожалуй, душа моя, доложи м. г—нѣ бабушкѣ, и, при засвидѣтельствованіи моего ей глубочайшаго почтенія, поцѣлуй за меня въ ручку. Объ успѣхѣ моего здѣсь пребыванія скажу тебѣ, что корпусъ службъ уже заложенъ, козака Сенчука со всѣмъ его грунтомъ скупилъ, земли на 5 четвертей посѣвомъ, и онъ переходитъ на жительство въ Козелъ, гдѣ уже онъ и купилъ грунтъ себѣ. Въ Нѣжинъ Кіянцовъ отпущенъ для покупки цѣчей и красокъ для маляра,—здѣсь полы малѣвати, двери и окна. Въ Нѣжинъ Кіянцову отпущено 250 р.; маляръ договоренъ на всю вышеписанную работу за 130 р. Завтра ѣду въ Павловку, чтобъ кончить, когда можно миролюбно съ Звонкевичемъ и Еньчихою... Сегожъ нарочнаго посылаю къ тебѣ, ангелъ мой, чтобъ знать о твоемъ положеніи, а при томъ посылаю при семъ мѣдною монетою 300 р., кои деньги вели здать Григорію Герасимовичу, а на оныя имѣющеесь у его мое письмо прими и то самое письмо мое, данное ему для вида на триста рублей, пожалуй, ко мнѣ при своемъ письмѣ чрезъ сего нарочно пришли неотмѣнно, а наконецъ скажи, ангелъ мой, Улянѣ С., что я, по приездѣ моемъ въ Боровичи, заплачу имъ самъ по разчетѣ за сіи 300 р. процентъ, а сего нарочнаго безъ удержанія прошу ко мнѣ поворотить. Я очень озабоченъ знать, какъ у васъ окончится объ имѣніи бабушки за свиданіемъ съ братцами, о чемъ не оставь, душа моя, увѣдомить чрезъ того подъводчика, которой привезетъ Гроховскаго къ вамъ въ Боровичи, а равно напишешь, когда намѣрена выехать въ Брахловъ. Надъ Днѣпромъ, въ доль, въ лѣсной полосѣ вывелась въ величайшемъ количествѣ сарана и она уже движется на востокъ, и должно ее сюда скоро ожидать изъ Радьковки, естли Господь не помилуетъ. Она по сіе время такъ зла,

что ѣстъ жито, овесъ и ячмень и ночуетъ на хлѣбѣ; да и кругомъ слышно, что ея вездѣ много. Горѣлка уже плотится ведро 1 р. 80 к. Повыдимъ, что̀ дальше будетъ. Панъ Неровный какъ разъ къ стати сюда подъѣхалъ, какъ будто на смѣну Гроховскому, а въ добавокъ еще здѣсъ и г. Корицкій Леонко и ко мнѣ ничего не пишетъ чрезъ Неровнаго, а я отъ его получилъ репортъ чрезъ Гиршу, приехавшего сюда, съ жалобую, что воды много на прорвѣ точится, по какому случаю я и предписалъ Леонтію взять именно какія мѣры; его жъ репортъ, въ которомъ онъ мнѣ ничего не пишетъ о томъ, посылаю къ твоему усмотрѣнію, гдѣ также примѣтишъ, душа моя, что плотники послѣдній мостъ на сей недѣлѣ окончатъ, да и гулять будутъ, ибо никто имъ не можетъ показать безъ тебя, какъ и гдѣ имъ начинать погребъ дѣлать, а потому не худо тебѣ выехать въ Брахловъ 29 го сего мѣсѣця. Григорій Петровичъ неотмѣнно къ вамъ будетъ 25 или 26-го, на обѣдъ, ибо и ему времья дорого; онъ іюня 1-го числа ѣдетъ на мѣсѣцъ въ степь[1]). Въ Брахловъ приехавши, старайся, ангелъ мой, продать пеньку, деньги нужны будутъ на хлѣбъ. Гирша говорилъ, что мужики Брахловскіе продаютъ пеньку пудъ по 2 р. 60 к., что составитъ берковецъ 26 р.—Въ Пакульщинѣ сходъ худой, ибо тамъ уже почти голодъ; за Днѣпромъ также сараны тьма. Жаль и горько смотрѣть на здѣшніе хлѣба и пшеницы озимые по низкимъ мѣстамъ: какъ стѣна жито и пшеница стоитъ, по буграмъ повыпрѣвала, но все сносно, да сохравитъ токмо Господь отъ сараны. Здѣсь теперь за майстеровими уѣхать скоро нѣкогда будетъ, а деньгамъ переводъ. Однакожъ, переживши сію эпоху, будемъ можетъ быть покойны по вѣкъ нашъ, да и дѣтямъ нашимъ достанется. Засимъ желаю тебѣ, ангелу моему, здравья въ мѣстѣ со всѣми нашими дѣтьми и мысленно тебя, жизнь моя, цѣлую поминутно; твой во вѣкъ мой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. Въ саду фруктовъ ничего нѣту и то весьма къ стати, бо сада не было бъ ѣсти майстеровымъ и на одну неделю, а уберегти бъ и помыслить не возможно бы. Въ Бодняхъ я не трогалъ полотенъ, тамъ не сыскалъ рядовины, а всю рядовину, какая была, употребили на обывку стѣнъ, а тонкихъ, тѣ, что въ Бодняхъ, ни одного и не трогалъ, а чего не доставало рядовины, то потребное число побрали у бабъ изъ навоевъ или ими дѣлаемой господской рядовины. И такъ, у васъ въ Радьковкѣ сей годъ жукотского рядо-

---

[1]) Т. е. въ степныя мѣста Малороссіи, въ полтавскую губернію.

ваго полотна небудетъ. Попросишь бабушку, чтобъ пожаловала приказала, хотя Божку, или кому другому кому такому надежному, чтобъ при жукотскому боярину, пересчитавши сіи триста рублей, отъдалъ бы счетомъ Григорію Герасимовичу, дабы на случай опосля не было бъ нарѣканія. Я бы асигнаціями отдалъ, но, ей Богу, нѣтъ, кромѣ мѣдныхъ, въ конторѣ. Еще осталось 600 р., но и то все мѣдь. *(1800 г., 22 мая. Жукотки).*

71. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Къ сущему души моей обрадованію оба, ангелъ мой, письма ко мнѣ доставлены исправно, изъ Боровичъ отъ тебя писанные, одно чрезъ Ушача, а другое чрезъ возвращающогося человѣка изъ Брахлова, изъ коихъ видно о благосостояніи твоемъ въ мѣстѣ съ бабушкою и дѣтьми. Благодарю Создателю за то, а въ отвѣтъ скажу, что и я съ обѣими чадами здѣсь здоровъ и у насъ все хорошо идетъ со стороны здоровья, а не меньше благоуспѣшно и по части контракта. Въ Радьковкѣ 9 вед. выходитъ трехпробной изъ 20-ти (?), а въ Савинкахъ, сверхъ чаянія, найшлось годной горѣлки 3020 в. въ восьмидесяти бочкахъ, семью градусами ниже трехъ пробъ и оные 80-ть бочекъ къ 1-му марту и заправлени будутъ до 5-ти градусовъ, и выступлены въ походъ до Радьковки. И такъ, благодаря Всевышнему, къ 1-му апреля всѣ 5000 вѣдеръ поплывутъ до Могилева, готови будутъ въ совершенную пробу противъ контракта, а може не удастся ли здати выше проби полъ градусомъ, дабы хотя на два года въ передъ заключить контрактъ о поставкѣ въ ихъ контору. Итакъ, я отъ сюда почти уже отдѣлался, послѣ завтра или въ неделю выежаю, и гдѣ я въ которой день буду, для знанія твоего, душа моя, прилагаю у сего росписаніе, по которому надѣюсь все свершити, когда Богъ поможетъ и сіе для того дѣлаю, на случай какой надобности ко мнѣ, то чтобъ ты знала гдѣ меня искать. Для любопытства твоего прилагаю къ тебѣ письмо Забѣли, которой сильно хочетъ моими руками жаръ загребать, но сего ему не удастся здѣлать. Я къ ему отписалъ, что я буду въ Савинкахъ и туда будетъ мой повѣренній, да и его, чтоби туда же приездилъ бы, и я дамъ имъ совѣтъ, какъ поступать въ Сосницѣ и чтобы онъ своего повѣренного снабдилъ бы деньгами, а я своему дамъ для всякой нужды въ Сосницѣ посуду; однако жъ! думаю, что чуть ли онъ самъ не приедетъ ко мнѣ въ Савинки, чего мнѣ и не желалось бы, а для курьезу посылаю здѣсь письмо Василя Левича; нашъ паничъ вернулся ни съ чемъ, не выдѣлъ ни Горленка, ни дочери его и не

былъ и въ домѣ; старій сказалъ, что повремени можно будетъ видѣться, а въ постъ о такихъ дѣлахъ не говорятъ; и такъ онъ, побывавши у Катерини С., у Карася (?), въ Ступаковкѣ, въ Иваницѣ, прибулъ обратно и со мною домой приедетъ. Онъ пишетъ къ Варварѣ С. письмо, кое здѣсь прилагаю и когда сестры у тебя, пожалуй отъ меня имъ кланяйся, а писать имъ особо, ей, недосугъ; приложенное жъ отъ меня у сего письмо къ Неровному, нимало не медля, пожалуй, отправь съ повозкой, тройкой, обывательскими лошадьми, давъ имъ два рубля на харчь. На оныхъ лошадяхъ Неровній долженъ непремѣнно ко мнѣ приехать въ Савинки 28-го сего мѣсѣца, для отправки его отъ туда съ Аксимовымъ (?) въ Сосницу. Удивительная и во свѣтѣ не бывалая новѣстка попечительная ко мнѣ дошла, можетъ быть она будетъ принужденна съ Бѣлоровскимъ проѣздится до Петербурха. Есть сарана на свѣтѣ, и слѣдовательно гнѣвъ Божій! а потомъ и помилованіе, надежда на милосердіе Божіе, да мимо идетъ сей гнѣвъ. Плоскони получены и отдани, по твоему повелѣнію, управительшѣ. Николай М. (Стороженко) у меня не былъ, да и Григорій П. третьяго дня возвращался изъ Любеча, а туда ѣхалъ на Довжикъ и Павловку. Я къ нему писалъ и отвѣту не даде, то и я не разсуждаю къ нимъ заѣзжать, съ панами нѣчего брататься. Я сіе пишу чрезъ Пакульскаго жида, а скоро къ тебѣ буду опять писать чрезъ лоцмана, которій будетъ отъ меня отправленъ для покупки канатовъ на байдакъ въ Климовкѣ, а затѣмъ и не распространяю, а мысленно тебя, ангела моего, поминутно цѣлую, пребываю къ тебѣ во вѣкъ мой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. *(1801 г., 21 февраля. Жукотки).*

72. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Я въ Чернѣговѣ скорѣе управился, нежели думалъ, а сіе отъ того зависитъ первоначально, что г. губернаторъ ко мнѣ показался очень ласковъ и хотя небольшую мою до его просьбу, токмо о подорожней, но въ другъ и ту исполнилъ, а затѣмъ и другіе надобности всѣ вскорѣ окончилъ и пообѣдавши у Александри Павловни, приехалъ сюда въ пятницу, на ночь. Николая Михайловича и Маріи Андреевни въ городѣ нѣтъ, а поѣхали въ Иржавецъ и въ Кореніовку, къ новоявленной Богоматерѣ на поклоненіе. Николай Мих. домъ свой продалъ Будлянскому [1]) за 4000 р., срокъ положенъ въ немъ жити Николаю М. токмо до мая мѣсѣца, а за-

[1]) О Будлянскомъ, Ал. Мих., см. Кіевск. Стар. 1893 г., мартъ, 535.

тѣмъ въ оной въѣдетъ Будлянскій. Григорій Петровичъ въ Любечѣ отпущаетъ два байдака въ Минскую губернію, въ оныхъ 5000 вѣдръ проданной имъ горѣлки, вѣдро по 1 р. 65 к., и 500 четвертей хлѣба, туда же проданного, четверть по 5 р. 60 к. Далѣе занимается въ Любечѣ закладинами дома большого, деревяного. Итакъ съ родныхъ, кромѣ Александри Павловни, я никого не выдалъ, которая ласково приняла меня и поручила мнѣ бабушкѣ переслать капусту цвѣтную, при семъ отправляемую въ сѣменахъ, а затѣмъ бабушкѣ и тебѣ, душа моя, велѣла свидѣтельствовать ея почтеніе, что и исполняю. Слухъ носится, что наша губернія раздѣлится на три губерніи и что губернскими городами будутъ—Глуховъ, Черниговъ и Полтава, еще нѣтъ о семъ указа. Покупку, по повѣленію твоему, душа моя, исполнилъ и оную при семъ посилаю—шолкъ бѣлій и двѣ цѣвки сребра, а сверхъ того посилаю тебѣ, ангелъ мой, въ гостинецъ серги съ камнями рубинами, желаю, чтобъ оны были на твой вкусъ и чтобъ ты ихъ здоровенька носила, да и дочкамъ Пасюрѣ и Настулѣ по парѣ же серегъ, кои отъ меня извольте имъ поручить въ гостинецъ, за хорошій успѣхъ ихъ въ наукахъ. А Петруша свой гостинецъ напередъ уже получилъ, состоящій въ новомъ сертукѣ, о которомъ сказать ему, что оной ему не будетъ данъ, когда не поисправится въ своемъ поведеніи и не начнетъ лучше прилѣжать къ наукамъ, а старому пану крайне нѣчего послать, развѣ то ему будетъ въ гостинецъ, что намъ Богъ дастъ въ колиску для его забавы. Легко можешь, душа моя, себѣ представить, сколько рижая тварь Бѣлоровскій дѣлаетъ мнѣ неприятности его медлительностью, и я его здѣсь двое сутокъ ждалъ, но времени больше мнѣ нѣтъ его здѣсь ждать, для того и ѣду въ Жукотки сей часъ и далѣе къ байдаку въ Радьковку, а къ ему, Бѣлоровскому, пишу и оное письмо незапечатанное къ тебѣ здѣсь влагаю, оное изволь прочитать и запечатай порядочно, и пожалуй, душа моя, чрезъ надежного нарочного тое письмо Бѣлоровскому до Брахлова отправъ, нимало не удерживая, какъ можно скорѣе. Оканчивая сіе, прошу покорно, при засвидѣтельствованіи моего глубочайшаго почтенія бабушкѣ, въ ручку поцѣловать, а я тебя, ангела моего, поминутно мысленно цѣлую, пребывая во вѣкъ со всѣмъ твой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ.

За новость скажу: герольдія не будетъ болѣе къ намъ присылать исправниковъ и засѣдателей, а велѣнно ихъ по старому выбирать изъ дворянъ осѣдлихъ въ томъ повѣтѣ, а потому скоро и

должни начаться выборы исправниковъ и засѣдателей, да и повѣтовихъ судей чуть ли не повеленно ли будетъ новыхъ же выбирать, о чемъ нашъ г. губернаторъ послалъ представленіе съ нарочнимъ въ сенатъ. *(1801 г., 7 апрѣля. Полуботки).*

73. Любезнѣйший и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька. При помощѣ Божіей, главнѣйшее дѣло моей сюда поѣздки оконченно благополучно: вчерашняго дня Петрушу я помѣстилъ къ университетскому профессору коллежскому совѣтнику Харитону Андреевичу г-ну Чеботареву, умному и добрѣйшему человѣку, живущему во внутренности университета. Ему съ лишкомъ 50 лѣтъ, а женѣ его, Софіи Ивановнѣ, лѣтъ за 40-къ, онѣ обое полюбили Петрушу, какъ сина, и Харитонъ Ан. Петрушину кровать поставилъ въ своемъ особенномъ кабинетѣ и взялся, вмѣстѣ съ женою своею, его воспитывать и даже учить по латини, а Софія Ивановна сама же его начнетъ учить по французски, которимъ языкомъ она такъ изясняется, какъ парижанка, (ибо она есть воспитаница покойной Чернишевой, находясь съ ней въ какомъ далекомъ свойствѣ). Итакъ за Петрушею нашимъ теперь большое наблюденіе: профессоръ, жена его и Алексѣй Ивановичъ, не говоря о Данькѣ. Договоръ у насъ съ Харитономъ А. здѣланъ въ годъ за 550 р., за все про все, кромѣ портомойки, которая не такъ дорого, надѣюсь, будетъ стоить; чемъ всѣмъ я весьма доволенъ, видѣвши все изъ близка и обстоятельно; надѣюсь конечно, что и ты, ангелъ мой, будешь въ семъ пунктѣ единомисленна со мною, а особливо, когда всѣ подробности узнаешъ, о чемъ по приездѣ моемъ, душа моя, къ тебѣ, словесно раскажу, а теперь больше о семъ не распространяю уже. Другое жъ дѣло мое, о мадамѣ, совсѣмъ еще безъ успѣха по сей день. Первая, что сискалась, запѣла пѣсню очень не складную, запрося въ годъ по 1000 р. и то на одинъ годъ, по прошествіи которого, чтобъ ея опять сюда же доставилъ я на свой щетъ; я ей во всемъ отказалъ; однакожъ надѣюсь на Бога, что я нападу на свою и шатнусь вездѣ, бывъ теперь совершенно уже на досугѣ, выдя всѣ мои комисіи почти всѣ оконченними со стороны покупки, коею надѣюсь, душечка, будешь довольна, всю покупку изволь читать: дормезомъ прекраснимъ ѣжжу по Москвѣ, четверомѣстная карета еще чрезъ десять дней, то совсѣмъ принята мною отъ майстра будетъ. Симъ двумъ штукамъ цѣна 1700 р. Мѣхъ чорнобурій, муфта соболья, двѣ опушки на двѣ солопи, часи столовие, двѣ люстри, адинъ фанаръ, сѣмъ зеркалъ, все у меня въ квартирѣ; все сребро

уже въ работѣ и оно поспѣетъ до послѣдней вещи къ 30-му сего мѣсяца въ мѣстѣ съ Ефросиніи С. сребромъ, кое и дежене въ 7 ф. будетъ сработано. Долго я искалъ, чтобы поѣженую карету и дормезъ купитъ, но сколько не выдалъ, сискавши тѣ вещи, то находилъ сущую дрань, и такъ мнѣ наскучило искать и смотрѣть ту ветошь и погань, а потому то и рѣшился, хоть дорого дать, да за то уже будетъ насъ карета и дормезъ долго возить съ подчинкою майстра, если что сломается (о чемъ отъ майстера и росписка взята); моя жъ коляска за десятилѣтнюю службу обновляется, яко орля юности, наложеніемъ по бордамъ бронзою, что и дѣлаетъ нѣмецъ каретникъ. Теперь примусь за твой гардеробъ, хотя и тѣсно и почти приступу нѣту къ маршанъ-де-модъ, такъ лавки ихъ вашею братьею затружены, однакожъ и мнѣ нѣчего дожидаться, а пора о дворѣ помишлять. Разсчиталъ деньгами и еще, что и не написано тобою, да естли будетъ у меня ставатся денегъ, то, что можно будетъ хорошое тебѣ, ангелъ мой, здѣлать, то постараюсь сшить, а притомъ тебѣ и мѣхъ брусчатой на шубейку куплю же. Отъ завтрашняго дня начну визити дѣлать большимъ барямъ: г. Петру Васильевичу (Завадовскому) и г. Иліи Андреевичу (Безбородку), а также и Осипу Степановичу (Судьенку) и еще кое кому. Слишу, что и Николай Михайловичъ нашъ пріехалъ, но гдѣ онъ остановился, никто изъ моихъ людей не могъ найти его квартири. Хотя и мудрена для глазъ кажется дамская ческа волосъ, однако жъ Матвѣй ея выучится у договоренного для нашихъ мальчиковъ перетмахаря. По слѣдующей почтѣ писать буду въ мѣстѣ съ Петрушою, къ бабушкѣ, а до тѣхъ поръ прошу при оказіи и отъ меня мой ей доложить должнѣйшій поклонъ. Когда я оставилъ уже Петрушу у профессора, то онъ сильно заплакалъ и тѣмъ чуть чуть и меня до стидних слезъ не довелъ, но чтобъ не занудился, то я его сегодня у вечеру къ себѣ возьму и завтра день, поелику воскресной, у себя удержу, а въ понедѣльникъ рано опять къ Харитону Андреевичу отправлю и такъ буду продолжать, чтобъ его слегка отъ себя уже отучить, а не вдругъ. Не получая, душа моя, отъ тебя никакого извѣстія, я начинаю уже сильно скучать. Я же къ тебѣ писалъ изъ дороги три письма, изъ Стародуба, Брянска и изъ Калуги, да се изъ Москви уже второй мой (?) къ тебѣ, душа моя, творю и прошу покорнѣйше, хотя однимъ вашимъ письмомъ меня удостоить и обрадовать. Катерина И. здѣсь остается и я на то противорѣчить отнюдь не намѣренъ, какъ себѣ хочетъ съ своею

теткою.—Наконецъ, въ ожиданіи отъ тебя, ангелъ мой, приятнѣйшаго отзива, пребываю до конца жизни моей тебѣ во вѣкъ вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ, цѣлующій тебя поминутно, мысленно и благословляющій дѣтей нашихъ Іванъ Лашкевичъ.

Сестрамъ моимъ и брату, когда выдаетесь, прошу мой поклонъ засвидѣтельствовать. *(1801 г., 7 сентября. Москва).*

Засимъ слѣдуетъ рядъ писемъ «бабушки» Настасьи Степановны Полуботокъ къ внукѣ и ея мужу. Всѣ эти письма писаны «бабушкой» собственноручно.

---

74. Ангелъ мой Настенка. Съ писмами извѣстними и нѣкоторою посилкою отправляетца съ Брахлова къ вамъ. Что будешь писать,—дай мнѣ знать и что прислано, даби и мнѣ отвѣчать можно было, когда то, что такое до мене принадлежитъ. О пшеницѣ Григорію Григоріевичу обяви, что когда надобно, то я и болше пришлю, а лучой нѣтъ; а для паски вибираютъ; и я, дастъ Богъ, привезу, здѣлавши. Болше ничево писать, да и недосужно по правдѣ. Ад... Вѣрная твоя баба извѣстная. 1789 г., марта 22. Григорію Григоріевичу прошу кланятись и поцаловать за мене въ душу.

75. Драгоцѣнѣйшіе мои внуки Іванъ Степановичъ и Настасія Петровна. Радуюсь о благоденствіи вашемъ и отъ искренѣйшаго моего сердца желаю, да премилосердной Господь даруетъ вамъ любовъ, миръ и тишину, здравіе и должайшіе лѣта. Что я не могу бить по сію пору въ доми вашемъ, извинѣте: глазами стражду жестоко, такъ что въ силу сіе написать могу, въ чемъ и предъ матушкою вашею, а моею м—вою г—нею Парасковею Григоріевною извинить прошу. Что принадлежитъ до батюшки вашего, то сей самой перескажетъ все, почему и не поясняю; а писмо ваше къ нему и мое оставила до пріезду Григорія Петровича, кои по сего сказкамъ скоро будетъ ко мнѣ. Болше не распространяю, препоручивъ васъ обѣихъ, моихъ ангеловъ, божіему милостивому призрѣнію и покровителству. Пребуду, поколь духъ въ тѣлѣ, вашею моихъ ангеловъ, вѣрною и всего доброжелателнѣйшею бабкою, Настасья Полуботкова. 1789 г., июля 3. Изъ Боровичъ, въ 7 часу пополудни. Сей вручитель вамъ перескажетъ, что Григорій Петровичъ скоро будетъ ко мнѣ; мнѣ кажетця, весма би не худо вамъ пріехать теперъ, заставая его здесь, о чемъ посовѣтуйтесь съ матушкою, Василіемъ Степановичемъ, Софіею Василіевною и Степаномъ Степановичемъ. Засимъ

и спѣшу съ отправкою къ вамъ и къ нимъ никому не пишу, по причинѣ болнихъ моихъ глазъ, да и писаръ лежитъ боленъ, а я спѣшу нарочито изъ симъ къ вамъ.

76. Государи мои, любезніе унуки І. С. и Н. П. Что ви прибили въ домъ благополучно и въ добромъ здоровьи застали матушку и любезнихъ сестрицъ, сердечно радуюсь. Я после вашего отезда, заехала суда и отъ вовторника проживаю малинъ ради, но онихъ ничево нѣтъ и естли не будетъ ещо въ воскресенье, то весма малое количество сварила. Съколко здѣсь проживу, незнаю; но и у Боровичахъ скучно жить одной. Писать нѣчего болше. Поручивъ васъ божіему милостивому покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею въсегодображелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г. июля 7. изъ Смячи. P. S. М—ой г—нѣ моей, вашей драгоцѣнѣйшой матушки прошу мое почтеніе засвѣдителствовать, равно и дражайшимъ вашимъ сестрицямъ кланятись прошу. Краснокуцкой посилается. Объ извѣстномъ я зъ братомъ говорила и сіе утверждаетъ подобно прежнему невозможному.

Приписка Г. Г. Фридрикевича. При семъ и я вамъ обѣимъ кланяюсь; пріѣхалъ вчерась сюда, а завтра отъѣду. Ви не пишете, будете ли къ намъ или нѣтъ, равно и о томъ, посланы ли письма въ Романовку. Вашъ покорный слуга Г. Фридрикевичъ. О квартерѣ прежде знать и навѣрное сказать—надобна ли, а безъ того домъ требовать въ наймы неможно, которой готовъ. Нового ничего нѣтъ. Андрей Степ., отъѣхавши 28 іюня, возвратился изъ Воронковъ 5 числа сего мѣсяца.

Къ этому письму относится, можетъ быть, слѣдующая записка. Я много трактовала о извѣстномъ вамъ дѣлѣ съ извѣстнимъ человѣкомъ, но онъ все одно твердитъ, что прежде ничего неможно здѣлать, покуда ви не начнете вашего дѣла и чтобъ въсе оставя, пріѣхать вамъ съ пріятелемъ и повѣренимъ; а что касаетця до квартери, то она готова, толко до тіехъ поръ не говорилъ съ хазяиномъ, покуда отъ васъ не получитъ извѣстія, когда будете. Сіе для того начать должно, сперва чрезъ пріятелей, а потомъ и судомъ, покуда не узнаютъ мислей; и буди они обѣ сторони что либо противное начнутъ, то въ то время въ се вамъ извѣстное здѣлать мнѣ будетъ можно, а до того никакъ несходно, ибо я сама на себе подала причину имъ все, что есть горшаго здѣлать и для васъ, и для мене неспокойства и клопоти. Много о семъ писать, а луче, когда Богъ,

даруетъ, пріедете, то въ то время поговоримъ обстоятелно; я и сама того жъ мнѣнія, а не инако, и когда и ви узнаете причину, то и ви такого же содержанія будете, что прежде нелзя мнѣ поступать на сіе никакъ, покуда противности отъ ихъ какой неузнать. Пожалуйте, чрезъ сего увѣдомите мене, когда ви будете, ибо я хочу въскорѣ въ Каруковку поехать. Получена ль полатка ваша въ цѣлости, увѣдомить прошу, ибо оная отправлена съ Каруковки приказчикомъ.

76. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Сей въручитель, что такъ нескоро къ вамъ присланъ, то тому причина, что я толко что пріехала сюда недавно; домашніе клопоти, а паче плотина мене удерживала. Какъ ви скоро будете, прошу увѣдомить чрезъ сего; я здеся не замедлю, толко поисправлю что нужнѣйшое. Михайла Михайловича [1]) ожидаю въ Боровичи изъ синомъ, которого онъ ожидалъ пріезда сегодни въ Черниговъ. Не худо би, чтобъ ви его въ Боровичахъ застали, о чемъ я одначежъ васъ увѣдомить не промину, какъ толко пріедетъ онъ въ Боровичи. Мнѣ кажетця, что сходнѣе будетъ здесь вамъ, Иванъ Степановичъ, познакомившись съ нимъ, и просить тогда о извѣстномъ дѣлѣ. Что до отца касаетця, какого ви будете на сіе мнѣніе и какъ расположитеся, увѣдомить прошу. За симъ препоручая васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ къ вамъ вѣрнимъ усердіемъ во всю мою жизнь, вашею въсегодображелателнѣйшею услужницею Н. П. 1789 г. июля 23. Съ Каруковки.

77. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Николай Михайловичъ вѣчерась поздо пріехалъ самъ, безъ отца, толко изъ Стародневскимъ, которой сказивалъ, что Петръ Степановичъ на сихъ дняхъ хотіелъ ехать у Городню и тутъ ....тисъ дочери, а притомъ съказивалъ и то, что отъ многихъ слишилъ, что говорили, чтобъ вамъ неотмѣно должно пріехать у Чернѣговъ и старатисъ чрезъ пріятелей, испросить прощенія, а инако де худо будетъ. Можетъ статця онъ того и самъ желаетъ; я то догадиваюсъ сама, да какъ мнѣ кажетця, то и должно старатисъ о семъ, и для того не коснѣте съ пріездомъ; ви луче сами отъ Николашенки услишите обо всемъ обстоятелне, да онъ васъ нетерпеливо и хотитъ вѣдать. Болше не распространяю, а кончу тіемъ, что я естмъ во всю мою жизнь вашею всегодображелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г., июля 27. Изъ Боровичъ.

---

[1]) Стороженка, а сынъ его—Николай Михайловичъ, бывшій потомъ черниговскимъ губернскимъ предводителемъ.

78. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Съ письма вашего предвижу я, что ничево хорошого не можетъ бить въ расужденіи нечестивого дядка [1]); по всему видно, что онъ то и всему причиною, какъ и отецъ мнѣ пояснялъ, что я во всемъ слушаюсь брата и поступлю неинако, какъ онъ мнѣ совѣтуетъ. Господь пусть ему отдастъ, какъ самъ знаетъ; въ его святой волѣ все наказать и помиловать. Чтожъ касаетця до владики, то увѣраю, что онъ докажетъ, когда его пристально просить будете; и хотя бъ то отецъ и нѣсколко разъ владики отказивалъ, но ви одначе жъ просбою безпокойте владику [2]); въ семъ вамъ ни грѣха, ни стида не можетъ бить, авось даруетъ Предвѣчной, что толкущему отверзетця. Мое мнѣніе, а ваша воля, чтобъ въ случаи владики и тисячу посулить, толко бъ простилъ и отдалъ материнскую часть безъ клопотъ; а впротчемъ Господь съ ними, а на пору и двохъ не пожалѣть; вить болше потеряете покуда сищете; пожалуйте, сами для себе старайтесь недремучимъ окомъ. Воля его что дать, недать своего, а толко бъ материну часть отдалъ. Естлибъ владика ростолковалъ ему порядочно, что сего не можетъ нихто отъ материнской части васъ отдалить, но что хорошое изъ сего будетъ, когда отецъ собственихъ своихъ дѣтей въ разореніе приведетъ? Недоволно, что безчестія и поруганія учинилъ доволно, но еще съ обоихъ сторонъ и убитокъ. Какую славу приобритетъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ при такихъ лѣтахъ? Ви, какъ молодіе люди, погрѣшили противо отца, пусть такъ, сему простить должно, какъ отцу просившихъ прощенія,—вотъ свято би здѣлалъ и покрилъ би вѣчесь съ обоихъ сторонъ проступокъ. Естли владика сіе докажетъ, то сущимъ миротворцемъ наречетця. Сіе получить отъ Предвѣчного, вамъ отъ искреннѣйшого моего сердца желаю. Я слишала, что отецъ хотитъ ехать въ Гамалѣевку; Бога ради, теперъ старайтесь кончить миромъ, а какъ уедетъ, то въ то время способу не будетъ ужо ничево доброго здѣлать. Какого ви о семъ мнѣнія будете, дайте мнѣ чрезъ сего знать, равно и какіе начатки послѣдовали, со всякимъ обстоятетелствомъ не оставте увѣдомить мене. Естли замедлите, то пожалуйте, пишѣте чего вамъ надобно безъ и малѣйшей церемонѣи; не теряйте на то денегъ, что можете получить, а инако я сочту васъ непріязненими ко мнѣ. Наконецъ, поручаю васъ божіему милостивому призрѣнію и по-

---

[1]) Андрей Степановичъ Милорадовичъ

[2]) См. выше, стр. 149

кровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г. авг. 13. Изъ Боровичъ.

79. Любезніе мои вѣнуки Н. П. и И. С. Запомнила я прежнихъ для васъ бумагъ послать, которіе засимъ посылаю, съ коихъ все увидите и по сему поступить рекомендую; да и я не иного содержанія, что сіе съ вашею будетъ пользою. Сіи бумажки, коихъ четиры по листу, а пятая поллиста, прошу мнѣ обратно прислать, яко я еще на сіе не отвѣчала и чрезъ сего жъ самого. О священику такъ же неумедлѣте, пожалуйте. Болше, за скорость, не распространяю и кончу тіемъ, что естмъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г., авг. 26. Изъ Боровичъ.

80. Любезніе мои вѣнуки Н. П. и И. С. Посылаю вамъ присланое писмо и прозбу отъ священика, до которого ещо я и не отвѣчала; пожалуйте, посему, какъ вамъ заблагоразсудитця, начернѣте (когда надобно) и пришлѣте съ нарошнимъ своимъ, яко сей едетъ въ Романовку и долго дожидатисъ его будетъ. Григорій Григоріевичъ толко и пишетъ, что за недосугомъ ни на что отвѣчать не можетъ, а совѣтуетъ сколко можно потерпѣте, ибо графа (Румянцева) ожидаютъ скоро, и человѣкъ его пріехалъ таперъ ко мнѣ, началъ водокъ учитись дѣлать, то тутъ надобно отъ всего удержатись, чтобъ не подать ни въ чемъ причини имъ на себе; и ви положитись на Всеведущого, тотъ непремѣно устроитъ все по желанію сердца вашего, толко взять терпеніе. О деревняхъ и душахъ Василій Ивановичъ пишетъ, что будетъ старатись, но ему то неловко, а совѣтуетъ Г. Г. [1]) чтобъ ви не заживались да пріездили сами луче. Вѣрующой отъ Настасіи П., такъ же Григорій Григ. пишетъ, ещо не брать, ибо де рознесетця тотчасъ и се къ худшему можетъ бить, и для того и я вамъ совѣтую подождать; а между тіемъ графъ когда пріедетъ, то луче все, а можетъ онъ и къ миру не преклонитъ ли; всѣ сіе говорятъ и совѣтуютъ такъ поступить; вотъ священика бѣдняка жалко, что страждетъ, о семъ потрудѣтесь, и естли писать за благо вамъ покажетця отъ мене, яко за своего священика уступитця надлежитъ, то тутъ прописать непремѣно мнѣ каже (говоритъ) все про сіе прописать надобно, какъ затіеи Петрови, такъ и дозволеніе и отказъ многимъ женикамъ безъ согласія дочернего, такъ судъ и то, что мнѣ сказалъ, что за лифлянца(?) намереваетъ отдать безъизвѣстна, равно и то, что она никогда въ отца не бивала.—И начерниви, пришлѣте ко мнѣ. Болше бъ

---

[1]) Григорій Григорьевичъ Фридрикевичъ.

писала да глаза такъ болятъ, что способа не нахожу, и тіемъ кончу, что естмъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. Авг. 26, 1789. Изъ Боровичъ.

81. Любезніе мои внуки Н. П. и И. С. Какъ скоро я получила ваше писмо ко мнѣ и до Григорія Григоріевича, равно жалоба и опредѣленіе извѣстное, то того же часа и отправила съ нарочнимъ моимъ, въ надлежащіе руки. Ви пишете, что едете тотчасъ въ Новгородокъ, но не написали—обое ли или одно съ васъ; естли одинъ Иванъ Степановичъ поедетъ, то неможно ли Настасьи Петровнѣ пріехать ко мнѣ, прилѣжно о семъ прошу. Клюкви посилаю и три арбуза да и грушъ въ коробки, желаю здоровенкимъ кушать; возокъ дворовой данъ сему вашему человѣку, при оказѣи прошу прислать, равно и коробки прежніе и сіи, естли ненадобни. Засимъ поручая васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г., сент. 17. Изъ Боровичъ.—P. S. Писмо ваше ко мнѣ—отправила я туда жъ, куда надлежитъ; въ насъ ничемъ ничего не слихать, да и о Максимовичу не слишила я ничево. М—вой моей г—нѣ Парасковьи Григоріевнѣ, вашей драгоцѣнѣйшей матушки, прошу мое почтеніе и низіохенкой поклонъ засвѣдителствовать, равно и любезнимъ вашимъ сестрицамъ, а моимъ м—вимъ г—нимъ. Уляна Семеновна въсемъ низіохенко кланнетця, а притомъ проситъ и Уляна Семеновна Настасью Петровну, какъ кумушку свою, чтобъ пожаловала пріехать, а когда не пріедетъ, то она сама въскорѣ будетъ, но съ тіемъ, чтобъ ви прежде пріехали, а безъ того и никогда не поедетъ.

82. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и И. С. За поздравленіе ангелъ моимъ мене чувствителнѣйше вамъ и всему вашему семейству приношу благодареніе, молитвами которой да даруетъ Всевидущой всѣмъ вамъ помистное (?) благощастіе, покой, здравіе и долгайшіе лѣта, отъ искренего моего сердца желаю. За присилку хлѣба и охоти вашей зайцовъ премного благодарю. Писмо ваше и Калиновского, также и опредѣленіе вамъ извѣстное того жъ часа съ нарочнимъ отправлено въ Чернѣговъ, равно и до священика послано ваше писмо. Увѣдомить васъ непромину, что батюшка вашъ горячкою занемогъ и что масломъ соборованъ, о чемъ мнѣ сказивалъ отецъ Романъ, которой третово дни изъ Чернегова пріехалъ, а онъ слишилъ сіе отъ Михайла Михайловича, и что докторъ Удинъ пользовалъ его, а пріехавши въ Чернѣговъ и самъ заболѣлъ. Борони Господи чего, то вѣчно сожалѣть будемъ, когда благословенія и проще-

нія не получите. Мнѣ толко удивительно, что Григорій Григ. ничево о семъ не пишетъ. Федосья Константиновна на возвратномъ пути съ Питербурха едучи, по дороги занемогла, а пріехавши въ Москву, скончалась сентября 25, где и погребена; а Марія Михайловна [1]) віехавши зъ Москви, въ Орлѣ заболѣла, и всѣ люде съ нею бившіе, и пролежала до 22 октября, а теперъ писала, что она будетъ ноября къ 2, въ Подоловъ, куда и брата Василія Степановича проситъ, чтобъ пріехалъ, и онъ 30 сего октября, рано, и поехалъ. Какъ мнѣ жалко Федосье Константиновни—описать вамъ не могу, а болше ещо Марію Мих., которая описивала, что они претерпѣли, то истино нелзя нетронуту бить человѣку, читая оніе писма; доволно, что до того дойшло, что лежитъ болна въ Орлѣ со всѣми людми, а денегъ ни копейки, но графъ Кирило Григоріевичъ [2]) прислалъ съ нарочнимъ 500 рублей и до Неплюева писалъ, чтобъ всякое вспоможеніе было би для болящой. Подумайте: двѣ женшини въ такую болшую дорогу отважились поехать, туда, где ни души знакомихъ нѣтъ; благодареніе Богу, что графъ случился въ Москви, а безъ того пропасть би должно. О Григорію Петровичи присланъ указъ, что опредѣленъ на мѣсто Селецкого, но еще нѣтъ его и поинѣ. Вотъ вамъ и всѣ здешніе новости, а болше ничево нѣтъ, но сохрани Господи таковихъ вѣстей. Болше писать чего не сискую, поручивъ насъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ усердіемъ во всю мою жизнь вашею всегодображелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г., окт. 31. Изъ Боровичъ. Пивонѣйки нѣтъ здесь; видно потерили въ другомъ мѣстѣ. Я знаю что Настенка къ игрушамъ охотниця, посилаю 130 вареныхъ въ меду; унгарского спирта..... и разной водки, коришневой и масти(ковой), всехъ 7-мъ.

83. Любезнѣйшіе мои внуки Н. П. и И. С. За присилку мелника, чувствително благодарю, но не въ пору; когда би тогда пріехалъ било, какъ можно ещо гатить, то бъ много помогъ, а теперъ далъ нѣкоторой совѣтъ, что касаетця около клетокъ; но луче би въсего, когда бъ онъ или синъ его принялся бить атаманомъ; я ему о семъ говорила, но онъ самъ не соглашаетця, а сказивалъ, что синъ де его можетъ статця поохотитця, которой естли ужо согласитця, то покорно прошу, прежде, тамо съ нимъ договоритись, какъ ему бить, то есть какую онъ часть получать долженъ будетъ, и о семъ мене

---

[1]) Стороженко?

[2]) Разумовскій.

прежде, при оказѣи, увѣдомить, даби человѣка не трудить. Вамъ господинъ Калиновской [1]) вѣрно переказивалъ дѣло и для того я лишнимъ почитаю объ ономъ пояснять, а скажу вамъ толко то, что Григорій Петровичъ пишетъ ко мнѣ, которое писмо посилаю для увидѣнія, по сему ненадобно объ немъ худого думать, а въ томъ Господу свѣдущему, но я по крайности симъ себе лщу. Я къ нему отвѣчала таперъ толко то, что я радуюсь о сего мѣсту и протчая; равно благодару за незабвенье и поздравляю его чиномъ, а болше ничего, даби не вдругъ за его приниматися. Мое мнѣніе, какъ я и Калиновскому съказиваю, чтобъ вамъ поехать въ Чернѣговъ, заманутись зачемъ нибудь, а хотя би то и будто для Михайла Михайловича, которой весма боленъ, съ преложеного писма усмотрите, а между тіемъ и изъ Григоріемъ Петровичемъ повидатисъ, чтобъ чрезъ его просить отца о вашемъ достояніи и протчая. Да и Григорій Григоріевичъ писалъ, зачемъ ви не едете, удивляетця. Когда не намерени ехать, то какой ради причини—увѣдомте. Я би чрезъ васъ писала къ Г. Петровичу или за совѣтомъ вашимъ и опосля или прежде, я великимъ дивомъ (віс), что Григорій П. пишетъ ко мнѣ, да и что неудоволство подписано отъ стороны отца, а съ писма Г. Г. увидите, что сами и приговоръ писали; что нибудь да кажетця къ миру сходно. О дай то предвѣчной Господи, чтоби такъ било. Съказивала мнѣ Ефросинія Романовна, что Настенка бокомъ часто неможетъ; Бога ради, не сиди много!—то есть великой вредъ, да не худо би и лекара сискать; а между тіемъ попробовать, какъ толко начнетъ маленко болѣть, то розогревши въ ложки сребной масла деревяного, и руку нагреть тотъ долженъ хто будетъ тереть болное мѣсто, наливъ масла на руку, и терѣть сълегка; одначеже въ разужденіи томъ, что не празна, и до тіехъ поръ пока масло въсе въвойдетъ въ тѣло; потомъ овса нагреть и положить до болного мѣста, и буди легче будетъ, то и не мѣшать болше ничемъ При семъ посилаю, сколко у мене било, бобкового масла, и сіе велику помощь дѣлаетъ, но опасно можетъ бить, что давнее. А луче всего совѣтую лѣкара сискать и отнюдь не запускать. Мартиновской превеликой практикъ женскимъ болѣзнямъ, которой нинѣ у Михайла Михайловича,—естлибъ пріехали безъ замедлѣнія, то бъ весма хорошо его пригласить. Болше не распространяю, да и что то нездорова я ужо дни нѣсколко. И такъ кончу тіемъ, что я естмъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею Н. П. 1789 г., нояб. 18. Изъ Боровичъ.

---

[1]) Адвокатъ.

84. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Какъ скоро получила я отъ васъ прозбу 16-ти лѣтнево малчика извѣстную получила (sic), такъ и писмо ваше, въ коемъ пишете о присилки извѣстного вамъ рѣшенія, то нарочнимъ послала до Григорія Григоріевича, даби поскорѣе присилалъ, а какъ скоро прислана будетъ, не укосню съ присилкою; пожалуйте, не зажинайтесъ; вамъ таперъ весма нужно въ Чернѣговъ. За присилку селдей чувствителнѣйше благодарю, кои весма хороши и исъ конхъ по частички послала къ Михайлу Михайловичу и Григорію Г. Для Михайла Михайловича, кажетця, таперъ весма будутъ кстатѣ. Что получила отъ Николашенки, посилаю; дай Господи, чтобъ виздоровилъ Михайло Михайловичъ; жаль мнѣ до безконечности его, а къ тому и синъ такой, что безъ отческого призрѣнія никуда негодитця. Болше не распространяю. Препоручивъ васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею вѣрною и всегодоброжелателнѣйшею бабкой Н. П. 1789 г., ноября 24. Изъ Боровичъ.

85. Любезніе мои вънуки И. С. и Н. П. Я толко, что расположилась било къ вамъ послать, заговѣвши, какъ же ви упредили, то и оставила на другое. Радуюсь, слиша о вашемъ здоровьи и продли Всевидущой въ непоколѣбимомъ (*sic*) обѣихъ васъ до самихъ глубочайшихъ лѣтъ, отъ искренего моего сердца желаю. Я слава Богу здорова по моимъ лѣтамъ, но съ комнати ни вонъ. Батюшка вашъ віехалъ совсемъ ужо, о чемъ мнѣ мужичокъ жукоцкой съказивалъ, которой пріездилъ на тамошнего приказчика жаловатця, а имено за то, что позною добою [1]) виправилъ подводи съ разнимъ хлѣбомъ въ Любечъ и во всю ночь ехали они, — какъ то въ сего мужика продрался мѣшокъ и пропало пшеницѣ двѣ мѣрки, за что приказчикъ билъ его нещадно и требуетъ потеряной пшеницѣ; я до Григорія П. писала, что по двѣ кожи не годитця драть и чтобъ онъ велѣлъ вислѣдовать, буди точно билъ, то тіемъ би и доволенъ оставался, а чтобъ господское непропало, тотъ приказчикъ положилъ, а между тіемъ и въ наличности писала, чтобъ онъ мене точно увѣдомилъ естли .....Сей мужичокъ сказивалъ, что уже идетъ перевозъ извѣстной и что люде ни одной мивуты свободи неимѣютъ: одни молотятъ и вѣютъ, другіе домъ перевозятъ. Я хочу послать нарошного заразъ, даби по ревизѣи принималъ вьсе, но сама не знаю кого би, посовѣтуйте, какъ вамъ кажетця, а я думаю Иванѣцкаго, ибо совершенно надобно по ревизѣи випра-

---

[1]) Временемъ.

витись. За присилку льну премного благодарю, которой хотя недешевъ, но весма хорошъ, тутъ же и за гриби благодарю премного. Василія Степановича нѣтъ по сію пору, отехалъ въ Чернѣговъ. Григорій Григоріевичъ нездоровъ, педагрою и харагрою страждетъ. Что отъ Иліи Василіевича лакей будучи сказывалъ о горелки, то явилась ложъ, Лемъ, поворотясь, съказывалъ, что ни же по два рубля не даютъ. Мнѣ хлѣба не купили таперъ въ Сосницѣ и для того посилаю уже завтрешній день въ Глуховъ. Что то тамо будетъ, Богу свѣдуще. Зъдесь пронеслось, что будто графъ Петръ Александровичъ съкончался, жаль, борони, Господи, сего, ми всѣ потеряемъ прямого отца, я о семъ посилала до Григорія Г., тотъ вѣрно обо всемъ вѣрнѣйшіе вѣсти (имѣетъ?). Болѣ писать чего не сискую, препоручивъ васъ Божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшей бабкою Н. П. 1790 году, генваря 3. Изъ Боровичъ.

86. Любезнѣйшіе мои вънуки Н. П. и И. С. Долго не получая отъ васъ о вашемъ для мене дражайшомъ здравіи, въ немаломъ сокрушеніи пребиваю; прошу чрезъ сего нарочно посилаемого увѣдомить мене здорови ли ви? А я по благости божіей, хотя не совсемъ, но здорова, желаю и отъ васъ получить то, что ви здорови и дужи. Я би давно послала къ вамъ, но дорога мѣшала, ожидая зъ дня на день авось поправитця, но во мѣсто того все хуже да хуже, и чтобъ не здѣлалось ещо и болше сего, то какаво бъ то не доехала(?). Кормилицу посилаю. Даруй Всевидущой, чтобъ оная намъ била угодна и надобна, отъ искренего моего сердца желаю. Естли возможно и не испортитця пуще дорога, покорно прошу въ Стародубъ послать купить для мене свѣжихъ осетровъ два, толко бъ некашницъ (?), икри жидкой, самой хорошой фунтовъ десять, да паюсной самой хорошой пудъ одинъ, сливъ французкихъ полпуда; на сію покупку посилаю денегъ 35 р. Камбали, каваловъ 6, селдей хорошихъ, когда можно, бочонокъ болшой, когдажъ неможно, то маленкихъ 2 бочоночки. Вотъ и вся моя покупка. Сіе для того, чтобъ упорожнѣ подвода не возвращалась. Вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ, а когда у васъ что новое, не оставте сообщить. Не слишили ли ви чего съ Романовки,—здорови ли тамо наши и не били ли въ Стародубѣ? пожалуйте не оставте увѣдомить; я хотіела посилать къ нимъ, но дорога попрепятствовала. М. г—нѣ моей Парасковьи Григоревнѣ, вашей драгоцѣнѣйшей матушки, прошу отъ мене засвѣдителствовать мое почтеніе, равно и сестрицамъ вашимъ, а моимъ м. м. г—нямъ, низіохенко кланяюсь,

а васъ, моихъ ангеловъ, обѣихъ цалую въ мисляхъ, препоручивъ васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, февраля 15. Изъ Боровичъ.—Николашенки и по сіе время съ Иржавця нѣтъ. Естли паче чаянія не будетъ рибъ, то вина какого хорошого купить да пива аглицкого за сіи денги. Василій Степановичъ прекрасныхъ жеребцовъ купилъ 2, у Стаховича, одинъ, какъ глина, съ темними пятнами, а другой—серой; не худобъ кобиловъ двѣ прислать изъ вашимъ нарошнимъ. За оніе далъ 300 р., первой 2 ар. и 6 в. съ половиною, а другой молоденкой.

87. Любезніе мои вънуки И. С. и Н. П. Письмо ваше я получила. Радуюсь, слиша, что ви дужи и здорови, продолжи, Всевидущой, въ непоколѣбимомъ вамъ пребивать до самихъ глубочайшихъ лѣтъ, отъ искренего сердца моего желаю. За присилку мастера чувствително благодарю, но жаль, что по пустому бѣдняжка потрудился: первое, то, что дорога безпутна, фторое, что и нелзя ничево дѣлать таперъ, яко испортился совсемъ ліодъ, а где било можно, то до пріезда его окончено. Я его договорила, даби онъ принялся здезь бить атаманомъ, которому доходъ на одинъ годъ давала такой, чтобъ ему розмѣръ обикновеній со всехъ клѣтокъ брать, а мѣрочникомъ съ того третину дать онъ долженъ, но съ тіемъ, чтобъ исправилъ совсіемъ порядочно, какъ должно во всякой клетки, а что вънову дѣлать бы довелось, то на то договоръ другой, но онъ съказалъ, что ему нелзя, откладиваетъ на иное сіе время, а на какое—не положилъ ничево. Пожалуйте, поговорите ви съ нимъ, къ чему и на чомъ онъ желаетъ пристать и мене увѣдомить. За присилку конопляного масла чувствително благодарю, которое тіемъ болше пріятно, что съ вашихъ рукъ; въ Жукотки не посилала ещо, а предъ срокомъ за неделю пошлю. Ульяна Семеновна къ 1 марта будетъ къ вамъ съ повелѣною надобностію,—даруй толко, Всевидущой, чтобъ сокровеное открилось и при ненарушим(омъ) здравіи узрѣли ви, и мене удостой, Предвѣчной, то видѣть, что для мене лестно. Засимъ препоручивъ васъ божіему призрѣнію и покровительству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, февраля 21. Боровичи.

88. Вселюбезнѣйшіе мои вънуки Н. П. и И. С. Съ терпѣнія вихожу, неполучая такъ долго вожделѣнѣйшаго для мене извѣстія. Обрадуйте мене, когда премилосердое Провидѣніе даровало вамъ что, ибо срокъ уже прошолъ, и потому два дни миновало ужо. Буди

жъ, паче чаянія, нiетъ еще ничево, то, по крайности, росчитавшись порядочно, въ совершености, дайте знать. Богъ мой свѣдитель, что я себѣ не помню отъ горести. Г-жа Симонова 2 марта разрѣшена отъ бремени и даровалъ ей Богъ дочь Евдокію. А по рощоту вашему, вамъ бо прежде надлежало. Ради Христа, не медлѣте сего нарошного, даби мнѣ не унивать. Господь вамъ да поможетъ! Господь да благословитъ васъ всіемъ тіемъ, чего ожидаемо съ нетерпеливостію, отъ искренего моего сердца желаю. Прибпвая, поколь духъ въ тѣлѣ, вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 5. Изъ Боровичъ.— Послали ли писмо къ Степану Степановичу и не имѣети ли какого объ нихъ извѣстія, пожалуйте увѣдомите. М—вой моей г—нѣ драгоцѣнѣйшей вашей матушки прошу мое почтеніе засвѣдителствовать, рано и сестрицамъ вашимъ, а моимъ м. м. г—нимъ низіохенко кланяюсь. Улянѣ Семеновнѣ прошу обявить, что Григорій Герасимовичъ дужъ и здоровъ и онъ ей кланяетця, и я съ нимъ вмѣстѣ кланяюсь жъ.

89. Любезнѣйшіе мои внуки Н. П. и И. С. За пересилку писма моего въ Романовку и отъ толь ко мнѣ, чувствително благодарю, равно и за покупку московскую, хотя чайникъ и великъ, но нѣчого перемѣнить, такъ и бить, а что касается до чашекъ, то видно ви безъ разбору оставили себѣ полдюжини, яко у мене неодинаки двѣ чашки и болшіе гораздо, и цвѣти на всѣхъ розанчики, а на двохъ иніе цвѣти, но и въ томъ нужди нѣтъ, можно и по времени перемѣнить, когда похочете, а я весма доволна оними, равно... и протчимъ, за что еще повторно благодарю вамъ обѣимъ, моимъ ангеламъ. Ви не написали о дѣлѣ отца вашего, вамъ извѣстного въ Новогородку Сиверскомъ. Какой то повереной справлялся, нарочной ли пріехалъ съ Чернегова или тамошной, буди тамошной, то не удивляйтесь, а когда нарочитой пріездилъ отсель, то легко сего нечего поставлять (*sic*). Пожалуйте, неоставте увѣдомить же о семъ. Николай Михайловичъ вчерась пріехалъ и съказивалъ, что и Григорій Петровичъ изъ супругою и дѣточками будетъ къ празднику сюда; я ему обо всемъ семъ говорить буду, и ви ничемъ не клопочитесь, пожалуйте, все прекратитця и будете имѣть покой, толко даруй Всевидущой вамъ обѣимъ съ вожделѣніемъ. Николай М. сказивалъ, что оцецъ (*sic*) вашъ сину далъ вѣрующую для прекращенія всехъ дѣлъ и онъ непремѣно здѣлаетъ; никакого я сумнителства въ семъ не имѣю, увѣраю; толко, Бога ради, не клопочитесь по напрасному. Премилосердной Господь наказиваетъ насъ за грѣхи, а когда молить его и несумнѣно

на то положитись, то сколко наказанія, то сугубое помилованіе получаемъ. Я у Жукотки отправила Лема одного, которой писалъ ко мнѣ, что требуютъ подводъ везти горелку въ степъ, и приказала отнюдь не дать, но Николай М. пріехавши, сказывалъ, что 10 бочекъ повезли жъ таки жукоцкіе бѣдніе люде. Подумайте, какова таперъ дорога, истино, сердце мое болитъ, услишивши такое безаконіе. Я предъ симъ послала туда и бочку пѣной горелки, велѣла роздать въ шинки тамошніе и когда видетъ и дорога поправитця, то и другую пошлю. Наличности, пишетъ, никакой нѣтъ и воли такъ бѣдни и маленки, что и по три рубльа нестойніе, и поле, сказываютъ, не все засѣяное; словомъ, Николай Михайл. сказывалъ, а ему Лемъ, что такъ разорени будто люде, что ни одного человѣка нѣтъ, чтобъ можно назвать человѣкомъ достаточнимъ. Я истино не понимаю, что мнѣ дѣлать? Подумайте, когда такъ точно разорени, чемъ поправить? Истино съ терпѣнія вихожу. За симъ ожидать буду увѣдомленія отъ Григорія П. Николай Мих. съказывалъ, что послалъ писмо въ Жукотки Г. П. на мои къ нему требованія о наличности. Что получу, безъ увѣдомленія—не оставлю васъ. За симъ препоручивъ васъ божіему милосердію и покровителству, пребуду съ моимъ къ вамъ усердіемъ, поколь духъ въ тѣлѣ, вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 7. Изъ Боровичъ.—М. г—нѣ моей, вашей драгоцѣнѣйшей матушки, прошу почтеніе отъ мене засвѣдителствовать наичувствителнѣйше за присилку милця, за боброви каплѣ, и гофманови, премного вамъ благодарю, равно и за шафранъ. Отъ недосугу голова кружитця и когда что пропустила—извинѣте.

90. Любезнѣйшіе мои внуки Н. П. и И. С. Не получая отъ васъ такъ долго никакого извѣстія, въ немаломъ сокрушеніи пребываю. Увѣдомте мене, каковы ви въ своемъ здоровьи, дайте хотя съ нарошнимъ вашимъ знать. Я въ той надежди, что ви писали—будете увѣдомлять и не посилала по сіе время; всякую мѣнуту ожидала радостнѣйшого для мене извѣстія, но видно ошиблися щотомъ, со всіемъ тіемъ хотя и тіемъ увѣдомте, что нѣчево ещо нѣтъ. Даруй, Всевидущой, благополучно въ свое время. Пива ніетъ, послала варить, какъ толко привезутъ, пришлю. Вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ и тіемъ кончу. Естмъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 13. Изъ Боровичъ.—Я глазами стражду, жестоко болитъ. Улянѣ Семеновнѣ прошу кланятись, а панъ ея пишетъ самъ о себѣ и для того поясняти уже мнѣ нѣчево.

91. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Сколко я била тронута, по расказамъ Улини Семеновни мученіемъ Настенкинимъ во время родовъ, описать силъ моихъ нѣтъ, сколко жъ и м. моя г—ня, а ваша драгоцѣнѣйшая матушка, въ то время и завсегда безпокоитця и безпокоилась, ничемъ сего наградить силъ нѣтъ. Предвѣчной одинъ тотъ да даруетъ ей за такову ея милость все по желанію ея сердца и должайшіе лѣта, даби ея отрасли, видя таковое призриніе надъ страждущими подавали би руку помощи, а вамъ остаетця вѣчно сіе въ сердци вашемъ запечатлѣть и удесятерить вашу къ такой матери преданость и почтіеніе, равно и я, поколь духъ въ моемъ тѣлѣ будетъ пребивать, не исключу изъ сердца моего благодарности и почтенія, съ которимъ и въ гробъ пойду, а нинѣ прошу отъ мене низіохенко кланятись и за меня обоихъ васъ прошу въ ручки обѣ поцаловать по сте разъ, а я васъ троихъ цалую въ мисляхъ неме(н)ше жъ того, какъ ви за мене. За присилку теліоночка премного благодарю, съ которимъ дожидатись вашего пріезда буду, ибо я до полученія забила въ Каруковки своего теліонка. Къ Григорію Григоріевичу того жъ дня отправила другого теліонка, при писмѣ вашемъ. Григорій Г. боленъ и по сіе время, и въ Чернѣговѣ празникъ принимать будетъ, а Василій С. со мною, кой толко на время отехалъ въ Смячъ. Посилаю вамъ погребецъ водки: сладкой 4 штофа, а крепкой три. Естли возможно, прошу приказать додѣлать въ гутѣ 3 штофа бѣлой води, и то не заразъ, а по времени. Ябловъ посилаю 55 сладкихъ и кислихъ, по частамъ, какіе на сію пору случились, сѣменъ редечнихъ трохъ сортовъ, а арбузовъ сѣменъ нѣтъ хорошихъ, селдерей не посилаю, яко перемерзнетъ. Писмо отъ Василя С., къ вамъ писаное, посилаю. Папошникъ посилаю, незнаю каковъ, пшеницу съпортили по чужихъ мелниця(хъ) мелючи, а мои въ подтопѣ—третая недѣля. Здѣлайте милость, какъ у васъ вѣрно частіе оказѣи въ Стародубъ, прикажѣте купить мнѣ сахару пудъ, на что и денегъ посилаю 15 рублей, и чрезъ того пришлете, что съ пивомъ пришолъ. Сашенки, моему ангелу, отъ своихъ трудовъ коробочку посилаю и парку цвѣточковъ, какіе на сію пору разъцвѣлось. Засимъ препоручивъ васъ троихъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ усердіемъ вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 21. Изъ Боровичъ.—Прошу мое почтеніе засвѣдителствовать вашимъ любезнимъ сестрицамъ, а моимъ м. м. г—нямъ. Улина Семеновна всѣмъ вамъ кланяетця, начавъ отъ матушки вашей, вамъ троимъ и сестрицамъ вашимъ, и цалуетъ всѣхъ ручки.

92. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. За присилку пива аглицкого премного вамъ благодарю, которое по пробѣ и не худенкое. Извинѣте, что я васъ симъ безпокою, причина сему, что мои люде ещо туда не обикли ездить. Что принадлежитъ до присланой копѣи прошенія по дѣлу отца вашего, вамъ извѣстного, то ви весма понапрасному безпокоите, вѣрте, что ничево изъ сего не можетъ бить. Григорій Петровичъ изъ супругою и Соненкою сей день отехали отсель; онъ увѣралъ мене, что въ мае мѣсяцѣ увидите сами, что все прекратитъ онъ непремѣнно, и надобно вамъ знать, что Полуботки отобрала съ протчими наряду деревнями, и Григорій П. хотя съколко не просилъ мене, чтобъ я ему отдала таперъ же, но я удержала до тіехъ поръ, покуда не кончитъ онъ положеного мира, вамъ извѣстного. Описивать вамъ о происхожденіяхъ бывшихъ, лишнимъ почитаю, дастъ Господь, пріедете, услишите все, а таперъ ещо пофтору вамъ, ради Бога, не печалтесь о пустой затіеи отческой; вѣрте, что оная исчезнетъ, какъ нонѣшной сънѣгъ отъ слонца. Наконецъ, препоручивъ васъ троихъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ къ вамъ усердіемъ во всю мою жизнь, вашею всегодображелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 30. Изъ Боровичъ.

93. Любезніе мои вънуки Н. П. и І. С. Получа о вашемъ здоровьи извѣстіе, радуюсь, даруй Всевидущой вамъ и крошенки Алексашенки пребивать въ ненарушимомъ, при покровителствѣ божіемъ, до самихъ глубочайшихъ лѣтъ. Не менше сего обрадована я и пріемомъ милостивимъ отца вашего хлѣба узварного. Дастъ Господь, въсе будетъ хорошо, толко терпѣніе имѣть и положитись во всемъ на провидѣніе Господне, тотъ борітель общего врага попередъ, несумнителную надежду имѣю. Посилаю о наличности жукоцкой описъ; что касаетця до ярини, то будетъ какъ нибудь, но жита ничего нѣтъ; я тамо мужичка поставила мохнатинского до пріезда вашего, которой маленко и грамотенъ. А ви старайтесь человѣкомъ и нехудо бъ, чтобъ и отправить его заразъ, а въ томъ, какъ изволите, ибо я ужо сему то мужичку приказала, чтобъ онъ старался — все поле ораное весеялъ бы, непремѣно въсе, какъ овсомъ сколко его есть на лѣпо, пшеницею и протчимъ, сколко чего есть. Воли, какіе есть нѣчево уже переберать, кои всѣ при Жукоткахъ останутця. Шинкаромъ я дала двѣ бочки вишенолугарной горелки, цену положила зъ десятиною по два рубля, но той мало будетъ, а у мене такъ же нелишней горелки; я би вамъ не жалѣла, но и въ Савинки надобно

будетъ бочекъ двѣ жъ, покуда ви пріймете́сь за хозяйство. Мнѣ кажетця, какъ ужо близкое время приходитъ до окончанія дѣла вашего зъ братомъ, то бъ не ложидаясь мая, писать къ нему о положенія сърока, и не худо бъ своего нарошного прислать, и хотя и чрезъ сего изволте писать, я къ нему пошлю и своимъ. Много вамъ писать о розговорахъ нашихъ за лишное почитаю, дастъ Богъ, пріедете, услишите. Прошу лать знать, когда ви намереваете пріехать, дабы я зная могла возвратитись съ Каруковки, куда хочу заразъ за поворотомъ сего отъ васъ поехать. Я тамъ толко и прожила дни три и почти ничево не здѣлала. Савинской приказчикъ весма боленъ, и хотя я и писала къ нему, чтобъ вездіе било позасѣяно, но сумнюсь, чтобъ билъ порадокъ въ расужденіи его болѣзни; однакъ часто посилать буду туда провѣдивать, а буди не поправитця, то хотя отсель пошлю человѣка. Болше писать чего не сискую, да и после дороги не совсѣмъ здорова что то. Цалую въ мислихъ васъ, моихъ ангеловъ, троихъ, препоручивъ васъ божіему покровителству и милостивому его призрѣнію, пребуду во всю мою жизнь вашеговсегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, апреля 11. Изъ Боровичъ.—Уляна Семеновна благодаритъ за присилку писемъ, и будетъ къ вамъ къ повеленому сроку непремѣнно. Виписка съ контракта данного мнѣ отъ Петра С. на откупъ Жукотокъ, которой данъ 1777 году, сентября отъ 1 числа, на три года, которому сего 1780 году и конецъ года; на всякой годъ полагая по 600 р., за три года 1800 рублей, отдано за карету Енку—192 р. 50 к., по росписки Каморовскаго, того жъ, году, въ маи мѣсяцѣ—200, по другой, въ ноябрѣ—300. Чрезъ Базилевича получила я—333 р., за 300 колодъ на церковъ жук. —75 руб., чрезъ Николая я получила—300, майстрамъ жукоцкимъ—30, да таперъ чрезъ козака 168 рублей; и того 1748—50, ещо надлежитъ—51 р. 50 к.

94. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. По отездѣ вашему, наумовской молодой попъ, являсь у мене, представилъ зъ дикастеріи указъ и прозбу, которіе для вашего знанія посилаю, единствено для того, чтобъ ви вѣдали, что неусипно оцетъ (sic) стараетця жъ, и Господь ихъ вѣдаетъ, на что сей обманъ, что тутъ такъ, а тамо инакъ. Сей же священикъ со слезами просилъ мене, чтобъ послать къ Степану С..., дабы подписался на присяги прилагаемой, которую не надобно ли въ чемъ поправить, вамъ предъоставляю. И ви пожалуйте къ Степану С. напишѣте о семъ и, не удерживая нимало сего нарошного, отаравляйте. Между протчимъ сказивалъ священикъ, что пріостановлено де било въ дикастеріи сіе дѣло совсемъ; но ужо свят-

ками получали отъ Петра Степановича прозбу да скончено было сіе дѣло безъ замедлѣнія. Правда ли сему или нѣтъ—я слышаное пишу. Какого ви о семъ мнѣнія и чемъ би успокоить можно сего несщастнаго, неоставте мене, со всякимъ обстоятелствомъ, чрезъ сего жъ увѣдомить. Каково ви доехали, и благополучно ли застали въ добрѣ все а въ началѣ о здоровьи матушки вашей и Сашенкиномъ, увѣдомить прошу. Пребивая во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, мая 16. Изъ Боровичъ.

95. Любезніе мои внуки Н. П. и И. С. Жаль, что ви не симъ моимъ нарочнимъ отправили къ Степану Степановичу да своего человѣка потрудили. Посилаю сего нарошного съ темъ, чтобъ и привезеное писмо отъ Степана Степ. онъ же привезъ. А между протчимъ и писмо отъ Григорія Гр., писаное ко мнѣ, прилагаю. По оному буди угодно поступить или отложить, причинъ ради какихъ, остаетця въ власти все вашей, толко прошу увѣдомить, какихъ ви будете расположеній о поездки вашей; какъ получу присагу извѣстную, то пошлю до Григорія Григоріевича по вашему въ томъ требованію. Что касаетця до писемъ потребнихъ, то вѣрте, что они у мене въ сохраненіи, какъ должно, а кои ненужніе и несекретніе, то я онихъ никогда не храню и употребляютця оніе на всяку всячину, а потому не извлоте никакого сумнителства въ семъ имѣть. Что ви всѣ трое дужи и здорови, радуюсь и отъ искренего моего сердца желаю вамъ въ ненарушимомъ пребывать до самихъ глубочайшихъ лѣтъ. Алексашенку прошу за мене поцаловать. Въ протчемъ пребиваю во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, мая 21. Изъ Боровичъ.—Горелку купленую изволте сейчасъ присилать и своего челолѣка, какъ въ Савинки, такъ и у Жукотки, и цѣни, какъ вамъ угодни, изволте тако и располагать. Ради Бога, Насточко, не упрамтесь да принимайте и владѣйте, вѣрь мнѣ что и все порядочнѣе будетъ, когда сами будете разполагать и скорѣе можете окончить ваши дѣла; а безъ того, какъ хочете, естли не примете заразъ, то имено отдамъ въ аренду, и тогда не жалѣйте. Я разъ навсегда сказала, что вамъ давала и таперъ то же пишу, ви подумайте: вить и косовиця недалеко, надобно же что нибудь да подумать, яко тамо немалая оная. Скажѣте, ради Господа небесного, кого ви боитесь, что не принимаете ничево, когда по вашему, что по шеи дадуть, то первоначально, хто би сіе здѣлалъ? фторое, братъ же владѣеть матернею частію, зачемъ же тебѣ не принять моего. Николаша также Виблями владѣетъ и нихто по шеи не бъе. Ещо разъ прошу—принимайте оз-

наченую для тебе часть извѣстную, а когда не премете, вѣрте, что все отдамъ Григорію Петровичу и тогда ужо изволте съ его рукъ получать, какъ хочете. Уляна Семеновна вамъ обѣимъ кланяетця и Санечку цалуетъ.

96. Любезніе мои внуки Н. П. и И. С. За присилку писемъ отъ Степана Степановича и извѣстной присяги премного вамъ благодарю, которую, по прежнему вашему писму, отправлю прежде до Григорія Григоріевича. За увѣдомленіе о здоровьи вашемъ и дражайшой Санечки желаю отъ всего моего сердца пребивать вамъ всѣмъ троимъ въ непоколѣбимомъ до самихъ глубочайшихъ лѣтъ, при покровителствѣ Всевидущаго, коему припоручивъ, пребиваю во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, мая 22. Изъ Боровичъ.—P. S. М—ой моей г—нѣ Прасковьи Григоріевнѣ, вашей драгоцѣннѣйшей матушки, прошу мое почтеніе засвѣдителствовать, равно и сестрицамъ вашимъ, а моимъ г. м—мъ низіохенко кланяюсь. Уляна Семеновна на сію пору не била, за хозяйствомъ трудитця, капусту садитъ, и не била какъ сей пріехалъ и отехалъ. Извинѣте, что не кланяетця нинѣ.

97. Любезніе мои внуки Н. П. и И. С. Вчерась, тоесть июня 22, вашъ Данко пріехалъ, которой того же самого дни и отехалъ въ Брахловъ. Сожалѣю о вашемъ безпокойству, да что дѣлать, нѣчемъ перемѣнить, когда не хотятъ мира. Дай Господи, чтобъ доброй успіехъ имѣли вы. Вовну, привезеную вашу, изъ симъ самимъ посилаю въ вамъ, еще успѣютъ оную къ петрову дню попрясть. Я думаю, недожидаясь вашего пріезда, отправить вашего Гурія въ Савинки съ писаремъ, даби здачу ему учинилъ, ибо таперъ около плотинъ работи доволно будетъ, а присмотрѣть отнюдъ нѣкому, а за пріездомъ вашимъ, на готовое поедете, дай косовиця постигаетъ, пусть хотя до того времени осмотритця. Какого ви будете о семъ мнѣнія, увѣдомитіе мене. О квартахъ прошу не запомнить, а наче о цвѣточкахъ, всенужно они мнѣ надобни. Хлѣба бѣло(го) и ситного посилаю, когда угодно, то дайте знать, я вамъ и часто присилать буду, толко не знаю каково то будетъ, да и худи ситницѣ поекли, вибачить прошу. Какъ долго замедлите, увѣдомить прошу. Болше писать чего, не сискую, препоручая васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ усердіемъ во свою мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, июня 13. Изъ Боровичъ.—Чулочки Настенки посилаю, купленіе сей же день, желаю здоровенкой носить.

98. Любезная моя внучка Н. П. Знаи, что вамъ надобна лиліея, которой 27 стеблушокъ посилаю, дай Господи ползу въ семъ ратующимъ получать. Естли ещо мастеръ не виездилъ, не запомнить, прошу, его вислать, яко въ работѣ остановка. Увѣдоми мене, ангелъ мой, о своемъ здоровьи, равно и о Алексашенкиномъ, также когда Иванъ Степановичъ віехалъ и какъ скоро оттоль ожидаете. Въ насъ коръ весьма худой, дѣти мрутъ часто. Сохраняйте, Бога ради, Алексашенку, а луче въсего мое мнѣніе, что естли тамо хорошой коръ етотъ, не берегти, ибо сего не миновать, а во время доброго кору или оспи скриватись не должно. Какого матушка ваша, а моя Парасковья Григоріевна будетъ о семъ расположенія, увѣдомить прошу. Сахару голову одну посилаю, прошу, душенка, попросить матушки, чтобъ дозволить сварить вишенъ, яко у мене ничемъ ничево нѣтъ оних. А вари, душа моя, тако: въ сей головѣ 14 фунтовъ, то десеть сварить по полтора фунта на фунтъ ягодъ сахару положить, а четыри фунта сколько ягодъ столько и сахару положить, и сіе то будутъ для пирожнаго хороши. Я для тебя толко рожи ещо съварила, а болше—ничего болше. За недосугомъ не распространяю, а скажу только то, что я здорова, дай Господи, чтобъ и ти въ такихъ лѣтахъ такова была. Засимъ цалую въ мисляхъ тебя, ангелъ мой, и чадо твое тысячу разъ, препоручивъ божему милостивому призрѣнію и покровительству, пребивая во всю мою жизнь, тебѣ въсего доброжелательнѣйшею бабкою и маткою Н. П. 1790 году, июля 2. Изъ Боровичъ. М. г-нѣ моей, а вашей драгоцѣнѣйшей матушки Парасковьи Григоріевнѣ прошу мое почтеніе засвѣдительствовать, равно и м.м. моимъ г.г. Маріи, Варварѣ, Евфросиніи и Катеринѣ Степановнамъ прошу низіохенкой поклонъ засвѣдительствовать. Улиана Семеновна всѣмъ вамъ нижайшой поклонъ свѣдительствуетъ и цалуетъ ручки всѣхъ. Благодарствую за присилку кузнеца, котораго одначе жъ теперъ прошу не присилать.

99. Любезнія мои внуки Н. П. и И. С. Я только, что хотѣла своего нарошного посилать къ вамъ съ мохнатинскимъ войтомъ, которого приказчикъ побилъ, по его показанію, невино, а какъ нарошной сію жъ минуту едетъ къ вамъ съ вѣдомостю изъ Жукотокъ, то съ нимъ и посилаетця сей жалобщикъ. Ви, какъ хозяева своему добру, такъ и изслѣдуйте, какъ вамъ угодно, а мое мнѣніе—запретить отнюдь побои дѣлать приказчику; однакъ вамъ то знать, а побоевъ изволте освѣдительствовать. Тутъ било ихъ два пришло, но я, зная рабочое время, одного отправила, а сей все прескажетъ вамъ обсто-

ятельно. Въ привазчика вашего жукоцкого двое дѣтокъ померло съ мору, да и у насъ весма нехорошъ коръ, берегите ради бога Сашенку. А когда хорошъ у васъ коръ, такъ мое мнѣніе не берегите, луче будетъ, когда она перебудетъ оной при хорошемъ кору, чего отъ искреннѣйшаго моего сердца ей и желаю. За присилку вишень чувствително благодарю, малинъ весьма мало да здѣсь оныхъ почти и нѣтъ; я послала въ Каруковку варить, когда есть до свару, только страно мнѣ, что ви пишите, чтобъ въ меду сварить, на что оніе, увѣдомте чрезъ сего—въ меду или въ сахарѣ сварить для васъ? Я теперь глазомъ не могу, запухъ и болитъ, и сижу въ комнатѣ, никуда ни ногою. Что у васъ слышно о новомъ нашемъ намѣстникѣ, а у насъ ничево и слиху нѣтъ. А губернаторъ пріехалъ и ни за что не принимаетця и не обявляетъ о себѣ, что онъ опредѣліонъ. Болше писать чего не сискую и проч. Н. П. 1790 году, іюля 11. Изъ Боровичъ. М. моей г. драгоцѣнѣйшей матушки вашей и сестрицямъ всѣмъ низіохенко кланяюсь.

100. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Для вашей драгоцѣнѣйшей матушки, а моей м. г. Парасковьи Григоріевны посилаю лилей корней восѣмъ, кои нерозреваніе и кои розорвавши, будетъ боле двадцяти; и всѣ зубочки посадитъ же, счистивши понемножку, а корнѣ раздѣлить такъ же всѣ, чтобъ не било по два, землю смѣшать съ пѣскомъ, чтобъ отнюдъ не чорнозѣмъ била, а что на зиму укривать должно, то о томъ Настасія Петровна знаетъ совершено, равно какъ и розривать и зубки садить—знаетъ же, цибьи изъ средини въ каждой повикручивать, а изъ цибями не садить. Съкоро ли къ намъ пожалуете, прошу чрезъ сего увѣдомить. Вашъ человѣкъ, кой за писмами потеранними пошолъ у Жукотки, такъ подбился, что я ему принужденна дать подводу, кой ещо въчерась толко отехалъ отсель. Засимъ препоручивъ васъ и проч. Н. П. 1790 году, июля 22, изъ Боровичъ.

101. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Отездъ вашъ столко мнѣ прискорбенъ, что я ничему и уподобить не въ силахъ, когда притомъ одно съ васъ несовсемъ здорово. Прошу увѣдомить чрезъ сего каково ви даехали, не безпокоила ли болѣзнь извѣстная Настенку? И где ночевали и какъ заранѣй пріехали въ домъ? Застали ли въ домѣ драгоцѣнѣйшую вашу матушку и здоровихъ ли застали домашнихъ, ровно и Алексашенка здорова ли—увѣдомить прошу не оставить мене. Сей податель просилъ мене, чтобъ его отпустить въ домъ, коего и посилаю съ тіемъ, чтобъ на сей же подводѣ и возвра-

титись ему непремѣнно въ слѣдующой понедѣлникъ. Тутъ же и работникъ вашъ отпущенъ отъ мене съ награжденіемъ. Нѣтъ ли извѣстія о намѣстнику нашему и вашему? Проехалъ ли или ещо нѣтъ? Да и о старемъ нашемъ намѣстнику нѣтъ ли какихъ вѣстей? Увѣдомить прошу. Засимъ, препоручая васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодображелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году июля 29 изъ Боровичъ.

102. Ангелъ мой Н. П. Знаю, что Ивана Степановича нѣтъ въ домѣ, почему къ нему и не пишу, а буди паче чаянія въ домѣ, то извини мене и кланятись отъ мене прошу. Кирушка твой не поехалъ въ Жукотки, не знаю почему, то онъ самъ перескажетъ, которого посилаю къ вамъ по просби его. Каплуновъ ужо и неудобно каплунить, ибо послѣ Семена отнюдь не каплунятъ, а для Жукотокъ я отсель отправлю 40 каплуновъ, но по крайности, чтобъ сей же Кирушка принялъ оніе на свои руки и отвезъ порядочно и до морозовъ. Я хотела било въ Каруковку поехать, но что-то нездорова, на подобіе лихорадки, а таперъ вся въ испаринѣ, и голова болитъ, и такъ, покуда совершено не виздоровлю, не поеду. Котли (винокуренные) приказала я видать въ Савинки и чтобъ саміе лучіе видани били, то до вашего приказчика писала, чтобъ онъ самъ поехалъ и вибралъ, и въсѣ четири съ трубами би били бъ, о чемъ и до своего приказчика писала же, чтобъ саміе лучіе вибралъ. Трубку Ивана Степановича и забутой вами гребешокъ посилаю, а для Сашечки коробочку гриби брать, какъ таперъ и время оніе собирать. Прошу за мене ея поцаловать сто разъ и въручить оную. Какъ ви скоро намереваете пріехать, и сюда ли или прямо въ Савинки—увѣдомить прошу. Болше писать чего не сискую, препоручая васъ въсѣхъ трохъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодображелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, августа 25, изъ Боровичъ. Напиши, душа моя, какова та въ своемъ здоровьи? Да и обо всѣхъ вашихъ домашнихъ не оставъ увѣдомить, а у мене въ дворѣ полно болнихъ. М. г-нѣ моей вашей драгоцѣнѣйшей матушки Порасковьи Григоріевнѣ прошу засвѣдителствовать мое почтеніе, такъ же м. моимъ г-нямъ Маріи Степановнѣ, Варварѣ Степановнѣ, Ефросинѣ Степановнѣ и Катеринѣ Степановнѣ кланятись прошу.

103. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Получила я отъ вашего жувоцкого уприказчика писмо, кой пишетъ, требуючи вѣрующей, а по какому дѣлу—усмотрите съ оного, кой и прилагаю, а яко ви

имѣете оную вѣрующую отъ мене, то и не умедлѣть послать къ нему, вашему приказчику. Сей вручитель перескажетъ вамъ, что никогда Закревской не вдирался, почему и недопущать можетъ быть прикажете, а въ томъ какъ вамъ угодно. Я сегодня получила билетъ о вистатченіи трохъ человѣкъ по губерній Новогородской, которого копію къ вамъ посилаю, потому что и Савинки и Тѣлное здесь же приписани. Пожалуйте, расположите, какъ ви намиреваете—кого ли примете въ дополніе къ себѣ? Да и мнѣ прошу посовѣтовать, какъ съ приписними поступить, т. е, отъ нихъ я думаю требовать лошадей и убору съ нимъ да повидимому и доплатка слѣдуетъ, но, не знавъ совершенно ничево какъ должно поступить, прошу не оставить мене въ семъ, яко у васъ ужо по сіе время здѣлано вѣрно порядокъ. Болше писать чего не сискую, препоручивъ васъ и проч. Н. П. 1790 г., августа 27, изъ Боровичъ.

104. Ангелъ мой Н. П. Къ несказаному моему соболѣзнованію получила я отъ тебе, душа моя, писмо, въ коемъ пишешъ, что Иванъ Степановичъ весма слабъ, по какой болѣзнію страдаетъ или послѣ болѣзни таковая слабость—того не поясняешъ. Зачемъ посилаю сего нарошнего единственно для того, чтоби знать мнѣ о здоровьи Ивана Степановича, а также прошу, ангелъ мой, немедля сего увѣдоми мене со всякимъ обстоятелствомъ о стараніи, о виздоровленіи болящего. Совѣсть мнѣ запрещаетъ указивать тіемъ, кои не менше моего усердствуютъ, но чистосердечно жалѣя толко, прошу увѣдомить со всякимъ обстоятелствомъ, какъ и чѣмъ страдалъ Иванъ Степановичъ и отъ чего таковая слабость. Мнѣ сдесь толко остаетця за его Господа помолить, на которого все мое упованіе. Онъ да пошлетъ первобитное здоровье ему и всѣмъ вамъ и должайшіе лѣта при покровителствѣ своемъ височайшемъ, всѣмъ сердцемъ и всею душею вамъ того желаю. Что принадлежитъ до вибору извѣстнихъ людей, то вовся не такъ приходитъ, какъ ви пишете, почему виписку посилаю съ присланого оповѣстка и вибирать, по моему, съ людей съ души по 25 к. весма много сего будетъ для бѣднихъ нашихъ людей, а, по моему мнѣнію, приписніе должни положить на вспомоганіе, то есть: лошадѣ, приборъ лошадиной; довольно съ насъ и того, что ми людей лишаемось. Совсѣмъ тіемъ послала я ещо и до брата Г. Г., прося совѣта. Зачемъ ви и не безпокойтесь о семъ, а толко ещо прошу увѣдомить о здоровьи Ивана Степановича, твоемъ, ангелъ мой, и Сашенкиномъ. А я глазами страдаю, половину зрачка заслоняетъ, а въ протчемъ здорова, до коего часу Богъ велитъ. За присилку сапо-

говъ чувствителнѣйше благодарю, они такъ хороши, что желать лучшихъ нелзя, а тіемъ еще луче, что съ вашихъ рукъ. За яблока, огурци, лимони равно благодарю, но жаль, что яблока побити весма доволно, развѣ десято дай то не совсемъ, а всѣ боки обити, а видно, что чрезвычайно хороши. Болше не распространяю и проч. Н. П. 1790 году, сентабря 1, изъ Боровичъ.

105. Любезнѣйшіе мои вънуки Н. П. и И. С. По требованію вашему, бабиного сина посилаю, а при томъ прошу его не слушатись, онъ сказивалъ мнѣ съказать, что съкучили безъ матери, но я ему грозила жестоко, чтобъ онъ сего не сказивалъ, а сказавъ би, что не скучили, а ви напишѣте, что онъ будетъ говоритъ. Естли оздоровилъ совершенно Иванъ Степановичъ, то бъ весма нужно расположить о солдатахъ по расположенію приписнихъ вамъ къ Савинкамъ и тѣхъ, кому толко надлежитъ душъ 85, а мнѣ къ моимъ душъ 220 надлежитъ и по моему естлиби захотѣли приписніе дать отъ себе лошадѣ и уборъ, тобъ намъ толко однихъ людей дать да и толко, ибо предводитель полагаетъ цену человѣку рублей 300, лошадѣ 40, уборъ на 20 р. А приписнихъ душъ къ нашимъ отъ Прохора Иванов. 157 ду., отъ Мар. Мит.—148 душъ; когда жъ таковую цену положить, то виходитъ на всякую душу по 94 ко. и 4 четѣ, а такъ за сіе души довлѣло би имъ вистатчить лошадѣ и уборъ, ибо съ нихъ приписнихъ 287 д. 46 ло., а когда положить на трохъ лошадей по 40 р., то 120 ру. да на убори по 20 р., на трохъ 60; итакъ перехолу не лишнево, почему списатись надлежитъ съ ними непремѣнно. Я послала вамъ билета копію, съ коего ви разсмотрѣте порядочно, то и увидите, что точно виходитъ съ души възять по вишеписаному и что вамъ къ Савинкамъ толко приходитъ, какъ више сего значитъ. Мнѣ кажетця, что еще и дешево положено человѣка въ 300 ру. Подумайте не довлѣетъ того, что я вѣчно его лишаюсь, но еще и подушное платить, жену и дѣтей кормить. Что жъ ви написали, что по 25 копеекъ зъ души възять, то тутъ вовся несходно будетъ, да естли намъ еще изъ своихъ брать и денги, то и тутъ обѣда бѣдномъ немалая. Какого ви будете о семъ мнѣнія—не оставте увѣдомить. Болше не распространяю и проч. Н. П. 1790 году, сентября 7, изъ Боровичъ.

106. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Писмо отъ Гурина вашего, какое получила, изъ симъ нарошнимъ къ вамъ посилаю, при которому и всѣ заграбленіе вещи. Я для то сіе дѣлаю, что ви тамо можете поценить (?) какъ одной губерніи, а здесъ отнюдъ не хотятъ въ Городнѣ сего дѣлать. Весма би хорошо сдѣлали, естлибъ то учи-

нили, что было положили, ибо такъ рублятъ всѣ, что и способу нѣтъ оборонитись. Мой приказчикъ билъ у мене каруковской, которой сказивалъ, что лѣсничіе мои и онъ боятця въ лѣсъ и за своею надобностію ехать: по меншай мѣри по пятисотъ и болше въежаютъ и рублятъ. Данька вашего я ту же минуту отправила на своихъ лошадяхъ въ Чернѣговъ. Вы мене въ такой страхъ привели вашимъ писмомъ въ разсужденіи дѣла вашего въ Новогородки, что я истино чуть съ ума не сошла. А болше то мене смутило, что не написали, что то значитъ—уничтожить ли бракъ или что изъ сего можетъ худо здѣлатись, отъ чего Предвѣчной толко васъ сохрани. Естли сами съкоро не можете бить, то по крайней мѣри напишѣте ко мнѣ со всякимъ обстоятелствомъ, что предслѣдуеть для васъ худое. Григорій Григоріевичъ предъ симъ писалъ, что онъ и Николаша къ масляницѣ буду(тъ) сюда; вамъ би весма хотя на короткое время пріехать, чтобъ положитъ мѣри всему. Алексашенка и я слава Богу здорови. За симъ и проч. Н. П. 1791 году, февраля 7, изъ Боровичъ.

107. Государи мои, любезніи внуки Н. П. и И. С. Что вашъ человѣкъ прямо съ Брахлова поехалъ на Городню, то я тому радуюсь; правда, что виноватъ, но я Богъ знаетъ въ какихъ била мисляхъ и думала уже била сей день посилать въ Брахловъ, что тамо дѣлаетця и думала, чтобъ человѣкъ по дороги где либо не заболѣлъ; однакъ легче сіе слишить, что онъ ужо пріехалъ къ вамъ. Что принадлежитъ до вашихъ денегъ, присланнихъ на хлѣбъ, то ви увидите все тое съ прилагаемой отъ вашего писара вѣдомости и квитанціи, которіе и посилаю при семъ. Равно и оплетки (?) записку, сколко оной теперъ отправлено, а что вамъ по сіе время не прислано отсель, какъ вѣдомости, такъ и объ отправки хлѣба и о денгахъ, то потому что ожидали изъ Брахлова человѣка вишеписаного. Писмо къ матушки вашей при первой оказѣи отправлено будетъ. Стелмахъ, пріехавши съ Чернѣгова, отехалъ тую жъ минуту доканчивать вашихъ кибитокъ, чему ужо прошла нужда. Ярмонку, что завели ви въ Жукотвахъ, радуюсь, даруй Господи съ оной вамъ получать мильони. Отъ человѣка невозможно, а отъ Бога все возможно, кой да пошлетъ вамъ все по желанію сердца вашего, отъ искренего моего сердца желаю. Вовни посилаю рунъ двадцять, въ коихъ два пуда ровно, но немитая еще. Шляпку такъже посилаю, а перчатокъ вездѣ искали, но не сискали нигдѣ. Основы не давала ещо, яко работа есть у ткачовъ, да и какимъ узоромъ ткать не написала, Настенка, ти, и понеже оніе не поспіеютъ въ бѣль, то кажется и спѣшить нѣчево,

а луче какъ пріедешь, то сама скажешь, какъ угодно будетъ виткать. Поедете ль и когда ви на свадбу Николая Ми., не оставте увѣдомить, да ещо спросѣтесь Николая Михайловича, онъ мнѣ сказивалъ, что отецъ вашъ не хотитъ васъ видѣть, а онъ о семъ слишилъ отъ Григорія П. Сами ви о семъ обстоятельно поговорѣте и пріймѣте мѣри, но все мнѣ кажетця луче поехать и старатись, нежели опасатись и не ехать; при томъже, ежели Андрей Степановичъ за сее озметця, дакъ то мнѣ кажетця, что едучи до свадби сіе дѣлать, а не изъ свадби заехать, тутъ ужо кажетця не будетъ почтително. Просѣте Андрея Степановича, чтобъ онъ доказалъ, какъ обѣщалъ вамъ. Весма би хорошо, когда бъ хоть на маленкое время съ Чернѣгова заехали сюда, чего и ожидать буду, пребивая во всю мою жизнь и проч. Н. П. 1792 году, мая 12, изъ Боровичъ.

Лящовъ посилаю валихъ 5, а печонихъ нѣтъ. Когда и болше надобно, то пишѣте, да съ таковихъ еще 5.

108. Государи мои любезніе внуки, Н. П. и И. С. Сей вручитель привезъ отъ матушки вашей Сашечки кроватку, которая весма хороша и за которую она чувствителнѣйше благодарить и цалуетъ обѣихъ васъ ваши ручки. Благодареніе Бога, обое ваши дѣточки дужи и здорови, и обое вамъ нижайшой поклонъ и почтеніе свѣдителствуютъ, а между тіемъ и просятъ, съ которими и я прошу, естли что не мѣшаетъ, къ намъ пожаловать пріехать; буди же зачемъ невозможно, то хотя часто прошу писать о вашемъ для мене драгоцѣномъ здоровьи, которое да сохранитъ предвѣчной на должайшія лѣта, отъ искренего моего сердца желаю. Что у васъ тамо происходитъ въ расужденіи вашего къ отцу віезда увѣдомить прошу. Вѣчерась у меня Габрилліовци [1]) били, привозили кирпичъ на подмуровку церкви, которіе сказивали, что козаки займу Габрилліовецкую не ту, что близъ села, а другую, которая съ полемъ каруковскимъ граничитъ, совсемъ випустошили, лики и лубя подрали и что человѣка по двѣстѣ въежаютъ, но прикажчикъ ни слова не пишетъ о семъ, почему я той же часъ отправила Якова Онищенка и писала, чтобъ и вашъ савинской и мой каруковской приказчикъ и Яковъ старались всячески не допускать и грабить сколько возможно, а Горлянскій сейчасъ прислалъ би отвѣтъ—почему онъ ни о чемъ не упоминаетъ, о таковой шкодѣ. Болше писать чего не сискую и проч. Н. П. 1792 году, мая 29. изъ Боровичъ.

---

[1]) Д. Габриліовка въ сосницкомъ уѣздѣ.

109. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и І. С. Писмо отъ васъ я получила чрезъ романовскаго человѣка, въ которомъ яко не пояснили о Настенкиномъ здоровьи, въ несказаномъ соболѣзнованіи сего нарочно посилаю, прошу со всякимъ обстоятелствомъ не оставить написать, что̀ съ нею дѣлаетця. О дай, Всевидущой, получить мнѣ радосніе вѣсти, отъ искренего моего сердца обѣимъ вамъ здоровья и всякого благосчастія желаю. Я и дѣточки ваши, благодареніе Всевишнего, дужи и здорови и зъ самого вашего отезда, чрезъ часъ мѣста, сестра Пелагея С. съ дочерью Варварою и унучкомъ пріехали. За ею Александеръ на третой день изъ супругою и синами обѣима; и по сей день гости мене прямо ужо безъпокоятъ, хотя и свои, ни минути нѣтъ, чтобъ все розъехалось. Какіе у насъ разговори били съ Александромъ—описивать весма много, а скажу толко, что онъ 2 часи на колѣнахъ предъ братомъ Г. Г. стоялъ, самъ расказивалъ и братъ тоже пишетъ, а за пріездомъ ко мнѣ, что блевалъ, уподобить ничему не могу, яко и повѣрною мене дѣлавъ, въ чемъ я ему грубо отказала. Таперъ же пишетъ братъ ко мнѣ и его писмо присилаетъ, въ которомъ благодаритъ за прощеніе, а между темъ пишетъ, чтобъ братъ въ семъ июлѣ на урадѣ ствердилъ, чемъ онъ помилуетъ. Я би вамъ писмо прислала его, но нарочной едетъ сей же день, а писмо Лисенково обратно велено прислать, кое и послано сей же часъ. Сестра раскаеваетця и сказиваетъ, что по мужнему приказанію здѣлала; что будетъ, не знаю далше. За присилку лампади премного благодару и денги за оную 9 рублей посилаю, а пять другіе рублей посилаю, покорно прошу приказать хорошой оливи купить и чрезъ сего прислать. Никола Ми. и Полинѣ ещо не било и извѣстія никакого не имѣю, даруй Господи, чтобъ толко здорови били обое. Болше бъ писала, да право не имѣю времени. Поручаю наконецъ обѣихъ васъ и проч. Н. П. 1792 году, июля 1, изъ Боровичъ.

110. Государи мои любезніе внуки Н. П. и І. С., что я такъ долго не писала къ вамъ и нарочного сво(его) не посила(ла) сими днями, то сіе здѣлалось отъ пресилнихъ безпокойствъ, а вотъ они: 19 числа сего мѣсяца, въ 12 часу, старіе Боровичи со всемъ вигорѣли, такъ что мои осталось толко три двора, да козачихъ четири, а згорѣло моихъ 47 и шинокъ 48-й; и такъ згорело все, что ничемъ ничево и не вихватили, яко всѣ люде били въ полѣ и кромѣ дѣтей никово не осталось, которіе то и запалили. Я и сама ездила туда, но способу нѣтъ въ чемъ либо помочь, за великимъ жаромъ, да покудово я собралась поехать, яко на ту пору былъ у мене Прохоръ

Ивановичъ, то и совсемъ вигорѣло до основанія, такъ что ни одной улицѣ, ни огорода, а о садахъ и хатахъ нѣчево ужо и говорить; и съ тихъ то поръ ни минути покою не имѣю, безпрестано приходятъ люде съ плачемъ то за хлѣбомъ, то за одѣяніемъ, за хатами, словомъ однимъ сказать—сердце болитъ, да что дѣлать и помогти трудно и нѣчимъ—доволно, что изъ скотомъ не знаю,—что дѣлать, кой пришедши съ череди и несискавъ въсякъ своего мѣста, бѣжатъ и сами не знаютъ куда, и люде бѣдніе одно толко теперъ—въсякъ свое гонитъ скотину и не знаютъ куда загонить. Я приказала займи рубить и городитись поскорѣе, а тутъ самое рабочое время, но ни свого не могутъ бѣдніе снимать съ поля за печалю, а о моемъ ужо и думать нѣчего. Вотъ мое таперешное состояніе! Посудѣте, какъ хочете. Хлѣбъ же такой у мене на бору—изъжали совсемъ, где сѣяли 25 четвертей, а нажали толко сто копъ съ чемъ то маленкимъ и такъ ліогокъ, что и робіонекъ сноповъ 4 понесетъ. Завозу ни малѣйшее нѣтъ ничево, но все сіе для мене не такъ чувствително, какъ пожаръ. Что принадлежитъ до здоровья моего, то хотя не совсемъ, но движуся жъ какъ нибудь, а дѣточка ваши, благодареніе Богу, здоровенки и дужи, Сашечка и Петрушенка благодарятъ васъ за гостинчикъ и цалуютъ ручки ваши, какъ милостивихъ своихъ родителей. Петрушенка на зубочки немножечко било проносомъ заболѣлъ, однакъ теперъ, благодареніе Бога, луче стало и зубочки показалисъ Софія Василіевна ещо и сама не знаетъ, когда поедетъ. Григорія Григоріевича ожидаетъ въ суботу. А отсель еще поедетъ въ Тупичевъ и во всю тамошную околицу до своихъ. Пріедь, ангелъ мой Настасія Петровна, я знаю, что Ивану Степановичу отлучитись нелзя и естли бъ передъ заговѣнами, тобъ луче било пріехала. Здѣсь можетъ быть и Софію Василіевну бы застала, ибо кажетця, что еи до заговѣнъ успіеть нелзя віехать буде. Бублики изъ вашимъ нарочнимъ пришлю, которіе толко что учинили таперъ поутру, ибо очень ужо поздо пріехалъ. А госпожа Бренцевичева едетъ по своей надобности къ вамъ, то и сіе пишу, а чрезъ вашего буду я и Софія Василіевна писать же, а таперъ изводитъ рибку удить, которой я и не мѣшала. За симъ поручаю васъ и проч. Н. П. 1792 году, июля 22. Изъ Боровичъ.

111. Государи мои любезніе внуки Н. П. и І. С. Понеже я сей же день писала къ вамъ чрезъ панѣ Бренцевичеву, то и нѣчево болше писать, кроиѣ то, что прошу васъ не оставлять при оказѣяхъ писать о вашемъ для мене драгоцѣномъ здоровю, которое да сохранитъ предвѣчной на должайшіе лѣта отъ искренѣйшаго моего сердца

желаю. Бубликовъ посилаю, желаю здоровенкимъ кушать, засимъ препоручаю васъ и проч. Н. П. 1792 году, іюля 23. Изъ Боровичъ.

P. S. Что принадлежитъ до Николая Михайловича въ разсужденіи приказа обѣщаного, вамъ извѣстного, чтобъ далъ, то сумнюсь, ибо предоставте себѣ, когда отехалъ онъ отсель, то моихъ лошадей въсѣхъ и Улянкину взялъ подъ свои повозки и еще три подводи мужичіе, чему другая неделя пошла отъ прошедшаго воскресенія; не присилаетъ и по сіе время и что они тамо дѣлаютъ я ужо не понимаю, а бралъ съ тіемъ, чтобъ той же часъ и прислать. Одна подвода пріехала, которой повозчикъ съказивалъ мнѣ, что нудимось, да нѣчево дѣлать, какъ толко увидимъ де господина и станемъ просить, чтобъ отправили, то толко и скажетъ: вотъ тотъ часъ отправлю, позабавтесь маленко! И когда де я ужо съ терпѣнія вишолъ, что въсякой день симъ отбуваетъ, то пришедши сказалъ, дозволте ехать, здесь еще остаютця два человѣка, то онъ толко и съказалъ: хорошо, поежай, а тѣ пусть останутця... А до коихъ поръ и на что оніе— Богу ужо свѣдущу. Посему судѣте, можно ли, чтобъ онъ вздумалъ на приказъ, когда ви еще не приказали къ нему явитися приказчику вашему. А мнѣ съ клятвою съказалъ, что тотчасъ пошлю приказъ, дакъ не пустили довжичане. Пишетъ же ко мнѣ чрезъ моего человѣка, которого особо я посилала до Григорія Г., что они въ следующую пятницу выежаютъ въ Полтаву, а о лошадехъ моихъ и подводахъ ни слова не упоминаетъ. Вотъ съ такимъ то хозяиномъ какъ хочете думайте, поправляй толко Господи ужо. Анна Артемовна и Улина Семеновна благодарятъ васъ за неоставленіе, а при томъ и низохенко вамъ кланяютця.

112. Государи мои любезніе внуки Н. П. и І. С. Каково писмо я получила отъ Катенкиной тіотки, посилаю для вашего знанія къ вамъ, равно и какого ви будете въ немъ содержанія, не оставте мене увѣдомить, даби знать, что отвѣчать къ ней мнѣ. Мое мнѣніе не терять лѣтъ и времени бѣдной сиротѣ, когда при томъ открываетця ей отъ тіотъ(ки) щастіе, какъ ви и сами о томъ совершенно извѣстни о томъ, что тіотка неубога и небездѣтна, то не смотря на отца, которой, оженясь, не мислитъ дѣтямъ никакого добра, а когда Катенка утеряетъ свою тіотку и благодѣтелницу, то вѣчно на васъ можетъ плакатись. Я знаю и ваши резони не неправедніе въ разсужденіи вашего обѣщанія отцу, но ви и въ полъ того добра не можете сдѣлать, что она отъ тіотки получить можетъ. Вотъ мои мисли, какъ вамъ покажутця, ви сіе писмо тіоткино и я еще къ вамъ напишу за

вашимъ совѣтомъ, тако что я не дожидаючись вашего отвѣта, какъ такая пишетъ ко мнѣ съ прозбою, отправила Катенку къ тіотки, а ви можете отца о семъ увѣдомить, сообщивъ то и другое писмо къ нему. Таперъ ей ничево ненадобно, какъ покрайности рубликовъ 50 для доставки въ Москву, да когда есть какое лишное въ Настасьи Петровни плате пару одну. А ехать ей таперъ весма къстатѣ въ Москву, когда Ефросинія Гарасимовна едетъ туда жъ, въ Москву, а тамо Катенки тіотка родная и тамо какъ себѣ хотятъ ужо. Они хотятъ вѣздить после Крещенія заразъ. Естли ви на сіе согласни, то пожалуйте напишѣте обстятелно, какъ бить сему, ибо мнѣ надобно до тіотки писать что нибудь. Естли получили отъ Софіи Василіевни писмо, прошу чрезъ сего прислать. Отъ Григорія Григоріевича извѣстія никакого нѣтъ еще и по сіе время. Вѣстей никакихъ нѣтъ, чѣмъ би васъ увѣдомить, а толко скажу то, что Сашенка и я, слава Богу, здорови и дужи. Не оставте увѣдомить о своемъ здоровьи и проч. Н. П. 1792 году, декабря 3. Изъ Боровичъ. Карандашовъ пришлѣте для Сашенки, начала учитись.

При семъ и я вамъ, драгоцѣнѣйшіе мои родители, нижайше кланяюсь и цѣлую ваши руки и ножки. Простѣте, залѣнилась, ваша всепокорнѣйшая слуга Александра Л.

113. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и І. С. Какъ сей вашъ нарочной посилаемой едетъ къ вамъ съ благопріятнимъ вѣстю, то есть, что куплено вамъ хлѣба четвертей 290, въсякая четверть по 2 р. 40 14-ти пудовая, то и васъ симъ поздравляю, дай толко, Господи, чтобъ еще и горелка хорошая родила съ оного, да къ тому ещо, какъ я и сама знаю, что Биковъ весма недалеко отъ Нѣжина, теперъ вотъ толко и старатись отискать оной безъ замедлѣнія, что все и возможно въ разсужденіи томъ, что заврeмено исъкупленъ. Вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ, чемъ би васъ увѣдомить, а толко скажу то, что Сашенка и я слава Богу здорови. Болше писать чего не сискую и проч. Н. П. 1792 году, декабря 5, изъ Боровичъ.

114. Любезніе мои внуки Н. П. и И. С. За присилку покупки, коя вся въ цѣлости получена, покорно и премного обѣимъ вамъ благодарю. Писмо отъ Софіи Василіевни въ вашемъ ковертѣ я получила, а что не писала въ полученіи и не благодарила васъ за доставку, какъ къ ней, такъ и до мене, прошу извинить, свѣдитель Богъ, что столко имѣла безпокойства, что и описать вамъ не могу; изъ сего судѣте: что вомисто писма отъ тіотки Катерини Ивановни ваше обратно послала, да и ви пишете, что обратно ваше писмо посилае-

те, но видно и ви въ таковичъ же обстоятелствахъ, яко не сискала я болше никакого, какъ таперешное писмо отъ тіотки Катенкиной, таперъ посилаю, по которому, что заблагоразсудѣте, не оставте увѣдомить. Она, послишивши, что ви пишете, причини всѣ я ей переказала, неутѣшно плачетця. Я на писмо тіоткино, что пишу къ ней для знанія вашего посилаю термѣну, на которое иначе отвѣту получить нелзя, какъ недель семъ или болѣе, какъ то отецъ Романъ пересказываетъ. Что касаетця, что ей съ кѣмъ ехать, то отець Романъ на себе сіе беретъ, онъ и самъ съ нею едетъ до Москви. Разсуждайте на все и не терайте лѣтъ сиротѣ, даби не могла плакатись на васъ вѣчно. По моему мнѣнію къ отцу можете сіе писмо послать, или отвѣта пождать на мое писмо къ тіотки, что и будетъ развѣ по веснѣ. А таперъ то ей и отцу Роману хочетця, чтобъ вмѣстѣ изъ сестрою ехать и ему и Катенки, которая послѣ крещенія едетъ въ Москву, а оттоль никакой нужди нѣтъ, чѣмъ и съ кемъ ей ехать, вамъ въ томъ нѣтъ нужди, такъ то мнѣ кажетця, а впротчемъ вамъ луче знать. За присилку двохъ зайчовъ премного вамъ обѣимъ, моимъ государямъ, благодарю, что вашей собственой обѣихъ охоти, то еще тіемъ оніе тисячу разъ пріятнѣйшими будутъ. Алексашенка, слава Богу, дужа и здорова и получивъ отъ васъ карандаши, благодаритъ безпримѣрно и наичувствителнѣйше и цалуя ваши ручки и ножки по сту разъ въ мисляхъ. Календаръ на новой годъ слѣдующой полученъ, премного вамъ благодарю за присилку оного. Болше писать чего не сискую, и проч. Н. П. 1792 году, декабря 18, изъ Боровичъ.

115. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и И. С. 24-го числа получила я писмо о позволеніи Катенки ехать въ извѣстную дорогу, она столко обрадовал(ась), что и виздоровила. Вы весма хорошо сдѣлаете, что дозволили ей сіе. Лишнево давать нѣчево, а по возможности; мнѣ кажетця, что болѣе 50 рублей ненада, а я обѣщалась 30 дать, да съ платя тоже не лишное. Они скоро хотятъ ехать и для того и не укоснѣте присилкою, что будетъ ваша милость. Что братецъ Григорій Григоревичъ здесь, то увидите на семъ же листу.... Дай Господи, чтобъ на семъ остановилось. Писать болѣе чего не сискую. Поздравивъ васъ, мои драгоцѣніи, симъ празникомъ, желаю отъ искренѣйшаго моего сердца провождать радостно и благополучно и слѣдующихъ дождать, по крайной мѣри отъ сего времени всякому изъ васъ—по сто таковихъ радосныхъ празниковъ. Съ коимъ моимъ желаніемъ по гробъ мой пребуду вашею вѣрною и всехъ добръ желателнѣйшею бабкою Н. П. 1792 году, декабря 26, изъ Боровичъ.

Радуясь нечаяной оказіи, что и увѣдомить о себѣ васъ могу. Пріехавши въ Черниговъ 22 декабря, выехалъ оттоль на праздникъ 24, а сюда 25-го прибылъ. И поздравивъ съ празникомъ обоихъ васъ, государей моихъ, желаю засимъ новый годъ продолжать во всѣхъ благощасливыхъ поведеніяхъ и здравими со всѣми вашими домашними. Тутъ же и благодаримъ васъ, государя моего, Ивана Степановича за здѣланіе трубъ, о коихъ слышу, что очень хороши и изъ коихъ съ начала донынѣ горѣлка самая лучшая пробная выходитъ отъ 10 пуд. муки—50 в. и 2 квар., а видѣть не довелось. Въ Смячи рѣка общая (sic) Сновъ не пустила переехать. Дорогу я имѣлъ пребезпокойнѣйшую, съ 15 числа выѣхавши изъ Золотоношки, съ крайнимъ поспѣшеніемъ, насилу въ 6 дней до вашего нового трактира доѣхалъ, гдѣ лошади и повозки два дни еще простояли, пока перевезлись. Въ скотопитателныхъ тамошнихъ мѣстахъ, видѣли мы снѣгъ въ Николинъ день, да на завтрѣе, а потомъ дожди и туманы такъ дорогу раз(г)рязили, что я не ехалъ да плылъ. Нового вамъ сообщить нѣчего, а развѣ, что я Настасіи Петровны дядюшку видѣлъ отчасти нездорового съ завязаннымъ глазомъ. Таможни здѣсь по по прежнему, сказуютъ, учреждены будутъ, такъ съ Петербурга пишутъ. Князь Алексѣй Степановичъ Мещерскій, сенаторъ, проѣхалъ къ графу въ Ташань 24 числа, черезъ Черниговъ, а я у его былъ. Михайла Никитича (Кречетникова?) ожидаютъ въ Кіевъ, чрезъ Тулу дорогу свою отправляющого. Каховского изъ Варшавы отозвано въ столицу, а на мѣсто его отправленъ генералъ Игельтромъ. Все тутъ, да и бумаги болше не остало. Прощайте! Дай Богъ васъ здоровихъ видѣть. Вашъ покорный слуга Г. Фридрикевичъ.

116. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и И. С. Чрезъ вашего сего нарочного, получила я писмо и при немъ присилку пуда митой вовни. По первому радуюсь, что слышу о вашемъ для мене драгоцѣнномъ здоровьи, а по фторомъ, благодарю премного за вовну и труди Настасіи Петровни, но почему не написали цени,—пожалуйте дайте знать; я знаю, что не дешева оная, а ви люде ново(го) хазяйства, на все сіе имѣть должно уваженіе, прошу безъ церемонѣ(и) дать знать, я съ превеликою охотою денги пришлю. Здесь въ ярмонки била вовна по 60 копеекъ руно немитой и я не купила, зная сколько дорого прійдетъ и немитое руно, когда зважила, то толко по 3 фунта било. Еще васъ безпокоить осмиливаюсь, покорно прошу, коль у васъ тамо близко, приказать здѣлать мнѣ три кварти одинацятковіе и три чвертки по квартамъ тіемъ же, и что за оніе

подлежатиметъ денегъ вмѣстѣ съ вовною написать, да не замедля оніе кварти и чвертки и прислать прошу. О Лисенку и писать нѣчево, когда читали мое писмо, то и доволно ужо, а толко скажу то, что брата и сватью посадилъ подъ караулъ въ уездѣ, и дѣти одни одиніошенки остались безъ и малѣйшаго кого либо призрѣнія. Въ доми же Войцеховичей все судъ попечаталъ, такъ сказиваютъ, но я не знаю совершенно. Я сиськивала Настасью Дмит., которой совѣтовала поѣхать къ унукамъ, но и та отказалась по слабости здоровья. Вѣстей здѣсь никакихъ нѣтъ, а толко скажу, что дожчи безпрестаніе и бури тяжкіе. Дѣточки ваши и я съ ними, благодареніе Бога, здорови и дужи, пріезда Настасіи Петровни ожидать буду и проч. 1793 году, іюня 21, изъ Боровичъ. Алексаничка за башмачки чувствително благодаритъ и цѣлуетъ ручки ваши, а съ нею и Ульяна Семеновна низіохенко кланяетця и цалуетъ ваши ручки.

117. Государи мои, драгоцѣннѣйшіе вънуки Н. П. и И. С. Какъ сей вручитель едетъ по своей нуждѣ къ вамъ, то не пропущая сей оказѣи, увѣдомить васъ не пропущаю, что дѣточки ваши, благодареніе Господа, дужи и здорови и Николашенка *буки-азъ-ба* учитъ. Проситъ наиприлѣжнѣйше, чтобъ шляпу ему прислали, я ему пошила суртучокъ и какъ надѣлъ, то говоритъ: бабушенка! у мене шляпи нѣтъ, напишѣте, чтобъ папинка прислалъ, у Брахловѣ есть моя шляпа.—По сію пору спятъ обое, а то би онъ много насказалъ, а теперъ въсѣ трое вамъ нижайшее почтеніе свидѣтелствуютъ и цалуютъ ваши ручки и ножки, какъ милостивихъ своихъ родителей. Я, благодареніе Богу, свободилась отъ кашлю совсемъ, не принимая болѣе ничево, какъ одну магнезію, а присланой травки и не починала; Уляна Степановна пила, но помощи никакой нѣтъ, да посилала Григоріевичу Василію Ждановичу, но оная ничево не помогла, онъ ужо приказалъ вамъ долго жить, а самъ отидетъ ко Господу сего мар. 27. За присилку осятрини премного вамъ благодарю, рыби здесь отнюдь нѣтъ, таперъ и ліодъ ещо держитця и по сіе время. Григорій Петровичъ пишетъ, просячи неможно ли ему клевѣра (sic) Настасіи Петровни для Сонечки прислать, пожалуйте естли возможно, не откажѣтесь. За присилку домашнего канѣфасу чувствително благодарю. Вѣстей никакихъ нѣтъ и тіемъ кончу, поручивъ васъ я проч. Н. П. 1796 году, мар. 29, Боровичи.

118. Душа моя, ангелъ, Н. П. Первоначално скажу вамъ то, что дѣточки ваши, а съ ними и я, благодаримъ Господа, дужи и здорови, дай Господи и о васъ тоже слышить, а ещо бы луче, естли бъ

васъ обѣихъ, моихъ ангеловъ, здоровихъ видѣть, сего то нетерпеливно желаю, да думаю, что ужо ви въ своемъ хазяйствѣ и упоралисъ доволно, кажетця, можно проездитця, съ чемъ прошу и не оставить. Мадамъ пріехала вчера, но оная по своимъ лѣтамъ, далѣй ехать не желаетъ, которой, по ея показанію, 68-мъ лѣтъ; сказуетъ, что естли до дѣтей, то она съ охотою превеликою, до чего то она съ младихъ лѣтъ привикла, а до хозяйства несродна, а толко учить понѣмецки, пополски, шить на дѣтей и смотрѣть за ними; а имѣетъ дочъ 18 лѣтъ, которая въ нѣмца и которой годъ о Петрѣ кончитця, та—такъ велика хазяйка, что какъ можно за всѣмъ въ доми того смотритъ, не доволно ключи въ ея всѣ, но и за панщиною, дойвомъ, огородомъ, прядивомъ, въсемъ отъ мала до велика, всего смотритъ и велику охоту къ тому имѣетъ. Да кажетця при тебѣ, душа моя, съказивалъ Корицкой о ея дочери, что она всего смотритъ и порядочно. Весма би хорошо, когда нелзя обѣимъ, хотя би ти сама пріехала, то би поговорить съ нею обо всемъ, какъ тебѣ угодно, то то и здѣлаешь. Батюшка твой давно ужо отехалъ обратно, но точного извѣстія нѣтъ, а сказивала Лукяна кучера жена, которая на прошедшой неделѣ здѣсь била. А Уляна Семеновна, какъ поѣхала ещо предъ Николаевимъ днемъ, то ни ея, ни извѣстія никакого нѣтъ, а толко тоже Лукяниха сказивала, что у Николая Михайловича оставалась. Вотъ и всѣ вѣсти вамъ здешніе. За симъ поручаю васъ обѣихъ, моихъ ангеловъ, и проч. Н. П. мая 19, 1796 году. Изъ Боровичъ.

Швачка скоро дошъіотъ ризъ Богороди(цы), сътарайтесь дисейномъ (рисункомъ) и золотомъ, яко будетъ гулять. Г. Корицкой прислалъ мнѣ турецкого гороху, я двѣ мѣрки посеала у себе, а вамъ мѣрку посилаю, сія мадамъ сказивала, что чрезвичайно хорошъ въ кушаньи и что весма родитъ сей горохъ у того господина, где она била.

119. Ульяна Семеновна сію минуту пріехала съ писмомъ симъ, что тутъ написано, что она то перескажетъ, то я, услиша отъ ея, поясняю, а вотъ то: батюшка вашъ, будучи въ Чернѣговѣ сказалъ Александрѣ Павловнѣ при Якову Кириличу, первое, спросилъ Алек. П—ну: видаетесь ли ви зъ дочерью моею Нас—ю?—Она тутъ съказала, что весма часто. Да гдѣ ви такъ часто видитесь?— она сказала: въ Жукоткахъ. Тутъ онъ сказалъ: съкажѣте ей мое прощеніе и благословеніе, Господь ей да благословитъ, а я прощаю и благословляю ея и дѣточокъ ея, да съкажѣте ей, съкажѣте... И тутъ то, сказивала Алек. П., горко сталъ плакать. Изъ сею вестю въчера Н. Богдановна,

пріехавши, прежде Улини Семеновни, съказала мнѣ, что сіе Яковъ Кириличъ говорилъ ей и совѣтовалъ, чтобъ вы сейчасъ поехали къ батюшкѣ, ибо онъ нарочито сіе сказалъ при Якову Кириличу, чтобъ било извѣстно; при томъ же съказиваютъ, что весма слабъ Петръ С. Бога ради, посовѣтуйтесь сами изъ собою и не оставте сего случая въ пользу вашу, а инако, чтобъ не могли сожалѣть, да и всѣ ваши друзя совѣтуютъ вамъ сіе здѣлать. Пріежайте безъ укоснѣнія, пожалуйте абое, мои ангели. (*1796 г., въ маѣ*).

120. Драгоцѣнѣйшіе мои внуки Н. П. и И. С. Я пріехавши суда, застала брата въсе въ одномъ положеніи, а сама, благодарю Бога, здорова, прошу и о вашемъ и любезнихъ дѣточкахъ вашихъ здоровьи не оставить увѣдомить. Где я буду празновать ещо совершенно знать не могу, обстоятелствъ весма много разнихъ, а положителного ничево нѣтъ, а со временемъ писать къ вамъ буду. Что получите о горелки не оставте увѣдомить. Новостей много, но то самое болше въсего важнѣе, что точно будетъ толко двѣ колегіи въ Чернѣговѣ и Кіевѣ и таперъ господа присутствующіе въ превеликихъ клопотахъ. О траурѣ указъ посилаю. Адье, недосугъ крайне. Прошу прислать обратно, яко здесь нѣтъ. Графъ, нашъ общій благодѣтель, Петръ Александровичъ восмого декабра съкончался и сказиваютъ, что просилъ, чтобъ погребенъ билъ въ Рихлахъ, а где погребутъ ещо неизвѣстно. Константинъ Павловичъ здесь будетъ великимъ гетманомъ, а при немъ Гудовичъ—регентомъ. Всѣ невестки императорскіе—дѣлами обовязани, императрица въ смолномъ манастирѣ—директоръ, болшая—сама смотритъ и располагаетъ милостиню, меншая—надъ сиротскимъ домомъ. Вотъ смотрѣте какъ хорошо, что нихто въ празности не будетъ! (*Декабрь, 1796 г.*).

121. Государи мои, драгоцѣннѣйшіе вънуки Н. П. и І. С. Предверіемъ нового года васъ, моихъ ангеловъ, проздравляю, желаю отъ искренѣйшаго моего сердца оного провождать въ радости, помислномъ благощастіи, ненарушимомъ здравіи, со всѣми вашими любезними дѣточками и со всею вашею почтеною фамиліею до самихъ глубочайшихъ лѣтъ. Новостей никакихъ нѣтъ, а хотя и много получено указовъ, но не смѣетъ нихто смотрѣть, яко на имя нового къ намъ губернатора Безмятина, которого съ дня на день ожидаютъ. Каково у васъ слухъ о губернскихъ членахъ, а у насъ непрестанно стонаютъ, что мѣстъ лишаютця и при немъ [illegible] пріиптанія. Вотъ и все тутъ, а у насъ все одно на одно и ни малѣйшей поправи нѣтъ. Симъ кончу и пишу. Н. П. 1796 году, декабря 20. [illegible]

122. Государи мои, драгоцѣннѣйшіе внуки Н. П. и И. С. Съ новостей посилаю указъ нашего монархи и сенатское опредѣленіе. Каково вамъ покажется? О! дѣла дивніе устраеваетъ хозяинъ добрый! Теперъ съ Чернѣгова ужо пишутъ до Григорія Г.—господа бѣдніе, которіе толко и жили что жалованямъ, что искать служби партикулярной будутъ, весма таковихъ много будетъ. Какъ необходимо ужо довелось мнѣ празновать здѣсь, то толко и остается предверіемъ праздника слѣдующего васъ, моихъ ангеловъ, поздравить и зъ желаніемъ отъ чистаго моего сердца вамъ всякаго благощастія, здравія и долгоденствія, провождать сей праздникъ въ радости. А я однимъ одиніохенка, при болномъ, въ горчайшой скуки, да что дѣлать, видно такъ угодно Провидѣнію въсевидущему. Покрайности, не лѣнѣтесь писать о вашомъ для мене драгоцѣнѣмомъ здравіи, которое да сохранитъ Предвѣчной на должайшіе лѣта и проч. Н. П. 1796 году, декабря 26, изъ Смячи.

123. Душа моя, ангелъ и дочъ Н. П. Тебѣ, душа моя, не безпокою ничемъ, знаю совершенно, сколько ти таперъ клопотъ имѣешь въ разсужденіи виезда Ивана Степановича и сина, а только всеприлѣжнѣйше прошу на Всевидущаго въсе свое упованіе (возложить?). Тотъ тебе во всемъ твоемъ предпріятіи устроитъ и утѣшитъ; великую я на Его имѣю надежду. А при томъ прошу не заживатись въ Брахловѣ. Я знаю твою горячесть къ хозяйству, чтобъ себе не повредила! Пріедь, душа моя, отвѣдай мене и дѣточокъ вашихъ; великое утѣшеніе увидишь изъ старого и молодого пана, которіе благодарятъ за гостинчикъ и цалуютъ матерніе ручки мислено. Шляпки посилаю Пашечки и Насточки, желаю здоровенькимъ носить. Я Марфу пришлю на ярмонокъ, когда то такъ, что на Успеніе Богоматери ярмонка въ Стародубѣ, о чемъ пожалуй увѣдоми мене, душа моя. Много надобно кое-чего купить до зановѣси (на икону?) да и работать отнюдь ужо будетъ нѣчево дѣвкамъ, да и синелѣ купить можно ли будетъ въ Стародуби, пожалуй, ангелъ мой, буди можно, провѣдай о семъ, чтобъ напрасно ей не ездить. За симъ поручаю тебе Божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду до послѣднихъ дней моей жизни тебѣ всѣхъ добръ желателнѣйшая и готовая къ услугамъ Н. П. 1801 году, августа 13—го. Изъ Боровичъ.

124. Душа моя, ангелъ и дочь Н. П. Напиши душа моя, каково ти доехала и застала каковихъ дѣточокъ и все ли благополучно въ домѣ вашемъ? Дѣточки ваши, а мои драгоцѣнѣйшіе компанѣони, дуженки и здорови, равно и я благодарю Всевидущаго, здорова и

дужа. Даруй Господи, чтобъ и ти въ такихъ лѣтахъ такова била. Г-нъ Глинской, по отездѣ твоемъ, скоро пріѣхалъ и до свѣта віехалъ въ извѣстное мѣсто. Купленихъ въ Седневѣ яблокъ посилаю двадцять и одно оливное, которое сама г-жа Лизогубина сорвавши, (толко двѣ и било, и въ первое сродили у ея), одно мнѣ и другое тебѣ прислала. Вотъ яблока! Не знаю, какови то будуть на вкусъ, а какъ Господь дастъ, что садовника Иванъ Степановичъ привезетъ, то можете отъ ихъ получить розки. Рози такое множество изъ Жукотокъ привезли, что я не могла лембика сискать для перегону води; посилаю къ вамъ изъ симъ самимъ,—не сищете ль ви у себе, или на котли въ заводѣ перегонить будете. Я сіе дѣлаю только для того, чтобъ ти, душа моя, знала, сколько собрано. Винограду своего саду посилаю, въ гронѣ 21 ягоду, токмо за куріозъ, что уродило съ столко у мене; покушай, душа моя, моего разводу. Дай Господи послѣдующой годъ гронъ столко къ тебѣ прислать. Доброжелателная тебѣ и готовая ко услугамъ Н. П. Сентябр. 2-го, 1801 г. С. Боровичи.

125. Душа моя, ангелъ Н. Н. Полученное отъ г-на Глинскаго на твое имя писмо съ нарошнимъ посилаю. Что касается до лошадей ему, г. Глинскому, куда ему надобность укажетъ поехать, дано будетъ, о семъ не заботся. Что касается до сивця (?), то прошу сождать, а пришлете вмѣстѣ съ покупкою. За присилку сира премного благодарю, кой такъ хорошъ, что лучего желать нелзя, а тебѣ, душа моя, винограду три грони посилаю, кушай здоровенка, я оной получила отъ Троцкой. Думаю, что въ Чернѣговѣ будетъ таперъ Кримской виноградъ, яко чрезъ Боровичи повезено бочокъ нѣсколько въ Могилевъ, и сколко я ни старалась купить, но не захотіели откуперовать бочокъ и когда куплю въ Чернѣговѣ, пришлю къ тебѣ. За випалку премного благодарю, но Господу вѣстъ что будетъ зъ горелкою, яко хлѣбъ надчуръ дорогъ, по 50 к. здесь ужо пудъ и набѣги за онимъ весма великіе. Почему у васъ горелку продаютъ по шинкамъ? увѣдоми мене, душа моя, я подешевила, а таперъ опять хочу поднять, но твоего совѣта ожидаю. Приказъ въ Золотоношку посилаю о видачи овса и ячменю, а васъ прошу за оной приказать мнѣ купить витую трубу въ два оборота, и прошу, буди ви на сіе согласни, и прислать безъ замедленія, яко по оной надобно и шапку дѣлать, то есть пригрубокъ какою шириною. Денегъ у мене таперъ отнюдь нѣтъ въ разсужденіи покупки, да и хлѣба занасного ничего нѣтъ, росножичила людямъ, а собрать мочи нѣтъ; вотъ мое хозяйство каково порядочное, какъ хочете разсуждайте. Дроздиковъ пять паръ посилаю,

желаю здоровенкой кушать. Пшеницѣ, развѣ сождавши, болше пришлю, яко люде всѣ въ розсилки, а теперъ толко три чвертки посилаю. Дѣточки и я зъ ними, благодарю Господа, дужи и здорови, поручаю васъ Божіеему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею, всехъ добръ желателнѣйшею и готовою ко услугамъ Н. П. 1801 году. Сентября 16. Изъ Боровичъ.

126. Душа моя, ангелъ Н. П. Замѣдлѣла я къ тебѣ, душа моя, съ посилкою, и се то всему виною Марфа, которая съ Чернѣгова сію минуту толко что пріехала. За недосугомъ, я покупки вашей и не разсматривала, которую по реестру ея посп(лаю) за печатю; я отъ себе посилаю вамъ платочокъ, въ разнощиковъ купленъ, а дѣточкамъ ленточки. Извинѣте, что бездѣличкою служу, яко лучого ничево не било. Я сискала на столику, въ парадной, какое то дѣло до Савинокъ принадлежащое, можетъ бить оное и надобно, но хто то его положилъ не знаю. За увѣдомленіе мене о Ивану Степановичу и Петрушенки чувствительно тебе, душа моя, благодарю, возъсилая при томъ ежеденно Господу благодареніе за успіехъ. Даруй толко, Предвѣчной, чтобъ здорови всѣ ви били и благополучни и дѣточкамъ да пошлетъ Всевидущой охоту и успѣхъ въ наукахъ и должайшіе лѣта, о чемъ неусипно ежеденно Господа молю. Я читая твое, душа моя, писмо о Петрушечка, не могла удержатись отъ слезъ, какъ онъ горко заплакалъ, поминутно его воображая, сокрушаюсь. Дай Господи, чтобъ онъ скоро привикъ, а въ протчемъ надѣюсь на милосердіе Божіе, что будетъ съ нево дитя умное; ти вспомнишь мене не одинажди, что не лгу. Радуюсь, что и дочери ваши, а мои неоцененіе правнучки учатця весма хорошо, но мадамъ кажется слишкомъ дорогенка, но что дѣлать, когда надобно, то такъ аби толко бъ того она стоила. Завитую трубу.... (?) съ васъ будетъ, пожалуйте, здѣлайте милость, толко прикажѣте безъ замедлѣнія оную прислать, я доплачу сколко надобно, ибо за ячмѣнь и овесъ я болше не располагаю, какъ 50 р., а по справки, дай Господи, чтобъ и восмидесятю рублями кончится. Я би васъ и симъ не безпокоила, но право денегъ таперъ у мене нѣтъ. Писмо отъ г-дъ Милорадовичевъ при писмѣ посилаю, на имя Петра Ивановича, что распечатала извинѣте.... (?) онъ самъ писалъ, а протчего не знаю. Вѣстей никакихъ болше нѣтъ. Десять арбузовъ посилаю, ибо толко могъ сей взять, а по времени болше пришлю; кушайте здоровенки! Пріедь, мой ангелъ, хотя на часочокъ, зъ любезними моими правнучками, которыхъ нетерпеливно видѣть желаю вмѣстѣ съ тобою. Старой панъ весма великорѣчивой отъ времени

до времени и младенчикъ такъ резовъ, что я тебѣ описать не могу, кои, благодару Въсевидущаго, дужи и здорови, дай Господи, чтобъ и васъ въсехъ таковихъ видѣть и слишить. Адье, душа моя, твоя всехъ добръ желателнѣйшая бабка Н. П. 1801 году, сентября 29. Изъ Боровичъ.

У мамки благодареніе Господа молоко прибавилось и таперъ рѣдко, когда молочко пьетъ; чтоже сему причина? пріехалъ мужъ мамкинъ, матка ея и свекрова, и какъ разумно поступили—нелзя луче, цѣлой день не говорили ей ничево; наконецъ мужъ сказалъ ей, что естли ти будешъ плакать, то я сейчасъ еду и не пріеду до тебе никогда, синъ нашъ умеръ, но что дѣлать, дай толко Господи, чтобъ ти панское дитя викормила честно, то и дѣти намъ Господь дастъ. И такъ ея уговорилъ, что она весма мало тужила. Що жъ би ви думали?—начало совсемъ молоко прибавлятись и она весела и не тужитъ; благодаря Бога, сіе хорошо. Я три днѣ ихъ ещо подержала. Вотъ подумайте, какъ куріозно о покорму. .... (?) что какъ в..... (?), то толко отъ смерти рабіонка три недѣлѣ небило ничево въ грудяхъ. Пришлѣте ей что нибуль, чтобъ потѣшить ея, мужъ и обѣ матки такъ умни, что луче желать нелзя.

127. Душа моя Насточка! Радуюсь получа отъ тебе, ангелъ мой, писмо, что ти благополучно доехала. Даруй Въсевидущой въ непоколѣбимомъ пребивать до самихъ глубочайшихъ лѣтъ, отъ искреннѣйшаго моего сердца желаю. Дѣточки ваши, а мои дорогіе атютанти, благодарю Господа, дужи и здорови. Я, получа отъ тебе писмо, сейчасъ сожгла и уксусомъ руки витерла. Берегись душа моя, какъ дастъ Господь, что будешь ехать, чтобъ не брать оттоль ничево, да и бѣлья тамо мить не надобно, а луче въ Жукотки чорное отправить такъ мнѣ кажется, ти, какъ мать, сама здѣлаешь во всемъ предосторожность. Я писмо отъ Ивана Степановича получила, которой пишетъ, что онъ и дѣточки здорови, чему я сердечно радуюсь. Болше не распространяюсь, а кончу тіемъ, что я есмъ ноколь духъ въ тѣлѣ вашею всехъдобръжелателнѣйшею и готовою ко услугамъ Н. П. 1802 году, генвари 11-го, изъ Боровичъ. Парасковьи Василіевнѣ прошу кланятись.

128. Государи мои, драгоцѣнѣйшіе вънуки Н. П. и І. С. Толко я собралась отправлять Марфу въ Чернѣговъ за многими дѣлами, о чемъ она сама вамъ перескажетъ, но все удерживало силное ненастье, чего то (sic) и удержана била; какъ же пріехала ваша нянюшка съ Москви, которую удержала я здесь, какъ мнѣ о томъ Настасія Петровна сказивала, чтобъ до ея сюда пріезда удержать сію

дѣвицу здесь, которая и остается до повелѣнія вашего. А какая съ Москви посилка и писма при Марфи посилаю зъ ею къ вамъ. Не гнѣвайтесь, что два писма распечатала, сіе единственно здѣлала потому, что искала нѣтли отъ Петрушенки писма и первое распечатала отъ учителя, или какъ сказать—отъ дядки Петрушенкиного, и не сискавъ ни одной строки отъ его, голова моя скружилась, такъ силно съпугалась, принужденна другое подъ одною печатью распечат(ат)ь, тутъ благодарю Бога сискала, хотя по французки не знаю, но тутъ же госпожа Чеботарева и мужъ ея о Петрушенки пишутъ. Благодарю Господа, что онъ въ добромъ здоровьи и по обнадеживаніи призирающихъ. Дастъ Господь что все будетъ благополучно. Сія дѣвица трижди была у Чеботарева и всякой разъ видала Петенку, но онъ нѣчего съ нею не говорилъ, а при отездѣ толко кланялся папинѣ, маминки и мнѣ, болше ни слова не сказивалъ. Сія дѣвица, какъ мнѣ кажется сее, она годитемится для дому вашего, при томъ и краситъ разними красками чрезвичайно. Она изъ собою потрошку по привозила красокъ и шъетъ такъ какъ у васъ въ каретѣ на ступеникахъ, а при томъ и въ хозяйствѣ знается, и по казкамъ ея, великую охоту имѣетъ, словомъ съказатъ, важется, весма будетъ угодна и помить плате разное, починить и все что ни приказано будетъ съ охотою и знаніемъ, какъ она сказиваетъ, но такъ бѣдна, что болше бить нелзя; въ ея есть сестра двоюродная, которую она воспитала и все что заработала, чрезъ весь свой вѣкъ, ей отдала, но по несщастю мужъ все вовилъ (sic) и ея оставилъ въ какого то Савича, въ Бѣловодьи; она по отездѣ вашемъ съ Москви, получила отъ ея писмо и таперъ плачется объ ней жестоко, пишетъ къ ней писмо, а Марфа оное по почтѣ отправить къ ней. Какъ она сестру хвалитъ, не могу вамъ описать, какая она мастерица и поетъ превосходно по италіянски, не худо би и ея отискать, яко убори разніе такъ хорошо дѣлаетъ, что противо французанокъ, точно вамъ къ тому идетъ, что все сіе надобно. Да думаю, по нещастію, и не за болшую сумму могла би бить, подумайте и случая не упускайте. Извинѣте, что пустошью наполнила всю бумагу. А луче, наконецъ, съкажу то, что дѣточки ваши, а мои миліе атютанти, благодарю Бога, дужи и здорови, равно и я, слава Господевѣ, здорова, дай Господи и отъ васъ таковіе вѣсти имѣть. Наконецъ, поручаю васъ Божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду до послѣднихъ дней моей жизни вашею всѣхъ добръжелателнѣйшею и готовою ко услугамъ Н. И. 1801 году, ноября 29. Изъ Боровичъ.

129. Боже зъри мое смиренье,
Зъри мои плачевни дни,
Зъри мое огорченье,
И мене не обвини.
Что я, смертна тварь, дерзаю
Говорить съ моимъ Творцомъ
И что грѣшна називаю
Безъпорочного отцомъ.
Покажи мнѣ путь къ спасенью,
Въ сердце утверди законъ,
Ухо приклони къ моленью,
И услишъ мой тяжкой стонъ.
Всю надежду полагала
На тебе, всесилной царъ,
И тебія въсегда възивала,
Не надѣяся на тваръ.
Не терпи, о Боже, въласти
Безъзаконихъ тіехъ людей,
Кои дѣлаютъ напасти
Толко въластію своей.
Боже, ти мя не остави,
Коль оставилъ человѣкъ,
И отъ бѣдъ мене изъбави,
И храни мене навѣкъ.

---

130. Уже со тмою нощи
Простерлась тишина,
Виходитъ съ темной рощи
Печалная луна.
Я лиру томну строю
Цѣть съкорбящой мой духъ
Прінди грустить со мною
Луна печалнихъ другъ.
У хладной сей могилѣ,
Подъ тіенью древъ густихъ,
Внемли мой вопль унилой
И вздоховъ стонъ моихъ!
Зъдесь Юліи любезной
Прахъ милій погребенъ,

Я лить надъ ней токъ слезной
Въсечастно осужденъ.
Безъмолъвъною тоскою
Силно стѣснился духъ,
Пріиди грустить со мною
Луна печалнихъ другъ.

Оба стихотворенія находятся между письмами Настасьи Степановны и писаны ея рукою. Начала недостаетъ; не нашлось и того письма, при которомъ стихи Н. С—на прислала внучкѣ.

III. Письма Петра Степановича Милорадовича къ сыну Григорію Петровичу и письма къ послѣднему разныхъ лицъ.

1. Любезній сину мой Григорій. Въ писмѣ своемъ пишешь ты, что получилъ писмо отъ Василя Яковлевича Лизогуба, въ которомъ увѣдомляетъ тебя, что братъ его намѣренъ продать нѣякоесь село Гунковку, однакожъ безъ людей, зъ лѣсами, сѣнокосами и мелницами. Я удивляюсь весьма для того, что не слихалъ нигдѣ, чтобъ гдѣ какое либо село было безъ людей, однакъ недивно сему, ибо Лизогубы привикли писать (?) по своей природной гордости, а я подлѣнно знаю, что тамъ въ Лизогуба, брата его, ничого прямого нетъ и основателного, чтобъ продать, какъ толко одна мелница на Ворснѣ, по праву же сторону рѣки лѣсъ Разсудовскій отрубной, на которомъ онъ, на берегу рѣки, поселилъ было слободку, и оная земля отсужена отъ его; а людей велѣно ему перевести. И на томъ именно мѣсто (мѣстѣ?) велѣлъ я Холимоненку нынѣшнею весною посѣеть жито ярицу и до той землѣ брату его никакого дѣла нѣтъ, ибо она не ево. А по лѣву сторону рѣки Ворсни, гдѣ также Лизогубови поселенные люди находятся, грунтъ—сибринный [1]) називается Губецкій, отколь когда люде переведенни будутъ, то земля никуда не годится, ибо пѣсчаная и неспособная ни къ чому; лѣсу жъ тамъ у ево никаково нѣтъ, ибо въ Губецкомъ грунтѣ находящійся лѣсъ есть Михайла Михайловича Стороженка, а не Лизогубовъ; а ежели есть какіе въ его лѣса и сѣнокоси въ другомъ мѣстѣ, то я оныхъ не знаю, а подлѣнно знаю, что

---

[1]) Т. е. общій.

около нынѣшней его Гунковки нѣтъ никакихъ лѣсовъ, сѣнокосовъ и землѣ. И для того надобно тебѣ, со всякою осторожностію, хорошенко посмотрѣть, а отъ Лизогуба потребовать описѣ, какие именно лѣси и сѣнокоси и въ какихъ урочищахъ онъ хочетъ продавать, кромѣ помянутихъ мелницъ, и имѣетъ ли онъ на тѣ грунта крѣпости, которие надлежитъ ему тебѣ самому показать и тебѣ осмотрѣть и продаваеміе имъ грунта лично, а не за глаза, дабы не послѣдовало обманства, а осмотрѣвши по описѣ тѣ грунта, которие онъ продаетъ тогда надобно съ нимъ въ торгъ итти, чего они стоятъ и такимъ порядкомъ должно тебѣ отписать до брата его Василя Яковлевича, а не прежде спрашиватся о цѣнѣ. Впротчемъ, за свиданьемъ моимъ съ тобою, я обстоятелнѣе съ тобою словесно поговору. И пребываю твой всего добра желателній отецъ Петръ Милорадовичъ. 1789 года, мая 28 д. Жукотки.

2. Увѣдомился я черезъ Халимоненка, что бѣжавшій отъ меня конюхъ Коломіецъ явился и нынѣ находился въ Любечѣ, и будто панщину дѣлаетъ, а какъ онъ извѣстно тебѣ здѣлалъ мнѣ немалую шкоду и бѣжалъ, и се уже онъ дѣлаетъ другый побѣгъ, бывши въ меня въ дворѣ, и есть человѣкъ вовся ненадежный, то какъ ево, такъ и Ластовку, который также при побѣгѣ своемъ кроми протчого одѣянія, которого онъ у меня еще незаслужилъ, укралъ новую кучерскую сукна голубого шинелю, которой цена рубліовъ девять, равно и Хорошуна, который отъ тебя бѣжалъ, когда будетъ повеленіе о виставченіи погонщиковъ, непремѣнно прикажи отдать ихъ въ погонщики, и сими трома плутами и бродягами замѣнить другихъ мужиковъ добрихъ людей, которіе могутъ платить чиншъ или панщину дѣлать, что послужить и протчимъ въ страхъ таковымъ плутамъ и бѣглецамъ. Однакъ о семъ никому необявлять до надлежащаго времени, дабы оны узнавши вторично не бѣжали, для того что при отдачи погонщиковъ въ армію всегда оны отдаются въ колодкахъ за карауломъ, чтобъ не могли бѣжать и здѣлать затруднѣнія и безпокойства. При томъ прикажи Коломійца допросить съ прист(р)астіемъ, гдѣ Ластовка находится, который съ онымъ вмѣстѣ бѣжалъ, ибо онъ повиненъ знать. (1790 г., мартъ).

3. Любезній сину мой Григорій! Письмо твое съ Чернѣгова сего априля отъ 2-го, я получилъ 8-го числа, чрезъ почту, исправно, въ которомъ между протчимъ пишешъ, что билъ ты зъ женою въ Стол-

номъ, въ бабушкѣ вашей Авдотьи Михайловни [1]), а потомъ ездилы въ Боровичи, гдѣ потворили то самое положеніе раздѣлки, которое предъ симъ, въ битность мою тамо, между всѣми вами положенно было что и совершить должний будете на урядѣ въ слѣдующемъ мѣсяци мае; тогда ты и Полуботки получишъ, а нинѣ какъ Жуботками, такъ и всѣми приселками владѣеть бабушка твоя Настасія Степановна сама, и никому изъ наслѣдниковъ неотданни во ожиданіи конца вашему положенію, на что тебѣ обявляю, чтоби ты старался всяческій, дабы непремѣнно въ м—цѣ мае безъ всякого отлагательства раздѣлка конченна била и совершенна на урядѣ, а по дѣйствительномъ и совершенномъ окончаніи раздѣла, тогда и мѣровую подать прозбу, касателно доиску моего на бабушку твою и брата ей по извѣстнимъ тебѣ дѣламъ, по данному отъ меня тебѣ полномочію. Послѣ подачи же мѣрового прошенія, тогда писмо мое, писанное твоей сестрѣ, ей самой отдать, а отънюдь не прежде, но все совершивши, которое при семъ прилагается незапечатанное для усмотренія твоего, а въ надлежащое время самъ можешь запечатать. Въ томъ же писмѣ увѣдомляешь меня, что ты купылъ нѣякоесь маленкое имѣнийце около Пушкаровъ, до коего надлежить въ Пушкарахъ дворъ, въ коемъ продается уже горѣлка твоя, я о семъ прежде извѣстился, чрезъ писмо писанное ко мнѣ отъ Ивана Якимовича, однакъ о покупкѣ обстоятельно знать не могу, которая надѣюсь Силѣчу не очень пріятна. Такъже увѣдомляешь меня, что священникъ Козма Котовичъ зъ братьями и племѣнниками своимы и попадья Чигринчиха продали тебѣ на Високомъ полѣ, называемомъ Лисицею, всю часть своего пахатного поля; оное поле мнѣ извѣстное, на которомъ земля пѣщаная и глееватая, однакъ способна по тому болше, что весма близко къ мѣсточку Любечу находится; что жъ касается до грунту называемого Чистіе Лужы, которого половинную свою часть продастъ Чигринчиха, то оной грунтъ находится въ отдаленности и несмѣженъ къ грунтамъ Любецкимъ, а при томъ я надѣюсь хуторъ, называемій Чистіи Лужи, которимъ владѣетъ также и попъ Козма Котовичъ не церковная ли земля, принадлежащая до бившей церкви Рождества Пресвятія Богородицы, такого роду, какъ и грунта бившіе во владѣніи священниковъ Горбиковъ, которіи указомъ сенатскимъ велено отобрать въ казну. И посему надобно въ покупкѣ имѣть великую осто-

---

[1]) Безбородко, жена б. генер. писаря Андрея Яковлевича и мать князя А. А. Безбородко. Дочь ея Ульяна была матерью жены Г. И. М—ча.

рожность и достовѣрную справку, чтобы иногда денги не пропали, и что тотъ грунтъ въ сторонѣ и несмѣженъ твоимъ землямъ, то я би его покупать не совѣтовалъ, а попадья Чигринчиха дешево не продастъ; а что попъ Горбикъ зъ своимъ братомъ и племѣнниками имѣніе продаютъ, то ежели оно ихъ собственное или есть наслѣдственное и несумнительное, а притомъ въ близкости и способносты къ твоимъ землямъ находится, въ такомъ случаи купить можно. А что Каменецкій уступаетъ купленніе свои грунта около Брехуновъ, то я оныхъ покупать тебѣ не совѣтую, ибо оніе тебѣ не по способности, ни въ смѣжносты находятся. И на такіе грунта, которые находятся въ кусахъ и въ разныхъ мѣстахъ денегъ напрасно терять ненадобно и не совѣтую, ибо оніе никакой ползи не принесуть, а покупать надобно такіе землѣ или грунта, которіе въ срединѣ твоихъ или смежніе зъ твоими землямы, такъ какъ есть Гупъковская Лизогубова мелница, которую тебѣ весма купить способно; при той мельницѣ находится, при самой рекѣ Ворзнѣ, давно присужденная земля, гдѣ Лизогубъ поселилъ своихъ людей и построилъ вынокурнѣ, и веленно ихъ свесты и землѣ очистить, токмо и поняинѣ неочищенна, для того непремѣнно надобно тебѣ, не утекая вдаль, людей вислать и строеніе очистить, ибо Лизогубъ чрезъ долгое время упрамится, чтобъ иногда давности земской не упустить и землѣ не потерять, которую нинѣшною весною надлежало бы сорать и посѣять жито ярицу, или другій яринний хлѣбъ. Сей грунтъ, о которомъ я тебѣ пишу, находится въ отрубной Расудовской жалованной Полуботку пущы, о которомъ я долго хлопоталъ и имѣлъ дѣло и оное между протчіямы дѣламы тебѣ поручилъ и уводчій листъ на присужденную землю, также и протчіе уводчіе листы по бившимъ дѣламъ тебѣ отдалъ, какъ-то и о грунтѣ Радулскомъ зъ расколниками, по коимъ всѣмъ отданнимъ тебѣ дѣламъ, по описѣ, надобно имѣть недреманное наблюденіе и смотрѣніе Любецкой економіи. А что ты пишешь ко мнѣ, чтобъ я тебя одолжилъ нѣсколко денгами, въ разсужденіи покупаемихъ тобою грунтовъ, то я би тебѣ не отказалъ, ежели би былъ въ состояніи, ибо я здесь у дворянъ Мартосовъ покупаю сѣнокосную землю, весма близко и въ способности находящуюся къ землѣ Гамалѣевской, и далъ уже 200 рублей, а еще и тимъ надобно будетъ дать болше двухъ сотъ рублей; а кромѣ сей землѣ тѣ жъ Мартоси продаютъ футоръ въ близкомъ разстояніи находящійся къ Гамалѣевки, которого, за тысячу рублей купить неможно, а я думаю его не упустить, ибо и другіе покупщики находятся, а сверхъ того надобно докончить цер-

ковное строеніе, здѣлать колоколню и купить колоколъ, которихъ здесь почты ни одного нѣтъ и на то все потребно болше тисячи рублей. Съ писма жъ твоего выжу, что маляръ меня обманулъ, однакъ я надѣюсь лутчого нежели онъ майстра сискать; горѣлки прислать ко мнѣ надобно восѣмъ бочокъ, о которой я при семъ прилагаю писмо къ г. Вѣткевичу, а на тихъ подводахъ я пришлю къ тебѣ овса, полагая на каждую по 4 четверты, всего 32 четверты. А ты вели приказать, чтобъ биля въ подводчиковъ мѣшки на показанное число овса. При отъездѣ моемъ отдалъ я тебѣ сребро, яко то: кафейний чайникъ, молочникъ и другіе разніе вещы, вѣсомъ на 10-ть фунтовъ, о коихъ имѣется у меня записка, для передѣлки на чайний приборъ, для того увѣдомь меня началъ ли серебренникъ оную работу дѣлать, которую надобно ему отдавать не всю заразомъ, но по частямъ, прежде же надобно при себѣ вѣрно свѣсить и отдавать сребреннику каждую вещь вѣсомъ же, а за работу я съ нимъ договорился отъ лота заплатить по 10 к. Еще увѣдомь меня имѣешь ли какіе писма отъ повѣренного съ Петербурга по извѣстному тебѣ дѣлу въ Силѣчемъ. Впротчемъ пребываю твой всегодоброжелателній отецъ Петръ Милорадовичъ. 1780 года, априля 10 д. Гамалѣевка.

4. Любезній сину мой Григорій! Получилъ я отъ тебя съ Чернигова четири писма. Первое, чрезъ Тарчовского, минувшого априля отъ 19-го числа, на которое обявляю, что Тарчовскій напрасно трудылся и ездилъ до тебя, ибо онъ не имѣетъ ни отъ кого и никакой обѣди; а вмѣсто того, что онъ напрасно ездылъ къ тебѣ, должно бы ему самому старатся, дабы скорѣе надъ нимъ оконченъ былъ щотъ. А что въ его забратъ скотъ, то сего въ обѣду онъ почитать себѣ не можетъ, ибо такъ порядокъ велитъ съ тѣмъ, когда онъ отдастъ отъчетъ по своей должности порядочно и не будетъ на немъ никакого начота и взисканія, тогда скотъ и все свое имѣніе получитъ безъ всякого задержанія, а ежели явится начотъ, а потому и взысканіе, тогда долженъ онъ денгами или имѣніемъ своимъ удоволствовать. Что жъ касается до Жидкова, которого онъ единственно по сорѣ своей отъ должности отрѣшилъ, то изъ Жидковимъ, такимъ же образомъ поступыть должно, какъ и съ Тарчовскимъ, по окончаніи щета. Онъ же Тарчовскій его Жидкова отрѣшилъ отъ должности вовся не надлежаще, единственно для своего угожденія, а несоблюденія порядка еко(но)мыческого, которий съ нимъ по многомъ спорилъ, и тебѣ представлялъ; а на мѣсто его опредѣлилъ тамошнего Бучковского мужика, извѣстного всѣмъ превеликого паницу и бездѣлника.

Я извѣстенъ, что и писаръ тамошній Бучковскій пяница жъ. Такъ вотъ какіе порядки Тарчовскій подѣлалъ. Я этое узнавши чрезъ Курилова, велѣлъ мужика пяницу отъ должности отрѣшить и быть ему попрежнему въ числѣ протчіихъ мужиковъ, а на мѣсто его опредѣлить доброго и неподозрителного человѣка; Жидковъ же допущенъ до своей должности, для того, чтобъ по нынѣшному весняному времени не упущенно было въ надлежащое время посѣять ярыпни хлѣбъ, и протчихъ касающихся хозяйства дѣлъ, и велѣнно ему дѣлать припускъ лошадинни, чего опредѣленному отъ Тарчовского пяницы увѣрить неможно и сумнително. Сколько же какихъ денегъ есть въ собраніи въ Халимоненка, за онимы посланъ Кезь принять отъ его, которіе и присланни будуть къ тебѣ зъ тими денгами, кои данни на мой щетъ зъ Любеча плотникамъ, столярамъ и малярамъ 30 рублей, при отправленіи ихъ яъ Гамалѣевку.

2-е) Чрезъ Конвисера, апрыля отъ 12-го, получилъ того жъ апрыля 19-го числа, и что касается до маляра, то я сыскалъ съ Кролевца искусного майстра, которій пысалъ графу (Румянцеву) въ церковъ въ Вишенкахъ иконостасъ, и заключилъ съ нимъ контрактъ, за одни его труда шестьсотъ рублей, кромѣ харчей, разнихъ красокъ и золота, что всіо искуплено будетъ на мои денги, и выходыть на сумму до тисячи рублей. Также договорилъ подрядчика, надежного и доброго человѣка, руського купца, жителствующого въ Гадячѣ, выписать зъ Москви четыре колокола, первій—вѣсомъ въ сорокъ пудъ, другій—въ 20-ть, третій—въ 10-ть, а четверти—въ 5 пудъ; всего жъ во всѣхъ колоколахъ сѣмдесятъ пять пудъ, отъ всякого по 14-ть рублей съ поставкою въ Гамалѣевку, а всѣхъ денегъ тисяча пятдесятъ рублей, и оніе колокола подрядчикъ долженъ поставыть июля къ 20-му числу, въ Гамалѣевку, а маляръ начнетъ пысать иконостасъ сего мая съ 20-го числа.

3-е) Чрезъ столярей, плотниковъ и малярей, кои прибыли въ Гамалѣевку сего мая 4-го и вступыли въ свою работу. Столяръ же Владимеръ Онищенко, буди онъ тебѣ надобенъ, пусть и остается. Покупку твою въ Пушкарахъ похваляю, хотя и недешево нѣсколко; что касается до пахатного поля, состоящаго въ нивахъ, по моему мнѣнію еще бъ и лутче было въ разсужденіи ихъ въ неболшомъ количествѣ землѣ и въ разнихъ мѣстахъ находящихся, достать замѣною въ одномъ или въ двухъ мѣстахъ положеніемъ, а ежели неможно буде, то отдать мужикамъ для хлѣбопашества, по способности ихъ жительствъ зъ вѣрною запыскою кому и въ какомъ въ урочищи и какая нива

будетъ дана, и что въ купчой крепости въ разсужденіи интересъ Силѣчевыхъ, весма ему свойственнихъ, написанна сумма превосходная на случай выкупу, поступленно весма разумно, нѣчимъ перемѣнить и съ такимъ человѣкомъ, каковъ есть Силѣчъ; и что купылъ ти въ селѣ Красковскихъ, на болшой дорогѣ, два двори зъ людми и ихъ грунтами, гдѣ и шинку быть способно, и то похвально, а что Постѣкаловъ продаетъ въ Любечѣ—дворъ зъ живущими въ онихъ людми, то оніе двори зъ людми, а хотя и безъ людей весма потребно тебѣ купить, ибо оніе находятся внутрѣ въ мѣстечкѣ Любечѣ и между твоимы мужикамы, и не знаю какову онъ цѣну просить. А я купылъ въ наслѣдниковъ Сибѣрского, также въ мѣстечкѣ Любечѣ, людей мужеска полу 18-ть душъ, кромѣ женска, со всѣмъ ихъ поселеніемъ, и заплатилъ 850 рублей, о чемъ можешь справится по купчой крѣпости, которая тебѣ съ протчіими крепостми поручення. Чрезъ приезжавшого ко мнѣ отъ сестри твоей съ писмами о родинахъ дочери еи, я никакого писма къ ней не писалъ, а словесно обявилъ присланному, что писать мнѣ до еи не слѣдуетъ покудова не будетъ конченно дѣло по данному отъ меня тебѣ полномочію и не получу отъ тебя извѣстія о миротвореніи, а подъ симъ разумѣется и раздѣлка, на томъ основаніи, каково положенно въ битность мою до отъезду моего въ Гамалѣевку, о чемъ уже я къ тебѣ предъ симъ писалъ.

4-е) Априля отъ 19-го числа, зъ Чернѣгова, получилъ сего мая 6-го, съ увѣдомленіемъ меня объ отправленіи ко мнѣ моей горѣлки и при ней людей колесника Гѣтка зъ его женою и шуриномъ, коихъ я намѣренъ поселить въ слободѣ Жоржовки, также и плотника Грицка Сыча, которой мнѣ весма нуженъ по его майстерству. Притомъ прошу отъ меня поздравить г. совѣтника Якова Ивановича Гулака съ новобрачною его женою и желаю имъ благополучного сожитія и сердечно радуюсь, что ты зъ женою своею и дѣтьми, по милости всемогущого Бога, находишся въ добромъ здоровьи, чего отъ усердія моего всегда желаю. Удивляюсь я, что ты по сю пору Антипа Крупянникова не договорялъ въ Любечъ приказчикомъ на такомъ основаніи, какъ я предъ симъ къ тебѣ писалъ и совѣтую его не упускать, ибо я узналъ доволно, что онъ человѣкъ добрій и чрезъ все время въ битность при мнѣ оказался неподозрителни и исправнп. А что касается до щета приказчиковъ, весма исправенъ и знающъ. Мужика жъ Иллю Бойка я тебѣ совѣтовалъ би отставить, для того, что онъ можетъ дать цинщи (чинша) рубліовъ пять или болше, и способенъ для отправленія на байдакѣ за покупкою солѣ и для продажи діогтю и другихъ вещей

рѣкою Днѣпромъ. Я съ полученного репорта отъ Крупянникова увѣдомылся, что онъ при отдачи Жукотской и Полуботовской наличности весма обѣженъ отъ тамошнихъ мужиковъ и присланного отъ бабушкѣ твоей смотрителя Туржанскаго, который, по наговору мужиковъ, его обѣдалъ вовся напрасно, заграбылъ у него въвесь скотъ рогатій, лошадь, овци и кози, въ числѣ которого и отъ меня ему данни, несправедливо и ненадлежаще, и оный Туржанскій и донынѣ скотъ его содержитъ въ Жукоткахъ подъ стражею, и за такую свою обѣду не можетъ инакъ обойтится, какъ подать искъ на госпожу и на мужиковъ ея. Для того ты за немъ уступысь, не допусти къ обѣдѣ и о семъ напыши до бабушки твоей, чтобы она наговору мужиковъ не вѣрила и проси, чтобъ скотъ его приказала возвратить, ибо нехорошо будетъ, когда онъ подастъ искъ. А сей Туржанскій есть полякъ и видно такой будетъ прикажчикъ, какъ былъ у тебя Тарчовскій. При принятіи наличности въ Жукоткахъ, удержанъ станокъ мой зимній собственній, здѣлании мною въ Чернѣговѣ, когда я тамо жилъ, подъ карету, крепкій и вездѣ окованни, на которомъ болше до трохъ пудъ желѣза употребленно, для того оной станокъ вели непремѣнно отобрать и взять къ себѣ въ Чернѣговъ или въ Любечъ. Впротчемъ пребываю твой всегодоброжелателній отецъ Петръ Милорадовичъ. 1790 года, маія 7 числа. Гамалѣевка.

5. Любезній сину мой Григорій! Писмо твое съ Чернигова сего августа отъ 13-го, я августа 18-го получилъ, съ приложеніемъ копіи зъ исковой жалоби Лашкевычевой, поданной имъ въ уѣздны Чернѣговскій судъ, и въ томъ твоемъ писмѣ увѣдомляешь меня, что ты того жъ августа 13 отъехалъ въ Батурынъ для свиданья съ Андреяноволскимъ и попросить его о написаніи апелляціи по дѣлу зъ Силѣчемъ о шинкахъ, равно и поговорить о предстоящемъ новомъ дѣлѣ съ Лашкевичомъ. Я получа твое писмо, заразъ поговорилъ изъ здешнымъ моимъ приятелемъ, знающимъ законы человѣкомъ, и далъ ему потребніе документа для написанія по дѣлу зъ Лашкевичомъ отъводу, который при томъ мнѣ обявилъ, что надобно по позвамъ явытся на срокъ и тотъ доводъ сказать, а при томъ нужно имѣть съ уѣзаного Городницкого суда выписъ изъ поданной отъ меня жалобы, прошедшого году, м—ца августа 9 числа, о изреканіи дочеры моей и о прочемъ, также и изъ учиненного по тоей моей жалобы въ Городницкомъ уѣздномъ судѣ опредѣленія, о которой жалоби и опредѣленіи тебѣ извѣстно, ибо въ бытность твою въ меня я далъ тебѣ съ оныхъ копіи, и какъ ты пишешь въ своемъ писмѣ, что на жалобы

Лашкевичевой уѣздни судъ здѣлалъ опредѣленіе дать намъ позовъ, которы уже и посланъ въ нижни земски судъ для порученія и назначеніе срока къ явки; о срокѣ же еще неизвѣстно; для того за нужное почитаю къ тебѣ написать, ежели уже позвы положены на имѣніи или поручени тебѣ, то до меня принадлежащи позовъ заразъ со всякимъ поспѣшеніемъ чрезъ нарочного, а не почту, присылай ко мнѣ, дабы я могъ предварительно заранше знать срокъ явки въ судъ. Ежели же намъ обоимъ одинъ позовъ данъ, то однако жъ пришли ко мнѣ копію поскорее, а я написанны отъводъ, какъ скоро будетъ здѣланъ, тотчасъ безъ всякого замедлѣнія пришлю къ тебѣ чрезъ нарочного и при томъ приложу къ тебѣ прозбу въ уѣздны Городницки судъ, о дачи вышеписанной виписѣ, дабы оная выдана была предъ срокомъ о явки въ судъ, но со всѣмъ тѣмъ весма нужно и необходимо потребно, чтобы ты ко мнѣ, какъ можно скоро, самъ приехалъ на самое краткое время поговорить, о чемъ надлежитъ; на писменныхъ же перепискахъ весма неудобно въ такихъ обстоятельствахъ изъясниться; для того, какъ скоро возвратится зъ Батурина, заразъ ко мнѣ приежай почтою, а не на своихъ лошадяхъ. До Ивана Яковлевича г. Селецкого я писалъ съ прошеніемъ объ извѣстномъ тебѣ дѣлѣ, имѣющемся въ Новгородско-Сѣверской губерніи и писмо отправилъ къ тебѣ чрезъ Звонка, а нинѣ и вторичное писмо при семъ къ нему прилагаю, которое тотъчасъ чрезъ нарочного или чрезъ почту къ нему отправъ, понеже весма нужно, чтобъ сіе дѣло было рѣшено и съ оного получить виписъ, также къ представленію въ судъ по настоящему иску Лашкевичевомъ; и я объ оной Ивана Яковлевича прошу, чтобъ прислалъ к тебѣ прямо или же увѣдомилъ о рѣшеніи оного и за скорость хотя бы рѣшенія копію прислалъ. Впротчемъ пребываю твой всегодоброжелателній отецъ Петръ Милорадовичъ. 1790 года, августа 22 д. Гамалѣевка.

6. Любезній сыну мой Григорій!

Писма твои мною получены, первое октября отъ 1-го числа, съ увѣдомленіемъ, что въ день праздника Покрова Богоматери освященъ домъ твой ,въ которомъ намѣрены вы переходить отъ того числа чрезъ двѣ недѣли, въ чемъ я отъ усердія моего желаю да благословитъ тебя Богъ зъ женою и дѣтми твоими и даруетъ мирно и во всякомъ здравіи и благополучіи въ ономъ жить на долгіе времена. Иконъ же, о которыхъ я тебѣ сказывалъ въ Гамалѣевки, послать понынѣ не могу, для того, что еще несовсѣмъ готовы иконописью, а какъ скоро поспѣютъ, то и присланы будутъ чрезъ нарочного, буди не будетъ

оказіи, ибо чрезъ почту послать ихъ неудобно. А послѣдніе три писма, сего мѣсяца разныхъ числъ, отъ тебя писанные, я получилъ въ одинъ день, тоесть сего сентября 11 числа, на которые симъ увѣдомляю: горѣлка твоя пѣнная въ 20 бочкахъ, числомъ 800 ведеръ, привезена и получена исправно, о которой Антипъ Крупянниковъ чрезъ тѣ подводы, кои оную привозили, тебѣ рапортовалъ, и будетъ стараніе о продажѣ сей горѣлки, чтобы продать ведро по два рубли, но навѣрное о таковой ценѣ сказать неможно, ибо въ здѣшнихъ мѣстахъ цена горѣлки упала, а до того времени неможно, чтобы небыло нѣсколко усошки. Присланные отъ тебя подводы за овсомъ при Любецкихъ мужикахъ Ивану Олейнику и Семену Пишке пріѣхали невесма вовремя, ибо овса небыло готового въ покупкѣ и въ превеликое безъдорожье скотъ свой вовсѣ изнурили, и прожили здѣсь чрезъ 6 дней, лошадей же кормить нечимъ было, а давана имъ солома, но и той недостаточно, для того, что по нынѣшней зимѣ и погодѣ весма сѣно дорого, такъ же и солома; да сѣна здѣсь въ деревнѣ и купить не въ кого, а хотя мужики имѣютъ у себя сѣно и солому, но они для прокормленія своего скота нужду въ томъ имѣютъ. Я и самъ думаю, чтобы Богъ помогъ выкормить свой скотъ чрезъ зиму, а сѣна продать не можно ни стебла, и для того впередъ совѣтую тебѣ присылать сюда подводы, узнавши перше и вѣрно, будучи надежнымъ о покупкѣ и о числѣ четвертей овса, то тогда присылать подводы, а не прежде. Покупщикъ же твой почталионъ Семенъ Анастасьевъ едва могъ искупить 126 четвертей и 5 четвериковъ овса, но и того подводы дожидалися, а по наложеніи онаго, отправлены отсюда подводы сего мѣсяца 18-го ч. Однакъ, я думаю, ты его сполна не получишъ, ибо мужики изнуренные свои лошади принуждены будутъ кормить овсомъ, а тебѣ за приездомъ отдадутъ свой собственный овесъ, въ кого есть, а кто не имѣетъ, то развѣ купитъ. На тѣхъ же подводахъ, которые горѣлку привезли, получилъ я заливную трубу исправно и далъ своего овса, по неимѣнію купленного почталиономъ въ Лофицѣ, 52 четверти и 2 четверика на щетъ тѣхъ денегъ, которые ты употребилъ на церковные вещи, тоестъ 31 рубль 20 копѣекъ; и такъ я тебѣ уже невиненъ. Покупщику твоему на покупку овса далъ я денегъ, къ прежде выданнымъ ста рублямъ, еще 50 рублей, а остается еще у меня 100 рублей, за которымъ вели прислать подводы тогда когда получишь вѣрное извѣстие, что [illegible] купленной [illegible] готовности, а не так какъ нынѣ прислалъ. Ежели потребны будутъ деньги на покупку до полности 500 четвертей овса, то я могу дать

свои денги. Напрасно ты меня не послушалъ и не посылалъ въ Курскъ для подряду жита на вынокуреніе, ибо въ Черниговѣ, какъ слышу, новины, тоестъ нѣнѣшняго времени жито, продается дорого, которого и купить весма трудно, и разною мѣлкою мѣрою, а вдругъ болшимъ числомъ купить онаго неможно и дорого. И такъ въ вынокуреніи будетъ остановка, а паче для меня, ибо отсюдова послать жита я не имѣю толикого числа подводъ и въ молотьбѣ имѣю великую остановку, для того, что не одно жито, но и протчей хлѣбъ молотить надобно, а людей мало; тамошние мужики волости Любецкой всегда ходятъ въ разные степные мѣста для зароботку молотбою хлѣба, то весма бы хорошо было, ежели бы ты велѣлъ имъ не ходить встороны, а присылалъ бы ихъ сюда, ко мнѣ, для молотбы моего хлѣба, 12 и 15 человѣкъ, которые могли бы и здѣсь заробить себѣ хлѣба, ибо я даю такую мѣрочку за молотбу, какъ и другіе сторонние люди даютъ. Двѣ семьи, кои отправлены при подводахъ сюда на жителство, получены, а третей мужикъ вдовъ зъ дочерью, съ Хорошуномъ, на плитахъ прибылъ, которые здѣсъ будутъ поселены. Еще два писма отъ тебя полученные, одно, сентабря отъ 11-го, а другое отъ 12-го числъ, на которые такъ же обявляю: указъ отъ преосвященного о освященіи церкви полученъ, за присылку которого весма я благодаренъ и прилагаю при семъ къ преосвященному писмо; а освященіе церкви положено, за благословеніемъ и помощію божиею, слѣдующого ноября 3-го числа. Подводы, посланные съ моею горѣлкою при твоемъ и г. Виткевича писмѣ ко мнѣ, еще не пріехали за превеликимъ бездорожьемъ и хутдобою лошадей, о которыхъ получилъ извѣстіе чрезъ пришедшого ко мнѣ мужика, что находятца въ Монастырицѣ [1]), вовсе устали, гдѣ такъ же и твои двѣ подводы, посланные съ вялою становою рибою и порожнею посудой, которая была послана тебѣ, съ медомъ, на которыхъ такъ же водка зимная и бутылка барбарисового сиропу, посланные отъ Александры Павловны, за которые покорно благодарствую; толко еще оныхъ не получилъ, а принужденъ отъправить за тою горѣлкою, рибою и посудою зъ Гамалѣевки другые подводы, и твои двѣ подводы воловые велѣли отправить съ Монастырища обратно въ домъ, потому что они вовсе устали; и для того пшиницы, которой ты просишъ присилки, теперъ послать не на чемъ. По извѣстнымъ тебѣ дѣламъ, яко то съ Лашкевичемъ, по данномъ отъ тебя о збивки (?) позва прошенія и что потому послѣдовало, я

[1]) Мѣстечко Нѣжинск. уѣзда.

понынѣ никакого известия не имѣю, такъ же и о делѣ имѣющемся въ верхнемъ земскомъ судѣ съ тещею и Фидрикевичемъ, что происходитъ не вѣдаю, и посылалъ ли ты поверенного въ Сосницкий уездный судъ—для выслушанія извѣстного тебѣ опредѣленія и подпису на ономъ моего недоволства, въ силѣ Новгородскаго намѣстническаго правленія опредѣленія, и какъ еще дѣло есть для меня нужное, то посвѣшай, буди еще понынѣ не поехалъ, въ верхней земской судъ въ Новгородокъ послать апелляцею и напиши съ прошеніемъ Ивану Яковлевичу, чтобы онъ здѣлалъ вспомоществованіе. А какъ скоро послана будетъ апеляция, то я, за полученіемъ извѣстия, и самъ къ нему напишу писмо. Еще мнѣ весма нужно потребно знать написанна ли апеляция на сенатъское рѣшеніе объ извѣстномъ тебѣ дѣлѣ, и ежели еще и понынѣ не написана, то какъ можно старайся и проси оную написать, и прислать ко мнѣ чрезъ нарочного для подпису моего, дабы непремено отправить оную въ Санктпетербургъ въ будущемъ ноябрѣ мѣсяцѣ, и отнюдъ не позже, чтобы Фидиркевичъ (sic) съ Силичемъ не смѣялись. Что же ты пишешъ о обявленіи тебѣ отъ Николая Михайловича Стороженка, что будто Лашкевичъ намѣренъ ѣхать ко мнѣ съ прозбой своею, то ежели сіе подлѣнно такъ, обяви Николая Михайловичу, чтобы онъ сказалъ Лашкевичу, что я ево вовсѣ не знаю и знать не намѣренъ, и чтобы онъ ко мнѣ не трудился ѣхать, ибо въ противномъ случаѣ будетъ онъ принятъ такъ, какъ я былъ принятъ въ Смяче [1]) по милости тещи и Фидиркевича, а не инако; или о семъ самъ ему скажи. Пусть жена его проситъ своей бабушки и Фидиркевича, ежели хочетъ успокоится, чтобы теща исполнила свое обѣщание, о чемъ я отъ нее саморучнымъ писмомъ былъ обнаруженъ и раздѣлила имѣніе; однакъ, какъ видно, послѣ писмо ее осталось въ неправдѣ и есть во всемъ сему сущая ложъ и обманство. Такъ надобно сказать г. Стороженку или Лашкевичу, а ко мнѣ ему ѣхать незачѣмъ и не должно. Зъ приездомъ Антипа Крупянникова, уведомился я отъ него, что Степанъ Степановичъ Леонтивичъ умеръ, для того о семъ меня увѣдомь; приложенные при селъ писма къ преосвященному, Ивану Михайловичу Енке отъдай; а преосвященного попроси, чтобъ онъ здѣлалъ милость не велѣлъ мужика моего Гамалѣевского, котораго жена о разводѣ проситъ съ нимъ по законнымъ точно притчинамъ, требовать присылки въ дикастарію въ Черниговъ, ибо онъ свидетелствованъ докторомъ и

---

[1]) См. выше, стр. 65.

протопопомъ Лофицкимъ и нѣтъ ни малѣйшего сумнѣнія; въ противномъ же случаѣ, невинно будетъ обиженъ, потому что онъ бѣденъ человѣкъ, напрасно принужденъ будетъ итти пѣшкомъ, не имѣючи собственной своей подводы, и лишится чрезъ то своего домоводства и заработку, отъ которого онъ пропитаніе свое имѣетъ. Преосвященный же безъ сумненія можетъ быть увѣреннымъ на посланномъ давно въ дикастерію зъ Лофицкой протопопіи рапортѣ, о чемъ и я тамъ же къ его преосвященству вѣрно и справедливо писалъ. Въ протчемъ пребываю... 24 октября, 1790 г. Гамалѣевка.

7. Любезній сину мой Григорій. Писмо твое съ Чернигова, пущенное сего ноября отъ 5-го, получилъ я сего жъ мѣсяца 14-го числа, чрезъ Николая Звонка, и приложенные при ономъ копию рѣшения Черниговскаго верхняго земского суда 2-го департамента, по извѣстному тебѣ моему иску на тещу мою и брата ея Фидиркевича за учиненную мнѣ отъ нихъ тяжкую обиду и безъчестіе, и также копию позва, данного изъ уезднаго Городницкого суда, въ которомъ требуется явки моей или повѣренного моего для выслушанія онаго рѣшенія сего ноября на 25 число, я получилъ и какъ я онымъ рѣшеніемъ недоволенъ 1), что онымъ приговоромъ верхней земскій судъ опредѣлилъ заплатить мнѣ безчестіе по иску моему совмѣстно тещи моей съ Фидиркевичемъ, то есть пополамъ; какъ же безъчестіе мнѣ послѣдовало отъ двохъ домовъ и лицъ, вопервыхъ, отъ тещи моей, а въдругое, отъ брата ея Фидиркевича, то и слѣдуетъ, по справедливымъ моимъ доказателствамъ, въ чемъ я взялся и на присягу, платить безъчестіе тещи моей и брату ея Фидиркевичу не совмѣстно; 2), оной вѣрхней земской судъ по апеляціоной моей жалобѣ ни по 21 артикулу воинскаго устава, ниже по статуту, роздѣла 3-го артикула, 27-го, онымъ моимъ обидчикомъ заключения или же вежи не приговорилъ съ моею обидой. Для того по краткости срока, то есть 25-го числа сего ноября, на подачу апеляціи въ гражданскую палату на показанное рѣшеніе со всякимъ поспѣшеніемъ, я нималѣйше не удерживая нарочного отъ тебя присланного, отправляю съ тѣмъ, чтобы, какъ можно, пожалуй, постарайся, поговори съ Андреемъ Степановичемъ, Иваномъ Якимовичемъ и изъ другими своими пріятелями, заразъ подавай апеляцію въ гражданскую палату, дабы по крайней мѣрѣ за три дни предъ срокомъ была подана, ежели скорѣе не успѣешъ, и по учрежденію исполни надлежащій обрядъ. Итакъ, потщись непременно исполнить. Чтожъ ты пишешъ о мирѣ то ежели оной во всемъ на томъ точно основаніи учиненъ будетъ, каковъ былъ дого-

воръ прежде изъвѣстной тебѣ, чтобы дать тебѣ село Полуботки, то на томъ договорѣ можешъ ты и миръ заключить, съ тещею и Фидиркевичемъ, но однакожъ послѣ подачи апеляціи въ гражданскую палату, а отнюдь не прежде, дабы мнѣ чрезъ потсудные дѣла болше безчестия на претерпѣть, ежели судъ или палата гражданская приговоритъ тещи и Фидеркевичу вѣжу [1]), то я онымъ въ такомъ случаѣ и приговореннымъ нынѣ верхнимъ земскимъ судомъ безчестіемъ доволенъ бы былъ. А до присяги тещу и брата ея Фидиркевича въ точныхъ обстоятельствахъ и силѣ, по словамъ сказаннымъ въ судномъ производствѣ отъ повѣренного моего Гроховскаго, въ чомъ я брался на присягу, въ томъ точно, ежели пожелаютъ и не откажутся, повести ихъ къ присягѣ, за помощью сердцевѣдца Бога, не отказываюсь. Впротчемъ, что касается до дѣла на рѣшеніе Сосницкого уѣздного суда, то поступай такъ, какъ ты ко мнѣ пишешъ и какъ можно старайся, дабы оное безъ замедлѣнія было рѣшено, ибо въ ономъ рѣшеніи весма важный пунктъ состоитъ по дѣлу съ Лашкевичемъ, о которомъ ты и самъ знаешъ. На протчее же, о чемъ ты ко мнѣ пишешъ, къ тебѣ, равно и къ преосвященному, я особливо чрезъ почту писать буду и пребываю прочемъ... Ноября 15-го дня, 1790 г. Гамалѣевка.

8. Любезній сину мой Григорій! За помощіею божіею новопостроенная церковъ уже освящена, по церковному чиноположенію, сего ноября 3-го числа. При семъ тебѣ отъ церкви божіей посылаю на благословеніе двѣ иконы, одна—совѣтъ предвѣчный пресв. Тройцы, а другая—Христа, благословящого пять хлѣбовъ, которой да благословитъ тебя съ женою и дѣтми въ домѣ вашемъ хлѣбомъ и пшеницею и всякимъ благимъ совершеннымъ даяніемъ, отъ его превысочайшихъ и неизреченныхъ божественныхъ даровъ всегда и всегда. Надъ бывшимъ экономомъ Куриловымъ щотъ оконченъ и что явилось нанемъ на чоту денегъ, онъ меня удоволствовалъ, а протчее я ему подарилъ, и сего ноября 21-го числа отъехалъ онъ въ домъ тестя своего, въ село Пѣски. Онъ сказывалъ мнѣ, что на сихъ дняхъ поедетъ въ Бучки по надобности въ твоей въ экономіи. Я тебѣ совѣтую его договорить контрактомъ, ибо онъ потребенъ, особливо же для лошадиного заводу. Я надѣюсь, что у тебя есть любецкихъ озеръ сыропросолная щука риба, и рижики я слыхалъ, что сей осени родили; для того пришли ко мнѣ на постъ щуки сыропросолной двѣ ма-

---

[1]) Т. е. личный арестъ.

зирки да рыжиковъ двѣ кадушки (?) которой для меня надовго будетъ. На той же подводѣ, на которой привезется риба и рижики, я пришлю тебѣ пшеницы, ибо по нуждѣ подводъ и такъ же по бездорожью я не моглъ по сю по пору прислать тебѣ оной. Присланная отъ Александры Павловны зилная (?) водка, за которую я прежде и теперъ благодарю, сошла, и ежели еще есть оная, прошу прислать. Податель сего коллежской регистраторъ Тимофей Ивановичъ Глинской, по окончанія щота при семъ отъ меня отправленъ въ Черниговъ, чрезъ которого посылаю тебѣ коверъ болшой покойной матушки твоей, а другой поменше того, оставленъ здесь. И также при немъ отправленъ къ тебѣ служитель твой Степанъ Чорноштаненко, которой было отъ тебя бѣжалъ, а послѣ самъ возвратился, и пришолъ въ хуторъ, коего ты можешъ опредѣлить попрежнему на конюшню, а мнѣ онъ не подобенъ. Здѣсь ему новые сапоги и рубашка одна пошиты. Мнѣ весма потребенъ человѣкъ, которого бъ моглъ я опредѣлить къ Рашевскимъ мелницамъ мѣрнымъ, для приему розмѣрового хлѣба и смотренія мелницъ. Антинъ Крупянниковъ сказывалъ мнѣ, что къ такой должности способенъ мужикъ Радковскій Алексѣй Пучинецъ, которой прежде былъ въ Любичѣ при Покровской церкви паламаремъ, а нынѣ живетъ онъ въ Любичѣ; для того пришли его ко мнѣ зъ женою и дѣтли, ибо тебѣ въ немъ тамъ нужды никакой нѣтъ. Я предъ симъ писалъ къ тебѣ, чтобы ты прислалъ ко мнѣ мужиковъ пѣшихъ молотниковъ для молотбы моего хлѣба 12-ти человѣкъ съ одними цѣпами, которые всегда ходятъ въ чужие стороны для заработку хлѣба; я же особливо, имѣя нужду въ соломѣ для корму въ нынѣшней зимѣ скота, чтобы скорѣе перемолотить, и корму приготовить, то и пришли мнѣ сихъ людей, кои и здѣсь могутъ заробить себѣ хлѣба, ибо я даю своимъ, такъ какъ и чужие люди, здѣсь получаютъ на вымолотъ семой четверычокъ хлѣба. При семъ прилагаю писма, одно къ преосвященному, а другое къ Ивану Михайловичу Енке [1]) и притомъ посылаю подлѣжащие ему зъ мена по присланному щету денги всего 11 руб. 96 коп. въ 10-ть рублей осигнаціею въ писмѣ запечатанные к нему Енке, а послѣдной мѣдною монетой 1 р. 96 коп. поручены Маковцу, которое писмо, равно и денги принявши у Маковца, отправъ чрезъ моего человѣка. Прошедшей зимы, едучи я съ Чернигова въ Гамалѣевку на колесахъ, всѣ свои сани оставилъ въ Черниговѣ, въ приезжомъ домѣ, именно:

---

[1]) Т. е. Енкѣ.

одни покрытые кожею, подложенные краснымъ сукномъ, съ кожанымъ хвартухомъ, съ оглоблями и зъ двумя пристяжками вѣровчаными, обшитыми кожею, другие покритые кожею жъ съ фартухомъ и подложеные въ срединѣ пестрою [1]) и такъ же съ оглоблями и изъ двумя пристяжками, коноплянымы, вѣровчаными, да три кибитки, покрытые ценовками, съ оглоблями, которые всѣ отданы въ Черниговѣ въ смотрѣніе Семену Шапочнику и поставлены въ сараѣ, а шестые сани городские, съ оглоблями, обшитые краснымъ сукномъ, съ подушкою. И какъ я здѣсь саней для поѣздки санною дорогою вовсе не имѣю и ничемъ крайнѣ выехать, для того пришли ко мнѣ вышепомянутые пять саней, а шестые сани городские оставь у себя для ѣзды тебѣ въ Черниговѣ. Подводы тѣ, кои привезутъ сани сюда могутъ привести тебѣ отсель овесъ, покупаемый въ Лофицѣ почталиономъ Анастасьевымъ. Давно я послалъ часы мои столовые въ Черниговъ часовому мастеру для починки, но толко оныхъ и по нынѣ не получилъ, ни звѣстия объ нихъ не имѣю; такъ же и карманные часы я послалъ черезъ тебя, то и сихъ понынѣ нѣтъ; для того оные обое часы пришли ко мнѣ чрезъ сего мужика, которой Глинского отсель отвезъ, и вели ихъ завернувши хорошо въ лубяную коробку ту, въ которой отъ меня оные отправлены, а коробку связать и запечатать. Такъ же посылаю въ коробкѣ еще одни часы зазюлю [2]) въ которыхъ зделалась небольшая порча непорядочно кричитъ; то и сіи часы отдай мастеру и попроси, чтобы онъ заразъ починилъ, и что ему за труда надлѣжитъ, заплати на мой щотъ, ибо здѣсь некому вовсе отдать починитъ; безъ часовъ же въ деревнѣ весма худо; и за починкою пришли оные ко мнѣ безъ замедлѣнія. Жителствующая въ Черниговѣ прачка Катерина Василѣвская пишетъ ко мнѣ, что за обученіе учившейся у нея девки Агафіи, которая отдана Александрѣ Павловнѣ, по договору моему съ нею, не получила она муки житной 5 четверичковъ, крупъ гречанныхъ 2 четверичковъ, сала свиного и соли по одному пуду, да олеи конопляной 1 ведро, а какъ она того подлѣно отъ меня не получила, то и надлежитъ ей отдать показанную провизію, ибо она будучи бѣдна, единственно зъ своихъ трудовъ пропитаніе имѣетъ, то и прикажи сію провизію отдать ей. Еще я имѣю немалую нужду для дворового расходу въ добромъ догтю, то прикажи мужику Семену Масановцю купить на мой щотъ догтю доброго хорошого одну бочку

---

[1]) Полотно, крашеное узорами.

[2]) Вѣроятно—съ зозулею, т. е. съ кукушкою.

въ 20 вед. и такъ же прикажи изъ Любецкого рибного стану собираемого рибного рижу (икра?) прислать мнѣ одно вѣдро, ибо и оной здѣсь мнѣ потребенъ. Пріятеля моего и духовного отца протопопы Кошаревского сынъ почмейстеръ Роменской подалъ тебѣ въ почтамтъ прошеніе о прибавки ему, по представленнымъ резонамъ, жалованья и проситъ, чтобъ представлено было о семъ въ главное почтовыхъ дѣлъ правленіе, для того не оставъ, пожалуй, учинить сего представленія, а тамо въ Петербургѣ братъ его находящейся о семъ же, кого надобно попроситъ. Въ прочемъ пребываю... 30 ноября, 1790 года. Гамалѣевка.

9. Любезній сину мой Григорій! Писмо твое отъ 20-го числа сего мѣсяца, чрезъ Звонка, съ приложеніемъ при ономъ разныхъ бумагъ въ связкахъ, имяно: въ 1, апеляціонное прошеніе и при немъ чистой гербовой листъ бумаги, для подпису моего на бланкетѣ и для написанія на ономъ вѣрующаго листа, я получилъ сего декабря 23 числа, сполдня въ 9 часу, и оное апеляціонное прошеніе за подписомъ моимъ, такъ же гербовой бумаги чистой листъ, для написанія на ономъ вѣрующого листа, за подписомъ же и печатью, при семъ прилагаю; а Звонка безъ и малѣйшаго замедлѣнія я зъ симъ писмомъ отправилъ къ тебѣ на другой день, тоесть 24 числа рано, дабы онъ къ тебѣ моглъ пріехать самоскорѣйше. Ты же старайся, какъ можно скорѣе отправить оную апеляцію въ С.Петербургъ надлѣжащимъ порядкомъ, ибо кончится указной срокъ апеляціи будущого 1791 года, генваря 31-го числа, и дабы, не дай Богъ, непотерять сроку. А чрезъ кого и какимъ порядкомъ подавать оную, то ты поступи, такъ какъ самъ знаешъ, посовѣтовавшись съ приятелями, ибо я таковыхъ подачъ не подавалъ и знать не могу, а потомъ пиши къ господамъ съ прошеніемъ—графу Александру Андреевичу, Петру Васильевичу (Завадовскому) и Осипу Степановичу Суденкову, и къ господину Трощинскому, чтобы они учинили милость въспомоществованіе, дабы оная апеляція послѣ подачи приняла надлежащее свое дѣйствіе; чтожъ касается до другихъ двухъ связокъ бумагъ, одной касающейся до иску Лашкевичового и апеляціи на Сосницкой уездной судъ, а другой по дѣлу, находящемуся въ верхнемъ земскомъ судѣ съ тещею моею и братомъ ея Фидиркевичемъ, за учиненное мнѣ безчестіе, то я оныхъ бумагъ и за скорымъ отправленіемъ Звонка, не моглъ разъсмотрѣть и прочитать, а послѣ разъсмотревши, о чемъ надлѣжитъ къ тебѣ писать буду чрезъ почту. Касателно жъ до купца, которой хотитъ покупать у тебя мачтовое древо, о чемъ мнѣ сказывалъ Звонокъ словесно, то вся

сила въ томъ состоитъ, чтобъ въ вырубкѣ мачтового дерева не было отнюдь никакого браку, ибо я преже сего, незнавши силы въ продажѣ мачтоваго дерева, по вырубкѣ оного получилъ великій убытокъ, да и того, что послѣ вырубки явилось 21 дерево неспособное на машты, которе я по договору принялъ себѣ, а за вырубку зъ каждого дерева получилъ толко по 1 рублю; а договоръ надобно дѣлать непремѣнно таковъ, чтобы никакого браку не было, а сколко дерева порубитъ мачтового, годное ли оное будетъ или негодное на мачты, долженъ онъ за всякое заплатить по договоренной цѣнѣ, и сколко мачтового дерева по вырубкѣ такъ и при вывозкѣ оного съ пущи испортитъ и поламаетъ протчего разного дерева числомъ, долженъ онъ заплатить за каждое дерево по рублю, и тое испорченное и поломленное дерево должно оставаться при тебѣ, и если контрактъ надлѣжитъ дѣлать урядовой, а покупщикъ мачтового древа, ежели онъ покупаетъ не собственно отъ себя, но имѣетъ на то повѣреніе отъ кого либо, то долженъ оное имѣть токже урядовое и вѣроятное свидѣтелство, а до вырубки дерева долженъ онъ дать тебѣ въ задатокъ третую часть или половину; послѣдние же денги повиненъ онъ отдать по вырубкѣ всего дерева, которое рубить долженъ онъ при твоемъ повѣренномъ, дабы лишняго дерева сверхъ договору не моглъ вырубить. Какъ скоро будетъ санная дорога, я бы весма былъ радъ, чтобы Иванъ Якимовичъ пожаловалъ приехать ко мнѣ съ тобою, на малое время. Притомъ пребываю... 23 декабря, 1790 г. Гамалѣевка.

10. Любезній сину мой Григорій! Послѣ отъправленія къ тебѣ Звонка, читалъ я отводъ, поданной отъ стороны твоей чрезъ повѣреннаго въ Черниговской уездной судъ по иску Лашкевичевому, въ которомъ усмотрѣлъ я, что пропущено сказать во ономъ два пункта: первый, что я нынѣшнюю жену Лашкевичеву, бывшую еще въ дѣвкахъ, въ Смячѣ, предъ тимъ временемъ, когда она отъ меня ушла и спряталась, приглашалъ, дабы она пріездила ко мнѣ и матернимъ имѣніемъ раздѣлилась съ тобою при бытности моей, а послѣ того въ скорѣ и ты къ ней писалъ, чтобы она пріездила ко мнѣ для разъдѣлу между вами онаго имѣнія, но она ни на мое приглашеніе, ни на твое писмо не согласилась и пріехать поупрямилась и не захотѣла; а потомъ въ уездномъ Сосницкомъ судѣ меня обжаловала, противъ совѣсти своей, будто-бы я ради покорыстованія имѣніемъ, не отдавалъ оного въ разделъ, вовсѣ ненадлѣжаще и несправедливо и въ томъ я возялся на мою совѣсть; второй, въ вѣновномъ листу, при женитьбѣ моей на умершей твоей матери, написалъ я, что послѣ

роздѣлу имѣніемъ моимъ отческимъ съ братьями моими родными, записую или уступаю третую часть за вино; которого нынѣ весма домагается Лашкевичъ, какъ изъ доказательства его видно, что того третой части имѣется за жизни жены моей, а твоей матери, и по смерти ея, какъ написано въ вѣновномъ листу послѣ раздѣла оного съ братіями моими, я не выдѣлялъ и женѣ моей не отдавалъ, и она не потребовала по смертъ свою и по смерти ея никто другой, чему уже прошло болше двадцати лѣтъ, то есть двухъ давностей земскихъ, а послѣ узаконеній никакой важности и силы оной вѣновной записъ не имѣетъ чрезъ потерянне права; и сіи оба пункта написаны были въ отводѣ моемъ, который писанъ въ Батуринѣ извѣстнымъ тебѣ человѣкомъ, и весма напрасно пропущены ибо оные имѣютъ свою силу и нужно потребны для написанія въ отводѣ, и какъ немалая важность дѣла состоитъ въ уничтоженіи Сосницкого уездного суда опредѣленія о выходѣ въ замужество, которое учинено въ непринадлежащемъ до ихъ суда въ силѣ высочайшого учрежденія мѣстѣ, и безъ моего отвѣта, о чемъ обстоятелно въ прошеніи моемъ, поданномъ въ Новгородскосѣверское намѣстническое правленіе, показано, то ты всѣми силами старайся и проси въ гражданской тамошнѣй палатѣ, дабы верхняго земскаго Новгородъсѣверского суда рѣшеніе было опровержено, яко незаконо и пристрастно учиненое на великую мнѣ обиду и по важности сего дѣла непремѣнно самъ поезжай и проси ни на кого не полагаясь и проси, кого ты самъ знаешъ, особливо же Ивана Яковлевича, которой знаетъ обстоятелно всю мою тяжкую обиду. Еще я писалъ тебѣ и Ивану Михайловичу Енкѣ, отъ 3-го минувшого декабря, чрезъ почту, о покупкѣ для надобности церковной золотой сѣтки въ 32 аршина и присылкѣ оной ко мнѣ черезъ почту жъ, но толко и по нынѣ ни сѣтки, ни извѣстія объ оной неимѣю. Для того вторично прилагаю при семъ къ Ивану Михайловичу писмо о покупкѣ той сѣтки, которую получивши отъ Ивана Михайловича, пришли безъ замедлѣнія ко мнѣ. Да еще писалъ я чрезъ Звонка къ тебѣ о присылкѣ калѣндаря московского или петербургского на сей годъ, въ которомъ я нужду имѣю, и здѣсъ оного достатъ и купитъ вовсе нигдѣ, то такой калѣндарь пришли такъже. Притомъ (на?) наступившей сей новый годъ зъ усердія моего желаю тебѣ, съ женою и дѣтми, да благословитъ Богъ во всякомъ здравіи и благополучіи провождать и пребывать... Генваря 3 дня, 1791 года. Гамалѣевка.

11. Любезній сыну мой Григорій! За приездомъ твоимъ изъ Петербурга, получилъ я писмо отъ его сіятелства графа Александра Андреевича, также отъ братца Андрея Степановича и отъ тебе, сего сентября 28-го числа, будучи въ хуторѣ, чрезъ г. Самойловского. Касателно до примѣренія въ дѣлахъ съ дочерью моею, съ тещою и братомъ ея Фидиркевичемъ по совѣту его сіятелства равно и братца Андрея Степановича, я принужденъ согласится въ разсужденіи разныхъ обстоятелствъ и затруднѣній, для того и присланные отъ тебя двѣ прошеніи, одно въ правителствующій сенатъ съ вѣрующимъ листомъ, а другое въ уездній Городницкій судъ, съ вѣрующимъ же открытимъ листомъ, на имя Андрея Степановича, а особо тѣхъ вѣрующій-же отъкритій листъ по дѣламъ съ тещою моею и братомъ ея Фридиркевичемъ, на имя жъ Андрея Степановича, которія всѣ приложенія я подписалъ и при семъ чрезъ его жъ г. Самойловского къ тебѣ посилаются, но притомъ совѣтую тебѣ роздѣлку учинить на томъ основаніо и такъ точно, какъ прежде сего до начатия споровъ и тяжебъ положено было и тебѣ есть извѣстно зъ согласіемъ всѣхъ сторонъ, то есть бабы твоей, сестри, Николая Михайловича Стороженка и твоего, и въ томъ писменное условие учинено за подписомъ и печатью всѣхъ васъ, именно жъ, чтобъ имѣніе матери твоей оставалось за тобой все, такъ какъ я въ опекѣ содержалъ, а сверхъ того деревню Полуботки отъдать тебѣ въ разъсужденіи тамошняго хлѣбопашества, которого въ волости Любецкой не имѣется, къ тому жъ оная деревня близъ города Чернигова для тебя способная; сестрѣ же твоей вмѣсто того отъдать деревнѣ и съ протчіими угодіями изъ числа немалого имѣнія, которымъ владѣетъ баба твоя, напротивъ же того въ ономъ тебѣ участія не имѣть кромѣ деревни Полуботокъ; о чемъ я такъже писалъ къ братцу Андрею Степановичу, а о семъ я тебѣ для того пишу, что ежели ты согласисся мѣстечко Любечъ дѣлится пополамъ, то посему будетъ всегдашніе разные споры, жалобы, а отъ того и безпокойства, то черезъ прикажчиковъ, то черезъ людей, когда будетъ въ ономъ два владѣлца, что я дѣйствительно примѣтилъ въ многихъ владѣніяхъ, и не будешъ имѣть покоя никогда, а зъ нынѣшними владѣлцами особливо же. О минкахъ споръ разрѣшится, какъ скоро рѣшится дѣло въ сенатѣ по апеляціи моей и будешъ спокоенъ, а хлѣбопашество будешъ имѣть въ Полуботкахъ въ прибавокъ къ Любецкому хлѣбопашеству, какое тамъ имѣется и будешъ доволенъ для того, что какое бы хлѣбопашество ни было не можно обойтится безъ покупки хлѣба для винокуренія. Притомъ будь весма остороженъ при

подачи мировой прозьбы въ Городоницкій уездный судъ, смотры прилѣжно, чтобъ всѣ обстоятелства и отъ всѣхъ сторонъ въ мировыхъ здѣлкахъ написаны были, и особливо отъ дочери моей, чтобы она во всемъ признаваласъ покаяніемъ также отъ тещи и Фридиркевича, ибо со стороны моей ничего не пропущено и весма изъяснено все къ пользѣ ихъ и сіи мировіе здѣлки тогда подать, когда дочь моя, теща и Фридиркевичъ подадуть отъ себя мировіе-жъ, а не прежде, ибо я не вѣрю, знавши доволно Фридиркевича и тещу, а послѣ того и въ Пѣтербургѣ къ подачи въ сенатъ отправить можешъ, что все обяви также Андрею Степановичу. Въ протчемъ пребываю... Сентября 28 дня, 1791 г. Гамалѣевка.

Какъ въ мировыхъ прошеніяхъ написано о раздѣлѣ имѣнія только того, которое по матери вашей наслѣдственно принадлежитъ, для того пилнуй ты сего, чтобъ объ моемъ всемъ имѣніи никакого упоминку ни малѣйше не было, при подачи мировыхъ отъ обоихъ сторонъ, ибо я о семъ ни почему и ни для чево никогда не соглашуся и не согласенъ. За присланный шнуровъ съ кисточками также и пугвицы присемъ посылаю шмуклиру пять рублей денегъ.

12. Любезный сыну мой Григорій! Писмо твое минувшого марта отъ 20-го, съ Чернигова, я того жъ марта 28-го числа, получилъ съ приложеніемъ копій съ учиненной бабою твоею духовной на недвижимое имѣніе ею владѣемое и усмотрелъ, какъ она по фальшивой и безъзаконной уступки онымъ имѣніемъ ненадлежаще владѣла и владѣетъ такимъ порядкомъ и духовной своею росписала, съ совѣтомъ единоутробного братца своего, ни Бога, ни души, ни совѣсти не имущого, злого человѣка, вовси беззаконно и съ великою тебѣ обидою. Вомѣсто того, что баба твоя съ своими братцами и родственниками похитивши чужое добро, которое она разорила, а доходами ползовалися братья еѣ и родственники, слѣдовало бы ей лишится безъзаконного своего влалѣнія, то напротивъ того она тебя лишила, законного наслѣдника Полуботковому имѣнію, безъстыднымъ и безъсовѣстнымъ образомъ угождая злобѣ брата своего, за то единственно, что оны не моглы тебя възбунтоватъ востаты противъ отца своего, такъ какъ учинила твоя сестра, и что ты вступаешся и помогаешъ въ тажкой и несносной учиненной отъ ныхъ отцу твоему обидѣ. Сіи всѣ и протчіе обстоятелства, основанные и послѣдовавшіе протывъ закона божественного и гражданского, не могутъ устоятъ на своей неправдѣ, но за помощію сердцевидца Бога праведнымъ судомъ будутъ разрѣшенны и опровержены. И такъ ты нынѣ неоспоримо законный и

справедливый резонъ имѣешъ вступится за себя противъ воставшихъ на тебя и на востающихъ на тебя! Господь Богъ да будетъ помощникъ и поборникъ, всегда и всегда. Аминь. Теперъ тебѣ надобно заразъ, неупуская ни малѣйшого времени, помолясь Богу, съ его помощію, подать искъ на свою бабу съ опроверженіемъ извѣстной тебѣ уступки и надобно заразъ ехать у Батуринъ къ извѣстному тебѣ человѣку, показать ему уступку и всѣ обстоятельства и фалшивости, до нея принадлежащія и словесно поговорить также показать ему и духовную бабой твоею учиненную и просить у его совѣта и наставленія, и чтобы написалъ исковую жалобу, которую съ совѣтомъ также другихъ твоихъ пріятелей подать въ уѣздный судъ, однакъ не въ Городницкій, но въ Черниговскій, ибо въ Городницкомъ судѣ судья корнетъ Яковъ Лизогубъ, съ которимъ я имѣлъ за Гунковку дѣло, а сверхъ того и мало знающій законовъ и судного порядку, а засѣдатель Лисенко дурной совѣсти человѣкъ; въ уездномъ же Черниговскомъ судѣ будетъ тебѣ способнѣе, и имѣніе находится, о которомъ какъ слѣдуетъ. У меня же какія бумаги были и примѣчанія, какихъ ты нынѣ требуешъ въ разсужденіи подложной уступки, то я всѣ тебѣ отдалъ въ бытность твою у меня у Гамалѣевки; а нынѣ при семъ прилагаю давно выписанные права изъ статута и уложенія, а притомъ спросися у гражданской палатѣ гдѣ находится подлинное дѣло въ оной бывшее и рѣшенное съ расколниками; въ томъ дѣлѣ имѣется подлѣнная выписъ, данная мнѣ исъ духовной Черниговской дикастеріи въ минувшемъ 786 году, ноября 2 дня, въ которой написано, когда твоя матушка замужъ вышла и умерла, съ которой попроситъ справочной копіи, гдѣ видное доказателство, что она давности десятолѣтной объ отисканіи наслѣдственного еѣ имѣнія, по виходѣ замужъ по смерть не промолчала. До выходу же въ замужье никакимъ образомъ будучи дѣвицею искать не могла: потому что она была въ родной своей матери въ опеки, въ которой она и въ власти и въ домѣ еѣ жила. Сіе примѣчаніе тебѣ весма нужное, что противная сторона будетъ всячески защищать уступку, кромѣ протчихъ всѣхъ несправливыхъ своихъ резономъ, и давностію земскою, и сей резонъ они имѣютъ наиважнѣйшимъ, которой они доказать не могутъ. Чтожъ касается до тебя, то ты родился въ 1765 году, генваря 28-го числа, въ наукахъ былъ, съ проѣздомъ въ чужой землѣ, чрезъ восемъ лѣтъ и по сылѣ имяного указа отъ совершеннолѣтства своего и за исключеніемъ по статутовому праву восьми лѣтъ бытности твоей у наукахъ, давности земской десятилѣтней ты не потерялъ, о чемъ всемъ ты можешъ раз-

смотрѣть и съ совѣтомъ своихъ пріятелей. При семъ прилагаю тебѣ для всякого случая и надобности подлѣнный пашпортъ фельдмаршала графа Румянцова Задунайского, данный тебѣ на отъездъ въ Кенизберхъ, 1778-го года марта 20-го числа, по которому ты отъехалъ того жъ году мая 18-го числа исъ Боровичъ. И какъ скоро подаси искъ, то тотчасъ увѣдомъ меня, а ежели между тѣмъ будешъ имѣтъ время, чтобъ пріехатъ ко мнѣ на малое время повидатся, то бы весма было хорошо. Что касается до отправленія жеребцовъ у Бучки и о тамошне припускѣ, о которомъ я писалъ съ наставленіемъ до тамошняго прикажчика Калѣновскаго, то о семъ тебѣ обстоятелно скажетъ словесно Николай Звонокъ; жеребцовъ же я отправилъ у Бучки двохъ: вороного Яничара и гнѣдого Арнаута, а Глаза не посылалъ по причинѣ извѣстной тебѣ его болѣзны, по которой хотя бы и не хотѣлъ, однакъ намѣренъ продать. Въ протчемъ пребываю.... 2 апрыля, 1791 года. С. Гамалѣевка.

Письма къ Григорію Петровичу Милорадовичу.

13. М. г. мой Григорій Петровичъ! *(Д. Трощинскаго).*

Худое состояніе здоровья моего, въ которомъ я нахожусь съ іюля мѣсяца, вытерпѣвъ между тѣмъ тринадцать уже самыхъ мучителнѣйшихъ операцій, причиною, что я долго не писалъ къ вамъ и на многіе ваши письма не отвѣчалъ. Теперь хотя, также еще нездоровъ и лежа въ постелѣ принужденъ писать, однакожъ не хотѣлъ оставить, чтобъ не принесть вамъ искреннѣйшія благодарности, во первыхъ, за дружеское стараніе къ полезному окончанію извѣстнаго моего дѣла; а во вторыхъ, за участіе, пріемлемое вами по случаю перемѣны чина моего. Дай Богъ, чтобъ я тѣмъ и васъ вскорѣ поздравить имѣлъ удовольствіе. Въ разсужденіи пособія надобностямъ почтамта, вами управляемаго, я всевозможно прилагаю стараніе выполнять представленія ваши, такъ какъ въ числѣ оныхъ и о прибавкѣ чинамъ онаго жалованья. Тутъ включенъ одинъ регистраторъ Кодацкой, который есть подноситель сего письма, и я рекомендую его въ вашу милость, желая чтобъ со временемъ могъ онъ гдѣ либо заступить мѣсто почтмейстера, когда къ дѣламъ навычку здѣлаетъ. Болѣе писать слабость здоровія воспрещаетъ. Прощайте! желаю вамъ всякаго благополучія и пребываю съ нелестною дружбою и искреннимъ почтеніемъ вашъ покорный слуга Дмитрій Трощинскій. P. S. Обѣщаніе ваше въ раз-

сужденія извѣстнаго реестра вещей—предано забвенію, хотя вы и въ самомъ первомъ ко мнѣ письмѣ оно подтвердили. Октября 29, 1790 г. С.-Пб.

14. М. г. мой Григорій Петровичъ! *(Д. Трощинскаго).*

Несравнено пріятнѣе мнѣ было отвѣчать на всѣ дружескіе письма ваши порознь, такъ такъ я ихъ отъ васъ получаю, нежели извиняться, отвѣчая вдругъ на многія; и извиненіе предъ другимъ было бы для меня затруднительнѣе, но вы, м. г. мой, довольно зная мое обыкновенное положеніе и прибавя къ тому еще настоящія здѣшнія обстоятельствы, тѣмъ удобнѣе можете меня оправдать.

Я начну непріятною для васъ матеріею, т. е. по дѣлу вашему съ Силичемъ въ сенатѣ; оно еще въ бытность вашу здѣсь испорчено было до такой степени, что по употребленіи всѣхъ возможныхъ отъ меня испытаній, кажется уже вовси нельзя его исправить, ни перемѣнить здѣланнаго въ пользу соперника вашего приговора, кромѣ того, что на нѣкоторое время удержится его исполненіе; и въ семъ только одномъ и состоять будетъ возможное содѣйствіе къ пользѣ вашей; о чемъ я по усердію къ вамъ сердечно сожалѣю.

Принимая сладкую посылку вашу, за знакъ дружескаго о мнѣ незабвенія, я сугубо васъ благодарю за благосклонность вашу къ Ильѣ Ивановичу Бажанову, радуясь искренно, что вы нашли его достойнымъ оныя—и для исполненія благонамѣреннаго расположенія вашего къ нему и ко всѣмъ достойнослужащимъ подъ вашимъ начальствомъ. Весьма хорошо вы сдѣлаетѣ, представля правленію о прибавкѣ имъ жалованья, чему я со стороны своей всемѣрно содѣйствовать стану, будучи весьма согласенъ съ мыслями вашими и увѣренъ опытомъ, что безъ ободренія и самое горячее усердіе протываетъ, и способности увядая, становятся безполезными.

Судя по сущности справедливыхъ дѣлъ, кажется и ненужны бы иныя посредства, кромѣ должности судящихъ разсмотрѣтъ его и защитить истину, но пристрастіе мыслитъ и дѣйствуетъ инако; есть ли бы я увѣренъ былъ въ сумнѣніи своего дѣла, находящагося въ тамошней гражданской палатѣ, то признаюсь вамъ, что цѣною неправды выиграть его не желалъ бы; я однакожъ понимаю, съ чувствительнѣйшей благодарностію, дружеское ваше попеченіе къ пользѣ моей и предложеніе ходатайства вашего о немъ. Не говоря вамъ столько о дѣлахъ, кои можетъ быть и никогда получены не будутъ, нельзя не сказать чего нибудь о тѣхъ, кои насъ иногда забавляли. Игра, составлявшая часто наше пріятное времяпровожденіе, перервалась почти

совсѣмъ послѣ отъѣзда вашего, и артельщики наши, потерявши въ васъ главнаго приводцу, занимаются въ празности иными должностями: Обрѣзковъ и Ширай, подобно турецкимъ святошамъ, вертятся и при недостаткѣ бубенцовъ, играютъ одними палочками; Карлъ Ратъ, погребшій великія свои надежды на мавзолей цесарей, отчаевается навсегда видѣть ихъ возродиться могущими когда либо въ примѣрной бережливости Богемской и Венгерской; и дачи на щетъ императора, можетъ быть уже и останутся на щетъ только тѣхъ, у кого они написаны. Кукушкину одному только, какъ кажется, щастье присягнуло служить даже до тѣхъ поръ, пока свернетъ ему голову, великъ и въ великомъ свѣтѣ обыгриваетъ всѣхъ въ великія игры. Николай Петровичъ по прежнему вздыхаетъ, тлѣетъ, чернѣетъ и кажется ненаходитъ пріятнѣе смерти, какъ сгорѣть любовнымъ пламямъ. Иванъ Николаевичъ всіо по старому нахохливается и тонируетъ. Комаскино, не нашедши ни въ Италіи, ни во всякой другой благорастворенной землѣ, здоровѣйшаго для себя воздуху, пріѣхалъ назадъ, чтобы не умереть гдѣ нибудь съ голоду: визжитъ прескареднымъ сопрано: о *dio! benedetto dio, на все цвету не такъ земля какъ на Руссія.*—Я въ свободное время скучаю и воспоминая объ васъ, сожалѣю тѣмъ болѣ, что приближается время жить въ Царскомъ Селѣ или на дачѣ, гдѣ вы знаете, что для меня не очень весело. Я увеселяюсь однакожъ пріобрѣтеніемъ благорасположительнаго дружества вашего ко мнѣ, пребывая всегда съ петинымъ къ вамъ почтеніемъ и искреннѣйшею приверженностію, вамъ, м. г. мой, вѣрно покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій. въ С.П.Бургѣ. Апрѣля 18-го, 1790 года.

P. S. Препровождаю при семъ къ вамъ письмо отъ Виктора Павловича (Кочубея). Оно старо, понеже пущено еще до путешествія, которое любопытство побудило его предпріять во Францію и Нидерланды. Изъ обѣихъ сихъ мѣсть получилъ я отъ него весьма примѣчательныя описанія; но что онъ возвратился уже въ Лондонъ, не имѣю еще извѣстія. Между тѣмъ, есть ли вы желаете переписываться съ нимъ, я удовольствомъ представляю себя на услуги вѣрнаго имъ доставленія. Вчера имѣлъ я честь получить послѣднее письмо ваше отъ 2-го сего мѣсяца. Мѣры, кои вы приняли для испытанія своихъ почтмейстеровъ, конечно, оправдаютъ всегдашнее мое заключеніе, что при вѣрномъ отправленіи должностей ихъ и при строгомъ затѣмъ наблюденіи почтамта, доходъ тамошнихъ почтовыхъ конторъ гораздо возвысится и по крайней мѣрѣ будетъ достаточенъ на содержаніе ихъ съ выгоднѣйшими предъ нынѣшнимъ положеніями. Ежелибъ вы

удѣлили еще нѣсколько времени, чтобъ самолично освидѣтельствовать каждаго порядокъ управленія и способности ихъ, то сіе наипаче на пользу дѣлу послужило бы. Прощайте! извините, гдѣ чужою рукой пишу къ вамъ: собственная хотя не отсохла, но часто чувствуя усталь, отказывается отъ повиновенія. Ut in litteris Трощинскій.

15. М. Г. мой Григорій Петровичъ. (*Д. Трощинскаго*).

По причинѣ приключившейся мнѣ болѣзни, я принужденъ былъ прожить въ здѣшнихъ мѣстахъ, гораздо болѣе, нежели чаялъ, какъ получа малое облегченіе, спѣшу къ своему мѣсту, препоручая себя дружеской вашей памяти и прося продолжать ко мнѣ то благорасположеніе, которымъ я всегда имѣлъ удовольствіе отъ васъ пользоваться.—Ежели до васъ относится дѣло, по коему безпокоятся бѣдные сироты Левенцевы, не откажите отъ вашей руки помощи и покровителства по крайней мѣрѣ удержаніемъ разорительнаго для нихъ взысканія до того времени, покуда сіе дѣло, подъ монаршимъ теперъ разсмотрѣніемъ состоящее, получитъ высочайшее рѣшеніе, которое конечно незамедлится. Илья Ивановичъ не здѣлалъ мнѣ по сію пору обѣщаннаго чрезъ васъ отзыва, а я единственно изъ искренняго желанія ему добра намѣренъ былъ стараться объ уволненіи его съ выгодою. Не скрою отъ васъ, любезный другъ, что я часть имъ управляемую нашолъ не въ лучшемъ порядкѣ и что по правиламъ моимъ, вамъ извѣстнымъ, непростительно бы было оставить ея на долго въ нынѣшнемъ состояніи: и честь мѣста, и польза службы требуетъ принять мѣры на приведеніе оной въ лучшее положеніе. Поговорите съ нимъ по сей матеріи еще разъ и не оставте меня безъ извѣщенія о его расположеніи, а мое состоитъ въ томъ, что я всегда былъ и непоколѣбимо пребуду съ искреннимъ къ вамъ почтеніемъ, вашего пр—ва покорный слуга Дмитрій Трощинскій. Въ Сорочинцахъ. Октября 14. 1798.

16. М. г. мой Григорей Петровичъ (*Тутолминой, жены Тимофея Ивановича Тутолмина*).

Отъ всего серца поздравляю васъ съ новорожденнымъ; желаю, чтобъ вы дождали сыны сыновъ ево во всякомъ благополучіи. За присланные конфекты, водки—наипризнательнейше благодарю; все прекрасно зделано; такое множество, что я думала вамъ приплачивать, и вы мнѣ еще остатки присылаете. Посланной вамъ весма добрый человѣкъ, онъ очень піокса і берег[illegible] [illegible] въ совершенной целости, покорно прошу сказать ему за то [illegible] я вамъ скажу нашихъ вестей несколко: что князь Н. В. (Репнинъ) живетъ

живетъ у насъ пятой месяцъ, кажетца я вамъ писала і теперъ въ здешней краю, grace à ne pouvoir, спокойно такъ, какъ подъ Москвой, Прагу взяли, Варшаву взяли, Костюшку взяли і все полскіе затеи кончились; літовской генералъ губернаторъ назначенъ к. Н. В., но еще указу нетъ, а приватные вести. Мы збираемся въ Петербургъ, но также еще не знаемъ, какъ скоро приказано будетъ Тимофею Ів., а я въ деревню поеду и пробуду все то время, покуда онъ будетъ въ Петербургѣ, а тамъ ужъ вместе въ Минскъ возвратимся. Прошу покорно обнять за меня Александру Павловну і поздравить съ новорожденнымъ, і верте, м. г-дрь мой, что я всегда буду съ совершенною преданностію і почтеніемъ ваша верная і покорная слуга С. Тутолмина.

Ілья Андреевичъ три дні ужо какъ въ Несвиже і слава Богу здоровъ.

17). (*Тутолминой*) Отъ 16 сего месяца писмо ваше, м. г-дрь мой, Григорей Петровичъ, я сейчасъ получила. Благодарю васъ за оное і за все дружескіе пожеланіи наипризнательнейше; весма одолжила мене Александра Павловна, припомнивъ сварiть мою любимую ягоду, прошу покорно ж сіе поблагодарить и увѣрить, что я сердечно желаю возобновить старое наше знакомство і удостоверить о искренней моей привязанности. Писмо мое, чрезъ васъ въ Москву посланное, дошло исправно і я ужо ізвестіе імела; теперъ же позволте васъ еще поблагодарiть, что вы не забыли въ семъ удостоверітца Осталось мнѣ попросить васъ, мой любезной благодетель, о зделаніи несколкихъ штофовъ и не менѣе 12 мятной водки для моего Тімофея Івановича. Оставленною вамі мне при отезде вылечила ево отъ спазмовъ, то онъ и положилъ не піть другой, кроме мятной. Вы симъ крайне насъ одолжіте, а мне также прикажіте исполнiть ваши комісіи, кои со всею готовностію ісполнять буду. О здешнихъ новостяхъ скажу вамъ толко сіе, что князь Николай В. уже две недели, какъ суда пріехалъ і жіветъ въ нашемъ доме. Ахъ! когда бъ еще дожила я до сей радости, чтобъ увидеть благодетеля нашево почтеннаго Петра Александровича. Но я уверена, что Богъ меня симъ утешитъ и исполнитъ желаніе серца моего. Поляковъ везде поколачиваютъ. Кнорінгъ по своему обыкновенію воюетъ и еще болѣе, при васъ еще было начало, а теперъ пуще и надѣятца должно, что продолженіе будетъ и впредъ. Прастіте, благодетель мой, обоймите за меня сердечно любезную вашу Александру Павловну, такъжо и дочку вашу, а мне верте оба, что я, покуда продлитца жизнь моя, пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ і признательностію вашею покорнѣйшей слугой С. Тутолмина.

18). *(Тутолминой).* Покорнѣйше благодарю васъ, м. г. мой, Григорей Петровичъ, какъ за дружеское писмо ваше, такъ и за присланную водку и варенье; все оное прекрасно зделано і я вамъ за оное весма обязана і желаю очень, чтобъ сама могла вамъ здѣлать что либо пріятное. О извесномъ вамъ человеке буду просить Тимофея Івановича (Тутолмина) і естли сіе возможно, то онъ, конечно, любя васъ і уважая, не откажетъ здѣлать вамъ сію услугу, а я берусь ему напоминать. Мнѣ весма нужно переслать къ Алексею Филіоновичу Надаржинскому очень надобные для него бумаги, и опасаясь, чтобъ на почте какъ нібудь оные неутратились, то и прошу васъ, любезной другъ, отпісать мнѣ, могу ли я оные доставить къ вамъ и возмете ль вы на себя, чтобъ по полученіи доставить оные къ нему верно, чемъ вы много меня обяжите. Покорнѣйше прошу засвидетельствовать іскреннее усердіе мое Александре Павловнѣ і изъявить признательность мою за попеченіе ея въ исполненіи комисіи моей. Впротчемъ пребуду на всегда съ нелеснымъ почтеніемъ и преданностію, м. г. мой, вашей покорнѣйшей слугою С. Тутолмина.

19 іюля 1794 году. Несвижъ.

При извиненіи себя хлопотами, по случаю пребыванія здесь князя Николая Васильевича паче еще увеличившимися, я ежели не писмомъ, то темъ не менѣе признательнымъ сердцемъ, благодарю васъ, мил—го г—дря моего, за последнее ваше ко мнѣ толико дружеское отношеніе. Верте, что чувствіи приверженности моей къ вамъ есть непреложны и что я самъ и всегда пребуду съ душевною приверженностію вашимъ вернымъ и покорнѣйшимъ слугою. Т. Тутолминъ.

P. S. Андрей Степановичъ, которому приношу мое почтеніе, погрешилъ противъ меня, усумняся въ моей къ себе древней и непременнейшей привязанности и усердіи.

19). *(П. В. Завадовскаго).* М. г. мой Григорій Петровичъ

Вскоре придетъ дѣло въ генеральный судъ по жалобѣ козаковъ Смялицкихъ. Пребывая удостовѣреннымъ о вашей ко мнѣ благосклонности, ищу преклонить ваше вниманіе къ объясненію слѣдующего: покойный мой братъ пріобрѣлъ куплею отъ разныхъ помѣщиковъ, имѣвшихъ свое владѣніе въ Смялчи земли съ крестьянами, а проданная козаками есть толко часть. – Прошу, м. г., при разборѣ дѣла уважить обстоятельство сіе и не разрушить, а подкрепить вашимъ правосудіемъ законное стяженіе. Въ каковой надеждѣ, какъ и съ почтеніемъ искреннимъ пребываю вашего пр—ва покорнѣйшимъ слугою Г. Петръ Завадовскій С. Ляличи. 11 іюня, 1800 г.

IV. ЛЮБЕЦКІЕ АКТЫ.

1. Купчая Лоевскаго войта Семена Дупла на проданную п. Григорію Слободецкому сѣножать. 1637 г., іюня 9.

Я, Семенъ Дупло, войтъ лоевъский, на тотчас намесником бывшимъ от пана Яна Тишевъского, подстаростего лоевъского, сознаваю тым моим листомъ, ижем продал сяножать пану Григореви Слободецъкому за шестъ золотыхъ, абы ему не былъ въ препкодахъ нихто вичными часы, волно мнѣ продать и где мі колвек подеть и на пожитокъ свой обернуть у Вориховицы сеножать тая границею от цемляковъ (ажъ до) Непра ажъ до дуба хорошаго, там же далей до кривого дуба, отъ кривого ажъ до великого дуба, от великого дуба просто до лозы, там же долиною жывцомъ от оцъка знову зас через греду пришла тая сяножать до мое власное, так же уз дубняк пришло до высокого дуба, от Богойка граница ажъ до поповы. Року 1637-го мца липца дня 9. Jako ja nieumieiątny pisma prosiłem dobrego człowieka na imie Bykocza, generała Rzeczyckiego. Boykocz, general rzeczycky ręką swą.

2. Купчій листъ Любецкаго мѣщанина Демида Брагинца на проданные любецкимъ мѣщанамъ Борису Бержновичу и Гришку Кужелевичу комору съ пляцомъ.

Року 1656, месеца сентября 7 дня.

Передо мною Климомъ Шестаченкомъ, наместник от его милости пана Пол на тот час будучим любецким, и передо мною Омеляномъ Татарином, и передо мною Левонгием Бобруеницою, пред мещанами и обывателми любецкими и пред иншими людми на тот час будучих немало, ставши очевисто на имя Демид Брагиниц, также мещанин и обыватель любецкий сознал явно, ясне и доброволне, ани з жадного примушеня толко з доброи воли своей, иж будучи потребный пинязей продалем и пустилем, зрекся на вечност, то ест комору ис пляцом свою власну, никому ни вчим не заведеную ани пенную пану Борису Бержновичу и пану Гришку Кужелевичу мещаном и обывателем любецким посполу, ув одной стени зрублено с Кисниченою коморою, а меновите, за суму куп десят личбы и монѣты литовъской; котороем то вышномененым мищаном волност даю на той коморе вшелякие товари держат и волно им будет также продат и дат, албо и дароват и ку якому хотячи пожиткови своему лѣпшому обернут; а по заплате право скасовано быти не мает, так и сеі лист мает въ собѣ моц зуполную и под закладом таковой же

сумы; нащо для лепшое вири и твердости даю им сес мой купчий лист, то ест доброволный запис с притисненем печати и с подписом руки. Диялося у Любечу року, месеца и дня выш описаного. Климъ Шестаченко н(аместникъ) Л(юбецкий) от его милости пана П(олковника) Чер(ниговскаго) рукою. За устною и очевистою прозбою от особъ вышменованых до (се)го их листу подписуюся на прозбу Івая Попович рукою.

3. Продажный запись любецкаго мѣщанина Ивана Стецкаго на проданные п. Калинику Манку грунта.

Року 1658, месеца июля 18.

Я Иван Стецкий, обевател и земячин любецкий, чыню вѣдомо и зознаваю сим моим продажным и доброволным записом моим кождому кому едно колвек вѣдати того будет потреба, ижем я, яко ведлуг продажы небожчыка славной памяти отца моего пана Стецкого, которой продажи и купли естем во всем досконале и добре свѣдом, яко з воли доброй, пан отец мой, мѣючы кгрунта свои власныи и добра нам належачыи; аже за уподобанемъ и за слушным торгом пана Калиника Манка, который, уподобавши собѣ так поле по межах звычайныхъ, якотеж и иншие добра до того належачыи, взядши границею од Решина идучи шляхом по Кирѣенкову границу и од Кирѣенковы границы взядши идучы у Гриневу дорогу, и з Гриневы узядшы притягла концем знову у Манкову; который то помененый кгрунтъ мый, Стецкий, доброволне продалисмо и уступили зрекшис на вѣчност ему самому, помененому пану Каленику Манку, жоне и потомком его вѣчными часы, который волен будет тот помененый кгрунтъ од нас купленый пан Каленик продат, дат, дароват и пожитки размножат, ведлуг воли и уподобаня своего; а жаден ему в той его купли прешкодою быти не мае, так я сам, жона и потомкови мои, и жаден з покривных, близких и далеких, албо и з людей общих, яко никому пенно, ани заведено, под зарукою вины на уряд любецкий золотых сто, а по заплате тот его купленый од нас кгрунтъ звышпомененый пан Каленик оддаленый бути не мае, так теж и сес лист мает моц зуполную. И на том далисмо сес наш купчий лист с притисненем печати и с подписом руки моей власной. Дѣялос у Любечу, руку, месеця и дня звышписаного.

4. Листъ Яна Стецкаго на проданные любецкому мѣщанину Каленику Манку кгрунты. 1658 г., 27 іюля.

Я, Ян Стецкий, чиню видомо тым листом моимъ и зезнаваю' иж по зейстю (з) свѣта сего, славное памети отца моего, будучи я

видомъ, иж продалъ отецъ мой поле зъ лисомъ из дубровами и зо всими пожитками, того кгрунту належачыми, за копъ двадцать и за чотыри личбы литовское на ймо Каленикови Манкови, мещанинови любецкому, в старостве любецкомъ лежачым, то ест почавши граничит и описана и значит з Манковой границы шляхомъ черниговским, не займуючи поля пана Стецкого, уз лис решинский и з лису решинского у студенец Горасков, (з) студенца узявши до Гриневы дороги из законам граничит, и оттуля у Манкову межу, знову в тотже шлях черниговский, тогды той кгрунтъ належачий служачий до зажываня ест поданый и потвержоный вичными часы, и потомству его пуки стане домоства его, и жаден над той мой лист прешкоды не повинен чинит. Тогды я будучи яко дедич тоей продажи вядомо чиню, з раменя моего даю той лист под вшелякими варуиками и с подписом руки моее, и зезнаваю вичными часы и зрекаюсе, же не естем належачий до того поля. Писан у Любечу месеца июля двадцат семого року тисеча шест сот петдесятъ осмого. Jan Stecky ręką swą (Мѣсто 3-хъ печатей). Лукян Амелянович, войтъ любецкий на тот час будучый подписуюсе рукою власною. Хилко Кгрыщченко, сотник любецкий наказный. рукою. Демидъ Брегиченко, мещанинъ любецкий подписуюсе на тот час будучи рукою власною.

5. Росписка любецкаго земянина Опанаса Евсеевича Щуковскаго на долгъ священнику Пятницкому за пчелъ и жито. 1659 г., 28 декабря.

Я, Опанас Евсеевич Щуковский, земенин любецкий, вызнаваю сим моим писанем, иж зостанем винен господину отцу Пятницкому любецкому за слупно пришлую причину, то ест трое бчол и еще бчолы трое, и соснами, которые духовни лицы наименовали, а четверътыи тылко пчолы и мѣрьку жита, жебы мело быт то без жадное завады, що се дияло при людех зацных и вѣры годных, при пану Мелхру Щуковским, при пану Гаврилу Щуковским, при пану Отроху Игнатовичу и при них зацъных людей немало. Що се дияло въ року 1659, месеця декаврия 28 дня. Феодор Попович рукою власною.

(М. П.)

6. Продажный листъ любецкаго мѣщанина Якима Пресмыченка съ женою на проданные священнику Пятницкому Григорію Пронковичу дворъ и садъ съ огородомъ.

Я, Яким Пресмыченко, посполе з жоною своею, обыватель и мещанин любецкий, чинимо вѣдомо и явно зезнавуем тым нашим

доброволным продажным вечистым листом, иж мѣючи мы двор и сад з огородом свой власный, никому ни в чем не заведенный, ани пенный и ниякимправом, ни долгом не прекопаный, лежачий в мѣсте Любечу, з одное стороны межою од Яска Белоуска, а з другой от Семена Белоуска, прето будучи мы потребны пѣнязей пустилисмо и на вечност зреклися и продали чест(ному) г(оспо)дину отцу Григорию Пронковичу, священнику Пятницкому любецкому, на вѣчные часы, ему самому жонѣ и потомкам его за готовую суму пѣнезей, то ест за копъ пятнадцат грошей личбы литовской; которому волно тот двор з садом и з огородом спокойне уживат и з него вшелякие пожитки мѣть, албо ли кому продат, дат, дароват, иле ку своему большему пожитку оборотит, яко свое власное, до которого не тылко я, вышъменованый Еким, але и жона, и потомкове мои и жаден с покревных моих, яко близких, такъ тежъ и далеких, не мают мѣт до оного двора и огорода з садом жадной потребы и вышъменованого чест(ного) г(оспо)дина отца Григория, так теж жону и потомковъ его в том спокойном уживаню турбоват не повинны. А еслибы хто ине колвекъ смѣлбы и важился оному вышъменованому чест(ному) г(оспо)дину отцу Григорию в том якую колвекъ кривду и перешкоду чинит, любъ теж якъ неслушъне за то на право позыват, таковый кождый заплатит вины на близко приналежачий урядъ нашъ любецкий копъ двадцат, а по заплаченю усих шкод и накладов и тоей помененой вины мает також зостават тот двор и огород з садом при честном господину отцу Григорию. И на том я, вышъменованый Еким, даю оному тот мой продажный вечистый лист, с подписом рукъ и с притисненем печати людей вери годных, на том моем листе нижей подписаныхъ. Писан в Любечу, року 1660. Яко писма неумѣетный до того листу казал руку свою подписат. Яско Стефанович рукою (М. П.) Usnie a oczewisto uproszony pieczętarz od wyszmianowanego Iakima Prosmyczenka, iako samego pisać nieumieiętnego w osobie jego do tego listu ręką swą podpisał. Gabriel Duryna ręką swą. Ісай Мартинович Ланка рукою. Евсей Варкович рукою. Микита Кузмович рукою.

7. Купчій листъ любецкаго козака Тереха Хоменка на проданный любецкому мѣщанину Якову Матюшенку огородъ.

Року 1660 мѣсеца априля 5 дня.

Передо мною Лукяном Омеляновичом, войтом любецъким, ставши очивисто Терох Хоменко, козак любецкий, мишкаючий в маетности любецкой сила, прозываемого Озмикови, зознал явне и доброволне, ани з жадного примусу, тылко з доброй воли моей, ижем я про-

дал огород свой властный, лежачий за брамою нагорнею любецкою берег огорода Скугаревского и берег Злобего огорода, то ест, продаю Якову Матюшенку, обивателю и мещанину любецкому, а меновите: за повчварта золотога, до котораго того пляцю огорода неповинен жадный, ани я сам, ани отец мой, ани с кревных моих, так и общих людей ниякои перешкоды чинити не мают, под зарукою вини на его милости пана полковника кон десят, а на уряд любецкий золотых двадцат. На що я оному задле лѣпшой вѣри и твердости даю сей мой лист купчий, с печатю и с подписом руки урядовой. Писан в Любечу, року и дня вышшей описанного. Лукян Омелянович, войтъ любецкий. Яско Билоуска при том часу был и на то руку подписал. (М. П.)

8. Тестаментъ любецкой обывательки Оксини Корнѣевны Потапихи Кезихи. 1660 г., 12 апрѣля.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа святую живоначалнук и нераздѣлимую Троицу, станьсе тая речъ ку хвале Божой и ку вѣчной памети Аминь. Я раба Божия Оксиня Корнѣевна Потапиха Кезиха, обователка тракту любецкого, чыню явно и зознаваю сим тестаментомъ остатнею волею моею кождому кому будет того вѣдати потреба тепер и на потомные часы, иж будучи я навежона от Господа Бога обложенною хоробою и на смертелной постеле лежачы и видечы себе быти близкое ку смерти, нижли ко животу, наперве́й полѣцаю душу мою в руцѣ Створителю, а тѣло мое грѣшное зят мой, на йме Сила Брехун, мает поховат погребом хрестиянским и вшеляких памети дорочных одправит, як на то ест звычай хрестиянский, которому то звышъреченому зятю моему одказую кгрунтъ свой отчызный добра лежачии у мысох, который небожчик отец мой купил за гроши свои власныи у Мехода Илича Терешецкого, на що и лист купчий на тот кгрунтъ оному помененому зятю моему до рукъ давшы вѣчными часы варуючы, иж бы оному в тых добрах и во вшеляких пожитках кгрунту онаго од сынов моих Тишка и Кондрата, и Тимоха, и Исака жадной перешкоды и ущербку чынит не важилис, але жебы спокойны он то уживал, и волен будет и продат, дат комг, и дароват и иле якъ хотечи ку лѣпшому пожиткови своему оборочат ведлуг и с уподобаня своего. При котором то тестаментѣ були люде добрыи и вѣры годныи мещане любецкии, на йме Миско Чучанъ, Ничипор Щочал и Дмитр Козаченко, Кандрат Кезечко и иншых будучих не мало при писаню сего тестаменту. А хтобы мѣлъ и важился сес мой тестаментъ остатнюю волю мою нарушит, тоды ис таковым суд буду мѣти на

оном страшном судѣ Христовѣ предъ судиою нелицемѣрнымъ. Писан року 1660, мѣсяца апрѣля 12 дня. За устною и очевистою прозбою пана Тимоха Кезенка, яко сам писат неумиетный до того тестаменту подписал руку. Григорей Демидовичъ рукою. (М. П). За устною и очевистою прозбою звышпомененых особъ до того тестаменту подписался. Богдан Корнѣевич рукою.

9. Продажный листъ любецкаго обывателя Омеляна Тарасовича съ женою на проданный ими любецкому священнику Григорію Пронковичу огородъ. 1660 г., 1 мая.

Я Омелян Тарасович, посполе з женою своею Федосею, обывателе любецкие, чинимо вѣдомо и явно зезнавуем тым нашим продажным вечистым листом, ижесмо продали и в моц пустили огород свой власный, бывший Стосаковский, никому ни в чимъ незаведеный и неподлеглый, лежачий з одного боку межою от Богдана Петровича, мещанина любецкого, а з другой стороны от Миска Чучана, то ест чест(ному) г(оспо)дину отцу Григорию Пронковичу, священнику любецкому, ему самому, жонѣ и потомком его на вѣчные часы за конъ десет грошей личбы литовъской, волно оному честному господину отцу Григорию тот плац спокойне уживат, дат, дароват, алболи ку своему доброму пожитку обернуть, яко свое власное; до котораго то вышъменованого огороду, не тылко я сам, Омелян, але и жона моя, и потомкове мои, и жаден с приятелей моих, яко близких, так теж и далних не мае мѣт потребы и ему вышъменованому честному господину отцу Григорию в том жадное турбацыи чинит не важилис. А еслибы, который колвекъ з тых менованых людий смѣлъбы и важился честному господину отцу Григорию в том перешъкодою быт и его в спокойном уживаню турбоват, таквый кождый заплатит вины на уряд любецъкий копъ двадцат, а по заплаченю тоей вины и всих накладовъ и шкод, мает таковым же способом зостават тот огород при честному господину отцу Григорию, и тот лист мой в каждого права и суду цале а ненарушоне хован быти мает. При которой то продажи были люде зацные и вѣры годные мещане любецкие, меновите: панъ Богданъ Петровичъ и Михал Масленко и Тит Жуниченко. Дѣялося в Любечу; року 1660, мѣсеца мая 1 дня (М. П). Usnie a oczewisto uproszony pieczętarz od wysz mianowanego Omeliana Tarosowicza iako samego pisać nieumieiętnego w osobie jego do tego listu rękę swą podpisał. Gabryel Duryna ręką swą. — Устне прошоный до того купъчого листу от вышъ менованого Омеляна Тарасовича, яко неумѣтного писати, при печати руку подъписалъ. Богдан Петрович рукою.—До того листу

купчого устно и очевисто упрошонный о подпис руки, я Лукянъ Омеляновичъ руку свою подписалъ.

10. Продажный листъ Просмыковыхъ дочекъ на проданный Пятницкому священнику Григорію огородъ съ садовиною. Року тепер идучом 1661, мѣсяца априля 24 дня.

Перед нами Гаврилом Василевичом, сотником его царского величества войска Запорожского любецким, и при волн людех зацных и вѣри годных, при том часе будучих, постановив имсе очевисто Просмыковы дочки, меновито менъшая, которая явне очевисто сознала и на вѣчност зреклася пляцу своего то ест з огородомъ и що колвекъ до него належит з садовиною, а будучи потребная пѣнязей продала и на вѣчност пустила и подала чест(ному) господину отцу Григорию свещенику Пятницкому любецкому, за готовую суму пѣнязей, то ест за кон десет грошей личбы литовъской; которому вышъменованому честному господину отцу Григорию, жонѣ и потомкомъ его волно тот садъ ис пляцомъ спокойно уживат, любо продат, дат, дароватъ, иле ку своему болшому пожитку оборотит, яко свое власное: до которого то саду не тылко мы, помененые Просмыковые дочки, але жаденъ с покревныхъ наших, яко близких, такъ тежъ и далнихъ не маютъ мѣть жадной и оного вышейменованого честного господина отца Григория в том его спокойномъ уживаню турбоват не повинны. При которой той купли были люде зацные и вѣры годные, меновите: Тимох Хилченко и Ерошъ Стасенко и Иван Помаз, мещане любецкие. Писан в Любечу, руку, мѣсеца и дня вышей описанного. (М. П). Гавриил Василевич, сотник его царскаго величества войска запорожского любецкий рукою.

11. Тестаментъ лоевскаго мѣщанина Семена Василевича 1667 г., 26 января.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа святей живоначалной Троицы стася тая рѣчъ ку вѣчъной памети. Аминь. Я рабъ Божий Семион Василевич, прозываемый Плющъ, мещанинъ стародавъный и обиватель лоевъский а на сес час, през сию войну мешкаючый в мѣсте его царского пресвѣтлого величеста Чернигове, будучы мнѣ от Господа Бога навежоному хоробою обложъною, а видечи себе юже ближъшаго ку смерти нижъле ку жывоту, зачимъ сес мой тесътаментъ за цѣлого розуму своего и доброе памети, распоряжучы такъ убогое убозство свое, яко и кгрунъты свои отцовский в кгрунъте лоевъскомъ лежачый, кочу што будет; на первей жонѣ моей Анинѣ

Стасовнѣ отказую и отписую и з дочкою моею, з неюжъ сложоною, вес кгрунтъ мой отцевъский у Лоевщинѣ, што сам ходилом, знову зас у (?) атѣевъщине который маю кгрунтъ из Зѣнъковъцами, тамъ мнѣ належит половина того кгрунъту у.....ве, то все отписую вышъменеоной жоне своей, которая мает из дочъкою моею посполом спокойне вжывати, а если доросте лѣтъ своих и пойде в станъ святий малженский, то ей половина во всем том кгрунъте, а жоне моей половина; а если смерътъ Богъ пошлет на дочъку мою, то ввесъ жонѣ моей, которая мает тѣло мое грѣшъное хрестиянскимъ погребомъ поховати и отпоминати. Духовному зас моему отцу Филипу Ивановичу свещенику николскому лоевъскому за все провъсе пуд меду повинна ув осен дати. А што ткнется о долъги, такъ я людем ничого, никому невиненъ, якож и мнѣ не винни. Притом заверяю моим тестаментомъ остатънее воли моея, абы нихто не нарушал под клятвою святых отец и позываю его на декрет пред маестат Божий. При которомъ том спораженю тестаменту моего были люде добрыи и вѣры годныи: капервей Лукъянъ Микитенко мещанин лоевъский. Мартинъ Коновович Бобровник мещанин лоевъский. Апанас Мишкович Лапатневецъ. Пархомъ Гаплыкъ. Сава Семенович Ковал, Иля Микитенко и иньших немало людей добрых и вѣры годных. Писан у Чернигове, року 1667, месеца ианурия 26 дня.

12. Дарственный (?) листъ стародубовскаго протопопа Андрея Грушевскаго любецкому мѣщанину Богдану Шпаку на пляцъ съ огородомъ въ Любечѣ 1669 г., 19 апрѣля.

. . . . . .

. . . . сотником, асаулом и всего рицерства войска его царского пресвѣтълого величества запорожского, и от них будучим на уряде, иж я маючи пляц з (о)городомъ в Любечу за брамою киевъскою стоячий, по небожъчику Яцевичу мнѣ служачый за одправу духовную сорокоуста; которий то пляцъ и огород не ест никому пенный, ани в сумѣ ни от кого незаведенный, тилко я з доброи воли своей даю въмоц пану Богдану Шпаку, обывателю и мешчанину любецкому, приятелеви своему, волно ему на пляцу томъ будоватися и пожитку заживат с того (о)города без нарушеня писаня моего и под срокгим каранем и виною войсковою. Што для лѣпшой вѣри при печати моей руку свою подписую. Дѣялося въ Стародубѣ, року 1669, мѣсеца апрѣля дня 19. Анъдрей Грушевъский протопопа стародубовский.

(М. П).

13. Справа по дѣлу между Михайломъ Тимоховичемъ Белдюжкою и Процкомъ Григоревичемъ Дейковичемъ о кгрунтъ, 1671 г., 28 іюля

Перед нами, Стефаном Войцеховичем, сотником любецким, Петромъ Елоцким, атаманом городовым любецким, Мироном Демиденкомъ, войтомъ любецким, и перед велю людей на тот час будучих, справы добрѣ вѣдомых, приточилас справа межи Михайлом Тимоховичом, прозываемым Белдюжкою, а Процком Григоревичем Дейковичем о кгрунтъ Белдюжковъщизну, которыи през сес час военный в розных завирухах вакуючи в зобополном держаню а не роздѣлно покревные, так отец помененого Михайлы з родною братею маючи, так теж и по них потомству ув оных часах спал, аже поневаж до того часу частка, которая Михайлова по отцы спадат мѣла, которая волна аникому отцем а ни теж им жадным долгом и записом не заведена допоминался у суду нашего, которому помененый Процко збороняет и уживат недопускает и не хочет допустити, менуючи варунок и моц права описаного купчею, который повѣдаючи предали и завили и в моц вечистое поссесыи подали и уживат позволили Пархомъ и Семен Ивановичи Белдюжки, которые якобы ему промежку своими и Михайлову частку заволи. Мы теды чуючи контроверсию стороны поводовой и отпорной пытаемсмо, еслибы хто живый человѣкъ и старожитный о тых кгрунтах небыл свѣдомый? На що звышъпомененый Михайло становилъ двох особъ, мещан зацных и вѣры годных, а тоои справы добре свѣдомых, пана Максима Костамаху и Феодора Бурдука, которые ставши своими особами устне и очевисто перед нами признавали, иж от килкадесят лѣт тот кгрунтъ Белдюжковщизна в зобополном держанъю зоставал и никому ни вчом небыл заведеный, ани описаный, такъ за живота дедичов, яко и по смерти волно зостаючи и до того часу, що теды мы чуючы сознане устное для далшое и лѣпшое вѣдомости и потвержоня оную справу и записат казали. Писан у Любечу року 1671, месеца іюля 28 дня.

14. Декретъ атамана и войта любецкихъ по дѣлу между Михайломъ Тимоховичемъ Белдюкою Мушенкомъ и любецкимъ мѣщаниномъ Процкомъ Дейковичемъ о кгрунтъ Року тепер идучого 1671, месеца августа 7 дня.

Перед нами Петром Елоцким, атаманом городовым любецким, Мироном Демиденкомъ, войтомъ любецкимъ, и при нас будучих инших особъ людей вѣры годныхъ Мартина Естушенка и Кирыла Манка и инных немало будучих, справы добре свѣдомых, приточилас справа

межи Михайлы Тимоховича Белдюги Мушенка обевателя убѣжицкого в трактѣ любецкомъ, а Процка Дейковича мещанина любецкого о кгрунт дедичный, названый Белдюжковщизну, лежачий под Любечом, о част, которую небожчикъ Тимох отецъ помененого Михаля уживал, который мѣючи в зобополном держаню из небожчиком Иваном братом рожоным, так и по смерти не подѣлный Михайлови из братиею Ивановичами Белдюгами по родичах своих спадаючий в поссессыю спал; а же поневаж братя Тимохова Пархом и Семен Ивановичы, будучы потребны пѣнязей, част свою належачую помененого кгрунту, который им по отцы спал, продали, завели и купчею звышменованому пану Процкови Дейковичу завили и в моц вечистое поссесыи подали, уволнившы кроме части Михайловы зоставляючи волно, которая нивчим, никому не пенная, ани заведенáя; которую то част звышменованый Процко, при той своей купленой части, и тую Михайлову зайшол был, хотечи его отдалити и дармо оттерти з его вечистои отчизны, и през лѣтъ кілка нашучи уживал и его недопускал и допустити не хотѣл; за що запозвавшые перед суд нашъ о скуток справы укривжоный просил насъ; мы теды выслухавшы контраверсий стороны поводовой и отпорной, поневаж Михайло становил на тое сторону людей зацных и вѣры годныхъ, пана Максима Костомаху и Феодора Бурдука мещан. . . которыо ставши своима особами сознавали, иж. . . . и в вечистой поссесыи Тимоха и Ивана небожков. . . . зостаючий потомком по них, никому ни в чом незаведеный сп. . . те в тыож слова потвержаючи Кирила Манко сознал перед судом нашим, иж жадной продажи и заводу так за живота, якотеж и по смерти о части Михайлови належачую и до того часу не было чого о том добре будучи свѣдом о том у суду нашого и сознал. Мы теды, чуючы сознане устное, наказалисмо моцю того декрету, абы помененый Процко от сего часу далей помененому Михайлови Тимоховичу Мушенкови у его отчизный кгрунтъ, то ест, у половицу Белдюжковщизны, которую и небожчикъ отец его Тимох Муха уживал, жадного уходу и потребы немел вѣчными часы; поневаж до того часу в зобополном держаню а нераздѣлъный зостает, розделит и розѣхат наказалисмо, абы жаден свого певен был. А еслибы теж далѣй, после того часу звыш мененый Процко Михайлови Тимоховичу Мушенкови якую колвек кривду и до его части уход який мѣти мал, теди за донесенем скарги укривжоного повинен будет вины заплатит на уряд близко належачий золотых сто. И на том для лѣпшой вѣры и ствержения далисмо прореченому Михайлови сес наш декрет при печати и с подписом руки при печати мененых. Писан в Лю-

бечу, року, месеця и дня звышписаного. Петро, Елоцкий, атаман городовый любецкий (М. П). Миронъ Демиденко, войтъ любецкий.

15. Продажный листъ Павла Бакуринскаго и жены его Анны на проданный любецкому священнику Григорію Прокоповичу пляцъ съ огородомъ въ Любечѣ. 1674 г., 15 января.

Ja, Paweł Bakurzynky, i ja, Anna Pierocka Bakurzynska, czyniemy wiadomo tym naszym pismem, iż my będąc potrzebnemi pieniędzy przedalysmy plac goły z ogrodem w Lubeczu z iedney strony od wału mieyskiego od szewca Semena Białouska, wielebnemu jego mosci oycu Hrehoremu Prokopowiczowi swieszczenikowi Piatnickiemu Lubéckiemu w wieczną possesyią za gotową summę pieniędzy, to iest złotych dwadziescia; na coś my dali dla lepszey wiary tę naszę pismo s podpisem rąk naszych i s podpisem rąk przyiacielskich, od nas uproszonych. Data w Lubeczu, 15 january 1674. Paweł Bakurzynsky ręko swo własną. Na miescie małżonky moiey, jako pisma nieumiejętney podpisuię się Paweł Bakurzynsky. Proszony pieczętarz do tego pisma podpisuię się Lukasz Babski. (М. П). Устне прошоный от особы выш менованых подписую се Григорей Мартиновичъ.

16. Запись Кротинской громады о безпрепятственномъ пользованіи любецкимъ священникомъ Григоріемъ Пронковичемъ угодьями, принадлежащими къ церкви св. Параскевы и придѣлу св. Евстафія. 1675 г., мѣсяца марта 15 дня.

Мы Кротинци, Кузма Антонов и Сидор Яцкович со всѣми громадою своими мужами, Хоня и Отрох и вся люде, при бытности нашего священника отца Феодора Даниловича, при пану Феодосию Михайловичу и при пану Роману Останъце, райци и мещанину черъниговском, при пану Дмитру Трохимовичу, мещанину чернѣговском, при пану Никифору Орловском, при пану Феодору Рубану, мещанину острицком, Василею Ивановичу, мещанину острицком, приняли згоду з отцем Григорием Прунковичом, священником Пятницким любецким, со всюми завсѣ заводы правнии, которіисмо мѣли межи собою през тіе часы и подущеніем и побудки отца Ярофѣя Котовича Пречистского любецкого, на том, ижем водлугъ подання от отца Якова Григорьевича, старого бывшого священника любецкого и ведлугъ подання правъ давных отцу Григорію Прунковичу, священнику Пятницкому, от рожных державцов любецких и ведлугъ постановіеня и свѣдоцтва мѣста Любеча всеи

громады що колвек належито до церкви Св. вел. муч. Параскевой и до предѣла св. муч. Евстафія, якъ остров Змийский з озерцем и зо всѣми пожитками належитыми, в тим всѣм не перечачи повиннисмо отдавать все тое належитое водлуг продков наших отцу Григорию Пятницкому любецкому; а ежелибысмо не мѣли отдати, подпадаем под вину, положонную правъ давних и отцов наших. А еслибы моглъ хто зновляти и турбацию якую правную зновляти, таковый заплатит выну, якъ з духовного стану, на его милость пана и пастира коп сто ку отданю неотложне, а если з мирских, то на его милост пана гетмана и пана полковника, туюж суму и на близконалежачий уряд коп 17. На що сіе наше писане даемо при людех вишменованих. Року 1675, месеца марта 15 дня. Дмитерь Отрохович бурмистрович черниговский рукою, Семен Григоревич в(аместник) любецкий. Феодор Михалович, рукою. Раман Астапович мещанин и райца черниговский. Писар того писма священник Кротичанский Феодор Данилович рукою власною. (М. П). Панъ Никифоръ Орловъский рукою.

17 Актъ передачи брагинскимъ мѣщаниномъ Алексѣемъ Юрковичемъ своихъ грунтовъ во временное владѣніе брагинскому мѣщанину Степану Маковоничу. 1675 г., 7 іюля.

Я Алексѣй Юркович, бывъшый месчанин брегинскій, а тепер мешкаючый в Чернигове, чыню вѣдомо сим моим писмом, яж я, маючы кгрунъты отцовъские в мѣсте Брягиню, зданъ на наданые от Александра Батъковского, старосты Брягинского, од ксенженъци пана нашего милостивого, нашто и право маю; што теды углядѣвъши я в том, же тот кгрунътъ, огороды, сеножати и што при нем належно, упрошаю вирод пана а пана старосты теперешного, пана моего милостивого, жебы тая моя отчизна никому не была заведена зачым нас Господь принесе; толко тое все в моц и владзу подаю, Степану Маковоничу, месчанину брегинскому, и право тое подаю, который повинен моею отчизною, нихто иншый до моего приходу, толко яко я сам обладат и пожытковатъ, в чом я моего мосцивого пана упрашаю, а вашей милости во въсем поволный услугай. С Чернигова, року 1675, месеца июля дня 7.

Вашеи милости моему мосцивому пану во въсем поволный услугай Алексѣй Юрковичъ низко кланяюся.

18. Купчій листъ Ланка Мартиновича на проданный имъ любецкому священнику Григорію Пронковичу пляцъ съ огородомъ въ Любечѣ. Року тепер идучем 1676, месеца мая 28 дня.

Я, Ланко Мартинович, бывший обеватель з мѣста Черей, а тепер обеватель Вербицкий тракту Черниговъского, чыню вѣдомо и зезнавую сим моим продажным и вечистым записом и листом кождому, кому будет того вѣдати потреба, у каждого права и суду и на каждом мѣсцу, иж я, мѣючы пляц селитбу из огородом, частку купленую от Якима Просмыка у Любечу на предмѣсти Кгончарыщу идучы от межы пляцу бояр Антоновских и помеж пляц сполне отца Григория Пронковича, священника Пятницкаго любецкаго, котору завѣвъ и продал тойже небожчикъ Якимъ Просмык, аже будучи я потребный пѣнязей и иншому никому не ухиляючи на сторону яко близшей и сполна належит ку пляцу помененаго отца Григория, с которым я заведшы торгъ продал есми и уступил зрекся на вѣчност, то ест, отцу Григорию ему самому, малжонцѣ и потомком его на вѣчные часы за готовую суму пѣнязей, а меновѣте: за кон шѣст грошей личбы и монеты литовъской, на котором пляцу волно будет отцу Григорию селитис, будоватис и огород пахати и вшелякий з него пожитокъ мѣти, албо и кому продати, дати, даровати и замѣняти и кому хотячи от себе яким правом пустити ведлуг воли и уподобаня своего, а жаден ему в тои купли перешкодою быти не маст, так я сам, малжонка и потомкове мои и жаден з близких кревных и повинных моих, албо и з людей общых, яко никому ни в чим пенный, ани заведеный, под зарукою вины на близко належачый уряд кон десет; а заплатившы предся оная купля при отцу Григорию вѣчне зоставатимет; так теж и сес мой купчий лист вечистои продажи маст мати моц зуполную. При котором справованю торгу и купли были люде добрыи и вѣры годные и того добре свѣдомыи, меновите быт рачил: пан Нацко Орловъский, мещанин любецкий, пан Кондрат Семак, Кондрат Ерченко Семак, Алексей Дроздовъский, земяне тракту любецкого и иншых на тот час будучихъ немало людей вѣры годных, добре справы свѣдомых. И на том дал есми пречеченому отцу Григорию Пронковичу сей мой купчий лист вечистой продажи, с подписом руки и с притисненем печати. Писан у Любечу, року месеца и дня звышписаного. Богдан Корнѣевич Дробний, писар сего листу рукою власною Ланко Мартинович, сам писма неумѣетный, упросилем того же писара, абы он руку мою подписал.

19. Продажный листъ Евтуха Козла Гордѣенка съ женою на грунты, проданные Кирилу Чобутченку, съ условіемъ на случай возвращенія изъ татарскаго плѣна наслѣдниковъ этихъ грунтовъ. 1677 року, месеца апрѣля 25 дня.

На вряде Любецком перед нами Минею Михайловичом, атаманом городовым любецкимъ, и Мартином Евтушенком, вуйтом на тот час зостаючым Любецким, ставшы очевисто пред нами Евтух Козел Гордѣенко, обевател тракту любецкого, сознал из женою своею Овдотею Яцковною, иж оны продали кгрунтъ небозчика родича своего Яцка Рыбалченка, лежачый в Салкове обмежу П. , . . Жыленицы кгрунта, а другим боком межою Курила Чобутченкова кгрунту, которому и сей помененый грунтъ Яцковщыну продали за готовую суму пѣнезей коп шѣст личбы и монеты литовское, так с полями розробленными и не розробленными, сѣножатями при томже грунти зостаючыми, яко (ужи)вал небожчык Яцко, а по нем зостаючым потомки его Ермола, которого татаре взяли из маткою, теды так и мы вручаем пану Курѣле, ему самому и жонѣ его, волне будет яко своим властным пожытковат, албо по смерти своей кому схотячы вручыт, до вызволеня з неволи целых господарей помененного Ермолы, албо матери его, албо сестры, которую посполе взято, того грунта, а ежелибы Богъ Всемоцный с тых трех особъ которое вызволил з неволи, теды отложившы суму помененному Куриле, албо в кого в поссесыи бы зоставал по нем тот грунт при собѣ одержати мѣе, яко свое непѣнное; що мы выше помененный вряд, принявшы до себе тую справу, ствержаем сим нашим писанем, и даем потребуючой сторонѣ для лѣпшей твердости при печати нашой врядовой и с подписом рук под печатю нижей именованных и под закладом вины зелотых ста на вряд близко належачый за всчынаня турбацый през сей лист описанный. Дѣелося в Любечу 1677 року, месеца апрѣля 25 дня. Устне и очевисто прошоный о подпис рук до того листа от Курила Чоботченка през тогож писаря подписалися Емелян . . . менко прѣ тои справе будучим и того добре свидом Кирил Худолѣенко печатам того листа рукою.

А особливе доходячы сего декрету и права достоеваючы помененный Курила тратил посполе из жоною своею, а меновите выкладу правного талеровъ два, которое все сполне при тойже суме копъ шести, и сие зостават мае цѣло вѣчными часы не нарушаючы права сего. А хтобы мой сей кгрунт от Курила отобрати (мел) ведлуг сего декрету теды при тых шести копах и сии два талеры повинны будутъ отдати.

26. Домовая росписка лоевскаго мѣщанина Крыштопа Юшковича Мишку Игнатовичу Волошанину 1678 г.

Я Крышътопъ Юшъкович, мещанин лоевъский, вѣдомо чыню симъ моим писаном, ижем зостал винен длукгу певънаго, то ест копъ шестъ грошей доброе монеты сребрънное пану Мишъку Игнатовичу волошанинови тракту Любецъкого Лопатъневъскому, которую копъ шестъ звышъпомененую маю отдатъ на ден и рок от мене заложеный на ден Сошествия Святаго и Жывотворящего Духа водуг стараго календару в року 1670 осмымъ, не похиляючы року и дня, под закладем такиежъ сумы под шпелякими варуками, кондыцыами, обовязками правными, на що для лѣпшое твердости даю сее мое писане с подписом руки от мене упрошоного. Писан в Лоевѣ року 1670 осмого (М. П.). Очевисто упрошоный печатор од Крышътопа Юшъковича до того церекграфу подписуюся Ісидоръ Охрѣмович, мещанин лоевъский рукою власною.

27. Росписка Рѣпицкаго священника Ѳеодора Симеоновича Михалю Тимоѳеевичу Мухѣ въ полученіи выкупа за отказанный ему за требу грунтъ. Року 1678, месеця іюня дня 9-го.

Я Ѳеодор, священнык Рѣпицкий, даю писмо свое пану Михалю Тимофѣевичу прозвищом Мусѣ, которое писмо уволняет его от мене, стороны грунту Убѣжицкого, на котором вышъпомененный Михаль зостает; в том же грунту и панъ Щуковский малъ частку по жонѣ своей першой, которую частку мнѣ, священныку рѣпицкому, отказалъ за похорон и отправованя служби Божой. А гдыж вышпомененный Михаль Муха ближший был до того крунту, поеднаналъ мене, священныка рѣпицкого, за вшистку отправу, взявши от похорона и за столи и от субутника, заплатилъ мнѣ панъ Михаль, ведлугъ зможности своей, далъ мнѣ пят талярей, на всем сталося мнѣ досит. А хтобы важился пана Михаля турбоват, албо в тое ся втручоват, теды повинен на старшого выни сто золотыхъ заплатит, а и заплативши повинен грунт при пану Михалю зостават. Тое писмо я вышпомененный священныкъ отдаю в дому пана Лаврѣна Григориевича в райци чернѣговского и при пану Богдану Петровичу, мѣщанину любецкому. Ѳеодор священныкъ Симеонович, на тот час резыдуючый в Рѣпках, рукою власною своею подаю писмо вышпомененному пану Михалю Тимофѣевичу Мусѣ.

28. Купчій листъ Максима Васченка Нѣжинца на проданную Гурину Зубашенку половину грунта. Року Божего 1679, 15 дня месеца декаврия.

Я Маѯим Васковъ сынъ зъ Любоча, по прозвиску Нѣжинец, чиню явне сим писанем моим вѣчистым записом, жем продал половину

грунъту всего от мала до велика и поле з сѣножати, криницѣ и що належит, що ми з братом моим Проциком были купили у Семена Чорного за коп шест бес пулзолотого, я теж Маѯим продалем Гурину Зубашенку за суму грошей золотихъ девят свою половицю всего вѣчными часы, же я Маѯим не маю части жадной, анѣ дѣти мои, толко Гуркови волно буде на своей половици що хотѣти чинити, и вол(но) буде продат, дароват и самому будоватъся, яко на своем добром купленом кгрунтѣ. Я теж Маѯим Васченко вимовляю собѣ двѣ соснѣ бортвих у Конском, а мой брат Процик сяборство из Гурином Зубашенком, поки Богъ позволит, на що и писмо даю от себе Гурину вѣчними часи, при людех добрих и вѣри годних, найперше Павел Евсѣенко Потѣйскакун, року и дня вышменованого. Писар того писаня Феодор Данилович, священник Кротинский рукую власною.

29. Долговая росписка лоевскаго мѣщанина Васка Лодена Мишку Игнатенку. 1680 г. февраля 1-го.

Я, Васко Лодоп, мещанин лоевъский, вѣдомо чиню тым моим писанем, ижем зостал винен пану Мишъку Игнатенку, отчычу лопатневъскому, то ест золотых тридцатъ твердое монеты личбы литовские; которую то золотых тридцат и золотый маю отдати и скутечне зыстится на рок и ден от мене доброволне зхожоный, то ест на ден Рожества Пресвятыя Богородици, ведлуг старого календару, в року дастъ Богъ прийдучом тисеча шестеотъ осимъдесят третим, непохибляючи менованого дня и року, звышъпомененый терминъ под вшелякими обовязками правъными в середине сего моего церокграфу описанаго отдат и зыстится маю. На що для лѣпшое твердости даю сее писане с подписом руки от мене упрошонаго Дѣелося при людех добрых, вѣры годных, мещанах и отчычах лоевъских, при Тереху Романовичу и Лазару Шишъковичу. Писан в Лоевѣ, року Божего 1680, февраля 1 дня. (М. П.). Очевисто упрошоный печатар от Васка Лодня до того церокграфу подписуюсе Спиридонъ Охрѣмович, свещеникъ лоевъский.

30. Закладная любецкаго мѣщанина Богдана Петровича Шпака любецкому священнику Григорію Прокоповичу на огородъ. 1680 г. априля 5-го.

Я, Богдан Петрович Шпакъ, мешанин любецкий, вѣдомо чиню симъ моим писанем, ижем на пилную свою потребу вызычил у господина отца Григория Прокоповича, священика любецкого Пятницкого, грошей золотых тридцат, з чумъ ему зоставую до паханя и до

вукупена огоруд свуй отцовский, и при тим куплений през мене самого у пана Яна Стецкаго, в значного шляхтича любецкого, который то огород никому ни в чомъ незаведеный и не пѣнный и тилко отецъ Григорий Прокоповичъ повинен пахат, а если бы якъ к лѣпшому пожиткови своему оборочать, а в томъ ни хто господинови не маетъ перечить с кревних моихъ, яко и з инших посполитых людей, хтобы смѣвъ важитися и перепоною быти господинове, таковый на уряд любецкий вину заплатит десет золотих; на що дле лѣпшои вѣрности даю сие мое писане господинови с подписом руки моей власной и при печати. Диялося в Любечи року 1680, месеца апреля дня пятого. (М. П.). Богдан Петрович, мещанин любецкий рукою власною.

31. Урядовый листъ по дѣлу Грицка Чеботченка съ Купрѣемъ Нечипоровичемъ Богушемъ о наслѣдствѣ. Року тисеча шестсотъ осмьдесятъ первого, априля 12.

На вряди перед нами Василием Устимовичом, сотником любецким, Иваном Терешенком, товаришомъ сотни любецкой, Михайломъ Венским, товаришем сотни полковой черниговской, а особливо при бытности Стефана Кодаковича, на тот час зостаючого войтом любецким, и Івана Норца, мищанина любецького, и при иных, прекладал скаргу Грицко Чоботченко, мешканец тракту любецкого на Купѣрѣя Ничипоровича Богуша в той способъ, же по змартю Кирила Чоботченка, брата рожоного старшого, небожчыка славнои памети оставшые жона его вдовою безпотомые на имя Маря Ревухинна принела собѣ было вышпомененного Купрѣя за малжонка на всее свое господарство и мешъкали з собою лѣт чотыри, потом змерла и осталос набытку немало, веспол набытого небожчикою из Грицковым братом, першым малжонком своим, а гды помирала, помененому Грицку не дано вѣдати, и остался грунт Яцъковъский, купъленый недавъно за старанем небожчиковым Кириловим, опроч давънѣйших добъръ набытых. О котором то помененный Грицко, видячи себе быт близшым, доходил, теды помененный Купърѣй, пораховавъшые з сумъленемъ своим, не въдаючые далеце в право, а видячы же ему и такъ добре сталос, уступил того зовъсим на вѣчност грунтъ Грицку Чоботченку, брату рожоному небожчикувому Кириловому, першого мужа брату, толко купъчого листа не подал и на въряде не объявлял. Теды мы зверху имянованный вряд, видячы приналежытый ужыток тых добъръ имянованный грунтъ Яцковъский, купълѣный от Евътуха, зятя Рыбалченкового, лежачый у села Галкова (?), зо въсим подаем в моц и посессию Грицку Чоботченку,

вєдлуг зреченя Купърѣевого и опису самого купъчого листа. Ежели бы ся хто близшый одозвал, суму откъладаючы, и на том потребуючой стороны казалисмо и сей нашъ врядовый выдати для лѣпъшои твердости лист, при бытности зверху имянованных особъ и притисненемъ печати врядовой любецъкой, а на подписе нижей имянованных рукъ. Дѣелося у Любечу, року, мѣсеца и дня вышъписанного. Васил Устыменко, на сей часъ сотникъ любецкий рукою (М. П.). О которой то справи добре свѣдомым, бывъшы подписуюс Кирил Гапонович Худолѣй рукою.

32. Закладная, выданная Василемъ Плющемъ Мишку Игнатовичу. 20 апрѣля 1682 г.

Wiadomo czynię tym moim listem, iżem wzioł u pana Miszka Ihnatowicza, wołoszczanina Łopotniowsskoho, klacz własnusz nie wczym nikomu niezawiedzionuiu w kopach dwunastu litewsko liczbo, ja Wasili Pluszcz, zostający w opiece u Ostapa, przyiaciela swego y sestrzenca boiarzyna dobr dzieja naszego, ktorze te pieniędzy mam ja własny wyszpomieniony Wasili Pluszcz, obawatel łoiowsky, panu Miszku Ihnatowiczu, wołoszaninu Łopatkowskomu, oddac we trzy lata liczbo litewsko, poczowszy w roku teraz idącym 1682, w miesiącu aprilu die 20, o Wielkiey Nocy ruskiey, a ieżeli by nie mogł wyszpomienionemu nistifikowac, tedy ostrow Macieiew, pod Burowicami leżący za Dnieprem, ktorym ma on władac, iako swoim, do oddania pieniedzy własnych iego w zakład z sosnoiu bortnoiu na wieczne czasy, w tym że ostrowie o nieczka sosna, niczym tego roku y dnia nie chibiąc pod wszelakimi warunkami y kondiciami wrawnymi, tak zamkowemi, iako y magdeburskimi, winien y powinny będe ten dług utsciwie oddac w domie jego własnym. Pisan w Łoiowie, roku y dnia wyszmianowanego. Michał N. . . . iako pisma nieumieietny de tego dobrowolnego ceregrafu mieszczanin łoiowsky prosił ręki swoiey podpisac. Potap, mieszczanin łoiowsky, Kali Pobołowiec, wołoszanin łoiowsky tez ruki swoie kazali podpisac.

33. Купчій листъ, выданный любецкимъ земяниномъ Климомъ Кирѣйченкомъ Ивану Масловцу на грунты. Року тепер идучом 1684, месеца августа 1 дня.

Перед нами, Василием Устимовичом, сотником любецким, Лазаром Феодоровичом, атаманом городовым любецким, Яковом Лукьяновичом, войтом любецким, и при бытности иных людей, нижеименованных особъ, ставшы очевисто на имя Клим Кондратович Кирѣйченко, земянин любецкий, сознал явно, ясне и доброволне, ани з жадного

примушеня, в тые слова мовячи: ижъ я, мѣючи кгрунтъ свой власный, лежачый обмежу з одной стороны от грунта Законовского, а другой стороны от Онопрѣйковъского грунта, тылом от рѣчъки Варежки, а в проти у шлях любецкий лежачий на Листве, а от третюю от Клима Червечошка я Гриня Галабурды, которую уживал прежде небожъчикъ Пантелѣй Галабурда и продал был отцеви моему Кондрату Кирѣйченку, а я, вышъпомененный, яко посессор тых добръ, будучи потребъный пѣнязей, продал есми и зрекшыс на вѣчностъ уступил, то естъ Ивану Андрѣевичу Масловцу за готовую и рук моих дошлую суму пѣнязей, а мяновите за копъ осмънадцат грошей личбы и монеты литовъской, позваляючы ему тым грунтом владѣти, поля пахати и заросли росчыщати, албо и дерево бортъное по той час ты уводити, ежелибыся зможое показати мѣло алъбо рачей продати, дати и даровати и заминяти и яким хотячы правом от себе пустит ведлуг воли и уподобаня своего, а жаден в том ему перешкодою быти не мае, так я самъ, вышъпомененный, яко теж жона моя и потомки, албо с кревных моих близких и далеких, ани з людей общых, яко никому ни в чем пенно, ани заведено, под зарукою вины на вряд близко належачый золотых ста, а и по заплаченю вины предся тая моя продажа от помененного Ивана и поссесоровъ его отдалена и отсужена быти не мает, яко и сос купъчый лтет вечыстой продажы мати мѣет моц зуполную. При котором то справованю сего запису быт рачыли люде добрыи и вѣры годныи, то ест Микита Масловец, Луцъко Маслович, Гришъко Бурдукъ, Миколай Гавриловичъ Орищенко и Макъсим Коробъко, и на том, за для лѣпшой вѣры и певности, далисмо сей купъчый лист помененому Ивану с подписом особъ и притисненемъ печати врядовой, а на подписе нижей имянованного руки писарское. Дѣелося у Любечу, року, мѣсеца и дня вышописанного. (М. П). Кирил Гапонович Худолѣй, писар любецкий, рукою.

34. Квитанція, выданная Гаврилом Янченкомъ Аврааму Кваченку въ уплатъ долга. Року 1684, месеца ноемврия 9 дня.

Перед нами, Василием Устимовичом, сотником любецким, Лазарем Феодоровичом, атаманом городовым любецким, Яковом Лукяновичом, войтом любецким, и при бытности Сидора Яцковича, на тот час будучого войтом кротынскимъ, и при иных нижей особъ имянованных людех, ставшы очевисто Гавърыло Янченко, обывател кротынский, сознал явне, ясне и доброволне, ани з жадного примушеня, в тых словах мовячы, иж мовит, я мѣючы писане от Аврама Кваченка, приятеля своего, писано на грунтъ его, лежачый в уѣзди

Любецком, посполе с кротынцами даное черезъ Лаврина Цымбалиетого, которому винен был помененый Аврам талеровъ чотыри за Енчанку, и не мѣвъшы чым отдати, през оное писане тот грунтъ отчызну свою вручал Гаврилу до часу, абы тот долгъ отдал Лаврину за него; теды Гаврило, окупившы тот грунтъ, владѣл през лѣт килканадцат. А гды повернувъшыся до своей отчызны Аврам и отдал долг свой Гавърылу ведлуг порахунку що ся доходило, а я теж, помененный Гавърыло, его квитую во всем цале, злецаючы вси его добра под протекстом своим держачыи, а писане тое згубил, которое от Лаврина мѣвъ Гаврило на грунтъ Аврамовъ; а ежели бы хто з оным писанемъ отозвался турбовати Аврама и през сие писане вряду любецкого квитацию, таковый вины заплатит на вряд близко належачый залотыхъ ста, а и по заплаченю вины сия справа отминятися не повинна, яко и сия квитация мати мѣет зуполную моц. И на том, задля лѣпшои вѣры и твердости, мы, зверху имянованный вряд, потребуючои сторонѣ казалисмо сию квитацию выдат с подписом рукъ и притисненемъ печати урядовой любецкой, а на подписе нижей имянованных особъ. Дѣялося в Любечу, року, месеца и дня вышписанного.

(М. П.). Кирил Гапонович, писар любецкий рукою.

35. Выпис с книг мѣских права майдеборскаго ратуша черниговского. О соглашеніи между Мишкомъ Игнатовичемъ и Татьяною Оксеновною Андреихой Безбожненковой относительно владѣнія грунтами. Року тисяча шестсотъ осимдесят семого, месеца февъраля двадцат осмого дня.

Перед нами Стефаном Отроховичом, войтом черниговъским, Иваном Тарасовичом, бурмистром, и райцами, в ратушу черниговъском засѣлыми, ставъшы очевисто, Мишко Игнатович и Татяна Оѯеновъна Анъдрѣиха Безбожненковая, жытелка черниговъская, згодне, доброю волею своею перед урядом мѣским помярковала, любо розница межи ними о част кгрунъту небожчыка Ивана Скраги была при сели Лопатнюх и о другую част в Сивери, ув острове Матееве, почавъшы тот островъ увес границею в тракте Любецком и Лоевъском, у Сухий Вир, з Сухого Виру у рѣчъку Смячу, з речки Смячи у рѣчъку Горнечу, з речъки Горнечы у Дорогое болото, з Дорогого болота ув островъ Матеевъ, з деревом бортным и до борта згожымъ, з полями, ролями, запустами, облогами, з селисчами, сеножатми, езерами, углядами, лесами, борами, зо всими пожитками, до тых частей кгрунъту належачыми, вымовивъшы Мишко

приробокъ свой в крунте своем отцевъском, даючы моцъ и владзу одно другому тым всимъ кгрунътом менованымъ частъми по половицы вѣчными часы владѣти и пожитки мѣти, и межи собою якъ хотѣти одно другому, которое захочет сплатити и кому хотѣти дати, продати, даровати и записати; и на далшое утвержене тое угоды своее то утвердили, иж от сего часу по половици в тыхъ кгрунътах части мают ходити, пожытки всякие на себе брати и спокойне держати, не перешкажаючы одно другому, ани в далшые часы межы собою не мают турбовати, ани до права позывати, под виною на вряд належитый золотых ста; еслибы от сего часу которая з межи них сторона тое помяркованъе и згоду нарушати мѣла, на том доброволная их згода до книгъ мѣских ратушных черниговъских ест записана, с которых и сес выпис под печатю урядовою мѣскою ратушною черниговъскою ост выдан. Писан в ратушу черниговъском. Емелян Иванович Яхимович, писар мѣский черниговъский. (М. П.).

36. Декретъ по поводу жалобы Никиты Скугара съ сябрами на священника Пронковича о захватѣ земли. Року тепер идучом тисяча шестсот осмдесят осмого, месеца июня осмнадцатого дня.

Перед нами іеромонахом Климентием Тишевичем, уставником катедры черниговское, Иосифом Павловичом Іезуновъским, іеромонахомъ, зослаными от его пастырское милости на ревизию справ духовных и Ерофеем Котовичем, священыком Пречыстенским любецким, так теж вряду свицкого Прокопием Никифоровичем Орловъским, выстановленным на тую справу сотником наказным любецкимъ, Гришком Бурдуком, атаманом городовым любецким, а особливе Тишкомъ Романовичомъ, старостою и дозорцем любецкимъ, и Феодором Красковъским, чынил протестъ и прекладал скаргу Микита Скугар ис сябрами своими на честного господина отца Григория Пронковича, священника любецкого Пятницького, о занятю бы огорода их Скугареского, о котором опи(су)вается в сим же декрети нижей описанном; теды мы, вряд, зверху имянованныи особы, казалисмо перед себе запризват обѣ стороны поводовую и жалобъную на усправедливене, а гды стапули, пытали ихъ помененного Микиты ис сябрами, якимбы способом оны узнавали, же отецъ Григорій их огорода част бы никоторую ку своему огороду, купъленому от Якова Матолюхи, прозываемаго Лашуковского, о котором шырей опи(су)нае в купъчом листи, чы своею достовѣрънностю, чыли теж признатемъ посторонных людей? Теды помененный Микита ис сябрами своими вымирялся таким способом: же мы, мовит, прежних часовъ не паметаем досконале, як родичы поки уживали нашы, а сами прешлых

часовъ в отлегломъ мешъканю през руину военную зоставали на розных мѣсцах, теды, мовит, нам признают люде, а меновите: Петро Бубенникъ, который при купъленю и завоженю межы отцу Григорию от Якова Мателюхи был и написаный в рядовые в купъчой отца Григориевой, а другий Володымеръ. А гды передъ себе на вряд казалисмо станут помененным Бубеннику и Володимеру и пыталисмо их, ежелебы оны, достовѣрне бывъшы свидомыи заводу и межы тым огородом помежным, лежачым за Нагорною Брамою любецкою ку улицы Гончарыской, теды Бубенник моцно взялся и Володымер на попартъе правное Микиты на господина и под виною декларовался, же не толко, мовит, доведу того, же господин през завод Мателюхин, зайшовъ Скугаревского огородъ, леч и огорожу старой межы в земли найду, и так квестию завдавъшы честному господину отцу Григорию из его заводцем, одозвался ити на мѣсце межы шукат, а гды, пойшъли и шукал за позволенем врядовым, где схотѣлъ, теды не знайшолъ на томъ мѣйсцу, где имяновал, ни жадной признаки, тылко еденъ кулъ в земли знайшъли старый на межы господиновой, якъ и Мателюха заводивъ при продажи и тепер з заводы сеѣ справы тож посвидчал противъ ложных словъ Бубенниковых и фалчывого признаваня. Которой то справы мы, зверху имянованный вряд, з обох сторон выслухавшы контроверсий поводовой и жалобъной, а узнавъшы шалвѣрство Бубенниково, наказали ему ревсковат, яко нецнотливой губи, и вси шкоды и наклады правныи честному господину отцу Григорию при караню вины панской нагорожат, а прикрившы их сим декретом навѣ.... честному господину на вѣчность на спокойное ужыване, яко свое власное, поки тепер межа лежыт, ведлуг его купъчой, владѣти позволяем. А хтобы в потомные часы отозвался честного господина отца Григория албо теж его посессоровъ през сей декрет турбоват за тот огород в якой мѣри, яко и сей нецнотливый Бубенник, таковый на вряд близко належачый заплатит вины золотых сто, а и по заплаченю вины при ненарушоной цѣлости сей декрет захован повинен быти. Дѣялося в Любечу року, месоца и дня вышой писанного. Іеромонах Климентий Тишевич, уставник его пастырской милости. Іеромонах Іосифъ Павлович, вишписаний. (М. П.) (М. П.) Юрый Александрович, сотникъ любецкій рукою. Кирия Гапонович Худолѣй писар.

37. Тестаментъ любецкаго мѣщанина Дмитра Григоріевича Козачка. 1689 г., сентября 29.

Во имя Отца и Сына и святого Духа, святую живоначалную и нераздѣлимую Троицѣ—Аминь. Я рабъ Божий, Дмитер Григоревичъ Козачко, обевател и мещанин любецкий, чыню вѣдомо и явно

сознавую сим моим тестаментом каждому, кому будет того вѣдати потреба, тепер и на потомные часы, иж будучи я навѣжоный от Господа Бога обложонною хоробою и на смертелной постели лежачы и видечи себе близшаго ку смерти, а нижли ку животу, теды умыслилем то собѣ перед часом годины смертелное за доброе памети и з доброго розсудку моего, убозтво мое роспорядит и росправит, абы по жывотѣ моем межы близкими кревными и повинными моими, яко теж и межы людми общыми покой стобливый заховат, а на моем сумленю нѣчого не залегло. На первѣй полецаю душу мою грѣшную в руцѣ Створителеви, а тѣло мое грѣшное Стефан, полусынокъ мой, погребом хрестиянским мает поховат, и вшелякие памятки дорочные за душу мою грѣшную при церкви Божой мает отправит, ведлуг звычаю хрестиянского. Которому то звышменованно(му) Стефанови, полусынови моему, по смерт отказую так дом у мѣстѣ стоячий, зобополне з ним убудованый коштом и працею нашею, зовсѣмъ на вся, як сам в собѣ мѣет ис пляцем моим власным у версте в концы лежачим, при том же дворѣ и огород лежачий подле Чисмика, томуж Стефану, полусынови, отказую, а знову зас другий двор мой власный, под Любечом у Вомчымехах стоячий мой власный, ни кому ни в чым не пѣнный, коштом и працею моею убудованый, як сам в собѣ мѣет, тот отказую по смерти дочце моей Поси; а до того теж кгрунтъ мой власный, добра лежачии также у Вомчимехах под Любечом, так поле розробленое и зарослое що илеколвек ест моего власного розробку, теды тое все звышменованым Стефану, полусынови, и дочцѣ моей Поси напол мает поделит. А що ест маю част дерева бортнаго отчиною з розных людей датаго и дарованого, теды Стефану отказую деревъ пят, а дочцѣ моей Поси чтыре. Гумно теж также у Вомчимехах наше власное и тое посполу звышменованым Стефану и дочцѣ моей Поси в зобополном держаню мают мѣти. При котором справованю сего тестамента були люде добрые и вѣры годные, меновѣте: Семен Болоушко, Максимъ Бубенникъ, Иван Терещенко, Клим Безноско, обевателе и мещане любецкие и инших при том часо будучих людей вѣры годных, справы добре свѣдомых. А хто бы смѣл и важился сес мой тестаментъ, остатнюю волю мою, нарушит и касоват, теды с таковым суд буду мѣти на ономъ страшномъ судѣ Христовѣ пред Судиею нелицемѣрнымъ. Писан у Любечу, в дому Дмитра Григоревича, року 1689, месеца сентеврия 29 дня. За устною и очевистою прозбою Дмитра Григоревича до того тестаменту подписуюс Васил Устименко, на тот час сотником любецким рукою (мѣсто двухъ печатей). За устною и очивистою прозбою Дмитра Григоревича до того тестаменту подписалемсе Ерофей Іоанович, свещеник Пречистен-

ский любецкий. Року 1698, месеца мануария 4 дня. Пред нами, Павлом Ворошилом, сотником любецким, Семеном Василевичом, атаманом городовым, а Маѯимом Стасиком, войтом любецким, и пред иными людми при том часе будучими, ставши персоналите Степан Козаченко, мещанин любецкий, просил нас, власти, абысмо на тоиже его тестаментѣ виписали по отцу ему спадлые добра и вивели литерою з духовници, якиие вже он продал пану Авраму Никифоровичу на вѣчвост, на що и купчую от себе урядовне дал. Напрод на пляц з садом и з огородом на продмѣстю, и на двѣ синожати, а потим у Вомчимехах на селище з грунтом, з полями и зарослями з утчиною. Що для лѣпшой вѣдомости казали записат, року и дня зверхумененного.

38. Рѣшеніе любецкаго сотеннаго уряда по спору Андрея Злобы съ Юскомъ Злобою объ огородѣ. Року 1691, месеца августа 10 дня.

Перед вами урядом, Миною Михайловичом, на тот час зостаючим сотником наказнимъ любецъким, Илком Стоконским, старостою любецким, Кирилою Гапоновичом Худолием, товаришом сотни любецкой, прекладал намъ скаргу Андрий Злоба, жител шибириновъский вак тежъ на Юска Злобу, жителя села Онтонович, ижъ, мовит незънаю зъ яких мир огород мой отцевский уживает Юско безправне; теди ми на жалобу Андрия Злоби велили припозватъ пред себе и Юска Злобу, що тежъ, пришедши перед уряд, Юско и мовит Андрию Злоби: Нит, мовит, тоби в тум вгороди ни жадной частки. Що тежъ чуючы тии слова, Андрий Злоба вдался до людей, именно: до Ероша Стасика, старинного человика и мещанина любецкого. Теды на тую справу того часу трафился там и Ерошъ Стасик, мещанин любецкий, и почалѣ ми его питати под сумлением, жеби признал о той огород. И онъ, яко памятаючий на смертъ свою, мовит нам: Признаю, мовит, въсе що видаю, ижъ, мовит, той огород, которий я тепер лежачий берег попа пятницкого помижный с поповым огородом, теди купил Андриев Злобин дидъ Юрка в моеѣ тютки рудной за золотых 5, которая и межу отвела небожчику Юрку диду Андриеву. Теди тое почувши признате Юско Злоба от помененного Ероша Стасика и сам в тие слова сознал и уступил тогожъ часу того огорода и во всюм злецил на вичность Андрию Злоби. Що теди ми вислухавши, звишменованый уряд, тои справи, казалисмо и писмо з уряду нашего Андрию Злоби написать с подписом рукъ и притисненемъ печати врядовой. Писан в Любечу, року, месеца и дня вишъписанного. (М. П.). За позволенем пана сотнѣка, яко самого писат невмиетного, мисто сотнико-

вой руки подписую я писар Мина Михайлович, сотник наказний любецкий.—Я теж Илия Иванович, слуга его милости пана полъковъника, видючи подпис руки пана Мины, сотника наказъного, руку свою подписую.

39. Выпис с книгъ мѣских права майдеборского ратуша черниговъского. О продажѣ Исакомъ Григоріевичемъ Голобояриновичемъ части грунта своимъ сябрамъ Мишку Лопатнѣвцу, Мартину Кононовичу и Федку Мишковичу. Року Божого тисяча шестсотъ деветдесят третего, месеца июля одинадцатаго дня.

На уряде их царского пресвѣтлаго величества мѣским черниговъскимъ, передъ нами Ефимом Иевълевичом, войтомъ черниговъским, Иваном Тарасовичом, бурмистром, и райцами, в ратушу черниговъском заседаючыми, ставъшы очевисте панъ Исакъ Григоревичъ Голобояриновичъ, бывъшый бурмистръ черниговъский, явно, ясне и доброволне до книгъ мѣских ратушных черниговъских признал, иж онъ, маючы част кгрунъту в Матѣевъском острове у Суховирсчыне, в тракте любецком з сябрами Марком Каменским и Мишкомъ Лопатичовъским, и Федком и Мартином Кононовичом, свою част власную з деревом бортным и до борта згожим, лесами, борами, дубровами, ... и всими пожитками, до тое части належными, на вѣчност паном Мишку Лопатнювъцу, Мартину Кононовичу, Федку Мишковичу, им самим, жонам и потомком их за сто и за двадцат золотых грошей личъбы литовъское продал, и гроши отобравъшы, тут же на уряде квитовалъ, даючы моцъ и владзу Мишку и Мартину и Федку, им самим, жонамъ и потомком их при своих частех, тым частю грунътом, счо панъ Исакъ владѣлъ, такъже спокойне владѣти, пожитки мѣти и от себе кому хотѣти дати, продати, даровати и записати; которое продажи части кгрунъту проданого сознаваючый панъ Исакъ самъ и потомки его вѣчными часы боронити не мают и мочы не будутъ под закладом других ста золотых и двадцати золотых на вряд належитый черниговъский. А на далшое утверженъе тое проданое части кгрунъту речоный сознаваючый, панъ Исакъ тутже перед урядом зрекъшыс в реалъную и спокоиную вечыстую поссесыю паном Мишку Лопатъновъцу и Мартину и Федку подал, зрекъсе и вѣчными часы тую част кгрунъту помененым уступил. Счо все для памети до книг мѣскихъ ратушных черниговъскихъ ест записано, с которых и сей выпис, под печатю мѣскою, ест выдан. Писан в ратушу черниговъским.—Емелянъ Иванович Яхимович, писар мѣский черниговъский. (М. П.).

40. Обликъ, вѣданный Петромъ Семеновичемъ Тимоху Маковѣенку на занятые двѣнадцать золотыхъ и пять чоховъ. 1696 г. мая 8.

Я, на имя Петро Семеновичъ, даю на себе тое писаніе пану Тимухови Маковенкови, ижъ облѣкгуюся отдати, щомъ виненъ дванадцять золотихъ и пять чоховъ о святомъ Петрѣ, албо тижъ о живахъ, а не алѣ Господь Богъ мене под своею ласкою, яко Богъ Отецъ мой ласкавий, ежели Господь мене споможетъ, я ся обѣцую и прудше отдати, а теперъ мене якосъ Господь Богъ фортуною доброю оминулъ, лечъ надѣю маю на него и знову приверне до мене; а тепер пана Тимофтея прошу и писаніе ведлугъ того долгу на себе даю. При томъ былъ панъ Стефанъ Шчербина, другий панъ Стефанъ Куликъ. В Киевѣ дѣялося тое мѣсяца мая дня 8, в школѣ святой Пречистой року 1696 того. Петръ Семеновичъ рукою своею власною подписуюся.

На сей обликъ одобралем я Тымох Маковѣенко у Петра Семеновича должного своего золотых сѣмъ, в Киевѣ року 1696 того мая 9 дня. Дѣялося в дому судовом киевским козацким.

41. Листъ, данный любецкимъ сотникомъ земянину Степану Коробку. 1697 г, іюля 27.

Ихъ милостям паном, на вряди зостаючим, вшелякаго стану людем, при залоценю уклону моего доносим вѣдати, иж оказател сего листу нашего на имя Степан Коробок, земянин тракъту любецкого, простует у города украинские на заживаня пашни, котрого если бы мог нашъ же жител любецкий, прозываемий Гузик, до права потягати, а бы тому Гузеви вѣра не дана, а сего листу подавци ни в чом не турбовано, чого по вашим милостям жадаючи и о том вѣдати донесячи, зостаю на завше вашим милостям во всем зычливый приятель, а рад служити Тимофей Юревичъ, сотник любецкий. З Любеча, 1697 року, мѣсяца юля 27 дня.

42. Урядовое письмо о соглашеніи между Максимомъ Коробкомъ, священникомъ Григоріемъ Прокоповичемъ и Мартиномъ Зарѣцкимъ относительно владѣнія садомъ. Року тисяча сѣмъсотного первого, мѣсяца августа 21 дня.

Перед урядомъ любецкимъ, Петромъ Теременкомъ, атаманомъ городовымъ, Авърамомъ Никифоровичомъ, войтомъ любецъкимъ, Ониской Вы[illegible]цкимъ, товарищомъ сотеннымъ, Романом Пѣшкою, мещанином любецкимъ, и при бытности многихъ людей зацныхъ при томъ часѣ будучихъ, ставъши очевисто Максимъ Коробокъ з чест-

нимъ господиномъ отцемъ Григоріемъ Прокоповичомъ, священником свято-Пятницкимъ любецкимъ, своимъ помежнымъ сябромъ, прекладали жалосне скаргу свою на Мартина Зарѣцкого, жителя коробковъского, который Мартинъ Зарѣцкий, присвояючи собѣ садовину, имъ Максиму и отцу Григорію сполную, на подгорю в Коробкахъ стоячую, Ивана Максименка Коробка обнажилъ з свити, и оную свиту Іванову на урадъ принесши, презентовалъ тое, ижъ якоби в своей власной садовѣнѣ Івана Максименка заставъши, тую свиту з него Івана знялъ. А на подпарто своей справы, тот же Мартин Зарѣцкий становил свѣдка, Дмитра Ветошку, такъ же жителя коробковъского, который Ветошка пред нами урадомъ призналъ, в тіе слова мовячи: ижъ, мовит, за сотинства пана Тимофѣя Юревича, помежку Мартиномъ Зарѣцкимъ и межи Стефаномъ а Максимомъ Коробками объ туюжъ межу вщалася була турбація, на которой межи Коробки и колокъ були забили, потомъ, неудаючися до права урадового, сами помежку собою дома погодилися и колокъ той з межѣ выкинули, положивши вины на урадъ любецкий копъ десят, хтобы могъ на потомъ объ тую межу яковую вчать турбацію. На которое Ветощино свѣдотство Максимъ Коробокъ з сполнымъ сябромъ своим отцемъ Григоріемъ, хотячи дати слушную реляцію, просили нас ураду до Коробковъ на межу; где гдысмо на прозбу ихъ до Коробковъ зѣхали, тоды отецъ Григорий и Максимъ Коробокъ становили пред нами, урадомъ, людей посторонних, Кирилу Коваля, Лавърина Кукару, Стефана Пищика, мещан любецких, людей старожитныхъ, которіе особы под сумленем межу отведши, пред нами, урадомъ, признали, ижъ, мовитъ не слушне Мартинъ Зарѣцкий з Івана Коробка свиту знялъ на семъ пагорку, поневажъ, мовит, якъ мы запомнимъ же межа лежитъ Зарѣцкихъ з Коробками, почавъши от улицы коробковъской до самого Григорева по узгорномъ, а самий подол належит Зарѣцкимъ; который подол для того Коробки дали Зарѣцкимъ на селитбу, же Зарѣцкіе онымъ поступили част сѣножатей луговых за тую селитбу Коробковъскую, поневажъ, мовит, давъно тутъ Зарѣцкіе неживали, але жили на Клиговѣ, а якъ тут почали жить, на самомъ подоли жили, а узгорокъ и самая гора з лѣсомъ и з садовиною здавъна належит Коробкомъ, а не Зарѣцкимъ. Що и Демъянъ, Прасового зять, на межи стоячи своимъ свидотствомъ потвердилъ, ижъ, мовит, Іванъ Зарѣцк[illegible], на смертелной постели лежачи, мнѣ говорил: тіе, мовит, прищеп[illegible], которіе на узорку я щепивъ, то я не на своемъ грунтѣ, ал[illegible] на Коробковъскомъ прищепилъ, которіе прищепки, жебы не бу[illegible] по моей смерти турбацій, нехай Марко оттолъ выкопавъшы пересадит. На которое людей старожитныхъ подсумленное признане Мартинъ За-

рѣцкий (з) Максимом Коробкомъ и з отцемъ Григоріемъ, при нас, урадовѣ, помежку собою зуполную приняявъши згоду, на межи подлугъ людского признатя, рубежи порубали и копъци покопали; а же садовина, в садку Грицихи Зарѣцкой стоячая, тимижъ рубежами нѣкоторая отишла, тую садовину мѣла Грициха, що будутъ прищены, знести, а дички з землею повинни быт при Максиму Коробку и при отцу Григорію. И на томъ погодилися и руки межи собою подававъши, вину сами межи собою положили на звѣрхнѣйшую власть, золотых сто, а на близко лежачий урадъ копъ двадцат. Которую оныхъ зобополную згоду, мы, урадъ, для лѣпшой памяти, казали записат, и потребуючой сторонѣ казалисмо сее наше урадовое выдат писмо, з подписомъ рукъ и притисненемъ печати, року, мѣсеца и дня звышъписанного. (М. П.) (М. П.) (М. П). Петро Терешевко, атаман городовый любецкий.—Васил Полонѣцкий, сотникъ любецкий подписалемся для крѣпости, жебы впередъ не турбовалися, поневажъ доброволне сами згодилися.—Авърамъ Никифорович, войтъ любецкий.

43. Атестація любецкаго сотеннаго уряда по поводу спора Павла Теремецкаго и Василя Богуша съ Алексѣемъ Красковскимъ о наслѣдствѣ. 1708 года, апрѣля 20.

На врадѣ сотенномъ любецъком, перед Василіем Полонѣцким, сотникомъ любецкимъ, при пану Демяну Посудевском, товаришу знатномъ полковомъ, при атаманнѣ курѣнном и товариству многому, на тот часъ в Любечу будучому, такъже от пана Струтинского, старосты замкового, присланнымъ шафару мѣскомъ Петру Безпалчомъ до тогожъ суду причиною за своимъ человѣкомъ до мѣста наложачим и для прислухана ся справи таковой: Павол Теромецький, товаришъ сотенный и Васил Богушъ мѣский чоловѣкъ, ускаржаючися перед судомъ доходили собѣ отчизны в кгрунтах тестевских Осваковских пахатных, по жонах своих, Алексѣя Красковского, брата родного тых жонъ Теремецкого и Богуша, подлугъ права ратушного мѣского чернѣговского, в якомъ доложоно, жебы з третей части кгрунту, на небожку Красковскую спадаючую, виховала матка их Фесю и Настю, сестри Алексѣеви, и замужъ видала з тоеижъ части, незаймаючи нѣмало отдѣленной части, в том же правѣ спецѣфѣкованой Івана Красковского по отцу толко брата родного оних женъ, Насти и Феси, лечъ оные жени хотѣли собѣ у вѣчност тую част, до виданя толко онымъ належную, сдержати, чого имъ в ратушном правѣ не отсужено, до якого нинѣшний урядъ любецкий стосуючися наказадъ былъ жебы дали покой жонѣ небожчика Івана Красков-

ского и дѣтемъ его, того кгрунту сукцессоромъ, а вже по половинѣ з Алексѣемъ Красковскимъ подѣленим, и болшъ не турбовати Красковской Іванѣхи и Алексѣя, а до згоды з собою пришли, якожъ перед судомъ доброволне помѣрковалися були и прощение взяли, за що Алексѣй, братъ тых жонъ Феси и Настѣ, по отцу и матцѣ родний, з любвѣ своей ку сестрамъ, четвертую част в половинѣ своей кгрунту, пахатного толко, хотѣлъ лекговати по смерти своей, чимъ оны не уконтентовавшися, до вишъшого удалися, по прощеніи своемъ, права. Що мы, уряд любецкий, вѣдячи их упартост и неблагодарствіе, велилисмо записати, а потребуючой сторонѣ видати сию атестацию. Дѣялося в Любечу року 1708, априля 20 дня. Василий Полонѣцкий, сотникъ любецкий. (М. П.).

44. Жалоба Ивана Коробка на Пятницкаго священника Григорія за завладѣніе грунтомъ.

Видение мое моей жалобъной скарги о свое дѣдовское и отцевское житие, на чом зоставал дѣдъ мой и отец мой в селѣ Коробъкахъ, на чомъ и мнѣ Ивану Макъсимовичу Коробъку зостават приходило и дѣтям моѣмъ, отдаючи повинност монаршую и панскую; а же мѣю скорбъ от дядка моего Стефана небожчика, а тепер от панѣ Красковской, обивателки любецъкой, которая невинне мой грунтъ привлащаетъ и тримаетъ, и мене отбивает от части дядка моего Степана Коробъка; в таком дѣлѣ мой отецъ Макъсимъ откупил единаго брата Осипа часть заставную в десяти золотыхъ; а третий брат бил Степанъ вишереченный на своей третей части; теди оный Степан, отца моего брат, почал добиватис третего брата части, (а) отецъ мой, Макъсимъ, мовил: аще мнѣ вернеш половину утраты моей, могу и третую часть брата нашего розъделити по половѣнѣ; на що и люде звели обоѣхъ до мирковання, жеби Степан Макъсиму, брату своему, дал десет золотихъ; на що изволил Степан такъ учинити. Тоды по малом времени принес два таляри, а зостал винен чотири золотих, узял же . . . . тойже дядко мой Степан у шести копах и свою часть заставил Петру Гузяю у шести копахъ до отдання грошей, а гди прийшло время отданя грошам, ми не были в дому, з отцемъ моѣмъ Макъсимомъ на жнивах били, он Степан, брат отца моего, не вѣдаем, чи он продал, чи он заставил у осми копах отцу Григорию, Пятницъкому попу любецкому. Теди отецъ мой Макъсимъ, пробуеши жнива, до господи приѣхавши, отецъ Григорий Пятницкий мовил отцу моему Макъсиму: я тобѣ сябръ, Макъсиме. А отецъ мой сказал: я того не

знаю, покажи, отче, купъчую, чили в заставѣ, чили на вѣчностъ, а он священникъ мовил: уже в Чернѣговѣ писмо зостает. Не добре, отче, такъ моглъ би я знат, що брат мой такъ у...тит мал. Теди колко разъ отец мой Макъсим упоминался купъчой братней, онъ, священникъ, тим отбивал, же у Чернѣговѣ и до сих временъ не знаем, чили купял, чили в заставѣ; бо гди многих людей старожителей питаем, чили не знае о той то купъчой, не можемъ допитат, для якой речи от такого часу тримает грунтъ тот дядка моего Степана в селѣ Коробъкахъ попъ Пятницкий, отец Григорий, бо еще за памяти отца Григория прохали, абы становился пред судъ зо мною и купъчею показал; и так тое вакует до сих час от блаженной памяти небожчика пана Якова Лизогуба, полковника чернѣговского старого; а тепер не можем терпѣти таких утисков, кривды, що нашим добърим даромно владѣют и розмножиются, а ми худѣемъ и убожи биваем за ихъ неправедное купление; бо гдижъ моглъби мене Ивана Макъсименка Коробъка силою притягнути, аби увидѣлъ купъчую правдивую, аби болшей не докучал объ тую часть грунту. Я Иван Коробокъ.

Матеріалы для біографіи Н. И. Костомарова.

I. Письма Н. И. Костомарова къ М. А. Максимовичу.

Знакомство Костомарова съ Максимовичемъ относится къ 1844 году, какъ свидѣтельствуетъ самъ Костомаровъ въ «Автобіографіи», [1]) и продолжалось очень долго. Но внѣшнія сношенія между двумя украинскими историками были незначительны. У насъ имѣется всего только четыре письма Костомарова къ Максимовичу, періодъ написанія которыхъ обнимаетъ собою семнадцать лѣтъ. 1847—1859—1864 вотъ тѣ годы, къ которымъ относятся письма Костомарова. Какъ видимъ, сношенія между нимъ и Максимовичемъ носили случайный характеръ.

Первое письмо Костомарова особенно цѣнно въ біографическомъ отношеніи. Оно писано незадолго до ареста Костомарова, когда онъ уже былъ обрученъ со своею невѣстою Алиною Леонтьевною Крагельской, на которой женился однако только въ 1875 году, т. е. черезъ 28 лѣтъ, по смерти ея перваго мужа. Въ своемъ письмѣ къ Максимовичу Костомаровъ, полный надеждъ и не знающій о приближающейся грозѣ, разбившей его жизнь, приглашаетъ своего стараго товарища по наукѣ на свадьбу. Но судьба сыграла съ Костомаровымъ злую шутку...

Второе письмо отъ 2 августа 1859 года носитъ исключительно научный характеръ и касается монографіи Костомарова:

---

[1]) «Литературное наслѣдіе», стр. 47.

«Богданъ Хмельницкій». Къ сожалѣнію, мы не можемъ представить этого письма во всей цѣлости, такъ какъ почеркъ письма до того неразборчивъ, что, при всемъ нашемъ желаніи уразумѣть письмо, мы не могли этого сдѣлать. Костомаровъ вообще отличался удивительно неразборчивымъ почеркомъ, и чтеніе его писемъ иной разъ равносильно рѣшенію труднаго ребуса.

Третье письмо отъ 8 сентября 1864 года является отзвукомъ одного эпизода изъ жизни петербургской громады 60-ыхъ годовъ. Героями этого эпизода были простая сельская дѣвушка Маруся изъ каневскаго уѣзда и нѣкто Григорій Ч—скій. Послѣдній, провожая тѣло Шевченка на Украину, познакомился тамъ съ Марусею и, покоривъ ея сердце своею культурною на видъ любовью, уговорилъ ѣхать въ Петербургъ и обвѣнчаться тамъ съ нимъ. Родители не отпускали Маруси, прежде чѣмъ она не будетъ обручена съ Ч—скимъ, и потому обрядъ обрученія надъ ними былъ совершенъ. Маруся уѣхала съ Ч—скимъ въ Петербургъ и вскорѣ появилась въ украинскихъ кругахъ, выдѣляясь среди сюртуковъ мужчинъ и платьевъ дамъ своимъ національнымъ костюмомъ, украшеннымъ лентами. Всѣ обращали вниманіе на милую деревенскую дѣвушку, но мало кто задумывался надъ тѣмъ, насколько хорошо это выставленіе на показъ крестьянской дѣвушки среди чуждаго ей по развитію общества. Возмущался этимъ одинъ только Костомаровъ.

Маруся была безгранично предана своему возлюбленному и жестоко поплатилась въ концѣ концовъ за свою необдуманную любовь. Ч—скій доказалъ на своемъ примѣрѣ, какъ мало имѣютъ значенія и теоретическія идейныя построенія, и національныя стремленія, и общественное мнѣніе, если человѣкъ не развилъ въ себѣ личныхъ устоевъ нравственности, не достигъ личнаго нравственнаго совершенства. Ничто не помѣшало Ч—скому сдѣлать дурное дѣло: ни то, что онъ провожалъ на Украину останки Шевченка, гордость украинскаго народа, ни то, что онъ, конечно, зналъ и, можетъ быть, гдѣ-либо въ кружкѣ съ чувствомъ читалъ Шевченкову «Катерину». Какъ должно бы было содрогнуться въ могилѣ надъ Днѣпромъ тѣло славнаго поэта, если бы онъ узналъ, что надъ его гробомъ совершено то преступленіе, по поводу ко-

тораго такъ негодовала его страдающая муза, если бы онъ зналъ, что его проводы на Украину создадутъ въ украинскомъ селѣ еще одну покрытку!

Черезъ нѣкоторое время Ч—скій сталъ относиться къ Марусѣ очень грубо и даже жестоко, и потому Маруся становится предметомъ вниманія петербургскихъ украинцевъ. О грубомъ отношеніи Ч—скаго къ Марусѣ прежде всего узнаетъ Н. А. Бѣлозерская, которая въ своихъ воспоминаніяхъ о Костомаровѣ оставила свѣдѣнія обо всей этой исторіи, подтверждаемыя документами. [1]) Въ Марусѣ принимаютъ участіе, а Костомаровъ жертвуетъ въ ея пользу одну свою статью. Рѣшили отправить Марусю на родину. Но Ч—скій, очевидно, боясь дальнѣйшей огласки дѣла, поспѣшилъ помириться съ Марусею, однако, какъ и слѣдовало быть, не надолго. Вскорѣ непріятности возобновились, и Маруся должна была искать пріюта у Бѣлозерской, въ семьѣ которой приняла на себя обязанности няньки.

Наконецъ Ч—скій самъ рѣшилъ отвезти Марусю на родину. Это взволновало Костомарова: «А что—пишетъ онъ Бѣлозерской,—если онъ ее на дорогѣ отправитъ на тотъ свѣтъ. Тотъ, кто способенъ такъ безцеремонно обращаться съ честью женщины, способенъ и на душегубство. Примите это къ свѣдѣнію. Не написать ли къ роднымъ Маруси всю подноготную и просить отвѣта: согласны ли они ее принять? А между тѣмъ насѣсть на Ч—скаго. Онъ долженъ жениться». Однако, изъ послѣдняго ничего не могло выйти: Ч—скій былъ уже женатъ и, когда обольщалъ крестьянскую дѣвушку, не имѣлъ впереди никакой благой цѣли.

Хлопоты по поводу возвращенія Маруси на родину протянулись до 1864 года; въ нихъ приняли участіе Н. А. Бѣлозерская, Н. И. Костомаровъ и П. А. Кулишъ. Послѣдніе привлекли къ этому дѣлу жившаго тогда въ своемъ полтавскомъ имѣніи на Днѣпрѣ, возлѣ Прохоровки, М. А. Максимовича. Въ мартѣ 1864

---

[1]) «Русская Старина», 1886 г., мартъ: Н. И. Костомаровъ въ 1857—1875 гг. Воспоминанія Н. А. Бѣлозерской».

года Кулишъ обратился съ письмомъ къ Максимовичу и просилъ его переговорить съ матерью Маруси относительно того, можетъ ли она принять къ себѣ свою несчастную дочь или нѣтъ: «Землячка ваша Маруся—писалъ Кулишъ къ Максимовичу, — дочь підгірнього каневскаго рыбака, ошиблась въ своихъ мечтахъ о счастливой жизни. Оказалось, что ея возлюбленный женатъ и потому не можетъ поставить ее въ незазорное положеніе. Она рѣшилась вернуться къ матери, но боится появить очей. Передаю ея покорнѣйшую просьбу переговорить съ ея матерью, которая у васъ бываетъ, и увѣдомить меня, можетъ ли эта сестра Шевченковой Катерины вернуться въ родную хату. Дѣтей у ней нѣтъ, и она все еще похожа на прежнюю Марусю. Можетъ быть, на берегахъ Днѣпра-Славуты она найдетъ себѣ жениха; а здѣсь ей придется погибать сиротою. Маруся не не достойна вашего участія. Кромѣ ея несчастной ошибки, которая, вѣроятно, повела ее къ излишней близости съ обманщикомъ, я ничего предосудительнаго за ней не знаю».

При этомъ, очевидно, подъ вліяніемъ Кулиша или Бѣлозерской, Маруся сама обратилась съ письмомъ къ Максимовичу. Дрожащею, непривычною рукою дѣвушка сочинила посланіе къ Максимовичу, котораго она, повидимому, знала еще на родинѣ. Письмо было исправлено, вѣроятно, Кулишемъ, такъ какъ въ немъ выдержано введенное имъ правописаніе, и затѣмъ переписано Марусею начисто, поскольку она могла сдѣлать это. — «Будте ласкаві, щирий козаче, добродію — такъ писала Маруся Максимовичу — я васъ дуже прошу пиріговорітъ зматірю замене чи приймуть вони мене, якъ я приіду сама, чи ні, бо мабуть Грицько нипоіде, то будьте ласкаві скажить матирі нихай порадиця збратами, чи луче якъ я приіду, чи щобъ тутъ була, якъ вони скажуть, то я такъ зроблю. Маруся Украінка».

Грыцько—это Ч—скій, самъ сначала желавшій проводить обманутую имъ дѣвушку на родину.

Въ сентябрѣ 1864 года Маруся наконецъ поѣхала на родину. Можно думать, что Костомаровъ черезъ нее лично передалъ Максимовичу печатаемое ниже письмо къ нему; за это говоритъ

какъ бы рекомендательный тонъ письма. Негодованіе Костомарова по поводу поступка Ч—скаго было велико. Но не только моральная сторона дѣла возмущала Костомарова, — онъ боялся неблагопріятныхъ идейныхъ послѣдствій, могущихъ произойти отъ подобныхъ этому случаевъ. Костомаровъ предвидѣлъ, что такія безнравственныя дѣйствія, какое совершилъ Ч—скій, подорвутъ довѣріе народа къ интеллигенціи и породятъ къ ней въ народной средѣ подозрительное отношеніе. Поэтому онъ предлагалъ рѣшительную нравственную мѣру для предупрежденія повторенія такихъ поступковъ, какой позволилъ себѣ Ч—скій: Костомаровъ считалъ необходимымъ предать дѣло гласности.

Маруся поѣхала на родину, но въ Петербургѣ ничего не знали объ ней. Это тревожило всю громаду, и потому по общей просьбѣ Кулишъ снова обратился къ Максимовичу: «Петербургская громада безпокоится о неизвѣстности положенія каневской Маруси и просила меня освѣдомиться у васъ, достигла ли она предѣловъ своей убогой родины. Кстати сообщу вамъ, что въ громадской радѣ, собравшейся 11-го октября, Ч—скій лишенъ общимъ приговоромъ званія громадянина и признанъ недостойнымъ общенія съ честными людьми. Просимъ васъ, при случаѣ, сообщить объ этомъ кому слѣдуетъ, чтобъ не считали насъ равнодушными къ такимъ подлостямъ и тиранству, какія дозволилъ себѣ Ч—скій относительно Маруси.»

На этомъ письмѣ обрываются точныя свѣдѣнія о Марусѣ. Что было съ нею потомъ? Приняла ли ее родная мать или нѣтъ? На эти вопросы, вѣроятно, мы нашли бы отвѣтъ въ письмѣ Максимовича къ Кулишу, которое конечно, было имъ написано по поводу послѣдняго письма Кулиша. Но если вѣрить слухамъ, ходившимъ въ петербургской громадѣ, судьба Маруси была печальна. Объ этомъ глухо говоритъ Н. А. Бѣлозерская, не ручающаяся, впрочемъ, за достовѣрность сообщаемаго ею извѣстія. Жизнь Маруси согласно съ этими слухами, направилась въ сторону наименьшаго сопротивленія: дѣвушка, лишенная чести, легко ужъ поддалась соблазнамъ со стороны другихъ лицъ и въ концѣ концовъ. . стала жить этимъ. Но повторяемъ, Н. А. Бѣлозерская

оговаривается, передавая петербургскіе слухи, что она ихъ не провѣряла.

Послѣднее письмо Костомарова къ Максимовичу, какъ и второе, посвящено исторіи Богдана Хмельницкаго. Въ этомъ письмѣ нами не разобрано два слова.

I

Кіевъ. Ст. гор.
18 = III / 18 | д. Монькина / близъ ц. Андрея Первозв. = 47.

Почтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ!

Очень жалѣю, что не могъ изъявить вамъ своей благодарности съ тѣмъ самымъ посломъ, который привезъ мнѣ драгоцѣнности для исторіи Украины. Симоновскій, хотя источникъ поздній, однако все-таки заключаетъ кое-что новое, а мнѣ каждая крюха драгоцѣнна при разработкѣ моей Хмельнищины Сто разъ въ восхищеніи благодарю васъ и совѣтую поспѣшить съ пѣснями, ибо Кулешъ, проѣзжая черезъ Кіевъ, извѣстилъ меня, что онъ отдалъ свои пѣсни вмѣстѣ съ частію моихъ Бодянскому, который хочетъ ихъ напечатать въ «Чтеніяхъ». Ради Бога, поспѣшите; употребимъ общія усилія, чтобъ не допустить гордой Москвѣ возвыситься надъ престарѣлымъ нашимъ Кіевомъ. На нашей сторонѣ Шевченко, который, къ сожалѣнію, гдѣ-то пропадаетъ, но скоро явится: мы его засадимъ малевать для сборника. Несмотря на измѣну Кулеша, отдавшагося подъ протекцію московскую, мы еще можемъ одержать первенство быстротою[1]). Зная, что вы открыли подписку и имѣете уже часть суммы, я спѣшу васъ просить. Что до меня лично, желаю только, чтобъ изданы были

---

[1]) П. А. Кулишъ отдалъ Московскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, секретаремъ котораго былъ въ то время проф. О. М. Бодянскій, свои этнографическіе матеріалы. Впослѣдствіи эти матеріалы вошли въ «Записки о Южной Руси».

пѣсни; желаю этого, какъ любитель Украины; а какъ преданный вамъ, желаю, чтобъ дѣло совершено было именно вами. Пусть кто началъ, тотъ и кончаетъ [1]). Кулешъ уѣхалъ назадъ тому недѣли двѣ и жилъ здѣсь только два дни. Съ нимъ и женою его поѣхалъ и Бѣлозерскій.

Я бы пріѣхалъ къ вамъ въ Прохоровку, но занятъ важнымъ дѣломъ, именно я женюсь, и желалъ бы видѣть васъ при такомъ многозначительномъ событіи моей частной жизни, а между тѣмъ, принося вамъ самое искреннее, самое задушевное поздравленіе съ наступающими праздниками Воскресенія Христова, съ чувствомъ привязанности, признательности, любви и уваженія пребываю навсегда вашимъ искреннимъ доброжелателемъ и готовымъ на все, чѣмъ могу оправдать ваше ко мнѣ вниманіе, вашъ преданный Николай Костомаровъ.

II

Спб. августа 2. 1859.

Милостивый государь Михаилъ Александровичъ,

Благодарю васъ за честь, сдѣланную мнѣ разборомъ «Хмельницкаго»: вы удостаиваете меня вызовомъ на поединокъ [2]). Я слишкомъ уважаю васъ и знаю, что нелегко мнѣ будетъ состязаться съ вашими знаніями въ южнорусской старинѣ, однако первые удары ваши я отпарировалъ въ № 132 «Спб. Вѣдомостей». Вы обѣщаетесь вывести гнилую болотную воду, найденную вами

---

[1]) Имѣется въ виду подготовлявшійся тогда Максимовичемъ «Сборникъ украинскихъ пѣсенъ», вышедшій въ 1849 г. въ Кіевѣ.

[2]) Разбору монографіи Костомарова Максимовичъ посвятилъ слѣдующія статьи: «Письмо о Богданѣ Хмельницкомъ», «Украинецъ», 1859, 147—174; «О пріѣздѣ Богдана Хмельницкаго въ Кіевъ изъ Замостья», «Русская Бесѣда», 1859, кн. VI. На статью Костомарова въ «Спб. Вѣдомостяхъ» Максимовичъ отвѣчалъ тамъ же въ № 8-омъ 1860 года.

въ выпискѣ изъ Коховскаго, на чистую воду Днѣпровскую. Вы сдѣлаете большую услугу исторіи. Но въ такомъ случаѣ я васъ попрошу о слѣдующемъ:

1) Не приписывайте моему личному взгляду свидѣтельства современниковъ. Взглядъ Коховского, какъ поляка, не можетъ быть правиленъ, какъ и взглядъ его современника южнорусса, и я привожу ихъ только для того, чтобъ показать, какимъ былъ Хмельницкій для своихъ современниковъ.

2) Не давайте значенія исторической дѣйствительности тому, что имѣетъ характеръ возможности—не болѣе. Такимъ образомъ вы обвинили меня за неясность въ опредѣленіи срока плѣна Хмельницкаго и составили свое предположеніе, которому дали характеръ . . . . . исторической истины, а между тѣмъ открывается, что, если я виноватъ, то не за то, что не означилъ этого срока, а за то, что прицялъ свидѣтельство Сѣркова письма; на дѣлѣ же, по соображенію событій, въ немъ и ошибка . . .

. . . . . .

Нѣкоторые, основываясь на валихъ указаніяхъ, обвиняютъ меня въ томъ, будто бы я пользовался польскими источниками безъ всякой критики. Эта мысль была выражена въ « . . . . . Обозрѣніи» недавно съ ссылкою на васъ. Пользоваться безъ критики источниками—значитъ принимать ихъ на вѣру безъ размышленія. Но если я не высказываю своихъ понятій о томъ, какъ понималъ или изображалъ такія-то событія такой-то и другой источникъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что я пользовался ими безъ критики. Критика осталась у меня въ портфелѣ, ибо я не хотѣлъ издавать критическихъ изслѣдованій. Меня можно обвинять въ томъ, что я не такъ понялъ такой-то источникъ, не такъ смотрѣлъ на него—правда, но никто не можетъ прямо сказать, что я вовсе пользовался ими безъ критики, и вы, вѣроятно, этого не скажете, и доказали это вашимъ разборомъ, гдѣ вы, опровергая меня, хотите, однако, угадать, отчего я такой-то фактъ представилъ такъ, а не иначе. Это потому, что вы дѣло знаете, и вамъ извѣстна процедура историческаго труда. Желалъ бы я, чтобы эти почтенные судіи русской литературы, такъ олимпійски

изрекающіе надо мною приговоръ, доказали мнѣ, безъ вашего пособія, что я пользовался безъ всякой критики польскими источниками, которыхъ они и въ рукахъ не держали.

Теперь я занимаюсь исторіею козаччины до Богдана. Вы бы мнѣ оказали великое благодѣяніе, если бы удостоили указать на источники, которые извѣстны вамъ и, можетъ быть, мнѣ неизвѣстны. Всякое указаніе и замѣчаніе ваше я приму съ полною благодарностію. Передайте или перешлите письмо Шевченку: вѣроятно, вы знаете, гдѣ онъ теперь. Глубокоуважающій васъ, преданный вамъ душевно Н. Костомаровъ.

Адресъ мой: Въ книжный магазинъ Д. Е. Кожанчикова съ передачею Н. И. Костомарову.

III.

Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ.

Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Удостойте участіемъ вашимъ бѣдную Марусю: она вамъ уже извѣстна, пристройте ее съ родомъ-племенемъ и, если можно, доставьте ей возможность жить честнымъ трудомъ. Очень прискорбно, что мерзавецъ Ч—скій, погубившій эту дѣвушку, пріѣзжалъ въ Украину съ тѣломъ Шевченка и такимъ образомъ положилъ пятно на патріотическое дѣло, которое ему имѣли неосторожность довѣрить. Надобно стараться, чтобъ имя его было предано достойному презрѣнію, но чтобъ народъ не былъ расположенъ по этому несчастному примѣру встрѣчать съ подозрѣніемъ всякаго, кто къ нему обратится въ интересахъ народности. Надобно бы напечатать о поступкѣ Ч—скаго, между прочимъ.

Хотѣлъ было я перебраться на Украину, чтобы провести остатокъ дней въ странѣ своей, текущей млекомъ и медомъ, но увы! —сильные міра сего, сѣдящіе на сѣдалищахъ власти, по наущеніямъ суеслаголивыхъ клеветниковъ, не допустили меня. Я любилъ всю жизнь Украину, ея народъ, ея языкъ, ея природу:

за это меня слѣдуетъ лишить возможности дожить и умереть тамъ. Глубокоуважающій васъ Н. Костомаровъ.

Сентября 8. 1864. Спб. [1]).

IV.

Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ,

Въ настоящее время занимаюсь передѣлкой «Богдана Хмельницкаго» и съ великою благодарностію воспользуюсь вашими замѣчаніями, высказанными печатно; кромѣ нѣкоторыхъ (1), я со всѣмъ согласенъ; въ особенности каюсь въ повтореніи характеристики Коховскаго, которая идетъ болѣе къ Выговскому, чѣмъ къ Хмельницкому.

У васъ есть . . . . книга. Прикажите выписать изъ нея (на мой счетъ) названія сотенъ, имена начальствующихъ лицъ и приложенныя тамъ стихотворенія. Будьте столько добры.

Кстати, подѣлюсь съ вами любопытнымъ извѣстіемъ. Въ одной изъ рукоп. И. П. Библ. (разноязычн. F. № 5) есть письмо кого-то изъ Львова въ Варшаву о разныхъ вѣстяхъ. Письмо въ іюлѣ 1648 (29) сообщаетъ, что Хмельницкій женился на шляхтянкѣ Чаплинской, вдовѣ шляхтича, убитаго недавно.

Вопр(осъ), того ли Чаплинскаго, съ котораго все началось? Во всякомъ случаѣ, значитъ, всѣ источники, показывающіе бракъ его въ январѣ 1649 года, врутъ, и патріархъ сюда приплетенъ напрасно. А какъ вы думаете, происшествіе съ Чаплинскимъ было прежде или послѣ порученія Владислава строить чайки? Я никакъ не могу этого въ толкъ взять. Я скорѣе наклоненъ думать, что послѣ, и даже послѣ вторичнаго обращенія къ козакамъ, о которомъ говоритъ Грондскій. Первое было въ Варшавѣ въ маѣ 1646 г.; сеймъ въ ноябрѣ того же года разрушилъ затѣи. Грондскій говоритъ, что послѣ того Оссолинскій съ Любовицкимъ

[1]) Вверху почтоваго листа приписано рукою Максимовича: «Пол. 27 сентября».

объѣхали пограничныя крѣпости и опять обращались къ козакамъ, уже къ Хмельницкому. Мнѣ кажется сомнительнымъ поѣздка самого Оссолинскаго, онъ былъ слишкомъ хитръ и остороженъ, а что посылалъ туда Любовицкаго, это очень вѣроятно. Вотъ это-то вторичное предложеніе начать войну съ Турціею и расположило Хмельницкаго выманить у Ильяша (скорѣе, чѣмъ у Барабаша) привилегію, данную королемъ, а вслѣдъ затѣмъ сдѣлалъ наѣздъ Чаплинскій, имѣвшій, можетъ быть (и болѣе, чѣмъ вѣроятно) столько же политическое побужденіе, сколько и его личное. Наѣздъ этотъ, какъ мнѣ кажется, сдѣланъ былъ, между прочимъ, съ тѣмъ, чтобъ отнять у Хмельницкаго привилегію.

Какъ вы объ этомъ думаете? сообщите.

Глубокоуважающій васъ Н. Костомаровъ. Окт. 24. 1864. Спб. IX линія, Вас. Остр. д. № 4 кв. № 5.

(1) Писарства Хмельницкаго, времени плѣна у турокъ, участія въ прежнихъ возстаніяхъ и времени отнятія привилегіи. Кстати, ... о Барабашѣ ошибка. Дѣло было съ Ильяшемъ, а не съ Барабашемъ.

(Вверху письма рукою Максимовича приписано: «Пол. 10. Отвѣч. 16»).

II. Н. И. Костомаровъ и „Кіевская Старина".

Основаніе въ 1882 году «Кіевской Старины» должно было быть очень близкимъ сердцу знаменитаго и престарѣлаго уже въ то время Н. И. Костомарова. Какъ, по выраженію древняго книжника, радуется купецъ, сотворившій прикупъ, или писецъ, дошедшій до конца книги, такъ, конечно, долженъ радоваться ученый, занимающійся въ опредѣленной области науки, основанію журнала, посвященнаго его спеціальности. Какъ ни близки были сердцу Костомарова всѣ области русской исторіи, но все-таки ближе всего, сроднѣе всего была ему область исторіи украинской, для которой онъ много поту утеръ на лицѣ своемъ,

какъ говорили русскіе лѣтописцы. Въ «Кіевской Старинѣ» Костомаровъ впервые видѣлъ органъ, спеціально посвященный дорогой для него области исторіи украинскаго народа и его быта. Существовавшая въ 60-ыхъ годахъ «Основа» не могла представлять для Костомарова такого же интереса, какъ и «Кіевская Старина», такъ какъ это былъ органъ, главнымъ образомъ посвященный художественной украинской литературѣ и публицистикѣ, и въ незначительной степени отводившій мѣсто разработкѣ историческихъ вопросовъ, касающихся Украины.

Первый редакторъ - издатель «Кіевской Старины» Ѳ. Г. Лебединцевъ могъ вполнѣ разсчитывать на сотрудничество Костомарова, съ одной стороны, по чисто принципіальнымъ соображеніямъ, а съ другой, потому, что могъ всегда положиться на вліяніе и содѣйствіе своего брата Даніила Гавриловича, который былъ старымъ пріятелемъ Костомарова [1]). Однако, неизвѣстно, обращался ли Лебединцевъ черезъ своего брата съ первымъ предложеніемъ къ Костомарову принять участіе въ журналѣ,— имѣющіяся у насъ письма указываютъ лишь на непосредственное обращеніе самого Лебединцева къ Костомарову, а также черезъ В. Б. Антоновича и П. И. Житецкаго, съ просьбою помѣстить въ «Кіевской Старинѣ» монографію «Мазепа». Но это желаніе Лебединцева не осуществилось Костомаровъ уже обѣщалъ «Мазепу» редактору «Русской Мысли» С. А. Юрьеву, и монографія была напечатана въ томъ же 1882 году въ названномъ журналѣ. Но на будущее время Костомаровъ обѣщалъ Лебединцеву ревностное сотрудничество въ его журналѣ.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ Костомаровъ выхода «Кіевской Старины», ждалъ, какъ «краснаго солнышка», и, дѣйствительно, нашелъ въ ней для себя много интереснаго и даже новаго, какъ напр., дневникъ польскаго дворянина Станислава Освѣцима, жившаго въ XVII вѣкѣ, въ которомъ онъ описываетъ польско-козацкія столкновенія своего времени. Однимъ только не былъ доволенъ

---

[1]) «Автобіографія» въ книгѣ «Литературное наслѣдіе», стр. 205.

Костомаровъ въ вышедшей первой книжкѣ «Кіевской Старины» — это ея наружнымъ видомъ: «Типографія, гдѣ печатается «Кіевская Старина», хромаетъ, а переплетчикъ, который брошюровалъ экземпляры, изъ рукъ вонъ: невозможно читать книги: такъ и высыпаются листы. Надобно переплетать, на это нужно время, а между тѣмъ хочется познакомиться съ ея содержаніемъ». Небезынтересно сопоставить съ жалобами Костомарова на неудовлетворительную внѣшность «Кіевской Старины» указаніе на то же самое, сдѣланное Н. С. Лѣсковымъ, который также былъ приглашенъ Лебединцевымъ оказать «Кіевской Старинѣ» содѣйствіе своими произведеніями, гдѣ онъ-и напечаталъ «Печерскіе антики.» Вотъ что писалъ Лѣсковъ издателю «Кіевской Старины»: «Обертка новая хороша, но не совсѣмъ: кафли хороши, [1]) а шрифтъ отвратительный. Чортъ ли въ немъ, что онъ съ того или другого рисунка; когда онъ не четокъ, не бьетъ въ глаза, не кричитъ!... По моему это никуда не годится. Еще не хорошо, что вы позволяете переплетчику брошюровать «на клекъ», черезъ что книгу въ рукахъ держать невозможно,—такъ изъ нея потроха и сыпятся. Читатель не любитъ всего того, что его раздражаетъ. За $1^1/_2$ коп. такую книжку можно брошюровать «на нитку». [2]) Очевидно, Лебединцевъ совсѣмъ не обратилъ вниманія на внѣшность журнала, можетъ быть, не желая увеличивать расходы по его изданію, и она представлялась черезчуръ безпорядочною, если даже люди 80-хъ годовъ, совершенно не избалованные издателями въ отношеніи красоты и удобства изданій, жаловались такъ дружно на «Кіевскую Старину».

Пообѣщавъ быть полезнымъ журналу, «сколько силъ станетъ», Костомаровъ въ мартѣ мѣсяцѣ того же года спѣшитъ послать въ редакцію свой очеркъ «Поѣздка въ Бѣлую Церковь», сопровождая посылку небольшимъ письмомъ къ редактору. Слѣдуетъ отмѣтить ту скромность, съ какою знаменитый историкъ,

---

[1]) Обложка «Кіевской Старины» была составлена изъ рисунковъ старинныхъ украинскихъ кафель.

[2]) Отъ 22 января, 1883 года.

сотрудничество котораго считалось почетнымъ для всякаго журнала, предлагаетъ Лебединцеву напечатать свою статью. Мы какъ будто видимъ предъ собою начинающаго писателя, еще не увѣреннаго въ своихъ силахъ, не обладающаго именемъ, который трудится и не знаетъ, найдетъ ли его произведеніе пріютъ въ журналѣ, или сухо будетъ возвращено ему редакторомъ обратно: «Если найдете умѣстнымъ, пишетъ Костомаровъ, напечатайте въ «Кіевской Старинѣ», а не найдете, не вмѣните себѣ въ трудъ возвратить по почтѣ мою рукопись».

Лебединцевъ, привлекши Костомарова къ сотрудничеству въ журналѣ, посвящалъ его въ редакціонныя дѣла и, повидимому, совѣтовался съ нимъ. Такъ онъ сообщилъ Костомарову о своемъ несогласіи напечатать украинскую повѣсть И. С. Левицкаго: «Старосвіцькі батюшки та матушки», ссылаясь на то, что повѣсть могла охладить къ журналу лицъ, не читающихъ по украински. Костомаровъ возражалъ Лебединцеву: «Кого же могла отбить она отъ вашего журнала? Развѣ такихъ, какъ Юзефовичъ и Пихно съ братіею?» И Костомаровъ старался доказать Лебединцеву, что помѣщеніе повѣсти было бы полезно для журнала, такъ какъ привлекло бы къ нему еще болѣе украинской публики.

Но для насъ объясненіе Лебединцевымъ факта ненапечатанія повѣсти И. С. Левицкаго, какъ объ немъ можно судить по письму Костомарова, является нѣсколько непонятнымъ. Вѣдь дѣло происходило въ самый разгаръ цензурнаго гнета украинской рѣчи. Да могъ ли Лебединцевъ просто по цензурнымъ условіямъ помѣстить въ «Кіевской Старинѣ» повѣсть на украинскомъ языкѣ? Гораздо позже, въ 1897 году, когда редакція «Кіевской Старины» задумала включить въ программу журнала беллетристику на украинскомъ языкѣ, для этого понадобилось содѣйствіе и благожелательство двухъ генералъ-губернаторовъ юго-западнаго края, гр. А. П. Игнатьева, а затѣмъ М. И. Драгомирова. Подтвержденіе нашему сомнѣнію мы находимъ въ воспоминаніяхъ по поводу даннаго случая самого маститаго украинскаго писателя И. С. Левицкаго, къ которому мы обращались за разъясненіемъ. Мы рѣшаемся и считаемъ для себя пріятнымъ удовольствіемъ привести

объясненіе И. С. Левицкаго въ оригиналѣ, выписавъ соотвѣтствующій отрывокъ его письма къ намъ: «Костомаров тут розуміє мою повість: «Старосьвіцькі батюшки та матушки». Не надрукував йіі Лебединцев на украінські мові не через те тільки, що мова одбила б читальників з Великороссіи. Це тільки між инчим. В той час (1882 р.) вже було заборонено од Глав. Управленія по діл. Печаті друковать украінські повісті. І Лебединцев якось виканючив в тодішнього цензора Рафальского, щоб він дозволив надруковать розмови дієвих особ меж собою по-украінськи, а решту, де говоре автор сам од себе, редактор мусів поміщать на великоруські мові. Згодом потім я мусів таксамо на двох мовах помістить в «Кіевской Старинѣ» своє оповідання під заголовком: «Украінські штукарі», бо цього домогавсь цензор. І як би я не надписав ще в заголовку «этнографическій очеркъ», то (як казав міні один з редакторів) цензор не пропустив би й украінських розмов меж дієвими особами. Мабуть, Костомаров не знав про такий дрібязковий нацад на украінську мову в «Кіевской Старинѣ», коли пише оттакий докір Лебединцеву».

Въ такомъ-то двуличномъ видѣ повѣсть И. С. Левицкаго «Старосвѣтскіе батюшки и матушки» появилась въ «Кіевской Старинѣ» и на Костомарова произвела отрицательное впечатлѣніе. Вообще Костомаровъ былъ очень высокаго мнѣнія о творчествѣ И. С. Левицкаго и два его разсказа о бабахъ Палашкѣ и Параскѣ по высотѣ, тонкости и народности юмора ставилъ наравнѣ только съ произведеніями Гоголя[1]), но двуязычное сочиненіе Костомарову не понравилось: «Батюшки и матушки» не клеятся по-русски»,— писалъ онъ Лебединцеву. Что повѣсть «не клеилась», это было такъ естественно. Вѣдь у писателя отнималась его душа — родной языкъ, и никогда компромиссъ его съ цензурными требованіями не могъ выразиться въ цѣльныхъ, вполнѣ художественныхъ формахъ. При томъ же переводъ по-

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1882. кн. 2.

вѣсти съ украинскаго на русскій языкъ былъ сдѣланъ не всецѣло самимъ авторомъ, а также редакторомъ Лебединцевымъ [1]). По этому поводу намъ припоминается цензурный случай съ самимъ Костомаровымъ, разсказанный имъ въ автобіографіи. Разсказавъ о томъ, какъ цензоръ архимандритъ Макарій непремѣнно настаивалъ, чтобы сочиненіе: «Сѣвернорусскія народоправства» печаталось точно въ такомъ же видѣ, какимъ оно было послѣ цензурнаго просмотра, хотя дѣло касалось лишь нѣсколькихъ словъ, вставленныхъ Костомаровымъ при печатаніи изслѣдованія и не измѣнявшихъ смысла, Костомаровъ замѣчаетъ: «Сдѣланныя имъ перемѣны, которыя онъ принудилъ меня вставить въ текстъ моего сочиненія, совсѣмъ не сходились съ моимъ слогомъ. Вотъ образчикъ того, какъ авторы вынуждаемы были уступать требованіямъ цензоровъ и допускать въ свои сочиненія выраженія, вовсе несходныя съ тономъ, господствующимъ въ цѣломъ сочиненіи» [2]). Отзываясь о русско-украинской повѣсти И. С. Левицкаго, Костомаровъ и не подозрѣвалъ, какой «образчикъ» цензурнаго принужденія представляетъ эта повѣсть, передъ которымъ блѣднѣетъ и меркнетъ его собственный цензурный случай съ «Сѣвернорусскими народоправствами».

Костомаровъ съ первыхъ же шаговъ изданія „Кіевской Старины“ не ограничивался только сотрудничествомъ въ ней, но стремился также популяризовать журналъ и потому писалъ объ немъ рецензіи въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ [3]) и въ „Но-

---

[1]) І. Нечуй-Левицький: „Сьогочасна часописна мова на Украіні“. стр. 102.

[2]) „Автобіографія“ въ книгѣ: „Литературное наслѣдіе“, стр. 153.

[3]) „Правительственный Вѣстникъ“, 1882 г. № 276 (14 декабря). стр. 2—3. *Библіографія.* „Кіевская Старина“. Ежемѣсячный историческій журналъ 1882 года“. Статья безъ подписи, но принадлежность ея Костомарову доказывается съ очевидностью письмомъ (X) его къ Лебединцеву. Въ спискѣ сочиненій Костомарова въ книгѣ: „Литературное наслѣдіе“ данная статья пропущена.

вомъ Времени" [1]). Изъ писемъ Костомарова къ Лебединцеву видно, что издатель послѣдняго принималъ рецензіи на „Кіевскую Старину" неохотно и печаталъ ихъ, очевидно, только потому, что авторомъ ихъ былъ знаменитый историкъ. Въ письмѣ къ Лебединцеву отъ 17 января 1883 года Костомаровъ объясняетъ эту неохоту со стороны редактора „Новаго Времени" печатать рецензіи на журналъ въ своей газетѣ завистью къ „Кіевской Старинѣ". Но съ такимъ объясненіемъ совершенно невозможно согласиться, да и вѣроятнѣе всего, что Костомаровъ сказалъ о зависти съ благою цѣлью поднять значеніе „Кіевской Старины" въ глазахъ самого Лебединцева. Могъ ли, въ самомъ дѣлѣ, крупный петербургскій издатель, хотя нѣсколько, завидовать провинціальному, не окупавшему расходовъ изданію? Правда то, что редакторъ „Новаго Времени" не совсѣмъ благосклонно смотрѣлъ на популяризацію „Кіевской Старины" на страницахъ газеты, что подтверждаютъ, между прочимъ, письма Н. С. Лѣскова къ Лебединцеву: „Старину вашу, писалъ Лѣсковъ, чай видите,—поддерживаемъ, повторяя ея имя и похваляя ея труды. По моему, я это дѣлаю даже счастливѣе Николая Ивановича, потому что мое проходитъ ради живости и интересности того, что у васъ дергаемъ, а Костомаровскій отзывъ Суворинъ насилу напечаталъ и то сказалъ мнѣ: „Вы оба рекламируете «Кіевскую Старину»; когда есть свой такой же журналъ" [2]). Костомаровъ напрасно это двинулъ такимъ тяжелымъ орудіемъ, — лучше полегче, да почаще, да такъ, чтобы помнилось что-нибудь забирательное". Эта неблагосклонность издателя „Новаго Времени" къ рекламированію „Кіевской Старины" со стороны Лѣскова и Костомарова объясняется исключительно редакціонными соображеніями. Съ одной стороны, для ежедневнаго изданія тяжелыя рецензіи Костомарова были неподходящимъ матеріаломъ по своей ученой серьезности, а съ другой стороны, частыя рецензіи на

[1]) „Новое Время", 1882, № 2212 (рецензія на журналъ за мѣсяцы январь—апрѣль) и №№ 2442 и 2449 (рецензія на журналъ за мѣсяцы апрѣль—ноябрь).

[2]) Т. е. „Историческій Вѣстникъ".

провинціальный журналъ не соотвѣтствовали общимъ стремленіямъ «Новаго Времени», главнымъ образомъ, обслуживавшаго интересы петербургскаго общества.

За первый годъ существованія «Кіевской Старины» Костомаровъ, кромѣ упомянутой статьи: «Поѣздка въ Бѣлую Церковь» [1]), помѣстилъ въ журналѣ «Матеріалы для исторіи Коліивщины или рѣзни 1768 года» [2]) и замѣтку: «Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ XI вѣка» [3]).

Къ сентябрю же 1882 года Костомаровъ приготовилъ для «Кіевской Старины» изслѣдованіе: «Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка», при чемъ самъ даже переписалъ статью для журнала и старался переписать какъ можно лучше. Если принять во вниманіе классически неразборчивый почеркъ Костомарова, то его слова въ письмѣ къ Лебединцеву о томъ, что онъ «старался» переписать статью четко, получаютъ особенное значеніе, какъ показатель неутомимаго научнаго рвенія стараго историка. При томъ же въ это время Костомаровъ почти всегда былъ боленъ и разслабленъ, и потому переписка имъ самимъ рукописи пріобрѣтаетъ характеръ ученаго подвига.

Лебединцевъ, конечно, принялъ статью, но, какъ пишетъ ему самъ Костомаровъ, «не безъ соболѣзнованія», потому что Костомаровъ, по мнѣнію Лебединцева, назначилъ за нее дорогую цѣну. На это Костомаровъ приводилъ Лебединцеву слѣдующіе расчеты: «Посудите сами: если мнѣ за то же сочиненіе и за всѣ произведенія, не чисто ученаго, а беллетристическаго содержанія платятъ по 200 р., и при томъ запросовъ такъ много отъ разныхъ періодическихъ органовъ, что удовлетворить ихъ нѣтъ возможности, то вполнѣ справедливо, согласитесь сами, что съ вашего журнала я возьму то, что другіе мнѣ предлагаютъ, но я все-таки предпочитаю помѣстить у васъ, хотя черезъ то на меня надулись тѣ, которымъ я отказалъ». Здѣсь мы встрѣчаемся съ

---

[1]) „Кіевская Старина", 1882 г. кн. 5, 241—256.

[2]) Ibidem, кн. 8, 297—304.

[3]) Ibidem, кн. 8, 362—368.

фактомъ денежныхъ отношеній Костомарова къ «Кіевской Старинѣ». Хотя подобныя вещи, прежде всего, не имѣютъ никакого литературнаго значенія, а затѣмъ сами по себѣ слишкомъ мелки, чтобы ими можно было интересоваться въ печати, тѣмъ не менѣе мы считаемъ обязательнымъ остановиться на денежныхъ отношеніяхъ Костомарова къ «Кіевской Старинѣ», такъ какъ по условіямъ изданія «Кіевской Старины» и ея положенію въ дѣлѣ украинскаго культурнаго возрожденія даже послѣднія могутъ принять нѣкоторую идейную окраску. Намъ приходилось слышать упреки памяти Костомарова за то, что онъ пользовался гонораромъ съ «Кіевской Старины». «Кіевская Старина», правда, была дѣломъ идейнаго характера, но развѣ такіе журналы, какъ «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль», «Русское Богатство» не были идейными явленіями? Во тьмѣ общественнаго сознанія конца XIX вѣка они были почти единственно видимыми и доступными свѣточами бодрствующей совѣсти. Однако никто не ставилъ въ упрекъ руководителямъ и сотрудникамъ журналовъ, что они почерпали средства для жизни изъ своей дѣятельности. Правда также то, что «Кіевская Старина» въ теченіе своего двадцатипятилѣтняго существованія держалась доброхотными дарами сотрудниковъ, но это, говоря словами Костомарова, было «достохвальнымъ пожертвованіемъ». Почему ученый, всю жизнь твердо державшій знамя украинской культуры, перенесшій за это гоненія и невзгоды, долженъ былъ на старости лѣтъ жертвовать своимъ трудомъ, сверхъ силъ, для украинскаго журнала, тогда какъ все остальное украинское общество, или, по крайней мѣрѣ, признававшее себя таковымъ, очень мало принимало участія въ матеріальной поддержкѣ изданія?

Къ тому же Лебединцевъ, идеально преданный своему дѣлу, которое все-таки въ концѣ концовъ оказалось ему не подъ силу, дѣлалъ Костомарову предложенія, бывшія, по выраженію послѣдняго, «физически невозможными». Фактъ пріобрѣтаетъ характеръ курьеза. Лебединцевъ въ 1883 году предложилъ Костомарову «писать исторію послѣднихъ лѣтъ Гетманщины и помѣстить ее въ «Кіевской Старинѣ» даромъ», между тѣмъ какъ гонораръ, полу-

ченный Костомаровымъ за «Руину» съ «Вѣстника Европы» и «Мазепу» съ «Русской Мысли», могъ едва лишь покрыть расходы, которые пришлось сдѣлать историку во время поѣздокъ въ Москву въ мѣстные архивы. Костомаровъ все время болѣлъ, на леченье приходилось истрачивать значительныя суммы, и при такихъ условіяхъ жертвы, которыя предлагалъ Лебединцевъ Костомарову принести на алтарь исторической науки, были свыше человѣческихъ силъ.

Но Костомаровъ обѣщаетъ, сколько можно, рекомендовать журналъ знакомымъ, хотя и не надѣется на успѣхъ подобнаго дѣла, такъ какъ знакомые его «все народъ небогатый». Рекомендовать «Кіевскую Старину» знакомымъ было для сотрудниковъ журнала такою же безкорыстною обязанностью, какъ и писать для него безплатныя статьи. Иные сотрудники припоминали Лебединцеву всѣхъ своихъ знакомыхъ, кто бы могъ, по ихъ мнѣнію, подписаться на журналъ, и Лебединцевъ разсылалъ предложенія такимъ лицамъ. Надо воздать Лебединцеву честь: онъ умѣлъ, даже не платя гонораровъ, привлекать къ своему журналу сотрудниковъ, помѣщавшихъ въ послѣднемъ свои цѣнные труды, за которые авторы ихъ бывали удостаиваемы впослѣдствіи ученыхъ степеней. О томъ, какъ Лебединцевъ дорожилъ сотрудниками, и съ какимъ уваженіемъ онъ относился къ нимъ, свидѣтельствуетъ большая переписка Лебединцева со многими изъ участниковъ журнала. Если они ему писали довольно часто и помногу, то, очевидно, самъ Лебединцевъ не ограничивался какими-нибудь сухими отвѣтами на письма, а то и молчаніемъ. Оканчивая вопросъ о денежныхъ отношеніяхъ Костомарова къ «Кіевской Старинѣ», для характеристики историка слѣдуетъ подчеркнуть то, что послѣ указаннаго предложенія Лебединцева онъ прислалъ ему для напечатанія статью «Изъ прожитыхъ на Волыни дней» [1]) и гонорара не взялъ.

Въ связи съ матеріальною необезпеченностью «Кіевской Старины» стоитъ фактъ, который до сихъ поръ не былъ совершенно

---

[1]) «Кіевская Старина», 1881, январь.

извѣстенъ даже ближайшимъ сотрудникамъ журнала. Въ нашихъ «Литературныхъ поминкахъ» по «Кіевской Старинѣ», помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», мы со словъ одного изъ участниковъ первой редакціи «Кіевской Старины» сообщали, что еще въ редакторство Лебединцева былъ поставленъ вопросъ о закрытіи журнала въ виду его сепаратистскаго направленія.— «Экспертиза благонадежности «Кіевской Старины» была поручена академику А. Ѳ. Бычкову. Лебединцевъ поспѣшилъ послать ему комплектъ вышедшихъ номеровъ журнала, и Бычковъ, разсмотрѣвши содержаніе «Кіевской Старины», далъ заключеніе въ томъ смыслѣ, что журналъ безупреченъ въ политическомъ отношеніи и высоко цѣненъ въ научномъ» [1]). Въ данномъ случаѣ мы были введены въ заблужденіе упомянутымъ лицомъ, какъ, въ свою очередь, и сообщавшій намъ эти свѣдѣнія находился въ заблужденіи. Весь этотъ разсказъ о подозрѣніяхъ политическаго характера по отношенію къ «Кіевской Старинѣ» не болѣе, не менѣе, какъ легенда нехорошаго свойства, приписывающая покойному академику А. Ѳ. Бычкову роль какого-то эксперта по политическимъ дѣламъ. Легенда, правда, имѣетъ подъ собою дѣйствительное основаніе, но совершенно противоположное ея содержанію.

Письма Костомарова къ Лебединцеву вполнѣ разъясняютъ это дѣло. Лебединцевъ при посредствѣ своего брата Даніила Гавриловича обратился къ Костомарову съ просьбою поддержать «Кіевскую Старину» исходатайствованіемъ субсидіи. Костомаровъ обратился къ академику А. Ѳ. Бычкову, а послѣдній совѣтовалъ попросить И. Д. Делянова, который лично зналъ Ѳ. Г. Лебединцева по его службѣ директоромъ народныхъ училищъ въ Холмѣ. Сначала Бычковъ совѣтовалъ просить только рекомендаціи журнала со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія, а затѣмъ уже черезъ годъ и субсидіи. Лебединцевъ по совѣту Бычкова и Костомарова обратился съ просьбою къ Делянову, который обѣ-

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1907, іюль, 208 стр.

щалъ похлопотать за журналъ, но изъ этого ничего не вышло. Въ министерскихъ кругахъ по поводу субсидіи поднялись толки въ томъ смыслѣ, что, хотя «Кіевская Старина» журналъ «очень дѣльный, почтенный, полезный для науки», но, если государство будетъ поддерживать всѣ научныя предпріятія, у него не хватитъ средствъ. Иначе совсѣмъ обстоитъ дѣло съ «Кіевлянпномъ», получающимъ субсидію: эта газета разрабатываетъ въ духѣ правительства политическіе вопросы и проводитъ его интересы въ юго-западномъ краѣ.

Кромѣ Костомарова, Лебединцевъ обращался съ просьбою поддержать ходатайство о субсидіи къ Леонтію, архіепископу холмско-варшавскому. Преосвященный исполнилъ просьбу Лебединцева и сообщалъ ему слѣдующее: «7-го апр. былъ у меня Иванъ Давидовичъ [1]),—и я высказалъ ему ваши потребности. Онъ сказалъ, что имѣетъ отъ васъ письмо и желаетъ помочь доброму дѣлу; обѣщалъ переговорить съ Бунге [2]). Нѣтъ ли у васъ кого изъ знакомыхъ, близкаго къ мин. финансовъ? Даніилъ Гавриловичъ обѣщалъ попросить содѣйствія Костомарова и Бычкова. Это хорошо. Но не лишне изъ Кіева пустить словцо. Журналъ вашъ читаемъ съ удовольствіемъ и пользою. Но удивительно, какъ мало у васъ подписчиковъ. Южане наши, выходитъ, мало интересуются своею исторіею. Я читаю, при всѣхъ недосугахъ, каждый номеръ».

Еще къ болѣе рѣзкому сужденію вслѣдствіе безучастнаго отношенія украинскаго общества къ «Кіевской Старинѣ» приходитъ Костомаровъ: «Если южнорусскій край, пишетъ онъ Лебединцеву, не хочетъ поддержать единственнаго изданія, ему посвященнаго, то стоитъ махнуть на него рукою».

Но все же были кое-какіе положительные результаты ходатайства Лебединцева: журналъ былъ рекомендованъ для выписки въ среднія учебныя заведенія Министерства Народнаго Просвѣщенія.

---

[1]) Деляновъ.

[2]) Министръ финансовъ.

Если Лебединцевъ хлопоталъ даже о субсидіи журналу, то откуда же могла возникнуть легенда объ угрожавшей «Кіевской Старинѣ» опасности. Мы думаемъ, что она явилась послѣдствіемъ какой-нибудь неясно оброненной фразы Лебединцева по поводу ходатайства, которую окружавшіе, не зная существа дѣла, приняли въ противоположномъ смыслѣ. При этомъ очевидно то, что Лебединцевъ изъ самолюбія никого изъ кіевлянъ не посвящалъ въ вопросъ о субсидіи.

Слѣдя за дѣятельностью Костомарова на страницахъ «Кіевской Старины», мы остановились на «Жидотрепаніи въ началѣ XVIII вѣка». Оно было напечатано въ 1883 году въ январьской и мартовской книжкахъ журнала. Это раздѣленіе статьи на двѣ части показалось Костомарову необоснованнымъ и умаляющимъ интересъ къ ней: «Напрасно вы мое «Жидотрепаніе» растрепали на два номера, писалъ Костомаровъ; вообще мнѣ кажется, ошибаются тѣ редакторы, которые безъ особой нужды раздѣляютъ на нумера такія сочиненія, которыя имѣютъ интересъ только тогда, когда ихъ можно прочесть за одинъ присѣстъ». Н. С. Лѣсковъ, который въ письмахъ къ Лебединцеву сообщаетъ свои впечатлѣнія, полученныя при чтеніи журнала, также обращаетъ его вниманіе на это неудачное раздѣленіе статьи Костомарова: «Въ статьѣ Костомарова, пишетъ онъ, перерывъ сдѣланъ «на самомъ интересномъ мѣстѣ»,—это непрактично. Статья любопытная и основательная, но пройдетъ въ молчаніи».

Слѣдующею работою Костомарова, появившеюся въ «Кіевской Старинѣ» была статья: «П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность» [1]). Еще въ 70-ыхъ годахъ Костомаровъ высказалъ опредѣленное мнѣніе о характерѣ Кулиша и свойствахъ его литературной дѣятельности. На статью Кулиша: «Козаки въ отношеніи къ государству и обществу» [2]), въ которой авторъ стремился представить козаковъ, какъ силу разрушитель-

---

[1]) Кіевская Старина, 1883, кн. 2, стр. 221 – 234.

[2]) Русскій Архивъ, 1877 г., №№ 3 и 6.

ную, противообщественную и противогосударственную, Костомаровъ написалъ статью: «О козакахъ». Здѣсь Костомаровъ, вспоминая «Исторію возсоединенія Руси», даетъ такую характеристику ея автору: «Почтенный авторъ почти вездѣ проявляетъ какой-то странный духъ гордыни и самомнѣнія, съ хвастовствомъ выставляетъ себя на показъ, съ презрѣніемъ топчетъ въ грязь предшествовавшихъ ему тружениковъ по обработкѣ малороссійской исторіи, и, по мѣткому замѣчанію одного изъ нашихъ литераторовъ, сдѣланному, по прочтеніи его книги, напоминаетъ собою евангельскаго фарисея, благодарившаго Бога за то, что онъ не таковъ, какъ прочіи человѣцы» [1]). Изданная Кулишемъ въ 80-ыхъ годахъ книжка: «Крашанка русинамъ и полякамъ на велыкъ день 1882 року», въ которой Кулишъ высказывалъ чрезмѣрныя и мало обоснованныя украинскія симпатіи къ полякамъ, только подтверждала въ глазахъ Костомарова его мнѣніе о Кулишѣ, и онъ даетъ блестящую, мѣткую и остроумную характеристику Кулиша въ одномъ изъ писемъ къ Лебединцеву.

Но написавъ статью о Кулишѣ, Костомаровъ не рѣшался нѣкоторое время напечатать ее. Повидимому, она была сначала написана не въ томъ видѣ, какъ напечатана впослѣдствіи, и въ ней заключались существенныя указанія насчетъ такъ называемаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства, толковъ о которомъ Костомаровъ опасался: «Я опасаюсь, чтобы толки въ печати о бывшемъ . . . тайномъ обществѣ не побудили коситься и на меня, автора этой статьи . . .» Нѣсколько удивляетъ такая осторожность Костомарова, которому не привыкать было не только къ тому, что на него косятся, но и къ обвиненіямъ въ измѣнѣ Россіи и даже чуть-ли не въ участіи въ Польскомъ возстаніи. Но надо помнить, что въ данномъ случаѣ передъ нами глубокій старикъ, въ значительной степени потерявшій способность съ энергіею и мужествомъ противостоять нападкамъ.

Въ томъ же 1883 году Костомаровъ послалъ въ «Кіевскую Старину» еще двѣ свои работы: замѣтку—«Словечко по поводу

[1]) Соч., т. XIV, въ изд. Лит. фонда стр. 619.

замѣчанія о федеративномъ началѣ въ древней Руси» [1]), написанную на статью Д. И. Багалѣя: «Удѣльный періодъ и его изученіе» [2]), и рецензію на драму Старицкаго: «Не судилось» [3]). О напечатанной въ 1884 году статьѣ Костомарова мы уже упоминали.

Характеризуя въ общихъ чертахъ отношенія Костомарова къ «Кіевской Старинѣ», можно сказать, что они выражались въ самыхъ благожелательныхъ для журнала формахъ. Когда читаешь письма Костомарова къ Лебединцеву, забываешь, что ихъ дрожащею рукою писалъ глубокій старецъ, почти совсѣмъ ослѣпшій. Костомаровъ съ участіемъ относится къ жизни и судьбѣ журнала, и только полное равнодушіе къ послѣднему самихъ украинцевъ могло вырвать у историка холодную фразу, что слѣдуетъ махнуть рукою на «Кіевскую Старину». Да такъ и пришлось впослѣдствіи сдѣлать Лебединцеву, который въ 1887 году рѣшилъ прекратить изданіе.

«Кіевская Старина» могла съ гордостью говорить, перефразируя извѣстный стихъ Пушкина, что ее замѣтилъ старикъ Костомаровъ и благословилъ, сходя въ гробъ.

Помѣщаемыя ниже письма Костомарова къ Лебединцеву обнимаютъ собою время отъ 18 октября 1881 года по 6 іюня 1884 года. Этотъ періодъ въ жизни Костомарова былъ очень тяжелымъ для него. Все время Костомаровъ болѣлъ, страдая физически, а также и нравственно, такъ какъ уходило здоровье, все болѣе и болѣе уменьшалась сила зрѣнія, и неутомимый историкъ останавливался съ ужасомъ передъ мыслью о томъ, что онъ не въ состояніи больше работать на пользу науки. Письма Костомарова къ Лебединцеву даютъ достаточное понятіе о состояніи его здоровья, при какомъ Костомарову приходилось доживать свой многополезный и не безъ горестей прошедшій

---

[1]) Кіевская Старина, 1883, кн. 4, 899—901.

[2]) Ibidem, кн. 2.

[3]) Ibidem, кн. 9, 297—300.

вѣкъ. Картина жизни Костомарова за это же время можетъ быть дополнена интересными воспоминаніями Д. Л. Мордовцева: «Н. И. Костомаровъ въ послѣднія десять лѣтъ его жизни» [1]).

I.

Добрѣйшій многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Въ Тифлисѣ [2]) доставилъ мнѣ отъ васъ письмо В. Бониф. Антоновичъ, а въ Петербургѣ П. И. Житецкій другое — объ одномъ и томъ же. Вы просите «Мазепу». Но я уже отдалъ Юрьеву. Еще въ апрѣлѣ я обѣщалъ ему, но цѣны не назначалъ. Житецкій сообщилъ мнѣ, что вы предлагаете мнѣ 150 р. за листъ. Я уже отдалъ Юрьеву за 100 съ прибавкою. однакожъ, 600 экземпляровъ на его счетъ. Вы со мною видѣлись въ августѣ, но цѣны, о которой сообщалъ мнѣ теперь Житецкій, вы сами тогда не объявили. Я вамъ сказалъ и Антоновичу то же повторилъ, что попрошу у Юрьева впередъ гонораръ за 20 листовъ, и если онъ затруднится. тогда не буду считать себя въ какихъ-либо обязательствахъ съ нимъ. Но Юрьевъ безъ всякихъ прекословій выдалъ мнѣ требуемую сумму тотчасъ. Такимъ образомъ не по моей винѣ мой «Мазепа» не попалъ къ вамъ, а въ «Русскую Мысль», съ которой по этому поводу я вступилъ въ сношенія тогда, когда не зналъ о намѣреніи вашемъ издавать журналъ.

На будущее время прошу считать меня всегда готовымъ къ услугамъ и ревностнымъ сотрудникомъ вашего журнала, если онъ состоится.

Затѣмъ примите увѣреніе въ чувствахъ моего глубочайшаго уваженія и сердечной преданности Н. Костомаровъ.

1881 года октября 18, Спб.

---

[1]) Русская Старина, 1885, дек. 863--962; 1886, фев. 323—482.

[2]) Костомаровъ былъ въ Тифлисѣ въ 1881 году на V Археологическомъ съѣздѣ.

II.

Многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Отъ полноты души приношу вамъ благодарность за вниманіе, оказанное мнѣ присылкою «Кіевской Старины», которой мы уже не одну недѣлю ждемъ, какъ краснаго солнышка. Что о ней можно сказать, кромѣ похвалы и благодарности отъ имени науки! Выборъ помѣщенныхъ статей превосходенъ: это видно по ихъ заглавію и началу. Еще я не успѣлъ прочитать ихъ всѣ. Очень интересуетъ меня Антоновича извлеченіе изъ дневника Освѣцима. Источникъ для насъ новый, извѣстный намъ до сихъ поръ только по отзывамъ Шайноха и Кубалы. Съ жадностью примусь за него. Проглядѣлъ я статью Лазаревскаго [1], и то, что встрѣтилъ тамъ случайно, побудило меня написать ему записку, которую, за незнаніемъ его адреса, я посылаю къ вамъ съ просьбою передать ему. Я увѣренъ, что ваша «Старина» будетъ пользоваться достодолжнымъ уваженіемъ не только въ Малороссіи, но и въ Великой Руси. Можетъ быть, слѣдовало бы допустить въ нее и беллетристику, только съ крайнимъ разборомъ и предусмотрительностію, такъ чтобы напечатаніе въ «Кіевской Старинѣ» было рѣдкостію и служило патентомъ на художественное достоинство и вмѣстѣ на значеніе для научнаго знанія. Я съ своей стороны готовъ быть полезнымъ для «Кіевской Старины», сколько силъ моихъ станетъ. Въ теченіе зимы слабость зрѣнія, мѣшающая мнѣ рѣшительно заниматься при ночномъ освѣщеніи, не дозволяла мнѣ предпринять что-либо, требующее времени и усидчивой работы, такъ-какъ времени, въ какое я могъ заниматься, было въ теченіе сутокъ не болѣе трехъ и даже двухъ часовъ съ половиною, при петербургскомъ сумракѣ, который зимою прекращается часовъ въ десять, а снова начинается уже около двухъ, да нерѣдко въ пасмурную погоду цѣлый день господствуетъ безъ пе-

---

[1]) „Люди старой Малоротсіи“.

рерыва. Когда станутъ дни яснѣе, тогда, можетъ быть, и я оживу. Скажу вамъ откровенно, что при счастливомъ выборѣ помѣщенныхъ статей, типографія, гдѣ печаталась «Кіевская Старина», хромаетъ, а переплетчикъ, который брошюровалъ экземпляры, изъ рукъ вонъ: невозможно читать книги: такъ и высыпаются листы. Надобно переплетать, на это нужно время, а между тѣмъ хочется познакомиться съ ея содержаніемъ.

Желая вамъ успѣха, приношу увѣреніе въ неизмѣнности чувствъ моего глубокаго къ вамъ уваженія и полнѣйшей преданности, съ которыми навсегда пребываю вашъ Николай Костомаровъ.

1882 г. января 27. Спб. IX л. Вас. Остр. д. 4. кв. 8.

III

Многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Посылаю вамъ описаніе нашей поѣздки въ Бѣлую Церковь, совершенную въ августѣ прошлаго года. Если найдете умѣстнымъ— напечатайте въ «Кіевской Старинѣ», а не найдете, не вмѣните себѣ въ трудъ возвратить по почтѣ мою рукопись, такъ какъ другого экземпляра я не сохранилъ у себя, а составленіе ея все-таки стоило мнѣ времени порыться въ Публичной Библіотекѣ и въ Литовской метрикѣ для отысканія свѣдѣній, хотя собственно мало я нашелъ такого, чтобы уже не было извѣстно.

Поздравляю васъ съ праздниками Свѣтлаго Воскресенія Христова.

Вашъ неизмѣнно преданный Н. Костомаровъ.

Марта 31. 1882. Спб.

IV

Я думаю, многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ, что вы напрасно не помѣстили малороссійской повѣсти Левицкаго. Кого же могла отбить она отъ вашего журнала? Развѣ такихъ, какъ

Юзефовичъ и Пихно съ братіею? Тѣ, которые не знаютъ по-малорусски, отнеслись бы совершенно равнодушно къ одной какой-нибудь малороссійской статьѣ. Болѣе другую какую-либо едва ли придется вамъ помѣщать, потому что авторы малорусскіе не Богъ знаетъ какъ плодятся, по крайней мѣрѣ талантливые. Между тѣмъ напечатаніе повѣсти Левицкаго по-малорусски привлекло бы къ журналу всѣхъ малоруссовъ, любящихъ свое родное нарѣчіе, а такихъ теперь вовсе не такъ мало, какъ, быть можетъ, кажется.

Очень сожалѣю, что Освѣцимъ не появляется [1]). Я ожидаю его, какъ небесной манны. Именно для меня онъ очень нуженъ, въ виду намѣренія сдѣлать исправленія въ «Богданѣ Хмельницкомъ» [2]). Когда же онъ кончится?

Я всегда къ услугамъ «Кіевской Старины», когда будетъ что готово у меня. Не будете ли такъ добры, коли станетъ вамъ досуга лѣтомъ, прокатиться со мною до Умани. Мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть этотъ историческій городъ да и на знаменитую Софіевку взглянуть! Я бы нарочно пріѣхалъ въ Кіевъ, и снова для «Кіевской Старины» была бы написана «Поѣздка въ Умань». Тамъ, быть можетъ, было бы у насъ поболѣе интереснаго, чѣмъ нашли мы въ Бѣлой Церкви.

Я не упомянулъ имени почтеннаго бѣлоцерковскаго протоіерея, потому что забылъ это имя. Прибавьте, прошу васъ.

Вашъ преданный Н. Костомаровъ.

1882. Апр. 9.

---

[1]) Дневникъ Освѣцима печатался въ январьской, февральской и затѣмъ, черезъ два мѣсяца, въ майской книгахъ „Кіевской Старины„ 1882 года.

[2]) Слѣдующее изданіе „Богдана Хмельницкаго“ было въ 1884 г.

V.

Безцѣнный, многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Я надѣюсь, что вы не поставите себѣ въ тягость распорядиться о высылкѣ мнѣ галицкаго «Діла» за текущій годъ и, если возможно, то и «Крашанки» Кулиша, о которой идутъ такіе толки. Я прочиталъ въ «Новомъ Времени» о Кулишѣ и въ недоумѣніи, кто перещеголялъ кого въ подлости: Кулишъ или С . . . . ? Кулишъ разыгрываетъ въ миніатюрѣ Мазепу; наплевавши на родную украинскую рѣчь и обмазавши грязью Шевченка, онъ заискивалъ у москалей, думалъ—ему отъ нихъ «соболи придутъ», какъ говорили старые гетманы,—а какъ увидалъ, что тамъ его не очень-то высоко цѣнятъ, ударился въ другую сторону и подлаживается къ полякамъ! С . . . . же, съ больной головы на здоровую, восклицаетъ: вотъ куда хочетъ привесть свою народность г. Кулишъ, вотъ къ чему въ концѣ концовъ ведетъ и украйнофильство! При переводѣ на ясный языкъ это значитъ: всякъ занимающійся чѣмъ-нибудь относящимся къ Украинѣ, или украйнофилъ, таитъ такія же задушевныя тенденціи, какъ и Кулишъ! Зная Кулиша, какъ рѣдкій его зналъ, въ теченіе лѣтъ тридцати слишкомъ, я скажу, что это человѣкъ съ необузданнымъ самолюбіемъ; ему хочется быть чѣмъ-то необыкновеннымъ, быть силою, духовнымъ могуществомъ, и къ досадѣ его, ни у своихъ малоруссовъ, ни у москалей (великоруссовъ) не получилъ онъ за собой признанія такой власти, какой ему хочется. Съ досады, какъ Геростратъ, онъ пытается зажечь храмъ народной славы подъ гулъ вражескихъ рукоплесканій. Но эти рукоплесканія скоро умолкнутъ; поляки, вѣрные ихъ всегдашнимъ обычаямъ, ихъ натурѣ легкомысленной, отвернутся отъ него, можетъ быть, еще и облаютъ, и тогда бѣдный Пантелеймонъ останется ни въ сихъ, ни въ тыхъ, на посміхъ и своимъ и чужимъ!

Прочитавши «Діло» и «Крашанку», я, можетъ быть выступлю противъ Кулиша, съ тѣмъ чтобы показать свѣту: що воно есть таке за звіръ?

Если бы возможность была пріютиться на лѣто въ Кіевѣ, я бы съ радостію туда поѣхалъ вмѣсто дачи. Не знаете ли при случаѣ, быть можетъ, такого пріюта, чтобъ нанять было можно.

Я о вашей «Кіевской Старинѣ» уже почти окончилъ рецензію, да не знаю еще, гдѣ ее помѣстить. Отдать въ «Вѣстникъ Европы» или въ «Русскую Мысль»—въ долгій ящикъ, пожалуй, положатъ, да «Русская Мысль» что-то съ цензурой нездорова стала... въ «Новое Время», не хочется послѣ выходки N.... по поводу Кулиша .. подумаю еще... [1]) Вашъ Н. Костомаровъ.

1882 г. апрѣля 18.

VI

Многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Благодарю васъ за присланный гонораръ. Я получаю съ «Историческаго Вѣстника» и съ «Русской Старины» по 125 р., но съ васъ довольно будетъ сто рублей, какъ вы сами назначили, такъ какъ вы пишете, что вашъ журналъ еще мало имѣетъ подписчиковъ. Посылаю вамъ для напечатанія статью объ Уманской рѣзнѣ, съ приложеніемъ новыхъ неизвѣстныхъ матеріаловъ. «Дѣло» галицкое и «Крашанку» я получилъ. Желалъ бы еще имѣть и прочитать «Хуторную поэзію» того же автора.

Я нездоровъ, у меня постоянная боль въ груди, не дающая мнѣ ни сидѣть, ни ходить, и заставляющая постоянно лежать. Не знаю, что дальше будетъ. Заниматься трудно; сверхъ того, зрѣніе постоянно въ роковомъ состояніи.

Желаю вамъ здоровья и благополучнаго успѣха во всѣхъ предпріятіяхъ.

До свиданія или до новаго письма. Вашъ искренно преданный и глубоко васъ уважающій Н. Костомаровъ.

22 дня мая 1882.

---

[1]) Рецензія была помѣщена въ «Новомъ Времени», № 2212.

VII.

Многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Богъ посѣтилъ меня ужасною болѣзнію. Вотъ съ 10 мая до сего дня я подвергаюсь такимъ адскимъ мукамъ, которыя въ состояніи подать приблизительное понятіе о карѣ грѣшниковъ, угрожающей имъ по кончинѣ земного житія. Боль какъ бы сосредоточивается въ лѣвой сторонѣ живота, но какая боль? Ни сидѣть, ни стоять, ни лежать Я кричалъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ, такъ что сосѣди, перепугавшись, присылали узнать, что такое страшное происходитъ. Забравшись въ Павловскъ, въ надеждѣ, что будетъ лучше на чистомъ воздухѣ, чѣмъ въ душной и лѣтомъ вонючей столицѣ, я поневолѣ отдаюсь въ волю мѣстнаго врача, который при всемъ стараніи ничего осилить не можетъ. Впрочемъ, только недавно облегчается мое положеніе тѣмъ, что меня одолѣваетъ сонъ, а затѣмъ ужасающая слабость, такъ что буквально я съ трудомъ волочу ноги. Я намѣревался было, какъ писалъ вамъ весною, ѣхать въ Кіевъ, но куда! Теперь я отъ своей дачи до вокзала не въ силахъ дотащиться. Тѣмъ не менѣе, воспользовавшись интервалами облегченія, я написалъ по поводу напечатанной въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» статьи Стоянова[1]) небольшую замѣтку и посылаю ее вамъ, прося напечатать. Вашъ искренно преданный Н. Костомаровъ.

Іюля 12, 1882.

VIII

Многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Вы спрашиваете меня, какой гонораръ слѣдуетъ мнѣ заплатить за документы, приложенные къ моей статьѣ: «Матеріалы для

[1]) А. Стояновъ: „Южнорусская пѣсня о событіи XI-го вѣка“, „Кіев. Старина“ 1882, іюль. Замѣтка Костомарова объ этой статьѣ: „Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ XI вѣка“, „К. Ст.“, 1882, августъ, стр. 362—368.

исторіи Коліивщины». Археографическая коммиссія назначаетъ задѣльную плату своимъ членамъ за редакцію печатаемыхъ въ ея изданіяхъ актовъ отъ 25 до 30 р. за печатный листъ. Моего сочиненія текста, включая туда и мою статейку о Стояновѣ, выходитъ въ августовской книжкѣ 13 страницъ, а документовъ—17 страницъ. Поэтому извольте сообразить, сколько слѣдуетъ мнѣ личнаго гонорара за мой текстъ и сколько за приложенные документы. Впрочемъ, если огуломъ дадите сто рублей, то и весьма буду доволенъ.

Я начинаю оправляться, но еще не совсѣмъ оправился отъ болѣзни. Все еще меня давитъ по временамъ, и дня не проходитъ свободнаго; только тогда легче становится, когда лежу навзничь. Ваша «Кіевская Старина» сообщаетъ все болѣе и болѣе любопытныхъ матеріаловъ и изслѣдованій по исторіи Южнаго края. Съ любопытствомъ прочелъ я Лазаревскаго о Миклашевскомъ[1]). Сомнѣваюсь, чтобъ Мазепа обвинилъ его ложно въ склонности къ полякамъ и въ измѣнѣ Россіи. Малорусская старшина того вѣка была вся подъ вліяніемъ воспоминаній о Гадяцкомъ договорѣ, который представлялся имъ идеаломъ, а изъ бывшихъ у меня дѣлъ о Маклашевскомъ видно, что у него были какія то тайныя сношенія съ литовскимъ паномъ Козеломъ. Въ это время въ 1704 году Мазепа былъ вѣрнѣе царю русскому всѣхъ старшинъ малороссійскихъ. Мазепа сталъ склоненъ къ измѣнѣ только тогда, когда пришелъ къ заключенію, что акціи Петра начинаютъ падать, акціи же Карла значительно повысились. Мазепа былъ эгоистъ и перемѣнялся только, гоняясь за собственною выгодою. Миклашевскій же, при своемъ хорошемъ положеніи, и семейномъ и экономическомъ, могъ, если не измѣнить, то сноситься съ поляками и толковать о присоединеніи Малороссіи къ Польшѣ, тѣмъ болѣе, что и по дѣлу оказывалось, что поляки подманивали его надеждою, что царь хочетъ усту-

[1]) А. Лазаревскій: «Люди старой Малороссіи. Миклашевскіе». 1882 г., августъ.

нить край малороссійскій Польшѣ. Дѣло темное, но Лазаревскій его не разъясняетъ. Онъ пишетъ по преданію, будто Мазепа въ 1706 г. послалъ Миклашевскаго въ Несвижъ, желая избавиться отъ него, хотя Петръ потребовалъ его полкъ. Очень интересны извѣстія объ исчезнувшихъ животныхъ въ Южной Россіи [1]), преданіе о Шевченкѣ [2]), о судьбѣ Глобы [3]).

Желаю вамъ добраго здоровья. Не забывайте меня, а я еще что-нибудь, Богъ дастъ, вамъ приготовлю и пришлю.

Вашъ Н. Костомаровъ.

Достопочтеннѣйшему Петру Гавриловичу передайте мой усерднѣйшій поклонъ [4]).

Августа 10. Павловскъ. 1882 г.

IX.

Многоуважаемый, незабвеннѣйшій Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Я отзываюсь къ вамъ позже, чѣмъ бы я хотѣлъ. Причина тому та, что послѣ переселенія своего 5 сентября изъ Павловска въ Питеръ, я только на третій день, 8 сентября, и то счастливымъ случаемъ, нашелъ вашу телеграмму, которая доставлена была безъ меня и была закинута между бумаги (sic!), а отъ этой телеграммы зависѣло—посылать ли вамъ мою рукопись. Теперь посылаю оную по вашему желанію, изъявленному въ

---

1) М. Левченко: «Исчезнувшія и исчезающія въ Южной Россіи животныя», ibidem.

2) А. Смоктій: «Взглядъ народа на Шевченка», ibidem.

3) П. Ефименко: «Послѣдній писарь войска запорожскаго Глоба», ibidem.

4) Братъ Ѳ. Г. Лебединцева, бывшій протоіереемъ Софійскаго собора въ Кіевѣ, П. Г. Лебединцевъ любилъ исторію и занимался ею; велъ знакомство со многими писателями и учеными своего времени, какъ напр., съ М. А. Максимовичемъ, Н. П. Барсуковымъ, Н. С. Лѣсковымъ и другими.

телеграммѣ. Статейка, надѣюсь, небольшая и не будетъ громоздкою для «Кіевской Старины», къ которой по своему содержанію она подходитъ болѣе, чѣмъ къ какому-нибудь иному періодическому изданію.

Не знаю, хорошо ли переписалъ, хотя и старался, но, можетъ быть, не удалось, потому что перебѣливалъ во время болѣзни, отъ которой и теперь совсѣмъ не освободился, хотя какъ будто нѣсколько легче, боюсь похвастать, чтобъ не повторить лѣтнее: казалось, было прошло, а тутъ рецидивъ еще сильнѣе.

Вы писали, что послали мнѣ гонораръ, но я не получалъ его: быть можетъ, съ повѣсткою сталось то, что съ телеграммою. Справлюсь на почтѣ и напишу вамъ.

Вашъ преданный душевно Н. Костомаровъ.

Петербургъ. 9 сент. 1882.

Не успѣвши отослать письмо, я съѣздилъ на почту и узналъ, что давно уже полученъ на мое имя денежный пакетъ въ 100 р., и мнѣ на квартиру послана повѣстка. Я потребовалъ вторичную. Вѣроятно, деньги отъ васъ. Благодарю отъ всего сердца.

X.

Добрѣйшій, многоуважаемый Ософанъ Гавриловичъ,

Извините, что я къ вамъ долго не писалъ и даже статью и книгу свою послалъ безъ приложенія письма. Въ октябрѣ у меня открылось кровохарканье, и врачъ профессоръ Кошлаковъ [1]), находя мою болѣзнь серьезною и опасною, уложилъ меня и запретилъ не только выходить, но даже и вставать, а также читать и писать, и въ такомъ положеніи я пробылъ болѣе мѣсяца. Теперь я, повидимому, выздоровѣлъ; не знаю, что будетъ далѣе; не смѣю надѣяться, такъ какъ, прострадавши цѣлое лѣто, въ

---

[1]) Д. И. Кошлаковъ лѣчилъ Костомарова и Д. Л. Мордовцева.

сентябрѣ я было надѣялся, что уже изцѣлѣлъ, какъ въ октябрѣ новый, уже никакъ нежданный бѣсъ поразилъ меня.

Вы жалуетесь на скудость подписчиковъ, а вотъ Семевскій говорилъ мнѣ, что, издавая «Русскую Старину», онъ пять лѣтъ былъ съ дефицитомъ, а потомъ у него такъ хорошо пошло и до сихъ поръ идетъ, какъ онъ только и могъ желать. Этотъ примѣръ къ вамъ подходитъ, потому что вашъ журналъ и по содержанію, и по достоинствамъ близокъ къ «Русской Старинѣ». Я рецензію послалъ въ «Новое Время» въ дополненіе къ прежней, посланной еще въ апрѣлѣ и напечатанной въ 2112 № газеты. Новая еще не напечатана, но обѣщали. Другую въ «Правительственный Вѣстникъ» я лично передалъ Данилевскому, его редактору. Вы писали, получивши мое «Жидотрепаніе», что будете его печатать, но не безъ соболѣзнованія, потому что я дорого назначилъ за нее. Но я вѣдь вамъ писалъ, что, если для васъ покажется дорого, я не въ претензіи и отдамъ статью Шубинскому, а вамъ пришлю другое [1]). Посудите сами: если мнѣ за то же сочиненіе и за всѣ произведенія, не чисто ученаго, а беллетристическаго содержанія, платятъ по 200 р. и при томъ запросовъ такъ много отъ разныхъ періодическихъ органовъ, что удовлетворить ихъ нѣтъ возможности, то вполнѣ справедливо, согласитесь сами, что съ вашего журнала я возьму то, что другіе мнѣ предлагаютъ, но я все-таки предпочитаю помѣстить у васъ, хотя черезъ то на меня и надулись тѣ, которымъ я отказалъ.

Вы возбудили мое любопытство, извѣстивши, что А. М. Лазаревскій замѣтилъ вамъ на счетъ Вендюха [2]). Повидимому, ему извѣстно это дѣло и, быть можетъ, лучше, чѣмъ мнѣ. Быть можетъ, онъ въ мѣстныхъ архивахъ нашелъ самое судное дѣло надъ жидами, такъ какъ событіе это мнѣ извѣстно изъ сообщенія гетмана Мазепы къ царю.

---

[1]) Письма, въ которомъ Костомаровъ назначалъ цѣну за „Жидотрепаніе“, не сохранилось среди его писемъ къ Лебединцеву.

[2]) Вендюхъ, дѣвицкій сотникъ черниговскаго полка. О немъ говорится въ статьѣ: „Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка“.

Очень занимательна новая вирша на Рожд. Христово, напечатанная въ декабрьской книжкѣ. Любопытна статья Горленка[1]). Но его пріятели сообщали мнѣ тому назадъ болѣе мѣсяца, будто онъ нашелъ десять новыхъ думъ. На дѣлѣ оказалось не то: это только варіанты прежде извѣстныхъ, и при томъ нѣкоторые въ томъ видѣ, какъ у Горленка, мнѣ лично не были невѣдомы. Но вообще его статья о кобзаряхъ написана очень живо и даровито. Чѣмъ болѣе вчитываешься въ вашъ журналъ, тѣмъ болѣе уважаешь его и привязываешься къ нему: въ немъ нѣтъ ничего, что бы можно было признать только балластомъ, тогда какъ въ другихъ историческихъ періодическихъ изданіяхъ балласту много. Жаль мнѣ стало, что другой кто то помѣстилъ у васъ объ Умани[2]), а я съ весны мечталъ все о посѣщеніи Умани, но лѣтняя болѣзнь не дозволила мнѣ и думать о поѣздкѣ. Во всякомъ случаѣ, помѣщенная у васъ статья хороша.

Вашъ искренно преданный Н. Костомаровъ.

Декабря 8. 1882. года.

А что это за переводъ Новаго Завѣта Негалевскаго? Пустятъ ли меня въ Михайловскій монастырь познакомиться съ нимъ, если я пріѣду? Не имѣете ли возможности узнать, хотя бы черезъ брата вашего Петра Гавриловича[3])?

XI.

Добрѣйшій Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Поздравляю васъ съ новымъ годомъ и желаю, чтобъ онъ для васъ и для вашего журнала былъ сколько возможно благо-

---

[1]) „Бандуристъ Иванъ Крюковскій", К. С. 1882, декабрь.

[2]) А. Смоктій: «Г. Умань и Софіевка», ibidem.

[3]) Въ 1881 году въ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ былъ открытъ переводъ св. Евангелія, составленный на Волыни въ 1581 году Валентиномъ Невгалевскимъ „съ полского языка на речь

полученъ. Напрасно вы мое «Жидотрепаніе» растрепали на два нумера; вообще мнѣ кажется, ошибаются тѣ редакторы, которые безъ особой нужды раздѣляютъ на нумера такія сочиненія, которыя имѣютъ интересъ только тогда, когда ихъ можно прочесть за одинъ присѣстъ. О статьѣ моей о Кулишѣ я попрошу васъ повременить немного: лучше ее напечатать нѣсколько позже. Поговорите откровенно съ цензоромъ, что онъ скажетъ? Видите ли, я опасаюсь, чтобы толки въ печати о бывшемъ (на самомъ дѣлѣ никогда не бывшемъ) тайномъ обществѣ не побудили коситься и на меня, автора этой статьи, и на журналъ, который ее помѣщаетъ. Погодите немного: она не уйдетъ, а между тѣмъ поговорите съ цензоромъ, и я кой съ кѣмъ здѣсь поговорю. Я же вамъ скоро еще кое-что пришлю. Впрочемъ, у васъ недостатка нѣтъ, прекрасныя вещи появляются, а еще прекраснѣе обѣщаются.

Вчера я имѣлъ бесѣду съ Шубинскимъ, издателемъ «Историческаго Вѣстника». Онъ очень огорченъ, что я отдалъ «Жидотрепаніе» вамъ, а не ему, а онъ очень желалъ его помѣстить. Кромѣ того, и онъ и Суворинъ, его патронъ . . . . , морщатся отъ похвалъ, которыя я напечаталъ въ «Новомъ Времени» о «Кіевской Старинѣ» . . . . . Говорятъ: какъ можно цѣлыя два нумера посвящать на спеціальный журналъ, и при томъ провинціальный? Суворинъ де не рѣшался вамъ отказать въ напечатаніи, но печаталъ, скрѣпя сердце. Я вижу зависть . . . . Будьте здоровы и благополучны. Вашъ искренно преданный Н. Костомаровъ.

Мой сердечный поклонъ вашему почтенному брату и В. Б. Антоновичу. Послѣднему я хочу скоро писать.

1883, января 17.

рускую". Извѣстіе объ этомъ переводѣ было помѣщено въ статьѣ П. И. Житецкаго: „Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ», К. Ст. 1882, ноябрь. У Костомарова фамилія переводчика нѣсколько искажена.

Кстати. Какая это есть церковь Успенія въ Переяславѣ, гдѣ Хмельницкій присягалъ царю московскому? Если въ самомъ дѣлѣ она есть, то недурно было бы въ «Кіевской Старинѣ» приложить ея изображеніе. О ней производилось какое-то дѣло. Хотятъ ломать ее и строить каменную. Увы! варварство, если такъ. Мнѣ говорилъ Кибальчичъ, что какой-то протопопъ хлопочетъ объ этой постройкѣ, между тѣмъ церковь старая деревянная еще существуетъ и можетъ быть поддержана. Правда ли это?

XII

Достопочтеннѣйшій Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Данило Гавриловичъ сообщилъ мнѣ непріятное извѣстіе, что подписка у васъ идетъ довольно туго, и вы хотѣли бы поправить свои дѣла по изданію испрошеніемъ содѣйствія правительства. Мы долго разсуждали объ этомъ и порѣшили, согласно вашему желанію, поговорить съ Бычковымъ. Я улучилъ время и объяснилъ ему ваше желаніе. Онъ помнитъ о васъ и сердечно относится къ вамъ и къ вашему журналу. Онъ совѣтовалъ вотъ что: напишите Делянову; онъ вѣдь васъ лично знаетъ. Просите его на первый разъ рекомендаціи отъ министерства къ разнымъ учрежденіямъ, а о субсидіи намекните такъ, что вы собственно не смѣете просить ее, не заявивши вполнѣ, сколько вы можете доставить научной пользы: это скромность будетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтовалъ обратиться къ Дрентельну [1]) и просить, чтобъ онъ съ своей стороны просилъ министра Народнаго Просвѣщенія оказать вашему изданію покровительство и поддержку. Афанасій Ѳедоровичъ [2]) надѣется, что спустя, можетъ быть, годъ, можно будетъ получить вполнѣ опредѣленную субсидію. Ѣхать вамъ лично для этой цѣли онъ не считаетъ нужнымъ. Все можетъ

---

[1]) Генералъ-губернаторъ Юго-Западнаго края въ 80-ыхъ годахъ.

[1]) Бычковъ.

обдѣлаться посредствомъ письма. Совѣтуетъ Аѳанасій Ѳедоровичъ прислать вмѣстѣ съ письмомъ Делянову экземпляръ.

Вы писали, что есть извѣстіе о пребываніи Хмельницкаго во Франціи. Дѣйствительно, есть; я помню навѣрное, но не могъ отыскать у кого. Перебралъ Линажа, Швалье, Шерера—нѣтъ, а навѣрное знаю, что у кого-то есть. Я прочиталъ Ежа по-польски, разсказъ живъ и талантливъ, но я не могу сочувствовать искаженію исторіи: романистъ, конечно, можетъ вносить свой вымыслъ, ему дозволено многое, что не дозволяется историку, но надобно, чтобы соблюдалась внутренняя правда, чтобъ изображаемый вѣкъ былъ именно тотъ, куда авторъ хочетъ перенести читателя, и чтобъ историческія лица были по своему характеру именно тѣ, какія были на самомъ дѣлѣ. У Ежа же что нахожу: разбитная, развратная баба, которая за любовь Хмельницкаго заплатила ему не только гнусною измѣною, но еще обокрала его, и за то была казнена, хотя варварскимъ способомъ, но достойно, является нѣжнымъ существомъ, любящимъ Тимоша, а Тимошъ соблазняетъ свою мачиху, потомъ душитъ ее. Черезчуръ большая свобода фантазіи. Романъ Ежа уже печатается въ русскомъ переводѣ въ «Русской Мысли». [1]) Лучше бы взять для «Кіевской Старины» нѣчто иное, а не давать публикѣ одного и того же вдвойнѣ.

Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ думаетъ, что умноженіе рисунковъ дѣло лишнее, оно только увеличитъ расходы, но едва ли прибавитъ много подписчиковъ. Таково его мнѣніе.

Я все по прежнему прихварываю, хотя нѣсколько легче. Въ этомъ мѣсяцѣ меня постигла большая непріятность: я обронилъ въ государственномъ банкѣ, куда отправился за полученіемъ процентовъ, билетъ въ 300 р. метталлическими деньгами. Это мнѣ тяжелый урокъ не ходить самому по дѣламъ въ банкъ, гдѣ сумрачно и многолюдно.

Вашъ искренно преданный Н. Костомаровъ.

1883, февр. 19.

---

[1]) «Бурное время». Историческій романъ Т. Т. Ежа. Переводъ съ польскаго. Печатался въ приложеніи къ «Русской Мысли» 1883 г.

XIII

Добрѣйшій, многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Благодарю васъ отъ души за присланныя деньги. Посылаю вамъ замѣтку по поводу статьи Багалѣя, напечатанной во 2 нумерѣ «Кіевской Старины». Помѣстите ее въ ближайшемъ по возможности нумерѣ. Я писалъ уже вамъ о моей бесѣдѣ объ васъ съ Бычковымъ. Напишите Делянову. Быть можетъ, Богъ вамъ поможетъ. Вамъ неизмѣнно преданный Николай Костомаровъ.

Февр. 21 дня, 1883 года.

XIV

Достоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Благодарю васъ за сообщеніе насчетъ надписи на гробѣ Кочубея; есть у меня одна ошибка типографская: *испсмо* вмѣсто *испилисмо*, и что меня здѣсь непріятно поразило, это то, что ошибка эта была поправлена мною въ присланой корректурѣ, а потомъ явилась снова въ печатномъ экземплярѣ. Что касается до стиха:

Злуданьемъ Мазепы всевѣчне правы,

то именно такъ я разобралъ его самъ на надгробномъ камнѣ, когда послѣдній разъ былъ въ Кіевѣ, и нарочно ѣздилъ въ Лавру затѣмъ, чтобы правильно списать надпись. Я понялъ, что *злуданье* слово сообразное польскому: sludzać (Linde, 1095) обольщать. Можетъ быть, я ошибся, но не я одинъ—и Бантышъ такъ прочиталъ и Евгеній. Тоже и *всевѣчне* вмѣсто *о всевѣдче*, какъ вы прочитали. Мнѣ казалось и теперь кажется такъ, а впрочемъ я свою ошибку сознáю, когда еще разъ посмотрю.

Мы говорили съ Даниломъ Гавриловичемъ и оба пришли къ такому результату, что лучше бы вамъ теперь же написать Делянову да и Бычкову тоже, а я, узнавши, что вы уже написали, налягу на Аѳанасія Ѳедоровича. Вы Бычкову напишите,

именно ссылаясь на меня, что я вамъ о немъ писалъ. Пусть бы сдѣлалось по его совѣту.

Вашъ искренно преданный всею душою Н. Костомаровъ.

1883, марта 7. Спб.

—

Н. И. Костомаровъ, подъ конецъ своей жизни сильно страдавшій глазами, былъ въ это время плохимъ чтецомъ памятниковъ. Мы нѣсколько разъ съ оригиналомъ этого письма Костомарова въ рукахъ были на могилѣ Кочубея и Искры, которая находится въ Кіево-Печерской лаврѣ, направо отъ главнаго лаврскаго собора, возлѣ трапезной церкви, съ куполомъ, подобнымъ тому, что надъ храмомъ св. Софіи въ Константинополѣ. Сравнивая чтеніе Костомарова съ тѣмъ, что написано на памятникѣ, необходимо приходимъ къ сказанному въ началѣ этихъ строкъ.

Вмѣсто *испилисмо*, какъ читаетъ Костомаровъ, на могильной плитѣ ясно и отчетливо читается слово: **испіймо** въ стихахъ:

И за правду и вѣрность къ Монарсѣ нашу
Страданія и смерти испіймо чашу.

Точно также и *всевѣчне* представляетъ неточное чтеніе: на плитѣ ясно и раздѣльно написано два слова: **всѣ вѣчно**, и стихи, въ которыхъ они встрѣчаются, читаются такъ:

Злу даньемъ Мазепы всѣ вѣчно правы,
Посѣчены зоставше топоромъ во главы,
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ...

XV

Добрѣйшій, многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Получивши письмо ваше, я отправился въ Публичную Библіотеку и обратился къ Аѳ. Ѳед. Бычкову о вашемъ дѣлѣ. Онъ и Деляновъ оба получили ваши письма. Бычковъ сказалъ, что Деляновъ сообразитъ, и кажется, предложитъ вопросъ о субсидіи

Ученому комитету. Между прочимъ я замѣчаю, что будутъ на счетъ этого толки и сомнѣнія. Я слышалъ вотъ какія сужденія: «Кіевлянинъ» иное дѣло; то была газета, занимавшаяся разработкою современныхъ политическихъ вопросовъ, и государственная власть, нуждаясь въ такомъ органѣ, который поддерживалъ бы ея интересы въ юго-западномъ краѣ, давала ему субсидію. Но иное дѣло журналъ, хотя очень дѣльный, почтенный для науки: но какіе же интересы собственно государственные будетъ поддерживать онъ? Его дѣло—наука; это очень одобрительно, похвально, но правительство, если бы стало поддерживать субсидіями всякое такое научное изданіе, то у него на то средствъ не хватило бы. Оно всячески готово покровительствовать полезнымъ трудамъ, но не можетъ же взять на себя изданіе всего, что будетъ являться въ научной сферѣ. Я указалъ на пособія, дававшіяся Кіевской коммиссіи: это указаніе имѣло болѣе силы, но мнѣ замѣтили, что то было для изданія собственно государственныхъ матеріаловъ для исторіи, а въ «Кіевской Старинѣ»—матеріалы только акцессуары, главное же — обработка ученыхъ вопросовъ, и даже въ нѣкоторомъ родѣ беллетристика. Это не подходитъ къ изданію Комиссіи и Архива [1]). Что дальше будетъ — узнаю и васъ извѣщу. Я не знаю, есть ли изъ лицъ, составляющихъ Ученый комитетъ, вамъ благопріятели или записные зложелатели, но что между ними (ихъ же имена Ты, **Гуи**, вѣси!) найдутся неблагопріятели вообще малорусскому элементу, то въ этомъ я, къ сожалѣнію, не сомнѣваюсь: на те воно москаль!

Очень сожалѣю, что ваши дѣла пошли не такъ, какъ бы желалось. Аѳанасій Ѳедоровичъ замѣтилъ: почему не пособятъ этому предпріятію мѣстные богатые дворяне, для которыхъ не составило бы большого потратить на такое дѣло нѣсколько тысячъ въ годъ; при этомъ онъ указалъ на Галагана и Тарновскаго. Во всякомъ случаѣ, онъ утѣшалъ меня тѣмъ, что, если бы не состоялось дарованіе субсидіи, то все-таки министерство съ своей

[1]) Имѣются въ виду «Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ» и Кіевскій Центральный Архивъ.

стороны будетъ покровительствовать вашему журналу. Я при этомъ вспомнилъ Гоголева Ивана Ивановича, который имѣлъ настолько доброе сердце, что не пропускалъ ни одной нищей старухи, чтобы не завести съ нею разговоръ, и послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, въ родѣ такихъ: тебѣ ѣсть хочется? Можетъ быть, ты бы и мясо ѣла?—говорилъ въ заключеніе: что жъ ты стоишь? Вѣдь я тебя не бью!

Вашъ искренно преданный Н. Костомаровъ.

1883, апр. 9. Спб.

— — —

XVI.

Почтеннѣйшій Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Во-первыхъ, Христосъ Воскресе, будьте здоровы и благополучны, во-вторыхъ—если не помѣшаетъ болѣзнь, безпрестанно возобновляющаяся, то я на будущей недѣлѣ буду въ Кіевѣ, и конечно, первое у васъ. Если ваша милость будетъ, доставьте рукопись къ этому времени. Съ Бычковымъ послѣ поста я не видался, а на Страстной недѣлѣ спрашивалъ его: онъ мнѣ ничего ни утѣшительнаго, ни положительнаго не сказалъ. Удивительное несчастіе со мною! Привязалась ко мнѣ новая болѣзнь—кровохарканье, и то пройдетъ, то снова явится. Первый разъ постигла она меня въ октябрѣ, съ мѣсяцъ была, потомъ прошла; съ тѣхъ поръ пять разъ возобновлялась и проходила, а теперь вотъ съ понедѣльника Страстной недѣли не проходитъ. Правда, можетъ быть и я виноватъ. Надоѣло сидѣть сиднемъ — я сталъ выходить и говѣть, отъ этого хуже стало: движеніе вредно. Не болитъ, а врачи говорятъ, что болѣзнь очень серьезная и опасная.

Вашъ преданный Костомаровъ.

1883, апр. 22, Спб.

XVII

Дражайшій, многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Посылаю вамъ небольшую замѣтку, составляющую отзывъ о драмѣ Старицкаго, о которой пропустилъ сказать вашъ рецен-

зентъ, разбиравшій «Раду». По моему мнѣнію, эта драма достойна того, чтобъ на нее обратить вниманіе. Платы мнѣ за статейку не надо. Что же ваше дѣло съ Деляновымъ? Не получили ли чего? Увѣдомите, адресуя въ Петербургъ, Вас. Островъ, 1 линія, д. 6. Я уѣзжаю 2 сентября. Соскучился отъ бездѣлья. Надо бы приняться за какую-нибудь работу, а еще не знаю самъ, за что. Только слабость зрѣнія мѣшаетъ мнѣ.

Желаю вамъ успѣховъ и благополучія, какъ вамъ лично, такъ и вашему журналу. Вашъ Н. Костомаровъ.

авг. 25, 1883. Прилуки [1]).

Я съ Вас. Петр. Горленкомъ намѣреваюсь отправиться въ Лубны посмотрѣть Мгарскій монастырь [2]).

Я записалъ отъ сельской дѣвки двѣ казки—одна есть источникъ, откуда Гоголь взялъ остовъ для своего «Вія»; другая—баллада того же содержанія, какъ «Ленора» Бюргера и «Людмила» Жуковскаго. Стало быть, у малороссіянъ есть также легенда о похищеніи дѣвушки невѣсты ея женихомъ, погибшимъ на войнѣ и пріѣхавшимъ взять ее за то, что она сильно тосковала и роптала на Бога.

XVIII.

Многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Вы такъ увлекаетесь желаніемъ спасти «Кіевскую Старину», что предлагаете мнѣ то, что физически невозможно—писать исторію послѣднихъ лѣтъ Гетманщины и помѣстить ее въ «Кіевской Старинѣ» даромъ. Я, дѣйствительно, помышлялъ объ этомъ

---

[1]) Въ с. Дѣдовцахъ, въ 8 верстахъ отъ Прилукъ, было имѣніе жены Костомарова.

[2]) Мгарскій или Лубенскій Преображенскій монастырь находится при селѣ Мгарѣ Лубенскаго уѣзда. Основанъ въ 1619 году. Поѣздка Костомарова съ Горленкомъ состоялась 28 августа (См. „Русская Старина“, 1886 г. февр. 353 стр.).

трудѣ, но для него нужно мнѣ будетъ совершить двѣ или три поѣздки въ Москву для занятій въ тамошнихъ архивахъ, какъ было уже съ «Руиною» и «Мазепою». Но скажу вамъ то, что я, напечатавъ оба сочиненія въ журналахъ, едва вознаградилъ издержки, понесенныя въ Москвѣ за прожитье. Оставляя въ Петербургѣ квартиру за собою и платя прислугѣ въ ней, я истрачивалъ въ Москвѣ за одинъ нумеръ, безъ свѣчъ и самовара, 105 р., а сверхъ того—издержки на столъ, прачку, извощиковъ были гораздо выше, чѣмъ на постоянномъ мѣстѣ жительства, не считая проѣзда по желѣзной дорогѣ туда и отсюда. Но, кромѣ того, прежде у меня были сбереженія отъ прежнихъ трудовъ, которыя употреблялъ я на затраты съ цѣлію покрыть ихъ доходами отъ новыхъ трудовъ. Теперь и въ этомъ deficit, такъ (какъ) [1]) прошлый годъ недугъ, которымъ я прострадалъ все лѣто въ Павловскѣ, а всю зиму въ Петербургѣ, потребовалъ много лишняго на врачество. Вотъ почему, при всемъ искреннемъ желаніи спасти «Кіевскую Старину», я не могу содѣйствовать этому дѣлу безкорыстнымъ пожертвованіемъ, предпринявши составленіе исторіи упадка Гетманщины. О Константинѣ Острожскомъ я уже довольно говорилъ въ печати, насколько доставляли мнѣ свѣдѣній матеріалы Публичной Библіотеки. Конечно, если порыться, то, вѣроятно, найти можно болѣе, но едва ли очень важнаго, и ни въ какомъ случаѣ библіотека не удовлетворитъ совершенно.

Я думаю, что объ этомъ лицѣ можно скорѣе найти въ Южнорусскомъ краѣ, чѣмъ здѣсь!

Если такія лица, какъ Иванъ Левицкій, охотно отдаютъ свои труды безмездно въ «Кіевскую Старину», то это съ ихъ стороны достохвальное самопожертвованіе, но оно для нихъ все-таки легче, нежели для меня, потому что по роду ихъ трудовъ, имъ не придется ни рыться въ архивахъ, ни совершать для этой цѣли поѣздокъ. Да они, вѣроятно, моложе и добрѣе меня!

---

[1]) Этого слова въ текстѣ письма нѣтъ.

Я буду предлагать своимъ знакомымъ подписку на «Кіевскую Старину», но можно ли ручаться за большой успѣхъ? У меня знакомые все народъ небогатый; иные, хоть и не безъ удовольствія прочтутъ, но покупать затруднятся по скудости средствъ; иные же не интересуются исторіею Южной Руси въ такой степени, какъ вы и я.

Очень жалѣю, что отвѣтъ на ваше любезное предложеніе не соотвѣтствуетъ моему сердечному расположенію къ вамъ и къ вашему превосходному изданію. Вамъ неизмѣнно преданный Н. Костомаровъ.

P. S. Если южнорусскій край не хочетъ поддержать единственнаго изданія, ему посвященнаго, то стоитъ махнуть на него рукою!

Ноября 4, 1883. Спб.

XIX

Многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Посылаю вамъ для «Кіевской Старины» воспоминанія о посѣщеніи мною въ молодыхъ лѣтахъ Почаевскаго монастыря. Это будетъ какъ бы добавленіемъ къ статьѣ Тарновскаго въ декабрьской книжкѣ прошлаго года. [1]) Гонорара не нужно. Какъ идетъ подписка? Лучше ли? Дай Богъ вамъ успѣха. Батюшки и матушки не клеятся по-русски. Сперва я думалъ, что это будетъ удачнѣе, такъ какъ моя «Черниговка» [2]) написана также по-русски и по-украински. Но у меня дѣйствуютъ малоруссы съ великоруссами, и нельзя было заставить московскихъ дьяковъ и воеводъ говорить по-украински. Въ повѣсти Левицкаго не представляется ничего подобнаго. Вашъ искренно преданный Н. Костомаровъ.

---

[1]) А. Тарновскій: „По поводу 50-лѣтняго юбилея Почаевской лавры".

[1]) „Черниговка. Быль второй половины XVII вѣка."—„Историческій Вѣстникъ", 1881 г., 1—3.

XX.

Многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Вы сообщили мнѣ о томъ, что у В. Б. Антоновича есть какіе-то неизданные источники о времени Мазепы. Сдѣлайте милость, увѣдомите, если знаете, точнѣе: какого рода эти источники, къ какимъ сторонамъ исторической жизни относятся, и откуда они? Если я соображу, что они необходимы для изданія въ свѣтъ «Мазепы» моего, то пріѣду нарочно въ Кіевъ. Но, можетъ быть, это такіе источники, которые хотя и немаловажны, однако не представляютъ никакихъ новыхъ сторонъ для исторіи болѣе тѣхъ, какія открываютъ документы четырехъ архивовъ, бывшихъ у меня подъ рукою при первомъ изданіи моей монографіи.

Вашъ преданный сердечно Н. Костомаровъ.

1884 г., марта 1.

XXI.

Достопочтеннѣйшій Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Мнѣ доставлено изъ Петербурга письмо ваше объ Аннѣ Ярославнѣ, французской королевѣ. Я не въ Петербургѣ, а по возвращеніи туда въ августѣ постараюсь исполнить ваше порученіе, если въ Библіотекѣ найдутся указываемыя книги, и если дозволитъ мое здоровье, а оно—плохо: бѣсъ кровохарканія одолѣваетъ меня, и этотъ бѣсъ несносенъ тѣмъ паче, что запрещается все горячее, куреніе и хожденіе: сиди сиднемъ или лежи бездвижно! А какъ играетъ мною этотъ бѣсъ! Вдругъ утромъ нѣтъ припадка—и думаю, что проходитъ болѣзнь, а тамъ день, другой, и опять кровь показывается.

Писалъ ко мнѣ кишиневской семинаріи инспекторъ Мацѣевичъ: прислалъ выписки изъ проповѣдей какого-то пастыря по-малорусски, просилъ, нельзя ли помѣстить ихъ гдѣ-нибудь. Я отвѣчалъ, что изо всѣхъ повременныхъ изданій, мнѣ извѣст-

ныхъ, ни одно не приметъ, развѣ, можетъ быть, «Кіевская Старина». Этотъ Мацѣевичъ писалъ, что онъ знакомъ близко съ Левицкимъ. Я написалъ ему, что Левицкій близокъ къ «Кіевской Старинѣ» и можетъ рекомендовать эти проповѣди.

Вашъ преданный Костомаровъ.

Прилуки, 1884 г., іюня 6.

Проповѣди, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь, по любезному разъясненію И. С. Левицкаго, принадлежатъ, вѣроятно, перу священника подольской епархіи села Чечельника Іосифа Игнатовича. Составленіе ихъ относится къ 1823 году. Языкъ проповѣдей украинскій, но уже нѣсколько устарѣлый. Нѣкоторое время проповѣди Игнатовича находились въ церковной Чечельницкой библіотекѣ, гдѣ были найдены учениками кишиневской семинаріи, передавшими ихъ своему инспектору Льву Степановичу Мацѣевичу. Несмотря на видимыя старанія Мацѣевича напечатать эти проповѣди, онѣ остались въ рукописи. Впослѣдствіи проповѣди Игнатовича были отданы Мацѣевичемъ И. С. Левицкому. По порученію послѣдняго съ проповѣдей была снята копія, а самый оригиналъ ихъ былъ пожертвованъ Черниговскому музею имени В. В. Тарновскаго.

Недавно И. С. Левицкій вспомнилъ въ печати о проповѣдяхъ Игнатовича въ статьѣ «Сьогочасна мова на Украіні.» [1]) Узнавъ изъ этой статьи о существованіи проповѣдей на украинскомъ языкѣ, членъ Каменецъ-Подольской архивной комиссіи протоіерей Сѣцинскій предложилъ напечатать ихъ въ изданіи комиссіи. Слѣдуетъ надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ этотъ памятникъ украинскаго языка станетъ общимъ достояніемъ.

Къ этому приходится еще добавить слѣдующее. Одинъ подолянинъ въ письмѣ къ И. С. Левицкому авторомъ украинскихъ проповѣдей назвалъ свящ. Іосифа Вишневскаго. Вслѣдствіе этого И. С. Левицкій въ названной статьѣ, довѣряя извѣстію лица,

[1]) «Украіна», 1907 г., мартъ.

близкаго по мѣсту жительства автору проповѣдей, также назвалъ послѣдняго Вишневскимъ. Но въ самой рукописи на ея обложкѣ есть подпись: «священника Іосифа Игнатовича.» Былъ ли Игнатовичъ авторомъ проповѣдей, или только владѣльцемъ рукописи, рѣшить нельзя, но предположительно можно утверждать скорѣе первое, чѣмъ второе, въ виду того, что имя Іосифъ, находящееся въ рукописи, совпадаетъ съ указаніемъ упомянутаго подолянина.

Владиміръ Даниловъ.

П. А. Кулишъ и „Кіевская Старина“ подъ редакціей Ѳ. Г. Лебединцева.

Вышедшая въ 1874 году „Исторія Возсоединенія Руси“ П. А. Кулиша положила пропасть между авторомъ и украинскимъ литературно-научнымъ міромъ. Поворотъ, который Кулишъ дѣлалъ въ этой книгѣ въ сторону петербургскаго правительства, а затѣмъ послѣдовавшій далѣе поворотъ въ сторону Польши были такъ странны, такъ мало объяснимы для современниковъ на почвѣ чистой идейности, что писателя, имѣвшаго большія заслуги передъ родиною, стали обвинять въ побужденіяхъ личнаго характера. Возникли столь упорные слухи о качествѣ неожиданной эволюціи Кулиша, что даже такой корректный и осторожный писатель, какъ А. Н. Пыпинъ, еще при жизни автора „Записокъ о Южной Руси“ сдѣлалъ намекъ по этому поводу весьма недвусмысленнаго характера: „Въ послѣднія десятилѣтія,—писалъ Пыпинъ,—въ его идеяхъ стали совершаться такіе крупные и на литературной почвѣ трудно объяснимые повороты, что становится невозможнымъ представить его дѣятельность съ какимъ-нибудь цѣльнымъ характеромъ“ [1])

Вполнѣ понятно при этомъ, что въ обществѣ, гдѣ не было призрака свободы печати, и гдѣ о самыхъ невинныхъ вещахъ часто приходилось говорить втихомолку, передставлялась полная

---

[1]) Исторія русской этнографіи, III, 189.

возможность развитія всякихъ слуховъ насчетъ свойства перемѣны въ мысляхъ Кулиша. Когда люди вступали въ общественную жизнь крадучись, трудно было иной разъ опредѣлить, кто и куда направляетъ свои шаги, и поле для подозрѣній открывалось вольное. Такъ должно было быть и съ Кулишомъ. Во всякомъ случаѣ, пока фактически не доказаны тѣ обвиненія Кулиша въ общественной непорядочности, какъ напр., будто Кулишъ предлагалъ свои услуги министерству внутреннихъ дѣлъ, мы предпочитаемъ думать о покойномъ писателѣ скорѣе лучшее, чѣмъ худшее, и потому наравнѣ со своими соображеніями склоняемся къ предположенію, которое высказалъ о Кулишѣ Пыпинъ.

Пыпинъ думалъ въ цитированной нами книгѣ, что политико-національная неустойчивость Кулиша заключалась во всемъ его духовномъ складѣ. Кулишъ не былъ ученымъ, для котораго истина, какова она ни есть, разъ она доказана, должна быть неизмѣнна; онъ былъ диллетантъ-романтикъ 30-хъ 40-хъ годовъ. Романтизмъ могъ внушать великую любовь къ народности, но въ то же время могъ допускать такіе налеты на своей идейной поверхности, которые стояли въ противорѣчіи съ самою сущностью любви къ народности. Это было тѣмъ болѣе возможно, если сама личность не отличалась большою устойчивостью. А такимъ намъ представляется Кулишъ.

Это былъ честолюбивый эгоистъ, поставившій себя средоточіемъ всей своей жизни. Данный типъ встрѣчается довольно часто. Такіе люди въ душѣ презираютъ всѣхъ окружающихъ, хотя сами не сознаютъ за собою на это права: они склонны ко лжи и способны говорить совершенно не то, что думаютъ. Если подобный человѣкъ дѣйствуетъ въ сферѣ обыденной жизни, онъ ставитъ себѣ опредѣленную цѣль достигнуть извѣстнаго служебнаго или общественнаго положенія и достигаетъ этого всѣми средствами, какія найдутся въ его распоряженіи. Нельзя смѣшивать честолюбивыхъ эгоистовъ съ карьеристами. Карьеристъ также идетъ къ опредѣленной цѣли, но съ сознаніемъ своей силы, на которую и опирается въ своихъ дѣйствіяхъ. Карьеристъ можетъ достигнуть высшихъ для себя благъ и остаться честнымъ человѣкомъ; чес-

толюбивый эгоистъ ничѣмъ не брезгуетъ и за честностью не гоняется. Онъ можетъ сегодня же поклониться тому, что вчера топталъ въ грязь. Если подобный человѣкъ дѣйствуетъ въ обыденной жизни, его честолюбивыя стремленія и вся его „политика“ бываютъ ясны для всѣхъ знающихъ его, и отъ него слѣдуетъ сторониться, такъ какъ такой человѣкъ можетъ причинить много непріятностей и даже зла. Но если честолюбивый эгоистъ дѣйствуетъ въ сферѣ умственной жизни, тутъ его разгадать трудно, и только рѣзкіе шаги его могутъ показать истинную подоплеку подобнаго дѣятеля. Въ умственной сферѣ такой чековѣкъ ставитъ себѣ болѣе широкія задачи: быть знаменитымъ, быть пророкомъ, владѣть умами современниковъ. Онъ всегда ищетъ подходящаго момента, который можетъ его выдвинуть, и, стараясь уловить такой моментъ, способенъ быстро перемѣнить свою прежнюю позицію. Все это дѣлается вполнѣ сознательно, но, можетъ быть, не всегда достаточно обдуманно, поспѣшно. Но нельзя думать, что у честолюбивыхъ эгоистовъ, дѣйствующихъ въ высшей, интеллектуальной области жизни, нѣтъ никакихъ убѣжденій. Какъ у людей мыслящихъ, у нихъ есть извѣстное положительное идейное сознаніе, которое никогда не умираетъ въ нихъ, но которому они не придаютъ никакой цѣнности. Поэтому писатель или ученый типа честолюбивыхъ эгоистовъ, когда лжетъ, отлично сознаетъ это, но тутъ же старается выгородить себя.

Честолюбивымъ эгоистомъ намъ всегда представлялся Гоголь, несмотря на всю любовь, которую мы питаемъ къ геніальному юмористу. Какъ ни обидно сознавать въ великомъ писателѣ такой несовершенный характеръ, тѣмъ не менѣе надо признать, что многое въ его художественномъ творчествѣ стоитъ въ зависимости отъ этого характера. Человѣкомъ такого же склада намъ представляется и Кулишъ, но онъ не былъ геніаленъ и не создалъ ничего великаго, и потому повороты фронта, которые онъ продѣлывалъ такъ часто, затмѣвали собою его прежнюю полезную научную и литературную дѣятельность. Мы нарисовали характеръ честолюбиваго эгоиста, какъ онъ намъ встрѣчался въ жизни, какъ онъ понимаемъ нами сообразно съ извѣстными фактами изъ жиз-

ни Гоголя. И по отношенію къ Кулишу мы находимъ подтвержденіе нашему описанію во мнѣніи человѣка, знавшаго его дружески близко и очень долго, его научнаго и нѣкогда идейнаго соратника— Н. И. Костомарова.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ первому редактору покойной „Кіевской Старины“ Ѳеофану Гавриловичу Лебединцеву Костомаровъ говоритъ о Кулишѣ по поводу статьи о немъ въ „Новомъ Времени“ и характеризуетъ своего невѣрнаго друга: „Я прочиталъ въ „Новомъ Времени“ о Кулишѣ и въ недоумѣніи, кто перещеголялъ кого въ подлости: Кулишъ или С.....? Кулишъ разыгрываетъ въ миніатюрѣ Мазепу; наплевавши на родную украинскую рѣчь и обмазавши грязью Шевченка, онъ заискивалъ у москалей, думалъ—ему отъ нихъ соболи придутъ, какъ говорили старые гетманы,—а какъ увидалъ, что тамъ его не очень—то высоко цѣнятъ, ударился въ другую сторону и подлаживается къ полякамъ!... Зная Кулиша, какъ рѣдкій его зналъ, въ теченіи лѣтъ тридцати слишкомъ, я скажу, что это человѣкъ съ необузданнымъ самолюбіемъ; ему хочется быть чѣмъ-то необыкновеннымъ, быть силою, духовнымъ могуществомъ. И къ досадѣ его ни у своихъ малоруссовъ, ни у москалей (великоруссовъ) не получилъ онъ за собой признанія такой власти, какой ему хочется. Съ досады, какъ Геростратъ, онъ пытается зажечь храмъ народной славы подъ гулъ вражескихъ рукоплесканій. Но эти рукоплесканія скоро умолкнутъ. Поляки, вѣрные ихъ всегдашнимъ обычаямъ, ихъ натурѣ легкомысленной, отвернуться отъ него, можетъ быть еще и облаютъ, и тогда бѣдный Пантелеймонъ останется ни въ сихъ, ни въ тыхъ, на посміхъ и своимъ и чужимъ!“

«Прочитавши «Діло» и «Крашанку» я, можетъ быть, выступлю противъ Кулиша, съ тѣмъ, чтобы показать свѣту: що воно есть таке за звір!» [1])

---

[1]) Письмо отъ 18 апрѣля 1882 года.

Исполненіемъ даннаго намѣренія была статья Костомарова: «П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность» въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1883 годъ.

Характеристика Кулиша, сдѣланная Костомаровымъ, мѣтко очерчиваетъ писателя и совершенно подтверждаетъ наше мнѣніе о его личности.

Съ цѣлью присоединить къ нравственному портрету Кулиша, хотя мелкую, но отвѣчающую дѣйствительности черту его характера мы приведемъ два письма Кулиша къ Ѳ. Г. Лебединцеву, какъ редактору «Кіевской Старины», осносящіяся къ 1885 году.

Раздѣлялъ ли самъ Лебединцевъ рѣзкое отношеніе къ Кулишу, которое явилось въ литературныхъ кругахъ послѣ выхода его «Исторіи Возсоединенія Руси», или только желая свободы мнѣній, допускалъ говорить въ «Кіевской Старинѣ» что угодно, хотя, надо замѣтить, онъ былъ редакторомъ самовластнымъ, какъ свидѣтельствуютъ многія сохранившіяся письма сотрудниковъ журнала, но только въ «Кіевской Старинѣ» время отъ времени въ статьяхъ различныхъ авторовъ стали появляться полемическіе выпады противъ Кулиша, иногда весьма рѣзкаго свойства.

Однимъ изъ первыхъ и наиболѣе полемическихъ выступленій противъ литературной дѣятельности Кулиша была статья Н. П. въ іюнськомъ померѣ перваго (1882) года изданія журнала. Статья Н. П. представляетъ рецензію на двѣ книжки Кулиша, вышедшія во Львовѣ въ томъ же году, а именно—на «Хуторну поэзію» и «Крашанку». Всѣ научныя построенія Кулиша были названы рецензентомъ «историко-соціологическими абсурдами». При этомъ статья заключала не только разборъ этихъ «абсурдовъ», но также нѣкоторые намеки и прямо-таки обвиненія въ литературной непорядочности автора книжекъ. Такъ Н. П. бросалъ Кулишу слѣдующее тяжелое для украинскаго писателя обвиненіе: «Кулишъ даетъ понять читателю, что цензурныя стѣсненія послѣдняго времени были причиною удаленія его изъ Россіи за границу, въ Галицію, хотя мы замѣтимъ, что никто не мѣшалъ ему писать и печатать здѣсь свою пресловутую «Исторію Возсоединенія Руси» и почти одновременно предлагать сво-

имъ землякамъ перелицовать эту «Исторію» въ ихъ пользу, подъ условіемъ уплаты ему по 100 руб. с. за каждый печатный листъ». Далѣе опять слѣдовали прозрачные намеки на литературную продажность Кулиша: «Каждая изъ метаморфозъ г. Кулиша, каждое изъ его крайнихъ мнѣній имѣютъ свои зачатки во всей предыдущей его литературной дѣятельности и періодически выступаютъ наружу, съ большею или меньшею силою, подъ вліяніемъ перемѣны вѣтра и даже мѣстожительства».

Въ томъ же году нападки на Кулиша встрѣчаются въ августовской [1]) и въ сентябрьской книжкахъ «Кіевской Старины», гдѣ была помѣщена статья Ив. Новицкаго: «По поводу народной пѣсни о взятіи Торческа или же Азова». Авторъ довольно тонко и не безъ остроумія назвалъ Кулиша глупцомъ: «На слова г. Кулиша, — говоритъ Новицкій, — изслѣдующаго факты всегда не иначе, какъ подъ угломъ зрѣнія извѣстной тенденціи, несовсѣмъ удачно ссылаясь при томъ же на слова Пушкина, что «только глупецъ не перемѣняетъ никогда своихъ убѣжденій», полагаться далеко не всегда можно.

Костомаровъ въ упомянутой статьѣ: «П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность» также не безъ рѣзкости предупреждалъ Кулиша отъ его недостойныхъ увлеченій: «Если писатель, — говоритъ онъ, — пріобрѣвъ довѣріе къ себѣ своихъ читателей, вздумаетъ возвѣщать имъ совершенно противное тому, что они прежде привыкли слышать отъ него, и все это дѣлаться будетъ съ гордымъ самомнѣніемъ, что читатели его глупцы, которымъ можно что угодно выставить за правду, и они по прежней привычкѣ станутъ и этому вѣрить, то онъ можетъ быть жестоко наказанъ за свою гордыню: исчезнетъ прежнее къ нему довѣріе, испарится любовь къ нему, и вмѣсто прежнихъ похвалъ и восторговъ посыплется на него рядъ упрековъ и презрительныхъ насмѣшекъ, а то еще и хуже,—его забудутъ, на него не станутъ обращать никакого вниманія».

---

[1]) А. К—скій: «Кобзарь Остапъ Вересай».

Неблагосклонное, но вполнѣ корректное замѣчаніе по поводу «Исторіи Возсоединенія Руси» сдѣлалъ также Ф. Николайчикъ въ статьѣ: «Первыя козацкія движенія въ Рѣчи Посполитой» въ мартовскомъ номерѣ 1884 года.

Понятно, что вся эта полемика, переходившая иной разъ литературные предѣлы, должна была раздражать Кулиша, такъ какъ лица его характера, какъ мы понимаемъ его, если и не отличаются особенною щепетильностью, то боятся, видя неудачу во мнѣніяхъ о себѣ окружающихъ. При томъ же Кулишу въ это время было больше шестидесяти лѣтъ: въ этомъ возрастѣ, естественно, сила внутренняго сопротивленія слабѣетъ въ человѣкѣ. Но Кулишъ ни словомъ не обмолвился на нападки «Кіевской Старины», пока въ іюльской книжкѣ журнала за 1885 годъ не появилась маленькая замѣтка: «Случай изъ жизни Костомарова», подписанная буквою N. Замѣтка появилась по поводу воспоминаній Кулиша о Костомаровѣ, напечатанныхъ въ томъ же году въ журналѣ «Новь» (№ 13). Въ этой замѣткѣ N. передаетъ, что Кулишъ, «по признанію яко бы скончавшагося историка, великій человѣкъ», встрѣтился какъ-то съ Костомаровымъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ злосчастной «Исторіи Возсоединенія Руси». Оба писателя давно не видѣлись, и Кулишъ поцѣловался съ Костомаровымъ, думая, очевидно, при этомъ, что послѣдній не читалъ его книги, въ которой были рѣзкія выходки противъ историка. Но Костомаровъ сказалъ на это: «Лобзаніемъ ли, отче Пантелеймоніе, предаешь сына человѣческаго»?—«Кулишъ, продолжаетъ далѣе N., по разсказу Костомарова, постарался тотчасъ же стушеваться. Незабвенный нашъ историкъ передавалъ мнѣ этотъ маленькій эпизодъ изъ своей жизни съ игривымъ описаніемъ подробностей, обстановки и, передавая, онъ обыкновенно хохоталъ до упаду».

Это выставленіе въ смѣшномъ видѣ, и при томъ яко-бы со стороны бывшаго друга, переполнило чашу терпѣнія Кулиша, и онъ, даже не разузнавъ хорошенько, какъ зовутъ редактора «Кіевской Старины», пишетъ ему слѣдующее письмо, въ кото-

ромъ видно плохо сдерживаемое раздраженіе и слабо скрываемое презрѣніе и къ самому редактору, и къ своимъ врагамъ.

Милостивый Государь Ѳеофанъ Григоріевичъ.

Въ Вашемъ прекрасномъ журналѣ попадаются выдумки относительно моей личности, показывающія, что Вы знаете меня только издали. Напримѣръ Петровъ, истощивъ свое остроуміе въ оскорбительныхъ для честнаго писателя намекахъ, пишетъ, будто бы я предлагалъ землякамъ переложить «Исторію Возсоединенія Руси» на малорусскій языкъ, если они заплатятъ мнѣ по 100 р. съ печатнаго листа. Лучше бъ онъ объяснилъ публикѣ, почему онъ, при жизни автора, напечаталъ въ своей книгѣ неизданное его стихотвореніе, или почему Чалый обнародовалъ въ своемъ сочиненіи письма мои и моей жены, или почему Ильницкій утаилъ мои рукописи и отправилъ въ Женеву къ Драгоманову? Это былъ бы интересный соціалогическій этюдъ.

Въ подражаніе Петрову, нѣкто N, пользуясь Вашимъ довѣріемъ, сдѣлалъ «Кіевскую Старину» органомъ самой гнусной клеветы. Позвольте надѣяться, что Вы не откажетесь напечатать прилагаемое опроверженіе, въ видахъ излеченія нашей [1]) украинской братіи отъ іезуитства, которое оно ненавидитъ и которому однакожъ часто, въ своемъ ослѣпленіи псевдопатріотизмомъ, подражаетъ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ истиномъ моемъ уваженіи П. Кулишъ. 1885, іюля 27. Борзна.

Отвѣтъ Кулиша на замѣтку N подъ заглавіемъ: „Брошенный изъ-за угла камень“ былъ помѣщенъ въ сентябрьской книжкѣ того же года. Кулишъ указываетъ на то, что онъ самъ послалъ къ Костомарову свою книгу, и владѣющіе библіотекою покойнаго историка могутъ видѣть на книгѣ надпись автора, указы-

---

[1]) Послѣ этого слова стоитъ въ письмѣ зачеркнутое слово: пишущей.

ваетъ на какое-то свое письмо къ Костомарову и на тѣхъ общихъ знакомыхъ, у которыхъ Костомаровъ вмѣстѣ съ нимъ бывалъ по дружески въ гостяхъ, хотя и не называетъ ихъ имена. Все это должно, по мнѣнію Кулиша, доказывать, что Костомаровъ всегда хорошо относился къ нему. Доказательства слишкомъ слабыя и притянутыя къ дѣлу не безъ усилія. Его воспоминанія о Кулишѣ, гдѣ въ широкой степени сказалось честолюбіе автора, произвели совсѣмъ не тотъ эффектъ, какого ожидалъ Кулишъ, и увидѣвши неудачу, онъ хотѣлъ какъ-нибудь выгородить себя, не имѣя болѣе серьозныхъ подтвержденій дружбы съ Костомаровымъ въ послѣднее время жизни историка. Легковѣсность этихъ подтвержденій ясна, а мы при томъ знаемъ мнѣніе Костомарова о Кулишѣ, и поэтому въ данномъ случаѣ опроверженіе послѣдняго совершенно не рѣшаетъ дѣла. Такъ и Гоголь, потерпѣвъ неудачу со своими «Выбранными мѣстами изъ переписки съ друзьями», на которыя онъ возлагалъ много честолюбивыхъ надеждъ, силился оправдаться передъ Бѣлинскимъ и такъ-же неудачно.

На Лебединцева жалоба Кулиша произвела, очевидно, непріятное впечатлѣніе. Ему не хотѣлось возбуждать въ комъ-либо враждебное чувство къ своему журналу и, желая какъ-либо загладить полемическія выступленія сотрудниковъ, Лебединцевъ посылаетъ Кулишу весь комплектъ номеровъ «Кіевской Старины». На это послѣдовало новое примирительное письмо Кулиша къ Лебединцеву.

Милостивый Государь Ѳеофанъ Григоріевичъ,

Вы прислали намъ ни за то, ни за се полный экземпляръ «Кіевской Старины», содержащій въ себѣ много весьма для насъ [1]) интереснаго (о позорномъ для русской прессы по отношенію ко

---

[1]) Кулишъ имѣетъ въ виду себя и свою жену Анну Михайловну Кулишъ, извѣстную въ литературѣ подъ псевдонимомъ Ганны Барвинокъ.

мнѣ умалчиваю). Не хочу быть у Васъ въ долгу, и посылаю Вамъ драгоцѣнный документъ—копію съ неизвѣстной еще автобіографіи Шевченка, для помѣщенія въ Вашемъ журналѣ.

Примите увѣреніе въ истинномъ моемъ уваженіи П. Кулишъ.

1885, сент. 10. Х. Мотроновка.

Вниманіе Лебединцева, какъ видимъ, пріятно подѣйствовало на Кулиша, и онъ, перемѣнивъ гнѣвъ на милость по отношенію къ нему, посылаетъ ему «драгоцѣнный документъ» — автобіографію того самаго Шевченка, котораго онъ, по выраженію Костомарова, «обмазалъ грязью, поэзію котораго въ «Исторіи Возсоединенія Руси» назвалъ «пьяною музою». Эта «Автобіографія Т. Гр. Шевченка», писанная для «Народнаго Чтенія», была помѣщена въ ноябрьской книжкѣ 1885 года. Этимъ былъ исчерпанъ возникшій инцидентъ вслѣдствіе неудовольствія Кулиша на «Кіевскую Старину», редакторъ которой Ѳ. Г. Лебединцевъ своею предупредительностью сумѣлъ смягчить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное журналомъ въ старомъ писателѣ.

Владиміръ Даниловъ.